Джоан
РОУЛИНГ

Гарри Поттер

Весь цикл в одном томе

МОЯ БОЛЬШАЯ КНИГА

ГАРРИ ПОТТЕР
Джоан Роулинг

Аннотация
Джоан РОУЛИНГ. Гарри Поттер. (цикл)
Гарри Поттер. и Философский Камень
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
  Глава 15
  Глава 16
  Глава 17
Гарри Поттер. и Тайная комната
  Глава 1

Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Гарри Поттер. и узник Азкабана
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8

Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Гарри Поттер. и Кубок Огня
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11

Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37

Гарри Поттер. и Орден Феникса
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25

Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Гарри Поттер. и Принц-полукровка
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12

Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Гарри Поттер. и Дары смерти
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7

Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33

Глава 34
Глава 35
Глава 36

Аннотация

Эта удивительная история случилась в 1990 году. Не слишком удачливая двадцатипятилетняя англичанка по имени **Джоан Кэтлин Роулинг** придумала образ юного волшебника Гарри Поттера, прославившегося на весь мир и сделавшего свою создательницу одной из самых знаменитых женщин на планете.

А начались эти удивительные события в самом прозаическом месте — переполненном вагоне электрички Манчестер — Лондон…

После окончания университета в Эксетере скромная и неприметная девушка Джоан Роулинг устроилась работать секретарем в благотворительной организации «Международная амнистия». Пожалуй, единственное, что нравилось ей в этой работе, — это возможность тайком набирать на служебном компьютере придуманные рассказы.

Однажды, в конце уик-энда, она возвращалась в Лондон из Манчестера, где поселилась со своим тогдашним молодым человеком. Неожиданно в её воображении возник новый персонаж — худенький темноволосый

мальчик в очках и со шрамом на лбу. При этом он и не догадывался, какими сильными магическими способностями обладает…

Однако у Джоан не было с собой даже ручки, и на протяжении четырех часов она просто придумывала новые детали столь внезапно появившегося образа. Тем же вечером будущая знаменитая писательница начала работать над первой книгой о Гарри Поттере. Постепенно у Гарри появился свой мир, полный друзей и врагов. Прототипами сказочных персонажей стали знакомые Джоан Роулинг, а иной раз — и она сама.

К примеру, старательная и всезнающая Гермиона напоминает саму писательницу в детстве, Северус Снегг — одного из её школьных учителей, а Златопуст Локонс — не самого приятного из знакомых Джоан.

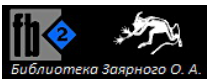
Необычные имена для своих персонажей Джоан Роулинг отыскала среди научных названий растений, героев средневековых легенд, на географических картах, в словарях, даже на памятниках жертвам войны. Фамилию Поттер Гарри получил в честь друга детства писательницы, а Северус Снегг — это название одной из английских деревень.

Дни, когда юный волшебник рождался на свет, были отнюдь не самыми счастливыми для писательницы. 30 декабря 1990 года умерла мать Джоан Роулинг, которой она так и не успела рассказать о своем новом замысле. Под впечатлением от случившейся в её жизни трагедии Джоан написала сцену, в которой Гарри видит своих родителей в волшебном зеркале. Неудачным оказался и первый брак писательницы, закончившийся разводом…

Оставшись в одиночестве с маленькой дочкой Джессикой на руках, Джоан Роулинг поселилась в Эдинбурге и решила закончить книгу о Гарри Поттере. Почти каждый вечер она заходила в маленькое кафе, где заказывала себе чай или воду и писала страницу за страницей. Когда заканчивалась бумага, Джоан продолжала писать на салфетках. Сейчас в этом кафе висит мемориальная табличка, а его хозяин планирует открыть в нем музей Гарри Поттера.

Сегодня Джоан Роулинг — самая богатая в мире писательница, счастливая жена и мать троих детей. Эпопея о Гарри Поттере давно закончена, но Джоан обещает, что когда-нибудь ещё вернется к любимому персонажу…

Итак, встречайте все книги цикла о Гарри Поттере в одном томе!!!



Джоан РОУЛИНГ
Гарри Поттер
(цикл)

Гарри Поттер и Философский Камень

Одиннадцатилетний мальчик-сирота Гарри Поттер живет в семье своей тетки и даже не подозревает, что он — настоящий волшебник. Но однажды прилетает сова с письмом для него, и жизнь Гарри Поттера изменяется навсегда.

Он узнает, что зачислен в Школу Чародейства и Волшебства, выясняет правду о загадочной смерти своих родителей, а в результате ему удается раскрыть секрет философского камня.

Глава 1

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ВЫЖИЛ

Мистер и миссис Дурсль проживали в доме номер четыре по Тисовой улице и всегда с гордостью заявляли, что они, слава богу, абсолютно нормальные люди. Уж от кого-кого, а от них никак нельзя было ожидать, чтобы они попали в какую-нибудь странную или загадочную ситуацию. Мистер и миссис Дурсль весьма неодобрительно относились к любым странностям, загадкам и прочей ерунде.

Мистер Дурсль возглавлял фирму под названием «Граннингс», которая специализировалась на производстве дрелей. Это был полный мужчина с очень пышными усами и очень короткой шеей. Что же касается миссис Дурсль, она была тощей блондинкой с шеей почти вдвое длиннее, чем положено при ее росте. Однако этот недостаток пришелся ей весьма кстати, поскольку большую часть времени миссис Дурсль следила за соседями и подслушивала их разговоры. А с такой шеей, как у нее, было очень удобно заглядывать за чужие заборы. У мистера и миссис Дурсль был

маленький сын по имени Дадли, и, по их мнению, он был самым чудесным ребенком на свете.

Семья Дурсль ей имела все, чего только можно пожелать. Но был у них и один секрет. Причем больше всего на свете они боялись, что кто-нибудь о нем узнает. Дурсли даже представить себе не могли, что с ними будет, если выплывет правда о Поттерах. Миссис Поттер приходилась миссис Дурсль родной сестрой, но они не виделись вот уже несколько лет. Миссис Дурсль даже делала вид, что у нее вовсе нет никакой сестры, потому что сестра и ее никчемный муж были полной противоположностью Дурслям.

Дурсли содрогались при одной мысли о том, что скажут соседи, если на Тисовую улицу пожалуют Поттеры. Дурсли знали, что у Поттеров тоже есть маленький сын, но они никогда его не видели. И они категорически не хотели, чтобы их Дадли общался с ребенком таких родителей.

Когда во вторник мистер и миссис Дурсль проснулись скучным и серым утром — а именно с этого утра начинается наша история, — ничто, включая покрытое тучами небо, не предвещало, что вскоре по всей стране начнут происходить странные и загадочные вещи. Мистер Дурсль что-то напевал себе под нос, завязывая самый

отвратительный из своих галстуков. А миссис Дурсль, с трудом усадив сопротивляющегося и орущего Дадли на высокий детский стульчик, со счастливой улыбкой пересказывала мужу последние сплетни.

Никто из них не заметил, как за окном пролетела большая сова-неясыть.

В половине девятого мистер Дурсль взял свой портфель, клюнул миссис Дурсль в щеку и попытался на прощанье поцеловать Дадли, но промахнулся, потому что Дадли впал в ярость, что с ним происходило довольно часто. Он раскачивался взад-вперед на стульчике, ловко выуживал из тарелки кашу и заляпывал ею стены.

— Ух, ты моя крошка, — со смехом выдавил из себя мистер Дурсль, выходя из дома.

Он сел в машину и выехал со двора.

На углу улицы мистер Дурсль заметил, что происходит что-то странное, — на тротуаре стояла кошка и внимательно изучала лежащую перед ней карту. В первую секунду мистер Дурсль даже не понял, что именно он увидел, но затем, уже миновав кошку, затормозил и резко оглянулся. На углу Тисовой улицы действительно стояла полосатая кошка, но никакой карты видно не было.

— И привидится же такое! — буркнул мистер Дурсль.

Наверное, во всем были виноваты мрачное утро и тусклый свет фонаря. На всякий случай мистер Дурсль закрыл глаза, потом открыл их и уставился на кошку. А кошка уставилась на него.

Мистер Дурсль отвернулся и поехал дальше, продолжая следить за кошкой в зеркало заднего вида. Он заметил, что кошка читает табличку, на которой написано «Тисовая улица». Нет, конечно же, не читает, поспешно поправил он самого себя, а просто смотрит на табличку. Ведь кошки не умеют читать — равно как и изучать карты.

Мистер Дурсль потряс головой и попытался выбросить из нее кошку. И пока его автомобиль ехал к Лондону из пригорода, мистер Дурсль думал о крупном заказе на дрели, который рассчитывал сегодня получить.

Но когда он подъехал к Лондону, заполнившие его голову дрели вылетели оттуда в мгновение ока, потому что, попав в обычную утреннюю автомобильную пробку и от нечего делать глядя по сторонам, мистер Дурсль заметил, что на улицах появилось множество очень странно одетых людей. Людей в мантиях. Мистер Дурсль не переносил людей в нелепой одежде, да взять хотя

бы нынешнюю молодежь, которая расхаживает черт знает в чем! И вот теперь эти, нарядившиеся по какой-то дурацкой моде.

Мистер Дурсль забарабанил пальцами по рулю. Его взгляд упал на сгрудившихся неподалеку странных типов, оживленно шептавшихся друг с другом. Мистер Дурсль пришел в ярость, увидев, что некоторые из них совсем не молоды, — подумать только, один из мужчин выглядел даже старше него, а позволил себе облачиться в изумрудно-зеленую мантию! Ну и тип! Но тут мистера Дурсля осенила мысль, что эти непонятные личности наверняка всего лишь собирают пожертвования или что-нибудь в этом роде… Так оно и есть! Стоявшие в пробке машины наконец тронулись с места, и несколько минут спустя мистер Дурсль въехал на парковку фирмы «Граннингс». Его голова снова была забита дрелями.

Кабинет мистера Дурсля находился на девятом этаже, где он всегда сидел спиной к окну. Предпочитай он сидеть лицом к окну, ему, скорее всего, трудно было бы этим утром сосредоточиться на дрелях. Но он сидел к окну спиной и не видел пролетающих сов — подумать только, сов, летающих не ночью, когда им и положено, а средь бела дня! И это уже не говоря о том, что совы — лесные

птицы, и в городах, тем более таких больших, как Лондон, не живут.

В отличие от мистера Дурсля, находившиеся на улице люди отлично видели этих сов, стремительно пролетающих мимо них одна за другой, и широко раскрывали рты от удивления и показывали на них пальцами. Большинство этих людей в жизни своей не видели ни единой совы, даже в ночное время.

В общем, у мистера Дурсля было вполне нормальное, лишенное сов утро. Он накричал на пятерых подчиненных, сделал несколько важных звонков и несколько раз повысил голос на своих телефонных собеседников. Так что настроение у него было просто отличное — до тех пор, пока он не решил немного размять ноги и купить себе булочку в булочной напротив.

Мистер Дурсль уже забыл о людях в мантиях и не вспоминал о них, пока не столкнулся с группкой странных типов неподалеку от булочной. Он не мог понять, почему при одном только взгляде на них ему становилось не по себе.

Эти типы тоже оживленно перешептывались, и он не заметил у них в руках ни одной кружки для сбора пожертвований. Выйдя из булочной с пакетом, в котором лежал большой пончик, ми-

стер Дурсль вновь вынужден был пройти мимо этих странных личностей, и в этот момент он абсолютно случайно услышал:

— … да, совершенно верно, это Поттеры, именно так мне рассказывали…

— … да, их сын, Гарри…

Мистер Дурсль замер. У него перехватило дыхание. Он ощутил, как на него накатывает волна страха. Он оглянулся на шептавшихся типов, словно хотел сказать им что-то, но потом передумал.

Мистер Дурсль метнулся через дорогу, поспешно поднялся в офис, рявкнул секретарше, чтобы его не беспокоили, сорвал телефонную трубку и уже набирал предпоследнюю цифру своего домашнего номера, когда вдруг передумал и положил трубку обратно на рычаг. Затем он начал поглаживать усы, думая о том, что…

Нет, конечно, это была глупость. Поттер — не такая уж редкая фамилия. Мистер Дурсль легко убедил себя в том, что в Англии живет множество семей, носящих фамилию Поттер и имеющих сына по имени Гарри. И он даже не может со стопроцентной уверенностью утверждать, что его племянника зовут именно Гарри. Он ведь никогда не видел этого мальчика. Вполне возможно,

что его зовут Гэри. Или Гарольд.

В общем, мистер Дурсль решил, что ему совсем ни к чему беспокоить миссис Дурсль, тем более что она всегда ужасно огорчалась, когда речь заходила о ее сестре. Мистер Дурсль не упрекал жену — если бы у него была такая сестра, как у миссис Дурсль, он бы… Но тем не менее эти люди в мантиях и то, о чем они говорили, — все это было странно.

После похода за пончиком мистеру Дурслю было куда сложнее сосредоточиться на дрелях. Когда в пять часов вечера он покидал здание фирмы, он был настолько взволнован, что, выходя из дверей, не заметил проходившего мимо человека и врезался в него.

— Извините, — пробурчал он, видя, как маленький старикашка пошатнулся и едва не упал. Мистеру Дурслю понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что старичок был одет в фиолетовую мантию. Кстати, старикашка нисколько не огорчился тому, что его едва не сбили с ног. Напротив, он широко улыбнулся и произнес писклявым голосом, заставившим прохожих обернуться:

— Не извиняйтесь, мой дорогой господин, даже если бы вы меня уронили, сегодня меня бы это

совсем не огорчило. Ликуйте, потому что Вы-Знаете-Кто наконец исчез! Даже такие маглы, как вы, должны устроить праздник в этот самый счастливый день!

С этими словами старикашка обеими руками обхватил мистера Дурсля где-то в районе живота, крепко стиснул его и ушел.

Мистер Дурсль буквально прирос к земле. Подумать только, его обнял абсолютно незнакомый человек! Мало того, его назвали каким-то маглом. Что бы там ни означало это слово, мистер Дурсль был потрясен. И когда ему наконец удалось сдвинуться с места, он быстрым шагом пошел к машине, надеясь, что все происходящее сегодня — не более чем плод его воображения. Хотя мистер Дурсль крайне отрицательно относился к воображению и его плодам.

Когда он свернул с Тисовой улицы на дорожку, ведущую к дому номер четыре, он сразу заметил уже знакомую полосатую кошку. Настроение его резко упало. Мистер Дурсль не сомневался, что это та самая кошка — у нее была та же окраска и те же странные пятна вокруг глаз. Теперь кошка сидела на заборе, отделяющем его дом и сад от соседей.

— Брысь! — громко произнес мистер Дурсль.

Но кошка не шелохнулась. Более того, она очень строго посмотрела на мистера Дурсля, так что он даже подумал: «Может быть, кошки всегда себя так ведут?»

Затем, собравшись с духом, он вошел в дом, внушая себе при этом, что ему ни в коем случае не следует ни о чем рассказывать жене.

Для миссис Дурсль этот день был, как всегда, весьма приятным. За ужином она охотно рассказала мистеру Дурслю о том, что у их соседки серьезные проблемы с дочерью, и напоследок сообщила, что Дадли выучил новое слово «хаччу!». Мистер Дурсль изо всех сил старался вести себя как обычно.

Когда миссис Дурсль уложила Дадли в кроватку, мистер Дурсль поцеловал его, пожелал спокойной ночи и пошел в гостиную включить телевизор. По одному из каналов как раз заканчивались вечерние новости.

«И в завершение нашего выпуска о странном поведении сов по всей Англии. Хотя совы обычно охотятся ночью и практически никогда не показываются днем, сегодня поступали сотни сообщений от людей, которые с самого рассвета в разных точках страны видели беспорядочно летающих сов. Специалисты не могут объяснить,

почему совы решили изменить свой распорядок дня. — Тут диктор позволил себе ухмыльнуться. — Очень загадочно. А теперь я передаю слово Джиму МакГаффину с его прогнозом погоды. Как ты думаешь, Джим, не будет ли сегодня вечером новых дождей из сов?»

«Не знаю, Тед. — На экране появился метеоролог. — Однако сегодня не только совы вели себя необычно. Наши зрители из таких отдаленных уголков Англии, как Кент, Йоркшир и Данди, звонили мне, чтобы сообщить, что вместо дождя, который я пообещал вчера вечером, у них был настоящий звездопад! Возможно, кто-то устраивал фейерверки по случаю приближающегося праздника. Хотя до праздника еще целая неделя. А что касается погоды — сегодняшний вечер обещает быть дождливым…»

Мистер Дурсль застыл в своем кресле. Падающие звезды, совы средь бела дня, странные люди в мантиях. И еще непонятное перешептывание по поводу этих Поттеров…

Миссис Дурсль вошла в гостиную с двумя чашками чая. И мистер Дурсль почувствовал, как тает его решимость ни о чем не говорить жене. Он понял, что хотя бы что-то ему рассказать придется. И нервно прокашлялся.

— Э… Петунья, дорогая… Ты давно не получала известий от своей сестры?

Как он и ожидал, миссис Дурсль изобразила удивление, а потом на ее лице появилась злость. Все-таки обычно они делали вид, что у нее нет никакой сестры. Так что подобная реакция на вопрос мистера Дурсля была вполне объяснима.

— Давно! — отрезала миссис Дурсль. — А почему ты спрашиваешь?

— В новостях говорили всякие загадочные вещи, — пробормотал мистер Дурсль. Несмотря на огромную разницу в габаритах, он все же побаивался жену, и именно она была хозяйкой в доме. — Совы… падающие звезды… по городу ходят толпы странно одетых людей…

— И что? — резким тоном перебила его миссис Дурсль.

— Ну, я подумал… Может быть… Может, это как-то связано с… Ну, ты понимаешь… С такими, как она…

Миссис Дурсль поджала губы и поднесла чашку ко рту. А мистер Дурсль задумался, осмелится ли он сказать жене, что слышал сегодня фамилию Поттер.

И решил, что не осмелится. Вместо этого он произнес как бы между прочим:

— Их сын — он ведь ровесник Дадли, верно?

— Полагаю, да. — Голос миссис Дурсль был холоден как лед.

— Не напомнишь мне, как его зовут? Гарольд, кажется?

— Гарри. На мой взгляд, мерзкое, простонародное имя.

— О, конечно. — Мистер Дурсль ощутил, как екнуло сердце. — Я с тобой полностью согласен.

Больше мистер Дурсль не возвращался к этой теме — ни когда они допивали чай, ни когда встали и пошли наверх в спальню. Но как только миссис Дурсль ушла в ванную, мистер Дурсль открыл окно и выглянул в сад. Кошка все еще сидела на заборе и смотрела на улицу, словно кого-то ждала.

Мистер Дурсль спросил себя, не привиделось ли ему все то, с чем он столкнулся сегодня? И если нет, то неужели все это связано с Поттерами? Если это так… и если выяснится, что они, Дурсли, имеют отношение к этим Поттерам… Нет, мистер Дурсль не вынес бы этого.

Дурсли легли в постель. Миссис Дурсль быстро заснула, а мистер Дурсль лежал без сна, вспоминая все, что видел и слышал в этот день. И самая последняя мысль, посетившая его перед тем, как

он уснул, была очень приятной: даже если Поттеры на самом деле связаны со всем случившимся сегодня, им совершенно ни к чему появляться на Тисовой улице. К тому же Поттеры прекрасно знали, как он и Петунья к ним относятся…

Так что мистер Дурсль сказал себе, что ни он, ни Петунья ни в коем случае не позволят втянуть себя в творящиеся вокруг странности.

Мистер Дурсль глубоко заблуждался, но пока не знал об этом.

Долгожданный и неспокойный сон уже принял в свои объятия мистера Дурсля, а сидевшая на его заборе кошка спать совершенно не собиралась. Она сидела неподвижно, как статуя, и, не мигая, смотрела в конец Тисовой улицы. Она даже не шелохнулась, когда на соседней улице громко хлопнула дверь машины, и не моргнула глазом, когда над ее головой пронеслись две совы. Только около полуночи будто окаменевшая кошка наконец ожила.

В дальнем конце улицы — как раз там, куда неотрывно смотрела кошка — появился человек. Появился неожиданно и бесшумно, будто вырос из-под земли или возник из воздуха. Кошкин хвост дернулся из стороны в сторону, а глаза ее сузились.

Никто на Тисовой улице никогда не видел этого человека. Он был высок, худ и очень стар, судя по серебру его волос и бороды — таких длинных, что их можно было заправить за пояс. Он был одет в длинный сюртук, поверх которого была наброшена подметающая землю лиловая мантия, а на его ногах красовались ботинки на высоком каблуке, украшенные пряжками. Глаза за затемненными очками были голубыми, очень живыми, яркими и искрящимися, а нос — очень длинным и кривым, словно его ломали по крайней мере раза два. Звали этого человека Альбус Дамблдор.

Казалось, Альбус Дамблдор абсолютно не понимает, что появился на улице, где ему не рады — не рады всему, связанному с ним, начиная от его имени и заканчивая ботинками. Однако его, похоже, это не беспокоило и он рылся в карманах своей мантии, пытаясь что-то отыскать. Он явно чувствовал, что за ним следят, потому что внезапно поднял глаза и посмотрел на кошку, взирающую на него с другого конца улицы. Странно, но вид кошки почему-то развеселил его.

— Это следовало ожидать, — пробормотал он, усмехнувшись.

Наконец во внутреннем кармане он нашел то, что искал. Это был предмет, похожий на

серебряную зажигалку. Альбус Дамблдор откинул серебряную крышечку, поднял зажигалку и щелкнул. Ближний к нему уличный фонарь тут же погас с негромким хлопком. Он снова щелкнул зажигалкой — и следующий фонарь погрузился во тьму. После двенадцати щелчков на Тисовой улице погасло все, кроме двух далеких, крошечных колючих огоньков — глаз неотрывно следившей за Дамблдором кошки. И если бы в этот момент кто-либо выглянул из своего окна — даже миссис Дурсль, от чьих глаз-бусинок ничто не могло ускользнуть, — этот человек не смог бы увидеть, что происходит на улице.

Дамблдор засунул свою зажигалку — точнее, гасилку — обратно во внутренний карман мантии и двинулся к дому номер четыре. А дойдя до него, сел на забор рядом с кошкой и, даже не взглянув на нее, сказал:

— Странно видеть вас здесь, профессор МакГонагалл.

Он улыбнулся и повернулся к полосатой кошке, но та уже исчезла. Вместо нее на заборе сидела довольно сурового вида женщина в очках, форма которых была до странности похожа на отметины вокруг кошачьих глаз. Женщина тоже была в мантии, только в изумрудной. Ее черные волосы

были собраны в тугой узел на затылке. И сразу было заметно, что вид у нее раздраженный.

— Как вы меня узнали? — спросила она.

— Мой дорогой профессор, я в жизни не видел кошки, которая сидела бы столь неподвижно.

— Станешь тут неподвижной — целый день просидеть на кирпичной стене, — парировала профессор МакГонагалл.

— Целый день? В то время как вы могли праздновать вместе с другими? По пути сюда я стал свидетелем, как минимум, дюжины вечеринок и гулянок.

Профессор МакГонагалл рассерженно фыркнула.

— О, да, действительно, все празднуют, — недовольно произнесла она. — Казалось бы, им следовало быть немного поосторожнее. Но нет — даже маглы заметили, что что-то происходит. Они говорили об этом в новостях. — Она резко кивнула головой в сторону темного окна, за которым находилась гостиная Дурслей. — Я слышала. Стаи сов… падающие звезды… Что ж, они ведь не полные идиоты. Они просто обязаны были что-то заметить. Подумать только — звездопад в Кенте! Не сомневаюсь, что это дело рук Дедалуса Дингла. Он никогда не отличался особым умом.

— Не стоит их обвинять, — мягко ответил Дамблдор. — За последние одиннадцать лет у нас было слишком мало поводов для веселья.

— Знаю. — В голосе профессора МакГонагалл появилось раздражение. — Но это не оправдывает тех, кто потерял голову. Наши люди ведут себя абсолютно безрассудно. Они появляются на улицах среди бела дня, собираются в толпы, обмениваются слухами. И при этом им даже не приходит в голову одеться, как маглы.

Она искоса взглянула на Дамблдора своими колючими глазами, словно надеясь, что он скажет что-то в ответ, но Дамблдор молчал, и она продолжила:

— Будет просто превосходно, если в тот самый день, когда Вы-Знаете-Кто наконец исчез, маглы узнают о нашем существовании. Кстати, я надеюсь, что он на самом деле исчез, это ведь так, Дамблдор?

— Вполне очевидно, что это так, — ответил тот. — Так что это действительно праздничный день. Не хотите ли лимонную дольку?

— Что?

— Засахаренную лимонную дольку. Это такие сладости, которые едят маглы, — лично мне они очень нравятся.

— Нет, благодарю вас. — Голос профессора МакГонагалл был очень холоден, словно ей совсем не казалось, что сейчас подходящее время для поедания лимонных долек — Итак, я остановилась на том, что даже если Вы-Знаете-Кто действительно исчез…

— Мой дорогой профессор, мне кажется, что вы достаточно разумны, чтобы называть его по имени. Это полная ерунда — Вы-Знаете-Кто, Вы-Не-Знаете-Кто… Одиннадцать лет я пытаюсь убедить людей, что они не должны бояться произносить его настоящее имя — Волан-де-Морт.

Профессор МакГонагалл вздрогнула, но Дамблдор, поглощенный необходимостью разделить две слипшиеся лимонные дольки, похоже, этого не заметил.

— На мой взгляд, возникает ужасная путаница, когда мы говорим: Вы-Знаете-Кто, — продолжил он. — Никогда не понимал, почему следует бояться произносить имя Волан-де-Морта.

— Да-да, конечно. — В голосе профессора раздражение чудесным образом сочеталось с обожанием. — Но вы не такой, как все. Все знают, что вы единственный, кого Вы-Знаете-Кто — хорошо-хорошо, кого Волан-де-Морт — боялся.

— Вы мне льстите, — спокойно ответил Дамбл-

дор. — Волан-де-Морт обладал такими силами, которые мне неподвластны.

— Только потому, что вы слишком… слишком благородны для того, чтобы использовать эти силы.

— Мне повезло, что сейчас ночь. Я не краснел так сильно с тех пор, как мадам Помфри сказала мне, что ей нравятся мои новые ушные затычки.

Взгляд профессора МакГонагалл уткнулся в Альбуса Дамблдора.

— А по сравнению с теми слухами, которые курсируют взад и вперед, стаи сов — это просто ничто. Вы знаете, о чем все говорят? Они гадают, почему он исчез? Гадают, что же наконец смогло его остановить?

Впечатление было такое, что профессор МакГонагалл наконец заговорила о том, что беспокоило ее больше всего, о том, что ей так хотелось обсудить, о том, ради чего она просидела целый день как изваяние на холодной каменной стене. И буравящий взгляд, которым она смотрела на Дамблдора, только подтверждал это. Было очевидно: несмотря на то что она знает, о чем говорят все вокруг, она не поверит в это, пока Дамблдор не скажет ей, что это правда. Однако Дамблдор, увлекшийся лимонными дольками, с ответом не

торопился.

— Говорят, — настойчиво продолжила профессор МакГонагалл, — говорят, что прошлой ночью Волан-де-Морт появился в Годриковой Впадине. Что он появился там из-за Поттеров. Если верить слухам, то Лили и Джеймс Поттеры… То они… Они мертвы…

Дамблдор склонил голову, и профессор МакГонагалл судорожно втянула воздух

— Лили и Джеймс… Не может быть… Я так не хотела в это верить… О, Альбус…

Дамблдор протянул руку и коснулся ее плеча.

— Я понимаю… — с горечью произнес он. — Я очень хорошо вас понимаю.

Когда профессор МакГонагалл снова заговорила, голос ее дрожал:

— И это еще не все. Говорят, что он пытался убить сына Поттеров, Гарри. Но не смог. Он не смог убить этого маленького мальчика. Никто не знает почему, никто не знает, как такое могло произойти. Но говорят, что, когда Волан-де-Морт попытался убить Гарри Поттера, его силы вдруг иссякли — и именно поэтому он исчез.

Дамблдор мрачно кивнул.

— Это… это правда? — запинаясь, спросила профессор МакГонагалл. — После всего, что он

сделал… После того, как он убил стольких из нас… он не смог убить маленького мальчика? Это просто поразительно… Если вспомнить, сколько раз его пытались остановить… Какие меры для этого предпринимались… Но каким чудом Гарри удалось выжить?

— Мы можем лишь предполагать, — ответил Дамблдор. — Возможно, мы так никогда и не узнаем правды.

Профессор МакГонагалл достала из кармана кружевной носовой платок и принялась вытирать слезы под очками. Дамблдор шумно втянул носом воздух, достал из кармана золотые часы и начал пристально их разглядывать. Это были очень странные часы. У них было двенадцать стрелок, но не было цифр — вместо цифр там были маленькие планеты, при этом они не стояли на месте, а безостановочно вращались по кругу. Однако Дамблдор прекрасно понимал, что именно показывают часы, потому что он засунул их обратно в карман и произнес:

— Хагрид задерживается. Кстати, я полагаю, именно он сказал вам, что я буду здесь?

— Да, — подтвердила профессор МакГонагалл. — Но, я полагаю, вы не скажете мне, почему вы оказались именно здесь?

— Я здесь, чтобы отдать Гарри его тете и дяде. Они — единственные родственники, которые у него остались.

— Неужели вы… Неужели вы имеете в виду тех, кто живет здесь?! — вскрикнула профессор МакГонагалл, вскакивая на ноги и тыча пальцем в сторону дома номер четыре. — Дамблдор, вы этого не сделаете.

Я наблюдала за ними целый день. Вы не найдете другой парочки, которая была бы так непохожа на нас. И у них есть сын — я видела, как мать везла его в коляске, а он пинал ее ногами и орал, требуя, чтобы ему купили конфету. И вы хотите, чтобы Гарри Поттер оказался здесь?!

— Для него это лучшее место, — твердо ответил Дамблдор. — Когда он повзрослеет, его тетя и дядя смогут все ему рассказать. Я написал им письмо.

— Письмо? — очень тихо переспросила профессор МакГонагалл, садясь обратно на забор. — Помилуйте, Дамблдор, неужели вы на самом деле думаете, что сможете объяснить в письме все, что случилось? Эти люди никогда не поймут Гарри! Он станет знаменитостью, даже легендой — я не удивлюсь, если сегодняшний день войдет в историю как день Гарри Поттера! О нем напишут книги, каждый ребенок в мире будет знать его

имя!

— Совершенно верно, — согласился Дамблдор, очень серьезно глядя на профессора поверх своих затемненных очков. — И этого будет достаточно для того, чтобы вскружить голову любому мальчику: стать знаменитым прежде, чем он научится ходить и говорить! Он даже не будет помнить, что именно его прославило! Неужели вы не видите, насколько лучше для него самого, если он будет жить здесь, далеко от нашего мира, до тех пор, пока не вырастет и будет в состоянии справиться со своей славой?

Профессор МакГонагалл поспешно открыла рот, чтобы сказать что-то резкое, но, передумав, сделала глубокий вдох и перевела дыхание.

— Да… Да, конечно же вы правы. Но скажите, Дамблдор, как мальчик попадет сюда?

Она внимательно оглядела его мантию, словно ей вдруг пришло в голову, что под ней он прячет Гарри.

— Его принесет Хагрид.

— Вы думаете, это… Вы думаете, это разумно — доверить Хагриду столь ответственное задание?

— Я бы доверил ему свою жизнь, — просто ответил Дамблдор.

— Я не ставлю под сомнение его преданность

вам, — неохотно выдавила из себя профессор МакГонагалл. — Но вы ведь не станете отрицать, что он небрежен и легкомыслен. Он… Что это там?

Ночную тишину нарушили приглушенные раскаты грома. Их звук становился все громче. Дамблдор и МакГонагалл стали вглядываться в темную улицу в поисках приближающегося света фар. А когда они наконец догадались поднять головы, сверху послышался рев, и с неба свалился огромный мопед. Он приземлился на Тисовой улице прямо перед ними.

Мопед был исполинских размеров, но сидевший на нем человек был еще больше. Он был почти вдвое выше обычного мужчины и по меньшей мере в пять раз шире. Попросту говоря, он был непозволительно велик, и к тому же имел дикий вид — спутанная борода и заросли черных волос практически полностью скрывали его лицо. Его ладони были размером с крышки от мусорных баков, а обутые в кожаные сапоги ступни — величиной с маленьких дельфинов. Его гигантские мускулистые руки прижимали к груди сверток из одеял.

— Ну наконец-то, Хагрид. — В голосе Дамблдора явственно слышалось облегчение. — А где ты взял этот мопед?

— Да я его одолжил, профессор Дамблдор, — ответил гигант, осторожно слезая с мопеда. — У молодого Сириуса Блэка. А насчет ребенка — я привез его, сэр.

— Все прошло спокойно?

— Да не очень, сэр, от дома, считайте, камня на камне не осталась. Маглы это заметили, конечно, но я успел забрать ребенка, прежде чем они туда нагрянули. Он заснул, когда мы летели над Бристолем.

Дамблдор и профессор МакГонагалл склонились над свернутыми одеялами. Внутри, еле заметный в этой куче тряпья, лежал крепко спящий маленький мальчик На лбу, чуть пониже хохолка иссиня-черных волос, был виден странный порез, похожий на молнию.

— Значит, именно сюда… — прошептала профессор МакГонагалл.

— Да, — подтвердил Дамблдор. — Этот шрам останется у него на всю жизнь.

— Вы ведь можете что-то сделать с ним, Дамблдор?

— Даже если бы мог, не стал бы. Шрамы могут сослужить хорошую службу. У меня, например, есть шрам над левым коленом, который представляет собой абсолютно точную схему лондонской

подземки. Ну, Хагрид, давай ребенка сюда, пора покончить со всем этим.

Дамблдор взял Гарри на руки и повернулся к дому Дурслей.

— Могу я… Могу я попрощаться с ним, сэр? — спросил Хагрид.

Он нагнулся над мальчиком, заслоняя его от остальных своей кудлатой головой, и поцеловал ребенка очень колючим из-за обилия волос поцелуем. А затем вдруг завыл, как раненая собака.

— Тс-с-с! — прошипела профессор МакГонагалл. — Ты разбудишь маглов!

— П-п-простите, — прорыдал Хагрид, вытаскивая из кармана гигантский носовой платок, покрытый грязными пятнами, и пряча в нем лицо. — Но я п-п-п-просто не могу этого вынести. Лили и Джеймс умерли, а малыш Гарри, бедняжка, теперь будет жить у маглов…

— Да, да, все это очень печально, но возьми себя в руки, Хагрид, иначе нас обнаружат, — прошептала профессор МакГонагалл, робко поглаживая Хагрида по плечу.

А Дамблдор перешагнул через невысокий забор и пошел к крыльцу. Он бережно опустил Гарри на порог, достал из кармана мантии письмо, сунул его в одеяло и вернулся к поджидавшей его

паре. Целую минуту все трое стояли и неотрывно смотрели на маленький сверток — плечи Хагрида сотрясались, профессор МакГонагалл яростно моргала глазами, а сияние, всегда исходившее от глаз Дамблдора, сейчас померкло.

— Что ж, — произнес на прощанье Дамблдор. — Вот и все. Больше нам здесь нечего делать. Нам лучше уйти и присоединиться к празднующим.

— Ага, — сдавленным голосом согласился Хагрид. — Я это… я, пожалуй, верну Сириусу Блэку его мопед. Доброй ночи вам, профессор МакГонагалл, и вам, профессор Дамблдор.

Смахнув катящиеся из глаз слезы рукавом куртки, Хагрид вскочил в седло мопеда, резким движением завел мотор, с ревом поднялся в небо и исчез в ночи.

— Надеюсь увидеть вас в самое ближайшее время, профессор МакГонагалл, — произнес Дамблдор и склонил голову. Профессор МакГонагалл вместо ответа лишь высморкалась.

Дамблдор повернулся и пошел вниз по улице. На углу он остановился и вытащил из кармана свою серебряную зажигалку. Он щелкнул ею всего один раз, и двенадцать фонарей снова загорелись как ни в чем не бывало, так что вся Тисовая улица осветилась оранжевым светом. В

этом свете Дамблдор заметил полосатую кошку, заворачивающую за угол на другом конце улицы. А потом посмотрел на сверток, лежащий на пороге дома номер четыре.

— Удачи тебе, Гарри, — прошептал он, повернулся на каблуках и исчез, шурша мантией.

Ветер, налетевший на Тисовую улицу, шевелил аккуратно подстриженные кусты, ухоженная улица тихо спала под чернильным небом, и казалось, что если где-то и могут происходить загадочные вещи, то уж никак не здесь. Гарри Поттер ворочался во сне в своих одеялах Маленькая ручка нащупала письмо и стиснула его. Он продолжал спать, не зная о том, что он особенный, о том, что стал знаменитостью. Не зная, что он проснется через несколько часов от крика миссис Дурсль, которая перед приходом молочника откроет дверь, чтобы выставить за нее пустые молочные бутылки. Не зная о том, что несколько следующих недель кузен Дадли будет щипать и тыкать его — да и несколько последующих лет тоже…

И еще он не знал, что в то время, пока он спал, люди, тайно либо открыто собиравшиеся по всей стране, чтобы отметить праздник, поднимали бокалы и произносили шепотом или во весь голос:

— За Гарри Поттера — за мальчика, который выжил!

Глава 2

ИСЧЕЗНУВШЕЕ СТЕКЛО

Почти десять лет прошло с того утра, когда Дурсль обнаружили на своем пороге невесть откуда взявшегося племянника, но Тисовая улица за это время почти не изменилась. Солнце вставало над теми же ухоженными садиками и освещало туже самую бронзовую четверку на входной двери дома Дурслей; оно пробиралось в гостиную, оставшуюся почти неизменной с того вечера, когда мистер Дурсль смотрел по телевизору пророческий выпуск новостей.

Только стоящие на камине фотографии в рамках свидетельствовали о том, что с тех пор прошло немало времени. Десять лет назад на фотографиях было запечатлено нечто, напоминавшее большой розовый мяч в разноцветных чепчиках, но с тех пор Дадли Дурсль вырос, и теперь на фотографиях был крупный светловолосый мальчик, сидящий на своем первом велосипеде, кружащийся на ярмарочной карусели, играющий с отцом в компьютерные игры, мальчик в объятиях целующей его матери. Одна-

ко ничто на этих фотографиях не говорило о том, что в доме живет еще один ребенок

Тем не менее Гарри Поттер все еще жил здесь, и в настоящий момент он крепко спал, хотя спать ему оставалось недолго. Тетя Петунья уже проснулась и подходила к его двери, и через мгновение утреннюю тишину прорезал ее пронзительный визгливый голос:

— Подъем! Вставай! Поднимайся!

Гарри вздрогнул и проснулся. Тетя продолжала барабанить в дверь.

— Живо! — провизжала она.

Гарри услышал ее удаляющиеся шаги, а затем до него донесся звук плюхнувшейся на плиту сковородки. Он перевернулся на спину и попытался вспомнить, что же ему снилось. Это был хороший сон. В этом сне он летел по воздуху на мопеде. У него было странное ощущение, что когда-то он уже видел этот сон.

Тетя вернулась к его двери.

— Ты что, еще не встал? — настойчиво поинтересовалась она.

— Почти, — уклончиво ответил Гарри.

— Шевелись побыстрее, я хочу, чтобы ты присмотрел за беконом. И смотри, чтобы он не подгорел, — сегодня день рождения Дадли, и все

должно быть идеально.

В ответ Гарри застонал.

— Что ты там говоришь? — рявкнула тетя из-за двери.

— Нет, ничего. Ничего…

День рождения Дадли — как он мог забыть? Гарри медленно выбрался из постели и огляделся в поисках носков. Он обнаружил их под кроватью и, надевая, стряхнул ползающего по ним паука. Гарри привык к паукам — их было много в чулане под лестницей, а именно в чулане было его место.

Одевшись, он пошел на кухню. Весь стол был завален приготовленными для Дадли подарками. Похоже, что Дадли подарили новый компьютер, который тот так хотел, еще один телевизор и гоночный велосипед — это не говоря обо всем прочем. Для Гарри оставалось загадкой, почему Дадли хотел гоночный велосипед, ведь кузен был очень толстым и ненавидел физические упражнения — хотя отлупить кого-нибудь он был совсем не против. Любимой «грушей» Дадли был Гарри, но Дадли далеко не всегда удавалось поймать кузена. Хотя поверить в то, что Гарри мог быстро бегать, было довольно сложно.

Возможно, именно жизнь в темном чулане

привела к тому, что Гарри выглядел меньше и слабее своих сверстников. К тому же он казался еще меньше и тоньше, чем был на самом деле, потому что ему приходилось донашивать старые вещи Дадли, а Дадли был раза в четыре крупнее его, так что одежда висела на Гарри мешком. У Гарри было худое лицо, острые коленки, черные волосы и ярко-зеленые глаза. Он носил круглые очки, заклеенные скотчем и только благодаря этому не разваливающиеся — Дадли сломал их, ударив Гарри по носу.

Единственное, что Гарри нравилось в собственной внешности — это тонкий шрам на лбу, напоминавший молнию. Шрам был у него с самого детства, и первый осмысленный вопрос, который он задал тете Петунье, был как раз о том, откуда у него взялся этот шрам.

— Ты получил его в автокатастрофе, в которой погибли твои родители, — отрезала тетя. — И не приставай ко мне со своими вопросами.

«Не приставай ко мне со своими вопросами» — это было первое правило, которому он должен был следовать, чтобы жить в мире с Дурслями.

Когда Гарри переворачивал подрумянившиеся ломтики бекона, в кухню вошел дядя Вернон.

— Причешись! — рявкнул он вместо утреннего

приветствия.

Примерно раз в неделю дядя Вернон смотрел на Гарри поверх газеты и кричал, что племянника надо подстричь. Наверное, Гарри стригли чаще, чем остальных его одноклассников, но это не давало никакого результата, потому что его волосы так и торчали во все стороны, к тому же они очень быстро отрастали.

К моменту когда на кухне появились Дадли и его мать, Гарри уже вылил на сковородку яйца и готовил яичницу с беконом. Дадли как две капли воды походил на своего папашу. У него было крупное розовое лицо, почти полностью отсутствовала шея, маленькие глаза были водянисто-голубыми, а густые светлые волосы аккуратно лежали на большой жирной голове. Тетя Петунья часто твердила, что Дадли похож на маленького ангела, а Гарри говорил про себя, что Дадли похож на свинью в парике.

Гарри с трудом расставил на столе тарелки с яйцами и беконом — там почти не было свободного места. Дадли в это время считал свои подарки. А когда закончил, лицо его вытянулось.

— Тридцать шесть, — произнес он грустным голосом, укоризненно глядя на отца и мать. — Это на два меньше, чем в прошлом году.

— Дорогой, ты забыл о подарке от тетушки Мардж, он здесь, под большим подарком от мамы и папы! — поспешно затараторила тетя Петунья.

— Ладно, но тогда получается всего тридцать семь. — Лицо Дадли покраснело.

Гарри, сразу заметив, что у Дадли вот-вот приключится очередной приступ ярости, начал поспешно поглощать бекон, опасаясь, как бы кузен не перевернул стол.

Тетя Петунья, очевидно, тоже почувствовала опасность.

— Мы купим тебе еще два подарка, сегодня в городе. Как тебе это, малыш? Еще два подарочка. Ты доволен?

Дадли задумался. Похоже, в голове его шла какая-то очень серьезная и сложная работа. Наконец он открыл рот.

— Значит… — медленно выговорил он. — Значит, их у меня будет тридцать… тридцать…

— Тридцать девять, мой сладенький, — поспешно вставила тетя Петунья.

— А-а-а! — Уже привставший было Дадли тяжело плюхнулся обратно на стул. — Тогда ладно…

Дядя Верной выдавил из себя смешок

— Этот малыш своего не упустит — прямо как его отец. Вот это парень! — Он взъерошил волосы

на голове Дадли.

Тут зазвонил телефон, и тетя Петунья метнулась к аппарату. А Гарри и дядя Вернон наблюдали, как Дадли разворачивает тщательно упакованный гоночный велосипед, видеокамеру, самолет с дистанционным управлением, коробочки с шестнадцатью новыми компьютерными играми и видеомагнитофон.

Дадли срывал упаковку с золотых наручных часов, когда тетя Петунья вернулась к столу вид у нее был разозленный и вместе с тем озабоченный.

— Плохие новости, Вернон, — сказала она. — Миссис Фигг сломала ногу. Она не сможет взять этого.

Тетя махнула рукой в сторону Гарри.

Рот Дадли раскрылся от ужаса, а Гарри ощутил, как сердце радостно подпрыгнуло у него в груди. Каждый год в день рождения Дадли Дурсли на целый день отвозили сына и его друга в Лондон, а там водили их на аттракционы, в кафе и в кино. Гарри же оставляли с миссис Фигг, сумасшедшей старухой, жившей в двух кварталах от Дурслей. Гарри ненавидел этот день. Весь дом миссис Фигг насквозь пропах кабачками, а его хозяйка заставляла Гарри любоваться фотографиями

многочисленных кошек, живших у нее в разные годы.

— И что теперь? — злобно спросила тетя Петунья, с ненавистью глядя на Гарри, словно это он все подстроил.

Гарри знал, что ему следует пожалеть миссис Фигг и ее сломанную ногу, но это было непросто, потому что теперь целый год отделял его от того дня, когда ему снова придется рассматривать снимки Снежинки, мистера Лапки и Хохолка.

— Мы можем позвонить Мардж, — предложил дядя.

— Не говори ерунды, Вернон. Мардж ненавидит мальчишку.

Дурсли часто говорили о Гарри так, словно его здесь не было или словно он был настолько туп, что все равно не мог понять, что речь идет именно о нем.

— А как насчет твоей подруги? Забыл, как ее зовут… Ах, да, Ивонн.

— Она отдыхает на Майорке, — отрезала тетя Петунья.

— Вы можете оставить меня одного, — вставил Гарри, надеясь, что его предложение всем понравится и он наконец посмотрит по телевизору именно те передачи, которые ему интересны, а

может быть, ему даже удастся поиграть на новом компьютере Дадли.

Вид у тети Петуньи был такой, словно она проглотила лимон.

— И чтобы мы вернулись и обнаружили, что от дома остались одни руины? — прорычала она.

— Но я ведь не собираюсь взрывать дом, — возразил Гарри, но его уже никто не слушал.

— Может быть… — медленно начала тетя Петунья. — Может быть, мы могли бы взять его с собой… и оставить в машине у зоопарка…

— Я не позволю ему сидеть одному в моей новой машине! — возмутился дядя Вернон.

Дадли громко разрыдался. То есть на самом деле он вовсе не плакал, последний раз настоящие слезы лились из него много лет назад, но он знал, что стоит ему состроить жалобную физиономию и завыть, как мать сделает для него все, что он пожелает.

— Дадли, мой маленький, мой крошка, пожалуйста, не плачь, мамочка не позволит ему испортить твой день рождения! — вскричала миссис Дурсль, крепко обнимая сына.

— Я… Я не хочу… Не хоч-ч-чу, чтобы он ехал с нами! — выдавил из себя Дадли в перерывах между громкими всхлипываниями, кстати, аб-

солютно фальшивыми. — Он… Он всегда все по-по-портит!

Миссис Дурсль обняла Дадли, а тот высунулся из-за спины матери и, повернувшись к Гарри, состроил отвратительную гримасу.

В этот момент раздался звонок в дверь.

— О господи, это они! — В голосе тети Петуньи звучало отчаяние.

Через минуту в кухню вошел лучший друг Дадли, Пирс Полкисс, вместе со своей матерью. Пирс был костлявым мальчишкой, очень похожим на крысу. Именно он чаще всего держал жертв Дадли, чтобы они не вырывались, когда Дадли будет их лупить. Увидев друга, Дадли сразу прекратил свой притворный плач.

Полчаса спустя Гарри, не смевший поверить в свое счастье, сидел на заднем сиденье машины Дурслей вместе с Пирсом и Дадли и впервые в своей жизни ехал в зоопарк Тетя с дядей так и не придумали, на кого его можно оставить. Но прежде чем Гарри сел в машину, дядя Вернон отвел его в сторону.

— Я предупреждаю тебя! — угрожающе произнес он, склонившись к Гарри, и лицо его побагровело. — Я предупреждаю тебя, мальчишка, если ты что-то выкинешь, что угодно, ты просидишь в

своем чулане взаперти до самого Рождества!

— Я буду хорошо себя вести! — пообещал Гарри. — Честное слово…

Но дядя Вернон не поверил ему. Ему никто никогда не верил.

Проблема заключалась в том, что с Гарри часто приключались довольно странные вещи, и было бесполезно объяснять Дурслям, что он тут ни при чем.

Однажды тетя Петунья заявила, что ей надоело, что Гарри возвращается из парикмахерской в таком виде, словно вовсе там не был. Взяв кухонные ножницы, она обкорнала его почти налысо, оставив лишь маленький хохолок на лбу, чтобы, как она выразилась, «спрятать этот ужасный шрам». Дадли весь вечер изводил Гарри глупыми насмешками, и Гарри не спал всю ночь, представляя себе, каким посмешищем он станет в школе, где над ним и так издевались из-за мешковатой одежды и заклеенных скотчем очков.

Однако на следующее утро он обнаружил, что его волосы снова успели отрасти и выглядит он точно также, как выглядел до того, как тетя Петунья решила его подстричь. За это ему запретили целую неделю выходить из чулана, хотя он пытался заверить Дурслей, что понятия не имеет,

почему волосы отросли так быстро.

В другой раз тетя Петунья пыталась заставить его надеть старый джемпер Дадли — ужасный, просто отвратительный джемпер, коричневый с оранжевыми кругами. Чем больше усилий она прикладывала, чтобы натянуть джемпер на Гарри, тем меньше он становился, и, в конце концов, съежился настолько, что с трудом налез бы на куклу, но уж никак не на Гарри. К счастью, тетя Петунья решила, что джемпер сел после стирки, и Гарри избежал наказания.

Был еще случай, когда Гарри натерпелся неприятностей из-за того, что его заметили на крыше школьной столовой. В тот день Дадли и его компания, как обычно, гонялись за Гарри, который пытался от них ускользнуть, и в какой-то момент он, к собственному удивлению — и к удивлению всех остальных, — оказался на трубе. Классная руководительница Гарри послала Дурслям гневное письмо, в котором написала, что он лазает по крыше школы.

Гарри пытался объяснить дяде Вернону что он всего лишь хотел перепрыгнуть через мусорные баки, стоявшие за столовой, и сам не понял, как оказался на крыше, но тот молча запер его в кладовке и ушел. Самому себе Гарри объяснил, что,

когда он прыгал через баки, его подхватил порыв ветра — потому так все и получилось.

Но сегодня все должно было пойти просто отлично. Гарри даже не жалел о том, что находится в компании Дадли и Пирса, — ведь ему посчастливилось провести день не в школе, не в чулане и не в пропахшей кабачками гостиной миссис Фигг. А за такую возможность Гарри готов был дорого заплатить.

Всю дорогу дядя Вернон жаловался тете Петунье на окружающий мир. Он вообще очень любил жаловаться: на людей, с которыми работал, на Гарри, на совет директоров банка, с которым была связана его фирма, и снова на Гарри. Банк и Гарри были его любимыми — то есть нелюбимыми — предметами. Однако сегодня главным объектом претензий дяди Вернона стали мопеды.

— Носятся как сумасшедшие, вот мерзкое хулиганье! — проворчал он, когда их обогнал мопед.

— А мне на днях приснился мопед, — неожиданно для всех, включая себя самого, произнес Гарри, вдруг вспомнив свой сон. — Он летел по небу.

Дядя Вернон чуть не въехал в идущую впереди машину. К счастью, он успел затормозить, а потом рывком повернулся к Гарри — его лицо напоминало гигантскую свеклу с усами.

— МОПЕДЫ НЕ ЛЕТАЮТ! — проорал он. Дадли и Пирс дружно захихикали.

— Да, я знаю, — быстро сказал Гарри. — Это был просто сон.

Он уже пожалел, что открыл рот. Дурсли терпеть не могли, когда он задавал вопросы, но еще больше они ненавидели, когда он говорил о чем-то странном, и не имело значения, был ли это сон или он увидел что-то такое в мультфильме. Дурсли сразу начинали сходить с ума, словно им казалось, что это его собственные идеи. Совершенно лишние и очень опасные идеи.

Воскресенье выдалось солнечным, и в зоопарке было полно людей. На входе Дурсли купили Дадли и Пирсу по большому шоколадному мороженому, а Гарри достался фруктовый лед с лимонным вкусом — и то только потому, что они не успели увести его от прилавка, прежде чем улыбающаяся мороженщица, обслужив Дадли и Пирса, спросила, чего хочет третий мальчик. Но Гарри и этому был рад, он с удовольствием лизал фруктовый лед, наблюдая за чешущей голову гориллой, — горилла была вылитый Дадли, только с темными волосами.

У Гарри давно не было такого прекрасного утра. Правда, он был настороже и старался держаться

чуть в стороне от Дурслей, потому что к полудню заметил, что Дадли и Пирсу уже надоело смотреть на животных, а значит, они могут решить заняться своим любимым делом — попытаться избить его. Но пока все обходилось.

Они пообедали в ресторанчике, находившемся на территории зоопарка. А когда Дадли закатил истерику по поводу слишком маленького куска торта, дядя Вернон заказал ему кусок побольше, а остатки маленького достались Гарри.

Впоследствии Гарри говорил себе, что начало дня было чересчур хорошим для того, чтобы таким же оказался и его конец.

После обеда они пошли в террариум. Там было прохладно и темно, а за освещенными окошками прятались рептилии. Там, за стеклами, ползали и скользили по камням и корягам самые разнообразные черепахи и змеи. Гарри было интересно абсолютно все, но Дадли и Пирс настаивали на том, чтобы побыстрее пойти туда, где живут ядовитые кобры и толстенные питоны, способные задушить человека в своих объятиях

Дадли быстро нашел самую большую в мире змею. Она была настолько длинной, что могла дважды обмотаться вокруг автомобиля дяди Вернона, и такой сильной, что могла раздавить

его в лепешку, но в тот момент она явно была не в настроении демонстрировать свои силы. А если точнее, она просто спала, свернувшись кольцами.

Дадли прижался носом к стеклу и стал смотреть на блестящие коричневые кольца.

— Пусть она проснется, — произнес он плаксивым тоном, обращаясь к отцу.

Дядя Верной постучал по стеклу, но змея продолжала спать.

— Давай еще! — скомандовал Дадли.

Дядя Вернон забарабанил по стеклу костяшками кулака, но змея не пошевелилась.

— Мне скучно! — завыл Дадли и поплелся прочь, громко шаркая ногами.

Гарри встал на освободившееся место перед окошком и уставился на змею. Он бы не удивился, если бы оказалось, что та умерла от скуки, ведь змея была абсолютно одна, и ее окружали лишь глупые люди, целый день стучавшие по стеклу, чтобы заставить ее двигаться. Это было даже хуже, чем жить в чулане, единственным посетителем которого была тетя Петунья, барабанящая в дверь, чтобы тебя разбудить. По крайней мере, Гарри мог выходить из чулана и бродить по всему дому.

Внезапно змея приоткрыла свои глаза-бусинки. А потом очень, очень медленно подняла голову так, что та оказалась вровень с головой Гарри.

Змея ему подмигнула.

Гарри смотрел на нее, выпучив глаза. Потом быстро оглянулся, чтобы убедиться, что никто не замечает происходящего, — к счастью, вокруг никого не было. Он снова повернулся к змее и тоже подмигнул ей.

Змея указала головой в сторону дяди Вернона и Дадли и подняла глаза к потолку. А потом посмотрела на Гарри, словно говоря: «И так каждый день».

— Я понимаю, — пробормотал Гарри, хотя и не был уверен, что змея слышит его через толстое стекло. — Наверное, это ужасно надоедает.

Змея энергично закивала головой.

— Кстати, откуда вы родом? — поинтересовался Гарри.

Змея ткнула хвостом в висевшую рядом со стеклом табличку, и Гарри тут же перевел взгляд на нее. «Боа констриктор, Бразилия», — прочитал он.

— Наверное, там было куда лучше, чем здесь? Боа констриктор снова махнул хвостом в сторону таблички, и Гарри прочитал:

«Данная змея родилась и выросла в зоопарке».

— А понимаю, значит, вы никогда не были в Бразилии?

Змея замотала головой. В этот самый миг за спиной Гарри раздался истошный крик Пирса, Гарри и змея подпрыгнули от неожиданности.

— ДАДЛИ! МИСТЕР ДУРСЛЬ! СКОРЕЕ СЮДА, ПОСМОТРИТЕ НА ЗМЕЮ! ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ, ЧТО ОНА ВЫТВОРЯЕТ!

Через мгновение, пыхтя и отдуваясь, к окошку приковылял Дадли.

— Пошел отсюда, ты, — пробурчал он, толкнув Гарри в ребро.

Гарри, не ожидавший удара, упал на бетонный пол. Последовавшие за этим события развивались так быстро, что никто не понял, как это случилось: в первое мгновение Дадли и Пирс стояли, прижавшись к стеклу, а уже через секунду они отпрянули от него с криками ужаса.

Гарри сел и открыл от удивления рот — стекло, за которым сидел удав, исчезло. Огромная змея поспешно разворачивала свои кольца, выползая из темницы, а люди с жуткими криками выбегали из террариума.

Гарри готов был поклясться, что, стремительно проползая мимо него, змея отчетливо проши-

пела:

— Бразилия — вот куда я отправлюсь… С-с-спасибо, амиго…

Владелец террариума был в шоке.

— Но тут ведь было стекло, — непрестанно повторял он. — Куда исчезло стекло?

Директор зоопарка лично поднес тете Петунье чашку крепкого сладкого чая и без устали рассыпался в извинениях. Пирс и Дадли были так напуганы, что несли жуткую чушь. Гарри видел, как змея, проползая мимо них, просто притворилась, что хочет схватить их за ноги, но когда они уже сидели в машине дяди Вернона, Дадли рассказывал, как она чуть не откусила ему ногу, а Пирс клялся, что она пыталась его задушить. Но самым худшим для Гарри было то, что Пирс наконец успокоился и вдруг произнес:

— А Гарри разговаривал с ней — ведь так, Гарри? Дядя Вернон дождался, пока за Пирсом придет его мать, и только потом повернулся к Гарри, которого до этого старался не замечать. Он был так разъярен, что даже говорил с трудом.

— Иди… в чулан… сиди там… никакой еды. — Это все, что ему удалось произнести, прежде чем он упал в кресло и прибежавшая тетя Петунья дала ему большую порцию бренди.

Много позже, лежа в темном чулане, Гарри пожалел, что у него нет часов. Он не знал, сколько сейчас времени, и не был уверен в том, что Дурсли уже уснули. Он готов был рискнуть и выбраться из чулана на кухню в поисках какой-нибудь еды, но только если они уже легли.

Гарри думал о том, что прожил у Дурслей почти десять лет, полных лишений и обид. Он жил у них почти всю свою жизнь, с самого раннего детства, с тех самых пор, когда его родители погибли в автокатастрофе. Он не помнил ни самой катастрофы, ни того, что он тоже был в той машине. Иногда, часами лежа в темном чулане, он пытался хоть что-то извлечь из памяти, и перед его глазами вставало странное видение: ослепительная вспышка зеленого света и обжигающая боль во лбу. Видимо, это случилось именно во время аварии, хотя он и не мог объяснить, откуда там взялся зеленый свет.

И своих родителей он тоже не мог вспомнить. Тетя и дядя Никогда о них не рассказывали, и, разумеется, ему было запрещено задавать вопросы. Фотографии его родителей в доме Дурслей отсутствовали.

Когда Гарри был младше, он часто мечтал о том, как в доме Дурслей появится какой-нибудь

его родственник, далекий и неизвестный, и заберет его отсюда. Но этого так и не произошло — его единственными родственниками были Дурсли, — и Гарри перестал мечтать об этом. Но иногда ему казалось — или ему просто хотелось в это верить, — что совершенно незнакомые люди ведут себя так, словно хорошо его знают.

Надо признать, это были очень странные незнакомцы. Однажды, когда они вместе с тетей Петуньей и Дадли зашли в магазин, ему поклонился крошечный человечек в высоком фиолетовом цилиндре. Тетя Петунья тут же рассвирепела, злобно спросила Гарри, знает ли он этого коротышку, а потом схватила его и Дадли и выбежала из магазина, так ничего и не купив. А как-то раз в автобусе ему весело помахала рукой безумная с виду женщина, одетая во все зеленое. А недавно на улице к нему подошел лысый человек в длинной пурпурной мантии, пожал ему руку и ушел, не сказав ни слова. И что самое загадочное, эти люди исчезали в тот момент, когда Гарри пытался повнимательнее их рассмотреть.

Так что, если не считать этих загадочных незнакомцев, у Гарри не было никого — и друзей у него тоже не было. В школе все знали, что Дадли и его компания ненавидят этого странного Гарри

Поттера, вечно одетого в мешковатое старье и разгуливающего в сломанных очках, а с Дадли предпочитали не ссориться.

В общем, Гарри был одинок на этом свете, и, похоже, ему предстояло оставаться таким же одиноким еще долгие годы. Много-много лет…

Глава 3

ПИСЬМА НЕВЕСТЬ ОТ КОГО

Гарри никогда еще так не наказывали, как за историю с бразильским удавом. Когда ему наконец разрешили выходить из чулана, уже начались летние каникулы, а Дадли уже успел сломать новую видеокамеру, разбил самолет с дистанционным управлением и, в первый раз сев на новый гоночный велосипед, умудрился врезаться в миссис Фигг, переходившую Тисовую улицу на костылях, и сбить ее с ног, так что она потеряла сознание.

Гарри был рад, что занятия в школе закончились, но зато теперь ему негде было скрыться от Дадли и его дружков, которые каждый день приходили к нему домой. И Пирс, и Деннис, и Малкольм, и Гордон — все они были здоровыми и безмозглыми, но Дадли был самым здоровым и самым безмозглым, и потому именно он считался их предводителем и решал, что будет делать вся компания. И вся компания соглашалась с тем, что следует заняться любимым спортом Дадли — охотой на Гарри.

По этой причине Гарри проводил как можно больше времени вне дома, шатаясь неподалеку и думая о том, что не так уж много времени осталось до конца каникул, откуда ему светил крошечный лучик надежды. В сентябре он должен был пойти в среднюю школу и наконец-то расстаться с Дадли. Дадли перевели в частную школу, где когда-то учился дядя Вернон, — в «Вонингс». Кстати, туда же устроили и Пирса Полкисса. А Гарри отдали в самую обычную общеобразовательную школу, в «Хай Камероне». Дадли это показалось невероятно смешным.

— В этой школе старшекурсники в первый же день засовывают новичков головой в унитаз, — сразу же начал издеваться Дадли. — Хочешь подняться наверх и попробовать?

— Нет, спасибо, — ответил Гарри. — В многострадальный унитаз никогда не засовывали ничего страшнее твоей головы — его, бедняжку, может и стошнить.

Гарри убежал раньше, чем Дадли понял смысл сказанного.

Как-то в июле тетя Петунья повезла Дадли в Лондон, чтобы купить ему фирменную форму школы «Вонингс», а Гарри отвела к миссис Фигг. Как ни странно, теперь у миссис Фигг стало куда

приятнее, чем раньше. Выяснилось, что она сломала ногу, наступив на одну из своих кошек, и с тех пор уже не пылает к ним такой страстной любовью, как прежде. Так что она не показывала Гарри фотографии кошек, и даже разрешила ему посмотреть телевизор, но зато угостила шоколадным кексом, который, судя по вкусу, пролежал у нее в шкафу по крайней мере десяток лет.

В тот вечер Дадли гордо маршировал по гостиной в новой школьной форме. Ученики «Вонингса» носили темно-бордовые фраки, оранжевые бриджи и плоские соломенные шляпы, которые называются канотье. Еще они носили узловатые палки, которыми колотили друг друга за спинами учителей. Считалось, что это хорошая подготовка к той взрослой жизни, которая начнется после школы.

Глядя на Дадли, гордо вышагивающего в своей новой форме, дядя Верной ужасно растрогался и ворчливым голосом — ворчал он притворно, пряча свои эмоции, — заметил, что это самый прекрасный момент в его жизни. Что же касается тети Петуньи, то она не стала скрывать своих чувств и разрыдалась, а потом воскликнула, что никак не может поверить в то, что этот взрослый красавец — ее крошка сыночек, ее миленькая

лапочка. А Гарри даже боялся открыть рот. Он изо всех сил сдерживал смех, но тот так распирал его, что мальчику казалось, что у него вот-вот треснут ребра и хохот вырвется наружу.

Когда на следующее утро Гарри зашел на кухню позавтракать, там стоял ужасный запах. Как оказалось, он исходил из огромного металлического бака, стоявшего в мойке. Гарри подошел поближе. Бак был наполнен серой водой, в которой плавало нечто похожее на грязные тряпки.

— Что это? — спросил он тетю Петунью.

Тетя поджала губы — она всегда так делала, когда Гарри осмеливался задать ей вопрос.

— Твоя новая школьная форма. Гарри снова заглянул в бак

— Нуда, конечно, — произнес он. — Я просто не догадался, что ее обязательно нужно намочить.

— Не строй из себя дурака, — отрезала тетя Петунья. — Я специально крашу старую форму Дадли в серый цвет. Когда я закончу, она будет выглядеть как новенькая.

Гарри никак не мог в это поверить, но решил, что лучше не спорить. Он сел за стол, стараясь не думать о том, как будет выглядеть в свой первый день в «Хай Камероне» — наверное, так, словно вырядился в обрывки полусгнившей шкуры

мамонта.

В кухню вошли Дадли и дядя Верной, и оба сразу сморщили носы — запах новой школьной формы Гарри им явно не понравился. Дядя Верной, как обычно, погрузился в чтение газеты, а Дадли принялся стучать по столу форменной узловатой палкой, которую он теперь повсюду таскал с собой.

Из коридора донеслись знакомые звуки — почтальон просунут почту в специально сделанную в двери щель, и она упала на лежавший в коридоре коврик.

— Принеси почту, Дадли, — буркнул дядя Верной из-за газеты.

— Пошли за ней Гарри.

— Гарри, принеси почту.

— Пошлите за ней Дадли, — ответил Гарри.

— Ткни его своей палкой, Дадли, — посоветовал дядя Вернон.

Гарри увернулся от палки и пошел в коридор. На коврике лежали открытка от сестры дяди Вернона по имени Мардж, отдыхавшей на острове Уайт, коричневый конверт, в котором, судя по всему, лежал счет, и письмо для Гарри.

Гарри поднял его и начал внимательно рассматривать, чувствуя, как у него внутри все

напряглось и задрожало, как натянутая тетива лука. Никто ни разу никогда в жизни не писал ему писем. Да и кто мог ему написать? У него не было друзей, у него не было других родственников, он даже не был записан в библиотеку, из которой ему могло бы прийти по почте грубое послание с требованием немедленно вернуть книги. Однако сейчас он держал в руках письмо, и на нем стояло не только его имя, но и адрес. Так что сомнений, что письмо адресовано именно ему, не было.

«Мистеру Г. Поттеру, графство Суррей, город Литтл Уингинг, улица Тисовая, дом четыре, чулан под лестницей» — вот что было написано на конверте.

Конверт, тяжелый и толстый, был сделан из желтоватого пергамента, а адрес был написан изумрудно-зелеными чернилами. Марка на конверте отсутствовала.

Дрожащей рукой Гарри перевернул конверт и увидел, что он запечатан пурпурной восковой печатью, украшенной гербом, на гербе были изображены лев, орел, барсук и змея, а в середине — большая буква «Х».

— Давай поживее, мальчишка! — крикнул из кухни дядя Верной. — Что ты там копаешься? Проверяешь, нет ли в письмах взрывчатки?

Дядя Верной расхохотался собственной шутке.

Гарри вернулся в кухню, все еще разглядывая письмо. Он протянул дяде Вернону счет и открытку, сел на свое место и начал медленно вскрывать желтый конверт.

Дядя Верной одним движением разорвал свой конверт, вытащил из него счет, недовольно засопел и начал изучать открытку.

— Мардж заболела, — проинформировал он тетю Петунью. — Съела какое-то экзотическое местное блюдо и…

— Пап! — внезапно крикнул Дадли. — Пап, Гарри тоже что-то получил!

Гарри уже собирался развернуть письмо, написанное на том же пергаменте, из которого был сделан конверт, когда дядя Верной вырвал бумагу из его рук.

— Это мое! — возмутился Гарри, пытаясь завладеть бумагой.

— И кто, интересно, будет тебе писать? — презрительно фыркнул дядя Верной, разворачивая письмо и бросая на него взгляд. Его красное лицо вдруг стало зеленым, причем быстрее, чем меняются цвета на светофоре. Но на этом дело не кончилось. Через несколько секунд лицо его стало серовато-белым, как засохшая овсяная каша.

— П-П-Петунья! — заикаясь, выдохнул он. Дадли попытался вырвать у него письмо, но дядя Вернон поднял его над собой, чтобы Дадли не смог дотянуться. Подошедшая Петунья, большая любительница сплетен и слухов, взяла у мужа письмо и прочла первую строчку. На мгновение всем показалось, что она вот-вот потеряет сознание. Тетя схватилась за горло и втянула воздух с таким звуком, словно задыхалась.

— Вернон! О боже, Вернон!

Тетя и дядя смотрели друг на друга, кажется, позабыв о том, что на кухне сидят Гарри и Дадли. Правда, абстрагироваться на долго им не удалось, потому что Дадли не выносил, когда на него не обращали внимания. Он сильно стукнул отца по голове своей узловатой палкой.

— Я хочу прочитать письмо! — громко заявил Дадли.

— Это я хочу прочитать письмо, — возмущенно возразил Гарри. — Это мое письмо.

— Пошли прочь, вы оба, — прокаркал дядя Вернон, запихивая письмо обратно в конверт.

Гарри не двинулся с места.

— ОТДАЙТЕ МНЕ МОЕ ПИСЬМО! — прокричал он.

— Дайте мне его посмотреть! — заорал Дадли.

— ВОН! — взревел дядя Верной и, схватив за шиворот сначала Дадли, а потом Гарри, выволок их в коридор и захлопнул за ним дверь кухни.

Гарри и Дадли тут же устроили яростную, но молчаливую драку за место у замочной скважины — выиграл Дадли, и Гарри, не замечая, что очки повисли на одной дужке, улегся на пол, прикладывая ухо к узенькой полоске свободного пространства между полом и дверью.

— Вернон, — произнесла тетя Петунья дрожащим голосом. — Вернон, посмотри на адрес, как они могли узнать, где он спит? Ты не думаешь, что они следят за домом?

— Следят… даже шпионят… а может быть, даже ходят за нами по пятам, — пробормотал дядя Верной, который, кажется, был на грани помешательства.

— Что нам делать, Вернон? Может быть, следует им ответить? Написать, что мы не хотим…

Гарри видел, как блестящие туфли дяди Верона ходят по кухне взад и вперед.

— Нет, — наконец ответил дядя Вернон. — Нет, мы просто проигнорируем это письмо. Если они не получат ответ… Да, это лучший выход из положения… Мы просто ничего не будем предпринимать…

— Но…

— Мне не нужны в доме такие типы, как они, ты поняла, Петунья?! Когда мы взяли его, разве мы не поклялись, что искореним всю эту опасную чепуху?!

В тот вечер, вернувшись с работы, дядя Верной совершил нечто такое, чего раньше никогда не делал, — он пришел к Гарри в чулан.

— Где мое письмо? — спросил Гарри, как только дядя Вернон протиснулся в дверь. — Кто мне его написал?

— Никто. Оно было адресовано тебе по ошибке, — коротко пояснил дядя Вернон. — Я его сжег.

— Не было никаких ошибок, — горячо возразил Гарри. — Там даже было написано, что я живу в чулане.

— ТИХО ТЫ! — проревел дядя Вернон, и от его крика с потолка упало несколько пауков. Дядя Вернон сделал несколько глубоких вдохов, а затем попытался улыбнуться, однако это далось ему с трудом, и улыбка получилась достаточно болезненной. — Э-э-э… кстати, Гарри, насчет этого чулана. Твоя тетя и я тут подумали… Ты слишком вырос, чтобы и дальше жить здесь… Мы подумали, будет лучше, если ты переберешься во вторую спальню Дадли.

— Зачем? — спросил Гарри.

— Не задавай вопросов! — рявкнул дядя Вернон. — Собирай свое барахло и тащи его наверх, немедленно!

В доме Дурслей было четыре спальни — одна для дяди Вернона и тети Петуньи, одна для гостей (обычно в роли гостьи выступала сестра дяди Вернона Мардж), одна, где спал Дадли, и еще одна, в которой Дадли хранил те игрушки и вещи, которые не помещались в его первой спальне. Гарри же хватило всего одного похода наверх, чтобы перенести все свои вещи из чулана. И теперь он сидел на кровати и осматривался.

Почти все в этой комнате было поломано. Подаренная Дадли всего месяц назад, но уже неработающая видеокамера лежала на маленьком заводном танке, пострадавшем от столкновения с соседской собакой, на которую его направил Дадли. В углу стоял первый телевизор Дадли, который тот разбил ударом ноги, когда отменили показ его любимой передачи. В другом углу стояла огромная клетка, в которой когда-то жил попугай и которого Дадли обменял на духовое ружье — а ружье лежало рядом, и дуло его было безнадежно погнуто, потому что Дадли как-то раз на него сел. Единственное, что в этой комнате

выглядело новым, так это стоявшие на полках книги, — создавалось впечатление, что до них никогда не дотрагивались.

Снизу доносились вопли Дадли.

— Я не хочу, чтобы он там спал!.. Мне нужна эта комната!.. Пусть он убирается оттуда!..

Гарри вздохнул и лег на кровать. Вчера он отдал бы все на свете за то, чтобы оказаться здесь. Сегодня он предпочел бы оказаться в чулане со своим письмом, чем здесь, но без письма.

На другое утро за завтраком все сидели какие-то очень притихшие. А Дадли вообще пребывал в состоянии шока. Накануне он орал во все горло, колотил отца новой дубинкой, давился, пинал мать и подкидывал вверх свою черепаху, разбив ею стеклянную крышу оранжереи, но ему так и не вернули его вторую комнату. Что касается Гарри, то он вспоминал вчерашнее утро и жалел о том, что не распечатал свое письмо, пока был в коридоре. Дядя Вернон и тетя Петунья обменивались мрачными взглядами.

Когда за дверью послышались шаги почтальона, дядя Верной, все утро пытавшийся быть очень внимательным и вежливым по отношению к Гарри, потребовал, чтобы за почтой сходил Дадли. Из кухни было слышно, как тот идет к

двери, стуча своей палкой по стенам и вообще по всему, что попадалось ему на пути. А затем донесся его крик.

— Тут еще одно! «Мистеру Г. Поттеру дом четыре по улице Тисовая, самая маленькая спальня».

Дядя Вернон со сдавленным криком вскочил и метнулся в коридор. Гарри рванул за ним. Дяде Вернону пришлось повалить Дадли на землю, чтобы вырвать у него из рук письмо, а это оказалось непросто, потому что Гарри сзади обхватил дядю Вернона за шею. После непродолжительной, но жаркой схватки, в которой каждый получил по нескольку ударов узловатой палкой, дядя Верной распрямился, тяжело дыша, но зато сжимая в руке письмо, адресованное Гарри.

— Иди в свой чулан… я хотел сказать, в свою спальню, — прохрипел он, обращаясь к Гарри. — И ты, Дадли… уйди отсюда, просто уйди.

Гарри долго мерил шагами спальню. кто-то знал, что он переехал сюда из чулана. И еще этот кто-то знал, что он не получил первое письмо. И все это означало, что этот кто-то попробует передать ему еще одно письмо. И на этот раз Гарри собирался его получить. Потому что у него родился план.

* * *

Дышащий на ладан будильник благодаря Дадли неоднократно побывавший в мастерской, зазвонил ровно в шесть часов. Гарри поспешно выключил его и быстро оделся, стараясь не шуметь, чтобы ни в коем случае не разбудить семейство Дурслей. Он бесшумно вышел из своей комнаты и, крадучись, пошел вниз в полной темноте — включать свет было опасно.

План его заключался в том, чтобы выйти из дома, встать на углу Тисовой улицы и дождаться появления почтальона, чтобы первым забрать письма.

А сейчас он крался по темному коридору, его сердце отчаянно прыгало в груди, и…

— А-А-А-А!

Гарри буквально взлетел в воздух, потому что наступил на что-то большое и мягкое, лежавшее на коврике у входной двери. На что-то… живое!

Наверху зажегся свет, и Гарри с ужасом увидел, что этим большим и мягким было лицо дяди Вернона. Мистер Дурсль лежал у входной двери в спальном мешке. Не оставалось сомнений, что он сделал так именно для того, чтобы не дать Гарри осуществить задуманное. И, что тоже было

несомненно, он вовсе не рассчитывал, что на него наступят.

После получасовых воплей дядя Вернон велел Гарри сделать ему чашку чая. Гарри грустно поплелся на кухню, а когда вернулся с чаем, почту уже принесли, и теперь она лежала за пазухой у дяди Вернона. Гарри отчетливо видел три конверта с надписями, сделанными изумрудно-зелеными чернилами.

— Я хочу… — начал было он, но дядя Вернон достал письма и разорвал их на мелкие кусочки прямо у него на глазах.

В тот день дядя Верной не пошел на работу. Он остался дома и намертво заколотил щель для писем.

— Видишь ли, — объяснял он тете Петунье сквозь зажатые в зубах гвозди, — если они не смогут доставлять свои письма, они просто сдадутся.

— Я не уверена, что это поможет, Вернон.

— О, у этих людей странная логика, Петунья. Они не такие, как мы с тобой, — ответил дядя Верной, пытаясь забить гвоздь куском фруктового кекса, только что принесенного ему тетей Петуньей.

* * *

В пятницу для Гарри принесли не меньше дюжины писем. Так как они не пролезали в заколоченную щель для писем, их просунули под входную дверь, а несколько штук протолкнули сквозь маленькое окошко в туалете на первом этаже.

Дядя Вернон снова остался дома. Он сжег все письма, а потом достал молоток и гвозди и заколотил парадную и заднюю двери, чтобы никто не смог выйти из дома. Работая, он что-то напевал себе под нос и испуганно вздрагивал от любых посторонних звуков.

* * *

В субботу ситуация начала выходить из-под контроля. Несмотря на усилия дяди Вернона, в дом попали целых двадцать четыре письма для Гарри — кто-то свернул их и засунул в две дюжины яиц, которые молочник передал тете Петунье через окно гостиной. Молочник не подозревал о содержимом яиц, но был крайне удивлен, что в доме заколочены двери. Пока дядя Вернон судорожно звонил на почту и в молочный магазин и

искал того, кому можно пожаловаться на случившееся, тетя Петунья засунула письма в кухонный комбайн и перемолола их на мелкие кусочки.

— Интересно, кому это так сильно понадобилось пообщаться с тобой? — изумленно спросил Дадли, обращаясь к Гарри.

* * *

В воскресенье утром дядя Верной выглядел утомленным и немного больным, но зато счастливым.

— По воскресеньям — никакой почты, — громко заявил он с довольной улыбкой, намазывая джемом свою газету. — Сегодня — никаких чертовых писем…

Он не успел договорить, как что-то засвистело в дымоходе и ударило дядю Вернона по затылку. В следующую секунду из камина со скоростью пули вылетели тридцать или даже сорок писем. Дурсли инстинктивно пригнулись, и письма просвистели у них над головами, а Гарри подпрыгнул, пытаясь ухватить хотя бы одно из них.

— Вон! ВОН! — Дядя Верной поймал Гарри в воздухе, потащил к двери и вышвырнул в коридор. Затем из комнаты выбежали тетя Петунья и Дадли, закрывая руками лица, за ними выскочил

дядя Верной, захлопнув за собой дверь. Слышно было, как в комнату продолжают падать письма, они стучали по полу и стенам, отлетая от них рикошетом.

— Ну все, — значимо и весомо произнес дядя Вер-нон. Он старался говорить спокойно, хотя на самом деле нервно выщипывал из усов целые пучки волос. — Через пять минут я жду вас здесь — готовыми к отъезду. Мы уезжаем, так что быстро соберите необходимые вещи — и никаких возражений!

Он выглядел таким разъяренным и опасным, особенно после того, как выдрал себе пол уса, что возражать никто не осмелился. Десять минут спустя дядя Верной, взломав забитую досками дверь, вывел всех к машине, и автомобиль рванул в сторону скоростного шоссе. На заднем сиденье обиженно сопел Дадли — отец отвесил ему затрещину за то, что он слишком долго возился. А Дадли всего лишь пытался втиснуть в свою спортивную сумку телевизор, видеомагнитофон и компьютер.

Они ехали. Ехали все дальше и дальше. Даже тетя Петунья не решалась спросить, куда они направляются. Несколько раз дядя Верной делал крутой вираж, и какое-то время машина двига-

лась в обратном направлении. А потом снова следовал резкий разворот.

— Сбить их со следа… сбить их со следа, — всякий раз бормотал дядя Вернон.

Они ехали целый день, не сделав ни единой остановки для того, чтобы хоть что-нибудь перекусить. Когда стемнело, Дадли начал скулить. У него в жизни не было такого плохого дня. Он был голоден, он пропустил пять телевизионных программ, которые собирался посмотреть, и он никогда еще не делал таких долгих перерывов между компьютерными сражениями с пришельцами и чудовищами.

Наконец дядя Вернон притормозил у мрачной гостиницы на окраине большого города. Дадли и Гарри выделили одну комнату на двоих — в ней были две двуспальные кровати, застеленные влажными, пахнущими плесенью простынями. Дадли тут же захрапел, а Гарри сидел на подоконнике, глядя вниз на огни проезжающих мимо машин и думая, гадая, мечтая…

На завтрак им подали заплесневелые кукурузные хлопья и кусочки поджаренного хлеба с кислыми консервированными помидорами. Но не успели они съесть этот нехитрый завтрак, как к столу подошла хозяйка гостиницы.

— Я извиняюсь, но нет ли среди вас мистера Г. Поттера? Тут для него письма принесли, целую сотню. Они там у меня, у стойки портье.

Она протянула им конверт, на котором зелеными чернилами было написано:

«Мистеру Г. Поттеру, город Коукворт, гостиница «У железной дороги», комната 11».

Гарри попытался схватить письмо, но дядя Вернон ударил его по руке. Хозяйка гостиницы застыла, ничего не понимая.

— Я их заберу, — сказал дядя Вернон, быстро вставая из-за стола и удаляясь вслед за хозяйкой.

* * *

— Дорогой, не лучше ли нам будет вернуться? — робко поинтересовалась тетя Петунья спустя несколько часов, но дядя Верной, похоже, ее не слышал.

Никто не знал, куда именно они едут. Дядя Вер-нон завез их в чащу леса, вылез из машины, огляделся, потряс головой, сел обратно, и они снова двинулись в путь. То же самое случилось посреди распаханного поля, на подвесном мосту и на верхнем этаже многоярусной автомобильной парковки.

— Папа сошел с ума, да, мам? — грустно спросил

Дадли после того, как днем дядя Верной оставил автомобиль на побережье, запер их в машине, а сам куда-то исчез.

Начался дождь. Огромные капли стучали по крыше машины. Дадли шмыгнул носом.

— Сегодня понедельник, — запричитал он. — Сегодня вечером показывают шоу великого Умберто. Я хочу, чтобы мы остановились где-нибудь, где есть телевизор.

«Значит, сегодня понедельник», — подумал про себя Гарри, вспоминая кое о чем. Если *сегодня* был понедельник-а в этом Дадли можно было доверять, он всегда знал, какой сегодня день, благодаря телевизионной программе, — значит, завтра, во вторник, Гарри исполнится одиннадцать лет. Конечно, нельзя сказать, что у него были веселые дни рождения, — например, в прошлом году Дурели подарили ему вешалку для куртки и пару старых носков дяди Вернона. Так что и в этом году от дня рождения ничего особенного ждать не стоило. Но все же не каждую неделю тебе исполняется одиннадцать.

Дядя Верной вернулся к машине, по лицу его блуждала непонятная улыбка. В руках он держал длинный сверток, и когда тетя Петунья спросила, что это он там купил, он ничего не ответил.

— Я нашел превосходное место! — объявил дядя Вернон. — Пошли! Все вон из машины!

На улице было очень холодно. Дядя Вернон указал пальцем на огромную скалу посреди моря. На вершине скалы приютилась самая убогая хижина, какую только можно было представить. Понятно, что ни о каком телевизоре не могло быть и речи.

— Сегодня вечером обещают шторм! — радостно сообщил дядя Вернон, хлопнув в ладоши. — А этот, джентльмен любезно согласился одолжить нам свою! лодку.

Дядя Вернон кивнул на семенящего к ним беззубого старика, который злорадно ухмылялся, показывая на старую лодку, прыгающую на серых, отливающих сталью волнах.

— Я уже запасся кое-какой провизией, — произнес дядя Вернон. — Так что теперь — все на борт!

В лодке было еще холоднее, чем на берегу. Ледяные брызги и капли дождя забирались за шиворот, а арктический ветер хлестал в лицо. Казалось, что прошло несколько часов, прежде чем они доплыли до скалы, а там дядя Верной, поскальзываясь на камнях и с трудом удерживая равновесие, повел их к покосившемуся домику.

Внутри был настоящий кошмар — сильно

пахло морскими водорослями, сквозь дыры в деревянных стенах внутрь с воем врывался ветер, а камин был отсыревшим и пустым. Вдобавок ко всему в домике было лишь две комнаты.

Приобретенная дядей Верноном провизия поразила всех — четыре пакетика чипсов и четыре банана. После еды — если это можно было назвать едой — дядя Верной попытался разжечь огонь с помощью пакетиков из-под чипсов, но те не желали загораться и просто съежились, заполнив комнату едким дымом.

— Надо было забрать из гостиницы все эти письма — вот бы они сейчас пригодились, — весело заметил дядя Вернон.

Дядя пребывал в очень хорошем настроении. Очевидно, он решил, что из-за шторма до них никто не доберется, так что писем больше не будет. Гарри в глубине души был с ним согласен, хотя его эта мысль совершенно не радовала.

Как только стемнело, начался обещанный шторм. Брызги высоких волн стучали в стены домика, а усиливающийся ветер неистово ломился в грязные окна. Тетя Петунья нашла в углу одной из комнат покрытые плесенью одеяла и устроила Дадли постель на изъеденной молью софе. Они с дядей Верноном ушли во вторую комнату, где

стояла огромная продавленная кровать, а Гарри пришлось улечься на пол, накрывшись самым тонким и самым рваным одеялом.

Ураган крепчал и становился все яростнее, а Гарри не мог заснуть. Он поеживался от холода и переворачивался с боку на бок, стараясь устроиться поудобнее, а в животе у него урчало от голода. Дадли захрапел, но его храп заглушали низкие раскаты грома: началась гроза.

У Дадли были часы со светящимся циферблатом, и когда его жирная рука выскользнула из-под одеяла и повисла над полом, Гарри увидел, что через десять минут ему исполнится одиннадцать лет. Он лежал и смотрел, как бегает по кругу секундная стрелка, приближая его день рождения, и спрашивал себя, вспомнят ли Дурсли об этой дате. Но еще больше его интересовало, где сейчас был тот, кто посылал ему письма

До начала следующего дня оставалось пять минут. Гарри отчетливо услышал, как снаружи что-то заскрипело. Ему хотелось верить, что крыша домика выдержит атаку дождя и ветра и не провалится внутрь, хотя, возможно, так стало бы теплее — все равно хуже, чем сейчас, быть уже не могло.

Часы Дадли показывали без четырех двена-

дцать. Гарри подумал, что, когда они вернутся на Тисовую улицу, вполне возможно, в доме будет столько писем, что ему удастся стащить хотя бы одно.

Без трех двенадцать. Снаружи раздался непонятный звук, словно море громко хлестнуло по скале. А еще через минуту до Гарри донесся громкий треск — наверное, это упал в море большой камень.

Еще одна минута, и наступит день его рождения. Тридцать секунд… двадцать… десять… девять… Может, имеет смысл разбудить Дадли, просто для того чтобы его позлить? Три секунды… две… одна…

БУМ!

Хижина задрожала, Гарри резко сел на полу, глядя на дверь. За ней кто-то стоял и громко стучал, требуя, чтобы его впустили. Но кто?

Глава 4

ХРАНИТЕЛЬ КЛЮЧЕЙ

БУМ! — снова раздался грохот. Дадли вздрогнул и проснулся.

— Где пушка? — с глупым видом спросил он. Позади них громко хлопнула дверь, отделявшая

одну комнату от другой, и появился тяжело дышавший дядя Верной. В руках у него было ружье — так что теперь стало ясно, что лежало в том длинном пакете, о содержимом которого он никому не рассказал.

— Кто там? — крикнул дядя Вернон. — Предупреждаю, я вооружен!

За дверью все стихло. И вдруг…

ТРАХ!

В дверь ударили с такой силой, что она слетела с петель и с оглушительным треском приземлилась посреди комнаты.

В дверном проеме стоял великан. Его лицо скрывалось за длинными спутанными прядями волос и огромной клочковатой бородой, но зато были видны его глаза, маленькие и блестящие, как черные жуки. Великан протиснулся в хижи-

ну и пригнулся, но голова его все равно касалась потолка-уж слишком он был велик Он наклонился, поднял дверь и легко поставил ее на место. Грохот урагана, доносившийся снаружи, сразу стал потише. Великан повернулся и внимательно оглядел всех, кто был в хижине.

— Ну чего, может, чайку сделаете, а? Непросто до вас добраться, да… устал я…

Великан шагнул к софе, на которой сидел застывший от страха Дадли.

— Ну-ка подвинься, пузырь, — приказал незнакомец.

Дадли взвизгнул и, соскочив с софы, рванулся к вышедшей из второй комнаты матери и спрятался за нее. Тетя Петунья в свою очередь шагнула за спину дяди Вернона и пугливо пригнулась, словно надеялась, что за мужем ее не будет видно.

— А вот и наш Гарри! — удовлетворенно произнес великан.

Гарри всмотрелся в свирепое, страшное лицо, скрытое волосами, и увидел, что глаза-жуки сузились в улыбке.

— Когда я видел тебя в последний раз, ты совсем маленьким был, — сообщил великан. — А сейчас вон как вырос — и вылитый отец, ну один в один просто. А глаза материны.

Дядя Вернон издал какой-то странный звук, похожий на скрип, и шагнул вперед.

— Я требую, чтобы вы немедленно покинули этот дом, сэр! — заявил он. — Вы взломали дверь и вторглись в чужие владения!

— Да заткнись ты, Дурсль!

Великан протянул руку и, выдернув ружье из рук дяди Вернона, с легкостью завязал его в узел, словно оно было резиновое, а потом швырнул его в угол.

Дядя Верной пискнул, как мышь, которой наступили на хвост.

— Да… Гарри, — произнес великан, поворачиваясь спиной к Дурслям. — С днем рождения тебя, вот. Я тут тебе принес кой-чего… Может, там помялось слегка, я… э-э… сел на эту штуку по дороге… но вкус-то от этого не испортился, да?

Великан запустил руку во внутренний карман черной куртки и извлек оттуда немного помятую коробку. Гарри взял ее дрожащими от волнения руками и поспешно открыл, хотя пальцы плохо слушались его. Внутри был большой липкий шоколадный торт, на котором зеленым кремом было написано: «С днем рождения, Гарри!»

Гарри посмотрел на великана. Он хотел поблагодарить его за подарок, но слова благодарности

потерялись по пути ко рту, и вместо этого он сказал совсем другое:

— Вы кто? Великан хохотнул.

— А ведь точно, я и забыл представиться. Рубеус Хагрид, смотритель и хранитель ключей Хогвартса.

Он протянул огромную ладонь и, обхватив руку Гарри, энергично потряс ее.

— Ну так чего там с чаем? — спросил он, потирая руки. — Я… э-э… и от чего-нибудь покрепче не отказался бы, если… э-э… у вас есть.

Взгляд великана упал на пустой камин, в котором тоскливо лежали сморщенные пакетики из-под чипсов. Великан презрительно фыркнул и нагнулся над камином — никто не видел, что он там делает, но когда через секунду великан отодвинулся, в камине полыхал яркий огонь. Мерцающий свет залил сырую хижину, и Гарри сразу почувствовал себя так, словно залез в горячую ванну.

Гигант сел обратно на софу, прогнувшуюся под его весом, и начал опорожнять карманы, которых в его куртке было великое множество. На софе появились медный чайник, мятая упаковка сосисок, чайник для заварки, кочерга, несколько кружек с выщербленными краями и бутылка с какой-то

янтарной жидкостью, к которой он приложился, прежде чем приступить к работе. Вскоре хижина наполнилась запахом жарящихся сосисок, весело шипящих на огне. Никто не двинулся с места и не сказал ни слова, пока великан готовил еду, но как только он снял с кочерги шесть нанизанных на нее сосисок — жирных, сочных, чуть подгоревших сосисок, — Дадли беспокойно завертелся.

— Что бы он ни предложил, Дадли, я запрещаю тебе это брать, — резко произнес дядя Вернон.

Великан мрачно усмехнулся.

— Да ты чего разволновался-то, Дурсль? — насмешливо спросил Он. — Да мне бив голову не пришло его кормить — вон он у тебя жирный-то какой.

Он протянул сосиски Гарри, который был так голоден, что проглотил их в мгновение ока, думая о том, что в жизни не ел ничего вкуснее. Но даже наслаждаясь сосисками, он не сводил глаз с великана. И наконец решился задать вопрос, который, кроме него, кажется, никто задавать не собирался.

— Извините, но я до сих пор не знаю, кто вы такой, — вежливо произнес Гарри.

Великан сделал глоток чая и вытер рукой блестевшие от жира губы.

— Зови меня Хагрид, — просто ответил он. — Меня так все зовут. А вообще я ж тебе уже вроде все про себя рассказал — я хранитель ключей в Хогвартсе. Ты, конечно, знаешь, что это за штука такая, Хогвартс?

— Э-э-э… Вообще-то нет, — робко выдавил из себя Гарри.

У Хагрида был такой вид, словно его обдали холодной водой.

— Извините, — быстро сказал Гарри.

— Извините?! — рявкнул Хагрид и повернулся к Дурслям, которые спрятались в тень. — Это им надо извиняться! Я… э-э… знал, что ты наших писем не получил, но чтобы ты вообще про Хогвартс не слышал? Не любопытный ты, выходит, коль ни разу не спросил, где родители твои всему научились…

— Научились чему? — непонимающе переспросил Гарри.

— ЧЕМУ?! — прогрохотал Хагрид, вскакивая на ноги. — Ну-ка погоди, разберемся сейчас!

Казалось, разъяренный великан стал еще больше и заполнил собой всю хижину. Дурели съежились от страха у дальней стены.

— Вы мне тут чего хотите сказать? — прорычал он, обращаясь к Дурслям. — Что этот мальчик-

этот мальчик! — ничегошеньки и не знает о том, что… Ничего не знает ВООБЩЕ?

Гарри решил, что великан зашел слишком далеко. В конце концов он ходил в школу и не так уж плохо учился.

— Кое-что я знаю, — заявил он. — Математику, например, и всякие другие вещи.

Но Хагрид просто отмахнулся от него.

— Я ж не об этом… а о том, что ты о нашем мире ничего не знаешь. О твоем мире. О моем мире. О мире твоих родителей.

— Каком мире? — непонимающе переспросил Гарри.

У Хагрида был такой вид, словно он вот-вот взорвется.

— ДУРСЛЬ! — прогремел он.

Дядя Вернон, побледневший от ужаса, что-то неразборчиво прошептал. Хагрид отвернулся от него и посмотрел на Гарри полубезумным взглядом.

— Но ты же знаешь про своих родителей… ну, кто они были? — с надеждой спросил он. — Да точно знаешь, не можешь ты не знать… к тому же они не абы кто были, а люди известные. И ты… э-э… знаменитость.

— Что? — Гарри не верил своим ушам. — Разве

мои мама и папа… разве они были известными людьми?

— Значит, ты не знаешь… Ничегошеньки не знаешь… — Хагрид дергал себя за бороду, глядя на Гарри изумленным взором.

— Ты чего, не знаешь даже, кто ты такой есть? — наконец спросил он.

Дядя Верной внезапно обрел дар речи.

— Прекратите! — скомандовал он. — Прекратите немедленно, сэр! Я запрещаю вам что-либо рассказывать мальчику!

Хагрид посмотрел на него с такой яростью, что даже куда более храбрый человек, чем дядя Вернон, сжался бы под этим взглядом. А когда Хагрид заговорил, то казалось, что он делает ударение на каждом слоге.

— Вы что, никогда ему ничего не говорили, да? Никогда не говорили, что в том письме было, которое Дамблдор написал? Я ж сам там был, у дома вашего, этими вот глазами видел, как Дамблдор письмо в одеяло положил! А вы, выходит, за столько лет ему так и не рассказали ничего, прятали все от него, да?

— Прятали от меня что? — поспешно поинтересовался Гарри.

— ПРЕКРАТИТЕ! Я ВАМ ЗАПРЕЩАЮ! — нервно

заверещал дядя Верной.

Тетя Петунья глубоко вдохнула воздух с таким видом, словно ужасно боялась того, что последует за этими словами.

— Эй, вы, пустые головы, сходите вон проветритесь, может, полегчает, — посоветовал им Хагрид, поворачиваясь к Гарри. — Короче так, Гарри, ты волшебник, понял?

В доме воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь отдаленным шумом моря и приглушенным свистом ветра.

— Я кто? — Гарри почувствовал, что у него отвисла нижняя челюсть.

— Ну, ясное дело кто — волшебник ты. — Хагрид сел обратно на софу, которая протяжно застонала и просела еще ниже. — И еще какой! А будешь еще лучше… когда немного… э-э… подучишься, да. Кем ты еще мог быть, с такими-то родителями? И вообще пора тебе письмо свое прочитать.

Гарри протянул руку и наконец-то, после стольких ожиданий, в ней оказался желтоватый конверт, на котором изумрудными чернилами было написано, что данное письмо адресовано мистеру Поттеру, который живет в хижине, расположенной на скале посреди моря, и спит на полу. Гарри вскрыл конверт, вытащил письмо

и прочитал:

ШКОЛА ЧАРОДЕЙСТВА И ВОЛШЕБСТВА «ХОГВАРТС»

Директор: Альбус Дамблдор

(Кавалер ордена Мерлина I степени,

Великий волшебник, Верховный, чародей, Президент

Международной конфедерации магов)

Дорогой мистер Поттер!

Мы рады проинформировать Вас, что Вам предоставлено место в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс». Пожалуйста, ознакомьтесь с приложенным к данному письму списком необходимых книг и предметов.

Занятия начинаются 1 сентября. Ждем вашу сову не позднее 31 июля.

Искренне Ваша, Минерва МакГонагалл, заместитель директора!

Гарри показалось, что у него в голове устроили фейерверк Вопросы, один ярче и жарче другого, взлетали в воздух и падали вниз, а Гарри все никак не мог решить, какой задать первым. Прошло несколько минут, прежде чем он неуверенно выдавил из себя:

— Что это значит: они ждут мою сову?

— Клянусь Горгоной, ты мне напомнил кое о чем, — произнес Хагрид, хлопнув себя по лбу так сильно, что этим ударом вполне мог бы сбить с ног лошадь. А затем запустил руку в карман куртки и вытащил оттуда сову — настоящую, живую и немного взъерошенную, — а также длинное перо и свиток пергамента. Хагрид начал писать, высунув язык, а Гарри внимательно читал написанное:

Дорогой мистер Дамблдор!

Передал Гарри его письмо. Завтра еду с ним, чтобы купить все необходимое. Погода ужасная. Надеюсь, с вами все в порядке.

Хагрид!

Хагрид скатал свиток, сунул его сове в клюв, подошел к двери и вышвырнул птицу туда, где бушевал ураган. Затем вернулся и сел обратно на софу. При этом вид у него был такой, словно сделал он что-то совершенно обычное, например поговорил по телефону.

Гарри вдруг понял, что сидит с открытым ртом, и быстро захлопнул его.

— Так на чем мы с тобой остановились? — спросил Хагрид.

В этот момент из тени вышел дядя Вернон.

Лицо его все еще было пепельно-серым от страха, но на нем отчетливо читалась злость.

— Он никуда не поедет, — сказал дядя Вернон. Хагрид хмыкнул.

— Знаешь, хотел бы я посмотреть, как такой храбрый магл, как ты, его остановит…

— Кто? — с интересом переспросил Гарри.

— Магл, — пояснил Хагрид-Так мы называем всех неволшебников-маглы. Да, не повезло тебе… ну в том плане, что хуже маглов, чем эти, я в жизни не видал.

— Когда мы взяли его в свой дом, мы поклялись, что положим конец всей этой ерунде, — упрямо продолжил дядя Верной, — что мы вытравим и выбьем из него всю эту чушь! Тоже мне волшебник!

— Так вы знали? — недоверчиво спросил Гарри. — Вы знали, что я… что я волшебник?

— Знали ли мы?! — внезапно взвизгнула тетя Петунья. — Знали ли мы? Да, конечно, знали! Как мы могли не знать, когда мы знали, кем была моя чертова сестрица! О, она в свое время тоже получила такое письмо и исчезла, уехала в эту школу и каждое лето на каникулы приезжала домой, и ее карманы были полны лягушачьей икры, а сама она все время превращала чайные

чашки в крыс. Я была единственной, кто знал ей цену, — она была чудовищем, настоящим чудовищем! Но не для наших родителей, они-то с ней сюсюкались — Лили то, Лили это! Они гордились, что в их семье есть своя ведьма!

Она замолчала, чтобы перевести дыхание, и после глубокого вдоха разразилась не менее длинной и гневной тирадой. Казалось, что эти слова копились в ней много лет, и все эти годы она хотела их выкрикнуть, но сдерживалась, и только теперь позволила себе выплеснуть их наружу.

— А потом в школе она встретила этого Поттера, и они уехали вместе и поженились, и у них родился ты. И конечно же я знала, что ты будешь такой же, такой же странный, такой же… ненормальный! А потом она, видите ли, взорвалась, а тебя подсунули нам!

Гарри побледнел как полотно. Какое-то время он не мог произнести ни слова, но потом дар речи снова вернулся.

— Взорвалась? — спросил он. — Вы же говорили, что мои родители погибли в автокатастрофе!

— АВТОКАТАСТРОФА?! — прогремел Хагрид и так яростно вскочил с софы, что Дурсли попятились обратно в угол. — Да как могла автокатастро-

фа погубить Лили и Джеймса Поттеров? Ну и ну, вот дела-то! Вот это да! Да быть такого не может, чтоб Гарри Поттер ничего про себя не знал! Да у нас его историю любой ребенок с пеленок знает! И родителей твоих тоже!

— Но почему? — В голосе Гарри появилась настойчивость. — И что с ними случилось, с мамой и папой?

Ярость сошла с лица Хагрида. На смену ей вдруг пришла озабоченность.

— Да, не ждал я такого, — произнес он низким, взволнованным голосом. — Дамблдор меня предупреждал, конечно, что непросто будет… ну… забрать тебя у этих… Но я и подумать не мог, что ты вообще ничего не знаешь. Не я, Гарри, должен бы рассказать тебе обо всем… э-э… но кто-то ж должен, так? Ну не можешь ты ехать в Хогвартс, не зная, кто ты такой.

Он мрачно посмотрел на Дурслей.

— Что ж, думаю, что будет лучше, если я тебе расскажу., н-ну… то, что могу, конечно, а могу не все, потому как., э-э… загадок много осталось, непонятного всякого…

Он снова сел и уставился на огонь.

— Наверное, начну я… с человека одного, — произнес Хагрид через несколько секунд. — Нет,

поверить не могу, что ты про него не знаешь, — его в нашем мире все знают…

— А кто он такой? — спросил Гарри, не дав Хагриду замолчать и уйти в себя.

— Ну… Я вообще-то не люблю его имя произносить. Никто из наших не любит.

— Но почему?

— Клянусь драконом, Гарри, люди все еще боятся, вот почему. А, чтоб меня, нелегко все это… Короче, был там один волшебник, который… который стал плохим. Таким плохим, каким только можно стать. Даже хуже. Даже еще хуже, чем просто хуже. Звали его…

Хагрид задохнулся от волнения и замолк

— Может быть, вы лучше напишете это имя? — предложил Гарри.

— Нет… не знаю я, как оно пишется. Ну ладно… э-э… Волан-де-Морт, — выдавил наконец Хагрид, пере дернувшись. — И больше не проси меня, ни за что не; повторю. В общем, этот волшебник лет так… э-э. двадцать назад начал себе приспешников искать.

И нашел ведь. Одни пошли за ним, потому что испугались, другие подумали, что он властью с ними поделится. А власть у него была ого-го, и чем дальше, тем больше ее становилось. Темные

были дни, да. Никому нельзя было верить. Жуткие вещи творились. Побеждал он, понимаешь. Нет, с ним, конечно, боролись, а он противников убивал. Ужасной смертью они умирали. Даже мест безопасных почти не осталось… разве что Хогвартс, да! Я так думаю, что Дамблдор был единственный, кого Ты-Знаешь-Кто боялся. Потому и на школу напасть не решился… э-э… тогда, по крайней мере. А твои мама и папа — они были лучшими волшебниками, которых я в своей жизни знал. Лучшими учениками школы были, первыми в выпуске. Не пойму, правда, чего Ты-Знаешь-Кто их раньше не попытался на свою сторону перетянуть… Знал, наверное, что они близки с Дамблдором, потому на Темную сторону не пойдут. А потом подумал: может, что их убедит… А может, хотел их… э-э… с дороги убрать, чтоб не мешали. В общем, никто не знает. Знают только, что десять лет назад, в Хэллоуин, он появился в том городке, где вы жили. Тебе всего год был, а он пришел в ваш дом и… и…

Хагрид внезапно вытащил откуда-то грязный, покрытый пятнами носовой платок и высморкался громко, как завывшая сирена.

— Ты меня извини… плохой я рассказчик, Гарри, — виновато произнес Хагрид. — Но так

грустно это… я ж твоих маму с папой знал, такие люди хорошие, лучше не найти, а тут… В общем, Ты-Знаешь-Кто их убил. А потом — вот этого вообще никто понять не может- он и тебя попытался убить. Хотел, чтобы следов не осталось, а может, ему просто нравилось людей убивать. Вот и тебя хотел, а не вышло, да! Ты не спрашивал никогда, откуда у тебя этот шрам на лбу? Это не порез никакой. Такое бывает, когда злой и очень сильный волшебник на тебя проклятие насылает. Так вот, родителей твоих он убил, даже дом разрушил, а тебя убить не смог. Поэтому ты и знаменит, Гарри. Он если кого хотел убить, так тот уже не жилец был, да! А с тобой вот не получилось. Он таких сильных волшебников убил — МакКиннонов, Боунзов, Прюиттов, а ты ребенком был, а выжил.

Хагрид замолчал, а Гарри вдруг ощутил резкую головную боль. Перед его глазами отчетливо возникла знакомая картина из прошлого, только теперь ослепительная вспышка зеленого света была гораздо ярче. И заодно он вспомнил кое-что еще, то, что никогда раньше не всплывало в его памяти, — громкий, ледяной, беспощадный смех.

Хагрид с грустью наблюдал за ним.

— Я тебя вот этими руками из развалин вынес, Дамблдор меня туда послал. А потом я привез

тебя этим…

— Вздор и ерунда! — донесся из угла голос дяди Вернона.

Гарри аж подпрыгнул от неожиданности — он совсем забыл про Дурслей. Но Дурели про него не забыли. Особенно дядя Верной, к которому, кажется, вернулась смелость — он сжимал кулаки и яростно смотрел на Хагрида.

— Послушай меня, мальчик, — прорычал дядя Верной. — Я допускаю, что ты немного странный, хотя, возможно, хорошая порка вылечила бы тебя раз и навсегда. Твои родители действительно были колдунами, но, как мне кажется, без них мир стал спокойнее. Они сами напросились на то, что получили, только и общались что с этими волшебниками, этого следовало ожидать, я знал, что они плохо кончат…

Не успел он договорить, как Хагрид спрыгнул с софы, вытащил из кармана потрепанный розовый зонтик и наставил на дядю Вернона, словно шпагу.

— Я тебя предупреждаю, Дурсль, я тебя в последний раз предупреждаю: еще раз рот откроешь…

Видимо, дядя Вернон представил себе, как этот великан с легкостью нанизывает его на свой зонтик, и его смелость сразу испарилась — он

прижался к стене и замолчал.

— Так-то лучше. — Хагрид тяжело вздохнул и сел обратно на софу, которая на этот раз прогнулась до самого пола.

На языке у Гарри вертелись самые разные вопросы. Сотни вопросов.

— А что случилось с Волан… извините, с тем Вы-Знаете-Кем?

— Хороший вопрос, Гарри. Исчез он. Растворился. В ту самую ночь, когда тебя пытался убить. Потому ты и стал еще знаменитее. Я тебе скажу, это самая что ни на есть настоящая загадка… Он все сильнее

и сильнее становился и вдруг исчез, и… эта… непонятно почему. Кой-кто говорит, что умер он. А я считаю, чушь все это, да! Думаю, в нем ничего человеческого не осталось уже… а ведь только человек может умереть. А кто-то говорит, что он все еще тут где-то, поблизости, просто прячется… э-э… своего часа ждет, но я так не думаю. Те, кто с ним был, — они на нашу сторону перешли. Раньше ведь они… эта… как заколдованные были, а тут проснулись. Вряд ли бы так вышло, будь он где-то рядом, да! Хотя большинство людей думают: он где-то тут, только силу свою потерял. Слишком слабый стал, чтоб дальше бороться и

все завоевать. В тебе было что-то, Гарри, что его… э-э… сломало. Чтой-то приключилось той ночью, чего он не ждал, не знаю что, да и никто не знает… но сломал ты его, это точно.

Во взгляде Хагрида светились тепло и уважение. Но Гарри, вместо того чтобы почувствовать себя польщенным и возгордиться, с ужасом осознавал, что все это ужасная ошибка. Волшебник? Он, Гарри Поттер, волшебник? Всю жизнь его шпынял Дадли и притесняли дядя Верной и тетя Петунья, а если он волшебник, то почему они не превращались в бородавчатых черепах всякий раз, как запирали его в чулане? Если когда-то он смог победить величайшего мага в мире, почему Дадли всегда пинал его и гонял по школе и по всему дому, как футбольный мяч?

— Хагрид, — тихо произнес Гарри. — Боюсь, что вы ошибаетесь. Я не думаю, что я волшебник… что я смогу стать волшебником.

К его удивлению, Хагрид рассмеялся.

— Значит, не волшебник? И никогда с тобой ничего такого не было, когда ты злился или огорчался?

Гарри уставился в огонь. Хагрид натолкнул его на важную мысль. Ведь если подумать… Все те странные вещи, происходившие с ним и неизмен-

но приводившие в ярость тетю Петунью и дядю Вернона, все они случались, когда он был огорчен или разозлен. Например, когда за ним гналась банда Дадли, а он смог ускользнуть от них, оказавшись на крыше школьной столовой… Или когда тетя Петунья остригла его почти наголо, и он с ужасом думал о том, как завтра появится в школе, — разве ему не удалось заставить волосы отрасти за одну ночь?… А взять самый последний случай, когда Дадли ударил его в террариуме, а он, сам того не подозревая, напустил на Дадли бразильского удава-Гарри улыбнулся, посмотрел на Хагрида и заметил, что лицо великана просияло.

— Ну что, убедил я тебя теперь, да? А говоришь, что Гарри Поттер не волшебник. Погоди, ты скоро в Хогвартсе самым знаменитым учеником станешь.

И тут снова подал голос дядя Верной «- видимо, испуг прошел, и он решил, что не сдастся без боя.

— Разве я не сказал вам, что он никуда не поедет? — прошипел дядя Верной. — Он пойдет в школу «Хай Камероне», и он должен быть благодарен нам за то, что мы его туда определили. Я читал эти ваши письма — про то, что ему нужна целая куча всякой ерунды, вроде книг заклина-

ний и волшебных палочек…

— Если он захочет там учиться, то даже такому здоровенному маглу как ты, его не остановить, понял? — прорычал Хагрид — Помешать сыну Лили и Джеймса Поттеров учиться в Хогвартсе — да ты свихнулся, что ли?! Он родился только, а его тут же записали в ученики, да! Лучшей школы чародейства и волшебства на свете нет… и он в нее поступит, а через семь лет сам себя не узнает. И жить он там будет рядом с такими же, как он, а это уж куда лучше, чем с вами. А директором у него будет самый великий директор, какого только можно представить, сам Альбус Да…

— Я НЕ БУДУ ПЛАТИТЬ ЗА ТО, ЧТОБЫ КАКОЙ-ТО ОПОЛОУМЕВШИЙ СТАРЫЙ ДУРАК УЧИЛ ЕГО ВСЯКИМ ФОКУСАМ! — прокричал дядя Верной.

Тут он зашел слишком далеко. Хагрид схватил свой зонтик, завертел им над головой, а его голос загремел словно гром.

— НИКОГДА… НЕ ОСКОРБЛЯЙ… ПРИ МНЕ… АЛЬ-БУСАДАМБЛДОРА!

Зонтик со свистом опустился и своим острием указал на Дадли. Потом вспыхнул фиолетовый свет, и раздался такой звук, словно взорвалась петарда, затем послышался пронзительный визг, а в следующую секунду Дадли, обхватив обеими

руками свой жирный зад, затанцевал на месте, вереща от боли. Когда он повернулся к Гарри спиной, тот заметил, что на штанах Дадли появилась дырка, а сквозь нее торчит поросячий хвостик.

Дядя Верной, с ужасом посмотрев на Хагрида, громко закричал, схватил тетю Петунью и Дадли, втолкнул их во вторую комнату и тут же с силой захлопнул за собой дверь.

Хагрид посмотрел на свой зонтик и почесал бороду.

— Зря я так., совсем уж из себя вышел, — сокрушенно произнес он. — И ведь не получилось все равно. Хотел его в свинью превратить, а он, похоже, и так уже почти свинья, вот и не вышло ничего… Хвост только вырос…

Он нахмурил кустистые брови и боязливо покосился на Гарри.

— Просьба у меня к тебе: чтоб никто в Хогвартсе об этом не узнал. Я… э-э… нельзя мне чудеса творить, если по правде. Только немного разрешили, чтобы за тобой мог съездить и письмо тебе передать. Мне еще и поэтому такая работа по душе пришлась… ну и из-за тебя, конечно.

— А почему вам нельзя творить чудеса? — поинтересовался Гарри.

— Ну… Я же сам когда-то в школе учился, и

меня… э-э… если по правде, выгнали. На третьем курсе я был. Волшебную палочку мою… эта… пополам сломали, и все такое. А Дамблдор мне разрешил остаться и работу в школе дал. Великий он человек, Дамблдор.

— А почему вас исключили?

— Поздно уже, а у нас делов завтра куча, — уклончиво ответил Хагрид. — В город нам завтра надо, книги тебе купить, и все такое. И эта… давай на «ты», нечего нам с тобой «выкать», мы ж друзья.

Он стащил с себя толстую черную крутку и бросил ее к ногам Гарри.

— Под ней теплее будет. А если она… э-э… шевелиться начнет, ты внимания не обращай — я там в одном кармане пару мышей забыл. А в каком — не помню…

Глава 5

КОСОЙ ПЕРЕУЛОК

На следующее утро Гарри проснулся рано. Он знал, что уже рассвело, но не торопился открывать глаза.

«Это был сон, — твердо сказал он себе. — Мне приснилось, что ко мне приходил великан по имени Хагрид, чтобы сообщить мне, что я пойду учиться в школу волшебников. Когда я открою глаза, то окажусь дома в своем чулане».

Внезапно раздался громкий стук

«А вот и тетя Петунья», — подумал Гарри с замиранием сердца. Но глаза его все еще были закрыты. Сон был слишком хорош, чтобы просыпаться.

Тук Тук Тук

— Хорошо, — пробормотал Гарри. — Я встаю.

Он сел, и тяжелая куртка Хагрида, под которой он спал, упала на пол. Хижина была залита светом, ураган кончился, Хагрид спал на сломанной софе, а на подоконнике сидела сова с зажатой в клюве газетой «стучала когтем в окно.

Гарри вскочил с постели. Счастье распирало

его изнутри, словно он проглотил воздушный шар. Гарри подошел к окну и распахнул его. Сова влетела в комнату и уронила газету прямо на Хагрида, но тот не проснулся. Затем сова спикировала на пол и набросилась на куртку Хагрида.

— Прекрати!

Гарри замахал руками, чтобы прогнать сову, но она яростно щелкнула клювом и продолжила терзать куртку.

— Хагрид! — громко позвал Гарри. — Тут сова…

— Заплати ей, — проворчал Хагрид, уткнувшись лицом в софу.

— Что?

— Она хочет, чтоб мы ей денег дали за то, что он газету притащила. Деньги в кармане.

Казалось, что куртка Хагрида состоит из одних карманов. Связки ключей, расплющенные дробинки, мотки веревки, мятные леденцы, пакетики чая… Наконец Гарри вытащил пригоршню странного вида монет.

— Дай ей пять кнатов, — сонно произнес Хагрид.

— Кнатов?

— Маленьких бронзовых монеток

Гарри отсчитал пять бронзовых монеток, и сова вытянула лапу, к которой был привязан кожаный

мешочек. А затем вылетела в открытое окно.

Хагрид громко зевнул, сел и потянулся.

— Пора идти, Гарри. У нас с тобой делов куча, нам в Лондон надо смотаться да накупить тебе всяких штук, которые для школы нужны.

Гарри вертел в руках волшебные монетки, внимательно их разглядывая. Он только что подумал кое о чем, и ему показалось, что поселившийся внутри его шар счастья начал сдуваться.

— М-м-м… Хагрид?

— А? — Хагрид натягивал свои огромные башмаки.

— У меня нет денег, и вы…

Великан внимательно посмотрел на него, словно напоминая о вчерашнем уговоре. Гарри вдруг понял, что ему, всегда такому вежливому и обращающемуся на «вы» ко всем старшим, будет легко называть Хагрида на «ты». Потому что Хагрид относился к нему с большей теплотой, чем кто бы то ни было, и вел себя как друг.

— Ты слышал, что сказал вчера вечером дядя Вер-нон. Он не будет платить за то, чтобы я учился волшебству

— А ты не беспокойся. — Хагрид встал и почесал голову. — Ты, что ли, думаешь, что твои родители о тебе не позаботились?

— Но если от их дома ничего не осталось…

— Да ты чо, они ж золото свое не в доме хранили! — отмахнулся Хагрид. — Короче, мы первым делом в «Гринготтс» заглянем, в наш банк Ты съешь сосиску, они и холодные очень ничего. А я, если по правде, не откажусь от кусочка твоего вчерашнего именинного торта.

— У волшебников есть свои банки?

— Только один. «Гринготтс». Там гоблины всем заправляют.

Гарри уронил кусок сосиски, который он держал руке.

— Гоблины?

— Да, и поэтому я тебе так скажу: только сумасшедший может решиться ограбить этот банк С гоблинами, Гарри, связываться опасно, да, запомни это. поэтому если захочешь… э-э… что-то спрятать, то надежнее «Гринготтса» места нет… Разве что Хогвартс. Да сам увидишь сегодня, когда за деньгами твоими придем — заодно и я там дела свои сделаю. Дамблдор мне поручил кой-чего, да! — Хагрид горделиво выпрямился. — Он мне всегда всякие серьезные вещи поручает. Тебя вот забрать, из «Гринготтса» кое-что взять — он знает, что мне доверять можно, понял? Ну ладно, пошли.

Гарри вышел на скалу вслед за Хагридом. Небо было чистым, и море поблескивало в лучах солнца! Лодка, которую арендовал дядя Верной, все еще была: здесь, но после урагана она была залита водой.

— А как ты сюда попал? — Гарри огляделся, но другой лодки так и не увидел.

— Прилетел, — ответил Хагрид.

— Прилетел?

— Да… не будем об этом. Теперь, когда ты со мной мне… э-э… нельзя чудеса творить.

Они уселись в лодку, а Гарри продолжал внимательно разглядывать Хагрида, пытаясь представить! его летящим.

— Хотя… да… если по правде, глупо было б грести самому. — Хагрид покосился на Гарри. — Если я… э-э… Если я сделаю так, чтоб мы побыстрее поплыли, ты ведь никому в Хогвартсе не расскажешь?

— Конечно нет! — выпалил Гарри, которому не терпелось увидеть что-нибудь магическое.

Хагрид вытащил свой розовый зонт, дважды стукнул им о борт лодки, и та помчалась.

— А почему только сумасшедший может попытаться ограбить «Гринготтс»? — поинтересовался Гарри.

— Заклинания, колдовство, — ответил Хагрид, разворачивая газету. — Говорят, что там у них самые секретные сейфы драконы охраняют. К тому же оттуда еще выбраться надо… «Гринготтс» глубоко под землей находится… сотни миль под Лондоном — чуешь? Глубже, чем метро. Даже если повезет грабителю и получится у него украсть что-нибудь, он с голоду помрет, пока оттуда выберется, да!

Гарри сидел и думал об услышанном. Хагрид читал газету, которая называлась «Ежедневный пророк». Гарри помнил, как дядя Верной твердил, что, когда человек читает газету, он не любит, чтобы ему мешали. Но сейчас оставить Хагрида в покое было нелегко, потому что никогда в жизни Гарри не хотелось задать столько вопросов.

— Ну вот, Министерство магии опять дров наломало, — пробормотал Хагрид, переворачивая страницу

— А есть такое Министерство? — спросил Гарри, позабыв, что мешать читающему газету не следует.

— Есть-есть, — ответил Хагрид. — Сначала хотели, чтоб Дамблдор министром стал, но он никогда Хогвартс не оставит, во как! Так что в министры старый Корнелиус Фадж пошел. А хуже его не

найдешь. Он теперь каждое утро к Дамблдору сов посылает за советами.

— А чем занимается Министерство магии?

— Ну, их главная работа, чтоб люди не догадались, что в стране на каждом углу волшебники живут.

— Почему?

— Почему? Да ты чо, Гарри? Все ж сразу захотят волшебством свои проблемы решить, эт точно! Не, лучше, чтоб о нас не знали.

В этот момент лодка мягко стукнулась о стену причала. Хагрид сложил газету, и они поднялись по каменным ступеням и оказались на улице.

Пока они шли к станции, жители маленького городка во все глаза смотрели на Хагрида. Гарри их прекрасно понимал. Дело даже не в том, что Хагрид был вдвое выше обычного человека, он еще и всю дорогу тыкал пальцем в самые простые, на взгляд Гарри, предметы, вроде парковочных счетчиков, и громко восклицал:

— Ну дела, Гарри! И чего эти маглы только не придумают!

— Хагрид! — произнес Гарри, немного запыхавшись, потому что ему было нелегко поспевать за Хагридом. — Ты сказал, что в «Гринготтсе» есть драконы?

— Ну, так говорят, — ответил Хагрид. — Э-э-э, хотел бы я иметь дракона.

— Ты хотел бы иметь дракона?

— Всегда хотел… еще когда маленьким совсем был. Все, пришли мы.

Они были на станции. Поезд на Лондон отходил через пять минут. Хагрид заявил, что ничего не понимает в деньгах маглов, и сунул Гарри несколько купюр, чтобы тот купил билеты.

В поезде на них глазели еще больше, чем на улице. Хагрид занял сразу два сиденья и начал вязать нечто похожее на шатер канареечного цвета, вроде тех, где устраивают представления циркачи.

— А письмо-то у тебя с собой, Гарри? — спросил он, считая петли.

Гарри вытащил из кармана пергаментный конверт.

— Отлично, — сказал Хагрид. — Там есть список всего того, что для школы нужно.

Гарри развернул второй листок бумаги, который не заметил вчера, и начал читать.

ШКОЛА ЧАРОДЕЙСТВА И ВОЛШЕБСТВА «Хогвартс»

Форма

Студентам-первокурсникам требуется:

Три простых рабочих мантии (черных).

Одна простая остроконечная шляпа (черная) на каждый день.

Одна пара защитных перчаток (из кожи дракона или аналогичного по свойствам материала).

Один зимний плащ (черный, застежки серебряные).

Пожалуйста, не забудьте, что на одежду должны быть нашиты бирки с именем и фамилией студента.

Книги

Каждому студенту полагается иметь следующие книги:

«Курсическая книга заговоров и заклинаний» (первый курс). Миранда Гуссокл

«История магии». Батильда Бэгшот

«Теория магии». Адальберт Уоффлинг

«Пособие по трансфигурации для начинающих». Эмерик Свитч

«Тысяча магических растений и грибов». Филли-да Спора

«Магические отвары и зелья». Жиг Мышъякофф

«Фантастические звери: места обитания». Ньют Саламандер

«Темные силы: пособие по самозащите». Квен-

тин Тримбл

Также полагается иметь:

1 волшебную палочку,1 котел (оловянный, стандартный размер № 2), 1 комплект стеклянных или хрустальных флаконов, 1 телескоп, 1 медные весы.

Студенты также могут привезти с собой сову, или кошку, или жабу.

НАПОМИНАЕМ РОДИТЕЛЯМ, ЧТО ПЕРВОКУРСНИКАМ НЕ ПОЛОЖЕНО ИМЕТЬ СОБСТВЕННЫЕ МЕТЛЫ.

— И это все можно купить в Лондоне? — ахнул Гарри.

— Если знаешь, где искать, — ответил Хагрид.

* * *

Гарри никогда раньше не гулял по Лондону. А Хагрид хотя и знал, куда им надо, но обычным способом туда никогда не добирался. Для начала он застрял в турникете метро, а после громко жаловался, что сиденья в вагонах слишком маленькие, а поезда слишком медленные.

— Не представляю, как маглы без магии обходятся, — сказал он, когда они поднялись вверх по сломанному эскалатору и оказались на улице,

полной магазинов.

Хагрид был так велик, что без труда прокладывал себе дорогу сквозь толпу, от Гарри требовалось лишь не отставать. Они проходили мимо книжных и музыкальных магазинов, закусочных и кинотеатров, но ни одно из этих мест не было похоже на то, где можно купить волшебную палочку. Это была обычная улица, забитая обычными людьми.

Гарри на мгновение показалось, что это сон. Ну разве может находиться под землей волшебный банк, набитый золотом? Разве существуют магазины, которые продают книги заклинаний и метлы? А может, все это ужасная шутка, которую придумали Дурели? Если бы Гарри не знал, что у Дурел ей нет чувства юмора, он бы так и подумал, но он почему-то верил Хагриду, хотя все, что тот говорил, было невероятно.

— Пришли, — произнес Хагрид, остановившись. — «Дырявый котел». Известное местечко.

Это был крошечный невзрачный бар. Если бы Хагрид не указал на него, Гарри бы его даже не заметил. Проходящие мимо люди на бар не смотрели. Их взгляды скользили с большого книжного магазина на магазин компакт-дисков, а бар, находившийся между этими магазинами,

они, похоже, вовсе не замечали. У Гарри даже возникло странное чувство, что только они с Хагридом видят его. Но прежде чем он успел спросить об этом, Хагрид завел его внутрь.

Для известного местечка бар был слишком темным и обшарпанным. В углу сидели несколько пожилых женщин и пили вино из маленьких стаканчиков, одна из них курила длинную трубку. Маленький человечек в цилиндре разговаривал со старым лысым барменом, похожим на нахмурившийся грецкий орех. Когда они вошли, все разговоры сразу смолкли. Очевидно, Хагрида здесь все знали — ему Улыбались и махали руками, а бармен потянулся за стаканом со словами:

— Тебе как обычно, Хагрид?

— Не могу, Том, я здесь по делам Хогвартса, — ответил Хагрид и хлопнул Гарри по плечу своей здоровенной ручищей, так что у того подогнулись колени,

— Боже милостивый, — произнес бармен, пристально глядя на Гарри. — Это… Неужели это…

В «Дырявом котле» воцарилась тишина.

— Благослови мою душу, — прошептал старый бармен. — Гарри Поттер… какая честь!

Он поспешно вышел из-за стойки, подбежал к Гарри и схватил его за руку В глазах бармена

стояли слезы.

— Добро пожаловать домой, мистер Поттер. Добро пожаловать домой.

Гарри не знал, что сказать. Все смотрели на него. Старуха сосала свою трубку, не замечая, что та по | гасла. Хагрид сиял.

Вдруг разом заскрипели отодвигаемые стулья, и следующий момент Гарри уже обменивался рукопожатиями со всеми посетителями «Дырявого котла». 1

— Дорис Крокфорд, мистер Поттер. Не могу поверить, что наконец встретилась с вами.

— Большая честь, мистер Поттер, большая чес

— Всегда хотела пожать вашу руку… Я вся дрожу.

— Я счастлив, мистер Поттер, даже не могу пере дать, насколько я счастлив. Меня зовут Дингл, Дедалус Дингл.

— А я вас уже видел! — воскликнул Гарри, и Дедалус Дингл так разволновался, что его цилиндр слетел с головы и упал на пол. — Вы однажды поклонились мне в магазине.

— Он помнит! — вскричал Дедалус Дингл, оглядываясь на остальных — Вы слышали? Он меня помнит!

Гарри продолжал пожимать руки. Дорис Крок-

форд подошла к нему во второй раз, а потом и в третий.

Вперед выступил бледный молодой человек, он очень нервничал, у него даже дергалось одно веко.

— Профессор Квиррелл! — представил его Хагрид. — Гарри, профессор Квиррелл — один из твоих будущих преподавателей.

— П-п-поттер! — произнес, заикаясь, профессор Квиррелл и схватил Гарри за руку. — Н-не могу п-пе-редать, насколько я п-полыцен встречей с вами.

— Какой раздел магии вы преподаете, профессор Квиррелл?

— Защита от Т-т-темных искусств, — пробормотал Квиррелл с таким видом, словно ему не нравилось то, что он сказал. — Н-не то чтобы вам это было н-нужно, верно, П-п-поттер? — Профессор нервно рассмеялся. — Как я п-понимаю, вы решили п-при-обрести все н-необходимое для школы? А мне н-нуж-на новая к-книга о вампирах.

Вид у него был такой, будто его пугала сама мысль о вампирах.

Но остальные не желали мириться с тем, что Квиррелл безраздельно завладел вниманием

Гарри. Прошло еще минут десять, прежде чем зычный голос Хагрида перекрыл другие голоса.

— Пора идти… нам надо еще кучу всего купить. Пошли, Гарри.

Дорис Крокфорд напоследок опять пожала Гарри руку. Хагрид вывел его из бара в маленький двор, со всех сторон окруженный стенами. Здесь не было

ничего, кроме мусорной урны и нескольких сорняков.

— Ну, что я тебе говорил? — Хагрид ухмыльнулся. — Я ж тебе сказал, что ты знаменитость. Даже профессор Квиррелл затрясся, когда тебя увидел… хотя, если по правде, он всегда трясется.

— Он всегда такой нервный?

— Да. Бедный парень. А ведь талантливый такой, да! Он пока науки по книгам изучал, в полном порядке был, а потом взял… э-э… отпуск, чтоб кой-какой опыт получить… Говорят, он в Черном лесу вампиров встретил, и еще там одна… э-э… история у него произошла с ведьмой… с тех пор он все, другим совсем стал. Учеников боится, предмета своего боится… Так, куда это мой зонт подевался?

Вампиры? Ведьмы? У Гарри кружилась голова. А Хагрид тем временем считал кирпичи в стене

над мусорной урной.

— Три вверх… два в сторону, — бормотал он. — Так; а теперь отойди, Гарри.

Он трижды коснулся стены зонтом.

Кирпич, до которого он дотронулся, задрожал, потом задергался, в середине у него появилась маленькая дырка, которая быстро начала расти. Через секунду перед ними была арка, достаточно большая, чтобы сквозь нее мог пройти Хагрид. За аркой начиналась мощенная булыжником извилистая улица.

— Добро пожаловать в Косой переулок, — произнес Хагрид.

Он усмехнулся, заметив изумление на лице Гарри Они прошли сквозь арку, и Гарри, оглянувшись, увидел, как она тут же снова превратилась в глухую стену

Ярко светило солнце, отражаясь в котлах, выставленных перед ближайшим к ним магазином. «Котлы. Все размеры. Медь, бронза, олово, серебро. Самопомешивающиеся и разборные» — гласила висевшая над ними табличка.

— Ага, такой тебе тоже нужен будет, — сказал Хагрид. — Но сначала надо твои денежки забрать.

Гарри пожалел, что у него не десять глаз. Пока

они шли вверх по улице, он вертел головой, пытаясь увидеть все сразу: магазины, выставленные перед ними товары, людей, делающих покупки. Полная женщина, стоявшая перед аптекой, мимо которой они проходили, качала головой.

— Печень дракона по семнадцать сиклей за унцию — да они с ума сошли…

Из мрачного на вид магазина доносилось тихое уханье. «Торговый центр «Совы». Неясыти обыкновенные, сипухи, ушастые и полярные совы» — прочитал Гарри. Несколько мальчишек примерно его возраста прижались носами к другой витрине, разглядывая выставленные в ней метлы.

— Смотри, — донеслось до Гарри, — новая модель «Нимбус-2000», самая быстрая.

Здесь были магазины, которые торговали мантиями, телескопами и странными серебряными инструментами, каких Гарри никогда не видел. Витрины по всей улице были забиты бочками с селезенками летучих мышей и глазами угрей, покачивающимися пирамидами из книг с заклинаниями, птичьими перьями и свитками пергамента, бутылками с волшебными зельями и глобусами Луны…

— «Гринготтс», — объявил Хагрид.

Они находились перед белоснежным зданием, возвышавшимся над маленькими магазинчиками. А у отполированных до блеска бронзовых дверей в алой с золотом униформе стоял…

— Да, это гоблин, — спокойно сказал Хагрид, когда они поднимались по белым каменным ступеням.

Гоблин был на голову ниже Гарри. У него было? смуглое умное лицо, острая бородка и, как заметил Гарри, очень длинные пальцы и ступни. Он поклонился, когда они входили внутрь. Теперь они стояли перед вторыми дверями, на этот раз серебряными. На них были выгравированы строчки:

Входи, незнакомец, но не забудь, Что у жадности грешная суть, Кто не любит работать, но любит брать, Дорого платит — и это надо знать. Если пришел за чужим ты сюда, *Отсюда тебе не уйти никогда.*

— Я ж тебе говорил: надо быть сумасшедшим, бы попытаться ограбить этот банк, — сказал Хагрид.

Два гоблина с поклонами встретили их, когда он прошли сквозь серебряные двери и оказались в огромном мраморном холле. На высоких стульях за длинной стойкой сидела еще сотня гоблинов

— они делали записи в больших гроссбухах, взвешивали монеты на медных весах, с помощью луп изучали драгоценные камни. Из холла вело больше дверей, чем Гарри мог сосчитать, — другие гоблины впускали и выпускали через них людей. Хагрид и Гарри подошли к стойке.

— Доброе утро, — обратился Хагрид к свободному гоблину. — Мы тут пришли, чтоб немного денег взять… э-э… из сейфа мистера Гарри Поттера.

— У вас есть его ключ, сэр?

— Где-то был, — ответил Хагрид и начал выкладывать на стойку содержимое своих карманов.

Пригоршня заплесневелых собачьих бисквитов посыпалась на бухгалтерскую книгу гоблина. Гоблин сморщил нос. Гарри наблюдал за гоблином, сидевшим справа и взвешивавшим груду рубинов, огромных, как пылающие угли.

— Нашел, — наконец сказал Хагрид, протягивая крошечный золотой ключик

Гоблин изучающе посмотрел на него.

— Кажется, все в порядке.

— И у меня тут еще письмо имеется… э-э… от профессора Дамблдора, — с важным видом произнес Хагрид, выпячивая грудь. — Это насчет Вы-Знаете-Чего в сейфе семьсот тринадцать.

Гоблин внимательно прочитал письмо.

— Прекрасно, — сказал он, возвращая письмо Хагриду. — Сейчас вас отведут вниз к вашим сейфам. Крюкохват!

Крюкохват тоже был гоблином. Когда Хагрид распихал все собачьи бисквиты по карманам, они с Гарри последовали за Крюкохватом к одной из дверей.

— А что такое это Вы-Знаете-Что в сейфе семьсот тринадцать? — спросил Гарри.

— Не могу я тебе сказать, — таинственно ответил Хагрид. — Очень секретно. Это школы «Хогвартс» касается. Дамблдор мне доверяет. А я своей работой слишком дорожу, чтобы секреты тебе раскрывать.

Крюкохват открыл перед ними дверь. Гарри, ожидавший увидеть вокруг мрамор, был удивлен. Они стояли в узком каменном коридоре, освещенном горящими факелами. Дорога круто уходила вниз, на полу были тоненькие рельсы. Крюкохват свистнул, и к ним с лязгом подкатила маленькая тележка. Они забрались внутрь — Хагриду это удалось с трудом — и поехали.

Сначала они неслись сквозь лабиринт петляющих коридоров. Гарри пытался запомнить дорогу- налево, направо, направо, налево, на раз-

вилке прямо, опять направо, опять налево, — но вскоре оставил это бесполезное занятие. Казалось, дребезжащая тележка сама знает дорогу, потому что Крюкохват ею не управлял.

Гарри обдало ледяным воздухом, глаза защипало, но он держал их широко открытыми. В какой-то момент ему почудилось, что он заметил вспышку огня в конце коридора, и он быстро обернулся, чтобы увидеть, не дракон ли это, но опоздал — тележка резко ушла вниз Сейчас она проезжала мимо подземного озера, на по толке и стенах росли сталагмиты и сталактиты.

— Знаешь, Хагрид, — громко произнес Гарри, пытаясь заглушить шум тележки. — Я никогда не знал,

в чем разница между сталактитом и сталагмитом.

— В слове сталагмит есть буква «м», — ответил Хагрид. — И больше не спрашивай меня ничего… меня, похоже, сейчас наизнанку вывернет.

Хагрид был весь зеленый. Когда тележка наконец остановилась перед маленькой дверью в стене, *он* выбрался из нее, прислонился к стене и подожди пока у него перестанут дрожать колени.

Крюкохват отпер дверь. Изнутри вырвалось

облако зеленого дыма, а когда оно рассеялось, Гарри ахнул. Внутри были кучи золотых монет. Колонны серебряных. Горы маленьких бронзовых кнатов.

— Это все твое, — улыбнулся Хагрид.

«Все твое» — это было невероятно. Дурели наверняка не знали об этих деньгах, иначе они отняли *бы* их у него, не успел бы он и глазом моргнуть. Сколько раз они жаловались, что Гарри им дорого обходится? А все это время глубоко под Лондоном хранилось принадлежащее ему сокровище.

Хагрид помогал Гарри бросать монеты в сумку.

— Золотые — это галлеоны, — пояснил он. — Один галлеон — это семнадцать серебряных сиклей, а один сикль — двадцать девять кнатов, это просто, да? Ладно, тебе этого на пару семестров хватит, а остальное пусть тут лежит. — Он повернулся к Крюкохвату. — А теперь нам нужен сейф семьсот тринадцать… и… э-э… пожалуйста, нельзя ли помедленнее?

— У тележки только одна скорость, — ответил Крюкохват.

Теперь они спускались еще ниже, а тележка ехала почему-то еще быстрее, чем раньше. Воздух становился холоднее. Когда они проезжали над

подземным ущельем, Гарри перегнулся, чтобы разглядеть, что скрывается в его темных глубинах, но Хагрид со стоном схватил его за шиворот и втащил обратно.

В сейфе номер семьсот тринадцать не было замочной скважины.

— Отойдите, — важно сказал Крюкохват. Он мягко коснулся двери одним из своих длинных пальцев, и она просто растаяла.

— Если это попробует сделать кто-то, кроме работающих в банке гоблинов, его засосет внутрь, и он окажется в ловушке, — произнес Крюкохват.

— А как часто вы проверяете, нет ли там кого внутри? — поинтересовался Гарри.

— Примерно раз в десять лет, — ответил Крюкохват с довольно неприятной улыбкой.

Гарри был уверен, что в этом сверхсекретном сейфе лежит что-то ужасно важное, как минимум, драгоценные камни невероятных размеров, и он поспешно шагнул вперед, чтобы увидеть, что там. Сначала ему показалось, что там вообще пусто. Затем он заметил на полу маленький невзрачный сверток из коричневой бумаги. Хагрид нагнулся, подобрал его и засунул во внутренний карман куртки. Гарри хотелось узнать, что там, но он понимал, что спрашивать не стоит.

— Пошли обратно к этой адовой тележке, и не разговаривай со мной по дороге. Лучше будет, если я буду держать рот закрытым, — сказал Хагрид.

* * *

Еще одна бешеная гонка на тележке — и вот они уже стоят на улице у банка, щурясь от солнечного света. Сейчас, когда у него в руках была сумка, полная денег, Гарри не знал, что с ними делать, и с трудом подавлял в себе желание начать покупать все подряд. Ему даже не было интересно, каков курс галлеона по отношению к фунту, — важно было, что сейчас у него денег больше, чем за всю его жизнь. Даже больше, чем когда-либо было у Дадли. О том, что это волшебные деньги и их можно тратить только в волшебном мире, он как-то забыл.

— Ну что, надо бы купить тебе форму, — заметил Хагрид, кивнув в сторону магазина с вывеской «Мадам Малкин. Одежда на все случаи жизни». — Слушай, Гарри, ты… э-э… не против, если я заскочу в «Дырявый котел» и пропущу стаканчик? Ненавижу я эти тележки в «Гринготтсе»… мутит меня после них.

Хагрид на самом деле был все еще бледным,

поэтому Гарри кивнул. Хотя он немного нервничал, входя в магазин мадам Малкин в полном одиночестве.

Мадам Малкин оказалась приземистой улыбающейся волшебницей, одетой в розовато-лиловые одежды.

— Едем учиться в Хогвартс? — спросила она прежде, чем Гарри успел объяснить ей цель своего визита. — Ты пришел по адресу: у меня тут как раз еще один клиент тоже к школе готовится.

В глубине магазина на высокой скамеечке стоял бледный мальчик с тонкими чертами лица, а вторая волшебница крутилась вокруг него, подгоняя по росту длинные черные одежды. Мадам Малкин поставила Гарри на соседнюю скамеечку.

— Привет! — сказал мальчик. — Тоже в Хогвартс?

— Да, — ответил Гарри.

— Мой отец сейчас покупает мне учебники, а мать смотрит волшебные палочки, — сообщил мальчик Он говорил как-то очень устало, специально растягивая слова. — А потом потащу их посмотреть гоночные метлы. Не могу понять, почему первокурсникам нельзя их иметь. Думаю, мне удастся убедить отца, чтобы он купил мне

такую... а потом как-нибудь тайком пронесу ее в школу.

Мальчик сильно напомнил Гарри его кузена.

— А у тебя есть своя собственная метла? — продолжал тот.

— Нет. — Гарри отрицательно кивнул головой.

— А в квиддич играешь?

— Нет, — повторил Гарри, спрашивая себя, что же это такое — квиддич.

— А я играю. Отец говорит, что будет преступлением, если меня не возьмут в сборную факультета, и я тебе скажу: я с ним согласен. Ты уже знаешь, на каком будешь факультете?

— Нет, — в третий раз произнес Гарри, с каждой Минутой чувствуя себя все большим дураком.

— Ну, вообще-то никто заранее не знает, это уже там решат, но я знаю, что я буду в Слизерине, вся моя семья там была. А представь, если определят в Пуффендуй, тогда я сразу уйду из школы, а ты?

— М-м-м, — неопределенно промычал Гарри, жалея, что не может сказать что-нибудь более содержательное.

— Ну и ну, ты только посмотри на этого! — внезапно воскликнул мальчик, кивком показывая на окно. За окном стоял Хагрид, улыбаясь Гарри и показывая на два огромных мороженых, словно

объясняя, почему он не может войти внутрь.

— Это Хагрид, — радостно пояснил Гарри. Ему было приятно, что он знает что-то, чего не знает этот мальчик — Он работает в Хогвартсе.

— А-а-а, — протянул тот. — Я о нем слышал. О там что-то вроде прислуги, да?

— Он лесник, — сухо ответил Гарри. С каждой секундой этот мальчик нравился ему все меньше и меньше.

— Да, точно. Я слышал, он настоящий дикарь. Живет в хижине на территории школы и время от времени напивается и пытается творить чудеса, а все кончается тем, что вспыхивает его собственная постель!

— Лично мне он очень нравится, — холодно парировал Гарри.

— Вот как? — На лице мальчика появилась презрительная усмешка. — А почему он с тобой? Где твои родители?

— Они умерли, — коротко ответил Гарри. Ему не хотелось разговаривать с мальчиком на эту тему.

— О, мне очень жаль, — произнес тот, хотя по его голосу нельзя было сказать, что он о чем-либо сожалеет. — Но они были из наших или нет?

— Они были волшебники, если ты об этом.

— Если честно, я не понимаю, почему в школу принимают не только таких, как мы, но и детей не из наших семей. Они ведь другие. Они по-другому росли и ничего о нас не знают. Представь, некоторые даже никогда не слышали о Хогвартсе до того дня, как получили письмо. Я думаю, что в Хогвартсе должны учиться только дети волшебников. Кстати, а как твоя фамилия?

Но прежде чем Гарри успел ответить, в разговор вмешалась мадам Малкин.

— Все готово, — произнесла она.

Нельзя сказать, чтобы Гарри был огорчен тем, что у него появился повод закончить разговор, и он поспешно спрыгнул со скамеечки.

— Что ж, встретимся в школе, — бросил ему вслед мальчик

Гарри молча ел купленное Хагридом мороженое- ванильно-шоколадное с колотыми орешками. Мороженое было настолько вкусным, что есть и одновременно разговаривать было бы слишком. Но Хагрид заметил, что Гарри какой-то притихший и грустный.

— Чой-то случилось? — спросил он.

— Все в порядке, — соврал Гарри.

Они зашли в магазинчик, чтобы купить пергамент и перья. Гарри немного развеселился,

купив флакончик чернил, которые меняли цвет в процессе письма.

— Хагрид, а что такое квиддич? — спросил он, когда они вышли из магазина.

— Черт меня подери, Гарри, разве можно не знать, что такое квиддич?! Извини... э-э... все время забываю, что ты почти ничего не знаешь.

— Перестань. Мне и так плохо, — мрачно сказал Гарри. И рассказал Хагриду о том, что произошло в магазине одежды. — И еще он сказал, что детей из семей маглов не следует принимать в школу, и...

— Но ты же не из маглов, — горячо возразил Хагрид. — Знай этот мальчишка, кто ты есть... Он твое имя с детства знает, если он из наших... Ты ж видел, как тебя встречали в «Дырявом котле». И вообще ничего он в этом не понимает, да! Ты мне поверь, среди лучших магов такие есть, которые от маглов родились и с ними жили. Да вот хоть маму твою возьми и сестру ее...

— Ты мне так и не ответил: что такое квиддич?

— Это наш спорт. Спорт волшебников. что-то вроде... э-э... футбола у маглов. Все играют в квиддич, и болельщиков куча. В него в воздухе играют, на метлах, и там четыре мяча... ну., сложно это, в общем, тебе все объяснять, правила и все такое...

— А что такое Слизерин и Пуффендуй?

— Школьные факультеты. Их четыре всего. Про Пуффендуй говорят, что там самые тупицы учатся, но…

— Готов спорить, что я попаду в Пуффендуй, — мрачно заметил Гарри.

— Лучше в Пуффендуй, чем в Слизерин, — еще более мрачно ответил Хагрид. — Все те, кто потом плохими стали, они все из Слизерина были. Ты-Знаешь-Кто тоже оттуда.

— Волан… извини… Ты-Знаешь-Кто учился в Хогвартсе?

— Много-много лет назад, — ответил Хагрид. После этого они зашли за учебниками в магазин под названием «Флориш и Блоттс», где было столько книг, сколько Гарри ни разу в жизни не видел, — они стояли на полках, занимая все пространство магазина от пола до потолка. Там были гигантские фолианты в кожаных переплетах, каждый весом с огромный булыжник; там были книги размером с почтовую марку и книги в шелковых обложках; там были книги, испещренные непонятными символами, и книги, в которых были только пустые страницы. Эти книги не оставили бы равнодушным даже Дадли, который никогда ничего не читал. Хагриду

пришлось буквально силой оттаскивать Гарри от учебника профессора Виндиктуса Виридиана «Как наслать проклятие и защититься, если проклятие наслали на вас» («Очаруйте ваших друзей и одурманьте ваших врагов. Самые современные способы взять реванш» — гласил подзаголовок книги. — «Выпадение волос. Ватные ноги. Немота и многое-многое другое).

— Я пытался узнать, как наслать проклятие на Дадли, — объяснил Гарри.

— Не скажу, что идея плоха, но ты пойми, нельзя… э-э… пользоваться магией в мире маглов. Хотя, если по правде, иногда можно… н-ну… от ситуации зависит. — Хагрид покивал, показывая, что с пониманием относится к тому, что сказал Гарри, — ведь это именно из-за Хагрида у Дадли вырос поросячий хвостик — Но ты ж все равно так не сможешь пока — этому не сразу учат. Тебе сначала многое другое надо будет узнать.

Хагрид не позволил Гарри купить котел из чистого золота.

— В списке сказано, что тебе оловянный нужен, значит, оловянный и купим. — Тут великан был неумолим.

Зато они купили очень красивые и точные весы, а еще приобрели складной медный телескоп.

Затем они посетили аптеку, в которой все было так волшебно, что Гарри даже не обратил внимания на ужасный запах — там пахло тухлыми яйцами и гнилыми кабачками. На полу стояли бочки с какой-то слизью, вдоль стен выстроились стеклянные банки с засушенными растениями, толчеными корнями и разноцветными порошками, а с потолка свисали связки перьев, клыков и загнутых когтей. Пока Хагрид разговаривал с аптекарем — им нужно было купить всякие ингредиенты для приготовления волшебных снадобий, — Гарри изучал серебряные рога единорога стоимостью в двадцать один галлеон каждый и крошечные глаза жуков, блестящие и черные (пять кнатов за ковшик).

Выйдя из аптеки, Хагрид попросил Гарри показать ему письмо и еще раз внимательно его изучил.

— Не, еще не все… еще одна вещь осталась, — сказал он. — Я тебе до сих пор… э-э… подарок не купил, а у тебя ж день рождения сегодня.

Гарри почувствовал, что краснеет.

— Но вы совсем не обязаны…

— Да знаю я, что не обязан, — отмахнулся от него Хагрид. — Вот чего… куплю-ка я тебе животное. Может, жабу… хотя нет, жабы сто лет как из

моды вышли, тебя в школе на смех подымут. И кошек я не люблю, мне от них… э-э… чихать охота. Во — купим тебе сову. О совах все дети мечтают, да и к тому же полезные они, почту твою носят, и все такое.

Двадцать минут спустя они вышли из магазина под названием «Торговый центр «Совы»», и Гарри зажмурился от яркого солнца, потому что в магазине царила полная шорохов, шелеста и шуршания перьев тьма, освещаемая лишь мерцанием ярких, как драгоценные камни, глаз. В руке Гарри держал огромную клетку, в которой сидела красивая полярная сова. Сова спала, засунув голову под крыло. Гарри распирало чувство признательности, и он никак не мог остановиться, в сотый раз говоря Хагриду большое спасибо и начиная заикаться, как профессор Квиррелл.

— Ну хватит тебе, — ворчливо заметил Хагрид, пытаясь скрыть смущение — он явно был очень польщен. — Я ж так понял, что Дурели эти тебя… ну., не особо подарками баловали. А ты не с ними теперь, а с нами, тут… э-э… по-другому все будет. Ладно, нам только волшебная палочка осталась. В «Олливандер» пойдем, лучшее место для этого. Там тебе такую палочку подберут, закачаешься, да!

Гарри затаил дыхание: получить волшебную палочку ему хотелось больше, чем все остальное, что было в списке.

Магазин находился в маленьком обшарпанном здании. С некогда золотых букв «Семейство Олливандер — производители волшебных палочек с 382-го года до нашей эры» давно уже облетела позолота. В пыльной витрине на выцветшей фиолетовой подушке лежала одна-единственная палочка.

Когда они вошли внутрь, где-то в глубине магазина зазвенел колокольчик Помещение было крошечным и абсолютно пустым, если не считать одного длинного тонконогого стула, на который уселся Хагрид в ожидании хозяина. Гарри чувствовал себя очень странно — словно он попал в библиотеку, в которой были очень строгие правила. У него возникла куча новых вопросов, которые он собирался задать Хагриду, но здесь не решался. Вместо этого он рассматривал тысячи узеньких коробочек, выстроившихся вдоль стен от пола до потолка. Гарри почувствовал, как по коже побежали мурашки. Здешние пыль и тишина были полны волшебных секретов казалось, издавали почти неслышный звон.

— Добрый день, — послышался тихий голос.

Гарри подскочил от неожиданности Хагрид по-видимому тоже подскочил, потому что раздался громкий треск, и великан быстро отошел от покосившегося

Перед ними стоял пожилой человек, от его боль почти бесцветных глаз исходило странное, прямо-лунное свечение, прорезавшее магазинный мрак

— Здравствуйте, — выдавил из себя Гарри.

— О, да. — Старичок покивал головой. — Да, Я так и думал, что скоро увижу вас, Гарри Поттер. Это был не вопрос, а утверждение. — У вас глаза, у вашей матери. Кажется, только вчера она была меня, покупала свою первую палочку. Десять дюймов с четвертью, элегантная, гибкая, сделанная из ивы. Прекрасная палочка для волшебницы.

Мистер Олливандер приблизился к Гарри почти вплотную. Гарри ужасно захотелось отвернуться просто моргнуть. От взгляда этих серебристых глаз ему стало не по себе.

— А вот твой отец предпочел палочку из красного дерева. Одиннадцать дюймов. Тоже очень гибкая. Чуть более мощная, чем у твоей матери, и великолепно подходящая для превращений. Да, я сказал, что твой отец предпочел эту палочку,

но это не совсем так. Разумеется, не волшебник выбирает палочку, а палочка волшебника.

Мистер Олливандер стоял так близко к Гарри,

носы почти соприкасались. Гарри даже видел свое отражение в затуманенных глазах старика.

— А, вот куда…

Мистер Олливандер вытянул длинный белый палец и коснулся шрама на лбу Гарри.

— Мне неприятно об этом говорить, но именно я продал палочку которая это сделала, — мягко произнес он — Тринадцать с половиной дюймов. Тис. Это была мощная палочка, очень мощная, и в плохих руках… Что ж, если бы я знал, что натворит эта палочка, я бы…

Он потряс головой, и вдруг, к облегчению Гарри, который больше не мог выдерживать этот взгляд, заметил Хагрида.

— Рубеус! Рубеус Хагрид! Рад видеть вас снова… Дуб, шестнадцать дюймов, очень подвижная, не так ли?

— Так и было, да, сэр, — ответил Хагрид.

— Хорошая была палочка. Но, как я понимаю, ее переломили надвое, когда вас отчислили? — Мистер Олливандер внезапно посуровел.

— Э-э-э… Да, так и было, сэр, — согласился Хагрид, изучая свои ноги и зачем-то вытирая их

об пол.

И вдруг просиял. — Но зато у меня остались обломки.

— Надеюсь, вы их не используете? — строго спросил мистер Олливандер.

— О, конечно нет, сэр, — быстро ответил Хагрид. Гарри заметил, что Хагрид очень крепко сжал свой розовый зонтик

— Гм-м-м, — задумчиво протянул мистер Олливандер, не сводя с Хагрида испытующего взгляда. — ладно, а теперь вы, мистер Поттер. Дайте мне подумать — Он вытащил из кармана длинную линейку с серебряными делениями. — Какой рукой вы берёте палочку?

— Я?... — замялся Гарри, наконец спохватившись. — А, я правша!

— Вытяните руку. Вот так

Старичок начал измерять правую руку Гарри. Сначала расстояние от плеча до пальцев, затем расстояние от запястья до локтя, затем от плеча до пола, колена до подмышки, и еще зачем-то измерил окружность головы.

— Внутри каждой палочки находится мощная магическая субстанция, мистер Поттер, — пояснял старичок, проводя свои измерения. — Это может быть шерсть единорога, перо из хвоста фе-

никса или высушенное сердце дракона. Каждая палочка фирмы «Олливандер» индивидуальна, двух похожих не бывает, как не бывает двух абсолютно похожих единорогов, драконов или фениксов. И конечно, вы никогда не достигнете хороших результатов, если будет пользоваться чужой палочкой.

Гарри внезапно осознал, что линейка сама его измеряет, а мистер Олливандер давно отошел к полкам и снимает с них одну коробочку за другой.

— Достаточно, — сказал он, и линейка упала на пол. — Что ж, мистер Поттер, для начала попробуем эту. Бук и сердце дракона. Девять дюймов. Очень красивая и удобная. Возьмите ее и взмахните.

Гарри взял палочку в правую руку и, чувствуя себя полным дураком, немного помахал ей перед своим носом, но мистер Олливандер практически тут же вырвал ее из его руки.

— Эта не подходит, возьмем следующую. Клен и перо феникса. Семь дюймов. Очень хлесткая. Пробуйте

Гарри попробовал-хотя едва он успел поднять палочку, как она оказалась в руках мистера Олливандера

— Нет, нет, берите эту — эбонит и шерсть единорога, восемь с половиной дюймов, очень пружинистая. Давайте, давайте, попробуйте ее.

Гарри пробовал. И снова пробовал. И еще раз попробовал. Он никак не мог понять, чего ждет мистер Олливандер. Гора опробованных палочек, складываемых мистером Олливандером на стул, становилась все выше и выше. Но мистера Олливандера это почему-то вовсе не утомляло, а, наоборот, ужасно радовало. Чем больше коробочек он снимал с полок, тем счастливее выглядел.

— А вы необычный клиент, мистер Поттер, не так ли? Не волнуйтесь, где-то здесь у меня лежит то, что вам нужно… а кстати… действительно, почему бы и нет? Конечно, сочетание очень необычное — остролист и перо феникса, одиннадцать дюймов, очень гибкая прекрасная палочка.

Гарри взял палочку, которую протягивал ему мистер Олливандер. И внезапно пальцы его потеплели. Он поднял палочку над головой, со свистом опустил ее вниз, разрезая пыльный воздух, и из палочки вырвались красные и золотые искры, яркие, как фейерверк, и их отсветы заплясали на стенах.

— О, браво! Да, это действительно то, что надо,

это просто прекрасно. Так, так, так., очень любопытно… чрезвычайно любопытно…

Мистер Олливандер уложил палочку обратно в коробку и начал упаковывать ее в коричневую бумагу, продолжая бормотать:

— Любопытно… очень любопытно…

— Извините, — спросил Гарри, — что именно кажется вам любопытным?

Мистер Олливандер уставился на Гарри своими выцветшими глазами.

— Видите ли, мистер Поттер, я помню каждую палочку, которую продал. Все до единой. Внутри вашей палочки — перо феникса, я вам уже сказал. Так вот, обычно феникс отдает только одно перо из своего хвоста, но в вашем случае он отдал два. Поэтому мне представляется весьма любопытным, что эта палочка выбрала вас, потому что ее сестра, которой досталось второе перо того феникса… Что ж, зачем от вас скрывать — ее сестра оставила на вашем лбу этот шрам.

Гарри судорожно вздохнул.

— Да, тринадцать с половиной дюймов, тис. Странная вещь — судьба. Я ведь вам говорил, что палочка выбирает волшебника, а не наоборот? Так что думаю, что мы должны ждать от вас больших свершений, мистер Поттер. Тот-Чье-

Имя-Нельзя-Называть сотворил много великих дел — да, ужасных, но все же великих.

Гарри поежился. Он не был уверен, что ему нравится мистер Олливандер. Он заплатил за палочку семь золотых галлеонов, и мистер Олливандер с поклонами проводил их с Хагридом до двери.

* * *

Была уже вторая половина дня, и солнце опускалось все ниже, когда они с Хагридом прошли обратно сквозь Косой переулок, потом сквозь стену и вошли в «Дырявый котел», в котором уже не было ни единого посетителя. Выйдя оттуда, они оказались в другом мире, но Гарри шел молча и словно не замечал этого. Он даже не обратил внимания на то, как смотрели на них люди, когда они с Хагридом ехали в метро, нагруженные разнообразными свертками причудливой формы и вдобавок ко всему со спящей совой. Они поднялись по эскалатору и оказались на Пэддингтонском вокзале. А Гарри, мысленно все еще пребывающий в Косом переулке, осознал, где они находятся, лишь когда Хагрид потрепал его по плечу.

— Надо б немного перекусить… как раз до твое-

го поезда успеем, — произнес Хагрид.

Он купил себе и Гарри по гамбургеру, и они уселись на пластиковые стулья. Гарри, очнувшись от своих мыслей, озирался по сторонам. Мир, к которому он привык, в котором прожил одиннадцать лет, теперь казался ему каким-то странным.

— С тобой все нормально, Гарри? — спросил Хагрид. — что-то ты очень тихий.

Гарри не был уверен, что сможет объяснить свое состояние, и жевал гамбургер, пытаясь подобрать нужные слова. Да, сегодня у него был лучший день рождения за всю его жизнь, но все же, все же, все же…

— Все думают, что я особенный, — наконец произнес он. — Все эти люди в «Дырявом котле», и профессор Квиррелл, и мистер Олливандер… Но я же ничего не знаю о магии. Как они могут ожидать от меня чего-то великого? Да, я знаменит… но я даже не могу вспомнить, как произошло то, из-за чего я стал знаменитостью. Я ведь совсем не знаю, что случилось, когда Волан… извини, я хотел сказать Ты-Зна-ешь-Кто… В общем, я не знаю, что случилось в ту ночь, когда умерли мои родители…

Хагрид перегнулся через стол. Трудно было по-

верить в то, что этот ужасающего вида великан с заросшим бородой лицом и кустистыми бровями может так тепло улыбаться.

— Да ты не волнуйся, Гарри, — посоветовал он. — Ты всему быстро научишься. В Хогвартсе все начинают с самого начала, так что ты будешь в полном порядке. Просто будь собой — и все дела. Я понимаю, тебя выделили из всех остальных, ты знаменитость. Таким, как ты, всегда непросто. Но поверь мне, тебе будет очень здорово в Хогвартсе… как мне было здорово, да и до сих пор здорово, если по правде.

Когда подошел поезд, на котором Гарри должен был возвращаться к Дурслям, Хагрид втащил в купе все его вещи и на прощанье протянул конверт.

— Это твой билет на поезд до Хогвартса, — пояснил он. — Первое сентября, вокзал «Кинге Кросс» там все написано, в билете этом. Если с Дурслями… э-э… какие проблемы, ты мне… ну… письмо пошли с совой, она знает, где меня найти… Ну, скоро свидимся, Гарри.

Поезд тронулся. Гарри пытался получше рассмотреть Хагрида, пока тот не исчез из виду, — он встал с сиденья и прижался носом к окну. Но стоило ему моргнуть, и Хагрид растворился в

воздухе.

Глава 6

ПУТЕШЕСТВИЕ С ПЛАТФОРМЫ НОМЕР ДЕВЯТЬ И ТРИ ЧЕТВЕРТИ

Тот август, что Гарри прожил у Дурслей перед тем, как уехать в Хогвартс, нельзя было назвать особенно веселым.

Нет, конечно же после знакомства Дурслей с Хагридом их поведение изменилось. Дадли теперь так боялся Гарри, что опасался находиться с ним в одной комнате. А тетя Петунья и дядя Верной больше не осмеливались запирать Гарри в чулане, принуждать его к чему-нибудь или кричать на него. Если честно, они вообще с ним не разговаривали. Они были ужасно напуганы и одновременно злы на Гарри и вели себя так, словно его не замечали. Конечно, это было значительно лучше, чем раньше, но Гарри Радовался таким переменам только поначалу, а потом стал тосковать.

Гарри почти не выходил из своей комнаты, тем более что теперь ему было с кем поговорить-у него была сова. Гарри решил назвать ее Букля, это имя он нашел в «Истории магии». Этот учебник,

как и все другие, оказался жутко интересным. Целыми днями Гарри лежал на кровати и читал до поздней ночи, а Букля развлекалась, время от времени вылетая на охоту. К счастью, тетя Петунья перестала заходить к нему в комнату — ей бы не понравилось, что Букля приносит с охоты дохлых мышей. Каждую ночь перед тем, как лечь спать, Гарри рисовал еще одну палочку на специальном листке, который он приклеил к стене. Так было легче считать, сколько дней осталось до первого сентября.

В последний день августа Гарри подумал, что ему следует поговорить с тетей и дядей по поводу того, что завтра ему надо быть в Лондоне на вокзале, и он спустился в гостиную, где Дурели смотрели телевикторину. Гарри прокашлялся, чтобы они обратили на него внимание. Заметивший его Дадли тут же с криком выбежал из комнаты.

— Э-э-э… Дядя Вернон, — робко произнес Гарри. Дядя Вернон промычал что-то, показывая, что он слушает.

— Э-э-э… Завтра мне надо быть на вокзале «Кинге Кросс», чтобы… чтобы ехать в Хогвартс.

Дядя Вернон снова промычал — по-видимому, это означало, что Гарри может говорить дальше.

— Вы не могли бы меня отвезти?

В ответ раздалось мычание — Гарри предположил, что это знак согласия.

— Спасибо, — поблагодарил Гарри и уже выходил из гостиной, когда дядя Верной подал голос.

— Путешествие на поезде — странный способ добираться до школы волшебников. А что, все волшебные ковры-самолеты съедены молью?

Гарри предпочел промолчать.

— А где, кстати, находится эта школа?

— Не знаю, — честно ответил Гарри, впервые задумавшись над тем, что и вправду не знает адреса Хогвартса. Он вытащил из кармана билет, который купил ему Хагрид. — Мне просто надо сесть на поезд, который отходит в одиннадцать часов утра от платформы номер девять и три четверти, — произнес он, оторвав глаза от билета.

Тетя и дядя посмотрели на него как на ненормального.

— Какой платформы?

— Девять и три четверти.

— Не говори ерунды, — резко оборвал его дядя Вернон. — Платформы с таким номером нет и быть не может.

— Но так написано на моем билете, — возразил Гарри.

— Психи, — покачал головой дядя Вернон. — Самые настоящие психи. Все они. Подожди, сам это увидишь. А насчет вокзала — ладно, мы тебя отвезем. Тебе просто повезло, что нам все равно надо

в Лондон, иначе бы тебе пришлось добираться туда самому.

— А зачем вам в Лондон? — поинтересовался Гарри, хотя ему было все равно, зачем Дурели едут в город. Он просто хотел, чтобы разговор закончился мирно.

— Отвезем Дадли в больницу, — прорычал дядя Вернон. — Ему придется удалить этот проклятый хвост, прежде чем он отправится в школу.

* * *

На следующее утро Гарри проснулся в пять часов и уже не смог заснуть, он был слишком взволнован. Он встал и влез в джинсы — наверное, не стоило ехать на вокзал в мантии волшебника, проще было переодеться в поезде. Он тщательно изучил присланный ему список необходимых книг и вещей, чтобы убедиться, что ничего не забыл, запер Буклю в клетку и начал ходить взад-вперед по комнате, дожидаясь, пока проснутся Дурели. Два часа спустя дядя Вер-нон запихнул огромный чемодан Гарри в багажник

своей машины, тетя Петунья с трудом уговорила Дадли сесть на заднее сиденье рядом с Гарри, и они поехали.

На вокзале «Кинге Кросс» они были ровно в десять тридцать. Дядя Верной перетащил чемодан Гарри на тележку и сам отвез ее на перрон. Гарри шел следом, думая о том, что дядя Верной необычно добр к нему. Но все стало ясно, когда дядя Верной наконец остановился и огляделся по сторонам, издевательски усмехаясь.

— Ну что ж, мальчик, вот ты и на месте. Вот платформа девять, а вот платформа десять. Твоя платформа, по идее, должна быть где-то посередине. Но, судя по всему, ее еще не успели построить.

Разумеется, он был абсолютно прав. Над одной платформой висела большая пластиковая табличка с цифрой девять, а над другой — такая же табличка с цифрой десять. Посередине ничего не было.

— Ну что ж, счастливой учебы. — Улыбка на лице дяди Вернона стала еще злораднее. Дядя повернулся и ушел, не говоря ни слова. Гарри обернулся и увидел, как машина Дурслей отъезжает от вокзала, а дядя Вернон, тетя Петунья и Дадли смотрят на него и смеются.

У Гарри пересохло во рту. Он совершенно не представлял, что делать. Его волнение усиливалось с каждой минутой, потому что стоявшие на платформе люди начали бросать на него странные взгляды — наверное, все дело было в Букле. Все, что Гарри мог придумать — это спросить у кого-то, где находится нужная ему платформа. Но у кого?

Гарри помахал рукой проходившему мимо полицейскому, дежурившему на вокзале, но когда тот остановился, так и не решился упомянуть платформу номер девять и три четверти, опасаясь, что полицейский примет его за сумасшедшего. Выяснилось, что полицейский никогда не слышал о школе Хогвартс, а Гарри даже не мог объяснить ему, в какой части страны находится школа, потому что сам этого не знал. В конце концов полицейский начал раздражаться. Наверное, ему показалось, что Гарри просто дурачится. Уже отчаявшись, Гарри спросил, какой поезд уходит в одиннадцать часов, и услышал в ответ, что такого поезда не существует.

Полицейский ушел, бормоча что-то про бездельников, отнимающих у людей время, а Гарри прикладывал все силы к тому, чтобы не запаниковать. Если верить большим вокзальным часам,

у него оставалось десять минут на то, чтобы сесть на поезд и отправиться в Хогвартс, а он не представлял, как ему это сделать. Он стоял посреди платформы с огромным чемоданом, который с трудом мог оторвать от земли, с карманами, полными волшебных денег, и с клеткой, где сидела большая сова.

Наверное, Хагрид забыл сказать ему, что надо будет сделать, когда он окажется на вокзале, — что-нибудь вроде того, что Хагрид проделал, чтобы попасть в Косой переулок, постучав по третьему кирпичу слева. Гарри уже подумывал о том, чтобы вытащить из чемодана волшебную палочку и начать постукивать ею по билетной кассе между платформами девять и десять.

В этот момент мимо него прошла группа людей, и до Гарри донеслись обрывки разговора.

— Я так и думала, что тут будет целая толпа маглов…

Гарри резко повернулся. Эти слова произнесла пухлая женщина, разговаривавшая с четырьмя огненно-рыжими мальчиками. Каждый вез на тележке чемодан тех же размеров, что и у Гарри, и у них была сова.

Гарри почувствовал, как сильно забилось его сердце, и изо всех сил толкнул вперед свою тележ-

ку, стараясь не упустить их из виду. К счастью, они вскоре остановились, и он тоже остановился, оказавшись достаточно близко для того, чтобы услышать, о чем они говорят.

— Так, какой у вас номер платформы? — поинтересовалась женщина.

— Девять и три четверти, — пропищала маленькая рыжеволосая девочка, дергая мать за руку. — Мам, а можно, я тоже поеду…

— Ты еще слишком мала, Джинни, так что успокойся. Ну что, Перси, ты иди первым.

Один из мальчиков, на вид самый старший, пошел в сторону платформ девять и десять. Гарри внимательно следил за ним, стараясь не моргать, чтобы ничего не пропустить. Но тут рыжеволосого мальчика загородили от него туристы, а когда они наконец прошли, Перси уже исчез.

— Фред, ты следующий, — скомандовала пухлая женщина.

— Я не Фред, я Джордж, — ответил мальчик, к которому она обращалась. — Скажи мне честно, женщина, как ты можешь называть себя нашей матерью? разве ты не видишь, что я — Джордж?

— Джордж, дорогой, прости меня, — виновато произнесла женщина.

— Я пошутил, на самом деле я Фред, — сказал

мальчик и двинулся вперед.

Его брат-близнец крикнул ему вслед, чтобы он поторапливался. И через мгновение Фред исчез из виду, а Гарри никак не мог понять, как ему это удалось?

Теперь пришла очередь третьего брата. Он тоже пошел вперед и исчез так же внезапно, как и первые двое.

Ситуация снова оказалась безвыходной. Гарри собрался с силами и подошел к пухлой женщине.

— Извините меня, — робко произнес он.

— Привет, дорогуша. — Женщина улыбнулась ему — Первый раз едешь в Хогвартс? Рон, мой младший, тоже новичок.

Она показала на последнего из четырех мальчиков. Он был длинный, тощий и нескладный, с большими руками и ступнями, а лицо его было усыпано веснушками.

— Да, — подтвердил Гарри. — Но дело в том… дело в том, что я не знаю, как…

— …как попасть на платформу, — понимающе закончила за него пухлая женщина, и Гарри кивнул. — Не беспокойся. — Женщина весело подмигнула ему. — Все, что тебе надо сделать, — это пойти прямо через разделительный барьер

между платформами девять и десять. Самое главное — тебе нельзя останавливаться и нельзя бояться, что ты врежешься в барьер. Если ты нервничаешь, лучше идти быстрым шагом или бежать. Знаешь, тебе лучше пойти прямо сейчас, перед Роном.

— Э-э-э… ладно, — согласился Гарри, хотя на душе у него скребли кошки.

Он толкнул вперед свою тележку и посмотрел на барьер. Барьер показался ему очень и очень прочным.

Гарри двинулся по направлению к барьеру. Двигаться быстро было нелегко — его постоянно толкали снующие мимо люди, к тому же тележка была очень тяжелой. Но страх не попасть в Хогвартс оказался сильнее, и Гарри ускорил шаг. Он был уверен, что сейчас врежется прямо в билетную кассу и на этом все закончится, но, вспомнив слова пухлой женщины, налег на поручень тележки и тяжело побежал.

Барьер все приближался, и Гарри понимал, что остановиться уже не сможет, потому что ему не удастся удержать разогнавшуюся тележку. Оставалось каких-то два шага. Гарри прикрыл глаза, готовясь к удару. Удара не произошло, и он, не замедляя бега, открыл глаза.

Гарри находился на забитой людьми платформе, у которой стоял паровоз алого цвета. Надпись на табло гласила: «Хогвартс-экспресс. 11.00». Гарри оглянулся назад и увидел, что билетная касса исчезла, а на ее месте находится арка с коваными железными воротами и табличкой: «Платформа номер девять и три четверти». Значит, он смог, значит, у него все получилось.

Над головами собравшихся на платформе людей плыли извергаемые паровозом клубы дыма, а под ногами шмыгали разноцветные кошки. До Гарри доносились голоса, скрип тяжелых чемоданов и недовольное уханье переговаривавшихся друг с другом сов.

Первые несколько вагонов уже были битком набиты школьниками. Они высовывались из окон, чтобы поговорить напоследок с родителями, или сражались за свободные места. Гарри двинулся дальше, заглядывая в окна вагонов в поисках местечка.

— Бабушка, я снова потерял жабу, — растерянно говорил круглолицый мальчик, мимо которого проходил Гарри.

— О, Невилл, — тяжело вздохнула пожилая женщина.

Через несколько метров дорогу Гарри пре-

градила толпа, сгрудившаяся вокруг кудрявого мальчика.

— Ну покажи, Ли, — громко просили несколько голосов. — Ну давай, чего ты…

Кудрявый приподнял крышку коробки, которую держал в руках, и все стоявшие вокруг него отпрянули с криками ужаса. Гарри успел заметить, что из коробки высунулась длинная волосатая лапа.

Гарри продолжал протискиваться сквозь толпу и наконец нашел пустое купе в вагоне, находившемся почти в самом хвосте состава. Сначала он занес в вагон клетку с Буклей, а потом попытался загрузить туда свой чемодан. Однако ему никак не удавалось Поднять его на нужную высоту, и дважды чемодан падал и больно бил его по ноге.

— Помощь нужна? — обратился к нему рыжеволосый мальчик. Это был один из тех близнецов, чья мать подсказала Гарри, что нужно делать.

— О, спасибо. — Гарри тяжело перевел дыхание.

— Эй, Фред! Иди сюда и помоги мне! Близнецы затащили чемодан в купе и поставили

его в угол.

— Спасибо, — улыбаясь, произнес Гарри, отбрасывая назад мокрые от пота волосы.

— Что это у тебя? — внезапно спросил один из близнецов, заинтересовавшись шрамом на лбу Гарри.

— Будь я проклят! — выдохнул второй. — А ты, случайно, не…

— Это он, — уверенно заявил первый близнец, — Это ведь ты?

— Кто — я? — не понял Гарри.

— Гарри Поттер — это ты? — хором спросили близнецы.

— А вот вы про что, — уклончиво произнес Гарри, немного стесняясь. — Ну, в смысле, да, это я.

Близнецы смотрели на него, выпучив глаза и раскрыв рты. Гарри покраснел. Но тут, к его облегчению, откуда-то донесся женский голос.

— Фред? Джордж? Вы здесь?

— Мы идем, мам.

И, с трудом оторвав взгляд от Гарри, близнецы вылезли из вагона.

Гарри сел к окну и, надеясь, что его не видно с улицы, наблюдал за рыжеволосым семейством. Пухлая женщина внезапно вытащила из кармана носовой платок

— Рон, у тебя что-то на носу.

Самый младший из мальчиков попытался увернуться, но она схватила его и начала тереть

платком кончик его носа.

— Мам, отстань! — запротестовал мальчик, но высвободиться ему удалось, только когда мать сама его отпустила.

— Ой-ой-ой, у маленького Ронни грязненький носик, — насмешливо пропел один из близнецов.

— Заткнись, — бросил в ответ Рон.

— А где Перси? — спросила мать.

— Вон он идет.

Старший мальчик, о котором шла речь, подошел к остальным. Он уже переоделся, и на нем была черная школьная форма, а на его груди Гарри заметил блестящий серебряный значок с буквой «С».

— Я всего на секунду, мам, — произнес он. — Я там, в самом начале поезда, — там выделили вагон для старост…

— Так ты теперь староста, Перси? — жутко удивился один из близнецов. — А что же ты не сказал, мы ведь и не знали.

— Перестань, он, кажется, что-то нам говорил, — встрял в разговор второй близнец. — Как-то раз…

— Или два, — подхватил первый.

— Или три, — продолжил второй.

— Или все лето…

— Да заткнитесь вы. — Перси махнул рукой.

— А почему это, собственно, у Перси новая форма, а у нас старая? — спохватился один из близнецов.

— Потому что он теперь староста. — По голосу матери чувствовалось, что она гордится сыном. — Ну, дорогой, желаю тебе хорошей учебы, и пришли сову когда доберетесь до места.

Она поцеловала Перси в щеку, и он ушел. А женщина повернулась к близнецам.

— Так, теперь вы двое. В этом году вы должны вести себя хорошо. Если я еще раз получу сову с известием о том, что вы что-то натворили — взорвали туалет или…

— Взорвали туалет? — изумился один. — Мы никогда не взрывали туалетов.

— А может, попробуем? — хмыкнул второй. — Отличная идея, спасибо, мам.

— Это не смешно, — отрезала мать. — И приглядывайте за Роном.

— Не бойся, мы не дадим крошечку Ронни в обиду…

— Заткнитесь вы, — снова пробурчал Рон. Хотя он и был младше близнецов, но роста все трое были примерно одинакового. Кончик носа у Рона заметно покраснел — видимо, мать, вытирая его

платком, немного перестаралась.

— Да, мам, ты себе и представить не можешь, — начал один из близнецов. — Угадай, кого мы только что встретили в поезде?

Гарри быстро откинулся назад, чтобы его не заметили.

— Помнишь черноволосого мальчишку, который стоял рядом с нами на вокзале? — спросил женщину второй. — Знаешь, кто он?

— Кто же?

— Гарри Поттер!

До Гарри долетел тонкий голос девочки.

— Ой, мам, можно, я залезу в вагон и посмотрю на него? Мам, ну, пожалуйста…

— Ты его уже видела, Джинни. И вообще не надо пялиться на бедного мальчика, как на животное в зоопарке. Так это действительно он, Фред? Откуда ты это знаешь?

— Я его спросил, — пояснил Фред. — Увидел его шрам и спросил. А шрам на самом деле такой, как говорят, — похож на молнию.

— О, бедняжка, неудивительно, что он был один! — воскликнула женщина. — Я все еще думала: почему его никто не провожает? Он такой вежливый, такой воспитанный.

— Да ладно, не в этом дело, — перебил ее один

из близнецов. — Как ты думаешь, он помнит, как выглядит Ты-Знаешь-Кто?

Мать внезапно посуровела.

— Я запрещаю тебе спрашивать его об этом, Фред. Даже и не думай. Неужели ему нужно напоминать об этом именно сегодня?

— Да ладно, ладно, не буду. Прозвучал громкий свисток

— Давайте, поживее! — произнесла женщина, и трое рыжеволосых мальчишек влезли в вагон и, оставшись в тамбуре, посылали сестре и матери воздушные поцелуи. Девочка неожиданно расплакалась.

— Перестань, Джинни, мы завалим тебя совами, — утешил ее один из близнецов.

— Мы пришлем тебе унитаз из школьного туалета, — пообещал второй.

— Джордж! — возмущенно воскликнула женщина.

— Да я шучу, мам.

Поезд двинулся с места. Гарри увидел, как женщина машет сыновьям рукой, а маленькая девочка, то ли смеясь, то ли плача, бежит за вагоном. Но вскоре она отстала, потому что поезд набирал скорость.

Поезд чуть вильнул вправо, и платформа про-

пала из вида. За окном замелькали дома. Гарри ощутил прилив возбуждения. Он еще не знал, что ждет его там, куда он едет, но он был уверен: это будет лучше, чем то, что он оставлял позади.

Дверь в купе приоткрылась и внутрь заглянул один из рыжих мальчиков.

— Здесь свободно? — спросил он Гарри, указывая на сиденье напротив. — В других вообще сесть некуда.

Гарри кивнул, и рыжий быстро уселся. Он украдкой покосился на Гарри, но тут же перевел взгляд, делая вид, что его очень интересует пейзаж за окном. Гарри заметил на носу у мальчика черное пятно, которое матери так и не удалось стереть.

— Эй, Рон! — окликнули его заглянувшие в купе близнецы. — Мы пойдем. Там Ли Джордан едет в двух вагонах от нас, он с собой гигантского тарантула везет.

— Ну идите, — промямлил Рон.

— Гарри, мы так тебе и не представились. — Близнецы улыбались. — Фред и Джордж Уизли. А это наш брат Рон. Еще увидимся.

— До встречи, — почти одновременно произнесли Рон и Гарри. И близнецы ушли.

— Ты действительно Гарри Поттер? — выпалил

вдруг Рон, и сразу стало понятно, что его распирало от желания задать этот вопрос. Он ради этого и подсел в купе Гарри, хотя в вагоне была куча свободных мест.

Гарри кивнул.

— О, а я уж подумал, что это очередная шутка Фреда и Джорджа, — выдохнул Рон. — А у тебя действительно есть… ну, ты знаешь…

Он вытянул палец, указывая на лоб Гарри. Гарри провел рукой по волосам, открывая лоб. Рон, увидев шрам, не сводил с него глаз.

— Значит, это сюда Ты-Знаешь-Кто…

— Да, — подтвердил Гарри. — Но я этого не помню.

— Совсем ничего не помнишь? — судя по голосу, Рон надеялся на обратное. — Ну вообще ничего?

— Я помню лишь много зеленого света, и все.

— Ух ты, — качнул головой Рон. Он сидел и смотрел на Гарри, не отводя глаз, как зачарованный, но потом спохватился и уставился в окно.

— У тебя в семье все волшебники? — спросил Гарри. Рон был ему интересен в той же степени, насколько он был интересен Рону.

— Э-э-э… да. Думаю, да, — после некоторого раздумья выдал Рон. — Кажется, у мамы есть двоюродный брат, он из маглов, бухгалтер, но мы

о нем никогда не говорим.

Вполне очевидно, что Уизли были из тех настоящих семей волшебников, о которых говорил бледный мальчик в магазине, где Гарри купил школьную форму.

— Я слышал, что ты жил у маглов. — В глазах Рона светилось жуткое любопытство. — Какие они вообще?

— Ужасные… хотя, наверное, не все. Но мои тетя, дядя и двоюродный брат — они ужасные. Я бы хотел, чтобы у меня было трое братьев-волшебников, как

у тебя.

— У меня их пятеро. — Голос Рона почему-то был совсем невеселым. — Я шестой. И мне теперь придется сделать все, чтобы оказаться лучше, чем они. Билл был лучшим учеником школы, Чарли играл в квиддич, носил капитанскую повязку. А Перси вот стал старостой. Фред и Джордж, конечно, занимаются всякой ерундой, но у них хорошие отметки, и их все любят.

А теперь все ждут от меня, что я буду учиться не хуже братьев. Но даже если так и будет, это ничего не даст, ведь я самый младший. Значит, мне надо стать лучше, чем они, а я не думаю, что у меня это получится. К тому же когда у тебя пять

братьев, тебе никогда не достается ничего нового. Вот я и еду в школу со всем старым — форма мне досталась от Билла, волшебная палочка от Чарли, а крыса от Перси.

Рон запустил руку во внутренний карман куртки и вытащил оттуда жирную серую крысу, которая безмятежно спала.

— Ее зовут Короста, и она абсолютно бесполезная — спит целыми днями. Отец подарил Перси сову, когда узнал, что тот будет старостой, и я тоже хотел, но у них нет де… я хотел сказать, что вместо этого получил крысу.

У Рона покраснели уши. Казалось, он решил, что сказал много лишнего, поэтому замолчал и стал смотреть в окно.

Гарри подумал, что не стоит стесняться того, что у твоих родителей нет денег, чтобы купить сову. В конце концов, у него никогда в жизни не было денег-до начала прошлого месяца, — и он рассказал об этом Рону. И о том, как донашивал за Дадли старую одежду и никогда не получал нормальных подарков на дни рождения. Рон немного приободрился.

— А пока Хагрид мне не рассказал, я даже не знал о том, что я волшебник, — продолжал Гарри. — И ничего не знал о своих родителях и о

Волан-де-Морте…

Рон отпрянул от него, вцепившись в сиденье.

— Ты что? — удивился Гарри.

— Ты назвал по имени Ты-Знаешь-Кого! — В голосе Рона звучали испуг и уважение. — Я-то думал, что кто-кто, но ты…

— Я вовсе не пытался казаться храбрецом, — пояснил Гарри. — Просто я не знал, что это имя нельзя произносить. Теперь ты понял, о чем я говорил? Я еще столько всего не знаю, мне еще столько предстоит выучить… И боюсь… Боюсь, что я буду худшим учеником в школе-Гарри выразил мысль, которая уже давно его тревожила

— Не бойся, — обнадежил его Рон. — В школе много учеников, которые выросли в семьях маглов, и они довольно быстро всему учатся.

Пока они болтали, поезд выехал из Лондона и сейчас несся мимо полей и лугов, на которых паслись коровы и овцы. Гарри и Рон примолкли, глядя в окно.

Примерно в половине первого из тамбура донесся стук, а затем в купе заглянула улыбающаяся женщина с ямочкой на подбородке.

— Хотите чем-нибудь перекусить, ребята? Гарри не ел со вчерашнего вечера и поспешно

вскочил, услышав заманчивое предложение.

У Рона снова покраснели уши, и он пробормотал что-то насчет того, что прихватил с собой сандвичи. Так что в коридор Гарри вышел один.

Когда он жил с Дурслями, у него никогда не было в карманах денег, а следовательно, и возможности покупать себе сладости. Но сейчас его карманы были полны золотых и серебряных монет, и он был готов купить столько батончиков «Марс», сколько сможет унести. Но у женщины не было батончиков «Марс». На ее лотке лежали пакетики с круглыми конфетками-драже «Берти Боттс», которые, если верить надписи на пакетиках, отличались самым разнообразным вкусом. Еще у нее была «лучшая взрывающаяся жевательная резинка Друббл с», «шоколадные лягушки», тыквенное печенье, сдобные котелки, лакричные палочки и прочие сладости мира волшебников, которых Гарри никогда не видел и не пробовал. Чтобы ничего не упустить, он набрал всего понемногу и заплатил женщине одиннадцать серебряных сиклей и семь бронзовых кнатов.

Рон удивленно смотрел, как Гарри возвращается на свое место с полными руками и сваливает покупки на свободное сиденье.

— Ты такой голодный?

— Я умираю с голоду, — ответил Гарри, разворачивая тыквенное печенье и откусывая сразу половину.

Рон вытащил откуда-то бумажный пакет и вынул из него четыре сандвича.

— Она всегда забывает, что я не люблю копченую говядину, — грустно произнес он.

— Меняю на *свое.* — Гарри протянул ему печенье. — Давай присоединяйся…

— Да нет, тебе эти сандвичи не понравятся — мясо сухое, и соуса никакого нет, — покачал головой Рон и вдруг напрягся. — Мама просто забыла — нас же у нее много…

— Давай ешь. — Гарри кивнул на свои сладости, у него никогда не было того, чем можно было бы поделиться с другими. А если честно, делиться тоже было не с кем. Так что он испытывал очень приятное чувство, сидя напротив Рона и вместе с ним поедая купленные припасы. Про сандвичи они так и забыли.

— А это что? — спросил Гарри, беря в руки упаковку «шоколадных лягушек». — Это ведь не настоящие лягушки, правда?

Следовало признать, что Гарри не удивился бы, если бы лягушки оказались настоящими. Ему вообще казалось, что теперь его ничем не

удивишь.

— Нет, не настоящие, они только сделаны в форме лягушек, а сами из шоколада, — улыбнулся Рон. — Будешь есть, вкладыш не выбрасывай — у меня Агриппы не хватает…

— Что? — не понял Гарри.

— А, ну конечно, ты не знаешь, — спохватился Рон. — Там внутри коллекционные карточки. Из серии «Знаменитые волшебницы и волшебники». Многие ребята их собирают. У меня их примерно пять сотен, только вот Агриппы нет и Птолемея, кажется, тоже.

Гарри развернул «лягушку» и вытащил карточку. На ней был изображен человек в затемненных очках, с длинным крючковатым носом и вьющимися седыми волосами, седыми усами и седой бородой. «Альбус Дамблдор» гласила подпись под картинкой.

— Так вот какой он, этот Дамблдор! — воскликнул Гарри.

— Только не говори мне, что ты никогда не слышал о Дамблдоре! — запротестовал Рон. — Можно, я возьму одну «лягушку» — может быть, Агриппа попадется…

Гарри перевернул карточку и прочитал:

Альбус Дамблдор, в настоящее время директор

школы «Хогвартс». Считается величайшим волшебником нашего времени. Профессор знаменит своей победой над темным волшебником Гринде-Валъдом в 1945 году, открытием двенадцати способов применения крови дракона и своими трудами по алхимии в соавторстве с Николасом Фламелем. Хобби — камерная музыка и игра в кегли.

Гарри снова перевернул карточку и с удивлением заметил, что картинка куда-то делась.

— Он куда-то исчез! — завопил Гарри.

— Но ты же не ждал, что он будет торчать тут целый день, — заметил Рон. — Он вернется. А вот мне опять попалась Моргана, а у меня таких уже шесть штук Может, возьмешь и начнешь собирать коллекцию?

Рон как бы случайно окинул взглядом кучку «лягушек», которые дожидались, когда их развернут.

— Угощайся, — предложил Гарри, проследив направление его взгляда. — Кстати, ты знаешь, что у маглов, если человека фотографируют, то он никуда не исчезает с фотографии?

— Да ты что? — ужасно удивился Рон. — Что, они вообще не двигаются? Ну дела!

Гарри смотрел на карточку до тех пор, пока на

ней снова не появилось изображение Дамблдора, который неожиданно улыбнулся ему. Рон этого не заметил, вопреки заверениям, его вообще куда больше интересовал процесс поглощения шоколада, чем разглядывание карточек А Гарри глаз не мог от них отвести. Скоро, помимо Дамблдора и Морганы, в его коллекции появились Хенгист из Вудкрофта, Альберик Граннион, Цирцея, Парацельс и Мерлин. Прошло немало времени, прежде чем он отложил последнюю карточку, на которой неспешно почесывала нос жрица друидов Клиодна.

— Ты поосторожнее, — посоветовал Рон, заметив, что Гарри взял в руки пакетик с драже. — Там написано, что у них самый разный вкус, так вот, это истинная правда. Нет, там есть вполне нормальные вкусы — апельсин, скажем, или шоколад, или мята, но иногда попадается шпинат, или почки, или требуха. Джордж уверяет, что ему как-то попалась конфета со вкусом соплей.

Рон выбрал зеленое драже, внимательно осмотрел его и откусил кусок

— Фу! — поморщился он. — Брюссельская капуста!

Они неплохо повеселились, поедая эти драже. Гарри попробовал конфеты со вкусом жареного

хлеба, кокоса, фасоли, клубники, карри, травы, кофе и сардин. И даже смело откусил кусочек от серой конфетки, к которой Рон побоялся прикоснуться, — оказалось, что она была со вкусом перца.

Местность за окном резко изменилась. На смену возделанным полям пришли леса, реки и зеленые холмы.

кто-то постучал в дверь купе. На пороге появился круглолицый мальчик, мимо которого Гарри проходил, когда шел по платформе. Выглядел он так, словно собирался вот-вот расплакаться.

— Извините, — сказал мальчик — Вы тут не видели жабу?

Рон и Гарри дружно покачали головами, и мальчик начал причитать.

— Я потерял ее! Она вечно от меня убегает!

— Она найдется, — заверил его Гарри.

— Да, наверное, — грустно произнес круглолицый. — Что ж, если вы ее увидите…

И с этими словами он ушел.

— Не пойму, чего он так волнуется. — Рон пожал плечами. — Если бы я вез с собой жабу, я бы потерял ее еще на платформе. Хотя моя крыса немногим лучше жабы, так что не мне об этом говорить.

Крыса все еще спала, уютно устроившись у Рона за пазухой.

— Может, она давно умерла, а может, и спит — разницы никакой. Выглядит одинаково, — с отвращением проговорил Рон. — Вчера я пытался ее заколдовать, чтобы она стала желтого цвета — я подумал, что так она будет выглядеть поинтереснее, — но ничего не получилось. Я тебе сейчас покажу, смотри…

Рон порылся в своем чемодане и вытащил оттуда потрепанного вида волшебную палочку. Она была выщерблена в нескольких местах, а на конце поблескивало что-то белое.

— Шерсть единорога почти вылезла наружу, — смущенно заметил Рон. — Итак…

Не успел он поднять палочку, как дверь купе снова открылась. На пороге снова появился круглолицый мальчик, но на этот раз с ним была девочка с густыми каштановыми волосами, уже переодевшаяся в школьную форму. Ее передние зубы были чуть крупнее, чем надо.

— Никто не видел жабу? Невилл ее потерял, а я помогаю ему ее отыскать. Так вы ее видели или нет? — *спросила* девочка прямо-таки начальственным тоном.

— Он здесь уже был, и мы ему сказали, что не

видели, — ответил Рон, но девочка, кажется, его не слушала, ее внимание было приковано к волшебной палочке в руках Рона.

— О, ты показываешь чудеса? Давай, мы тоже посмотрим.

Она опустилась на свободное сиденье, и Рон занервничал.

— Э-э-э… — нерешительно протянул он. — Ну ладно.

Он прокашлялся и снова поднял палочку: — Жирная глупая крыса, перекрасься ты в желтый цвет и стань такой же, как масло, как яркий солнечный свет.

Он помахал палочкой, но ничего не произошло. Короста по-прежнему оставалась серой и все так же безмятежно спала.

— Ты уверен, что это правильное заклинание? — поинтересовалась девочка. — что-то оно не действует, ты не заметил? А я тут взяла из книг несколько простых заклинаний, чтобы немного попрактиковаться, — и все получилось. В моей семье нет волшебников, я была так ужасно удивлена, когда получила письмо из Хогвартса, — я имею в виду, приятно удивлена, ведь это лучшая школа волшебства в мире. И конечно, я уже выучила наизусть все наши учебники — надеюсь,

что этого будет достаточно для того, чтобы учиться лучше всех. Да, кстати, меня зовут Гермиона Грэйнджер, а вас?

Она говорила очень быстро, и все же Гарри уловил смысл сказанного и забеспокоился. Но, посмотрев на Рона, по его застывшему лицу убедился, что тот тоже не выучил учебники наизусть.

— Я — Рон Уизли, — пробормотал Рон.

— Гарри Поттер, — представился Гарри.

— Ты действительно Гарри Поттер? — Взгляд девочки стал очень внимательным. — Можешь не сомневаться, я все о тебе знаю. Я купила несколько книг, которых не было в списке, просто для дополнительного чтения, и твое имя упоминается в «Современной истории магии», и в «Развитии и упадке Темных искусств», и в «Величайших событиях волшебного мира в двадцатом веке».

— Да? — только и вымолвил Гарри. Он был слишком ошеломлен, чтобы сказать что-то более значительное.

— Господи, неужели ты не знал? — удивилась девочка. — Если бы я была на твоем месте, я бы прочитала о себе все, что можно найти в книгах. Да, вы не знаете, на какой факультет попадете? Я уже кое-что разузнала, и хочется верить, что я бу-

ду в Гриффиндоре. Похоже, это лучший вариант. Я слышала, что сам Дамблдор когда-то учился на этом факультете. Кстати, думаю, что попасть в Когтевран тоже было бы неплохо… Ладно, мы пойдем искать жабу Невилла. А вы двое лучше переоденьтесь, я думаю, мы уже скоро приедем.

И она ушла, забрав с собой круглолицего.

— Не знаю, на каком я буду факультете, но надеюсь, мы с ней окажемся на разных, — прошептал Рон и засунул волшебную палочку обратно в чемодан, — Ничего у меня не вышло, и все из-за этого глупого заклятия. Джордж меня уверял, что оно сработает, а теперь мне кажется, что он сам его придумал, чтобы надо мной подшутить.

— А на каком факультете учатся твои братья? — спросил Гарри.

— Гриффиндор, — кивнул Рон, снова погрустнев. — мама и папа тоже там были. Не знаю, что будет, если я попаду на какой-нибудь другой. Неплохо было бы попасть в Когтевран, но не представляю, что будет, если меня определят в Слизерин.

— Это тот факультет, где учился Волан… Ты-Знаешь-Кто?

— Ага, — кивнул Рон и замолчал. Вид у него был какой-то подавленный.

— Знаешь, мне кажется, что усы у Коросты посветлели, значит, заклинание хоть немного подействовало, — произнес Гарри, чтобы отвлечь Рона от мрачных мыслей. — А твои старшие братья, которые уже кончили школу, они чем сейчас занимаются?

Гарри было любопытно, ведь он плохо представлял себе, что делают волшебники, закончив школу.

— Чарли в Румынии, изучает драконов, а Билл работает на банк «Гринготтс» и уехал в Африку по их делам, — пояснил Рон. — Ты слышал о «Гринготтсе»? А что там на днях случилось, слышал? «Пророк» об этом писал… хотя да, у маглов же другие газеты…

В общем, кто-то пытался ограбить сверхсекретный сейф.

Гарри вытаращил глаза.

— На самом деле? И что случилось с грабителями?

— Ничего. Вот почему об этом так много писали, не поймали. Папа говорит, что наверняка это был сильный темный волшебник, иначе бы ему не удалось пробраться в «Гринготтс» и залезть в сейф а потом выйти оттуда целым и невредимым. Но самое странное, что грабители ничего не

похитили. Конечно, все боятся, что за этим стоит Ты-Знаешь-Кто. Гарри судорожно обдумывал услышанное. Теперь, когда кто-нибудь или даже он сам упоминал Вы-Знаете-Кого, ему становилось немного страшно. Наверное, так и должно быть, раз теперь он оказался в волшебном мире. Но лично ему было намного удобнее произносить имя Волан-де-Морт, потому что он не задумывался, произнося его, и оно совсем его не пугало.

— Ну, а про квиддич ты, конечно, слышал. — В голосе Рона была абсолютная уверенность. — Ты за какую команду болеешь?

— Э-э-э… Вообще-то я не знаю ни одной команды, — признался Гарри.

— Да ты что! — Рон выглядел потрясенным. — Это же лучшая игра в мире!

И Рон начал объяснять Гарри, что в квиддич играют четырьмя мячами, что в каждой команде по семь игроков и у каждого есть свое место на поле и свои функции. Потом он начал описывать самые знаменитые матчи, на которых ему удалось побывать со своими братьями. Потом рассказал, какую метлу он бы себе купил, если бы у него были деньги. Рон объяснял Гарри тонкости правил игры, когда дверь купе снова открылась. Но это уже был не потерявший жабу Невилл в

компании Гермионы Грэйнджер.

В купе вошли трое мальчишек, и Гарри сразу узнал того, кто был в центре, — тот бледный мальчик из магазина мадам Малкин, где Гарри покупал школьную форму. Сейчас он смотрел на Гарри с куда большим интересом, чем тогда в магазине.

— Это правда? — с порога спросил бледнолицый. — По всему поезду говорят, что в этом купе едет Гарри Потер. Значит, это ты, верно?

— Верно, — кивнул Гарри.

Те двое, что пришли с бледнолицым, были крепкие ребята, и вид у них был довольно неприятный. Стоя по бокам бледнолицего, они напоминали его телохранителей.

— Это Крэбб, а это Гойл, — небрежно представил их бледнолицый, заметив, что Гарри рассматривает его спутников. — А я Малфой, Драко Малфой.

Рон прокашлялся. Гарри показалось, что он таким образом сдерживает смех. Драко Малфой неодобрительно покосился на Рона

— Мое имя тебе кажется смешным, не так ли? Даже не буду спрашивать, как тебя зовут. Мой отец рассказал мне, что если видишь рыжего и веснушчатого мальчишку, значит, он из семьи

Уизли. Семьи, в которой больше детей, чем могут себе позволить их родители.

Выдав эту убийственную тираду, Малфой снова повернулся к Гарри:

— Ты скоро узнаешь, Поттер, что в нашем мире есть несколько династий волшебников, которые куда круче всех остальных Тебе ни к чему дружить с теми, кто этого не достоин. Я помогу тебе во всем разобраться.

Он протянул руку для рукопожатия, но Гарри сделал вид, что этого не заметил.

— Спасибо, но я думаю, что сам могу понять, кто чего достоин, — холодно заметил он.

Драко Малфой не покраснел, но на его бледных щеках появились розовые пятна.

— На твоем месте я был бы поосторожнее, Поттер, — медленно произнес он. — Если ты не будешь повежливее, то закончишь, как твои родители. Они, как и ты, не знали, что для них хорошо, а что плохо. Если ты будешь общаться с отребьем вроде Уизли и этого Хагрида, тебе же будет хуже.

Гарри и Рон одновременно поднялись со своих мест. Лицо Рона стало таким же медно-красным, как и его волосы.

— Повтори, что ты сказал, — потребовал Рон.

— О, вы собираетесь с нами драться, не так ли? презрительно выдавил из себя Малфой.

— Да, если ты немедленно отсюда не уберешься, — храбро заявил Гарри, хотя, если честно, голос его был куда смелее, чем он сам. Все-таки Крэбб и Гойл были намного крупнее, чем они с Роном.

— О, мы вовсе не собираемся уходить, правда, ребята? — усмехнулся Малфой, поворачиваясь к своим спутникам. — А к тому же мы проголодались, а у вас тут куча еды.

Гойл потянулся к лежавшим на одном из сидений «шоколадным лягушкам». Рон прыгнул на него, но, прежде чем ему удалось коснуться Гойла, тот издал ужасающий крик.

На руке Гойла повисла Короста, впившаяся ему в палец маленькими, острыми зубами. Крэбб и Малфой попятились назад, а Гойл размахивал рукой, пытаясь стряхнуть крысу и завывая от боли. И как только Короста наконец разжала зубы и отлетела в сторону ударившись о закрытое окно, все трое молниеносно испарились. Наверное, они подумали, *что* в купе прячется еще множество крыс, а может, они услышали шаги, потому что через секунду в купе заглянула Гермиона Грэйнджер.

— Что тут у вас происходит? — спросила она, глядя на разбросанные по полу сладости и Рона, державшего за хвост крысу.

— Думаю, что она потеряла сознание, — произнес Рон, обращаясь к Гарри. А потом повнимательнее присмотрелся к Коросте. — Нет… не могу поверить! Представляешь, она снова уснула.

Короста на самом деле спала.

— Ты раньше встречался с Малфоем? — поинтересовался Рон.

Гарри рассказал об их встрече в Косом переулке,

— Я слышал о его семейке, — мрачным тоном начал Рон. — Они одни из первых перешли обратно на нашу сторону, когда Ты-Знаешь-Кто исчез. Они сказали, что он их околдовал. А мой отец в это не верит. Он сказал, что отцу Малфоя не нужно было даже повода для того, чтобы перейти на Темную сторону.

Гермиона все еще стояла на пороге купе, и Рон повернулся к ней:

— Мы можем тебе чем-нибудь помочь?

— Вы лучше поторопитесь, иначе не успеете переодеться. Я только что была в кабине машиниста и разговаривала с ним. Он сказал, что мы уже почти приехали. А вы тут что, дрались? Хороши,

нечего сказать. Еще не доехали до школы, а уж попали в неприятную историю!

— Это Короста дралась, а не мы. — Рон сердито посмотрел на девочку. — Может быть, ты выйдешь и дашь нам переодеться?

— Разумеется. Я вообще-то зашла к вам просто потому, что во всех вагонах жуткая суета, все ведут себя как маленькие дети и носятся по коридорам. — Гермиона презрительно хмыкнула, как бы говоря, что не одобряет такого поведения. — А у тебя, между прочим, грязь на носу, ты знаешь?

Рон проводил ее свирепым взглядом, а Гарри уставился в окно. За окном, там, где высились горы и тянулись бесконечные леса, начало темнеть, а небо стало темно-фиолетовым. Поезд замедлил ход.

Гарри и Рон быстро сняли куртки и натянули длинные черные мантии. Мантия Рона была ему немного коротковата, из-под нее высовывались спортивные штаны.

«Мы подъезжаем к Хогвартсу через пять минут, — разнесся по вагонам громкий голос машиниста. — Пожалуйста, оставьте ваш багаж в поезде, его доставят в школу отдельно».

Гарри так разнервничался, что у него даже живот скрутило, а Рон сильно побледнел, и вес-

нушки на его лице стали еще ярче. Они рассовали остатки сладостей по карманам и вышли в коридор, где уже толпились остальные.

Поезд все сбавлял и сбавлял скорость и, наконец остановился. В коридоре возникла жуткая толчея, но через несколько минут Гарри все-таки оказался на неосвещенной маленькой платформе. На улице было холодно, и он поежился. Затем над головами стоявших на платформе ребят закачалась большая лампа, и Гарри услышал знакомый голос:

— Первокурсники! Первокурсники, все сюда! Эй, Гарри, у тебя все в порядке?

Над морем голов возвышалось сияющее лицо Хагрида.

— Так, все собрались? Тогда за мной! И под ноги смотрите! Первокурсники, все за мной!

Поскальзываясь и спотыкаясь, они шли вслед за Хагридом по узкой дорожке, резко уходящей вниз. Их окружала такая плотная темнота, что Гарри показалось, будто они пробираются сквозь лесную чашу. Все разговоры стихли, и они шли почти в полной тишине, только Невилл, тот мальчик, который все время терял свою жабу, пару раз чихнул.

— Еще несколько секунд, и вы увидите Хо-

гвартс! — крикнул Хагрид, не оборачиваясь. — Так, осторожно! Все сюда!

— О-о-о-! — вырвался дружный, восхищенный возглас.

Они стояли на берегу большого черного озера. А на другой его стороне, на вершине высокой скалы, стоял гигантский замок с башенками и бойницами, а его огромные окна отражали свет усыпавших небо звезд

— По четыре человека в одну лодку, не больше, — скомандовал Хагрид, указывая на целую флотилию маленьких лодочек, качающихся у берега.

Гарри и Рон оказались в одной лодке с Гермионой и Невиллом.

— Расселись? — прокричал Хагрид, у которого была личная лодка. — Тогда вперед!

Флотилия двинулась, лодки заскользили по гладкому как стекло озеру. Все молчали, не сводя глаз с огромного замка. Чем ближе они подплывали к утесу, на котором он стоял, тем больше он возвышался над ними.

— Пригнитесь! — зычно крикнул Хагрид, когда они подплыли к утесу

Все наклонили головы, и лодки оказались в зарослях плюща, который скрывал огромную рас-

щелину. Миновав заросли, они попали в темный туннель, который, судя по всему, заканчивался прямо под замком, и вскоре причалили к подземной пристани и высадились на камни.

— Эй, ты! — крикнул Хагрид, обращаясь к Невиллу Хагрид осматривал пустые лодки и, видимо, что-, то заметил. — Это твоя жаба?

— Ой, Тревор! — радостно завопил Невилл, протягивая руки и прижимая к себе свою жабу.

Хагрид повел их наверх по каменной лестнице, освещая дорогу огромной лампой. Вскоре все оказались на влажной от росы лужайке у подножия замка.

Еще один лестничный пролет-и теперь они стояли перед огромной дубовой дверью.

— Все здесь? — поинтересовался Хагрид. — Эй, ты не потерял еще жабу?

Убедившись, что все в порядке, Хагрид поднял свой огромный кулак и трижды постучал в дверь замка.

Глава 7

РАСПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ШЛЯПА

Дверь распахнулась. За ней стояла высокая черноволосая волшебница в изумрудно-зеленых одеждах Лицо ее было очень строгим, и Гарри сразу подумал, что с такой лучше не спорить и вообще от нее лучше держаться подальше.

— Профессор МакГонагалл, вот первокурсники, — сообщил ей Хагрид.

— Спасибо, Хагрид, — кивнула ему волшебница. — Я их забираю.

Она повернулась и пошла вперед, приказав первокурсникам следовать за ней. Они оказались в огромном зале — таком огромном, что там легко поместился бы дом Дурслей. На каменных стенах — точно так же, как в «Гринготтс», — горели факелы, потолок терялся где-то вверху, а красивая мраморная лестница вела на верхние этажи.

Они шли вслед за профессором МакГонагалл по вымощенному булыжником полу. Проходя мимо закрытой двери справа, Гарри услышал шум сотен голосов — должно быть, там уже собралась вся школа.

Но профессор МакГонагалл вела их совсем не туда, а в маленький пустой зальчик Толпе первокурсников тут было тесно, и они сгрудились, дыша друг другу в затылок и беспокойно оглядываясь.

— Добро пожаловать в Хогвартс, — наконец поприветствовала их профессор МакГонагалл. — Скоро начнется банкет по случаю начала учебного года, но прежде чем вы сядете за столы, вас разделят на факультеты. Отбор — очень серьезная процедура, потому что с сегодняшнего дня и до окончания школы ваш факультет станет для вас второй семьей. Вы будете вместе учиться, спать в одной спальне и проводить свободное время в комнате, специально отведенной для вашего факультета.

Факультетов в школе четыре — Гриффиндор, Пуффендуй, Когтевран и Слизерин. У каждого из них есть своя древняя история, и из каждого выходили выдающиеся волшебники и волшебницы. Пока вы будете учиться в Хогвартсе, ваши успехи будут приносить вашему факультету призовые очки, а за каждое нарушение распорядка очки будут вычитаться. В конце года факультет, набравший больше очков, побеждает в соревновании между факультетами — это огромная

честь. Надеюсь, каждый из вас будет достойным членом своей семьи.

Церемония отбора начнется через несколько минут в присутствии всей школы. А пока у вас есть немного времени, я советую вам собраться с мыслями.

Ее глаза задержались на мантии Невилла, которая сбилась так, что застежка оказалась под левым ухом, а потом на грязном носу Рона. Гарри дрожащей рукой попытался пригладить свои непослушные волосы.

— Я вернусь сюда, когда все будут готовы к встрече с вами, — сообщила профессор МакГонагалл

и пошла к двери. Перед тем как выйти, она обернулась. — Пожалуйста, ведите себя тихо. Гарри с шумом втянул воздух.

— А как будет проходить этот отбор? — спросил он Рона.

— Наверное, нам придется пройти через какие-то испытания, — ответил тот. — Фред сказал, что это очень больно, но я думаю, что он, как всегда, шутил.

Гарри ощутил, как бешено заколотилось его сердце. Испытания? Перед всей школой? Но ведь он не знаком с магией. И что же он в таком слу-

чае будет делать? Если честно, он совершенно не рассчитывал, что сразу по приезде сюда его ждет нечто подобное. Он беспокойно огляделся и заметил, что и остальные тоже напуганы. Все молчали, кроме Гермионы Грэйнджер, которая стояла рядом с Гарри и шепотом рассказывала всем вокруг о том, какие заклинания она уже выучила, и вслух гадала, какое из них ей понадобится на церемонии отбора.

Гарри старался ее не слушать. Он еще ни разу в жизни так не нервничал — даже когда Дурсли получили письмо из его школы. А в письме, между прочим, говорилось, что Гарри имеет самое прямое отношение к тому, что парик его учительницы каким-то образом поменял цвет и из черного превратился в голубой. Тогда ему пришлось плохо, но сейчас он чувствовал себя намного хуже. Гарри уставился в пол, пытаясь набраться мужества и настроиться на предстоящее испытание. Ведь профессор МакГонагалл могла вернуться в любую секунду и повести его на страшный суд.

Внезапно воздух прорезали истошные крики и Гарри даже подпрыгнул от неожиданности.

— Что?... — начал было он, но осекся, увидев, в чем дело, и широко раскрыл рот. Как, впрочем, и

все остальные.

Через противоположную от двери стену в комнату просачивались призраки — их было, наверное, около двадцати. Жемчужно-белые, полупрозрачные, они скользили по комнате, переговариваясь между собой и, кажется, вовсе не замечая первокурсников или делая вид, что не замечают. Судя по всему, они спорили.

— А я вам говорю, что надо забыть о его прегрешениях и простить его, — произнес один из них, похожий на маленького толстого монаха. — Я считаю, что мы просто обязаны дать ему еще один шанс…

— Мой дорогой Проповедник, разве мы не предоставили Пивзу больше шансов, чем он того заслужил? Он позорит и оскорбляет нас, и, на мой взгляд, он, по сути, никогда и не был призраком…

Призрак в трико и круглом пышном воротнике замолчал и уставился на первокурсников, словно только что их заметил.

— Эй, а вы что здесь делаете? Никто не ответил.

— Да это же новые ученики! — воскликнул Толстый Проповедник, улыбаясь собравшимся. — Ждете отбора, я полагаю?

Несколько человек неуверенно кивнули.

— Надеюсь, вы попадете в Пуффендуй! — продолжал улыбаться Проповедник — Мой любимый факультет, знаете ли, я сам там когда-то учился.

— Идите отсюда, — произнес строгий голос. — церемония отбора сейчас начнется.

Это вернулась профессор МакГонагалл. Она строго посмотрела на привидения, и те поспешно начали просачиваться сквозь стену и исчезать одно за другим.

— Выстройтесь в шеренгу — скомандовала профессор, обращаясь к первокурсникам, — и идите за мной!

У Гарри было ощущение, словно его ноги налились свинцом. Он встал за мальчиком со светлыми волосами, за ним встал Рон, и они вышли из маленького зала, пересекли зал, в котором уже побывали при входе в замок, и, пройдя через двойные двери, оказались в Большом зале.

Гарри даже представить себе не мог, что на свете существует такое красивое и такое странное место. Зал был освещен тысячами свечей, плавающих в воздухе над четырьмя длинными столами, за которыми сидели старшие ученики. Столы были заставлены сверкающими золотыми тарелками и кубками. На другом конце зала за та-

ким же длинным столом сидели преподаватели. Профессор МакГонагалл подвела первокурсников к этому столу и приказала им повернуться спиной к учителям и лицом к старшекурсникам.

Перед Гарри были сотни лиц, бледневших в полутьме, словно неяркие лампы. Среди старшекурсников то здесь, то там мелькали отливающие серебром расплывчатые силуэты привидений. Чтобы избежать направленных на него взглядов, Гарри посмотрел вверх и увидел над собой бархатный черный потолок, усыпанный звездами.

— Его специально так заколдовали, чтобы он был похож на небо, — прошептала опять оказавшаяся рядом Гермиона. — Я вычитала это в «Истории Хогвартса».

Было сложно поверить в то, что это на самом деле потолок Гарри казалось, что Большой зал находится под открытым небом.

Гарри услышал какой-то звук и, опустив устремленный в потолок взгляд, увидел, что профессор МакГонагалл поставила перед шеренгой первокурсников самый обычный на вид табурет и положила на сиденье остроконечную Волшебную шляпу. Шляпа была вся в заплатках, потертая и ужасно грязная. Тетя Петунья сразу бы выкинула такую на помойку.

«Интересно, зачем она здесь? — подумал Гарри. В голове его сразу запрыгали сотни мыслей. — Может быть, надо попытаться достать из нее кролика, как это делают фокусники в цирке?»

Он огляделся, заметив, что все собравшиеся неотрывно смотрят на Шляпу, и тоже начал внимательно ее разглядывать. На несколько секунд в зале воцарилась полная тишина. А затем Шляпа шевельнулась. В следующее мгновение в ней появилась дыра, напоминающая рот, и она запела:

Может быть, я некрасива на вид,
Но строго меня не судите.
Ведь шляпы умнее меня не найти,
Что вы там ни говорите.
Шапки, цилиндры и котелки
Красивей меня, спору нет.
Но будь они умнее меня,
Я бы съела себя на обед.
Все помыслы ваши я вижу насквозь,
Не скрыть от меня ничего.
Наденьте меня, и я вам сообщу,
С кем учиться вам суждено.
Быть может, вас ждет
Гриффиндор, славный тем,
Что учатся там храбрецы.
Сердца их отваги и силы полны,

К тому ж благородны они.
А может быть,
Пуффендуй ваша судьба,
Там, где никто не боится труда,
Где преданны все, и верны,
И терпенья с упорством полны.
А если с мозгами в порядке у вас,
Вас к знаниям тянет давно,
Есть юмор и силы гранит грызть наук,
То путь ваш — за стол Когтевран.
Быть может, что в Слизерине вам суждено
Найти своих лучших друзей.
Там хитрецы к своей цели идут,
Никаких не стесняясь путей.
Не бойтесь меня, надевайте смелей,
И вашу судьбу предскажу я верней,
Чем сделает это другой.
В надежные руки попали вы,
Пусть и безрука я, увы,
Но я горжусь собой.

Как только песня закончилась, весь зал единодушно зааплодировал. Шляпа поклонилась всем четырем столам. Рот ее исчез, она замолчала и замерла.

— Значит, каждому из нас нужно будет всего лишь ее примерить? — прошептал Рон. — Я убью

этого вруна Фреда, ведь он мне заливал, что нам придется бороться с троллем.

Гарри с трудом выдавил из себя улыбку. Да, конечно, примерить Шляпу было куда проще, чем демонстрировать свои познания в магии, но его смущало, что на него будет смотреть такое количество людей. А к тому же Шляпа требовала от него слишком многого — сейчас Гарри не чувствовал себя ни сообразительным, ни остроумным, ни тем более храбрым. Если бы Шляпа сказала, что один из факультетов предназначен исключительно для тех, кого от волнения начинает тошнить, Гарри бы сразу понял, что это его факультет.

Профессор МакГонагалл шагнула вперед, в руках она держала длинный свиток пергамента.

— Когда я назову ваше имя, вы наденете Шляпу и сядете на табурет, — произнесла она. — Начнем. Аббот, Ханна!

Девочка с белыми косичками и порозовевшим то ли от смущения, то ли от испуга лицом, спотыкаясь, вышла из шеренги, подошла к табурету, взяла Шляпу и села. Шляпа, судя по всему, была большого размера, потому что, оказавшись на голове Ханны, закрыла не только лоб, но даже ее глаза. А через мгновение…

— ПУФФЕНДУЙ! — громко крикнула Шляпа. Те, кто сидел за крайним правым столом, разразились аплодисментами. Ханна встала, пошла к этому столу и уселась на свободное место. Гарри заметил, что крутившийся у стола Толстый Проповедник приветливо помахал ей рукой.

— Боунс, Сьюзен!

— ПУФФЕНДУЙ! — снова закричала Шляпа, и Сьюзен поспешно засеменила к своему столу, сев рядом с Ханной. — Бут, Терри!

— КОГТЕВРАН!

Теперь зааплодировали за вторым столом слева, несколько старшекурсников встали со своих мест, чтобы пожать руку присоединившемуся к ним Терри.

Мэнди Броклхерст тоже отправилась за стол факультета Когтевран, а Лаванда Браун стала первым новым членом факультета Гриффиндор. Крайний слева стол взорвался приветственными криками, и Гарри увидел среди кричавших рыжих близнецов.

Миллисенту Булстроуд определили в Слизерин. Возможно, дело было в игре воображения, но после того, что Гарри услышал о Слизерине, все, кто попадал туда и кто сидел за их столом, казались ему неприятными личностями.

Гарри начал чувствовать себя по-настоящему плохо. Он вспомнил, как было в его старой школе на уроках физкультуры, когда учитель назначал капитанов команд для игры в футбол или баскетбол. А те сами выбирали себе игроков. Гарри всегда выбирали последним, и не потому, что он был физически неразвитым, а потому, что никто не хотел ссориться с Дадли.

— Финч-Флетчли, Джастин! — ПУФФЕНДУЙ!

Гарри заметил, что иногда Шляпа, едва оказавшись на голове очередного первокурсника или первокурсницы, практически молниеносно называла факультет, а иногда она задумывалась. Так, Симус Финниган светловолосый мальчик, стоявший в шеренге перед Гарри, просидел на табурете почти минуту, пока Шляпа не отправила его за стол Гриффиндора.

— Гермиона Грэйнджер!

Судя по всему Гермиона, в отличие от Гарри, с нетерпением ждала своей очереди и не сомневалась в успехе. Услышав свое имя, она чуть ли не бегом рванулась к табурету и в мгновение ока надела на голову Шляпу

— ГРИФФИНДОР! — выкрикнула Шляпа.

Рон застонал — видимо, несмотря на все свои сомнения, он верил, что попадет туда же, где

были **его** братья, а учиться вместе с настырной и всезнающей Гермионой ему явно не хотелось.

Мозг Гарри вдруг пронзила страшная мысль одна из тех, которые всегда появляются, когда слишком нервничаешь.

«А что, если Шляпа решит, что я не подхожу ни для одного из факультетов?» — подумал он.

Гарри вдруг представил, как он сидит на табурете с шляпой на голове, как проходит минута, другая, а потом десять и двадцать, и кажется, что уже прошла вечность, а Шляпа все молчит. Молчит до **тех** пор, пока профессор МакГонагалл не срывает ее с головы Гарри и не сообщает ему, что, по всей видимости, произошла ошибка и ему лучше сесть на обратный поезд до Лондона.

Правда, нервничал не только Гарри. Когда вызвали Невилла Долгопупса, того самого мальчика, который все время терял свою жабу, тот умудрился споткнуться и упасть, даже не дойдя до табурета.

Шляпа серьезно задумалась, прежде чем выкрикнуть «ГРИФФИНДОР». Невилл, услышав свой вердикт, вскочил со стула и бросился к столу, за которым сидели ученики факультета, забыв снять Шляпу. Весь зал оглушительно захохотал, а спохватившийся Невилл развернулся и побежал

обратно, чтобы вручить Шляпу Мораг МакДугал.

Когда вызвали Малфоя, он вышел из шеренги с ужасно важным видом, и его мечта осуществилась в мгновение ока — Шляпа, едва коснувшись его головы, тут же заорала:

— СЛИЗЕРИН!

Малфой присоединился к своим друзьям Крэббу и Гойлу ранее отобранным на тот же факультет, и выглядел необычайно довольным собой.

Не прошедших отбор первокурсников оставалось все меньше.

Мун, Нотт, Паркинсон, девочки-близнецы Патил, затем Салли-Энн Перке и, наконец…

— Поттер, Гарри!

Гарри сделал шаг вперед, и по всему залу вспыхнули огоньки удивления, сопровождаемые громким шепотом.

— Она сказала Поттер?

— Тот самый Гарри Поттер?

Последнее, что увидел Гарри, прежде чем Шляпа. Упала ему на глаза, был огромный зал, заполненный людьми, каждый из которых подался вперед, чтобы получше разглядеть его. А затем перед глазами встала черная стена.

— Гм-м-м, — задумчиво произнес прямо ему в ухо тихий голос. — Непростой вопрос. Очень

непростой. Много смелости, это я вижу. И ум весьма неплох. И таланта хватает — о да, мой бог, это так, — и имеется весьма похвальное желание проявить себя, это тоже любопытно… Так куда мне тебя определить?

Гарри крепко вцепился обеими руками в сиденье табурета.

«Только не в Слизерин, — подумал он. — Только не в Слизерин».

— Ага, значит, не в Слизерин? — переспросил тихий голос. — Ты уверен? Знаешь ли, ты можешь стать великим, у тебя есть все задатки, я это вижу, а Слизерин поможет тебе достичь величия, это несомненно… Так что — не хочешь? Ну ладно, если ты так в этом уверен… Что ж, тогда… ГРИФФИНДОР!

Гарри показалось, что Шляпа выкрикнула этот вердикт куда громче, чем предыдущие. Он снял Шляпу и, ощущая дрожь в ногах, медленно пошел к своему столу. Он испытывал такое сильное облегчение по поводу того, что его все-таки выбрали и что он попал не в Слизерин, что даже не замечал, что ему аплодируют более бурно и продолжительно, чем другим. Рыжий староста Перси вскочил со своего стула, схватил руку Гарри и начал ее трясти, а близнецы Фред и Джордж в это

время вопили во весь голос:

— С нами Поттер! С нами Поттер!

Пожав руки всем желающим, Гарри плюхнулся на свободный стул, оказавшись как раз напротив призрака в трико, которого он видел перед началом церемонии. Призрак похлопал его по руке, и Гарри внезапно испытал очень неприятное, испугавшее его ощущение — ему показалось, что он сунул руку в ведро с ледяной водой.

Теперь он наконец получил возможность увидеть главный стол, за которым сидели учителя. В самом

углу сидел Хагрид, который, поймав взгляд Гарри, показал ему большой палец, и Гарри улыбнулся в ответ. А в центре стола стоял большой золотой стул, напоминавший трон, на котором восседал Альбус Дамблдор. Гарри сразу узнал его — он был таким же, как на карточке-вкладыше из «шоколадной лягушки». Серебряные волосы Дамблдора сияли ярче, чем привидения, ярче, чем что-либо в зале.

Еще Гарри заметил профессора Квиррелла, нервного молодого человека, с которым он познакомился в «Дырявом котле». Сейчас на голове Квиррелла красовался большой фиолетовый тюрбан, так что профессор выглядел еще более

странным, чем раньше.

Церемония подходила к концу, оставалось всего трое первокурсников. Лайзу Турпин зачислили в Когтевран, и теперь пришла очередь Рона. Гарри видел, что тот даже позеленел от страха. Гарри скрестил под столом пальцы, и через секунду Шляпа громко завопила:

— ГРИФФИНДОР!

Гарри громко аплодировал вместе с другими до тех пор, пока Рон не плюхнулся рядом.

— Отлично, Рон, просто превосходно, — с важным видом похвалил его Перси Уизли, в то время как последняя в списке Блейз Цабини уже направлялась к столу Слизерина. Профессор МакГонагалл скатала свой свиток и вынесла из зала Волшебную шляпу.

Гарри посмотрел на стоявшую перед ним пустую золотую тарелку. Он только сейчас понял, что безумно голоден. Казалось, что купленные в поезде сладости он съел не несколько часов, а несколько веков назад. Альбус Дамблдор поднялся со своего трона и широко развел руки. На его лице играла лучезарная улыбка. У него был такой вид, словно ничто в мире не может порадовать его больше, чем сидящие перед ним ученики его школы.

— Добро пожаловать! — произнес он. — Добро пожаловать в Хогвартс! Прежде чем мы начнем наш банкет, я хотел бы сказать несколько слов. Вот эти слова: Олух! Пузырь! Остаток! Уловка! Все, всем спасибо!

Дамблдор сел на свое место. Зал разразился радостными криками и аплодисментами. Гарри сидел и не знал, смеяться ему или нет.

— Он… он немного ненормальный? — неуверенно спросил Гарри, обращаясь к сидевшему слева от него Перси.

— Ненормальный? — рассеянно переспросил Перси, но тут же спохватился. — Он гений! Лучший волшебник в мире! Но, в общем, ты прав, он немного сумасшедший. Как насчет жареной картошки, Гарри?

Гарри посмотрел на стол и замер от изумления. Стоявшие на столе тарелки были доверху наполнены едой. Гарри никогда не видел на одном столе так много своих любимых блюд: ростбиф, жареный цыпленок, свиные и бараньи отбивные, сосиски, бекон и стейки, вареная картошка, жареная картошка, чипсы, йоркширский пудинг, горох, морковь, мясные подливки, кетчуп и непонятно как и зачем здесь оказавшиеся мятные леденцы.

Надо признать, что Дурсли никогда не морили Гарри голодом, но и никогда не давали ему съесть столько, сколько ему хотелось. А Дадли всегда съедал то, что особенно нравилось Гарри, даже если его самого от этого тошнило. Но сейчас Гарри был не в доме Дурслей. Он положил в свою тарелку всего понемногу — за исключением мятных леденцов — и накинулся на *еду.* Она была просто великолепной.

— Неплохо выглядит, — грустно заметил призрак в трико, наблюдая, как Гарри поедает стейк

— Вы хотите… — начал было Гарри, но призрак покачал головой.

— Я не ем вот уже почти четыре сотни лет. У меня нет никакой необходимости в еде, но, по правде говоря, мне ее не хватает. Кстати, я, кажется, не представился. Сэр Николас де Мимси-Дельфингтон, к вашим услугам. Привидение, проживающее в башне Гриффиндора.

— Я знаю, кто ты! — внезапно выпалил Рон. — Мои братья рассказывали о тебе-ты Почти Безголовый Ник!

— Я бы предпочел, чтобы вы называли меня сэр Николас де Мимси, — строгим тоном начал призрак, но его опередил Симус Финниган. Тот самый светловолосый мальчик, который стоял

перед Гарри
в шеренге.

— Почти безголовый? Как можно быть почти безголовым?

Сэр Николас выглядел немного недовольным, словно беседа зашла не туда, куда бы ему хотелось.

— А вот так, — раздраженно ответил он, дергая себя за левое ухо.

Голова отделилась от шеи и упала на плечо, словно держалась на пружине и приводилась в действие нажатием на ухо. Очевидно, кто-то пытался его обезглавить, но не довел дело до конца. Лежащая на плече голова Почти Безголового Ника довольно Улыбалась, наблюдая за выражениями лиц первокурсников. Затем он потянул себя за правое ухо и голова с щелчком встала на место. Привидение прокашлялось.

— Итак, за новых учеников факультета Гриффиндор! Надеюсь, вы поможете нам выиграть в этом году соревнование между факультетами? Гриффиндор никогда так долго не оставался без награды. Вот уже шесть лет подряд победа достается Слизерину. Кровавый Барон — это привидение подвалов Слизерина — стал почти невыносим.

Гарри посмотрел в сторону стола Слизерин и увидел жуткого вида привидение с выпученными пустыми глазами, вытянутым костлявым лицом, и в одеждах, запачканных серебряной кровью. Барон сидел рядом с Малфоем, который, как с радостью отметил Гарри, был вовсе не в восторге от такого общества.

— А как получилось, что он весь в крови? — выпалил Симус, которого почему-то очень заинтересовал этот вопрос.

— Я никогда не спрашивал, — деликатно заметил Почти Безголовый Ник

Когда все наелись — в смысле съели столько, сколько смогли съесть, — тарелки вдруг опустели, снова став идеально чистыми и так ярко заблестев в пламени свечей, словно на них и не было никакой еды. Но буквально через мгновение на них появилось сладкое. Мороженое всех мыслимых видов, яблочные пироги, фруктовые торты, шоколадные эклеры и пончики с джемом, бисквиты, клубника, желе, рисовые пудинги…

Пока Гарри наполнял свою тарелку разнообразными десертами, за столом заговорили о семьях.

— Лично я — половина на половину, — признался Симус. — Мой папа — магл, а мама — волшебница. Мама ничего ему не говорила до тех

пор, пока они не поженились. Я так понял, что он совсем не обрадовался, когда узнал правду.

Все рассмеялись.

— А ты, Невилл? — спросит Рон.

— Я… Ну, меня вырастила бабушка, она волшебница, — начал Невилл. — Но вся моя семья была уверена, что я самый настоящий магл. Мой двоюродный дядя Элджи все время пытался застать меня врасплох, чтобы я сотворил какое-нибудь чудо. Он очень хотел, чтобы я оказался волшебником. Так, однажды он подкрался ко мне, когда я стоял на пирсе, и столкнул меня в воду. А я чуть не утонул. В общем, я был самым обычным — до восьми лет. Когда мне было восемь, Элджи зашел к нам на чай, поймал меня и высунул за окно. Я висел там вниз головой, а он держал меня за лодыжки. И тут моя двоюродная тетя Энид предложила ему пирожное, и он случайно разжал руки. Я полетел со второго этажа, но не разбился, — я словно превратился в мячик, отскочил от земли и попрыгал вниз по дорожке. Они все были в восторге, а бабушка даже расплакалась от счастья. Вы бы видели их лица, когда я получил письмо из Хогвартса, — они боялись, что мне его не пришлют, что я не совсем волшебник Мой двоюродный дядя Элджи на Радостях подарил

мне жабу.

Тут Гарри прислушался к тому, о чем говорили сидевшие слева от него Перси и Гермиона. Впрочем, он мог бы догадаться: Гермиона, естественно, говорила о занятиях

— Я так надеюсь, что мы начнем заниматься прямо сейчас. Нам столько всего предстоит выучить. Лично меня больше всего интересует трансфигурация, вы понимаете, искусство превращать что-либо во что-либо другое. Хотя, конечно, это считается очень сложным делом.

— На многое не рассчитывай. Вы начнете с мелочей, будете превращать спички в иголки, примерно так.

Гарри согрелся, размяк и ощутил, что у него начинают слипаться глаза. Чтобы не заснуть, он вытаращил их и начал глазеть по сторонам, наконец уткнувшись взглядом в учительский стол. Хагрид что-то пил из большого кубка, профессор МакГонагалл беседовала с профессором Дамблдором, а профессор Квиррелл, так и не снявший свой дурацкий тюрбан, разговаривал с незнакомым Гарри преподавателем с сальными черными волосами, крючковатым носом и желтоватой, болезненного цвета кожей.

Все произошло совершенно внезапно. Крюч-

коносый вдруг посмотрел прямо на Гарри — и голову Гарри пронзила острая боль. Ему показалось, что его похожий на молнию шрам на мгновение раскалился добела.

— Ой! — Гарри хлопнул себя ладонью по лбу.

— Что случилось? — поинтересовался Перси.

— Н-н-ничего, — с трудом выдавил из себя Гарри. Боль прошла так же быстро, как и появилась. Но вот ощущение, которое возникло у Гарри, когда он поймал взгляд крючконосого, — ощущение, что этому преподавателю очень не нравится Гарри Поттер, осталось.

— А кто это там разговаривает с профессором Квирреллом? — спросил он у Перси.

— А, ты уже знаешь Квиррелла? Не удивляюсь, почему он такой нервный — занервничаешь тут, когда рядом сидит профессор Снегг. Он учит тому, как надо смешивать волшебные зелья, но говорят, что это ему совсем не по душе. Все знают, что он хочет занять место профессора Квиррелла. Он большой специалист по Темным искусствам, этот Снегг.

Гарри какое-то время понаблюдал за Снеггом, но тот больше не смотрел на него.

Когда все насытились десертом, сладкое исчезло с тарелок, и профессор Дамблдор снова

поднялся со своего трона. Все затихли.

— Хм-м-м! — громко прокашлялся Дамблдор. — Теперь, когда все мы сыты, я хотел бы сказать еще несколько слов. Прежде чем начнется семестр, вы должны кое-что усвоить. Первокурсники должны запомнить, что всем ученикам запрещено заходить в лес, находящийся на территории школы. Некоторым старшекурсникам для их же блага тоже следует помнить об этом…

Сияющие глаза Дамблдора на мгновение остановились на рыжих головах близнецов Уизли.

— По просьбе мистера Филча, нашего школьного смотрителя, напоминаю, что не следует творить чудеса на переменах. А теперь насчет тренировок по квиддичу — они начнутся через неделю. Все, кто хотел бы играть за сборные своих факультетов, должны обратиться к мадам Трюк. И наконец, я должен сообщить вам, что в этом учебном году правая часть коридора на третьем этаже закрыта для всех, кто не хочет умереть мучительной смертью.

Гарри рассмеялся, но таких весельчаков, как он, оказалось очень мало.

— Он ведь шутит? — пробормотал Гарри, повернувшись к Перси.

— Может быть, — ответил Перси, хмуро глядя

на Дамблдора. — Это странно, потому что обычно он объясняет, почему нам нельзя ходить куда-либо. Например, про лес и так все понятно — там опасные звери, это всем известно. А тут он должен был бы все объяснить, а он молчит. Думаю, он, по крайней мере, должен был посвятить в это нас, старост.

— А теперь, прежде чем пойти спать, давайте споем школьный гимн! — прокричал Дамблдор.

Гарри заметил, что у всех учителей застыли на лицах непонятные улыбки.

Дамблдор встряхнул своей палочкой, словно прогонял севшую на ее конец муху. Из палочки вырвалась длинная золотая лента, которая начала подниматься над столами, а потом рассыпалась на повисшие в воздухе слова.

— Каждый поет на свой любимый мотив, — сообщил Дамблдор. — Итак, начали!

И весь зал заголосил:

Хогвартс, Хогвартс, наш любимый Хогвартс,
Научи нас хоть чему-нибудь.
Молодых и старых, лысых и косматых,
Возраст ведь не важен, а важна лишь суть.

В наших головах сейчас гуляет ветер,
В них пусто и уныло, и кучи дохлых мух,
Но для знаний место в них всегда найдется,
Так что научи нас

хоть чему-нибудь.

Если что забудем, ты уж нам напомни,

А если не знаем, ты нам объясни.

Сделай все, что сможешь, наш любимый Хогвартс,

А мы уж постараемся тебя не подвести.

Каждый пел, как хотел, — кто тихо, кто громко, кто весело, кто грустно, кто медленно, кто быстро. И естественно, все закончили петь в разное время. Все уже замолчали, а близнецы Уизли все еще продолжали петь школьный гимн — медленно и торжественно, словно похоронный марш. Дамблдор начал дирижировать, взмахивая своей палочкой, а когда они наконец допели, именно он хлопал громче всех.

— О, музыка! — воскликнул он, вытирая глаза: похоже, Дамблдор прослезился от умиления. — Ее волшебство затмевает то, чем мы занимаемся здесь. А теперь спать. Рысью — марш!

Первокурсники, возглавляемые Перси, прошли мимо еще болтающих за своими столами старшекурсников, вышли из Большого зала и поднялись вверх по мраморной лестнице.

Ноги Гарри снова налились свинцом, только уже не от волнения, а от усталости и сытости. Он был очень сонным и даже не удивился тому, что

люди, изображенные на развешанных в коридорах портретах, перешептываются между собой и показывают на первокурсников пальцами. И воспринял как само собой разумеющееся то, что Перси дважды проводил их сквозь потайные двери — одна пряталась за раздвижными панелями, а вторая скрывалась за свисающим с потолка длинным гобеленом. Зевая и с трудом передвигая ноги, они поднимались то по одной лестнице, то по другой. Гарри не переставал спрашивать себя, когда же они доберутся до цели и тут Перси вдруг остановился.

Перед ними в воздухе плавали костыли. Как только Перси сделал шаг вперед, костыли угрожающе развернулись в его сторону и начали атаковать. Но они не ударяли, а останавливались в нескольких сантиметрах, как бы говоря, что он должен уйти.

— Это Пивз, наш полтергейст, — шепнул Перси, обернувшись к первокурсникам. А потом повысил голос: — Пивз, покажись!

Ответом ему послужил протяжный и довольно неприличный звук — в лучшем случае похожий на звук воздуха, выходящего из воздушного шара.

— Ты хочешь, чтобы я пошел к Кровавому Ба-

рону и рассказал ему, что здесь происходит?

Послышался хлопок, и в воздухе появился маленький человечек с неприятными черными глазками и большим ртом. Он висел, скрестив ноги, между полом и потолком, и делал вид, что опирается на костыли, которые ему явно не были нужны.

— О-о-о-о! — протянул он, злорадно хихикнув. — Маленькие первокурснички! Сейчас мы повеселимся.

Висевший в воздухе человечек вдруг спикировал на них, и все дружно пригнули головы.

— Иди отсюда, Пивз, иначе Барон об этом узнает, я не шучу! — резким тоном произнес Перси.

Пивз высунул язык и исчез, уронив свои костыли на голову Невиллу Они слышали, как он удаляется от них, из вредности стуча чем-то по выставленным в коридоре рыцарским доспехам.

— Вам следует его остерегаться, — предупредил Перси, когда они двинулись дальше. — Единственный, кто может контролировать его — это Кровавый Барон, а так Пивз не слушается даже нас, старост. Вот мы и пришли.

Они стояли в конце коридора перед портретом очень толстой женщины в платье из розового шелка.

— Пароль? — строго спросила женщина.

— *Капут драконис,* — ответил Перси, и портрет отъехал в сторону, открыв круглую дыру в стене.

Все пробрались сквозь нее самостоятельно, только неуклюжего Невилла пришлось подталкивать. Круглая уютная Общая гостиная Гриффиндора была заставлена глубокими мягкими креслами.

Перси показал девочкам дверь в их спальню, мальчики вошли в другую дверь. Они поднялись по винтовой лестнице — очевидно, комната находилась в одной из башенок — и, наконец, оказались в спальне. Здесь стояли пять больших кроватей с пологами на четырех столбиках, закрытые темно-красными бархатными шторами. Постели уже были постелены. Все оказались слишком утомлены, чтобы еще о чем-то разговаривать, поэтому молча натянули свои пижамы и забрались на кровати.

— Классно поели, правда? — донеслось до Гарри бормотание Рона, скрытого от него тяжелыми шторами. — Уйди отсюда, Короста! Представляешь, Гарри, она жует мои простыни!

Гарри хотел спросить Рона, что из сладкого ему больше всего понравилось, но не успел — он заснул, едва голова коснулась подушки.

Наверное, странный сон, приснившийся Гарри, объяснялся тем, что он слишком много съел. Во сне он расхаживал в тюрбане профессора Квиррелла, а тюрбан беседовал с ним, убеждая его, что он должен перейти на факультет Слизерин, поскольку так ему предначертано судьбой.

Гарри категорично заявил тюрбану, что он ни за что не перейдет в Слизерин. Тюрбан становился все тяжелее и тяжелее, и Гарри пытался его снять, а тот сжимался, больно сдавливая голову. Рядом стоял Малфой и смеялся над тщетностью предпринимаемых Гарри попыток. А затем Малфой превратился в крючконосого преподавателя по фамилии Снегг, который хохотал громким леденящим смехом. Потом ярко вспыхнул зеленый свет, и Гарри проснулся, обливаясь потом и содрогаясь.

Гарри перевернулся на другой бок и снова заснул. А когда проснулся следующим утром, он даже не мог вспомнить, что ему приснилось.

Глава 8

СПЕЦИАЛИСТ ПО ВОЛШЕБНОМУ ЗЕЛЬЕВАРЕНИЮ

— Вон он, смотри!
— Где?
— Да вон, рядом с высоким рыжим парнем.
— Это который в очках?
— Ты видел его лицо?
— Ты видел его шрам?

Этот шепот Гарри слышал со всех сторон с того самого момента, как на следующее утро вышел из спальни. За дверями кабинетов, в которых у Гарри были занятия, собирались толпы школьников, желающих взглянуть на него. Одни и те же люди специально по нескольку раз проходили мимо, когда он оказывался в коридоре, и пристально смотрели ему в лицо. Гарри предпочел бы, чтобы они этого не делали, потому что они его отвлекали, а ему надо было сосредоточиться на том, чтобы добраться до очередного кабинета.

В Хогвартсе было сто сорок две лестницы. Одни из них были широкие и просторные, другие — узкие и шаткие. Были лестницы, которые в

пятницу приводили Гарри совсем не туда, куда вели в четверг. Были лестницы, у которых внезапно исчезало несколько ступенек в тот самый момент, когда Гарри спускался или поднимался по ним. Так что, идя по этим лестницам, надо было обязательно прыгать.

С дверями тоже хватало проблем. Некоторые из них не открывались до тех пор, пока к ним не обращались с вежливой просьбой. Другие открывались, только если их коснуться в определенном месте. Третьи вообще оказывались фальшивыми, а на самом деле там была стена

Запомнить расположение лестниц, дверей, классов, коридоров и спален было очень сложно. Казалось, что в Хогвартсе все постоянно меняется и сегодня все иначе, чем было вчера. Люди, изображенные на портретах, ходили друг к другу в гости. И Гарри был убежден, что стоящие в коридорах рыцарские латы способны бегать.

Добавляли хлопот и привидения. Гарри всегда оказывался в шоке, когда сквозь дверь, которую он пытался открыть, вдруг просачивалось привидение. С Почти Безголовым Ником, призраком башни Гриффиндор и, следовательно, союзником, проблем никогда не было. Даже наоборот — он всегда был счастлив показать первокурсни-

кам, как пройти туда, куда им надо. Но вот Пивз был опаснее двух закрытых дверей и ведущей в никуда лестницы — особенно если встретить его, когда опаздываешь на занятия. Пивз ронял на головы первокурсникам корзины для бумаг, выдергивал из-под них ковры, забрасывал их кусочками мела или благодаря своей невидимости незаметно подкрадывался и внезапно хватал за нос с хриплым криком: «Попался!»

Казалось, что хуже Пивза ничего и никого быть не может, однако выяснилось, что это не совсем так Школьный завхоз Аргус Филч оказался куда более неприятной личностью. В первое же утро Гарри и Рон обратили на себя его внимание-к сожалению, в плохом смысле слова. Филч застал их в тот момент, когда они пытались открыть одну из дверей. К несчастью, выяснилось, что именно за этой дверью начинается тот самый закрытый для всех коридор на третьем этаже, про который говорил на банкете Альбус Дамблдор. Филч отказывался верить, что ребята просто заблудились Смотритель был уверен, что они специально хотели проникнуть на запретную территорию, и угрожал запереть их в находящуюся в подземелье темницу. Но в самый критический момент их спас проходивший мимо профессор Квиррелл.

У Филча была кошка по имени миссис Норрис — тощее пыльно-серое создание с выпученными горящими глазами, почти такими же, как у Филча. Она в одиночку патрулировала коридоры. Стоило ей заметить, что кто-то нарушил правила — сделал хотя бы один шаг за запретную линию, — и она тут же исчезала А через две секунды появлялся тяжело сопящий Филч. Филч знал все секретные ходы лучше, чем кто-либо другой в школе — за исключением, пожалуй, близнецов Уизли, — и появлялся так неожиданно, словно был привидением Ученики его ненавидели, и для многих пределом мечтаний было отважиться дать пинка миссис Норрис.

Но найти нужный кабинет было еще полдела, потому что занятия оказывались порой куда более непростыми, чем поиск той или иной комнаты. Как быстро выяснил Гарри, магия вовсе не сводилась к помахиванию волшебной палочкой и произнесению нескольких странных слов.

Каждую среду ровно в полночь они приникали к телескопам, изучали ночное небо, записывали названия разных звезд и запоминали, как движутся планеты. Трижды в неделю их водили в расположенные за замком оранжереи, где низкорослая полная дама — профессор Стебль

— преподавала им травологию, науку о растениях, и рассказывала, как надо ухаживать за всеми этими странными растениями и грибами и для чего они используются.

Самым утомительным предметом оказалась история магии — это были единственные уроки, которые вел призрак Профессор Бинс был уже очень стар, когда однажды заснул в учительской прямо перед камином, а на следующее утро он пришел на занятия уже без тела. Бинс говорил ужасно монотонно и к тому же без остановок Ученики поспешно записывали за ним имена и даты и путали Эмерика Злого с Уриком Странным.

Профессор Флитвик, преподававший заклинания, был такого крошечного роста, что вставал на стопку книг, чтобы видеть учеников из-за своего стола. На самом первом уроке он, знакомясь с курсом, взял журнал и начал по порядку зачитывать фамилии. Когда он дошел до Гарри, то возбужденно пискнул и исчез из вида, свалившись со своей подставки.

А вот профессор МакГонагалл была совсем другой. Гарри был прав, когда, увидев ее, сказал себе, что с ней лучше не связываться. Умная, но строгая, она произнесла очень суровую речь, как только первокурсники в первый раз пришли на

ее урок и расселись по местам.

— Трансфигурация — один из самых сложных и опасных разделов магии, которые вы будете изучать в Хогвартсе, — начала она. — Любое нарушение дисциплины на моих уроках — и нарушитель выйдет из класса и больше сюда не вернется. Я вас предупредила.

После такой речи всем стало немного не по себе. Затем профессор МакГонагалл перешла к практике и превратила свой стол в свинью, а потом обратно в стол. Все были жутко поражены и начали изнывать от желания поскорее начать практиковаться самим, но вскоре поняли, что научиться превращать предметы мебели в животных они смогут еще очень нескоро.

Потом профессор МакГонагалл продиктовала им несколько очень непонятных и запутанных предложений, которые предстояло выучить наизусть. Затем она дала каждому по спичке и сказала, что они должны превратить эти спички в иголки. К концу урока только у Гермионы Грэйнджер спичка немного изменила форму-профессор МакГонагалл продемонстрировала всему курсу заострившуюся с одного конца и покрывшуюся серебром спичку Гермионы и улыбнулась ей. Эта улыбка поразила всех не меньше, чем

превращение стола в свинью, — ведь казалось, что профессор МакГонагалл вовсе не умеет улыбаться.

С особым нетерпением все ждали урока профессора Квиррелла по защите от Темных искусств, однако занятия Квиррелла скорее напоминали юмористическое шоу, чем что-то серьезное. Его кабинет насквозь пропах чесноком, которым, как все уверяли, Квиррелл надеялся отпугнуть вампира, которого встретил в Румынии. Профессор очень боялся, что тот вот-вот явится в Хогвартс, чтобы с ним разобраться.

Тюрбан на голове Квиррелла тоже не прибавлял его занятиям серьезности. Профессор уверял, что этот тюрбан ему подарил один африканский принц, которому он помог избавиться от очень опасного зомби. Но по-настоящему никто не верил в эту историю. Во-первых, потому, что, когда Симус Финниган спросил, как Квиррелл победил зомби, Квиррелл покраснел и начал говорить о погоде. А во-вторых, потому, что тюрбан как-то странно пах, а близнецы Уизли уверяли всех, что это не подарок африканского принца, а просто мера предосторожности. По их словам, под одеждой Квиррелл был весь обвешан дольками чеснока, и в тюрбане его тоже был спрятан чеснок, по-

скольку профессор, боясь вампиров, желал быть полностью защищенным. И даже спал в том, в чем ходил по школе, — чтобы вампир не застал его врасплох

За первые несколько дней учебы Гарри с облегчением убедился в том, что он не хуже, чем другие. Очень многие школьники родились и выросли в семьях маг-лов и, как и он, даже понятия не имели о том, кто они такие, пока не получили письмо из Хогвартса. К тому же первокурсникам столько всего предстояло выучить, что даже Рон, родившийся в семье волшебников и кроме родителей имеющий пятерых старших братьев, не имел особого преимущества перед остальными.

Пятница стала для Гарри и Рона великим днем Они наконец смогли спуститься в Большой зал на завтрак, ни разу не сбившись с пути.

— Что у нас там сегодня? — спросил Гарри, посыпая сахаром овсянку.

— Два занятия по зельям — заниматься будем вместе со слизеринцами, — ответил Рон. — Занятия ведет профессор Снегг, а он их декан. Говорят, что он всегда и во всем на их стороне, выгораживает их перед остальными преподавателями и ставит им лучшие отметки. Вот как раз и увидим, так ли это.

— Хотел бы я, чтобы МакГонагалл всегда заступалась за нас, — задумчиво произнес Гарри.

Профессор МакГонагалл была деканом факультета Гриффиндор, но это не помешало ей позавчера дать им огромное домашнее задание.

Пока они завтракали, прибыла почта. Теперь Гарри уже привык к этому, но в свое первое утро в школе он даже испугался, когда во время завтрака в Большой зал с громким уханьем влетело не меньше сотни сов. Они начали кружить над столами, высматривая своих хозяев и роняя им на колени письма и посылки.

Пока Букля не принесла Гарри ни одного письма. Сова иногда залетала в зал вместе с другими, чтобы посидеть у него на плече и ласково похватать его клювом за ухо. А потом, съев кусочек тоста, улетала в совятню, как называли в школе домик, где жили совы, и там спокойно засыпала. Но этим утром Букля, приземлившись между сахарницей и блюдцем с джемом, уронила в тарелку Гарри запечатанный конверт. Гарри тут же вскрыл его — он просто не мог спокойно завтракать, не прочитав свое первое письмо.

Дорогой Гарри, — было написано в письме неровными буквами. — *Я знаю, что в пятницу после обеда у тебя нет занятий, поэтому, если*

захочешь, приходи ко мне на чашку чая примерно часам к трем. Хочу знать, как прошла твоя первая неделя в школе. Пришли мне ответ с Буклей. Хагрид.

Гарри одолжил у Рона перо, нацарапал на обороте письма: *«Да, с удовольствием, увидимся позже, спасибо»*- и вручил письмо Букле.

Гарри повезло, что впереди его ждал чай с Хагридом, потому что занятия по зельеварению оказались самым неприятным из всего, что с ним пока произошло в школе.

На банкете по случаю начала семестра Гарри почувствовал, что профессор Снегг почему-то невзлюбил его с первого взгляда. К концу первого урока он уже понял, что ошибся. Профессор Снегг не просто невзлюбил Гарри — он его возненавидел.

Кабинет Снегга находился в одном из подземелий. Тут было холодно — куда холоднее, чем в самом замке — и довольно страшно. Вдоль всех стен стояли стеклянные банки, в которых плавали заспиртованные животные.

Снегг, как и Флитвик, начал занятия с того, что открыл журнал и стал знакомиться с учениками. И, как и Флитвик, он остановился, дойдя до фамилии Поттер.

— О, да, — негромко произнес он. — Гарри Поттер. Наша новая знаменитость.

Драко Малфой и его друзья Крэбб и Гойл издевательски захихикали, прикрыв лица ладонями.

Закончив знакомство с классом, Снегг обвел аудиторию внимательным взглядом. Глаза у него были черные, как у Хагрида, только в них не было того тепла, которым светились глаза великана. Глаза Снегга были холодными и пустыми и почему-то напоминали темные туннели.

— Вы здесь для того, чтобы изучить науку приготовления волшебных зелий и снадобий. Очень точную и тонкую науку, — начал он.

Снегг говорил почти шепотом, но ученики отчетливо слышали каждое слово. Как и профессор МакГонагалл, Снегг обладал даром без каких-либо усилий контролировать класс. Как и на уроках профессора МакГонагалл, здесь никто не отваживался перешептываться или заниматься посторонними делами.

— Глупое махание волшебной палочкой к этой науке не имеет никакого отношения, и потому многие из вас с трудом поверят, что мой предмет является важной составляющей магической науки, — продолжил Снегг. — Я не думаю, что вы в состоянии оценить красоту медленно кипящего

котла, источающего тончайшие запахи, или мягкую силу жидкостей, которые пробираются по венам человека, околдовывая его разум, порабощая его чувства… могу научить вас, как разлить по флаконам известность, как сварить триумф, как заткнуть пробкой смерть. Но все это только при условии, что вы хоть чем-то отличаетесь от того стада болванов, которое обычно приходит на мои уроки.

После этой короткой речи царившая в курсе тишина стала абсолютной. Гарри и Рон, подняв брови, обменялись недоуменными взглядами. Гермиона Грэйнджер нетерпеливо заерзала на стуле — судя по ее виду, ей не терпелось доказать, что уж ее никак нельзя отнести к стаду болванов.

— Поттер! — неожиданно произнес Снегг. — Что получится, если я смешаю измельченный корень асфоделя с настойкой полыни?

«Измельченный корень чего с настойкой чего?» — *хотел* переспросить Гарри, но не решился. Он покосился на Рона, но тот, похоже, был не менее ошарашен вопросом. Зато Гермиона Грэйнджер явно знала ответ, и ее рука взметнулась в воздух.

— Я не знаю, сэр, — ответил Гарри.

На лице Снегга появилось презрительное вы-

ражение.

— Так, так… Очевидно, известность — это далеко не все. Но давайте попробуем еще раз, Поттер. Снегг упорно не желал замечать поднятую руку Гермионы. — Если я попрошу вас принести мне безоаровый камень, где вы будете его искать?

Гермиона продолжала тянуть руку, с трудом удерживаясь от того, чтобы не вскочить с места. А вот Гарри абсолютно не представлял, что такое безоаровый камень. И старался не смотреть на Малфоя, Крэбба и Гойла, которые сотрясались от беззвучного смеха.

— Я не знаю, сэр, — признался он.

— Похоже, вам и в голову не пришло почитать учебники, прежде чем приехать в школу, так, Поттер?!

Гарри заставил себя не отводить взгляд и смотреть прямо в эти холодные глаза. По правде, он читал свои, новые учебники, пока жил у Дурслей, но неужели Снегг рассчитывал на то, что он наизусть выучит «Тысячу волшебных растений и грибов»?

Снегг продолжал игнорировать дрожащую от волнения руку Гермионы.

— Хорошо, Поттер, а в чем разница между волчьей отравой и клобуком монаха?

Гермиона, не в силах больше сидеть спокойно, встала, вытягивая руку к потолку.

— Я не знаю, — тихо произнес Гарри. — Но мне кажется, что Гермиона это точно знает, почему бы вам не спросить ее?

Послышался смех. Гарри нервно оглянулся, чтобы увидеть, кто еще над ним смеется, кроме Малфоя и двух его приятелей, — ему показалось, что смеявшихся было человек десять, как минимум, — и встретился взглядом с Симусом. Симус одобрительно подмигнул ему, и Гарри подумал, что смеются, видимо, не над ним, а над его ответом, который почему-то всем показался остроумным. Но как бы там ни было, Снегг его таковым не нашел.

— Сядьте! — рявкнул он, на мгновение повернувшись к Гермионе. — А вы, Поттер, запомните: из корня асфоделя и полыни приготавливают усыпляющее зелье, настолько сильное, что его называют напитком живой смерти. Безоар — это камень, который извлекают из желудка козы и который является противоядием от большинства ядов. А волчья отрава и клобук монаха — это одно и то же растение, также известное как аконит. Поняли? Так, все записывайте то, что я сказал!

Все поспешно схватились за перья и зашурша-

ли пергаментом. Но тихий голос Снегга перекрыл поднявшийся шум.

— А за ваш наглый ответ, Поттер, я записываю штрафное очко на счет Гриффиндора.

Для первокурсников факультета Гриффиндор уроки Снегга обещали быть не самыми приятными. После того как Снегг усадил Гарри на место, произошло еще кое-что совсем безрадостное. Снегг разбил учеников на пары и дал им задание приготовить простейшее зелье для исцеления от фурункулов. Он кружил по классу, шурша своей длинной черной мантией, и следил, как они взвешивают высушенные листья крапивы и толкут в ступках змеиные зубы. Снегг раскритиковал всех, кроме Малфоя, которому, очевидно, симпатизировал. В тот момент, когда Снегг призвал всех полюбоваться, как Малфой варит рогатых слизняков, темница вдруг наполнилась ядовито-зеленым дымом и громким шипением. Невилл каким-то образом умудрился растопить котел Симуса, и тот превратился в огромную бесформенную кляксу, а зелье, которое они готовили в котле, стекало на каменный пол, прожигая дырки в ботинках стоявших поблизости учеников. Через мгновение все с ногами забрались на стулья, а Невилл, которого окатило выплеснувшимся из

котла зельем, застонал от боли, так как на его руках и ногах появились красные волдыри.

— Идиот! — прорычал Снегг, одним движением! ладони сметая в угол пролившееся зелье. — Как я понимаю, прежде чем снять котел с огня, вы добавили в зелье иглы дикобраза?

Невилл вместо ответа сморщился и заплакал — теперь и нос его был усыпан красными волдырями.

— Отведите его в больничное крыло, — скривившись, произнес Снегг, обращаясь к Симусу. А потом повернулся к Гарри и Рону, работавшими за соседним столом. — Вы, Поттер, почему вы не сказали ему, что нельзя добавлять в зелье иглы дикобраза? Или вы подумали, что если он ошибется, то вы будете выглядеть лучше его? Из-за вас я записываю еще одно штрафное очко на счет Гриффиндора.

Это было ужасно несправедливо. Гарри уже открыл рот, чтобы возразить, когда Рон пнул его под столом.

— Не нарывайся, — прошептал Рон. — Я слышал, что Снегг, если разозлится, может очень сильно навредить.

Час спустя, когда они вышли из темницы и поднимались по лестнице, голова Гарри была полна

вся ких неприятных мыслей, а радостное настроение с которым он приехал в Хогвартс, совсем улетучилось. В первую же неделю пребывания в школе он заработал два штрафных очка — и все из-за того, что Снегг почему-то возненавидел его. И он очень хотел бы узнать почему.

— Выше нос, — подбодрил его Рон. — Фреду и Джорджу тоже не везет на уроках Снегга. Знаешь, сколько штрафов они у него получили? Слушай, а можно, я пойду с тобой к Хагриду?

Без пяти три они вышли из замка и пошли по школьной территории к дому Хагрида. Он жил в маленьком деревянном домике на опушке Запретного леса. Над входной дверью висел охотничий лук и пара галош.

Когда Гарри постучал в дверь, ребята услышали, как кто-то отчаянно скребется в нее с той стороны и оглушительно лает. А через мгновение до них донесся зычный голос Хагрида:

— Назад, Клык, назад!

Дверь приоткрылась, и за ней показалось знакомое лицо, заросшее волосами.

— Заходите, — пригласил Хагрид. — Назад, Клык!

Хагрид пошире распахнул дверь, с трудом удерживая за ошейник огромную черную собаку.

Как называется эта порода, Хагрид не знал, хотя и пояснил, что с такими собаками охотятся на кабанов.

В доме была только одна комната. С потолка свисали окорока и выпотрошенные фазаны, на открытом огне кипел медный чайник, а в углу стояла массивная кровать, покрытая лоскутным одеялом.

— Вы… э-э… чувствуйте себя как дома… устраивайтесь — сказал Хагрид, отпуская Клыка, который кинул ся к Рону и начал лизать ему уши. Было очевидно, что Клык, как и его хозяин, выглядел куда опаснее, чем был на самом деле.

— Это Рон, — сказал Гарри.

В это время Хагрид заваривал чай и выкладывал на тарелку кексы. Кексы соприкасались с тарелкой с таким звуком, что никаких сомнений в их свежести не возникало — они давным-давно засохли и превратились в камень.

— Еще один Уизли, а? — спросил Хагрид, глядя на веснушчатое лицо Рона. — Я полжизни провел, охотясь на твоих братьев-близнецов. Они все время… ну… пытаются в Запретный лес пробраться, а мне их ловить приходится, да!

О каменные кексы легко можно было сломать зубы, но Гарри и Рон делали вид, что они им очень

нравятся, и рассказывали Хагриду как прошли первые дни в школе. Клык сидел около Гарри, положив голову ему на колени и пуская слюни, обильно заливавшие школьную форму.

Гарри и Рон ужасно развеселились, услышав, как Хагрид назвал Филча старым мерзавцем.

— А эта кошка его, миссис Норрис… ух, хотел бы я познакомить ее с Клыком. Вы-то небось не знаете, да! Стоит мне в школу прийти, как она за мной… э-э… по пятам ходит, следит все да вынюхивает. И не спрячешься от нее, и не обманешь… она меня нюхом чует и везде отыщет, во как! Филч ее на меня натаскал, не иначе.

Гарри рассказал Хагриду про урок Снегга Хагрид, как и Рон, посоветовал Гарри не беспокоиться, потому что Снепу не нравится подавляющее большинство учеников

— Но мне кажется, он меня ненавидит.

— Да ерунда это! — возразил Хагрид. — С чего бы это ему?

Однако Гарри показалось, что Хагрид, произнося эти слова, чуть-чуть отвел взгляд в сторону.

— А как твой брат Чарли? — поспешно поинтересовался Хагрид, повернувшись к Рону. — Мне он жутко нравился: уж больно хорошо он со зверьем умел обращаться.

Гарри спросил себя, не специально ли Хагрид сменил тему разговора. Пока Рон рассказывал Хагриду о Чарли, который изучает драконов, Гарри взял кусок бумаги, лежавший на столе под чехлом для чайника Это была вырезка из «Пророка».

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ О ПРОИСШЕСТВИИ В БАНКЕ «ГРИНГОТТС» — гласил заголовок статьи.

Продолжается расследование обстоятельств проникновения неизвестных грабителей или грабителя в банк «Гринготтс», имевшего место 31 июля. Согласно широко распространенному мнению, это происшествие — дело рук темных волшебников, чьи имена пока неизвестны.

Сегодня гоблины из «Гринготтса» заявили, что из банка ничего не было похищено. Выяснилось, что сейф, в который проникли грабители, был пуст, — по странному стечению обстоятельств, то, что в нем лежало, было извлечено владельцем утром того же дня.

Мы не скажем вам, что лежало в сейфе, поэтому не лезьте в наши дела, если вам не нужны проблемы, — заявил этим утром пресс-секретарь банка «Гринготтс».

Гарри вспомнил, как в поезде Рон рассказал ему

о том, что кто-то пытался ограбить «Гринготтс», но Рон не назвал дату. А теперь…

— Хагрид! — воскликнул Гарри. — Ограбление «гринготтса» произошло как раз в день моего рождения! Возможно, грабители проникли туда, как раз когда мы с тобой там были!

На этот раз не было никаких сомнений в том, что Хагрид избегает взгляда Гарри. Великан промычал что-то нечленораздельное и предложил Гарри еще один каменный кекс. Гарри вежливо поблагодарил его, но кекс брать не стал, а вместо этого еще раз перечитал заметку.

По странному стечению обстоятельств, то, что лежало в сейфе, в который проникли грабители, было извлечено из него владельцем утром того же дня.

Тем утром Хагрид кое-что извлек из сейфа номер семьсот тринадцать — маленький коричневый сверток Не это ли искали воры?

Когда Гарри с Роном шли обратно в замок на ужин, карманы их были набиты каменными кексами, от которых они из вежливости не смогли отказаться. Гарри думал, что ни один из уроков не дал ему столько поводов для размышлений, как встреча с Хагридом. Если Гарри был прав, то

Хагрид забрал из сейфа сверток как раз вовремя, но случайно или нет? И где этот сверток хранится теперь? Ведь чтобы его не выкрали, требуется гораздо более надежное место, чем «Гринготтс»?

И еще Гарри спрашивал себя, не знает ли Хагрид о профессоре Снегге чего-нибудь такого, о чем не захотел ему рассказывать.

Глава 9

ПОЛНОЧНАЯ ДУЭЛЬ

До приезда в Хогвартс Гарри и не представлял, что может ненавидеть кого-нибудь сильнее, чем Дадли. Но это было до того, как он встретил Драко Малфоя. Правда, в первую неделю в школе они практически не сталкивались — единственными совместными занятиями были уроки профессора Снегга. Однако, вернувшись от Хагрида, Гарри и Рон заметили вывешенное в Общей гостиной Гриффиндора объявление, которое вызвало у обоих протяжный стон. Со вторника начинались полеты на метлах — и первокурсникам факультетов Гриффиндор и Слизерин предстояло учиться летать вместе.

— Великолепно, — мрачно заметил Гарри. — Как Раз то, о чем я всегда мечтал. Выставить себя дураком перед Малфоем — и не просто дураком, а дураком, сидящим на метле и не знающим, как взлететь. Надо отметить, что до того как прочитать это объявление, Гарри молил небо о том, чтобы их поскорее научили летать, — ни одно занятие в Хогвартсе не вызывало у него такого

интереса. Но теперь…

— Откуда ты знаешь, кто будет выглядеть дураком? — резонно ответил Рон. — Разумеется, я знаю, что Малфой перед всеми хвастается, что он великолепно играет в квиддич. Но готов биться об заклад что все это пустая болтовня.

Малфой действительно чересчур много говорил о полетах. Он во всеуслышание сожалел о том что первокурсников не берут в сборные факультетов, и рассказывал длинные хвастливые истории о том, где и как он летал на самых разных метлах Истории обычно заканчивались тем, что Малфой с невероятной ловкостью и в самый последний момент умудрялся ускользнуть от магловских вертолетов.

Впрочем, Малфой был не единственным, кто рассуждал на эту тему, — послушать Симуса Финнигана, так тот все свое детство провел на метле. Даже Рон готов был рассказать любому, кто его выслушает, о том, как он однажды взял старую метлу Чарли и чудом избежал столкновения с дельтапланом.

Вообще все, кто родился в семьях волшебников, беспрестанно говорили о квиддиче. Из-за квиддича Рон уже успел ввязаться в серьезную ссору с Дином Томасом. Дин обожал футбол, а

Рон утверждал, что нет ничего интересного в игре, в которую играют всего одним мячом, а игрокам запрещают летать. На следующий день Гарри застал Рона перед плакатом футбольной команды «ВестХэм», который висел над кроватью Дина. Рон тыкал пальцем в изображенных на плакате игроков, пытаясь заставить их двигаться. Видимо, он никак не мог поверить, что на фотографиях маглов все неподвижны, в отличие от фотографий волшебного мира, где запечатленные на снимке люди появлялись и исчезали, подмигивали и улыбались

Правда, и среди родившихся в семьях волшебников были исключения. Так, Невилл признался, что у него в жизни не было метлы, потому что бабушка строго-настрого запрещала ему даже думать о полетах. В глубине души Гарри был с ней полностью согласен — Невилл умудрялся попадать в самые невероятные истории, даже стоя на двух ногах.

Гермиона Грэйнджер, как и Гарри, выросшая в семье маглов, в ожидании предстоящих полетов нервничала не меньше Невилла. Если бы полетам можно было научиться по учебнику, Гермиона бы уже парила в небесах лучше любой птицы, но это было невозможно. Хотя Гермиона,

надо отдать ей должное, не могла не предпринять хотя бы одну попытку. Во вторник за завтраком она утомляла всех сидевших за столом, цитируя советы и подсказки начинающим летать, которые почерпнула из библиотечной книги под названием «История квиддича». Правда, Невилл слушал ее очень внимательно, не пропуская ни одного слова и постоянно переспрашивая. Видимо, он рассчитывал, что несколько часов спустя теория поможет ему удержаться на метле. Но остальные были очень рады, когда лекция Гермионы оборвалась с появлением почты.

С пятницы Гарри не получил ни одного письма — что, разумеется, не преминул отметить Малфой. Сова Малфоя — точнее, в отличие от других, у него был филин, ведь Малфой любил подчеркивать свою оригинальность — постоянно приносила ему из дома

посылки со сладостями, которые он торжественно вскрывал за столом, угощая своих друзей.

В общем, Гарри во вторник не получил ничего а вот сова-сипуха Невилла принесла ему маленький сверток, посланный бабушкой. Невилл ужасно обрадовался и, вскрыв сверток, показал всем небольшое стеклянный шар. Казалось, что

шар заполнен белым дымом.

— Это напоминалка! — пояснил Невилл. — Бабушка знает, что я постоянно обо всем забываю, а этот шар подсказывает, что ты что-то забыл сделать. Вот смотрите — надо взять его в руку, крепко сжать и, если он покраснеет…

Лицо Невилла вытянулось — шар в его руке внезапно окрасился в ярко-красный цвет.

— Ну вот… — растерянно произнес Невилл.

Он попытался вспомнить, о чем именно он забыл, когда Драко Малфой, проходивший мимо, выхватил шар у него из рук

Гарри и Рон одновременно вскочили на ноги. Не то чтобы им так уж хотелось драться — все же совсем неподалеку были друзья Малфоя, превосходившие Гарри и Рона по габаритам, — но и отступать было нельзя. Но тут между ними встала профессор МакГонагалл, у которой нюх на всякого рода неприятности был острее, чем у любого преподавателя Хогвартса.

— Что происходит? — строго спросила она.

— Малфой отнял у меня напоминалку профессор, — объяснил Невилл.

Малфой помрачнел и уронил напоминалку на стол перед Невиллом.

— Я просто хотел посмотреть, профессор, —

невинным голосом произнес он и пошел прочь, боязливо ссутулившись. Казалось, он пытается уменьшиться и тем самым избежать возможного гнева профессора МакГонагалл, которая его просто не заметит.

* * *

В три тридцать Гарри, Рон и другие первокурсники Гриффиндора торопливым шагом подходили к площадке, где обучали полетам. День был солнечным и ясным, дул легкий ветерок, и трава шуршала под ногами. Ученики дружным строем спускались с холма, направляясь к ровной поляне, которая находилась как можно дальше от Запретного леса, мрачно покачивающего верхушками деревьев.

Первокурсники из Слизерина были уже там — как и двадцать метел, лежавших в ряд на земле. Гарри вспомнил, как Джордж и Фред Уизли жаловались на школьные метлы, уверяя, что некоторые из них начинают вибрировать, если на них подняться слишком высоко, а некоторые всегда забирают влево.

Наконец появилась преподавательница полетов, мадам Трюк. У нее были короткие седые волосы и желтые глаза, как у ястреба.

— Ну и чего вы ждете?! — рявкнула она. — Каждый встает напротив метлы-давайте, пошеве-ливайтесь.

Гарри посмотрел на метлу, напротив которой оказался. Она была довольно старой, и несколько ее прутьев торчали в разные стороны.

— Вытяните правую руку над метлой! — скомандовала мадам Трюк, встав перед строем. — И скажите: «Вверх!»

— ВВЕРХ! — крикнуло двадцать голосов.

Метла Гарри прыгнула ему в руку но большинству других учеников повезло куда меньше. У Невилла метла вообще не сдвинулась с места, а у Гермионы Грэйнджер метла почему-то покатилась по земле. Гарри подумал, что, возможно, метлы ведут себя, как лошади, — они чувствуют, кто их боится, и не подчиняются этому человеку. Ведь когда Невилл произносил команду «Вверх!», его голос так дрожал, что становилось понятно, что он предпочтет остаться на земле.

Затем мадам Трюк показала ученикам, как нужно садиться на метлу, чтобы не соскользнуть с нее в воздухе, и пошла вдоль шеренги, проверяя, насколько правильно они держат свои метлы. Гарри и Рон были счастливы, когда мадам Трюк резко сообщила Малфою, что он неправильно

держит метлу.

— Но я летаю не первый год! — горячо возразил Малфой. В его голосе была обида.

Тогда мадам Трюк громко и четко объяснила ему, что это всего лишь означает, что он неправильно летал все эти годы. Малфой выслушал ее молча, наверное, поняв, что если продолжить дискуссию, то может выясниться, что он вовсе не такой специалист, каким хотел казаться.

— А теперь, когда я дуну в свой свисток, вы с силой оттолкнетесь от земли, — произнесла мадам Трюк — Крепко держите метлу, старайтесь, чтобы она была в ровном положении, поднимитесь на метр-полтора, а затем опускайтесь — для этого надо слегка наклониться вперед. Итак, по моему свистку- три, два…

Но Невилл, нервный, дерганый и явно испуганный перспективой остаться на земле в одиночестве, рванулся вверх прежде, чем мадам Трюк поднесла свисток к губам.

— Вернись, мальчик! — крикнула мадам Трюк, но Невилл стремительно поднимался вверх — он напоминал пробку, вылетевшую из бутылки. Два метра, четыре, шесть — и Гарри увидел бледное лицо Невилла, испуганно смотрящего вниз. Увидел, как Невилл широко раскрыл от ужаса рот,

как он соскользнул с метлы, и…

БУМ! Тело Невилла с неприятным звуком рухнуло на землю. Его метла все еще продолжала подниматься, а потом лениво заскользила по направлению к Запретному лесу и исчезла из виду.

Мадам Трюк склонилась над Невиллом, лицо ее было даже белее, чем у него.

— Сломано запястье, — услышал Гарри ее бормотание. Когда мадам Трюк распрямилась, ее лицо выражало явное облегчение. — Вставай, мальчик! — скомандовала она. — Вставай. С тобой все в порядке. — Она повернулась к остальным ученикам. — Сейчас я отведу его в больничное крыло, а вы ждите меня и ничего не делайте. Метлы оставьте на земле. Тот, кто в мое отсутствие Дотронется до метлы, вылетит из Хогвартса быстрее, чем успеет сказать слово «квиддич». Пошли, мой дорогой.

Мадам Трюк приобняла заплаканного Невилла и повела его в сторону замка. Невилл сильно хромал.

Как только они отошли достаточно далеко, чтобы мадам Трюк могла что-либо услышать, Малфой Расхохотался.

— Вы видели его физиономию? Вот неуклюжий — настоящий мешок!

Остальные первокурсники из Слизерина присоединились к нему.

— Заткнись, Малфой, — оборвала его Парвати Патил.

— О-о-о, ты заступаешься за этого придурка Долгопупса? — спросила Пэнси Паркинсон, девочка из Слизерина с грубыми чертами лица. — Никогда не думала, что тебе нравятся такие толстые плаксивые мальчишки.

— Смотрите! — крикнул Малфой, метнувшись вперед и поднимая что-то с земли. — Это та самая дурацкая штука, которую прислала ему его бабка.

Напоминалка заблестела в лучах солнца.

— Отдай ее мне, Малфой, — негромко сказал Гарри Все замерли и повернулись к нему.

Малфой нагло усмехнулся.

— Я думаю, я положу ее куда-нибудь, чтобы Долгопупс потом достал ее оттуда, — например, на дерево.

— Дай сюда! — заорал Гарри, но Малфой вскочил на метлу и взмыл в воздух. Похоже, он не врал насчет того, что действительно умеет летать, и сейчас он легко парил над верхушкой росшего около площадки раскидистого дуба.

— А ты отбери ее у меня, Поттер! — громко

предложил он сверху

Гарри схватил метлу.

— Нет! — вскрикнула Гермиона Грейнджер и Гарри застыл. — Мадам Трюк запретила нам это делать: из-за тебя у Гриффиндора будут неприятности.

Она была права, но все же Гарри проигнорировал ее предупреждение. Кровь стучала в его голове, заставляя забыть обо всем. Он вскочил на метлу, с силой оттолкнулся ногами от земли и взлетел. Он почувствовал, как ветер взъерошил его волосы, услышал, как захлопала его одежда, и вдруг его охватил приступ внезапной, сильной, почти безграничной радости.

Оказалось, что он, так боявшийся, что не умеет ничего, все-таки что-то может. что-то, чему его не надо учить, для чего ему совсем не обязательно было воспитываться в семье волшебников и летать с самого детства. Потому что он летел — и это было легко, и это было прекрасно. Он чуть-чуть отклонился назад и поднялся еще выше под удивленные крики и вопли ужаса оставшихся на земле девочек и одобрительные возгласы Рона.

Гарри резко развернул метлу, оказавшись лицом к липу с Малфоем. Вид у того был изумленный.

— Дай сюда! — крикнул ему Гарри. — Или я собью тебя с метлы!

— Да ну? — издевательски переспросил Малфой, однако, несмотря на тон, на лице его появилась озабоченность.

Гарри откуда-то знал, что ему надо делать. Он нагнулся вперед и крепко ухватился за метлу обеими руками, и она рванулась на Малфоя, как вылетевший из пращи камень. Малфой едва успел уклониться. А Гарри, проскочив мимо, резко развернул метлу. Снизу раздались аплодисменты.

— Что, Малфой, заскучал? — громко крикнул Гарри. — Кребба и Гойла рядом нет, никто тебе не поможет.

Кажется, Малфоя осенила та же мысль.

— Тогда поймай, если сможешь! — заорал он и, метнув стеклянный шар высоко в небо, рванулся вниз, к земле.

Гарри видел, словно в замедленной съемке, как шар поднимается вверх, на мгновение застывает в воздухе, а потом начинает падать. Он нагнулся вперед и направил рукоятку метлы вниз, а в следующую секунду вошел в почти отвесное пике. Скорость все увеличивалась, в ушах свистел ветер, заглушая испуганные вопли стоявших внизу.

Гарри вытянул руку, не снижая скорости, и, когда до земли оставалось не более полуметра, поймал шар — как раз вовремя, чтобы успеть выровнять метлу. И мягко скатился на траву, сжимая шар в руке.

— ГАРРИ ПОТТЕР!

Сердце его рухнуло в пятки быстрее, чем он пикировал к земле. К нему бежала профессор МакГонагалл. Гарри поднялся на ноги, дрожа от предчувствия того, что его ожидало.

— Никогда… никогда за все то время, что я работаю в Хогвартсе…

Профессор МакГонагалл осеклась, от волнения ей не хватило воздуха, но очки ее яростно посверкивали на солнце.

— Как вы могли… Вы чуть не сломали себе шею…

— Это не его вина, профессор…

— Я вас не спрашивала, мисс Патил…

— Но Малфой…

— Достаточно, мистер Уизли. Поттер, идите за мной, немедленно.

Гарри заметил ликующие улыбки на лицах Малфоя и его друзей и побрел, с трудом передвигая ноги, за профессором МакГонагалл, направлявшейся в сторону замка. Он не сомневался,

что его исключат из школы. Он хотел сказать что-нибудь, как-то попробовать оправдаться, но у него что-то случилось с голосом. Профессор МакГонагалл быстро шла вперед, не оборачиваясь на него, и Гарри пришлось ускорить шаг и даже перейти на бег, чтобы не отстать.

Что ж, было похоже, что всему пришел конец. После того, как он не пробыл в школе и двух недель. И теперь уже через десять минут он будет укладывать свои вещи обратно в чемодан. И что, интересно, скажут Дурели, когда увидят его на пороге своего дома?

Они поднялись по ступенькам, ведущим к воротам замка, потом по мраморной лестнице. Профессор МакГонагалл все еще молчала. Она резко распахивала одну дверь за другой, быстрым шагом пересекала коридор за коридором, а грустный и печальный Гарри покорно семенил за ней. Наверное, профессор МакГонагалл вела его к Дамблдору — куда же еще?

Гарри вдруг подумал о Хагриде, которого тоже исключили, но оставили при школе в качестве лесника. Может, ему тоже разрешат остаться, может, его назначат помощником Хагрида? Сердце Гарри Радостно замерло — и снова рухнуло вниз. Он поморщился, словно от боли, представив себе,

что год за годом он будет ковылять по территории школы, волоча за Хагридом его тяжеленную сумку и наблюдать, как Рон и остальные переходят курса на курс и становятся настоящими волшебниками.

Профессор МакГонагалл резко остановилась напротив одного из кабинетов, потянула на себя дверь и заглянула внутрь.

— Извините, профессор Флитвик, могу я попросить вас кое о чем? Мне нужен Вуд.

«Вуд? — Гарри передернуло, и он почувствовал, как его охватывает ужас. — Это еще что такое?»

Вуд оказался человеком. Это был пятикурсник крепкого телосложения, который, выйдя из кабинета, непонимающе посмотрел на профессора МакГонагалл и Гарри.

— Идите за мной, вы оба, — приказала профессор МакГонагалл, и они пошли за ней по коридору. Вуд с любопытством косился на Гарри.

Профессор МакГонагалл завела их в кабинет, в котором не было никого, кроме Пивза, писавшего на доске нехорошие слова.

— Вон отсюда, Пивз! — рявкнула профессор МакГонагалл.

Пивз бросил мел в корзину — судя по всему, пустую, потому что она отозвалась грохотом, — и

вылетел из класса, бормоча себе под нос ругательства. Профессор МакГонагалл захлопнула за ним дверь и повернулась к двум мальчикам.

— Поттер, знакомьтесь — это Оливер Вуд. Вуд, я нашла вам ловца.

Озадаченное выражение на лице Вуда сменилось восторгом.

— Вы это серьезно, профессор?

— Абсолютно, — сухо заверила его профессор МакГонагалл. — Он летает, как птица, словно с пеленок это умел. В жизни не видела ничего подобного. Вы в первый раз сели на метлу, Поттер?

Гарри молча кивнул. Он никак не мог понять, что происходит, но, кажется, его не собирались исключать, и от этой мысли ему стало чуть легче.

— Он поймал эту штуку в воздухе, спикировав с двадцати метров. — Профессор МакГонагалл кивнула на шар, который Гарри по-прежнему сжимал в руке. — И ни одного синяка. Даже Чарли Уизли так не смог бы.

У Вуда был такой вид, словно все его мечты каким-то чудесным образом осуществились.

— Когда-нибудь видел, как играют в квиддич, а, Поттер? — спросил Вуд. Глаза его загорелись.

— Вуд — капитан сборной факультета Гриф-

финдор, — пояснила профессор МакГонагалл.

— Для ловца он идеально сложен, — заключил Вуд, обойдя вокруг Гарри и внимательно его рассмотрев. — Легкий и быстрый. Нам надо будет раздобыть для него приличную метлу, профессор, — «Нимбус-2000» или «Чистомет-7», думаю, что-нибудь в этом роде.

— Я поговорю с профессором Дамблдором и попробую убедить его сделать исключение из правил и разрешить первокурснику играть за сборную, — произнесла профессор МакГонагалл. — Потому что нам нужна более сильная команда, чем в прошлом году. Слизерин буквально растоптал нас в последнем матче. Я потом несколько недель не могла заставить себя посмотреть в глаза Северусу Снеггу…

Профессор МакГонагалл сурово уставилась на Гарри поверх очков.

— И учтите, Поттер, если я услышу, что вы недостаточно упорно тренируетесь, я могу передумать и наложить на вас серьезное взыскание за то, что вы натворили.

И тут она внезапно улыбнулась.

— Ваш отец просто потрясающе играл в квиддич Поттер. И сейчас он гордился бы вами…

* * *

— Ты шутишь…

Это было за обедом. Гарри только что закончил рассказывать Рону о том, что произошло, когда профессор МакГонагалл увела его с площадки. Пока он говорил, Рон увлеченно поедал пирог с говядиной и почками. Но теперь, когда Гарри закончил, он начисто забыл о пироге, так и не донеся до рта последний кусок.

— Ловец? — В голосе Рона было изумление. — Но первокурсников никогда… Ты, наверное, станешь самым юным игроком в истории Хогвартса за…

— …за последние сто лет, — закончил за него Гарри, с аппетитом взявшись за пирог. После того, что он пережил сегодня днем, он жутко проголодался. — Вуд мне это уже рассказал.

Рон был настолько впечатлен услышанным, настолько поражен, что просто сидел с раскрытым ртом и не мог отвести от Гарри глаз.

— Я начинаю тренироваться на следующей неделе, — добавил Гарри. — Только не говори никому. Вуд хочет, чтобы это оставалось тайной.

В зал вошли Фред и Джордж Уизли и, заметив Гарри, направились к нему — судя по всему,

именно его они здесь и искали.

— А ты молодец, — тихо произнес Джордж — Вуд нас ввел в курс дела. Мы ведь тоже в сборной — загонщики.

— Я тебе говорю: в этом году мы наверняка выиграем соревнования между факультетами по квиддичу. заверил Фред. — Мы не выигрывали с тех пор, как наш брат Чарли закончил Хогвартс. Но в этом году у нас будет фантастическая команда. Ты, должно быть, очень хорош, Гарри. — Вуд прямо-таки подпрыгивал от восторга, когда рассказывал о тебе.

— Ладно, нам пора идти, — наконец спохватились близнецы. — Ли Джордан уверяет, что нашел новый потайной коридор, через который можно выбраться из школы.

Не успели Фред и Джордж исчезнуть, как к столу подошел тот, кому они были совсем не рады. А именно Малфой — разумеется, в сопровождении верных телохранителей Крэбба и Гойла

— Последний школьный обед, Поттер? — с издевкой спросил Малфой. — Уезжаешь обратно к маглам? Во сколько у тебя поезд?

— Смотрю, на земле ты стал куда смелее, особенно когда рядом два твоих маленьких друга, — холодно ответил Гарри. Конечно, Крэбба и

Гойла никак нельзя было назвать маленькими, но за Главным столом было полно учителей, и все, что могли сделать Крэбб и Гойл, это состроить недовольные физиономии.

— Я в любой момент могу разобраться с тобой один на один, — заявил Малфой. — Сегодня вечером, если хочешь. Дуэль волшебников. Никаких кулаков — только волшебные палочки. Что с тобой, Поттер? А, конечно, ты же никогда не слышал о дуэлях волшебников.

— Он слышал, — быстро сориентировался Рон, вставая перед Малфоем. — Я буду его секундантом а кого возьмешь ты?

Малфой посмотрел на своих спутников, оценивая, кто из них больше подойдет для этой цели.

— Крэбба, — наконец сказал он. — Полночь вас устраивает? Тогда в полночь ждем вас в комнате, где хранятся награды, — она всегда открыта.

Когда Малфой отошел, Гарри и Рон переглянулись.

— Что это за дуэль? — поинтересовался Гарри. — И что это значит: ты будешь моим секундантом?

— Секунданты нужны для того, чтобы отнести тебя домой, если ты умрешь, — спокойно заметил Рон, словно говорил о какой-то ерунде, и невоз-

мутимо принялся за уже остывший пирог. Он спохватился, только когда посмотрел на Гарри и увидел выражение его лица. — Но ты не беспокойся, смертельные случаи бывают только на настоящих дуэлях, то есть если дерутся настоящие волшебники. А максимум, что вы с Малфоем сможете сделать, — это посылать друг в друга искры. Вы еще ничего не умеете, и потому вам не удастся нанести друг другу серьезный урон. Кстати, готов поспорить, он рассчитывал, что ты откажешься.

— А если я взмахну палочкой и ничего не произойдет? — поинтересовался Гарри.

— Тогда отбрось палочку в сторону и дай ему кулаком в нос, — посоветовал Рон.

— Извините…

Они подняли глаза — перед ними стояла Гермиона Грэйнджер.

— Можно здесь поесть спокойно? — многозначительно произнес Рон.

Гермиона пропустила его вопрос мимо ушей, тем более что она смотрела не на Рона, а на Гарри.

— Я случайно услышала, о чем вы тут говорили с Малфоем…

Бьюсь об заклад, что не случайно, — вставил

Рон.

— …и хочу тебе сказать, что ты не имеешь права бродить ночью по школе. Если тебя поймают, Гриффиндор получит штрафные очки, а тебя обязательно поймают. И если хочешь знать, то, что ты собираешься сделать, наплевав на факультет, — это чистой воды эгоизм.

— Если хочешь знать, это вовсе не твое дело, — ответил Гарри.

— До свидания, — закончил разговор Рон.

* * *

«Что там ни говори, а это не лучшее завершение для такого дня», — думал Гарри несколько часов спустя, лежа с открытыми глазами и прислушиваясь к мерному дыханию Дина и Симуса (в спальне их было пятеро, но Невилл все еще находился в больничном крыле). Рон весь вечер давал ему очень ценные советы. «Если он попробует наслать на тебя проклятие, лучше увернись, потому что я не помню, как их отбивать» — и все в таком же духе.

Гарри чувствовал, что испытывает судьбу, собираясь второй раз за день нарушить школьные правила, шанс, что их поймает Филч или миссис Норрис, был очень велик. Но с другой стороны,

ему представилась возможность одолеть Малфоя, чье насмехающееся лицо то и дело возникало перед Гарри в темноте, причем одолеть один на один. И такую возможность нельзя было упускать.

— Полдвенадцатого, — наконец пробормотал Рон. — Если мы не хотим опоздать, нам пора.

Они набросили на пижамы халаты, взяли волшебные палочки, на цыпочках вышли из спальни, спустились по лестнице и оказались в Общей гостиной Гриффиндора. В камине все еще мерцало несколько углей. Их свет превращал стоявшие в комнате кресла в зловещие горбатые черные тени. Они уже почти добрались до выхода, когда из ближайшего кресла до нихдонесся голос:

— Не могу поверить, что ты все-таки собираешься это сделать, Гарри.

Вспыхнула лампа. В кресле сидела Гермиона Грэйнджер в розовом халате и хмуро смотрела на них.

— Ты? — яростно прошептал Рон. — Иди спать!

— Я чуть не рассказала обо всем твоему брату Перси, — отрезала Гермиона. — Он староста, он бы положил этому конец. Но я все же промолчала.

Гарри никак не мог поверить, что на свете есть люди, способные так нахально совать нос в чужие дела.

— Пошли, — сказал он Рону. И, отодвинув портрет Толстой Леди, стал пробираться через дыру.

Однако Гермиона не собиралась так легко сдаваться. Они стояли в коридоре, когда она вылезла из дыры вслед за ними и зашипела, как рассерженная гусыня.

Вы не думаете о нашем факультете, ты думаешь только о себе, а я не хочу, чтобы Слизерин снова выиграл соревнования между факультетами. Из-за вас мы потеряем те призовые очки, которые я получила от профессора МакГонагалл зато, что знала несколько заклинаний, которые необходимы для трансфигурации.

— Уходи, — дружно прошептали Гарри и Рон.

— Хорошо, но я вас предупредила. И когда завтра вы будете сидеть в поезде, везущем вас обратно в Лондон, вспомните о том, что я вам говорила, — что вы…

Они так и не узнали, что должно было последовать за этим «что вы». Гермиона, не договорив, повернулась к портрету Толстой Леди, чтобы сказать ей пароль и вернуться обратно, но обнаружила, что картина пуста. Толстая Леди ушла

к кому-то в гости, а значит, Гермиона не могла вернуться в башню Гриффиндора. Для того чтобы выйти из спальни, пароль был не нужен, для этого надо было просто отодвинуть портрет, но войти в башню без пароля и уж тем более без Толстой Леди, которой надо было сообщить этот пароль, было невозможно.

— И что же мне теперь делать? — спросила Гермиона пронзительным шепотом.

— Это твоя проблема, — заметил Рон. — Все, нам пора идти, вернемся поздно.

Они даже не успели дойти до конца коридора, когда Гермиона нагнала их.

— Я иду с вами, — заявила она.

— Исключено, — в один голос заявили оба.

— Вы думаете, я буду тут стоять и ждать, пока меня не схватит Филч? А вот если он поймает нас троих, я скажу что пыталась вас отговорить, а вы это подтвердите, и тогда мне ничего не сделают.

— Ну и наглая же ты, — громко возмутился Рон.

Заткнитесь вы оба! — резко бросил Гарри. — я что-то слышу.

До них донеслось что-то вроде сопения.

— Это миссис Норрис, — выдохнул Рон, который, прищурившись, вглядывался в темноту.

Но это была не миссис Норрис. Это был Невилл. Он крепко спал прямо на полу, свернувшись калачиком, но моментально проснулся и подскочил, как только они подкрались поближе.

— Хвала небесам — вы меня нашли! — воскликнул он. — Я здесь уже несколько часов. Не мог вспомнить новый пароль.

— Потише, Невилл, — шепнул Рон. — Пароль — «поросячий пятачок», но тебе это уже не поможет. Толстая Леди куда-то ушла.

— Как твоя рука? — первым делом спросил Гарри.

— Отлично. — Невилл вытянул руку и помахал ею в воздухе. — Мадам Помфри за одну минуту сделала так, что кости срослись обратно.

— Ну и хорошо, — радостно улыбнулся Гарри и вдруг помрачнел, вспомнив о том, зачем они здесь. — Э-э-э… Послушай, Невилл, нам надо кое-куда сходить, так что увидимся позже…

— Не оставляйте меня! — завопил Невилл. С характерной только для него неуклюжестью он попытался подняться на ноги, но чуть не упал. — Я здесь один не останусь: пока я тут лежал, мимо меня дважды проплыл Кровавый Барон.

Рон посмотрел на часы, а потом яростно сверкнул глазами, обращенными к Гермионе и

Невиллу.

— Если нас с Гарри поймают из-за вас двоих, я не успокоюсь, пока не выучу «проклятие призраков», о котором рассказывал Квиррелл, и не попробую его на вас.

Гермиона открыла рот — может быть, для того, чтобы рассказать Рону, как накладывать «проклятие призраков», но Гарри зашипел на нее. И, приложив палец к губам, поманил всех за собой.

Они на цыпочках неслись по коридорам, расчерченным на квадраты полосками света, падающего из высоких окон. Перед каждым поворотом Гарри думал о том, что сейчас свернет за угол и врежется в Филча или наступит на миссис Норрис. Но пока ему везло — как и всем остальным. Они сделали последний поворот, прыжками преодолели последнюю лестницу, оказались на третьем этаже и бесшумно прокрались в комнату, где хранились награды. Малфоя и Крэбба тут еще не было, так что они пришли первыми.

Комнату заливал лунный свет. Хрустальные ящики сверкали в лучах лунного света. Кубки, щиты с гербами, таблички и статуэтки отливали в темноте серебром и золотом. Ребята двинулись вдоль стены, не сводя глаз с дверей, находящихся в противоположных концах комнаты. Гарри

достал палочку на тот случай, если Малфой выпрыгнет из темноты и сразу нападет на него. Но никто не появлялся. Казалось, кто-то замедлил ход времени — минуты ползли, как часы.

— Он опаздывает — может, струсил? — прошептал Рон.

Шум, донесшийся из соседней комнаты, заставил их подпрыгтгуть. Гарри не успел поднять палочку, как Раздался голос. Он принадлежал вовсе не Малфою.

— Принюхайся-ка хорошенько, моя милая, они, Должно быть, спрятались в углу.

Это был голос Филча, обращавшегося к миссис Норрис. Гарри, похолодев от ужаса, махнул однокурсникам, показывая, чтобы они следовали за ним и быстро пошел на цыпочках к двери, противоположной той, из-за которой вот-вот должны были появиться Филч и его кошка. Едва замыкавший цепочку Невилл успел выйти из комнаты, как они услышали, что в нее вошел Филч.

— Они где-то здесь, — донеслось до них его бормотание. — Наверное, прячутся.

Гарри посмотрел на своих спутников, чтобы привлечь их внимание. «Сюда!» — беззвучно произнес он, тщательно артикулируя, и они начали красться по длинной галерее, уставлен-

ной рыцарскими доспехами. Позади отчетливо слышались шаги Филча. И тут Невилл внезапно испуганно пискнул и ринулся бежать.

Как и следовало ожидать, убежать далеко неуклюжему Невиллу не удалось. Он споткнулся, судорожно ухватился за бегущего перед ним Рона. Оба упали, врезавшись в стоявшего на невысоком постаменте рыцаря в латах. Поднятого ими грохота и звона было вполне достаточно, чтобы разбудить весь замок.

— БЕЖИМ! — истошно завопил Гарри, и все четверо что есть сил рванули по галерее, не оглядываясь назад и не зная, преследует ли их Филч.

Они влетели в раскрытую дверь, чудом не разбившись о дверной косяк, свернули направо, пробежали по коридору, а затем прыжками преодолели следующий коридор. Гарри, самый спокойный и рассудительный из всех, бежал первым, совершенно не представляя, где они находятся и куда он ведет своих спутников. Позже он так и не смог понять, как ему удалось руководить общими действиями, ведь он умирал от страха, а сердце так бешено колотилось в его груди, что грозило вот-вот из нее выскочить.

Ребята проскочили сквозь гобелен и оказались в потайном проходе. Пробежали по нему до конца

и остановились около кабинета, в котором проходили уроки по заклинаниям. Вдруг они поняли, что каким-то образом им удалось преодолеть прямо-таки огромное расстояние — комната, выбранная для дуэли, была далеко-далеко отсюда.

— Думаю, мы оторвались, — с трудом выговорил Гарри, переводя дыхание. Он прислонился разгоряченным телом к холодной стене и вытер рукавом халата вспотевший лоб. Стоявший рядом Невилл согнулся пополам, тяжело сопя и что-то бормоча себе под нос.

— Я… тебе… говорила, — выдохнула Гермиона, держась обеими руками за грудь. — Я… тебе… говорила.

— Нам надо вернуться в башню Гриффиндора, — произнес Рон. — И как можно быстрее.

— Малфой тебя обманул, — встряла в разговор Гермиона — она еще не успела отдышаться, но ее натура не позволяла ей молчать. — Надеюсь, ты это уже понял? Он и не собирался туда приходить. А Филч знал, что кто-то должен быть в этой комнате. Это Малфой дал ему понять, что в полночь там кто-то будет.

Гарри подумал, что она, скорее всего, права, но не собирался ей об этом говорить.

— Пошли, — махнул он рукой вместо ответа.

Это легко было сказать, но не так просто сделать.

Не успели они сделать и десяти шагов, как услышали, что кто-то поворачивает дверную ручку, и из ближнего к ним кабинета выплыл Пивз. Он сразу заметил их и даже взвизгнул от восторга.

— Потише, Пивз, пожалуйста. — Гарри приложил палец к губам. — Нас из-за тебя выгонят из школы.

Пивз радостно закудахтал.

— Шатаетесь по ночам, маленькие первокурснички? Так, так, так, нехорошо, малыши, очень нехорошо, вас ведь поймают.

— Если ты нас не выдашь, то не поймают. — Гарри умоляюще сложил руки на груди. — Ну, пожалуйста, Пивз.

— Наверное, я должен вызвать Филча. Я просто обязан. Этого требует мой долг. — Пивз говорил голосом праведника, но глаза его сверкали недобрым огнем. — И все это для вашего же блага.

— Убирайся с дороги, — не выдержал Рон и махнул рукой, словно хотел ударить бесплотного Пивза. Рон погорячился — и это была ошибка.

— УЧЕНИКИ БРОДЯТ ПО ШКОЛЕ! — оглушительно заорал Пивз. — УЧЕНИКИ БРОДЯТ ПО ШКОЛЕ, ОНИ СЕЙЧАС В КОРИДОРЕ ЗАКЛИНАНИЙ!

Все четверо пригнулись, проскакивая под ви-

севшим в воздухе Пивзом, и побежали так, словно от их скорости зависели их жизни. Но, добежав до конца коридора, они уткнулись в запертую дверь.

— Вот и все! — простонал Рон, тщетно ударяясь плечом в дверь. — С нами все кончено! Мы пропали!

Они уже слышали шаги — это Филч бежал на крики Пивза.

— Ну-ка подвиньтесь, — резко скомандовала Гермиона. Она вырвала из рук Гарри волшебную палочку, постучала ею по запертому замку и прошептала: — алохомора!

Замок заскрежетал, дверь распахнулась, и они быстро скользнули внутрь, закрыв за собой дверь и прижавшись к ней, чтобы слышать, что происходит в коридоре.

— Куда они побежали, Пивз? — донесся до них голос Филча. — Давай быстрее, я жду.

— Скажи «пожалуйста».

— Не зли меня, Пивз! Итак, куда они побежали?

— Сначала скажи «пожалуйста», или я ничего не знаю, — упорствовал Пивз.

Его монотонный голос явно вывел Филча из себя.

— Ну ладно — пожалуйста!

— НЕ ЗНАЮ! Ничего не знаю! — радостно заорал Пивз. — Ха-ха-ха! Я тебя предупреждал: раньше надо было говорить «пожалуйста». Ха-ха! Ха-ха-ха!

Они услышали, как со свистом унесся куда-то Пивз и как яростно ругается Филч.

— Он думает, что эта дверь заперта, — прошептал Гарри. — Надеюсь, мы выберемся, да отвяжись ты, Невилл!

Невилл вот уже минуту или две настойчиво дергал Гарри за рукав.

— Ну что тебе? — недовольно произнес Гарри, поворачиваясь к нему.

Стоило ему повернуться, как он сразу увидел это самое «что». В первую секунду Гарри подумал, что *ему* это просто привиделось, — после всего перевитого сегодня это было бы просто чересчур. Однако то, что он увидел, было реальностью, причем кошмарной.

Гарри ошибся, когда предполагал, что эта дверь ведёт очередную комнату. Они были не в комнате, а в запретном коридоре на третьем этаже. И теперь он понял, почему школьникам категорически запрещалось входить в этот коридор

Им в глаза смотрел гигантский пес, заполнив-

ший собой весь коридор от пола до потолка. У него было три головы, три пары вращающихся безумных глаз три носа, нервно дергающихся и принюхивающихся к незваным гостям, три открытых слюнявых рта с желтыми клыками, из которых веревками свисала слюна.

Пока пес сохранял относительное спокойствие и только принюхивался к ним, уставившись на них всеми шестью глазами. Но Гарри знал, что единственная причина, по которой они пока еще живы, — это то, что их внезапное появление застало пса врасплох. Но, кажется, до пса уже начало доходить, что произошло. Об этом свидетельствовало напоминающее отдаленные раскаты грома низкое рычание, вырывавшееся из трех пастей.

Гарри ухватился за дверную ручку. Сейчас надо было выбирать между смертью и Филчем — и лично он предпочитал Филча.

В мгновение ока ребята выскочили за дверь, захлопнув ее за собой, и ринулись бежать с такой скоростью, что со стороны могло показаться, будто они летят. Филча в коридоре уже не было. Наверное, он ушел отсюда, чтобы поискать их в другом месте. Но его отсутствие не радовало их и не огорчало — сейчас им было все равно. Все,

чего они хотели, — это оказаться как можно дальше от этого монстра. Они не останавливались, пока не оказались на седьмом этаже у портрета Толстой Леди.

Где вы были? — спросила та, глядя на пылающие потные лица.

Неважно, — с трудом выдохнул задыхающийся Гарри, пятачок, свиной пятачок!

Портрет отъехал в сторону, и они пробрались сквозь дыру в стене в Общую гостиную и устало повалились в кресла, дрожа от долгого бега и всего пережитого.

Прошло много времени, прежде чем кто-то из них нарушил тишину. А у Невилла и вовсе был такой вид, словно он никогда уже не будет говорить.

— Что они себе, интересно, думают? — Рон первым обрел дар речи. — Надо же додуматься до такого — держать в школе этого пса. Этой твари явно надо поразмяться, а не сидеть взаперти.

Гермиона тоже пришла в себя, и к ней тут же вернулось плохое настроение.

— А зачем вам глаза, хотела бы я знать? — недовольно поинтересовалась она. — Вы что, не видели, на чем этот пес стоял?

— На полу, — предположил Гарри. — Хотя вооб-

ще-то я не смотрел на его лапы — с меня вполне хватило голов.

— Нет, он стоял не на полу, а на люке. Дураку понятно, что он там что-то охраняет.

Гермиона встала, окинув их возмущенным взглядом.

— Надеюсь, вы собой довольны, — резко произнесла она. — Нас всех могли убить… или, что еще хуже исключить из школы. А теперь, если вы не возражаете, я пойду спать.

Рон смотрел ей вслед с открытым ртом. — Нет, мы не возражаем, — выдавил он, когда Гермиона ушла. — Можно подумать, что ее кто-то звал с собой…

Забравшись в постель, Гарри думал не о том, они пережили, а о том, что сказала Гермиона. О том, что пес что-то охраняет. Он вспомнил слова Хагрида: «Если хочешь что-нибудь спрятать, то «Гринготтс» — самое надежное место в мире. Кроме, может быть, Хогвартса».

Похоже, теперь Гарри знал, где сейчас находится тот бесформенный маленький сверток из сейфа семьсот тринадцать.

Глава 10

ХЭЛЛОУИН

Малфой не поверил своим глазам, когда наутро за завтраком увидел Гарри и Рона, — они выглядели усталыми, но светились от счастья. Кажется, Малфой уже не сомневался, что больше не встретится с ними, потому что вместо завтрака отчисленные из школы Гарри и Рон сядут в поезд до Лондона.

В отличие от Малфоя, они действительно были счастливы. Проснувшись и обсудив случившееся ночью, Гарри и Рон решили, что встреча с трехголовым псом была отличным приключением и они бы не отказались от еще одного в том же духе.

За завтраком Гарри рассказывал Рону о том свертке, который Хагрид забрал из «Гринготтса» по поручению Дамблдора и который, судя по всему, находится в запретном коридоре третьего этажа. И теперь они гадали, что же может нуждаться в такой усиленной охране.

— Это либо что-то очень ценное, либо что-то очень опасное, — сказал Рон.

— Или и то и другое одновременно, — задумчиво произнес Гарри.

Однако все, что они знали об этом загадочном предмете, — это то, что его длина составляет примерно пять сантиметров. Но этого было слишком мало, чтобы догадаться или хотя бы предположить, что же это за предмет.

Что касается Невилла и Гермионы, то им, кажется, было абсолютно безразлично, что находится в том тайнике, на котором стояла собака. Невилл вообще думал только о том, чтобы больше никогда не оказаться поблизости от трехголового пса. А Гермиона просто игнорировала Гарри и Рона, отказываясь с ними разговаривать. Правда, если учесть, что она была жуткой всезнайкой, вечно лезла вперед и любила командовать, то оба только обрадовались ее молчанию.

Больше всего на свете — кроме желания узнать, что лежит в запретном коридоре, — Гарри и Рону хотелось отомстить Малфою. И к их великой радости, неделю спустя им представился такой шанс.

Это произошло за завтраком, когда в Большой зал влетели совы, разносящие почту Все сидевшие в зале сразу заметили шестерых сов, несущих по воздуху длинный сверток Гарри было интересно, что лежит в свертке, не меньше, чем

всем остальным. И он был жутко удивлен, когда совы спикировали над его столом и уронили сверток прямо в его тарелку с жареным беконом. Тарелка разбилась. Не успели шесть сов набрать высоту, как появилась седьмая, бросившая на сверток письмо.

Гарри сначала вскрыл конверт — как выяснилось, ему повезло, что первым делом он не занялся свертком

НЕ ОТКРЫВАЙТЕ СВЕРТОК ЗА СТОЛОМ, — гласило письмо. — *В нем ваша новая метла, «Нимбус-2000», но я не хочу, чтобы все знали об этом, потому что в противном случае все первокурсники начнут просить, чтобы им разрешили иметь личные метлы. В семь часов вечера Оливер Вуд ждет вас на площадке для квиддича, где пройдет первая тренировка.*

Профессор М. МакГонагалл

Гарри, с трудом скрывая радость, протянул письмо Рону

— «Нимбус-2000!» — простонал Рон, в его голосе слышалась зависть. — Я такую даже в руках не держал.

Они быстро вышли из зала, чтобы успеть рассмотреть метлу до начала первого урока. Но стоило им подойти к лестнице, как на их пути вы-

росли Крэбб и Гойл. Появившийся из-за их спин Малфой вырвал у Гарри сверток и оценивающе ощупал его.

— Это метла, — категорично заявил он, бросая сверток обратно Гарри. На его лице читались злоба и зависть. Но только если Рон завидовал по-доброму то зависть Малфоя была черной. — На этот раз тебе не выкрутиться, Поттер, — первокурсникам нельзя иметь свои метлы.

Рон не выдержал.

— Это не просто какая-то старая метла, — он с превосходством посмотрел на Малфоя и вызывающе усмехнулся. — Это «Нимбус-2000». А что ты там говорил, Малфой, насчет той метлы, которую оставил дома? Кажется, это «Комета-260»? Метла, конечно, неплохая, но с «Нимбусом-2000» никакого сравнения.

— Да что ты понимаешь в метлах, Уизли? Тебе даже на полрукоятки денег не хватило бы, — буркнул в ответ Малфой. — Вы с братьями небось на обычную-то метлу деньги много лет копили, по прутику покупали.

Прежде чем Рон успел ответить, рядом с Малфоем появился профессор Флитвик.

— Надеюсь, вы тут не ссоритесь, мальчики? — пропищал он.

— Профессор, Поттеру прислали метлу, — выпалил Малфой и замер, явно довольный собой.

— Да, да, все в порядке, — профессор Флитвик широко улыбнулся Гарри. — Вы знаете, Поттер, профессор МакГонагалл рассказала мне о сделанном для вас исключении. А что это за модель?

— Это «Нимбус-2000», сэр, — пояснил Гарри, сдерживая улыбку: он видел, что Малфой смотрит на него с непониманием и ужасом. — Я должен поблагодарить Малфоя за то, что мне досталась такая метла.

Крэбб и Гойл расступились, и Гарри с Роном пошли вверх по лестнице, трясясь от беззвучного смеха. Малфой же выглядел разъяренным и одновременно беспомощным.

— Самое смешное, что это правда, — хихикнул Гарри, когда они оказались на самом верху мраморной лестницы. — Если бы Малфой не схватил напоминалку Невилла, то я не вошел бы в команду…

— Значит, ты полагаешь, что это награда за то, что ты нарушил школьные правила? — раздался сзади гневный голос. Они оглянулись и увидели поднимающуюся по лестнице Гермиону Грэйнджер. Она неодобрительно смотрела на сверток в руках Гарри.

— Кажется, ты с нами не разговаривала, — заметил Гарри.

— И ни в коем случае не изменяй своего решения, — добавил Рон. — Тем более что оно приносит нам так много пользы.

Гермиона гордо прошла мимо, задрав нос к потолку.

В тот день Гарри было нелегко сосредоточиться на уроках. Его мысли все время уносились то наверх, в спальню, где под кроватью лежала его новая метла, то на площадку для квиддича, где ему предстояло тренироваться сегодня вечером. За ужином он не ел, а буквально проглатывал *еду*, даже не замечая, что именно глотает. Потом вместе с Роном помчался наверх, чтобы наконец распаковать «Нимбус».

— Вот это да! — восхищенно выдохнул Рон, не в силах оторвать глаз от открывшегося им чуда.

Даже Гарри, который не разбирался в метлах, был впечатлен. Отполированная до блеска ручка из красного дерева, длинные прямые прутья и золотые буквы «Нимбус-2000» — словом, метла была просто загляденье.

Когда до семи оставалось совсем немного времени, Гарри вышел из замка и пошел к площадке для квиддича. Оказалось, там был целый ста-

дион. Ничего подобного он никогда не видел. Ряды сидений располагались куда выше, чем на обычном стадионе, для того чтобы зрители могли отчетливо видеть, что происходит в воздухе. На противоположных концах поля стояло по три золотых шеста с прикрепленными сверху кольцами. Шесты с кольцами напомнили Гарри пластмассовые палочки, с помощью которых дети маглов надувают мыльные пузыри. Только эти шесты были высотой по двадцать метров.

Гарри так сильно захотелось снова оказаться в воздухе, что он, не став дожидаться Вуда, оседлал метлу, оттолкнулся и взмыл в небо. Это было ни с чем не сравнимое чувство. Для начала Гарри спикировал в одно из колец, поднялся вверх через другое, а потом стал носиться взад и вперед над полем. Метла «Нимбус-2000» молниеносно реагировала на малейшее движение Гарри, делая в точности то, чего он хотел.

— Эй, Поттер, спускайся!

На стадионе появился Оливер Вуд с большим деревянным футляром под мышкой. Гарри приземлился рядом с ним.

— Прекрасно, — закивал Вуд. Глаза его горели. — Теперь я понимаю, что имела в виду профессор МакГонагалл… Ты действительно слов-

но родился в воздухе. Сегодня я просто объясню тебе правила, а затем ты начнешь тренироваться вместе со сборной. Мы собираемся три раза в неделю.

Он открыл футляр. Внутри лежали четыре мяча разных размеров.

— Отлично, — подытожил Вуд. — Итак, правила игры в квидцич достаточно легко запомнить, хотя играть в него не слишком просто. С каждой стороны выступает по семь игроков. Три из них — охотники.

— Охотников трое, — повторил Гарри, глядя, как Вуд достает ярко-красный мяч, по размерам напоминающий мяч для игры в футбол.

— Этот мяч называется квоффл, — пояснил Вуд. — Охотники передают друг другу этот мяч и пытаются забросить его в одно из колец соперника. За каждое попадание — десять очков. Понял?

— Охотники передают друг другу этот мяч и пытаются забросить его в кольцо, — повторил Гарри. — Значит, квидцич — это нечто вроде баскетбола на метлах и с шестью кольцами?

— А что такое баскетбол? — с любопытством спросил Вуд.

— Да так, ничего особенного, — быстро произнес Гарри.

— Затем, у каждой команды есть вратарь, — продолжил Вуд. — Я — вратарь команды Гриффиндора. Я должен летать около наших колец и мешать сопернику забросить в них мяч.

— Три охотника, один вратарь, — четко подытожил Гарри, который не собирался упускать ничего из того, что ему рассказывает Вуд. — И они играют мячом, который называется квоффл. Все ясно, я понял. А эти зачем?

Гарри кивнул на три мяча, оставшихся лежать в футляре.

— Сейчас покажу, — пообещал Вуд. — Возьми это. Он протянул Гарри небольшую биту, немного напоминающую ту которой играют в крикет.

— Сейчас ты увидишь, что делают на поле загонщики, — пояснил он. — Кстати, эти два мяча называются бладжеры.

Вуд говорил о двух мячах иссиня-черного цвета — по размерам они чуть уступали квоффлу.

Мячи лежали в футляре в специальных углублениях и были прихвачены эластичными лентами — наверное, чтобы не выпали из своих гнезд при транспортировке. Гарри показалось, что сейчас мячи пытаются подпрыгивать, растягивая держащие их ленты.

— Отойди, — предупредил Вуд. Он встал на ко-

лени сбоку от ящика и сдвинул резинку с одного из Мячей.

В туже секунду черный мяч взлетел высоко в небо, а потом ринулся вниз, похоже, целясь прямо в голову Гарри. Гарри взмахнул битой — ему совсем не хотелось, чтобы мяч сломал ему нос, — и сильным ударом послал его вверх. Мяч со свистом взмыл в небо, а потом обрушился на Вуда. Тот, дождавшись, пока стремительно падающий с небес мяч окажется совсем близко, в хитроумном прыжке умудрился накрыть мяч сверху и прижать его к земле.

— Видишь? — выдохнул Вуд и с трудом засунул сопротивляющийся мяч обратно в футляр и закрепил его эластичными лентами. — Бладжеры на огромной скорости летают по полю, пытаясь сбить игроков с метел. Поэтому в каждой команде есть два загонщика. В нашей команде это близнецы Уизли. Их задача заключается в том, чтобы защитить всех нас от бладжеров и попытаться отбить их так, чтобы они полетели в игроков противоположной команды. Таким образом… Ты точно все запомнил?

— Трое охотников пытаются забросить мяч в кольца, вратарь охраняет эти кольца, загонщики отбивают бладжеры, — без запинки выпалил

Гарри.

— Отлично, — похвалил Вуд.

— Э-э-э… — начал Гарри, надеясь, что его вопрос прозвучит так, словно задан как бы между прочим. — А бладжеры еще никого не убили?

— В Хогвартсе — нет, — не слишком обнадеживающе ответил Вуд. — Пару раз случалось, что бладжер ломал игроку челюсть, но не более того. А теперь пойдем дальше. Последний член команды — ловец. То есть ты. И тебе не надо беспокоиться ни о квоффле, ни о бладжерах…

— Пока они не пробьют мне голову, — не удержался Гарри.

— Успокойся, Уизли прекрасно справляются со своей задачей — они сами как бладжеры, только в человеческом обличье.

Вуд запустил руку в футляр и вытащил последний, четвертый мяч. По сравнению с предыдущими он был совсем крошечный, размером с большой грецкий орех. Он был ярко-золотого цвета, по бокам у него были трепещущие серебряные крылышки.

— А это, — сказал Вуд, — это золотой снитч, самый главный мяч в игре. Его очень тяжело поймать, потому что он летает с огромной скоростью, и его сложно заметить Как раз ловец и

должен его ловить. Тебе нужно постоянно перемещаться по полю, чтобы поймать его, прежде чем это сделает ловец другой команды. Команда, поймавшая снитч, сразу получает дополнительные сто пятьдесят очков — а это практически равносильно победе. Именно поэтому против ловцов часто применяют запрещенные приемы. Матч заканчивается, только тогда, когда одна из команд поймает снитч, так что он может тянуться веками. Кажется, самая долгая игра продолжалась три месяца. А так как команды играли без перерыва, то игроков приходилось постоянно заменять, чтобы те могли хоть немного поспать. Ну, есть вопросы?

Гарри покачал головой. Он отлично понял, что Должен делать на поле. Проблема заключалась лишь в том, как это делать.

— Со снитчем мы пока практиковаться не будем. — Вуд аккуратно положил золотой мячик обратно в футляр. — Уже слишком темно, мы можем его потерять. Давай попробуем вот с этим.

Он вытащил из кармана несколько мячиков для обычного гольфа. Уже через несколько минут мальчики поднялись в воздух. Вуд начал кидать мяч за мячом, посылая их с максимальной силой и в самых разных направлениях, чтобы Гарри

учился их ловить.

Гарри поймал все мячи до единого, и Вуд был в восторге. После получасовой тренировки стало совсем темно, и они уже не могли продолжать.

— В этом году на Кубке школы по квиддичу выгравируют название нашей команды, — со счастливой улыбкой произнес Вуд, когда они устало тащились в сторону замка. — Наш предыдущий ловец, Чарли Уизли, мог бы сейчас играть за сборную Англии, если бы не уехал изучать своих любимых драконов. Но я не удивлюсь, если ты окажешься лучшим игроком, чем он.

* * *

Наверное, именно из-за постоянной занятости уроки, домашние задания, а плюс ко всему три тренировки в неделю — Гарри не заметил, как пролетели целых два месяца с тех пор, как он приехал в Хогвартс.

За два месяца замок стал его настоящим домом. А дому номер четыре по Тисовой улице так и не удалось этого добиться за десять лет. В Хогвартсе он чувствовал себя уютно, здесь у него появились друзья. К тому же здесь было ужасно интересно, в том числе и на уроках, которые стали куда увлекательнее с тех пор, как первокурсники освоили

азы и приступили к изучению более сложной программы.

Проснувшись утром в канун Хэллоуина, ребята почувствовали восхитительный запах запеченной тыквы — непременного атрибута этого праздника. А потом на уроке по заклятиям профессор Флитвик объявил, что, на его взгляд, они готовы приступить к тому, о чем давно мечтал Гарри. С тех пор как профессор Флитвик заставил жабу Невилла несколько раз облететь класс, Гарри, как и все остальные, умирал от нетерпения овладеть этим искусством. Профессор Флитвик разбил всех учеников на пары. Партнером Гарри оказался Симус Финниган, чему Гарри ужасно обрадовался, — он видел, с какой надеждой смотрит на него Невилл, пытающийся привлечь к себе его внимание. А вот Рону не повезло — ему в напарники досталась Гермиона Грэйнджер. Хотя Гермиона, кажется, тоже не была в восторге. Сложно даже было сказать, кто из них выглядел более раздосадованным. Гермиона ни разу не заговорила с Гарри и Роном с того самого дня, когда Гарри получил метлу.

— Не забудьте те движения кистью, которые мы с вами отрабатывали, — попискивал профессор Флитвик — Кисть вращается легко, и резко,

и со свистом. Запомните — легко, и резко, и со свистом. И очень важно правильно произносить магические слова — не забывайте о волшебнике Баруффио. Он произнес «эс» вместо «эф» и в результате обнаружил, что лежит на полу, а у него на груди стоит буйвол.

Достичь результата оказалось непросто. Гарри делал все так, как учил профессор Флитвик, но перо, которое они с Симусом по очереди пытались поднять в воздух, не отрывалось от парты. Нетерпеливый *Симус* быстро вышел из себя и начал тыкать перо своей волшебной палочкой, из которой вылетали искры, в итоге он умудрился поджечь его — Гарри пришлось душить перо своей остроконечной шляпой.

Рону, стоявшему за соседним столом, тоже не слишком везло.

— *Вингардиум Левиоса!* — кричал он, размахивая своими длинными руками, как ветряная мельница. Но лежавшее перед ним перо оставалось неподвижным.

— Ты неправильно произносишь заклинание, — донесся до Гарри недовольный голос Гермионы. — Надо произносить так: Винг-гар-диум Леви-о-са, в слоге «гар» должна быть длинная «а».

— Если ты такая умная, сама и пробуй, — прорычал в ответ Рон.

Гермиона закатала рукава своей мантии, взмахнула палочкой и произнесла заклинание. Перо оторвалось от парты и зависло над Гермионой на высоте примерно полутора метров.

— О, великолепно! — зааплодировал профессор Флитвик — Все видели: мисс Грэйнджер удалось!

К концу занятий Рон был в очень плохом расположении духа.

— Неудивительно, что ее никто не выносит, — пробурчал он, когда они пытались пробиться сквозь заполнившую коридор толпу школьников. — Если честно, она — настоящий кошмар.

Наконец они выбрались из толпы. Но в этот момент кто-то врезался в Гарри сбоку, видимо не заметив его. Это была Гермиона. Она тут же метнулась обратно в толпу, но Гарри успел разглядеть ее заплаканное лицо, и это его встревожило.

— По-моему, она услышала, что ты сказал, — озабоченно произнес он, повернувшись к Рону.

— Ну и что? — отмахнулся Рон, но, кажется, ему стало немного неуютно. — Она уже должна была заметить, что никто не хочет с ней дружить.

Гермиона не появилась на следующем уроке

и до самого вечера никто вообще не знал, где она. Лишь спускаясь в Большой зал на банкет, посвященный Хэллоуину, Гарри и Рон случайно услышали, как Парвати Патил рассказывала своей подружке Лаванде, что Гермиона плачет в женском туалете и никак не успокаивается, прося оставить ее в покое. Судя по виду, Рону стало совсем не по себе. Но уже через несколько мгновений, когда они вошли в празднично украшенный Большой зал, Рон и думать забыл о Гермионе.

На стенах и потолке сидели, помахивая крыльями, тысячи летучих мышей, а еще несколько тысяч летали над столами, подобно низко опустившимся черным тучам. От этого огоньки воткнутых в тыквы свечей трепетали. Как и на банкете по случаю начала учебного года, на столах стояли пустые золотые блюда, на которых вдруг внезапно появились самые разнообразные яства.

Гарри накладывал себе в тарелку запеченные в мундире картофелины, когда в зал вбежал профессор Квиррелл. Его тюрбан сбился набок, а на лице читался страх. Все собравшиеся замерли, глядя, как Квиррелл подбежал к креслу профессора Дамблдора и, тяжело опираясь на стол, простонал:

— Тролль! Тролль… в подземелье… спешил вам сообщить…

И Квиррелл, потеряв сознание, рухнул на пол.

В зале поднялась суматоха. Понадобилось несколько громко взорвавшихся фиолетовых фейерверков, вылетевших из волшебной палочки профессора Дамблдора, чтобы снова воцарилась тишина.

— Старосты! — прогрохотал Дамблдор. — Немедленно уводите свои факультеты в спальни!

Перси тут же вскочил из-за стола, явно чувствуя себя в своей стихии.

— Быстро за мной! — скомандовал он. — Первокурсники, держитесь вместе! Если будете слушать меня, ничего страшного не случится! Пропустите первокурсников, пусть подойдут ко мне! Никому не отставать! И всем выполнять мои приказы — я здесь староста!

— Как мог тролль пробраться в замок? — спросил Гарри у Рона, когда они быстро поднимались по лестнице.

— Не спрашивай меня, откуда я знаю? — пожал плечами Рон. — Вообще-то это странно — говорят, что тролли ужасно глупые. Может, его впустил Пивз, решил так пошутить перед Хэллоуином?

Судя по оживленному движению на лестницах,

эвакуация шла полным ходом. Только ученики из Пуффендуя оправдывали репутацию своего факультета: они потерянно столпились в одном из коридоров и мешали пройти остальным. Гарри и Рон прокладывали себе дорогу сквозь толпу, когда Гарри вдруг схватил Рона за рукав.

— Я только что вспомнил: Гермиона!

— А что Гермиона? — не понял Рон.

— Она не знает про тролля. Рон прикусил губу

— Ладно, — отрывисто произнес он через несколько секунд, которые, судя по всему, понадобились ему на то, чтобы призвать на помощь все свое мужество. — Но если Перси нас заметит…

Пригнувшись, они влезли в самую середину группы школьников из Пуффендуя, которые наконец двинулись к своей башне — то есть в противоположном направлении. Никто не обратил на них внимания, и через какое-то время они вынырнули из толпы, быстро пробежали по опустевшему боковому проходу и устремились к женским туалетам. До цели было подать рукой. Они уже сворачивали за угол, когда сзади послышались быстрые шаги.

— Это Перси! — прошипел Рон, хватая Гарри и прячась вместе с ним за большим каменным грифоном.

Однако мимо них пробежал вовсе не Перси, а профессор Снегг. Он пересек коридор и пропал из вида

— Что это он тут делает? — прошептал Гарри. — Почему он не в подвалах вместе с другими учителями?

— Думаешь, я знаю?

Они на цыпочках вошли в следующий коридор — как раз туда, где скрылся Снегг, удаляющиеся шаги которого они отчетливо слышали.

— Он направляется на третий этаж, — начал было Гарри, но Рон поднял руку.

— Чувствуешь запах?

Гарри принюхался и сморщил нос. В воздухе пахло смесью грязных носков и общественного туалета, в котором много лет никто не убирался.

Вслед за запахом появился звук — низкий рев и шарканье гигантских подошв. Рон указал рукой в конец корридора — оттуда что-то огромное двигалось в их направлении. Они отпрянули в тень, наблюдая, как ЭТО выходит на освещенный луной отрезок коридора.

Это было нечто ужасное примерно четырех метров Ростом, с тусклой гранитно-серой кожей, бугристым телом, напоминающим валун, и крошечной лысой головой, больше похожей на

кокосовый орех. У тролля были короткие ноги толщиной с дерево и плоские мозолистые ступни. Руки у него были намного длиннее ног, и потому гигантская дубина, которую тролль держал в руке, волочилась за ним по полу, а исходивший от него запах мог сразить получше любой дубины.

Тролль остановился, застыл у дверного проема и, нагнувшись, заглянул внутрь. Он зашевелил длинными ушами, кажется пытаясь принять какое-то решение. Процесс затянулся, потому что мозг у тролля, если судить по размерам головы, был крошечный. Однако в конце концов решение было принято и тролль, сгорбившись, пролез в комнату.

— Смотри — ключ остался в замке, — прошептал Гарри, — мы можем запереть его там.

— Неплохая идея, — нервно ответил Рон. Когда они крались к двери, у Гарри все пересохло во рту, да и у Рона, наверное, тоже. Моля небо о том, чтобы тролль не вышел из комнаты, они подкрались совсем близко. А потом Гарри метнулся вперед, хлопнул дверь и повернул в замке ключ.

— Есть!

Окрыленные успехом, раскрасневшиеся от гордости, они направились туда, откуда пришли, но не успели добежать до угла, как до них донесся

отчаянный вопль ужаса. И исходил он из той комнаты, которую Гарри запер несколько секунд назад.

— О, нет, — тихо произнес Рон, бледнея, как Кровавый Барон.

— Это же женский туалет! — выдохнул Гарри.

— Гермиона! — через мгновение воскликнули оба. Меньше всего на свете им хотелось совершить то, что им предстояло, но разве у них был выбор? Резко развернувшись, они рванулись обратно к двери. Руки у Гарри дрожали от страха, и он никак не мог повернуть ключ в замке. Наконец ему это удалось. Он потянул на себя дверь, и они с Роном влетели внутрь. Гермиона Грэйнджер стояла у стены прямо напротив двери. Она вся сжалась, словно пыталась, подобно привидению, просочиться сквозь стену Вид у нее был такой, словно она сейчас потеряет сознание. Тролль приближался к ней, размахивая дубиной и сбивая со стен прикрепленные к ним раковины.

— Отвлеки его! — крикнул Гарри Рону, услышав в собственном голосе отчаяние. Он схватил валявшуюся на полу затычку для умывальника и что есть силы метнул ее в стену

Тролль замер в каком-то метре от Гермионы. Он неуклюже развернулся, чтобы посмотреть, кто

произвел такой шум. Его маленькие злые глаза уткнулись в Гарри Тролль заколебался, решая, на кого ему напасть, а потом шагнул к Гарри, поднимая свою дубину

— Эй, пустая башка! — заорал Рон, успевший добежать до угла туалетной комнаты, и швырнул в тролля куском металлической трубы.

Кажется, тролль даже не обратил внимания на то, что кусок железа ударил его в плечо. Зато он услышал крик и снова остановился, поворачивая свою Уродливую физиономию к Рону и предоставляя Гарри возможность оббежать его и оказаться рядом Гермионой.

— Давай, бежим! Бежим! — кричал Гарри, пытаясь тянуть Гермиону за собой к двери. Но она не двигалась и не поддавалась, словно приросла к стене. Рот ее был открыт от ужаса.

Крики Гарри и разносящееся по комнате эхо, рикошетом отлетающее от стен, привели тролля в еще большее замешательство. Он явно растерялся, когда перед ним оказалось так много целей, и не знал, что ему делать. Вдруг тролль заревел и шагнул к Рону: тот был ближе всех к нему и ему некуда было бежать.

И тут Гарри совершил очень отважный и одновременно очень глупый поступок — он

разбежался и прыгнул на тролля сзади, умудрившись вцепиться в его шею и обхватить ее сзади обеими руками. Тролль, с учетом его размеров, разумеется, не мог почувствовать, что на нем повис маленький худенький Гарри, но даже тролль не мог не заметить, что ему в нос суют длинный кусок дерева. В момент прыжка Гарри держал в руках палочку, которую зачем-то вытащил, влетев в комнату. Он явно сделал это подсознательно, ведь ему, первокурснику, палочка никакие могла помочь в борьбе с троллем. Но оказалось, что Гарри вытащил ее не зря, и когда он в прыжке вцепился в шею тролля, обхватив ее сзади обеими руками, зажатая в правой руке палочка воткнулась троллю глубоко в ноздрю.

Завывая от боли, тролль завертелся и замахал дубиной, а Гарри висел на нем, что есть силы цепляясь за шею. В любую секунду тролль мог сбросить его на пол или расплющить ударом дубины.

Гермиона, от ужаса почти теряющая сознание, осела на пол. А Рон выхватил свою волшебную палочку, совершенно не представляя, что собирается делать, и выкрикнул первое, что пришло в голову:

— *Вингардиум Левиоса!*

Внезапно дубина вырвалась из руки тролля, поднялась в воздух и зависла на мгновение, потом медленно перевернулась и с ужасным треском обрушилась на голову своего владельца. Тролль зашатался и упал на пол с такой силой, что стены комнаты задрожали.

Гарри поднялся на ноги. Его колотило, и он никак не мог перевести дух. Рон застыл на месте с поднятой палочкой, непонимающе глядя на результат своего труда.

— Он… он мертв? — первой нарушила тишину Гермиона.

— Не думаю, — ответил Гарри, обретя дар речи вторым. — Я полагаю, он просто в нокауте.

Гарри нагнулся и вытащил из носа тролля свою волшебную палочку. Она вся была покрыта чем-то похожим на засохший серый клей.

— Фу, ну и мерзкие у него сопли. Гарри вытер палочку о штаны тролля. Хлопанье дверей и громкие шаги заставили всех троих поднять головы. Они даже не отдавали себе отчета в том, какой шум они тут подняли. кто-то внизу должно быть, услышал тяжелые удары и рев тролля, и мгновение спустя в комнату ворвалась профессор МакГонагалл, за ней профессор Снегг, а за ними профессор Квиррелл. Квиррелл взглянул

на тролля, тихо заскулил и тут же плюхнулся на пол, схватившись за сердце.

Снегг нагнулся над троллем, а профессор МакГонагалл сверлила взглядом Гарри и Рона. Гарри никогда не видел ее настолько разозленной. У нее даже губы побелели. Гарри надеялся, что за победу над троллем им дадут пятьдесят призовых очков, но сейчас приятная мысль быстро улетучилась из его головы.

— О чем, позвольте вас спросить, вы думали? — В голосе профессора МакГонагалл была холодная ярость. Гарри покосился на Рона, который не двигался с места и все еще держал в поднятой руке волшебную палочку. — Вам просто повезло, что вы остались живы. Почему вы не в спальне?

Снегг скользнул по лицу Гарри острым как нож взглядом. Гарри уставился в пол. Ему почему-то очень хотелось, чтобы Рон наконец опустил свою палочку.

И вдруг из тени донесся слабый голос.

— Профессор МакГонагалл, они оказались здесь, потому что искали меня.

— Мисс Грэйнджер!

Гермионе каким-то чудом удалось встать на ноги.

— Я пошла искать тролля, потому что… Потому

что я подумала, что сама смогу с ним справиться… Потому что я прочитала о троллях все, что есть в библиотеке, и все о них знаю…

Рон от неожиданности уронил палочку. Гарри его понимал. Кто бы мог поверить, что Гермиона Грэйнджер — подумать только, Гермиона Грэйнджер — врет в лицо преподавателю?! Даже если бы Гарри не знал, кто такая Гермиона, ему бы все равно не пришло в голову, что она может врать, — настолько правдиво звучал ее голос.

— Если бы они меня не нашли, я была бы уже мертва, — продолжила Гермиона. — Гарри прыгнул ему на шею и засунул в ноздрю палочку, а Рон заколдовал его дубину и отправил его в нокаут. У них просто не было времени, чтобы позвать кого-нибудь из профессоров. Когда они появились, тролль уже собирался меня прикончить.

Гарри и Рон пытались придать своим лицам такое выражение, словно эта история их совсем не удивила — словно все произошло именно так, как описывала Гермиона.

— Ну что ж, в таком случае… — задумчиво произнесла профессор МакГонагалл, оглядев всех троих. — Мисс Грэйнджер, глупая вы девочка, как вам могло прийти в голову, что вы сами сможете усмирить горного тролля?!

Гермиона опустила голову. А Гарри был настолько поражен, что, кажется, снова утратил дар речи. Уж кто-кто, а Гермиона никогда бы не нарушила школьные правила, но сейчас она представила все так, словно сознательно пошла на серьезное нарушение. И все это для того, чтобы вытащить их с Роном из беды. Это было также неожиданно, как если бы Снегг начал раздавать школьникам сладости.

— Мисс Грэйнджер, по вашей вине на счет Гриффиндора записываются пять штрафных очков! — сухо произнесла профессор МакГонагалл. — Я была о вас очень высокого мнения и весьма разочарована вашим проступком. Если с вами все в порядке, вам лучше вернуться в башню Гриффиндора. Все факультеты заканчивают прерванный банкет в своих гостиных Гермиона вышла из комнаты. Профессор МакГонагалл повернулась к Гарри и Рону.

— Что ж, даже выслушав историю, рассказанную мисс Грэйнджер, я все еще утверждаю, что вам просто повезло. Но тем не менее далеко не каждый первокурсник способен справиться со взрослым горным троллем. Каждый из вас получает по пять призовых очков. Я проинформирую профессора Дамблдора о случившемся. Вы мо-

жете идти.

Они поспешно вышли из туалета и не произнесли ни слова до тех пор, пока не поднялись на два этажа и наконец вздохнули с облегчением. Было очень приятно оказаться вдали от тролля, его запаха, да и всего связанного с этой историей.

— Могла бы дать нам больше чем десять очков, — проворчал Рон.

— Ты хотел сказать — пять, — поправил его Гарри. — Не забывай, что она на пять очков наказала Гермиону.

— Она молодец, что вытащила нас из беды, — признал Рон. — Хотя мы ведь на самом деле ее спасли.

— Возможно, нам не пришлось бы ее спасать, если бы мы не заперли тролля в туалете, — напомнил Гарри.

Они подошли к портрету Толстой Леди.

— Свиной пятачок, — в один голос произнесли они и влезли внутрь.

Внутри было людно и шумно. Все дружно компенсировали упущенное на банкете, поглощая принесенную наверх еду. Все, кроме Гермионы, стоявшей в стороне и поджидавшей их. Гарри и Рон подошли к ней и замерли, не зная, что сказать. А затем вдруг каждый из них произнес:

«Спасибо». И они поспешили к столу.

С этого момента Гермиона Грэйнджер стала их другом. Есть события, пережив которые, нельзя не проникнуться друг к другу симпатией. И победа над четырехметровым горным троллем, несомненно, относится к таким событиям.

Глава 11

КВИДДИЧ

В начале ноября погода сильно испортилась. Расположенные вокруг замка горы сменили зеленый цвет на серый, озеро стало напоминать заледеневшую сталь, а земля каждое утро белела инеем. Из окон башни Гарри несколько раз видел, как Хагрид размораживал метлы на площадке для обучения полетам. Хагрид был одет в длинную кротовую шубу, огромные ботинки, утепленные бобровым мехом, и варежки из кроличьей шерсти.

В школе начались соревнования по квиддичу В субботу Гарри впервые предстояло выйти на поле после нескольких недель регулярных и тяжелых тренировок Сборная Гриффиндора встречалась со сборной Слизерина. В случае победы сборная Гриффиндора выходила на второе место в школьном чемпионате.

Практически никто не видел, как Гарри играет в квиддич, — так решил Вуд, заявивший, что Гарри является секретным оружием команды, а значит, и его Мастерство надо держать в сек-

рете. Но известие о том, что Гарри стал ловцом в команде Гриффиндора, каким-то образом все же просочилось за пределы сборной. И теперь Гарри не знал, что хуже, — одни уверяли его, что он будет великолепным игроком, а другие с издевкой обещали бегать по полю с матрасом, чтобы поймать Гарри, когда тот будет падать.

Гарри по-настоящему повезло, что Гермиона стала его другом. Если бы не она, ему не удалось бы выполнять все домашние задания, потому что Вуд постоянно устраивал дополнительные тренировки, оповещая о них в самый последний момент. И, кстати, именно Гермиона дала ему почитать «Историю; квиддича», которая оказалась очень интересной.

Из нее Гарри узнал, что в квиддиче правила можно нарушить семью сотнями разных способов-и все эти семьсот видов нарушений были отмечены во время матча за звание чемпиона мира в 1473 году. Он также узнал, что ловцами становятся самые маленькие и быстрые игроки и что большинство серьезных инцидентов во время матчей связано именно с ловцами. И еще он узнал, что, хотя несчастные случаи со смертельным исходом на поле случались очень редко, известны ситуации, когда посреди матча исчеза-

ли рефери, а много месяцев спустя их находили в пустыне Сахара.

С тех пор как Гарри и Рон спасли Гермиону от горного тролля, она стала куда спокойнее относиться к нарушениям школьной дисциплины, и общаться с ней стало гораздо приятнее. За день до первого матча с участием Гарри они втроем вышли на перемене в замерзший двор. И там Гермиона продемонстрировала им свое мастерство — она достала из кармана стеклянную банку из-под джема, поставила ее на землю, что-то произнесла, взмахнула палочкой, и в банке вдруг вспыхнуло яркое синее пламя. Самое интересное, что банку с огнем можно было спокойно переносить с места на место я даже класть в карман — синее пламя согревало, но не обжигало, а стекло банки оставалось холодным.

Они грелись вокруг банки, повернувшись к огню спинами, и вдруг во дворе появился Снегг. Гарри сразу заметил, что профессор сильно хромает. Гарри, Рон и Гермиона поплотнее сгрудились вокруг огня, чтобы Снегг не заметил его. Они не сомневались, что разводить во дворе огонь запрещено. Снегг не увидел огонь, зато, взглянув на их виноватые лица, нашел другой повод для придирки. А Гарри не сомневался, что

Снегг его искал, и старательно.

— Что это там у вас, Поттер? — сухо спросил Снегг, подойдя к ним поближе.

Гарри держал в руках «Историю квиддича» и показал книгу профессору.

— Библиотечные книги запрещено выносить из здания школы, — проинформировал его Снегг. — Отдайте мне книгу. За ваш проступок вы получаете пять штрафных очков.

— Он только что придумал это правило, — сердито пробормотал Гарри, глядя вслед хромающему Снеггу — Интересно, что у него с ногой?

— Не знаю, но надеюсь, что ему действительно больно, — мстительно произнес Рон.

* * *

Тем вечером в Общей гостиной Гриффиндора было особенно шумно. Гарри, Рон и Гермиона сидели у окна — Гермиона проверяла их домашние задания по заклинаниям. Она никогда не давала им списывать, — «Как же вы тогда чему-нибудь научись?» — но зато согласилась проверять их домашние работы, и таким образом они все равно узнавали от нее правильные ответы.

Гарри трясло от волнения. И очень жалел, что Снегг не вернул ему «Историю квиддича», — кни-

га помогла бы ему расслабиться накануне его первого матча. Гарри спросил себя, почему, собственно, он должен бояться профессора Снегга? И, не найдя ответа, решительно встал, сообщив Рону и Гермионе, что пойдет искать Снегга и попросит вернуть книгу

— Лучше я, чем ты, — одновременно выпалили Рон и Гермиона, но Гарри покачал головой. Ему только что пришла в голову блестящая идея, заключавшаяся в том, что Снегг не откажет ему, если он обратится к профессору в присутствии других учителей.

Он спустился вниз к учительской и постучал в дверь. Никто не ответил. Он постучал еще раз. Снова тишина.

Гарри вдруг подумал, что, скорее всего, Снегг оставил книгу именно здесь. В другой ситуации он бы развернулся и ушел, но сейчас книга была ему нужна позарез, чтобы успокоиться перед завтрашней игрой. Так что риск был оправдан. Гарри приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Его глазам предстала ужасная картина.

В учительской были только Снегг и Филч. Снегг сидел, поддернув свою длинную мантию выше колен Одна нога его была сильно изуродована и залита кровью. Справа от Снегга стоял Филч,

протягивающий ему бинт.

— Проклятая тварь, — произнес Снегг. — Хотел бы я знать, сможет ли кто-нибудь следить одновременно за всеми тремя головами и пастями и избежать того, чтобы одна из них его не цапнула?

Гарри медленно попятился, закрывая за собой дверь, но…

— ПОТТЕР!

Лицо Снегга исказилось от ярости, и он быстро отпустил край мантии. Профессор явно не хотел, чтобы Гарри увидел его покалеченную ногу. Гарри судорожно сглотнул воздух.

— Я просто хотел узнать, не могу ли я получить обратно свою книгу.

— ВОН ОТСЮДА! НЕМЕДЛЕННО ВОН!

Гарри выскочил из учительской, прежде чем Снегг успел крикнуть что-либо насчет очередных штрафных очков. И понесся обратно в башню, перепрыгивая через две ступеньки.

— Удалось? — поинтересовался Рон, глядя на появившегося в комнате Гарри. — Эй, что с тобой?

Шепотом Гарри рассказал им обо всем, что увидел.

— Поняли, что все это значит? — выдохнул он,

закончив рассказ. — Он пытался пройти мимо того трехголового пса, и это случилось в Хэллоуин! Мы с Роном искали тебя, чтобы предупредить насчет тролля, и увидели его в коридоре — он направлялся именно туда! Он охотится за тем, что охраняет пес! И готов поспорить на свою метлу, что это он впустил в замок тролля, чтобы отвлечь внимание и посеять панику, а самому спокойно похитить то, зачем он охотится!

Гермиона посмотрела на него округлившимися глазами.

— Нет, это невозможно, — возразила она. — Я знаю, что он не очень приятный человек, но он не стал бы пытаться украсть то, что прячет в замке Дамблдор.

— Честное слово, Гермиона, тебя послушать, так все преподаватели просто святые, — горячо возразил Рон. — Лично я согласен с Гарри. Снегг может быть замешан в чем угодно. Но за чем именно он охотится? Что охраняет этот пес?

Когда Гарри оказался в постели, голова у него шла кругом от тех же самых вопросов. Рядом громко храпел Невилл. Но и без этого звукового сопровождения Гарри вряд ли смог бы заснуть. Он пытался очистить голову от мыслей — он должен был выспаться, просто обязан, ведь че-

рез несколько часов ему предстояло впервые в жизни выйти на поле. Но не так-то легко было забыть выражение лица Снегга, когда тот понял, что Гарри увидел его изуродованную ногу.

* * *

Следующее утро выдалось холодным, но солнечным. Большой зал был наполнен восхитительным запахом жареных сосисок и радостной болтовней — все предвкушали захватывающее зрелище.

— Тебе надо хоть что-нибудь съесть, — озабоченно заметила Гермиона, увидев, что Гарри сидит перед пустой тарелкой.

— Я ничего не хочу, — отрезал Гарри.

— Хотя бы один ломтик поджаренного хлеба, — настаивала она.

— Я не голоден, — решительно ответил Гарри, для пущей убедительности энергично помотав головой.

Он чувствовал себя ужасно. Ведь до его выхода на поле оставался всего час.

— Гарри, тебе надо набраться сил, — пришел на помощь Гермионе Симус Финниган. — Против ловцов всегда играют грубее, чем против всех остальных

— Спасибо, Симус, — с горькой иронией поблагодарил Гарри, глядя, как Финниган поливает сосиски кетчупом.

К одиннадцати часам стадион был забит битком — казалось, здесь собралась вся школа. У многих в руках были бинокли. Трибуны были расположены высоко над землей, но тем не менее порой с них сложно было разглядеть то, что происходит в небе.

Рон, Гермиона, Невилл, Симус и поклонник футбольного клуба «Вест Хэм» Дин уселись на самом верхнем ряду Чтобы сделать Гарри приятный сюрприз, они развернули огромное знамя, сделанное из той простыни Рона, которую изуродовала Короста. «Поттера в президенты» — было написано на знамени. А Дин, который умел хорошо рисовать, изобразил на знамени огромного льва, эмблему факультета Гриффиндор. Когда они развернули полотнище, Гермиона что-то прошептала себе под нос, и буквы и рисунок начали переливаться разными цветами.

Тем временем Гарри сидел в раздевалке вместе с остальными членами команды, натягивая на себя длинную красную спортивную мантию. Сборная Слизерина должна была выйти на поле в зеленой форме.

Вуд прокашлялся, призывая всех соблюдать тишину и привлекая к себе внимание.

— Итак, господа, — произнес он.

— И дамы, — добавила Анджелина Джонсон, охотник сборной.

— И дамы, — согласился Вуд. — Итак, пришел наш час.

— Великий час, — вставил Фред Уизли.

— Час, которого мы все давно ждали, — продолжил Джордж.

— Оливер всегда произносит одну и туже речь, — шепнул Фред, повернувшись к Гарри. — В прошлом году мы тоже были в сборной, так что успели выучить её наизусть.

— Да замолчите вы, — оборвал его Вуд. — Такой сильной сборной, как сейчас, у нас не было много лет. Мы выиграем. Я это знаю.

Он обвел свирепым взглядом всех собравшихся словно хотел добавить что-то угрожающее, чтобы все усвоили, что будет с ними в случае поражения.

— Отлично, — закончил Вуд, видимо убедившись, что никто не думает о проигрыше. — Пора. Всем удачи.

Гарри вышел из раздевалки вслед за Фредом и Джорджем. От волнения у него подгибались

колени. Он надеялся, что, шагнув на поле под громкие аплодисменты, не упадет на глазах у всех собравшихся.

Судила матч мадам Трюк Она стояла в центре поля, держа в руках метлу и ожидая, пока команды выстроятся друг напротив друга.

— Итак, нам нужна красивая и честная игра. От всех и каждого из вас, — заявила она, жестом приказав всем подойти поближе.

Гарри показалось, что она обращается не ко всем игрокам, но лично к капитану сборной Слизерин, шестикурснику Маркусу Флинту. Гарри подумал, что Флинт выглядит так, словно в его родне были тролли А потом заметил развернутое на трибуне знамя — «Поттера в президенты». Его сердце екнуло в груди. Гарри ощутил, как к нему возвращается смелость.

— Пожалуйста, оседлайте свои метлы.

Гарри вскарабкался на свой «Нимбус-2000».

Мадам Трюк с силой дунула в серебряный свисток и взмыла высоко в воздух вместе с четырнадцатью игроками. Матч начался.

— …И вот квоффл оказывается в руках у Анджелины Джонсон из Гриффиндора. Эта девушка — великолепный охотник, и, кстати, она, помимо всего прочего, весьма привлекательна…

.-ДЖОРДАН! — повысила голос профессор МакГонагалл, специально севшая рядом с комментатором матча Ли Джорданом, приятелем близнецов Уизли. Она прекрасно знала, что Джордана частенько заносит, а потому решила его контролировать.

— Извините, профессор, — поправился тот. — Итак, Анджелина совершает отличный маневр, обводит соперников, точный пас Алисии Спиннет — это находка Оливера Вуда, в прошлом году она была лишь запасной, — снова пас на Джонсон и… Нет, мяч перехватила команда Слизерина. Он у капитана сборной Маркуса Флинта, который делает рывок вперед. Флинт взмывает в небо, как орел, сейчас он забросит мяч… Нет, в фантастическом прыжке мяч перехватывает вратарь Вуд, и Гриффиндор начинает контратаку. С мячом охотник Кэти Белл, она великолепно обводит Флинта справа, взмывает над полем и… О, какое невезение… наверное, это очень больно, получить удар бладжером по затылку. Мяч у команды Слизерина, Эдриан Пьюси летит к воротам соперника, но его останавливает второй бладжер… кажется, мяч в Пьюси послал Фред Уизли, хотя, возможно, это был Джордж, ведь их так непросто различить… В любом случае, загонщики Гриффиндор

проявили себя с лучшей стороны. Мяч в руках у Джонсон, перед ней никого нет, и она устремляется вперед… Вот это полет!.. Она уклоняется от набравшего скорость бладжера… она прямо перед воротами… давай, Анджелина!..Вра-тарь Блетчли совершает бросок., промахивается… ГОЛ! Гриффиндор открывает счет! Аплодисменты болельщиков сборной Гриффиндор и стоны и вой поклонников Слизерин заполнили холодный воздух, своими эмоциями повышая его температуру

— Эй вы, там, наверху, подвиньтесь! — донеслось до Рона и Гермионы.

— Хагрид!

Рон и Гермиона потеснились, пододвигая своих однокурсников, и Хагрид с трудом уселся на освободившееся место.

— Я-то поначалу из хижины своей за игрой следил, — произнес он, похлопывая себя по висевшему на шее огромному биноклю. — Но все ж тут, на стадионе, по-другому совсем, да! Толпа опять же вокруг, болеют все. Снитч не появлялся еще, нет?

— Нет, — помотал головой Рон. — У Гарри пока не было работы.

— Хорошо хоть в переделку еще не влип, это уже неплохо. — Хагрид поднес бинокль к глазам,

вперяя взгляд в крошечную точку в небе, которая была Гарри Поттером.

Гарри парил над полем и, прищурив глаза, скользил взглядом по небу, пытаясь уловить приближение снитча. Это было частью его стратегии, разработанной Вудом.

— Держись подальше от игры, пока не увидишь снитч, — так сказал ему Вуд. — Ни к чему идти на риск и провоцировать соперника на то, чтобы против тебя грубо сыграли, пока в этом нет никакой нужды.

Когда Анджелина открыла счет, Гарри, не в силах скрыть свою радость, описал над полем несколько кругов и снова начал всматриваться в небо. В какой-то момент он увидел золотую вспышку, но оказалось, что это солнечный блик от часов одного из близнецов Уизли. А спустя несколько секунд он вовремя заметил летящий на него со скоростью артиллерийского снаряда бладжер и уклонился от уподобившегося ядру черного мяча, а заодно от устремившегося за ним Фреда Уизли.

— Все нормально, Гарри? — на лету прокричал Фред и мощным ударом послал бладжер в направлении Маркуса Флинта.

— Мяч у команды Слизерина, — тем временем

комментировал происходящее в воздухе Ли Джордан. — Охотник Пьюси уклоняется от бладжера, еще от одного, обводит близнецов Уизли и Кэти Белл и устремляется к… Стоп, не снитч ли это?

По толпе зрителей пробежал громкий шепот, Эдриан Пьюси уронил переставший интересовать его квоффл и, оглянувшись назад, стал осматривать небо в поисках золотого мячика, который вдруг просвистел мимо его левого уха.

Гарри заметил свой мяч. Охваченный возбуждением, он резко спикировал вниз. Ловец сборной Слизерина Теренс Хиггс тоже увидел снитч. Он и Гарри одновременно устремились к нему, а все охотники застыли в воздухе, забыв о своем мяче и напряженно глядя, как Гарри и Хиггс соревнуются в ловкости и скорости.

Гарри оказался быстрее, чем Хиггс, — он уже видел стремительно летящий перед ним маленький круглый мячик, видел его трепещущие крылышки и увеличил скорость, пытаясь его догнать. И…

БУМ!

Снизу, с трибун, донесся возмущенный рев болельщиков Гриффиндор — Маркус Флинт, напомнивший Гарри тролля, как бы случайно на полном ходу врезался в Гарри, и тот отлетел в

сторону, цепляясь за метлу и думая только о том, как удержаться в воздухе.

— Нарушение! — донеслось с трибун.

Мадам Трюк свистком остановила игру и, сделав строгое внушение Флинту назначила свободный удар в сторону ворот Слизерин. Что касается снитча, то когда на поле воцарилась суматоха, золотой мяч, как и следовало ожидать, исчез в неизвестном направлении.

— Выгоните его с поля, судья! — вопил с трибуны так и не успокоившийся Дин Томас. — Красную карточку ему!

— Дин, ты, наверное, забыл, что ты не на своем любимом футболе, — напомнил ему Рон. — В квиддиче не удаляют с поля. Да, кстати, а что такое красная карточка?

К удивлению Рона, Хагрид занял сторону Дина.

— Значит, им надо правила менять, да! Ведь этот Флинт запросто мог Гарри на землю сбить!

Комментатор Ли Джордан, прекрасно зная, что обязан быть бесстрастным, все же не удержался от того, чтобы обозначить свою позицию.

— Итак, после очевидного, намеренного и потому нечестного и отвратительного нарушения…

— Джордан! — прорычала профессор МакГона-галл.

— Я хотел сказать, — поправился Джордан, — после этого явного и омерзительного запрещенного приема

— Джордан, я вас предупреждаю…

— Хорошо, хорошо. Итак, Флинт едва не убил ловца команды Гриффиндора Гарри Поттера, но, вне всякого сомнения, такое может случиться с каждым. -

В словах Джордана сквозила неприкрытая ирония, но тут профессор МакГонагалл ничего не могла поделать — Гриффиндор исполняет штрафной удар, у Спиннет, она делает передачу назад, мяч по-прежнему у Гриффиндора, и…

Все началось в тот момент, когда Гарри уклонялся от очередного бладжера, со страшным свистом пронесшегося в опасной близости от его головы. Внезапно его метла резко накренилась вниз и сильно завибрировала. Гарри показалось, что сейчас он упадет и разобьется, но он удержался, крепко вцепившись в метлу руками и стиснув ее коленями. Он в жизни не испытывал такого ощущения беспомощности и растерянности.

Ему удалось выровнять метлу, но несколько секунд спустя все повторилось. Казалось, что метла хочет сбросить его. Гарри понимал, что «Нимбусы-2000» не принимают внезапных реше-

ний относительно того, чтобы сбросить на землю своего седока, но тем не менее это происходило. Гарри попробовал развернуть метлу к своим воротам — в какую-то секунду ему показалось, что, возможно, стоит крикнуть Вуду чтобы тот взял тайм-аут. Но тут метла полностью вышла из-под контроля. Он не мог сделать поворот, он вообще не мог ей управлять. Метла беспорядочно металась в небе, время от времени настолько резко разворачиваясь вокруг своей оси, что Гарри едва удерживался на ней.

Ли продолжал комментировать игру.

— Мяч у Слизерина… Флинт упускает мяч, тот оказывается у Спиннет… Спиннет делает пас на Белл… Белл получает сильный удар в лицо бладжером, надеюсь, бладжер сломал ей нос… Шучу, шучу, профессор… Слизерин забрасывает мяч. О, нет…

Болельщики Слизерина дружно аплодировали.

Всеобщее внимание было приковано к игре, и никто не замечал, что метла Гарри ведет себя, мягко говоря, странно. Она двигалась резкими рывками, поднимая Гарри все выше и унося его в сторону от поля.

— Не пойму я, чего там Гарри творит? Чего он себе думает, а? — бормотал Хагрид, следя за ним

в бинокль. — Не знай я его, я б сказал, что не он метлой рулит, а она им… Да не, не может он…

Внезапно кто-то громким криком привлек внимание к Гарри, и все взгляды устремились на него. Его метла резко перевернулась в воздухе, потом еще раз, но он хоть с трудом, но удерживался на ней. А затем весь стадион ахнул. Метла неожиданно подпрыгнула, накренилась и, наконец, сбросила Гарри. Теперь он висел на метле, одной рукой вцепившись в рукоятку.

— Может быть, с ней что-то случилось, когда в него врезался Флинт? — прошептал Симус.

— Да нет, не должно так быть, — возразил Хагрид дрожащим голосом. — С такой метлой ничего плохого произойти вовсе не может, разве что тут Темная магия замешана, и сильная притом. Пареньку не под силу такое с «Нимбусом» проделать.

Услышав эти слова, Гермиона выхватила у Хагрида бинокль, но вместо того чтобы смотреть на Гарри, она навела его на толпу зрителей, напряженно всматриваясь в нее.

— Ты что делаешь? — простонал Рон, лицо его было серым.

— Я так и знала, — сказала Гермиона, — Снегг — смотри.

Рон схватил бинокль. На трибуне, расположенной прямо напротив них, сидел Снегг. Его взгляд был сфокусирован на Гарри, и он что-то безостановочно бормотал себе под нос.

— Он заколдовывает метлу, — пояснила Гермиона.

— И что же нам делать?

— Предоставь это мне.

Прежде чем Рон успел что-то сказать, Гермиона исчезла. Рон снова навел бинокль на Гарри. Метла так сильно вибрировала, что было ясно: висеть ему на ней осталось недолго. Зрители вскочили на ноги и, раскрыв рты, с ужасом смотрели на то, что происходит. Близнецы Уизли рванулись на помощь Гарри, рассчитывая протянуть ему руку и перетащить на одну из своих метел. Но ничего не получалось, — стоило им приблизиться на подходящее расстояние, как метла резко взмывала вверх. Уизли немного опустились вниз и кружили под Гарри, очевидно рассчитывая поймать его, когда он начнет падать. А Маркус Флинт тем временем схватил мяч и пять раз подряд забросил его в кольцо Гриффиндора, пользуясь тем, что на него никто не смотрит.

— Ну давай же, Гермиона, — прошептал Рон. Гермиона с трудом проложила себе дорогу к

той трибуне, на которой сидел Снегг, и сейчас бежала по одному из рядов — Снегг находился рядом выше. Гермиона так торопилась, что даже не остановилась, чтобы извиниться перед профессором Квирреллом, которого она сбила с ног. Оказавшись напротив Снегга, она присела, вытащила волшебную палочку и произнесла несколько слов, которые давно уже вертелись в ее мозгу, ярко-синие языки пламени, коснувшиеся подола профессорской мантии.

Снеггу понадобилось примерно тридцать секунд, чтобы осознать, что он горит. Гермиона не смотрела в его сторону, делая вид, что она тут ни при чем но его громкий вопль оповестил ее, что со своей задачей она справилась. Снегг не видел Гермиону, и она незаметным движением смахнула с него пламя. Оно каким-то ей одной известным образом оказалось в маленькой баночке, которую она держала в кармане. По-прежнему не разгибаясь, Гермиона начала пробираться обратно, удаляясь от Снегга, и теперь профессор при всем желании не мог узнать, что именно с ним случилось.

Этого оказалось вполне достаточно. Гарри вдруг удалось вскарабкаться на метлу.

— Невилл, можешь открыть глаза! — крикнул

Рон. Последние пять минут Невилл сидел, уткнувшись лицом в куртку Хагрида, и громко плакал.

Судья Трюк не останавливала игру, игра остановилась сама, но все равно никто не понял, почему Гарри, взобравшись на метлу, вдруг резко спикировал вниз. Внимание всего стадиона было по-прежнему приковано к нему, так что все отчетливо видели, как он внезапным движением поднес руку ко рту, словно его вот-вот должно было стошнить. Гарри выровнял метлу у самой земли, скатился с нее, падая на четвереньки, закашлялся, и что-то блеснуло в его руке.

— Я поймал снитч! — громко закричал он, высоко подняв золотой мяч над головой. Игра закончилась в полной неразберихе.

— Да он его не поймал, он его почти проглотил, — все еще выл Флинт двадцать минут спустя, но его никто не слушал, потому что это не имело никакого значения, ведь Гарри не нарушил правил игры. Ли Джордан счастливым голосом прокричал в микрофон результат: сборная Гриффиндор победила со счетом 170:60. Однако Гарри ничего этого не слышал. Сразу после того, как он показал всем пойманный им золотой мячик, Рон, Гермиона и Хагрид увели его в хижину Хагрида. И сейчас он сидел в ней и пил крепкий чай.

— Это все Снегг, — горячо объяснял ему Рон. — Мы с Гермионой все видели. Он смотрел на тебя, не отводя глаз, и шептал заклинания.

— Чушь, — возмутился Хагрид, который, когда с Гарри начали происходить непонятные вещи, с таким напряжением следил за ним, что не услышал, о чем шептались на трибуне Рон и Гермиона, и не заметил, что Гермиона куда-то отлучалась. — Зачем Снеггу делать такое?

Гарри, Рон и Гермиона переглянулись, думая, стоит ли говорить Хагриду правду. Гарри решил, что стоит.

— Я кое-что узнал о нем, — сообщил он Хагриду — В Хэллоуин он пытался пройти мимо трехголового пса. Пес его укусил. Мы думаем, что он пытался украсть то, что охраняет этот пес.

Хагрид от неожиданности уронил чайник.

— А вы откуда про Пушка разузнали? — спросил он, когда к нему вернулся дар речи.

— Про Пушка?

— Ну да — это ж моя собачка. Купил ее у одного… э-э… парнишки, грека, мы с ним в прошлом году… ну… в баре познакомились, — пояснил Хагрид. — А потом я Пушка одолжил Дамблдору — чтоб охранять…

— Что? — быстро спросил Гарри.

— Все, хватит мне тут вопросы задавать, — пробурчал Хагрид. — Это секрет. Самый секретный секрет, понятно вам?

— Но Снегг пытался украсть эту штуку, — продолжал настаивать Гарри, надеясь, что Хагрид вот-вот проговорится.

— Чепуха, — отмахнулся от него Хагрид — Снег — преподаватель школы Хогвартс. Он ничего такого в жизни не сделает.

— А зачем же он тогда пытался убить Гарри? — . вскричала Гермиона.

Похоже, после всего случившегося сегодня она коренным образом изменила свое представление о Снегге, которого еще вчера защищала от обвинений Гарри и Рона.

— Я знаю, что такое колдовство, Хагрид. Я все о нем прочитала и сразу могу понять, когда кто-то! пытается что-то заколдовать! Для того чтобы наложить заклятие, нужен зрительный контакт, а Снегг не сводил с Гарри глаз, даже не моргнул ни разу. Я наблюдала за ним в бинокль, и потом видела, когда к нему подкралась!

— А я вам говорю: неправда это! — выпалил разгорячившийся Хагрид. — Не знаю, что там с метлой Гарри стряслось, но Снегг бы в жизни такое не вытворил, чтобы ученика попробовать

убить! И вообще, вы трое, слушайте сюда: вы тут лезете в дела, которые вас не касаются вовсе, да! Вы лучше про Пушка забудьте и про то, что он охраняет, тоже забудьте. Эта штука только Дамблдора касается да Николаса Фламеля…

— Ага! — довольно воскликнул Гарри. — Значит, тут замешан некто по имени Николас Фламель, верно?

Судя по виду Хагрида, тот жутко разозлился на самого себя. Но изменить уже ничего не мог.

Глава 12

ЗЕРКАЛО ЕИНАЛЕЖ

Приближалось Рождество. В середине декабря, проснувшись поутру, все обнаружили, что замок укрыт толстым слоем снега, а огромное озеро замерзло. В тот же день близнецы Уизли получили несколько штрафных очков за то, что заколдовали слепленные ими снежки, и те начали летать за профессором Квирреллом, врезаясь ему в затылок. Те немногие совы, которым удалось в то утро пробиться сквозь снежную бурю, чтобы доставить почту в школу, были на грани смерти. И Хагриду пришлось основательно повозиться с ними, прежде чем они снова смогли летать

Все школьники с нетерпением ждали каникул и уже не могли думать ни о чем другом. Может быть, потому, что в школе было ужасно холодно и всем хотелось разъехаться по теплым уютным домам — всем, кроме Гарри, разумеется. Нет, в Общей гостиной Гриффиндора, в спальне и в Большом зале было тепло, потому что ревущее в каминах пламя не угасало ни на минуту. Зато продуваемые сквозняками коридоры обледенели,

а окна в промерзших аудиториях дрожали и звенели под ударами ветра, грозя вот-вот вылететь.

Хуже всего ученикам приходилось на занятиях профессора Снегга, которые проходили в подземелье. Вырывавшийся изо ртов пар белым облаком повисал в воздухе, а школьники, забыв об ожогах и прочих опасностях, старались находиться как можно ближе к бурлящим котлам, едва не прижимаясь к ним.

— Поверить не могу, что кто-то останется в школе на рождественские каникулы, потому что дома их никто не ждет, — громко произнес Драко Малфой на одном из занятий по зельеварению. — Бедные ребята, мне их жаль…

Произнося эти слова, Малфой смотрел на Гарри Крэбб и Гойл громко захихикали. Гарри, отмеривавший на своих крошечных и необычайно точных весах нужное количество порошка — в тот раз это бьи толченый позвоночник морского льва, — сделал вид что ничего не слышит. После памятного матча, в котором Гриффиндор победил благодаря Гарри, Малфой стал еще невыносимее. Уязвленный поражением своей команды, он пытался всех рассмешить придуманной им шуткой. Она заключалась в том, что в следующей игре вместо Гарри на поле выйдет древесная лягушка,

у нее рот шире, чем у Поттера, и потому она будет идеальным ловцом.

Однако Малфой быстро осознал, что его шутка никого не смешит, — возможно, Гарри поймал мяч очень своеобразным способом, но тем не менее он его поймал. И, более того, всех поразило, что ему удалось удержаться на взбесившейся метле. Малфой, еще больше разозлившись и сгорая от зависти, вернулся к проверенной тактике и продолжил поддевать Гарри, напоминая ему и окружающим, что у него нет нормальной семьи.

Гарри действительно не собирался возвращаться на Тисовую улицу на рождественские каникулы. Неделю назад профессор МакГонагалл обошла все курсы, составляя список учеников, которые останутся на каникулы в школе, и Гарри тут же попросил внести его в этот список При этом он совершенно не собирался себя жалеть — совсем наоборот, он не сомневался, что его ждет лучшее Рождество в его жизни. Тем более что Рон с братьями тоже собирались остаться в Хогвартсе — их родители отправлялись в Румынию, чтобы проведать своего второго сына Чарли.

Когда по окончании урока они вышли из подземелья, то обнаружили, что путь им преградила неизвестно откуда взявшаяся в коридоре огром-

ная пихта Однако показавшиеся из-за ствола две гигантские ступни и громкое пыхтение подсказали им, что пихту принес сюда Хагрид.

— Привет, Хагрид, помощь не нужна? — спросил Рон, просовывая голову между веток

— Не, я в порядке, Рон… но все равно спасибо, — Донеслось из-за пихты.

— Может быть, вы будете столь любезны и дадите мне пройти, — произнес кто-то сзади, растягивая слова Разумеется, это мог быть только Малфой.

— А ты, Уизли, как я понимаю, пытаешься немного подработать? Я полагаю, после окончания школы ты планируешь остаться здесь в качестве лесника? Ведь хижина Хагрида по сравнению с домом твоих роди-ли — настоящий дворец.

Рон прыгнул на Малфоя как раз в тот момент, когда в коридоре появился Снегг.

— УИЗЛИ!

Рон неохотно отпустил Малфоя, которого уже успел схватить за грудки.

— Его спровоцировали, профессор Снегг, — пояснил Хагрид, высовываясь из-за дерева. — Этот Мал-фой его семью оскорбил, вот!

— Может быть, но в любом случае драки

запрещены школьными правилами, Хагрид, — елейным голосом произнес Снегг. — Уизли, из-за тебя твой факультет получает пять штрафных очков, и можешь благодарить небо, что не десять. Проходите вперед, нечего здесь толпиться.

Малфой, Крэбб и Гойл с силой протиснулись мимо Хагрида и его пихты, едва не сломав несколько веток и усыпав пол иголками. И ушли, глупо ухмыляясь.

— Я его достану, — выдавил из себя Рон, глядя в удаляющуюся спину Малфоя и скрежеща зубами. — В один из этих дней я обязательно его достану…

— Ненавижу их обоих, — признался Гарри. — И Малфоя, и Снегта.

— Да бросьте, ребята, выше нос, Рождество же скоро, — подбодрил их Хагрид. — Я вам вот чего скажу — пошли со мной в Большой зал, там такая красота сейчас, закачаешься!

Гарри, Рон и Гермиона пошли за волочившим пихту Хагридом в Большой зал. Там профессор Мак-Гонагалл и профессор Флитвик развешивали рождественские украшения.

— Отлично, Хагрид, это ведь последнее дерево? — произнесла профессор МакГонагалл, увидев пихту. — Пожалуйста, поставьте его в

дальний угол, хорошо?

Большой зал выглядел потрясающе. В нем стояло не менее дюжины высоченных пихт: одни поблескивали нерастаявшими сосульками, другие сияли сотнями прикрепленных к веткам свечей. На стенах висели традиционные рождественские венки из белой омелы и ветвей остролиста.

— Сколько там вам осталось до каникул-то? — поинтересовался Хагрид.

— Всего один день, — ответила Гермиона. — Да, я кое-что вспомнила. Гарри, Рон, у нас есть полчаса до обеда, нам надо зайти в библиотеку.

— Ах, да, я и забыл, — спохватился Рон, с трудом отводя взгляд от профессора Флитвика.

Профессор держал в руках волшебную палочку, из которой появлялись золотые шары. Повинуясь Флитвику они всплывали вверх и оседали на ветках только что принесенного Хагридом дерева.

— В библиотеку? — переспросил Хагрид, выходя с ними из зала. — Перед каникулами? Вы прям умники какие-то…

— Нет, к занятиям это не имеет никакого отношения, — с улыбкой произнес Гарри. — С тех пор, как ты упомянул имя Николаса Фламеля, мы пытаемся Узнать, кто он такой.

— Что? — Хагрид был в шоке. — Э-э… слушайте сюда, я ж вам сказал, чтобы вы в это не лезли, да! Нет вам дела до того, что там Пушок охраняет, и вообще!

— Мы просто хотим узнать, кто такой Николас Фламель, только и всего, — объяснила Гермиона.

— Если, конечно, ты нам сам не расскажешь, чтобы мы не теряли время, — добавил Гарри. — Мы уже просмотрели сотни книг, но ничего так и не нашли. Может быть, ты хотя бы намекнешь, где нам о нем прочитать? Кстати, я ведь уже слышал это имя, ещё до того, как ты его произнес…

— Ничего я вам не скажу, — пробурчал Хагрид.

— Значит, нам придется все разузнать самим, — заключил Рон, и они, расставшись с явно раздосадованным Хагридом, поспешили в библиотеку.

С того самого дня, как Хагрид упомянул имя Фламеля, ребята действительно пересмотрели кучу книг в его поисках. А как еще они могли узнать, что пытался украсть Снегг? Проблема заключалась в том, что они не представляли, с чего начать, и не знали, чем прославился Фламель, чтобы попасть в книгу. В «Великих волшебниках двадцатого века» он не упоминался, в «Выдающихся именах нашей эпохи» — тоже, равно как

и в «Важных магических открытиях последнего времени» и «Новых направлениях магических наук». Еще одной проблемой были сами размеры библиотеки — тысячи полок вытянулись в сотни рядов, а на них стояли десятки тысяч томов.

Гермиона вытащила из кармана список книг, которые она запланировала просмотреть, Рон пошел вдоль рядов, время от времени останавливаясь, наугад вытаскивая ту или иную книгу и начиная ее листать. А Гарри побрел по направлению к Особой секции, раздумывая о том, нет ли там чего-нибудь о Николасе Фламеле.

К сожалению, для того чтобы попасть в эту секцию, надо было иметь разрешение, подписанное кем-либо из преподавателей. Гарри знал, что никто ему такого разрешения не даст. А придумать что-нибудь очень убедительное ему бы вряд ли удалось

К тому же книги, хранившиеся в этой секции, предназначались вовсе не для первокурсников. Гарри уже знал, что эти книги посвящены высшим разделам Темной магии, которые не изучали в школе. Так что доступ к ним был открыт только преподавателям и еще старшекурсникам, выбравшим в качестве специализации защиту от Темных сил.

— Что ты здесь ищешь, мальчик?

Перед Гарри стояла библиотекарь мадам Пине, угрожающе размахивая перьевой метелкой, предназначенной для стряхивания пыли с книг.

Гарри не нашелся что ответить.

— Тебе лучше уйти отсюда, — строго произнесла мадам Пине. — Давай, уходи, кому сказала!

Гарри вышел из библиотеки, жалея о том, что не смог быстро придумать какое-нибудь оправдание. Они с Роном и Гермионой давно решили, что не будут обращаться к мадам Пине с вопросом, где им найти информацию о Фламеле. Они были уверены, что она знает ответ. Но им не хотелось рисковать — поблизости мог оказаться Снегг, а ему не следовало знать, что именно их интересует.

Гарри стоял в коридоре у выхода из библиотеки и ждал, когда появятся его друзья. Особых надежд на то, что они преуспеют в своих поисках, у него не было. Ребята уже две недели пытались что-нибудь найти, но свободного времени, если не считать изредка выпадавших между уроками свободных минут, не было, так что вряд ли стоило удивляться, что они ничего не нашли. Все, что им было нужно — это несколько часов в библиотеке, и обязательно в отсутствие мадам Пине, чтобы

она не присматривалась они делают.

Через пять минут из библиотеки вышли Рон и Гермиона, при виде Гарри сразу замотавшие головами. И все вместе пошли на обед.

— Вы ведь будете продолжать искать, когда я уеду на каникулы? — с надеждой спросила Гермиона. И если что-то найдете, сразу присылайте мне сову.

— Между прочим, ты вполне можешь поинтересоваться у своих родителей, не знают ли они, кто такой этот Фламель, — заметил Рон. — Это ведь родители — так что риска никакого…

— Абсолютно никакого, — согласилась Гермиона. — Особенно если учесть, что мои родители — стоматологи…

* * *

Когда каникулы наконец начались, Гарри и Рон слишком весело проводили время для того, чтобы думать о Фламеле. В спальне их осталось только двое, да и в Общей гостиной было куда меньше народа, чем во время учебы. Поэтому они придвигали кресла как можно ближе к камину и сидели там часами, нанизывая на длинную металлическую вилку принесенные из Большого зала кусочки хлеба, лепешки и кругляши зефира,

поджаривая их на открытом огне и с аппетитом поедая.

Разумеется, они ни на секунду не умолкали даже с набитым ртом — ведь им было о чем поговорить. Главной темой, разумеется, был Малфой. Они изобретали десятки планов, как подставить Малфоя и добиться его исключения из школы. И неважно, что эти планы были явно неосуществимы, — об этом все равно приятно было поговорить.

Еще они играли в волшебные шахматы, которым Рон начал обучать Гарри. Это были практически те же самые шахматы, в которые играли маглы. Разница заключалась лишь в том, что фигурки были живые, и игрок ощущал себя полководцем, направляющим свои войска на противника. Шахматы Рона были очень старыми и потрепанными временем. Как и все его вещи, они когда-то принадлежали кому-то из его родственников, в данном случае дедушке. Однако тот факт, что фигурки были древними, вовсе не мешал ему хорошо играть. Рон так отлично их изучил, что у него никогда не было проблем с тем, чтобы заставить их выполнить то, что он хочет.

Гарри играл фигурками, которые ему одолжил Симус Финниган, и они очень плохо его слуша-

лись, абсолютно не доверяя временному хозяину. К тому же Гарри был не слишком хорошим игроком, и фигурки постоянно давали ему советы, сбивая его с толку:

«Не посылай меня туда, разве ты не видишь вражеского коня? Лучше пошли вон того, его потеря не будет иметь никакого значения».

В канун Рождества Гарри лег спать, предвкушая праздничный завтрак и веселье, но, естественно, не рассчитывая ни какие подарки. Однако, проснувшись наутро, он первым делом заметил свертки и коробочки у своей кровати.

— Доброе утро, — сонно произнес Рон, когда Гарри выбрался из постели и накинул на пижаму халат.

— И тебе того же, — автоматически ответил Гар-Ри, уставившись на то, что лежало у его кровати. — Ты только посмотри- это же подарки!

— А я-то думал, что это тыквы, — пошутил Рон, свешиваясь со своей кровати. Подарков около нее стояло больше, чем у Гарри.

Гарри быстро распаковал верхний сверток Подарок был завернут в толстую коричневую оберточную бумагу, на которой неровными буквами было написано: *«Гарри от Хагрида».* Внутри была флейта грубой работы — скорее всего, Ха-

грид сам вырезал ее из дерева. Гарри поднес ее к губам и извлек из нее звук, похожий на уханье совы.

Следующий подарок лежал в тонком конверте и представлял собой лист плотной бумаги. *«Получили твои поздравления, посылаем тебе рождественский подарок Дядя Вернон и тетя Петунья»,* — было написано на листе. К бумаге скотчем была приклеена мелкая монетка. Дурсли остались верны себе — более щедрый подарок придумать было сложно.

— Очень приятно, — прокомментировал Гарри. Рону, однако, этот подарок понравился — он во все глаза рассматривал монету.

— Вот ведь нелепая штуковина! — наконец выдохнул он. — И это деньги? Такой формы?

— Возьми себе. — Гарри засмеялся, увидев, как обрадовался Рон. — Интересно, кто еще мог прислать мне подарок кроме Дурслей и Хагрида?

— Кажется, я знаю, от кого это. — Рон слегка покраснел, тыча пальцем в объемистый сверток — Это от моей мамы. Я написал ей, что некому будет сделать тебе подарок и…

Рон вдруг густо залился красной краской.

— О-о-о, — простонал он. — Как же я раньше не подумал. Она связала тебе фирменный свитер

Уизли…

Гарри разорвал упаковку, обнаружив внутри толстый, ручной вязки свитер изумрудно-зеленого цвета и большую коробку с домашними сладостями.

Она каждый год к Рождеству вяжет нам всем свитеры, — недовольно бормотал Рон, разворачивая подарок от матери. — И мне вечно достается темно-бордовый.

— Твоя мама просто молодец, — заметил Гарри, пробуя сладости, которые оказались очень вкусными.

В следующем подарке тоже было сладкое — большая коробка «шоколадных лягушек», присланная Гермионой.

Оставался еще один сверток Гарри поднял его с пола, отметив, что он очень легкий, почти невесомый. И неторопливо развернул его.

Нечто воздушное, серебристо-серое выпало из свертка и, шурша, мягко опустилось на пол, поблескивая складками. Рон широко раскрыл рот от изумления.

— Я слышал о таком, — произнес он сдавленным голосом, роняя на пол присланную Гермионой коробочку с леденцами и даже не замечая этого. — Если это то, что я думаю, — это

очень редкая вещь, и очень ценная.

— А что это?

Гарри подобрал с пола сияющую серебристую ткань Она была очень странной на ощупь, как будто частично состояла из воды.

— Это мантия-невидимка, — прошептал Рон с благоговейным восторгом. — Не сомневаюсь, что это она, попробуй сам.

Гарри набросил мантию на плечи.

— Это она! — неожиданно завопил Рон. — Подотри вниз!

Гарри последовал его совету и не увидел собственных ног. Он молнией метнулся к зеркалу. Лицо его, разумеется, было на месте, но оно плавало в воздухе, поскольку тело полностью отсутствовало. Гарри натянул мантию на голову, и его отражение исчезло полностью.

— Смотри, тут записка! — окликнул его Рон. — Из нее выпала записка!

Гарри снял мантию и поднял с пола листочек бумаги. Надпись на нем была сделана очень мелким почерком с завитушками — такого Гарри еще никогда не видел.

Незадолго до своей смерти твой отец оставил эту вещь мне.

Пришло время вернуть ее его сыну.

Используй ее с умом.

Желаю тебе очень счастливого Рождества

Подписи не было. Гарри изучал странную записку, написанную неизвестно кем, а Рон все восхищался мантией.

— Да, за такую я бы отдал все на свете, — признался он. — Все, что угодно. Эй, да что с тобой?

— Ничего, — мотнул головой Гарри. На самом деле он чувствовал себя очень странно. Он никак не мог понять, кто прислал ему мантию и эту записку. И все время спрашивал себя, неужели она на самом деле принадлежала его отцу?

Прежде чем он успел что-то сказать или подумать о чем-то другом, дверь в спальню распахнулась, и в нее ворвались Фред и Джордж Уизли. Гар-, ри быстро спрятал мантию под одеяло. Ему не хотелось, чтобы ее надевал кто-нибудь другой, кроме него. Даже не хотелось, чтобы кто-нибудь просто до нее дотрагивался.

Счастливого Рождества! — прокричал с порога Фред

— Эй, смотри! — воскликнул Джордж, обращаясь к брату. — Гарри тоже получил фирменный свитер Уизли!

На Фреде и Джордже были новенькие синие свитеры, на одном была вышита большая желтая

буква «Ф», на другом — такого же цвета и размера буква «Д».

— Между прочим, свитер Гарри выглядит получше, чем наши, — признал Фред, повертев в руках подарок, полученный Гарри от миссис Уизли. — Он ведь не член семьи, так что она вязала его куда старательнее.

— А ты почему не надел свой свитер, Рон? — возмутился Джордж — Давай-давай, они ведь мало того что красивые, так еще и очень теплые.

— Ненавижу бордовый цвет, — то ли в шутку, то ли всерьез простонал Рон, натягивая на себя свитер.

— А на твоем никаких букв, — хмыкнул Джордж, разглядывая младшего брата. — Полагаю, она думает, что ты не забудешь, как тебя зовут. А мы ведь тоже не дураки — мы хорошо знаем, что нас зовут Дред и Фордж

Близнецы расхохотались, довольные шуткой.

— Что тут за шум?

В дверь протиснулась еще одна рыжая голова, принадлежавшая Перси Уизли, вид у него был не слишком счастливый. Судя по всему, он, уже успел Распечатать свои подарки, по крайней мере частично, потому что держал в руках свитер грубой вязки, который тут же выхватил у него Фред.

— Ага. Тут буква «С», то есть староста. Давай, Перси, надевай его — мы все уже надели наши, и Гарри.

— Я… не… хочу, — донесся до Гарри хриплый голос Перси, которому близнецы уже успели натянуть свитер на голову, сбив с него очки.

— И запомни: сегодня за завтраком ты будешь сидеть не со старостами, а с нами, — поучительно добавил Джордж — Рождество — семейный праздник

Близнецы натянули на него свитер так что руки не попали в рукава, а оказались прижатыми к телу. И, ухватив старшего брата за шиворот, вытолкали его из спальни.

* * *

У Гарри в жизни не было такого рождественского пира. На столе красовались сотни жирных жареных индеек, горы жареного и вареного картофеля, десятки мисок с жареным зеленым горошком и соусников, полных мясной и клюквенной подливки, — и башни из волшебных хлопушек Эти фантастические хлопушки не имели ничего общего с теми, которые производили маглы. Дурели обычно покупали эти жалкие подобия, на которых сверху было надето

нечто вроде убогой бумажной шляпы, а внутри обязательно лежала маленькая пластмассовая игрушка. Хлопушка же, которую опробовали они с Фредом, не просто хлопнула, но взорвалась с пушечным грохотом и, окутав их густым синим дымом, выплюнула из себя контр-адмиральскую фуражку и несколько живых белых мышей.

За учительским столом тоже было весело. Дамблдор сменил свой остроконечный волшебный колпак на украшенную цветами шляпу и весело посмеивался над шутками профессора Флитвика.

Вслед за индейкой подали утыканные свечками рождественские пудинги. Пудинги были с сюрпризом — Перси чуть не сломал зуб о серебряный сикль, откусив кусок пудинга. Все это время Гарри внимательно наблюдал за Хагридом. Тот без устали подливал себе вина и становился все краснее и краснее, и наконец он поцеловал в щеку профессора МакГонагалл. А она, к великому удивлению Гарри, смущенно порозовела и захихикала, не замечая, что ее цилиндр сполз набок

Когда Гарри наконец вышел из-за стола, его руки были заняты новыми подарками, вылетевшими из хлопушек — среди них были упаковка никогда не лопающихся и светящихся надувных

шаров, набор для желающих обзавестись бородавками и комплект шахматных фигурок А вот белые мыши куда-то исчезли, и у Гарри было неприятное подозрение, что они закончат свою жизнь на рождественском столе миссис Норрис.

На следующий день Гарри и Рон неплохо повеселились, устроив на улице яростную перестрелку снежками. А затем, насквозь промокшие, замерзшие, с трудом переводя дыхание, они вернулись к камину в гостиной. Там Гарри опробовал свои новые шахматные фигурки и потерпел впечатляющее поражение от Рона. Гарри сказал себе, что, если бы не Перси, без устали засыпавший его ценными советами, поражение было бы не столь быстрым и позорным.

После чая с бутербродами с индейкой, сдобными булочками, бисквитами и рождественским пирогом Гарри и Рон почувствовали себя настолько сытыми и сонными, что у них просто не было ни сил, ни желания заниматься чем-либо перед сном. Поэтому они просто сидели и смотрели, как Перси гоняется по комнате за близнецами, отобравшими у него значок старосты.

Это было лучшее Рождество в жизни Гарри. И все же целый день его не покидало ощущение, что он забыл о чем-то важном. И только оказавшись

в постели, он понял, что именно его беспокоило: мантия-невидимка и тот, кто ее прислал.

Рон до отвала наелся индейкой и пирогом, а потому ничто загадочное и мистическое его не волновало. И как только его голова коснулась подушки, он тотчас заснул. А Гарри задумчиво вытащил из-под одеяла присланную ему мантию.

Значит, она принадлежала его отцу-его отцу. Он ощущал, как мантия течет сквозь его пальцы. Она была нежнее шелка, легче воздуха. *«Используй ее с умом»*, — написал приславший ее.

Ему просто необходимо было испытать мантию прямо сейчас. Гарри накинул ее на плечи и, опустив глаза, не увидел ничего, кроме теней и лунного света. Ощущение было весьма странным.

«Используй ее с умом».

Гарри вдруг почувствовал, что сонливость как рукой сняло. В этой мантии он мог обойти всю школу, заглянуть в любое помещение. О каком сне могла идти речь, когда его переполняло возбуждение? Ведь в этой мантии он мог пойти куда угодно, и ему не страшен был никакой Филч.

Рон забормотал во сне. Гарри задумался над тем, не разбудить ли его, но что-то его остановило. Может, это было осознание, что мантия

принадлежала его отцу, и в самый первый раз он должен был опробовать ее сам, один.

Гарри бесшумно выбрался из спальни, спустился лестнице, прошел через гостиную и пробрался сквозь дыру, с той стороны закрытую портретом, кто здесь? — проскрипела Толстая Леди. Гарри ничего не ответил и быстро пошел вниз по коридору.

Вдруг он остановился, не понимая, куда, собственно, он направляется. Сердце его громко стучало а в голове толкались переполнявшие ее мысли. Наконец его осенило. Особая секция библиотеки — вот куда ему было надо. Он сможет листать книги столько, сколько ему захочется, до тех пор, пока он не узнает, кто такой Николас Флэмел. Он поплотнее закутался в мантию и двинулся вперед.

В библиотеке было абсолютно темно и очень страшно. Гарри зажег стоявшую на входе лампу, и, держа ее в руке, пошел вдоль длинных рядов. Он представил, как выглядит со стороны, — лампа, сама по себе плывущая в воздухе. И хотя он знал, что это его рука держит лампу, ему стало неуютно.

Особая секция находилась в самом конце помещения Аккуратно переступив через загородку,

отделявшую секцию от остальной части библиотеки, Гарри поднял лампу повыше, чтобы разглядеть названия стоявших на полках книг.

Если честно, названия ему ни о чем не говорили. Злотые буквы на корешках выцвели и частично облетели, а слова, в которые они складывались, были Записаны на каком-то чужом языке, и Гарри не знал, что они означают. На некоторых книгах вовсе не было никаких надписей. А на одной было темное пятно, которое до ужаса напоминало кровь. Гарри почувствовал, как по спине побежали мурашки. Возможно, ему это показалось, но с полок доносился слабый шепот, словно книги узнали, что кто-то зашел в Особую секцию без разрешения, и это им не нравится.

Пора было приступать к делу. Гарри осторожно опустил лампу на пол и оглядел нижнюю полку в поисках книги, которая привлекла бы его внимание своим необычным видом. Взгляд его упал на большой черный с серебром фолиант. Гарри с трудом вытащил тяжеленную книгу и положил ее на колено.

Стоило ему раскрыть фолиант, как тишину прорезал душераздирающий крик, от которого кровь стыла в жилах. Это кричала книга! Гарри поспешно захлопнул ее, но крик продолжался

— высокий, непрекращающийся, разрывающий барабанные перепонки. Гарри попятился назад и сбил лампу, которая тут же погасла. Он запаниковал, и тут послышались шаги — кто-то бежал по коридору по направлению к библиотеке. Второпях засунув книгу на место, Гарри рванул к выходу. В дверях он чуть не столкнулся с Филчем. Выцветшие глаза Филча, вылезшие из орбит, смотрели сквозь него, и Гарри, поднырнув под его руку, выскользнул в коридор. В ушах его все еще стояли издаваемые книгой вопли.

Прошло какое-то время, прежде чем Гарри остановился. И, переведя дыхание, обнаружил, что стоит перед выставленными на высоком постаменте рыцарскими доспехами. Он так стремился убежать подальше от библиотеки, что не обращал внимания на то, куда именно бежит. И сейчас он не мог понять где находится, — возможно, потому, что вокруг стояла кромешная тьма. Впрочем, Гарри тут же вспомнил, что похожий рыцарь в латах стоял неподалеку от кухни, но кухня, по идее, была пятью этажами выше.

— Вы сказали, профессор, что, если кто-то будет бродить по школе среди ночи, я должен прийти прямо к вам. Так вот, кто-то был в библиотеке. В Особой секции.

Гарри почувствовал, как кровь отхлынула от его лица Он так долго бежал сам не зная куда, но Филч оказался здесь практически одновременно с ним — потому что это именно его голос сейчас слышал Гарри. Не успел Гарри сообразить, что Филчу наверняка известен более короткий путь, как буквально оцепенел от ужаса. Голос, ответивший Филчу, принадлежал профессору Снеггу.

— Значит, в Особой секции? Что ж, они не могли уйти далеко, мы их поймаем.

Гарри прирос к полу, глядя, как из-за угла перед ним появляются Филч и Снегг. Конечно, они не могли его видеть, но коридор был узким, и они вполне могли в него врезаться — мантия делала его невидимым, но не бесплотным.

Гарри попятился назад, стараясь двигаться бесшумно. Филч и Снегг приближались, столкновения было не избежать, и Гарри, судорожно оглядевшись, заметил слева от себя приоткрытую дверь. Она была его единственным спасением. Стараясь не дышать, он втиснулся между дверью и косяком, застыв на полпути. Он боялся, что дверь заскрипит и выдаст его, если он ее коснется. Каким-то чудом Гарри все же удалось бесшумно проскользнуть внутрь. Снегг Филч прошли мимо, и точно бы задели его, если он остался в коридоре,

но Гарри уже был в комнате. Он, тяжело дыша, прижался к стене и слушал, как удаляются их шаги. На сей раз он едва не попался, он был так близок к этому, и с трудом мог поверить, что все обошлось.

Прошло несколько минут, прежде чем Гарри обвел глазами комнату. Она была похожа на класс, которым давно не пользовались. У стен громоздились поставленные одна на другую парты, посреди комнаты лежала перевернутая корзина для бумаг. А вот к противоположной стене был прислонен предмет выглядевший абсолютно чужеродным в этой комнате. Казалось, его поставили сюда просто для того, чтобы он не мешался в другом месте.

Это было красивое зеркало, высотой до потолка, в золотой раме, украшенной орнаментом. Зеркало стояло на подставках, похожих на две ноги с впившимися в пол длинными когтями. На верхней части рамы была выгравирована надпись: «Еиналежеечяр огеома сеш авон оциле шавеню авыза копя».

Шагов Филча и Снегга давно уже не было слышно, так что Гарри совсем успокоился. Но любое волнение все равно улеглось бы, потому что зеркало будто притягивало к себе, заставляя забыть

обо всем остальном. Гарри медленно направился к зеркалу, желая заглянуть в него и убедиться, что он невидим.

Ему пришлось зажать себе рот, чтобы сдержать рвущийся из него крик Гарри резко отвернулся от зеркала. Его сердце стучало в груди куда яростней, чем когда закричала лежавшая на его колене книга, потому что он увидел в зеркале не только самого себя, что само по себе было невозможно, но и ещё каких-то людей, стоявших вокруг него.

Однако комната была пуста. И Гарри, все еще тяжело дыша, медленно повернулся обратно к зеркалу.

Перед ним было отражение Гарри Поттера, бледное и испуганное, а за ним стояли отражения по меньшей мере десятка человек Гарри снова обернулся — разумеется, позади него никого не было. Или, может, они тоже были невидимы? Может, это была комната, населенная невидимками, а хитрость зеркала в том и состояла, что в нем отражались все, неважно, видимы они или нет?

Гарри снова заглянул в зеркало. Женщина, стоявшая справа от его отражения, улыбалась ему и махала рукой. Гарри опять отвернулся и вытянул руку. Если бы женщина действительно стояла позади него, он бы коснулся ее, ведь их

отражения были совсем рядом, но его рука нащупала лишь воздух. А значит, она и все другие люди, обступившие его отражение, существовали только в зеркале.

Женщина была очень красива. У нее были темно-рыжие волосы, а глаза… «Ее глаза похожи на мои», — подумал Гарри, придвигаясь поближе к зеркалу, чтобы получше рассмотреть женщину. Глаза у нее были ярко-зеленые, и разрез у них был такой же. Но тут Гарри заметил, что женщина плачет. Улыбается и одновременно плачет. Стоявший рядом с ней высокий и худой черноволосый мужчина обнял ее, словно подбадривая. Мужчина был в очках, и у него были очень непослушные волосы, торчавшие во все стороны, как у Гарри.

Гарри стоял так близко к зеркалу, что почти касался носом своего отражения.

— Мама? — прошептал он, внезапно все поняв. — Папа?

Мужчина и женщина молча смотрели на него и улыбались Гарри медленно обвел взглядом лица других людей, находившихся в зеркале, замечая такие зеленые глаза, как у него, и носы, похожие на его нос Гарри даже показалось, что у маленького старичка точно такие же колени, как у него, — острые, торчащие вперед Первый раз в

жизни Гарри Поттер видел свою семью.

Поттеры улыбались и махали Гарри руками, а он жадно смотрел на них, прижавшись к стеклу, опершись на него ладонями, словно надеясь, что провалится сквозь него и окажется рядом с ними. Его переполнило очень странное, неиспытанное доселе чувство — радость, смешанная с ужасной грустью.

Он не знал, сколько времени простоял у зеркала Люди в зеркале не исчезали, а он смотрел и смотрел на них, пока не услышал приведший его в чувство отдаленный шум. Гарри не мог рисковать — ему нельзя было больше здесь оставаться, ему надо было вернуться в спальню, чтобы на следующий день иметь возможность прийти сюда снова. Он просто не имел права рисковать — на кону стояли не штрафные очки, не его пребывание в школе, но его новые и новые встречи с родителями.

— Я вернусь, — прошептал он и, с усилием оторвавшись от зеркала, поспешно вышел из комнаты.

* * *

— Ты мог бы меня разбудить. — В голосе Рона слышалась обида. Они сидели в Большом зале

и завтракали — точнее, завтракал Рон, а Гарри только что закончил свой рассказ о ночных похождениях.

— Можешь пойти со мной сегодня вечером, я хотел бы показать тебе это зеркало.

С удовольствием встречусь с твоими родителями, — радостно выпалил Рон.

— А я бы хотел увидеть всю твою семью, всех Уизли. Ты мне покажешь своих старших братьев и всех других родственников.

— Ты можешь увидеть их в любой момент, — пожал плечами Рон. — Приезжай к нам погостить этим летом — и все дела. Кстати, может, это зеркало показывает только тех, кто уже умер? А еще жаль, что ты не нашел ничего про Фламеля. Возьми бекон, чего это ты ничего не ешь?

Гарри не хотелось есть. Он увидел своих родителей и обязательно увидит их сегодня вечером. Теперь он мог думать только об этом, но никак ни о еде и ни о чем другом. Если честно, он даже удивился, услышав от Рона про Николаса Фламеля. Он уже почти забыл это имя. Теперь ничего, кроме встречи с родителями, не имело для Гарри абсолютно никакого значения. Какая разница, кто такой этот Фламель? Зачем ему знать, что охраняет трехголовый пес? И какое ему дело до

того, украдет Снегг то, что охраняет пес, или нет?

— Ты в порядке? — озабоченно спросил Рон. — Ты так странно выглядишь…

* * *

Больше всего Гарри боялся, что не сможет этой ночью найти ту комнату с зеркалом. Сегодня под мантией их было двое, поэтому двигались они гораздо медленнее. Они пытались повторить тот путь, который проделал Гарри, выбежав из библиотеки, и около часа бродили по темным коридорам.

— Я просто умираю от холода, — пожаловался Рон. — Давай забудем об этом и вернемся в спальню

— Ни за что — возмущенно прошипел Гарри, Я знаю, что комната где-то рядом.

Они прошли мимо привидения высокой женщину плывшего в противоположном направлении, и, к счастью, больше никого не встретили. И как раз в тот момент, когда Рон снова начал стонать, что у него заледенели ноги и он уже их не чувствует, Гарри заметил знакомые доспехи.

— Это здесь… точно здесь… да!

Гарри открыл дверь и, сбросив мантию, метнулся к зеркалу.

Они были здесь. Они ждали его. И просияли, увидев Гарри.

— Видишь? — шепнул Гарри, повернувшись к Рону.

— Ничего я не вижу.

— Да посмотри же! Смотри, вот же они — родители, и другие…

— Я вижу только тебя, — отозвался Рон.

— Посмотри внимательнее, — не успокаивался Гарри. — Подойди поближе, встань сюда, рядом со мной.

Гарри чуточку подвинулся, но теперь, когда перед зеркалом оказался Рон, он больше не видел в нем свою семью, только отражение Рона в пестрой пижаме.

Рон застыл перед зеркалом, зачарованно вглядываясь в него.

— Только посмотри на меня! — воскликнул он.

— Ты видишь вокруг себя родителей и братьев? — спросил Гарри.

— Нет, я один. Но я другой… повзрослевший… И… И я первый ученик школы!

— Я… У меня на груди значок — такой же, какой был у Билла, когда он стал лучшим учеником Хогвартса И у меня в руках Кубок победителя соревнования между факультетами и еще Кубок

школы по квиддичу Я еще и капитан сборной, представляешь!

Рон с трудом оторвал глаза от так восхитившей его картины и взволнованно посмотрел на Гарри.

— Как ты думаешь, зеркало показывает будущее? — В голосе Рона звучала надежда.

— Не может быть! — горячо возразил Гарри. — Вся моя семья давно умерла. Причем тут будущее? Отодвинься, я хочу еще посмотреть…

— Ты вчера всю ночь в него смотрел, — горячо возразил Рон. — Подожди немного, я быстро…

— Ну на что тебе смотреть — ты ведь всего лишь держишь в руках Кубок школы по квиддичу, что тут интересного? — возмутился Гарри. — А я хочу увидеть своих родителей.

— Да не толкайся ты! — вскрикнул, пошатнувшись, Рон.

Внезапный звук, донесшийся из коридора, заставил их замолчать. Они только сейчас осознали, что слишком громко препирались и наверняка подняли жуткий шум.

— Быстро!

Рон схватил мантию. И они успели накрыться ею, когда из-за двери, поблескивая глазами, появилась миссис Норрис. Рон и Гарри замерли,

стараясь не дышать и думая об одном и том же — распространяется ли действие мантии на кошек? Казалось, что прошла целая вечность, прежде чем миссис Норрис развернулась и вышла обратно в коридор.

— Здесь опасно — возможно, она пошла за Филчем, — шепнул Рон. — Бьюсь об заклад, что она слышала наши голоса и знает, что мы здесь. Уходим.

И Рон вытащил упирающегося Гарри из комнаты.

* * *

— Хочешь сыграть в шахматы? — спросил Рон на следующее утро, когда они вернулись с завтрака.

— Нет, — коротко ответил Гарри.

— Тогда почему бы нам не выйти из замка и не навестить Хагрида?

— Да нет… — Гарри пожал плечами. — Если хочешь, лучше сходи один…

— Я знаю, о чем ты думаешь, Гарри. — На лице Рона было понимание. — Ты думаешь об этом зеркале. Не ходи туда сегодня.

— Почему?

— Не знаю, но у меня появилось нехорошее

предчувствие. К тому же ты уже слишком много раз был на грани провала. Филч, Снегг и миссис Норрис рыщут по всей школе, надеясь тебя поймать. Да, они тебя не видят, но ведь они могут с тобой столкнуться. А что, если ты во что-нибудь врежешься или что-нибудь сшибешь — они ведь сразу все поймут…

— Ты говоришь прямо как Гермиона, — отрезал Гарри.

— Я серьезно, Гарри, — взмолился Рон. — Не ходи туда.

Но Гарри мог думать только об одном — о том, чтобы снова оказаться перед зеркалом. И ничто не могло его остановить — и никто, включая Рона.

* * *

Этой ночью он отыскал комнату с зеркалом гораздо быстрее, чем накануне. Гарри не шел, а буквально летел, чтобы побыстрее оказаться у зеркала. Хоть он и осознавал, что производит слишком много шума, ему было все равно, тем более что на пути ему так никто и не попался.

Мать и отец снова просияли, увидев его, а один из дедушек при виде внука закивал головой, счастливо улыбаясь. Гарри опустился на пол

перед зеркалом, говоря себе, что придет сюда завтра, и послезавтра, и послепослезавтра, и…

Сегодня он собирался остаться здесь на всю ночь. И ничто не могло помешать ему просидеть здесь до утра Ничто и никто.

Кроме…

— Итак, ты снова здесь, Гарри?

Гарри почувствовал, как его внутренности превратились в лед. Он медленно оглянулся. На одной из стоявших у стены парт сидел не кто иной, как Альбус Дамблдор. Получалось, что Гарри прошел прямо мимо него и не заметил профессора, потому что слишком торопился увидеть родителей.

— Я… Я не видел вас, сэр, — пробормотал он.

— Странно, каким близоруким делает человека невидимость, — произнес Дамблдор, и Гарри с облегчением заметил, что профессор улыбается.

— Итак-Дамблдор слез с парты, подошел к Гарри и опустился на пол рядом с ним. — Итак, ты, как и сотни других до тебя, обнаружил источник наслаждения, скрытый в зеркале Еиналеж.

— Я не знал, что оно так называется, сэр.

— Но я надеюсь, что ты уже знаешь, что показывает это зеркало? — поинтересовался Дамблдор.

— Оно… ну, оно показывает мне мою семью… —

неуверенно начал Гарри.

— А твой друг Рон видел самого себя со значком первого ученика школы. — Дамблдор не спрашивал, а утверждал.

— Откуда вы знаете? — изумленно выдохнул Гарри.

— Мне не нужна мантия-невидимка для того, чтобы стать невидимым, — мягко произнес Дамблдор. — Итак… что, на твой взгляд, показывает всем нам зеркало Еиналеж?

Гарри пожал плечами.

— Я попробую натолкнуть тебя на мысль. Так вот, слушай. Самый счастливый человек на земле, заглянув в зеркало Еиналеж, увидит самого себя таким, какой он есть, — то есть для него это будет самое обычное зеркало. Ты меня понял?

Гарри задумался.

— Оно показывает нам то, что мы хотим увидеть, — медленно выговорил он. — Чего бы мы ни хотели…

— И да, и нет, — негромко заметил Дамблдор. — Оно показывает нам не больше и не меньше, как наши самые сокровенные, самые отчаянные желания. Ты, никогда не знавший своей семьи, увидел своих родных, стоящих вокруг тебя. Рональд Уизли, всю жизнь находившийся

в тени своих братьев, увидел себя одного, увидел себя лучшим учеником школы и одновременно капитаном команды-чемпиона по квиддичу обладателем сразу двух Кубков — он превзошел своих братьев. Однако зеркало не дает нам ни знаний, ни правды. Многие люди, стоя перед зеркалом, ломали свою жизнь. Одни из-за того, что были зачарованы увиденным. Другие сходили с ума оттого, что не могли понять, сбудется ли то, что предсказало им зеркало, гарантировано им это будущее или оно просто возможно?

Дамблдор на мгновение замолчал, словно давая Гарри время на размышление.

— Завтра зеркало перенесут в другое помещение, Гарри, — продолжил он. — И я прошу тебя больше не искать его. Но если ты когда-нибудь еще раз натолкнешься на него, ты будешь готов к встрече с ним. Будешь готов, если запомнишь то, что я скажу тебе сейчас. Нельзя цепляться за мечты и сны, забывая о настоящем, забывая о своей жизни. А теперь, почему бы тебе не надеть эту восхитительную мантию и не вернуться в спальню?

Гарри поднялся с пола.

— Сэр… Профессор Дамблдор, — нерешительно начал он. — Могу я задать вам один вопрос?

— Кажется, ты уже задал один вопрос. — Дамблдор улыбнулся. — Тем не менее можешь задать еще один.

— Что вы видите, когда смотрите в зеркало? — выпалил Гарри, затаив дыхание.

— Я? — переспросил профессор. — Я вижу себя, Держащего в руке пару толстых шерстяных носков.

Гарри недоуменно смотрел на него.

— У человека не может быть слишком много носков, — пояснил Дамблдор. — Вот прошло еще одно Рождество, а я не получил в подарок ни одной пары Люди почему-то дарят мне только книги.

Уже в спальне Гарри вдруг осознал, что Дамблдор не был с ним откровенен. Но с другой стороны, подумал он, спихивая с подушки спавшую на ней Коросту, это был очень личный вопрос.

Глава 13

НИКОЛАС ФЛАМЕЛЬ

Дамблдор убедил Гарри не искать больше зеркало Еиналеж. И на следующий день после разговора с профессором Гарри убрал мантию-невидимку в чемодан.

Он хотел бы иметь возможность с такой же легкостью убрать из памяти то, что он видел в зеркале, но это ему не удавалось. Ему начали сниться кошмары. Каждую ночь ему снилось, как его родители исчезают во вспышке зеленого света под пронзительный холодный смех.

— Вот видишь, Дамблдор был прав, когда сказал, что это зеркало может свести тебя с ума, — заявил Рон, когда Гарри рассказал ему о своих снах.

Гермиона, которая вернулась с каникул за день до начала семестра и которой Гарри и Рон рассказали абсолютно все — ведь они были друзьями, — смотрела на вещи по-другому. Она разрывалась между Ужасом, в который ее приводила одна только мысль о том, что Гарри три ночи подряд бродил по школе («Подумать только, что было бы, если бы тебя поймал Филч!»

— постоянно восклицала она), и разочарованием по поводу того, что Гарри не удалось узнать, кто такой Николас Фламель.

Они уже почти утратили надежду отыскать имя Фламеля в одной из библиотечных книг. Хотя Гарри по прежнему не сомневался в том, что уже встречал это имя. Когда начался семестр, они стали снова забегать в библиотеку в перерывах между уроками и в течение десяти минут лихорадочно листали первые попавшиеся под руку книги.

Конечно, можно было бы ходить в библиотеку после занятий, но Гермиона все свободное время посвящала домашним заданиям и внеклассному чтению, а у Гарри свободного времени вообще почти не было, потому что возобновились тренировки по квиддичу.

Вуд заставлял своих подопечных тренироваться на пределе возможностей. Он увеличивал продолжительность тренировок и их частоту, и даже бесконечные дожди, пришедшие на смену снегу, не могли остудить его пыл. Близнецы Уизли жаловались, что Вуд стал настоящим фанатиком, но Гарри был на стороне своего капитана. Он знал, что если они выиграют следующий матч — против сборной Пуффендуя, — то по очкам

обойдут Слизерин. И это впервые за семь последних лет.

Впрочем, Гарри поддерживал Вуда не только потому, что хотел выиграть, — он обнаружил, что после тяжелых, изматывающих тренировок ему почти не снятся кошмары.

Во время очередной тренировки — в тот день шел сильный дождь, и стадион превратился в грязную лужу — Вуд принес команде плохие новости.

Возможно, он и держал бы их при себе, боясь уронить боевой дух своих игроков, но вышло так, что он жутко разозлился на близнецов Уизли, которые, поднявшись в воздух, бомбардировали друг друга мячами и делали вид, что вот-вот упадут со своих метел.

— Да хватит вам дурачиться! — внезапно заорал Вуд — Вот из-за такой ерунды мы вполне можем проиграть матч! Чтобы вы знали, судить игру будет Снегг, а уж он использует любой повод для того, чтобы записать на наш счет штрафные очки!

Услышав это, Джордж Уизли на самом деле свалился с метлы.

— Судить будет Снегг? — невнятно пробормотал он, поднимаясь с земли и выплевывая

забившуюся в рот грязь. — что-то не припомню, чтобы он когда-нибудь судил игры. Да, от него справедливого судейства ждать не придется — он ведь понимает, что в случае победы мы обойдем его любимчиков.

Остальные игроки приземлились рядом с Джорджем и тоже начали возмущаться.

— А что я могу поделать? — развел руками Вуд — Теперь мы просто обязаны играть так, чтобы у Снегга не было ни малейшего повода к нам прицепиться.

Гарри молча кивал головой. Джордж и остальные были правы, но вдобавок ко всему, у Гарри были свои причины, по которым он не хотел, чтобы Снегг оказался поблизости, когда он будет играть в квиддич.

После тренировки игроки, как обычно, задержались поболтать, но Гарри направился в Общую гостиную Гриффиндора, где застал Рона и Гермиону за партией в шахматы Гермиона всегда все знала лучше, чем другие, но вот в шахматы она иногда проигрывала. И Гарри с Роном сошлись во мнении, что это для нее очень полезно.

— Пожалуйста, подожди, не отвлекай меня, — попросил Рон, заметив севшего рядом с ним Гарри, — Мне надо сконцентрироваться, потому

что…

Рон поднял глаза на Гарри.

— Что с тобой? — с интересом спросил он. — Вид у тебя просто жуткий.

Тихим, спокойным голосом, чтобы никто не услышал, Гарри рассказал им о внезапном и зловещем желании Снегга судить матч по квиддичу.

— Тебе нельзя играть, — с ходу заявила Гермиона

— Скажи, что ты заболел, — предложил Рон.

— Сделай вид, что сломал ногу, — уточнила Гермиона.

— Или сломай ее на самом деле, — добавил Рон.

— Я не могу, — признался Гарри. — У нас нет запасного ловца. Если я не выйду на поле, то и вся команда не выйдет.

В этот момент в комнату ввалился Невилл — ввалился в самом прямом смысле слова. Непонятно было, как ему удалось пробраться сквозь дыру за портретом Толстой Леди, потому что его ноги прилипли одна к другой, словно на Невилла наложили специальное заклинание. Должно быть, ему пришлось прыгать всю дорогу до башни Гриффиндора.

Все дружно расхохотались, кроме Гермионы, которая подскочила к Невиллу и произнесла формулу, снимающую заклятье. Ноги Невилла разъехались в разные стороны.

Что случилось? — спросила Гермиона, подводя его к Гарри и Рону.

— Малфой, — ответил Невилл дрожащим голосом я встретил его в коридоре у библиотеки. Он сказал, что ищет кого-нибудь, на ком можно попрактиковаться.

— Немедленно иди к профессору МакГонагалл! — подтолкнула его Гермиона. — И расскажи все, как было!

Невилл покачал головой.

— Хватит с меня неприятностей, — пробормотал он.

— Но ты должен это сделать, Невилл! — возмутился Рон. — Он вечно пытается втоптать всех в грязь, а ты сам в нее ложишься и облегчаешь ему работу!

— Не надо объяснять мне, что я недостаточно смел для того, чтобы быть членом Гриффиндора — Невилл всхлипнул. — Малфой мне уже это доказал.

Гарри запустил руку в карман и вытащил оттуда «шоколадную лягушку» — последнюю из

тех, что прислала ему на Рождество Гермиона. Он протянул «лягушку» Невиллу, у которого был такой вид, словно он вот-вот расплачется.

— Ты стоишь десяти Малфоев, — произнес Гарри — И ты достоин того, чтобы быть в Гриффиндоре, — ведь Волшебная шляпа сама отобрала тебя на наш факультет. Ну а где оказался этот Малфой? В вонючей дыре под названием Слизерин — вот где.

Невилл слабо улыбнулся и развернул «лягушку».

— Спасибо, Гарри, — с благодарностью произнес он… Да, вот карточка — ты их собираешь, верно?

Проводив взглядом Невилла, Гарри опустил глаза на карточку, которую он держал в руке.

— Ну вот, снова Дамблдор, — произнес он. — раз он был на моей самой первой ка…

Гарри вдруг задохнулся от волнения. Он смотрел на карточку, словно не в силах был отвести от нее глаз, а потом поднял их на Рона и Гермиону

— Я нашел его! — прошептал он. — Я нашел Фламеля! Я же говорил вам, что уже видел это имя, так вот, это было в поезде, когда я ехал сюда. Слушайте! «…Профессор Дамблдор прославился, помимо всего прочего, победой над темным

волшебником Грин-де-Вальдом в 1945 году, открытием двенадцати способов применения крови дракона и работами по алхимии, проведенными совместно с его партнером Николасом Фламелем…» — прочитал Гарри.

Гермиона вскочила на ноги. Она не выглядела такой взволнованной с тех пор, как им объявили оценки за самое первое домашнее задание, которое Гермиона, разумеется, выполнила на «отлично».

— Ждите здесь! — приказала она и рванулась к лестнице, ведущей в спальню девочек

Гарри и Рон едва успели обменяться заинтригованными взглядами, а Гермиона уже возвращалась к столу с тяжеленной древней книгой в руках

— Мне даже никогда не приходило в голову искать его здесь! — взволнованно прошептала она. А ведь я взяла ее в библиотеке еще несколько недель назад! Специально, чтобы отвлечься от учебников для легкого чтения.

— Легкого? — переспросил Рон. Гермиона вместо ответа посоветовала ему молчать, пока она не найдет то, что надо, и начала лихорадочно переворачивать страницы, что-то бормоча себе под нос.

— Я так и знала! — воскликнула она, найдя то, что искала. Я так и знала!

— Нам уже можно говорить? — раздраженно поинтересовался Рон.

Гермиона сделала вид, что не слышала вопроса.

— Николас Фламель, — прошептала она таким тоном, словно была актрисой, исполняющей драматическую роль. — Николас Фламель — единственный известный создатель философского камня!

Ее слова не произвели на Гарри и Рона того эффекта, на который она рассчитывала.

— Создатель чего? — переспросили они в один голос.

— Ну, это уж слишком. Вы что, книг не читаете? Ладно, тогда прочитайте хоть этот кусок…

Она подтолкнула к ним книгу

«Древняя наука алхимия занималась созданием Философского Камня, легендарного вещества, наделенного удивительными силами. По легенде, камень мог превратить любой металл в чистое золото. С его помощью также можно было приготовить эликсир жизни, который делал бессмертным того, кто выпьет этот эликсир.

На протяжении веков возникало множество

слухов о том, что Философский Камень уже создан, но единственный существующий в наше время камень принадлежит мистеру Николасу Фламелю, выдающемуся алхимику и поклоннику оперы. Мистер Фланель, в прошлом году отметивший свой шестьсот шестьдесят пятый день рождения, наслаждается тишиной и уединением в Девоне вместе со своей женой Пернеллой (шестисот пятидесяти восьми лет»).

— Поняли? — спросила Гермиона, когда Гарри с Роном закончили чтение. — Должно быть, собака охраняет философский камень Фламеля! Я не сомневаюсь, что он попросил об этом Дамблдора, потому что они друзья и еще потому что Фламель знал, что кто-то охотится за его камнем. Вот почему он хотел, чтобы камень забрали из «Гринготтса»!

— Камень, который все превращает в золото и гарантирует тебе бессмертие! — воскликнул Гарри. — Неудивительно, что Снегг хочет его украсть. Любой бы захотел иметь такой камень.

— И еще неудивительно, что мы не могли найти имя Фламеля в «Новых направлениях в современной магической науке», — заметил Рон. — Современным его не назовешь — ведь ему шестьсот шестьдесят пять лет.

На следующее утро, на уроке по защите от Темных искусств, записывая различные способы исцеления от укусов волка-оборотня, Гарри и Рон все еще обсуждали, что бы они сделали с философским камнем, попади он к ним в руки. И только когда Рон сказал, что купил бы себе команду высшей лиги по квиддичу, Гарри вспомнил про Снегга и предстоящий матч.

— Я обязательно буду играть, — твердо заявил он после урока, когда они с Роном и Гермионой вышли из курса. — Если я не появлюсь на поле, все подумают, что я испугался Снегга. Я им всем покажу… Я *сотру* с их лиц улыбки — если, конечно, мы выиграем

— Разумеется, если, конечно, кому-нибудь не придется соскребать с поля то, что от тебя осталось, — пессимистично заметила очень переживавшая за Гарри Гермиона.

* * *

Однако, несмотря на свое смелое заявление, по мере приближения игры Гарри нервничал все больше и больше. Да и другие игроки команды были не слишком спокойны. Мысль о том, что они могут обогнать Слизерин в школьном чемпионате, грела всем душу ведь за последние семь

лет это никому не удавалось. Но шансы на то, что такой пристрастный судья, как Снегг, позволит им это сделать, были не слишком велики.

Возможно, Гарри это просто казалось, или он сам это придумал, но он натыкался на Снегга повсюду, куда бы он ни направлялся. Иногда он даже спрашивал себя, не следит ли Снегг за ним, пытаясь подловить его на чем-нибудь или сделать ему что-нибудь плохое? Во всяком случае, уроки Снегга превратились в ежедневную пытку. Снегг придирался к Гарри по любому поводу и вел себя просто омерзительно. Может быть, он каким-то образом догадался, что они узнали о философском камне? Гарри не представлял, как такое могло произойти, но иногда у него появлялось очень неприятное ощущение, что Снегг может читать чужие мысли.

* * *

Когда Рон и Гермиона проводили Гарри до раздевалки и ушли, пожелав ему удачи, Гарри не сомневался, что его друзья гадают, удастся ли им увидеть его живым после матча. Все это, признаться, не слишком обнадеживало. Натягивая спортивную форму, Гарри даже толком не слышал, о чем говорил Вуд.

Пока Гарри переодевался, Рон и Гермиона нашли свободные места на трибуне и сели рядом с Невиллом. Тот никак не мог понять, почему у них такой мрачный и озабоченный вид и зачем они принесли с собой на игру свои волшебные палочки. Гарри не знал о том, что они тайком от него ежедневно практиковали Обезноживание — то самое заклятие, которое наложил на Невилла Малфой. Эта прекрасная идея пришла им в голову одновременно как раз в тот день, когда Гермиона расколдовала Невилла. Они были готовы наслать проклятие на Снегга в тот самый момент, когда им хоть на мгновение покажется, что тот хочет причинить вред Гарри.

— Значит, не забудь, надо произносить *«Локомотор Мортис»*, — прошептала Гермиона, когда Рон спрятал свою палочку в рукав.

— Я помню, — отрезал Рон. — Не будь занудой! Тем временем в раздевалке Вуд отвел Гарри в сторону.

— Не хочу давить на тебя, Гарри, но сегодня нам, как никогда, нужно, чтобы ты поймал снитч как можно раньше. Нам надо закончить игру прежде, чем у Снегга будет шанс нас засудить.

— Там вся школа собралась! — высунувшись за дверь, прокричал Фред Уизли. — Даже… Будь

я проклят, если это не сам Дамблдор пожаловал на игру!

Сердце Гарри подпрыгнуло в груди и сделало двойное сальто.

— Дамблдор? — выдохнул он, бросаясь к двери, чтобы лично убедиться, что это правда. Но Фред не шутил. Гарри отчетливо увидел в толпе зрителей серебряную бороду.

Гарри чуть не расхохотался во весь голос — ему стало так легко, что он мог бы сейчас воспарить безо всякой метлы. Он был в безопасности. Снегг не осмелится причинить ему вред в присутствии Дамблдора

Наверное, именно потому Снегг выглядел таким раздосадованным, когда команды вышли на поле. Даже Рон заметил с трибуны, что Снегг вне себя.

— Никогда не видел его таким злобным, — прошептал Рон, обращаясь к Гермионе. — Смотри, они начинают. Ой!

кто-то сзади ударил Рона по затылку. Разумеется, это оказался Малфой.

— О, Уизли, извини, я тебя не заметил.

На лице Малфоя была издевательская усмешка. Стоявшие рядом с ним Гойл и Крэбб тоже ухмылялись.

— Интересно, как долго Поттеру удастся удержаться на метле на этот раз? — громко спросил Малфой, зная, что Рон, Гермиона и Невилл прекрасно его слышат. — Кто-нибудь хочет поспорить? Может, ты, Уизли? Хотя да, спорить-то тебе не на что…

Рон не ответил, он внимательно смотрел на поле, где Снегг только что наказал Гриффиндор штрафным очком за то, что Джордж Уизли отбил бладжер в его направлении. Гермиона, которая сидела, положив руки на колени и скрестив все пальцы, не сводила глаз от Гарри. Тот кружил над остальными игроками, оглядываясь по сторонам в поисках своего Мяча.

— Кажется, я понял, по какому критерию в Гриффиндор набирают сборную по квиддичу — громко заявил Малфой несколько минут спустя, когда Снегг снова наказал Гриффиндор штрафными очками, причем абсолютно без повода. — Жалость — вот чем они там руководствуются. Вот возьмем Поттера — он сирота. Возьмем близнецов Уизли — они абсолютно нищие. Так что странно, что они не взяли в команду тебя, Долгопупс, — ведь у тебя начисто отсутствуют мозги.

Невилл густо покраснел, но все-таки нашел в себе силы повернуться к Малфою.

— Я стою десятка таких, как ты, понял? — пробормотал он, запинаясь.

Малфой, Крэбб и Гойл покатились со смеху. Невилл неуверенно посмотрел на Рона. Рон почувствовал его взгляд, но просто не мог отвести глаза от происходившего на поле.

— Разберись с ним сам, Невилл, — шепнул он.

— Знаешь, Долгопупс, если бы мозги были из золота, ты бы все равно был беднее Уизли, а это показатель, — не успокаивался Малфой.

Рон так переживал за Гарри, что нервы его были напряжены до предела.

— Я предупреждаю тебя, Малфой, — прорычал он, на секунду отворачиваясь от поля. — Еще одно слово…

— Рон! — вдруг воскликнула Гермиона. — Смотри на Гарри!..

Гарри внезапно устремился вниз, красиво войдя в пике, на которое зрители отреагировали аплодисментами, восторженными воплями и изумленными криками. Гермиона вскочила с места, не понимая, что происходит, а Гарри пулей несся к земле.

— Тебе повезло, Уизли, кажется, Поттер заметил на поле мелкую монетку! — растягивая слова, произнес Малфой.

Рон не выдержал. И прежде чем Малфой понял, что происходит, Рон уже сидел на нем, придавливая его к земле. Невилл несколько мгновений колебался, а лотом кинулся ему на помощь.

— Давай, Гарри! — завопила Гермиона, глядя, как Гарри летит, набирая скорость, прямо на Снегга. Она уже поняла, что это он сам направил метлу вниз, и нервное напряжение сменилось ликованием. Она даже не замечала, что позади нее идет ожесточенная борьба и по земле катается клубок из пяти тел, из которого беспрестанно вылетают поднятые кулаки и доносятся звуки ударов и вскрики.

А там, в небе над полем, Снегг как раз разворачивал свою метлу, в последний момент заметив что-то золотое, просвистевшее мимо его головы, а в следующую секунду пролетевший мимо профессора Гарри вышел из пике, победно вскинув руку, в которой был зажат снитч.

Трибуны взорвались криками и аплодисментами: они никогда не видели, чтобы снитч поймали в самом начале игры. Похоже было, что Гарри Поттер установил рекорд.

— Рон! Рон! Где ты?! Игра закончилась! Гарри выиграл! Мы выиграли! Гриффиндор вышел на первое место! — радостно вопила Гермиона, под-

прыгивая на сиденье, а потом кинулась обнимать сидевшую перед ней Парвати Патил.

Гарри, спустившись, спрыгнул с метлы. Он никак не мог поверить в то, что произошло. Ему все удалось, и игра закончилась, не продлившись и пяти минут. Гарри оглянулся, услышав позади крики: на поле выбегали болельщики Гриффиндора. И тут он заметил приземляющегося неподалеку Снегга. Лицо его было белым, а губы плотно сжаты.

Гарри ощутил, как на его плечо опустилась чья-то рука, и, обернувшись, увидел над собой улыбающегося профессора Дамблдора.

— Великолепная игра, — негромко, чтобы его мог слышать только Гарри, произнес Дамблдор. — Рад, что ты не переживаешь из-за этого зеркала… Что ты продолжаешь жить и радоваться жизни… Прекрасно…

Снегг в ярости сплюнул на землю.

* * *

Некоторое время спустя Гарри в одиночестве вышел из раздевалки, собираясь отнести свой «Нимбус-2000» в специальное помещение, предназначенное для хранения метел. Кажется, он никогда в жизни не чувствовал себя таким счаст-

ливым. Сегодня он сделал то, чем мог гордиться, и никто больше не мог сказать, что Гарри Поттер — это всего лишь известное имя.

Вечерний воздух никогда не пах так сладко. Гарри шел по мокрой траве, прокручивая в голове события последнего часа, слившиеся в одно счастливое мгновение. Он видел, как все бросаются его поздравлять, как он взлетает в воздух, подбрасываемый десятками рук, как вдали радостно прыгает Гермиона, как машет ему Рон, у которого почему-то идет из носа кровь.

Гарри дошел до домика на холме, в котором хранились метлы. Ему некуда было торопиться, и он стоял там, глядя по сторонам, а затем посмотрел на замок, окна которого отсвечивали красным в лучах заходящего солнца.

Гарри вернулся мыслями к игре. Итак, теперь сборная Гриффиндора опережала всех в чемпионате. Он сделал то, что должен был сделать, он показал этому Снеггу…

И кстати о Снегге…

Из замка быстро выскользнула темная фигура, лицо ее было закрыто капюшоном. Некто, кто очень не хотел, чтобы его видели, быстро шел в сторону Запретного леса. Мысли о квиддиче и недавней победе вылетели у Гарри из головы. Он

узнал эту хромающую походку. Это был Снегг, он тайком пробирался в лес, пока вся школа ужинала в Главном зале, — пробирался с какой-то целью…

Гарри одним прыжком оказался на метле и поднялся в небо. Бесшумно скользя над замком, он заметил, как Снегг переходит у опушки леса на бег и исчезает среди деревьев. И Гарри устремился вслед за ним.

Лес был такой густой, что Гарри не видел, куда именно пошел Снегг. Он летал над лесом кругами, постепенно снижаясь, едва не касаясь верхних веток деревьев, как вдруг услышал голоса. Гарри спланировал туда, откуда они доносились, и бесшумно приземлился на верхушку бука.

Он аккуратно спустился, уселся на толстой ветке и, крепко сжимая в руках метлу, уставился вниз, пытаясь разглядеть Снегга. И наконец увидел его.

Снегг стоял прямо под ним на темной поляне, но он был не один. С ним был просрессор Квиррелл. Гарри не видел выражения его лица, но слышал, что Квиррелл заикается еще больше, чем обычно, а значит, он ужасно нервничал. Гарри напряг слух и затаил дыхание.

— …Н-н-не знаю, п-почему вы ре-ре-решили

в-встретиться именно здесь, С-С-Северус?

— О, я просто подумал, что это очень личный разговор, — произнес Снегг ледяным тоном. — Ведь никто, кроме нас, не должен знать о философском камне — уж по крайней мере школьникам слышать наш разговор совсем ни к чему.

Гарри нагнулся: он никак не мог разобрать, что лопочет в ответ Квиррелл. Но тут Снегг снова оборвал его.

— Вы уже узнали, как пройти мимо этого трехголового зверя, выращенного Хагридом?

— Н-н-но, С-С-Северус…

— Вам не нужен такой враг, как я, Квиррелл, — угрожающе произнес Снегг, делая шаг к заикающемуся профессору.

— Я… Я н-не п-понимаю, о ч-чем в-вы…

— Вы прекрасно знаете, о чем я говорю. — В голосе Снегга звучала холодная ирония.

Внезапно поблизости громко заухала сова, и Гарри от неожиданности чуть не упал с ветки. Он изо всех сил пытался удержаться на ней и явно пропустил часть разговора, потому что когда Гарри снова обрел равновесие, Снегг уже заканчивал свой, судя по всему, продолжительный монолог.

— …насчет ваших фокусов. Я жду.

— Н-но я н-не… — запротестовал Квиррелл.

— Очень хорошо, — оборвал его Снегг. — В ближайшее время мы снова встретимся — когда вы все обдумаете и наконец решите, на чьей вы стороне.

Снегг закутался в мантию, накинул на голову капюшон, повернулся и ушел. Было уже почти совсем темно, но Гарри отчетливо видел Квиррелла, застывшего посреди поляны. Профессор, похоже, был ужасно напуган.

* * *

— Гарри, ты где был? — завизжала Гермиона, вместе с Роном поджидавшая его у входа в замок

— Победа! Ты выиграл, мы выиграли! — завопил Рон, хлопая Гарри по спине. — Я подбил Малфою глаз. А Невилл в одиночку кинулся на Крэбба и Гойла, представляешь?! Правда, сейчас он в больнице, но мадам Помфри говорит, что с ним все в порядке и что он все время твердит, что еще покажет Малфою и его друзьям. Все наши сейчас в башне, ждут тебя, чтобы начать праздник. Фред и Джордж пробрались на кухню и утащили несколько тортов и кучу всякой еды.

— Забудь об этом, — почти беззвучно прошептал Гарри. — Давайте найдем пустую комнату,

мне надо кое-что вам рассказать…

Он завел их в одну из комнат и, убедившись, что там нет Пивза, плотно закрыл дверь и начал свой рассказ.

— Так что мы не ошиблись, решив, что речь идет о философском камне, — спустя какое-то время подытожил он. — А теперь Снегг пытается заставить Квиррелла помочь ему завладеть камнем. Он спрашивал Квиррелла, знает ли тот, как пройти мимо Пушка И еще он сказал Квиррелу что-то про его фокусы. Я думаю, что камень охраняет не только Пушок, но и самые разные заклинания. Возможно, Квиррелл наложил несколько своих заклятий против Темных сил, и Снеггу надо узнать, как развеять эти чары…

— То есть ты хочешь сказать, что камень будет в безопасности до тех пор, пока Квиррелл не сломается под напором Снегга? — встревоженно спросила Гермиона.

— Тогда максимум через неделю камень исчезнет, — мрачно заключил Рон.

Глава 14

ДРАКОН ПО ИМЕНИ НОРБЕРТ

Однако, судя по всему, Квиррелл оказался храбрее, чем они думали. Шли недели, профессор становился все бледнее и тоньше, но было непохоже, чтобы он сломался.

Всякий раз, проходя по коридору третьего этажа, Гарри, Рон и Гермиона прикладывали ухо к двери, за которой начиналась запретная территория, и по доносившемуся оттуда рычанию заключали, что пока все в порядке. Это подтверждал и Снегг, который неизменно пребывал в привычном для него отвратительном настроении. Друзья прониклись к Квиррелу глубоким уважением, и Гарри, сталкиваясь с профессором в коридорах, ободрительно Улыбался ему, а Рон начал заступаться за Квиррелла, делая замечания тем, кто посмеивался над заиканием профессора.

Что касается Гермионы, то, в отличие от Гарри и Рона, она думала не только о философском камне. Она начала составлять расписание подготовки к экзаменам, заявив, что им всем необходимо повторить всю программу, и наложила заклинание

на свои записи, пометив разными цветами темы для каждого из занятий.

— Гермиона, да до экзаменов еще целая вечность, — в один голос запротестовали Гарри и Рон.

— Всего десять недель, — отрезала Гермиона. — Это совсем не вечность, а для Николаса Фламеля это вообще как одна секунда.

— Но нам не по шестьсот лет, — напомнил ей Рон. — И зачем нам все повторять, тем более тебе, ведь ты и так все знаешь?

— Зачем повторять?! — Гермиона прямо-таки задохнулась от возмущения. — Ты что, с ума сошел? Ты понимаешь, что для того, чтобы перейти на второй курс, нам надо сдать экзамены? Это очень важно, нем нужно было начать повторять еще в прошлом месяце! И как я об этом забыла!

Преподаватели, судя по всему, рассуждали также, как и Гермиона. Они буквально завалили учеников домашними заданиями, и потому пасхальные каникулы по сравнению с рождественскими оказались совсем невеселыми. Да и как можно расслабиться, когда рядом с тобой Гермиона вслух повторяет двенадцать способов применения крови дракона или отрабатывает технику движений волшебной палочки. Зевая и

недовольно постанывая, Гарри и Рон проводили большую часть своего свободного времени в библиотеке, пытаясь одновременно повторять пройденное и изучать новое.

— Никогда в жизни этого не запомню! — наконец взорвался Рон, отшвыривая перо и с тоской уставившись в окно библиотеки. Его можно было понять, в первые за несколько месяцев выдался по настоящему приятный день. Небо было ярко-голубым, как незабудка, а в воздухе плавало предчувствие лета.

Гарри, искавший белый бадьян в книге «Тысяча волшебных растений и грибов», оторвал глаза от страниц, только когда Рон неожиданно громко воскликнул:

— Хагрид! Что ты здесь делаешь?

Хагрид, похоже, пытался скрыться от них за полками, но понял, что его увидели, вышел оттуда и, шаркая, двинулся к ним. Он не стал подходить слишком близко, а руки держал за спиной, словно что-то прятал от Гарри и Рона. Великан в шубе из кротового меха явно не вписывался в здешнюю обстановку и, похоже, сам понимал, что привлекает к себе внимание, хотя всячески старался этого избежать. И казалось, что он совершенно не рад встрече.

— Я так., э-э… посмотреть зашел, — пробормотал Хагрид, отводя глаза. Гарри и Рон насторожились.
-

А вы-то тут чего? Неужто все Николаса Фламеля ищете? Вид у Хагрида тут же стал очень подозрительный.

— Да мы уже давным-давно узнали, кто он такой, — важным голосом произнес Рон. — И мы знаем, что охраняет пес, — это философский…

Хагрид зашипел, прикладывая палец к губам и быстро оглядываясь по сторонам.

— Ты чего… чего об этом кричишь, что с тобой случилось-то?

— Кстати, мы кое о чем хотели тебя спросить, — сказал Гарри. — Скажи, кто и что, кроме Пушка, охраняет камень?

— Да тихо вы! — снова прошипел Хагрид. — Не надо тут об этом. Вы ко мне попозже загляните… ну… чтобы… э-э… что-то рассказать, обещать не буду, но тут… ну… об этом вообще нельзя, школьникам такое знать не надо. А то кто-нибудь подумает, что вы от меня все узнали, да! А я-то здесь ни причем!

— Тогда увидимся позже, — произнес Гарри, и Хагрид побрел прочь из библиотеки.

— Интересно, что он там прятал за спиной? —

задумчиво спросила Гермиона.

— Хочешь сказать, что это может быть связано с философским камнем? — поинтересовался Гарри

— Пойду посмотрю, в какой секции он был, — произнес Рон. Он явно устал от занятий.

Через пару минут он уже вернулся с тяжелой стопкой книг в руках.

— Драконы! — прошептал он. — Хагрид искал что-то о драконах. Вот, смотри: «Разновидности драконов, обитающих в Великобритании и Северной Ирландии» и «Пособие по разведению драконов: от яйца до адского чудовища».

— Хагрид всегда хотел иметь дракона. Он сам мне сказал в тот день, когда мы с ним познакомились, — заметил Гарри.

— Но это противозаконно, — удивился Рон. — Разведение драконов было запрещено Конвенцией магов тысяча семьсот девятого года, это всем известно. Если мы будем разводить драконов, маглы узнают о нашем существовании! К тому же драконов все равно нельзя приручить, и они очень опасны. Ты бы видел ожоги, которые получил Чарли в Румынии, изучая диких драконов.

— Но в Британии драконов конечно же нет? — с надеждой спросил Гарри.

— Конечно есть. — Рон посмотрел на него так,

словно Гарри сморозил какую-то глупость. — Обыкновенные валлийские зеленые и черные гебридские. Сказать по правде, Министерство магии кучу сил тратит на то, чтобы спрятать их от маглов. Нашим приходится накладывать заклятия на маглов, которые столкнулись с драконами, чтобы они навсегда забыли об этой встрече.

— Интересно, что задумал Хагрид? — с любопытством произнесла Гермиона.

* * *

Час спустя они подошли к хижине Хагрида и с удивлением отметили, что занавески на окнах задернуты. А Хагрид впустил их в хижину, только убедившись, что это именно они. И тут же закрыл за ними дверь.

Внутри стояла ужасная жара. Несмотря на то что на улице было тепло, в камине ярко горел огонь. Хагрид приготовил им чай и предложил бутерброды с мясом горностая, но они, не колеблясь, отказались от этой экзотической еды.

— Ну так что… вы вроде спросить чего хотели? — первым начал разговор Хагрид.

— Да, — согласился Гарри, решив, что не стоит ходить вокруг да около. — Мы хотели узнать, не расскажешь ли ты нам, что охраняет философ-

ский камень… кроме Пушка.

Хагрид неодобрительно посмотрел на него.

— Не, не расскажу, — категорично произнес он. — Во-первых, я и сам не знаю. Ну, а во-вторых, вы и так уж много всего… э-э… разведали, ни к чему вам больше знать. Да я, если б знал даже, все равно б не сказал, да! А насчет камня — так он ведь здесь не просто так, его из «Гринготтса» чуть не украли… ну., я так думаю ты уж сам все понял. А вот как вы про Пушка разведали — убей не пойму.

— Перестань, Хагрид! Конечно, ты не хочешь нам рассказывать, но ведь ты знаешь, ты обо всем знаешь, что здесь происходит. — В голосе Гермионы была неприкрытая лесть, и борода Хагрида зашевелилась. Великан улыбался, пусть улыбка и была скрыта волосами. — Мы просто хотим знать, кто накладывал заклятия, которые должны помешать похитить камень. Нам так интересно, кому — кроме тебя, конечно — доверяет профессор Дамблдор.

Хагрид горделиво выпятил грудь. Гарри и Рон с уважением посмотрели на Гермиону.

— Ну… эта… думаю, не будет ничего, если я вам скажу-В голосе попавшегося на лесть Хагрида не было и оттенка сомнения. — Значит, так… Он у

меня Пушка одолжил, это раз. А потом кое-кто из профессоров заклятия накладывал… Профессор Стебль, профессор Флитвик, профессор МакГонагалл, — произнося очередное имя, Хагрид загибал палец. — Профессор Квиррелл… и сам Дамблдор, конечно. А, вот еще чего забыл. Точно, про профессора Снегга.

— Снегг? — одновременно вырвалось у всех троих.

— Вы чего, опять про это? Кончайте, ладно? — Хагрид отмахнулся от них. — Да как вы не поймете — Снегг… ну, помогает камень охранять, зачем ему его воровать-то?

Гарри знал, что Рон и Гермиона думают о том о чем и он. Если Снегг принимал участие в охране камня, значит, он мог легко узнать, какие именно заклинания наложили другие профессора. Похоже, Снегг уже выведал все, что ему надо, кроме того, заклинание, которое наложил Квиррелл, и еще…

— Ведь только ты знаешь, как пройти мимо Пушка, правда, Хагрид? — взволнованно спросил Гарри. — И ты ведь никому об этом не расскажешь, верно? Даже никому из преподавателей?

— Да ни одна живая душа не знает, вот как! Кроме меня- э-э… и Дамблдора, конечно, — гордо

заявил Хагрид.

— Что ж, хоть это хорошо, — пробормотал Гарри, обращаясь к своим спутникам. — Слушай, Хагрид, может, откроем окно? Тут у тебя задохнуться можно…

— Извини, Гарри, но никак нельзя, — поспешно ответил Хагрид и покосился на горевший в камине огонь. Гарри, поймав его взгляд, тоже заглянул в камин.

— Хагрид! Что это?! — воскликнул он.

Ответ не требовался — он уже знал, что это. В самом центре пламени, прямо под висящим над огнем чайником, лежало огромное черное яйцо.

— А… это… — Хагрид нервно подергал себя за бороду. — Ну… это…

— Где ты его взял, Хагрид? — поинтересовался Рон, встав перед камином на колени и внимательно рассматривая яйцо. — Ведь оно, должно быть, стоит целую кучу денег.

— Да выиграл я его, — признался Хагрид. — Вчера вечером и выиграл. Пошел вниз, в деревню, посидел там… ну… выпил. А тут незнакомец какой-то, в карты ему сыграть охота. Хотя, если по правде, так он… э-э… даже рад был, что яйцо проиграл, — видать, сам не знал, куда его девать-то.

— А что ты будешь делать, когда из него вылу-

пится Дракон? — поинтересовалась Гермиона.

— Ну, я тут читаю кое-что. — Хагрид вытащил из-под подушки толстенную книгу — Вот в библиотеке взял — «Разведение драконов для удовольствия и выгоды». Старовата, конечно, но там все про это есть. Яйцо в огне надо держать, вот как! Потому что драконихи на яйца огнем дышат, согревают их так. А когда он… ну… вылупится, надо ему раз в полчаса ковшик цыплячьей крови давать и… э-э… бренди еще туда доливать надо. А вон смотрите — это как яйца распознавать. Это, что у меня — это норвежского горбатого, редкая штука, так вот.

Хагрид явно был очень доволен собой, но Гермиона его радости не разделяла.

— Хагрид, ты ведь живешь в деревянном доме, — трагическим голосом произнесла она.

Но Хагрид ее не слушал. Он что-то напевал себе под нос, помешивая кочергой дрова в камине.

* * *

Теперь у Гарри и его друзей появилась новая забота — их беспокоила судьба Хагрида, если кто-нибудь узнает, что он незаконно укрывает у себя дракона.

— Я уже даже забыл, что такое спокойная

жизнь, — вздохнул Рон.

Вечер за вечером они просиживали над домашними заданиями, которые становились все больше и больше. А Гермиона сначала составила программу повторения пройденного для себя, а теперь готовила такую же для них. Гарри и Рона это сводило с ума.

Как-то за завтраком Букля принесла Гарри записку от Хагрида. В записке было всего два слова: «Он вылупляется».

Рон предложил прогулять травологию и после завтрака тут же отправиться прямиком к Хагриду. Но Гермиона и слышать об этом не хотела.

Да послушай, Гермиона, мы, может, больше никогда в жизни такого не увидим, — укорил ее Рон.

— Нам нельзя пропускать занятия, у нас могут быть проблемы, а когда кто-нибудь узнает про Хагрида, вообще такое начнется… И если мы еще там рядом окажемся, тогда все…

— Заткнитесь, — прошептал Гарри.

Малфой, проходивший мимо в паре метров от них, вдруг застыл и прислушался. Теперь можно было только гадать, услышал он что-то или нет — и если да, то как много. Но выражение лица Малфоя Гарри очень не понравилось.

Рон и Гермиона спорили всю дорогу до травологии, и в конце концов Гермиона согласилась сбегать к Хагриду после урока. Когда наконец из замка донесся звонок, они побросали совки и лопатки, которыми ковырялись в земле, выскочили из оранжереи и поспешно бросились к опушке леса. Открывший им Хагрид был весь красный от возбуждения.

— Он почти вылез! — прошептал Хагрид, заталкивая их внутрь.

Яйцо, испещренное глубокими трещинами, лежало на столе. Внутри что-то двигалось, стуча по скорлупе.

Они придвинули стулья к столу и сели затаив дыхание.

Внезапно раздался треск, яйцо развалилось пополам и на стол выпал маленький дракончик. Его нельзя было назвать симпатичным. Гарри подумал, что он напоминает скомканный черный зонтик Он был ужасно тощий, топорщащиеся на спине крылья казались непомерно большими для такого тела. Морда у драконника была длинная, с широкими ноздрями, пробивающимися бугорками рогов и выпученными оранжевыми глазами.

Дракончик чихнул, из ноздрей вылетело

несколько искр.

— Ну разве не красавчик? — проворковал Хагрид. Он вытянул руку, чтобы погладить своего любимца по голове. Дракончик молниеносно раскрыл пасть и лязгнул острыми клыками, пытаясь ухватить Хагрида за палец.

— Вот умный малыш! Сразу узнал свою мамочку! — восхитился Хагрид

— Хагрид, а как быстро растут норвежские горбатые драконы? — озадаченно поинтересовалась Гермиона.

Хагрид открыл было рот, чтобы ответить, но внезапно побледнел и, вскочив на ноги, метнулся к окну.

— Что случилось? — крикнул Гарри, хотя уже знал ответ.

— кто-то в окно заглядывал, а я, как назло, занавески неплотно задвинул, — сокрушенно выговорил Хагрид. — Мальчишка какой-то… вон, убегает.

Гарри подскочил к двери и распахнул ее. Даже на расстоянии он легко узнал убегавшего.

Гарри тяжело вздохнул. Теперь о существовании дракона знали не только они трое, но и Малфой.

* * *

Всю следующую неделю Малфой, завидев Гарри, Рона и Гермиону неприятно улыбался, и его улыбка их нервировала. Большую часть свободного времени они проводили в полумраке хижины Хагрида, пытаясь урезонить великана.

— Отпусти его, — настаивал Гарри. — Выпусти его на волю.

— Не могу. — Хагрид покачал головой. — Он же маленький совсем. Он умрет один.

Они посмотрели на дракончика. За неделю он стал раза в три длиннее. Из его ноздрей беспрестанно вырывались клубы дыма.

Однако Хагрид, кажется, этого не замечал. Судя по всему он вообще забыл обо всем, в том числе и об обязанностях лесника, и если и выходил из хижины, то только за продовольствием для своего подопечного. По полу хижины, заваленному птичьими перьями, перекатывались пустые бутылки из-под бренди.

— Я ему имя придумал — Норберт. — Хагрид смотрел на дракона влюбленными глазами. — Он меня уже знает… смотрите вот. Норберт! Норберт! Где твоя мамочка?

— Он рехнулся, — прошептал Рон, наклонив-

шись к уху Гарри.

— Хагрид, — громко позвал Гарри. — Еще две недели, и Норберт не будет помещаться в твоей хижине. А к тому же, возможно, у нас нет в запасе и двух Дней! Малфой в любой момент может донести на тебя Дамблдору!

Хагрид закусил губу

— Я… Я ж понимаю, что навсегда его здесь оставить не могу, но и бросить его не могу… нельзя так

Гарри вдруг резко повернулся к Рону.

— Чарли! — воскликнул он.

— Ну вот, теперь и ты рехнулся, — спокойно отреагировал тот. — Меня зовут Рон, ты забыл?

— Да нет, я про Чарли, твоего старшего брата, который изучает драконов в Румынии. Мы можем отправить Норберта к нему. Ведь Чарли сможет о нем позаботиться, а когда Норберт вырастет, он отпустит его на волю!

— Гениально! — завопил Рон. — Как тебе идея, Хагрид?

Идея Хагриду не понравилась, но после долгих уговоров и убеждений великан согласился послать Чарли сову. Видимо, в глубине души надеясь, что ответ придет не скоро, а может, и не придет вообще.

* * *

Следующая неделя тянулась необычайно медленно. В среду когда все ушли спать, Гарри и Гермиона все еще сидели в Общей гостиной, дожидаясь Рона На часах было уже двенадцать, когда они услышали какой-то шорох. Через мгновение из ниоткуда появился Рон, сбросивший с себя мантию-невидимку. Он был у Хагрида, помогая тому кормить Норберта, который теперь десятками поедал дохлых крыс.

— Он меня укусил! — Рон вытянул руку, обмотанную окровавленным носовым платком. — Я теперь, наверное, несколько дней даже перо не смогу держать. Если честно, более жуткого зверя, чем дракон, я в жизни не видел, а Хагрид с ним возится так, словно это маленький пушистый кролик Вы представьте только: Норберт меня укусил, а Хагрид мне еще выговаривать начал за то, что я его малютку испугал. А когда я уходил, он ему колыбельную пел.

В темное окно внезапно постучали.

— Это Букля! — воскликнул Гарри, кидаясь к окну, чтобы впустить сову — Она принесла ответ.

Гарри, Рон и Гермиона положили письмо на стол и склонились над ним.

Дорогой Рон!

Как у тебя дела? Спасибо за письмо. Я буду счастлив, взять норвежского горбатого дракона. Но доставить его сюда будет непросто. Я думаю, лучше всего будет переслать его с моими друзьями, которые прилетят навестить меня на следующей неделе. Проблема в том, что никто не должен видеть, как они перевозят дракона, — ведь это незаконно.

Будет идеально, если вы сможете привести дракона на самую высокую башню замка Хогвартс в субботу в полночь. Тогда они успеют добраться до Румынии до наступления утра.

Пришли мне ответ как можно быстрее.

С любовью, Чарли

Гарри, Рон и Гермиона задумчиво посмотрели друг на друга.

— У нас есть моя мантия-невидимка, — медленно произнес Гарри, правильно истолковав сомнения Друзей. — Думаю, она вполне сможет спрятать нас с Роном и Норберта — так что все получится.

Гарри произнес это так спокойно просто для того, чтобы успокоить друзей, на самом деле у его плана имелись серьезные изъяны. Хотя бы потому, что Норберт мог запросто прожечь мантию. Да

и заткнуть ему пасть, чтобы он не издал ни звука, было нереально. Но к его облегчению, Рон и Гермиона согласно кивали. И это свидетельствовало о том, насколько трудной и изматывающей была для них вся последняя неделя. Потому что теперь они были готовы на самый безумный вариант, лишь бы избавиться от Норберта. И от Малфоя.

* * *

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Наутро укушенная рука Рона раздулась, вдвое увеличившись в размерах. Рон никак не мог решить, не будет ли слишком рискованным поход к мадам Помфри: ведь она, наверное, могла сразу определить, что это укус дракона. Однако спустя несколько часов выбора у Рона уже не было. Рука позеленела. Похоже, что клыки Норберта были ядовитыми.

Гарри и Гермиона, примчавшиеся в больничное крыло в конце дня, застали Рона в ужасном состоянии.

— Это не только из-за руки, — прошептал Рон. — Хотя ощущение такое, что она вот-вот отвалится. Тут ко мне зашел Малфой — сказал мадам Помфри, что пришел забрать книгу, которую мне дал, а на самом деле, чтобы надо мной

поиздеваться. Он угрожал, что расскажет мадам Помфри, кто укусил меня на самом деле. Я-то ей сказал, что это собака, но не знаю, поверила ли она. Не надо было мне его бить тогда на матче — он ведь именно за это нам теперь мстит.

Гарри и Гермиона попытались успокоить Рона.

— В субботу в полночь все закончится, — напомнила ему Гермиона, но почему-то Рона это совсем не обрадовало. Более того, он вдруг вскочил на кровати, и лицо его покрылось потом.

— В субботу в полночь! — сипло повторил он. — Я только сейчас вспомнил: Малфой забрал у меня книгу, чтобы мадам Помфри ему поверила, что он приходил именно за ней. А в этой книге лежало письмо от Чарли! Так что теперь он все знает…

Гарри и Гермиона даже не успели ничего сказать по этому поводу. В палату вошла мадам Помфри и выпроводила их, заявив, что Рону необходимо поспать.

* * *

— Менять планы уже поздно, — заявил Гарри, когда они с Гермионой вышли из палаты. — Мы не успеем послать Чарли еще одну сову, а другого шанса избавиться от Норберта может и не представиться. Нам придется рискнуть. А к тому же у

нас есть мантия-невидимка, и вот о ней Малфой ничего не знает.

Когда они пришли к хижине Хагрида, чтобы рассказать тому о случившемся, у дверей хижины с грустным видом сидел Клык — его хвост был замотан тряпками. А Хагрид даже не впустил их внутрь, а разговаривал с ними, высунувшись в окно.

— Не пущу я вас… Норберт тут расшалился, — объяснил он. — Но ничего такого… уж я-то с ним справлюсь.

Когда Гарри закончил свой рассказ, глаза Хагрида наполнились слезами, хотя, возможно, дело было в том, что именно в этот момент Норберт ухватил его за ногу.

— А-а-а! — вдруг взревел Хагрид, но тут же выдавил из себя кривую улыбку. Судя по всему, он не хотел, чтобы Гарри и Гермиона забеспокоились еще больше. — Ничего страшного… куснул меня за сапог, просто, он же ребенок всего-навсего.

Ребенок ударил хвостом в стену, и хижина заходила ходуном. Гарри и Гермиона пошли обратно к замку, думая про себя, что дождаться субботы будет нелегко.

* * *

Когда пришел момент прощания с Норбертом, Гарри и Гермиона наверняка посочувствовали бы Хагриду, если бы так не беспокоились за успех операции. Правда, ночь была темной и облачной, но они уже немного опаздывали, потому что им с Гермионой пришлось задержаться в замке. А все из-за Пивза, увлеченно игравшего в теннис с самим собой в холле первого этажа и заставившего их ждать до тех пор, пока игра ему не наскучила.

Хагрид уже упаковал Норберта в огромный деревянный ящик.

— Я там ему кучу крыс запихнул и бренди тоже приготовил, чтоб не проголодался по пути, — произнес Хагрид приглушенным голосом. — Я ему еще туда плюшевого мишку положил, чтоб он по дороге не скучал.

Из ящика доносились странные звуки: Гарри показалось, что как раз в этот момент плюшевому мишке отрывали голову.

— Прощай, Норберт! — срывающимся голосом выдавил из себя Хагрид. — Мамочка никогда тебя не забудет!

Гарри и Гермиона встали по обе стороны ящика и набросили на себя мантию.

Позже они бы и сами не смогли объяснить, как им удалось доволочь ящик до замка. Была уже почти полночь, когда они втащили ящик на первый этаж, и, немного передохнув, снова подхватили его и двинулись по темным коридорам.

Каким-то чудом им удалось подняться сначала по одной лестнице, потом по другой. Даже тот факт, что Гарри уже хорошо изучил замок и знал кратчайший путь к цели, не облегчал их ношу.

— Почти пришли! — тяжело выдохнул Гарри, утирая пот, когда они оказались в коридоре под самой высокой башней.

Они уже снова подхватили ящик, настроившись на последнее усилие, когда в коридоре раздался какой-то шум Забыв, что они невидимы, они резко отступили в тень, вглядываясь в темные очертания двух борющихся друг с другом людей. И вдруг зажглась лампа

Профессор МакГонагалл в ночной рубашке из клетчатой шотландки и с сеточкой для волос на голове крепко держала за ухо вырывающегося Малфоя.

— Вас ждет дисциплинарное наказание! — вскричала она, увидев, кто перед ней. — И двадцать штрафных очков! Как вы посмели ходить по школе посреди ночи?!

— Вы не понимаете, профессор! — визжал Малфой. — Гарри Поттер — он скоро будет здесь! С драконом!

— Что за чушь! — возмутилась профессор МакГонагалл. — Как вы смеете мне лгать?! Идемте, Малфой, а утром я поговорю о вас с профессором Снеггом!

После того, что случилось, почти отвесная винтовая лестница, ведшая на башню, показалась им чем-то просто несерьезным. И уже через несколько минут они оказались на свежем воздухе и, сбросив с себя мантию перевели дух. Гермиона вдруг начала приплясывать.

— Малфоя ждет наказание! — радостно выкрикнула она. — Я так счастлива, что даже петь хочется!

— Не надо, — посоветовал Гарри, хотя настроение у него тоже было просто прекрасное.

Наверное, они странно смотрелись со стороны ~ уставшие, мокрые, улыбающиеся своим мыслям. Стоявший между ними ящик, наверное, тоже смотрелся странно — особенно если учесть, что он сильно покачивался из стороны в сторону. Возможно, Норберту тоже стало весело.

Десять минут спустя из темноты спланировали четыре метлы. Друзья Чарли оказались веселыми

людьми и к транспортировке Норберта отнеслись, как к забавному приключению. Тем более что они уже все продумали и захватили с собой специально изготовленное для этого случая крепление. Когда еще минут через десять метлы поднялись в воздух, между ними висел большой деревянный ящик

Гарри и Гермиона проводили его глазами, а когда он пропал из виду, пошли вниз по винтовой лестнице. На душе у них было легко. Норберт улетел, Малфой им больше не угрожал и разве могло что-нибудь омрачить их радость?

Ответ поджидал их у подножия лестницы. Как только они спустились по ней, из мрака вынырнуло лицо Филча.

— Так-так-так, — прошептал он. — Кажется, у нас серьезные проблемы.

Гарри только сейчас понял, что мантия-невидимка осталась на крыше.

Глава 15

ЗАПРЕТНЫЙ ЛЕС

Наверное, ничего хуже с Гарри приключиться просто не могло.

Филч прямиком повел их на первый этаж, в кабинет профессора МакГонагалл, где они молча сидели, ожидая появления профессора. Гермиона дрожала и едва сдерживала слезы. Гарри судорожно пытался придумать подходящее оправдание и какую-нибудь невероятную историю, объяснявшую их ночное бдение, но каждая новая версия была слабее предыдущей.

Похоже, они влипли в серьезную переделку. И сожалеть о том, что он забыл мантию на башне, было уже поздно. Гарри не видел, как они смогут оправдаться перед профессором МакГонагалл, к тому же они не просто бродили посреди ночи по школе, но были пойманы спускающимися из самой высокой башни, куда вообще запрещалось подниматься, кроме как на уроки астрономии. А если профессор выяснит про Норберта и найдет на крыше мантию, то Гарри и Гермионе придется паковать свои чемоданы — в этом сомнений не

было.

Однако Гарри зря думал, что ничего хуже и придумать нельзя. Он ошибался. Потому что наконец появившаяся в кабинете профессор МакГонагалл вела за собой Невилла.

— Гарри! — завопил Невилл, словно забыл о присутствии преподавателя. — Я пытался вас разыскать и предупредить, я услышал, как Малфой рассказывает своим дружкам, что поймает вас ночью, когда вы будете с дра…

Гарри яростно замотал головой, показывая Невиллу чтобы тот немедленно замолчал, но профессор МакГонагалл это заметила. Вид у нее был такой, что стоит ей выдохнуть воздух, изо рта ее ударит столб огня — такой, какой Норберту и не снился.

— Я никогда бы не поверила, что вы способны на такой поступок, — медленно выговорила она. — Мистер Филч сказал, что вы поднимались на астрономическую башню. Сейчас час ночи. Объяснитесь.

В первый раз за все время своего пребывания в школе Гермиона не нашла что ответить. Она застыла, как статуя, глаза опустились и уткнулись в пол.

— Кажется, я понимаю, что происходит, — про-

изнесла наконец профессор МакГонагалл, не дождавшись ответа. — Не надо быть гением, чтобы догадаться. Вы скормили Драко Малфою идиотскую историю про дракона, рассчитывая, что он посреди ночи выйдет из спальни и наткнется на кого-то из преподавателей. Что ж, я уже его поймала. Видимо, вы полагаете, что это смешно, что не только Малфой клюнул на вашу историю, но и Невилл Долгопупс?

Гарри поймал взгляд Невилла и попытался сказать ему без слов, что это неправда, потому что вид у Невилла был ошеломленный и оскорбленный. Гарри было жаль неуклюжего беднягу Невилла, ведь он, такой пугливый и нерешительный, нашел в себе силы, чтобы выйти ночью из спальни и попробовать найти Гарри, чтобы предупредить его.

— Это омерзительно! — заключила профессор МакГонагалл. — Подумать только-четверо учеников бродят ночью по школе! Раньше такого никогда не случалось! Я думала, что вы куда разумнее, мисс Грейнджер. А что касается вас, Поттер, я думала, что принадлежность к факультету Гриффиндор значит для вас куда больше. Что ж, вы все трое будете наказаны — да, и вы тоже, мистер Долгопупс, ничто не дает вам пра-

ва ходить по школе посреди ночи, тем более сейчас, когда это особенно опасно. Кроме дисциплинарного наказания, вы получаете пятьдесят штрафных очков.

— Пятьдесят? — с трудом выдохнул Гарри. С таким штрафом Гриффиндор терял свое первенство в Кубке школы — первенство, установлению которого он лично способствовал во время последнего матча по квиддичу.

— Пятьдесят очков каждый, — добавила профессор МакГонагалл, шумно выдыхая воздух — ноздри ее длинного тонкого носа широко раздувались.

— Профессор, пожалуйста… — взмолилась Гермиона

— Вы не можете… — подхватил Гарри.

— Не говорите мне, что я могу и чего не могу, вы поняли, Поттер?! А теперь возвращайтесь в спальню. Мне никогда в жизни не было так стыдно за Гриффиндор!

Минус сто пятьдесят очков. Теперь факультет Гриффиндор оказывался на последнем месте. Возможно, он еще мог выиграть Кубок по квиддичу, но в соревновании между факультетами ему не победить. И все из-за того, что они потеряли сто пятьдесят очков за одну ночь. Гарри казалось, что

сердце его вот-вот разорвется на части, потому что шансов исправить ошибку не было.

Гарри не спал всю ночь. Он слышал, как плачет в подушку Невилл, но не знал, как его успокоить. Он знал, что Невилл, как и он сам, больше всего боится рассвета. А точнее, того, что случится, когда весь факультет узнает, что они сделали.

Поначалу никто не понял, что произошло, и, глядя на огромную доску, на которой фиксировались очки факультета, все подумали, что это ошибка. Такого просто не могло быть — ну представьте, как может получиться, что утром у факультета стало на сто пятьдесят очков меньше, чем было вечером? Но уже через час после подъема все выяснилось — что во всем виноват Гарри Поттер, знаменитый Гарри Поттер, член сборной команды по квиддичу и герой двух последних матчей. Он и еще двое глупых первоклашек

Гарри, еще вчера бывший самым популярным учеником школы и всеобщим любимцем, в одно мгновение превратился в самого презираемого и ненавидимого. Даже школьники с факультетов Пуффендуй и Когтевран резко изменили свое отношение к нему, потому что всем хотелось, чтобы Слизерин наконец уступил школьный Кубок кому-то другому. Куда бы Гарри ни пошел,

на него показывали пальцами и во весь голос, даже не пытаясь перейти на шепот, произносили в его адрес всякие обидные слова. Только школьники из Слизерина при виде Гарри начинали рукоплескать и громко выкрикивать: «Мы твои должники, Поттер!»

Поддерживал его только Рон.

— Вот увидишь, через несколько недель все об этом забудут, — успокаивал он Гарри. — Фред и Джордж за то время, пока они здесь, получили тонны штрафных очков, а их все равно все любят.

— Но они ведь никогда не получали по минус сто пятьдесят очков за один раз? — грустно спросил Гарри

— Ну, в общем, нет, — признался Рон.

Было слишком поздно для того, чтобы как-то исправить свою ошибку, но Гарри все равно поклялся себе ни во что не ввязываться. Пора было заканчивать с ночными похождениями и слежкой за Снеггом. Гарри было так стыдно за свой проступок что он даже пошел к Буду и предложил отчислить его из сборной по собственному желанию.

— Отчислить?! — громовым голосом переспросил Буд — И что нам это даст? Если мы не будем

выигрывать в квиддич, как же нам тогда зарабатывать очки?

Но даже квиддич потерял для Гарри свою привлекательность. На тренировках с ним никто не разговаривал, а если кто-то был вынужден обратиться к нему, то называл его просто ловцом.

Гермиона и Невилл тоже страдали. Но хотя с ними, как и с Гарри, никто не разговаривал, им пришлось куда легче, чем ему, потому что они не были такими известными личностями. Однако Гермиона даже перестала, вопреки своему обыкновению, привлекать к себе внимание на уроках. Она сидела, опустив голову, и молча выполняла задания.

Гарри был почти рад, что до экзаменов осталось не так уж много времени. Подготовка к экзаменам и повторение пройденного помогали ему хоть ненадолго отвлечься от случившегося. Гарри, Рон и Гермиона после ужина возвращались в Общую гостиную, садились втроем и занимались до поздней ночи, запоминая составы сложнейших зелий, заучивая наизусть заклинания и контр-заклинания, зазубривая даты волшебных открытий и восстаний гоблинов.

Однако, когда до экзаменов осталась примерно неделя, решимость Гарри не вмешиваться ни во

что его не касающееся подверглась серьезному испытанию. Как-то днем, возвращаясь в одиночестве из библиотеки, он услышал подозрительно знакомое хныканье, доносившееся из соседнего кабинета. Подойдя поближе, он услышал из-за двери голос Квиррелла.

— Нет-нет… пожалуйста, не начинайте снова- Похоже было, что кто-то угрожает Квирреллу.

Гарри огляделся и бесшумно приблизился вплотную к двери.

— Хорошо, хорошо. — В голосе Квиррелла звучали слезы.

В следующую секунду Квиррелл вылетел из кабинета, поправляя свой тюрбан. Гарри чудом успел отскочить в сторону, и профессор даже не заметил его. Квиррелл был бледен и выглядел так, словно сейчас разрыдается. Гарри дождался, пока тот удалится, и заглянул в комнату. Там никого не было, но зато в противоположном конце кабинета имелась вторая дверь, распахнутая настежь. Гарри уже направился к ней, но тут вспомнил о своем намерении не лезть в чужие дела.

Он стал свидетелем странного разговора, и это очень беспокоило его. Он готов был поспорить с кем угодно хоть на десяток философских камней, что это Снегг вышел через другую дверь. А судя

по тому что Гарри успел услышать, Снегг своего добился. Потому что было похоже, что Квиррелл сдался и рассказал то, что от него требовали.

Гарри развернулся и пошел обратно в библиотеку, где Гермиона проверяла познания Рона в астрономии.

— Значит, Снегг все из него вытянул! — заключил Рон, когда Гарри рассказал об услышанном. — И теперь он знает, как снять наложенное Квирреллом заклинание против Темных сил…

— Да, но остается Пушок, — напомнила Гермиона.

— Возможно, Снегг сам узнал, как пройти мимо него, и ему уже не нужно выведывать это у Хагрида, — предположил Рон, обводя взглядом окружавшие их тысячи книг. — Я уверен, что в одном из этих томов написано, как приструнить гигантского трехголового пса. Так что мы будем делать, Гарри?

У Рона заблестели глаза — похоже, ему снова захотелось приключений. Но не успел Гарри открыть рта, чтобы ему ответить, как в разговор встряла Гермиона

— Мы пойдем к Дамблдору, — категорично заявила она. — Надо было давным-давно к нему пойти. А если мы попытаемся сделать что-нибудь

самостоятельно, то наверняка опять попадемся, и тогда нас точно выгонят из школы.

— Но у нас нет доказательств! — возразил Гарри. — Квиррелл слишком напуган, чтобы подтвердить нашу версию. А Снеггу достаточно просто сказать, что он не знает, как в Хэллоуин тролль попал в замок, и что он даже близко не подходил к третьему этажу И кому, как вы думаете, поверят? Ему или нам? К тому же ни для кого не секрет, что мы его ненавидим. И Дамблдор решит, что мы все это придумали, чтобы Снегга уволили. Филч никогда нам не поможет — даже если он обо всем догадывается. Филч слишком дружен со Снеггом, да к тому же я уверен что Филч только обрадуется, если нас отчислят из школы. И не забывайте — мы ничего не знаем о философском камне и Пушке. Если выяснится, что мы знаем, то нам слишком многое придется объяснять Гермиона согласно кивнула, но у Рона было свое мнение.

— Если мы проведем небольшое расследование… — начал он.

— Нет, — тихо, но весомо произнес Гарри. — Хватит с нас расследований.

Он притянул к себе карту Юпитера и начал изучать названия его лун.

* * *

Готов поспорить, что теперь вы серьезно задумаетесь, прежде чем нарушить школьные правила. Если вы спросите меня, я вам отвечу, что лучшие учителя для вас — это тяжелая работа и боль… Жалко, что прежние наказания отменили. Раньше провинившихся подвешивали к потолку за запястья и оставляли так на несколько дней. У меня в кабинете до сих пор лежат цепи. Я их регулярно смазываю на тот случай, если они еще понадобятся… Ну все, пошли! И не вздумайте убежать, а то хуже будет.

Они шли сквозь тьму — света от лампы Филча хватало ровно настолько, чтобы увидеть, что у тебя под ногами. Невилл беспрестанно чихал, а Гарри гадал, какое именно наказание их ждет. Должно быть, это было что-то ужасное, иначе Филч так бы не радовался.

В небе светила яркая луна, но на нее все время наплывали облака и погружали землю во мрак Вдруг впереди показались огоньки. Гарри понял, что они приближаются к хижине Хагрида. А потом послышался и голос великана.

— Это ты там, что ли, Филч? Давай поживее, пора начинать.

У Гарри словно камень с души свалился. Если наказание заключалось в том, чтобы выполнить какую-то работу под руководством Хагрида, это было просто великолепно. Должно быть, испытанное им облегчение нарисовалось на его лице, потому что Филч издевательски произнес:

— Полагаю, ты думаешь, что вы тут развлекаться будете с этим придурком? Нет, ты не угадал, мальчик.

Вам предстоит пойти в Запретный лес. И я сильно ошибусь, если скажу, что все вы выйдете оттуда целыми и невредимыми…

На следующее утро за завтраком Гарри, Невиллу и Гермионе принесли записки. Во всех было написано одно и то же:

Для отбытия наказания будьте сегодня в одиннадцать часов вечерау выхода из школы. Там вас будет ждать мистер Филч.

Проф. М. МакГонагалл

Гарри совсем забыл, что из-за набранных им штрафных очков ему придется отбывать наказание. Он ждал, что Гермиона запричитает: мол, из-за этого они потеряют целую ночь занятий. Но она промолчала Как и Гарри, она не сомневалась, что заслужила наказание.

В одиннадцать часов вечера они попрощались

с Роном и спустились вниз. Филч был уже там вместе с Малфоем. Гарри даже забыл о том, что Малфой тоже наказан.

— Идите за мной, — скомандовал Филч, зажигая лампу и выводя их на улицу А потом зло усмехнулся. — Услышав это, Невилл застонал, а Малфой остановился как вкопанный.

— В лес? — переспросил он, и голос у него был совсем не такой самоуверенный, как обычно. — Но туда нельзя ходить ночью! Там опасно. Я слышал, там даже оборотни водятся.

Невилл крепко ухватил Гарри за рукав и судорожно глотнул воздух.

— Ну вот, какой ты рассудительный стал. — В голосе Филча была радость. — Об оборотнях надо было думать прежде, чем правила нарушать.

Из темноты к ним вышел Хагрид, у его ног крутился Клык Хагрид держал в руке огромный лук, на его плече висел колчан со стрелами.

— Наконец-то, — произнес он. — Я уж тут полчаса как жду. Гарри, Гермиона, как дела-то у вас?

— Я бы на твоем месте не был с ними так дружелюбен, Хагрид, — холодно сказал Филч. — В конце концов, они здесь для того, чтобы отбыть наказание.

— А, так вот чего ты так опоздал-то? — Хагрид

смерил Филча суровым взглядом. — Все лекции им читал небось, ага? Не тебе этим заниматься, понял? А теперь иди, нечего тебе здесь делать.

— Я вернусь к рассвету… и заберу то, что от них останется. — Филч неприятно ухмыльнулся и пошел обратно к замку, помахивая лампой.

Малфой, проводив его полным испуга взглядом, повернулся к Хагриду.

— Я в лес не пойду, — заявил он, и Гарри обрадовался, услышав в его голосе страх.

— Пойдешь, если не хочешь, чтобы из школы выгнали, — сурово отрезал Хагрид. — Нашкодил, так теперь плати за это.

Но так нельзя наказывать… мы ведь не прислуга мы школьники, — продолжал протестовать Малфой. — Я думал, нас заставят сто раз написать какой-нибудь текст или что-то в этом роде. Если бы мой отец знал, он бы…

— Он бы тебе сказал, что в Хогвартсе делать надо то что велят, — закончил за него Хагрид-Тексты он, понимаешь, писать собрался! А кому от того польза? Ты чего-то полезное теперь сделать должен — или выметайся отсюда. Если думаешь, что отец твой обрадуется, когда тебя завтра увидит, так иди обратно и вещи собирай. Ну давай, чего стоишь?

Малфой не двинулся с места. Он бросил на Хагрида яростный взгляд, но тут же отвел глаза.

— Значит, с этим закончили, — подытожил Хагрид. — А теперь слушайте, да внимательно, потому как опасная это работа — то, что нам сегодня сделать нужно. А мне не надо, чтоб с кем-то из вас случилось что-нибудь. За мной пошли.

Хагрид подвел их почти вплотную к лесу и, высоко подняв над головой лампу, указал на узкую тропинку, терявшуюся среди толстых черных стволов. Гарри почувствовал, как по его коже побежали мурашки, и ему очень хотелось верить, что во всем виноват налетевший ветерок

— Вон смотрите… пятна на земле видите? — обратился к ним Хагрид. — Серебряные такие, светящиеся? Это кровь единорога, так вот. Где-то там единорог бродит, которого кто-то серьезно поранил.

Уже второй раз за неделю такое. Я в среду одного нашел, мертвого уже. А этот жив еще, и надо нам с вами его найти, беднягу. Помочь или добить, если вылечить нельзя.

— А если то, что ранило единорога, найдет нас? спросил Малфой, не в силах скрыть охвативший его ужас.

— Нет в лесу никого такого, кто б вам зло

причинил, если вы со мной да с Клыком сюда пришли, — заверил Хагрид. — С тропинки не сходите — тогда нормально все будет. Сейчас на две группы разделимся и по следам пойдем… в разные стороны, потому как их тут… ну… куча целая, следов. И кровь повсюду. Он, должно быть, со вчерашней ночи тут шатается, единорог-то… а может, и с позавчерашней.

— Я хочу вести собаку! — быстро заявил Малфой, глядя на внушительные собачьи клыки.

— Хорошо, но я тебя предупрежу: псина-то трусливая, — пожал плечами Хагрид. — Значит, так, Гарри и Гермиона со мной пойдут, а ты, Малфой, и ты, Невилл, с Клыком будете. Если кто находит единорога, зеленые искры посылает, поняли? Палочки доставайте и потренируйтесь прямо сейчас… ага, вот так А если кто в беду попадет, тогда пусть красные искры посылает, мы сразу на помощь придем. Ну все, поосторожнее будьте… а сейчас пошли, пора нам.

В лесу царили тьма и тишина. Они углубились в него, и вскоре тропа разделилась. Гарри, Гермиона и Хагрид пошли налево, а вторая группа двинулась направо.

Они шли абсолютно молча, шаря глазами по земле. Лунный свет, пробивающийся сквозь

кроны деревьев, освещал пятна голубовато-серебристой крови, покрывшие опавшую листву.

Гарри заметил, что Хагрид выглядит очень озабоченным.

— Может, это волк-оборотень убивает единорогов? — спросил Гарри.

— Не, у него для этого скорости маловато, — отмахнулся Хагрид. — Да и не по силам ему… ну… с единорогом справиться — он же волшебный, и могучий вдобавок. Вообще не пойму, кто такое мог сделать, и не слышал никогда, чтобы кто-то единорога убил.

Они прошли мимо поросшего мхом пня. Гарри услышал шум воды, должно быть, поблизости был ручей. На извилистой тропинке то здесь, то там виднелись пятна крови.

— Ты в порядке, Гермиона? — прошептал Хагрид. — Не волнуйся, найдем мы его скоро… не мог он с такой-то раной далеко уйти. Найдем, а там уж… БЫСТРО ЗА ДЕРЕВО, ОБА!

Хагрид схватил в охапку Гарри и Гермиону и, сойдя с тропинки и сделав несколько шагов в сторону, поставил их под высоченный дуб. А сам выхватил из колчана стрелу и натянул тетиву лука, готовясь выстрелить. Вокруг стояла полная тишина, но постепенно Гарри начал различать

какие-то звуки. Похоже, кто-то крался к ним по опавшей листве, кто-то, одетый в волочившуюся по земле мантию. Хагрид пристально смотрел туда, откуда доносился звук, но через какое-то время звук исчез.

— Так я и знал, — прошептал Хагрид. — Бродит тут кое-кто, кому здесь делать нечего.

— Волк-оборотень? — спросил Гарри.

— Не, не он… и не единорог, — мрачно ответил Хагрид. — Ладно, пошли за мной, и поосторожнее. Давайте.

Они медленно двинулись дальше, вслушиваясь тишину И вдруг уловили какое-то движение на видящейся впереди опушке.

— Кто там? — крикнул Хагрид. — Покажись — или стрелять буду!

Из темноты вышло нечто непонятное — то ли человек, то ли лошадь. До пояса это был человек с рыжими волосами и бородой, но от пояса начиналось лоснящееся, каштанового цвета лошадиное тело с длинным рыжеватым хвостом. Гарри и Гермиона от удивления раскрыли рты.

— А, это ты, Ронан. — В голосе Хагрида послышалось облегчение. — Как дела-то?

Хагрид подошел к кентавру и пожал ему руку.

— Добрый вечер, Хагрид, — приветствовал его

Ронан. Голос у него был низкий и полный печали. — Ты хотел меня убить?

— Да нет… я ж не знал, что это ты, а сейчас… ну, особо осторожным надо быть, — пояснил Хагрид, кивнув на свой лук — что-то плохое по этому лесу бродит. Да, забыл совсем… это Гарри Поттер, а это Гермиона Грэйнджер. Школьники наши, из Хогвартса.

А это Ронан. Он кентавр.

— Мы заметили, — слабым голосом ответила Гермиона.

— Добрый вам вечер, — обратился к ним кентавр. — Значит, вы школьники? И много вы уже выучили в школе?

Гарри дернул Гермиону за рукав, боясь, что она сейчас начнет хвастаться. Но необходимости в этом не было, поскольку кентавр произвел на нее слишком сильное впечатление.

— Немножко, — робко ответила Гермиона.

— Немножко. *Что* ж, это уже кое-что. — Ронан вздохнул, откинул голову и уставился в небо. — Марс сегодня очень яркий.

— Ага, — подтвердил Хагрид, тоже посмотрев вверх. — Слушай, Ронан, а я так даже рад, что мы тебя встретили. Мы тут единорога ищем раненого, ты не видел ничего?

Ронан медлил с ответом. Какое-то время он не мигая смотрел в небо, а потом снова вздохнул.

— Всегда первыми жертвами становятся невинные, — произнес он. — Так было много веков назад, так происходит и сейчас.

— Ага, — согласился Хагрид. — Так ты видел чего, а, Ронан? Необычное чего-то?

— Марс сегодня очень яркий, — повторил Ронан, словно не замечая нетерпеливого взгляда Хагрида. — Необычайно яркий.

— Да, но я-то не про Марс, а про кое-что поближе, — заметил Хагрид. — Так ты ничего странного не видел?

И снова Ронан ответил не сразу. Прошло какое-то время, прежде чем он открыл рот.

— Лес скрывает много тайн.

Звук, донесшийся из чащи, заставил Хагрида снова вскинуть лук, но это оказался второй кентавр, с черными волосами и черным телом. Вид у него был более дикий, чем у Ронана.

— Привет, Бэйн, — поприветствовал его Хагрид. — Все в порядке?

— Добрый вечер, Хагрид. Надеюсь, что и у тебя все хорошо, — вежливо ответил кентавр.

— Хорошо, хорошо. — Хагрид пытался скрыть нетерпение, но это у него плохо получалось. —

Слушай, я вот тут Ронана спрашиваю не видел ли он… э-э… чего странного в последнее время? Тут единорог раненый бродит. Ты… ну… может, слышал об этом чего?

Бэйн подошел к Ронану и тоже поднял глаза к небу

— Марс сегодня очень яркий, — заметил он.

— Да слышали мы уже про Марс-то, — сердито проворчал Хагрид. — Ладно, если чего, мне сообщите. Ну все, пошли мы.

Гарри и Гермиона двинулись за ним, оглядываясь на кентавров, пока тех не загородили деревья.

— Ну никогда кентавры эти напрямую ничего не ответят, — раздраженно заметил Хагрид. — Звездочеты проклятые! Если что поближе луны находится, это им неинтересно уже.

— А их тут много? — поинтересовалась Гермиона.

— Да хватает, — неопределенно ответил Хагрид — Они в основном друг дружки держатся, но… э-э… если мне надо чего, появляются фазу, как чувствуют. Умные они, кентавры… и знают много всего… вот только не рассказывают.

— Так ты думаешь, что тот звук, который мы слышали, прежде чем встретить Ронана, что это

тоже был кентавр? — спросил Гарри.

— Разве похоже было, что копыта по земле стучат? — ответил Хагрид вопросом на вопрос. — Не, я тебе так скажу: это тот был, кто единорогов убивает. Я в лесу раньше таких звуков не слышал — так что он это.

Они шли сквозь почти сплошную черную стену деревьев. Гарри не переставал нервно оглядываться. У него было неприятное ощущение, что за ними следят. И он был очень рад тому, что рядом с ними Хагрид, а у Хагрида есть лук.

Извилистая тропинка снова сделала резкий поворот, но едва они прошли его, как Гермиона ухватила Хагрида за руку.

— Хагрид, смотри! Красные искры, они в опасности!

— Здесь ждите! — проорал Хагрид. — И с тропинки ни шагу. А я вернусь скоро!

Они слышали, как он ломится через заросли. А потом снова наступила тишина, только листья шелестели вокруг. Гарри и Гермионе было очень страшно. Они стояли и смотрели друг на друга, словно это поможет им не увидеть того, чего следует опасаться, а то, чего следует опасаться, не увидит их.

— Ты думаешь, они попали в беду? — прошеп-

тала Гермиона

— Если так Малфоя мне не жалко, а вот Невилл… Гарри запнулся, чувствуя свою вину — Он ведь оказался здесь из-за нас с тобой… Из-за меня…

Время словно застыло — минуты тянулись, как часы. Гарри ощутил, что слух его обострился до предела Ему казалось, что он слышит каждый вздох ветра, каждый треск ветвей. А в голове его вертелись два вопроса: что произошло с Невиллом и почему так долго не возвращается Хагрид?

Вскоре громкий треск оповестил о появлении Хагрида Малфой, Невилл и Клык шли за ним. Хагрид был вне себя от ярости. Оказалось, что Малфой зашел Невиллу за спину и схватил его сзади, чтобы напугать Невилл запаниковал и выхватил палочку.

— Эти двое такой шум подняли, что не знаю, как Нам теперь найти удастся то, зачем мы здесь, — пожаловался Хагрид. — Так по-другому разделимся — Невилл и Гермиона со мной пойдут, а ты, Гарри, бери клыка и этого идиота.

Хагрид подмигнул Гарри и наклонился к нему.

— Ты меня извини, — прошептал он. — Но с тобой у этого дурака номер такой не пройдет… ну… чтоб напугать тебя. А нам дело надо сделать, понимаешь?

Так что Гарри пошел с Клыком и Малфоем. Они уходили все глубже в лес, и где-то через полчаса деревья окончательно преградили им путь. Гарри показалось, что пятен крови тут куда больше. Все корни деревьев были забрызганы кровью, словно несчастное создание металось здесь, обезумев от боли. Сквозь толстые ветви стоявшего перед ними древнего дуба Гарри увидел поляну.

— Смотри, — произнес он, вытягивая руку и показывая на блеск, исходивший от земли.

Они пролезли между ветвями дуба и вышли на поляну. В нескольких метрах от них лежал единорог, он был мертв. Гарри никогда не видел такой печальной и такой прекрасной картины. У единорога были длинные стройные ноги и жемчужного цвета грива

Гарри сделал еще шаг вперед и вдруг застыл, услышав шорох. Кусты на другом конце поляны зашевелились, и из тени выступила облаченная в длинный балахон фигура с наброшенным на голову капюшоном. кто-то крался к ним, как вышедший на охоту зверь. Гарри, Малфой и Клык были не в силах пошевелиться. Однако фигура в балахоне их не замечала. Некто подошел к мертвому животному, опустился на колени и склонился над огромной рваной раной в боку

единорога. И… начал пить кровь.

— А-А-А-А-А!

Малфой, издав дикий крик, бросился бежать, а вслед за ним устремился трусливый Клык Фигура в балахоне подняла голову и уставилась на Гарри. Гарри отчетливо видел, как с невидимого лица на балахон капала кровь. Потом фигура поднялась с земли и сделала несколько быстрых шагов по направлению к Гарри. А Гарри от испуга даже не мог пошевелиться.

Вдруг он ощутил, как его голову пронзила острая боль, какой раньше никогда не было: казалось, что шрам на лбу вспыхнул ярким пламенем. Полуослепший от боли, Гарри попятился назад. Внезапно сзади раздался стук копыт, и что-то огромное пронеслось мимо него, воинственно устремляясь к фигуре в балахоне.

Боль была такой сильной, что Гарри упал на колени. Однако через минуту или две боль прошла так же внезапно, как и появилась. Когда Гарри наконец поднял голову, фигуры в балахоне на поляне уже не было, а над ним стоял кентавр. Не Ронан и не Бэйн — этот был моложе, у него были белокурые волосы и белое тело в черных пятнах.

— С вами все в порядке? — спросил кентавр, помогая Гарри подняться на ноги.

— Да, спасибо, — неуверенно пробормотал Гарри. — А что это было?

Кентавр не ответил и молча посмотрел на Гарри своими поразительно синими глазами, напоминавшими бледные сапфиры. Глаза кентавра задержались на шраме Гарри, который, казалось, налился кровью и увеличился в размерах.

— Вы — сын Поттеров. — Кентавр не спрашивал, он знал, кто перед ним. — Вам лучше вернуться к Хагриду. В лесу сейчас опасно, особенно для вас. Вы умеете ездить верхом? Так будет быстрее. Кстати, меня зовут Флоренц.

Кентавр опустился на передние ноги, чтобы Гарри смог вскарабкаться на его спину И тут до них донесся стук копыт. На поляну вылетели Ронан и Бэйн. Они тяжело дышали, а тела их блестели от пота.

— Флоренц! — прогремел Бэйн. — Что ты делаешь? У тебя на спине человек! Тебе не стыдно? Ты что, верховая лошадь?

— Вы разве не поняли, кто это? — спокойно спросил Флоренц. — Это сын Поттеров. Чем быстрее он покинет лес, тем лучше для него.

— Что ты ему рассказал? — прорычал Бэйн. — Запомни, Флоренц, мы поклялись не препятствовать тому, что должно случиться по воле небес.

Разве движение планет не показало нам, что произойдет в ближайшее время?

Ронан нервно рыл копытом землю. — Я думаю, Флоренц решил, что так будет лучше, — мрачно произнес он.

— Лучше?! — Бэйн от негодования взбрыкнул задними ногами. — Все происходящее не имеет к нам никакого отношения! Кентавры не должны мешать тому, что предсказано звездами! И не наше дело, подобно ослам, бегать по лесу в поисках заблудившихся людей!

Флоренц в приступе гнева поднялся на дыбы, и это произошло так внезапно, что Гарри пришлось вцепиться ему в плечи, чтобы удержаться на нем.

— Ты что, не видишь этого единорога? — яростно крикнул он, обращаясь к Бэйну. — Ты что, не понимаешь, почему его убили? Или планеты не открыли тебе эту тайну? Лично я против того, кто рыщет по лесу, и я готов помочь людям в борьбе с ним.

Флоренц резко развернулся и галопом устремился в чашу, оставив позади Ронана и Бэйна. Гарри с трудом удерживался на кентавре, но думал не о том, что может упасть, а о том, что происходит.

— Почему Бэйн так разозлился? — шепнул он, когда кентавр сбавил скорость. — И кстати… от кого вы меня спасли?

Флоренц перешел на шаг, попросив Гарри пригнуться, чтобы не удариться головой о низко растущие ветви. Он совсем не торопился отвечать на заданный вопрос. Они так долго шли в полной тишине, что Гарри решил, будто кентавр не хочет с ним разговаривать. Но когда они пробирались сквозь почти непроходимый участок леса, Флоренц вдруг остановился.

— Гарри Поттер, вы знаете, зачем нужна кровь единорога?

— Нет, — удивленно ответил Гарри, не понимая, почему кентавр задал ему такой странный вопрос. — На уроках по зельям мы использовали только толченый рог и волосы из хвоста.

— Это потому, что убийство единорога считается чудовищным преступлением, — заметил Флоренц. — Только тот, кому нечего терять и кто стремится к полной победе, способен совершить такое преступление. Кровь единорога спасает жизнь, даже если человек на волосок от смерти… Но человек дорого заплатит за это. Если он убьет такое прекрасное и беззащитное существо ради собственного спасения, то с того момента,

как кровь единорога коснется его губ, он будет проклят.

Гарри ждал, что Флоренц повернется к нему, но перед глазами его был лишь серебристый затылок кентавра.

— Но кто же решился на такое? — спросил он. — Если тебе предстоит быть навеки проклятым, то уж лучше умереть, чем убивать единорога, правда?

— Правда, — согласился Флоренц. — Но он делает это ради того, чтобы набраться сил и завладеть напитком, который полностью восстановит его силы и сделает его бессмертным… Мистер Поттер, вы знаете, что сейчас спрятано в школе?

— Философский камень, — не задумываясь, выпалил Гарри. — Ах да, конечно, он ведь не только превращает все в золото, он еще и эликсир жизни! Но я не понимаю, кому…

— Разве вы не знаете того, кто много лет ждал, пока сможет вернуть себе силы, того, кто все эти годы цеплялся за жизнь, дожидаясь своего шанса?…

Гарри показалось, что его сердце стянул железный обруч. Заглушая шорох деревьев, в ушах его прозвучали слова, сказанные ему Хагридом в ту ночь, когда они встретились: «Кое-кто говорит,

что он умер. А я так считаю, что чушь все это. Думаю, в нем ничего человеческого уже не осталось — а ведь только человек может умереть».

— Вы хотите сказать, — хрипло начал Гарри. — Вы хотите сказать, что это Волан…

— Гарри! Гарри, ты в порядке?

К нему со всех ног бежала Гермиона, за ней, тяжело дыша, следовал Хагрид.

— Я в порядке, — автоматически ответил Гарри, даже не отдавая себе отчета в том, что именно говорит. — Единорог мертв, Хагрид, он лежит на поляне в глубине леса.

— Здесь я вас оставлю, — прошептал Флоренц, когда Хагрид поспешно удалился, чтобы лично увидеть единорога. — Теперь вы в безопасности.

Гарри соскользнул с его спины.

— Удачи вам, Гарри Поттер, — произнес кентавр. — И раньше случалось, что движение планет истолковывалось неправильно, даже кентаврами. Я надеюсь, что этот случай как раз один из тех.

Он повернулся и исчез в лесу, а Гарри, дрожа, смотрел ему вслед.

* * *

Рон спал в Общей гостиной — видимо, он ждал их возвращения и незаметно для себя задремал. Когда Гарри грубо потряс его, Рон начал выкрикивать что-то про нарушения правил игры, словно ему снился матч по квиддичу. Однако через несколько секунд Рон полностью проснулся и, вытаращив глаза, слушал рассказ Гермионы и Гарри.

Гарри был настолько взволнован, что не мог сидеть и ходил взад-вперед по комнате, стараясь держаться поближе к камину. Его по-прежнему бил озноб.

— Снегг хочет украсть камень для Волан-де-Мор-та_ А Волан-де-Морт ждет в лесу… А все это время мы Думали, что Снегг хочет украсть камень, чтобы стать богатым… А Волан-де-Морт…

— Не произноси это имя! — испуганным шепотом попросил Рон. Казалось, он боится, что Волан-Де-Морт может их услышать.

Гарри проигнорировал просьбу.

— Флоренц спас меня, но он не должен был так поступать… Бэйн был в ярости… Он говорил, что Флоренц помешал свершиться тому, что предвещали планеты… Должно быть, они предвещали

возвращение Волан-де-Морта… Бэйн считает, что Флоренц должен был позволить Волан-де-Морту убить меня. Я думаю, звезды предсказали мою смерть.

— Да перестань же ты произносить это имя! — прошипел Рон.

— Так что мне только осталось дождаться того момента, когда Снегг украдет камень, — продолжал Гарри. Его глаза лихорадочно блестели, а тело сотрясала мелкая дрожь. — Тогда Волан-де-Морт сможет прийти сюда и прикончить меня… Думаю, Бэйн будет счастлив.

— Гарри, но ведь все говорят, что единственный, кого когда-либо боялся Ты-Знаешь-Кто, — это профессор Дамблдор. — Видно было, что Гермиона страшно напугана, но она все же нашла для Гарри слова утешения. — Пока он здесь, Ты-Знаешь-Кто не придет сюда и тебя не тронет. Да и кто сказал, что кентавры правильно истолковали расположение звезд? На мой взгляд, это обычное предсказание будущего, как по руке или картам. А профессор МакГонагалл говорит, что это очень неточная наука.

Когда они закончили беседу, уже светало. От долгих разговоров у Гарри пересохло в горле, и сил ему хватило только на то, чтобы добраться

до постели. Но оказалось, что ночные сюрпризы еще не закончились.

Откинув одеяло, Гарри увидел под ним аккуратно сложенную мантию-невидимку. К мантии была прикреплена записка. В ней было всего три слова:

На всякий случай.

Глава 16

ПРЫЖОК В ЛЮК

Впоследствии Гарри так и не мог понять, как ему удалось сдать экзамены, в то время как он ждал, что в любой момент в школу ворвется Волан-де-Морт.

Правда, философский камень все еще оставался на месте — Гарри регулярно подходил к двери, ведущей в запретный коридор. Он прикладывал к ней ухо, чтобы убедиться, что Пушок жив и здоров. Однако это вовсе не означало, что так же будет завтра или даже через полчаса.

На улице стояла ужасная жара. В огромном кабинете, в котором они писали экзаменационные работы, было не только жарко, но и невыносимо душно. Перед экзаменами всем раздали специальные перья, заколдованные так, что тот, кто брал в руки это перо, лишался возможности хитрить.

У них были и практические экзамены. Профессор Флитвик по одному приглашал их в свой кабинет и требовал заставить плясать лежащий на столе ананас. Профессор МакГонагалл дала им

задание превратить мышь в табакерку. Количество полученных за экзамен очков зависело от того, насколько красивой получалась табакерка. Но если у табакерки были усы, балл автоматически снижался. А на экзамене у профессора Снегга все жутко перенервничали, пытаясь вспомнить, как приготовить зелье, отнимающее память.

Гарри старался изо всех сил, пытаясь не обращать внимания на сильную колющую боль во лбу, которая беспокоила его с той ночи в лесу. Невилл был убежден, что Гарри просто перенервничал из-за экзаменов и именно поэтому не может спать по ночам. Но правда заключалась в том, что каждую ночь Гарри просыпался от старого кошмара. Только теперь он был еще кошмарнее, потому что, кроме вспышки ярко-зеленого света и ледяного смеха, во сне ему являлась закутанная в балахон фигура с лицом, закрытым капюшоном. С невидимого лица капала кровь.

Рон и Гермиона гораздо меньше беспокоились по поводу сохранности философского камня. Наверное, потому, что они не видели того, что видел в лесу Гарри. А может быть, потому, что у них не было шрамов, которые горели бы огнем. Мысль о возможном появлении Волан-де-Морта их, ко-

нечно, пугала. Но он не приходил к ним в снах. К тому же они были так сильно заняты повторением пройденного, что у них не оставалось времени на то, чтобы беспокоиться насчет Снегга.

Последним экзаменом была история магии. Им предстояло в течение часа письменно ответить на вопросы о древних выживших из ума волшебниках — кто из них изобрел самопомешивающийся котел и все в том же духе. А впереди их ждала свобода. Целая неделя свободы до объявления результатов экзаменов. И когда профессор Вине сказал, что пора сдавать работы, Гарри ликовал вместе с остальными, я думала, все будет гораздо сложнее, — заметила Гермиона, когда они вместе с другими учениками вышли на залитый солнцем школьный двор. — Оказалось, что мне даже не надо было учить наизусть кодекс волков-оборотней тысяча шестьсот тридцать седьмого года и историю восстания Элфрика Нетерпеливого. Гермиона всегда любила после экзамена обсуждать, написанную работу, но Рон заявил, что ему от этого становится плохо. И они не спеша спустились козеру и сели под дерево. На берегу веселились близнецы Уизли и Ли Джордан — они дергали за щупальца заплывшего на теплое мелководье кальмара.

— Больше никаких повторений, — вздохнул Рон, вытягиваясь на траве, и на его лице появилось выражение неописуемого счастья. — А ты, Гарри, мог бы выглядеть и повеселее — в конце концов до объявления результатов экзаменов у нас еще целая неделя.

Гарри потер лоб.

— Думаешь, я не хотел бы знать, что со мной происходит?! — взорвался он. — Шрам постоянно болит — такое и раньше случалось, но редко. А сейчас боль вообще почти не проходит.

— Сходи к мадам Помфри, — предложила Гермиона

— Но я же не болен, — возразил Гарри. — Я думаю, это предупреждение… И оно означает, что мне грозит опасность…

Рон безмятежно улыбнулся. Ему было слишком жарко чтобы серьезно задуматься над словами Гарри.

— Расслабься, ведь Гермиона права, — посоветовал он. — До тех пор пока поблизости находится Дамблдор, камень в безопасности. И к тому же у нас нет доказательств, что Снегг узнал, как пробраться мимо Пушка. В прошлый раз пес едва не откусил ему ногу, так что теперь он не будет действовать в спешке. А Хагрид никогда никому

не расскажет, как усмирить Пушка. Скорее, Невилла возьмут в сборную Англии по квиддичу, чем Хагрид предаст Дамблдора.

Гарри кивнул, но он не мог избавиться от неясного ощущения, что есть что-то важное, о чем он забыл. Он попытался объяснить то, что он чувствует, но Гермиона его перебила.

— Во всем виноваты экзамены, Гарри, — заявила она. — Я, например, прошлой ночью проснулась и начала листать тетрадь по трансфигурации и только через час вспомнила, что этот экзамен мы уже сдали.

Это звучало убедительно. Но Гарри не сомневался, что беспокоящее его чувство не имеет к экзаменам никакого отношения. Он уставился в ярко-голубое небо, заметив летящую в сторону замка сову. В клюве у нее было письмо. Единственный, от кого Гарри получал письма с совой, был Хагрид. Хагрид, который никогда не предаст Дамблдора. Хагрид, который никогда никому не расскажет, как пройти мимо Пушка… Никогда… Но…

Гарри резко вскочил на ноги.

— Ты куда? — сонно поинтересовался Рон.

— Я только что кое о чем вспомнил, — пояснил Гарри. Лицо его побелело. — Нам надо срочно

пойти к Хагриду.

— Зачем? — десять минут спустя уже в сотый раз спрашивала Гермиона, пытаясь не отстать от несущегося впереди Гарри.

— Вы не думаете, что все это очень странно? наконец произнес Гарри, взбираясь по поросшее травой склону. — Странно, что больше всего на свете Хагрид мечтал о драконе. И тут вдруг появился незнакомец, у которого чудесным образом в кармане оказалось яйцо дракона. Ведь разведение драконов запрещено. А как вы думаете, сколько людей с драконьими яйцами в карманах бродит по Англии? И скольким улыбается удача, и они встречают своего Хагрида? Почему же я раньше об этом не подумал?

— Не пойму, о чем это ты? — недоуменно спросил Рон, но Гарри уже перешел на бег и потому не ответил.

Хагрид сидел в кресле в двух шагах от своей хижины, закатав рукава рубахи и подвернув штанины, и лущил горох. У его ног стояла большая кастрюля.

— Привет! — произнес он, улыбаясь. — Ну как, сдали все? Чайку хотите?

— С удовольствием… — начал Рон, но Гарри оборвал его.

— Нет, Хагрид, мы торопимся. Мы заглянули просто для того, чтобы кое-что у тебя уточнить. Помнишь ту ночь, когда ты выиграл в карты Норберта? На кого был похож тот незнакомец?

— Не знаю. — Хагрид пожал плечами. Вопрос его явно не обеспокоил. — Он был в капюшоне.

Хагрид заметил, как Гарри, Рон и Гермиона застыли, и недоуменно поднял брови.

— Да это обычное дело в «Кабаньей голове»… ну… в этом… в баре в деревенском. Там ведь куча всякого… э-э… странного народа ошивается. Кого угодно встретить можно, точно, — объяснил он. — Может, это торговец драконами был, вот лицо и прятал, незаконно же это. Так что не видел я, на кого он похож.

Гарри опустился на землю.

— А о чем ты с ним разговаривал, Хагрид? Ты говорил, что работаешь в Хогвартсе?

— Может быть. — Хагрид стал необычайно серьезным. Похоже, ему требовались усилия, чтобы вспомнить тот вечер. — Да… он вроде спросил, чем я занимаюсь. А я ему рассказал, что лесником при школе работаю… Он меня еще спрашивал… э-э… про зверей разных, за которыми я тут присматриваю… Ну, я ему ответил… А потом сказал, что всегда… ну… мечтал дракона иметь… А по-

том… Плохо я помню, он мне все время выпивку покупал… Сейчас, сейчас… Ага, он потом сказал, что у него яйцо есть и коли я хочу, мы на него можем в карты сыграть… И еще… вот… спрашивал меня, умею ли я с драконами обращаться. Не хотел он его лишь бы кому проигрывать… А я ему рассказал, что… того… после Пушка с драконом я запросто управлюсь…

— А он… он спрашивал что-нибудь про Пушка? — спросил Гарри, с трудом сохраняя спокойствие.

— Ну… да… А чего тут такого? Думаешь, много по свету трехголовых псов бродит? Ну, я и рассказал про Пушка… ну… что он милашка, если знаешь, как с ним обходиться надо, да! Ему только спой, или на флейте поиграй немного, или еще на каком инструменте, и он уснет сразу, и…

На лице Хагрида внезапно появился испуг.

— Не должен был я вам такое говорить! — взревел он. — Забудьте, короче, что я тут наболтал! Эй, вы куда?

Гарри, Рон и Гермиона не сказали друг другу ни слова, пока не оказались в замке. Тут было очень холодно и мрачно — не то что под открытым небом.

— Нам надо пойти к Дамблдору — заявил Гар-

ри. — Хагрид сказал тому незнакомцу, как пройти мимо Пушка. А это был или Снегг, или Волан-де-Морт,

спрятавший лицо под капюшоном и напоивший Хагрида, чтобы тот не смог его узнать. Надеюсь, Дамблдор нам поверит. И может быть, Флоренц подтвердит мои слова, если Бэйн ему не помешает. Кстати, а где кабинет Дамблдора?

Они огляделись, словно рассчитывая увидеть указатель или табличку. Им никогда не говорили, где живет и работает Дамблдор. И они не помнили, чтобы кого-то когда-то вызывали к профессору.

— Нам придется... — начал Гарри, но его оборвал донесшийся издалека голос.

— Что вы, трое, делаете в замке?

К ним приближалась профессор МакГонагалл. В руках у нее была стопка книг.

— Мы хотим увидеть профессора Дамблдора, — отважно выступила вперед Гермиона, поразив своей смелостью Гарри и Рона.

— Увидеть профессора Дамблдора? — переспросила профессор МакГонагалл с таким видом, словно слова эти показались ей подозрительными. — А зачем?

Гарри глубоко втянул воздух-у него были секун-

ды на то, чтобы принять решение.

— Это секрет, — произнес он, решив, что не надо посвящать профессора МакГонагалл в детали дела. И сразу понял, что ошибся, потому что ее ноздри начали гневно раздуваться.

— Профессор Дамблдор отбыл десять минут назад, — холодно произнесла профессор МакГонагалл. — Он получил срочную сову из Министерства магии и немедленно вылетел в Лондон.

— Он улетел? — произнес Гарри слабеющим голосом. — в такое время?

— Видите ли, мистер Поттер, профессор Дамблдор очень известный волшебник, и у него часто появляются срочные, неотложные дела.

— Но это важно, — настойчиво произнес Гарри хотя понимал, что все это звучит неубедительно.

— Вы хотите сказать, Поттер. — Профессор МакГонагалл не прибавила к его фамилии свое обычное «мистер». Это означало, что она уже вне себя и лишь усилием воли держит себя в руках — Вы хотите сказать, что ваше дело куда более важное, чем то, по которому профессор Дамблдор вылетел в Министерство магии?

— Послушайте, профессор, — неуверенным тоном начал Гарри, вдруг сказав себе, что сейчас ему надо отбросить осторожность. — Это касается

философского камня…

Неизвестно, что ожидала услышать от него профессор МакГонагалл, но явно не эти слова. Книги выпали из ее рук, но она даже не заметила этого.

— Откуда… откуда вы знаете? — нервно выговорила она.

— Профессор, я думаю… я знаю… что Сне… — Гарри осекся, тут же поправившись. — Что кто-то хочет похитить философский камень. Мне необходимо-поговорить с профессором Дамблдором.

Профессор МакГонагалл была в шоке от услышанного. Но своей подозрительности не утратила и продолжала внимательно разглядывать Гарри.

— Профессор Дамблдор вернется завтра, — наконец произнесла она после продолжительной паузы. — Я не имею представления о том, как вы узнали о камне, но будьте уверены, что его весьма надежно охраняют и никому не удастся его украсть.

— Но профессор…

— Поттер, я знаю, о чем говорю, — отрезала профессор МакГонагалл. Она нагнулась и начала собирать упавшие книги. — Я думаю, что вам троим лучше выйти на улицу и как следует насладиться хорошей погодой.

Она ушла, но они не последовали ее совету.

— Это произойдет сегодня вечером, — заявил Гарри, как только профессор МакГонагалл отошла достаточно далеко и уже не могла их услышать. — Сегодня Снегт заберется в тайник Он узнал все, что ему надо, и дождался, пока Дамблдор уедет. Я уверен, что это он послал Дамблдору сову, а в Министерстве магии все ужасно удивятся, когда к ним заявится Дамблдор.

— Но что нам…

Гермиона поперхнулась воздухом. Гарри и Рон, заметив, что она смотрит за их спины, быстро оглянулись. Позади них стоял Снегг.

— Добрый день, — вежливо поздоровался он. Они молча смотрели на него, широко открыв глаза

— Не стоит упускать возможность насладиться хорошей погодой, — произнес Снегг со странной кривой усмешкой.

— Мы… — начал Гарри, совершенно не представляя, что собирается сказать.

— Вы должны проявлять разумную осторожность, — закончил за него Снегг. — У вас такой вид, что можно предположить, будто вы что-то затеваете. А ваш факультет не может позволить себе еще сотню штрафных очков, не так ли?

Гарри густо покраснел. Он уже повернулся к

Снеггу спиной, когда тот окликнул его.

— Я вас предупреждаю, Поттер, еще одна ночная прогулка по школе, и я лично позабочусь о том, чтобы вас исключили. А сейчас — хорошего вам дня.

Снегг развернулся и пошел по направлению к учительской.

Они выходили из замка, спускаясь по каменным ступеням, когда Гарри повернулся к остальным.

— Вот что мы должны сделать, — горячо прошептал он. — Один из нас должен следить за Снеггом Нужно встать у учительской и пойти за ним, когда он из нее выйдет. Это задание для тебя, Гермиона.

— Но почему я?

— Это очевидно, — ответил Рон. — Ты можешь сказать, что ждешь профессора Флитвика, ты же его любимица, как и многих других, кстати. А если Флитвик окажется в учительской, ты найдешь, что ему сказать. «О, профессор Флитвик, я так волнуюсь, мне кажется, что в экзаменационной работе я неправильно ответила на вопрос 146…»

— Замолчи, — бросила Гермиона. Рон очень похоже изобразил ее и ее голос, но, кажется, Гермиона вовсе не обиделась. — Ну ладно, я со-

гласна.

— А мы будем караулить в коридоре третьего этажа. — Гарри повернулся к Рону. — Пошли.

Но план не сработал. Не успели они подойти к двери, за которой находился Пушок, как неизвестно откуда появилась профессор МакГонагалл. На сей раз она своих эмоций не сдерживала.

— Я полагаю, вы считаете, что вы куда более надежные сторожа, чем десяток заклинаний?! — громко возмутилась профессор. — Хватит этой чепухи! Если я еще раз увижу вас около этой двери или кто-то расскажет мне о том, что видел вас здесь, Гриффиндор получит еще пятьдесят штрафных очков. Да, Уизли, мой собственный факультет!

Гарри и Рон вернулись в Общую гостиную Гриффиндора, и не успел Гарри сказать, что по крайней мере Снегг сейчас под присмотром, как в комнату вошла Гермиона.

— Мне очень жаль, Гарри! — прохныкала она. — Снегг вышел из учительской и спросил меня, что я тут делаю. Я сказала, что жду Флитвика. А Снегг пошел и позвал его. И я только что от него отделалась. А пока я разговаривала с Флитвиком, Снегг ушел, и теперь я не знаю, где он.

— Ну что ж, похоже, час пробил, не так ли? —

медленно выговорил Гарри. Он был бледен, но глаза его сверкали.

Рон и Гермиона молча уставились на него.

— Сегодня ночью я выйду из спальни и попытаюсь первым завладеть камнем. — В голосе Гарри была отчаянная решимость.

— Ты с ума сошел! — воскликнул Рон.

— Ты не сможешь! — подхватила эстафету Гермиона. — После того, что тебе сказали МакГонагалл и Снегг? Да тебя же отчислят!

— И ЧТО? — выкрикнул Гарри. — Неужели вы ничего не понимаете? Если Снегг украдет камень, Волан-де-Морт вернется! Разве вы не слышали о тех временах, когда он пытался захватить власть? Тогда уже никого не выгонят из Хогвартса, потому что школы просто не будет! Волан-де-Морт сровняет ее с землей или превратит в школу Темных искусств! Так что штрафные очки уже не имеют никакого значения! Допустим, вы выиграете соревнование между факультетами. И что? Волан-де-Морт оставит в покое вас и ваши семьи? Если меня поймают прежде, чем я доберусь до камня, что ж, мне придется вернуться обратно к Дурслям и там ждать, пока Волан-де-Морт найдет меня. Я просто умру позже, чем мог бы умереть, если бы ничего не предпринял сегодня потому

что я никогда не перейду на Темную сторону! И потому сегодня я пойду туда, где хранится камень. И что бы вы, двое, ни сказали, меня это не остановит! Если вы помните, Волан-де-Морт убил моих родителей. Я не могу сидеть сложа руки и ждать, когда он начнет убивать других…

Закончив монолог, Гарри пристально посмотрел на Рона и Гермиону словно ожидал, что они начнут с ним спорить. Но они молчали.

— Ты прав, Гарри, — через какое-то время тихим голосом откликнулась Гермиона.

— Я использую мантию-невидимку — заявил Гарри. — Мне повезло, что мне ее вернули.

— Ты думаешь, мы трое под ней уместимся? — по интересовался Рон.

— Что значит — мы трое? — не понял Гарри.

— Да перестань ты, — отмахнулся Рон. — Ты что, думал, мы оставим тебя одного?

— Конечно, не оставим, — горячо подтвердила Гермиона. — Ты думаешь, тебе удастся без нашей помощи добраться до камня? А сейчас я пойду и полистаю учебники, может быть, наткнусь на полезную, информацию…

— Но если нас поймают, вас тоже исключат, — заметил Гарри.

— Ну уж нет, — мрачно ответила Гермио-

на. — Флитвик сказал мне по секрету, что на его экзамене я набрала сто двадцать баллов, хотя выше сотни никому не ставят. Не думаю, что меня выгонят после такого.

Рон промолчал — ему козырять было явно нечем.

После ужина они вернулись в гостиную и сели отдельно друг от друга, чтобы никто не подумал, что они что-то замышляют. Хотя зайди сюда профессор МакГонагалл, она бы сразу предположила обратное. Но учителя сюда не заходили, а все остальные предпочитали Гарри не замечать — с ним до сих пор никто не разговаривал. И это был первый вечер, когда Гарри это не огорчало.

Гермиона перелистывала свои записи, надеясь, что это поможет ей расколдовать заклинания, охраняющие камень. А Гарри и Рон молчали, обдумывая то, что им предстоит сделать.

Постепенно комната пустела Близилось время сна

— Иди за мантией, — прошептал Рон, когда из комнаты, зевая и потягиваясь, наконец вышел Ли Джордан. Гарри метнулся наверх в темную спальню. Он вытащил из-под подушки мантию, и тут его взгляд упал на флейту, которую на Рождество подарил ему Хагрид. Гарри поспешно засунул

флейту в карман — он был не в том настроении, чтобы петь, даже для Пушка И бегом спустился в гостиную.

— Лучше наденем мантию прямо здесь и убедимся, что она скрывает нас всех, — предложил Гарри. — Если Филч вдруг увидит, как по коридору бредет одна нога, он…

— Что вы задумали? — донеслось из угла комнаты.

Все трое резко повернули головы, увидев застывшего в кресле Невилла. Он держал в руках свою свободолюбивую жабу. Судя по всему, та опять попыталась улизнуть, и Невилл оказался в углу именно потому что искал ее.

— Все в порядке, Невилл, ничего особенного, — успокоил его Гарри, поспешно пряча мантию за спину.

Невилл внимательно посмотрел на их виноватые лица.

— Вы снова собираетесь выйти из спальни посреди ночи, — уверенно заявил он.

— Нет-нет-нет! — затараторила Гермиона. — Конечно же нет. Почему бы тебе не пойти спать, Невилл?

Гарри покосился на высокие стоячие часы у двери. Они больше не могли терять время, ведь

возможно, что как раз в этот момент Снегг напевал Пушку колыбельную.

— Вам нельзя отсюда уходить, — упрямо заявил Невилл. — Вас снова поймают. И у нашего факультета будет еще больше проблем.

— Ты не понимаешь, — не выдержал Гарри. — Это очень важно.

Но Невилл был явно настроен очень решительно.

— Я не выпушу вас. — Он встал, загораживая собой выход в коридор. — Я… Я буду с вами драться!

— Невилл! — взорвался Рон. — Отойди от портрета и не будь идиотом…

— Не смей называть меня идиотом! — парировал Невилл. — Я считаю, что вы не должны больше нарушать правила! А ты, Рон, сам учил меня, что надо уметь за себя постоять!

— Да, но ведь мы твои друзья. — Рон развел руками. — Невилл, ты не понимаешь, что ты делаешь.

Он шагнул вперед, и Невилл выпустил из рук своего Тревора, который упал на пол и тут же скрылся в неизвестном направлении.

— Ну тогда попробуй ударить меня! — Невилл поднял кулаки. — Я жду!

Гарри повернулся к Гермионе.

— Сделай что-нибудь, — в отчаянии попросил он. Гермиона выступила вперед.

— Прости, Невилл, — негромко сказала она. — Мне очень-очень жаль.

И подняла палочку.

— *Петрификус Тоталус!* — воскликнула она, указывая палочкой на Невилла.

Руки Невилла рванулись к бокам, громко хлопнув по телу. Ноги рывком соединились вместе. Невилл вытянулся и застыл, покачиваясь. А потом упал лицом вниз.

Гермиона подбежала к Невиллу и перевернула его. Челюсти Невилла были крепко сжаты — говорить он не мог. Только глаза его двигались, с ужасом глядя на них

— Что ты с ним сделала? — прошептал Гарри.

— Это полная парализация тела, — грустно ответила Гермиона. — О, Невилл, мне так жаль.

— Ты нас вынудил, Невилл, у нас нет времени все тебе объяснять, — добавил Гарри.

— Позже ты все поймешь, Невилл, — поставил точку в разговоре Рон.

Неподвижно лежащий на полу Невилл показался им плохим предзнаменованием. Мантия надежно укрывала всех троих. Но они все равно

нервничали и в окружавшей их темноте принимали каждую статую за притаившегося Филча, а любое дуновение ветра, даже еле слышное и очень отдаленное, — за приближение Пивза.

Не успели они подойти к самой первой лестнице, как у ее подножия нарисовалась миссис Норрис.

— Может, пнуть ее, давно мечтал об этом, — прошептал Рон в ухо Гарри, но тот отрицательно помотал головой. Они аккуратно прокрались мимо кошки. И хотя миссис Норрис внимательно смотрела на них своими напоминающими лампы глазами, она явно их не видела, потому что ничего не предприняла.

Больше им пока никто не попадался. Но стоило им подойти к лестнице, ведущей на третий этаж, как они заметили Пивза. Напевая, он что-то делал с лежавшим на лестнице ковром. Судя по всему, готовил сюрприз для школьников, которые, ступив на этот ковер, должны были споткнуться и упасть.

— Кто здесь? — внезапно спросил Пивз, когда они приблизились к нему. Его злобные черные глаза стали еще злее. — Я знаю, что ты здесь, хотя тебя не вижу. Ты дух или привидение? А может быть, школьник?

Пивз поднялся в воздух и завис там, внимательно глядя в их сторону.

— Надо позвать Филча, — задумчиво проговорил Пивз. — Сказать ему, что по школе шляется кто-то невидимый.

Гарри внезапно пришла в голову идея.

— Пивз, — произнес он хриплым шепотом. — У Кровавого Барона есть свои причины на то, чтобы быть невидимым.

Пивз от страха чуть не упал на лестницу. Он был уже у самой земли, когда спохватился и завис, едва не касаясь ступеней.

— Извините, ваша кровавость, господин Барон, — подобострастно заюлил он. — Я ошибся, о, я ошибся… я вас не узнал… конечно, я не мог вас увидеть, ведь вы невидимы… простите старому Пивзу его глупую шутку, прошу вас, сэр.

— У меня тут есть дела, Пивз, — проскрипел Гарри — Не появляйся здесь сегодня ночью.

— Разумеется, сэр, конечно же, я так и сделаю, — испуганно пробормотал Пивз, взмывая в воздух — Желаю вам успеха в ваших делах, господин Барон, и не буду больше вас беспокоить.

И Пивз поспешно скрылся.

— Гениально, Гарри! — прошептал Рон.

Несколько секунд спустя они стояли перед две-

рью, ведущей в запретный коридор. Дверь была распахнута настежь.

— Ну что ж, — спокойно произнес Гарри. — Значит, Снегг уже прошел мимо Пушка.

Вид открытой двери напомнил всем троим о том, что их ждет впереди. Гарри повернулся сначала к Гермионе, а потом к Рону.

— Если вы хотите уйти, я на вас не обижусь, — сказал он. — Можете взять мантию — здесь она мне уже не понадобится.

— Не будь дураком, — посоветовал Рон.

— Мы с тобой, — подтвердила Гермиона.

Гарри шагнул внутрь, задев дверь. Раздался громкий скрип, и до них донесся раскатистый громоподобный рык Пес не мог их видеть, но повернул голову в их сторону, принюхиваясь всеми тремя носами. Мантия не могла помешать ему их обнаружить.

— Что это валяется у него под ногами? — прошептала Гермиона.

— Похоже на арфу, — ответил Рон. — Должно быть, это Снегг ее здесь оставил.

— Пушок засыпает, когда слышит музыку, и просыпается, когда она замолкает, — напомнил им Гар-Ри. — Ну что, начали?

Он поднес к губам подаренную Хагридом флей-

ту и дунул. Гарри не умел играть на флейте, но это не имело никакого значения. При первых же звуках все шесть глаз Пушка начали закрываться. Гарри дул, не останавливаясь и едва успевая переводить дыхание Рычание становилось все тише и постепенно стихло. Пес закачался и опустился на брюхо, а потом повалился на бок. Не было никаких сомнений в том, что он крепко спит.

— Продолжай играть! — шепнул Рон, когда они сняли с себя мантию и медленно двинулись к люку, который охранял Пушок. Жаркое зловонное дыхание, вырывавшееся из трех пастей, чувствовалось все сильнее. — Думаю, мы легко откроем люк, — заверил их Рон, вставая на цыпочки и бросая взгляд за спину Пушка. — Хочешь пойти первой, Гермиона?

— Нет, ни за что! — воскликнула та, отступая назад.

— Хорошо. — Рон скрипнул зубами, собираясь с силами, и опасливо переступил через лапы Пушка А потом нагнулся над люком и потянул за кольцо.

— Что ты там видишь? — возбужденно прошептала Гермиона.

— Ничего. Темнота. Никаких ступеней не видно, придется прыгать.

Гарри, продолжавший играть на флейте, поднял руку и помахал, привлекая внимание Рона. А потом указал пальцем на себя.

— Ты хочешь пойти первым? Уверен? — переспросил Рон. — Честно говоря, не знаю, как далеко нам придется лететь. Отдай флейту Гермионе, Пушок не должен проснуться.

Гарри протянул флейту Гермионе. Прошло несколько секунд, прежде чем та поднесла ее к губам, а трехголовый монстр уже задергался и зарычал. Но как только до него донеслись звуки флейты, он снова погрузился в сон.

Гарри переступил через Пушка и заглянул в люк дна видно не было.

Он пролез в дыру, крепко держась за края люка, и наконец повис на кончиках пальцев. А потом поднял глаза на Рона.

— Если со мной что-то случится, уходи отсюда, — произнес он. — Беги к Хагриду, чтобы тот немедленно отправил к Дамблдору сову, понял?

— Понял, — кивнул Рон.

— Надеюсь, скоро увидимся…

И с этим словами Гарри разжал пальцы и полетел вниз. Он все летел и летел, прорезая холодный влажный воздух, а дна все не было, и…

ПЛЮХ!

Гарри приземлился со странным приглушенным звуком — похоже, он упал на что-то мягкое. Он сел и огляделся. Глаза его еще не привыкли к темноте, но было такое ощущение, словно он сидит на каком-то растении.

— Все в порядке! — прокричал он, подняв голову вверх, где в вышине светился открытый люк, отсюда казавшийся размером с почтовую марку. — Можешь прыгать, тебя ждет мягкая посадка!

Через мгновение рядом с Гарри оказался Рон.

— Это что за штука? — первым делом спросил он.

— Не знаю, какое-то растение, наверное, — покачал головой Гарри. — Я думаю, оно здесь специально, чтобы смягчить приземление. Давай, Гермиона!

Доносившаяся сверху музыка смолкла. Послышался громкий лай, но Гермиона уже летела к ним и вскоре приземлилась по соседству.

— Мы, наверное, в нескольких километрах под школой, — заметила она.

— Это точно. Нам повезло, что здесь есть это растение, — улыбнулся Рон.

— Повезло?! — внезапно взвизгнула Гермиона. — Да вы посмотрите на себя!

Она вскочила на ноги и попятилась к отсыревшей стене. Сделала она это с большим трудом, потому что в тот момент, когда она приземлилась, растение сразу начало обвиваться вокруг ее лодыжек. А что касается Гарри и Рона, то длинные ползучие побеги умудрились связать их ноги так что они даже этого не заметили.

Гермиона успела освободиться прежде, чем растение смогло ее опутать, и теперь, прижавшись к стене, она с ужасом смотрела, как Гарри и Рон пытаются сорвать с себя стебли. Но чем больше усилий они прикладывали, тем сильнее и быстрее обвивались вокруг них змееподобные побеги.

— Не двигайтесь! — приказала Гермиона. — Я знаю, что это. Это «дьявольские силки»!

— Я ужасно рад, что это именно так называется! — прорычал Рон, пытаясь помешать стеблю, пытавшемуся обвиться вокруг его шеи. — Это, конечно, нам поможет!

— Заткнись, я пытаюсь вспомнить, как убить его! — отозвалась Гермиона.

— Тогда побыстрее, мне уже дышать нечем! — выдавил Гарри, борясь со стеблем, обвившимся вокруг его груди.

— Дьявольские силки, дьявольские силки, —

напряженно повторяла Гермиона, морща лоб. — Что там говорила профессор Стебль? Это растение любит мрак и влажность…

— Так разведи огонь! — крикнул Гарри, задыхаясь.

— Да, разумеется, но что мне поджечь? Я нигде не вижу ничего деревянного, честное слово! — В голосе Гермионы слышалось отчаяние, она нервно заламывала руки.

— ТЫ С УМА СОШЛА? — проревел Гарри. — ТЫ ВОЛШЕБНИЦА ИЛИ НЕТ?

— Ой, верно! — Гермиона выхватила волшебную палочку и взмахнула ей, что-то шепча. Из палочки вырвалось синее пламя — такое же, каким она подпалила на матче по квиддичу одежду Снегга. Буквально через секунду Рон и Гарри почувствовали, как слабеют объятия стеблей. Растение стремилось уползти подальше от света и тепла. Судорожно извиваясь и вращаясь, охватившие их отростки поспешно размотались и наконец исчезли.

— Как хорошо, что ты была внимательна на занятиях по травологии, Гермиона, — произнес Гарри, утирая пот с лица.

— Ага, — поддакнул Рон. — И как хорошо, что Гарри не потерял голову в минуту опасности. «Но

что мне поджечь? Я не вижу ничего деревянного…» — передразнил он Гермиону.

— Пошли. — Гарри махнул рукой в сторону единственного каменного прохода, который вел отсюда.

Все, что они слышали — кроме своих шагов, разумеется, — были капли воды, падающие со стен. Коридор резко пошел вниз, и Гарри вспомнил «Гринготтс». Сердце его сжалось, когда в памяти всплыли слова Хагрида о том, что, по слухам, сейфы в банке охраняют драконы. Возможно, так было и в этом месте, очень похожем на банковское подземелье. А что, если они встретят дракона, большого, взрослого дракона, хотя, признаться, и Норберта было бы достаточно…

— Слышите? — прошептал Рон.

Гарри прислушался. Откуда-то сверху доносилось мягкое шуршание и тихий звон.

— Думаешь, это привидение? — спросил он Рона.

— Не знаю… — Рон пожал плечами. — Но вообще похоже на крылья.

Гарри задумался.

— Там впереди свет… И я вижу, что там что-то движется, — наконец произнес он. — И чем бы это ни было, другого выхода у нас нет.

Они дошли до конца коридора и очутились у входа в ярко освещенный зал с высоким дугообразным потолком. Зал был полон порхающих и кружащихся птиц — маленьких и ярких, как драгоценные камни. На другой стороне зала виднелась тяжелая деревянная дверь.

— Думаешь, они нападут на нас, если мы попытаемся пройти через зал? — спросил Рон.

— Возможно. — Гарри задумался. — На вид они не особенно опасны, но если нападут все разом… Ну что ж, другого пути нет… Я попробую…

Гарри шумно втянул в себя воздух, закрыл голову руками и метнулся к двери. Он был готов к тому, что в любое мгновение в него вонзятся острые клювы и когти, но этого не произошло. Гарри добежал до двери и схватился за ручку — дверь оказалась запертой.

Убедившись, что птицы не опасны, Гарри повернулся к Рону и Гермионе и махнул им рукой.

Они дружно тянули дверь на себя и толкали ее плечами, но даже втроем не смогли ее открыть. Не помогло даже заклинание *Алохомора,* которое несколько раз произнесла Гермиона.

— И что теперь? — поинтересовался Рон.

— Эти птицы… Они не могут быть здесь просто так, для украшения, — с умным видом заметила

Гермиона.

Они подняли головы, разглядывая порхающих у них над головами птиц — ярких, блестящих… Блестящих?

— Это не птицы! — внезапно крикнул Гарри. — Это — ключи! Крылатые ключи! Присмотритесь повнимательнее — сами увидите. Это ключи, а значит…

Гарри огляделся по сторонам.

— Ну конечно, смотрите! — воскликнул он. — Метлы! Мы должны поймать нужный ключ!

— Но их здесь сотни! — ужаснулась Гермиона. Рон наклонился к двери, изучая замок

— Нам нужен большой старинный ключ… скорее всего, серебряный, такой же, как дверная ручка.

Они быстро оседлали метлы, поднялись в воздух и оказались в облаке ключей. Сначала они пытались наобум ухватить то, что им нужно. Но заколдованные ключи уворачивались, резко пикируя или набирая высоту, так что казалось, что поймать их просто невозможно.

Однако Гарри не зря стал самым молодым ловцом за последние сто лет. У него был дар замечать вещи, которых не замечают другие. Покружив несколько минут в водовороте из разноцвет-

ных перьев, он заметил огромный серебряный ключ с помятым крылом. Было похоже, что его совсем недавно уже ловили и с силой всовывали в замок

— Вот он! — крикнул Гарри, обращаясь к остальным. — Этот большой, вот здесь… нет, вон там… с ярко-голубыми крыльями… одно крыло помято!

Рон устремился туда, куда указывал Гарри, врезался в потолок и чуть не свалился с метлы.

— Нам надо окружить его! — прокричал Гарри, не выпуская ключ из виду. — Рон, ты заходи сверху, а ты, Гермиона, оставайся внизу и помешай ему спуститься. Я попробую его схватить. Готовы? НАЧАЛИ!

Рон поднялся вверх, Гермиона рванулась вниз, ключ ускользнул от них обоих, метнувшись в сторону, и Гарри устремился за ним, вытянутой рукой прижав его к стене. Раздался неприятный хруст, который заглушили восторженные возгласы Гермионы и Рона.

Они поспешно приземлились, и Гарри метнулся к двери, чувствуя, как ключ пытается вырваться из его руки. Он с силой вонзил ключ в замок, повернул его и услышал щелчок В этот момент ключ вырвался из замочной скважины и тяжело взмыл вверх. Вид у него был очень помя-

тый и потрепанный.

— Готовы? — спросил Гарри, держась за дверную ручку. Рон и Гермиона кивнули, и он потянул дверь на себя.

В следующем зале было настолько темно, что вообще ничего не было видно. Однако стоило им сделать несколько шагов, как комнату внезапно залил яркий свет.

Все трое от изумления вытаращили глаза. Они стояли на краю огромной шахматной доски, прямо за черными каменными фигурами, которые были выше их троих, даже долговязого Рона. На другой стороне доски стояли белые фигуры. Гарри, Рон и Гермиона поежились — у белых фигур, в отличие от черных, отсутствовали лица.

— И что нам теперь делать? — прошептал Гарри.

— По-моему, ответ вполне очевиден, — заметил Рон. — Мы должны выиграть, чтобы оказаться на другой стороне зала.

Там, за белыми фигурами, виднелась еще одна дверь.

— И как же нам выиграть? — нервно спросила Гермиона.

— Я думаю, — выговорил Рон после непродолжительного раздумья, — мы должны стать

фигурами.

Он смело шагнул вперед и, подойдя к черному всаднику, игравшему роль шахматного коня, коснулся его лошади. В одно мгновение каменная фигура ожила Лошадь стала рыть копытами землю, а всадник повернул голову в шлеме и посмотрел на Рона сверху вниз.

— Нам… э… нам надо присоединиться к вам, чтобы перебраться на ту сторону? — запинаясь, спросил Рон.

Рыцарь кивнул. Рон повернулся к Гарри и Гермионе.

— Надо подумать, — прошептал он. — Полагаю, нам следует занять места трех черных фигур…

Гарри и Гермиона молча ждали, пока Рон закончит свои размышления.

— Короче так — наконец поднял голову Рон. — Не обижайтесь, но в шахматы я играю куда лучше вас…

— Да мы и не обижаемся, — быстро вставил Гарри. — Просто скажи нам, что делать.

— Ты, Гарри, встань на место того слона. А ты, Гермиона, займи место этой ладьи.

— А ты? — в один голос спросили оба.

— А я буду конем, — уверенно заявил Рон. Похоже, фигуры слушали их разговор, потому что в

следующее мгновение конь, слон и ладья повернулись и ушли с доски, освободив три клетки. А Рон, Гарри и Гермиона заняли их не раздумывая.

— Белые всегда начинают, — произнес Рон, глядя на ту сторону доски. — Ага… вот оно…

Белая пешка шагнула на две клетки вперед.

Рон начал руководить черными фигурами, которые покорно вставали туда, куда он им указывал. Гарри почувствовал, что у него дрожат колени. В голове его вертелась только одна мысль: что будет, если они проиграют?

— Гарри, переместись на четыре клетки вперед! — скомандовал Рон.

В первый раз всем троим стало не по себе, когда противник напал на их второго всадника. Белая королева сбила его на пол и стащила с доски — лежавший вниз лицом рыцарь не шевелился.

— Мне пришлось им пожертвовать, — прошептал Рон, хотя, судя по его виду, он тоже был потрясен — но не неожиданностью случившегося, а жестокостью расправы. — Гермиона, теперь ты можешь взять этого слона.

Белые фигуры были безжалостны. Вскоре у доски уже лежала целая гора неподвижных черных тел, а значит, скоро мог прийти и их черед. Уже дважды Рон только в самый последний момент

успевал заметить, что Гарри и Гермиона находятся в опасности. Сам Рон беспрерывно метался по доске, и следовало признать, что, несмотря на жестокость противника, белых фигур на ней осталось ненамного больше, чем черных.

— Мы почти у цели, — вдруг лихорадочно зашептал Рон. — Дайте мне подумать… дайте мне подумать…

Белая королева повернула к нему свое отсутствующее лицо.

— Да… — тихо произнес Рон. — Это единственный способ… Мне придется пожертвовать собой.

— НЕТ! — дружно запротестовали Гарри и Гермиона

— Но это шахматы! — крикнул в ответ Рон. — Здесь приходится идти на жертвы! Я сделаю один шаг вперед, и она меня заберет, и тогда ты, Гарри, сможешь объявить королю шах и мат!

— Но… — начал было Гарри.

— Ты хочешь остановить Снегга или нет? — голос Рона был твердым и уверенным.

— Но, Рон… — вмешалась Гермиона.

— Слушайте, если вы не поторопитесь, то камень окажется у Снегга!

Рон был прав, и Гарри с Гермионой не могли этого не признать.

Готовы? — спросил Рон, его бледное лицо было полно решимости. — Я пошел, а вы, когда объявите им мат, не теряйте времени.

Рон шагнул вперед, и белая королева метнулась к нему. Размахнувшись, она с силой опустила свою именную руку на голову Рона, и тот тяжело рухнул на пол. Гермиона закричала от ужаса, но осталась на своей клетке и завороженно смотрела, как белая королева стаскивает Рона с доски. Гарри показалось, что Рон потерял сознание.

Ощущая дрожь во всем теле, Гарри сдвинулся на три клетки влево.

Белый король стащил с себя корону и кинул ее к ногам Гарри. Они победили. Белые фигуры, кланяясь, расступились. Путь был свободен. В последний раз оглянувшись и бросив на Рона полный боли взгляд, Гарри и Гермиона открыли дверь и оказались в следующем коридоре.

— А что, если он… — тихо прошептала Гермиона

— С ним все будет хорошо, — ответил ей Гарри, пытаясь убедить в этом самого себя. — Как думаешь, что нас ждет впереди?

— Со Стебль мы разобрались, я хотела сказать, с ее «дьявольскими силками». С Флитвиком тоже: наверняка это он заколдовал ключи. МакГона-

галл оживила шахматные фигуры, это ее работа. Остается Квиррелл… и затем Снегт…

Они оказались перед очередной дверью.

— Готова? — шепнул Гарри.

Гермиона кивнула, и Гарри потянул дверь на себя.

Их встретил такой отвратительный запах, что если бы они не зажали носы, то, наверняка, потеряли бы сознание. Даже глаза слезились, пока они всматривались в полумрак. Наконец они увидели распростертого на полу огромного тролля, значительно превосходившего по размерам того, которого они победили в Хэллоуин. Тролль явно был без сознания, а на его голове багровела гигантская шишка.

— Хорошо, что нам не пришлось с ним сражаться, — прошептал Гарри. Затаив дыхание, они с Гермионой перешагнули через толстенные ноги. Пойдем отсюда скорее, тут нечем дышать.

Гарри аккуратно приоткрыл следующую дверь и с опаской заглянул внутрь — за ней их могло ждать что угодно. Но в комнате не было ничего страшного. Посредине стоял стол. На нем выстроились в ряд семь разнокалиберных сосудов, наполненных какими-то жидкостями.

— Тролля здесь поставил Квиррелл, а Снегг с

ним разобрался, — шепнул Гарри. — Значит, нам остается победить заклятие Снегга. Только вот что нам делать с этими сосудами?

Он подошел к столу, и вдруг позади них из-под пола вырвалось пламя, отсекая путь назад. Судя по ярко-фиолетовому цвету, это был не простой огонь, а волшебный. Тут же языки огня заплясали перед той дверью, которая находилась впереди. Гарри и Гермиона оказались в ловушке.

— Смотри! — Гермиона схватила со стола свиток пергамента.

Гарри перегнулся через ее плечо и прочитал:

— Впереди опасность, то же позади,

Но две из нас помогут, ты только их найди. Одна вперед отправит, еще одна — назад, В двух — вино всего лишь, а еще в трех — яд.

Ты хочешь здесь остаться на долгие века? Тогда ищи — к тому же подсказка тебе дана.

Во-первых, как бы ловко ни скрывался яд, Найти его несложно — от вина левый ряд. Второе — в крайних бутылях налито не одно и то ж, Но если вперед тебе надо, помощи зря ты ждешь.

Затем ни в большой, ни в малой смерти ты не найдешь, А если из второй слева и второй справа глотнешь, сам убедишься — налито одно и то же в них, Хотя на взгляд они разные, но это уже

в-четвертых.

Гермиона глубоко вздохнула. Гарри поразило то, что она улыбается. Этого он ждал от нее меньше всего.

— Гениально, — произнесла Гермиона. — Это не магия — это логика. Логическая задача. Между прочим, многие величайшие волшебники были не в ладах с логикой, и, попади они сюда, они остались бы здесь навечно.

— Как и мы, — мрачно вставил Гарри. — Разве не так?

— Разумеется, нет, — удивилась Гермиона. — В свитке есть все, что нам надо. На столе семь бутылей: в трех находится яд, в двух — вино, еще одна даст нам возможность вернуться обратно, а седьмая пропустит вперед.

— А как мы узнаем, из какой мы должны отпить? — поинтересовался Гарри.

— Дай мне пару минут, — попросила Гермиона.

Она несколько раз прочитала написанное, а затем начала прохаживаться вдоль стола. Гермиона рассматривала бутыли, тыкала в них пальцем и что-то бормотала себе под нос. Наконец она хлопнула в ладоши.

— Поняла! — сообщила она. — Глоток из самой

маленькой бутылочки даст нам возможность пройти вперед, к камню.

Гарри взглянул на крошечную бутылочку.

— Но здесь хватит только на одного из нас, — заметил он. — Здесь только на один глоток.

Они посмотрели друг на друга.

— А какая даст тебе возможность пройти через фиолетовый огонь? — поинтересовался Гарри. Гермиона ткнула пальцем в крайнюю справа круглую бутыль.

— Вот ты из нее и глотни, — произнес Гарри. — Нет, в самом деле, вернись и забери Рона. А когда доберетесь до комнаты, где летают ключи, возьмите метлы — они поднимут вас наверх и пронесут мимо Пушка Когда окажетесь в замке, летите прямиком туда, где спят совы, и отправьте Буклю к Дамлбдору. Он нам очень нужен. Возможно, мне удастся на какое-то время задержать Снегга, но если честно, то вряд ли надолго.

— Но Гарри. — Гермиона побледнела-А что, если с ним Ты-Знаешь-Кто?

— Ну… Мне ведь повезло когда-то, ты же знаешь. — Гарри дотронулся до шрама. — Может быть, мне повезет еще раз.

У Гермионы дрожали губы, словно она готова была расплакаться. Она вдруг метнулась к Гарри

и крепко обняла его.

— Гермиона! — изумленно воскликнул Гарри.

— Гарри, ты великий волшебник — прошептала Гермиона ему на ухо.

— Но я не так хорош, как ты, — произнес Гарри, когда Гермиона разжала объятия. Он чувствовал себя смущенным.

— Я? — удивилась Гермиона. — А что я-ум и книги, вот и все! Но, оказывается, есть куда более важные вещи — например, дружба и храбрость. И, Гарри… будь осторожен!

— Пора, — поторопил ее Гарри. — Ты уверена, что правильно разгадала головоломку?

— Абсолютно, — кивнула Гермиона. Она поднесла к губам круглую бутыль, сделала большой глоток и поежилась.

— Это не яд? — взволнованно спросил Гарри.

— Нет. Но эта жидкость просто ледяная.

— Тебе надо уходить, и побыстрее, — напомнил Гарри, хотя ему вовсе не хотелось оставаться одному. — Пока жидкость не перестала действовать.

— Удачи тебе, и береги себя, — шепнула Гермиона. — И…

— ИДИ!

Гермиона повернулась, прошла сквозь фиоле-

товое пламя и скрылась из виду. Гарри перевел дыхание и взял в руки самую маленькую бутылочку. А потом повернулся лицом к черному пламени.

— Я иду, — произнес он, одним глотком опустошив бутылку.

Действительно, было такое ощущение, словно он проглотил глыбу льда. Гарри передернулся, поставил бутылочку обратно на стол и пошел вперед. Он собрался с духом, подходя вплотную к черным языкам огня. В следующую секунду пламя лизнуло его, но он ничего не почувствовал. На какое-то мгновение огонь закрыл от него то, что находилось впереди. А затем он оказался в следующем зале. Последнем зале.

Однако тут уже кто-то был. И это был не Снегг. И не Волан-де-Морт. Это был тот, кого Гарри меньше всего рассчитывал здесь увидеть.

Глава 17

ЧЕЛОВЕК С ДВУМЯ ЛИЦАМИ

Посреди комнаты стоял профессор Квиррелл.

— Вы? — изумленно выдохнул Гарри.

Квиррелл улыбнулся. Лицо его, обычно конвульсивно дергавшееся, на сей раз выглядело абсолютно нормальным.

— Именно, — спокойно подтвердил он. — А я все гадал, встречу ли здесь тебя, Поттер.

— Ноя думал… — ошеломленно пробормотал Гарри. — Я думал… что Снегг…

— Северус? — Квиррелл расхохотался, и это было не его обычное дрожащее хихиканье, но ледяной, пронзительный смех — Да, Северус выглядит подозрительно, не правда ли? Похож на огромную летучую мышь, парящую по школе и хватающую невинных учеников. Он оказался мне полезен. При наличии такого Снегга, никто не мог заподозрить б-б-бедного за-за-заикающегося п-п-профессора Квиррелла.

Квиррелл явно издевался, копируя собственное заикание. А Гарри все никак не мог поверить в происходящее. Этого не могло быть, просто не

могло.

— Но Снегг пытался убить меня! — воскликнул он ухватившись за спасительную нить.

— Нет, нет и нет. — Квиррелл категорично замотал головой. — Это я пытался убить тебя, Поттер. Твоя подруга мисс Грэйнджер случайно сбила меня с ног, когда бежала к Снеггу, чтобы подпалить его мантию. Я упал, и зрительный контакт прервался. Мне не хватило нескольких секунд, чтобы сбросить тебя с метлы. Конечно, ты бы давно был мертв, если бы Снегг не пытался спасти тебя. Ведь это именно он бормотал себе под нос контрзаклятие.

— Снегг пытался меня спасти? — Гарри показалось, что он сходит с ума.

— Разумеется, — холодно подтвердил Квиррелл. — А как ты думаешь, с чего это он решил судить следующий матч? Он пытался помешать мне сделать это снова. Это на самом деле смешно — ему вовсе не надо было так стараться. Я все равно ничего не мог сделать, потому что на матче присутствовал Дамблдор. А все преподаватели решили, что Снегг хочет помешать сборной Гриффиндора одержать победу. Так что Снегг сам себя подставил и стал весьма непопулярной личностью… Зря терял время, потому что сегодня

ночью ты все равно умрешь.

Квиррелл щелкнул пальцами. Появившиеся из пустоты веревки впились в Гарри, крепко связывая его.

— Ты слишком любопытен, чтобы оставлять тебя в живых, Поттер, — пояснил Квиррелл. — Кто шатался по школе в Хэллоуин? Я чуть не столкнулся с тобой, когда хотел посмотреть, кто охраняет камень.

— Так это вы впустили тролля? — со все возрастающим недоумением спросил Гарри.

— Ну конечно. — Квиррелл, кажется, был удивлен тем, что Гарри никак не может понять, что происходит. — Я наделен особым даром управляться с троллями. Видел, как я обошелся с тем, мимо которого ты прошел по пути сюда? К сожалению, пока все преподаватели искали тролля, Снегг, который уже подозревал меня, пошел прямо на третий этаж, чтобы меня перехватить. И мало того что троллю не удалось тебя убить, так еще и эта трехголовая псина не смогла как следует укусить Снегга и хотя бы отхватить ему ногу. Гарри открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, но Квиррелл предостерегающе поднял руку.

— Постой спокойно, Поттер, мне надо исследо-

вать это любопытное зеркало.

Только тогда Гарри увидел то, что стояло позади Квиррелла. Это было зеркало Еиналеж.

— В этом зеркале кроется ключ к камню, — пробормотал Квиррелл, постукивая пальцами по раме. — Следовало догадаться, что Дамблдор придумает что-нибудь в этом духе… Но он в Лондоне… А когда он вернется, я буду уже далеко…

Гарри судорожно пытался что-нибудь придумать. Но все, что пришло ему в голову — это втянуть Квиррелла в разговор и не давать ему сосредоточиться на зеркале

— Я видел вас со Снеггом в лесу! — выпалил он.

— Да, — рассеянно согласился Квиррелл, обходя вокруг зеркала, чтобы посмотреть, что у него сзади. — Он Уже был уверен в том, что это я, и пытался выведать, как далеко я готов зайти Он с самого начала меня подозревал Пытался меня напугать — как будто это было в его силах! Ведь на моей стороне сам лорд Волан-де-Морт…

Квиррелл обогнул зеркало и жадно уставился в него.

— Я вижу камень, — прошептал он. — Я собираюсь преподнести его моему повелителю… Но где же этот камень?

Гарри пытался ослабить стягивающие его веревки, но они не поддавались. Казалось, что Квиррелл полностью сосредоточился на зеркале. Гарри обязан был его отвлечь.

— Но мне всегда казалось, что Снегг меня ненавидит…

— О, конечно, — равнодушно подтвердил Квиррелл. — Небо тому свидетель — он тебя ненавидит. Он учился в Хогвартсе вместе с твоим отцом, разве ты этого не знал? Они друг друга терпеть не могли. Но Снегг никогда не желал тебе смерти.

— Но я слышал, как вы плакали несколько дней назад, — не успокаивался Гарри. — Я думал, Снегг вам угрожает…

В первый раз с того момента, как Гарри появился в зале, Квиррелл утратил спокойствие. На его лице отразился страх.

— Он здесь ни при чем. — Голос Квиррелла чуть подрагивал. — Просто иногда… иногда мне бывает нелегко выполнять приказы моего господина — ведь он великий волшебник, а я слаб и…

— Вы хотите сказать, что в той комнате он был вместе с вами? — воскликнул Гарри, не веря своим ушам.

— Он всегда со мной, где бы я ни был, — мяг-

ко ответил Квиррелл. — Я встретил его, когда путешествовал по миру. Я был молод, глуп и полон нелепых представлений о добре и зле. Лорд Волан-де-Морт показал мне, как сильно я заблуждался. Добра и зла не существует — есть только сила, есть только власть, и есть те, кто слишком слаб, чтобы стремиться к ней… С тех пор я служу ему верой и правдой, хотя, к сожалению, я не раз подводил его. Ему приходилось быть со мной суровым…

Квиррелл внезапно поежился.

— Он не склонен прощать ошибки. Когда мне не удалось украсть камень из «Гринготтса», он был очень мной недоволен. Он наказал меня… Он решил, что должен пристальнее следить за мной и постоянно контролировать меня…

Голос Квиррелла поплыл по комнате, постепенно затихая. А Гарри вспомнил тот день, когда они с Хагридом были в Косом переулке. Господи, как он мог быть так глуп? Ведь в тот день он видел там Квиррелла, тот пожимал ему руку в «Дырявом котле». Значит, он давно должен был догадаться, что Снегг тут ни при чем, что это…

Квиррелл негромко пробормотал какое-то ругательство.

— Я не могу понять, — прошептал он. — Может,

этот камень находится внутри зеркала? Может быть, я должен его разбить?

Гарри судорожно пытался понять, что ему делать.

«Сейчас больше всего на свете я хочу найти камень раньше Квиррелла, — подумал он. — Значит, если я посмотрю в зеркало, я увижу, как я его нахожу, то есть я увижу, где он спрятан! Но как я могу заглянуть в зеркало, чтобы Квиррелл этого не заметил и не понял, чего я хочу?»

Гарри попробовал сдвинуться с места, но веревки крепко держали его — он пошатнулся и упал. Квиррелл не обратил на это никакого внимания. Он все еще разговаривал сам с собой.

— Что делает это зеркало? Что оно показывает? Помогите мне, мой господин!

Гарри похолодел от ужаса. В комнате раздался незнакомый ему голос. Казалось, что голос этот исходит из самого Квиррелла.

— Используй мальчишку… Используй мальчишку… Квиррелл повернулся к Гарри.

— Так, Поттер, иди-ка сюда.

Профессор хлопнул в ладоши, и веревки упали на пол. Гарри медленно поднялся на ноги.

— Иди сюда, — поторопил Квиррелл. — Загляни в зеркало и скажи мне, что ты видишь.

Гарри подошел.

«Я должен его обмануть, — приказал он самому себе, чувствуя, что находится на грани отчаяния. — Я должен заглянуть в зеркало и увидеть то, что мне надо, и соврать, только и всего».

Квиррелл встал за его спиной. Гарри ощутил странный запах, исходящий из тюрбана, скрывавшего голову профессора. Он закрыл глаза, шагнул ближе к зеркалу и снова раскрыл их.

Он увидел свое отражение — бледное, испуганное лицо. Но мгновение спустя отражение подмигнуло ему. Оно засунуло руку в свой карман и вытащило оттуда кроваво-красный камень. А потом, снова подмигнув, засунуло камень обратно. Гарри ощутил у себя в кармане что-то очень тяжелое. Какими то образом — каким-то невероятным образом — камень оказался у него.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил Квиррелл. — Что ты там видишь?

Гарри собрался с духом.

— Я вижу, как я пожимаю руку Дамблдору — выпалил он, стараясь врать поубедительнее. — Я… я выиграл для Гриффиндора соревнование между факультетами.

Квиррелл снова выругался.

— Отойди отсюда! — скомандовал он.

Гарри шагнул в сторону. Камень оттягивал карман, и Гарри спросил себя, не попробовать ли ему убежать.

Он не успел сделать и пяти шагов по направлению к двери, когда до него донесся резкий голос. Гарри обернулся и понял, что Квиррелл каким-то образом умудряется говорить, не раскрывая рта.

— Он врет… Он врет…

— Поттер, иди сюда! — крикнул Квиррелл. — Говори правду! Что ты там видел?

Квиррелл закрыл рот, и тут снова раздался резкий голос.

— Дай мне поговорить с ним… Я хочу видеть его лицо, и чтобы он видел меня…

— Но, повелитель, вы еще недостаточно сильны! — запротестовал Квиррелл.

— У меня достаточно сил… — отрезал резкий голос. — Для этого вполне достаточно…

Гарри чувствовал себя так, словно снова попал в «дьявольские силки». Он словно прирос к месту и был не в силах пошевелиться. В оцепенении Гарри смотрел, как Квиррелл начинает разворачивать свой тюрбан. Наконец ткань упала на пол. Без нее голова Квиррелла, сильно уменьшившаяся в размерах, выглядела как-то странно. И тут Квиррелл медленно повернулся к Гарри спиной.

Гарри готов был завопить от ужаса, но не смог выдавить из себя ни звука. Там, где должен был находиться затылок Квиррелла, было лицо, самое страшное лицо, которое Гарри когда-либо видел. Оно было мертвенно-белым, вместо ноздрей-узкие щели, как У змеи. Но страшнее всего были глаза — ярко-красные и свирепые.

— Гарри Поттер, — прошептало лицо.

Гарри попытался отступить назад, но ноги его не слушались.

— Видишь, чем я стал? — спросило лицо. — Всего лишь тенью, химерой… Я обретаю форму, только вселяясь в чужое тело… Всегда находятся те, кто готов впустить меня в свой мозг и свое сердце… Кровь единорога сделала меня сильнее… Ты видел, как мой верный Квиррелл пил ее в лесу… И как только я завладею эликсиром жизни, я смогу создать себе свое собственное тело… Итак, почему бы тебе не отдать мне камень, который ты прячешь в кармане?

Значит, он все знает. Гарри внезапно ощутил, что к нему вернулись силы, и, спотыкаясь, попятился назад

— Не будь глупцом, — прорычало лицо. — Лучше присоединяйся ко мне и спаси свою жизнь… или ты кончишь так же, как и твои родители…

Они умерли, моля меня о пощаде…

— ЛЖЕЦ! — неожиданно для самого себя крикнул Гарри.

Квиррелл приближался к нему — он шел спиной вперед, чтобы Волан-де-Морт мог видеть Гарри. На белом лице появилась улыбка.

— Как трогательно, — прошипело оно. — Что ж, я всегда ценил храбрость… Ты прав, мальчик, твои родители были храбрыми людьми… Сначала я убил твоего отца, хотя он отважно сражался… А твоей матери совсем не надо было умирать… но она старалась защитить тебя… А теперь отдай мне камень, чтобы не получилось, что она умерла зря.

— НИКОГДА!

Гарри метнулся по направлению к двери.

— ПОЙМАЙ ЕГО! — завопил Волан-де-Морт.

Через мгновение Гарри ощутил на своем запястье руку Квиррелла. Его лоб — как раз в том месте, где был шрам, — пронзила острая боль. Ему показалось, что голова его сейчас разлетится надвое. Гарри закричал, пытаясь вырваться, и, к его удивлению, ему это удалось. Боль стала слабее. Гарри поспешно обернулся, чтобы понять, куда делся Квиррелл. Профессор корчился от боли, глядя на свои пальцы, прямо на глазах

покрывавшиеся красными волдырями.

— Лови его! ЛОВИ ЕГО! — снова завопил Волан-де-Морт.

Квиррелл кинулся на Гарри и сбил его с ног. Гарри не успел опомниться, как Квиррелл уже оказался на нем Руки просрессора держали его за горло. Боль в голове была такой сильной, что Гарри почти ослеп. Тем не менее он отчетливо слышал, как Квиррелл завыл от боли.

— Повелитель, я не могу держать его — мои руки, мои руки!

Квиррелл выпустил шею Гарри и с ужасом уставился на свои ладони. Гарри, к которому начало возвращаться зрение, заметил, что они покраснели и выглядят сильно обожженными. Казалось, что с них слезла кожа.

— Тогда убей его, глупец, и покончим с этим! — хрипло выкрикнул Волан-де-Морт.

Квиррелл поднял руку, собираясь наложить на Гарри смертельное заклятие, но Гарри инстинктивно рванулся вперед и ударил Квиррелла по лицу, метя в глаза…

— А-А-А-А!

Квиррелл свалился с него. Все его лицо тоже покрылось ожогами. И Гарри внезапно понял. Каждый раз, дотрагиваясь до него, Квиррелл

испытывал жуткую боль. Так что у Гарри был единственный шанс.

Он не должен был выпускать Квиррелла из рук, чтобы тот от боли позабыл обо всем на свете и не смог наложить проклятие.

Гарри вскочил на ноги и вцепился профессору в руку. Квиррелл заверещал и попытался стряхнуть его с себя. Нои сам Гарри, только коснувшись Квиррелла, ощутил, как острая боль пронзила голову. Он снова почти ослеп. Но он слышал дикие крики Квиррелла, слышал голос Волан-де-Морта, вопившего: «УБЕЙ ЕГО! УБЕЙ ЕГО!» А потом пришли другие голоса, выкрикивавшие его имя. Но возможно, они ему только почудились.

Гарри ощутил, как Квиррелл выкручивается из его захвата. Он понял, что все кончено, и провалился в темноту. Он летел все ниже, и ниже, и ниже…

* * *

Гарри уловил, что над ним блеснуло что-то золотое. Снитч, конечно же, это был снитч! Гарри попытался поймать его, но казалось, что руки налились свинцом.

Он моргнул. Это был не снитч. Это были очки. Как странно…

Он снова моргнул. Из тумана выплыло улыбающееся лицо Альбуса Дамблдора.

— Добрый день, Гарри, — произнес Дамблдор. Гарри уставился на него. И тут он все вспомнил.

— Сэр! — произнес Гарри слабым голосом, тщетно пытаясь подняться. — Камень! Это был Квиррелл! Камень у него! Сэр, торопитесь…

— Успокойся, мой дорогой мальчик, ты немного отстал от времени. — Голос Дамблдора был приветлив и спокоен. — Камень не у Квиррелла.

— Но тогда у кого? — Гарри раздирало беспокойство. — Сэр, я…

— Гарри, пожалуйста, тихо, — попросил Дамблдор- Иначе мадам Помфри выставит меня отсюда.

Гарри тяжело вздохнул и огляделся. Он только сейчас понял, что, судя по всему, находится в больничном крыле. Он лежал на кровати, а столик, стоявший рядом с ним, был завален сладостями. Казалось, что кто-то специально для Гарри скупил по меньшей мере полмагазина.

— Знаки внимания от твоих друзей и поклонников, — пояснил Дамблдор, поймав взгляд Гарри. — То, что произошло в подземелье между тобой и Квирреллом — это строжайший секрет, и потому нет ничего удивительного в том, что его

знает вся школа. Кстати, я полагаю, что именно твои друзья, Фред и Джордж Уизли, попытались передать тебе в подарок сиденье от унитаза. Не сомневаюсь, они полагали, что тебя это развлечет. Однако мадам Помфри сочла это несколько негигиеничным и конфисковала сиденье.

— Я давно здесь? — перебил его Гарри. Он не мог сосредоточиться ни на чем, кроме случившегося.

— Три дня. Мистер Рональд Уизли и мисс Грэйнджер будут весьма счастливы, что ты наконец пришел в себя. Они были крайне обеспокоены твоим состоянием.

— Но, сэр, а как же камень…

— Я вижу, что он волнует тебя больше всего остального. — Улыбка сползла с лица Дамблдора. — Что ж, поговорим о камне. Профессору Квирреллу не удалось отобрать его у тебя. Я появился как раз вовремя, чтобы помешать ему это сделать. Хотя должен признать, что ты и без меня неплохо справлялся.

— Вы были там?! — воскликнул Гарри. — Вы получили сову, которую послала Гермиона?

— Должно быть, мы разминулись в воздухе. Как только я прибыл в Лондон, сразу стало очевидно, что я должен находиться как раз в том месте, которое я покинул. Я прибыл вовремя и успел

стащить с тебя Квиррелла…

— Значит, это были вы, — произнес Гарри, вспомнив последнее, что он слышал перед тем, как потерять сознание. Значит, ему ничего не почудилось. — Это были вы…

— Я боялся, что опоздал, — признался Дамблдор. — Да, вы чуть не опоздали, — согласился Гарри. — Я еще немного, и он бы вырвал у меня камень…

— Я боялся не за камень, — мягко поправил его Дамблдор, — а за тебя. Схватка отняла у тебя все силы, и ты едва не погиб. В какой-то момент я даже подумал, что это произошло. А что касается камня, то он был уничтожен.

— Уничтожен? — недоверчиво переспросил Гарри. — Но ваш друг, Николас Фламель…

— О, так ты знаешь о Николасе? — судя по голосу Дамблдор был очень доволен этим обстоятельством. — Ты все разузнал, не так ли? Что ж, мы с Николасом немного поболтали и решили, что так будет лучше.

— Но это означает, что он и его жена умрут, не так ли? — продолжал недоумевать Гарри.

— У них имеются достаточные запасы эликсира для того, чтобы привести свои дела в порядок А затем — да, затем они умрут.

Дамблдор улыбнулся, видя непонимание на лице Гарри.

— Такому молодому человеку как ты, это кажется невероятным. Но для Николаса и Пернеллы умереть значит лечь в постель и заснуть после очень долгого дня. Для высокоорганизованного разума смерть-это очередное приключение. К тому же камень — не такая уж прекрасная вещь. Представь себе — он может дать столько денег и столько лет жизни, сколько ты захочешь! То есть две вещи, которые в первую очередь выберет любой человек. Но беда в том, что люди, как правило, выбирают то, что для них является наихудшим.

Воцарилась тишина. Гарри лежал, глядя в потолок и не зная, что сказать. Дамблдор что-то мурлыкал себе под нос и рассеянно улыбался.

— Сэр! — наконец окликнул его Гарри. — Я тут подумал… Сэр… даже если камень уничтожен, Волан…

Я хотел сказать, Вы-Знаете-Кто…

— Называй его Волан-де-Мортом, Гарри. Всегда называй вещи своими именами. Страх перед именем усиливает страх перед тем, кто его носит.

— Да, сэр. — Гарри поспешно кивнул, ему не терпелось услышать ответ. — Я хотел спросить:

ведь теперь Волан-де-Морт будет искать другой способ вернуть себе силы, правда? Я имею в виду, ведь он не исчез навсегда?

— Нет, Гарри, — согласился Дамблдор. — Он все еще где-то здесь, возможно, ищет новое тело, в которое мог бы вселиться… Так как он не является живым существом в полном смысле этого слова, его нельзя убить. Он бросил Квиррелла умирать — ведь он безжалостен не только к врагам, но и к союзникам. Однако ты не должен огорчаться, Гарри, пусть ты всего лишь на какое-то время отдалил его приход к власти. Но в следующий раз найдется кто-то другой, кто будет готов сразиться с ним. И это несмотря на то, что наша борьба против него кажется заранее проигранной. А если его возвращение будет отодвигаться все дальше и дальше, возможно, он никогда не будет властвовать.

Гарри попробовал кивнуть и поморщился от боли.

— Сэр, есть еще кое-что, что я хотел бы узнать, если вы мне расскажете, — тихо, но настойчиво произнес он. — Я бы хотел знать всю правду…

— Правду… — вздохнул Дамблдор. — Правда — это прекраснейшая, но одновременно и опаснейшая вещь. А потому к ней надо подходить с

превеликой осторожностью. Однако я отвечу на твои вопросы — если, конечно, у меня не будет достаточно веской причины для того, чтобы промолчать. Если я не смогу ответить, прошу меня простить: я промолчу, потому что ложь недопустима.

— Хорошо. — Гарри прикрыл глаза. — Волан-де-Морт сказал, что убил мою мать просто потому, что она пыталась не дать ему убить меня. Но я не могу понять, зачем ему вообще понадобилось убивать меня?

На сей раз Дамблдор вздохнул куда глубже.

— Увы, Гарри, на этот вопрос я не могу ответить. По крайней мере сегодня и сейчас. Однажды ты узнаешь… а пока забудь об этом. Когда ты будешь старше… Я понимаю — наверное, это звучит неприятно. Тогда когда ты будешь готов, ты все узнаешь.

Гарри понял, что настаивать бесполезно.

— А почему Квиррелл не мог прикоснуться ко мне?

— Твоя мать умерла, пытаясь спасти тебя. Если на свете есть что-то, чего Волан-де-Морт не в силах понять, — это любовь. Он не мог осознать, что любовь — такая сильная любовь, которую испытывала к тебе твоя мать — оставляет свой след.

Это не шрам, этот след вообще невидим… Если тебя так крепко любят, то даже когда любящий тебя человек умирает, ты все равно остаешься под его защитой. Твоя защита кроется в твоей коже. Именно поэтому Квиррелл, полный ненависти, жадности и амбиций, разделивший свою душу с Волан-де-Мортом, не смог прикоснуться к тебе. Прикосновение к человеку, отмеченному таким сильным и добрым чувством, как любовь, вызывало у него нестерпимую боль.

Дамблдор замолчал и начал с интересом изучать сидевшую на подоконнике птичку. А Гарри, улучив момент, тайком вытер навернувшиеся на глаза слезы.

— А мантия-невидимка, — спросил он, когда к нему вернулся дар речи. — Вы знаете, кто мне ее прислал?. — Когда-то твой отец оставил ее мне. А я подумал, что, возможно, она тебе понравится. — Глаза Дамблдора засияли. — Полезная вещь… Твой отец в основном использовал ее для того, чтобы тайком пробираться на кухню в поисках еды. Это было, когда он учился в Хогвартсе.

— И еще кое-что, — никак не мог успокоиться Гарри.

— Давай, — приободрил его Дамблдор, словно почувствовав, что Гарри боится его разозлить.

— Квиррелл сказал, что Снегг…

— Профессор Снегг, Гарри, — поправил его Дамблдор.

— Да, верно, Квиррелл сказал, что он меня ненавидит, потому что он ненавидел моего отца. Это правда?

— Да, они испытывали друг к другу сильную неприязнь, — признал Дамблдор после секундного раздумья. — Примерно как ты и мистер Малфой. А затем твой отец сделал кое-что, чего Снегг так и не смог ему простить.

— Что? — выдохнул Гарри.

— Он спас ему жизнь.

— Что?

Гарри не верил своим ушам.

— Да-а-а… — мечтательно протянул Дамблдор. — Меня всегда забавляло то, какими странными путями порой следуют человеческие мысли. Профессор Снегг не мог смириться с тем, что остался в долгу перед твоим отцом… Я думаю, что именно поэтому он приложил столько усилий к тому, чтобы спасти тебя. Профессор Снегг верил, что таким образом он вернет долг твоему отцу. И спокойно сможет продолжать ненавидеть память о нем…

Гарри попытался понять услышанное, но у него

сразу разболелась голова.

— И, сэр, — осмелился он. — Еще один вопрос…

— Всего один? — улыбнулся Дамблдор.

— Как мне удалось достать камень из зеркала?

— А! — воскликнул Дамблдор. — Я рад, что ты задал этот вопрос. Это была одна из моих самых гениальных идей. Видишь ли, я сделал так, что только тот, кто хочет найти камень — найти, а не использовать, — сможет это сделать. А все прочие могли увидеть в зеркале, как они превращают металл в золото и пьют эликсир жизни, но не боле того. Иногда мой мозг удивляет меня самого… А теперь достаточно вопросов. Я предлагаю тебе заняться этими сладостями. О! Драже на любой вкус «Берти Боттс»! В юности мне не повезло: я съел конфету со вкусом рвоты. И боюсь, что с тех пор я несколько утратил к ним интерес. Но вот эта конфетка кажется мне вполне безобидной, как ты считаешь?

Дамблдор улыбнулся и закинул в рот золотисто-коричневую карамельку. И тут же поперхнулся.

— Не повезло! — выдавил он. — Вкус ушной серы, не самый приятный на свете, ты не находишь?

* * *

Мадам Помфри, хозяйка больничного крыла, была очень приятной, но весьма строгой женщиной.

— Ну пожалуйста, всего на пять минут, — умоляющим тоном произнес Гарри.

— Это исключено.

— Но ведь вы пустили ко мне профессора Дамблдора…

— Разумеется, но это совсем другое дело, ведь профессор Дамблдор — директор школы. А сейчас тебе нужен отдых.

— Я и так отдыхаю, правда, — не сдавался Гарри. — Я ведь лежу и все такое…

— О, ну хорошо! — смилостивилась мадам Помфри. — Но ровно пять минут.

Она открыла дверь, впуская в палату Рона и Гермиону.

— Гарри! — завопила Гермиона, кидаясь к нему. Гарри показалось, что сейчас она снова заключит его в объятия, и обрадовался, когда она этого не сделала. Голова его по-прежнему раскалывалась, и от объятий ему стало бы только хуже.

— О, Гарри, мы были уверены, что ты… — Гермиона осеклась, не произнося слово «умрешь». —

Дамблдор был так обеспокоен…

— Вся школа говорит о том, что случилось, — сообщил Рон. — А что там произошло на самом деле?

Это был один из тех редких случаев, когда правда оказывается куда более странной и волнующей, чем самые нелепые слухи. Гарри рассказал им все — про Квиррелла и зеркало, про Волан-де-Морта и камень. Рон и Гермиона были очень хорошими слушателями. Они изумленно открывали рты как раз тогда, когда Гарри от них этого ждал. А когда он рассказал им о том, что пряталось под тюрбаном Квиррелла, Гермиона громко вскрикнула.

— Значит, камня больше нет? — спросил Рон, когда Гарри замолк — Значит, Фламель умрет?

— Я тоже задал этот вопрос, — кивнул Гарри. — А Дамблдор сказал… сейчас вспомню… Он сказал, что для высокоорганизованного разума смерть — это очередное приключение.

— Я всегда говорил, что он сумасшедший, — с обожанием в голосе откликнулся Рон. Дамблдор был его кумиром. Рон готов был восхищаться всем, что связано с профессором, даже крайней степенью его сумасшествия.

— А с вами что было после того, как мы расста-

лись? — в свою очередь поинтересовался Гарри.

— Ну, я вернулась назад, привела в порядок Рона — это оказалось непросто. — Гермиона закатила глаза. — А потом мы поспешили туда, где спят совы. Но на выходе из школы столкнулись с Дамблдором. Он уже все знал, представляешь? Он просто спросил: — Гарри пошел за ним, да? — и полетел на третий этаж, к люку.

— Ты думаешь, он специально так все подстроил? Может, он хотел, чтобы именно ты это сделал? — задумчиво спросил Рон. — Раз это он прислал тебе мантию-невидимку и все такое…

— Ну, знаете! — взорвалась Гермиона. — Если это он… Я хочу сказать, это ужасно, ведь тебя могли убить…

— Да нет, все было правильно, — после паузы ответил Гарри. — Он странный человек Дамблдор. Я думаю, что он просто хотел дать мне шанс. И что он, в общем, знает обо всем, что здесь происходит. Так что Дамблдор был в курсе того, что мы задумали. Однако вместо того чтобы остановить нас, он меня кое-чему научил, подготовил меня к тому, что должно было случиться. Не думаю, что я случайно нашел зеркало Еиналеж, — это он подталкивал меня к тому, чтобы я его нашел, и сам объяснил мне, как оно действует. Мне да-

же кажется, это он решал, есть ли у меня право встретиться один на один с Волан-де-Мортом. И я доказал, что готов к этому…

— Нет, Дамблдор действительно псих! — гордо воскликнул Рон. — Слушай, Гарри, тебе тут не следует залеживаться — завтра будет банкет по случаю окончания учебного года. Конечно, особенно праздновать нам нечего — разумеется, соревнование между факультетами выиграл Слизерин, да и в квиддиче мы не преуспели. В последней игре, которую ты пропустил, нас начисто разнесли ребята из Когтеврана — как паровым катком раскатали. Но еда на банкете будет вкусной, это я тебе обещаю…

В этот момент в комнату ворвалась мадам Помфри.

— Вы уже пятнадцать минут тут сидите, — строго заявила она. — А теперь — марш отсюда!

Той ночью Гарри не снились кошмары, поэтому утром он почувствовал себя значительно лучше.

— Я хотел бы пойти на банкет, — сказал он мадам Помфри, когда та раскладывала на столике рядом с кроватью Гарри его сладости, которые уже с трудом там помещались. — Я могу пойти, правда?

— Профессор Дамблдор говорит, что я должна

вас отпустить. — Судя по тону, мадам Помфри не одобряла решение Дамблдора. Похоже, она считала, что банкеты очень опасны для здоровья, и потому просьба Дамблдора неразумна. — Да, к вам пришел еще один посетитель.

— О, прекрасно! — воскликнул Гарри. — Кто это? В ту же секунду, словно услышав слова Гарри, в дверь протиснулся Хагрид. Оказываясь в помещении, великан всегда казался непозволительно большим. Он кое-как примостился рядом с Гарри, покосился на него и вдруг разрыдался.

— Это… все… моя… чертова… вина! — выдавил он сквозь слезы, закрывая лицо руками. — Это ж я сказал этому чудовищу, как Пушка усыпить! Я сам! Ты же умереть мог! И все из-за какого-то яйца драконьего! В жизни больше пить не буду! Меня вообще надо гнать отсюда и к маглам, чтоб я с ними жил!

Гарри был потрясен видом плачущего великана. Хагрид в буквальном смысле сотрясался от рыданий, а по его лицу катились огромные слезы, скрываясь в густой бороде.

— Хагрид, успокойся, он бы все равно узнал, — произнес Гарри, пытаясь утешить Хагрида. — Ведь мы же говорим о Волан-де-Морте. Даже не выведай он все у тебя, он бы нашел другой способ

выяснить, как нейтрализовать Пушка.

— Но тебя ж убить могли! — простонал Хагрид. — И это… Гарри… не произноси ты его имя, ради всего святого!

— ВОЛАН-ДЕ-МОРТ! — во весь голос прокричал Гарри. Хагрид был так поражен, что даже перестал плакать. — Я встречался с ним, я видел его лицо, и потому я буду называть его по имени. И хватит плакать, Хагрид, выше нос. Мы спасли камень. Теперь камня больше нет, и он не сможет его использовать. Ты лучше съешь шоколадку, у меня их тут сотни…

Хагрид шмыгнул носом и вытер его рукавом.

— Ты мне тут напомнил кое о чем… э-э… подарок у меня для тебя есть.

— Надеюсь, это не бутерброд с мясом горностая? — обеспокоенно спросил Гарри.

И тут Хагрид наконец-то улыбнулся, хотя улыбка получилась еле заметной.

— Не. — Великан мотнул головой. — Дамблдор мне вчера специально выходной дал, чтоб я все сделал. Ему, если по правде, уволить меня надо было, а он… Короче, вот, держи…

То, что Хагрид вытащил из кармана, было похоже на книгу в красивом кожаном переплете. Гарри с интересом раскрыл ее. Книга оказалась

альбомом для фотографий. С каждой страницы ему улыбались и махали руками его родители.

— Я вчера весь день сов посылал ко всем, с кем твои родители в школе дружили… да и после нее тоже, — пояснил Хагрид. — Чтоб фотографий прислали, потому как нету тебя ни одной… Ну что, нравится тебе?

Гарри не смог ничего ответить, но Хагрид понял его и без слов.

Гарри пришел на банкет, когда зал уже был полон. Он хотел сначала зайти в Общую гостиную Гриффиндора, чтобы прийти на банкет вместе со всеми. Но мадам Помфри сломала его планы, настояв на последнем осмотре. Поэтому когда Гарри вошел в Большой зал, все факультеты уже были там.

Поскольку соревнование между факультетами в седьмой раз подряд выиграл Слизерин, то зал был оформлен в зелено-серебряной цветовой гамме. На стене за преподавательским столом висело огромное знамя Слизерина, на котором была изображена змея.

Стоило Гарри войти в дверь, как в зале наступила полная тишина, а в следующую секунду все одновременно заговорили. Гарри, не поднимая головы, быстро подошел к своему столу и сел

между Роном и Герми-оной. Он пытался делать вид что не замечает направленных на него взглядов всех собравшихся. Многая даже встали со своих мест, чтобы получше его видеть

К счастью, буквально через несколько секунд I в зале появился Дамблдор. Все расселись по местам, и разговоры стихли.

— Итак, еще один год позади! — радостно воскликнул Дамблдор. — Но перед тем как мы начнем наш фантастический пир, я немного побеспокою вас старческим брюзжанием и пустой болтовней. Итак, позади остался отличный учебный год! Я надеюсь, ваши головы немного потяжелели по сравнению с тем, какими они были в начале года. Впрочем, впереди у вас все лето для того, чтобы привести свои головы в порядок и полностью опустошить их до начала следующего семестра.

Дамблдор обвел всех присутствующих взглядом своих лучистых глаз.

— А сейчас, как я понимаю, мы должны определить, кто выиграл соревнование между факультетами. Начнем с конца. Четвертое место занял факультет Гриф-финдор — триста двенадцать очков. Третье-Пуффендуй, у них триста пятьдесят два очка. На втором месте Когтевран-четыреста

двадцать шесть очков. А на первом Слизерин — четыреста семьдесят два очка.

Стол, за которым сидели слизеринцы, взорвался громкими криками и аплодисментами. Гарри видел, как Малфой победно стучит по столу золотым кубком. И тут же отвел глаза: ему не понравилось это зрелище. — Да, да, вы прекрасно потрудились, — произнес Дамблдор, обращаясь к сидевшим за столом Слизерина. — Однако мы не учли последних событий — Зал затих за столом Малфоя улыбались уже не так радостно.

Дамблдор громко хмыкнул.

— Итак, — продолжил он. — В связи с тем, что в свете последних событий некоторые ученики заработали некоторое количество очков… Подождите, подождите… Ага…

Дамблдор задумался — или сделал вид, что задумался.

— Начнем с мистера Рональда Уизли…

Рон побагровел и стал похож на обгоревшую на солнце редиску.

— …за лучшую игру в шахматы в истории Хогвартса я присуждаю факультету Гриффиндор пятьдесят очков.

Крики, поднявшиеся за столом, где сидел Гарри, наверное, долетели до заколдованного потолка.

По крайней мере звезды на потолке задрожали. Гарри отчетливо слышал, как Перси, обращаясь к другим старостам, безостановочно выкрикивает:

— Это мой брат! Мой младший брат! Он выиграл в заколдованные шахматы МакГонагалл!

Наконец снова наступила тишина.

— Далее… мисс Гермиона Грэйнджер, — произнес Дамблдор. — За умение использовать холодную логику перед лицом пламени я присуждаю факультету Гриффиндор пятьдесят очков.

Гермиона закрыла лицо руками. Гарри не сомневался, что она расплакалась. За их столом творилось что-то невообразимое — за одну минуту факультет заработал сто очков.

— И наконец, мистер Гарри Поттер, — объявил Дамблдор, и в зале воцарилась абсолютная тишина. — За железную выдержку и фантастическую храбрость я присуждаю факультету Гриффиндор шестьдесят очков.

Поднявшийся шум оглушил Гарри. Все, кто умел считать и одновременно хрипло вопить, уже поняли, что у Гриффиндора теперь четыреста семьдесят два очка. То есть столько же, сколько и у Слизерина Они почти выиграли соревнование между факультетами. Если бы Дамблдор дал Гарри еще одно очко…

Дамблдор поднял руку. Зал начал затихать.

— Храбрость бывает разной. — Дамблдор по-прежнему улыбался. — Надо быть достаточно отважным, чтобы противостоять врагу. Но не меньше отваги требуется для того, чтобы противостоять друзьям! И за это я присуждаю десять очков мистеру Невиллу Долгопупсу.

Если бы кто-то стоял за дверями Большого зала, он бы подумал, что здесь произошел взрыв, — настолько бурно отреагировали на слова директора за столом Гриффиндора. Гарри, Рон и Гермиона вскочили и зааплодировали Невиллу, подбадривая его громкими криками. А Невилл, весь белый от изумления, исчез под кинувшимися обнимать его школьниками. До этого он ни разу не принес факультету ни одного очка.

Гарри, продолжая аплодировать, ткнул Рона под ребра и кивком указал на Малфоя. Вид у него был такой обескураженный и испуганный, словно Гермиона наложила на него заклятие, полностью парализовавшее его тело.

— Таким образом, — громко прокричал Дамблдор, пытаясь заглушить аплодисменты, которые только усилились оттого, что факультеты Когтевран и Пуффендуй тоже возликовали по поводу поражения Слизерина. — Таким образом, нам

надо сменить декорации.

Он хлопнул в ладоши, и свисавшее со стены зелено-серебряное знамя стало ало-золотым, а огромная змея исчезла, и вместо нее появился гигантский лев Гриффиндора. Снегг протянул руку профессору МакГонагалл и начал трясти ее с вымученной улыбкой. Гарри на мгновение встретился с ним взглядом и сразу почувствовал, что отношение к нему Снегга ни на йоту не изменилось. Но сейчас Гарри это не беспокоило. Главным было то, что в следующем учебном году он будет чувствовать себя куда лучше, чем в конце этого. Он будет чувствовать себя так же хорошо, как чувствовал, пока не подвел своих друзей.

Это был лучший вечер в жизни Гарри. Он был Даже лучше, чем те вечера, когда он выигрывал в квиддич, встречал Рождество и сражался с горным троллем. И он знал, что этот вечер он никогда не забудет. Никогда в жизни.

У Гарри как-то вылетело из головы, что впереди его ждало объявление результатов экзаменов. Но оказалось, что ему и не стоило беспокоиться. К его огромному удивлению, они с Роном получили хорошие отметки — ну а Гермиона, разумеется, стала лучшей ученицей. Даже Невилл умудрился кое-как сдать экзамены: его хорошая оценка за

травологию компенсировала невероятно плохую оценку за зельеварение.

Гарри с Роном надеялись, что Гойл — который был настолько же туп, насколько и злобен — будет отчислен. Но и он каким-то образом умудрился сдать экзамены. Это было обидно, но, как справедливо заметил Рон, нельзя получить сразу все.

Буквально через несколько минут после объявления результатов экзаменов все шкафы опустели, чемоданы были упакованы, а жабу Невилла поймали в тот момент, когда она пыталась улизнуть сквозь дырку в стене туалета. Всем ученикам вручили предупреждения о том, что они не должны прибегать к волшебству на каникулах.

— А я-то надеялся, что они хоть раз забудут раздать нам эти бумажки, — грустно заметил Фред Уизли

Хагрид проводил их к берегу озера и переправ вил на лодках на ту сторону. Ученики залезли в поезд, болтая и смеясь. За окном дикая природа сменялась ухоженными полями и аккуратными домиками. Они дружно поедали конфеты, проезжая мимо го родов маглов, а потом не менее дружно сняли с себя мантии и надели пиджаки

и куртки. И наконец поезд подошел к платформе номер девять и три четверти вокзала «Кинге Кросс».

Им понадобилось немало времени для того, чтобы покинуть платформу. Перед выходом с нее стоял старый мудрый смотритель, выпуская их по двое и по трое, чтобы они не привлекли внимание маглов. Если бы из сплошной стены вдруг появилась толпа школьников с огромными чемоданами, маглы бы точно переполошились.

— Ты должен приехать и пожить у нас этим летом, — сказал Рон, пока они стояли в очереди. — И ты, Гермиона, тоже. Я пошлю вам сову.

— Спасибо, — с благодарностью откликнулся Гарри. — Рад, что этим летом меня ждет что-то приятное.

Они возвращались в мир маглов в ужасной суматохе и толчее.

— Пока, Гарри! — раздалось несколько голосов.

— До встречи, Поттер! — прокричали еще несколько человек

— Ты по-прежнему знаменит и популярен, — ухмыльнулся Рон.

— Но не там, куда я еду, это точно, — заверил его Гарри.

Он, Рон и Гермиона вместе прошли через сте-

ну.

— Вот он, мам, смотри!

Это был голос Джинни Уизли, младшей сестры Рона, но показывала она вовсе не на брата.

— Гарри Поттер! — пропищала Джинни. — Смотри, мам! Я его вижу.

— Потише, Джинни, — одернула ее мать. — Не надо показывать пальцем, это некрасиво.

Миссис Уизли улыбнулась им.

— Нелегкий выдался год?

— В общем, да, — признался Гарри. — Большое вам спасибо за свитер и сладости, миссис Уизли.

— О, не стоит благодарности, мой дорогой, — откликнулась она.

— Ну, ты готов?

Голос принадлежал дяде Вернону — такому же усатому как год назад, такому же багроволицему с такой же яростью взирающему на племянника. Дядя был явно возмущен его наглостью. Подумать только — стоять среди обычных людей с огромной совой в клетке! За дядей виднелись тетя Петунья и Дадли, с ужасом глядевший на двоюродного брата.

— Вы, должно быть, родственники Гарри! — воскликнула миссис Уизли.

— В каком-то смысле, — прорычал дядя Вер-

нон. — Поторопись, мальчик, я не собираюсь ждать тебя целый день.

Дядя Вернон отошел в сторону, а Гарри повернулся к Рону и Гермионе.

— До встречи, — улыбнулся он.

— Надеюсь, что у тебя… что у тебя будут веселые каникулы… — неуверенно выдавила Гермиона, явно пораженная нелюбезностью дяди Вернона.

— О, не сомневайтесь! — воскликнул Гарри. Рон и Гермиона с удивлением заметили, что он широко ухмыляется: «Мои родственники ведь не знают, что на каникулах нам запрещено прибегать к волшебству. А значит, этим летом я хорошенько повеселюсь с Дадли…»

Гарри Поттер и Тайная комната

Гарри Поттер снова вступает в отчаянную схватку со злом. На этот раз враг его так силен, что надежды на победу почти нет.

В Школе чародейства и волшебства «Хогвартс» происходят тревожные события. кто-то нападает на учеников школы, и преподаватели подозревают, что это таинственное чудовище, которое скрывается в легендарной Тайной комнате.

Гарри Поттер и его друзья разгадыва-

ют загадку Тайной комнаты, и теперь Гарри снова предстоит сразиться с лордом Волан-де-Мортом.

Сумеет ли он победить на этот раз?

Глава 1

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ — ХУЖЕ НЕКУДА

В доме № 4 по Тисовой улице во время завтрака разразился очередной скандал. Ранним утром мистер Вернон Дурсль проснулся от громкого уханья совы, долетевшего из комнаты племянника.

— Третий раз за неделю! — проревел он, садясь во главе стола. — Вышвырни ее немедленно, коль не умеешь с ней управляться.

— Сове в клетке скучно, — в который раз принялся объяснять Гарри. — Она вольная птица. Хорошо бы выпускать ее хоть на ночь.

— Я что, по-твоему, идиот? Не знаю, что от сов именно ночью жди неприятностей?

Дядя Вернон переглянулся с женой и вытер усы, в которых запутались кусочки яичницы.

Гарри хотел что-то возразить, открыл было рот, но кузен Дадли, смачно рыгнув, заявил:

— Хочу еще бекона!

— Возьми, деточка, со сковородки. Там еще много, — сказала тетя Петунья, и глаза ее от умиления увлажнились. — Кушай на здоровье, пока есть возможность. Школьная еда просто

отвратительна!

— Глупости, Петунья, — отрезал дядя Вернон. — Я в этой превосходной школе никогда не голодал. Думаю, и нашему сыну еды там хватает.

Дадли, очевидно, еды хватало: он был такой толстый, что бока у него свисали с краев табуретки.

— Дай мне сковородку, — приказал он Гарри.

— Ты забыл волшебное слово, — напомнил ему Гарри.

Эта простая фраза подействовала на семейство, как красная тряпка на быка. Дадли ойкнул и с грохотом свалился с табуретки. Миссис Дурсль, вскрикнув, прижала ко рту ладони. А мистер Дурсль вскочил со стула, и на висках у него вздулись синие жилки.

— Я только хотел сказать: он забыл слово «пожалуйста», — стал торопливо оправдываться Гарри.

— Сколько раз нужно тебе говорить, — брызгая слюной и стуча кулаком по столу, прошипел дядя Вернон, — в моем доме никаких слов на букву «в». Да и как ты посмел учить моего сына!

— Но ведь…

— Я предупреждал тебя, что не потерплю под этой крышей упоминания о твоем уродстве!

Гарри взглянул на багровую физиономию

дядюшки, побледневшее лицо тети Петуньи, которая силилась поднять с пола пыхтевшего сыночка, и тяжело вздохнул.

— Хорошо… хорошо, — кивнул он.

Дядя Вернон опустился на стул, дыша словно рассвирепевший носорог, его крохотные глазки, казалось, хотели пробуравить Гарри насквозь.

С самого начала летних каникул дядя Вернон обращался с ним, как с бомбой замедленного действия. Дело в том, что Гарри был и в самом деле необычный мальчик, не такой, как все. Гарри Поттер был волшебником. Он приехал домой на каникулы, закончив первый курс Школы чародейства и волшебства «Хогвартс», что на волшебном языке значит «вепрь». Естественно, Дурели не обрадовались его приезду, но это пустяки по сравнению с тем, что чувствовал, живя в этом доме, Гарри.

Он очень скучал по школе, скучал по замку, его таинственным переходам, привидениям, по урокам и учителям (но, конечно, не по Снеггу, преподававшему волшебное зельеварение), по общим трапезам в Большом зале. А какая у него замечательная кровать под пологом на четырех столбиках в круглой спальне на самом верху башни! Почту приносят совы, а в хижине на опушке

Запретного леса живет добрый лесничий Хагрид. Но особенно он скучал по квиддичу, любимой игре волшебников: шесть колец на высоких шестах, четыре парящих мяча и четырнадцать игроков верхом на метлах.

Привезя племянника домой, дядя Вернон первым делом отобрал у него весь волшебный скарб — учебники, палочку, мантию и метлу новейшей модели «Нимбус-2000». Все это отправилось в чулан под лестницей и было заперто на замок. Дурслям наплевать, что Ларри не выполнит летнего домашнего задания, а без тренировок его исключат из команды факультета. Обычных людей, в чьих жилах нет ни капли волшебной крови, маги называют «маглы», что на их языке значит «простаки». Для простаков — не для всех, конечно — волшебник в семье — позор. И чтобы пресечь всякую связь с миром чародейства и колдовства, дядя Вернон даже сову Буклю посадил под замок.

Гарри в семье Дурслей был во всем белой вороной. Дядя Вернон — представительный мужчина с пышными, черными усами и без намека на шею. Тетя Петунья — тощая блондинка с лошадиным лицом, а розовощекий, белобрысый Дадли весьма смахивал на поросенка.

Гарри же был маленький, худенький, сквозь круглые очки на мир взирали блестящие зеленые глаза. Черные как смоль волосы вечно взъерошены, на лбу тонкий шрам, похожий на разряд молнии, — единственное свидетельство трагических событий, в результате которых одиннадцать лет назад Гарри был найден Дурслями на пороге их дома.

Он, разумеется, не помнил, как он чудом избежал гибели, — ему тогда был всего годик.

Великий черный маг лорд Волан-де-Морт, чье имя и по сей день наводит ужас на волшебный народ, подверг заклятию семейство Гарри. Мать с отцом погибли, а на мальчика злые чары не подействовали; о произошедшем напоминал только легкий зигзаг на лбу. Но вот что странно: после этого злодейства колдовская сила Волан-де-Морта невесть почему сама собой исчезла. А Гарри очутился на пороге дома единственных родственников — тетки по матери и ее мужа. Он прожил с ними десять лет, не понимая, с чего бы это вокруг него творились порой очень странные вещи. И никогда не подвергал сомнению рассказ дядюшки, что его родители погибли в автомобильной катастрофе, после которой у него и остался на лбу этот шрам.

А ровно год назад Гарри получил письмо из «Хогвартса», открывшее ему правду. Он поехал туда учиться, и вдруг оказалось, что он знаменитость и все его по этому шраму узнают.

Но сейчас лето, время каникул, и он опять дома, где с ним обращаются как с паршивой собакой, вывалявшейся в зловонной грязи.

Сегодня у него день рождения, но никто из семейства даже не вспомнил об этом. Он и не ожидал подарка, от них и пирожка не дождешься. Но чтобы уж совсем забыть…

Грустные мысли Гарри прервало многозначительное покашливание дяди Вернона.

— Сегодня, как вы помните, у нас важный день… — начал он.

Гарри от неожиданности поперхнулся.

— …возможно, именно сегодня, — продолжал мистер Дурсль, — я заключу самую крупную в жизни сделку.

Гарри опять принялся жевать свою гренку. Как дядюшка надоел со своей дурацкой сделкой! Последние две недели только о ней и разговор. Сегодня вечером в честь хозяина богатой строительной фирмы будет дан званый обед. Дядя Вернон, чья собственная фирма делает дрели, мечтает получить от него выгодный заказ. Гость

обещал быть с женой.

— Не мешало бы еще раз отрепетировать сегодняшний вечер, — предложил дядя Вернон. — Итак, к восьми ноль-ноль каждый должен быть на своем месте. Петунья, ты будешь…

— В гостиной, — подхватила тетя Петунья. — Моя обязанность — со всей учтивостью приветствовать дорогих гостей.

— Прекрасно. А ты, Дадлик?

— Я открою гостям дверь, — ответил толстяк и, приторно улыбнувшись, прибавил: — Мистер и миссис Мейсон, позвольте взять ваши пальто!

— Ах! Они сразу его полюбят! — воскликнула тетя Петунья.

— Молодец, Дадлик! — похвалил сына мистер Дурсль и повернулся к Гарри. — А ты что будешь делать?

— Буду тихо сидеть у себя в комнате, как будто меня вообще нет, — пробубнил на одной ноте Гарри.

— И чтоб ни единого звука! — напомнил дядя. — Затем я веду их в гостиную, представляю Петунье и предлагаю что-нибудь выпить. В восемь пятнадцать…

— Я приглашаю гостей к обеду, — важно произнесла тетя.

— А ты, Дадлик, скажешь…

— Мистер и миссис Мейсон, позвольте проводить вас в столовую. — Дадли протянул пухлую руку невидимой даме и прибавил, гордо взглянув на родителей: — Ну как?

— Маленький мой, ты истинный джентльмен! — Тетушка чуть не прослезилась.

— А ты? — Дядя Вернон зыркнул злобным взглядом на Гарри.

— Тихо сижу у себя в комнате, как будто меня вообще нет, — тупо повторил Гарри.

— Правильно, — кивнул дядюшка. — За обедом каждый скажет гостям что-то приятное. Петунья, ты что придумала?

— Вернон рассказывал, как вы прекрасно играете в гольф, мистер Мейсон! Миссис Мейсон, позвольте вас спросить, где вы купили это очаровательное платье?

— Очень хорошо! А ты, Дадлик?

— На прошлой неделе мы в школе писали сочинение на тему «Мой кумир». И я написал про вас, мистер Мейсон.

Это уж было явно чересчур.

Тетя Петунья от избытка чувств разрыдалась и прижала сына к груди, а Гарри нырнул под стол — еще увидят, как он трясется от беззвучного

смеха.

— Ну, а ты?

Гарри вылез из-под стола, изо всех сил стараясь не фыркнуть.

— Тихо сижу в комнате, как будто меня вообще нет, — отчеканил он.

— Вот именно. Я ничего не говорил Мейсонам о тебе. Незачем им это знать… После обеда Петунья пригласит их в гостиную пить кофе, а я как бы невзначай заведу разговор о дрелях. Глядишь, до начала вечерних новостей и подпишем контракт. И тогда завтра утром едем по магазинам. Надо столько всего купить для отдыха на Майорке!

Никакой радости Гарри это известие не доставило. Ему все равно — что Тисовая, что Майорка, лучше к нему относиться не будут.

— А сейчас мы с Дадли едем покупать смокинги. Ты, Петунья, приведи все в идеальный порядок. А ты, — повернулся он к Гарри, — не мешай тетушке, не путайся под ногами.

Гарри вышел в сад. Был чудесный солнечный день. Он прогулялся по лужайке, сел на скамейку и грустно запел: «С днем рожденья тебя, с днем рожденья тебя…» И ни открыток, ни подарков, а вечером просто хоть совсем умри.

Взгляд его, бесцельно блуждая, остановился на

зарослях живой изгороди. Никогда еще у него на душе не было так тоскливо, так одиноко. Нет рядом ни Рона Уизли, ни Гермионы Грэйнджер — его лучших друзей. Совсем они про него забыли. За все лето ни одного письма! А ведь Рон — тогда в июне — даже звал его погостить.

Сколько раз Гарри хотелось заклинанием отпереть клетку и послать друзьям с Буклей письмо. Но это сулит большие неприятности. Несовершеннолетним волшебникам применять магию вне стен школы категорически запрещается. Дядя Вернон, правда, о запрете ничего не знает. Знал бы, давно бы запер племянника в чулане вместе с метлой и волшебной палочкой. Все семейство ох как боится, что он возьмет и превратит их в навозных жуков или в кого еще хуже. Первые две недели Гарри придумал забаву: надоест ему Дадли, он и начнет что-нибудь бормотать — толстяка как ветром сдунет. Но писем от друзей все не было, волшебный мир превращался в мираж, и Гарри надоело потешаться над кузеном. А сегодня друзья не вспомнили и про день рождения. Получить бы из школы хоть какую весточку, от кого угодно, даже от злейшего врага Драко Малфоя (не зря его фамилия значит «злокозненный»), лишь бы увериться, что Хогвартс не сон.

Конечно, и в школе всякое бывало. В конце третьего семестра Гарри лицом к лицу столкнулся с самим Волан-де-Мортом. И хотя нынешний Темный Лорд был лишь бледной тенью прошлого, он никому не пожелал бы встречи с таким чудовищем. Чего-чего, а хитрости и лукавства черному магу и сейчас не занимать. Ясно, что он ни перед чем не остановится, чтобы вернуть былое могущество. Правда, Гарри опять удалось спастись, уже второй раз. Но жизнь его висела на волоске. С того дня прошла не одна неделя, а Гарри нет-нет да и проснется ночью в холодном поту: опять привиделось это страшное лицо, безумные глаза. Такая жуть! Интересно, а где сейчас Волан-де-Морт?

Внезапно Гарри весь напрягся: из середины кустарника за ним явно кто-то следил. Гарри вскочил со скамейки — в густой листве мелькнули два огромных зеленых глаза.

— А я знаю, какой сегодня день, — донесся до него насмешливый голос Дадли, приближавшегося вразвалочку.

Огромные глаза мигнули и исчезли.

— Что, что? — Гарри не отрывал взора от живой изгороди.

— А я знаю, какой сегодня день, — повторил

Дадли, подходя ближе.

— Великое достижение! Наконец-то ты выучил все дни недели.

— У тебя сегодня день рождения. А где же поздравительные открытки? — хихикнул Дадли. — Выходит, у тебя даже в твоей уродской школе нет друзей.

— Смотри, как бы твоя мама не услыхала, что ты упомянул мою школу, — сухо проговорил Гарри.

Дадли подтянул сползавшие с толстого пуза штаны.

— А чего ты такуставился на кусты? — подозрительно спросил он.

— Да вот прикидываю, от какого заклятия они сильнее вспыхнут.

С поросячьих щек Дадли сполз румянец, он отбежал назад и, заикаясь, проговорил:

— Ты… ты… не посмеешь. Папа сказал, будешь колдовать, он вы… выгонит тебя из дому. А… а куда ты пойдешь? У тебя и друзей-то нет!

— Джокер-покер, фокус-покус, фигли-мигли, — угрожающе затараторил Гарри.

— Мама! — завопил Дадли и понесся в дом. — Мама! Он занимается… сама знаешь чем!

Дорого заплатил Гарри за доставленное себе удовольствие. Тетя Петунья сразу поняла, что сло-

ва эти ничего не значат, что с ее сыночком ничего не случится, как, впрочем, и с живой изгородью. Но для острастки замахнулась на племянника сковородой, так что Гарри едва от нее увернулся, да еще выше головы завалила работой.

— Пока все не закончишь, об обеде и не мечтай, — бросила она и вернулась к своим делам.

Дадли принялся за третий рожок мороженого, а Гарри взял губку, вымыл окно, машину, потом постриг газон, унавозил клумбы, обрезал и полил розовые кусты. Солнце палило нещадно, он устал и хотел пить. Оставалось еще покрасить скамейку.

Конечно, на Дадли не стоит обращать внимание. Но как не расстроиться от его слов? Может, и впрямь нет у него в школе друзей?

«Видели бы они сейчас, как знаменитый Гарри Поттер раскидывает по клумбам навоз», — горестно размышлял он. Спина уже еле разгибалась, по лицу градом катил пот.

В половине восьмого тетушка наконец позвала его.

— Иди ешь! Да смотри, наступай на газеты! А то еще нанесешь грязи.

Гарри вошел в прохладную, сверкающую чистотой кухню. На холодильнике высился

праздничный пудинг: гора взбитых сливок, украшенная засахаренными фиалками. А в духовке аппетитно шкварчал в ожидании гостей свиной окорок. Тетя Петунья кинула на стол тарелку с двумя ломтями хлеба и куском сыра. На ней уже было вечернее платье цвета лосося.

— Давай быстрее, гости будут с минуты на минуту! — приказала она.

Вымыв руки, Гарри с жадностью набросился на скудный ужин. Не успел он проглотить последний кусок, как тетушка схватила со стола его тарелку и махнула рукой.

— Марш к себе! — прошипела она.

Проходя мимо гостиной, Гарри увидел дядю Вернона с сыном. Оба были в смокингах и галстуках-бабочках. Поднявшись наверх, он обернулся и в последний раз окинул взглядом прихожую и лестницу.

— Запомни: один звук — и тебе несдобровать, — донеслось напутствие дяди, который вышел из гостиной, чтобы еще раз напомнить Гарри, как себя вести.

Гарри на цыпочках вошел к себе в комнату, осторожно прикрыл дверь и замер. На кровати у него кто-то сидел.

Глава 2

ДОББИ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ ОБ ОПАСНОСТИ

Гарри чуть не ахнул от удивления, но удержался. На кровати сидел маленький человечек, ушами напоминавший летучую мышь, и таращил на него выпученные зеленые глаза величиной с теннисный мяч. Гарри сразу его узнал — это он утром следил за ним из кустов живой изгороди.

Человечек не сводил с него глаз, Гарри отвечал тем же.

— Позвольте взять ваши пальто, мистер и миссис Мейсон? — донесся снизу почтительный голос Дадли.

Человечек соскользнул с кровати и низко поклонился, коснувшись ковра кончиком тонкого, длинного носа. Одет он был в старую наволочку с дырками для ручек и ножек.

— П-привет, — поперхнулся Гарри.

— Гарри Потгер! — прюнзительным голосом воскликнул нежданный гость (дядя Вернон в гостиной наверняка услышал). — Добби так давно мечтал с вами познакомиться, сэр… Это такая честь…

— Б-благодарю вас, — кивнул Гарри.

Двигаясь вдоль стенки, он достиг письменного стола и опустился на стул рядом с просторной клеткой, где спала сейчас сова Букля. Гарри хотел было спросить незнакомца, кто он, но, подумав, что это неучтиво, спросил только его имя.

— Добби, сэр, — ответил человечек — Просто Добби. Добби-домовик, если угодно, домовой эльф.

— В самом деле? — В другой раз это известие немало удивило бы Гарри, но сейчас было не до того. — Видите ли, сегодня… э-э… не лучший день для Знакомства с домовиком. Только, пожалуйста, не обижайтесь.

Снизу доносился фальшивый, на высоких нотах смех тетушки Петуньи. Добби-домовик понурил голову.

— Не подумайте, что знакомство с вами мне неприятно, — поспешил Гарри утешить эльфа. — Но не могли бы вы… объяснить мне… э-э… цель вашего посещения.

— Да, сэр. Конечно, сэр. Добби пришел… это трудно выразить… Добби не знает, как начать…

— Садитесь, пожалуйста. — Гарри указал на кровать.

И тут, к его ужасу, домовик разразился громки-

ми рыданиями.

— Садитесь! — голосил он. — Никогда… никогда еще…

Разговор внизу явно застопорился.

— Простите, пожалуйста, — прошептал Гарри, — я не хотел вас обидеть.

— Какая обида! — задохнулся эльф. — Никогда еще ни один волшебник не разговаривал с Добби как с равным, не приглашал сесть…

— Да тише вы, — взмолился Гарри и подтолкнул эльфа к кровати, стараясь сохранить самое доброе выражение лица.

Эльф взобрался на кровать, сел поудобнее — он походил сейчас на большую растрепанную куклу — и начал нервно икать. Наконец он справился и со слезами, и с икотой и устремил на Гарри восхищенный взгляд огромных, блестевших, как изумруды, глаз.

— Вам, должно быть, редко встречались хорошо воспитанные волшебники. — Гарри пытался утешить эльфа.

Добби кивнул. И вдруг, прыгнув на подоконник, стал яростно биться головой об оконную раму.

— Гадкий Добби! — кричал он при этом. — Мерзкий, гадкий Добби!

— Пожалуйста, не надо, — полушепотом попро-

сил Гарри. — Что вы делаете?

Вскочив со стула, он опять водрузил эльфа на постель. Но тут, как назло, проснулась Букля, както особенно громко крикнула и бешено забила крыльями о решетку клетки.

— Добби обязан наказать себя, сэр, — произнес домовик, у которого глаза от ударов стали немного косить. — Добби сказал плохое о своей семье, сэр…

— О своей семье?

— О своих хозяевах, сэр… Добби — домовый эльф, его участь до конца дней жить в одном доме, служить одной семье…

— А они знают, что вы сейчас здесь? — полюбопытствовал Гарри.

— Нет, сэр. Конечно нет! — воскликнул эльф, и его всего передернуло. — Добби придется сурово наказать себя за это. Очень сурово, сэр. Прищемить уши печной дверцей. Если они когда-нибудь об этом узнают…

— А разве они не заметят, что вы подвергаете себя наказанию?

— Добби сомневается в этом, сэр. Добби все время себя наказывает. Хозяева велят. Напоминают, что лишнее наказание не повредит…

— Почему же вы не бросите их? Не убежите?

— Эльф-домовик может стать свободным, только если хозяин даст ему вольную. А эта семья никогда не даст вольной… Добби будет служить ей, пока не умрет.

— А я думал, хуже моей участи нет. И всего-то пожить здесь еще месяц! — нахмурился Гарри. — Да маглы — ангелы по сравнению с вашей семьей. А не может ли кто-нибудь помочь вам? Хотя бы я?

Сказав это, Гарри тут же раскаялся: из груди Добби вырвался вопль благодарности.

— Пожалуйста, — зашептал Гарри в отчаянии. — Пожалуйста, тише. Если Дурели что-нибудь услышат, если узнают, что у них в доме эльф…

— Гарри Поттер сказал, не может ли он помочь Добби… Добби много слышал о вашем величии, но о вашей доброте Добби не ведал.

Кровь горячей волной залила щеки Гарри.

— Разговоры о моем величии просто чушь, — сказал он. — Я даже не самый лучший в классе у нас в Хогвартсе. Лучше всех учится Гермиона. У нее…

Гарри не мог продолжать: он вспомнил Гермиону, и у него кольнуло в груди.

— Гарри Поттер скромен и смиренен, — почти-

тельно произнес Добби, его круглые глаза так и сияли. — Гарри Поттер не хвастается победой над Тем-Кого-Нельзя-Называть.

— Над Волан-де-Мортом? — спросил Гарри. Добби зажал ладошками торчащие уши и взвыл:

— Не произносите это имя, сэр. Умоляю, не произносите!

— Простите, пожалуйста, — поспешил принести извинение Гарри. — Я знаю, многим оно не нравится. Мой друг Рон…

Он опять замолчал. И это имя причинило боль.

Добби подался вперед. Глаза у него горели ярче автомобильных фар.

— Добби слыхал, — хрипло произнес он, — что Гарри Поттер еще раз встретился с Темным Лордом. Всего несколько недель назад… И Гарри Поттер опять спасся.

Гарри кивнул, и на выпученных глазах Добби навернулись слезы.

— Ах, сэр, — выдохгул он и вытер лицо углом грязной наволочки. — Гарри Поттер благороден и смел! Он уже одержал столько побед! Но Добби пришел, чтобы защитить его, предупредить об опасности. И пусть потом придется защемить уши печной дверцей…

Гарри Поттеру нельзя возвращаться в «Хо-

гвартс».

В комнате воцарилось молчание, прерываемое рокотанием голоса дяди Вернона, бряцанием ножей и вилок, доносившимся снизу.

— По-по-почему? — Гарри от неожиданности стал заикаться. — Я должен ехать в школу. Учебный год начинается первого сентября. Я только и живу этой надеждой. Вы не представляете себе, что мне приходится здесь терпеть. Я здесь всем чужой. Мое место в вашем мире. В школе волшебников.

— Нет, нет, нет! — Добби так сильно замотал головой, что уши заколыхались. — Гарри Поттер должен оставаться там, где он в безопасности. Великий, несравненный Гарри Поттер — всеобщее достояние. В Хогвартсе Гарри Поттеру грозит страшная опасность!

— Какая опасность? — еще больше удивился Гарри.

— Существует заговор. В Школе чародейства и волшебства в этом году будут твориться кошмарные вещи, — прошептал Добби и вдруг задрожал всем телом. — Добби проведал об этом уже давно, сэр, несколько месяцев назад. Гарри Поттер не имеет права ввергать себя в пучину бедствий. Он всем очень нужен, сэр!

— Какие еще кошмарные вещи? — напрямик спросил Гарри. — Кто их затевает?

Добби издал странный сдавленный хрип и стал неистово биться головой об стену.

— Ну будет, будет. — Гарри схватил домовика за руку, пытаясь остановить истязание. — Я понимаю, вы не можете ничего сказать. Но почему вы предупреждаете меня? — И тут его пронзила внезапная мысль. — Постойте! Не связано ли это с Вол… простите, с Вы-Знаете-Кем? Если не можете, не отвечайте. — Но, увидев, что лоб Добби опять в опасном соседстве со стеной, поспешно прибавил: — Только кивните или покачайте головой.

Добби медленно задвигал головой из стороны в сторону.

— Нет, сэр, это не Тот-Кого-Нельзя-Называть, — внятно, по слогам произнес он. Но глаза его выпучились еще сильнее.

Гарри видел — Добби явно старается навести его на какую-то мысль. И попробовал догадаться:

— Может, у него есть такой же коварный брат?

Добби сильнее замотал головой, а глаза его чуть не вылезли из орбит.

— Ну ладно. Только я представить себе не могу, кто еще мог бы причинить мне зло в Хогвартсе. Ведь там же есть Дамблдор. Вы знаете, кто такой

Дамблдор?

— Да, конечно, — кивнул Добби. — Альбус Дамблдор самый великий ректор в истории Хогвартса. Добби это знает. Добби слышал, что могуществом Дамблдор не уступал Тому-Кого-Нельзя-Называть, даже когда тот был в самой силе. Но, сэр, — перешел Добби на энергичный шепот, — есть враги, которых Дамблдор не может… враги, которых ни один уважающий себя волшебник…

И не успел Гарри глазом моргнуть, Добби соскочил с кровати, схватил настольную лампу и начал колотить себя по голове, сопровождая наказание душераздирающими криками.

Гости и хозяева внизу притихли. Гарри услыхал, как дядя Вернон затопал в коридоре, и у него бешено забилось сердце.

— Проказник Дадли, как видно, опять не выключил свой телевизор! — воскликнул дядя.

— Скорее в шкаф! — шепнул Гарри, схватил Добби, толкнул его туда, захлопнул дверцу и успел одним махом метнуться на кровать. В тот же миг ручка двери повернулась.

— Что… черт возьми… ты… тут… делаешь? — прохрипел дядя Вернон сквозь стиснутые зубы, приблизив пышущее злобой лицо вплотную к

лицу Гарри. — Ты убил изюминку в моей замечательной шутке, «как японец играл в гольф». Еще один звук, и ты пожалеешь, что родился на свет!

С этими словами он, тяжело ступая, убрался из комнаты Гарри.

Дрожа от страха, Гарри подошел на цыпочках к шкафу и выпустил оттуда Добби.

— Видишь теперь, каково мне здесь? Понял, почему мне надо вернуться в Хогвартс? Это единственное на земле место, где у меня есть… по крайней мере я так думаю… у меня есть друзья.

— Друзья, которые не написали Гарри Поттеру ни одного письма?

— Наверное, они… просто… Подожди, — нахмурился Гарри. — А откуда ты знаешь, что мои друзья не писали мне писем?

— Гарри Поттер не должен сердиться на Добби. Добби так поступил с самыми лучшими намерениями… — сказал эльф, переминаясь с ноги на ногу.

— Ты воровал мои письма?

— Они у меня все здесь, сэр, — сообщил Добби, на всякий случай отскочив от Гарри подальше, и вынул из-за пазухи толстую пачку писем.

Гарри различил аккуратный почерк Гермионы, небрежную писанину Рона и даже каракули,

которые наверняка были нацарапаны рукой лесничего Хагрида.

Добби, опасливо мигая, взирал из угла комнаты на Гарри.

— Добби надеялся… Пусть Гарри Поттер подумает, что его друзья забыли о нем… Может, Гарри Поттер и не захочет вернуться в школу, сэр…

Но Гарри не слушал. Он рванулся к Добби, протянув руку к письмам, но тот ловко увернулся.

— Гарри Поттер получит их, сэр, если даст Добби слово, что не вернется в Хогвартс. Ах, сэр, вы не имеете права подвергать себя такой опасности! Обещайте Добби, что не поедете больше в школу.

— Ни за что! — отчеканил Гарри. — Немедленно отдайте письма моих друзей!

— Так знайте, сэр, — печально проговорил эльф, — Добби придется прибегнуть к крайним мерам. Другого выхода нет.

И не успел Гарри опомниться, Добби выскочил из комнаты, толкнул дверь и кубарем скатился по лестнице.

Во рту у Гарри пересохло, сердце чуть не выскочило из грудной клетки. Он бросился вслед за домовиком, стараясь не производить шума. Перемахнул через шесть последних ступенек и неслышно, с ловкостью кошки приземлился на

ковер прихожей. Огляделся по сторонам: куда мог деваться Добби?

— Пожалуйста, расскажите Петунье ту смешную историю про американских сантехников, мистер Мейсон. Она умирает от любопытства, — донеслись из столовой слова дяди Вернона.

Гарри бегом бросился в кухню и обомлел.

Тетушкино чудо кулинарного искусства — огромный пудинг из взбитых сливок и засахаренных фиалок — парил под потолком. А на верху буфета в углу, съежившись, сидел Добби.

— Не надо, — простонал Гарри, — они убьют меня…

— Гарри Поттер должен обещать, что он не вернется в школу.

— Добби, умоляю…

— Обещайте, сэр.

— Не могу!

Добби с состраданием посмотрел на него.

— Тогда Добби придется на это пойти. Ради вашего блага, сэр.

При этих его словах торт рухнул на пол с оглушительным грохотом. Клочья сливок заляпали окна и стены. А Добби, как будто щелкнув невидимым хлыстом, исчез, словно его и не было.

В столовой раздался визг, в кухню ворвался дядя

Вернон, и его глазам предстал Гарри, с ног до головы облепленный пудингом тетушки Петуньи.

Сначала показалось, что дяде Вернону удалось разрядить обстановку.

— Это всего только наш племянник… Он не в себе, знаете ли… Незнакомые люди очень его пугают… И приходится держать его наверху, — говорил он, провожая Мейсонов обратно в столовую.

Вернувшись, он сунул в руки Гарри швабру и пригрозил, вот только гости уйдут, избить его до полусмерти. Тетя Петунья полезла в морозильник за мороженым, а Гарри принялся наводить в кухне чистоту.

Возможно, дяде Вернону удалось бы заключить самую крупную в жизни сделку, но в тот вечер семейство поджидала еще одна напасть.

Тетя Петунья стала обносить гостей коробкой с мятным шоколадом, как вдруг в открытое окно столовой влетела, шурша крыльями, огромная сова, уронила на голову миссис Мейсон письмо и вылетела обратно в темноту сада. Миссис Мейсон закричала дурным голосом, не хуже ирландского привидения, приносящего весть о близкой смерти, и выскочила вон из дома. После чего мистер Мейсон оставался в гостях ровно столько, сколь-

ко надо, чтобы сказать: жена его больше всего на свете боится птиц любого вида и цвета, а он вообще таких шуток не понимает.

Гарри стоял на кухне, сжимая в руках швабру, как будто ища в ней поддержку: дядя Вернон надвигался на него с сатанинским блеском в крошечных глазках.

— Читай! — злобно прошипел он, размахивая перед носом Гарри письмом, которое принесла сова. — Читай вслух!

Гарри взял письмо. Поздравления с днем рождения в нем не было. Вот что он прочитал:

> ***«Дорогой мистер Поттер!***
>
> *Мы получили донесение, что в месте Вашего проживания сегодня вечером в двадцать один час двенадцать минут было применено заклинание Левитации.*
>
> *Как Вам известно, несовершеннолетним волшебникам не разрешено вне школы использовать приемы чародейства. Еще одна такая провинность, и Вас исключат из вышеупомянутой школы согласно Указу, предусматривающему разумное ограничение волшебства несовершеннолетних (1875 г., параграф С).*

Также напоминаем, что любой акт волшебства, способный привлечь внимание не умеющего колдовать сообщества (простецы), является серьезным нарушением закона согласно Статусу секретности Международной конфедерации колдунов и магов.

Счастливых каникул!

Искренне Ваша, Муфалда Хмелкирк.
Отдел злоупотребления магией, Министерство магии».

Гарри кончил читать и сглотнул комок в горле.

— Ты почему не сказал нам, что тебе запрещено колдовать вне школы? — обрушился на Гарри дядя Вернон — в глазах у него плясали взбесившиеся светляки, так, во всяком случае, показалось Гарри. — Скажешь, что просто забыл… вылетело из головы…

Дядя Вернон навис над Гарри как огромный, оскалившийся бульдог.

— Ну вот что, у меня для тебя приятнейшее известие. С сегодняшнего дня ты будешь посажен под замок… И никогда больше не вернешься в ту школу… никогда. А вздумаешь колдовать, они все

равно тебя выгонят!

И, захохотав, как помешанный, он потащил Гарри наверх в его комнату.

Дядя Вернон не бросал слов на ветер. На другое утро он позвал плотника, и тот за умеренную плату забрал деревянной решеткой окно в комнате Гарри. Потом своими руками прорезал внизу двери отверстие и навесил кошачью дверцу. Три раза в день пленнику давали немного еды, утром и вечером выводили в туалетную комнату. Все остальное время суток Гарри Поттер был заперт у себя в комнате на ключ.

* * *

Так прошло три дня. Дурели и не думали сменить гнев на милость. Он лежал на кровати и глядел сквозь зарешеченное окно, как медленно садится солнце. что-то с ним теперь будет? Сердце в отчаянии сжималось — он не видел никакого выхода.

Что толку вызволять себя из заточения с помощью магии, ведь тогда его исключат из Хогвартса. Но и жизнь на Тисовой улице не сулила ничего хорошего. Дурели узнали, что могут спокойно спать, никто ночью не обратит их в летучих мышей, и теперь у него нет против них оружия.

Добби, возможно, и спас его от какой-то страшной опасности, грозившей ему в Хогвартсе. Но ведь здесь его ждет просто голодная смерть.

Скрипнула кошачья дверца, и рука тети Петуньи втолкнула в комнату миску с супом. У Гарри от голода уже давно сосало под ложечкой, он вскочил с постели и ринулся к миске. Суп был холодный как лед, но он в несколько секунд ополовинил ее. Затем подошел к клетке Букли и вывалил в ее плошку оставшееся овощное месиво. Сова распушила перья и презрительно глянула на Гарри.

— Нечего воротить клюв, — уныло проговорил Гарри, — это все, что у нас есть.

Поставив пустую миску на пол рядом с кошачьей дверцей, Гарри опять лег на постель. Есть хотелось еще сильнее.

Допустим, он не умрет в оставшиеся четыре недели. Хватятся ли его в Хогвартсе, если он первого сентября туда не вернется? Пошлют ли кого-нибудь узнать, что с ним? Смогут ли уговорить семейство Дурслей отпустить его?

Комната погружалась во мрак. Измученный, голодный — в животе громко бурчало, — осаждаемый неразрешимыми вопросами, Гарри забылся тревожным сном.

* * *

Ему снилось, что его подарили зоопарку. Он сидит в клетке, на которой табличка: «Колдун несовершеннолетний». Люди глазеют на него сквозь прутья решетки, а он, ослабевший, с пустым желудком, лежит на соломенной подстилке. В толпе мелькнули уши и глаза Добби, он стал кричать ему, просить о помощи, но Добби только сказал:

— Гарри Поттер здесь в безопасности, сэр.

Потом появились Дурели, и Дадли стал бить палкой по железным прутьям. Голова у Гарри раскалывалась от боли.

— Перестань, — взмолился он, — не мешай мне… Я очень хочу спать…

* * *

Гарри открыл глаза. В комнату лился лунный свет. кто-то действительно глядел на него в зарешеченное окно; лицо в веснушках, рыжие волосы, длинный нос.

Ну конечно, это был его лучший друг Рон Уизли.

Глава 3

«НОРА»

— Рон! — едва шевеля губами, произнес Гарри.

Чуть не ползком добрался до окна и открыл его, чтобы легче было говорить.

— Рон, как ты здесь очутился? Что ты…

И тут он заметил, что Рон смотрит на него из старенького бирюзового цвета автомобиля, который висит в воздухе у самого окна. От изумления Гарри открыл рот, что очень развеселило близнецов Фреда и Джорджа, сидящих спереди.

— Привет, Гарри! — воскликнули они в один голос.

— Что происходит? — спросил Рон. — Почему ты не отвечал на письма? Я тебя чуть не десять раз приглашал погостить. А вчера приходит отец и говорит, что ты применил волшебство на глазах у маглов и получил официальный выговор…

— Это не я. А откуда он узнал?

— Он работает в Министерстве магии, — ответил Рон. — Ты ведь знаешь: колдовать за стенами школы запрещено.

— И это ты мне говоришь? — выразительно

глядя на парящий автомобиль, сказал Гарри.

— Ну, это не в счет. Мы его взяли ненадолго. Это папин автомобиль. Мы никаким волшебством не пользовались. Другое дело — колдовать на глазах простецов, у которых живешь…

— Но я же сказал: это не я… Долго объяснять. Ты не мог бы рассказать в школе, что Дурели меня заперли и сказали, что больше не пустят в Хогвартс. Никогда! А сам я выйти отсюда при помощи магии не могу. В Министерстве тогда скажут, что я за три дня учинил целых два незаконных колдовства.

— Успокойся, сам все объяснишь, — сказал Рон. — Мы приехали за тобой. Последний месяц каникул проведешь у нас.

— Но вы тоже не имеете права колдовать…

— А мы и не будем. — Рон кивнул в сторону старших братьев. — Ты не видишь, кого я с собой привез?

— Привяжи эту веревку к решетке, — приказал Фред, протягивая Гарри один ее конец.

— Если Дурели проснутся, мне несдобровать, — прошептал Гарри, привязывая веревку к одному из прутьев решетки.

— А теперь отойди в сторону и перестань праздновать труса. — С этими словами Фред хо-

рошенько газанул.

Гарри отошел к клетке. Букля, словно почуяв тревогу хозяина, сидела не шелохнувшись. Машина рванулась вперед, двигатель ревел все сильней и сильней, решетка наконец поддалась и вся целиком с громким треском выскочила из оконной рамы. Машина взмыла, Гарри выглянул в окно и увидел решетку: она болталась метрах в полутора от земли. Тяжело дыша, Рон потащил ее в машину. Гарри, замерев, прислушался: в спальне дяди Вернона и тети Петуньи все было тихо.

Решетка наконец была благополучно втянута в машину, и Фред задним ходом подплыл как можно ближе к окну.

— Прыгай, — скомандовал Рон.

— А как же мои школьные вещи — волшебная палочка, метла…

— Где они?

— В чулане под лестницей. А дверь комнаты заперта на ключ.

— Ну, это пустяки, — отозвался с переднего сиденья Джордж. — Отойди, Гарри, от окна.

Братья осторожно влезли в комнату.

«Мне бы надо самому сходить за вещами», — подумал Гарри, глядя, как Джордж, вынув из

кармана шпильку, стал ковырять ею в замке.

— Многие волшебники считают, что учиться у маглов таким фокусам — пустое занятие, — сказал Фред. — Мытак не думаем. Кое-чему у них стоит учиться. Хотя, конечно, работать с быстротой молнии они не умеют.

В замке вдруг что-то щелкнуло, и дверь распахнулась.

— Мы спустимся за твоим чемоданом, — прошептал Джордж, — а ты собери в комнате что тебе нужно и подавай Рону.

— Осторожнее, последняя ступенька скрипит, — предупредил тоже шепотом Гарри.

И близнецов поглотила лестничная тьма.

Гарри забегал по комнате, собирая вещи и передавая их Рону в окно. Затем поспешил вниз помочь тащить чемодан. Из спальни послышался кашель дяди Вернона.

Запыхавшись, дотащили все вместе чемодан до двери и через всю комнату до окна. Фред нырнул в машину и вместе с Роном стал его тянуть, Гарри с Джорджем толкали из комнаты.

Сантиметр за сантиметром чемодан медленно втягивался внутрь машины. Дядя Вернон опять кашлянул.

— Еще наляжем, — командовал Фред. — Раз-

два, пошел!

Гарри и Джордж налегли плечами, поднатужились, чемодан выскочил из окна и упал на заднее сиденье.

— Все в порядке, — шепнул Джордж. — Лезь скорее!

Гарри уже вскочил на подоконник, как вдруг за спиной раздался громкий, протяжный крик, который был заглушен громовым голосом дяди Вернона:

— Опять эта чертова сова!

— Я забыл Буклю, — в ужасе прошептал Гарри.

Он соскочил с подоконника и в ту же секунду на лестнице вспыхнул свет. Гарри схватил клетку с совой, метнулся к окну, сунул ее в руки Джорджа, а сам вернулся к комоду, кое-что взять из ящика. В этот миг дядя Вернон ударил кулаками в дверь, думая, что она заперта. Дверь распахнулась. Дядя Вернон застыл на мгновение в дверном проеме, издав рев разъяренного быка, прыжком подскочил к окну и успел-таки вцепиться в лодыжку Гарри.

Братья ухватили Гарри за руки и изо всех сил дернули в машину.

— Петунья! — загремел дядя Вернон. — Он убегает! ОН УБЕГАЕТ!

Братья дернули еще раз, и нога Гарри выскользнула из рук дяди Вернона. Гарри влетел в машину и захлопнул дверцу.

— Жми на газ, Фред! — крикнул Рон, и машина на всей скорости помчалась вверх, держа курс на луну.

Гарри не мог опомниться: неужели свободен! Он опустил окно, ночной воздух взъерошил волосы. Посмотрел вниз: крыши домов на Тисовой улице быстро уменьшались в размере. Дядя Вернон, тетя Петунья и Дадли остолбенело глядели из окна комнаты Гарри.

— Увидимся следующим летом! — махнул им на прощанье Гарри.

Братья Уизли смеялись и что-то громко кричали. А спасенный друг, откинувшись на спинку сиденья, первый раз за много дней улыбался во все лицо.

— Выпусти Буклю, — сказал он Рону. — Пусть летит сзади. Столько дней просидеть взаперти!

Джордж протянул Рону шпильку, еще минута — и счастливая Букля вылетела в окно и, как призрак, неслышно заскользила в воздухе рядом с машиной.

— Ну, рассказывай скорее, — потребовал нетерпеливо Рон. — Что с тобой произошло? Гарри

поведал им про посещение Добби, про его предупреждение и описал гибель кулинарного шедевра миссис Дурели.

— Очень странно, — протянул Фредди.

— Непохоже на правду, — кивнул Джордж. — И он не сказал, кто замышляет это злодейство?

— Мне показалось, он не мог этого сказать, — попытался объяснить Гарри. — Откроет рот и тут же начинает биться головой об стену.

Фред с Джорджем обменялись взглядами.

— По-вашему, он все выдумал? — спросил Гарри.

— Понимаешь, — начал Фред, — домовики умеют колдовать, но обычно не смеют без разрешения хозяев. Скорее всего, старина Добби был кем-то подослан к тебе, чтобы отвадить от школы. Вспомни, нет ли у тебя в Хогвартсе врага?

— Есть, — в один голос, не раздумывая, ответили Рон и Гарри.

— Драко Малфой, — пояснил Гарри. — Он меня ненавидит.

— Драко Малфой? — переспросил Джордж, обернувшись. — Сын Люциуса Малфоя?

— Думаю, да, — ответил Гарри. — Малфой редкая фамилия. А это важно?

— Я слышал, что про него говорил отец, — ска-

зал Джордж — Он был сообщник Сами-Знаете-Кого. Один из самых главных.

— А когда Сами-Знаете-Кто исчез, — продолжил Фред, вывернув голову чуть не на сто восемьдесят градусов, — Люциус Малфой принялся уверять всех, что ни к каким злодействам он не причастен. Но это он наврал. Отец говорит, он был ближайший помощник Гарри не раз слыхал подобные разговоры о семье Малфоев, так что слова друзей его ни капли не удивили. По сравнению с Драко Дадли был добрый и отзывчивый мальчик.

— Не знаю, есть ли у Малфоев собственный домовик… — пожал плечами Гарри.

— Кто бы ни были хозяева Добби, это наверняка старый чародейский род, причем очень богатый, — заметил Фред.

— Само собой… — отозвался Джордж. — Мама жалеет, что у нас нет домовика, семья большая, столько приходится гладить, а магией тут не поможешь. У нас есть только дряхлый упырь, живет на чердаке. Да еще гномы весь сад заполонили. Домовики обитают только в старинных особняках и замках. Переходят по наследству. В нашем доме эльф не заведется.

Гарри летел молча. Судя по тому, что у Драко

все всегда было самое лучшее, его семья действительно купалась в волшебном золоте. Он живо вообразил, как Драко важно расхаживает по огромному особняку. Да, он вполне мог послать преданного слугу к Гарри, чтобы тот любой ценой предотвратил его появление в школе. Драко Малфой на такое способен. Выходит, он зря поверил Добби, принял его слова за правду.

— Так или иначе, но я рад, что мы прилетели за тобой, — сказал Рон. — Знаешь, как я беспокоился! Пишу тебе, пишу, и никакого ответа. Сначала подумал, что виновата Стрелка…

— А кто такая Стрелка?

— Наша почтовая сова, старая-престарая. Летит, летит с письмом и вдруг упадет по дороге. Я попросил Гермеса…

— Кого, кого?

— Сову Перси. Мама с папой подарили ему, когда Перси назначили старостой, — пояснил с переднего сиденья Фред.

— Но Перси его не дал. Сказал, что Гермес нужен ему самому.

— Перси вообще ведет себя странно этим летом, — нахмурился Джордж. — Без конца пишет кому-то письма, часами сидит, запершись у себя в комнате. Ну сколько можно надраивать до

блеска значок старосты! Ты взял слишком далеко на запад, Фред, — спохватился он, указывая на компас, вделанный в щиток управления.

Фред поспешно вывернул руль влево.

— А твой отец знает, что вы взяли его машину? — спросил Гарри, догадываясь, какой услышит ответ.

— Н-нет, — промямлил Рон. — Он сегодня работает в ночь. Надеюсь, мы успеем поставить машину в гараж до того, как проснется мама. Не дай бог, она заметит, что мы брали фордик.

— А что делает ваш отец в Министерстве магии?

— Работает в самом скучном отделе «Противозаконное использование изобретений маглов».

— Чего использование?

— Сейчас объясню. Например, у тебя есть вещь, которую сделали простецы. Ты ее заколдовал, а она потом опять к ним попала — в дом или магазин. В прошлом году умерла старая ведьма, а у нее был чайный сервиз. Его продали на аукционе одной простачке. Она пригласила друзей на чашку чая. Так что там творилось! Отец потом несколько недель распутывал это дело с утра до ночи.

— Не можешь рассказать подробнее?

— Могу, конечно. Чайник как взбесился. Пле-

вал вокруг себя крутым кипятком, а сахарные щипцы, представляешь, защемили нос одному гостю, и того отправили в больницу. Отец был вне себя. Их в отделе было всего двое: он и старый колдун по имени Перкин Уорбек. Здорово они тогда помучились! Применили даже заклинание Забвения.

— А как же автомобиль твоего отца?

— Это вообще отпад! — рассмеялся Фред. — Простецы столько напридумывали всяких штучек-дрючек, у отца от них крыша поехала. У нас их полон сарай! Принесет, разберет на кусочки, наложит заклинание и опять соберет. Приди он с обыском к самому себе, пришлось бы самого себя арестовать. Мама ругается, а ему до лампочки.

— Вот и наше шоссе, — сказал Джордж, вглядываясь в редеющую тьму через ветровое стекло. — Еще минут десять, и мы дома. Уже светает, кажется, будем вовремя.

Горизонт на востоке слабо заалел.

Фред начал снижение. Гарри различил внизу межи полей и купы деревьев.

— Мы почти над деревней Оттери-Сент-Кэчпоул, — сообщил Джордж Земля быстро приближалась. Сквозь кроны деревьев уже просвечивал пунцовый краешек солнца.

— Садимся! — объявил Фред.

И машина, чуть подпрыгнув, коснулась колесами земли. Они приземлились на крошечном заднем дворе рядом с покосившимся гаражом, и дом Рона впервые предстал глазам Гарри.

Похоже, изначально это был небольшой кирпичный свинарник, но потом к нему время от времени пристраивали и сверху и с боков все новые комнаты, дом подрос на несколько этажей, но выглядел так неустойчиво, будто держался единственно силой волшебства. («Что вполне вероятно», — подумалось Гарри.) На красной черепичной крыше торчали вразнобой пять каминных труб. У входа на шесте, слегка скособочившись, висела надпись: «Нора». Сбоку крыльца рядом с огромной заржавленной кастрюлей красовалась груда резиновых сапог разных цветов и размеров. По двору ходили упитанные пеструшки и что-то клевали.

Вся компания высыпала из машины.

— Не бог весть что, — скромно сказал Рон.

— Здорово! — восторженно воскликнул Гарри, вспомнив чинную Тисовую улицу.

— Теперь наверх. Все по своим кроватям. Только очень, очень тихо! — скомандовал Фред. — Мама позовет завтракать. Ты, Рон, побежишь вниз и

радостно крикнешь: «Смотри, мама, кто ночью объявился!» Она обрадуется, и никто не заметит, что мы брали машину.

— Ладно, — согласился Рон. — Идем, Гарри, — позвал он. — Я на ходу с…

Поперхнувшись, Рон смолк и лицо его пошло зелеными пятнами: в окнах «Норы» горел свет, а от крыльца, разгоняя кур, к ним приближалась миссис Уизли. Это была маленькая полная женщина с добрейшим лицом, сейчас напоминающая саблезубого тигра.

Фред охнул.

— Господи, — вырвалось у Джорджа.

Миссис Уизли подошла к ним и остановилась, уперев руки в бока и переводя взгляд с одного виноватого лица на другое. На ней был фартук в цветочек, из кармана которого торчала волшебная палочка.

— Ну? — грозно вопросила она.

— Доброе утро, мамочка, — произнес Джордж, как ему показалось веселым, довольным голосом.

— Вы что, не понимаете, как я волновалась? — яростно прошептала миссис Уизли.

— Прости, мамуля, но мы должны… были… Вся троица была выше матери чуть не на голову, но

смертельно боялась ее гнева.

— Пустые постели! Никакой записки! Исчезла машина! Могли попасть в дорожную аварию! Я чуть с ума не сошла от беспокойства! Вы ни о ком, кроме себя, не думаете! Такого я, сколько живу, не помню! Вот погодите, придет отец. Старшие братья никогда ничего подобного не совершали, ни Билл, ни Чарли, ни Перси…

— …наш пай-мальчик, — закончил тираду Фред.

— НЕ ГРЕХ БЫ И ПЕРЕНЯТЬ У ПЕРСИ ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ! — воскликнула миссис Уизли, тыча пальцем в грудь Фреда. — Вы могли погибнуть, вас могли увидеть, отец из-за вас может потерять работу…

Гневу ее, казалось, не будет конца. И, только охрипнув, она повернулась к Гарри, который попятился от нее в страхе.

— Милости просим, дорогой Гарри. Входи, сейчас будем завтракать, — приветливо улыбнулась хозяйка и с этими словами поспешила обратно в дом.

Бедный Гарри бросил на Рона вопросительный взгляд, тот ободряюще кивнул, и Гарри последовал за миссис Уизли.

Кухня была маленькая и довольно тесная. В

середине стоял выскобленный деревянный стол в окружении стульев. Гарри сел на краешек ближайшего стула и огляделся. Ему еще не доводилось бывать в домах волшебников.

На противоположной стене висели часы с одной стрелкой. Вместо цифр шли надписи: «Время чая», «Время кормить кур», «Опоздание» и тому подобное. На каминной доске стопки книг. Гарри прочитал на корешках: «Заколдуй себе сыр!», «Чары, применяемые при выпечке», «Как в одну секунду приготовить пир. Чудодейственная магия!». За мойкой на стене висело старенькое радио, которое вдруг заговорило. Гарри даже подумал, что ослышался. Диктор объявил:

«Час волшебников. Начинаем выступление известной певицы, ворожеи Селестины Уорлок».

Миссис Уизли суетилась у плиты, готовя завтрак: бросала на сковородку сосиски и между делом метала грозные взгляды на провинившихся сыновей, приговаривая:

— Не понимаю, о чем вы только думали… никогда бы не поверила… Тебя, мой мальчик, я ни в чем не виню, — заверила она Гарри, стряхнув ему на тарелку восемь сосисок — Мы с Артуром очень о тебе беспокоились. Как раз вчера вечером решили ехать за тобой, если к пятнице не при-

дет ответ на последнее письмо Рона. Но ты сам подумай (миссис Уизли подкинула к сосискам глазунью из трех яиц): лететь через полстраны на нелегальном автомобиле! Наверняка кто-нибудь заметил!

Затем она коснулась грязной посуды в мойке волшебной палочкой, и та стала сама себя мыть, легонько позвякивая.

— Была низкая облачность... — промямлил Фред.

— Во время еды не разговаривают. — Миссис Уизли призвала сына к порядку.

— Они морили его голодом! — попытался переменить разговор Джордж.

— К тебе это тоже относится, — не успокаивалась мать. Но, намазывая Гарри хлеб маслом, выглядела уже не так грозно.

Неожиданно в кухню вторглось отвлекающее обстоятельство в виде рыжеволосой девочки, одетой в длинную ночную рубашку. Девочка тоненько вскрикнула и выбежала из кухни.

— Это Джинни, моя сестра, — шепнул Рон Гарри. — Она говорила о тебе все лето.

— Да, говорила, — кивнул Фред. — Она еще попросит у тебя автограф, — улыбнувшись, пошутил он. Но, встретив взгляд матери, опять

уткнулся в тарелку. Никто больше не проронил ни слова. Молчали, пока тарелки не опустели, что произошло довольно быстро.

— Ох, как я устал, — сладко зевнул Джордж, положив на тарелку нож с вилкой. — Пойду-ка посплю…

— Нет, не пойдешь, — оборвала его матушка. — Ты не спал всю ночь по собственной глупости. Ступай в сад, пора выдворить гномов. Они опять все заполонили.

— Но мама…

— И вы оба пойдете, — посмотрела она на Фреда с Роном и прибавила, обратившись к Гарри: — А ты, мой мальчик, ступай наверх, отдохни. Ты ведь не просил их лететь за тобой в этом несчастном автомобиле.

— Можно мне пойти с Роном? Хочу посмотреть, как выдворяют гномов. Я этого никогда не видел, — поспешил сказать Гарри, у которого сна не было ни в одном глазу.

— Ты очень добрый мальчик, Гарри, но выдворять гномов — скучная работа. Посмотрим, что об этом сказано у Локонса. — Миссис Уизли взяла с каминной полки увесистый том.

— Но мы знаем, как их выдворять, — запротестовал Джордж.

Гарри взглянул на обложку книги. На ней красивыми золотыми буквами было выведено: «Златопуст Локоне. Домашние вредители. Справочник». Здесь же красовалась и большая фотография автора: миловидное лицо, обрамленное светлыми локонами, ярко-голубые глаза. По обычаю волшебной страны, лицо было живое, глаза весело, если не сказать нахально, подмигивали.

— Ах, он прекрасен! — воскликнула миссис Уизли. — А как знает свой предмет — домашних вредителей. Это замечательная книга…

— Мама его обожает, — громко прошептал Фред.

— Не говори глупостей, — сказала миссис Уизли, порозовев. — Ну ладно, если вы знаете лучше Локонса, как обезгномить сад, идите и работайте. И если хоть один гном останется, пеняйте на себя.

Зевая и ворча, братья поплелись в сад. Гарри пошел за ними. Сад был большой и запущенный, какой, по мнению Гарри, и должен быть. Дурслям он, конечно бы, не понравился: слишком много сорняков, газон не подстрижен, но зато каменную ограду осеняли искривленные узловатые ветви старых деревьев, на клумбах — незнакомые

Гарри цветы, заросший зеленой ряской небольшой пруд полон лягушек Через газон подошли к клумбе.

— У маглов тоже есть гномы, — сказал Рону Гарри.

— Разве это гномы! Я их видел, — нырнув с головой в куст пиона, проговорил Рон. — Маленькие, толстые, похожие на Сайта-Клауса, в руке удочка…

Куст дернулся, послышался шум отчаянной схватки, и Рон выпрямился, держа что-то на весу в одной руке.

— Вот он — настоящий гном, — торжественно произнес он.

— Крути меня! Крути! — верещало что-то, слегка напоминавшее человека.

На кого, на кого, а на Сайта-Клауса этот гном решительно не походил. Он был маленький, как бы сшитый из кожи, большая, шишковатая, совершенно лысая голова — точь-в-точь крупная картофелина. Рон держал его на расстоянии вытянутой руки, а тот извивался, стараясь лягнуть Рона твердой, как кремень, ступней. Рон ловко перехватил его за лодыжки и перевернул вниз головой.

— Старайся делать то же самое, — сказал он

Гарри и, высоко подняв гнома, начал размашисто его раскручивать («Крути меня!»), как лассо. Прочитав в лице Гарри ужас, Рон прибавил: — Ему это не повредит. Только голова закружится и он не сможет найти обратной дороги к себе в нору.

С этими словами Рон выпустил из руки лодыжки, гном пролетел метров пять и шмякнулся где-то за изгородью.

— Близковато! — оценил Фред. — Спорим, я доброшу своего вон до того пня.

Гарри очень скоро перестал жалеть бедных гномов. Своего первого гнома он решил перебросить через изгородь без раскрутки. Но тот, почуяв слабину новоявленного гонителя гномов, изловчился впиться острыми как бритва зубами в палец Гарри. Отодрать его оказалось не так-то просто.

— Славненький был гном, — заметил кто-то из братьев, — мог бы улететь метров на десять.

Скоро воздух наполнился тучей летящих гномов.

— Наши гномы глуповаты, — заметил Джордж, схватив сразу пятерых. — Услышат, что началось выдворение, так и лезут на поверхность. Нет, чтобы забиться поглубже в норы.

Скоро в поле столпилось десятка два изгнанни-

ков, и они длинной вереницей, ссутулив плечики, побрели прочь.

— Они вернутся, — сказал Рон, наблюдая, как гномы один за другим исчезают в зарослях живой изгороди на другом конце поля. — Им у нас нравится. Отец к ним так добр, говорит, что они забавные.

В доме хлопнула входная дверь.

— Это отец! — воскликнул Джордж. — Вернулся с работы.

Гномы были забыты, и мальчишки через сад побежали к дому.

Мистер Уизли устало сидел в кухонном кресле, сняв очки и зажмурившись. Он был худощав, с большими залысинами, но и у него остатки волос ярко пылали рыжиной. На нем была зеленая мантия, потертая и пропыленная от постоянных поездок.

— Какая выдалась ночь, — тихо сказал он, протянув руку за чайником. Мальчики уселись вокруг него. — Девять вызовов. Девять! Старик Наземникус Флетчер, стоило мне повернуться спиной, пытался подвергнуть меня проклятию…

Мистер Уизли отхлебнул хороший глоток чаю и вздохнул.

— Были интересные случаи, папа? — полюбо-

пытствовал Фред.

— Всего несколько тающих ключей, да еще кусачий котел, — зевнув, ответил мистер Уизли. — Было одно пренеприятное вещество. Но оно не по нашему департаменту. И еще обнаружились исключительно странные суслики, на допрос вызвали Прудсмерта. Слава богу, суслики в ведении Комитета по экспериментальной магии…

— Не понимаю, кому охота тратить время на тающие ключи? — спросил отца Джордж.

— Есть еще любители побесить простецов, — вздохнул мистер Уизли. — Продадут простецу такой ключ, а ключ возьмет и сойдет на нет. Простец ищет его, ищет, а ключ как сквозь землю провалился. И виноватых нет. Маглы ведь не заявляют о пропаже, не хотят признать, что существуют тающие ключи. Говорят, что потеряли. Они что угодно стерпят, лишь бы не замечать магии, даже если она творится у них под носом. Чего только наши люди не заклинают, вы даже не можете себе вообразить.

— НАПРИМЕР, АВТОМОБИЛИ?!

Миссис Уизли вошла в кухню, держа в руке, как меч, длинную кочергу. Мистер Уизли широко раскрыл глаза и виновато выпучился на жену.

— К-какие автомобили, дорогая Молли?

— Да, Артур, автомобили. — Глаза у миссис Уизли сверкали. — Представь себе волшебника, который купил старенькую развалюху и сказал жене, что разберет ее на части единственно затем, чтобы понять устройство. А на самом деле применяет к ней чары летучести. И пожалуйста, на этом автомобиле можно лететь хоть на край света.

Мистер Уизли замигал и пустился в объяснения.

— Видишь ли, дорогая, ты сейчас поймешь, что этот волшебник ни на йоту не нарушил закон. Хотя, конечно… э-э… было бы лучше, если бы он сказал жене правду… В законе существует оговорка… если волшебник не имел намерения летать, тот факт, что автомобиль приобрел летучесть, не означает…

— Артур Уизли, ты сам сочинил этот закон, и, конечно, эту оговорку предусмотрительно вставил! — гремела миссис Уизли. — Чтобы безбоязненно баловаться у себя в сарае со всеми этими глупостями простецов! Так вот, к твоему сведению, сегодня утром к нам прилетел Гарри в том самом автомобиле, который для полетов не предназначался!

— Гарри? — ничего не понимая, проговорил мистер Уизли. — Какой Гарри?

Он оглядел кухню, увидел Гарри и подпрыгнул от изумления.

— Боже мой! — воскликнул он. — Да ведь это Гарри Поттер. Счастлив тебя видеть! Рон столько нам про тебя рассказывал…

— Сегодня ночью твои сыновья слетали в этом автомобиле на Тисовую улицу и привезли нашего друга. Что ты на это скажешь? — Голос миссис Уизли крепчал.

— Вы правда туда слетали? И вполне успешно? — с неподдельным восторгом спросил мистер Уизли. — Я… я… — осекся он: из глаз миссис Уизли летели огненные стрелы. — Разумеется, мальчики, это очень, очень нехорошо…

Миссис Уизли стала раздуваться, как большая американская лягушка.

— Нам здесь больше нечего делать, — прошептал Рон Гарри. — Пойдем, я покажу тебе мою комнату.

Они быстренько покинули кухню, и по узкому коридору дошли до скособоченной лестницы, идущей наверх через весь дом. На третьей площадке дверь в комнату была открыта. Гарри поймал взглядом чьи-то огромные глаза, и дверь

тотчас захлопнулась.

— Это Джинни, — пояснил Рон. — Она такая застенчивая, и это ее очень мучает. А вообще-то дверь у нее всегда нараспашку.

Прошли еще два пролета и остановились у облупленной двери, на которой висела табличка: «Комната Рональда».

Рон открыл дверь, и Гарри очутился в небольшой комнате с низким, покатым потолком, который почти касался его макушки. Гарри на миг зажмурился, ему показалось, что он вступил в огненную печь. Все в комнате пылало оттенками ярко-оранжевого: покрывало, стены, даже потолок. Приглядевшись, Гарри понял в чем дело: каждый сантиметр стареньких обоев был заклеен плакатами, на которых изображались одни и те же семь ведьм и колдунов в ярко-оранжевых плащах, в одной руке — метла, другой энергично машут приветствия.

— Твоя любимая команда? — спросил Гарри.

— «Пушки Педдл», — ответил Рон, махнув рукой на оранжевое покрывало, которое украшали две огромные черные буквы «П» и летящее пушечное ядро. — Девятое место в Лиге.

Школьные учебники лежали неровными стопками в углу комнаты, рядом комиксы, почти весь

сериал «Патрик Пигс, Помешанный Простец». На подоконнике залитый солнцем аквариум, полный лягушачьей икры, на нем волшебная палочка. Рядом дремлет на солнце толстая серая крыса Короста.

Гарри переступил через самотасующую колоду карт и выглянул в небольшое оконце. Далеко внизу у зеленой изгороди со стороны поля столпились гномы, которые один за другим проникали обратно в сад Уизли. Он повернулся к Рону, тот, явно нервничая, ожидал приговора.

— Маловата, конечно, — сказал Рон. — Не то что твоя комната у Дурел ей. И точно под закутком привидения-упыря. Он там на чердаке сидит и подвывает, да еще барабанит по трубам.

— А по-моему, это самый прекрасный дом на свете, — улыбнувшись во все лицо, сказал Гарри.

Уши у Рона порозовели.

Глава 4

«ФЛОРИШ И БЛОТТС»

В «Норе» все было иначе, чем на Тисовой улице. Семейство Дурслей обожало покой и порядок. Дом же Уизли являл собой сущий бедлам. В нем постоянно что-то заявляло о себе: шумело, стучало, падало. Взглянув на себя первый раз в зеркало, висевшее над камином, Гарри чуть не упал в обморок: зеркало вдруг заявило ему: «Заправь сейчас же рубаху в штаны, неряха!» На чердаке обитало привидение — упырь, которому иногда казалось, что жизнь в доме течет слишком тихо и размеренно. И он принимался завывать, аккомпанируя себе ударами по водопроводным трубам. А в комнате близнецов постоянно что-то взрывалось.

Но больше, чем говорящее зеркало и воющее привидение, Гарри поразило то, как к нему относилось семейство. Миссис Уизли каждое утро выдавала ему пару свежих носков, и в каждую еду впихивала в него несколько добавок. Мистер Уизли за ужином усаживал Гарри рядом с собой и засыпал вопросами о жизни простецов. Особенно

его волновали электрические приборы и работа почтовой службы.

— Ну и ну! — удивился он, услыхав от Гарри про телефон. — Сколько же всего они напридумывали! А что еще им, бедным, остается делать без магии!

Спустя неделю после приезда в «Нору» Гарри получил письмо из Хогвартса. Стояло ясное солнечное утро. Мистер Уизли с женой и дочкой уже завтракали на кухне, вскоре спустились и Рон с Гарри. Увидев друзей, Джинни нечаянно смахнула со стола миску с кашей: при появлении Гарри у нее все валилось из рук. В мгновение ока она шмыгнула за миской под стол и вылезла обратно красная как рак Сделав вид, что ничего не заметил, Гарри сел на свое место и взял из рук миссис Уизли тарелку, полную гренок.

— Мальчики, вам письма из школы. — С этими словами мистер Уизли вручил Гарри с Роном по конверту. Конверты были одинаковые, из желтого пергамента с адресом, выведенным зелеными чернилами. — Дамблдор уже знает, что ты у нас, ничего от этого человека не скроется.

Дверь отворилась, и на кухню вошли Фред с Джорджем, оба еще в пижамах.

— Пришли, наконец. Это вам. — Мистер Уизли

протянул и близнецам такие же конверты.

Минут пять в кухне было тихо. Гарри и братья погрузились в чтение. В письме Гарри сообщалось, что первого сентября, как обычно, ему надо сесть на вокзале Кингс-Кросс в экспресс Лондон — Хогвартс, который и доставит его в школу. К письму прилагался список учебников для второго курса:

Учебник по волшебству, 2-й курс. Миранда Гуссокл

Встречи с вампирами. Златопуст Локоне

Духи на дорогах. Златопуст Локоне

Каникулы с каргой. Златопуст Локоне

Победа над привидением. Златопуст Локонс

Тропою троллей. Златопуст Локонс

Увеселение с упырями. Златопуст Локонс

Йоркширские йети. Златопуст Локонс

Фред отложил свое письмо и заглянул в список Гарри.

— Смотри-ка, и тебе нужны все книги Локонса! — воскликнул он. — Новый преподаватель защиты от темных искусств — точно поклонник

Локонса. Спорим, что будет ведьма!

Но тут Фред перехватил взгляд матушки и принялся сосредоточенно намазывать на гренку апельсиновый джем.

— Комплект книг Локонса стоит немало. — Джордж искоса глянул на родителей. — Где возьмем столько денег?

— На чем-нибудь сэкономим, — неуверенно проговорила миссис Уизли, но вид у нее был явно озабоченный. — Школьную форму для Джинни можно купить в уцененном магазине.

— Ты, Джинни, в этом году идешь в школу? — спросил Гарри.

Джинни опять вспыхнула, отчего ее ярко-рыжие волосы стали еще ярче, и тут же заехала локтем в масленку. К счастью, никто, кроме Гарри, этого не заметил: на кухню в эту минуту вошел Перси. Он был уже одет, на безрукавке блестел значок старосты.

— Всем привет, — коротко бросил Перси. — Хороший сегодня день.

Сел на единственный свободный стул и тут же вскочил как ужаленный, держа что-то в руке.

«Наверное, щетка из перьев сметать пыль», — подумал Гарри и вдруг заметил, что перья дышат.

— Стрелка! — воскликнул Рон, взял из рук Перси обмякшую птицу и извлек из-под ее крыла письмо. — Наконец-то! Это ответ Гермионы. Я ей написал, что мы едем спасать Гарри от Дурслей.

Рон понес сову к двери во двор, за которой находился насест, и стал усаживать ее. Но птица падала ему на руки, и он осторожно положил ее на доску у мойки.

— Бедняжка, — вздохнул Рон, вскрыл конверт и принялся читать: — «Здравствуй, Рон! Если Гарри у вас, передай ему привет. Полагаю, у вас все хорошо, и надеюсь, вызволяя его, ты не совершил ничего запретного. Ведь и у тебя, и у него могут быть из-за этого неприятности. Я очень беспокоюсь о Гарри. Будь так добр, как сможешь, сообщи мне подробности. И пожалуйста, отправь с письмом другую сову. Боюсь, Стрелка еще одного полета не перенесет. Я, конечно, очень много занимаюсь...» Интересно, чем? — перебил себя Рон. — Ведь все-таки каникулы! — и продолжил чтение: — «В ближайшую среду мы едем за учебниками и новыми книгами для второго курса. Почему бы нам не встретиться в Косом переулке? Напиши, как у вас дела. С любовью, Гермиона».

— Прекрасная мысль! — воскликнула миссис Уизли, вытирая стол. — Мы бы тоже могли завтра

поехать и все купить. А на сегодня какие у вас планы?

Гарри, Рон и Фред с Джорджем собирались играть в квиддич. На вершине холма была небольшая лужайка вроде выгона, принадлежащая семейству Уизли. Лужайку со всех сторон окружали деревья, пряча ее от деревни внизу. Там они и тренировались, летая над лужайкой не очень высоко, чтобы маглы не заметили. Играли яблоками, не мячами. Залетит в деревню — никто ничего не заподозрит, яблоко оно яблоко и есть! Упражнялись по очереди на резвой метле Гарри «Нимбус-2000». Старенькая «Комета» Рона порхала не быстрее бабочки.

Через пять минут ребята с метлами на плечах поднялись на холм. Звали с собой Перси, но тот, как всегда, был занят. Гарри видел его только за обеденным столом. Все остальное время он не выходил из своей комнаты.

— Знать бы, что у него на уме, — сдвинув брови, проговорил Фред. — Последнее время он так изменился. За день до твоего приезда, Гарри, он получил результаты экзаменов. Двенадцать С.О.В.! А он даже не повел бровью.

— С.О.В. значит «суперотменное волшебство», — объяснил Джордж, заметив недоуменный взгляд

Гарри. — И Билли так же учился. Не успеешь оглянуться, в семье будет еще один головастик. Стыдно людям в глаза смотреть.

Билл — самый старший брат в семье Уизли. Он уже окончил Хогвартс и сейчас работал в отделении банка «Гринготтс» в Египте. Второй брат, окончив школу, изучал в Румынии драконов. Гарри ни того, ни другого никогда не видел.

— Уж не знаю, где мама с папой возьмут денег на все покупки, — немного помолчав, продолжал Джордж. — Каждому надо по пять книг Локонса. Да еще Джинни идет в первый класс, ей нужна мантия, волшебная палочка и еще много чего.

Гарри молчал, чувствуя себя неловко. Родители оставили ему небольшое состояние, деньги хранились на его счету в лондонском «Гринготтсе». Правда, он эти деньги мог тратить только в волшебном мире. Сикли, галлеоны и кнаты в магазинах маглов не действуют. Об этих деньгах Гарри ничего не говорил Дурслям, боялся, что их ненависть к волшебникам не распространяется на волшебное золото.

* * *

В среду миссис Уизли разбудила ребят рано утром. Заглотив каждый с полдюжины бутербро-

дов с беконом, мальчишки натянули куртки, а миссис Уизли сняла с каминной полки цветочный горшок и заглянула в него.

— Почти ничего не осталось, Артур, — вздохнула она. — Не забыть бы сегодня купить еще… Гарри, ты у нас гость, иди первый.

Миссис Уизли протянула ему горшок.

Гарри растерянно взглянул на горшок, потом на хозяев, явно что-то от него ожидавших.

— А… а что надо сделать? — спросил он, заикаясь.

— Он никогда еще не летал при помощи «летучего пороха», — сказал Рон. — Прости, Гарри, я совсем об этом забыл.

— Никогда? — изумился мистер Уизли. — А как же ты в прошлом году покупал школьные принадлежности? На чем добрался до Косого переулка?

— Приехал на метро.

— В самом деле? — с нескрываемым восторгом воскликнул мистер Уизли. — Я слыхал, там есть лестницы-чудесницы! Но как именно…

— Не сейчас, Артур. — Миссис Уизли явно не хотелось слушать лекцию об устройстве метрополитена. — «Летучий порох» куда быстрее. Но если ты никогда им не пользовался…

— Все будет в порядке, мама, не волнуйся, — сказал Джордж, — мы пойдем первыми, а ты, Гарри, смотри.

Взяв из горшка щепотку пороха, Фред шагнул в камин и бросил его в огонь. Пламя вспыхнуло, загудело, изумрудно-зеленые языки взметнулись выше человеческого роста и увлекли с собой Фреда.

— Косой переулок, — крикнул Фред и исчез.

— Говорить надо четко. И смотри не перепутай каминные решетки, — напутствовала Гарри миссис Уизли.

— Что не перепутай? — занервничал Гарри.

Тем временем руку в горшок сунул Джордж, пламя вновь загудело, и второй близнец скрылся в каминной трубе.

— Над нами и под нами много волшебных каминов — выходов на улицы, — продолжала объяснять миссис Уизли. — И чтобы не заблудиться, надо говорить четко и ясно.

— Успокойся, Молли, он справится. — С этими словами мистер Уизли взял немножко пороху и пошел к камину.

— Дорогой, а вдруг он потеряется? Что мы тогда скажем его дяде и тете?

— Они долго горевать не будут, — заверил мис-

сис Уизли Гарри. — Разве что Дадли лопнет со смеху, что я затерялся в дымоходе.

— Ну ладно. Пойдешь вслед за Артуром, — решила миссис Уизли. — Вступишь в камин, сразу скажи, куда лететь.

— И руки по швам, — сказал Рон.

— И конечно, зажмурься, в трубе полно сажи.

— Стой смирно и ничего не бойся. Выходи, когда увидишь братьев. Не то тебя вынесет наружу не через тот камин.

Стараясь удержать в голове все эти наставления, Гарри взял щепотку пороха и подошел к краю камина. Глубоко вздохнул и вступил в огонь. Пламя показалось ему приятным ветерком. Гарри открыл в изумлении рот, глотнул пепла и закашлялся.

— Ко-косой переулок, — запнувшись, проговорил он.

Огненный вихрь завертел его волчком и понес вверх. Свист пламени оглушительно бил по барабанным перепонкам.

Гарри боялся зажмурить глаза: вдруг пролетит мимо своей каминной решетки. От этого кружения зеленого вихря к горлу подступала тошнота. Ой! что-то больно стукнуло по локтю, и Гарри еще сильнее сжался. Вихрь продолжал вращать

его, струи, овевавшие щеки, становились все холоднее. Украдкой поглядывая сквозь очки, Гарри видел, как один за другим проносятся мимо расплывчатые пятна горящих каминов и примыкающие к ним части гостиных.

Стали давать о себе знать и съеденные бутерброды. Гарри зажмурился.

«Господи, когда же это кончится», — подумал он и в тот же миг ничком вывалился из камина на холодный пол какой-то комнаты. От удара стекла очков жалобно звякнули. Прижимая к лицу треснувшие очки, слегка пошатываясь, Гарри поднялся на ноги. Голова кружилась, он весь был вымазан в саже, ни Фреда, ни Джорджа в комнате не было.

— Да где же это я? — прошептал Гарри, оглядывая большой, слабо освещенный зал.

Что это волшебная лавка, сомнений нет. Но в ней никаких школьных принадлежностей. В витрине под стеклом красовались сушеная рука, заляпанная кровью, колода карт и пристально смотревший хрустальный глаз. Со стен таращились зловещие маски. А на прилавке — кошмар! — разложены человеческие кости разных форм и размеров. С потолка свисают ржавые, заостренные инструменты для пыток.

И самое неприятное — темная, узкая улочка, которую видно сквозь пыльное окно, — явно не Косой переулок.

Надо уносить отсюда ноги, и чем раньше, тем лучше. Ушибленный нос все еще саднил, но сейчас это пустяки. Гарри метнулся было к входной двери и на полпути замер. К магазину приближались двое. Один из них — человек, которого Гарри, перемазанный в саже, с треснувшими очками на носу, меньше всего хотел видеть. Это был злокозненный Драко Малфой собственной персоной.

По левую руку Гарри заметил большой черный шкаф и, не долго думая, шмыгнул туда. Потянул на себя дверцу, оставив щелку, и в ту же секунду зазвенел звонок Входная дверь отворилась, Драко вошел в лавку, за ним следом… ну, конечно, его отец. То же бледное остроносое лицо, холодные серые глаза. Вылитый Драко!

— Руками ничего не трогай! — приказал мистер Малфой сыну, который уже потянулся к хрустальному глазу.

— Но ты ведь хотел купить мне подарок.

— Я тебе обещал скоростную метлу.

— На что она мне? Я же не играю за свою команду. В прошлом году Гарри Поттер купил

себе метлу «Нимбус-2000». Получил особое разрешение от Дамблдора и стал играть за свой Гриффиндор: Как же, знаменитость! И все из-за этого дурацкого шрама на лбу, — злился Драко, разглядывая шеренгу черепов на полке. — Все считают его умником. Ах, распрекрасный Поттер! Ах, какой шрам! Какая метла!

— Заладил свое! Ты мне уже сто раз это говорил, — рассердился мистер Малфой. — Напоминаю тебе: плохо относиться к Гарри Поттеру нельзя. Весь народ считает его героем. Ведь это из-за него не стало Темного Лорда.

За прилавком возник сутулый человечек с сальными, зализанными назад волосами.

— А-а, мистер Горбин…

— Добро пожаловать, мистер Малфой! Всегда рад видеть у себя вас и вашего сына. — Голос у хозяина лавки был такой же елейный, как и волосы. — Что желаете-с? У меня есть что показать. Только что получили товар, и цены умеренные!

— Сегодня я не покупаю, мистер Горбин, — важно произнес Малфой-старший, — а продаю.

— Продаете? — Улыбка сползла с лица Горбина.

— Вы, верно, слышали, Министерство объявило очередной рейд. А у меня дома…м-м… кое-что

есть. И если ко мне придут, я могу оказаться в неловком положении.

С этими словами Малфой достал из сумки свиток пергамента и поднес его к глазам лавочника.

— Неужели Министерство осмелится беспокоить вас, сэр? — возмутился Горбин и водрузил на нос пенсне.

Малфой скривил губы.

— Министерство уже начало под нас копать. Ходят слухи, готовится новый закон в защиту маглов. Не сомневаюсь, за этим стоит вшивый любитель простецов и редкий болван мистер Уизли. — Малфой затрясся от гнева. — Боюсь, кое-какие яды могут показаться…

— Конечно, конечно, сэр, — закивал головой Горбин. — Дайте подумать…

— Папа, ты не купишь мне вот это? — перебил хозяина лавки Драко, указывая на витрину с подушечкой, на которой покоилась сушеная рука.

— Рука Славы! — воскликнул Горбин. — Купите эту руку, вставьте в нее горящую свечу, и никто, кроме вас, не увидит ее огня. Лучший друг воров и разбойников! Сэр, у вашего сына отличный вкус!

— Надеюсь, мой сын тянет на большее, чем вор или разбойник, — процедил мистер Малфой холодно.

— У меня и в мыслях не было обидеть вас, это ведь только к слову пришлось, — засуетился Горбин.

— Да, учится он не то чтобы очень. — Голос Малфоя стал ледяным. — Но это отнюдь не значит, что мозгов у него нет.

— Я в этом не виноват, — вскинул голову Драко. — У всех учителей есть любимчики. Хотя бы Гермиона Грэйнджер.

— И тебе не стыдно! — приструнил его отец. — Какая-то простачка учится лучше тебя по всем предметам!

Малфой-младший потупился. «Ага! — подумал Гарри. — Спесь-то и с тебя можно сбить!»

— Извечная история, — потек елейный голос Горбина. — Волшебная кровь везде ценится меньше.

— К кому, к кому, а к моей семье это не относится, — сказал Малфой, раздувая ноздри.

— Разумеется, сэр. — Горбин отвесил низкий поклон.

— Тогда давайте вернемся к списку. Я очень спешу, у меня сегодня много важных дел.

Хозяин и гость начали торг, а Драко пошел ходить по лавке. Полюбовался петлей, на которой повесили не одного преступника. Остановился у

витрины с опаловым ожерельем.

— «По преданию, ожерелье отняло жизнь у девятнадцати простецов. Осторожно. Не трогать. Проклято», — злобно хихикая, прочитал он.

Шаги Драко приближались к шкафу, где сидел Гарри. Вот он совсем рядом, сейчас откроет дверцу. Сердце у Гарри екнуло.

— По рукам! — донесся довольный голос мистера Малфоя из-за прилавка. — Драко, идем скорее!

Драко поспешил прочь. Гарри вытер рукавом лоб.

— До свидания, мистер Горбин. Завтра жду вас у себя в замке. Всего наилучшего.

Входная дверь захлопнулась, и елейность Горбина вмиг испарилась.

— И вам того же. Коль молва не лжет, в списке нет и половины того, что спрятано у вас в замке.

Недовольно бормоча, Горбин скрылся в комнате за прилавком. Выждав минуту-другую (вдруг Горбин вернется), Гарри выскользнул из шкафа и, минуя зловещие витрины, благополучно вышел из лавки. Поправив на носу сломанные очки, он огляделся: темная улица, тесно заставленная лавками, которые торгуют ужасающим товаром. «Горбин и Бэркес» — самая большая лавка, напротив нее витрина, заполненная — ну

и гадость! — высушенными головами. Через две двери — большая клетка, кишащая гигантскими черными пауками.

Из темного прохода между двумя лавками за ним следили два колдуна довольно жалкого вида и о чем-то подозрительно перешептывались. Опять поправив сползавшие очки, Гарри поспешил прочь. Как здесь омерзительно! Но Гарри не терял надежды выбраться отсюда в целости и сохранности.

Облупленная деревянная вывеска, косо висевшая на лавке ядовитых свеч, гласила: «Лютный переулок». Гарри это не помогло. О таком переулке он никогда не слышал. Видно, в камине он закашлялся от золы и произнес название остановки не совсем внятно.

«Что же делать?» — подумал Гарри, стараясь сохранять спокойствие.

— Ты не заблудился, мой мальчик? — вернул его к действительности чей-то голос.

Гарри вздрогнул, поднял глаза. Перед ним стояла старая ведьма с подносом в руках, на котором высилась горка скорлупок. Да ведь это человечьи ногти! Старуха алчно смотрела на мальчика, скаля почерневшие зубы.

— Нет, спасибо! — отпрянул Гарри. — Я… я…

просто…

— Гарри! Чо ты тут делаешь?

Гарри, да и ведьма подпрыгнули от неожиданности. У старухи с подноса посыпались ногти.

Конечно, это был Хагрид, его маленькие заросшие густой бородой глазки блестели, как два черных жука.

— Хагрид! — радостно воскликнул Гарри. — Я заблудился… «Летучий порох»…

Хагрид выбил из рук ведьмы поднос, схватил Гарри за шиворот и оттащил его прочь от старой карги. Они шли по темной, извилистой улочке. И вслед им еще долго неслись истошные вопли обиженной старухи. Наконец забрезжили солнечные лучи, и скоро стало совсем светло. Впереди выросло огромное здание из белоснежного мрамора. Так ведь это банк «Гринготтс»! Хагрид вывел Гарри прямо на Косой переулок.

— Фу, какой грязнущий! — проворчал Хагрид, разглядев при ярком свете неказистый вид Гарри, и стал стряхивать с него каминную сажу. Да с такой силой, что чуть не отправил его в бочку с драконьим навозом, стоявшую у входа в аптеку.

— Негоже… э-э… шататься по Лютному переулку. Гиблое место, да! Опасное! А если кто тебя здесь увидит?

— Это я сразу понял, — сказал Гарри, увернувшись от взмаха огромной ручищи. — Говорю тебе, я заблудился! А ты-то что там делал?

— Искал средство от… как его… плотоядных слизняков. Эти паразиты, не ровен час, слопают у нас всю капусту. Да ты, никак, тут совсем один?

— Я гощу у Уизли. Мы поехали сегодня покупать учебники, но я потерялся, — объяснил Гарри. — Хорошо бы их скорее найти.

И они пошли дальше по улице, вернее, шел Хагрид, а Гарри бежал рядом вприпрыжку. На каждый шаг огромных сапог друга он делал три-четыре своих.

— А чой-то ты не отвечал на мои письма? — спросил Хагрид.

Гарри все ему рассказал про Дурслей и Добби, как он улетел от них в фордике мистера Уизли.

— Окаянные маглы! — прорычал Хагрид. — Знать бы…

— Гарри! Гарри! — громко позвал чей-то голос.

На верхних ступеньках у входа в банк стояла Гермиона Грэйнджер. Увидев старых друзей, девочка бросилась им навстречу. Ветер трепал ее густые каштановые волосы.

— Гарри! Что с твоими очками? Здравствуй, Хагрид. Как же я рада вновь вас видеть! Ты, Гарри,

идешь в «Гринготтс»?

— Привет, Гермиона. Ты угадала, я иду в банк. Но сначала надо найти всех Уизли.

— Ну, долго-то искать не придется, — улыбнулся в бороду лесник И как в воду глядел: к банку спешило все семейство.

— Гарри! — переведя дух и приветственно махая рукой, крикнул мистер Уизли. — Мы надеялись, что ты проскочил не выше одной решетки. — Он вытер блестящую лысину. — Молли от беспокойства чуть с ума не сошла. Она сейчас подойдет.

— Ты из какого камина вышел, Гарри? — спросил Рон.

— Не знаю.

— Он высадился в Лютном переулке, — сдвинул густые брови Хагрид.

— Ни фига себе! — воскликнули близнецы.

— Нам туда ходить категорически запрещено… — откровенно позавидовал Рон.

— Знамо дело! Там и сгинуть недолго, — прохрипел Хагрид.

— Гарри! Деточка! Нашелся! — Миссис Уизли мчалась к ним на всех парусах, одной рукой размахивая сумочкой, другой таща за собой Джинни. — Гарри! Миленький! Ведь ты мог по-

гибнуть!

Подбежав, миссис Уизли мгновенно достала из сумки платяную щетку и принялась сметать с мантии Гарри остатки сажи. А мистер Уизли снял с носа Гарри очки и прикоснулся к ним волшебной палочкой, раз-два — и очки как новые!

— Мне, однако, пора, свидимся в школе, — попрощался Хагрид, вызволяя руку из ладоней миссис Уизли, которая все никак не могла успокоиться:

— Лютный переулок! А если бы ты его не нашел!

Лесничий двинулся в обратном направлении, возвышаясь над прохожими чуть не на голову. А вся компания отправилась в банк.

— Угадайте, кого я видел в лавке «Горбин и Бэркес»? — спросил Гарри Рона и Гермиону. И тут же сам ответил: — Малфоя и его отца!

— Люциус Малфой купил там что-нибудь? — живо поинтересовался мистер Уизли.

— Нет, он сам продавал.

— А-а, занервничал. — Мистер Уизли был явно доволен. — Хотелось бы мне на чем-нибудь его подловить!

— Будь осторожнее, Артур, — сурово проговорила миссис Уизли, следуя в банк за низко

кланявшимся гоблином. — Эта семья опасная. Не зарься на кусок, который не проглотишь!

— Ты считаешь, мне с Малфоем не потягаться? — возмутился мистер Уизли. Но тут увидел родителей Гермионы и сразу же про него забыл.

Грэйнджеры стояли у стойки, которая тянулась вдоль стен мраморного холла. Они ожидали, когда Гермиона представит их, и заметно волновались.

— Здравствуйте, друзья! — восторженно приветствовал их мистер Уизли. — Маглы! Вы — настоящие маглы! Наше знакомство нужно отметить! Пришли поменять деньги, да? Смотри, Молли, настоящие фунты. — И он показал на десятифунтовую банкноту в руке мистера Грэйнджера.

— Встретимся тут, Гермиона, — сказал Рон, и все семейство Уизли вместе с Гарри отправилось в подвалы банка, где находились сейфы.

К сейфам вели рельсы, по которым бегали вагончики. Вагончиками управляли гоблины и возили волшебников туда и обратно. Дорога соединяла все подземные банковские помещения. Гарри очень понравилось путешествие. Какой головокружительный спуск! Вот и сейф Уизли. Дверца сейфа открылась, и Гарри почувствовал

себя хуже, чем в Лютном переулке. Внутри стального ящика была жалкая горстка серебряных сиклей и всего один золотой галлеон. Миссис Уизли хорошенько пошарила по углам, выгребла одним махом все монеты и высыпала к себе в сумочку. Затем пошли к сейфу Гарри. И тут он совсем расстроился: у него-то в сейфе хранилось целое богатство! Чтобы не унижать друзей, Гарри заслонил собой содержимое сейфа и быстро побросал в кожаный мешок несколько пригоршней монет. После чего все вместе подождали вагончик и поехали наверх.

На мраморной лестнице компания разделилась. Перси что-то промямлил про новое перо, Фред и Джордж встретили школьного приятеля Ли Джордана. Мистер Уизли пригласил Грэйнджеров в «Дырявый котел» отметить знакомство. А миссис Уизли и Джинни спешили в лавку подержанной одежды.

— Через час встречаемся в книжном магазине «Флориш и Блоттс», купим для всех учебники. И думать забудьте про Лютный переулок! — крикнула она вслед близнецам и, крепко держа Джинни за руку, засеменила в сторону одежной лавки.

Гарри с Роном и Гермионой брели по извили-

стой, вымощенной булыжником улочке.

«Гарри! Гарри! Потрать нас! Купи что-нибудь, пожалуйста!» — звенели у Гарри в кармане золотые и серебряные монеты. Гарри купил три больших рожка клубничного мороженого с шоколадом и арахисовым маслом. И друзья с наслаждением его уплели.

Ходили долго, разглядывая витрины лавок. Вдруг у Рона загорелись глаза: в окне лавки «Все для квиддича» красовался полный комплект экипировки любимой команды Рона «Пушки Педдл». Гермиона оттащила его от витрины и повела друзей в соседнюю лавку пишущих принадлежностей за чернилами и пергаментом. Там они встретили близнецов с Ли Джорданом. Те застряли у прилавка с холодными и влажными чудо-хлопушками доктора Фойерверкуса. А в крошечной мелочной лавке, торгующей сломанными волшебными палочками, испорченными медными весами, старыми заляпанными мантиями и прочим хламом, наткнулись на Перси. Он стоял у прилавка, углубившись в скучнейшую книжонку «Старосты, достигшие власти».

— «Старосты Хогвартса и их дальнейший жизненный путь», — громко прочитал Рон текст с задней обложки.

— Не мешай! — выпалил Перси, не отрываясь от чтения.

— Он у нас очень честолюбивый и целеустремленный. Хочет быть министром магии, — отойдя от брата, объяснил Рон друзьям вполголоса.

Через час они поспешили в магазин «Флориш и Блоттс». И, надо сказать, не одни они туда торопились. Подойдя к магазину, друзья, к своему изумлению, увидели огромную толпу у входа, рвавшуюся внутрь. Причиной этому была, очевидно, огромная вывеска на верхнем окне:

Златопуст Локонс подписывает автобиографию
«Я — ВОЛШЕБНИК» сегодня с 1230 до 1630.

— Мы сейчас увидим самого Локонса, — в восторге пролепетала Гермиона. — Он же написал почти все учебники из нашего списка!

Толпа главным образом состояла из женщин возраста миссис Уизли. У входа затюканный волшебник без конца повторял:

— Спокойнее, леди, спокойнее! Не толкайтесь! Пожалуйста, аккуратней с книгами!

Гарри с Роном и Гермионой протиснулись внутрь. Ну и ну! Очередь тянулась через весь

магазин в самый конец, где Локоне подписывал свои книги. Взяв по книжке «Каникулы с каргой», все трое устремились вдоль очереди, туда, где стояли Уизли и родители Гермионы.

— Вот и вы! Прекрасно! — взволнованно дыша и приглаживая волосы, воскликнула миссис Уизли. — Еще минута — и мы увидим его!

И вот — о, счастье! — увидели. Он восседал за столом в окружении собственных портретов. Все они подмигивали и одаривали ослепительными улыбками поклонниц и поклонников. Живой Локоне был в мантии цвета незабудок, в тон голубым глазам. Волшебная шляпа лихо сдвинута на золотистых локонах.

Коротышка нервозного вида приплясывал вокруг стола, то и дело щелкая большой фотокамерой, из которой при каждой вспышке валил густой пурпурный дым.

— Не мешайся! — рявкнул он на Рона, пятясь назад и наступив ему на ногу. — Не видишь, я снимаю для «Ежедневного пророка».

— Тоже мне! — Рон потер отдавленную ногу другой.

Локоне услыхал восклицание. Посмотрел в сторону Рона. И вдруг вскочил с таким видом, как будто в магазине приземлилась летающая

тарелка.

— Не может быть! Неужели это сам Гарри Поттер! — возликовал он.

Возбужденно шепчась, толпа расступилась. Локоне ринулся к мальчику, схватил его за руку, потащил к столу. И толпа разразилась бурными аплодисментами. Позируя перед фотографом, Локоне с силой затряс руку вспыхнувшего до корней волбс Гарри. Фотоаппарат щелкал как бешеный, пуская в сторону семейства Уизли густые клубы дыма.

— Гарри! Улыбнись шире! — Локоне и сам ослепительно улыбнулся. — Мы с тобой украсим первую полосу!

Коротышка кончил снимать, и Локоне выпустил руку мальчика. Разминая занемевшие пальцы, Гарри хотел было присоединиться к своим, но Локоне, схватив его за плечо, не дал сделать и шагу. Притянув Гарри к себе и мановением руки потребовав тишины, он торжественно возвестил:

— Леди и джентльмены! Какие незабываемые минуты! Позвольте обратиться к вам с одним маленьким заявлением. Юный Гарри пришел сегодня во «Флориш и Блоттс» купить мою книгу с автографом, но ему не придется тратить деньги.

Я дарю ему все мои книги.

Зрители снова зааплодировали.

— Это еще не все. — Локоне слегка тряхнул Лфри, отчего очки у мальчика сползли на кончик носа. — Знай, Гарри, ты получишь гораздо больше, нежели просто мою книгу «Я — волшебник». Отныне ты и твои друзья получат в свое распоряжение живого меня — волшебника. Да, леди и джентльмены. Я с превеликим удовольствием и гордостью сообщаю вам, что с первого сентября я приглашен занять пост профессора защиты от темных искусств в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс»!

Зрители устроили Локонсу бурную овацию, а сам Локоне подарил Гарри все свои семь книг, и Гарри наконец обрел свободу. Заметив в конце зала Джинни, он пошел к ней, пошатываясь под тяжестью сочинений Локонса.

— Это тебе, Джинни, — сказал он, укладывая все книги в котел, стоявший рядом с ней на полу. — А я себе куплю. Учись хорошо!

— Вижу, ты счастлив! — раздался за спиной голос, который Гарри сейчас же узнал.

Гарри выпрямился. Рядом с ним стоял Драко Малфой и улыбался своей нагловатой улыбкой.

— Знаменитый Гарри Поттер! Не успел войти в

книжную лавку и тут же попал на первую страницу «Пророка»!

Джинни удивленно вытаращилась на Драко.

— Не приставай к нему! Гарри совсем этого не хотел, — вдруг сказала она. Джинни первый раз открыла в присутствии Гарри рот.

— Жених и невеста! Ха-ха-ха! — стал дразнить своих неприятелей Драко.

Джинни залилась краской. Рон с Гермионой, увидев неладное, поспешили на выручку. В руках у обоих были стопки учебников Локонса.

— А-а, этб ты! — Рон взглянул на Драко, как на дохлого таракана. — Держу пари, ты удивлен, что встретил здесь Гарри.

— Еще больше удивлен, увидев тебя в этом магазине. Ух ты, сколько покупок! Небось твои родители теперь месяц будут ходить голодные.

Рон покраснел сильнее Джинни. Бросив книги в ее котел, он ринулся на Малфоя, но Гарри и Гермиона успели схватить его за полы мантии.

— Рон! Сейчас же перестань! — крикнул мистер Уизли, продираясь сквозь толпу с близнецами. — Идите на улицу. Это не магазин, а сумасшедший дом.

— Ба-а! Кого я вижу! Артур Уизли!

Это был мистер Малфой. Подойдя к сыну, он

опустил руку ему на плечо и ухмыльнулся — точь-в-точь, как Драко.

— Здравствуйте, Люциус, — холодно приветствовал его мистер Уизли.

— Слыхал, что у Министерства прибавилось работы. Все эти рейды, знаете ли! Хоть сверхурочные-то вам платят?

С этими словами он сунул в котел Джинни руку и среди глянцевых книг Локонса откопал старый, потрепанный учебник «Руководство по перевоплощению для начинающих».

— По-видимому, нет, — вздохнул он. — Стоит ли позорить имя волшебника, если за это даже не платят?

Мистер Уизли покраснел еще гуще детей.

— У нас с вами разные представления о том, что позорит имя волшебника, мистер Малфой, — отрезал он.

— Это очевидно. — Малфой перевел белесые глазки на родителей Гермионы, которые со страхом взирали на разгорающуюся ссору. — С кем вы якшаетесь! Ниже падать некуда.

Туг уж и старший Уизли не выдержал. Пнув ногой жалобно звякнувший котел, он ринулся на мистера Малфоя, схватил его за грудки и швырнул на книжную полку.

— Я тебе покажу, как обижать моих друзей, — крикнул он, ловя падающие на него тяжеленные книги.

— Так его, отец! Врежь ему хорошенько! — кричали близнецы.

— Артур! Не надо, прошу тебя, — умоляла миссис Уизли.

— Толпа ринулась к выходу, сметая на своем пути книжные полки.

— Джентльмены! Пожалуйста, прекратите! — надрывался продавец, стараясь навести порядок.

— Чисто сумасшедший дом! А ну валите все отсюдова! — громыхнул чей-то голос.

Ну конечно, это спешил на подмогу Хагрид. Он с легкостью преодолел завалы книг и в мгновение ока растащил в стороны сцепившихся драчунов. У мистера Уизли была рассечена губа, а у мистера Малфоя красовался под глазом здоровенный фингал — след от удара толстенной «Энциклопедией поганок». В руках у старшего Малфоя все еще был учебник Джинни. Он сунул его обратно в котел, глаза у него при этом недобро блеснули.

— Вот твоя книжка, девочка. Получше твой отец не в состоянии купить.

С этими словами он высвободился из рук Хагрида, выразительно посмотрел на сына, и оба

поспешили убраться восвояси.

— И чой-то, Артур, ты обращаешь внимание на окаянного, — пробурчал Хагрид и принялся одергивать на мистере Уизли мантию, едва не уронив того на пол. — Эта семейка, вестимо, протухла до мозга костей! Не след так из-за них убиваться. Дурная кровь! Пошли-ка скорей на улицу.

Магазин покинули всей компанией. Продавец хотел было остановить их, но он был Хагриду ровно по пояс, и благоразумно передумал. Мистер и миссис Грэйнджеры дрожали от страха, а миссис Уизли кипела от ярости.

— Хороший пример ты подаешь детям… Подраться прилюдно… Боже! Что подумает Златопуст Локоне.

— Златопуст Локоне был наверху блаженства! — успокоил Фред мать. — Не слыхала, как он просил того типа из газеты вставить в репортаж сцену сражения. А я слыхал. Совсем на популярности помешался!

В «Дырявый котел» вся компания вошла, понурив головы. Грэйнджеры покинули трактир через противоположный выход, ведущий на улицу маглов. Мистер Уизли начал было расспрашивать их, как действуют автобусные остановки, но, поймав взгляд жены, покорно замолк Пора

было возвращаться в «Нору», и семейство Уизли вместе с Гарри поспешили к камину.

Перед тем как взять щепотку «летучего пороха», Гарри Поттер снял на всякий случай очки и спрятал в карман. Да, этот вид транспорта явно не для него!

Глава 5

ГРЕМУЧАЯ ИВА

Летние каникулы, по мнению Гарри, окончились слишком быстро. Конечно, он скучал по Хогвартсу, но месяц, проведенный в доме Уизли, был самый счастливый в его жизни. Трудно было не позавидовать Рону, когда он вспоминал про Дурслей и представлял себе, какая встреча его ожидает на Тисовой улице по возвращении из школы.

В последний вечер миссис Уизли устроила грандиозный обед: она сварила, нажарила, испекла все любимые кушанья Гарри. На сладкое был пудинг из патоки — пальчики оближешь! Вечер закончился фейерверком, Джордж с Фредом зажгли бенгальские огни, и чуть не полчаса по стенам и потолку плясали красные и голубые звезды. Потом все выпили по чашке горячего шоколада и отправились спать.

Утром собирались долго. И хотя проснулись с петухами, казалось, ничего не успеют сделать. Миссис Уизли в дурном расположении духа металась по дому в поисках ручек и чистых носков,

другие обитатели «Норы», полуодетые, с тостами в руках, сталкивались на лестнице, жуя на ходу, а мистер Уизли чуть не сломал шею, споткнувшись о курицу, когда спешил по двору к автомобилю, таща тяжелый чемодан Джинни.

Гарри недоумевал, как это восемь человек, шесть чемоданов, две совы и крыса поместятся в маленький фордик «Англия». Он еще не знал особенностей этой машинки, какими ее снабдил мистер Уизли.

— Только ни слова Молли, — шепнул мистер Уизли Гарри, открыв багажник что-то нажал, багажник раздался в ширину, и громоздкие чемоданы легко туда влезли.

Наконец все разместились, миссис Уизли с Джинни сели на переднее сиденье, оно в длину не уступало садовой скамейке. Обернувшись назад, где удобно устроились Гарри, Рон, Фред, Джордж и Перси, она немало удивилась:

— Простецы не так уж глупы, как нам представляется. Такая вместительная машина! А по виду ни за что не скажешь.

Мистер Уизли включил зажигание, и груженный сверх меры фордик тяжело выкатил со двора. Гарри повернулся назад, хотел бросить на дом прощальный взгляд. Когда-то он опять увидит

его! Не успел расчувствоваться, как машина дала задний ход: Джордж забыл коробку с хлопушками. Через пять минут еще остановка, и Фред рванул за метлой. Наконец благополучно доехали до шоссе, и тут Джинни всплеснула руками: забыла дома дневник. Пришлось вернуться за дневником. Глянули на часы, оказалось, они опаздывают на поезд. Обстановка в машине накалилась.

Мистер Уизли умоляюще посмотрел на жену.

— Молли, дорогая…

— Ни за что, Артур!

— Но нас никто не увидит. Вот эта маленькая кнопка от прибора невидимости, я сам его вставил. Давай включим только на время взлета, потом зароемся в облака. И через десять минут будем на месте. Клянусь тебе, никто ничего не узнает…

— Я сказала, нет, Артур. Тем более средь бела дня!

В четверть одиннадцатого остановились у вокзала Кингс-Кросс. Мистер Уизли кинулся через дорогу за тележками для багажа, и скоро вся компания чуть не бегом поспешила на платформу.

Гарри в прошлом годууже ездил на экспрессе Лондон — Хогвартс. Вся штука заключалась в

том, чтобы попасть на платформу девять и три четверти, невидимую для маглов. Платформу отгораживал от зала ожидания металлический барьер. Надо было пройти сквозь него (это не больно), но так, чтобы простецы ничего не заметили.

— Перси идет первый, — распорядилась миссис Уизли, нервно поглядывая на часы.

До отхода поезда оставалось пять минут, а их восемь человек, да еще этот барьер.

Перси резко шагнул вперед и исчез. Следом пошел мистер Уизли, за ним Фред и Джордж.

— Я возьму Джинни, — сказала миссис Уизли, — а вы сразу за нами.

Схватив Джинни за руку, она ринулась вперед. И в мгновение ока вместе с дочерью испарилась. Рон с Гарри двинулись за ними.

— Идем вместе, — предложил Рон, — осталась одна минута.

Гарри убедился, что клетка с Буклей прочно сидит на чемодане, и направил тележку прямо на барьер. Он был совершенно спокоен. «Летучий порох» был куда страшнее. Друзья шли, пригнувшись к тележке, нацелясь на барьер и с каждой секундой прибавляли шаг. За несколько шагов до барьера бросились бежать, и…

БУМ!

Тележки врезались в барьер и отскочили назад. Чемодан Рона с грохотом упал, Гарри сшибло с ног, клетка запрыгала по полу платформы, и Букля с негодующими воплями вылетела наружу. Окружающие изумленно таращили глаза на непонятное происшествие.

— Что вы такое вытворяете! — обрушился на ребят один из дежурных по вокзалу.

— Не справился с тележкой, — придумал Гарри объяснение, поднимаясь на ноги и потирая ушибленный бок.

Рон бросился ловить Буклю, чем вызвал негодование зевак, возмутившихся жестоким обращением с птицей.

— Почему нам не удалось прорваться через барьер, как всем? — шепотом спросил Гарри у Рона.

— Не представляю себе…

Рон в недоумении озирался по сторонам. Полдюжины зевак все еще пялились на них.

— Мы опоздаем на поезд, — упавшим голосом проговорил он. — Не понимаю, почему вход не открылся…

Гарри взглянул на огромные вокзальные часы, и под ложечкой у него засосало. Десять секунд…

девять….

Попробовал прорваться еще раз. Точно нацелился, докатил тележку до барьера и что было сил двинул ее вперед. Металлический барьер не поддался.

Три секунды… две… одна…

— Все, — ошеломленно проговорил Рон. — Поезд ушел. Что будет, если мама с папой выйдут не с этой стороны и мы с ними разойдемся? У тебя есть хоть сколько-нибудь магловских денег?

— Откуда? — с грустным смешком сказал Гарри. — Дурели никогда не давали мне ни гроша на карманные расходы.

Рон прижал ухо к холодному металлу барьера.

— Ничего не слышно, — растерянно пробормотал он. — Что нам теперь, делать? Сколько времени родители будут нас искать?

Огляделись кругом — они все еще привлекают внимание, главным образом, потому, что Букля продолжает громко вопить.

— Пожалуй, лучше всего вернуться к машине, — предложил Гарри. — Здесь все на нас смотрят…

— Гарри! — воскликнул Рон, и в глазах у него опять вспыхнули радостные огоньки. — Автомобиль!

— Что автомобиль?

— Мы можем полететь в Хогвартс на нашем автомобиле!

— Но я думал…

— Мы в безвыходном положении, правда? Нам ведь надо ехать в школу! В экстренных случаях даже несовершеннолетним волшебникам разрешается применять магию. Кажется, параграф девять Уложения…

— А ты можешь водить летучий автомобиль? — спросил Гарри: растерянности как не бывало, она сменилась волнующим предвкушением.

— Запросто. — Рон повернул тележку к выходу с вокзала. — Идем скорее! Поторопимся — догоним экспресс Лондон — Хогвартс. И сядем ему на хвост.

Друзья покатили тележки сквозь толпу, вышли на привокзальную площадь и свернули направо в переулок, где стоял старенький фордик «Англия».

Ударив несколько раз волшебной палочкой, Рон открыл вместительный багажник, и друзья погрузили в него чемоданы, клетку с Буклей поставили на заднее сиденье, сами устроились на переднем.

— Следи, чтобы никто ничего не заметил, — сказал Рон и еще одним ударом волшебной палочки

включил зажигание.

Гарри высунулся в окно, впереди на улице движение было большое, здесь же в переулке тишина и никаких прохожих.

— Все в порядке, — сообщил он.

И Рон нажал крошечную серебряную кнопку на приборной доске. Фордик растаял в воздухе, и они вместе с ним. Гарри чувствовал, как под ним вибрирует сиденье, слышал звук двигателя, ладонями ощущал коленки, переносицей — очки; судя по всему, он превратился в пару зрачков, парящих в двух метрах над землей в малопривлекательном переулке, заставленном машинами.

— Стартуем, — послышался справа голос Рона.

И переулок вместе с красновато-бурыми зданиями по ту и другую сторону провалился куда-то. Еще несколько секунд — и весь Лондон лежал под ними как на ладони, частью сверкающий огнями, частью окутанный дымом. Кажется, их взлета никто не заметил.

Внезапно что-то негромко стрельнуло, и машина вместе с Гарри и Роном обрела видимость. Рон изо всех сил нажал на кнопку.

— Где-то заело, — растерянно проговорил он.

Ударили по кнопке по очереди. Машина опять исчезла. И тут же снова возникла как ни в чем

не бывало.

— Держись! — крикнул Рон и резко нажал на педаль акселератора: машина взмыла вверх, попала внутрь плотного слоя облаков и полетела вслепую, как в густом тумане.

— Теперь куда? — спросил Гарри, вглядываясь в молочную белизну, окутавшую машину со всех сторон.

— Теперь надо обнаружить поезд.

— Давай тогда скорее снижайся…

Машина вырвалась из зоны облаков, и мальчики, извернувшись на сиденьях каждый в свою сторону, свесились вниз.

— Вон он, впереди! Я его вижу! — обрадовался Гарри.

Экспресс Лондон — Хогвартс извивался внизу, как длинная пунцовая змея.

— Идет строго на север, — определил Рон по компасу на панели управления. — Будем сверяться каждые полчаса. А теперь держись крепче…

Машина прошила облака насквозь и очутилась в мареве солнечного света.

Мир преобразился. Под колесами — бескрайнее море пухлых снежно-белых облаков, вокруг безграничная синева, а над всем ослепительно яркое солнце.

— Здесь, — сказал Рон, — надо бояться только самолетов.

Друзья посмотрели друг на дружку и давай смеяться. Смеялись, смеялись, долго не могли остановиться.

Они были сейчас точно в волшебном сне. Это самый лучший способ путешествовать, подумал Гарри. Мимо проплывают башни и купола кучевых облаков, салон машины залит горячим сиянием, в бардачке пузатый пакетик ирисок. А впереди триумфальное приземление на зеленом газоне, обегающем замок Хогвартс, и завистливые взгляды близнецов Фреда и Джорджа.

Летели на север, каждые полчаса пикируя вниз, сверялись с направлением. И каждый раз им открывались внизу все новые картины. Лондон давно остался позади, пошли хорошо ухоженные зеленые поля, которые сменились розовато-лиловыми вересковыми пустошами, там и сям виднелись деревушки со старинными игрушечными церквями. Проплыл огромный город, по улицам которого, как разноцветные муравьи, сновали крошечные автомобили.

Несколько часов однообразного полета, однако, заметно уменьшили восторг Гарри. От ирисок сильно захотелось пить, стало так жарко, что оба

путника сняли свитеры, но водолазка Гарри все равно прилипала к спинке сиденья, а очки то и дело сползали на кончик вспотевшего носа. Он перестал замечать фантастические очертания облаков. Как было бы здорово ехать сейчас в одном из прохладных вагонов, которые катились по рельсам далеко внизу, и выпить стакан ледяного тыквенного сока, развозимого доброй пухленькой ведьмой! Но почему все-таки они не смогли попасть на платформу девять и три четверти?

— Наверное, скоро приедем, а? — прохрипел Рон, еще несколько часов спустя. Солнце уже стало погружаться в облачные поля, расцвечивая их всеми оттенками красного. — Еще раз, что ли, снизиться?

Поезд по-прежнему был под ними, полз по склону горы с заснеженной вершиной. Под облаками, скрывавшими солнце, было значительно темнее.

Рон нажал на акселератор, и машина опять взмыла, но тут почему-то зловеще взвыл двигатель.

Гарри с Роном нервно переглянулись.

— Он, наверное, устал, — предположил Рон. — Столько работать без передышки!

Оба делали вид, что ничего особенного не

происходит, а вой становился сильнее. Быстро смеркалось, вот уже в темноте начали загораться звезды. Гарри натянул свитер, стараясь не смотреть на дворники, которые почему-то стали дрожать. Как будто выражали недовольство.

— Мы уже совсем близко, — сказал Рон скорее автомобилю, чем Гарри. — Совсем. — И постучал пальцами по крышке панели.

Скоро опять пошли на снижение, вглядывались в темноту, ища знакомые приметы.

— Гляди! — вдруг крикнул Гарри. — Прямо по курсу!

Высоко на утесе, нависшем над озером, на фоне темного ночного неба обозначились башни и башенки замка Хогвартс.

Но машину уже стало сильно трясти, и она быстро теряла скорость.

— Ну еще немножечко, — умолял ее Рон, дергая руль. — Мы почти на месте.

Мотор ревел. Тонкие струи пара вылетали из-под капота. Гарри вцепился в края сиденья — они уже подлетали к озеру.

Машину резко качнуло. Выглянув из окна, Гарри увидел под собой гладкое черное зеркало воды. Рон крепче сжал руль, так что побелели костяшки пальцев. Машину опять качнуло.

— Еще чуть-чуть, — выдохнул Рон Летели над озером, прямо на замок Рон нажал на педаль.

Раздался громкий лязг, несколько выхлопов, и двигатель окончательно смолк.

— Да-а, — протянул Рон в полной тишине. Капот машины нырнул вниз. Начали, набирая скорость, падать, еще минута — и они врежутся в прочную стену замка.

— Да погоди ты! — завопил Рон, выворачивая руль.

В дюйме от стены машина свернула в высокую арку и влетела внутрь замка. Внизу темнели теплицы, за ней огородные грядки, потом начался газон. Машина продолжала снижаться.

Рон отпустил руль и вынул из заднего кармана волшебную палочку.

— Стой! Стой! — кричал он, колотя палочкой по ветровому стеклу, но машина все падала отвесно на землю.

— Осторожнее, дерево! — завопил Гарри, бросившись на руль. Но было уже поздно.

Кр-рак!

С душераздирающим звуком удара металла о кору дерева машина врезалась в толстенный ствол и упала на землю, подпрыгнув как мяч. Из-под сплющившегося капота валил густой пар.

Букля в ужасе стенала не своим голосом. Гарри врезался лбом в ветровое стекло, и у него вскочила шишка величиной с яйцо. Рон издал полный отчаяния вопль.

— Ты жив? — в испуге спросил Гарри.

— Моя палочка, — дрожащим голосом произнес Рон. — Погляди, что с ней случилось.

Палочка раскололась на две части, сдерживаемые тонкой щепочкой.

Гарри открыл было рот, чтобы утешить Рона: волшебную палочку можно починить в школе. И в тот же миг по левой дверце что-то ударило с силой пушечного ядра. Он повалился на Рона, и тут же сверху обрушился новый удар.

— Что происходит? — Рон посмотрел в ветровое стекло и ахнул.

Гарри повернулся к нему и успел увидеть, как ветка толщиной с хорошего питона хлестнула по стеклу. Дерево, в которое они врезались, наносило ответные удары.

Еще одна извивистая ветка стеганула по правой дверце, да так, что на ней вспухла вмятина. Ветровое стекло вздрагивало от дробного стука сучков, похожих на костяшки пальцев, а один огромный сук, скрученный, как рог барана, нанес яростный удар по крыше и продавил в ней

целую яму.

— Это уж слишком! — воскликнул Рон. — Скорее бежим отсюда!

Он налег всем телом на дверцу, но сильнейший апперкот швырнул его на колени Гарри. Потолок машины угрожающе провис.

— Мы пропали. — Рон чуть не плакал. Машина вдруг принялась вибрировать, и двигатель сам собой включился.

— Задний ход! — крикнул Гарри, и машина рванула назад.

А ива все старалась ветвями-змеями достать обидчиков: друзья слышали, как трещат ее корни. Драчунья чуть не выдрала себя из земли, жаждя мести.

— Мы были на волосок от гибели, — едва переводя дыхание, проговорил Рон. — Молодец, фордик!

А у фордика, по-видимому, лопнуло терпение. Издав негодующий лязг, обе дверцы распахнулись, сиденья швырнули ребят в стороны, и они плашмя рухнули на землю. Громкий стук сзади оповестил, что машина вытряхнула из багажника и их чемоданы. Над головой пролетела клетка с Буклей. Дверца открылась, и Букля вырвалась на свободу. Издавая протяжные, сердитые вопли,

она плавно полетела в сторону школы. А фордик, побитый, поцарапанный, испуская пар, загромыхал в темноту, выражая красными огоньками задних фар сильнейшее негодование.

— Вернись! — кричал ему вслед Рон. — Вернись! Отец меня убьет!

Но фордик, последний раз фыркнув выхлопной трубой, растворился в темноте.

— Здорово нам не повезло, — убито проговорил Рон и нагнулся за крысой Коростой.

— Надо же! Из всех здешних деревьев врезаться именно в то, которое дает сдачи!

И он обернулся назад, бросил взгляд на старую плакучую иву — та все еще мстительно махала ветвями.

— Да, не повезло, — невесело вымолвил Гарри. — Давай пойдем сразу в школу.

Возвращение было совсем не таким победоносным, как представлялось. Измученные, закоченевшие, все в синяках, они ухватили за ручки свои чемоданы и потащились вверх по склону к огромным дубовым дверям школы.

— Торжественное открытие, наверное, уже идет, — сказал Рон, бросив свой чемодан у парадной лестницы. Тихонько приблизился к ярко освещенному окну и заглянул внутрь. — Иди

сюда, Гарри, — позвал он. — Уже началось распределение!

Гарри подошел, и оба стали смотреть на происходящую в Большом зале церемонию.

Множество горящих свечей парили над четырьмя длинными накрытыми столами, отчего золотая посуда и кубки блестели и переливались всеми цветами радуги. А над свечами по всему потолку — его волшебное свойство заключалось в том, что он зеркально отражал состояние неба — ярко горели знакомые созвездия.

Сквозь лес черных остроконечных шляп Гарри разглядел длинную вереницу испуганных первокурсников, входящих один за другим в зал. Среди них была и Джинни. Гарри сразу ее узнал по ярко-рыжим волосам, которыми отличалось все семейство Уизли. Профессор МакГонагалл, колдунья в очках и с тугим узлом волос на затылке, ставила на табурет знаменитую Шляпу, распределявшую новичков по факультетам.

В начале каждого учебного года эта древняя Шляпа, грязная и вся в заплатках, шептала новеньким, кто в каком из четырех факультетов (Гриффиндор, Пуффендуй, Когтевран и Слизерин) будет учиться. Гарри хорошо помнил, как ровно год назад он надел эту Шляпу и с замиранием

сердца ожидал решения своей участи. Он очень боялся, что она пошлет его в Слизерин, который выпускал больше черных магов и ведьм, чем любой другой факультет. Несколько томительных секунд Шляпа молчала, а потом назначила ему Гриффиндор, куда попали и Рон с братьями, и Гермиона. В прошлом году они с Роном помогли Гриффиндору выиграть соревнование между факультетами. Слизерин остался позади первый раз за семь лет.

К табурету со Шляпой подошел маленький мальчик, с волосами мышиного цвета. Скользнув по нему взглядом, Гарри остановил внимание на профессоре Дамблдоре, директоре школы, который наблюдал за распределением, сидя на своем месте за банкетным столом для преподавателей. Его белая борода серебрилась, а половинные стекла очков поблескивали от колеблющихся язычков пламени сотен свечей. Через несколько мест от него сидел Златопуст Локоне в аквамариновом плаще. А самый конец стола украшала могучая фигура волосатого лесничего Хагрида.

— Гляди, — шепнул Гарри Рону. — За учительским столом одно место пустое. Нет Снегга. Интересно, где он?

Профессор Северус Снегг был его самый нелю-

бимый учитель. Да и Гарри не ходил у него в любимчиках. Жесткий, саркастичный Снегг преподавал в школе зелья; почитали профессора только ученики его собственного факультета Слизерин.

— Может, он заболел, — с надеждой в голосе предположил Рон.

— А может, совсем ушел? Из-за того, что место преподавателя защиты от темных искусств снова досталось не ему?

— А может, его выгнали? — вдохновенно произнес Рон. — Его все терпеть не могут…

— А может быть, — промолвил сзади чей-то ледяной голос, — он сейчас стоит и ждет, когда вы двое расскажете ему, почему вы вернулись в школу не поездом.

Гарри мигом обернулся. В двух шагах стоял Северус Снегг собственной персоной, его черная мантия колыхалась от порывов ветра. Он был очень худой, с изжелта-серым лицом и крючковатым носом; черные, точно смазанные жиром волосы падали на плечи. Увидев его улыбку, Гарри понял, что им с Роном грозит большая беда.

— Следуйте за мной! — приказал грозный профессор.

Не смея взглянуть друг на друга, мальчики

поднялись за ним по ступенькам и вошли в огромный холл, где малейший звук отдавался громким эхом. Холл освещался пламенем факелов. Из Большого зала сюда долетали аппетитные запахи, но Снегг повел их прочь от тепла и света вниз по узкой каменной лестнице, ведущей в подземелья.

— Входите. — Он отворил дверь на первой площадке.

Дрожащие от холода незадачливые путешественники очутились в кабинете Северуса Снегга. Пустой остывший камин не сулил приятной беседы. Гарри разглядел в полумраке полки вдоль стен, уставленные большими стеклянными банками, в которых плавало омерзительное на вид непонятно что, не вызвавшее у Гарри ни малейшего любопытства, по крайней мере сейчас. Снегг захлопнул дверь и взглянул на своих пленников.

— Значит, поезд, — начал он тихим голосом, — недостаточно хорош для знаменитого Гарри Поттера и его верного подпевалы Рона Уизли. Захотелось явиться в школу с помпой, а?

— Нет, сэр, это все барьер на вокзале Кингс-Кросс…

— Молчать! Так что же вы такое сделали с этим автомобилем?

Рон тяжело вздохнул. А Гарри подумал, он уже не первый раз замечает, что Снегг умеет читать чужие мысли. Но профессор развернул сегодняшний выпуск газеты «Вечерний пророк», и Гарри понял, в чем дело.

— Вас видели маглы, — прошипел он, указывая на заголовок

— «Маглов изумил летящий в небе форд «Англия», — начал он громко читать. — Два лондонца уверяют, что видели, как над башней почты пролетел старенький фордик… в полдень в Норфолке миссис Хетти Бейлисс, развешивая во дворе белье… Мистер Ангус Флит из Пиблза сообщил полиции…» И таких сообщений шесть или семь. Если не ошибаюсь, твой отец работает в отделе «Противозаконное использование изобретений простецов?» — обратился он к Рону, злобно ухмыляясь. — Нет, вы только подумайте… его собственный сын…

Гарри показалось, что его хлестнуло самой большой плетью взбесившейся ивы. Вдруг узнают, что мистер Уизли заколдовал этот автомобиль? Что тогда будет? Как же он раньше не подумал об этом!

— Осматривая парк, — продолжал Снегг, — я обнаружил, что был нанесен значительный

ущерб бесценной Гремучей иве, редчайшему экземпляру подвида плакучих ив.

— Эта ваша Гремучая ива нанесла нам куда больший ущерб! — выпалил Рон.

— Молчать! — опять рявкнул Снегг. — К моему огромному сожалению, вы не на моем факультете, и я не могу вас отчислить. Но я сейчас же пойду приведу тех, кто обладает этими счастливыми полномочиями. А вы пока будете ждать здесь.

Гарри и Рон, побледнев, взирали с отчаянием друг на друга. Гарри больше не чувствовал голода. Его мутило, и он старался не смотреть на банку, стоявшую на полке над столом Снегга: там плавало в зеленой жидкости что-то большое и осклизлое. Если Снегг пошел за профессором МакГонагалл, возглавляющей факультет Гриффиндор, послабления не жди. Она, конечно, человек более справедливый, чем Снегг, но тоже очень строгая.

Через десять минут Снегг вернулся и, разумеется, в сопровождении профессора МакГонагалл. Гарри довелось несколько раз видеть ее рассерженной, но то ли он забыл, какие у нее бывают тонкие губы в гневе, то ли такой сердитой на его глазах она никогда не была. Войдя в кабинет, она тотчас взмахнула волшебной палочкой,

мальчишки в страхе отпрянули, но она только разожгла в камине огонь, который тут же ободряюще загудел.

— Садитесь, — предложила она.

Оба опустились на стулья поближе к огню.

— Теперь рассказывайте! — потребовала МакГонагалл) сердито поблескивая очками.

И Рон пустился описывать их злоключения, начав с барьера, который отказался впустить их на волшебную платформу.

— …у нас просто не было другого выхода, госпожа профессор, мы никак не могли попасть на наш поезд.

— А почему вы не послали письмо с совой? У тебя ведь была сова? — Профессор строго посмотрела на Гарри.

Гарри опустил голову: именно так они должны были поступить.

— Я… я не подумал…

— Это яснее ясного.

В дверь постучали, и Снегг, излучая счастье, отпер ее. В кабинет вошел директор школы, профессор Дамблдор.

Гарри сжался в комок. Вид у Дамблдора был на редкость серьезный. Он глядел на ребят, повесив крючковатый нос. И Гарри вдруг захотелось очу-

титься с Роном в темном парке под градом ударов Гремучей ивы.

После продолжительного молчания Дамблдор наконец сказал:

— Сделайте милость, объясните все-таки, почему вы так поступили.

Уж лучше бы он закричал на них, такое разочарование прозвучало в его голосе.

Гарри почему-то не мог смотреть в глаза директору и рассказывал не ему, а своим коленкам. Он подробно описал все, умолчав об одном — что заколдованный автомобиль принадлежит мистеру Уизли. По его рассказу получалось, что им с Роном повезло: на привокзальной стоянке оказался летучий автомобиль. Он сразу понял, Дамблдор не поверил ему, хотя и ничего не расспрашивал. Наконец Гарри закончил печальную повесть — директор школы продолжал молча взирать сквозь очки на жалких подсудимых.

— Мы пойдем собирать вещи, — совсем тихо вымолвил Рон.

— Это вы о чем, Рональд Уизли? — сурово вопросила профессор МакГонагалл.

— Вы ведь хотите исключить нас из школы? Гарри бросил быстрый взгляд на Дамблдора.

— Не сегодня, мистер Уизли, — ответил ди-

ректор. — Но я делаю вам обойм последнее предупреждение. Вы совершили очень серьезный проступок. Я сегодня же напишу вашим семьям. И если подобное повторится, буду вынужден вас исключить.

С лица Снегга схлынуло ликование, как если бы он услышал, что отменены рождественские каникулы. Прокашлявшись, он обратился к директору:

— Профессор Дамблдор, эти юнцы нарушили Закон, ограничивающий магию несовершеннолетних, нанесли серьезный урон старой, очень ценной иве… этот акт вандализма…

— Профессору МакГонагалл решать вопрос об их наказании, — спокойно проговорил Дамблдор. — Они учатся на ее факультете, она несет за них ответственность. Так я пошел на банкет, Минерва, — повернулся он к ученой даме. — Надо сделать несколько объявлений. Идемте, Северус. Какой нас ожидает восхитительный торт!

Окинув Гарри и Рона взглядом ядовитой змеи, Снегг убрался из кабинета вслед за директором. Подсудимые остались наедине с профессором МакГонагалл, взиравшей на них строгим, но справедливым оком.

— Тебе бы, Уизли, лучше всего отправиться

сейчас в изолятор, у тебя ссадина на лбу кровоточит.

— Не очень сильно. — Рон поспешно вытер рукавом царапину над глазом. — Мне бы хотелось посмотреть, профессор, как будет распределяться моя сестра.

— Церемония распределения уже кончилась. Твоя сестра тоже попала в Гриффиндор.

— Здорово!

— А что касается Гриффиндора… — начала было МакГонагалл.

— Профессор, — перебил ее Гарри, — когда мы сели в тот автомобиль, семестр в школе еще не начался. Так что… наверное… у Гриффиндора не вычтут баллы? — спросил с беспокойством Гарри.

Профессор МакГонагалл пристально посмотрела на него, и ему показалось, что губы ее тронула улыбка. Во всяком случае, они уже были не такие тонкие.

— Нет, я не вычту баллов у факультета. Но вам наказания не избежать, будете после уроков выполнять общественно полезные работы.

У Гарри отлегло от сердца. Все кончилось лучше, чем он ожидал. Письмо Дурслям и наказанием не назовешь. Они пожалеют только, что

Гремучая ива совсем его не убила.

Профессор МакГонагалл взмахнула своей палочкой над столом Снегга. И на нем, откуда ни возьмись, появилась тарелка, полная бутербродов, и два серебряных кубка с тыквенным соком.

— Ешьте, — сказала она, — и марш к себе в спальню. А мне еще надо вернуться на банкет.

Когда дверь за ней захлопнулась, Рон громко и протяжно свистнул.

— А я уж было решил — прощай школа! — воскликнул он и жадно схватил бутерброд.

— И я тоже, — последовал его примеру Гарри.

— Ну до чего ж нам не везет! — жуя бекон с курицей, проговорил Рон. — Фред с Джорджем раз пять или шесть летали на этом фордике, и ни один простец не заметил. — Рон проглотил и откусил еще один здоровенный кусок. — Но все-таки, почему нам не удалось попасть на платформу через этот барьер?

Гарри пожал плечами.

— Теперь придется взвешивать каждый свой шаг, — сказал он, с удовольствием отхлебывая тыквенный сок из серебряного кубка, в котором плавали льдинки. — Жалко, что нас не пустили на банкет…

— Она просто решила упрятать нас ото всех, —

предположил Рон. — Чтобы никто в такой вечер не сказал: а все-таки классно летать в школу на фордике!

Наевшись до отвала — тарелка-то была самобранка — ребята покинули кабинет и пошли знакомой дорогой в башню Гриффиндора. В замке все было тихо, праздник, как видно, кончился. Они прошли мимо бормочущих портретов, позвякивающих доспехов рыцарей, поднялись по узкой каменной лестнице и, наконец, достигли перехода, где был секретный вход в башню Гриффиндора, замаскированный большим портретом очень полной дамы в розовом шелковом платье.

— Пароль? — спросила дама, увидев приближающихся ребят.

— М-м-м... — протянул Гарри, как бы вспоминая.

Они не знали нового пароля, ведь они еще не видели старосты Гриффиндора. Но помощь подоспела немедленно. За спиной послышались чьи-то быстрые шаги, ребята обернулись, их догоняла Гермиона.

— Это вы! Где вы были? Ходит нелепый слух, что вас исключили за то, что вы якобы разбили летучий автомобиль.

— Нет, нас не исключили, — заверил ее Гарри.

— Надеюсь, вы не хотите сказать, что прилетели в школу… — Гермиона говорила тоном профессора МакГонагалл.

— Оставь нотацию до другого раза. Скажи лучше пароль! — нетерпеливо потребовал Рон.

— «Индюк», но это не главное… — Гермиона явно сердилась.

Ее слова, однако, потонули в громе аплодисментов: дверь с дамой отворилась, и они очутились на пороге Общей гостиной. Казалось, не спит весь факультет. Комната была переполнена, стояли даже на шатких стульях, на покосившихся столах. Друзей, очевидно, давно ждали. Десятки рук потянулись к ним и втащили внутрь через вход, обозначенный портретом. Гермиона протиснулась следом.

— Потрясающе! — крикнул Ли Джордан. — Гениально! Какое возвращение! Врезаться в Гремучую иву! Школа сто лет этого не забудет!

— Молодцы! — похвалил пятикурсник, который раньше ни разу даже не заговаривал с Гарри.

кто-то похлопал его по плечу, как будто он только что выиграл марафонский бег. В первый ряд сквозь толпу пробились Фред с Джорджем.

— Почему вы не позвали нас? Мы бы могли

запросто вернуться!

Рон покраснел и виновато улыбнулся. А Гарри вдруг заметил одно явно расстроенное лицо. Это был Перси, возвышавшийся среди первокурсников; он двигался к ним, готовый высказать, что о них думает. Гарри толкнул Рона в бок и кивком указал на старосту. Рон немедленно оценил обстановку.

— Мы немного устали, пойдем наверх, — сказал он, и парочка, раздвигая толпу, устремилась в конец зала, к двери на лестницу, ведущую в спальни.

— Пока. — Гарри махнул рукой Гермионе, у которой был почти тот же укоряющий вид, что и у Перси.

Сопровождаемые восторженными возгласами и дружескими похлопываниями по спине, они достигли наконец лестничной площадки. Дверь за ними захлопнулась, и их окутала благостная тишина. Друзья почти бегом устремились наверх. Их спальня была под самой крышей, на ее двери теперь красовалась табличка «2 курс». Они вошли в знакомую круглую комнату с высокими узкими окнами, в которой стояло пять кроватей под бархатными пологами. Чемоданы уже кто-то внес, и они дожидались хозяев в изножье крова-

тей, Рон смущенно взглянул на Гарри.

— Я понимаю, радоваться нечему и все такое… но…

Дверь распахнулась, и в спальню влетели три второкурсника: Симус Финниган, Дин Томас и Невилл Долгопупс.

— Невероятно! — сиял Симус.

— Фантастика! — подхватил Дин.

— Потрясающе! — завершил Невилл, глаза у него горели ужасом и восторгом.

Гарри понимал, что гордиться нечем, но рот у него сам собой расползся в довольную улыбку.

Глава 6

ЗЛАТОПУСТ ЛОКОНС

Зато весь следующий день Гарри было не до улыбок Все не задалось с самого утра. Волшебный потолок в Большом зале был затянут скучными серыми облаками. Четыре обеденных стола, как полагается, уставлены мисками с овсяной кашей, тарелками с копченой селедкой, тостами, блюдами с яичницей и жареным беконом. Гарри и Рон сели за свой стол рядом с Гермионой, уткнувшейся в любимую книжку «Встречи с вампирами». Она все еще сердилась на них из-за противозаконного перелета, судя по тому, как сухо поздоровалась с ними. Невилл же Долгопупс, увидев их, напротив, расцвел улыбкой. Невилл был круглолицый мальчуган, то и дело попадавший в какую-нибудь передрягу. К тому же он вечно все забывал.

— Вот-вот прибудет почта, — сказал он.

— Бабуля должна прислать кое-какие вещи, я не все захватил.

И действительно, не успел Гарри приняться за кашу, как над головой зашумели крылья влетев-

ших сов, их была сотня, не меньше. Они кружили по залу, протяжно кричали, заглушая голоса мальчишек и девчонок, и роняли там и здесь письма и посылки. Один увесистый пакет хлопнулся прямо на голову Невилла, и тут же что-то большое, лохматое упало в кувшин Гермионы, забрызгав всех молоком и осыпав перьями.

— Стрелка! — воскликнул Рон, вытащив мокрую, грязную сову из кувшина за лапы. Сова лежала на столе неподвижно, лапы кверху, в клюве мокрый красный конверт. — Какой ужас!

— Все в порядке, она дышит, — сказала Гермиона, поглаживая сову кончиком пальца.

— Я не об этом. Я вот о чем! — Рон указал на красный конверт.

По мнению Гарри, ничего особенного в конверте не было. Но Рон с Невиллом глядели на него так, как будто он вот-вот взорвется.

— В чем дело? — спросил Гарри.

— Она… она прислала мне Громовещатель, — прошептал Рон.

— Скорее открывай, — так же тихо проговорил Невилл. — А то будет хуже. Моя бабуля тоже однажды прислала такое письмо. А я совсем про него забыл. Так что было!

— А что такое Громовещатель? — Гарри пере-

вел взгляд с испуганных лиц друзей на красный конверт.

Рон не отрываясь смотрел на письмо, которое уже начало с углов дымиться.

— Открывай! — толкнул Рона Невилл. — Сейчас вспыхнет!

Рон протянул к конверту дрожащую руку, вынул его из клюва совы и распечатал. Невилл заткнул пальцами уши. И в тот же миг Гарри понял почему. Сначала ему показалось, что письмо взорвалось: громадный зал наполнился грохотом, от которого с потолка посыпалась пыль. Но скоро он различил в грохоте слова:

«…украсть автомобиль, — гремело письмо. — Я не удивлюсь, если тебя исключат из школы. Погоди, я до тебя доберусь. Думаю, ты понимаешь, что мы пережили, не найдя машины на месте…»

Миссис Уизли кричала в сто раз громче, чем обычно; ложки и тарелки подпрыгивали на столах от ее голоса, который еще усиливало эхо, отраженное каменными стенами. Сидевшие за столами вертелись на стульях, ища глазами несчастного, получившего это послание. Рон от стыда почти сполз со стула, так что был виден только его пунцовый лоб. А письмо продолжало:

«…вечером… письмо от Дамблдора. Я думала,

отец от огорчения умрет. Мы растили тебя совсем в других правилах. Вы ведь с Гарри могли оба погибнуть!»

Гарри все ждал, когда же прогремит его имя. И делал вид, что не слушает говорящее письмо, звуки которого раздирали барабанные перепонки.

«…абсолютно чудовищно. Отца на работе ждет разбирательство, и виноват в этом ты. Если ты совершишь еще хоть один подобный проступок, мы немедленно заберем тебя из школы».

На этом письмо кончилось, и в зале воцарилась звенящая тишина. Красный конверт, выпавший из рук Рона, вспыхнул, и от него осталась горстка пепла. Гарри с Роном сидели, вытаращив глаза и отдуваясь, как будто их только что окатило волной прибоя. Многие смеялись, но скоро за столами опять возобновилась непринужденная болтовня.

Гермиона захлопнула книгу и вперилась в Рона.

— Не знаю, что ты ожидал, Рон. Но ты…

— Не говори мне, что я это заслужил, — выпалил Рон.

Гарри отодвинул миску с кашей. У него горели уши. Мистеру Уизли грозит служебное расследование! И это после всего, что мистер и миссис

Уизли сделали для него этим летом…

Но углубляться в эти печальные мысли не было времени. Вдоль стола шла профессор МакГонагалл и давала каждому в руки расписание. Гарри в своем листке прочитал, что у их класса два первых урока — травология вместе с пуффендуйцами.

Гарри и Рон с Гермионой вышли из замка, миновали огороды и поспешили к теплицам, где росли волшебные цветы и травы. Громовещательное письмо сделало, по крайней мере, одно доброе дело: Гермиона сочла, что мальчики с лихвой наказаны, и стала опять, как всегда, милой и приветливой.

Подойдя к оранжерее, они увидели у дверей весь их класс, дожидавшийся профессора Стебль. В ту же минуту появилась и сама профессор; вместе с Златопустом Локонсом они шли по газону со стороны Гремучей ивы. В руках у профессора Стебль были бинты и гипсовые повязки. Гарри перевел взгляд на иву, несколько ее ветвей украшали гипсовые лотки. И Гарри опять испытал угрызения совести.

Профессор Стебль была маленькая, кругленькая ведунья в чиненой-перечиненой шляпе на растрепанных волосах; платье у нее вечно было

в земле, а при виде ее ногтей тетя Петунья упала бы в обморок. Златопуст Локоне, напротив, был, как всегда, безупречен, его бирюзовый плащ развевался, золотистые локоны переливались под идеально сидевшей шляпой того же цвета, отделанной золотой каймой.

— Всем привет! — с сияющей улыбкой приветствовал он учеников еще издали. — Я показывал профессору Стебль, как вылечить Гремучую иву! Но, пожалуйста, не подумайте, что профессор меньше меня разбирается в травологии! Просто мне доводилось иметь дело с экзотическими растениями во время моих странствий…

— Дети, теплица номер три! — распорядилась профессор Стебль, явно расстроенная. В ней сегодня не было и следа обычного, живого и приветливого, расположения духа.

Ребята довольно зашумели. В прошлом году они занимались только в теплице номер один. В теплице номер три растения были куда более интересные, даже опасные. Профессор вынула из-за пояса большой ключ и отперла дверь теплицы. Оттуда на Гарри повеяло теплом, запахом сырой земли, удобрений, тяжелым ароматом гигантских, размером с зонт, цветов, свешивающихся с потолка. Он шагнул было внутрь вслед за Роном

и Гермионой, но его остановила рука Локонса.

— Гарри! Ты мне нужен на пару слов. Вы не возражаете, профессор, если Гарри опоздает минуты на три?

Судя по недовольному лицу, Стебль возражала.

— Вот и отлично, — заявил Локоне и захлопнул дверь перед носом профессора травологии.

— Гарри! — воскликнул Локоне. — Гарри! Гарри! Гарри! — Локоне покачал головой, и на его крупных, ослепительно белых зубах ярко заиграли солнечные лучи.

Ничего не понимая, Гарри огорошенно взирал на Локонса.

— Когда я узнал об этом, я сразу понял: во всем, что произошло, виноват я. Я готов был себя убить!

Гарри понятия не имел, о чем это он, и хотел прямо спросить. Но Локоне продолжал:

— Никогда в жизни я не был столь сильно ошеломлен! Прилететь в Хогвартс на машине! Но меня тут же осенило, почему ты совершил этот поступок. За милю видно! Гарри! Гарри! Парри!

Замечательным в Локонсе было то, что, даже когда он молчал, он умудрялся выставлять напоказ свои зубы-жемчужины.

— Я пробудил в тебе тщеславие! Что, не так? Я

заразил тебя этой бациллой. Ты вместе со мной попал на первую полосу газеты. И ты просто не мог ждать, когда это опять случится!

— Нет, профессор, видите ли…

— Гарри! Гарри! Гарри! — Локоне крепко схватил Гарри за плечо. — Я понимаю. Раз подвергшись этому искушению, начинаешь прямо-таки жаждать славы. Я очень виноват перед тобой. Этот хмель должен был ударить тебе в голову. Но пойми: чтобы тебя заметили, нельзя начинать с полетов на фордике. Пожалуйста, веди себя осмотрительнее, идет? Вот станешь старше, у тебя будет столько времени и возможностей. Да, да, я знаю, о чем ты сейчас думаешь! «Хорошо ему говорить. Он всемирно известный волшебник!» Но когда мне было двенадцать лет, я был тоже еще никем и ничем, как ты сейчас. Даже больше, чем ты. Ты уже в какой-то мере человек известный, так ведь? Я говорю об этой истории с Тем-Кого-Нельзя-Называть! — Он выразительно посмотрел на шрам в виде молнии на лбу Гарри. — Знаю, знаю, — продолжал он, — это совсем не то что пять раз подряд получить приз газеты «Магический еженедельник» за самую очаровательную улыбку. Но для начала и это хорошо, Гарри, очень хорошо!

И, дружески подмигнув, Златопуст Локоне торжественно удалился. Несколько секунд Гарри не мог прийти в себя от изумления, но, вспомнив, что уже минут пять как начался урок, открыл дверь в теплицу и тихонько проскользнул внутрь.

Профессор Стебль стояла у деревянной скамейки в центре теплицы, на которой лежали около двадцати пар наушников-заглушек. Подождав, пока Гарри займет свое место рядом с Гермионой, профессор начала урок.

— Сегодня мы будем пересаживать мандрагоры, — сказала она. — Кто хочет рассказать о свойствах этого растения?

Никто не удивился, что первой подняла руку Гермиона.

— Мандрагора, или мандрагорум, — сильнодействующее средство для восстановления здоровья, — отчеканила Гермиона, как будто знала учебник наизусть. — Мандрагору используют, чтобы вернуть человеку, подвергшемуся заклятию, его изначальный облик.

— Отлично. Десять баллов Гриффиндору, — сказала профессор Стебль. — Мандрагора является главной составляющей частью большинства противоядий. Но и сама мандрагора небезопасна. Кто может сказать почему?

Опять взметнулась рука Гермионы и чуть было не смахнула очки с носа Гарри.

— Плач мандрагоры смертельно опасен для всех, кто его слышит, — без запинки ответила Гермиона.

— Совершенно верно. Припишем еще десять баллов. Мандрагоры, которые сейчас перед вами, — рассада, совсем еще юная.

Профессор указала на глубокие ящики, и весь класс подвинулся вперед, чтобы лучше рассмотреть. В ящиках росли рядами торчащие из земли пучки лилово-зеленых листьев — в каждом около ста маленьких мандрагор. Гарри не заметил в них ничего особенного, «плач мандрагоры» был для него пустым звуком.

— Возьмите наушники, — распорядилась профессор Стебль.

Толкаясь, ребята бросились к скамье, никто не хотел весь урок сидеть в розовых из искусственного меха.

— Когда я скажу: «Наденьте наушники», постарайтесь надеть так, чтобы абсолютно ничего не слышать. Когда можно будет наушники снять, я подниму вверх большой палец. Наденьте наушники!

Гарри быстро надел пару наушников — тиши-

на воцарилась полнейшая. Профессор Стебль надела розовые, засучила рукава мантии, крепко ухватила одно растеньице и с силой дернула.

Гарри не удержался от восклицания, но его, конечно, никто не услышал.

Вместо корней из земли выскочил крошечный, испачканный землей, безобразный младенец. Листья росли у него прямо из макушки, кожа бледно-зеленая, вся испещренная разноцветными точками, и было очевидно, что он истошно орет.

Профессор Стебль взяла из-под стола большой цветочный горшок и посадила мандрагору в темный влажный компост, оставив снаружи только пучок листьев. Затем она отряхнула от компоста руки, подняла вверх большой палец и сняла наушники.

— Поскольку наши мандрагоры совсем еще маленькие, — пояснила она, — их плач не убивает. — Она говорила так спокойно, точно полила горшок с бегонией, а не совершила у всех на глазах настоящее чудо. — Но их вопли могут часа на четыре оглушить. Я уверена, что никому из вас не хочется пропустить первый День занятий, поэтому следите, чтобы наушники плотно закрывали уши. Когда урок окончится, я подам знак

С каждым ящиком будете работать вчетвером, компост вот здесь в мешках. И следите, чтобы жгучая антенница не коснулась щупальцами, она жжется.

Говоря это, профессор довольно сильно шлепнула темно-красное колючее растение, тянувшее исподтишка к ее плечу длинный щуп, — щуп мгновенно убрался.

К неразлучной троице — Гарри, Рону, Гермионе — присоединился курчавый мальчик из колледжа Пуффендуй. Гарри его помнил, но они ни разу не разговаривали.

— Джастин Финч-Флетчли, — представился он приветливо, тряся Гарри за руку. — Я вас, конечно, знаю. Ты знаменитый Гарри Поттер… Ты Гермиона Грэйнджер, первая по всем предметам. — Джастин и ей пожал руку. Гермиона просияла. — А ты Рон Уизли. Это ведь твой был летучий фордик?

Рон в ответ насупился. Громовещатель, как видно, еще не выветрился у него из памяти. Все четверо стали набивать цветочные горшки компостом, приготовленным из драконьего навоза.

— А Локоне силен! — сияя, продолжал Джастин. — Храбрый, как лев. Вы читали его книги? Я бы со страха умер, если бы на меня напал в теле-

фонной будке вампир. А он хоть бы хны! Сразился и победил. Фантастика! Родители записали меня в Итон, но я так счастлив, что учусь именно здесь. Конечно, моя мама была немножко расстроена, но я дал ей почитать книги Локонса, и она поняла, как прекрасно иметь в семье волшебника, тем более хорошо образованного…

Джастин замолчал, и разговор больше не возобновился. Наушники были надеты, и ребята начали пересаживать мандрагоры. Профессор Стебль легко справилась с первым саженцем, на то она и была профессор травологии. Дело, однако, оказалось не такое простое. Мандрагоры не желали расставаться с насиженным местом и переезжать в отдельный горшок, они корчились, брыкались, молотили острыми крепкими кулачками, скрежетали зубами. Гарри минут десять запихивал в горшок одну особенно толстенькую мандрагору.

К концу урока он, как и все, был весь в поту, выпачкан землей, с непривычки болели руки. Грязные, усталые, ребята дотащились до замка, приняли душ, и гриффиндорцы отправились на урок трансфигурации.

На уроках профессора МакГонагалл и всегда было трудно, но сегодня особенно. Все, чему Гар-

ри выучился в прошлом году, за лето, казалось, напрочь вылетело из головы. Задание состояло в том, чтобы превратить навозного жука в большую пуговицу. У Гарри, как он ни бился, ничего не получилось: весь урок он тренировал жука, как ускользать на ровной поверхности от волшебной палочки.

У Рона дело обстояло еще хуже. Перед уроками он взял у кого-то кусок магической клейкой ленты и замотал ею волшебную палочку. Но палочка, по-видимому, совсем испортилась. Она то и дело потрескивала и искрила, а когда Рон пытался все же превратить жука, он испускал густой дым, вонючий, как тухлое яйцо. В дыму ничего не было видно, и Рон случайно раздавил локтем жука, пришлось просить нового. Что, естественно, огорчило профессора МакГонагалл.

Йрри с облегчением вздохнул, услыхав звонок с урока. Его мозг был выжат, как губка. Все выбежали из класса, кроме Рона и Гарри. Рон принялся дубасить волшебной палочкой по столу, гневно приговаривая:

— Глупая, бесполезная идиотка!

— Напиши домой, — посоветовал ему Гарри в ответ на сноп искр, вырвавшийся из несчастной палочки. — Пусть пришлют тебе новую.

— И получу еще один Громовещатель, — тяжело вздохнул Рон, заталкивая в сумку палочку, которая укоризненно прошипела:

«Сам во всем виноват...»

Пошли в столовую обедать. Гермиона показала им целую горсть превосходных пуговиц для пальто, которые получила на уроке трансфигурации, отчего Рону легче не стало.

— Что у нас во второй половине дня? — спросил Рон.

— Защита от темных искусств, — тотчас отрапортовала Гермиона.

— А почему это у тебя против всех уроков Локонса маленькие сердечки? — спросил Рон, выхватив из рук Гермионы ее расписание.

Гермиона вырвала у него листок с расписанием и густо покраснела.

После обеда все трое вышли во двор, небо было затянуто хмурыми тучами. Гермиона села на каменные ступеньки и опять уткнулась в свои «Встречи с вампирами». Гарри с Роном стояли рядом, беседуя о квидиче. Скоро Гарри почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Подняв глаза, он увидел того самого мальчика с волосами мышиного цвета, которого заметил через окно в Большом зале во время церемонии

распределения. Мальчик смотрел на Гарри, вытаращив глаза, как будто завороженный. В руке он сжимал обыкновенную на вид магловскую фотокамеру. Поймав взгляд Гарри, он покраснел как рак.

— Не сердись, Гарри. Я Колин Криви, — произнес он на одном дыхании, нерешительно шагнув вперед. — Я тоже гриффиндорец. Как ты думаешь… как ты посмотришь на то… если я сделаю снимок? — поднял он камеру.

— Снимок? — недоуменно переспросил Гарри.

— Ну да, снимок. В доказательство того, что мы с тобой знакомы, — продолжал Колин, приблизившись еще на шаг. — Я все о тебе знаю. Мне столько о тебе рассказывали: как Сам-Знаешь-Кто хотел тебя убить, как ты чудесно спасся, а он навсегда исчез, и все такое… Что у тебя на лбу есть метка, похожая на молнию (взгляд его задержался на лбу Гарри). А один мальчик из нашего класса сказал, что если проявить пленку в особом растворе, то твои фотографии будут двигаться. — Колин от избытка чувств вздохнул со всхлипом и продолжал: — Как здесь замечательно! Дома со мной происходили странные вещи, а я и не знал, что это — волшебство. Но потом получил письмо из Хогвартса и все понял. Мой папа молочник, так

он и сейчас не верит в магию. Я хочу послать ему много-много всяких фотографий. Будет здорово, если он получит твою. — Он умоляюще взглянул на Гарри. — А твой друг не мог бы сфотографировать меня вместе с тобой, чтобы мы стояли рядом? А ты мог бы подписать фото?

— Подписать фото? Ты, Поттер, раздаешь свои фотографии с автографом?

Громкий насмешливый голос Драко Малфоя гулко разнесся по двору. Он остановился позади Колина в сопровождении двух верных дружков Крэбба и Гойла, по виду настоящих головорезов.

— Спешите занять очередь! — надрывал глотку Малфой, обращаясь к ученикам, наполнившим двор. — Гарри Поттер раздает автографы!

— Ничего я не раздаю, — стиснув кулаки, сказал Гарри. — Замолчи, Малфой.

— Тебе просто завидно, — выпалил Колин, чье туловище было едва ли толще шеи Крэбба.

— Мне? Завидно? — Драко больше не кричал, его и так слушала уже половина двора. — А чему завидовать? Чтобы и мне рассекли полчерепа? Нет уж, спасибо! Я не такой дурак Крэбб и Гойл только глупо хихикали.

— Подавись слизняками, Малфой! — взорвался Рон.

Крэбб перестал хихикать и начал угрожающе потирать костяшки кулаков размером с каштан.

— Легче на поворотах, Уизли, — предупредил насмешливо Малфой. — Я бы на твоем месте не нарывался на драку. Забыл, что твоя маменька обещала забрать тебя из школы? — И, передразнивая, пропищал: — «Если совершишь хоть один проступок…»

Пятикурсники из Слизерина громко рассмеялись.

— Уизли тоже мечтает получить твое фото с автографом, Поттер, — презрительно скривил губы Малфой. — Это сокровище будет стоить дороже, чем весь его дом.

Рон взмахнул заклеенной скотчем палочкой, но Гермиона, захлопнув книжку, шепнула ему:

— Перестань! — и взглядом указала на приближающегося Златопуста Локонса.

— Что, что тут происходит? — Златопуст летел точно синяя птица, бирюзовая мантия развевалась за спиной, как сохнущее на ветру белье. — Кто тут раздает фотографии с автографом?

Гарри хотел было объяснить происходящее, но Локоне обхватил его за плечи и, улыбнувшись во всю ширь белозубого рта, пропел:

— Можно было бы не спрашивать! Мы опять

пересеклись с тобою, Гарри! Начинайте, мистер Криви. Мы готовы! — одарил он Колина сияющей улыбкой.

Буквально приклеенный к Локонсу, сгорая от унижения, Гарри смотрел, как Малфой, самодовольно осклабившись, говорит что-то окружившим его приятелям.

— Двойной портрет, мистер Криви. Лучше не придумаешь. И мы оба его подпишем! — распоряжался Локоне.

Колин повозился немного со своей камерой, сделал снимок, и тут как раз прозвенел звонок на урок.

— Идите в классы! Быстрее! — скомандовал Локоне и сам устремился ко входу. Он все еще держал за плечи Гарри, который горько в этот миг пожалел, что не знает волшебства для мгновенного исчезновения. — Соломоново решение, — с высоты своего величия проговорил Локоне, входя в замок вместе с Гарри через боковые двери. — В этой сцене с юным Криви я был твоим щитом. Поскольку он фотографировал нас двоих, твои недруги не будут тебя корить: ишь какой, ставит себя выше других…

Не слушая мямлившего оправдания Гарри, Локоне увлекал его дальше по коридору под

взглядами спешащих на уроки учеников.

— Позволь откровенно тебе сказать: раздавать фото с автографом на этом этапе карьеры — верх неблагоразумия. Придет время, когда тебе, как сейчас мне, будет необходимо иметь наготове пачку таких фотографий, но, — жизнерадостно хохотнул он, — думаю, что сегодня, пожалуй, еще рановато.

Наконец они вошли в кабинет Локонса, и Гарри обрел свободу. Одернул мантию, устроился на последнем ряду и, сев за стол, водрузил перед собой стопку из всех семи книг Златопуста Локонса — спрятался за ними от автора.

Тут же в кабинет вошли, громко переговариваясь, и остальные ученики. Рон с Гермионой поспешили к Гарри и сели рядом — один слева, другая справа.

— На твоем лице хоть яичницу жарь! — шепнул Рон. — Моли Бога, чтобы Колин и Джинни не познакомились, а то, глядишь, создадут клуб фанатов Гарри Поттера.

— Тише ты! — Гарри толкнул Рона локтем. Не хватало еще, чтобы Локоне услышал последние слова Рона.

Когда все расселись по местам, Локоне громко прокашлялся, и в классе стало тихо. Он протянул

руку, взял «Тропою троллей» — экземпляр, принадлежащий Невиллу Долгопупсу — и поднял его, демонстрируя собственный подмигивающий портрет на обложке.

— Это я, — сказал он и тоже подмигнул. — Златопуст Локоне, рыцарь ордена Мерлина третьего класса, почетный член Лиги защиты от темных сил и пятикратный обладатель приза «Магического еженедельника» за самую обаятельную улыбку. Но не будем сейчас об этом. Поверьте, я избавился от ирландского привидения, возвещающего смерть, отнюдь не улыбкой!

Златопуст замолчал, ожидая смеха. Несколько учеников довольно кисло улыбнулись.

— Я вижу, вы все купили полный комплект моих книг. Как это прекрасно! Пожалуй, начнем урок с проверочной работы. Не пугайтесь! Я только хочу проверить, как внимательно вы их прочитали и что из них усвоили…

Вручив каждому листки с вопросами, Златопуст вернулся к столу.

— Даю вам полчаса, — сказал он. — Начинайте. На первой странице Гарри прочитал:

1. Какой любимый цвет Златопуста Локонса?

2. Какова тайная честолюбивая мечта Златопуста Локонса?

3. Каково, по вашему мнению, на сегодняшний день самое грандиозное достижение Златопуста Локонса?

И так далее и тому подобное. Последний, пятьдесят четвертый вопрос звучал так:

54. Когда день рождения Златопуста Локонса и каков, по вашему мнению, идеальный для него подарок?

Спустя полчаса Локоне собрал работы и быстренько просмотрел их.

— Ай-яй-яй! — покачал он головой укоризненно. — Почти никто из вас не помнит, что мой любимый цвет сиреневый. Я об этом пишу в книге «Йоркширские йети». А кое-кому не мешало бы повнимательнее читать «Встречи с вампирами». В главе двенадцатой я черным по белому пишу, что идеальный подарок для меня в день рождения — благорасположение между всеми людьми, магами и немагами. Но, разумеется, я не отказался бы и от бутылки доброго огненного виски Огдена!

И Локоне еще раз проказливо подмигнул. Рон

уставился на Локонса недоуменным взглядом. Сидевшие впереди Симус Финниган и Дин Томас тряслись от едва сдерживаемого смеха. Гермиона же, наоборот, вся обратилась в слух. Вернуло ее к действительности только произнесенное на весь класс ее имя.

— А вот мисс Гермиона Грэйнджер знает мою честолюбивую мечту. Да, я хочу избавить мир от зла и наводнить рынок составами для сохранения шевелюры моего собственного изобретения. Умница девочка! — Он еще раз перелистал ее работу. — Она заслуживает самой высокой оценки. Где мисс Гермиона Грэйнджер?

Гермиона подняла дрожащую руку.

— Отлично! — излучал восторг Локонс. — Отлично с плюсом! Десять баллов Гриффиндору. А теперь перейдем к делу…

С этими словами он нагнулся за своим столом и поднял с полу большую, завешенную тканью клетку.

— Сегодня я вас научу, как обуздывать самые мерзкие создания, существующие в мире магов и волшебников. Предупреждаю: вы будете лицезреть в этой комнате нечто действительно ужасное. Но не бойтесь, пока я рядом, ничего плохого с вами не случится. Единственно я прошу

— сохраняйте спокойствие.

Гарри невольно выглянул из-за баррикады, чтобы лучше видеть происходящее. Локоне опустил руку на ткань, закрывающую клетку. Дин и Симус перестали трястись от смеха. Невилл явно трусил, сидя за столом в первом ряду.

— Ведите себя тише, — понизив голос, погрозил пальцем Локоне. — Они могут перевозбудиться.

Весь класс затаил дыхание, Локоне сдернул ткань.

— Да, это они, — драматически произнес он. — Только что пойманные корнуэльские пикси.

Симус Финниган не сдержался и так явно хихикнул, что даже Локоне не принял его смешок за вопль ужаса.

— Что такое? — расплылся он в улыбке.

— Но… но ведь они совсем… неопасные, — выговорил сквозь смех Симус.

— Не скажите. — Локоне покачал головой. — Их забавы могут быть чертовски неприятны.

Пикси были ярко-синие, ростом сантиметров двадцать, с заостренными мордочками. Оказавшись после темноты на свету, они пронзительно заголосили, точно в класс ворвался полк трубачей, заметались по клетке, стали барабанить по жердям и корчить рожи, не то дразня зрителей,

не то забавляя.

— А теперь посмотрим, — повысил голос Златопуст Локоне, — как вы с ними справитесь! — И он открыл клетку.

Что тут началось! Светопреставление! Пикси выскочили из клетки, как маленькие ракеты, и разлетелись во все стороны. Два проказника схватили за уши Невилла и взвились с ним под потолок. Штук пять-шесть, разбив окно и осыпав осколками стекла последний ряд, вылетели из класса. Остальные принялись крушить все, что попадало в их проворные ручки, с яростью разъяренного носорога. Били пузырьки с чернилами и залили весь класс, рассыпали корзину с мусором, рвали в клочки книги и тетради, срывали со стен картины, швыряли в разбитое окно сумки и учебники. Не прошло и пяти минут, как весь класс сидел под столами. Только бедняга Невилл, держась за люстру, болтался под потолком.

— Чего вы испугались? Действуйте! Гоните их обратно в клетку! Это ведь всего только пикси, — кричал Локоне.

Он засучил рукава, взмахнул волшебной палочкой и быстро произнес:

— Пескипикси пестерноми!

Его слова, однако, не укротили разбушевав-

шуюся нечисть. Один даже выхватил у Локонса волшебную палочку и выбросил в окно. Локоне охнул и нырнул под собственный стол. Очень вовремя — люстра не выдержала и Невилл упал прямо на то место, где секунду назад стоял профессор.

Тут как раз прозвенел звонок, и весь класс ринулся к двери. В кабинете стало потише, Локоне вылез из-под стола, увидел неразлучную троицу, готовую уже выскочить за дверь, и приказал:

— Прошу вас, друзья, загоните оставшихся пикси обратно в клетку.

Профессор резво пронесся мимо них и захлопнул дверь перед их носом.

— И ты после этого будешь ему верить! — гневно воскликнул Рон, получив хорошую оплеуху от одного из разбушевавшихся баловников.

— Он просто хотел поместить нас в реальную жизненную обстановку, — сказала Гермиона. Не раздумывая, она наложила заклинание Заморозки на двух пикси и без труда отправила их в клетку.

— По-твоему, это реальная жизненная обстановка? — сказал Гарри, мучаясь с маленьким чертенком, который плясал перед ним, высовывая язык — Да Локоне просто сам не знал, что с

ними делать!

— Глупости, — сказала спокойно Гермиона. — Ты ведь читал его книги. Вспомни все те удивительные подвиги, которые он совершил.

— Это он только пишет, что совершил, — уточнил Рон.

Глава 7

ГРЯЗНОКРОВКИ И ГОЛОСА

Несколько дней Гарри старался не попадаться на глаза Златопусту Локонсу, и это ему удавалось. Труднее было избежать встреч с Колином Криви, который, похоже, выучил наизусть расписание уроков Гарри. Колин был на седьмом небе от счастья: раз десять в день он произносил: «Как дела, Гарри?» — и слышал в ответ: «Нормально, Колин», пусть даже говорились эти слова с нескрываемым раздражением.

Букля все еще сердилась на Гарри за злосчастный полет на фордике, а волшебная палочка Рона до сих пор работала из рук вон плохо. Утром в пятницу на уроке заклинаний она превзошла себя: вырвалась у Рона и ударила хрупкого старого профессора Флитвика в лоб, где у него вскочил огромный зеленый фурункул. Гарри с облегчением вздохнул, когда наконец наступили выходные. Друзья все вместе собирались сходить в гости к лесничему Хагриду. Но в тот день кто-то разбудил его ни свет ни заря. Он разлепил глаза и увидел Оливера Вуда.

— Что… что такое? — сонно пробормотал Гарри.

— Тренировка! — решительно заявил Вуд. — Вставай!

Гарри поглядел в окно. Золотисто-розовое рассветное небо подернуто легкой дымкой, оглушительно гомонят птицы — как это они его раньше не разбудили.

— Но, Оливер, — взмолился Гарри, — сейчас такая рань!

— Вот именно, — согласился Вуд. В глазах высокого, крепкого шестиклассника горел сумасшедший огонь энтузиазма. — Это новая тренировочная программа. Бери метлу и пошли! Другие команды еще и не приступали к тренировкам, мы будем в этом году первыми…

Зевая и поеживаясь, Гарри выбрался из постели и начал искать в чемодане спортивную форму.

— Молодец! Жду тебя на площадке через пятнадцать минут.

Надев алую форму и накинув сверху мантию — утро было прохладное, — Гарри нацарапал Рону записку: пусть тоже идут с Гермионой на стадион. Закинув на плечо свой «Нимбус-2000», он спустился в Общую гостиную и уже готов был выйти в коридор, как вдруг наверху послышался

шум. По винтовой лестнице, сжимая что-то в руке, скатился Колин Криви; висевшая у него на шее камера болталась из стороны в сторону.

— кто-то произнес твое имя, Гарри! Смотри, что у меня есть! Я напечатал их, хочу тебе показать…

Гарри ошеломленно уставился на фотографию, которую Колин держал у него перед носом. На ней черно-белый Локоне изо всех сил пытался втащить кого-то за руку в кадр. Гарри узнал на снимке собственную руку и с удовольствием отметил, что оказал Локонсудостойное сопротивление. Локоне скоро сдался и устало прислонился к белому краю фотографии.

— Подпишешь? — с надеждой спросил Колин.

— Нет, — отрезал Гарри и быстро оглянулся по сторонам. В гостиной, к счастью, еще никого не было. — Извини, Колин, я тороплюсь. У меня сейчас тренировка.

С этими словами он решительно направился к выходу в коридор.

— Вот это да! Подожди! Я никогда в жизни не видел, как играют в квиддич! — И Колин вприпрыжку побежал вслед за Гарри.

— Не будет ничего интересного. Это всего лишь тренировка, — ответил Гарри, но Колин пропустил его слова мимо ушей. Лицо его сияло от

радостного волнения.

— Ты ведь самый молодой игрок за последние сто лет, правда, Гарри? Правда? — возбужденно спрашивал Колин, стараясь не отставать от Гарри. — Ты, наверное, великий игрок. А я вот никогда не летал. Это трудно, да? А это твоя собственная метла? Самая лучшая модель?

Гарри не знал, как его остановить. Все равно что заговорила собственная тень, от которой не избавишься.

— Я даже не знаю толком правил квиддича. — Колину не хватало дыхания, но он не смолкал ни на минуту. — Правда, что в него играют четырьмя мячами? Два летают сами и сбивают игроков с метел?

— Правда, — мрачно подтвердил Гарри: очень не хотелось объяснять сейчас довольно сложные правила игры. — Эти мячи называются бладжеры. В каждой команде есть два загонщика, у них специальные биты, ими они отбивают бладжеры, которые летят в товарищей по команде. Загонщики Гриффиндора — Фред и Джордж Уизли.

— А зачем остальные мячи? — Колин завороженно глядел на Гарри, споткнулся и чуть не упал.

— Большим красным мячом, квоффлом, заби-

вают голы, — пояснил Гарри. — Игроки пасуют его друг другу, стараясь забросить в кольца противника. Кольца закреплены на высоких шестах, по три на каждой половине поля.

— А четвертый мяч?

— Четвертый — золотой снитч. Он маленький, летает быстро и поймать его очень трудно. Это задача ловца. Матч кончается, когда ловец поймает снитч. Его команда выигрывает, потому что получает за это сразу сто пятьдесят очков.

— А ты ловец сборной Гриффиндора? — благоговейно прошептал Колин.

— Да, — кивнул Гарри. Они уже вышли из замка и шагали по мокрой от росы траве. — Еще в каждой команде есть вратарь. Он охраняет кольца. Вот, кажется, и все.

Но Колин не переставал засыпать Гарри вопросами всю дорогу до спортивного поля. Гарри избавился от него только перед входом в раздевалку.

— Пойду поищу себе местечко получше! — пропищал ему в спину Колин и побежал к трибунам.

В раздевалке все уже были в сборе. Фред и Джордж Уизли, заспанные и взъерошенные, сидели рядом с четверокурсницей Алисией Спиннет,

которая дремала, откинувшись назад. Напротив них зевали два других охотника — Кэти Белл и Анджелина Джонсон. Вуд же был бодр и энергичен — сна ни в одном глазу.

— Ну, наконец, Гарри. Что ты так задержался? — повернулся к нему Вуд. — Вначале позвольте мне объяснить нашу новую тактику. Я разрабатывал ее все лето, и, уверен, она поможет нам в этом году выиграть школьный чемпионат…

Вуд прикрепил к доске большой лист пергамента, где было изображено поле для квиддича, испещренное разноцветными линиями, стрелочками и крестиками. Достал свою палочку, постучал по доске, стрелки ожили и стали ползать по схеме как гусеницы. Пока Вуд пространно излагал новую тактику, Фред Уизли уронил голову на плечо Алисии и явственно захрапел.

На объяснение первой схемы ушло двадцать минут. После чего Вуд достал вторую, за ней — третью. Гарри чувствовал, что засыпает.

— Все ясно? — громко спросил Вуд, вырвав Гарри из объятий сладостной дремы. Как раз в эту минуту ему снилось, что он сидит в Общей гостиной и поглощает завтрак. — Вопросы есть?

— У меня есть, Оливер, — разлепил глаза Джордж. — Почему нельзя было рассказать все

это вчера вечером, когда соображалось гораздо лучше?

Вопрос Буду явно не понравился.

— Да проснитесь вы, — повысил он голос, окинув собравшихся неодобрительным взглядом. — В прошлом году мы, лучшая команда школы, не выиграли Кубка. Нам помешали… э-э… особые обстоятельства…

Гарри виновато заерзал. В том семестре, во время последнего матча, он лежал без сознания в больничном крыле. Гриффиндор вышел на поле без ловца и потерпел самое сокрушительное за последние триста лет поражение.

Вуд замолчал, пытаясь взять себя в руки. Прошлогодний разгром мучил его до сих пор.

— Приготовьтесь, нам предстоят в этом году упорные тренировки. А теперь применим новую теорию на практике! — воскликнул он, схватил свою метлу и поспешил к выходу. За ним, позевывая, на негнущихся ногах, двинулась вся команда.

Ну и затянул же Вуд изложение своей тактики! Солнце успело подняться, хотя на траве все еще слоями лежал туман. Выйдя на поле, Гарри увидел на трибуне Рона и Гермиону.

— Вы что, еще не закончили? — удивился Рон.

— Еще и не начинали, — буркнул Гарри, с завистью глядя на тосты с джемом, которые друзья прихватили с собой после завтрака. — Вуд объяснял нам новую тактику.

Он оседлал метлу, оттолкнулся от земли и взмыл в небо. Холодный воздух хлестнул по лицу и разбудил куда быстрее, чем нудные объяснения Вуда. Какое счастье снова оказаться над полем! Гарри на полной скорости облетел стадион, обогнав Фреда и Джорджа.

— Что за странные звуки? — удивился Фред, когда они долетели до конца поля и развернулись.

Гарри бросил взгляд на трибуну. На самом верху они увидели Колина. Он без остановки щелкал камерой, звуки на пустом стадионе разносились необычно громко.

— Посмотри сюда, Гарри! Сюда! — отчаянно завопил Колин.

— Это еще кто? — спросил Фред.

— Не знаю, — соврал Гарри и резко рванул с места. До чего же ему надоела эта мелюзга!

— Что происходит? — недовольно нахмурился подлетевший к ним Вуд. — Почему первокурсник нас снимает? Мне это не нравится. Вдруг, это шпион из Слизерина пытается заснять нашу новую программу.

— Да нет, он из Гриффиндора, — успокоил капитана Гарри.

— Кроме того, Оливер, слизеринцам шпион не нужен, — заметил Джордж.

— Что ты хочешь этим сказать? — бросил на него подозрительный взгляд Вуд.

— Что они и сами уже здесь. — Джордж указал на игроков в зеленой форме, которые с метлами на плечах выходили на поле.

— Откуда они взялись? — сжал кулаки Вуд. — Я же забронировал стадион на сегодня! Ладно, сейчас разберемся!

Разозлившись, он так резко пошел вниз, что приземление оказалось весьма чувствительным. Его слегка пошатывало, когда он двинулся к слизеринцам вместе с Гарри и близнецами.

— Флинт! — рявкнул Вуд, обращаясь к капитану соперников. — Сейчас наше время! Мы встали чуть свет! Убирайтесь отсюда!

Маркус Флинт был крупнее Вуда. Гарри иногда казалось, что он смахивает на тролля. Вот и сейчас у него на лице играла глуповатая улыбка — как у тролля, замыслившего очередную каверзу.

— Нам тут всем места хватит, Вуд.

Подошли Алисия, Кэти и Анджелина. Слизе-

ринцы, среди которых девочек не было, стояли плечом к плечу и презрительно ухмылялись.

— Но я забронировал стадион! — крикнул Вуд. — Забронировал!

— Ты забронировал, — возразил Флинт, — а у меня письменное разрешение от профессора Снегга. Вот, читай: «Я, профессор С. Снегг, разрешаю команде Слизерина провести тренировку на поле для квиддича в связи с тем, что им необходимо опробовать нового ловца».

— У вас новый ловец? — спросил Вуд. — Это новость! Откуда вы его взяли?

Из-за спин шестерых игроков вышел седьмой, чуть не на голову ниже остальных. На его бледном, заостренном лице играла самодовольная улыбка. Это был Драко Малфой.

— Ты, случайно, не сын Люциуса Малфоя? — спросил Фред, неприязненно глядя на Драко.

— А ты не зря упомянул его отца, — заявил Флинт, и ухмылки на лицах слизеринцев растянулись еще шире. — Он сделал нашей команде щедрый подарок. Посмотри сам!

Все семеро вытянули вперед свои метлы. Отполированные до блеска, абсолютно новые, с золотыми буквами «Нимбус-2001», они ослепительно сверкали в лучах утреннего солнца.

— Последняя модель. Появилась только месяц назад, — небрежно заметил Флинт, смахнув несуществующую пылинку со своей метлы. Она гораздо лучше «Нимбуса-2000». А что касается «Чистометов», — он бросил уничтожающий взгляд на старые метлы в руках Фреда и Джорджа, — они с этой моделью даже рядом не стояли.

Игроки Гриффиндора не нашлись что ответить. У торжествующего Малфоя налитые злобой глаза превратились в щелки.

— Смотрите, — махнул рукой Флинт. — К Гриффиндору спешит подмога.

По полю к игрокам бежали Рон с Гермионой, решившие выяснить, в чем дело.

— Что происходит? — спросил Рон у Гарри. — Почему вы не играете? А этот тип что тут делает?

Он удивленно разглядывал Малфоя, одетого в спортивную форму Слизерина.

— Я новый ловец сборной Слизерина, Уизли, — самодовольно заявил Малфой. — Мы любуемся метлами. Их купил мой отец для всей нашей команды.

Рон не мог отвести восхищенного взгляда от семи великолепных скоростных метел.

— Хороши, а? — невинно поинтересовался

Малфой. — Не расстраивайтесь, соберите с болельщиков деньги и тоже такие купите. Или выставьте на аукцион свои «Чистометы-5». Музеи всего мира из-за них подерутся, — издевался он.

Сборная Слизерина разразилась дружным хохотом.

— Зато ни один игрок нашей сборной не покупал себе место в команде, — отчеканила Гермиона. — Все они попали туда благодаря таланту.

Самодовольное лицо Малфоя исказила гримаса ненависти.

— А твоего мнения, грязнокровка, никто не спрашивает! — выпалил он.

Барри понял: Малфой сказал что-то ужасное, потому что не успел он закрыть рта, как поднялся невообразимый шум. Флинт метнулся прикрыть собой Малфоя от кулаков Фреда и Джорджа. Алисия кричала: «Да как ты смел такое сказать!», а Рон с воплем: «Ты заплатишь за это, Малфой!» — выхватил из кармана волшебную палочку и, просунув ее под руку Флинта, направил прямо в лицо Малфою. По стадиону разнеслось эхо от громкого хлопка, из другого конца палочки вырвался зеленый луч и ударил Рона в живот. Рон упал и покатился по траве.

— Рон, с тобой все хорошо? — бросилась к нему

Гермиона.

Рон хотел ответить ей, открыл рот и… оглушительно рыгнул. К ужасу гриффиндорцев, из его рта посыпались слизняки.

А слизеринцы зашлись от смеха. Флинт согнулся пополам и рухнул бы на траву, если бы не метла. Малфой не устоял на ногах и хохотал на четвереньках, колотя кулаком по земле. Гриффиндорцы окружили Рона, извергавшего больших блестящих слизней. Зрелище было столь неприятно, что никто не решался помочь ему.

— Отведем его к Хагриду это недалеко, — обратился Гарри к Гермионе. Та храбро кивнула, друзья подхватили Рона под мышки и поставили на ноги.

— Что случилось, Гарри? Что случилось? Он заболел? Но ты ведь сможешь его вылечить, правда? — тараторил Колин, который сбежал с трибуны и сейчас приплясывал вокруг Гарри и Гермионы.

Рона в очередной раз вывернуло наизнанку, у него изо рта посыпалась новая порция слизняков.

— Ого! — восторженно воскликнул Колин и поднес камеру к глазам. — Гарри! Подержи его

секундочку!

— Уйди с дороги, Колин! — рассердился Гарри. Поддерживая Рона, они повели его со стадиона в сторону Запретного леса.

— Мы уже почти пришли, Рон, — подбодрила его Гермиона, заметив между деревьями домик лесничего. — Через пару минут будем на месте… тебе сразу станет легче…

Когда до дома осталось метров пять, дверь распахнулась. Но появился не хозяин: из дверей размашистым шагом вышел Златопуст Локоне, одетый на этот раз в сиреневую мантию.

— Сюда, — шепнул Гарри, толкнув Рона за ближайший куст. Гермиона не очень охотно последовала за ними.

— Это очень просто, надо только знать, что делать! — профессорским тоном объяснял Локоне Хагриду. — Если понадобится помощь, вы знаете, где меня найти! Я пришлю вам свою книгу. Странно, что у вас до сих пор ее нет. Подпишу сегодня вечером и пришлю. До свидания! — И Локоне зашагал в сторону замка.

Гарри дождался, пока он скрылся из виду, вывел Рона из-за кустов и поспешил к дверям. Все трое забарабанили в дверь.

Хагрид тут же открыл — вид у него был явно

недовольный. Но, увидев, кто на крыльце, он расцвел.

— Куда вы запропали! Заходите, заходите! Я уж подумал, это профессор Локоне вернулся…

Гарри и Гермиона втащили Рона в единственную комнату Хагрида, которая служила и спальней, и гостиной, и столовой. У одной стены стояла огромная кровать, в камине весело потрескивал огонь. Усадив Рона в кресло, Гарри принялся торопливо рассказывать Хагриду, что случилось с их другом, но великана эта история со слизняками, похоже, не обеспокоила.

— Лучше пусть лезут наружу, чем сидят внутри, — жизнерадостно заявил он, поставив перед Роном большой медный таз. — Давай, Рон, не стесняйся.

Рон склонился над тазом.

— Нам, наверное, остается только ждать, когда это прекратится само собой? — озабоченно спросила Гермиона. — Это заклятие вообще непросто снять, а уж если сломана палочка…

Хагрид суетился вокруг, накрывая стол к чаю. Волкодав Клык подошел к Гарри, положил голову ему на колени и тут же обслюнявил всю мантию.

— А что хотел от тебя Локоне, а, Хагрид? — спросил Гарри, почесывая Клыка за ушами.

— Учил меня, как колодец от водорослей очистить, — проворчал Хагрид, убирая со стола полуощипанного петуха и ставя на его место чайник. — А то я без него не знаю. Болтал о привидении, накликающем смерть. Будто он его… э-э… откуда-то выгнал. Все небось врал, готов съесть чайник, да!

Это было не похоже на Хагрида. Он никогда не говорил плохо о профессорах Хогвартса. Гарри взглянул на лесничего с удивлением, но промолчал. А вот Гермиона не смолчала и заявила, чуть повысив голос:

— Я думаю, ты несправедлив, Хагрид, профессор Дамбддор сам выбрал его на должность профессора защиты от темных искусств.

— А из кого выбирать-то? — ответил Хагрид, протягивая друзьям тарелку с ирисками из патоки. (Рон все страдал над тазом.) — Защиту… вишь ты… никто не хочет преподавать. Эта должность проклята, на ней больше года не держатся, да! Ладно, лучше скажите, — спросил Хагрид, кивнув в сторону Рона, — кого это он пытался заколдовать?

— Малфоя. Он обозвал Гермиону. Как-то очень грубо, потому что все просто рассвирепели.

— Гнусно обозвал, — прохрипел Рон, подняв

голову от таза. На его побледневшем лице проступили капли пота. — Назвал ее грязнокровкой…

Почувствовав очередной приступ рвоты, Рон снова склонился над тазом. Хагрид побагровел от ярости.

— Ишь, гад! — проревел он, повернувшись к Гермионе.

— Я не знаю, что это значит, — тихо проговорила она. — Конечно, я понимаю, это ужасно грубо…

— Это самое подлое оскорбление. — Голова Рона снова высунулась над столом. — Грязнокровками называют тех, кто родился в семье маглов. У кого родители не волшебники. Среди волшебников есть такие, кто считает себя лучше всех. Например, Малфои. Они хвалятся, что у них в жилах течет самая чистая кровь. — Рон странно всхлипнул и плюнул в подставленную руку маленького слизняка. Бросил его в таз и продолжал: — Вообще-то почти для всех волшебников это ничего не значит. Какая разница — маг ты или магл! Взять хотя бы Невилла Долгопупса: уж куда чище кровь, а даже котел не может ровно установить.

— А наша Гермиона может все! Она знает… кучу, нет… все заклинания! — гордо воскликнул Хагрид.

Гермиона от такой похвалы зарделась, как маков цвет.

— Бессовестно так называть людей, — сказал Рон, дрожащей рукой отирая со лба капельки пота. — Грязная кровь! Это про кровь-то! Да сейчас большинство волшебников полукровки. Если бы мы не женились на маглах, мы бы давно все вымерли.

Тут он рыгнул и снова скрылся под столом.

— Ты не виноват… эта… что хотел заколдовать его, Рон, — крикнул Хагрид, стараясь перекрыть глухой стук, с каким слизняки падали в таз. — Даже лучше, что палочка не сработала. Поди заколдуй Драко, Люциус Малфой тут же… явится в школу. И тут уж жди беды!

Гарри хотел сказать, что худшей беды, чем слизни, не может быть. Но не смог открыть рот: челюсти были намертво склеены ириской Хагрида.

— Гарри, — Хагрид неожиданно повернулся к нему, как будто вспомнил о чем-то, — я тут чуть не обиделся. Ты ведь подписываешь фотографии. А мне-то не подписал? Я, думаешь, хуже всех?

Гарри возмутился и сумел-таки разлепить зубы.

— Никаких фотографий я не подписывал, — с

жаром воскликнул он. — А если Локоне говорит…

Хагрид рассмеялся.

— Да шучу я. — Великан добродушно хлопнул Гарри по спине, отчего тот ткнулся лицом в стол. — Ну да, не подписывал. Я так и сказал Локонсу: на кой леший это Гарри, он и так знаменитей всех.

— Вряд ли ему это понравилось, — потер Гарри ушибленный подбородок.

— Перекосился весь! — ответил Хагрид, и его глаза весело блеснули. — А тут я возьми и брякни, что вообще не читал его книг. Он вскочил и… э-э… ушел. Будешь ириску, Рон?

— Нет, спасибо. — Рон вынырнул из-за стола. — Лучше не рисковать.

— Идемте посмотрим, что у меня растет, — позвал Хагрид, когда Гарри и Гермиона допили чай.

На маленьком участке за домом теснились огромные тыквы. Каждая была величиной с хороший валун.

— Знатные тыквы, да? — воскликнул Хагрид. — Это к Хэллоуину. Они… э-э… к тому времени еще раздуются…

— А чем ты их подкармливаешь? — спросил

Гарри.

— Ну, сам понимаешь… э-э… я, да… помог им… — промямлил Хагрид, убедившись, что они за домом одни.

У стены Гарри заметил розовый зонт Хагрида. Очевидно, это не совсем простой зонт. Он был уверен, внутри безобидного на вид предмета скрыт обломок школьной волшебной палочки Хагрида. Хагрид не имел права прибегать к магии. Его исключили из Хогвартса на третьем курсе, но Гарри пока не удалось выяснить за что. Стоило заговорить об этом, Хагрид начинал кашлять с отсутствующим видом, как будто оглох, пока Гарри не менял тему.

— Заклинание Раздувания, да? — В голосе Гермионы звучали укор и восхищение. — Ты отлично поработал над ними.

— Твоей сестренке тоже понравилось, — кивнул Хагрид в сторону Рона. — Видел ее вчера. — Хагрид покосился на Гарри и улыбнулся в бороду. — Она сказала, что… э-э… любуется окрестностями, а мне сдается, она… гм-гм… ожидала встретить кое-кого у меня. — И Хагрид подмигнул Гарри. — И она б не отказалась от подписанной…

— Перестань! — воскликнул Гарри.

Рон прыснул, и на грядку посыпались слиз-

няки.

— Осторожнее! — рыкнул Хагрид и немедленно отволок Рона подальше от драгоценных тыкв.

Близилось время обеда. У Гарри весь день маковой росинки во рту не было (если, конечно, не считать ириски Хагрида), и ему хотелось скорей вернуться в школу. Друзья попрощались с Хагридом и пошли к замку. Рон изредка икал, но слизняки в нем, похоже, кончились — за всю дорогу он отрыгнул всего пару, да и то крошечных.

Едва переступив порог холла, они услышали свои фамилии.

— Явились наконец-то, Поттер, Уизли. — К ним приближалась профессор МакГонагалл. Вид у нее был весьма суровый. — Вечером будете отрабатывать свои наказания.

— А что мы будем делать, профессор? — спросил Рон, сдерживая отрыжку.

— Вы, Уизли, будете чистить серебро в Зале почета под присмотром мистера Филча, — ответила профессор МакГонагалл. — И никакого волшебства, Уизли: будете работать руками.

Рон судорожно вздохнул. Завхоза Аргуса Филча ненавидели все до единого ученика Хогвартса.

— А вы, Поттер, будете помогать профессору Локонсу — поклонники завалили его письмами.

— Только не это! Нельзя ли мне тоже чистить серебро в Зале почета? — В голосе Гарри звучало отчаяние.

— Конечно, нет. — Профессор МакГонагалл удивленно взметнула брови. — Профессор Локонс попросил, чтобы ему помогали именно вы. Ровно в восемь, и не опаздывать!

Настроение было испорчено. Гарри и Рон вошли в Большой зал понурившись, Гермиона следовала за ними, на ее лице ясно читалось: «Не надо было нарушать школьные правила!» Даже пирог с почками показался сегодня Гарри не таким вкусным. Он был уверен: его наказание тяжелее. Рон с этим не соглашался.

— Филч продержит меня всю ночь, — сокрушался он. — И никакого волшебства! Да в этом зале сотни три кубков! А я совсем не умею работать руками, как маглы!

— Я бы с радостью поменялся с тобой, — несчастным голосом произнес Гарри. — Я у Дурелей напрактиковался. Отвечать на письма поклонников Локонса… Просто кошмар!

Субботний день растаял быстро. Не успел Гарри оглянуться, как часы уже показывали без пяти восемь. Едва переставляя ноги, он брел по коридору второго этажа к кабинету Локонса. Перед дверью

на мгновение замер, сжал зубы и решительно постучал.

Дверь тут же распахнулась. Локоне при виде своего помощника широко улыбнулся.

— А-а, вот и наш нарушитель! — воскликнул он. — Заходи, Гарри, заходи.

Кабинет был освещен множеством свечей. Стены сплошь увешаны фотографиями Локонса, так что самих стен за ними не видно. На столе высоченная стопка конвертов.

— Будешь писать адреса! — торжественно произнес Локоне, не сомневаясь, что это доставит Гарри огромное удовольствие. — Та-ак, вот письмо Глэдис Гаджен, дай ей бог здоровья, одна из самых преданных моих поклонниц.

Минуты ползли не быстрее улиток. Гарри не слушал Локонса и только время от времени произносил: «м-м-м», «точно!» «да». Кое-что, однако, достигало его сознания: избитые фразы, вроде «Слава — неверная подруга, Гарри» или «Знаменитость складывается из поступков, которые эта знаменитость совершает».

Свечи становились короче, мигали, отблески пламени плясали на бесчисленных изображениях Локонса. Гарри перевернул уже, наверное, тысячный конверт, на тысяча первом принялся

выводить адрес какой-то Вероники Сметли.

«Конца-краю не видно! — подумал Гарри. — Сил больше нет сидеть тут…»

И в этот миг он вдруг что-то услыхал. Какой-то звук, непохожий на потрескивание догорающих свечей и разглагольствования Локонса о поклонницах.

Это был голос, от которого перехватило дыхание, кровь стыла в жилах, голос, который сочился ледяным ядом.

— Иди… иди ко мне… дай мне схватить тебя… разорвать… у бить…

Гарри вскочил, и улица, на которой жила Вероника Сметли, скрылась под огромным фиолетовым пятном.

— Что-что? — громко воскликнул он.

— То, что ты слышишь, мой мальчик, — ответил Локоне. — Целых полгода без перерыва на первом месте в списке бестселлеров! Такого еще не бывало!

— Я не об этом, — лихорадочно замотал головой Гарри. — Голос!

— Голос? — озадаченно переспросил Локоне. — Какой голос?

— Голос, который сказал… вы ничего не слышали?

Локоне изумленно уставился на Гарри.

— О чем ты, Гарри? Может, ты задремал? Посмотрим, который час! Ого! Мы просидели здесь почти четыре часа! Кто бы мог подумать! Время пролетело как один миг!

Гарри молчал. Он силился снова услышать голос, но слышал только слова Локонса: вряд ли Гарри когда еще выпадет такое счастье — вместо наказания провести четыре часа с самим Златопустом Локонсом.

Гарри ушел к себе потрясенный. В этот поздний час Общая гостиная Гриффиндора была почти пуста. Гарри поднялся прямо в спальню. Рон еще не вернулся. Гарри натянул пижаму, залез в постель и принялся терпеливо ждать. Прошло полчаса, и наконец Рон ввалился в комнату, поддерживая правую руку левой. В нос Гарри ударил сильный запах средства для чистки серебра.

— Руку свело, — простонал он, падая на кровать. — Он заставил меня четырнадцать раз натирать Кубок по квиддичу! А когда я чистил Кубок «За особые заслуги перед школой», из меня снова полезли слизняки, и я целую вечность оттирал потом с него слизь… А как у тебя с Локонсом?

Понизив голос, чтобы не разбудить Невилла, Дина и Симуса, Гарри сел в постели и рассказал

Рону о голосе.

— И Локоне сказал, что ничего не слышал? — спросил Рон. Гарри в лунном свете увидел, как его друг нахмурился. — Думаешь, он соврал? Но я не понимаю… ведь даже невидимки открывают двери!

— Да, конечно, — ответил Гарри, опускаясь на подушку. — Я тоже ничего не понимаю.

Глава 8

ЮБИЛЕЙ СМЕРТИ

Пришел октябрь, холод и сырость затопили окрестности, пробрались в замок. Мадам Помфри была теперь постоянно занята — вся школа кашляла и чихала. Ее «Бодроперцовое зелье» действовало моментально, и все было бы хорошо, если бы не побочное действие: у тех, кто принял настойку, часа три из ушей валил дым. Джинни Уизли ходила вялая, осунувшаяся. Перси отвел ее в больничный отсек и заставил выпить это снадобье. Теперь, когда он глядел на дым, струящийся сквозь копну ее огненно-рыжих волос, ему казалось, что бедняжка Джинни горит.

Тяжелые капли дождя стучали по окнам замка неделю без перерыва. Озеро вышло из берегов, клумбы превратились в грязное месиво, а тыквы Хагрида раздулись до размеров кареты. Но все это нисколько не остудило энтузиазм Оливера Вуда. Тренировки продолжались. Именно поэтому в субботний вечер незадолго до Хэллоуина Гарри возвращался к себе в башню промокший до нитки — в такое ненастье добрый хозяин собаку из

дома не выгонит.

Тренировка не принесла большой радости, и дело было не только в скверной погоде. Фред и Джордж ухитрились подглядеть за тренировкой слизеринцев и своими глазами убедились, что такое эти новые «Нимбусы-2001». Соперники носились над полем, как реактивные самолеты, — так что невозможно было даже различить игроков.

Идя по пустому коридору, Гарри заметил, что не только его одного одолевают невеселые мысли. Почти Безголовый Ник, привидение башни Гриффиндора, уставившись в окно бессмысленным взглядом, бормотал себе под нос:

— Не удовлетворяю их требованиям… какой-то сантиметр, если уж на то пошло…

— Привет, Ник, — окликнул его Гарри.

— Привет, привет. — Ник, вздрогнув, отвернулся от окна. На нем была старинная шляпа с пером, из-под которой на плечи падали крупные локоны, и кафтан с широким плоеным воротником. Благодаря этому воротнику было незаметно, что голова его почти совсем отрублена. Он был полупрозрачен, как облако дыма. Гарри отчетливо видел сквозь него темное небо за окном и льющиеся по стеклу потоки дождя. — У тебя

озабоченный вид, юный Поттер, — сказал Ник, сворачивая прозрачный лист бумаги и пряча его в карман.

— У тебя тоже, — ответил Гарри.

— А-а, ничего особенного. — Ник изящно взмахнул рукой. — Я и не жаждал туда вступать… Просто подумал, подам заявление. Но, оказалось, я «не удовлетворяю их требованиям»…

Ник силился изобразить безразличие, но все-таки не смог скрыть обиды.

— Сорок пять ударов тупым топором по шее! — достал он из кармана письмо. — Разве этого мало, чтобы принять меня в Клуб обезглавленных охотников?

— М-м, да, — ответил Гарри, чувствуя, что Ник явно ожидает от него участия.

— Что я хочу сказать, — продолжал Ник. — Я больше всех желал, чтобы все прошло как по маслу и голова отделилась от тулова как положено. Ведь было бы не так больно. И я не оказался бы впоследствии в столь двусмысленном положении. Однако…

Почти Безголовый Ник встряхнул прозрачный лист бумаги и начал читать звенящим от негодования голосом:

— «Мы принимаем в Клуб охотников только

тех привидений, чьи головы полностью отсечены от тела. Без этого условия нельзя участвовать в таких мероприятиях, как скачки на коне с жонглированием головой или игра в поло отрубленными головами. С величайшим сожалением должен сообщить Вам, что Вы не удовлетворяете нашим требованиям. С наилучшими пожеланиями, сэр Патрик Делэйни-Подмор».

И, тяжело вздохнув, Почти Безголовый Ник сунул письмо в карман.

— Моя голова, Гарри, держится всего на лоскутке кожи и нескольких жилах! — воскликнул он. — Все скажут, что она отрублена, но нет, для сэра Патрика, обезглавленного по всем правилам, этого недостаточно. — Почти Безголовый Ник несколько раз глубоко вздохнул и уже спокойнее продолжил: — А что тебя огорчило, мой юный друг? Не мог бы я чем-нибудь помочь?

— Нет, спасибо. — Гарри покачал головой. — Если ты, конечно, не знаешь, где бесплатно достать семь метел «Нимбус-2001» для матча со слизе…

Конец предложения заглушило пронзительное мяуканье. Гарри посмотрел под ноги и встретился взглядом с двумя желтыми, как горящие лампы, глазами. Глаза принадлежали Миссис Норрис, тощей серой кошке — верной помощнице зав-

хоза Аргуса Филча в его бесконечной борьбе со школьниками.

— Уходи-ка отсюда поскорее, Гарри, — посоветовал Ник — Филч сейчас в самом дурном расположении духа. Он простужен, вдобавок, кто-то из третьекурсников нечаянно забрызгал лягушачьими мозгами весь потолок в подземелье номер пять, и он весь день наводил там порядок. Если он увидит, сколько с тебя натекло грязи…

— Да, верно, — согласился Гарри и попятился назад под осуждающим взглядом Миссис Норрис. К сожалению, он не успел убежать.

Между Филчем и его кошкой существовала странная связь — стоит Миссис Норрис увидеть проказу, Филч тут как тут в мгновение ока. Вот и сейчас он выскочил из-за гобелена, то и дело чихая, готовый немедленно учинить расправу. Глаза метали громы и молнии, побагровевший нос распух, голова обмотана клетчатым шерстяным шарфом.

— Грязь! — завопил Филч, лязгнув зубами.

Глаза выкатились из орбит, а палец грозно указывал на лужу, натекшую со спортивной формы Гарри. — По всему замку грязь! Нет, с меня довольно! Идите за мной, Поттер!

Гарри мрачно помахал рукой Почти Безголово-

му Нику и пошел за Филчем вниз. Грязных следов стало вдвое больше.

Гарри никогда раньше не был в кабинете Филча, школьники старались обходить его стороной. Комната без окон была душной и мрачной — ее освещала керосиновая лампа, свисавшая с низкого потолка. Вдоль двух стен стояли шкафы с ящиками для документов, на каждом наклеены по алфавиту фамилии провинившихся учеников, внутри ящиков — записи о наложенных наказаниях. Для Фреда и Джорджа Уизли отведен отдельный ящик. На дальней стене висели начищенные до блеска цепи с кандалами. Ни для кого не секрет, что Филч все время уговаривет Дамблдора ввести в действие Указ о подвешивании к потолку за лодыжки проштрафившихся учеников.

Филч выдернул перо из чернильницы и начал шелестеть бумагами в поисках чистого пергамента.

— Навоз… шипящие сопли дракона… лягушачьи мозги… крысиные кишки… — яростно бормотал он. — Хватит с меня всего этого… Нужно примерно наказать кого-то, чтобы другим было неповадно… Где же бланк… Ага…

Он вытащил из ящика стола свиток пергамен-

та, развернул его и обмакнул длинное черное перо в чернильницу.

— Имя — Гарри Поттер. Проступок — …

— Я совсем немного принес грязи! — оправдывался Гарри.

— Это для тебя немного, а для меня целый час тяжкого труда! — кричал Филч. На кончике его распухшего носа затряслась малоприятная капля. — Итак, проступок — загрязнение замка. Рекомендуемое наказание…

Вытирая мокрый нос, Филч злобно покосился на Гарри. Тот, затаив дыхание, ждал приговора.

Филч уже занес перо над пергаментом, как вдруг наверху что-то грохнуло, потолок затрясся, а лампа звякнула и закачалась.

— Пивз! — заорал Филч, отшвырнув перо в приступе ярости. — На сей раз я до тебя доберусь, честное слово, доберусь!

Филч забыл про Гарри и, тяжело топая, выбежал из кабинета. Следом за ним поскакала и Миссис Норрис.

Пивз был школьный полтергейст, вечно ухмыляющаяся летающая угроза. Цель его жизни — устраивать хаос и чинить людям мелкие неприятности. Гарри, мягко говоря, его недолюбливал, но сейчас был ему благодарен — так

удачно выбрать время для очередной проделки! Похоже, на этот раз он разбил что-то очень большое. Есть надежда, что Гарри удастся избежать наказания.

Но все же Филча надо дождаться. Гарри сел в побитое молью кресло. На столе, кроме бланка, который Филч начал заполнять, лежал только большой блестящий лиловый конверт с серебряной надписью. Бросив быстрый взгляд на дверь, Гарри взял конверт и прочитал: «*СКОРОМАГИЯ. Заочный курс колдовства для начинающих*».

Гарри, подстегиваемый любопытством, открыл конверт и вытащил лист пергамента, исписанный витиеватыми серебряными буквами.

Трудно идти в ногу с современной магией? Стесняетесь, что не знаете самых простых заклинаний? Терпите насмешки из-за неумелого обращения с волшебной палочкой?

Эти проблемы можно решить!

Скоромагия — абсолютно новый, очень простой, стопроцентно надежный курс колдовства, дающий молниеносные результаты.

Сотни волшебников и волшебниц улуч-

шили свою жизнь, овладев методом скоромагии!

Мадам З. Крапивине из Топшэма пишет:

«Я просто не могла запомнить заклинания, а над моими зельями смеялась вся семья! Теперь, когда я прошла курс скоромагии, я самый желанный гость на вечеринках. А друзья умоляют дать им рецепт моего игристого настоя!»

А вот что говорит маг Д.Дж. Шилоу из Дидсбери:

«Жена смеялась над моими слабыми заклинаниями, но всего через месяц занятий по методу скоромагии мне удалось превратить ее в яка! Большое спасибо тебе, скоромагия!»

Любознательный Гарри перелистал другие бумаги, лежавшие в конверте. Интересно, зачем Филчу нужна скоромагия? Не значит ли это, что Филч никакой не волшебник? Читая первый урок «Как держать волшебную палочку (несколько полезных советов)», Гарри услыхал за дверью шаги. Поспешно сунул бумаги в конверт, едва успел бросить его на стол, как дверь отворилась

и в комнату с победоносным видом вошел Филч.

— Этот тающий шкаф был исключительно ценным образчиком старинной мебели! — радостно потирая руки, говорил он, обращаясь к Миссис Норрис. — На этот уж раз мы прищучим Пивза, моя дорогая, как пить дать прищучим.

Взгляд Филча упал на Гарри и тут же метнулся к конверту на столе. Гарри задним умом сообразил, что конверт теперь лежит чуть не в полуметре от того места, где был раньше.

Бледное лицо Филча залилось густой краской. Гарри весь сжался — сейчас на него обрушится яростный вал, сравнимый разве что с цунами. Школьный завхоз бросился к столу, схватил конверт и сунул его в ящик.

— Ты… ты… прочитал? — выдавил из себя Филч.

— Нет, — без запинки солгал Гарри. Узловатые руки Филча вцепились друг в друга.

— Конечно, ты не станешь читать мою личную почту… Не то чтобы это моя почта… это моего друга… Но как бы там ни было…

Гарри с тревогой наблюдал за Филчем. Он никогда не видел его в таком состоянии: глаза выкатились на лоб, правую щеку дергает нервный тик, обмотанный вокруг головы шарф доверша-

ет впечатление, что завхоз внезапно потерял рассудок.

— Ладно… иди… и никому ни слова. Не то…

Но может, ты не успел… Ступай, мне надо составить докладную насчет Пивза… Ну иди же… Гарри, не веря в удачу, пулей вылетел из кабинета и помчался наверх. Вряд ли кому до сего дня удавалось выйти из кабинета Филча, избежав наказания. Это был, можно сказать, школьный рекорд!

— Гарри! Гарри! Получилось? — Из двери, мимо которой пробегал Гарри, выплыл Почти Безголовый Ник.

Гарри остановился, заглянул в комнату и увидел печальные остатки огромного черно-золотого шкафа, который, надо думать, упал с большой высоты.

— Я уговорил Пивза сбросить его над кабинетом Филча, — радостно сообщил Ник. — Подумал, вдруг это его отвлечет…

— Так это ты? — благодарно переспросил Гарри. — Получилось! На меня даже не наложено взыскание. Спасибо тебе, Ник!

Они вместе двинулись по коридору. Гарри заметил, что Ник все еще мнет в руках то злополучное письмо.

— Как ты думаешь, я могу чем-нибудь помочь тебе с этим Клубом обезглавленных охотников? — желая ответить услугой на услугу, спросил Гарри.

На повороте Почти Безголовый Ник остановился, и Гарри прошел сквозь него. Ах! Это было не очень приятное ощущение, словно окатило ледяным душем.

— А ведь ты и правда мог бы кое-что для меня сделать! — взволнованно воскликнул Ник. — Гарри… Нет, наверное, я прошу слишком многого… ты откажешься…

— Говори прямо! — потребовал Гарри.

— Видишь ли, в этот Хэллоуин я буду праздновать пятисотлетие со дня смерти, — сообщил Почти Безголовый Ник, приосанившись.

— О-о… — неуверенно протянул Гарри, не зная, радоваться этому или огорчаться. — В самом деле?

— Я устраиваю прием в подземелье, в одном из больших подвалов, — начал Ник. — Съедутся мои друзья со всей Британии. Ты окажешь мне великую честь, если тоже придешь на праздник. Разумеется, я буду счастлив видеть на приеме и твоих друзей — мастера Уизли и мисс Грэйнджер. Но вы, наверное, предпочтете школьный банкет

по случаю Хэллоуина?

Ник вопросительно посмотрел на Ларри.

— Нет, почему же, — не задумываясь, принял решение Гарри. — Я обязательно приду.

— О, мой дорогой мальчик! — восторженно вскричал Ник. — Гарри Поттер на моем юбилее смерти! — Ник вдруг замялся. — А ты не мог бы сказать сэру Патрику, как бы случайно, какой у меня бывает устрашающий вид?

— Ко… конечно, — не сразу нашелся Гарри. Почти Безголовый Ник просиял.

* * *

Переодевшись наконец в чистую, сухую одежду, Гарри присоединился к друзьям в Общей гостиной.

— Прием по случаю юбилея смерти? — с интересом переспросила Гермиона. — На что хочешь спорим, очень мало живых людей могут похвастаться, что были на таком приеме. Наверное, будет потрясающе!

— И придет же в голову отмечать годовщину собственной смерти! — неодобрительно покачал головой Рон. Он делал домашнее задание по зельеварению, а это всегда действовало на него удручающе. — По-моему, тоска будет смертная…

За окном, по аспидно-черным стеклам хлестал дождь, но в комнате было светло и уютно. В камине пылал яркий огонь. Сидящие в мягких креслах школьники читали, разговаривали, делали уроки. Фред с Джорджем ставили опыт: что будет, если скормить саламандре бенгальский огонь доктора Фейерверкуса. В кабинете ухода за волшебными существами Фред «освободил из заточения» ярко-оранжевую ящерицу, и сейчас она дымилась на столе, окруженном кучкой любопытных.

Гарри уже собирался рассказать Рону с Гермионой о Филче и пособии по «Скоромагии», но саламандра вдруг взмыла вверх и бешено закружилась по комнате, громко треща и разбрасывая искры. Изо рта у нее посыпались оранжевые звезды, раздался легкий взрыв, и саламандра, охваченная пламенем, исчезла. Перси до хрипоты кричал на близнецов, так что Гарри и думать забыл про Филча и про то, что было в лиловом конверте.

В канун Хэллоуина Гарри начал жалеть о поспешно данном обещании пойти на прием к Почти Безголовому Нику. Вся школа предвкушала банкет в честь праздника Хэллоуина. Большой зал был по традиции украшен живыми летучими

мышами и фонарями, сделанными из огромных тыкв Хагрида — внутри каждой тыквы могло поместиться три человека! Ходили слухи, что Дамблдор пригласил на праздник труппу танцующих скелетов.

— Обещание есть обещание, — непреклонно заявила Гермиона. — Ты дал слово Нику пойти на его юбилей.

Ровно в семь часов вечера Гарри, Рон и Гермиона прошли мимо Большого зала, где призывно сияли свечи и на столах поблескивали золотые блюда. Друзья победили соблазн и направились к лестнице, спускающейся в подвалы.

Вошли в коридор, который вел в большой подземный зал, в тот самый, где устраивал свой прием Ник Коридор освещался свечами, отчего он делался еще мрачнее. Длинные, тонкие, черные свечи горели ярко-синим огнем, и в их призрачном свете трое друзей сами стали похожи на привидения. С каждым шагом в коридоре становилось все холоднее. Гарри поежился и плотнее закутался в мантию. Вдруг их ушей коснулся оглушительный звук, как если бы тысячи ногтей одновременно заскребли по гигантской школьной доске.

— Это что, музыка? — в ужасе прошептал Рон.

Друзья свернули за угол и увидели Почти Безголового Ника, окутанного черным бархатом. Он парил у входа в зал, приветствуя подходивших гостей.

— Добро пожаловать, дорогие друзья, — траурным тоном произнес Ник. — Добро пожаловать! Я так рад, что вы оказали мне честь своим приходом.

Он снял украшенную пером шляпу и с низким поклоном пригласил их внутрь.

Глазам их представилось невероятное зрелище. Подземный зал был полон сотнями призраков. Жемчужно-белые прозрачные пары вальсировали на танцплощадке под душераздирающий звук тридцати музыкальных пил. Играли на них музыканты в черном бархате, стоявшие на сцене. Под потолком висел гигантский канделябр, и тысяча свечей заливала зал полуночно-синим светом. В зале было холодно, как в морозильнике, — изо ртов друзей валил густой пар.

— Прогуляемся по залу? — предложил Гарри, надеясь хоть как-то согреться.

— Смотри осторожнее, не хватало только пройти через кого-нибудь из гостей, — нервно заметил Рон, и все трое, внимательно озираясь по сторонам, устремились вперед по краю танцевальной

площадки. Прошли мимо группы мрачных монахинь, мимо оборванного человека в цепях, мимо Толстого Проповедника — веселого призрака Пуффендуя, мимо рыцаря, у которого во лбу торчала стрела. Гарри, не удивляясь, отметил про себя, что призраки обходят стороной Кровавого Барона — призрака подземелья Слизерина. Это был худой, с выпученными глазами старик, укутанный в мантию, по которой серебристо переливались кровавые пятна.

— Пожалуйста! — прошептала Гермиона, замирая на месте. — Разворачивайтесь назад, и побыстрее. Я совершенно не хочу беседовать сейчас с Плаксой Миртл…

— С кем, с кем? — спросил Гарри, когда они развернулись и пошли в обратном направлении.

— Это привидение из туалета девочек на втором этаже, — ответила Гермиона.

— Привидение из туалета? — переспросил Гарри.

— Да, — кивнула Гермиона. — Туалет вот уже год не работает, потому что Миртл постоянно рыдает и затапливает помещение. Лично я туда захожу только в случае крайней нужды. Войдешь в кабинку по своей надобности, а там Миртл увидит тебя и начинает рыдать…

— Смотрите, банкетный стол! — перебил ее Рон.

У противоположной стены действительно стоял длинный стол, тоже затянутый черным бархатом. Троица, успевшая изрядно проголодаться, глотая слюнки, прибавила шагу. Их обоняния коснулся тошнотворный запах, минута, другая — и они увидели само угощение и остановились как вкопанные. На красивых серебряных блюдах вытянулись большие протухшие рыбы, на подносах громоздились обгоревшие дочерна кексы, на большой тарелке покоился начиненный потрохами бараний рубец, кишевший жирными белыми червями, по соседству — огромный кусок сыра, весь в пушистой зеленой плесени. В центре стола — гигантский праздничный пирог в форме могильной плиты, на нем черными сахарными буквами выведено: «Сэр Николас де Мимси-Дельфингтон. Умер 31 октября 1492 года».

Гарри, как зачарованный, следил за внушительных размеров призраком. Тот подошел к столу, нагнулся и двинулся вперед, проходя сквозь стол с таким расчетом, чтоб на какое-то мгновение в его широко раскрытый рот попал протухший лосось.

— Вы чувствуете вкус пищи, если проходите

сквозь неё? — спросил его Гарри.

— Почти, — грустно ответил призрак и вальяжной походкой удалился.

— Думаю, они специально дали еде протухнуть, чтобы запах и вкус были сильнее, — уверенно заявила Гермиона, зажала руками нос и наклонилась, чтобы внимательнее изучить полуразложившийся бараний рубец.

— Давайте уйдем отсюда, меня тошнит, — сказал побледневший Рон.

Не успели они отвернуться от стола, как из-под него внезапно вылетел маленький человечек и завис перед ними в воздухе.

— Привет, Пивз, — осторожно сказал Гарри.

В отличие от призраков, полтергейст не был ни бледным, ни прозрачным. Он был в бумажном ярко-оранжевом колпаке и вращающейся на шее бабочке. На уродливом лице сияла широкая ухмылка.

— Орешки? — предложил он, протягивая им миску, наполненную прогорклым арахисом.

— Нет, спасибо, — покачала головой Гермиона.

— Слышал, как ты говорила о бедной Миртл. — В глазах полтергейста заплясали не предвещающие ничего доброго огоньки. — Ты очень грубо говорила о бедной Миртл. — Он глубоко вдохнул

и проревел: — Эй, Миртл!

— Не надо, Пивз, не говори ей, что я о ней сказала, она очень расстроится, — отчаянно зашептала Гермиона. — Я не это хотела сказать, я вовсе не против… э-э, привет, Миртл!

К ним подплыло толстенькое привидение-коротышка. Лицо девочки наполовину скрывали длинные растрепанные волосы и толстые очки, переливающиеся всеми цветами радуги.

Такого горестного выражения Гарри никогда в жизни не видел.

— Ну? — мрачно спросила она.

— Как дела, Миртл? — деланно веселым тоном поинтересовалась Гермиона. — Я очень рада видеть тебя не в туалете.

Миртл чихнула.

— Мисс Грэйнджер только что о тебе говорила, — с ехидным видом шепнул Пивз на ухо Миртл.

— Я говорила… я говорила… — неуверенно начала Гермиона, — как хорошо ты сегодня выглядишь.

Гермиона бросила сердитый взгляд на полтергейста. А Миртл с недоверием посмотрела на Гермиону.

— Ты надо мной смеешься, — произнесла она.

В ее маленьких прозрачных глазках блеснули серебряные слезы.

— Нет, честное слово! — горячо возразила Гермиона, больно ткнув локтем в бок сначала Гарри, потом Рона. — Разве я не говорила вам, что Миртл сегодня отлично выглядит?

— Д-да… — подтвердил Гарри, морщась от боли.

— Именно это она и сказала, — поддакнул Рон.

— Не обманывай меня! — выдохнула Миртл, заливаясь слезами, а за ее плечом весело цокал языком Пивз. — Вы думаете, я не знаю, что говорят обо мне у меня за спиной? Жирная Миртл — вот что говорят! Уродка Миртл! Патлатая плакса Миртл!

— И ты еще забыла «прыщавая Миртл», — прошипел ей в ухо Пивз.

Плакса Миртл разразилась безутешными рыданиями и вылетела из подвала. Вслед за ней помчался и ее обидчик, забрасывая привидение гнилыми орешками и громко выкрикивая:

— Прыщавая! Прыщавая!

— Бедняжка, — грустно вздохнула Гермиона.

Сквозь толпу они заметили подплывающего к ним Почти Безголового Ника.

— Ну как вам, нравится? — любезно поинтере-

совался Ник.

— Очень, — дружно соврали все трое.

— Пришли почти все приглашенные, — гордо заметил Ник — Плачущая Вдова прибыла из самого Кента… Приближается время моей речи, пойду предупрежу оркестр.

Но не успел Ник тронуться с места, как оркестр сам внезапно стих. Музыканты и гости замолчали. Послышался звук охотничьего рога.

— Это они, — с горечью вымолвил Почти Безголовый Ник.

Сквозь стену в подземелье влетели десять призрачных лошадей, на каждой — безголовый всадник. Собравшиеся громко зааплодировали. Гарри тоже стал хлопать, но остановился, заметив опечаленное лицо Ника.

Лошади доскакали до середины танцевальной площадки и остановились, встав на дыбы и роя копытами пол. Процессию возглавлял высокий призрак, державший под мышкой голову, которая трубила в рог, надувая щеки. Он соскочил с лошади и подкинул свою бородатую голову высоко в воздух, так, чтобы она увидела всех собравшихся. Гости дружно рассмеялись. Безголовый призрак водрузил голову на подобающее ей от природы место и быстрым шагом устремился

к Почти Безголовому Нику.

— Ник! — прогрохотал он. — Как дела? Голова все еще висит на волоске?

Он громко хохотнул и хлопнул Почти Безголового Ника по плечу.

— Добро пожаловать, Патрик, — сдержанно поприветствовал его Ник.

— О, живые! — воскликнул сэр Патрик, заметив Гарри, Рона и Гермиону. Он высоко подпрыгнул от наигранного удивления, так что голова снова слетела с плеч. Зал покатился со смеху.

— Очень весело, — мрачно произнес Почти Безголовый Ник.

— Перестань, Ник! — прокричала с пола голова сэра Патрика. — Ник все еще расстроен, что мы не приняли его в Клуб! Я могу объяснить, взгляните на него…

— Да, взгляните! — подхватил Гарри, поймав адресованный ему многозначительный взгляд Ника. — Не правда ли, какой у Ника грозный, устрашающий вид…

— Ха! — воскликнула лежащая на полу голова. — Готов биться об заклад — это Ник вас настроил.

— Прошу внимания! Я бы хотел произнести речь. — Почти Безголовый Ник подошел к сцене,

взлетел на нее и попал прямо в пучок голубовато-ледяного света.

— Мои покойные, оплаканные родными и друзьями леди и джентльмены, — начал он. — С превеликим сожалением хочу сообщить вам…

Никто его, однако, не слушал. Сэр Патрик с членами Клуба охотников играли головами в хоккей, и гости, увлеченные игрой, про Ника забыли. Почти Безголовый Ник тщетно пытался вернуть их внимание, но сдался, когда под громкие аплодисменты мимо него пропрыгала голова сэра Патрика и лукаво ему подмигнула. Гарри вдруг почувствовал, что жутко замерз, да и пустой желудок давал о себе знать.

— Вы как хотите, но я не могу тут больше оставаться, — произнес Рон, стуча зубами от холода.

Оркестр вновь заиграл, и привидения бросились на площадку для танцев.

— Пойдем отсюда, — согласился Гарри.

Они попятились к двери, кивая и улыбаясь налево и направо. Минуту спустя друзья спешно поднимались по лестнице, освещенной черными свечами.

— Может быть, хоть к десерту успеем, — с надеждой произнес Рон.

Гарри хотел было ответить что-нибудь в том

же духе, но слова застряли у него в горле.

— … рвать… терзать… убить… — явственно услыхал он.

Это был тот самый голос — холодный, страшный голос, который первый раз прозвучал у него в ушах в кабинете Златопуста Локонса.

Гарри споткнулся и, чтобы не упасть, оперся о холодную стену. Он изо всех сил напрягал слух, оглядываясь по сторонам и напряженно всматриваясь в тускло освещенный коридор.

— Гарри, что с тобой? — начал было Рон, но Гарри оборвал его.

— Опять этот голос! Помолчи минуту…

— …так голоден… так долго…

— Слышите? — спросил Гарри.

Рон с Гермионой замерли, не сводя с него глаз.

— …убивать…, время убивать….

Голос начал слабеть. Гарри был уверен, что он удаляется, движется вверх. Гарри в страхе поднял глаза и уставился в темный потолок. Как этот голос сам по себе может двигаться вверх? А вдруг это призрак, способный проходить сквозь любые препятствия?

— Скорее! — крикнул Гарри и побежал по ступенькам, ведущим в холл. Но здесь ничего не услышишь — из Большого зала долетают веселые

голоса празднующих Хэллоуин. Гарри кинулся к мраморной лестнице и помчался на второй этаж, Рон и Гермиона от него не отставали.

— Гарри, что ты… — задыхаясь от бега, начал Рон.

— Ш-ш-ш! — напряг слух Гарри. Сверху, скорее всего с третьего этажа, до него донесся затихающий голос.

— «Я ЧУЮ КРОВЬ. Я чую кровь».

У Гарри сжалось сердце.

— Оно собирается кого-то убить! — крикнул он и, не обращая внимания на растерянные лица Рона и Гермионы, опять бросился вверх. Он прыгал через три ступеньки, пытаясь расслышать сквозь собственный топот что-то еще.

— Гарри, в чем дело? — отдуваясь, спросил Рон. — Я ничего не слышу…

На третьем этаже Гарри опять помчался по коридору, сворачивая то налево, то направо. Рон с Гермионой, тяжело дыша, не отставали.

Гермиона вдруг вскрикнула: впереди что-то сияло. Они поспешили туда, оглядываясь по сторонам. На стене между двух окон огромными буквами были начертаны слова, блестящие в свете факелов:

«ТАЙНАЯ КОМНАТА СНОВА ОТКРЫТА ТРЕПЕЩИТЕ, ВРАГИ НАСЛЕДНИКА!»

— А это что такое… что это висит под надписью? — спросил Рон дрогнувшим голосом.

Опасливо подошли ближе. Гарри поскользнулся — на пол откуда-то натекла большая лужа воды. Рон и Гермиона подхватили его, не дав упасть. Взглянули на висевший под зловещими словами предмет, казавшийся издали мрачной тенью, и обомлели — это была Миссис Норрис, кошка школьного завхоза, они сразу узнали ее. Все трое метнулись назад, разбрызгивая неизвестно откуда взявшуюся воду.

Окоченевшая кошка была подвешена за хвост на скобу для факела. Выпученные глаза были широко раскрыты.

Они смотрели на нее несколько секунд, не двигаясь, не произнося ни слова. Первым обрел дар речи Рон.

— Пошли отсюда скорее, — сказал он.

— Но надо попробовать что-то сделать… как-то ей помочь… — сбивчиво начал Гарри.

— Нам лучше немедленно смыться отсюда. Вдруг нас кто-нибудь здесь увидит!

Но было уже поздно. Издалека донеслось

множество голосов, это означало, что банкет окончился. Шаги десятков ног приближались к ним с одной стороны коридора. Слышались возгласы веселых, вволю полакомившихся девчонок и мальчишек. Еще миг — и их окружила праздничная толпа.

Но как только первые подошедшие увидели висящую кошку, в коридоре сразу же воцарилась тишина. Гарри, Рон и Гермиона оказались одни в центре круга — никто не решался подойти к ним, хотя сзади напирали любопытные, всем хотелось узнать, что тут случилось.

— Трепещите, враги наследника! — громко крикнул кто-то. — Сначала кошка — следующими будут те, в чьих жилах течет нечистая кровь!

Это был Драко Малфой. Он протиснулся сквозь толпу, его всегда холодные глаза ожили, на бледном лице заиграл румянец. Глядя на застывшую кошку, он криво ухмыльнулся.

Глава 9

СЛОВА НА СТЕНЕ

— Что тут такое? А? — услыхав Малфоя, Аргус Филч растолкал толпу, но при виде Миссис Норрис попятился и в ужасе схватился за голову. — Что с моей кошкой? Что? — завопил он, выпучив глаза.

И тут он заметил Гарри.

— Это ты! — взвизгнул Филч. — Ты убил мою кошку! Да я тебя самого… Ах, ты…

— Успокойтесь, Аргус.

В сопровождении нескольких профессоров появился Дамблдор. Важно прошагав мимо троих друзей, он осторожно снял Миссис Норрис со скобы для факела.

— Идемте со мной, Аргус. Вы тоже, мистер Поттер, мистер Уизли и мисс Грэйнджер.

Локоне, сияя улыбкой, подошел к Дамблдору.

— Мой кабинет ближе всех, господин директор, сразу вверх по лестнице. Пойдемте ко мне…

— Благодарю вас, Златопуст, — ответил директор.

Собравшиеся молча раздвинулись. Локоне,

гордый и довольный, поспешил за Дамблдором, следом за ним двинулись профессора МакГонагалл и Снегг.

Едва вошли в кабинет, со стен, кто куда, побежали портреты Локонса, все — с накрученными на бигуди волосами. Живой Локоне зажег на письменном столе свечи и отошел, уступив место Дамблдору; тот положил на стол кошку и принялся внимательно ее изучать. Гарри, Рон и Гермиона переглянулись и уселись на стулья подальше от света.

Дамблдор легонько ощупывал Миссис Норрис, почти касаясь ее шкурки кончиком крючковатого носа, на котором сидели очки-половинки. Профессор МакГонагалл тоже склонилась над кошкой, сощурившись, как Дамблдор. Снегг отошел в тень, губы его кривила едва заметная усмешка. Локоне расхаживал по кабинету, высказывая догадку за догадкой.

— Кошку определенно убили заклинанием. Скорее всего, Трансмогрифианской пыткой. Я столько раз видел, как оно действует! Жаль, что я не был рядом: мне известно обратное заклинание. Я бы спас кошку…

Филч сидел в кресле рядом со столом, беспомощно прижав руки к лицу и всхлипывая после

каждого слова Локонса; взглянуть на Миссис Норрис у него не хватало решимости. Гарри было чуточку жаль Филча, хоть он и презирал его, но себя он жалел больше: если Дамблдор поверит Филчу, складывай чемодан — и прощай школа.

А Дамблдор все шептал, постукивая миссис Норрис волшебной палочкой, но тщетно, кошка не подавала признаков жизни, точно искусно сделанное чучело.

— В Уагадугу, — продолжал на ходу Локоне, — было подряд несколько подобных случаев, они подробно изложены в моем жизнеописании. Помнится, я тогда раздал несколько амулетов, и бедствие прекратилось…

Вернувшиеся портреты Локонса на стенах согласно закивали головами, один из них забыл снять с волос сеточку.

Наконец Дамблдор выпрямился и задумчиво произнес:

— Она жива, Аргус.

Локоне разочарованно смолк: кто теперь будет слушать, сколько убийств ему удалось предотвратить.

— Жива? — еле слышно проговорил Филч и, раздвинув пальцы, глянул на Миссис Норрис. — Но… но она ведь окоченела.

— Оцепенела, — поправил Дамблдор. (- Ясно как божий день! — вставил Локоне.) — От чего, я пока не знаю…

— Вот кто знает! — Филч отнял руки от заплаканного лица и уставился на Гарри.

— Ученику второго курса такое не под силу, — возразил Дамблдор, — мы имеем дело с искуснейшей черной магией…

— Это он, это он, — брызжа слюной и краснея, завопил Филч. — Вы ведь видели, что он написал на стене. Он нашел у меня в комнате… он знает, что я… я… он знает, что я сквиб, — вконец смутившись, тихо произнес он.

— Я пальцем не трогал Миссис Норрис, — твердо заявил Гарри. Но ему явно было не по себе: все, даже Локонсы на стенах, с укоризной глядели на него. — А про сквибов я вообще никогда не слышал.

— Не ври! — разозлился Филч. — Ты видел у меня «Заочный курс колдовства для начинающих».

— Господин директор, позвольте мне сказать, — послышался голос Снегга из тени, и Гарри поежился — от Снегга добра не жди.

— Поттер и его друзья, конечно же, могли случайно оказаться на месте преступления, — начал он и улыбнулся, как будто сам не верил своим

словам. — Но вот что странно: для чего вообще они поднялись в этот коридор? И почему ушли с праздника привидений?

— Все привидения нас там видели… — трое друзей оправдывались в один голос.

— Да, но почему все-таки вы ушли? — допытывался Снегг, в его черных глазах плясали огоньки свечей. — Зачем вам понадобилось идти наверх?

Рон и Гермиона взглянули на Гарри.

— Мы… Мы… — замялся тот. Вряд ли они поверят в голос, который, кроме него, никто не слышал. Сердце у Гарри бешено заколотилось. — Мы очень устали и хотели спать.

— А как же ужин? — Ехидная улыбка скривила худощавое лицо Снегга. — Кажется, на вечеринках у привидений ничего съедобного не бывает.

— Нам не хотелось есть, — заявил Рон под жалобный аккомпанемент желудка. Снегг осклабился.

— По-моему, господин директор, Поттер явно что-то скрывает. Накажите его, и он скажет правду. Я бы исключил его из команды Гриффиндора.

— Полноте, Северус, — вступилась профессор МакГонагалл, — так сразу и исключить! Кошку ведь древком метлы по голове не били. И вообще нет доказательств, что ее лишил жизни Поттер.

Дамблдор пристально глядел на Гарри. И Гарри казалось, что его блестящие голубые глаза видят насквозь.

— Он невиновен, Северус. Пока не доказано обратное, — напомнил Дамблдор профессору Снеггу.

Снегг задрожал от едва сдерживаемого негодования. Филч опять выпучил глаза.

— Моя кошка оцепенела, — завопил он, — он должен понести наказание!

— Вашу кошку мы расколдуем, Аргус, — успокаивал директор Филча. — У профессора Стебль есть мандрагоры. Когда они вырастут, приготовим снадобье и оживим Миссис Норрис.

— Это снадобье сделаю я, — не унимался Локоне. — У меня огромный опыт! Я могу с закрытыми глазами приготовить живую воду из мандрагор…

— Позвольте, — холодно возразил Снегг, — но, по-моему, в школе я специалист по зельям. Воцарилось неловкое молчание.

— Вы свободны, — отпустил Дамблдор неразлучную троицу.

Гарри, Рон и Гермиона чуть не бегом поспешили убраться из кабинета Локонса и, поднявшись этажом выше, заперлись в классе. Гарри искоса

глянул на приунывших друзей.

— Думаете, надо было рассказать про голос?

— Нет, конечно, — ответил Рон. — Если тебе мерещится какой-то голос — это дурной знак, даже в волшебном мире.

— Но ты-то мне веришь?

— Конечно, только… сам понимаешь… странно все это…

— Знаю, что странно, — ответил Гарри. — А тут еще эти слова на стене. «*ТАЙНАЯ КОМНАТА СНОВА ОТКРЫТА*». Что они значат?

— По-моему, я уже от кого-то слышал про Тайную комнату в Хогвартсе… — протянул Рон, — не то от Билла, не то…

— А что такое сквиб? — спросил Гарри. Рон так и прыснул.

— Конечно, смешного в этом мало, но Филч… Сквибы — это те, кто родился в семье волшебников, но с самого рождения волшебной силы лишен. Это вроде маглов наоборот. Сквибы большая редкость. И раз Филч учится магии по книжке «Колдовство для начинающих», то, наверное, он и правда сквиб. Теперь все ясно, почему он так ненавидит учеников… Даже жалко его, правда. — И он сочувственно улыбнулся.

Где-то пробили часы.

— Полночь, — заторопился Гарри, — скорее в спальню, а то еще явится Снегг и опять прицепится к чему-нибудь.

* * *

Несколько дней только и разговоров было что о Миссис Норрис, и все из-за Филча. Он вертелся вокруг того места, где заколдовали его кошку, словно поджидал виновного. Тщетно пытался стереть надпись на стене при помощи «Универсального волшебного пятновыводителя миссис Чистикс» — Гарри сам видел. Прятался в коридорах, кидался на школьников, ища случая учинить над ними расправу за «чересчур громкое дыхание» или «слишком счастливый вид».

Джинни Уизли была сама не своя после несчастья с кошкой Филча.

— Но ведь ты совсем не знала Миссис Норрис, — успокаивал ее Рон, — без нее даже лучше. Ну не расстраивайся. — От этих слов брата у Джинни задрожали губы. — Она очень любит кошек, — объяснял друзьям Рон. — Такого здесь никогда не случалось. Этого психа поймают и вытурят отсюда, можешь не сомневаться. Только хорошо бы он сначала наложил Оцепенение на Филча.

Джинни вдруг побледнела.

— Шутка! — поспешил прибавить Рон.

Гермиона тоже была выбита из колеи. Она всегда любила читать, а теперь и вовсе зарылась в книги. Как ни старались Гарри и Рон выведать, что с ней творится, все впустую. Кое-что прояснилось в среду.

После урока зельеварения Снегг оставил Гарри соскабливать со столов пробирочных червей. Закончив это неприятное дело, Гарри наскоро пообедал и поспешил в библиотеку, где его ждал Рон. По пути ему встретился Джастин Финч-Флетчли из Пуффендуя, с которым они вместе работали на уроке травологии. Гарри хотел было поздороваться, но Джастин, заметив его, круто развернулся и убежал.

Рона Гарри нашел в дальнем конце библиотеки, он измерял домашнее задание по истории волшебства: профессор Бинс задал сочинение длиной один метр на тему «Средневековая ассамблея европейских волшебников».

— Просто беда, — сказал Рон, убрав рулетку. Свиток тут же свернулся. — Не хватает целых двадцати сантиметров… А Гермиона настрочила, да еще мелким почерком, целых полтора метра.

— А сама-то она где? — поинтересовался Гарри, взял рулетку и развернул свое сочинение.

— Там. — Рон махнул рукой на длинные ряды книжных полок. — Какую-то книгу ищет. Наверное, решила поставить рекорд — прочитать к Рождеству всю библиотеку.

Гарри рассказал, как от него шарахнулся Джастин Финч-Флетчли.

— Ну и что! — ответил Рон, размашисто дописывая последние сантиметры. — Джастин известный придурок Преклоняется перед Локонсом…

Из-за стеллажей вынырнула явно расстроенная Гермиона.

— Вся «История Хогвартса» выдана, — негодовала она и, подсев к друзьям, добавила: — «Запишитесь и ждите две недели»! Угораздило же меня оставить ее дома! И все из-за локонсовских книжек: просто не влезла в чемодан…

— Зачем тебе «История Хогвартса»? — полюбопытствовал Гарри.

— Затем же, зачем и всем. Прочитать легенду о Тайной комнате.

— Что это за Комната?

— В «Истории» эта легенда есть, — Гермиона закусила губу, — а в других книгах нет. Я ее совершенно не помню…

— Гермиона, а Гермиона, — Рон в отчаянии

глянул на часы, — дай мне почитать твое сочинение.

— И не проси! — рассердилась Гермиона. — Что ты делал все десять дней?

— Мне осталось всего пять сантиметров. Что тебе, жалко, что ли?

Зазвенел звонок, и друзья побежали на историю волшебства; Рон и Гермиона всю дорогу препирались.

Тоскливее этого предмета не было. Лекции читал профессор Бинс, единственный во всей школе учитель-привидение. Скука смертная, одно развлечение — мистер Бинс являлся на урок прямо из классной доски. Говорили, что этот древний сморчок и не заметил, как умер: пошел однажды на урок, а тело так и осталось сидеть у камина в учительской.

Сегодня, как всегда, профессор Бинс открыл записи и давай скрипеть, как немазаная телега; класс скоро впал в дремоту, изредка кто-нибудь очнется, запишет имя или дату — и снова спать. Скрипел он так с полчаса, и вдруг случилось нечто из ряда вон выходящее: Гермиона подняла руку.

Профессор Бинс удивленно оторвал глаза от тетради, он как раз дошел до середины заунывной

лекции о Международной конвенции волшебников 1289 года.

— Да, мисс… э-э…

— Грэйнджер, профессор. Я хотела спросить вас о Тайной комнате, — отчетливо проговорила Гермиона.

Дин Томас, тупо смотревший в окно, пришел в себя; Лаванда Браун, которая лежала на парте, скрестив руки и опустив на них голову, встрепенулась; Невилл и вовсе убрал руки с парты.

Профессор Бинс замигал.

— Мой предмет — история волшебства, — с хрипотцой на одной ноте проскрипел он. — Я, мисс Грэйнджер, имею дело с фактами, а не с мифами и легендами. — Бинс сухо откашлялся, как будто разломал палочку мела, и продолжил: — В сентябре этого года подкомитет чародеев Сардинии…

И снова запнулся: Гермиона опять подняла руку.

— Да, мисс Грэйнджер?

— Но, сэр, каждая легенда основана на фактах, верно?

Профессор Бинс был ошеломлен до такой степени, что Гарри показалось — никто никогда ни о чем его не спрашивал ни при жизни, ни после

смерти.

— Ну что ж, — протянул Бинс, поглядев на Гермиону, как будто первый раз ее видел. — Пожалуй, вы правы. Однако легенда, о которой вы спросили, сущая нелепица, выдумка, я бы даже сказал…

Но деваться было некуда, весь класс навострил уши. Бинс рассеянно обвел учеников взглядом: на него вопрошающе уставились десятки глаз.

— Ну, хорошо. — Бинс даже растерялся. — Дайте-ка вспомнить… Тайная комната… гм, гм… Комната тайн… Все вы знаете, что школа «Хогвартс» основана более тысячи лет назад — точная дата неизвестна — четырьмя величайшими магами и волшебницами своего времени. Наши факультеты носят их имена. Годрик Гриффиндор, Пенелопа Пуффендуй, Кандида Когтевран и Салазар Слизерин. Они вместе выстроили этот замок, подальше от глаз дотошных маглов: в ту пору обычные люди страшились волшебства, поэтому колдунам и ведьмам приходилось прятаться. — Он невидяще глянул на учеников и продолжал: — Довольно долгое время они жили в дружбе и согласии, искали способных молодых людей и учили их, как тогда могли, в этой самой школе. Ну а потом между Слизерином и остальными про-

бежала черная кошка. Слизерин требовал очень строгого отбора. Он считал, что секреты волшебства должны храниться в семьях чистокровных волшебников. Маглам он не доверял. В конце концов Слизерин и Гриффиндор совсем рассорились, и Слизерин покинул школу. — Профессор Бинс поджал губы, отчего его лицо стало похоже на мордочку старой сморщенной черепахи. — Вот и все, о чем повествуют летописи. Но с течением времени легенда о Тайной комнате затмила факты. Стали говорить, что Слизерин сделал в замке потайную Комнату. Так зародился миф. Согласно ему, перед тем как покинуть школу, Слизерин наложил печать заклятия на Комнату. С тех пор в нее никто не может проникнуть, заклятие снимет только наследник Слизерина, освободит заключенный в Комнате Ужас и выгонит с его помощью из школы тех, кто недостоин изучать волшебные искусства.

Бинс кончил, в классе воцарилась напряженная тишина. Ученики не сводили с Бинса глаз, ждали продолжения, а Бинсу эта чепуха порядком надоела.

— Все это, разумеется, миф. Комнату искали, и не раз; искали самые сведущие ведьмы и маги. Комнаты не существует. Это всего лишь страшная

сказка для глупцов.

Гермиона снова подняла руку.

— Сэр, а что это такое, «заключенный в Комнате Ужас»?

— Легенда гласит, что это чудовище, которое будет повиноваться лишь наследнику Слизерина, — пояснил профессор Бинс сухим, шелестящим голосом.

Ученики испуганно переглянулись.

— Не бойтесь, никакой Комнаты нет. — Профессор Бинс зашуршал бумагами. — Ни комнаты, ни чудовища.

— Но, сэр, — сказал Симус Финниган, — вы говорите, что Комнату сможет открыть только настоящий наследник Слизерина. Не значит ли это, что, пока он не явится, никто ее не найдет?

— Глупости, О'Флаэрти, — рассердился профессор Бинс. — Этой Комнаты нет. Уж если ни один директор школы ее не нашел…

— Простите, профессор, — пропищала Парвати Патил, — может, тут просто нужна черная магия, а у нас черных магов нет.

— Если волшебник не прибегает к черной магии, мисс Пеннифезер, это не значит, что он не владеет ею, — повысил голос Бинс. — Повторяю: если уж предшественники Дамблдора…

— Но, может, нужно быть в родстве со Слизерином, а ведь директор… — начал было Дин Томас, но тут уж профессор Бинс вышел из себя.

— Все, хватит об этом! — отрезал он. — Это все миф, сказка, легенда. Зарубите себе на носу: Комнаты нет. Как нет ни малейшего доказательства, что Слизерин вообще устроил в замке потайной чулан. Я сожалею, что рассказал вам эту глупую историю. И давайте вернемся к истинной истории, к твердым, надежным, проверенным фактам.

Не прошло и пяти минут, как класс снова сонно оцепенел.

* * *

— Салазар Слизерин был явно чокнутый, — заявил Рон после урока. Они с Гарри и Гермионой пробирались сквозь толпу к своей башне, спешили оставить там портфели и идти на ужин. — Так вот кто, оказывается, заварил эту кашу с чистотой крови. Ни за какие коврижки не пошел бы в его колледж Если бы Шляпа определила меня к нему, я бы не раздумывая уехал домой…

Гермиона понимающе кивнула, а Гарри промолчал: от слов Рона у него все внутри похолодело.

Гарри скрыл от друзей, что год назад Шляпа всерьез предлагала ему учиться в Слизерине. Она шептала на ухо: «Ты станешь великим… Слизерин поведет тебя к вершинам славы. Не сомневайся…»

Но Гарри уже тогда знал: из Слизерина выходят черные маги, и отчаянно сопротивлялся. «Только не Слизерин! Только не Слизерин!» И Шляпа сказала: «Ну что ж, воля твоя… ступай в Гриффиндор…»

В толчее они столкнулись с Колином Криви.

— Привет, Гарри.

— Привет, Колин, — ответил Гарри.

— Гарри, один мальчик из моего класса сказал, что ты…

Но толпа подхватила его и понесла дальше, в Большой зал. Крошечный, легкий Колин все-таки успел издали крикнуть: «Пока, Гарри!» — и пропал из виду.

— Что сказал мальчик из его класса? — поинтересовалась Гермиона.

— Наверно, что я наследник Слизерина. — И у Гарри вдруг заныло сердце: он вспомнил, как после обеда от него, как от огня, умчался Джастин Финч-Флетчли.

— Чего только не сочинят! — поморщился Рон.

На винтовой лестнице в башне народу поубавилось.

— Думаешь, Тайная комната и вправду существует? — спросил Гермиону Рон.

— Кто знает? — нахмурилась Гермиона. — Дамблдор не смог оживить Миссис Норрис, и я думаю, заколдовал ее… м-м… не человек. За очередным витком лестницы начинался тот самый коридор, где нашли Миссис Норрис. Все было как прежде, только на факельной скобе не было кошки, а у стены, где красовались слова «ТАЙНАЯ КОМНАТА СНОВА ОТКРЫТА», стоял стул.

— Это Филч поставил. Он здесь дежурит, — пояснил Рон.

Сейчас коридор был пуст. Все трое переглянулись.

— Давайте поищем! Вдруг здесь остались какие-то следы, — предложил Гарри, бросил портфель и опустился на четвереньки. — Вот обугленное пятно! И вот…

— Идите сюда, посмотрите, — засмеялась Гермиона.

Гарри поднялся и подошел к окну, ближнему к надписи на стене. Гермиона указывала на верхнее стекло: по нему к едва заметной трещине куда-то спешила вереница пауков. За ней, словно

струйка дыма, колыхалась длинная серебристая паутинка. Пауки явно торопились выбраться наружу.

— Что это с ними? Никогда не видела ничего подобного, — заметила Гермиона.

— Я тоже, — прибавил Гарри, — а ты, Рон? А, Рон?

Гарри обернулся: стоя поодаль, Рон, казалось, вот-вот даст деру.

— Ты чего? — спросил Гарри.

— Я… пауков… боюсь, — выдавил из себя Рон.

— Правда? — удивилась Гермиона. — Но ведь ты тысячу раз готовил из них зелья…

— Сушеные пауки еще ничего. А вот живые… — Рон боялся даже повернуть голову в их сторону. Гермиона хихикнула.

— Ничего смешного, — огрызнулся Рон. — Когда мне было три года, я сломал древко у игрушечной метлы Фреда, а он рассердился и превратил моего плюшевого мишку в огромного косматого паука. Тебе бы так, поглядел бы я тогда… — сказал Рон, и его передернуло от отвращения.

Гермиона едва сдерживала смех. Гарри, чтобы отвлечь их обоих от пауков, спросил:

— Помните, тогда здесь на полу была вода? Откуда она взялась? кто-то ее потом вытер.

— Помню. Вода была вот у этой двери. — Рон подошел к двери, протянул руку и тут же отдернул.

— Ты чего? — удивился Гарри.

— Туда нельзя. Это туалет для девочек.

— Ну и что: он ведь не работает. — Гермиона подошла к двери. — Тут живет Плакса Миртл. Пойдемте посмотрим.

И, не обращая внимания на табличку «Туалет не работает», Гермиона распахнула дверь.

Какой это был унылый и обшарпанный туалет! Под длинным, в разводах и пятнах, зеркалом тянулся ряд треснутых каменных умывальников. В мокром полу отражались тускло горевшие огарки свечей; краска на дверях кабинок облупилась и кое-где висела хлопьями, у одной дверь болталась на единственной петле.

Приложив палец к губам, Гермиона проследовала к последней кабинке.

— Здравствуй, Миртл, как дела?

Гарри и Рон подошли поближе. Миртл парила над бачком, ковыряя прыщик на подбородке.

— Это туалет для девочек, — сказала Миртл, подозрительно рассматривая Рона и Гарри. — А они не девочки.

— Ну да, — согласилась Гермиона. — Я просто хотела им показать, как тут… мило.

И она махнула рукой не то на тусклое зеркало, не то на мокрый пол.

— Спроси ее, может, она что-нибудь видела? — шепотом попросил Гарри.

— Что вы там шепчетесь? — Миртл подозрительно посмотрела на Гарри.

— Мы не шепчемся, — ответил Гарри, — я только хотел спросить…

— И почему это все шепчутся за моей спиной? — захныкала Миртл. — Если я умерла, то что, я и обидеться не могу?

— Никто не хотел тебя обидеть, Миртл, — попыталась успокоить ее Гермиона, — Гарри только…

— Ну конечно, никто не хотел обидеть! Я так настрадалась в жизни. И вот, пожалуйста — все началось сначала.

— Мы хотели только спросить, не видела ли ты чего-нибудь необычного за последние дни? — не стала тянуть с вопросом Гермиона. — Во время праздника прямо напротив двери в твой туалет кто-то напал на кошку.

— Может, кто-то здесь был? — прибавил Гарри.

— Я никого не видела, — сокрушенно ответила Миртл. — Меня так обидели на празднике, что, вернувшись сюда, я хотела удавиться, а потом вспомнила, что я… что я ведь…

— Умерла, — помог Рон.

Миртл горестно всхлипнула, взлетела над бачком и нырнула прямо в унитаз, обрызгав друзей с головы до ног. Из водосточной трубы донеслись ее приглушенные стоны.

Рон и Гарри разинули рты, а Гермиона разочарованно пожала плечами:

— Между прочим, для Миртл это может считаться весельем. Ладно, пойдемте отсюда.

Не успел Рон закрыть за собой дверь туалета, откуда доносились булькающие всхлипывания, как кто-то наверху громко заорал: «Рон!», так что друзья подпрыгнули: на площадке стоял Перси Уизли, староста факультета.

— Это туалет для девочек, — процедил он сквозь зубы. — Что вы там делали?

— Ничего особенного, — пожал Рон плечами. — Искали улики.

Перси напустил на себя грозный вид, совсем как его мать миссис Уизли.

— Убирайтесь отсюда поживее… — Он спустился к ним и, замахав руками, стал теснить их к лестнице. — На что это похоже!? Все ужинают, а они снова здесь!

— Ну и ЧТО? — Рон остановился и выдержал взгляд Перси. — Мы ведь кошку и пальцем не

трогали!

— Я сказал Джинни то же самое. Но она все еще боится, что тебя выгонят из школы, у нее весь день глаза на мокром месте. Ты хоть бы о ней подумал!

— Что ты мне заладил про Джинни? Тебе ведь на нее плевать. — У Рона вспыхнули уши. — Ты просто боишься, что из-за этого тебя не сделают старостой школы.

— Минус пять очков Гриффиндору. — Перси, зеленея от злости, пощупал значок старосты. — Это вам хороший урок И чтобы никаких больше расследований! Не то напишу маме.

Перси повернулся и зашагал прочь, шея у него покраснела не хуже, чем уши у Рона.

В Общей гостиной Гарри, Рон и Гермиона сели подальше от Перси. Рон поставил в домашней работе несколько клякс на магических формулах, с мрачным видом взял волшебную палочку — хотел их вывести и нечаянно поджег свиток с сочинением. Свиток вспыхнул, Рон тоже. Махнул рукой и захлопнул учебник заклинаний, Гермиона, к удивлению Гарри, последовала его примеру.

— Кто же все-таки напал на кошку? — негромко спросила она, как будто продолжила прерванную

беседу. — Кому нужно, чтобы в школе не было сквибов и маглов?

— Правда, кто бы это мог так ненавидеть маглов? — с деланным недоумением ответил вопросом на вопрос Рон.

— Ты о Малфое? — Гермиона вопросительно взглянула на Рона.

— О ком же еще? Ты ведь слышала, как он сказал: «Вы следующие, грязнокровки», помнишь? Да ты взгляни на его крысиную рожу, спорю на что угодно, он…

— Это Малфой-то наследник Слизерина? что-то не верится, — перебила его Гермиона.

— А его семья? — Теперь и Гарри отложил книжки. — Ведь они все учились в Слизерине, Малфой постоянно об этом говорит. Может, они все Слизерину родственники? Отец Малфоя уж точно злой колдун.

— У Малфоев много веков мог храниться ключ от Тайной комнаты, — прибавил Рон, — и переходить от отца к сыну.

— Да, вполне может быть, — не очень уверенно проговорила Гермиона.

— Но если это даже и так, то этого не докажешь, — нахмурился Гарри.

— Один способ есть, — прошептала Гермиона

и бросила опасливый взгляд в сторону Перси. — Правда, он очень трудный и грозит большой неприятностью. Способ этот — нарушение всех школьных правил.

— Недельки через три-четыре, когда созреешь, открой нам свой способ, — съязвил Рон.

— Уже созрела, — спокойно ответила Гермиона. — Нужно проникнуть в Общую гостиную Слизерина и у самого Малфоя выведать тайну, но, конечно, так, чтобы он не понял, что это мы.

— А как это сделать? — недоуменно спросил Гарри под громкий смех Рона.

— Очень просто, мальчики. Нужно только сварить Оборотное зелье.

— Какое зелье? — хором воскликнули Рон и Гарри.

— О нем рассказывал на одном из уроков Снегт…

— Делать тебе нечего, кроме как Снегга слушать, — пробурчал Рон.

— Это такое снадобье, которое превращает одного человека в другого. — Гермиона пропустила колкость мимо ушей. — Можно превратиться в кого-нибудь из слизеринцев, и никто нас не узнает. Глядишь, Малфой что и выболтает: хвастать-то он любит.

— что-то не по душе мне твоя затея, — нахмурился Рон. — А что, если мы так и останемся навсегда слизеринцами?

— Глупости, — Гермиона нетерпеливо махнула рукой, — действие зелья скоро проходит. Только вот как достать рецепт? Снегг говорил, что он есть в книге «Сильнодействующие зелья». А она наверняка хранится в Особой секции школьной библиотеки.

В Особой секции книги выдавали только с письменного разрешения учителя.

— Ну и как мы получим разрешение? — уныло спросил Рон. — Кто поверит, что книга нам нужна просто так? Любой дурак поймет, что мы хотим что-нибудь такое сварить.

— Можно сказать, что нас очень интересует теория составления зелий…

— Ну да! Проведешь наших профессоров, как же! — возразил Рон. — Разве уж найдется совсем идиот.

Глава 10

БЕШЕНЫЙ МЯЧ

В начале года Локоне устроил в классе схватку с корнуэльскими пикси, схватка кончилась не очень успешно. С тех пор он читал ученикам на уроках отрывки из собственных книг или разыгрывал взятые оттуда сцены, на его взгляд самые впечатляющие. Себя, волшебника, играл он сам, а на прочие роли обычно брал Гарри. И Гарри перед всем классом изображал то трансильванского крестьянина, страдавшего от заклятия Болтливости, то простуженного снежного человека, то вампира, который после встречи с Локонсом терпеть не мог крови и питался исключительно листьями салата.

На очередном уроке защиты от темных искусств Гарри играл оборотня; в другой раз он наверняка отказался бы от этой роли, но сейчас было важно не испортить доброе расположение духа Локонса.

— Чудесный вой, Гарри, очень натурально. Я бросился на него, повалил на землю и приложил к горлу волшебную палочку. Собрав послед-

ние силы, произнес сложнейшее заклинание Обращения, оборотень издал жалобный стон — ну-ка, Гарри, изобрази! Пронзительнее! Ага, вот так Мех у него исчез, клыки уменьшились, и он превратился в простого смертного. Просто, но незабываемо, и для жителей той деревни я теперь герой. Избавил их от оборотня.

Прозвенел звонок, и Локоне встал из-за стола.

— Домашнее задание: сочинить стихи о моей победе над оборотнем из Вага-Вага. Автору лучших — экземпляр моей книги «Я — волшебник» с автографом.

Ученики повалили в коридор, а Гарри прошел в конец класса к Рону и Гермионе.

— Ну что? — тихо спросил Гарри.

— Подожди, пока все уйдут. — Гермиона явно волновалась. — Теперь идем…

Она подошла к Локонсу, нервно сжимая в руке листок бумаги. Рон и Гарри поспешили за ней.

— П… профессор Локоне, я бы… э-э… хотела взять в библиотеке вот эту книгу. Хотела ее почитать, — запинаясь, начала Гермиона и протянула ему дрожащей рукой бумагу с названием. — Но, видите ли, она в Особой секции, и поэтому… э-э… нужно разрешение учителя. Я хотела разобраться в медленно действующих ядах, о которых вы

пишете в «Увеселении с упырями»…

— А, «Увеселение с упырями». — Локоне взял бумагу и широко улыбнулся. — Пожалуй, это моя любимая книга. Вам она нравится?

— Очень нравится, — живо отозвалась Гермиона. — Как ловко вы тогда отцедили яд с помощью чайного ситечка!

— Что ж, помочь лучшей ученице мой долг, — улыбнулся Локоне и достал огромное павлинье перо. Рона передернуло, но Локоне понял это по-своему: — Красивое, правда? — спросил он. — Я держу его для автографов.

Он вывел замысловатый росчерк и вернул бумагу Гермионе, та торопливо свернула ее и спрятала в портфель.

— Завтра первый матч в сезоне? — обратился Локоне к Гарри. — Гриффиндор против Слизерина? Говорят, ты подаешь большие надежды. А я ведь тоже играл когда-то ловцом. Меня даже приглашали в сборную страны, но я отказался и посвятил жизнь спасению мира от темных сил. Однако я и теперь неплохо играю и, если хочешь, научу тебя паре хитростей. Всегда рад передать опыт начинающим…

Гарри что-то хмыкнул в знак благодарности и поспешил за друзьями. В коридоре немного

помедлили.

— Надо же, — удивленно заметил Гарри, разглядывая роспись Локонса, — даже не поглядел, что за книга.

В библиотеку помчались, как на пожар.

— Безмозглый идиот, — бросил на ходу Рон. — Впрочем, какая разница, мы ведь получили у него что хотели.

— Никакой он не безмозглый идиот, — вступилась Гермиона.

— Ну конечно, ты ведь его лучшая ученица…

В библиотеке позволялось говорить только шепотом, и друзья притихли.

Мадам Пине, нервная сухопарая женщина, похожая на голодного стервятника, потянулась к бумаге с подписью Локонса, но Гермиона не выпускала ее из рук.

— «Сильнодействующие зелья»? — подозрительно повторила мадам Пине и снова попыталась взять у Гермионы бумагу.

— А можно оставить себе разрешение? — робко спросила Гермиона.

— Да ладно тебе. — Рон вырвал у нее лист и протянул мадам Пине. — Достанешь другой автограф. Локоне распишется на чем угодно, только заикнись.

Мадам Пине посмотрела бумагу на свет, будто сомневалась в ее подлинности, ушла с ней и минут через пять вернулась, держа в руках большой ветхий том. Гермиона осторожно спрятала книгу в портфель, и трое друзей медленно вышли из библиотеки с самым невинным видом.

Заперлись в туалете Плаксы Миртл. Рон сперва не хотел, но Гермиона его урезонила: какому нормальному человеку придет в голову зайти туда? Стало быть, никто им не помешает. Правда, Миртл, как всегда, ревела в своей кабинке, но какое им до нее дело, да, впрочем, и ей до них.

Гермиона осторожно раскрыла «Сильнодействующие зелья», и друзья склонились над заплесневелыми страницами. Книга не случайно хранилась в Особой секции: некоторые зелья оказывали поистине чудовищное действие, а уж об иллюстрациях, вроде вывернутого наизнанку человека и ведьмы с руками на макушке, и говорить нечего.

— Вот оно, — обрадовалась Гермиона, найдя страницу под заголовком «Оборотное зелье». На странице было изображено и само превращение. Гарри от всей души понадеялся, что выражение муки на лицах людей — вымысел художника.

— Какой сложный состав! — заметила Герми-

она, водя пальцем по строчкам. — Златоглазки, пиявки, водоросли, спорыш — это еще куда ни шло, они есть в шкафу ингредиентов для зелий. А вот растертый рог двурога! Где его взять? Или вот еще тертая шкура бумсланга? А как быть с частицами того, в кого хочешь превратиться?

— Что-что? — поморщился Рон. — Какие еще частицы? Стану я глотать ногти Крэбба!

— К счастью, частицы потребуются в самом конце. — Гермиона как будто его не слышала.

Рон надеялся на сочувствие Гарри, но Гарри тревожило другое.

— Послушай, Гермиона, сколько же всего придется украсть! Шкуры бумсланга в школьном шкафу нет, так что же, взламывать личные запасы Снегга? Это уж как-то…

Гермиона не выдержала и громко захлопнула книгу.

— Ну, как, хотите. Раз вы трусите, — щеки у нее вспыхнули, глаза сверкнули, — я тоже не буду нарушать правила. Только как иначе спасти бедных маглов? Зелье — единственное спасение. Но я вижу, вам все равно, кто их враг. Я прямо сейчас иду и верну книгу в библиотеку…

— Вот это да! Сама Гермиона уговаривает нас нарушить школьные правила. Ладно, так и быть,

я согласен на все… — махнул рукой Рон. — Только хорошо бы все-таки без ногтей!

Гермиона успокоилась и снова раскрыла книгу.

— А долго готовить это зелье? — спросил Гарри.

— Водоросли собирают в полнолуние, златоглазки настаиваются три недели. Значит, примерно месяц — если достанем все необходимое.

— Месяц? Да за месяц Малфой добрую половину маглов изведет! — вскричал Рон, но Гермиона презрительно сощурилась, и ему пришлось торопливо прибавить: — Ладно, другого плана у нас нет, значит — полный вперед!

Гермиона вышла из туалета проверить, нет ли кого поблизости, и Рон шепнул на ухо Гарри:

— Лучше сшиби завтра Малфоя с метлы — мороки меньше.

* * *

В субботу утром Гарри проснулся рано и полчаса думал о предстоящем матче: у слизеринцев были самые быстрые метлы в мире. Вот капитан разозлится, если гриффиндорцы проиграют! Ох уж эти ненавистные слизеринцы! Гарри встал с

недобрым предчувствием, оделся и пошел завтракать. В Большом зале за длинным столом уже сидела вся команда, притихшая и как на иголках.

День выдался пасмурный и тяжелый, вот-вот разразится гроза. К полудню вся школа потянулась на стадион. Рон с Гермионой подбежали к раздевалке пожелать Гарри удачи. Игроки переоделись в алые мантии Гриффиндора, и Вуд, по обыкновению, произнес речь для поддержания боевого духа команды.

— У слизеринцев лучшие метлы, — говорил он, — зато у нас лучшие игроки. Мы больше тренировались, летали в любую погоду. (- С самого сентября мокрые до нитки, — буркнул Джордж.) Пусть проклинают день, когда недоносок Малфой купил себе место в их команде. — Войдя в раж, Вуд повернулся к Гарри: — А ты, Гарри, покажи им: ловцу нужен не богатый папаша, а талант. Расшибись в лепешку, а поймай снитч первый, раньше Малфоя. Победа сегодня наша!

— Если что, Гарри, мы рядом, — подмигнул Фред.

Зрители встретили гриффиндорцев восторженными криками: за них болели не только свои, но и Когтевран и Пуффендуй. Впрочем, и слизеринцы

не сидели молча: встретили противника свистом и улюлюканьем. Судья мадам Трюк пригласила Флинта и Вуда обменяться рукопожатием, они обменялись — чересчур крепко и метнув друг в друга грозные взгляды.

— По свистку! — крикнула мадам Трюк. — Три… два… один…

Подгоняемые ревом толпы, четырнадцать игроков взмыли в свинцовое небо. Гарри мчался впереди всех, прищурившись и пытаясь разглядеть в небе снитч.

— Эй, со шрамом! — крикнул Малфой и хвастливо пронесся под Гарри на новой метле.

Гарри не ответил: на него летел большой черный мяч, он еле-еле увернулся, даже волосы на голове взъерошились.

— Едва не попал, — крикнул Джордж, пронесся мимо Гарри и сильным ударом биты послал бладжер в Эдриана Пьюси, но на полпути мяч повернул и снова устремился к Гарри.

Тот резко сбросил скорость, а Джордж с силой отправил бладжер в Малфоя, но мяч развернулся, как бумеранг, и ударил Гарри по голове, к счастью не сильно.

Прибавив скорости, Гарри помчался на другой конец поля, мяч со свистом за ним. Что проис-

ходит? По правилам, бладжеры не гоняются за кем-то одним, а выбивают как можно больше игроков.

На том конце поля мяч принял Фред Уизли. Гарри пригнулся, Фред изо всей силы ударил по мячу, и Гарри опять от него ушел.

— Ура! — издал победный крик Фред. Не тут-то было: неугомонный бладжер опять ринулся на Гарри, и тому снова пришлось удирать.

Пошел дождь. Капли шлепались на лицо и застилали стекла очков. Кто вел в игре, Гарри было неясно, пока школьный комментатор Ли Джордан не крикнул:

— Шестьдесят — ноль, ведет Слизерин.

Ничего удивительного, метлы-то у них быстрее, да еще этот мяч гоняется за ним как безумный. Правда, его опекают близнецы, но от этого тоже мало толку: мечутся вокруг, машут битами, так что и снитча не увидишь.

— кто-то… заколдовал… этот… мяч… — тяжело дыша, крикнул Фред, очередной раз отправляя бладжер подальше от Гарри.

— Берем тайм-аут, — предложил Джордж, пытаясь одновременно подать сигнал Буду и отбить мяч, летевший Гарри прямо в лицо.

Вуд согласно кивнул, раздался свисток судьи, и

Гарри с близнецами, уворачиваясь от спятившего бладжера, устремились к земле под оглушительный свист болельщиков Слизерина. Вуд собрал вокруг себя всю команду.

— Что происходит? Так и проиграть недолго! Фред, Джордж, почему не помогли Анджелине? У нее была такая возможность набрать очки! Где вы были?

— Мы были метров на пятнадцать выше ее, Оливер! — вскипел Джордж. — Спасали Гарри от бладжера, который хочет его прикончить.

Этот мяч заколдован. Не отстает от Гарри, другие игроки для него не существуют. Наверняка работа слизеринцев!

— Чушь! — не поверил Вуд. — На тренировке все было в порядке, потом все мячи заперли…

По полю к команде спешила мадам Трюк. У нее за спиной игроки Слизерина кривлялись, хохотали, показывали на Гарри пальцами.

— Закругляемся! — нервничая, воскликнул Гарри. — Если вы двое будете мельтешить перед носом, мне никогда не поймать снитч, разве что он мне сам в рукав залетит. Защищайте других, а с этим чокнутым мячом я сам как-нибудь разберусь.

— Глупо, — возразил Фред, — он тебе голову

снесет.

Вуд поглядел на Гарри, на братьев Уизли.

— Оливер, что ты его слушаешь? — рассердилась Алисия Спиннет. — Разве можно оставить его один на один с таким мячом?! Надо обязательно провести расследование…

— И потеряем очко. Не хватало из-за какого-то мяча проиграть матч. Оливер, скажи им: пусть от меня отстанут.

— Это ты виноват, — упрекнул Вуда Джордж. — «Расшибись в лепешку, а поймай снитч». Умнее ничего не придумал! Подошла мадам Трюк.

— Готовы?

Вуд глянул на Гарри и прочитал у него в лице решимость победить чего бы это ни стоило.

— Фред, Джордж, оставьте Гарри в покое, пусть сам разбирается с бладжером.

Дождь усилился. По свистку судьи Гарри взмыл в небо и тут же услышал, как бладжер со свистом рассекает воздух у него за спиной. Гарри поднимался все выше и выше, камнем кидался вниз, петлял, входил в штопор, взлетал зигзагом, описывал обороты. Даже голова закружилась, но ему все равно приходилось смотреть в оба! Капли дождя застилали очки, заливались в нос, когда он делал на метле очередное сальто. Зри-

тели на трибунах смеялись, хлопали — высший пилотаж! В этом было для Гарри единственное спасение, мяч явно уступал в маневреннфсти. Гарри носился над полем, как на «Американских горках», и следил краешком глаза за Эдрианом Пьюси. Тот хотел обойти Вуда и достать одно из колец Гриффиндора.

Теперь просвистело над ухом, но мяч снова промазал. Гарри помчался назад, мяч не отставал, Гарри завертелся волчком.

— Что, Поттер, в балет записался? — крикнул Малфой.

Гарри понесся прочь, на лету обернулся, с омерзением глянул на Малфоя и в нескольких сантиметрах над его левым ухом увидел золотой снитч. Малфой помирал со смеху и снитча не видел.

Гарри застыл на месте: вдруг тот поднимет голову и первый схватит вожделенный приз!

Вдруг — ХРЯСЬ!

Мяч настиг-таки его и сломал правую руку. Рука бессильно повисла. От жгучей боли у Гарри потемнело в глазах. Он едва не соскользнул с мокрой метлы. Злокозненный мяч развернулся и нацелился Гарри в голову. Гарри увильнул, в мозгу тупо стучало: «Снитч, снитч…»

Сквозь муть дождя и боли Гарри стрелой понесся к Малфою. Ухмылка у того на лице сменилась испугом: ему показалось, что Гарри пошел на таран.

— Ты что! — заорал Малфой и отлетел в сторону.

Гарри выпустил метлу и, потянувшись здоровой рукой, схватил мокрый, холодный снитч. Сжимая метлу только коленями, он начал стремительно падать, стараясь не потерять сознание. Зрители испуганно ахнули.

Гарри шмякнулся в грязь, сломанная рука неестественно изогнулась, метла откатилась в сторону. На трибунах свистели, орали, от острой боли ему казалось, что болельщики где-то далеко-далеко. И тут до Гарри дошло: в руке у него снитч.

— Выиграли, — простонал он и потерял сознание.

Очнулся он тут же, на поле. Дождь лил в лицо, кто-то склонился над ним, одарив ослепительной улыбкой.

— Это вы? Уйдите, пожалуйста, — прошептал Гарри.

— Что это он? — удивился Локоне и глянул на собравшихся вокруг гриффиндорцев. — Не вол-

нуйтесь. Я сейчас его вылечу.

— Не надо! — возразил Гарри. — Пусть уж лучше так…

Гарри попытался сесть, но помешала невыносимая боль. Неожиданно щелкнула фотокамера.

— Зачем снимать меня в таком виде, Колин? — запротестовал Гарри.

— Лежи, лежи, — заботливо посоветовал Локоне, — сейчас я произнесу заклинание. Не бойся, мне не впервой.

— Я лучше пойду в больницу, — сквозь стиснутые зубы прошептал Гарри.

— Правда, профессор, — заметил Вуд и гордо улыбнулся: его ловец ранен, но победа за ними. — Здорово ты его поймал, Гарри. Красиво.

Сквозь частокол ног Гарри видел, как Фред и Джордж Уизли борются с полоумным бладжером, запихивают его в коробку, а тот бешено сопротивляется.

— Отойдите подальше, — попросил Локоне, закатывая зеленые рукава.

— Может, не надо… — выдохнул Гарри.

Но разве Локонса остановишь! Он повращал волшебной палочкой и направил ее прямо на сломанную руку.

Странное ощущение прокатилось от плеча до

кончиков пальцев, как будто из руки выпустили воздух. Гарри, зажмурившись, отвернулся, кто-то в толпе вскрикнул, а Колин Криви защелкал фотоаппаратом со скоростью пулеметной очереди. Рука больше не болела, Гарри ее вообще не чувствовал.

— М-м. Ну, ничего, — Локоне не терял присутствия духа, — такое бывает. Но перелома-то больше нет! А это главное. Сможешь доковылять до больничного крыла? Мистер Уизли, мисс Грэйнджер, проводите его, пожалуйста, а там мадам Помфри… э-э… приведет его в надлежащий порядок.

Поднявшись на ноги, Гарри ощутил себя однобоким. Он вдохнул поглубже, поглядел на руку и чуть снова не лишился чувств.

Из рукава выглядывало что-то вроде надутой резиновой перчатки цвета сырого мяса. Гарри хотел было пошевелить пальцами, но куда там!

Локоне не вылечил перелом, он просто-напросто удалил из руки все кости.

Мадам Помфри, осмотрев Гарри, пришла в ярость.

— Надо было сразу же идти ко мне. — Она пощупала мягкую, без костей, руку. — Срастить кости ничего не стоит, а вот вырастить новые…

— Но ведь вам это под силу? — с надеждой спросил Гарри.

— Разумеется. Только предупреждаю: будет больно. — Мадам Помфри с озабоченным видом бросила Гарри пижаму. — Ночевать, молодой человек, придется здесь…

Гермиона ждала за ширмой, а Рон помогал Гарри надеть пижаму: рука без костей лезть в рукав никак не хотела.

— Ты и теперь станешь защищать Локонса? — упрекнул Рон Гермиону, протащив наконец ватные пальцы Гарри сквозь манжету. — Гарри ведь не просил убрать из руки кости.

— Кто не ошибается? — возразила Гермиона. — Зато рука перестала болеть. Правда, Гарри?

— Правда. Только теперь это вообще не рука. Гарри прыгнул на постель, и бедная рука беспомощно заколыхалась.

Гермиона и мадам Помфри вышли из-за ширмы. Доктор держала в руках бутыль с наклейкой «Костерост».

— У тебя длинная ночь впереди, — сказала она, наполнила стакан и подала Гарри. Из стакана валил пар. — Растить кости — занятие не из приятных.

Пить «Костерост», как оказалось, тоже: он об-

жигал рот и горло. Хлебнув первый глоток, Гарри закашлялся. Мадам Помфри удалилась, недовольно ворча про опасный спорт и учителей-неумех. Рон и Гермиона остались с Гарри, подавали ему воду, чтобы запить снадобье — уж больно оно было гадкое.

— Все-таки мы выиграли. — Рон расплылся в улыбке. — Классно ты схватил этот снитч! Видел бы ты Малфоя… он был готов тебя растерзать.

— Знать бы, как он заколдовал этот мяч, — сдвинула брови Гермиона.

— Вот сварим Оборотное зелье и заодно спросим. — Гарри опустил голову на подушку. — Лишь бы оно было не такое противное, как эта гадость…

— Ишь чего захотел! Это с ногтями-то слизеринцев! — поморщился Рон.

Дверь палаты распахнулась, и ввалилась вся команда Гриффиндора, грязная и промокшая до нитки.

— Ну, Гарри! Ну, пилотаж! — восхищался Джордж. — Ты бы слышал, как сейчас Флинт орал на Малфоя: снитч был у самого уха, а он его проморгал. Бедолага совсем скис.

Друзья принесли сладости, пирожные и тыквенный сок, собрались вокруг Гарри и только

начали угощаться, как в палату вошла грозная мадам Помфри.

— Это что такое? — рассердилась она. — Больному нужен отдых. Ему тридцать три кости растить! Вон! Вон! Все вон!

И Гарри остался один на один с пронзительной болью.

* * *

Спустя часа два Гарри проснулся в кромешной тьме: руку словно начинили острыми черепками. Но разбудила его не только боль: кто-то в темноте губкой вытирал ему лоб. Гарри задрожал от испуга.

— Кто это? — крикнул он. — Добби, вы?!

Домовик глазами величиной с теннисный мяч жалобно глядел на Гарри, и по его длинному, острому носу бежала слеза.

— Гарри Поттер снова в школе, — прошептал он, — Добби предупреждал Гарри Поттера. Предупреждал! Ах, сэр, почему вы не послушали Добби? Почему Гарри Поттер не поехал домой, когда опоздал на поезд?

Гарри сел и оттолкнул руку эльфа.

— Как вы здесь очутились? — спросил он. — И откуда вы знаете про поезд?

У Добби задрожали губы. Гарри вдруг осенило:

— Так это вы?! Вы не пропустили нас сквозь барьер!

— Да, я, — гордо ответил Добби и так закивал головой, что его уши заколыхались. — Добби тайком приглядывал за Гарри Поттером и заклял проход к поезду, за это Добби пришлось отутюжить себе пальцы. — Он показал забинтованные руки. — Добби не жаль рук, сэр, Добби думал, это спасет Гарри Поттера от опасности. Добби не знал, что Гарри Поттер полетит в школу в автомобиле.

Эльф раскачивался взад и вперед, встряхивая смешной головой.

— Добби был ошарашен, когда узнал, что Гарри Поттер вернулся в школу, — он даже сжег обед хозяина. Добби так выпороли, сэр, так выпороли…

Гарри тяжело опустился на подушку.

— Из-за вас меня и Рона чуть не выдворили из школы, — сердито сказал он. — Уходите отсюда, у меня скоро вырастут кости, и, чего доброго, я вас убью.

Добби печально улыбнулся.

— Добби уже много раз грозились убить, сэр. Хозяева обещают убить Добби пять раз на день.

И эльф высморкался в угол своей грязной наволочки; вид у него был такой несчастный, что

Гарри невольно перестал гневаться.

— Добби, почему вы носите эту наволочку? — поинтересовался он.

— Наволочку, сэр? — Добби погладил свое одеяние. — Это знак рабства, сэр. Добби станет свободным, если хозяева подарят ему одежду. Но они очень осторожны, не дают Добби даже носка, боятся, что Добби уйдет от них навсегда.

Добби утер слезы и вдруг сказал:

— Гарри Поттер должен вернуться домой! Добби думал, что мяч…

— Мяч? — снова вышел из себя Гарри. — Так это я вам обязан, что мяч чуть меня не убил?

— Что вы, что вы! — испугался эльф. — Мяч не убил бы вас. Добби хочет спасти Гарри Поттера. Лучше уж жить дома калекой, чем оставаться тут, сэр. Гарри Поттер должен вернуться домой.

— Ни за что! — вознегодовал Гарри. — Но все-таки объясните, ради чего все это. Зачем вам надо меня калечить?

— Ах, если бы Гарри Поттер только знал! — вздохнул Добби, и слезы ручьем полились на обтрепанную наволочку. — Если бы он знал, как много он значит для нас, несчастных рабов, отребья волшебного мира. Добби помнит времена величия Того-Кого-Нельзя-Называть. С нами,

домашними эльфами, обходились как с крысами и тараканами, сэр. С Добби, правда, и сейчас так обходятся, — признался эльф и вытер слезы наволочкой, — но все-таки с тех пор, как вы победили Кого-Нельзя-Называть, жить стало гораздо легче. Темный Лорд потерял свою силу, Гарри Поттер остался жив. Для нас это как рассвет, сэр, Гарри Поттер сияет лучом надежды… Мы уж и не чаяли конца черных дней… А теперь в Хогвартсе опять назревают страшные события, может быть, они уже начались, и Добби не позволит Гарри Поттеру остаться здесь. Тайная комната снова открыта, кошмар может повториться…

Добби понял, что проговорился, и остолбенел от ужаса. Схватил с тумбочки кувшин с водой, разбил о голову, так что искры из глаз посыпались, и скатился на пол. Потом снова взобрался на кровать, бормоча:

— Добби плохой, очень плохой…

— Так, значит, Тайная комната и правда существует? — изумился Гарри. — Вы сказали, что она когда-то уже открывалась?

Эльф потянулся за осколком кувшина, но Гарри, схватив его тоненькую ручку, на этот раз предотвратил экзекуцию.

— Я ведь не магл, Добби, опасность мне не

грозит.

— Ах, сэр, не спрашивайте, не спрашивайте бедного Добби, — заикаясь, проговорил эльф. — Черные дела замышляются в этой школе, и Гарри Поттер должен уехать. Поезжайте, сэр, поезжайте домой. И торопитесь, сэр, здесь слишком опасно…

— Добби, кто все-таки открыл Комнату? — Гарри держал руку эльфа, чтобы тот снова не начал себя казнить. — Скажите мне, кто?

— Добби не может, сэр. Добби не может, не должен! — завопил эльф. — Поезжайте домой, поезжайте, сэр.

— Никуда я не поеду, — сердито отрезал Гарри. — Среди моих лучших друзей есть магла, и если Тайная комната правда открыта, то ей первой придется несладко…

— Гарри Поттер готов отдать жизнь за друзей! — воскликнул домовик, сознавая собственное ничтожество. — Как он отважен! Как храбр! Но он обязан спасти себя. Гарри Поттер не может…

Добби вдруг замер и навострил уши, став похожим на летучую мышь. В коридоре послышались шаги.

— Добби должен уйти, — в ужасе прошептал эльф и с треском исчез, оставив в кулаке Гарри

пустоту.

Гарри откинулся на подушку, с тревогой всматриваясь в дверь: шаги приближались.

В палату, пятясь, вошел Дамблдор в длинном шерстяном халате и ночном колпаке, за ним — профессор МакГонагалл. Они внесли что-то вроде статуи и положили на свободную постель.

— Сходите за мадам Помфри, — шепотом попросил Дамблдор.

Профессор МакГонагалл прошла мимо Гарри и вышла из комнаты. Гарри лежал смирно, притворяясь, что спит. Послышались взволнованные голоса, и в палату вместе с профессором МакГонагалл вошла мадам Помфри, торопливо натягивая кофту поверх ночной сорочки. Увидев статую, мадам Помфри ахнула.

— Что случилось? — спросила она шепотом у Дамблдора и склонилась над неподвижной фигурой.

— Новое нападение, — объяснил директор. — Мы с Минервой нашли его на лестнице.

— Рядом валялась гроздь винограда, — добавила профессор МакГонагалл, — должно быть, он шел навестить Поттера.

У Гарри по спине побежали мурашки, он тихонько приподнялся и глянул на лицо статуи,

освещенное светом луны.

Это был Колин Криви. Глаза у Колина были круглые от ужаса, в руках фотоаппарат.

— Заклятие Оцепенения? — спросила мадам Помфри.

— Да, — ответила профессор МакГонагалл. — Подумать только… Не пойди Альбус вниз за горячим шоколадом, кто знает, что бы тогда…

Все трое глядели на Колина. Дамблдор нагнулся, покрепче ухватил фотоаппарат и, поднатужившись, вырвал его из рук Колина.

— Может, он успел снять нападавшего? — предположила профессор МакГонагалл.

Дамблдор открыл крышку фотоаппарата: из камеры повалил дым, Гарри даже за три кровати почуял запах горелого пластика. Мадам Помфри отступила на шаг и растерянно прошептала:

— Надо же, расплавилась…

— Что же это значит, Альбус? — спросила профессор МакГонагалл.

— То, что Тайная комната действительно открыта, — ответил тот.

Мадам Помфри в страхе прижала ладонь ко рту. Профессор МакГонагалл вопросительно глянула на Дамблдора.

— Альбус, но кто же?..

— Вопрос не в том, кто, — не отрывая глаз от Колина, отвечал Дамблдор, — а в том, как…

Света не зажигали, но Гарри разглядел лицо профессора МакГонагалл: оно выражало крайнее недоумение.

Глава 11

ДУЭЛЬНЫЙ КЛУБ

Проснувшись в воскресенье утром, Гарри обнаружил, что кости у него выросли, но двигалась рука все еще плохо. За окном светило зимнее солнце. Сев на постели, Гарри увидел, что кровать, где лежал Колин, отгорожена ширмой. Мадам Помфри, заметив, что Гарри проснулся, принесла завтрак, и, пока Гарри левой рукой неуклюже ел овсяную кашу, она сгибала и разгибала другую руку и каждый палец в отдельности.

— Ты здоров, — объявила мадам Помфри. — Позавтракаешь и можешь идти.

Гарри поскорее оделся и побежал в башню Гриффиндора рассказать друзьям о Добби и Колине. Но Рона с Гермионой в Общей гостиной не было. Куда же они запропастились? Им что, неинтересно, как у него рука?

В коридоре Гарри налетел на Перси Уизли, выходившего из библиотеки.

— Привет, Гарри, — тепло улыбнулся староста. — Отлично ты вчера сыграл, просто отлично! Заработал пятьдесят очков! Теперь Гриффиндор

ведет в соревновании между факультетами.

Гарри кивнул.

— Ты Рона с Гермионой не видел? — спросил он.

— Нет, — посерьезнел Перси. — Надеюсь, Рона не занесло опять в туалет девочек.

Гарри натянуто улыбнулся, подождал, пока Перси скроется за углом, и помчался прямо туда. Оглянувшись, нет ли кого поблизости, шмыгнул в убежище Плаксы Миртл и услышал голоса друзей.

— Это я, — сказал он, плотно затворив за собой дверь.

В одной из кабинок что-то упало, раздался всплеск, Гермиона ахнула и выглянула в щелочку.

— Ну и напугал ты нас! Заходи скорее. Как твоя рука?

— Как новая, — ответил Гарри и втиснулся в кабинку.

На унитазе стоял старый, помятый котел, под ним что-то потрескивало. Огонь, догадался Гарри. Маленькие, не боящиеся воды костерки — конек Гермионы. Он с трудом закрыл дверь. Тесновато, конечно, зато безопасно.

— Мы хотели пойти к тебе сразу же после зав-

трака. Но потом решили немедленно заняться Оборотным зельем, — объяснил Рон.

Гарри начал было рассказывать про Колина, но Гермиона его перебила.

— Мы все знаем. Слышали, как МакГонагалл говорила утром с профессором Флитвиком. Потому и решили поскорее заняться зельем.

— Надо срочно выведать, не Малфой ли за этим стоит, — нахмурился Рон. — Малфой после матча в ярости. Вот и отыгрался на Колине.

— Но это еще не все, — продолжил свой рассказ Гарри, глядя, как Гермиона кидает спорыш пучок за пучком в дымящийся котел. — Ночью ко мне приходил Добби.

Сидевшие на корточках Рон с Гермионой удивленно подняли головы. И Гарри подробно рассказал все, что ему Добби поведал, прибавив еще и то, о чем, по его мнению, Добби умолчал. Друзья от изумления раскрыли рты.

— А раньше когда-нибудь Тайную комнату открывали? — спросила Гермиона.

— Все сходится! — ликовал Рон. — В тот раз Комнату открыл Люциус Малфой. Он ведь тоже учился в Хогвартсе. Знать бы только, что там за чудище. Неужели все это время никто его не видел? Ведь оно явно рыщет по всему замку.

— Может, это чудище-невидимка, — предположила Гермиона и палкой затолкала пиявок поглубже в кипящее варево. — А может, это оборотень? Возьмет и превратится, например, в рыцарские доспехи. Я читала про упырей-хамелеонов.

— Поменьше бы ты читала, — заметил Рон, подсыпая сушеных златоглазок. Скомкал из-под них пакет и глянул на Гарри. — Так, значит, это Добби не пустил нас на поезд и сломал тебе руку, — покачал он головой. — Если он будет и дальше так тебя спасать, то, глядишь, чего доброго, и прикончит.

* * *

К понедельнику известие, что на Колина кто-то напал и он окаменелый лежит в больнице, облетело всю школу. Пошли самые невероятные толки, один страшнее другого. Первокурсники боялись ходить в одиночку, не ровен час кто-нибудь нападет.

На Джинни лица не было, она ведь сидела с Колином за одной партой. Фред и Джордж развлекали ее на собственный лад. То обрастут мехом, то покроются нарывами и выскочат из-за статуй. Довели до того, что ей стали сниться кошмары.

Узнав про их проделки, Перси обещал написать домой. И братья стали придумывать для сестры развлечения попроще.

В тайне от учителей началась повальная торговля талисманами, амулетами и прочими оберегалками. Невилл Долгопупс запасся огромной луковицей, хорошо заточенным красным кристаллом и гнилым хвостом головастика, хотя гриффиндорцы убеждали его, что ему ничто не грозит — ведь он чистокровный волшебник.

— Да, но первый был Филч, — дрожал от страха Невилл. — А ведь все знают, что я тоже почти сквиб.

* * *

На второй неделе декабря профессор МакГонагалл составила список желающих остаться в школе на Рождество. Среди них были Гарри, Рон и Гермиона. Малфой, они слышали, тоже решил остаться. Очень подозрительно, зато легче будет применить Оборотное зелье и выудить из него тайну.

Зелье было уже наполовину готово: не хватало только рога двурога и шкуры бумсланга. Они хранились в кабинете Снегга. А по мнению Гарри, лучше встретить лицом к лицу чудище из Тай-

ной комнаты, чем попасться в лапы профессора зельеварения.

— Надо придумать отвлекающий маневр, — в четверг утром заявила Гермиона. — Его урок после обеда. Вот тогда и можно залезть к нему в кабинет.

У Гарри с Роном эти слова восторга не вызвали.

— Красть буду я, — спокойно предложила Гермиона. — Если вы попадетесь, вас исключат из школы. А за мной пока никаких провинностей нет. Ваша задача — устроить минут на пять небольшой переполох.

Гарри нервно хихикнул. Устроить переполох на уроке Снегта! Да Это хуже, чем тыкать палкой в глаз дремлющего дракона.

Уроки зельеварения проходили в одном из больших подземных залов. Сегодняшний ничем не отличался от предыдущих. Снегг дал задание приготовить Раздувающий раствор. На столах поблескивают латунные весы и банки со всякой гадостью, между столами парят котлы-самоварки. Снегг рыщет по классу, отпуская колкие замечания в адрес гриффиндорцев, слизеринцы одобрительно хихикают. Любимчик Снегга Драко Малфой исподтишка швыряется в Гарри и

Рона сушеными рыбьими глазами, а Рон с Гарри знают: если они ответят тем же, наказание им обеспечено.

У Гарри раствор вышел какой-то жидкий.

Снегг ехидно посмеялся над его «водичкой», но Гарри и бровью не повел — ждал условного знака от Гермионы. Снегг перешел к очередной жертве, Невиллу Долгопупсу, и тут Гермиона едва заметно кивнула.

Гарри мгновенно спрятался за свой котел, достал из кармана хлопушку и поджег ее волшебной палочкой. Хлопушка зашипела, заискрилась. Гарри прицелился и отправил ее точно в котел Гойла.

Раздался взрыв. Варево Гойла окропило весь класс. Ученики закричали. Малфою залило лицо, и нос его стал надуваться как воздушный шар. Гойл тыкался во все стороны, закрыл ладонями глаза, выросшие размером с тарелку. Снегг старался утихомирить класс, понять, что произошло. Гермиона тем временем юркнула за дверь.

— Тише! Тише! — кричал Снегг. — Пострадавшие, подойдите ко мне, я приложу примочку. Когда узнаю, кто это сделал…

Гарри чуть не расхохотался при виде Малфоя, который спешил к столу Снегга, согнувшись под

тяжестью носа величиной с дыню. За Малфоем выстроилось еще полкласса: у кого рука выросла с хорошую дубину, у кого губы раздуло, так что слова не выговоришь. Пока суд да дело, Гермиона тихонько прокралась обратно в класс, за пазухой у нее что-то явно топорщилось.

Настой против опухлости подействовал: щеки, носы, руки вернулись к своему естественному состоянию. Снегг подошел к котлу Гойла и извлек оттуда кусок обгоревшей хлопушки. Класс испуганно притих.

— Тот, кто это сделал, — прошипел Снегг, — может распрощаться со школой.

Гарри постарался изобразить на лице искреннее недоумение: Снегг буравил его подозрительным взглядом. Но тут, на счастье, прозвенел звонок и урок окончился.

— Он догадался, — сказал Гарри друзьям, когда они шли в убежище Плаксы Миртл. — Даю голову на отсечение, догадался.

Войдя в кабинку, Гермиона бросила в котелок порошки, добытые с риском для жизни, и стала сильно размешивать кипящее варево.

— Ну вот и все, осталось подождать две недели, — улыбнулась она.

— Снеггу не доказать, что это ты сделал, — уве-

рил Рон Гарри. — Пусть злится сколько хочет.

— Мне все равно, от него так и так добра не жди, — сказал Гарри, глядя, как в котле булькает Оборотное зелье.

Войдя через неделю в Большой зал, трое друзей увидели у доски объявлений кучку учеников, читающих очередной пергамент. Симус Финниган и Дин Томас замахали руками, подзывая их к доске.

— Открывается Дуэльный клуб! Гениально! — восклицал Симус. — Сегодня первое собрание. Как раз кстати!

— Хочешь вызвать на дуэль чудовище? — пошутил Рон. Впрочем, новый клуб его тоже заинтересовал.

— Идея неплохая, — сказал он Гарри и Гермионе по пути в столовую.

Друзья с ним согласились. В восемь часов все трое вошли в Большой зал. Обеденные столы были убраны, под бархатно-черным потолком горели свечи, вдоль одной стены возведены золотые подмостки. Собралась чуть ли не вся школа — в руках волшебные палочки, лица взволнованны.

— Интересно, кто будет тренером? — сказала Гермиона, продираясь сквозь галдящую толпу

поближе к подмосткам. — Может, Флитвик? Говорят, в молодости он был чемпионом по дуэлям на волшебных палочках.

— Да, было бы… — начал Гарри и осекся, огорченно махнув рукой: на подмостки вышел Златопуст Локоне в великолепной лиловой мантии, сопровождаемый Снеггом в черном будничном одеянии.

Локоне взмахнул рукой, требуя тишины.

— Подойдите поближе! Еще! Меня всем видно? Всем слышно? Прекрасно! Профессор Дамблдор одобрил мое предложение создать в школе Дуэльный клуб. Посещая клуб, вы научитесь защищать себя, если вдруг потребуют обстоятельства. А мой жизненный опыт подсказывает — такие обстоятельства не редкость. Читайте об этом в моих книгах. Ассистировать мне будет профессор Снегг, — белозубо улыбнувшись, вещал Локоне. — Он немного разбирается в дуэлях, как он сам говорит, и любезно согласился помочь мне. Сейчас мы вам продемонстрируем, как дуэлянты дерутся на волшебных палочках. О, не беспокойтесь, мои юные друзья, я верну вам профессора зельеварения в целости и сохранности.

— Вот было бы здорово, если бы они прикончили друг дружку! — шепнул Рон Гарри.

Снегг глянул на Локонса, криво усмехнувшись. А Локоне продолжал улыбаться.

«Я бы на край света убежал, — подумал Гарри, — взгляни Снегг на меня с такой усмешкой».

Дуэлянты повернулись друг к другу, изобразили приветствие: Локоне сделал реверанс, Снегг раздраженно кивнул. На манер шпаг подняли волшебные палочки.

— Обратите внимание, как держат палочки в такой позиции, — объяснял Локоне притихшим ученикам. — На счет «три» произносятся заклинания. Смертоубийства, разумеется, не будет.

— Раз, два, три…

Палочки взметнулись, и Снегг воскликнул:

— Экспеллиармус!

Блеснула ослепительно яркая молния, Локонса отбросило к стене, он съехал по ней и распластался на подмостках.

Малфой и другие слизеринцы захихикали. Гермиона встала на цыпочки и в испуге прижала ладонь ко рту.

— Он жив? — прошептала она.

— Да хоть бы и нет! — дружно ответили Рон с Гарри.

Локоне, без шляпы, с развившимися кудрями кое-как поднялся на ноги.

— Отличный посыл! — сказал он. — Профессор Снегг применил заклинание Разоружения, и, как видите, я лишился моего оружия. Благодарю вас, мисс Браун! Без палочки я как без рук Браво, профессор Снегг, браво! Вы уж простите меня, проще простого было бы разгадать ваш замысел и отразить удар. Но ученикам очень полезно увидеть… — Снегг позеленел от злости, и Локоне поспешил добавить: — На этом показательная часть окончена. Перейдем непосредственно к учебной тренировке.

Я сейчас разобью вас на пары. Профессор Снегг, будьте любезны, помогите мне.

Против Джастина Финч-Флетчли Локоне поставил Невилла, а Снегг подошел к Гарри с Роном.

— Подходящий случай разбить неразлучную парочку. Уизли сражается с Финниганом. Поттер…

Гарри, не долго думая, встал против Гермионы.

— Э-э, нет! — возразил Снегг с холодной улыбкой. — Мистер Малфой, подойдите сюда. Посмотрим, как знаменитый Гарри Поттер сразится с вами. А вы, мисс Грэйнджер, встаньте против мисс Булстроуд.

Малфой, высокомерно улыбнувшись, встал, куда сказано. Плотная, с тяжелой челюстью девочка,

точь-в-точь злая колдунья из книги «Каникулы с каргой», заняла место против Гермионы. Гермиона улыбнулась ей, но та презрительно вздернула нос.

— Обменяйтесь приветствиями! — скомандовал с подмостков Локоне.

Гарри и Малфой, не сводя друг с друга глаз, кивнули.

— Палочки на изготовку! На счет «три» попытайтесь разоружить противника. Только разоружить, никакого насилия. Раз… два… три!

Гарри занес палочку, но Малфой опередил его, начав бой на счет «два». Гарри словно кочергой по голове огрели. Он пошатнулся, но устоял на ногах и, направив палочку на Малфоя, крикнул:

— Риктусемпра!

Серебряная молния поразила Малфоя в живот, он громко икнул и скрючился.

— Я сказал, никакого насилия! — испуганно завопил Локоне, увидев поверх голов, как Малфой осел на пол.

Гарри наслал на Малфоя щекотку, и того стало корчить от неукротимого смеха. Лежачего не бьют, мелькнуло в голове у Гарри, и он опустил палочку. Малфой, переведя дух, этим воспользовался и направил палочку на ноги Гарри.

— Таранталлегра! — воскликнул он. И Гарри пустился в бесконечный пляс.

— Прекратить! Сейчас же прекратить! — безуспешно надрывался Локоне.

И тут вмешался Снегг — применил соответствующее заклинание.

— Фините инкантатем! — приказал он.

И ноги Гарри прекратили выписывать кренделя, а багровый Малфой перестал умирать от смеха.

Противники оглядели сцену сражения, окутанную зеленоватой дымкой. Невилл и Джастин лежали на полу, почти бездыханные. Бледный как мертвец Симус парил в воздухе, а Рон приносил ему извинения за действия своей палочки-инвалидки. Гермиона с Милисентой все еще сражались, правда врукопашную, побросав палочки на пол. Гарри поспешил на помощь и еле оттащил от Гермионы ее противницу: она была раза в два тяжелее его.

— Ох, ох, ох! — бегал от одного дуэлянта к другому Локоне. — Вставайте, МакМиллан! Осторожнее, мисс Фосетт! Крепче прижмите, Бут, и кровь остановится… Пожалуй, лучше начать с защиты. — Он растерянно взглянул на Снегга, но, увидев в его глазах стальной блеск, справился с

собой и сказал твердым голосом: — Приглашаю двух добровольцев. Долгопупс, Финч-Флетчли, не хотите ли попробовать?

— Неудачная мысль, профессор Локонс, — подошел Снегг, похожий в своей черной мантии на огромную, зловещую летучую мышь. — Долгопупс самым простым заклинанием способен натворить таких бед, что останки Финч-Флетчли придется нести в больницу в спичечном коробке.

Розовощекий, круглолицый Невилл залился краской.

— Я бы предложил Малфоя и Поттера, — коварно усмехнулся Снегг.

— Вот и отлично! — Локонс взмахом руки пригласил Драко и Гарри в центр зала. Толпа расступилась.

— Драко делает выпад волшебной палочкой, а ты, Гарри, ответь ему вот таким приемом.

И Локонс стал рисовать в воздухе узор, но выронил палочку. Снегг усмехнулся, Локонс поднял палочку и укоризненно покачал головой:

— Ишь, проказница! Как расшалилась сегодня!

Снегг что-то шепнул на ухо Малфою, тот с гаденькой улыбкой кивнул. Гарри это заметил и попросил Локонса повторить защитный прием.

— А-а, струсил! — прошептал Малфой так, чтобы Локоне не слышал.

— Еще чего! — процедил Гарри сквозь зубы. Локоне похлопал Гарри по плечу.

— Понял прием? Повтори, пожалуйста!

— Уронить палочку?

Но Локоне уже не слушал.

— Три… два… один!

Малфой мгновенно взмахнул палочкой и крикнул:

— Серпенсортиа!

Раздался звук, похожий на выстрел. На глазах ошеломленного Гарри из палочки Малфоя вылетела длинная черная змея и шлепнулась на пол. Зрители, стоявшие впереди, отпрянули в ужасе. кто-то истошно закричал.

— Стойте смирно, Поттер, — с наигранным добродушием произнес Снегг, наслаждаясь растерянностью Гарри. — Я ее сейчас уберу.

— Нет уж, позвольте, я! — вмешался Локоне и устремил на змею свою палочку.

Но змея не исчезла, она взмыла в воздух и опять шлепнулась на пол. Зашипела, скользнула к Джастину Финч-Флетчлй, приподнялась на хвосте и разинула пасть, готовясь к броску.

И тут произошло нечто странное. Гарри ни с

того ни с сего — потом он и сам не мог ничего объяснить — рванулся с места и заорал на змею:

— Пошла прочь!

О чудо! Толстая черная змея послушно опустилась, свилась в кольцо, точно пустой садовый шланг, и уставилась неподвижным взглядом на Гарри. Гарри осмелел, он почему-то был уверен, что змея больше ни на кого не бросится.

Улыбнулся и посмотрел на Джастина, ожидая удивления, благодарности, но встретил взгляд, полный ужаса и неприязни.

— Устроил тут представление! — воскликнул тот и пулей выскочил из зала.

Снегг подошел к змее, взмахнул волшебной палочкой, и змея растворилась в маленьком черном облаке. Профессор Снегг сощурился, явно размышляя о чем-то. Гарри от его взгляда сделалось не по себе. Вокруг все шептались, кто-то сзади дернул его за мантию.

— Идем! — раздался у него над ухом голос Рона. — Скорее идем отсюда.

И повел Гарри из зала. Гермиона не отставала от них ни на шаг. У дверей толпа расступилась, как будто шел прокаженный. Гарри не мог ничего понять. Рон с Гермионои как воды в рот набрали. И только в Общей гостиной, усевшись в кресла,

друзья начали разговор.

— Так ты, значит, змееуст, — сказал Рон.

— Кто-кто? — не понял Гарри.

— Змееуст. Змееязычный волшебник То есть умеешь говорить со змеями. Почему ты нам этого не сказал?

— Я говорил с ними всего два раза. Первый раз в зоопарке. Напустил удава на Дадли. Удав мне сказал, что никогда не был в родной Бразилии. И я, непонятно как, выпустил его на волю. Я тогда еще не знал, что я волшебник.

— Удав тебе сказал, что никогда не был в Бразилии? — вытаращил глаза Рон. — И ты его понял?

— А что тут такого? Каждый волшебник понял бы.

— Ничего не каждый. Понимать змей — очень плохо.

— По-моему, ничего плохого! — возмутился Гарри. — Да что с вами? Если бы я не закричал на змею, она бы проглотила этого несчастного Финча.

— Так ты велел ей не трогать Джастина?

— Я приказал ей убраться прочь. Ты что, не слышал?

— Я слышал, как ты говорил по-змеиному, только не понял что. А Джастин, наверное, решил,

что ты науськиваешь ее на него. Испугался и убежал.

Гарри не верил своим ушам.

— Выходит, я говорил совсем на другом языке? Да разве такое может быть? Говоришь на чужом языке, а слышишь, что на своем.

Рон покачал головой. Настроение у них с Гермионой было похоронное. А Гарри по-прежнему недоумевал.

— Да объясните же мне толком, что такого ужасного я сделал. Я ведь спас Джастина, помешал змее проглотить его. Не все ли равно, как мне это удалось?

— Не все равно. Ведь на змеином языке знаешь кто говорил? Салазар Слизерин. Именно поэтому змея на гербе его факультета, — сказала Гермиона.

Гарри был несказанно удивлен.

— Да, это так, — подтвердил Рон. — И теперь вся школа будет думать, что ты его прапрапрапр

неплотно задернутый полог, как за окном падает снег, и думал.

Может, и правда он какой-то там прапраправнук Слизерина. Своей родословной Гарри не знал. Дурели запретили всякие разговоры о его родных.

Гарри попробовал прошептать что-нибудь на змеином языке — ничего не выходит. Наверно, только со змеями можно говорить по-змеиному. Даже с собой не получается.

«Но ведь я учусь в Гриффиндоре, — подумал Гарри. — Будь во мне кровь Слизерина, Шляпа не определила бы меня на этот факультет!»

В голове звякнул непрошеный колокольчик да ведь Шляпа-то и хотела послать тебя в Слизерин!

Гарри повернулся на другой бок Завтра на уроке травологии надо объяснить Джастину, что он не науськивал на него змею, а прогнал ее прочь. Как можно было в этом усомниться?! И он яростно ударил кулаком по подушке.

* * *

К утру легкий снегопад, начавшийся ночью, превратился в настоящую вьюгу. И последний уроктравологии в семестре был отменен: профессор Стебль хотела сама укутать мандрагоры,

чтобы они скорее росли. Без них целебный настой для Миссис Норрис и Колина Криви не приготовишь.

Вместо урока трое друзей отправились в Общую гостиную Гриффиндора. Гарри сел у камина — его мучило, что он все еще не поговорил с Джастином. Рон с Гермионой играли в волшебные шахматы. Гермиона заметила, что Гарри расстроен, и проворонила своего коня. Слон Рона сбросил его с доски.

— Гарри, если тебя это так волнует, — сказала она, — пойди найди Джастина и поговори с ним.

Гарри вышел сквозь проем с портретом дамы и отправился на поиски Финч-Флетчли.

Из-за пурги за окнами в замке было темнее, чем обычно. Ежась от холода, мальчик шел мимо классов, прислушиваясь к тому, что делается за дверями. Профессор МакГонагалл распекала кого-то за серьезную провинность: приятели расшалились, и один обратил другого в барсука. Гарри так и подмывало заглянуть в класс, но он прошел мимо. Может, Джастин в библиотеке, раз отменили урок?

Несколько пуффендуйцев и правда сидели между высокими стеллажами в самом конце зала. Но, похоже, заняты они были не травологи-

ей. Сдвинув поближе головы, они что-то горячо обсуждали. Гарри не разобрал, есть ли среди них Джастин, и подошел поближе, но, услыхав, о чем разговор, свернул в соседнюю секцию Невидимости.

— Может, оно так, а может, и нет, — говорил какой-то толстый мальчик. — Но я посоветовал Джастину спрятаться у нас в спальне. Если Поттер и правда решил его погубить, пусть пока носа никуда не высовывает. Джастин вообще-то этого ожидал. Поттеру недавно стало известно, что он из маглов. Он сам проболтался, что должен был учиться в Итоне. Угораздило же его брякнуть такое наследнику Слизерина!

— Такты, Эрни, думаешь, что это Гарри Поттер? — волнуясь, спросила светловолосая девочка, дергая себя за косички, перетянутые резинками.

— Ханна, — тоном учителя произнес толстый мальчик, — он — змееязычный волшебник, а это признак черного мага. Ты когда-нибудь слышала, чтобы добрый волшебник говорил на змеином языке? Знаешь, змееустом называли самого Слизерина!

Немного пошептались, и Эрни продолжал:

— Помнишь слова на стене? «Трепещите враги

наследника!» Поттер не ладил с Филчем — и его кошка окоченела. На последнем матче он рассердился на Криви — как тот посмел снимать Гарри Поттера, лежащего в грязи. И, пожалуйста, Криви превращен в статую.

— Но ведь он такой славный, — робко возразила Ханна. — И это благодаря ему исчез Тот-Кого-Нельзя-Называть. Значит, в нем есть что-то хорошее.

Отвечая, Эрни почти перешел на шепот. Пуффендуйцы совсем сомкнули головы, и Гарри пришлось подкрасться поближе.

— Никто не знает, как он выжил в той схватке, — шептал толстый мальчик. — Он ведь был тогда совсем маленький. А Сами-Знаете-Кто с ним не справился, хотя наслал на всю семью страшное заклятие. Спастись мог только настоящий природный черный маг. Наверное, Темный Лорд потому и хотел его убить. Зачем ему соперник? Я думаю, сильнее Гарри Поттера мага нет!

Ну, это уже слишком! Гарри не выдержал и вышел из укрытия. Не будь он так зол, его бы позабавил вид заговорщиков. Как будто на них наложили заклинание Оцепенения. Эрни сделался белый как мел.

— Привет, — как ни в чем не бывало поздоро-

вался Гарри. — Вы не видели Джастина?

Кажется, самые страшные опасения пуффендуйцев оправдались! Все они с ужасом уставились на Эрни.

— Зачем он тебе? — спросил тот дрогнувшим голосом.

— Хочу ему объяснить, что на самом деле произошло в Дуэльном клубе.

Закусив побелевшую губу, Эрни поглубже вздохнул и выпалил:

— Мы все там были и сами все видели.

— Значит, вы видели, что змея по моему слову отступила.

— Я только слышал, как ты говорил по-змеиному, — упорствовал Эрни. — А это язык темных сил. Ты наверняка велел змее проглотить Джастина.

— Ничего подобного! Вы просто рехнулись! — звенящим от гнева голосом воскликнул Гарри. — Я его спас!

— Может, так, а может, и нет. На всякий случай хочу сообщить тебе, что я чистокровный волшебник в десятом колене.

— Мне все равно, магл ты или волшебник Я лично против маглов ничего не имею.

— Но я слышал, ты ненавидишь маглов, у ко-

торых живешь.

— Пожил бы ты с ними хоть месяц, ты бы еще не так их возненавидел.

С этими словами Гарри повернулся на каблуках и стрелой вылетел из библиотеки. Миссис Пине в это время протирала золоченый переплет старинного фолианта и, увидев мчавшегося по библиотеке Гарри, проводила его неодобрительным взглядом.

Гарри не знал, куда его несут ноги. Ничего не видя перед собой, он врезался в кого-то очень большого, отлетел назад и упал навзничь. Поднял голову и сейчас же узнал великана. Это был Хагрид. Кто еще мог загородить коридор от стены до стены! Он был в кротовой шубе, в толстых перчатках и вязаной наподобие шлема шапке, которая оставляла открытыми только глаза. В огромных ручищах он нес мертвого петуха.

— Привет, Хагрид!

— Чой-то ты не на уроке? — Хагрид стянул с головы шапку.

— Отменили. — Гарри поднялся с пола. — А ты что тут делаешь?

— Второй петух за полгода! Не то… ну… лиса безобразит, не то окаянный гоблин. Иду к Дамблдору, пусть дозволит заколдовать курятник.

А у тебя все в порядке? — Хагрид взглянул на Гарри из-под лохматых, запорошенных снегом бровей. — Чой-то ты такой красный?

У Гарри язык не повернулся пересказать только что подслушанный разговор.

— Да, так. Ну, я пойду. У нас сейчас трансфигурация, надо взять учебник И он побежал дальше. В голове у него вертелись слова Эрни: «Джастин вообще-то этого ожидал. Поттеру недавно стало известно, что он магл».

Гарри поднялся по лестнице, свернул в темный коридор: порывом ветра распахнуло окно и задуло факелы. Он несся по коридору сломя голову и вдруг обо что-то споткнулся. Нагнувшись, он, к своему ужасу, увидел, что на полулежит без движения Джастин, устремив в потолок остекленевшие от ужаса глаза. А рядом — как странно! — Почти Безголовый Ник, но не туманно-прозрачный, как все духи, а словно измазанный сажей.

Гарри, часто-часто дыша, выпрямился, сердце было готово выпрыгнуть из грудной клетки. Он очумело повертел головой: в коридоре пусто, только от тел бежит прочь длинная вереница пауков, а из-за закрытых дверей глухо доносятся голоса учителей.

Немедленно беги отсюда, Гарри! Чтобы никто не узнал, что ты был здесь, увидел их первым. Но разве можно их так оставить? Нужно позвать на помощь. Но кто поверит, что это не его рук дело!

У Гарри ноги приросли к полу. Одна из дверей с треском распахнулась, и в коридор вылетел Пивз.

— А, потный Поттер! — пролетая мимо, он задел очки Гарри, и они съехали у него с носа. — Что это он тут делает? От кого прячется?

Полтергейст подпрыгнул, сделал кувырок и повис вниз головой. Взгляд его упал на поверженных — Джастина и Почти Безголового Ника. Пивз перевернулся, поглубже вдохнул и, не успел Гарри вымолвить слова, заорал что есть мочи:

— Нападение! Опять нападение! Спасайтесь, люди и духи! Спасайтесь, кто может!

Бах! Бах! Бах! Одна за другой распахнулись двери. В коридор высыпали ученики. Джастина чуть не раздавили, Гарри прижали к стене, а по Нику ступали как по пустому месту. Наконец учителям удалось угомонить возбужденных ребят. Прибежала профессор МакГонагалл со своим классом (у одного из учеников волосы на голове были все еще в черно-белую полоску, как у зебры). Громким хлопком из волшебной палоч-

ки она заставила всех замолчать и приказала разойтись по кабинетам. В этот миг в притихшую толпу ворвался тот самый Эрни из библиотеки без кровинки в лице.

— Попался! — Он ткнул пальцем в Гарри.

— Сейчас же замолчите, МакМиллан, — призвала его к порядку профессор трансфигурации.

Паривший под потолком Пивз широко улыбался, обозревая происходящее. Он любил переполох и вообще всякую свару. Учителя наклонились над распростертыми телами. Пивз тут же сочинил песенку:

Гарри Поттер, ты злодей,
Убивец духов и людей!

— Прекрати, Пивз, — прикрикнула на полтергейста профессор.

Пивз отлетел подальше и показал Гарри язык.

Профессор Флитвик и профессор Синистра с кафедры звездочетов осторожно подняли и понесли Джастина в больничное крыло. А вот с Почти Безголовым Ником вышла заминка: как понесешь привидение? Задачу решила профессор МакГонагалл — наколдовала из воздуха большущий веер, дала его Эрни и объяснила, как им действовать. Гордый Эрни замахал веером, и черный призрак,

как воздушный корабль, поплыл наверх к месту своего обитания. В коридоре остались только Гарри и профессор МакГонагалл.

— Пойдемте, Поттер, — сказала она.

— Профессор, это не я.

— Не мне это решать.

Молча двинулись по коридору, свернули за угол и остановились у огромной уродливой гаргульи.

— Лимонный шербет! — произнесла МакГонагалл волшебный пароль.

Стена с гаргульей раздвинулась, открывая проход. У Гарри все внутри дрожало от страха. Но увиденное так поразило его, что дрожь прекратилась. Перед ним бежала вверх винтовая лестница. Вдвоем они шагнули на ступеньку, и стена сзади сомкнулась. Лестница довольно быстро двигалась по спирали, и у Гарри немного закружилась голова. Скоро они очутились перед тяжелой дверью, рядом с которой висел латунный молоток в виде грифона. Гарри сразу понял — здесь живет Дамблдор.

Глава 12

ОБОРОТНОЕ ЗЕЛЬЕ

Профессор МакГонагалл негромко постучала в дверь. Та беззвучно отворилась, они вошли. Профессор МакГонагалл велела Гарри ждать и оставила его одного.

Гарри огляделся. Из всех кабинетов — а он так много повидал их в этот год — кабинет Дамблдора был самый интересный. Если бы он не боялся так исключения, он был бы сейчас наверху блаженства.

Это была круглая, просторная комната, полная еле слышных странных звуков. Множество таинственных серебряных приборов стояло на вращающихся столах — они жужжали, выпуская небольшие клубы дыма. Стены увешаны портретами прежних директоров и директрис, которые мирно дремали в красивых рамах. В центре громадный письменный стол на когтистых лапах, а за ним на полке — потертая, латаная-перелатаная Волшебная шляпа.

Гарри вдруг осенило: а что, если он еще раз наденет Шляпу и послушает, что она скажет? Он с

опаской взглянул на спящих по стенам колдуний и чародеев. Не натворит ли он бед, если попытает счастья еще раз? Просто чтобы не сомневаться, на правильный ли факультет он попал.

Он тихонько обошел стол, снял Шляпу с полки и медленно водрузил на голову. Она была ему велика и съезжала на глаза — точно так же, как в прошлый раз. Гарри в ожидании замер, как вдруг тихий голос шепнул ему в ухо:

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Гарри Поттер?

— Д-да, — пробормотал Гарри. — Простите за беспокойство, я хотел спросить…

— …на тот ли факультет я тебя отправила, — опередила его Шляпа. — Да… С твоим распределением было не так просто. Но я и сейчас держусь того, что сказала раньше. — Сердце у Гарри подпрыгнуло. — Ты бы прекрасно учился в Слизерине…

Пол поплыл у него из-под ног. Он взял Шляпу за тулью и стащил с головы. Она мягко повисла в руке — выцветшая и грязная. Гарри положил ее обратно на полку, чувствуя, как внутри у него все протестует.

— Ты не права, — сказал он вслух тихой, неподвижной Шляпе. Та не шелохнулась. Гарри

попятился, все еще глядя на нее, но тут за спиной послышался странный шорох, и он обернулся.

Оказывается, он был не один. На золотой жердочке возле двери сидела дряхлая на вид птица, смахивающая на полуощипанную индюшку. Гарри смотрел на нее — птица сумрачно смотрела в ответ, издавая сдавленное квохтанье. Судя по виду, она была чем-то больна — глаза потухли, и за то время, что он наблюдал за ней, из хвоста выпала пара-другая перьев.

Гарри грустно покачал головой. Не хватало только, чтобы комнатная птичка Дамблдора умерла на его глазах, когда они в кабинете один на один. В этот самый миг по перьям птицы пробежал огонь, и всю ее охватило пламя.

Гарри охнул и лихорадочно огляделся, нет ли где хотя бы стакана воды — ничего подходящего не было. Птица тем временем превратилась в огненный шар, издала пронзительный крик, еще мгновение — и от нее ничего не осталось, кроме дымящейся на полу горстки пепла.

Дверь кабинета открылась, и вошел Дамблдор, с виду не то мрачный, не то сердитый.

— Профессор, — Гарри едва переводил дух от волнения. — Ваша птица… Я ничего не мог поделать… Она… сгорела…

К величайшему удивлению Гарри, Дамблдор улыбнулся.

— Да уж пора бы. Он был совсем плох последние дни. Я же говорил ему не тянуть с этим. Его развеселило ошеломленное лицо Гарри.

— Фоукс — это феникс, Гарри. Когда приходит время умирать, фениксы сгорают, чтобы возродиться из пепла. Взгляни-ка на него…

Гарри взглянул, и как раз вовремя — из пепла высунула голову крохотная, сморщенная новорожденная птичка. Она была так же неказиста, как и прежняя.

— Досадно, что ты увидел его в день сожжения, — заметил Дамблдор, усаживаясь за стол. — Большую часть жизни он очень хорош — в удивительном красном и золотом оперении. Восхитительные создания эти фениксы. Они могут нести колоссальный груз, их слезы обладают целительной силой, и еще они — самые преданные друзья.

Потрясенный сценой самосожжения, Гарри забыл, зачем он тут, но тотчас все вспомнил, как только Дамблдор сел в кресло с высокой спинкой и устремил на мальчика проницательные голубые глаза.

Не успел, однако, директор произнести слово,

дверь комнаты с грохотом отлетела в сторону и ворвался Хагрид — взгляд дикий, вязаная шапка набекрень, черные космы всклокочены, а в руке все еще болтается мертвый петух.

— Это не Гарри, профессор Дамблдор! — пылко проговорил он. — Я с ним… значит… разговаривал… за секунду перед тем… ну… как нашли этого цыпленка! У него, сэр, не было времени…

Дамблдор попытался что-то вставить, но словоизвержение Хагрида было неудержимо, в запале он потрясал петухом так, что перья летели во все стороны.

— Не мог он такое вытворить! Ну это, как его… Присягну — хоть перед Министерством магии…

— Хагрид, я…

— Вы… не того сцапали, сэр! Я знаю… Гарри никогда…

— Хагрид! — рявкнул Дамблдор. — Я уверен, что это не Гарри напал на тех двоих.

— Уф! — выдохнул Хагрид, и петух у него в руке печально обвис. — Хорошо. Я тогда… э-э… подожду снаружи, директор.

И, тяжело топая, он в смущении вышел.

— Вы действительно думаете, что это не я? — с надеждой спросил Гарри, наблюдая, как Дамблдор сметает со стола петушиные перья.

— Да, Гарри, не ты, — подтвердил Дамблдор, хотя лицо его вновь помрачнело. — И все же мне бы хотелось поговорить с тобой.

Гарри с робостью ожидал, пока Дамблдор собирался с мыслями, соединив перед собой кончики длинных пальцев.

— Я должен спросить тебя, Гарри, — произнес он мягко, — не хочешь ли ты мне что-нибудь сказать. Вообще что-нибудь.

Гарри не знал, что ответить. Он подумал о крике Малфоя: «Вы следующие, грязнокровки!», о зелье, кипящем в туалете Плаксы Миртл. Вспомнил бестелесный голос, который дважды к нему обращался, и слова Рона: «Слышать голоса, которых никто не слышит, — плохо даже в волшебном мире». Вспомнил о слухах, которые о нем распространились, и о собственном чудовищном подозрении, что он как-то связан с Салазаром Слизерином…

— Мне нечего вам сказать, профессор, — потупившись, произнес Гарри.

* * *

Двойное нападение на Джастина и Почти Безголового Ника обратило страхи в настоящую панику. Удивительнее всего было то, что осо-

бенно взволновала школу расправа с Почти Безголовым Ником. Все спрашивали друг друга: у кого могла подняться рука на бедное привидение, какая страшная сила сумела поразить того, кто и так уже мертв? Все билеты на экспресс Хогвартс — Лондон, уходящий накануне Рождества, были мгновенно раскуплены: из школы ожидалось массовое бегство.

— Вижу, мы тут будем одни, — оценил ситуацию Рон в разговоре с Гарри и Гермионой. — Наша троица и слизеринцы — Малфой и Крэбб с Гойлом — вот и все, кто останется. Веселые будут каникулы.

Крэбб и Гойл всегда и во всем подражали Малфою, захотели они и остаться с ним на каникулы. Что касается Гарри, он был только рад, что почти все уезжают. Он устал от того, что народ шарахается от него в коридорах, словно он отрастил клыки или плюется ядом, устал от шушуканья, кивков и шипения за спиной.

Фред и Джордж, однако, обратили гнетущий страх в забаву. Увидев Гарри, они все бросали и важно вышагивали впереди него, громко крича: «Дорогу наследнику Слизерина! Падайте ниц, идет самый великий маг…»

Перси решительно осудил их поведение.

— Этим не шутят, — холодно заявил он.

— Ушел бы ты с дороги, Перси, — вздыхал Фред. — Не видишь, Гарри торопится…

— Его ждет в Тайной комнате чашечка чая и приятная встреча со своим клыкастым слугой, — добавлял Джордж, радостно фыркая.

Джинни тоже не находила в этом ничего смешного.

— Перестаньте, пожалуйста, — жалобно умоляла она каждый раз, когда Фред во всеуслышанье спрашивал Гарри, кого еще он собирается погубить, а Джордж махал здоровенной головкой чеснока, притворяясь, что защищается от колдовства.

Гарри это не очень трогало, и Фреду с Джорджем скоро надоело валять дурака: они признали абсурдной потрясающую идею, что Гарри — наследник Слизерина, и у него отлегло от сердца. Но их кривляния весьма раздражали Драко Малфоя: завидев их, он буквально зеленел от злости.

— По-моему, его так и распирает признаться, что это он — настоящий наследник, — высказал догадку Рон. — Ты ведь знаешь, как он ненавидит тех, кто хоть в чем-то его превосходит. А тут что получается: вся грязная работа ему, а слава — тебе.

— Скоро это все кончится, — убежденно заявила Гермиона. — Оборотное зелье почти готово. Неделя-другая, и мы будем знать правду.

* * *

Наконец семестр завершился, и тишина, глубокая, как снег на полях, опустилась на замок. На Гарри от нее веяло не унынием, а мирным покоем, и он наслаждался свободой, дарованной гриффиндорским начальством всем, кто остался в Хогвартсе. Можно было на всю катушку пускать фейрверки, никого не сердя и не пугая, и, уединившись, практиковаться в поединках на волшебных палочках. Фред, Джордж и Джинни тоже предпочли остаться на каникулах в школе — дома им грозило путешествие с родителями к Биллу в Египет. Перси, который не опускался до «детских игр» и редко показывался в Общей гостиной, с важностью сообщил им, что остается на Рождество лишь потому, что его долг как старосты — помогать преподавателям в это неспокойное время.

Утро Рождества пришло в холоде и белизне. Рона с Гарри, единственных сейчас обитателей спальни, в несусветную рань разбудила Гермиона — примчалась уже совсем одетая и принесла

обоим подарки.

— Подъем! — объявила она, раздернув портьеры на окнах.

— Гермиона, тебе не положено сюда заходить, — проворчал Рон, прикрывая глаза от света.

— И тебя с Рождеством. — Гермиона бросила ему подарок. — Я уже час как встала — добавила в зелье златоглазок Оно готово.

Гарри сел, сразу проснувшись.

— Ты уверена?

— Абсолютно. — Гермиона отодвинула безмятежно спящую крысу Коросту и села на край постели. — Если мы и впрямь собираемся что-то предпринять, лучшего времени, чем сегодняшний вечер, не найти.

В этот миг в комнату влетела Букля с маленьким пакетиком в клюве и приземлилась к Гарри на кровать.

— Привет! — радостно встретил ее Гарри. — Мы опять друзья?

Букля в знак расположения клюнула его в ухо самым дружеским образом — этот подарок оказался гораздо лучше принесенного в клюве. Пакет, который, как выяснилось, прислали Дурели, содержал зубочистку и короткое письмецо,

где они интересовались, не сможет ли Гарри остаться в школе и на летние каникулы.

Другие рождественские подарки были куда приятнее. Хагрид прислал огромную банку сливочной ломадки, которую, как убедился Гарри, перед тем как есть, надо разогреть на огне. Рон презентовал книгу ««Пушечные» ядра», содержащую немало интересного о его любимой команде «Пушки Педдл». Гермиона подарила роскошное орлиное перо для письма. Развернув последний пакет, Гарри обнаружил новый джемпер ручной вязки и большой сладкий пирог с изюмом от миссис Уизли. Взяв в руки ее поздравительную открытку, он в который раз ощутил угрызения совести — ему вспомнился фордик мистера Уизли, которого никто не видел с той самой аварии у Гремучей ивы. В воображении у него тотчас возникла сцена ночного боя со взбесившимся деревом, и мысль сразу же перекинулась к школьным правилам, которые они с Роном опять вознамерились нарушить.

* * *

Невозможно было не отдать должное великолепию рождественского ужина в Хогвартсе. Его оценили даже те, у кого сердце замирало от

страха в ожидании минуты, когда придется хлебнуть опасного зелья, составленного по рецепту из старинной книги.

Большой зал выглядел изумительно. Там было не только множество покрытых инеем рождественских елей и пышных гирлянд из омелы и остролиста, но и чудесный волшебный снег — сухой и теплый, — падающий с потолка. Под руководством Дамблдора собравшиеся исполнили его любимые рождественские гимны, громче всех ревел Хагрид, голос его креп после каждого бокала яичного коктейля. Перси не заметил, как Фред заколдовал его значок старосты. Ко всеобщему удовольствию, на нем появилась надпись «Дурачина», и бедняга Перси безуспешно пытался выяснить, над чем это все смеются. Гарри появился на празднике в новом джемпере, сидевший за столом слизеринцев Драко Малфой осыпал обновку язвительными насмешками, но Гарри и ухом не повел. Ничего, если все пойдет как по маслу, часа через два-три Малфоя ждет заслуженное возмездие.

Дождавшись, пока Рон и Гарри проглотят третью порцию рождественского пудинга, Гермиона увела их из зала, чтобы составить подробный план вечерней кампании.

— Нам еще надо достать какую-нибудь частицу — волосы или ногти — тех, в кого хотим превратиться, — сообщила она обыденным тоном, словно речь шла о покупке мыла в соседней лавке. — Для этого лучше всего подходят Крэбб и Гойл — самые близкие друзья Малфоя, с ними он поделится какой хочешь тайной. И еще надо куда-то деть настоящих Крэбба и Гойла, пока мы говорим с Драко. А то вдруг явятся в самый неподходящий момент. Я все продумала, — невозмутимо продолжала Гермиона, словно не замечая ошарашенных лиц друзей. И она показала им пару увесистых шоколадных пирожных. — В них впрыснуто легкое снотворное. Надо только куда-то их подложить, чтобы Крэбб и Гойл заметили. Вы же знаете, какие они обжоры. Увидят — обязательно съедят. И тут же уснут. А вы их спрячете в чулан, где стоят швабры, и вырвете у того и у другого по нескольку волосков.

Рон и Гарри потрясение переглянулись.

— Термиона, по-моему..

— Это может плохо кончиться…

Но глаза Гермионы горели стальным блеском, какой бывал иногда в глазах у профессора МакГонагалл.

— Зелье не подействует без волос Крэбба и Гой-

ла, — объявила она непреклонно. — Вы хотите говорить с Малфоем или нет?

— Хорошо-хорошо, — кивнул Гарри. — А как же ты? Ты-то у кого достанешь волосы?

— Я уже запаслась! — Гермиона достала из кармана крохотную бутылочку, в ней был один-единственный коротенький волосок. — Помните Милисенту? Мы с ней боролись во время дуэльной тренировки. Она еще хотела меня задушить. Этот волос остался у меня на мантии. На Рождество она уехала домой, но я скажу слизеринцам, что надумала вернуться.

И Гермиона побежала взглянуть, как там варится архисложное зелье. Рон обернулся к Гарри с выражением обреченной покорности судьбе:

— Ты когда-нибудь еще видел план действий, в котором было бы сразу столько нарушений школьных правил?

Однако, к немалому удивлению Рона и Гарри, первая стадия операции прошла без сучка, без задоринки, в соответствии с намеченным планом. После рождественского чая они затаились в пустынном холле, поджидая Крэбба и Гойла — те еще оставались в одиночестве за слизеринским столом, уминая четвертую порцию бисквитов со взбитыми сливками. Шоколадные пирожные

Гарри положил на видное место — перила в холле. Увидев, что Крэбб и Гойл выходят из Большого зала, друзья быстро спрятались за рыцарскими доспехами возле входных дверей.

— Какой же ты будешь толстый! — прошептал Рон, глядя на Крэбба, который толкнул локтем Гойла, показывая на пирожные. Оба схватили лакомства и с наслаждением запихали их в широченнцр рты. С минуту они жадно жевали, и тут же, с тем же самым выражением блаженства, повалились навзничь.

Труднее оказалось тащить их через весь холл в кладовую. Бережно уложив беспомощных врагов между ведер и швабр, друзья приступили к следующему этапу. Гарри вырвал пару волос с головы Гойла, Рон проделал то же с шевелюрой Крэбба. Пришлось еще стащить с них ботинки — их собственные вряд ли пришлись бы впору ножищам Крэбба и Гойла. Покончив с этим не без внутренней дрожи, друзья поднялись наверх, в туалет Плаксы Миртл.

Из кабинки, где Гермиона колдовала над зельем, валил густой дым. Натянув мантии на лица, Гарри и Рон осторожно постучали в дверь.

— Гермиона?

Послышался лязг задвижки, и появилась Гер-

миона — сияющая и взволнованная, у нее за спиной тяжело булькало таинственное варево. Три стеклянных стакана уже стояли наготове на туалетном сиденье.

— Достали? — спросила она шепотом. Гарри показал ей волосы Гойла.

— Отлично. А я утащила мантии из прачечной. — У Гермионы в руках был большой пакет. — Когда вы станете Крэббом и Гойлом, вам потребуются размеры побольше.

Все трое посмотрели в котел. Зелье походило на жирную, черную, вяло кипящую грязь.

— Уверена, что никаких ошибок нет, — сказала Гермиона, еще раз перечитывая покрытую пятнами страницу «Сильнодействующих зелий». — Выглядит оно, как описано в книге. Сами собой мы станем ровно через час после того, как его выпьем.

— А теперь что делать? — понизив голос, спросил Рон.

— Разольем по стаканам и добавим волосы.

Гермиона налила в каждый стакан по изрядной дозе не очень аппетитного пойла. Затем дрожащей рукой вытряхнула волосок из своей бутылочки в первый стакан.

Зелье громко зашипело, словно закипевший

чайник, и грязно вспенилось. Через секунду оно стало ядовито-желтым.

— Ух ты! — воскликнул Рон. — Вот она, истинная сущность Милисенты Булстроуд. Спорим, оно и на вкус такое же противное.

— Теперь вы бросайте, — приказала Гермиона.

Гарри с Роном бросили в стаканы каждый по волоску. Зелье забулькало, запенилось: Гойлово стало болотно-зеленого цвета, Крэббово — мрачного темно-коричневого. Рон с Гермионой протянули руки к стаканам, но Гарри остановил их.

— Погодите, — сказал Гарри. — Всем вместе пить здесь нельзя. Превратившись в Крэбба и Гойла, мы все тут вряд ли поместимся. Да и Милисента не фея.

— Отличная мысль, — заметил Рон, отпирая дверь. — Разойдемся по отдельным кабинкам.

Стараясь не расплескать ни капли драгоценного снадобья, Гарри проскользнул в соседнюю кабинку.

— Готовы? — спросил он.

— Готовы! — раздались в ответ голоса Рона и Гермионы.

— Раз… два… три!

Зажав нос, Гарри выпил зелье двумя большими

глотками. На вкус оно напоминало перепревшую капусту.

И немедленно его внутренности стало скручивать, как будто он только что проглотил десяток живых змей. От желудка до пальцев на руках и ногах распространялось сильное жжение. А вдруг он заболевает чем-то страшным? Гарри скрючился пополам, задыхаясь, упал на колени. Жжение становилось невыносимо. Ему показалось, что кожа у него закипела и стала плавиться, как горячий воск. И — о, чудо! — прямо на глазах руки стали расти, пальцы утолщаться, ногти расширились, а костяшки пальцев раздулись, как головки болтов. Покалывание во лбу возвестило, что волосы переползли ниже к бровям, плечи болезненно растянулись, грудь так расширилась, что мантия на нем лопнула, точно обручи на разбухшем бочонке. Ноги в ботинках мучительно сдавило: они были на четыре размера меньше.

Превращение закончилось также внезапно, как началось. Гарри лежал лицом вниз на холодном каменном полу, слыша, как Миртл что-то недовольно бурчит в дальней кабинке туалета.

Он с трудом сбросил ботинки и поднялся. Судя по всему, он превратился в Гойла. Здоровенными, хоть и дрожащими, ручищами Гарри стащил

с себя мантию, которая теперь на полметра не доставала до лодыжек, оделся в приготовленную Гермионой и зашнуровал похожие на лодки ботинки Гойла. Хотел было откинуть волосы с глаз, но рука ощутила лишь короткую жесткую щетину, сбегающую на лоб. Глаза сквозь очки видели все, как в тумане — Гойл явно в них не нуждался. И Гарри решительно их снял.

— Эй, как вы там? — вырвался из его уст низкий, скрипучий голос Гойла.

— Нормально, — справа послышалось глуховатое ворчание Крэбба.

Гарри открыл дверь и подошел к треснутому зеркалу. На него уставился Гойл — своими тупыми, глубоко сидящими глазками. Гарри почесал себе ухо. То же проделал Гойл.

Дверь кабинки Рона отворилась. Они посмотрели друг на друга. Да, если не считать бледности и несколько одурелого вида, Рон был неотличим от Крэбба — начиная со стрижки «под горшок» и кончая длинными, как у гориллы, руками.

— Это невероятно, — пробормотал Рон, подойдя к зеркалу и уткнувшись в него приплюснутым носом Крэбба. — Невероятно!

— Пойдемте скорее, — поторопил Гарри друзей, ослабляя браслет часов, который врезался в тол-

стое запястье Гойла. — Нам еще надо отыскать гостиную слизеринцев. Я на одно надеюсь: встретим по дороге кого-нибудь и за ним увяжемся…

Рон, пристально всматриваясь в Гарри, заметил:

— Ты себе не представляешь, как странно видеть думающего Гойла…

Он постучал в дверь Гермионы:

— Ты что там копаешься? Пора идти…

Ему ответил напряженный высокий голос:

— Я… Я не пойду. Ступайте одни.

— Гермиона, мы знаем, что Милисента Булстроуд уродина — никому и в голову не придет, что это ты.

— Нет… В самом деле… Думаю, что я не пойду. А вы двое поторопитесь, не теряйте время. Гарри озадаченно посмотрел на Рона.

— Вот это больше похоже на Гойла, — заметил Рон. — Именно так он выглядит, когда учитель его о чем-то спрашивает.

— Гермиона, с тобой все в порядке? — спросил Гарри через дверь.

— Все хорошо… Я в норме… Идите. Гарри взглянул на часы. Пять из драгоценных шестидесяти минут уже прошли.

— Объяснишь, когда вернемся, ладно? — ска-

зал он.

Рон и Гарри осторожно приоткрыли дверь, убедились, что путь свободен, и пошли.

— Не маши руками, — произнес Гарри вполголоса.

— Что?

— Крэбб всегда их держит, как будто они у него прилипли к телу.

— А вот так?

— Так лучше.

Спустились по мраморной лестнице, ведущей в подземные помещения. Вокруг ни души. Куда запропастились все слизеринцы? Без них в гостиную к Малфою не проникнуть.

— Что теперь делать? — тихонько спросил Гарри.

— Слизеринцы всегда идут завтракать вон оттуда. — Рон кивнул на вход в подземелье. Едва эти слова слетели с его губ, как из прохода показалась девушка с длинными вьющимися волосами. Рон поспешил к ней: — Извините, мы тут забыли дорогу в нашу гостиную…

Девушка смерила его неодобрительным взглядом:

— Прошу прощения, у нас с вами разные гостиные. Я из Когтеврана.

И убежала, с подозрением оглянувшись на них.

Делать нечего — Гарри и Рон, торопясь, двинулись по каменным ступеням вниз, в темноту. Ступая по полу, громадные сапожища Крэбба и Гойла будили особенно звучное эхо. Приятели чувствовали, что дело оборачивается сложнее, чем они рассчитывали.

Переходы подземных лабиринтов были пустынны. Мальчики уходили все глубже и глубже под школу, постоянно проверяя по часам, сколько у них осталось времени. Через четверть часа они уже стали приходить в отчаяние, как вдруг впереди им почудилось какое-то движение.

— Ха! — оживился Рон. — Вот, кажется, и один из них!

Из боковой двери появилась неясная фигура. Они поспешили подойти ближе — и сердца у них екнули. Это был вовсе не слизеринец. Это был Перси Уизли.

— А ты что здесь делаешь? — изумленно спросил Рон.

Перси первым делом напустил на себя оскорбленный вид.

— Вот уж не ваше дело, — сказал он твердо. — Крэбб, если я не ошибаюсь?

— Ну… в общем, да, — ответил Рон.

— Отправляйтесь-ка в вашу гостиную, — продолжал Перси сурово. — Небезопасно вот так попусту блуждать по темным коридорам в эти дни.

— Ты-то блуждаешь, — возразил Рон. Перси расправил плечи:

— Я — староста. Никто не осмелится на меня напасть.

Позади них внезапно отозвался эхом чей-то голос. К ним неторопливо шествовал Драко Малфой, и впервые в жизни Гарри был рад его видеть.

— Вот вы где, — сказал он, растягивая слова в своей обычной манере. — Вы что там, заснули в Большом зале? Я вас искал, хотел показать кое-что забавное.

Малфой метнул уничтожающий взгляд на Перси.

— А ты что делаешь у нас внизу, Уизли? — спросил он с усмешкой.

Перси задохнулся от возмущения.

— К старосте следует проявлять большее уважение, — заявил он. — Ваше поведение предосудительно!

Малфой вновь ухмыльнулся и жестом прика-

зал Рону и Гарри следовать за ним. Гарри уже собрался принести Перси извинение, но вовремя спохватился. Они с Роном поторопились за Малфоем, который успел ввернуть, сворачивая в очередной коридор: «Этот Питер Уизли слишком задается…»

— Перси, — машинально поправил его Рон.

— Да какая разница. Я замечал, он тут шныряет даже среди ночи. Держу пари, он возомнил, что шутя поймает наследника Слизерина. — Малфой презрительно фыркнул.

Рон и Гарри обменялись взглядами.

Малфой задержал шагу голой, в потеках влаги каменной стены.

— Какой там новый пароль? — спросил он у Гарри.

— Эээ… мммм… — промычал тот.

— Вспомнил, «чистая кровь»!

Часть стены уехала в сторону, открывая проход. Малфой уверенно шагнул внутрь, Гарри и Рон — за ним.

Общая гостиная Слизерина была низким длинным подземельем со стенами из дикого камня, с потолка на цепях свисали зеленоватые лампы. В камине, украшенном искусной резьбой, потрескивал огонь, и вокруг, в резных креслах,

виднелись темные силуэты слизеринцев.

— Ждите здесь, — распорядился Малфой, махнув рукой в сторону пары свободных кресел в отдалении от камина. — Сейчас пойду принесу — отец мне кое-что сегодня прислал.

Любопытствуя, что же такое Малфой собирается показать, друзья сели в кресла, делая вид, что чувствуют себя как дома.

Малфой появился через минуту, держа в руке газетную вырезку.

— Обхохочетесь! — сказал он и сунул ее Рону под нос.

Глаза Рона расширились от удивления. Быстро прочитав вырезку, он выжал из себя некое прдобие смеха и протянул Гарри.

Заметка из «Ежедневного проповедника» сообщала:

> «Расследование в Министерстве магии.
>
> Артур Уизли, глава Отдела по противозаконному использованию изобретений маглов, был сегодня оштрафован на пятьдесят галлеонов за магические манипуляции с магловским автомобилем.
>
> М-р Люциус Малфой, председатель попечительского совета Школы чаро-

действа и волшебства «Хогвартс», где эта заколдованная машина была ранее в этом году разбита, потребовал сегодня отставки м-ра Уизли.

— Уизли подрывает репутацию Министерства, — сказал м-р Малфой нашему корреспонденту. — Вне всяких сомнений, его нельзя допускать к составлению законов, а его смехотворный Акт о защите маглов следует незамедлительно упразднить.

М-р Уизли от комментариев отказался, а его жена пригрозила репортерам, если они не уберутся, спустить на них домашнего упыря».

— Ну как? — спросил Малфой, взяв из рук Гарри вырезку. — Умрешь со смеху!

— Ха-ха-ха, — уныло рассмеялся Гарри.

— Артур Уизли обожает маглов, готов сломать волшебную палочку и перенять у них все, что можно, — заметил Малфой с презрением. — Глядя на всех этих Уизли в жизни, не скажешь, что они чистокровные!

Физиономия Рона — точнее сказать, Крэбба — исказилась от бешенства.

— Что это с тобой, Крэбб? — раздраженно покосился на него Малфой.

— Желудок схватило, — пробурчал Рон.

— Иди в больничное крыло и побей там от моего имени грязнокровок, — фыркнул Малфой и продолжал: — Странно, что «Ежедневный проповедник» еще не накатал репортажа о нападениях в школе. Наверное, Дамблдор хочет замять эту историю. Если нападения в ближайшее время не прекратятся, его уволят, как пить дать. Отец всегда говорил: Дамблдор — худшая из напастей. Он любит грязнокровок. Правильный директор никогда бы не принял в школу таких, как Криви.

Малфой сделал вид, что фотографирует, и зло, но очень похоже изобразил Колина:

— Поттер, можно, я сделаю твое фото? Дай мне, пожалуйста, свой автограф. Можно, я вылижу твои ботинки, Поттер? — Потом взглянул на друзей и прибавил: — Да что такое сегодня с вами обоими?

Хоть и с опозданием Гарри и Рон без энтузиазма хихикнули. Но Малфой был удовлетворен, ведь Крэбб и Гойл всегда туго соображали.

— Святой Поттер, друг грязнокровок, — протянул Малфой. — Нуль без палочки, вот он кто. У него нет никакого чувства гордости. Настоящий

чародей никогда бы не стал дружить с этой зубрилой, грязнокровкой Грэйнджер. А еще говорят, что он наследник Слизерина!

Рон и Гарри слушали, затаив дыхание: Малфой вот-вот выдаст свою тайну. Но Малфой переменил тон.

— Хотел бы я знать, кто этот наследник. Я бы ему помог…

Было очевидно, что и для Малфоя это секрет. У Рона отвалилась челюсть, отчего лицо Крэбба стало еще глупее. Малфой ничего подозрительного не заметил, Гарри же мгновенно сообразил, что на это сказать.

— Но ты, наверное, прикидывал, кто за этим стоит?

— Я ничего не знаю, сколько раз повторять тебе, Гойл! — рыкнул на него Малфой. — А отец помалкивает. Комнату открывали последний раз пятьдесят лет назад, задолго до его учебы здесь. Но ему все известно. Это очень большая тайна. И он боится, если я буду много знать, то могу нечаянно проболтаться. Но одно я знаю: когда Комнату в последний раз открыли, был убит кто-то из грязнокровок Спорим, и в этот раз ухлопают, хорошо бы задаваку Грэйнджер! — кровожадно произнес он.

Рон сжал гигантские кулаки Крэбба. Если он сейчас заедет Малфою, вся их затея сорвется — и Гарри послал ему предостерегающий взгляд.

— А ты знаешь, того, кто тогда открыл Комнату, его поймали? — спросил он Малфоя.

— Да, конечно… Его исключили. Может, он до сих пор в Азкабане.

— В Азкабане? — недоуменно переспросил Гарри.

— Азкабан — это тюрьма для волшебников, дубина ты стоеросовая. Честное слово, может, ты и бывал тупее, но сегодня побил все рекорды.

Он беспокойно поерзал в кресле.

— Отец не велит мне в это впутываться. Пусть наследник делает свое дело. Всю эту нечисть давно пора гнать из школы. Но самим лучше держаться подальше. Отцу тоже сейчас несладко приходится. Вы ведь знаете, на той неделе Министерство магии устроило обыск у нас в замке.

Гарри постарался придать тупой физиономии Гойла сочувственное выражение.

— Ничего особенного не нашли. У отца есть очень ценные штуки для ритуалов черной магии. Они хранятся под полом большой гостиной.

— Здорово! — воскликнул Рон.

Малфой уставился на него, Гарри тоже. Рон по-

багровел, даже волосы налились красным, нос его медленно становился длиннее — отпущенный им час истек К Рону возвращался его истинный облик и, судя по ужасу, с каким он взглянул на Гарри, с тем происходило то же самое.

Одним махом оба вскочили на ноги.

— Скорее за лекарством для желудка! — крикнул Рон, и друзья, не мешкая, помчались прочь из чужой гостиной, надеясь, что Малфой не успел ничего заметить.

Гарри чувствовал, что уменьшился в росте: ноги болтались в огромных ботинках, полы мантии пришлось подхватить. Громко топая, они взлетели по лестнице в темный холл, по которому гулко разносились удары из чулана, где томились взаперти Крэбб с Гойлом. Бросив их башмаки перед дверью чулана, друзья в одних носках побежали по мраморной лестнице к туалету Плаксы Миртл.

— В общем-то, мы не напрасно потратили время, — задыхаясь, выпалил Рон, едва за ними закрылась дверь. — Мы не разузнали, кто устраивает нападения, но я завтра же напишу папе, пусть проверят, что Малфои прячут под полом в большой гостиной.

Гарри внимательно рассматривал свое лицо в

треснутом зеркале. Все снова стало прежним. Облегченно вздохнув, он надел очки, а Рон постучал в дверцу кабинки Гермионы.

— Гермиона, выходи скорее, мы тебе столько всего расскажем.

— Уйдите, пожалуйста! — крикнула из-за двери Гермиона.

Гарри с Роном переглянулись.

— В чем дело? — спросил Рон. — Ты ведь уже вернулась в норму? У нас с Гарри все в порядке, как надо.

Неожиданно сквозь дверь кабины появилась Плакса Миртл. Никогда еще Гарри не видел ее такой счастливой.

— У-ух! Что вы сейчас увидите! — ее круглое прозрачное лицо сияло восторгом. — Невозможный кошмар!

Щелкнула задвижка, и перед ними, рыдая, предстала Гермиона с натянутой на лицо мантией.

— Что случилось, Гермиона? — встревоженно спросил Рон. — Может, у тебя остался уродливый нос Милисенты?

Гермиона сдернула мантию, и Рон, попятившись, задом врезался в раковину.

Все лицо у нее покрывала черная шерсть. Глаза

горели желтым огнем, а голову украшали бархатистые заостренные ушки.

— Это был кошачий волос! У Милисенты Булстроуд, должно быть, есть дома кошка! А зелье животных обратно в человека не превращает!

— Да-а… — только и вымолвил Рон.

— Тебе придумают гадкое прозвище, — радовалась Миртл.

— Не расстраивайся, Гермиона, — поспешно вмешался Гарри. — Сейчас же идем в больничное крыло. Мадам Помфри никогда не задает лишних вопросов…

Друзья долго уговаривали Гермиону покинуть туалет. Гермиона наконец согласилась, деваться-то некуда. Плакса Миртл проводила их в путь заливистым смехом:

— Подожди, они еще узнают, что у тебя сзади хвост!

Плакса Миртл была на седьмом небе от счастья.

Глава 13

ВОЛШЕБНЫЙ ДНЕВНИК

В больничном крыле Гермиона провела несколько недель. Рождественские каникулы подошли к концу, все вернулись в школу, и исчезновение Гермионы породило целую волну слухов. Кое-кто был уверен, что и она подверглась нападению. От желающих навестить ее не было отбоя, и мадам Помфри пришлось поставить вокруг ее кровати ширму, ведь у Гермионы все еще вместо лица была кошачья морда. Появиться перед всеми в таком виде! Девочка этого бы не перенесла.

Рон и Гарри навещали ее каждый вечер. А когда начался семестр, они приносили ей все домашние задания.

— Если бы у меня выросла борода или там львиная грива, я бы устроил себе еще одни каникулы, — заявил Рон как-то вечером, сваливал кипу книг на столик возле кровати Гермионы.

— Не говори глупостей, Рон. Ты бы отстал от класса, — живо отвечала Гермиона. С лица у нее исчезли черные волосы, глаза снова становились

карие, и настроение ее заметно улучшилось. — У вас нет ничего нового? — добавила она шепотом, чтобы не услышала мадам Помфри.

— Ничего, — уныло ответил Гарри.

— Я был так уверен, что это Малфой, — в сотый раз посетовал Рон.

— А это что у тебя? — спросил Гарри, увидев обрамленную золотой каймой карточку, торчащую из-под подушки.

— Просто поздравительная открытка, — поспешно ответила Гермиона, пытаясь затолкать ее подальше, но Рон оказался проворнее.

Он извлек открытку из-под подушки, раскрыл и прочел вслух:

— «Мисс Грэйнджер с пожеланиями скорейшего выздоровления от преисполненного сочувствия профессора Златопуста Локонса, Кавалера ордена Мерлина третьей степени, почетного члена Лиги защиты от темных сил и пятикратного победителя конкурса журнала «Магический еженедельник» на самую обворожительную улыбку». — Рон укоризненно посмотрел на Гермиону. — И ты хранишь это под подушкой?

От неприятного разговора Гермиону избавила мадам Помфри, явившаяся с вечерней порцией лекарств.

— Не пойму Локоне самый умный, что ли? — сказал Рон по дороге в фиффиндорскую башню.

Пора было сесть за уроки. Снегг столько им задал — дай бог выполнить к шестому курсу. Рон заметил вслух, что надо было спросить у Гермионы, сколько крысиных хвостов добавляют в Дыбоволосое зелье. Вдруг с третьего этажа долетел гневный вопль.

— Это Филч, — узнал голос Гарри.

Друзья бросились вверх по лестнице, напряженно прислушиваясь.

— Думаешь, еще на кого-то напали? — испуганно спросил Рон, остановившись на полдороге.

А Филч продолжал бушевать:

— ...опять для меня работа! Убираться здесь всю ночь! Как будто других дел нет! Ну уж дудки, всему есть предел. Немедленно иду к Дамблдору!

Шаги его затихли, и было слышно, как где-то вдалеке хлопнула дверь.

Друзья завернули за угол. Филч, похоже, только что покинул свой наблюдательный пост. Они опять стояли на том месте, где кто-то напал на Миссис Норрис. Друзья сразу поняли, почему так разошелся бедняга сквиб: в коридоре стоял настоящий потоп, и вода, кажется, все прибывала. Текло из-под двери туалета Плаксы Миртл. Вопли

Филча стихли, их сменили стенания Миртл, эхом отражавшиеся от каменных стен.

— А с ней-то что? — вздохнул Рон.

— Пойдем посмотрим, — предложил Гарри.

Приподняв полы мантий выше щиколоток, друзья перебрались по воде к двери с табличкой «Туалет не работает» и, как обычно, не обратив на нее внимания, вошли.

Плакса Миртл рыдала громко, надрывно, как никогда. В туалете царила тьма, свечи смыло потоками воды, заливающей стены и пол.

— В чем дело, Миртл?

— Кто там? — отозвалась несчастная Миртл. — Пришли швырнуть в меня чем-нибудь еще? Гарри дошел вброд до ее кабинки.

— Это почему я должен в тебя чем-то швырять? — спросил он.

— Откуда я знаю! — заголосила Миртл, появляясь из сливного бачка с очередной волной, обрушившейся на пол. — Я тут сижу, занимаюсь своими делами, никому не мешаю. И вдруг в меня начинают швыряться книгами!

— Но с тобой же ничего не случится, — резонно возразил Гарри. — Книга просто пролетит сквозь тебя, и все.

Сказав эти слова, Гарри тут же раскаялся. Миртл

взмыла вверх и истошно завопила:

— Значит, надо швыряться в бедную Миртл? Она все равно ничего не чувствует! Десять баллов тому, кто попадет ей в живот! Пятьдесят — кто угодит в голову! Чудесная игра! Но мне она что-то не по нутру!

— А кто все-таки в тебя швырялся? — спросил Гарри.

— Понятия не имею. Я здесь расположилась в колене сифона, предаюсь мыслям о смерти, а эта штука пронзает мою макушку. — Миртл свирепо посмотрела на друзей. — Вон она, под раковиной, ее туда смыло.

Рон и Гарри нагнулись и увидели небольшую, тонкую книжку. Она была в потрепанной черной обложке и мокрая насквозь, как все в туалете. Гарри хотел было поднять ее, но Рон схватил его за руку.

— Ты что, спятил? Это опасно.

— Опасно? — удивился Гарри. — Что тут опасного?

— Ты еще спрашиваешь. — Рон боязливо поглядывал на находку. — Папа говорит, есть даже книги, которые Министерство конфискует.

Одна, например, выжигала людям глаза. Были еще «Сонеты колдуна», прочитаешь их и будешь

до смерти говорить в рифму. А у одной старой ведьмы в Бате нашли знаешь какую книгу — откроешь ее, да так и будешь всю жизнь читать. Ходишь — читаешь, ешь — читаешь. И все приходится делать одной рукой, в другой-то книга.

— Надо же, — рассеянно кивнул Гарри.

Книжка лежала на полу, намокшая, неразгаданная, манящая. Гарри обошел Рона.

— У меня предчувствие: заглянем в нее, и разгадаем все тайны. — С этими словами он нагнулся и поднял книжку.

Гарри сразу понял, что это дневник, по выцветшей дате на переплете полувековой давности. Открыл его дрожащими руками. На первой странице еще можно разобрать имя — Т. Н. Редцл, написанное расплывшимися чернилами.

— Стой-ка. — Рон с опаской подошел сзади и заглянул через плечо Гарри. — Мне это имя знакомо… Пятьдесят лет назад Т. Н. Редцл получил награду за особые заслуги перед школой.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда, что Филч заставил меня целый час полировать его памятную табличку. Ну, когда из меня полезли слизняки. Ты бы стирал столько времени слизь с чьей-нибудь фамилии, тоже бы небось запомнил.

Гарри тем временем разлеплял набухшие от воды страницы. Они были совершенно чистые. Нигде ни одного слова, ни одной самой обычной записи, вроде «День рождения тетушки Мэйбл» или «Зубной в 15.30».

— Он в нем никогда ничего не писал, — сказал Гарри разочарованно.

— Но почему его кто-то выкинул? — почесал в затылке Рон.

Гарри перевернул черную обложку и увидел на внутренней стороне адрес магазина на Воксхолл-Роуд в Лондоне.

— А владелец дневника, наверное, был маглом, — подумав, заметил Гарри. — Иначе он не смог бы его там купить.

— Нам это ничего не дает. — Рон пожал плечами и, понизив голос, прибавил: — Попадешь в нос Плаксе Миртл, запишем тебе пятьдесят баллов.

Гарри все же спрятал дневник в карман.

Гермиона покинула больничное крыло в начале февраля — без усов, без черной шерсти и без хвоста. В первый же вечер возвращения в Гриффиндор Гарри показал ей дневник и рассказал, как он был найден.

— А ведь в нем, возможно, скрыто что-то очень важное, — сказала Гермиона, внимательно рас-

сматривая дневник.

— Если и скрыто, то очень надежно. И наверное, такое, чего стоит стесняться, — хмыкнул Рон. — Объясни, Гарри, почему ты его не выбросил?

— А я хотел бы знать, почему его кто-то выбросил, — сказал Гарри, — и за какие такие особые заслуги Реддл получил награду.

— Да за что угодно. — Рон поднял глаза к потолку. — Может, набрал тридцать С.О.В. или спас профессора от гигантского спрута… Или убил Миртл, а это кому угодно принесет славу…

По сосредоточенному взгляду Гермионы Гарри понял, что она думает о том же, о чем и он.

— Ты до чего-нибудь додумалась? — полюбопытствовал Рон.

Но ответил ему Гарри:

— Значит, Тайная комната была открыта пятьдесят лет назад, верно? Это сказал Малфой.

— Ну… — протянул Рон.

— И этому дневнику пятьдесят лет. — Гермиона, волнуясь, постучала по черному переплету.

— И что?

— Ох, Рон, да очнись же ты! — с жаром выкрикнула Гермиона. — Еще мы знаем, что открывшего Комнату в прошлый раз исключили из школы пятьдесят лет назад. И Т. Н. Реддл получил награ-

ду за особые заслуги полвека назад. А что, если он получил награду за то, что поймал наследника Слизерина? Можно допустить, что в этом дневнике содержится все: где находится Комната, как ее открыть и что за создание там живет. А тот, кто сейчас устраивает нападения, уж точно не хочет, чтобы это было всем известно, согласны?

— Блестящая теория, Гермиона, — кивнул Рон, — с одним маленьким «но»: в дневнике вообще ничего не написано.

Но Гермиона уже доставала из сумки волшебную палочку.

— Существуют невидимые чернила, — прошептала она и, трижды коснувшись палочкой дневника, произнесла: — Апарекиум!

Ничего не произошло. Но обескураженная неудачей Гермиона снова полезла в сумку и вытащила что-то вроде ластика ярко-красного цвета.

— Это Обнаружитель, — пояснила она. — Я купила его в Косом переулке.

Гермиона с силой потерла «Первое января». Дневник не поддавался.

— Говорю вам, тут нечего искать, — сказал Рон. — Реддл получил дневник в подарок на Рождество и просто поленился делать в нем записи.

* * *

Гарри самому себе не мог толком объяснить, почему он не выбросил дневник Реддла. Даже если бы он знал, что дневник пуст, он все равно поднял бы его тогда и перелистал страницы. Дневник принадлежал прошлому, возможно, с ним связана давняя история, которую ему хотелось разгадать. И хотя Гарри твердо знал, что никогда в жизни не слыхал имени Т. Н. Реддл, ему все время казалось, будто оно что-то значит для него, будто этот Реддл был старинным полузабытым другом детства… Но это абсурд, до Хогвартса у него, благодаря усилиям Дадли, никогда не было друзей.

Дневник дневником, а пока Гарри решил как можно больше разузнать о Т. Н. Реддле. На следующий день он отправился в обеденный перерыв в Зал почета разведать, нет ли там каких-нибудь подробностей о награде Реддла. Вместе с ним пошли иронически настроенный Рон и уверенная в своей правоте Гермиона. Рон шел просто так, за компанию, заявив друзьям, что Залом почета он сыт по горло.

Сверкающая золотом табличка с именем Реддла помещалась в угловом шкафу. На ней ничего

не было сказано, за что Реддл был так отмечен.

— Это хорошо, а то б она была раз в десять больше и я бы полировал ее до сих пор, — пошутил Рон.

Однако друзьям удалось найти имя Реддла на старой медали «За магические заслуги» и в списке старост школы за последние сто лет.

— Он похож на Перси. — Рон недовольно сморщил нос. — Староста факультета. Староста школы… наверняка еще и учился лучше всех по всем предметам.

— Ты говоришь так, словно это плохо, — слегка обиделась Гермиона.

* * *

В Хогвартсе опять стали радоваться солнцу. Нападений больше не было, настроение у всех поднималось, оживала в сердце надежда, что сгустившиеся было тучи пройдут стороной. Мадам Помфри радостно докладывала, что мандрагоры становятся нервными и замкнутыми, а это значит, что они вступают в переходный возраст.

— Вот юношеские прыщи сойдут, и мы снова их пересадим, — случайно услышал Гарри, как она добродушно делилась новостями с Филчем. — А после этого нарежем и приготовим настойку.

Так что в скором времени Миссис Норрис будет опять с вами…

Возможно, наследник Слизерина, кто бы он ни был, растерял решимость, думалось Гарри. Должно быть, становится все рискованней открывать Тайную комнату, ведь вся школа настороже. Да и чудище, наверное, решило погрузиться в спячку на ближайшие пятьдесят лет…

Только Эрни МакМиллан из Пуффендуя не разделял общего благодушия. Он по-прежнему был убежден, что Гарри виновен, он же сам себя выдал на открытии Дуэльного клуба. А тут еще Пивз — вылетит в людный коридор и горланит самодельные куплеты.

Гарри Поттер, ты злодей,
Убивец духов и людей!

Златопуст Локоне, похоже, считал прекращение нападений своей личной заслугой. Гарри как-то подслушал его разглагольствования о собственных доблестях. МакГонагалл вела гриффиндорцев на урок трансфигурации, Локоне шел рядом.

— Думаю, Минерва, что жертв больше не будет, — говорил Локоне, подмигивая и постукивая себя пальцем по носу. — Полагаю, Комната на

этот раз закрыта окончательно. Преступник осознал, что я изобличу его, это лишь дело времени. С его стороны весьма разумно именно сейчас прекратить злодеяния, пока я не взялся за него основательно. Да, между прочим, вы ведь тоже понимаете, школе нужен сейчас какой-то праздник, который поднял бы моральный дух. Долой воспоминания о бедах прошлого семестра! Сейчас я не могу сказать больше, прибавлю только, что знаю, какой дорогой нужно идти…

Он еще раз изящно постучал себя по носу и зашагал прочь.

Представление Локонса о празднике воплотилось в жизнь в Валентинов день, четырнадцатого февраля. Тренировка накануне затянулась до глубокой ночи, и Гарри прибежал в Большой зал, немного опоздав на завтрак. В первую минуту ему показалось, что он ошибся дверью.

Стены зала были сплошь увиты пышными, ядовито-розовыми цветами, с бледно-голубого потолка сыпались конфетти в форме сердечек. Гарри подошел к своему столу — Рон сидел с таким видом, как будто его вот-вот стошнит, что до Гермионы, она то и дело хихикала.

— Что тут происходит? — спросил Гарри, сел за стол и начал сковыривать с жареного бекона

сердечки.

Рон молча указал на преподавательский стол — не мог говорить из-за переполнявшего его отвращения. Локоне, в омерзительной розовой мантии в тон цветам, жестом требовал тишины. Преподаватели по обе стороны от него сидели с каменными лицами. Гарри со своего места видел, как дергается щека у профессора МакГонагалл. Снегг выглядел так, словно его только что заставили выпить полный стакан «Костероста».

— С Днем святого Валентина! — возгласил Локоне. — Для начала позвольте поблагодарить всех — а их сорок шесть человек, — кто прислал мне к этому дню поздравительные открытки! Я взял на себя смелость устроить для вас этот маленький сюрприз. Но это еще не все!

Локоне хлопнул в ладони, и в зал вошла процессия мрачного вида гномов. Правда, это были не обычные гномы: у каждого в руке была арфа, а за спиной — золотые крылышки.

— Представляю вам моих любезных купидончиков, валентинских письмоносцев! — лучезарно улыбался Локоне. — Сегодня они будут ходить по школе и разносить валентинки. Веселье только начинается! Я уверен, и мои коллеги захотят внести лепту в наш праздник! Давайте попросим

профессора Снегга, пусть он покажет нам, как сварить Любовный напиток! А профессор Флитвик в этот праздник пламенеющих сердец мог бы рассказать кое-что о Приворотных средствах. Он знает о них, старый проказник, больше любого чародея!

Профессор Флитвик спрятал лицо в ладонях. Взгляд Снегга говорил, что он силой вольет стакан яда в глотку первого, кто обратится к нему за Любовным напитком.

— Гермиона, скажи, ведь тебя нет среди этих сорока шести? — взмолился Рон по дороге на первый урок Но Гермиона вдруг увлеклась поисками расписания в своем портфеле и ничего не ответила.

На протяжении всего дня гномы с валентинками бесцеремонно сновали из класса в класс, к вящему раздражению преподавателей. После обеда у дверей кабинета заклинаний один из них, особенно уродливый, поймал Гарри.

— Эй, ты, Гайи Поттей! — проскрипел он, расталкивая учеников.

Гарри бросило в жар. Еще этого не хватало, получить валентинку в присутствии мелюзги, среди которой была и Джинни. Он попытался улизнуть — не тут-то было. Гном метнулся ему

наперерез, колотя по ногам кого ни попадя, настиг его и крепко схватил за сумку.

— Тебе музыкальное послание, Гайи Поттей, самолично, — объявил гном, неумолимо забренчав арфой.

— Только не здесь! — вырвался Гарри.

— Стой смийно! — хрюкнул гном, дернув его к себе.

— Отпусти меня! — разозлился Гарри, рванул сумку, раздался хлопок, похожий на выстрел, сумка лопнула, из нее посыпались книги, волшебная палочка, перо и пергамент, последним упал пузырек с чернилами и, конечно, разбился.

Гарри бросился подбирать рассыпанные вещи. Скорее, пока гном не начал петь!

— Что здесь происходит? — насмешливо проговорил Малфой, манерно растягивая слова.

Гарри стал лихорадочно заталкивать вещи в разодранную сумку. Только бы Малфой не услышал невесть откуда свалившуюся на него валентинку.

— Из-за чего шум? — раздался еще один знакомый голос — это подоспел Перси Уизли.

Еще напасть! И Гарри решил бросить все и дать деру, но гном обхватил руками его колени и повалил на пол.

— Ну вот, — сказал он, усевшись ему на лодыжки. — Теперь слушай:

Его глаза хоть видят слабо,

Но зеленей, чем чаодея жаба,

А волосы его чейней тоски,

Чейнее классной гьифельной доски.

О, Божество, хочу, чтоб сейдце мне отдал,

Геой, что с Темным Лойдом совладал!

Гарри был готов отдать все золото «Гринготтса», лишь бы провалиться сквозь землю. Самое лучшее теперь — посмеяться вместе со всеми. Пытаясь улыбаться, он поднялся на ноги, которые совсем онемели под тяжестью гнома. Некоторые первокурсники рыдали от смеха, а Перси пытался навести порядок.

— Расходитесь, расходитесь, звонок был пять минут назад, — говорил он, подталкивая к дверям класса самых юных учеников. — К тебе это тоже относится, Малфой!

Оглянувшись, Гарри увидел, что Малфой наклонился, что-то поднял и с ухмылкой продемонстрировал трофей своим верным спутникам Крэббу и Гойлу. Это был дневник Реддла.

— Отдай, — тихо сказал Гарри.

— Интересно, что Поттер пишет в этом дневнике? — издевался Малфой. Он явно не заметил дату на обложке и решил, что к нему в руки попал дневник самого Гарри.

Наступила тишина. Джинни смотрела то на дневник, то на Гарри, и вид у нее был самый несчастный.

— Отдай, Малфой, — строго приказал Перси.

— Сначала перелистаем… — ядовито пропел Малфой, помахав дневником перед носом у Гарри.

Перси завел свое: «Как староста факультета…» — но Гарри уже не помнил себя. Схватил волшебную палочку и произнес: «Экспеллиармус!» Снегг тогда в клубе показал дуэлянтам, как обезоружить противника, и черный дневник пулей вылетел из рук Малфоя. Рон, весело ухмыльнувшись, ловко поймал его.

— Барри! — громогласно возмутился Перси. — Ты же знаешь, никакой магии в коридорах! Мне придется об этом доложить!

Но Гарри было все равно — он отделался от Малфоя, и это стоило пяти баллов, которые сейчас потерял Гриффиндор. Малфой был взбешен. Увидев Джинни, торопящуюся на урок, он злорадно

крикнул ей вслед:

— Не думаю, что Поттеру понравилось твое послание!

Джинни, заплакав, вбежала в класс. Разъяренный Рон схватился за волшебную палочку, но Гарри удержал его. Вряд ли Рону улыбалось отрывать слизняков весь урок заклинаний.

И только на уроке профессора Флитвика Гарри обнаружил одну странную особенность дневника. Все книги были залиты красными чернилами, а дневник первозданно чист, точно чернила его и не коснулись. Гарри хотел показать его Рону, но у того опять разладилась волшебная палочка — из одного конца лезли какие-то фиолетовые пузыри, и Рона сейчас больше ничего не интересовало.

...В тот вечер Гарри отправился спать раньше всех, отчасти потому, что не было желания лишний раз выслушивать музыкальную валентинку в исполнении Фреда и Джорджа, но главным образом потому, что ему очень хотелось проделать опыт с дневником Реддла, хотя Рон считал, что это пустая трата времени.

Гарри сел на постель и перелистал чистые страницы — нигде не было и следа красных чернил. Тогда он взял из прикроватного шкафчика новый пузырек чернил, обмакнул в него перо и посадил

кляксу на первую страницу.

Секунду чернила ярко выделялись на белом листе, и тут же, будто всосавшись в бумагу, исчезли. Гарри, не на шутку взволнованный, окунул перо еще раз и написал: «Меня зовут Гарри Поттер».

Слова на мгновение отчетливо проступили и опять бесследно пропали. И тут наконец-то что-то произошло.

Его собственные чернила как бы вытекли из бумаги, образовав фразу, которую Гарри никогда не писал:

«Привет, Гарри Поттер. Меня зовут Том Реддл. Как к тебе попал мой дневник?»

Эта надпись тоже сгинула, но не раньше, чем Гарри начал поспешно писать ответ:

«кто-то выбросил его в унитаз».

Новое сообщение Реддла не заставило себя ждать.

«Хорошо, что я записал воспоминания не чернилами, а более надежным, способом. Я ведь знал, что есть люди, которые не хотят, чтобы мои записи были прочитаны».

«Что это значит?» — Гарри был в таком возбуждении, что перо спотыкалось и сажало кляксы.

«Этот дневник хранит записи об ужасных событиях, окутанных покровом тайны. Они про-

изойти много лет назад в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс»».

«Я как раз здесь и нахожусь, — быстро писал Гарри. — В Хогвартсе опять творятся ужасные вещи. Тебе что-нибудь известно про Тайную комнату?»

Сердце у него громко стучало. Реддл не замедлил ответить, почерк у него стал беспорядочным, словно собеседник торопился высказать свои мысли.

«Разумеется, известно. В мое время нам говорили, что это легенда, что ее нет, но это была ложь. На пятом году моего обучения Комнату открыли, монстр вырвался на свободу, напал на студентов и убил одного. Я поймал человека, открывшего Комнату, и его исключили. Директор школы, профессор Диппет, очень стыдился, что подобное могло произойти в Хогвартсе, и запретил мне говорить об этом правду. Дело представили так, будто девушка погибла из-за несчастного случая. А меня наградили красивой доской с гравировкой и велели впредь держать язык за зубами. Но я-то знаю, это может опять повториться — ведь монстр еще жив, а тот, кто способен освободить его, по-прежнему на свободе».

Гарри чуть не опрокинул пузырек с чернилами,

так спешил написать ответ.

«Это опять происходит. Было три нападения, и неизвестно, кто главный виновник. А кто это был в прошлый раз?»

«Я могу тебе его показать, если хочешь, — откликнулся Реддл. — Одних моих слов недостаточно. Но я мог бы ввести тебя в свою память на ту ночь, когда я его поймал».

Гарри терзали сомнения. Перо замерло над дневником. Что значат слова Редцла? Как можно попасть к кому-то в память? Он бросил тревожный взгляд на дверь спальни. В комнате сгущался мрак Он снова обратил взор на дневник Там стояли слова:

«Позволь же ввести тебя в мою память».

Гарри помедлил еще долю секунды и написал всего две буквы:

«ОК»

Страницы дневника замелькали, словно подхваченные сильным ветром, и остановились на середине июня. Открыв рот, Гарри наблюдал, как страничка тринадцатого июня превратилась в крохотный телевизионный экран. Дрожащими руками он поднес дневник поближе к глазам, миниатюрное окно внезапно расширилось, его туда потянуло, Гарри почувствовал, как тело ото-

рвалось от кровати, и он головой вперед вылетел сквозь открытую страницу в водоворот красок и теней.

Ноги стукнулись о твердую почву; тряхануло, но он устоял, и размытые очертания окружающего стали отчетливы.

Гарри сразу понял, где он находится. Круглая комната с дремлющими на стенах портретами — кабинет Дамблдора. Но за знакомым столом сидит не Дамблдор. Высохший, болезненного вида волшебник, лысый, если не считать нескольких клочков седых волос, читает письмо, освещенное пламенем свечи. Гарри никогда раньше этого человека не видел.

— Прошу прощения, — произнес Гарри неуверенно. — Я не хотел так врываться…

Но волшебник даже не поднял глаз. Он продолжал читать, хмуря брови. Гарри подошел поближе к столу и, запинаясь, спросил:

— Гм… Я, наверное, пойду?

Волшебник по-прежнему не замечал его. Кажется, он ничего и не слышал. Решив, что тот глуховат, Гарри повысил голос:

— Простите за беспокойство, я ухожу!

Волшебник со вздохом сложил письмо, поднялся, прошел мимо Гарри и принялся задергивать

шторы на окне.

Небо за окном было рубиново-красным — видимо, день уже клонился к закату. Волшебник вернулся к столу, сел и, соединив кончики пальцев, стал большими крутить, глядя на дверь.

Гарри осмотрелся. Феникса нет, как нет и жужжащих серебряных штуковин. Это был Хогвартс, каким его знал Реддл, и, значит, директором был этот неизвестный волшебник, а сам Гарри — не более чем фантом, невидимый для людей, живших пятьдесят лет назад.

В дверь постучали.

— Войдите, — произнес старик слабым голосом.

Снимая островерхую шляпу, вошел мальчик лет шестнадцати. На его груди сверкнул серебряный значок старосты. Он был значительно выше Гарри, но волосы у него были такие же черные и блестящие.

— А, Реддл, — сказал директор.

— Вы хотели меня видеть, профессор Диппет? — Реддл явно нервничал.

— Садись, — предложил Диппет. — Я только что прочитал твое письмо.

Реддл со вздохом сел и крепко сжал руки.

— Мой дорогой мальчик, — с мягкостью в голосе

заговорил Диппет, — я просто не могу разрешить тебе остаться на лето в школе. Ведь, наверное, тебе хочется побывать дома на каникулах?

— Нет, — сразу же ответил Реддл. — Я предпочел бы остаться в Хогвартсе, чем возвращаться к этим… к этим…

— Ты всегда жил на каникулах в магловском приюте для сирот, я полагаю? — В голосе Диппета звучал искренний интерес.

— Да, сэр. — Реддл слегка покраснел.

— Ты урожденный магл?

— Полукровка, сэр. Отец магл, мать колдунья.

— Что с твоими родителями?

— Моя мать умерла сразу после моего рождения, сэр. В приюте мне говорили, что она только успела дать мне имя — Том в честь отца, Нарволо в честь деда.

Диппет сочувственно вздохнул.

— Принимая во внимание особые обстоятельства, можно было бы пойти тебе навстречу, но в школе сейчас такая ситуация…

— Вы имеете в виду нападения, сэр? — спросил Реддл, и у Гарри сильно забилось сердце — он придвинулся ближе, боясь что-то пропустить.

— Именно, — ответил директор. — Мой милый мальчик, ты должен понять, сколь неразумно

было бы позволить тебе остаться в замке после окончания семестра — особенно в свете последней трагедии… смерти этой несчастной девочки… Тебе будет гораздо безопаснее далеко отсюда, в твоем приюте. В Министерстве магии идет разговор о закрытии школы. Ведь мы пока, увы, ни на йоту не приблизились к установлению… причины этих неприятностей…

Глаза у Реддла расширились.

— Сэр… Но если этот человек будет схвачен… Если все это прекратится…

— Что ты хочешь сказать? — Голос у Диппета сорвался на фальцет, директор подскочил в кресле. — Реддл, тебе что-то известно об этих нападениях?

— Нет, сэр, — поспешно отозвался Реддл.

Но Гарри было ясно: это «нет» точно того же свойства, что и «нет», сказанное им самим Дамблдору.

Диппет, слегка растерянный, упал обратно в кресло:

— Можешь идти, Том…

Реддл соскользнул с высокого стула и вышел из комнаты. Гарри последовал за ним. Они спустились по винтовой лестнице и вышли в полутемный коридор к гаргулье. Реддл остано-

вился — было видно, что он о чем-то напряженно размышляет: он покусывал губу, на лбу залегла морщина.

Потом, словно придя к какому-то решению, Реддл бросился прочь. Гарри неслышно помчался вслед. По дороге им не встретилось ни одной живой души, и только в холле рослый волшебник с громадной копной рыжеватых волос и такой же бородой окликнул Реддла с мраморной лестницы:

— Том, что это ты блуждаешь в такую поздноту?

Гарри изумленно уставился на него. Перед ним стоял не кто иной, как Дамблдор, только на пятьдесят лет моложе.

— Я был у директора, сэр, — сказал Реддл.

— Ладно, иди скорее спать. — Дамблдор кинул на него тот самый пронизывающий взгляд, который был так хорошо знаком Гарри. — Лучше сейчас не гулять по коридорам — с тех пор, как…

Он тяжело вздохнул, пожелал Реддлу спокойной ночи и пошел дальше. Том дождался, пока тот скрылся из виду, и со всей быстротой поспешил вниз, по каменным ступеням в подземные помещения. Гарри следовал за ним по пятам.

Но, увы! Реддл повел его отнюдь не в хитроумно

замаскированный проход или секретный тоннель, а в тот кабинет, где Снегг учил их варить зелья. Факелы не горели, Том прикрыл дверь, оставив узкую щелку, и Гарри видел только его одного, неподвижно приникшего к двери и наблюдающего за коридором.

Гарри показалось, что они стояли так чуть ли не час. Том Реддл всматривался в узкую щель, обратившись в каменное изваяние. И как раз тогда, когда Гарри совсем отчаялся и уже хотел поискать возможности возвратиться в настоящее, с той стороны двери послышались чьи-то шаги.

Гарри отчетливо уловил, как человек миновал дверь, за которой они стояли. Реддл беззвучно, как тень, выскользнул в коридор и двинулся следом; Гарри на цыпочках — за ним, забыв о том, что уж его-то никак нельзя услышать.

Минут пять они крались за таинственными шагами — пока Реддл вдруг не замер на месте и не повернул голову в направлении каких-то новых звуков. Совсем рядом, где-то за углом, раздался скрип отворяемой двери, и кто-то заговорил хриплым шепотом:

— Ну иди… Давай… Иди сюда, ко мне… Вот так… Теперь в коробку…

Голос было явно знакомый.

Реддл неожиданно вышел из-за угла. Гарри тоже сделал два-три шага и остановился сзади. Ему стал виден силуэт здоровенного парня, присевшего напротив открытой двери, у которой находился громадный ящик.

— Добрый вечер, Рубеус, — громко произнес Реддл.

Великан захлопнул дверь и выпрямился.

— Что ты делаешь здесь, внизу, Том? Реддл подступил ближе:

— Все кончено, Рубеус. Я все о тебе расскажу. Ведь если нападения не прекратятся, школу закроют.

— Ты это что…

— Я думаю, ты никого не замышлял убить. Но из чудовища мирного домашнего зверька не сделаешь. Ты выпустил его просто для разминки, чтобы он немного побыл на свободе…

— Он никогда никого не убивал! — закричал высокий парень, придавив спиной закрытую дверь. Из-за нее доносилось странное шуршание и пощелкивание.

— Слушай, Рубеус. — Реддл подошел ближе. — Завтра приедут родители погибшей девочки. Самое меньшее, что Хогвартс может сделать для них, — убедить, что тварь, убившая их дочь,

уничтожена…

— Это не он убил! — загремел парень. Его голос громким эхом прокатился по темному коридору. — Он… нет, он никогда… он не может!

— Отойди в сторону, — приказал Реддл, вытаскивая волшебную палочку.

Заклинание осветило подземелье яркой вспышкой огня. Дверь за спиной верзилы распахнулась с такой силой, что его отбросило к противоположной стене. И глазам Гарри предстало чудовище, при виде которого Гарри вскрикнул, но, к счастью, беззвучно.

Огромное, приземистое, мохнатое тело, неразбериха бесчисленных черных ног, мерцание множества глаз и пара острых как бритвы жвал — не то скорпион, не то паук огромных размеров. Реддл снова поднял волшебную палочку, но опоздал. Спасаясь бегством, чудище перекатилось через него, пронеслось по коридору и пропало из глаз. Реддл с трудом поднялся на ноги, глядя ему вслед, опять взялся за палочку, но великан прыгнул на него, вырвал палочку и, швырнув Реддла на пол, дико заорал: «Не-е-е-т!»

Происходящее закружилось в глазах Гарри, и сейчас же упала тьма, Гарри куда-то провалился и плашмя шлепнулся к себе на постель в спальне

гриффиндорской башни. Открытый дневник Реддла как ни в чем не бывало покоился у него на животе.

Не успел Гарри отдышаться, дверь спальни отворилась и вошел Рон.

— Вот ты где, — сказал он. Гарри сидел на кровати. Он был весь в поту, и его била крупная дрожь.

Рон встревоженно подошел к нему:

— Что с тобой?

— Это был Хагрид, Рон. Хагрид открыл Тайную комнату пятьдесят лет назад.

Глава 14

КОРНЕЛИУС ФАДЖ

Рон, Гарри и Гермиона давно знали, что Хагрид питает несчастное пристрастие к чудовищным, уродливым созданиям. В первый год их жизни в Хогвартсе он пытался вырастить дракона в своей маленькой лесной хижине, а уж его громадного трехглавого пса, которого он нежно окрестил Пушок, они точно не скоро забудут. И Гарри был уверен: если еще мальчишкой Хагрид услыхал легенду о чудовище, скрывающемся в замке, то бесстрашно полез бы куда угодно, лишь бы взглянуть на него хоть краешком глаза. А дальше… Возможно, ему стало совестно держать зверя в клетке, и он решил выпустить его, дать возможность поразмять бесчисленные ноги… Гарри даже вообразил себе, как тринадцатилетний Хагрид надевает на него ошейник с поводком. Но точно так же ему было ясно — Хагрид никогда, ни при каких обстоятельствах не мог бы никого убить.

Гарри уже почти жалел, что проник в тайну дневника. Рон с Гермионой снова и снова требовали от него всех подробностей путешествия по

закоулкам памяти Реддла — Гарри тошнило от бесконечных пересказов и разговоров, которые за ними следовали.

— Реддл мог поймать не того человека, — утверждала Гермиона. — Возможно, был какой-то другой монстр, нападавший на людей.

— Да сколько же тут, по-твоему, этих монстров? — хмуро спрашивал Рон.

— Мы знаем, что Хагрида когда-то давно исключили из школы, — печально признавал Гарри. — И нападения после этого прекратились, иначе Реддл не получил бы особой награды…

Рон подошел к делу с другой стороны:

— Реддл был тогда чем-то вроде Перси. Кто его просил доносить на Хагрида?

— Но ведь чудище кого-то убило, — возразила Гермиона.

— И школу могли бы закрыть. Реддлу пришлось бы возвращаться к маглам, в какой-то ужасный приют, — добавил Гарри. — У него есть одно оправдание — он хотел спасти школу.

Рон подергал себя за губу, потом нерешительно спросил:

— Ты ведь встретил Хагрида в Лютном переулке, да?

— Он покупал средство от плотоядных слиз-

ней, — поспешно ответил Гарри.

Все трое замолчали. Молчали долго. Наконец Гермиона, запинаясь, высказала то, о чем они все сейчас думали:

— Может, нам следует пойти и поговорить с самим Хагридом?

— Радостная будет встреча, — хмыкнул Рон. — Привет, Хагрид, скажи-ка нам, ты в последнее время не напускал на школу никого ужасного и волосатого?

Порешили все-таки ничего Хагриду не говорить, если только не будет нового нападения. И чем дольше не появлялся тот загадочный бестелесный голос, тем сильнее становилась надежда, что им никогда не придется спрашивать Хагрида, почему его исключили из школы.

Минуло уже почти четыре месяца с тех пор, как Джастин и Почти Безголовый Ник окаменели, и теперь чуть ли не все уверились, что злодей, кто бы он ни был, сгинул совсем и никогда больше в Хогвартс не явится. Пивзу окончательно наскучила песня «Гарри Поттер, ты злодей», а Эрни МакМиллан смягчился до такой степени, что как-то на травологии вполне вежливо попросил Гарри передать ему корзинку с прыгающими поганками. В марте несколько мандрагор зака-

тили в теплице номер три шумную, безобразную вечеринку, чрезвычайно порадовав профессора Стебль.

— Раз они стали лазать друг к другу в горшки, значит, они совсем созрели, — объяснила она Гарри. — И скоро мы сможем вернуть к жизни тех несчастных в больничном крыле.

* * *

На пасхальных каникулах второкурсникам подкинули новую тему для размышлений. Надо было выбрать предметы для третьего года обучения, к чему Гермиона отнеслась со всей серьезностью.

— От этого зависит наше будущее, — сказала она Рону и Гарри, когда они втроем принялись изучать список новых предметов, помечая их галочками.

— Я бы хотел отказаться от зелий, — заметил Гарри.

— Нельзя, — мрачно возразил Рон. — Все старые предметы остаются. — Если бы позволили что-нибудь выкинуть, я бы вычеркнул защиту от темных искусств.

— Но это очень важный предмет! — возмутилась Гермиона.

— Важный, если бы его преподавал не Локоне, — уперся Рон. — Я у него ничему не научился. Нет, хотя научился — что будет, если выпустить на волю корнуэльских пикси.

Невилл Долгопупс был завален письмами, содержащими противоречивые советы родных колдунов и колдуний, какие предметы больше всего пригодятся в жизни. Растерянный, сбитый с толку, он читал список предметов, высунув язык, и смущенно спрашивал окружающих, что труднее — кабалистика или изучение древних рун. Дин Томас, который, как и Гарри, вырос среди маглов, поступил просто: закрыв глаза, тыкал волшебной палочкой в список и помечал те предметы, на которые угодил. Гермиона ничьих советов не слушала, а взяла и записалась сразу на все новые курсы.

Гарри представил себе, что сказали бы дядя Вернон и тетя Петунья, вздумай он обсудить с ними свою будущую карьеру волшебника, и горько усмехнулся. Правда, нельзя сказать, что он остался совсем без напутствия: Перси Уизли жаждал поделиться с кем-нибудь жизненным опытом.

— Самое главное, Гарри, понять, чего ты сам хочешь, — сказал он. — И лучше задуматься о будущем как можно раньше. Поэтому я реко-

мендовал бы тебе предсказания. Говорят, что магловские дисциплины слишком легки, но я считаю, что волшебники должны иметь ясное и исчерпывающее представление о немагической части общества, особенно если им предстоит работать в тесном сотрудничестве с маглами. Вспомни моего отца — ему постоянно приходится иметь дело с маглами, их бизнесом, изобретениями. А вот мой брат Чарльз всегда любил работать на свежем воздухе и выбрал уход за магическими существами. Нужно использовать свои сильные стороны, Гарри. Ну и, конечно, склонности.

Но единственным предметом, к которому у Гарри лежала душа, был квиддич. И он записался на те же курсы, что Рон: споткнется на чем-нибудь — рядом плечо друга.

* * *

Очередной матч гриффиндорцы играли против Пуффендуя. Вуд каждый вечер гонял команду на поле, так что у Гарри едва хватало времени на что-нибудь еще, кроме квиддича и домашних заданий. То ли тренировки пошли удачнее, то ли погода улучшилась, но накануне перед субботней встречей Гарри возвращался в спальню с уверенностью, что Гриффиндор в этом году Кубок

школы непременно выиграет.

Но радостное настроение длилась недолго. У двери, ведущей в спальню, Гарри столкнулся с Невиллом Долгопупсом, на котором лица не было.

— Гарри, я не знаю, кто это сделал… зашел и вижу…

Расстроенно глядя на Гарри, он открыл дверь.

Все содержимое чемодана Гарри было разбросано по комнате. На полу валялась разорванная мантия; постельное белье и одеяла сброшены с кровати, ящик тумбочки вытащен и все его содержимое высыпано на матрас.

Гарри в полном недоумении подошел к кровати, ступая по раскиданным страницам «Тропою троллей». Вместе с Невиллом принялись заправлять постель, и тут как раз явились Дин с Симусом и Рон.

— Кто это устроил здесь такое безобразие? — сразу вышел из себя Дин.

— Понятия не имею… — Гарри был совершенно подавлен.

Рон обследовал его мантию — все карманы были вывернуты.

— кто-то что-то искал… Посмотри, пропало что-нибудь?

Гарри принялся собирать вещи, бросая их в

чемодан, последними закинул книги Локонса и лишь тут обнаружил пропажу.

— Дневник Реддла исчез, — сказал он упавшим голосом, повернувшись к Рону.

— Что?!

Гарри кивнул на дверь, и они с Роном вышли. Добежав до гриффиндорской гостиной, полупустой в этот час, друзья отыскали Гермиону, в одиночестве корпевшую над трудом «Толкование древних рун».

Известие привело ее в ужас.

— Ведь получается, что украсть мог только кто-то из гриффиндорцев — больше никто не знает пароля…

— Да, верно, — вздохнул Гарри.

* * *

Утро следующего дня встретило их ярким солнечным светом и легким прохладным ветерком.

— Идеальные условия для квиддича! — Вуд стоял у гриффиндорского стола и, бурля энтузиазмом, нагружал омлетом тарелки своей команды. — Гарри, иди скорее сюда, тебе необходимо хорошо подкрепиться!

Гарри оглядел стол, где почти не было свободных мест, и спросил себя: а не сидит ли где-то

здесь новый владелец дневника? Гермиона настаивала, что надо заявить о краже, но Гарри был не согласен. Пришлось бы тогда рассказать всю историю с дневником — ведь мало кому известно, за что исключили Хагрида полвека назад. А ему вовсе не улыбалось ворошить это давнее темное дело. Да еще первому!

Выйдя из Большого зала, друзья отправились к себе в башню взять снаряжение для матча, и тут другая, более веская причина для тревоги добавилась к растущему списку неприятностей. Едва он успел поставить ногу на ступеньку мраморной лестницы, как до его слуха вновь донеслось:

— В этот раз убей — Пусти, я разорву! Разорву сам!

Гарри вскрикнул, Рон с Гермионой бросились к нему.

— Голос! — воскликнул Гарри, озираясь вокруг. — Я только что опять слышал его! А вы слышали?

Рон, широко открыв глаза, отрицательно покачал головой, а Гермиона вдруг хлопнула себя ладонью по лбу:

— Гарри, я, кажется, поняла! Бегу в библиотеку!

И она умчалась вверх по лестнице.

— Что такое она поняла? — спросил Гарри в смятении, все еще озираясь: вдруг еще раз услышит голос и сумеет определить, откуда же он исходит.

— Понятия не имею. — Рон поднял брови.

— И зачем ее вдруг понесло в библиотеку?

— Это же Гермиона, — пожал плечами Рон. — Если что непонятно, пойди туда и спроси у нее самой…

Гарри стоял в нерешительности. Он силился уловить зловещий голос, но из Большого зала повалили ученики, спеша на стадион и громко переговариваясь. И Гарри больше ничего не услышал.

— Поторапливайся, — подтолкнул его Рон. — Уже почти одиннадцать. Забыл про матч!

Помедлив еще пару мгновений, Гарри махнул рукой и побежал в гриффиндорскую башню. Взял «Нимбус-2000» и скоро влился в толпу, устремившуюся через луг к стадиону. Но мысленно он все еще был в замке, вслушивался в тот таинственный голос. И, натягивая в раздевалке алую мантию, утешался одним — в замке сейчас никого нет, все здесь, смотрят игру.

Команды вышли на поле под громкие аплодисменты. Оливер Вуд поднялся в воздух для

предварительного облета толевых шестов; мадам Трюк выпустила мячи. Пуффендуйцы, одетые в желтое, сгрудились в кучу — уточнить напоследок игровые ходы.

Гарри уже вскочил на метлу, как вдруг появилась профессор МакГонагалл и бегом пересекла поле, держа в руках громадный фиолетовый мегафон.

Сердце у Гарри екнуло.

— Матч отменяется! — проревел мегафон, и переполненные трибуны взорвались шумом, криками, свистом.

Оливер Вуд без промедления приземлился и с безумным видом бросился к профессору МакГонагалл, все еще сжимая в руке метлу.

— Но профессор! — кричал он. — Нам надо играть… Кубок… Гриффиндор…

Профессор МакГонагалл, не замечая его, надсаживалась громовым электронным голосом:

— Всем ученикам вернуться в свои гостиные. Там получите дальнейшую информацию. И пожалуйста, поскорее!

После чего она опустила мегафон и жестом подозвала Гарри:

— Тебе, Поттер, лучше пойти со мной.

Недоумевая, в чем его сегодня подозревают,

Гарри посмотрел на Рона, отделенного от них ропщущей толпой.

Рон их догнал по пути в замок К удивлению Гарри, профессор МакГонагалл не посчитала присутствие Рона лишним.

— Пойдем и ты с нами, Уизли.

Шедшие поодаль ученики шумно высказывали недовольство отменой матча, многие были явно обеспокоены. Рон и Гарри поднялись по мраморной лестнице вслед за профессором. На сей раз она повела их не в кабинет, а в больничное крыло.

— Вас это очень расстроит, — произнесла профессор МакГонагалл непривычно мягким тоном, когда они подошли к двери больницы. — Было еще одно нападение… Двойное нападение.

У Гарри внутри все похолодело. Профессор МакГонагалл толкнула дверь, и они вошли.

Мадам Помфри склонилась над девушкой с пятого курса — той самой ученицей из Когтеврана, у которой они с Роном под Рождество так неудачно пытались выяснить дорогу в гостиную Слизерина.

А на соседней кровати…

— Гермиона! — охнул Рон.

Гермиона лежала необычно тихая, глаза ее

были открыты и словно остекленели.

— Их нашли у двери библиотеки, — сказала профессор МакГонагалл. — Думаю, вы тоже не знаете, что значит вот это? — Она показала маленькое круглое зеркальце. — Оно лежало возле них на полу.

Рон и Гарри покачали головами, не сводя глаз с Гермионы.

— Я провожу вас в гриффиндорскую башню. — Профессор МакГонагалл тяжело вздохнула. — Мне предстоит разговор с учениками.

Когда все собрались, профессор начала свою нерадостную речь:

— «Все ученики возвращаются в гостиные своих факультетов до шести часов вечера и больше их не покидают. На уроки будете ходить в сопровождении преподавателя. Никто не пользуется туалетной комнатой без провожатого. Все матчи и тренировки временно отменяются. Никаких передвижений по вечерам».

Переполненная гриффиндорская гостиная выслушала это строгое предписание, не проронив ни слова. Профессор свернула пергамент, по которому читала, и закончила речь собственными словами:

— Вряд ли стоит добавлять, что я давно не была

так расстроена. Если преступника не поймают, школа, по всей видимости, будет закрыта. Я настоятельно прошу: все, у кого есть хоть какие-то подозрения, без промедления подойдите ко мне и сообщите, что вам известно.

Профессор МакГонагалл протиснулась сквозь проем с полной дамой, который тут же сомкнулся. И вся гостиная загалдела.

— Смотрите, заклятие наложено на двух гриффиндорцев, не считая привидения, одного когтевранца и одного пуффендуйца, — принялся загибать пальцы Ли Джордан, лучший друг близнецов Уизли. — Интересно, кто-нибудь из преподавателей обратил внимание, что все слизеринцы целы и невредимы? Разве не очевидно, что вся эта дьявольщина исходит из Слизерина? Наследник Слизерина, чудовище Слизерина… Почему бы просто не взять и не выставить отсюда всех слизеринцев? — распалялся он под кивки одобрения и недружные аплодисменты.

Сам Перси сидел в кресле позади Ли, но на сей раз он не спешил огласить свое мнение. Напротив, выглядел потерянным и удрученным.

— Перси совсем убит, — шепнул Джордж Гарри. — Та девушка из Когтеврана, Пенелопа Кристал, — староста. А он и мысли не допускал,

что чудище решится напасть на старосту.

Но Гарри его не слышал. Перед его глазами все еще была Гермиона, лежащая на больничной койке, точно мраморная статуя. А вдруг и сейчас преступника не поймают? Придется ему подумать о жизни с Дурслями. Том Реддл выдал Хагрида, только бы не возвращаться в магловский приют. Теперь-то Гарри прекрасно его понимал.

— Что нам делать? — прошептал Рон ему на ухо. — Думаешь, они подозревают Хагрида?

— Надо пойти и поговорить с ним, — ответил Гарри, собираясь с мыслями. — Я не верю, что это опять он. Но в тот раз именно Хагрид освободил чудовище, он должен знать, где находится Тайная комната, с этого и начнем разговор.

— Но МакГонагалл сказала, что башню можно покидать только на время уроков, да и то под присмотром учителей.

— Значит, пришло время снова достать старую мантию моего отца.

От отца Гарри унаследовал всего одну вещь — длинную серебристую мантию-невидимку. Без нее им из школы не выйти, ведь с Хагридом надо увидеться так, чтобы ни одна живая душа не проведала. Друзья легли спать в обычное время, дождались, пока Невилл и Дин с Симусом, наго-

ворившись, уснут, встали, оделись и накинули на себя просторную мантию.

Путешествие по темным переходам замка — удовольствие мало приятное. Впрочем, Гарри, которому случалось ночью бродить по замку, никогда еще не видел такого оживления в столь поздний час. Преподаватели, старосты, привидения ходили парами, часто оглядываясь — вдруг заметят что-то опасное. Мантия-невидимка, к сожалению, не скрывала производимых звуков: буквально в метре от вышедшего дежурить Снегга Рон на что-то налетел и довольно громко ругнулся, но Снегг как раз в этот миг чихнул, и все обошлось. Подойдя к выходу, друзья с облегчением вздохнули и тихонько отворили тяжелые дубовые двери.

Стояла ясная звездная ночь. Между деревьев Запретного леса светились окошки небольшой хижины лесничего. Мальчики подошли к самой ее двери и только тогда сбросили с себя спасительную мантию.

Постучали, и в ту же секунду увидели нацеленный на них арбалет в руках Хагрида, за его спиной оглушительно залаял волкодав Клык.

— Эвона это кто! — Хагрид опустил оружие и удивленно посмотрел на них. — Вы чой-то на

ночь глядя по лесам шастаете?

Все вместе вошли в дом, и Гарри спросил, указывая на арбалет:

— А это для чего?

— Да просто так… Ничего… — замялся Хагрид. — Я в общем… того, ожидал… Садитесь… Чай приготовлю…

Казалось, он с трудом понимал, что делает. Расплескал воду, почти загасив огонь, нервно отдернул здоровенную ручищу и разбил заварной чайник.

— Хагрид, что с тобой? Ты уже знаешь про Гермиону?

— Да, конечно… знаю…

Такого голоса они у Хагрида никогда не слышали.

Тревожно поглядывая на окна, он разлил кипяток по кружкам, забыв налить заварки, отрезал большой кусок пирога с орехами, как вдруг в дверь громко постучали.

Пирог полетел на пол. Рон с Гарри, обменявшись испуганными взглядами, отступили подальше в угол и закутались в мантию-невидимку. Хагрид убедился, что их не видно, взял арбалет и открыл дверь.

— Добрый вечер, Хагрид.

В хижину вошел Дамблдор. Лицо у него было мрачное, брови сдвинуты. Вслед за ним переступил порог кто-то еще. Вид у спутника Дамблдора был весьма странный.

Незнакомец был невысок, но осанист, седые волосы спутаны, усталое лицо озабочено. Одежда его являла собой необычную смесь: костюм в полоску, малиновый галстук, черная мантия и остроносые лиловые ботинки, под мышкой он держал светло-зеленый котелок.

— Это папин начальник, — чуть слышно шепнул Рон, — Корнелиус Фадж, министр магии!

Гарри чувствительно толкнул Рона локтем, призывая к молчанию.

Хагрид побледнел, на лбу у него проступили капельки пота. Он тяжело опустился в одно из кресел, переводя затравленный взгляд с Корнелиуса Фаджа на Дамблдора.

— Неважные дела, Хагрид, — короткими фразами заговорил Фадж. — Хуже некуда. Надо что-то решать. Четыре нападения на полукровок Дело зашло слишком далеко. Министерство обязано принять меры.

— Я… это… я никогда… — Хагрид умоляюще посмотрел на Дамблдора. — Вы ведь знаете, это не я… Я никогда… профессор Дамблдор, сэр…

— Мне бы хотелось внести ясность, Корнелиус. Хагрид пользуется моим полным доверием, — твердо сказал Дамблдор, еще больше нахмурив брови. — Он вне подозрений.

Явно ощущая неловкость, Фадж продолжал.

— Послушайте, Альбус, прошлое Хагрида говорит против него. У Министерства нет выхода. Необходимо действовать. Попечительский совет в курсе дела.

— Я вам еще раз говорю, Корнелиус, удаление Хагрида не поправит дела. — В голубых глазах Дамблдора горел огонь, какого Гарри еще никогда не видел.

Фадж нервно повертел в руках котелок.

— Взгляните на случившееся с моей точки зрения, Альбус. На меня оказывают давление. Требуют действий. Если будет доказано, что Хагрид не виноват, мы привезем его обратно. И тогда, поверьте, никто больше слова худого не скажет. Но сейчас я вынужден забрать его с собой. Вынужден. Это мой долг.

— Забрать меня? — повторил Хагрид, его колотила дрожь. — Куда?

— Совсем ненадолго. — Фадж избегал взгляда Хагрида. — Это не наказание, Хагрид. Скорее предосторожность. Настоящего преступника

найдут — вас отпустят с подобающими извинениями…

— В Азкабан? — хрипло спросил Хагрид.

Не успел Фадж ответить, в дверь опять решительно постучали.

Дамблдор открыл, и тут Гарри получил локтем в ребра: увидев, кто вошел, он не удержался и охнул.

Закутанный в длинную черную дорожную мантию, с холодной, довольной улыбкой на устах, в хижину Хагрида быстрым шагом вошел Люциус Малфой. Клык грозно зарычал.

— Вы уже здесь, Фадж, — начал Малфой. — Превосходно!

— А вы… вам… что здесь надо? — рассвирепел Хагрид. — Вон… да! То есть… прочь из моего дома!

— Мне, милейший, не доставляет ни малейшего удовольствия пребывание в этом, с позволения сказать, доме. — Малфой презрительным взглядом окинул скромное жилище лесничего. — Я искал директора, позвонил в школу, и мне сообщили, что директор у вас.

— Что вы от меня хотите, Люциус? — спросил Дамблдор. Говорил он вежливо, но в глазах у него горел недобрый огонь.

— Ужасное известие, Дамблдор, — театральным голосом протянул Малфой, доставая толстый свиток пергамента. — Попечители решили, что вам пора покинуть пост директора. Вот приказ о вашем временном отстранении, на нем все двенадцать подписей. Боюсь, вы перестали владеть ситуацией. Сколько уже было жертв? Сегодня еще две, не так ли? Если преступника не остановить, в Хогвартсе скоро вообще не останется полукровок. А все мы хорошо знаем, к какому драматическому финалу это может привести.

— Отстранение Дамблдора? Это невозможно! — вспылил Фадж. — Это уж совсем крайность… Послушайте, Люциус…

— Назначение или отстранение директора — прерогатива Попечительского совета, Фадж, — отчеканил Малфой. — И раз Дамблдор не в силах справиться с разгулом преступности…

— Дамблдор не в силах справиться? — Фадж разволновался так, что его верхняя губа заблестела от пота. — А кто же тогда в силах?

— Это мы скоро увидим. — Малфой мерзко осклабился. — Обратите внимание, проголосовали все двенадцать…

Хагрид вскочил на ноги, его черная косматая голова коснулась потолка.

— А-а! — взревел он. — Сколько же вы… вам пришлось… вы надавили… напугали, и люди согласились!

— Голубчик, смотрите, как бы ершистый характер до беды вас не довел, — с деланным сочувствием предупредил Малфой Хагрида. — Не советую вам так кричать на стражу в Азкабане. Им это чрезвычайно не понравится…

— Выкинуть Дамблдора! — Хагрид разбушевался так, что Клык жалобно заскулил. — Ну, выкинете, и полукровкам спасения не будет! Да, не будет! Всех укокошат!

— Успокойся, Хагрид, — остановил его Дамблдор, пристально глядя на Малфоя. — Разумеется, Люциус, раз Попечительский совет требует моего смещения, я должен подчиниться.

— Но… — заикнулся было Фадж.

— Нет! — загремел Хагрид. Ярко-голубой взгляд Дамблдора скрестился с ледяным серым Малфоя.

— Однако, заметьте себе, — Дамблдор заговорил медленно, отчетливо, чтобы никто не пропустил ни слова, — я не уйду из школы, пока в школе останется хоть один человек, который будет мне доверять. И еще запомните: здесь, в Хогвартсе, тот, кто просил помощи, всегда ее получал.

Гарри мог бы поклясться, что при этих словах

пронзительный взгляд Дамблдора на мгновение метнулся в тот угол, где прятались они с Роном.

— Мысли, достойные восхищения. — Малфой отвесил поклон. — Всем будет очень не хватать ваших… э-э-э… как бы поточнее выразиться… весьма своеобразных взглядов на обязанности руководителя. Нам остается лишь уповать, что ваш преемник сумеет навести порядок, и полукровок… э-э… «укокошивать» не будут.

Он подошел к двери хижины, открыл и с повторным издевательским поклоном проводил Дамблдора на улицу. Фадж все вертел котелок, ожидая Хагрида, но лесничий не торопился и, сделав глубокий вдох, произнес, тщательно подбирая слова:

— А тот, кто что-то ищет, пусть, значит, за пауками идет, за пауками, говорю. Они-то уж выведут куда надо. Я все сказал.

Фадж изумленно уставился на него.

— Я уже, да, иду, — успокоил его Хагрид, залезая в свое кротовое пальто. Выходя вслед за Фаджем, он помешкал в дверях и громко добавил: — И насчет еды… кому-то надо будет кормить Клыка. Пока… это… ну, то есть пока я не вернусь.

Дверь с грохотом захлопнулась, и Рон сбросил мантию-невидимку.

— Да-а, нам крышка, — упавшим голосом сказал он, — без Дамблдора. Ожидай теперь по три нападения в день. Школу могут закрыть в любую минуту.

Подойдя к входной двери, Клык вдруг завыл и стал огромной лапой в нее скрестись.

Глава 15

АРАГОГ

На луга вокруг замка незаметно подкралось лето. Небо и озеро поголубели, споря яркостью красок с барвинками, а в оранжереях все буйно и пышно зацвело. Но для Гарри пейзаж утратил одну живую подробность — окрестные луга не мерил больше огромными шагами лесничий Хагрид, не было и его всегдашнего спутника волкодава Клыка. Да и в замке дела шли хуже некуда.

Рон и Гарри пытались навестить Гермиону, но больничное крыло было закрыто для посещений.

— Простите, но мы полностью отгородились от внешнего мира. — Мадам Помфри разговаривала с ними через узкую щелку, чуть-чуть приоткрыв дверь. — Чтобы исключить повторное нападение на своих пациентов. Преступник может появиться в любую минуту…

С уходом Дамблдора страх поселился почти во всех сердцах; казалось, солнце, греющее стены замка снаружи, не проникает внутрь сквозь ча-

стые оконные переплеты. Во всей школе вряд ли встретишь хоть одно безмятежное лицо, а громкий смех, звучащий порой в коридорах, казался неуместным, искусственным и скоро смолкал.

Гарри часто повторял про себя последние слова Дамблдора, что он не покинет школу, пока останется хоть один человек, который будет ему доверять, и что в Хогвартсе «кто просил помощи, всегда ее получал». Но что значат эти слова? У кого теперь просить помощи? Ведь все вокруг растеряны и испуганы так же, как он сам.

Совет Хагрида насчет пауков был прост и ясен, но беда в том, что в замке, похоже, не осталось ни одного паука и следовать было не за кем. Гарри их прилежно искал, в отличие от Рона, который, как известно, пауков до смерти боялся. Конечно, поиски затруднял запрет ходить по замку в одиночку, без сопровождения учителей. Одноклассники Гарри не возражали против охраны, но Гарри это очень мешало.

Лишь один ученик был вполне доволен воцарившейся в школе атмосферой страха и подозрительности. Драко Малфой расхаживал по школе с таким заносчивым видом, словно его только что сделали старостой школы. Гарри долго не понимал, чему это Малфой так радуется. Но спу-

стя две недели после ухода Дамблдора и ареста Хагрида ему довелось сидеть на уроке зельеварения позади Малфоя, и он невольно подслушал его разговор с Крэббом и Гойлом.

* * *

— Я всегда знал, отец — единственный, кому под силу вытурить Дамблдора, — злопыхал Драко, даже не понижая голоса. — Я уже говорил вам, он считает его никуда не годным директором. Может, теперь у нас будет настоящий директор. Не испугается Тайной комнаты и не станет ее закрывать. МакГонагалл долго не просидит, она просто так, замещает…

Снегг скользнул взглядом мимо Гарри, мимо опустевшего места Гермионы, ее котла и ни слова не сказал о ее отсутствии.

— Сэр, — громко обратился к нему Драко, — почему бы вам не предложить свою кандидатуру на пост директора?

— Не вашего это ума дело, Малфой, — урезонил его Снегг, хотя по его тонким губам и пробежала едва заметная улыбка. — Профессор Дамблдор лишь временно отстранен попечителями. Возьму на себя смелость утверждать, что он скоро опять будет с нами.

— Как бы не так! Я думаю, сэр, мой отец поддержит вашу кандидатуру. Я ему скажу, что вы самый лучший профессор в школе.

Снегг усмехнулся, окинув взглядом класс, но не заметил, к счастью, как выразительно Симус Финниган изобразил, будто его стошнило в котел.

— Меня что удивляет, — продолжал вещать Драко, — почему грязнокровки не пакуют чемоданы? Ставлю пять галлеонов, скоро еще один умрет. Жаль, не Грэйнджер…

От расправы его спас прозвеневший звонок. Рон ринулся к нему, но в суматохе сборов его попытку напасть на Малфоя никто, кроме друзей, не заметил. Гарри с Дином повисли на нем с обеих сторон.

— Пустите меня! Наплевать на палочку, я убью его голыми руками! — кричал Рон, вырываясь.

— Поторопитесь! Я отведу вас на травологию, — прокаркал Снегг.

Ученики построились колонной, замыкали ее Гарри с Дином и Рон, который все еще рвался из рук друзей. Снегг вывел учеников из замка, повел через сады к теплицам. И только тогда Рон получил свободу.

Учеников на травологии поубавилось, не было двоих — Джастина и Гермионы.

Профессор Стебль дала задание обрезать быстро вянущие абиссинские смоковницы. Гарри понес охапку сухих побегов в компостную кучу, и тут нос к носу столкнулся с Эрни МакМилланом — они вместе с Ханной тоже занимались обрезкой. Эрни сделал глубокий вдох и официально, торжественным тоном произнес:

— Хочу извиниться, Гарри, за то, что подозревал тебя. На Гермиону Грэйнджер ты бы никогда не напал. Так что прошу прощения за все, что я говорил о тебе раньше. Теперь мы все в одной лодке, ну и…

Он протянул пухлую руку, и Гарри от всей души ее пожал.

— Этот тип, Драко Малфой, — продолжал Эрни, сгребая высохшие ветви, — обратите внимание, какой он ходит довольный! Я даже думаю, может, он и есть наследник Слизерина?

— Поздравляю, додумался, — буркнул Рон, который явно не был готов простить Эрни так быстро, как Гарри.

— Как, по-твоему, Гарри, это Малфой?

— Нет! — неожиданно жестко отрезал Гарри. И Эрни с Ханной взглянули на него с недоумением.

— Ух ты! Смотри-ка! — Гарри хлопнул Рона по руке садовыми ножницами: в метре от них

перебегали грядку в сторону леса три здоровенных паука.

— Н-да, — промямлил Рон, тщетно пытаясь изобразить радость. — Но мы не можем прямо сейчас пойти за ними…

Эрни и Ханна с любопытством их слушали. А Гарри смотрел на убегающих пауков.

— Похоже, они держат путь в Запретный лес…

Рон приуныл еще больше.

После урока травологии профессор Стебль проводила учеников на урок защиты от темных искусств. Рон и Гарри отстали от класса обсудить план действий, не предназначавшийся для посторонних ушей.

— Нам снова придется прибегнуть к мантии-невидимке, — сказал Гарри. — И еще возьмем с собой Клыка, брал же его в лес Хагрид. Все-таки еще одно живое существо рядом.

— Ладно, — согласился Рон, нервно теребя волшебную палочку. — Вот только… Нет ли там-Вдруг в этом лесу водятся вурдалаки?

Гарри на это ничего не ответил. Друзья заняли свои обычные места в дальнем конце класса.

— Там есть и добрые существа. — Гарри хотел ободрить упавшего духом приятеля. — Кентавры, единороги…

Рон никогда раньше не бывал в Запретном лесу. Гарри однажды был, и в тайне надеялся, что подобное испытание больше не повторится.

…Златопуст Локоне буквально впорхнул в аудиторию, его жизнерадостное появление приковало к нему взоры всего класса. Другие преподаватели стали суровее, молчаливее, но Локоне не утратил ни говорливости, ни лучезарной улыбки.

— А вот и я! — воскликнул он. — По какому случаю постные лица?

Ученики мрачно переглянулись, но промолчали.

— Я вижу, до вас не доходит вся важность произошедшего. — Локоне выговаривал слова слишком тщательно, как обращался бы к умственно отсталым. — Опасность миновала! Преступник найден!

— Кто это вам сказал? — повысив голос, спросил Дин Томас.

— Милый юноша, министр магии никогда не арестовал бы Хагрида, не будь он уверен в его виновности на все сто процентов, — ответил Локоне тоном, каким объясняют, что один плюс один равняется двум.

— Был уверен, держи карман шире! — крикнул Рон погромче Дина.

— Льщу себя надеждой, что знаю об аресте Хагрида чуть больше, чем вы, мистер Уизли. — Самовлюбленность Локонса была безгранична.

Рон стал было спорить, но оборвал себя на полуслове, получив от Гарри чувствительный пинок под партой.

— Нас там не было, не забывай, — прошипел Гарри.

Но пустоголовая веселость Локонса, намеки на то, что он никогда не сомневался в дурных наклонностях Хагрида, его уверенность, что все худшее позади, так разозлили Гарри, что у него возникло желание взять увесистое «Увеселение с упырями» и запустить им в сияющую физиономию профессора защиты от темных искусств. Вместо этого он нацарапал Рону записку: «В лес идем этой ночью».

Прочитав послание, Рон с трудом сглотнул и, повернув голову, посмотрел на то место, где еще совсем недавно сидела Гермиона. Это укрепило его дух, и он согласно кивнул. Поскольку хождение по замку и прогулки после шести были запрещены, Общая гостиная была постоянно полна народу. Говорить было о чем, и гриффиндорцы не расходились по спальням до полуночи.

Гарри сразу после ужина достал из чемодана

мантию-невидимку и весь вечер просидел на ней, ожидая, пока все разойдутся. Долго играли с Джорджем и Фредом в исчезающие карты, зрителем бьша Джинни. Она сидела в любимом кресле Гермионы и наблюдала за игрой с самым несчастным видом. Рон и Гарри нарочно проигрывали, чтобы скорее закончить игру, тем не менее было уже за полночь, когда Фред, Джордж и Джинни наконец отправились спать.

Гарри с Роном подождали, пока наверху захлопнутся двери спален, накинули на себя мантию-невидимку и выскользнули из гостиной сквозь проем с полной дамой.

Начался еще один нелегкий поход через замок, полный дежуривших преподавателей. В конце концов они благополучно добрались до холла, неслышно отодвинули засов на дубовых дверях и, стараясь ничем не скрипнуть, вышли на воздух. Окрестности были залиты лунным светом. Друзья облегченно вздохнули и зашагали через луг в сторону Запретного леса.

Чем ближе к лесу, тем сильнее Рону становилось не по себе.

— Знаешь, — сказал он, — ну, войдем мы в лес, и вдруг окажется, что идти-то не за кем. Откуда мы знаем, что пауки спешили именно в лес. Конечно,

они явно уходили подальше от замка, но…

Рон замолчал, его раздирали противоречивые чувства.

Домик Хагрида печально смотрел на них слепыми окнами. Когда Гарри открыл дверь, Клык едва не сошел с ума от радости. Опасаясь, что он громовым лаем перебудит весь замок, друзья поскорее дали ему густой сливочной помадки из жестяной банки на камине, и она тут же склеила его зубы.

Гарри оставил мантию-невидимку на столе Хагрида: в непроглядно темном лесу необходимости в ней не было.

— Гулять, Клык! — Гарри похлопал себя по ноге.

Волкодав, прыгая от счастья, выскочил из дому, понесся к опушке леса и там задрал ногу у большого клена.

Гарри достал волшебную палочку, произнес: «Люмоо», и на ее конце вспыхнул маленький огонек, достаточный, чтобы различить тропу и хоть какие-то следы пауков.

— Неплохая идея, — кивнул Рон. — И я бы свою зажег, но ты ведь знаешь — она или взорвется, или выкинет что-нибудь еще хуже…

Гарри тронул Рона за плечо, показав на траву.

Двое пауков поспешно убегали от огонька волшебной палочки в густую тень деревьев.

— Ладно, — выдохнул Рон, примирясь с неизбежным. — Идем, я готов.

И друзья в сопровождении Клыка, который рыскал вокруг, обнюхивая корни и валежник, вступили в лес. При свете волшебной палочки не составляло труда следовать за цепочкой пауков, бегущих по тропе в глубь леса. Так они шли минут двадцать, не говоря ни слова и прислушиваясь к звукам, отличающимся от шелеста листьев и хруста под ногами. Скоро деревья обступили тропинку плотной стеной, закрыв кронами небо, и волшебная палочка Гарри осталась одиноким огоньком в непроницаемом мраке. Они заметили, что их восьминогие проводники сворачивают с тропы.

Гарри замедлил шаг, пытаясь разглядеть направление, но за пределами светлого пятачка тьма — хоть глаз выколи. Ему еще не случалось так углубляться в лес. Что теперь делать? Он хорошо помнил: когда они ходили тут с Хагридом, лесничий наказал им ни в коем случае не сходить с тропы. Но ведь Хагрид — он теперь за многие мили отсюда, сидит, наверное, в камере Азкабана — дал им ясно понять: идите за пауками, и все

прояснится.

что-то влажное коснулось руки Гарри — он отпрыгнул назад, отдавив Рону ступню, — но это оказался всего-навсего клеенчатый нос Клыка.

— Пойдем за ними? — тихонько спросил Гарри. Глаза Рона он различал, в них отражался свет волшебной палочки.

— Пойдем, не зря же мы забрались в такую даль, — пробормотал Рон.

И они последовали за мечущимися тенями пауков, которые шли теперь, петляя между деревьями. Идти было трудно — под ноги попадались пни и корни, почти не видные в темноте. Но рука Гарри чувствовала ободряющее горячее дыхание пса Приходилось не раз останавливаться, чтобы с помощью волшебного огонька отыскать в густой траве спешащих куда-то пауков.

Шли уже не менее полутора часов, мантии то и дело цеплялись за нижние ветви деревьев и кусты ежевики. Спустя какое-то время стало заметно, что они идут по пологому склону, хотя заросли вокруг были все так же густы.

Клык внезапно залаял, разбудив громкое эхо. Рон и Гарри от неожиданности подскочили.

— Что там такое? — Рон вглядывался в кромешную тьму, крепко сжимая локоть Гарри.

— Там что-то движется, — почти беззвучно ответил тот. — Судя по звуку, большое…

Оба прислушались. Где-то справа от них что-то огромное ломало ветки, словно прокладывало себе тропу в нехоженом месте.

— Кто это? — воскликнул дрожащим голосом Рон. — Эй, кто там?

— Тихо! — шикнул на него Гарри. — Оно услышит…

— Услышит? — Голос Рона сорвался. — Уже услышало — лай Клыка!

Темнота давила им на глаза; мальчики стояли и в ужасе ждали. что-то прогремело уже совсем близко, затем наступила мертвая тишина.

— Как ты думаешь, что оно делает? — спросил Гарри.

— Наверное, готовится к нападению.

— А может, оно ушло?

— Н-не знаю…

И в этот миг совсем рядом вспыхнул яркий свет. Оба зажали глаза ладонями. Клык взвыл и хотел удрать, но угодил в заросли колючек и заскулил еще громче.

— Гарри! — вдруг крикнул Рон срывающимся от радости голосом. — Гарри, это же наш фордик!

— Что?!

— Идем скорее!

Гарри неуверенно двинулся вслед за Роном. Поскальзываясь, спотыкаясь, друзья через мгновение вышли на небольшую поляну.

Автомобиль мистера Уизли стоял в самом центре поляны под кровлей густо переплетенных ветвей, фары его ослепительно горели. Изумленный Рон поспешил к нему, и бирюзовый фордик медленно двинулся навстречу, словно огромный пес, приветствующий своего хозяина.

— Он все время был здесь! — ликовал Рон, обходя автомобиль кругом. — Посмотри на него… Совсем в лесу одичал.

Крылья были поцарапаны, заляпаны грязью — да, он испытал на себе все превратности путешествия по непроходимому лесу! Что касается Клыка, то пес не испытывал никакого желания поближе познакомиться с фордиком — он жался к Гарри, и тот чувствовал живое тепло его дрожащего тела. Переведя дух, Гарри спрятал волшебную палочку.

— А мы-то думали, ты хочешь на нас напасть! — Рон склонился над машиной и любовно ее похлопал. — Надо же, куда тебя занесло!

Гарри, щурясь, оглядывал освещенную землю, надеясь увидеть пауков, но все они разбежались,

спасаясь от слепящего света фар.

— Мы потеряли их след. — Гарри покачал головой. — Надо немедленно отыскать его!

Но Рон не отвечал. Он стоял как вкопанный, взгляд прикован к чему-то, возвышавшемуся метра на три выше лесной подстилки, прямо за спиной Гарри. Лицо его помертвело от ужаса.

Гарри даже не успел обернуться. Раздалось звучное щелканье, и он вдруг почувствовал, как что-то длинное и мохнатое обхватило его, оторвало от земли, и он повис в воздухе вверх ногами. Барахтаясь и вырываясь, насмерть перепуганный, он услышал еще один щелчок и увидел, как ноги Рона тоже взлетели вверх, потом отчаянно заскулил Клык, еще миг, и Гарри понял — их несут куда-то в чащобу.

Болтаясь вниз головой, он смог разглядеть, что похитившее его существо вышагивает на шести огромных мохнатых ногах, еще две передние крепко держат его, а выше поблескивает пара черных челюстей-жвал. Сзади двигалось такое же чудище, тащившее Рона.

Они, без сомнения, двигались в самое сердце лесной глуши. Гарри слышал, как Клык, истошно воя, пытается освободиться от хватки третьего монстра, но сам он не смог бы кричать, если б и

захотел — его голос остался на поляне вместе с автомобилем.

Гарри не представлял себе, сколько времени он находится в лапах чудовища. Тьма наконец рассеялась и стало видно: листья на земле шевелятся от пауков как живые. Крутя головой, он разглядел обширную лощину, деревьев не было и ничто не мешало луне ярко освещать сцену, которая не могла присниться и в самом кошмарном сне.

Пауки! Но не те малютки, что непрерывным потоком сбегались к лощине. Пауки — размером с лошадь, восьмиглазые, восьминогие, черные, мохнатые, гигантские! Громила, что нес Гарри, спустился вниз по влажному от росы склону и зашагал к призрачно-серебристому куполу, сплетенному из паутины в самом центре. Его сопровождали мохноногие сородичи, возбужденно щелкая жвалами при виде добычи.

Паук выпустил Гарри, и тот плюхнулся на землю на четвереньки. Рон вместе с Клыком упали рядом. Клык больше уже не выл, а только молча ежился, не двигаясь с места. Рон выглядел точно так же, как Гарри — рот разинут в немом крике, глаза вылезли из орбит.

До Гарри внезапно дошло: бросивший его паук что-то говорит. Но что — разобрать трудно: слиш-

ком громко лязгают челюсти. Гарри все-таки различил непонятное слово.

— Арагог! — звал паук. — Арагог!

Откуда-то из глубины паутинного купола очень медленно появился паук размером с небольшого слдна. Черноту его тела и ног пробивала седина, и все глаза уродливой, украшенной жвалами головы молочно белели. Он был слеп.

— Что там еще? — проскрипело новое чудище, щелкнув челюстями.

— Люди, — клацнул в ответ паук, что принес Гарри.

— Это Хагрид? — спросил Арагог, подходя ближе, его пленчатые бельма неуловимо задвигались.

— Незнакомцы, — пролязгал паук, притащивший Рона.

— Убейте их, — раздраженно щелкнул Арагог. — Я так сладко спал…

— Мы друзья Хагрида, — закричал Гарри. Его сердце, кажется, выпрыгнуло из груди и билось где-то в горле.

Цок, цок, цок — клацали жвалы по всей лощине.

Арагог помолчал.

— Хагрид никогда раньше не присылал в

лощину людей, — неторопливо, с сомнением проговорил он.

— Хагрид в беде, — сказал Гарри, тяжело дыша. — Из-за этого мы и пришли.

— В беде? — переспросил древний паук, и Гарри показалось, что он уловил тревогу в лязганье его челюстей. — Но зачем он прислал вас?

Гарри хотел было подняться на ноги, но раздумал — вряд ли ноги будут его держать. И он заговорил прямо с земли, изо всех сил стараясь выдержать спокойный тон.

— Они в Министерстве думают, что Хагрид напустил… э-э-э… кого-то на учеников. Они забрали его в Азкабан.

Арагог яростно щелкнул жвалами, и по всей округе этот звук эхом повторило множество пауков. Было похоже на аплодисменты, вот только аплодисменты никогда не повергали Гарри в такой ужас.

— Но это было много лет назад, — с досадой произнес Арагог. — С тех пор прошли годы и годы… Да, я все хорошо помню. Хагриду пришлось тогда расстаться со школой. Они решили, что я — то чудовище, которое заперто в Тайной комнате. Они думали, что Хагрид открыл ее, чтобы выпустить меня на свободу.

— А вы… вы разве не жили в той Комнате? — По лицу Гарри лился ручьями холодный пот.

— Я? — Арагог вновь гневно лязгнул челюстями. — Я родился не в замке. Я из очень далекой страны. Один путешественник подарил меня Хагриду, когда я еще сидел в яйце. Хагрид был совсем мальчишка, но он заботился обо мне, прятал в чулане, кормил остатками еды со своего стола. Хдгрид мой добрый друг и хороший человек. Потом меня нашли и обвинили в смерти совсем молодой девушки… Хагрид тогда меня спас. С тех пор я живу здесь, в лесу, мой друг навещает меня. Он даже нашел мне жену, Мосаг. Видите, как разрослась наша семья? И все благодаря заботам Хагрида.

Гарри собрал остатки мужества:

— Так вы никогда… никогда ни на кого не нападали?

— Никогда, — прохрипел старик — Я мог бы дать волю инстинктам, но из уважения к Хагриду никогда не причинял вреда людям. Тело убитой девушки нашли в туалете, а я во всем замке никогда нигде не был, кроме каморки, в которой жил. Мой род предпочитает темень и тишину.

— Но, может, вы знаете, кто убил ту девушку? Кто бы он ни был, он опять вернулся и опять

нападает на людей.

Речь Гйрри утонула во взрыве свирепого щелканья, клацанья, в шорохе множества ног, огромные черные фигуры кругом зашевелились.

— Ее убило чудовище, которое живет в замке, — ответил Арагог. — Это древнее дьявольское порождение, которого мы, пауки, смертельно боимся. Хорошо помню, как я молил Хагрида отпустить меня, учуяв, что оно бродит по замку.

— Что оно собой представляет? — настойчиво расспрашивал Гарри.

Страшнее защелкали жвалы, громче послышался угрожающий топот — пауки-великаны подступали все ближе.

— Мы никогда не говорим об этом! — с жаром заклокотал Арагог. — Мы не произносим его имени! Я даже Хагриду никогда не называл этого ужасного зверя, хотя он просил меня, и много раз.

Кольцо пауков сжималось, и у Гарри пропала охота продолжать разговор. Арагог, казалось, устал от столь долгой беседы. И начал понемногу отступать в свой паутинный шатер.

— Мы, пожалуй, пойдем? — спросил Арагога Гарри без особой надежды.

— Пойдете? — прокряхтел Арагог. — Не ду-

маю…

— Но… но…

— Мои сыновья и дочери не трогают Хагрида по моему повелению. Но я не могу отказать им в свежатине, если уж она сама так любезно пожаловала к столу. Прощай, друг Хагрида.

Гарри оглянулся вокруг. В нескольких метрах, возвышаясь над ними, стояла целая армия пауков — они щелкали челюстями, глаза рядами светились на черных безобразных головах…

Если он и успеет пустить в ход волшебную палочку, это мало что даст — враг слишком силен. Гарри попытался встать, чтобы погибнуть с оружием в руках, как вдруг в лесу раздался протяжный автомобильный сигнал и лощину залил ослепительно яркий свет.

Вниз по склону громыхал автомобиль мистера Уизли. Фары пылали, клаксон оглушительно гудел, пауки испуганно шарахались в стороны; несколько, отлетев, упали на спину и били по воздуху непомерно длинными ногами. Форд со скрежетом затормозил перед Роном и Гарри и лихо распахнул дверцы.

— Возьми Клыка, — заорал Гарри, прыгая на переднее сиденье.

Рон обхватил волкодава поперек живота и

бросил назад. Пес исступленно завизжал, дверцы с грохотом захлопнулись. Рон не успел нажать на газ, мотор сам собой взревел, и они понеслись прочь, сшибая по пути не успевших расступиться монстров. Въехав вверх по откосу выскочили из лощины и с треском вломились в лес. Ветки неистово хлестали по окнам, автомобиль мчался через поляны и лесные урочища, следуя одному ему известным путем.

Гарри посмотрел на Рона. Рот у друга был все еще открыт, но глаза уже в орбиты вернулись.

— Ты как, в порядке?

Но Рон лишь оцепенело глядел перед собой, не в силах сказать слова.

Они пробивали дорогу через подлесок, Клык по-прежнему тоскливо скулил на заднем сиденье. Промчались впритирку к огромному дубу, и боковое зеркало срезало как ножом. Еще десять минут шума и тряски, и деревья начали расступаться: в просветах крон опять появилось небо.

Автомобиль остановился так резко, что друзья едва не вылетели сквозь лобовое стекло. Они были на опушке Запретного леса. Клык бил лапами по стеклу, охваченный жгучим стремлением вырваться на свободу. Едва Гарри отворил дверцу, он пулей вылетел наружу и припустил, поджав

хвост, к домику Хагрида. Гарри тоже выбрался из машины, а минуту спустя вылез и Рон, все еще с одеревенелой шеей, и принялся разминать конечности. Гарри признательно похлопал фордик по капоту, и тот тронулся обратно в лес, где вскоре исчез в темноте.

Гарри вошел в хижину за мантией-невидимкой, Клык уже дрожал под одеялом в своем углу. Выйдя из дома, Гарри обнаружил Рона на грядке с тыквами в самом плачевном состоянии.

— Следуйте за пауками! — прохрипел он, вытирая рот рукавом. — Никогда не прощу это Хагриду! Как мы вообще остались живы!

— Он был уверен, что Арагог не причинит вреда его друзьям, — возразил Гарри. — Я в этом не сомневаюсь.

— У нашего Хагрида точно заскок! — Рон со злости ударил кулаком по стене хижины. — Он считает, что чудища не так страшны, как кажутся с виду! И вот куда это его завело! В камеру Азкабана! — Рона колотила неудержимая дрожь. — Какой был смысл посылать нас туда? Что такое мы там узнали?

— Очень многое! Хотя бы то, что Хагрид никогда не открывал Тайной комнаты. — Гарри набросил на Рона мантию-невидимку и легонько подтолк-

нул. — Хагрид не виноват, вот что он хотел нам сказать. Ладно, идем, скоро будет светать.

Рон только громко фыркнул в ответ. Вырастить Арагога в чулане замка вовсе не представлялось ему невинной затеей.

Подойдя к замку, Гарри опустил мантию ниже, чтобы и ног не было видно, затем осторожно открыл скрипучие двери. Снова тихонько пересекли холл, поднялись по мраморной лестнице и устремились по длинным переходам к гриффиндорской башне, всякий раз придерживая дыхание, когда мимо проходила бдительная охрана.

Вот наконец и гостиная, в камине горит сам собой огонь посреди горячего пепла. Сняв мантию-невидимку, друзья по винтовой лестнице поднялись к себе в спальню.

Рон, не раздеваясь, свалился на кровать.

Но Гарри, как ни странно, в сон не клонило. Он сел на постель, размышляя над тем, что им рассказал Арагог.

Значит, в замке все-таки прячется чудовище. Оно среди монстров что-то вроде Волан-де-Морта среди волшебников. Пауки даже боятся произносить его имя. Увы, им с Роном не удалось узнать, что оно представляет собой и как превращает лю-

дей в каменные изваяния. Хагриду тоже ничего о нем не известно.

Гарри подтянул ноги на кровать и откинулся на подушку, глядя на луну, которая светила в лицо сквозь узкое окно башни.

Что же делать дальше? Пока они всюду зашли в тупик Реддл поймал не того. Наследник Слизерина — по-прежнему загадка. Неизвестно, кто открыл Тайную комнату: тот же человек, что в тот раз, или совсем другой. И спросить-то не у кого. Гарри улегся, все еще обдумывая слова Арагога.

Он уже стал засыпать, как вдруг его осенила мысль, от которой сон как рукой сняло. А что, если это и есть ключ к разгадке! Гарри сел на постели.

— Рон! — зашептал он в темноте. — Рон! Проснувшись, Рон заскулил не хуже Клыка, ошалело огляделся и уставился на Гарри.

— Рон, та девушка, что умерла… Арагог сказал, что ее нашли в туалете, — зашептал Гарри, стараясь перекрыть громкий храп Невилла. — Вдруг она с тех пор так и живет в туалете? Вдруг она все еще там?

Рон протер глаза, хмуро косясь на луну. И тут до него дошло!

— Гарри, ты что, думаешь, это Плакса Миртл?

Глава 16

ТАЙНАЯ КОМНАТА

— Когда мы варили Оборотное зелье, она ведь все время была рядом, в последней кабинке, — сокрушался Рон на следующее утро во время завтрака. — Мы могли обо всем ее расспросить. А теперь…

Найти пауков было непросто. Но сейчас добраться до убежища Миртл еще труднее. Надо миновать дозорных, надолго скрыться от бдительного ока преподавателей, иначе разговора не получится, да и туалет Плаксы Миртл расположен в двух шагах от места нападения на Джастина и Миссис Норрис. Друзья безуспешно ломали голову над неразрешимой, казалось, задачей.

Но на первом уроке МакГонагалл объявила им пренеприятную новость, и они думать забыли — впервые за эти недели — про зловещую Комнату: через неделю, первого июня начнутся экзамены.

— Экзамены? — ужаснулся Симус Финниган. — У нас еще будут экзамены?

За спиной Гарри что-то грохнуло. Невилл Долгопупс выронил волшебную палочку, и одной из

ножек его стола как не бывало. Взмахом палочки профессор МакГонагалл привела стол в порядок и повернулась к Симусу.

— Если школа до сих пор не закрыта, так только для того, чтобы вы не остались неучами, — сказала она строго. — Экзамены состоятся как обычно, и я надеюсь, что вы будете усердно готовиться.

Усердно готовиться! Гарри и помыслить не мог об экзаменах. Класс зашумел, и профессор МакГонагалл, сурово нахмурилась.

— Я хочу подчеркнуть: профессор Дамблдор предписал соблюдать заведенные порядки, разумеется, насколько возможно. А это включает проверку усвоенных за год знаний.

Гарри грустно смотрел на двух белых кроликов, которых требовалось превратить в комнатные туфли. Какие знания он усвоил за год? Что будет говорить на экзаменах? У Рона был такой вид, словно он получил приказ немедля поселиться в Запретном лесу.

— Ты только представь, как я сдаю экзамены вот с этим. — Он показал Гарри свою увечную волшебную палочку, которая как раз в этот миг задребезжала и издала свист.

За три дня до экзаменов профессор МакГонагалл сделала за завтраком еще одно объявление.

— У меня хорошие новости, — начала она, и притихший было Большой зал взорвался криками.

— Дамблдор возвращается! — шумно обрадовались многие.

— Поймали наследника Слизерина! — воскликнула какая-то девушка за столом Когтеврана.

— Матчи по квиддичу возобновляются! — вопил Вуд.

— Профессор Стебль известила меня, — продолжала МакГонагалл, когда гвалт стих, — что мандрагоры наконец-то созрели и готовы к употреблению. Уже вечером мы сможем вернуть к жизни всех претерпевших заклятие Оцепенения. Хочу вам напомнить, что одна из жертв, по-видимому, знает, кто именно на них напал. Горячо надеюсь, что этот кошмарный год успешно завершится поимкой преступника.

Зал радостно зашумел. Гарри не удержался и бросил взгляд на слизеринцев: Драко Малфой не спешил присоединиться к общему ликованию. А вот у Рона лицо первый раз за много дней озарилось улыбкой.

— Может, нам и не придется расспрашивать Миртл! — сказал он Гарри. — У Гермионы наверняка есть ответы на все вопросы. Ох, что с

ней будет! Экзамены через три дня, а она не готовилась! Я бы на их месте не стал ее оживлять, подождал, пока экзамены кончатся!

Подошла Джинни и села рядом с Роном. Вид у нее был растерянный, даже нервный. Гарри обратил внимание, что она с такой силой стиснула руки, что пальцы у нее побелели.

— Что с тобой? — спросил Рон, накладывая себе еще овсянки.

В ответ Джинни лишь с тоскливым страхом оглядела их стол. Выражение ее лица кого-то напомнило Гарри, но он никак не мог вспомнить кого.

— Выкладывай, что у тебя, — произнес Рон с набитым ртом.

Гарри вдруг сообразил, на кого походит сейчас Джинни. Сидя в кресле, она слегка раскачивалась — точь-в-точь Добби, раздираемый сомнениями, сказать или не сказать известный ему одному секрет.

— Мне надо с вами поговорить, — прошептала она смущенно, избегая смотреть на Гарри.

— Ну, так говори, — подбодрил ее Гарри. Но Джинни как будто не могла найти нужных слов.

— Мы слушаем! — Рон начинал терять терпение.

Джинни открыла рот, но не произнесла ни звука. Гарри наклонился к ней и, понизив голос, чтобы слышали только она с Роном, сказал:

— Ты про Тайную комнату? Что-нибудь видела? кто-то странно себя ведет?

Джинни глубоко вздохнула, и в этот миг к ним подошел усталый, осунувшийся Перси Уизли.

— Ты уже поела, Джинни? Тогда я сяду на твое место. Умираю от голода. Я только что с дежурства.

Джинни подскочила, словно ее кресло на секунду превратилось в электрический стул, бросила на Перси быстрый, испуганный взгляд и убежала прочь. Перси сел и взял со стола большую кружку.

— Перси! — рассвирепел Рон. — Она как раз собиралась сообщить нам что-то очень важное!

Застигнутый этими словами посреди изрядного глотка чая, Перси чуть не захлебнулся.

— Интересно, что она хотела сказать? — закашлялся он.

— Я спросил, не видела ли она что-нибудь необычное, она уже открыла рот…

— Это… м-м… вряд ли связано с Тайной комнатой, — перебил его Перси. Рон удивленно поднял брови:

— Тебе что-то известно?

— Нет, но… Если уж зашла речь о секретах… Джинни… Мы с ней тут столкнулись… Недавно… Когда я — ну, ты не подумай, — короче, дело в том, что она видела меня, когда я не совсем обычно себя вел. И я попросил ее никому об этом не говорить. Судя по всему, она сдержала слово. Но это сущий пустяк, правда…

Гарри никогда еще не видел Перси таким смущенным.

— Что же ты такое делал, Перси? — лукаво улыбнулся Рон. — Открой нам свой секрет, мы не будем смеяться…

Но Перси, как всегда, оставался серьезным.

— Дай мне, пожалуйста, вон ту булочку, Гарри. Я страшно хочу есть…

Гарри понимал, все тайны могут завтра раскрыться и без их с Роном помощи, и все-таки решил поговорить с Плаксой Миртл, если представится случай. К его радости, случай представился. После полудня Златопуст Локоне сопровождал их на историю волшебства.

Локоне, сто раз на день повторявший, что опасности больше нет (это как раз могло свидетельствовать об обратном), был искренне убежден, что платит непомерную цену за де-

журства и другие охранные меры: волосы у него были не завиты и золотом не отливали — еще бы, ведь он полночи провел на ногах, патрулируя четвертый этаж.

— Помяните мое слово, — начал он, когда класс свернул за угол, — первое, что скажут ожившие изваяния: «Это был Хагрид». Говоря откровенно, я поражаюсь, почему профессор МакГонагалл до сих пор не отменила эти обременительные меры безопасности.

— Полностью согласен с вами, сэр, — поддакнул Гарри, отчего Рон в изумлении выронил книги.

— Спасибо, Гарри, — благосклонно ответил Локоне и остановил гриффиндорцев, пропуская длинную колонну пуффендуйцев.

— К чему все эти ночные бдения, прогулки с учениками между уроками, у преподавателей и без того хватает дел! Излишняя предосторожность!

— Вы совершенно правы, сэр, — кивнул Гарри, и тут Рон смекнул, что к чему.

— Почему бы, сэр, вам прямо сейчас не отказаться от этой чепухи? — сказал он. — Осталось всего-то пройти один коридор…

— А ты знаешь, Уизли, я, пожалуй, последую твоему совету, — решил Локоне. — Мне надо

пойти подготовиться к следующему уроку.

И Локоне поспешно удалился.

— Подготовиться к уроку! — хмыкнул ему вслед Рон. — Волосы пошел завивать…

Сделав вид, что ищут что-то в карманах, друзья подождали, пока класс их обгонит, повернули обратно и стремглав бросились к туалету Плаксы Миртл. Все пока шло как по маслу.

— Поттер! Уизли! Что вы здесь делаете? — остановил их грозный голос профессора МакГонагалл.

— Мы тут… Мы это… — замялся Рон. — Мы собирались пойти…

— Повидать Гермиону, — пришел другу на помощь Гарри.

И Рон, и профессор МакГонагалл взглянули на него с нескрываемым удивлением.

— Мы ее не видели сто лет, профессор, — наступив Рону на ногу, продолжал как ни в чем не бывало Гарри. — И решили потихоньку сбегать в больничное крыло… Поймите, мандрагоры уже поспели… и… стало спокойнее…

Профессор МакГонагалл какое-то время внимательно глядела на него, Гарри ожидал, что сейчас последует очередное увещевание. Но МакГонагалл заговорила тихим, прерывающимся

голосом.

— Да… разумеется… я понимаю, как это тяжело друзьям… Конечно, Поттер, конечно, пойдите навестить мисс Грэйнджер. Я извещу профессора Бинса о причине вашего отсутствия. Скажите мадам Помфри, что я разрешила… — И на ее всегда строгие глаза, к изумлению Гарри, навернулись слезы.

С трудом веря, что удалось избежать неприятностей, Гарри с Роном свернули за угол и отчетливо услышали, как профессор МакГонагалл, шмыгнув носом, высморкалась.

— Здорово! — произнес Рон с чувством. — Лучше ты еще ничего не выдумывал!

И друзья — что еще оставалось — зашагали в больничное крыло, постучали в дверь и сказали в щелку мадам Помфри, что профессор МакГонагалл позволила им навестить Гермиону.

Мадам Помфри пустила их, правда с большой неохотой.

— Какой смысл навещать оцепеневших, — проворчала она.

И друзья, присев возле Гермионы, признали ее правоту. Гермиона не подавала ни малейших признаков жизни и, конечно, не сознавала, что у нее гости. Сказать ей, что совсем скоро все будет

хорошо, — все равно что говорить с ее тумбочкой.

— Вот было бы здорово, если бы она видела преступника. — Рон печально глядел на неподвижное лицо Гермионы. — Ведь если он сбежал из замка, никто никогда не узнает…

Но Гарри смотрел не на лицо, а на правую руку, лежащую поверх одеяла, пальцы были сжаты в кулак, из кулака что-то торчало. Гарри наклонился и увидел клочок бумаги.

Не сомневаясь, что мадам Помфри где-то рядом, он молча указал на него Рону.

— Постарайся вытащить, — шепнул Рон, передвинув свой стул, чтобы заслонить Гарри. И стал следить за дверью — вдруг кто войдет.

Дело оказалось довольно трудным. Пальцы Гермионы крепко держали бумагу, Гарри потянул кончик, боясь оторвать. Отпустил, потянул одну сторону, потом другую, опять отпустил, и, наконец, после долгих усилий высвободил бумажку из окаменевших пальцев.

Это была страница, вырванная из какой-то очень старой библиотечной книги. Гарри торопливо разгладил ее. Рон, сгорая от любопытства, тотчас навалился ему на плечо.

«…из многих чудищ и монстров, коих в наших

землях встретить можно, не сыскать таинственней и смертоносней Василиска, также еще именуемого Король Змей. Сей гад может достигать размеров воистину гигантских, а срок жизни его — многие столетия. На свет он рождается из куриного яйца, жабой высиженного. Смерть же несет путем диковинным, небывалым, ибо, кроме клыков ужасных и ядовитых, даден ему взгляд убийственный, так что ежели кто с ним очами встретится, тотчас примет кончину скорую и в муках великих. Особливо боятся Василиска пауки, сторонятся елико возможно, ибо он есть враг их смертельный; сам оный Василиск страшится лишь пения петушиного, ибо гибельно оно для него…»

Под этими строками рукой Гермионы — Гарри сразу узнал ее почерк — выведено всего одно слово «Трубы». И тут для друзей как будто во тьме вспыхнул свет!

— Рон, — выдохнул Гарри. — Вот оно! Ведь это ответ! Чудище Тайной комнаты — василиск, гигантская змея! Вот почему я единственный, кто слышит голос. Ведь я здесь один понимаю змеиный язык Гарри оглядел другие кровати.

— Василиск убивает людей взглядом. Но он пока никого не убил. Наверное, потому, что ни-

кто из них не смотрел ему прямо в глаза. Колин видел его через глазок фотокамеры, василиск сжег вставленную в нее пленку, но самого Колина убить не смог, только обратил в камень. Джастин… Джастин, скорее всего, смотрел на василиска сквозь Почти Безголового Ника! Весь заряд василиска пришелся на Ника, но Ник-то второй раз умереть не мог! А рядом с Гермионой и старостой Когтеврана, помнишь, лежало зеркальце. Гермиона догадалась, что чудовище из Тайной комнаты — василиск Спорим на что угодно — она сказала первому, кого встретила, давай на всякий случай заглянем за угол с помощью зеркала. Девушка достала зеркальце, а дальше — сам знаешь….

— А Миссис Норрис? — сгорая от любопытства, спросил Рон.

Гарри задумался, пытаясь вызвать в воображении все, что происходило в ту памятную ночь Хэллоуина.

— Вода… — проговорил он медленно. — Помнишь, тогда затопило туалет Плаксы Миртл? Уверен, Миссис Норрис видела только отражение в воде…

Он еще раз подробно перечитал страничку, все глубже вникая в смысл.

— «…страшится лишь пения петушиного, ибо гибельно оно для него…» А петухи-то Хагрида были все перебиты! Наверное, наследник Слизерина постарался: ведь василиска, скорее всего, он выпустил на свободу! И смотри, что дальше: «Особливо боятся Василиска пауки…» Ну все, все сходится!

Рон потеребил собственное ухо и опять спросил:

— Но как этот василиск передвигается по замку? Здоровенная змеюга… кто-то, наверняка, должен был его заметить…

Гарри указал на слово, второпях написанное Гермионой внизу страницы.

— Трубы, — сказал он, — трубы… Знаешь, Рон, василиск ползает по трубам, встроенным в стены замка. Теперь я понял: тот голос я слышал именно сквозь стену…

Рон схватил Гарри за руку.

— Вход в Тайную комнату! — от волнения у него сел голос. — Что, если он в туалете? А вдруг это…

— …туалет ПЛАКСЫ МИРТЛ! — закончил за него Гарри.

Друзья сидели, потрясенные, боясь поверить собственной догадке. Гарри нервно потер лоб:

— Значит, в школе кто-то еще говорит на зме-

ином языке. Это, конечно, наследник Слизерина. Потому он и может повелевать василиском.

— Что же нам делать? — Глаза Рона горели. — Пойти прямо к МакГонагалл?

— Да, скорее в учительскую! — Гарри вскочил на ноги. — Она придет туда через десять минут. Сейчас будет звонок.

Друзья побежали вниз. Им не хотелось, чтобы кто-нибудь застал их в этом коридоре, да еще во время урока. Преодолев робость, они вошли в пустую учительскую. Это была большая комната, обшитая деревянными панелями, уставленная креслами черного дерева. Но друзья не стали садиться, слишком были взволнованны. Ходили по комнате, ожидая звонка. Однако звонок на перемену так и не прозвенел.

Вместо него эхом прокатился по замку усиленный мегафоном голос профессора МакГонагалл:

— Всем ученикам немедленно вернуться в свои спальни. Всем преподавателям собраться в учительской. Пожалуйста, как можно скорее.

Гарри обернулся к Рону:

— Неужели новое нападение?

— Что будем делать? Пойдем в спальню?

— Нет, — ответил Гарри, оглядываясь.

Слева от него высилось разлапистое сооруже-

ние, увешанное мантиями преподавателей.

— Давай спрячемся сюда. Послушаем, что произошло. А потом расскажем, что мы нашли.

Друзья укрылись среди мантий, слыша над головой, этажом выше, топот многих десятков ног. Скоро дверь учительской распахнулась, и в щелки между складок, отдающих затхлостью, мантий они увидели, как входят преподаватели. Одни бьши растеряны, другие — откровенно испуганы. Последней появилась профессор МакГонагалл.

— Это опять случилось, — сказала она в наступившей тишине. — Монстр напал на ученика. На сей раз утащил в Тайную комнату.

Профессор Флитвик вскрикнул. Профессор Стебль прижала руки ко рту. Снегт с силой сжал спинку кресла.

— Откуда такая уверенность? — спросил он.

— Наследник Слизерина, — МакГонагалл побледнела, — оставил еще одну надпись на стене, прямо под первой: «Ее скелет будет пребывать в Комнате вечно».

Профессор Флитвик залился слезами.

— Кто на этот раз? — воскликнула мадам Трюк. Ноги у нее подкосились, и она упала в кресло.

— Джинни Уизли.

Гарри почувствовал, как за его спиной Рон, не

произнеся ни звука, сполз на пол.

— Завтра будем отправлять учеников домой, — горестно стиснула ладони МакГонагалл. — Хогвартс на грани закрытия. Дамблдор говорил…

Дверь учительской опять распахнулась с громким стуком. На краткий миг у Гарри мелькнула безумная надежда, что войдет Дамблдор. Но это был, как всегда, сияющий Локоне.

— Простите, что опоздал, просто сплю на ходу! Пропустил что-то важное?

По-видимому, он не замечал, что присутствующие смотрят на него не то с ненавистью, не то с отвращением.

— Вот тот, кто нам нужен! — выступил вперед Снегг. — Да, именно он. Послушайте, Локоне, монстр похитил девочку. Утащил ее в Тайную комнату. Коллега, наконец пробил ваш час.

Локоне побледнел.

— В самом деле, Златопуст, — вмешалась профессор Стебль. — Не вы ли вчера вечером объявили, что вам доподлинно известно, где вход в Тайную комнату?

— Я… Ну да… Я… — залепетал Локоне.

— Вы меня уверяли не далее как вчера, что знаете, кто там обитает, — всхлипнув, перебил его Флитвик.

— Я? Ув-уверял? Н-не припомню…

— А вот я абсолютно точно помню, как вы сетовали, что вам не удалось продемонстрировать всем нам свою волшебную силу: преступника, то есть Хагрида, успели арестовать, — продолжал Снегг. — Вы укоряли нас, что вам с самого начала не предоставили свободу действий — тогда бы никаких бед в школе не произошло.

На лицах коллег не было ни капли сочувствия.

— Я… Я, честное слово… Вы, видимо, превратно меня поняли…

— Словом, профессор Локонe, мы хотим загладить допущенную несправедливость. Поручаем вам сразиться с чудовищем, — заключила профессор МакГонагалл. — Сегодня вечером у вас наконец-то будут развязаны руки. И вы совершите подвиг — избавите Хогвартс от чудовища.

Локонe потерянно озирался. Увы! Ни одного сочувственного взгляда. И он разом утратил весь свой лоск, губы тряслись, белозубая улыбка исчезла, он выглядел слабым и ничтожным.

— О-очень хорошо, — промямлил он, запинаясь. — Ну я… пошел. Буду у себя в кабинете… подготовлюсь…

И Локонe поспешил покинуть учительскую.

— Ну, хоть это хорошо, — профессор МакГона-

галл махнула рукой. — Локоне больше не будет путаться у нас под ногами, — и перешла к главному. — Поручаю деканам известить студентов о том, что случилось. Скажете им, что завтра утром экспресс увезет их домой. Всех остальных попрошу проследить, чтобы никто из учеников не покидал факультетских помещений.

Преподаватели молча поднялись и разошлись один за другим.

* * *

Вероятно, за всю жизнь у Гарри не было худшего дня. Он и Рон с близнецами сидели в углу гриффиндорской гостиной, не зная, о чем говорить. Перси не было. Отправив сову мистеру и миссис Уизли, он заперся в своей комнате.

Ни один день не тянулся так долго, как этот, никогда гриффиндорская гостиная не была так переполнена и тиха. Наконец стало смеркаться, и Фред с Джорджем, не в силах больше выносить траурного бдения, отправились спать.

— Джинни что-то знала, — заговорил Рон первый раз после того, как они покинули учительскую. — Поэтому на нее и напали. Перси со своими глупостями тут ни при чем. Джинни наверняка что-то разведала про Тайную комнату.

Другой причины нет, ведь она… ведь наша семья чистокровные волшебники. — Рон вытер заблестевшие в глазах слезы.

Гарри смотрел, как кроваво-красное солнце опускается за горизонт. На душе было, как никогда, скверно. Если бы можно было хоть что-то сделать! Ну, хоть что-нибудь.

— Гарри, — тихо сказал Рон, — как ты думаешь, может такое быть… что Джинни… Понимаешь… Джинни…

Гарри страдающими глазами смотрел на Рона. Что тут ответишь? Почти нет надежды, что Джинни еще жива.

— Давай пойдем к Локонсу, — вновь начал Рон. — Он ведь согласился проникнуть в Тайную комнату. Расскажем ему, что узнали: про Комнату, про василиска.

Гарри ничего лучшего придумать не мог, а действовать ему не терпелось, и он не стал возражать. Друзья встали и пошли к выходу. Бывшие в гостиной гриффиндорцы были так расстроены, так жал ели Рона, что никто даже не пытался остановить их. И Рон с Гарри беспрепятственно вышли сквозь портретный проем.

Когда они спустились к кабинету Локонса, уже совсем стемнело. Из-за двери доносились шоро-

хи, глухой стук, торопливые шаги, там, судя по всему, кипела бурная деятельность.

Гарри постучал, и тотчас внутри все стихло. Дверь слегка приоткрылась, в узкую щелку блеснул глаз Локонса.

— А… мистер Поттер… мистер Уизли… — Дверь открылась чуточку шире. — Я сейчас чрезвычайно занят… Только если вы быстро…

— Профессор, у нас есть важная новость, — сказал в щель Гарри. — Мы думаем, она вам поможет…

— М-м-м-м… Ну хорошо… Все это не так страшно… — Лицо Локонса, во всяком случае та его часть, что виднелась в щелку, выглядело крайне смущенно. — Я хочу сказать… все, в общем, нормально…

Он открыл дверь, и друзья вошли.

Кабинет был почти полностью разорен. Два объемистых чемодана стояли на полу, обнажив чрево: в одном наспех свалены мантии — нефритово-зеленые, сиреневые, лиловые, цвета ночного неба, — другой столь же беспорядочно набит книгами Локонса. Фотографии, которые еще вчера весело подмигивали со стен, теперь мертво покоились в коробках.

— Вы куда-то собираетесь? — спросил Рон.

— Э-э-э… да, собираюсь, — ответил Локонс, содрав с двери собственное изображение в полный рост и скатывая его в трубку. — Срочный звонок… Суровая необходимость… Вынужден уехать…

— А как же моя сестра? — нахмурился Рон.

— Да, конечно, такое несчастье, — пробормотал Локонс, избегая их взглядов. Выдернул из стола ящик и вытряхнул в дорожную сумку содержимое. — Никто сильнее меня не скорбит…

— Но вы же преподаватель защиты от темных искусств! — воскликнул Гарри. — Как вы можете все сейчас бросить и уехать отсюда! Здесь теперь собрались самые злые темные силы!

— Видите ли… Должен вам сказать… Когда меня пригласили на эту должность, — Локонс бросил поверх мантий груду носков, — ничто не предвещало такого поворота событий. Это для меня полная неожиданность…

— Вы хотите сказать, что попросту убегаете? — Гарри не верил своим ушам. — После всех подвигов, описанных в ваших книгах?

— Да, книги, конечно, в какой-то степени могут вводить в заблуждение, — дипломатично возразил Локонс.

— Но вы сами их написали! — закричал Гарри.

— Мой юный друг. — Локонс, нахмурившись,

выпрямился. — Проявите наконец здравый смысл. Мои книги и вполовину не продавались бы так успешно, если бы люди думали, что эти подвиги совершил не я, а кто-то другой. Ну кто бы стал читать про старого армянского колдуна, пусть даже спасшего целую деревню от упырей? Ах, он бы своим мерзким видом испортил обложку! Да еще и одевался безо всякого вкуса! А у колдуньи, которая изгнала ирландское привидение, накликающее смерть, была, вообразите себе, заячья губа! Моя внешность, это, как бы сказать, — приманка, залог успеха…

У Гарри происходящее не укладывалось в голове:

— Так что же это выходит? Вы просто присвоили себе то, что совершили другие люди?

— Гарри, Гарри, Гарри! — Локоне укоризненно покачал головой. — Все отнюдь не так просто, как кажется. Это труд, и труд нелегкий. Надо было найти этих волшебников, подробно обо всем расспросить. И затем подвергнуть заклинанию Забвения. Это входило в мои планы, им предстояло забыть свои подвиги. Чем я действительно горжусь, так это моими заклинаниями Забвения! Да, Гарри, да, мной был проделан огромный труд! Пойми же, автографы на книгах, рекламные

фотографии — это еще не все. Хочешь добиться славы — готовься к долгой, упорной работе.

Локоне захлопнул крышки чемоданов и запер их.

— Ну, кажется, все, — сказал он, оглядевшись. — Осталось сделать последний завершающий штрих.

Достал волшебную палочку и повернулся к друзьям.

— Весьма сожалею, мальчики, но мне придется прибегнуть к заклинанию Забвения, чтобы вы не разболтали моих секретов, иначе я не сумею продать ни одной книги…

Но Гарри вовремя сообразил, что к чему, и уже держал наготове свою палочку. Не успел Локоне закончить фразы, как он воскликнул:

— Эюспелпиармус!

Локонса отшвырнуло назад. Опрокинув чемодан, он упал на пол. Волшебная палочка выскочила у него из рук, Рон схватил ее и выкинул в открытое окно. Гарри с яростью пнул ногой чемодан.

— Зря вы тогда допустили, чтобы профессор Снегг научил нас этому приему!

Локоне, сидя на полу, съежился — Гарри все еще держал его под прицелом своей палочки.

— Что вам от меня нужно? — плаксивым голосом спросил преподаватель защиты от темных искусств. — Ну не знаю я, где эта Тайная комната. И поделать ничего не могу.

— Вам повезло, — обрадовал его Гарри, движением палочки подняв профессора на ноги. — Зато мы знаем, где она. И знаем, кто в ней прячется.

Они вывели Локонса из кабинета, спустились по ближайшей лестнице и пошли по темному коридору, где на стене горели послания наследника, к убежищу Плаксы Миртл.

Локонса пустили идти первым. И Гарри не без удовольствия отметил: того от страха трясет так, что колотится мантия.

Миртл восседала на бачке в последней кабинке.

— Это ты? — удивилась она, увидев Гарри. — Зачем опять пришел?

— Спросить тебя, как ты умерла, — ответил Гарри.

Миртл в мгновение ока преобразилась, буквально расцвела на глазах, точно еще никто никогда не задавал ей столь лестного вопроса.

— О-о-о! Это был кошмар! — заговорила она, смакуя каждое слово. — Я умерла прямо здесь, вот в этой кабинке. Как сейчас помню, спряталась я

сюда, потому что Оливия Хорнби смеялась над моими очками. Обидно дразнила. Я заперлась на задвижку и стала плакать. Потом услышала, что в туалет вошли и стали говорить. Я не поняла что, наверное на другом языке. Один из говоривших был мальчик. Я, естественно, отперла дверь и сказала ему, чтобы он шел в свой туалет. Тут-то это и произошло. — Миртл надулась от важности, лицо ее просияло. — Я умерла.

— Но как?

— Сама не знаю. — Миртл сбавила торжественный тон. — Помню только два огромных-преогромных желтых глаза. Все мое тело сдавило, куда-то понесло… — Она туманно посмотрела на Гарри. — А потом… потом я снова сюда вернулась. Я решила постоянно являться Оливии Хорнби. Ну, ты понимаешь… Ох, как она жалела, что смеялась над моими очками…

Гарри на секунду задумался.

— Покажи точно, где ты видела эти глаза?

— А-а, где-то там. — Миртл неопределенно махнула в сторону умывальника перед ее кабинкой.

Рон и Гарри сейчас же подошли к нему. Локоне с глазами, полными ужаса, благоразумно остался сзади.

На первый взгляд это была самая обыкновенная

раковина. Они обследовали каждый сантиметр внутри и снаружи, включая уходящие в пол трубы. И Гарри заметил — на одном медном кране нацарапана крохотная змейка.

— Этот кран никогда не работал, — радостно сообщила Миртл, когда Гарри попробовал его открыть.

— Гарри, — охрипшим шепотом попросил Рон. — Скажи что-нибудь на змеином языке.

— Но ведь я... — Гарри слегка растерялся от неожиданности. До сих пор он говорил только с живыми змеями, да и то два раза. Он зачарованно уставился на миниатюрную гравировку, силясь вообразить, что перед ним настоящая змея.

— Откройся, — велел он и вопросительно взглянул на Рона. Тот отрицательно покачал головой:

— Нет, это не змеиный язык.

Гарри снова посмотрел на змейку, усилием воли заставляя себя верить, что она живая; замотал головой и при колеблющихся огоньках свечей ему показалось, что змейка шевельнулась.

— Откройся! — опять приказал Гарри.

На этот раз произнесенных слов никто не услышал. Из уст Гарри вырвалось странное шипение, кран вспыхнул опаловым светом и начал вращаться. Еще мгновение — умывальник подался

вниз, погрузился куда-то и пропал из глаз, открыв разверстый зев широкой трубы, приглашавший начать спуск — вот только куда?

Рон судорожно вздохнул. Гарри провел по лицу ладонью, собираясь с мыслями. Надо было на что-то решаться.

— Ну, я пошел, — твердо сказал он.

Не мог не пойти. Это наверняка вход в Тайную комнату, и, если есть пусть самый слабый, самый безнадежный, самый фантастический шанс, что Джинни жива, он пойдет, чего бы это ни стоило.

— Я с тобой, — сказал Рон.

Воцарилось молчание.

— Кажется, я вам тут не нужен, — робко вмешался Локоне с тенью былой улыбки. — Я как раз…

Он уже взялся за ручку двери, но Гарри и Рон оба навели на него волшебные палочки.

— Право пойти первым принадлежит вам, — жестко сказал Гарри.

Бледный, лишенный оружия, Локоне приблизился к зияющей дыре.

— Мальчики, — простонал он умирающим голосом. — Ну что хорошего в этой затее?

Гарри ткнул его в спину палочкой. Локоне свесил ноги в трубу.

— Я, право, не нахожу в этом… — начал он было, но Рон его подтолкнул, и белозубый красавец ухнул в неведомые глубины.

Гарри тоже не стал ждать — осторожно влез в трубу, держась за ее край, и разжал пальцы.

Полет в трубе был похож на скольжение с крутой горы — бесконечной, темной, покрытой слизью. Мимо пролетали отходящие в стороны рукава, но ни один не был таким широким, как главный канал, который, извиваясь, круто уходил вниз. Скоро Гарри не сомневался, что летит глубоко под замком, ниже всех подземелий. Где-то позади со свистящим шумом преодолевал повороты Рон.

Полет когда-то кончится, забеспокоился Гарри, вообразив, как он упадет на землю. Но труба вдруг изогнулась под прямым углом, выпрямилась и оборвалась. Гарри выбросило из нее с влажным чмоканьем, и он приземлился на мокрый пол во тьму каменного тоннеля высотой в человеческий рост. Локоне уже поднялся на ноги неподалеку, тоже сплошь заляпанный грязью и белый, как полотно. Гарри успел шагнуть в сторону — из трубы с таким же чмоканьем выскочил Рон.

— Мы, наверное, ушли под школу на целые мили. — Голос Гарри эхом прокатился в темноте

тоннеля.

— Может, даже под озеро, — заметил Рон, ощутив рукой на стене потеки ила. Мрак в туннеле царил непроглядный.

— Люмос, — шепнул Гарри волшебной палочке, и на кончике у нее вспыхнул неяркий огонек — Идемте, — позвал он Рона и Локонса.

Компания, теперь уже пешим ходом, двинулась дальше. Шаги по мокрому полу разносились под сводами подобно гулким шлепкам.

Гонимая лучом света, тьма отступала, открывая все те же влажные, облепленные илом стены. В волшебном свете тени идущих казались фантастическими чудищами.

— Помните, — предупредил Гарри вполголоса, — при малейшем шорохе надо сейчас же зажмуриться.

Но в тоннеле царила мертвая тишина. Первым неожиданным звуком был хруст — Рон наступил на что-то, оказавшееся крысиным черепом. Гарри направил на него луч света — весь пол был усеян костями мелких животных. Отгоняя страшную мысль, что и от Джинни остались такие вот косточки, Гарри зашагал дальше, следуя мрачным поворотам каменного коридора.

— Гарри, там впереди что-то есть, — вдруг ис-

пуганным шепотом произнес Рон, схватив друга за плечо.

Путники замерли, всматриваясь в черноту, едва освещенную огоньком. Впереди Гарри различил контуры огромных колец, лежащих поперек тоннеля. Кольца не двигались.

Гарри оглянулся на спутников.

— Может быть, чудовище спит?

Локоне изо всех сил прижимал ладони к глазам. Гарри опять взглянул на загадочную диковину — сердце у него колотилось до грудной боли.

Очень медленно, почти зажмурившись, Гарри пошел вперед, высоко подняв волшебную палочку.

Свет скользнул по гигантской змеиной шкуре ядовито-зеленого цвета. Существо, сбросившее ее, было в длину метров двадцать.

— Ого, — едва слышно шевельнул губами Рон.

Позади что-то упало. Друзья обернулись — Локоне лежал на полу без движения.

— Вставайте! — приказал Гарри, прицелившись в него волшебной палочкой.

Локоне поднялся и неожиданно напал на Рона, сбив его с ног.

Гарри бросился на подмогу, но опоздал. Тяжело дыша, профессор горделиво выпрямился, у него

в руке была волшебная палочка Рона, а на лице сверкала прежняя ослепительная улыбка.

— Конец приключению, мальчики! — воскликнул он. — Я возьму с собой наверх кусок этой замечательной змеиной кожи. И расскажу в школе, что спасти девочку было уже нельзя, а вы двое лишились рассудка при виде ее искалеченного тела. Прощайтесь со своей памятью! Отныне вы ничего не будете помнить о прошлом!

Он поднял повыше злосчастную палочку, перебинтованную магической лентой, и провозгласил:

— Забвение!

Сбылись самые худшие страхи Рона — волшебная палочка взорвалась с мощью хорошей гранаты. Закрыв голову руками, Гарри кинулся бежать, оскальзываясь на кольцах змеиной кожи. С потолка туннеля рушились громадные глыбы. В мгновение ока перед ним вырос каменный завал, отрезавший его от Рона.

— Рон! — крикнул Гарри. — Рон, ты жив? Рон!

— Я здесь! — Голос Рона глухо донесся с другой стороны завала. — Я в порядке. А этого гада, кажется, здорово шибануло!

Послышался звук тупого удара и громкое «ой!». Рон, наверное, хорошенько пнул Локонса.

— Что будем делать? — Растерянность в голосе Рона слышалась даже сквозь гранитную толщу. — Нам отсюда не выбраться. Хоть сто лет рой!

Гарри осмотрел тоннельные своды — в них явно появились трещины. На втором курсе их еще не учили двигать тяжелые камни с помощью волшебства, и сейчас не очень-то подходящее время учиться. Как бы совсем не завалить тоннель!

По ту сторону завала послышался еще удар, еще один вскрик Уходили драгоценные минуты. Джинни была в Тайной комнате уже много часов. Гарри понял: остается только одно.

— Жди меня там! — крикнул он Рону. — Жди вместе с Локонсом. Я пойду один. Если через час не вернусь…

Гарри не стал вдаваться в подробности, что тогда будет.

— А я попробую отвалить несколько глыб, — откликнулся Рон, стараясь говорить спокойно. — Чтобы ты смог… смог вернуться назад. Ты уж сам-то поосторожнее…

— Скоро увидимся. — Гарри придал уверенность нетвердо звучащему голосу и, миновав исполинскую змеиную шкуру, в одиночестве отправился дальше.

Постепенно звук передвигаемых камней затих в отдалении. Тоннель поворачивал снова и снова, каждый нерв у Гарри был напряжен до предела. Он хотел, чтобы тоннель побыстрее кончился, и страшился того, что его ожидает. Наконец миновав еще один поворот, Гарри увидел перед собой гладкую стену, на которой вырезаны две свившиеся в кольца змеи с поднятыми головками, вместо глаз у них блистали огромные изумруды.

Гарри подошел вплотную. В горле у него пересохло. В этот раз нет необходимости силой воображения оживлять змей — глаза у них и без того горят живым блеском. Гарри теперь уже знал, что делать. Прокашлялся, и глаза изумрудины, смотревшие на него, замерцали ярче.

— Откройтесь! — приказал Гарри низким, тихим шипением.

В стене появилась щель, разделившая змей, и образовавшиеся половины стен плавно скользнули в стороны.

Дрожа с головы до пят, Гарри вошел внутрь.

Глава 17

НАСЛЕДНИК СЛИЗЕРИНА

Он стоял на пороге просторной, тускло освещенной комнаты. Уходящие вверх колонны бьши обвиты каменными змеями, они поднимались до теряющегося во мраке потолка и отбрасывали длинные черные тени сквозь странный зеленоватый сумрак Сердце его неистово стучало. Гарри вслушивался в холодную тишину. Не затаился ли василиск в темном углу за колонной? И где Джинни?

Он вытащил волшебную палочку и двинулся между колонн вперед. Каждый шаг отзывался эхом от перечеркнутых тенями стен. Гарри прищурился, готовый плотно сомкнуть веки при малейшем движении. Каменные змеи, казалось, следят за ним темными глазницами. Не раз впереди мерещилось какое-то слабое шевеление.

За последней парой колонн, у задней стены, высилась циклопическая, до потолка, статуя.

Гарри запрокинул голову, гигантское лицо над ним с обезьяньими чертами и длинной жидкой бородой, ниспадающей почти до самого подо-

ла каменной мантии, принадлежало древнему старцу. Из-под мантии виднелись две громадные серые стопы, подпиравшие гладкий пол. А между стоп лежала ничком маленькая, облаченная в черное фигурка с огненно-рыжими волосами.

— Джинни, — прошептал Гарри и, бросившись к ней, упал рядом на колени. — Джинни! Только не умирай! Пожалуйста, не умирай!

Он отбросил в сторону волшебную палочку, схватил Джинни за плечи и перевернул. Лицо ее было белое как мрамор и такое же холодное, глаза закрыты — значит, она не окаменела. Но тогда она…

— Джинни, пожалуйста, очнись, — отчаянно шептал Гарри, тряся ее. Голова безжизненно моталась из стороны в сторону.

— Она не очнется, — произнес тихий голос. Гарри выпрямился и, как был на коленях, круто обернулся.

Высокий темноволосый юноша стоял, прислонившись к ближайшей колонне, и наблюдал за ним. Контуры его фигуры были странно расплывчаты, словно Гарри видел его сквозь мутноватое стекло, однако ошибиться было невозможно.

— Том? Том Реддл?

Реддл кивнул, пристально глядя на Гарри.

— Что это значит: она не очнется? — Гарри ощутил безысходную, безнадежную тоску. — Она не… Она не…

— Она пока жива, — сказал Реддл. — Но только пока.

Гарри уставился на него. Том Реддл учился в Хогвартсе пятьдесят лет назад, но здесь он стоял в таинственном, неясно обволакивающем свете ни на день старше шестнадцати лет.

— Ты что, призрак? — спросил Гарри нерешительно.

— Воспоминание, — ответил Реддл спокойно. — Полвека был заключен в дневнике.

Он указал на огромный палец стопы. Рядом с ним на полулежал открытый маленький черный дневник — тот самый, что они нашли в туалете Плаксы Миртл. На миг Гарри изумился, увидев его, но сейчас его занимали более неотложные дела.

— Помоги мне, Том. — Гарри снова поднял голову Джинни. — Давай унесем ее отсюда. Василиск где-то здесь, не знаю где, но он может появиться в любую минуту. Пожалуйста, помоги…

Реддл не шелохнулся. Барри, напрягшись, с трудом поднял Джинни и потянулся за волшебной палочкой. Но ее не было.

— Ты не видел мою палочку?

Он поднял глаза — Реддл по-прежнему наблюдал за ним, волшебная палочка Гарри вращалась в его бледных пальцах.

— Спасибо, — сказал Гарри, протягивая за ней руку.

Улыбка скривила углы рта Томаса Реддла. Он продолжал смотреть на Гарри, лениво крутя палочку.

— Послушай, — под тяжестью Джинни у Гарри сводило руки, — надо скорее уходить отсюда! Появится василиск, и тогда…

— Он не появится, если не позвать, — равнодушно бросил Реддл.

Гарри опустил Джинни на пол, не в силах больше держать ее.

— Объясни, что происходит! И пожалуйста, верни мне волшебную палочку. Она может скоро понадобиться.

Улыбка на лице Реддла стала шире.

— Она тебе больше не понадобится.

— Почему не понадобится?

У Реддла едва заметно раздулись ноздри.

— Я долго ждал этой минуты, Гарри Поттер. Возможности увидеть тебя. Поговорить с тобой.

— Том, — Гарри начал терять терпение, — нет

у нас этой возможности. Мы в Тайной комнате. Давай поговорим в другом месте.

— Мы будем говорить именно здесь, — промолвил с той же улыбкой Реддл, пряча волшебную палочку в карман.

Гарри растерянно смотрел на него. Творилось что-то неладное.

— Что случилось с Джинни? — произнес он медленно.

— Интересный вопрос, — любезно ответил Реддл. — Но это длинная история. Причина ее нынешнего состояния в том, что она открыла сердце и свои маленькие секреты некоему невидимому незнакомцу.

— Ничего не понимаю! О чем ты?

— Дневник, — пояснил Реддл. — Мой дневник. Малышка Джинни писала в нем много месяцев, поверяя мне свои ничтожные горести и печали: ее дразнит брат, ей приходится носить поношенную мантию, учиться по старым учебникам. — Тут глаза Реддла сверкнули. — Как слаба ее надежда понравиться знаменитому, прекрасному, великому Гарри Поттеру…

За всю беседу Реддл ни разу не оторвал глаз от лица Гарри — они выражали какую-то странную алчность.

— Смертельная скука — выслушивать глупенькие излияния одиннадцатилетней девчонки, — продолжал он. — Но я был терпелив. Я отвечал, я проявлял сочувствие, я был добр. И Джинни полюбила меня: «Никто никогда не понимал меня так, как ты, Том… Я так рада, что у меня есть этот дневник и я могу ему довериться… Это все равно что иметь друга, который всегда с тобой, неотлучно…»

Реддл расхохотался леденящим хохотом, дико не соответствующим облику шестнадцатилетнего подростка. От его хохота у Гарри на голове зашевелились волосы.

— Если уж я решил, Гарри, то непременно очарую того, кто мне нужен. Джинни изливала душу, а мне как раз ее душа и была нужна. Я впитывал ее глубинные страхи, самые потаенные секреты и наливался жизненными соками, становился крепче, сильнее. Моя мощь так выросла — куда там маленькой мисс Уизли. У меня накопилось столько энергии, что я начал обратное излияние — напитал мою маленькую подружку моими собственными секретами — секретами теперь уже моей души…

— Какой-то бред! — У Гарри пересохло во рту.

— Так ты еще ничего не понял, Гарри Поттер? —

вкрадчиво спросил Реддл. — Это ведь Джинни Уизли открыла Тайную комнату. Это она передушила школьных петухов и малевала на стенах угрожающие послания. Она натравила змею Слизерина на четырех грязнокровок и на кошку этого сквиба.

— Неправда, — прошептал Гарри.

— Правда, — невозмутимо сказал Реддл. — Естественно, поначалу она не понимала, что делает. Ах, как это было забавно! Вот послушай ее последнюю запись в дневнике. «Дорогой Том, — стал он читать вслух, поглядывая на искаженное ужасом лицо Гарри. — Мне кажется, что я теряю память. Вся моя мантия в петушиных перьях, а я понятия не имею, откуда они взялись. Дорогой Том, я не могу вспомнить, что делала в ночь на Хэллоуин. Тогда кто-то напал на кошку, а светящейся краской была перемазана я. Дорогой Том, Перси постоянно твердит, что я стала бледная и сама не своя. Думаю, он подозревает меня… Сегодня было еще одно нападение, и я опять не помню, где была. Том, что мне делать? Мне кажется, что я схожу с ума… Похоже, это я нападаю на всех, Том!»

Гарри так сжал кулаки, что ногти глубоко впились в ладони.

— Дурашка Джинни очень нескоро усомнилась

в своем дружке-дневнике. Но постепенно она стала что-то подозревать и попыталась избавиться от него. Тут-то ты и явился на сцену, Гарри. Ты нашел мой дневник, и это был подарок судьбы. Из всех на свете людей нашел его именно ты, человек, с которым мне так не терпелось встретиться…

— Почему же ты так желал встретиться со мной? — Гарри кипел от гнева, и ему стоило больших усилий говорить спокойно.

— Ну, видишь ли, Джинни мне многое о тебе поведала — твою захватывающую историю. — Взгляд Реддла скользнул по шраму в виде молнии на лбу Гарри, и алчность в его лице усилилась. — Я захотел разузнать о тебе побольше, познакомиться с тобой. Чтобы приобрести твое доверие, решил воочию показать тебе мой «легендарный» подвиг — разоблачение этого идиота Хагрида…

— Хагрид — мой друг, — теперь голос Гарри задрожал. — Так, значит, ты возвел на него напраслину, да? Я думал, что ты просто ошибся…

Реддл вновь засмеялся своим рокочущим смехом.

— Ведь только и было что мое слово против слова Хагрида. Но ты представь, как это выглядело для старины Армандо Диппета. С одной стороны,

Том Реддл — бедный, но талантливый сирота, храбрый школьный староста, идеальный студент. С другой — здоровенный, все путающий Хагрид (каждую неделю скандал!), который выращивает детенышей вурдалака под кроватью, убегает в Запретный лес бороться с троллями… Но признаюсь, даже я был удивлен, как прекрасно сработал план. Я думал, ведь должен же кто-то сообразить, что Хагрид просто не может быть наследником Слизерина. У меня самого ушло пять долгих лет, чтобы раскопать все о Тайной комнате, найти потайной вход… Как будто у Хагрида были мозги или особая волшебная сила! Кажется, только преподаватель трансфигурации Дамблдор не верил, что Хагрид виновен. Он уговорил Диппета оставить Хагрида в школе, выучить его на лесничего. Да, пожалуй, Дамблдор мог догадаться… Ему я никогда не нравился, как другим учителям…

— Не сомневаюсь, Дамблдор видел тебя насквозь. — Гарри даже скрипнул зубами от злости.

— Да, — кивнул Реддл. — После исключения Хагрида он устроил за мной настоящую слежку, — насмешливо заметил Риддл. — Я понимал: пока я в школе, небезопасно еще раз открывать Комнату. Но и отступать так просто не собирался. Не

хотел пустить на ветер годы, потраченные на ее поиски. И я решил оставить дневник, хранящий на своих страницах меня самого — такого, каким я был в шестнадцать лет. Тогда при счастливом стечении обстоятельств я смог бы направить кого-нибудь по моим стопам и закончить великое дело Салазара Слизерина.

— Но тебе не удалось его закончить, — сказал Гарри с торжеством. — Пока еще никто не умер, даже кошка. Еще два-три часа, и зелье из мандрагоры будет готово. И тогда все твои жертвы вернутся к жизни.

Однако Реддл ничуть не смутился.

— Как, разве я не сказал, что убийство грязнокровок потеряло для меня смысл? Уже много месяцев моя новая цель — ты.

Гарри посмотрел на него с изумлением.

— Представь себе мою злость, когда в дневнике снова стала писать Джинни. Она увидела дневник у тебя — понимаешь? — и затряслась от страха. Что, если ты догадаешься, как он действует, и я выдам тебе все ее секреты? Или еще хуже — открою тебе, кто передушил петухов? Эта дурочка дождалась, пока у вас в спальне никого не будет, и выкрала дневник. Но я уже знал, что делать. Было ясно, что ты в двух шагах от разгадки тайны

наследника Слизерина. Из всего, что Джинни поведала о тебе, я понял: ты не остановишься ни перед чем, но тайну раскроешь, тем более что нападению подвергся твой друг. Джинни мне описала в красках, как вся школа гудела, обнаружив, что ты знаешь змеиный язык. Короче, я внушил Джинни написать на стене собственное прощание, а самой отправиться сюда вниз и стал тебя ждать. Она тут билась, брыкалась, кричала — словом страшно мне надоела. Но в ней уже маловато оставалось жизни — слишком много сил она вложила в дневник, то есть в меня, зато я благодаря этому смог покинуть его страницы… Я жду твоего появления с первой минуты, как мы с ней вошли сюда. Я знал, что ты придешь. У меня к тебе много вопросов, Гарри Поттер…

— Каких же? — Гарри по-прежнему с яростью сжимал кулаки.

— Первый вопрос. — Реддл располагающе улыбнулся. — Как это вышло, что ребенок, не обладавший особенными чарами, смог одолеть величайшего в мире волшебника? Как ты спасся, отделавшись только шрамом, а лорд Волан-де-Морт утратил всю свою мощь?

В его алчущих глазах загорелись странные красные огоньки.

— А почему это тебя так волнует? — тихо спросил Гарри. — Волан-де-Морт был несколько позже тебя…

— Волан-де-Морт — это мое прошлое, настоящее и будущее, — произнес с расстановкой Реддл.

Он достал из кармана волшебную палочку Гарри и стал чертить ею в воздухе, написав три мерцающих слова:

Том Нарволо Реддл

Затем взмахнул палочкой, и буквы его имени сами собой перестроились в другом порядке:

лорд Волан-де-Морт

— Теперь тебе все понятно? — У Реддла даже сел слегка голос. — Я так называл себя еще в Хогвартсе, естественно, лишь среди самых близких друзей. Я не собирался вечно носить имя этого ничтожества, моего магловского папочки. Я, в чьих жилах с материнской стороны течет кровь великого Салазара Слизерина! Называться именем вульгарного магла, который отказался от меня еще до моего рождения, обнаружив, что его жена, видите ли, колдунья? Ну уж нет! И я, Гарри, создал себе новое имя. Я знал: наступит

день, и это имя будут бояться произносить все волшебники, потому что я стану самым великим магом мира!

Гарри ошалело смотрел на Реддла, на мальчика, осиротевшего сразу после рождения, который вырос, затем чтобы убить родителей Гарри. И наверное, еще многих… В конце концов преодолев отвращение, он сумел выдавить из себя два слова:

— Не стал.

— Не стал? — рыкнул Реддл.

— Не стал величайшим магом. — У Гарри перехватило дыхание. — Жаль тебя разочаровывать, но величайший маг мира Альбус Дамблдор. Все это знают. Да, ты развил в себе мощные магические силы, но их не хватило, чтобы справиться с Хогвартсом. Еще тогда в школе Дамблдор видел тебя насквозь. И ты до сих пор боишься его. Потому и не смеешь выступить против него лицом к лицу.

Улыбка сползла с лица Реддла, ее сменил взгляд, полный ненависти.

— Дамблдора выдворило из замка всего-навсего мое Воспоминание! — прохрипел он.

— Не так далеко он ушел, как ты думаешь, — возразил Гарри. Он сказал это наобум, чтобы

только задеть Реддда, скорее желая, чем веря, что это правда.

Реддл открыл было рот, но замер.

Откуда-то донеслась музыка. Реддл оглядел пустынную комнату. Музыка становилась громче. Она была жуткой, потусторонней, от ее звуков волосы на голове Гарри встали дыбом, а сердце словно выросло раза в два и ему стало тесно в грудной клетке. Когда звук достиг такой силы, что Гарри всем телом ощутил его колебания, с вершины ближайшей колонны рассыпались во все стороны огненные брызги. И неведомо откуда тяжело впорхнула под своды малиновая птица величиной с лебедя, поющая фантастическую песнь. У нее был сверкающий золотой хвост, длинный, как у павлина, и блестящие золотые лапы, которые сжимали какую-то ветошь.

Секундой позже птица подлетела к Гарри, уронила ношу к его ногам, а сама опустилась на его плечо, сложив огромные крылья. Взглянув вверх, Гарри увидел острый золотой клюв и черные глаза-бусины.

Птица умолкла. Она сидела неподвижно, Гарри щекой чувствовал ее тепло. И с неприязнью смотрела на Редцла.

— Феникс! — удивился Реддл.

— Фоукс? — прошептал Гарри и почувствовал, как золотые когти нежно сжали ему плечо.

— А это что? — Реддл присмотрелся к бесформенному куску фетра на полу. — Да ведь это старая Волшебная шляпа!

Да, это была она. Грязная, латаная-перелатаная Шляпа лежала у ног Гарри.

Реддл опять залился своим диким смехом, отчего зазвучала и зазвенела вся огромная сводчатая комната, как будто смеялись одновременно десяток Реддлов.

— Так вот что Дамблдор прислал в помощь своему соратнику! Певчую птичку и древнюю Шляпу! Ну как, Гарри Поттер, ощущаешь прилив храбрости? Чувствуешь себя в безопасности?

Гарри не отвечал. В самом деле, чем тут могли помочь Фоукс и Волшебная шляпа? Но хорошо хоть он больше не одинок, это прибавляет мужества. Теперь только остается ждать, когда Реддл прекратит веселиться.

— Вернемся к делу, Гарри, — переведя дух, заговорил Реддл — улыбка все еще бродила по его лицу. — Дважды — в твоем прошлом и моем будущем — мы встречались, и дважды мне не удавалось убить тебя. Как ты сумел уцелеть? Расскажи мне. Чем подробнее будешь рассказы-

вать, тем дольше останешься жив, — добавил он мягко.

Гарри быстро взвесил в уме опасность. У Реддла — его волшебная палочка. У него, Гарри, — Фоукс и Волшебная шляпа. Ни то, ни другое для схватки не подходит. Дело плохо. Ладно. Но чем дольше Редцл находится здесь, тем быстрее убывают жизненные силы Джинни. А тело Реддла становится более зримым, вещественным. Да, уж если быть сражению между ним и Реддлом, то чем скорее, тем лучше.

— Никто не знает, почему ты, сражаясь со мной, слабеешь, — сказал Гарри. — Я ведь и сам себя не знаю. Мне ясно одно, почему ты не можешь меня убить. Моя мама отдала жизнь, чтобы спасти меня. Моя вульгарная мать-магла, — он дрожал от едва сдерживаемой ярости, — отвела от меня мою смерть. В прошлом году я видел тебя, твое истинное лицо. Ты развалина. Ты еле жив. Твоя сила обернулась против тебя. Ты в бегах. Ты отвратительный уродец.

Лицо Реддла потемнело, пересилив себя, он скривил его в улыбку.

— Значит, ты спасся, потому что мать пожертвовала своей жизнью... Это мощное средство против чар. Но я вижу теперь, в тебе самом нет

ничего особенного. Это странно, ведь между нами существует сходство — даже ты должен заметить. Оба мы полукровки, оба сироты, обоих вырастили маглы. И возможно, только мы с тобой со времен великого Слизерина говорим на змеином языке. Видимо, тебя от меня спасал просто счастливый случай… Вот все, что я хотел знать.

Гарри стоял, напряженно ожидая, что Реддл сию минуту достанет волшебную палочку. Но тот вновь расплылся в отталкивающей усмешке.

— А сейчас, Гарри, я хотел бы устроить маленькое представление. Темный Лорд Волан-де-Морт, наследник Слизерина, против знаменитого Гарри Поттера и лучшего оружия, каким мог снабдить его Дамблдор!

Он весело окинул взглядом Фоукса и Волшебную шляпу, повернулся и пошел к каменному изваянию. Панический страх обуял Гарри, он увидел, как Реддл остановился между колонн, поднял голову и посмотрел в каменное лицо Слизерина, высившееся в полумраке под сводами. Затем широко открыл рот и зашипел — Гарри понимал смысл сказанного:

— Говори со мной, Слизерин, величайший из хогвартской четверки!

Гарри отступил назад, чтобы получше разгля-

деть верх статуи; Фоукс качнулся на его плече. Гигантское лицо Слизерина пришло в движение. Гарри отчетливо различал, как раскрывается каменный рот, образуя черное жерло. что-то во рту шевелилось, выползало наружу из чрева.

Гарри попятился назад и стукнулся о стену; глаза его были плотно сомкнуты. Фоукс слетел с плеча, и Гарри ощутил, как перья скользнули по его щеке. Гарри хотелось крикнуть: «Не покидай меня!» — но что феникс мог поделать с королем змей.

что-то непомерное сотрясло пол — Гарри почувствовал, как дрогнули плиты. Он знал, что происходит, почти видел чудовищную змею, выползающую изо рта Слизерина. Голос Реддла прошипел: «Убей его».

Василиск двигался в сторону Гарри — было слышно, как тяжелое тулово, шурша, извивается по каменному полу. По-прежнему не открывая глаз, Гарри побежал, шарахаясь из стороны в сторону и нащупывая дорогу вытянутыми руками. Реддл закатывался от хохота.

Долго так продолжаться не могло. Споткнувшись, Гарри упал, ударившись о камень; солоноватый вкус крови наполнил рот. Змея была едва ли не в метре от него, обжигала хриплым

дыханием.

Прямо над ним протяжно оглушительно просвистело, что-то увесистое с силой толкнуло Гарри, он отлетел к другой стене. Где-то рядом слышались хлещущие удары по колоннам. Вот-вот его тело пронзят страшные клыки.

Без волшебной палочки, без оружия Гарри не мог сопротивляться. Он чуть-чуть приоткрыл глаза.

Исполинская змея — блестящая, ядовито-зеленая, толщиной с колонну — высоко поднялась на хвосте, беспорядочно вертя тупой треугольной головой. И как Гарри ни дрожал, готовый зажмуриться, он увидел, что отвлекло чудовище: над василиском кружил Фоукс — змея в ярости пыталась схватить его узкими, как сабли, клыками.

Фоукс спикировал, его длинный золотой клюв сделал несколько едва уловимых движений, и на пол хлынули струи темной крови. Удар змеиного хвоста чуть не задел Гарри, и не успел он зажмуриться, как василиск обернулся. Гарри взглянул прямо в его морду: змеиные глаза — оба громадных круглых желтых глаза — были выклеваны фениксом; кровь хлестала на пол, чудовище свирепо шипело и плевалось от боли.

— Да оставь ты птицу! — бешено орал Реддл. —

Сейчас же оставь! Мальчишка сзади! Ты ведь его чуешь! Убей его!

Ослепшая змея качнула головой — обескураженная, но все еще смертоносная. Фоукс носился над ней, вновь затянув душераздирающую песнь, долбя клювом чешуйчатый нос врага; кровь из расклеванных глазниц продолжала хлестать.

— На помощь! На помощь! — страстно шептал Гарри. — Кто-нибудь, что-нибудь!

Змеиный хвост снова метнулся по полу. Гарри успел отпрыгнуть, и что-то мягкое прошуршало по его лицу Василиск хвостом подцепил Волшебную шляпу и кинул ее прямо в руки Гарри. Гарри судорожно вцепился в нее, точно ожидая от нее спасения. Нахлобучив Шляпу на голову, Гарри бросился на пол — хвост василиска опять взметнулся.

«Помоги… Помоги мне… — думал Гарри, глаза его под шляпой были крепко зажмурены. — Пожалуйста, помоги!»

Шляпа вместо ответа сжалась, как будто ее стиснула невидимая рука. Какая-то тяжесть ударила Гарри в макушку, да так, что из глаз посыпались искры. Гарри схватился за Шляпу, хотел снять ее, но пальцы ощутили что-то холодное и длинное.

Под Шляпой оказался отливающий серебром

меч, его рукоять сверкала рубинами величиной с голубиное яйцо.

— Убей мальчишку! Забудь про птицу! Мальчишка сзади тебя! Поверни голову и учуешь!

Гарри был уже на ногах, готовый к бою. Василиск опустил голову, тело свилось в кольца, и, задевая колонны, он развернулся к Гарри.

Мальчик видел его огромные пустые глазницы, широко разверстую пасть, из которой торчали клыки длиной с его меч, узкие, блистающие, ядовитые…

Василиск сделал слепой бросок. Гарри уклонился, и голова змеи врезалась в стену. Еще бросок, и раздвоенный язык стегнул Гарри по боку. Обеими руками Гарри поднял меч.

Василиск атаковал снова и на сей раз не промахнулся. Но и Гарри по рукоять всадил клинок в нёбо змеиной пасти и всей тяжестью навалился на эфес.

Горячая кровь залила руки Гарри, он ощутил жгучую боль выше локтя. Один из длинных ядовитых клыков вонзился ему в плечо, и в тот же миг василиск в конвульсиях рухнул на пол, сломав свой клык.

Гарри сполз вниз по стене. Схватил клык, вливавший яд в его тело, и выдернул из руки. Но было

поздно: вокруг раны медленно расползалась боль, точно к руке прикоснулись раскаленным железом. Он выронил клык, увидел свою кровь, пропитавшую мантию, и зрение у него затуманилось. Сумрачная комната расплылась, стала вращаться. В глазах вспыхнуло что-то красное, и Гарри услышал рядом тихое постукивание когтей.

— Фоукс, — язык ворочался с трудом. — Ты молодчина, Фоукс.

Птица приблизила красивую голову к кровавой ране на руке Гарри.

Прозвучало эхо шагов, и перед ним возникла смутная тень.

— Умираешь, Гарри Поттер, — раздался голос Реддла. — Можно сказать, умер. Даже птичка Дамблдора поняла. Видишь, Поттер, она плачет.

Гарри сощурился. На мгновение проявилась голова Фоукса и тут же исчезла, но мальчик успел увидеть — крупные жемчужины слез сбегали вниз по ее глянцевым перьям.

— Я побуду с тобой, посмотрю, как ты умираешь. Можешь не спешить. Ни мне, ни тебе торопиться некуда.

Голова у Гарри кружилась, он впал в дрему.

— Вот так кончил свой земной путь знаме-

нитый Гарри Поттер. — Слова Реддла долетали откуда-то издалека. — Один в Тайной комнате, покинутый друзьями, сраженный наконец Темным Лордом, которому он столь неосмотрительно бросил вызов. Ты скоро снова будешь вместе со своей ненаглядной матушкой-грязнокровкой. Она думала, что купила тебе двенадцать лет времени, но на самом деле взяла его взаймы. Лорд Волан-де-Морт востребовал долг и получил его. Ты и сам понимаешь, Гарри, это справедливо.

Если это и правда смерть, подумал Гарри, то не так уж она и страшна. Боль постепенно утихала.

Но может, это не смерть? Комната приобретала четкие очертания. Гарри легонько потряс головой: вот он, Фоукс, все еще припавший к руке, жемчужная лужица слез затопила рану. Но где же она? Никакой раны на руке не было.

— Убирайся прочь, феникс! — неожиданно загремел Редцл. — Убирайся сию же минуту!

Гарри поднял голову. Редцл направил на Фоукса его волшебную палочку, что-то грохнуло, как пистолетный выстрел, и феникс взлетел, закружившись в красно-золотом вихре.

— Слезы Феникса, — протянул Реддл в задумчивости, глядя на руку Гарри. — Ну, разумеется, как я про них забыл. Но это мало что меняет.

На самом-то деле я предпочитаю единоборство — только ты и я, Гарри, ты и я…

Реддл поднял волшебную палочку.

Мощно взмахнув крыльями, Фоукс стремительно пронесся над головами противников, и что-то упало к Гарри на колени — дневник!

Какую-то долю секунды оба, и Реддл, и Гарри, смотрели на него. Затем, не раздумывая, как бы по наитию, Гарри схватил лежавший на полу клык василиска и воткнул его прямо в сердцевину дневника.

Грянул долгий, продирающий до мозга костей вопль. Чернила потоком хлынули из дневника, по рукам Гарри потекли ручьи, заливая пол. Реддла корчило и выворачивало, он бился и визжал, а потом…

Потом он сгинул. Волшебная палочка Гарри со стуком упала на холодные плиты, и наступила тишина. Полная тишина, нарушаемая лишь упорным «кап, кап, кап» — это чернила все еще сочились со страниц дневника: яд василиска прожег в нем шипящую сквозную дыру.

Гарри с трудом унял сотрясавшую его дрожь.

Голова кружилась, будто он только что отмахал невесть сколько миль, подхваченный «летучим порохом». Гарри неспешным движением подо-

брал Шляпу, волшебную палочку, спрятал ее и с неимоверным усилием извлек блестящий меч из пасти василиска.

В противоположном конце комнаты послышался слабый стон. Джинни пошевелилась, Гарри бросился к ней, но она уже села. Ошеломленный взгляд обежал колоссальных размеров мертвого василиска, Гарри в намокшей от крови мантии, черный дневник. Она глубоко, судорожно вздохнула, и по лицу ее заструились слезы.

— Гарри… Гарри, я пыталась все рассказать тебе за завтраком, но я не могла говорить в присутствии Перси. Это была я, Гарри, но, правда, правда, я не хотела… Реддл заколдовал меня, командовал… А как ты убил эту… эту зверюгу? Где Реддл? Последнее, что я помню, как он вышел из дневника…

— Все хорошо, Джинни. — Гарри показал ей дыру в дневнике от клыка василиска. — Видишь? С Реддлом покончено — и с ним, и с василиском. Пойдем отсюда. — Гарри помог ей подняться на ноги.

— Меня исключат, — плакала Джинни. — Я так мечтала поступить в Хогвартс — с тех самых пор, как в школу пошел Билл. А теперь мне придется уйти. Что скажут папа с мамой?

Фоукс ждал их, паря у выхода из Комнаты. Гарри подтолкнул Джинни вперед, они перелезли через мертвые кольца василиска, прошли сквозь гулкий, отвечающий эхом сумрак и снова оказались в тоннеле. Каменные двери сомкнулись за ними с тихим шипением.

А через несколько минут они уже слышали звуки передвигаемых камней.

— Рон! — крикнул Гарри, ускоряя шаги. — Джинни жива! Она здесь, со мной рядом!

Рон что-то воскликнул в ответ, и за следующим поворотом они увидели его горящее нетерпением лицо в изрядных размеров проеме, который он ухитрился проделать в завале.

— Джинни! — Рон просунул руку через пролом, чтобы втащить сестру первой. — Ты жива! Не верю своим глазам! Что с тобой случилось? — Он попытался обнять ее, но Джинни, всхлипывая, отстранилась.

— Ты в порядке, Джинни, это главное! — Рон радостно улыбался. — Все страшное позади…

Вслед за Джинни в пролом влетел Фоукс.

— Это еще что за птица? Откуда она взялась?

— Это птица Дамблдора, — ответил Гарри, протискиваясь в брешь.

— А откуда у тебя такой потрясающий меч? —

Рон изумленно вытаращился на сверкающее оружие в руке друга.

— Все расскажу, давай только скорее отсюда выберемся! — Гарри мельком взглянул на Джинни.

— Ну, хоть немного…

— Не сейчас, — отрезал Гарри. Он не хотел наспех рассказывать Рону, кто открыл Тайную комнату, и уж тем более не в присутствии Джинни. — А Локоне где?

— Он там, — ухмыльнулся Рон, махнув рукой в сторону выхода. — Дела у него неважные. Пойдем увидишь.

Вслед за Фоуксом, чьи широкие крылья испускали в темноте мягкое золотое сияние, они скоро добрались до устья трубы, где сидел с самым добродушным видом Златопуст Локоне и что-то безмятежно мурлыкал себе под нос.

— Ему отшибло память, — объяснил Рон. — Его заклятие Забвения ударило, как бумеранг, по нему самому. Нам ничего, а он понятия не имеет, ни кто он, ни где находится, ни кто мы такие. Сам для себя опасен. Я велел ему идти и ждать нас у выхода.

Локоне окинул всех радостным взглядом:

— Привет! Странное местечко, не правда ли? Вы что, здесь живете?

— Нет. — Рон, взглянув на Гарри, красноречиво поднял брови.

Гарри наклонился и заглянул в черную, уходящую вверх трубу.

— Ты уже придумал, как нам отсюда выбраться? — спросил он Рона.

Рон отрицательно покачал головой. Фоукс подлетел к Гарри и шумно забил крыльями, его блестящие глаза-бусины искрились в темноте, длинные золотые перья хвоста колыхались. Гарри посмотрел на него, стараясь что-то припомнить.

Рон недоуменно почесал за ухом:

— Кажется, он хочет, чтобы ты ухватился за него. Но ты для него явно тяжеловат…

— Фоукс — птица особенная, — сказал Гарри. — Нам придется крепко держаться друг за друга. Джинни, возьми Рона за руку. Профессор Локоне…

— Профессор — это вы, — растолковал тому Рон.

— Возьмите за руку Джинни.

Гарри сунул меч с Волшебной шляпой за пояс, Рон вцепился в его мантию, и Гарри, подняв вверх руки, крепко схватил удивительно горячие хвостовые перья Фоукса.

Он ощутил в себе необычайную легкость, и в следующее мгновение вереница со свистом летела вверх по сточной трубе. Гарри слышал, как висящий где-то под ним Локоне восклицал: «Поразительно! Восхитительно! Прямо-таки настоящее волшебство!» Поток холодного воздуха трепал волосы Гарри, глаза радовались золотому сиянию. Не успели они в полной мере насладиться полетом, как подъем завершился и все четверо попадали на влажный пол туалета Плаксы Миртл. Пока Локоне кокетливо поправлял шляпу, раковина, скрывавшая вход в трубу, скользнула на место, и все вернулось в свое обычное состояние.

Миртл не верила своим глазам.

— Ты жив… — буркнула она разочарованно.

— Не огорчайся, — посочувствовал ей Гарри и стал протирать очки от крови и грязи.

— Конечно, не буду… Я просто подумала, вдруг ты умер и мы бы разделили с тобой мой туалет… Я была бы очень этому рада! — сказала Миртл и смущенно засеребрилась.

— Ух ты! — восхитился Рон, когда они вышли из туалета в темный, пустынный коридор. — По-моему, Миртл влюбилась в тебя! Но чаша весов склонилась в твою пользу, Джинни!

По лицу Джинни по-прежнему катились слезы. Рон встревоженно посмотрел на нее, потом обернулся к Гарри:

— Куда теперь?

Гарри кивнул на Фоукса — тот полетел вперед, заливая все вокруг золотистым светом. Они пошли за ним и через минуту оказались перед кабинетом профессора МакГонагалл.

Гарри постучал и толкнул дверь.

Глава 18

ДОББИ ВОЗНАГРАЖДЕН

Когда четверо подземных странников — Гарри, Рон, Джинни и Локоне — с головы до пят мокрые, грязные, а Гарри еще и в пятнах крови, вошли в кабинет, все, кто там был, ошеломленно замолчали, но тишина в тот же миг взорвалась воплем:

— Джинни!

Увидев дочь, миссис Уизли, сидевшая в слезах перед камином, вскочила, за ней — мистер Уизли, и оба бросились к дочери.

Но Гарри смотрел не на них — у камина стоял, улыбаясь, профессор Дамблдор, рядом — профессор МакГонагалл, она тяжело дышала и держалась за сердце. Прошуршав крыльями возле уха Гарри, феникс опустился на плечо Дамблдора, а Рон с Гарри по очереди очутились в крепких объятиях миссис Уизли.

— Вы спасли ее! Спасли! Как вы это сумели?

— Нам всем очень бы хотелось это узнать, — произнесла профессор МакГонагалл утратившим обычную твердость голосом.

Миссис Уизли выпустила Гарри и тот, мгнове-

ние поколебавшись, подошел к столу и выложил Волшебную шляпу, меч, украшенный рубинами, и жалкие остатки дневника Реддла.

А потом он заговорил. Около четверти часа в полной восхищения тишине он рассказывал о том, какуслышал бесплотный голос, и Гермиона одна поняла, что это голос василиска, ползавшего по трубам внутри толстых стен замка, как они с Роном пошли за пауками в лес и Арагог поведал им, где умерла последняя жертва василиска, как они догадались, что Плакса Миртл и есть эта жертва и что вход в Тайную комнату не где-нибудь, а в ее туалете.

Гарри замолчал, чтобы перевести дух.

— Замечательно! Итак, вы отыскали вход, нарушив — не премину добавить — вопиющим образом сотню школьных правил. Но как же вы оттуда выбрались живыми, Поттер? — МакГонагалл сгорала от любопытства.

Гарри, слегка охрипший, перешел было к тому, как вовремя подоспел Фоукс, как Волшебная шляпа вооружила его мечом, и вдруг запнулся. Он старался избегать упоминаний о дневнике Реддла, поглядывая на Джинни — она стояла в двух шагах, прижавшись к матери, и слезы безостановочно бежали по ее щекам.

«А вдруг ее правда исключат? — подумал Гарри в смятении. — Дневник Реддла замолк навсегда — поди-ка теперь докажи, что это он своей магической властью заставлял ее совершать то страшное, что творилось в замке!»

В поисках поддержки Гарри взглянул на Дамблдора — тот едва заметно улыбнулся, и огонь камина блеснул в стеклах его очков-половинок.

— Я вот что хотел бы узнать: как лорд Волан-де-Морт изловчился околдовать Джинни? — тихо спросил директор. — Ведь он, по моим источникам, укрылся сейчас в албанских лесах.

Горячая волна радости накатилась на Гарри, и у него отлегло от сердца.

— Что? — ошеломленно воскликнул мистер Уизли. — Вы-Знаете-Кто… околдовал Джинни? Но Джинни, разве она… разве она не была…

— Во всем виноват дневник. — Гарри поднял его и показал Дамблдору. — Реддл его вел, когда ему было шестнадцать.

Дамблдор взял у Гарри дневник и принялся с любопытством рассматривать его, склонив длинный крючковатый нос над мокрыми прожженными страницами.

— Изумительно, — проговорил он негромко. — Да, Реддл был один из самых одаренных учеников

Хогвартса.

Дамблдор повернулся к супругам Уизли, окончательно сбитым с толку.

— Очень немногим известно, что лорда Волан-де-Морта когда-то звали Том Реддл. Я учил его здесь пятьдесят лет назад. Окончив школу, он исчез, скитался в дальних краях, якшаясь с самыми опасными колдунами и магами. И все глубже погружался в тайны черной магии. Он подверг себя такому количеству чудовищных превращений, что, когда вновь появился — уже под именем Волан-де-Морта, — был совершенно неузнаваем. Не было ничего общего между зловещим Темным Лордом и умным славным мальчуганом, который был когда-то старостой школы.

— Но что могло с ним связывать нашу Джинни? — воскликнул мистер Уизли.

— Его… его дневник, — всхлипнула Джинни. — Я в нем писала, а он отвечал… весь этот год.

Мистер Уизли был потрясен.

— Джинни! Как ты могла! Что я тебе всегда говорил? Мало ли кто или что может прикинуться добрым и понимающим! Как можно идти на поводу у того, кого совсем не знаешь! Почему ты не показала дневник мне или маме?

Такая подозрительная вещь! Ясно же, что она

полна черной магии!

— Я этого не знала, — рыдала Джинни. — Он был в одном из учебников, помнишь, которые мама купила. Я подумала, кто-то вложил его в книгу и забыл…

— Мисс Уизли следует немедленно отправить в больничное крыло, — не терпящим возражения тоном вмешался Дамблдор. — На ее долю выпало слишком тяжелое испытание. Ни о каком наказании и речи быть не может. Волшебники гораздо старше ее бывали обмануты Волан-де-Мортом.

Он широким шагом подошел к двери и открыл ее:

— Джинни нужен сон и еще, пожалуй, кружка горячего шоколада. Мне это всегда прибавляет сил, — добавил он и дружески подмигнул девочке. — Мадам Помфри еще не спит — она сейчас раздает сок мандрагоры. С уверенностью могу сказать, что жертвы василиска придут в себя с минуты на минуту.

— Значит, Гермиона скоро будет в порядке! — обрадовался Рон.

— Все худшее позади, — кивнул Дамблдор.

Миссис Уизли, поддерживая Джинни, повела ее из кабинета, мистер Уизли, который никак не мог опомниться, побрел за ними.

— А знаете, Минерва, — улыбнулся профессор Дамблдор, — пожалуй, эта история стоит хорошей пирушки. Можно попросить вас пойти поговорить с поварами?

— Можно, — сухо кивнула профессор Мак-Гонагалл и уже у дверей спросила: — Полагаю, в мое отсутствие вы разберетесь с Поттером и Уизли, не правда ли?

— Истинная правда, — заверил ее Дамблдор.

Она ушла, а Гарри с Роном опасливо посмотрели на Дамблдора. Что значит — разобраться с ними? Быть не может… наверное, все-таки не наказание?

— Помнится, я говорил, что придется исключить вас обоих из школы, если вы еще раз нарушите правила, — начал директор.

От ужаса Рон вытаращил глаза.

— Это лишний раз доказывает, что даже самые лучшие из нас иногда вынуждены брать свои слова обратно, — усмехнулся Дамблдор. — Вы оба получите Особые награды за услуги школе. И… дайте-ка подумать… да, по двести баллов каждому для Гриффиндора.

Рон сделался ярко-розовый, как цветы Локонса на Валентинов день.

— Но почему-то еще один здесь присутству-

ющий хранит слишком упорное молчание. А было бы интересно послушать о его участии в этом рискованном предприятии. — Дамблдор посмотрел на Локонса. — К чему эта излишняя скромность, Златопуст?

Гарри вздрогнул — он успел начисто забыть о Локонсе! А тот стоял в углу комнаты, по-прежнему улыбаясь растерянной, чуть дурашливой улыбкой. Услыхав Дамблдора, он огляделся вокруг, силясь понять, к кому это обращаются.

— Профессор Дамблдор, — поспешил вставить Гарри. — Произошел несчастный случай — внизу, в Тайной комнате. Профессор Локоне…

— Я что, профессор? — осведомился Локоне с кротким удивлением. — Вот те на! А я-то считал себя идиотом…

— Он хотел наложить на нас заклятие Забвения, — продолжил Рон, — а палочка возьми и стрельни в него самого…

— М-м-да. — Дамблдор покачал головой, и его длинные серебряные усы задрожали. — Значит, поражен собственным оружием?

— Оружием? — эхом отозвался Локоне. — У меня нет оружия. А вот у этого мальчика есть. — Локоне указал на Гарри. — Меч, очень красивый. Он вам может его одолжить.

— Рон, пожалуйста, отведи профессора Локонса в больничное крыло, — обратился Дамблдор к Рону. — Мне еще нужно сказать Гарри несколько слов.

Локоне неуверенно поплелся к двери. Рон, выходя, оглянулся, бросил на директора с Гарри любопытный взгляд и, взяв Локонса за руку, вышел с ним в коридор.

Пройдя через комнату к камину, Дамблдор опустился в одно из кресел.

— Садись, Гарри, — предложил он, и Гарри сел, испытывая необъяснимое волнение. Дамблдор разгладил усы.

— Прежде всего, я должен поблагодарить тебя. — Глаза его вновь блеснули. — Там, внизу, ты проявил настоящую доблесть — иначе Фоукс не прилетел бы к тебе.

Он провел рукой по перьям феникса, который легонько хлопал крыльями, сидя на его колене. Гарри лишь неловко улыбнулся в ответ.

— Значит, ты встретился там с Томом Редлом, — произнес Дамблдор в раздумье. — Я полагаю, что ты-то и интересовал его больше всего…

Внезапно все то, что подспудно грызло Гарри, сбивчиво, в беспорядке вырвалось наружу:

— Профессор… Реддл сказал, что я похож на него… Странное сходство, говорил он…

— Он так сказал? — Дамблдор внимательно глядел на Гарри из-под густых седых бровей. — А ты сам что об этом думаешь?

— Думаю, что совсем не похож! — слишком громко выпалил Гарри. — Я ведь учусь в Гриффиндоре…

Он умолк, в душе у него вдруг зашевелилось сомнение.

— Профессор, — через мгновение продолжал он, — Волшебная шляпа сказала, что лучше всего мне было бы в Слизерине. И многие думали, что наследник Слизерина — я, ведь я могу говорить на змеином языке.

— Ты говоришь на языке змей, Гарри, — ответил Дамблдор спокойно, — потому что на нем говорит Волан-де-Морт — единственный оставшийся потомок Салазара Слизерина. Если не ошибаюсь, он нечаянно вложил в тебя толику своих сил — в ту ночь, когда наградил этим шрамом. Уверен, сам он этого не хотел.

— Волан-де-Морт в меня вложил… частицу самого себя? — прошептал Гарри как громом пораженный.

— Судя по всему.

— Значит, мое место в Слизерине. — Гарри с отчаянием посмотрел в лицо Дамблдора. — Волшебная шляпа почуяла во мне эту частицу, и…

— Определила в Гриффиндор, — успокаивающе договорил Дамблдор. — Видишь ли, Гарри, так вышло, что в тебе много качеств, которые столь высоко ценил Салазар Слизерин у своих любимых учеников, — находчивость, решительность, чего греха таить, пренебрежение к школьным правилам. — Тут усы директора вновь задрожали. — И, наконец, редчайший дар — змеиный язык Однако же Волшебная шляпа направила тебя в Гриффиндор. Знаешь почему? Подумай!

— Только потому, что я просил не посылать меня в Слизерин… — сокрушенно произнес Гарри.

— Верно. — Дамблдор опять улыбнулся. — Именно в этом твоё отличие от Тома Реддла. Ведь человек — это не свойство характера, а сделанный им выбор.

Гарри неподвижно сидел на стуле, оглушенный услышанным.

— И если тебе нужны еще доказательства, что ты не случайный гость в Гриффиндоре, прочитай-ка, что здесь написано.

Дамблдор цодошел к столу профессора МакГонагалл, взял испачканный кровью серебряный

меч и протянул его Гарри. Тот недоуменно перевернул его — меч в свете камина полыхнул рубинами — и прочитал выгравированное под рукояткой имя: Годрик Гриффиндор.

— Знай, Гарри, вынуть меч из этой Шляпы может только истинный гриффиндорец.

Минуту оба молчали.

— Что тебе сейчас нужно, Гарри, — Дамблдор перешел на обычный тон, — это еда и отдых.

Ступай-ка ты к себе, вымойся — и за праздничный стол. А я сейчас напишу в Азкабан — надо вызволять нашего лесничего. Заодно набросаю объявление в «Ежедневный проповедник». — Выдвинув верхний ящик стола, Дамблдор достал пузырек чернил, ножичком заточил перо и прибавил: — И еще нам потребуется новый преподаватель защиты от темных искусств. Ох, что-то они у нас не задерживаются…

* * *

Гарри встал, пошел к выходу и уже протянул руку, чтобы открыть дверь, как вдруг та распахнулась, да с такой яростью, что, ударившись, отскочила от стены.

На пороге стоял Люциус Малфой с перекошенным от бешенства лицом. Чуть позади съежился

весь обмотанный бинтами Добби.

— Добрый вечер, Люциус, — дружелюбно приветствовал его Дамблдор.

Едва не сбив Гарри с ног, Малфой подскочил к столу. Добби юркнул за ним с подобострастным ужасом на лице и, согнувшись в три погибели, засеменил следом.

— Так, значит, вы вернулись. — Холодные глаза Малфоя впились в Дамблдора. — Попечительский совет отстранил вас, но вы, как я вижу, пренебрегли мнением совета. Сочли для себя возможным вернуться в Хогвартс.

— Спешу известить вас, Люциус, — Дамблдор спокойно, чуть улыбаясь, смотрел на непрошеного гостя, — ко мне обратились одиннадцать членов Попечительского совета — все, кроме вас. Разговор был нелегкий и откровенный. Узнав, что очередная жертва дочь Артура Уизли, совет попросил меня без промедления вернуться. Похоже, пришли к общему мнению, что при нынешних обстоятельствах лучшего директора школы, чем я, не сыщешь. И вот что странно: некоторые члены совета намекают на то, что их согласие на мою отставку было вырвано под угрозой заклятия, которому могут подвергнуться их семьи.

Мистер Малфой, и без того всегда бледный,

сделался еще бледнее, глаза его превратились в щелки.

— Ну и что, вы уже прекратили нападения? — спросил он с издевкой. — Преступник пойман?

— Да, — все так же улыбался Дамблдор.

— И кто же он?

— Все тот же злодей — Темный Лорд. Только в этот раз он действовал через другого человека. С помощью вот этого дневника.

Испытующе глядя на мистера Малфоя, Дамблдор протянул ему черную книжицу с большой дырой в середине.

Гарриже все это время наблюдал за домовиком.

Увидев дневник, Добби вдруг повел себя весьма странно. Выпучил огромные зеленые глаза, указал Гарри взглядом на дневник, затем — на мистера Малфоя и стал бить себя кулаками по голове.

— Ясно, — нараспев проговорил мистер Малфой, не замечая ужимок Добби.

— Умный план. — Дамблдор внимательно глядел в глаза Малфою, голос его оставался таким же ровным. — Если бы Гарри…

Малфой бросил на мальчика быстрый, пронзительный взгляд.

— …и его друг Рон, — продолжал директор, — не нашли эту книжицу, даже я считал бы виновной во всем Джинни Уизли. И никто никогда бы не доказал, что она поступала так не по своей воле…

Мистер Малфой молчал. Его лицо превратилось в маску.

— А теперь вообразите, — говорил Дамблдор, — каковы были бы последствия. Уизли — одна из самых известных чистокровных семей в мире волшебников. Артур Уизли — один из авторов Закона о защите маглов. А его дочь убивает полукровок. Подумать только, что стало бы с ним и с его Законом! Болыпаяудача, что дневникбыл найден, прочтен, а записи в нем потом исчезли.

— Да, большая удача, — с трудом выдавил из себя Малфой.

А за спиной у него Добби, как заведенный, — глянет на дневник, на хозяина и колотит себя кулаками по голове.

И тут до Гарри дошло. Он понимающе кивнул, Добби попятился в угол и, сменив вид самобичевания, стал выкручивать себе уши.

— Мистер Малфой, — Гарри поближе подошел к нему, — а не знаете ли вы, как к Джинни попал этот дневник?

— Откуда мне знать, где эта паршивка его

взяла!

Но Гарри уже ничего не могло сегодня смутить:

— Да ведь это вы ей его подсунули в магазине «Флориш и Блоттс». Я помню, вы тогда взяли у нее из котла учебник по трансфигурации, а потом положили обратно. Потому-то дневник в этом учебнике и оказался. Что, будете спорить?

Бледные пальцы Малфоя сжались и разжались.

— Попробуй докажи это, — прошипел он.

— Разумеется, этого никто доказать не может, — кивнул Дамблдор, улыбнувшись Гарри. — Тем более теперь, когда Том Реддл исчез со страниц дневника. И все же, Люциус, позвольте предупредить вас не раздавайте налево-направо вещей Волан-де-Морта. Если хоть одна попадет еще в чьи-нибудь невинные руки, не сомневаюсь, Артур Уизли сможет доказать, что это ваши проделки.

Люциус Малфой на секунду замер, и Гарри увидел, как у него дернулась правая рука, хотел, видно, прибегнуть к волшебной палочке. Но, оценив обстановку, повернулся к домовику:

— Идем, Добби!

Он рывком открыл дверь, домовик послушно

побежал за ним, и хозяин пинком вышвырнул его из кабинета. Добби взвизгнул от боли и визжал до конца коридора. Гарри нахмурил лоб: как же все-таки помочь бедняге? И его осенило.

— Профессор Дамблдор, — торопясь, заговорил он. — Можно вернуть дневник мистеру Малфою? Пожалуйста!

— Конечно, Гарри, — невозмутимо ответил Дамблдор. — Не забудь только про банкет.

Гарри схватил дневник и стремглав выскочил из кабинета. За углом еще слышались затихающие вопли Добби. Боясь, вдруг план не сработает, Гарри поспешно сдернул с ноги ботинок, стащил мокрый грязный носок, сунул в него дневник, и бросился вдогонку по безлюдному коридору.

Нагнал он их на площадке лестницы и, запыхавшись, остановился:

— Мистер Малфой, возьмите это обратно… — сказал он и сунул носок в руку Малфоя.

— Что тут еще…

Малфой содрал носок с дневника, швырнул в сторону и перевел взбешенный взгляд на Гарри.

— Ты так же плохо кончишь, как твои родители. И в самое ближайшее время. — Тон его был тих и зловещ. — Они тоже были глупцы, совали нос не в свои дела. Пошли, Добби. Я кому сказал,

пошли!

Но Добби стоял как вкопанный. Он сжимал в руке пойманный на лету грязный, липкий носок и смотрел на него, как на бесценное сокровище.

— Хозяин дал Добби носок, — произнес он в изумлении. — Хозяин дал его Добби…

— Что такое? — фыркнул мистер Малфой. — Что ты там лопочешь?

— Добби получил носок, — пролепетал домовик, не веря своему счастью. — Хозяин бросил, Добби поймал, и Добби… Добби свободен!

Мистер Малфой, окаменев, уставился на эльфа, затем ринулся к Гарри:

— Ты отнял у меня слугу, мальчишка!

Но Добби крикнул ему:

— Ты теперь не можешь причинить вреда Гарри Поттеру!

что-то загрохотало, и мистера Малфоя отшвырнуло назад. Он полетел вниз по ступенькам, отсчитывая по три за раз, и упал бесформенной кучей площадкой ниже. Побагровев от гнева, вскочил и выхватил из кармана волшебную палочку, но Добби погрозил ему длинным, тонким пальцем.

— Сейчас же уходи, — велел он. — Ты не тронешь Гарри Поттера. Ты сейчас же уйдешь.

И Люциус Малфой подчинился. Метнув последний, горящий ненавистью взгляд на обоих, закутался в мантию и вышел с площадки в коридор.

— Гарри Поттер освободил Добби! — пронзительно завопил эльф, зачарованно глядя на Гарри. Его круглые глазищи сияли в лунном свете, лившемся из ближайшего окна. — Гарри Поттер освободил Добби!

— Большего я не мог для тебя сделать, — улыбнулся Гарри. — Но ты мне, Добби, пообещай никогда впредь не спасать мою жизнь.

Уродливое землистое лицо домовика расплылось в широкой, во весь рот, улыбке. Гарри смотрел, как он трясущимися руками натягивает его носок, и вдруг кое-что вспомнил.

— У меня есть один вопрос… Ты мне тогда сказал, что грозящая мне опасность не связана с Тем-Кого-Нельзя-Называть, помнишь? Ну а что вышло?

— Так это же был ключ, сэр, — ответил Добби, еще больше округлив глаза, как будто речь шла о самоочевидных вещах. — Добби вам намекнул. Ведь раньше-то Темного Лорда спокойно называли по имени. Это уж потом, когда он придумал себе новое имя, стало нельзя. Понятно?

— Понятно, — не очень уверенно согласился Гарри. — Ну, ладно, я, пожалуй, пойду. Там внизу празднуют… да и Гермиона вот-вот очнется…

Добби обхватил Гарри тонкими ручками и крепко обнял.

— Гарри Поттер еще более велик, чем думал Добби, — воскликнул он с рьщанием. — Прощай, Гарри Поттер!

И с громовым треском, похожим на прощальный залп салюта, Добби исчез.

* * *

Гарри бывал в Хогвартсе на многих праздниках, но никогда еще ничего подобного не видел: все были в пижамах, и торжество растянулось на целую ночь. И сколько же радости эта ночь принесла ему! Гермиона встретила его с восторженным криком: «Ты победил, Гарри!», Джастин выскочил из-за стола, долго тряс его руку, бесконечно извиняясь за свои подозрения, а в половине четвертого внезапно появился Хагрид и с таким жаром хлопнул Гарри и Рона по плечам, что те ткнулись носом в тарелки. Вслед за этим профессор МакГонагалл сообщила, что по случаю столь отрадных событий дирекция сочла возможным отменить экзамены («Как жаль!» — огорчилась

Гермиона), и прибавила, что четыре сотни баллов, полученные Гарри и Роном, обеспечили Гриффиндору Кубок школы еще на один год. А тут еще Дамблдор объявил, что, к сожалению, профессор Локоне не будет больше преподавать защиту от темных сил, он потерял память и едет лечиться — ликование школьников разделили и несколько профессоров.

— Вот жалость, — проворчал Рон, уплетая пончик с джемом. — Он только-только начал мне нравиться…

Гарри никогда в жизни не был так счастлив.

* * *

В жарком солнечном мареве промелькнул остаток летнего семестра. Хогвартс вернулся к своим обычным будням — правда, с небольшими изменениями. Отменили занятия по защите («У кого, у кого, а у нас практики по защите было навалом», — утешал Рон огорченную Гермиону), исключили из Попечительского совета Люциуса Малфоя. Драко перестал разгуливать по школе с таким видом, будто весь Хогвартс — его вотчина. Вид у него теперь всегда был обиженный и угрюмый. Зато Джинни, напротив, сияла от счастья.

Быстро, слишком быстро наступило время

отъезда. И наши друзья — Гарри, Рон, Гермиона, Фред, Джордж и Джинни — заняли купе в экспрессе Хогвартс — Лондон. До начала каникул остались считанные часы — ученикам пока еще можно колдовать, и вся компания самозабвенно отдалась любимому занятию. Играли в исчезающие карты, пускали последние оставшиеся у близнецов хлопушки и обезоруживали друг друга с помощью заклинаний. У Гарри это получалось мастерски.

Почти у самого вокзала Кингс-Кросс Гарри вдруг кое-что вспомнил:

— Джинни, а помнишь, ты видела: Перси делал что-то такое, чего потом очень стеснялся и просил тебя никому не рассказывать? Что это было?

— Конечно, помню. — Джинни хихикнула. — У Перси завелась подружка.

Фред, вставший за книгами, уронил целую связку — прямо на голову Джорджу.

— Что-что?

— Староста Коггеврана, Пенелопа Крисгал, — объяснила Джинни. — Это ей он писал письма все прошлое лето. В школе они встречались тайком. Я как-то вбежала в пустой класс, а они там целуются. Потому он и был не в себе, когда на нее… ну… понимаете… когда на нее напали. Вы ведь не

будете его дразнить, не будете? — спросила она с тревогой.

— Я? И не подумаю! — просиял Фред.

— Конечно, не будем, — поперхнулся Джордж.

Экспресс замедлил ход и остановился.

Гарри достал перо, кусочек пергамента и повернулся к Рону с Гермионой.

— Это номер телефона Дурслей, — сказал он Рону, дважды наскоро написал номер, пополам разорвал пергамент и вручил друзьям половинки. — Прошлым летом я объяснил твоему отцу, как пользоваться телефоном, он научит тебя. Позвоните мне: два месяца говорить только с Дадли — я этого не вынесу!

— А ты расскажи дяде с тетей, какое геройство ты совершил, — сказала Гермиона, когда они окунулись в людскую толчею перед заколдованным барьером, — и они будут тобой гордиться.

— Гордиться? Они знаешь как расстроятся! Столько раз дорогой племянник был на волосок от гибели и уцелел! Боюсь, как бы они от злости не умерли!

И друзья, на этот раз без помех, прошли все вместе сквозь барьер, разделяющий два мира: маглов и магов.

Гарри Поттер и узник Азкабана

Двенадцать долгих лет в Азкабане — мрачной тюрьме волшебного мира — содержался всем известный узник по имени Сириус Блэк. Его обвиняли в убийстве тринадцати человек и считали наследником лорда Волан-де-Морта. И вот он бежал, и из оставленных им следов ясно, что на этот раз убийца поставил целью избавиться от Гарри Поттера.

Теперь Гарри в опасности, даже за стенами своей волшебной школы, даже в окружении друзей — потому что среди

них есть предатель, готовый открыть убийце путь в Хогвартс.

Глава 1

СОВИНАЯ ПОЧТА

Гарри Поттер — необычный мальчик во всех отношениях. Во-первых, он терпеть не может летние каникулы, во-вторых, любит летом делать уроки, но занимается ночью, когда все спят. А самое главное, Гарри Поттер — волшебник.

Было уже заполночь. Гарри лежал на животе, с головой укрывшись одеялом. В одной руке — фонарик, а на подушке — старинная толстая книга в кожаном переплете «История магии» Батильды Бэгшот. Сдвинув брови, Гарри водил по строчкам орлиным пером, искал подходящую цитату для сочинения на тему: «Был ли смысл в XIV веке сжигать ведьм?». Перо задержалось на первой строке параграфа. Ага, кажется, то, что нужно. Гарри поправил очки наносу, поднес к странице фонарик и прочитал:

> В Средние века люди, в чьих жилах нет волшебной крови (более известные как маглы, или простецы), очень боялись колдовства, но отличать настоящих ведьм

и колдунов не умели. Иногда им все же удавалось поймать волшебника, но простецы не знали, что волшебникам огонь не страшен: они умели замораживать огонь и притворяться, что им очень больно. На самом же деле они испытывали не боль, а лишь приятное покалывание по всему телу и теплое дуновение воздуха. Так, Венделина Странная очень любила «гореть» на костре. И чтобы испытать это ни с чем не сравнимое удовольствие, сорок семь раз меняла обличье и предавала себя в руки маглов.

Гарри взял перо в зубы и полез под подушку за чернильницей и пергаментом. Осторожно открыв баночку, обмакнул перо и начал писать. Время от времени он прислушивался: вдруг кому из Дурслей приспичит в туалет? Еще услышат скрип пера! Тогда Гарри до конца лета запрут в чулане под лестницей.

Дурсли — единственные родственники Гарри. Живут они на Тисовой улице, в доме № 4. Гарри проводит у них летние каникулы, и это время для него сущий ад. Дядя Вернон, тетя Петунья и их сын Дадли — маглы до мозга костей, магии боятся

не меньше людей Средневековья. А погибшие родители Гарри были настоящие волшебники, и поэтому их имя в доме под запретом, да и самому Гарри ох как не сладко жилось до недавнего времени.

Если с мальчишкой сурово обращаться, не делать поблажек, то, глядишь, он и растеряет свое волшебство, думали Дурсли. Но, как ни старайся, из волшебника простеца не сделаешь. Дурсли были в ужасе: не приведи господи, если кто узнает, что их племянник учится в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс»! Какой позор для добропорядочного семейства! Поэтому когда Гарри приехал на каникулы, все его волшебные принадлежности (учебники, палочку, котел и метлу) Дурсли отправили в чулан под лестницей. А еще запретили ему разговаривать с соседями.

С соседями Гарри и раньше нечасто беседовал, так что не беда. А вот без учебников хоть плачь. На каникулы столько задали и все задания такие трудные! Одна работа по Уменьшающим зельям чего стоит! Задал ее профессор Северус Снегг, а он Гарри не выносит. Вернись Гарри в школу без этой работы, ему уж точно несдобровать. Целый месяц придется после уроков прибирать классы, да не волшебством, а собственными руками. Зна-

чит, во что бы то ни стало надо добыть учебники! И такой случай вскоре представился.

В самом начале каникул дядя Верной купил новую машину, и все семейство отправилось в сад — любоваться на покупку. Их радостные возгласы разносились по всей Тисовой улице: пусть соседи знают, какая у них чудесная машина!

Гарри в этот момент спустился вниз, шпилькой открыл в чулане замок и достал из чемодана несколько книг.

— Теперь главное — не заляпать простыню чернилами, — облегченно вздохнул он у себя в комнате, — не то Дурсли догадаются, что я по ночам изучаю магию.

Но сейчас на душе у Гарри неспокойно. Он боится рассердить тетю с дядей. Они и так на него очень злы, потому что недавно ему позвонил Рон, который, как и Гарри, настоящий волшебник.

Рон Уизли и Гермиона Грэйнджер — лучшие друзья Гарри. Рон вырос в семье волшебников и знает столько всего интересного, о чем Гарри и понятия не имеет. А вот по телефону Рон никогда не говорил. И, соскучившись, решил воспользоваться этим магловским изобретением. Как на грех, трубку снял дядя Вернон.

— Алло. Вернон Дурсль у телефона.

Гарри, который тоже был в гостиной, похолодел. Из трубки раздался крик, а вернее, вопль Рона:

— Алло! Алло! Слышите меня?! Мне нужен Гарри Поттер!!!

Рон так вопил, что Дядя Вернон подпрыгнул и чуть не выронил трубку. Лицо его перекосило от гнева. Гарри даже испугался: не оглох ли?

— Кто говорит? — опомнившись, громыхнул дядя в трубку. — Кого вам надо?!

— Это Рон Уизли!!! — пуще прежнего орала трубка. Рон думал, что дядя Верной его не слышит, вот и кричал как болельщик на стадионе. — Я школьный друг Гарри!!!

Гарри рванул к телефону, но взглянул на дядю, и ему захотелось провалиться сквозь землю.

— Здесь нет никакого Гарри Поттера! Понятно?! — завопил дядя не хуже Рона, держа трубку подальше от уха: наверное, боялся, что та взорвется. — Не знаю никакой школы! Никогда нам не звоните! Не смейте нас беспокоить!

И он швырнул трубку, словно это был ядовитый паук.

— Как ты смеешь давать наш номер всяким типам! Типам вроде тебя!!! — брызгал слюной дядя, задыхаясь от ярости.

После этого звонка Гарри стало совсем тяжко. От друзей никаких известий. Рон больше не звонит — видно, понял, что Дурсли запрещают Гарри общаться с волшебниками. И от Гермионы ничего не слышно — наверное, Рон предупредил ее, чтобы она не звонила. Жаль, ведь Гермиона сама из семьи маглов, умеет пользоваться телефоном, и к тому же лучшая ученица второго курса в их волшебной школе. Уж она-то сообразила бы, что в разговоре с Дурслями не стоит упоминать о Хогвартсе. Но нет, не звонит Гермиона, и Гарри очень грустно.

Он не общался с друзьями больше месяца. Это лето такое же плохое, как и прошлое. Но все-таки крошечное улучшение есть. Дядя Вернон разрешил выпускать по ночам из клетки сову Буклю. Гарри дал честное слово, что не будет слать письма друзьям, и дядя согласился. Дело в том, что, сидя взаперти, Букля очень шумит. А по ночам ухает, просто жуть!

Гарри переписал про Венделину и опять прислушался. Тишина. Только толстый Дадли похрапывает у себя в комнате. Должно быть, очень поздно, глаза слипаются, пора спать — сочинение можно дописать и завтра ночью.

Гарри закрыл чернильницу, встал с кровати

и вытащил из-под нее старую наволочку. Сунул в нее фонарик, «Историю магии», сочинение, перо и пузырек с чернилами. Под кроватью вынималась старая паркетина, в полу под ней была большая ниша, туда он все и спрятал. Выпрямившись, Гарри потянулся и взглянул на светящийся циферблат часов на тумбочке. Час ночи. Как же он мог забыть? Вот уже час, как ему исполнилось тринадцать лет!

У Гарри есть и такая особенность. Он не радуется своим дням рождениям. Какая тут ра дость! В этот день ему никогда и открыток не присылали. А последние два года Дурсли и вовсе делали вид, что никакого дня рождения нет. Они и на этот раз о нем не вспомнят, можно не сомневаться.

Он подошел к открытому окну, и на него повеяло прохладой. Как хорошо! Под одеялом он совсем запарился. Возле окна — большая клетка Букли. Сейчас она пустая: Букля уже два дня как улетела. Гарри за сову не беспокоится — она часто пропадает где-то на несколько дней, а потом возвращается, — просто хочется, чтобы рядом было существо, которое тебя любит. А то Дурсли вечно смотрят со страхом и злобой. Надоело.

Гарри выглядит младше своих лет. Он худенький, да и роста невысокого, хотя за год все-таки

подрос. Волосы у него черные-черные как смоль и всегда растрепаны, сколько ни причесывай, глаза изумрудно-зеленые, и еще он носит круглые очки. А главная его особенность, конечно же, шрам на лбу в виде молнии. В детстве Гарри часто спрашивал у тети про этот шрам.

«Тебе еще и года не было, когда ты вместе с родителями попал в автомобильную аварию. Сестра моя непутевая и ее муж — твой отец, погибли, а ты выжил. Оттуда и шрам. Все, отстань», — отмахивалась тетя.

Но это неправда. Лили и Джеймс Поттеры погибли не в автомобильной аварии. Их убил величайший за последние сто лет темный волшебник Лорд Волан-де-Морт. Он и Гарри хотел убить, да не смог, а почему, до сих пор загадка. Мало того что Волан-де-Морт с малышом не справился, так и сам чуть не погиб. Именно тогда Темный Лорд утратил силы и подался в бега. Только шрам в виде молнии на лбу Гарри и напоминал о том дне.

В Хогвартсе Гарри уже два раза лицом к лицу встречался с Волан-де-Мортом.

— И все-таки дожил до тринадцати лет! — подбодрил себя Гарри, вспомнив последнюю встречу с Темным Лордом.

Так Гарри стоял у окна, представляя себе Буклю: летит к нему с дохлой мышью в клюве, ждет не дождется похвалы. А может, и вправду летит? Гарри выглянул в окно. Нет. Только звездное небо да крыши домов, освещенные фонарями. Но что там такое? На фоне золотисто-желтого диска луны появилось странное многокрылое существо.

Оно на глазах становилось все больше и больше. Гарри замер: оно летит прямо к нему! Вот уже совсем близко! Он уже было испугался и собирался захлопнуть окно, но тут крылатое чудище осветил уличный фонарь, и у Гарри отлегло от сердца.

В окно влетели две совы, поддерживая крыльями третью. Похоже, ей было плохо. Совы осторожно приземлились на кровать и опустили ослабевшую птицу. Большая серая сова повалилась на спину и замерла: к лапам ее был привязан объемистый сверток. Это же Стрелка — сова семейства Уизли! Гарри подбежал к ней, отвязал сверток, отнес сову в клетку Букли и придвинул ей плошку с водой.

Стрелка приоткрыла мутный глаз, слабо ухнула в знак благодарности и принялась жадно пить.

Гарри вернулся к другим совам.

Большая белоснежная Букля сидела довольная,

она тоже прилетела не с пустыми лапами. Гарри освободил сову от ноши, и Букля поблагодарила его, ласково клюнув в щеку. Затем взмахнула крыльями и присоединилась к Стрелке.

Чья же третья сова? Какая красивая! Оперение рыжеватое. А кроме свертка, еще и письмо принесла. Так… так… печать Хогвартса… Понятно, откуда она!

Гарри взял у нее сверток Сова важно распушила перья, взмахнула крыльями и была такова.

Гарри сел на кровать, взял пакет, принесенный Стрелкой, разорвал оберточную, бумагу и увидел конверт, подарок в золотой фольге и поздравительную открытку. Впервые в жизни Гарри получил открытку! Дрожащими руками он вскрыл конверт, оттуда выпали письмо и газетная вырезка, на ней черно-белый снимок и статья из «Ежедневного Пророка»:

> СОТРУДНИК МИНИСТЕРСТВА МАГИИ ВЫИГРАЛ ГЛАВНЫЙ ПРИЗ
>
> Артур Уизли, глава Отдела по борьбе с незаконным использованием изобретений маглов, выиграл Главный приз, который ежегодно разыгрывает газета «Ежедневный Пророк».

— Летом мы съездим к моему старшему сыну в Египет. Билл работает ликвидатором заклятий в местном отделении банка «Грин-готтс», — сообщил нашему корреспонденту счастливый мистер Уизли.

Семья Уизли в течение месяца будет отдыхать в Египте и вернется к началу учебного года. Пятеро детей Уизли учатся в школе «Хогвартс».

Гарри не мог оторвать глаз от живого фото: вот они, все девять Уизли стоят на фоне огромной египетской пирамиды и с таким рвением машут ему, что кажется, сейчас впрыгнут в комнату дома на Тисовой улице. Гарри счастливо улыбнулся.

Маленькая пухленькая миссис Уизли, высокий с залысинами мистер Уизли и шестеро сыновей, да еще дочка. И у всех (правда, на черно-белом снимке не видно) огненно-рыжие волосы. В центре длинный, нескладный Рон обнимает сестренку Джинни, на плече у него крыса Короста. Вот здорово! Им как никому нужна эта груда золота! Они такие хорошие, такие добрые и такие бедные… Гарри распечатал письмо: интересно, что же Рон написал?

Привет, Гарри! Поздравляю тебя с днем

рождения! Извини, что так вышло с телефонным звонком. Надеюсь, маглы не очень ругались? Папа сказал, что, наверное, не надо было так сильно кричать в трубку.

В Египте чудесно! Билл повел нас на экскурсию по пирамидам. Не представляешь, какие страшные заклятия наложили на них египетские жрецы! Мама даже не пустила Джинни в последнюю пирамиду Там столько жутких скелетов! Маглы вскрывают гробницы, и заклятия начинают действовать: у кого десять рук вырастет, у кого несколько голов!

Я сначала и не поверил, что папа выиграл главный приз «Пророка» — целых семьсот галеонов! Конечно, много денег уйдет на отпуск, но родители все-таки обещали купить мне новую волшебную палочку.

Гарри хорошо помнил, как Рон сломал старую. Они вдвоем летели в Хогвартс на семейном фордике Уизли и в школьном дворе умудрились врезаться в Гремучую иву.

Мы приедем за неделю до начала учеб-

ного года и отправимся в Лондон. Надо купить палочку и учебники. Гарри, давай встретимся! Приезжай!

Не обращай внимания на маглов. До встречи в Лондоне.

Рон

P.S. На той неделе Перси получил из Хогвартса письмо. Он — лучший ученик и староста всей школы.

Гарри еще раз глянул на фото. Вид у Перси был очень важный. На аккуратно причесанной голове — феска, кокетливо сдвинутая набок, а к ней приколот значок лучшего ученика. Очки в роговой оправе блестят, отражая египетское солнце. Сразу видно, что перешел в последний, седьмой класс, да к тому же еще и лучший ученик.

Гарри отложил письмо и развернул золотую фольгу. Что это? Похоже на маленький стеклянный волчок. И записка от Рона:

Гарри, это — карманный вредноскоп. Он предупреждает об опасности, вообще о чем-то плохом. Вспыхивает и кружится. Билл в это не верит, говорит, вредноскоп — просто сувенир для туристов, ни о чем он не предупреждает. Билл так решил, потому что вчера за ужином вредноскоп ни с того ни с сего за кружился как сумасшедший. Это Фред с Джорджем насыпали ему в суп дохлых жуков, а он и не заметил.

Пока: Рон

Гарри поставил подарок на тумбочку. Вредноскоп неторопливо покачивался на своем острие, отражая светящиеся стрелки часов. Посмотрим, что принесла Букля. Посылка от Гермионы! Подарок в яркой обертке, красивая открытка и письмо.

Дорогой Гарри!

Рон написал мне, как он тебе позвонил, а трубку снял дядя Вернон. Надеюсь, все обошлось. Сейчас я во Франции. Я все думала, как послать тебе подарок, а вдруг его вскроют на таможне? И тут прилетела

Букля! Не сомневаюсь, она хотела сделать тебе приятное и чтоб не вышло как в прошлом году и ты остался без подарка. Кстати, подарок я заказала по совиной почте, прочла объявление в «Пророке». Я даже здесь получаю газеты. Это так чудесно! Я в курсе всех событий в волшебном мире! Неделю назад в газете была фотография Рона и его семьи. Ты видел? Мне немножко завидно, он там столько всего узнает! В Древнем Египте жили великие кудесники! Во Франции тоже есть волшебники и такая богатая история магии! Я даже переписала свое сочинение по истории и внесла туда все самое интересное. Надеюсь, профессор Бинс не рассердится, что сочинение вышло на два свитка длиннее, чем он просил.

Рон вернется за неделю до первого сентября, и они всей семьей поедут в Лондон. Гарри, если тетя с дядей тебя отпустят, мы могли бы встретиться. Мы все так давно не виделись! Но если тебе не разрешат приехать в Лондон, ничего, встретимся первого сентября на платформе девять и три четверти.

Пока: Гермиона

P.S. Рон написал, что Перси стал лучшим учеником. Представляю, как Перси счастлив! А Рон, похоже, не очень.

Гарри рассмеялся и взял подарок. Ух ты, какой тяжелый! Наверняка это большая книга, где полно сложных заклинаний. Он сорвал бумагу, и сердце у него забилось быстрее. Это был футляр из черной, блестящей кожи.

«НАБОР ПО УХОДУ ЗА МЕТЛОЙ», — прочел Гарри серебряную надпись. Вот это да! Ну и Гермиона!

Гарри расстегнул молнию. Внутри была большая банка фирменного средства для полировки рукояти. Блестящие ножницы из серебра, чтобы равнять прутья. Насадка на черенок с маленьким латунным компасом — незаменимая вещь

в дальнем путешествии, и в довершение всего «Пособие по уходу за метлой».

Гарри очень скучал без своих друзей! И почти так же, как и друзей, ему недоставало квиддича. Это самая популярная игра в волшебном мире. Очень опасный вид спорта, но такой интересный! Играют в квиддич высоко в небе, оседлав метлы. Гарри — прекрасный игрок и самый молодой ловец в команде за последние сто лет. У него есть суперскоростная метла «Нимбус-2000», которую Гарри бережет как зеницу ока.

Остался еще один сверток. Это посылка от Хагрида — школьного лесничего. У кого еще такой корявый почерк? Гарри снял верхний слой бумаги и успел лишь заметить, что в пакете лежит что-то из зеленой кожи. Господи, что это? Подарок вдруг задрожал.

Щелк! Уж не челюсти ли?

Гарри похолодел. Опасную вещь Хагрид не пришлет, но… Что опасно, а что нет, у Хагрида на этот счет свои понятия. Достаточно вспомнить гигантского паука или жуткого трехглавого пса! А год назад он тайком принес к себе в хижину драконье яйцо!

Дрожа от страха, Гарри тронул сверток.

Щелк!.. Щелк!

Гарри снял с тумбочки лампу: если что, он как стукнет! И одним махом сорвал обертку. На кровать упала книга в красивой зеленой обложке, на которой золотыми буквами было вытиснено:

«ЧУДОВИЩНАЯ КНИГА О ЧУДИЩАХ»

Только Гарри успел прочесть название, как книга перевернулась и как-то боком, словно краб, двинулась по кровати.

— Да что же это такое?

Бах! Книга свалилась на пол и давай шуршать через всю комнату. Гарри за ней. Книга под стол. Только бы Дурсли не проснулись. Гарри сунул руку под стол. Хлоп!

— Ой!!!

Книга зажала пальцы именинника, но тут же отпустила и запрыгала дальше. Ничего не понимая, он сидел на корточках, а потом, опомнившись, ринулся на книгу и прижал ее к полу. В соседней комнате дядя Вернон что-то громко проворчал во сне, и опять все стихло.

Букля и Стрелка с интересом наблюдали за борьбой. Книга так и норовила выскочить из рук. Сжав ее из последних сил, Гарри рванулся к шкафу, достал ремень и стянул ее. Все, теперь не убежишь! Книга сердито брыкалась, но ремень

держал ее крепко. Гарри кинул подарок Хагрида на кровать и взял открытку.

Дорогой Гарри!

С днем рождения! Эта книга тебе очень пригодится в следующем году. Больше ничего писать не буду. Вот свидимся и расскажу. Надеюсь, маглы тебя не обижают. Всего хорошего.

Хагрид

Гарри призадумался. И эта кусачая книга ему пригодится? Ничего себе шуточки!

Гарри сложил все открытки с подарками, и счастливая улыбка озарила его лицо. Да, еще осталось письмо из Хогвартса… Гарри вскрыл конверт и вытащил пергамент.

Уважаемый мистер Поттер!

Напоминаю Вам, что первого сентября начинается учебный год. «Хогвартс-Экспресс» отходит от платформы № 9 3/4 с вокзала Кингс-Кросс в 11.00. В выходные дни третьекурсникам будет разрешено посещать деревню Хогсмид. К письму прилагается форма с разрешением. Ее должны подписать ваши родители или опекун. Также прилагается список учебников для третьего класса.

Искренне Ваша
профессор М. МакГонагалл,
заместитель директора школы

Гарри достал форму с разрешением, и улыбки как не бывало. Дядя Вернон и тетя Петунья ни за что не подпишут эту бумагу. А так хочется в Хогсмид! Это — единственная деревня, где живут только волшебники, а он ни разу там не был!

Гарри посмотрел на будильник. Два часа ночи.

«Ладно, подожду до утра». С этими мыслями он лег на кровать и глянул на висевший на стене календарик. Он составил его, чтобы знать, сколько времени осталось до школы. Вычеркнул прошедший день, улегся и принялся рассматривать открытки.

Каким бы необыкновенным Гарри ни был, в эту минуту он чувствовал себя как простой мальчишка — радовался дню рождения.

Глава 2

БОЛЬШАЯ ОШИБКА ТЕТУШКИ МАРДЖ

Утром Гарри спустился на кухню. Дурсли уже сидели за столом и смотрели новенький телевизор, подаренный Дадли по окончании учебного года, чтобы сыночек смотрел мультфильмы рядом с холодильником. И теперь Дадли весь день проводит на кухне; маленькие поросячьи глазки прилипли к экрану, а пять подбородков работают без остановки.

Гарри сел между Дадли и дядей Верноном — плотным, краснолицым мужчиной с крохотной шеей и пышными усами. С днем рождения Гарри никто не поздравил, даже доброго утра не пожелали — делают вид, что его нет. Подумаешь! Гарри к этому не привыкать. Он взял гренку и глянул на экран, где говорили о сбежавшем преступнике:

«Блэк вооружен и очень опасен. Увидев его, немедленно сообщите властям по специально созданной горячей линии».

— Без вас понятно, что негодяй! — крякнул дядя Вернон, глядя на преступника из-за газеты. — Да

вы посмотрите, на кого похож этот грязный бездельник! Взгляните на его патлы!

Он метнул злой взгляд на племянника, чьи растрепанные волосы вечно повергали в гнев прилизанных Дурслей. Но дядя не прав, у беглеца прическа куда хуже. Волосы такие длинные и спутанные, что худого, бледного лица почти не видно.

Тем временем диктор сменил тему.

«Сегодня Министерство сельского и рыбного хозяйства объявляет…»

— Идиот! — презрительно глядя на диктора, рявкнул дядя Вернон. — Хоть бы сказал, откуда сбежал этот маньяк! И вообще, какой прок в этой горячей линии?! А вдруг этот псих сейчас бродит по нашей улице?!

Тетя Петунья, худосочная блондинка с лошадиным лицом, подлетела к окну.

«А, надеется увидеть преступника и позвонить на горячую линию», — подумал Гарри.

На целом свете не сыщешь столь любопытной дамы. Всю жизнь только и делает, что следит за соседями — такими же благопристойными занудами.

— Да неужели непонятно, — дядя обрушил на стол багровый кулачище, — таким людям дорога

одна — на виселицу!

— Что верно, то верно, — кивнула тетя Петунья, не отрывая взора от зарослей вьющейся фасоли на соседнем участке.

Дядя Вернон допил чай и взглянул на часы.

— Ну, я пошел, Петунья. Поезд Мардж прибывает в десять часов.

Гарри, все помыслы которого были наверху — там его ожидал «Набор по уходу за метлой», — чуть не упал со стула. Тетушка Мардж!!! Вот те на… Хуже не придумаешь!

— Тетушка Мардж?! — не подумав, вскрикнул он. — Она… она… сегодня приедет?!

Тетушка Мардж — сестра дяди Вернона, и с Гарри родственными узами не связана (мама Гарри была сестрой тети Петуньи). Однако мальчика всю жизнь заставляли звать ее тетушкой. Она живет в пригороде в особняке с садом и разводит бульдогов. Тетушка Мардж не частый гость на Тисовой улице — расставание с прелестными собачками для нее невыносимо. Но в каждый ее приезд Гарри впору лезть на стену.

Гарри помнит приезд тетушки на пятилетие Дадли. Мальчики побежали наперегонки, и Гарри обогнал толстяка, за что получил от тетушки Мардж тростью по ноге. А года через два тетушка

заявилась на Рождество. Дадли подарила игрушку — электронного робота, а Гарри — коробку собачьего печенья. Последний визит она нанесла за год до поступления в Хогвартс. Тогда Гарри серьезнее пострадал. Он нечаянно наступил на лапу ее любимой собаке — Злыдню. Бульдог гонял его по саду, пока Гарри не залез на дерево, где и просидел до глубокой ночи: тетушка и не подумала отозвать пса. Вспоминая об этом, Дадли и сейчас хохочет до колик.

— Мардж погостит у нас неделю, — пробасил дядя Вернон, — а ты, — ткнул он в Гарри толстым пальцем, — слушай меня внимательно!

— Ха-ха-ха!!! — Дадли оторвался от телевизора. — Сейчас папочка начнет чихвостить Гарри. Вот будет весело!

— Итак, — прорычал дядя Вернон, — с Мардж ты будешь предельно вежлив! Только попробуй ей нагрубить! Понял?!

— Хорошо, — уныло выдохнул Гарри. — Но пусть и она меня не обижает…

Дядя Вернон пропустил его слова мимо ушей.

— Далее. Мардж ничего не знает о твоей… э-э… ненормальности… И покуда она здесь, никаких аномальных явлений! Веди себя прилично! Понял меня?!

— Буду. Если она тоже будет прилично вести, — стиснув зубы, кивнул Гарри.

На багровом, мясистом лице дяди еле проглядывали маленькие, злые глазки.

— И наконец, мы сказали Мардж, что ты ходишь в школу для трудных, ну, в общем, безнадежных подростков имени святого Брутуса.

— Что?! — ахнул Гарри. Врать, что он учится с будущими преступниками?!

— Мальчик, запомни, что я сказал. Не то тебе будет худо, — брызнул слюной дядя.

Побледнев, Гарри уставился на дядю. Тетушка Мардж приезжает на целую неделю! Да-а, Дурсли устроили незабываемый день рождения! По сравнению с этим подарок в виде старых носков дяди Вернона — просто мечта!

— Ну, Петунья, я поехал, — сказал дядя, тяжело поднимаясь со стула. — Дадли, не хочешь прокатиться со мной?

— Не-а, — замотал головой Дадли.

Дядя Вернон перестал поучать Гарри, и толстяк снова впился в телевизор.

— Дадлик, пойди переоденься. — Тетя ласково погладила сыночка по жидким светлым волосам. — Мама купила своему мальчику такую красивую бабочку! Ах! Тетушка будет в восторге!

Дядя хлопнул Дадли по толстому плечу.

— Я скоро вернусь, — попрощался он и вышел из кухни.

Гарри сидел понурив голову. Он был вне себя. И вдруг его озарило. Отбросив гренку, Гарри пулей вылетел в холл.

Дядя Вернон уже натягивал пальто.

— А тебя я с собой не звал, — буркнул дядя.

— Я не за этим, — твердо сказал Гарри. — Хочу вас кое о чем попросить.

Дядя Вернон прищурился.

— Третьекурсникам в Хог… то есть в моей школе разрешено посещать одну деревню, — произнес Гарри.

— А я при чем? — зашипел дядя, снимая с крючка ключи от машины.

— Но надо ваше разрешение.

— С какой стати, интересно? — хмыкнул дядя Вернон.

— Понимаете, — осторожно начал Гарри, — мне ведь нелегко будет притворяться, что я учусь в школе святого…

— В школе для трудных, с криминальными наклонностями подростков имени святого Брутуса, — закончил за него дядя Вернон.

Кажется, дядя занервничал, подумал Гарри.

— Правильно. — Он спокойно смотрел на багровое лицо дяди и продолжал: — Но это трудно запомнить. И чтобы тетушка Мардж поверила, придется постараться, а то вдруг я скажу чего не так?

— Тогда я из твоей башки выбью всю дурь!!! Сжав кулак, дядя двинулся на Гарри, но тот и не шелохнулся.

— Ну и выбивайте! Тетушка все равно сказанного мной не забудет!

Дядя Вернон оторопел — кулак повис в воздухе, лицо исказила гримаса.

— Но если вы подпишете разрешение, — быстро сказал Гарри, — то, клянусь, я запомню эту школу и буду вести себя как магл, то есть как хороший мальчик.

Дядя стиснул зубы и задумался. Жилка у него на виске запульсировала.

— Ладно, — наконец изрек он. — Будешь говорить, что я велел, подпишу эту чертову бумагу. Но если обманешь — пеняй на себя!

Дядя круто развернулся и хлопнул дверью так, что из частого переплета над ней вылетело цветное стеклышко.

На кухню Гарри не вернулся, отправился к себе в комнату: хочешь вести себя как истинный магл,

начинай прямо сейчас.

Гарри долго собирал подарки с открытками. Наконец с тяжким вздохом спрятал все под кровать к учебникам. Подошел к клетке: Букля и Стрелка, которая уже оправилась от перелета, спали, спрятав под крыло голову. Гарри снова вздохнул и разбудил сов, потыкав пальцем ту и другую.

— Букля, — жалобно молвил он, — вам со Стрелкой придется улететь. Только на неделю. Я Рону напишу, он присмотрит за тобой. Ну не надо так смотреть, ради бога! — В больших янтарных глазах Букли читался упрек. — Я не виноват! Я только так смогу получить разрешение, чтобы с друзьями ходить в Хогсмид.

Гарри написал Рону письмо, привязал к лапе Букли, и минут через десять совы вылетели из окна. Гарри убрал пустую клетку в шкаф. Эх, тоска, но делать нечего!

Скучать долго не пришлось. Вскоре весь дом огласили крики тети Петуньи:

— Когда прибудет тетушка, немедленно выходи поздороваться! И пригладь свои патлы, неряха!

Но что он может поделать с волосами? Да и тетушка Мардж обожает его ругать, к чему лишать ее удовольствия?

Немного погодя зашуршал гравий, хлопнули

дверцы машины, в саду раздался топот. Приехали.

— Открой дверь! — зашипела тетя Петунья.

С тяжелым сердцем Гарри повиновался. На пороге стояла тетушка Мардж.

Эта краснолицая, внушительной комплекции дама очень походила на дядю Вернона. У нее были даже усы, правда, не такие пышные, как у дяди. В одной руке она держала здоровенный чемодан, второй прижимала к груди старого, угрюмого бульдога.

— А где мой ненаглядный Дадли? — хрипло гаркнула тетушка. — Где мой медвежонок?

В коридоре появился толстяк Дадли. Соломенные волосы прилизаны, из-под пяти подбородков торчит галстук-бабочка. Швырнув чемодан Гарри, тетушка ринулась навстречу племяннику. Удар пришелся в живот, и у Гарри перехватило дыхание. Тетушка Мардж подбежала к Дадли и, потискав его одной рукой, смачно чмокнула в щеку.

Гарри прекрасно знал, что ее объятия Дадли терпит лишь потому, что тетушка ему за это платит. И действительно, когда объятия разжались, в кулаке толстяка хрустнула двадцатифунтовая бумажка.

— Петунья! — воскликнула тетушка и двинулась к ней.

На Гарри она и не взглянула. Он был для нее пустым местом. Тетушки поцеловались, Мардж прижалась массивной челюстью к впалой щеке тети Петуньи. Появился и дядя Вернон — сама любезность.

— Мардж, не хочешь ли чашку чая? — предложил он. — А что желает Злыдень?

— Злыдень желает испить чаю из моего блюдечка, — ухмыльнулась тетушка Мардж.

Семейка отбыла на кухню, а Гарри остался в коридоре с тяжеленным чемоданом.

«Это ничего, хорошо, что ушла», — подумал Гарри и не торопясь потащил чемодан в спальню, приготовленную для тетушки Мардж.

Когда Гарри вернулся в кухню, тетушка уже попивала чай с фруктовым тортом, а в углу Злыдень шумно лакал чай из блюдца. Пол вокруг был забрызган слюной и чаинками. Тетя Петунья была явно не в восторге. Эта блюстительница чистоты терпеть не могла животных.

— Послушай, Мардж, а кто присматривает за другими собаками? — полюбопытствовал дядя Вернон.

— Полковник Фабстер, — загудела тетушка. —

Он вышел на пенсию, и ему все равно делать нечего. Но моего бедного старичка я на него оставить не могу. Злыдень так без меня грустит, так грустит.

Гарри сел за стол, и собака зарычала. Тетушка Мардж повернулась и тут как бы впервые заметила Гарри.

— Ага! — рявкнула она. — Ты все еще здесь?

— Да, — кивнул Гарри.

— Да? — передразнила тетушка. — Как ты разговариваешь, неблагодарный мальчишка? Вернон и Петунья столько сделали для тебя! А ты… Если бы тебя оставили на моем крыльце, я бы с тобой миндальничать не стала! Сразу бы отправила в детский дом!

В детском доме было бы куда лучше, чем здесь, у Дурслей, вертелось на языке у Гарри. «Молчи, Гарри, молчи, помни об уговоре», — сказал он себе и выдавил некое подобие улыбки.

— Ах, он еще и ухмыляется! — возмутилась тетушка. — Совсем не изменился — грубиян! А я-то, я-то надеялась, что хоть в школе тебя перевоспитают!

Тетушка одним глотком осушила полчашки чая, вытерла усы и продолжила:

— Кстати, Вернон, это что за школа-то?

— Имени святого Брутуса, — не замедлил с ответом дядя. — Самое подходящее место для безнадежных случаев.

— Ясно. — Тетушка повернулась к Гарри: — А в этой школе розгами-то хоть лупят?

— Ну-у…

Дядя Вернон коротко кивнул ему из-за широкой спины тетушки Мардж.

— Ага, — кивнул Гарри. Потом решил, что говорить надо подоходчивей, и добавил: — Лупят, все время лупят.

— И правильно делают. — Тетушка Мардж хлопнула по столу — Все это чепуха, что, мол, детей, пусть и хулиганов, нельзя пороть. Да из сотни придурков девяносто девять заслуживают порку! Не сомневаюсь, тебе там достается часто!

— Да-да, — кивнул Гарри, — очень часто. Тетушка Мардж прищурилась.

— Не нравится мне, как ты разговариваешь, — процедила она. — что-то ты слишком спокойно рассказываешь про наказания. Сдается мне, слабовато тебя там лупят. На твоем месте, Петунья, написала бы я в школу письмо с просьбой драть этого паршивца посильнее. Такие, как он, требуют особо строгого обращения.

Дядя Вернон забеспокоился. Вдруг Гарри не

выдержит и, забыв об уговоре, брякнет Мардж что-нибудь неподходящее?

— Мардж, ты смотрела утренние новости? — поспешил он разрядить обстановку. — Что думаешь о сбежавшем преступнике?

Так вот и поселилась тетушка Мардж на Тисовой улице. И Гарри вдруг понял, что до нее все шло не так уж и плохо. Дяде Вернону и тете Петунье он старался не попадаться на глаза, и это всех устраивало. С тетушкой Мардж такое не пройдет — постоянно требует находиться при ней, чтобы досаждать нравоучениями. И хлебом не корми, дай сравнить его с Дадли. Особенно нравилось ей заваливать толстяка дорогими игрушками. Подарит и смотрит на Гарри — ждет, что он попросит: «Тетушка Мардж, а мне что?» И все время нудит, какое Гарри бесполезное, пропащее существо.

Со дня приезда тетушки Мардж прошло три дня. Все обитатели дома № 4 по Тисовой улице сидели за обеденным столом.

— Ты не виноват, Вернон, что мальчишка неисправим, — утешала тетушка Мардж брата. — Что поделать, коль он уже родился с гнильцой.

От негодования у Гарри задрожали руки, к лицу прилила кровь. «Помни об уговоре и молчи, думай о Хогсмиде. Не обращай на нее внима-

ния», — внушал он себе, уставившись в тарелку.

Тетушка налила в бокал вина и провозгласила:

— С собаками тоже всегда так. У дурной суки — дурные щенки!

Едва она произнесла эти слова, как бокал в ее руке взорвался. По всей кухне разлетелись осколки. Тетушка заморгала, что-то бормоча, по багровому лицу потекло вино.

— Мардж! — закричала тетя Петунья. — Мардж, ты жива?!

— Да не волнуйся, Петунья, — тетушка вытерла лицо салфеткой, — я просто очень сильно сжала бокал. На днях у полковника Фабстера точно так же перестаралась.

Но тетя с дядей не сводили с Гарри подозрительных взглядов. От греха подальше Гарри выскочил в коридор, не дождавшись пудинга.

Тяжело дыша, он прислонился к стене.

Нельзя, нельзя так злиться! Вот уже вещи взрываются! Не дай бог, что-нибудь еще произойдет! Ладно Хогсмид, а если узнают в Министерстве магии?!

Гарри — малолетний волшебник. И ему законом запрещено заниматься колдовством за пределами школы. Тем более прошлым летом он уже провинился, за что и получил от Министер-

ства официальное предупреждение. Примени он опять волшебство, на Тисовой улице, его точно из Хогвартса исключат.

Услышав, как Дурсли встают из-за стола, Гарри заспешил к себе в комнату.

Следующие три дня прошли спокойно. Всякий раз, когда тетушка кидалась на него, Гарри, стиснув зубы, думал о своем пособии по уходу за метлой. Наверное, взгляд его при этом стекленел, потому что тетушка Мардж высказала догадку, что Гарри, ко всему прочему, еще и умственно отсталый.

Наконец-то настал последний день пребывания тетушки Мардж на Тисовой улице. По такому случаю тетя Петунья накрыла праздничный стол, а дядя Вернон откупорил бутылки с вином. Все так увлеклись супом и жареной форелью, что на Гарри никто не обращал внимания. На сладкое был лимонный торт-безе, но удовольствие всем испортил дядя нудным рассказом о дрелях, которые производила его фирма «Граннингс». Потом тетя Петунья подала кофе, а дядя Вернон принес бутылку бренди.

— Мардж, не соблазнишься, а?

Тетушка выпила уже не один бокал вина, и лицо у нее налилось кровью.

— Плесни чуток, — хрипло хихикнула она, протягивая рюмку. — Ну что так мало? Лей еще… еще… Ага, вот теперь будет.

Дадли лопал четвертый кусок пирога; тетя Петунья держала чашку кофе, оттопырив мизинец. Гарри собрался уходить, но дядя Вернон так сердито на него посмотрел — пришлось остаться.

— Уф!.. — Тетушка облизнулась, поставив на стол пустую рюмку. — Потрясающий ужин, Петунья! Мне, с дюжиной бульдогов, готовить некогда. Дома ем готовое из магазина.

Смачно рыгнув, она похлопала себя по животу. Под твидовым пиджаком ему было явно тесновато.

— Прошу прощения. Люблю я упитанных мальчиков! — Тетушка подмигнула Дадли. — Ты, Дадлик, вырастешь и будешь такой же большой, как папа! Ну-ка, Вернон, налей еще бренди!

— Пожалуйста.

Тетушка мотнула головой в сторону Гарри, и у того екнуло сердце.

«Открываю пособие», — пронеслось у него в голове.

— Фу, скелет! Смотреть противно! Подобные особи встречаются и у собак. Год назад я велела полковнику Фабстеру утопить одного недоноска.

Такой же был слабак!

«Гарри, вспоминай заклинание! Двенадцатая страница… Ага, вот оно, если заклинит задний ход…»

— Всегда говорила: дурная кровь — дело безнадежное. Рано ли, поздно ли, она даст о себе знать! Я ничего не хочу сказать плохого о твоей семье, Петунья, — тетушка хлопнула ладонью величиной с лопату по костлявой руке тети Петуньи, — но согласись, сестра у тебя была никудышная! Всю семью опозорила! Сбежала с каким-то прохвостом, и вон смотрите, что получилось!

Гарри уставился в тарелку. В ушах зазвенело.

«Крепко держите метлу за рукоять», — твердил он про себя. Что было дальше, он не помнил. Голос тетушки Мардж сверлил голову не хуже дрелей дяди Вернона.

Тетушка схватила бутылку бренди, плеснула себе еще и забрызгала скатерть.

— А я ведь совсем ничего не знаю про старшего Поттера. Кем хоть он был? Работал ли?

Лица у дяди с тетей так сильно напряглись, что Дадли оторвался от пирога и с удивлением глянул на родителей.

— Он не работал. — Тяжело вздохнув, дядя по-

косился на Гарри. — Он был безработный.

Тетушка опустошила полрюмки.

— Неудивительно. Бездельник! — Она вытерла подбородок рукавом пиджака. — Нищий дурак, который…

— Ложь, — вдруг отчеканил Гарри.

В комнате воцарилась тишина. Гарри сжал кулаки. Никогда еще он не был так зол.

— Еще бренди! — взревел бледный как мел дядя Вернон. — Марш спать! — шикнул он на Гарри.

— Нет, Вернон! — Тетушка Мардж икнула, выбросив вперед руку. Крошечные, налитые кровью глазки впились в Гарри. — Продолжай, мальчишка. Ты, я вижу, гордишься своими родителями? Бедные! Погибли в автокатастрофе! Наверняка были оба пьяные!

Неожиданно для себя самого Гарри вскочил со стула.

— Они погибли не в автомобильной катастрофе! — закричал он.

— Нет, в автокатастрофе, маленький гаденыш!!! — От ярости она надулась как индюк — И взвалили тебя на этих добрых людей! А ты, неблагодарный…

Она замолчала, будто поперхнулась. Ее продолжало раздувать. Полное красное лицо опухло,

крошечные глазки полезли из орбит, а рот растянулся до ушей. Твидовый пиджак лопнул, и пуговицы со свистом разлетелись в стороны. Скоро тетушка превратилась в громадный воздушный шар. Юбка лопнула, живот вывалился наружу, а пальцы растопырились, как огромные сосиски.

— Мардж!!! — хором закричали тетя с дядей. Тетушку оторвало от стула, и она поплыла к потолку. Она была совсем круглая, как надувная игрушка, руки-ноги безвольно колыхались, глаз почти не видно, из груди рвалось тяжкое пыхтение.

«Гав-гав-гав!!!»

В комнату вбежал ошалевший Злыдень.

— Прекрати!!! — Дядя схватил тетушку за ногу и едва не взлетел сам. А Злыдень кинулся на дядю и тяпнул его за ногу.

Воспользовавшись суматохой, Гарри выбежал из столовой и помчался в чулан под лестницей. Заклинанием отпер дверь, схватил чемодан, бросил его на порог и ринулся наверх к себе в комнату. Вынул паркетину под кроватью. Схватил наволочку с книгами и подарками, не забыл пустую клетку и бросился вниз к входной двери.

В этот миг из столовой выскочил дядя Вернон,

одна из его брючин превратилась в кровавые лоскуты.

— Ты куда!!! — возопил он. — Сейчас же вернись и приведи тетку в порядок!!!

Но Гарри уже было все равно. Он был готов на любое безрассудство. Пинком открыв чемодан, он вынул волшебную палочку и нацелил на дядю.

— Она получила по заслугам! — сказал он и, отдышавшись, добавил: — Не подходите ко мне!

Гарри нашарил за собой дверную ручку.

— Все, ухожу! С меня хватит!

Еще миг, и Гарри очутился на темной пустынной улице. Волоча тяжелый чемодан, с клеткой под мышкой он зашагал прочь, подальше от Дурслей.

Глава 3

АВТОБУС «НОЧНОЙ РЫЦАРЬ»

Разъяренный Гарри, несмотря на тяжелую поклажу, не заметил, как миновал несколько улиц. Но вскоре усталость дала о себе знать. На улице Магнолий он увидел невысокую каменную изгородь и в изнеможении опустился на нее.

Гарри сидел неподвижно, сердце колотилось, он никак не мог успокоиться. Было уже совсем темно, и мало-помалу им стало овладевать отчаяние. Никогда еще Гарри, с какой стороны ни глянь, не находился в столь затруднительном положении. Он один в жестоком мире маглов, и ему совсем некуда идти. А самое страшное — Гарри применил мощный заряд колдовства. Посему прощай Хогвартс! Он нарушил запрет: колдовать несовершеннолетние не имеют права. Гарри диву давался, что над ним еще не хлопают крыльями совы из Министерства магии.

Поежившись, он огляделся. Что его ждет?

Арест или просто изгнание из мира волшебников? Подумав о Роне с Гермионой, Гарри чуть не заплакал. Узнай, что он в беде, друзья тут же

бросились бы на помощь, невзирая на все его прегрешения. Но они так далеко! И Букли нет! Как им дашь знать?

Нет и магловских денег. В мешочке, на дне чемодана, лежит пригоршня волшебного золота. А все его деньги — наследство от родителей — в Лондоне, в подземелье банка «Гринготтс». Увы, пешком чемодан до Лондона не дотащишь. Если только…

Он глянул на зажатую в руке волшебную палочку. Если его уже выгнали из школы (при этой мысли сердце чуть не разорвалось от боли), можно еще немного поколдовать, хуже не будет.

От отца ему досталась мантия-невидимка. Надо колдовством сделать чемодан легким как перышко, привязать его к метле и надеть эту мантию. Тогда он быстро и незаметно долетит до Лондона, заберет из банковского сейфа все деньги и будет жить как отшельник Такое и в кошмарном сне не приснится! Но другого выхода нет. А то дождешься маглов-полицейских. И объясняй им, чего он тут ночью делает и почему в чемодане метла да книги с заклинаниями!

Открыв чемодан, Гарри принялся искать мантию-невидимку. Вдруг ему показалось, что за ним кто-то наблюдает. Он резко выпрямился и еще

раз огляделся. По спине пробежал холодок. Улица темна и пустынна. В окнах домов ни огонька — все спят. Гарри снова нагнулся над чемоданом и тут же вскочил на ноги, крепко сжимая палочку, почуял неладное: в узком пространстве между изгородью и гаражом позади него явно кто-то был… Гарри обернулся, метнул туда взгляд. Ну, шевельнись, пожалуйста! И будет ясно, кто ты, — бродячий кот или…

— *Люмос,* — шепнул Гарри и зажмурился от яркого света, полыхнувшего на конце палочки; поднял ее высоко над головой, и стены ближайшего дома засверкали. Палочка осветила гараж, дом и газон между ними. Гарри отчетливо увидел очертания чего-то громадного — оно не сводило с него больших блестящих глаз.

Гарри рванул от дома и споткнулся о чемодан, выкинул вперед руку, чтобы смягчить падение, но выронил палочку и скатился в канаву.

Жуткий рев чуть не оглушил его. Гарри прикрыл глаза от яркого света. Что это? Вскрикнув, выпрыгнул на тротуар, и как раз вовремя: на том месте, где он лежал секунду назад, была пара гигантских колес. Трехэтажный ярко-фиолетовый автобус возник не иначе как прямо из воздуха, залив все вокруг потоками света. По лобовому

стеклу тянулась длинная золотая надпись: «Ночной рыцарь».

«Наверное, я схожу с ума», — подумал было Гарри, но тут из автобуса выскочил кондуктор в красном и молвил в тишину:

— Добро пожаловать! Это автобус для ведьм и волшебников, попавших в трудное положение! Взмахните палочкой и входите в салон: мы домчим вас куда угодно! Я, Стэн Шанпайк, ваш кондуктор этим веч…

Он осекся, заметив сидящего на земле Гарри. Подняв палочку, Гарри встал на ноги.

«А этот Стэн Шанпайк всего лет на пять старше меня: восемнадцать — девятнадцать, не больше», — отметил Гарри, глядя на прыщавое, с большими торчащими ушами лицо кондуктора.

— Чего ты тут делаешь? — отбросил Стэн кондукторский тон.

— Упал.

— Зачем? — ухмыльнулся Стэн.

— Упал, и все.

Чего он прицепился? Да потому, что вид у Гарри оставлял желать лучшего! На одном колене порвалась штанина, на руке кровь. Вспомнив, из-за чего упал, Гарри мигом обернулся и оглядел освещенное фарами пространство за каменной

стеной. Там было пусто.

— Ты чего туда смотришь? — подал голос Стэн.

— Там было что-то большое, черное… — Гарри неуверенно махнул рукой в сторону дома. — Вроде собаки… но больше.

Он глянул на Стэна, тот же, разинув рот, смотрел на него, вернее, на его лоб. Гарри дрогнул.

— Чего это у тебя такое? — спросил Стэн.

— Ничего, — буркнул Гарри, пальцами начесав на лоб челку. Конечно, Министерство магии уже ищет его, и облегчать им работу он не собирается.

— Как тебя звать? — не унимался Стэн.

— Невилл Долгопупс, — назвал Гарри первое пришедшее в голову имя. — Слушай, — попытался он отвлечь Стэна, — а этот автобус и правда отвезет меня куда захочу?

— Конечно! — гордо ответил Стэн. — В любую точку мира, куда пожелаешь! Только под воду ни-ни… Э-э… — Он опять вперился в Гарри. — А ты и впрямь голосовал? Махнул палочкой?

— Да-да, — поспешил заверить Гарри — Слушай, а сколько стоит до Лондона?

— Одиннадцать сиклей, — произнес Стэн. — За четырнадцать получишь кружку горячего какао, а за пятнадцать — еще грелку и в придачу зубную

щетку любого цвета.

Гарри достал из чемодана мешочек и сунул в руку Стэна несколько серебряных монет. Поставив клетку на чемодан, они втащили багаж внутрь.

Сидений в автобусе не было. Вдоль занавешенных окон — кровати с бронзовыми спинками. Над каждой кроватью — подсвечник, освещавший обитые панелью стены. Спавший в конце автобуса крошечный волшебник в ночном колпаке проворчал во сне:

— Благодарю, но я занят. Солю слизняков, — и повернулся на другой бок.

— Вот твоя, — шепнул Стэн и запихнул чемодан под кровать за водительским креслом.

— Это наш водитель — Эрни Прэнг. Эрн, это Невилл Долгопупс.

Эрни, пожилой волшебник в очках с толстыми стеклами, кивнул. Гарри дрожащей рукой снова пригладил челку на лбу и сел на постель.

— Трогай, Эрни, — сказал Стэн, садясь рядом с водителем.

Автобус взревел и рванул с такой силой, что Гарри завалился на кровать. Поднявшись, глянул в окно. Они ехали по совершенно другой улице. Стэн пришел в восторг, заметив удивление на лице Гарри.

— Мы были как раз тут, когда ты махнул палочкой, — сказал он. — Мы, Эрни, никак уже в Уэльсе?

— Угу.

— А маглы не слышат автобус? — спросил Гарри.

— Маглы? — презрительно хмыкнул Стэн. — Да они ничего не слышат и не видят! Они вообще тупицы!

— Ступай-ка ты, Стэн, разбуди мадам Марш, — подал голос Эрни. — Вот-вот будем в Абергавени.

Стэн поплелся наверх по узкой деревянной лестнице. Гарри смотрел ему вслед, тревога усиливалась. Эрни водил автобус неважно, и их постоянно заносило на тротуар. Правда, пока обошлось без аварии: фонарные столбы, почтовые ящики, урны отскакивали перед самым носом автобуса, а когда тот проедет, прыгали на место.

Вскоре появился Стэн, а за ним — волшебница в дорожной мантии со слегка позеленевшим лицом.

— Приехали, мадам Марш, — радостно оповестил кондуктор.

Эрни резко затормозил. Кровати заходили ходуном. Мадам Марш прижала ко рту носовой платок и скатилась вниз. Стэн выкинул ее

сумку и захлопнул дверь. Автобус взревел и, грохоча, покатил по узкой проселочной дороге, а окрестные деревья в ужасе шарахались при его приближении.

Сейчас Гарри не уснул бы и в простом автобусе, который без грохота едет себе спокойно, а не летит сотни миль в секунду. В голове ворочались тяжкие думы: что его ожидает и как там тетушка Мардж, все еще висит под потолком?

Высунув язык, Стэн читал свежий номер «Ежедневного Пророка». На первой полосе был большой снимок. Человек с фотографии прищурился, глядя на Гарри. Усталое, с длинными спутанными волосами лицо было странно знакомо Гарри.

— Ведь это его маглы показывали в новостях! — воскликнул он, на миг забыв о своих бедах.

Стэн осклабился, глядя на снимок.

— Сириус Блэк, — кивнул он. — Ясное дело, маглы показывали его. Ты что, Невилл, с луны свалился?

Презрительно посмотрев на изумленного Гарри, он сунул ему газету.

— Газетки-то чаще надо читать. Гарри поднес «Пророк» к свече:

БЛЭК ВСЕ ЕЩЕ НА СВОБОДЕ!

Сегодня Министерство магии сообщило, что Сириус Блэк — самый опасный преступник за всю историю тюрьмы Азкабан — до сих пор не пойман.

— Мы делаем все возможное, чтобы найти Блэка, — заверил утром министр магии Корнелиус Фадж. — И призываем волшебное сообщество сохранять спокойствие.

Некоторые члены Международной федерации колдунов недовольны тем, что Фадж сообщил о происшедшем премьер-министру маглов.

— А как бы вы поступили на моем месте? — заявил Фадж, известный своим раздражительным характером. — Блэк сумасшедший. Он опасен, как для волшебников, так и для маглов. Премьер поклялся, что о волшебном происхождении Блэка не узнает ни один магл. А если и узнают, сочтут за репортерскую утку.

Маглам сообщили, что у Блэка есть пистолет (железная дудка, которой простецы убивают друг друга). Волшебное

сообщество опасается повторения бойни, устроенной Блэком двенадцать лет назад. Напомним, тогда Блэк одним проклятием умертвил сразу тринадцать человек.

Гарри вгляделся в темные глаза Сириуса Блэка, единственные живые точки на исхудалом лице. Ему не доводилось встречаться с вампирами, но на уроках по защите от темных искусств он не раз видел их портреты. Блэк с его мертвенно-восковой кожей очень походил на вампира.

— Ну, и как тебе этот красавчик? — полюбопытствовал Стэн.

Гарри вернул газету и спросил:

— Он что, и вправду одним проклятием убил тринадцать человек?

— А то, — кивнул Стэн. — Средь бела дня и при свидетелях Вот в чем кошмар, правда, Эрн?

— Правда, — мрачно поддакнул Эрни. Развернувшись в кресле, Стэн заложил руки за голову и перевел взгляд на Гарри.

— Блэк — один из ближайших соратников Сам-Знаешь-Кого, — важно сообщил он.

— Волан-де-Морта, что ли? — брякнул Гарри.

Прыщи на лице Стэна побелели, Эрни крутанул руль, и фермерский дом в ужасе шарахнулся от

автобуса.

— У тебя как с головой?! — завопил Стэн, схватившись за сердце. — Ты чье имя назвал?!

— Ой, извини, пожалуйста, — поспешно сказал Гарри. — Я… я просто забыл…

— Забыл! — передразнил Стэн. — А если у меня разрыв сердца будет?!

— Значит, Блэк был ближайшим соратником Сам-Знаешь-Кого? — виновато произнес Гарри, возвращаясь к беседе.

— Ну, да. — Стэн все еще держался за сердце. — Друг-приятель… А когда малютка Гарри Поттер победил Сам-Знаешь-Кого…

Гарри вздрогнул и в очередной раз пригладил на лбу волосы.

— … за его соратниками началась охота. Эрни вон подтвердит. Ну, большинство-то сами сдались. Поняли, что им крышка. Ха! Но не Сириус Блэк! Ходит молва, будто он считает себя его преемником. Знаешь, как все было? Окружили Блэка на улице, маглы кишмя кишат. А он возьми да и махни палочкой: пол-улицы как не бывало, в придачу дюжина мертвых маглов да один волшебник! Как тебе? А дальше он… — Голос Стэна опустился до тревожного шепота.

— Что он? — спросил Гарри.

— Громко рассмеялся! Стоял и ржал как лошадь. Вскоре приехало подкрепление из Министерства. А он, представляешь, никакого сопротивления! Идет себе смирно и ржет без остановки. Совсем придурок! Слышь, Эрн?

— Ну до Азкабана, может, был и нормальный, а теперь точно придурок, — протянул Эрни. — Я бы лучше сам себя взорвал, чем попасть в Азкабан! Но ему так и надо за все его злодеяния!

— Н-да. Небось у Министерства работенки было по горло, — сказал Стэн. — Пол-улицы тютю и куча мертвых маглов. Как они это объяснили?

— Взрыв газа, — отрезал Эрни.

— И вот теперь побег, — продолжал Стэн, махнув на изможденное лицо в газете. — Раньше никому не удавалось бежать из Азкабана. Во дела! И как он все это провернул? Эрни, а, Эрни! Как он с охраной сладил?

Эрни передернуло.

— Будь другом, Стэн, смени пластинку. Ну не могу я слышать об охранниках Азкабана!

Разочарованный, Стэн отложил газету, а Гарри прильнул к окну. Настроение лучше не стало. Стэн — болтун. Когда узнает, кого подвозил, такое понарасскажет пассажирам!

«Ого! Слыхали?! Гарри Поттер свою тетку раз-

дул! Эрн! Мы же его подвозили!!! Он удирал от...»

А ведь он, Гарри Поттер, такой же преступник, как и Сириус Блэк. Может, и ему за тетушку Мардж светит Азкабан? Гарри ничего не знал про эту волшебную тюрьму, но слышал, с каким ужасом о ней говорят. Хагрид, лесничий Хогвартса, в прошлом году отсидел в Азкабане два месяца. Как сейчас, перед глазами его искаженное страхом лицо, когда он узнал, что его отправят в эту тюрьму. А ведь Хагрид — храбрец, каких поискать.

Автобус катил в темноте, разгоняя с пути кусты, мусорные баки, телефонные будки и деревья. Гарри с тяжелым сердцем лежал на мягкой перине. Автобус сделал остановку в Англии. Стэн наконец вспомнил, что Гарри оплатил горячий шоколад, и принес кружку. Тут автобус рванул, держа курс на Абердин, и Стэн весь шоколад вылил ему на подушку. С верхних этажей потянулись волшебники и волшебницы. В халатах и шлепанцах они спешили к выходу, радуясь, что поездка завершилась.

Под конец в автобусе остался лишь один пассажир. Стэн потер руки:

— Так-так, Невилл, где тебя в Лондоне высадить?

— Косой переулок.

— Косой так Косой, — хмыкнул Стэн. — Будет сделано.

Автобус взревел и, грохоча, покатил по Чаринг-Кросс-Роуд. Гарри сидел, наблюдая, как от автобуса прыгают в стороны здания и скамейки. Светало. Придется Гарри переждать пару часов до открытия «Гринготтса». Потом снова в путь. А куда — неизвестно.

На полном ходу Эрни затормозил, и автобус остановился у маленького невзрачного паба «Дырявый котел», за которым находился волшебный ход в Косой переулок.

Поблагодарив Эрни, Гарри спрыгнул и помог Стэну вытащить чемодан с клеткой на тротуар.

— Пока, Стэн! — помахал рукой Гарри.

Но кондуктор как не слышал. Он стоял на подножке автобуса и во все глаза таращился на темный вход в паб.

— Ну, наконец-то, Гарри, — произнес чей-то голос.

Не успел он повернуться, как на его плечо легла рука.

— Во черт! — раздался крик Стэна. — Эрн, двигай сюда!!! Сюда!!!

Повернув голову, Гарри увидел обладателя руки, сжимавшей его плечо, и его словно окатило

ледяным душем. Это был сам Министр магии — Корнелиус Фадж.

Рядом с ними тут же приземлился взбудораженный Стэн.

— Министр, так выходит, это не Невилл?! Фадж — полненький невысокий человек в длинной полосатой мантии — выглядел усталым и замерзшим.

— Невилл? — вскинул он брови. — Нет. Это Гарри Поттер.

— Я так и думал! — радостно завопил Стэн — Эрн! Эрн! Знаешь, кто такой Невилл?! Это Гарри! Гарри Поттер! Вон шрам! Смотри!

Фадж без особого восторга промолвил.

— Примите мою благодарность за то, что ваш автобус доставил сюда Гарри. Но нам пора идти.

Фадж еще крепче сжал плечо Гарри и повел его в паб. В дверях возник беззубый, сутулый старик-волшебник с фонарем в руке. Это был Том, хозяин «Дырявого котла».

— Вы нашли его, министр! — воскликнул Том. — Не желаете ли чего выпить? Пива, бренди?

— Принесите лучше чаю, Том, — сказал Фадж, не выпуская плеча Гарри.

Топая и отдуваясь, Стэн с Эрни внесли в паб

чемодан с клеткой. Оба, не скрывая любопытства, вертели головами по сторонам.

— Невилл, чего ж ты скрыл от нас свое имя? — расплылся в улыбке Стэн. Из-за его плеча с любопытством смотрело совиное лицо Эрни.

— Том, отдельный кабинет, пожалуйста, — велел Фадж

Том показал, куда идти.

— Прощайте, — чуть не с отчаянием произнес Гарри.

— Пока, Невилл, — в свою очередь простился Стэн.

Пошли по узкому коридору: Том впереди с фонарем, за ним — сопровождаемый Фаджем Гарри. Скоро они очутились в небольшой гостиной. Щелкнув пальцами, Том зажег в камине огонь и, отвесив поклон, удалился. Фадж указал на стул возле камина:

— Садись, Гарри.

Мальчик сел. Огонь в камине пылал на славу, но по телу Гарри побежали мурашки. Фадж снял полосатую мантию, подтянул бутылочного цвета брюки и уселся напротив.

— Гарри, я министр магии — Корнелиус Фадж Гарри знал это. Он уже видел Фаджа, но тогда на нем была отцовская мантия-невидимка, а Фаджу

это знать не полагалось.

Том, в переднике поверх ночной рубашки, принес поднос с чаем и горячими тостами. Поставив его на стол между гостями, вышел и закрыл дверь.

— Признаюсь, Гарри, — начал Фадж, разливая чай, — мы все изрядно поволновались. Сбежать от родственников, да еще подобным образом! Я уж думал… Слава богу, с тобой ничего не случилось!

Фадж намазал булочку маслом и протянул тарелку Гарри.

— Ешь, Гарри. Ты еле держишься на ногах. А у меня хорошая новость. Мы вернули мисс Марджори Дурсль в ее обычное состояние. Несколько часов назад на Тисовую улицу прибыли два специалиста из отдела по устранению последствий случайно наложенных заклятий. Мисс Дурсль сделали прокол, и воздух из нее вышел, кроме того, изменили структуру ее памяти, так что она все начисто забыла. Словом, ничего страшного не произошло.

Фадж поднял чашку и ласково, как любимому племяннику, улыбнулся Гарри. Гарри же от удивления не мог слова вымолвить.

— Хочешь знать, что думают твои дядя с те-

тей? — поинтересовался Фадж — Не скрою, они очень рассердились. Однако следующим летом они готовы тебя принять. А вот Рождество и пасхальные каникулы придется провести в Хогвартсе.

Гарри обрел дар речи:

— На Рождество и пасхальные каникулы я всегда остаюсь в Хогвартсе. А на Тисовую улицу я вообще не хочу возвращаться!

— Не говори так, Гарри. Ты просто переволновался, — озадаченно проговорил Фадж — Они же твои родственники. Не сомневаюсь, в глубине души вы… любите друг друга.

Гарри спорить не стал. Не до того. Сейчас решается его судьба.

— А теперь подумаем, — Фадж намазывал вторую булочку, — где ты поживешь последние две недели каникул. Я советую тебе остановиться в «Дырявом котле».

— А как… а как же наказание? Фадж сощурился.

— Наказание? О чем ты, Гарри?

— Я же нарушил Закон о несовершеннолетних волшебниках! — горячо сказал Гарри.

— Ну что ты, мой мальчик! Да неужели мы станем наказывать тебя за такие пустяки?! — вос-

кликнул Фадж, взмахнув булочкой. — Это был несчастный случай. За раздувание тетушек мы в Азкабан не сажаем!

Это у Гарри в голове никак не укладывалось: весь его прошлый опыт общения с Министерством магии говорил о том, что оно даже очень наказывает за подобные проступки.

— В прошлом году я получил от Министерства официальное предупреждение лишь за то, что к Дурслям в дом проник эльф и разбил блюдо с тортом! Министерство обещало отчислить меня из Хогвартса, если я еще хоть один раз применю волшебство у них в доме!

Если глаза не обманывали Гарри, вид у Фаджа был весьма смущенный.

— Обстоятельства изменились, Гарри, и мы учли… в создавшемся положении… Ты же не хочешь, Чтобы тебя исключили?

— Конечно нет!

— Ну, тогда из-за чего весь этот шум? — рассмеялся Фадж. — Съешь-ка ты лучше булочку, а я пойду спрошу у Тома, есть ли для тебя свободная комната.

Гарри смотрел вслед Фаджу. Невероятно! Почему же тогда министр ждал его в «Дырявом котле», раз никакого наказания не будет? И вообще

странно, что сам министр магии лично занялся малолетним волшебником.

Фадж вскоре вернулся вместе с хозяином.

— Свободна одиннадцатая комната, Гарри, — сказал министр. — Тебе там понравится. Добавлю только одно. Уверен, ты меня поймешь. Ни в коем случае не ходи в магловские кварталы. Гуляй по Косому переулку, и как только начнет темнеть — сейчас же домой. Том будет за тобой присматривать.

— Хорошо, — протянул Гарри. — Но к чему все это?

— Не хотим, чтобы ты снова потерялся, — весело рассмеялся Фадж. — Шучу, шучу. Просто нам спокойнее, когда мы знаем твое местонахождение… Ну, в общем…

Фадж вдруг закашлялся и надел полосатую мантию.

— Так я пошел. Меня ждут дела, сам понимаешь.

— А вы еще не поймали Блэка? — вдруг спросил Гарри.

Пальцы Фаджа стиснули серебряную застежку на мантии.

— Что — что? Так ты уже слышал? Увы, увы. Не удалось пока. Но мы его обязательно поймаем.

Непременно. Такое в Азкабане приключилось впервые. Стражи вне себя! — Фаджа слегка передернуло. — До свидания, Гарри.

Они пожали руки. И тут Гарри вспомнил одну вещь.

— Г-господин министр, у меня есть одна просьба.

— Я тебя слушаю, — улыбнулся Фадж.

— Третьекурсники в Хогвартсе будут ходить в Хогсмид. Но мне тетя с дядей не подписали разрешение. А вы не могли бы подписать?

Фадж замялся.

— Нет, — со вздохом сказал он. — Сожалею, Гарри, но я не твой родственник и не опекун.

— Но вы министр магии, — умолял Гарри. — И ваше разрешение…

— Нельзя, Гарри. Правила есть правила, — твердо сказал Фадж — Вот в будущем году ты наверняка будешь ходить в Хогсмид. Но, честно говоря, мне кажется, тебе бы лучше… вообще… Не будем об этом. Я пошел. Счастливо оставаться, Гарри.

Улыбнувшись, он пожал Гарри руку и вышел.

— Мистер Поттер, пойдемте. — Том тоже заторопится. — Я уже отнес ваши вещи.

Они поднялись по красивой деревянной лест-

нице. Том отворил дверь с бронзовой табличкой № 11 и впустил Гарри. В комнате стояла мягкая, удобная кровать, отполированная до блеска дубовая мебель, в камине потрескивал огонь, а на шкафу…

— Букля! — ахнул Гарри.

Белоснежная сова щелкнула клювом и опустилась ему на руку.

— У вас очень умная сова, — улыбнулся Том. — Прилетела через пять минут после вашего появления. Мистер Поттер, если вам что-нибудь понадобится, сразу обращайтесь ко мне.

Хозяин еще раз поклонился и покинул комнату.

Гарри долго сидел на кровати и поглаживал Буклю. В окно смотрело небо, которое, подобно хамелеону, меняло цвет: из бархатного темно — синего стало серо — стальное. Потом медленно заалело, подернувшись золотыми прожилками. Гарри не верилось, что еще несколько часов назад он был на Тисовой улице, что его не выгнали из Хогвартса и что две недели он проведет вдали от Дурслей.

— Ну и ночка выдалась, Букля, — зевнул Гарри.

Не сняв очков, он повалился на подушку и крепко уснул.

Глава 4

ДЫРЯВЫЙ КОТЁЛ

Несколько дней Гарри привыкал к неведомой доселе свободе. Когда еще он просыпался и завтракал не по часам? А теперь даже гулял где хотел, правда только по Косому переулку. Но поскольку на этой длинной, мощенной булыжником улице теснилось множество чудесных волшебных магазинчиков, у Гарри не было ни малейшего желания нарушить данное Фаджу слово и отправиться назад, в магловские кварталы.

Завтракал Гарри в «Дырявом котле», с интересом наблюдая за постояльцами. Здесь останавливались забавные маленькие волшебницы, приехавшие из провинции за покупками; почтенные волшебники, которые за завтраком обсуждали последнюю статью в «Трансфигурации сегодня»; растрепанные, диковатые на вид маги и хрипло перешептывающиеся гномы; а однажды на завтрак спустилось существо, подозрительно похожее на лешего, и, не снимая черного шерстяного шлема с прорезями для глаз, заказало тарелку сырой печенки.

Поев, Гарри выходил на задний двор, вынимал палочку, стучал по третьему кирпичу слева над мусорным ящиком, и в стене открывался проход в Косой переулок.

Стояли ясные, погожие дни. Гарри бродил по магазинам и подкреплялся в летних кафе под яркими зонтиками.

— Глянь-ка, старина, какой я луноскоп приобрел — никаких лунных карт не надо, — хвастались покупками посетители.

Или обсуждали Сириуса Блэка:

— Я не позволю моим детям выходить из дому, пока его снова не отправят в Азкабан!

Гарри больше не надо было корпеть над домашней работой, лежа с фонариком под одеялом. Он дописывал свои сочинения, сидя за столиком возле кафе — мороженого Флориана Фортескью. А хозяин, много чего знавший о сожжении ведьм в Средние века, помогал ему. И каждые полчаса угощал мальчика мороженым с фруктами.

В один из таких дней Гарри пополнил свой кошель для денег золотыми галлеонами, серебряными сиклями и бронзовыми кнатами из хранилища в «Гринготтсе», и ему стоило огромных усилий не истратить все деньги сразу.

«Тебе еще пять лет в Хогвартсе учиться. Пу-

стишь все по ветру, и на книги не останется. Что тогда? У Дурслей будешь просить?» — напоминал он себе по нескольку раз в день.

Он еле удержался от покупки золотых шариков для игры в плюй — камни (эта волшебная игра похожа на обычные магловские камушки, только в плюй — камнях шарики брызгали в лицо проигравшему очко вонючей жижей). А движущаяся модель нашей Галактики внутри большого стеклянного шара! Купил — и на урок астрономии ходить не надо! Но самую желанную вещь Гарри увидел в любимом магазине «Все для квиддича» через неделю после приезда в «Дырявый котел».

Магазин был полон народу, и Гарри стало интересно, на что они там глазеют. Протиснувшись внутрь и с трудом пробравшись вперед, он увидел новую витрину, а в ней метлу невиданной красоты.

— Новейшая модель, — сообщил волшебник с квадратной челюстью своему спутнику.

— Пап, это самая быстрая метла в мире, да? — пропищал парнишка младше Гарри, держа отца за руку.

— Ирландская международная ассоциация только что заказала семь таких красавиц! — вещал хозяин магазина. — А они фавориты Кубка

мира!

Толстая колдунья, стоявшая перед Гарри, отошла в сторону, и тот прочел табличку рядом с метлой.

«МОЛНИЯ»

Новейшая гоночная спортивная метла. Кленовая рукоятка обтекаемой формы отполирована алмазной крошкой. Каждая метла имеет собственный номер, выгравированный вручную. Каждый из березовых прутьев был тщательно отобран и идеально подогнан, что придает метле совершенные аэродинамические свойства, а также непревзойденное равновесие и точность. «Молния» развивает скорость 150 миль в час за 10 секунд. В метлу встроен неломающийся волшебный тормоз. Цену спрашивайте у продавца.

«Цену спрашивайте у продавца…» И подумать страшно, сколько золотых галлеонов надо выложить за «Молнию». Ничего еще Гарри не желал так страстно! Но и на «Нимбусе–2000» он пока не проиграл ни одного матча. Так какой прок ухлопать все деньги из гринготтского подземелья,

когда у него уже есть отличная метла? Цену Гарри не узнал, но ежедневно заходил полюбоваться на «Молнию».

Кое — что ему все же надо было купить. Гарри пополнил в аптеке запасы зельесоставляющих веществ. Да и школьная мантия маловата, так что пришлось посетить магазин мадам Малкин «Мантии на любой случай» и приобрести новую. А самое главное — покупка учебников, в том числе и для двух новых предметов: ухода за магическими существами и гадания.

Увидев витрину книжного магазина «Флориш и Блоттс», Гарри удивился. Вместо толстенных, как кирпичи, тисненных золотом книг с заклинаниями там стояла большая железная клетка, а в ней сотня «Чудовищных книг о чудищах». По клетке летали рваные листья — книги сцепились в ожесточенной схватке и яростно щелкали переплетами.

Гарри достал из кармана список книг и впервые просмотрел его. «Чудовищная книга» была обязательным учебником по уходу за магическими существами. Понятно, почему Хагрид написал, что книга ему понадобится. А он еще удивлялся: зачем Хагрид такую жуть подарил, вдруг он завел себе очередного монстра и теперь ему нужна

помощь Гарри?

Гарри вошел внутрь, и к нему тут же подлетел продавец.

— Хогвартс? — выпалил он. — Новые учебники?

— Да, мне нужно…

— Посторонись. — Продавец оттолкнул Гарри. Натянув толстенные перчатки, он взял большую узловатую трость и направился к клетке с чудищами.

— Подождите, — заторопился Гарри. — У меня уже есть такая книга.

— Уже есть? — Продавец несказанно обрадовался. — Спасибо, что предупредил. А то меня пять раз за утро покусали…

От громкого треска едва не заложило уши: две «Чудовищные книги» перетягивали, как канат, третью.

— Прекратите! Уроды зловредные! — вопил продавец, усмиряя книги тростью. — Никогда больше их не закуплю! Сумасшедший дом! Это даже хуже двухсот «Невидимых книг о невидимках»! Кругленькую сумму отвалили, а найти их так и не смогли! Ну, что еще?

— «Как рассеять туман над будущим» Кассандры Ваблатски, — ответил Гарри, изучая список.

— Начали проходить прорицания? — догадался продавец.

Сняв перчатки, он повел Гарри в отдел предсказаний. Маленький стол был заставлен стопками книг: «Предсказание непредсказуемого. Огради себя от потрясений» и «Магический кристалл треснул. Когда отворачивается удача».

— А вот и она. — Продавец встал на стремянку и снял толстую книгу в черном переплете. — «Как рассеять туман над будущим». Отличное пособие по всем видам гадания: хиромантия, магические кристаллы, птичьи внутренности…

Гарри не слушал. Среди книг на маленьком столике он увидел «Предзнаменование смерти. Что делать, когда беда стучит в дверь».

— На твоем месте, я бы это не читал, — заявил продавец, заметив интерес Гарри. — Тебе начнет повсюду мерещиться смерть, а это кого угодно в могилу сведет.

Но Гарри не мог оторвать глаз от обложки. На ней была черная, большая, как медведь, собака со светящимися глазами. Странно, но кажется, он ее где-то видел…

Продавец протянул Гарри «Как рассеять туман над будущим».

— что-нибудь еще?

— Да. — Гарри оторвался от собаки и невидящим взглядом уставился на список. — Мне еще надо «Трансфигурацию. Средний уровень» и «Стандартную книгу заклинаний» для третьего курса.

С новыми учебниками под мышкой Гарри побрел в «Дырявый котел», с трудом соображая, куда держит путь, то и дело натыкаясь на прохожих. Поднялся к себе в Комнату и кинул книги на кровать. В комнате прибрались, в открытые окна светит солнце. Где-то вдалеке по магловским улицам катят автобусы, а в Косом переулке шумит невидимая толпа. Он посмотрел в зеркало над умывальником.

— Предзнаменование смерти? Ерунда! Я просто ударился в панику тогда, на улице Магнолий, — бросил Гарри вызов своему отражению. — Это был бродячий пес. Вот и все.

И, подняв руку, пригладил по привычке волосы.

«Не пытайся сопротивляться, дорогой. Сражение проиграно», — ответило зеркало хриплым голосом.

Дни летели, как скоростная метла. Гарри заглядывал в лица прохожим — вдруг это Рон или Гермиона? Скоро в школу, и Косой переулок

заполнялся учениками Хогвартса. В лавке «Все для квиддича» Гарри встретил однокурсников Симуса Финнигана и Дина Томаса, они тоже не могли отвести глаз от «Молнии». А во «Флориш и Блоттс» он столкнулся с круглолицым и рассеянным Невиллом Долгопупсом. Поболтать не удалось: Невилл потерял список с книгами, и его бабушка — внушительная дама грозного вида — громко отчитывала внука. Гарри молил Бога, чтоб она не узнала, как, убегая от Министерства магии, он назвался Невиллом.

Наступил последний день каникул.

«Завтра, уже завтра я встречу Рона с Гермионой в «Хогвартс — Экспрессе»», — подумал, проснувшись поутру, Гарри.

Он встал, оделся, сходил в последний раз взглянуть на «Молнию» и уже подумывал, где бы перекусить, как вдруг:

— Гарри! Гарри!!!

Он обернулся. Вот они! Вдвоем сидят в кафе — мороженом Флориана Фортескью! Рон еще больше усыпан веснушками, Гермиона очень загорела, оба что есть силы машут ему. Не веря своему счастью, Гарри уселся рядом с друзьями.

— Не прошло и года! — улыбнулся Рон. — Мы были в «Дырявом котле», но нам сказали, что ты

куда-то ушел. Мы и во «Флориш и Блоттс» заходили, и к мадам Малкин, и…

— Да я на той неделе все купил, — пояснил Гарри. — А как ты узнал, что я в «Дырявом котле»?

— Папа сказал, — ответил Рон.

Мистер Уизли работал в Министерстве магии и слышал о происшествии с тетушкой Мардж.

— Гарри, ты и вправду раздул свою тетю? — серьезно спросила Гермиона.

— Я не хотел, — промолвил Гарри. — Просто не сдержался.

Рон покатывался от смеха.

— Это не смешно, Рон, — укоризненно сказала Гермиона. — Знаешь, я удивлена, что тебя не отчислили.

— Я тоже, — признался Гарри. — Не сомневался, что меня отчислят.

Он посмотрел на Рона:

— Слушай, Рон, а твой папа не знает, почему Фадж не наказал меня?

— Наверное, ответ кроется в самом тебе, — пожав плечами, хихикнул Рон. — Знаменитый Гарри Поттер — вот и все дела. Мне трудно даже представить, что Министерство сделало бы со мной, надуй я свою тетушку… Причем им пришлось бы сначала выкопать мой труп, потому что

мама прибила бы меня на месте… А если честно, узнаешь все у папы вечером. Мы тоже остановились в «Дырявом котле». Гермиона тоже с нами. Завтра все вместе двинем на Кингс-Кросс!

Гермиона, улыбаясь, закивала.

— Родители привезли меня сюда утром со всеми вещами.

— Здорово! — воскликнул Гарри. — Так вы уже купили учебники?

— Смотри. — Рон вынул из сумки длинную, узкую коробку и открыл ее. — Новая волшебная палочка. Четырнадцать дюймов, ива, волос из хвоста единорога. А там все учебники. — Он махнул рукой на большую сумку под креслом. — Что скажешь о «Чудовищной книге»? Продавец чуть не заплакал, когда я сказал, что нам надо две.

— А это у тебя что, Гермиона? — спросил Гарри, указав на три битком набитые сумки в соседнем кресле.

— Я же буду изучать гораздо больше предметов. У меня здесь все по нумерологии, уходу за магическими существами, прорицанию, изучению древних рун, изучению маглов…

— Зачем тебе изучение маглов? — воскликнул Рон, закатывая глаза. — Ведь ты — урожденная магла! Твои родители маглы! Ты и так все про

маглов знаешь!

— Но маглов очень интересно изучать с волшебной точки зрения, — серьезно возразила Гермиона.

— А есть и спать ты когда будешь? — спросил Гарри.

Рон все хихикал.

Гермиона пропустила вопрос мимо ушей.

— У меня еще есть десять галлеонов, — сказала она, вынув кошелек. — У меня в сентябре день рождения, и родители заранее дали мне денег на подарок.

— И ты, конечно, купишь замечательную книгу? — невинно поинтересовался Рон.

— Нет, не книгу, — сдержанно ответила Гермиона. — Мне очень хочется сову. У Гарри есть Букля, у тебя Стрелка…

— Так Стрелка не моя сова, она семейная. Лично мне принадлежит только Короста. — Рон достал из кармана свою крысу. — Вот она, мне надо ее показать специалисту. — Он положил Коросту на стол перед друзьями. — По-моему, в Египте ей не понравилось.

Короста похудела и порядком облезла.

— Тут неподалеку есть зоомагазин, — произнес Гарри, изучивший Косой переулок как свои пять

пальцев. — Посмотри там чего-нибудь для Коросты, а ты, Гермиона, можешь купить там сову.

Расплатившись за мороженое, они пошли в «Волшебный зверинец».

Магазин был невелик, все стены заставлены клетками, смрад и галдеж стояли невообразимые. Обитатели клеток пищали, гоготали, бормотали или шипели. Пока ведьма за прилавком объясняла волшебнику, как ухаживать за сдвоенными головастиками, друзья разглядывали клетки. Пара огромных пурпурных жаб, влажно причмокивая, пировала дохлыми мясными мухами. У окна поблескивала панцирем в драгоценных камнях гигантская черепаха. Ядовитые оранжевые слизняки медленно ползали по аквариуму, а толстый белый кролик то и дело с громким щелчком превращался в шелковый цилиндр и обратно. Были кошки любых расцветок; клетка с каркающими воронами; корзина забавных гудящих мохнатых шариков кремового цвета, а в просторной клетке на прилавке лоснящиеся черные крысы прыгали через скакалку из собственных длинных гладких хвостов.

Волшебник со сдвоенными головастиками удалился. Рон подошел к прилавку.

— Я насчет крысы, — сказал он ведьме. — Мы

были в Египте, и с тех пор ей не по себе.

— Клади на прилавок, — велела ведьма, вытаскивая из кармана черные очки.

Достав Коросту, Рон положил ее рядом с клеткой, где прыгали несколько крыс. Они мигом угомонились и столпились у проволочной стенки, чтобы лучше видеть.

Короста, как почти все имущество Рона, досталась ему в наследство от братьев. Крыса принадлежала когда-то Перси. Она была худая и старая, не сравнить с сородичами в клетке.

— Хм… — Ведьма взяла Коросту. — Сколько лет этой крысе?

— Не знаю, — протянул Рон. — Очень старая. Она перешла ко мне от брата.

— А какие у нее есть волшебные способности? — поинтересовалась ведьма, внимательно рассматривая Коросту.

— Ну — у, — замялся Рон. — По правде говоря, Короста никогда не проявляла ни малейших волшебных способностей.

Ведьма окинула взглядом драное левое ухо и переднюю лапу, где недоставало пальца, и громко зацокала языком.

— Видать, не раз побывала в переделке, — изрекла ведьма.

— Мне ее Перси уже такую отдал, — оправдывался Рон.

— Обычные садовые крысы, вроде твоей, живут не дольше трех лет. Хочешь долгожителя, — сказала ведьма, — выбирай из этих.

Она указала на черных крыс, которые тут же весело запрыгали.

— Выпендриваются, — буркнул Рон,

— Не хочешь новую крысу? Ладно. Тогда вот тебе крысиная микстура. — Ведьма извлекла из под прилавка маленький красный пузырек.

— Спасибо. Сколько… ОЙ!!!

Он резко пригнулся. С высоченной клетки на голову Рона спрыгнуло нечто огромное, рыжее и с утробным фырканьем нацелилось на Коросту.

— ФУ, ЖИВОГЛОТ!!! НЕЛЬЗЯ!!! — завопила ведьма, но Короста, будто кусок мыла, выскользнула у нее из рук, и только мелькнули за дверью кривые лапки.

— Короста! — закричал Рон и вылетел вслед за крысой, Гарри за ними.

Короста вскоре нашлась. Бедняга спряталась в урне возле «Все для квиддича». Рон спрятал дрожащую крысу в карман и, разогнувшись, потер затылок.

— Что это было?

— Огромный кот или маленький тигр, — предположил Гарри.

— А где Гермиона?

— Наверное, присматривает сову.

По кишащей народом улице они вернулись к «Волшебному зверинцу». В этот момент в дверях лавки показалась Гермиона, но на руках у нее вместо совы был огромный ярко — рыжий кот.

У Рона отвисла челюсть.

— Ты купила этого урода?!

— Смотрите, какая лапочка! — восхищалась Гермиона.

Это как сказать, подумал Гарри. Шерсть у кота и вправду красивая, пушистая — пушистая, но лапы кривые, а морда приплюснутая, курносая, словно впечаталась в стену. Сейчас, когда Коросты не было видно, он блаженно мурлыкал.

— Твоя лапочка чуть с меня скальп не сняла! — вспыхнул Рон.

— Глотик не нарочно, — заступилась за кота Гермиона.

— А ты о Коросте подумала? — Рон похлопал по карману. — Она нуждается в тишине и покое. А с этим котярой ей никакого покоя не будет!

— Держи. Ты забыл крысиную микстуру. — Гермиона протянула ему красный пузырек. — Ну

хватит дуться. И не волнуйся, Глотик будет спать в моей спальне, а Короста в твоей. Бедная киса. Ведьма говорит, что Глотик несколько веков провел в магазине. Никто его не покупал.

— Интересно почему? — съязвил Рон.

На этом спор закончился, и троица зашагала в «Дырявый котел».

Мистер Уизли сидел в баре и читал «Пророк».

— Гарри! — улыбнулся он. — Как поживаешь?

— Хорошо, — ответил Гарри, и друзья, не распаковывая сумки, сели рядом.

Мистер Уизли отложил газету. С фотографии на Гарри смотрел Сириус Блэк.

— Его еще не поймали? — спросил Гарри.

— Нет. — Мистер Уизли был необычайно серьезен. — Министерство переключило всех нас на его поиски, но пока никакого результата.

— А если мы его поймаем, нас наградят? — загорелся Рон. — Получить бы побольше денег! Красота!

— Рон, не говори ерунды, — осек его отец, которому было явно не до шуток — Куда тринадцатилетним волшебникам до Блэка! Его проворонила стража Азкабана!

В бар вошла увешанная покупками миссис Уизли, следом пятиклассники-близнецы Фред

и Джордж, новый староста школы Перси и самая младшая Джинни, единственная в семье девочка.

Джинни всегда смущалась при виде Гарри. В прошлом году в Хогвартсе он спас ей жизнь. И сейчас девочка разволновалась пуще прежнего.

— Привет, — заливаясь краской, пробормотала она.

Перси протянул Гарри руку и важно, будто они не знакомы, сказал:

— Рад тебя видеть, Гарри.

— Привет, Перси, — сдерживая смех, поздоровался Гарри.

— Надеюсь, у тебя все в порядке? — Перси деловито пожал ему руку. Это походило на встречу с министром.

— Спасибо, все хорошо.

— Гарри! — Фред отодвинул Перси и поклонился. — Отлично выглядишь, старина!

— Бесподобно, — вторил Джордж. Оттолкнув брата, он схватил руку Гарри и затряс ее. — Ну просто потрясающе!

Перси нахмурился.

— Все, хватит, — одернула близнецов миссис Уизли.

— Мама! — воскликнул Фред, словно только

увидел ее. — Как это потрясающе — тебя видеть…

— Я сказала, хватит, — отрезала миссис Уизли, выкладывая покупки на стол. — Гарри, дорогой, здравствуй! У нас замечательное событие, слышал? — Она показала на новый сверкающий серебряный значок на груди у Перси и преисполненным гордости голосом произнесла: — Второй староста школы и лучший ученик в семье!

— И последний, — шепотом добавил Фред.

— Не сомневаюсь, — помрачнела миссис Уизли. — Никого из вас старостой факультета не назначили.

— А зачем это нам? — пожал плечами Джордж. — Чтобы лишить нашу жизнь всяческих удовольствий?

Джинни хихикнула.

— Какой ты подаешь пример сестре! — возмутилась миссис Уизли.

— Мама, у Джинни есть и другие братья для подражания, — надменно молвил Перси. — Пойду переоденусь к обеду.

Он исчез. Джордж закатил глаза.

— Мы хотели запереть его в пирамиде, да мама не позволила, — сказал он Гарри.

* * *

Вечер удался на славу. Хозяин Том составил в маленькой гостиной три стола, и вся компания с удовольствием прикончила ужин из пяти восхитительных блюд. От пышного шоколадного пудинга было просто невозможно оторваться! И тут раздался голос Фреда: — Пап, а как мы завтра доберемся до Кингс-Кросс?

— Министерство предоставило нам пару машин, — сказал мистер Уизли.

Все взоры обратились к отцу семейства.

— Почему? — удивился Перси.

— Перси, ты же у нас староста, — важно пояснил Джордж. — Так положено. Две машины, на капотах флажки развеваются, а на них красуется «СШ»!

— Серьезная Шишка, — расшифровал Фред. Все, кроме Перси и миссис Уизли, хихикнули, уткнувшись в тарелку с пудингом.

— Папа, но почему все-таки Министерство предоставило нам машины? — важно повторил Перси.

— У нас ведь нет своей машины. А я работаю в Министерстве, вот оно и оказало мне такую любезность…

Мистер Уизли говорил беспечно, но Гарри заметил: уши — то у него покраснели, совсем как у Рона, когда тот что-то скрывает.

— И очень хорошо, — оживилась миссис Уизли. — Вы понимаете, сколько у вас всех поклажи? Представляю, как бы вы все выглядели в магловском метро… Ну, вы все упаковали?

— Рон еще не все сложил, — недовольно заявил Перси. — И свалил свои вещи мне на кровать.

— Рон, ступай собирайся, утром будет некогда, — велела миссис Уизли.

А Рон бросил на Перси сердитый взгляд.

После отменного ужина всех клонило в сон. Ребята разошлись по комнатам — еще предстояло сложить вещи. Комната Рона и Перси была рядом с Гарри. Собрав чемодан, он услышал за стеной сердитые голоса и пошел узнать, что происходит. Дверь в двенадцатый номер была распахнута.

— Он лежал на тумбочке у кровати! Я снял его, чтобы отполировать! — кричал Перси.

— Я не трогал его, понял?! — кричал в ответ Рон.

— Что у вас стряслось? — спросил Гарри. Перси обернулся.

— Пропал мой значок старосты школы, — пояснил он.

— И крысиная микстура куда-то подевалась. — Рон вываливал вещи из чемодана. — Наверное, я оставил ее в баре…

— Ты никуда не пойдешь, пока не найдешь значок! — возопил Перси.

— Я принесу лекарство Коросты, я уже все собрал, — успокоил Гарри Рона и спустился вниз.

В коридоре, ведущем мимо маленькой гостиной в бар, в этот час было уже темно. Гарри прошел до середины коридора, как из гостиной до него донеслись сердитые голоса. Это же мистер и миссис Уизли! Гарри остановился — он не хотел, чтобы они поняли, что он слышал их ссору.

Но тут он разобрал свое имя и подошел ближе к двери.

— Как это не говорить ему? — возмущался мистер Уизли. — Гарри должен знать правду. Я пробовал поговорить с Фаджем, но он относится к Гарри как к ребенку. А ведь ему уже тринадцать лет!

— Артур, правда поселит в нем страх, — резко сказала миссис Уизли. — Неужели ты хочешь, чтобы в школе Гарри вздрагивал от малейшего шороха? Он такой жизнерадостный мальчик. Зачем его запугивать?

— Пойми, я не хочу его запугивать. Но Гарри на-

до быть начеку, — возразил мистер Уизли. — Ты же знаешь: они с Роном постоянно где-то бродят… Да их уже дважды заносило в Запретный лес! А в этом году Гарри туда ни в коем случае нельзя! Страшно подумать, что могло с ним случиться той ночью, когда он убежал! Не подбери его «Ночной рыцарь», бьюсь об заклад, Министерство не нашло бы его живым!

— Но он жив и здоров, так что…

— Молли, говорят, Сириус Блэк — сумасшедший. Может, и так, однако у него хватило ума сбежать из Азкабана, чего никому не удавалось! Три недели прошло, а он как в воду канул. И что бы там Фадж ни говорил «Пророку», скорее изобретут самозаклинающиеся палочки, чем мы схватим этого злодея! Но за кем он охотится, нам известно…

— В Хогвартсе Гарри будет под надежной охраной…

— Мы думали, что и Азкабан под надежной охраной. А он оттуда сбежал, значит, проникнуть в Хогвартс ему не составит труда!

— Но еще неизвестно, что Блэк охотится именно за Гарри…

Гарри услышал глухой стук. Наверняка это мистер Уизли ударил кулаком по столу.

— Молли, сколько можно тебе говорить? Репортеры ничего не пишут об этом, так распорядился Фадж. Ночью после побега Блэка он приехал в Азкабан. И охрана предупредила его, что Блэк постоянно бормотал во сне одни и те же слова: «Он в Хогвартсе… он в Хогвартсе…» Молли, Блэк спятил и хочет убить Гарри. Думает, что со смертью мальчика к Ты — Знаешь — Кому вернется сила. В ночь победы Гарри над Ты — Знаешь — Кем Блэк потерял все. Он двенадцать лет провел в Азкабане, вынашивал…

Голоса смолкли. Прильнув к двери, Гарри с нетерпением ждал, что еще они скажут.

— Хорошо, Артур, тебе виднее. Но ты забыл про Альбуса Дамблдора. Пока он директор Хогвартса, никто не причинит Гарри вреда. Надеюсь, Дамблдору все это известно?

— Конечно. Мы попросили у него разрешения выставить у всех школьных ворот стражей из Азкабана. Он согласился, правда без особой радости.

— Без особой радости? Но почему? А вдруг они поймают Блэка?

— Дамблдор не выносит стражей Азкабана, — тяжело вздохнул мистер Уизли. — Как и я, впрочем… Но, имея дело с таким злодеем, прихо-

дится объединяться с кем попало.

— Но если они уберегут Гарри…

— То я впредь и слова дурного о них не скажу, — устало молвил мистер Уизли. — Поздно уже. Пойдем — ка спать, Молли.

Услыхав скрип стульев, Гарри на цыпочках поспешил в бар, где его никто не заметит. Дверь гостиной отворилась, и в коридоре послышались удаляющиеся шаги четы Уизли.

Пузырек с крысиной микстурой валялся под столом, где они ужинали. В комнате супругов Уизли хлопнула дверь, и Гарри помчался наверх.

На лестнице близнецы помирали от хохота, слыша, как в поисках значка Перси все кверху дном перевернул у себя и у Рона.

— Это мы его взяли. И смотри, как усовершенствовали, — шепнул Фред Гарри.

На значке красовалось: «СЕРЬЕЗНАЯ ШИШКА».

Гарри выдавил улыбку. Отнес Рону крысиную микстуру и, придя к себе, лег на кровать.

Вот оно что: Сириус Блэк охотится за ним. Все ясно. Фадж был снисходителен, потому что обрадовался, что Гарри жив. Гулять велел лишь в Косом переулке. На завтра Фадж предоставил две министерские машины, чтобы Уизли присмотрели за ним, пока он не сядет в поезд.

В соседней комнате слышались приглушенные голоса. Гарри лежал на кровати и думал, что ему почему — то совсем не страшно, несмотря на то что Блэк одним проклятием убил тринадцать человек Мистер и миссис Уизли думают, что, узнав правду, Гарри испугается. Но миссис Уизли права: там, где Дамблдор, ему ничего не грозит. Говорят, Дамблдор — единственный, кого боялся лорд Волан-де-Морт. А Блэк — правая рука Темного Лорда, значит, и он его боится.

А потом еще эти охранники Азкабана, о которых все постоянно говорят. Похоже, что при виде их люди теряют рассудок от ужаса. И эту стражу выставили вокруг школы! Вряд ли Блэку удастся пробраться внутрь. Куда больше Гарри беспокоило другое: на посещение Хогсмида не осталось никаких надежд и, покуда Блэк не пойман, ему шага не дадут ступить за стены замка.

Гарри сердито уставился в темный потолок: «Они думают, что я за себя не постою? Да я трижды остался жив после схватки с Волан-де-Мортом! Что я, трус какой-то беспомощный?!»

И тут в памяти всплыл таинственный зверь, наблюдавший за ним в ночной тьме на улице Магнолий.

«Что делать, когда беда стучит в дверь»…

— Я никому не позволю себя убить, — громко произнес Гарри.

«Вот и молодец, дорогой», — сонно шепнуло зеркало.

Глава 5

ДЕМЕНТОР

Утром Гарри разбудил улыбавшийся беззубой улыбкой Том с чашкой чая. Гарри оделся и подошел к Букле. Сова никак не хотела лезть в клетку. Уговаривал он ее, уговаривал, и тут в комнату влетел Рон, натягивая на ходу рубашку.

— Скорее бы на поезд, — выпалил он. — А то Перси совсем замучил! Слава богу, в Хогвартсе не с ним жить. Опять прицепился! Видите ли, я пролил чай на фото Пенелопы Кристал. Это его подружка, — хмыкнул Рон. — Ты ее знаешь. Спряталась за рамку, потому что у нее на носу теперь пятна от чая…

— Мне надо тебе кое — что сказать, — начал Гарри, но их прервали Фред с Джорджем.

— Тысяча поздравлений, Рон! Тебе опять удалось вывести из себя нашего старосту!

Все вместе спустились завтракать. Мистер Уизли, сдвинув брови, читал первую страницу «Пророка». А миссис Уизли рассказывала Гермионе с Джинни о любовных зельях, которые она варила в юности, и все трое хихикали. Ребята

сели за стол.

— Что ты хотел сказать? — спросил у Гарри Рон.

— Позже объясню, — шепнул Гарри, покосившись на вошедшего Перси.

В этой суете Гарри никак не удавалось выкроить минутку для разговора с друзьями. Столько хлопот! Таскали чемоданы по узкой лестнице и ставили к двери, рядом с клетками, где сидели на жердочках Букля и Гермес — ушастая сова Перси, — и плетеной корзиной, откуда неслось громкое фырканье.

— Глотик, не сердись, — ворковала у корзины Гермиона. — В поезде я тебя выпущу.

— Не выпустишь, — зашипел Рон. — Вспомни о бедной Коросте.

Он ткнул себя в грудь. Короста, судя по выпуклости, сидела у него в кармане под мантией.

Мистер Уизли, ожидавший во дворе министерские машины, открыл дверь и просунул голову в ХОЛЛ:

— Приехали. Идем, Гарри.

Мистер Уизли проводил его к первой из двух старых, темно — зеленых машин. За рулем в обеих сидели волшебники, надевшие для маскировки бархатные костюмы изумрудного цвета.

— Садись, Гарри, — произнес мистер Уизли, окинув взглядом переполненную улицу.

Гарри сел на заднее сиденье, вскоре к нему присоединились Гермиона, Рон и, к огорчению последнего, Перси.

По сравнению с путешествием на «Ночном рыцаре» в поездке до Кингс-Кросс не было ничего примечательного. Министерские машины, казалось, не отличались от магловских, и все же Гарри заметил, с какой легкостью они лавировали в пробках Куда там новому автомобилю дяди Вернона! На вокзал прибыли за двадцать минут до отхода поезда. Водители нашли им тележки и погрузили чемоданы. Коснувшись кепок, попрощались с мистером Уизли и уехали, неведомо как проскочив в самое начало длинной очереди перед светофором.

Мистер Уизли всю дорогу до станции шагал рядом с Гарри.

— Пришли, — сказал он, оглянувшись по сторонам. — Разобьемся на пары, а то нас многовато. Мы с Гарри идем первые.

Мистер Уизли направился к барьеру между девятой и десятой платформой, толкая тележку Гарри и не сводя глаз с электрички № 125, прибывшей на девятую платформу. Многозна-

чительно глянув на Гарри, он как бы невзначай наклонился к барьеру. Гарри тоже.

Мгновение — и металлический барьер позади, они на платформе № 9 и 3/4, а вон и «Хогвартс-Экспресс». Алый паровоз пускал клубы дыма, окутывавшего платформу, полную детей и провожавших волшебников.

Позади Гарри появились Перси и Джинни, оба тяжело дышали, видимо, преодолели барьер бегом.

— Пенелопа! — Заметив девушку с длинными кудрями, Перси покраснел, пригладил волосы и зашагал ей навстречу, выпятив грудь, чтобы она непременно увидела сверкающий значок.

Гарри с Джинни не выдержали и, отвернувшись, прыснули.

Вскоре подоспели остальные. Вместе прошли мимо забитых купе, нашли наконец пустое, внесли чемоданы и, поставив Буклю с Живоглотом на багажную полку, вышли проститься с мистером и миссис Уизли.

Миссис Уизли расцеловала своих детей, Гермиону и наконец заключила в объятия Гарри. Она долго его не отпускала, он даже смутился и все-таки был искренне рад, когда она чуть не в десятый раз его чмокнула.

— Береги себя, Гарри, — сказала она, и ему показалось, что глаза у нее повлажнели. Миссис Уизли открыла большую сумку, — Я приготовила всем сандвичи. Это тебе, Гарри. Рон, ты возьми другие, с говядиной… Фред? Где Фред? А это, дорогой, твои…

— Гарри, — шепнул мистер Уизли, — пойди сюда на минутку.

Вдвоем отошли за колонну, оставив всю компанию с миссис Уизли.

— Пока ты еще не уехал, я должен тебе кое-что рассказать, — волнуясь, начал мистер Уизли.

— Не беспокойтесь, мистер Уизли. Я все знаю.

— Знаешь? Откуда?

— Я… ну… я слышал ночью ваш с миссис Уизли разговор. Случайно. — И быстро добавил: — Извините.

— Не самый лучший способ узнать столь важную вещь. — Вид у мистера Уизли был встревоженный.

— Все хорошо, честно. И вы не нарушили данное Фаджу слово, и я уже все знаю.

— Но ты, Гарри, наверное, очень испугался.

— Ни капли. — Гарри не соврал, но видел, что мистер Уизли ему не верит. — Я не строю из себя героя, но ведь Блэк не может быть опаснее Во-

лан-де-Морта.

Услышав это имя, мистер Уизли вздрогнул, но сдержался.

— Гарри, я не сомневаюсь, что ты гораздо сильнее, чем думает Фадж Я рад, что ты не боишься, но…

— Артур! — раздался голос миссис Уизли, провожавшей всех в вагон. — Что ты там делаешь? Поезд вот-вот отойдет!

— Сейчас — сейчас, Молли, — ответил мистер Уизли и торопливо сказал Гарри, понизив голос: — Дай мне слово…

— Что буду пай — мальчиком, из замка ни на шаг? — нахмурился Гарри.

— Не только это. (Таким встревоженным Гарри еще никогда не видел мистера Уизли.) Поклянись, Гарри, что не станешь сам искать Блэка.

— Что? — переспросил Гарри.

Раздался громкий свист. Дежурные по вокзалу обходили поезд и захлопывали двери.

— Обещай мне, Гарри, — скороговоркой произнес мистер Уизли, — что бы ни случилось…

— Зачем мне искать того, кто хочет меня убить, — буркнул Гарри.

— Поклянись, что бы ты ни услышал…

— Быстрее, Артур! — крикнула миссис Уизли.

Из паровоза повалил дым, и поезд тронулся.

Гарри кинулся к вагону, Рон открыл ему дверь и протянул руку. Друзья высунулись из окна и махали мистеру и миссис Уизли, пока они не скрылись из виду.

Поезд набрал полный ход. Гарри подозвал Рона с Гермионой и шепнул:

— Мне надо рассказать вам один секрет.

— Иди в купе, — бросил сестре Рон.

— Очень мило, — с обидой сказала Джинни и отошла.

В поисках свободного купе Гарри с Роном и Гермионой пошли по коридору. Удача им улыбнулась в самом конце вагона.

В купе находился всего один пассажир, дремавший возле окна. Троица переступила порог. Странно. «Хогвартс — Экспресс» предназначен для школьников, и, кроме волшебницы, развозившей тележки с едой, взрослых они раньше не видели.

Незнакомец был одет в поношенную, штопаную — перештопанную мантию. Болезненного вида и изможденный, но совсем еще не старик, светло — каштановые волосы едва тронуты сединой.

Ребята закрыли дверь и сели подальше от ок-

на.

— А это кто такой? — шепнул Рон.

— Профессор Р. Дж. Люпин, — не замедлила с ответом Гермиона.

— Откуда ты знаешь?

— Посмотри на чемодан. — Она показала на полку над головой мужчины.

Маленький потрепанный чемодан был перевязан веревкой, аккуратно связанной из множества маленьких веревочек В одном из углов была надпись: «Профессор Р. Дж. Люпин».

— Интересно, что он преподает? — Рон, прищурившись, глядел на его бледный профиль.

— Защиту от темных искусств. Только по ней нет преподавателя.

У них было уже два учителя по защите, на первом курсе и на втором. Ходили слухи, что на эту должность наложено заклятие.

— А потянет ли он? — засомневался Рон. — Похоже, он и сам под заклятием… Ну, выкладывай, — повернулся он к Гарри.

И Гарри все им поведал, включая предупреждение мистера Уизли. Рон сидел будто громом пораженный, Гермиона прижала руки к губам и, немного погодя, сказала:

— Значит, Сириус Блэк из-за тебя убежал из

тюрьмы, Гарри… Ты должен быть очень… очень осторожен. Не ищи себе неприятностей.

— Я их не ищу, — буркнул Гарри. — Это они меня ищут.

— Надеюсь, у Гарри хватит ума не выслеживать этого психа, — сказал все еще не пришедший в себя Рон. — Блэк ведь хочет его убить.

Друзья восприняли известие хуже, чем ожидал Гарри. Испугались, похоже, не на шутку. Во всяком случае, гораздо сильнее, чем он.

— И как это он сбежал? — поежился Рон. — Из Азкабана? При такой — то охране? Ведь он сверхопасный преступник

— Его должны поймать. — Голос Гермионы был тверд. — Я слышала, сейчас поднята на ноги даже полиция маглов.

— Что это? — вдруг насторожился Рон. Откуда-то донесся слабый звенящий свист.

Они огляделись.

— Гарри, это у тебя в чемодане. — Рон встал, потянулся к багажной полке и извлек из — под мантии карманный вредноскоп. Он вертелся у него на ладони, как сверкающая юла.

— Вредноскоп? Как интересно! — Гермиона поднялась, чтобы получше рассмотреть.

— Это самый дешевый, — сказал Рон. — По-мо-

ему, он плохо работает. Я стал его привязывать к лапе Стрелки, а он как завертится. Это мой подарок Гарри на день рождения. — Может, ты делал в этот момент что-то плохое? — предположила Гермиона.

— Да нет! Хотя, впрочем, нельзя было посылать Стрелку… Ну ты же знаешь, ей эти перелеты уже не под силу. Но как я еще мог отправить Гарри подарок?

Вредноскоп свистел не умолкая.

— Убери его в чемодан, — посоветовал Гарри. — Еще разбудит нашего соседа.

Он покосился на профессора Люпина. Чтобы заглушить вредноскоп, Рон сунул его в особенно ужасную пару старых носков дяди Вернона и захлопнул чемодан.

— Пойдем в Хогсмид и отдадим его починить. — Рон опять сел к друзьям. — Фред с Джорджем сказали, что купили точно такой в лавке «Дэрвиш и Бэнгз». Там продаются всякие волшебные инструменты.

— А что тебе известно про Хогсмид? — оживилась Гермиона. — Я читала, что это единственный населенный пункт во всей Британии, где не живут маглы.

— По-моему, да, — ответил без энтузиазма

Рон. — Но я туда рвусь не поэтому. Мечтаю пойти в магазин «Сладкое королевство».

— «Сладкое королевство»? — удивилась Гермиона.

Лицо Рона расплылось в блаженной улыбке.

— Это кондитерская, там столько всяких сладостей! От перечных чертиков дым идет изо рта, а еще шоколадные шары, полные земляничного мусса и сбитых сливок. А сахарные перья! Сидишь на уроке, посасываешь такое перо, а все думают, что ты размышляешь, что писать дальше…

— Но там очень много интересного, — гнула свое Гермиона. — В «Достопримечательностях исторического волшебства» сказано, что местная гостиница была в тысяча шестьсот двенадцатом году штабом восставших гоблинов, а Визжащая хижина считается самым опасным домом с привидениями во всей Англии…

— …а увесистые шарики мороженого! Лакомишься ими и паришь над землей, правда не очень высоко, дюймах в пяти, — пропустил мимо ушей Рон все слова Гермионы.

Гермиона посмотрела на Гарри.

— Как это прекрасно! Будем хоть изредка уходить из замка. В Хогсмиде есть что изучать!

— Да, — грустно вздохнул Гарри. — А вернув-

шись, расскажете мне, что там и как

— А ты? — спросил Рон.

— Я не пойду. Ни Дурсли, ни Фадж не подписали мне разрешение.

Рон ужаснулся.

— Как так? Постой, можно ведь попросить профессора МакГонагалл или еще кого, найдем кому подписать…

Гарри рассмеялся. Профессор МакГонагалл, декан Гриффиндора, очень строга, никогда не нарушит правил.

— А в случае чего, спросим Фреда с Джорджем, они знают все тайные выходы из замка…

— Рон! — возмутилась Гермиона. — Гарри нельзя покидать замок, пока Блэк на воле.

— Вот именно это и скажет МакГонагалл, попроси я ее подписать разрешение, — усмехнулся Гарри.

— Гарри, но с тобой будем мы! — Глаза у Рона сверкнули. — И никакой Блэк не посмеет…

— Рон, не говори глупости, — возразила Гермиона. — Блэк днем, на людной улице столько человек убил! Неужели он, увидев нас, испугается и оставит Гарри в покое?

Говоря это, она расстегивала ремни на корзине с Живоглотом.

— Не выпускай! — крикнул Рон, но было поздно.

Живоглот легко выпрыгнул из корзины, потянулся и вскочил ему на колени. Внутренний карман у Рона задрожал, и Рон довольно грубо отшвырнул кота:

— Пошел вон!

— Как не стыдно, Рон! — возмутилась Гермиона. Рон не остался бы в долгу, если бы профессор Люпин в эту минуту не зашевелился. Все трое замерли, но профессор повернул голову в другую сторону и, слегка приоткрыв рот, продолжал спать.

«Хогвартс — Экспресс» держал курс на север. Погода за окном помрачнела, небо заложило тучами. Реже появлялись поля и фермы. По коридору туда-сюда стали ходить люди. Живоглот обосновался на незанятом месте, повернув курносую морду к Рону, его желтые глазки буравили заветный карман.

В час дня пухлая волшебница покатила тележку с едой.

— Как по-вашему, надо его разбудить? — Рон с сомнением кивнул на профессора. — Ему не помешало бы поесть.

Гермиона осторожно приблизилась к профес-

сору Люпину.

— Профессор! Простите за беспокойство, профессор!

Профессор не шелохнулся.

— Не волнуйтесь, дорогие мои, — сказала волшебница, протягивая Гарри коробку с пирожными. — Проснется и захочет есть — я в первом вагоне, рядом с машинистом…

Она закрыла дверь и удалилась. Рон переполошился.

— Он и вправду спит? — шепотом сказал он. — Уж не помер ли?

— Нет. Нет. Он дышит, — заверила Гермиона, беря протянутое Гарри пирожное.

С попутчиком, конечно, не очень повезло, но была в этом и польза. После полудня зарядил дождь, за окном проплывали расплывчатые очертания холмов, и ребят стало клонить ко сну. В коридоре послышались шаги, у двери шаги смолкли, и сон как рукой сняло. В дверях появилась троица заклятых врагов — Драко Малфой, Винсент Крэбб и Грегори Гойл.

Драко Малфой и Гарри враждуют с самой первой поездки в Хогвартс. Лицо у Малфоя бледное, заостренное и с вечной ухмылочкой. Учится он в Слизерине. Гарри и Драко в своих командах

ловцы. Мощные, мускулистые Крэбб и Гойл — что-то вроде малфоевской свиты. Крэбб повыше, со стрижкой под горшок и очень толстой шеей. У Гойла жесткие, короткие волосы и длинные, как у гориллы, руки.

— Кого я вижу, — по обыкновению лениво протянул Малфой, шире открыв дверь. — Малявка и Лис!

Крэбб и Гойл дружно заржали.

— Слышал, твой отец в кои — то веки разжился кучей золота, — начал Малфой. — А что, твоя мамочка, случаем, на радостях не померла?

Рон вскочил, уронив на пол корзину Живоглота. Профессор Люпин всхрапнул.

— А это кто такой? — попятился Драко.

— Новый учитель. — Гарри тоже вскочил: вдруг будет нужна помощь. — Что ты сказал, Малфой?

Бесцветные глазки Малфоя сощурились. Драться перед носом учителя? Нашли дурака.

— Идем, — бросил он свите. И раздосадованные враги убрались восвояси.

Гарри с Роном вернулись на место. Рон в бешенстве сжимал кулаки.

— Я больше не намерен терпеть Малфоя! Еще слово о моей семье, и его поганая башка…

Рон сделал в воздухе яростный выпад.

— Рон, пожалуйста, тише, — прошептала Гермиона, кинув взор на профессора Люпина.

Но профессор спал как ни в чем не бывало.

Дождь усилился, а «Хогвартс — Экспресс» мчал все дальше на север. Окна закрыл густой туман. Стемнело. По всему вагону и над багажными полками загорелись лампы. Стучат колеса, по окнам барабанит дождь, завывает ветер, а профессору Люпину все нипочем — спит себе и спит.

— Скоро должны приехать. — Рон пытался что-то разглядеть в темном окне.

Не успел он закрыть рта, как поезд замедлил ход.

— Прекрасно! — Рон вновь подал голос и, осторожно обойдя профессора, стал вглядываться в темноту за стеклом. — Умираю с голоду. Скорее бы за праздничный стол.

Гермиона посмотрела на часы.

— Но нам еще далеко ехать, — заметила она.

— А чего же мы останавливаемся?

Поезд ехал все медленнее. Шум двигателя утих, зато ветер и дождь за окном как будто усилились.

Гарри, находившийся ближе всех к двери, выглянул в коридор. Из других купе тоже высовывались любопытные.

Поезд дернулся и остановился. Судя по звукам в вагоне, с полок посыпались вещи. Неожиданно погасли все лампы, и поезд погрузился в кромешную тьму.

— В чем дело? — раздался позади голос Рона.

— Ой! — вскрикнула Гермиона. — Рон, это моя нога!

Гарри добрался до своего сиденья.

— Может, авария?

— Не знаю…

что-то зашуршало, и Гарри увидел на фоне окна смутный силуэт Рона, протиравшего запотевшее стекло.

— Там что-то движется, — сказал Рон. — По — моему, к нам спешат люди.

Дверь открылась, и кто-то стал Гарри на ногу.

— Простите! Вы не знаете, что случилось?

— Привет, Невилл! — Гарри протянул в темноте руку и схватил его за мантию.

— Гарри? Это ты? Что случилось?!

— Понятия не имею! Иди к нам, садись. Раздалось сердитое шипение — Невилл сел на Живоглота.

— Пойду схожу к машинисту, узнаю, что произошло, — послышался голос Гермионы.

Гарри дал ей пройти. Дверь опять скользнула,

звук столкновения, и два голоса вскрикнули:

— Кто это?

— А это кто?

— Джинни?

— Гермиона?

— Что ты делаешь?

— Ищу Рона.

— Иди садись.

— Не сюда! — предупредил Гарри. — Здесь я.

— Ой! — крикнул Невилл.

— Тихо! — вдруг раздался хрипловатый голос. Профессор Люпин наконец проснулся. Гарри услышал шорох в углу. Все замолчали.

Слабый треск — и в купе забрезжил свет. В ладонях профессора Люпина подрагивал огонь, освещая усталое, серое лицо. Глаза его, однако, были ясны и настороженны.

— Оставайтесь на месте. — Голос был все еще сиплый после сна. Он медленно встал, держа перед собой пригоршню огня, и пошел к двери, но та, опередив его, медленно открылась.

Дрожащее пламя в руках Люпина осветило упиравшуюся в потолок фигуру, закутанную в плащ. Лицо пришельца было полностью скрыто капюшоном.

Глаза Гарри метнулись вниз, к горлу подступи-

ла тошнота. Из — под плаща высунулась рука: лоснящаяся, сероватая, вся в слизи и струпьях, как у долго находившегося в воде утопленника.

Рука торчала наружу долю секунды: существо как будто почуяло взгляд Гарри и поспешно спрятало ее в складке черной материи.

То, что было под капюшоном, протяжно, с хрипом не то взвыло, не то вздохнуло, словно хотело засосать не только воздух, но вообще все вокруг.

Присутствующих обдало стужей. У Гарри перехватило дыхание. Мороз пробирался под кожу, в грудь, в самое сердце.

Глаза Гарри закатились. Он ничего не видел. Погрузился в холод. В уши хлынул поток воды. Его тащило вниз, вой усиливался.

Откуда-то издалека донесся жуткий, пронзительный вопль мольбы. Гарри хотел помочь, все равно кому, попытался шевельнуть руками, но не смог. Его окутал густой белый туман…

— Гарри! Гарри! Ты в порядке? кто-то шлепал его по лицу.

— Что… что?

Гарри открыл глаза. Светят фонари, подрагивает пол. «Хогвартс — Экспресс» снова в пути, и горит свет. А он что, упал с сиденья? Рон с Гермионой склонились над ним, стоят на коленях,

позади Невилл и профессор Люпин. Гарри хотел поправить очки, и его затошнило, на лбу выступил холодный пот.

Рон и Гермиона уложили его на сиденье.

— Ну, как ты? — забеспокоился Рон.

— Ничего. — Гарри бросил взгляд на дверь. Существо в капюшоне исчезло. — Что это было? Где тот… ну который выл?

— Никто не выл. — Рон недоумевающе покачал головой.

Гарри осмотрел освещенное купе. Бледные — бледные Джинни и Невилл таращили на него глаза.

— Но я слышал вой.

что-то громко треснуло, и все вздрогнули. Профессор Люпин разломал на части большую плитку шоколада.

— Держи, — протянул он Гарри самый большой кусок. — Съешь и станет полегче.

Гарри взял, но есть не хотелось.

— Вы не знаете, кто это был? — спросил он Люпина.

— Дементор. — Люпин раздавал шоколад всем остальным. — Один из дементоров Азкабана.

Все смотрели на него, не веря ушам. Профессор Люпин скомкал пустую обертку и сунул в

карман.

— Ешь, — повторил он. — Увидишь, станет легче. Простите, я ненадолго уйду, мне надо кое-что сказать машинисту.

Люпин скрылся в коридоре.

— Гарри, ты и вправду в порядке? — Гермиона тревожно смотрела на друга.

— Я так и не понял, что произошло. — Гарри вытер пот со лба.

— Ну, понимаешь, этот дементор стоял здесь и осматривался (я так подумала, лица — то я его не видела), и ты, ты…

— Наверное, это был обморок — Рон никак не мог успокоиться. — Ты вдруг обмер, упал и забился…

— А профессор Люпин подошел к дементору, вынул палочку, — продолжила Гермиона, — и сказал: «Никто из нас не прячет Сириуса Блэка под мантией. Уходи». Но великан не шелохнулся. Тогда Люпин что-то пробормотал, и из палочки на дементора посыпались серебряные искры, тот развернулся и тотчас исчез.

— Ужас какой! — пропищал Невилл не своим голосом. — Когда это вошло сюда, почувствовали холод?

— Мне показалось, он явился с того света. —

Рона передернуло. — Такой страх, как будто никакой радости никогда в жизни больше не будет.

Съежившаяся в углу Джинни выглядела немногим лучше Гарри. Она вдруг громко всхлипнула, Гермиона нагнулась к девочке и обняла ее.

— Но вы же не попадали с сидений, — неловко пробормотал Гарри.

— Нет, — подтвердил Рон и опять беспокойно глянул на него.

Джинни колотила дрожь…

Гарри ничего не понимал. Гриппом он не болеет, а такая слабость и зуб на зуб не попадает… Этого дементора все видели и ничего, а он упал в обморок! Стыд — то какой!

Вернулся профессор Люпин. Остановился рядом с Гарри и ласково улыбнулся.

— Съешь, пожалуйста, шоколад, он не ядовитый. Гарри откусил кусочек. Удивительно, но пожилам заструилось тепло.

— Через десять минут будем в Хогвартсе, — произнес учитель. — Ну что, Гарри, полегче стало?

— Да. — Гарри недоумевал: откуда профессор знает его имя?

О происшедшем больше не вспоминали. Поезд прибыл на станцию Хогсмид. Высаживались дол-

го и шумно. Совы ухали, коты мяукали. Любимая жаба Невилла громко квакала под его шляпой. Крошечная платформа после дождя обледенела.

— Первокурсники, сюда! — громыхнул знакомый голос.

Гарри, Рон и Гермиона обернулись и увидели высоченную фигуру Хагрида. Лесничий собирал первокурсников, чтобы переправить, согласно традиции, через озеро.

— Здорово, неразлучная троица! — Хагрид возвышался над головами.

Друзья рванули к нему, но их тут же оттеснила толпа. Гарри, Рону и Гермионе предстояло, как и всем остальным, ехать до замка в карете. На грязной, в колдобинах, дороге их было не менее сотни — и никаких лошадей. Хотя, говорят, в замке есть лошади — невидимки. Когда друзья забрались внутрь и захлопнули дверцу, карета и правда покатила сама, качаясь и трясясь на ухабах.

В карете попахивало навозом и соломой. После шоколада Гарри чувствовал себя лучше, но слабость еще не отпустила. Рон и Гермиона сели по краям и всю дорогу украдкой поглядывали на него, опасаясь повторения припадка.

Карета подкатила к великолепным чугунным воротам, слева и справа высились каменные ко-

лонны, увенчанные крылатыми кабанами, рядом стояли два дементора, с ног до головы укутанные мантиями. Гарри ощутил подступающий озноб, откинулся на пухлую спинку сиденья и, пока во¬рота не остались позади, не открывал глаз. Карета покатилась по длинному извилистому подъезду к замку. Гермиона высунулась в окошко и любовалась множеством приближающихся башен и башенок. Покачнувшись, карета остановилась, и Рон с Гермионой вылезли. Гарри сошел следом.

— Ты хлопнулся в обморок, Поттер? Долгопупс не врет? Ты и впрямь хлопнулся? — протянул ему в ухо довольный голос.

Малфой оттолкнул локтем Гермиону и загородил Гарри дорогу к каменным ступеням, ведущим в замок Его распирало от ликования, бесцветные глазки злобно поблескивали.

— Уйди, Малфой, — процедил Рон.

— А ты, Уизли? — крикнул Малфой. — Небось тоже испугался старины дементора?

— Что тут за шум? — мягко спросил профессор Люпин, выходя из подъехавшей кареты.

Малфой свысока глянул на профессора Люпина, приметил его латаную мантию, ветхий чемодан и сказал с еле заметной усмешкой:

— Никакого шума… э-э… профессор, — и, подмигнув Крэббу с Гойлом, двинулся впереди них по ступеням.

Гермиона толкнула Рона в спину, и друзья вместе со всеми вошли через высокие дубовые двери в огромный холл, освещенный факелами. Из холла наверх вела роскошная мраморная лестница.

Двери в Большой зал были гостеприимно распахнуты. Поток учеников понес к ним Гарри, но он успел только увидеть волшебный, затянутый сегодня черными тучами потолок.

— Поттер! Грэйнджер! Подойдите ко мне! — раздался чей-то голос.

Гарри и Гермиона удивленно обернулись. Профессор МакГонагалл, преподаватель трансфигурации и декан Гриффиндора, требовательно глядела на них поверх голов. Вид у нее был, как всегда, суровый. Волосы собраны в тугой пучок, сквозь квадратные очки в упор смотрят острые, живые глаза. Полный тяжелых предчувствий, Гарри локтями прокладывал в толпе дорогу. Как — то так получалось, что при виде профессора МакГонагалл он всегда чувствовал себя виноватым.

— Не волнуйтесь. Я просто хочу поговорить с вами у себя в кабинете, — сказала она. — А вы, Уизли, идите в зал.

Рон посмотрел всем троим вслед и поспешил к праздничному столу. Профессор повела друзей через холл по мраморной лестнице к коридору, ведущему к ней в кабинет. Это была маленькая комната с большим, ярко пылающим камином. Профессор пригласила гостей сесть у камина, сама расположилась за письменным столом.

— Профессор Люпин послал с совой сообщение, — начала она, — что вы, Поттер, потеряли сознание в поезде.

Гарри не успел ответить, в дверь кто-то постучался, и в кабинет ворвалась мадам Помфри, врач из больничного крыла.

Гарри покраснел. Упасть в обморок само по себе плохо, а тут еще все с тобой нянчатся, как будто бог весть что случилось.

— Со мной все в порядке.

— А-а, это ты! — Мадам Помфри не обратила внимания на его слова. Наклонившись, она внимательно посмотрела на него. — Тебе опять угрожала опасность?

— Это был дементор, Поппи, — пояснила МакГонагалл.

Они, нахмурившись, переглянулись.

— Выставили дементоров вокруг школы, — недовольно закудахтала мадам Помфри, откинув

Гарри волосы и коснувшись лба. — Одним обмороком дело не кончится. Да он весь мокрый! Такая страсть, а проку от них чуть. Да если еще учесть, какое действие они оказывают на людей хрупкого здоровья…

— У меня здоровье не хрупкое! — вспыхнул Гарри.

— Конечно нет, — рассеянно произнесла мадам Помфри, щупая у него пульс.

— Что вы сейчас ему рекомендуете? — Голос профессора МакГонагалл был тверд. — Постельный режим? Может быть, вечером отправить в больничный отсек?

— Я здоров! — подскочил Гарри. Можно пред¬ставить, что скажет Малфой, попади он в больницу!

— Ладно, тогда хотя бы пусть поест шоколада, — молвила мадам Помфри, проверяя его глаза.

— Я уже поел. Мне дал профессор Люпин. Он всех нас угостил еще в поезде.

— Правда? — обрадовалась мадам Помфри. — Ну наконец-то появился преподаватель защиты от темных искусств, который знает свое дело.

— Поттер, вы уверены, что хорошо себя чувствуете? — строго спросила профессор МакГонагалл.

— Уверен.

— Отлично. А теперь, будьте так любезны, подождите нас в коридоре. Мне надо сказать несколько слов мисс Грэйнджер о ее расписании, после чего все вместе пойдем на праздник.

Гарри и мадам Помфри вышли в коридор, и та, что-то бурча себе под нос, удалилась в больничный отсек Вскоре появилась сияющая Гермиона в сопровождении МакГонагалл, и все трое отправились в Большой зал.

Их встретило целое море черных остроконечных шляп; тысячи свечей парили в воздухе, бросая свет на лица учеников за длинными столами. Профессор Флитвик, крошечный волшебник с целой шапкой седых волос на голове, выносил из Большого зала старую Шляпу и трехногую табуретку.

— Распределение уже кончилось, — заметила Гермиона.

Новых учеников в Хогвартсе распределяла по факультетам Волшебная шляпа. Ее надевали на голову очередному новичку, и она выкрикивала название факультета, по ее мнению, наиболее для него подходящего (Гриффиндор, Когтевран, Пуффендуй и Слизерин). Профессор МакГонагалл поспешила к своему месту за преподавательским столом. Гарри и Гермиона — в противоположную

сторону к гриффиндорскому. Они шли тихо, стараясь не привлекать к себе внимание. И все-таки многие провожали Гарри любопытным взглядом, а некоторые даже показывали на него пальцем. Неужели история с обмороком так быстро разнеслась по Хогвартсу?

Сели рядом с Роном, занявшим для них места.

— Зачем вас вызывали? — спросил он Гарри. Гарри зашептал ему, но тут на ноги поднялся директор школы.

Хотя профессор Дамблдор был очень стар, энергия била в нем ключом. У него были серебряные волосы до плеч и такая же борода, очки — половинки и необычайно длинный крючковатый нос. О нем часто говорили, что он самый великий волшебник, но Гарри особенно его уважал не за это. Дамблдор у всех вызывал доверие. И, увидев, какими сияющими глазами он смотрит на учеников, Гарри впервые, после того как столкнулся в купе с дементором, ощутил настоящее спокойствие.

— Приветствую всех! — сказал директор школы. — Приветствую и поздравляю с началом нового учебного года в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс»! Мне надо многое вам сказать. Начнем с самого важного и серьезно-

го, чтобы уж больше к этому не возвращаться. Это не самое приятное известие, но зато нас сегодня ждет отменное пиршество. — Дамблдор кашлянул и продолжал: — Как вам уже хорошо известно, в нашу школу прислали на время несколько стражей Азкабана — дементоров, которые находятся здесь по поручению Министерства магии. Сегодня вечером они производили обыск в «Хогвартс — Экспрессе».

Дамблдор секунду — другую молчал. А Гарри вспомнились слова мистера Уизли, что Дамблдор не очень — то рад такой охране.

— Они будут стоять у всех выходов с территории школы, — продолжал директор. — И пока они здесь, — запомните хорошенько! — никто не должен даже пытаться покинуть Хогвартс без разрешения. Дементоров не проведешь ни переодеванием, ни какими — либо еще фокусами, не помогут даже мантии-невидимки. — Последние слова он произнес как бы между прочим, а Гарри с Роном переглянулись. — Дементоров тщетно умолять, тщетно просить прощения. Поэтому я вас очень прошу, всех и каждого, не давайте им повода причинить вам вред. Я уже говорил со старостами факультетов и двумя нашими новыми старостами школы, они будут следить,

чтобы никто никогда не затевал с дементорами опасной игры.

Перси, сидевший недалеко от Гарри, снова выпятил грудь и горделиво огляделся. Дамблдор опять замолчал, окинул внимательным взглядом сидящих — никто не шелохнулся, не произнес ни слова.

— Закончу на более приятной ноте, — продолжил он. — Счастлив представить двух наших новых преподавателей. Во-первых, профессор Люпин, который любезно согласился занять должность преподавателя защиты от темных искусств.

Послышались редкие хлопки, известие было принято без особого энтузиазма. Горячо хлопали только те, кто ехал сегодня в одном купе с профессором Люпином, включая Гарри. Профессор выглядел особенно жалко среди преподавателей, одетых в свои лучшие мантии.

— Посмотри на Снегга, — шепнул на ухо Гарри Рон.

Профессор Снегг, специалист по зельеварению, смотрел через весь стол на профессора Люпина. Все знали, что Снегг давно мечтал о должности, которую занял Люпин, но даже Гарри, ненавидевший Снегга, был поражен тем, как исказилось его

худое, землистого цвета лицо. В нем читались не зависть или гнев, оно выражало сильнейшее отвращение. Гарри хорошо знал это его выражение. Оно появлялось в лице Снегга всякий раз, как он смотрел на Гарри.

— Что касается второго назначения, — заговорил Дамблдор после того, как стихли жидкие аплодисменты, — должен, к сожалению, напомнить, что профессор Кеттлберн, наш специалист по уходу за магическими существами, в конце прошлого семестра подал прошение об отставке, чтобы провести больше времени с оставшимися у него руками и ногами. Так вот, с большим удовольствием сообщаю вам, что его должность согласился принять сам Рубеус Хагрид. Он будет совмещать работу лесничего с преподаванием.

Гарри, Рон и Гермиона не поверили своим ушам. И тут же присоединились к буре аплодисментов, которые были особенно сильны за столом гриффиндорцев. Гарри подался вперед, чтобы лучше видеть Хагрида. Лесничий был красный как свекла, глядел, опустив глаза, на свои огромные ручищи, а в его черной всклокоченной бороде играла широкая довольная улыбка.

— Как же это мы не догадались! — ударил ку¬лаком по столу Рон. — Кто еще мог рекомен-

довать нам эту кусачую книгу?

Гарри, Рон и Гермиона последние кончили хлопать. Дамблдор заговорил опять, и друзья увидели, что Хагрид вытирает глаза скатертью.

— Ну вот, кажется, и все, — заключил Дамблдор. — Во всяком случае, самое главное. А теперь будем праздновать!

Золотые тарелки и кубки наполнились едой и питьем. Гарри почувствовал, что умирает от голода, и положил себе на тарелку все, до чего мог дотянуться.

Пир был хоть куда! Зал наполнился смехом, разговорами, звоном ножей и вилок. Но Гарри и его друзья не могли дождаться, когда праздник кончится, — так им хотелось поговорить с Хагридом. Они знали, как много означает для него должность преподавателя. Ведь у него даже не было диплома волшебника. На третьем курсе его безвинно исключили из школы за преступление, которое он не совершал. Гарри и Рон с Гермионой в прошлом году вернули ему доброе имя.

Наконец последние куски тыквенного пирога исчезли с золотых блюд и Дамблдор намекнул всем, что пора идти спать. Друзья сейчас же бросились к Хагриду.

— Хагрид, поздравляем! — воскликнула Герми-

она, когда они очутились у преподавательского стола.

— Привет, привет всем троим, — ответил Хагрид, вытирая салфеткой с лица пот. — Не верится! Великий человек Дамблдор… Пришел ко мне в хижину… сразу, как профессор Кеттлберн сказал, что больше не может… Я так об этом мечтал всю жизнь…

Чувства переполнили его, и он спрятал лицо в салфетку. Подошла профессор МакГонагалл и погнала всех спать.

Гарри, Рон и Гермиона вместе со всеми гриффиндорцами, сытые сверх меры и усталые, поднялись по мраморной лестнице, свернули в один коридор, другой, поднялись по сотне ступенек и очутились наконец у своей башни. Полная Дама в розовом платье спросила у них пароль.

— Входите, входите, — раздался из-за спин голос Перси. — Новый пароль — «Фортуна Майор»!

— Опять я не запомню, — чуть не плакал Невилл Долгопупс. Он вечно забывал пароли.

Вошли в гостиную, девочки пошли в свои спальни по одной лестнице, мальчики подругой. Гарри поднимался по винтовой лестнице с одним чувством: какое счастье, что он опять здесь. Вошли в такую знакомую круглую спальню, вот и

пять кроватей под пологами на четырех столбиках. Гарри подошел к своей. наконец-то он дома.

Глава 6

КОГТИ И ЧАИНКИ

Войдя на другой день утром в Большой зал, Гарри, Рон и Гермиона первым делом увидели Драко Малфоя, который рассказывал окружившим его слизеринцам какую-то забавную историю. Заметив Гарри, Драко смешно изобразил обморок, и вся компания схватилась за бока от хохота.

— Не обращай внимания на этого идиота, — шепнула Гарри шедшая за ним Гермиона. — Просто не обращай, и все…

— Эй, Поттер! — взвизгнула похожая на мопса Пэнси Паркинсон. — Поттер! Оглянись! Сзади тебя дементоры! У-у-у-у-у!

Гарри, нахмурившись, сел за стол гриффиндорцев рядом с Джорджем Уизли.

— Вот, возьми расписание уроков для третьекурсников. — Джордж протянул несколько кусков пергамента. — Что с тобой, Гарри?

— Это все Малфой, — сказал Рон, садясь рядом с Джорджем по другую сторону и кивнув на соседний стол слизеринцев.

Джордж взглянул на Малфоя — тот опять за¬ка-

тил глаза в притворном ужасе.

— Гнусный тип, — сказал он спокойно. — Вчера вечером в поезде, когда в вагон вошли дементоры, он так не петушился. Вбежал к нам в купе, весь трясся от страха. Помнишь, Фред?

— Чуть в штаны не наложил. — Фред бросил на Малфоя полный презрения взгляд.

— Честно говоря, — сказал Джордж, — я и сам испугался этих красавцев.

— Смотришь на них, и как будто все внутренности у тебя заморозило, — подхватил Фред.

— Но ведь никто в обморок не упал, — тихо проговорил Гарри.

— Выкинь из головы, — ободрил Джордж Гарри. — Отцу однажды пришлось поехать в Азкабан, помнишь, Фред. Он говорит, что страшнее места на земле нет. Несколько дней не мог опомниться. Дементоры, сказал, высасывают из живого человека все крохи тепла и радости. Большинство узников по — настоящему сходят с ума.

— Посмотрим, как Малфой будет веселиться после первой игры, — сказал Фред. — Ведь первый матч сезона — Гриффиндор против Слизерина.

Единственный раз, когда Гарри столкнулся с Малфоем на поле лицом к лицу, вид у того действительно был плачевный. Гарри повеселел

и налег на сосиски с жареными помидорами. Гермиона углубилась в расписание уроков.

— Прекрасно! Сегодня у нас несколько новых предметов, — радостно сообщила она.

— По — моему, Гермиона, они что-то напутали с твоим расписанием. — Рон заглянул ей через плечо. — У тебя по десять уроков в день. Столько в учебное время не умещается.

— Я справлюсь. Мы все обсудили с профессором МакГонагалл.

— Нет, ты только посмотри, — рассмеялся Рон. — Сегодня утром в девять часов у тебя прорицание, а под ним, тоже в девять, изучение маглов. И вот еще. — Рон пониже нагнулся над расписанием, не веря глазам. — Чуть ниже нумерология, и тоже в девять. Конечно, ты у нас самая умная. Но не до такой же степени, чтобы присутствовать на трех уроках одновременно.

— Не говори глупостей, — сказала Гермиона. — Разумеется, я не буду в одно время сразу на трех уроках.

— Ну, а как же тогда…

— Передай мне, пожалуйста, джем, — прервала его Гермиона.

— Но…

— Скажи, Рон, почему тебя так волнует мое

расписание? Я ведь тебе уже объяснила, что мы все обсудили с профессором МакГонагалл.

Как раз в эту минуту в Большой зал вошел Хагрид. На нем была кротовая шуба, в огромной ручище он держал за хвост дохлого хорька и рассеянно им помахивал.

— Привет! — помедлил он у стола гриффиндорцев. — Вы мои первые в жизни ученики. Сразу после обеда. Я сегодня, это, как его… с пяти утра на ногах… Готовлюсь к уроку… Волнуюсь, конечно… Учитель!.. Нет, честно…

Большой зал быстро пустел, ученики спешили на первый урок. Рон посмотрел в расписание.

— Надо спешить. Прорицание на самом верху Северной башни. Туда идти минут десять, не меньше.

Допили чай, попрощались с Фредом и Джорджем и пошли к выходу. Когда проходили мимо слизеринцев, Малфой опять изобразил обморок, а его подпевалы разразились хохотом.

К Северной башне идти и идти. За два года в Хогвартсе друзья не успели исследовать все закоулки замка, а в Северной башне и вообще не были.

— Наверное, есть более короткий путь, — задыхаясь, проговорил Рон на площадке восьмого

этажа.

На одной из стен висел большой холст, на котором ничего не было, кроме зеленого луга без всяких признаков жизни.

— Наверное, нам сюда, — махнула рукой Гермиона в сторону коридора, идущего вправо.

— Вряд ли, — возразил Рон. — Он ведет к Южной башне. Видишь, из этого окна видна часть озера…

Гарри с любопытством рассматривал полотно с лугом. Справа появился толстенький серый в яблоках пони, мирно пощипывающий траву. Гарри уже привык к картинам, персонажи которых покидают рамы по собственному усмотрению, но каждый раз не мог от них глаз отвести. Следом за пони вышел упитанный коротышка, бряцая рыцарскими доспехами. Он, как видно, только что упал со своего пони — из бронированных наколенников торчали зеленые травинки.

— Эй! — закричал он, увидев Гарри, Рона и Гермиону. — Как смеете вы, подлые людишки, вторгаться в мои владения? Пришли поглазеть, как я упал? Прочь отсюда, негодяи! Бешеные псы!

Друзья с изумлением глядели, как крошечный рыцарь, обнажив меч, стал яростно им потрясать.

Но меч был слишком велик, рыцарь замахнулся, не рассчитав силы, потерял равновесие и пал ничком на траву.

— Вы не сильно ушиблись? — спросил Гарри, подойдя ближе к картине.

— Пошел отсюда, подлый трус! Жалкий проходимец!

Крошка рыцарь поднялся на ноги, схватил рукоять меча, дернул, но меч глубоко ушел в землю и, как он ни тянул, не поддавался. Рыцарь опять плюхнулся на траву, поднял забрало и отер с лица пот.

— Послушайте, — воспользовался Гарри передышкой в борьбе с мечом. — Мы ищем Северную башню. Может, вы знаете, как туда пройти?

— Вы сбились с пути! — Гнев рыцаря как рукой сняло. Он вскочил на ноги, клацнув доспехами. — Следуйте за мной, друзья! Мы достигнем цели или геройски погибнем в схватке с врагом!

Еще раз безуспешно дернул меч, попытался влезть на толстяка — пони — не смог, но это не остудило его пыл.

— Тогда пешком, сэры и прекрасная леди! За мной!

И он помчался, бряцая доспехами, к левому краю полотна. Выскочил из рамы — только его

и видели.

Троица сорвалась с места, следуя за удаляющимся лязгом. Иногда рыцарь появлялся, вбежав в очередную картину, и опять исчезал, слышался только шум его доспехов.

— Крепите дух пред тяжким испытанием! — крикнул на высокой ноте рыцарь, объявившись среди растревоженных дам в кринолинах. Полотно с дамами висело на стене в самом начале узкой винтовой лестницы.

Шумно отдуваясь, Гарри, Рон и Гермиона потопали вверх по крутой спирали ступенек и наконец услыхали над головой многочисленные голоса — значит, кабинет прорицаний где-то совсем рядом.

— Прощайте, друзья! — крикнул рыцарь, ныряя головой в картину со зловещего вида монахами. — Прощайте, мои соратники! Если когда-нибудь вам понадобится благородное сердце и стальные мускулы, кликните сэра Кэдогана!

— Кликнем, — сказал Рон, едва рыцарь пропал из виду. — Когда понадобится сумасшедший.

Еще несколько ступеней, и они очутились на тесной площадке, где столпился весь класс. На площадку не выходила ни одна дверь. Рон толкнул Гарри и указал на потолок — там была

круглая дверца люка с бронзовой табличкой. «Сивилла Трелони, профессор прорицания», — прочитал Гарри.

— Как же мы туда попадем?

И точно в ответ на его недоуменный вопрос, дверца люка внезапно открылась и прямо к ногам Гарри опустилась серебристая веревочная лестница. Класс в изумлении притих.

— Только после тебя, — улыбнулся Рон.

И Гарри полез первый. Он очутился в очень странном классе. Скорее это был не класс, а что-то среднее между мансардой и старомодной чайной. В комнате, погруженной в красноватый полумрак, теснились примерно двадцать круглых столиков в окружении обитых пестрой тканью кресел и мягких пуфиков. Шторы на окнах задернуты, многочисленные лампы задрапированы темно — красным шелком. Было очень тепло и душно, в камине под заставленной странными вещицами каминной полкой горел огонь, издавая тяжелый дурманящий аромат. На огне закипал большой медный чайник. Круглые стены опоясаны полками. Чего только на них не было: запыленные птичьи перья, огарки свечей, пухлые колоды потрепанных карт, бесчисленные магические кристаллы и полчища чайных

чашек.

За Гарри из люка показался Рон, скоро к ним присоединился весь класс, говоривший почему-то шепотом.

— Где она? — спросил Рон.

Откуда-то из полумрака раздался приглушенный, почти неземной голос:

— Добро пожаловать. Как приятно видеть вас наконец в вашем физическом облике.

Гарри сначала показалось, что в свете камина появилась большая блестящая стрекоза. Профессор Трелони была очень худа, толстые стекла очков многократно увеличивали и без того огромные глаза, на плечах газовая в серебряных блестках шаль. С тонкой шеи свисают бесчисленные цепочки и ожерелья, пальцы и запястья украшены перстнями и браслетами.

— Садитесь, деточки, садитесь. — Профессор приглашала учеников, как дорогих гостей.

Толкаясь, стали рассаживаться: кто в кресло, кто на пуф. Гарри, Рон и Гермиона сели вокруг одного стола.

— Приветствую вас на уроке прорицания. — Сама Трелони села в широкое кресло возле камина. — Меня зовут профессор Трелони. Скорее всего, вы до сих пор еще меня не видели. Я редко

покидаю свою башню. Суета и суматоха школьной жизни затуманивают мое внутреннее око.

Никто ничего не ответил на это неожиданное заявление. Сивилла Трелони легким движением плеч поправила шаль и продолжала:

— Так, значит, вы избрали прорицание, самое трудное из всех магических искусств. Должна вас с самого начала предупредить: я не смогу научить многому тех, кто не обладает врожденной способностью ясновидения. Книги помогают только до определенных пределов…

Гарри с Роном, улыбнувшись, взглянули на Гермиону, которую слова профессора прорицания ошеломили: как это книги хоть в чем-нибудь бессильны помочь?! А Трелони тем временем продолжала:

— Многие ведьмы и колдуны, как бы талантливы ни были в своей области, скажем, внезапных исчезновений, не способны рассеять туман, застилающий будущее. — Профессор переводила взгляд с одного возбужденного лица на другое. — Этот дар дается немногим. Вот вы, — неожиданно обратилась она к Невиллу, который чуть не свалился с пуфа, — не могли бы вы сказать, как себя чувствует ваша бабушка? Здорова?

— Надеюсь, — дрожащим голосом ответил

Невилл.

— Я бы на вашем месте не была столь уверена, — сказала профессор Трелони, и пламя камина заиграло на ее длинных изумрудных серьгах.

Невилл прерывисто вздохнул. А профессор невозмутимо продолжала: — В этом году мы будем изучать основополагающие методы прорицания. Первый семестр посвятим гаданию по чаинкам. Во втором семестре займемся хиромантией. Между прочим, моя крошка, — Трелони метнула взгляд на Парвати Патил, — вам следует опасаться рыжеволосых.

Парвати бросила испуганный взгляд на Рона, который сидел прямо за ней, и подвинула свое кресло в сторону.

— В летнем семестре перейдем к магическим кристаллам, если к тому времени закончим с предсказаниями по языкам пламени. К сожалению, в феврале занятий из-за вспышки сильнейшего гриппа не будет. У меня самой совсем пропадет голос. А на Пасху один из нас навеки нас покинет…

Класс напряженно притих, а профессор Трелони продолжала, ничего не замечая:

— Вы, деточка, не могли бы… — обратилась она к Лаванде Браун, сидевшей к ней ближе всех, та

в страхе съежилась, — дать мне самый большой серебряный чайник?

Лаванда с облегчением вздохнула, встала с кресла, взяла с полки огромный чайник и поставила его на стол перед профессором.

— Спасибо, милая. Да, между прочим, то, чего вы больше всего опасаетесь, случится в пятницу шестнадцатого октября.

Лаванду пробрала дрожь.

— А теперь я попрошу вас разбиться на пары, взять с полки чашку и подойти ко мне. Я вам налью чай, вы сядете и будете пить, покуда на дне не останется гуща. Левой рукой поболтайте ее круговым движением, затем переверните чашку на блюдце, подождите, пока жидкость стечет, и передайте чашку напарнику. Оставшиеся на стенках чашки чаинки кое — что ему скажут. Растолковать увиденное поможет учебник «Как рассеять туман над будущим», страницы четвертая и пятая. А я буду ходить между столами и помогать вам. Мой мальчик! — воскликнула Трелони, схватив за руку Невилла, который встал с пуфа и потянулся за чашкой. — Пожалуйста, после того как разобьете первую чашку, возьмите вторую из голубого сервиза. Розовый мне жалко. Это мой любимый.

И конечно, не успел Невилл взять в руки чашку с блюдцем, как раздался звук разбившегося фарфора. Профессор бросилась к нему со щеткой и совком для мусора.

— Возьмите голубую. Очень вас прошу. Большое спасибо.

Гарри и Рон с полными чашками вернулись за свой столик, быстро выпили обжигающий чай. Поболтали чашки, как сказала профессор Трелони, опрокинули на блюдце и обменялись ими. Оба открыли учебники на указанной странице.

— Нашел, — сказал Рон. — Посмотри, Гарри, что ты видишь в моей чашке.

— Коричневую жижу. — Тяжелый дурманящий дух в комнате нагонял сон, и Гарри с трудом соображал, что происходит.

— Раскиньте хорошенько мозгами, мои славные. Пусть ваш взгляд проникнет сквозь покровы обыденного. — Голос Трелони долетал как из густого тумана.

Гарри пытался сосредоточиться.

— Кажется, вижу, — наконец сказал он. — что-то вроде неясного креста… — Гарри склонился над учебником. — Это значит, что тебя, к сожалению, ждут «всякие беды и испытания». А еще, кажется, солнце. Но солнце, наоборот, означает

«огромную радость»… Понятно, значит, ты скоро будешь страдать и чувствовать радость…

— По-моему, у тебя с внутренним оком что-то неладно. Не мешает проверить.

И оба подавили смешок, заметив, что профессор смотрит в их сторону.

— А теперь моя очередь. — Наморщив лоб, Рон уставился в чашку Гарри. — Вижу темное пятно, похожее на цилиндр. Может, ты хочешь работать в Министерстве магии?

Рон перевернул чашку.

— А теперь точь-в-точь желудь. Давай посмотрим, что это значит. — Он пробежал открытые странички. — «Нежданная радость. Внезапно пролившийся золотой дождь». Красота! Надеюсь, ты со мной поделишься. — Рон опять перевернул чашку. — А теперь вижу какое-то животное. Допустим, это голова… похоже на беге… нет, скорее на овцу…

Гарри прыснул, профессор Трелони обернулась.

— Дайте — ка я взгляну, — сказала она, укоризненно глядя на Рона. Подошла к нему и взяла у него из руки чашку Гарри. Весь класс притих, ожидая ее объяснения.

Профессор вращала чашку против часовой

стрелки, внимательно рассматривая узоры на ее стенках.

— Это сокол… Мой мальчик, у тебя есть смертельный враг.

— Кто этого не знает? — громко прошептала Гермиона. Профессор Трелони воззрилась на нее сквозь свои огромные очки. — Да все. Всем известно про Гарри и про Того-Кого-Нельзя-Называть.

Гарри и Рон смотрели на Гермиону с восторженным изумлением. Гермиона никогда еще не позволяла себе так говорить с учителями. Профессор Трелони предпочла ничего не ответить. Она приблизила огромные глаза к чашке Гарри и снова вперилась в нее, продолжая вращать.

— Дубинка… нападение… Боже мой, какая несчастливая чашка!

— А по-моему, это был цилиндр, — неуверенно протянул Рон.

— Череп… опасность в дороге…

Все смотрели на профессора Трелони, затаив дыхание. Она последний раз покрутила чашку и вскрикнула. В тот же миг опять раздался звук бьющегося фарфора. — Невилл разбил еще одну чашку. Профессор Трелони опустилась в ближайшее кресло, смежив веки и прижав к сердцу поблескивающую самоцветами руку.

— Мой мальчик, мой бедный мальчик… Нет, милосерднее промолчать… Не спрашивайте меня…

— Что вы там видите, профессор? — тут же спросил Дин Томас.

Весь класс повскакал с мест, сгрудившись у стола Гарри и Рона, каждый старался заглянуть в чашку Гарри.

— Мой мальчик, — профессор распахнула огромные глаза. — У тебя здесь Грим.

— Что? — не понял Гарри.

Но не понял не только он. Дин пожимал плечами, у Лаванды был явно недоуменный вид, остальные в ужасе прижали к губам ладони.

— Грим, мой мальчик! Грим! — Профессора Трелони поразила непонятливость Гарри. — Огромный пес, вестник беды, кладбищенское привидение! Мой дорогой мальчик, это самое страшное предзнаменование, оно сулит смерть.

У Гарри оборвалось сердце. Собака на обложке «Предзнаменований смерти» во «Флориш и Блоттс», собака ночью на улице Магнолий. Лаванда тоже зажала рот ладонью. Взгляды всех устремлены на него, всех, кроме Гермионы. Гермиона встала и подошла сзади к креслу, где сидела профессор Трелони.

— По-моему, ничего общего с Гримом, — твердо произнесла она.

Трелони смотрела на девочку с растущей неприязнью.

— Простите меня, милая, за то, что я вам сейчас скажу. Мой мысленный взор видит вокруг вас совсем слабую ауру. Очень слабая восприимчивость волн, идущих из будущего.

Симус Финниган так и эдак склонял голову. Даже сощурил глаза почти до щелочек.

— Кажется, и правда похоже на Грима. А если отсюда взглянуть, — он подвинулся влево, — то больше смахивает на осла.

— Да перестанете вы гадать, умру я скоро или не умру! — вдруг воскликнул Гарри неожиданно для самого себя. И все сразу потупились.

— На этом наш урок сегодня закончен, — произнесла Трелони своим самым потусторонним голосом. — Соберите, пожалуйста, все ваши вещи…

Ученики молча поставили на место чашки, собрали учебники и закрыли сумки. Даже Рон старался избегать взгляда Гарри.

— До встречи, дорогие мои, — замогильным голосом выдохнула Трелони. — И да сопутствует вам удача. Ах, да, Невилл, ты в следующий раз

опоздаешь. Пожалуйста, прочитай по учебнику, что пропустишь на уроке. А то можешь отстать.

Друзья молча спустились по винтовой лестнице и поспешили на урок трансфигурации профессора МакГонагалл. Они долго искали ее класс и не опоздали только потому, что Трелони отпустила их раньше.

Гарри выбрал место в самом конце класса и все равно чувствовал, как будто на него направлены огни рампы — то и дело ловил на себе чей — нибудь взгляд. Уж не ожидают ли однокурсники, что он в любую минуту может упасть замертво? Он почти не слышал, что профессор МакГонагалл рассказывала про анимагов — волшебников, которые могут по желанию обратиться в зверя. И даже не смотрел, как она превратилась у всех на глазах в полосатого кота со следами от очков вокруг глаз.

— Что сегодня такое со всеми вами? — спросила профессор МакГонагалл, приняв под звук легкого хлопка свой обычный облик. — Это, разумеется, неважно, но еще никогда не было, чтобы превращение в кота и обратно не вызвало аплодисментов.

И хотя все взгляды опять обратились к Гарри, класс как в рот воды набрал. Гермиона подняла

руку.

— Дело в том, профессор, что у нас первый урок был прорицание, мы гадали по чаинкам. Ну и…

— Ах, вот оно что! Тогда все ясно. — МакГонагалл нахмурилась. — Можете, мисс Грэйнджер, ничего больше не говорить. Так кто же в этом году должен умереть?

Опять молчание.

— Я, — наконец сказал Гарри.

— Ну что ж! — МакГонагалл буравила Гарри взглядом. — Так вот знайте, Поттер, Сивилла Трелони с первого дня появления в школе ежегодно предсказывает скорую смерть одному из студентов. Никто, однако, до сих пор не умер. Знакомство с классом она начинает с предзнаменований смерти. Очень это любит. Я никогда не говорю плохо о моих коллегах. — Профессор умолкла, и ноздри у нее побелели. Справившись с собой, она продолжала: — Прорицание — самая неточная ветвь магических знаний. Не стану от вас скрывать, я к ней отношусь недостаточно терпимо. Настоящие ясновидцы чрезвычайно редки, и профессор Трелони…

МакГонагалл опять умолкла и затем обратилась к Гарри своим обычным деловым тоном:

— Вы прекрасно выглядите, Поттер. Так что не

будьте на меня в обиде, если я не освобожу вас от домашнего задания. Но не сомневайтесь, в случае смерти выполнять его не обязательно.

Гермиона рассмеялась. Гарри стало легче дышать. Не так страшно бояться предсказания ча¬инок в красноватом свете и дурманящем аромате чайной комнаты. Другое дело — осознанный страх среди бела дня. Но не всех успокоили слова профессора МакГонагалл. Рон сидел как на иголках, а Лаванда вдруг сказала:

— Но ведь Невилл все-таки разбил чашку! Как это объяснить?

Урок трансфигурации окончился, и гриффиндорцы вместе со всей голодной публикой устремились в Большой зал.

— Да успокойся ты, Рон. — Гермиона придвинула ему большую миску с рагу. — Ты же слышал, что сказала профессор МакГонагалл.

Рон положил себе в тарелку рагу, взял вилку, но есть не стал.

— Гарри, — сказал он тихим серьезным голосом, — а тебе не случалось видеть где — нибудь большого черного пса?

— Случалось, — кивнул Гарри. — Я его видел тем вечером, когда убежал от Дурслей.

У Рона выпала вилка из рук

— Наверное, какая-нибудь бродячая собака, — пожала плечами Гермиона.

Рон взглянул на нее, как на спятившую.

— Гермиона, — сказал он, — если Гарри видел Грима, это… это очень плохо. Мой дядя Билиус однажды увидел его и спустя сутки умер.

— Совпадение, — отмахнулась Гермиона, наливая себе тыквенного сока.

— Ты просто не знаешь, о чем говоришь, — начал сердиться Рон. — Большинство волшебников умирает от страха, увидев Грима.

— Вот-вот. Именно от страха, — задрав нос, проговорила Гермиона. — Грим не предзнаменование смерти, а ее причина. И Гарри сейчас с нами именно потому, что он не такой дурак увидел черного пса и не помер.

Рон что-то беззвучно прошептал, глядя на Гермиону. А Гермиона вынула новенький учебник по нумерологии, раскрыла и поставила на стол, прислонив к кувшину с тыквенным соком.

— По-моему, прорицание — довольно путаный предмет, нет в нем ясности, — сказала она, ища заданную страницу. — Сплошное гадание.

— С Гримом в той чашке все было ясно, — отстаивал свое Рон.

— Но на уроке ты не был так в этом уверен. Сам

сказал Гарри: не то бегемот, не то овца.

— Профессор Трелони сказала, что у тебя слабая аура! Просто тебе неприятно, что и ты иногда можешь сморозить глупость.

Последние слова Гермиону явно задели. Она захлопнула учебник и так швырнула его на стол, что мясо и морковь из тарелки разлетелись во все стороны.

— Если на уроках прорицания надо притворяться, что видишь в чаинках предзнаменования, так я лучше совсем перестану на них ходить. И никто не будет меня упрекать, что я сморозила глупость. Этот урок — просто чушь по сравнению с моей любимой нумерологией.

Гермиона схватила сумку и гордо удалилась.

* * *

Было приятно после обеда выйти на свежий воздух. После вчерашнего дождя небо ясное, бледно-серое, влажная трава пружинит под ногами. Друзья шли на свой первый урок по уходу за магическими существами.

Рон и Гермиона друг с другом не разговаривали. Гарри тоже молчал. Шли через луг, спускающийся к Запретному лесу, где на опушке стояла хижина Хагрида. Впереди замаячили три слишком хоро-

шо знакомые спины, значит, предстоящие два урока они будут заниматься со слизеринцами. Малфой о чем — то вдохновенно разглагольствовал, а Крэбб и Гойл похохатывали. Гарри не сомневался, что знает, о чем у них идет речь.

Лесничий ожидал учеников перед дверью хижины. Он стоял в своей кротовой шубе, сзади него — охотничий пес Клык. Весь его вид выражал нетерпение — ведь это был первый в его жизни урок.

— Скорее идемте! — закричал он, когда ученики подошли метров на десять. — Какой урок я для вас приготовил! Сейчас увидите. Все за мной, вперед!

На какой-то миг Гарри подумал с содроганием, что Хагрид ведет их в Запретный лес. Прогулки по этому лесу были для него столь тяжким испытанием, что он до конца дней их не забудет. Но Хагрид повел их вдоль опушки, и скоро они оказались у ограды просторного загона. В нем никого не было.

— Прошу всех встать вдоль изгороди! — распорядился Хагрид. — Чтобы всем… э-э… было хорошо видно. А теперь первым делом откройте книжки…

— Что-о? — изумился Малфой. — Как это от-

кройте?

— А? — не понял Хагрид.

— Как мы будем их открывать? — членораздельно повторил Малфой.

Он вынул свой учебник, который был крепко — накрепко перевязан длинной веревкой. Все остальные тоже достали опасные книжки. Одни, как Гарри, стянули свою ремнем, многие засунули в тесную папку с молнией, кто-то усмирил огромными скрепками.

— Кто-нибудь… э-э… может открыть? — спросил Хагрид упавшим голосом.

Весь класс отрицательно замотал головами.

— Это совсем просто… Надо только ее погладить. — Хагрид говорил так, точно речь шла о самой естественной вещи.

Он взял у Гермионы учебник и содрал с него широкую клейкую ленту. Учебник тотчас клацнул страницами, нацелясь откусить Хагриду палец, но лесничий огромным указательным пальцем успел погладить его корешок Книга вздрогнула, раскрылась и послушно легла на его широкую ладонь.

— Ах, какие мы все глупые! — насмешливо воскликнул Малфой. — Оказывается, всего только надо погладить! А мы и не знали!

— Я… я… думал, они такие милые, — неуверенно сказал Хагрид, взглянув на Гермиону.

— Просто милашки! — издевался Малфой. — Хороша шутка, рекомендовать учебник, готовый оттяпать руку.

— Заткнись, Малфой, — тихо сказал Гарри. У Хагрида был такой несчастный вид, а Гарри очень хотелось, Чтобы его первый урок прошел как нельзя лучше.

— Ну… ну вот… — Хагрид, очевидно, потерял нить дальнейших действий. — Теперь у вас… это, значит… есть учебники. Но главное — волшебные существа. Пойду сейчас приведу. Подождите…

Лесничий пошел в лес и скоро скрылся за деревьями.

— Ну и ну! — воскликнул Малфой. — Школа летит ко всем чертям! Этот олух будет нас учить! Я расскажу отцу, его удар хватит!

— Заткнись, — повторил Гарри.

— Потише, Поттер. Сзади тебя дементор!

— Ой-ой-ой! — взвизгнула Лаванда, махнув в сторону дальнего конца загона.

Оттуда к ним галопом приближалось около дюжины самых странных существ. Ничего подобного Гарри в жизни не видел. Туловище, задние ноги и хвост коня, передние лапы, крылья и го-

лова — орлиные; сильный стального цвета клюв и огромные блестящие, как апельсины, глаза. Когти на передних лапах величиной в треть метра — настоящее орудие убийства. На каждом животном кожаный ошейник, вместо поводка — длинная цепь. Концы поводков крепко зажаты в огромных ручищах Хагрида, который рысью следует за «волшебными существами».

— Но! Но! Вперед! — оглушительно кричал Хагрид, гремя цепями и направляя упряжку к изгороди, за которой стояли ученики.

Подъехав ближе, Хагрид привязал зверей к частоколу, ученики опасливо попятились.

— Знакомьтесь! Гиппогрифы! — восторженно махал рукой лесничий. — Красавцы, а!

Гарри мог, в общем, его понять. Изумление при виде коней — орлов быстро сменилось восхищением, вызванным их изяществом и игрой красок. Одетые перьями голова и холка плавно переходили в лоснящийся торс. И все они были разные — сизые, рыжие, красные, каштановые и аспидно — вороные.

— Ну как? — Хагрид потер ручищи одну о другую. Лицо его сияло восторгом. — Если хотите, можете подойти ближе.

Желающих, кроме Гарри и Рона с Гермионой,

не нашлось. Друзья осторожно приблизились к изгороди.

— Перво — наперво запомните, — сказал Хагрид. — Это зверь гордый. Никогда ему не грубите. Не то и с белым светом проститься недолго.

Малфой, Крэбб и Гойл не слушали: они о чем-то шептались. Наверняка готовятся сорвать урок, с тревогой подумал Гарри.

— Гиппогриф все делает по своему хотению и очень любит блюсти церемонию, — продолжал Хагрид. — Подойдешь к нему, поклонись. И жди. Он в ответ поклонится, можешь его погладить. Если на поклон не ответит, не тронь и скорее отойди подальше: когти у него как сталь. Кто первый хочет познакомиться?

Ученики еще на шаг отступили от изгороди. Даже трое друзей не горели желанием пообщаться с крылатыми красавчиками. Гиппогрифы вскидывали свирепые морды и шевелили могучими крыльями. Им, похоже, не очень нравилось сидеть на цепи.

— Никто не хочет? — умоляющим голосом спросил лесничий.

— Я хочу, — решился Гарри.

Сзади кто-то взволнованно задышал, и Лаванда с Парвати прошептали в один голос:

— Не делай этого, Гарри. Вспомни про чаинки!

Гарри как будто не слышал и перемахнул через изгородь.

— Молодец, Гарри! — кричал Хагрид, — Я уверен, ты с Клювокрылом поладишь!

Он отвязал сизого гиппогрифа и снял с него ошейник Школьники по другую сторону забора затаили дыхание, Малфой злобно прищурился.

— Спокойно, Гарри, — громыхал Хагрид. — Гляди ему прямо в глаза, называется «глазной контакт». Старайся не моргать. Гиппогрифы не верят тому, кто часто моргает.

И конечно, глаза у Гарри тут же стали слезиться. Но он все равно держал их широко открытыми. Клювокрыл повернул огромную с тяжелым клювом голову и воззрился на Гарри немигающим оранжевым глазом.

— Хорошо, Гарри, хорошо, — говорил Хагрид. — Теперь кланяйся.

Гарри не очень — то хотел подставлять шею грозному клюву гиппогрифа, но сделал, как было велено. Быстро поклонился и опять взглянул на полузверя-полуптицу.

Гиппогриф не шевельнулся, продолжая высокомерно глядеть на мальчика.

— Гарри! — забеспокоился Хагрид. — Ступай

назад, скорее, но не резко…

И тут, к великому удивлению Гарри, гиппогриф согнул чешуйчатые колени передних лап и безо всякого сомнения отвесил поклон.

— Здорово, Гарри! — ликовал Хагрид. — Теперь можешь подойти к нему, погладить клюв!

Для Гарри, конечно, лучшей наградой было бы разрешение покинуть загон, но делать нечего, он медленно подошел к гиппогрифу, протянул руку и несколько раз погладил его по клюву. Гиппогриф лениво зажмурился и даже как будто улыбнулся от удовольствия.

Все захлопали, кроме Малфоя и его дружков, вид у которых был явно разочарованный.

— Молодчина, Гарри. Думаю, он тебя покатает!

Ну уж это, пожалуй, слишком! Такого уговора не было. Гарри привык летать на метле. А между гиппогрифом и метлой большая разница.

— Лезь сюда, между крыльев. Смотри не дергай за перья, он это не любит.

Гарри поставил ногу на крыло и вскочил гиппогрифу на спину. Птица — зверь выпрямилась. Гарри не знал, за что держать, — вокруг были одни перья.

— Вперед! — приказал Хагрид, хлопнув Клювокрыла повыше хвоста.

Клювокрыл, не подав знака, раскрыл четырехметровые крылья, Гарри едва успел ухватиться за шею и взмыл в небо. Да, с метлой ничего общего. И Гарри знал, чему отдает предпочтение. По обе стороны бились два огромных крыла, задевая колени, казалось, гиппогриф вот-вот его сбросит. Точно покрытые лаком, перья скользили из — под пальцев, а сильней вцепиться опасно. Как все-таки славно летать на «Нимбусе–2000», точно паришь в воздухе. А здесь бросает то вверх, то вниз вместе с крупом, в такт взмахам крыльев.

Клювокрыл облетел загон и пошел на посадку — этого Гарри боялся больше всего. Гиппогриф резко нагнул гладкую, как шелк, шею, и Гарри чуть не перелетел через клюв, хорошо, что успел откинуться назад. В тот же миг раздался крепкий удар о землю разномастных передних и задних ног. Гарри сумел удержаться на крупе и выпрямился, как в седле.

— Ты великий наездник, Гарри! — восхищался Хагрид. — Кто еще хочет?

Гарри приветствовали как победителя все, кроме ненавидящей его троицы. И всем тоже захотелось полетать на удивительных чудищах.

Перелезли через забор, Хагрид отвязал гиппогрифов, и скоро весь загон представлял собой

удивительное зрелище — мальчишки и девчонки, немного побаиваясь, кланялись, пестрые чудища приседали, Невиллу несколько раз пришлось бежать от своего крылатого партнера, не желавшего отвесить поклон. Рон с Гермионой облюбовали гиппогрифа каштановой масти, Гарри стоял поодаль и смотрел.

Малфой с приятелями тоже решили прокатиться. Выбор их пал на Клювокрыла. Клювокрыл любезно поклонился Малфою в ответ на приветствие, и Малфой стал гладить его клюв, не проявляя особого почтения.

— Это совсем просто, — говорил он, растягивая слова, но так, чтобы слышал Гарри. — Я в этом не сомневаюсь. Раз даже Поттер справился… Держу пари, — обратился он к гиппогрифу, — ты ничуть не опасен! Ты глупый, огромный, уродливый зверь.

В какую — то долю секунды сверкнули стальные когти, и Малфой издал душераздирающий крик Хагрид бросился к Клювокрылу, не без борьбы надел на него ошейник, а тот так и рвался у него из рук нанести обидчику еще удар. Малфой, скорчившись, лежал на траве, мантию расцвечивали ярко — красные пятна крови.

— Я умираю! — громко стонал Малфой, окру-

женный испуганными одноклассниками. — Да, умираю! Видите, он меня убил!

— Не умираешь! — сказал бледный как полотно Хагрид. — Помогите мне кто-нибудь. Его надо унести отсюда.

Гермиона бросилась открывать ворота паддока. Хагрид как пушинку поднял Малфоя, Гарри успел увидеть у него на руке длинный глубокий порез, из раны на траву лилась кровь. Хагрид со всех ног бежал к главному входу.

Потрясенные ученики медленно возвращались в замок. Слизеринцы ругали Хагрида.

— Его надо немедленно выгнать! — кричала Пэнси Паркинсон, заливаясь слезами.

— Малфой сам виноват! — вступился за Хагрида Дин Томас.

Крэбб с Гойлом угрожающе заиграли муску¬лами.

Всей группой поднялись по каменным ступеням в пустой холл.

— Пойду узнаю, как он там, — сказала Пэнси и побежала вверх по мраморной лестнице.

Остальные слизеринцы пошли вниз к себе в гостиную, не переставая честить Хагрида. Гарри и Рон с Гермионой поспешили к себе в башню.

— Как вы думаете, с ним все будет в порядке? —

Гермиона была очень встревожена.

— Конечно, Мадам Помфри в одну секунду справится с такой раной, — сказал Гарри.

В прошлом году она сотворила чудо, поставив Гарри на ноги после заклинания профессора Локонса.

— Все-таки лучше бы этого не случилось во время первого урока Хагрида. — Рон был явно обеспокоен. — Вот увидите, Малфой раздует из этого историю.

Они первые пришли на обед в Большой зал, надеясь увидеть Хагрида, но его там не было.

— Неужели его за это выгонят? — Гермиона даже не притронулась к пирогу с говядиной и почками.

— Наверное, нет. — Рон тоже ничего не ел.

Гарри следил, что делается за столом слизеринцев. Несколько человек во главе с Крэббом и Гойлом о чем-то шушукались — наверняка сочиняют свою версию произошедшего на уроке Хагрида.

— Во всяком случае, скучным первый день занятий не назовешь, — подвел Рон мрачный итог знакомству с гиппогрифами.

После обеда отправились в гостиную готовить домашнее задание для профессора МакГонагалл.

Но работа не шла, все трое то и дело отрывались и шли к окну.

— У Хагрида зажегся свет, — вдруг сказал Гарри.

Рон взглянул на часы.

— Если поторопимся, — сказал Рон, — можем пойти повидать его. Еще совсем рано.

— Не знаю, — протянула Гермиона и поглядела на Гарри.

— Мне никто не запрещал ходить по территории школы, — сказал Гарри, поняв ее взгляд. — Сириус Блэк ведь не сможет преодолеть заслон из дементоров.

И компания, отложив в сторону учебники, вышла через портретный проем и двинулась в сторону холла. К счастью, никто по дороге не встретился — они ведь не были совсем уж уверены, что поступают правильно.

Трава была еще влажная и в густеющих сумерках казалась черной. Подойдя к двери хижины, они постучали. Голос внутри прохрипел: «Войдите!»

Хагрид сидел в рубахе с короткими рукавами за чисто выскобленным столом, охотничй пес Клык стоял рядом, положив морду ему на колени. Им хватило одного взгляда, чтобы понять — Хагрид

пьян. На столе перед ним красовался огромный кувшин, величиной с доброе ведро. Глаза разбегались, казалось, он никак не может поймать гостей в фокус.

— Поставил… э-э… рекорд, — севшим басом произнес он, узнав троих друзей. — Уч…учительствовал всего, один день…

— Тебя еще никто не увольнял, Хагрид! — поспешила сказать Гермиона.

— Пока не увольнял. — Хагрид в полном расстройстве чувств отхлебнул из кувшина хороший глоток. — За немногим стало… Полегчает Малфою…

— Как он? — спросил Рон, когда все уселись. — Рана, по-моему, несерьезная.

— Мадам Помфри сделала что надо… лучшим образом. А он все голосил, помираю, мол, лежит весь в бинтах, стонет… — уныло покачал головой лесничий.

— Притворяется, — сказал Гарри. — Мадам Помфри может вылечить что угодно. Она в прошлом году вырастила во мне половину костей. Малфой уж постарается, раздует из мухи слона.

— Школьному начальству наверняка сообщили… — горевал Хагрид. — Они скажут, не с того начал. Рано гиппогрифов — то… Лучше бы

флоббер — черви… или еще кто… Хотелось как лучше… первый урок все же… Моя ошибка…

— Ничего подобного. Малфой сам виноват, — твердо сказала Гермиона.

— Мы будем свидетелями, — прибавил Гарри. — Ты сказал, если гиппогрифа оскорбить, он набросится. А Малфой в это время не слушал. Кто в этом виноват! Мы расскажем Дамблдору, как все было.

— Конечно, расскажем. Так что ты не волнуйся! — присоединился к друзьям Рон.

Из черных, как агат, глаз Хагрида покатились слезы. Он схватил Гарри с Роном и сжал их в стальных объятиях.

— Я думаю, Хагрид, — не допускающим возражения тоном сказала Гермиона, — больше тебе пить нельзя.

Взяла со стола кувшин и вышла из комнаты.

— Наверное, она права, — прохрипел Хагрид, отпустив Рона и Гарри, которые, пошатываясь, стали растирать ребра. Лесничий вылез из своего кресла и нетвердой походкой последовал за Гермионой. Снаружи раздался громкий всплеск.

— Что он там делает? — занервничал Рон.

— Сунул голову в бочку с водой, — сказала вернувшаяся с пустым кувшином Гермиона.

Хагрид вернулся, с длинных волос и бороды текли ручьи, смывая слезы, которые все еще текли у него из глаз.

— Так-то оно лучше, — сказал он и затряс головой, как намокшая собака, окатив всех троих брызгами. — Хорошо, что пришли ко мне, я, правда…

Хагрид вдруг осекся и уставился на Гарри, как будто только сейчас до него дошло, что у него в хижине Гарри.

— Что вы себе такое позволяете! — прогремел он, так что все трое подпрыгнули. — Тебе, Гарри, запрещено, как стемнеет, выходить из замка! А вы двое! Как смели его с собой взять!

Хагрид подскочил к Гарри, схватил за руку и потащил к двери.

— Идем! — сказал он сердито. — Я тебя… э-э… отведу… И чтоб больше никогда не ходил… э-э… ко мне… по ночам. Я того не стою…

Глава 7

БОГГАРТ В ШКАФУ

До четверга Малфой на уроках не появлялся. Утром в четверг у слизеринцев и гриффиндорцев было подряд два урока зельеварения. Малфой явился на второй с видом героя, раненного в жестокой битве: рука забинтована и на перевязи.

— Как рука, Драко? — нарочито заботливо спросила Пэнси Паркинсон. — Болит?

— Болит, — насупился Малфой, подмигнув за спиной Пэнси верным телохранителям Крэббу и Гойлу.

— Садитесь скорее, — бросил как бы между прочим Снегг.

Гарри и Рон хмуро переглянулись: явись они с таким опозданием, Снегг оставил бы их после уроков. А Малфою все сходит с рук, ведь Снегг декан у Слизерина и своим прощает все.

Проходили новое зелье, уменьшающее. Малфой поставил котел на огонь рядом с котлами Гарри и Рона и уселся за стол напротив них.

— Сэр, — обратился он к Снеггу, — у меня болит рука, я не могу нарезать коренья маргаритки.

— Уизли, нарежьте Малфою, — не взглянув на Рона, приказал Снегг.

Рон покраснел до ушей.

— Врешь ты все, ничего у тебя не болит! — прошипел он.

Малфой самодовольно ухмыльнулся.

— Слышал, что сказал профессор Снегг? Давай режь.

Рон схватил нож, подвинул коренья к себе и наскоро порубил на крупные неровные куски.

— Профессор, — пожаловался Малфой, — Уизли кое-как их нарезал.

Снегг подошел, свесил над ними длинный крючковатый нос и криво улыбнулся из-под черных, засаленных косм:

— Отдайте свои коренья Малфою, Уизли, а его возьмите себе.

— Но, сэр… — Рон целую четверть часа старательно трудился над своими кореньями.

— Сейчас же! — рявкнул Снегг.

Что оставалось делать? Рон подвинул к Малфою красиво нарезанные коренья, снова взял нож и принялся исправлять собственный брак.

— Сэр, мне не справиться с сушеной смоквой. — Малфой не скрывал в голосе злобной насмешки.

— Поттер, помогите Малфою почистить смок-

ву. — Снегг ненавидяще глянул на Гарри и отошел от их парты.

Гарри молча протянул руку за смоквой, наскоро снял с нее кожицу и швырнул обратно Малфою. Тот расплылся в улыбке.

— Как там ваш дружок Хагрид?

— Не твое дело, — отрезал Рон, не поднимая головы.

— Недолго ему осталось нас учить, — с притворной жалостью вздохнул Малфой. — Папа так беспокоится за меня. Рука-то все не заживает…

— Заткнись, Малфой, а то тебе правда не поздоровится! — прорычал Рон.

Но Малфой как не слышал:

— Он пожаловался попечительскому совету. И в Министерство магии. У него там большие связи, они для него все сделают. Ведь как знать, — опять притворно вздохнул он, — может, я на всю жизнь останусь калекой.

— Так вот зачем этот маскарад! Ты хочешь, чтобы Хагрида выгнали. — У Гарри от гнева дрогнула рука, и он случайно отрезал голову сушеной гусеницы.

— И за этим, Поттер, и еще кое за чем, — прошептал Малфой. — Уизли, порежь — ка мне гусениц.

Профессор Снегг тем временем накинулся на Невилла Долгопупса. Ему всегда доставалось на уроках зельеварения. Он ненавидел этот предмет, очень боялся Снегга и от страха всегда все путал. Зелье, которому по рецепту полагалось быть ядовито — зеленым, у Невилла получилось…

— Оранжевое, Долгопупс! — Снегг на глазах всего класса зачерпнул немного зелья, высоко поднял черпак и опрокинул обратно в котел. — Оранжевое! У вас в одно ухо влетает, в другое — вылетает. Я ведь яснее ясного сказал: одна крысиная селезенка! Две капли пиявочного сока! Когда вы, наконец, станете слушать, что вам говорят?

Невилл покраснел, задрожал от страха, казалось, вот-вот заплачет.

— Сэр, — вмешалась Гермиона, — позвольте, я помогу Невиллу исправить зелье.

— По-моему, я вас не спрашивал, мисс Грэйнджер, и нечего выскакивать. — Снегг напустился на Гермиону, и она тоже залилась краской. — В конце урока, Долгопупс, мы дадим отведать это зелье вашей жабе. Может, тогда вы поумнеете. — И Снегг отправился дальше.

У Невилла от ужаса сперло дыхание, он обернулся к Гермионе и простонал:

— Гермиона, помоги.

Симус Финниган попросил у Гарри латунные весы.

— Гарри, слышал, что пишут в «Пророке»? Сириуса Блэка видели, — с тревогой сообщил он.

— Где? — Гарри с Роном широко раскрыли глаза. Малфой тоже навострил уши.

— Совсем недалеко отсюда. Его видела одна магла. Она, конечно, приняла его за обычного преступника и позвонила в полицию. Когда из Министерства магии примчались, Блэка и след простыл.

— Значит, недалеко… — повторил Рон, многозначительно взглянув на Гарри. И, заметив, что Малфой подслушивает, прибавил: — Чего тебе? Еще что-нибудь нарезать?

Малфой сощурил глаза и подался вперед.

— Что, Поттер, хочешь сам поймать Блэка?

— Конечно, — отмахнулся Гарри.

Тонкие губы Малфоя скривились в усмешке, и он шепотом продолжал:

— Будь я на твоем месте, я уж давно бы его нашел. Не стал бы строить из себя паиньку.

— Отвяжись, Малфой! — вскипел Рон.

— А ты что, Поттер, разве не знаешь? — Малфой сузил белесые глаза.

— Чего не знаю? Малфой ехидно засмеялся.

— Ты просто струсил! Надеешься, что его поймают дементоры? А я бы на твоем месте отомстил. Сам бы его выследил.

— О чем это ты? — нахмурился Гарри. Перепалку прекратил голос Снегга:

— У вас в котлах все необходимые вещества. Пусть зелье покипит, а вы пока уберите со столов. В конце урока проверим раствор Долгопупса…

Невилл лихорадочно размешивал зелье, даже вспотел. Глядя на него, Крэбб с Гойлом на весь класс расхохотались. Гермиона украдкой шептала Невиллу, что делать. Гарри с Роном убрали со стола коренья, гусениц и пошли мыть черпаки под струями фонтана в углу класса.

— Что такое нес Малфой? — спросил Гарри Рона, подставив руки под ледяную струю, льющуюся из пасти каменной гаргульи. — За что мне мстить Блэку? Он мне пока ничего плохого не сделал.

— Это он нарочно, подначивает тебя. Хочет, чтоб ты сделал какую-нибудь глупость.

Перед самым концом урока Снегг подошел к Невиллу. Невилл все еще сидел на корточках у котла.

— Идите все сюда, — позвал Снегг, поблескивая

глазами. — Поглядим, что будет с жабой Долгопупса. Правильно сваренное зелье превратит ее в головастика. Если же Долгопупс испортил варево — а я в этом не сомневаюсь, — его жаба сдохнет.

Гриффиндорцы с опаской ждали, что будет. Слизеринцы ликовали. Снегг взял Тревора, зачерпнул ложечкой каплю зелья — оно было теперь зеленое — и влил жабе в рот.

Воцарилась мертвая тишина. Тревор сглотнул — хлоп! — превратился в головастика и завертелся у Снегга на ладони

Гриффиндорцы захлопали. Снегг с кислой миной вытащил из кармана пузырек, капнул на Тревора какой-то жидкости, и головастик снова стал жабой.

— Минус пять очков Гриффиндору, — объявил Снегг, и улыбки с лиц гриффиндорцев исчезли. — Помнится, мисс Грэйнджер, я запретил помогать Долгопупсу. Урок окончен.

Гарри и Рон с Гермионой вышли из класса. Поднимаясь по лестнице в холл, Гарри думал о словах Малфоя. А Рон все еще кипел от гнева:

— Отнять у нас пять баллов за прекрасное зелье! Почему ты, Гермиона, промолчала? Сказала бы, что Невилл сам его сварил. Подумаешь, один бы раз соврала!

Гермиона не ответила, и Рон обернулся.

— А где Гермиона?

Друзья остановились. Мимо шли на обед гриффиндорцы, слизеринцы и ученики других факультетов. Гермиона как сквозь землю прова¬лилась.

— Она ведь шла с нами, — нахмурился Рон.

В сопровождении Крэбба и Гойла прошествовал Малфой. Поравнявшись с Гарри, он презрительно ухмыльнулся.

— Вон она, — увидел ее Гарри на нижней площадке сзади.

Гермиона, отдуваясь, поднималась по лестнице, неся в одной руке набитый учебниками портфель, другой придерживала под мантией еще какую — то ношу.

— Как это ты сумела? — удивился Рон.

— Что? — спросила Гермиона.

— Только что была рядом, и вдруг опять внизу.

Гермиона смутилась.

— Я… м-м… забыла кое — что в классе. Ай! — Портфель Гермионы лопнул по шву, и все книги вывалились.

Как портфелю не порваться, подумал Гарри, от таких тяжеленных книг.

— Зачем ты таскаешь с собой столько учебни-

ков? — удивился Рон.

— У меня ведь уроков больше, чем у вас, — тяжело дыша, объяснила Гермиона. — Подержи, пожалуйста.

— Но у нас нет сегодня этих уроков. — Рон вертел книги в руках и читал названия. — После обеда только защита от темных искусств.

— Верно, — согласилась Гермиона, снова набила сумку учебниками и как ни в чем не бывало добавила: — Интересно, что у нас на обед? Умираю от голода!

С этими словами Гермиона бодро зашагала в Большой зал.

— Тебе не кажется, что она что-то от нас скрывает? — заметил Рон.

После обеда был первый в этом году урок защиты от темных искусств. Ученики вошли в класс, расселись по местам, достали книги, пергамент, перья и в ожидании профессора перекидывались шутками. Он наконец вошел, улыбнулся и бросил на стол видавший виды портфель. Одежда на нем была та же, потрепанная и заплатанная, но выглядел он лучше, чем в поезде, как будто поздоровел после нескольких сытных обедов.

— Добрый день, — приветствовал он учеников. — Учебники можете убрать. Сегодня у нас

практическое занятие, оставьте только волшебные палочки.

С любопытством переглянувшись, ученики спрятали книги и бумагу с перьями. Практическое занятие по защите от темных искусств было у них всего один раз, они его хорошо помнили: профессор Локонс принес клетку с шалунами пикси, выпустил их, и они перевернули все в классе вверх дном.

— Ну что, готовы? — спросил Люпин. — Пойдемте со мной.

Школьники сгорали от любопытства. Вышли за профессором из класса, пошли по коридору и свернули за угол. У ближайшей двери висел в воздухе вниз головой, растопырив кривые пальцы на ногах, полтергейст Пивз и замазывал жвачкой замочную скважину.

Заметив Люпина, полтергейст задергал ногами в воздухе и заорал:

— Глупый Люпин, глупый Люпин, глупый Люпин…

Пивз был известный грубиян и дразнила, но учителей вообще-то побаивался. Ученики поглядели на Люпина, как он отнесется к выходке Пивза. Люпин улыбался.

— Я бы на твоем месте отлепил жвачку с за-

мочной скважины, Пивз, — приветливо сказал он. — Мистер Филч весьма огорчится, ведь там его щетки.

Филч, школьный завхоз со скверным характером, тоже учился когда-то в школе «Хогвартс», но волшебник из него не вышел, и Филч из зависти вечно воевал со студентами, перепадало и Пивзу. Пивз, однако, пропустил слова Люпина мимо ушей, издав губами непристойный звук.

Профессор Люпин вздохнул и вынул волшебную палочку.

— На этот случай есть одно полезное заклинание, — сказал он ученикам через плечо. — Смотрите внимательно.

Он быстро вытянул руку на уровне плеч, навел палочку на Пивза и произнес:

— *Ваддивази!*

Жвачка пулей выскочила из замочной скважины и прямо Пивзу в левую ноздрю, Пивз перекувырнулся и, бранясь, умчался прочь.

— Здорово, сэр! — в восторге воскликнул Дин Томас.

— Спасибо, Дин. — Люпин спрятал волшебную палочку. — Ну что, идем дальше?

Люпин сразу вырос во мнении учеников, и они с уважением поглядывали на него и на поношен-

ную одежду. Пройдя следующий коридор, Люпин остановился перед учительской.

— Ну вот мы и пришли. Заходите. — И он открыл дверь.

В отделанной деревянными панелями просторной учительской стояло много старых разномастных кресел. В одном из них у камина сидел профессор Снегг. Он обернулся на шум и криво улыбнулся, блеснув глазами. Профессор Люпин вошел последний и хотел было закрыть за собой дверь, но Снегг остановил его:

— Постойте, Люпин, я, пожалуй, пойду. Зрелище предстоит не из приятных.

Снегг поднялся и широким шагом прошествовал мимо учеников, его мантия развевалась, словно черный парус на ветру. В дверях он остановился, круто развернулся и с усмешкой сказал:

— Хочу вас предупредить, Люпин, в этом классе учится Невилл Долгопупс. Так вот, советую ничего ответственного ему не поручать, он не справится, если только мисс Грэйнджер не нашепчет ему на ухо, что и как делать.

Невилл покраснел. Гарри исподлобья глянул на Снегга: мало ему унижать Невилла на своих уроках, так он науськивает на него и других учителей.

Профессор Люпин удивленно поднял брови:

— А я надеялся, что именно Невилл мне сегодня поможет. Уверен, он превосходно справится с заданием.

Невилл побурел, как свекла. Снегг презрительно скривился, вышел и громко хлопнул дверью.

— Поглядите на гардероб, — сказал профессор Люпин и жестом указал на дальний конец комнаты, где стоял старый гардероб для мантий.

Люпин подошел к гардеробу, внутри что-то завозилось, и гардероб покачнулся, ручка дверцы задергалась. Ученики в переднем ряду отшат¬нулись.

— Там всего — навсего обычный боггарт, — ус¬покоил их учитель. — Так что бояться нечего.

Большинство все-таки полагало, что боггарта стоит бояться. Невилл с ужасом глядел на профессора Люпина. Симус Финниган не сводил опасливого взгляда с дверцы: только бы не открылась.

— Боггарты любят темноту, — рассказывал Люпин. — И чаще всего прячутся в гардеробе, под кроватью, в ящике под умывальником, одного я нашел в футляре напольных часов. Этот появился здесь только вчера. Я попросил директора оставить его для нашего сегодняшнего урока. Кто

ответит, что такое боггарт?

Гермиона подняла руку.

— Боггарт — это привидение, которое меняет свой вид. Он превращается в то, чего человек больше всего боится.

— Замечательно, даже я не ответил бы точнее, — похвалил Гермиону Люпин, и та зарделась. — Так вот, боггарт в гардеробе еще ни на что не похож. Он не знает, кого и чем станет пугать. Как он выглядит, неизвестно, но стоит его выпустить, он тут же станет тем, чего мы боимся больше всего на свете.

Невилл дико вытаращил глаза и что-то забормотал.

— А это значит, — продолжал профессор, не обращая на Невилла внимания, — что у нас перед боггартом огромное преимущество. Можешь сказать, Гарри, какое?

Гермиона вскинула руку и даже на мыски приподнялась, чтобы ее вызвали. Это сбивало с толку, но Гарри все же решился ответить:

— Ну-у… нас здесь много. Гермиона огорченно опустила руку.

— Правильно, — сказал Люпин. — Поэтому с боггартом лучше сражаться вдвоем, втроем, вообще, чем вас больше, тем лучше. Он сразу теряется,

не может выбрать, в кого ему превратиться. В безголового мертвеца или огромного плотоядного слизняка? Однажды боггарт на моих глазах хотел напугать сразу двоих и превратился в половинку слизняка. Вот смеху — то было! Заклинание против боггарта простое, нужно только одно: хорошенько сосредоточиться. Лучшее оружие против него — смех. Превратите его во что-нибудь смешное и рассмейтесь, он тут же исчезнет. Сперва поучим заклинание без волшебных палочек Повторяйте за мной: *ридикулус!*

— *Ридикулус!* — хором воскликнули ученики.

— Замечательно! Но это самая легкая часть. Волшебное слово само по себе вам не поможет. Тут — то как раз мне и понадобится, Невилл, твоя помощь. Подойди сюда.

Гардероб снова задрожал, Невилла затрясло от ужаса. К гардеробу он шел, как на эшафот.

— Встань вот здесь. Скажи, чего ты боишься больше всего на свете?

Невилл невнятно что-то пробормотал.

— Что ты сказал, Невилл? Я не расслышал. Невилл умоляюще оглянулся в сторону товарищей и шепотом произнес:

— Профессора Снегга.

Все дружно засмеялись. Невилл виновато улыб-

нулся. Профессор Люпин задумался.

— Так-так… профессора Снегга… ты ведь, Невилл, кажется, живешь у бабушки?

— Д-да. Только я не хочу, чтобы боггарт обернулся моей бабушкой.

— Нет, нет, я тоже этого не хочу, — улыбнулся профессор Люпин. — Скажи, во что обычно одета твоя бабушка?

Невилл удивился, но ответил:

— Ну… всегда одна и та же высокая шляпа, на ней чучело грифа. Длинное платье, зеленое… иногда лисий палантин…

— И конечно, сумочка, — подсказал профессор.

— Да, большая красная.

— А теперь постарайся как можно ярче вообразить себе все, что носит бабушка. Вообразил?

— Да-а, — неуверенно ответил Невилл: что-то будет дальше?

— Боггарт выскочит из гардероба, увидит тебя и превратится в профессора Снегга. Ты нацелишь на него волшебную палочку, представишь себе бабушкину одежду и громко скажешь: *«Ридикулус!»* Страшный профессор вырядится в шляпу с чучелом грифа, зеленое платье и в руке у него будет красная дамская сумочка.

Гриффиндорцы дружно захохотали. Гардероб

заходил ходуном.

— Если у Невилла получится, боггарт станет пугать всех по очереди, — сказал Люпин. — Вспомните теперь, чего вы больше всего боитесь, и придумайте, как страшилище превратить в посмешище.

Все притихли.

«Чего я больше всего на свете боюсь? — задумался Гарри. — Волан-де-Морта, вернувшего себе былое могущество?»

И стал перебирать в голове, как лучше его высмеять. И тут в памяти всплыло…

Из — под черного плаща высовывается рука… из-под капюшона вырывается хриплое протяжное дыхание… пронизывающий холод словно засасывает в трясину…

Гарри содрогнулся и посмотрел кругом: не заметил ли кто? Весь класс, зажмурившись, воображал самое — самое ужасное. Рон буркнул: «Оторвать ему ноги…» Рон, конечно, думает о пауках: он их боится до смерти.

— Ну что, придумали? — спросил Люпин. Гарри вдруг стало страшно. Он еще ничего не придумал. Да и что придумаешь против дементора? Но стыдно просить еще минуту, все уже кивали и закатывали рукава.

— Невилл, мы немного отойдем, чтобы тебе было свободней действовать. Потом я вызову следующего, — сказал Люпин. — Все назад, не мешайте Невиллу.

Ученики попятились и прижались к стене. Невилл остался у гардероба один — одинешенек. Он побледнел от страха, но закатал рукава и крепко сжал палочку.

— Начнешь, Невилл, на счет «три». — Профессор Люпин нацелил палочку на дверь гардероба. — Раз, два, три!

Из волшебной палочки вырвалась струя искр и ударила в ручку двери. Гардероб распахнулся, из него прямо на Невилла, сверкая глазами, нос крючком, шагнул как живой профессор Снегг.

Невилл отшатнулся, но волшебной палочки не опустил, шепча заклинание одними губами. А Снегг все надвигался, тянул к Невиллу руки, вот-вот схватит.

— Ри — ри-ридикулус! — взвизгнул Невилл.

Раздался щелчок, и Снегг покачнулся. На нем красовалось длинное, отделанное кружевами платье, на голове огромная шляпа, увенчанная грифом, основательно побитым молью, на руке вместительная дамская сумка.

Все так и покатились со смеху. Боггарт расте-

рялся и замер как вкопанный.

— Парвати, теперь вы! — крикнул профессор Люпин.

Парвати уверенно вышла вперед. Снегг двинулся на нее. Щелчок — и вместо него появилась обвитая пеленами в кровавых пятнах мумия. Она слепо уставилась на Парвати, вытянула руки и, медленно волоча ноги, поплелась к девочке…

— *Ридикулус!*

Путы на ногах мумии развились, заплели ноги, и мумия ничком грохнулась на пол, голова оторвалась и покатилась по полу.

— Симус, — вызвал Люпин.

Симус стрелой выскочил к привидению.

Щелчок — и вместо мумии появилась банши, костлявая ведьма — привидение с длинными, до пола, волосами и зеленым лицом — вестница смерти. Она широко раскрыла рот, и комната огласилась пронзительным воплем, от которого волосы на голове у Гарри встали дыбом.

— *Ридикулус!* — крикнул Симус.

Банши захрипела, схватилась за горло: совсем пропал голос.

Щелчок — вместо нее крыса гонится за своим хвостом. Еще щелчок — и мышь обернулась гремучей змеёй, извивалась, извивалась и вдруг

превратилась в окровавленный глаз.

— Смотрите, он растерялся! — крикнул профессор Люпин. — Скоро совсем сгинет. Дин, ваша очередь!

Дин выбежал к боггарту. Щелчок — на полу запрыгала оторванная рука и по — крабьи поползла к Дину.

— *Ридикулус!* — заорал Дин.

Хлоп — руку захлопнула мышеловка.

— Браво, Дин! Теперь Рон.

Рон выскочил на середину комнаты.

Щелк! Огромный, ростом выше взрослого человека, косматый паук, угрожающе клацая жвалами, пошел на Рона. кто-то взвизгнул, Рон на мгновение оцепенел и вдруг как взревет:

— *Ридикулус!*

И ног у паука как не бывало, он покатился к Лаванде Браун. Та, пискнув, отскочила. Паук покатился к Гарри. Гарри поднял палочку…

— Позвольте мне! — крикнул вдруг профессор Люпин и встал между Гарри и пауком.

Щелчок — и безногий паук исчез. В воздухе перед учителем повис серебристый хрустальный шар. Люпин сказал спокойно: *«Ридикулус!»* — и шар, обернувшись тараканом, шлепнулся оземь.

— Идите сюда, Невилл, докончите его, — позвал

Люпин.

Щелчок превратил таракана в Снегга. Невилл — на этот раз уверенно — ринулся на боггарта.

— *Ридикулус!* — закричал он, на мгновение Снегг опять предстал перед классом в длинном платье, Невилл рассмеялся, боггарт лопнул, и с минуту в воздухе висели только крошечные клочки дыма. Привидение исчезло.

— Превосходно! — похвалил Невилла профессор Люпин под аплодисменты учеников. — Превосходно, Невилл! Все молодцы. Оценки: по пяти баллов каждому, кто сражался с боггартом. Невиллу — десять за два раза. И по пять баллов Гермионе и Гарри.

— Но ведь я ничего не сделал, — смутился Гарри.

— Вы с Гермионой правильно ответили на вопросы, — пояснил Люпин. — Молодцы, замечательный урок. Домашнее задание: прочитать в учебнике о боггартах, законспектировать и сдать в понедельник. Всё.

Ученики загалдели и повалили вон из учительской. Вот это да! Вот это урок! Только Гарри приуныл. Профессор Люпин не дал ему сразиться с привидением. Неужели из-за того обморока в поезде? Неужели профессор думает, что он просто

слабак? И при виде дементора снова грохнется в обморок?

Но никто, по-видимому, ничего такого не заподозрил.

— Видели, как ловко я сладил с этой ведьмой — банши! — кричал Симус.

— А я с рукой! — старался перекричать Симуса Дин.

— А Снегг — то! Снегг в шляпе с грифом! Вот потеха!

— А моя мумия!

— Интересно, почему профессор Люпин боится хрустального шара? — задумчиво произнесла Лаванда.

— Вот это урок! Лучше у нас еще не было, — сказал Рон по пути в класс, где они оставили сумки с учебниками.

— Очень хороший учитель, — одобрила Гермиона. — Только мне бы тоже хотелось сразиться с боггартом.

— Вот бы поглядеть! — хихикнул Рон. — Он наверняка обернулся бы домашней работой, за которую тебе поставили не пять, а четыре.

Глава 8

ПОБЕГ ПОЛНОЙ ДАМЫ

Третьекурсники любили уроки защиты от темных искусств. Только Драко Малфой со своей шайкой не упускали случая сказать о профессоре Люпине гадость.

— Вот так лохмотья! — громко шептал Малфой, завидев Люпина. — Точь-в-точь наш домашний эльф!

Одежда у Люпина и правда потрепана и в заплатах, зато уроки — один лучше другого. После оборотня сражались с красными колпаками. Эти свирепые карлики водились всюду, где когда-то проливалась кровь — в затканных паутиной закоулках замков, в оврагах на месте сражений, — и дубинами убивали заблудившихся путников. Потом изучали ползучих водяных. Они были вы¬литые обезьяны, только в чешуе, жили в прудах и душили перепончатыми лапами всех, кого им удавалось заманить к себе.

Самым ненавистным уроком для Гарри было зельеварение профессора Снегга. Вся школа мгновенно узнала, как боггарт предстал в виде Снегга,

одетого в платье и шляпу бабушки Невилла. Ученики и кое-кто из профессоров держались за животы от смеха, только Снегг ходил чернее тучи. При одном упоминании профессора Люпина у него мстительно загорались глаза; Невиллу на его уроках в отместку доставалось вдвойне.

Еще Гарри начал бояться уроков профессора Трелони. В освещенной камином, насыщенной благовониями комнате класс искал тайный смысл в смутных фигурах и символах. А у Трелони, стоило ей взглянуть на Гарри, огромные глаза заволакивало слезами. Он старался не замечать ее взгляда. Нет, профессор Трелони не нравилась ему, хотя многие испытывали к ней чуть ли не благоговение. Парвати Патил и Лаванда Браун то и дело бегали в башню к профессору Трелони на переменах и возвращались с таким высокомерным видом, будто они узнали что-то неведомое остальным. А случись им беседовать с Гарри, они приглушали голос, будто он уже лежал в предсмертной горячке.

Уроки ухода за магическими существами на всех наводили тоску. Хагрид после случая с Клювокрылом потерял веру в себя. Теперь урок за уроком класс занимался флоббер — червями, а существ скучнее, как известно, нет во всем мире.

— Кому надо за ними ухаживать? — ворчал Рон, второй час запихивая в слюнявую глотку червяка нарезанный лентами салат.

Наступил октябрь. Скоро начнутся матчи, и скучные уроки легче будет терпеть. В четверг вечером Оливер Вуд, капитан команды Гриффиндора, созвал игроков обсудить новую тактику.

В команде по квиддичу семь человек: три охотника, два загонщика, ловец и вратарь. Все летают на метлах. Поле для квиддича большое, на противоположных сторонах по два длинных шеста, на которых на высоте пятнадцати метров укреплены ворота — обручи. Охотники забивают в обручи голы красным, величиной с футбольный, мячом. Загонщики битами отбивают черные мячи — бладжеры, которые летают по полю и норовят сбить игроков с метел. Голкипер защищает ворота. Задача ловца самая трудная — поймать золотой снитч, крылатый мячик размером с грецкий орех. Игра кончается, когда ловец схватит снитч. Его команда получает сто пятьдесят очков и обычно выигрывает.

Команда Гриффиндора собралась в холодной раздевалке. Солнце садилось, и на поле стало темнеть. Капитан команды, Оливер Вуд, сем¬надцатилетний здоровяк — семикурсник, кончал в

этом году школу. Обращаясь сегодня к команде, он волновался чуть не до слез.

— Это наш, точнее, мой единственный шанс выиграть Кубок школы, — начал Оливер, вышагивая перед командой из угла в угол. — Я играю с вами последний сезон. Это мой последний шанс. Команда Гриффиндора проигрывала семь лет подряд. Нам не везло: были травмы, в прошлом году турнир отменили. — Вуд сглотнул, будто в горле у него все еще стоял комок после прошлогоднего разочарования. — Но наша команда самая классная во всей школе! — Взгляд его сверкнул, и он ударил кулаком в ладонь. — У нас три превосходных охотника. — Вуд поглядел на Алисию Спиннет, Анджелину Джонсон и Кэти Белл. — Два непревзойденных загонщика.

— Ну что ты, Оливер! Будет тебе! — притворно смутились Фред и Джордж

— И у нас ловец, который ни разу еще не упустил снитча! — Гордость у него в голосе прозвучала как раскат грома. Вуд помолчал и скромно добавил: — И, наконец, я.

— Ты у нас лучше всех, Оливер! — сказал Джордж.

— Обалденный вратарь! — похвалил Фред.

— Наши имена уже два года должны стоять на

Кубке. — Вуд снова замаячил туда — сюда. — Когда Гарри пришел в команду, я сказал себе: Кубок у нас в кармане. Не вышло. Но в этом году, моем последнем…

В голосе у него звучала такая горечь, что даже Фреду с Джорджем стало его жаль.

— В этом году, Оливер, Кубок наш как пить дать! — сказал Фред.

— Мы выиграем, Оливер! — заверила Анджелина.

— Можешь не сомневаться, — прибавил Гарри. Тренировались три раза в неделю с огромным воодушевлением. Дни становились короче и холоднее, зарядили дожди, но ни грязь, ни ветер, ни дождь не затмевали блестящей картины, постоянно всплывающей перед глазами Гарри, — он держит в руках литой серебряный Кубок.

После одной из тренировок продрогший, но довольный Гарри зашел в гостиную, полную возбужденных гриффиндорцев. Рон и Гермиона сидели в креслах у камина и готовили карты звездного неба для урока астрономии.

— Что стряслось? — спросил Гарри друзей.

— Видишь объявление? — Рон махнул в сторону свежего куска пергамента на древней доске объявлений. — Конец октября. Посещение Хог-

смида.

Через портретный проем вслед за Гарри вошел Фред.

— Вот здорово! — обрадовался он. — Загляну в лавку «Зонко». У меня как раз кончаются драже — вонючки.

Гарри, погрустнев, откинулся на спинку кресла.

— Не расстраивайся, пойдешь в следующий раз, — прочитала его мысли Гермиона. — Блэка скоро поймают, его ведь уже видели.

— Блэк не такой дурак, в Хогсмиде ему делать нечего. Попроси МакГонагалл, может, она разрешит тебе пойти с нами. Когда — то еще будет «следующий раз»?

— Ты что, Рон! — опешила Гермиона. — Гарри нельзя ни на шаг выходить из школы.

— Да что ему одному здесь сидеть, что ли! Давай, Гарри, обязательно попроси МакГонагалл…

— Наверное, попрошу.

Гермиона хотела было возразить, но к ней на колени прыгнул Живоглот, у него в зубах корчился большой паук.

— Он что, обязательно должен жрать его на наших глазах? — поморщился Рон.

— Умница, Глотик. — Гермиона погладила ко-

та, не обращая на Рона внимания. — Ты его сам поймал?

Живоглот принялся медленно жевать паука, не сводя желтых глаз с Рона.

— Не пускай его ко мне, — пробурчал Рон и склонился над картой. — У меня в сумке Короста.

Гарри зевнул. Сейчас бы лечь спать, а надо еще закончить карту. Он подтянул свою сумку, вынул пергамент, чернила с пером и принялся за работу.

— Можешь срисовать мою, если хочешь, — предложил Рон, пометив последнюю звезду завитушкой, и придвинул работу к Гарри.

Гермиона поджала губы: она терпеть не могла, когда списывают. Живоглот, не мигая, глядел на Рона и помахивал кончиком хвоста. Рон на миг отвернулся, кот вдруг бросился на его сумку и стал рвать когтями.

— Брысь, брысь, дурацкий кот! — завопил Рон, схватил сумку и стал бешено трясти кота, но кот намертво вцепился в нее и грозно шипел.

— Рон, ему больно, — взвизгнула Гермиона. Вся гостиная с интересом наблюдала за сражением. Рон тряс сумкой, кот держался крепко. И тут из сумки вылетела крыса Короста…

— Хватай кота! — взревел Рон.

Живоглот выпустил порванную сумку и, перепрыгнув через стол, помчался за перепуганной насмерть Коростой.

Джордж бросился ему наперерез, но опоздал. Короста стремглав прошмыгнула между множеством ног и исчезла под старым шкафом. Живоглот с ходу затормозил и запустил под шкаф переднюю лапу.

Подоспели Рон с Гермионой. Гермиона схватила кота поперек туловища и оттащила. Рон, распластавшись на полу, за хвост вытянул Коросту.

— Ты посмотри на нее! — Рон затряс крысой перед лицом Гермионы. — Кожа да кости! А твой Живоглот на нее кидается. Держи его подальше от моей крысы!

— Рон, Глотик не понимает, что это плохо, — оправдывалась Гермиона дрожащим голосом. — Все кошки охотятся за крысами.

— Это не простая кошка, — не унимался Рон, запихивая крысу в нагрудный карман. — Он понял мои слова, что Короста у меня в сумке.

— Глупости! Глотик почуял ее, как же еще он…

— Твой кот взъелся на Коросту, — не отступал Рон. Вокруг захихикали, но он ничего не слышал. — Короста появилась здесь раньше. И она

больна!

Рон повернулся на каблуках и ушел в спальню.

Назавтра Рон весь день дулся на Гермиону. На уроке травологии все трое срезали с одного цветка пузатые розовые стручки. Рон, надувшись, молчал.

— Как Короста? — робко спросила Гермиона, раскрыла стручок и вытряхнула блестящие бобы в деревянную кадку.

— Забилась под одеяло и дрожит от страха, — сердито ответил Рон, кинул бобы в кадку, промахнулся, и бобы рассыпались по полу.

— Аккуратнее, Уизли! — сказала профессор Стебль: бобы тут же лопались и превращались в цветки.

Со звонком друзья вышли из оранжереи. Следующий урок — трансфигурация профессора МакГонагалл. Гарри попросит у нее разрешения пойти в Хогсмид, но вот как лучше к ней обратиться? В конце коридора столпились возбужденные одноклассники, и Гарри на время отвлекся от своих мыслей.

Окруженная учениками, Лаванда Браун горько рыдала, а Парвати Патил, обняв подругу за плечи, что-то объясняла Симусу Финнигану и Дину Томасу, вид у них был самый серьезный.

— Что случилось, Лаванда? — встревожилась Гермиона.

— Ей утром пришло из дома письмо, — тихо ответила за подругу Парвати. — Ее кролика, Пушистика, задрала лиса.

— Бедная Лаванда, — пожалела Гермиона.

— Как же я могла забыть? — всхлипывая, корила себя Лаванда. — Ты помнишь, какое сегодня число?

— Какое?

— Шестнадцатое октября! «То, чего ты боишься, случится шестнадцатого октября». Помнишь? Она была права, так и вышло!

Вокруг Лаванды столпился весь класс. Симус сокрушенно качал головой. Гермиона, помолчав, спросила:

— Так ты… так ты все это время боялась, что Пушистика съест лиса?

— Ну… ну, не обязательно ли-лиса, — ответила Лаванда, сквозь слезы глядя на Гермиону. — Я бо-боялась, что он умрет.

— А что, Пушистик был старый?

— Не-нет, о-он был совсем еще детеныш. Парвати крепче обняла подругу.

— Тогда почему ты боялась, что он скоро умрет? Парвати метнула на Гермиону сердитый взгляд.

— Давай рассуждать логически. — Гермиона обвела весь класс взглядом. — Ведь Пушистик умер даже и не сегодня? Сегодня пришло письмо. — Лаванда разрыдалась еще громче. — Какже Лаванда могла бояться, ведь это произошло внезапно…

— Не слушай ее, Лаванда, — перебил Гермиону Рон. — Ей плевать на чужих животных.

Рон с Гермионой обменялись грозными взглядами, но тут очень кстати появилась профессор МакГонагалл. Друзья сели по разные стороны от Гарри и весь урок не проронили ни слова.

Прозвенел звонок, Гарри встал и пошел к столу МакГонагалл, но профессор сама заговорила о Хогсмиде, обратившись к классу:

— Задержитесь ненадолго. Вы все на моем факультете, поэтому сдайте мне до Хэллоуина разрешения от родителей. Не будет разрешения, не будет Хогсмида.

Невилл поднял руку:

— Профессор, я, кажется, потерял…

— Ваша бабушка, Долгопупс, послала разрешение прямо мне. Решила, что так надежнее. Все, урок окончен.

— Пойди попроси ее, — шепнул Рон.

— Гарри… — заикнулась было Гермиона.

— Ну, иди же, — подтолкнул его Рон.

Гарри подождал, пока все выйдут, и, нервно покусывая губу, подошел к МакГонагалл. Что вам, Поттер? Гарри набрал в грудь воздуха и сказал:

— Профессор, мои дядя с тетей забыли подписать разрешение.

Профессор МакГонагалл посмотрела на него поверх прямоугольных очков.

— Можно мне… как вы думаете… пойти в Хогсмид?

Профессор занялась бумагами на столе и, не глядя на Гарри, ответила:

— Боюсь, Поттер, что нет. Вы ведь слышали, что я сказала: нет разрешения, нет Хогсмида. Таково правило.

— Но… дядя и тетя, они маглы… они не понимают, зачем разрешение… и вообще… — не сдавался Гарри. Рон из-за двери отчаянно кивал в знак одобрения. — Если бы вы позволили…

— Но я не могу позволить. — МакГонагалл встала и аккуратно уложила бумаги в ящик стола. — Согласно правилам дают разрешение либо родители, либо опекун. — Она подняла глаза, в лице у нее появилось странное выражение. — Простите, Поттер, но я ничем не могу помочь. Поторопитесь, а то опоздаете на урок

На этом разговор закончился. Рон ругал Ма-

кГонагалл не переставая. Гермиона с укором смотрела на него. Выражение ее лица говорило: «Все к лучшему», и это еще больше сердило Рона. А Гарри тоскливо слушал, как однокурсники взахлеб обсуждают, что будут делать в Хогсмиде.

— Не унывай! — Рон хлопнул Гарри по плечу. — В этот день Хэллоуин, вечером в Большом зале праздничный ужин.

— Угу — мрачно кивнул Гарри: праздник праздником, но поход в Хогсмид не заменит ничто.

Все пытались утешить Гарри, но тщетно. Дин Томас, умевший подделать любой почерк, предложил расписаться за дядю Вернона, но профессор МакГонагалл уже знала, что дядя Вернон отказался дать разрешение. А Рон вспомнил про мантию — невидимку, но Гермиона возразила на это, что дементоров маскарадом не проведешь — они чувствуют человека через мантию. Менее всего утешили Гарри слова Перси.

— И чего столько шума подняли из-за Хогсмида? — сказал он вполне серьезно. — Не стоит он этого. Магазин сластей еще ничего, но в лавку диковинных штучек «Зонко» даже заходить опасно. Стоит, пожалуй, заглянуть в Визжащую хижину, но больше там делать нечего.

Утром Гарри встал вместе со всеми и пошел

завтракать. Настроение у него было скверное, но показывать этого не хотелось. Друзья старались приободрить его.

— Мы принесем тебе много-много сладостей, — обещала Гермиона, от всего сердца жалея Гарри.

— Воз и тележку! — подхватил Рон. Вчерашнее забылось. Было из-за чего расстраиваться, вот Гарри действительно не повезло.

— Да ладно, чего там, — небрежно отвечал Гарри, провожая друзей в холл.

— Счастливо. Увидимся вечером, на празднике. Завхоз Филч стоял у дверей и по списку отмечал уходящих, пристально вглядываясь в каждое лицо: без разрешения мимо него не проскользнешь.

— Что, Поттер, отсиживаешься в замке? — крикнул Малфой. Крэбб и Гойл осклабились. — Дементоров испугался?

Гарри сделал вид, что не слышал, и уныло поплелся вверх по мраморной лестнице, через пустые коридоры в башню Гриффиндора.

— Пароль, — встрепенулась Полная Дама.

— Фортуна Майор, — вялым голосом назвал пароль Гарри.

Портрет открылся. В гостиной кишмя кишели первый и второй курсы, несколько старшекурс-

ников степенно беседовали о чем-то, им походы в Хогсмид уже приелись.

— Гарри, Гарри! Иди к нам, — позвал Колин Криви. Он благоговел перед Гарри и не упускал случая поговорить. — Ты не идешь в Хогсмид? А почему? — Колин сиял от счастья, что говорит со знаменитостью, и гордо глядел на товарищей. — Посиди с нами немного.

— Спасибо, Колин. — Гарри терпеть не мог, когда глазеют на его шрам. — Мне надо в библиотеку делать домашнее задание.

Раз сказал — нужно идти. И Гарри пошел обратно через портретный проем.

— Зачем было меня будить из-за каких-то пары минут, — пробурчала вдогонку Полная Дама.

Гарри понуро поплелся в библиотеку, но на полпути передумал: уроки на ум не шли. Он повернул назад и нос к носу столкнулся с Филчем. Филч только что выпустил из замка последнего ученика.

— Ты что тут делаешь? — подозрительно сощурился Филч.

— Ничего.

— Ничего?! — У Филча затряслась нижняя челюсть. — Хорошенькое дело! Почему ты не в Хогсмиде? Твои дружки забавляются драже

— вонючками, рыгательным порошком и червями — свистелками, а ты тут шляешься. что-то подозрительно!

Гарри молча пожал плечами.

— Сейчас же иди в гостиную! — скомандовал Филч и проводил Гарри взглядом до ближайшего поворота.

Гарри в гостиную не пошел. Может, навестить Буклю? Поднялся по лестнице, вышел в коридор, ведущий в совятник. И тут кто-то его окликнул.

Гарри шага на два вернулся. Из дверей своего кабинета выглядывал Люпин.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Люпин совсем другим тоном, чем Филч. — А Рон с Гермионой где?

— В Хогсмиде, — ответил Гарри, как будто это для него ровным счетом ничего не значило.

— Вот оно что!

Люпин немного помолчал.

— Не хочешь зайти? Мне как раз привезли гриндилоу для следующего урока.

— Что привезли?

Гарри вошел в кабинет Люпина. В углу стоял огромный аквариум. Болотно — зеленого цвета чудище с острыми рожками, прильнув к стеклу, корчило рожи, сгибало и разгибало длинные

костлявые пальцы.

— Водяной черт, — пояснил Люпин, внимательно его разглядывая. — С ним справиться не так трудно, особенно после ползучих водяных. Надо только сломать ему пальцы. Они у него длинные и сильные, но хрупкие.

Водяной черт оскалился, обнажив зеленые зубы, и зарылся в водоросли.

— Чаю хочешь? — Люпин поискал глазами чайник. — Я как раз подумывал о чашке чая.

— Да, пожалуйста, — робко ответил Гарри. Люпин коснулся чайника волшебной палочкой, и из носика сейчас же вырвалась струйка пара.

— Садись. — Люпин указал на стул и снял крышку с пыльной банки. — У меня только в пакетиках. Хотя, думаю, чайные листья тебе порядком надоели.

Гарри поглядел на учителя: глаза Люпина лукаво поблескивали.

— Откуда вы знаете?

— Мне сказала профессор МакГонагалл. — Люпин подал Гарри кружку с отколотым краем. — Ты ведь не боишься предсказаний?

— Нет.

Может, рассказать Люпину о собаке на улице Магнолий? Нет, лучше не надо. Еще подумает,

что Гарри трус. И без того не дал сразиться с оборотнем.

Должно быть, эти мысли отразились у него на лице, потому что Люпин спросил:

— Тебя что-нибудь тревожит?

— Нет, — соврал Гарри и отхлебнул из кружки. Водяной черт показал ему кулак — Тревожит, — сам того не ожидая, признался Гарри и поставил кружку на стол. — Помните, мы сражались с оборотнем?

— Да, конечно.

— Почему вы тогда не дали мне попробовать? Люпин удивленно поднял брови.

— Мне показалось, ты это понял.

Гарри опешил: он думал, что Люпин постарается уйти от ответа.

— Но все-таки почему? — переспросил Гарри.

— Видишь ли… — Люпин слегка нахмурился. — Увидев тебя, оборотень принял бы облик Волан-де-Морта.

Гарри от удивления вытаращил глаза. Он меньше всего ожидал такого ответа. К тому же Люпин назвал Темного Лорда по имени, а ведь никто, кроме Дамблдора и Гарри, не осмеливается так его называть.

— Очевидно, я был не прав. Но я подумал, что

в учительской ему нечего делать, — продолжал Люпин. — Все бы перепугались, и урок пошел бы насмарку.

— У меня мелькнула мысль о Волан-де-Морте, — признался Гарри. — Но я тут же вспомнил дементора…

— Так вот оно что! — вслух рассуждал Люпин. — Поразительно! — Заметив недоумение в лице Гарри, Люпин улыбнулся и прибавил: — Выходит, больше всего на свете ты боишься страха. Это похвально!

Гарри не нашелся что ответить и отхлебнул чаю.

— Так ты, значит, решил, что я считаю тебя трусом, не способным справиться с боггартом.

— Да. — У Гарри словно гора с плеч свалилась. — Профессор Люпин, вы ведь хорошо знаете дементоров…

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Люпин.

Вошел Снегг с дымящимся бокалом в руках, увидел Гарри и сощурился.

— А, это вы, Северус, — улыбнулся Люпин. — Благодарю вас. Поставьте, пожалуйста, на стол.

Снегг поглядел на, Гарри, на Люпина и поставил бокал.

— Я тут показываю Гарри водяного черта. — Люпин указал на аквариум.

— Прелестно, — даже не взглянув на аквариум, сказал Снегг. — Выпейте прямо сейчас, Люпин.

— Да, да, конечно.

— Если понадобится еще, заходите, я сварил целый котел.

— Пожалуй, завтра надо будет выпить еще. Большое спасибо, Северус.

— Не стоит, — сухо ответил Снегг, но взгляд его Гарри не понравился. Настороженно, не улыбаясь, Снегг повернулся и вышел.

Гарри с любопытством посмотрел на бокал. Люпин улыбнулся.

— Профессор Снегг любезно приготовил для меня это питье. Сам я не мастер их варить, а у этого зелья еще и очень сложный состав. — Люпин взял бокал, понюхал, немного отпил, и его передернуло. — Жаль, нельзя добавить сахара.

— А от чего… — начал было Гарри, но Люпин прервал его на полуслове.

— Мне последнее время неможется. И помогает только это зелье. Его мало кто умеет варить, но мне посчастливилось: я работаю с профессором Снеггом. А равных ему в зельеваренье нет.

Люпин отхлебнул еще. Гарри едва сдержался,

чтобы не выбить из его рук бокал.

— Профессор Снегг очень интересуется темной магией, — сквозь зубы проговорил он.

— Правда? — Люпин сделал еще глоток

— Говорят даже… — Гарри помедлил и вдруг выпалил: — Говорят, он на все готов, лишь бы самому преподавать защиту от темных искусств.

Люрин залпом выпил остатки зелья и поморщился.

— Гадость какая! Ладно, Гарри, делу время — потехе час. Увидимся в Большом зале на праздничном ужине.

— Спасибо за чай. — Гарри поставил на стол пустую кружку.

Пустой бокал Люпина все еще дымился.

* * *

— Вот ты где! — воскликнул Рон. — Гляди, сколько мы тебе всего принесли!

На колени Гарри посыпался дождь сладостей в пестрых блестящих обертках Рон с Гермионой только что вошли в комнату отдыха, оба раскраснелись с холода и сияли от удовольствия.

— Спасибо. — Гарри взял в руки пакетик черных перечных упыриков. — Ну как там, в Хогсмиде? Где вы были?

Где только друзья не были! И в магазине волшебных принадлежностей «Дэрвиш и Бэнгз», и в лавке диковинных штучек «Зонко», и в пабе «Три метлы» — ах, какое там чудесное горячее сливочное пиво!

— А почта, Гарри! Двести сов, каждая на своей полке, у каждой свой цвет, чем сова быстрее, тем цвет ярче.

— А в «Сладком королевстве» новый сорт сливочной помадки! Всем дают бесплатно попробовать. Вот, держи.

— А в «Трех метлах» мы, кажется, видели огра… Кто только туда не заходит!

— Жаль, что нельзя было захватить сливочного пива. Так хорошо согревает!

— А ты что делал? — опомнилась Гермиона. — Готовил уроки?

— Да нет, так… пил с Люпином у него в кабинете чай. Потом пришел Снегг… — И Гарри рассказал друзьям о зелье.

Рон раскрыл рот от удивления.

— И Люпин выпил? Он что, чокнутый? Гермиона глянула на часы.

— Пора идти за праздничный стол, до начала пять минут. — Друзья выскочили через проем с Дамой и вместе со всеми поспешили в Большой

зал.

— Вряд ли Снегг отравил бы Люпина на глазах у Гарри. — Гермиона опасливо огляделась: не подслушивает ли кто?

— От него можно всего ожидать, — ответил Гарри.

Миновали холл и вошли в Большой зал. Сотни тыкв светились зажженными внутри свечами, под затянутым тучами потолком парила стая летучих мышей, змеились молниями ярко — оранжевые транспаранты.

Столы ломились от яств, да таких, что Рон с Гермионой, объевшиеся в Хогсмиде сладостей, не только отведали всего, но еще взяли добавки. Гарри то и дело кидал взгляд на профессорский стол. Профессор Люпин был весел и как ни в чем не бывало беседовал с учителем заклинаний Флитвиком. А Снегг что-то уж очень часто посматривал на Люпина. Но может, у Гарри разыгралось воображение?

После ужина привидения Хогвартса разыграли целое представление. Неожиданно вылетели из стен и столов, представляя сценки о том, как сделались привидениями. Огромный успех имел Почти Безголовый Ник, призрак колледжа Гриффиндор. Он очень живо изобразил, как ему

безобразно отсекали голову.

Чудесный вечер не испортил даже Малфой.

— Привет от дементоров, Поттер! — крикнул он, выходя из зала.

Трое друзей вместе со всеми гриффиндорцами шли обычным путем в башню Гриффиндора У портрета Полной Дамы почему-то образовался затор.

— Что это все стоят? — удивился Рон. Гарри поднялся на цыпочки: проем в гостиную был закрыт.

— Пожалуйста, расступитесь, — послышался голос Перси, и староста важно прошествовал сквозь толпу. — Почему такое столпотворение? Вы что, все забыли пароль? Извините, я староста школы…

И тут стало тихо. Сначала умолкли те, кто стоял ближе всех к проему. Скоро молчали все.

— Скорее позовите профессора Дамблдора, — вдруг раздался пронзительный крик Перси, от которого словно повеяло холодом.

Все взгляды устремились к нему, стоявшие сзади поднялись на цыпочки.

— Что случилось? — спросила только что подошедшая Джинни.

Наконец появился профессор Дамблдор, гриф-

финдорцы расступились, Гарри и Рон с Гермионой протиснулись к самому входу. Гермиона ахнула и схватила Гарри за руку: Полная Дама с портрета исчезла, холст искромсан; пол усеян лоскутами; целый клок совсем вырван.

Дамблдор окинул взглядом обезображенную картину и повернулся к подоспевшим МакГонагалл, Люпину и Снеггу.

— Профессор МакГонагалл, пожалуйста, пойдите к Филчу. Пусть он немедленно осмотрит все портреты в замке. Надо найти Полную Даму.

— Найдете, непременно найдете, — прокудахтал кто-то.

Это был полтергейст Пивз. Он кувыркался под потолком, по обыкновению, радуясь чужой беде.

— Что ты хочешь сказать, Пивз? — спокойно спросил Дамблдор, и Пивз замер. Кого — кого, а Дамблдора он побаивался. Сменивший кудахтанье елейный голос было еще противнее слышать.

— Она спряталась от стыда, ваше директорское величество. У нее неописуемый вид. Я видел, как она мчалась по лесам и долам на пятый этаж, колесила между деревьями и истошно вопила. — Он ухмыльнулся и с сомнительной жалостью прибавил: — Бедняжка.

— Она не сказала, кто это сделал? — все так же спокойно спросил Дамблдор.

— Сказала, школьный голова, сказала! — Пивз не спешил с ответом, будто поигрывал ручной гранатой. — Она отказалась пропустить его без пароля, а он разозлился. — Пивз сделал кувырок и взглянул на Дамблдора, зажав лицо коленями: — Ох, и вредный же характер у Сириуса Блэка!

Глава 9

ЗЛОВЕЩЕЕ ПОРАЖЕНИЕ

Дамблдор велел гриффиндорцам немедленно вернуться в Большой зал. Минут через десять к ним присоединились все ученики школы, которые ничего не могли понять.

— Мы тщательно обыщем весь замок, — объявил Дамблдор, а МакГонагалл и Флитвик тем временем запирали все входы в Большой зал. — Боюсь, всем вам эту ночь безопасности ради придется провести здесь. Старосты факультетов будут по очереди охранять дверь в холл. За главных остаются старосты школы — отделения девочек и отделения мальчиков. Обо всех происшествиях немедленно сообщать мне. — Директор повернулся к Перси, и тот важно выпятил грудь. — С донесениями посылайте привидений. — Дамблдор немного подумал и добавил: — Да, вам еще вот что нужно.

Он легонько взмахнул волшебной палочкой, длинные столы, взлетев, выстроились у стен, взмахнул снова, и весь пол устлали пухлые фиолетовые спальные мешки.

— Спокойной ночи, — пожелал профессор, закрывая за собой дверь.

Зал загалдел: гриффиндорцы возбужденно объясняли, что стряслось с Полной Дамой.

— Быстро все по спальным мешкам! — крикнул Перси. — Никаких разговоров. Через десять минут гашу свет.

— Идем, — позвал друзей Гарри; взяли по мешку и устроились на полу в углу зала.

— Как, по-вашему, Блэк еще в замке? — боязливо шепнула Гермиона.

— Дамблдор, наверное, думает, что да, — отозвался Рон.

— Хорошо еще, что Блэк явился сегодня, — заметила Гермиона. Все трое одетые забрались в мешки и продолжали беседовать. — Обычно в это время мы уже в башне…

— Может, Блэк утратил представление о времени, — предположил Рон. — Он ведь в бегах. А не то вломился бы прямо сюда.

Гермиона задрожала от страха.

Всех занимало одно: как Блэк проник в замок?

— А что, если он трансгрессировал? — высказал догадку когтевранец. — Взял да и перенесся как по волшебству из одного места в другое?

— А может, переоделся? — предположил пяти-

курсник из Пуффендуя.

— Просто прилетел, и все! — сказал Дин Томас.

— Похоже, одна я читала «Историю школы «Хогвартс»!» — фыркнула Гермиона.

— Наверняка! — воскликнул Рон. — А что?

— А то, что замок защищен кое — чем еще, кроме стен. Он заколдован, сюда так просто не проникнешь. Трансгрессировать сквозь стены замка нельзя. Переодеванием дементоров не проведешь. Дементоры охраняют все входы и выходы, они бы его заметили. А Филчу известны все потайные ходы, они наверняка давно заколочены…

— Гашу свет! — объявил Перси. — Всем забраться в мешки и не разговаривать.

Свечи погасли. Только слабо серебрились привидения, ведя серьезный разговор со старостами, да на волшебном потолке мерцали созвездия, повторяя рисунок звездного неба. Шелестели голоса, и Гарри казалось, будто он засыпает на поляне и у него над головой легкий ветерок шевелит листья.

Время от времени в зал заглядывал преподаватель — проверить, все ли в порядке. Часа в три, когда почти все уже спали, пришел Дамблдор, поискал глазами Перси. Перси расхаживал по

залу и выговаривал болтающим ученикам. Он приблизился к углу, где лежали Гарри и Рон с Гермионой. Дамблдор подошел к старосте школы.

Друзья притворились, что спят, и навострили уши.

— Нашли его, профессор? — прошептал Перси.

— Пока нет. Тут никаких происшествий?

— Все в полном порядке, сэр.

— Хорошо. Пусть остаются здесь до утра. Я нашел для гостиной Гриффиндора временного стража. — Дамблдор окинул взглядом спящих. — Завтра уже будут ночевать в своих спальнях.

— А что с Полной Дамой, сэр?

— Прячется на карте Аргиллшира, на третьем этаже. Она, видимо, не пускала Сириуса Блэка без пароля, он и напал на нее. Очень перепугал. Вот придет в себя, и мистер Филч отреставрирует ее холст.

Дверь Большого зала хлопнула, послышались чьи — то шаги. Гарри не смел шелохнуться.

— Господин директора четвертый этаж обыскан, — отрапортовал Снегг. — Его нигде нет. Филч обшарил башни.

— А в обсерватории смотрели? В кабинете профессора Трелони? В совятнике?

— Нигде нет.

— Хорошо, Северус. Впрочем, я и не думаю, что Блэк станет прятаться в замке.

— Как он, по-вашему, сюда пробрался, профессор?

Гарри приподнял голову, чтобы слышать и вторым ухом.

— Не знаю, Северус. У меня много догадок, одна невероятней другой.

Гарри чуть приоткрыл глаза: Дамблдор стоял к нему спиной, Перси — лицом, внимательно слушая. Снегг между ними, он явно сердился.

— Помните, профессор, наш разговор перед началом учебного года? — спросил Снегг едва слышно и покосился на Перси, его больше устраивал разговор без свидетелей.

— Помню, Северус, помню. — В голосе у Дамблдора прозвучало предостережение.

— Едва ли Блэк проник в замок без посторонней помощи. Не зря меня насторожило назначение…

— Никто в замке не стал бы помогать Блэку, — оборвал Снегга Дамблдор не допускающим возражения тоном. — Пойдук дементорам, сообщу им о результатах поисков. Я обещал им сообщить, когда все будет осмотрено.

— Они предлагали свои услуги, сэр? — спросил Перси.

— Предлагали, — нахмурился Дамблдор. — Но пока я директор, ноги дементора в школе не будет.

Перси смутился, он впервые видел директора в таком раздражении. Дамблдор повернулся и неслышным шагом стремительно покинул Большой зал. Снегг проводил его недобрым взглядом и тоже ушел.

Гарри обернулся к друзьям, те лежали с широко открытыми глазами, глядя на звезды.

— Что же все-таки происходит? — протянул Рон.

Несколько дней только о Сириусе Блэке и говорили. Одна за другой рождались немыслимые догадки. Ханна Эббот из Пуффендуя весь урок травологии уверяла, что Блэк превратился в розовый куст.

Искромсанный холст Полной Дамы сняли и на его место водрузили портрет сэра Кэдогана, восседавшего на толстом сером пони. Сэр Кэдоган только и делал, что вызывал всех и каждого на дуэль, выдумывал несуразные пароли и менял их два — три раза в день.

— Этот сэр Кэдоган чокнутый. Пусть нам дадут кого-нибудь другого, — потребовал Симус Финниган у Перси.

— Некого. Все другие портреты боятся. Только у сэра Кэдогана хватило смелости, — развел руками Перси.

Гарри и без сэра Кэдогана было тошно: его ни на секунду не оставляли одного. Учителя под разным предлогом провожали из класса в класс, Перси (наверняка по наущению матери) ходил за ним по пятам — точь-в-точь гордый собой сторожевой пес. В довершение всего профессор МакГонагалл вызвала Гарри к себе в кабинет. Вид у нее был траурный.

— Должна вам сообщить, Поттер, — только, пожалуйста, не волнуйтесь. Какой смысл дальше скрывать это от вас. Дело в том, что… гм… Сириус Блэк…

— Охотится за мной? Я знаю, — равнодушно сказал Гарри. — Я случайно слышал, как мистер Уизли говорил об этом с миссис Уизли. Мистер Уизли ведь работает в Министерстве магии. МакГонагалл оторопела.

— Вот оно что! Значит, вы меня поймете, Поттер. Я считаю, что вам не следует тренироваться по вечерам. На площадке без присмотра опасно…

— Профессор, в субботу у нас первый матч! — вспылил Гарри — Как же без тренировок?!

МакГонагалл пристально на него поглядела. Она, как никто, хотела победы своей команды, ведь она сама привела Гарри в команду Гриффиндора. Но Сириус Блэк… Гарри ждал, затаив дыхание. МакГонагалл встала и подошла к окну. Лил дождь, и площадка для квиддича едва виднелась.

— Хм… Конечно, мне хочется, чтобы наша команда выиграла, и все-таки… Ну ладно, тренируйтесь, только пусть на площадке будет мадам Трюк. Постоянно. Я попрошу ее.

Погода все портилась, но гриффиндорская команда — под присмотром мадам Трюк — тренировалась, как никогда, упорно. Накануне матча Оливер Вуд пришел на тренировку чернее тучи: завтра они играют не со Слизерином.

— Флинт только что мне сказал, что вместо них с нами будет играть Пуффендуй.

— А почему не слизеринцы? — хором воскликнули игроки.

— Из-за ловца. У него, видите ли, ручка болит. Чушь! Просто Флинт не хочет играть в такую погоду. Меньше надежды на победу, — процедил Вуд сквозь зубы.

Ливень весь день не кончался, хлестал ветер. А сейчас еще и громыхал гром.

— В порядке у Малфоя рука! — вскипел Гарри. — Он притворяется.

— Знаю. Да поди докажи! Мы ведь готовились играть со слизеринцами. У пуффендуйцев — то совсем другой стиль игры. Кстати, у них новый капитан, Седрик Диггори, он же ловец.

Анджелина, Алисия и Кэти захихикали.

— Что смешного? — нахмурился Вуд. — Нашли время для смешков!

— Такой высокий, симпатичный? — спросила Алисия.

— Сильный и не болтун, — прибавила Кэти, и три подружки снова прыснули.

— Двух слов связать не может, вот и молчит, — не утерпел Фред. — А обыграть пуффендуйцев — раз плюнуть. Вспомни, Оливер, как мы с ними разделались в прошлом году. Гарри поймал снитч через пять минут после начала игры.

— Тогда погода была лучше, да и ловец у них был другой. Диггори отличный капитан и ловец! Расслабляться нельзя! — кричал Вуд, вращая глазами. — Слизеринцы только на это и рассчитывают. Нам надо выиграть!

— Да не кипятись ты, Оливер. — Фред посерьезнел. — Никто и не думал расслабляться. Честно.

Весь день перед матчем выл ветер и лил дождь.

В коридорах и классах добавили факелов и фонарей. Игроки Слизерина, особенно Малфой, ходили довольные собой.

— Эх, если бы не рука… — притворно вздыхал Малфой под вой ветра и стук дождя в окно.

Гарри думал только о предстоящем матче. Оливер Вуд каждую свободную минуту донимал его наставлениями. На третьей перемене он так его заговорил, что Гарри минут на десять опоздал на урок защиты от темных искусств. Гарри стремглав помчался в класс, а Вуд все еще кричал ему вдогонку:

— Диггори силен на поворотах, Гарри, попробуй петлять…

Гарри домчался до класса, распахнул дверь и ворвался внутрь.

— Извините, профессор Люпин, я… За учительским столом сидел Снегг.

— Урок начался десять минут назад, Поттер, минус десять очков Гриффиндору. Садитесь.

Гарри не двинулся с места.

— Где профессор Люпин?

— Ему нездоровится, — ухмыльнулся Снегг. — По-моему, я велел вам сесть.

— Что с ним? — продолжал допрос Гарри.

Сверкнув глазами, Снегг явно с сожалением

ответил:

— Угрозы для жизни нет. Еще минус пять очков Гриффиндору. И если вы сейчас же не сядете, вычту еще пятьдесят.

Гарри медленно прошел к своей парте. Снегг оглядел класс.

— Поттер прервал меня на том, что в журнале у профессора Люпина не записаны темы, которые вы прошли…

— Сэр, мы прошли боггартов, красных колпаков, ползучих водяных и гриндилоу, — перебила Снегга Гермиона. — Сегодня мы должны были приступить…

— Помолчите, мисс Грэйнджер, — оборвал ее Снегг. — Я не спрашивал, что вы прошли. Мне лишь хотелось указать на безалаберность профессора Люпина.

— Люпин — лучший учитель защиты от темных искусств, — заявил Дин Томас, и со всех сторон послышался одобрительный шепот.

Снегг еще пуще засверкал глазами.

— Вам легко угодить. Люпин не утруждает вас домашними заданиями, а с красными колпаками и водяными справится и первокурсник Сегодня мы будем проходить…

Снегг перелистал учебник и раскрыл послед-

ний параграф.

— …оборотней.

— Но, сэр, — не сдержалась Гермиона, — до оборотней еще далеко, мы только — только добрались до…

— Мисс Грэйнджер, — ледяным голосом осадил Гермиону Снегг, — мне кажется, учитель здесь я, а не вы. Откройте учебники на странице триста девяносто четыре. — Снегг снова обвел взглядом учеников. — Вы слышите, что я сказал!

Недовольно бурча и переглядываясь, класс открыл книги.

— Кто мне скажет, чем оборотень отличается от обычного волка?

Все молчали. Гермиона, как обычно, подняла руку.

— Ну, кто? — Снегг скривил губы, не удостоив Гермиону даже взглядом. — Ваше молчание, как видно, означает, что профессор Люпин не объяснил вам даже основных различий между…

— Вам же сказали, — не удержалась Парвати, — что до оборотней мы еще не дошли…

— Молчать! Так-так. Вот уж не думал, что есть третьекурсники, которые не умеют отличить оборотня от волка. Вы так отстали! Надо будет сообщить об этом профессору Дамблдору.

— Сэр, — Гермиона не опускала руки, — оборотень отличается от простого волка очень немногим. Нос оборотня…

— Мисс Грэйнджер, вы уже второй раз выскакиваете с ответом, когда вас не вызывали, — перебил ее Снегг. — За то, что среди вас имеется столь докучливая всезнайка, лишаю Гриффиндор еще пяти очков.

Гермиона залилась краской, опустила руку и, едва сдерживая слезы, уставилась в парту. Каждый в классе хоть раз назвал Гермиону всезнайкой, Рон, тот и вовсе повторял это раза два в неделю, но Снегга так не любили, что бросали на него пылающие от гнева взгляды.

— Вы задали вопрос, Гермиона знает на него ответ, — не выдержал Рон. — Зачем спрашивать, если ответ не нужен!

Весь класс притих: Рон перегнул палку. Снегг медленно подошел к Рону, приблизил к нему лицо.

— Вы будете наказаны, Уизли, — прошипел он. — И если вы еще когда-нибудь позволите себе критиковать мой стиль преподавания, то очень пожалеете. Я вам это обещаю.

До конца урока никто больше не проронил ни слова. Ученики скрипели перьями, конспек-

тировали параграф об оборотнях. Снегг ходил от парты к парте, читая записи, сделанные на уроках Люпина.

— Объяснение никуда не годится, — то и дело слышались его замечания. — Неверно, ползучие водяные живут в Монголии… Профессор Люпин поставил за это четыре? Я бы пожалел и двойки…

Снегг задержал всех после звонка.

— Домашнее задание к понедельнику: написать два свитка о том, как распознать и обезвредить оборотня. Давно пора взять вас в руки. Уизли, останьтесь, я назначу вам наказание.

Отойдя от класса на безопасное расстояние, класс стал горячо обсуждать случившееся на уроке.

— Конечно, он метит на место Люпина, но он никогда еще не позволял себе говорить в таком тоне о других преподавателях защиты! — сказал Гермионе Гарри. — Чего он так взъелся на Люпи¬на? Может, из-за того боггарта?

— Не знаю. — Гермиону явно беспокоила какая — то мысль. — Очень надеюсь, что профессор Люпин скоро поправится…

Рон догнал их минут через пять, клокоча от злобы.

— Знаете, что этот… (он так обозвал Снегга, что Гермиона укоризненно воскликнула: «Рон!») заставил меня делать? Чистить утки в больничном крыле! И без волшебства! — Рон сжал кулаки. — Почему Блэку не пришло в голову спрятаться в кабинете Снегга? Прикончил бы его, и все бы ему только спасибо сказали.

Проснулся Гарри очень рано, еще не светало. Он подумал, что его разбудил вой ветра. Но тут ощутил затылком холодное дуновение и резким движением сел. Рядом с ним висел полтергейст Пивз и изо всех сил дул ему в ухо.

— Ты что, спятил?! — рассердился Гарри. Пивз надул щеки, издал непристойный звук и, кувыркаясь, вылетел из спальни.

Гарри потянулся за будильником: половина пятого. Проклиная Пивза, он лег и повернулся на бок, пытаясь заснуть. Но теперь уже ему мешала разбушевавшаяся стихия: раскаты грома, вой ветра за окнами, скрип деревьев в Запретном лесу. Еще несколько часов, и он будет носиться над полем, сражаясь с бурей… Да, теперь уже не заснешь. Гарри встал, оделся, взял свой «Нимбус-2000» и тихонько пошел к двери.

Едва Гарри открыл дверь, мимо ног метнулось что-то пушистое. Он нагнулся и успел схватить

Живоглота за кончик хвоста.

— А ведь Рон, похоже, прав. — Гарри выволок кота за дверь. — В замке полно мышей, их и лови. — И он ногой отправил кота вниз по винтовой лестнице. — Оставь Коросту в покое!

В гостиной буря была слышнее. Но матч все равно состоится: из-за таких пустяков матчи не отменяют. Гарри, однако, забеспокоился: вспомнил Седрика Диггори. Они с Вудом недавно встретили его в коридоре. Диггори учится на пятом курсе и куда крупнее Гарри. Ловцы обычно маленькие, юркие, но в такую погоду вес Диггори — преимущество, легче противостоять порывам ветра.

Гарри до рассвета сидел в гостиной у камина. Живоглот рвался вон из гостиной, и Гарри то и дело вскакивал — Короста явно подвергалась опасности. Время тянулось медленно. Наконец кажется, пора завтракать. Гарри пошел к портрету.

— Обнажи меч, жалкий трус! — заорал на него сэр Кэдоган.

— Да ну вас! — отмахнулся Гарри и зевнул.

В столовой Гарри взял большую тарелку овсянки и, ложка за ложкой, понемногу приходил в себя. Дошла очередь до тоста с джемом, и тут

появилась вся команда.

— Сегодня круто придется! — Вуд сидел за столом, не притрагиваясь к еде.

— Будет тебе, Оливер, — пыталась успокоить его Алисия. — Не сахарные, не растаем. Ливень как ливень.

Но такого ливня давно не было. Вся школа спешила на матч. Бежали через луг, нагнув головы навстречу свирепому ветру, рвавшему из рук зонтики. Перед раздевалкой Гарри увидел Малфоя, Крэбба и Гойла, укрывшихся под одним большим зонтом. Они смеялись, тыча пальцами в его сторону.

Переодевшись в алую гриффиндорскую форму, команда ждала от Вуда обычного напутствия, он начал было говорить, в горле у него булькнуло, он покачал головой и взмахом руки пригласил команду на поле.

Ветер сшибал с ног. Близкие раскаты грома заглушали крики болельщиков. Очки Гарри заливало дождем. Как тут разглядеть крошечный снитч?

На противоположной стороне поля появились канареечно — желтые пуффендуйцы. Капитаны обменялись рукопожатием. Диггори дружелюбно улыбнулся, а Вуд только кивнул, словно у него

свело челюсть.

— По метлам! — прочитал Гарри по губам мадам Трюк.

Гарри дернул ногу, грязь громко чавкнула, и он оседлал свою верную метлу. Мадам Трюк поднесла к губам свисток, сквозь шум дождя раздался далекий — далекий свист. И четырнадцать игроков взмыли в воздух.

Через пять минут Гарри продрог до костей и вымок — нитки сухой нет, товарищей по команде не различишь, а снитча и подавно не видно. Гарри носился туда — сюда, мимо мелькали красные и желтые пятна. Что происходит, какой счет, непонятно — голос комментатора утонул в вое ветра. Вместо болельщиков — море мантий и истерзанные зонты. Уже два раза Гарри чуть не сбил с метлы бладжер: из-за воды, заливающей стекла очков, Гарри не заметил его приближения.

Сколько уже длится игра? Метлу все труднее держать прямо. Небо быстро темнеет, как будто ночь решила наступить раньше. Пару раз Гарри чуть не налетел на кого — то. Свой или чужой? Из-за плотной пелены дождя не разберешь, да и форма на всех намокла, хоть выжимай.

При первой вспышке молнии раздался свисток судьи. Расплывчатая фигура Вуда махала рукой,

веля приземлиться. Гарри спикировал вместе с остальными в огромную лужу.

— Я взял тайм — аут! — прокричал Вуд — Бежим вон туда!

На краю поля торчал огромный зонт. Укрывшись под ним, Гарри снял очки и протер их майкой.

— Кто ведет?

— Мы, оторвались на пятьдесят очков, — ответил Вуд. — Скорее лови снитч, а то придется играть ночью.

— Из-за этих очков я ничего не вижу! — Гарри в отчаянии потряс очками.

Откуда ни возьмись, вынырнула сияющая Гермиона, натянув на голову капюшон.

— Я кое — что придумала, Гарри. Дай сюда очки.

И не успел никто рта раскрыть, как она схватила очки, трижды стукнула по ним волшебной палочкой, крикнула:

— Импервиус! — и вернула очки Гарри. — Держи. Они теперь водоотталкивающие.

Вуд чуть не бросился ее целовать. Гермиона побежала на трибуну.

— Молодец! — крикнул он ей вдогонку. И приказал команде: — Взлетаем!

Заклинание сделало свое дело. Гарри занемел от холодной, мокрой одежды, но зато видел все. Словно открылось второе дыхание, он уверенно вел метлу сквозь воздушные вихри, ища глазами снитч, легко уклонялся от бладжера и нырял под Диггори, когда тот мчался навстречу.

Снова громыхнуло, блеснула раздвоенная молния. Играть становилось опасно, надо скорее поймать снитч!

Гарри развернул метлу и помчался к середине поля; новая вспышка осветила трибуны, и Гарри увидел в пустом верхнем ряду, на фоне неба неподвижную фигуру огромного лохматого пса.

Закоченевшие руки Гарри скользнули по мокрому древку метлы, и он провалился метра на два вниз. Тряхнул головой, откинул волосы и глянул на трибуны — собака исчезла.

— Гарри! — истошно завопил Вуд от колеса. — Гарри! Сзади!

Гарри оглянулся. Седрик Диггори несся вверх, между ними висел крохотный золотой шарик.

Гарри словно ударило молнией, он прижался к древку и ринулся вниз.

— Давай же, давай! — хрипел он. — Быстрее!

И вдруг произошло что-то странное. На стадионе воцарилась мертвая тишина. Ветер дул с

той же силой, но беззвучно, словно звук кто-то выключил. Или Гарри внезапно оглох?

Знакомая леденящая волна ужаса захлестнула его и пронзила насквозь: внизу по полю что-то двигалось…

Гарри забыл про все на свете, оторвал взгляд от снитча и глянул вниз.

Около сотни дементоров устремили к нему задранные вверх скрытые капюшонами головы. Грудь у Гарри словно охватило ледяным обручем. И он снова услышал… кто-то кричит… голос женщины…

«Только не Гарри, пожалуйста, не надо!»

«Отойди прочь, глупая девчонка… Прочь…»

«Пожалуйста, только не Гарри… Убейте лучше меня, меня…»

Гарри оцепенел, белый туман клубился перед глазами… Что он делает? Куда летит? Он должен помочь… ее убьют, ее…

Гарри падал все ниже, ниже сквозь ледяной туман.

«Пожалуйста, только не Гарри, пощадите…» Плач женщины… чей — то пронзительный хохот…

— Повезло еще, что земля мягкая.

— Я подумал — все, конец.

— А у него даже очки не разбились.

Гарри слышал чьи — то голоса, шепот. И ничего не понимал. Где он? Как сюда попал? Что перед тем делал? Болело все, как будто его сильно избили.

— Никогда ничего более страшного не видела. Ничего более страшного… страшные черные фигуры в капюшонах… холод… крик…

Гарри открыл глаза: он лежит в больничном крыле, вокруг его команда, все с головы до ног в грязи. Тут же и Рон с Гермионой, мокрые, словно только что из пруда, где купались в одежде.

— Как ты, Гарри? — спросил Фред. Он был бледен как полотно, это не могли скрыть даже потоки грязи.

В воображении у Гарри проносились картинки. Молния… лохматый пес… золотой снитч… дементоры…

— Что случилось? — Гарри вдруг сел в постели, и у всех перехватило дыхание.

— Ты упал, — коротко объяснил Фред. — Метров с двадцати. — Он оглядел друзей, которые согласно закивали.

— Мы думали, ты умер. — Алисию до сих пор била дрожь.

Гермиона всхлипнула, глаза у нее были крас-

ные.

— А как же матч? Будем переигрывать?

Все молчали. Правда навалилась тяжелым камнем.

— Мы что, проиграли? — прошептал Гарри.

— Диггори поймал снитч, — сказал Джордж. — Сразу после того, как ты упал. Он сначала ничего не понял. Посмотрел вниз и увидел тебя на земле. Он тут же попросил не засчитывать им победу, хотел переиграть матч. Но все было честно. Даже Вуд признал.

— А где Вуд? — Гарри только что заметил, что Вуда нет.

— В душе, — ответил Фред. — Наверное, хочет утопиться.

Гарри спрятал лицо в коленях, запустив пальцы в волосы. Фред взял его за плечо и легонько потряс.

— Ладно тебе, Гарри, ты никогда еще не упускал снитч!

— Надо же когда-нибудь и упустить, — рассудительно заметил Джордж.

— Можем еще отыграться, — заметил Фред. — Мы проиграли сто очков, так? Значит, если пуффендуйцы проиграют Когтеврану а мы у Когтеврана выиграем. Ну, и у слизеринцев…

— Пуффендуйцам надо проиграть с разницей в двести очков, — уныло возразил Джордж.

— А если они еще и побьют когтевранцев… — Да нет, Когтевран им не по зубам. А вот если Слизерин продует Пуффендую…

— Все будет зависеть от очков. Как ни считай, сто очков нам придется…

Гарри лег, не говоря ни слова. Проиграли… Он первый раз проиграл матч. Проиграл…

Минут через десять пришла мадам Помфри и распорядилась всем оставить палату.

— Мы еще зайдем, Гарри, — пообещал напоследок Фред. — И не терзай себя, ты все равно лучший ловец. Такого у нас никогда не было.

И вся команда, оставляя за собой грязные следы, вышла из палаты. Мадам Помфри с недовольным видом закрыла за ними дверь. Рон с Гермионой подошли поближе к кровати.

— Видел бы ты, как рассердился Дамблдор, — прерывающимся голосом сказала Гермиона. — Я никогда его таким не видела. Ты стал падать, он выбежал на поле, махнул палочкой, и падение замедлилось. Потом он нацелил палочку на дементоров. Из нее вылетело серебристое облако, дементоров как ветром сдуло… Он был вне себя от ярости, что они вошли на территорию…

— Дамблдор наколдовал носилки и положил тебя на них, — перебил Рон. — Носилки сами тебя несли, а он шел рядом до самой школы. Все думали, что ты…

Рон замолчал, но Гарри его не слушал. Он думал о том, что с ним сделали дементоры, о голосе… Потом взглянул на Рона и Гермиону и опомнился. Он прочитал у них в лицах такую тревогу, что тут же принялся лихорадочно искать нейтральную тему для разговора.

— А где моя метла? — спросил он. Рон с Гермионой переглянулись.

— Где она? Ее подобрали?

— Она, понимаешь… ее отнесло ветром, — издалека начала Гермиона.

— И что?

— И она упала… понимаешь, Гарри… угодила прямо в Гремучую иву.

У Гарри сжалось сердце. Гремучая ива — страшное дерево. Она одиноко высилась посередине луга и крушила все, что попадалось под удары ее ветвей.

— И что? — Гарри со страхом ждал ответа.

— Ну, ты ведь знаешь ее, — ответил Рон. — Она всегда дает сдачу.

— Профессор Флитвик только что принес твою

метлу, — едва слышно сказала Гермиона, нагнулась, подняла с пола мешок и вытряхнула на постель кучку щепок и поломанных прутьев — все, что осталось от верного «Нимбуса–2000», непобедимого, но в конце концов все-таки потерпевшего поражение.

Глава 10

КАРТА МАРОДЁРОВ

По настоянию мадам Помфри Гарри пролежал в больнице все выходные. Он ни на что не жаловался, не спорил, но не позволил ей выкинуть щепки и прутики, оставшиеся от «Нимбуса». Он знал, что это глупо, что метлу не починить, но ничего не мог с собой поделать: как будто потерял самого лучшего друга.

Гарри навещали друзья, старались приободрить. В субботу вечером Хагрид прислал охапку желтых цветов, похожих на кочаны капусты. Джинни Уизли, отчаянно краснея, подарила самодельную открытку с пожеланием скорейшего выздоровления. Открытка сама собой раскрывалась и пела истошным голосом, так что Гарри пришлось придавить ее вазой с фруктами. В воскресенье утром в палату ввалилась вся факультетская команда, и Оливер Вуд замогильным голосом сообщил, что ни в чем Гарри не винит. Рон и Гермиона сидели у Гарри с утра до ночи. А Гарри по — прежнему был в подавленном состоянии, и никто не догадывался, что дело не только

в метле или проигрыше.

Он никому не рассказал о Гриме, даже Рону с Гермионой. Рон испугается, а Гермиона фыркнет: она не верила предсказаниям профессора Трелони. Но никуда не денешься: Грим уже дважды являлся, и дважды Гарри едва не погиб. Первый раз чуть не попал под волшебный автобус, теперь вот упал с такой высоты. Похоже, призрак пса не отстанет, пока Гарри не свернет себе шею. Что же, так всю жизнь и оглядываться с опаской, нет ли Грима поблизости?

И дементоры… Мерзко на душе и стыдно. Их все боятся, но кто еще при их появлении слышит голоса погибших родителей и падает в обморок?

Гарри догадался, что это кричит мама. Ночью он долго не мог уснуть, глядел на полосы лунного света на потолке и ему все слышался ее голос. Когда дементоры приблизились к нему, он услышал последние минуты ее жизни; она пыталась защитить его от Волан-де-Морта, а тот, убивая ее, смеялся. Гарри задремывал, но ему снились полусгнившие осклизлые руки и отчаянная мольба; Гарри просыпался и в ушах снова стоял крик матери.

В понедельник Гарри вернулся в школу. В школьном шуме и суете думать о голосе было

некогда. Правда, приходилось сносить насмешки Драко Малфоя. Малфой был на седьмом небе от счастья, что гриффиндорцы проиграли матч. Он снял бинты и на радостях, что обе руки здоровы, вдохновенно изображал, как Гарри упал с метлы. На уроке зельеварения Малфой развлекался тем, что изображал дементора. Рон не выдержал и запустил ему в лицо огромное влажное крокодилье сердце. Снегг вычел у Гриффиндора пятьдесят баллов.

— Если защиту от темных искусств опять ведет Снегг, я притворюсь, что болен, и не пойду, — сказал Рон после обеда. — Гермиона, погляди, кто в классе.

Гермиона заглянула в дверь и сказала:

— Заходи, не бойся.

За учительским столом сидел профессор Люпин. Он осунулся, потрепанная одежда висела мешком, под глазами синели круги, но, когда все расселись по местам, он приветливо улыбнулся Ученики первым делом стали жаловаться на Снегга.

— Это нечестно, он ведь только заменял вас, а задал такое домашнее задание!

— Мы ничего не знаем об оборотнях…

— …целых два свитка!

— Нужно было сказать профессору Снеггу, что вы еще оборотней не проходили. — Люпин слегка нахмурился.

Класс загалдел громче:

— Да мы сказали, а он говорит, мы очень отстали…

— Он и слушать ничего не хотел…

— Целых два свитка!!!

Общее возмущение было велико, но Люпин только улыбнулся.

— Ничего, я поговорю с профессором Снеггом. А его задание можете не делать.

— Ну, вот! — огорчилась Гермиона. — А я уже сделала.

Урок прошел замечательно. Люпин принес стеклянный ящик с болотным фонарником. Это хрупкое и безобидное на вид одноногое существо, казалось, было составлено из струек дыма.

— Заманивает людей в болото, — диктовал Люпин. — Видите у него в руке фонарь? Он с ним прыгает по кочкам, путник идет на свет, он все дальше… А с трясиной шутки плохи…

При этих словах фонарник изо всех сил скребнул ногой по стеклу, не хуже чем ножом, так что весь класс передернуло.

Прозвенел звонок. Собрав сумки, все двинулись

к выходу.

— Одну минуточку, Гарри, мне нужно тебе что-то сказать.

Гарри вернулся, Люпин накрыл тряпкой ящик с болотным чудищем.

— Слышал о вашем матче. — Люпин стал запихивать в портфель книги. — Жаль твоей метлы. Ее можно починить?

— Нет, — ответил Гарри. — От нее только щепки остались.

Люпин вздохнул.

— Гремучую иву посадили в тот год, когда я поступил в Хогвартс. Помню, мы придумали игру: кто первый подбежит к ней и коснется ствола. Одному мальчику, по имени Дэйви Гаджен, она чуть не выбила глаз, и нам запретили к ней подходить. Ее лучше не трогать. Никакая метла бы не уцелела.

— Вы и о дементорах слышали? — с трудом проговорил Гарри.

Люпин бросил на него внимательный взгляд.

— Да. Профессора Дамблдора в такой ярости еще не видели. Дементоры уже давно проявляли недовольство… разъярились, что их не пускают на территорию школы… Ты из-за них упал?

— Да, — признался Гарри. И, сам того не ожидая,

спросил: — Ну почему? Почему из-за них я падаю в обморок? Я что…

Люпин словно прочитал его мысли.

— Нет, ты не трус. Дементоры так сильно действуют на тебя, потому что ты пережил такое, чего другим и в страшном сне не снилось, — сказал Люпин.

На его молодое, хоть и в глубоких морщинах лицо, обрамленное седыми волосами, упал косой луч зимнего солнца.

— Дементоры — самые отвратительные существа на свете. Они живут там, где тьма и гниль, приносят уныние и гибель. Они отовсюду высасывают счастье, надежду, мир. Даже маглы чувствуют их присутствие, хотя и не видят их. Когда ты рядом с дементором, в тебе исчезают все добрые чувства и счастливые воспоминания. Это их пища. Они съедают все хорошее, что есть в человеке, и тот становится таким же, как они, воплощением зла. В нем остаются только самые страшные воспоминания. Если, конечно, это длится достаточно долго. Так что нет ничего удивительного, Гарри, что ты при их виде падаешь в обморок — страшнее того, что ты испытал, трудно придумать. Любой бы на твоем месте упал. И стыдиться тут нечего.

— Когда они рядом, — Гарри опустил глаза, в горле у него стоял комок, — я слышу, как Волан-де-Морт убивает маму.

Рука Люпина дернулась, будто он хотел взять Гарри за плечо, но передумал.

— И зачем только они явились на матч? — понурился Гарри.

— Они голодны, — ответил Люпин и защелкнул портфель. — Дамблдор не пускает их в школу, и им не из кого сосать радость — они ведь ею питаются… А на стадионе собралось столько болельщиков! Ликование, радость, для дементоров это настоящий пир. Они и не удержались.

— В Азкабане, должно быть, ужасно, — глухо сказал Гарри.

Люпин нахмурился и кивнул.

— Да, крепость стоит в море на маленьком островке, но дементорам не нужны ни толстые стены, ни вода, узники и так не сбегут: они заточены в темнице собственных мыслей. Почти все очень скоро сходят с ума.

— Но ведь Сириус Блэк сбежал… Портфель Люпина соскользнул со стола, и Люпин поймал его на лету.

— Да, сбежал, — ответил он, выпрямившись. — Блэк, похоже, нашел способ с ними бороться. Ни

за что бы не поверил… Дементоры высасывают из волшебника магические способности, если он надолго остается в их власти…

— А ведь вы прогнали дементора тогда, в поезде, — вспомнил вдруг Гарри.

— Есть… особые приемы… Да и потом, в поезде был только один дементор. Чем их больше, тем труднее с ними бороться.

— Научите меня этим приемам. Пожалуйста.

— Я, Гарри, вообще-то не мастер сражаться с дементорами…

— А вдруг они снова придут на матч? Люпин нерешительно поглядел на умоляющее лицо Гарри.

— Ну ладно, — сказал он. — Я тебе помогу. Только, боюсь, придется подождать следующего полугодия, у меня очень много дел. И угораздило же меня заболеть в самое неподходящее время!

Гарри повеселел: Люпин научит его отгонять дементоров, и, стало быть, он больше не будет слышать маминого предсмертного крика, от которого разрывается сердце. В ноябре когтевранцы наголову разбили пуффендуйцев, и у Гриффиндора еще оставалась надежда выиграть Кубок школы, нельзя только проиграть следующий матч. Вуд неистово тренировал команду, несмот-

ря на холодный дождь, который исправно лил в декабре изо дня в день. Дементоры больше не появлялись: гнев Дамблдора был так велик, что они не осмеливались уходить со своих постов.

За две недели до начала каникул небо прояснилось, стало светло — опаловым, ударил легкий морозец, и, проснувшись как — то утром, студенты увидели на траве кружево инея. Замок окутывал знакомый аромат Рождества. Профессор заклинаний Флитвик украсил свой класс мерцающими огоньками, которые вдруг обернулись настоящими летающими феями. Студенты в предвкушении каникул обсуждали, что будут делать дома. Рон и Гермиона решили остаться в замке. Рон клялся, что не вынесет две недели дома с Перси, а Гермиона уверяла, что ей нужно порыться в библиотеке, но Гарри — то отлично понял, что они остаются ради него, и был им за это благодарен.

К радости всех, кроме Гарри, объявили, что последний выходной семестра можно провести в Хогсмиде.

— Вот здорово! — захлопала в ладоши Гермиона — Там и запасемся подарками к Рождеству. Мама с папой очень обрадуются волшебным гостинцам!

Гарри снова весь день предстояло быть в замке единственным третьекурсником. Чтобы убить время, он взял у Вуда каталог «Выбери себе метлу». Он тренировался сейчас на допотопной школьной метле — медленном, тряском «Метеоре» и понимал, что нужна собственная новая метла.

В воскресенье утром Гарри проводил Рона и Гермиону до холла, помахал им из дверей и побрел по мраморной лестнице в свою башню. За окнами падали крупные хлопья снега, в замке было все спокойно и тихо.

— Гарри, — кто-то тихонько позвал его, когда он шел по коридору четвертого этажа.

Гарри обернулся и увидел за статуей горбатой одноглазой ведьмы Джорджа и Фреда.

— Почему вы здесь? — удивился Гарри. — Я думал, вы ушли со всеми в Хогсмид.

— Мы хотим сделать тебе праздничный подарок, чтобы ты не скучал, — ответил Фред и лукаво подмигнул. — Иди сюда… — И он кивнул на открытую дверь пустого класса.

Гарри вошел вслед за близнецами, Джордж тихонько закрыл дверь и сияющими глазами взглянул на Гарри.

— Вот тебе наш подарок на Рождество. — Он

вытащил из — под мантии большой квадратный лист старого пергамента и торжественно протянул Гарри.

Пергамент был совершенно чист, на нем не было ни единой строчки, и Гарри решил, что это очередная шутка близнецов.

— И что же это такое?

— Это, Гарри, секрет нашего успеха, — ответил Джордж и нежно погладил пергамент.

— Нелегко с ним расстаться, — сказал Фред. — Но мы решили, что тебе он нужнее.

— Мы-то его наизусть знаем, — прибавил Джордж. — Поэтому и вручаем тебе. Нам он больше ни к чему.

— И что я буду делать с куском старого пергамента?

— С куском старого пергамента?! — Фред зажмурился и скорчил рожу, как будто Гарри смертельно его обидел. — Объясни ему, Джордж

— Когда мы учились на первом курсе, Гарри, мы тогда были совсем еще зеленые, беззаботные и невинные…

Гарри хмыкнул.

— Во всяком случае, более невинные, чем сейчас. Ну так вот, мы как — то рассорились с Филчем.

— Взорвали в коридоре грязевую бомбу, а Филч почему-то на нас разозлился…

— …затащил в свой кабинет и, как водится, стал грозить… — … наказанием… — … четвертованием…

— … мы слушали, слушали и вдруг заметили особый ящик с табличкой: «Конфисковано, очень опасно».

— Только не говорите… — улыбнулся Гарри.

— Ну, а как бы ты поступил на нашем месте? — пожал плечами Фред. — Джордж кинул еще одну бомбу, и, пока Филч суетился, я открыл ящик и взял вот этот кусок пергамента.

— Что тут плохого? — прибавил Джордж — Филч не знал, как с ним обращаться. Хотя, раз отобрал его, наверное, догадывался, что это такое.

— И вы знаете, что с ним делать?

— Знаем. — Фред самодовольно улыбнулся. — Этот свиток научил нас такому, чему не научит ни один учитель.

— Ого!

— Что, здорово? То-то!

Фред достал волшебную палочку, слегка коснулся ею пергамента и произнес:

— Торжественно клянусь, что замышляю ша-

лость, и только шалость.

Тотчас на пергаменте, в том месте, которого коснулся Джордж, одна за другой стали появляться тоненькие чернильные линии. Линии соединялись, пересекались, расползались как паутина по краям пергамента, и скоро наверху распустились, как цветы, выведенные зелеными чернилами слова:

Господа Лунатик, Бродяга, Сохатый и Хвост!

Поставщики вспомогательных средств для волшебников-шалунов с гордостью представляют свое новейшее изобретение — КАРТУ МАРОДЕРОВ.

На карте были видны все до единого закоулки замка и территория на много миль вокруг. Но, что самое удивительное, по ней двигались крошечные чернильные точки, каждая была подписана. Гарри в восхищении склонился над картой. В левом верхнем углу профессор Дамблдор вышагивал в своем кабинете; миссис Норрис, кошка завхоза, кралась на четвертом этаже, полтергейст Пивз носился в Зале почета. Были там еще закоулки и потайные ходы, где он никогда не был. Некоторые из ходов вели…

— Прямо в Хогсмид. — Фред указал один из них. — Таких ходов семь. Филч знает об этих вот четырех, об остальных — только мы. В тот, что за зеркалом на пятом этаже, можешь не ходить. Мы сунулись было прошлой зимой, а там потолок обвалился. И вот сюда тоже лучше не ходить: прямо над выходом Гремучая ива. Зато этот ведет прямо в подвал «Сладкого королевства». Мы этим ходом частенько лазаем, он, кстати, начинается в горбу старой карги за дверью.

— Спасибо нашим предшественникам, — вздохнул Джордж и дружески похлопал по названию карты.

— Благородные, славные помощники новому поколению проказников, — провозгласил Фред.

— Верно. Да, Гарри, не забывай стирать карту… — предупредил Джордж.

— … а то кто-нибудь еще узнает ее секрет, — закончил за Джорджа Фред.

— Дотронься до нее волшебной палочкой и скажи: «Славная вышла шалость!» — и карта исчезнет.

— Ну, дорогой Гарри, — сказал Фред голосом Перси, — веди себя хорошо.

— Увидимся в «Сладком королевстве», — подмигнул на прощанье Джордж.

И близнецы, довольные собой, удалились.

Гарри любовался чудесной картой. Вот крохотная точка, миссис Норрис, повернула налево и принюхалась к чему-то на полу. Если Филч и вправду не знает… а мимо дементоров — то проходить теперь и не надо…

Гарри не помнил себя от восторга, но тут ему на память пришли слова мистера Уизли: «Не доверяй вещам, которые умеют думать; кто знает, что у них на уме?»

Волшебная карта как раз из таких опасных вещей… *«вспомогательные средства для волшебников-шалунов»*… А так хочется в Хогсмид! Что он, украсть что-нибудь хочет или обидеть кого? Да и Фред с Джорджем вон сколько лет картой пользуются — и ничего…

Гарри провел указательным пальцем вдоль тайного хода от замка до «Сладкого королевства».

Потом быстро, будто кто ему приказал, свернул карту, сунул под мантию, подошел к двери и сквозь щелку выглянул в коридор. Пусто. Гарри осторожно вышел из класса и спрятался за статуей одноглазой ведьмы.

Что теперь? Гарри вынул карту из-под мантии и с удивлением обнаружил новую фигурку с под-

писью: «Гарри Поттер». Фигурка стояла как раз в том месте, где стоял сам Гарри, — посредине коридора на четвертом этаже. Фигурка малюсенькой палочкой стукнула статую. Гарри торопливо сделал то же, но ничего не произошло. Он снова поглядел на карту. У головы фигурки появилась надпись: *«Диссендиум!»*.

— *Диссендиум!* — прошептал Гарри и снова тронул статую.

Горб старухи открылся, и появилось отверстие, как раз такое, чтобы в него пролез мальчик. Гарри огляделся по сторонам, спрятал карту и нырнул в статую вниз головой.

Каменный склон скоро кончился земляной площадкой, и Гарри встал на ноги. Темно, хоть глаз выколи. Гарри достал палочку, произнес *«Люмос!»*, и холодное пламя осветило низкий и узкий земляной коридор. Гарри поднес пергамент к глазам, тронул кончиком волшебной палочки, сказал: «Славная вышла шалость!» — и карта исчезла. Он осторожно свернул пергамент, спрятал под мантию и с замирающим сердцем пошел по коридору.

Коридор петлял словно нора гигантского кролика. Гарри держал палочку с пламенем на конце над головой, но то и дело спотыкался.

Идти пришлось долго, и он уже подумывал, не вернуться ли, но вспоминал про «Сладкое королевство» и шел дальше. Ему стало казаться, что он идет уже целый час. Наконец коридор пошел вверх. Гарри прибавил шагу, сердце у него забилось, лицо пылало, а вот ногам было холодно.

Скоро показались ступеньки, вырубленные прямо в земле, некоторые из них обвалились. Гарри стал подниматься, глядя под ноги, — как бы не упасть и не наделать Шуму. Он принялся считать ступени, но скоро сбился со счету и вдруг стукнулся головой обо что-то твердое.

Похоже было на люк Потирая макушку, Гарри прислушался: все тихо. Он медленно приоткрыл крышку люка.

Над ней оказался подпол, заставленный деревянными ящиками и корзинами. Гарри выбрался из подземелья и опустил крышку. Она легла так плотно, что если про нее не знать, то и не догадаешься, что в этом месте начинается подземный ход. На цыпочках прокрался к деревянной лестнице. Наверху отчетливо слышались голоса, скрип входной двери и звон колокольчика.

Гарри не решался идти дальше, но вдруг дверь в подпол распахнулась, и кто-то стал спускаться.

— И не забудь коробку желатиновых червяч-

ков, дорогой… — крикнул кому — то вдогонку женский голос.

Гарри притаился за большой корзиной, кто-то прошел мимо и стал передвигать ящики в дальнем конце подпола. «Пора», — решил Гарри.

Тихонько вышел из-за корзины и поднялся по лестнице, глянул вниз: в ящике роется толстяк с блестящей лысиной. Гарри проскользнул сквозь полураскрытую дверь и очутился за прилавком «Сладкого королевства», пригнулся, выполз из-за прилавка и выпрямился во весь рост.

«Сладкое королевство» было битком набито учениками Хогвартса, никто не обратил на Гарри внимания, и он стал разглядывать полки со сладостями. Дадли перекосило бы от зависти, знай он, где сейчас Гарри.

Чего только не было на полках! Огромные куски нуги, грильяж с дробленым кокосовым орехом, толстые медовые ириски, штабели всевозможных плиток шоколада. Посреди магазина громадный бочонок драже разных вкусов «Берти Боттс», бочонок сахарных свистулек, воздушное мороженое, о котором говорил Рон. Целый стеллаж «потешных угощений»: взрывающаяся жевательная резинка «Дрюббл» (из нее можно выдувать огромные синие пузыри, которые по-

том несколько дней летают по комнате), мятные нитки для чистки зубов, перечные чертики в пакетах с надписью «Дохни огнем!», мороженое «Зубом застучи, мышью запищи», мятная помадка в форме лягушат — «В желудке прыгают, ногами дрыгают», хрупкие сахарные перья и карамельные бомбы.

Гарри протиснулся сквозь толпу шестикурсников. В дальнем углу магазина под надписью: «О вкусах не спорят!» — стояли Рон с Гермионой и разглядывали леденцы. Гарри незаметно подкрался и встал позади.

— Фу, — поморщилась Гермиона, — гадость какая! Гарри они уж точно не понравятся. И цвет, и вкус скорее для упырей, чем для людей

— А может, возьмем вот это? — Рон сунул под нос Гермионе банку с тараканами.

— Еще чего! — возмутился Гарри. Рон чуть не выронил банку.

— Гарри! — Гермиона вздрогнула от неожиданности. — Ты что тут делаешь? Как ты сюда…

— Вот это да! — Рон раскрыл от удивления рот. — Ты что, научился трансгрессировать?

— Нет, конечно, — ответил Гарри и шепотом — рядом стояли шестикурсники — рассказал друзьям о Карте Мародеров.

— Надо же, мне Джордж с Фредом ни разу ее не показали! — обиделся Рон. — А я им все-таки брат.

— Какая разница? — пожала плечами Гермиона. — Гарри все равно не оставит карту у себя, он отдаст ее профессору МакГонагалл. Верно, Гарри?

— Ну нет! — ответил Гарри.

— Ты что, спятила? — выпучил глаза Рон. — Отдать такую ценность!

— Если ее отдать, придется объяснить, откуда она у меня, — сказал Гарри. — И Фреду с Джорджем влетит от Филча.

— А вдруг Сириус Блэк знает тайные ходы в замок? — не унималась Гермиона. — Нужно предупредить учителей!

— Никого предупреждать не нужно, — возразил Гарри. — На карте семь тайных ходов. По словам Фреда и Джорджа, Филч знает четыре. Из трех других один завален, у входа во второй Гремучая ива. А тот, через который пришел я, он… откуда Блэку знать, что вход в него в подсобке магазина?

Гарри подумал: «А что, если Блэк все же знает о потайном ходе?» Рон важно кашлянул и указал на объявление на двери магазина:

ПО УКАЗУ МИНИСТЕРСТВА МАГИИ

Сообщаем покупателям, что дементорам приказано каждую ночь после заката солнца обходить улицы Хогсмида. Эту временную меру предосторожности отменят после поимки Сириуса Блэка. Советуем покупателям после захода солнца оставаться дома. Счастливого Рождества!

— Хотел бы я поглядеть, как Блэк проникнет в «Сладкое королевство», ведь в деревне дементоры кишмя кишат. Да и хозяева услышат шум, попробуй он сюда вломиться. Они живут во втором этаже.

— Но ведь… Но ведь… — Гермиона подыскивала возражение, которое воззвало бы к благоразумию друзей. — Гарри не дали разрешения ходить в Хогсмид. Если кто — нибудь узнает, что он здесь, его могут даже исключить. И солнце еще не село, вдруг Блэк нагрянет в Хогсмид сегодня? Прямо сейчас?

— Да он в такую метель Гарри и не разглядит. — Рон кивнул в сторону улицы, за окнами магазина валил густой снег. — Будет тебе, Гермиона. Рождество на носу, что, Гарри хуже других, что ли?

Гермиона в тревоге закусила губу.

— Ты на меня наябедничаешь? — улыбнулся Гарри.

— Ну что ты! Нет, конечно. Но все-таки, Гарри…

— Гарри, ты свистульки видел? — перебил Гермиону Рон, схватил Гарри за руку и потащил к бочонку с конфетами. — А желатиновые червячки? А кислые шипучки? Помню, Фред дал мне одну, мне было тогда семь лет, она мне язык насквозь прожгла. Мама его тогда здорово метлой отлупила! — Рон задумчиво уставился на корзину с шипучками. — А что, если угостить Фреда тараканьей гроздью и сказать, что это засахаренный арахис, он поверит?

Рон с Гермионой заплатили за сладости, и друзья вышли на завьюженную улицу.

Хогсмид походил на рождественскую открытку. Сказочные домики под соломенными крышами, магазины в снежных шапках, на дверях венки из остролиста, кроны деревьев украшены гирляндами волшебных свечек.

Гарри оставил мантию в замке и теперь ежился от холода. Друзья шли по улице навстречу ветру, Рон и Гермиона сквозь шарфы кричали:

— Здесь почта…

— А там магазин «Зонко»…

— Можно пойти в Визжащую хижину…

— Пойдемте лучше в «Три метлы», выпьем сливочного пива, — предложил Рон, стуча зубами от холода.

Гарри обрадовался: дул пронизывающий ветер, и у него совсем закоченели руки, было бы очень кстати посидеть в тепле. Друзья перешли на другую сторону улицы и вошли в уютный паб — первый этаж крохотной гостиницы.

В пабе было людно, шумно и дымно. За стойкой расположилась компания весельчаков, они смеялись и громко разговаривали, полная миловидная женщина едва успевала наполнять бокалы.

— Это мадам Розмерта, — сообщил Рон. — Пойду принесу нам всем по кружке, — прибавил он и слегка покраснел.

Гарри и Гермиона уселись за маленький столик в дальнем углу между окном и нарядной рождественской елкой. Рядом потрескивал камин, было очень тепло и празднично. Рон принес три кружки пива. Оно было горячее и дымилось.

— Счастливого Рождества! — весело пожелал Рон и поднял кружку.

Гарри пил большими глотками: чудесный напиток согревал все тело до кончиков пальцев.

Вдруг входная дверь отворилась, и сквозняк взъерошил волосы на голове Гарри. Он глянул в сторону двери и чуть не захлебнулся.

В бар вошли МакГонагалл и Флитвик, за ними — Хагрид с министром магии Корнелиусом Фаджем, толстячком в темно — зеленом котелке и полосатой мантии. Все четверо увлеченно о чем — то беседовали.

В мгновение ока Рон с Гермионой оба нажали ладонями на макушку Гарри. Гарри соскользнул со стула и очутился под столом, вылив на себя остатки пива. Сжимая в руках кружку, он — видел ноги вошедшей компании: вот они подошли к стойке бара, постояли немного и, развернувшись, двинулись прямо к нему.

Гермиона над его головой прошептала:

— *Мобилиарбус!*

Рождественская елка оторвалась от пола и, плавно покачиваясь, полетела. С глухим стуком приземлилась возле их столика и загородила его пушистыми ветками. Сквозь ее нижние лапы Гарри видел, как к соседнему столику придвинулись восемь пар ножек четырех стульев, и на стулья — кто крякнув, кто вздохнув — сели учителя и лесничий с Фаджем.

К ним сейчас же приблизились лаковые туфли

бирюзового цвета на высоком каблуке.

— Маленькая кружка минеральной… — спросил женский голос.

— Это мне, — ответила профессор МакГонагалл.

— Горячий грог…

— Спасибо, Розмерта, — пробасил Хагрид.

— Содовая с вишневым сиропом и зонтиком…

— М-м-м… — чмокнул губами профессор Флитвик и протянул руку за бокалом.

— Стало быть, вам, господин министр, смородиновый ром.

— Спасибо, Розмерта. Рад вас видеть! Посидите с нами?

— Благодарю, господин министр, с удовольствием.

Блестящие каблуки ушли и снова вернулись. У Гарри сердце ушло в пятки: как это он забыл, что у учителей сегодня тоже выходной? Они еще, чего доброго, здесь дотемна засидятся. А ведь ему еще надо вернуться в «Сладкое королевство», а то и в школу не попадешь… Гермиона думала о том же и нервно постукивала ногой.

— Каким ветром вас сюда занесло, господин министр? — спросила мадам Розмерта.

Гарри увидел, как задвигалась нижняя часть

упитанного туловища. Фадж, похоже, обернулся посмотреть, не подслушивает ли кто.

— Ясно каким. Сириуса Блэка, дорогая моя, ищем. Вы ведь слышали, что он учинил в школе на Хэллоуин?

— Слышала, слышала.

— Вы, Хагрид, всем успели рассказать, всему пабу? — с укоризной спросила МакГонагалл.

— Думаете, Блэк все еще поблизости? — тревожно спросила хозяйка гостиницы.

— Уверен.

— Дементоры уже дважды обыскивали мой паб, распугали всех клиентов, одни убытки…

— Розмерта, дорогая, мне и самому дементоры не по душе. Но что ж поделать? Как иначе прикажете вас охранять? Раз ваша гостиница стоит именно здесь, значит, дементоры еще не раз к вам зайдут. Я только что с ними встречался, они в бешенстве: Дамблдор не пускает их в школу.

— И правильно делает, — вступилась за директора школы МакГонагалл. — Как мы стали бы преподавать в присутствии таких чудовищ?

— Верно, верно, — тоненьким голоском поддержал коллегу малыш Флитвик, не достававший ногами до пола.

— Что поделаешь… — сдержанно заметил

Фадж. — Они охраняют вас от злодея. Блэк способен на все…

— А мне как-то не верится, что Сириус Блэк мог переметнуться на сторону Темного Лорда. Это на него не похоже… — задумчиво сказала мадам Розмерта. — Помню его студентом Хогвартса… Скажи мне тогда кто — нибудь, что из него выйдет черный маг, я бы подумала, что этот человек выпил слишком много медовухи.

— Вы, Розмерта, и половины всего не знаете, — угрюмо ответил министр. — Люди не знают самых страшных его дел.

— Что может быть страшнее убийства невинных людей? — удивилась хозяйка.

— Кое — что может.

— Сомневаюсь.

— Вы, Розмерта, говорите, что помните его студентом, — заметила профессор МакГонагалл. — А помните, кто был его лучший друг?

— Ну, как же? — Розмерта усмехнулась. — Два неразлучных приятеля. Они часто бывали здесь. Столько от них было веселья! Друзья — не разлей вода. Так и стоят перед глазами — Сириус Блэк и Джеймс Поттер.

Гарри выронил кружку, и она грохнулась на пол. Рон ткнул его ногой.

— Верно, — подтвердила МакГонагалл. — Блэк и Поттер. Зачинщики всевозможных проказ. Оба блестящие ученики, на редкость блестящие, но отчаянные сорвиголовы! Таких ни раньше, ни позже не было!

— Ну это еще неизвестно, — промычал Хагрид. — Фред с Джорджем Уизли, пожалуй, дадут им фору.

— И они были как братья, — вставил Флитвик. — Как два неразлучных брата.

— Именно, — подтвердил Фадж. — Поттер никому не доверял так, как Блэку. Они и после школы дружили. Блэк был шафером на свадьбе Джеймса и Лили. Потом родился Гарри, и Блэк стал его крестным отцом. Гарри, конечно, ничего об этом не знает. Узнает, будет очень страдать.

— из-за того, что Блэк стал сподвижником Сами — Знаете — Кого? — прошептала мадам Розмерта.

— Хуже… — Фадж понизил голос. — Не многим тогда было известно, что Поттеры знают: Вы-Знаете-Кто за ними охотится. У Дамблдора, который, разумеется, всегда боролся против Вы — Знаете — Кого, было много тайных агентов, и один из них сообщил, что Джеймсу и Лили грозит опасность. Дамблдор тут же дал им знать и посоветовал

спрятаться в тайном укрытии. А для верности подсказал воспользоваться заклятием Доверия.

— Что это такое? — Мадам Розмерта слушала, затаив дыхание.

Профессор Флитвик откашлялся и стал тонким голосом объяснять:

— Заклятие Доверия — одно из самых сложных, оно запечатывает тайну в сердце человека. — Хранителя Тайны, как его называют. Эту тайну раскрыть невозможно, разве что сам Хранитель ее выдаст. Вы-Знаете-Кто мог годами искать Лили и Джеймса и не нашел, даже если бы сунул нос в окно их дома.

— Значит, Блэк был Хранителем Тайны Поттеров? — догадалась мадам Розмерта.

— Да. Джеймс Поттер говорил Дамблдору, что Блэк скорее сам погибнет, чем их выдаст, что он и сам подумывает об укрытии, — ответила профессор МакГонагалл. — Но Дамблдор все равно за них тревожился. Он даже сам себя предложил в Хранители Тайны.

— Значит, он подозревал Блэка?

— Не то чтобы подозревал, но ему сообщили, что кто-то из друзей Поттеров переметнулся на сторону Вы — Знаете — Кого и сообщает ему об их передвижениях. Он уже какое — то время знал,

что среди нас завелся предатель.

— Но Джеймс Поттер настоял на своем?

— Да, настоял, — вздохнул Фадж — Заклинание Доверия применили, а две недели спустя…

— Блэк предал их? — выдохнула мадам Розмерта.

— Да. Ему надоело быть двойным агентом, он хотел открыто объявить, на чьей он стороне, потому и выдал Поттеров. А дальше вы знаете: Тот — Кого — Нельзя — Называть убил Джеймса и Лили. Хотел убить и малыша Гарри, но лишился волшебной силы. Мощь его исчезла, и он бежал. Блэк остался ни с чем: его патрон сгинул как раз, когда предательство его обнаружилось. Оставалось только спасаться бегством…

— Гнусный, смердящий душепродавец! — прорычал Хагрид на весь бар.

Соседи притихли и повернулись в их сторону. МакГонагалл зашикала на него.

— Я тогда его видел. — Хагрид понизил голос. — Наверное, самый последний перед тем убийством. Это я спас Гарри, вынес его из развалин, Лили — то с Джеймсом уже погибли. Я его тогда вытащил, а у него на лбу рана… а тут этот… Сириус Блэк на своем мотоцикле. Я — то тогда не знал, чего он явился… что он Хранитель Тайны.

Я подумал, он… э-э… прилетел помочь. Бледный как смерть, весь трясется. А я — то, я — то! Я его утешать стал! — Хагрид разрыдался.

— Хагрид, пожалуйста, умерьте голос, — взмолилась МакГонагалл.

— Откуда мне было знать, что ему наплевать на Лили и Джеймс, что он шпион. А он еще говорит: «Я крестный Гарри, отдайте его мне, я, мол, о нем позабочусь…» Ха! Я Гарри не отдал, Дамблдор велел мне отвезти его к тетке. Блэк поспорил — поспорил и согласился. И дал мне свой мотоцикл отвезти Гарри: «Мне, говорит, он больше не нужен». И как это я не догадался! С чего это он отдает любимый мотоцикл? И как это он больше не нужен? Эх, дубина я, дубина! Дамблдор — то знал, что Блэк — Хранитель Джеймса. Блэк думал улизнуть в ту ночь, думал, у него есть часа два, пока Министерство узнает. А отдай я ему Гарри!.. Он бы повез его на мотоцикле да и кинул бы в море. Сына-то лучшего друга! Да чо уж там, переметнулся волшебник на сторону темных сил, нет для него ни свата, ни брата…

Хагрид замолчал, и никто долго не решался заговорить.

— Но далеко он не убежал, — произнесла удовлетворенно мадам Розмерта. — Министерство

магии сцапало его на другой день.

— Увы! — вздохнул Фадж. — Не мы его нашли, к сожалению. Его нашел друг Поттера Питер Петтигрю. Он чуть с ума не сошел от горя. Знал, что Блэк — Хранитель Тайны Поттеров, и сам стал искать Блэка.

— Петтигрю, Петтигрю… уж не тот ли толстячок, что еще в Хогвартсе всюду таскался за Поттером и Блэком? — припомнила мадам Розмерта.

— Он самый, — подтвердила профессор МакГонагалл. — Он души не чаял в Блэке и Поттере. Он им был, конечно, не ровня, не те способности, а я была чересчур строга с ним. Как я теперь раскаиваюсь… — МакГонагалл всхлипнула.

— Ну будет, будет, Минерва, — похлопал ее по плечу Фадж. — Петтигрю умер как герой. Очевидцы, маглы — мы потом стерли им память, — уверяли, что Петтигрю со слезами укорял Блэка: «Как ты мог, Сириус! Лили и Джеймс наши друзья!» Потянулся за волшебной палочкой, но Блэк, разумеется, опередил его. От Петтигрю почти ничего не осталось…

Профессор МакГонагалл высморкалась и сказала севшим голосом:

— Глупый, глупый мальчишка… Дуэли никогда у него не получались! Зачем только он сам… Ведь

есть же Министерство…

— Эх, добраться бы мне до Блэка раньше Петтигрю! — взревел Хагрид. — Уж я бы с ним не канителился, я бы его голыми руками на куски…

— Нет, Хагрид, вы бы с ним не справились, — покачал головой Фадж. — Схватить его могла бы только полиция маглов. Я в те времена был заместителем главы Департамента чрезвычайных ситуаций и прибыл на место происшествия одним из первых. Никогда не забуду того, что я там увидел: посреди улицы глубокая воронка, всюду искореженные трупы, маглы кричат, а Блэк стоит и хохочет над тем, что осталось от Петтигрю — кучкой окровавленной одежды и… и… каких — то фрагментов…

Фадж замолчал. Все пятеро достали носовые платки.

— Вот, Розмерта, что содеял Блэк, — глухо продолжал министр. — Блэка забрал оттуда патруль волшебной полиции, Петтигрю посмертно получил орден Мерлина первого класса — слабое утешение для его бедной матери. А Блэка упрятали в Азкабан.

Мадам Розмерта протяжно вздохнула.

— А правда, что он лишился рассудка?

— По — моему, нет, — ответил министр, рас-

тягивая слова. — Могу одно сказать: поражение хозяина временно помутило его рассудок Убийство Петтигрю и всех тех маглов, жестокое, бессмысленное, было действием отчаявшегося, загнанного в угол человека. Но недавно я был в Азкабане и разговаривал с ним. Все заключенные там явно безумны, сидят в темноте, что-то бормочут, а Блэк… он выглядит и говорит как нормальный. Даже мурашки по коже. Вид у него человека, которому все надоело. Увидел у меня газету, спросил, прочитал ли я ее и не могу ли дать ему, сказал, что соскучился по кроссвордам. Дементоры круглые сутки дежурят у двери, а ему хоть бы что.

— Как по — вашему, господин министр, зачем он сбежал из тюрьмы? — поинтересовалась мадам Розмерта. — Уж не хочет ли он вернуть Вы — Знаете — Кому силы и примкнуть к нему?

— Думаю, что это его… э-э… конечная цель, — уклончиво ответил Фадж. — Но мы надеемся поймать Блэка раньше. Вы-Знаете-Кто сейчас один, но… дайте ему преданного и способного слугу… Подумать страшно, что будет…

За соседним столиком помолчали. Гарри услышал, как кто-то поставил на стол свой бокал.

— Нам пора в замок, Корнелиус, — заметила

профессор МакГонагалл. — Вы ведь не хотите опоздать на ужин к директору.

Стулья отодвинулись, запахнулись полы мантий, блестящие каблуки мадам Розмерты вернулись за стойку. Слышно было, как открылась входная дверь, в бар ворвался вихрь снега, и вся компания вышла.

— Гарри!

Рон с Гермионой заглянули под стол, все трое молча смотрели друг на друга, не находя слов.

Глава 11

«МОЛНИЯ»

Гарри смутно помнил, как добрался до подпола «Сладкого королевства», миновал туннель и очутился в замке. Вот он еще в «Трех метлах», а вот уже вылез из горба статуи. Всю дорогу он думал только о нечаянно подслушанном разговоре.

Как же так? Почему Дамблдор, Хагрид, мистер Уизли и Корнелиус Фадж молчали? Почему скрыли, что родителей предал их лучший друг?

За ужином Рон и Гермиона тревожно поглядывали на Гарри, не смея заговорить с ним — рядом сидел Перси. После ужина друзья поднялись в гостиную, а тут Фред и Джордж на радостях, что наступили каникулы, взорвали десяток бомб — вонючек. Гарри не хотелось рассказывать близнецам о походе в Хогсмид, и он тихонько выскользнул из гостиной и поднялся в пустую спальню. В спальне присел у тумбочки, вытащил книги и нашел фотоальбом в кожаном переплете, который ему подарил Хагрид два года назад. Там были фотографии мамы и папы. Гарри сел на постель, задернул полог и стал разглядывать

снимки…

На свадебной фотографии папа машет ему рукой, на лице у него сияет улыбка, непослушные волосы на голове, такие же, как у сына, торчат в разные стороны. Папа держит под руку маму, и она тоже светится счастьем. А рядом — шафер папы… Гарри раньше не обращал на него внимания.

Если не знаешь, что это Блэк, то и не догадаешься. На фото он красив и весел, а теперь у него исхудалое, бледное лицо. Неужели он уже тогда переметнулся на сторону Волан-де-Морта? И замышлял убить лучших друзей? Понимал ли он, что его ждет двенадцать лет в Азкабане, после которых он станет неузнаваем.

«Но ведь на Блэка дементоры не действуют!» — думал Гарри, а Блэк глядел на него с фото и улыбался. И когда они совсем близко, он не слышит крик его мамы…

Гарри захлопнул альбом и сунул в тумбочку, снял мантию и очки, плотнее задернул полог и лег.

кто-то отворил дверь спальни.

— Гарри, ты здесь? — спросил Рон.

Гарри притворился, что спит. Рон вышел, Гарри лег на спину и стал глядеть в потолок.

Впервые в жизни он почувствовал ненависть. Изображение Блэка словно вырезали из альбома и наклеили на потолок, и он в темноте смеялся над Гарри. Потом, как на экране кино, Блэк убил Питера Петтигрю (Петтигрю немного смахивал на Невилла Долгопупса). И у Гарри в ушах зазвучал тихий, взволнованный голос (хотя он никогда в жизни не слышал голоса Блэка): «Мой господин, наконец-то я — Хранитель Тайны Поттеров…» Его собеседник пронзительно захохотал, именно этот хохот Гарри слышал всякий раз, когда приближались дементоры.

— Гарри, на тебе лица нет!

Гарри заснул только под утро, а проснувшись, обнаружил, что спальня уже пуста. Он оделся и спустился по винтовой лестнице в гостиную. В гостиной были Рон с Гермионой. Рон жевал мятную жабу и поглаживал живот, Гермиона корпела над домашней работой, разложенной на трех столах.

— А где все? — Гарри рассеянно огляделся.

— Разъехались. Сегодня первый день каникул, ты что, забыл? — Рон пристально поглядел на Гарри. — Скоро обед, я уже собирался пойти тебя будить.

Гарри сел в кресло у камина. За окнами все еще падал снег. Перед камином, как рыжий пуши-

стый коврик, растянулся кот Живоглот.

— Тебе нездоровится? У тебя правда больной вид. — Гермиона обеспокоенно взглянула на Гарри.

— Нет, все в порядке.

— Послушай, Гарри, — Гермиона и Рон переглянулись, — ты, конечно, расстроился из-за того, что вчера услышал. Но все равно нельзя делать никаких глупостей.

— О чем ты?

— Нельзя самому охотиться за Блэком, — сорвалось с языка у Рона.

Гарри промолчал: разговор был явно подготовлен, пока он спал.

— Ты ведь не станешь, правда? — с надеждой спросила Гермиона.

— Блэк не стоит того, чтобы из-за него умирать, — добавил Рон.

Гарри поглядел на Рона, на Гермиону. Ну как же они не понимают?!

— Знаете, что я слышу, когда рядом дементор?

Рон с Гермионой в предчувствии чего — то страшного покрутили головами.

— Я слышу, как перед смертью кричит мама, умоляет Волан-де-Морта пощадить меня. Если бы вы вот так услышали последние слова мамы, вы

бы их навсегда запомнили. Такое не забывается. А если бы вдруг узнали, что выдал ее Темному Лорду их лучший друг…

— Ты ведь еще учишься, а Блэк уже взрослый волшебник! — воскликнула Гермиона. — Его поймают дементоры, увезут в Азкабан, там он понесет наказание!

— Ты ведь слышала, что сказал Фадж. На Блэка Азкабан не действует, как на обычных людей. Какое это для него наказание!

— И что ты задумал? — Рон был явно встревожен. — Хочешь его убить?

— Что ты, Рон! — испугалась Гермиона. — Гарри никого не хочет убить, правда, Гарри?

Гарри снова промолчал. Он и сам не знал, чего хочет. Одно было ясно: нельзя сидеть сложа руки, покуда Блэк на свободе.

— А Малфой все это знает, — вдруг сказал он. — Помнишь, Рон, его слова на зельеварении? «Будь я на твоем месте, я бы его выследил… Уж я — то бы отомстил!»

— И ты не нас послушаешь, а Малфоя? — рассердился Рон. — Вспомни, что получила мама Петтигрю после его гибели от рук Блэка? Орден Мерлина первого класса и кончик мизинца в коробочке. Папа сказал, больше ничего не нашли.

Этот Блэк чокнутый и очень опасен…

— Должно быть, Малфою сказал отец, — не слушал Гарри. — Он хорошо знал Волан-де-Морта…

— Зови его «Вы-Знаете-Кто»! — взорвался Рон.

— … значит, Малфои знали, что Блэк на стороне Волан-де-Морта…

— … и Малфой будет скакать от радости, если Блэк тебя прикончит, как Петтигрю! Пойми ты, Малфою только того и нужно, чтобы тебя укокошили к следующему матчу!

— Гарри, опомнись. Ну, пожалуйста! — со слезами взмолилась Гермиона. — Блэк страшный человек. Ну зачем тебе лезть на рожон! Ты мгновенно попадешь ему в руки, он только того и ждет….

Твои мама с папой не позволили бы тебе самому искать Блэка. Они хотели, чтобы ты жил.

— Я никогда не узнаю, чего они хотели. Я никогда — спасибо Блэку! — с ними не разговаривал.

Живоглот потянулся и выпустил длинные когти. Карман Рона задрожал. Воцарилось молчание.

— Послушайте, ведь сейчас каникулы! — воскликнул Рон. — Скоро Рождество. Идемте к Хагриду, мы у него сто лет не были.

— Нельзя, — возразила Гермиона. — Гарри не

должен выходить из замка…

— Идемте, — сказал Гарри, выпрямляясь в кресле. — Заодно спрошу его, почему он, рассказывая мне о родителях, никогда не упоминал Блэка.

Разговор о Блэке принимал явно нежелательный оборот.

— Может, лучше сыграем в шахматы? — поспешно предложил Рон. — Или в плюй — камни? Перси оставил мне игральный набор…

— Нет, пойдем к Хагриду, — твердо решил Гарри.

Друзья сходили за мантиями, вышли сквозь портретный проход («К барьеру, гнусные желтопузики!» — крикнул сэр Кэдоган вдогонку) и пошли по опустевшему замку, их шаги гулко отдавались в коридорах. Миновали дубовые двери и вдохнули свежий морозный воздух.

Спускавшийся вниз луг серебрился пушистым снегом, и шаги друзей оставляли в снегу дорожку. Носки и полы мантий скоро промокли и заиндевели. Запретный лес стоял как заколдованный, каждая ветка одета белой сверкающей опушкой, хижина Хагрида походила на глазированный торт.

Рон постучал. Хагрид не отозвался.

— Его что, нет дома? — спросила Гермиона,

стуча зубами от холода.

Рон прижался ухом к двери.

— Слышу какой-то странный звук. кто-то там есть. Может, Клык?

Гарри и Гермиона тоже приникли к двери. Внутри слышались глухие рыдания.

— Может, за кем — нибудь сбегать? — предложил Рон.

— Хагрид! — Гарри забарабанил в дверь. — Хагрид!

Раздались тяжелые шаги, и дверь отворилась. Глаза у Хагрида покраснели и опухли, по кожаному жилету струились слезы.

— Вы уже слышали! — прорыдал Хагрид и кинулся обнимать Гарри.

Лесничий был ростом с двух мужчин, его объятия были делом нешуточным. Гарри наверняка бы упал, если бы Рон с Гермионой вовремя не схватили лесничего под руки. Друзья все втроем втащили его в хижину, усадили за стол, он уронил голову на руки и разрыдался еще громче. Лицо его все было залито слезами, намокла и нечесаная борода.

— Что стряслось, Хагрид? — спросила испуганно Гермиона.

Гарри заметил на столе письмо.

— Что это, Хагрид?

Хагрид подтолкнул письмо к Гарри. Гарри раскрыл его и прочитал:

— «Уважаемый мистер Хагрид!

Сообщаем, что расследование по делу о нападении гиппогрифа на ученика во время урока закончено. Постановлено принять заверения профессора Дамблдора, что Вы в этом прискорбном инциденте невиновны».

— Да ведь это здорово! — Рон похлопал лесничего по огромному плечу. Хагрид всхлипнул и махнул Гарри рукой, чтобы читал дальше.

— «Тем не менее мы обязаны выразить наше беспокойство по поводу вышеупомянутого гиппогрифа. Мы получили жалобу от мистера Люциуса Малфоя и передаем дело в Комиссию по обезвреживанию опасных существ. Слушание состоится 20 апреля. Просим Вас прибыть в указанный день в Комиссию с Вашим гиппогрифом. До начала слушания Вам надлежит держать гиппогрифа на привязи в отдельном помещении.

С уважением, Ваши коллеги…»

Ниже шел список школьных попечителей.

— Но ведь ты говорил, что Клювокрыл очень хороший, — вспомнил Рон. — Держу пари, все обойдется…

— Нет, не обойдется! Знаю я этих упырей из Комиссии по обезвреживанию. — Хагрид утер рукавом слезы. — У них зуб на самых интересных животных.

В углу кто-то громко зачавкал. Гарри, Рон и Гермиона обернулись. На полу врастяжку лежал гиппогриф и что-то жевал.

— Ну как оставить его снаружи, ведь ужас сколько намело снегу! — всхлипывая, объяснил Хагрид. — Теперь Рождество, а он будет там один — одинешенек и на привязи.

Друзья переглянулись. Они расходились с Хагридом во взгляде на «самых интересных животных», которых другие люди называют «опасными чудовищами». Впрочем, Клювокрыл и вправду выглядел безобидным. Хагрид же и вовсе считал его милашкой.

— Тебе надо хорошенько подумать, как его защитить. — Гермиона села рядом с Хагридом и погладила его по огромной ручище. — Необходимо доказать Комиссии, что он неопасен.

— Ничего не выйдет! — рыдал Хагрид. — Комиссия в кармане у Люциуса Малфоя. Все его боятся. Я проиграю дело и тогда Клювика…

Хагрид чиркнул пальцем по шее и с плачем рухнул на стол.

— Может, Дамблдор поможет? — вслух подумал Гарри.

— Он и так мне очень помог. А у него самого забот полон рот: эти дементоры, Сириус Блэк…

Рон и Гермиона взглянули на Гарри, как будто хотели сказать: вот он, подходящий момент укорить Хагрида, умолчавшего о роли Блэка в гибели его родителей. Но Хагрид был так несчастен, так боялся за судьбу гиппогрифа, что Гарри просто не мог еще усугублять страдания своего друга.

— Хагрид, нельзя сдаваться, — твердо сказал он. — Гермиона права, надо хорошенько продумать защиту. Мы будем свидетелями…

— Я где-то читала о суде над гиппогрифом, его тоже раздразнили, и он напал на обидчика, — задумалась Гермиона. — Того гиппогрифа оправдали. Обязательно найду этот случай.

Хагрид только громче зарыдал. Гарри с Гермионой обернулись к Рону, как к якорю спасения.

— Заварю — ка я чаю, — сказал тот. Гарри вытаращил глаза.

— Мама всегда предлагает чашку чая, когда кому — нибудь плохо, — развел руками Рон.

Наконец, выслушав многочисленные заверения о помощи и увидев перед собой кружку горячего чая, Хагрид высморкался в платок раз-

мером с добрую скатерть и сказал:

— Все правильно. Нечего раскисать… надо взять себя в руки…

Огромный волкодав Клык застенчиво вылез из — под стола и положил морду Хагриду на колени.

— И чего я расквасился? На себя не похож — Хагрид погладил Клыка по холке, потрепал за ухо. — Сам не свой последнее время… беспокоюсь о Клювике, да и уроки мои никому не нравятся…

— Нам очень нравятся! — соврала Гермиона.

— Отличные уроки, — поддакнул Рон. — Как, кстати, поживают флоббер-черви?

— Все передохли, — сник Хагрид. — Салата объелись.

— Бедные… — У Рона от сдерживаемого смеха затряслись губы.

— Да еще эти дементоры… мороз по коже. — Хагрида передернуло. — Как иду в «Три метлы» промочить горло, каждый раз их вижу. Как в Азкабан вернулся.

Хагрид умолк и отхлебнул чаю. Гарри, Рон и Гермиона затаили дыхание: Хагрид впервые упомянул о заключении в волшебной тюрьме.

— А в Азкабане страшно? — осторожно спросила Гермиона.

— Еще как! — Хагрид глядел в одну точку. — Другого такого места во всем свете нет. Я думал, с ума сойду. В голове всякие ужасы вертелись… все вспоминал, как меня выгнали из школы… как умер отец… как я отпустил Норберта…

На глазах у него опять выступили слезы. Норбертом звали дракончика, которого Хагрид выиграл в карты.

— Посидишь там и забываешь, кто ты, зачем живешь. Я все мечтал, помереть бы, пока сплю… А потом меня выпустили. И я будто снова родился, все вокруг новое, лучший день в жизни. А дементоры — то меня отпускать не хотели.

— Ты же был не виноват! — с удивлением воскликнула Гермиона.

Хагрид горько усмехнулся.

— Им — то что? Им нужно пару сотен заключенных, а кто виноват, кто нет, их это не трогает. — Хагрид молча уставился в чашку, потом тихо прибавил: — Хотел я было отпустить Клювика… пусть бы себе улетел… да как ему втолкуешь, что надо улепетывать? Да и закон страшно нарушить… как бы опять… — Хагрид поглядел на Гарри, Рона и Гермиону полными слез глазами. — Не хочу обратно в Азкабан.

Хотя вечер у Хагрида был не очень веселый, все

же он оказал на Гарри то действие, на которое Рон с Гермионой рассчитывали. Гарри теперь лишь изредка вспоминал Блэка и ревностно взялся готовить оправдательную речь для суда над гиппогрифом.

На другое утро друзья отправились в библиотеку, принесли оттуда по охапке книг и в пустой гостиной засели за поиски. Весь день они сидели у пылающего камина, перелистывая пыльные тома страницу за страницей в надежде найти похожий случай. Книги были полны отчетов о знаменитых судах над опасными чудовищами. Время от времени кто-нибудь говорил:

— Вот тут есть кое — что. В тысяча семьсот двадцать втором был случай… правда, гиппогрифа признали виновным и казнили, вот, поглядите…

— А вот это, пожалуй, подойдет: в тысяча двести девяносто шестом на кого — то напала мантикора, ее оправдали и отпустили на волю… ой, нет, не годится: ее все боялись и потому отпустили…

Замок тем временем прихорашивался к Рождеству, несмотря на то что любоваться волшебными украшениями было почти некому. В коридорах висели гирлянды остролиста и омелы, щели и прорези доспехов сияли таинственным светом, а в Большом зале, как обычно, поблескивали

золотыми звездами двенадцать огромных елок. По замку поплыли ароматы праздничных яств, и в сочельник даже Короста высунула нос из кармана Рона: так вкусно пахло.

Рождественским утром Рон кинул в Гарри подушкой, и Гарри проснулся.

— С Рождеством тебя! Смотри, прибыли подарки.

Гарри сощурился и потянулся за очками, на полу у кровати в полутьме спальни высилась куча коробок. Рон уже разглядывал свои подарки.

— Еще один свитер от мамы… как всегда, темно — бордовый… Тебе она тоже наверняка прислала…

Гарри развернул первый пакет. Ему миссис Уизли связала ярко — красный с гриффиндорским львом на груди, а еще напекла пирожков с изюмом и миндалем, не забыла прислать коробки с пирожными и ореховыми леденцами. Отодвинув все это, он увидел на полу длинную плоскую коробку.

— Что это? — бросил Рон любопытный взгляд.

— Не знаю…

Гарри раскрыл подарок и не поверил глазам — это была чудесная новенькая метла. Рон выронил носки и спрыгнул с кровати.

— Вот это да! — Он даже охрип от восхищения.

И не просто метла, а та самая «Молния», которой Гарри каждый день любовался, когда жил в Косом переулке. Он взял метлу в руки. Древко блеснуло, метла задрожала, Гарри отпустил ее, и она повисла в воздухе — садись и лети. На кончике древка золотился регистрационный номер, гладкие прямые березовые прутья были как на подбор.

— Кто это тебе прислал?

— Погляди, может, в коробке есть записка? Рон разорвал упаковку.

— Ничего нет. Потрясающе! Кто же это дарит такие дорогие подарки?..

— Готов поспорить, что не Дурсли. — Гарри налюбоваться не мог на подарок

— Знаю, наверное, Дамблдор. — Рон разглядывал метлу со всех сторон. — Помнишь, он прислал тебе мантию — невидимку и не подписался?

— Мантия — невидимка была папина, — возразил Гарри. — Он мне ее просто передал. Он не может выбросить на меня сотни золотых галлеонов. Так и разориться недолго.

— Да, вряд ли он. Еще и Малфой бы сказал, что у директора завелись любимчики. Ты только представь себе, что будет с Малфоем! — Рон чуть не

захлебнулся от смеха. — Его от зависти скрючит! У тебя теперь метла международного класса!

— Даже не верится, — затаив дыхание, Гарри провел рукой по метле, а Рон рухнул от хохота на кровать, воображая позеленевшего от злости Малфоя. — От кого же…

— А я знаю от кого. — Рон перестал хохотать. — От Люпина.

— От Люпина? — Тут уж настала очередь Гарри смеяться. — Да будь у него деньги, он бы себе новый костюм купил.

— Это конечно, но он тебя любит. Он тогда пропустил матч, его вообще не было в школе, но ему, наверно, кто-то сказал о «Нимбусе», и он в Косом переулке купил тебе «Молнию».

— Как это не было в школе? Он ведь болел.

— Может, и болел, только в больничном крыле его не было. Помнишь, Снегг влепил мне наказание, я чистил утки в палатах, и Люпина там не было.

Гарри нахмурился.

— Да нет, Люпину такая метла не по карману.

— Над чем это вы смеетесь?

На пороге стояла Гермиона в домашнем халате и с рыжим любимцем на руках. На шее у кота красовался бант из мишуры, и Живоглот недо-

вольно ворчал.

— Унеси его отсюда! — Рон поскорее вытащил Коросту из — под одеяла и сунул в карман пижамы. Но Гермионе было не до Рона, она посадила кота на постель Симуса и, раскрыв рот, глазела на «Молнию».

— Гарри, кто это тебе подарил?

— Не знаю, в посылке не было поздравительной открытки.

Гермиона вдруг посерьезнела и задумчиво закусила губу.

— Что это с тобой? — удивился Рон.

— Странно как — то, — ответила Гермиона. — Это ведь очень хорошая метла, да?

— Самая лучшая в мире! — Восторгу Рона конца не было.

— Значит, она дорого стоит…

— Еще бы! Да она дороже всех метел слизеринцев, взятых вместе.

— Кто же это мог подарить Гарри такую дорогую вещь и даже не назвать себя?

— Что нам за дело, кто ее прислал? — воскликнул беспечный Рон. — Гарри, дашь полетать, а?

— На этой метле летать нельзя! — отрезала ни с того ни с сего Гермиона.

Рон и Гарри недоуменно взглянули на нее.

— И что же Гарри с ней делать? Пол ею мести, что ли?

Гермиона раскрыла было рот, но в этот миг Живоглот прыгнул с постели Симуса и вцепился в грудь Рону.

— Убери своего кота! — заорал Рон.

Кот рвал когтями его пижаму, Короста выскользнула из кармана и взобралась на плечо. Рон ухватил ее за хвост, сбросил кота и хотел было пнуть ногой, но промахнулся, угодил в чемодан у кровати Гарри, взвыл от боли и запрыгал на одной ноге.

Тут из старого носка дяди Вернона выкатился вредноскоп, закрутился на месте, засверкал и пронзительно засвистел металлическим свистом. У Живоглота шерсть встала дыбом.

— Совсем забыл про него. — Гарри нагнулся и поднял вредноскоп. — Я же сам его засунул в носок, а носки эти я не ношу.

Вредноскоп вертелся и свистел на ладони, кот выгнул спину дугой и грозно зашипел.

— Сейчас же убери своего кота, Гермиона, а то я за себя не отвечаю, — отчеканил Рон, сидя на кровати и потирая ушибленную ногу.

Гермиона подхватила Живоглота — он желтым глазом злобно глядел на Рона — и вышла

из спальни.

— Спрячь ты эту штуку, — попросил Рон.

Гарри сунул вредноскоп в носок, а носок запихал на самое дно чемодана. В комнате воцарилась тишина, только Рон пыхтел от боли и злости. Короста съежилась у него в руках. Гарри давно ее не видел, и сердце у него зашлось от жалости: крыса похудела и осунулась, кое — где вылезла шерсть.

— Она что-то совсем зачахла, — заметил Гарри.

— Не зачахла бы, не будь тут этого рыжего недоумка. Это у нее стресс.

Гарри промолчал. Обычные крысы живут только три года, вспомнились ему слова хозяйки волшебного зоомагазина. Короста была, видно, лишена волшебной силы и, стало быть, жить ей осталось совсем недолго. А Рон, хоть и жалуется, что Короста ему надоела и толку от нее чуть, все равно любит ее.

Друзья встретились в гостиной. В это Рождество им было невесело. Гермиона заперла кота в спальне и дулась на Рона: как не стыдно, хотел пнуть Глотика ногой. Рон все еще кипел: Живоглот опять чуть не съел его крысу. Гарри взялся мирить их, но махнул рукой и стал изучать свой подарок. Гермиона почему — то дулась и на метлу, ничего не говорила, но поглядывала на

нее с недоверием, как будто и метла невежливо обошлась с ее любимцем.

Наступило время обеда, и друзья спустились в Большой зал. Факультетские столы опять отодвинуты к стенам; посреди зала один общий стол, на котором накрыто на двенадцать человек За столом уже сидят Дамблдор, МакГонагалл, Снегг, Стебль, Флитвик и завхоз Филч в старомодном поношенном фраке вместо обычной коричневой куртки, двое робких первоклашек и мрачного вида слизеринец — пятикурсник

Гарри, Рон и Гермиона подошли к столу.

— Веселого Рождества! — поздравил их Дамблдор и добавил: — Нас мало, и мы решили, что глупо сидеть за разными столами. Садитесь, мы вас ждем.

Друзья все трое уселись на дальнем конце стола…

— Хлопушки! Берите, Северус. — Дамблдор протянул Снеггу большую серебряную.

Снегг неохотно протянул руку. Дернул ее за шнурок, хлопушка взорвалась, и в руке у Снегга очутился островерхий колпак на верху которого красовалось чучело грифа.

Гарри и Рон с улыбкой переглянулись. Снегг изобразил корявое подобие улыбки и передал

колпак Дамблдору, Дамблдор тут же нахлобучил его вместо своей обычной шляпы волшебника.

— Ну, что вы? Угощайтесь! — Дамблдор с сияющей улыбкой оглядел сидящих.

Едва Гарри протянул руку к блюду с жареным картофелем, как дверь в зал снова открылась и вплыла — по — другому не скажешь — профессор Трелони. На ней было длинное зеленое платье, расшитое блестками, в нем она еще больше походила на стрекозу — переростка.

— Сивилла! Вот так сюрприз! — воскликнул Дамблдор и привстал.

— Я глядела в магический кристалл, господин директор, — ответила Трелони мистическим, потусторонним голосом. — И к своему вящему удивлению, увидела себя: я покидаю свое одинокое убежище и спускаюсь к вам. Разве могу я бросать вызов судьбе? И я поспешила сюда. Прошу вас простить мне опоздание…

— Ну, разумеется, какой разговор?.. — У Дамблдора в глазах заплясали лукавые огоньки. — Позвольте начертать вам стул.

И директор на самом деле начертал в воздухе волшебной палочкой стул, он медленно завертелся, повисел немного и приземлился между Снеггом и МакГонагалл. Трелони, однако, не села,

она обвела сидящих взглядом огромных глаз и вдруг вскрикнула:

— Я не смею, профессор! Если я сяду, нас будет тринадцать. Не забывайте: когда вместе обедают тринадцать человек, кто первый встанет, тот первый умрет.

— Давайте, Сивилла, забудем сегодня эту примету, — нетерпеливо ответила МакГонагалл. — Садитесь скорее, индейка остынет.

Профессор Трелони немного помедлила, смежила веки, поджала губы и опустилась на стул с таким видом, как будто предвидела — стол сейчас поразит молния. Профессор МакГонагалл тотчас запустила разливную ложку в ближайшую супницу.

— Не желаете супу с потрохами, Сивилла? — спросила она.

Трелони как не слышала. Открыла глаза и снова оглядела присутствующих

— А где же любезный профессор Люпин?

— Ему опять нездоровится, — ответил Дамблдор и жестом пригласил всех начинать трапезу. — Бедный Люпин, надо же заболеть на Рождество!

— Вы, конечно, знали об этом, Сивилла? — спросила МакГонагалл, подняв брови.

Трелони бросила на соседку ледяной взгляд.

— Разумеется, знала, Минерва. Но не в моих правилах выставлять напоказ всеведение. Обычно я себя веду так, словно у меня нет Третьего глаза. Зачем волновать людей?

— Это многое объясняет.

— Должна сказать, Минерва, — в голосе Трелони вдруг пропала потусторонность, — профессор Люпин недолго пробудет с нами. И кажется, он сам знает, что время его на исходе. Я как — то предложила ему поглядеть в магический кристалл, так он просто сбежал…

— Его можно понять, — сухо отозвалась МакГонагалл.

— Едва ли профессору Люпину в ближайшее время что-то грозит, — вмешался Дамблдор приветливым, но все же слегка повышенным голосом, что положило конец пререканиям профессоров. — Северус, вы ведь сварили ему еще одну порцию зелья?

— Да, господин директор.

— Вот и прекрасно! Стало быть, он скоро поправится. Дерек, вы еще не пробовали свиных сарделек? Попробуйте, очень рекомендую, — обратился Дамблдор к первокурснику.

Тот отчаянно покраснел и дрожащими руками приблизил к себе миску с сардельками.

До самого конца пиршества Трелони вела себя вполне сносно. Сидели за столом еще два часа, Гарри и Рон в рождественских колпаках из хлопушек перепробовали все кушанья Они первые встали из-за стола, и профессор Трелони громко вскрикнула:

— Мои дорогие! Кто из вас встал первый?

— Не знаю. — Рон смущенно глянул на Гарри.

— По — моему, это не имеет никакого значения, — холодно заметила профессор МакГонагалл. — Если только за дверью не стоит сумасшедший с топором, готовый отрубить голову первому, кто выйдет в холл.

Все, даже Рон, засмеялись. Трелони была оскорблена до глубины души.

— Ты идешь? — спросил Гарри Гермиону.

— Нет, — буркнула Гермиона. — Мне надо поговорить с профессором МакГонагалл.

— Наверное, хочет нагрузить себя еще уроками, — зевая, сказал Рон по дороге в холл.

Сумасшедшего с топором в холле не было. На портрете у входа в гостиную Гриффиндора сэр Кэдоган праздновал Рождество с парой монахов, своим толстым пони и двумя — тремя предшественниками Дамблдора. Сэр Кэдоган поднял, забрало шлема и поприветствовал друзей круж-

кой, полной меда.

— Веселого Рождества!.. Ик!.. Пароль?

— «Подлый трус!»

— Вам того же, сэр! — крикнул рыцарь, и проем открылся.

Гарри поднялся в спальню за новой метлой и набором для ухода за метлами, который Гермиона подарила ему в день рождения. Спустившись вниз, он тщательно осмотрел «Молнию»; нет ни одного сломанного прутика, и древко блестит так, что и полировать не надо. Гарри отложил набор и стал с Роном просто любоваться метлой. Скоро дверной проем отворился и вошла Гермиона, за ней профессор МакГонагалл.

МакГонагалл была деканом Гриффиндора, но в гостиную факультета захаживала редко. Гарри видел ее только раз, она тогда пришла с очень неприятным известием. Гарри и Рон, держа в руках «Молнию», глядели на нее не без удивления. Гермиона обошла их, села за стол, взяла первую попавшуюся книгу и спрятала в нее лицо.

— Это и есть та самая метла? — спросила МакГонагалл, подозрительно глядя на «Молнию». — Мисс Грэйнджер только что сообщила мне, что вам, Поттер, подарили метлу.

Гарри и Рон обернулись к Гермионе. из-за кни-

ги — Гермиона держала ее вверх ногами — был виден только ее покрасневший до корней волос лоб.

— Вы позволите? — МакГонагалл, не дожидаясь согласия, взяла метлу и тщательно оглядела. — Если я правильно поняла, ни письма, ни открытки в посылке не было.

— Да, не было, — кивнул головой Гарри.

— Боюсь, Поттер, что мне придется забрать ее у вас.

— Забрать? — Гарри вскочил с места — Почему?

— Нужно проверить, не наложены ли на нее чары. Сама я в метлах не разбираюсь, но, думаю, мадам Трюк вместе с профессором Флитвиком сумеют ее разобрать…

— Разобрать? — повторил Рон таким тоном, как будто заподозрил, что профессор МакГонагалл сошла с ума.

— Это займет всего несколько недель. Как только убедимся, что метла чиста от заклятий, мы вам сразу ее вернем.

— Метла в порядке, профессор… — Голос Гарри чуть заметно дрожал. — Честно…

— Откуда вам знать, Поттер? — мягко возразила МакГонагалл. — Вы ведь на ней еще не летали, и

пока мы не убедимся, что метла не заколдована, боюсь, летать на ней вам не придется. Я буду вам сообщать, как подвигается дело.

Профессор МакГонагалл развернулась на каблуках и вышла из гостиной. Гарри глядел ей вслед, сжимая в руке жестянку с полиролью. Рон повернулся к Гермионе.

— Кто тебя просил говорить МакГонагалл про новую метлу Гарри?!

Гермиона отбросила книгу. Краска еще не сошла с ее лица, но она встала и смело поглядела в глаза Рона.

— Потому что я подумала, и профессор МакГонагалл со мной согласилась, метлу мог прислать Гарри Сириус Блэк!

Глава 12

ПАТРОНУС

Конечно, Гермиона хотела как лучше, но Гарри все равно злился. Каких — то несколько часов он держал в руках самую лучшую в мире метлу, а теперь даже не знал, увидит ли еще когда-нибудь свою «Молнию». И все из-за Гермионы. Гарри был уверен, что сейчас метла в полном порядке. Но что с ней станет после проверок, страшно подумать!

Рон же был просто в ярости. Разобрать на части совершенно новую «Молнию»! Да это настоящее преступление! А Гермиона не сомневалась, что поступила правильно, и перестала бывать в общей гостиной. Наверное, сидит в библиотеке, решили Рон с Гарри, но не пошли мириться. К счастью, каникулы кончились, и вскоре после Нового года башня Гриффиндора снова наполнилась людьми и шумом.

Вечером перед началом нового семестра к Гарри подошел Вуд.

— Как прошло Рождество? — поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, тихо продолжил: — Я

тут на каникулах кое о чем размышлял… Ну, о том, что случилось во время последнего матча. Дементоры ведь могут снова явиться на матч… Я хочу сказать… Мы не можем позволить тебе…

Вуд смутился и замолчал.

— Я тоже об этом думал, — быстро произнес Гарри. — Профессор Люпин сказал, что научит меня противостоять дементорам, после Рождества у него будет время. Начнем заниматься на этой неделе.

— Прекрасно! — просиял Вуд — Тогда другое дело… Я не хочу терять такого ловца, как ты, Гарри. А ты заказал новую метлу?

— Нет, — качнул головой Гарри.

— Нет?! — недоуменно переспросил капитан. — Пора бы уже заказать! В матче против Когтеврана на «Комете» и делать нечего!

— Ему подарили на Рождество «Молнию», — сообщил сидящий рядом Рон.

— «Молнию»? — Вуд изменился в лице. — Не может быть! Нет, ты серьезно? Настоящую… настоящую «Молнию»?

— Не радуйся, Оливер, — мрачно произнес Гарри. — У меня ее больше нет. Забрали проверить, не заколдована ли она.

И он объяснил Оливеру, что произошло в рож-

дественский вечер.

— Заколдована? — с недоверием переспросил Вуд. — Но кто мог ее заколдовать?

— Сириус Блэк, — вздохнул Гарри. — Говорят, он охотится за мной. И МакГонагалл решила, что это он прислал метлу.

Вуда, кажется, не очень взволновало известие, что за его ловцом охотится знаменитый убийца.

— Но Блэк не смог бы купить «Молнию»! — выпалил он. — Он ото всех скрывается! Вся страна его ищет! Он что, просто так зашел в магазин товаров для квиддича и купил метлу?

— Я это понимаю… — махнул рукой Гарри. — А МакГонагалл — нет. Она хочет всю ее разобрать на части…

Вуд побледнел.

— Я пойду и поговорю с ней, Гарри, — пообещал он. — Попробую ей объяснить… «Молния»… настоящая «Молния» в нашей команде… Она ведь не меньше меня хочет, чтобы мы победили… Она должна понять… «Молния»…

На следующий день начались занятия, первый был урок Хагрида. Гарри и его однокурсникам совсем не хотелось дрожать под открытым небом два часа в холодное январское утро. Но урок оказался на удивление веселым. Хагрид — таки

придумал, чем развлечь класс, принес целую кучу саламандр и разжег костер. Ребята весь урок подбрасывали в пламя сухие ветки и листья, а огнелюбивые ящерицы, извиваясь, сновали среди раскалившихся добела поленьев.

Зато урок прорицания был куда менее веселым.

Профессор Трелони учила гадать по руке. Взглянув на ладонь Гарри, она без обиняков сообщила ему, что такой короткой линии жизни она отродясь не видела.

А вот защиты от темных искусств Гарри ждал с нетерпением, особенно после разговора с Вудом. Ему хотелось как можно быстрее приступить к дополнительным занятиям с Люпином.

— Да, да, — кивнул профессор, когда в конце урока Гарри напомнил ему о его обещании. — Дай подумать… Как насчет четверга? Скажем, в восемь часов вечера? Думаю, кабинет истории магии нам подойдет, он достаточно просторный. Надо хорошенько обмозговать, как будем практиковаться… ведь настоящего дементора в замок не приведешь…

— А вид у него все такой же нездоровый, — сказал Рон по дороге в трапезную. — Как ты думаешь, что с ним такое?

За спинами у них раздалось громкое насмешливое хмыканье. Друзья обернулись. У ног рыцаря в латах сидела Гермиона и пыталась втиснуть в сумку учебники, которых было так много, что сумка не закрывалась.

— Что это ты хмыкаешь? — обиделся Рон.

— Ничего я не хмыкаю, — с важным видом ответила Гермиона, закидывая сумку на плечо.

— Я слышал, — настаивал Рон. — Мне интересно, что происходит с Люпином, а ты тут хмыкаешь…

— А разве это не ясно? — На лице Гермионы было написано такое превосходство, что Рон буквально взбесился.

— Не хочешь говорить, не надо! Просить не будем!

— Ну и прекрасно! — И Гермиона, пройдя мимо них, с надменным видом удалилась по коридору.

— Ничего она не знает, — Рон бросил ей вслед презрительный взгляд. — Просто вид делает.

В четверг ровно в восемь вечера Гарри вышел из башни Гриффиндора и направился в кабинет истории магии. Там было темно и пусто, он достал палочку и зажег лампы. Через пять минут в кабинет вошел профессор Люпин и водрузил на стол профессора Бинса большой ящик

— Что это? — спросил Гарри.

— Еще один боггарт, — пояснил Люпин, снимая мантию. — Я два дня прочесывал замок. И мне повезло: в шкафу у мистера Филча нашел вот этого. Заменит нам дементора. Увидит тебя и сразу превратится в монстра, так что мы сможем на нем практиковаться. А в перерывах между занятиями боггарт будет жить в моем кабинете; у меня там есть один шкаф, который придется ему по вкусу. Жаловаться не будет.

— Хорошо, — кивнул Гарри и, пытаясь скрыть волнение, изобразил, что очень обрадовался найденной замене.

— Итак... — Профессор Люпин вытащил свою волшебную палочку, жестом показав Гарри, чтобы он сделал то же самое. — Заклинание, которому я собираюсь тебя научить, Гарри, — это магия высшей категории, которую не изучают в школе. Оно называется заклинание Патронуса.

— А как оно действует? — занервничал Гарри.

— Если все сделать правильно, заклинание вызовет Патронуса, — пояснил Люпин. — Патронус — что-то вроде покровителя, будет тебе щитом против дементора. В общем, антидементор.

Гарри вдруг ясно представил себе, как он съежился за гигантской фигурой, сжимающей в руке

огромную дубину.

— Патронус — это вид положительной силы, воплощение всего, что дементоры пожирают — надежду, счастье, стремление выжить. Но в отличие от человека, Патронус не знает, что такое отчаяние, и поэтому дементор не в состоянии причинить ему вреда, — продолжил профессор Люпин. — Однако я должен предупредить, что заклинание может оказаться для тебя слишком сложным Оно бывает не по силам даже опытным волшебникам.

— А на что похож Патронус? — полюбопытствовал Гарри.

— У каждого волшебника получается свой Патронус, — ответил Люпин.

— А как вы его вызываете?

— Надо сосредоточиться на одном — единствен-ном, самом счастливом воспоминании и произнести магические слова, — объяснил профессор.

Гарри, погрузившись в себя, начал искать в памяти счастливое воспоминание. Разумеется, семейство Дурслей не подарило ему ни одной счастливой минуты. А что было самое приятное в Хогвартсе? Ну, конечно, первый полет на метле!

— Есть, — произнес он, стараясь как можно

острее пережить заново то фантастическое ощущение.

— А теперь слова… — Люпин прокашлялся. — *Экспекто патронум!*

— *Экспекто патронум*, — чуть не задыхаясь, проговорил Гарри. — *Экспекто патронум.*

— Ты хорошо сосредоточился на счастливом воспоминании? — спросил Люпин.

— Д — да… — Гарри как можно быстрее вернулся мыслями к первому полету на метле. — *Экспекто патроно…* нет, *патронум…* извините… *экспекто патронум, экспекто патронум.*

Внезапно из волшебной палочки вырвалось что-то похожее на струю серебристого газа.

— Вы видели? — обрадовался Гарри. — Видели? У меня получилось!

— Очень хорошо, — улыбнулся Люпин. — Ну что ж, ты готов опробовать заклинание на дементоре?

— Да, — ответил Гарри, стиснув в руке волшебную палочку.

Он вышел на середину кабинета и попытался сосредоточиться на полете, но что-то мешало ему… В любой миг он может снова услышать мамин голос… Нельзя об этом думать, иначе он услышит ее, а он не хочет этого… Или все же

хочет?

Люпин взялся за крышку ящика и рывком поднял ее.

Из ящика медленно поднялся дементор, его закрытое капюшоном лицо повернуто к Гарри, а блестящая чешуйчатая рука крепко вцепилась в мантию. Лампы замигали и погасли. Дементор, хрипло дыша, медленно поплыл к нему И на Гарри накатилась волна ледяного холода…

— *Экспекто патронум!* — завопил он. — *Экспекто патронум! Экспекто.*

Но и кабинет, и дементор уже растворялись в знакомом густом белом тумане. В голове эхом отдавались крики матери, и звучали они куда громче, чем раньше.

«Только не Гарри! Только не Гарри! Пожалуйста, я сделаю все, что угодно…»

«Отойди… Отойди, девчонка…»

— Гарри! — позвал откуда-то голос.

Гарри вернулся в реальность. Он лежал на полу ничком. В комнате горел свет. И ему даже не надо было спрашивать о том, что случилось.

— Извините, — прошептал он, садясь. Пот, обильно выступивший на лбу, застилал глаза.

— Как ты себя чувствуешь? — встревожено спросил Люпин.

— Ничего… — ответил Гарри. Ухватившись за ближайший стол, кое — как встал на ноги и прислонился к нему.

— Съешь. — Люпин протянул ему шоколадную «лягушку». — Надо съесть перед следующей попыткой. Я знал, что с первого раза не получится. Более того, я был бы крайне удивлен, если бы получилось.

— Хуже, чем тогда, — проговорил Гарри, откусывая у «лягушки» голову. — В тот раз ее голос был громче. И еще голос Волан-де-Морта…

Лицо Люпина заметно побледнело.

— Гарри, если ты не хочешь продолжать…

— Хочу! — отчаянно крикнул Гарри, отправляя в рот остатки «лягушки». — Я должен! Вдруг дементоры явятся на следующий матч с Когтевраном? Нельзя, чтобы я снова упал с метлы. Проиграем мы этот матч, не видать нам Кубка по квиддичу!

— Ладно… — понимающе произнес Люпин. — Тогда тебе, наверное, лучше выбрать другое счастливое воспоминание… Похоже, что первое оказалось недостаточно сильным…

Гарри задумался и решил, что, наверное, самое счастливое воспоминание о том, как в конце прошлого года он получил двести очков и благодаря

ему Гриффиндор занял первое место в соревновании между факультетами. Он снова стиснул палочку и вернулся на середину кабинета.

— Готов? — спросил Люпин, опуская руки на крышку ящика.

— Готов, — ответил Гарри, изо всех сил пытаясь заполнить голову счастливыми воспоминаниями о победе Гриффиндора, а не мрачными мыслями о том, что случится, когда ящик откроется.

— Начали! — выкрикнул Люпин, откидывая крышку.

В комнате снова воцарились темнота и ледяной холод. Дементор поплыл на Гарри, хрипло дыша и протягивая к нему свою гниющую руку…

— *Экспекто патронум!* — закричал Гарри. — *Экспекто патронум! Экспекто пат…*

Перед глазами вновь появился густой белый туман… вокруг него двигались большие размытые тени… а затем появился новый голос, голос мужчины, в котором отчетливо слышалась паника.

«Лили, хватай Гарри и беги! Это он! Беги! Быстрее! Я задержу его…»

Гарри слышал, как кто-то выбегает из комнаты, как громко распахивается дверь, как раздается высокий визгливый хохот…

— Гарри! Гарри! Очнись…

Гарри открыл глаза и понял, что Люпин с силой бьет его по щекам. На этот раз ему понадобилась целая минута, чтобы сообразить, почему он лежит на пыльном полу.

— Я слышал голос папы, — пробормотал Гарри. — Я в первый раз его услышал… Он пытался задержать Волан-де-Морта, он хотел выиграть время… дать маме возможность скрыться…

Гарри внезапно осознал, что по его лицу течет не только пот, но и слезы. Он тут же наклонился и сделал вид, что завязывает шнурки, а сам старался как можно незаметнее утереть слезы рукавом.

— Ты слышал Джеймса? — странным голосом спросил Люпин.

— Да… — Гарри, утерев лицо, поднял голову. — А почему… разве вы знали моего папу?

— Я… Да, я его знал, — ответил Люпин. — Мы были друзьями, когда учились в Хогвартсе. Послушай, Гарри, наверное, на сегодня хватит. Заклинание крайне сложное… Напрасно я предложил тебе…

— Нет! — воскликнул Гарри, вставая на ноги. — Я попробую еще раз! Наверное, я думаю о не слишком счастливых вещах, все дело именно в этом… Подождите…

Он снова погрузился в мысли. Ему нужно было

по — настоящему счастливое воспоминание… Такое, которое могло бы превратиться в сильного Патронуса…

Гарри вдруг замер, а потом поднял голову и поглядел на Люпина. Он нашел то, что искал, — день, когда он узнал, что он волшебник и что он уедет от Дурслей в Хогвартс! Если это нельзя было назвать счастливым воспоминанием, тогда в его жизни вообще не было счастливых минут… Гарри, собрав все силы, сосредоточился на своих чувствах, когда он понял, что покинет дом на Тисовой улице, и снова вышел на середину кабинета.

— Готов? — спросил Люпин. Судя по его виду, он уже жалел о том, что разрешил Гарри сделать еще одну попытку. — Сосредоточился? Ну что ж, начали!

Он в третий раз поднял крышку, и из ящика поднялся дементор — комната наполнилась темнотой и холодом, и…

— *ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!* — завопил Гарри. — *ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ! ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!*

В его голове снова раздались крики, только сейчас они звучали так, словно доносились из плохо настроенного приемника. Они становились то тише, то громче, то снова тише, но Гарри

по — прежнему отчетливо видел перед собой дементора. Фигура в капюшоне замерла… и вдруг из палочки Гарри вырвалась огромная серебристая тень и зависла между ним и дементором… У Гарри дрожали ноги, но он еще держался на них, хотя и не знал, как долго ему удастся простоять…

— Ридикулус! — воскликнул Люпин, выпрыгивая вперед.

Раздался громкий треск, и Патронус и дементор исчезли. Ноги у Гарри подкосились, и он рухнул на ближайший стул. Он чувствовал себя так, словно только что пробежал несколько километров. Скосив глаза, он наблюдал, как профессор Люпин наставил свою палочку на боггарта, как тот (как всегда, при виде Люпина) превратился в серебристый шар и как профессор загнал боггарта обратно в ящик.

— Великолепно! — произнес Люпин, подходя к Гарри. — Просто великолепно, Гарри! Вот это начало!

— Может, попробуем еще? — переведя дыхание, спросил Гарри. — Всего один раз?

— Нет, — твердо ответил Люпин. — На этот вечер с тебя хватит. Вот, держи…

Люпин протянул Гарри большую плитку самого лучшего шоколада.

— Съешь его весь, иначе мадам Помфри меня убьет, — улыбнулся он. — Ну что, встречаемся через неделю в это же время?

— Хорошо, — кивнул Гарри и развернул плитку. Он ел шоколад и наблюдал, как Люпин гасит лампы, которые после исчезновения дементора снова вспыхнули. И вдруг ему в голову пришла мысль, которую он просто не мог удержать в себе.

— Профессор Люпин, — позвал он. — Если вы знали моего отца, вы должны были знать и Сириуса Блэка.

Люпин тут же обернулся.

— Почему ты так думаешь? — резко спросил он.

— Ну… просто… — растерялся Гарри, удивленный реакцией профессора. — Просто я знаю, что они дружили, когда учились в школе…

Выражение лица Люпина смягчилось.

— Да, я его знал, — коротко ответил он. — Точнее, думал, что знаю. Тебе лучше вернуться в свою спальню, Гарри. Уже поздно.

Гарри вышел из кабинета, прошел по коридору и свернул за угол. А потом вернулся к стоявшему на постаменте рыцарю и присел на постамент, чтобы доесть шоколадку. Несмотря на то что от плитки осталось уже совсем немного, он

чувствовал себя утомленным и абсолютно опустошенным

И жалел о том, что упомянул Блэка, потому что было яснее ясного — профессору Люпину эта тема не понравилась.

Но уже через минуту мысли Гарри переключились на его родителей. С одной стороны, слышать их предсмертные крики было ужасно, но с другой стороны, это были голоса его родителей, которых он никогда не слышал. Точнее, слышал, но не помнил этого, потому что тогда он был грудным ребенком. Но он знал: если в нем будет жить пусть даже небольшое желание услышать их снова, ему никогда не удастся победить дементоров…

— Они умерли, — твердо произнес он, обращаясь к самому себе. — Они умерли, и даже если ты будешь слушать их голоса, это не вернет их к жизни. Пойми это наконец, если хочешь выиграть Кубок школы по квиддичу.

Гарри встал, запихнул в рот последний кусок шоколадки и двинулся в сторону башни Гриффиндора.

Через неделю после начала семестра состоялся первый матч. Слизерин встречался с Когтевраном и выиграл с небольшим перевесом. По мнению Вуда, этот результат вполне устраивал гриффин-

дорцев. Теперь, победи они когтевранцев, второе место им обеспечено. Вуд довел количество тренировок до пяти в неделю. Для Гарри это значило, что на домашние задания у него остается всего один вечер, ведь по четвергам Люпин учил его вызывать Патронуса, и это было куда труднее тренировок. Но все равно он не уставал так, как Гермиона. Она столько всего на себя нагрузила, что, похоже, нервы ее стали сдавать. Каждый вечер она сидела в углу Общей гостиной, разложив на нескольких столах учебники, карты с колонками цифр, рунические справочники, схемы, иллюстрирующие способность маглов поднимать тяжести, кипы исписанных пергаментных свитков. Она ни с кем не разговаривала и довольно грубо пресекала все попытки оторвать ее от работы.

— Как она все это совмещает? — однажды вечером спросил Рон Гарри, который корпел над скучнейшим сочинением для профессора Снегга о ядах, не оставляющих следа.

Гарри оторвался от своего пергамента. Гермиону почти не было видно за горой наваленных друг на друга книг.

— Что совмещает?

— Уроки. Она учит сразу столько предметов! —

сказал Рон. — Я сам слышал, как она сегодня утром обсуждала с профессором Вектор, ну, с той, которая преподает нумерологию, вчерашний урок. Но Гермиона не могла на нем быть, она ведь была с нами на уходе за магическими существами! А Эрни МакМиллан сказал, что она никогда не пропускает и изучение маглов, хотя половина этих уроков совпадает с прорицанием. Но и прорицание она посещает без пропусков!

У Гарри сейчас не было времени поразмыслить над загадкой расписания уроков Гермионы — он маялся над сочинением для Снегга. А минуту спустя его опять прервали, на этот раз Вуд.

— Плохие новости, Гарри. Я только что говорил с профессором МакГонагалл о твоей «Молнии». Она очень на меня рассердилась. Сказала, что у меня перевернута вверх ногами система ценностей. Она думает, что меня больше волнует Кубок, чем твое здоровье. А я всего — то и сказал: «Подумаешь, сбросит! Главное — схватить снитч». — Вуд удивленно покачал головой. — Ты не представляешь, как она на меня накинулась. Как будто я сказал что-то ужасное. Я спросил, сколько еще они будут эту «Молнию» изучать… — Вуд сдвинул брови и продолжал, передразнивая суровый голос профессора: — «Столько, сколько

потребуется». Вот и весь ответ… По-моему, Гарри, пора тебе заказывать метлу. На последней странице «Выбери себе метлу» есть купон заказа. Хорошо бы ты заказал «Нимбус–2001», как у Малфоя.

— Я никогда ничего не буду покупать, как у Малфоя, — категорически заявил Гарри.

* * *

Январь незаметно сменился февралем, а холода все еще держались. Матч с Когтевраном приближался, давно пора было заказать метлу, но Гарри все надеялся, что получит обратно свою бесценную «Молнию». После каждого урока трансфигурации он спрашивал профессора МакГонагалл, готова ли метла. Рон, волнуясь, стоял рядом, а Гермиона, отвернувшись, стремительно проходила мимо.

— Нет, Поттер, не готова, — сказала МакГонагалл после двадцатого раза, не успел еще Гарри открыть рта. — Мы исследовали метлу на обычные заклятия, все в порядке, но профессор Флитвик хочет испытать ее еще на Молниеносный бросок. Вот все закончим, и я сразу вам сообщу. Так что, пожалуйста, перестаньте меня терзать.

Но хуже всего было то, что занятия с Люпином проходили не так успешно, как Гарри хотелось. В конце концов, он научился при появлении дементора вызывать неотчетливую серебристую тень, но этот его Патронус все же был слабоват и не мог дементора прогнать. Он только маячил впереди матовым облаком, питаясь энергией Гарри и истощая его. Гарри злился на себя: он никак не мог подавить в душе тайное желание еще раз услышать голос родителей.

— Ты слишком требователен к себе, — наставительно заметил Люпин на четвертом занятии. — Для тринадцатилетнего волшебника даже призрачный Патронус — поразительное достижение. Ты ведь больше не теряешь сознания!

— Я думал, Патронус может уложить дементора на лопатки или совсем прогнать. — Гарри явно упал духом.

— Более мощные Патронусы все это умеют, — подбодрил его Люпин. — Но ты действительно многого достиг за такой короткий срок. Если дементоры явятся на следующий матч, ты сумеешь сдержать их и благополучно приземлиться.

— Но вы сказали, когда их много, с ними труднее справиться.

— Я совершенно в тебе уверен, — улыбнулся

Люпин. — Отведай — ка этого питья, ты его заслужил. Это из «Трех метел». Ты еще не скоро сам сможешь его купить…

С этими словами Люпин вынул из портфеля две бутылочки.

— Сливочное пиво! — не подумав, брякнул Гарри. — Я очень его люблю.

У Люпина удивленно поползли вверх брови.

— Рон с Гермионой приносили мне из Хогсмида, — не моргнув глазом, соврал Гарри.

— А — а, — протянул Люпин. Но во взгляде у него еще какой-то миг оставалось подозрение. — Что ж, давай выпьем за победу Гриффиндора над Когтевраном! Но, конечно, мне, как учителю, не положено отдавать предпочтение какому — то факультету, — прибавил он поспешно.

Пили лимонад молча, но у Гарри на языке вертелся один вопрос.

— А что у дементора под капюшоном? — наконец не выдержал он.

Профессор Люпин, оторвавшись от бутылочки, нахмурился.

— Видишь ли, те немногие, кто это знает, не в состоянии поведать об этом. Дело в том, что дементоры откидывают капюшон только для того, чтобы применить свое последнее и самое

страшное оружие…

— Какое оружие?

— Его называют Поцелуй дементора, — сказал Люпин, тяжело усмехнувшись. — Дементоры его применяют к тем, кого хотят совершенно уничтожить. Думаю, что под капюшоном у них что-то вроде рта, они прижимают челюсти ко рту жертв и высасывают из них душу.

Гарри поперхнулся, напиток попал не в то горло.

— Что? Это они так убивают?

— Нет, гораздо страшнее. Тебе известно, что без души человек может жить, пока у него работают мозг и сердце? Но он ничего больше не чувствует, ничего не помнит…. И поправить это нельзя. Человек просто существует. Пустой, как выеденное яйцо. Душа навсегда покинула тело. Навсегда. — Люпин сделал еще несколько глотков. — Такая судьба ожидает и Сириуса Блэка. Об этом сегодня написано в утреннем выпуске «Пророка». Министерство дало разрешение применить Поцелуй, если они его найдут.

Гарри какой-то миг оторопело думал о людях, у которых через рот высосали душу. И тут же мысли перекинулись на Блэка.

— Он это заслужил, — тихо проговорил он.

— Ты так полагаешь? — деликатно спросил Люпин. — Ты и в самом деле думаешь, что существуют люди, которые заслуживают такого наказания?

— Да! — с отчаянной решимостью воскликнул Гарри. — Есть ведь совсем особые преступления.

Как ему хотелось рассказать о разговоре про Блэка, который он подслушал в «Трех метлах». О том, что Блэк предал его отца и мать. Но тогда придется поведать, что он без разрешения побывал в Хогсмиде, а это вряд ли понравится Люпину. Поэтому он благоразумно промолчал, допил сливочное пиво, поблагодарил Люпина и покинул кабинет истории магии.

Гарри ругал себя, что задал этот вопрос о капюшонах. Ответ был такой ужасный, что он не шел у него из головы. Гарри представлял себе, как дементоры высасывают из человека душу и что он при этом испытывает. Воображение разыгралось, и Гарри столкнулся со спускавшейся вниз МакГонагалл.

— Надо, Поттер, смотреть, куда идете! — попеняла ему профессор.

— Простите, профессор МакГонагалл…

— А я искала вас в гостиной. Мы только что закончили исследование. Ну, кажется, в вашей

«Молнии» нет ничего опасного. У вас, Поттер, есть где — то очень хороший друг…

Гарри не поверил глазам: профессор МакГонагалл протягивала ему целехонькую «Молнию» и тепло улыбалась.

— Я… я могу взять ее? — У него даже сел голос. — Правда?

— Конечно, можете, — сказала профессор МакГонагалл. — Хорошо бы успеть до матча на ней полетать. И пожалуйста, Поттер, постарайтесь в субботу поймать снитч. Иначе мы восьмой год не будем чемпионами, как мне любезно напомнил профессор Снегг вчера вечером.

Онемев от радости, Гарри взял красавицу «Молнию» и понес ее обратно в гостиную. Завернув за угол, он увидел бегущего навстречу Рона, который улыбался во все лицо.

— Она отдала ее тебе? Вот здорово! А можно, я завтра немножко на ней полетаю?

— Конечно, когда хочешь! — наконец-то у него отлегло от сердца, весь последний месяц он места себе не находил. — Знаешь что, Рон, давай помиримся с Гермионой. Ведь она хотела как лучше….

— Помиримся хоть сейчас. Она в гостиной, работает.

Друзья свернули в коридор, ведущий в их гости-

ную, и увидели Невилла Долгопупса. Он умолял сэра Кэдогана пропустить его, но тот со всей твердостью ему отказывал.

— Я записал их на бумажку. — Невилл чуть не плакал. — И где-то ее выронил!

— Свежо предание! — громыхал сэр Кэдоган. Увидев же Рона и Гарри, милостиво им улыбнулся: — Приветствую вас, мои юные йомены! Поспешите заковать в железо этого бездельника. Он хочет силой ворваться в замок!

— Ну, хватит, — сказал Рон рыцарю, поравнявшись с Невиллом.

— Я потерял бумажку с паролями, — проговорил несчастный Невилл. — Выпросил у него все пароли на эту неделю. Он ведь их то и дело меняет. И теперь не знаю, куда они делись.

— «Острый кинжал», — сказал сэру Кэдогану Гарри, и тот разочарованно, с большой неохотой подвинулся в сторону и пропустил в гостиную всю компанию.

Головы присутствующих тотчас обратились к ним, гостиную наполнил взволнованный шепот, все окружили Гарри, восхищенно глядя на «Молнию» и наперебой восклицая:

— Где ты ее взял, Гарри?

— Дашь мне полетать?

— Ты уже пробовал летать на ней?

— Теперь когтевранцы проиграют! Они все летают на «Чистометах–7»!

— Гарри, дай немного подержать!

Минут десять «Молния» переходила из рук в руки, ее вертели так и этак. Наконец все более или менее угомонились и разошлись по своим местам. Гермиона единственная не подошла к ним. Она сидела, склонившись над работой, стараясь не глядеть в их сторону. Гарри с Роном остановились у ее стола, и она оторвалась от книг.

— Мне вернули ее. — Гарри улыбнулся и протянул ей метлу.

— Видишь, с ней все в порядке! — сказал Рон.

— А могло быть и не в порядке! Во всяком случае, вы теперь уверены, что нет никакой опасности.

— Да, конечно, — кивнул Гарри. — Пойду отнесу ее в спальню.

— Я отнесу! — вызвался с энтузиазмом Рон — Мне все равно надо пойти дать лекарство Коросте.

Он взял «Молнию» и, держа ее, как будто она сделана из хрусталя, поспешил наверх в спальню мальчиков.

— Можно, я здесь сяду, рядом с тобой?

— Разумеется, — сказала Гермиона и убрала со стула целую гору пергаментных свитков.

Гарри оглядел заваленный книгами и сочинениями стол. Чего только на нем не было! Длиннющее эссе по нумерологии, на котором еще не просохли чернила; еще более длинное сочинение по изучению маглов на тему «Почему простецам нужно электричество»; перевод рун, над которым Гермиона сейчас трудилась.

— Как ты все это успеваешь? — спросил Гарри.

— Просто я знаю цену времени, — ответила Гермиона.

Теперь, когда Гарри смотрел на нее вблизи, было заметно, что выглядит она почти также изможденно, как профессор Люпин.

— А ты не могла бы все-таки уменьшить количество предметов? — сказал Гарри, видя, как Гермиона перекладывает тяжелые тома, ища словарь для перевода рун.

— Конечно нет! — покачала головой Гермиона.

— По-моему, нет ничего страшнее цифр. — Гарри взял карту со столбцами цифр, вид у которого был и правда устрашающий.

— А по-моему, нет ничего интереснее, с чувством сказала Гермиона. — Это мой любимый предмет.

Но Гарри так и не узнал, что такого особенного было в нумерологии. В этот самый миг на лестнице из спальни мальчиков раздался душераздирающий вопль. Гостиная в ужасе притихла, взгляды всех устремились наверх. Тут же послышался быстрый топот шагов, становившийся все громче. И в гостиную ворвался Рон, в руках которого белела скомканная простыня.

— ГЛЯДИ! — завопил он, подбегая к столу Гермионы. — Нет, ты гляди! — тряс он простыни перед ее глазами.

— Рон, что случилось…

— КОРОСТА! БЕДНАЯ КОРОСТА! Гермиона, ничего не понимая, отпрянула от Рона. Гарри взглянул на одну из простыней, она была испачкана чем — то красным, очень походившим на… кровь. Гарри всего передернуло.

— Это кровь! — кричал Рон в притихшей гостиной. — Короста исчезла! Азнаете, чтобыло на полу?

— Н-нет, — дрожащим голосом ответила Гермиона.

Рон бросил что-то на перевод рун. Гарри и Гермиона нагнулись над ним. Поверх странных имен и названий лежало несколько длинных рыжих кошачьих волосков.

Глава 13

ГРИФФИНДОР ПРОТИВ КОГТАВРАНА

На этом, казалось, дружба Рона и Гермионы кончилась навсегда. Они так рассердились друг на друга, что Гарри и не надеялся их помирить.

Рона особенно возмущало, что Гермиона никогда не принимала попытки Живоглота сожрать Коросту всерьез. Даже сейчас она отстаивала невиновность Глотика и посоветовала Рону хорошенько поискать крысу под кроватями в спальне. Гермиона категорически утверждала: у Рона нет никаких доказательств, что Живоглот съел крысу, рыжие волоски могли остаться там еще с рождественских каникул. Рон вообще был настроен против кота — не мог забыть, как тот прыгнул ему на голову в зоомагазине.

Честно говоря, Гарри не сомневался, что Живоглот — таки сожрал крысу, все говорило против него. Он попытался втолковать это Гермионе. Гермиона очень обиделась.

— Я так и знала, Гарри, что ты возьмешь его сторону. Сначала «Молния», теперь Короста. Во всем виновата одна я! Не мешай мне, пожалуй-

ста. У меня очень много работы.

Рон тяжело переживал пропажу Коросты.

— Хватит тебе, Рон, — уговаривал его Фред. Ты ведь всегда говорил, что Короста уже совсем старая, просто ходячая древность. Буквально на глазах тает. Ей же лучше, что ее сожрал Глотик. Ам! — и нет. Не мучалась.

— Фред! — возмутилась Джинни. — Как тебе не стыдно!

— Ты сам говорил, что она только ест и спит, — поддержал близнеца Джордж.

— А помните, как она укусила Гойла? Хотела сделать нам приятное, — со слезами на глазах вспоминал Рон.

— Да, было такое, — подтвердил Гарри.

— Звездный час Коросты. — Фреду едва удавалось сохранить серьезную мину. — Пусть укушенный палец Гойла будет вечным памятником благородной Коросте. Ну что ты разнюнился, Рон! Будешь в Хогсмиде — купи себе новую крысу. Было бы из-за чего страдать!

Гарри прибегнул к последнему средству и позвал Рона с собой на тренировку — матч с Когтевраном предстоял уже завтра — и пообещал после тренировки дать полетать на «Молнии». Кажется, это подействовало, Рон перестал сокру-

шаться («Конечно, идем! Потренируюсь на ней забрасывать мячи в кольца».), и друзья отправились на стадион.

Мадам Трюк все еще опекала Гарри во время тренировок и, как все, пришла в восторг от «Молнии». Взяла ее в руки и стала разглядывать как профессионал.

— Только гляньте на этот противовес! Если у «Нимбусов» есть какие — то недостатки, так только легкий крен хвоста. После нескольких лет их начинает немного заносить в сторону. И рукоять они усовершенствовали, она чуть тоньше, чем у «Чистометов». Напоминает старые «Серебряные стрелы», жаль, что их перестали делать. Я училась на «Стреле», просто замечательная была метла…

Казалось, мадам Трюк не остановится, и Вуду пришлось ее прервать.

— Простите, мадам Трюк, можно Гарри возьмет свою «Молнию»? Нам надо еще немного потренироваться…

— Да, да, конечно, — протянула она Гарри метлу. — Пойду посижу наверху…

И они с Роном покинули поле, а команда собралась вокруг Вуда послушать его последние наставления перед завтрашним матчем.

— Я, Гарри, только что узнал, кто будет у наших

противников ловцом. Чжоу Чанг с четвертого курса. Она сильный игрок… Я надеялся, что она еще не сможет играть, — у нее была серьезная травма… — Излив негодование, вызванное несвоевременным выздоровлением Чжоу, Вуд прибавил: — Но, с другой стороны, она летает на «Комете–260», а «Комета» по сравнению с «Молнией» ползает как черепаха. — Он бросил восхищенный взгляд на метлу Гарри и скомандовал начать тренировку.

наконец-то Гарри оседлал свою красавицу. Полет на «Молнии» превзошел все ожидания. Метла слушалась малейшего движения, казалось, она подчиняется не руке, а мелькнувшей мысли. Летала «Молния» с такой скоростью, что стадион превратился в сплошное серо — зеленое пятно. Гарри резко послал ее в пике, так что Алисия Спиннет даже вскрикнула, выполнил идеальный вираж, коснувшись травы, и опять взмыл, высота вот уже тридцать, сорок, пятьдесят футов…

— Гарри, внимание, — раздался голос Вуда. — Выпускаю снитч!

Гарри повернул и погнался за одним из бладжеров, легко обогнал его, заметил за спиной Вуда снитч, еще несколько секунд — и ладонь Гарри крепко его сжала.

Команда восторженно загалдела. Гарри выпустил мячик, дал ему фору одну минуту, затем ринулся следом, виляя между игроками, заметил его у колена Кэти Белл, догнал ее, легко развернулся и опять снитч у него в руке.

Такой успешной тренировки еще никогда не было. Команда, вдохновленная присутствием ловца верхом на «Молнии», безупречно проделала все самые трудные движения. И когда наконец приземлились на поле, Вуд не сделал игрокам ни одного замечания. «Впервые за последние пять лет», — заметил Джордж.

— Завтра нам ничто не должно помешать. Мы обязаны выиграть, — сказал Вуд. — Как ты, Гарри? Проблемы дементоров больше не существует?

— Все в порядке, — ответил Гарри, а про себя подумал: не мешало бы его Патронусу быть помощнее.

— Дементоры больше не появятся, Оливер, — уверенно бросил Фред. — Дамблдор этого не допустит.

— Надеюсь, — согласился Вуд. — На сегодня все. Отличная работа, ребята. Немедленно возвращаемся в замок. Завтра рано вставать…

— Мы немного задержимся, — сказал Гарри. — Рон хочет полетать на «Молнии».

Все поспешили в раздевалку, а Гарри пошел навстречу Рону, перепрыгнувшему барьер, который отделял трибуны от поля. Мадам Трюк тем временем досматривала на скамейке третий сон.

— Держи, — протянул Гарри другу метлу. Рон, сияя от счастья, вскочил на «Молнию» и воспарил в густеющую тьму, а Гарри пошел по краю поля, наблюдая за полетом Рона. Когда мадам Трюк, вздрогнув, проснулась, было уже совсем темно. Побранив друзей за то, что они не разбудили ее, она велела им немедленно идти в замок.

Рон и Гарри с «Молнией» на плече покинули темный стадион, обсуждая потрясающие качества «Молнии», — удивительную плавность, молниеносное переключение скоростей, предельную точность при поворотах.

На полдороге Гарри глянул налево, и сердце у него ушло в пятки: из кромешной тьмы на него глядели два горящих глаза. Гарри остановился как вкопанный.

— Что с тобой? — встревожился Рон. Гарри ткнул влево пальцем. Рон вынул из кармана волшебную палочку.

— *Люмос,* — велел он.

Луч света метнулся по траве, корням дерева, по кроне. Там среди ветвей с уже набухшими

почками сидел рыжий Живоглот.

— Брысь! — крикнул Рон, нагнулся и поднял с земли камень.

Но бросить его он не успел — Живоглот, грациозно махнув рыжим хвостом, растворился в темноте.

— Ты видел? — Рон опять разъярился. — Она продолжает выпускать его. Живоглот гуляет где хочет. Переварил, наверное, мою Коросту и сейчас решил закусить птичкой…

Гарри ничего не ответил. Страх отступил, и он вздохнул полной грудью. Ему даже было немного стыдно: он подумал, что горящие глаза принадлежат Гриму. Рону он ничего не сказал, но больше не глядел ни вправо, ни влево, и скоро они благополучно дошли до ярко освещенного главного входа.

* * *

На другое утро Гарри вошел в Большой зал в сопровождении свиты: его спальня решила, что «Молния» достойна таких почестей. Все головы обернулись к ним, зал наполнился восхищенными возгласами. Команда же Слизерина, с удовольствием отметил Гарри, была точно громом поражена.

— Ты видел его лицо? — спросил Рон, бросив ликующий взгляд на Малфоя. — У него даже рот перекосило!

Вуд тоже сиял в отраженных лучах славы.

— Давай положим метлу на середину стола, — предложил он Гарри и стал бережно укладывать ее надписью вверх для всеобщего обозрения.

Скоро к столу начали подходить когтевранцы и пуффендуйцы. Седрик Диггори поздравил Гарри с приобретением, достойно заменившим погибший «Нимбус», а Пенелопа Кристал, подруга Перси из Когтеврана, попросила подержать «Молнию». Она долго и внимательно разглядывала ее, так что Перси не без тревоги воскликнул:

— Смотри, Пенни, не испорть чего — нибудь! Мы с Пенелопой поспорили на десять галлеонов, кто выиграет.

Пенелопа положила метлу на место, поблагодарила Гарри и вернулась за свой стол. А Перси чуть не взмолился шепотом:

— Гарри, постарайся выиграть! У меня нет десяти галлеонов… Да — да, Пенни, я уже иду! — И Перси поспешил присоединиться к ней за столом для старост.

— А ты уверен, Поттер, что эта техника тебе по зубам? — послышался насмешливый голос. —

Жаль, что она не снабжена парашютом. Вдруг рядом очутится дементор!

Крэбб с Гойлом дружно заржали.

— Жаль, Малфой, что у тебя нет дополнительной пары рук, — сказал Гарри. — С четырьмя ты точно золотого мяча не упустишь.

Тут уж захохотали гриффиндорцы. Малфой злобно сощурил белесые глазки и поспешно отошел к своему столу. Взгляды всех слизеринцев обратились к нему: они наверняка спрашивали, настоящая ли у Гарри «Молния».

Без четверти одиннадцать команда Гриффиндора отправилась в раздевалку. День был прохладный и солнечный, дул легкий ветерок — полная противоположность осеннему дню, когда была игра с пуффендуйцами. Видимость была отличная. И Гарри, хоть и немного нервничал, чувствовал радостное возбуждение, какое может дать только матч по квиддичу. Наверху слышался шум — трибуны заполнялись зрителями. Гарри снял черную школьную мантию, вынул волшебную палочку и сунул ее под майку, поверх которой натянул алую форму своей команды. Хорошо бы она сегодня не понадобилась. Внезапно в голове мелькнула мысль, пришел ли на стадион профессор Люпин.

— Последнее напутствие, — сказал Вуд перед выходом на поле. — Если мы проиграем этот матч, мы выбываем из соревнований. Играйте так, как вчера на тренировке. И все будет о'кей!

На поле выходили под оглушительные аплодисменты. Когтевранцы в голубых майках уже стояли посредине поля. Их ловец Чжоу Чанг была в команде единственной девушкой. Она была на голову ниже Гарри, и Гарри, несмотря на нервное возбуждение, заметил, что она очень красивая. Команды выстроились друг против друга, Чжоу улыбнулась Гарри, и у него екнуло сердце. Нет, так перед матчем не лихорадит, это что-то совсем другое.

— Вуд, Дэйвис, обменяйтесь рукопожатием, — сухим судейским тоном произнесла мадам Трюк, и капитаны пожали друг другу руки. — Седлайте метлы… По свистку… Три… два… один!

Гарри на «Молнии» взлетел в небо выше и быстрее всех Он парил над полем, высматривая золотой снитч и слушая краем уха, что говорит комментатор — друг близнецов Уизли Ли Джордан.

— Команды стартовали. Главное событие этого матча — «Молния», на которой летает ловец гриффиндорцев Гарри Поттер. Как пишет «Волшебная

метла», в этом сезоне на мировом чемпионате по квиддичу все команды отдадут предпочтение именно этой модели…

— Вы не могли бы, Джордан, комментировать то, что происходит на поле, — прервал его голос профессора МакГонагалл.

— Перехожу к комментарию, профессор. Немного информации всегда полезно. Между прочим, «Молния» имеет встроенный автоматический тормоз…

— Джордан!

— Сейчас, сейчас… Гриффиндорцы ведут игру, Кэти Белл рвется к кольцам Когтеврана…

Гарри пронесся мимо Кэти, высматривая, не мелькнет ли где золотое оперение снитча. Чжоу, не отставая, висела у него на хвосте. Она, несомненно, потрясающе летает. Умеет подрезать противника, заставить его сменить направление полета.

— Покажи ей свою скорость, Гарри! — крикнул Фред, пролетая мимо наперерез бладжеру, который стремительно приближался к Алисии.

Облетая ворота когтевранцев, Гарри резко прибавил скорость, и Чжоу заметно отстала. Как раз в это время Кэти закинула в кольцо первый мяч, трибуна гриффиндорцев взорвалась восторжен-

ными криками, и тут Гарри увидел его — снитч порхал над самой землей у барьера, отделяющего трибуны от поля.

Гарри вошел в пике, Чжоу увидела его маневр и ринулась за ним Гарри прибавил скорость, он ликовал — пике его любимая фигура высшего пилотажа. Снитч был всего метрах в трех… Но под носом внезапно возник бладжер, посланный противником, Гарри свернул и потерял несколько драгоценных секунд — желанная добыча исчезла из виду.

По трибунам гриффиндорцев пронеслось разочарованное «о — ох!», когтевранцы же приветствовали своего загонщика бурными аплодисментами. Джордж Уизли в порыве чувств отправил второй бладжер в сторону обидчика, который избежал столкновения, сделав в воздухе сальто.

— Гриффиндор ведет со счетом восемьдесят — ноль, — вещал комментатор. — Посмотрите, что вытворяет на «Молнии» Гарри Поттер! Он демонстрирует все ее возможности! Особенно видна сейчас точно выверенная балансировка…

—

ДЖОРДАН! ВАС ЧТО, НАНЯЛИ РЕКЛАМИРОВАТЬ «МОЛНИИ»? КОММЕНТИРУЙТЕ МАТЧ!

Когтевранцы начали выравнивать счет, им удалось забросить три мяча, и теперь разрыв между командами составлял всего пятьдесят очков. Если Чжоу поймает снитч, когтевранцы выиграют. Гарри спикировал вниз, едва не столкнувшись с загонщиком противника. Он лихорадочно искал глазами маленький крылатый мячик Ага, вот он! У самых ворот гриффиндорцев блеснула золотая вспышка…

Гарри прибавил скорость, глаза не отрывались от золотого пятнышка. Откуда ни возьмись, в двух шагах возникла Чжоу, и Гарри, сбросив скорость, вильнул в сторону.

— Гарри! Не время быть джентльменом! — рявкнул Вуд. — Сбрось ее с метлы, если надо!

Гарри обернулся и увидел Чжоу, она лукаво улыбнулась. Снитч опять исчез. Гарри взвился вверх и окинул взглядом игру с высоты птичьего полета. Чжоу не отрывалась от него. Гарри разгадал ее тактику: не искать снитч самой, а пристроиться ему в хвост. Ну, раз так, пусть пеняет на себя.

Он снова вошел в пике, Чжоу решила, что он заметил снитч, и рванула за ним. Гарри круто вышел из пике и опять взмыл с быстротой пули. Чжоу не успела повторить его маневр и продол-

жала падать вниз. И тут он увидел снитч — в третий раз. Снитч парил над самой травой на половине когтевранцев.

Гарри развил бешеную скорость. Чжоу — у самой земли — тоже. Но где ей за ним угнаться! Снитч все ближе с каждой секундой…

— А — а! — вдруг крикнула Чжоу, указав куда — то пальцем.

Гарри бросил туда взгляд.

Три дементора, три высокие черные фигуры в балахонах двигались прямо на него.

Ни секунды не медля, Гарри сунул руку за пазуху, мгновенно достал волшебную палочку и крикнул:

— *Экспекто патронум!*

что-то огромное серебристо — белое выплыло из его палочки. Он знал, оно отпугнет дементоров, и даже не стал оборачиваться, ум его был на удивление ясен. Гарри глядел вперед, он был почти на месте. Протянул руку, все еще сжимавшую палочку, и пальцы сумели крепко схватить крошечный сопротивляющийся, снитч.

Прозвучал свисток мадам Трюк. Гарри круто развернулся и увидел, как шесть алых расплывчатых пятен несутся к нему. Команда набросилась на него с такой силой, что чуть не оторвала от

метлы. А внизу на трибунах бушевали гриффиндорцы, кричали до хрипоты «ура!».

— Молодец! Молодец! — твердил как заведенный Вуд.

Алисия, Анджелина и Кэти зацеловали его, а Фред так крепко сжал в объятиях, что Гарри испугался — сейчас задушит. Таким спутанным клубком команда и приземлилась на поле. Гарри соскочил с метлы и двинулся навстречу бегущим на поле гриффиндорцам во главе с Роном. Не успел опомниться, как его окружила ликующая толпа.

— Хо-хо-хо! — кричал Рон.

— Отлично сработано, Гарри! — важно произнес Перси, очень довольный. — Десять галлеонов мои! Прости, мне нужно найти Пенелопу.

— Ты, Гарри, просто гений! — орал Симус Финниган.

— Бриллиант, чисто бриллиант! — громыхал Хагрид поверх голов гриффиндорцев, отплясывающих танец дикарей.

— Это был настоящий Патронус, — шепнул кто-то Гарри в ухо.

Гарри обернулся и увидел профессора Люпина, который выглядел потрясенным и счастливым одновременно.

— Я нисколько не испугался дементоров, — сказал Гарри. — Просто вообще ничего не почувствовал.

— Скорее всего, наверное, потому, что они… они были ненастоящие. Пойдемте посмотрим.

И профессор Люпин повел Гарри в конец поля.

— Вы сильно напугали мистера Малфоя, — сказал он.

Гарри смотрел на груду черных балахонов, барахтающихся на траве. Это были Малфой, Крэбб, Гойл и Маркус Флинт, капитан команды слизеринцев. Малфой, кажется, взгромоздился на плечи Гойла. Четверка негодяев пыталась высвободиться из длинных черных балахонов. Рядом стояла профессор МакГонагалл, лицо ее выражало крайнюю степень возмущения.

— Недостойное трюкачество! — кричала она. — Подлая и трусливая попытка вывести из игры ловца гриффиндорцев! Все выбудете строго наказаны. И минус пятьдесят очков Слизерину. Я буду говорить с профессором Дамблдором о вашем поведении. Вот он, кстати, сам идет сюда.

Это был последний, завершающий штрих к победе гриффиндорцев. Рон, пробившийся сквозь толпу к Гарри, сложился пополам от смеха, глядя, как Малфой выползает из черного балахона, из —

под которого все еще старался выбраться Гойл.

— Скорее, Гарри! — крикнул подоспевший Джордж. — Устроим грандиозный праздник! Все в нашу гостиную!

— Прекрасная идея! — подхватил Гарри. Никогда в жизни он не был так счастлив.

Гриффиндорцы во главе с командой, которая все еще была в алых мантиях, покинули стадион и двинулись к главному входу замка.

* * *

Праздновали так, как будто выиграли Кубок, пиршество и веселье длились до глубокой ночи. Фред с Джорджем часа на два отлучились и вернулись нагруженные бутылочками со сливочным пивом, шипучим тыквенным соком и пакетами, полными сладостями из «Сладкого королевства». Счастливый Джордж стал разбрасывать «мятных лягушек» как конфетти.

— Как вы все это достали? — изумилась Анджелина Джонсон.

— Нам немного помогли Лунатик, Бродяга, Сохатый и Хвост, — шепнул Фред Гарри на ухо.

Только одна Гермиона не принимала участия в общем веселье. Она — невероятно! — сидела в углу и пыталась читать толстенную книгу «Быт

и нравы британских маглов». Гарри вышел из-за стола, где Фред с Джорджем начали жонглировать бутылочками, и подошел к ней.

— Ты хоть на матче-то была? — спросил он.

— Конечно, — ответила Гермиона странным тоненьким голосом, не отрывая взгляда от книги. — Я очень рада, что мы выиграли. Ты играл прекрасно, но мне надо к понедельнику прочитать всю эту книгу.

— Иди к нам, Гермиона, поешь чего-нибудь, — позвал ее Гарри, бросив взгляд на Рона — в каком он расположении духа, готов ли зарыть в землю боевой топор.

— Я правда не могу, Гарри, мне еще читать четыреста двадцать две страницы. — В голосе ее теперь явно звучали слезы. — И вообще… Рон не хочет сидеть со мной за одном столом.

На это нечего было возразить. Рон как раз в эту минуту высказался:

— Бедная Короста! Если бы ее не съели, она бы сейчас полакомилась «пестрыми пчелками», она так их любила.

Гермиона расплакалась. Не успел Гарри открыть рот, она захлопнула книжищу, сунула ее под мышку, рыдая, побежала к лестнице, ведущей в спальню девочек, и исчезла из виду.

— Не пора ли утихомириться, Рон? — не повышая голоса, сказал Гарри.

— Нет, — твердо ответил Рон. — Она хоть бы немножко раскаялась! Но Гермиона никогда не признает себя неправой. Ведет себя, как будто с Коростой ничего не случилось, — гуляет где — то, или уехала на каникулы.

Праздник закончился в час ночи; пришла профессор МакГонагалл, одетая в домашний халат из шотландки и с сеточкой на волосах, и велела всем идти спать. Гарри с Роном всю дорогу в спальню не переставали обсуждать матч. И, только увидев свою кровать под пологом, Гарри понял, как он устал. Поскорее лег, задернул плотнее полог, чтобы не проникал ни один лунный луч, устроился поудобнее и почти мгновенно уснул.

Ему снился очень странный сон. Он идет по лесу с «Молнией» через плечо, старается догнать что-то длинное, молочно — белое, струящееся между деревьями, из-за стволов и веток Гарри не может разглядеть что. Прибавил шагу, и оно прибавило. Гарри побежал, впереди послышался быстрый стук копыт. Он уже мчался что было духу, и оно помчалось. За следующим поворотом Гарри очутился на полянке и вдруг:

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а! Не-е-е-е-е-е-е-е-ет!

Гарри проснулся тут же, как будто его наотмашь ударили по щеке. Ничего не понимая спросонья — темнота кромешная, — Гарри путался в шторах полога: в спальне явно что-то происходило.

— Что случилось? — раздался в другом конце голос Симуса Финнигана.

Хлопнула дверь спальни. Найдя наконец края полога, Гарри раздернул их, и в тот же миг Дин Томас включил настольную лампу.

Рон с перекошенным от ужаса лицом сидел на кровати, полог его с одного края был разорван.

— Блэк! Сириус Блэк! С ножом! — кричал он без передышки.

— Что?!

— Был здесь! Только что! Разрезал полог! Разбудил меня!

— Тебе это не приснилось? — спросил Дин.

— Посмотрите на полог. Говорю вам, что он был здесь!

Все повскакали с кроватей. Гарри первый добежал до двери, и все ринулись вниз по лестнице. Позади них захлопали двери, послышались сонные голоса:

— Кто кричал?

— Что случилось?

Общая гостиная была освещена дотлевающими

в камине углями, пол усеян мусором, оставшимся после праздника. В гостиной — никого.

— Ты уверен, Рон, что это тебе не приснилось?

— Говорю вам, я его видел!

— Почему такой шум?

— Профессор МакГонагалл велела всем идти спать!

В гостиную спустились девочки, зевая и поплотнее запахивая халаты. Прибывало и мальчиков.

— Прекрасно! Значит, продолжим праздновать! — провозгласил неунывающий Фред Уизли.

— Все марш наверх! — скомандовал ворвавшийся в гостиную Перси, прикалывая к пижаме значок старосты школы.

— Перси, здесь Сириус Блэк. Он был у нас в спальне. С ножом. Разбудил меня.

В гостиной стало тихо — тихо.

— Глупости! — сказал Перси, но было видно, что он потрясен. — Ты переел, и тебе приснился кошмар…

— Говорю тебе…

— Ладно, замолчи. Хватит!

В гостиную вернулась профессор МакГонагалл. Захлопнула за собой портрет с сэром Кэдоганом и обрушила на гостиную гневную тираду:

— Я, разумеется, счастлива, что Гриффиндор выиграл. Но всему есть предел! Перси, я от вас такого не ожидала!

— Я здесь ни при чем, профессор. Я только что приказал всем вернуться в спальни. Моему брату Рону приснился кошмар…

— Неправда, это был не кошмар! — обиделся Рон. — Я проснулся, профессор, а Сириус Блэк стоит надо мной с ножом в руке!

МакГонагалл повернулась к Рону.

— Это смешно, — сказала она. — Как он мог пройти в гостиную мимо нашего стража?

— А вы у него спросите. — Рон указал пальцем на изнанку портрета сэра Кэдогана. — Спросите, не видел ли он…

Глянув на Рона с подозрением, МакГонагалл толкнула портрет и вышла. Вся гостиная затаила дыхание.

— Сэр Кэдоган, вы вот только что никого не впускали в башню?

— Как же, добрая леди, впустил.

— Вы… впустили? А… а пароль?!

— А у него они были! — гордо сказал сэр Кэдоган. — На всю неделю, миледи. Целый список на кусочке пергамента. Он их мне прочитал!

Профессор МакГонагалл вернулась сквозь уз-

кий проем в гостиную. Гриффиндорцы оторопело молчали, профессор была бледна как мел.

— Какой, — дрожащим голосом начала она, — какой неописуемый глупец написал на клочке пергамента все пароли недели и потом потерял его?

Гробовое молчание в гриффиндорской гостиной было нарушено слабым, испуганным всхлипом. Невилл Долгопупс, дрожа от макушки до носков пушистых комнатных тапочек, медленно поднял руку.

Глава 14

МЕСТЬ СНЕГГА

В ту ночь никто в башне Гриффиндора не спал. Все знали, что замок снова обыскивают сверху донизу. Собрались в Общей гостиной и ждали новостей. На рассвете в гостиную спустилась профессор МакГонагалл и сказала, что Блэк опять ускользнул.

На другой день по всему замку были приняты более жесткие охранные меры. Профессор Флитвик учил главные входные двери распознавать Блэка по увеличенному портрету. Филч носился по всем закоулкам и коридорам, заколачивал все щели и мышиные норы. Сэра Кэдогана уволили, его портрет отправили обратно на пустынную площадку восьмого этажа. На входе в башню Гриффиндор опять появилась Полная Дама, отреставрированная специалистами. Она все еще нервничала и согласилась вернуться на работу при одном условии: ей дадут дополнительную охрану. Специально для нее наняли грозного вида троллей, которые ходили по коридору, злобно хрюкали и мерились дубинками.

Гарри обратил внимание, что одноглазая ведьма не охранялась и доступ к ней был открыт. Очевидно, Фред и Джордж правы: только они, а теперь еще Гарри, Рон и Гермиона знали о тайном ходе прямо под ней.

— Как по — твоему, — спросил Гарри Рона, — не сказать ли о нем кому — нибудь?

— Нет, — помотал головой Рон. — Ведь он сюда проник не через «Сладкое королевство». Если бы магазин был ночью взломан, знаешь сколько было бы шуму!

Гарри был рад, что Рон одного с ним мнения. Забьет Филч этот проход, и он никогда больше не сможет попасть в Хогсмид.

Рон в мгновение ока стал знаменитостью. Первый раз в жизни не Гарри, а он был в центре всеобщего внимания. И надо сказать, ему это нравилось. Хотя он все еще окончательно не пришел в себя после ночных переживаний, он взахлеб рассказывал всем и каждому об этом происшествии, украсив его россыпью подробностей: «Сплю это я и вдруг слышу, как будто кто-то что-то рвет. Я подумал — это во сне. Но тут, представляете, чувствую сквозняк… Проснулся, гляжу: полог с одной стороны сорван. Я повернулся, а он прямо надо мной стоит… как скелет. Волосы колтуном.

В руке огромный нож, сантиметров тридцать, а то и сорок. Смотрит на меня, а я на него. Я как заору — и его как ветром сдуло.

Прослушав эту душераздирающую историю, девочки со второго курса вернулись к своим делам. А Рон обратился к Гарри:

— Как ты думаешь, почему он исчез?

Гарри и сам ломал над этим голову. Почему Блэк, обнаружив, что выбрал не ту кровать, не прикончил Рона, поднявшего истошный крик, и не стал искать Гарри. Двенадцать лет назад он хладнокровно убил столько ни в чем не повинных людей, а тут пять безоружных мальчишек, и четверо из них крепко спят.

— Наверное, решил, что ты своим криком разбудил всю башню и ему надо скорее уходить из замка, — поразмыслив, сказал Гарри. — Помедли он немного, ему бы пришлось убить всех гриффиндорцев, иначе из гостиной не выбраться. Да еще учителя…

А Невилл попал в опалу. Профессор МакГонагалл просто рассвирепела: навсегда отлучила его от Хогсмида, наложила наказание и запретила сообщать ему пароль. Бедный Невилл каждый вечер теперь ждал у портрета с Дамой, пока кто — нибудь подойдет и проведет его, дежурные

тролли, фланирующие по коридору, смотрели на него с большим подозрением. Но конечно, самому суровому наказанию Невилла подвергла бабушка — все остальное было так, пустяки. Два дня спустя после вторжения Блэка она прислала ему Громовещатель. Эта позорная кара обрушилась на Невилла во время завтрака.

Совы — почтальоны, как всегда, влетели в Большой зал, неся в клювах письма. На стол перед Невиллом приземлилась огромная амбарная сова, в клюве у нее был красный конверт. Сидевшие напротив Гарри и Рон сразу узнали Громовещатель — Рон в прошлом году получил такой же от миссис Уизли.

— Хватай его и скорее беги отсюда! — крикнул Рон.

Говорить дважды не надо было. Невилл схватил письмо и; держа его перед собой как бомбу, пулей вылетел в холл. Слизеринцы за своим столом покатились со смеху. Письмо взорвалось почти у самых входных дверей. Голос бабушки, стократ усиленный, наполнил замок так опозорить всё славное семейство Долгопупсов!

Гарри было жаль Невилла, и он не сразу заметил, что и ему есть письмо. Опомнился он, когда Букля больно клюнула его в руку.

— Ой! — воскликнул он от неожиданности. А, это ты, Букля!

Он взял у нее письмо и открыл конверт, а Букля тем временем принялась за хлопья, оставленные Невиллом. Записка была от Хагрида.

Дорогие Гарри и Рон!

Как вы насчет того, чтобы выпить со мной чашку чая сегодня вечером около шести? Я зайду за вами в замок. ЖДИТЕ МЕНЯ В ХОЛЛЕ. ВАМ ОДНИМ ВЫХОДИТЬ ЗАПРЕЩЕНО.

Не вешайте носа.

Хагрид

— Он, наверное, хочет подробнее узнать про Блэка! — решил Рон.

Ровно в шесть друзья вышли из гриффиндорской гостиной, миновали чуть не бегом троллей и спустились в холл.

Хагрид уже их ждал.

— Привет, Хагрид! Ты, наверное, хочешь узнать, как все было в ту ночь? — спросил Рон.

— Я знаю. — Хагрид отворил двери и выпустил их наружу.

— А — а, — слегка разочарованно протянул Рон. Первое, что они увидели в хижине Хагрида,

был Клювокрыл. Он лежал, вытянувшись во всю длину на лоскутном одеяле Хагрида, плотно прижав крылья к бокам, и с наслаждением уплетал тушки хорьков, лежащие перед ним на большом блюде. Гарри поспешно отвернулся от малоприятного зрелища и увидел на дверце гардероба, на плечиках, огромный каштанового цвета костюм с премерзким оранжевым в желтую полоску галстуком, явно приготовленные для выхода.

— Ты куда — то собрался, Хагрид? — спросил Гарри.

— На слушание дела «Клювокрыл против Комиссии по обезвреживанию опасных существ».

Оно будет в эту пятницу. Поедем в Лондон вместе, Клювокрыл и я. Я уже заказал два спальных места в «Ночном рыцаре».

У Гарри от стыда заныло сердце. Он совсем забыл, что суд над Клювокрылом так скоро. У Рона вид был такой же несчастный. Вылетело у них из головы и обещание подумать над защитой Клювокрыла. Вновь обретенная «Молния» затмила все другие дела и заботы.

Хагрид налил им чаю и предложил сдобных булочек с цукатами, но друзья от булочек отказались: им слишком хорошо была знакома стряпня

Хагрида.

— У меня к вам… э-э… нелегкий разговор, — на редкость серьезно заявил Хагрид.

— О чем? — спросил Гарри.

— О Гермионе.

— А что с ней такое? — спросил Рон.

— Как бы это сказать… После рождественских каникул она частенько сюда захаживает. Уж больно ей одиноко. Сначала вы из-за «Молнии» перестали разговаривать. А теперь вот из-за кота…

— Он сожрал мою крысу, — взвился Рон.

— Так ведут себя все коты, — упрямо продолжал Хагрид. — Она часто плачет. У ней нелегкое время, да. Сдается мне… она это… откусила слишком большой кусок Ну, все эти предметы… А она еще — представьте себе! — нашла время помочь мне и Клювокрылу. Такие дала… э-э… советы… Теперь у Клювокрыла есть надежда…

— Прости, Хагрид, это мы должны были помочь… — начал смущенно оправдываться Гарри.

— Тебя никто не винит! — прервал его Хагрид. — И тебе было нелегко. Я ведь все вижу. Ты тренировался день и ночь. Но скажу честно: для вас крыса и метла дороже друга. Вот и все.

Гарри с Роном смущенно переглянулись.

— Знаешь, Рон, как она расстроилась, когда Блэк чуть тебя не зарезал. Сердце у нее где надо, у Гермионы. А вы двое не разговариваете с ней…

— Если она избавится от этого кота, я опять буду с ней разговаривать, — не унимался Рон. — А она и слушать ничего не хочет! Этот кот — какое — то чудовище!

— Ну… это понятно. Люди частенько глупо себя ведут со своими любимцами, — изрек мудрый Хагрид. За его спиной Клювокрыл выплевывал кости хорьков прямо ему на подушку.

Остаток вечера проговорили о шансах Гриффиндора на победу в борьбе за Кубок. И в девять часов Хагрид отвел друзей в замок

В гостиной у доски объявлений толпилась оживленная группа гриффиндорцев.

— На той неделе Хогсмид, — прочитал Рон, вытянув шею над их головами. — Что ты об этом думаешь? — спросил он у Гарри, выбирая место, где бы сесть.

— К счастью, Филч не забил досками горбунью. Ход в «Сладкое королевство» открыт.

— Гарри! — вдруг кто-то шепнул ему прямо в ухо. Гарри резко повернулся и увидел Гермиону, она сидела за столом позади них, просто ее не было видно за горой книг. Теперь она чуть

— чуть их раздвинула и шептала в щелку: — Если ты снова пойдешь в Хогсмид, я скажу про Карту профессору МакГонагалл.

— Кажется, кто-то что-то сказал, Гарри? — Рон так разозлился, что даже не взглянул на Гермиону.

— Как ты можешь, Рон, тащить его с собой, — возмутилась Гермиона, — после того, что случилось ночью! Я обязательно…

— Ну теперь ты хочешь сделать все, чтобы Гарри исключили из школы! — зло прошипел Рон. — Ты уже причинила столько вреда в этом году!

Гермиона хотела что-то ответить, но в этот миг к ней на колени, тихо урча, вспрыгнул Живоглот. Гермиона испуганно глянула в лицо Рона, подхватила кота и побежала наверх в спальню.

— Так что ты об этом думаешь? — спросил Рон, как будто никакой перепалки с Гермионой не было. — В прошлый раз ты почти ничего там не видел. Ты даже не заходил в «Зонко»!

Гарри огляделся, нет ли поблизости Гермионы.

— Ладно, пойдем, — сказал он. — Только в этот раз возьму с собой мантию — невидимку.

* * *

В субботу утром Гарри уложил в сумку мантию — невидимку, сунул в карман Карту Мародеров и спустился со всеми в Большой зал. Гермиона то и дело подозрительно на него поглядывала, но Гарри старался избегать ее взгляда. А когда все вышли в холл и двинулись к дверям, Гарри у нее на виду побежал вверх по мраморной лестнице, как будто к себе в спальню.

— Пока! — крикнул он Рону. — Увидимся, когда вернешься!

Рон улыбнулся и подмигнул ему.

Гарри спешил на четвертый этаж. По дороге вынул из кармана пергамент и, присев за одноглазой ведьмой, разгладил его на коленях По направлению к нему двигалась какая — то точка, рядом с ней написано крошечными буквами «Невилл Долгопупс».

Гарри мгновенно вынул волшебную палочку, шепнул: *«Диссендиум!»* — и сунул сумку в открывшееся отверстие в статуе. Но сам не успел туда прыгнуть, Невилл вышел из-за поворота и, увидев Гарри, очень обрадовался.

— Привет, Гарри! Я совсем забыл, что ты тоже не идешь в Хогсмид.

— Привет, Невилл. — Гарри быстро вышел из-за статуи, пряча в карман Карту. — Что собираешься делать?

— Ничего, — пожал плечами Невилл. — Сыграем в хлопушки?

— Сейчас не могу, мне надо в библиотеку. У меня еще не закончено сочинение о вампирах для Люпина…

— Я тоже пойду с тобой, — сияя, проговорил Невилл. — Я его еще и не начинал.

— Как же это я забыл… Я ведь его вчера вечером закончил…

— Вот здорово! Значит, ты мне поможешь! — На лицо Невилла набежала тучка. — Я никак не могу разобраться с чесноком. Есть его надо, или что… Невилл вдруг осекся: к ним приближался профессор Снегг. Бедняга спрятался за спину Гарри.

— Что вы здесь делаете? — Снегг остановился, переводя взгляд с одного на другого. — Странное нашли место встречи.

Слева и справа от статуи были двери, ведущие в разные части замка. Гарри со страхом следил, как Снегг посмотрел на одну дверь, на другую и вперился в одноглазую ведьму.

— Мы не договаривались о встрече, мы случайно встретились, — сказал Гарри.

— В самом деле? Вам это свойственно, Поттер, возникать в неожиданных местах. И почти всегда на это есть особая причина. Советую вам немедленно вернуться в башню Гриффиндора, где вам сейчас и полагается быть.

Гарри с Невиллом, не говоря ни слова, отправились, куда было велено. А Снегг, оставшись один, тщательно ощупал рукой голову одноглазой горбуньи.

Гарри удалось отделаться от Невилла у портрета Полной Дамы. Сказал ему пароль, а сам, сделав вид, что забыл сочинение в библиотеке, остался снаружи. Подождав, пока дозорные тролли отойдут подальше, вынул Карту, внимательно в нее вгляделся и с облегчением обнаружил, что точка с именем Северус Снегг находится у себя в кабинете.

Не мешкая, Гарри помчался на четвертый этаж, открыл горб, залез в него, скользнул по каменному скату на дно, где его ждала сумка, стер с пергамента Карту и со всех ног бросился бежать по подземному ходу.

* * *

Закутавшись поплотнее в мантию-невидимку Гарри вышел из «Сладкого королевства» на зали-

тую солнцем улицу перед лавкой и ткнул Рона локтем в спину.

— Это я, — шепнул он.

— Что ты так долго?

— Снегг немного задержал…

И друзья отправились прямиком по Главной улице.

— Где ты? — то и дело шепотом спрашивал Рон. — Никуда не делся? Странно это все-таки…

Зашли на почту. Рон стал для виду прицениваться к совам — не послать ли одну в Египет Биллу. За это время Гарри успел все хорошенько осмотреть. На полках сидело штук триста сов всех цветов и размеров: от серых гигантов до совсем крошечных («только местная доставка»), умещающихся на ладони. И все они ласково ухали, разглядывая Гарри.

Потом отправились к «Зонко». Лавка была битком набита школьниками, и Гарри приходилось соблюдать величайшую осторожность, что бы не наступить кому — нибудь на ногу. Вот поднялся бы переполох!

Каких только диковин там не было! Стоящие на полках штуковины могли бы удовлетворить самые немыслимые фантазии Фреда и Джорджа! Гарри шепотом распорядился, что ему купить,

и незаметно передал Рону несколько золотых монет. Вышли из лавки с похудевшими кошельками, зато карманы оттопыривали бомбы, заряженные навозом, икотные конфеты, мыло из жабьей икры, кружки, кусающие за нос.

День был ясный, дул легкий ветерок. Даже в «Трех метлах» сидеть не хотелось, и поэтому они двинулись в гору к Визжащей хижине, имеющей самую дурную репутацию во всей Британии. Хижина стояла на холме немного в стороне от деревни. И даже сейчас, при дневном свете, вид у неё был жутковатый: окна заколочены досками, одичавший промозглый сад.

— Даже хогвартские привидения здесь не бывают, — сказал Рон, прислонившись к забору и разглядывая хижину, — я спрашивал у Почти Безголового Ника. Он сказал, что здесь обитает лихая компания. Никто не может сюда войти. Фред с Джорджем пытались, но все двери крепко заперты.

После подъема в гору Гарри стало жарко, и он, хотел было минут на пять откинуть капюшон, как вдруг совсем близко послышались голоса. кто-то поднимался к хижине с другой стороны.

Секунда — другая, и они увидели Малфоя в сопровождении Крэбба и Гойла.

— Вот — вот прилетит от отца сова с известием, — разглагольствовал Малфой. — Он поехал на суд свидетелем. Расскажет там про мою руку, как я три месяца не мог ничего делать…

Крэбб с Гойлом хохотнули.

— Как бы мне хотелось самому услышать выступление на суде этого патлатого безмозглого великана: «Не-е, честно, в ем ничаво опаснова нет». Гиппогрифу давно пора сдохнуть…

Неожиданно Малфой увидел возле хижины Рона. Лицо его расплылось в злобной ухмылке.

— А ты что здесь делаешь? — Малфой перевел взгляд на покосившуюся хижину. — Наверное, ищешь, где жить? Ты ведь давно мечтаешь об отдельной комнате! Говорят, вы все спите в одной спальне. Это правда?

Гарри схватил Рона за шиворот, помешав броситься с кулаками на своего врага.

— Предоставь его мне, — шепнул он другу на ухо.

Да, грешно не воспользоваться таким случаем. Гарри неслышно перебежал за спину Малфоя и его верных телохранителей, нагнулся и поднял с дороги большой ком влажной земли.

— А мы тут обсуждаем твоего друга Хагрида, — продолжал паясничать Малфой. — Представляем

себе, что он говорит на суде Комиссии по обезвреживанию опасных существ. Как, по — твоему, он заплачет, когда гиппогрифу отрубят…

Плюх!

Голова Малфоя мотнулась, его белобрысые волосы облепила мокрая грязь.

— Кто это?..

Рон ухватился за забор, чтобы со смеху не упасть наземь.

Злокозненная троица волчком завертелась на месте, Малфой счищал с волос грязь.

— Что произошло? Кто это сделал?

— В этом месте очень мощные привидения. Рон говорил, как будто сообщал прогноз погоды.

Крэбб с Гойлом явно струсили: накачанные мускулы от привидений не спасут. Малфой окинул испуганным взглядом безлюдную местность.

Гарри тихонько прошел по тропинке к особенно вязкой луже, полной густой зловонной жижи…

Плюх! Плюх! Плюх!

На этот раз досталось всем троим. Гойл бешено прыгал на месте, стараясь стряхнуть липкие комки с маленьких тупых глазок.

— Вон оттуда швыряют. — Малфой махнул метра на два в сторону от того места, где стоял

невидимый Гарри. И стал рукой вытирать залепленное грязью лицо.

Растопырив руки, как зомби, Крэбб, спотыкаясь, двинулся вперед. Гарри обежал его, схватил палку и швырнул в спину. Крэбб сделал в воздухе что-то вроде пируэта: откуда могла прилететь эта палка? Глядя на него, Гарри согнулся пополам от беззвучного смеха. Кроме Рона, никого рядом не было, и Крэбб пошел прямо на него. Гарри подставил ему ножку, Крэбб споткнулся и полетел на землю. Его огромная ножища взмыла вверх и задела край мантии Гарри. Капюшон сполз, и голова Гарри открылась.

Какую — то долю секунды Малфой пялился на парящую в воздухе голову.

— А-а-а! — завопил он, тыча в нее пальцем. Повернулся и бросился наутек, Крэбб с Гойлом не отставали.

Гарри нахлобучил капюшон обратно. Но было поздно.

— Гарри! — отчаянно крикнул Рон, подбегая к тому месту, где только что висела голова друга. — Немедленно беги отсюда! Малфой расскажет, что он здесь видел. Скорее обратно в замок!

— До скорого!

И, не прибавив ни слова, не чуя под собой ног,

Гарри помчался в Хогсмид.

Поверит ли Малфой в то, что он видел? Поверят ли его рассказу? Никто не знает про мантию — невидимку. Никто, кроме Дамблдора. Сердце у Гарри оборвалось. Расскажи ему Малфой о случившемся, он сразу поймет, что здесь было на самом деле.

Скорее в «Сладкое королевство», скорее по ступенькам в подпол, по каменному полу к люку! Гарри сорвал с себя мантию, сунул под мышку и припустил по подземному ходу… Вдруг Малфой первый вернется в замок? Сколько он будет искать кого — нибудь из учителей? Задыхаясь, чувствуя боль в боку, Гарри не сбавлял скорости до самого ската. Мантию придется оставить здесь, ведь Малфой может выдать его, сам того не подозревая. Гарри спрятал ее в темный угол и полез наверх, потные руки скользят, а надо спешить, дорога каждая минута. Вот наконец и горб, Гарри коснулся его палочкой, высунулся, огляделся — никого. Он вылез наружу, горб сомкнулся, но только что он выскочил из-за статуи, как услыхал приближающиеся шаги.

Это был Северус Снегг. Он спешил к Гарри, и его черная мантия развевалась как пиратский флаг. Затормозив перед Гарри, он оглядел его с

головы до ног.

— Ну? — едва скрывая торжество, произнес Снегг.

А Гарри изо всех сил старался изобразить невинность, хотя понимал, как это глупо: лицо у него все в поту, руки измазаны. Гарри поскорее сунул их в карманы.

— Следуйте за мной, Поттер, — приказал профессор Снегг.

Понурившись, Гарри пошел за ним по лестнице вниз, незаметно вытирая руки об изнанку школьной мантии. Спустились в подвалы и вошли в кабинет Снегга.

Гарри был здесь всего один раз, тогда положение тоже было не из лучших. За полтора года банок с мерзкими слизнями на полках заметно прибавилось. Все они мерцали в огне камина, что придавало кабинету особенно зловещий вид.

— Садитесь, — сказал Снегг.

Гарри сел. Профессор остался стоять.

— Мистер Малфой только что был у меня. Он рассказал мне странную историю, Поттер.

Гарри промолчал.

— По словам мистера Малфоя, он стоял и разговаривал с Уизли, как вдруг огромный ком грязи ударил его по затылку. Что бы это могло быть?

— Понятия не имею. — Гарри постарался изобразить на лице легкое изумление.

Глаза Снегга впились в самые зрачки Гарри. Вот так следует смотреть на гиппогрифа — кто кого переглядит. Гарри изо всех сил старался не моргнуть.

— А потом мистер Малфой увидел весьма странное привидение. Можете вообразить, Поттер, что это было такое?

— Не могу. — Гарри старался держаться как можно естественнее.

— Это была голова, Поттер. Ваша голова, она парила в воздухе.

Воцарилось долгое молчание.

— Может, ему надо обратиться к мадам Помфри? — первым заговорил Гарри. — Раз ему мерещатся такие…

— Что же ваша голова могла делать в Хогсмиде? — мягко промолвил Снегг! — Вашей голове запрещено там появляться. Равно как и всем остальным частям тела.

— Я это знаю, профессор. — Гарри сделал над собой усилие и стер с лица малейшие признаки виновности и страха. — Похоже, у Малфоя галлюци…

— Малфой не страдает галлюцинациями! —

рявкнул Снегг и, опершись ладонями в подлокотники стула, на котором сидел Гарри, нагнулся к нему, так что их лица чуть не соприкоснулись. — Если ваша голова, Поттер, была в Хогсмиде, значит, и вы, весь целиком, там были.

— Я все время находился в башне Гриффиндора, как вы мне велели.

— Кто — нибудь может это подтвердить?

На это Гарри ничего не ответил. Губы Снегга искривила ядовитая усмешка.

— Ну так вот. — Снегг выпрямился. — Весь волшебный мир, начиная от министра магии и кончая завхозом, делает все, чтобы уберечь знаменитого Гарри Поттера от Сириуса Блэка. А знаменитый Гарри Поттер сам себе закон. Пусть простые смертные беспокоятся о его безопасности? Знаменитый Гарри Поттер ходит, где ему вздумается, не утруждая себя мыслями о последствиях.

Гарри не открывал рта. Снегг хочет вырвать у него признание. Этого не будет. У Снегга нет никаких доказательств — пока нет.

— Как вы похожи на своего отца, Поттер. Просто удивительно! — неожиданно сказал Снегг, и глаза у него сверкнули. — Он тоже был на редкость высокомерен. Немного удачливее других

на площадке для квиддича, а гонору сколько! Так важно разгуливал по школе в окружении друзей и поклонников… Да, сходство прямо — таки сверхъестественное!

— Мой отец не важничал, — не сдержался Гарри. — И я тоже.

— И школьный устав был не про него писан, — продолжал Снегг по праву сильнейшего, его худое лицо искажала злоба. — Правила ведь для других, для людей попроще, а не для победителей в Кубке школы. Упивался собственным величием…

— Замолчите сейчас же! — Гарри вскочил на ноги. Его захлестнула ярость, какую он ни разу не испытывал с тех пор, как убежал с Тисовой улицы. Лицо у Снегга окаменело, черные глаза метали молнии.

— Что вы сказали, Поттер?

— Сказал, чтобы вы замолчали. Вы не смеете так говорить о моем отце! Я знаю о нем всю правду. Он спас вашу жизнь! Мне рассказал Дамблдор! Если бы не мой отец, вас бы вообще здесь не было!

Лицо Снегга, не отличавшееся яркостью красок, стало совсем серым.

— А директор школы не рассказал тебе, при каких обстоятельствах твой отец спас мне

жизнь? — прошипел он. — Он, видно, посчитал, что подробности слишком ужасны для ушей бесценного Поттера.

Гарри прикусил губу. Он не знал подробностей и не хотел в этом признаться. Но Снегг это сразу понял.

— Я не допущу, чтобы у вас так и осталось неверное представление о вашем отце. — Лицо его передернула ненавидящая усмешка. — Вы, наверное, вообразили себе геройский поступок?! Тогда позвольте мне внести некоторую поправку в ваше представление. Ваш драгоценный отец и его друзья решили сыграть со мной веселую шутку… Она могла бы кончиться моей смертью, если бы ваш отец в последнюю минуту не опомнился. Ничего доблестного он не сделал. Всего — навсего спасал свою шкуру вместе с моей. Удайся их шутка, он вылетел бы из школы.

Снегг оскалился, обнажив желтые неровные зубы.

— Выверните карманы, Поттер! — неожиданно приказал он.

Гарри не шевельнулся. Его точно оглушил ударом в ухо.

— Выверните карманы, иначе мы сейчас пойдем к директору школы!

Гарри повиновался. Похолодев, он достал и карманов пакет с побрякушками из «Зонко» и Карту Мародеров.

Снегг взял сначала пакет.

— Мне это дал Рон. — Хорошо бы Рона предупредить до того, как Снегг его увидит. — Он купил это, когда был там прошлый раз.

— Вот как! И вы с тех пор носите этот подарок в кармане? Как трогательно! Ну а это что?

Снегг взял Карту. Гарри собрал все свои силы, чтобы у него в лице не дрогнул ни один мускул.

— Просто кусок пергамента, — пожал он плечами.

Снегг перевернул его, не сводя с Гарри глаз.

— Зачем тебе этот ветхий пергамент? Не выбросить ли мне его в огонь? — Снегг протянул руку к камину.

— Не надо! — живо отозвался Гарри.

— Ну что ж! — Ноздри у Снегга задрожали. — Это, наверное, еще один драгоценный подарок от Уизли. А может, это некое послание, написанное невидимыми чернилами. Или инструкция, как проникнуть в Хогсмид, минуя дементоров?

Гарри потупился. Глаза у Снегга горели недобрым огнем.

— Посмотрим, посмотрим, — говорил он, вы-

нимая волшебную палочку и разглаживая кусок пергамента на столе. — Поведай свой секрет! — Снегг коснулся палочкой пергамента.

Ничего не произошло. Гарри сжал руки, чтобы унять в них дрожь.

— Откройся мне. — Снегг постучал палочкой.

Пергамент оставался девственно — чистым.

Чтобы успокоиться, Гарри несколько раз глубоко вздохнул.

— Профессор Северус Снегг, декан этого факультета, приказывает открыть ему всю содержащуюся в тебе информацию! — Снегг изо всех сил ударил палочкой по Карте.

И по гладкой поверхности Карты вдруг побежали слова, как будто их выводила чья — то невидимая рука.

М-р Лунатик приветствует профессора Снегга и нижайше просит не совать длинного носа не в свои дела.

Снегг остолбенел. Гарри смотрел на послание как громом пораженный. Но Карта на этом не остановилась.

М-р Сохатый присоединяется к м-ру Лунатику и хотел бы только прибавить,

что профессор Снегг урод и кретин.

Со смеху умрешь, будь ситуация не столь серьезной. А пергамент между тем строчил свое:

М-р Бродяга расписывается в своем изумлении, что такой идиот стал профессором.

Гарри в ужасе зажмурился. Когда он открыл глаза, на пергаменте появилась еще одна надпись:

М-р Хвост кланяется профессору Снеггу и советует ему, чертовому неряхе, вымыть наконец голову.

Гарри замер в ожидании грозы, которая вот вот должна была разразиться.

— Ну — с, — тихо проговорил Снегг — Мы этим займемся…

С этими словами профессор подошел к камину зачерпнул из кувшина на полке горсть поблескивающего порошка и бросил его в огонь.

— Люпин! — позвал он. — Вы мне нужны на пару слов!

Вконец оторопевший Гарри уставился на огонь. В пламени обрисовалась длинная фигура, которая

быстро вращалась. Еще несколько секунд — и из камина собственной персоной вылез профессор Люпин, отряхивая золу с потрепанной одежды.

— Вы меня звали, Северус? — спросил он кротко.

— Разумеется, звал, — ответил Снегг с перекошенным от ярости лицом. — Я велел Поттеру вывернуть карманы, и вот что там было, — сказал он, вернувшись к столу.

И Снегг махнул рукой на пергамент, на котором все еще красовались послания господ Лунатика, Бродяги, Сохатого и Хвоста. На лице Люпина появилось странное отчужденное выражение.

— Ну?

Люпин не отрываясь смотрел на карту. Гарри показалось, что он быстро что-то соображает.

— Ну? — повторил Снегг. — Пергамент полон черной магии. А это, Люпин, по вашей части, если не ошибаюсь. Как, по-вашему, где мог Поттер его взять?

Люпин оторвал глаза от пергамента и, глянув искоса на Гарри, дал ему понять, чтобы он ни во что не вмешивался.

— Полон черной магии? — повторил он невозмутимо. — Вы так полагаете, Северус? А мне кажется, это просто кусок пергамента. Он будет

оскорблять каждого, кто захочет его прочесть, так уж его заколдовали. Детская проказа, но вряд ли опасная. Думаю, Гарри купил его в лавке шутливых розыгрышей.

— В самом деле? — Снегга трясло от гнева. — Вы думаете, такое могут продавать в лавке шутливых розыгрышей? Не кажется ли вам более вероятным, что он получил этот пергамент непосредственно от его изготовителей?

Гарри не понимал, о чем говорит Северус Снегг, Люпин, по — видимому, тоже.

— Вы подразумеваете господина Хвоста и других? — спросил он. — Гарри, вы знаете кого — нибудь из этих людей?

— Нет, — не раздумывая ответил Гарри.

— Вот видите, Северус — Люпин опять повернулся к Снеггу. — Я уверен, что это штуки из «Зонко»…

И как раз в этот самый миг в кабинет ворвался Рон. Задыхаясь от бега, он остановился у стола профессора. И, несмотря на бешено стучащее сердце, проговорил:

— Это… я… дал… Гарри… Купил… в «Зонко»… сто… лет… назад…

— Ну вот, Северус, — довольно хлопнув в ладоши, сказал Люпин. — Дело прояснилось, Я

отнесу пергамент обратно в «Зонко»? Не возражаете? — Люпин свернул Карту и сунул ее куда — то в складки мантии. — Гарри, Рон, идемте со мной, я хотел бы объяснить вам еще кое — что про вампиров. Простите, Северус.

Гарри не смел поднять глаз на профессора Снегга. Все трое молча вышли из кабинета. Люпин заговорил только в холле. Посмотрев на Гарри, он хотел было что-то сказать, но Гарри его опередил.

— Профессор, я…

— Мне не надо никаких объяснений, — прервал его Люпин. И, оглядев пустой холл, понизил голос: — Я случайно знаю, что эта Карта много лет назад была конфискована кое у кого Филчем. Да, я знаю, что это Карта, — пояснил он, заметив изумленные взгляды друзей. — Не хочу знать, как она попала к вам в руки. Меня вот что поражает: почему вы не отдали ее преподавателям. Тем более после того случая с паролями. Мы все видели, что случается, когда важные сведения о замке валяются где попало. И я, Гарри, не верну тебе Карту.

Гарри этого ожидал и не стал возражать. Он сгорал от желания узнать, на что же намекал Снегг.

— Почему Снегг подумал, что я получил Карту

прямо от ее изготовителей? — выпалил он.

— Видишь ли… — Люпин как будто подыскивал ответ. — Наверное, решил, что этим изготовителям очень хотелось выманить тебя из замка. Наверное, их бы это порадовало.

— Вы их знаете? — спросил пораженный Гарри.

— Мы встречались, — коротко ответил Люпин, смотревший на Гарри как никогда строго. — Не ожидай, Гарри, что я когда-нибудь еще приду тебе на выручку. Я не сумел тебе внушить, что Сириус Блэк — это очень опасно. Но я был уверен, что слова, которые ты слышал, когда дементоры приближались к тебе, все-таки окажут на тебя воздействие. Твои родители, Гарри, отдали свои жизни, чтобы спасти твою. И чем же ты отплатил им? Поставил на кон против их великой жертвы пакет с магическими штучками.

И Люпин ушел, оставив Гарри на растерзание совести. В кабинете Снегга ему так тяжело не было. Гарри и Рон медленно поднимались по мраморной лестнице. Проходя мимо одноглазой ведьмы, Гарри вспомнил про мантию — невидимку. Она все еще была там, в начале подземного хода, но Гарри не посмел спуститься за ней.

— Это я во всем виноват, — вдруг сказал Рон. —

Я тебя уговорил идти в Хогсмид. Люпин прав: мы поступили глупо. Не надо было этого делать… — И Рон опять замолчал.

В коридоре, где ходили дозорные тролли, они увидели идущую навстречу Гермиону. По ее лицу было видно — она знает, что произошло. Сердце у Гарри упало: сказала ли она профессору МакГонагалл про Карту? Гермиона подошла к ним и остановилась.

— Радуешься нашим неприятностям? — съязвил Рон. — Успела уже наябедничать?

— Нет, — сказала Гермиона, держа в руке письмо. Губы у нее дрожали. — Я просто подумала, вам надо это знать… Хагрид проиграл дело. Клювокрыла казнят.

Глава 15

ФИНАЛЬНЫЙ МАТЧ

— Он… он вот, прислал мне, — сказала Гермиона, протягивая письмо.

Гарри взял кусок пергамента. Пергамент был мокрый, слезы капали на слова, и чернила так расплылись, что некоторые слова только угадывались. Гарри прочитал:

Дорогая Гермиона!

Мы проиграли дело. Мне разрешили взять его в Хогвартс. День казни будет назначен Клювику Лондон очень понравился. Никогда не забуду, как ты нам помогала.

Хагрид

— Они не посмеют, — сказал Гарри. — Не посмеют. Клювокрыл не опасен.

— Это все отец Малфоя! — возмущалась Гермиона, вытирая слезы. — Он запугал Комиссию, этих старых глупых болтунов. Они его боятся. Конечно, можно подать апелляцию. Так всегда делают. Но вряд ли это поможет. Приговор все

равно оставят в силе.

— Не оставят! — горячо возразил Рон. — Ты больше не будешь одна этим заниматься. Я тебе помогу, Гермиона.

— Ох, Рон!

Гермиона, чуть не в обмороке, бросилась ему на шею.

Рон сконфузился и стал неловко поглаживать Гермиону по голове. Наконец к Гермионе вернулись силы, и она выпустила Рона из объятий.

— Мне, Рон, правда, правда очень жалко Коросту, — рыдала она.

— Ну ладно, ладно, — успокаивал ее Рон, явно счастливый, что Гермиона отпустила его. — Короста была очень старая. И в общем-то, от нее было мало проку. Кто знает, вдруг мама с папой позволят мне теперь завести сову.

из-за мер безопасности, введенных после второго появления Блэка, Гарри, Рон и Гермиона не могли по вечерам навещать Хагрида Теперь они беседовали с ним только после уроков ухода за магическими существами.

Суровый приговор подействовал на него как удар молнии.

— Эт моя вина, — говорил он как никогда косноязычно. — Я… ить весь онемел. А они таки

важны, во всем черном. Я… это… значит, совсем запутался. Пергамент из рук валится… Твои — то цифры, Гермиона, из головы вон… К тому же Люциус Малфой встал и давай их, знамо дело, дурить. Чо он сказал, то они и решили.

— Ладно, подадим апелляцию! — кипел Рон. — Не сдавайся. Мы уже этим занимаемся.

Хагрид сопровождал класс в замок. Впереди, сразу перед ними, шел Малфой, как всегда, в сопровождении Крэбба и Гойла. Малфой, издевательски смеясь, то и дело оглядывался.

— Навряд ли поможет, Рон, — грустно покачал головой Хагрид. — Поди-кось с ними справься. Комиссия у Малфоя в кулаке. Я вот чо думаю: пусть у Клювика последние — то денечки будут самые что ни на есть вольготные. Мой это долг…

С этими словами Хагрид повернул обратно в хижину, спрятав лицо в огромный носовой платок.

— Ха-ха-ха! Разревелся!

Малфой с неизменными спутниками стояли, прислушиваясь, в главных дверях замка.

— Вы видели что-нибудь более жалкое?! — воскликнул Малфой. — И это наш учитель!

Гарри с Роном бросились к Малфою, но Гермиона их опередила.

Хлоп! Размахнувшись, она изо всех сил ударила

Малфоя по щеке. Малфой покачнулся. Гарри, Рон и Крэбб с Гойлом остолбенели. А Гермиона размахнулась еще раз.

— Не смей так говорить о Хагриде, ты, злобная дрянь…

— Гермиона! — севшим голосом проговорил Рон, пытаясь отвести занесенную руку Гермионы.

— Не мешай, Рон! — Гермиона вынула волшебную палочку.

Малфой сделал шаг назад, Крэбб и Гойл, онемев, ждали распоряжений.

— Пошли, — буркнул Малфой. Компания вошла в замок и устремилась к лестнице, ведущей в подвалы.

— Гермиона! — еще раз повторил Рон, не находя слов от восторга и удивления.

— Гарри, ты должен, должен выиграть финальный матч! — не могла успокоиться Гермиона. — Я не перенесу если мы проиграем.

— У нас сейчас заклинания, — напомнил Рон, все еще таращась на Гермиону. — Идемте скорее, а то опоздаем.

Почти бегом бросились по мраморной лестнице в класс профессора Флитвика.

— Вы опоздали, молодые люди, — слегка попе-

нял профессор. — Садитесь скорее, доставайте палочки. Мы сегодня поупражняемся с Веселящими чарами. Уже разбились на пары.

Гарри с Роном пошли в конец класса, сели за последний стол и открыли сумки.

— Агде Гермиона? — спросил Рон, оглядев класс. Гарри тоже огляделся. Гермионы в классе не было. Но ведь она стояла рядом, когда он открывал дверь!

— Как странно, — сказал Гарри Рону. — Может, она забежала в туалет?

Но Гермиона так на уроке и не появилась.

— Ей пошли бы на пользу Веселящие чары, — пошутил Рон по дороге в Большой зал.

Класс шел на обед в превосходном настроении, лица у всех сияли.

Но Гермиона не пришла и на обед. К концу обеда после яблочного пирога Веселящие чары слегка повыветрились, и Гарри с Роном стали ощущать беспокойство.

— Как, по-твоему, не мог Малфой что-нибудь ей сделать? — спросил, нахмурившись, Рон по дороге к башне Гриффиндора. Прошли мимо дежурных троллей, сказали Полной Даме пароль («Флиббертигиббет») и протиснулись в проем гостиной.

Гермиона как ни в чем не бывало крепко спала, уронив голову на учебник нумерологии. Друзья сели по обе стороны, и Гарри толкнул ее в бок.

— А? Что? — проснулась Гермиона, непонимающе озираясь по сторонам. — Пора идти? Какой сейчас урок?

— Прорицание, через двадцать минут, — вразумил ее Гарри. — Гермиона, почему ты пропустила заклинания?

— Что? Не может быть! — вскрикнула Гермиона. — Я забыла пойти на заклинания!

— Но как ты могла забыть? Ты ведь дошла с нами до самого порога!

— Не могу этому поверить, — причитала Гермиона. — Профессор Флитвик очень сердился? Это все Малфой! Я шла и думала о нем, и у меня как — то все спуталось!

— Знаешь что, Гермиона, — сказал Рон, взглянув на толстенную «Нумерологию», которая послужила Гермионе подушкой. — По — моему, ты немного того… Слишком много на себя навалила.

— Ничего подобного! — возразила Гермиона, откинув с глаз волосы и безуспешно ища глазами сумку. — Я просто перепутала расписание. Пойду найду профессора Флитвика и попрошу проще-

ния… Увидимся на прорицании.

Через двадцать минут она присоединилась к друзьям у первой ступени лесенки, ведущей в кабинет профессора Трелони. Вид у нее был явно огорошенный.

— Как же я могла пропустить Веселящие чары! Ведь они наверняка войдут в экзамены. Профессор Флитвик мне сейчас намекнул.

Они втроем поднялись по лестнице в кабинет профессора Трелони. Здесь, как всегда, было жарко и царил полумрак. На каждом столике матово поблескивал хрустальный шар. Гарри, Рон и Гермиона сели за один шаткий столик.

— Я думал, мы будем глядеть в хрустальный шар в следующем семестре. — Рон осторожно оглянулся, нет ли поблизости профессора предсказаний.

— Не расстраивайся, — заметил Гарри. — Это значит, что мы покончили с хиромантией. Мне уже тошно от ее фокусов, как возьмет в руку мою ладонь, так и закатит глаза.

— Добрый день всем, — плавно пропел знакомый туманный голос, сопровождаемый явлением профессора Трелони откуда-то из густой тени.

Подружки Парвати и Лаванда задрожали от возбуждения, их лица освещало молочно — белое

сияние, исходившее от магического кристалла перед ними.

— Я решила заняться магическим кристаллом немного раньше, чем планировала. — Профессор Трелони села спиной к огню и оглядела класс. — Богини судьбы поведали мне, что магический кристалл войдет в ваш июньский экзамен.

Гермиона фыркнула.

— Богини судьбы ей поведали, ну, знаете ли! Она же сама готовит экзамен… Отличное предсказание! — Гермиона даже не потрудилась опустить голос до шепота.

Лицо профессора все время оставалось в тени, так что трудно было сказать, слышала ли она Гермиону. Как бы то ни было, она невозмутимо продолжала:

— Гадание по магическому кристаллу — утонченное искусство. Я не ожидаю, что хотя бы один из вас, — говорила она нараспев, — станет с первого раза Провидеть, вглядываясь в бездонную глубину кристалла. Начнем с упражнений. Прежде всего, надо научиться расслаблять сознание и наружные глаза…

Из груди Рона вырвался смешок, и он прижал кулак ко рту, чтобы не разразиться неудержимым хохотом. Между тем профессор Трелони

продолжала мурлыкать:

— Тогда у вас откроется Третий глаз и заговорит подсознание. И возможно, уже сегодня в конце урока, если улыбнется Фортуна, кто — нибудь из вас сподобится Увидеть. Итак, начнем.

Гарри чувствовал себя ужасно глупо: сидит и тупо смотрит внутрь хрустального шара, стараясь выгнать из головы назойливо вертящиеся слова «чушь собачья»! Слова не желали уйти, тем более что Рон то и дело хихикал, а Гермиона презрительно фыркала.

— Вы что-нибудь видите? — спросил он друзей после пятнадцати минут глазения.

— Да, вижу, — ответил Рон. — Прожженное пятно на столе. кто-то, наверное, уронил на этот стол свечу.

— Бессмысленная трата времени, — прошипела Гермиона. — Сколько можно было бы сделать полезного! Хотя бы, например, прочитать про Веселящие чары.

Мимо прошелестела юбками профессор Трелони.

— Помочь кому — нибудь расшифровать таинственные туманные знаки внутри кристалла? — пропела она под звяканье браслетов.

— Мне не надо, — прошептал Рон. — И так ясно,

что они значат. Сегодня вечером будет туман.

Гарри с Гермионой не выдержали и прыснули.

— Пожалуйста, не мешайте, — кротко попросила профессор Трелони. И головы всех учеников повернулись к друзьям. Парвати с Лавандой возмущенно переглянулись. — Вы нарушаете вибрацию пространства ясновидения.

Профессор подошла к их столу, подсела к ним и всмотрелась в шар. Сердце у Гарри екнуло. Он точно знал, что сейчас произойдет…

— Здесь что-то движется, — прошептала профессор, приблизив лицо к шару. — Что это?

Он был готов поспорить на что угодно, даже на свою «Молнию», — ничего хорошего Трелони не увидит. И действительно…

— Мой мальчик… — вздохнула профессор и посмотрела на Гарри. — Он здесь, это видно, как ни¬когда раньше… Крадется, все ближе… Гр…

— О господи! — воскликнула Гермиона. — Неужели опять Грим? Просто смешно!

Профессор Трелони вскинула на Гермиону огромные глаза, Парвати что-то шепнула Лаванде, и обе тоже воззрились на бунтарку. В глазах профессора полыхнул гнев.

— К своему прискорбию, должна сказать, милочка, что с той минуты, как вы появились в

классе, мне было абсолютно ясно, что в вас нет того что необходимо для благородного искусства ясновидения. У меня до вас никогда не было ученика, в котором до такой степени отсутствует духовность.

На секунду в классе повисла абсолютная шина.

— Прекрасно! — Гермиона встала, взяла учебник «Как рассеять туман над будущим» и сунула его в сумку. — Прекрасно! — повторила она и вскинув сумку на плечо, чуть не столкнула Рона вместе со стулом. — Мое терпение лопнуло. Я ухожу.

Ко всеобщему удивлению, Гермиона подошла к люку, пинком открыла его и покинула класс.

Спустя несколько минут все успокоились. Профессор Трелони, похоже, забыла про Грима и отвернувшись от Гарри с Роном, плотнее закуталась в свой легкий газовый платок.

— Профессор Трелони! — вдруг воскликнула Лаванда, так что все вздрогнули. — Профессор Трелони! Знаете, что я вспомнила? Вы ведь предсказали, что она уйдет! Помните, профессор? «На кануне Пасхи один из нас навсегда нас покинет». Вы это очень давно сказали, профессор.

Профессор Трелони светло улыбнулась.

— Да, Лаванда, я знала, что мисс Грэйнджер

покинет нас. Но всегда надеешься, что предсказанное не сбудется. Третий Глаз — тяжелое бремя…

Парвати и Лаванда, глядя на профессора с величайшим почтением, подвинулись, чтобы она могла сесть с ними.

— Ну и денек у Гермионы, а? — шепнул Гарри ошарашенный Рон.

— Это точно!

Гарри глянул в кристалл — ничего, кроме молочно — белого кружащегося тумана. Неужели профессор Трелони действительно опять видела Грима? Финал по квиддичу на носу, сейчас только очередного опасного приключения не хватало!

* * *

В пасхальные каникулы никакого отдыха не получилось. Третьекурсникам по всем предметам задали горы домашних заданий. Невилл Долгопупс был на грани нервного срыва. И не он один.

— И это называется каникулы! — взорвался на третий день Симус Финниган. — Экзамены еще через сто лет! О чем только они себе думают!

Но труднее всего приходилось Гермионе. Даже без прорицания у нее было несравненно больше предметов, чем у остальных. Вечером она послед-

няя покидала гостиную, наутро первая приходила в библиотеку. Под глазами у нее были синяки, как у Люпина, а глаза то и дело на мокром месте.

Рон засел за подготовку апелляции. Клювокрыла надо было спасать. Покончив с очередной порцией своих уроков, он брал толстенные тома с увлекательными названиями: «Психология гиппогрифов», «Дичь или хищник? Исследование злобности гиппогрифов» — и уходил в них с головой, забыв даже про свою ненависть к Живоглоту.

Гарри подстраивал выполнение домашних заданий к расписанию тренировок и бесконечным напутственным беседам Вуда. Матч Гриффиндора со Слизерином был назначен на первое воскресенье после каникул. Сейчас слизеринцы опережали все команды на двести очков. А это значило, что гриффиндорцы выиграют Кубок только в том случае, если наберут большее количество очков, о чем Вуд без конца им напоминал. Стало быть, победа во многом зависела от Гарри: только он может, поймав снитч, принести команде сразу сто пятьдесят очков.

— Запомни, — не уставал повторять Вуд, — ты должен поймать снитч, только когда мы наберем *больше* пятидесяти очков. Больше пятидесяти,

Гарри, иначе матч мы выиграем, а Кубок будет не наш. Ты это усвоил? Ты должен поймать снитч…

— Я ПОНЯЛ, ОЛИВЕР! — сорвался в конце концов Гарри.

Предстоящий матч буквально свел с ума всех гриффиндорцев. Последний раз они выиграли Кубок семь лет назад, когда ловцом был легендарный Чарли Уизли (второй сын в семье Уизли). Но Гарри был готов побиться об заклад, что никто, даже Вуд, так страстно не желал победить, как он. Неприязнь между ним и Малфоем достигла своего пика. Малфоя до сих пор жгло воспоминание о комке грязи в затылок, тем более что Гарри как — то удалось избежать наказания. А Гарри все еще помнил лжедементоров, которыми Малфой хотел сорвать матч. Но больше всего он хотел отомстить Малфою за Клювокрыла — одержать над ним победу перед всей школой.

Еще ни один матч не приближался в такой накаленной атмосфере. К концу каникул отношения между командами и факультетами достигли точки кипения. То и дело в коридорах возникали мелкие стычки, вылившиеся в грандиозное сражение между четверокурсником из Гриффиндора и шестикурсником из Слизерина. В результате обоих пришлось отправить в больничный отсек

— у них из ушей полез лук — порей.

Хуже всего приходилось Гарри. Слизеринцы подставляли ему подножки, да так, чтобы он обязательно упал. Крэбб с Гойлом пытались атаковать его, куда бы он ни пошел, но, увидев его в окружении команды, сейчас же отступали. Вуд распорядился, чтобы Гарри никуда не ходил один, на случай, если слизеринцы решат вывести его из игры накануне матча. Гриффиндорцы лицом к лицу встретили опасность. И теперь Гарри, окруженный возбужденной толпой, то и дело опаздывал на уроки. Самого Гарри куда больше заботила безопасность «Молнии». После тренировки он запирал ее в чемодан и на переменах часто бегал наверх в башню, проверить, ничего ли с ней не случилось.

* * *

Накануне матча никто в гриффиндорской гостиной не занимался обычными делами. Даже Гермиона отложила на время книги.

— Не могу работать, — нервничала она. — Не могу сосредоточиться.

Шум в гостиной стоял невообразимый. Фред с Джорджем, чтобы дать выход обуревавшим их чувствам, орали и буйствовали сильнее, чем

всегда. Оливер Вуд сидел в углу, склонившись над картой поля, и волшебной палочкой гонял по ней фигурки игроков, что-то про себя бормоча. Анджелина, Алисия и Кэти смеялись над проделками Фреда и Джорджа. Гарри сидел с Роном и Гермионой, отрешившись от всего и вся, стараясь не думать о завтрашнем дне, потому что всякий раз, как он о нем думал, что-то огромное и ужасное начинало шевелиться у него под ложечкой.

— Мы завтра непременно победим, — сказала ему Гермиона, хотя вид у нее был определенно непобедоносный.

— У нас же есть «Молния», — поддержал ее Рон.

— Да… — кивнул Гарри, чувствуя, как у него засосало под ложечкой.

Все с облегчением вздохнули, когда Вуд наконец приказал:

— Команда! Отбой!

* * *

Этой ночью он спал очень плохо. Сначала ему приснилось, что он проспал и Вуд кричит ему: «Где ты был? Нам пришлось выпустить Невилла Долгопупса!» Затем Гарри приснилось, что Малфой и другие игроки Слизерина прилетели на

матч на драконах. Гарри носился по полю с головокружительной скоростью, пытаясь уклониться от пламени, изрыгаемого драконом Малфоя, и тут вспомнил, что забыл свою «Молнию» в спальне. Гарри свалился с метлы, упал на землю и проснулся.

Прошло несколько секунд, прежде чем Гарри осознал, что матч еще не начался, что он спокойно сидит в своей кровати и что слизеринцам ни в коем случае не разрешат играть в квиддич верхом на драконах. Гарри почувствовал, что его горло совершенно пересохло. Он тихо встал и подошел к окну, у которого стоял серебряный кувшин с водой. Наполнив кубок и выпрямившись, Гарри выглянул в окно.

На улице было тихо и пусто. Верхушки деревьев в Запретном лесу неподвижно застыли, а у Гремучей ивы был абсолютно невинный и безобидный вид. Похоже, погода будет идеальной для квиддича.

Гарри допил воду, поставил кубок на столик и уже собирался отвернуться от окна, как вдруг что-то привлекло его внимание. По серебристому лугу крался какой-то зверь.

Гарри метнулся к кровати, схватил с тумбочки очки и поспешно вернулся к окну. Неужели это

Грим… нет… только не сейчас… не за несколько часов до матча…

Он прильнул к стеклу и где — то через минуту отчаянных поисков наконец заметил то, что искал. Теперь этот зверь бежал по опушке леса… но это был вовсе не Грим… это был кот… Узнав высоко поднятый рыжий хвост, напоминающий ершик для чистки бутылок, Гарри испытал такое облегчение, что еле успел ухватиться за щеколду, чтобы не упасть. Это всего лишь Живоглот…

Всего лишь Живоглот? Гарри прижался носом к стеклу. Кот наконец остановился. Гарри не сомневался, что видит, как кто-то еще движется там, в тени деревьев.

В следующую секунду на опушке появился огромный лохматый черный пес. Озираясь по сторонам, пес, крадучись, побежал через луг, а рядом с ним бежал Живоглот. Гарри смотрел на них, выпучив глаза. Если это был Грим, то есть предзнаменование скорой смерти Гарри, то его не должен был видеть никто, кроме самого Гарри, но, судя по всему, Живоглот тоже видел Грима.

— Рон! — прошипел Гарри, повернувшись к спавшему другу. — Рон! Проснись!

— А? — сонно встрепенулся Рон.

— Я хочу, чтобы ты сказал мне, что именно ты

видишь, — прошептал Гарри.

— Да сейчас же ночь, Гарри, — неразборчиво пробормотал Рон. — Что там у тебя случилось…

— Там, внизу… — начал Гарри, снова выглядывая из окна.

Живоглот и собака исчезли. Гарри залез на подоконник, но их нигде не было видно, и он никак не мог понять, куда они делись.

Сзади донесся громкий храп, и стало ясно, что Рон снова уснул.

* * *

На следующее утро, когда Гарри вместе с другими игроками сборной Гриффиндора вошел в Большой зал, их встретили оглушительными аплодисментами. Гарри широко ухмыльнулся, увидев, что им аплодируют не только свои, но и ученики Когтеврана и Пуффендуя. Когда они проходили мимо стола Слизерина, раздался громкий свист. Гарри скосил глаза, заметив, что Малфой выглядит даже бледнее, чем обычно.

— За завтраком Вуд требовал от всех игроков поесть как можно плотнее, хотя сам так и не притронулся к еде. А затем, не дав никому доесть, поспешно вывел команду из зала, прежде чем оттуда вышел хоть один человек. Вуд хотел, чтобы

они первыми узнали, в каких погодных условиях им предстоит играть. Когда они выходили, снова разразились аплодисменты.

— Удачи, Гарри! — крикнула Чжоу Чанг, ловец сборной Когтеврана, и Гарри почувствовал, что краснеет.

— Отлично… никакого ветра… солнце чуть ярче, чем надо, будет бить в глаза, не забывайте об этом, — бормотал Вуд, прохаживаясь по полю взад и вперед и озираясь по сторонам. — А земля достаточно твердая, и это хорошо… значит, мы сможем сильнее оттолкнуться и быстрее взлететь…

Наконец они увидели, как вдалеке распахнулись ворота замка и вся школа высыпала на лужайку.

— В раздевалку, — напряженным голосом скомандовал Вуд.

Они молча переоделись в алую спортивную форму. Гарри было интересно, как чувствуют себя остальные; лично у него было такое ощущение, что он съел на завтрак нечто скользкое и извивающееся. Ему показалось, что прошло всего несколько секунд и Вуд громко объявил, что пришло время выходить на поле.

Когда они вышли из раздевалки, по трибунам

прокатилось настоящее цунами приветствий. Три четверти зрителей размахивали алыми флагами с изображенным на них львом, эмблемой Гриффиндора, или транспарантами с надписями типа «ВПЕРЕД, ГРИФФИНДОР!» и «КУБОК — ЛЬВАМ!». На трибуне Слизерина сидело примерно двести болельщиков в зеленых одеждах, на их знаменах поблескивала зеленая змея, а в самом первом ряду, как и все вокруг него одетый во все зеленое, сидел профессор Снегг и мрачно ухмылялся.

— А вот и сборная Гриффиндора! — завопил Ли Джордан, который, как обычно, выступал в роли комментатора. — Поттер, Белл, Джонсон, Спиннет, Уизли, Уизли и Вуд. Все признают, что это лучшая сборная факультета Гриффиндор за последние несколько лет…

Громкие недовольные выкрики, донесшиеся с трибуны Слизерина, заглушили комментарий.

— А вот на поле появилась команда Слизерина, — продолжил Джордан, когда на стадионе воцарилась относительная тишина. — Ее выводит капитан сборной Маркус Флинт. Он произвел в своей команде некоторые замены и, похоже, предпочел габариты мастерству…

Трибуна Слизерина снова неодобрительно

завопила. Однако Гарри отчетливо видел, что у Джордана, в общем-то, имелись основания для такого заявления. Малфой был не просто самым маленьким игроком Слизерина — на фоне невообразимо огромных остальных игроков он был самым крошечным.

— Капитаны, пожмите друг другу руки! — скомандовала мадам Трюк

Вуд и Флинт схватили друг друга за руки. Со стороны казалось, что каждый из них пытается сломать другому пальцы.

— Седлайте метлы! — распорядилась мадам Трюк. — Раз… два… три!

Ее свисток потонул в пронесшемся по стадиону вопле, и четырнадцать игроков взмыли в воздух. Гарри ощутил, как ветер откидывает с его лба волосы. Оказавшись в небе, он сразу перестал нервничать. Оглянувшись, он заметил позади себя Малфоя и резко сорвался с места, озираясь по сторонам в поисках снитча.

— Мяч у сборной Гриффиндора, Алисия Спиннет, сжимая в руках квоффл, устремляется к кольцам Слизерина. Давай, Алисия! — начал комментарий Джордан. — О, нет — квоффл перехватывает Уоррингтон. Уоррингтон летит на половину поля Гриффиндора… БАМ! — его

останавливает бладжер. Отличная работа, Джордж Уизли! Уоррингтон роняет квоффл, его подхватывает… да, это Джонсон, и мяч снова у гриффиндорцев! Ну давай же, Анджелина! Она великолепно обводит Монтегю… осторожно, Анджелина, это бладжер! ГОЛ! ДЕСЯТЬ — НОЛЬ В ПОЛЬЗУ ГРИФФИНДОРА!

Анджелина, победно вскинув сжатый кулак, облетела кольца Слизерина, а под ней бушевало от восторга алое море…

— ОЙ!

Анджелина чуть не слетела с метлы — в нее внезапно врезался Маркус Флинт.

— Извини! — буркнул Флинт, когда внизу раздался возмущенный рев стадиона. — Я ее не заметил!

В следующее мгновение подоспевший Фред Уизли обрушил свою биту на затылок Флинта. Флинт ткнулся носом в рукоятку собственной метлы, и на поле закапала кровь.

— Прекратите! — пронзительно завопила мадам Трюк, зависая в воздухе между ними. — Сборная Гриффиндора получает право на пенальти за беспричинное нападение на своего охотника! Сборная Слизерина получает право на пенальти за намеренное нападение на своего охотника!

— Бросьте, мисс! — проворчал Фред, но мадам Трюк дунула в свисток, и Алисия полетела к кольцам Слизерина, чтобы пробить пенальти.

— Давай, Алисия! — прервал воцарившуюся на стадионе тишину голос Ли Джордана. — ДА! ОНА ПЕРЕИГРЫВАЕТ ВРАТАРЯ! ДВАДЦАТЬ — НОЛЬ В ПОЛЬЗУ ГРИФФИНДОРА!

Гарри резко развернул метлу, чтобы посмотреть, как Флинт направляется выполнять штрафной бросок к кольцам Гриффиндора. Из носа Флинта текла кровь. Перед кольцами парил Вуд. Зубы его были крепко сжаты.

— Разумеется, Вуд — великолепный голкипер! — прокомментировал Ли Джордан, пока Флинт дожидался свистка мадам Трюк — Просто потрясающий! Его очень сложно обвести, ужасно сложно. ДА! ПОВЕРИТЬ НЕ МОГУ! ВУД СПАСАЕТ СВОИ ВОРОТА!

Гарри с облегчением развернулся и полетел прочь, высматривая снитч, но при этом стараясь прислушиваться к комментарию Джордана. Сам он не мог поймать снитч до того момента, пока Гриффиндор не начнет опережать Слизерин больше чем на пятьдесят очков, но он знал, что снитч не будет дожидаться этого и обязательно появится с минуты на минуту. Гарри предстояло

помешать Малфою поймать его.

— Мяч у Гриффиндора… нет, уже у Слизерина, — продолжал Ли. — Нет, Гриффиндор снова перехватывает мяч. Квоффл у Кэти Белл, она устремляется к кольцам Слизерина… ЭТО БЫЛО НАМЕРЕННОЕ НАРУШЕНИЕ!

Монтегю, охотник слизеринцев, преградил Кэти путь и, вместо того чтобы выхватить из ее рук мяч, схватил ее за голову, Кэти завертелась в воздухе, и, хотя ей удалось не упасть, она выпустила квоффл.

Мадам Трюк, пронзительно свистнув, подлетела к Монтегю и начала что-то кричать ему. Минуту спустя Кэти отлично выполнила пенальти, переиграв вратаря Слизерина.

— ТРИДЦАТЬ — НОЛЬ! — завопил Джордан, — НУ ЧТО, ПОЛУЧИЛ ЗА СВОЮ НЕЧЕСТНУЮ ИГРУ, ГРЯЗНЫЙ…

— Джордан, если вы не можете комментировать непредвзято… — перебила его профессор МакГонагалл. Она, как всегда, сидела рядом с комментатором и контролировала его.

— Я только описываю то, что происходит, профессор! — возмутился тот.

Гарри ощутил внутренний толчок. Он уже заметил снитч — мячик парил у подножия шеста,

на котором было установлено одно из трех колец Гриффиндора, но ему еще нельзя было ловить его, и надо было сделать так, чтобы его не заметил Малфой…

Гарри, внезапно изобразив на лице волнение, развернул «Молнию» и помчался в противоположную сторону, к кольцам Слизерина. Его уловка сработала. Малфой несся за ним, по — видимому не сомневаясь, что Гарри увидел снитч…

Над правым ухом Гарри просвистел бладжер, пущенный в него гигантским загонщиком Слизерина по фамилии Дерек. А в следующую секунду второй бладжер скользнул по его локтю. Второй загонщик Слизерина, Боул, тоже летел в направлении Гарри.

Гарри краем глаза заметил, как Дерек и Боул приближаются к нему с двух сторон, занося дубинки, и…

В последний момент перед столкновением он направил «Молнию» круто вверх, и Боул с Дереком врезались друг в друга. Раздался неприятный хруст.

— Ха — ха! — завопил Ли Джордан, увидев, как слизеринские загонщики разлетаются, держась за головы. — Опоздали, ребята! Сил у вас не хватит опередить «Молнию»! А теперь мяч снова у

Гриффиндора, его перехватила Анджелина Джонсон, сбоку от нее летит Флинт… Ткни его в глаз, Анджелина! Профессор, это всего лишь шутка, просто шутка… О, нет, Флинт отбирает у нее мяч, разворачивается в сторону колец Гриффиндора… Давай, Вуд, останови его!

Но Флинт забросил квоффл в кольцо под громкие аплодисменты трибуны, где сидели болельщики Слизерина. А Джордан произнес настолько нехорошее слово, что профессор МакГонагалл попыталась отобрать у него волшебный микрофон.

— Извините, извините, профессор! — затараторил Джордан. — Больше не повторится! Итак, Гриффиндор ведет со счетом тридцать — десять, мяч у Гриффиндора, и…

Это был самый грязный матч, в котором когда — либо участвовал Гарри. Разъяренные тем, что сборная Гриффиндора сразу вышла вперед, слизеринцы пытались овладеть мячом любыми средствами. Боул ударил Алисию битой и объяснил мадам Трюк, что перепутал ее с бладжером. Джордж Уизли в отместку ударил Боула локтем в лицо. Мадам Трюк снова назначила два пенальти, и Вуд в зрелищном броске снова спас свои кольца, а разрыв увеличился до тридцати очков.

Снитч опять появился на поле и опять исчез.

Малфой по — прежнему летал следом за Гарри, а Гарри парил над полем, оглядываясь по сторонам и убеждая себя, что Гриффиндор с минуты на минуту начнет опережать Слизерин более чем на пятьдесят очков…

Кэти забросила еще один мяч, и счет стал пятьдесят — десять. Фред и Джордж Уизли, подняв биты, окружили ее на тот случай, если кто-то из слизеринцев захочет отомстить ей за успех. Боул и Дерек воспользовались их отсутствием и направили оба бладжера в Вуда. Тяжелые черные мячи один за другим врезались капитану гриффиндорцев в живот, и Вуд задохнулся, согнулся пополам и соскользнул с метлы. К счастью, он не разжал руки и потому не упал на землю, а просто повис на метле.

Мадам Трюк была вне себя от ярости.

— Нельзя атаковать вратаря, если квоффл находится за пределами штрафной площадки! — пронзительно завопила она, обращаясь к Дереку и Боулу. — Пенальти!

Анджелина безошибочно выполнила штрафной удар, и наконец разрыв составил пятьдесят очков. Несколько мгновений спустя Фред Уизли направил бладжер в Уоррингтона и выбил из его рук квоффл, а Анджелина подхватила его и

забросила в кольцо Слизерина, увеличив счет. Семьдесят — десять.

Зрители орали так громко, что охрипли. Преимущество Гриффиндора теперь составляло шестьдесят очков, и если бы Гарри сейчас удалось поймать снитч, то Кубок школы по квиддичу был бы в их руках, Гарри физически ощущал, как за ним следят сотни глаз; он летал над полем, оставив остальных игроков далеко внизу, а за ним, стараясь не отставать, летал Малфой.

И тут он заметил то, что искал. В семи — восьми метрах над ним поблескивал золотой снитч.

Гарри резко набрал скорость, в ушах засвистел ветер, он уже вытянул руку, но вдруг «Молния» замедлила ход, и…

Гарри в ужасе оглянулся и сразу понял, в чем дело. Отставший от него Малфой в отчаянии ухватился за прутья метлы Гарри и тянул ее назад.

— Ты… — начал Гарри и захлебнулся от ненависти.

Он был настолько разъярен, что не раздумывая ударил бы сейчас Малфоя, но не мог до него дотянуться. Малфой, тяжело дыша и напрягаясь изо всех сил, удерживал «Молнию» на месте — лицо его было залито потом, но глаза злобно сверкали. И в результате он добился того, чего хотел, —

снитч снова исчез.

— Пенальти! Пенальти! В жизни не видела такого грязного приема! — закричала мадам Трюк, подлетая к скрючившемуся на своем «Нимбусе-2001» Малфою.

— ПОГАНЫЙ УБЛЮДОК! — завопил Ли Джордан, предусмотрительно вскочив с микрофоном в руках и отпрыгнув подальше от профессора МакГонагалл. — ПОГАНЫЙ, ГРЯЗНЫЙ…

Но профессор МакГонагалл вовсе не собиралась делать ему замечания. Она потрясала кулаком, со злобой глядя на Малфоя, и яростно выкрикивала что-то, не замечая, что ее остроконечная шляпа упала на землю.

Алисия попыталась выполнить штрафной, но была так зла, что сильно промахнулась. Происшествие вывело гриффиндорцев из себя, а игроки Слизерина, воодушевленные поступком Малфоя, наоборот, почувствовали себя куда увереннее.

— Мяч у Слизерина, Слизерин атакует; Монтегю забрасывает мяч, — простонал Ли Джордан. — Семьдесят — двадцать в пользу Гриффиндора…

Теперь Гарри старался не выпускать Малфоя из виду и летал рядом с ним так близко, что их колени время от времени соприкасались. Гарри не мог позволить Малфою поймать снитч.

— Отвали, Поттер! — в отчаянии завопил Малфой, после того как попытался развернуться и обнаружил, что Гарри перекрывает ему путь.

— Квоффл у Анджелины Джонсон, — донесся до Гарри голос Ли Джордана. — Давай, Анджелина, ДАВАЙ!

Гарри огляделся. Все игроки Слизерина, кроме Малфоя, даже их вратарь, рванулись по направлению к Анджелине, пытаясь заблокировать ее.

Гарри развернул «Молнию», пригнулся так низко, что практически улегся на рукоятку метлы, и со скоростью пули устремился на слизеринцев.

— А-а-а-а! — донесся до него испуганный вопль.

Сборная Слизерина разлетелась в разные стороны, и Анджелина устремилась вперед — путь был расчищен.

— ОНА ЗАБИЛА! ОНА ЗАБИЛА! — завопил Джордан. — Гриффиндор ведет со счетом восемьдесят — двадцать!

Гарри, едва не врезавшись в трибуны, затормозил в самый последний момент, развернулся и снова взмыл над центром поля. И тут он увидел нечто, что заставило его сердце сжаться. Малфой с видом триумфатора устремился вниз — там, в метре над травой, поблескивал крошечный

золотой мячик.

Гарри направил метлу вниз, но Малфой уже был слишком далеко.

— Давай! Давай! Давай! — отчаянно вопил Гарри, подгоняя метлу. Он постепенно приближался к Малфою. Гарри, распластавшись на метле, уклонился от бладжера, который послал в него Боул. Его голова уже была на уровне ног летевшего параллельно ему Малфоя… вот они поравнялись…

Гарри всем телом резко наклонился вперед, отрывая от метлы обе руки. Одной он ударил Малфоя по тянущейся к мячу руке, а другой…

— ДА!

Он вышел из пике, вскинув руку в воздух, и стадион взорвался аплодисментами и криками. Гарри взмыл над ревущими трибунами, в ушах его стоял странный звон, а в кулаке был крепко зажат крошечный золотой мячик, беспомощно хлопающий серебряными крылышками.

Вуд, из глаз которого ручьями текли слезы, подлетел к Гарри, обхватил его за шею и разрыдался, уткнувшись ему в плечо. Подлетевшие следом Фред и Джордж с силой захлопали его по спине, а затем до Гарри донеслись вопли Анджелины, Алисии и Кэти: «Кубок наш! Кубок наш!» Сборная Гриффиндора, превратившись в многорукое и

многоногое чудовище, хрипло вопя, опустилась на землю.

И тут на поле начали одна за другой накатывать алые волны болельщиков. Их кулаки, как градины, забарабанили по плечам и спинам игроков. У Гарри было такое впечатление, словно он оказался посреди бурного моря тел и вот-вот утонет в нем. А затем толпа подняла его и других игроков сборной на руки.

Гарри, взлетев над толпой и наконец оказавшись на свету, сразу увидел Хагрида, с головы до ног обвешанного алыми розетками.

— Ты разбил их, Гарри, ты их разбил! — вопил великан. — Я еще расскажу об этом Клюву!

Потом Гарри увидел Перси Уизли, который, позабыв о своей привычной напыщенности и важности, прыгал как безумный. А профессор МакГонагалл рыдала громче, чем Вуд, вытирая лицо огромным флагом Гриффиндора. Пробившиеся к Гарри сквозь толпу Рон и Гермиона даже не нашлись что сказать и просто улыбались, глядя на него. Толпа поднесла Гарри к трибуне, на которой с гигантским Кубком в руках стоял Дамблдор.

Когда всхлипывающий капитан передал Гарри Кубок и он поднял его в воздух, он подумал, что в этот момент он мог бы создать самого лучшего в

мире Патронуса.

Глава 16

ПРОРОЧЕСТВО ПРОФЕССОРА ТРЕЛОНИ

Эйфория от завоевания Кубка растянулась у Гарри на целую неделю. Казалось, ликовала даже погода — с наступлением июня дни стали жаркие и безоблачные, природа словно приглашала прогуляться по лугам или поваляться в траве, прихватив с собой пару литров ледяного тыквенного сока, сыграть партию — другую в плюй — камни или хотя бы просто наблюдать, как гигантский кальмар лениво рассекает гладь озера.

Но никто и помыслить не мог ни о чем подобном — надвигались экзамены, и, вместо того чтобы прохлаждаться в окрестностях, гриффиндорцы безвылазно сидели в замке, отчаянно пытаясь сосредоточиться на учебе и стараясь не обращать внимание на манящие порывы летнего ветерка, залетающего в окна. Даже Фреду и Джорджу Уизли пришлось унизиться до зубрежки — им предстояло сдавать экзамены по Суперотменному Волшебству. У Перси задача была куда серьезнее — он готовился к сдаче ЖАБА (Жутко Академической Блестящей Аттестации).

Это была самая высокая степень, получаемая в Хогвартсе. Перси собирался поступать на службу в Министерство магии, и ему требовались высшие оценки. Он становился все раздражительней и строго наказывал тех, кто по вечерам нарушал тишину в Общей гостиной. Лишь один человек, пожалуй, выглядел еще более озабоченным — Гермиона.

Гарри и Рон давно уже махнули рукой на расспросы, как это ей удается посещать несколько занятий одновременно. Но когда они увидели расписание экзаменов, составленное Гермионой для самой себя, сдержаться было уже свыше сил. Первая колонка гласила:

Понедельник
9:00 — Нумерология
9:00 — Трансфигурация
Обед
13:00 — Заклинания
13:00 — Древние руны

— Гермиона, — очень осторожно поинтересовался Рон, помня, что, отвлекая ее от занятий, в последнее время легко попасться под горячую руку, — ммм… ты уверена, что правильно записала время вот здесь?

— Что? — Гермиона сердито схватила свое расписание и пробежала глазами. — Да, уверена.

— Наверное, нет смысла выяснять, как это ты собираешься быть на двух экзаменах одновременно? — Спросил Гарри.

— Наверное, нет, — коротко ответила Гермиона. — Никто не видел моей «Нумерологии и грамматики»?

— Ну разумеется, это я ее одолжил — почитать перед сном, — едва слышно пробормотал Рон.

В поисках книги Гермиона принялась рыться в грудах пергамента по всему столу, но тут из окна послышался шорох и влетела Букля, сжимая в клюве записку.

— Это от Хагрида, — сказал Гарри, разворачивая послание, — апелляция назначена на шестое.

— Это последний день экзаменов, — заметила Гермиона, все еще погруженная в поиски книги.

Гарри читал дальше:

— «Состоится здесь. Приедет кто-то из Министерства и… и палач».

Гермиона испуганно подняла глаза:

— Они везут на апелляцию палача? Но ведь это… это означает, что у них уже все решено!

— Да, похоже, — медленно проговорил Гарри.

— Они не посмеют! — закричал Рон. — Я на-

шел в пользу Хагрида такой материал! Столько убил времени! Они не имеют права просто так отмахнуться!

Но у Гарри было скверное предчувствие, что под давлением мистера Малфоя Комиссия по обезвреживанию опасных существ уже приняла решение. К Драко, поутихшему после гриффиндорского триумфа в Кубке по квиддичу, в последние дни явно вернулись прежняя наглость и апломб. По ехидным замечаниям, случайно долетевшим до Гарри, было ясно, что у Малфоя нет сомнений в предстоящей казни Клювокрыла, и он весьма доволен тем, что способствовал этому. При теперешних обстоятельствах единственное, что мог сделать Гарри — изо всех сил сдерживать себя, чтобы вслед за Гермионой не закатить ему хорошую оплеуху. Но хуже всего было то, что у друзей не было ни времени, ни возможности навестить Хагрида, поскольку драконовские меры безопасности никто не отменял, а у Гарри не хватало духа пойти и забрать мантию — невидимку из подземелья под одноглазой горбуньей.

С началом экзаменационной сессии на замок опустилась удивительная, почти неестественная тишина. В понедельник, ближе к обеду бледные и замученные третьекурсники выходили с экза-

мена по трансфигурации, обсуждая результаты и горько жалуясь на трудность заданий — требовалось, например, превратить фарфоровый чайник в черепаху. Сетования Гермионы из-за того, что ее черепаха получилась уж очень похожей на морскую вместо обычной, вызывали только всеобщее раздражение; остальным подобные проблемы казались откровенно смехотворными.

— У моей носик от чайника так и остался вместо хвоста, вот кошмар-то…

— Кто-нибудь слышал: могут черепахи дышать паром?

— Смотрю, а на панцире синий узор от чайника. Думаете, снизят за это баллы?

Затем торопливый ленч и снова, без передышки, наверх, на экзамен по заклинаниям. Гермиона оказалась права: профессор Флитвик и в самом деле решил вынести на экзамен Веселящие чары. Гарри, разволновавшись, слегка переборщил и довел Рона, на котором демонстрировал свое искусство, до припадков истерического хохота, так что беднягу на целый час пришлось поместить для успокоения в отдельную комнату, прежде чем он сам смог взяться за выполнение задания. После ужина студенты поспешили в Общую гостиную, но не отдыхать, а готовиться к следу-

ющим экзаменам — по уходу за магическими существами, зельям и астрономии.

Утром первым был уход за магическими существами. Лесничий пребывал в полном расстройстве чувств, его мысли были явно где — то далеко. Он принес в класс объемистый чан с флоббер — червями и объявил, что экзамен сдаст тот, чьи черви будут все еще живы к концу часа. А поскольку эти малосимпатичные существа для своего благоденствия нуждались лишь в том, чтобы их не трогали, то экзамен получился самый легкий из всех, а Гарри, Рон и Гермиона наконец-то получили долгожданную возможность переговорить с Хагридом.

— Клювик что-то загрустил, — вполголоса поведал лесничий, наклонившись к Гарри словно бы затем, чтобы проверить самочувствие его червей. — Взаперти, верно, слишком долго сидит… А там… Послезавтра так или иначе решится — одно или… или уж другое.

В тот же день их ожидал и экзамен по зельям, который обернулся полным провалом. Как Гарри ни бился, он не смог сгустить Морочащую закваску, и Снегг, наблюдавший за ним с мстительным удовольствием, нацарапал в своих записях нечто, подозрительно похожее на ноль.

Затем была астрономия — темной ночью, на площадке самой высокой из башен. За ней в среду история магии. Писали сочинение, где Гарри спешно припоминал все, что слышал от Флориана Фортескью о средневековой охоте на ведьм, и в душном классе ему нестерпимо хотелось мороженого с фруктами, каким Фортескью угощал его. После обеда в среду сдавали травологию — экзамен проходил в оранжереях, на солнечном пекле, и у многих обгорели шеи. И, вернувшись в Общую гостиную, все только и мечтали о блаженном часе завтрашнего дня, когда все будет позади.

Предпоследним экзаменом — в четверг утром — была защита от темных искусств. Профессор Люпин устроил самое диковинное испытание, какое только можно вообразить, — полосу препятствий на пересеченной местности. Надо было перейти вброд глубокую заводь — в ней засел гриндилоу; преодолеть цепочку канав, полных красных колпаков; прошлепать по участку болотной топи, не поддаваясь на сбивающие с пути хитрости фонарника. И в конце концов, забравшись в дупло старого дуба, сразиться с очередным боггартом.

— Превосходно, Гарри, — негромко заметил Люпин, когда мальчик, радостно улыбаясь, пока-

зался из дупла. — Высший балл.

Переполненный ощущением успеха, Гарри остался ждать Рона и Гермиону. У Рона все шло прекрасно, пока он не добрался до фонарника, который умудрился — таки заманить его в трясину, куда Рон и провалился по пояс. Гермиона все делала безупречно до самого дупла с боггартом. Побыв там минуту, она с визгом вылетела наружу.

— Гермиона! — поднял брови Люпин. — Что случилось?

— Там п-п-профессор МакГонагалл, — едва дыша, вымолвила та, указывая на дупло. — Она сказала, что я завалила все экзамены!

Успокоилась Гермиона не сразу. Едва она пришла в себя, друзья зашагали обратно в замок. Рона так и подмывало поострить в адрес боггарта Гермионы, но на парадной лестнице их ожидало зрелище, от которого все шутки одним махом выскочили из головы.

Там, наверху, слегка вспотевший под неизменной полосатой мантией, стоял Корнелиус Фадж собственной персоной и обозревал окружающий ландшафт. Увидев Гарри, он переступил с ноги на ногу.

— Рад приветствовать тебя, Гарри! С экзамена,

как я понимаю? Уже почти все сдали?

— Да, сэр, — ответил Гарри.

Гермиона и Рон, которым никогда еще не доводилось беседовать с министром магии, в некотором замешательстве остановились сзади.

— Чудесный денек, — продолжал Фадж, окидывая взглядом озеро. — Право, такая жалость, такая жалость…

Он печально вздохнул и вновь повернулся к Гарри:

— Я здесь с неприятной миссией, знаешь ли… Комиссии по обезвреживанию опасных существ требуется свидетель приведения в исполнение приговора взбесившемуся гиппогрифу. Атак как я все равно собирался в Хогвартс, проверить, как тут ситуация с Блэком, то меня попросили заодно принять участие…

— Значит, апелляция отклонена? — вмешался Рон, выходя вперед.

— Нет — нет, рассмотрение назначено на сегодня. — Фадж с любопытством посмотрел на него.

— Так, может, вам вовсе и не придется быть свидетелем! — с жаром воскликнул Рон. — Может, еще гиппогрифа не казнят!

Не успел министр ответить, как из дверей замка вышли двое волшебников. Один был старец,

такой древний, что, казалось, вот-вот рассыплется, второй — кряжистый верзила с тонкими черными усиками. Гарри сообразил, что это представители Комиссии по обезвреживанию, потому что старый волшебник, покосившись в сторону хижины Хагрида, пробормотал слабым голосом:

— Боже, боже, я слишком стар для подобных вещей… Так в два часа, я правильно понял, Фадж?

Тут только Гарри обратил внимание, что у черноусого детины заткнут за пояс жуткого вида топор с широким сверкающим лезвием — он любовно поигрывал пальцами по отполированной рукояти. Рон хотел было что-то сказать, но Гермиона чувствительно толкнула его локтем в бок и решительным кивком указала на двери замка.

— Зачем ты меня остановила? — возмущался Рон, когда они шли в Большой зал на обед. — Ты видела? Они даже топор приготовили! Какое тут, к черту, правосудие!

— Рон, твой отец работает в Министерстве магии. Тебе лучше в таком тоне не говорить с его начальником, — рассудительно ответила Гермиона, хотя и она была встревожена. — Если Хагрид на этот раз сохранит хладнокровие и будет ясно аргументировать свою позицию, возможно, они и не казнят Клювокрыла…

Но Гарри видел, что Гермиона и сама не очень — то верит своим словам. За обеденным столом царило радостное возбуждение: ведь сегодня последний день сессии! Но Рону, Гарри и Гермионе было не до веселья.

У Гарри с Роном последним экзаменом было прорицание, у Гермионы — изучение маглов. Они вместе поднялись по мраморным ступеням, на втором этаже Гермиона покинула друзей, а Гарри с Роном продолжили путь наверх до восьмого, где на ступеньках винтовой лестницы уже сидел почти весь класс кто судорожно листал учебник, кто просто так вспоминал пройденное.

Рон и Гарри присели рядом с Невиллом.

— Она вызывает по одному, — понуро сообщил тот. На коленях у него лежал учебник «Как рассеять туман над будущим», открытый на странице, посвященной магическому кристаллу. — Ну хоть кто — нибудь видел что-то в этом хрустальном шаре? — спросил Невилл несчастным голосом.

— Ни разу, — мрачно ответил Рон, поглядывая на часы. Гарри знал, что Рон считает время, оставшееся до апелляции.

Очередь в кабинет предсказаний сокращалась медленно. Как только кто-то появлялся на серебряной лесенке, все бросались к нему и страшным

шепотом допытывались: «Сдал? Что она спрашивала?»

Но все в ответ молчали.

— Она сказала — ей поведал кристалл, — если я что-нибудь вам расскажу, со мной произойдет ужасное несчастье! — пролепетал Невилл, сойдя вниз к Гарри и Рону, те уже приблизились к самой площадке.

— Ловко придумано! — фыркнул Рон. — Я начинаю думать, что Гермиона насчет нее права. Старуха, — он ткнул большим пальцем в люк над головой, — просто обманщица…

— Скорее всего, — кивнул Гарри, тоже взглянув на часы: было уже два. — Хорошо бы она поторопилась…

Следующей спустилась Парвати, сияя от гордости.

— Она сказала, что у меня все задатки ясновидящей. Я столько всего увидела… Ну, желаю удачи.

И она сбежала по винтовой лестнице — внизу ее ожидала Лаванда.

— Рональд Уизли! — раздался сверху знакомый глуховатый голос.

Рон состроил Гарри рожу и, поднявшись наверх, скрылся. Гарри остался один дожидаться своей участи. Он уселся на лестницу и прива-

лился спиной к стене, слушая гудение мухи, колотящейся в залитое солнцем окно. Мысли его унеслись далеко, через луг, в избушку Хагрида.

Минут через двадцать на лестнице вновь показались сначала внушительного размера ноги Рона, а за ними и он сам во весь рост. Гарри поднялся навстречу:

— Ну как прошло?

— Полный бред. Ничего я не увидел, пришлось наплести с три короба… хотя не думаю, что она мне поверила.

— Ладно, встретимся в гостиной, — спешно сказал Гарри.

В этот миг над ними прозвучало: «Гарри Поттер!»

В кабинете наверху было очень жарко, шторы задернуты, в камине полыхал огонь. Гарри закашлялся, вдохнув приторно — тошнотворный запах, и пошел к кафедре, пробираясь между столов и стульев. Профессор Трелони ожидала его, сидя перед большим хрустальным шаром.

— Здравствуйте, мой дорогой, — проворковала она. — Будьте так любезны, загляните внутрь шара… внимательно, не торопясь… и потом скажите мне, что вы там увидели.

Гарри склонился над магическим кристаллом

и напряженно уставился на него, от души желая увидеть что-нибудь кроме вращения белого тумана. Но все его старания были напрасны.

Молчание затягивалось.

— Ну что? — с деликатным нетерпением поинтересовалась профессор Трелони. — Что вы видите?

Духота становилась невыносимой, насыщенный благовониями дым из камина ел ноздри. Гарри вспомнил слова Рона и решил притвориться.

— Вижу… — начал Гарри, — что-то темное… М-м-м…

— На что оно похоже? — прошептала профессор Трелони. — Подумай, не спеши…

А Гарри как раз в спешке старался что-то изобрести и, конечно, подумал о Крылоклюве.

— Это гиппогриф, — уверенно заявил он.

— Вот как? — все тем же шепотом воскликнула профессор Трелони, с живостью делая пометки в пергаменте, лежащем у нее на коленях. — Мой мальчик, вероятно, вы видите исход конфликта между бедным Хагридом и Министерством магии! Присмотритесь внимательней… У этого гиппогрифа». у него голова на месте?

— Да, — твердо ответил Гарри.

— Вы уверены? — с нажимом спросила профессор Трелони. — Вы в самом деле уверены, мой дорогой? Не видите ли вы, скажем, его в судорогах на земле, а позади — мрачную фигуру с занесенным топором?

— Нет! — Гарри упрямо потряс головой, ему становилось дурно.

— И ни крови? Ни рыдающего Хагрида?

— Нет! — Гарри, как никогда, хотелось покинуть эту комнату с ее духотой и пряной вонью. — Гиппогриф выглядит прекрасно, он улетает прочь…

Профессор Трелони вздохнула.

— Ну хорошо, мой дорогой, оставим это… Я немного разочарована, но уверена: вы сделали все, что в ваших силах…

Гарри с облегчением встал, взял сумку и уже повернулся, чтобы уйти, но тут позади него прозвучал резкий, громкий голос:

— Это произойдет сегодня ночью.

Гарри обернулся. Профессор Трелони деревянно выпрямилась в кресле, взгляд устремился неведомо куда, нижняя челюсть отпала.

— Прошу прощения? — растерялся Гарри. Но профессор Трелони не слышала его. Глаза ее начали вращаться. Гарри в ужасе замер, казалось, прорицательница вот-вот забьется в припадке.

Скорее за помощью в больничное крыло! Но тут профессор Трелони снова заговорила тем же резким голосом, столь непохожим на ее собственный:

— Темный Лорд одинок и брошен друзьями, покинут последователями. Его слуга провел в заточении двенадцать лет. Сегодня вечером, до наступления полуночи, слуга обретет свободу и выйдет в путь, чтобы воссоединиться с господином. С поддержкой верного слуги Темный Лорд воспрянет вновь, еще более великим и ужасным, чем когда — либо доселе. Вечером… до полуночи… слуга… отправится… на воссоединение… с господином…

Профессор Трелони уронила голову на грудь и захрипела, опять встрепенулась и, очнувшись, посмотрела на Гарри.

— Ради бога, извините меня, дорогой мальчик, — сказал она, как будто еще до конца не проснувшись, — сегодня такая жара… Я, кажется, задремала на минутку…

Но Гарри стоял как вкопанный, не сводя с нее глаз.

— Что случилось, мой дорогой?

— Вы… Вы только что сказали, что Темный Лорд воспрянет вновь… Что его слуга возвращается

к нему…

Профессор Трелони, похоже, сильно испугалась.

— Темный Лорд? Тот — Кого — Нельзя — Называть? Мой дорогой, этим не шутят. «Воспрянет вновь!..» Надо же такое…

— Но вы это сказали! Сказали, что Темный Лорд…

— Думаю, вы тоже слегка вздремнули, мой дорогой, — прервала его профессор Трелони. — Разумеется никогда не позволила бы себе предсказать такую нелепость!

Ошеломленный, сбитый с толку, Гарри пошел к люку. Спускаясь по винтовой лестнице, он не переставал спрашивать себя: неужели он слышал сейчас настоящее предсказание? Неужели профессор Трелони и впрямь ясновидящая? Или просто задумала устроить эффектную концовку экзамена?

Слова пророчества все еще звучали у него в голове, когда минут через пять он пробежал мимо троллей — охранников ко входу в свою башню. Навстречу ему спешили на волю гриффиндорцы, они смеялись и шутили, предвкушая долгожданный отдых. Гарри, сказав Даме пароль, протиснулся в гостиную. Там, кроме Рона и Гер-

мионы, уже никого не было.

— Профессор Трелони, — начал было Гарри, даже не переведя дыхания, — сказала мне только что…

Но, увидев их лица, осекся на полуслове.

— Клювокрылу конец, — тихо произнес Рон. — Смотри, что прислал Хагрид.

На сей раз послание не было залито слезами, пергамент сух, но рука лесничего тряслась так, что разобрать написанное было почти невозможно.

Проиграл апелляцию. Казнь на закате. Вы ничего не можете сделать. Не приходите. Не хочу, чтобы вы это видели.

Хагрид

— Мы обязаны пойти, — немедленно решил Гарри. — Нельзя допустить, чтобы он сидел и в одиночестве ждал палача!

— Да, но ведь на закате… — Рон уныло посмотрел в окно. — Нам ни за что не позволят… А уж про тебя, Гарри, и речи нет.

Гарри уткнул подбородок в ладони и, подумав, сказал:

— Вот если бы достать мантию — невидимку…

— А где она? — спросила Гермиона.

Гарри сказал ей где — в тоннеле под статуей одноглазой ведьмы.

— … Так что если Снегг еще раз засечет меня где — то поблизости, неприятностей у меня будет!.. — заключил он.

— Это точно, — согласилась Гермиона, вставая. — Но это если он засечет тебя… А как этот горб открывается?

— Очень просто… — Гарри еще не понимал, к чему она клонит. — Стукнешь по нему волшебной палочкой и говоришь: «Диссендиум». Но…

Гермиона не стала дожидаться конца фразы. Пересекла быстрым шагом гостиную, толкнула портрет Полной Дамы и исчезла.

— Она что, за мантией? — удивился Рон.

Да, именно так она и поступила. Спустя четверть часа Гермиона вернулась; у нее под мантией было спрятано аккуратно сложенное серебристое одеяние.

Рон был потрясен:

— Гермиона, что с тобой творится в последнее время? Ударила Малфоя, поскандалила с профессором Трелони…

Гермиона была явно польщена.

После ужина друзья не вернулись вместе со всеми в башню, а поспешили в холл. Гарри сунул

плащ под мантию и шел, прижав руки к животу чтобы прикрыть образовавшийся бугор. Троица прокралась в чулан, примыкавший к холлу, и затаилась, ожидая, когда холл опустеет. Вот донесся звук шагов, хлопнула дверь… Гермиона осторожно выглянула.

— Порядок, — шепнула она. — Никого. Надеваем мантию…

Тесно прижавшись друг к другу — не дай бог, кто увидит летящую в воздухе руку или ногу, — они миновали холл и по каменным ступеням спустились на лужайку. Солнце уже коснулось Запретного леса, позолотив верхушки деревьев.

Добравшись до хижины, друзья постучали в дверь. Хагрид откликнулся не сразу. Наконец дверь отворилась, на порог вышел бледный и дрожащий лесничий и огляделся вокруг в поисках гостя.

— Это мы, — чуть слышно произнес Гарри, — под мантией — невидимкой. Впусти нас скорее, мы ее снимем…

— Эх, не след бы вам приходить, — вздохнул великан, но все же посторонился, и они оказались внутри. Хагрид тут же захлопнул дверь, и Гарри сбросил мантию.

Хагрид не рыдал, не бросился друзьям на шею,

он просто выглядел совершенно потерянным, не знал, что делать, что говорить. Смотреть на его беспомощность было во сто крат тяжелее, Чем на потоки слез.

— Может, это… чаю хотите? — предложил он, но его громадные ручищи дрожали, и он никак не мог совладать с чайником.

— А где Клювокрыл? — нерешительно спросила Гермиона.

Я… я вывел его в огород, — пробормотал Хагрид. Наливая в кувшин молоко, он половину пролил на стол: — Привязал его… там, на тыквенной грядке. Пусть он… это… в общем… посмотрит на деревья, вдохнет свежий воздух… перед тем, как…

Тут руки Хагрида затряслись так отчаянно, что кувшин выскользнул и осколки разлетелись по всему полу.

— Я сейчас все уберу, Хагрид. — Гермиона бросилась наводить порядок.

— Там, в шкафу, еще один есть. — Хагрид тяжело опустился на скамью, вытирая со лба рукавом пот.

Гарри взглянул на Рона, в ответном взгляде не было никакой надежды. Гарри сел рядом с Хагридом.

— Неужели никто ничего не может сделать? — Голос Гарри сорвался в крик — А Дамблдор…

— Он пытался, — ответил Хагрид. — Но против Комиссии нет… это… их ему не пересилить. Он сказал им: Клювик не взбесился, но их там застращал этот… как его… А этот палач… как его…

Макнейр… они с Малфоем… старые дружки… Но вроде все будет быстро… и сразу начисто… И я буду рядом…

Хагрид шумно сглотнул. Он обвел взглядом хижину, как будто искал хотя бы лучик надежды или утешения.

— Дамблдор хочет сам прийти… ну, то есть присутствовать на этом… этой… прислал сегодня утром письмо. Говорит, хочет быть со мной… в это время… Великий человек…

Гермиона, которая все еще искала в шкафу другой кувшин, сдавленно всхлипнула.

— Мы тоже останемся с тобой, Хагрид, — заговорила она, вернувшись к столу с найденным кувшином.

— Нет, — затряс лесничий косматой головой. — Вы вернетесь в замок. Я же… это… сказал: не надо вам видеть. Чтобы и духу вашего не было, потому ежели… ну, Фадж и Дамблдор вас застукают, тем более без разрешения — это для Гарри совсем

пропащее дело.

Гермиона разлила чай, пряча от Хагрида бегущие по лицу слезы. Взяв бутыль с молоком, чтобы плеснуть в кувшин, она неожиданно вскрикнула:

— Рон! Гляди! Это Короста!

— Что, что? — Рон непонимающе посмотрел на нее.

Гермиона поднесла кувшин к столу, перевернула. Оттуда с возмущенным писком, из последних сил цепляясь за гладкий фарфор, вывалилась старина Короста.

— Короста… — растерянно произнес Рон. — Короста, что ты здесь делаешь?

Он схватил сопротивляющуюся крысу и вынес ее на свет. Выглядела она ужасно — еще больше исхудала, шерсть лезла клочьями, оставляя обширные плеши; в руках Рона она яростно извивалась, стараясь вырваться на свободу.

— Все в порядке, Коросточка, — уговаривал ее Рон. — Тут нет кошек. Никто тебя не тронет!

Хагрид внезапно вскочил, глаза устремились к окну. Его обычно багрово — красное лицо сделалось пергаментно — бледного цвета.

— Идут…

Гарри, Рон и Гермиона разом обернулись. Вда-

леке по лестнице замка спускались несколько человек. Впереди шел Альбус Дамблдор, его серебряная борода сверкала в лучах заходящего солнца. Рядом семенил Корнелиус Фадж, за ними браво вышагивал палач Макнейр, позади всех тащился дряхлый представитель Комиссии по обезвреживанию.

— Уходите скорее, — сказал Хагрид. У него, казалось, дрожала каждая жилка. — Не должны они вас тут видеть… идите… сей же миг…

Рон затолкал Коросту в карман, а Гермиона схватила мантию.

Хагрид тяжко вздохнул:

— Я вас выведу через черный ход…

Все пошли к двери, выходящей в огород позади дома. Гарри испытывал странное чувство нереальности происходящего, которое возросло еще больше, когда в нескольких ярдах от себя он увидел Клювокрыла, привязанного к дереву за грядкой с тыквами. Гиппогриф, казалось, догадывался, что творится неладное: он поводил из стороны в сторону массивным клювом и беспокойно рыл землю когтями.

— Все в порядке, Клювик, все в порядке, — ласково обратился к нему Хагрид, потом повернулся к друзьям: — Торопитесь, скорее…

Но они были не в силах сдвинуться с места.

— Мы не уйдем…

— Мы им расскажем, как все было на самом деле…

— Они не посмеют убить его…

— Идите! — взревел Хагрид. — Хватает бед и без ваших неприятностей!

Выбора не оставалось. Едва Гермиона накинула мантию на Гарри с Роном, у двери хижины послышались голоса. Хагрид взглянул на пустое место, где они только что исчезли из глаз.

— Бегите быстрее, — севшим голосом велел он. — Не слушайте…

И зашагал обратно в дом — в дверь уже стучали.

Медленно, словно в дурном сне, друзья побрели вокруг избушки Хагрида, и только они обогнули хижину, передняя дверь с треском захлопнулась.

— Пожалуйста, пойдемте скорее, — прошептала Гермиона. — Я этого не выдержу, не смогу…

Пошли к замку вверх по склону лужайки; солнце быстро опускалось, все небо окрасилось в бледно — пурпурный цвет, но на западе еще пылал рубиново — красный отсвет.

Рон остановился, как будто налетел на столб.

— Пожалуйста, Рон, — взмолилась Гермиона.

— Это Короста… Вырывается… Да сиди же ты…

Рон скрючился, стараясь удержать Коросту в кармане, но крыса словно обезумела — дико пища, она крутилась, билась, пытаясь укусить Рона за руки.

— Короста, это же я, Рон, дура ты эдакая, — ругал крысу мальчик.

Со стороны хижины донесся звук открывшейся двери и голоса людей…

— Рон, пожалуйста, идем, они уже вот-вот… — задыхаясь, просила Гермиона.

— Да, да, сейчас… Короста, сидеть!

Вся троица бросилась бежать. Только бы не слышать голосов за спиной. Но Рон опять остановился.

— Не могу справиться! Заткнись, Короста, нас могут услышать!

Крыса визжала так, словно ее резали, но все же звуков в огороде Хагрида она, конечно, не могла заглушить. Сначала мешанина мужских голосов, затем тишина, и вдруг неожиданно — то, что ни с чем не спутаешь — короткий свист и глухой удар топора.

Гермиона пошатнулась.

— Не… не может быть! — почти беззвучно выдохнула она. — Как они посмели…

Глава 17

КРЫСА, КОТ И ПЁС

Шок был настолько силен, что Гарри на минуту показалось, будто рассудок покидает его; всех троих ужас пригвоздил к месту, и они оцепенели, стоя под мантией. Последние лучи заходящего солнца заливали землю кровавым светом, в полях залегли длинные черные тени. Внезапно до их слуха долетел дикий вой.

— Это Хагрид — прошептал Гарри. Не раздумывая над тем, что делает, он повернул назад, но Рон с Гермионой схватили его за руки.

— Нельзя! — Рон был белее бумаги. — Еще хуже ему сделаем, если узнают, что мы с ним виделись…

На Гермионе тоже лица не было.

— Как… они… могли? — ловя воздух ртом, спрашивала она. — Как они могли?

— Пойдем, — сказал Рон. Зубы у него стучали. Они снова побрели к замку, стараясь двигаться как можно осторожнее. Быстро смеркалось, и к тому времени, когда друзья вышли на лужайку, свой плащ — невидимку на них набросила

темнота.

— Короста, сиди спокойно, — приговаривал Рон вполголоса, придерживая нагрудный карман, — крыса неистово рвалась на волю. Рону пришлось еще раз остановиться, чтобы запихнуть ее поглубже. — Что с тобой, дурацкое ты животное? Сиди тихо! Ой! Она укусила меня!

— Рон, тише, — шикнула на него Гермиона. — Через минуту здесь будет Фадж…

— Ну не хочет она… сидеть в кармане… Короста явно обезумела от страха. Она как бешеная рвалась из рук Рона.

— Да что с тобой?

И тут Гарри увидел: припадая к траве и зловеще мерцая во мраке желтыми глазами, к ним крался Живоглот. Как он здесь оказался? Учуял ли он их, услыхал ли писк Коросты, или каким-то образом увидел — этого Гарри сказать не мог.

— Глотик! — ужаснулась Гермиона. — Брысь! Пошел прочь!

Но кот был уже совсем рядом.

— Короста! Стой!

Поздно! Крыса вывернулась из стиснутых пальцев Рона, соскочила на землю и припустила во весь дух. Великолепным прыжком Живоглот бросился за ней, и в тот же миг Рон, забыв о мантии

— невидимке, тоже ринулся во тьму.

Гарри с Гермионой переглянулись и со всех ног помчались следом. Но, закутавшись в одну мантию, далеко не убежишь — друзья скинули ее, и она теперь вилась за спиной как знамя. Впереди слышались топот Рона и его крики:

— Живоглот, пшел отсюда! Короста, ко мне! Возгласы сменил глухой звук падения.

— Коросточка! Брысь, чертов кот!

Гарри и Гермиона едва не перелетели через Рона, затормозив перед самым его носом. Парень растянулся на земле, но крыса вновь была у него в кармане, и Рон обеими руками прижимал к себе съежившийся дрожащий комок.

— Рон, скорее лезь под мантию… — Гермиона тяжело дышала. — Дамблдор… Министр… Они через минуту возвращаются…

Но не успели друзья укрыться мантией, едва перевели дух, как послышались тяжелые шаги огромных мягких лап. Прямо на них из темноты скакал гигантский угольно — черный пес со светящимися белесыми глазами.

Гарри сунул руку под мантию за волшебной палочкой, но опоздал. Сделав прыжок, пес передними лапами ударил его в грудь, Гарри опрокинулся навзничь, ощутив лицом волну

густой длинной шерсти и горячее дыхание зверя, перед глазами сверкнули дюймовые клыки.

Толчок оказался столь сильный, что пес перекатился через Гарри. Несмотря на головокружение и боль в боку (неужели сломал ребра?), Гарри попытался встать; зверь рычал где — то совсем рядом, готовясь к новому нападению. Но Рон был уже на ногах и готов к бою. Пес снова ринулся на них, Рон изо всех сил оттолкнул друга в сторону, и страшные челюсти, миновав Гарри, сомкнулись на вытянутой руке Уизли. Гарри бросился на зверя и обеими руками вцепился в мохнатую шкуру, но чудище стряхнуло его и унесло Рона с такой легкостью, словно тот был тряпичной куклой.

Невесть откуда на Гарри обрушился еще один удар, на сей раз по лицу, и он опять упал. Где — то рядом Гермиона взвизгнула от боли и, кажется, тоже упала. Отерев кровь, попавшую в глаза, Гарри нащупал наконец волшебную палочку.

— *Люмос!* — с трудом выговорил он.

Огонь на конце палочки высветил из темноты корявый ствол дерева — погоня за Коростой привела их прямо под сень Гремучей ивы, и ее ветви, скрипя, словно под сильным ветром, хлестали во все стороны.

И там, у основания бугристого ствола, Гарри

увидел черного пса; тот затаскивал Рона в широкий подземный провал меж корней. Рон отчаянно сопротивлялся, но его голова и полтуловища уже сползли в дыру.

— Рон! — закричал Гарри, кидаясь на подмогу, но здоровенная ветвь беспощадно просвистела в воздухе, и его опять отшвырнуло назад.

Теперь на поверхности осталась только нога Рона, которой он зацепился за корень, сопротивляясь собаке, тащившей его в подземелье; словно выстрел, прозвучал жуткий треск — нога сломалась и в ту же секунду пропала из виду.

— Гарри! — воскликнула Гермиона. Мантия ее была в крови — ива рассекла ей плечо. — Бежим за помощью!

— Нет! Эта огромная тварь может сожрать Рона, помощь не поспеет!

— Нам одним туда не пробраться… Свистнула еще одна плеть, стараясь достать их, — тонкие ветви сплелись в узловатый кнут.

— Если смог пес, сможем и мы, — пропыхтел Гарри, забегая то с одной, то с другой стороны, ища путь между злобных, полосующих воздух веток, но не мог приблизиться к корням ни на шаг.

— На помощь, на помощь, — отчаянно шептала Гермиона, переступая с ноги на ногу. — Хоть кто

— нибудь...

Откликнулся, как ни странно, Живоглот. Он по — змеиному скользнул между свирепых ветвей и передними лапами уперся в какой-то нарост на стволе Ивы.

И дерево, будто окаменев, замерло — не шевелился ни один листик.

— Глотик! — ошарашено воскликнула Гермиона, до боли сжав руку Гарри. — Как он мог это знать?

— Они с той собачкой друзья, — буркнул Гарри. — Я видел их вместе. Идем. Держи наготове волшебную палочку.

В считанные секунды они были у ствола Ивы.

Живоглот первый нырнул внутрь, призывно махнув распушенным по — лисьи хвостом. Гарри поспешил за ним — пролез в нору головой вперед и по земляному накату соскользнул на пол низкого туннеля. Глотик поджидал неподалеку, его глаза сверкали в свете волшебной палочки Гарри. Еще мгновение — и рядом приземлилась Гермиона.

— Где Рон? — испуганно прошептала она.

— Вперед! — позвал Гарри и, пригнувшись, бросился вслед за Живоглотом.

— Куда ведет этот туннель? — чуть слышно

спросила Гермиона.

— Не знаю… Он отмечен на Карте Мародеров, но Фред с Джорджем говорили, что им никто никогда не пользовался. Он ведет за пределы Карты, но кончается, скорее всего, в Хогсмиде…

Они очень спешили, хотя двигаться пришлось чуть не на четвереньках. Впереди маячил пушистый хвост Живоглота, то исчезая, то вновь появляясь. Подземный ход все не кончался, и, казалось, он был ничуть не короче коридора, ведущего в «Сладкое королевство». Но Гарри не мог думать ни о чем, кроме Рона, и того, что исполинский пес может с ним сделать. Идти, сложившись вдвое, было тяжело, друзья начали задыхаться и каждый вдох отзывался болью.

Но вот туннель пошел вверх, затем свернул, и Живоглот куда — то исчез. Сбоку Гарри увидел слабый свет, падающий из какой-то дыры. Они с Гермионой на мгновение замерли, переведя дух, подошли к ней, подняли волшебные палочки — и заглянули внутрь.

С той стороны оказалась комната — пыльная и разоренная. Обои клочьями свисали со стен, весь пол в грязи, мебель сломана, словно кто-то ее крушил, окна заколочены досками.

Гарри взглянул на Гермиону, вид у нее был

изрядно напуганный, но она согласно кивнула.

Гарри протиснулся в проем и огляделся. Комната была пуста, но справа виднелась открытая дверь, ведущая в полутемный коридор. Гермиона снова сжала руку Гарри, ее широко открытые глаза пробежали по забитым окнам.

— Гарри, по-моему мы в Визжащей хижине.

Гарри тоже огляделся, рядом стояло разбитое деревянное кресло на трех ножках и с выломанными подлокотниками. Гарри с сомнением покачал головой:

— Это не привидения натворили.

Над головами у них послышался какой-то скрип — на втором этаже явно что-то происходило. Друзья уставились в потолок, Гермиона с такой силой ухватилась за руку Гарри, что у него онемели пальцы. Обернувшись к ней, Гарри вопросительно поднял брови — Гермиона, соглашаясь, кивнула еще раз.

Тихо вышли в прихожую и начали подниматься по шаткой лестнице. Все вокруг покрывал толстый слой пыли, но на полу виднелась широкая чистая полоса: видно, что-то тащили наверх, и совсем недавно.

Поднялись на темную площадку.

— *Нокс,* — произнесли вместе как можно ти-

ше, и свет на концах палочек погас. Перед ними была единственная чуть приоткрытая дверь. Подкравшись, они услышали внутри какое — то движение, чей — то приглушенный стон и короткое басовитое мурлыканье. Друзья в последний раз обменялись взглядами и кивками.

Твердой рукой выставив перед собой волшебную палочку, Гарри ударом ноги широко распахнул дверь. На великолепной кровати с пыльным пологом на четырех столбах возлежал Живоглот. Увидев вошедших, он опять громко заурчал. А рядом с кроватью на полу, обхватив ладонями ногу, вывернутую под неестественным углом, сидел Рон.

Гарри и Гермиона бросились к нему.

— Рон, как ты?

— А где пес?

— Это вообще не пес, Гарри, — выдохнул Рон, скрипя зубами от боли. — Это ловушка…

— Что?

— Это он… Анимаг…

Взгляд Рона был устремлен поверх плеча друга. Гарри круто обернулся. Какой — то человек, скрытый тенью, громко захлопнул дверь в комнату.

Грива спутанных грязных волос свисала ниже плеч; не будь глаз, горевших в глубоких глазни-

цах, его можно было бы принять за мертвеца — воскового цвета кожа так туго обтягивала кости лица, что оно походило на череп, желтые зубы оскалились в усмешке. Это был Сириус Блэк.

— *Экспеллиармус!* — каркнул он, направив на друзей волшебную палочку Рона.

Палочки Гарри и Гермионы вырвались из рук и, взмыв в воздух, оказались у Блэка. Не сводя глаз с Гарри, он подошел ближе.

— Я так и знал, что ты придешь помочь другу. — Голос Блэка звучал неровно, надтреснуто, как будто он давно разучился говорить. — Твой отец сделал бы то же самое для меня… Храбрый ты парень, не побежал за преподавателями… Прими мою признательность… это все упрощает…

Издевательское упоминание об отце обожгло Гарри точно каленым железом. В душе поднялась кипящая ненависть, не оставившая места страху; впервые в жизни он захотел взять в руку волшебную палочку не для того, чтобы защититься, а чтобы напасть и убить. Не размышляя, Гарри рванулся вперед, но его тут же оттащили две пары рук.

— Не надо, Гарри, — заплетающимся от ужаса языком прошептала Гермиона.

Рон же, поднявшийся на ноги несмотря на боль,

повернулся к Блэку.

— Если ты хочешь убить Гарри, тебе придется убить и нас вместе с ним! — яростно крикнул он, побледнел еще больше и от слабости его шатнуло в сторону.

что-то вспыхнуло в темных глазах Блэка.

— Ты лучше ляг, — спокойно сказал он. — А то еще больше повредишь ногу.

— Ты слышал? — спросил Рон нетвердым голосом. С силой вцепившись в плечо Гарри, он как — то сумел удержаться на ногах. — Тебе придется убить всех троих!

Усмешка Блэка стала шире.

— Только один умрет этой ночью…

— Это почему же? — Гарри рванулся из рук Рона и Гермионы. — В прошлый раз тебя такие мелочи не волновали! Сколько ты тогда убил маглов, охотясь за Петтигрю? Что, подобрел в Азкабане?

— Гарри! — всхлипнула Гермиона. — Остановись!

— Он убил моих родителей! — Гарри бешеным усилием освободился от хватки приятелей и кинулся на Блэка.

Он забыл о магии, забыл, что мал ростом, хрупок, что ему всего тринадцать, тогда как Блэк — высокий взрослый мужчина. Единственное,

что он сознавал — он хочет причинить Блэку боль, какую только сможет, и ему в этот миг было все равно, какой силы удар он получит в ответ.

То ли ошеломленный нелепостью атаки, то ли еще по какой причине, но Блэк не воспользовался волшебной палочкой. Одной рукой Гарри крепко схватил высохшее запястье Блэка, стараясь его обезоружить, а вторая рука, сжатая в кулак, врезалась костяшками во вражескую скулу и они оба отлетели к стене.

Гермиона пронзительно завизжала, Рон испустил боевой клич. Полыхнула ослепительная вспышка — из волшебных палочек в руке Блэка хлестнула огненная струя, прошедшая в каком — то дюйме от лица Гарри. Мальчик чувствовал, как жилистая рука выворачивается из его пальцев, но держался из последних сил, другой рукой люто молотя Блэка по всему, до чего мог достать.

Но тут Блэк дотянулся до горла Гарри.

— Ну уж нет, — прошипел он. — Слишком долго я ждал…

Костлявые пальцы сжимались, Гарри задыхался, очки съехали набок. Краем глаза он увидел, как где — то рядом мелькнула нога Гермионы, и Блэк неожиданно отпустил его, вскрикнув от боли; Рон повис на руке Блэка, в которой были

волшебные палочки, и Гарри услышал, как что-то стукнуло.

Напрягшись, он высвободился из клубка сцепившихся тел и вдруг увидел свою волшебную палочку, откатившуюся далеко в угол. Он кинулся за ней, но…

— Мяу!

В битву вступил Живоглот — все когти его пе¬редних лап глубоко впились в руку Гарри. Мальчик отшвырнул его, а кот сейчас же бросился к волшебной палочке.

— Брысь! — Гарри замахнулся пнуть Живоглота, но тот, возмущенно фыркнув, успел отпрянуть в сторону Гарри схватил палочку и повернулся. — Отойдите! — скомандовал он Рону и Гермионе.

Им повторять дважды не требовалось. Гермиона, с кровоточащей губой, отдуваясь, отбежала прочь, не забыв, однако, по пути схватить свою и Рона палочки. Рон дополз до необъятной кровати и повалился на нее, придерживая сломанную ногу, — его лицо из просто бледного стало каким — то зеленоватым.

Блэк полулежал, прислонясь спиной к стене, его впалая грудь часто вздымалась и опускалась, глаза неотрывно следили за Гарри, который медленно подошел к нему и направил волшебную

палочку Блэку прямо в сердце.

— Что, Гарри, собираешься убить меня? — прохрипел тот.

Гарри остановился над врагом, палочка смотрела Блэку в грудь. Вокруг левого глаза беглеца расплывался багровый кровоподтек, из носа текла кровь.

— Ты убил моих родителей. — Голос Гарри чуть дрожал, но рука с волшебной палочкой оставалась твердой.

Блэк смотрел на него запавшими глазами.

— Я и не отрицаю, — почти шепотом сказал он. — Но если бы ты знал всю историю с начала до конца…

— Всю историю? — Ярость стучала у Гарри в висках. — Ты продал их Волан-де-Морту — вот все, что мне нужно знать!

— Тебе придется выслушать меня. — Голос Блэка зазвучал настойчивее. — Ты пожалеешь, если не… если не узнаешь…

— Я знаю гораздо больше, чем ты думаешь, — ответил Гарри, и его голос дрожал все сильнее. — Ты ведь никогда не слышал, что она тогда кричала? Моя мама… Волан-де-Морт хотел убить меня… А она пыталась его остановить… Ты виноват во всем… И все из-за тебя…

В этот самый миг мимо Гарри метнулась рыжая молния, Живоглот прыгнул на Блэка и распластался у него на груди, заслонив его. Блэк моргнул, скосил на него глаза.

— Уйди, — буркнул он, стараясь отцепить кота.

Но кот крепко вцепился когтями в мантию Блэка. Повернув к Гарри странную курносую морду, он уставился на него желтыми глазищами. Глядя на кота, Гермиона судорожно вздохнула.

Пальцы Гарри сильнее сдавили палочку. Что же, теперь убить заодно и кота? Он явно в сговоре с Блэком… Готов умереть, защищая его. Но Гарри какое дело до этого… Блэк хочет спасти кота, этот друг значит для него больше, чем родители Гарри…

Гарри поднял палочку. Надо действовать. Пробил наконец час отмщения. Он убьет Блэка. Должен убить. Ему выпал редкий случай…

Секунды тянулись медленно. Гарри стоял с нацеленной палочкой, Блэк все смотрел на него, Живоглот прижимался к груди беглого узника. На кровати гневно сопел Рон, Гермиона затаила дыхание.

Вдруг внизу послышались шаги, там явно кто-то ходил.

— Мы здесь! — неожиданно крикнула Гер-

миона. — Здесь, наверху! С нами Сириус Блэк! Скорее!

Блэк испуганно дернулся, так что Живоглот едва удержался. Гарри крепче стиснул палочку. «Немедленно убей!» — загремело у него в мозгу, но на лестнице уже звучали шаги, а он все стоял, не в силах шевельнуться.

Дверь с грохотом распахнулась, Гарри стремительно обернулся. В потоке красных искр в комнату ворвался профессор Люпин — в лице ни кровинки, в поднятой руке волшебная палочка. Его Горящий взгляд скользнул от Рона, лежавшего на кровати, к Гермионе, прижавшейся к стене, от нее — к Гарри, который замер с палочкой над Блэком, и остановился на самом Блэке, поверженном и окровавленном у ног Гарри.

— *Экспеллиармус!* — приказал Люпин. Волшебная палочка Гарри снова вылетела из его рук; та же участь постигла и две другие, что держала Гермиона. Люпин проворно схватил их и прошел внутрь комнаты, не спуская глаз с Блэка. У того на груди по — прежнему сидел Живоглот.

Гарри остался стоять на месте, испытывая внезапно подступившую опустошенность. Он не убил. Блэка теперь опять отдадут в руки дементоров.

Профессор Люпин заговорил необычным взволнованным голосом:

— Где он, Сириус?

Гарри поднял глаза на Люпина: что тот говорит? О ком? Мальчик снова посмотрел на Блэка.

Лицо узника решительно ничего не выражало, минуту он лежал не шелохнувшись, потом очень медленно поднял руку и указал на Рона. Гарри озадаченно оглядел пространство справа и слева от приятеля, который был тоже явно сбит с толку.

— Но тогда… — Люпин глядел на Блэка так пристально, словно пытался прочитать его мысли. — Почему он до сих пор не открыл себя? Разве что… — Глаза Люпина расширились, как будто он увидел позади Блэка нечто такое, чего не видел никто другой. — Разве что это был он… Он, а не ты?.. Но ты не успел мне это сказать.

Блэк, не сводя с Люпина немигающего взгляда исподлобья, чуть приметно кивнул.

— Профессор Люпин, — не вытерпел Гарри, — что здесь…

Закончить вопрос ему не удалось, он увидел такое, от чего слова застряли у него в горле. Опустив волшебную палочку, Люпин подошел к Блэку взял за руку и помог встать — Живоглот при этом

слетел на пол, — после чего по — братски обнял Блэка.

У Гарри возникло ощущение, что его желудок куда — то провалился.

— Не может быть! — ахнула Гермиона.

Люпин отпустил Блэка и повернулся к ней. Гермиона вскочила, устремив на Люпина дикий взгляд

— Вы… вы…

— Гермиона…

— Вы с ним…

— Гермиона, успокойся…

— Я никому ничего не говорила! — взорвалась Гермиона. — Я скрывала правду ради вас!

— Гермиона, пожалуйста, выслушай меня! — гаркнул Люпин. — Я все сейчас объясню…

Гарри заколотила дрожь, но уже не от страха, а от злости.

— Я верил вам! — от волнения у него срывался голос. — А вы все это время были его другом!

— Это не так! — возразил Люпин. — Я не был ему другом двенадцать лет… Но теперь стал им снова… Дай мне объяснить…

— Не верь ему! — надрывалась Гермиона. — Не верь, Гарри. Это он помогает Блэку проникать в замок, он тоже хочет тебя убить. Он оборотень!

Наступила звенящая тишина. Теперь все взоры были прикованы к Люпину. А он оставался на удивление спокоен, хотя и побледнел.

— Не все меряется обычной меркой, Гермиона. Ты угадала из трех раз всего один. Я не помогал Сириусу проникнуть в замок и, уж конечно, не желаю Гарри смерти… — Непривычная судорога пробежала по его лицу. — Но не буду спорить — я действительно оборотень.

Рон предпринял еще одну героическую попытку подняться, но, застонав, тут же повалился обратно. Люпин с тревогой поспешил к нему, но тот лишь с отвращением отпрянул: «Отойди от меня, оборотень!»

Лицо Люпина окаменело. С видимым усилием он повернулся к Гермионе и спросил:

— Давно ты узнала?

— Давно, — нехотя призналась та. — Когда писала реферат для профессора Снегга.

— Он будет в восторге, — холодно заметил Люпин. — Снегг и затеял этот реферат, потому что надеялся, кто — нибудь да сообразит, что означают симптомы моей болезни… Ты, наверное, проследила по лунному календарю, что я заболеваю всегда в полнолуние? Или обратила внимание на то, что, увидев меня, боггарт пре-

вращался в луну?

— И то и другое, — ответила Гермиона. Люпин невесело засмеялся.

— Для своих лет ты исключительно умная колдунья.

— Вовсе я не умная, — гневно отозвалась та. — Была бы поумнее, я бы давно всем рассказала, кто вы такой!

— Да все и так знают. По крайней мере, преподаватели.

— Дамблдор пригласил вас преподавать, зная, что вы оборотень? — Рон задохнулся от изумления. — Он что, с ума сошел?

— Многие именно так и думают, — кивнул Люпин. — Как только он ни убеждал преподавателей, что я не опасен!

— На этот раз он ошибся! — не выдержал Гарри. — Вы все время помогали ему! — Он указал на Блэка.

Тот подошел к кровати и сел, закрыв лицо трясущимися руками. Живоглот вспрыгнул на постель рядом и, мурлыча, уселся беглецу на колени. Рон, придерживая ногу, отодвинулся.

— Я не помогал Сириусу, — повторил Люпин. — И если вы дадите наконец мне возможность, я вам все объясню.

Определив, какая палочка кому принадлежит, он одну за другой бросил их хозяевам. Гарри растерянно поймал свою.

— Ну вот. — Люпин засунул собственную палочку за пояс. — Вы вооружены, мы — нет. Теперь вы готовы слушать?

Гарри не знал, что и думать. Может быть, это военная хитрость?

— Если вы не помогаете ему, как вы узнали, что он здесь? — спросил он, с ненавистью глядя на Блэка.

— Помогла Карта, — ответил Люпин. — Карта Мародеров. Я проследил по ней у себя в кабинете…

— Вы знаете, как она действует? — усомнился Гарри.

— Разумеется, знаю. — Люпин нетерпеливо взмахнул рукой. — Я ведь принимал участие в ее создании. Лунатик — это я. Меня так называли друзья еще в школе.

— Значит, это вы ее создатель…

— Сейчас важно другое. Я весь вечер не отрывал от нее глаз, поскольку догадывался, что вы трое непременно попытаетесь тайком выбраться из замка и навестить Хагрида до казни гиппогрифа. И я оказался прав, не так ли?

Он прошелся по комнате взад и вперед, поднимая пыль и поглядывая на друзей.

— Скорее всего, вы укрылись старой мантией твоего отца, Гарри…

— Откуда вы знаете про мантию?

— Я много раз видел, как Джеймс исчезал с ее помощью. Фокус в том, что даже если вы скрыты мантией — невидимкой, на Карте Мародеров вас все равно видно. Я видел, как вы пересекли поле и вошли в хижину Хагрида. Через двадцать минут вы оттуда ушли и отправились обратно в замок. Но теперь с вами был еще кое — кто.

— Никого больше не было! — возразил Гарри.

— Я не поверил своим глазам, — по — прежнему меряя комнату шагами и не обращая внимания на слова Гарри, продолжал Люпин. — Решил, что в Карте, должно быть, произошел какой-то сбой. Как он мог оказаться с вами?

— Да не было с нами никого!

— И тут я заметил еще одну точку. Она быстро приближалась к вам и была помечена именем Сириуса Блэка… Я видел, как вы столкнулись, наблюдал, как он затащил двоих под Гремучую иву…

— Одного из нас! — мрачно поправил его Рон.

— Нет, Рон. Двоих.

Люпин вдруг остановился, устремив взгляд на Рона.

— Не возражаешь, если я взгляну на твою крысу? — спросил он ровным голосом.

— Что? — на секунду Рон даже забыл о больной ноге. — При чем тут Короста?

— Очень даже при чем, — уверил его Люпин. — Пожалуйста, дай мне ее.

Поколебавшись, Рон сунул руку под мантию, и на свет показалась Короста — она дико металась, и мальчику пришлось крепко ухватить ее за длинный лысый хвост. Живоглот на коленях у Блэка вскочил и протяжно мяукнул.

Люпин подошел к Рону. Казалось, он даже задержал дыхание — так внимательно рассматривал крысу.

— Ну что? — еще раз спросил Рон. Он с трудом удерживал ее, и ему было явно не по себе. — Причем здесь моя крыса?

— Это не крыса, — процедил сквозь зубы Сириус Блэк.

— Что вы такое говорите? Конечно, крыса.

— Нет, не крыса, — негромко подтвердил Люпин. — Ты держишь за хвост волшебника.

— По имени Питер Петтигрю, — добавил Блэк. — Он анимаг.

Глава 18

ЛУНАТИК, БРОДЯГА, СОХАТЫЙ И ХВОСТ

До друзей не сразу дошла вся абсурдность этого заявления. Минуты две все молчали. Наконец Рон произнес вслух то, о чем Гарри только подумал:

— Вы оба просто сошли с ума

— Ерунда! — упавшим голосом вымолвила Гермиона.

— Питера Петтигрю нет в живых! — сказал Гарри. — Он убил его двенадцать лет назад.

Лицо бывшего узника исказила гримаса.

— Я действительно хотел убить, — зарычал он, скаля желтые зубы. — Да малыш Питер оказался хитрее меня… Но на этот раз у него ничего не выйдет.

И Блэк кинулся на крысу. Живоглот очутился на полу, а Рон заорал не своим голосом; беглец придавил ему сломанную ногу.

— Сириус, осторожней! — Люпин метнулся вперед и оттащил Блэка от Рона. — Подожди! Так просто нельзя с этим покончить. Надо им объяснить, пусть они знают!

— Потом объясним! — хрипел Блэк, оттолкнув

Люпина. Скрюченные пальцы когтили воздух, стараясь дотянуться до крысы, а та извивалась и визжала не хуже поросенка, царапая Рону лицо и шею.

— У них… есть… право… знать… правду! — Люпин уже задыхался, повиснув на Блэке. — Рон считает его домашним зверьком! Во всей этой истории много такого, чего даже я не понимаю! А Гарри? Ты обязан рассказать Гарри, как все было на самом деле, Сириус!

Блэк утихомирился, но его ввалившиеся глаза неотступно следили за крысой, которая сжалась в комок под защитой искусанных, исцарапанных и окровавленных рук Рона.

— Ладно, согласен, начинай ты. Рассказывай, что хочешь. Но только побыстрее, Римус. Я хочу немедля покончить с убийцей, из-за которого столько лет провел в Азкабане.

Вы просто психи, вы оба. — Рон очумело потряс головой и оглянулся за поддержкой к Гарри и Гермионе. — С меня хватит, я в вашу игру не играю.

Он попробовал подняться, опираясь на здоровую ногу, но Люпин вновь достал волшебную палочку и направил ее на Коросту.

— Тебе придется выслушать меня до конца, Рон. И пока будешь слушать, держи покрепче Питера.

— Он не Питер, он моя Короста! — завопил Рон.

Он попытался сунуть крысу в карман, но не тут — то было: крыса сражалась так отчаянно, что Рон свалился бы с кровати, если бы Гарри не подхватил его.

— Многие видели, как Петтигрю погиб, — сказал он, повернувшись к Люпину. — Была целая улица свидетелей…

— Да ничего они не видели! Они только думают, что видели… — снова разъярился Блэк, мрачно наблюдавший, как крыса отбивается от Рона.

— Действительно, все были уверены, что Сириус убил Питера, — кивнул Люпин. — Я и сам так думал до этого вечера. Открыла мне глаза Карта Мародеров. Она никогда не лжет. Питер жив. Рон держит его в руках.

Гарри с Роном переглянулись и тут же пришли к молчаливому согласию: Блэк и Люпин не в своем уме. В том, что они тут мелют, нет никакого смысла. Как это крыса может быть Питером Петтигрю? Допустим, после Азкабана Блэк рехнулся, но почему Люпин поддерживает его в этом безумии?

И тут вмешалась Гермиона, голос ее дрожал, но она говорила спокойно, взывая к благоразумию Люпина.

— Но профессор Люпин… Короста никак не может быть Петтигрю… Вы же понимаете, это совершенно невозможно…

Почему невозможно? — мирно спросил Люпин, как будто они в классе и Гермиона столкнулась с какой-то сложностью в работе с Гриндилоу.

— Потому что… если бы Питер Петтигрю был анимагом, это знали бы все. Мы занимались анимагами у профессора МакГонагалл, и я много читала о них в учебниках, когда делала домашнее задание. Министерство магии ведет учет всем колдуньям и волшебникам, которые могут превращаться в животных; есть специальный реестр, в нем сказано, в каких животных они превращаются, даны их приметы и отличия… Я нашла там профессора МакГонагалл… В этом столетии было всего семь анимагов, и имени Петтигрю в этом в списке нет…

Гарри невольно восхитился: сколько же Гер¬миона знает! Не зря день и ночь сидит за книгами.

— Конечно нет! — профессор Люпин рассмеялся. — Ты опять права, Гермиона! Но, видишь ли, Министерству невдомек, что в замке Хогвартс некогда чудили три не зарегистрированных анимага…

— Если ты собрался рассказывать им все с сотворения мира, то поторопись, Римус, — проворчал Блэк, следя за безнадежными потугами Коросты освободиться. — Я ждал целых двенадцать лет и дольше ждать не намерен…

— Хорошо — хорошо, Сириус, но тебе придется кое — что добавить, я ведь знаю только, как все начиналось…

Люпин прервал речь на полуслове — что-то громко скрипнуло позади него, и дверь в спальню открылась сама собой. Все пятеро уставились на нее, Люпин сделал несколько шагов и выглянул на площадку.

— Никого…

— В доме полно привидений, — заметил Рон. Но Люпин лишь махнул рукой.

— Нет тут никаких привидений. — Он все еще озадаченно смотрел на дверь. — Их и не было никогда в Визжащей хижине. Вой и стоны, которые когда — то слышали, местные жители, издавал я.

Он отбросил с лица седеющие волосы, задумался на мгновение и заговорил:

— Здесь, собственно, всё и началось. из-за того, что я стал оборотнем. Ничего бы не произошло, если бы не моя безрассудная тяга к риску…

У Люпина был вид вполне здравомыслящего и

очень усталого человека. Рон хотел было что-то сказать, но Гермиона толкнула его: «Шшшш!» Она слушала рассказ с неослабевающим вниманием.

— Меня укусил оборотень, когда я был совсем маленький. Родители перепробовали все для моего исцеления, но в те дни таких лекарств, как сейчас, еще не было. Зелье, которое готовит профессор Снегг, — совсем недавнее открытие. Оно делает меня безопасным для окружающих. Я пью его неделю, предшествующую полнолунию, и… и после трансформации сохраняю разум. Лежу у себя в кабинете, как вполне безобидный волк, и спокойно жду, пока луна пойдет на убыль.

Но до того, как волчье противоядие было изобретено, раз в месяц я становился настоящим монстром. И о Хогвартсе даже не мог мечтать. Какие бы родители согласились отдать ребенка в школу, где он будет учиться вместе с оборотнем.

Но вот директором стал Дамблдор. Он отнесся ко мне с сочувствием, сказал, что я должен учиться и что он примет все меры предосторожности.

Люпин вздохнул и задержал взгляд на Гарри.

— Помнишь, я тебе говорил, что Гремучую иву посадили в тот год, когда я поступил в Хогвартс. Дело в том, что ее посадили именно потому, что я поступил в Хогвартс. Этот дом, — Люпин оки-

нул комнату печальным взглядом, — и туннель, ведущий к нему, были построены специально для меня. Раз в месяц меня тайком отправляли сюда из замка — на время превращения. А дерево поместили у входа в туннель, чтобы никто не мог попасть ко мне в дом, пока я опасен.

Гарри понятия не имел, к чему клонит рассказчик, но все равно увлеченно слушал, и единственным звуком в комнате, кроме голоса Люпина, был испуганный писк Коросты.

— В то время мои трансформации были ужасны. Превращение в оборотня очень болезненно; кусать было некого, и я царапал и грыз самого себя. Жители деревни слышали какой-то шум, завывания и думали, что это бушуют особенно неистовые призраки… Даже теперь, когда в доме уже много лет все тихо, люди опасаются приближаться к нему.

Но если не считать превращений, то, пожалуй, я был счастлив, как никогда в жизни. Впервые у меня были друзья, трое верных друзей — Сириус Блэк, Питер Петтигрю и, разумеется, твой отец — Джеймс Потгер.

Естественно, мои друзья не могли не заметить, что раз в месяц я куда — то исчезаю. Я сочинял всевозможные истории — говорил, что у меня

заболела мать и надо ее навестить… Больше всего на свете боялся, что, узнав, кто я такой, они бросят меня. Но в конце концов они, как и ты, Гермиона, поняли, в чем дело.

Но друзья не покинули меня. Напротив, придумали нечто такое, отчего мои трансформации стали самыми счастливыми днями моей жизни — они сами стали анимагами.

— И мой отец тоже? — изумился Гарри.

— Конечно. Три года львиную долю свободного времени они тратили на то, чтобы научиться этому. Твой отец и Сириус были одни из самых одаренных студентов, да и вообще им повезло, ведь анимагическое превращение иногда приводит к ужасным последствиям. Министерство магии еще и поэтому зорко следит за всеми, кто пытается стать анимагом. От Питера было мало толку, но он целиком положился на своих умных друзей и тоже благополучно стал анимагом. В конце концов, на пятом курсе им удалось осуществить свой замысел — отныне каждый мог по желанию трансформироваться.

— Но чем это могло помочь вам? — недоумевала Гермиона.

— Очень многим. В своем обычном виде им тоже приходилось избегать меня. Как животные

— они составляли мне компанию. Ведь оборотни опасны только для людей… Раз в месяц они ускользали из замка, укрывшись мантией — невидимкой Джеймса, и совершали превращение. Питер, как самый маленький, легко преодолевал ударную зону ветвей Ивы и нажимал сучок, который отключал дерево… Они спускались в туннель, и мы вместе проводили время. Под влиянием друзей я становился не таким опасным — тело было волчье, но разум сохранялся…

— Давай быстрее, Римус, — сипло поторопил его Блэк, по — прежнему не сводя с Коросты жутковато — голодных глаз.

— Сейчас, Сириус, сейчас… Теперь, когда мы все могли превращаться в животных, открылись невероятные, захватывающие возможности. Мы покидали Хижину и всю ночь бродили в окрестностях школы или по деревне. Сириус и Джеймс перевоплощались в довольно крупных зверей и вполне могли при необходимости сдержать оборотня… Вряд ли в Хогвартсе был хоть один студент, знавший территорию школы и Хогсмид лучше, чем мы. Вот так нам и пришла в голову мысль составить Карту Мародеров и подписаться прозвищами. Сириус — Бродяга, Питер — Хвост, а

Джеймс — Сохатый.

— А в какое животное… — начал было Гарри, но Гермиона перебила его:

— Но ведь это же очень опасно! Гулять в деревне и вокруг замка с оборотнем… А вдруг бы друзья не смогли вас удержать и вы укусили кого — нибудь?

— Эта мысль до сих пор мучает меня, — глубоко вздохнув, сказал Люпин. — Было, было много раз — еще бы чуть — чуть и… Потом мы хохотали над этим. Мы были молоды, неразумны и в восторге от своего ума, ловкости… Конечно, иногда во мне шевелилась совесть. Ведь я обманул доверие Дамблдора… Он принял меня в Хогвартс, чего не сделал бы никакой другой директор, и, наверное, мысли не допускал, что я нарушаю правила, которые он установил для моей и чужой безопасности. Он не догадывался, что по моей милости трое однокурсников стали нелегальными анимагами… Но каждый раз, когда мы обсуждали план очередных похождений в ночь полнолуния, совесть угодливо молчала. И оказалось, что с тех пор я мало изменился.

Люпин нахмурился, и в его голосе зазвучало отвращение к самому себе:

— Весь этот год я боролся с собой, задавая один

и тот же вопрос: рассказать ли Дамблдору, что Сириус Блэк анимаг? И не рассказал. Почему? Потому что я слишком малодушен. Ведь это значит признаться, что я еще в школе обманывал его, что и других заманил на путь обмана, а доверие Дамблдора для меня — все. Он дал мне возможность учиться в Хогвартсе, когда я был мальчишкой. Дал мне работу, когда я уже отчаялся найти хоть какой заработок. И я убедил себя, что Сириус проникает в школу благодаря темным искусствам, которым выучился у Волан-де-Морта, а то, что он анимаг, никакой роли не играет… Вот и выходит, что Снегг абсолютно прав насчет меня…

— Снегг? — Блэк первый раз оторвал взгляд от крысы и посмотрел на Люпина. — А Снегг здесь причем? — резко спросил он.

— Снегг — профессор в Хогвартсе, — невесело ответил Люпин, взглянув на Гарри, Рона и Гермиону. — Профессор Снегг когда — то учился вместе с нами. Это он больше всех противился моему назначению на должность преподавателя защиты от темных искусств. Весь год он твердил Дамблдору, что мне нельзя доверять. И у него были основания… Видите ли, Сириус некогда сыграл с ним одну шутку, которая едва не убила его… Без меня там тоже не обошлось… Блэк саркастически

усмехнулся:

— Он это заслужил. Шнырял вокруг, вынюхивал, чем мы, четверо, занимаемся. Жаждал, чтобы нас исключили.

— Северуса очень интересовало, куда это я пропадаю каждый месяц, — продолжил Люпин. — Мы были однокурсниками, ну и… хм… слегка недолюбливали друг друга Особенно он терпеть не мог Джеймса — виновата, я думаю, зависть. Джеймс замечательно играл в квиддич… Настоящий талант. И вот однажды Снегг подсмотрел, как в канун полнолуния мадам Помфри повела меня к Гремучей иве. Сириус Снегга заметил и шутки ради сказал ему, что всех — то и дел — ткнуть длинной палкой в шишку на стволе Ивы, и тогда он отроет мою тайну. Снегг, естественно, так и сделал. И отправился вслед за мной. Представляете себе, что его ожидало в Хижине: встреча с оборотнем со всеми вытекающими последствиями. Но твой отец, Гарри, узнав, что придумал Сириус, бросился за Снеггом и, рискуя жизнью, увел его из подземного хода. Снегг все же мельком увидел меня — в самом конце туннеля. Дамблдор строго — настрого запретил ему разглашать мою тайну. Но с тех пор он знает мою особенность.

— Так вот почему Снегг вас не любит, — медленно произнес Гарри. — Он, конечно, думает, что и вы участвовали в той шутке.

— Совершенно верно, — раздался холодный, насмешливый голос за спиной Люпина.

Это был Северус Снегг. Он сбросил с себя мантию — невидимку, его волшебная палочка была направлена прямо на Люпина.

Глава 19

СЛУГА ЛОРДА ВОЛАН-ДЕ-МОРТА

Гермиона взвизгнула, Блэк вскочил на ноги. Гарри подпрыгнул, словно его ударило током.

— Я нашел это рядом с Гремучей ивой, — сказал Снегг, отбросив в сторону мантию — невидимку. Он все время следил, чтобы волшебная палочка была нацелена в грудь Люпина. — Очень удобная вещь, Поттер, большое спасибо…

Снегг слегка запыхался, но на его лице сияло выражение плохо сдерживаемого триумфа.

— Возможно, вас удивляет, как я узнал, что вы здесь? — Глаза профессора сверкали. — Я как раз шел в ваш кабинет, Люпин. Вы забыли вечером принять свое зелье, я понес вам лекарство и тут, к большому счастью — к счастью для меня, разумеется, — увидел у вас на столе некую Карту. Я взглянул на нее и сразу все понял. Вы бежали известным мне туннелем и далее исчезли…

— Северус… — воззвал Люпин, но Снегга было не остановить.

— Сколько раз я говорил Дамблдору, что это вы помогаете старому другу Блэку проникать

в замок. И вот оно, доказательство. Но мне и во сне привидеться не могло, что у вас хватит духа вновь воспользоваться этой развалюхой как убежищем…

— Северус, вы ошибаетесь, — настаивал Люпин. — Ведь вы слышали далеко не все, я сейчас объясню… Сириус здесь вовсе не для того, чтобы убить Гарри…

— Этой ночью в Азкабане станет на двух узников больше. — Глаза Снегга пылали фанатичным огнем. — Вот интересно, как это понравится Дамблдору… Он был так уверен в твоей совершеннейшей безвредности, Люпин, вервольф ты наш домашний…

— Но это же глупо, — заметил Люпин мягко. — Неужели старая школьная обида стоит того, чтобы отправить невинного человека в Азкабан?

Хлоп! Тонкие, гибкие, как змеи, шнуры вылете¬ли из волшебной палочки Снегга и захлестнулись вокруг рта, запястий и лодыжек Люпина; он потерял равновесие и рухнул на пол, не в силах пошевелиться. Яростно взревев, Блэк бросился к Снеггу, но тот нацелил волшебную палочку точно ему в лоб.

— Только дай мне повод, — прошипел Снегг, — дай повод, и, клянусь, я убью тебя.

Блэк замер. Трудно было сказать, чье лицо сильнее искажала ненависть.

Гарри оцепенело смотрел на них, не зная, что делать и кому верить. Он взглянул на друзей — Рон пребывал в полном смятении и продолжал бороться с Коростой; Гермиона, хотя и неуверенно, но все же приблизилась к Снеггу и замирающим от волнения голосом спросила:

— Профессор Снегг… может… может, нет ничего страшного в том, чтобы выслушать… что они хотят… хотят сказать?

— Мисс Грэйнджер, вы уже на грани исключения из школы! — рявкнул Снегг. — А что касается вас, Поттер и Уизли, вы вообще перешли все границы, проводите время в компании закоренелого убийцы и оборотня. Так что раз в жизни придержите языки.

— Но если… если это ошибка…

— Молчать, глупая девчонка! — Снегга прорвало, он вдруг будто обезумел от злости. — Не рассуждай о том, чего не понимаешь!

С его волшебной палочки, направленной в лицо Блэку, слетело несколько искр, и Гермиона умолкла.

— Месть сладка, — шепнул Снегг Блэку. — Как же я мечтал, что сам поймаю тебя…

— Ты опять жертва шутки, Северус, — прохрипел Блэк. — До тех пор, пока этот мальчик будет находиться со своей крысой в замке, — он кивнул в сторону Рона, — я буду тихо пробираться…

В замок? — вкрадчиво переспросил Снегг. — Зачем же так далеко? Вот выберемся из — под Ивы, и я сразу кликну дементоров. Они будут рады видеть тебя, Блэк, очень рады… Даже одарят тебя поцелуем…

Лицо Блэка стало мертвенно — бледным.

— Я… я все-таки заставлю тебя выслушать, — хрипло проговорил он. — Вот эта крыса — посмотри на нее хорошенько…

Но в глазах Снегга плясали безумные огоньки, каких Гарри никогда раньше не видел. Было ясно: никакие доводы его не проймут.

— Все за мной! — скомандовал Снегг. Щелкнул пальцами, и концы шнура, опутавшего Люпина, оказались у него в руке. — Я притащу и оборотня. У дементоров найдется поцелуй и для него.

Не отдавая себе отчета, Гарри в три прыжка пересек комнату и загородил дверь.

— Прочь с дороги, Поттер, ты и так в серьезной беде, — злобствовал Снегг. — Если бы я не подоспел сюда, чтобы спасти твою шкуру…

— Профессор Люпин в этом году мог бы сто

раз со мной расправиться. — Гарри попытался урезонить Снегга. — Он учил меня защищаться от дементоров. Мы постоянно оставались с ним один на один. Если он помогает Блэку, почему он меня не прикончил?

— Я не собираюсь разгадывать, что там происходит в голове у оборотня! — зашипел Снегг. — Дай пройти, Поттер!

— Это глупо! — закричал Гарри. — из-за какой-то дурацкой всеми забытой шутки вы сейчас не хотите ничего слушать!

— Молчи! Не смей так со мной разговаривать! — безумствовал Снегг. — Каков отец таков и сын! Я только что спас твою жизнь, Поттер, ты меня на коленях благодарить должен! А тебя стоило бы убить. Умер бы, как отец, слишком самоуверенным, чтобы допустить мысль, что Блэк тебя одурачил. А теперь прочь с дороги, Поттер, или я заставлю тебя убраться!

Решение созрело в долю секунды. Не успел Снегг сделать шага, Гарри вскинул волшебную палочку.

— *Экспеллиармус!* — крикнул он, и, надо заметить, не он один.

Рон и Гермиона с удивительным единодушием приняли то же решение.

Грянуло сразу три заклинания, раздался оглушительный взрыв, затрещала дверь, едва удержавшись на древних петлях; Снегга сбило с ног и ударило о стену, он сполз на пол, потеряв сознание, из — под волос по лицу побежала струйка крови.

Гарри огляделся. Волшебная палочка Снегга взлетела под потолок и упала на кровать рядом с Живоглотом.

— Зря ты это сделал. — Блэк, сдвинув брови, взглянул на Гарри. — Надо было предоставить его мне…

Гарри отвел глаза в сторону. Даже теперь он не был уверен, что поступил правильно.

— Мы напали на преподавателя… Напали на преподавателя… — в ужасе прошептала Гермиона, как зачарованная глядя на безжизненную фигуру Снегга. — Ох, какие нас ждут неприятности…

Люпин старался освободиться от пут. Блэк поспешно наклонился, развязал его, и тот поднялся, растирая запястья.

— Спасибо, Гарри, — поблагодарил он.

— Я еще не сказал, что верю вам, — возразил Гарри.

— Значит, пора представить веские доказа-

тельства, — заявил Блэк — Ты, парень, дай мне Питера.

Но Рон теснее прижал к груди Коросту.

— Не подходите. — Голос его был слаб, но решителен. — Вы что, сбежали из Азкабана только затем, чтобы свернуть ей шею? — Рон повернулся к Гарри и Гермионе, ища поддержки. — Ладно, допустим, Петтигрю мог превращаться в крысу. Но ведь крыс — то миллионы. Как же он в тюрьме ухитрился узнать, какая именно и есть Питер?

— А это законный вопрос, Сириус, — заметил Люпин, слегка нахмурившись. — В самом деле, как ты узнал, где Питер?

Блэк сунул под мантию крючковатые пальцы и вынул смятый клочок газеты, разгладил его и показал всем.

Это была фотография семейства Уизли, напечатанная прошлым летом в «Ежедневном Пророке». У Рона на плече сидела Короста.

— Как ты это достал? — поразился Люпин.

— Фадж дал, — ответил Блэк. — В прошлом году он приезжал инспектировать Азкабан и оставил мне газету. А там на первой полосе на плече у этого мальчика я увидел Питера. Я сразу его узнал, ведь я столько раз видел его превращения. В статье было сказано, что паренек учится в Хогвартсе

— там же, где и Гарри…

— Бог мой, — прошептал Люпин, переводя взгляд с живой Коросты на картинку и обратно. — Передняя лапа…

— Что с передней лапой? — резко спросил Рон.

— Нет одного пальца, — пояснил Блэк.

— Вот именно, — выдохнул Люпин. — Просто, как все гениальное… Он сам себе его оттяпал?

— Перед последней трансформацией, — кивнул Блэк — Я загнал его в угол, и он заорал на всю улицу, что это я предал Лили с Джеймсом, и тут же, не успел я рта раскрыть, устроил взрыв, а палочку он держал за спиной. На двадцать футов вокруг все в куски, все погибли, а сам он вместе с другими крысами шмыгнул в канализацию…

— Разве ты не знаешь, Рон? — сказал Люпин. — От Петтигрю нашли всего лишь палец.

— Но Короста могла подраться с другой крысой или еще что-нибудь. Она живет в нашей семье испокон веков…

— А точнее, двенадцать лет, — добавил Люпин. — Тебя никогда не удивляло подобное долголетие?

— Ну… мы о ней заботились…

— Хотя, пожалуй, сейчас крыса выглядит не слишком хорошо, а? — продолжал Люпин. —

Думаю, она начала худеть, узнав, что Сириус вы¬рвался на свободу…

— Ее напугал этот чокнутый кот! — Рон мотнул головой в сторону Живоглота, который лежал на кровати, продолжая урчать.

«Но ведь это не так, — внезапно подумал Гарри. — Короста была явно больна еще до появления Живоглота. Спала с тела после того, как Уизли вернулись из Египта, именно после побега Блэка…»

— Кот вовсе не чокнутый, — протянув костлявую руку, Блэк погладил рыжую пушистую голову Живоглота. — Таких смышленых котов поискать. Он мгновенно почуял, что это за крыса. И сразу раскусил, что я не настоящий пес. Какое — то время привыкал ко мне… в конце концов я растолковал ему, кого ищу, и он стал моим помощником.

— А как он помогал? — тихо спросила Гермиона.

— Пытался поймать Питера и принести мне. Но у него ничего не получалось. Тогда он выкрал для меня пароли в гриффиндорскую башню. Я понял: он взял их из тумбочки какого-то мальчика…

У Гарри от всего услышанного стали перегреваться мозги. Ведь бред же, абсурд — и все же…

— Но Питер сообразил, чем запахло, и сбежал… Живоглот — вы так его называете? — сообщил мне, что Питер оставил кровь на простынях. Скорее всего, укусил себя. Что ж, фальсификация собственной смерти у него однажды сработала…

Последние слова подействовали на Гарри как удар хлыста.

— Хотите, объясню, зачем ему потребовалось имитировать собственную смерть? Да затем, что он знал: вы собирались его убить так же, как убили моих родителей!

— Да нет же, Гарри, — попытался успокоить его Люпин.

— А теперь вы здесь, чтобы прикончить его!

— Да, именно этого я и хочу! — Блэк с ненавистью взглянул на крысу.

— Значит, я зря помешал Снеггу схватить вас.

— Гарри! — торопливо вмешался Люпин. — Да пойми ты! Все это время мы считали, что Сириус предал твоих родителей, а Питер выследил его. На самом же деле все было наоборот: Питер предал твоих отца и мать, и Сириус это знал.

— Неправда! — Гарри судорожно сжал кулаки. — Он был их Хранителем Тайны! Он сам сказал до вашего прихода, что это он их убил!

Но Блэк медленно покачал головой, его ввалив-

шиеся глаза ярко вспыхнули.

— Гарри… Я все равно что убил их… В последнюю минуту я уговорил Лили и Джеймса переменить свой выбор, сделать Хранителем Тайны его. В этом моя вина… В ту ночь, когда они погибли, я хотел проверить, как там Питер, убедиться, в безопасности ли он. Приехал к нему в убежище, а его там нет. И никаких следов борьбы. Я заподозрил неладное и сразу же помчался к твоим родителям. Увидел их разрушенный дом, их тела и все понял: Питер предал их. Вот в чем моя вина. У Блэка сорвался голос, и он отвернулся.

— Довольно об этом, — суровым тоном, какого Гарри от него никогда не слышал, заговорил Люпин. — Существует лишь один способ выяснить, что произошло на самом деле. Рон, дай мне крысу.

— А что вы с ней сделаете? — с опаской спросил Рон.

— Заставим принять истинное обличье. Если это действительно крыса, ей это не повредит.

После краткой борьбы с собой Рон все же решился, протянул Коросту, и Люпин взял ее. Короста визжала уже безостановочно, крутясь и барахтаясь; ее маленькие черные глазки лезли из орбит.

— Готов, Сириус? — спросил Люпин.

Блэк взял с кровати волшебную палочку Снегга и подошел к старому товарищу, держащему бьющуюся в руках крысу. Повлажневшие глаза Блэка запылали огнем.

— Давай вместе? — негромко произнес он.

— Конечно. — Люпин крепко сжал крысу одной рукой, другой поднял волшебную палочку. — Действуем на счет «три». Раз, два, три!

Все кругом озарилось бело — голубой вспышкой из двух волшебных палочек; на какую — то секунду Короста зависла в воздухе, ее черное тельце бешено извивалось, Рон взвыл, и крыса с негромким стуком упала на пол. Сверкнула еще одна слепящая вспышка и тогда…

Как будто они наблюдали за ростом дерева в замедленной киносъемке. Проклюнулась и стала увеличиваться голова, появились побеги — конечности. Еще миг — и на том месте, где только что была крыса, стоял человечек, скрючившийся от страха и заламывающий руки. Живоглот на кровати зашипел, заворчал, шерсть у него на спине встала дыбом.

Перед ними предстал коротышка, едва ли выше Гарри и Гермионы; жидкие бесцветные волосы растрепаны, на макушке изрядная лысина; кожа

на нем висела, как на толстяке, исхудавшем в одночасье. Вид был облезлым, как у Коросты в последнее время. Да и вообще что-то крысиное сохранилось в остром носике, в круглых водянистых глазках. Прерывисто дыша, он оглядел комнату и бросил быстрый взгляд на дверь.

— Ну здравствуй, Питер, — приветливо произнес Люпин, как будто в Хогвартсе по три раза на дню крысы превращались в старых школьных друзей. — Давненько не виделись.

— С-с-сириус… Р-р-римус… — даже голос у Петтигрю остался писклявым. Он вновь быстро покосился на дверь. — Мои друзья… мои добрые друзья…

Рука Блэка с волшебной палочкой взлетела, но Люпин перехватил ее, послав Блэку предостерегающий взгляд, и, повернувшись к Петтигрю, снова заговорил в самом непринужденном тоне.

— Мы тут, Питер, беседовали о том, как погибли Джеймс и Лили. И вообще о той ночи. Боюсь, ты пропустил кое — какие подробности, пока визжал на кровати…

— Римус, — задыхаясь, вымолвил Петтигрю, и Гарри увидел капли пота, выступившие на его одутловатом лице. — Ты ведь не веришь ему, правда? Он пытался убить меня, Римус…

— Это мы уже слышали, — ответил Люпин уже гораздо холоднее. — Мне хотелось бы прояснить с твоей помощью несколько мелочей, если не возражаешь.

— Он явился сюда, чтобы опять мучить меня и убить! — неожиданно завопил Петтигрю, указывая на Блэка. Гарри бросилось в глаза, что он ткнул в Блэка средним пальцем — указательный на правой руке отсутствовал. — Он убил Лили и Джеймса, а теперь охотится и на меня. Помоги мне, Римус…

Блэк устремил на Петтигрю ледяной взгляд, и лицо его стало особенно похоже на череп.

— Никто не станет тебя мучить и убивать, — успокоил школьного приятеля Люпин. — Прежде надо кое в чем разобраться.

— Разобраться? — взвизгнул Петтигрю, по — прежнему украдкой озираясь и бросая взгляды то на заколоченные окна, то на единственную дверь. — Я знал, что он будет преследовать меня! Знал, что вернется! Я двенадцать лет этого ждал!

— Ты знал, что Сириус собирается бежать из Азкабана? — сдвинул брови Люпин. — Да ведь оттуда никто никогда не убегал!

— На его стороне темные силы, какие нам и не снились! — пронзительно завыл Петтигрю. — Как

иначе он смог оттуда вырваться? Тот-Кого-Нельзя-Называть наверняка кое-чему его научил!

Комнату огласил невеселый жутковатый смех Блэка.

— Значит, это Волан-де-Морт меня кое-чему научил?

Петтигрю вздрогнул, словно Блэк пригрозил ему хлыстом.

— Что, страшно слышать имя старого хозяина? — спросил Блэк — Не виню тебя, Питер. Его команда не очень-то была тобой довольна! Верно говорю?

— Не понимаю тебя, Сириус, — промямлил Петтигрю, дыша все чаще; теперь все его лицо блестело от пота.

— Не от меня ты прятался эти двенадцать лет, — усмехнулся Блэк. — Ты скрывался от прежних дружков Волан-де-Морта. Я кое — что слышал в Азкабане, Питер… Все они думают, что ты мертв, иначе тебе пришлось бы держать ответ перед ними… Они много чего интересного говорили во сне, особенно об одном обманщике, который надул их. Волан-де-Морт ведь отправился к Поттерам по твоей наводке. И там его ожидал крах. Но не все же сторонники Волан-де-Морта кончили дни в Азкабане, не так ли? Их еще достаточно

много, они выжидают время, прикинулись, будто осознали свои заблуждения… Пронюхай они, что ты жив, Питер…

— Не понимаю… о чем ты, — снова повторил Петтигрю. Вытер лицо рукавом и поднял глаза на Люпина. — Ведь ты не веришь этой… всей этой чепухе, Римус?

— Должен признаться, Питер, мне трудно понять, зачем невиновному человеку жить двенадцать лет в облике крысы, — невозмутимо ответил Люпин.

— Невиновный, но смертельно испуганный! — вновь сбился на крысиный визг Петтигрю. — Если сторонники Волан-де-Морта настроены против меня, то лишь потому, что я отправил в Азкабан одного из их главарей — этого шпиона Сириуса Блэка!

Лицо Блэка исказилось.

— Да как ты смеешь! — Голос его зазвучал точно рык гигантского волкодава, которым он недавно был. — Это я шпионил для Волан-де-Морта? Я никогда не пресмыкался перед теми, кто могущественнее меня! Это ты, Питер, шпион. Никогда не пойму, как же я не сообразил это еще тогда. Тебе всегда нравились большие и сильные друзья, которые покровительствовали бы тебе. Такими

были мы… Я и Римус… И Джеймс…

Петтигрю снова вытер лицо, он почти задыхался.

— Я — шпион? Ты не в своем уме… Да как у тебя язык повернулся такое… такое…

— Лили и Джеймс назначили тебя Хранителем Тайны по моему настоянию, — продолжал Блэк с такой злобой, что Петтигрю попятился. — Я думал, что этот блеф сработает. Волан-де-Морт будет охотиться за мной, ему и в голову не придет, что они возьмут в Хранители такое ничтожество, как ты. Но ты предал Поттеров. Наверное, разговор с Волан-де-Мортом стал звездным часом твоей жизни…

Петтигрю что-то смятенно бормотал. Гарри уловил слова «странность», «помешательство», но его внимание больше привлекла мертвенная бледность лица Петтигрю и то, как он продолжал шнырять глазами по окнам и двери.

— Профессор Люпин? — неуверенно вступила в разговор Гермиона. — Могу… могу я кое — что сказать?

— Разумеется, Гермиона, — любезно разрешил Люпин.

— Ну… Короста… то есть, я хочу сказать, этот… этот человек — он три года жил в спальне Гарри.

Но если он работал на Сами — Знаете — Кого, как вышло, что он никогда не пытался навредить Гарри?

— Вот видите! — пискнул Петтигрю, тыча в Гермиону покалеченной рукой. — Спасибо тебе! Слышишь, Римус? Я волоса на голове Гарри не тронул! Как ты это объяснишь?..

— Я объясню, — прервал его Блэк. — Ты никогда ничего не делал без выгоды для себя. Волан-де-Морт двенадцать лет в бегах, утратил всю свою силу, говорят, он едва жив. Так чего ради совершать убийство под носом Альбуса Дамблдора? Вот если ты будешь абсолютно уверен, что Темный Лорд опять в игре, тогда другое дело. Можно опять бежать под его покровительство. Потому ты и выбрал это пристанище — семью волшебников. Чтобы знать, что происходит в их мире. Вдруг старый хозяин обретет силу — тогда ты сможешь спокойно к нему вернуться…

Петтигрю несколько раз открывал и закрывал рот — казалось, он утратил дар речи.

— э-э — э… мистер Блэк… Сириус… — робко проговорила Гермиона.

Услыхав эти слова, Блэк вздрогнул и внимательно взглянул на девочку: очевидно, давно отвык от подобной вежливости.

— Позвольте вас спросить, как… как вам удалось выбраться из Азкабана без помощи темной магии?

— Благодарю! — исступленно выдохнул Петтигрю, отчаянно кивая, ей. — В самую точку! Именно это я и хотел…

Но Люпин взглядом заставил его умолкнуть. Блэк чуть нахмурился, глядя на Гермиону, но не потому, что рассердился — казалось, он обдумывает ответ.

— Сам не знаю как, — медленно произнес он. — Думаю, единственной причиной, почему я не потерял рассудка, была мысль, что я невиновен. Ее не назовешь счастливой мыслью, дементоры не могли высосать ее… но она сохранила мой разум и самосознание. А когда приходилось уж совсем круто, я превращался у себя в камере… становился собакой. Вы же знаете, дементоры ничего не видят, — он сглотнул, — они воспринимают людей только через их эмоции… И они ощущали только, что мои чувства в эти часы делаются менее… менее человеческими, менее сложными. Скорее всего, они думали, что я схожу с ума, как все остальные узники. Это их не беспокоило. Но я был очень слаб, и не было никакой надежды, что я с ними справлюсь без волшебной

палочки… Летом я увидел Питера на той фотографии… Я догадался, что он в Хогвартсе, рядом с Гарри. Идеальная позиция для нападения, если однажды он проведает, что Темный Лорд вновь набирает силы…

Петтигрю мотал головой, безмолвно шевелил губами, но, будто загипнотизированный, не сводил глаз с Блэка.

— …Я не сомневался, он нанесет удар, когда будут союзники… Продаст им последнего Поттера. Кто тогда посмеет сказать, что он предал Воланде-Морта? И его примут назад с почестями… Так что видите, я должен был действовать… Ведь я единственный знал, что Питер еще жив…

Гарри вспомнились слова мистера Уизли, сказанные жене: «Стражи сообщают, Блэк говорит во сне и произносит всегда одни и те же слова: «Он в Хогвартсе»».

— И у меня в голове как будто зажегся свет. Дементоры не могли мне помешать. Это не было счастливым чувством, это была навязчивая идея, она придавала мне силы, проясняла ум. И однажды вечером, когда дементоры принесли еду, я выскользнул в открытую дверь в облике пса… Им настолько сложнее улавливать чувства животных, что они были сбиты с толку… Я был так

истощен, что сумел пролезть сквозь решетки… В обличье пса переплыл пролив, побежал на север и так добрался до окрестностей Хогвартса… Все это время жил в лесу… Только однажды вышел — уж очень захотелось посмотреть квиддич… Ты летаешь так же здорово, как твой отец, Гарри…

Он посмотрел на Гарри, и тот первый раз не отвел взгляда.

— Поверь мне, — прохрипел Блэк. — Поверь, Гарри. Я не предавал Джеймса и Лили. Я бы скорее сам умер.

И Гарри поверил. Комок в горле помешал ему говорить, и он просто кивнул.

— Неправда! — Петтигрю упал на колени, словно кивок Гарри был смертным приговором. Подавшись вперед, он пополз к Сириусу, молитвенно сложив руки. — Сириус… это же я… Питер… твой друг… ты же не станешь…

Блэк оттолкнул его, и Петтигрю опрокинулся.

— На моей мантии и без тебя достаточно грязи!

— Римус! — заголосил Петтигрю, повернувшись теперь к Люпину и умоляюще извиваясь перед ним. — Ведь ты не веришь ему… Разве Сириус не сказал бы тебе, что они переменили план?

— Нет, не сказал бы, если думал, что я шпион, —

ответил Люпин. — Наверное, ты именно так и думал и потому не сказал мне, Сириус? — мимоходом заметил он поверх головы Петтигрю.

— Прости меня, Римус, — вздохнул Блэк.

— О чем разговор, Бродяга? — сказал Люпин, закатывая рукава. — Прости и ты меня, что я столько лет считал тебя предателем.

— Да чего уж тут… — Тень улыбки скользнула по изможденному лицу Блэка. И он тоже принялся закатывать рукава. — Убьем его вместе?

— Да, вместе, — сурово произнес Люпин.

— Не надо, пожалуйста… вы не можете… — заверещал Петтигрю и пополз к Рону. — Рон… Разве я не был тебе добрым другом… Твоим домашним любимцем? Ты не дашь им убить меня, правда? Ты ведь на моей стороне!

Но Рон смотрел на него с отвращением:

— И я разрешал тебе спать в моей постели!

— Мой добрый мальчик… добрый хозяин… Ты не допустишь этого… Я был твоей крысой… ласковым зверьком…

— Крыса, как видно, получилась из тебя лучше, чем человек И хвастать тут нечем, — жестко оборвал его Блэк.

Рон побледнел от боли и передвинул сломанную ногу, чтобы Петтигрю не мог до нее

дотянуться. Тот развернулся на коленях, подполз к Гермионе и ухватил ее за край мантии.

— Милая девочка… умная девочка… Ты… ты не позволишь им… Спаси меня…

Гермиона выдернула мантию из его пальцев и, потрясенная, отступила назад, к стене.

Петтигрю колотила неудержимая дрожь, он медленно повернулся к Гарри.

— Гарри… Гарри… ты так похож на отца… просто вылитый Джеймс…

— Как ты смеешь обращаться к Гарри? — В глазах Блэка полыхнуло бешенство. — Как смеешь смотреть ему в глаза? Говорить о его отце?

— Гарри, — прошептал Петтигрю, подползая к тому и протягивая руки. — Гарри, Джеймс не стал бы меня убивать… Он бы понял, Гарри, он пощадил бы меня…

Блэк с Люпином ухватили Петтигрю за плечи и оттащили. Он плюхнулся на пол, глядя на них снизу вверх и трясясь от ужаса.

— Ты продал Лили и Джеймса Волан-де-Морту. — Блэка тоже била дрожь. — Будешь еще отрицать это?

Петтигрю зарыдал. Это было жуткое зрелище — он походил на лысого младенца — переростка, съежившегося на полу.

— Сириус, Сириус, что я мог поделать? Темный Лорд… ты себе не представляешь… У него такое оружие, что уму непостижимо… Меня запугали, Сириус, я же никогда не был храбрецом, как ты, Римус или Джеймс… Я не хотел того, что случилось… Меня вынудил Тот — Кого — Нельзя — Называть.

— Не лги! Ты стал его шпионом еще за год до гибели Джеймса и Лили! Ты был его осведомителем!

— Его… его власть была безгранична, — хлюпнул Петтигрю. — Что бы я выиграл, если бы стал противиться ему?

— Да. Что бы ты выиграл, Питер, в борьбе с самым злым волшебником всех времен? — Блэк клокотал от ярости. — Всего — навсего несколько невинных жизней.

— Ты не понимаешь, Сириус! — проскулил Петтигрю. — Он убил бы меня.

— Значит, надо было умереть, — прорычал Блэк. — Умереть, а не предавать друзей. — Мы бы все так поступили ради тебя!

Блэк и Люпин встали плечом к плечу и подняли волшебные палочки.

— Ты должен был понимать, — произнес Люпин тихо, — если тебя не убьет Волан-де-Морт, то

это сделаем мы. Прощай, Питер.

Гермиона закрыла руками лицо и отвернулась.

— Нет! — вдруг крикнул Гарри. Он бросился вперед и загородил Петтигрю, повернувшись к волшебным палочкам. — Нельзя его убивать! — сказал он, задыхаясь. — Нельзя!

И Блэк, и Люпин были потрясены.

— из-за этого выродка ты лишился родителей, Гарри, — прохрипел Блэк. — Этот пресмыкающийся кусок дерьма хладнокровно убил бы и тебя. И даже не повел бровью. Ты его сейчас слышал. Для него собственная вонючая шкура значит больше, чем вся твоя семья.

— Знаю, — тяжело дыша, сказал Гарри. — Мы отведем его в замок и передадим дементорам. Они отвезут его в Азкабан… Но не убивайте его.

— Гарри! — простонал Петтигрю и обнял его колени. — Ты… Спасибо тебе… Я не стою этого… Спасибо…

— Прочь от меня! — гневно выпалил Гарри, с омерзением сбрасывая с себя руки Петтигрю. — Я поступаю так не ради тебя. Я уверен, мой отец не захотел бы, чтобы его лучшие друзья стали убийцами из-за такого, как ты.

Никто не шелохнулся и не издал ни звука, лишь

слышалось неровное, с присвистом, дыхание Петтигрю, прижавшего к груди кулачки. Блэк с Люпином переглянулись и одновременно опустили палочки.

— Ты — единственный, у кого есть право решать, — признал Блэк. — Но подумай хорошенько… подумай, что он совершил…

— Пусть его отправят в Азкабан, — повторил Гарри. — Он это заслужил, как никто.

Сзади по — прежнему слышалось сопение Петтигрю.

— Ладно, — согласился Люпин. — Гарри, отойди в сторону.

Но Гарри в сомнении не двигался с места.

— Я только свяжу его, — пояснил Люпин. — Ничего больше, клянусь.

Гарри отошел. Из волшебной палочки Люпина вылетели тонкие шнуры, и через секунду Петтигрю дергался на полу связанный и с заткнутым ртом.

— Но если ты попытаешься превратиться, Питер, — Блэк потрясал над ним волшебной палочкой, — мы точно тебя убьем. Ты согласен, Гарри?

Гарри посмотрел на жалкую фигуру, скорчившуюся на полу, и кивнул — так, чтобы Петтигрю

увидел.

— Ну вот что, — Люпин перешел на деловой тон, — я, Рон, умею сращивать кости далеко не так хорошо, как мадам Помфри, поэтому пока самое лучшее — наложить шину.

Он подошел к Рону, коснулся сломанной ноги волшебной палочкой и тихо произнес:

— *Ферула!*

Тотчас же ногу обмотали бинты, плотно прижав ее к гипсовому лотку. Рон с помощью Люпина встал, осторожно переступил и даже не поморщился.

— Гораздо лучше, — сказал он. — Спасибо.

— А что с профессором Снеггом? — вполголоса спросила Гермиона, глядя на распростертую фигуру преподавателя.

— Ничего серьезного. — Люпин склонился над ним и пощупал его пульс. — Просто вы немного… э-э-э…. перестарались. Все еще без сознания… М-м-м… вероятно, будет лучше, если мы не станем приводить его в чувство, пока благополучно не возвратимся в замок. А доставим его туда вот так… — Он шепнул: — *Мобиликорпус!*

Невидимые нити оплели запястья Снегга, шею, колени, тело приняло вертикальное положение, но голова безвольно моталась во все стороны,

словно у огромной куклы. Снегг повис в нескольких дюймах над полом, ноги его безжизненно болтались. Люпин подобрал мантию — невидимку и заботливо спрятал ее в карман.

— Двоих из нас придется приковать вот к этому. — Блэк дернул Петтигрю за веревки. — На всякий случай.

— Меня, — предложил Люпин.

— И меня, — рявкнул Рон, прохромав вперед. Блэк прямо из воздуха сотворил увесистые наручники, Петтигрю распрямился — левая рука скована с правой Люпина, правая — с левой Рона. Лицо Рона скорбно застыло — истинную сущность Коросты он воспринял как личное оскорбление. Живоглот легко спрыгнул с кровати и возглавил выход из комнаты — его хвост, похожий на ершик для мытья бутылок, был самодовольно задран.

Глава 20

ПОЦЕЛУЙ ДЕМЕНТОРА

Никогда еще Гарри не приходилось участвовать в такой странной процессии. Первым спускался Живоглот, следом — Люпин, Петтигрю и Рон, словно участники какого — то диковинного шестиногого забега; за ними неспешно плыл профессор Снегг, стукаясь ногами о ступени, увлекаемый вниз собственной волшебной палочкой в руке Сириуса Блэка. Гарри и Гермиона замыкали шествие.

Идти по туннелю было непросто. Люпин, Петтигрю и Рон двигались боком один за другим, причем Люпин все время держал Петтигрю под прицелом волшебной палочки. Сириус с помощью волшебной палочки Снегга удерживал плывущего по воздуху профессора в вертикальном положении, голова Снегга то и дело чиркала о низкий потолок Гарри показалось, что Блэк и не думает этому помешать.

— Понимаешь, что это значит? — спросил Сириус у Гарри, когда они медленно продвигались по туннелю. — Разоблачение Петтигрю?

— То, что ты теперь свободен, — ответил Гарри. — Да… А скажи, ты знаешь, что я твой крестный отец?

— Знаю.

— Хм — м… Твои родители назначили меня твоим опекуном, — с некоторой неловкостью продолжал Блэк, — если с ними что случится…

Гарри не верил своим ушам. Неужели Сириус предложит ему то, о чем он начал мечтать.

— Я, разумеется, пойму если ты захочешь остаться с дядей и тетей… Но ты все-таки подумай. Мое доброе имя восстановлено… может, если бы ты захотел… э-э… другой дом…

Гарри даже стало жарко.

— Ты хочешь, чтобы я жил с тобой? — воскликнул он, ударившись головой о какой-то камень. — Уехал от Дурслей?

— Я так и знал, что ты будешь против, — совсем смутился Блэк — Я просто подумал…

— Что? — У Гарри тоже сел голос. — Да. Я мечтаю расстаться с Дурслями! А дом у тебя есть? Когда можно туда поехать?

Сириус остановился и взглянул на Гарри. Голова Снегга опять проехалась по потолку, но Блэк даже внимания на это не обратил.

— Значит, ты согласен? Да?

— Ну конечно!

И Гарри первый раз увидел, как мрачное лицо Сириуса озарила улыбка. Перемена была разительна — словно кто-то другой, лет на десять моложе, вдруг проглянул сквозь изнуренную маску; и Сириус на какой-то миг стал похож на того человека, который весело смеялся на свадьбе родителей Гарри.

До конца туннеля они больше не разговаривали. Живоглот выскочил наверх первый. И наверное, сразу нажал лапой сучок на Иве, так что, выбравшись из — под земли, Люпин, Петтигрю и Рон не услышали даже шелеста свирепых веток.

Блэк протолкнул Снегга в дыру и отступил, пропуская вперед Гарри с Гермионой. Наконец все оказались снаружи.

Луга были погружены в темноту, и лишь далекие окна замка светились во мраке. Не говоря ни слова, двинулись дальше; Петтигрю по — прежнему сопел и время от времени принимался хныкать. У Гарри в голове звенело: он уедет от Дурслей, будет жить с Сириусом Блэком, лучшим другом родителей… Дурсли в обморок упадут, когда он им скажет, что будет теперь жить у преступника, которого они видели по телевизору!

— Одно неверное движение, Питер… — грозно предупредил Люпин, его волшебная палочка неизменно смотрела в бок Петтигрю.

Шли молча, огни замка медленно приближались. Снегг парил перед Блэком, подбородок его то и дело ударял в грудь. И тут…

Облака разошлись, и на землю пали неясные тени; вся компания словно окунулась в лунный свет.

Люпин, Петтигрю и Рон остановились так неожиданно, что Снегг на них натолкнулся. Сириус замер, махнув рукой Гарри и Гермионе, чтобы те не двигались.

Гарри видел силуэт Люпина, профессор точно окостенел, и тут же его руки и ноги стали дрожать.

— Господи! — ахнула Гермиона. — Он же сегодня не принял зелье! Он опасен!

— Бегите! — негромко крикнул Блэк. — Бегите немедленно!

Но как они могли убежать: Рон — то прикован к Петтигрю и Люпину. Гарри рванулся к другу, но Блэк без церемоний обхватил его поперек туловища и отбросил.

— Предоставь это мне… Беги!

Раздался грозный рык. Лицо Люпина вытя-

гивалось, то же происходило и с телом; плечи сузились, руки обратились в когтистые лапы, прямо на глазах он оброс шерстью. У Живоглота мех вновь встал дыбом, кот попятился.

Превращение произошло, и оборотень лязгнул страшными длинными зубами. В тот же миг Сириус исчез — вместо него приготовился к прыжку огромный, похожий на медведя пес.

Едва оборотень вырвался из наручников, пес схватил его за холку и потащил в сторону, подальше от Рона и Петтигрю. Звери сцепились, клык к клыку, царапая друг друга когтями.

Гарри стоял, поглощенный схваткой, ничего больше не замечая. У него за спиной раздался крик Гермионы, и Гарри, придя в себя, обернулся.

Петтигрю кинулся за упавшей волшебной палочкой Люпина; Рон, не удержавшись на своей забинтованной ноге, упал. Грохнул взрыв, вспышка света — и Рон лишился чувств. Еще взрыв — Живоглот взлетел в воздух и рухнул на землю подобно груде тряпья.

— *Экспеллиармус!* — Гарри нацелил волшебную палочку на Петтигрю. Палочка Люпина взмыла в небо и пропала. — Ни с места! — крикнул он и бросился на помощь другу.

Слишком поздно. Петтигрю успел превратиться. Гарри заметил только длинный, облезлый хвост, скользнувший сквозь наручники на откинутой руке Рона, и услышал легкий шорох в траве.

Тишину разорвал вой и громовое рычание. Гарри оглянулся — оборотень во весь опор мчался к Запретному лесу.

— Сириус, Люпин убежал в лес, Петтигрю превратился! — что есть мочи завопил Гарри.

Морда и спина у Блэка были в крови, но при этих словах он собрал все силы и бросился за оборотнем. Спустя мгновение топот его лап уже был не слышен.

Гарри и Гермиона подбежали к Рону.

— Что он с ним сделал? — прошептала Гермиона.

Веки Рона смежились, рот открыт. Он никого не видел и не узнавал. Но он, несомненно, был жив, друзья слышали его дыхание.

— Не знаю…

Гарри в отчаянии огляделся. Блэк и Люпин исчезли, так что компанию им составлял один Снегг, все еще висящий без сознания между землей и небом.

— Надо позвать на помощь и скорее доставить

их в замок — Гарри отбросил волосы с глаз и попытался привести мысли в порядок. — Идем, Гермиона…

откуда-то из мрака донесся визг собаки, которой причинили боль.

— Сириус… — Гарри напряженно вгляделся во тьму

Минуту он колебался — для Рона они сейчас ничего не могут сделать, а, судя по визгу, Блэк в беде…

Гарри пустился бежать, Гермиона — за ним. Звуки доносились со стороны озера. Они помчались туда, Гарри несся, не чуя ног.

Вой внезапно оборвался. Добежав до берега, они увидели Сириуса. Он снова превратился в человека и теперь стоял на четвереньках, уткнувшись лицом в ладони.

— Не-е — е — е-ет! — умолял он. — Не-е-е-е-ет! Не на-а-а-до…

И тут Гарри увидел их. Дементоры, не меньше сотни, скользили к ним со всех сторон по берегу озера. Он огляделся — знакомое леденящее чувство пронизало внутренности, глаза застлал туман; из темноты надвигались все новые группы дементоров, окружая их.

— Гермиона, подумай о самом лучшем! — Гар-

ри поднял волшебную палочку, отчаянно моргая, чтобы прояснить зрение. Он затряс головой: ему уже слышался слабый, но такой знакомый крик.

«Я буду жить с моим крестным отцом. Уеду от Дурслей». Все его мысли сосредоточились на Сириусе, и он воскликнул:

— *Экспекто патронум! Экспекто патронум!*

Тело Блэка сотрясла судорога, он лежал бледный, как мертвец.

«Все будет хорошо. Я уеду с ним, мы будем жить вместе».

— *Экспекто патронум!* Гермиона, повторяй! *Экспекто патронум!*

— *Экспекто…* — пролепетала Гермиона, — *экспекто… экспекто…*

Но толку от нее не было никакого. Кольцо смыкалось, дементоры были уже метрах в трех.

— *Экспекто патронум!* — надрывался Гарри, силясь перекричать нарастающий вопль в ушах. — *Экспекто патронум!*

Серебряная струйка вытекла из волшебной палочки и зависла в воздухе. Краем глаза Гарри увидел, что Гермиона упала. Он остался один… совершенно один…

— *Экспекто… экспекто патронум…*

Ноги подогнулись, колени его коснулись хо-

лодной травы. Перед глазами клубился туман. Страшным усилием воли он заставил себя вспомнить: Сириус невиновен… невиновен… Все будет хорошо… Мы будем жить вместе…

— *Экспекто патронум!* — Ему становилось трудно дышать.

В тусклом свете слабенького Патронуса он увидел остановившегося в двух шагах дементора. Серебристое облачко было для него непреодолимой преградой, но из — под черного плаща высунулась длинная, мерзкая, вся в язвах рука, она пыталась отодвинуть Патронуса.

— Стойте, стойте! — задыхаясь, кричал Гарри. — Он невиновен… *экспекто… экспекто патронум!*

Они следили за ним, их свистящее дыхание было подобно злобным вихрям. Ближайший дементор, казалось, размышлял, что делать с Гарри. Потом поднял полусгнившие руки и откинул капюшон. Глаз не было, не было и глазниц. Вместо них — тонкая, серая, покрытая струпьями кожа, но рот имелся — зияющая воронка, всасывающая воздух со звуком, напоминающим предсмертный хрип.

Гарри оцепенел от ужаса — он был не в силах шелохнуться, вымолвить слово, Патронус было вспыхнул, но тут же угас. Все вокруг окутал ту-

ман. Но борьбы прекращать нельзя.

— *Экспекто патронум…*

Нет даже тонкой струйки. Послышался знакомый плач.

— *Экспекто патронум…*

Туман сгустился. Гарри стал на ощупь искать Сириуса, нашел его руку… Они не заберут его!

Внезапно влажные, холодные пальцы обхватили шею Гарри. Он совсем близко почуял зловонное дыхание дементора… Значит, они решили сначала избавиться от него… Крик матери вновь зазвучал в ушах. Ее голос, наверное, последнее, что он слышит в жизни…

И тут сквозь туман Гарри померещилось серебряное сияние. Оно разгоралось все ярче. Гарри ничком упал в траву…

Чуть живой, дрожащий Гарри открыл глаза. Все кругом было залито слепящим светом. Крик в ушах смолк, холод заметно отступал.

что-то отогнало дементоров, защитило Гарри, Сириуса и Гермиону… Хриплые, всасывающие звуки затихали… воздух теплел… дементоры удалялись.

Гарри через силу приподнялся и увидел животное, излучавшее потоки света. Оно галопом уносилось прочь, прямо по глади озера. Пот зали-

вал глаза, но Гарри пытался разглядеть, кто это… Зверь сверкал, как волшебный единорог…

Стараясь удержать уплывающее сознание, Гарри проследил взглядом за таинственным зверем. Достигнув другого берега, он остановился.

На какой-то миг Гарри увидел рядом с ним чью — то неясную тень. кто-то очень знакомый приветственно протянул руку, хотел погладить зверя. Кто это? Нет, этого не может быть…

Гарри ничего не понимал. Он больше не мог думать, силы оставили его, он уронил голову на траву и лишился чувств.

Глава 21

СЕКРЕТ ГЕРМИОНЫ

— Потрясающе… Просто невероятно… Просто чудо, что никто не погиб… Ни о чем подобном не слышал… Какое счастье, что вы там оказались, Снегг…

— Благодарю вас, министр.

— Орден Мерлина второй степени, это я вам обещаю. Первой степени, если сумею пробить.

— Огромное вам спасибо, министр.

— Вижу, у вас глубокий порез… Работа Блэка, я полагаю?

— Нет, министр. Это Поттер, Уизли и Грэйнджер.

— Быть не может!

— Блэк заколдовал их, я это сразу понял. Помрачающее заклинание, судя по их поведению. Видимо, внушил им, что невиновен. Они не ведали, что творили… Их вмешательство, однако, могло бы помочь Блэку бежать. Похоже, они решили сами, без посторонней помощи поймать его. До сих пор им удавалось выходить сухими из воды, и, боюсь, они слишком возомнили о себе…

И конечно, Поттеру директор позволяет неслыханные вольности…

— Естественно, Гарри Поттер, вы же понимаете… Мы все питаем к нему слабость…

— Тем не менее благотворно ли сказывается на нем столь чрезмерное внимание к его особе? Лично я обращаюсь с ним как с другими учениками. А любого другого ученика исключили бы по меньшей мере временно за то, что подверг своих товарищей такой опасности. Судите сами, министр: в нарушение всех школьных правил, после всех предосторожностей, принятых для его безопасности, ночью, в обществе оборотня и убийцы… К тому же есть основания верить, что он незаконно посещал Хогсмид…

— Ну, ну, Снегг, мы разберемся. Мальчик, без сомнения, наделал глупостей…

Гарри слушал все это, лежа с плотно закрытыми глазами. Он чувствовал невероятную слабость. Казалось, будто слова еле ползут от ушей к мозгу, и потому было трудно что-то понять. Руки и ноги точно налиты свинцом, тяжелые веки не поднимаются. Хотелось вечно лежать здесь, на этой удобной кровати…

— Но больше всего меня поразило поведение дементоров… У вас нет никакой догадки, что

заставило их уйти, Снегг?

— Понятия не имею, министр. Когда я подошел, они уже расходились к своим постам у выходов с территории.

— Невероятно! Между тем Блэк, Гарри и девочка…

— Все были без сознания, когда я нашел их. Естественно, я связал Блэка, заткнул ему рот, создал носилки и доставил их всех сюда в замок.

Наступило молчание. Мысли Гарри стали понемногу оживать, и под ложечкой у него засосало. Он открыл глаза.

Все слегка расплывалось — кто-то снял с него очки. Он лежал в полутемном больничном крыле. В другом конце палаты Гарри различил мадам Помфри, она стояла к нему спиной, склонившись над чьей-то постелью. Он сощурился, под рукой мадам Помфри виднелась рыжая шевелюра Рона.

Гарри приподнял голову над подушкой. Справа от него на кровати, залитой лунным светом, лежала Гермиона, глаза открыты, вся точно окаменела. Но, заметив, что Гарри очнулся, она приложила палец к губам, махнув на дверь больничного отделения. Та была прикрыта неплотно, и из коридора долетали голоса Снегга и Корне-

лиуса Фаджа.

В полумраке палаты мадам Помфри поспешила к кровати Гарри. В руках у нее был кусок шоколада размером с добрый валун.

— Ага, проснулся! — просияла мадам Помфри. Она водрузила шоколадную гору на столик возле кровати и принялась молоточком дробить ее на части.

— Как Рон? — спросили Гарри и Гермиона одновременно.

— Жив, — сдержанно ответила мадам Помфри. — А что касается вас двоих, вы останетесь здесь, пока я не буду удовлетворена вашим состоянием… Поттер, что вы такое делаете?

Гарри сел, надел очки и взял волшебную палочку.

— Мне надо немедленно увидеть директора, — заявил он.

— Поттер, — ласково промолвила мадам Помфри, — все в порядке. Блэка поймали. Он заперт наверху. Дементоры с минуты на минуту применят к нему Поцелуй.

— Что?

Гарри спрыгнул с кровати, Гермиона — за ним. Громкий возглас услышали в коридоре, в тотже миг Корнелиус Фадж со Снеггом оказались в

палате.

— Гарри, что такое? — встревоженно воскликнул Фадж. — Немедленно в постель! Вы ему дали уже шоколад? — обратился министр к мадам Помфри.

— Министр, пожалуйста, — взволнованно заговорил Гарри. — Сириус Блэк невиновен! Питер Петтигрю давным — давно инсценировал свою смерть! Мы видели его сегодня ночью! Нельзя так наказывать Сириуса, он…

Но Фадж, печально улыбнувшись, покачал головой:

— Гарри, Гарри, у тебя все в голове перепуталось. Ты прошел через страшное испытание… Ложись скорее. Опасность уже позади.

— Все это не так! — закричал Гарри. — Вы схватили невинного человека!

— Министр, послушайте, пожалуйста. — Гермиона встала рядом с Гарри, устремив на Фаджа умоляющий взгляд. — Я тоже видела его… Он был крысой Рона. А на самом деле он анимаг — я говорю о Питере Петтигрю…

— Вот видите, министр, — пожал плечами Снегг. — Оба околдованы… Блэк применил заклинание…

— Мы не околдованы! — разошелся Гарри.

— Министр! Профессор! — сердито вмешалась мадам Помфри. — Я вынуждена настаивать, чтобы вы немедленно ушли! Поттер мой пациент, его нельзя волновать!

— Я не волнуюсь. Я пытаюсь рассказать, что произошло на самом деле! — вспылил Гарри. — Выслушайте же меня!

Но тут мадам Помфри изловчилась и сунула ему в рот здоровенный кусок шоколада. Гарри смолк, и она силой уложила его в постель.

— А теперь, пожалуйста, министр… Дети нуждаются в покое. Приходите завтра.

Но тут дверь снова распахнулась. На сей раз вошел Дамблдор. Неимоверным усилием Гарри проглотил шоколад и опять вскочил.

Профессор Дамблдор, Сириус Блэк…

— Ради всех святых! — возопила мадам Помфри. — Здесь больничное крыло или что? Директор, я настаиваю…

— Прошу прощения, Поппи, но мне надо сказать два слова мистеру Поттеру и мисс Грэйнджер, — вежливо произнес Дамблдор. — Я только что разговаривал с Сириусом Блэком…

— Догадываюсь. Он поведал вам ту же сказочку, которой заморочил голову Поттеру, — фыркнул Снегг. — что-то там о крысе, о том, что Петтигрю

жив…

— Да, действительно, так он и говорил, — кивнул Дамблдор, разглядывая Снегга сквозь свои очки-половинки.

— Выходит, мое свидетельство ничего не значит? — зарычал Снегг. — Питера Петтигрю не было ни в Визжащей хижине, ни на территории замка. Никаких признаков!

— Потому что вы были в обмороке, профессор! — горячо возразила Гермиона. — Вы пришли слишком поздно. И не все слышали.

— Мисс Грэйнджер, придержите язык!

— Что это вы, Снегг, — укорил профессора Фадж. — У юной леди легкое помрачение рассудка. Надо быть снисходительнее.

— Мне хотелось бы поговорить с Гарри и Гермионой наедине, — твердо сказал Дамблдор. — Корнелиус, Северус, Поппи, будьте добры, оставьте нас.

— Но директор! — возмущенно заклокотала мадам Помфри. — Дети нуждаются в лечении, отдыхе…

— Дело не терпит отлагательств, — нахмурил брови Дамблдор. — Я вынужден настаивать.

Мадам Помфри поджала губы и удалилась к себе в кабинет, хлопнув дверью. Фадж взглянул

на внушительные золотые часы, висевшие у него на жилетной цепочке.

— Дементоры сейчас подойдут. Надо встретить их Дамблдор, увидимся наверху.

Он подошел к двери, открыл ее, приглашая Снегга, но тот и не подумал тронуться с места.

— Вы, надеюсь, не поверили ни одному слову Блэка? — прошипел он, впившись глазами в лицо Дамблдора.

— Я хочу поговорить с Гарри и Гермионой наедине, — повторил Дамблдор.

Снегг подступил к нему на шаг.

— Сириус Блэк проявил наклонности убийцы еще в шестнадцать лет. Вы забыли это, директор? Забыли, что однажды он пытался убить меня?

— Я пока на память не жалуюсь, Северус, — спокойно отозвался Дамблдор.

Снегг повернулся на каблуках и проследовал из палаты, Фадж все еще придерживал для него дверь. Дамблдор повернулся к Гарри с Гермионой, и, едва дверь захлопнулась, оба наперебой заговорили:

— Профессор, Блэк говорит правду: мы сами видели Петтигрю…

— Он убежал, когда профессор Люпин превратился в волка…

— Стал крысой…

— У Петтигрю на передней лапе, нет, на руке нет пальца. Он сам отрезал его…

— Это Петтигрю напал на Рона, а не Сириус… Дамблдор поднял руку, прервав этот поток объяснений.

— Теперь ваша очередь слушать, и я попросил бы не перебивать меня, потому что времени у нас чрезвычайно мало, — начал он негромко. — Кроме ваших слов, нет никаких доказательств, подтверждающих рассказ Блэка. А слова двух тринадцатилетних волшебников, увы, никого не убедят. На улице было полно очевидцев, которые поклялись, что видели, как Сириус убил Петтигрю. Я сам свидетельствовал перед министром, что Сириус был у Поттеров Хранителем Тайны.

— Профессор Люпин может подтвердить… — не удержался Гарри.

— Профессор Люпин далеко в лесу и не в состоянии кому — либо что — либо рассказать. А когда он снова обретет человеческий облик, будет уже поздно. И Сириус будет хуже, чем мертв. Могу добавить, что у большинства моих коллег оборотни вызывают столь мало доверия, что его поддержка едва ли поможет. Особенно если учесть, что они с Блэком старые друзья.

— Но…

— Пойми, Гарри, у нас нет времени. Версия профессора Снегга выглядит гораздо убедительнее вашей.

— Он ненавидит Сириуса, — с отчаянием вымолвила Гермиона. — И все из-за той глупой шутки, которую Сириус с ним сыграл…

— Согласитесь, Сириус вел себя подозрительно. Напал на Полную Даму, проник с ножом в башню Гриффиндора. Ко всему этому Петтигрю, живой он или мертвый, не имеет никакого отношения. И у нас нет ни малейшей возможности доказать его невиновность.

— Но вы-то верите нам.

— Да, верю, — невозмутимо согласился Дамблдор. — Но я бессилен заставить других прозреть истину или отменить решение министра магии. У меня нет такой власти.

Глядя на его огорченное лицо, Гарри почувствовал, как земля уходит у него из — под ног. Он уже давно свыкся с мыслью о всемогуществе Дамблдора и рассчитывал, что директор запросто, одним махом найдет какое — то удивительное решение. И вот их последние надежды рушились.

— Сейчас нужно одно, — медленно проговорил Дамблдор, и его яркие голубые глаза перебежали

с Гарри на Гермиону, — выиграть время.

— Но… — начала было Гермиона, и тут глаза у нее округлились. — Ну конечно!

— Теперь внимание. — Дамблдор заговорил тихо и отчетливо. — Сириус заперт в кабинете профессора Флитвика на восьмом этаже, тринадцатое окно справа от Западной башни. Если все сложится удачно, сегодня ночью вы спасете две невинные жизни. Но запомните оба: вас никто не должен видеть. Мисс Грэйнджер, вы это знаете и знаете, сколь велик риск… Вас — никто — не должен — видеть.

Гарри понятия не имел, о чем идет речь. А Дамблдор встал и, дойдя до двери, обернулся.

— Я закрою вас здесь. Сейчас, — он взглянул на часы, — без пяти двенадцать. Мисс Грэйнджер, вам хватит трех оборотов. Желаю удачи.

— Желаю удачи? — повторил Гарри, как только за Дамблдором закрылась дверь. — Три оборота? О чем он говорил? Что мы будем делать?

Гермиона пошарила у себя за пазухой и извлекла очень длинную золотую цепь.

— Гарри, иди сюда, — велела она. — Быстро! Гарри подошел к ней, окончательно сбитый с толку. Гермиона подняла цепь перед собой, и он увидел на ней крохотные, сверкающие песочные

часы.

— Встань ближе.

Она накинула цепь и ему на шею.

— Не шевелись.

— Да что ты такое делаешь? — Гарри совершенно растерялся.

Гермиона трижды перевернула песочные часы. Темнота в палате рассеялась, и Гарри почувствовал, что очень быстро он летит куда — то назад. Мимо неслись смутные цветные пятна и контуры, уши заложило — он попытался крикнуть, но не слышал своего голоса…

Но вот под ногами вновь появилась твердая почва, и все опять обрело привычные очертания.

Они с Гермионой стоят в пустынном холле, из распахнутых парадных дверей на мощеный пол льется поток золотых солнечных лучей. Гарри ошарашено взглянул на Гермиону и на цепь от часов, врезавшуюся ему в шею.

— Гермиона, что произошло?

— Быстро! — Гермиона схватила его за руку и потащила через холл к чулану, где хранились швабры, щетки и ведра, втолкнула его туда, вошла сама и прикрыла за собой дверь.

— Что… Как… Гермиона, Я ничего не понимаю!

— Мы переместились назад во времени, — шепотом объяснила Гермиона. В темноте она сняла цепь с шеи Гарри. — На три часа.

Гарри нащупал свою ногу и что было силы ущипнул. Вышло очень больно. Да, похоже, это и впрямь не фантастический сон.

— Но…

— Ш-ш-ш-ш! Слушай! кто-то идет! Скорее всего, мы!

Гермиона прижалась ухом к двери чулана.

— Шаги в холле… Да, это мы идем к Хагриду!

— Ты хочешь сказать, — прошептал Гарри, — что мы здесь, в этом чулане, и снаружи?

— Нуда, — кивнула Гермиона, не отрывая уха от двери. — Уверена, это мы… по звуку не больше трех человек… и идем медленно — ведь на нас мантия — невидимка…

Она умолкла, по — прежнему напряженно прислушиваясь.

— Мы спускаемся по парадной лестнице… Гермиона присела на перевернутое ведро — вид у нее был очень взволнованный. Но Гарри желал услышать ответы на некоторые вопросы.

— Где ты достала эту песочную штуковину?

— Она называется Маховик Времени, — вполголоса начала рассказ Гермиона, — мне ее дала

профессор МакГонагалл после летних каникул. Благодаря этому Маховику я успевала посещать все мои занятия. Профессор МакГонагалл взяла с меня клятву, что я ничего никому не скажу. Ей пришлось написать множество писем в Министерство магии, чтобы мне позволили пользоваться Маховиком; она убедила их, что я — идеальная студентка и никогда не применю его ни для чего, кроме учебы… С его помощью я возвращалась назад во времени и заново использовала уже истекшие часы — так я бывала на нескольких уроках одновременно. Но, Гарри, я не понимаю, чего сейчас хочет от нас Дамблдор, что именно мы должны сделать. Почему он сказал вернуться именно на три часа? Как это может помочь Сириусу?

Гарри в задумчивости посмотрел на ее скрытое полумраком лицо:

— По — моему, он хочет, чтобы мы изменили события, которые в это время произошли. Три часа назад мы отправились к Хагриду…

— Сейчас и есть три часа назад, и мы как раз идем к Хагриду, — вставила Гермиона. — Мы сию минуту слышали, как мы уходим…

Гарри наморщил лоб: ему казалось, он чувствует, как у него напряглись мозги.

— Дамблдор сказал прямо: мы можем спасти две невинные жизни… — И тут его осенило: — Гермиона, он нам подсказал — это Клювокрыл!

— А как же Сириус?

— Дамблдор нам точно указал, где окно кабинета Флитвика! А там они держат Сириуса! Надо подняться к окну на Клювокрыле и вызволить Сириуса. Они улетят и оба спасутся!

Судя по лицу Гёрмионы, она пришла в ужас.

— Если нам это удастся и нас никто не заметит, это будет чудо!

— Но попытаться можно? — Гарри поднялся и тоже приложил ухо к двери. — Никого не слышно… Идем!

Он приоткрыл дверь чулана. Холл был пуст. Стараясь не шуметь, друзья выскочили из комнатки и спустились по каменным ступеням. Тени уже вытягивались, верхушки Запретного леса позолотились последними лучами.

— А вдруг кто-то смотрит в окно… — Гермиона оглянулась на замок.

— Придется бежать, — с решимостью сказал Гарри. — И прямо в лес. Спрячемся за деревьями и понаблюдаем.

— Согласна, но побежим вокруг теплиц, — предложила Гермиона. — Чтобы из двери Хагрида

нас тоже не было видно. Иначе нас знаешь кто заметит — мы сами!

Так и не поняв, что она имела в виду, Гарри сорвался с места, Гермиона бросилась за ним. Они стремглав пронеслись мимо грядок с овощами к оранжереям, секунду выждали за ними и помчались во все лопатки дальше, обогнули Гремучую иву, спеша укрыться под пологом леса.

Оказавшись в безопасности, Гарри оглянулся — мгновение спустя подоспела запыхавшаяся Гермиона.

— Прекрасно, — переводя дух, вымолвила она. — Теперь идем к домику Хагрида. Осторожнее, Гарри, не дай бог, нас кто увидит.

Неслышно ступая, друзья пошли меж деревьев, держась опушки леса. В просветах листвы показалась хижина Лесничего и до них тут же донесся стук в дверь. Они поскорее спрятались за неохватным стволом векового дуба, выглядывая с обеих сторон. На порог вышел бледный, дрожащий Хагрид, озираясь: кто же это стучал? Гарри услышал собственный голос:

— Это мы. Под мантией — невидимкой. Впусти нас скорее, мы ее снимем.

— Эх, не след бы вам приходить, — опечалился Хагрид. Он отступил назад и поспешно прикрыл

дверь.

— Потрясающе! — восхитился Гарри.

— Идем ближе к хижине, — прошептала Гермиона. — Надо быть рядом с Клювокрылом.

Прокрались за деревьями и увидели встревоженного гиппогрифа, привязанного к изгороди у тыквенной грядки.

— Сейчас? — шепнул Гарри.

— Ни в коем случае. Если мы похитим его сейчас, Комиссия подумает, что Хагрид выпустил его на свободу! Надо, чтобы они увидели его здесь, на привязи!

— Но тогда у нас останется не больше шестидесяти секунд, — покачал головой Гарри. Затея начала казаться невыполнимой.

В это время в домике послышался звон бьющегося фарфора.

— Это Хагрид разбил кувшин, — вздохнула Гермиона. — И я сейчас найду Коросту.

Действительно, спустя несколько минут они услышали изумленный возглас Гермионы.

— Гермиона, а что, если… Мы ворвемся внутрь и схватим Петтигрю? — неожиданно предложил Гарри.

— Ты что? — шепотом произнесла Гермиона. — Мы нарушим важнейший волшебный закон.

Никаких изменений во времени! Это нельзя! Ты же слышал Дамблдора: если нас увидят…

— Кто нас увидит? Мы сами да еще Хагрид!

— Гарри, вообрази: ты видишь себя, как ты врываешься в хижину…

— Н-ну… я бы подумал, что спятил или столкнулся с темной магией…

— И наверняка набросился бы на самого себя! Профессор МакГонагалл рассказывала кошмарные случаи. Волшебники иногда вмешивались в ход времени… И многие убивали себя — в прошлом или в будущем!

— Ну, ладно, — не стал спорить Гарри. — Это я так, просто подумал…

Гермиона толкнула его локтем и указала на замок. Гарри немного подвинулся, чтобы ветки не загораживали темнеющие вдалеке парадные двери, — по ступеням спускались Дамблдор, Фадж, древний старец — член Комиссии — и палач Макнейр.

Пальцы Гермионы стиснули плечо Гарри:

— Сейчас из хижины выйдем мы.

В самом деле, спустя мгновение задняя дверь отворилась, и Гарри увидел самого себя, Рона и Гермиону, выходящих с Хагридом. Такого он еще никогда в жизни не ощущал — лежать под дере-

вом и видеть самого себя на тыквенной грядке.

— Все в порядке, Клювик, все в порядке. — Хагрид погладил Клювокрыла, и, повернувшись к друзьям, прибавил: — Уходите скорее!

— Мы не уйдем…

— Мы им расскажем, как все было на самом деле…

— Они не посмеют убить его…

— Идите! — взревел Хагрид. — Хватает бед и без ваших неприятностей!

Гарри смотрел, как Гермиона, стоя на грядке, накинула мантию на него и Рона.

— Бегите быстрее. И не слушайте…

В переднюю дверь постучали. Это пожаловали свидетели и исполнитель приговора. Хагрид оглянулся вокруг и пошел обратно в дом, оставив заднюю дверь приоткрытой. Гарри видел, как под их шагами приминалась трава, слышал удаляющийся топот трех пар ног. Невидимые Гарри, Рон и Гермиона ушли, но Гарри и Гермиона, спрятавшиеся за деревьями, благодаря приоткрытой двери, могли слышать все, что происходило внутри.

— Где чудовище? — раздался голос Макнейра.

— Снаружи… на улице… — с трудом произнес Хагрид.

Гарри поспешно убрал голову — в окне домика появилось лицо Макнейра, тот высматривал Клювокрыла.

— Видите ли… хм… — послышался голос Фаджа. — Я сейчас зачитаю постановление о казни, Хагрид. Это не займет много времени, затем вы с Макнейром подпишете его. Это, Макнейр, входит в ваши обязанности. Таков закон…

Физиономия Макнейра в окне исчезла. Наступил решающий момент — теперь или никогда.

— Жди здесь: — Гарри повернулся к Гермионе. — Я сейчас все сделаю.

Не успел Фадж рта раскрыть, как Гарри выскочил из-за дерева, перемахнул через изгородь и очутился возле Клювокрыла.

— «Согласно решению Комиссии по обезвреживанию опасных существ, гиппогриф Клювокрыл, в дальнейшем именуемый осужденным, должен быть казнен шестого июня на закате…» — монотонно бубнил Фадж.

Стараясь не моргнуть, Гарри устремил взгляд в свирепый оранжевый глаз гиппогрифа и низко поклонился. Клювокрыл бухнулся на чешуйчатые колени и опять встал. Гарри быстро развязал веревку, которой Клювокрыл был привязан к забору.

— «… приговорен к смерти через отсечение головы, каковое должно быть произведено назначенным Комиссией экзекутором Уолденом Макнейром…»

— Вперед, Клювик, — чуть слышно уговаривал гиппогрифа Гарри. — Вперед, мы хотим тебе помочь… Только тихо…

— «… что и засвидетельствовано ниже означенными…» Хагрид, распишешься вот тут…

Гарри всей тяжестью повис на веревке, но гиппогриф словно врос лапами в землю.

— Пора приступать, — раздался скрипучий голос старца. — Хагрид, вам лучше остаться здесь…

— Нет, мне… это… надо быть… с ним. Не хочу, чтобы… ну, он был один…

В хижине послышались шаги.

— Клювик, ну иди! — отчаянно шипел Гарри, изо всех сил дергая веревку, привязанную к ошейнику гиппогрифа, и тот наконец стронулся с места, недовольно зашелестев крыльями. Оставалось пройти десять футов открытого пространства между задней дверью и лесом.

— Еще одну минутку, прошу вас, Макнейр, — прозвучал голос Дамблдора. — Вам ведь тоже надо подписать.

Шаги в хижине остановились. Гарри сильнее

потянул веревку. Клювокрыл щелкнул клювом и прибавил ходу. Вместе перескочили через изгородь.

из-за дерева выглянуло бледное лицо Гермионы.

— Скорее, Гарри! — одними губами прошептала она.

До Гарри доносился голос Дамблдора. Мальчик что было мочи дернул веревку, и Клювокрыл неохотно перешел на рысь. Вот они уже поравнялись с первыми деревьями…

— Быстрее, быстрее, — взмолилась Гермиона. Она выбежала навстречу, ухватилась за веревку и тоже налегла. Гарри оглянулся через плечо — огород Хагрида пропал из виду: значит, из хижины их уже не видно.

— Стой! — шепотом приказал он. — Нас могут услышать…

Задняя дверь хижины со стуком распахнулась. Гарри, Гермиона и Клювокрыл замерли в безмолвии — даже гиппогриф, казалось, напряженно прислушивается.

Тишину взорвал визгливый фальцет дряхлого члена Комиссии.

— Где он? Где чудовище?

— Он был привязан здесь! — с бешенством

заорал палач Макнейр. — Я же только что его видел! На этом самом месте!

— Невероятно! — воскликнул Дамблдор, явно изумленный. В его голосе слышались нотки веселого изумления.

— Клювик! — прохрипел Хагрид.

Раздался свист и удар топора — похоже, палач в ярости рубанул по изгороди. Тут же грянул вопль, перешедший в рыдание.

— Убежал! Убежал! — вопил Хагрид. — Клювик мой, хороший, умный мальчик!

Клювокрыл рванул веревку, устремясь назад, к Хагриду. Гарри с Гермионой еле удерживали его, вцепившись мертвой хваткой, и зарывались каблуками в рыхлую лесную почву.

— кто-то отвязал его! — рычал палач. — Надо обыскать лес и территорию замка…

— Макнейр, если Клювокрыла и в самом деле похитили, то неужели вы и впрямь полагаете, что похититель поведет его пешим ходом? — В тоне Дамблдора явно звучала насмешка. — Обыскивайте небеса, если на то пошло… Хагрид, я бы не отказался от чашки чая. Или хорошего глотка бренди…

— Нуда, профессор. — Хагрид был сам не свой от счастья. — Заходите, заходите…

Гарри и Гермиона внимательно слушали. Они различили шаги, тихую ругань палача, стук закрывшейся двери и вновь наступившую тишину.

— Теперь что? — прошептал Гарри, осматриваясь.

Гермиона еще не пришла в себя от потрясения.

— Останемся пока здесь… Подождем, когда они вернутся в замок. Улучим момент и подлетим на Клювокрыле к окну Сириуса… Его там не будет еще часа два… Ох, как все это сложно…

Она с тревогой оглянулась на лесную чащу. Солнце садилось. Гарри в задумчивости почесал бровь.

— Придется сменить место, чтобы видеть Гремучую иву. Иначе не будем знать, что происходит.

— Ладно. — Гермиона еще крепче сжала веревку Клювокрыла. — Но помни: нас никто не должен увидеть.

Пошли вдоль опушки леса. Наконец нашли удобное местечко в лесной чаще, откуда была хорошо видна Ива. Быстро смеркалось.

— Это Рон! — охнула Гермиона.

По лугу неслась темная фигура, и в дремлющем ночном воздухе далеко разносились крики:

— Живоглот, пшел отсюда! Короста, ко мне! Откуда ни возьмись, появились еще двое Гарри: видел себя и Гермиону, мчащихся вслед за Роном.

— Коросточка! Брысь, чертов кот! У Гарри сжалось сердце:

— Сириус!

Возле Ивы возник силуэт гигантского пса; на глазах друзей он сбил с ног Гарри, потом схватил Рона…

— Отсюда выглядит еще страшнее! — сказал Гарри, глядя, как пес втаскивает Рона в дыру между корней. — Нет, ты гляди! Ива ударила меня… теперь тебя… Вот это да!

Гремучая ива скрипела и хлестала нижними ветвями. Гарри с Гермионой наблюдали, как они бегают вокруг, пытаясь подобраться к корням. Дерево вдруг замерло.

— Это Глотик нажал на сучок, — сказала Гермиона.

— Мы наконец у спуска в туннель, — комментировал Гарри. — Все, мы внутри.

Не успели они скрыться, Ива ожила. Еще секунда — другая и совсем близко послышались шаги: Дамблдор, Макнейр, Фадж и почтенный представитель Комиссии возвращались обратно

в замок.

— Сразу же после того, как мы спустились в туннель! — воскликнула Гермиона. — Если бы Дамблдор мог пойти с нами…

— Макнейр и Фадж тоже бы за ним полезли, — мрачно отозвался Гарри. — Спорим на что угодно, Фадж приказал бы Макнейру убить Сириуса на месте…

Четверо мужчин поднялись в замок по парадной лестнице. Несколько минут сцена пустовала. И вот…

— Смотри, идет Люпин! — объявил Гарри: кто-то сбежал по каменным ступеням и со всех ног припустил к Иве, Гарри взглянул на небо — луна полностью скрылась за облаками.

Люпин поднял с земли сломанную ветку и ткнул ею в сучок на стволе. Дерево утихло, и Люпин тоже исчез в туннеле.

Гарри покачал головой:

— Как жаль, что он не захватил мантию… Она ведь как раз там лежит на земле… — Он обернулся кГермионе: — Давай я сейчас выскочу и подберу ее, тогда она не попадет Снеггу в руки и…

— Гарри, нас никто не должен видеть!

— И ты можешь такое вынести? — рассердился Гарри. — Просто сидеть и смотреть на этот ужас.

Я все-таки сбегаю за мантией.

— Гарри, нет!

Гермиона вцепилась сзади в его мантию — и вовремя. Над лугом разнеслось громовое пение. Это был Хагрид. Он брел наверх, к замку, покачиваясь и горланя на пределе своей могучей глотки, размахивая в такт здоровенной бутылью.

— Видишь? — укорила Гарри Гермиона. — Видишь, что могло случиться? Нам никому нельзя показываться на глаза! Да стой же ты, Клювокрыл!

Гиппогриф вновь неистово рвался к Хагриду, Гарри вместе с Гермионой еле удерживали его. Развеселый Хагрид на нетвердых ногах поднялся в замок и исчез за дверями. Клювокрыл перестал вырываться, и голова его печально поникла.

Не прошло и двух минут, как двери замка вновь распахнулись, и на лестницу выскочил Снегг и бросился к Иве. У Гарри сжались кулаки. Возле дерева Снегг замедлил шаг и огляделся по сторонам. Увидел мантию — невидимку и поднял ее с земли.

— Убери от нее свои грязные руки! — шепотом прорычал Гарри.

— Ш-ш-ш-ш!

Снегг взял ту же самую ветку, что и Люпин,

дотянулся до сучка на стволе и, закутавшись в мантию, нырнул в дыру между корнями.

— Ну вот, — удовлетворенно заметила Гермиона. — Теперь мы все там. Остается только ждать, пока мы снова появимся…

Она крепко привязала Клювокрыла к дереву, села на землю, выбрав место посуше, и обняла колени руками.

— Я, знаешь, чего не могу понять… Почему дементоры не забрали Сириуса? Помню, как они подошли, их было так много. И тут, по-моему, я отключилась.

Гарри тоже сел. И рассказал то, что видел: едва дементор приблизил к нему рот, что-то большое, серебряное примчалось галопом по озеру, и дементоры отступили.

Гермиона слушала Гарри, в изумлении приоткрыв рот.

— Но что это было?

— Это могло быть только одно… Отогнать дементоров под силу только настоящему Патронусу.

— Но кто его создал?

Гарри ничего не ответил. Он воскрешал в памяти того, кто появился на другом берегу озера. У него была мысль, кто это. Но нет, такое просто

невозможно!

— На кого он похож? — настаивала Гермиона. — Кто-то из преподавателей?

— Нет, — ответил Гарри, — не преподаватель.

— Но это был очень сильный волшебник — он один отогнал всех дементоров… Ты говоришь, Патронус был очень яркий. Он его осветил? Неужели ты не разглядел его?

— Разглядел… — медленно проговорил Гарри. — Но… может, я только это вообразил… Я ведь тут же потерял сознание…

— Так кто это, по — твоему, был?

— Кто?.. — Гарри сглотнул, отдавая себе отчет, как странно прозвучит его ответ. — Я думаю, это был мой отец.

Гермиона вытаращила глаза, в них Гарри прочитал тревогу и сострадание.

— Но, Гарри, твой отец… он ведь умер, — тихо произнесла она.

— Знаю.

— Ты думаешь, что видел его призрак?

— Нет… Он был как живой, из плоти.

— Но тогда…

— Наверное, галлюцинация. — Гарри потер лоб. — Но, судя по фотографиям, точь-в-точь он…

Гермиону явно обеспокоило его душевное со-

стояние.

— Понимаю, ты думаешь, это временное помешательство. — Гарри отвернулся, как будто хотел взглянуть на Клювокрыла, который клювом искал в земле червей. Но Гарри даже не видел его.

Он думал об отце и трех его старинных друзьях… Лунатик, Бродяга, Сохатый и Хвост… Неужели здесь были этой ночью все четверо? Все считали, что Хвост давно погиб, а он объявился сегодня вечером. Может, и отец жив? Или это была галлюцинация? Человек был на той стороне озера, довольно далеко и все же целый миг Гарри был уверен…

Над головой ветерок чуть слышно шелестел листьями, луна то появлялась, то скрывалась за облаками; Гермиона сидела молча, повернувшись лицом к Иве.

Наконец, по прошествии часа…

— Вот и мы! — прошептала Гермиона.

Оба вскочили на ноги, Клювокрыл поднял от земли голову: Люпин, Рон и Петтигрю неуклюже выкарабкались из дыры между корнями. За ними Гермиона, следом выплыл, странно колыхаясь, бесчувственный Снегг, последними вылезли Гарри и Блэк. Вся компания двинулась вверх по склону к замку.

У Гарри заколотилось сердце. Он посмотрел на небо — в любую минуту облака могли разойтись и окрестности зальет лунный свет.

— Гарри, — предупредила Гермиона, словно угадав его мысли. — Оставайся на месте, не то нас увидят… Мы все равно ничего не можем сделать.

— Пусть, значит, Петтигрю сбежит еще раз, — проворчал Гарри.

— Как ты собираешься ловить в темноте крысу? — воззвала Гермиона к здравому смыслу. — Мы вернулись во времени, чтобы спасти Сириуса. И только за этим!

— Ладно, ладно, хорошо…

Выглянула луна. Далекие силуэты на лугу остановились, началось какое — то движение.

— Это Люпин, — тихо сказала Гермиона. — Он превращается.

Вдруг Гарри осенило.

— Гермиона! Нам нельзя здесь оставаться! Надо немедленно уходить.

— Говорю тебе: нельзя…

— Да я о другом! Ведь Люпин побежит по лесу как раз там, где мы прячемся. Гермиона ахнула.

— Скорее! — Она кинулась отвязывать Клювокрыла. — Скорее отсюда! Где лучше спрятаться? Дементоры появятся в любую минуту!

— Обратно к Хагриду! Там сейчас никого!

Бросились бежать со всех ног, Клювокрыл галопом следовал за ними. Позади раздался жуткий вой оборотня…

Вот и хижина. Гарри затормозил перед самой дверью, рывком распахнул ее, Гермиона с Клювокрылом ворвались внутрь, он метнулся следом и с грохотом задвинул засов. Волкодав Клык оглушительно залаял.

— Тише, Клык, это мы, — успокоила его Гермиона и почесала пса за ухом. — Чудом спаслись!

— И правда чудом».

Он посмотрел в окно. Отсюда было труднее следить за происходящим. Зато Клювокрыл был вполне счастлив в доме Хагрида: улегся перед камином, с довольным видом сложил крылья и приготовился хорошенько вздремнуть.

— Я, пожалуй, выйду, — предложил Гарри. — Отсюда ничего не увидишь. Мы можем упустить время.

Гермиона взглянула на него с подозрением.

— Да не собираюсь я ничего делать, — заверил ее Гарри. — Самое страшное сейчас — прозевать момент.

— Ладно, иди. Я подожду тебя здесь с Клювокрылом… Но смотри, Гарри, будь осторожней.

Рядом оборотень и дементоры…

Снова оказавшись снаружи, Гарри осторожно пошел в обход хижины. Издалека донесся жалобный вой — это дементоры окружают Сириуса; они с Гермионой подбегут к нему с минуты на минуту…

Гарри не сводил глаз с озера, сердце в грудной клетке выбивало барабанную дробь. Кто бы ни послал Патронуса, он может появиться в любое мгновение.

Стоя у двери Хагрида, Гарри заколебался. Меня никто не должен видеть. Никто и не увидит. Он сам хочет увидеть… Чтобы точно знать…

А вот и дементоры. Они тут и там возникали из мрака, скользя вдоль кромки воды в другую от Гарри сторону. А он к ним приближаться не будет…

И Гарри побежал. Он думал сейчас об отце, только о нем. Вдруг все-таки это отец. Сейчас он все выяснит.

Озеро приближалось, вокруг ни души. На том берегу серебром замерцали слабые вспышки — его собственные попытки создать Патронуса.

У самой воды все заросло кустарником; Гарри продирался сквозь него, отчаянно вглядываясь в прогалы листвы. Серебряное мерцание на берегу

внезапно погасло. Страшное волнение охватило его: сию минуту… вот-вот…

— Ну, папа, давай! — шептал он, озираясь кругом. — Где ты? Появись!

Никого. Гарри вгляделся в кольцо дементоров. Один из них откинул капюшон. Сейчас явится спаситель… но помощи в этот раз не было.

И тут его озарило. Он не отца видел — он видел самого себя.

Гарри выскочил из кустов и достал волшебную палочку.

— *Экспекто патронум!* — крикнул он.

И тогда из палочки вырвалось не бесформенное туманное облако, но сверкающий серебром зверь. Гарри прищурился, стараясь разглядеть, что это. Животное напоминало лошадь. Оно галопом понеслось прямо по черной глади озера, нагнув голову, бросилось на дементоров и замелькало среди темных фигур. Дементоры отступили, начали отходить назад, во тьму… и наконец их не стало.

Патронус повернул. Помчался по недвижной поверхности воды назад, к Гарри. Это была не лошадь, не единорог. Это был олень. Он сиял так ярко, как луна в небе… Он возвращался к Гарри.

У самого берега олень остановился. Его копыта

не оставляли следов на мягкой земле. Он глядел на Гарри громадными серебряными глазами. Потом медленно наклонил увенчанную ветвистыми рогами голову. И Гарри догадался…

— Сохатый… — прошептал он. Протянул дрожащие пальцы к сказочному созданию, но оно в мгновение ока исчезло.

Гарри так и остался стоять с вытянутой рукой. Сердце неистово стучало. Сзади вдруг послышались шаги. Гарри обернулся — к нему спешила Гермиона, тащившая за собой Клювокрыла.

— Что ты сделал? — яростно прошептала она. — Ты же сказал, что только покараулишь.

— Я только что спас наши жизни, — ответил Гарри. — Иди сюда за этот куст… Я все тебе объясню.

Гермиона слушала, и у нее в который раз открылся от изумления рот.

— Кто — нибудь тебя видел?

— Ну конечно, ты что, не поняла? А тогда я видел себя, но подумал, что это отец! Значит, все в порядке!

— Гарри, не могу поверить. Ты создал Патронуса, который прогнал всех дементоров! Это очень, очень мощная магия…

— Я знал, что у меня получится. Потому что и

тогда получилось. Теперь все ясно?

— Не знаю… Гарри, ты только посмотри на Снегга…

Гарри выглянул из кустарника. Снегг на том берегу пришел в себя. Соорудил волшебные носилки и уложил на них безвольные тела Гарри, Гермионы и Блэка. Четвертые носилки, на которых лежал Рон, уже парили неподалеку. Подняв перед собой волшебную палочку, Снегг двинул свою флотилию к замку.

— Ладно, пусть. Время на исходе. — Гермиона взглянула на часы. — У нас всего сорок минут до того, как Дамблдор запрет дверь в больничное крыло. А нам надо спасти Сириуса и вернуться в палату, пока не заметили наше отсутствие…

Они еще подождали, наблюдая, как плывущие облака отражаются в озере, слушая шелест листвы. Клювокрыл, заскучав, вновь занялся поисками червей.

— Как, по-твоему, его уже отвели наверх? — Гарри тоже посмотрел на часы, перевел взгляд на замок и стал считать окна справа от Западной башни.

— Посмотри — ка! — отвлекла его Гермиона. — Кто бы это мог быть? Он выходит из замка!

Гарри вгляделся в темноту. Какой — то мужчи-

на быстрым шагом шел через луг по направлению к одному из выходов. За поясом у него что-то блеснуло.

— Макнейр! — сказал Гарри. — Пошел за дементорами. Пора, Гермиона…

Гермиона положила руки на спину Клювокрылу, Гарри подсадил ее, затем ступил на нижнюю ветку ближайшего деревца и, вскочив на Клювокрыла, сел впереди Гермионы. Перекинув веревку поверх его шеи, привязал конец к ошейнику с другого боку. Получилось что-то вроде вожжей.

— Готова? — тихо спросил он Гермиону. — Держись крепче.

И Гарри каблуками толкнул Клювокрыла.

Гиппогриф с места взмыл в темное небо. Чувствуя под собой мощные взмахи громадных крыльев, Гарри сжал коленями его бока. Гермиона, вцепившись в Гарри, испуганно шептала:

— Ой, мне это не нравится. Совсем не нравится…

Гарри направил Клювокрыла вперед, и вскоре гиппогриф набирал высоту уже у самой стены замка. Гарри с силой потянул левый повод, и Клювокрыл повернул, а Гарри стал считать пролетающие мимо окна.

— Тпру! — завопил он у одного окна и рывком натянул поводья.

Клювокрыл резко сбавил скорость, и они остановились, если не считать, что их бросало вверх — вниз в такт взмахам крыльев, удерживающих гиппогрифа в воздухе.

— Он здесь! — Гарри заметил в окне Сириуса. Когда крылья опустились, протянул руку и осторожно постучал в стекло.

Блэк поднял глаза, и у него отпала челюсть. Беглец соскочил с кресла, бросился к окну, хотел открыть, но оно было заперто.

— Отойдите назад! — махнула ему Гермиона и вынула волшебную палочку, другой рукой крепко держась за Гарри. — *Алохомора!*

Окно со звоном открылось.

— Но как?.. Как? — Блэк от изумления потерял голос, уставившись на гиппогрифа.

— Скорее сюда, у нас совсем мало времени. — Гарри мертвой хваткой обхватил глянцевую шею Клювокрыла, удерживая его на уровне окна. — Тебе надо немедленно бежать отсюда. Дементоры уже на подходе, за ними пошел Макнейр.

Взявшись за края рамы, Блэк высунул наружу голову и плечи — к счастью, он был очень худ — и через несколько секунд он уже сидел на спине

гиппогрифа позади Гермионы.

— Отлично… Клювокрыл, а теперь скорее на верх башни! — скомандовал Гарри, дернув веревку.

Один взмах могучих крыльев — и они снова летят ввысь, на самую верхушку Западной башни. Цокнув когтями, Клювокрыл приземлился на площадке, окруженной зубчатой стеной. Гарри с Гермионой тотчас соскочили с него.

— Сириус, немедленно улетай, — переводя дух, сказал Гарри. — Они вот-вот придут в кабинет Флитвика и увидят, что тебя нет.

Клювокрыл скреб по крыше лапой, потряхивая остроклювой головой.

— А что с другим мальчиком? Роном? — спросил Сириус.

— С ним будет все нормально. Пока — то не очень, но мадам Помфри уверяет, что она его вылечит. Скорее лети, Блэк!

Но Сириус все смотрел на Гарри.

— Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить вас?

— Лети! — заорали одновременно Гарри и Гермиона.

Блэк развернул Клювокрыла в небо.

— Мы еще увидимся! Ты истинный сын своего отца, Гарри…

Сириус сжал каблуками бока Клювокрыла. Исполинские крылья вновь развернулись, воздушная волна едва не сбила Гарри с Гермионой с ног, и гиппогриф взмыл в небо. Гарри долго провожал его взглядом. Огромная птица и ее наездник становились все меньше, меньше. Луна зашла за облако. И спасенные беглецы исчезли из виду.

Глава 22

СНОВА СОВИНАЯ ПОЧТА

— Гарри! — Глядя на часы, Гермиона дернула его за рукав. — Ровно через десять минут Дамблдор запрет дверь. Нам нужно вернуться в больничное крыло, и чтобы нас никто не заметил.

— Да — да, — кивнул Гарри, отрывая взгляд от неба. — Пошли…

Они проскользнули в узкий проем и поспешили вниз по тесной винтовой лестнице. Дойдя до нижней ступеньки, друзья услышали голоса — разговаривали, похоже, Фадж и Снегг, они быстро прошли по коридору на расстоянии фута от вжавшихся в стену Гарри и Гермионы.

— … только надеюсь, что Дамблдор не создаст трудностей, — говорил Снегг. — Поцелуй будет произведен немедленно?

— Сразу, как Макнейр вернется с дементорами. От этой истории с Блэком житья не стало. Жду не дождусь того часа, когда смогу сообщить в «Ежедневный Пророк», что преступник наконец пойман… Полагаю, Снегг, они захотят взять у

вас интервью… Надеюсь, к юному Поттеру скоро вернется разум, и я уверен, он с удовольствием расскажет на страницах «Пророка» все подробности, как вы его спасли…

Гарри стиснул зубы: он успел различить на лице Снегга самодовольную ухмылку. Шаги скоро стихли. Гарри и Гермиона выждали на всякий случай несколько секунд и побежали в противоположном направлении. По одной лестнице, по другой, по коридору. Вдруг впереди послышалось радостное кудахтанье.

— Пивз! — воскликнул Гарри, схватив Гермиону за руку. — Сюда!

Они нырнули в пустой класс, очень кстати оказавшийся слева от них. В тот же миг мимо проскакал Пивз, умирая от хохота.

— Он невыносим. — Гермиона прижалась ухом к двери. — Уверена, он в восторге от предвкушения расправы над Сириусом. — Она опять посмотрела на часы. — Три минуты, Гарри!

Наконец злобное веселье Пивза замолкло в отдалении. Они осторожно вышли из класса и снова стремглав бросились по коридору.

— Гермиона, а что случится… если Дамблдор закроет дверь… до нашего возвращения? — на бегу спросил Гарри.

— Боюсь даже подумать об этом! — Гермиона в очередной раз взглянула на часы. — Одна минута!

Но они уже были в коридоре, ведущем в больничное крыло. Послышался голос Дамблдора.

— Скорее, Гарри! — Гермиона едва переводила дух.

Стараясь производить как можно меньше шума, друзья вошли в больничный отсек. В дверь палаты была видна спина директора.

— Я закрою вас здесь, — услышали они его слова. — Сейчас без пяти двенадцать. Мисс Грэйнджер, вам хватит трех оборотов. Желаю удачи.

Дамблдор вышел из палаты, вынул волшебную палочку, чтобы запереть дверь, и повернулся. Гарри и Гермиона бросились к нему. Дамблдор посмотрел на них, и широкая улыбка блеснула под его длинными серебряными усами.

— Ну? — спросил он тихо.

— Все в порядке! — задыхаясь, проговорил Гарри. — Сириус улетел на Клювокрыле!

Лицо Дамблдора просияло.

— Отлично сработано… — Он внимательно прислушался к звукам, доносившимся из палаты. — Думаю, вы уже отбыли… Идите спать — я вас запру.

Гарри и Гермиона прокрались в палату. Она была пуста, если не считать Рона, по — прежнему неподвижно лежавшего в постели. Щелкнул замок, друзья улеглись в кровати, и Гермиона спрятала Маховик Времени под мантию. Из кабинета секунды через две решительной поступью вышла мадам Помфри.

— Я не ослышалась? Директор ушел? Теперь я имею право заняться моими пациентами?

Она была в весьма скверном расположении духа. Самое лучшее сейчас — немедленно приступить к поеданию лечебного шоколада. Мадам Помфри стояла над ними с грозным видом, следя за тем, чтобы ее предписание исполнялось в точности. Но Гарри кусок не лез в горло. Он и Гермиона в тревожном ожидании прислушивались к каждому шороху, нервы их были напряжены до предела… И вот, когда друзья взяли по четвертой порции, откуда-то сверху долетел вопль бешенства.

— Что еще такое? — забеспокоилась мадам Помфри.

Гневные голоса слышались все громче. Мадам Помфри посмотрела на дверь.

— Вот наказание! Они же всех перебудят! Гарри пытался разобрать слова. Голоса были совсем

рядом.

— Он, должно быть, трансгрессировался, Северус. Надо было оставить с ним кого — нибудь… Когда это происшествие станет достоянием гласности…

— Он не трансгрессировался! — надрывался Снегг теперь уже в двух шагах. — В стенах замка нельзя трансгрессироваться! Тут наверняка замешан Поттер!

— Северус! Будьте благоразумны! Гарри все это время был заперт.

БУМ!

Дверь с грохотом распахнулась. Фадж, Снегг и Дамблдор ворвались в палату. Дамблдор единственный сохранял спокойствие. Более того, вид у него был откровенно довольный собой. Фадж явно сердился. Но Снегг был в ярости.

— Выкладывайте, Поттер! — взревел он. — Что это вы устроили?

— Профессор Снегг! — возмутилась мадам Помфри. — Держите себя в руках!

— Послушайте, Снегг, — пытался утихомирить его Фадж. — Рассудите здраво. Дверь была заперта, мы сами только что видели…

— Это они помогли ему сбежать, я знаю! — с перекошенным лицом бушевал Снегг, брызжа

слюной и указывая на Гарри и Гермиону.

— Уймитесь, милейший! — рявкнул Фадж. — Вы несете чепуху!

— Вы не знаете Поттера! Это он сделал, я знаю, это он!

— Довольно, Северус, — с обычной невозму¬тимостью вмешался Дамблдор. — Подумайте, что вы говорите. Десять минут назад я сам запер эту дверь. Мадам Помфри, ваши пациенты вставали с кроватей?

— Разумеется, нет! — оскорблено ответила мадам Помфри. — Я не отходила от них с той самой минуты, как вы ушли!

— Вот видите, Северус, — мирно произнес Дамблдор. — Вы ведь не думаете, что Гарри с Гермионой обладают способностью находиться в двух местах одновременно, а значит, нет повода их беспокоить.

Снегг стоял, кипя бешенством; он взглянул на Фаджа, потрясенного его поведением, на Дамблдора, чьи глаза мерцали за стеклами очков, ничего не выражая, и, развернувшись с такой яростью, что мантия со свистом взметнулась за спиной, вихрем вылетел из палаты.

— Коллега, похоже, слегка не в себе, — заметил Фадж, глядя ему вслед. — На вашем месте, Дамбл-

дор, я бы понаблюдал за ним.

— Уверяю вас, с ним все в порядке, — безмятежно отозвался Дамблдор. — Просто его постигло… м — м — м… жестокое разочарование.

— Не его одного! — горестно вздохнул Фадж — «Ежедневный Пророк» уж не упустит возможности посмаковать подробности! Загнать Блэка в угол и все-таки опять упустить его! Да еще этот сбежавший гиппогриф. Я стану всеобщим посмешищем! Ладно… Мне пора в Министерство… Сообщить о происшедшем…

— А дементоры? — спросил Дамблдор. — Надеюсь, они покинут школу?

— Да, конечно, мы уберем их. — Фадж рассеянно запустил пальцы в волосы. — Я представить себе не мог, что им взбредет в голову применить Поцелуй к ни в чем не повинному мальчику… Совершенно распустились… Сегодня же ночью отправлю обратно в Азкабан. Не подумать ли нам о драконах на входе в школу?

— Хагриду эта мысль понравится. — И Дамблдор послал быструю улыбку Гарри и Гермионе.

Нарушители спокойствия вышли из палаты, мадам Помфри поспешила к двери и опять ее заперла, после чего отправилась в кабинет, что-то недовольно ворча себе под нос.

С другого конца палаты послышался тихий стон — Рон пришел в себя. Он сел, обхватив голову, и огляделся.

— Что… Что случилось? Гарри? Почему мы здесь? Где Сириус? Где Люпин? Вообще, что творится?

Гарри с Гермионой переглянулись.

— Сама объясняй, — сказал Гарри и отправил в рот очередной кусок шоколада.

Назавтра в полдень вся троица покинула больничный отсек. Замок был пуст. Наступившая жара совпала с окончанием экзаменов, и все, кто мог, отправились в Хогсмид насладиться всевозможными удовольствиями. Ни Рона, ни Гермиону Хогсмид не привлекал и они вместе с Гарри бродили вокруг замка, обсуждая удивительные события минувшей ночи и гадая, где теперь могут быть Сириус и Клювокрыл. Сидя у озера и наблюдая, как гигантский кальмар лениво вздымает над водой щупальца, Гарри на какой-то миг утерял нить беседы — он загляделся на другой берег. Ему почудился мчащийся прямо на него олень — как прошлой ночью…

На друзей упала тень, и, подняв глаза, они увидели Хагрида — лесничий вытирал от пота изрядно опухшую физиономию носовым плат-

ком размером с хорошую скатерть и лучезарно улыбался.

— Ну, понимаю… нечего радоваться… как все вышло ночью, — загудел он. — Ну то есть, что Блэк опять сбежал, и все такое. Но угадайте-ка что?

— Что? — наперебой закричали все, изображая любопытство.

— Клювик! Он сбежал! Он на свободе! Я того… всю ночь праздновал…

— Как замечательно! — воскликнула Гермиона, метнув на Рона, готового расхохотаться, укоризненный взгляд.

— Я, видно, не привязал его как следует… — Хагрид сияющим взглядом озирал луга. — Я вот только беспокоился… утром… н-ну… вдруг он где встретил профессора Люпина, но Люпин… говорит, никогда… то есть не ел никого в эту ночь…

— Что-что? — растерянно спросил Гарри.

— Да вы чо, не слыхали? — посерьезнел Хагрид. Он понизил голос, хотя вокруг не было ни души. — Ну, Снегг, значит… всем слизеринцам сказал… решил, верно, пусть все знают… Что профессор Люпин, он, вишь, того — оборотень. Ну его и носило по полям… прошлой — то ночью. Теперь он, понятное дело, это… собирает вещи.

— Собирает вещи? — встревожился Гарри. —

Почему?

— Почему, почему… — удивился Хагрид столь странному вопросу. — Он перво — наперво нынче же утром… отказался от должности. Не могу, грит, подвергать риску, ежели… ну, еще раз такое выйдет.

Гарри вскочил на ноги.

— Пойду повидаюсь с ним, — сказал он друзьям.

— Но если он уволен…

— … мы ничего не сможем поделать…

— Все равно я хочу его видеть. Встретимся здесь.

Дверь в кабинет Люпина была приотворена. Он уже упаковал почти все вещи. Возле потрепанного чемодана стоял пустой бак, где когда — то сидел гриндилоу, чемодан был открыт и почти заполнен. Люпин склонился над чем-то у себя на столе и на стук поднял взгляд.

— Я видел, что ты идешь, — улыбнулся Люпин, указав на пергамент, который разглядывал. Это была Карта Мародеров.

— Мы сейчас говорили с Хагридом, — начал Гарри. — Он сказал, что вы уволились. Ведь это неправда?

— Боюсь, что правда, — ответил Люпин, выдви-

гая ящики стола и выгружая содержимое.

— Но почему? Министерство магии уверено, что вы помогали Сириусу?

Люпин подошел к двери и закрыл ее.

— Нет. Профессор Дамблдор сумел убедить Фаджа, что я хотел спасти вам жизнь. — Он вздохнул. — Но для Северуса это была последняя капля. Думаю, особенно сильно его задела потеря ордена Мерлина. Вот он и… хм… как бы случайно… проговорился сегодня за завтраком, что я — оборотень.

— Но вы ведь не из-за этого уезжаете? Люпин горько усмехнулся.

— Завтра в это время прилетят совы с письмами от родителей. Они не захотят, Гарри, чтобы оборотень учил их детей. И после минувшей ночи я разделяю их точку зрения. Я мог укусить любого из вас… это не должно повториться!

— Но вы замечательный, самый лучший преподаватель защиты от темных искусств! Не уезжайте!

Люпин покачал головой и ничего не ответил. Гарри искал слова, способные уговорить его остаться. Но Люпин его опередил:

— Директор утром сказал, что ночью ты спас несколько жизней, Гарри. Если я и вправе чем

— то гордиться, то это тобой. Ты действительно многому научился. Расскажи о твоем Патронусе.

— Откуда вы это знаете? — изумился Гарри.

— Что же еще могло прогнать дементоров? Гарри рассказал ему, что произошло, и Люпин снова улыбнулся.

— Да, твой отец всегда превращался в большого оленя. Ты правильно угадал… поэтому мы и прозвали его Сохатый.

Люпин бросил последние книги в чемодан, задвинул ящики стола и повернулся к Гарри.

— Вот, возьми, я это подобрал в Визжащей хижине прошедшей ночью. — Он протянул Гарри мантию — невидимку.

Поколебавшись, отдал мальчику и Карту Мародеров:

— Поскольку я больше не преподаватель, могу не чувствовать угрызений совести, что возвращаю тебе и это тоже. Мне она больше не пригодится, а Рон с Гермионой, полагаю, найдут ей применение.

Гарри с улыбкой взял Карту.

— Вы однажды сказали, что Лунатик, Бродяга, Сохатый и Хвост наверняка захотели бы выманить меня из школы… вот бы они повеселились…

— Да, конечно. — Люпин закончил сборы и закрыл чемодан. — Без тени сомнения заявляю, Джеймс был бы страшно разочарован, если бы его сын не нашел ни одного потайного выхода из замка.

В дверь кто-то постучал. Гарри поспешно засунул в карман Карту Мародеров и мантию — невидимку.

Это был профессор Дамблдор. Он ничуть не удивился, застав в кабинете Гарри.

— Ваш экипаж у ворот, Римус.

— Спасибо, директор.

Люпин поднял старый чемодан и пустой бак из — под гриндилоу.

— Что же, Гарри, прощай. Учить тебя было истинным удовольствием. Уверен, мы когда — нибудь еще встретимся. Директор, нет необходимости провожать меня до ворот, я сам справлюсь…

Люпин, подумал Гарри, хочет покинуть школу как можно скорее.

— До свидания, Римус, — спокойно сказал Дамблдор.

Люпин взял под мышку бак, и они с Дамблдором обменялись рукопожатием. Улыбнувшись Гарри на прощанье, Люпин быстрым шагом вы-

шел из кабинета.

Гарри сел в опустевшее кресло, хмуро уставившись в пол. Он услышал, как закрылась дверь, и поднял голову — Дамблдор был все еще тут.

— Почему ты так расстроен, Гарри? — спросил директор. — После этой ночи ты вправе собой гордиться.

— А что такого произошло? — с горечью заметил Гарри. — Петтигрю ведь сбежал…

— Очень многое, Гарри. Ты помог установить истину. Спас невиновного человека от ужасной судьбы…

Ужасной. что-то шевельнулось в памяти у Гарри. «Еще более великим и ужасным, чем когда — либо раньше…» Предсказание профессора Трелони!

— Профессор Дамблдор… Вчера во время последнего экзамена у профессора Трелони… она стала… стала очень странной…

— В самом деле? — удивился Дамблдор. — М-м-м… Ты хочешь сказать — еще более странной, чем обычно?

— Д-да… Голос сделался низкий, глаза вращались, и она сказала… сказала, что еще до полуночи слуга Волан-де-Морта вернется к своему хозяину… Сказала, что слуга поможет ему

вернуть силы. — Гарри посмотрел на Дамблдора. — А потом вдруг пришла в себя и не помнила ни слова из того, что говорила. Могло это быть… могла она действительно предвидеть будущее?

На Дамблдора история не произвела особого впечатления.

— Знаешь, Гарри, полагаю, что могла, — произнес он задумчиво. — Чего не бывает! Выходит, она уже сделала два настоящих предсказания! Надо бы прибавить ей жалованье…

— Но… — Гарри пораженно взглянул на Дамблдора: как можно над этим шутить? — из-за меня Сириус и профессор Люпин не убили Петтигрю! Если Волан-де-Морт вернется, в этом буду виноват я!

— Не будешь, — безмятежно ответил директор. — Неужели, Гарри, твое приключение с Маховиком Времени ничему тебя не научило? Последствия наших поступков всегда так сложны, так разнообразны, что предсказание будущего и впрямь невероятно трудная задача. И профессор Трелони — храни ее Бог — живое тому доказательство. Это был замечательный поступок — то, что ты спас жизнь Петтигрю!

— А вдруг он поможет Волан-де-Морту вновь обрести силу?!

— Петтигрю обязан тебе жизнью. Ты послал к Волан-де-Морту того, кто перед тобой в неоплатном долгу. Когда один волшебник спасает жизнь другому, между ними создается связь… или я сильно заблуждаюсь, но вряд ли Волан-де-Морт захочет, чтобы его слуга был в долгу у Гарри Поттера.

— Но я не хочу, чтобы между мной и Петтигрю была связь! — вскипел Гарри. — Он ведь предал моих родителей!

— Это самые сокровенные глубины магии, Гарри, ее непостижимая суть… Но поверь: может быть, наступит день, когда ты будешь рад, что сохранил жизнь Питеру Петтигрю.

Такого Гарри не мог себе представить. Дамблдор как будто прочитал его мысли:

— Я очень хорошо знал твоего отца — и в Хогвартсе, и позже… Он тоже пощадил бы Петтигрю, я в этом уверен.

Гарри посмотрел на Дамблдора. Да, он не станет смеяться, ему можно рассказать…

— Прошлой ночью… Я подумал… Это мой отец создал Патронуса… Когда я увидел на той стороне озера самого себя, то решил, что вижу его…

— Тебя можно понять, — тихо проговорил Дамблдор. — Тебе, наверное, уже надоело это слы-

шать, но ты и в самом деле необычайно похож на Джеймса. От матери у тебя только глаза.

Гарри покачал головой.

— Это была глупость. Я же знал, что он умер.

— Ты думаешь, что мертвые, которых мы любили, навсегда нас покинули? Но ведь мы их зовем, когда нам плохо. Твой отец живет в тебе, Гарри, и он, очевидно, явил себя, когда ты так в нем нуждался. Да как иначе ты смог бы сотворить именно такого Патронуса? Этой ночью Сохатый вновь вышел в поле.

До Гарри не сразу дошло значение сказанных Дамблдором слов.

— Сириус мне поведал вчера, как они стали анимагами, — улыбнулся директор. — Неслыханное достижение! Как, впрочем, и то, что они сумели скрыть его от меня. Тогда — то я и вспомнил, как странно выглядел тот твой Патронус. Помнишь, который атаковал Малфоя на матче Гриффиндор — Когтевран. И ты вправду видел отца этой ночью, Гарри. Ты нашел его в своем сердце.

И Дамблдор вышел из кабинета, оставив Гарри в полном смятении.

Никто в Хогвартсе не узнал правды о том, что произошло в ту ночь, когда исчезли Сириус, Клювокрыл и Петтигрю. Сколько догадок выслушал

Гарри в последние дни перед каникулами! К концу семестра Гарри услышал множество фантастических версий о том, что тогда случилось, но ни одна из них даже не приблизилась к истине.

Малфоя исчезновение Клювокрыла привело в ярость. Ясно как божий день: Хагрид нашел способ тайком отправить гиппофифа в какое — то укрытие. Непереносимое оскорбление — лесничий обвел вокруг пальца старшего и младшего Малфоев. А Перси Уизли больше возмущало бегство Сириуса Блэка.

— Если буду работать в Министерстве, предложу массу проектов по укреплению магического правопорядка! — распространялся он перед единственным слушателем — его подружкой Пенелопой.

Несмотря на прекрасную погоду и всеобщее веселье, несмотря на то что друзья совершили почти невозможное для спасения Сириуса, Гарри никогда еще не встречал конец учебного года в столь скверном расположении духа.

Разумеется, не одного его огорчил уход профессора Люпина. Весь класс Гарри переживал отставку профессора.

— Кого же они нам дадут в будущем году? — Уныло вопрошал Симус Финниган.

— Может, вампира, — размечтался Дин Томас.

Но не только отъезд Люпина расстраивал Гарри. Он постоянно думал о пророчестве профессора Трелони: где прячется Петтигрю, добрался ли до тайного убежища Волан-де-Морта. Но что особенно отравляло жизнь — близившаяся встреча с Дурслями. Всего полчаса — но какие восхитительные! Он верил, что отныне будет жить у Сириуса, друга родителей… прекраснее этого была только мысль, что отец жив. Отсутствие новостей о Блэке радовало: значит, его не поймали. Но, думая о доме, который, казалось, уже есть, а теперь стал недосягаемой мечтой, Гарри чуть ли не впадал в отчаяние.

Результаты экзаменов были объявлены в последний день семестра. Гарри, Рон и Гермиона все сдали успешно. Гарри был очень удивлен, что не провалился на зельях, и заподозрил, что без вмешательства Дамблдора не обошлось.

В последнюю неделю поведение Снегга было и впрямь тревожно: и раньше неприязнь Снегга к нему была сильна, но теперь перешла все границы. Когда он глядел на Гарри, уголки его тонкого рта злобно подергивались, пальцы сжимались и разжимались, как будто хотели сомкнуться на горле мальчика.

Перси получил-таки высшие оценки по ЖАБА, а Фред и Джордж едва наскребли скудные баллы по СОВ. Но зато Гриффиндор, во многом благодаря блестящей игре близнецов в квиддич, третий год подряд победил в межфакультетском соревновании. Так что прощальный банкет проходил среди красно-золотого убранства, и гриффиндорский стол был самый шумный из всех. Даже Гарри, на время забыв о Дурслях, ел, пил и смеялся наравне со всеми гриффиндорцами.

Когда на следующее утро «Хогвартс-Экспресс» отошел от станции, Гермиона поведала друзьям неожиданную новость.

— У меня сегодня был разговор с профессором МакГонагалл… перед самым завтраком. Я решила бросить изучение маглов.

— Ты же сдала этот экзамен с невероятно высоким баллом! — не поверил своим ушам Рон.

— Да, — вздохнула Гермиона. — Но еще одного такого года мне не выдержать. С этим Маховиком Времени я чуть с ума не сошла… короче, я сдаюсь. Без прорицания и маглов я опять буду учиться по обычному расписанию.

— До сих пор не могу смириться с мыслью, что ты не рассказала нам про этот Маховик, — обиженно пробурчал Рон. — Мы ведь твои лучшие

друзья…

— Но я дала слово не говорить никому, — сказала Гермиона.

Гарри наблюдал, как башни Хогвартса постепенно скрываются за горой. Он увидит их опять лишь через два долгих месяца…

— Не вешай нос, Гарри! — Гермиона с участием посмотрела на него.

— Я не вешаю, — поспешно отозвался тот. — Просто задумался о каникулах.

— Я тоже о них думаю, — заметил Рон. — Гарри, ты обязательно приедешь к нам. Я договорюсь с мамой и папой и позвоню тебе — теперь я знаю, как пользоваться фелетоном…

— Телефоном, Рон, — поправила его Гермиона. — Вот тебе бы не помешало заняться изучением маглов на четвертом курсе.

Рон только отмахнулся.

— Этим летом чемпионат мира по квиддичу! Что скажешь, Гарри? Приедешь к нам, обязательно туда отправимся! Папа нам запросто достанет билеты.

Эти слова сразу же подняли настроение Гарри!

— Уверен, что Дурсли меня отпустят. Да еще обрадуются. Наверное, не забыли, как я надул тетушку Мардж.

Приободрившись, Гарри даже пострелял с друзьями хлопушками. А когда появилась ведьмочка с чайным столиком на колесах, он заказал плотный обед — правда без всякого шоколада.

Но только после полудня начались события, которые окончательно рассеяли мрачные мысли Гарри.

— Гарри, — вдруг сказала Гермиона, глядя поверх его плеча, — что там такое у тебя за окном?

Обернувшись, Гарри посмотрел наружу. За стеклом металось что-то маленькое и серое. Он встал, присмотрелся — крошечная сова несла письмо, которое было чересчур велико для нее. Она была так мала, что едва справлялась с воздушным потоком, обтекающим вагон. Гарри быстро опустил раму, высунул руку и поймал малютку — по ощущению она напоминала пушистый снитч; мальчик осторожно внес ее внутрь. Уронив письмо на сиденье Гарри, сова весело запорхала по купе, явно довольная, что выполнила поручение. Величественная Букля неодобрительно щелкнула клювом. Живоглот привстал, следя за гостьей хищными желтыми глазами. Заметив это, Рон осторожно поймал сову, и Живоглот остался ни с чем.

Гарри подобрал письмо, оно было адресовано

ему. Он вскрыл его и ахнул:

— От Сириуса!

— Что? — в один голос воскликнули Рон и Гермиона. — Читай вслух!

— «Дорогой Гарри!

Надеюсь, ты получишь это письмо еще до того, как встретишься с дядей и тетей. Не знаю, как они относятся к совиной почте.

Мы с Клювокрылом в надежном месте. Не хочу говорить где — на случай, если письмо попадет не в те руки. Эта сова — не самый лучший почтальон. Но я не смог здесь найти ничего лучшего, и вдобавок, она, похоже, искала работу.

Не сомневаюсь, что дементоры все еще рыщут в поисках моего следа, но сюда им не добраться. Хочу на днях мельком показаться одному — другому маглу, как можно дальше от Хогвартса. Так что охрану замка в ближайшее время снимут.

Я кое-что не успел тебе рассказать во время нашей короткой встречи. Это я прислал тебе «Молнию»...»

— Вот видите! — торжествующе произнесла Гермиона. — Я же говорила, что это от него!

— От него! Но заклятия — то он не накладывал! — возразил Рон. — Ой!

Крохотная сова, которая дружелюбно ухала,

уютно устроившись у него в руке, ухватила Рона за палец — хотела, наверное, выразить ему свою симпатию.

— «Живоглот отнес мой заказ на почту от твоего имени. Но золото я распорядился взять в «Гринготтсе» из моего личного сейфа номер семьсот одиннадцать. Считай это подарком от крестного отца за все тринадцать лет рождения.

И прости меня, что я тебя напугал той ночью, год назад, когда ты ушел из дома дяди. Я хотел хоть одним глазком взглянуть на тебя перед дальней дорогой на север. Но, боюсь, мой вид встревожил тебя.

Посылаю еще кое — что, это скрасит твой четвертый год в Хогвартсе.

Если я вдруг понадоблюсь, черкни словечко. Твоя сова доставит мне письмо.

Вскоре напишу снова. Сириус».

Гарри с нетерпением заглянул в конверт. Там был еще один кусок пергамента. Он быстро пробежал его глазами, и так ему стало тепло и хорошо, словно он залпом выпил бутылку горячего сливочного пива.

— «Я, Сириус Блэк, крестный отец Гарри Поттера, настоящим разрешаю ему посещение деревни Хогсмид по выходным». Для Дамблдора это будет

законное разрешение! — ликовал Гарри. — Подождите, здесь еще постскриптум…

«P.S. Думаю, твой друг Рон, пожелает взять эту сову, ведь по моей вине у него больше нет крысы».

У Рона широко открылись глаза. Миниатюрная сова возбужденно заухала.

— Взять эту сову? — повторил он с сомнением в голосе. Мгновение внимательно разглядывал сову, перевел взгляд на Гарри и вдруг, к величайшему изумлению Гермионы, поднес птицу к самому носу Живоглота: пусть хорошенько обнюхает.

— Ты как считаешь? — спросил он у кота. — Это настоящая сова?

Живоглот заурчал.

— Ему я верю, — удовлетворенно кивнул Рон — Сова моя!

Гарри читал и перечитывал письмо Сириуса всю дорогу до вокзала Кингс — Кросс. Он все еще сжимал его в руке, когда они с Роном и Гермионой миновали барьер платформы девять и три четверти. Гарри тут же заметил дядю Вернона — он стоял, держась подальше от мистера и миссис Уизли, и подозрительно на них поглядывал. Увидев Гарри, миссис Уизли радостно бросилась

к нему, и самые худшие опасения дядюшки подтвердились.

— Я позвоню тебе насчет чемпионата! — крикнул Рон вслед Гарри: он уже простился с друзьями и катил тележку, нагруженную чемоданом и клеткой с Буклей, к дяде Вернону. Тот приветствовал мальчика в обычной манере.

— Что еще? — со злобой буркнул он, уставившись на конверт в руке Гарри. — Если я опять должен что-то подписывать, поищи себе кого другого…

— Нет — нет, — успокоил его Гарри. — Это письмо от моего крестного отца!

— Крестного отца? — мгновенно рассвирепел дядя Вернон. — Нет у тебя никакого крестного отца! Нет и не было!

— Есть! — просиял Гарри. — Он был лучшим другом моих родителей. Его осудили как убийцу, но он сбежал из тюрьмы для волшебников и сейчас скрывается. Но со мной он поддерживает связь… Беспокоится обо мне… Следит, чтобы мне было хорошо…

И, улыбнувшись тому ужасу, который отразился на лице дяди Вернона, Гарри зашагал к выходу со станции. Клетка с Буклей громыхала впереди, и, кажется, это лето обещало быть гораздо прият-

нее предыдущего.

Гарри Поттер и Кубок Огня

Гарри Поттеру предстоит четвертый год обучения в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс». Новые заклинания, новые зелья, новые учителя, новые предметы...

Все это знакомо, и Гарри с нетерпением ожидает начала учебного года. Но на школу внезапно обрушивается потрясающая новость: в этом году в Хогвартсе будет проходить Турнир Трех Волшебников, и конечно же, каждый хочет принять в нем участие...

Глава 1

ДОМ РЕДЛЛОВ

В Литтл-Хэнглтоне по-прежнему зовут его Домом Реддлов, хотя семья Реддлов давным-давно там не живет. Дом возвышается на холме над деревней, окна его заколочены, с крыши осыпается черепица, а фасада почти не видно за буйно разросшимся плющом. Прекрасный когда-то особняк, самое величественное здание во всей округе, ныне Дом Реддлов прозябает в пустоте и заброшенности.

Жители Литтл-Хэнглтона единодушны во мнении, что в старом доме таится какая-то жуть. Полвека назад в нем произошло нечто кошмарное и таинственное, о чем и доныне любят посудачить деревенские старожилы, когда прочие темы для сплетен исчерпаны. Историю эту столько раз пересказывали, перевирая и приукрашивая, что теперь никто толком не знает, что в ней правда, а что нет. Начало, впрочем, всегда одинаково: пятьдесят лет назад, в ту пору, когда Дом Реддлов был еще ухожен и не утратил великолепия, погожим летним утром служанка вошла в гостиную

и обнаружила всех трех Реддлов мертвыми. С громкими криками девушка помчалась с холма вниз и подняла на ноги всю деревню.

— Лежат и глаза у всех открыты! Холодные как лед! Переодетые к ужину!

Явилась полиция, и весь Литтл-Хэнглтон забурлил, охваченный любопытством. Особой печали по поводу смерти Реддлов, надо заметить, никто не выказывал — в деревне их не любили. Мистер и миссис Реддл были людьми богатыми, высокомерными и грубыми, а их взрослый сын Том и того хуже. Но всех необычайно волновал вопрос: кто же убийца? Ясно же, что трое вполне здоровых людей не могли просто так взять и в одночасье умереть.

В тот вечер торговля в «Висельнике», деревенском трактире, процветала как никогда — обсудить убийство сюда набилась вся деревня. И собравшаяся публика была вознаграждена за то, что пожертвовала в этот час уютом домашнего очага, — в самый разгар беседы, едва переведя дух, ворвалась кухарка Реддлов и в наступившей тишине объявила, что прямо сейчас арестован человек по имени Фрэнк Брайс.

— Фрэнк! — раздалось несколько голосов. — Быть не может!

Фрэнк Брайс служил у Реддлов садовником и одиноко жил в обветшалом коттедже на территории усадьбы. Фрэнк был на войне и вернулся с нее с негнущейся ногой, острой неприязнью к скоплениям народа и шуму и с тех пор работал у Реддлов.

В едином порыве общество заказало кухарке выпить и приготовилось слушать подробности.

— Я всегда считала, что он какой-то странный, — поведала она жадно внимающим слушателям после четвертой рюмки шерри. — Нелюдимый, вот какой… Уверена, предложи я ему чашку чая — сто раз пришлось бы просить. Разговаривать не хотел — не желал, и все тут!

— Он же страшную войну прошел, Фрэнк-то, — возразила женщина у бара. — Хочет спокойной жизни. Это же не повод, чтобы…

— А у кого еще есть ключ от задней двери? — взвизгнула кухарка.

— Запасной ключ висит в домике садовника, сколько я себя помню! Дверь-то вчера вечером не взламывали! И окна целехоньки! Фрэнку всех и делов — пробраться в большой дом, пока мы все спим… Слушатели обменялись мрачными взглядами.

— Неприятный он с виду, хуже некуда, — про-

ворчал мужчина у стойки.

— Это он на войне двинулся, — заметил хозяин трактира.

— Говорила же я, что с Фрэнком не хотела бы поссориться ни за какие коврижки, верно, Дот? — возбужденно сказала женщина, сидевшая в углу.

— Кошмарный характер, — с жаром кивнула Дот. — Помню, был он еще мальчишкой…

На следующее утро в Литтл-Хэнглтоне едва ли кто-то сомневался в том, что Реддлов убил Фрэнк Брайс.

А в пыльном и темном полицейском участке соседнего с Литтл-Хэнглтоном городка Фрэнк упорно твердил, что он невиновен и что единственным человеком, которого он видел в день смерти Реддлов, был незнакомый подросток — темноволосый и бледный. Но, поскольку больше никто в деревне такого мальчика не видел, в полиции решили, что Фрэнк его просто выдумал.

И вот когда дело стало принимать для Фрэнка скверный оборот, пришел отчет о вскрытии тел — и ситуация сразу переменилась.

Более странного заключения в полиции еще не видели. Врачи, исследовавшие тела, пришли к поразительному выводу: никто из Реддлов не был ни отравлен, ни зарезан, ни застрелен, ни удав-

лен, не задохнулся газом и вообще, судя по всему, не получил никаких повреждений. Фактически — в отчете звучало явное замешательство — все Реддлы оказались абсолютно здоровы, не считая такой детали, что были мертвы. Обязанные найти у покойников хоть какие-то нелады, в конце врачи добавляли, что на лицах всех умерших застыло выражение ужаса. Но — как заметили разочарованные полицейские — где это видано, чтобы трех здоровых людей напугали до смерти?

Поскольку не было никаких доказательств, что Реддлов вообще кто-то убил, полиции пришлось отпустить Фрэнка. Реддлов похоронили на кладбище Литтл-Хэнглтона, и их могилы еще долго вызывали всеобщее любопытство. А Фрэнк Брайс, окруженный подозрениями, к изумлению всей деревни, возвратился в свой коттедж в усадьбе Реддлов.

— Коли по-моему — это он их убил, и чихать мне на то, что там полиция говорит, — заявила Дот в «Висельнике». — Надо же, остался, бесстыжий, совести совсем нет — вся деревня знает, что он убил.

Фрэнк так и не уехал. Он остался ухаживать за садом. В доме поселилась другая семья, за ней еще одна: надолго там никто не задерживался. Воз-

можно, виноват в этом до некоторой степени был и нелюдим Фрэнк — владельцы жаловались, что это место таит в себе что-то зловещее, и дом, в отсутствие обитателей, начал понемногу ветшать.

Нынешний хозяин Дома Реддлов — какой-то богач — тоже там не жил и никак его не использовал; в деревне говорили, что воротила содержит усадьбу «из налоговых соображений», но что это значит, никто толком объяснить не мог. Тем не менее и он продолжал платить жалованье садовнику. Фрэнку шел семьдесят седьмой год, он стал глуховат, и его увечная нога почти совсем не гнулась, но, как и встарь, он ковылял между клумбами, путаясь в сорняках.

Но Фрэнку приходилось сражаться не только с сорняками. Деревенские мальчишки завели привычку бросать камнями в окна Дома Реддлов. Они колесили на велосипедах по лужайкам, за которыми Фрэнк с таким трудом ухаживал; пару раз, набравшись смелости, они даже залезали в Дом. Им было прекрасно известно, как Фрэнк предан Дому и саду, и они от души веселились, когда он, бывало, хромал по саду, хрипло крича и грозя палкой. Фрэнк считал, что дети дразнят его из-за того, что, подобно своим отцам и дедам, считают его убийцей. Поэтому, проснувшись как-то

раз августовской ночью и заметив, что в старом Доме творится что-то странное, он решил, что мальчишки изобрели какую-то новую пакость, чтобы сильнее донять его.

Разбудила Фрэнка раненая нога — к старости она мучила его все сильнее. Он поднялся и побрел вниз, на кухню, чтобы налить грелку для разболевшегося колена. Стоя у раковины, он поднял глаза на Дом Реддлов — в верхних окнах мерцал свет.

«Значит, — подумал Фрэнк, — ребята снова забрались в Дом и, судя по пляшущим отсветам, развели огонь».

Телефона у Фрэнка не было, да и полиции он сильно не доверял с тех пор, как они таскали его на допросы. Он отставил чайник и, насколько позволяла нога, заторопился наверх. Вернувшись на кухню, уже полностью одетый, Фрэнк снял с крючка у двери старый ржавый ключ, взял палку, которой пользовался при ходьбе, и вышел в ночь.

Ни на парадной двери, ни на окнах следов взлома не было видно. Фрэнк, хромая, обошел вокруг Дома, добрался до задней двери, скрытой плющом, вставил ключ в скважину и беззвучно повернул.

Открыв дверь, он вступил в темное пространство кухни. Фрэнк не был здесь много лет, тем не менее, несмотря на темноту, он припомнил, где находится дверь в холл, и на ощупь двинулся к ней; в нос ему ударило затхлым духом, он настороженно прислушался: не донесутся ли сверху шаги или голоса? В холле было немного светлее — из-за больших окон по обе стороны парадной двери. Фрэнк начал подниматься по лестнице, благословляя толстый слой пыли на камне, заглушавший звук его шагов и стук палки.

На площадке Фрэнк повернул направо и сразу же понял, где обосновались незваные гости, — в самом конце коридора была приоткрыта дверь, и на черный пол падал длинный золотой отблеск колеблющегося пламени. Сжимая палку, Фрэнк продвигался вперед и через несколько шагов уже видел в щель небольшую часть комнаты.

Огонь был разведен в камине. Это удивило Фрэнка. Он остановился и стал напряженно прислушиваться к мужскому голосу, доносившемуся из комнаты, — тот звучал робко и даже испуганно:

— В бутылке немного осталось, милорд, если вы еще голодны…

— Позже, — отозвался второй голос — тоже

мужской, но при этом он был странно высокий и холодный, словно порыв ледяного ветра. Было в этом голосе что-то такое, что подняло дыбом редкие волосы на затылке Фрэнка. — Пододвинь меня поближе к огню, Хвост.

Чтобы лучше слышать, Фрэнк повернулся к двери правым ухом. Раздалось звяканье бутылки, поставленной на твердую поверхность, и затем глухой звук тяжелого кресла, которое волокут по полу Фрэнк мельком увидел спину какого-то коротышки, толкавшего кресло к камину. На нем была длинная черная мантия, на макушке светилась лысина — но тут он вновь пропал из виду.

— Где Нагайна? — спросил ледяной голос.

— Я… я не знаю, милорд, — боязливо ответил первый. — Думаю, она обследует дом…

— Подоишь ее, прежде чем мы ляжем спать, Хвост, — сказал второй. — Мне надо будет поесть ночью. Путешествие меня сильно утомило.

Нахмурившись, Фрэнк приблизил здоровое ухо еще ближе к двери, стараясь не пропустить ни слова. После паузы человек, которого называли Хвост, заговорил вновь:

— Милорд, могу я спросить: сколько мы здесь пробудем?

— Неделю. Возможно, и дольше. Это место

очень удобно, а в нашем плане пока что заминка. Идиотизм приступать к действиям до окончания Чемпионата мира по квиддичу.

Фрэнк поковырял в ухе шишковатым пальцем. Должно быть, у него уши серой заросли, если померещился какой-то «квиддич» — такого и слова-то нет.

— Чемпионата мира по квиддичу, милорд? — переспросил Хвост. (Фрэнк еще энергичней завертел пальцем в ухе.) — Прошу прощения… но я не понимаю: зачем ждать окончания Чемпионата?

— Затем, тупица, что на Чемпионат в страну съедутся волшебники со всего мира, и каждая шавка из Министерства магии будет совать нос куда надо и не надо, вынюхивать, где что не так, проверять и перепроверять — совсем рехнулись на своих мерах безопасности, — не дай бог маглы чего заметят. Поэтому будем ждать.

Фрэнк оставил ухо в покое. Он отчетливо разобрал слова «Министерство магии», «волшебники» и «маглы». Каждое из этих выражений имеет какой-то тайный смысл, дело ясное, и говорят так либо шпионы, либо преступники. Он вновь стиснул палку и продолжал слушать еще внимательней.

— Ваша светлость все еще полны решимости? — тихо спросил Хвост.

— Разумеется, я полон решимости, — в холодном голосе прозвучала угрожающая нота.

Наступила пауза, и затем Хвост единым духом выпалил фразу, словно боясь, что еще секунда — и не хватит храбрости.

— Можно обойтись и без Гарри Поттера, милорд!

— Без Гарри Поттера? — выдохнул второй. — Та-а-ак…

— Милорд, я говорю это вовсе не из-за жалости к мальчишке! — Голос Хвоста сорвался на визг. — Мальчишка ничего для меня не значит, ровным счетом ничего! Просто возьми мы другого волшебника или колдунью — кого угодно! — все можно сделать гораздо быстрее! Если бы вы позволили мне покинуть вас ненадолго — вы же знаете, что я могу превращаться с необычайным мастерством, — то уже через два дня я бы привел вам подходящую замену.

— Да, конечно, я могу использовать другого волшебника, — произнес второй голос негромко. — Это правда…

— Милорд, в этом есть смысл, — продолжал Хвост теперь уже вполне уверенно, — ведь до-

браться до Гарри Поттера очень трудно — его слишком хорошо охраняют.

— И потому ты вызвался пойти и привести мне кого-то взамен? Интересно… А может, тебе надоело нянчиться со мной, Хвост? Может, эта твоя идея изменить план — не что иное, как попытка бросить меня?

— Милорд! У меня и в мыслях нет покинуть вас!

— Не лги мне! Фальшь я всегда отличу! Ты жалеешь, что вернулся ко мне. Я внушаю тебе отвращение. Вижу, как тебя передергивает, когда ты смотришь на меня, я чувствую твою дрожь, когда ты прикасаешься ко мне…

— Вовсе нет! Моя преданность вашему лордству…

— Твоя преданность — всего-навсего трусость. Ты бы ни одной секунды здесь не остался, если бы тебе было куда пойти. Но как бы я выжил без тебя, если каждые несколько часов нуждаюсь в пище? Кто доил бы Нагайну?

— Но вы заметно окрепли, милорд…

— Лжец. Ничуть я не окреп. Два-три дня без поддержки — и я лишусь тех крох здоровья, которые сумел вернуть благодаря твоей неуклюжей заботе… Тихо!

Хвост, что-то бессвязно забормотавший, мгновенно смолк. Несколько секунд Фрэнк не слышал ничего, кроме потрескивания огня. Но вот голос второго собеседника раздался вновь — теперь его шепот превратился почти в шипение.

— Я тебе уже объяснял, почему у меня есть причины использовать мальчишку и никого другого. Я ждал тринадцать лет, и несколько месяцев ничего не изменят. Да, его тщательно охраняют, но уверен — мой план сработает. Все, что требуется — это немного мужества с твоей стороны, Хвост, и тебе придется это мужество найти, если не хочешь испытать на себе всю силу гнева Лорда Волан-де-Морта.

— Милорд, я должен вам сказать! — панически воскликнул Хвост. — Всю дорогу сюда я мысленно просматривал план. Милорд, исчезновение Берты Джоркинс не может долго оставаться незамеченным, и если не остановиться, если я наложу заклятие…

— Если? — прошелестел второй голос. — Ах, если? Если ты будешь следовать моему плану, Хвост, Министерство никогда не узнает, что пропал еще кто-то. Ты сделаешь это тихо и без суеты; я очень желал бы исполнить это сам, но в моем теперешнем состоянии… Ну же, Хвост,

устраним еще одно препятствие — и нам открыт путь к Гарри Поттеру. Я не прошу тебя выполнить это в одиночку. К нам скоро присоединится мой верный слуга.

— Я — ваш верный слуга, — угрюмо пробурчал Хвост.

— Хвост, мне нужен человек с головой на плечах; тот, чья преданность оставалась безупречной, а ты, к несчастью, ни тем, ни другим не блещешь.

— Я нашел вас. — Теперь недовольство в голосе Хвоста проступило еще резче. — Я единственный, кто нашел вас. Я доставил вам Берту Джоркинс…

— Что правда, то правда, — подтвердил второй человек, несколько развеселившись. — Недурной ход, я не ожидал, Хвост, что ты способен на такое, хотя, по правде говоря, ты и понятия не имел, насколько она может пригодиться, когда похитил ее, верно?

— Я… я считал, что она может быть полезна, милорд…

— Лжец, — снова произнес второй голос, и в нем еще отчетливей прозвучало недоброе веселье. — Впрочем, не стану отрицать — ее сведения оказались бесценны. Без них мне бы никогда не составить моего плана. И за это тебя ждет

награда, Хвост. Ты будешь участвовать в самом главном… Многие из моих последователей дали бы себе отрубить правую руку за это…

— П-правда, милорд? В чем же это? — вновь испугался Хвост.

— Ну, Хвост, это сюрприз… ты же не хочешь испортить мне удовольствие? Твоя очередь подойдет в самом конце… Но обещаю, ты удостоишься чести быть так же полезен, как и Берта Джоркинс.

— Вы… вы… — Голос Хвоста внезапно сел, словно у него вдруг пересохло во рту. — Вы… хотите убить и меня?

— Хвост, Хвост… — Второй голос зазвучал вкрадчиво. — Ну зачем же мне убивать тебя? Я убил Берту Джоркинс лишь по необходимости. Она уже ни на что не годилась после моих расспросов. И в любом случае возникла бы чрезвычайно неприятная ситуация, вернись она в Министерство и расскажи, как на каникулах встретилась с тобой. Волшебникам, которые считаются умершими, лучше не сталкиваться с колдуньями из Министерства магии в придорожных гостиницах…

Хвост что-то тихо залепетал — Фрэнк ничего не расслышал, но второй человек рассмеялся — это был совсем невеселый смех, такой же ледяной,

как и его речь.

— Можно было изменить ее память? Но заклятия памяти легко разрушаются сильным волшебником, что я и доказал, допрашивая ее. Было бы надругательством над ее памятью не воспользоваться той информацией, которую я извлек, Хвост.

А в это время снаружи, в коридоре, Фрэнк вдруг заметил, что его ладонь, сжимающая палку, сделалась мокрой от пота.

Человек с холодным голосом убил женщину. Он говорит об этом без капли раскаяния — напротив, это его забавляет. Он опасный маньяк и замышляет новые убийства. Кто бы ни был этот мальчик, Гарри Поттер, он в опасности.

Фрэнк понял: самое время бежать в полицию. Необходимо выбраться из Дома и прямиком к телефонной будке в деревне… Но тут вновь зазвучал ледяной голос, и Фрэнк замер на месте, изо всех сил напрягая слух.

— Еще одно заклятие… Мой верный слуга в Хогвартсе… Гарри Поттер, считай, у меня в руках, Хвост. Это решено, и больше никаких пререканий. Но тише… Мне кажется, я слышу Нагайну…

Тут голос второго собеседника изменился — таких звуков Фрэнк в жизни не слыхал, — тот

шипел и фыркал, не переводя дыхания. Фрэнк было подумал, что у парня припадок, но в это время уловил какое-то движение в темном коридоре позади себя. Он оглянулся и оцепенел от страха.

что-то ползло прямо на него по черному полу, и, когда оно приблизилось к полоске света, Фрэнк с дрожью ужаса различил, что это гигантская змея — по меньшей мере двенадцати футов длины. Ее волнообразно движущееся тело оставляло широкий извилистый след в толстом слое пыли. Вот она совсем близко… Что же делать? Единственный путь к спасению — дверь в комнату, где двое мужчин обсуждают подготовку убийства. Но если он останется там, где стоит, змея точно его прикончит.

Он не успел принять никакого решения, когда змея поравнялась с ним и — вот чудо! — скользнула мимо, подчиняясь тому шипению, которое издавал человек с холодным голосом, и через секунду кончик ее хвоста с ромбовидным узором скрылся за дверью.

По лбу Фрэнка покатился пот, а его рука с палкой затряслась. Там, в комнате, ледяной голос продолжал шипеть, и Фрэнку пришла в голову странная, невозможная мысль: «Этот человек может разговаривать со змеями».

Фрэнк перестал понимать, что происходит. Больше всего на свете ему хотелось очутиться сейчас в своей постели с грелкой. Но беда в том, что ноги перестали его слушаться. И пока он стоял, дрожа и пытаясь овладеть собой, человек с холодным голосом опять перешел на английский.

— У Нагайны интересные новости, Хвост, — сказал он.

— В с-самом деле, милорд?

— Да, в самом деле. Если верить ей, один старый магл стоит возле этой комнаты и слышит каждое наше слово.

Спрятаться было негде. Зазвучали шаги, и дверь распахнулась.

Перед Фрэнком стоял седой лысеющий человечек с острым носом и крохотными водянистыми глазками и смотрел на него со смесью страха и тревоги.

— Пригласи его войти, Хвост. Где твои манеры? Холодный голос раздавался из старинного кресла перед камином, но говорившего не было видно. Зато Фрэнк видел змею, свернувшуюся кольцами на полусгнившем коврике у камина, — жуткое подобие любимой комнатной собачки.

Хвост поманил Фрэнка в комнату. Несмотря на

сотрясавшую его дрожь, Фрэнк покрепче сжал палку и с усилием перешагнул через порог.

Камин был единственным источником света в комнате; по стенам разбегались длинные зыбкие тени. Фрэнк уставился на спинку кресла — сидевший там человек был, похоже, еще меньше своего слуги — Фрэнк не видел даже его затылка.

— Ты все слышал, магл? — спросил холодный голос.

— Каким это словом вы меня называете? — вызывающе ответил Фрэнк. Теперь, когда он был в комнате и пришло время действовать, он чувствовал себя смелее — так с ним бывало и на фронте.

— Я называю тебя маглом, — невозмутимо пояснил голос. — Это значит, что ты не волшебник.

— Не знаю, что вы подразумеваете под «волшебником», — заговорил Фрэнк решительным тоном, — но я слышал достаточно такого, что заинтересует полицию, — вот это точно. Вы совершили убийство и задумали еще одно. И еще скажу кое-что, — добавил он с внезапным вдохновением, — моя жена знает, что я здесь, и если я не вернусь…

— У тебя нет жены, — промолвил ледяной голос спокойно. — Никому не известно, что ты здесь.

Не лги Лорду Волан-де-Морту, магл, потому что он знает… он всегда все знает…

— Да неужто? — воскликнул Фрэнк без всякого почтения. — И в самом деле лорд? Не больно-то мне нравятся ваши манеры, милорд. Почему бы вашему лордству не повернуться по-человечески ко мне лицом?

— Но ведь я не человек, магл, — ответил холодный голос, едва различимый за треском пламени. — Я гораздо, гораздо больше чем человек. Хотя… почему нет? Хвост, разверни мое кресло.

Слуга лишь горестно охнул.

— Ты слышал меня, Хвост!

Морщась, словно он предпочел бы что угодно, лишь бы не приближаться к хозяину и коврику, на котором лежала змея, коротышка с неохотой подошел и начал разворачивать кресло. Змея подняла треугольную голову и негромко зашипела, когда ножки кресла зацепили ее лежанку.

Но вот кресло повернулось к Фрэнку, и он увидел, что в нем находилось. Палка старого садовника со стуком упала на пол; рот у него открылся, и он испустил вопль — такой громкий, что уже не услышал тех слов, что произносило существо в кресле. Поднялась волшебная палоч-

ка, грянул гром, вспышка зеленого света ударила по глазам, и Фрэнк Брайс умер. Спустя мгновение его мертвое тело рухнуло на пол.

В двухстах милях от Дома Реддлов мальчик по имени Гарри Поттер вздрогнул и проснулся.

Глава 2

ШРАМ

Гарри лежал на спине, прижав руки к лицу и тяжело дыша, словно после долгого бега. Ему только что снился яркий, отчетливый сон. Старый шрам в форме зигзага молнии на его лбу горел под пальцами так, будто к коже приложили добела раскаленную проволоку.

Он сел, не отрывая руки от шрама, другой нашарил в темноте очки, лежащие на столике возле кровати. Очертания спальни проступили яснее, сквозь шторы пробивался тусклый оранжевый свет уличного фонаря.

Гарри еще раз ощупал шрам — боль все не проходила. Он зажег стоявшую сбоку лампу, вылез из постели, открыл гардероб и принялся разглядывать себя в зеркале на внутренней стороне дверцы. Там отразился худой паренек лет четырнадцати, его яркие зеленые глаза озадаченно смотрели из-под взлохмаченных черных волос. Шрам выглядел как обычно, но его по-прежнему саднило.

Гарри попытался вспомнить, что же именно

ему снилось перед тем, как он проснулся. Все было настолько реально… Два человека, которых он знал, и еще один незнакомый… Гарри сосредоточенно сдвинул брови, силясь вспомнить…

Ему явилось смутное видение полутемной комнаты… На коврике у камина — змея… Коротышка по имени Питер, по прозвищу Хвост… и холодный высокий голос — голос Лорда Волан-де-Морта. От одной этой мысли Гарри показалось, будто у него внутри прокатился кусок льда.

Он плотно зажмурился, пытаясь воскресить в памяти, как выглядел Лорд Волан-де-Морт, но тщетно. Хвост развернул кресло, Гарри увидел то, что сидело в нем, его охватил приступ ужаса, он проснулся… Или причиной была боль в шраме?

А кто же тот старик? Ведь там точно был какой-то пожилой человек, Гарри видел, как он упал. Но здесь все путалось; Гарри уткнулся лицом в ладони, стараясь забыть о своей спальне и восстановить картину той скудно освещенной комнаты. Но детали ускользали, утекали как вода сквозь пальцы… Волан-де-Морт и Хвост говорили о ком-то, кого они убили, — Гарри не удавалось вспомнить имя… И замышляли убить кого-то еще. Его…

Он отнял ладони от лица и, широко открыв

глаза, оглядел спальню, будто ожидал увидеть что-то необычное. Что ж, в комнате и правда было много необычных предметов. В полуметре от кровати был распахнут огромный чемодан, а в нем котел, помело, черная мантия и учебники по заклинаниям. Большую часть письменного стола занимала пустая клетка белой совы Букли; оставшееся пространство было завалено свитками пергамента. На полу возле кровати лежала открытая книга — прошлым вечером Гарри читал ее перед сном. Все картинки в ней были живые. Люди в ярких оранжевых мантиях, то появляясь, то исчезая со страниц, летали на метлах, перебрасывая друг другу красный мяч.

Гарри поднял книгу и посмотрел, как один из игроков эффектно забрасывает мяч в кольцо на тридцатиметровой высоте, но тут же захлопнул ее. Даже квиддич — лучший, по его мнению, спорт в мире — не занимал его в эту минуту. Он положил «Летая с «Пушками Педдл»» на столик возле кровати, подошел к окну и раздвинул шторы.

Тисовая улица выглядела как раз так, как и положено выглядеть улице респектабельного пригорода в утренний субботний час. Все портьеры на окнах задернуты, и не видно ни одного живого существа — ни прохожего, ни даже кош-

ки.

И все же… все же… Снедаемый беспокойством, Гарри вернулся к постели и сел, в который раз ощупав шрам. Тревожила его не боль, Гарри не в диковинку были раны и болезни. Он однажды лишился костей в правой руке и провел в мучениях ночь, пока они росли заново. Вскоре эту же руку ему проткнул ядовитый клык в полметра длиной. А в прошлом году Гарри упал с высоты тридцать с лишним метров, сорвавшись со своей летающей метлы. Он давно привык к удивительным несчастным случаям и невероятным травмам — они неизбежны, если ты учишься в Школе чародейства и волшебства и вдобавок обладаешь способностью притягивать неприятности.

Нет, Гарри тревожило совсем иное — в прошлый раз шрам заныл у него потому, что Волан-де-Морт оказался близко… Но Волан-де-Морт просто не может быть здесь… Великий Темный Маг притаился где-то на Тисовой улице — это же бред, абсурд…

Гарри прислушался к тишине вокруг. Не скрипнет ли ступенька, не донесется ли шорох мантии? И едва не подскочил — за стеной двоюродный братец Дадли издал громоподобный хрюкающий храп.

Нет, надо взять себя в руки. Ведь это глупость. В доме никого нет, кроме дяди Вернона, тети Петуньи и Дадли, а они, разумеется, еще спят и видят безмятежные, ничем не омраченные сны.

Спящими Дурсли устраивали Гарри больше всего, да и бодрствующие они вряд ли пришли бы ему на помощь. Дядя Вернон и тетя Петунья — единственные родственники Гарри. Они принадлежат к той категории маглов (то есть неволшебников), которая ненавидит и презирает магию в любом виде, и это значило, что Гарри в их доме рады примерно также, как жуку-древоточцу. Последние три года он надолго уезжал на учебу в Хогвартс, и его отсутствие Дурсли объясняли пребыванием в закрытой школе святого Брутуса для подростков с неискоренимыми криминальными наклонностями. Они твердо уяснили, что Гарри, как несовершеннолетний волшебник, не имеет права применять магию вне стен Хогвартса, но все равно валили на него вину за все неполадки в доме. Гарри никогда не испытывал к ним доверия и не рассказывал о своей жизни в волшебном мире. Рассказать о боли и шраме, поделиться опасениями насчет Волан-де-Мор-та, когда они проснутся? Одна только мысль об этом уже вызывала улыбку.

А ведь именно из-за Волан-де-Морта Гарри попал жить к Дурслям. Если бы не Темный Лорд, не было бы на лбу у Гарри шрама. Если бы не он, у Гарри по-прежнему были бы родители…

Гарри был всего год от роду, когда Волан-де-Морт, самый могущественный Темный Маг столетия, который в течение одиннадцати лет упорно наращивал свою мощь, явился в дом Гарри и убил его отца и мать. Волан-де-Морт направил тогда волшебную палочку и на Гарри, уже произнес заклятие, уничтожившее многих взрослых волшебников и колдуний, вставших на его пути к власти, но оно не сработало! Вместо того чтобы убить маленького мальчика, заклятие ударило по самому Волан-де-Морту. Гарри отделался лишь шрамом на лбу, а от Волан-де-Морта осталось что-то ничтожное и едва живое. Силы его покинули, ему пришлось спасаться бегством. Рассеялся ужас, в котором так долго жило сообщество чародеев; приспешники Волан-де-Морта затаились кто как мог, а Гарри Поттер стал знаменитостью.

Для Гарри было немалым потрясением узнать, что он — волшебник. Это произошло на его одиннадцатый день рождения; еще больше смутило то, что в скрытом волшебном мире каждому

известно его имя. Явившись в школу «Хогвартс», Гарри убедился, что шепот и заинтересованные взгляды сопровождают его повсюду, куда бы он ни пошел. Но теперь он привык к этому: в конце этого лета Гарри перейдет на четвертый курс и уже считает дни до возвращения в замок.

Но ждать еще две недели. Он вновь безрадостно оглядел комнату, и его взгляд остановился на поздравительных открытках ко дню рождения, которые прислали в конце июля двое его лучших друзей. Что бы они сказали, если бы он написал им и сообщил, что у него болит шрам?

Немедленно в голове у него зазвучал голос Гермионы Грэйнджер — пронзительный и испуганный:

— Твой шрам заболел? Гарри, это очень серьезно… Напиши профессору Дамблдору! А я пойду и посмотрю в «Обычных магических болезнях и недомоганиях». Возможно, там найдется что-то о шрамах от проклятий…

Да, таков был бы совет Гермионы — обратиться прямо к директору Хогвартса, а тем временем покопаться в справочнике. Гарри посмотрел в окно, на чернильно-синее небо. Он очень сомневался, что какая-нибудь книга может ему помочь. Насколько ему известно, он единственный че-

ловек, уцелевший после подобного заклятия; поэтому вряд ли можно отыскать его симптомы в «Обычных магических болезнях». А что до идеи сообщить директору, то у Гарри не было ни малейшего представления, где Дамблдор проводит летние каникулы. На минуту он даже развеселился, представив себе Дамблдора с его огромной серебряной бородой, в длиннополой мантии волшебника и островерхой шляпе, растянувшегося где-то на пляже и натирающего кремом для загара длинный крючковатый нос. Хотя, конечно, где бы ни был Дамблдор, Букля его найдет, в этом Гарри не сомневался — его сова ни разу еще ничего не напутала, доставляя письма — даже те, на которых не было адреса. Вопрос в другом: что написать?

Дорогой профессор Дамблдор, простите за беспокойство, но сегодня утром у меня заболел шрам.

Искренне ваш Гарри Поттер

Даже вообразить глупо такие слова.

Тогда Гарри представил себе совет своего второго лучшего друга — Рона Уизли. Перед его мысленным взором тут же всплыла носатая веснушчатая физиономия Рона с самым озада-

ченным выражением.

— Твой шрам разболелся? Но… Сам-Знаешь-Кто не может быть поблизости, верно? Я хочу сказать… ну, ты бы сразу узнал, правда? Он бы наверняка напал на тебя еще раз, ведь так? Не знаю, Гарри, может, шрамы от проклятий всегда немного побаливают… Спрошу у папы…

Мистер Уизли был весьма образованный волшебник. Он работал в Министерстве магии в Отделе по борьбе с противозаконным использованием изобретений маглов, но по части заклятий, насколько понимал Гарри, особым специалистом не был. В любом случае Гарри вовсе не улыбалась мысль оповещать все семейство Уизли о том, что он так перепугался из-за минутной боли. Миссис Уизли разволнуется еще хуже, чем Гермиона, а Фред и Джордж, шестнадцатилетние братья-близнецы, запросто подумают, что у Гарри разыгрались нервы. Гарри любил семью Уизли больше всего на свете, он надеялся, что они пригласят его погостить — Рон говорил об этом и связи с Чемпионатом мира по квиддичу, — и Гарри вовсе не желал, чтобы его пребывание в этом доме омрачалось тревожными расспросами о шраме.

Он потер лоб костяшками пальцев. На самом

деле ему хотелось (в чем он стеснялся признаться даже самому себе) иметь хоть кого-то наподобие родителей — взрослого волшебника, у которого можно было бы спросить совета, не боясь при этом выглядеть идиотом, кого-то, кто поддержал бы его и разбирался в черной магии…

И тут к нему явилось решение. Такое простое, такое очевидное, что было даже непонятно, о чем он мог думать так долго — Сириус.

Гарри соскочил с кровати и бросился к столу, развернул кусок пергамента, окунул в чернила орлиное перо, вывел: «Дорогой Сириус!» — и остановился, призадумавшись, как лучше изложить свою проблему, и все еще удивляясь тому, что мысль о Сириусе сразу не пришла в голову. Но с другой стороны, чему удивляться — как-никак, он всего два месяца назад узнал, что Сириус — его крестный отец. Причина, по которой Сириус так долго не появлялся в жизни Гарри, была проста — до недавних пор он сидел в Азкабане, ужасающей тюрьме для волшебников. Ее охраняют дементоры — незрячие, высасывающие душу демоны, и они явились разыскивать Сириуса в Хогвартс, когда он сбежал. Но Сириус был невиновен. Убийства, за которые его осудили, совершил Хвост — пособник Волан-де-Морта, которого все

считали погибшим. Гарри, Рон и Гермиона знали, что это не так, — в прошлом году они лицом к лицу столкнулись с живым Хвостом. Увы, поверил им только профессор Дамблдор.

Этим же летом был чудесный момент, когда Гарри уже поверил, что наконец-то уедет от Дурслей — Сириус предложил переселиться к нему, поскольку его доброе имя восстановлено. Но надежды не сбылись — они не сумели доставить Хвоста в Министерство магии, тот ухитрился улизнуть, и Сириусу пришлось скрыться, чтобы спасти свою жизнь. С помощью Гарри он улетел на спине гиппогрифа по имени Клювокрыл и с тех пор в бегах. Но мысль о доме, который мог бы у него быть, сумей они изловить Хвоста, преследовала Гарри все лето. Было вдвойне тяжело возвращаться к Дурслям, зная, как близка была возможность покинуть их навсегда.

Но все же Сириус помогал Гарри, даже не будучи рядом. Только благодаря Сириусу Гарри мог отныне держать у себя в спальне волшебные школьные принадлежности — Дурсли никогда раньше этого не позволяли. Неуемное стремление отравить, насколько возможно, жизнь Гарри сочеталось у них со страхом перед его способностями, и это заставляло их каждое лето запирать

чемодан с его школьными вещами в чулан под лестницей. Однако они поспешно изменили позицию, узнав, что крестный отец Гарри — опаснейший убийца. Гарри тактично забыл сообщить им, что Сириус ни в чем не виновен.

От Сириуса пришло уже два письма. Оба принесли не совы (как принято у волшебников), а большие яркие тропические птицы. Букля неодобрительно отнеслась к экзотическим пришельцам и весьма неохотно позволила им напиться из своей миски перед обратной дорогой. Гарри же, напротив, был им очень рад — в его воображении сразу возникли пальмы и белый песчаный пляж. Гарри надеялся, что где бы Сириус ни находился (тот никогда об этом не писал — на случай, если письмо перехватят), он хорошо проводит время. Почему-то с трудом можно было представить себе дементоров, способных долго продержаться на солнцепеке — возможно, поэтому Сириус и подался на юг. Его письма, которые теперь спрятаны под чрезвычайно удобно поднимающейся половицей под кроватью, были очень бодрыми и в обоих он напоминал, чтобы Гарри обращался к нему, когда бы потребовалось. Что же, вот и потребовалось…

Свет лампы начал тускнеть в лучах холодного

серого рассвета, вползавшего в спальню. Когда поднялось солнце и окрасило золотом стены, а из комнаты дяди Вернона и тети Петуньи послышалась невнятная возня, Гарри выбросил в корзину скомканные куски пергамента и перечитал окончательный вариант письма.

Дорогой Сириус!

Спасибо за последнее письмо. Эта птица была такой большой, что с трудом пролезла в мое окно.

Дела идут как обычно. У Дадли ничего не выходит с диетой, вчера моя тетка застукала его, когда он пытался тайком пронести к себе пончики. Ему пригрозили, что урежут карманные расходы, если он будет так себя вести, отчего он совершенно рассвирепел и выкинул в окно свою игровую приставку. Это такая штука вроде компьютера для игр. На самом деле глупая выходка — теперь у него нет даже «Суперкостоломки. Часть третья», чтобы отвлечься от неприятностей.

У меня все в порядке — в основном из-за того, что Дурсли страшно боятся, что ты можешь вдруг нагрянуть и по моей

просьбе превратить их всех в летучих мышей.

Правда, сегодня утром произошла одна непонятная вещь. Мой шрам разболелся снова. Прошлый раз это произошло потому, что Волан-де-Морт был в Хогвартсе. Но, думаю, он сейчас не может быть где-то неподалеку от меня. Ты не слышал, шрамы от заклятий болят много лет спустя?

Я отправлю это письмо с Буклей, когда она вернется, — сейчас она на охоте. Передай от меня привет Клюву.

Гарри

Да, подумал Гарри, это то, что надо. Никаких намеков на его сон, он не хочет показаться уж слишком напуганным. Гарри свернул пергамент и положил на край стола — все готово, надо лишь дождаться возвращения Букли. Он поднялся на ноги, потянулся, снова открыл шкаф и, даже не взглянув на отражение, стал одеваться к завтраку.

Глава 3

ПРИГЛАШЕНИЕ

Когда Гарри спустился на кухню, все трое Дурслей ей уже сидели за столом и даже не подняли на него глаз. Дядя Вернон загородил широкую багровую физиономию утренним выпуском «Дейли Мэйл», а тетя Петунья сосредоточенно резала грейпфрут на четыре части, скрыв лошадиные зубы за поджатыми губами.

Дадли выглядел рассерженным, угрюмым и, казалось, еще больше раздулся. Это кое-что значило, если учесть, что он и без того обычно занимал собой целую сторону квадратного стола. Тетя Петунья положила ему в тарелку четверть не подслащенного грейпфрута, боязливо проворковав: «Это тебе, Дадли, милый», на что он только злобно посмотрел на нее. В его жизни произошли крутые и очень неприятные перемены с того дня, как он принес домой годовой табель успеваемости.

Как всегда, дядя Вернон и тетя Петунья старались найти оправдания его скверным оценкам: тетя Петунья утверждала, что Дадли — очень одаренный мальчик, но требует особого подхода;

дядя Вернон держался другой линии — ему «не нужен сын неженка и зубрила». Столь же деликатно они касались обвинений в хулиганстве, записанных в табеле. «Он шумный маленький мальчик, но и мухи не обидит!» — восклицала тетя Петунья со слезой в голосе.

Однако в конце табеля было несколько вежливых замечаний школьной медсестры, которым даже дядя Вернон и тетя Петунья не могли найти оправданий. Сколько бы тетя Петунья ни причитала, что Дадли крупный мальчик со здоровым детским жирком и что растущему организму необходимо много еды, факт оставался фактом — у поставщика школьной формы уже не было бриджей достаточно большого размера. Острый глаз тети Петуньи различал неуловимый отпечаток пальца на ее сверкающих чистотой стенах и насквозь видел соседей, но отказывался замечать то, что было очевидно школьной медсестре: без всякого дополнительного питания Дадли разнесло до размеров молодого кита из породы косаток-убийц.

И вот — после многих скандалов, где в ход шли такие веские аргументы, что от них дрожал пол в спальне у Гарри, и потоков слез, пролитых тетей Петуньей, — был объявлен новый режим.

Диетическая программа, присланная медсестрой школы «Воннингс», была прикреплена к холодильнику, из которого убрали все, что обожал Дадли, — газировку и пирожные, шоколадки и бургеры. И вместо этого наполнили овощами, фруктами и зеленью — «кроличьей едой», как выразился дядя Вернон. Чтобы умилостивить Дадли, тетя Петунья настояла, чтобы и вся семья села на ту же диету. Поэтому Гарри тоже получил свою четвертинку грейпфрута. Она была намного меньше, чем у Дадли. Тетя Петунья явно считала, что лучший путь поддержать моральный дух Дадли — это уверить его в том, что еды у него, во всяком случае, больше, чем у Гарри.

Но тете Петунье было невдомек, что спрятано под все той же поднимающейся половицей в комнате наверху; у нее и мысли не возникало, что Гарри вовсе не собирается следовать диете. Сообразив, что ему грозит все лето просидеть на одной моркови, он сразу послал к друзьям Буклю с призывом о помощи. И те, к их чести, не пожалели усилий. Из дома Гермионы сова вернулась с большущей коробкой печенья без сахара (родители Гермионы были стоматологи). Хагрид, хогвартский лесничий, не пожалел целого мешка твердокаменных кексов собственного

приготовления (к ним Гарри не притронулся — слишком велик был его опыт по части стряпни Хагрида). Миссис Уизли прислала их семейную сову, Стрелку, с чудовищных размеров тортом и пачкой пастилы. Бедняга Стрелка была уже в преклонном возрасте и целых пять дней приходила в себя после такого путешествия. А на день рождения (который для Дурслей просто не существовал), Гарри получил сразу четыре великолепных торта — от Рона, Гермионы, Хагрида и Сириуса. У него и сейчас еще оставались два и поэтому, предвкушая роскошный завтрак, который он себе устроит наверху, Гарри беспечально взялся за свой грейпфрут.

Неодобрительно хмыкнув, дядя Вернон отложил газету и хмуро уставился на собственную четвертинку грейпфрута.

— И что это? — проворчал он.

Тетя Петунья строго взглянула на него, кивком указав на Дадли, который уже прикончил свою часть и мрачно смотрел в тарелку Гарри маленькими поросячьими глазками.

Дядя Вернон обреченно вздохнул, взъерошив большие густые усы, и взял ложку.

В дверь позвонили. Дядя Вернон поднялся с кресла и вошел в прихожую. С быстротой молнии,

пока мать была занята чайником, Дадли стащил остаток отцовского грейпфрута.

Из прихожей донеслись звуки разговора, чей-то смех, и затем отрывистый ответ дяди Вернона. Парадная дверь захлопнулась, и послышался треск разрываемой бумаги.

Тетя Петунья поставила на стол заварной чайник и недоуменно оглянулась: где это дядя Вернон? Минуту спустя он вернулся, красный от злости.

— Ты! — рявкнул он на Гарри. — В гостиную, живо!

Сбитый с толку и ломая голову над тем, в каких грехах его подозревают на этот раз, Гарри встал и вслед за дядей Верноном пошел в соседнюю комнату.

— Итак. — Дядя Вернон со стуком закрыл за ними дверь, твердым шагом дошел до камина и повернулся к Гарри с таким видом, словно собирался объявить ему, что он арестован. — Итак.

Гарри так и подмывало спросить: «Итак что?» — но он счел, что не стоит подвергать характер дяди Вернона такому испытанию с утра пораньше, учитывая, что его нрав и без того ожесточен голодным пайком. Поэтому Гарри решил принять вид вежливой озадаченности.

— Это только что принесли, — сказал дядя Вернон. Он угрожающе помахал перед Гарри исписанным листком сиреневой бумаги. — Письмо. Насчет тебя.

Гарри растерялся еще больше. Кто мог написать о нем дяде Вернону? Да еще прислать письмо по обычной почте?

Дядя Вернон свирепо взглянул на Гарри и стал читать вслух:

— «Дорогие мистер и миссис Дурсли!

Мы с Вами незнакомы, но я не сомневаюсь, что Вы немало слышали от Гарри о моем сыне Роне.

Как Гарри Вам, возможно, рассказывал, финал Кубка мира по квиддичу состоится в следующий понедельник вечером, и мой муж Артур сумел достать очень хорошие билеты благодаря своим связям в Департаменте магических игр и спорта.

Я надеюсь, что Вы позволите нам взять с собой Гарри на матч, тем более что такая возможность выпадает раз в жизни — Британия не принимала у себя финал вот уже тридцать лет и добыть билеты крайне трудно. Мы, разумеется, будем рады, если Гарри проведет у нас остаток летних каникул, и проследим, чтобы он благополучно сел на поезд в школу.

Пожалуйста, ответьте как можно скорее. Лучше

воспользоваться обычным способом, поскольку магловские почтальоны не сумеют доставить письмо в наш дом. Я не уверена, что они вообще знают, где он находится.

В надежде вскоре увидеть Гарри искренне Ваша Молли Уизл. P.S. Надеюсь, мы наклеили достаточно марок». — Дядя Вернон закончил чтение. — Взгляни на это, — прорычал он.

Это был конверт, в котором и прибыло письмо миссис Уизли, и Гарри едва удержался от смеха — конверт был сплошь заклеен марками за исключением единственного квадратного дюйма на лицевой стороне, куда миссис Уизли умудрилась втиснуть написанный бисерным почерком адрес Дурслей.

— Ну… она наклеила достаточно марок, — сказал Гарри таким тоном, будто подобную ошибку мог совершить кто угодно. Глаза дяди сверкнули.

— Почтальон это заметил, — процедил он сквозь зубы. — Ему было очень интересно, откуда такое письмо пришло. Потому-то и позвонил. Кажется, он нашел это забавным.

Гарри ничего не ответил. Возможно, кто-то и не понял бы, почему дядя Вернон поднимает такой шум из-за чрезмерного количества марок, но Гарри слишком долго прожил с Дурслями и знал,

как безумно их раздражает все хоть сколько-нибудь необычное. Не дай бог кто-то подумает, что они связаны (пусть даже и отдаленно) с такими людьми, как миссис Уизли.

Дядя Вернон грозно смотрел на Гарри, а тот старался сохранить на лице самое невинное выражение. Если сейчас повести себя правильно, то можно запросто попасть на самое интересное событие за всю свою жизнь. Гарри ожидал, что же скажет дядя Вернон, но тот по-прежнему не произносил ни слова, вперив в племянника злобный взгляд. Наконец Гарри решился нарушить молчание.

— Так что… я могу поехать?

Багровую физиономию дяди Вернона исказила легкая судорога. Усы встали дыбом. За этими усами сейчас происходила ожесточенная схватка двух основных дядиных инстинктов, вступивших в острое противоречие. Разрешить Гарри ехать, значит, сделать его счастливым, а против этого дядя Вернон неустанно боролся тринадцать лет. С другой стороны, отъезд Гарри избавлял от него на две недели раньше, чем можно было надеяться, а дядя Вернон не выносил присутствия Гарри в своем доме. Раздираемый противоположными чувствами, он вновь уставился на письмо миссис

Уизли.

— Кто эта женщина? — спросил он, неприязненно разглядывая подпись.

— Вы ее видели, — ответил Гарри. — Это мама моего друга Рона, она встречала его, когда мы приехали на Хог… на школьном поезде в конце прошлого семестра.

Он чуть было не произнес «Хогвартс-Экспресс», но это был верный путь взбесить дядю. Во владениях Дурслей никто даже не упоминал вслух названия школы Гарри.

Дядя Вернон скривил широченную физиономию, словно припоминая что-то очень неприятное.

— Толстуха такая? — проворчал он наконец. — С кучей рыжих детей?

Гарри нахмурился. Это уж явная глупость со стороны дяди Вернона — обзывать кого-то толстухой, когда его собственный сын Дадли был именно таким лет с трех, а теперь и вовсе стал больше в ширину, чем в высоту. Дядя Вернон вновь внимательно перечитывал письмо.

— Квиддич, — пробормотал он. — Квиддич — это что еще за чепуха?

Гарри опять почувствовал раздражение.

— Вид спорта, — отозвался он нехотя. — Играют

на метлах…

— Ладно, ладно! — торопливо прервал его дядя Вернон.

Гарри не без удовлетворения заметил, что дяде стало не по себе, — он не мог вынести слово «метла» в стенах собственной гостиной и вновь поспешил укрыться за чтением письма. По его губам Гарри разобрал слова: «Пришлите ответ обычным способом». Дядя сдвинул брови:

— Что это она имеет в виду — «обычным способом»? — фыркнул он.

— Привычным для нас, — пояснил Гарри и, прежде чем дядя успел остановить его, добавил: — Вы же знаете, совиная почта. Это обычное дело для волшебников.

Дядя Вернон вскипел, как будто Гарри произнес непристойное ругательство. Затрясшись от злости, он нервно оглянулся на окна, словно ожидая увидеть кого-то из соседей, прижавших уши к стеклу.

— Сколько раз тебе повторять, чтобы ты не упоминал всей этой пакости под моей крышей? — прошипел он, и его лицо приобрело густо-фиолетовый оттенок. — Здесь даже одежда на тебе та, что мы с Петуньей надели на твою неблагодарную спину!

— Только после того, как Дадли ее износил, — холодно отозвался Гарри. И в самом деле, на нем был свитер размеров на пять больше чем надо, так что рукава приходилось закатывать едва ли не наполовину, а свисал он ниже пузырей на коленях его потрепанных джинсов, которые тоже висели мешком.

— Не смей так разговаривать со мной! — яростно взревел дядя Вернон.

Но Гарри не собирался молчать. Миновали те дни, когда ему приходилось безропотно исполнять каждый пункт идиотских дурслевских правил. Он обошелся без диеты Дадли и не позволит дяде Вернону помешать ему поехать на Чемпионат мира по квиддичу, как бы тому ни хотелось.

Гарри сделал глубокий успокаивающий вдох и сказал:

— Ладно, хорошо, я не увижу Кубка мира. Теперь я могу идти? У меня там не закончено письмо к Сириусу. Вы знаете — мой крестный отец…

Он сделал это. Он произнес волшебные слова. Краснота пятнами схлынула с лица дяди Вернона, и оно стало похожим на плохо перемешанное черносмородиновое мороженое.

— Ты… пишешь ему, да? — В голосе дяди Вер-

нона прозвучала претензия на спокойствие, но Гарри видел, как зрачки его маленьких глаз сузились от страха.

— Пишу, — ответил Гарри небрежно. — Я уже давно ему не писал, и вы понимаете, боюсь, он может подумать что-нибудь не то…

И остановился, наслаждаясь действием этих слов. Он почти видел, как закрутились колесики под густыми, темными, разделенными идеальным пробором волосами дядюшки. Если помешать Гарри написать Сириусу, тот может подумать, что с Гарри тут плохо обращаются. А если запретить ехать на Кубок мира, Гарри напишет Сириусу, и маньяк-убийца будет знать, что с его крестником плохо обращаются. Выбора не остается. Гарри наблюдал, как у дяди в мозгу созревает решение, словно здоровенная усатая физиономия была прозрачной. Мальчику стоило больших усилий сдержать улыбку и сохранить безразличный вид. И вот наконец…

— Ну ладно. Можешь ехать на этот чертов… эту глупость… короче, Кубок мира. Напиши этим… этим Уизли… пусть имеют в виду… они должны сами забрать тебя. У меня нет времени таскаться с тобой через всю страну. Можешь остаться у них до конца лета. И еще, скажи своему… своему

крестному отцу… напиши ему… что едешь.

— Ну разумеется, — просиял Гарри.

Он повернулся и пошел к дверям гостиной, борясь с желанием вопить и прыгать от радости. Он поедет! Он поедет к Уизли, он поедет на Чемпионат мира по квиддичу!

В холле он едва не налетел на Дадли, притаившегося за дверью с явной надеждой подслушать, как влетит Гарри. Широкая улыбка на лице Гарри совершенно сразила его.

— Замечательный завтрак, верно? — спросил Гарри. — Я просто объелся, а ты?

Смеясь над изумлением братца, Гарри помчался к себе в комнату перемахивая через три ступеньки сразу.

Там его поджидала Букля. Она сидела в клетке, уставившись на него громадными янтарными глазами, и щелкала клювом, показывая, что чем-то недовольна. Тотчас же обнаружилась и причина ее недовольства.

— Ой! — воскликнул Гарри.

Нечто наподобие серого, покрытого перьями теннисного мяча ударило его по голове. Гарри потер висок, озираясь — что такое? — и увидел крохотную сову, настолько маленькую, что она могла бы уместиться в его ладони. Она возбуж-

денно носилась по комнате, словно шальная Шутиха. Тут только он обратил внимание, что к его ногам упало письмо. Наклонившись, Гарри узнал почерк Рона. Внутри была наспех нацарапанная записка.

Гарри! Папа достал, билеты! Ирландия против Болгарии, в понедельник вечером! Мама пишет маглам, чтобы те разрешили тебе остаться. Они уже могли получить письмо — не знаю, насколько магловская почта быстрая. Все равно решил написать тебе. Отправляю это письмо с Сычом.

Гарри задержался на слове «сыч», затем поднял глаза на малютку-сову, кружившую вокруг абажура под потолком. Меньше всего на свете она походила на сыча. Может, что-то не разобрал? Гарри вернулся к письму.

Мы приедем за тобой, нравится это маглам или нет; ты не можешь пропустить Кубок мира. Но мама и папа считают, что сначала для вида надо все-таки спросить их разрешения. Если они согласятся, срочно присылай Сыча с ответом — мы

приедем и заберем тебя в воскресенье, в пять часов. Если они скажут «нет», опять-таки быстро присылай Сыча, и мы все равно увезем тебя в пять часов в воскресенье.

Гермиона приезжает сегодня днем. Перси приступил к работе в Департаменте международного магического сотрудничества. Пока будешь у нас, не упоминай даже слова «заграница», если не хочешь, чтобы он заговорил тебя до смерти.

До скорой встречи, Рон

— Уймись! — крикнул Гарри, когда маленькая сова пронеслась прямо над его головой, что-то отчаянно вереща — видимо, очень гордясь, что доставила письмо по назначению. — Давай сюда, понесешь мой ответ обратно!

Сова спорхнула на верхушку клетки Букли, та холодно покосилась на гостью — вот только попробуй подойди ближе!

Гарри взял свое орлиное перо, чистый кусок пергамента и написал:

Рон, все в порядке. Маглы сказали, что я могу ехать. Встретимся завтра в пять. Не могу дождаться.

Гарри

Он сложил это послание в несколько раз и с большим трудом примотал к левой лапке крошки-совы, пока та взволнованно скакала на правой. Едва письмо было закреплено, сова вновь отправилась в путь — через окно свечой взмыла в небо и пропала из виду.

Гарри повернулся к Букле.

— Ты готова к долгому путешествию? — спросил он. Букля с достоинством ухнула.

— Сможешь отнести это Сириусу? — Он взял письмо. — Подожди, я только допишу.

Он вновь развернул пергамент и торопливо приписал:

Остаток лета я пробуду у моего друга Рона Уизли. Пиши мне туда. Его папа достал билеты на Чемпионат мира по квиддичу!

Закончив письмо, он привязал его к лапе Букли — та держалась необычайно спокойно, словно

желая продемонстрировать, как должна себя вести настоящая, серьезная почтовая сова.

— Я буду у Рона, когда ты вернешься, ясно? — сказал ей Гарри.

Она нежно ущипнула его за палец, со свистящим шорохом развернула огромные крылья и вылетела в открытое окно.

Гарри провожал ее взглядом, покуда она не исчезла из глаз, потом нырнул под кровать, вынул заветную доску и достал из тайника изрядный кусок торта. Он сидел на полу и ел, наслаждаясь нахлынувшим на него счастьем. У него торт, а у Дадли ничего, кроме грейпфрута; на дворе — солнечный летний день, завтра он расстанется с Тисовой улицей, шрам больше не болит, и впереди — Чемпионат мира по квиддичу. Можно пока ни о чем не волноваться — даже о Лорде Волан-де-Морте.

Глава 4

ВОЗВРАЩЕНИЕ В «НОРУ»

К двенадцати часам следующего дня все школьные принадлежности Гарри уже были уложены в чемодан, в том числе и наиболее ценное имущество — мантия-невидимка, которую он унаследовал от отца, метла «Молния» — подарок Сириуса, и волшебная Карта Хогвартса, которую в прошлом году ему вручили Фред и Джордж Уизли. Гарри освободил от запасов еды тайник под кроватью, дважды перепроверил каждую щелку и закуток в спальне — вдруг оставил где-то перо или учебник, и снял со стены календарь до первого сентября, на котором старательно зачеркивал дни, оставшиеся до возвращения в Хогвартс.

Тем временем атмосфера в доме номер четыре по Тисовой улице накалилась до предела. Неминуемый визит в их жилище целой компании волшебников поверг Дурслей в крайнюю нервозность. Узнав, что Уизли прибудут завтра к пяти часам, дядя Вернон не на шутку встревожился.

— Надеюсь, ты им сказал, этим людям, чтобы они оделись подобающим образом, — проворчал

он. — Видел я, в какой хлам вы там рядитесь. Нет чтобы носить нормальную одежду, как подобает порядочным людям.

Гарри ощутил что-то вроде дурного предчувствия. Мистер и миссис Уизли редко бывали одеты «прилично», но меркам Дурслей. Их дети могли еще нарядиться на каникулах по магловской моде, но родители обычно ходили в длинных мантиях разной степени изношенности. Гарри мало волновало, что подумают соседи, но его беспокоило, как бы его родственники не нагрубили Уизли, если те и впрямь будут выглядеть согласно худшим представлениям Дурслей о волшебниках.

Дядя Вернон надел свой лучший костюм. Дело тут было отнюдь не в гостеприимстве — он стремился приобрести вид величественный и устрашающий. Дадли, напротив, как-то весь сжался. И совсем не оттого, что диета наконец возымела эффект, а потому, что он просто струхнул. Последняя встреча со взрослым волшебником подарила ему закрученный поросячий хвостик, высунувшийся наружу прямо сквозь брюки. Чтобы от него избавиться, дяде Вернону и тете Петунье пришлось заплатить немалые деньги в частной лондонской клинике. Поэтому никто не удивлял-

ся, что он то и дело нервно ощупывал себя сзади и боком передвигался по комнатам, чтобы еще раз не подставить врагу ту же мишень.

Ланч прошел почти в полном молчании. Даже Дадли не высказывал недовольства едой (домашний творог с тертым сельдереем). Тетя Петунья вообще ничего не ела. Скрестив руки на груди и поджав губы, она словно закусила и даже отчасти пожевывала язык, как будто удерживая гневные речи, готовые обрушиться на Гарри.

— Они, разумеется, приедут на автомобиле? — зарычал через стол дядя Вернон.

— Э-э-э-э… — протянул Гарри.

Об этом, честно говоря, он не подумал. Как именно Уизли собираются забирать его отсюда? Машины у них больше нет — старенький форд марки «Англия», который у них когда-то был, ныне одичал и затерялся в дебрях Запретного леса. Правда, в прошлом году мистер Уизли брал служебную машину из Министерства магии. Может, он так сделает и сегодня?

— Думаю, что да, — ответил Гарри.

Дядя Вернон фыркнул в усы. Будь это обычный случай, он бы непременно спросил, что за автомобиль у мистера Уизли; он обожал посудачить, насколько велики и роскошны машины соседей.

Но Гарри сомневался, что дядя Вернон полюбил бы мистера Уизли, даже если тот бы ездил на «феррари».

Большую часть дня Гарри провел у себя в комнате — не было сил смотреть, как тетя Петунья каждую минуту выглядывает на улицу из-за тюлевых штор, словно по телевизору объявили о сбежавшем стаде бешеных носорогов. В конце концов, без четверти пять Гарри спустился в гостиную.

Тетя Петунья в некоем помрачении безостановочно выравнивала пузатый строй диванных подушек. Дядя Вернон делал вид, будто читает газету, но его маленькие глазки оцепенело смотрели в одну точку, и Гарри был уверен, что он изо всех сил прислушивается — не подъезжает ли к дому автомобиль. Дадли забился в кресло, подсунув под себя ладони и крепко сжимая собственный зад. Не желая участвовать в этом психозе, Гарри вышел и присел на ступеньку лестницы в прихожей. Он не сводил глаз с часов, а сердце колотилось от волнения.

Вот и пять, вот уже и шестой час. Дядя Вернон, слегка вспотевший в своем костюме, открыл парадную дверь, высунул голову, обежал взглядом улицу и поспешно вернулся.

— Опаздывают! — буркнул он Гарри.

— Вижу, — ответил тот. — Возможно… м-м-м-м… пробки или еще что-нибудь…

Десять минут шестого… Пятнадцать… Гарри уже и сам всерьез забеспокоился. В половине шестого из гостиной донесся торопливый шепот дяди Вернона и тети Петуньи:

— Никакого уважения.

— Мы могли быть приглашены в гости.

— Может, думают, их пригласят на ужин, если они приедут позже?

— Ну, уж этому не бывать, — произнес дядя Вернон, и Гарри услышал, как он встал и принялся прохаживаться по гостиной. — Заберут мальчишку и скатертью дорога, больше им тут нечего делать. Если они вообще приедут. Может, день перепутали. Подобные типы, сдается мне, пунктуальностью не отличаются. Или поехали на какой-нибудь дрянной машинке, которая на полдороге и сло-ма-а-а-а-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Гарри подпрыгнул. Судя по звукам в гостиной, все трое Дурслей повскакали с мест и в панике куда-то бросились. В следующее мгновение насмерть перепуганный Дадли вылетел в холл.

— Что случилось? — удивился Гарри. — В чем там дело? Но Дадли как язык проглотил. По-преж-

нему держась за ягодицы, он со всей возможной для его туши скоростью устремился на кухню. Гарри поспешил в гостиную.

Из камина — тот давно был заколочен досками, и его роль на том же месте исполнял электрокамин с фальшивыми углями — доносился громкий стук и какая-то возня.

— Что это? — задыхаясь, спрашивала тетя Петунья, вжавшись в стену и с ужасом глядя на камин. — Что это, Вернон?

Их сомнения разрешились буквально через секунду — из-за досок стали слышны голоса:

— Ох! Фред, нет, давай назад, назад… Тут какая-то ошибка… Скажи Джорджу, чтобы он не… ОЙ! Джордж, нет, здесь нет никакой комнаты, быстро назад и скажи Рону…

— Пап, может, Гарри услышит и сумеет нас выпустить…

По доскам позади электрического огня забарабанили кулаки.

— Гарри! Гарри, ты нас слышишь?

Дурсли обернулись к Гарри, словно пара разъяренных росомах.

— Что это? — взревел дядя Вернон. — Что происходит?

— Они… ну, они попытались добраться сюда

с помощью летучего пороха, — стал объяснять Гарри, борясь с безумным желанием расхохотаться. — Они могут путешествовать через камины, но вы же забили его… Сейчас, подождите…

Он подошел к камину и позвал:

— Мистер Уизли! Вы меня слышите?

Удары прекратились, и за досками кто-то произнес: «Ш-ш-ш!»

— Мистер Уизли, это Гарри… Здесь не пройти, камин заколочен!

— Проклятье! — послышался голос мистера Уизли. — С какой стати им взбрело в голову забить камин?

— А у них теперь электрический, — объяснил Гарри.

— В самом деле? — восхитился мистер Уизли. — Электрический, ты говоришь? Со штепселем? Бог ты мой, я должен это увидеть… Дай-ка подумаю… Ох, Рон!

Теперь и голос Рона присоединился ко всем остальным.

— Что это мы здесь делаем? что-то пошло не так?

— Ну что ты, Рон, — саркастически отозвался голос Фреда, — мы ведь мечтали окончить жизнь именно в таком месте…

— Конечно, и вот теперь нам представился такой уникальный случай, — присоединился к нему Джордж — Его голос звучал глухо, словно парня прижало к стене.

— Мальчики, мальчики, — рассеянно произнес мистер Уизли. — Я пытаюсь придумать, что делать… да… это единственный способ… Гарри, отойди подальше…

Гарри отступил к дивану. Дядя Вернон, невзирая на это, двинулся вперед.

— Подождите минутку! — гаркнул он в камин. — Что это вы собираетесь де…

БАБАХ!

Доски разнесло взрывом. Электрокамин, молодецки взмахнув шнуром, со свистом пролетел через всю комнату, и в туче щебня и щепок на свет явились мистер Уизли, Фред, Джордж и Рон. Тетя Петунья, испустив пронзительный вопль, опрокинулась на кофейный столик; дядя Вернон подхватил ее, прежде чем она грохнулась на пол, и, онемев, выпучился на компанию Уизли — все огненно-рыжие, включая Фреда с Джорджем, неотличимо схожих до последней веснушки.

— Ну вот, так-то лучше, — вздохнул мистер Уизли, отряхивая пыль со своей длинной зеленой мантии и поправляя очки. — Ага, вы, должно

быть, дядя и тетя Гарри!

Высокий, худой, с залысинами, он шагнул навстречу дяде Вернону, протягивая руку, но тот лишь попятился, волоча за собой тетю Петунью. Дар речи покинул его совершенно. Лучший костюм был в белой пыли, и та же пыль побелила его волосы и усы — можно было подумать, что он внезапно постарел лет на тридцать.

— М-м-м… да… прошу прощения за все это. — Мистер Уизли опустил руку и оглянулся на развороченный камин. — Это моя вина, мне попросту в голову не приходило, что могут возникнуть затруднения с выходом на противоположном конце… Я подключил ваш камин к сети летучего пороха — ну, понимаете, всего на один день, чтобы забрать Гарри. Строго говоря, магловские камины не допускаются к подключению, но у меня есть знакомый на пульте управления, он мне выделил канал… Я все здесь мгновенно поправлю, не беспокойтесь — только зажгу огонь, чтобы отправить мальчиков, и затем восстановлю ваш камин, а сам трансгрессирую…

Гарри был готов поклясться, что Дурсли не поняли ни единого слова. Они по-прежнему, точно громом пораженные, дико смотрели на мистера Уизли. Тетя Петунья кое-как выпрямилась и

спряталась за спину дяди Вернона.

— Привет, Гарри! — радостно воскликнул мистер Уизли. — Ты собрал чемодан?

— Он наверху, — улыбнулся Гарри.

— Мы принесем, — сейчас же вызвался Фред. Подмигнув Гарри, они с Джорджем вышли из комнаты. Близнецы знали, где находится спальня Гарри, — как-то раз глубокой ночью им пришлось вызволять его оттуда; он догадывался, что Фред и Джордж хотят взглянуть на Дадли — они много о нем слышали от Гарри.

— Ну… — сказал мистер Уизли, смущенно потирая руки и подыскивая слова, чтобы разрядить неловкое молчание. — Очень… м-м-м… мило у вас тут.

Поскольку безупречно доселе чистая, без единой пылинки гостиная была теперь покрыта хлопьями сажи и засыпана обломками кирпича, Дурсли восприняли это заявление без должного энтузиазма. Лицо дяди Вернона вновь налилось кровью, а тетя Петунья опять принялась жевать язык. Они были чересчур напуганы, чтобы сказать что-нибудь связное.

Мистер Уизли огляделся. Он любил все, сделанное руками маглов. Ему нестерпимо хотелось подойти и поближе рассмотреть телевизор с

видеомагнитофоном.

— Они работают на эклектричестве, верно? — продемонстрировал он свою осведомленность. — А, вот и штепсели. Я коллекционирую штепсели и батарейки, — обратился он к дяде Вернону. — У меня очень большая коллекция батареек. Моя жена думает, что я на них свихнулся, но тут уж ничего не поделаешь.

Дядя Верной, несомненно, тоже считал, что мистер Уизли спятил. Он начал потихоньку отступать к выходу, загораживая собой тетю Петунью, словно опасался, что мистер Уизли может вдруг наброситься на них.

Но тут в гостиную неожиданно вернулся Дадли. Гарри услышал стук своего чемодана по ступеням и сообразил, что эти звуки и выгнали Дадли из кухни. Он бочком пробрался вдоль стенки, не сводя с мистера Уизли расширенных от ужаса глаз, и попытался спрятаться за спинами родителей. На его несчастье, размеров дяди Вернона, достаточных, чтобы заслонить сухопарую тетю Петунью, и близко не хватало для прикрытия Дадли.

— А, это твой кузен, так понимаю, Гарри? — Мистер Уизли предпринял еще одну мужественную попытку завязать беседу.

— Да, — подтвердил Гарри. — Это Дадли.

Гарри с Роном переглянулись и тут же поспешно отвели взгляды — желание расхохотаться становилось неодолимым. Дадли по-прежнему держался за свой зад, словно боялся, что тот отвалится. Мистер Уизли искренне заинтересовался столь необычным поведением. Судя по его тону, мистер Уизли принимал Дадли за безнадежного психа, точно так же и Дурсли полагали сумасшедшим его самого, хотя мистер Уизли всем своим видом внушал скорее симпатию, нежели страх.

— Хорошо провел каникулы, Дадли? — поинтересовался он участливо.

В ответ Дадли заскулил. Его руки еще теснее сомкнулись на массивном заду.

Фред и Джордж с чемоданом возвратились в гостиную. Войдя, они огляделись и обнаружили Дадли. Их лица расплылись в одинаковых коварных улыбках.

— Ага, хорошо, — сказал мистер Уизли. — Ну, нам пора…

Он засучил рукава мантии и достал волшебную палочку. Дурсли при этом как один прижались к стене.

— *Инсендио!* — приказал мистер Уизли, направив палочку на провал в стене за собой.

В камине сейчас же вспыхнул огонь, затрещав

так весело, будто он горел там уже часа два.

Мистер Уизли вынул из кармана маленький, затянутый шнурком мешочек, развязал, взял щепотку порошка и бросил в пламя — оно с гулом взвилось вверх, став при этом изумрудно-зеленым.

— Ты идешь первый, Фред, — распорядился мистер Уизли.

— Иду, — согласился Фред. — Нет, постойте…

Из его кармана выпал пакетик со сладостями, и по всему полу разлетелись большие конфеты в пестрых обертках.

Фред их бросился подбирать, рассовывая по карманам, потом, бодро помахав Дурслям рукой, подошел к камину и шагнул прямо в огонь, крикнув: «Нора!» Тетя Петунья судорожно охнула. Раздался свистящий звук, и Фред исчез.

— Теперь ты, Джордж, — сказал мистер Уизли. — И возьми чемодан.

Гарри помог Джорджу занести чемодан в пламя, поставив его стоймя. И вот, скомандовав: «Нора!», под тот же свист Джордж пропал.

— Рон, ты следующий.

— Увидимся! — весело кивнул Рон Дурслям. Он улыбнулся Гарри, вошел в огонь и последовал за братьями.

Остались Гарри и мистер Уизли.

— Ну… до свидания, — простился Гарри с Дурслями. Те в ответ не вымолвили ни слова. Гарри направился к камину и уже было ступил на край очага, но мистер Уизли протянул руку и вернул его обратно. Волшебник в изумлении смотрел на Дурслей.

— Гарри сказал вам «до свидания». Вы разве не слышали?

— Да неважно, — шепнул ему Гарри. — Правда, мне все равно.

Но мистер Уизли не убирал руки с его плеча.

— Вы не увидите племянника до следующего лета, — произнес он с мягким укором. — Право, стоит попрощаться.

На лице дяди Вернона вновь проступило бешенство. Для него было откровенной мукой выслушивать поучения о хороших манерах от человека, который только что снес полстены у него в гостиной.

Но взгляд его маленьких глазок быстро скользнул по волшебной палочке, которую мистер Уизли по-прежнему держал в руке, и дядя Вернон возмущенно проклокотал: «До свидания».

— До встречи, — ответил Гарри, уже занося ногу над зеленым пламенем, от которого веяло

приятным теплом, но в этот момент позади раздалось сдавленное мычание и грянул вопль тети Петуньи.

Гарри обернулся. Дадли больше не стоял за спинами родителей. Повалившись на колени возле кофейного столика, он брызгал слюной и давился какой-то склизкой лиловой штукой примерно в фут длиной, вылезавшей изо рта. После секундной растерянности до Гарри дошло, что лиловая диковина — это язык Дадли, и что перед ним на полу лежит пестрый конфетный фантик.

Бухнувшись наземь рядом с Дадли, тетя Петунья ухватилась за конец неимоверно разросшегося языка и попыталась выдернуть его изо рта — ничего удивительного, что Дадли взвыл и заплевался еще сильнее, стараясь отпихнуть ее прочь. Дядя Вернон орал и размахивал руками. Мистеру Уизли пришлось перекрикивать его, чтобы тот смог услышать:

— Не волнуйтесь! Я это сейчас поправлю!

Он кинулся к Дадли с поднятой волшебной палочкой, но тетя Петунья, заголосив еще пронзительней, бросилась на Дадли сверху, защищая его от мистера Уизли.

— Но послушайте же, вы! — отчаянно убеждал их мистер Уизли. — Это очень простой фокус…

Виновата конфета… Мой сын Фред — он завзятый шутник… Это всего лишь заклятие Обжорства… По крайней мере, похоже на то… Пожалуйста, успокойтесь, сейчас все будет в порядке…

Но вместо того чтобы успокоиться, Дурсли перепугались еще больше. Тетя Петунья, истерически рыдая, все дергала Дадли за язык, словно решила оторвать его вовсе. Дадли задыхался под двойным натиском языка и родной матери, а дядя Вернон, окончательно утратив самообладание, схватил с серванта фарфоровую статуэтку и что есть силы запустил ею в мистера Уизли — тот увернулся, и фигурка вдребезги разлетелась среди развалин камина.

— Ну что вы, в самом деле! — сердито воскликнул мистер Уизли, грозя ему волшебной палочкой. — Я же хочу вам помочь!

Взревев, как раненый гиппопотам, дядя Вернон взялся за следующую статуэтку.

— Гарри, ступай! Сейчас же! — приказал мистер Уизли, направив волшебную палочку на дядю Вернона. — Я тут разберусь!

Гарри было жаль пропускать такое веселье, но вторая фигурка, пущенная дядей Верноном, едва не зацепила его левое ухо, и он счел, что разумнее будет предоставить мистеру Уизли разрешать

ситуацию. Оглядываясь через плечо, он вошел в огонь и произнес: «Нора!». Последнее, что он успел увидеть, был мистер Уизли, взорвавший волшебной палочкой третью фигурку в руке дяди Вернона; завывающая и навалившаяся на Дадли тетя Петунья и язык Дадли, разлегшийся подобно гигантскому скользкому питону. В следующую секунду Гарри со страшной скоростью закружило, и гостиная Дурслей сгинула в потоке зеленых огней.

Глава 5

«УЖАСТИКИ УМНИКОВ УИЗЛИ»

Гарри кружило все быстрее и быстрее, руки прижало к бокам, неясные очертания каминов вспыхивали, проносясь мимо — его стало мутить, и он зажмурился. Почувствовав, что движение наконец замедляется, Гарри выбросил вперед руки и остановился как раз вовремя, чтобы не выпасть ничком из очага в кухне Уизли.

— Съел он ее? — возбужденно спросил Фред, протягивая Гарри руку и помогая встать на ноги.

— Да, — ответил Гарри, отряхнувшись. — А что это было?

— Ириски «Гиперязычки», — сияя, объяснил Фред. — Мы с Джорджем изобрели, все лето искали, на ком бы попробовать…

Крохотная кухня задрожала от смеха. За выскобленным деревянным столом рядом с Роном и Джорджем сидели еще двое рыжих — Гарри их никогда прежде не видел, но сразу сообразил: конечно, это Билл и Чарли, старшие братья Рона.

— Как дела, Гарри? — спросил тот, что сидел ближе, улыбаясь и протягивая широкую ладонь.

Пожимая ее, Гарри ощутил под пальцами мозоли и волдыри — значит, это Чарли, работавший с драконами в Румынии. Сложением Чарли напоминал близнецов — коренастый и пониже, чем Перси и Рон, — те были худые и долговязые. Широкое добродушное лицо, обветренное и такое веснушчатое, что казалось загорелым; руки мускулистые, и на одной — большой свежий след ожога.

Билл тоже поднялся и, улыбаясь, пожал Гарри руку. Вот кто явился для Гарри полной неожиданностью. Гарри знал, что Билл работает в волшебном банке «Гринготтс», что он был старостой школы «Хогвартс», и Гарри представлял его подобным Перси — блюститель правил и любитель командовать. Однако Билл был по виду крутой — другого слова не подберешь, — высокий, длинные волосы собраны сзади в «конский хвост», в ухе — серьга, что-то вроде клыка на цепочке, одежда такая, что больше к месту на рок-концерте, и, кроме того, ботинки сделаны не из обычной кожи, а из драконьей.

Не успел завязаться разговор, что-то негромко щелкнуло за плечом Джорджа, и в кухне наконец появился мистер Уизли. Таким сердитым Гарри еще никогда его не видел.

— Это было совсем не смешно, Фред! — загремел он. — Что такое, скажи на милость, ты дал этому бедному мальчику-маглу?

— Ничего я ему не давал, — отвечал Фред с хитрой улыбкой. — Она просто упала, и все… Это его вина, что он поднял ее и съел…

— Ты нарочно их в гостиной уронил! — бушевал мистер Уизли. — Ты знал, что он ее съест, знал, что он на диете…

— А до каких размеров вырос язык? — не терпелось узнать Фреду.

— Он был четыре фута длиной, когда родители согласились наконец принять мою помощь.

Гарри и братья Уизли разразились хохотом.

— Ничего смешного! — прикрикнул на них мистер Уизли. — Ваш поступок подрывает отношения между волшебниками и маглами! Я полжизни посвятил борьбе против дискриминации маглов, а мои собственные сыновья…

— Мы подкинули эту штуку вовсе не потому, что он магл! — возмутился Фред.

— А потому, что он мерзкий тип и большой охотник поиздеваться над слабыми, — добавил Джордж. — Он ведь такой, да, Гарри?

— Да, мистер Уизли, — без тени улыбки подтвердил Гарри.

— Это не довод! — не утихал мистер Уизли. — Дождетесь, я все расскажу вашей маме…

— Что мне расскажешь? — прозвучал позади него голос.

В кухню как раз вошла миссис Уизли. Это была невысокая, полная женщина с приветливым лицом, хотя в этот миг прищуренный взгляд ничего доброго не предвещал.

— Здравствуй, Гарри, милый! — заметила она гостя, улыбнулась и опять повернулась к мужу. — Так что ты мне расскажешь, Артур?

— М-м, — запнулся мистер Уизли.

Как бы он ни сердился на Фреда с Джорджем, поведать миссис Уизли о происшедшем в его планы не входило. Воцарилось предгрозовое молчание, мистер Уизли смущенно таращился на жену. Сразу за миссис Уизли в кухню вошли две девушки: Гермиона Грэйнджер, подрута Рона и Гарри, и маленькая рыжеволосая младшая сестра Рона, Джинни. Обе радостно улыбнулись Гарри, тот улыбнулся в ответ, и Джинни немедленно стала пунцовой — она была неравнодушна к Гарри с первой минуты его появления в «Норе» три года назад.

— Так что ты хочешь рассказать мне, Артур? — повторила миссис Уизли, переходя на более

зловещий тон.

— Да так, знаешь… ничего особенного, Молли, — зачастил мистер Уизли. — Просто Фред и Джордж… Но я уже сам им выговорил…

— Что они натворили в этот раз? — грозно поинтересовалась миссис Уизли. — Это что, опять их «Ужастики умников Уизли»?

— Рон, может, ты покажешь Гарри, где он будет спать? — вмешалась Гермиона, стоя в дверях.

— Он знает где, — отозвался Рон. — В моей комнате. Он там спал в прошлый…

— Мы могли бы все вместе пойти посмотреть, — с нажимом произнесла Гермиона.

— А-а, — наконец сообразил Рон. — Ладно, идем…

— И мы пойдем! — обрадовался Фред.

— Вы останетесь здесь! — рявкнул мистер Уизли. Гарри и Рон вышли из кухни и следом за Джинни и Гермионой дошли по узкому коридору до шаткой лестницы, зигзагом уходящей на третий этаж. И двинулись друг за дружкой вверх.

— Что это за «Ужастики умников Уизли»? — спросил Гарри.

Рон и Джинни дружно расхохотались, Гермиона, однако, не спешила присоединиться к ним.

— Мама у них в комнате обнаружила кучу блан-

ков-заказов, когда там убирала, — вполголоса заговорил Рон. — И длиннющие списки ценников — шуточные фокусы, волшебные палочки-надувалочки, конфеты с подвохом, всякие другие штуки. Потрясно! А я и не подозревал, что они такие изобретатели.

— У них в комнате вечно что-нибудь взрывается, но никому и в голову не приходило, что они действительно что-то придумывают, — добавила Джинни. — Мы считали, они просто балуются…

— Но только все их штуковины, ну… немного опасны, — продолжал Рон. — И, представь себе, они решили продавать их в Хогвартсе. Хотели заработать немного денег. Мама была вне себя! Сказала, что запрещает им делать эти гадости, сожгла все заказы… В общем, страшно на них разозлилась. Да еще СОВ они, по ее мнению, плохо сдали… СОВ — это Супер Отменное Волшебство, экзамен, который сдают в Хогвартсе по достижении пятнадцати лет.

— Был грандиозный скандал, — вставила Джинни. — Мама мечтает, чтобы они пошли на службу в Министерство магии, как папа, а Фред с Джорджем заявили, что хотят только одного: открыть магазин волшебных фокусов и трюков.

На второй площадке отворилась дверь, из нее

выглянуло сердитое лицо в роговых очках.

— Привет, Перси, — сказал Гарри.

— Здравствуй, — кивнул ему Перси. — А я все думаю, отчего такой шум. Я здесь работаю, понимаете? Должен закончить в срок служебную записку. Да разве сосредоточишься, когда все утро топочут вверх и вниз по лестнице.

— Мы не топочем! — возмутился Рон. — Мы ходим. Извини, если помешали сверхсекретным разработкам Министерства магии.

— А над чем ты работаешь? — поинтересовался Гарри.

— Доклад для Департамента международного магического сотрудничества, — с важностью проговорил Перси. — Мы хотим стандартизировать толщину котлов. У некоторых — импортного производства — тонковаты стенки, количество протечек за год выросло почти на три процента.

— Твой доклад перевернет мир, — серьезно сказал Рон. — На первой странице «Ежедневного Пророка» — мировая сенсация, борьба с протечками в котлах.

Перси слегка покраснел.

— Можешь насмехаться сколько угодно, Рон, — горячо заговорил он, — но если мы не введем международные стандарты, рынок будет зава-

лен некачественной тонкостенной продукцией, представляющей серьезную угрозу…

— Да, да, согласен. — Рон поспешил остановить словоизвержение брата, и компания снова двинулась вверх.

Перси со стуком захлопнул дверь. Всю дорогу до четвертого этажа снизу, из кухни, эхом докатывались довольно громкие возгласы. Похоже, мистер Уизли рассказывал жене о злополучных конфетах.

Комната под самой крышей, где спал Рон, почти не изменилась с тех пор, как Гарри ночевал здесь в последний раз. «Пушки Педдл» — любимая команда Рона — носились на тех же плакатах, развешанных по стенам и потолку, а в аквариуме, где когда-то плавала лягушачья икра, теперь сидела одна здоровенная лягушка. Старой крысы Коросты больше не было, ее место заняла маленькая серая сова — та, что принесла письмо Рона на Тисовую улицу. Она прыгала вверх и вниз в маленькой клетке, отчаянно вереща.

— Замолчи, Сыч! — шикнул на нее Рон, пробираясь между двумя из четырех кроватей, втиснутых в комнату. — С нами будут ночевать Фред и Джордж — их спальню отдали Биллу и Чарли. Перси в свои покои никого не пускает

— он, видите ли, должен работать.

— Э-э-э-э… Почему ты называешь свою сову Сычом? — спросил Гарри. — Скорее, она похожа на воробья.

— Глупо получилось, — ответила за брата Джинни. — Это на самом деле сычик, только карликовый.

— А я для краткости называл его просто Сыч. И теперь он ни на какие другие имена не отзывается. Возомнил себя крупной птицей. Держу его у себя в комнате. Он раздражает Стрелку с Гермесом. Да и мне докучает.

Сычик, вполне довольный жизнью, выписывал пируэты по клетке, пронзительно ухая. Гарри хорошо знал Рона и не принял его слова всерьез. Он помнил: Рон вечно жаловался на старую крысу Коросту, но был совершенно убит, когда подумал, что Живоглот, кот Гермионы, ее съел.

Вспомнив о коте, Гарри повернулся к Гермионе:

— А где Живоглот?

— Наверное, в саду, — сказала она. — Гоняется за гномами, он их раньше никогда не видел.

— Перси, по-моему, доволен работой. — Гарри сел на одну из кроватей, наблюдая, как «Пушки Педдл» влетают и вылетают из плакатов на

потолке.

— Доволен? — негодующе фыркнул Рон. — Он бы ночевал на работе, да папа вечером за ним заходит. А на своем начальнике просто помешался. «По словам мистера Крауча…», «Как я сказал мистеру Краучу..», «Мистер Крауч считает…», «Мистер Крауч говорит…». Глядишь, не сегодня завтра объявят о помолвке.

— Как прошло лето, Гарри? Хорошо? — спросила Гермиона. — Получил наши посылки с едой?

— Да, спасибо огромное, — кивнул Гарри. — Ваши торты спасли мне жизнь.

— А есть известия от… — начал было Рон, но осекся, поймав предостерегающий взгляд Гермионы.

Рон хотел спросить о Сириусе, понял Гарри. Рон с Гермионой с риском для жизни спасали его от Министерства магии и волновались о нем не меньше Гарри. Но в присутствии Джинни не стоит говорить о крестном. Ведь, кроме них троих и профессора Дамблдора, никто не верил в его невиновность и не знал, как ему удалось бежать.

— Они там, наверное, уже закончили выяснение отношений, — сказала Гермиона, сглаживая возникшую неловкость: Джинни, сгорая от любопытства, переводила взгляд с Рона на Гар-

ри. — Пойдемте вниз, поможем вашей маме накрыть на стол.

— Пойдем, — согласился Рон.

Все четверо вышли из комнаты и вновь спустились на кухню, где застали миссис Уизли одну и в самом скверном расположении духа.

— Ужинать будем в саду, — обратилась она к вошедшим. — У нас просто нет комнаты для одиннадцати человек. Девочки, не могли бы вы захватить тарелки? Билл и Чарли уже носят столы, а вилки и ножи возьмите вы двое, — велела она Рону с Гарри и, будучи не в духе, решительней, чем следовало, махнула волшебной палочкой, отчего картофелины, лежавшие в раковине, повылетали из кожуры с такой энергией, что забарабанили по стенам и потолку. — О господи! — воскликнула она, направив палочку на совок, который тут же выпрыгнул из угла и принялся шнырять по полу, собирая картошку. — Уж эта мне парочка! — гневно пробурчала она, доставая из буфета горшки и кастрюли. — Не знаю, что с ними будет. Честное слово, не знаю! Никаких устремлений, кроме создания всевозможных неприятностей.

Она грохнула на стол объемистую медную кастрюлю и стала помешивать в ней волшебной

палочкой, из которой потек сливочный соус.

— И ведь не потому, что у них мозгов нет, — раздраженно продолжала она, ставя кастрюлю на плиту и зажигая огонь следующим взмахом палочки. — Мозги-то у них есть, но они растрачивают их попусту. И если не возьмутся за ум, беды не миновать! Я получила из Хогвартса жалоб на их поведение больше, чем обо всех остальных, вместе взятых. Помяните мое слово, это кончится Комиссией по злоупотреблению магией.

Миссис Уизли ткнула волшебной палочкой в сторону ящика с ножами, и тот, звякнув, открылся. Гарри и Рон отпрянули в сторону — мимо них пронеслись ножи, пролетели через кухню и стали резать картошку, которую совок ссыпал обратно в раковину.

— Понятия не имею, где мы допустили ошибку, — пожала плечами миссис Уизли, отложила волшебную палочку и полезла за другими кастрюлями. — Одно и то же год за годом, одна выходка лучше другой. Ничего не желают слушать… О боже, ОПЯТЬ!

Палочка, которую она взяла со стола, вдруг с громким писком стала гигантской резиновой мышью.

— Опять эти дурацкие палочки! — закричала

миссис Уизли. — Сколько раз я им говорила: не разбрасывайте их где попало!

Миссис Уизли схватила настоящую волшебную палочку, обернулась и увидела, что от соуса на плите повалил дым.

— Пойдем поможем Биллу и Чарли, — позвал Рон Гарри, взяв побольше столовых приборов.

Покинув миссис Уизли, они через заднюю дверь вышли во двор.

Не успели сделать и двух шагов, как Живоглот — рыжий кривоногий кот Гермионы — выскочил из сада, задрав распушенный хвост трубой и преследуя существо, напоминавшее грязную картофелину на ножках, ростом едва ли четверть метра. Гарри мгновенно узнал в нем гнома. Дробно стуча ножками, гном промчался по двору и прыгнул головой вперед в сапог, валявшийся перед входной дверью. Живоглот запустил лапу в сапог, стараясь дотянуться до добычи. Гном залился смехом, будто его щекочут. А из сада послышался оглушительный треск. Там разыгрывалось целое представление. Билл с Чарли волшебными палочками гоняли высоко над лужайкой два старых обшарпанных стола. Столы налетали один на другой — каждый старался сбить стол соперника. Фред и Джордж выступали

в качестве болельщиков, Джинни смеялась, а Гермиона топталась возле живой изгороди, явно не зная, что делать, — веселиться или беспокоиться.

Стол Билла с грохотом врезался в стол Чарли и отломил ему ножку. На третьем этаже распахнулось окно, из него выглянула голова Перси.

— Может, хватит?! — заорал он.

— Извини, Перси, — улыбнулся Билл. — Как там поживают днища котлов?

— Плохо! — рявкнул Перси, и окно захлопнулось.

Давясь смехом, Билл и Чарли опустили столы на траву вплотную один к другому. Взмахнув волшебной палочкой, Билл вернул на место оторванную ножку и сотворил из воздуха скатерть.

В семь часов оба стола ломились под тяжестью кулинарных шедевров миссис Уизли, и все девять членов семьи, Гарри и Гермиона уселись есть под ясным, густо-синим небом. Для того, кто все лето питался неотвратимо черствеющими тортами, это был настоящий пир, и Гарри поначалу больше слушал, чем говорил, подкладывая себе куски пирога с ветчиной и курицей, вареную картошку и салат.

На дальнем конце стола Перси рассказывал

отцу про свой доклад о котловых днищах.

— Я обещал мистеру Краучу приготовить его ко вторнику, — горделиво вещал он. — Мистер Крауч не ожидал так быстро, но я люблю быть в первых рядах. Думаю, он будет мне признателен за то, что я уложился в столь короткий срок. Сейчас в отделе очень напряженная обстановка в связи со всеми приготовлениями к Чемпионату мира. Мы совершенно не получаем никакой помощи от Департамента магических игр и спорта. Людо Бэгмен…

— Мне нравится Людо, — мягко заметил мистер Уизли. — Это он достал нам такие прекрасные билеты на Чемпионат. Я оказал ему небольшую любезность. У его брата, Отто, были неприятности — он снабдил газонокосилку магическим устройством. Мне удалось замять эту историю.

— Бэгмен, конечно, обаятелен, — снисходительно согласился Перси, — но как он умудрился стать начальником департамента… его сравнить нельзя с мистером Краучем! У Бэгмена пропал сотрудник отдела, а он даже не пытался выяснить, что с ним стряслось. У мистера Крауча такого просто быть не может. Представляешь, Берты Джоркинс нет уже целый месяц! Уехала в отпуск в Албанию и не вернулась!

— Да, я спрашивал о ней Людо, — нахмурился мистер Уизли. — Он говорит, с Бертой и раньше такое случалось. Хотя, должен сказать, будь это сотрудник моего отдела, я бы забеспокоился…

— Берта безнадежна, — сказал Перси. — Я слышал, ее все время переводят из отдела в отдел. От нее больше хлопот, чем толку… Но все равно Бэгмену следовало бы начать поиски. Мистер Крауч проявил в этом вопросе личную заинтересованность — она одно время работала у нас в отделе, ты же знаешь. Мистер Крауч очень тепло к ней относился. Но Бэгмен только посмеивается, говорит, что она, скорее всего, напутала с картой и махнула в Австралию вместо Албании. Тем не менее, — Перси глубоко вздохнул и сделал изрядный глоток вина из бузины, — у нас в Департаменте международного магического сотрудничества хватает забот и без того. У нас просто нет времени разыскивать сотрудников других отделов. Ты же знаешь, нам поручена организация еще одного важного мероприятия сразу же после Чемпионата мира.

Перси многозначительно прокашлялся и бросил взгляд на тот конец стола, где сидели Гарри, Рон и Гермиона.

— Ты понимаешь, о чем я говорю, папа? — Он

слегка повысил голос. — Это пока совершенно секретное мероприятие.

Рон сделал страшные глаза и шепнул Гарри и Гермионе:

— Опять хочет, чтобы мы стали его расспрашивать. Напрашивается с первого дня, как начал работать. Наверняка международная ярмарка котлов с утолщенными днищами.

А в середине стола миссис Уизли спорила с Биллом о его серьге, которая оказалась недавним приобретением.

— … Ужасный клык, Билл! Что скажут в твоем банке?

— Ма, в банке никто дурного слова не скажет, как я одет, пока я приношу им деньги, — терпеливо разъяснял Билл.

— А волосы, дорогой? Это просто смешно, — продолжала миссис Уизли, нежно поглаживая волшебную палочку. — Позволь мне привести их в порядок…

— А мне нравится, — сказала Джинни, сидевшая рядом с Биллом. — У тебя, мамуля, такие старомодные вкусы. Во всяком случае, волосы у него совсем не такие длинные, как у профессора Дамблдора.

Чарли же с Фредом и Джорджем с жаром обсуж-

дали Чемпионат мира.

— Ирландцы точно возьмут Кубок, — невнятно, но убежденно говорил Чарли с полным ртом картошки. — Перу в полуфинале они разнесли в пух и прах.

— Но у болгар есть Виктор Крам, — заметил Джордж.

— Крам у них единственный приличный игрок, а у Ирландии — семеро, — возразил Чарли. — Ясное дело, я хотел, чтобы в финал вышла Англия. Но… что позор, то позор.

— А что случилось? — с нетерпением спросил Гарри, как никогда сожалея об оторванности от волшебного мира в дни вынужденного заточения на Тисовой улице. Гарри страстно увлекался квиддичем. Он был ловцом в команде Гриффиндора с первого года учебы в Хогвартсе и, кроме того, счастливым обладателем «Молнии» — одной из самых скоростных метел в мире.

— Продули мы Трансильвании, триста девяносто — десять, — вздохнул Чарли. — Кошмарное было зрелище! Уэльс обломался на Уганде, а Люксембург отделал Шотландию.

Мистер Уизли наколдовал свечей: сумерки сгущались, а впереди еще пудинг. К концу ужина над столом вокруг свечей порхали ночные мотыльки,

а теплый воздух благоухал запахами луговых цветов и жимолости. Гарри наелся как никогда и ощущал удивительную гармонию с окружающим миром, наблюдая, как кучка гномов, заливаясь безудержным смехом, улепетывает сквозь розовые кусты, по пятам преследуемая Живоглотом.

Искоса оглядев стол и убедившись, что вся семья занята разговором, Рон тихонько спросил Гарри:

— Ты с того дня получал известия от Сириуса?

— Да, — вполголоса ответил Гарри. — Дважды. Говорит — все нормально. Я написал ему позавчера. Ответ может прийти прямо сюда.

Ему вдруг вспомнилось, почему он решил написать это письмо. И чуть было не рассказал Рону с Гермионой про шрам и сон, который его разбудил… Ни к чему тревожить друзей, да и сам он сейчас так счастлив и умиротворен.

— А время-то! — неожиданно воскликнула миссис Уизли, взглянув на наручные часы. — Всем давно пора быть в постели. Завтра вставать ни свет ни заря. Оставь, Гарри, список всего необходимого для школы. Я завтра буду в Косом переулке, все равно покупать детям, и тебе куплю. После финала Кубка может не остаться времени, последний матч растянулся на пять дней.

— Здорово! Вот если и этот будет такой же! — встрепенувшись, воскликнул Гарри.

— Надеюсь, что нет, — ханжеским тоном отозвался Перси. — Содрогаюсь при мысли, что будет с моим лотком для входящих и исходящих после моего пятидневного отсутствия.

— Вдруг кто-нибудь опять подбросит туда драконьего дерьма! — развеселился Фред.

— Это был образец удобрений из Норвегии. — Перси густо покраснел. — В этом не было ничего личного!

— Было, — прошептал Фред Гарри, когда они встали из-за стола. — Это мы с Джорджем его прислали.

Глава 6

ПОРТАЛ

Гарри показалось, что он едва успел коснуться головой подушки, как его уже будила миссис Уизли.

— Пора, Гарри, дорогой, — ласково произнесла она и перешла к кровати Рона.

Гарри отыскал на ощупь очки, надел их и сел. Было еще темно. Рон что-то невнятно мычал в ответ на попытки матушки растолкать его. В футе от них из неразберихи одеял появились еще две всклокоченных головы.

— Что, уже время? — заспанно пробормотал Фред. Они оделись в молчании, зевая и потягиваясь. Все еще сонные, спустились на кухню.

Миссис Уизли помешивала содержимое большой кастрюли, стоящей на плите, а мистер Уизли, сидя за столом, проверял внушительную пачку билетов из пергамента. Увидев вошедшую компанию, он встал и раскинул руки: пусть получше рассмотрят его наряд. На мистере Уизли свитер для гольфа и очень старые джинсы, которые ему слегка великоваты, — их держит широкий кожа-

ный ремень.

— Ну как? — Мистера Уизли очень беспокоила его одежда. — Нас никто не должен узнать. Похож я на магла, Гарри?

— Да, — улыбнулся Гарри. — Очень похожи.

— А где Билл, Чарли и Пе-Пе-Перси? — сказал Джордж, безуспешно пытаясь подавить чудовищный зевок.

— Они будут трансгрессировать, — ответила миссис Уизли, ставя кастрюлю на стол и раскладывая овсянку по тарелкам. — Поэтому им можно немного поваляться в постели.

Гарри знал, что трансгрессия — дело очень трудное. Маг исчезает в одном месте и мгновенно появляется в другом.

— Они что, еще спят? — проворчал Фред, пододвигая к себе тарелку с кашей. — А почему, спрашивается, мы не можем трансгрессировать?

— Потому что вы еще не в том возрасте и не прошли тестов, — сказала миссис Уизли. — А куда, интересно, пропали девочки?

Она быстрым шагом вышла из кухни и, скрипя ступеньками, вновь отправилась наверх.

— А вы прошли тест? — спросил Гарри.

— Конечно, — кивнул мистер Уизли, бережно пряча билеты в задний карман. — Кстати, Отде-

лу магического транспорта на днях пришлось заниматься двумя людьми, которые трансгрессировали, не имея лицензии. Трансгрессия — дело тонкое, легкомысленное отношение к нему может привести к печальным последствиям. Парочка, о которой я говорил, не знала правил, и, представьте себе, их распополамило.

Все, кроме Гарри, пришли в ужас.

— Как это, распополамило? — растерялся он.

— Полтела осталось на месте, полтела перенеслось, — пояснил мистер Уизли, щедро поливая овсянку патокой. — Естественно, они застряли. Ни туда, ни обратно. Пришлось вызывать бригаду Экстренных Магических Манипуляций. А сколько было бюрократической возни, да еще маглы, это произошло на их глазах…

Гарри вдруг представилась пара ног и глазное яблоко на тротуаре Тисовой улицы.

— Но с ними все в порядке? — испуганно спросил он.

— Да, конечно, — отвечал мистер Уизли таким тоном, как будто это разумелось само собой, — но им пришлось заплатить крупный штраф. Думаю, они вряд ли еще решатся прибегнуть к трансгрессии, как бы ни спешили. С трансгрессией шутки плохи. Я знаю многих взрослых волшебников, ко-

торые вообще с ней не связываются, предпочитая метлу, — медленней, зато безопаснее.

— А у Билла, Чарли и Перси есть лицензия?

— Чарли проходил тест дважды, — ухмыльнулся Фред. — В первый раз он улетел на пять миль дальше, чем было задано, и сверзился на голову почтенной бабульке в супермаркете, помните?

— Да, но во второй-то раз прошел успешно. — Миссис Уизли вернулась на кухню в разгар веселья.

— А Перси прошел тест две недели назад, — сказал Джордж. — И теперь каждое утро трансгрессирует с третьего этажа на первый.

В коридоре послышались шаги, и в кухню вошли Гермиона с Джинни — обе бледные и не совсем проснувшиеся.

— Зачем надо было поднимать нас в такую рань? — села за стол Джинни, протирая глаза.

— Вы забыли, нам предстоит небольшая прогулка, — ответил мистер Уизли.

— Прогулка? — удивился Гарри. — Мы что, пойдем пешком?

— Нет-нет, это за много миль отсюда, — улыбнулся мистер Уизли. — Нам надо будет пройти совсем недалеко. Дело в том, что большому числу волшебников очень непросто куда-нибудь до-

браться, не привлекая внимания маглов. Мы и всегда-то путешествуем с большой осторожностью, а уж на такое грандиозное мероприятие, как Чемпионат мира…

— Джордж! — крикнула миссис Уизли так, что все подскочили.

— Что? — спросил Джордж невинным тоном, который, однако, никого не обманул.

— Что у тебя в кармане?

— Ничего!

— Не смей мне лгать!

Миссис Уизли направила волшебную палочку на карман Джорджа и приказала:

— *Акцио!*

Из кармана роем вылетели маленькие яркие штучки. Джордж попытался перехватить их, но миссис Уизли оказалась проворнее.

— Мы же велели вам их уничтожить! — возмутилась она. У нее на ладони лежали ириски «Гиперъязычок». — Уничтожить все до единой! А ну-ка, выворачивайте оба карманы!

Вышла очень неприятная сцена. Близнецы пытались тайно вынести из дома как можно больше конфет. Миссис Уизли удалось помешать этому с помощью Манящих чар.

— *Акцио! Акцио! Акцио!* — командовала она,

и конфеты одна за другой вылетали из самых неожиданных мест — из потайных карманов куртки Джорджа и отворотов на джинсах Фреда.

— Мы целых полгода их делали! — в отчаянии завопил Фред, когда его матушка уничтожила все конфеты.

— На такую гадость убить полгода! — гневно ответила она. — Ничего удивительного, что вы чуть не завалили СОВ!

Словом, отъезд проходил не в самой дружеской атмосфере. Миссис Уизли все еще сердилась, целуя в щеку мистера Уизли. Но близнецы разозлились в сто раз сильнее — забросив на спины рюкзаки, они вышли из дома, не сказав матери на прощанье ни слова.

— Желаю хорошо провести время! — бросила им вслед миссис Уизли. — И ведите себя прилично. Близнецы даже не ответили.

— Билла, Чарли и Перси отправлю около полудня, — обещала она мистеру Уизли.

И вся компания двинулась через освещенный луной двор вслед за Фредом и Джорджем. Было прохладно, на горизонте справа неясная зеленая полоска предвещала близкий рассвет. Думая о тысячах волшебников, спешащих на Чемпионат мира по квиддичу, Гарри ускорил шаг и догнал

мистера Уизли.

— Как же они все доедут до стадиона? Где все поместятся? Неужели маглы ничего не заметят? — спросил он.

— В этом-то и состояла огромная организационная работа, — вздохнул мистер Уизли. — Трудность в том, что на Чемпионат прибудут около ста тысяч волшебников и, естественно, у нас нет заколдованного места соответствующих размеров. Да, существуют места, недоступные для маглов, но представь, каково втиснуть сто тысяч волшебников в Косой переулок или на платформу 9 3/4. Следовательно, надо было найти большую хорошую пустошь и принять всевозможные антимагловские меры предосторожности. Министерство занималось этим четыре месяца. Первым делом, разумеется, был составлен график прибытия. У кого дешевые билеты, приезжают за две недели. Какая-то часть волшебников воспользовалась магловским транспортом, но слишком много их поездов и автобусов занимать, конечно, нельзя. А волшебники, не забывай, едут со всего света. Некоторые трансгрессируют, но надо было обеспечить им безопасные места прибытия подальше от маглов. Кажется, нашли для этого удобный лес. Для тех же, кто не хочет или

не может трансгрессировать, решено применить порталы. Это устройства, которые используются для перемещения волшебников в условленное время. С их помощью можно одновременно переправлять довольно большие группы. По всей Британии разбросано две сотни порталов в стратегически важных пунктах, и ближайший от нас — на вершине Стотсхед Хилл. Туда-то мы и держим путь.

Мистер Уизли указал на высокий черный бугор впереди за деревней Оттери-Сент-Кэчпоул.

— А что из себя представляют эти порталы? — поинтересовался Гарри.

— Это может быть что угодно. Какие-нибудь простые, бесхитростные вещи, которые не вызвали бы у маглов желания подобрать их… Словом, на их взгляд, просто мусор.

Они шли по темному, влажному проселку, ведущему в деревню; тишину нарушал только звук их шагов. Миновали деревню, забрезжило, чернильный мрак сменила темная синева. У Гарри замерзли руки и ноги; мистер Уизли то и дело посматривал на часы.

Скоро начался подъем на Стотсхед Хилл, дыхания на разговор уже не хватало; ноги то проваливались в неприметные кроличьи норы,

то скользили по густой траве. Каждый вдох вызывал в легких резь, мышцы стало сводить, еще немного, и Гарри совсем выбьется из сил. Но вот наконец путники вышли на ровную площадку.

— Ух, — с трудом перевел дыхание мистер Уизли, снимая очки и протирая их свитером. — Что же, мы показали хорошее время — у нас в запасе еще десять минут.

Гермиона поднялась на вершину последней и с колотьем в боку.

— Теперь остается найти портал, — сказал мистер Уизли, водрузив очки на нос и обшаривая взглядом землю. — Он небольшой… Смотрите внимательнее…

Компания разбрелась в разные стороны. Минуты через две дремлющий воздух взорвался криком:

— Иди сюда, Артур! Сюда, сынок, мы нашли его!

На фоне синего неба у другого края вершины замаячили две длинные фигуры.

— Амос! — Мистер Уизли улыбнулся и зашагал к кричавшему человеку. Все остальные последовали за ним.

Скоро он пожимал руку краснолицему волшебнику с жесткой каштановой бородой. В другой

руке у того был старый заплесневелый башмак.

— Знакомьтесь, это Амос Диггори, — представил его мистер Уизли. — Сотрудник Отдела по регулированию и контролю за магическими существами. А это, как я понимаю, твой сын Седрик?

Седрик Диггори — статный юноша лет семнадцати — был капитаном и ловцом пуффендуйской команды по квиддичу.

— Привет, — поздоровался со всеми Седрик.

Все тоже приветствовали Седрика, кроме Фреда и Джорджа. Они только холодно кивнули — все еще не простили Седрику поражения Гриффиндора в первом матче минувшего года.

— Долго добирались, Артур? — спросил отец Седрика.

— Да нет, — ответил мистер Уизли. — Мы живем вон там, за той деревней. А ты?

— Нам пришлось встать в два, верно, Седрик? Жду не дождусь, когда он сдаст тест на трансгрессию… Нет, я не жалуюсь. Чемпионат мира по квиддичу! Да я не пропустил бы его за мешок галлеонов, а наши билеты примерно столько и стоят. Но мне еще повезло… — Он добродушно оглядел братьев Уизли, Гарри, Гермиону и Джинни. — Это все твои, Артур?

— Нет, только рыжие, — усмехнулся мистер Уизли, указывая на своих детей. — Это Гермиона, приятельница Рона, и его друг Гарри…

— Мерлин мой! — Глаза Амоса Диггори расширились. — Гарри? Гарри Поттер?

— М-м-м… да, — сказал Гарри.

Он уже привык, что при встрече с ним люди с любопытством таращатся на его шрам, но все равно чувствовал себя неловко.

— Конечно, Седрик рассказывал о тебе, — заговорил Амос Диггори. — Рассказывал, как выиграл у тебя в прошлом году… Я еще ему сказал: «Да, Седрик, тебе будет что рассказать внукам… Ты победил Гарри Поттера!»

Гарри не знал, что ответить, Фред и Джордж опять помрачнели, а Седрик слегка смутился.

— Гарри сорвался с метлы, папа, — сказал он. — Я же говорил тебе… Это был несчастный случай.

— Да, но ты-то не сорвался! — шумно развеселился Амос, хлопнув сына по спине. — Ты такой скромный, такой джентльмен… Но побеждает лучший. Уверен, Гарри согласен со мной! Один упал с метлы, другой нет. Кто лучше летает? Не надо быть гением, чтобы ответить на этот вопрос.

— Кажется, уже пора. — Мистер Уизли опять

взглянул на часы. — Не знаешь, Амос, кто-нибудь еще подойдет?

— Нет… Лавгуды там уже неделю, а Фосетт не достал билетов, — покачал головой мистер Диггори. — А больше тут никто не живет из наших.

— Никто, — согласился мистер Уизли. — Осталась минута… Приготовились.

Он посмотрел на Гарри и Гермиону.

— Надо просто коснуться портала всего только одним пальцем…

Не без усилий — мешали громоздкие рюкзаки — все девять сгрудились вокруг старого башмака, который держал Амос Диггори.

Вершину холма овевал холодный ветер, все стояли тесным кольцом, никто не произнес ни слова. И Гарри вдруг подумал, какой странной показалась бы эта сцена случайно забредшему сюда маглу. Девять человек, из них двое взрослых мужчин, вцепились в старый, драный башмак и чего-то ждут в рассветном сумраке…

— Три… — шепнул мистер Уизли, одним глазом косясь на часы. — Два… Один…

Свершилось! Гарри словно рвануло крюком за живот; ноги оторвались от земли; справа и слева — Рон и Гермиона плечом к плечу; всех куда-то уносит вой ветра, коловращение красок, указа-

тельный палец прилип к башмаку, как иголка к магниту…

Ноги вдруг врезались в землю, на него налетел Рон, и оба упали; башмак с глухим стуком шлепнулся возле самой головы Гарри.

Гарри поднял голову: мистер Уизли, мистер Диггори и Седрик стоят на ногах, сильно взъерошенные от ветра, все остальные на земле, как они с Роном.

— Пять часов семь минут от Стотсхед Хилл, — прозвучал над ними чей-то голос.

Глава 7

БЭГМЕН И КРАУЧ

Гарри отцепился от Рона и поднялся на ноги. Они приземлились на вересковую пустошь, окутанную туманом. Прямо перед ними стояли два измотанных и раздраженных волшебника, у одного — массивные золотые часы, у другого — толстый свиток пергамента и перо. Оба одеты на магловский манер, но очень уж неумело: тот, что с часами, — в твидовом костюме и высоких галошах, а его коллега — в шотландском килте и пончо.

— Доброе утро, Бэзил, — сказал мистер Уизли, подняв башмак и подавая волшебнику в клетчатой юбке.

Тот бросил его в стоящий тут же ящик для использованных порталов. Гарри разглядел там старую газету, жестянку из-под пива и проколотый футбольный мяч.

— Да уж, доброе, Артур, — устало пробурчал Бэзил. — Не на дежурстве? Некоторым везет… А мы здесь проторчали всю ночь… Скорее уйди с дороги. В пять пятнадцать прибывает большая

партия из Черного леса… Погоди, найду твое место в лагере… Уизли… Уизли… — Он принялся перематывать исполинский пергамент. — Первое поле, отсюда в четверти мили. Ваш привратник — мистер Робертс. Диггори… Второе поле, спросите мистера Пэйна.

— Спасибо, Бэзил! — Мистер Уизли жестом позвал всех идти за ним.

Шли по безлюдному полю, почти ничего не видя в тумане. Минут через двадцать показался небольшой каменный домик рядом с воротами, за которыми в туманной зыби смутно проступали очертания сотен и сотен палаток, поднимающихся по отлогому склону к темной полоске леса на горизонте. Друзья попрощались с обоими Диггори и подошли к двери коттеджа.

Стоявший в дверях человек смотрел на убегающие вдаль палатки. С первого же взгляда Гарри понял: перед ними единственный настоящий магл на много акров вокруг. Услышав шаги, он повернулся к пришедшим.

— Доброе утро! — приветливо произнес мистер Уизли.

— Доброе утро, — отвечал магл.

— Не вы ли будете мистер Робертс?

— Я самый, — подтвердил мистер Робертс. — А

вы кто такие?

— Уизли. Два участка заказаны пару дней назад.

— Есть, мистер. — Мистер Робертс сверился со списком, приколотым к двери. — Ваш участок у леса… На одну ночь?

— Да.

— Платить будете сейчас?

— Да, да… конечно, — закивал мистер Уизли. Отошел от порога и поманил Гарри.

— Помоги-ка мне, — попросил он вполголоса, вынул из кармана свернутые трубочкой магловские деньги и стал по одной разворачивать. — Это что такое… э-э-э… десятка? Ах да, вот тут маленький номер… значит… это пять?

— Это двадцать, — понизив голос, поправил его Гарри. Он чувствовал себя скованно под взглядом мистера Робертса, ловившего каждое слово.

— Ах да, конечно… Уж эти мне кусочки бумаги, никак не запомню…

— Вы что, иностранцы? — поинтересовался привратник у мистера Уизли, возвратившегося с требуемой суммой.

— Иностранцы? — в замешательстве переспросил мистер Уизли.

— Вы не первый, кто никак не разберется с

деньгами, — пояснил мистер Робертс. — Тут двое минут десять назад хотели расплатиться со мной золотыми монетами размером с колпак от автомобильного колеса.

— Неужели? — занервничал мистер Уизли. Мистер Робертс принялся рыться в жестяной коробке с мелочью в поисках сдачи.

— Никогда еще таких толп не собиралось, — заметил он, вновь взглянув на окутанное туманом поле. — Сотни предварительных заказов. Обычно люди просто приезжают…

— Все правильно? — перебил его мистер Уизли, протянув руку за сдачей, но мистер Робертс не спешил ее отдавать.

— Да… — продолжал он задумчиво, — сколько народу! Полно иностранцев. Не просто иностранцев, а каких-то больно чудных. Тут один разгуливает в шотландской юбочке и пончо.

— Что вы говорите!

— Это похоже… уж не знаю… на какой-то слет, — покачал головой мистер Робертс. — И все, смотрю, друг с другом знакомы, вроде одна большая компания…

Прямо у двери откуда-то взялся волшебник в брюках для гольфа.

— *Забудь!* — приказал он, направив волшебную

палочку на мистера Робертса.

Глаза магла на мгновение разбежались в стороны, морщины на лбу разгладились, и лицо приобрело безмятежно-сонное выражение — Гарри узнал типичные симптомы изменения памяти.

— Вот вам карта лагеря, — мирно промолвил мистер Робертс, — и сдача.

— Большое спасибо, — сказал мистер Уизли.

Волшебник в брюках для гольфа проводил их до ворот. Вид у него был изнуренный, подбородок зарос щетиной, а под глазами залегли лиловые тени. Отойдя подальше, чтобы не слышал мистер Робертс, волшебник негромко пожаловался мистеру Уизли:

— Уйма хлопот с этим парнем! Десять раз на день приходится накладывать заклятие Памяти. Людо Бэгмен совсем не помогает. Бегает по лагерю, знай себе болтает о бладжерах и квоффлах, да еще во весь голос. Плевать ему на все антимагловские предосторожности. Жду не дождусь, когда все это кончится. Пока, Артур, увидимся.

И дежурный исчез.

— А разве мистер Бэгмен не начальник Департамента магических игр и спорта? — удивилась Джинни. — Ему лучше всех известно, что можно

говорить и что нельзя.

— Ему-то известно. — Мистер Уизли повел их через ворота на территорию лагеря. — Но Людо всегда был немного… ну… небрежен в отношении правил безопасности. Зато любит спорт. Другого такого главы спортивного департамента с огнем не сыщешь. Он сам играл в квиддич за сборную Англии, как ты знаешь. И у «Уимбурнских Ос» никогда не было лучшего загонщика.

Они брели вверх по утонувшему в тумане полю вдоль длинных рядов палаток. Многие смотрелись почти обычно — их хозяева явно постарались придать им магловский вид, хотя и допускали промашки — кто приделал печную трубу, кто добавил шнурок для колокольчика или флюгер. Но иногда попадались палатки настолько откровенно волшебные, что Гарри стали понятны подозрения мистера Робертса. На полпути встретилось роскошное сооружение из полосатого шелка, подобное дворцу в миниатюре, с живыми павлинами, разгуливающими у входа. Была даже трехэтажная палатка с несколькими башенками, а еще немного дальше — конструкция с палисадником, прудиком для купания птиц, солнечными часами и фонтаном.

— Вечно одна и та же история, — улыбнулся

мистер Уизли. — Не можем не пофорсить во время массовых сборищ. Ну, наконец пришли. Вот и наше место.

Участок был на самой опушке леса. На воткнутом в землю шесте красовалась табличка: «Уизли».

— Лучшего места не найти! — довольно потер руки мистер Уизли. — Спортивное поле как раз за лесом. Ближе уже некуда. — И, сбросив на землю рюкзак, прибавил, слегка волнуясь: — Запомните, всякая магия запрещена. Говорю серьезно — ничего волшебного, пока мы на магловской территории в таком количестве. Палатки ставим своими руками! Это, полагаю, совсем нетрудно… Любимое занятие маглов. Ну-ка, Гарри, как, по-твоему, с чего надо начинать?

Гарри никогда в жизни не приходилось ставить палатку. Дурсли ни разу не брали его с собой на отдых, оставляли в компании с древней соседкой миссис Фигг. Но с помощью Гермионы определили, куда вбить колья и ставить шесты; и хотя мистер Уизли не столько помогал, сколько мешал — его потряс молоток, — две видавшие виды двухместные палатки были в конце концов установлены.

Все отступили назад, любуясь творением рук

своих. Глядя на эти палатки, никому бы в голову не пришло, что их ставили волшебники. Гарри, однако, задумался: с появлением Билла, Чарли и Перси их будет десять. Гермиона, судя по всему, тоже была озабочена — она вопрошающе взглянула на Гарри, когда мистер Уизли на четвереньках заполз в одну из палаток.

— Немного тесновато, — возвестил он из глубины, — но, думаю, поместимся. Идите сюда, взгляните.

Гарри нагнулся, нырнул под входное полотнище, и у него рот открылся: это же старомодная трехкомнатная квартира с ванной и кухней. Но что совсем странно, обставлена в том же стиле, что и квартира миссис Фигг — разномастные кресла, на них вязаные чехлы и вдобавок сильный запах кошек.

— Мы здесь на одну ночь, — заметил мистер Уизли, протирая платком лысину и разглядывая четыре двухъярусные кровати. — Я одолжил это у Перкинса, он работает у нас в отделе. Ему, бедняге, больше на пикники не ездить, у него люмбаго.

Он взял запылившийся чайник и заглянул в него.

— Для чая нужна вода…

— На карте магла указана колонка, — сказал Рон, забравшись в палатку вслед за Гарри. Его нисколько не удивила ее вместительность. — Это на другом конце поля.

— Почему бы вам троим, тебе, Гарри и Гермионе, не сходить за водой? — Мистер Уизли указал на чайник и пару небольших ведер. — Остальные соберут хворост и разожгут костер.

— Но ведь у нас есть печь, — возразил Рон. — Почему бы просто…

— Антимагловская безопасность! — Лицо мистера Уизли засветилось предвкушаемым удовольствием. — Когда маглы разбивают лагерь, они готовят на открытом воздухе. Я сам видел, как это делается.

После краткого визита в палатку к девушкам — она оказалась немного меньше и без кошачьей вони — Гарри и Рон с Гермионой отправились через весь лагерь с чайником и ведерками.

Только что взошедшее солнце разогнало туман, и друзьям открылся целый палаточный город. Они медленно шли между рядов, с любопытством разглядывая палатки и их обитателей. Лишь теперь Гарри начал осознавать, как много в мире колдуний и волшебников; он никогда всерьез не задумывался, кто и как живет в других странах.

Лагерь постепенно пробуждался. Первыми зашевелились семьи с маленькими детьми. Гарри никогда раньше не видел таких юных магов и колдуний. Крошечный мальчуган не старше двух лет, присев возле палатки, похожей на пирамиду, увлеченно тыкал волшебной палочкой в слизняка на траве, который уже раздулся до размеров сосиски. Когда они подошли к нему, из палатки выскочила мама.

— Что ты делаешь, Кевин? Сколько раз тебе говорить: нельзя брать папину волшебную палочку!

Она наступила на слизня, хлопок, и тот лопнул. Еще долго звуки устроенного ею нагоняя долетали до приятелей вперемешку с криками малыша:

— Ты взорвала слизняка! Ты взорвала слизняка!

Чуть подальше две девочки немного постарше Кевина катались на игрушечной метле, которая летала совсем низко — их ножки задевали унизанную росой траву. Волшебник из Министерства уже заметил нарушение — пробегая мимо Гарри, Рона и Гермионы, он встревожено восклицал:

— Среди бела дня! Родители, верно, еще дрыхнут…

Там и тут из палаток появлялись взрослые волшебники, пора было готовить завтрак. Одни, украдкой оглянувшись, зажигали огонь волшебной палочкой, другие неумело и с опаской чиркали спичками, уверенные, что эта штука не сработает. Трое волшебников из Африки, одетые в длинные белые мантии, сидели, углубившись в беседу, и одновременно жарили что-то вроде кролика на ярком лиловатом огне. Неподалеку американские колдуньи зрелого возраста весело болтали, усевшись под расшитым блестками знаменем с надписью «Салемские ведьмы», растянутом между палатками.

Дальше начинались палатки, из которых долетали слова совершенно незнакомого языка.

— У меня что-то с глазами или и правда все вокруг позеленело? — воскликнул Рон.

Но глаза Рона были тут ни при чем. Все палатки на этом участке были густо увиты трилистником, как будто земля здесь вздыбилась странными зелеными холмиками. За откинутыми полотнищами входов можно было различить улыбающиеся лица.

— Гарри! Рон! Гермиона! — услыхали друзья собственные имена.

Это был Симус Финниган, четверокурсник из

Гриффиндора. Он сидел возле палатки, тоже увитой клевером. Рядом — рыжеволосая женщина, должно быть, мать, и его лучший друг Дин Томас, тоже гриффиндорский студент.

— Как вам наше убранство? — улыбнулся Симус приятелям, когда те подошли поздороваться. — Ребята из Министерства не очень довольны.

— Почему бы нам не демонстрировать наш цвет? — пожала плечами миссис Финниган. — Видели бы вы, что болгары повесили на свои палатки. Вы, разумеется, болеете за Ирландию? — сверкнув глазами, спросила женщина.

Уверив ее, что они, конечно же, болеют за Ирландию, друзья пошли дальше. Хотя, как сказал Рон минуту спустя: «Что еще можно ответить в таком окружении?»

— Интересно, что такое повесили болгары? — сказала Гермиона.

— Давайте посмотрим. — Гарри указал на россыпь палаток выше по склону, над которыми на ветру развевался красно-зелено-белый болгарский флаг.

На этих палатках ни зелени, ни украшений, зато на каждой один и тот же плакат — суровое лицо с густыми черными бровями. Портрет был живой, но ограничился лишь тем, что хмурился

и моргал.

— Крам, — тихо произнес Рон.

— Что? — спросила Гермиона.

— Крам! — повторил Рон. — Виктор Крам. Ловец болгарской команды!

— Уж очень сердитый, — заметила Гермиона, оглядывая множество Крамов, угрюмо уставившихся на них.

— «Очень сердитый»? — Рон возвел глаза к небу. — Кого заботит, как он выглядит? Он потрясающий. Совсем еще молодой — лет восемнадцать, а может, меньше. Он гений, вечером сама увидишь.

К колонке в дальнем углу поля уже выстроилась небольшая очередь. Гарри, Рон и Гермиона присоединились к ней, встав за двумя мужчинами, увлеченными жарким спором. Один, волшебник в больших летах, был одет в длинную ночную рубашку в цветочек. Второй, явно служащий Министерства, протягивал первому брюки в полоску.

— Надень их, Арчи, — кричал он в отчаянии, — не валяй дурака! Нельзя разгуливать в таком виде, магл-привратник наверняка что-то заподозрил…

— Я купил это в магловском магазине, — упрямо

возражал старик — Маглы такую одежду носят.

— Магловские женщины их носят, а не мужчины. Мужчины носят вот это, — настаивал волшебник из Министерства, потрясая полосатыми брюками.

— Не надену! — негодовал Арчи. — Я люблю свежий ветерок вокруг интимных частей тела, так что спасибо!

На Гермиону накатил такой приступ хохота, что она пулей выскочила из очереди и вернулась, когда Арчи набрал воды и удалился.

Обратно с водой шли через лагерь гораздо медленнее, на каждом шагу попадались знакомые лица — хогвартцы со своими родителями. Оливер Вуд, бывший капитан команды Гриффиндора, недавно окончивший Хогвартс, затащил Гарри в палатку познакомить с родителями и взволнованно сообщил, что принят во второй состав «Пэдлмор Юнайтед», — буквально на днях подписал контракт. Затем их окликнул Эрни МакМиллан, четверокурсник-пуффендуец, а через несколько шагов увидели Чжоу Чанг, очень красивую девушку, ловца из команды Когтеврана. Она улыбнулась и помахала Гарри, который весь облился водой, махая в ответ. Рон понимающе ухмыльнулся, и чтобы отвлечь его, Гарри кивнул

на компанию тинэйджеров, которых никогда раньше не видел.

— Как, по-твоему, кто это? — спросил он. — Они явно не из Хогвартса.

— Судя по виду, из какой-то иностранной школы, — предположил Рон. — Я знаю, такие есть, но никогда никого оттуда не встречал. Билл переписывался с одним из Бразилии… лет сто назад… Даже хотел ехать туда по обмену, но у родителей не было такой возможности, и Билл написал, что не может приехать. Бразильский друг очень обиделся и прислал ему шляпу с заклятием — у Билли от нее уши свернулись.

Гарри засмеялся, но не выдал изумления, которое испытал, услышав о других школах волшебников. Увидев в лагере представителей стольких национальностей, он понял, что давно бы надо сообразить, что Хогвартс не единственная на свете школа. Он взглянул на Гермиону, ее ничуть не удивил рассказ Рона — уж она, конечно, знала о других школах, вычитала в какой-нибудь книге.

— Вас за смертью посылать, — пробурчал Джордж, когда они наконец вернулись к палаткам Уизли.

— Встретили много знакомых, — отозвался Рон, ставя воду на землю. — А вы еще даже огонь не

развели!

— Отец спичками развлекается.

Мистер Уизли никак не мог разжечь костер, хотя очень старался. Земля вокруг была усыпана сломанными спичками, но более счастливым его никто никогда еще не видел.

— Оп! — воскликнул он, когда ему удалось-таки зажечь спичку, которую он тут же от удивления и выронил.

— Позвольте мне, мистер Уизли, — мягко предложила Гермиона, взяла у него коробок и показала, как правильно зажигать.

В конце концов костер загорелся, но пришлось ждать еще около часа, покуда пламя стало совсем жарким, чтобы готовить обед. Ожидание не показалось долгим. Их палатки оказались на самой дороге к спортивному полю. Мимо то и дело сновали сотрудники Министерства, они дружески приветствовали мистера Уизли, а тот давал краткие пояснения, в основном для Гарри и Гермионы — его собственные дети давно были в курсе всех министерских дел.

— Это Катберт Мокридж, начальник Управления по связям с гоблинами… А вон Гилберт Уимпил из Комиссии по экспериментальным чарам, у него, видите, рога выросли на некоторое

время… Привет, Арни… Это Арнольд Миргуд, стиратель памяти, член бригады Экстренных Магических Манипуляций, помните?.. А это Бойд и Крокер, невыразимцы…

— Кто-кто?

— Невыразимцы, из Тайной канцелярии, у них все сверхсекретно. Понятия не имею, чем они занимаются.

Наконец костер разгорелся вовсю, и стали варить яйца и сосиски. Тут подоспели Билл с Чарли и Перси.

— Только что трансгрессировали, пап, — отрапортовал Перси. — А, превосходно! Как раз к обеду!

Они уже наполовину опустошили тарелки, как вдруг мистер Уизли вскочил, улыбнулся и замахал рукой, приветствуя идущего к ним человека.

— Главное действующее лицо! — радостно возвестил он. — Привет, Людо!

Людо Бэгмен был сегодня, бесспорно, самой заметной личностью, обогнал даже престарелого Арчи в дамской ночной сорочке. На Бэгмене была длинная мантия игрока в квиддич с поперечными желтыми и черными полосами, грудь украшало изображение огромной осы. Это был человек могучего телосложения, на котором

годы уже оставили свой след. Мантию оттягивало солидное брюшко, которого, конечно же, не было, когда он играл за сборную Англии. Нос его был расплющен («Наверно, сломал шальной бладжер», — подумал Гарри), но круглые голубые глаза, короткие светлые волосы и румяные щеки придавали ему вид школьника-переростка. Шел он так, словно ноги у него на пружинах.

— Эй, на палубе! — весело крикнул Бэгмен, источая радостное возбуждение. — Артур, старина! — приветствовал он мистера Уизли. — Что за денек, а? Что за денек! Лучшей погоды и желать нельзя! А там — тихая безоблачная ночь… Почти никаких заминок… Мне здесь и делать нечего!

У него за спиной промчались несколько взмыленных министерских волшебников, спешащих к горящему в отдалении магическому огню: искры от него летели на высоту метров десяти.

Перси тут же протянул ему руку. Конечно, Людо Бэгмен не лучшим образом руководит своими людьми, но произвести плохое впечатление тоже нельзя.

— Это мой сын Перси, — улыбнулся мистер Уизли. — Он первый год работает в Министерстве. А это Фред, нет, конечно, Джордж, прошу прощения. Фред — вот он. Это Билл, Чарли, Рон, моя дочь

Джинни и друзья Рона — Гермиона Грэйнджер и Гарри Поттер.

Услышав легендарное имя, Бэгмен на краткий миг задержал дыхание, и глаза, конечно, пробежали по шраму на лбу Гарри.

— Представляю всем, — продолжал мистер Уизли, — перед вами сам Людо Бэгмен, вы хорошо знаете его имя. Спасибо ему за такие прекрасные билеты!

Бэгмен заулыбался, замахал руками — о подобном пустяке и говорить нечего.

— Не собираешься делать ставки, Артур? — заинтересованно спросил он, позвякав, похоже, немалым количеством золота в карманах своей черно-желтой мантии. — Родди Понтнер уже поставил на Болгарию, что она откроет счет — я дал ему недурную фору, учитывая, что ирландская тройка самая сильная за последние годы. А малышка Агата Тиммс поставила полдоли в своей ферме угрей, что матч продлится неделю.

— Ну… — пробормотал мистер Уизли. — Дай подумать… Галлеон на победу Ирландии?

— Галлеон? — разочарованно протянул Бэгмен, однако тут же снова взял себя в руки. — Очень хорошо, галлеон так галлеон… А остальные не примут участия?

— Еще не доросли до азартных игр, — ответил мистер Уизли. — Да и Молли не одобрит…

— Мы ставим тридцать семь галлеонов, пятнадцать сиклей, три кната, — заявил Фред, а Джордж стал выгребать из карманов все их общие деньги, — на то, что Ирландия победит, но снитч поймает Виктор Крам. Добавим еще волшебную палочку-надувалочку.

— Не смей предлагать мистеру Бэгмену такую глупость! — яростно прошипел Перси.

Но палочка Людо Бэгмену понравилась. Только он прикоснулся к ней, она закудахтала и превратилась в резинового цыпленка. Мальчишеское лицо Бэгмена просияло, и он разразился хохотом.

— Просто прелесть! Давно не видел такой забавной штуки! Даю вам за нее пять галлеонов!

Перси пришел в ужас.

— бМальчики, — упавшим голосом заговорил мистер Уизли, — мне бы не хотелось, чтобы вы делали ставки… Это же все ваши сбережения… Ваша мама…

— Не порти людям удовольствие, Артур! — Бэгмен азартно бренчал монетами в карманах. — Они уже совсем взрослые и знают, чего хотят! Так вы уверены, что Ирландия победит, но снитч

поймает Крам? Мало шансов, ребята, мало… По такому случаю принимаю вас ставку из расчета один к двадцати… Плюс еще пять галлеонов за палочку… итого имеем…

Людо Бэгмен вытащил книжку и перо и на глазах несчастного мистера Уизли размашисто вписал в нее имена близнецов.

— Заметано. — Джордж взял у Бэгмена кусок пергамента и спрятал его во внутренний карман мантии.

Бэгмен опять повернулся к мистеру Уизли.

— Не затруднит плеснуть мне чайку? Я тут ищу Барти Крауча. У меня возникли трудности с болгарским коллегой. А я не могу понять, что он говорит. Барти поможет, он знает полторы сотни языков.

— Мистер Крауч? Полторы сотни? — Маска чопорного недовольства мигом слетела с Перси. — Да он говорит более чем на двухстах! На русалочьем, на гоблинском, на языке троллей… — Перси трясло от негодования.

— Ни у кого не выйдет поговорить на языке троллей, — назидательно проговорил Фред. — Они могут только тыкать пальцем да хрюкать.

Перси неодобрительно покосился на Фреда и стал энергично подбрасывать хворост в костер,

чтобы еще раз вскипятить чайник.

— Есть какие-нибудь новости от Берты Джоркинс? — спросил мистер Уизли Бэгмена. Он сел на траву вместе со всеми.

— Ни единой совушки, — спокойно ответил Бэгмен. — Но она скоро вернется. Бедная старушка Берта — память у нее как дырявый котел и никакой ориентации. Где-то заблудилась, вот помяни мое слово. Вернется в отдел в октябре, уверенная, что еще июль. — Бэгмен взял у Перси протянутую ему чашку чая.

— Не думаешь, что пора послать кого-нибудь на поиски? — нерешительно предложил мистер Уизли.

— Барти постоянно мне это говорит. — Бэгмен наивно захлопал круглыми голубыми глазами. — Но у нас сейчас нет ни одного лишнего человека. Ох, только черта помяни! Привет, Барти!

У самого костра трансгрессировал волшебник, как небо от земли отличавшийся от Людо Бэгмена, который сидел, развалившись на траве, в старой осиной мантии. Барти Крауч был сухопарый, подтянутый, пожилой человек, в безупречно свежем костюме и галстуке. Пробор в коротких седых волосах идеально прям, узкие, щеточкой, усы, словно выровнены по линейке, а ботинки

блестят как лаковые. Понятно, почему он стал идолом Перси. Этот брат Рона был убежденным сторонником неукоснительного исполнения правил. Таким же, видно, был и мистер Крауч. Он выполнил указание одеться по-магловски так педантично, что запросто мог сойти за банковского служащего. Даже дядя Вернон не распознал бы в нем мага.

— Присядь с нами на травку! — Весельчак Людо Бэгмен похлопал по земле рядом с собой.

— Нет, Людо, спасибо, — в голосе Крауча звучало явное нетерпение, — я всюду тебя ищу. Болгары требуют, чтобы мы добавили еще двенадцать мест в верхней ложе.

— Так они этого хотят? А я думал, этот парень предлагает не то драться, не то брататься. Уж очень плохое произношение.

— Мистер Крауч! — едва дыша, вымолвил Перси, изогнувшись в полупоклоне, отчего стал похож на горбуна. — Не желаете ли чашечку чая?

— М-м-м… — Мистер Крауч с легким удивлением взглянул на Перси. — Да, благодарю, Уизерби.

Фред и Джордж фыркнули в чашки; Перси, красный как рак, занялся чайником.

— Тебе я тоже хотел сказать два слова, Артур. —

Мистер Крауч бросил острый взгляд на мистера Уизли. — Али Башир настроен весьма воинственно. Хочет переговорить с тобой о запрете на ввоз ковров-самолетов. Мистер Уизли глубоко вздохнул.

— Я послал ему сову с разъяснениями на прошлой неделе. Могу лично повторить то же самое, что говорил сто раз: ковры признаны магловскими изобретениями и занесены в Регистр объектов, запрещенных для колдовства. Но он ничего не желает слушать!

— Естественно, — покачал головой мистер Крауч, принимая чашку чая из рук Перси. — Али Башир отчаянно заинтересован в их ввозе сюда.

— А они не вытеснят в Британии метлы? — спросил Бэгмен.

— Али уверен, что на нашем рынке семейных летательных аппаратов есть свободная ниша, — продолжал Крауч. — Помню, у моего деда был эксминстерский ковер, на нем умещалось двенадцать человек. Разумеется, это было до запрещения ковров.

Мистер Крауч, видно, хотел подчеркнуть, что его предки строго придерживались закона.

— Что, много работы, Барти? — беззаботно произнес Бэгмен.

— Достаточно, — холодно ответил Крауч. — Организовать порталы на всех пяти континентах — труд немалый, Людо.

— Но уже завтра вы свободно вздохнете, — хотел утешить их мистер Уизли.

Людо Бэгмен не скрыл своего изумления.

— Свободно вздохнете! Да я никогда так не веселился! К тому же нам светит еще одна работенка, а, Барти? Не легче, чем эта.

Мистер Крауч многозначительно поднял брови.

— Мы же договорились — никакой утечки, пока все до последней мелочи…

— Ох уж эти мелочи! — замахал руками Бэгмен, как будто отгонял комаров. — Все уже подписано, верно? Обо всем договорено! Спорю на что угодно — дети не сегодня завтра сами узнают… Я имею в виду, что это будет происходить в Хогвартсе…

— Людо, нас ждут болгары, не забывай! — резко оборвал его мистер Крауч. — Спасибо за чай, Уизерби, — прибавил он и отдал нетронутый чай Перси.

Бэгмен с трудом поднялся на ноги — золото в его карманах весело звякнуло — и одним глотком допил оставшийся чай.

— Увидимся позже! — сказал он. — Мы же вме-

сте будем в верхней ложе, я комментирую!

Людо помахал рукой, Крауч сухо кивнул, и оба мгновенно трансгрессировали.

— Что будет происходить в Хогвартсе? — не замедлил спросить Фред. — О чем они говорили?

— Очень скоро узнаете, — улыбнулся мистер Уизли.

— Это закрытая информация. Пока Министерство не позволит ее обнародовать, — напыщенно произнес Перси. — Мистер Крауч абсолютно прав, что не разглашает ее.

— Заткнись ты, Уизерби, — посоветовал брату Фред. Солнце клонилось к закату, и напряжение, царившее в лагере, сгущалось, как тучи перед грозой. Казалось, самый воздух задрожал, предвкушая великое событие. А когда мрак темным покровом опустился над лагерем, последние признаки не очень умелого маскарада исчезли. Министерство, похоже, смирилось с неизбежным, и неприкрытая магия повсюду била ключом.

Торговцы трансгрессировали на каждом свободном футе пространства, неся лотки и толкая тележки, полные невиданных товаров. Тут были светящиеся розетки, зеленые для ирландских болельщиков, красные — для болгарских, выкрикивающие имена игроков; островерхие зеленые

шляпы, убранные танцующими трилистниками; болгарские шарфы, расшитые львами, которые и в самом деле рычали; флаги обеих стран, исполняющие национальный гимн, если ими махать; маленькие летающие модели «Молнии» и коллекционные фигурки прославленных игроков, которые с гордым видом прохаживались по ладони.

— Я все лето берег для этого карманные деньги, — сказал Рон, когда они с Гарри и Гермионой бродили среди торговцев, покупая сувениры.

Рон купил шляпу с танцующим трилистником, большую зеленую розетку и — не устоял — маленькую фигурку Виктора Крама, болгарского ловца. Миниатюрный Крам прогуливался взад и вперед по его ладони, грозно поглядывая на зеленую розетку.

— Смотрите, здесь-то что! — восхитился Гарри, бросившись к тележке, доверху нагруженной предметами, похожими на бинокль. Только эти окуляры были бронзовые и с множеством разных непонятных кнопок и шкал.

— Омнинокли, — с готовностью объяснил волшебник-продавец. — Сможете повторить любой эпизод… замедлить ход событий… имеется бегущая строка синхронного комментария событий.

Очень недорого — всего десять галлеонов.

— Эх, зачем я все это накупил! — простонал Рон, дернув себя за шляпу с трилистником и пожирая глазами омнинокли.

— Три пары, — решительно сказал Гарри продавцу.

— Не надо! — воскликнул Рон, отчаянно краснея. Он всегда смущался, что денег у него гораздо меньше, чем у Гарри, которому родители оставили небольшое наследство.

— Ты ничего не получишь на Рождество, — успокоил его Гарри, протягивая омнинокли ему и Гермионе. — В ближайшие десять лет!

— Тогда ладно, — улыбнулся Рон.

— О-о-о, спасибо, Гарри, — слегка растерялась Гермиона. — А я тогда куплю нам программки…

Вернулись к палаткам со значительно полегчавшими кошельками. Билл, Чарли и Джинни тоже обзавелись зелеными розетками, а мистер Уизли размахивал ирландским флагом. Фред с Джорджем остались без сувениров, ведь они все свои деньги отдали Бэгмену.

Откуда-то из-за леса раздался глубокий, гулкий звук гонга, и сейчас же среди деревьев вспыхнули зеленые и красные фонари, осветив просеку, ведущую к спортивному полю.

— Пора идти! — произнес мистер Уизли, не менее взволнованный, чем его дети.

Глава 8

ЧЕМПИОНАТ МИРА ПО КВИДДИЧУ

Прихватив свои покупки, компания с мистером Уизли во главе поспешила в лес, следуя за светом фонарей. Они слышали шум тысяч людей, шедших вокруг, крики, смех, обрывки песен. Всеобщее лихорадочное возбуждение было необычайно заразительно, Гарри не мог не улыбаться. Всю дорогу через лес — минут двадцать — они громко разговаривали и шутили, пока, наконец, не вышли на противоположную сторону и не оказались в тени гигантского стадиона. И хотя Гарри была видна лишь часть колоссальных золотых стен, окружавших поле, он мог бы с уверенностью сказать, что внутри можно свободно разместить десяток кафедральных соборов.

— Сто тысяч мест, — сказал мистер Уизли, поймав его благоговейный взгляд. — По заданию Министерства здесь целый год трудились пятьсот человек. Маглоотталкивающие чары тут на каждом дюйме. Весь год, как только маглы оказывались где-то поблизости, они вдруг вспоминали о каком-нибудь неотложном деле, и им прихо-

дилось срочно убираться восвояси… благослови их Господь, — добавил он нежно, направляясь к ближайшему входу уже окруженному шумной толпой колдуний и волшебников.

— Первоклассные места! — заметила колдунья из Министерства, проверяя у друзей билеты. — Верхняя ложа! Прямо по лестнице, Артур, и наверх.

Лестницы на стадионе были выстланы ярко-пурпурными коврами. Вся компания пробиралась наверх вместе с толпами болельщиков, которые постепенно рассаживались по трибунам справа и слева от них. Мистер Уизли вел своих подопечных все выше и выше; наконец они поднялись на самый верх лестницы и очутились в маленькой ложе на высшей точке стадиона, расположенной как раз на середине между голевыми шестами. Тут в два ряда стояли примерно двадцать пурпурно-золоченых кресел, и Гарри, пройдя к передним местам вместе с Уизли, взглянул вниз и увидел фантастическую картину, которую никогда не смог бы даже вообразить.

Сто тысяч колдуний и волшебников занимали места, расположенные ярусами, поднимающимися вокруг длинной овальной арены. Все вокруг было залито таинственным золотым светом,

который, казалось, излучал сам стадион. С этой высоты поле выглядело гладким, как бархат, в каждом конце стояло по три пятидесятифутовых шеста с кольцами, а прямо напротив, как раз на уровне глаз Гарри, было исполинское черное табло — по нему бежали золотые надписи, будто невидимая рука быстро писала и затем стирала написанное — это были светящиеся рекламные объявления.

> «Синяя Муха» — метла для всей семьи — безопасно, надежно, со встроенной противоугонной сигнализацией… Миссис Скоур — всеобъемлющее магическое устранение неприятностей — без скандалов и огорчений… Праздничные наряды от «Колдовской Моды» — Лондон, Париж, Хогсмид…

Гарри оторвался от рекламных строчек и оглянулся: кто же еще будет с ними в ложе? Пока что она была пуста, если не считать какого-то крохотного создания, пристроившегося на предпоследнем сиденье второго ряда. Это существо, с такими короткими ножками, что они попросту торчали из кресла, было закутано в чайное полотенце, повязанное на манер тоги, и сидело,

уткнувшись лицом в ладони. Зато уши — длинные, как у летучей мыши, — показались странно знакомыми…

— Добби? — недоверчиво произнес Гарри.

Миниатюрное существо подняло голову и раздвинуло пальцы, обнаружив громадные карие глаза и нос, по форме и размеру точно соответствующий спелому помидору. Это не был Добби — хотя, без сомнения, такой же домашний эльф, каким был приятель Гарри, которого тот освободил от его прежних хозяев — семьи Малфоев.

— Сэр, вы назвать меня Добби? — с любопытством пискнул эльф между пальцев.

Голос был выше, чем у Добби, — тоненький, дрожащий голосок, и Гарри заподозрил — сколь ни трудно себе представить такое в отношении домашних эльфов, — что перед ним, скорее всего, женщина. Рон и Гермиона тоже повернулись взглянуть: хотя они и много чего слышали о Добби, но никогда его не встречали. Даже мистер Уизли с интересом оглянулся.

— Прошу прощения, — обратился Гарри к эльфу. — Я просто принял вас за одного своего знакомого.

— Но я тоже знать Добби, сэр, — пискнул эльф. Она заслоняла лицо, как будто от резких лучей,

хотя верхняя ложа и не была ярко освещена. — Меня зовут Винки, сэр, а вы, сэр, — темно-карие глаза расширились до размеров тарелок, остановившись на шраме Гарри, — вы, должно быть, сам Гарри Поттер!

— Да, это я, — согласился Гарри.

— Добби постоянно говорить о вас, сэр. — Она чуть опустила руки, потрясенно глядя на него.

— Как он там? — спросил Гарри. — Как ему живется на свободе?

— Ах, сэр! — Винки покачала головой. — Ах, сэр, не подумайте, что я непочтительна, сэр, но я не уверена, что вы оказать Добби услугу, когда отпустить его на волю.

— Почему? — поразился Гарри. — Что с ним случилось?

— Свобода ударить Добби в голову, сэр, — печально сказала Винки. — Метить выше своего чина, сэр. Не может нигде больше устроиться, сэр.

— Почему? — удивился Гарри.

Винки понизила голос на пол-октавы и прошептала:

— Он хотеть оплаты за свою работу, сэр.

— Оплаты? — не понял Гарри. — Ну… А почему бы его работу не оплачивать?

Винки явно ужаснулась подобной идее и сдвинула пальцы, так что ее лицо вновь оказалось наполовину скрытым.

— Домашние эльфы не брать денег, сэр! — приглушенно пропищала она. — Нет, нет, нет. Я говорить Добби, я говорить ему — иди, найди себе приличную семью и осядь, Добби. А он затевать всевозможные буйные увеселения, сэр, это не подобать домашнему эльфу. Эти гулянки твоя до добра не доведут, Добби, говорить я, твоя запросто кончать так, что угодить Комиссия по регулированию и контролю магических существ, словно какой-нибудь — тьфу! — распоследний гоблин…

— Ну как же ему сейчас немного не повеселиться? — сказал Гарри.

— Домашний эльф не положено веселиться, Гарри Поттер, — сурово заметила Винки. — Домашний эльф делать то, что им велено. Я совсем не выносить высоты, Гарри Поттер, — она покосилась на край ложи и судорожно сглотнула, — но мой хозяин послать меня сюда, и я пойти, сэр.

— Зачем же он вас послал, если знает, что вы не любите высоты? — нахмурился Гарри.

— Хозяин… хозяин хотеть, чтобы я занять ему место, Гарри Поттер, потому что он очень занят. — Винки склонила голову перед пустым

пространством рядом с собой. — Винки очень бы желать вернуться назад в палатку хозяина, но Винки делать, что ей сказано, Винки хороший домашний эльф.

Она бросила в сторону барьера еще один испуганный взгляд и снова закрыла глаза. Гарри повернулся ко всем остальным.

— Что, это и есть домашний эльф? — шепнул Рон. — Чудные они, верно?

— Добби еще чуднее, — искренне заверил его Гарри.

Рон вытащил свой омнинокль и принялся испытывать его, рассматривая скопление народа на противоположной стороне стадиона.

— Круто! — воскликнул он, вращая регулятор повтора. — Я могу заставить того старого хрыча внизу поковырять в носу еще раз… и еще… и еще…

Гермиона тем временем просматривала свою украшенную кистями программку в бархатном переплете.

— «Перед матчем будет проведен парад талисманов команд», — прочитала она вслух.

— О, это всегда очень занимательное зрелище, — откликнулся мистер Уизли. — Национальные сборные привозят с родины разные

диковинки, понимаете? Чтобы устроить маленькое шоу.

В следующие полчаса ложа постепенно наполнялась людьми; мистер Уизли пожимал руки каким-то, судя по виду, очень важным волшебникам. Перси вскакивал так часто, словно пытался усидеть на еже. Когда появился Министр магии Корнелиус Фадж, Перси отвесил такой глубокий поклон, что с него упали и разбились очки. Страшно сконфузившись, он восстановил их волшебной палочкой и дальше уже предпочитал оставаться на своем месте, бросая ревнивые взгляды на Гарри, которого Фадж приветствовал как старого друга. Им уже доводилось встречаться прежде, и Фадж, пожав ему руку в отеческой манере, поинтересовался, как у него дела, и представил его окружавшим министра волшебникам.

— Гарри Поттер, вы понимаете, — громко втолковывал он болгарскому министру магии, который был одет в роскошную, черного бархата с золотом мантию и, похоже, не понимал ни слова по-английски. — Гарри Поттер, ну же, вы знаете, кто это… Мальчик, который одолел Сами-Знаете-Кого… Ну должны же вы знать, кто это…

Тут болгарский волшебник вдруг обратил внимание на шрам Гарри и что-то быстро и взвол-

нованно затараторил, указывая на него.

— Так я и знал, что этим кончится, — устало сказал Фадж Гарри. — Ну не силен я в языках… В таких случаях мне нужен Барти Крауч… Ага, вижу, его домашний эльф занял ему место… Тоже недурно, эти болгарские парни так и норовят выпросить все лучшие места… а вот и Люциус!

И действительно, вдоль кресел второго ряда к трем свободным местам как раз позади мистера Уизли пробирался не кто иной, как бывший хозяин домашнего эльфа Добби Люциус Малфой с сыном Драко и женщиной, которая, как предположил Гарри, была матерью Драко.

Гарри и Драко Малфой стали врагами с самой первой поездки в Хогвартс. Бледный паренек с заостренным лицом и бесцветно-белыми волосами, Драко необычайно походил на отца. Его мать тоже была блондинкой — высокая и стройная, она была бы довольно мила, если бы на ее лице не присутствовало постоянно такое выражение, будто ей в нос непрестанно лезет какой-то мерзкий запах.

— А, Фадж! — произнес мистер Малфой, подходя к министру и протягивая руку. — Как дела? По-моему, ты еще незнаком с моей женой Нарциссой? И с нашим сыном Драко?

— Добрый вечер, добрый вечер! — Фадж улыбнулся и поклонился миссис Малфой. — А мне позвольте представить вам мистера Обланск… Обалонск… мистера… короче, он болгарский министр магии и не понимает ни слова из того, что я говорю, так что не беспокойтесь. И давайте посмотрим, кто тут у нас еще? С Артуром Уизли вы знакомы, я полагаю?

Это был напряженный момент. Мистер Уизли и мистер Малфой посмотрели друг на друга, и Гарри живо вспомнился тот последний раз, когда они встретились лицом к лицу — это было в книжном магазине «Флориш и Блоттс», и дело кончилось дракой. Холодные серые глаза Малфоя скользнули по мистеру Уизли и затем обежали весь ряд.

— Боже правый, Артур, — негромко произнес он, — что же тебе пришлось продать, чтобы достать места в верхней ложе? Уверен, ты за весь свой дом столько бы не выручил.

Фадж, не слышавший этих слов, говорил:

— Люциус на днях сделал очень щедрое пожертвование больнице святого Мунго, где лечат магические травмы и болезни, Артур, так что здесь он в качестве моего гостя.

— Как… как мило! — промолвил мистер Уизли

с натянутой улыбкой.

Мистер Малфой задержал взгляд на Гермионе — та слегка покраснела, но решительно посмотрела в ответ. Гарри было доподлинно известно, что заставило губы Малфоя скривиться — Малфой кичились своей чистокровностью; другими словами, любого человека магловского происхождения считали второсортным. Однако в присутствии министра магии он не осмелился ничего сказать по этому поводу. Малфой насмешливо кивнул мистеру Уизли и продолжил путь к своим местам. Драко послал Гарри, Рону и Гермионе презрительный взгляд и уселся между отцом и матерью.

— Глисты с поволокой, — прошептал Рон, когда они с Гарри и Гермионой вновь повернулись к полю.

А в следующий момент в ложу ворвался Людо Бэгмен.

— Все готовы? — пророкотал он. Его лицо светилось, словно круг эдамского сыра, если только можно представить себе взволнованный сыр. — Министр, начинать?

— По твоей команде, Людо, — с удовольствием отвечал Фадж.

Бэгмен выхватил волшебную палочку, напра-

вил себе прямо на горло и приказал:

— *Сонорус!*

И с этого мгновения его голос превратился в громовой рев, заполнивший до предела забитый стадион; этот голос раскатывался над ними, отдаваясь в каждом уголке трибун.

— Леди и джентльмены! Добро пожаловать! Добро пожаловать на финал четыреста двадцать второго Чемпионата мира по квиддичу!

Зрители разразились криками и аплодисментами. Развевались тысячи флагов, добавляя к шуму разноголосицу национальных гимнов. С гигантского табло напротив сгинуло последнее объявление — Берти Боттс еще успел посулить небывалые ощущения от каждой конфетки своего драже, — и зажглись слова: БОЛГАРИЯ — НОЛЬ, ИРЛАНДИЯ — НОЛЬ.

— А теперь без долгих предисловий позвольте представить вам… Талисманы болгарской сборной!

Правая часть трибун — сплошь в красных флагах — одобряюще заревела.

— Интересно, что же они привезли? — пробормотал мистер Уизли, наклоняясь вперед. — А-а-а-а! — Он спешно сдернул с себя очки и принялся протирать их. — Вейлы!

— А что это за ве…

Но ответ на свой вопрос Гарри уже видел на арене — на нее выбежала сотня женщин — самых прекрасных женщин, каких Гарри только приходилось видеть… Настолько прекрасных, что, кажется, они не были, не могли быть просто людьми. На какой-то момент Гарри был поставлен в тупик, ломая голову над вопросом: «Кто же они такие? Какая сила заставляет их кожу сиять лунным светом, а золотые волосы струиться за ними в неосязаемом ветре?» Но вот грянула музыка, и Гарри разом перестало волновать, что они нелюди. Собственно говоря, его вообще перестало что-либо волновать.

Вейлы пустились в пляс, и разум Гарри одним махом абсолютно и блаженно опустел. Главное, что он смотрит и смотрит на танцующих вейл, а если они перестанут танцевать, неминуемо произойдет нечто ужасное.

А вейлы отплясывали все быстрее, все зажигательней, и дикие, бесформенные образы закружились в распаленном мозгу Гарри. Ему захотелось совершить что-то неописуемое, небывалое — и прямо сейчас… Может, выпрыгнуть из ложи на арену? Неплохая идея… Или придумать что-нибудь покруче?

— Гарри, что ты делаешь? — донесся откуда-то издалека голос Гермионы.

Музыка остановилась. Гарри заморгал. Он стоял, перебросив ногу через барьер ложи. В шаге от него Рон замер в такой позе, словно собрался прыгать с трамплина.

Трибуны взорвались недовольными криками — зрители не хотели отпускать вейл, и Гарри был на их стороне — разумеется, он болел за Болгарию и недоумевал, почему к его груди приколот большой зеленый трилистник Рон тем временем рассеянно обрывал клевер со своей шляпы. Мистер Уизли, чуть улыбаясь, склонился к нему и забрал шляпу из его рук.

— Это тебе еще понадобится, — заметил он, — как только ирландцы скажут свое слово.

— М-м-м… — промычал Рон, таращась на красавиц вейл, которые теперь выстроились вдоль одной из сторон поля.

Гермиона, негодующе фыркнув, поднялась и втащила Гарри обратно на место, пробормотав:

— Ну что такое, в самом деле.

— А теперь, — загрохотал голос Людо Бэгмена, — в знак приветствия поднимем наши волшебные палочки… Перед нами талисманы сборной Ирландии!

В следующую секунду нечто похожее на громадную зелено-золотую комету влетело на стадион. Сделав круг, она распалась на две поменьше, каждая из которых со свистом понеслась к голевым шестам. Связывая два пылающих шара, над полем неожиданно аркой встала радуга.

Бесчисленные зрители дружно издали громогласное «о-о-о-ох» и «а-а-а-ах», глядя на этот фейерверк. Радуга угасла, светящиеся шары вновь соединились и слились, образовав на этот раз исполинский мерцающий трилистник, который взмыл в небо, завис над стадионом, и из него хлынуло нечто наподобие золотого дождя.

— Классно! — воскликнул Рон, когда трилистник воспарил над их головами и из него посыпались тяжелые золотые монеты, отскакивая от кресел.

Присмотревшись, Гарри разобрал, что летающее чудо составляли тысячи крохотных бородатых человечков в красных камзолах, каждый из которых нес по маленькой золотой или зеленой лампе.

— Лепреконы! — попытался перекричать громовые аплодисменты толпы мистер Уизли; многие еще рыскали и толкались под креслами, собирая золото.

— Это тебе! — радостно пропыхтел Рон, насыпая Гарри полные ладони золотых монет. — За омнинокль! Теперь тебе придется делать мне рождественский подарок, ха!

Величественный трилистник распался, лепреконы опустились на поле — на противоположную сторону от вейл — и, скрестив ноги, расселись, чтобы смотреть матч.

— А теперь, леди и джентльмены, поприветствуем — болгарская национальная сборная по квиддичу! Представляю вам — Димитров!

Фигура в красных одеждах, на метле, двигающаяся с такой быстротой, что казалась размытой, вылетела на поле из дальнего нижнего входа под сумасшедшие аплодисменты болгарских болельщиков.

— Иванова!

Подлетел второй игрок в красной мантии.

— Зогров! Левски! Волчанов! Волков! И-и-и-и-и-и — Крам!

— Вот он, вот он! — завопил Рон, уставившись на Крама в омнинокль.

Гарри, торопясь, настроил свой.

Виктор Крам был худым, темноволосым, с лицом землистого цвета, внушительным крючковатым носом и густыми черными бровями. Он

походил на большую хищную птицу. С трудом верилось, что ему всего восемнадцать.

— А сейчас, прошу вас, встречаем ирландскую национальную сборную! — надсаживался Бэгмен. — Представляю: Конолли! Райан! Трой! Маллет! Моран! Куигли! И-и-и-и-и — Линч!

Семь зеленых вихрей вырвались на поле. Гарри лихорадочно крутил регулятор на боку своего омнинокля и замедлил движение игроков до такой степени, что мог прочитать слова «Молния» на каждом помеле и видеть их имена, серебром вышитые на спинах.

— А также из самого Египта — наш судья, почетный председатель Международной ассоциации квиддича, Хасан Мустафа!

Маленький и тощий волшебник, совершенно лысый, но зато с усами, которым позавидовал бы даже дядя Вернон, одетый в мантию цвета чистого золота под стать стадиону, вышел на поле. В одной руке он нес солидных размеров плетеную корзину, в другой — метлу, из-под усов торчал серебряный свисток. Гарри вернул скоростной регулятор омнинокля к норме и внимательно наблюдал, как Мустафа взобрался на метлу и откинул крышку корзины — в воздух взвились четыре шара: малиновый квоффл, два черных

бладжера и — Гарри увидел его на краткий миг, прежде чем он скрылся из глаз — крошечный крылатый золотой снитч. Пронзительно свистнув, Мустафа взлетел вслед за шарами.

— На-а-а-ачинаем! — взвыл Бэгмен. — Это Маллет! Трой! Моран! Димитров! Снова Маллет! Трой! Левски! Моран!

Такого квиддича Гарри еще не видел. Он с такой силой прижимал омнинокль к глазам, что очки врезались в переносицу. Скорость игроков была невероятной — охотники перебрасывали друг другу квоффл так быстро, что Бэгмен едва успевал называть их имена. Гарри снова включил замедлитель на своем омнинокле, нажал кнопку «синхронный комментарий», и с этой минуты видел все в замедленном темпе, в линзах вспыхивали ярко-лиловые надписи, а шум толпы сотрясал ему барабанные перепонки.

Атакующая схема «Голова ястреба», — прочитал он, глядя, как три ирландских охотника пролетают плечом к плечу — в центре, чуть впереди Трой, справа и слева Маллет и Моран, — преодолевая защиту болгар. «Финт Порскова» — загорелся следующий комментарий, когда Трой сделал вид, будто собирался рвануться что было сил наверх, отвлекая болгарского охотника

Иванову, а сам швырнул квоффл вниз, Моран. Один из болгарских загонщиков, Волков, поравнявшись с бладжером, с молодецкого размаха своей небольшой битой выбил его прямо перед Моран. Та, уклоняясь от бладжера, взяла круто вниз и выронила квоффл, а Левски, шедший ниже, подхватил его.

— Трой открывает счет! — взревел Бэгмен, и стадион задрожал от грома оваций и криков восторга. — Десять — ноль в пользу Ирландии!

— Что? — удивился Гарри, растерянно озираясь сквозь омнинокль. — Но ведь квоффл поймал Левски!

— Гарри, если ты не будешь смотреть на нормальной скорости, много чего пропустишь! — прокричала Гермиона, приплясывая на месте и махая руками, в то время как Трой делал по полю круг почета.

Гарри торопливо взглянул поверх омнинокля и увидел, что лепреконы, наблюдавшие за игрой из-за боковой линии, вновь поднялись в воздух и образовали гигантский мерцающий трилистник. С другой стороны арены на них мрачно смотрели вейлы.

Злясь на самого себя, Гарри прокрутил регулятор скорости до обычного режима; игра

возобновилась.

Гарри достаточно разбирался в квиддиче, чтобы оценить великолепие ирландских охотников. Они действовали как единое целое и, похоже, читали мысли друг друга, перестраиваясь в воздухе; розетка на груди Гарри непрерывно выкрикивала их имена: «Трой — Маллет — Моран!». В течение десяти минут Ирландия забила еще дважды, упрочив свое лидерство до тридцати — ноль, чем вызвала шквал оглушительного рева и аплодисментов со стороны украшенных зеленым болельщиков.

Игра пошла еще быстрее, но стала жестче. Волков и Волчанов, болгарские загонщики, лупили по бладжерам со всей свирепостью, целя в ирландских охотников, и старались помешать им применить их коронные приемы; два раза болгары были отброшены, но вот наконец Иванова сумела прорвать оборону противника, обыграла вратаря Райана и забила первый болгарский гол.

— Заткните уши пальцами! — рявкнул мистер Уизли, когда вейлы вновь затанцевали, отмечая такую радость.

Гарри еще вдобавок закрыл глаза — он хотел сохранить ясное сознание для игры. Спустя несколько секунд он отважился взглянуть на по-

ле — вейлы уже остановились и Болгария вновь владела квоффлом.

— Димитров! Левски! Димитров! Иванова! Вот это да! — кричал Бэгмен.

Сто тысяч волшебников и колдуний затаили дыхание, когда двое ловцов — Крам и Линч — спикировали прямо через кучу охотников на такой скорости, что, казалось, они просто спрыгнули с самолета без парашютов. Гарри следил за их полетом в омнинокль, пытаясь разглядеть, где же снитч…

— Они разобьются! — ахнула Гермиона.

Она оказалась почти права — в самую последнюю секунду Виктор Крам вышел из пике и отвернул прочь, однако Линч ударился о землю с глухим стуком, слышным по всему стадиону. С ирландских трибун раздался чудовищный стон.

— Вот дурачок! — покачал головой мистер Уизли. — Это же был обманный ход Крама!

— Тайм-аут! — объявил Бэгмен. — Подождем, пока прибывшие на поле медики обследуют Эйдана Линча!

— С ним все будет в порядке, он только слегка зацепил землю! — Чарли успокаивал Джинни, которая испуганно высунулась за барьер ложи. — Чего Крам, собственно, и добивался…

Гарри поспешно нажал кнопки «повтора» и «синхронного комментария» на омнинокле и припал к окулярам. Крам и Линч уже замедленно вновь пикировали на поле. Поверх изображения вспыхнул комментарий: «Финт Вронского — опасное отвлечение ловца». Перед ним было лицо Крама, искаженное от напряжения, когда он точно в нужный миг вышел из падения, в то время как Линч врезался в покрытие. Гарри понял — Крам вовсе и не гнался за снитчем, он просто хотел заставить Линча последовать за собой. Гарри в жизни не видел, чтобы кто-нибудь так летал — можно было подумать, что Краму совсем и не нужна метла. В воздухе он двигался с такой легкостью, будто не нуждался ни в какой поддержке и ничего не весил. Гарри перевел омнинокль в стандартный режим и направил его на Крама. Тот кружил высоко над Линчем, которого приводили в чувство медики со склянками зелий. Гарри сфокусировал картинку на лице Крама — его темные глаза быстро обегали землю внизу, в ста футах под ним. Пока Линч приходил в себя, Крам, пользуясь случаем, без помех отыскивал снитч.

Наконец Линч поднялся на ноги, к буйной радости бурлящих зеленым трибун, уселся на

свою «Молнию» и оторвался от земли. Его воскрешение, похоже, вселило в ирландцев второе дыхание. Как только Мустафа дал свисток о продолжении игры, ирландские охотники бросились в бой, демонстрируя немыслимые чудеса мастерства.

Пятнадцать минут пролетели в жарких схватках, и Ирландия вырвалась вперед еще на десять голов — теперь они вели со счетом сто тридцать — десять, и игра стала откровенно грязной.

Когда Маллет в очередной раз помчалась к голевым шестам, крепко прижимая к себе квоффл, болгарский вратарь Зогров рванулся ей навстречу. Все произошло настолько быстро, что Гарри не успел ничего уловить, но дружный вопль гнева ирландских болельщиков и долгий, пронзительный свисток Мустафы возвестили о нарушении правил.

— Мустафа разбирается с болгарским вратарем относительно нанесения удара — запрещенный толчок локтем! — сообщил Бэгмен распаленным зрителям. — Так... Да, Ирландия пробьет пенальти!

Лепреконы, в злости поднявшиеся в воздух, словно рой сверкающих ос, когда Маллет была неправильно атакована, теперь, слетевшись

вместе, образовали слова: «ХА-ХА-ХА». На другой стороне поля прелестницы вейлы разом вскочили на ноги, яростно распушили волосы и вновь с жаром заплясали.

Все Уизли и Гарри, как один, заткнули уши пальцами, но Гермиона, которую все это не задевало, вскоре подергала Гарри за руку. Он повернулся к ней, и она нетерпеливо вытащила его пальцы из ушей, покатываясь со смеху:

— Посмотри на судью!

Гарри посмотрел вниз, на поле. Хасан Мустафа приземлился прямо перед танцующими вейлами и вытворял действительно что-то очень странное — картинно напрягал мышцы и залихватски подкручивал усы.

— Так, это уже чересчур! — заявил Бэгмен, хотя в его голосе звучало изрядное веселье. — Кто-нибудь, тряхните судью!

Врач-волшебник, заткнув пальцами уши, стремглав промчался через поле и с силой пнул Мустафу в голень. Судья как будто пришел в себя — в омнинокль Гарри видел, что он выглядит до крайней степени смущенным и что-то кричит на девушек, которые прервали танец и всем своим видом выражают негодование.

Не менее половины зрителей сообразили, что

происходит; ирландские болельщики встали зеленой стеной, подбадривая своего ловца, но Крам уже завис у него на хвосте. Как он разбирал, куда лететь, Гарри не представлял, мельчайшие капли крови шлейфом отмечали в воздухе его след, он поравнялся с Линчем, и вот уже оба вновь несутся к земле.

— Они разобьются! — взвизгнула Гермиона.

— Нет! — прокричал Рон.

— Линч может! — воскликнул Гарри.

Он был прав: во второй раз Линч грохнулся о землю со страшной силой и тут же исчез под ордой разбушевавшихся вейл.

— Снитч, где снитч? — на всю ложу заорал Чарли.

— Он поймал его! Крам его поймал! Все кончено! — воскликнул Гарри.

Крам, в красной, пропитанной кровью мантии, неторопливо поднялся в воздух — в его высоко поднятой руке искрилось золото.

На табло зажегся счет: БОЛГАРИЯ — СТО ШЕСТЬДЕСЯТ, ИРЛАНДИЯ — СТО СЕМЬДЕСЯТ. До зрителей не сразу дошла суть произошедшего. Но затем постепенно, будто неимоверной величины нарастающий поток, гул на трибунах ирландских болельщиков становился все громче, громче и

взорвался громовым воплем ликования.

— ИРЛАНДИЯ ПОБЕДИЛА! — надрывался Бэгмен, который, как и ирландцы, был захвачен врасплох неожиданным окончанием матча. — КРАМ ЛОВИТ СНИТЧ, НО ПОБЕЖДАЕТ ИРЛАНДИЯ! Бог ты мой, кто мог такое ожидать!

— На кой ему понадобилось ловить снитч? — кричал Рон, прыгая и хлопая в ладоши над головой. — Остановить матч, когда ирландцы были на сто шестьдесят очков впереди, вот болван!

— Он знал, что им никогда не догнать Ирландию, — ответил Гарри сквозь шум, тоже аплодируя изо всех сил. — Ирландские охотники слишком хороши… он хотел закончить матч на своих условиях, вот и все…

— Он очень мужественно себя вел, верно? — сказала Гермиона, склоняясь через барьер, чтобы лучше видеть, как садится Крам. Целая толпа врачей пробивалась к нему через свалку дерущихся вейл и лепреконов. — У него ужасный вид…

Гарри снова приставил омнинокль к глазам. Было очень трудно рассмотреть, что происходит внизу, поскольку над всем полем в безумной радости носились лепреконы, но ему удалось различить Крама, окруженного медиками. Он выглядел еще более хмурым, чем когда-либо, и

неохотно позволял врачам заняться собой. Вся команда собралась тут же явно в подавленном настроении, они невесело пожимали друг другу руки. А неподалеку ирландские игроки плясали от радости, осыпаемые золотом слетевшихся к ним бородатых талисманов; по всему стадиону развевались флаги, отовсюду гремел ирландский гимн. Вейлы опять вернулись к своему прежнему очаровательному облику, но вид у них был удрученный и печальный.

— Что ж, они храбро сражались, — послышался мрачный голос позади Гарри. Он оглянулся — это был болгарский министр магии.

— Вы говорите по-английски! — возмущенно воскликнул Фадж. — И вы весь день смотрели, как я объясняюсь жестами!

— Ну, это было очень забавно, — пожал плечами болгарин.

— Ирландская сборная выполняет круг почета в сопровождении своих талисманов, а Кубок мира по квиддичу вносят в верхнюю ложу! — объявил Бэгмен.

В глаза Гарри ударил слепящий магический свет, заливший ложу так, чтобы со всех трибун было видно, что происходит внутри. Прищурившись, он увидел двух взмокших волшебников

— они внесли увесистую золотую чашу, которую и передали Корнелиусу Фаджу, все еще рассерженному из-за того, что весь день понапрасну растрачивал свои способности на язык жестов.

— Давайте громко поаплодируем доблестным проигравшим — Болгарии! — громогласно предложил Бэгмен.

И вот в верхнюю ложу по лестнице поднялись семеро потерпевших поражение болгарских игроков. На трибунах прокатилась волна благодарных рукоплесканий; Гарри видел блеск и мерцание тысяч и тысяч объективов омниноклей, направленных на спортсменов. Болгары один за другим проходили между рядами кресел, Бэгмен называл имя каждого, и сначала им пожимал руку их министр, а затем — Фадж. Крам, шедший последним, выглядел очень неважно: вокруг глаз залегли черные тени, на лице запеклась кровь; он все еще сжимал снитч. Гарри обратил внимание, что на земле он чувствует себя гораздо неуверенней. У Крама было плоскостопие, и он заметно сутулился. Но стоило прозвучать его имени, как весь стадион разразился громоподобным, разрывающим уши ревом.

Потом появилась ирландская команда. Эйдана Линча вели под руки Моран и Конолли; второе

падение явно не прошло для него бесследно, парень основательно окосел, но все равно улыбался от счастья, когда Трой и Куигли высоко подняли Кубок, а трибуны под ними бушевали от восторга. У Гарри от хлопанья онемели руки. И наконец, когда ирландская сборная покинула ложу, чтобы сделать еще один круг почета на своих метлах (Эйдан Линч сидел позади Конолли, крепко обхватив его за талию и по-прежнему ошалело улыбаясь), Бэгмен направил волшебную палочку на собственное горло и произнес:

— *Квиетус!* Они будут обсуждать это годами, — прохрипел он. — Вот уж действительно неожиданный поворот… Жаль, что так быстро закончилось… Ах да… я же вам должен… сколько там?

Фред и Джордж перелезли через кресла и уже стояли перед Людо Бэгменом с радостными улыбками и протянутыми руками.

Глава 9

ЧЕРНАЯ МЕТКА

— Не рассказывайте маме о том, что вы делали ставки, — попросил мистер Уизли Фреда и Джорджа, когда они спускались по пурпурно-ковровым ступенькам.

— Не беспокойся, пап, — лучезарно улыбаясь, заверил его Фред. — У нас большие планы насчет этих денег, и мы не хотим, чтобы у нас их отобрали.

Казалось, в какую-то секунду мистер Уизли уже собирался спросить, что же это за большие планы, но затем, похоже, решил, что лучше этого не знать.

Они скоро присоединились к толпам, которые теперь выходили со стадиона и отправлялись к своим палаткам. Фонари освещали путь, в ночном воздухе разносилось нестройное пение, а над их головами проносились лепреконы, гогоча и размахивая лампами. Когда вся компания в конце концов добралась до палаток, спать никому не хотелось и, оценив разгул веселья вокруг, мистер Уизли согласился, что можно выпить

по последней чашке какао перед отбоем. Все с упоением заспорили о матче. Мистер Уизли полемизировал с Чарли о способах нанесения ударов; и продолжалось это до тех пор, пока Джинни не уснула прямо за переносным столиком, разлив какао по полу. Тут уж мистер Уизли велел всем заканчивать словесные баталии и ложиться спать. Гермиона и Джинни ушли в свою палатку, а Гарри и остальные Уизли облачились в пижамы и забрались в свои походные кровати. Из каждого уголка лагеря слышались удалые песни и подозрительные гулкие удары.

— Ох, до чего же я рад, что не на дежурстве! — сонно пробормотал мистер Уизли. — Представить не могу, каково это — ходить и уговаривать ирландцев, чтобы они заканчивали праздновать…

Гарри, занимавший верхний ярус над Роном, лежал, глядя в брезентовый потолок, наблюдая за огоньками ламп случайно пролетающих в вышине лепреконов и вновь воскрешая в памяти наиболее впечатляющие проходы Крама. Гарри не терпелось сесть на собственную «Молнию» и попробовать финт Вронского… Почему-то Оливер Вуд ни на одной из своих ползающих схем никогда не изображал, как этот финт должен выглядеть… Он уже видел себя в мантии с именем

на спине, слышал восторженный рев стотысячной толпы, когда голос Людо Бэгмена прокатится по стадиону: «И вот на поле… По-о-оттер!»

Гарри так и не понял, задремал он или нет — фантазии о том, что он летает, как Крам, незаметно перешли в настоящие сны. Вдруг до него дошло, что он слышит крик мистера Уизли:

— Вставайте! Рон, Гарри, подъем, скорее! Гарри поспешно сел, задев головой брезент.

— Что… что случилось?

Впрочем, к нему самому уже пришло смутное чувство, будто что-то не так. Звуки в лагере изменились — пения больше не было слышно, доносились тревожные крики и шум беготни.

Гарри спрыгнул на пол со своей верхотуры и кинулся было к одежде, но мистер Уизли, уже натянувший джинсы прямо поверх пижамы, сказал:

— Некогда, Гарри, бери куртку и бегом наружу — быстро!

Гарри поступил, как ему было сказано, и выскочил из палатки, Рон — по пятам за ним.

В свете немногих еще горевших костров они увидели людей, убегающих в лес от чего-то, что двигалось к ним через поле, выпуская странные огни и гремя чем-то наподобие выстрелов. До

друзей донеслись громкий издевательский смех и хмельные выкрики, затем последовала мощная вспышка зеленого света, осветившая всю сцену.

Плотная толпа волшебников с поднятыми волшебными палочками медленно двигалась по полю. Гарри присмотрелся — ему показалось, что у них не было лиц, но тут он разобрал, что их головы были скрыты капюшонами, а лица — масками. В воздухе высоко над ними бились четыре фигуры, корчившиеся в невероятных положениях. Можно было подумать, что волшебники в масках были кукловодами, а люди над ними — марионетками, управляемыми невидимыми нитями, которые поднимались в небо из волшебных палочек. Две из этих фигур были очень малы.

Новые волшебники, присоединяющиеся к марширующей группе, хохотали, указывая на извивающиеся в небе тела. Палатки сминались и падали под наступающими шеренгами. Раз или два Гарри видел, как кто-то из марширующих сносил волшебной палочкой тенты у себя на пути; некоторые загорались, и крики усиливались.

Одна из горящих палаток неожиданно осветила людей наверху, и Гарри узнал одного — мистера Робертса, управляющего лагерем. Остальные

трое, судя по всему, были его жена и дети. Один из шедших в строю своей волшебной палочкой перевернул миссис Робертс вверх ногами; ее ночная рубашка слетела вниз, открыв взорам необъятные панталоны, она силилась прикрыться, как могла, а толпа внизу вопила и улюлюкала.

— Это безумие, — пробормотал Рон, глядя, как малыша-магла закрутило волчком в шестидесяти футах над землей, его голова безжизненно болталась из стороны в сторону. — Это настоящее безумие…

Выбежали Гермиона и Джинни, набрасывая куртки поверх пижам, и за ними мистер Уизли. В ту же минуту из палатки мальчишек появились Билл, Чарли и Перси, полностью одетые, с закатанными рукавами и волшебными палочками наготове.

— Мы поможем министерским дежурным! — закричал, перекрывая гвалт, мистер Уизли, тоже закатывая рукава. — Вы все — давайте в лес и держитесь вместе. Я приду за вами, как только мы с этим разберемся.

Билл, Чарли и Перси уже бежали к наступающей колонне, мистер Уизли бросился следом. Со всех сторон к источнику неприятностей мчались сотрудники Министерства. Бесчинствующая

толпа подступила совсем близко.

— Давайте! — Фред схватил Джинни за руку и потащил ее в лес.

Гарри, Рон, Гермиона и Джордж кинулись за ними. Добежав до деревьев, они оглянулись. Толпа стала больше; было видно, как министерские волшебники пытаются пробиться к центру, к людям в капюшонах, но им приходится туго; похоже, они опасались пустить в ход заклинания — семья Робертсов могла упасть.

Разноцветные фонарики, освещавшие путь к стадиону, погасли; темные силуэты потерянно бродили между деревьями, дети плакали, тревожные восклицания и панические голоса эхом отдавались в холодном ночном воздухе. Гарри чувствовал, как его толкают со всех сторон люди, чьих лиц он даже не мог различить. Тут он услышал, как Рон охнул от боли.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Гермиона, останавливаясь так резко, что Гарри налетел на нее. — Рон, где ты там? Ох, глупость какая. *Люмос!*

Она зажгла волшебную палочку и направила узкий луч света через дорогу — Рон лежал, растянувшись на земле.

— Споткнулся о корень, — сердито пробурчал

он, вновь поднимаясь на ноги.

— Ну, с ногами такого размера это немудрено, — произнес голос сзади, манерно растягивая слова.

Гарри, Рон и Гермиона круто обернулись. В двух шагах от них, прислонясь к дереву, с абсолютно безмятежным видом стоял Драко Малфой. Скрестив руки на груди, он наблюдал за событиями в лагере сквозь прогалину в деревьях.

Рон от души и в простых словах дал Малфою совет, на который никогда бы не осмелился в присутствии мистера Уизли.

— Выбирай выражения, Уизли. — Светло-голубые глаза Малфоя сверкнули. — Не лучше ли вам убраться отсюда? Тебе не понравится, если заметят ее, верно?

Он кивнул на Гермиону, и в тот же момент со стороны поля послышался грохот, словно взорвалась бомба, и вспышка зеленого света на мгновение озарила деревья вокруг.

— И что это должно значить? — с вызовом спросила Гермиона.

— Грэйнджер, они ищут маглов, — ответил Малфой. — Не хочешь похвалиться своими панталонами между небом и землей? Если не против, составь компанию вон тем, они как раз движутся сюда, а мы все дружно повеселимся.

— Гермиона — колдунья, — огрызнулся Гарри.

— Думай себе что хочешь, Поттер, — злобно улыбнулся Малфой. — Если полагаешь, что они не отличат грязнокровок, оставайся стоять, где стоишь.

— Придержи язык! — рявкнул Рон.

Все присутствующие знали, что «грязнокровки» — крайне оскорбительное название колдуньи или волшебника магловского происхождения.

— Не обращай внимания, Рон, — спешно сказала Гермиона, хватая Рона за руку — тот уже шагнул к Малфою.

Тут с другого края леса раздался грохот, какого они еще не слышали; некоторые вокруг вскрикнули. Малфой подавил смешок.

— Легко пугаются, верно? — лениво протянул он. — Полагаю, твой папочка велел вам всем спрятаться? Кстати, он что — кинулся спасать маглов?

— А где твои родители? — воскликнул Гарри с нарастающим гневом. — Там, в масках, я не ошибаюсь?

Малфой повернулся к Гарри, по-прежнему улыбаясь.

— Ну… если бы они там и были, вряд ли бы я тебе сказал, согласись, Поттер.

— Ох, да бросьте, — проговорила Гермиона, с отвращением взглянув на Малфоя. — Пойдемте отыщем остальных.

— Не высовывай свою лохматую голову, Грэйнджер, — ухмыльнулся Малфой.

— Пойдем, — повторила Гермиона и потащила Рона и Гарри к дороге.

— Готов поспорить на что угодно, его отец — один из той банды в масках! — с гневом заявил Рон.

— Ну, в любом случае люди из Министерства его схватят! — с неподдельным чувством заметила Гермиона. — Вот только не пойму, куда делись все остальные?

Фреда, Джорджа и Джинни нигде не было видно, хотя на дороге было полным-полно людей — все нервно оглядывались на охваченный смятением лагерь.

Неподалеку на дороге громко спорила кучка подростков в пижамах. Завидев Гарри, Рона и Гермиону, к ним обратилась девушка с пышными, вьющимися волосами, быстро заговорив:

— Ou est Madame Maxime? Nous l'avons perdue…

— Э-э-э… что? — растерялся Рон.

— О! — Девушка повернулась к нему спиной, и, уже отойдя, друзья отчетливо расслышали, как

она произнесла: — 'Огвартс...

— Шармбатон, — прошептала Гермиона.

— Что-что? — переспросил Гарри.

— Они, должно быть, из Шармбатона, — пояснила Гермиона. — Ну, Академия магии «Шармбатон»... Я читала о ней в «Обзоре магического образования в Европе».

— А... да... понятно.

— Фред и Джордж не могли уйти так далеко, — сказал Рон, зажигая вслед за Гермионой волшебную палочку и осматриваясь.

Гарри полез в карман куртки за своей палочкой и нашел там только омнинокль.

— Ох, нет, быть не может... Я потерял свою волшебную палочку!

— Ты шутишь?

Рон и Гермиона подняли свои палочки повыше, чтобы осветить как можно больше земли под ногами, но палочки нигде не было видно. Рон покачал головой:

— Может, она осталась в палатке?

— Возможно, она выпала у тебя из кармана, когда мы бежали? — обеспокоенно предположила Гермиона.

— Да... — пробормотал Гарри. — Возможно...

Он ни разу не расставался с волшебной палоч-

кой за все время пребывания в мире волшебников и вдруг почувствовал себя необычайно уязвимым, оказавшись без нее в самой гуще событий.

Прозвучавший рядом шорох заставил всех троих подскочить на месте. Это была Винки, домашний эльф, она с треском продиралась сквозь кусты невдалеке. Двигалась она в какой-то своеобразной манере — с явным затруднением, словно нечто невидимое не пускало ее.

— Там плохие волшебники! — в смятении пищала она, наклоняясь вперед в усилии не снижать темпа. — Люди высоко-высоко в воздухе! Винки уносит ноги прочь!

И она скрылась за деревьями на той стороне дороги, пища и пыхтя в борьбе с удерживающей ее неведомой силой.

— Что это ее так ломает? — Рон с любопытством посмотрел вслед. — Почему бы ей не бежать обычным способом?

— Держу пари, она не спросила разрешения спрятаться, — сказал Гарри. Он подумал о Добби — тот, стоило ему совершить что-то, что хоть чуточку не понравилось бы Малфоям, был вынужден наказывать себя отчаянным самобичеванием.

— Знаете, с домашними эльфами очень же-

стоко обращаются! — возмущенно произнесла Гермиона. — Это настоящее рабство, вот что это такое! Смотрите — мистер Крауч погнал ее на верх стадиона, чего она до смерти боялась, теперь он наложил заклятие, и она даже убежать не могла, когда те начали топтать палатки! Почему никто ничего с этим не делает?

— Ну, так ведь домашние эльфы счастливы, — пожал плечами Рон. — Ты же слышала, что ответила старушка Винки на матче: «Домашним эльфам не положено веселиться» — значит, ей нравится, чтобы ею все время и во всем командовали.

Гермиона сразу начала закипать.

— Вот такие люди, как ты, Рон, и поддерживают несправедливые, прогнившие порядки просто потому, что им лень что-то…

С опушки леса докатился грохот еще одного взрыва.

— Давайте-ка двигаться дальше, вот что я скажу, — с тревогой перебил ее Рон.

Возможно, Малфой говорил правду; возможно, Гермиона действительно была в большей опасности, чем они. Друзья вновь зашагали вперед, Гарри машинально все еще шарил в карманах, хотя и понимал, что палочки там нет.

Темная дорога уводила их все дальше в лес, и они по-прежнему высматривали Фреда, Джорджа и Джинни. Невдалеке компания гоблинов кудахтала над мешком золота, без сомнения, выигранного в тотализатор на матче, — вот кого совершенно не трогали безобразия, творящиеся в лагере. Еще дальше, войдя в пятно серебряного света, они увидели трех высоких вейл, во всем великолепии стоявших на прогалине в окружении юных волшебников, каждый из которых очень громко говорил.

— Я заработал около ста мешков галлеонов за год, — разглагольствовал один из них. — Я ведь драконоборец и работаю на Комиссию по контролю за опасными существами.

— Да никакой ты не драконоборец! — кричал его приятель. — Ты посудомойщик в «Дырявом котле»… А вот я — охотник на вампиров, я их уже штук девяносто уложил…

Третий юнец, чьи прыщи были видны даже в тусклом серебристом свете, который излучали вейлы, тоже поторопился вступить в беседу:

— Я уже почти стал самым молодым из всех министров магии, какие только были…

Гарри фыркнул от смеха — он узнал этого прыщавого волшебника, его звали Стэн Шанпайк, и

на самом деле он работал кондуктором в трехъярусном автобусе «Ночной рыцарь».

Гарри уже собрался сказать об этом Рону, но тот, сделав диковато-слабоумное лицо, крикнул собравшимся:

— А я рассказывал, что изобрел метлу, которая летает до Юпитера?

— Да что же это такое! — опять возмутилась Гермиона, и они вместе с Гарри развернули Рона и увели прочь.

Звуки разговора вейл и их поклонников замолкли вдалеке, друзья уже находились в самом сердце леса. Казалось, они здесь одни, вокруг все затихло. Гарри огляделся.

— Думаю, нам стоит подождать здесь — любого, кто подойдет, мы услышим за милю.

Не успели эти слова слететь с его уст, как прямо перед ними из-за дерева появился Людо Бэгмен.

Даже в слабом свете двух волшебных палочек Гарри разглядел разительные перемены в его облике. Он больше не был жизнерадостным и розоволицым, и в походке не было бодрой упругости — Людо выглядел очень бледным и утомленным.

— Кто это? — заговорил он, щурясь и стараясь рассмотреть их лица. — Что вы здесь делаете одни?

Друзья удивленно переглянулись.

— Ну… там что-то вроде мятежа… — сказал Рон.

— Что? — уставился на него Бэгмен.

— Там, в лагере… какие-то люди захватили семью маглов…

— А, будь они неладны! — потрясенно выругался Бэгмен и, не сказав больше ни слова, трансгрессировал с негромким хлопком.

— что-то мистер Бэгмен совсем никуда, как по-вашему? — нахмурилась Гермиона.

— Так или иначе, Людо был великим загонщиком, — ответил Рон. Сойдя с дороги на маленькую прогалину, он уселся на пятачок сухой травы возле дерева. — «Уимбурнские Осы» были чемпионами Лиги три раза подряд, пока он там играл.

Рон достал из кармана крошечную фигурку Крама и некоторое время наблюдал, как та ходит взад-вперед. Подобно живому оригиналу, копия была слегка плоскостопа, сутулилась и на своих неуклюже-вывернутых ногах смотрелась куда менее впечатляюще, чем на метле в воздухе. Гарри прислушался к звукам, доносившимся из лагеря, — пока все было тихо; возможно, погром закончился.

— Надеюсь, с остальными все в порядке, — по-

молчав, произнесла Гермиона.

— С ними все отлично, — отозвался Рон.

— Представь, если твой отец поймает Малфоя. — Гарри присел рядом с Роном, глядя, как миниатюрный Крам тяжелой поступью расхаживает по палой листве. — Он всегда говорил, что ему хочется получить доказательства против него.

— Да уж, вот что стерло бы ухмылку с рожи старины Драко, — кивнул Рон.

— А эти несчастные маглы? — взволнованно сказала Гермиона. — Что, если не удастся спустить их вниз?

— Наши справятся, — успокоил ее Рон. — Найдут способ.

— Это же сумасшествие — устраивать такое, когда этой ночью здесь все Министерство магии! — кипятилась Гермиона. — Я хочу сказать, как они рассчитывали скрыться? Или перепились, или они просто…

Она неожиданно оборвала фразу и оглянулась. Гарри и Рон тоже поспешно огляделись вокруг. Судя по звукам, кто-то неуверенно брел к их поляне, за темными деревьями слышался шорох нетвердых шагов. Потом шаги замерли.

— Эгей! — позвал Гарри.

Тишина. Гарри встал на ноги и вгляделся в черную стену спутанных ветвей. Было слишком темно, чтобы различить что-то на таком расстоянии, но он чувствовал, что там, в глубине, куда не доставал его взгляд, кто-то есть.

— Кто там? — спросил он.

И тут, без всякого предупреждения, тишину разорвал голос, которого они еще не слыхали в лесу, и издал он отнюдь не панический вопль, а выкрикнул нечто похожее на заклинание:

— *Мортмордре!*

что-то громадное, зеленое, сверкающее вырвалось из того пятна мрака, в которое Гарри пытался проникнуть взглядом, оно пронеслось над верхушками деревьев и взлетело в небо.

— Что за… — охнул Рон, вскакивая на ноги и уставясь на появившуюся диковину.

На какую-то долю секунды Гарри подумалось, что это еще одна композиция, выстроенная лепреконами, но тут он разобрал, что она изображала колоссальных размеров череп, образованный чем-то наподобие изумрудных звезд, со змеей, высунувшейся изо рта, словно язык. Пока друзья смотрели, сияющий оскал поднимался все выше и выше, пылая в облаке зеленоватой дымки и выделяясь на черном небе, будто новое созвездие.

Лес вокруг взорвался криками. Гарри не понимал, в чем причина — неужели из-за черепа? Тот взлетел уже настолько высоко, что мог бы осветить весь лес, словно жуткая неоновая вывеска. Гарри поискал глазами того, кто своим колдовством создал этот череп, но никого не увидел.

— Эй, кто там? — позвал он снова.

— Гарри, давай, пошли! — Гермиона ухватила его за куртку и потащила назад.

— Да что случилось? — встревожился Гарри, увидев ее бледное, испуганное лицо.

— Это Черная Метка, Гарри! — Гермиона волочила его за собой, насколько хватало сил. — Знак Сам-Знаешь-Кого!

— Волан-де-Морта?

— Гарри, скорее!

Гарри повернулся, Рон поспешно прибрал своего малютку-Крама, и все трое побежали через поляну. Но, прежде чем они успели сделать несколько торопливых шагов, послышалась целая серия хлопков, и человек двадцать волшебников, возникнув прямо из воздуха, окружили их.

Мгновенно обернувшись вокруг, Гарри был вынужден признать неприятный факт: каждый из этих волшебников уже держал в руках палоч-

ку, и все эти палочки были направлены на него, Рона и Гермиону. Не теряя времени, он заорал: «Ложись!», бросился на друзей и повалил их на землю.

— *Окаменей!* — проревели двадцать голосов.

Ударила слепящая канонада вспышек, и Гарри почувствовал, что волосы у него на голове зашевелились, словно от порыва сильного ветра. Приподняв голову на четверть дюйма, он увидал над собой перекрещивающиеся огненно-красные трассы — они вылетали из волшебных палочек, ударялись о стволы деревьев и рикошетом уносились во тьму.

— Стой! — загремел знакомый голос. — Прекратите! Это мой сын!

Зловещий ветер перестал трепать волосы Гарри; он приподнял голову чуть выше. Стоявший перед ним волшебник опустил палочку. Гарри повернулся и увидел мистера Уизли, испуганно спешившего к ним.

— Рон… Гарри… — Его голос дрожал. — Гермиона… С вами все в порядке?

— Отойди с дороги, Артур, — раздался холодный резкий голос.

Это был мистер Крауч. Он подошел вместе с остальными волшебниками из Министерства.

Гарри поднялся ему навстречу. Лицо мистера Крауча окаменело от ярости.

— Кто из вас это сделал? — зарычал он. Его колючий взгляд обежал троих друзей. — Кто из вас наколдовал Черную Метку?

— Мы этого не делали! — выпалил Гарри.

— Мы вообще ничего не делали! — гневно добавил Рон, потирая локоть и с негодованием глядя на отца. — Почему вы на нас напали?

— Не лгите, сэр! — каркнул мистер Крауч. Его волшебная палочка по-прежнему смотрела на Рона, а глаза были выпучены — похоже, начальник Отдела сотрудничества был слегка не в себе. — Вас застигли на месте преступления!

— Барти, — шепнула колдунья в длинном шерстяном халате, — это же дети, Барти, они бы никогда такого не…

— Кто из вас троих видел, откуда появилась Черная Метка? — перебил ее мистер Уизли.

— Вон оттуда, — с дрожью сказала Гермиона, указывая на то место, откуда они слышали голос. — Там кто-то был за деревьями… прокричал какие-то слова… какое-то заклинание…

— Так, значит, вон там он стоял, я правильно понял? — Выкаченные глаза мистера Крауча теперь впились в Гермиону, все его лицо выражало

недоверие. — Значит, выкрикнул заклинание? что-то, мисс, вы подозрительно много знаете о том, как появилась Метка.

Но, похоже, за исключением мистера Крауча, никто из министерских волшебников уже не верил сомнительному предположению, что это Гарри, Рон и Гермиона своим колдовством вызвали череп; напротив, после слов Гермионы они опять подняли волшебные палочки и прицелились в том направлении, которое она указала, вглядываясь в темноту за деревьями.

— Мы опоздали, — покачала головой колдунья в шерстяном халате. — Они уже трансгрессировали.

— Я так не думаю, — возразил волшебник с косматой каштановой бородой — это оказался Амос Диггори, отец Седрика. — Наши парализующие заклятия накрыли те деревья — вполне вероятно, что мы их достали.

— Амос, осторожно! — раздались тревожные голоса, когда мистер Диггори расправил плечи, поднял палочку, пересек поляну и скрылся в темноте. Гермиона наблюдала за ним, прижав ладони ко рту.

Спустя несколько секунд из зарослей раздался возглас:

— Есть! Мы их взяли! Один здесь! Без сознания! Это… но… ах, чтоб тебя…

— Ты кого-то поймал? — недоверчиво отозвался мистер Крауч. — Кого? Кто это?

Хруст веток, шорох листьев, звук шагов — и мистер Диггори вновь появился из-за деревьев. В руках он нес какое-то маленькое обмякшее тело. Гарри тотчас узнал приметное чайное полотенце. Это была Винки.

Мистер Крауч не шелохнулся и не проронил ни слова, когда мистер Диггори положил эльфа у его ног. Несколько мгновений он пребывал в оцепенении, по лицу разлилась страшная бледность, горящий взгляд был устремлен на Винки; затем к нему снова вернулось самообладание.

— Быть не может, — выдохнул он. — Нет…

Крауч обошел мистера Диггори и быстрым шагом отправился к тому месту, где была найдена Винки.

— Без толку, мистер Крауч, — сказал ему вслед мистер Диггори. — Там больше никого нет.

Но мистер Крауч остался глух к его словам. Он принялся рыскать, шурша листьями, по кустам вокруг злополучной поляны.

— Н-да, щекотливая ситуация, — мрачно заметил мистер Диггори, поглядывая на неподвижную

фигуру Винки. — Домовой эльф Барти Крауча… То есть я хочу сказать…

— Прекрати, Амос, — негромко сказал мистер Уизли. — Не думаешь же ты в самом деле, что это был эльф. Черная Метка — дело рук волшебника. Для этого требуется волшебная палочка.

— Ну да, — ответил мистер Диггори, — у нее и была палочка.

— Что?

— Вот посмотри! — Мистер Диггори вынул и показал мистеру Уизли волшебную палочку. — Была у нее в руке. Так что вот уже для начала нарушение третьего пункта «Закона о применении волшебных палочек»: «Никаким нечеловеческим существам не разрешается ношение или использование волшебной палочки».

Тут последовал еще один хлопок, и рядом с мистером Уизли трансгрессировал Людо Бэгмен. Запыхавшийся и растерянный, он задрал голову, таращась на изумрудно-зеленый череп.

— Черная Метка! — просипел он, вопрошающе повернувшись к коллегам, и едва не наступил на Винки. — Кто это сделал? Вы поймали их? Барти! Что происходит?

Мистер Крауч возвратился с пустыми руками. Лицо его все еще оставалось мертвенно-белым,

а руки и несравненные усы щеточкой подергивались.

— Ты где был, Барти? — спросил Бэгмен. — Почему тебя не было на матче? Твой эльф занимал тебе место, сожри меня горгулья! — Бэгмен наконец заметил Винки, лежавшую у его ног. — А с ней-то что?

— Я был занят, Людо, — мистер Крауч отвечал сквозь судорогу, едва шевеля губами, — а мой эльф оглушен заклятием.

— Оглушен? Вами оглушен? Но зачем?..

И тут на круглом блестящем лице Бэгмена проступила догадка — он вновь посмотрел вверх, на череп, потом вниз, на Винки, и затем на мистера Крауча.

— Нет! — воскликнул он. — Винки? Наколдовала Черную Метку? Да она не знает, как это делается! И для такого дела, как минимум, нужна палочка!

— Была у нее палочка, — проворчал мистер Диггори. — Я нашел ее с палочкой в руках. Если вы в порядке, мистер Крауч, думаю, нам стоит послушать, что она нам скажет.

Крауч даже бровью не повел в знак того, что слышал мистера Диггори, но тот, очевидно, воспринял это молчание как согласие. Взяв свою

собственную палочку, он прикоснулся к Винки и произнес:

— *Оживи!*

Винки слабо пошевелилась. Открыв громадные карие глаза, она ошеломленно заморгала, дрожа и оглядывая молчащих волшебников, села, уставившись на сапоги мистера Диггори, потом медленно и боязливо подняла взгляд к его лицу и еще медленней посмотрела в небо. Плывущий в вышине череп парно отразился в ее остановившихся глазах. Винки тяжко вздохнула и разразилась бурными рыданиями.

— Эльф! — сурово произнес мистер Диггори. — Ты знаешь, кто я такой? Я член Комиссии по регулированию и контролю за магическими существами!

Винки заерзала по земле, прерывисто дыша. Гарри это сразу напомнило Добби — он точно так же вел себя, совершив, по его мнению, какую-то провинность.

— Как видишь, эльф, здесь кто-то недавно наколдовал Черную Метку, — продолжал мистер Диггори. — А тебя обнаружили минуту спустя на этом самом месте! Объяснись, будь любезна!

— Я… я… я этого не делать, сэр! — воскликнула Винки. — Я не знать, как это делать, сэр!

— Тебя нашли с палочкой в руках! — рявкнул мистер Диггори, угрожающе потрясая перед ней обнаруженной уликой. На палочку упал зеленоватый свет, заливавший лес, и Гарри неожиданно узнал ее.

— Ой, да это же моя! — охнул он.

Все, кто был на прогалине, повернулись к нему.

— Прошу прощения? — не веря своим ушам, спросил мистер Диггори.

— Это моя палочка! — объяснил Гарри. — Я где-то выронил ее!

— Выронил? — с недоверием переспросил мистер Диггори. — Это что, признание? Ты ее выбросил после того, как наколдовал Черную Метку?

— Амос, подумай, с кем ты разговариваешь! — сердито одернул его мистер Уизли. — Что, по-твоему, Гарри Поттер способен наколдовать Черную Метку?

— Э-э-э… конечно, нет, — промямлил мистер Диггори. — Извини… продолжай… Значит, ты выронил ее…

— Да, но не здесь. — Гарри показал большим пальцем в сторону той самой купы деревьев, над которой завис череп. — Я хватился ее, как только

мы вошли в лес.

— Итак… — Взгляд мистера Диггори снова ожесточился, едва он обратился к Винки, съежившейся у его ног. — Ты нашла эту волшебную палочку, эльф? Ты ее подобрала и задумала с ней поразвлечься, да?

— Я не делать магии с ней, сэр! — взвизгнула Винки, слезы в два ручья обтекали ее нос картошкой. — Я… моя… я просто подняла ее, сэр! Я не делать Черная Метка, сэр, я не знать как!

— Это была не она! — заявила Гермиона. Она волновалась, обращаясь ко всем этим министерским волшебникам, но от этого говорила еще решительней. — У Винки тихий писклявый голос, а тот, что произнес заклинание, был гораздо сильнее! — Гермиона оглянулась за поддержкой к Гарри и Рону. — Он совсем не походил на голос Винки, ведь так?

— Так, — согласился Гарри. — Это определенно был не голос эльфа.

— Да, это был голос человека, — подтвердил Рон.

— Ладно, сейчас мы это выясним, — проворчал мистер Диггори — похоже, друзьям не удалось его убедить. — Очень просто выявить последнее заклинание, произведенное палочкой; эльф, тебе

об этом известно?

Винки задрожала и неистово затрясла головой, отчего ее уши захлопали, как крылья, а мистер Диггори приставил свою волшебную палочку концом к концу к палочке Гарри.

— *Приор Инкантато!* — скомандовал он.

Чудовищный змееязыкий череп вырвался из места соединения палочек; Гермиона с ужасом втянула в себя воздух, однако это была лишь тень той зеленой громадины, что нависала над ними; этот череп был словно соткан из густого серого дыма — не более чем призрак ушедшего заклинания.

— *Делетриус!* — приказал мистер Диггори, и дымный череп растаял, как туманное облако. — Ну вот, — сказал мистер Диггори с ноткой свирепого торжества, глядя на судорожно трясущуюся Винки.

— Я не делать этого! — пропищала она, вращая от страха глазами. — Я — нет, моя — нет, я не знать как! Я хороший эльф, я не пользуйся палочка, я не знать как!

— Тебя взяли с поличным, эльф! — проревел мистер Диггори. — Поймали с орудием преступления в руках!

— Амос, — воззвал к его благоразумию мистер

Уизли, — ты вот о чем подумай — считанное число волшебников владеют этим заклинанием… ну где она могла ему выучиться?

— Может быть, Амос хочет нас убедить, — вдруг заговорил мистер Крауч с холодной злостью в голосе, — что я завел порядок обучать своих слуг вызывать Черную Метку?

Воцарилось очень неприятное молчание. Амос Диггори, похоже, испугался:

— Мистер Крауч… да нет… вовсе нет…

— Ты готов обвинить тех, кто на этой поляне менее всего способен наколдовать Черную Метку, — Гарри Поттера и меня. Полагаю, ты знаком с историей этого мальчика?

— Конечно… это все знают… — пролепетал мистер Диггори, чувствуя себя до крайности неловко.

— И я надеюсь, ты помнишь, что за свою долгую карьеру я много раз доказывал, что ненавижу и презираю Темные Искусства и тех, кто их практикует? — Глаза мистера Крауча снова полезли из орбит.

— Мистер Крауч, я… я никогда и не утверждал, что вы имеете к этому какое-то отношение! — пробормотал Амос Диггори, пунцово краснея за своей косматой бородой.

— Если ты обвиняешь моего эльфа, ты обвиняешь меня, Диггори! — не унимался мистер Крауч. — У кого еще домовой эльф мог научиться колдовству?

— Она… она могла… да где угодно она могла этого нахвататься…

— Вот именно, Амос, — вмешался мистер Уизли. — «Она могла нахвататься где угодно»… Винки, — доброжелательно обратился он к эльфу, но та вздрогнула, будто он тоже закричал на нее, — где точно ты нашла палочку Гарри?

Винки так отчаянно крутила край своего чайного полотенца, что казалось, оно сейчас разорвется под ее пальцами.

— Я… я находить… находить ее здесь, — прошептала она, — здесь… под деревьями, сэр…

— Видишь, Амос? Кто бы ни создал Черную Метку, он трансгрессировал сразу, как только закончил, а палочку бросил. Разумный ход — своя собственная могла бы его выдать. А Винки имела несчастье подобрать ее мгновеньем позже.

— Но тогда, значит, она находилась в футе от настоящего преступника! — с нетерпением проговорил мистер Диггори. — Эльф! Ты кого-нибудь видела?

Винки затрясло еще сильнее, чем прежде. Ее

огромные глаза перебежали с мистера Диггори на Людо Бэгмена и дальше — на мистера Крауча. Она сглотнула и с трудом вымолвила:

— Я никого не видеть, сэр… никого…

— Амос, — отрывисто произнес мистер Крауч, — я прекрасно понимаю, что ты должен установленным порядком забрать Винки к себе в отдел для допроса. Однако я прошу разрешить мне самому ею заняться.

Было ясно, что мистер Диггори не в восторге от подобного предложения, но отказать мистеру Краучу у него не хватало духу — тот был слишком видной персоной в Министерстве.

— Можешь быть совершенно спокоен — она будет наказана, — холодно добавил мистер Крауч.

— Х-х-хозяин, — запинаясь, пролепетала Винки, глядя на мистера Крауча снизу вверх, ее глаза до краев были наполнены слезами, — х-х-хозяин, пожалуйста…

Но лицо мистера Крауча каждой своей черточкой выражало непреклонную суровость, во взгляде не было ни капли сострадания.

— Сегодня вечером Винки повела себя так, как я считаю недопустимым, — медленно произнес он. — Я велел ей оставаться в палатке, пока буду разбираться с неприятностями. Винки ослуша-

лась меня. Это значит, что она получит одежду.

— Нет! — истошно взвыла Винки, падая ниц. — Нет, хозяин! Не надо одежда, не надо одежда!

Гарри знал, что единственный способ освободить домового эльфа от его обязанностей — это подарить ему что-нибудь из настоящей одежды. Было жалко смотреть, как Винки вцепилась в свое полотенце, рыдая у ног мистера Крауча.

— Но она же боялась! — не выдержав, вспылила Гермиона. — Ваш эльф был напуган высотой и теми волшебниками в масках, которые подняли людей в воздух! Вы не можете винить ее за то, что она хотела убежать от них! Мистер Крауч отступил от Винки, как будто боялся испачкать об нее свои сверкающие ботинки.

— Мне не нужен домовой эльф, не исполняющий моих распоряжений, — процедил он ледяным тоном, глядя на Гермиону. — Я не нуждаюсь в слуге, который забывает о своем долге и не дорожит репутацией хозяина.

Винки рыдала с такой силой, что эти звуки эхом отдавались по всей поляне.

Наступило тягостное молчание. Нарушил его мистер Уизли, тихо сказавший:

— Ну, я, пожалуй, заберу свою команду и пойду обратно в лагерь, если никто не возражает. Амос,

эта палочка рассказала нам, что могла. Если можно вернуть ее Гарри, то, пожалуйста…

Мистер Диггори протянул палочку Гарри, и тот убрал ее в карман.

— Пойдемте — кивнул им мистер Уизли. Гермиона, однако, все не могла тронуться с места — ее взгляд был прикован к плачущему эльфу.

— Гермиона! — уже настойчивее позвал мистер Уизли. Гермиона повернулась и пошла с прогалины вслед за Роном и Гарри.

— Что будет с Винки? — спросила она, когда они вышли на дорогу.

— Не знаю, — ответил мистер Уизли.

— Но как они обращались с ней! — возмущалась Гермиона. — Мистер Диггори все время называл ее «эльф», а уж мистер Крауч! Он же знает, что она не виновата, и все-таки хочет выгнать ее! Его не заботит, что она была перепугана до смерти — это просто не по-человечески!

— Ну так она и не человек, — заметил Рон. Гермиона с гневом повернулась к нему:

— Это вовсе не значит, что у нее нет чувств, Рон, такой подход омерзителен…

— Гермиона, я согласен с тобой, — поспешил вмешаться мистер Уизли, — но сейчас не время обсуждать права эльфов. Я хочу как можно скорее

вернуться в палатку. Куда делись все остальные?

— Мы их потеряли в темноте, — отозвался Рон. — Пап, отчего все так разволновались из-за этого черепа?

Но мистер Уизли был слишком обеспокоен.

— Я все объясню, когда мы вернемся в палатку. Однако у опушки леса им пришлось задержаться. Тут собралась целая толпа перепуганных волшебников и колдуний, многие из которых, завидев идущего к ним мистера Уизли, кинулись ему навстречу: «Что там творится?», «Кто это наколдовал?», «Артур, это… не ОН?».

— Разумеется, это не он, — устало отвечал мистер Уизли. — Неизвестно, кто это был, они трансгрессировали. А сейчас извините, я хочу пойти и лечь спать.

Вместе с Гарри, Роном и Гермионой он протиснулся сквозь толпу, и вся компания продолжила путь в лагерь. Здесь все затихло, лишь дымились несколько сгоревших палаток.

Из домика мальчиков высунулась голова Чарли.

— Па, что там происходит? — раздался в темноте его голос. — Фред, Джорджи Джинни вернулись, а остальные…

— Я их привел. — Мистер Уизли наклонился и

влез в палатку, за ним Гарри, Рон и Гермиона.

Билл сидел за кухонным столиком, обмотав руку окровавленной простыней; рубашка на Чарли была основательно разодрана, а Перси щеголял разбитым носом. Фред, Джордж и Джинни хотя и дрожали, но были целы и невредимы.

— Вы их поймали, па? — резко спросил Билл. — Тех, кто запустил Черную Метку?

— Нет, — ответил мистер Уизли. — Мы нашли эльфа Барти Крауча с волшебной палочкой Гарри, но никаких следов того, кто наколдовал Метку.

— Что? — одновременно воскликнули Билл, Чарли и Перси.

— Палочка Гарри? — изумился Фред.

— Эльф мистера Крауча? — Перси как громом поразило. С помощью троих друзей мистер Уизли объяснил, что произошло в лесу. Когда они закончили свой рассказ, Перси прямо-таки раздулся от негодования.

— Считаю, что мистер Крауч совершенно прав, избавляясь от такого эльфа! Сбежать, когда ей было ясно сказано оставаться на месте… опозорить его перед всем Министерством! Как бы это выглядело, если бы она предстала перед Комиссией по контролю и регулированию…

— Она ничего плохого не сделала, просто ока-

залась в неподходящее время в неподходящем месте! — напустилась на него задетая за живое Гермиона, хотя она-то всегда неплохо ладила с Перси — честно говоря, гораздо лучше, чем все остальные.

— Гермиона, волшебник такого ранга, как мистер Крауч, не может терпеть рядом эльфа, который, чуть что, начинает как безумный носиться с волшебной палочкой!

— Она не носилась как безумная! — вскипела Гермиона. — Она просто подняла ее с земли!

— Послушайте, кто-нибудь мне наконец объяснит, что за штука этот череп? — нетерпеливо перебил их Рон. — Он-то ни на кого не нападал… Почему из-за него столько шума?

— Я же тебе говорила — это эмблема Сам-Знаешь-Кого, — сказала Гермиона, прежде чем кто-нибудь успел открыть рот. — Я читала об этом во «Взлете и падении Темных Искусств».

— И ее не было видно тринадцать лет, — негромко добавил мистер Уизли. — Немудрено, что людей охватила паника… Все равно как если бы Вы-Знаете-Кто вернулся вновь.

— Вот этого я никак не пойму, — нахмурил брови Рон. — Я имею в виду — это же всего-навсего картинка в небе…

— Рон, Ты-Знаешь-Кто и его сподвижники запускали Черную Метку всякий раз, когда убивали кого-нибудь, — сказал мистер Уизли. — Ужас, который она внушала… Ты и понятия не имеешь, ты был слишком мал. Просто представь, что подходишь к своему дому, видишь парящую над ним Черную Метку и понимаешь, что найдешь внутри… — Мистер Уизли болезненно сморщился. — Все опасались худшего… самого худшего…

На минуту воцарилась тишина. Потом Билл, размотав с руки простыню — посмотреть, как там рана, — сказал:

— Ну, сегодня ночью нам это только помешало, кто бы ее ни наколдовал. Метка спугнула Пожирателей смерти. Они все трансгрессировали, едва ее увидели. Мы не сумели сорвать маску ни с одного, а Робертсов подхватили у самой земли. Им сейчас проводят изменение памяти.

— Пожиратели смерти? — спросил Гарри. — Кто такие Пожиратели смерти?

— Так называют себя последователи Сам-Знаешь-Кого, — пояснил Билл. — Мы, наверное, видели сегодня тех, кто еще уцелел — тех немногих, кто каким-то путем сумел избежать Азкабана.

— У нас нет доказательств, что это были они, — покачал головой мистер Уизли. — Хотя, скорее

всего, так оно и есть, — добавил он безнадежно.

— Да держу пари, это они! — с жаром воскликнул Рон. — Па, мы встретили Драко Малфоя в лесу, и он все равно что признался нам, что его отец — один из этих психов в масках! А всем известно, что Малфои были в ближайшем окружении Сами-Знаете-Кого!

— Но зачем сторонникам Волан-де-Морта, — начал было Гарри, но тут все вздрогнули — как и большинство обитателей волшебного мира, Уизли избегали произносить это имя. — Прошу прощения, — смутился Гарри, — для чего сторонникам Сами-Знаете-Кого поднимать в воздух маглов? Я имею в виду, в чем тут их цель?

— Цель? — невесело усмехнулся мистер Уизли. — Гарри, они так понимают веселье. В прошлом, когда Сам-Знаешь-Кто еще был в силе, маглов убивали просто так, ради забавы. Думаю, они подвыпили этой ночью и не смогли устоять перед желанием напомнить нам, что их еще немало повсюду. Небольшая вечеринка старых приятелей, — закончил он с отвращением.

— Но если это были Пожиратели смерти, почему они трансгрессировали при виде Черной Метки? — недоумевал Рон. — Они должны были обрадоваться, заметив ее, ведь так?

— Пошевели мозгами, Рон, — ответил Билл. — Если это и впрямь были Пожиратели смерти, им ведь пришлось попотеть, чтобы не попасть в Азкабан, когда Сам-Знаешь-Кто потерял силу, надо было врать на все лады, что это он заставлял их убивать и мучить людей. Уверен, если бы он вернулся, они перепугались бы еще почище нашего. Они бойко отрекались от него, стоило ему лишиться могущества, и возвратились к своей обычной жизни. Вот уж не думаю, что он был бы доволен ими!

— Так что же… кто бы ни наколдовал Черную Метку… — задумчиво произнесла Гермиона, — он сделал это в знак поддержки Пожирателей смерти или чтобы разогнать их?

— Мы и сами ломаем голову, Гермиона, — кивнул мистер Уизли. — Могу сказать одно: это заклинание было известно только Пожирателям смерти. Наверняка это совершил тот, кто был когда-то одним из них — независимо от того, кто он сейчас… Слушайте, уже очень поздно, и если мама узнает, что тут у нас произошло, она с ума сойдет от беспокойства. Давайте-ка поспим оставшиеся несколько часов и потом ранним порталом постараемся выбраться отсюда.

Гарри влез на кровать с гудящей головой. Он

знал, что должен чувствовать себя вымотанным, уже три часа утра, но сна у него не было ни в одном глазу, он был совершенно бодр и крайне встревожен.

Три дня назад — а кажется, уже целую вечность — его разбудило жжение в шраме. А сегодня ночью, впервые за тринадцать лет, в небе появилась эмблема Волан-де-Морта. Что все это значит?

Он подумал о письме, которое послал Сириусу перед тем, как покинуть Тисовую улицу. Получил ли тот его? И когда напишет ответ? Гарри лежал, уставясь в брезент потолка, но фантазии о грядущих полетах уже больше не являлись и ничто не помогало заснуть. Чарли давно уже храпел на всю палатку, когда Гарри наконец задремал.

Глава 10

СКАНДАЛ В МИНИСТЕРСТВЕ

Как и обещал, мистер Уизли разбудил всех через несколько часов. Он свернул палатки откровенным волшебством, и вся компания вышла из лагеря. Мистер Робертс, стоявший в дверях коттеджа будто слегка не в себе, помахав друзьям на прощанье, рассеянно произнес:

— Счастливого Рождества…

— С ним все будет нормально, — сказал мистер Уизли. — Иногда после изменения памяти на какое-то время наступает дезориентация… а ему пришлось забыть очень многое…

Подходя к тому месту, где были сложены порталы, они издалека услышали хор нетерпеливых голосов — вокруг диспетчера Бэзила столпилось великое множество колдуний и волшебников, и все шумно требовали отправить их из лагеря как можно скорее.

Мистер Уизли коротко переговорил с Бэзилом, друзья присоединились к очереди и еще до восхода солнца закинули старую автомобильную покрышку обратно на Стотсхед Хилл. Они вновь

прошли через Оттери-Сент-Кэчпоул к «Норе» в предутреннем свете — у приятелей едва хватало сил на вялые реплики, и каждый с вожделением думал о завтраке. За поворотом тропинки, когда впереди уже показалась «Нора», над росистой травой прокатился крик:

— О, слава богу, слава богу!

Миссис Уизли бежала навстречу в домашних тапочках; лицо ее было бледным и встревоженным, в руке — свернутый номер «Ежедневного Пророка».

— Артур! Я так волновалась, просто вся извелась… Она обняла мистера Уизли за шею, «Ежедневный Пророк» выпал из ослабевших рук на землю, и Гарри, опустив глаза, прочитал заголовок «КОШМАРНЫЕ СЦЕНЫ НА ЧЕМПИОНАТЕ МИРА ПО КВИДДИЧУ», дополненный мерцающей черно-белой фотографией Черной Метки, зависшей над вершинами деревьев.

— Вы все целы, — всхлипнула миссис Уизли, отпустив мужа и в смятении оглядывая компанию покрасневшими глазами. — Вы живы… О, мальчики…

Тут, ко всеобщему изумлению, она схватила Фреда и Джорджа и стиснула их в таких жарких объятиях, что они столкнулись лбами.

— Ой! Ма, ты нас задушишь…

— И я кричала на вас перед уходом! — вновь зарыдала миссис Уизли. — Я только об этом и думала! Что, если бы Сами-Знаете-Кто добрался до вас и последним, что я успела вам сказать, был бы упрек за плохие баллы по СОВ! О, Фред… Джордж…

— Ну, Молли, что ты, пойдем, с нами все в порядке. — Мистер Уизли деликатно отстранил жену от близнецов и повел ее к дому. — Билл, — добавил он вполголоса, — подними газету, я хочу посмотреть, что там…

Маленькая кухня оказалась набита до отказа. Гермиона приготовила для миссис Уизли чашку крепчайшего чая, в который по настоянию мистера Уизли влили глоток Огденского Старого Огненного Виски, и Билл протянул отцу газету. Мистер Уизли быстро пробежал глазами первую страницу; Перси заглядывал ему через плечо.

— Этого я и опасался, — с горечью произнес мистер Уизли. — «Ошибка Министерства… преступники не задержаны… небрежность службы безопасности… Темным магам удалось скрыться неопознанными… национальный позор…» Кто все это написал? А… Ну разумеется… Рита Скитер…

— Эта женщина постоянно нападает на Министерство! — воскликнул охваченный праведным гневом Перси. — На прошлой неделе она заявляла, что мы впустую тратим время на крючкотворство по поводу толщины котлов, когда необходимо заниматься истреблением вампиров! Как будто параграфом двенадцатым Директивы по обращению с немагической частью общества конкретно не установлено, что…

— Перси, сделай милость, — зевнул Билл, — заткнись, а?

— Тут и обо мне есть… — Глаза мистера Уизли за стеклами очков широко открылись, когда он дошел до конца статьи.

— Где? — всполошилась миссис Уизли, поперхнувшись своим чаем с виски. — Если бы я видела, я бы хоть знала, что ты жив!

— Имя она не называет… но вот послушай: «Если испуганные волшебники и колдуньи, которые, затаив дыхание, ожидали новостей у опушки леса и надеялись на какие-то разъяснения со стороны Министерства магии, то их постигло жестокое разочарование. Официальный представитель Министерства, подошедший некоторое время спустя после появления Черной Метки, ограничился голословным утверждением, что никто не

пострадал, и от дальнейших комментариев отказался. Достаточно ли подобного заявления для того, чтобы пресечь слухи о нескольких телах, вынесенных из леса часом позже, покажет время». Ну, я вам доложу… — раздраженно произнес мистер Уизли, передавая газету Перси. — «Никто не пострадал…» А что я должен был им сказать? «Слухи о нескольких телах, вынесенных из леса…» Вот теперь точно пойдут слухи… после того, как она это напечатала. Он тяжело вздохнул:

— Молли, мне придется пойти на службу, надо улаживать все это дело.

— Я с тобой, отец, — с важностью проговорил Перси. — У мистера Крауча сейчас каждый человек на счету. И я смогу лично вручить ему свой доклад о котлах.

И он в спешке покинул кухню.

Миссис Уизли ужасно огорчилась:

— Артур, у тебя же отпуск! Ничего там без тебя на службе не произойдет, как-нибудь управятся!

— Мне надо идти, Молли, — еще раз вздохнул мистер Уизли. — Кажется, я наломал дров… Я только переоденусь в мантию и отправлюсь…

— Миссис Уизли, — спросил Гарри, не в силах больше сдерживать нетерпение. — Не появлялась Букля с письмом для меня?

— Букля, дорогой? — рассеянно переспросила миссис Уизли. — Нет… нет, вообще никакой почты не было…

Рон и Гермиона с любопытством покосились на Гарри. Выразительно посмотрев на обоих, он сказал:

— Ничего, если я пойду и занесу вещи к тебе в комнату, Рон?

— Ага… я тоже, пожалуй, пойду, — незамедлительно согласился Рон. — А ты, Гермиона?

— Само собой, — кивнула та, и все трое, выйдя из кухни, быстро зашагали вверх по лестнице.

— Ну, что там, Гарри? — спросил Рон, едва за ними закрылась дверь мансарды.

— Я кое-что вам не рассказал, — заговорил Гарри. — В воскресенье утром я проснулся от того, что у меня снова заболел шрам…

Реакция на это известие оказалась почти в точности такой, какую Гарри представлял себе в спальне на Тисовой улице. Гермиона ахнула и немедленно начала сыпать рекомендациями, ссылаясь на множество соответствующих книг и людей — от Альбуса Дамблдора до мадам Помфри, главной медсестры Хогвартса.

Рон сперва просто онемел.

— Но… его же там не было, верно?.. Сам-Знаешь-

Кого? То есть... ну... в прошлый раз твой шрам разболелся, когда он был в Хогвартсе, ведь так?

— Я уверен, что его не было на Тисовой улице, — ответил Гарри. — Но я видел его во сне — его и Питера — того самого, Хвоста. Всего я сейчас не помню, но они замышляли убить... кого-то.

Какое-то мгновение он колебался, едва не сказав «меня», но не захотел повергать Гермиону в еще больший ужас — его и так было достаточно у нее в глазах.

— Это был только сон, — попытался подбодрить его Рон, — просто ночной кошмар.

— Пусть так — но ведь он был! — возразил Гарри, глядя в светлеющее небо за окном. — Странно, согласись — мой шрам болит, и через три дня Пожиратели смерти устраивают демонстрацию, а в небе снова появляется знак Волан-де-Морта.

— Не-произноси-это-имя! — прошипел Рон сквозь зубы.

Но Гарри даже не обратил внимания. — А помнишь, что сказала профессор Трелони? В конце того года?

Весь ужас во взгляде Гермионы тут же испарился, она презрительно фыркнула:

— Ох, Гарри, неужели ты придаешь значение словам этой старой обманщицы?

— Тебя там не было, — возразил Гарри, — и ты ее не слышала. В тот раз все было по-другому. Я же говорил вам — она впала в транс, самый настоящий. И она сказала, что Темный Лорд воспрянет вновь… м-м-м… величественней и ужасней, чем когда-либо доселе… и в этом ему поможет слуга — в ту ночь Хвост и сбежал.

В наступившей тишине Рон растерянно ковырял в дырке своего постельного покрывала с «Пушками Педдл».

— А почему ты спрашивал, не прилетела ли Букля? — поинтересовалась Гермиона. — Ждешь письма?

— Я написал Сириусу о шраме, — пожал плечами Гарри. — Теперь жду ответа.

— Вот это ты здорово придумал! — сразу оживился Рон. — Уж Сириус-то наверняка знает, что делать!

— Я надеялся, что он мне быстро ответит, — сказал Гарри.

— Но мы же не знаем, где сейчас Сириус… Он может быть и в Африке, и еще дальше, правильно? — резонно заметила Гермиона. — Такого путешествия Букле за пару дней не осилить.

— Да я понимаю, — ответил Гарри, но от зрелища неба без Букли в квадрате окна ему было

тяжело на душе.

— Пойдем, сыграем в квиддич в саду, — предложил Рон. — Давай три на три. Билл, Чарли, Фред, Джордж — никто не откажется, сможешь попробовать финт Вронского…

— Рон, — заявила Гермиона ее характерным тоном «напряги-свою-тупую-голову», — Гарри не хочет сейчас играть в квиддич… он устал и встревожен… да и всем нам необходимо поспать…

— Почему же, я хочу сыграть в квиддич, — неожиданно согласился Гарри. — Подожди, я сейчас возьму «Молнию».

Гермиона вышла из комнаты, пробормотав что-то очень похожее на «мальчишки».

На следующей неделе и мистер Уизли, и Перси дома почти не бывали. Каждое утро оба уходили еще до того, как все остальные вставали, и возвращались поздно вечером после ужина.

— Это был полный бедлам, — со значительным лицом поведал Перси. Дело было в воскресенье вечером, накануне отъезда в Хогвартс. — Всю неделю я только и занимался тем, что гасил огонь — люди непрерывно присылают громовещатели, а те, естественно, если их сразу не вскрыть, взрываются. У меня весь стол в подпалинах, а любимое перо сгорело дотла.

— А почему они все присылают громовещатели? — спросила Джинни, которая подклеивала волшебным скотчем свой экземпляр «Тысячи магических трав и грибов», сидя на коврике у камина в гостиной.

— Выражают недовольство службой безопасности на Чемпионате мира, — ответил Перси. — Требуют компенсации за испорченное имущество. Наземникус Флетчер предъявил иск об ущербе, нанесенном палатке с двенадцатью ванными комнатами, оборудованными не помню сколькими джакузи, хотя я точно знаю, что на самом деле он спал под мантией, растянутой на колышках.

Миссис Уизли взглянула на дедушкины часы в углу. Гарри эти часы очень нравились. Правда, узнать по ним время было совершенно невозможно, зато у них были иные, очень полезные свойства. Там было девять золотых стрелок, и на каждой было вырезано имя одного из членов семьи Уизли. Цифры на циферблате отсутствовали, но имелись надписи, кто где находится. Тут можно было видеть «дом», «школа», «работа» и, кроме того, «потерялся», «больница», «тюрьма», а на том месте, где положено быть двенадцати часам, — «смертельная опасность».

Сейчас восемь стрелок стояли на позиции

«дом», но самая длинная, с именем мистера Уизли, никак не желала сдвинуться с отметки «работа». Миссис Уизли вздохнула.

— Твоему отцу не приходилось работать по выходным со времен Сам-Знаешь-Кого, — сказала она. — Они просто заваливают его работой. Он останется без ужина, если сейчас не явится.

— Ну, папа считает, что должен исправить ошибку, допущенную после матча, — отозвался Перси. — Но если уж говорить правду, это было не очень-то разумно — делать публичные заявления, не проконсультировавшись предварительно с начальником отдела.

— Не смей обвинять отца за то, что написала эта гнусная Скитер! — тотчас же вспыхнула миссис Уизли.

— Если бы Па промолчал, то старушка Рита непременно написала бы, что это стыд и срам — никто из Министерства не сделал никаких заявлений, — подал голос Билл, игравший с Роном в шахматы. — Рита Скитер еще ни о ком доброго слова не сказала. Помните, она однажды брала интервью у всех ликвидаторов заклятий в «Гринготтсе» — так обозвала меня долговязым волосатиком.

— Ну, волосы у тебя действительно немного

длинноваты, — мягко заметила миссис Уизли. — Если бы ты только позволил мне…

— Нет, мам.

В окно хлестал дождь. Гермиона сидела, погруженная в «Учебник по волшебству. Четвертый курс», купленный миссис Уизли для нее, Гарри и Рона в Косом переулке, Чарли штопал прожженный вязаный шлем, Гарри полировал «Молнию» щетками из набора по уходу за метлой — подарка Гермионы к его тринадцатому дню рождения. Фред и Джордж, засев в дальнем углу, достали перья и о чем-то заговорщически перешептывались, склонив головы над листом пергамента.

— Вы чем это там заняты? — Миссис Уизли с подозрением взглянула на близнецов.

— Домашним заданием, — туманно ответил Фред.

— Не смеши меня, вы пока еще на каникулах.

— Ну да, мы тут кое-чего вовремя не успели… — подтвердил Джордж.

— А вы случаем не пишете новый бланк заказов, а? — с недоверием спросила миссис Уизли. — Может, собираетесь снова взяться за свои «Ужастики Умников Уизли»?

— Ах, Ма, — произнес Фред со страданием во взгляде, — ты только представь — если завтра

«Хогвартс-Экспресс» потерпит крушение и мы с Джорджем погибнем, каково тебе будет вспоминать, что последними словами, которые мы от тебя услышали, были несправедливые упреки?

Все засмеялись, даже миссис Уизли.

— О, ваш папа идет! — воскликнула она неожиданно, вновь посмотрев на часы.

Стрелка мистера Уизли переместилась с «работы» на «в пути», а через секунду, дрогнув, замерла вместе со всеми, указывая на «дома», и из кухни послышался знакомый голос.

— Иду, Артур! — откликнулась миссис Уизли и торопливо вышла из комнаты.

Минутой позже и сам мистер Уизли вошел в теплую гостиную с обеденным подносом в руках. Вид у него был совершенно изнуренный.

— Ну, у нас заварилась каша, — сказал он миссис Уизли, опустившись в кресло у камина и без всякого интереса ковыряя вилкой в подостывшей цветной капусте. — Рита Скитер всю неделю вынюхивала, в каких бы еще грехах обвинить Министерство, и вот наткнулась на историю об исчезновении бедной Берты — уж теперь она закатит заголовок в завтрашнем «Пророке»! А ведь я давным-давно говорил Бэгмену, что нужно послать кого-нибудь на поиски.

— Мистер Крауч говорил то же самое много-много раз, — сейчас же вставил Перси.

— Краучу невероятно повезло, что Рита не докопалась до всего этого дела насчет Винки, — раздраженно пробурчал мистер Уизли. — Это была бы сенсация недели — его домашний эльф пойман с той самой палочкой, которая наколдовала Черную Метку.

— Я думал, все согласны, что эльф, несмотря на невменяемость, не запускала Метки! — мгновенно взъерепенился Перси.

— А по-моему, мистеру Краучу страшно повезло, что никто из «Ежедневного Пророка» не знает о его бессовестном обращении с эльфами! — сердито заявила Гермиона.

— Но послушай, Гермиона, — сорвался в бой Перси. — Такой высокопоставленный чиновник Министерства, как мистер Крауч, имеет право требовать беспрекословного повиновения от своих слуг.

— Своих рабов, ты хочешь сказать! — повысила голос Гермиона. — Ведь он не платит Винки, правильно?

— Думаю, вам лучше пойти наверх и проверить, все ли вещи уложены, — вмешалась в дискуссию миссис Уизли. — Давайте-ка, сходите

и посмотрите…

Гарри собрал свой набор по уходу за метлой, забросил «Молнию» на плечо и вместе с Роном пошел к лестнице. В мансарде дождь и завывания ветра были еще слышнее, и это не считая периодических стонов престарелого упыря на чердаке. При их появлении Сыч тут же заверещал и снова принялся носиться по клетке — вид наполовину упакованных чемоданов поверг его в крайнее возбуждение.

— Кинь ему совиных вафель, — Рон перебросил Гарри пакет через кровать. — Может, он заткнется.

Гарри протолкнул несколько вафель через прутья клетки и повернулся к своему чемодану. Рядом, по-прежнему пустая, стояла клетка Букли.

— Уже больше недели, — вздохнул Гарри, глядя на покинутый совиный насест. — Рон, как думаешь, Сириуса не схватили?

— Да нет, это точно было бы в «Пророке» — Министерство уж не упустило бы шанс раззвонить, что они поймали хоть кого-то, верно?

— Да, пожалуй…

— Посмотри-ка, вот это мама накупила для тебя в Косом переулке… И еще она взяла для тебя

немного денег из твоего сейфа… и выстирала все твои носки.

Рон вывалил на раскладушку груду свертков, а сверху бросил кошелек и кучу носков. Гарри стал разворачивать покупки. Кроме «Учебника по волшебству» Миранды Гуссокл он получил связку новых перьев, дюжину свитков пергамента и недостающие ингредиенты для составления зелий — у него были на исходе хребты рыбы-льва и экстракт белладонны. Но только Гарри принялся укладывать белье в котел, как за его спиной Рон взвыл с отвращением:

— Это еще что такое?

Он держал в руках нечто похожее на длинное темно-бордовое бархатное платье с заплесневелой на вид кружевной тесьмой на воротнике и такими же кружевными манжетами.

Тут раздался стук в дверь, и вошла миссис Уизли с кипой свежевыстиранных хогвартских мантий.

— Это вам, — сказала она, раскладывая их на две стопки. — Постарайтесь положить их так, чтобы они не смялись.

— Ма, ты мне подсунула новое платье Джинни, — с этими словами Рон показал находку матери.

— Это никакое не платье, — терпеливо ответила миссис Уизли. — Это для тебя. Выходная мантия.

— Что? — с ужасом спросил Рон.

— Выходная мантия, — повторила миссис Уизли. — В школьном списке сказано, что в этом году вам положено иметь парадную мантию… для официальных случаев.

— Да что у тебя за шутки? — Рон все еще отказывался верить. — Никогда я этого не надену.

— Все их носят, Рон. — Миссис Уизли начала сердиться. — И всем нравится! У твоего отца таких несколько для приемов!

— Я лучше пойду голым, чем в таком, — уперся Рон.

— Не болтай глупостей, — настаивала миссис Уизли. — Тебе положено иметь выходную мантию, она есть в списке! Я и Гарри тоже купила… Гарри, покажи ему…

Гарри с опаской развернул последний пакет. Все оказалось не так страшно — на его выходной мантии не было ни кружев, ни рюшек, она более или менее походила на простой школьный наряд, за исключением того, что была не черного, а бутылочно-зеленого цвета.

— Я выбирала под цвет твоих глаз, — с нежно-

стью пояснила миссис Уизли.

— Ну, вот эта-то нормальная! — возмутился Рон, глядя на мантию Гарри. — Почему, спрашивается, мне нельзя что-нибудь в том же роде?

— Потому… ну, словом, для тебя приходится покупать подержанные вещи, а там выбор невелик, — покраснев, сказала миссис Уизли.

Гарри отвернулся. Он был готов разделить с семьей Уизли все свое золото из сейфа в «Гринготтсе», но прекрасно знал, что они нипочем не возьмут его денег.

— Я ни за что не стану этого носить, — стоял на своем Рон. — Ни за что.

Но тут уж у миссис Уизли лопнуло терпение:

— И прекрасно! Ходи голый! Гарри, непременно сделай его снимок в таком виде, — может, когда-нибудь посмотрю и посмеюсь.

Она вышла, захлопнув дверь. Сзади послышался странный булькающий звук — Сыч подавился огромным куском совиной вафли.

— И почему мне всегда достается всякий хлам? — со злостью произнес Рон и отправился прочищать Сычику клюв.

Глава 11

«ХОГВАРТС-ЭКСПРЕСС»

Когда Гарри проснулся на следующее утро, в воздухе витала ясно ощутимая хандра по случаю окончания каникул. Сильный дождь по-прежнему барабанил в окна. Они натянули джинсы и свитера — переодеваться в школьные мантии им предстояло уже в «Хогвартс-Экспрессе».

Гарри, Рон, Фред и Джордж как раз спустились на первый этаж, собираясь идти завтракать, когда в двух шагах от лестницы показалась обеспокоенная миссис Уизли.

— Артур! — позвала она, подняв голову. — Артур! Срочное сообщение из Министерства!

Гарри спешно вжался в стену — мистер Уизли, в мантии задом наперед, с грохотом промчался мимо и скрылся из виду. Войдя на кухню, Гарри и все остальные увидели, как хозяин дома торопливо роется в ящиках кухонного стола — «У меня где-то здесь было перо!» — и затем он склонился к огню, обращаясь к…

Туг Гарри протер и вновь открыл глаза, желая убедиться, что они его не обманывают.

В очаге зависла голова Амоса Диггори, похожая на большое бородатое яйцо. Она что-то быстро говорила, не обращая ни малейшего внимания на летящие вокруг искры и языки пламени, лижущие уши.

— Соседи-маглы услышали удары и стрельбу и вызвали этих, как ты их называешь, полицейских… Артур, бросай там все…

— Сию минуту! — запыхавшись, произнесла миссис Уизли, подбегая к мистеру Уизли с куском пергамента, пузырьком чернил и помятым пером.

— Нам еще здорово повезло, что я услышал об этом, — продолжала голова. — Мне случилось пораньше зайти в офис, отослать парусов, смотрю — что за черт? — на выходе вся Комиссия по злоупотреблению магией. Если об этом пронюхает Рита Скитер, Артур…

— А что говорит Грозный Глаз, что там произошло? — спросил мистер Уизли, откупоривая бутылочку с чернилами, окуная перо и готовясь записывать.

Голова мистера Диггори повращала глазами.

— Говорит, что услышал, как кто-то забрался к нему во двор. Вроде бы они собирались залезть в дом, да налетели на его мусорные баки.

— И что же эти баки? — мистер Уизли спешно записывал, брызгая чернилами.

— Подняли адский шум и подожгли весь мусор, насколько я понял, — сказал мистер Диггори, пожав невидимыми плечами. — Один бак еще скакал и взрывался, когда нагрянули полицейские.

Мистер Уизли застонал.

— А злоумышленник?

Голова мистера Диггори вновь повращала глазами.

— Артур, ты же знаешь Грозного Глаза. Ну кому понадобился его двор глухой ночью? Да скорее всего какая-нибудь чокнутая кошка бродила поблизости и залезла в картофельные очистки. Но если Комиссия по злоупотреблению возьмет Грозного Глаза в оборот, уж ему не поздоровится — вспомни его прошлое. Нам надо провести его по какому-нибудь второстепенному проступку, что-то по твоему отделу — возьми хотя бы эти взрывающиеся баки!

— Тут нужна осмотрительность, — покачал головой мистер Уизли, сдвинув брови и продолжая торопливо писать. — Грозный Глаз не использовал свою волшебную палочку? Он ни на кого по-настоящему не нападал?

— Держу пари, когда он выпрыгнул из постели, то начал громить колдовством все подряд, до чего смог достать из окна, но им придется попотеть, чтобы доказать это — нет ни одного пострадавшего.

— Ладно, я пошел, — сказал мистер Уизли, засунул пергамент с записями себе в карман и также быстро выскочил из кухни.

Голова мистера Диггори покосилась на миссис Уизли.

— Ты уж извини, Молли, — заговорила она уже более спокойным тоном, — что потревожили в такую рань и все такое… но Артур единственный, кто может освободить Грозного Глаза, а тот должен приступить к новой работе сегодня же… Почему нам и пришлось решать прошлой ночью…

— Не беспокойся, Амос, — ответила миссис Уизли. — Уверена, ты не откажешься от тоста перед уходом.

— О, буду только рад, — отозвался мистер Диггори. Миссис Уизли взяла со стола один из намазанных маслом тостов, ухватила его каминными щипцами и отправила в рот мистеру Диггори.

— Спасибо, — невнятно пробормотал он и с

легким хлопком исчез.

Гарри было слышно, как мистер Уизли торопливо попрощался с Биллом, Чарли, Перси и девочками; меньше чем через пять минут он, уже в правильно надетой мантии и с расческой в руках, снова был на кухне.

— Мне надо спешить. Желаю удачного семестра, мальчики, — сказал мистер Уизли Гарри, Рону и близнецам, накидывая на плечи плащ и готовясь трансгрессировать. — Молли, тебя не затруднит подбросить ребят на Кингс-Кросс?

— Разумеется, нет, — ответила она. — Ты там присмотри за Грозным Глазом, а у нас все будет в порядке.

Мистер Уизли только успел исчезнуть, как в кухню вошли Билл и Чарли.

— кто-то помянул Грозного Глаза? — поинтересовался Билл. — Что там с ним такое?

— Говорит, будто кто-то пытался вломиться к нему в дом прошлой ночью, — сказала миссис Уизли.

— Грозный Глаз Грюм? — задумчиво произнес Джордж, намазывая тост джемом. — Не тот ли это псих…

— Твой папа очень высокого мнения о Грозном Глазе Грюме, — жестко оборвала его миссис

Уизли.

— Ну да, а папа коллекционирует штепсели, — понизив голос, проворчал Фред, когда миссис Уизли вышла из комнаты. — Рыбак рыбака…

— Грюм был великим чародеем в свое время, — возразил Билл.

— Если не ошибаюсь, они с Дамблдором старые друзья, — вспомнил Чарли.

— Ну, Дамблдора в обычном смысле тоже нормальным не назовешь, — не унимался Фред. — То есть я знаю — он гений и все такое…

— Да кто такой Грозный Глаз? — спросил Гарри.

— Он в отставке, раньше работал в Министерстве, — сказал Чарли. — Я встречался с ним однажды, когда отец как-то взял меня с собой на работу. Он был мракоборцем, и одним из лучших… ну, охотником на черных магов, — добавил Чарли, поймав растерянный взгляд Гарри. — Половина камер в Азкабане заполнена благодаря ему. Он нажил себе массу врагов… в основном это семьи тех, кого он схватил… Ну, и как я слышал, к старости он впал в паранойю — никому и ничему не верит, и всюду ему мерещатся черные маги.

Билл и Чарли решили поехать и проводить всю компанию до вокзала Кингс-Кросс. Что касает-

ся Перси, то он с бесконечными извинениями заявил, что ему настоятельно необходимо быть на службе:

— В такой момент я не могу себе позволить неоправданного отсутствия — мистер Крауч только-только начал по-настоящему полагаться на меня…

— Разумеется, и знаешь что, Перси, — серьезно сказал Джордж, — я думаю, он даже вскоре запомнит, как тебя зовут.

Миссис Уизли, набравшись смелости, позвонила с деревенской почты и вызвала три обыкновенных магловских такси, чтобы отвезти их в Лондон.

— Артур пытался достать для нас министерские машины, — шепнула она Гарри, когда они стояли на залитом дождем дворе, наблюдая, как водители перетаскивают шесть тяжеленных чемоданов в свои автомобили, — но там не смогли ничего выделить… ох, дорогой, по-моему, у них очень грустный вид, да?

Гарри не стал говорить миссис Уизли, что магловским таксистам редко доводится возить взволнованных сов, а уж от криков Сыча точно звенело в ушах. Не очень поспособствовало делу и то, что немалая часть хлопушек доктора

Фейерверкуса неожиданно вылетела из-под отскочившей крышки чемодана Фреда и сработала на всю катушку — привело это к тому, что тащивший чемодан водитель завопил от боли и страха, потому что Живоглот с перепугу на всех когтях рванул вверх по его ноге.

Ехать было очень неудобно, учитывая, что пришлось втискиваться на заднее сиденье со своими чемоданами. Живоглот после фейерверка пришел в себя далеко не сразу, и, когда они въезжали в Лондон, Гарри, Рон и Гермиона были изрядно поцарапаны. Друзья с большим облегчением высадились у Кингс-Кросс, несмотря на то что дождь пошел еще сильнее и они вымокли, пока волокли чемоданы через привокзальную толчею.

Теперь Гарри уже привык проходить на платформу 9 3/4. Это было просто — всего лишь пройти прямо сквозь сплошной на вид барьер, разделяющий девятую и десятую платформы. Единственная хитрость заключалась в том, чтобы проделать это незаметно, так, чтобы не привлечь внимания маглов. Сегодня они пошли группами — Гарри, Рон и Гемиона, особенно заметные благодаря Живоглоту и Сычику, отправились первыми — они небрежно оперлись о барьер, словно беззаботно болтая… и боком проскользну-

ли сквозь него — перед ними сразу же возникла платформа 9 3/4

«Хогвартс-Экспресс» — блестящий красный паровоз — выпускал клубы пара, в которых фигуры на платформе виделись смутными тенями. Сыч расшумелся еще громче, отвечая уханью множества сов через туман. Гарри, Рон и Гермиона пошли искать свободные места и скоро погрузили свой багаж в купе в середине состава, потом вновь спрыгнули на платформу попрощаться с миссис Уизли, Биллом и Чарли.

— Я, возможно, увижу вас раньше, чем вы думаете, — усмехнулся Чарли, обнимая Джинни на прощанье.

— Это как же? — мгновенно навострил уши Фред.

— Увидишь, — махнул рукой Чарли. — Только не говори Перси, что я упоминал об этом… как-никак «закрытая информация, пока Министерство не сочтет нужным обнародовать ее»… в конце концов…

— Да уж, хотел бы я вернуться в Хогвартс в этом году, — протянул Билл, засунув руки в карманы и с завистью поглядывая на поезд.

— Почему? — в нетерпении закричал Джордж.

— У вас будет интересный год, — сказал Билл,

сверкнув глазами. — Прямо хоть бери отпуск да поезжай хоть чуть-чуть посмотреть…

— Посмотреть на что? — спросил Рон.

Но в этот момент раздался свисток, и миссис Уизли подтолкнула их к дверям вагона.

— Спасибо за то, что позволили нам погостить у вас, миссис Уизли, — сказала Гермиона, когда они уже зашли внутрь, закрыли дверь и говорили, свесившись из окна.

— Да, спасибо вам за все, миссис Уизли, — закивал Гарри.

— О, я была только рада, мои дорогие, — ответила миссис Уизли. — Я бы пригласила вас и на Рождество… но, думаю, вы все захотите остаться в Хогвартсе… по многим причинам.

— Ма! — раздраженно воскликнул Рон. — Что такое вы втроем знаете, чего мы не знаем?

— Полагаю, все выяснится уже сегодня вечером, — улыбнулась миссис Уизли. — Это так интересно… И я рада, что они изменили правила…

— Какие правила? — завопили Гарри, Рон, Фред и Джордж одновременно.

— Уверена, профессор Дамблдор все вам объяснит… Ведите себя хорошо, вы поняли меня? Ты понял, Фред? А ты, Джордж?

Но тут паровозные поршни и шатуны с громким шипением пришли в движение, и поезд не спеша тронулся.

— Скажите же нам, что такое происходит в Хогвартсе! — заорал из окна Фред, когда миссис Уизли, Билл и Чарли начали медленно удаляться от них. — Какие такие правила они изменили?!

Но миссис Уизли только улыбалась и махала вслед, и, прежде чем состав повернул, она, Билл и Чарли трансгрессировали.

Гарри, Рон и Гермиона вернулись в купе. Дождь струями змеился по оконному стеклу, так что видно ничего не было. Рон открыл чемодан, достал бордовую выходную мантию и набросил ее на клетку Сычика, чтобы приглушить его уханье.

— Ведь Бэгмен хотел сказать нам, что творится в Хогвартсе, — заметил он, усаживаясь рядом с Гарри. — На Чемпионате, помнишь? Но тут и родная мать не хочет говорить. Вот что, однако, странно…

— Ш-ш-ш! — неожиданно перебила его Гермиона, приложив палец к губам и указывая на соседнее купе. Гарри и Рон прислушались и уловили знакомый голос с томно растянутыми интонациями, доносившийся из приоткрытой двери.

— …отец на самом деле подумывал отправить меня скорее в Дурмстранг, нежели в Хогвартс, вы понимаете. Он знаком с директором, разумеется. Ну, вам известно его мнение о Дамблдоре — любителе грязнокровок, а в Дурмстранг эту сволочь на пушечный выстрел не подпускают. Но мама не одобрила идеи отослать меня в школу так далеко. Отец говорит, что в Дурмстранге подход к Темным Искусствам куда более разумный, чем в Хогвартсе — студенты их там действительно изучают, а не занимаются всей этой чепухой по защите, как мы…

Гермиона встала и, на цыпочках подойдя к двери, прикрыла ее, отрезав голос Малфоя.

— Итак, он считает, что ему подошел бы Дурмстранг, я так поняла? — гневно спросила она. — Вот бы и катился туда — нам бы не пришлось его терпеть.

— Дурмстранг — это что, еще одна волшебная школа? — поинтересовался Гарри.

— Ну да, — хмыкнула Гермиона, — и репутация у нее кошмарная. Если верить «Обзору Магического образования в Европе», основное внимание там уделяется Темным Искусствам.

— Сдается мне, я о ней слышал, — неуверенно произнес Рон. — Где она? В какой стране?

— Что, никто не знает? — подняла брови Гермиона.

— Э-э-э… а что? — несколько смутился Гарри.

— Между всеми магическими школами веками существует традиционное соперничество. Дурмстранг и Шармбатон предпочитают скрывать свое местонахождение — чтобы никто не завладел их секретами, — сухо объяснила Гермиона.

— Прекрати! — засмеялся Рон. — Этот Дурмстранг должен быть размером с Хогвартс — как это можно спрятать громадный грязный замок?

— Но Хогвартс-то спрятан, — удивилась Гермиона. — Это каждому известно… каждому, кто читал «Историю Хогвартса», во всяком случае.

— Короче, таким, как ты, — кивнул Рон. — Но все же — как скрыть такое место, как Хогвартс?

— Он заколдован, — сказала Гермиона. — Если на него посмотрит магл, то все, что он увидит, — это осыпающиеся руины и знак при въезде: «НЕ ВХОДИТЬ. ОПАСНАЯ ЗОНА!»

— И Дурмстранг со стороны выглядит просто как развалины?

— Возможно, — пожала плечами Гермиона. — Или на нем маглоотталкивающие чары, как на стадионе, где проходил Чемпионат мира. А чтобы его не обнаружили иностранные волшебники,

его делают ненаносимым.

— Так, пожалуйста, еще раз.

— Ну, ты же можешь заколдовать здание так, чтобы его не было на карте, верно?

— Э-э-э… если ты так говоришь… — согласился Гарри.

— Но я думаю, что Дурмстранг должен быть где-то далеко на севере, — задумчиво сказала Гермиона. — Там, где очень холодно, потому что у них в униформу входит меховой плащ.

— Эх, подумать только, какие были бы возможности, — мечтательно произнес Рон. — Можно было бы легко столкнуть Малфоя с ледника и представить все дело как несчастный случай… жаль только, что мать его любит.

Чем дальше на север уходил поезд, тем сильней и сильней хлестал дождь. Небо было таким темным, а стекла такими запотевшими, что среди дня горели лампы. По коридору забренчала обеденная тележка, и Гарри взял на всех большую пачку кексов в форме котлов.

Ближе к полудню к ним заглянул кое-кто из друзей — в том числе Симус Финниган, Дин Томас и Невилл Долгопупс — круглолицый, фантастически рассеянный мальчик, жертва воспитательной работы грозной колдуньи — его

бабушки. Симус все еще носил свою ирландскую розетку — ее магическая сила заметно ослабела, и хотя она по-прежнему выкрикивала: «Трой! Маллет! Моран!», но уже едва слышно. Примерно через полчаса или около того Гермиона, по горло насытившись бесконечными разговорами о квиддиче, вновь углубилась в «Учебник по волшебству» для четвертого курса и принялась заучивать Манящие чары.

Невилл с завистью слушал, как остальные заново переживают события финала Чемпионата.

— Бабушка не захотела ехать, — убитым тоном произнес он. — Не стала покупать билеты. Странно, правда?

— Да уж, — признал Рон. — Взгляни-ка сюда, Невилл… Забравшись на багажную полку, он пошарил в чемодане и достал миниатюрную фигурку Виктора Крама.

— Ух ты, — восхитился Невилл, когда Рон поставил Крама на его пухлую ладонь.

— Я видел его так же близко, как тебя — мы же были в верхней ложе…

— Первый и последний раз в твоей жизни, Уизли.

В дверях стоял Драко Малфой, а за его спиной маячили его дружки-громилы Крэбб и Гойл. Каж-

дый из них за лето, похоже, вымахал не меньше, чем на фут. Очевидно, они слышали разговор — Дин и Симус оставили дверь полуоткрытой.

— что-то не припомню, чтобы мы тебя приглашали, Малфой, — холодно заметил Гарри.

— Уизли… а это что такое? — спросил Малфой, указывая на клетку Сычика. Рукав злополучной выходной мантии Рона свисал с нее, покачиваясь в такт движению поезда и выставив на всеобщее обозрение полуистлевшее кружево на манжете.

Рон потянулся убрать наряд подальше с глаз, но Малфой оказался быстрее — ухватив за рукав, он дернул мантию к себе.

— Вы только взгляните! — возликовал Малфой, поднимая мантию и показывая ее Крэббу и Гойлу. — Уизли, ты что же, всерьез собирался это носить?! По-моему, это было очень модно году так в одна тысяча восемьсот девяностом…

— Чтоб тебе дерьмом подавиться, Малфой! — Рон сделался примерно одного цвета со своим выходным одеянием и рванул его назад из рук Малфоя. Тот издевательски захохотал. Крабб и Гойл тоже разразились идиотским гоготом.

— Что, собираешься принять участие, Уизли? Хочешь принести немного славы родовому имени? Что ж… там и деньги прилагаются, как

известно… Сможешь позволить себе приличную мантию, если победишь…

— Ты это о чем? — прорычал Рон.

— Ты собираешься принять участие? — повторил Малфой. — А, полагаю, ты хочешь, Поттер? Уж ты никогда не упустишь шанса покрасоваться, верно?

— Или объясни, о чем речь, или убирайся прочь, Малфой, — с раздражением сказала Гермиона поверх учебника.

Радостная улыбка пробежала по бледному лицу Малфоя.

— Только не говорите мне, что вы не знаете! — с восторгом воскликнул он. — У тебя же отец и брат в Министерстве, и ты даже не слышал? Господи боже, да мой отец все рассказал мне сто лет назад!.. Он узнал от Корнелиуса Фаджа. Впрочем, отец всегда общается с высшими чинами Министерства… возможно, твой отец занимает слишком незначительную должность, чтобы его посвящали в подобные вещи, Уизли… да… скорее всего, они просто не обсуждают серьезных дел в его присутствии…

Еще раз захохотав, Малфой кивнул Крэббу и Гойлу и вся троица скрылась.

Рон вскочил и захлопнул за ними дверь купе

с такой яростью, что стекло разлетелось вдребезги.

— Рон! — укоризненно покачала головой Гермиона. Она вынула волшебную палочку, прошептала: «Репаро!» — и осколки, слетевшись вместе, вновь встали в двери целым стеклом.

— Ладно… Делает вид, будто знает все на свете, а мы — олухи, — со злостью проворчал Рон, — Отец общается с высшими чинами… да, Па может получить повышение в любое время… ему просто нравится работать там, где он работает…

— Разумеется, он может, — спокойно сказала Гермиона. — Не позволяй Малфою достать тебя, Рон.

— Это он-то! Достанет меня! Как же, сейчас! — Рон взял один из оставшихся кексов и сплющил его в лепешку.

Рон пребывал в скверном расположении духа до самого конца пути. Он не сказал ни слова, пока они переодевались в школьные мантии, и оставался по-прежнему хмурым, когда «Хогвартс-Экспресс» наконец замедлил ход и остановился в непроглядной темноте на хогсмидской станции.

Лишь только двери поезда отворились, в небе грянул гром. Выходя из вагона, Гермиона завернула Живоглота в мантию, а Рон так и оставил

свой антикварный наряд на клетке Сыча. Ливень был так силен, что они склонили головы и зажмурились — струи стояли стеной и били с таким неистовством, будто над головами кто-то непрерывно опрокидывал бессчетное количество ведер с ледяной водой.

— Эгей, Хагрид! — закричал Гарри, завидев гигантский силуэт в дальнем конце платформы.

— Ты как, в порядке, Гарри? — прогудел Хагрид в ответ, приветственно махая. — Увидимся… ну… на банкете… если мы не того, не потонем!

По традиции Хагрид переправлял первогодков в замок по воде — через озеро.

— О-о-о, и думать не хочу, каково это — пересекать озеро в такую погоду, — поеживаясь, произнесла Гермиона, когда они вместе с остальными брели вдоль темной платформы. Возле станции их поджидала сотня карет без лошадей; Гарри, Рон, Гермиона и Невилл с превеликим удовольствием забрались в одну из них. Дверь с треском захлопнулась, и несколькими минутами позже длинная вереница карет, грохоча и разбрызгивая грязь, покатила по дороге к замку Хогвартс.

Глава 12

ТУРНИР ТРЕХ ВОЛШЕБНИКОВ

Рискованно кренясь под резкими порывами ветра, кареты миновали ворота со статуями крылатых вепрей по бокам и заскрипели по длинной дороге к вершине холма. В окно Гарри видел все ближе и ближе надвигающийся замок, множество его освещенных окон расплывались и мерцали за плотной завесой дождя. Когда их карета остановилась перед громадными парадными дверями резного дуба наверху каменной лестницы, небо перечеркнула вспышка молнии. Те, кто оказались впереди, уже торопились забежать в замок. Гарри, Рон, Гермиона и Невилл спрыгнули на землю и тоже помчались по ступеням, переведя дух лишь под сводами освещенного факелами холла с его величественной мраморной лестницей.

— Вот это да! — Рон потряс мокрой головой — вода лила с него в три ручья. — Если это продлится, того и гляди озеро выйдет из берегов. Я вымок. А, черт!

Тяжелый, красный, полный воды шар упал с

потолка прямо на голову Рону и лопнул. Промокший и бессвязно ругающийся Рон шарахнулся в сторону, толкнув в бок Гарри, и тут как раз упала вторая водяная бомба — едва не зацепив Гермиону, она взорвалась у ног Гарри, подняв волну холодной воды и промочив его до носков. Все, кто стоял вокруг, с криками принялись расталкивать друг друга, стремясь убраться из-под обстрела. Гарри поднял голову и увидел парившего футах в двадцати над ними полтергейста Пивза — маленького человечка в шляпе колокольчиком и оранжевом галстуке-бабочке. Его широкая злобная физиономия была искажена от напряжения — он снова прицеливался.

— ПИВЗ! — загремел сердитый голос. — Пивз, ну-ка спускайся сюда немедленно!

Профессор МакГонагалл, заместитель директора и декан гриффиндорского факультета, стремительно вышла в холл из Большого зала; она поскользнулась на залитом водой полу и была вынуждена ухватиться за Гермиону, чтобы не упасть.

— О, прошу прощения, мисс Грэйнджер…

— Все в порядке, профессор, — с трудом выговорила Гермиона и ощупала горло.

— Пивз, спускайся сюда сейчас же! — рявкнула

профессор МакГонагалл, поправляя свою островерхую шляпу и свирепо глядя вверх сквозь очки в квадратной оправе.

— Ничего не делаю! — прокудахтал Пивз, запустив следующей бомбой в группу пятикурсниц, которые с визгом бросились в Большой зал. — Они все равно уже мокрые, ведь так? Небольшая поливка! — И он пульнул очередным снарядом в компанию только что вошедших второкурсников.

— Я позову директора! — пригрозила профессор МакГонагалл. — Предупреждаю тебя, Пивз!

Пивз высунул язык, швырнул, не глядя, последнюю гранату и унесся прочь вверх по лестнице, кудахча как сумасшедший.

— Ну, пойдемте! — строго обратилась к забрызганным грязью студентам профессор МакГонагалл. — В Большой зал, побыстрее!

Гарри, Рон и Гермиона, оскальзываясь, побрели через холл и дальше, направо, в двойные двери. Рон едва слышно ругался сквозь зубы, убирая с лица мокрые волосы.

Большой зал был, как всегда, великолепен и подготовлен для традиционного банкета по случаю начала семестра. Золотые кубки и тарелки мерцали в свете тысяч свечей, плавающих в

воздухе над приборами. За четырьмя длинными столами факультетов расселись студенты, оживленно переговариваясь; на возвышении, по одну сторону пятого стола, лицом к ученикам, сидели преподаватели. Здесь, в зале, было гораздо теплее. Гарри, Рон и Гермиона, пройдя мимо слизеринцев, когтевранцев и пуффендуйцев, уселись вместе с остальными за гриффиндорский стол рядом с Почти Безголовым Ником — факультетским привидением. Ник, жемчужно-белый и полупрозрачный, сегодня вечером был одет в свой обычный камзол, но зато с необъятных размеров плоеным воротником, служившим одновременно и праздничным украшением, и гарантией того, что его голова не станет уж слишком шататься на не до конца перерубленной шее.

— Добрый вечер, — улыбнулся он друзьям.

— Кто это сказал? — проворчал Гарри, стаскивая с себя кроссовки и выжимая их. — Надеюсь, они не будут слишком тянуть с распределением, не то я умру с голода.

Распределение первокурсников по факультетам проводилось в начале каждого учебного года, но, по странному стечению обстоятельств, Гарри не присутствовал ни на одном, кроме своего

собственного, так что ему хотелось взглянуть на церемонию.

Тут за столом раздался слабый и дрожащий от волнения голос:

— Эгей, Гарри!

Это был Колин Криви, третьекурсник, для которого Гарри был чем-то вроде героя.

— Привет, Колин, — настороженно отозвался Гарри. Этот восторженный почитатель всегда доставлял ему немало хлопот.

— Гарри, ты себе не представляешь! Нет, Гарри, ты только угадай! Поступает мой брат! Мой брат Дэннис!

— Э-э-э… ну… это хорошо, — пробормотал Гарри.

— Он так волнуется! — Колин едва не подпрыгивал на месте. — Надеюсь, он попадет в Гриффиндор! Скрести пальцы на счастье, а, Гарри?

— М-м-м… хорошо, ладно, — согласился Гарри и снова повернулся к Рону, Гермионе и Нику. — Братья и сестры обычно поступают на один и то же факультет, ведь так?

Он судил по семейству Уизли, все семеро представителей которого учились на факультете Гриффиндор.

— Совсем не обязательно, — возразила Гермиона. — Сестра Парвати Патил учится в Когтевране, а ведь они близнецы, так что по твоей теории должны непременно быть вместе.

Гарри посмотрел на преподавательский стол. Кажется, там было намного больше пустых мест, чем обычно. Хагрид, ясное дело, вместе с первокурсниками сейчас боролся со штормом на пути через озеро; профессор МакГонагалл, по всей вероятности, руководила уборкой в холле — но еще одно свободное кресло указывало на отсутствие кого-то неизвестного.

— А где новый преподаватель защиты от темных искусств? — спросила Гермиона, тоже смотревшая на профессоров.

Еще ни один преподаватель защиты от темных искусств не продержался у них больше трех семестров. Гарри больше всех любил профессора Люпина, отказавшегося от должности в прошлом году.

— Может, они не сумели никого найти? — обеспокоенно сказала Гермиона.

Гарри еще раз обежал глазами профессоров — нет, точно, ни одного нового лица. Малютка-профессор Флитвик, преподаватель заклинаний, сидел на высокой стопке подушек рядом с профес-

сором Стебль, преподавателем травологии, чья шляпа сидела набекрень на копне разлетевшихся седых волос. Она беседовала с профессором Синистрой с кафедры астрономии. С другой стороны Синистры восседал желтолицый, крючконосый, с сальными волосами мастер зелий профессор Снегг — самая неприятная для Гарри фигура в Хогвартсе. Отвращение, которое Гарри испытывал к Снеггу, можно было сравнить лишь с той ненавистью, которую Снегг питал к Гарри — и эти взаимные чувства накалились до предела в прошлом году, когда Гарри помог Сириусу сбежать прямо из-под длинного снегговского носа — Снегг и Сириус были заклятыми врагами еще с их школьных времен.

Дальше за Снеггом было свободное место, принадлежащее, как предполагал Гарри, профессору МакГонагалл. А рядом, в самом центре стола, сидел профессор Дамблдор — директор школы. Его длинные серебряные волосы и борода блестели в свете огней, а роскошная темно-зеленая мантия была расшита звездами и полумесяцами. Соединив концы длинных тонких пальцев и положив на них подбородок, словно уйдя мыслями куда-то очень далеко, он устремил взгляд в потолок, глядя сквозь свои очки-половинки. Гарри тоже под-

нял глаза к потолку. Тот, благодаря колдовству, отображал все то, что в самом деле происходило в небе, и никогда еще Гарри не видел его таким хмурым. Там клубились черные и фиолетовые тучи, и вместе с ударами грома снаружи по потолку огненно ветвились молнии.

— Ох, да когда же? — простонал Рон. — Я готов съесть гиппогрифа.

Не успели эти слова слететь с его уст, как двери Большого зала отворились и воцарилась тишина. Профессор МакГонагалл провела длинную цепочку первогодков на возвышенную часть зала. Гарри, Рон и Гермиона хоть и промокли, казались совершенно сухими по сравнению с первокурсниками — можно было подумать, что они не ехали в лодке, а добирались вплавь. Все ежились и от холода, и от волнения, выстроившись шеренгой вдоль преподавательского стола лицом к остальной школе — все, кроме самого маленького мальчика, закутанного в огромное кротовое пальто Хагрида. Пальто было ему настолько велико, что казалось, он выглядывает из черного мехового шатра. Его острое личико, высунувшееся из воротника, было болезненно-взволнованным. Встав в ряд со своими отчаянно нервничающими товарищами, он поймал взгляд

Колина Криви, выставил два больших пальца и свистящим шепотом произнес: «Я упал в озеро!» Он явно этим гордился.

Профессор МакГонагалл выставила перед первокурсниками трехногую табуретку и водрузила на нее необычайно старую, грязную, заплатанную Волшебную шляпу. К ней были прикованы взгляды всего зала. В наступившем молчании у самых ее полей открылась широкая щель наподобие рта, и Шляпа запела:

Наверно, тыщу лет назад, в иные времена,

Была я молода, недавно сшита,

Здесь правили волшебники — четыре колдуна,

Их имена и ныне знамениты.

И первый — Годрик Гриффиндор, отчаянный храбрец,

Хозяин дикой северной равнины,

Кандида Когтевран, ума и чести образец,

Волшебница из солнечной долины,

Малютка Пенни Пуффендуй была их всех добрей,

Ее взрастила сонная лощина

И не было коварней, хитроумней и сильней

Владыки топей — Салли Слизерина.

У них была идея, план, мечта, в конце концов

Без всякого подвоха и злодейства

Собрать со всей Британии талантливых юнцов,

Способных к колдовству и чародейству.

И воспитать учеников на свой особый лад —

Своей закваски, своего помола,

Вот так был создан Хогвартс тышу лет тому назад,

Так начиналась хогвартская школа.

И каждый тщательно себе студентов отбирал

Не по заслугам, росту и фигуре,

А по душевным свойствам и разумности начал,

Которые ценил в людской натуре.

Набрал отважных Гриффиндор, не тру-

сивших в беде,

Для Когтевран — умнейшие пристрастье,

Для Пенелопы Пуффендуй — упорные в труде,

Для Слизерина — жадные до власти.

Все шло прекрасно, только стал их всех вопрос терзать,

Покоя не давать авторитетам —

Вот мы умрем, и что ж — кому тогда распределять

Учеников по нашим факультетам?

Но с буйной головы меня сорвал тут Гриффиндор,

Настал мой час, и я в игру вступила.

«Доверим ей, — сказал он, — наши взгляды на отбор,

Ей не страшны ни время, ни могила!»

Четыре Основателя процесс произвели,

Я толком ничего не ощутила,

Всего два взмаха палочкой, и вот в меня вошли

Их разум и магическая сила.

Теперь, дружок хочу, чтоб глубже ты меня надел,

Я все увижу, мне не ошибиться,

Насколько ты трудолюбив, хитер, умен и смел,

И я отвечу, где тебе учиться!

Когда Волшебная шляпа закончила петь, весь Большой холл загремел аплодисментами.

— Когда распределяли нас, она пела другую песню, — заметил Гарри, хлопая вместе со всеми остальными.

— Она каждый год поет новую, — ответил Рон. — Согласись, это, наверное, довольно скучное занятие — быть Шляпой, так что, я думаю, она целый год сочиняет очередную песню.

Профессор МакГонагалл уже разворачивала длинный свиток пергамента.

— Когда я назову ваше имя, вы надеваете Шляпу и садитесь на табурет, — обратилась она к новичкам. — Когда Шляпа назовет ваш факультет, вы встаете и идете за соответствующий стол.

— Акерли, Стюарт!

Вперед выступил мальчик, явственно дрожащий с головы до пят, взял Волшебную шляпу, надел и сел на табуретку.

— Когтевран! — объявила Шляпа.

Стюарт Акерли снял Шляпу и поспешил к своему месту за когтевранским столом, где все приветствовали его аплодисментами. Гарри уловил случайный взгляд Чжоу ловца команды Когтеврана, что-то одобрительно крикнувшей Стюарту, когда тот усаживался, и на какой-то миг к Гарри вдруг пришло странное желание тоже очутиться за когтевранским столом.

— Бэддок, Малькольм!

— Слизерин!

Стол в противоположном конце холла забурлил от восторга, Гарри видел, как хлопал Малфой, когда Бэддок присоединился к слизеринцам, и невольно задал себе вопрос — а знает ли Бэддок, что именно слизеринский факультет дал больше Темных магов и колдуний, чем все остальные. Фред и Джордж засвистели, как только Малькольм Бэддок сел на свое место.

— Брэнстоун, Элеонора!

— Пуффендуй!

— Колдуэл, Оуэн!

— Пуффендуй!

— Криви, Дэннис!

Крошка Дэннис Криви двинулся вперед, путаясь в хагридовской шубе — тут, кстати, и сам

Хагрид, пытаясь ступать как можно осторожнее, боком протиснулся в зал через дверь позади преподавательского стола. Вдвое выше любого человека и раза в три шире, Хагрид, с его длинными, черными, спутанными космами и бородой, имел довольно устрашающий вид, но это было самое обманчивое в мире впечатление — уж Гарри, Рону и Гермионе был прекрасно известен его добродушный характер. Лесничий подмигнул друзьям, усаживаясь с края преподавательского стола и стал смотреть, как Дэннис Криви надевает Волшебную шляпу. Отверстие над полями раскрылось, и…

— Гриффиндор! — произнесла Шляпа свой вердикт. Хагрид захлопал вместе с гриффиндорцами, когда Деннис, радостно улыбаясь, снял Шляпу, положил ее на место и поспешил к брату.

— Колин, я поступил! — пронзительно закричал он, падая на свободное место рядом. — Это замечательно! А меня кто-то схватил в воде и забросил обратно в лодку!

— Здорово! — не менее возбужденно воскликнул Колин. — Наверное, это был гигантский кальмар, Дэннис!

— Ого! — восхитился Дэннис — похоже, в самых смелых мечтах он и не надеялся на такое приклю-

чение — во время шторма упасть в бушующее бездонное озеро и затем быть поднятым оттуда громадным морским чудовищем.

— Дэннис! Дэннис! Видишь вон того мальчика? Того, с черными волосами и в очках? Видишь его? Знаешь, кто это, Деннис?

Гарри торопливо отвернулся и принялся старательно наблюдать, как Шляпа разбирается с Эммой Ноббс.

Распределение продолжалось. Мальчики и девочки, с большим или меньшим страхом на лицах, один за другим подходили к трехногой табуретке; очередь сокращалась медленно, и пока что профессор МакГонагалл перебралась через букву «О».

— Ох, да скорее же, — вздыхал Рон, массируя себе желудок.

— Ну, Рон, распределение гораздо важнее еды, — попробовал поспорить Почти Безголовый Ник.

— Конечно, если ты уже умер, — огрызнулся Рон.

— Я очень надеюсь, что пополнение Гриффиндора этого года проявит себя достойно, — заметил Почти Безголовый Ник, аплодируя, когда «Макдональд, Натали» присоединилась к гриффиндор-

скому столу. — Мы же не хотим прервать нашу победную серию?

Гриффиндор побеждал в межфакультетском соревновании уже третий год подряд.

— Причард, Грэхэм!

— Слизерин!

— Свирк, Орла!

— Когтевран!

И, наконец, на «Уитби, Кевин!» («Пуффендуй!») Распределение завершилось. Профессор МакГонагалл унесла и Шляпу, и табуретку.

— Самое время, — пробурчал Рон, схватив нож и вилку и с нетерпением уставившись в золотую тарелку.

Поднялся профессор Дамблдор. Он улыбнулся всем студентам, приветственно раскинув руки.

— Скажу вам только одно, — произнес он, и его звучный голос эхом прокатился по всему залу. — Ешьте.

— Верно, верно! — с неподдельным чувством закричали Рон и Гарри, и в это время стоявшие перед ними блюда волшебным образом наполнились.

Почти Безголовый Ник со скорбным видом наблюдал, как Гарри, Рон и Гермиона нагружают свои тарелки.

— А-а-а, от эфо лушше, — пробормотал Рон со ртом, набитым картофельным пюре.

— Вам повезло, что банкет поздно вечером, знаете ли, — продолжил беседу Почти Безголовый Ник. — Тут немного раньше на кухне были неприятности.

— Пошшему? Чшо слушшилось? — поинтересовался Гарри сквозь изрядный ломоть бифштекса.

— Разумеется, дело в Пивзе. — Ник сокрушенно покачал головой, и та опасно заколебалась. Он осторожно передвинул воротник чуть повыше. — Обычная склока, легко можно представить. Пивз выразил желание присутствовать на банкете — тут все ясно, вы его прекрасно знаете — совершеннейший дикарь, не может смотреть на тарелку с едой без того, чтобы не швырнуть ею куда-нибудь. Мы собрали Совет призраков — Толстый Монах был за то, чтобы предоставить ему шанс — хотя, на мой взгляд, куда более мудрой была позиция Кровавого Барона — тот решительно воспротивился.

Кровавый Барон — это слизеринское привидение, долговязый молчаливый фантом, покрытый серебрящимися пятнами крови. В Хогвартсе он был единственным, кого по-настоящему боялся Пивз.

— Мы так и поняли, что Пивз чего-то переел, — мрачно отозвался Рон. — И что же он натворил на кухне?

— О, все как обычно, — пожал плечами Почти Безголовый Ник. — Учинил разгром и скандал. Повсюду раскиданы горшки и кастрюли. Все плавает в супе. Домашние эльфы чуть с ума от страха не посходили.

Блямс! Гермиона опрокинула свой золотой кубок, тыквенный сок разлился по скатерти, сделав несколько футов белого льняного полотна желтым, но Гермиона даже не обратила внимания.

— Здесь есть домашние эльфы? — Она ошеломленно уставилась на Ника. — Здесь, в Хогвартсе?

— Разумеется. — Почти Безголовый Ник был порядком удивлен ее реакцией. — Одна из самых больших общин в Британии — около сотни.

— Но я никогда ни одного не видела! — поразилась Гермиона.

— Вероятно, потому, что днем они почти не покидают кухни, — ответил Ник — Они выходят только ночью, для уборки… присмотреть за факелами, то да се… Я хочу сказать, вы и не должны их видеть… Это ведь и есть признак хорошего домашнего эльфа — что вы его не замечаете, не так ли?

Гермиона вперила в него негодующий взгляд:

— Но им платят? У них есть выходные? А отпуска по болезни, пенсии и все такое?

Почти Безголовый Ник фыркнул с таким изумлением, что его воротник соскользнул и голова свалилась, повиснув на том дюйме призрачной кожи, что все еще удерживал ее на шее.

— Отпуска и пенсии? — переспросил он, водружая голову обратно на плечи и еще раз подпирая ее воротником. — Но домовики вовсе не желают получать отпуска и пенсии!

Гермиона посмотрела на свою тарелку с едой, к которой едва успела притронуться, и отодвинула ее от себя, положив нож и вилку.

— О-м-м, фы фаешь, Эммиончик, — Рон, по-прежнему с набитым ртом, окатил Гарри брызгами йоркширского пудинга. — О-о, ишвини, Арри. — Он сделал могучее глотательное движение. — Гермиона, ты не предоставишь им отпусков, если уморишь себя голодом!

— Рабский труд. — Гермиона буквально задохнулась от гнева. — Вот что создало этот ужин — рабский труд.

И она больше не взяла в рот ни кусочка.

Дождь по-прежнему с силой барабанил в высокие темные окна. От очередного удара грома

задребезжали стекла и на грозовом потолке полыхнула вспышка, озарившая золотые тарелки, исчезнувшие на мгновенье с остатками первых блюд и немедленно вернувшиеся с пирогами.

— Пирог с патокой, Гермиона! — Рон специально помахал над блюдом так, чтобы соблазнительный запах достиг ноздрей Гермионы. — А вот, смотри-ка, пудинг с изюмом! Шоколадное печенье!

Но ответный взгляд Гермионы до того напомнил ему профессора МакГонагалл, что Рон умолк.

Когда были уничтожены и пироги, а со вновь заблестевших тарелок пропали последние крошки, Альбус Дамблдор снова поднялся со своего места. Гудение разговоров, наполнявшее Большой зал, сразу же прекратилось, так что стало слышно лишь завывание ветра и стук дождя.

— Итак, — заговорил, улыбаясь Дамблдор. — Теперь, когда мы все наелись и напились («Хм!» — с сомнением произнесла Гермиона), я должен еще раз попросить вашего внимания, чтобы сделать несколько объявлений. Мистер Филч, наш завхоз, просил меня поставить вас в известность, что список предметов, запрещенных в стенах замка, в этом году расширен и теперь включает в себя

Визжащие игрушки йо-йо, Клыкастые фрисби и Безостановочно-расшибальные бумеранги. Полный список состоит из четырехсот тридцати семи пунктов, и с ним можно ознакомиться в кабинете мистера Филча, если, конечно, кто-то пожелает.

Едва заметно усмехнувшись в усы, Дамблдор продолжил:

— Как и всегда, мне хотелось бы напомнить, что Запретный лес является для студентов запретной территорией, равно как и деревня Хогсмид — ее не разрешается посещать тем, кто младше третьего курса.

Также для меня является неприятной обязанностью сообщить вам, что межфакультетского чемпионата по квиддичу в этом году не будет.

— Что? — ахнул Гарри. Он оглянулся на Фреда и Джорджа, своих товарищей по команде. Те беззвучно разинули рты, уставившись на Дамблдора и, похоже, онемев от шока.

— Это связано с событиями, которые должны начаться в октябре и продолжиться весь учебный год — они потребуют от преподавателей всего их времени и энергии, но уверен, что вам это доставит истинное наслаждение. С большим удовольствием объявляю, что в этом году в Хогвартсе…

Но как раз в этот момент грянул оглушительный громовой раскат и двери Большого зала с грохотом распахнулись.

На пороге стоял человек, опирающийся на длинный посох и закутанный в черный дорожный плащ. Все головы в зале повернулись к незнакомцу — неожиданно освещенный вспышкой молнии, он откинул капюшон, тряхнул гривой темных с проседью волос и пошел к преподавательскому столу.

Глухое клацанье отдавалось по всему залу при каждом его шаге. Незнакомец приблизился к профессорскому подиуму и прохромал к Дамблдору. Еще одна молния озарила потолок. Гермиона охнула, и было от чего.

Вспышка резко высветила черты лица пришельца. Таких лиц Гарри еще не доводилось видеть. Оно словно было вырезано из изъеденного ветрами дерева скульптором, имевшим довольно смутное представление о том, как должно выглядеть человеческое лицо, и вдобавок скверно владевшего резцом. Каждый дюйм кожи был испещрен рубцами, рот выглядел просто как косой разрез, а изрядная часть носа отсутствовала. Но самая жуть была в глазах. Один был маленьким, темным и блестящим. Другой

— большой, круглый как монета и ярко-голубой.

Этот голубой глаз непрестанно двигался, не моргая, вращаясь вверх, вниз, из стороны в сторону, совершенно независимо от первого, нормального глаза — а кроме того, он временами полностью разворачивался, заглядывая куда-то внутрь головы, так что снаружи были видны лишь белки.

Незнакомец подошел к Дамблдору и протянул ему руку, так же, как и лицо, исполосованную шрамами. Директор пожал ее, негромко сказав при этом несколько слов, которые Гарри не расслышал. Похоже, он что-то спросил у вошедшего — тот неулыбчиво покачал головой и тоже вполголоса что-то ответил. Дамблдор кивнул и жестом пригласил его на свободное место по правую руку от себя.

Незнакомец сел, отбросив с лица длинные сивые патлы, и пододвинул к себе тарелку с сосисками; поднял к тому что осталось от его носа и понюхал, после чего достал из кармана маленький нож, подцепил сосиску за конец и начал есть. Его нормальный глаз был устремлен на еду, но голубой без устали крутился в глазнице, озирая зал и студентов.

— Позвольте представить вам нашего нового

преподавателя защиты от темных искусств, — жизнерадостно объявил Дамблдор в наступившей тишине. — Профессор Грюм.

По обычаю, новых преподавателей приветствовали аплодисментами, но в этот раз никто из профессоров или студентов не захлопал, если не считать самого Дамблдора и Хагрида. Их удары ладонью о ладонь уныло прозвучали при всеобщем молчании и скоро затихли. Всех остальных, видимо, настолько поразило необычайное появление Грюма, что они могли только смотреть на него.

— Грюм? — шепнул Гарри Рону. — Грозный Глаз Грюм? Тот самый, которому твой отец отправился помогать сегодня утром?

— Должно быть, — пробормотал Рон благоговейным тоном.

— Что с ним случилось? — прошептала Гермиона. — Что с его лицом?

— Не знаю, — ответил Рон, завороженно глядя на Грюма.

Грозный Глаз остался совершенно равнодушен к такому более чем прохладному приему. Не обращая внимания на стоящую перед ним кружку тыквенного сока, он снова полез в плащ, вынул плоскую походную флягу и сделал из нее поря-

дочный глоток. Пока он пил, задрав локоть, его мантия на пару дюймов приподнялась над полом и Гарри углядел часть точеной деревянной ноги, заканчивающейся когтистой лапой.

Дамблдор вновь прокашлялся.

— Как я и говорил, — он улыбнулся множеству студенческих лиц, все взоры которых были обращены к Грозному Глазу Грюму — в ближайшие месяцы мы будем иметь честь принимать у себя чрезвычайно волнующее мероприятие, какого еще не было в этом веке. С громадным удовольствием сообщаю вам, что в этом году в Хогвартсе состоится Турнир Трех Волшебников.

— Вы ШУТИТЕ! — оторопело произнес Фред Уизли во весь голос, неожиданно разрядив то напряжение, которое охватило зал с самого появления Грозного Глаза.

Все засмеялись, и даже Дамблдор понимающе хмыкнул.

— Я вовсе не шучу, мистер Уизли, — сказал он. — Хотя, если уж вы заговорили на эту тему я этим летом слышал анекдот… словом, заходят однажды в бар тролль, ведьма и лепрекон…

Профессор МакГонагалл многозначительно кашлянула.

— Э-э-э… но, возможно, сейчас не время… н-

да… — Дамблдор почесал кустистую бровь. — Так о чем бишь я? Ах да, Турнир Трех Волшебников. Я тоже, думаю, некоторые из вас не имеют представления о том, что это за Турнир, а те, кто знают, надеюсь, простят меня за разъяснения, и пока могут занять свое внимание чем-нибудь другим.

Итак, Турнир Трех Волшебников был основан примерно семьсот лет назад как товарищеское соревнование между тремя крупнейшими европейскими школами волшебства — Хогвартсом, Шармбатоном и Дурмстрангом. Каждую школу представлял выбранный чемпион, и эти три чемпиона состязались в трех магических заданиях. Школы постановили проводить Турнир каждые пять лет, и было общепризнано, что это наилучший путь налаживания дружеских связей между колдовской молодежью разных национальностей — и так шло до тех пор, пока число жертв на этих соревнованиях не возросло настолько, что Турнир пришлось прекратить.

— Жертв? — тихо переспросила Гермиона, встревоженно осматриваясь, но большинство студентов в зале и не думали разделить ее беспокойство, многие шепотом переговаривались, и даже Гарри гораздо больше интересовали подробности Турнира, чем какие-то несчастные

случаи, произошедшие сотни лет назад.

— За минувшие века было предпринято несколько попыток возродить Турнир, — продолжал Дамблдор, — но ни одну из них нельзя назвать удачной. Тем не менее наши Департаменты магического сотрудничества и магических игр и спорта пришли к выводу, что пришло время попробовать еще раз. Все лето мы упорно трудились над тем, чтобы в этот раз обеспечить условия, при которых ни один из чемпионов не подвергся бы смертельной опасности.

Главы Шармбатона и Дурмстранга прибудут с окончательными списками претендентов в октябре, и выборы чемпионов будут проходить на День Всех Святых. Беспристрастный судья решит, кто из студентов наиболее достоин соревноваться за Кубок Трех Волшебников, честь своей школы и персональный приз в тысячу галлеонов.

— Я хочу в этом участвовать! — прошипел на весь стол Фред Уизли — его лицо разгорелось энтузиазмом от перспективы такой славы и богатства. Он оказался далеко не единственным, кто, судя по всему, представил себя в роли хогвартского чемпиона. За столом каждого факультета Гарри видел людей, с не меньшим восхищением уставившихся на Дамблдора или что-то с жаром

шепчущих соседям. Но тут директор заговорил вновь, и зал опять умолк.

— Я знаю, что каждый из вас горит желанием завоевать для Хогвартса Кубок Трех Волшебников, однако Главы участвующих школ совместно с Министерством магии договорились о возрастном ограничении для претендентов этого года. Лишь студенты в возрасте — я подчеркиваю это — семнадцати лет и старше получат разрешение выдвинуть свои кадидатуры на обсуждение. Это, — Дамблдор слегка повысил голос, поскольку после таких слов поднялся возмущенный ропот — близнецы Уизли, например, сразу рассвирепели, — признано необходимой мерой, поскольку задания Турнира по-прежнему остаются трудными и опасными, какие бы предосторожности мы ни предпринимали, и весьма маловероятно, чтобы студенты младше шестого и седьмого курсов сумели справиться с ними. Я лично прослежу за тем, чтобы никто из студентов моложе положенного возраста при помощи какого-нибудь трюка не подсунул нашему независимому судье свою кандидатуру для выборов чемпиона. — Его лучистые голубые глаза вспыхнули, скользнув по непокорным физиономиям Фреда и Джорджа. — Поэтому настоятельно прошу — не

тратьте понапрасну время на выдвижение самих себя, если вам еще нет семнадцати.

Делегации из Шармбатона и Дурмстранга появятся здесь в октябре и пробудут с нами большую часть этого года. Не сомневаюсь, что вы будете исключительно любезны с нашими зарубежными гостями все то время, что они проведут у нас и что от души поддержите хогвартского чемпиона, когда он или она будет выбран. А теперь — уже поздно, и я понимаю, насколько для вас всех важно явиться на завтрашние уроки бодрыми и отдохнувшими. Пора спать! Не теряйте времени!

Дамблдор сел на место и заговорил с Грозным Глазом. С громким шумом и стуком ученики поднялись на ноги и толпой хлынули к дверям в холл.

— Они не могут так поступить! — заявил Джордж Уизли, который не присоединился к людскому потоку в дверях, а остался стоять, с гневом глядя на Дамблдора. — Семнадцать нам исполняется в апреле, почему же нас лишают шанса?

— Они не помешают мне участвовать, — упрямо сказал Фред, тоже хмуро поглядывая на преподавательский стол. — Чемпионам позволено такое, о чем остальные и мечтать не смеют. И тысяча галлеонов награды!

— Ну да, — произнес Рон с мечтательным видом. — Тысяча галлеонов…

— Пойдемте-ка, — предложила Гермиона. — Если вы не пошевелитесь, мы тут останемся в одиночестве.

Гарри, Рон, Гермиона, Фред и Джордж направились в холл, и близнецы занялись обсуждением тех мер, которые может употребить Дамблдор, чтобы не допустить к Турниру тех, кому меньше семнадцати.

— А кто этот беспристрастный судья, что будет решать, кому быть чемпионом? — спросил Гарри.

— Понятия не имею, — ответил Фред. — Но его-то нам и предстоит провести. Я полагаю, Джордж, тут сработает пара капель Старящего зелья…

— Но Дамблдор знает, что вы не проходите по возрасту, — возразил Рон.

— Это-то да, но ведь не он решает, кто станет чемпионом, правильно? — весьма проницательно отметил Фред. — Сдается мне, что как только этот судья узнает, кто хочет участвовать, он выберет лучшего из каждой школы и внимания не обратит, сколько тому лет. А Дамблдор пытается помешать нам подать заявки.

— Там люди гибли, учти! — с беспокойством

напомнила Гермиона, когда они прошли через дверь, скрытую гобеленом и начали подниматься по другой, более узкой лестнице.

— Да, да, — беззаботно согласился Фред, — но это когда было… Да хоть бы и так — что за удовольствие без элемента риска? Эй, Рон, а что, если мы и впрямь отыщем способ, как обойти Дамблдора? Мы участвуем, представляешь?

— А ты как думаешь? — спросил Рон у Гарри. — Было бы круто принять участие, верно? Но боюсь, они могут захотеть кого-нибудь постарше… не знаю, если бы мы учились получше…

— Вот я точно не участвую, — раздался позади Фреда и Джорджа унылый голос Невилла. — Наверное, моя бабушка хотела бы, чтобы я попытался — она беспрерывно толкует о том, как я должен поддерживать фамильную честь, и мне просто придется… ой!..

Нога Невилла провалилась прямо сквозь ступеньку на середине лестницы — в Хогвартсе было полным-полно лестниц с подобными фокусами, у старшекурсников уже выработалась привычка перепрыгивать такие сюрпризы, но плохая память Невилла была знаменита на всю школу. Гарри с Роном подхватили его под руки и вытащили, в то время как рыцарские доспехи

на верхней площадке заскрипели и залязгали, заливаясь хриплым смехом.

— Закройся, ты, — буркнул Рон, захлопнув им забрало, когда они проходили мимо.

Друзья дошли до входа в гриффиндорскую башню, загороженного большим портретом Полной Дамы в розовом шелковом платье.

— Пароль? — потребовала она, как только они приблизились.

— Чепуха, — отозвался Джордж. — Мне староста внизу сказал.

Портрет развернулся, открыв проем в стене, в который и пробралась вся компания. Круглая общая гостиная была согрета огнем, потрескивающим в камине, кругом стояли мягкие кресла и столы. Гермиона бросила на весело пляшущее пламя мрачный взгляд, и Гарри отчетливо услышал, как она пробормотала «рабский труд», прежде чем пожелать им спокойной ночи, после чего удалилась в спальню девочек.

Гарри, Рон и Невилл поднялись по последней, винтовой лестнице и наконец попали в собственную спальню, расположенную на самом верху башни. У стен стояли пять кроватей с темно-красными пологами, и у каждой в ногах — чемодан владельца. Дин и Симус уже легли спать; Симус

приколол свою ирландскую розетку в изголовье, а Дин прикрепил плакат с Виктором Крамом над столиком у кровати. Прежний плакат с футбольной командой Вест Хэм теперь висел рядом.

— Бред какой-то, — со вздохом покачал головой Рон, посмотрев на совершенно неподвижных игроков.

Гарри, Рон и Невилл надели пижамы и забрались в кровати. кто-то — без сомнения, домовой эльф — положил грелки между простынями. Было очень здорово лежать в теплой постели и слушать, как снаружи беснуется буря.

— Ты знаешь, я тоже мог бы участвовать, — сонно пробормотал Рон в темноте. — Если уж Фред и Джордж придумают, как… на Турнир… а ты сам… никогда… не думал?..

— Нет, не думал. — Гарри перевернулся на другой бок, и череда ослепительных видений возникла перед его внутренним взором. Вот он перехитрил судью, и тот поверил, что ему семнадцать лет… он стал хогвартским чемпионом… вот он стоит, торжествующе подняв руки перед ликующей школой — крики, рукоплескания… он только что выиграл Турнир Трех Волшебников… Лицо Чжоу особенно отчетливо выделяется в пестрой толпе, оно светится восхищением…

Гарри улыбнулся в подушку, весьма довольный тем, что Рон при всем желании не может ничего этого видеть.

Глава 13

ГРОЗНЫЙ ГЛАЗ ГРЮМ

На следующее утро буря утихла, хотя потолок в Большом зале оставался пасмурным; тяжелые, свинцово-серые тучи клубились над головами, когда Гарри, Рон и Гермиона изучали за завтраком новое расписание. Рядом Фред, Джордж и Ли Джордан решали, как волшебным образом повзрослеть и проникнуть на Турнир Трех Волшебников.

— Сегодня как будто неплохо… все утро на улице. — Палец Рона скользил по колонке уроков на понедельник. — Травология с пуффендуйцами… и уход за магическими существами… а, черт, это у нас со слизеринцами.

— А днем сдвоенное предсказание, — тяжко вздохнул Гарри, посмотрев в конец списка. Предсказание, вслед за зельями, было одним из его самых нелюбимых предметов. Профессор Трелони упорно предрекала смерть Гарри, что ему уже порядком надоело.

— А ты не можешь отказаться от нее, как я? — бодро спросила Гермиона, намазывая тост

маслом. — Ты бы выбрал что-нибудь более разумное, типа нумерологии.

— Я смотрю, ты снова ешь, — заметил Рон, глядя, как Гермиона щедро добавляет джема к намазанному маслом тосту.

— Я нашла лучший способ отстаивать права эльфов, — с вызовом ответила Гермиона.

— Ну да… и к тому же проголодалась, — усмехнулся Рон.

Над ними послышался шорох многочисленных крыльев, и в открытые окна с утренней почтой влетело не меньше сотни сов. Гарри машинально поднял голову, но ни одного белого пера не промелькнуло в лавине серого и коричневого. Совы кружили над столами, высматри-вая адресатов писем и посылок. Большая рыже-коричневая сова слетела к Невиллу Долгопупсу и положила ему на колени пакет — Невилл вечно что-то забывал. На другом краю зала филин Драко Малфоя сел на его плечо с обычной, судя по всему, порцией конфет и печенья из дома. Стараясь не замечать переполнившего его разочарования, Гарри вернулся к своей овсянке. Может быть, что-то случилось с Буклей и Сириус даже не получил его письмо?

Он был поглощен этими мыслями всю дорогу по раскисшей от дождя тропинке, которая при-

вела их к третьей оранжерее, но тут профессор Стебль отвлекла его, продемонстрировав классу самые уродливые растения, какие Гарри только приходилось видеть. На самом деле они выглядели скорее даже не как растения, а как гигантские черные слизни, вертикально торчащие из почвы. Каждый слегка извивался и был усеян множеством блестящих при-пухлостей, наполненных какой-то жидкостью.

— Бубонтюберы, — жизнерадостно сказала профессор Стебль. — Их нужно выжимать — будете собирать гной.

— Собирать что? — с отвращением переспросил Симус Финниган.

— Гной, Финниган, гной, — повторила профессор Стебль. — И учтите, он чрезвычайно ценен, так что постарайтесь не пролить ни капли. Собирать будете вот в эти бутылочки. И наденьте перчатки из драконьей шкуры — неразбавленный гной бубонтюбера способен причинить коже разные неприятности.

Выдавливание бубонтюберов оказалось делом неприятным, но, как ни странно, приносящим удовлетворение. Когда очередной пупырышек лопался, наружу выбрызгивалось немалое количество густой желтовато-зеленой жидкости

с сильным запахом бензина. Они ак-куратно собирали ее в указанные профессором Стебль склянки, так что к концу занятия набралось несколько пинт.

— Мадам Помфри будет счастлива, — заметила профессор Стебль, затыкая пробкой последнюю бутылку. — Гной бубонтюбера — великолепное средство от самых тяжелых форм угреватости, так что студентам не надо будет прибегать ко всяким отчаянным способам, чтобы избавиться от угрей.

— Как бедняжка Элоиза Миджен, — тихо сказала Ханна Эббот из Пуффендуя. — Она свои попыталась свести заклятием.

— Глупышка, — покачала головой профессор Стебль. — Но мадам Помфри в конце концов прикрепила ей нос на место.

Удар колокола в замке, прокатившийся над сырыми полями, возвестил окончание урока, и класс разделился — пуффендуйцы отправились в замок, на трансфигурацию, а гриффиндорцы пошли в противоположном направлении — вниз по склону луга к маленькой бревенчатой хижине Хагрида на опушке Запретного леса.

Хагрид стоял возле своей избушки, держа за ошейник громадного черного волкодава Клыка. Перед ними на земле стояли несколько корзин,

и Клык поскуливал и тянул ошейник, сгорая от желания поближе познакомиться с содержимым. Когда все подошли ближе, до их ушей донесся странный рокочущий шум, перемежающийся негромкими взрывами.

— Привет! — сказал Хагрид, улыбаясь Гарри, Рону и Гермионе. — Постоим, ну, то есть… ждем слизеринцев — им-то точно… ну, не захотят пропустить такое — соплохвосты!

— Кто-кто? — спросил Рон.

Хагрид в ответ лишь указал на корзины.

— Ф-е-е! — взвизгнула Лаванда Браун, отпрыгивая назад.

«Ф-е-е», на взгляд Гарри, было почти все, что можно сказать о соплохвостах. Они походили на уродливых, лишенных панциря омаров, омерзительно-бледных и скользких на вид, ноги их торчали из самых странных мест, а где голова, вообще было невозможно разобрать. В корзинах их было примерно по сотне, каждый дюймов шести в длину. Они ползали друг по другу и слепо стукались о стенки корзин; от них изрядно разило тухлой рыбой. Время от времени из конца тела какого-нибудь соплохвоста вылетали искры, и с негромким «пафф!» его бросало вперед на несколько дюймов.

— Они… ну, это… только что вылупились, — с гордостью сказал Хагрид. — Так что вы, того, словом, сможете вырастить их сами! Можем даже этот… проект насчет этого составить…

— А с какой стати мы должны хотеть выращивать их? — раздался холодный голос.

Это подошли слизеринцы, и говорил, естественно, Драко Малфой, а Крэбб и Гойл тут же понимающе загоготали при этих словах.

Хагрид был озадачен подобным вопросом.

— Я имею в виду, что они делают? — уточнил Малфой. — Зачем они нужны?

Хагрид даже приоткрыл рот, напряженно размышляя, и после затянувшейся паузы с нарочитой небрежностью произнес:

— Это… э-э-э… потом… на следующем уроке, Малфой. Сегодня вам их… ну., надо просто накормить. Ну, мы… нам… попробовать несколько других… словом, разных вещей… Я никогда их раньше… ну, дела не имел, и не уверен, как их… что у них пойдет… так что приготовил муравьиные яйца, и… эту… лягушачью печень… ну, и кусок ужа… просто их… дайте им всего понемногу.

— Так, сначала гной, теперь вот это, — проворчал Симус.

Лишь глубокая симпатия к Хагриду могла заставить Гарри, Рона и Гермиону набрать в горсти хлюпающую лягушачью печень и опустить в корзины, пытаясь соблазнить ею соплохвостов. Вдобавок Гарри был не в силах отогнать подозрения, что вся эта затея совершенно бессмысленна, поскольку у соплохвостов, очевидно, не было ртов.

— Ух ты! — закричал Дин Томас минут через десять. — Он меня шибанул!

Хагрид с беспокойством поспешил к нему.

— Он с того конца взрывается! — сердито сообщил Дин, показывая Хагриду ожог на руке.

— А, да… это такое случается, когда они… ну, взлетают, — кивнул Хагрид.

— Ой! — снова вскрикнула Лаванда Браун. — Ой, Хагрид, а что это за острая штука на нем?

— Ага, у некоторых… ну, из них… короче, есть жало, — с воодушевлением пояснил Хагрид (Лаванда поспешно выдернула руку из корзины). Думаю, это… в общем, самцы. У самок что-то на манер этих… присосок на животе… они вроде того… могут пить кровь.

— А, ну вот теперь-то я понял, зачем мы их выхаживаем, — желчно заметил Малфой. — Кому не хочется иметь домашнюю зверюшку, которая мо-

жет обжигать, жалить и кусаться одновременно?

— Даже если они и не очень-то симпатичны, это вовсе не значит, что они бесполезны, — сердито возразила Гермиона. — Драконья кровь обладает удивительной магической силой, но ты ведь не станешь держать дракона у себя дома?

Гарри и Рон улыбнулись Хагриду, а тот украдкой ухмыльнулся в ответ сквозь косматую бороду. Уж кто-кто, а Гарри, Рон и Гермиона прекрасно знали, как их друг хотел домашнего дракона; им одним было известно, что в первый год их учебы у Хагрида жил недолго злобный норвежский горбатый дракон по имени Норберт. Просто Хагрид души не чаял в монстрах — и чем они смертельней, тем лучше.

— Что ж, по крайней мере, соплохвосты маленькие, — сказал Рон, когда они часом позже брели вверх по лугу обратно в замок на обед.

— Это сейчас, — хмуро отозвалась Гермиона. — Но как только Хагрид выяснит, что они едят, не сомневайся — быть им шести футов в длину.

— Ну, какое это имеет значение, если они, скажем, вырабатывают лекарство от морской болезни или что-то в этом роде? — хитро усмехнулся Рон.

— Ты отлично понимаешь, что я сказала это

только затем, чтобы Малфой заткнулся, — отмахнулась Гермиона. — Но в сущности-то он прав. Лучше всего было бы передавить большинство из них, прежде чем они начнут бросаться на нас.

Усевшись за гриффиндорский стол, они отдали должное бараньим отбивным и картошке. Гермиона ела с такой скоростью, что Гарри и Рон уставились на нее.

— Э-э-э… это что, новый способ отстаивать права эльфов? — поинтересовался Рон. — Следующий ход — довести себя до рвоты?

— Нет, — ответила Гермиона со всем достоинством, какое только позволял набитый рот. — Я просто еще хочу успеть в библиотеку.

— Что? — Рон не поверил своим ушам. — Гермиона! Это же первый день учебы! Нам даже еще не задали домашнего задания!

Гермиона в ответ лишь пожала плечами и продолжала уминать еду так, словно три дня не ела, после чего вскочила и со словами «Увидимся за ужином!» умчалась прочь.

Когда колокол прозвонил к началу послеполуденных занятий, Гарри с Роном направились в Северную башню, где тесные каменные ступени вели на самый верх, а там по серебряной лесенке надо было пролезть через круглый люк в потолке,

и тогда только можно было попасть в комнату, где обитала профессор Трелони.

Знакомый сладкий аромат, струящийся от огня в камине, достиг их ноздрей, едва они влезли наверх по стремянке. Как и всегда, окна были зашторены; круглый кабинет был погружен в тусклый красноватый сумрак, создаваемый множеством ламп, завешанных какими-то шарфами и шалями. Гарри и Рон пробрались через обитые ситцем стулья и пуфы, загромождавшие комнату, и сели за один маленький круглый стол.

— Добрый день, — Гарри даже подскочил — томный голос профессора Трелони раздался прямо за его спиной.

Необычайно худая женщина в громадных очках, делавших ее глаза несообразно большими для лица, профессор Трелони устремила на него тот трагический взгляд, который неизменно у нее появлялся, стоило ей завидеть Гарри. Как обычно, в свете камина на ней поблескивали бесчисленные бусы, цепочки и браслеты.

— Вы сегодня раньше других, мой дорогой, — печальным тоном обратилась она к нему. — В последнее время своим Внутренним Оком я вижу ваше храброе лицо покрытым тучами тревоги. И к сожалению, должна сказать, что ваше беспо-

койство небезосновательно. Вижу для вас грядут трудные времена, увы… очень трудные… Боюсь, то, что страшит вас, и в самом деле произойдет… и, возможно, гораздо раньше, чем вы думаете…

Ее голос понизился почти до шепота. Рон, глядя на Гарри, повращал глазами — тот в ответ изобразил каменное лицо. Профессор Трелони проскользнула мимо них и опустилась в просторное кресло с подголовником перед камином, лицом к классу. Лаванда Браун и Парвати Патил, страстные почитатели профессора Трелони, устроились на пуфах вплотную к ней.

— Дорогие мои, для нас настало время обратиться к звездам, — заговорила она. — Движение планет и таинственные предзнаменования они открывают лишь тем, кто сумел вникнуть в фигуры небесного танца. Человеческая судьба может быть прочитана в их пересекающихся лучах…

Тут мысли Гарри куда-то поплыли. Ароматический дым всегда действовал на него усыпляюще и одуряюще, а туманные речи профессора Трелони о предсказании судьбы и подавно никогда не увлекали. Но он никак не мог заставить себя не думать о ее словах — «Я боюсь, то, что страшит вас, и в самом деле произойдет…»

Нет, Гермиона права, подумал Гарри с раздра-

жением, профессор Трелони и в самом деле старая обманщица. Ведь он решительно ничего не боялся в этот момент — ну, если не считать опасений, что Сириуса схватили… но что может знать профессор Трелони? После долгих размышлений он пришел к выводу, что все эти ее фирменные предсказания — не более чем случайные догадки, подкрепленные нагоняющими страх манерами.

Исключая, правда, тот раз в конце прошлого семестра — тогда она изрекла пророчество, что Волан-де-Морт воспрянет вновь… сам Дамблдор сказал, что, по его мнению, транс был непритворный, когда Гарри описал ему, как все было…

— Гарри! — позвал его Рон. — Что?

Он огляделся — на него смотрел весь класс. Гарри сел попрямее, — оказывается, он почти задремал, разморенный теплом и погруженный в свои мысли.

— Я только что говорила, мой дорогой, что вы, без сомнения, рождены под пагубным влиянием Сатурна, — произнесла профессор Трелони не без некоторой обиды в голосе, поскольку было очевидно, что он пропустил ее слова.

— Рожден под чем, прошу прощения? — переспросил Гарри.

— Сатурн, дорогой, планета Сатурн! — повто-

рила профессор Трелони, явно задетая тем, что Гарри не был потрясен этим известием. — Я рассказывала, что Сатурн, несомненно, был в пике активности в момент вашего рождения… темные волосы… хрупкое сложение… трагические потери в самом начале жизненного пути… Думаю, что не ошибусь, если скажу, что вы родились в середине зимы?

— Нет, — ответил Гарри. — Я родился в июле.

Рон поспешил скрыть свой смех за приступом кашля. Полтора часа спустя каждый получил запутанную круговую карту неба и пытался расписать на ней положения планет на день своего рождения. Это была скучнейшая работа, требовавшая постоянно сверяться с таблицами времени и рассчитывать углы.

— У меня тут получается два Нептуна, — сказал Гарри через некоторое время, мрачно глядя на свой лист пергамента. — Такого не может быть, верно?

— А-а-а-а-ах, — прошелестел Рон, изображая таинственный шепот профессора Трелони. — Когда в небе появляются два Нептуна, мой милый, это верный знак, что рождается маленькая зануда в очках….

Симус и Дин, корпевшие рядом, громко захихи-

кали, но все же не смогли заглушить взволнованный возглас Лаванды Браун:

— Ой, профессор, посмотрите! Мне кажется, у меня получилась неаспектированная планета! Ой, что бы это могло быть, профессор?

— Это Уран, моя дорогая, — сказала профессор Трелони, всматриваясь в карту.

— А могу я тоже взглянуть на Уран, Лаванда? — ехидно проворковал Рон.

К несчастью, профессор Трелони услышала его и, возможно, именно по этой причине в конце занятия задала им непомерное домашнее задание.

— Подробный анализ траекторий планет, влияющих на вас в наступающем месяце со ссылкой на ваш собственный гороскоп, — грозно приказала она тоном, больше похожим на речь профессора МакГонагалл, чем на ее привычное эфирное щебетание. — Все должно быть готово к следующему понедельнику, и никаких отговорок!

— Чертова старуха, несчастная летучая мышь! — со злостью говорил Рон, когда они вместе с другими студентами спускались в Большой зал на ужин. — Это же займет все выходные, это же…

— Что, много задали на дом? — оживленно поинтересовалась Гермиона, догоняя их. — А

профессор Вектор нам вообще ничего не задала!

— Что ж, очень мило с ее стороны, — проворчал Рон угрюмо.

Они вошли в холл, где народ толпился у дверей в Большой зал. Друзья отошли в сторонку, и тут позади них раздался громкий голос:

— Уизли! Эй, Уизли!

Гарри, Рон и Гермиона оглянулись и увидели Малфоя, Крэбба и Гойла, чем-то страшно довольных.

— Что еще? — резко спросил Рон.

— Твой отец попал в газету, Уизли! — объявил Малфой, размахивая номером «Ежедневного Пророка» и стараясь, чтобы его услышало как можно больше народу. — Вот только послушай это: «ДАЛЬНЕЙШИЕ ПРОМАХИ МИНИСТЕРСТВА МАГИИ. Создается впечатление, что неприятности Министерства магии никак не закончатся, пишет специальный корреспондент Рита Скитер. Недавно критике подверглась бездарная организация массовых мероприятий на Чемпионате мира по квиддичу и упорная неспособность объяснить исчезновение одной из колдуний, сотрудницы спортивного отдела. И вот вчера Министерство оказалось втянуто в новый скандал — на сей раз благодаря выходкам Арнольда Уизли

из Комиссии по борьбе с незаконным использованием изобретений маглов».

Тут Малфой поднял глаза:

— Прикинь, они даже его имя правильно написать не могли, как будто он полное ничтожество, а, Уизли?

Теперь слушали уже все, кто был в холле. Малфой эффектным жестом расправил газету и стал читать дальше:

— «Арнольд Уизли, два года назад оштрафованный за незаконное владение летающим автомобилем, вчера ввязался в драку с магловскими блюстителями закона (т. н. «полицейскими») из-за нескольких, весьма агрессивно настроенных мусорных баков. М-р Уизли, судя по всему, примчался на выручку Грозному Глазу Грюму престарелому экс-мракоборцу, уволившемуся из Министерства, когда он окончательно перестал видеть разницу между рукопожатием и нападением убийцы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, явившись к м-ру Грюму в его строго охраняемый дом, м-р Уизли обнаружил, что м-р Грюм в который раз поднял ложную тревогу. В ходе дальнейших событий м-ру Уизли пришлось несколько раз прибегнуть к преобразованию памяти, прежде чем ему удалось скрыться от

полицейских. При этом м-р Уизли отказался отвечать на вопросы «Ежедневного Пророка» о том, зачем ему потребовалось вовлекать Министерство в эту недостойную и чреватую скандалом историю». Тут и картинка есть, Уизли! — ликовал Малфой, развернув и подняв перед собой газету. — Фотография твоих родителей перед домом — если это можно назвать домом. Твоей мамаше не помешало бы немного сбросить вес, как считаешь?

Рона затрясло от бешенства. Все взгляды были устремлены на него.

— Иди-ка ты знаешь куда, Малфой? — сказал Гарри. — Пошли, Рон…

— Ах да, ты же был у них этим летом, я не ошибаюсь, Поттер? — продолжал веселиться Малфой. — Скажи-ка мне, его матушка на самом деле такая жирная или только на фотографии?

— А твоя мамаша, Малфой? — огрызнулся Гарри, вдвоем с Гермионой оттаскивая Рона за мантию, чтобы тот не набросился на Малфоя. — Такое впечатление, словно она только что унюхала кучу дерьма у себя под носом — скажи-ка, у нее всегда такой вид или это от того, что ты был рядом?

Бледное лицо Малфоя порозовело:

— Не смей оскорблять мою мать, Поттер!

— Тогда заткни свою грязную пасть! — отрезал Гарри и повернулся, чтобы уйти.

БАХ!

Несколько человек вскрикнули — Гарри ощутил, как белая вспышка обдала жаром его висок. Он сунул руку в мантию за волшебной палочкой, но, прежде чем успел коснуться ее пальцами, громыхнуло во второй раз, и по Вестибюлю прокатился рев:

— НУ УЖ НЕТ, ПАРЕНЬ!

Гарри круто обернулся. По мраморной лестнице, хромая, спускался профессор Грюм. В руке он держал волшебную палочку, направленную на белого хорька, дрожавшего на мощенном плитами полу как раз на том месте, где только что стоял Малфой.

В холле наступила гробовая тишина. Никто, кроме Грюма, не смел даже шелохнуться, а тот повернулся к Гарри — то есть на Гарри смотрел его нормальный глаз, а тот, другой, уставился куда-то внутрь.

— Он тебя задел? — прорычал Грюм. Голос у него был низкий и сиплый.

— Нет, — ответил Гарри. — Промазал.

— Оставь его! — рявкнул Грюм.

— Оставить кого? — растерянно спросил Гарри.

— Не ты — он! — Грюм ткнул большим пальцем через плечо, указывая на Крэбба, который попытался было поднять белого хорька с пола, но в страхе замер. Похоже, что Грюмов вращающийся глаз и впрямь был магическим и мог видеть сквозь затылок.

Грюм захромал по направлению к Крэббу, Гойлу и хорьку, который, испуганно пискнув, что было сил припустил ко входу в подземелье.

— Не думаю… — пророкотал Грюм, вновь направляя на хорька волшебную палочку. Тот взлетел в воздух футов на десять, потом звучно шлепнулся об пол и снова подскочил вверх.

— Мне не нравятся люди, которые нападают на противника со спины, — рычал Грюм, а скулящего от боли хорька подбрасывало все выше и выше. — Гнусный, трусливый, подлый поступок…

Хорька швыряло в воздухе, его лапы и хвост беспомощно болтались.

— Никогда-больше-так-не-делай, — говорил Грюм, произнося каждое слово, как только хорек ударялся об пол и опять взмывал вверх.

— Профессор Грюм! — прозвучал возмущенный

голос.

По мраморной лестнице спускалась профессор МакГонагалл с громадной стопкой книг в руках.

— Привет, профессор МакГонагалл, — спокойно сказал Грюм, заставляя хорька подскакивать все выше.

— Что… что это вы делаете? — спросила профессор МакГонагалл, следуя взглядом за взлетающим все выше хорьком.

— Учу, — ответил Грюм.

— Учи… Грюм, это что, студент? — вскрикнула профессор МакГонагалл, и книги посыпались у нее из рук.

— Ну да, — ответил Грюм.

— Быть не может! — ахнула профессор МакГонагалл, бросаясь вниз по ступеням и доставая волшебную палочку. Через секунду на месте хорька с треском появился Драко Малфой — он кучей лежал на полу, его роскошные белые волосы упали на ставшее ярко-красным лицо. Пошатываясь, он поднялся на ноги.

— Грюм, мы никогда не используем трансфигурацию как наказание! — сказала профессор МакГонагалл слегка севшим голосом. — Профессор Дамблдор вам наверняка об этом говорил!

— Да, кажется, он упоминал об этом, — кивнул

Грюм, безмятежно почесывая подбородок. — Но я подумал, что хорошая встряска…

— Мы оставляем после уроков! Или сообщаем декану факультета, где учится нарушитель!

— Пожалуй, я это сделаю, — согласился Грюм, с острой неприязнью покосившись на Малфоя.

Драко, чьи белесые глаза все еще были полны слез от боли и унижения, злобно посмотрел на Грюма, пробормотав неразборчиво что-то о своем отце.

— Да ну? — спокойно заметил Грюм и, хромая, сделал два шага вперед. Тупое клацанье его деревянной ноги отозвалось по холлу. — Что же, я давно знаю твоего отца, парень… скажи ему, что Грюм как следует присмотрит за его сыном… передай ему это от меня… кстати, это Снегг будет твой декан?

— Да, — с негодованием ответил Малфой.

— Еще один старый знакомый, — прохрипел Грюм. — Мечтал я побеседовать со стариной Снеггом… Пойдем-ка, ты… — Он ухватил Малфоя за плечо и повлек его ко входу в подвал.

Профессор МакГонагалл несколько мгновений обеспокоенно смотрела им вслед, потом взмахнула волшебной палочкой, заставив упавшие книги снова подняться в воздух и вернуться к

ней в руки.

— Ничего мне не говорите, — приказал Рон, когда несколько минут спустя они сели за гриффиндорский стол. Со всех сторон доносились взволнованные разговоры о том, что сейчас произошло.

— Это почему же? — удивилась Гермиона.

— Потому что я хочу навеки сохранить это в моей памяти, — ответил Рон, закрыв глаза с блаженным выражением на лице. — Только у нас — Драко Малфой, поразительный прыгающий хорек…

Гарри с Гермионой засмеялись, и Гермиона принялась раскладывать по тарелкам говядину, приготовленную в горшочках.

— Вообще-то он мог по-настоящему зашибить Малфоя, — сказала она. — На самом деле хорошо, что профессор МакГонагалл его остановила.

— Гермиона! — с гневом воскликнул Рон, сердито открывая глаза. — Ты портишь самый счастливый момент моей жизни!

Гермиона нетерпеливо фыркнула и вновь на предельной скорости стала поглощать еду.

— Только не говори мне, что вечером опять собираешься в библиотеку! — хмыкнул Гарри, глядя на нее.

— Еще как собираюсь, — пробормотала Гермиона с полным ртом. — Масса дел.

— Но ты же сказала, что профессор Вектор…

— Это не домашнее задание, — ответила она, в пять минут очистила тарелку и была такова.

Не успела Гермиона отойти, как на ее место бухнулся Фред Уизли, глаза его горели восхищением:

— Грюм! Вот это да!

— Супер! — заявил Джордж, усаживаясь напротив Фреда.

— Фантастика! — согласился Ли Джордан, лучший друг близнецов, проскользнув на место рядом с Джорджем. — У нас был сегодня его урок, — пояснил он Гарри и Рону.

— Ну и как? — с неподдельным интересом спросил Гарри.

Фред, Джордж и Ли обменялись многозначительными взглядами.

— Таких уроков еще не бывало, — признал Фред.

— Он знает, старик, — добавил Ли.

— Знает что? — Рон даже наклонился вперед.

— Знает, каково это — быть в самом пекле и делать дело, — с чувством произнес Джордж.

— Какое дело? — не понял Гарри.

— Сражаться с Темными Искусствами, — сказал Фред.

— Он их все повидал, — кивнул Джордж.

— Короче, потрясный дед, — заключил Ли.

Рон немедленно полез в портфель за расписанием.

— У нас он только в четверг! — разочарованно вздохнул он.

Глава 14

НЕПРОСТИТЕЛЬНЫЕ ПРОКЛЯТИЯ

Следующие два дня прошли без серьезных происшествий, если не считать того, что Невилл умудрился расплавить на зельях свой шестой по счету котел. Профессор Снегг, который за лето, похоже, достиг нового уровня мстительности, оставил Невилла после уроков, и тот вернулся, совершенно пав духом — ему пришлось выпотрошить целую бочку рогатых жаб.

— Не знаешь, почему это Снегг в таком отвратительном настроении? — спросил Рон у Гарри, пока они наблюдали, как Гермиона учит Невилла Очищающему заклинанию, чтобы убрать лягушачьи кишки у него из-под ногтей.

— Знаю, — ответил Гарри. — Грюм.

Всем было прекрасно известно, что Снегг стремится занять место преподавателя защиты от темных искусств, но у него это не получается уже четвертый год. Снегг терпеть не мог всех предыдущих преподавателей защиты и не скрывал этого — но явно остерегался высказать открытую враждебность по отношению к Грозному Глазу

Грюму. И в самом деле, когда бы Гарри ни видел их вместе — во время еды или когда они встречались в коридоре — у него возникало впечатление, что Снегг всячески избегает взгляда Грюма — хоть магического глаза, хоть обычного.

— Ты знаешь, по-моему, Снегг его слегка побаивается, — задумчиво сказал Гарри.

Рон мечтательно закатил глаза:

— Представляю, как Грюм превратил Снегга в рогатую жабу и заставил скакать по всем его подземельям…

Гриффиндорским четверокурсникам настолько не терпелось попасть на первый урок Грюма, что в четверг сразу после обеда они столпились у его класса еще до того, как прозвонил колокол.

Единственным, кто отсутствовал, оказалась Гермиона — она появилась только к самому началу урока.

— Я была…

— … в библиотеке, — закончил за нее Гарри. — Давай быстрее, не то без нас займут лучшие места.

Они торопливо расселись прямо перед преподавательским столом, достали свои экземпляры учебников «Темные Искусства. Руководство по самозащите» и стали ждать в непривычной ти-

шине. Вскоре из коридора донеслись клацающие шаги Грюма, и он вошел в класс — такой же странный и пугающий, как и всегда. Им даже была видна его шипастая деревянная нога, высунувшаяся из-под мантии.

— Можете убрать их, — хрипло прорычал он, проковылял к своему столу и сел. — Эти книги. Они вам не понадобятся.

Друзья спрятали учебники обратно в сумки. Рон заметно волновался.

Грюм вытащил классный журнал, тряхнул длинной пегой гривой, убирая волосы с покореженного и усеянного шрамами лица и стал называть имена, причем его обычный глаз не отрывался от списка, в то время как магический вращался по сторонам, устремляясь на студента, когда он или она отзывались.

— Хорошо, — сказал он, когда последний заявил о своем присутствии. — Профессор Люпин написал мне об вашем классе. Похоже, вы достаточно основательно овладели противодействием Темным Созданиям — прошли боггартов, Красных Колпаков, болотных фонарников, гриндилоу ползучих водяных и оборотней — я правильно понял?

Класс согласно зашумел.

— Но вы отстали — и очень отстали — в отношении заклятий. Поэтому я здесь для того, чтобы подтянуть вас в области того, что сами волшебники могут причинить друг другу. У меня есть год, чтобы научить вас, как разбираться с Темными…

— А вы не останетесь? — вырвалось у Рона. Магический глаз Грюма повернулся и уставился на Уизли. Тому стало здорово не по себе, но почти в тот же момент Грюм улыбнулся — в первый раз за все время, что они его видели. От этого его изуродованное лицо исказилось еще больше, но тем не менее было приятно убедиться, что Грюм способен на что-то дружественное, например на улыбку. Как бы то ни было, Рон испытал глубокое облегчение.

— Ты будешь сын Артура Уизли, да? — сказал Грюм. — Твой отец пару дней назад выручил меня из очень плотного капкана… Да, я пробуду здесь ровно год… окажу любезность Дамблдору… Один год, — и назад, в мою тихую обитель.

Он засмеялся горьким смехом, с силой сомкнув свои шишковатые руки.

— Итак, прямо к делу. Заклятия. Они бывают разной силы и формы. Согласно рекомендациям Министерства магии, мне следует обучить вас некоторым антизаклятиям и на этом остано-

виться. Я не должен показывать вам, каковы из себя запрещенные Темные заклятия, пока вы не перейдете на шестой курс — вас считают недостаточно взрослыми, чтобы до этого времени иметь дело с такими вещами. Но профессор Дамблдор придерживается более высокого мнения о вашей выдержке, он считает, что вы справитесь, а я скажу так, чем раньше вы будете знать противника, тем лучше. Как можно защитить себя от того, чего никогда в жизни не видел? Волшебник, который собирается применить к вам запрещенное заклятие, не станет делиться своими планами, он не будет действовать открыто, на ваших глазах, вежливо и тактично. Вы должны быть готовы заранее. Вы должны быть бдительны и наблюдательны. Вы должны убрать это, мисс Браун, когда я говорю.

Лаванда подпрыгнула и залилась краской — она как раз показывала Парвати под партой свой законченный гороскоп. Несомненно, магический глаз Грюма обладал способностью видеть сквозь дерево точно так же, как он видел через затылок.

— Итак… Кто-нибудь из вас знает, какие заклятия наиболее тяжело караются волшебным законодательством?

Неуверенно поднялись несколько рук, в том

числе Рона и Гермионы. Грюм кивнул Рону, хотя его магический глаз был по-прежнему устремлен на Лаванду.

— Ну, — робко начал Рон. — Отец говорил мне об одном… оно называется Империус… или как-то так?

— О да, — с чувством произнес Грюм. — Твой отец должен его знать. Заклинание Империус доставило Министерству неприятностей в свое время.

Грюм с усилием поднялся на ноги — живую и деревянную, выдвинул ящик стола и достал стеклянную банку. Внутри бегали три здоровенных черных паука. Гарри почувствовал, как Рон отодвинулся подальше — он ненавидел пауков.

Грюм поймал одного и посадил себе на ладонь так, чтобы всем было видно, затем направил на него волшебную палочку и негромко сказал:

— *Империо!*

Паук спрыгнул с ладони и завис на тонкой шелковой нити, раскачиваясь взад и вперед словно на трапеции. Он напряженно вытянул ноги и сделал нечто вроде заднего сальто, затем перекусил нить и приземлился на стол, где принялся беспорядочно кувыркаться. Грюм шевельнул палочкой, и паук, встав на две задние ноги, вне

всяких сомнений, отбил чечетку.

Все засмеялись — все, кроме Грюма.

— Думаете, это смешно, да? — прорычал он. — А понравится вам, если я то же самое проделаю с вами?

Смех мгновенно умолк

— Полная управляемость, — тихо заметил Грюм, когда паук сжался в комок и стал перекатываться по столу. — Я могу заставить его выскочить из окна, утопиться, запрыгнуть в горло кому-нибудь из вас…

Рон невольно сглотнул.

— Были времена, когда множество колдуний и волшебников были управляемы при помощи заклятия Империус, — продолжал Грюм, и Гарри понял, что он говорит о тех днях, когда Волан-де-Морт орудовал в полную силу. — Вот была забота у Министерства — попробуй-ка разобраться, кто действует по принуждению, а кто по своей доброй воле. Заклятие Империус можно побороть, и я научу вас как, но это требует настоящей твердости характера и далеко не всякому под силу. Если возможно, лучше под него не попадать. ПОСТОЯННАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ! — рявкнул он, и все подскочили.

Грюм подобрал кувыркающегося паука и во-

дворил обратно в банку.

— Кто еще знает что-нибудь? Другие запрещенные заклятия?

В воздух взвилась рука Гермионы и еще, к удивлению Гарри, Невилла. До сих пор он не стеснялся показывать свои знания лишь на травологии — его, бесспорно, любимом предмете. Невилл, похоже, и сам был потрясен своей смелостью.

— Да? — сказал Грюм, и его магический глаз, провернувшись, уставился на Невилла.

— Есть такое… заклятие Круциатус, — произнес Невилл тихо, но отчетливо.

Грюм чрезвычайно пристально смотрел на Невилла, на сей раз уже обоими глазами.

— Тебя зовут Долгопупс? — спросил он, и его магический глаз вновь скользнул вниз, пробегая список в журнале.

Невилл боязливо кивнул, но Грюм воздержался от дальнейших расспросов. Повернувшись к классу, он вынул из банки следующего паука и посадил его на кафедру, где тот оцепенело замер, слишком напуганный, чтобы двигаться.

— Заклятие Круциатус, — заговорил Грюм. — Надо бы чуть побольше, чтобы вы уловили суть.

Он нацелил палочку на паука и скомандовал:

— *Энгоргио!*

Паук вырос — теперь он был больше тарантула. Рон, махнув рукой на геройство, отъехал на своем стуле как можно дальше от учительского стола.

Грюм снова поднял палочку и шепнул:

— *Круцио!*

В ту же секунду ноги паука прижались к туловищу, он перевернулся на спину и начал ужасно дергаться, качаясь из стороны в сторону. От него, разумеется, не доносилось ни звука, но Гарри был уверен — будь у паука голос, он визжал бы изо всех сил. Грюм не убирал палочки, и паук затрясся и задергался еще неистовей.

— Прекратите! — воскликнула Гермиона.

Гарри оглянулся на нее. Она смотрела вовсе не на паука, а на Невилла — руки у того были стиснуты на столе, костяшки пальцев побелели, а широко открытые глаза были полны ужаса.

Грюм поднял палочку. Ноги паука расслабились, но он продолжал подергиваться.

— *Редуцио,* — приказал Грюм, и паук уменьшился до нормальных размеров.

Грюм посадил его обратно в банку.

— Боль, — сказал он тихо. — Вам не нужно тисков для пальцев или ножей, чтобы пытать кого-нибудь, если вы можете применить заклятие Круциатус… Оно тоже когда-то было очень

популярно. Так… Кто знает еще что-нибудь?

Гарри огляделся. Судя по лицам, все были поглощены мыслями о том, что должно было случиться с последним пауком. Даже рука Гермионы слегка дрожала, когда она подняла ее в третий раз.

— Ну? — посмотрел на нее Грюм.

— Авада Кедавра, — прошептала Гермиона. Несколько человек посмотрели на нее с тревогой, в том числе и Рон.

— Ага, — еще одна чуть заметная улыбка скривила неровный рот Грюма. — Да, последнее и самое худшее… Авада Кедавра… Заклятие Смерти.

Он опять запустил руку в банку, и, словно догадываясь, что сейчас произойдет, третий паук отчаянно заметался по дну, пытаясь увернуться от скрюченных пальцев. Грюм его все-таки поймал и посадил на стол. Паук бросился наутек по деревянной крышке.

Грюм поднял волшебную палочку, и Гарри ощутил внезапный трепет, как от дурного предчувствия.

— *Авада Кедавра!* — каркнул Грюм.

Полыхнула вспышка слепящего зеленого света, раздался свистящий звук, будто что-то невидимое и громадное пронеслось по воздуху, и паук

мгновенно опрокинулся на спину — без единого повреждения, но безусловно мертвый. Несколько девушек сдавленно вскрикнули. Рон отпрянул назад и едва не слетел со стула, когда паук рухнул в его сторону.

Грюм смахнул мертвого паука на пол.

— Ни порядочности, — спокойно сказал он, — ни любезности. И никакого противодействия. Невозможно отразить. За всю историю известен лишь один человек, сумевший выдержать это, и он сидит прямо передо мной.

Гарри почувствовал, что краснеет под взглядом обоих глаз Грюма; он знал, что и все остальные сейчас тоже смотрят на него. Гарри уставился на пустую доску, словно завороженный, но на самом деле ничего вокруг не видел.

Значит, вот так умерли его родители — точно так же, как этот паук. Наверное, у них тоже не было ни раны, ни отметины? Суждено ли им было просто увидеть зеленую вспышку и услышать свист налетающей смерти, прежде чем жизнь покинула их тела?

Гарри представлял себе смерть своих родителей снова и снова в течение трех лет — с тех самых пор, как узнал, что они были убиты, с тех пор, как ему стало известно, что произошло в ту

ночь: как Хвост выдал Волан-де-Морту их укрытие, и Темный Лорд настиг их.

Как Волан-де-Морт первым убил его отца. Как Джеймс Поттер пытался задержать его и кричал жене, чтобы она брала Гарри и бежала… А Волан-де-Морт шагнул к Лили Поттер, приказывая ей отойти в сторону, чтобы он мог убить Гарри… Как она умоляла убить ее вместо ребенка, отказываясь оставить сына… И Волан-де-Морт убил и ее тоже, прежде чем направить волшебную палочку на Гарри…

Гарри знал эти подробности потому, что слышал голоса родителей, когда в прошлом году сражался с дементорами, которые заставляли свои жертвы заново пережить самые страшные воспоминания и, обессилев, захлебнуться в собственном отчаянии…

Грюм заговорил вновь — как казалось Гарри, где-то вдалеке. С немалым усилием Гарри заставил себя вернуться к реальности и прислушаться к словам преподавателя.

— Авада Кедавра — заклятие, требующее для выполнения серьезной магической мощи. Сейчас вы все можете достать свои волшебные палочки, направить на меня и произнести положенные слова — однако сомневаюсь, чтобы меня от этого

хотя бы насморк прохватил. Но ничего, я здесь для того и есть, чтобы научить вас, как это делать.

Возникает вопрос — если все равно нет противодействующего заклятия, то зачем я вам это показываю? Затем, что вы должны знать. Вы должны ясно представлять себе, как выглядит самое худшее. Недопустимо, чтобы вы вдруг оказались в ситуации, где столкнетесь с этим нос к носу. БУДЬТЕ ВСЕГДА НАЧЕКУ! — взревел он, и весь класс опять подскочил.

— Итак — эти три заклятия — Авада Кедавра, Империус и Круциатус — известны как Преступные заклятия. Использования любого из них по отношению к человеческому существу достаточно, чтобы заработать пожизненный срок в Азкабане. Это то, чему вы должны противостоять. Это то, с чем я должен научить вас бороться. Вам нужна подготовка. Вам нужно быть во всеоружии. Но самое главное — вам нужно приучить себя к постоянной, неусыпной бдительности. Достаньте ваши перья… запишите это…

Остаток урока они провели, записывая примечания к каждому из Преступных заклятий. До самого удара колокола никто не проронил ни слова, но как только Грюм отпустил их и они вышли из класса, всех буквально прорвало. Боль-

шинство обсуждало заклятия со смесью ужаса и восторга: «Видел, как его трясло? А как он убил его — прямо вот так!»

Они так говорят об этом, подумал Гарри, словно побывали в каком-то балагане. Сам-то он отнюдь не считал увиденное занятным представлением, и, похоже, так же думала Гермиона.

— Быстрее, — озабоченно сказала она Гарри и Рону.

— Что, снова в окаянную библиотеку? — спросил Рон.

— Нет, — резко ответила Гермиона, указывая на боковой коридор. — Невилл.

Невилл одиноко стоял посреди прохода, уставившись в каменную стену тем же испуганным взглядом широко открытых глаз, какой был у него, когда Грюм демонстрировал заклятие Круциатус.

— Невилл, — мягко произнесла Гермиона. Невилл обернулся.

— А, привет, — сказал непривычно высоким голосом. — Интересный урок, верно? Хотел бы я знать, что сегодня на ужин, я… я умираю от голода, а вы?

— Невилл, с тобой все в порядке?

— О да, все прекрасно, — пролепетал он все

тем же неестественно высоким тоном. — Очень интересный ужин… я хочу сказать, урок… а что нам дадут поесть?

Рон встревоженно взглянул на Гарри.

— Невилл, что…

Но тут сзади раздался стук и, обернувшись, они увидели хромающего к ним профессора Грюма. Все четверо замолкли, с опаской посматривая на него, но когда он заговорил, это было куда тише и спокойнее, чем тот рык, который они только что слышали.

— Все в порядке, сынок, — обратился он к Невиллу. — Почему бы нам не зайти ко мне в кабинет? Пойдем-ка… выпьем по чашке чая…

Похоже, перспектива чаепития с Грюмом напугала Невилла еще больше. Он замер, не говоря ни слова. Грюм навел свой магический глаз на Гарри.

— А ты, Гарри, как — все в норме?

— Да, — почти вызывающе ответил Гарри. Голубой глаз Грюма чуть заметно задрожал в глазнице, всматриваясь в Гарри. Помолчав, Грюм сказал:

— Вы должны это знать. Это жестоко — да, возможно, но вы должны это знать. Никакого притворства… да… Пойдем, Долгопупс, у меня

есть несколько книг, которые тебя заинтересуют…

Невилл умоляюще посмотрел на Гарри, Рона и Гермиону, но они молчали, так что Невиллу ничего не оставалось, как дать себя увести — изрытая шрамами рука Грюма уже лежала на его плече.

— И как это прикажете понимать? — осведомился Рон, глядя, как Невилл и Грюм скрываются за углом.

— Не знаю, — печально отозвалась Гермиона.

— Ай да урок, как вам? — сказал Рон Гарри и Гермионе по дороге в Большой зал. — Фред и Джордж были правы, верно? Грюм свое дело знает, это точно. Когда он врубил Авада Кедавра, как этот паук загнулся — прикончил его прямо…

Но, взглянув на лицо Гарри, Рон смолк на полуслове и больше уже не заговаривал до Большого зала — там он заметил, что лучше бы заняться предсказаниями профессора Трелони сегодня же вечером, поскольку это дело явно отнимет не один час.

Гермиона не принимала участия в их беседе. Она вновь яростно набросилась на еду, после чего опять умчалась в библиотеку. Гарри с Роном вернулись в гриффиндорскую башню, и Гарри, который весь ужин не мог думать ни о чем дру-

гом, теперь уже сам завел речь о Преступных заклятиях.

— Как по-твоему, не будет у Грюма и Дамблдора неприятностей с Министерством, если там узнают, что мы занимаемся этими заклятиями? — спросил Гарри, когда они подошли к Полной Даме.

— Вполне возможно, — кивнул Рон. — Но Дамблдор всегда все делал по-своему, да и Грюм, я полагаю, годами не вылезал из неприятностей. Сначала стреляет, потом спрашивает — вспомни его мусорные баки.

Рон назвал пароль, и Полная Дама отъехала, открыв проход. Они прошли в гостиную, где было так людно и шумно, что Гарри усомнился:

— А стоит ли нам браться за наши предсказания?

— Стоит, — вздохнул Рон.

Они поднялись в дормиторий взять книги и карты и застали там одного Невилла, читавшего, сидя на кровати. Он выглядел гораздо спокойней, чем в конце урока, хотя далеко еще не пришел в себя. Глаза его покраснели.

— Ты как, ничего? — сказал Гарри.

— Да, да, — отозвался Невилл, — все хорошо, спасибо. Вот, смотрите, профессор Грюм дал по-

читать…

Он показал им книгу — «Магические средиземноморские водные растения и их свойства».

— Вероятно, профессор Стебль сказала профессору Грюму, что я хорошо разбираюсь в травологии, — заметил Невилл. В его голосе прозвучала нотка гордости, какую Гарри редко доводилось слышать прежде. — Он подумал, что мне это понравится.

«Рассказать Невиллу, что говорила профессор Стебль?» — подумал Гарри. Это очень тактичный способ подбодрить Невилла — тот мало от кого слышал, что он хоть в чем-то хорошо разбирается. Это было как раз то, что сделал бы профессор Люпин.

Рон и Гарри, захватив свои экземпляры «Как рассеять туман над будущим», спустились обратно в гостиную, отыскали свободный стол и принялись трудиться над прогнозами текущего месяца. Прошел час. Они продвинулись очень ненамного, хотя стол был уже завален кусками пергамента, исписанными формулами и символами, а в голове у Гарри стоял такой туман, словно ее наполнил ароматический дым из камина профессора Трелони.

— Понятия не имею, что все это значит, — про-

бурчал он, уставившись на длинный столбец вычислений.

— Знаешь, — меланхолично вымолвил Рон — волосы у него стояли дыбом, потому что в расстройстве чувств он постоянно запускал в них пальцы, — по-моему, пришло время вернуться к старому испытанному способу предсказаний.

— Что — просто выдумать?

— Ну да. — Рон смел со стола кучу головоломных схем и окунул перо в чернила.

— В следующий понедельник, — начал он, записывая собственные слова, — у меня, наверное, разовьется кашель вследствие неблагоприятного соединения Марса и Юпитера. — Он посмотрел на Гарри. — Ты же ее знаешь — навороти побольше несчастий, и она это проглотит.

— Ладно, — согласился Гарри, скомкав свои расчеты и забросив их в камин поверх голов болтающих первокурсников. — Пусть так… В понедельник мне будет угрожать опасность… м-м-м… обжечься.

— Да так оно и есть, — проворчал Рон. — В понедельник нас снова ждет встреча с соплохвостами. Хорошо, во вторник я… э-э-э…

— Лишишься ценного имущества, — предложил Гарри, листая в поисках идей «Как рассеять

туман над будущим».

— Недурно, — пробормотал Рон, записывая. — По причине… м-м-м… Меркурия. А почему бы тебе не получить удар в спину от того, кого ты считал другом?

— Ух ты, здорово… — Гарри тоже заскрипел пером. — Из-за того, что Венера… находится, скажем… во втором доме.

— А в среду мне, я думаю, суждено потерпеть поражение в бою.

— Ах, черт, я как раз собирался нарваться на какую-то стычку… Ладно, я проиграю пари.

— Ну правильно, ты держал пари, что я выиграю свою битву.

Они продолжали вовсю изобретать предсказания (которые становились все трагичней и трагичней) еще час. Гостиная постепенно пустела по мере того, как студенты расходились спать. Живоглот, побродив вокруг них, вспрыгнул на соседнее кресло и уставился на Гарри неизъяснимым взглядом, каким, наверное, смотрела бы Гермиона, случись ей узнать, что они вытворяют со своим домашним заданием.

Шаря по комнате глазами в поисках еще не использованных несчастий, Гарри увидел Фреда и Джорджа, сидевших у противоположной стены

с перьями в руках над куском пергамента. Зрелище небывалое — близнецы удалились в уголок и тихо трудятся в поте лица. Обычно они предпочитали быть в гуще событий, шумно привлекая к себе внимание. Было что-то таинственное в том, с каким вниманием они склонились над пергаментом, — это напомнило Гарри, как тогда, в «Норе», они тоже сидели вдвоем, записывая что-то. В тот вечер он подумал, что это был новый бланк заказов для их «Ужастиков Умников Уизли», но сейчас, похоже, это было нечто иное. Будь так, они уж точно пригласили бы в компанию Ли Джордана поучаствовать в шутке. Не измышляют ли ребята какой-нибудь способ пробраться на Турнир Трех Волшебников, подумалось ему.

Как раз в этот момент Джордж, глядя на быстро писавшего Фреда, отрицательно покачал головой и что-то очень тихо проговорил, однако в тишине пустой комнаты Гарри сумел расслышать слова: «Нет, это звучит так, словно мы обвиняем его, надо как-то поделикатнее…»

Тут Джордж поднял голову и встретился глазами с Гарри. Тот улыбнулся и сейчас же вернулся к своим предсказаниям — ему вовсе не хотелось, чтобы Джордж счел, что он подслушивает. Вскоре близнецы свернули пергамент, пожелали спо-

койной ночи и отправились спать.

Минут через десять после ухода Фреда и Джорджа портретный проем открылся и в гостиную вошла Гермиона — в одной руке она несла свитки пергамента, в другой — коробку, в которой что-то гремело. Живоглот замурлыкал, выгнув спину.

— Привет, — сказала она. — Я только что закончила.

— И я тоже! — торжествующе объявил Рон, отбрасывая перо.

Гермиона села, сложив свои вещи на свободное кресло и придвинула к себе готовые предсказания.

— Да, не скажешь, что тебя ждет легкий месяц, верно? — заметила она с усмешкой, в то время как Живоглот свернулся калачиком у нее на коленях.

— Что ж, по крайней мере, я предупрежден, — зевнул Рон.

— Ага, и собираешься дважды утонуть, — кивнула Гермиона.

— Ой, правда? — воскликнул Рон, спешно просматривая свой прогноз. — Да, одно утопление лучше заменить… пусть меня затопчет разъяренный гиппогриф.

— Думаете, не заметно, что вы все это просто

выдумали?

— Как ты можешь так говорить! — картинно возмутился Рон. — Мы тут вкалывали, как дюжина домашних эльфов!

У Гермионы поднялись брови.

— Это просто такое выражение, — торопливо пояснил Рон.

Гарри тоже отложил перо, успешно закончив на предсказании собственной смерти по той причине, что ему снесут голову.

— А что в этой коробке? — поинтересовался он.

— Даже странно, что ты спросил, — отозвалась Гермиона, бросив на Рона ядовитый взгляд. Она открыла крышку и продемонстрировала им содержимое.

Внутри находилось примерно полсотни значков, все разного цвета, но с одними и теми же буквами: ГАВНЭ.

— Гавнэ? — Гарри взял один значок и стал рассматривать. — Это еще что такое?

— Никакое не гавнэ, — нетерпеливо сказала Гермиона. — Это Г.А.В.Н.Э. Означает — Гражданская Ассоциация Восстановления Независимости Эльфов.

— Никогда о такой не слышал, — заявил Рон.

— Разумеется, не слышал. — Гермиона распра-

вила плечи. — Я только что ее основала.

— Да что ты? — Рон, похоже, ничуть не удивился. — И сколько же у вас членов?

— Ну… если вы вступите… будет трое.

— И ты думаешь, мы захотим разгуливать повсюду со значками, на которых написано вот это слово? Быть вам, ребята, в гавнэ?

— Г.А.В.Н.Э.! — раздраженно поправила его Гермиона. — Я собиралась назвать это Движение за Прекращение Возмутительного и Жестокого Обращения с Дружественными Магическими Созданиями и Борьбу за Изменение их Правового Статуса, но это не подойдет. Мы так озаглавим наш манифест.

Она помахала перед ними свитком пергамента.

— Я все досконально изучила в библиотеке. Рабство эльфов уходит корнями в глубину веков. Не могу поверить, что никто не занялся этим до сих пор.

— Гермиона, открой пошире глаза! — громогласно обратился к ней Рон. — Им! Это! Нравится! Им нравится жить в рабстве!

— Наша ближайшая цель, — заговорила Гермиона еще громче, будто не замечая Рона, — обеспечить домашним эльфам достойный заработок

и условия труда. В дальнейшей перспективе — изменение закона о запрещении использования волшебных палочек и попытка добиться представительства эльфов в Отделе по регулированию и контролю за магическими существами, поскольку они там вопиющим образом отсутствуют.

— И как же мы все это сделаем? — спросил Гарри.

— Мы начнем с набора членов в наше общество, — радостно откликнулась Гермиона. — Думаю, по два сикля за вступление — чтобы купить значок — и на вырученные деньги мы сможем субсидировать нашу пропагандистскую кампанию. Ты будешь казначеем, Рон — я тебе уже приготовила жестянку для сбора средств, а ты, Гарри — ты у нас секретарь, поэтому уже сейчас мог бы записывать, что я говорю, чтобы составить протокол нашего первого собрания.

Наступила пауза. Гермиона смотрела на друзей, сияя как именинница, а Гарри сидел, не зная, то ли злиться на Гермиону, то ли веселиться над Роном, от потрясения временно утратившим дар речи. Тишину нарушил негромкий стук в окно. Гарри оглянулся и в лунном свете увидел снежно-белую сову, сидящую снаружи на каменном подоконнике.

— Букля! — закричал он, выскочил из кресла, точно его подбросило, и кинулся открывать окно.

Букля пролетела через комнату и приземлилась на свиток с предсказаниями.

— Давно пора! — воскликнул Гарри, подбегая к ней.

— Она принесла ответ! — Рон возбужденно указал на замызганный кусок пергамента, примотанный к лапе Букли.

Гарри поспешно отвязал его и сел читать, а Букля, пристроившись у него на колене, потряхивала крыльями и добродушно ухала.

— Ну что там? — прерывающимся от волнения голосом спросила Гермиона.

Письмо было очень коротким и выглядело так, словно его нацарапали второпях. Гарри прочел вслух:

— «Гарри, я немедленно вылетаю на север. Новость о твоем шраме — последняя в череде странных слухов, которые здесь до меня доходят. Если он заболит снова — иди прямо к Дамблдору. Тут говорят, что он вызвал из отставки Грозного Глаза; это означает, что он читает знаки — даже если никто, кроме него, этого не делает.

Я скоро буду. Мои наилучшие пожелания Рону

и Гермионе. Гляди в оба, Гарри.

Сириус».

Гарри посмотрел на Рона и Гермиону а те в ответ уставились на него.

— Он летит на север? — прошептала Гермиона. — Он возвращается?

— Что за знаки читает Дамблдор? — Рон в недоумении пожал плечами. — Гарри, это о чем?

Но Гарри лишь в ярости ударил себя кулаком по лбу:

— Я не должен был ему говорить!

— Ты это насчет чего? — удивился Рон.

— Из-за моего письма он решил, что ему необходимо вернуться! — На сей раз Гарри хватил кулаком по столу так, что Букля перелетела на спинку Ронова кресла, возмущенно ухая. — Он возвращается, потому что уверен — я в беде! А со мной ровным счетом ничего! А для тебя я ничего не припас, — рявкнул он на ни в чем не повинную Буклю, выжидательно щелкавшую клювом. — Хочешь есть — лети в совятню!

Букля бросила на него до крайности оскорбленный взгляд и вылетела в открытое окно, на прощанье дав ему крылом что-то вроде подзатыльника.

— Гарри, — начала было Гермиона умиротво-

ряющим тоном.

— Я иду спать, — отрезал Гарри. — Увидимся утром. Наверху, в спальне, он натянул пижаму и забрался

в кровать, но сна у него не было ни в одном глазу.

Если Сириус вернется и его схватят, это будет его, Гарри, вина. Ну кто его тянул за язык? Разговорился из-за двух секунд боли… Почему у него недостало ума держать свои домыслы при себе?!

Гарри слышал, как через несколько минут в спальню поднялся Рон, но не сказал ему ни слова. Гарри долго лежал, глядя в темноту полога. В спальне царила полная тишина и, немного отвлекшись от своих мыслей, Гарри обратил внимание, что не слышит привычного похрапывания Невилла. Значит, он не единственный, кому не спится в эту ночь.

Глава 15

ШАРМБАТОН И ДУРМСТРАНГ

Гарри проснулся, едва забрезжил рассвет. В голове готов план, как будто мозг его работал всю ночь. Он встал, оделся и, стараясь не разбудить Рона, спустился в пустую гостиную. На столе с вечера так и лежит его домашняя работа о прорицаниях. Гарри сел, взял кусок пергамента и написал письмо:

Дорогой Сириус!

Не волнуйся из-за моего шрама. Он не болит, это мне показалось. Последнее письмо я писал спросонья. Так что успокойся и не приезжай сюда. Я в полном порядке, и голова тоже.

Гарри

Выскочив из портретного проема, он поспешил в совятник на самый верх Западной башни. Во всем замке царила полная тишина, только на пятом этаже к нему пристал Пивз, хотел сбросить на него тяжелую вазу, но больше никого Гарри

не встретил.

Вот наконец и совятник — круглое каменное помещение, окна без стекол, поэтому холодно и гуляют сквозняки, на застланном соломой полу совиный помет и обклеванные скелетики мышей и хомяков. Совы всех мыслимых пород сидят ярусами на жердочках до самого потолка, он же крыша башни. Почти все спят, и все-таки отовсюду нет-нет и глянет на него круглый янтарный глаз.

Букля сидела между сипухой и серой совой. Гарри поспешил к ней, поскользнулся и чуть не упал. Пришлось потрудиться, чтобы сова разлепила веки и обратила на него взор. Она дремала, повернувшись к нему хвостом, — явно хитрила: накануне вечером он не поблагодарил ее за письмо, и Букля все еще держала на него обиду

— Ты, верно, вчера очень устала, — вздохнул Гарри, поглаживая на ее спине перья. — Придется, видно, попросить у Рона Воробушка.

От этих слов Букля мигом проснулась и протянула лапу:

— Найди его как можно скорее. Боюсь, как бы он не попал в руки дементоров.

Привязав к лапе письмо, Гарри взял сову и выпустил ее в одно из окон. Букля клюнула его

в палец больнее, чем обычно, но все же ласково ухнула в знак примирения, расправила крылья и полетела навстречу солнцу. Гарри проводил ее взглядом, на душе было тяжело. Вот уж никогда не думал, что ответ Сириуса только усилит его тревогу.

За завтраком Гарри поведал друзьям о посланном Сириусу письме.

— Но, Гарри, — встревожилась Гермиона, — это неправда. Ты про шрам не придумал.

— Ну и что? Хочешь, чтобы из-за меня его отправили в Азкабан?

Гермиона хотела что-то возразить, но Рон ткнул ее в бок.

— Перестань, — шикнул он на нее, и Гермиона в кои-то веки послушалась.

Недели две Гарри, как мог, боролся с тревогой о крестном. И все равно по утрам с замиранием сердца ожидал совиную почту, а перед сном в постели ему мерещились страшные видения: Сириуса хватают дементоры где-нибудь в темном закоулке Лондона. Жаль, что не было тренировок, квиддич — лучшее лекарство от тяжких мыслей. Зато уроки, особенно защита от темных искусств, стали труднее, да и требовали учителя куда больше.

Ко всеобщему удивлению, профессор Грюм объявил, что подвергнет каждого заклятию Империус — продемонстрирует его силу и проверит способность учеников к сопротивлению.

— Но, профессор, — неуверенно начала Гермиона, — вы ведь сказали, что это нарушение закона…

Профессор молча взмахнул волшебной палочкой, парты разъехались в стороны, и в середине класса образовалось пустое место.

— … что к людям это заклятие применять нельзя, — закончила лучшая ученица свою мысль.

— Дамблдор хочет, чтобы вы на собственном опыте познали опасность этого заклятия, — непререкаемым тоном произнес Грюм, его волшебный глаз впился в Гермиону и парализовал жутким немигающим взглядом. — Но если ты предпочитаешь более трудный путь — путь раба, который полностью лишен собственной воли, я не стану возражать, это твой выбор. Можешь покинуть урок. — И он указал скрюченным пальцем на дверь.

Густо покраснев, Гермиона прошептала, что имела в виду совсем другое. Гарри с Роном улыбнулись, переглянувшись. Гермиона скорее проглотит гной бубонтю-бера, чем пропустит

такой важный урок.

Грюм по очереди вызывал учеников и накладывал на них чары. Чего только они не вытворяли, оказавшись в его власти. Дин Томас трижды проскакал вокруг комнаты, распевая национальный гимн. Лаванда Браун вообразила себя белкой. Невилл исполнил гимнастические упражнения, к которым сроду не был способен. Перед заклятием оказались бессильны все, становясь собой, только когда Грюм заклятие снимал.

— Поттер, — наконец прохрипел Грюм, — твоя очередь. Гарри вышел на середину класса. Профессор нацелил на него палочку и произнес:

— *Империо!*

Удивительное ощущение! Гарри словно воспарил в небо. Никакого беспокойства нет и в помине, только легкое, необъяснимое счастье. Блаженство волной окатило его, и все же он чувствовал себя как в тумане: за ним пристально наблюдают. И тут в пустом черепе эхом отдалось приказание Грозного Глаза:

«Прыгай на стол… Прыгай на стол…»

Гарри послушно согнул колени, приготовясь к прыжку

«Прыгай на стол…»

«А собственно, зачем?»

Где-то в глубине сознания раздался еще один голос-. «Это же просто глупо!» «Прыгай на стол…»

«Не прыгну, спасибо. — Второй голос зазвучал чуть тверже. — Я правда не хочу..» «Прыгай! Живо!»

Сильная боль пронзила Гарри: он прыгнул, отчаянно при этом сопротивляясь. Врезался головой в стол, опрокинул его. И кажется, сломал обе коленные чашечки.

— Это уже на что-то похоже, — послышался громкий голос Грюма. Полная отзвуков пустота в голове вдруг исчезла. Гарри ясно помнил, что с ним произошло. Боль в коленях усилилась. — Все посмотрите на Гарри! Он боролся и, черт побери, почти устоял. Победа была совсем близка! Попробуем еще раз, Поттер! А вы следите за ним, особенно за глазами. В них все отражается. Молодец, Гарри! Не так-то будет легко сделать из тебя раба…

— Нет, каким тоном он говорит! — сказал друзьям Гарри, когда час спустя, хромая, выходил с урока защиты. Грюм заставил его упражняться до победного конца, и после четвертой попытки Гарри легко одолел чары. — Как будто мы все в любую минуту можем подвергнуться нападению!

— Он просто сумасшедший. — Рон обернулся, нет ли сзади Грюма. Борьба с заклятием далась ему труднее, чем Гарри: он все еще не шел, а прыгал через ступеньку. Но Грюм обещал, самое позднее к обеду действие чар само собой прекратится. — Неудивительно, что Министерство с радостью от него избавилось. Ты слышал, он рассказывал Симусу, что сделал с той ведьмой, которая первого апреля крикнула ему вслед «бу-у»? Ну, когда тут изучить приемы против его Империуса? Завалили домашними заданиями!

Весь четвертый курс заметил, что в этом году им стали задавать на дом куда больше. От уроков по трансфигурациям взвыл весь класс.

— Вы вступаете в важнейшую фазу обучения магическим искусствам, — наставляла профессор МакГонагалл, угрожающе поблескивая прямоугольными стеклами очков. — Не за горами экзамен по сверхотменному волшебству…

— Так СОВ будет только на пятом курсе! — взмолился Дин Томас.

— Согласна, Томас. Но готовиться к нему следует заранее. Из всего класса одна мисс Грэйнджер превратила ежа в более-менее приличную подушку для иголок. А ваша подушка, Томас, до сих пор в ужасе сворачивается, стоит поднести к ней

булавку.

Гермиона покраснела, едва сдерживая улыбку от переполнявшей ее гордости.

А вот на прорицании Рону и Гарри улыбнулась удача. Профессор Трелони объявила, что поставила обоим за сочинение самый высокий балл. Прочитала их предсказания и похвалила за смиренное приятие предстоящих ужасов. Но радость друзей быстро улетучилась. Трелони задала новое задание, срок месяц, а у них в головах, как назло, иссяк запас бедствий и катастроф.

Не отстал от других и профессор Биннс по истории магии, задал через неделю сдать сочинение о восстании гоблинов в XVIII веке. Профессор Снегг обрушил лавину противоядий, обещая перед Рождеством кого-нибудь отравить — надо же проверить, как усвоены противоядия. А профессор Флитвик велел прочесть про манящие чары три толстенные книги из списка дополнительной литературы.

Даже Хагрид и тот их не пощадил. Его обожаемые соплохвосты росли с ужасающей быстротой, хотя никто не знал, чем же они питаются. И он предложил с видом Деда Мороза, принесшего подарки, провести исследование: через вечер приходить к нему, наблюдать соплохвостов и

делать записи об их бесподобном поведении.

— Я не буду ходить, — наотрез отказался Драко Малфой. — Спасибо, я с лихвой нагляделся на них во время урока.

Улыбка сползла с лица Хагрида.

— Будешь делать, что я велю, — гаркнул он. — Не то я последую примеру профессора Грюма… Слыхал я, какой из тебя получился прекрасный суслик!

Гриффиндорцы расхохотались. Малфой зло вспыхнул, даже не нашелся что возразить. Видно, не забыл еще наказания Грюма.

Гарри и Рон с Гермионой возвращались в замок в самом веселом расположении духа. Молодец Хагрид, поставил на место Малфоя, который в прошлом году из кожи вон лез, чтобы лесничего выгнали из Хогвартса.

Вошли в холл и у порога застряли — дальше и шага не ступишь. На стенде у мраморной лестницы — объявление, возле которого столпилось полсотни учеников. Рон, как самый высокий, встав на цыпочки, громко прочитал через головы:

— «Турнир Трех Волшебников. Делегации из Шармбатона и Дурмстранга прибывают в Хогвартс в ближайшую пятницу — 30 октября в 6

часов вечера. Уроки в этот день закончатся на полчаса раньше…»

— Здорово! Последний урок — зельеваренье! Снегг не успеет никого отравить! — ликовал Гарри.

— «… После уроков всем ученикам отнести сумки с учебниками в спальни и собраться перед замком для встречи заморских гостей».

— Приезжают через неделю! Интересно, Седрик уже знает? Пойду скажу ему! — Эрни МакМиллан из Пуффендуя с загоревшимся взглядом растолкал учеников и устремился к лестнице.

— Причем здесь Седрик? — удивился Рон.

— Седрик Диггори наверняка будет участвовать в турнире, — пояснил Гарри.

— Этот придурок будет представлять Хогвартс? — хмыкнул Рон, выбираясь с друзьями из толпы.

— Диггори не придурок. Он тебе не нравится, потому что нанес поражение Гриффиндору. А я слышала, он прекрасный ученик. К тому же староста факультета, — непререкаемым тоном проговорила Гермиона.

— Зато тебе он очень нравится! Как же, такой красавчик, — подколол ее Рон.

— Ошибаешься, я сужу о людях не по внешнему

виду, — возмутилась Гермиона.

— Кха-кха! Ло-кха-кха-нс! — Рон якобы громко откашлялся. А Гарри в его кашле явно послышалась фамилия «Локонс».

Объявление взбудоражило обитателей замка. Куда бы Гарри ни шел, только и слышно: «Турнир Трех Волшебников», «Турнир Трех Волшебников»... Все как с ума посходили: кого допустят к конкурсу, какие виды волшебства войдут в состязания, отличаются ли от них хоть чем-нибудь заморские студенты?

И конечно, замок подвергся генеральной уборке. Несколько потемневших портретов хорошенько почистили и помыли, к их вящему недовольству. Портреты ежились в своих рамах, сердито бурчали, кривя влажные розовые лица. Рыцарские доспехи заблестели и задвигали руками без скрипа и скрежета. А Аргус Филч в ярости кидался на ребят, забывших вытереть ноги, и даже довел двух девочек-первоклашек до слез.

Волновались и преподаватели.

— Долгопупс, пожалуйста, не выдайте гостям из Дурмстранга свое неумение совершить самое простое преобразующее заклинание, — взмолилась профессор МакГонагалл в конце особенно трудного урока: Невилла угораздило превратить

собственные уши в кактусы.

И вот наступил долгожданный день. Войдя утром в Большой зал, студенты на миг замерли — ночью на стены вывесили огромные флаги всех факультетов: Гриффиндорский — красный с золотым львом, Когтеврана — бронзовый орел на синем фоне, желтый с черным барсуком Пуффендуйцев и зеленое знамя с серебряной змеей Слизерина. Позади профессорского стола развевалось невероятных размеров полотнище с гербом Хогвартса: большая буква «Х» в окружении льва, орла, барсука и змеи.

Фред с Джорджем уже завтракали. Но опять сидели отдельно от всех и о чем-то шептались, что было им отнюдь не свойственно. И Рон с друзьями, конечно, направился прямо к ним.

— Да-а, дело дрянь, — мрачно сказал Джордж Фреду. — Если он все же откажется говорить с нами, придется писать письмо, послать совиной почтой или прямо вручить. Он явно нас избегает, но мы своего добьемся.

— Кто вас избегает? — подсел к ним Рон.

— Исчезни, — буркнул Фред раздраженно.

— А почему дело дрянь? — спросил Рон Джорджа.

— Младший брат слишком приставучий.

— А что вы думаете о Турнире? Хотите в нем участвовать?

— Я спросил у МакГонагалл, как будут выбирать участников, а она не говорит, — сокрушался Джордж — Велела замолчать и заняться трансфигурацией енота.

— Интересно, что войдет в состязания? — задумался Рон, но тут же опять оживился: — Держу пари, мы все равно победим, правда, Гарри? Нам к опасностям не привыкать.

— Не привыкать-то не привыкать. Но не перед судейской бригадой, — остудил брата Фред.

— А кто обычно судит? — спросил Гарри.

— Всегда директора школ-участниц, — подала голос Гермиона. — На Турнире тысяча семьсот девяносто второго года все трое получили увечья. Тогда участники ловили василиска, а он возьми и встань на дыбы.

Заметив, что многие с удивлением на нее таращатся, Гермиона, как всегда, начала сердиться: почему все они так мало читают!

— Об этом написано в «Истории Хогвартса»! Правда, в ней не все достоверно. Я бы ее назвала «Пересмотренная история». Или еще лучше: «Необъективная история Хогвартса. Избранные места. Многие приукрашены».

— Ты это про что? — не понял Рон. А Гарри сразу догадался, какая тирада за этим последует.

— Про домовых эльфов! — отчетливо и громко произнесла Гермиона, подтвердив догадку Гарри. — Ни одного раза на протяжении тысячи страниц в «Истории» не сказано, что мы все участвуем в жестоком угнетении сотни эльфов.

Гарри покачал головой и принялся за омлет. Они с Роном прохладно отнеслись к кампании Гермионы в защиту домовых эльфов. Но это не охладило ее пыл. Правда, они купили два значка, чтобы Гермиона хоть немного угомонилась. Но только выкинули деньги на ветер: менее говорливой она не стала. Хуже того, потребовала носить значки — подать пример другим. Каждый вечер, придя в гостиную, Гермиона высматривала очередную жертву, загоняла в угол и трясла у нее под носом жестяной банкой со значками.

— Да поймите же, — втолковывала она зачерствелым гриффиндорцам, — вам меняют простыни, топят камины, моют классы, на вас готовит целая армия крошек-волшебников. И за свой труд они не получают ни сикля. Это настоящие рабы!

Некоторые, среди них Невилл, опустили в банку пару сиклей, чтобы Гермиона отвязалась. Кое-кто слегка проникся ее словами, но этим

дело и ограничилось. А многие и вовсе сочли ее приставания за шутку.

Рон возвел глаза к потолку, заливавшему зал последними лучами осеннего солнца. Фред проявил повышенный интерес к бекону (близнецы не купили значок «ГАВНЭ»). А Джордж сказал:

— Слушай, Гермиона, ты-то хоть раз была на кухне?

— Конечно, нет, — отрезала Гермиона. — Ученикам…

— А мы были, — перебил ее Джордж и ткнул Фреда в бок. — И неоднократно. Воровали еду. И видели домовиков. Они там блаженствуют. Считают, что лучше работы нет!

— Потому что они необразованны и внушаемы. Им можно внушить что угодно, — горячо продолжала Гермиона, но тут зашумела крыльями совиная почта, и она смолкла.

Гарри вскинул голову — к нему летела Букля. Рон с Гермионой не отрывали от нее тревожного взгляда. Сова села на плечо Гарри, сложила крылья и устало протянула лапу. Гарри отвязал письмо Сириуса и дал ей корку бекона, которую Букля с благодарностью проглотила. Убедившись, что близнецы заняты обсуждением Турнира Трех Волшебников, он шепотом прочитал друзьям

письмо:

— «Добрый день, Гарри!

Я вернулся туда, где был, и сейчас опять в надежном укрытии. Держи меня в курсе всего, что происходит в Хогвартсе. Не используй Буклю, меняй сов. Обо мне не беспокойся, но сам будь начеку. Не забудь, что я сказал тебе про твой шрам. Сириус».

— А сов менять зачем? — тихо спросил Рон.

— Букля очень выделяется среди других птиц — мигом сообразила Гермиона. — Белоснежная сова, которая часто прилетает в одно и то же место, не может не привлечь внимание. Ведь белые совы в тех краях большая редкость.

Гарри свернул письмо и сунул в мантию, не понимая, уменьшило ли оно тревогу или усилило. Чудо, конечно, что Сириусу удалось без происшествий вернуться в безопасное место. Но с другой стороны, когда Сириус неподалеку, чувствуешь себя спокойнее и не так долго ждешь ответа на отправленное письмо.

— Спасибо тебе, Букля, — поглаживал Гарри сову. Сонно ухнув, она нырнула клювом в кубок с апельсиновым соком и взлетела, предвкушая сладкий сон на маковке башни.

В воздухе витало ощущение праздника. На

уроках никто себя не утруждал, все мысли были о гостях из Шармбатона и Дурмстранга. Даже зельеварение показалось не таким противным, ведь урок сегодня кончался на полчаса раньше. Прозвенел звонок. Гарри и Рон с Гермионой поспешили к себе в башню. Оставили в спальне сумки, надели плащи и помчались вниз по лестнице в холл.

Деканы факультетов построили учеников в колонны.

— Уизли, поправьте шляпу, — командовала профессор МакГонагалл. — Первокурсники, вперед. И пожалуйста, не толкайтесь!

Рядами спустились по главной лестнице и выстроились перед замком. Был ясный холодный вечер. Сгущались сумерки. Бледная призрачная луна уже взошла над Запретным лесом. Гарри, стоявший в четвертом ряду между Роном и Гермионой, заметил среди первоклашек Дэнниса Криви, которого трясло в предчувствии чего-то необычного.

— Скоро шесть, — взглянув на часы, Рон устремил взгляд на дорогу, ведущую к главным воротам. — На чем, по-твоему, они едут? На поезде?

— Сомневаюсь, — сказала Гермиона.

— А как тогда? На метлах? — предположил Гар-

ри, глядя в небо, усеянное крупными звездами.

— Не думаю. Путь-то неблизкий.

— Может, портал? — терялся в догадках Рон. — А может, у них разрешается трансгрессироваться до семнадцати лет?

— На территории Хогвартса трансгрессироваться невозможно, сколько раз тебе говорить, — осекла его Гермиона.

Друзья внимательно обшаривали взглядами небо. Ни малейшего признака летящего предмета. Как всегда, тишь и покой. Гарри стал замерзать. Скорей бы уж появились гости! Может, они придумали какое-то необычное представление? Ему вспомнились слова мистера Уизли на стадионе перед матчем на Кубок мира: «Всегда одно и то же. Любим на сборищах распускать павлиньи перья».

К счастью, Дамблдор, стоящий с другими учителями в последнем ряду, в эту минуту воскликнул:

— Чует мое сердце — делегация Шармбатона недалеко!

— Где? Где? — обрадовались ребята, вертя головами.

— Вон! — указал шестикурсник на небо в стороне Запретного леса.

Нечто огромное, куда больше метлы, нет, целой сотни метел, летело по иссиня-черному небу, быстро увеличиваясь в размерах.

— Дракон! — пискнул насмерть перепуганный первокурсник.

— Ты что, дурак? Это летучий дом! — уверенно заявил крошка Дэннис Криви.

Его догадка оказалась близка к истине. Гигантская черная тень почти касалась верхушек деревьев. Льющийся из окон замка свет озарил приближающееся чудо — огромную синюю карету, подобную башне. Ее тянула по воздуху дюжина крылатых золотых коней с развевающимися белыми гривами, каждый величиной со слона.

Первые три ряда учеников подались назад. Заходя на посадку, карета снижалась с бешеной скоростью. И наконец, с оглушительным громом, от которого Невилл, подпрыгнув, наступил на ногу пятикурснику-слизеринцу копыта золотых коней размером с хорошее блюдо коснулись земли на опушке Запретного леса. Следом приземлилась карета и покатила, подпрыгивая на гигантских колесах; кони кивали исполинскими головами, выпучив огромные огненно-красные глаза.

Открылась дверца, украшенная гербом: две

скрещенные золотые палочки, из каждой вылетают по три красные звезды; с облучка прыгнул мальчик в голубой мантии, наклонился, что-то нашарил на полу кареты и развернул золотые ступеньки. Тут же почтительно отпрыгнул назад, и из кареты появилась черная лаковая туфля размером не меньше детских санок, и сразу же за ней изумленным зрителям явилась ее обладательница. Таких великанш Гарри никогда в жизни не видел. Неудивительно, что у кареты и лошадей столь впечатляющие габариты!

Только один Хагрид мог бы с ней померяться: вряд ли он хоть на сантиметр ее ниже. Впрочем, может, потому, что он привык к Хагриду. Женщина, стоявшая уже на первой ступеньке и озиравшая ряды ошеломленных зрителей, показалась ему все-таки огромнее Хагрида. Она вошла в полосу света, падающего из окон замка, и обнаружилось, что у нее красивое лицо с оливковой кожей, темные волоокие глаза и крупный орлиный нос, блестящие волосы собраны в низкий пучок на шее. Дама была с головы до ног закутана в черную атласную мантию, на шее и толстых пальцах поблескивали превосходные опалы.

Дамблдор зааплодировал. Ученики вторили. Многие вставали на цыпочки, чтобы лучше раз-

глядеть великаншу.

Лицо ее расплылось в улыбке. Она подошла к Дамблдору и протянула сверкающую драгоценностями руку. Директор, и сам роста немалого, лишь слегка склонился для поцелуя.

— Дорогая мадам Максим! Добро пожаловать в Хогвартс!

— Дамблёдорр, — произнесла мадам Максим грудным голосом. — Надеюсь, вы пребываете в добром зд'гавии?

— Спасибо. Я в превосходной форме.

— Мои ученики, — небрежно махнула она назад огромной ручищей.

Гарри, чье внимание было приковано к мадам Максим, только теперь заметил вышедших из кареты подростков лет пятнадцати-шестнадцати. Их было десятка полтора, и все они дрожали от холода в мантиях из тонкого шелка. Кое-кто обмотал голову теплым шарфом. Насколько Гарри мог видеть (учеников почти скрыла огромная тень мадам Максим), все с испугом поглядывали на замок

— Ка'г-ка'гов уже приехал?

— С минуты на минуту ждем, — сказал Дамблдор. — Вы его будете здесь приветствовать или пойдете сразу в замок?

— Лучше пойдем в замок. Тут у вас холодно. Только вот кони…

— Наш преподаватель ухода за магическими существами сочтет за счастье о них позаботиться. Он вот-вот вернется, только уладит небольшое недоразумение. Его… э-э… подопечные требуют повышенного внимания.

— Его сопляки, — шепнул Рон Гермионе.

— Моим коням нужен сильный конюший. — Мадам Максим явно сомневалась, что хогвартский учитель справится с ее золотыми жеребцами. — Они ошшень к'гепкие.

— Уж поверьте, кому-кому а Хагриду эта работенка по плечу, — улыбнулся Дамблдор.

— Ошшень хо'гошо! — слегка поклонилась мадам Максим. — Передайте, пожалуйста, мсье 'Агриду что пьют мои кони только ячменный виски.

— Непременно передам. — Дамблдор тоже в ответ поклонился.

— Следуйте за мной, — величаво махнула ученикам мадам Максим.

И хогвартцы расступились, пропуская гостей к каменным ступеням.

— А дурмстрангские кони тоже, наверное, не меньше? — обратился Симус Финниган к Гарри и

Рону через головы Парвати и Лаванды.

— Будут больше этих — даже Хагриду с ними не справиться, — покачал головой Гарри. — Если, конечно, соплы его уже не прикончили. Интересно, что там у него стряслось?

— Может, они убежали? — с надеждой предположил Рон.

— Не дай бог! — содрогнулась Гермиона. — Представь себе: соплохвосты ползают по территории замка!

Холод начал пробирать до костей. кто-то поглядывал на небо. Тишину нарушали только фырканье и стук подков золотых коней мадам Максим.

— Слышите? — вдруг воскликнул Рон.

Откуда-то из темноты донесся престранный звук — погромыхивание, сопровождаемое всасывающим хлюпаньем, как если бы гигантский пылесос двигался по речному руслу.

— Озеро! — крикнул Ли Джордан. — Гляньте на озеро. Стоя на возвышении у замка, они отчетливо видели внизу черную гладь воды, которую теперь уже нельзя было назвать гладью. В середине озера появились завихрения, затем огромные пузыри, глинистый берег захлестнули волны, и вдруг в самом центре возникла ворон-

ка, как будто на дне вынули огромную затычку. Из самой ее сердцевины медленно поднимался длинный черный шест. Корабельная снасть, догадался Гарри.

— Это мачта, — объяснил он Рону и Гермионе. Величественный корабль неторопливо всплывал из воды, мерцая в лунном свете. У него был странный скелетоподобный вид, как у воскресшего утопленника. Тусклые огни иллюминаторов походили на светящиеся глаза призрака. С оглушительным всплеском корабль наконец весь вынырнул и, покачиваясь на бурлящей воде, заскользил к берегу. Вскоре раздался звук брошенного на мелководье якоря, и на берег спустили трап.

С борта потянулись пассажиры, и в иллюминаторах замелькали движущиеся фигуры. Все они величиной не уступали Крэббу с Гойлом! Но вот они вошли в падающий из окон замка свет, и Гарри увидел, что не такие они и большие, просто на них надеты лохматые шубы. Человек, шедший первым, был одет в другие меха — гладкие, блестящие, серебристые, под стать волосам.

— Дамблдор! — радостно воскликнул он, поднимаясь по склону. — Как поживаете, любезный друг?

— Благодарю, прекрасно, профессор Каркаров.

Голос у Каркарова бархатный, с льстивой ноткой. Высокий, худой, как и Дамблдор, но седина короткая, а козлиная бородка с завитком на конце едва скрывает безвольный подбородок. Подойдя к Дамблдору он взял его руки в свои и крепко тряхнул.

— Старый добрый Хогвартс, — смотрел он, улыбаясь, на замок. Зубы у него желтоватые, а улыбка не вяжется с холодным, проницательным взглядом. — Как хорошо снова быть здесь… Как хорошо… Виктор, иди сюда. В тепло. Вы не против, Дамблдор? Виктор немного простыл…

Каркаров поманил одного из учеников, тот подошел. Крупный, с горбинкой нос, густые черные брови… Рон дернул друга за локоть, что-то зашептал на ухо. Но Гарри и сам узнал гостя.

Это был Крам.

Глава 16

КУБОК ОГНЯ

— Глазам не верю! — воскликнул Рон.

Хогвартцы ровным строем поднимались вслед за гостями по каменным ступеням. Рон был вне себя от восторга.

— Крам! Нет, ты представляешь себе, Гарри? Сам Виктор Крам!!!

— Что с тобой, Рон, Крам всего лишь игрок в квиддич, — пожала плечами Гермиона.

— Всего лишь! — передразнил ее Рон. — Ты что, Гермиона, не знаешь? Это же один из сильнейших в мире ловцов! Я понятия не имел, что он все еще школьник!

В холле, заметил Гарри, Джордан Ли прыгал на цыпочках, чтобы мельком узреть затылок Виктора Крама, а шестикурсницы лихорадочно шарили в складках мантий.

— Не может быть! У меня нет с собой ни одного пера! Что же делать? Может, он подпишет шляпу губной помадой?

— Делать им нечего! — высокомерно заявила Гермиона, проходя мимо девушек, чуть не деру-

щихся из-за тюбика губной помады.

— Я бы тоже не прочь взять у него автограф. Гарри, не одолжишь перо? — засуетился Рон.

— У меня тоже нет. Они все наверху в сумке.

Друзья подошли к своему столу. Рон сел лицом к входной двери, у которой толпились дурмстрангцы во главе с Крамом, высматривая, куда сесть. Гости из Шармбатона уже сидели за столом Когтеврана, мрачно озираясь по сторонам. Головы у троих были все еще замотаны теплыми шарфами.

— Ничуть не холодно, — сердилась Гермиона. — Неужели трудно было захватить с собой плащи!

— Идите к нам, сюда, — махал гостям Рон. — Садитесь! Гермиона, подвинься!

— Что?

— А-а, уже поздно, — махнул рукой Рон.

Виктор Крам с однокашниками двинулись к столу слизеринцев. Крэбб с Гойлом были на седьмом небе. А Малфой не преминул тут же вступить с Крамом в беседу.

— Подлизывайся, подлизывайся, — с досадой проговорил Рон. — Крам все равно видит тебя насквозь. Хотя… ему не привыкать ко всеобщему вниманию. Интересно, где они будут ночевать?

Гарри, давай позовем их к нам в спальню! Я не прочь уступить ему свою кровать. А сам могу спать и на раскладушке.

Гермиона фыркнула.

— Эти будут повеселее шармбатонцев, — заметил Гарри.

Дурмстрангцы сняли лохматые шубы и с любопытством разглядывали темный потолок, усеянный звездами. Некоторые, не скрывая восхищения, вертели в руках золотые тарелки и кубки.

Завхоз Филч, надевший в честь праздника старый, потертый фрак, добавил к профессорскому столу еще четыре кресла — по два слева и справа от Дамблдора.

— Но приехало-то всего два профессора, — удивился Гарри. — А Филч почему-то поставил четыре кресла. кто-то еще приедет?

— А? — рассеянно переспросил Рон, жадно пожиравший глазами Крама.

Наконец все заняли свои места, и к профессорскому столу потянулись преподаватели, шествие замыкали профессор Дамблдор, профессор Каркаров и мадам Максим. Увидев своего директора, шармбатонцы поспешили встать. За соседними столами раздались смешки. Но подопечные ма-

дам Максим невозмутимо оставались на ногах, покуда великанша не опустилась в кресло по левую руку от Дамблдора, стоявшего за столом в ожидании тишины.

— Добрый вечер, леди, джентльмены и привидения, а главное, наши гости, — наконец начал он, лучезарно улыбнувшись иноземным ученикам. — С превеликим удовольствием приветствую вас в Хогвартсе! Уверен, что вы хорошо проведете у нас время. Не сомневаюсь, вы уже успели оценить удобства нашего замка!

При этих словах одна из шармбатонских девушек, у которой на голове все еще был шарф, громко хихикнула.

— Никто тебя здесь не держит, — буркнула с неприязнью Гермиона.

— Официальное открытие Турнира, — как ни в чем не бывало продолжал Дамблдор, — состоится сегодня вечером, сразу же после ужина. Угощайтесь, дорогие друзья, на славу. Ешьте, пейте и чувствуйте себя как дома!

Дамблдор сел, а Каркаров сейчас же наклонился к нему и о чем-то оживленно заговорил.

Блюда, как всегда, начали наполняться едой. На этот раз эльфы-домовики превзошли себя. Каких только кушаний не было, в том числе и

заморских!

— А это что? — спросил Рон, указывая на блюдо не то с супом, не то с рагу из моллюсков, стоявшее рядом с йоркширским пудингом из говядины с почками.

— Буйябес, — объяснила Гермиона.

— Надо же! — удивился Рон.

— Это французское блюдо. Я его ела на каникулах позапрошлым летом. Очень вкусно.

— Поверю тебе на слово, — сказал Рон и потянулся к привычному пудингу.

В зале прибавилось учеников двадцать, не больше, а казалось, яблоку негде упасть. Наверное, из-за одежды гостей. Слишком уж она выделялась на фоне черной хогвартской: под шубами дурмстрангцев оказались кроваво-красные мантии.

Минут через двадцать дверь за профессорским столом отворилась и в зал вошел Хагрид. Сев на обычное место, он сразу же помахал толсто забинтованной рукой Гарри, Рону и Гермионе.

— Как поживают соплы, Хагрид? — спросил Гарри.

— Процветают, — широко улыбнулся лесничий.

— Никто и не сомневался, — тихонько сказал Рон. — Похоже, нашли еду по душе. Пальчики

Хагрида.

— Будьте доб'ты, передайте, пожалуйста, буйя-а-бес! — громко попросил чей-то голос.

Это была девушка, не сдержавшая смешок во время приветствия Дамблдора. Она наконец-то сняла шарф, и ее белокурые волосы волной падали почти до самого пояса. У нее были большие синие глаза и ровные белые зубы, напомнившие незабвенную улыбку профессора Локонса.

Рон покраснел до ушей. Взглянул на девушку, открыл было рот, но вместо слов издал бессмысленное бульканье.

— Пожалуйста, — придвинул к ней блюдо Гарри.

— Вы уже поели?

— Д-да, о-очень вкусно, — заикаясь, проговорил Рон. Девушка взяла блюдо и осторожно понесла к своему столу. Рон таращился на нее, как на неземное диво. Привел его в чувство смешок Гарри.

— Вылитая вейла! — осипшим голосом прохрипел Рон.

— Глупости, — возмутилась Гермиона. — Ты один уставился на нее с таким идиотским видом.

Но она ошибалась. Многие глядели вслед этой девушке, а некоторые, как и Рон, потеряли дар речи.

— Говорю тебе, она самая необыкновенная на свете девушка! — вертелся на стуле Рон, стараясь не упускать ее из виду. — В Хогвартсе таких нет.

— В Хогвартсе есть и получше! — выпалил Гарри, глянув искоса на Чжоу Чанг, сидевшую неподалеку от белокурой красавицы.

— Да перестаньте вы оба пялиться! — рассердилась Гермиона. — Посмотрите лучше, кто еще пришел в зал.

И она кивнула на преподавательский стол. Два пустых кресла наконец обрели хозяев. Рядом с профессором Каркаровым сел Людо Бэгмен, а слева от мадам Максим — начальник Перси мистер Крауч.

— Что они тут делают? — удивился Гарри.

— Они — организаторы Турнира Трех Волшебников. — Гермиона, как всегда, знала все. — Полагаю, приехали посмотреть начало Турнира.

Скоро появились вторые блюда, и среди них опять незнакомые. Рон хорошенько рассмотрел светлое бланманже и слегка подвинул его вправо — пусть заметят за столом Когтеврана. Но девушка, похожая на вейлу наверное, была сыта, и бланманже не соблазнило ее.

Наконец золотые тарелки опустели, и Дамблдор опять встал с кресла. Зал в ожидании замер.

Гарри почувствовал легкое волнение. А сидевшие в отдалении от всех близнецы так и впились в директора горящим взглядом.

— Торжественный миг приблизился. — Дамблдор оглядел, улыбаясь, обращенные к нему лица. — Турнир Трех Волшебников вот-вот будет открыт. Перед тем как внесут ларец…

— Что-что внесут? — не понял Гарри.

— … я хотел бы коротко объяснить правила нынешнего Турнира. Но прежде позвольте представить тем, кто не знает, мистера Бартемиуса Крауча, главу Департамента международного магического сотрудничества. — Слушатели вежливо похлопали. — А также Людо Бэгмена, начальника Департамента магических игр и спорта.

Бэгмену достались щедрые аплодисменты, наверное благодаря его славе загонщика, а может, просто потому, что вид у него был куда приветливее: Бэгмен оценил аплодисменты, осклабившись и помахав залу рукой, а хмурый Бартемиус Крауч и бровью не повел, когда Дамблдор назвал его имя. На чемпионате мира, вспомнил Гарри, он был в строгом костюме, а сейчас в мантии волшебника выглядел как-то нелепо. Его усы щеточкой и аккуратный пробор странно кон-

трастировали с длинными белыми волосами и бородой Дамблдора.

— Мистер Бэгмен и мистер Крауч, организаторы Турнира, без устали работали несколько месяцев, — продолжал Дамблдор. — И они войдут в судейскую бригаду, которая будет судить состязания.

При слове «состязания» зал навострил уши, что от Дамблдора не ускользнуло.

— Филч, — улыбнулся он, — ларец сюда, пожалуйста.

Филч, который до этой минуты прятался где-то в дальнем углу зала, тут же явился к профессорскому столу, неся в руках старинный деревянный ларец, инкрустированный жемчугом. Зал, зашумев, всколыхнулся. Дэннис Криви даже встал на стул, чтобы лучше видеть, но был так мал, что все равно едва возвышался над соседними головами.

Филч осторожно поставил ларец перед Дамблдором, и тот продолжил объяснения:

— Инструкции к состязаниям мистером Краучем и мистером Бэгменом уже проверены. Для каждого тура все готово. Туров — три, состязания основаны исключительно на школьной программе. Чемпионам предстоит продемонстрировать

владение магическими искусствами, личную отвагу и умение преодолеть опасность.

При последних словах зал притих, затаив дыхание. А Дамблдор невозмутимо продолжал:

— В Турнире, как известно, участвуют три чемпиона, по одному от каждой школы-участницы. Их будут оценивать по тому, как они справились с очередным состязанием. Чемпион, набравший во всех турах самое большое число баллов, становится победителем. Участников Турнира отбирает из школьных команд беспристрастный выборщик — Кубок огня.

Дамблдор вынул волшебную палочку и стукнул по крышке ларца три раза. Крышка медленно, со скрипом открылась. Дамблдор сунул внутрь руку и достал большой, покрытый грубой резьбой деревянный Кубок. Ничего примечательного — не будь он до краев наполнен пляшущими синеватыми языками пламени. Дамблдор закрыл крышку, осторожно поставил на нее Кубок, чтобы все хорошо его видели.

— Желающие участвовать в конкурсе на звание чемпиона должны разборчиво написать свое имя и название школы на куске пергамента и опустить его в Кубок, — сказал он. — Им дается на размышление двадцать четыре часа. Кубок будет

выставлен в холле. И завтра вечером выбросит с языками пламени имена чемпионов, которые примут участие в Турнире Трех Волшебников. Конечно, избраны будут достойнейшие из достойнейших. Кубок на всю ночь останется в холле и будет доступен всем, кто хочет участвовать в Турнире. К участию в Турнире будут допущены только те, кто достиг семнадцати лет. А чтобы те, кому нет семнадцати, не поддались искушению, я очерчу вокруг него запретную линию. Всем, кто младше указанного возраста, пересекать эту линию запрещено. И последнее: желающие участвовать в конкурсе, примите к сведению — для избранных в чемпионы обратного хода нет. Чемпион будет обязан пройти Турнир до конца. Бросив свое имя в Кубок, вы заключаете с ним магический контракт, который нарушить нельзя. Посему хорошенько подумайте, действительно ли вы хотите участвовать в Турнире. Ну а теперь, кажется, самое время идти спать. Всем, всем доброй ночи.

— Запретная линия! — воскликнул Фред, выходя из зала, глаза у него возмущенно сверкали. — Ее наверняка можно обмануть зельем, ну, которое набавляет возраст. А когда уже имя в Кубке, кричи «ура»! Кубку — умора! — все равно,

сколько тебе лет!

— Дело не в возрасте, — возразила Гермиона. — Мы еще очень мало знаем, и нам такие состязания не по плечу.

— Говори только за себя, — обозлился Джордж. — Гарри, ты ведь хочешь принять участие в конкурсе?

Гарри вспомнил наставление Дамблдора. Всем, кому менее семнадцати, запрещено участвовать в конкурсе. Но он представил себя победителем Турнира… Здорово! А Дамблдор? Как он рассердится, сумей кто-нибудь младше семнадцати переступить запретную линию…

— Где же он? — Рон их не слушал, высматривая в толпе Крама. — Дамблдор не сказал, где будут жить гости из Дурмстранга?

Ответ не заставил себя ждать. Друзья как раз поравнялись со слизеринским столом.

— Всем обратно на корабль, — распорядился Каркаров. — Виктор, как ты себя чувствуешь? Хорошо поел? Может, послать на кухню за глинтвейном? — беспокоился он.

Крам покачал головой и натянул шубу.

— Профессор, мне бы хотелось выпить вина, — разохотился другой ученик.

— Я предлагаю не тебе, Поляков, — рявкнул

Каркаров, и заботливый отеческий вид мгновенно испарился. — Ты опять, неряха, закапал едой всю мантию!

Он развернулся и повел учеников к дверям. Гарри с друзьями как раз выходили из зала. Гарри пропустил Каркарова вперед.

— Спасибо, — небрежно бросил Каркаров, мельком взглянув на Гарри. И застыл в изумлении — прямо-таки уставившись на Гарри, точнее, на его шрам. Его подопечные тоже остановились позади директора, с любопытством таращась на Гарри, на многих лицах читался испуг. Парень в заляпанной едой мантии толкнул локтем стоявшую рядом девушку и беззастенчиво ткнул в Гарри пальцем.

— Да, это Гарри Поттер, — прохрипел кто-то сзади. Профессор Каркаров резко обернулся. Грозный Глаз Грюм стоял, опираясь на свою палку, его волшебное око, не мигая, буравило директора Дурмстранга.

Каркаров побледнел, на искаженном лице проступила ярость, смешанная со страхом.

— Ты! — только одно слово сорвалось с его губ.

— Да, я, — мрачно кивнул Грюм. — И если тебе нечего сказать Гарри Поттеру сделай милость, проходи, не задерживайся. Ты не даешь пройти.

Что правда, то правда: позади Грюма столпилось ползала, ожидая, когда пробка в двери рассосется. Ребята заглядывали через плечо, стараясь увидеть, что там впереди происходит.

Не ответив ни слова, Каркаров поспешно удалился вместе с учениками. Грюм долго смотрел ему вслед волшебным глазом, изуродованное лицо выражало острую неприязнь.

* * *

По субботам ученики спускались завтракать позже. Но в этот выходной не только Гарри, Рон и Гермиона встали пораньше. В холле уже собралось человек двадцать.

кто-то жевал тосты, и все глазели на Кубок огня. Он стоял в центре холла на табуретке, на которую обычно клали Волшебную шляпу. Его обегала начерченная на полу золотая линия, образуя окружность радиусом три метра.

— Интересно, кто-нибудь уже бросил в Кубок пергамент со своим именем? — спросил у третьекурсницы Рон.

— Дурмстрангцы бросили все. А из Хогвартса я еще никого не видела.

— Уверен, что ночью кто-то наверняка бросил. Я бы так и сделал. Неприятно, когда в такую ми-

нуту на тебя смотрят. Вдруг Кубок тут же плюнет тебе в лицо твое имя, — сказал Гарри.

кто-то сзади Гарри хохотнул. Обернувшись, он увидел близнецов и Ли Джордана. Они бежали по лестнице вниз, вид у всех троих был вдохновенный.

— Свершилось, — шепнули они брату и его друзьям. — Мы его выпили!

— Что? Что? — не понял Рон.

— Выпили зелье старения, тупая ты башка, — пояснил Фред.

— Всего по одной капле, — потер руки сияющий Джордж — Нам до семнадцати не хватает совсем чуть-чуть.

— Если кто из нас победит — делим тысячу галлеонов на троих! — Лицо Ли расплылось в широченной улыбке.

— Думаю, из этого вряд ли выйдет что-нибудь путное, — предупредила Гермиона. — Уверена, уж это-то Дамблдор предусмотрел.

Отчаянные головы пропустили слова Гермионы мимо ушей.

— Готовы? — спросил Фред у дрожащих от нетерпения дружков. — Я иду первый! За мной!

Гарри наблюдал как зачарованный. Фред вынул из кармана кусок пергамента со словами: «Фред

Уизли, Хогвартс», подошел к линии, остановился, переминаясь с мысков на пятки, как пловец перед прыжком с пятнадцатиметровой вышки. И, глубоко вздохнув, у всех на глазах переступил золотую черту.

«Неужели обман сработал?» — поверил на какой-то миг Гарри. Джордж тоже поверил. Издав победный клич, он без промедления прыгнул за братом. Тут же раздался громкий хлопок, и близнецов, словно невидимой катапультой, выбросило из золотого круга. Пролетев по воздуху метра три, они приземлились на холодный каменный пол. Было не только больно, дерзость еще и кончилась бесславно: хлопнуло второй раз, и у близнецов выросли длинные белые бороды.

Все помирали со смеху — даже Фред с Джорджем, — поднявшись с пола и увидев бородатые лица друг друга.

— Я же предупреждал, — послышался низкий голос Дамблдора: в глазах у него плясали веселые искорки. — Ступайте к мадам Помфри. Она уже лечит мисс Фосетт из Когтеврана и мистера Саммерса из Пуффендуя. Им тоже захотелось себя состарить. Но, признаться, их бороды ни в какое сравнение не идут с вашими.

Фред с Джорджем отправились в больничное

крыло в сопровождении хохотавшего до колик Ли, а Гарри, Рон и Гермиона, тоже посмеиваясь, поспешили завтракать. В Большом зале, как и полагается в канун Дня Всех Святых, под волшебным потолком порхали стайки летучих мышей, а из каждого угла подмигивали огоньки в прорезях огромных тыкв. Гарри подсел к Дину с Симусом, обсуждавшим, кто из хогвартцев решится бросить свое имя в Кубок

— Говорят, Уоррингтон бросил, еще на рассвете, — сообщил Дин. — Ну, тот, похожий на ленивца увалень из Слизерина.

Уоррингтон играл в команде слизеринцев, Гарри его хорошо знал. Не дай бог, Кубок кого-нибудь из слизеринцев выберет! Гарри даже передернуло от отвращения.

— А пуффендуйцы поговаривают о Диггори, — презрительно пожал плечами Симус. — Но вряд ли этот красавчик захочет рисковать своей внешностью.

— Тихо, — вдруг сказала Гермиона.

Из холла донеслись возбужденные голоса. Гриффиндорцы повернули головы: в зал входила со смущенной улыбкой Анджелина Джонсон, высокая черноволосая девушка — охотник гриффиндорской команды.

— Ну вот, — сказала она, подсев к друзьям. — Я бросила свое имя.

— Ты шутишь, — изумился Рон.

— Тебе уже семнадцать? — спросил Гарри.

— Ты что, не видишь? Бороды-то нет! — вразумил его Рон.

— На прошлой неделе исполнилось, — сказала Анджелина.

— Как я рада, что кто-то из наших решился бросить! — повернулась к ней Гермиона. — Хорошо бы Кубок тебя выбрал! Очень на это надеюсь.

— Спасибо, Гермиона.

— Конечно, уж лучше ты, чем этот красавчик Диггори, — заметил Симус, чем привел в негодование проходивших мимо пуффендуйцев.

— Что мы сегодня будем делать? — спросил Рон друзей, выйдя после завтрака в холл.

— Мы давно не заходили к Хагриду, — напомнил Гарри.

— Потопали, — согласился Рон. — Но берегитесь, а то он еще уговорит нас скормить пальцы его любимцам.

Лицо Гермионы вдруг вспыхнуло озарением.

— Как же я раньше об этом не подумала! — воскликнула она. — Хагрида надо пригласить в мой союз! Подождите меня здесь, я мигом сбегаю за

значками.

— Совсем того! — в отчаянии воскликнул Рон, глядя вслед Гермионе, взбегавшей по мраморной лестнице.

— Смотри-ка, Рон, — толкнул Гарри друга. — Твоя приятельница!

Из входных дверей в холл потянулись шармбатонцы и среди них девушка, похожая на вейлу. Мадам Максим вошла последняя и гуськом повела свой выводок к Кубку огня. Стоявшие вокруг Кубка вежливо уступили место вновь прибывшим, с любопытством наблюдая за ними. Один за другим гости переступали золотую линию и бросали кусочки пергамента в синевато-белое пламя — огонь при этом пунцовел и выбрасывал сноп ярко-красных искр.

— А что будет с теми, кого Кубок не выберет? — шепнул Рон Гарри, наблюдая, как вейла бросает в огонь пергамент. — Как, по-твоему, они вернутся домой или останутся смотреть Турнир?

— Не знаю. Наверное, останутся. Мадам Максим ведь будет судьей.

Наконец все шармбатонцы побросали имена в Кубок, и мадам Максим вывела их строем наружу.

— Где же они ночуют? — Рон подошел к дверям,

провожая их взглядом.

Громкий жестяной стук позади возвестил о возвращении Гермионы с коробкой, полной значков.

— Ну, наконец, идем скорее! — Рон поскакал по каменным ступеням, не сводя глаз с «вейлы», шедшей рядом с мадам Максим по лугу, сбегающему к хижине Хагрида.

Друзья шли в том же направлении: хижина стояла на опушке Запретного леса. Подойдя к ней, Рон получил наконец ответ на мучивший его вопрос. Метрах в двухстах от хижины синела гигантских размеров карета, в которой приехали гости из Шармбатона, и сейчас они вереницей лезли в нее по золотым ступеням. А неподалеку во временном загоне паслись слоноподобные крылатые кони.

Гарри постучал в дверь хижины. Клык тотчас откликнулся громким лаем.

— Давно пора! — Хагрид распахнул дверь. — Думал, вы уж забыли, где я живу.

— Мы были очень, очень заняты, Хаг… — Гермиона от изумления поперхнулась, взглянув на Хагрида. На нем был его парадный (чудовищный!) коричневый костюм и оранжево-желтый в клеточку галстук. Но не это было самое страш-

ное. Он, видно, пытался укротить свои волосы с помощью дегтя и даже сделал пробор, разделив одну большую копну на две поменьше. Скорее всего, хотел сделать прическу «конский хвост», но шевелюра оказалась слишком густа. Разумеется, красоты Хагриду это не добавило. Гермиона вытаращилась на него, но взяла себя в руки и спросила: — А-а… где соплохвосты?

— Наруже, рядом с грядкой тыковок, — расцвел Хагрид. — Выросли очень. В длину почти метр. Только вот — эх, беда! — стали друг дружку убивать.

— Не может быть! — сочувственно воскликнула Гермиона, бросив выразительный взгляд на Рона, который хотел было высказаться, глядя на фантастическую прическу Хагрида.

— Да, — печально вздохнул Хагрид. — Я теперь их в отдельных ящиках держу. Около двадцати деточек все-таки еще осталось.

— Какое счастье! — сказал Рон. Хагрид кивнул, не поняв сарказма.

В хижине была всего одна комната. В углу — громадная кровать, застланная лоскутным одеялом. Возле камина под стать деревянный стол в окружении таких же стульев, под потолком висят копченые окорока и всякая птица.

Хагрид взялся готовить чай, а друзья сели за стол и скоро все увлеклись разговором о предстоящем Турнире. Оказывается, Хагрида он волновал не меньше других.

— Чуток погодите, — улыбался он. — И увидите такое, чего отродясь не видели. Первое задание… Но молчок, как бы оно… не проговориться…

— Ну скажи, Хагрид, ладно тебе… — подначивали ребята, но лесничий только тряс головой и улыбался.

— Не хочу… того… портить вам удовольствие. Одно скажу: славно придумано! И чемпионам как раз под силу! Вот не ожидал, что доживу еще до одного Турнира Трех Волшебников.

Гостеприимный Хагрид пригласил друзей отобедать: перед их приходом он как раз зажарил кусок говядины. Но они только поковыряли мясо: Гермиона обнаружила у себя в тарелке довольно большой коготь. За обедом разговор продолжился — безуспешно пытались выведать у Хагрида задание, гадали, кто из претендентов будет выбран и всё ли еще Фред с Джорджем бородаты.

После полудня зарядил мелкий дождь. Как уютно сидеть у камина и слушать легкий стук капель по стеклу. Хагрид сел в кресло штопать носки, и у них с Гермионой завязался спор о домашних

эльфах. Она показала ему значки ассоциации, но он наотрез отказался в нее вступать.

— Неладное ты задумала, — насупясь, говорил Хагрид, вдевая в толстую костяную иглу желтую шерстяную нитку. — Прислуживать людям у домовиков… э-э… от природы. Ну, отнимешь у них работу, знаешь, какое будет страдание! А уж если денег предложить… хуже обиды не выдумаешь…

— Но Гарри же освободил Добби, и он на седьмом небе от счастья! — возражала Гермиона. — Мы все слышали: здесь он получает зарплату.

— В каждой семье свой чудик. Я не говорю, что домовики все против свободы. Но многих, Гермиона, тебе… э-э… не удастся уговорить.

Рассерженная Гермиона затолкала обратно в карман коробку со злополучными значками.

В полпятого стало темнеть. Пора и в замок, праздновать Хэллоуин, но главное, чтобы узнать, кого Кубок выберет в чемпионы.

— И я пойду с вами, — сказал Хагрид, убирая штопанье. — Подождите секунду.

С этими словами Хагрид встал, пошел к комоду рядом с кроватью и зарылся в один из ящиков. Как вдруг им в нос ударил сильный, неописуемо мерзкий запах.

— Хагрид, что это? — закашлялся Рон.

— А? — У Хагрида в руке был большой пузырек. — Тебе не нравится?

— Жидкость для бритья? — спросила Гермиона осипшим голосом.

— О-де-колонь, — по слогам выговорил Хагрид и, покраснев, добавил — Может, я это… чересчур перелил? Одну минутку, я скоро… — вконец смутился он и грузной поступью вышел из хижины. Из окна ребята видели, как Хагрид рьяно моется над дождевой бочкой.

— Одеколон? — изумленно протянула Гермиона. — Хагрид?

— А что с его волосами? И еще этот парадный костюм?

— Глядите! — Рон вдруг показал в окно.

Хагрид только что выпрямился и огляделся. Если и раньше щеки у него заливала краска, то теперь они полыхали, как пунцовые угли в камине. Все трое вышли из-за стола и осторожно, чтобы не видел Хагрид, посмотрели в окно: из кареты выходили шармбатонцы, возглавляемые мадам Максим, тоже, очевидно, спешили на праздник. Слов Хагрида не было слышно. Но глядел он на великаншу затуманенно-восторженным взором. Гарри лишь однажды видел его таким, когда он любовался дракончиком Норбертом.

— Он идет в замок с ней! — возмутилась Гермиона. — А я-то думала, он нас подождет.

Даже не взглянув на хижину, Хагрид вместе с мадам Максим зашагал к замку, шармбатонцы спешили сзади, подпрыгивая, да разве за этой парой угонишься!

— Он влюбился! — не веря себе, воскликнул Рон. — Если они женятся и родят — спорим на что хочешь, — поставят мировой рекорд! Ребеночек будет весить тонну!

Друзья покинули хижину, захлопнув за собой дверь. На улице было уже совсем темно. И, поплотнее закутавшись в мантии, двинулись вверх, к замку.

— Смотрите, — прошептала Гермиона. — Это они… Со стороны озера к замку приближались дурмстрангцы. Виктор Крам шагал рядом с профессором Каркаровым. Остальные тянулись сзади. Рон не отрывал взгляда от Крама, тот шел, не глядя по сторонам, и, опередив неразлучную троицу, скрылся в дверях замка. Освещенный свечами Большой зал был уже почти полон. Кубок огня стоял на преподавательском столе перед пустым креслом Дамблдора. Фред и Джордж, опять с гладкими лицами, как видно, стоически перенесли разочарование. Гарри, Рон и Гермиона

сели рядом.

— Надеюсь, он выберет Анджелину, — сказал Фред.

— Я тоже! — горячо откликнулась Гермиона. — Теперь совсем скоро узнаем!

Ужин, казалось, никогда не кончится. Может, потому, что праздник длился второй день, Гарри не налегал, как обычно, на изысканные блюда. И не он один, все вокруг ерзали на стульях, тянули шеи, вставали на ноги, всеми овладело нетерпение: скоро ли Дамблдор завершит трапезу? Кто будет Тремя Волшебниками?

Наконец золотые тарелки засияли первозданной чистотой. Зал шумел, гудел и вдруг смолк — Дамблдор поднялся с места. Сидящие по обе стороны от него профессор Каркаров и мадам Максим замерли в напряженном ожидании. Людо Бэгмен, как всегда, сиял, подмигивая то тому, то другому в зале. У Крауча, напротив, вид был безучастный, почти скучающий.

— Кубок огня вот-вот примет решение, — начал Дамблдор. — Думаю, ему требуется еще минута. Когда имена чемпионов станут известны, попрошу их подойти к столу и проследовать в комнату, примыкающую к залу. — Он указал на дверь позади профессорского стола. — Там они получат

инструкции к первому туру состязаний.

Он вынул волшебную палочку и широко ей взмахнул; тотчас все свечи в зале, кроме тех, что горели в тыквах, погасли. Зал погрузился в полутьму. Кубок огня засиял ярче, искрящиеся синеватые языки пламени ослепительно били по глазам. Но взгляды всех все равно прикованы к Кубку, кое-кто поглядывает на часы…

— Осталась одна секунда, — сказал Ли Джордан. Пламя вдруг налилось красным, взметнулся столп искр, и из Кубка выскочил обгоревший кусок пергамента. Зал замер.

Дамблдор, протянув руку, подхватил пергамент, освещенный огнем, опять синевато-белым, и Дамблдор громким, отчетливым голосом прочитал:

— «Чемпион Дурмстранга — Виктор Крам».

Зал содрогнулся от грохота аплодисментов и восторженных криков.

— Так и должно быть! — громче всех кричал Рон.

Виктор Крам поднялся с места и, ссутулив плечи, вразвалку двинулся к Дамблдору повернул направо и, миновав профессорский стол, исчез в соседней комнате.

— Браво, Виктор! Браво! — перекричал апло-

дисменты Каркаров, так что его услышал весь зал. — Я знал, в тебе есть дерзание!

Постепенно шум в зале стих, внимание всех опять приковано к Кубку. Пламя вновь покраснело, и Кубок выстрелил еще одним куском пергамента.

— «Чемпион Шармбатона — Флер Делакур!» — возвестил Дамблдор.

— Смотри, Рон! — крикнул Гарри. — Это она!

Девушка, так похожая на вейлу легко поднялась со стула, откинула назад волну белокурых волос и летящей походкой прошла между столов Гриффиндора и Пуффендуя.

— Вы только гляньте, как они расстроены! — воскликнула Гермиона, кивнув в сторону стола, где сидели шармбатонцы.

Расстроены — слабо сказано, подумал Гарри: две девушки, спрятав лицо в ладони, плакали навзрыд. Флер Делакур удалилась в соседнюю комнату зал опять утих. Но напряжение, казалось осязаемое на ощупь, усилилось. Осталось только узнать чемпиона Хогвартса!

Все опять повторилось. Огонь покраснел, посыпались искры. Из Кубка вылетел третий кусок пергамента. Дамблдор поймал его и прочитал:

— «Чемпион Хогвартса — Седрик Диггори».

— Ну почему он?! Почему? — возопил Рон.

Кроме Гарри, его, однако, никто не услышал: взорвался криками стол Пуффендуя. Все до единого пуффендуйцы вскочили на ноги, топали, вопили до хрипоты, приветствуя идущего к профессорскому столу Седрика. Аплодисменты не смолкали долго. Дамблдор стоял и ждал; вот наконец зал угомонился, и он, довольно улыбаясь, начал вступительную речь:

— Превосходно! Мы теперь знаем имена чемпионов. Я уверен, что могу положиться на всех вас, включая учеников Шармбатона и Дурмстранга. Ваш долг — оказать всемерную поддержку друзьям, которым выпало защищать честь ваших школ. Поддерживая своих чемпионов, вы внесете поистине неоценимый вклад…

Дамблдор внезапно остановился, и все сразу поняли почему.

Кубок огня вдруг покраснел. Посыпались искры. В воздух взметнулось пламя и выбросило еще один пергамент.

Дамблдор не раздумывая протянул руку и схватил его. Поднес к огню и воззрился на имя. Повисла длинная пауза. Дамблдор смотрел на пергамент, весь зал смотрел на него. Наконец он кашлянул и прочитал:

— «Гарри Поттер».

Глава 17

ЧЕТЫРЕ ЧЕМПИОНА

Гарри сидел как громом пораженный. Он, верно, ослышался… Может, это сон… Но нет, кажется, явь. Преподаватели и ученики — все устремили на него изумленные взгляды.

Никаких аплодисментов, только жужжание, как будто в зал залетел рой рассерженных пчел. кто-то встал, чтобы лучше рассмотреть приросшего к стулу Гарри.

Профессор МакГонагалл стремительно встала из-за стола, обойдя Людо Бэгмена, подошла к Дамблдору и что-то горячо прошептала ему. Директор школы нахмурился.

Гарри повернулся к Рону с Гермионой. Все гриффиндорцы глядели на него, разинув рты.

— Это не я бросил в Кубок свое имя, — растерянно проговорил Гарри. — Вы же знаете, это не я.

Рон с Гермионой ответили ему не менее растерянным взглядом.

Профессор Дамблдор за профессорским столом выпрямился и кивнул профессору МакГонагалл.

— Гарри Поттер, — сказал он, — подойдите,

пожалуйста, сюда.

— Иди, — шепнула Гермиона, подтолкнув.

Гарри поднялся на ноги, запутался в полах мантии и, спотыкаясь, побрел к преподавательскому столу. Слева и справа столы Гриффиндора и Пуффендуя. Какой долгий путь — шагать еще и шагать! Жужжание становится громче, взоры всех сопровождают его, как лучи прожекторов. Минула целая вечность. И вот наконец он смотрит прямо в глаза Дамблдора, под взглядами всех сидящих за столом.

— Тебе в ту дверь, Гарри, — без улыбки произнес директор.

Гарри двинулся вдоль стола. Прошел мимо Хагрида, тот не подбодрил его, не подмигнул. Потрясен не меньше самого Гарри и смотрит, как все, — с недоумением. Гарри отворил дверь и очутился в небольшой комнате. На стенах портреты волшебниц и колдунов, напротив красивый камин, в котором, постреливая, пылает огонь.

Лица на портретах повернулись к Гарри. Сморщенная, как печеное яблоко, ведьма выскочила из рамы, впрыгнула в соседнюю к волшебнику с моржовыми усами и что-то зашептала ему на ухо.

Виктор Крам, Седрик Диггори и Флер Дела-

кур стояли у камина. На фоне яркого пламени их темные силуэты выглядели до странности внушительно. Крам, ссутулившись и о чем-то сосредоточенно думая, притулился к каминной полке. Седрик заложил руки за спину и глядел на огонь. Флер Делакур, откинув назад волну белокурых волос, повернулась к Гарри.

— В чем дело? — спросила она. — Надо вернуться в зал?

Она, видно, подумала, что Гарри за ними послали судьи. Как же им объяснить, что случилось? Он молча стоял и смотрел на трех чемпионов. Какие они все высокие, совсем взрослые!

Позади него послышался дробный стук шагов, и в комнату вбежал Людо Бэгмен.

— Невероятно! — воскликнул он, схватив руку Гарри. — Необычайное происшествие! Джентльмены… леди, — обратился он к чемпионам, таща Гарри к камину. — Позвольте представить вам, как бы удивительно ни звучало, четвертого чемпиона, участника Турнира!

Виктор Крам расправил плечи, оглядел Гарри с головы до ног, и его хмурое лицо потемнело. Седрик вопросительно переводил взгляд с Бэгмена на Гарри, как будто ослышался. Что до Флер, она взмахнула блестящей волной волос и с улыбкой

промолвила:

— О-ля-ля! Очень веселая шутка, мсье Бэгмен!

— Шутка! — Бэгмен еще не пришел в себя. — Да нет же! Какая шутка! Имя Гарри только что выскочило из Кубка.

Крам чуть сдвинул густые брови. Седрик пребывал в вежливом недоумении. А Флер нахмурилась.

— Это ошибка. — В голосе ее звучало презрение. — Он не может соревноваться. Он ошшень маленький.

— Да, но случилось чудо. — Бэгмен потер гладкий подбородок и улыбнулся Гарри. — Вы ведь знаете, возрастное ограничение наложили в этом году в целях безопасности. И раз его имя выскочило из Кубка… думаю, теперь уже ничего нельзя поделать… Противоречит правилам. Вы обязаны… А Гарри придется приложить все усилия.

Дверь позади них опять отворилась. Вошли профессор Дамблдор, мистер Крауч, профессор Каркаров, мадам Максим, профессор МакГонагалл и профессор Снегг, в открытую дверь на какую-то секунду из зала ворвался гул возбужденных голосов.

— Мадам Максим! — негодующе воскликнула Флер. — Они говорят, что этот *пти гарсон* тоже

примет участие.

Безмолвное изумление Гарри сменилось гневом. Маленький мальчик!

Мадам Максим выпрямилась во весь исполинский рост. Макушка красивой головы задела канделябр со свечами, обтянутый атласом внушительный бюст заколыхался.

— Дамблёдорр! *Кес-кёсе?* Что сие означает? — властно промолвила она.

— Я тоже хотел бы это знать! — поддержал французов профессор Каркаров. На лице его застыла каменная улыбка, синие глаза превратились в льдинки. — Два чемпиона от Хогвартса? что-то не припомню, чтобы школа — хозяйка Турнира — когда-нибудь выставляла двух чемпионов. Может, я плохо знаком с правилами? — С его губ слетел ехидный смешок.

— *Импоссиблъ.* — Мадам Максим опустила огромную, унизанную прекрасными опалами руку на плечо Флер. — 'Огва'гтс нельзя выставить двух чемпионов, это не есть сп'гаведливо.

— Мы были уверены, Дамблдор, что запретная линия допустит к участию в конкурсе только учеников старших курсов. — Каменная улыбка не сходила с лица Каркарова. — Иначе мы привезли бы сюда куда больше претендентов.

— Каркаров, это все проделки Поттера, — вкрадчиво произнес Снегг, его черные глаза зло поблескивали. — Вины Дамблдора нет в том, что Поттер нарушил правила Турнира. Этот негодный мальчишка с первого дня появления в школе только и делает, что нарушает правила.

— Благодарю, Северус, — отчеканил Дамблдор. Снегг умолк и отошел в сторону, но глаза его продолжали метать злобные искры.

Дамблдор проницательно взглянул на Гарри, тот не отвел взгляда, пытаясь уловить выражение его глаз сквозь половинки очков.

— Это ты, Гарри, бросил в Кубок свое имя?

— Нет, — под прицелом всех взглядов ответил Гарри. Снегг ехидно хмыкнул, выразив недоверие части присутствующих.

— Может быть, ты просил кого-то из старших бросить в Кубок твое имя?

— Нет, — твердо ответил Гарри.

— Он говорит неправда! — воскликнула мадам Максим.

Снегг тряхнул головой, и по лицу у него расползлась змеиная улыбка.

— Гарри не мог бы пересечь запретную линию, — вмешалась МакГонагалл, — даже если бы захотел. В этом нет никакого сомнения.

— Тогда, наверное, ошибся сам Дамблёдорр, — пожала плечами мадам Максим.

— Наверное, ошибся, — согласился Дамблдор.

— Дамблдор, вы же прекрасно знаете, что не ошиблись, — вспыхнула МакГонагалл. — Все это глупости. Гарри не подходил к линии. Не обращался ни к кому из старших учеников. Дамблдор в этом уверен. Полагаю, этого объяснения достаточно! — И она смерила Снегга презрительным взглядом.

— Мистер Крауч, мистер Бэгмен. — В голосе у Каркарова появились льстивые нотки. — Вы — наши беспристрастные судьи. И вы, конечно, согласны, что происшедшее противоречит правилам Турнира?

Бэгмен вытер носовым платком круглое мальчишеское лицо и глянул на Крауча. Тот стоял в тени, в нескольких шагах от камина. Полумрак старил его, делал похожим на призрака. Но заговорил Крауч обычным брюзгливым тоном.

— Мы должны строго следовать правилам. А в них написано черным по белому: тот, чье имя выпало из Кубка, обязан безоговорочно участвовать в турнире.

— Ну, конечно! Барти знает правила как свои пять пальцев! — просиял Бэгмен и взглянул на

протестующих гостей, как бы говоря: спор завершен.

— Я настаиваю на том, чтобы увеличить число моих подопечных, получивших доступ к Кубку огня. — Каркаров отбросил подобострастный тон, улыбка сползла, лицо злобно исказилось. — Зажгите его еще раз. Все школы должны иметь равное число чемпионов. Это, Дамблдор, будет честно!

— Поймите, Каркаров, это невозможно, — возразил Бэгмен. — Кубок огня погас, и его разожгут не раньше следующего Турнира.

— Которому мы объявим бойкот! — взорвался Каркаров. — После всех встреч, переговоров, компромиссов я ничего подобного не ожидал! И готов хоть сейчас бросить все и уехать.

— Пустая угроза, Каркаров, — прохрипел голос у двери. — Ты не сможешь отозвать своего чемпиона. Как сказал Дамблдор, чемпионы связаны магическим контрактом. Хотят они или нет, им придется участвовать в Турнире. Что, не согласен?

В комнату вошел Грюм и, хромая, подошел к огню. Каждый его шаг сопровождался стуком, издаваемым правой ногой.

— Согласен? — переспросил Каркаров. — Боюсь,

я не совсем тебя понял, Грюм.

Каркаров держался высокомерно, показывая всем, что слова Грюма не достойны его внимания, но профессора выдали руки, судорожно сжавшиеся в кулаки.

— Неужели? — спокойно продолжал Грюм. — Тогда слушай. Все очень просто. кто-то опустил в Кубок имя Поттера, точно зная, что, выпади его имя, ему придется участвовать в Турнире, пусть хоть небо обрушится.

— Значит, мсье успешно помог 'Огва'гтсу откусить от одного яблока два раза, — подытожила мадам Максим.

— Полностью с вами согласен, — кивнул Каркаров. — И я намерен подать протест в Министерство магии и Международную конфедерацию колдунов…

— Уж кому бы подавать протест, так это Гарри Поттеру, — прохрипел Грюм. — Но смешно сказать, я еще и слова от него не слышал.

— Ему чего делать п'готест! — топнула ножкой Флер Делакур. — Палец пальцем не стукнул, и чемпион! Мы много месяц т'гудились, мечтали стать чемпион. Такая честь для всей школы. За тысяча галлеон многие готовы отдать их жизнь!

— А может, кто-то и хочет, чтобы Поттер отдал

жизнь. — Грюм явно силился придать голосу мягкость.

После этих слов в комнате воцарилось гнетущее напряжение.

Не на шутку встревоженный, Людо Бэгмен, нервно переступив с ноги на ногу, прервал молчание:

— Грюм, старина, что вы такое говорите?!

— Как всем нам известно, Грюм считает утро пропащим, не раскрой он к обеду полдюжины заговоров. — Каркаров перешел к прямым оскорблениям. — Ему всюду мерещится опасность. Небось и студентам то же внушает. Мягко говоря, странное свойство для преподавателя, который учит, как защищаться от Темных Искусств. Но вам, Дамблдор, конечно, виднее.

— Мне мерещится? — вновь захрипел Грюм. — Фантазия разыгралась? Да поймите, подложивший в Кубок имя Поттера обладает огромной волшебной силой!

— А доказательства, мсье? — Мадам Максим всплеснула ручищами.

— Маг сумел обмануть предмет, обладающий исключительными магическими свойствами. Только мощнейшее заклятие Конфундус могло заставить Кубок забыть, что в Турнире должны

участвовать три школы. Ведь чтобы Кубку не из кого было выбирать, надо иметь в школе всего одного претендента. И скорее всего, имя Поттера подложили от некой четвертой школы.

— Сдается мне, ты очень много об этом думал, — холодно заметил Каркаров. — Занятная гипотеза. А я тут недавно слыхал такую историю: ты вбил себе в голову, — ха-ха! — что один из подарков, которые ты получил в день рождения, — хитроумно замаскированное яйцо василиска. Ты его взял и разбил, а это оказались часы для автомобиля. Потому-то мы и не воспринимаем тебя всерьез…

— Да, существуют люди, умеющие раздуть из мухи слона. — В голосе Грюма прозвучала угроза. — Работа у меня такая: разгадывать замыслы темных сил, Каркаров. Тебе бы следовало об этом помнить…

— Аластор! — предупреждающе остановил Грюма Дамблдор.

Гарри не понял было, к кому он обратился. Но мигом сообразил, вряд ли Грозный Глаз настоящее имя Грюма. Грюм прикусил язык, но с удовольствием поглядывал на залившегося краской Каркарова.

— Нам неизвестно, как это могло произойти, — обратился Дамблдор к присутствующим. — Но

иного выхода нет. Кубок выбрал двоих: Седрика и Гарри. И им ничего не остается…

— Но Дамблёдорр…

— Дорогая мадам Максим, а вам иной выход известен? Буду рад выслушать.

Но мадам Максим не проронила больше ни слова, она просто клокотала от гнева. И не только она. Снегг был готов лопнуть от ярости, Каркаров злился не меньше. Один только Бэгмен был охвачен радостным спортивным волнением.

— Ну что ж, — потер он руки и улыбнулся. — Пора дать чемпионам соответствующие инструкции. Эта честь, Барти, представлена тебе. Не возражаешь?

— Да, да… Инструкции, — очнулся Крауч от своих мыслей. — Первый тур…

Он подошел к камину. И Гарри подумал: глава министерского департамента тяжело болен. Вокруг глаз залегли глубокие тени. Тонкую, как папиросная бумага, кожу избороздили морщины. На Кубке мира он выглядел куда лучше.

— Первый тур проверит вашу смекалку, — принялся за объяснения Крауч. — Мы не посвящаем вас в то, какое испытание вам предстоит. Для волшебника крайне важно действовать смело и находчиво в неожиданных обстоятельствах. Пер-

вый тур состоится двадцать четвертого ноября в присутствии зрителей и судейской бригады. Участникам Турнира воспрещается принимать от учителей хоть какую-то помощь. Единственное оружие чемпиона — волшебная палочка. По окончании первого тура вы получите инструкцию для второго. Учитывая затраты сил и времени для подготовки к Турниру, чемпионы освобождаются от годовых экзаменов. По-моему, это все, Альбус? — повернулся Крауч к Дамблдору.

— Да, все. — Директор Хогвартса взглянул на Крауча с легким беспокойством. — Может, Барти, вы переночуете в замке?

— Меня ждут дела в Министерстве. У нас сейчас непростые времена. Вместо меня остается молодой Уэзерби… большой энтузиаст… по правде говоря, даже слишком большой…

— Ну хотя бы выпейте на дорогу — предложил Дамблдор.

— Оставайтесь, Барти. Я вот остаюсь! — радостно возвестил Бэгмен. — В Хогвартсе сейчас куда интересней, чем в вашей конторе.

— Нет, Людо, не могу, — в обычной категорической манере отказался Крауч.

— Профессор Каркаров, мадам Максим, от рю-

мочки на ночь, надеюсь, не откажетесь?

Но мадам Максим уже опустила руку на плечо Флер, и они быстро пошли к двери, что-то лопоча по-французски. Каркаров поманил Крама, и они, не сказав больше ни слова, тоже поспешили уйти.

— Гарри, Седрик, советую вам сейчас же идти к себе, — улыбнулся Дамблдор своим чемпионам. — Не сомневаюсь, и Гриффиндор, и Пуффендуй горят желанием отпраздновать ваш успех. Нельзя лишать друзей отличного предлога устроить шумное и веселое столпотворение.

Гарри глянул на Седрика, тот кивнул, и оба двинулись к двери.

Большой зал опустел. Свечи в тыквах догорали, придавая их зигзагоподобным улыбкам мерцающий, жутковатый вид.

— Ну вот, Гарри, — Седрик слегка улыбнулся, — опять мы с тобой соперники!

— Опять, — только и мог сказать Гарри. В голове был кавардак, как будто там побывали грабители.

Вышли в холл. Вместо Кубка огня его освещали обычные факелы.

— Скажи, Гарри, как тебе удалось бросить свое имя в Кубок? — спросил Седрик.

— Я не бросал. — Гарри твердо посмотрел на Седрика. — Честное слово.

— Ну да, ладно… Пока, — махнул ему Седрик. «Конечно, он мне не верит», — подумал Гарри, глядя ему вслед.

Вместо того чтобы взбежать по мраморной лестнице, Седрик свернул и исчез в правой двери. Гарри постоял, послушал, как он сбегает по каменной лестнице вниз, и побрел по мраморным ступеням к себе.

Неужели никто, кроме Гермионы и Рона, не поверит ему? Неужели все считают, что он сам опустил в Кубок пергамент? Как это можно! Соперники на три года старше, они уже почти совсем маги. Турниры очень опасны и проводятся перед сотнями зрителей. Да, он думал об этом, фантазировал, но в шутку, так… пустые мечты! Всерьез никогда не представлял себя чемпионом…

Зато кто-то другой даже очень представлял. Вот и постарался. Зачем? Чтобы доставить ему удовольствие? Какое же тут удовольствие… Потешиться, выставить его дураком? Возможно… Но чтобы убить? Очередная навязчивая идея Грюма? Или чья-то злая шутка? А вдруг и вправду кто-то хочет его убить? Кто же это?

Долго думать не надо. Есть человек, который этого хочет. Давно хочет, с тех пор как ему минул год. Лорд Волан-де-Морт… Но как он мог бросить его имя в Кубок огня? Он ведь сейчас далеко, прячется в неведомых краях, один, слабый, немощный…

Правда, Гарри недавно приснился сон. В ту ночь, когда он утром проснулся от сильной боли в голове, где шрам…

Гарри не заметил, как очутился возле Полной Дамы. Ноги сами его донесли. Дама была не одна. Та самая старая ведьма, что прыгнула в раму к соседу в комнате с камином, сейчас уютно расположилась на холсте с Полной Дамой. Наверное, заскакивала во все картины на восьми этажах, пока добралась сюда. Обе дамы смотрели на Гарри с превеликим интересом.

— Так-так-так, — молвила Полная Дама. — Виолетта мне все рассказала. Кого же избрали в школьные чемпионы?

— Чепуха, — буркнул Гарри.

— Какая еще Чепуха? Ничего подобного! — возмутилась гостья.

— Нет, нет, Ви, это пароль, — успокоила ее Полная Дама. И портрет повернулся на петлях, пустив Гарри в гостиную.

Жуткий рев хлестнул Гарри по ушам, едва не свалив с ног. Десяток рук втащили в гостиную, где собрался весь Гриффиндор. От крика, свиста и аплодисментов у Гарри голова пошла кругом.

— Как ты это провернул? Почему не поделился с нами?! — завопил Фред. Он был и сердит, и потрясен до глубины души.

— А где же борода? Класс! — взревел Джордж.

— Но это не я, — истово произнес Гарри. — Понятия не имею, кто это сделал.

— Пусть не я, главное — гриффиндорец! — кинулась ему на шею Анджелина.

— Постарайся, Гарри, взять реванш за прошлогоднее поражение! — воскликнула Кэти Белл, еще один охотник из гриффиндорской команды.

— У нас тут столько еды, Гарри! Иди ешь!

— Не хочу, наелся на празднике.

Никто не верил, что он сыт и что он не бросал пергамента со своим именем в Кубок. Никто не замечал, что у героя нет настроения веселиться. Ли Джордан где-то раскопал гриффиндорское знамя и обмотал им Гарри наподобие мантии. Никак от них не вырвешься: «Гарри, выпей еще пива, на тебе чипсы, арахис…», «Гарри, как тебе это удалось… как ты обманул запретную линию?».

— Это не я, — снова и снова твердил Гарри. — Не

знаю, как такое могло случиться!

Судя по лицам, говорить им что-то бесполезно.

— Я очень устал, — взмолился через полчаса Гарри. — Правда, Джордж, устал и хочу спать!

Ему так сейчас нужны Рон с Гермионой, единственные здравомыслящие люди. В гостиной их не было. Наконец Гарри удалось выскочить на площадку, и он тут же чуть не раздавил кого-то — на него налетели малютки Криви. Стряхнув с себя братьев, он, не помня себя, рванул наверх.

Слава богу, Рон в спальне один. Лежит на кровати одетый и смотрит вверх.

— Где ты был? — захлопнув дверь, спросил Гарри.

— Это ты? Привет, — сказал Рон, натянуто улыбнувшись.

Гарри совсем забыл, что на нем все еще намотано гриффиндорское знамя, подарок Ли. Гарри стал спешно стягивать его, не тут-то было. А Рон лежал и безразлично смотрел на мучения друга. Кое-как справившись с полотнищем, Гарри швырнул знамя в угол.

— Поздравляю тебя, — сказал Рон.

— Поздравляешь? С чем? — глянул на него Гарри. Улыбка похожа на гримасу. что-то с Роном не так!

— Да брось ты! Никто не мог переступить запретную линию. Даже Фред с Джорджем. Надел мантию-невидимку?

— Мантии-невидимке линию не обмануть.

— Понимаю. Будь это мантия, ты бы и меня прихватил. Мы ведь под ней вдвоем умещаемся. Значит, нашел какой-то другой способ?

— Послушай, Рон. Я не подходил к Кубку. кто-то другой бросил в него мое имя.

Брови у Рона поползли наверх.

— Зачем?

— Не знаю.

Не отвечать же: «Меня хотят убить». Глупо! Брови Рона чуть не слились с рыжими волосами.

— Не знаешь? Так я и поверил! Мне-то ты можешь сказать правду! Пусть тебе неприятно, чтобы все знали. Но все и так знают. Зачем же врать! Тебя никто не накажет за это. Подруга Полной Дамы, ну, знаешь, старушка Виолетта, все нам рассказала. Дамблдор допустил тебя к участию. Тысяча галлеонов, плохо ли? Да еще экзамены не сдавать.

— Но я не бросал в Кубок пергамента с моим именем! — начал злиться Гарри.

— Да ладно, — протянул Рон, точь-в-точь как Седрик, тем же скептическим тоном. — А ты,

выходит, лгун. Кто утром сказал: «Я бы бросил имя ночью, чтобы никто не видел»? Я что, совсем дурак?!

— Сейчас, во всяком случае, очень похож.

— Чего-чего? — без следа улыбки, вымученной или какой еще, протянул Рон. — Тебе пора спать, Гарри. Завтра ведь рано вставать. Всякие там фотосъемки…

Он задернул на кровати полог. А Гарри как прирос к полу, глядя на бархатные бордовые занавески. За ними лежал друг, который еще никогда не подозревал Гарри во лжи.

Глава 18

СКОЛЬКО ВЕСЯТ ВОЛШЕБНЫЕ ПАЛОЧКИ

Проснувшись в воскресенье, Гарри не сразу осознал, что накануне произошло. В голове все перепуталось. Но сейчас он поговорит с Роном, и Рон, конечно, поверит ему. Гарри отдернул полог — постель Рона пуста. Наверное, ушел завтракать.

Гарри оделся и по винтовой лестнице сбежал в гостиную. Его появление встретил гром аплодисментов. Куда деваться? Идти в Большой зал? Там гриффиндорцы обрушат шквал приветствий, как на героя. Остаться здесь? Опять пристанут братья Криви, вон уже машут. Нет, сейчас надо все обсудить с Гермионой. И Гарри решительно двинулся к выходу, толкнул портрет, выбрался на площадку и нос к носу столкнулся с Гермионой, державшей в руке многоэтажный бутерброд, завернутый в салфетку.

— Привет. — Гермиона, развернув салфетку, протянула Гарри еду. — Это тебе. Может, прогуляемся?

— С радостью, — благодарно согласился Гарри.

Спустились на первый этаж, не заглянув в Большой зал, пересекли холл, вышли наружу и быстро зашагали по лужайке в сторону озера. Корабль стоял у причала, отбрасывая на воду черную тень. Утро выдалось прохладным, они шли, жуя тосты, и Гарри без утайки поведал все Гермионе. Гермиона, к его облегчению, не усомнилась ни в едином слове.

— Конечно, ты тут ни при чем, — кивнула Гермиона, выслушав рассказ о сцене в комнате с камином. — Видел бы ты себя со стороны, когда Дамблдор объявил: «Гарри Поттер»! Но кто, кто же это сделал? Грюм прав, Гарри. Ученикам не под силу обмануть Кубок и переступить линию Дамблдора…

— Ты видела Рона? — перебил ее Гарри.

— Да… во… во время… завтрака, — замялась Гермиона.

— Все еще думает, что это моих рук дело?

— Нет… наверное, нет. Кажется, не совсем…

— Как это не совсем?

— Гарри, неужели тебе не ясно? — всплеснула руками Гермиона. — Он просто слегка завидует!

— Завидует, — с сомнением протянул Гарри. — Чему завидовать-то? Хочет выставить себя идиотом перед всей школой?

— Пойми, Гарри, — принялась терпеливо объяснять Гермиона, — ты всегда в центре внимания…

Гарри хотел возразить что-то резкое, но Гермиона, не дав ему, продолжала:

— Знаю, ты не виноват. Слава тебя не прельщает. Но пойми и Рона. Дома старшие братья, все они в чем-то его превосходят. Ты, его лучший друг, — знаменитость, он всегда в тени, когда вас видят вместе. Рон смирился с этим, никогда даже не заикнется. Но история с Кубком — это уж чересчур.

— Только этого не хватало! Передай ему, я с радостью с ним поменяюсь. Пусть узнает, каково это — куда ни пойдешь, люди всюду таращатся на твой шрам…

— Не собираюсь ничего передавать. Поговори с ним сам. Это единственный выход.

— А я не собираюсь бегать за ним, как нянька, учить уму-разуму! — крикнул Гарри, спугнув дремавших на дереве сов. — Может, он поверит, когда я сверну себе шею… Поймет, какое это удовольствие — Турнир!

— Да, веселого мало. — Вид у Гермионы был на редкость озабоченный. — Знаешь, что надо сделать? Немедленно, как придем в замок?

— Дать Рону хорошего пинка.

— Написать Сириусу. Обо всем. Он просил все сообщать ему, держать в курсе дела. Как видно, предвидел что-то подобное. Я захватила с собой перо и пергамент.

— Ничего не надо писать. — Гарри обернулся: не подслушивает ли кто? Кругом ни души. И он продолжил: — Сириус сейчас же приехал только потому, что у меня слегка заболел шрам. Напиши я ему о Турнире, он опять примчится.

— Но это его решение. — В голосе у Гермионы появился кремень. — Он все равно об этом узнает.

— Как?

— Турнира не утаишь. — Гермиона говорила очень серьезно. — Турнир Трех Волшебников — знаменитое состязание. Ты тоже знаменитость. Удивлюсь, если в «Пророке» еще не вышла статья «Гарри Поттер — чемпион Хогвартса». Ты значишься в половине книг о Сам-Знаешь-Ком. Поверь, будет лучше, если Сириус все узнает от тебя самого.

— Ладно, напишу. Ты права.

Гарри бросил в озеро последний кусок хлеба, из воды высунулось огромное щупальце, схватило еду и исчезло. А друзья поспешили обратно в

замок.

— Какую сову послать? — спросил Гарри на лестнице. — Сириус просил больше не посылать Буклю.

— Попроси у Рона Сычика.

— Ни за что, — отрезал Гарри.

— Можно взять школьную.

Вошли в совятник, Гермиона дала Гарри кусок пергамента, перо и чернильницу и пошла ходить вдоль насестов, разглядывая почтовых сов. Гарри примостился у свободной стены и начал писать.

> *Дорогой Сириус!*
>
> *Как ты просил, сообщаю тебе последние новости из Хогвартса. Ты, наверное, уже знаешь, что в этом году состоится Турнир Трех Волшебников. Так вот, в субботу вечером меня выбрали четвертым чемпионом, от Хогвартса. Понятия не имею, кто бросил в Кубок мое имя, я, конечно, не бросал. Другой чемпион от Хогвартса — Седрик Диггори из Пуффендуя.*

Гарри поставил точку и задумался: может, рассказать крестному о своих тревогах, поселившихся в сердце со вчерашнего вечера, но не нашел подходящих слов. И, обмакнув перо в

чернила, коротко закончил:

Надеюсь, у вас с Клювокрылом все в порядке?

Гарри

— Все, Гермиона, написал. — Гарри поднялся с пола и отряхнул с мантии солому. На плечо села Букля и протянула лапу.

— Прости, я не могу тебя сегодня послать. Возьму одну из этих, — сказал он, оглядывая школьных сов.

Букля громко ухнула и так резко взлетела с плеча, что оставила на нем царапину. Опустилась на насест, повернувшись к Гарри хвостом. Так и сидела все время, пока Гарри привязывал пергамент к ноге большой сипухи.

Сипуха улетела. Гарри хотел было погладить Буклю, но та сердито щелкнула клювом и села под самый потолок, чтобы Гарри не мог к ней прикоснуться.

— Сперва Рон, а теперь ты, — пробурчал Гарри. — Не моя это вина. А вы никак не можете этого понять.

Напрасно Гарри думал, что скоро все свыкнутся с его чемпионством и дела как-то наладятся. На другой день начались уроки, и он не мог больше

избегать учеников других факультетов. Они, как и гриффиндорцы, считали, что Гарри сам бросил в Кубок свое имя, с той только разницей, что в их глазах это не делало Гарри героем.

Пуффендуйцы, обычно дружившие с Гриффиндором, теперь изменили отношение ко всему факультету. Это понятно, они считали, что Гарри покусился на славу их чемпиона Седрика Диггори. Пуффендуй не был избалован победами, а Седрик, как никто, завоевывал им награды. Однажды и вовсе обыграл Гриффиндор в квиддич.

Гарри убедился в этом на первом же уроке травологии. Его приятели Эрни МакМиллан и Джастин Финч-Флетчли молчали весь урок, хотя вместе работали у одного подноса — пересаживали прыгучие луковицы. Одна луковица, вырвавшись из рук, больно стукнула Гарри по лицу, и пуффендуйцы, неожиданно для него, ехидно прыснули. Даже профессор Стебль явно его сторонилась, понятное дело — глава Пуффендуя.

С Роном он так и не помирился. Гермиона в Большом зале садилась между ними и, как могла, поддерживала беседу. С ней бывшие друзья говорили, но друг на друга старались не смотреть.

Он всегда с радостью ожидал уроков Хагрида. Но не сейчас: очень уж не хотелось встречаться

со слизеринцами.

На первый урок защиты Малфой, как и следовало ожидать, явился с издевательской ухмылкой.

— Эй, парни, смотрите, кто здесь. Сам чемпион Гриффиндора! — увидев Гарри, обратился он к верным телохранителям Крэббу и Гойлу. — Захватили блокноты? Спешите взять автограф! Ему недолго осталось быть среди нас, грешных! На Турнирах выживает — кошмар! — половина участников. Сколько надеешься протянуть, Поттер? Держу пари, десять минут первого тура — и тебе конец!

Крэбб и Гойл угодливо заржали, а Малфой притих: из задней двери хижины вышел Хагрид, нагруженный шаткой башней из клеток, в каждой — здоровенный соплохвост. Хагрид объяснил, что соплы убивают друг друга из-за избытка подавляемой энергии. И, ко всеобщему ужасу, повелел: чтобы дать ей выход, каждый ученик должен надеть на соплохвоста ошейник и совершить с ним длительную прогулку. У задания был только один плюс — Малфой потерял дар речи.

— Вывести их на прогулку? — Он заглянул в одну из коробок. — Интересно, а на что мы нацепим ошейник? Вокруг жала? На хвостовое сопло или на присоску?

— Очень просто, посредине, — показал Хагрид. — Только это… наденьте перчатки из… э-э… драконьей кожи. А ты, Гарри, поди сюда, подсобишь мне управиться вот с этой зверушкой…

На самом же деле он хотел побеседовать с Гарри наедине.

Класс отправился выгуливать «зверушек». А Хагрид повернулся к Гарри.

— Так, значит, ты будешь участвовать… — начал он, сдвинув лохматые брови. — Турнир Трех Волшебников… Чемпион школы…

— Один из двух, — поправил его Гарри.

Из-под бровей тревожно блеснули черные глаза-жуки.

— Ты не знаешь, кто тебе так удружил?

— Значит, ты веришь… веришь, что это не я? — В порыве благодарности Гарри чуть не бросился ему на шею.

— А то как же, — кивнул Хагрид. — Ты сказал, что не ты, и я поверил. И Дамблдор тоже, и все…

— Знать бы, кто это сделал!

Оба посмотрели на луг — ученики рассыпались кто куда. Соплохвосты были уже три фута в длину. И силы хоть отбавляй. От мягкотелых, бесцветных пресмыкающихся не осталось и следа. Теперь на них был толстый серый, вроде брони,

панцирь. Походили они на помесь гигантского скорпиона и вытянутого краба, но голова и глаза еще толком не обозначились. Этими мощными существами управлять было очень трудно.

— Похоже, прогулка им по душе, — довольно улыбнулся Хагрид.

Это он о соплохвостах, понял Гарри. Ученики были явно не в восторге. То и дело из сопел вырывался огонь, толкая переросшего скорпиона вперед, и сопровождающих волокло по земле метра три. Несчастные пытались подняться на ноги, но это им почти не удавалось.

— Ох, уж не знаю… — Хагрид вдруг тяжело вздохнул и с беспокойством взглянул на Гарри. — Ты — участник Турнира… Вечно с тобой что-нибудь стрясется…

Гарри промолчал. Да, с ним вечно что-то случается. Вот и Гермиона сказала примерно то же во время прогулки вокруг озера. Именно из-за этого, считает она, Рон и перестал с ним разговаривать.

Следующие несколько дней слились в сплошную черную полосу. Нечто похожее было на втором курсе, тогда многие подозревали его в нападениях на школьников. Но. Рон-то был на его стороне. Вернись его дружба, легче было бы пере-

живать свалившуюся невзгоду. Но он не пойдет кланяться Рону, раз Рон не хочет мириться. Хотя ему так одиноко — весь мир ополчился против.

Он понимает пуффендуйцев, как это ни обидно. Они ведь болеют за своего чемпиона. От слизеринцев ничего, кроме злобных выходок, он и не ждал. Они его терпеть не могут. Именно благодаря Гарри Гриффиндор обыгрывал их в квиддич и занимал первое место в межфакультетских соревнованиях. Но Когтевранцы — они-то могли бы болеть и за Седрика, и за него. Но нет. По-видимому, большинство считает, что он хотел обманным путем стяжать себе еще большую славу.

И конечно, Седрику роль чемпиона подходит куда больше. Он так красив: темные волосы, серые глаза, прямой нос. Еще неизвестно, кем больше восхищаются — им или Крамом. Он сам видел, как шестикурсницы, охотившиеся за автографом Крама, умоляли Седрика расписаться у них на сумках.

Ответа от Сириуса не было. Букля никак не желала сменить гнев на милость. Предсказания профессора Трелони с каждым днем становились все более зловещими. А на уроке профессора Флитвика он так плохо применял манящие чары, что один из всего класса — не считая, конечно,

Невилла — получил дополнительное домашнее задание. Гермиона весь урок притягивала к себе все, что было в классе, — губки для доски, луноскопы, корзины для мусора, они летели к ней, как будто она волшебный магнит.

— Это совсем не трудно. Просто ты плохо сосредотачиваешься, — утешала его после урока Гермиона.

— Ты не догадываешься почему? — мрачно спросил Гарри.

Мимо как раз шел Седрик в окружении девушек с глуповато восторженными улыбками на лицах. При виде Гарри они округлили глаза, как будто столкнулись в коридоре замка с соплохвостом.

Ну и пусть таращатся! Вот двойной урок зельеварения — это действительно сущая пытка! Полтора часа в подземелье со Снеггом и слизеринцами, а от них пощады не жди: как он посмел стать чемпионом Хогвартса! Он уже еле вынес одну пятницу. Гермиона сидела рядом, все время твердя шепотом: «Не обращай внимания, не обращай внимания». И сегодня, конечно, будет не лучше.

После обеда они с Гермионой спустились в подземелье, возле двери лаборатории толпились слизеринцы, у каждого на груди большой зна-

чок. «Неужели ГАВНЭ?» — мелькнула безумная догадка. И тут же ее опровергла ярко горевшая в полутьме коридора надпись:

Седрика поддержим — он Настоящий чемпион.

— Нравится, Поттер? — заметив Гарри, воскликнул Малфой. — Но это еще не все! Полюбуйся!

Он нажал на значок, красная надпись исчезла, ее сменила зеленая:

Гарри Поттер, ты смердяк, Задавала и дурак.

Слизеринцы загоготали. Все, как один, нажали на значки, и на Гарри отовсюду теперь смотрели блестящие зеленые буквы. Гарри невольно залился краской.

— Очень смешно! — язвительно бросила Гермиона, презрительно глядя на группу слизеринских девчонок во главе с Пэнси Паркинсон, смеявшихся громче всех. — Верх остроумия!

Рон стоял у стенки вместе с Дином и Симусом. Конечно, он не смеялся, но и не вступился за Гарри.

— Дать тебе, Грэйнджер? — Малфой протянул

Гермионе значок. — Ой, не дотрагивайся до меня. Я только что вымыл руки. Видишь, какие чистые. Не хочу испачкаться о какую-то грязнокровку.

И Гарри не выдержал. Подавляемый гнев прорвался наружу. Не отдавая себе отчета, он выхватил из кармана волшебную палочку, и слизеринцы, в испуге отпрянув, бросились наутек.

— Гарри! — предупреждающе крикнула Гермиона.

— Что ж, давай сразимся. — Малфой невозмутимо вынул свою волшебную палочку. — Грюма здесь нет, защитить тебя некому. Начинай, коль такой храбрый.

Долю секунды они смотрели друг другу в глаза и затем одновременно крикнули:

— *Фурункулюс!*

— *Дантисимус!*

Из палочек выскочили лучи, на полдороге столкнулись и срикошетили. Луч Гарри угодил в физиономию Гойла, луч Малфоя — в Гермиону. Гойл взвыл и схватился за нос, который покрылся огромными безобразными нарывами. Гермиона прижала ладонь ко рту и залилась слезами.

— Гермиона! Что с тобой? — воскликнул Рон, бросился к ней и отнял ото рта руку.

Зрелище предстало не из приятных. Верхние

резцы у Гермионы, которые и без того выдавались, стали вдруг расти с ужасающей быстротой. Секунду-другую она походила на бобра, но зубы все росли, перешагнули губу и уже достигли подбородка. Гермиона в ужасе их ощупала, и из груди у нее вырвался отчаянный вопль.

— Отчего здесь такой шум? — проговорил убийственно вкрадчивый голос.

У дверей лаборатории появился Снегг. Слизеринцы начали наперебой объяснять. Снегг указал длинным желтым пальцем на Малфоя:

— Рассказывай ты, Драко.

— Поттер на меня напал, сэр.

— Мы напали друг на друга одновременно! — возразил Гарри.

— А его луч попал в Гойла. Видите?

Снегг осмотрел Гойла. Лицо у того походило на иллюстрацию из домашнего пособия по ядовитым грибам.

— Ступай в больничное крыло, — распорядился Снегг.

— Смотрите, что Малфой сделал с Гермионой, — воззвал к нему Рон.

Гермиона пыталась руками прикрыть растущие зубы, но они уже коснулись воротника мантии. Подошедшие слизеринки тыкали в нее

пальцем из-за спины Снегга, кривляясь от едва сдерживаемого смеха.

Снегг холодно взглянул на нее.

— Если и есть какие-то изменения, то весьма незначительные, — заключил он.

Гермиона громко всхлипнула, повернулась на каблуках и побежала к лестнице, ведущей наверх.

Гарри и Рон, к счастью, вместе заорали на Снегга. К счастью, потому что оба их голоса эхом отдавались в гулком каменном коридоре, и учитель точно не слышал, что именно они обрушили на него. Но общий смысл до него дошел.

— Угомонились? — шелковым голосом молвил Снегг. — А теперь слушайте: минус пятьдесят очков Гриффиндору. Поттер и Уизли останутся после урока, я объявлю, в чем будет состоять наказание. А теперь в класс. Не то будете наказаны на неделю.

В ушах у Гарри звенело. Такая несправедливость! Заклясть бы самого Снегга. Пусть рассыплется на тысячу слизняков! Гарри прошел в конец класса и бросил сумку на парту. Рона тоже трясло от гнева. На миг Гарри показалось, что у них с Роном нет никакой размолвки, но только на миг! Рон сел рядом с Дином и Симусом, а Гарри опять

остался один. В другом конце класса Малфой, повернувшись спиной к Снеггу нажал на значок и хихикнул. Зеленая вспышка «Поттер смердяк» опять развлекла слизеринцев.

Гарри сидел на уроке и воображал всякие ужасы. Вот он применил к Снеггу заклятие Круциатус (интересно, как его применяют?). Снегг падает навзничь, извивается, как паук, дергает руками и ногами…

— Займемся противоядиями! — Настоящий Снегг обвел класс злобно поблескивающими глазками. — Составы у вас готовы? Теперь осторожно заварите их. После чего выберем кого-нибудь и попробуем на нем их действие.

Его глаза встретили взгляд Гарри. И Гарри понял: Снегг сейчас отравит его. Ему отчетливо представилась картина: он схватил свой котел, подбежал к профессору и опрокинул посудину на ненавистную голову…

Мечты о расправе над Снеггом прервал стук в дверь.

В класс шмыгнул Колин Криви и, одарив Гарри сияющей улыбкой, подошел к Снеггу.

— В чем дело? — сухо спросил декан Слизерина.

— Простите, сэр, но Гарри Поттера вызывают

наверх. Снегг, нагнувшись, приблизил к Колину крючковатый нос, и улыбка сползла с восторженного лица малютки.

— Поттеру предстоит еще час работы с зельями. Наверх он поднимется после урока.

Колин покраснел.

— Сэр, сэр, его ждет мистер Бэгмен, — испуганно проговорил он. — Все чемпионы должны идти. Их, по-моему, будут фотографировать.

Фотографировать! Ну зачем, зачем он это сказал! Гарри кинул взгляд на Рона, тот демонстративно смотрел в потолок.

— Хорошо, хорошо, — прошипел Снегг. — Оставь, Поттер, здесь сумку. Ты мне еще будешь нужен.

— Пожалуйста, сэр, Гарри надо взять сумку с собой. Все чемпионы там…

— Очень хорошо! — рявкнул Снегг. — Бери свою сумку и вон с моих глаз!

Гарри перекинул сумку через плечо и пошел к двери. Вслед ему на всех столах слизеринцев зажглись зеленые буквы: «Гарри Поттер, ты смердяк».

— Как удивительно, правда, Гарри? — затараторил Колин, стоило только Гарри закрыть за собой дверь. — Только представь себе, ты — чемпион!

— Да, удивительно, — тяжело вздохнул Гарри, поднимаясь в холл. — А для чего они будут фотографировать?

— Думаю, для «Пророка».

— Только этого не хватало! Известность моя растет.

— Желаю удачи, — попрощался у двери Колин. Гарри постучал и вошел.

Он очутился в небольшой аудитории. Большинство столов сдвинуты в конец, образуя в центре пустое пространство. Три составлены вместе перед доской и накрыты длинной бархатной скатертью. За ними пять кресел. В одном сидит Людо, беседуя с незнакомой ведьмой в алой мантии.

Виктор Крам, по обыкновению, задумчиво стоит в стороне от всех. Седрик и Флер беседуют. Вид у нее довольный, не то что в день приезда. Она то и дело откидывает голову, и длинные белокурые волосы на свету красиво переливаются. Пузатый коротышка с большой черной камерой, слегка дымившейся, краем глаза любуется ею.

Увидев Гарри, Бэгмен вскочил и радостно запрыгал к нему.

— А вот и четвертый чемпион! Входи, Гарри, входи! Не волнуйся, это просто церемония проверки волшебных палочек. Сейчас подойдут

члены судейской бригады.

— Проверка волшебных палочек? — озадаченно переспросил Гарри.

— Необходимо проверить, в каком они состоянии, нет ли поломок. Это ваш главный инструмент в соревнованиях. Специалист в этой области сейчас наверху с директором. После церемонии вас будут фотографировать. Познакомься, Рита Скитер. — Бэгмен жестом указал на женщину в алой мантии. — Она делает небольшой материал о Турнире для «Пророка».

— Не такой уж и небольшой, Людо, — поправила Рита, впившись взглядом в Гарри.

Волосы у нее уложены в причудливое сооружение из тугих локонов, нелепо сочетающееся с массивным подбородком; очки отделаны драгоценностями, толстые пальцы, сжимающие крокодиловой кожи сумочку завершаются длиннейшими ногтями, покрытыми пунцовым лаком.

— Нельзя ли до начала церемонии взять у Гарри коротенькое интервью? — обратилась она к Бэгмену не отрывая от Гарри глаз. — Самый юный чемпион, несомненно, прибавит статье живости.

— Разумеется! Гарри, ты не возражаешь?

— М-м, — протянул Гарри.

— Вот и отлично. — Красные когти железной хваткой вцепились Гарри в руку повыше локтя. Журналистка потащила его из комнаты и толкнула соседнюю дверь.

— Там очень шумно, — сказала она. — Побеседуем лучше здесь в тихой, уютной обстановке.

Гарри растерянно взглянул на нее: они оказались в каморке для ведер и швабр.

— Входи, тут отлично. Вот так. — Рита осторожно опустилась на перевернутое ведро, усадила Гарри на картонную коробку и закрыла плотно дверь. Каморка погрузилась в темноту. — Что ж, приступим.

Раскрыв крокодиловую сумочку, она извлекла горсть свечей, волшебной палочкой повесила в воздухе и зажгла.

— Гарри, ты не против Прытко Пишущего Пера? Так я смогу более естественно говорить с тобой.

— А что это такое?

Рита Скитер широко улыбнулась. И Гарри сосчитал у нее во рту три золотых зуба. Рита вынула из сумочки длинное ядовито-зеленое перо и свиток пергамента. Растянула его между ними на ящике из-под универсального волшебного пятновыводителя миссис Чистикс. Сунула в рот кончик пера, пососала и с явным облегчением

поставила вертикально на пергамент. Перо, слегка подрагивая, закачалось на кончике.

Проба... Я — Рита Скитер. Репортер «Пророка».

Гарри взглянул на перо. Не успела Рита открыть рта, как перо само понеслось по пергаменту:

Рита Скитер — привлекательная блондинка сорока трех лет. Ее острое перо проткнуло немало раздутых репутаций.

— Отлично, — сказала Рита, оторвала сверху кусок пергамента, скомкала его и сунула в сумочку. — Так-так, — наклонилась она к Гарри. — Что же побудило тебя стать участником Турнира?

— М-м, — опять протянул Гарри. Хотел было что-то сказать, но перо уже строчило:

Безобразный шрам, подарок трагического прошлого, портит во всем остальном очаровательное лицо Гарри Поттера, чьи глаза...

— Не обращай на перо внимания, Гарри, — приказала его обладательница. Испытывая

непреодолимое отвращение, Гарри перевел взгляд на Риту. — Почему ты решил бросить в Кубок свое имя?

— Я его не бросал. Я не знаю, как мое имя попало в Кубок огня. Я не подходил к нему.

Рита Скитер вскинула густо очерченную бровь.

— Тебе ничего не будет, Гарри, не бойся. Мы все знаем, что ты нарушил запрет. Но, пожалуйста, не волнуйся. Наши читатели любят бунтарей.

— Но я и не думал ничего нарушать. Я не знаю, кто…

— Что ты чувствуешь перед состязаниями? Взволнован? Нервничаешь?

— Я… я еще не знаю… Да, наверное, нервничаю… — сказал Гарри, и внутри у него екнуло.

— В прошлом несколько чемпионов погибло, — жестко произнесла Рита. — Ты об этом подумал?

— Но ведь говорят, в этом году будет не так опасно. Между тем перо на пергаменте все строчило и строчило, туда-сюда, туда-сюда, как на коньках.

— Разумеется, ты и раньше сталкивался со смертью. — Она пристально смотрела на него. — Что ты тогда испытывал?

— М-м, — в который раз протянул Гарри.

— Может, полученная в детстве травма тебя

подстегнула? И ты захотел как-то себя проявить? Подтвердить свою славу? Не потому ли ты поддался искушению…

— Не поддавался я никакому искушению, — начал сердиться Гарри.

— Ты помнишь своих родителей? — сменила тему Рита.

— Нет.

— Как тебе кажется, они бы обрадовались, узнай, что их сын — участник Турнира Трех Волшебников? Гордились бы тобой? Беспокоились? Или бы это им не понравилось?

Гарри разозлился. Да откуда ему знать мнение родителей, останься они в живых?! А эта ведьма так и сверлит его взглядом. Гарри нахмурился и, стараясь не видеть ее глаз, смотрел, что пишет перо.

Когда наша беседа затронула его родителей, эти изумрудные глаза наполнились слезами. Он едва их помнит.

— Нету меня в глазах никаких слез! — крикнул Гарри.

Рита Скитер не успела ничего ответить — дверь отворилась, Гарри от яркого света замигал и обернулся: в проеме двери стоял Альбус Дамблдор и

глядел на репортера «Пророка» и его жертву, едва умещавшихся в тесном чулане.

— Дамблдор! — возликовала Рита Скитер. Перо с пергаментом в мгновение ока исчезли с коробки пятновыводителя, когти журналистки поспешно защелкнули застежку на крокодиловой сумочке. — Как поживаете? — Рита встала и протянула директору Хогвартса крупную мужскую длань. — Надеюсь, вы видели мою летнюю статью о Международной конференции колдунов?

— Отменно омерзительна, — блеснул очками Дамблдор. — Особенно меня потешил мой собственный образ выжившего из ума болтуна.

Рита Скитер нимало не смутилась.

— Я только хотела подчеркнуть старомодность некоторых ваших идей и то, что многие простые волшебники…

— Был бы счастлив узнать подоплеку ваших инсинуаций, Рита, — сказал Дамблдор, — но боюсь, придется перенести нашу беседу на другое время. Сию минуту начнется церемония проверки палочек, а один из чемпионов упрятан в чулан для щеток и веников.

Радуясь избавлению от Риты Скитер, Гарри поспешил вернуться в класс. Чемпионы сидели

на стульях у двери, и он занял место рядом с Седриком. За накрытым бархатной скатертью столом уже восседали четверо судей: профессор Каркаров, мадам Максим, мистер Крауч и Людо Бэгмен. Рита расположилась в углу вынула из сумки начатую статью, разгладила ее на колене и, пососав кончик Прытко Пишущего Пера, водрузила его стоймя на пергамент.

— Позвольте представить вам мистера Олливандера, — обратился к чемпионам Дамблдор, заняв место за столом судей. — Он проверит ваши палочки, дабы убедиться в их готовности к турнирным сражениям.

Гарри повернулся к окну. Там стоял пожилой волшебник с большими светло-серыми глазами. Да ведь это его старый знакомый! Именно у него три года назад Гарри купил свою волшебную палочку.

— Мадемуазель Делакур, начнем с вас, если не возражаете. — Мистер Олливандер вышел на середину класса.

Флер Делакур легкой походкой подошла к нему и протянула палочку.

— Хм-м, — протянул Олливандер, повертел ее в длинных пальцах как дирижерскую палочку. Из палочки по-сыпался сноп розовых и золотых

искр. Мастер поднес ее к глазам и внимательно рассмотрел. — Ясно, — сказал он спокойно. — Двадцать сантиметров, не гнется, розовое дерево. Боже милостивый! Содержит…

— Волос с головы вейлы, моей гран-маман.

Вот почему она так похожа на вейлу! Надо будет сказать Рону, подумал Гарри и тут же вспомнил, что они с Роном поссорились.

— Да… да, — сказал Олливандер. — Я никогда не использовал для палочек ее волос. Слишком уж они получаются темпераментные. Но каждому свое, и если она вам подходит…

Мистер Олливандер пробежал пальцами по палочке, проверяя, нет ли царапин или каких неровностей.

— *Орхидеус!* — воскликнул он, из палочки выскочил букет орхидей, и он протянул их Флер. — Мистер Диггори, ваша очередь.

Флер полетела на свое место, по пути одарив Седрика улыбкой.

— А-а, узнаю свое изделие, — заметно оживился мистер Олливандер, беря палочку Седрика. — Прекрасно ее помню. Содержит один волос из хвоста уникального экземпляра жеребца-единорога — около двух метров в холке. Чуть не проткнул меня рогом, когда я дернул его за хвост.

Тридцать пять сантиметров, ясень, хорошая упругость. Регулярно ее чистите?

— Вчера вечером полировал, — улыбнулся Седрик. Гарри взглянул на свою палочку — вся в отпечатках пальцев! Попытался полой мантии незаметно стереть их. Из нее сразу же посыпались золотистые искры. Флер Делакур свысока глянула на него, и Гарри все оставил как есть.

Мистер Олливандер выпустил из палочки Седрика серебристую спираль дыма на весь класс, остался ею вполне доволен и пригласил на середину комнаты Крама.

Виктор Крам встал, повел плечами, ссутулился и вразвалку подошел к мастеру. Протянул палочку и, сунув руки в карманы, нахмурился.

— Хм-м. Ежели не ошибаюсь, творение Грегоровича? Прекрасный мастер, хотя стиль не совсем тот, какой… Ну, это ладно…

Он поднес палочку к глазам и тщательно рассматривал ее, вертя так и этак.

— Да… саксаул и сухожилие дракона? — метнул он взгляд на Крама.

Крам кивнул.

— Толстовата, довольно жесткая, двадцать семь сантиметров… Авис!

Палочка из саксаула выстрелила как ружье, из

дула выпорхнула стайка щебечущих птичек и вылетела в окно навстречу солнцу.

— Отлично, — сказал Олливандер, возвращая Краму его палочку. — Кто у нас еще остался?.. Поттер!

Гарри поднялся с места, прошел мимо Крама и протянул свою палочку.

— О-о! — расцвел мистер Олливандер, глаза его вдруг вспыхнули. — Я очень хорошо ее помню.

И Гарри тоже помнил. Словно это было вчера.

Летом, три года назад, они вместе с Хагридом зашли в магазин мистера Олливандера купить волшебную палочку. Хозяин сделал все необходимые измерения и стал протягивать ему палочку за палочкой. Гарри перебрал, кажется, все волшебные палочки, взвешивая их на ладони, пока не нашел ту, что нужно, — вот эту самую палочку из остролиста, одиннадцать дюймов длиной, содержащую перо из хвоста феникса. Мистер Олливандер тогда несказанно удивился, что Гарри и палочка так подошли друг другу. «Любопытно, любопытно», — бормотал он. И объяснил почему только после вопроса Гарри. Оказалось, что перо феникса от той же самой птицы, что подарила сердцевину волшебной палочке Волан-де-Морта.

Этого Гарри никому не рассказывал. Он любил

свою палочку, а что до родства с палочкой Темного Лорда, ну и пусть: с тетей Петуньей то же самое. Так получилось, и ничего не поделаешь. Только бы мистер Олливандер не упомянул об этом сейчас: услыхав такое, Прыткое Перо от избытка чувств взорвется.

Мистер Олливандер изучал его палочку дольше всех. Наконец пустил из нее фонтан вина и возвестил, что палочка по-прежнему пребывает в безупречном состоянии.

— Благодарю всех, — сказал стоящий за судейским столом Дамблдор. — Возвращайтесь на занятия. Хотя, пожалуй, можете идти обедать, урок вот-вот кончится…

Ну, наконец-то сегодня случилось что-то хорошее. Гарри уже собрался уходить, но толстяк с камерой вскочил и прокашлялся.

— А снимки, Дамблдор, снимки! — заволновался Бэгмен. — Всех судей и участников! Что вы скажете, Рита?

— Да, конечно. Сначала всех вместе, — она опять впилась взглядом в Гарри, — а потом по отдельности.

Фотографу пришлось-таки изрядно потрудиться. Мадам Максим заслоняла всех, какой ракурс ни возьми, а ему отойти некуда, чтобы великан-

ша попала в кадр. В конце концов ей пришлось сесть, а все остальные встали вокруг. Каркаров наматывал на палец козлиную бородку, чтобы получился еще один завиток. Крам, привыкший фотографироваться, занял место позади, не хотел выпячиваться. Фотограф желал выдвинуть на первый план Флер, но Рита опередила его, поместив в центр Гарри. А когда снимок был готов, настояла, чтобы участников Турнира сняли еще и по отдельности.

Наконец все были отпущены. Гарри пошел обедать, Гермионы все не было, — наверное, уменьшает зубы в больничном отсеке. Поел один и пошел в свою башню, думая по дороге о манящих чарах. В спальне был один Рон.

— К тебе сова прилетела, — буркнул он и махнул в сторону кровати Гарри. На подушке его поджидала большая сипуха.

— Спасибо.

— Снегг определил наказание — завтра вечером работать у него в классе. — И, не взглянув на Гарри, вышел из комнаты.

Гарри хотел побежать за ним — поговорить? Или дать затрещину? Неплохо и то и другое. Но ответ Сириуса перевесил. Гарри подошел к сове и отвязал письмо.

Гарри,

— писал Сириус.

— Я не могу сказать в письме все, что хочу: слишком опасно, вдруг сову перехватят. Нам нужно переговорить с глазу на глаз. Сделай так, чтобы мы могли встретиться у камина в вашей гостиной в час ночи с 21-го на 22 ноября.

Я, как никто, знаю, что ты сам себе лучший страж, а рядом с Дамблдором и Грюмом вряд ли кто отважится причинить тебе вред. Но кто-то, явно могущественный, замыслил недоброе. Ведь твое имя попало в Кубок под самым, носом у Дамблдора.

Будь начеку, Гарри. Я по-прежнему хочу знать обо всем необычном, что происходит в замке. О 22 Ноября дай мне знать как можно быстрее.

Сириус

Глава 19

ВЕНГЕРСКАЯ ХВОСТОРОГА

Две недели Гарри жил предстоящей встречей с Сириусом. Это было единственное светлое облачко на горизонте, который никогда не казался чернее. Потрясение от свалившегося как снег на голову участия в Турнире слабело, уступая место страху перед близившейся опасностью. Первый тур надвигался неотвратимо. Он маячил впереди, как кошмарное чудовище, которого ни обойти, ни объехать. Гарри никогда так не нервничал ни перед одним матчем, даже перед последним со слизеринцами, решающим судьбу Кубка школы.

Сейчас он вообще не мог думать ни о каком будущем. Казалось, вся его жизнь вела к тому, чтобы на первом туре и завершиться.

Надо признаться, он не представлял себе, как Сириус поможет справиться с этим страхом: ведь ему предстоит сразиться с трудной, опасной и неизвестной магией, да еще на глазах у сотен зрителей. Но встреча с другом хоть немного да приободрит. И Гарри ответил крестному, что будет в назначенное время ждать его в факультет-

ской гостиной. Они долго обсуждали с Гермионой, как обезопасить встречу от случайных свидетелей. В худшем случае придется бросить пакет с начиненной навозом бомбой. Этого бы не хотелось — за бомбу Филч живьем кожу сдерет.

Тем временем житья в стенах замка вовсе не стало. Рита Скитер опубликовала в «Пророке» статью о Турнире Трех Волшебников. Но о состязаниях там говорилось мало. Большую ее часть составляло красочное жизнеописание Гарри. Едва ли не половину первой страницы занимала его фотография. Фактически вся статья, продолжавшаяся на второй, шестой и седьмой страницах, посвящена только ему, имена чемпионов Шармбатона и Дурмстранга перевраны, о них сказано несколько слов в самом конце статьи, а имя Седрика вовсе не упоминалось.

Статья появилась десять дней назад, но стоило Гарри о ней вспомнить, ему хотелось провалиться сквозь землю. Рита Скитер такого понаписала, чего он не только в чулане, в жизни своей никогда не говорил.

— *Моя сила — это дар, унаследованный от родителей,* — сообщала статья. — *Если бы мама с папой увидели меня сейчас, они бы очень мною гордились. Да, по ночам я все еще плачу, вспоми-*

ная о них, и не стыжусь в этом признаться. Я знаю, на Турнире ничего со мной не случится, потому что родители смотрят на меня с небес…

Рита Скитер не только превратила его «м-м» в длинные, нудные предложения, но еще опросила других хогвартцев, желая узнать их о нем мнение.

— В Хогвартсе Гарри встретил свою любовь. Его близкий друг Колин Криви говорит, что Гарри всюду появляется в обществе Гермионы Грэйнджер, сногсшибательной красавицы-маглы, которая, как и Гарри, одна из самых блестящих студентов школы.

С появлением статьи многие, главным образом слизеринцы, завидев Гарри, цитировали ее, отпуская оскорбительные шутки.

— Тебе дать, Поттер, носовой платок? Вдруг на трансфигурации разревешься!

— С каких это пор ты самый блестящий ученик школы? Разве это вы с Долгопупсом основатели Хогвартса?

— Гарри, привет! — окликнул его чей-то голос.

— Да, конечно! — Гарри свернул в коридор и ответил оттуда — с него хватит! — возможному обидчику: — Все глаза выплакал! Пойду еще поплачу!

— Да что с тобой? Ты выронил перо!

Это была Чжоу Чанг. Гарри покраснел, нагнулся и поднял перо.

— Прости… — только и мог выговорить.

— Удачи тебе во вторник. Надеюсь, ты прекрасно со всем справишься.

Чжоу ушла.

«Какой же я безмозглый дурак, — подумал Гарри, — по голосу не узнал…»

Гермионе тоже доставалось. Но она не отыгрывалась на невинных людях. Гарри восхищало ее поведение.

— Сногсшибательная красавица! — столкнувшись с Гермионой сразу после статьи Риты, взвизгнула Пэнси Паркинсон. — «Мисс Бурундук»!

— Не обращай, Гарри, внимания, — с достоинством произнесла Гермиона и, гордо подняв голову, будто не слыша, прошла мимо хихикающих девчонок. — Не обращай внимания, и все.

Но как он может не обращать внимания? Сообщив Гарри о наложенном на них наказании, Рон больше не сказал в тот вечер ни слова. У Гарри теплилась надежда, что все у них с Роном наладится: ведь они будут два часа вместе готовить препараты из крысиных мозгов — погружать их

по распоряжению Снегга в соляной раствор. Но в тот день вышла статья Риты Скитер, и Рон, как видно, в который раз убедился, что Гарри только и делает, что гоняется за славой.

Гермиона очень на них сердилась. Подходила то к одному, то к другому, стараясь помирить их. Гарри был непреклонен: он заговорит с Роном, если тот поверит, что не Гарри бросал в Кубок своего имени и попросит прощения за «лжеца».

— Он первый начал, — стоял на своем Гарри. — Пусть первый и подойдет.

— Но тебе его не хватает! — теряла терпение Гермиона. — И я точно знаю, ему тоже без тебя плохо.

— Мне… мне его не хватает? — возмутился Гарри. — Ничего подобного!

Он говорил неправду. Гермиона была его самый верный друг, и он действительно ее любил. Но все-таки она не могла заменить Рона. С ней не повеселишься, все библиотека да библиотека. Он так и не постиг Манящих чар. Наверное, в нем родилось какое-то стойкое внутреннее сопротивление. Гермиона объяснила, что в таких случаях помогает только знание теории, поэтому в обеденный перерыв они не выходили из библиотеки.

Виктор Крам тоже проводил за книгами много времени. Его-то что сюда гонит? Изучает чего? Или готовится к первому туру? Гермиона часто жаловалась, что Крам постоянно торчит в библиотеке. Нет, Крам ей не докучал. Но из-за книжных полок за ним вечно подглядывали хихикающие девчонки, и это мешало сосредоточиться.

— Чего они в нем нашли! Красивым его не назовешь! — возмущалась она, глядя на носатый профиль Крама. — Он знаменитость, вот девчонки и бегают за ним. Они бы и не взглянули на него, если бы он не владел этим приемом, «финтом Вонки»…

— Не Вонки, а Вронски, — буркнул Гарри. Его не просто коробило, когда не так произносились термины квиддича, он представил себе, что бы почувствовал Рон, услышь он из уст Гермионы «финт Вонки».

Странно, когда чего-то страшишься и отдал бы все, лишь бы замедлить время, оно, наоборот, мчится, как сумасшедшее. Дни перед первым туром летели так, словно кто заго-ворил стрелки часов и они стали бежать с удвоенной скоростью. Куда Гарри ни шел, страх преследовал его, так же как ехидные замечания, вызванные статьей Риты Скитер.

В субботу, накануне первого тура, ученикам, начиная с третьего курса, позволили пойти в Хогсмид. По мнению Гермионы, Гарри не мешало бы немного развеяться. Долго его уговаривать не пришлось.

— А как же Рон? — спросил Гарри. — Может, ты хочешь пойти с ним?

— Э-э… — Гермиона слегка покраснела. — Я подумала, мы могли бы с ним встретиться в «Трех метлах».

— Ни за что! — наотрез отказался Гарри.

— Но это глупо…

— Я пойду но встречаться с Роном не буду Надену мантию-невидимку.

— Ладно, как хочешь, — обреченно вздохнула Гермиона. — Когда ты в мантии, с тобой неудобно разговаривать. Не поймешь, на тебя я смотрю или куда-то мимо.

В спальне Гарри натянул мантию-невидимку спустился в холл, и они вместе с Гермионой отправились в Хогсмид.

Как славно в мантии! Мимо проходят ученики, у многих приколот значок «Поддержим Седрика», но Гарри никто не видит — и никаких насмешливых шуточек!

— Зато все теперь пялятся на меня, — нахму-

рилась Гермиона. Они только что вышли из «Сладкого королевства» и жевали шоколадки со сливочной начинкой. — Думают, я сама с собой говорю.

— А ты старайся не так сильно шевелить губами.

— Сними, пожалуйста, ненадолго мантию. Здесь никто не станет к тебе приставать.

— Да? А ты оглянись!

Из «Трех метел» как раз вышли Рита Скитер и ее фотограф. Приглушенно переговариваясь, они прошли мимо Гермионы, не удостоив ее взглядом. Гарри пришлось вжаться в стену магазина, чтобы Рита не задела его сумочкой из крокодиловой кожи. Наконец парочка удалилась.

— Она остановилась в деревне. Держу пари, приехала посмотреть первый тур, — сказал Гарри, и ледяная волна страха окатила его. Но он о своем страхе и словом не обмолвился. Они с Гермионой вообще мало говорили о предстоящем туре. У Гарри было такое чувство, что Гермиона даже думать об этом не хочет.

— Она ушла. — Гермиона смотрела сквозь Гарри в конец Хай-стрит. — Пойдем в «Три метлы», выпьем сливочного пива. Мне что-то холодно. Не бойся, не будешь говорить с Роном, — с раздра-

жением закончила она, правильно истолковав молчание Гарри.

В «Трех метлах» посетителей было полно, главным образом ученики Хогвартса, наслаждавшиеся субботней послеполуденной свободой. Но был еще разный волшебный народец, в других местах ничего подобного не встретишь. Хогсмид — единственная в Англии деревня, населенная только волшебниками, этакая земля обетованная для существ вроде каргуний, которые не ахти какие специалисты по части переодевания, не то что колдуны и ведьмы, умеющие переодеться под магла.

Как трудно передвигаться в мантии-невидимке! Не дай бог на кого наступить, возникнут всякие неудобные вопросы. Гермиона покушала пиво, а Гарри медленно продвигался вдоль стены к пустому столику в самом углу. По пути он заметил Рона, сидевшего с близнецами и Ли Джорданом. Победив желание дать бывшему другу хороший подзатыльник, он наконец добрался до стола и сел.

Минуту спустя подошла Гермиона и сунула ему под мантию банку со сливочным пивом.

— Идиотский у меня вид, сижу тут совсем одна. Хорошо, что взяла с собой, чем себя занять.

Она достала блокнот со списком участников ГАВНЭ. Коротенький список возглавляли имена Гарри и Рона. Казалось, прошла целая вечность с того времени, когда они вместе с Роном сочиняли предсказания, а Гермиона назначила одного казначеем, другого секретарем.

— Может, удастся вовлечь в ассоциацию кого-нибудь из местных, — мечтательно протянула Гермиона, оглядывая бар.

— Может. — Гарри отпил прямо из банки несколько глотков. — Когда ты, Гермиона, выбросишь из головы эту затею с ассоциацией?

— Когда домовые эльфы будут получать приличную зарплату и условия их труда изменятся к лучшему, — прошипела Гермиона, едва шевеля губами. — По-моему, пора переходить к более активным действиям. Ты не знаешь, как попасть в кухонные помещения замка?

— Не имею понятия. Спроси Фреда и Джорджа.

Гермиона погрузилась в размышления, а Гарри, потягивая пиво, разглядывал посетителей. Вид у всех был довольный и веселый. Эрни МакМиллан и Ханна Аббот об-менивались фантиками от шоколадных лягушек. У обоих на мантии зеленели значки «Поддержим Седрика». Подальше у двери сидела Чжоу с друзьями из Когтеврана. У нее на

груди значка не было, это слегка подняло дух.

Оказаться бы одним из этих счастливчиков! Сидел бы сейчас с друзьями, разговаривал, смеялся. Ни о чем не думал, кроме домашних заданий. Не выскочи его имя из Кубка, разве пришел бы он сюда в мантии-невидимке? Рядом был бы Рон. С азартом бы обсуждали втроем, как трудно придется чемпионам во вторник Ожидает ли их смертельная опасность? Как бы он жаждал со стороны смотреть состязания, в качестве зрителя! Вместе со всеми болеть за Седрика, сидя на трибуне, в безопасности…

Интересно, как себя чувствуют другие чемпионы? Седрик все время окружен поклонниками. Кажется, нервничает, но и взволнован. В коридорах иногда видел Флер Делакур, как всегда надменную и невозмутимую. Крам же безвылазно сидел в библиотеке и корпел над книгами.

Гарри подумал о Сириусе. И тугой узел в груди немного ослаб. Ровно через полсуток они встретятся у камина в гостиной. Если, конечно, все пойдет как надо, вопреки сложившемуся за последнее время ходу событий.

— Смотри, Хагрид! — сказала Гермиона.

Над головами сидящих появилась густая копна волос. Слава богу, лесничий смыл с нее деготь.

Как это они сразу его не заметили. Гарри осторожно встал во весь рост, лесничий сидел с Грюмом и, должно быть, тихонько о чем-то беседовал с ним, наклонившись пониже. Как обычно, перед ним стояла здоровенная кружка, Грозный Глаз попивал из своей фляжки. Миловидная хозяйка «Трех метел» мадам Розмерта собирала со столов бокалы и неодобрительно поглядывала на фляжку и ее обладателя. Очевидно, сочла это оскорблением для своего крюшона. Но Гарри знал в чем дело: на последнем уроке учитель защиты от темных искусств сказал, что предпочитает есть и пить из своей посуды пищу собственного приготовления. Темным силам ничего не стоит отравить не защищенную заклинанием кружку или тарелку.

Хагрид с Грюмом встали и пошли к выходу. Гарри помахал им, забыв, что на нем мантия-невидимка. Грюм однако остановился, поворотив волшебный глаз в тот угол, где сидела Гермиона. Похлопал Хагрида пониже лопаток — до плеча не дотягивался, что-то шепнул, и оба направились к столику Гермионы.

— Как дела? — гаркнул Хагрид.

— Привет, Хагрид, хорошо, — улыбнулась девочка.

Грюм, хромая, обогнул стол и наклонился. Его

что, заинтересовал блокнот со списком участников ГАВНЭ? Но Гарри ошибся.

— Превосходная мантия, Поттер, — прохрипел Грюм. Гарри от изумления только что не упал со стула. Лицо Грюма было совсем рядом, и рваная ноздря была отчетливо заметна. Грюм усмехнулся.

— Ваш глаз… то есть вы…

— Да. Что-что, а мантию-невидимку он видит насквозь. И скажу тебе, иногда это очень полезно.

Хагрид тоже наклонился, как будто хотел заглянуть в блокнот, а сам прошептал Гарри:

— Приходи сегодня в полночь ко мне в хижину. Надень эту мантию.

Хагрид выпрямился и прогудел:

— Рад был свидеться, Гермиона, — подмигнул и зашагал к двери. Грюм поковылял за ним.

— Почему он хочет встретиться со мной в полночь? — удивился Гарри.

— В полночь? — испуганно переспросила Гермиона. — Что он такое придумал? Следует ли тебе идти? — Гермиона огляделась кругом и тихо шепнула: — Ты можешь опоздать на встречу с Сириусом.

Гермиона, конечно, права. Она предложила по-

слать к лесничему Буклю с запиской, объяснить, что этой ночью он никак не может прийти, — если Букля его простила и согласится лететь. Но Гарри решил пойти, задерживаться не будет, только туда и обратно. Очень уж интересно, зачем Хагрид его позвал. Он никогда не приглашал его в гости так поздно.

В половине двенадцатого Гарри, сидевший в гостиной, сделал вид, что устал, и пошел в спальню. Натянул мантию-невидимку и на цыпочках спустился вниз. В гостиной еще было несколько человек Братья Криви где-то раздобыли пакет со значками «Поддержим Седрика» и пытались переколдовать эти слова в «Поддержим Гарри Поттера». Но их старания не увенчались успехом: значки на «Поттер смердяк» заклинило. Гарри неслышно подошел к портретному проему минуту подождал, не спуская с часов глаз. Гермиона, следуя уговору, открыла проем снаружи, назвав Полной Даме пароль. Гарри выскользнул на площадку, шепнул ей: «Спасибо!» — и побежал вниз.

На улице было темно, хоть глаз выколи. В хижине лесничего маячил огонек, Гарри на него и пошел. Внутри огромной кареты Шармбатона тоже горели огни, оттуда донесся голос мадам Максим. Гарри постучал в дверь хижины.

— Это ты, Гарри? — Хагрид отворил дверь и огляделся по сторонам.

— Да, я. — Гарри проскользнул внутрь и стянул с головы мантию. — Что случилось?

— Есть… э-э… что-то показать.

Хагрид пребывал в необычайном волнении. В петлице у него была гвоздика, похожая на огромный артишок. Хагрид больше не употреблял для волос деготь, но, несомненно, пытался сегодня причесаться — в волосах у него застряло несколько зубцов от расчески.

— Что показать? — подозрительно спросил Гарри. Может, соплохвосты снесли яйца? Или Хагрида опять угораздило купить у заезжего торговца гигантского трехглавого пса?

— Идем со мной, накинь мантию, веди себя тихо-тихо. Клыка не возьмем, он это не любит.

— Послушай, Хагрид, я ненадолго. В час ночи мне нужно быть в замке.

Но Хагрид не слушал, открыл дверь и шагнул во тьму ночи. Гарри пошел за ним. К его удивлению, лесничий повел его к шармбатонской карете.

— Зачем, Хагрид…

— Щ-ш-ш!.. — Лесничий поднес палец к губам и трижды постучал в дверцу кареты, украшенную скрещенными золотыми волшебными палоч-

ками.

Им открыла сама мадам Максим в накинутой на пле-чи шелковой шали. Увидев гостя, она улыбнулась.

— Что, 'Агрид, уже по'та? — улыбнулась она.

— Бом-свар, — поздоровался Хагрид и, не спуская с великанши восхищенных глаз, помог ей спуститься по золотым ступенькам.

Мадам Максим закрыла за собой дверь, Хагрид предложил ей руку и они пошли вдоль изгороди, за которой паслись гигантские крылатые кони. Совершенно сбитый с толку, Гарри бежал за ними, боясь отстать. Он что, хочет ему показать мадам Максим? Как будто Гарри раньше ее не видел, поди не заметь такую даму!

Но и мадам Максим была не меньше заинтригована.

— Куда вы меня ведете, 'Агрид? — игриво поинтересовалась его спутница.

— Вам понравится, — прямолинейно заявил он. — Не сомневайтесь. Но о том, что увидите, молчок. Вам это знать еще рано…

— Конечно, конечно, — заверила его мадам Максим, взмахнув длинными черными ресницами.

И парочка продолжила путь. Гарри все сильнее

злился, стараясь угнаться за ними, каждую минуту смотрел на часы. Опять, видно, безмозглый Хагрид затеял какой-то бред! Так и на встречу с Сириусом опоздать недолго. Если они через пять минут не придут на место, он повернет обратно и помчится в замок. А Хагрид пусть наслаждается лунной прогулкой наедине с мадам Максим.

Шли по опушке леса, описывая дугу, пока озеро и замок не скрылись из виду. Неожиданно послышались громкие голоса людей и сразу же свирепый душераздирающий рев.

Хагрид повел мадам Максим вокруг отдельно стоявшей купы деревьев, Гарри поспешил за ними. На какую-то долю секунды ему почудились яркие костры, вокруг них сновали люди… И тут у Гарри отвалилась челюсть. Драконы.

По загону, огражденному крепкими брусьями, ходили на задних лапах четыре огромных злобного вида дракона, издавая громоподобный рык, из клыкастых пастей вырывались в темное небо на высоте двадцати метров яркие языки пламени. Серебристо-голубой с длинными острыми рогами скалился на волшебников и щелкал зубами. Зеленый, покрытый гладкой чешуей извивался и топал могучими задними лапами. У красного шею украшала бахрома из тонких золотых пик,

он выдыхал огонь в виде огромных грибов. Был еще гигантский черный, больше других похожий на ящера, он находился совсем рядом.

Не менее тридцати волшебников, семь или восемь на каждого дракона, старались утихомирить их, крепко держа в руках цепи, прикрепленные к толстым кожаным ремням, опоясывающим шеи и лапы драконов. Задрав голову, Гарри, как завороженный, смотрел в глаза черного дракона, зрачки у него были вертикальные, как у кошки, и выпучены не то от страха, не то от гнева. Чудище изрыгало жуткие, леденящие кровь вопли.

— Назад, Хагрид! — крикнул волшебнику забора, натягивая цепь. — Сам знаешь, они стреляют огнем на расстояние семь метров. А эта хвосторога на все пятнадцать.

— Какая красавица, — ласково проговорил Хагрид.

— Не то слово! — крикнул один волшебник. — На счет три — Усыпляющее заклятие!

Все драконоводы вынули волшебные палочки.

— Отключись! — крикнули они, и из палочек огненной ракетой вылетело Усыпляющее заклятие, осыпав звездным дождем чешуйчатые бока драконов.

Ближайший к Гарри дракон опасно зако-

лыхался на задних лапах, пасть раскрылась в беззвучном рыке, пламя из ноздрей больше не вырывалось, хотя дым все еще валил. Очень медленно дракон повалился на землю — несколько тонн мышц и чешуи — и упал с таким стуком, что содрогнулись деревья, Гарри мог бы в этом поклясться.

Драконоводы опустили палочки и подошли к поверженным подопечным. Затянули потуже цепи и, торопясь, привязали к чугунным прутьям, вбитым глубоко в землю с помощью палочек.

Хотите взглянуть поближе? — обратился переполненный чувствами Хагрид к мадам Максим. Они подошли к самому забору, а за ними и Гарри. Волшебник, предупредивший Хагрида об опасности, повернулся, и Гарри сразу узнал Чарльза Уизли.

— Ну как, Хагрид? — начал, еще не отдышавшись, Чарльз. — Они скоро придут в себя. Мы их в дорогу усыпили снотворным, думали, им лучше проснуться глубокой ночью, когда темно и тихо. А видишь, что получилось. Они очень недовольны…

— Какие у вас здесь породы? — Хагрид смотрел на черного дракона с трепетной нежностью, почти с благоговением. Глаза у спящего дракона

полуоткрыты. Из-под темного сморщенного века поблескивает желтая полоска.

— Это самка венгерского хвосторога, — сказал Чарльз. — Вон тот — валлийский зеленый обыкновенный. Тот, что поменьше, синевато-серый — шведский тупорылый. А красный — китайский огненный шар.

Чарли огляделся по сторонам, мадам Максим шла вдоль изгороди, разглядывая спящих драконов.

— Не знал, что ты ее приведешь, — нахмурился он. — Чемпионам не положено знать, что им предстоит. А она, конечно же, своему расскажет.

— Просто подумал, ей будет приятно взглянуть, — не отрывая от драконов восхищенного взгляда, простодушно ответил Хагрид.

— Романтическая прогулка? — Чарли покачал головой.

— Значит, четыре. На каждого по одному дракону. А что они будут с ними делать? Сражаться?

— Кажется, просто пройдут мимо. Мы будем все время рядом. Если ситуация станет опасной, заклятие Уничтожения наготове. Организаторам понадобились почему-то драконихи-наседки. Понятия не имею почему. Могу только сказать: не завидую тому, кто вытянет хвосторогу. Она

сзади так же опасна, как и спереди. Взгляни сам.

И Чарли махнул на хвост, вдоль которого бежал частокол длинных цвета бронзы шипов.

Пятеро служителей из команды Чарли поднесли в огромном решете на одеяле несколько крупных гранитно-серых яиц и осторожно поставили его под самым боком драконихи. У Хагрида из груди исторгся вожделенный вопль.

— Они все у меня сосчитаны, — жестко сказал Чарли и прибавил: — А как там Гарри?

— Прекрасно. — Хагрид все еще пожирал глазами драконьи яйца.

— Надеюсь, после встречи с этой командой он будет в том же самочувствии, — мрачно проговорил Чарли. — Я не решился рассказать матушке, что Гарри ждет в первом туре. Она и так только что не расплакалась. «Как они могли включить его в этот Турнир! Он еще совсем маленький! Я думала, в школе он в безопасности. Думала, возрастное ограничение будет соблюдено», — передразнил он голос миссис Уизли. — Она обливалась слезами, когда читала эту статью в «Пророке». «Он все еще плачет по своим родителям, бедняжка. Я этого не знала!»

С Гарри было достаточно. В обществе четырех драконов и мадам Максим Хагрид его не хватит-

ся. Он неслышно развернулся и побежал вдоль опушки к замку.

Теперь ясно, что ему предстоит. К лучшему или нет, что он узнал про драконов? Наверное, все-таки к лучшему. Во всяком случае, первая волна страха схлынула. А что с ним было бы, если бы во вторник он увидел этих драконов впервые? Да просто упал бы в обморок в присутствии всей школы. Может, еще все обойдется… он все-таки вооружен волшебной палочкой. Но что такое палочка против огромного, чешуйчатого, огнедышащего дракона, вооруженного острыми пиками? Всего-навсего тонюсенькая дудочка. Как пройти мимо него, да еще перед зрителями? Как?

До встречи с Сириусом у камина в гостиной оставалось четверть часа. Ему, как никогда, надо поговорить с кем-нибудь. Гарри побежал и неожиданно столкнулся с кем-то, упал навзничь, очки съехали в сторону, он едва успел плотнее завернуться в мантию, как чей-то голос совсем рядом воскликнул:

— Кто здесь?

Гарри замер и вгляделся в очертания волшебника. Того выдала бородка. Это был профессор Каркаров.

— Кто здесь? — опять повторил Каркаров, озираясь по сторонам. Гарри лежал не шелохнувшись. Прошла минута. Каркаров, видно, решил, что столкнулся с каким-то зверем, может, с собакой, потому что поглядел вниз. И, не заметив ничего подозрительного, крадучись, двинулся на голоса, к загону с драконами.

Гарри очень осторожно поднялся на ноги и опять пустился бегом к замку.

Нет никаких сомнений, что делает в лесу Каркаров в такую пору. Тайком покинул корабль, вдруг удастся узнать, что предстоит его чемпиону. Возможно, даже выследил Хагрида с мадам Максим, когда те шли вдоль кромки леса: их трудно не заметить. Осталось пойти на их голоса, и он тоже проникнет в тайну драконов. Значит, во вторник один только Седрик встретится с неизвестной опасностью.

Дойдя до замка, Гарри проскользнул в парадные двери и поднялся по мраморной лестнице. Он сильно запыхался, но хода не сбавил. До встречи у камина осталось всего пять минут… Полная Дама дремала на своем холсте.

— Чепуха! — крикнул он.

— Верно, — сонно буркнула, не разлепляя глаз, Дама и пустила Гарри в гостиную. Там было пусто,

ничем недозволенным не пахло. Значит, удалось обойтись без навозной бомбы.

Гарри скинул мантию-невидимку и рухнул в кресло рядом с камином. В гостиной царил полумрак, освещало ее только пламя. На одном из столов — россыпь значков в поддержку Седрика переливалась зелеными отблесками. На них горели буквы «Настоящий Поттер смердяк» — так кончились добрые намерения братьев Криви. Гарри перевел взгляд на камин и чуть не упал с кресла.

В камине среди языков пламени торчала голова Сириуса. Хорошо, Гарри видел подобное на кухне Уизли: там в огне очага торчала голова мистера Диггори, не то перепугался бы до смерти. А так его лицо впервые за несколько дней озарила улыбка. Гарри вскочил с кресла и присел на корточки у камина.

— Ну как ты, Сириус?

Сириус очень изменился. Когда они прощались, лицо было худое, изможденное, на лоб и плечи падали спутанные черные космы. Теперь волосы коротко стриженные, чистые, лицо округлилось, помолодело. Он стал походить на единственную фотографию, которая была у Гарри: Сириус на свадьбе Поттеров.

— Про меня не будем, как ты?

— Я… — Гарри хотел было сказать «хорошо», но не смог. Его как прорвало. Он говорил обо всем: никто не верит, что он не по собственной прихоти стал участником Турнира; Рита Скитер наплела о нем с три короба в «Пророке», и теперь, куда бы он ни пошел, его осыпают градом насмешек А главное, ему не поверил лучший друг. Позавидовал его славе. — И вот только что Хагрид показал мне драконов, наше задание во вторник. Это погибель, — в отчаянии закончил он.

Сириус с состраданием смотрел на Гарри. Глаза у него все еще не утратили мертвого, загнанного выражения, подаренного Азкабаном. Дав крестнику выговориться до конца, он начал:

— С драконами справиться просто, объясню через минуту. У меня совсем мало времени. Я проник в дом незнакомых волшебников, воспользовался их камином, но хозяева могут вернуться в любую минуту. А надо кое о чем предупредить тебя.

— Предупредить? — Душа у Гарри ушла в пятки. Что может быть страшнее драконов!

— Каркаров был Пожиратель смерти. Ты ведь знаешь, что это такое?

— Кто? Каркаров?

— Он сидел со мной в Азкабане, но его выпустили. Даю голову на отсечение, Дамблдор потому и пригласил в этом году в Хогвартс Мракоборца Грюма, чтобы он глаз с него не спускал. Грюм раскрыл Каркарова. И того отправили в Азкабан.

— А потом что, выпустили? — медленно проговорил Гарри; казалось, его мозг не справляется с потоком информации. — Почему?

— Он пошел на сделку с Министерством магии. — Сириус нахмурился. — Сказал, что раскаивается. И готов назвать несколько имен. Многие оказались в Азкабане по его милости. Там его ненавидят, я это знаю. С тех пор он преподает в Дурмстранге, учит своих учеников темным искусствам. Так что будь осторожен с его чемпионом.

— Буду… Так ты думаешь, это Каркаров бросил мое имя в Кубок? Но тогда он классный актер. Он взбеленился, услыхав, что будет четвертый участник. Требовал, чтобы еще раз зажгли Кубок.

— Да, его актерский талант известен. Удалось же ему убедить Министерство в искреннем раскаянии. И еще, все это время я внимательно следил за публикациями в «Пророке».

— Не только ты, но и весь волшебный мир, — тяжело вздохнул Гарри.

— Читая в прошлом месяце статью этой Скитер,

я сквозь строчки узнал, что перед приездом в Хогвартс Грюм подвергся ночному нападению. Знаю, она пишет, это его очередной бред, — поспешно прибавил Сириус, видя, что Гарри хочет возразить. — Но я так не думаю. Кому-то нежелательно его присутствие в Хогвартсе, оно может мешать. Но никого это не насторожило: ведь Трюму всюду мерещатся происки врагов. Нет, ему не мерещится. Грюм был лучший мракоборец в Министерстве.

— Так ты думаешь, это Каркаров хочет меня убить? Но почему?

Сириус немного помедлил.

— До меня доходят тревожные слухи. В последнее время Пожиратели смерти очень оживились. Подтверждение этому — Чемпионат мира по квиддичу. кто-то послал в небо Черную Метку… И еще. Ты слышал об исчезновении одной ведьмы из Министерства?

— Берты Джоркинс?

— Да. Она пропала где-то в Албании. По слухам, именно там находится последнее убежище Волан-де-Морта. А ведь она знала, что готовится Турнир Трех Волшебников.

— Да, но вряд ли она вдруг взяла и отправилась прямо к Волан-де-Морту.

— Я хорошо знаю Берту. Мы учились в Хогвартсе примерно в одно время. Берта на несколько лет старше меня. Она круглая дура. Любопытная и безмозглая. Недурное сочетание, правда? Ее проще простого заманить в ловушку.

— Вот как Волан-де-Морт мог узнать про Турнир! Ты считаешь, Каркаров исполняет его приказ?

— Не знаю… Уж чего не знаю… Каркаров, похоже, человек, который мог бы снова перекинуться к Волан-де-Морту, но при одном условии: если у того опять будут сила и влия-ние. Но кто бы ни подложил в Кубок твое имя, у него были на то причины. По-моему, Турнир — самый подходящий способ уничтожить тебя и списать все на несчастный случай.

— Хороший план, — содрогнулся Гарри. — Драконы свое дело сделают, а убийцы окажутся ни при чем.

— Против драконов есть оружие. — Сириус говорил теперь очень быстро. — Усыпляющее заклятие не применяй. Драконы очень сильны, их волшебная мощь огромна. Одному волшебнику не справиться, нужно одновременное заклятие нескольких волшебников…

— Знаю. Видел собственными глазами.

— Но ты можешь справиться с драконом один. Есть простое заклятие. Все, что требуется…

Но Гарри взмахом руки остановил его. Сердце забилось так, словно хотело выскочить. С винтовой лестницы донеслись шаги.

— Уходи, — шепнул он Сириусу. — Сейчас же уходи.

кто-то сюда идет.

Гарри вскочил на ноги, загородив камин. Не дай бог, кто увидит голову Сириуса. Такой будет шум, допросы, где он сейчас…

Позади раздался легкий хлопок — Сириус исчез. Гарри смотрел на площадку винтовой лестницы. Кому приспичило разгуливать в час ночи? Из-за этого идиота Сириус не успел сказать, как пройти мимо дракона.

Им оказался Рон в своей клетчатой пижаме, из которой он давно вырос. Увидев в гостиной Гарри, Рон прирос к полу и огляделся.

— Ты с кем разговаривал? — спросил он.

— А тебе какое дело? Что ты по ночам бродишь!

— Я просто подумал, где ты… Ну, ладно, пойду спать.

— Ты шпионишь за мной! — крикнул Гарри. Он понимал, Рон не знает, что наделал, что не

хотел этого. Но какое это имело значение! Гарри закусил удила и ненавидел Рона всеми фибрами души — от рыжей макушки до голых лодыжек, торчащих из пижамных штанов.

— Прости, пожалуйста. — Лицо Рона залилось гневным румянцем. — Как это я не подумал, что тебе сейчас нельзя волноваться! Не буду больше мешать! Готовься к следующему интервью!

Гарри схватил со стола значок, над которым потрудились братья Криви, и запустил им в Рона. Значок угодил прямо в лоб и упал на пол.

— Это тебе на память! Надень его во вторник Глядишь, еще и шрам на лбу появится. Ты ведь о нем мечтаешь!

И Гарри пошел через гостиную к лестнице. Он ожидал, что бывший друг остановит его, с радостью получил бы тумака. Но Рон стоял и молчал в своей нелепой пижаме. Гарри промчался мимо него, бросился в спальне на кровать и долго еще полыхал от злости. Он не слыхал, когда Рон вернулся.

Глава 20

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

В воскресенье утром он одевался до странности рассеянно: пытался вместо носка натянуть на ногу шляпу. Наконец оделся, как надо, и поспешил искать Гермиону. Она вместе с Джинни завтракала в Большом зале. От запаха пищи Гарри стало мутить. Он подождал, пока Гермиона проглотит последнюю ложку каши, и позвал ее прогуляться вокруг озера.

Во время прогулки он рассказал ей о драконах, о том, что сказал ему Сириус. И закончил повествование, когда они делали второй круг.

Ее встревожило предупреждение Сириуса остерегаться Каркарова. Но драконы, по ее мнению, были куда опаснее.

— Давай сначала подумаем, как тебе остаться в живых до вечера вторника. А тогда вернемся к Каркарову.

Они шли уже третий круг, вспоминая, какое такое простое заклятие способно победить драконов. В голову ничего не шло, и они отправились в библиотеку. Гарри притащил целую груду книг о

драконах, и друзья принялись искать подходящее заклинание.

— Заклинание, отсекающее когти… Как превратить чешую в кожу… Нет, это для свихнутых вроде Хагрида, для которых дороже дракончиков никого нет. «Драконов победить очень трудно. Их толстую шкуру защищает древнее заклятие, которое могут отменить только очень сильные чары». А по словам Сириуса с драконом можно справиться с помощью очень простого заклятия.

— Давай посмотрим другие книги. — Гарри отодвинул в сторону «Людей, которые любят драконов». Принес еще одну стопку книг и стал просматривать.

Гермиона без устали тараторила у него над ухом:

— Отключающее заклятие… Зачем отключать дракона? Ведь ты же не хочешь заменить ему клыки на сахарные палочки. Беда в том, говорится в той книге, что их шкура непроницаема. Применить заклятие трансфигурации? Нет, с такими гигантами не пройдет. Даже профессор МакГонагалл не справилась бы. Может, тебя самого подвергнуть трансфигурации? Будешь намного сильнее. Но это заклятие очень сложное, мы его не проходили. Я про него знаю, потому что

уже пишу курсовую для СОВ.

— Гермиона, пожалуйста, помолчи хоть немного. Мне надо сосредоточиться, — взмолился Гарри.

Гермиона умолкла, но легче не стало. В голове стояло неотвязное жужжание, мешающее собраться с мыслями. Гарри безнадежно просматривал оглавление «Заклятий против проклятий»: «Мгновенное скальпирование», но у драконов нет шевелюры… «Перечные чары для дыхания» — а если у дракона пламя станет сильнее… «Как скрутить в рог язык» — прибавится еще оружие.

В библиотеке появился Виктор Крам. Мрачно взглянув на Гарри с Гермионой, он втянул голову в плечи, прошел мимо, сел в дальний угол, обложившись горой книг.

— Он опять здесь! Что ему у себя на корабле не сидится? — разозлилась Гермиона. — Пойдем, Гарри, отсюда. Позанимаемся лучше в гостиной. Сейчас сюда сбегутся поклонницы и начнут трещать.

И правда, стайка девчонок на цыпочках скользнула в библиотеку у одной вокруг пояса был повязан болгарский флаг.

* * *

Ночью Гарри почти не спал. А утром в понедельник всерьез подумал — первый раз за все время, — уж не сбежать ли ему из Хогвартса. Спустился в Большой зал, огляделся по сторонам… Расстаться с замком? И понял, что никуда не уйдет. Он нигде не был так счастлив. Может, только с родителями, в родном доме… Но то время Гарри не помнил.

Нет, лучше уж встретиться с драконами, чем вернуться на Тисовую улицу к Дадли. И Гарри слегка успокоился. С трудом дожевав бекон (кусок в рот не лез), он вышел из-за стола и увидел среди пуффендуйцев Седрика Диггори.

Седрик не знает про драконов. Он единственный выйдет на схватку не подготовленным. Маловероятно, что мадам Максим и Каркаров утаили от своих чемпионов задание первого тура.

Гермиона тоже поднялась, и они вместе поспешили в холл.

— Встретимся в оранжерее, Гермиона, — посмотрел вслед уходящему Седрику Гарри — ему только что пришла в голову одна мысль. — Иди, я тебя догоню.

— Ты опоздаешь. Сейчас прозвенит звонок.

— Я тебя догоню, ясно?

Гарри подошел к мраморной лестнице, Седрик был уже наверху, в окружении шестикурсниц. Эти девушки, завидев его, тотчас начинали цитировать статью Риты Скитер. Говорить с Седриком при них? Ну уж нет! Но Диггори спешит на урок заклинаний. И тут его осенило! Он остановился, вынул палочку и точно прицелился:

— *Диффиндо!*

Сумка Седрика лопнула. Из нее посыпались перья, учебники, пергамент, две чернильницы разбились вдребезги. Друзья кинулись ему на помощь.

— Не беспокойтесь, идите на урок. Скажите Флитвику что я немного опоздаю. — Седрик был явно расстроен.

Именно на это Гарри и рассчитывал. Он спрятал палочку в мантию, подождал, пока приятели Седрика скроются в классе, и подошел к нему.

— Привет. — Седрик поднял с пола залитый чернилами учебник «Продвинутый курс трансфигурации». — Сумка порвалась, а ведь совсем новая…

— Седрик, в первом туре будут драконы, — быстро произнес Гарри.

— Что? — чуть не подпрыгнул Седрик

— Драконы, — повторил Гарри и прибавил, боясь, что выйдет Флитвик узнать, что такое стряслось с Седриком. — Их четыре. По штуке на каждого. Нам надо будет пройти мимо них.

Седрик взглянул на него. В серых глазах читался испуг, какой испытал Гарри субботней ночью.

— Ты уверен? — прошептал Седрик.

— Абсолютно. Сам видел.

— Как ты узнал? Это ведь не положено.

— Неважно. — Гарри не мог сказать правду. Не хотел Хагриду неприятностей. — Знаю не только я, но и Флер с Крамом.

Седрик выпрямился, в руках чернильницы, перья, книги. Через плечо висит рваная сумка. Он удивленно, чуть не с подозрением глядел на Гарри.

— Почему ты рассказал мне?

Гарри недоуменно уставился на него. Такой вопрос никогда бы не пришел Седрику в голову, если бы он своими глазами увидел драконов. Внезапной встречи с такими чудищами Гарри не пожелал бы и заклятому врагу. Хотя, конечно, Малфою или Снеггу…

— Но это же справедливо. Теперь мы все в равных условиях.

Седрик все еще смотрел с легким подозрением. За спиной послышался знакомый стук деревяшки. Из соседнего класса вышел Грозный Глаз.

— Идем со мной, Поттер, — прохрипел он. — А ты, Диггори, поспеши на урок.

Гарри смотрел на Грюма с опаской. Неужели он все слышал?

— Простите, профессор, я… э-э… иду на травологию.

— Ничего страшного. Следуй за мной.

Гарри повиновался. что-то сейчас будет! Вдруг Грюм спросит, откуда ему известно про драконов? Скажет ли он Дамблдору про Хагрида? Или сразу же превратит его в суслика? «А что, суслику легче проскользнуть мимо дракона, — тупо подумал Гарри. — Он маленький, с высоты тридцати метров не разглядишь».

Вошли в класс. Грюм закрыл дверь и пристально посмотрел на него и волшебным и обычным глазом.

— Благородный поступок, Гарри, — сказал он спокойно.

Гарри не знал, что сказать, он ждал совсем других слов.

— Садись, — пригласил Грюм.

Гарри сел и осмотрелся. Он бывал здесь при

двух прежних учителях. Во времена профессора Локонса на стенах висели его портреты, сияя улыбкой и подмигивая. Когда тут обитал Люпин, вы бы непременно увидели какую-то новую занятную нечисть, припасенную для урока. А сейчас комната полна самых странных предметов. Все это, наверное, инструменты мракоборцев.

На столе стоял треснутый стеклянный волчок. Вредноскоп — сразу узнал Гарри, у него такой же, только гораздо меньше. В углу на небольшом столике золотой предмет, что-то вроде скрюченной телевизионной антенны, которая не переставая тихо гудела. На стене — зеркало не зеркало, комната в нем не отражалась, по его поверхности двигались расплывчатые фигуры.

— Нравятся мои распознаватели черной магии? — спросил Грюм.

— А это что? — показал Гарри на скрюченную золотую антенну.

— Детектор лжи. Начинает вибрировать, когда засечет ложь, тайный умысел. Здесь он не работает. Слишком много помех. Ученики то и дело говорят неправду, почему не сделали домашних уроков. С того дня, как я здесь, не умолкая гудит. А вредноскоп вообще пришлось отключить — свистит и свистит. Повышенная чувствительность,

ловит опасность на расстоянии мили. И конечно, распознает не только детские шалости.

— А зеркало для чего?

— Это Проявитель Врагов. В нем сейчас затаились мои враги. Но пока вижу белки их глаз, беда не грозит. А как начнет грозить, тут-то я и открываю мой сундук.

Издав короткий хриплый смешок, он указал на вместительный сундук под окном. На нем семь отверстий для ключа. Интересно, что в сундуке…

— Так, значит, про драконов тебе известно? — Профессор вернул Гарри на землю.

Именно этого вопроса Гарри боялся. Он ничего не сказал Седрику, и Грюму не собирается выдавать Хагрида.

— Не волнуйся, Гарри. — Грюм сел, вытянул деревянную ногу с хриплым стоном. — Обман был всегда неотъемлемой частью Турнира Трех Волшебников.

— Я никого не обманывал, — ощетинился Гарри. — Так получилось… случайно…

Грюм усмехнулся.

— Я не обвиняю тебя, малыш. Я с самого начала говорил Дамблдору он-то сам человек благородный, мадам Максим и Каркарову палец в рот не клади. Они расскажут своим чемпионам все, что

узнают. Они жаждут победы. Хотят Дамблдора обставить, посмеяться над его наивностью.

Грюм опять усмехнулся с хрипотцой, магический глаз завращался так быстро, что у Гарри даже голова закружилась.

— Так… так ты уже знаешь, как справишься со своим драконом?

— Пока нет.

— Я не намерен тебе помогать, — жестко произнес Грюм. — Любимчиков у меня нет. Просто могу дать несколько полезных советов. Первый: используй свои сильные стороны.

— У меня нет никаких сильных сторон, — вырвалось у Гарри.

— Извини, — прохрипел Грюм, — они у тебя есть. Раз говорю — есть, значит, есть. Ну-ка подумай! Что тебе лучше всего дается?

Гарри задумался. Лучше всего? Ну, конечно…

— Квиддич, — выпалил он. — Чтоб только была хорошая поддержка…

— Верно. — Грюм буравил его волшебным глазом, который почти остановился. — Ты, я слыхал, потрясающе летаешь…

— Да, но… — Гарри смотрел на Грюма, вытаращив глаза, — метлу-то нельзя захватить. Только волшебную палочку…

— Второй самый общий совет, — перебил Грюм. — Используй доброе, простое заклинание и получишь то, что необходимо.

Гарри недоуменно глядел на Грюма. Что необходимо?

— Думай, мальчик, — прошептал Грюм. — Сложи два совета вместе. Не так уж это и трудно.

И Гарри осенило. Он прекрасно летает, для этого необходима метла. А чтобы заполучить метлу, нужно…

Спустя десять минут Гарри вбежал в оранжерею № 3, второпях извинился перед профессором Стебль и подошел к Гермионе.

— Гермиона, мне нужна твоя помощь. Гермиона обрезала верхушку дрожащей трясучки.

— А чем я все время занимаюсь, интересно? — прошептала она, с беспокойством глядя на Гарри.

— Гермиона, мне необходимо завтра к вечеру овладеть Манящими чарами.

И они приступили к тренировкам. Обедать не стали. Нашли пустой класс, где Гарри изо всех сил старался заставить лететь к нему через комнату различные предметы. Книги с перьями не подчинялись и на полпути падали на каменный пол…

— Сосредоточься, Гарри, сосредоточься…

— Только это и пытаюсь! — сердился Гарри. — Но почему-то у меня из головы не лезет чертов дракон в пятьдесят футов! Ладно, давай еще раз.

Он хотел сбежать с прорицания, но Гермиона ни в какую не согласилась пропускать нумерологию, и тренировки не получилось. Пришлось целый час терпеть профессора Трелони, которая пол-урока твердила о расположении Марса по отношению к Сатурну. Это означало, что людей, рожденных в июле, ждет ужасная, внезапная смерть.

— Смерть, ну и пусть! — не сдержался Гарри. — Только быстрая! Не хочу мучиться.

Рон, казалось, вот-вот прыснет от смеха. Впервые за последнее время он посмотрел прямо в глаза Гарри, но тот был так зол, что не глянул в ответ. Остаток урока Гарри пробовал палочкой притягивать под столом предметы. Опыт удался только с мухой. А может, она просто глупая, и его заслуги тут нет?

После обеда Гарри с Гермионой вернулись в пустой класс и, чтобы не столкнуться с учителями, надели мантию-невидимку. Тренировались до полуночи. Позанимались бы и подольше, но появился Пивз. Подумал, что Гарри нравится, когда в него бросают вещи, и начал швыряться

стульями. Пока шум не привлек Филча, друзья покинули класс и пошли в гриффиндорскую гостиную. Сейчас там никого не было.

В два часа ночи Гарри стоял, окруженный горой предметов — книгами, перьями, перевернутыми креслами, набором Плюй-камней и жабой Невилла, Тревором. Только в последний час он освоил Манящие чары.

— Гораздо лучше, Гарри. Молодец, — похвалила усталая, но довольная Гермиона.

— Теперь ясно, что делать, когда я не могу овладеть каким-то заклинанием. — С этими словами Гарри кинул Гермионе словарь рун, чтобы повторить упражнение. — Напугать меня драконом. Ну…

Он поднял палочку еще раз:

— *Акцио словарь!*

Тяжелая книга выпорхнула из руки Гермионы, пролетела через комнату, и Гарри схватил ее.

— Гарри, ты и вправду научился! — Гермиона была в восторге.

— Лишь бы завтра сработало, — сказал Гарри. — «Молния» полетит с более дальнего расстояния, чем эти штуки, она в замке, а я буду на улице.

— Неважно, — твердо произнесла Гермиона. — Просто как следует сосредоточься, и все у тебя

получится. Нам уже спать пора. Завтра рано вставать.

Гарри так старательно тренировал чары, что к вечеру страх немного отступил. Зато утром вернулся сполна. Вся школа гудела и волновалась. Уроки закончились в полдень, чтобы, не торопясь, дойти до загона. Что они там увидят, они, конечно, еще не знали.

Гарри чувствовал странную отстраненность. Ни на доброе слово, ни на насмешки («Поттер, захвати с собой пачку бумажных платков!») внимания не обращал. Не до того. Нервное напряжение было так сильно, что он даже подумывал, не махнуть ли рукой и малодушно послать всех подальше, когда придет время идти к драконам?

Время как с ума сошло, мчалось семимильными шагами. Только что сидел на первом уроке — истории магии, а уже обед… («Утро, куда делось утро? До встречи с драконом остался всего час».) Профессор МакГонагалл быстрым шагом подошла к нему. Все, кто был в Большом зале, смотрели на них.

— Поттер, чемпионы уже ушли. Пора готовиться к первому туру.

— Иду. — Гарри поднялся — вилка со звоном упала на тарелку.

— Удачи тебе, Гарри! — шепнула Гермиона.

— Угу, — буркнул он, не узнав собственный голос. Вместе с профессором МакГонагалл покинули зал. Ей тоже было не по себе. Лицо встревоженное, как у Гермионы. Сошли по каменным ступеням, вышли в холодный ноябрьский полдень, МакГонагалл опустила руку ему на плечо.

— Не бойся, — сказала она. — Держись молодцом. На случай осложнений дежурят волшебники… Главное, сделай все, что можешь, плохого о тебе не подумают… Ты как, в порядке?

— Да, конечно.

Пошли к драконам опушкой леса. У купы деревьев, за которыми находился загон, поставили палатку, загородившую монстров. Остановились у входа.

— Войдешь сюда к другим чемпионам, — явно дрожащим голосом сказала профессор МакГонагалл. — Будешь ждать своей очереди. Там мистер Бэгмен. Он объяснит вам, что делать… Счастливо тебе.

— Спасибо, — безучастно произнес Гарри. Профессор удалилась, и Гарри вошел внутрь.

В углу на низком деревянном стуле сидела Флер Делакур. Бледная, на лбу капельки пота. Куда делся обычный самоуверенный вид! Виктор Крам

еще сильнее хмурится — похоже, нервничает. Седрик ходит из угла в угол. Увидев Гарри, слегка улыбнулся, Гарри ответил тем же, с трудом двигая мышцами лица, которые точно одеревенели.

— Привет, Гарри! — радостно воскликнул Бэгмен. — Входи, входи! Чувствуй себя как дома!

Бэгмен был одет в старую мантию с черно-желтыми, как у осы, полосками. Толстый, веселый, он выглядел карикатурой в окружении бледных, напряженных чемпионов.

— Итак, все в сборе. И я сейчас сообщу вам, что делать! — бодро заявил Бэгмен. — Когда зрители соберутся, я открою вот эту сумку. — Он поднял небольшой мешочек из красного шелка и потряс им. — В ней копии тех, с кем вам предстоит сразиться. Все они разные. Каждый по очереди опустит руку и достанет, кого ему послала судьба. Ваша задача — завладеть золотым яйцом.

Гарри огляделся. Седрик кивнул, дав понять, что понял, о чем речь, и вновь принялся ходить по палатке. Флер и Крам не шевельнулись. Может, в обморок боятся упасть? Гарри был близок к этому. Но в отличие от него они-то здесь по собственной воле…

Очень скоро послышался топот множества ног. Зрители шли, шутя, смеясь, возбужденно перего-

вариваясь… Они казались Гарри гостями с другой планеты. Тем временем Бэгмен развязывал шелковый мешочек.

— Леди, прошу вас, — объявил он, предлагая мешочек Флер.

Она опустила внутрь руку и вынула крошечную точную модель валлийского зеленого с биркой номер два на шее. Флер не выказала ни малейшего удивления, скорее осознанную обреченность. Да, Гарри прав: мадам Максим ей все про драконов рассказала.

Вторым выбирал Крам. Ему выпал китайский огненный, шар с номером три. Крам не моргнул и глазом, просто смотрел под ноги.

Седрик вытащил сине-серого шведского тупорылого под номером один. И Гарри понял, что его ожидает. Он сунул руку в мешочек — венгерская хвосторога, номер четыре. Гарри взглянул на драконихи — та растопырила крылья и оскалила крошечные клыки.

— Ну вот! — сказал Бэгмен. — С этими драконами вам предстоит встретиться. На шее у дракона номер очереди. Все ясно? Тогда вынужден вас оставить, я сегодня еще и комментатор. Мистер Диггори, по свистку первый войдете в загон, ясно? Гарри, можно тебя на два слова?

— Э-э… — протянул Гарри и вышел из палатки вслед за Бэгменом.

Тот отошел за деревья и обратился к нему с отеческой заботой в голосе:

— Как ты, Гарри? Могу я чем-то тебе помочь?

— Что? — не сразу понял Гарри. — Нет. Ничем.

— У тебя есть план действий? — Бэгмен заговорщически понизил голос. — Я хотел бы подкинуть тебе пару советов. — Бэгмен понизил голос почти до шепота. — Ты младше всех, Гарри, я бы помог тебе, если, конечно…

— Ни в коем случае, — перебил Гарри и, чтобы смягчить свою грубость, добавил: — Благодарю, я уже знаю, что делать.

— Никто не узнает, Гарри, — подмигнул Бэгмен.

— Нет. Я чувствую себя прекрасно, — ответил Гарри, а про себя подумал: «Ничего себе прекрасно, хуже не бывает». — У меня есть план действий.

Прозвучал свисток.

— Боже! Мне пора бежать! — спохватился Бэгмен и поспешил прочь.

Гарри вернулся в палатку, ему навстречу вышел еще сильнее побледневший Седрик. Гарри хотел пожелать ему удачи, но лишь прохрипел

что-то невразумительное.

Гарри, Флер и Крам услышали, как снаружи взревели зрители. Значит, Седрик уже в загоне лицом к лицу с живой копией своего дракончика.

Это еще хуже, чем Гарри представлял, — сиди вот так и слушай. Каждую попытку Седрика подойти к шведскому тупорылому зрители встречали воем, криками и улюлюканьем. Крам по-прежнему сидел, глядя в пол. Флер, как ранее Седрик, расхаживала по палатке. А от комментариев Бэгмена недолго и с ума сойти.

— Ну! Еще чуть-чуть… мимо!!! Он идет на риск! Давай же!!! Эх! Умный ход — жаль, не сработал!

Спустя пятнадцать минут оглушительный рев возвестил, что Седрик перехитрил дракона и схватил золотое яйцо.

— Превосходно! — кричал Бэгмен. — Молодец! А сейчас оценки судей!

Но результат не назвал. Наверное, судьи показали оценки только трибунам. Вновь раздался свисток.

— Осталось трое! — провозгласил Бэгмен. — Мисс Делакур, прошу!

Флер дрожала с головы до ног, у Гарри даже шевельнулось внутри сострадание. Она покинула

палатку с высоко поднятой головой, сжимая в руке палочку. Гарри и Крам остались вдвоем, сидели в разных углах, избегая взгляда друг друга.

Все началось сначала.

— Не уверен, что это мудрая тактика! — доносился веселый комментарий Бэгмена. — Близко!!! Совсем близко!!! Ну, как так можно?! Внимательней надо! Черт!!! Думал, сейчас схватит!

Три минуты, и опять взрыв аплодисментов. Значит, Флер тоже справилась. Показывают оценки, тишина… очередная овация… и третий свисток.

— Мистер Крам, ваш выход! — объявил Бэгмен.

Крам, ссутулясь, вышел, и Гарри остался один.

Никогда он не был в таком напряжении: сердце колотится, пальцы дрожат от страха, и как будто никакой палатки нет — видит и зрителей, и единоборство с драконом.

— Вот это дерзость!!! Здорово!!! — кричал Бэгмен. Крики его заглушил жуткий рык китайского огненного шара, трибуны стихли. — Ну и нервы! Не человек, а машина! Да!!! Он схватил яйцо!!!

Аплодисменты сотрясли морозный воздух, как будто разбилось огромное зеркало. Крам завершил раунд, настала очередь Гарри.

Гарри поднялся на ватных ногах, смутно осо-

знавая происходящее. Он ждал. Вот и свисток. Гарри вышел из палатки, чувствуя, как страх накалился в нем добела. Он брел мимо деревьев, брел, брел и, наконец, загон.

Все предстало перед ним как в цветном сне. В последние дни с помощью волшебства воздвигли трибуны. С них на Гарри смотрели сотни лиц. В другом конце загона, как огромная курица на яйцах, восседала хвосторога. Крылья полураскрыты, свирепые желтые глазки уставились на злоумышленника. Громадный чешуйчатый хвост, как у ящера, и весь в пиках, бьет по промерзлой земле, оставляя глубокие, метровой длины следы. Зрители шумят невообразимо. Болеют они за него или нет? Какая разница! Пришла пора действовать… Предельно сосредоточился… Это единственное спасение…

Он поднял палочку и крикнул:

— Акцио «Молния»!

И стал ждать. Всеми фибрами души надеясь, боясь… вдруг чары не сработают… вдруг она не явится… Казалось, Гарри смотрит на все сквозь мерцающее летнее марево. И загон, и люди вокруг колыхались, странно плыли…

Сработало! Он слышит, как мчит к нему его «Молния», со свистом рассекая воздух. Летит

вдоль опушки, уже в загоне, зависла позади него, ожидая наездника. Зрители зашумели сильней… Бэгмен что-то крикнул, но Гарри уже ничего не слышит… и зачем!

Перекинул ногу через метлу взлетел. И тут произошло чудо.

Гарри взмыл высоко вверх. Волосы развевались на ветру, лица зрителей стали как булавочные головки, хвосторога — не больше собаки. И Гарри понял: внизу осталась не только земля, но и страх… Он снова в своей стихии.

Просто еще один матч по квиддичу! Матч с очередным соперником — хвосторогой. Да, противник ужасен, но он ему по зубам.

Гарри глянул на кладку яиц, вон оно, золотое, блестит на фоне серых. Сохранности ради, все лежат между передних лап драконихи.

— Отлично, — скомандовал себе Гарри. — Тактика отвлечения… Вперед!

Спикировал. Голова хвосторога за ним. Гарри это предвидел и вовремя вышел из пике — там, где он был секунду назад, хлестнула огненная струя. Не привыкать, от бладжера уворачиваться не легче.

Зрители взревели.

— Вот это да!!! Ну и полет!!! — комментировал

Бэгмен, но Гарри его не слышал. — Видели, мистер Крам?!

Гарри взлетел выше, описал круг, хвосторога следила за ним, вращая головой на длинной шее. Сейчас довертишься, голова закружится… Но нельзя уповать на удачу, как бы опять огнем не стрельнула…

Хвосторога разинула пасть, а Гарри нырнул вниз. На сей раз повезло меньше. Избежал пламени, но драконихa махнула хвостом, Гарри ушел влево, длинный шип задел плечо и порвал мантию. Плечо как ужалили. Трибуны зашлись в беззвучном крике. Ничего, царапина неглубокая… Гарри развернулся, подлетел к хвостороге и стал кружить у нее над спиной. Кажется, то, что надо.

Хвосторога не взлетает, стережет яйца. Извивается, расправляет, сжимает крылья, держит Гарри под прицелом желтых, устрашающих глаз. Но отойти от яиц боится. А Гарри именно это нужно, иначе про яйцо можно забыть… Штука в том, чтобы осторожно, постепенно вынудить ее к этому.

Он летал то в одну сторону, то в другую, соблюдая расстояние — под драконий огонь попадать нельзя. Но надо и угрожать, пусть беспокоится.

Голова драконихи крутилась за ним, вертикальные зрачки наблюдали, клыки скалились.

Он взмыл выше. Шея у хвосторога удлинилась, голова поднялась, как у змеи по велению заклинателя.

Гарри взлетел еще метра на два, драконихa издала вопль отчаяния. Он муха, которую она жаждет прихлопнуть. Хвост ударил еще раз, но Гарри вне досягаемости. Стрельнула огнем, он увернулся… драконихa широко раскрыла пасть.

— Давай, давай, — дразнил Гарри, то приближаясь, то отлетая. — Я здесь. Схвати меня. Лови! Вот так…

И драконихa не выдержала, расправила черные крылья размером с небольшой самолет. Гарри среагировал мгновенно. Не успела драконихa понять, в чем дело, куда делся враг, а он уж стремглав мчался вниз к гнезду яиц, незащищенному когтистыми лапами. Оторвав руку от «Молнии», схватил золотое яйцо и на огромной скорости взмыл вверх.

Он пролетал над трибунами, держа в здоровой руке тяжелое яйцо. Казалось, кто-то включил звук. Впервые Гарри услышал шум зрителей. Они неистовствовали, как ирландские болельщики на Чемпионате мира.

— Нет, вы только посмотрите! — кричал Бэгмен. — Самый юный чемпион быстрее всех завладел яйцом! У него есть все шансы на победу!

Гарри увидел, как стражи драконов кинулись укрощать хвосторогу, а у входа в загон уже спешили к нему профессор МакГонагалл, профессор Грюм и Хагрид. Они махали, подзывая его к себе. Даже издалека видны их улыбки. Пролетая над трибунами, Гарри едва не оглох — ну и шум! И плавно приземлился. Впервые за последние недели на сердце было легко. Он выдержал первый тур, выжил…

Гарри соскочил с «Молнии».

— Прекрасно, Поттер! — воскликнула профессор МакГонагалл. От нее это небывалая похвала. Дрожащей рукой она махнула на раненое плечо. — Пока судьи совещаются, идите к мадам Помфри… вон туда, она уже помогла Диггори.

— Ты сладил, Гарри! — басил Хагрид. — Сладил! Да с кем! С самой хвосторогой, а ты слыхал слова Чарли, что она самый…

— Спасибо, Хагрид! — громко крикнул Гарри. Не дай бог, лесничий проговорится, что показал драконов.

Профессор Грюм был тоже очень доволен, его

волшебный глаз как волчок вращался в глазнице.

— Просто и красиво, Поттер, — прохрипел он.

— Поттер, идите в палатку первой помощи, — повторила профессор МакГонагалл.

Так и не отдышавшись, Гарри вышел из загона. У входа в соседнюю палатку стояла разгневанная мадам Помфри.

— Драконы! — возмущалась она, таща Гарри внутрь. Палатку разделили на два отсека. Сквозь занавески проглядывала тень Седрика. Он уже сидел. Слава богу, значит, ранение не опасно. Мадам Помфри осмотрела у Гарри плечо, все время причитая:

— В прошлом году дементоры, в этом драконы! А на будущий год кого еще приведут?! Тебе очень повезло, рана неглубокая. Сейчас я ее обработаю и буду лечить.

Она промыла царапину ваткой, смоченной в красной жидкости. Тампон дымил и обжигал. Но мадам Помфри направила палочку на плечо, и боль как рукой сняло.

— Ну вот, минуту посиди спокойно, и можешь пойти узнать результат.

Она вышла, и ее голос донесся из-за перегородки:

— Диггори, как ты себя чувствуешь?

Гарри надоело сидеть. В крови все еще кипел адреналин. Хотел посмотреть, что происходит снаружи, но не успел — в палатку ворвалась Гермиона, за ней по пятам Рон.

— Гарри, ты был великолепен! — зазвенел голос Гермионы. Видно, она очень нервничала, на щеках — следы от ногтей. — Потрясающе, Гарри! Честное слово!

Но Гарри смотрел на Рона, который был очень бледен и таращился на Гарри, как на призрак.

— Гарри, — на редкость серьезно сказал он, — кто бы ни положил твое имя в Кубок, я понял: он хочет тебя убить!

Словно и не было этих последних недель. Как будто Гарри встретил Рона впервые после того, как его объявили чемпионом.

— Додумался? — холодно ответил он. — Долго же до тебя доходило.

Гермиона нервно переминалась, поглядывая то на одного, то на другого. Рон открыл рот, подыскивая слова. Гарри знал, что тот готов повиниться, но… разве это так важно?

— Все в порядке, Рон, — опередил он друга. — Забудем, и все.

— Нет, как я мог…

— Забудем! — повторил Гарри.

Рон нервно улыбнулся, и Гарри улыбнулся в ответ.

Гермиона расплакалась.

— Чего ты плачешь? — удивился Гарри.

— Какие же вы идиоты! — топнула она ногой, и слезы хлынули у нее из глаз. Обняла их, оттолкнула и убежала, давясь рыданиями.

— Во дает… — покачал головой Рон. — Пошли, Гарри. Сейчас результат объявят.

Еще час назад о таком счастье Гарри и мечтать не смел. Взяв золотое яйцо и «Молнию», он вышел из палатки. Рядом шагал Рон и быстро говорил:

— Ты был самый лучший! Седрик применил заклятие трансфигурации и превратил камень в собаку. Хотел отвлечь на нее внимание дракона. Хорошая идея и почти сработала: яйцо-то он схватил, но дракон в последний момент предпочел собаке человека и обжег его. К счастью, Диггори успел увернуться. Эта Флер применила какие-то чары, сумела погрузить дракона в транс. Он оцепенел, но вдруг всхрапнул, и из пасти вырвалось пламя. Юбка Флер вспыхнула, но она залила огонь водой из волшебной палочки. Крам, не поверишь, ему даже в голову не пришло взлететь! Но, наверное, он второе место займет. Он

каким-то заклятием засветил дракону прямо в глаз. Все было хорошо, только чудище заметалось от боли и передавило половину настоящих яиц. Краму из-за этого и снизили баллы.

Они подошли к краю загона, и Рон перевел дыхание. Хвосторогу увели, и Гарри увидел пятерых судей. Они восседали в дальнем конце, на вышке, задрапированной золотой тканью.

— Судьи оценивают чемпионов по десятибалльной шкале, — пояснил Рон.

Гарри скосил глаза и увидел, как первая судья — мадам Максим — подняла в воздух палочку. Из нее выскочила длинная серебристая лента и нарисовала большую цифру восемь. Зрители зааплодировали.

— Неплохо! — сказал Рон. — Думаю, она сняла два очка из-за царапины.

Следующим был мистер Крауч. Он дал Гарри девять баллов.

— Здорово! — воскликнул Рон, похлопав Гарри по спине.

Дамблдор тоже очертил в воздухе девятку. Зрители ликовали еще пуще.

Людо Бэгмен поставил все десять.

— Десять? — не поверил Гарри. — Я же получил травму… К чему это он?

— Не жалуйся, Гарри, — восторженно крикнул Рон.

Каркаров был последним. Помедлив, он взмахнул палочкой, и серебристая лента приняла очертания цифры четыре.

— Четверка?! — заорал Рон. — Гнусный судьишка! Краму все десять выставил!

Но Гарри только махнул рукой. Да пусть Каркаров хоть ноль ставит. Возмущение Рона стоит сотни очков. Конечно, он ему этого не сказал, но покидал Гарри загон в отличном настроении. Не только Рон, все гриффиндорцы приветствовали его. Да что говорить! Почти вся школа рукоплескала Гарри не меньше, чем Седрику… А на слизеринцев плевать, что бы они теперь ни придумали, он выдержит.

По дороге в школу их догнал Чарли Уизли.

— Вы с Крамом заняли первое место, Гарри! — сказал он. — Я побежал, надо послать маме сову. Я поклялся ей подробно все описать — это было что-то невероятное! Да, меня просили тебе передать, чтобы ты вернулся на несколько минут. Бэгмен хочет поговорить с чемпионами.

Рон обещал подождать, и Гарри вернулся в палатку. Теперь в ней витал дух гостеприимства. Гарри сравнил единоборство с хвосторогой и дол-

гое мучительное ожидание перед этим. Ничего общего, последнее в тысячу раз хуже.

Флер, Седрик и Крам вошли все вместе. У Седрика одна сторона лица была густо намазана оранжевой противоожоговой мазью.

— Молодец, Гарри, — улыбнулся он.

— И ты молодец, — улыбнулся Гарри в ответ.

— Вы все молодцы! — ворвался в палатку Людо Бэгмен, на седьмом небе от счастья, как будто лично отнял у драконихи яйцо. — Я хочу вкратце изложить дальнейшие планы. До второго тура почти три месяца. Он состоится двадцать четвертого февраля в девять тридцать утра. Но за это время вам будет о чем подумать. Взгляните на золотые яйца, которые у вас в руках, видите, они открываются… вот петельки. Внутри яйца ключ ко второму заданию. Он поможет вам подготовиться. Все ясно? Уверены? Тогда отдыхайте!

Гарри вышел из палатки. Рон его ждал, и друзья, беседуя, зашагали к замку. Гарри хотелось подробнее узнать, как перехитрили драконов другие чемпионы. Купа деревьев, за которой Гарри впервые услышал драконий рык, осталась позади, и, откуда ни возьмись, выскочила ведьма в ядовито-зеленой мантии.

Это была Рита Скитер. На друзей нацелилось

Прытко Пишущее Перо.

— Поздравляю, Гарри! — сияя, сказала она. — Гарри, всего одно слово! Что ты чувствовал, оказавшись лицом к лицу с драконом? А результат ты считаешь справедливым?

— Отвечу одним словом, — жестко произнес Гарри. — До свидания!

И он вместе с Роном зашагал в замок.

Глава 21

ФРОНТ ОСВОБОЖДЕНИЯ РАБСКОГО ТРУДА

Вечером друзья отправились в совятник за Сычиком. Надо сообщить Сириусу, что Гарри справился с драконом. По пути он поведал Рону рассказ крестного о Каркарове. Рон был потрясен: директор Дурмстранга в прошлом Пожиратель смерти! Впрочем, этого стоило ожидать.

— Как это мы сразу не заподозрили? — заговорил он, раскинув умом. — Все сходится! Помнишь, Малфой в поезде говорил, что его отец когда-то дружил с Каркаровым? Теперь ясно, где они познакомились. И наверное, это они ходили в масках на Кубке мира… Если это он подбросил твое имя в Кубок, он остался в дураках, верно? План-то его не удался, у тебя всего легкая царапина! Иди сюда, Сычик, я сам все сделаю.

Сычик пришел в восторг от предложенной ему чести. С радостным уханьем он кружил вокруг Гарри. Рон его поймал, и Гарри привязал письмо к лапке.

— Самое трудное позади, на других турах уж точно будет полегче, — говорил Рон, неся к окну

Сычика. — Знаешь что? Думаю, тебе по силам выиграть Турнир. Серьезно, Гарри.

Рон так говорит, чтобы загладить вину, но Гарри все равно приятно. А Гермиона прислонилась к стене и, сложив руки, хмуро посмотрела на Рона.

— Впереди два тура. Если в первом были драконы, представляете, что будет дальше?

— По-твоему, никаких надежд? — возмутился Рон. — Ты иногда ничем не отличаешься от профессора Трелони. Пророчишь одни беды.

Он выпустил Сычика в окно. Тот пикировал метра четыре, но справился и полетел. Ноша была нелегкая, столь длинных писем Гарри еще не писал. Он во всех подробностях рассказал про сражение с драконом, как вызвал метлу, увернулся от пламени, раздразнил хвосторогу и как завладел яйцом.

Когда Сычика поглотила тьма, Рон сказал:

— Ладно, потопали вниз. В твою честь, Гарри, устрой ли вечеринку. Фред с Джорджем натаскали из кухни уйму еды.

Их появление гостиная встретила единодушным воплем приветствия. Столы, каминная полка, все, что можно, заставлено кувшинами с тыквенным соком, сливочным пивом, горами

пирожных и другими лакомствами. Ли Джордан пускал влажные чудо-хлопушки доктора Фейерверкуса, и воздух заполнили разноцветные искры и звезды. Дин Томас, признанный художник, нарисовал несколько плакатов — Гарри на «Молнии» кружится над хвосторогой. Еще на двух — Седрик, с головой, объятой пламенем. Как раньше, сели все вместе.

Гарри взял еды: он порядком проголодался, ведь в последнее время кусок в горло не лез. Даже не верится в такое счастье — Рон рядом, первый тур позади, а до второго еще целых три месяца!

— Черт, тяжелое! — Ли Джордан взвесил на ладони золотое яйцо, оставленное Гарри на одном из столов. — Открой его, Гарри! Посмотрим-ка, что там внутри!

— Гарри должен сам отгадать загадку золотого яйца, — тут же вмешалась Гермиона. — Согласно правилам Турнира…

— Я должен был и про драконов ничего не знать, — шепнул ей Гарри так, чтобы никто не услышал. Гермиона виновато улыбнулась.

— Открой, Гарри! — несколько человек поддержало Ли.

Джордан протянул Гарри яйцо, опоясанное тоненьким желобком, Гарри открыл ногтями:

яйцо было полое и совершенно пустое. Комнату тут же прорезал жуткий, пронзительный вой. Гарри вспомнил — так играл на пиле оркестр привидений на юбилее Почти Безголового Ника.

— Закрой! — зажал уши Фред. Гарри захлопнул.

— Что это такое? — посмотрел на яйцо Симус Финниган. — Похоже на ведьму-банши. Может, тебе с одной из них предстоит сразиться?

— Словно кого-то пытают! — пролепетал побледневший Невилл, опрокинув на пол сосиски. — Наверное, к тебе применят заклятие Круциатус!

— Глупости, Невилл. Это противозаконно, — заявил Джордж — Они не посмеют использовать Круциатус на чемпионах. Этот звук, клянусь, точь-в-точь пение Перси! Гарри, не с ним ли тебе предстоит сразиться? Представляю, та еще сценка! Перси поет в душе, а Гарри терпит его рулады!

— Гермиона, не изволишь взять тартинку с джемом? — предложил Фред, протягивая тарелку.

Гермиона поглядела на Фреда подозрительно.

— Не бойся, — улыбнулся Фред. — Не колдовал я над ним. Вот сливочных помадок лучше остерегаться.

А Невилл как раз отправил в рот помадку. Услышав слова Фреда, он поперхнулся и выплюнул нежное сладкое кушанье.

— Шутка, не переживай, Невилл! — рассмеялся Фред.

Гермиона взяла тартинку и спросила:

— Фред, ты все это принес с кухни?

— А то, — просиял Фред и тоненько пропищал, изображая домашнего эльфа. — «Сэр! У нас есть для вас все! Все, все, все!». Чертовски услужливы. Скажи я, что у меня живот от голода подвело, жареного бы гуся точно отвалили!

— А как ты туда проник? — невинным голосом поинтересовалась Гермиона.

— Проще простого. Там есть картина, корзинка с фруктами, за ней потайная дверь. Пощекочи грушу, та хихикнет, и... — Фред остановился и вопросительно посмотрел на Гермиону. — А чего это тебя так интересует?

— Ничего, — быстро сказала Гермиона.

— Собираешься вывести их через эту дверь? Организовать забастовку? — хмыкнул Джордж. — Надоело возиться с дурацкими листовками и хочешь теперь подстрекать их к восстанию?

Кое-кто хихикнул, Гермиона промолчала.

— Пожалуйста, не читай домовикам лекции о

пользе одежды и зарплаты! Не расстраивай их! — воззвал к ней Фред. — Собьешь с толку бедняг, и они перестанут готовить!

Обстановку разрядил Невилл — превратился в здоровенного кенаря.

— Прости меня, Невилл! — перекрывая всеобщий хохот, крикнул Фред. — Мы именно помадки заколдовали!

Чары оказались мимолетные. Невилл недолго красовался в золотом оперении. Минута-другая, и он уже смеется вместе с другими.

— Канареечные помадки! — торжественно объявил Фред. — Наше с Джорджем изобретение! Семь сиклей порция — налетай!

Только в час ночи Гарри, Рон, Невилл, Симус и Дин отправились в спальню. Гарри поставил крошечную фигурку венгерской хвостороги на свою тумбочку. Дракончик зевнул, свернулся калачиком и закрыл глазки.

А Хагрид знал, что говорит, подумал Гарри, задергивая полог. И вправду милое создание, даже очень…

Начало декабря принесло в Хогвартс ветер с мокрым снегом. Зимой по замку гуляют сквозняки, но в школе есть камины, толстые стены защищают от холода. А каково гостям из Дурмстранга?

Их корабль качается на волнах, черные паруса рвутся в суровое небо, да и в карете Шармбатона, наверное, не слишком жарко. Хагрид, заметил Гарри, не оставляет коней мадам Максим без ячменного виски — конюшня постоянно источала винные пары. На уроке ухода за волшебными животными весь класс был слегка навеселе. Это мешало. Они все еще работали с соплохвостами, и ясная голова была им очень нужна.

На ближайшем уроке Хагрид вывел их в огород к тыквенным грядкам. Было ветрено, все изрядно продрогли.

— Не очень ясно, впадают ли они в спячку, — сказал он. — Поместим их вот в эти ящики и поглядим, берет их зимой дрема или не берет.

Соплохвостов осталось всего десять: страсть убивать друг друга прогулками не отшибло. Длина их приблизилась к трем метрам. Толстая стальная броня, мощные чешуйчатые лапы, огнедышащие сопла, жала и присоски — таких уродов Гарри никогда не видел. Хагрид принес ящики, выложенные пуховыми одеялами и подушками, и класс в унынии уставился на них.

— Запустим их в ящики, — объяснял Хагрид. — Закроем крышками и глянем, что будет.

Соплохвосты и не думали впадать в спячку. В

уютные ящики их загнали силой, крышки прибили гвоздями. Такой заботы соплы не оценили. Разнесли ящики, выскочили и давай носиться по тыквенным грядкам, усеянным дымящимися обломками дощечек.

— Не бойтесь! Не бойтесь! — кричал лесничий. Большинство, возглавляемое Малфоем, Крэббом и Гойлом, спрятались в хижине Хагрида и забаррикадировали заднюю дверь. Гарри, Рон, Гермиона и еще человек пять поспешили на подмогу Хагриду. Ценой ран и ожогов скрутили девятерых соплохвостов. Остался один. Изогнув над головой подрагивающий хвост с соплом, он угрожающе надвигался на них. Гарри с Роном направили на него волшебные палочки.

— Не пугайте его! Не пугайте! — молил Хагрид. — Накиньте на хвост веревку, не то он других зверушек поранит!

Но Рон с Гарри, прижавшись к стене хижины, продолжали искрами отражать атаку соплохвоста.

— Его напугаешь! — крикнул Рон.

— Ну и ну! Смешной эту сцену не назовешь!

За смертельным номером, опершись на изгородь, наблюдала вездесущая Рита Скитер. Сегодня на Рите был теплый малиновый плащ с ворот-

ником из лилового меха, крокодиловая сумочка, как всегда перекинута через плечо.

Хагрид прыгнул вперед и телом накрыл нападающего соплохвоста. Из хвоста зверя вырвалась струя огня, испепелив растущие рядом тыквы.

— Вы кто? — спросил Хагрид, набросив на хвост с соплом веревку и затянув петлю.

— Рита Скитер. Репортер из «Пророка», — улыбнулась, сверкнув золотыми зубами, ведьма.

— Так ведь Дамблдор сказал, что вам… э-э… запретили здесь появляться. — Хагрид нахмурился, спрыгнул со слегка помятого соплохвоста и потащил его к собратьям.

Рита сделала вид, что не слышит.

— Как называются эти восхитительные существа? — еще шире улыбнулась она.

— Жгучие соплохвосты, — ответил Хагрид.

— Неужели? — проявила живейший интерес Рита. — Никогда о них не слышала. Откуда они?

Гарри заметил, как сквозь щетину лесника проступила краска. Действительно, где их раскопал Хагрид? Гермиона подумала о том же и быстро сказала:

— Правда, они очень интересные, Гарри?

— Что? Да, да. Очень интересные, — согласился он: Гермиона наступила ему на ногу.

— Гарри! И ты здесь! — повернулась к нему Рита. — Тебе нравится уход за магическими существами? Это твой любимый предмет?

— Да, — твердо произнес Гарри. Хагрид взглядом поблагодарил его.

— Мило. Очень мило. Давно преподаете? — обратилась она к Хагриду.

Рита окинула глазами Дина с исцарапанной щекой. Лаванду и ее прожженную мантию, Симуса, который дул на пальцы, и обратила взор к окну хижины. В хижину набился чуть ли не весь класс. Мальчишки прижались носом к стеклу, ожидая завершения битвы.

— Второй год, — произнес Хагрид.

— Мило… Думаю, вы не против интервью? Поделитесь опытом обращения с волшебными существами? Вы, наверное, знаете, в «Пророке» по средам выходит зоологическая колонка. Мы бы написали про этих… соплехвостов.

— Соплохвостов! — горячо поправил Хагрид. — Да… почему бы и нет?

Тяжелое предчувствие сжало сердце Гарри. Но как предупредить Хагрида втайне от Риты? Никак! Стой и смотри, как они договариваются о неторопливом обстоятельном интервью через неделю в «Трех метлах». В замке прозвенел зво-

нок с урока, пора идти в Хогвартс.

— Пока, Гарри! — жизнерадостно крикнула вслед Рита Скитер. — Хагрид, встречаемся в пятницу вечером!

— Она все его слова переврет, — тяжело вздохнул Гарри.

— Если только он не ввез соплохвостов незаконно. — Троица переглянулась: это вполне в духе Хагрида.

— Хагрид бывал и не в таких передрягах, Дамблдор никогда его не уволит, — успокоил друзей Рон. — Худшее, что случится — Хагрид расстанется с соплохвостами. Что я говорю! Худшее? Да это самое лучшее!

Гарри с Гермионой рассмеялись, на душе стало легче, и друзья поспешили обедать.

Зато на прорицаниях Гарри повеселился вовсю; они все еще чертили звездные карты и делали по ним предсказания. Но теперь друг опять рядом и все видится совсем в другом свете. До ссоры профессор Трелони была очень довольна ими — они так лихо предсказывали себе мучительную смерть. Сегодня же они то и дело прыскали, слушая о проделках Плутона, портящего людям жизнь. И витавшая в небесах профессор Трелони начала раздражаться.

— Я думаю, — говорила Трелони замогильным голосом, — кто-то вел бы себя не столь легкомысленно, если бы узрел то же, что я прошлой ночью в магическом кристалле. Вчера вечером я сидела, погруженная в рукоделие, как вдруг ощутила внезапный порыв. Я встала, села перед шаром и устремила взор в его кристальные глубины. И увидела, что кто-то на меня глядит. Как, по-вашему, кто?

— Старая безобразная мышь в огромных очках? — закатив глаза, прошептал Рон.

Гарри изо всех сил пытался сохранить серьезную мину.

— Смерть, дорогие мои, смерть…

Парвати и Лаванда в ужасе прижали ладони ко рту.

— Да, — выразительно кивнула профессор Трелони. — Она кружила над замком, спускалась все ниже, ниже… Как хищная птица…

Трелони в упор взглянула на Гарри; тот, не скрывая, зевнул во весь рот…

Урок закончился, и Гарри с Роном, спустившись по веревочной лестнице, с наслаждением вобрали в легкие свежий воздух.

— В сотый раз узрела мою смерть! Да если бы я умирал каждый раз после ее предсказания, я был

бы уже медицинским чудом.

— Чем-то вроде привидения повышенной плотности, — со смехом добавил Рон. Мимо них прошествовал Кровавый Барон, его широко раскрытые глаза зловеще сверкнули. — Слава Богу домашнее задание сегодня не надо делать. Хорошо бы Гермионе Вектор дала гору заданий. Люблю бездельничать, когда она работает.

Но Гермиона не пришла ужинать, в библиотеке ее тоже не оказалось. Там был только Виктор Крам. Рон слонялся вдоль книжных полок, поглядывая на Крама и шепотом советуясь с Гарри, не попросить ли у него автограф. У соседних полок несколько девушек были озабочены тем же. И у Рона мигом пропал интерес. Из библиотеки пошли обратно в башню.

— Куда же она подевалась? — недоумевал Рон.

— Не знаю. — Гарри пожал плечами и прибавил: — «Чепуха!»

Едва Полная Дама стала вращаться, сзади послышались частые шаги.

— Гарри! — позвала Гермиона, остановившись на всем ходу: у Полной Дамы брови поползли вверх. — Гарри, пойдем со мной! Быстрее, ты просто обязан туда пойти! Случилось что-то невероятное! Пожалуйста, идем!

Гермиона схватила его за руку и потащила в коридор.

— Да что случилось? — спросил Гарри.

— Идем, я тебе покажу такое! Скорее!

Гарри посмотрел на Рона, тот был явно заинтересован.

— Ладно, идем. — Гарри ступил в коридор за Гермионой. Рон поспешил следом.

— Вы про меня забыли! — возмутилась Полная Дама. — Не принесли извинений за беспокойство! Мне что, теперь так и стоять, раскрыв проход, пока не вернетесь?

— Спасибо, — бросил Рон через плечо.

Миновав семь этажей, по мраморной лестнице спустились в холл.

— Гермиона, куда мы идем? — спросил Гарри.

— Минута, и сами увидите! — последовал возбужденный ответ.

Сойдя с последней ступеньки, она ринулась в дверь, где исчез Седрик Диггори в тот вечер, когда Кубок выбросил их имена. Гарри никогда здесь не был. Ступеньки кончались в подземном коридоре, но не мрачном, вроде того, что вел к Снеггу, а широком, ярко освещенном факелами. Стены украшали веселые картинки с едой.

— Постой, — сказал Гарри в середине коридо-

ра, — подожди-ка секунду.

— Что? — Она взглянула на него глазами, полными предвкушения.

— Ну, теперь мне все ясно.

Он толкнул Рона и показал на картину за Гермионой. На огромном серебряном блюде красовались фрукты.

— Гермиона! — всплеснул руками Рон. — Ты опять хочешь втянуть нас в это ГАВНЭ!

— Нет, нет! Что ты! — поспешно возразила Гермиона. — И это никакое не ГАВНЭ, Рон…

— Ага, переименовала небось? — прищурился Рон. — Как мы теперь зовемся? Фронт Освобождения Рабского Труда? С меня хватит! Не пойду на кухню. Пусть работают…

— Мы не для этого туда идем! — нетерпеливо оборвала Гермиона. — Я только что была тут, поговорила с ними. И я встретила… Гарри, быстрее! Сейчас ты сам увидишь!

Она снова схватила Гарри за руку, подтащила к картине с фруктами и пощекотала указательным пальцем зеленую грушу. Та захихикала и вдруг превратилась в большую зеленую дверную ручку. Девочка дернула ее, дверь распахнулась, и Гермиона с силой толкнула Гарри в спину.

Влетев внутрь, Гарри огляделся. Очень высокий

потолок, а сама кухня такая же, как Большой зал. Вдоль каменных стен башни начищенных до блеска кастрюль и сковородок, в дальнем конце исполинский кирпичный очаг. Из недр кухни к Гарри с визгом подкатило маленькое существо.

— Сэр Гарри Поттер! Сэр Гарри Поттер!

У Гарри перехватило дыхание — пищащий эльф ударил его под ребра и крепко обнял, чуть не поломав кости.

— Добби?! — воскликнул Гарри, придя в себя.

— Да, да! Добби, сэр! Это Добби! — верещал голосок на уровне его пояса. — Добби так мечтал, так надеялся увидеть сэра Гарри Поттера, и сэр Гарри Поттер пришел к нему в гости!

Добби отпустил его и отступил назад. Зеленые большущие, как теннисный мяч, глаза от радости подернулись слезами. Он почти не изменился; острый, как карандаш, нос, уши словно у летучей мыши, длинные пальцы и ступни. Вот только одежда совсем другая.

Живя у Малфоев, Добби ходил в старой-престарой наволочке. Сейчас же домовик вырядился весьма странным образом. Нацепил бог знает что, почище волшебников на Чемпионате мира. На голове вместо шапки баба, которую сажают на чайник, к ней приколоты яркие значки; на

голой груди галстук с узором из подков; что-то вроде детских футбольных шорт и разномастные носки. Один из них, черный, Гарри снял когда-то со своей ноги и обманным путем заставил Малфоя швырнуть его Добби, чем и освободил эльфа. Другой носок — розовый в оранжевую полоску.

— Добби, что ты тут делаешь? — опешил Гарри.

— Добби пришел работать в Хогвартс, сэр! — выпалил Добби. — Профессор Дамблдор дал Добби и Винки работу, сэр!

— Винки? — переспросил Гарри. — Она тоже здесь?

— Да, да, сэр! — Добби схватил Гарри за руку и потащил в глубь кухни между длинными деревянными столами. Их было четыре, каждый стоял точно под столами в Большом зале. Сейчас они пусты, ужин кончился, но, наверное, час назад ломились от блюд, доставляемых наверх через кухонный потолок.

Сотня маленьких эльфов выстроились вдоль стен кухни, гостеприимно кланяясь и приседая, когда Добби вел мимо них Гарри. На всех одинаковое одеяние — полотенце с гербом Хогвартса, повязанное в виде тоги, так была когда-то одета Винки.

— Винки, сэр! — произнес Добби, остановившись у кирпичного очага.

Винки сидела на табуретке у очага. В отличие от Добби, одета она была просто. Короткая юбка и блузка в тон синей шляпе с прорезями для ушей. В отличие от Добби, в чудаковатом, но чистом, аккуратном и с иголочки новом наряде, Винки явно не заботилась о своей одежде. Блузка в пятнах супа, на юбке прожжена дырка.

— Привет, Винки! — поздоровался Гарри.

Винки задрожала, и слезы фонтаном брызнули из ее огромных карих глаз, залив блузку. Точно так же, как на Чемпионате мира по квиддичу.

Гермиона с Роном вслед за Гарри и Добби прошли в конец кухни.

— Винки, — молвила Гермиона, — Винки, дорогая, не плачь, пожалуйста…

Но та зарыдала еще сильней, Добби же обратил сияющий взор на Гарри.

— Не изволит ли Гарри Поттер чашку чая? — громко пискнул он, перекрывая плач Винки.

— Не отказался бы.

В мгновение ока позади Гарри запрыгали шесть домовиков, неся большой серебряный поднос с чайником, тремя чашками, а также молочником и блюдом, полным пирожных.

— Вот это обслуживание! — воскликнул Рон. Гермиона метнула на него гневный взгляд, но эльфы были явно счастливы. Низко поклонившись, они удалились, а Добби принялся разливать гостям чай.

— Давно ты здесь, Добби? — спросил Гарри, принимая чашку.

— Всего неделю, сэр Гарри Поттер! — лучезарно улыбнулся эльф. — Добби пришел к профессору Дамблдору, сэр. Вы не представляете, сэр, как тяжело домовому эльфу, которого уволили, найти новое место! Так трудно, сэр! Вправду, очень трудно!

При этих словах Винки взвыла еще громче. Ее нос походил на перезрелый помидор, блузка промокла насквозь, но она и не думала остановиться.

— В поисках работы, сэр, Добби два года бродяжничал по стране! — причитал бывший домовик Малфоев. — Но так и не нашел работу, сэр, потому что Добби требовал зарплату!

Эльфы слушали с живым интересом, а тут дружно отвернулись, словно Добби сказал что-то грубое и непристойное.

Гермиона похвалила домовика:

— Молодец, Добби! Никто не должен работать

бесплатно!

— Благодарю вас, мисс! — улыбнулся Добби. — Но волшебникам не нужны домовые эльфы, которые просят зарплату, мисс. Они говорили, это не пристало порядочным эльфам, и хлопали дверью перед носом Добби! Добби любит работать, но хочет носить наряды и получать деньги, сэр Гарри Поттер, за свой труд… Добби — свободолюбивый эльф!

Хогвартские домовики отпрянули от Добби, как от прокаженного. Только Винки осталась на месте, рыдая еще пуще.

— Однажды Добби нанес визит Винки и увидел, что она тоже свободна! — расцвел Добби.

Тут Винки бросилась с табуретки и, упав ничком на каменные плиты, заколотила по полу крошечными кулачками. Гермиона встала рядом с ней на колени и принялась успокаивать, но Винки была безутешна.

Ее истошные вопли заполнили кухню, и Добби продолжал повествование на пронзительной ноте.

— Добби пришла в голову мысль, сэр Гарри Поттер! Почему бы Добби и Винки вместе не поискать работу. А Винки спросила: «Разве есть где работа для двух домовиков?» И Добби стал

думать, и его осенило — Хогвартс! И Добби с Винки пришли к профессору Дамблдору, сэр, и профессор Дамблдор взял нас!

Добби весь искрился от восторга, на глазах выступили слезы счастья.

— Профессор Дамблдор сказал, ежели Добби хочет зарплату, он получит зарплату, сэр! И вот Добби — свободный эльф. Добби получает один галлеон в неделю и один выходной в месяц!

— Но это же крохи! — возмутилась Гермиона, наклонившись над Винки, которая все еще голосила и стучала кулачками.

— Профессор Дамблдор предложил Добби десять галлеонов в неделю и два выходных! — По тельцу домовика пробежала дрожь, словно такое богатство и праздность напугали его. — Но Добби отказался, мисс. Добби свободолюбивый эльф, но много денег ему не нужно, мисс. Добби просто любит трудиться!

— Винки, сколько платит тебе профессор Дамблдор? — ласково спросила Гермиона.

Она очень заблуждалась, думая, что этот вопрос улучшит настроение бедняжке. Винки перестала плакать, села, подняла на Гермиону огромные карие глаза, и ее мокрое лицо преисполнилось гневом.

— Да, Винки — запятнавший себя эльф! Но Винки зарплату не требует! — пропищала она. — Винки так низко не пала! Винки очень-очень стыдно быть свободной!

— Стыдно? — недоуменно переспросила Гермиона. — Винки, бог с тобой! Это мистеру Краучу должно быть стыдно, а не тебе! Ты не сделала ничего дурного! Он ведь ужасно к тебе относился!

Винки поднесла руки к прорезям в шляпе и плотно зажала уши.

— Вы оскорбить моего хозяина, мисс! Не надо обижать мистера Крауча! Мистер Крауч хороший волшебник, мисс! Мистер Крауч правильно поступил, уволив гадкую Винки!

— Винки никак не привыкнет к свободе, сэр Гарри Поттер, — шепнул Добби. — Винки забыла, что больше не зависит от мистера Крауча: может говорить все, что хочет. А она так и держит рот на замке.

— Значит, домовым эльфам нельзя высказывать мнение о своем хозяине? — спросил Гарри.

— Это другое, сэр Гарри Поттер, — неожиданно Добби стал серьезным. — Эльфы — рабы и потому не имеют права. Мы храним родовую честь хозяина, храним его тайны, сказать о хозяине дурное слово — ни-ни. А профессор Дамблдор говорит,

мы вправе…

Добби занервничал и поманил Гарри.

— Он сказал Добби: хочешь, можешь звать меня старым, глупым, смешным чудаком, сэр! — смущенно шепнул Добби и испуганно хихикнул. — Но Добби не хочет, Гарри Поттер, — снова запищал он, тряся головой и хлопая ушами. — Добби очень, очень сильно любит профессора Дамблдора, сэр, и с гордостью хранит его тайны.

— А про Малфоев теперь можешь говорить? — улыбнулся Гарри.

В больших глазах Добби мелькнул испуг.

— Добби… Добби может, — неуверенно протянул он и гордо расправил узкие плечи. — Добби скажет Гарри Поттеру. Его старые хозяева были… были… плохие, черные маги!

На какой-то миг Добби застыл, дрожа от собственной дерзости. Затем бросился к столу и что было сил забился об него головой, приговаривая:

— Добби плохой! Добби плохой!

Гарри схватил домовика за галстук и оттащил от стола.

— Благодарю, сэр Гарри Поттер, благодарю, — с придыханием проговорил Добби, потирая голову.

— Ты и сам еще не свыкся со свободой, — сказал

Гарри.

— Не свыкся! — гневно пискнула Винки. — Постыдись, Добби! Как ты смеешь говорить такое о своих хозяевах!

— Они больше мне не хозяева, Винки! — с вызовом произнес Добби. — Добби теперь не волнует, что они скажут!

— Ты плохой эльф, Добби! — простонала Винки, и слезы опять покатили из ее глаз. — Бедный мой мистер Крауч! Как он обходится без Винки? Ему очень трудно без меня, без моей помощи! Я всю свою жизнь ухаживать за Краучами, до меня моя мама ухаживать, до нее моя бабушка… Что бы они сказали, узнай о свободной Винки? Позор, какой позор! — Она спрятала лицо в юбку и опять зарыдала.

— Винки, — твердо произнесла Гермиона, — поверь мне, мистер Крауч прекрасно обходится без тебя. Мы недавно его видели…

— Вы видеть моего хозяина?! — ахнула Винки. Оторвав от юбки заплаканное лицо, она вытаращилась на Гермиону. — Здесь, в Хогвартсе?

— Да, — кивнула Гермиона. — Он и мистер Бэгмен — судьи Турнира Трех Волшебников.

— Мистер Бэгмен тоже приехать? — пискнула Винки и, к немалому удивлению Гарри с дру-

зьями, рассердилась. — Мистер Бэгмен плохой волшебник! Очень плохой волшебник! Мой хозяин его не любит! Совсем не любит!

— Бэгмен плохой? — удивился Гарри.

— Да, — подтвердила Винки, глаза ее возмущенно засверкали. — Мой хозяин такое рассказал Винки! Но Винки его не выдаст! Винки умеет хранить секреты! Бедный хозяин, бедный мой хозяин! Винки больше не может ему помочь! — снова зашлась в рыданиях Винки.

Ни одного разумного слова больше не удалось от нее добиться. Друзья оставили страдалицу и сели пить чай. Добби беспечно болтал о своей жизни свободного эльфа, о том, какую обновку хочет купить.

— Добби мечтает о свитере, Гарри Поттер! — радостно возвестил он, ткнув пальцем в голую грудь.

— Слушай, Добби, — предложил Рон, которому эльф очень понравился. — Я отдам тебе свой свитер. Мама связала его на Рождество. Она всегда мне их дарит. Тебе нравится коричневый цвет?

Добби просиял.

— Мы уменьшим его для тебя, — продолжал Рон. — Он очень подойдет к твоему головному убору.

Друзья собрались уходить, эльфы окружили их, предлагая с собой всякую еду. При виде того, как они кланяются и приседают, Гермиона со страдальческим лицом отказалась. А Гарри с Роном без зазрения совести набили карманы пирожками и пирожными.

— Большое спасибо! — крикнул Гарри эльфам, дружной толпой шедшим за ними до дверей. — Пока, Добби!

— Гарри Поттер, а Добби можно приходить повидаться с вами, сэр? — робко спросил свободный эльф.

— Конечно, Добби, приходи, — ответил Гарри, и Добби подпрыгнул от радости.

— Знаете что? — уже на лестнице сказал Рон. — Я все время поражался, как это Фред с Джорджем ухитряются красть столько еды? А выходит, проще простого. Домовики жаждут тебя засыпать вкусностями!

— Этим эльфам очень повезло, что теперь у них есть Добби, — заметила Гермиона, ведя друзей к мраморной лестнице. — Они своими глазами увидят, как хорошо живется свободному домовику, и мало-помалу до них дойдет, что и они тоже так могли бы!

— Осталось надеяться, что они не станут

слишком пристально присматриваться к Винки, — сказал Гарри.

— Она скоро перестанет плакать, — с некоторым сомнением произнесла Гермиона. — Шок пройдет, и Винки привыкнет к Хогвартсу. Без Крауча ей будет гораздо лучше.

— Но ведь она его любит, — проговорил Рон, жуя пирожное.

— Но почему ей не нравится Бэгмен? — спросил Гарри. — Интересно, что Крауч про него говорил?

— Наверное, что глава департамента из него неважный, — предположил Рон. — Но у Бэгмена хоть чувство юмора есть.

— Не скажи это при Перси, — улыбнулась Гермиона.

— Да уж, не скажу. Перси ни за что не стал бы работать с человеком, обладающим чувством юмора, — согласился Рон, принимаясь за шоколадный эклер. — Перси шуток вообще не понимает. Хоть спляши перед ним в одной шляпе Добби, все равно ноль внимания.

Глава 22

НЕОЖИДАННАЯ ЗАДАЧА

— Поттер! Уизли! Будьте добры, выслушайте объявление!

Возмущенный голос профессора МакГонагалл ударом кнута рассек воздух. Гарри с Роном подпрыгнули, оторвавшись от игры, которую затеяли в самом конце урока трансфигурации. Друзья уже сделали, что полагалось: превратили цесарку в морскую свинку, вернули в изначальный вид, и она опять заперта в клетке, стоящей на учительском столе. И они уже списали с доски домашнее задание (опишите способы, применяемые в трансформациях при межвидовых превращениях). Звонок вот-вот прозвенит, и Гарри с Роном, забыв обо всем, сражались на «мечах» — игрушечных волшебных палочках, изобретенных Фредом и Джорджем: у Рона в руке жестяной попугай, у Гарри — резиновая треска.

— Поттер и Уизли в кои-то веки порадовали нас: наконец-то ведут себя соответственно возрасту, — выговаривала профессор. В этот момент голова трески оторвалась и мягко шлепнулась

на пол — попугай Рона секунду назад отсек ее. — Объявление касается всех. Приближается Святочный бал, традиционная часть Турнира Трех Волшебников. На балу мы должны завязать с нашими гостями дружеские и культурные связи. Бал для старшекурсников, начиная с четвертого курса, хотя, конечно, вы имеете право пригласить бального партнера и с младших курсов…

Лаванда Браун во всеуслышание прыснула. Парвати Патил ткнула ее в бок, едва сдерживая смех, так что рот перекосился, и обе уставились на Гарри. Профессор МакГонагалл и бровью не повела. Вопиющая несправедливость, обиделся Гарри: им с Роном только что от нее досталось, хотя ничего такого они не сделали.

— Форма одежды — парадная, — продолжила МакГонагалл. — Бал начнется в восемь часов вечера в первый день Рождества в Большом зале. Окончание бала в полночь. И еще несколько слов… — Профессор МакГонагалл окинула класс выразительным взглядом. — На Святочные балы, конечно, приходят с распущенными волосами, — проговорила она с явным неодобрением.

Лаванда еще громче хихикнула. На этот раз Гарри понял, что ее рассмешило: профессор трансфигурации всегда носила тугой пучок на

затылке, не позволяла себе ходить распустехой в прямом и переносном смысле.

— Это, однако, не значит, — профессор строго оглядела класс, — что мы ослабим правила поведения, которые предписаны студентам Хогвартса. Я буду очень, очень недовольна, если кто-нибудь из вас их нарушит.

Прозвенел звонок. Класс зашумел, заторопился на перемену, прятали учебники в сумки, сумки закидывали через плечо.

Профессор МакГонагалл, стараясь перекричать шум, попросила Гарри ненадолго задержаться.

Решив, что ему предстоит головомойка за обезглавленную треску, Гарри мрачно проследовал к учительскому столу.

Подождав, пока весь класс уйдет, профессор МакГонагалл сказала:

— Чемпионы, Поттер, и их партнеры…

— Какие партнеры? Профессор подозрительно глянула на него, как будто ожидала насмешки.

— Партнеры для Святочного бала, — сказала она строго. — Другими словами, партнеры для танца.

У Гарри внутри что-то екнуло и оборвалось.

— Партнеры для танца? — Он покраснел до ушей и поспешно прибавил: — Я не танцую.

— Придется! — Профессор опять стала сердиться. — В Хогвартсе существует традиция: бал открывают чемпионы в паре с выбранным партнером.

Гарри вдруг представил себя в цилиндре и фраке, и его сопровождает девушка вся в оборках и бантиках: так наряжалась тетя Петунья, собираясь на прием, устраиваемый фирмой дяди Вернона.

— Я не танцую, — повторил он.

— Но такова традиция, — твердо заявила профессор МакГонагалл. — Ты чемпион Хогвартса и будешь делать то, что положено его представителям. Так что подумай, пожалуйста, о партнерше.

— Но я…

— Ты слышал, что я тебе сказала? — не допускающим возражения тоном проговорила МакГонагалл.

Неделю назад Гарри сказал бы, что найти партнера для бала — пустячное дело, не чета поединку с драконихой. Но после поединка он согласился бы еще на десять схваток. Пригласить на бал девушку! Страшнее ничего не придумаешь.

В этом году многие ученики не поехали домой на рождественские каникулы. Он-то, конечно, всегда оставался, не ехать же в самом деле на

Тисовую улицу. Но в прежние годы оставшихся можно было по пальцам пересчитать. Нынче из старшекурсников не уехал никто. И все помешаны на Святочном бале, по крайней мере девчонки. Сколько же их в Хогвартсе! Он только теперь это заметил. И все они шептались и хихикали по закоулкам замка, давились смешками, если мимо проходил мальчик. А сколько волнений и разговоров о нарядах для предстоящего праздника!

— И что они ходят все вместе? — спросил Гарри у Рона, увидев стайку девочек, которые поглядывали на Гарри, хихикая. — Как тут к одной подойти и пригласить?

— Может, оттащить ее в сторону с помощью лассо? — предложил Рон. — Ты уже выбрал, кого заарканить?

Гарри не ответил. Выбрать-то он выбрал, а пригласить не хватает духу. Чжоу на год старше его, и такая красивая! Да еще играет в квиддич. В общем, пользуется огромным успехом.

Но Рон, кажется, подозревал, что творится в душе у Гарри.

— Знаешь что, — сказал он, — тебе нечего волноваться. Ты — чемпион. Ты только что победил венгерскую хвосторогу. Спорим на что хочешь, у

тебя от девчонок отбоя не будет?

Помня о недавней ссоре, Рон изо всех сил старался подавить прорывающуюся горечь. Но самое интересное — Рон оказался прав.

На другой же день третьекурсница-пуффендуйка в кудряшках, с которой Гарри ни разу и словом не перемолвился, пригласила его на бал. Он был так поражен, что у него непроизвольно вырвалось «нет», не успел он остановиться и осмыслить происшедшее. Девочка, надув губы, отошла, а Рон, Симус и Дин весь урок истории магии над ним подтрунивали. Через день Гарри получил еще два приглашения — от второкурсницы и, к своему ужасу, от пятикурсницы, у которой был такой мощный вид, что он даже испугался — откажет он ей, и она пошлет его в нокаут.

— А она хорошенькая, — отдал ей должное Рон, перестав смеяться.

— Она выше меня на голову, — никак не мог прийти в себя Гарри. — Только вообрази, как я буду выглядеть с ней в паре!

Ему вспомнились слова Гермионы, сказанные про Крама: «Он им нравится только потому, что он чемпион». И Гарри часто думал: пошли бы эти девчонки с ним на бал, не будь он чемпионом? А однажды спросил себя: пригласи его Чжоу при-

шли бы ему на ум эти слова Гермионы?

Но в целом, должен был признаться Гарри, несмотря на неотвратимо надвигающийся бал, жизнь его решительно изменилась к лучшему. И причина этому — золотое яйцо, похищенное у хвостороги. Он почти не сталкивался в коридорах с открытым недружелюбием. Скорее всего, этим Гарри обязан Седрику. Наверняка он вправил мозги пуффендуйцам в благодарность за спасительную подсказку. Уменьшилось и число значков с призывом поддержать Диггори. Драко Малфой, конечно, не упустил случая подразнить его выдержками из статьи Риты Скитер, но они вызывали все меньше смеха. И еще одна радость — статья о Хагриде в «Пророке» не появилась.

— Ей мало дела до магических животных, — сказал Хагрид друзьям на последнем уроке осеннего семестра, когда они спросили, как прошло интервью. К их огромному облегчению, Хагрид отказался от прямого общения учеников с соплохвостами. Теперь они просто сидели за верстаками, отгороженные от зловредных созданий хижиной Хагрида, и готовили для них свежие кушанья. — Она выпытывала все, что можно, про Гарри, — продолжал Хагрид, понизив голос. — Я ей сказал, что мы друзья с того самого дня, как

я тебя… э-э… от Дурслей спас. «Вы ни разу не пожалели об этом? — спросила она и прибавила: — А он ни разу не оскорбил вас на уроках?» Я ответил: ни разу. У нее даже лицо скривилось. Хотела, наверное, услышать, что ты, Гарри, отпетый негодяй.

— Конечно, хотела, — бросил Гарри куски драконьей печени в большой металлический таз и опять взял нож: кусков явно мало. — Сколько можно писать о маленьком храбром герое-мученике! От таких статей мухи дохнут.

— Ищет новый подход к любимой теме, — мудро заметил Рон, снимая скорлупу с яиц саламандры. — Она, верно, ожидала услышать, что Гарри — несовершеннолетний преступник с мозгами набекрень,

— Но это же не так! — простодушный Хагрид был потрясен.

— Ей бы взять интервью у Северуса Снегга, — мрачно заметил Гарри. — Вот уж кто снабдил бы ее вожделенным материалом. «С первого дня появления в школе Поттер только и делает, что нарушает правила…»

— Это он так сказал? — изумился Хагрид, а Рон с Гермионой, не выдержав, рассмеялись. — Конечно, это с тобой случается, но на самом-то деле

ты ведь хороший, да?

— Ну, конечно, хороший! Не огорчайся! — улыбнулся Гарри.

— Ты пойдешь на Святочный бал? — спросил Хагрида Рон.

— Думаю заглянуть… — прохрипел Хагрид. — Будет, наверное, на что посмотреть. Ты ведь, Гарри, открываешь бал? То есть все чемпионы… А ты кого пригласил?

— Пока еще никого. — Гарри залился краской. И Хагрид деликатно перестал расспрашивать.

Последние дни семестра были на редкость шумными. Какие только слухи не витали по замку о предстоящем бале. Гарри и половине не верил. Поговаривали, например, что Дамблдор купил у мадам Розмерты восемьсот бочек хмельной медовухи. Но то, что приглашена группа «Ведуньи», было истинной правдой. Кто такие «Ведуньи», Гарри понятия не имел, ведь в доме Дурслей не было волшебного радио. Но судя по ажиотажу среди выросших под музыку ВРВ (Волшебного Радиовещания), это был сверхзнаменитый ансамбль.

Некоторые учителя, среди них и крошка Флитвик, махнули рукой на старшекурсников, ополоумевших от предстоящего бала. Он позволил на

своем уроке в среду играть кто во что горазд, а сам беседовал с Гарри о блестящем применении Манящих чар в его поединке с драконом. Другие учителя подобного понимания не проявили. Ничто не могло отвлечь профессора Биннса от истории магии, даже собственная смерть, тем более такой пустяк, как Святочный бал. И как только ему удавалось превратить кровавые, жестокие восстания гоблинов в рассказ, равный по скуке докладу Перси о днищах волшебных котлов? МакГонагалл и Грюм заставляли студентов работать на уроке до последних минут. И конечно, Снегг скорее бы усыновил Гарри, чем позволил бездельничать в лаборатории зельеварения. Окинув класс не предвещающим ничего доброго взором, он сообщил, что на последнем уроке будет контрольная по противоядиям.

— До чего вредный тип! — возмущался Рон в тот день вечером. — Обрушить на нас такую контрольную! Столько придется зубрить! Испортил последние дни перед Рождеством!

— М-м... Ты, кажется, не очень себя утруждаешь, — сказала Гермиона, глядя поверх стопки книг на Рона, который строил карточный замок из взрывчатых карт — занятие куда более рискованное, чем возведение домиков из обычных

карт маглов: волшебная колода могла в любую минуту взорваться.

— Но это ведь Рождество, Гермиона, — благодушно заметил Гарри, в десятый раз перечитывая «Полет с «Пушками Педдл»», придвинувшись к камину.

Гермиона и его окинула укоризненным взглядом.

— А я-то думала, ты займешься другим, более полезным делом, — сказала она, — раз уж тебе так отвратительны противоядия.

— Каким, например? — спросил Гарри, следя за тем, как Джоуи Дженкинс из «Пушек» метнул бладжер в охотника из команды «Упыри из Лоддикастла».

— Загадкой яйца!

— Да успокойся, Гермиона. У меня уйма времени до двадцать четвертого февраля.

После первого тура Гарри спрятал золотое яйцо к себе в чемодан и с тех пор ни разу его не вынимал. Впереди два с половиной месяца — еще успеет понять, что означают скрип и визг под золотой скорлупой.

— Но, может, для разгадки нужны недели и недели. Представь себе, все додумаются, в чем состоит вторая задача, а ты нет. Вид у тебя будет

идиотский.

— Гермиона, оставь Гарри в покое. Он заслужил хотя бы короткий отдых, — вмешался Рон, пристроив две последние карты на замок. Конструкция вдруг взорвалась, опалив ему брови.

— Красиво выглядишь, Рон, — подсели к друзьям близнецы, — под стать парадному костюму, — пошутили они, глядя, как Рон пытается на ощупь оценить нанесенный взрывом урон.

— Можно, Рон, воспользоваться твоим Воробушком? — спросил Джордж.

— Нет, он улетел с очередным письмом. А зачем вам?

— Джордж хочет пригласить его на бал, — со свойственным ему юмором заметил Фред.

— Надо отправить письмо, безмозглая твоя голова, — пояснил Джордж.

— И кому это вы оба все время пишете? — поинтересовался Рон.

— Не суй нос куда не надо. А то и его подпалишь, — пригрозил Фред волшебной палочкой. — Ну что, обзавелись уже парой для танцев?

— Нет.

— Поспешите. А то всех красавиц разберут, и вам с Гарри ничего не достанется.

— А ты с кем пойдешь? — спросил Рон.

— С Анджелиной, — без тени смущения сообщил Фред.

— Что? — изумился Рон. — А ты ее уже пригласил?

— Хороший вопрос! — Фред повернул голову и крикнул через всю гостиную: — Анджелина!

Анджелина, стоя у камина, беседовала с Алисией Спиннет.

— Что? — ответила она, посмотрев в сторону Фреда.

— Пойдешь со мной на бал? Анджелина оценивающе взглянула на него.

— Пойду — ответила она, улыбнувшись, и продолжила прерванную беседу.

— Ну вот, видите, — сказал Фред, — как всегда везет. Он встал, зевнул и сказал Джорджу:

— Пойдем возьмем школьную сову.

И близнецы ушли. Рон перестал ощупывать опаленные брови, поглядел на дымящиеся развалины карточного замка и перевел взгляд на Гарри.

— Он прав, Гарри. Пора что-то делать… а то останутся одни тролли.

— Кто-кто останется, простите? — вспыхнула Гермиона.

— Ну, знаешь… — Рон пожал плечами. — Я луч-

ше пойду один, чем, например, с этой… Элоизой Миджен.

— У нее прыщей почти уже нет. И она очень хорошая!

— У нее нос не в середине лица!

— Понятно! — Гермиона опять ощетинилась. — Вот какие у тебя принципы. Ты пригласишь самую красивую девушку — конечно, которая пойдет с тобой, — пусть даже она и полная идиотка?

— Да, наверное…

— Ладно, я пошла спать, — сказала Гермиона, сгребла свои записки и, не прибавив больше ни слова, почти бегом отправилась к себе в спальню.

* * *

Администрация школы, обуреваемая желанием поразить гостей из Шармбатона и Дурмстранга, проявила небывалую изобретательность. Замок никогда еще не выглядел так нарядно. Нетающие сосульки свисали с перил мраморной лестницы, традиционные двенадцать елок Большого зала увешаны светящимися желудями, живыми ухающими совами из чистого золота и другими волшебными игрушками. Рыцарские доспехи

пели рождественские гимны. А Пустой Шлем радостно призывал: «О, чистые души, стекайтесь во храм...» К сожалению, он помнил только половину этого гимна, возвещающего рождение Господа. Завхоз замка Филч раз десять извлекал из доспехов Пивза, откуда тот между гимнами распевал песни собственного сочинения и весьма грубого содержания.

Гарри пока так и не пригласил на бал Чжоу. Они с Роном совсем извелись, хотя Гарри и уверял друга, что с девушкой вид у него на балу будет и впрямь дурацкий. А Гарри волей-неволей придется обзавестись девушкой — ему ведь открывать бал.

— На худой конец, есть Плакса Миртл, — мрачно пошутил он. Привидение Миртл обитала на третьем этаже в женском туалете.

— Гарри, — решительно заявил Рон в пятницу утром, — мы должны, стиснув зубы, совершить этот подвиг. — Он говорил так, словно речь шла о взятии неприступной крепости. — Давай дадим слово, к вечеру точка должна быть поставлена.

— Угу, — кивнул Гарри. — Будет.

Но ни разу за весь тот день Гарри не застал Чжоу одну, ни в обед, ни на переменах. Он столкнулся с ней по дороге на урок истории, но она

была опять в окружении подружек. Неужели она никуда не ходит одна? Может, напасть на нее у дверей в туалет? Но она и туда идет не одна. Если, однако, в ближайший час он не пригласит ее, она, конечно, будет приглашена другим.

На контрольной у Снегга он никак не мог сосредоточиться и забыл добавить главную составную часть в противоядие. Но сейчас ему все равно. Нужно набраться храбрости — будь что будет — и пригласить Чжоу. Едва прозвонил звонок, он схватил сумку и бегом к лестнице из подземелья.

— Встретимся за ужином, — крикнул он Рону с Гермионой и помчался, прыгая через две ступеньки, наверх.

Он просто подойдет к ней и подзовет на пару слов. Всего-то навсего… Он обегал несколько коридоров, по которым всюду сновал народ. И наконец (раньше, чем ожидал!) увидел ее — она выходила с урока защиты от темных искусств.

— Чжоу! Можно тебя на два слова?

Конечно, подруги Чжоу снова стали хихикать. Это гнусное хихиканье должно быть запрещено законом! Чжоу, однако, не захихикала.

— Конечно, — сказала она и отошла с ним на приличное расстояние от девчонок.

Гарри взглянул на нее, и душа у него ушла в

пятки.

— М-м, — начал он. Нет, он не может ее пригласить. Не может! Но должен! Чжоу стояла и недоуменно смотрела на него.

Слова вылетели изо рта еще до того, как Гарри совладал с языком.

— Ты-хтела-ти-сомнабал?

— Прости, что?

— Ты не хотела бы пойти со мной на бал? — Ну зачем, зачем он начал краснеть?

— На бал?

— На бал!

— Мне очень жаль, Гарри, — Чжоу тоже покраснела, и было видно, что она говорит правду, — но я уже обещала пойти с другим.

— А-а, — протянул Гарри.

И вот что странно: секунду назад у него внутри как будто дрались скорпионы. А сейчас там было абсолютно пусто.

— Да? Ну ничего…

— Мне очень жаль, правда, — тихо повторила Чжоу.

— Понимаю…

Они стояли и глядели друг на друга, пока Чжоу не сказала:

— Ну, я тогда…

— Конечно, конечно, — ответил Гарри.

— Пока! — сказала Чжоу и пошла к подругам, все еще красная до корней волос.

— С кем ты пойдешь? — выпалил ей вслед Гарри, не справившись с собой.

— С Седриком. Седриком Диггори.

Все внутри вернулось на свои места. Только грудную клетку почему-то наполнила свинцовая тяжесть.

Забыв об ужине, Гарри понуро побрел к своей башне. На каждом шагу в ушах эхом отдавался голос Чжоу «Седрик. Седрик Диггори». Раньше Седрик ему, в общем, нравился, несмотря на то что два года назад он вырвал у него победу в решающем матче. Седрик был красив, все его уважали и вообще, и как чемпиона. Но сейчас Гарри вдруг понял — на самом-то деле Седрик просто красавчик, ничем другим не лучше других, да и умом не блещет.

— Светляки, — буркнул он новый пароль, введенный со вчерашнего дня.

— Да, милый, верно, — защебетала Полная Дама, поправила на голове прошитую золотом ленту и повернулась на петлях, открывая входной проем.

Войдя в гостиную, Гарри осмотрелся и увидел,

к своему изумлению, в дальнем углу Рона, лицо у которого было пепельно-серое. Рядом сидела Джинни и говорила с ним тихим ласковым голосом. Утешала, наверное.

— Что с тобой, Рон? — Гарри подошел к ним.

Рон поднял голову, на лице его застыло выражение ужаса.

— Ну зачем, зачем я это сделал? — вопрошал он срывающимся голосом. — Что меня заставило?

— О чем ты? — спросил друга Гарри.

— Он… он пригласил пойти с ним на бал Флер Делакур, — ответила вместо брата Джинни. Гарри показалось, что она старательно прячет улыбку, но руку Рона она гладила с искренней жалостью.

— Что?!

— Не знаю, что меня дернуло! — Рон чуть не всхлипнул. — На что я надеялся? Кругом было столько народу. Я просто сошел с ума. И все вылупились на меня! Я шел мимо нее в холл, она стояла и разговаривала с Диггори. Вдруг на меня что-то нашло. И я ее пригласил!

Рон застонал, спрятав лицо в ладони. И с трудом продолжал:

— А она глянула на меня, как на слизняка или еще чего хуже. И даже не ответила. А я… я… не знаю… пришел вдруг в себя и со всех ног бежать.

— В ней течет кровь вейлы, — сказал Гарри. — Ты был прав. У нее бабушка была вейла. Ты тут ни при чем. Знаешь, как это произошло? Ты шел мимо, а она возьми и примени древнее заклятие. Нацелила его в Диггори, а оно попало в тебя. А с Диггори у нее ничего не выйдет. Он пригласил на бал Чжоу.

Рон вскинул на Гарри глаза.

— Я только что ее пригласил. И она мне это сказала, — произнес Гарри на одной ноте. У Джинни после этих слов с лица исчезла улыбка.

— Вот это здорово! — воскликнул Рон. — Выходит, только у нас двоих нет пары. Да еще у Невилла. Знаешь, кого он приглашал? Гермиону!

— Не может быть… — Эта новость окончательно все перепутала в голове у Гарри.

— Да, я точно знаю. — Кровь опять прилила к щекам Рона, и он рассмеялся. — Невилл сам мне сказал после зелий. Говорит, Гермиона так всегда к нему хорошо относилась, помогала делать уроки, готовить зелья и все такое… А она ему ответила, что уже дала согласие кому-то другому. Ха-ха! Если бы! Просто не захотела пойти на бал с Невиллом… Да и никто не захочет!

— Не смей смеяться! — рассердилась Джинни. Во входном проеме появилась Гермиона.

— Почему никто не был на ужине? — обратилась она к друзьям.

— Потому… Да перестаньте вы смеяться! Потому что этих двоих только что отвергли девушки, нуте, которых они пригласили на бал! — объяснила Джинни.

Гарри с Роном поперхнулись смешком.

— Ну спасибо, Джинни, удружила, — кисло проговорил Рон.

— Всех красавиц уже разобрали, Рон? — гордо тряхнула головой Гермиона. — Теперь уже и Элоиза Миджен стала хорошенькой? Надеюсь, нет, даже уверена — ты еще найдешь где-нибудь кого-нибудь, кто тебе не откажет.

Рон вдруг посмотрел на нее совсем другим взглядом, точно впервые увидел.

— Гермиона! А Невилл прав, ты — стоящая девчонка!

— Неплохо подмечено, — ехидно произнесла Гермиона.

— Ты не могла бы пойти на бал со мной и с Гарри?

— Не могла бы!

— Да ладно тебе, — сказал Рон по-приятельски. — Нам нужна пара. Так вышло глупо! У всех есть, а у нас нет…

— Я не могу пойти с вами. — Гермиона вдруг покраснела. — Я уже иду с другим.

— Ни с кем ты не идешь. Ты просто так сказала, чтобы отвязаться от Невилла!

— Отвязаться? Ты так думаешь? — В глазах у Гермионы заплясали опасные огоньки. — Ты, Рон, три года не замечал, что я «стоящая девчонка». Но нашлись люди, которые это заметили!

Рон вытаращил на нее глаза.

— Ладно, ладно, — улыбнулся он. — Мы это тоже знаем. Ну что? Идешь с нами?

— Но я же сказала, — Гермиона по-настоящему рассердилась, — я пойду с другим.

Она вихрем вылетела из гостиной и помчалась к себе в спальню.

— Ты все выдумала! — крикнул ей вслед Рон.

— Не выдумала, — тихо сказала Джинни.

— С кем же это она идет?

— Не могу вам сказать, это ее секрет.

— Ну ладно, — сказал Рон в полной растерянности. — Это становится смешно! Ты, Джинни, иди с Гарри, а я просто…

— Я не могу. — Джинни тоже покраснела. — Я иду… иду с Невиллом. Когда Гермиона отказала ему, он пригласил меня. А я подумала… мне ведь иначе не попасть на бал… Я только на третьем

курсе. — Вид у Джинни был несчастный. — Ну, я пошла ужинать, а вы как хотите. — Она встала и, понурив голову, побрела из гостиной.

— Что это на всех нашло? — вытаращился Рон на Гарри.

Как раз в этот миг Гарри заметил Парвати с Лавандой — они входили в гостиную. Пора предпринять решительный шаг.

— Подожди меня здесь, — бросил он Рону, вскочил, подошел прямо к Парвати и, не задумываясь, выпалил: — Пойдешь со мной на бал?

Парвати захихикала. Гарри терпеливо подождал, пока хихиканье кончится, держа в кармане мантии скрещенные пальцы.

— Хорошо, пойду — наконец сказала она, вспыхнув обжигающим румянцем.

— Спасибо, — поблагодарил с огромным облегчением Гарри. — А ты, Лаванда, не могла бы пойти с Роном? — прибавил он.

— Она идет с Симусом, — ответила за подругу Парвати, и обе принялись хихикать чуть не с ожесточением.

Гарри вздохнул.

— У тебя никого нет на примете, ну чтобы пойти с Роном? — понизив голос, произнес Гарри, чтобы Рон не услышал.

— А Гермиона Грэйнджер? — спросила Парвати.

— Ее уже пригласили.

Парвати изумленно вскинула брови.

— Да? И кто же? — спросила она недоверчиво.

— Понятия не имею. — Гарри пожал плечами. — Так как быть с Роном?

— А знаешь что, — медленно проговорила Парвати, — моя сестра… наверное, ты ее знаешь… Она — когтевранка. Я скажу ей, если хочешь.

— Прекрасная мысль! Дай мне знать, когда поговоришь с ней.

И Гарри вернулся к Рону. Да, этот бал потребовал от него героических усилий, хотя и вряд ли того стоил. Теперь одна надежда — что нос у Падмы Патил окажется там где надо — в середине лица.

Глава 23

СВЯТОЧНЫЙ БАЛ

На рождественские каникулы четверокурсникам задали очень много уроков. Но Гарри не спешил садиться за книги. Всю неделю до Рождества он только и делал, что развлекался. Многие не поехали домой, и в гостиной Гриффиндора было почти так же людно, как в учебные дни. Гостиная даже как бы слегка уменьшилась, такой в ней стоял гвалт.

Канареечные помадки Фреда и Джорджа пользовались большим успехом, и первые дни каникул кто-нибудь то и дело обрастал желтыми перьями. Но очень скоро гриффиндорцы распознали подвох и стали с опаской принимать предложенное угощение: вдруг внутри окажется канареечная помадка? Джордж с Фредом по секрету рассказали Гарри, что готовят еще кое-что почище, и Гарри дал зарок ничего съедобного из рук близнецов не брать. Он еще не успел забыть ириски, от которых у Дадли вырос язык размером чуть не с кита.

Снег все падал и падал, и скоро замок и окрест-

ности оделись толстым белым пуховиком. Голубая карета Шармбатона сидела в снегу, как огромная обледенелая тыква; домик Хагрида смахивал на имбирный пряник; иллюминаторы дурмстрангского корабля заиндевели, а с мачт и снастей свисали тяжелые витые сосульки. Эльфы в кухне трудились не покладая рук, и обеденные столы ломились от изысканного жаркого и соблазнительных десертов. Все радовались жизни, только Флер Делакур все время на что-нибудь жаловалась.

— Эта ваша еда слишком тьяжолая. Моя красивая мантия будет мне мала! — недовольно воскликнула она как-то вечером в Большом зале. Гарри, Рон и Гермиона как раз выходили оттуда — Рон, пригнувшись, прятался за спиной Гарри, чтобы Флер его не заметила.

— Бедняжка! Какой ужас! — с иронией посочувствовала Гермиона. Но Флер уже вышла в холл и не слышала ее слов. — И чего себе воображает!

— Гермиона, а с кем ты идешь на бал? — Рон прямо-таки сгорал от любопытства и уж не раз задавал этот вопрос — вдруг Гермиона проговорится.

— Не скажу, потому что ты станешь смеяться.

— Ты, Уизли, наверное, совсем того! — послы-

шался за спиной голос Малфоя. — Думаешь, кто-нибудь пригласит на бал эту грязнокровку да еще с лошадиными зубами?

Гарри и Рон чуть не кинулись на него с кулаками, а Гермиона, обернувшись, замахала кому-то и воскликнула:

— Профессор Грюм, доброе утро!

Малфой побледнел, прыжком развернулся, и глаза его забегали — Грюм всегда появлялся, где его меньше всего ждали, но тот еще доедал жаркое за профессорским столом.

— Что, хорек, испугался? — насмешливо спросила Гермиона, и друзья со смехом двинулись вверх по мраморной лестнице.

— Гермиона, — вдруг сощурился Рон, — твои зубы…

— Что мои зубы?

— Они другие. Я только сейчас заметил…

— Конечно, другие. Ты что думал, я так и буду ходить с клыками? Забыл, какие наколдовал Малфой?

— Да нет, они вообще стали другие. Не такие, как раньше. Все ровные и не торчат…

Гермиона лукаво улыбнулась, и Гарри тоже заметил: у Гермионы совсем другая улыбка.

— Помните, я побежала тогда к мадам Помф-

ри? Она дала мне зеркало, сказала, сейчас зубы будут уменьшаться и когда станут, как прежде, махнуть ей. А я… я не сразу махнула, и они так красиво уменьшились. — Гермиона расплылась в улыбке. — Маме с папой, конечно, не понравится. Я столько раз их просила уменьшить мне зубы, а они хотят, чтобы все было, как есть. Мои родители стоматологи, они считают, что зубы и волшебство… Смотрите, Сычик вернулся!

Сова Рона сидела на верху перил, украшенных сосульками, и громко без умолку верещала, к ее лапке был привязан свернутый в трубку кусок пергамента. Все проходившие мимо смеялись, тыкая в крохотную сову пальцем, а несколько девочек-третьекурсниц даже остановились.

— Глядите, какая малютка! Просто прелесть!

— Глупый комок перьев! — прошипел Рон. Взбежав по ступенькам, он схватил Сычика в кулак. — Письма надо сразу отдавать адресату. Нечего тут прохлаждаться у всех на виду!

Голова Сычика торчала из кулака Рона, и совенок даже защебетал от счастья. Третьекурсницы оторопело таращились.

— Чего не видели! А ну пошли отсюда! — Рон затряс кулаком, и Сычик заверещал еще сильнее. — Вот, Гарри, держи, — прибавил Рон

негромко, а обиженные третьекурсницы убрались подобру-поздорову. Рон отвязал письмо и передал Гарри, Гарри спрятал его в карман, и все трое поспешили к себе в башню, чтобы без помех прочитать ответ Сириуса.

В гостиной все развлекались кто во что горазд, не обращая на других внимания. Гарри и Рон с Гермионой уселись подальше у темного окна, занесенного снегом, и Гарри стал читать вслух:

— «Здравствуй, Гарри!

Поздравляю тебя, ты отлично справился с хвосторогой. Тот, кто опустил твое имя в Кубок, сейчас очень разочарован. Я хотел предложить заклинание Коньюнктивитус: самое слабое место дракона — глаза…»

— Именно этим воспользовался Крам, — прошептала Гермиона.

— «А ты придумал лучше. Молодец! Но успокаиваться рано. Позади только первое испытание; у того, кто вовлек тебя в состязание, будет еще возможность подставить тебя под удар. Гляди в оба, особенно сейчас. Ведь тот, о ком мы говорили, наверняка где-то совсем рядом. Будь предельно осторожен, чтобы, не ровен час, не попасть в беду. Пиши, если столкнешься с чем-то необычным. Все время держи меня в курсе дела.

Сириус». Совсем как Грюм, — тихо сказал Гарри, пряча письмо во внутренний карман. — «Гляди в оба!» А я что, хожу зажмурившись, натыкаюсь на стены?

— Он прав, Гарри, — возразила Гермиона. — У тебя впереди два испытания. Давно пора взяться за загадку яйца…

— Да у него еще куча времени! Давай, Гарри, сыграем в шахматы, — предложил Рон.

— Сыграем, — согласился Гарри и поймал взгляд Гермионы. — Будет тебе, Гермиона. Тут такой шум, все равно толку не будет. Даже не расслышу, что там в яйце.

— Пожалуй, ты прав. — Гермиона вздохнула и стала следить за игрой.

Гарри в несколько ходов поставил Рону замечательный мат с помощью пары отчаянно дерзких пешек и сверхвоинственного слона.

Рождественским утром Гарри проснулся, как будто его что разбудило. Он открыл глаза и едва не свалился с кровати: прямо на него в темноте таращились круглые зеленые глазищи.

— Добби?! — вскрикнул Гарри. — Что тебе?

— Простите Добби, сэр, — виновато пискнул эльф и отпрыгнул, прижав к губам длинные тонкие пальцы. — Добби пришел поздравить Гарри

Поттера с Рождеством и подарить подарок. Добби не хотел пугать Гарри Поттера. Гарри Поттер позволил Добби навещать его, сэр.

— Ладно, Добби, только в другой раз не таращись на меня, просто толкни, если я буду спать, — смягчился Гарри. Он все еще тяжело дышал, но сердце уже перестало колотиться. — И не наклоняйся надо мной так низко, чуть носом не ткнул…

Гарри отдернул полог, нащупал на столике у кровати очки и надел их. Восклицание Гарри разбудило Рона, Симуса, Дина и Невилла, и они выглядывали, слегка раздвинув пологи, заспанные и взъерошенные.

— Гарри, ты жив? Что стряслось? — сонно пробормотал Симус.

— Ничего, это Добби, — ответил Гарри. — Спите.

— Прибыли подарки! — Симус заметил коробки у кровати.

Рон и Дин с Невиллом, раз уж проснулись, тоже поспешили заняться подарками. А Гарри снова поглядел на Добби. Тот стоял у его кровати, виновато опустив голову, такая оплошность — испугал своего избавителя! На голове у эльфа красовался стеганый колпак для чайника, на вер-

хушке которого, зацепившись петелькой, висела елочная игрушка.

— Можно, Добби поднесет Гарри Поттеру подарок? — робко спросил он.

— Конечно. У меня тоже кое-что есть… для тебя.

Гарри соврал, он ничего не припас для Добби, но поспешил открыть чемодан и достал оттуда пару старых желтых носков дяди Вернона. Они сильно растянулись: Гарри хранил в них вредноскоп, подаренный на прошлое Рождество. Он выудил его и со словами «Поздравляю, Добби, прости, что не завернул» протянул носки старому приятелю.

Добби растаял от умиления.

— Носки — любимая одежда Добби, сэр! — Он тут же стащил с ног свои разномастные носки и натянул бывшие дяди Вернона. — У Добби их семь пар, сэр… — Эльф подтянул носки до самых шортов, и глаза у него расширились. — Сэр, продавец в магазине ошибся, он дал Гарри Поттеру два носка одного цвета!

— Как же ты, Гарри, допустил такой промах? — подмигнул Рон. По всей его постели валялись клочки разноцветной бумаги, коробки и подарки. — Иди сюда, Добби, вот тебе бордовая пара. Будешь надевать один желтый, другой бордовый.

И еще новый свитер.

С этими словами он протянул Добби пару носков и свитер, присланные миссис Уизли. Добби был сражен такой щедростью.

— Как вы добры, сэр! — Глаза у него увлажнились, и он до земли поклонился Рону. — Добби знал, сэр, что сэр замечательный волшебник, ведь он — лучший друг Гарри Поттера, но сэр еще благороден и бескорыстен…

— Ну, что ты, Добби, ведь это всего носки, — смутился Рон, так что уши покраснели. Но вид у него был явно довольный. — Вот это да! — Рон распечатал подарок Гарри — форменную шляпу его любимой команды «Пушки Педдл». — Спасибо, Гарри. Класс! — И он тут же натянул шляпу на голову.

А Добби тем временем вручил Гарри свой небольшой подарок. Гарри развернул его — ну, конечно, носки!

— Добби их сам связал, сэр, — захлебываясь от счастья и гордости, сообщил эльф. — Шерсть Добби покупает на собственные деньги, заработанные.

Левый носок был ярко-красный с узором из метел, правый — зеленый с золотистыми снитчами.

— Какие красивые! Большое спасибо, Добби. — Гарри надел носки, и эльф прослезился.

— Добби пора, сэр. Мы стряпаем рождественский ужин, сэр. — И эльф, помахав всем на прощанье, поспешил в кухню.

А Гарри стал разглядывать остальные подарки. Они были куда замысловатее собственноручного изделия Добби, но первенство по скромности, конечно, принадлежало подарку Дурслей — одинединственный пакетик с бумажной салфеткой. Они, похоже, не забыли ириску братьев Уизли. Гермиона подарила Гарри книгу «Команды по квиддичу Великобритании и Ирландии»; Рон — большой пакет бомб-вонючек; Сириус — складной перочинный ножик с отмычками для всех замков и шилом, которое мгновенно распутывает все узлы; Хагрид — огромную коробку любимых лакомств Гарри. Миссис Уизли, конечно, прислала очередной свитер (зеленый с драконом на груди, должно быть, Чарли рассказал ей о хвостороге) и большущий пакет сладких домашних пирожков.

Спрятав подарки, Рон и Гарри спустились в гостиную, где их ждала Гермиона, и все вместе пошли завтракать.

До обеда наслаждались подарками у себя в

башне, потом вернулись в Большой зал, где их ждало роскошное рождественское угощение. Столы так и ломились от жареных индеек, пудингов и всевозможного волшебного печенья.

После чего отправились прогуляться. Пушистый снег лежал нетронутой пеленой, только к кораблю Дурмстранга и карете Шармбатона протоптаны дорожки. Тут же замелькали снежки — любимое зимнее развлечение Гарри и братьев Уизли. Гермиона предпочла наблюдать сражение со стороны, а около пяти часов вечера сказала, что пора готовиться к балу и вернулась в замок.

— Ты что, три часа будешь готовиться? — крикнул вслед Рон, зазевался и получил от Джорджа увесистым снежком по макушке.

— С кем ты идешь? — опять не сдержал любопытства Рон, но Гермиона лишь махнула ему, взбежала по каменной лестнице и исчезла в дверях замка.

Полдника сегодня не было: Святочный бал начинался с угощения. К семи часам стемнело, не прицелишься, и воины, все облепленные снегом, побежали в башню. Полная Дама весело болтала на холсте с Виолеттой, подружкой с нижнего этажа, у их ног внутри рамы валялись пустые коробки из-под конфет с ликерной начинкой.

— Светляки, — мальчишки назвали пароль.

— Верно, са-сапляки, — хихикнула Полная Дама и пустила их внутрь.

В спальне Гарри, Рон, Симус и Невилл облачились в праздничные мантии и почувствовали себя неловко, особенно Рон. Он вертелся перед зеркалом в углу и с отвращением себя разглядывал. Не мантия, а девчоночий наряд! И Рон решился на отчаянный шаг: применил заклинание ножниц — пусть мантия походит на мантию. Не сказать, чтоб уж совсем ничего не вышло, кружева на воротнике и манжетах исчезли, только вот на манжетах от них осталась неряшливая бахрома. Но делать нечего, и Рон в таком виде поплелся в гостиную.

— Понять не могу как это вы заполучили самых красивых девчонок в классе! — воскликнул Дин, увидев Гарри с Роном, и пожал плечами.

— Животный магнетизм, — пробурчал Рон, выдергивая торчащие из манжет нитки.

Гриффиндорская гостиная уже наполнялась участниками бала. На всех вместо обычных черных мантий — цветные. На лестнице Гарри ожидала Парвати в ярко-малиновой мантии, которая очень ей шла. Парвати и правда была очень красивая, черные волосы заплетены в

длинные, перевитые золотыми лентами косы, на запястьях золотые браслеты. Гарри испугался, что она рассмеется, увидев его праздничную мантию, но Парвати, похоже, приняла его наряд как должное, и Гарри с облегчением вздохнул. Политес требовал что-то сказать, и он неуверенно произнес:

— Ты… э-э… здорово выглядишь.

— Спасибо, — поблагодарила Парвати и, обратившись к Рону, сообщила: — Падма ждет тебя в холле.

— Угу, — кивнул Рон и огляделся. — А где Гермиона? Парвати пожала плечами.

— Ну что, пойдем?

— Пойдем, — вздохнул Гарри: с каким бы удовольствием он остался в гостиной. Из гостиной вышел Фред и весело ему подмигнул.

В холле яблоку было негде упасть. Скорей бы пробило восемь — двери зала распахнутся и начнется долгожданный бал! Многие все еще искали в толпе своего кавалера или даму с других факультетов. Парвати нашла сестру Падму и познакомила ее с Гарри и Роном.

— Привет, — вскинула голову Падма. Она не уступала сестре красотой, бирюзовая мантия очень ей шла, как малиновая Парвати. Падма

придирчиво оглядела Рона, задержав взгляд черных глаз на бахроме — следе отрезанных кружев.

— Привет, — мрачно отозвался Рон, не глядя на Падму: глаза его кого-то высматривали в толпе.

Заметив приближавшуюся Флер Делакур, Рон шагнул за спину Гарри и пригнулся. Флер шла в сопровождении Роджера Дэвиса, капитана команды когтевранцев. На ней была мантия из серебристо-серого атласа. Ничего не скажешь, писаная красавица! Подождав, пока эта пара пройдет, Рон вынырнул из-за спины друга и встал на цыпочки.

— Да где же Гермиона? — опять спросил он.

Из подземной гостиной по лестнице поднялись слизеринцы. Впереди вышагивал Малфой в черной бархатной мантии с высоким воротником. «Точь-в-точь пастор», — вдруг подумалось Гарри. Малфой вел под руку Пэнси Паркинсон в светло-розовой мантии, обильно украшенной рюшками и бантами. Крэбб и Гойл были оба в зеленом и походили на замшелые валуны; дам для них, злорадно отметил Гарри, как и следовало ожидать, не нашлось.

Дубовые входные двери тяжело отворились, и в холл вошли гости из Дурмстранга во главе

с профессором Каркаровым. Сразу за ним шел Крам с незнакомой красивой девочкой в голубой мантии. В раскрытые двери Гарри успел заметить перед замком на лужайке возведенный волшебством грот, полный розовых кустов, среди которых высились каменные скульптуры Деда Мороза и северного оленя. Над кустами и скульптурами порхали разноцветные светляки. Это были настоящие живые феи, только совсем крошечные.

— Участники Турнира, пожалуйста, пройдите сюда, — прозвучал голос профессора МакГонагалл.

Парвати просияла, поправив изящным движением ленты. «До скорого», — помахали они друзьям и двинулись через галдящую толпу, куда показала МакГонагалл, — справа от двери было небольшое свободное пространство. Профессор была в мантии из красной шотландки, тулью шляпы украшал довольно-таки безобразный венок из чертополоха. Она объяснила чемпионам, что пока им надо постоять здесь: они войдут в зал парами, церемонно, после того, как все остальные усядутся за столы. Флер Делакур с Роджером Дэвисом встали первыми у самых дверей. Дэвис не верил своему счастью и не отрывал зачаро-

ванного взгляда от красавицы Флер. Подошли Седрик с Чжоу, Гарри отвернулся: не хотел сейчас говорить с ними; взгляд его упал на девочку, стоявшую с Крамом, и у него от удивления раскрылся рот — это была Гермиона! Только совсем не похожая на себя. Волосы, обычно напоминавшие воронье гнездо, гладко расчесаны и скручены на затылке в красивый блестящий узел, легкая мантия небесно-голубого цвета, да и походка совсем другая, наверное, потому, что плечи не оттягивает тяжелый ранец. И она улыбалась, правда, немного скованно, передние зубы у нее и правда уменьшились. Как это он сразу не заметил?

— Привет, Гарри, привет, Парвати, — махнула им Гермиона.

Парвати глазам не поверила и с явным неодобрением поджала губы. Не она одна так отнеслась к новой Гермионе. Двери в Большой зал распахнулись, и толпа хлынула в зал. Поклонницы Крама, те, что устраивали засаду в библиотеке, проходя мимо, казалось, готовы были убить ее. Пэнси Паркинсон вытаращила глаза, и даже Малфой позабыл от изумления ругательные слова. Один только Рон, поравнявшись с Гермионой, не удостоил ее взглядом.

Когда все наконец уселись по местам, МакГо-

нагалл велела оставшимся встать друг за другом парами и следовать за ней. При их появлении весь зал захлопал, и профессор МакГонагалл повела их к большому круглому столу в дальнем конце, за которым сидели судьи.

Стены зала серебрились инеем, с темного, усыпанного звездами потолка свисали гирлянды из омелы и плюща. Длинные обеденные столы исчезли, вместо них — сотня столиков, каждый человек на десять. На столиках уютно горят фонарики.

Гарри шел, боясь одного — как бы у всех на глазах не споткнуться. А счастливая Парвати упивалась всеобщим вниманием, и с такой силой тащила Гарри вперед, что он ощущал себя собачкой на поводке, которую хозяин ведет по кругу на собачьей выставке. Недалеко от судейского стола Гарри заметил Падму с Роном. Вид у Падмы был надутый, Рон же, прищурившись, не сводил глаз с Гермионы.

Дамблдор, возглавлявший судейский стол, встретил подошедшие пары сияющей улыбкой, Каркаров — нежданное совпадение — смотрел на Крама и Гермиону совсем как Рон. Людо Бэгмен в пурпурной мантии, расшитой золотыми звездами, громко аплодировал вместе со всеми. Мадам

Максим, сменившая черную атласную униформу на свободную мантию из легкого светло-лилового шелка, тоже вежливо хлопала. Не было только мистера Крауча. Вместо него пятым за столом судей важно восседал Перси Уизли в темно-синей с иголочки мантии. Остальные места предназначались для участников состязания с их дамами.

Многозначительно глянув на Гарри, Перси слегка выдвинул незанятый стул, Гарри понял намек и сел рядом. Не успел он раскрыть рта, как Перси поведал ему радостную новость:

— Меня повысили. Я назначен («Не иначе как Верховным правителем вселенной», — подумал Гарри) личным помощником мистера Крауча и представляю его на вашем балу.

— А почему он сам не пришел? — спросил Гарри, уж очень ему не хотелось весь вечер слушать очередную лекцию о котлах.

— Боюсь, мистер Крауч болен и болен серьезно. Ему нездоровится с самого Чемпионата мира. Ничего удивительного, сильное переутомление! Да и годы не те, хотя голова все еще светлая. Великий человек! Но Министерство на Чемпионате мира потерпело фиаско, вдобавок его очень расстроила домовуха Винки, так, кажется, ее зовут. Мистер Крауч, конечно, ее выгнал, но остался без

прислуги, а это… э-э… ему трудно, сам понимаешь, возраст. Хозяйство с ее уходом разладилось. А тут на нас свалился этот Турнир, тяжелые последствия Чемпионата мира, да еще эта Скитер со своим Прытко Пишущим Пером… Он, бедняга, заслужил тихое Рождество дома. Я рад, что у него есть человек, на кого можно положиться и оставить вместо себя.

Гарри так и подмывало спросить Перси, а что, мистер Крауч все еще называет его Тизли, но удержался.

Отливающие золотом тарелки, перед которыми лежали меню, все еще были пустые. Гарри нерешительно взял карточку с рождественской виньеткой и огляделся — официантов нет. Дамблдор, однако, внимательно изучал список блюд, после чего заказал, глядя в свою тарелку: «Свиные отбивные!»

И на тарелке тотчас явились с пылу с жару котлеты. Тут все сразу смекнули, что делать, взяли меню, и золотые тарелки наполнились едой. Гарри с любопытством глянул на Гермиону: как ей новый способ подавать кушанья, не лишняя ли работа для эльфов? Но Гермиона и думать забыла о защите прав домовиков. Она увлеченно беседовала с Виктором Крамом и не замечала,

что и как ест.

Гарри не слышал ни разу, чтобы Крам с кем-то разговаривал. Он все больше молчал, а теперь разговорился, да еще с явной охотой.

— У нас тоже есть дворец, — услышал Гарри, — не такой болшой и комфортэбелный, как ваш, всего четыре этажа. И очаги мы топим только для колдовства. Но территория наша болше и красивей, правда, зимой день совсем короткий, а ночь длинная, мало времени любоваться. Зато летом мы долго летаем над озерам и горами…

— Эй, Виктор, — рассмеялся Каркаров, но глаза его оставались холодные и пустые, — смотри не скажи чего-нибудь лишнего, как бы твоя очаровательная собеседница не нашла к нам дорогу.

Дамблдор улыбнулся, и в глазах у него запрыгали искорки смеха.

— У тебя, Игорь, все тайны да тайны. Можно подумать, ты не любишь гостей.

— Мы все, Дамблдор, печемся о своих владениях. — Каркаров оскалил желтые зубы. — И ревностно оберегаем вверенные нам очаги знаний. Мы по праву гордимся, что никто, кроме нас, не знает все их секреты, и мы бдительно храним их. Разве не так?

— А я, Игорь, не стал бы утверждать, что знаю

все секреты Хогвартса, — добродушно ответил Дамблдор. — Не далее как сегодня утром отправился я в туалет, свернул не туда, и очутился в прелестной, совершенно незнакомой комнате с превосходной коллекцией ночных горшков. Позже я вернулся получше осмотреть ее, а комнатка-то исчезла. Я, конечно, все равно ее отыщу. Возможно, она доступна только в полшестого утра, а может, когда месяц в фазе одна четверть или когда слишком полный мочевой пузырь.

Гарри прыснул в тарелку с гуляшом. Перси нахмурился, а Дамблдор чуть заметно подмигнул Гарри.

Тем временем Флер Делакур, изящно повернув голову в сторону своего кавалера, в пух и прах разносила убранство замка.

— П'госто убожество! — обвела она взглядом искрящиеся инеем стены Большого зала: как и все французы, она немного картавила. — У нас во дво'гце Т'гапезную ук'гашают ледяные скульпту'ты. Они не тают и пе'геливаются всеми цветами 'адуги. А какая у нас еда! А хо'г лесных нимф! Мы едим, а они поют. И в холлах никаких ужасных 'ыца'гей без головы. А поп'гобуй залети в Шармбатон полте'гейст, его выгонят с т'геском, вот так! — И Флер с силой хлопнула по столу

ладонью.

Роджер Дэвис глядел на прекрасную Флер затуманенным взором. Восхищение его было так велико, что он вряд ли ее слышал, пронося вилку мимо рта.

— Конечно! — стукнул он по столу так, как Флер. — Да! С треском!

Гарри окинул взглядом зал. Хагрид сидел за одним из учительских столов и, не отрываясь, глядел в их сторону. На нем был все тот же ужасный бурый с ворсом костюм. Он махнул рукой, и мадам Максим, заметил Гарри, ответила тем же. Опаловое ожерелье на ее могучей шее мягко переливалось, отражая огоньки фонарей.

Гермиона учила Крама произносить ее имя: он звал ее «Геримона».

— Гер-ми-о-на, — медленно, по слогам произнесла Гермиона.

— Герм-ивона, — повторил Крам.

— Гораздо лучше, — похвалила Гермиона, заметила, что Гарри на нее смотрит, и улыбнулась.

После ужина Дамблдор встал и пригласил всех последовать его примеру. Взмахнул волшебной палочкой, столы отъехали к стенам, образовав пустое пространство. Еще один взмах, и вдоль правой стены выросла сцена — с барабанами,

гитарами, лютней, виолончелью и волынкой.

На сцену вышел ансамбль «Ведуньи», встреченный восторженными рукоплесканиями. У ведуний были длинные растрепанные волосы, черные мантии нарочито порваны и потерты. Гарри с нетерпением ждал, чтобы они заиграли, совсем забыв, что за этим последует. Ведуньи разобрали инструменты, фонарики на столах погасли, и участники состязания со своими дамами поднялись со своих мест.

— Пойдем, — шепнула Парвати. — Сейчас полагается танцевать.

Вставая, Гарри запутался в полах непривычного наряда. «Ведуньи» заиграли грустный медленный танец. Вышли на середину зала, которая была ярко освещена. Гарри старался избегать устремленных на него взглядов (краешком глаза он все же заметил, как Симус с Дином махнули ему, едва сдерживая смешок). Парвати решительно взяла обе его руки, одну положила себе на талию, другую крепко сжала.

«Не так уж и плохо», — подумал Гарри, неторопливо описывая крути (вела Парвати). Гарри глядел поверх голов, но скоро и сами зрители, разобравшись на пары, присоединились к танцующим, и Гарри перестал ощущать на себе взоры

десятков глаз. Рядом с ним танцевали Невилл с Джинни, которая все время морщилась — Невилл то и дело наступал ей на ноги. Дамблдор вальсировал с мадам Максим. Она была чуть выше него, впрочем, для дамы ее роста и полноты мадам Максим танцевала вполне грациозно. Грозный Глаз неуклюже топтался в тустепе с профессором Синистрой, которая явно опасалась его деревянной ноги.

— Недурные носки, Поттер, — прохрипел Грюм, буравя волшебным глазом мантию Гарри.

— Еще какие, — улыбнулся Гарри. — Их связал домовик Добби.

— Какой он ужасный! — шепнула Парвати на ухо Гарри. Деревянная нога Грюма бухала уже далеко, и он не мог слышать ее слов. — По-моему волшебные глаза давно пора запретить.

Услыхав последнюю дрожащую ноту, выведенную волынкой, Гарри облегченно вздохнул. Все захлопали, а Гарри мгновенно высвободился из объятий Парвати.

— Пойдем посидим? — предложил он. «Ведуньи» заиграли новый танец, веселый и быстрый.

— Нет, — возразила Парвати, — давай танцевать. Мне этот танец очень нравится!

— А мне нет, — соврал Гарри и повел Парвати

к столикам у стенки мимо Фреда и Анджелины, которые так лихо отплясывали, что другие пары шарахались от них, боясь за свою жизнь. За одним из столиков сидели Рон с Падмой.

— Ну как бал? — Гарри опустился на соседний стул и откупорил бутылочку сливочного пива.

Рон промолчал. Он не сводил глаз с Гермионы и Крама, которые танцевали неподалеку. Падма сидела, скрестив руки, закинув одну ногу на другую, и притоптывала в такт музыке, недовольно поглядывая на Рона, который, казалось, совсем забыл о ее существовании. Парвати села рядом с Гарри в ту же позу, что и сестра, и в ту же минуту к ней подошел ученик из Шармбатона и пригласил на танец.

— Гарри, ты не возражаешь? — спросила Парвати.

— Что? — спросил Гарри, глядя на Чжоу и Седрика.

— Ничего, — бросила Парвати и пошла танцевать, только он ее и видел.

Подошла раскрасневшаяся Гермиона и села рядом.

— Привет, — сказал Гарри. Рон промолчал.

— Очень жарко, — обмахивалась ладонью Гермиона. — Виктор пошел за лимонадом.

Рон взглянул на нее испепеляющим взглядом.

— Уже Виктор? А звать его Вики он еще не просил тебя?

— Что с тобой? — Гермиона удивленно вскинула брови.

— Сама не понимаешь?

Гермиона перевела взгляд на Гарри, но тот лишь пожал плечами.

— Рон, да что…

— Он из Дурмстранга — вот что! Он соперник Гарри. И нашей школы. А ты… ты… — Рон подыскивал слово, которое описало бы преступление Гермионы. — Ты братаешься с врагом — вот что!

Гермиона рот открыла от изумления.

— Глупость какая! — наконец вымолвила она. — «С врагом!» А кто прыгал от радости, когда Виктор приехал? Кто хотел взять у него автограф? У кого в спальне его статуэтка?

Рон пропустил все эти обвинения мимо ушей.

— Он, конечно, в библиотеке пригласил тебя?

— Да. Ну и что? — Щеки у Гермионы раскраснелись еще больше.

— А ты его уже записала в Ассоциацию Восстановления Независимости Эльфов?

— И не подумала! Если хочешь знать, он каждый день ходил в библиотеку, чтобы поговорить

со мной. И никак не решался. Он сам мне это сказал, — выпалила Гермиона на одном дыхании и стала пунцовой, как мантия Парвати.

— Вот, вот, сказал, — съехидничал Рон.

— Ты на что намекаешь?

— Понятно на что. Он ведь учится в школе Каркарова, да? Знает, с кем ты дружишь… Ему нужен Гарри, нужно кое-что о нем выведать, даже, может, навести порчу…

Гермиона взглянула на Рона так, как будто он дал ей пощечину.

— Он меня о Гарри вообще не спрашивал, ни одного раза, — сказала она дрожащим голосом.

И Рон тут же повел атаку с другой стороны.

— Тогда, значит, ему просто нужна твоя помощь. Он один ни за что не проникнет в тайну яйца. Представляю, как вы уютно сидите рядышком в библиотеке…

— Я никогда не стану ему помогать! — сверкнула глазами Гермиона. — Слышишь? Никогда! Как ты смеешь такое говорить! Я хочу, чтобы победил Гарри. И он это знает, правда, Гарри?

— По тебе не скажешь, — продолжал наскакивать Рон.

— Для чего устроили этот Турнир? Чтобы волшебники из разных стран подружились!

— Ничего подобного! Главное в Турнире — победа! Рон с Гермионой кричали так, что окружающие стали уже на них поглядывать.

— Послушай, Рон, — Гарри попытался утихомирить друга, — меня нисколько не трогает, что Гермиона пришла на бал с Крамом…

Но Рон закусил удила.

— Что ж ты не идешь к своему Вики? Он тебя, наверное, обыскался!

— Не смей называть его Вики! — Гермиона вскочила и побежала через зал, сталкиваясь с танцующими парами.

Рон глядел ей вслед, и на лице у него смешались ярость и удовлетворение.

— Ты, наконец, пригласишь меня танцевать? — спросила Падма.

— Нет, — отрезал Рон, все еще глядя вслед Гермионе.

— Ну и отлично. — Падма поднялась, подошла к сестре, и для нее тотчас нашелся кавалер, тоже француз. Гарри даже показалось, что кавалер Парвати вызвал его заклинанием, так быстро он появился.

— А где Гермивонна? — к друзьям с двумя бокалами подошел Крам.

— Не знаю и знать не хочу, — глядя исподлобья,

ответил Рон. — Что, потерял свою Гермивону?

Лицо у Крама помрачнело.

— Передайте ей, если увидите, я имею лимонад. — И он, ссутулив плечи, ушел.

Тут же появился важный, как индюк, Перси.

— Прекрасно! — воскликнул он, потирая руки. — Что, Рон, вы уже с Виктором Крамом друзья? Это и была наша цель — создать международное содружество волшебников.

К огорчению Гарри, Перси сел рядом на свободный стул. Стол судей опустел. Дамблдор танцевал с профессором травологии, миссис Стебль, Людо Бэгмен — с МакГонагалл, мадам Максим с Хагридом носились в бешеном вальсе по всему залу, грозя сбить с ног пары, танцующие в опасной с ними близости. Не танцевал один Каркаров, он вообще куда-то исчез. Очередной танец кончился, и все снова захлопали в ладоши. Людо Бэгмен поцеловал руку МакГонагалл и пошел к столу, и тут его настигли близнецы Фред и Джордж.

— Что это они себе позволяют? — нахмурился Перси, подозрительно глядя на братьев. — Как они смеют приставать к министерским работникам! Никакой почтительности!

Впрочем, Бэгмен скоро избавился от близнецов, увидел Гарри, махнул рукой и подошел.

— Надеюсь, мои братья не успели вам надоесть, мистер Бэгмен? — без промедления спросил Перси.

— Что? А нет, нисколько! Они более подробно рассказали мне о фальшивых волшебных палочках, они ведь такие выдумщики, и спросили, будет ли на них спрос. Я пообещал свести их с моими знакомыми в фирме «Зонко».

Перси очень расстроился. Приедет домой, сразу побежит жаловаться мамочке, подумал Гарри. Похоже, у Фреда с Джорджем грандиозные планы, раз они решили через магазины продавать свои безделки с подвохом.

Бэгмен, повернувшись к Гарри, открыл было рот, но Перси опередил его:

— Как, по-вашему, проходит Турнир, мистер Бэгмен? У нас в отделе все довольны, правда небольшая оплошность с Кубком огня… — Он поглядел на Гарри. — Но затем все пошло как по маслу.

— Да, конечно, — сияя, подтвердил Бэгмен. — Все получили огромное удовольствие. Жаль, старина Барти не приехал. Как он поживает?

— Я не сомневаюсь, мистер Крауч поправится в самое ближайшее время, — с важностью заверил Перси. — Я так счастлив, что смог взять

на себя его ношу. Ведь мы не только посещаем балы… — Перси рассмеялся с нарочитой деланностью. — Столько всяких дел накопилось в его отсутствие. Вы ведь слышали, Али Башира поймали на контрабандном ввозе ковров-самолетов. Сейчас ведем трудные переговоры с трансильванцами, настаиваем, чтобы они подписали Международный запрет дуэлей. У меня в начале года была встреча с главой их отдела по международному сотрудничеству…

— Пойдем погуляем, — шепнул Рон Гарри, — подальше от Перси.

И под предлогом, что хотят выпить чего-нибудь еще, друзья встали, по краю зала обошли танцующих и вышли в холл. Парадные двери были распахнуты настежь, в розовом саду мерцали, порхая с куста на куст, крохотные феи. Мальчики спустились по лестнице и очутились в гроте, полном цветущих розовых кустов, между ними бежали извилистые дорожки, мощенные цветной плиткой, над кустами высились каменные статуи. Где-то плескалась вода, должно быть, фонтан. Здесь и там на резных скамьях сидели ученики, отдыхая от танцев. Гарри с Роном пошли в глубь сада и скоро услыхали знакомый ненавистный голос.

— Не вижу, Игорь, никаких причин для беспокойства.

— Как ты можешь, Северус, закрывать глаза на происходящее? — с явной тревогой возразил Каркаров, понизив голос: вдруг кто подслушает. — Тучи сгущаются все последние месяцы, и меня, не стану скрывать, это очень тревожит…

— Тогда беги, — посоветовал Снегг. — Беги, я уж как-нибудь объясню твое бегство. Что до меня, я остаюсь в Хогвартсе.

Голоса слышались все ближе, и скоро из-за поворота появились их обладатели. Снегг с каким-то особым озлоблением раздвигал кусты волшебной палочкой, оттуда с испуганными возгласами то и дело выскакивали темные фигурки, а Снегг так и сыпал наказания. Мимо него прошмыгнула девочка.

— Минус десять очков Пуффендую, Фосетт, — проскрипел он. — Минус десять и Когтеврану Стеббинс, — следом за девочкой из кустов выскочил мальчик.

— А вы что тут делаете? — заметил Снегг впереди Гарри с Роном.

Каркаров, явно недовольный такой встречей, нервно схватил кончик козлиной бородки и стал накручивать ее на палец.

— Просто гуляем, — кратко ответил Рон. — Правилами не запрещено.

— Ну и продолжайте гулять, — рыкнул Снегг и вихрем пронесся мимо, только мелькнула за спиной, как надутая ветром, черная мантия. Каркаров не отставал, а Рон с Гарри пошли дальше.

— Что так могло встревожить Каркарова? — тихо спросил Рон.

— И с каких это пор они со Снеггом на «ты»? Да еще называют друг друга по имени.

Друзья дошли до большого каменного оленя, за которым искрились струи мощного фонтана. На скамье у самой воды сидели две огромные фигуры, любуясь лунными бликами.

— Я как вас увидел, сразу все понял, — раздался почему-то охрипший голос Хагрида.

Гарри и Рон замерли: в такие минуты лучше, наверное, людям не мешать… Гарри оглянулся и увидел сзади за кустом Флер Делакур с Роджером Дэвисом. Он хлопнул Рона по плечу и кивнул в их сторону можно вернуться назад и незаметно прошмыгнуть мимо — они были слишком заняты друг другом. Но при виде Флер у Рона от страха расширились глаза, он бешено замотал головой и потащил Гарри дальше в тень кустов и оленя.

— Что вы поняли, 'Агрид? — промурлыкала

басом мадам Максим.

Как же быть? Хагриду только свидетелей не хватало. Не хотел бы Гарри быть сейчас на его месте. Лучше всего заткнуть уши и громко замычать какую-нибудь мелодию. Но это невозможно. По спине каменного оленя полз жук, Гарри принялся разглядывать его, но жук был неинтересный, и он невольно слышал каждое слово тайной беседы друга.

— Понял, что мы с вами… одинакие. У вас кто, отец аль мать?

— Я не понимаю вас, Агрид…

— У меня — мать. Может, самая последняя в Англии. Я ее и не помню толком… она нас бросила. Мне и трех годков не было. Да и какая из нее мамка! Не в их это обычае. Что с ней сталося? Не знаю. Может, давно померла…

Мадам Максим молчала. Гарри, сам того не желая, оторвал взгляд от жука и прислушался. Хагрид никогда не рассказывал им о своем детстве.

— Как она ушла, отец долго убивался. Крохотной был такой. Я его в шесть лет на комод сажал, коли надоест шибко. Оченно любил его смешить… — Хагрид замолчал. Мадам Максим сидела, не шелохнувшись, и молча глядела на серебристые струи фонтана. — Отец, конечно, меня

растил… а потом взял и помер — я только в школу пошел. И мне уж тут все самому пришлось. Дамблдор, однако, помог. Всегда был такой добрый…

Хагрид вытянул из кармана огромный шелковый в крапинку платок и громко высморкался.

— Что это я все о себе… Мне про вас интересно. Вы-то по матери, по отцу?

Мадам Максим вдруг поднялась и сказала:

— Здесь холодно. — Но какой бы холодной ни была погода, голос ее звучал еще холоднее. — Пора идти в замок

— А? В замок? Посидите еще, я никогда не встречал других, как я.

— Других каких? — ледяным тоном спросила мадам Максим.

«Промолчи, Хагрид, не отвечай», — молил Бога Гарри. Он стоял в тени, стиснув зубы, и надеялся, что Хагрид не ответит…

— Полувеликанов, конечно, кого же еще?

— Да как вы смеете, Агрид?! — вскричала мадам Максим. Флер и Роджер выскочили из своего укрытия, как пробка из бутылки. — Такой оскорблений! Полувеликан? Муа? Я… я просто широка в кости!

И она умчалась, с треском ломая кусты. Испуганные светлячки стайками взмывали в воздух,

а Хагрид остался сидеть на скамье и глядел ей вслед — в темноте нельзя было разобрать, что выражало его лицо. Потом он встал и пошел, но не в замок, а во мрак ночи, в сторону своей хижины.

— Пойдем, — сказал Гарри. Рон не сдвинулся с места.

— Ты что? — Гарри поглядел на Рона.

Рон повернулся к Гарри, услышанное явно ошеломило его.

— Ты знал, что Хагрид наполовину великан?

— Нет. А что тут такого? — пожал Гарри плечами. И по взгляду Рона понял, что опять попал впросак — да когда же он будет знать все о мире волшебников! Детские годы он провел у маглов, и многое, что волшебники впитали с молоком матери, было для него неведомо. Таких белых пятен с каждым годом становилось все меньше. Но вряд ли кто из волшебников сказал бы, «что тут такого», узнай он, что мать их друга из племени великанов.

— Пойдем в замок, там объясню, — сказал Рон. Флер и Роджер испарились, наверное нашли кусты погуще. Гарри и Рон поспешили в Большой зал. Падма с Парвати сидели за дальним столом в окружении шармбатонцев, Гермиона все еще танцевала с Крамом. Рон с Гарри тоже устроились

за столиком подальше от танцующих.

— Так что такое с великанами? — напомнил Гарри.

— Ну они… как бы это сказать… — Рон не мог найти подходящего слова. — Не очень хорошие…

— Ну и что? Хагрид-то хороший.

— Да знаю. Только, черт, он правильно делает, что молчит об этом. — Рон повертел головой. — Я думал, на него в детстве случайно наложили заклятие роста, вот он и вымахал. Кому приятно об этом говорить…

— Ладно, пусть его мать великанша. Но он-то тут при чем?

— Конечно, всем, кто Хагрида знает, наплевать на это. Ведь им известно, что он неопасен, — медленно проговорил Рон. — Только понимаешь, Гарри, они очень злые. Это в их обычае, как говорит Хагрид. Они как тролли, им нравится убивать. Все это знают. Хотя в Англии все великаны перевелись.

— А что с ними случилось?

— Взяли да все вымерли, ну и мракоборцы постарались. За границей, говорят, великаны еще есть, прячутся в горных пещерах…

— И кого только мадам Максим думает обмануть? — Гарри взглянул на нее: она сидела за

столом судей одна, мрачно нахмурившись. — Если у Хагрида в жилах великанская кровь, то у нее и подавно. Широка в кости! Из всех живых существ только у динозавра, наверное, кости толще.

Весь остаток бала Гарри и Рон просидели в своем уголке, разговаривая о великанах, танцевать им обоим не хотел ось. Гарри старался не глядеть на Чжоу и Седрика: когда он на них глядел, у него руки чесались хорошенько кого-то стукнуть.

В полночь «Ведуньи» доиграли последний танец, им напоследок долго и громко хлопали. Бал кончился, и все пошли в холл. Многие были недовольны, могли бы хоть Святочный бал продлить до часу ночи. А Гарри был рад — наконец-то он заберется в теплую уютную постель. Бал показался ему очень скучным.

Они с Роном вместе со всеми вышли в холл. Гермиона пожелала Краму спокойной ночи, и тот отправился к себе на корабль. Холодно взглянув на Рона, она молча прошла мимо и стала подниматься по мраморной лестнице. Гарри и Рон двинулись следом, но на полпути Гарри окликнул Седрик Диггори.

— Гарри, постой!

Чжоу ждала Седрика внизу.

Седрик дал понять, что не хотел бы говорить при Роне, Рон хмуро пожал плечами и пошел наверх.

— Послушай, Гарри, — начал Седрик, — я у тебя в долгу за дракона. Ты открывал золотое яйцо? Оно у тебя воет?

— Ну, воет.

— Тогда… прими ванну, ясно?

— Что-что?

— Прими ванну… только захвати с собой яйцо. Открой его в горячей воде и послушай. Это наведет тебя на мысль, поверь мне.

Гарри вытаращил глаза.

— Только иди в ванную старост. Пятый этаж, четвертая дверь слева от статуи Бориса Бестолкового. Пароль — «Сосновая свежесть». Ну все, мне пора, пойду кое с кем попрощаюсь…

Седрик снова улыбнулся и побежал вниз, где его ждала Чжоу.

Гарри побрел один к себе в башню. Какой странный совет? Как это ванна поможет разгадать загадку воющего яйца? Может, это Седрик так шутит? Может, хочет выставить его дураком, чтобы он в глазах Чжоу не выдержал сравнения с Седриком?

Полная Дама и ее подруга Ви мирно похра-

пывали в раме. Гарри долго им кричал пароль «Светляки», наконец докричался, они проснулись, ну его ругать, но все же проем открыли. А в гостиной его ожидала неожиданная сцена. Рон с Гермионой с красными лицами стояли метрах в трех друг от друга и орали что было мочи.

— Тебе это не нравится, да? Но ты прекрасно знаешь, что надо было делать! — кричала Гермиона. Красивый узел на затылке растрепался, лицо от гнева перекосилось.

— И что же мне надо было делать?

— Самому пригласить меня на бал, и не в последнюю минуту, когда уже некого выбирать!

Рон хотел что-то сказать, но только открывал рот, как рыба, вытащенная из воды. Гермиона развернулась на каблуках и вихрем взлетела по лестнице в свою спальню. Рон обернулся к Гарри.

— Видел? — ошеломленно выпалил он. — Совсем ничего не поняла!

Гарри промолчал: он был счастлив, что помирился с Роном, и решил не учить его сейчас уму-разуму — ведь Гермиона-то поняла все гораздо лучше, чем Рон.

Глава 24

СЕНСАЦИЯ РИТЫ СКИТЕР

На второй день Рождества все спали долго. Днем в гостиной было хоть и людно, но тихо. Разговаривали неохотно, часто зевали. Гермиона сидела с Живоглотом на коленях и почесывала его за ухом — кот благодарно мурлыкал. Волосы у нее снова торчали пышной копной, и она призналась Гарри, что перед балом хорошенько полила их снадобьем «Простоблеск» для укладки волос.

— Это снадобье только для балов, с ним так много мороки!

Рон и Гермиона держались друг с дружкой учтиво-холодно, о вчерашней ссоре не вспоминали, как будто заранее договорились. Утром Гарри и Рон сразу же рассказали Гермионе о прогулке Хагрида с мадам Максим. Узнав, что Хагрид — полувеликан, Гермиона только пожала плечами, ее эта новость не потрясла, как Рона.

— Что ж тут такого? Я так и думала. Он, конечно, не настоящий великан, настоящие семь метров ростом. И что их бояться? Не все же они злодеи и убийцы. Не боимся же мы подряд всех оборотней.

Глупости!

Рону пришло в голову едкое замечание, но он смолчал, опасаясь, должно быть, новой ссоры. Он ограничился тем, что поджал губы и покачал головой. Правда, когда Гермиона отвернулась.

Пора было браться за домашние задания; в первую неделю каникул делать ничего не хотелось, казалось, впереди много времени. Принесли учебники, пергамент и перья и нехотя, с кислыми минами принялись за работу. Гарри все чаще поглядывал на календарь.

До 24 февраля рукой подать, а за разгадку золотого яйца он еще и не брался. Всякий раз, зайдя в спальню, Гарри доставал яйцо, раскрывал и внимательно слушал: не будет ли на этот раз какого знака? Он силился вспомнить, не напомнит ли вой о чем-нибудь? Кроме оркестра поющих пил — ни о чем! Пробовал закрыть и трясти яйцо — не изменится ли звук? — но оно выло по-прежнему. Гарри задавал яйцу вопросы, орал что есть мочи, перекрикивая вой, — все без толку. Даже кинул его разок об стену, на успех, впрочем, не надеясь.

Конечно, он вспоминал подсказку Седрика, но Седрик был у него не в чести, и Гарри решил пока обойтись без его помощи. Да пожелай Седрик и правда помочь, сказал бы прямо, чего намекать-

то… Сказал же ему Гарри о драконе. А Седрик взамен советует искупаться в ванне. Хорош совет! Нет уж, обойдемся без его помощи, пусть разгуливает по замку рука об руку с Чжоу.

За такими раздумьями кончились каникулы. Гарри нагрузил сумку книгами, пергаментом и перьями и стал, как всегда, ходить на уроки. А золотое яйцо продолжало мучить, словно жернов на шее, как будто вдобавок к тяжеленной сумке он еще и яйцо носил с собой на занятия.

На улице по-прежнему лежали сугробы; стекла теплицы профессора Стебль заросли ледяными узорами, гляди не гляди, ничего за окном не увидишь. На урок ухода за волшебными животными в такой холод ох как не хотелось идти.

— С соплохвостами не замерзнешь, — буркнул перед уроком Рон, — придется от них побегать. А то еще хижину Хагрида подожгут — совсем будет жарко!

Снегу навалило за ночь! До хижины добрались, проваливаясь по пояс. У двери их встретила пожилая колдунья с короткой стрижкой и выдающимся вперед подбородком.

— Быстрее, звонок прозвенел пять минут назад! — еще издалека недовольно приказала она.

— Вы кто? А где Хагрид? — спросил ее Рон.

— Моя фамилия Граббли-Дерг, — представилась колдунья. — Я буду временно вести у вас уход за волшебными животными.

— А Хагрид где? — повторил громко Гарри.

— Нездоров.

За спиной у Гарри кто-то злорадно хихикнул. Он обернулся — к хижине приближался Драко Малфой с прочими слизеринцами. Их нисколько не удивило появление профессора Граббли-Дерг.

— Идемте за мной. — Учительница пошла вдоль загона, где ежились и подрагивали от холода огромные золотые лошади Шармбатона.

Гарри, Рон и Гермиона двинулись следом, то и дело оглядываясь на хижину Хагрида: окна занавешены — может, у Хагрида жар и он лежит там совсем один.

— А что с ним? — едва поспевая за учительницей, спросил Гарри.

— Не ваше дело, — отрезала Граббли-Дерг, словно Гарри спросил из праздного любопытства.

— Очень даже мое, — возразил Гарри. — Что с Хагридом?

Но профессор как будто оглохла. Обогнули загон — лошади для тепла сбились в кучку — и пошли дальше к лесу. На опушке к одному из деревьев был привязан великолепный единорог.

Девочки так и ахнули.

— Какой красивый! — всплеснула руками Лаванда Браун. — Где она его раздобыла? Их так трудно поймать!

Единорог был чистейшей белой масти, и по сравнению с ним даже снег выглядел сероватым. Он волновался, месил золотыми копытами снег, то и дело вскидывая голову с прямым, как стрела, рогом.

Гарри устремился было вперед, но профессор Граббли-Дерг остановила его, больно ткнув в грудь.

— Мальчикам остаться. Единороги предпочитают женскую руку. Девочки, вперед, осторожнее. Идем медленно, не торопясь…

И профессор во главе кучки девочек осторожно двинулась к единорогу, а мальчики остались у ограды загона.

— Что с ним, как ты думаешь? Может, соплохвост… — спросил Гарри Рона, едва сердитая профессор отошла.

— Цел твой Хагрид и невредим, — сказал тихо Малфой. — Просто ему стыдно показаться на людях.

— Стыдно? Это еще почему? — резко обернулся к Малфою Гарри.

Тот запустил руку в карман и достал свернутую газету.

— На, полюбуйся, — ухмыльнулся он, скроив притворно-жалостливую гримасу. — Не хотел тебя огорчать, да, видно, придется…

Гарри взял газету, развернул и начал читать. Рон, Симус, Дин и Невилл, заглядывая через плечо, присоединились к нему. Газетная статья начиналась с фотографии Хагрида, выглядел он на ней как настоящий головорез.

КОЛОССАЛЬНАЯ ОШИБКА ДАМБЛДОРА

Альбус Дамблдор, директор школы волшебства «Хогвартс», всем известен своими чудачествами. Он, не колеблясь, назначает на должности преподавателей людей, которых иные не пустили бы на порог. В сентябре нынешнего года он удивил многих в Министерстве магии тем, что сделал учителем защиты от темных искусств свихнувшегося экс-мракоборца, печально известного Аластора Грюма по прозвищу Грозный Глаз. Грюм славится тем, что нападает на любого, кто сделает рядом с ним резкое движение. Но Грозный Глаз Грюм просто сама доброта и

надежность по сравнению с учителем-получеловеком, преподающим уход за волшебными животными.

Зовут его Рубеус Хагрид. Он когда-то и сам учился в школе «Хогвартс», но, как он сам признается, был отчислен на третьем курсе. Директор Дамблдор дал ему тогда должность лесничего. В прошлом году, однако, Хагрид, пользуясь влиянием на директора, получил должность учителя ухода за волшебными животными. Более достойным кандидатам на это место было отказано.

На Хагрида страшно смотреть — так он свиреп и огромен. Обретенная власть позволяет ему проводить над учениками бесчеловечные эксперименты — натравливать на них чудовищ. Уже есть жертвы. Дамблдор на все закрывает глаза, студенты говорят, ходить на его уроки опасно.

— На меня бросился гиппогриф и поранил, а моего друга Винсента Крэбба укусил флоббер-червь, — сообщил нам студент четвертого курса Драко Малфой. — Мы все терпеть не можем этого Хагрида, но дрожим от страха и потому

молчим.

Хагрид и дальше намерен запугивать учеников. Месяц назад в беседе с репортером «Пророка» он рассказал, что вывел новый вид монстров, помесь мантикор с огненными крабами, и назвал их огненными соплохвостами. Эти соплохвосты очень опасны. Эксперименты по выведению волшебных животных, как известно, проводятся только с разрешения Департамента по надзору за волшебными существами. Но Хагрид, очевидно, считает себя выше таких мелочей.

— Я занимаюсь этим забавы ради, — пояснил Хагрид во время интервью и тут же сменил тему.

С недавних пор «Пророк» обладает неопровержимыми доказательствами, что Хагрид не чистокровный волшебник, каким он всегда притворялся. Он даже не человек. Его мать не кто иная, как великанша Фридвульфа, чье нынешнее местонахождение неизвестно.

Великаны жестоки и кровожадны, весь прошлый век они воевали между собой и едва не истребили себя полностью.

Горстка оставшихся в живых примкнула к Тому-Кого-Нельзя-Называть, и именно они виновны в самых чудовищных массовых убийствах маглов.

Большинство великанов — слуг Того-Кого-Нельзя-Называть были истреблены мракоборцами Министерства магии, но Фридвульфа каким-то образом уцелела. Возможно, бежала за границу и была принята в одну из горных общин великанов. Судя по урокам ухода за волшебными существами, сын Фридвульфы унаследовал свирепость матери.

Говорят, что Хагрид, как ни удивительно, дружит с мальчиком, благодаря которому Сами-Знаете-Кто лишился силы и могущества, после чего матери Хагрида, как и прочим соратникам Сами-Знаете-Кого, пришлось бежать. Гарри Поттер, возможно, не знает горькой правды о своем огромном друге. Долг Альбуса Дамблдора — известить Гарри Поттера и других студентов о том, что иметь дело с полувеликанами чрезвычайно опасно.

Специальный корреспондент «Ежедневного Пророка»
Рита Скитер

Гарри дочитал статью и взглянул на Рона. Тот раскрыл рот и вытаращил глаза.

— Откуда она узнала? Гарри повернулся к Малфою.

— Откуда ты взял, что Хагрида «терпеть не могут»? А о Крэббе какая чушь написана? — Гарри указал на Крэбба. — Когда это его червь кусал? У червей и зубов-то нет! Крэбб, довольный собой, хохотнул.

— Надеюсь, теперь-то этого идиота выгонят. — Малфой злобно сверкнул глазами. — Надо же, полувеликан! А я-то думал, он в детстве бутылку «Костероста» случайно выпил… Вот папочки с мамочками засуетятся: а ну как это чудовище съест их деток… ха-ха-ха…

— Ты… ты…

— Вы где, на уроке? — прикрикнула профессор Граббли-Дерг.

Девочки окружили единорога и ласково гладили его по бокам и шее. Гарри невидящими глазами глядел на увенчанную рогом голову. Он весь дрожал от гнева, и газетный лист прыгал

у него в руках. Профессор громко перечисляла волшебные свойства единорогов, чтобы ее слова долетали и до мальчиков.

— Хорошо бы она у нас осталась! — воскликнула Парвати Патил после урока по дороге в замок. — Вот это, я понимаю, уход за волшебными животными. Единороги — не то что всякие там чудища…

— А как же Хагрид? — Гарри сердито поглядел на Парвати, шагая по каменной лестнице.

— А что? Будет лесничим, как и был, — пожала она плечами.

После бала Парвати не упускала случая насолить Гарри. Пожалуй, надо было обращать на нее побольше внимания, хотя она и так не скучала, подумал Гарри. Вон, всем болтает, что у нее в следующий выходной свидание в Хогсмиде с тем мальчиком из Шармбатона.

— Очень хороший урок, — сказала Гермиона в Большом зале. — Граббли-Дерг столько всего рассказала! Я, оказывается, и половины не знаю о единорогах…

— На, почитай! — Гарри сунул ей под нос статью из «Пророка».

Гермиона пробежала листок глазами, разинула рот совсем как Рон и задала тот же самый

вопрос:

— Откуда Скитер все это узнала? Неужели сам Хагрид ей сказал?

— Конечно нет! — Гарри подошел к гриффиндорскому столу и сел с размаху на стул. — Он и нам-то этого не говорил. Думаю, она здорово разозлилась на Хагрида, что он не стал на меня наговаривать. Где-то сама все это разнюхала и отомстила ему.

— Может, она подслушала его разговор на балу с мадам Максим? — предположила Гермиона.

— В парке ее не было, — ответил Рон. — Ее на территорию школы не пускают. Хагрид говорит, Дамблдор запретил…

— А может, у нее плащ-невидимка? — предположил Гарри, достал из горшочка кусок курицы, в сердцах плюхнул себе на тарелку, так что брызги полетели во все стороны. — Спряталась в кустах и подслушала, не постеснялась.

— Как вы с Роном? — заметила Гермиона.

— По-твоему, мы нарочно? — обиделся Рон. — Что нам еще было делать? Кто виноват, что простаку-Хагриду приспичило рассказывать о матери-великанше в таком месте, где его мог кто угодно услышать?

— Надо пойти к нему, — решил Гарри. — Сегод-

ня вечером, после урока предсказаний. Попросим его снова вести уроки. Ты разве не хочешь, чтобы он вернулся? — Гарри исподлобья взглянул на Гермиону.

— Я… мне, конечно, понравился урок Граббли-Дерг, таких у нас еще не было… Но я, конечно, хочу, чтобы Хагрид вернулся, — поспешила добавить Гермиона, поймав разъяренный взгляд Гарри.

После ужина вышли из замка и побрели по глубокому снегу к хижине Хагрида. На стук внутри глухо залаял Клык.

— Хагрид, это мы, — крикнул Гарри и снова заколотил в дверь. — Открой.

Хагрид молчал. Клык заскулил, зацарапал дверь, но дверь не отворилась. Они пробарабанили в дверь еще с полчаса, а Рон даже сбегал постучал в окно, но Хагрид так и не вышел. Друзья махнули рукой и пошли обратно в замок.

— Нас-то он почему не пускает? — размышляла Гермиона. — Нам все равно, человек он или полувеликан!

Похоже, Хагрид думал, что не все равно. Он не показывался всю неделю: за завтраком, обедом и ужином его место за учительским столом пустовало, в лесу и окрестностях замка он не появлялся,

а уроки ухода за волшебными существами попрежнему вела профессор Граббли-Дерг. Малфой открыто злорадствовал.

— Что, Поттер, скучаешь по приятелю-полукровке? Каков человек-слон, а? — шептал он Гарри на ухо, когда рядом был учитель, — боялся получить оплеуху.

В середине января объявили прогулку в Хогсмид. Гермиона очень удивилась, узнав, что Гарри тоже собрался идти.

— Я думала, ты останешься. В гостиной тихо, пора тебе подумать о загадке яйца.

— Я уже почти ее разгадал, — соврал Гарри. — Есть неплохая идея.

— Правда? — поразилась Гермиона. — Вот молодец!

Гарри кольнула совесть, но он отмахнулся. На разгадку яйца есть больше месяца… А Хогсмид… Может, там будет Хагрид, и, может, они упросят его вернуться.

В субботу все вместе вышли из замка и пошли к воротам. Холод пробирал до костей. Дурмстрангский корабль стоял у берега на своем месте. На палубе появился Виктор Крам в одних плавках. При всей своей худобе он наверняка отличался отменным здоровьем: уверенно вспрыгнул на

борт и, вытянув вверх руки, нырнул в озеро.

— Сдвинулся! — воскликнул Гарри. Голова Крама вынырнула посредине озера. — Холодина такая, январь на дворе!

— Откуда он приехал, там еще холоднее, — сказала Гермиона. — Наша вода ему, наверное, кажется теплой.

— Но в озере живет гигантский кальмар! — Беспокойства в голосе Рона не было, скорее надежда.

— Что с того, что он из Дурмстранга? — нахмурилась Гермиона. — Он очень хороший. Он мне сам сказал, у нас ему больше нравится.

Рон в ответ промолчал. После бала он еще ни разу не заговаривал о Викторе Краме, а на второй день каникул Гарри нашел у него под кроватью крохотную ручку, оторванную, судя по цвету одежды, от фигурки ловца сборной Болгарии.

В Хогсмиде было слякотно, особенно развезло Главную улицу. Гарри выглядывал Хагрида, но ни на улице, ни в лавках его не было, и Гарри предложил заглянуть в «Три метлы».

В пабе было, как всегда, людно. Гарри окинул взглядом столики — Хагрида не оказалось и здесь. Гарри сразу сник и поплелся вслед за Роном и Гермионой взять по кружке сливочного пива. Ко-

нечно, лучше было остаться в замке и послушать лишний раз вой из яйца.

— Поглядите туда. Интересно, бывает он когда-нибудь на работе? — шепнула Гермиона и указала на зеркало за стойкой бара.

В нем отражался Людо Бэгмен. Он сидел в дальнем темном углу с группой гоблинов и что-то быстро им говорил. Гоблины угрожающе глядели на него исподлобья, скрестив на груди руки.

«Что это Бэгмен здесь делает в выходной день?» — подумал Гарри. До третьего тура еще далеко, судить пока нечего. Гарри снова взглянул в зеркало на Бэгмена. Начальник Департамента магических игр и спорта был чем-то явно обеспокоен, совсем как той ночью в лесу, когда в небе появилась Черная Метка. Бэгмен посмотрел в сторону бара, заметил Гарри и поднялся из-за стола.

— Сейчас вернусь, — беззвучно пошевелил он губами в зеркале и, надев на себя неизменную мальчишескую улыбку, поспешил к Гарри. — Как дела, Гарри? Рассчитывал тебя здесь увидеть! Надеюсь, все в порядке?

— Да, спасибо, — ответил Гарри.

— Можно с тобой переброситься парой слов наедине? Вы не против? — спросил Бэгмен у Рона и Гермионы.

— Нет… — ответил Рон и пошел искать себе с Гермионой столик.

Бэгмен взял Гарри под руку и увел его к дальнему концу стойки, подальше от мадам Розмерты.

— Хочу тебя еще раз поздравить с победой над хвосторогой. Молодчина!

— Спасибо, — поблагодарил Гарри.

Бэгмен, видно, хотел что-то еще сказать, поздравить можно и при Роне с Гермионой. Но он почему-то медлил, посмотрел в зеркало на гоблинов, те, не отрываясь, глядели на него и на Гарри раскосыми черными глазами.

— Беда с ними, — тихо сказал Бэгмен Гарри, заметив, что и Гарри глядит на гоблинов. — Толком по-нашему не говорят, прямо как болгары на Чемпионате мира. Но те хоть жестами могут изъясняться, так что другой человек поймет. А эти тараторят на своем языке, гобблдигуке, а я из их языка знаю только одно слово: «бладвак», что значит «кирка». У меня, разумеется, это слово с языка не сорвется, а то, чего доброго, подумают, что я угрожаю. — Бэгмен закончил тираду смешком.

— Что им от вас нужно? — спросил Гарри. Гоблины следили за каждым движением Бэгмена.

— Как бы тебе объяснить… — Бэгмен вдруг за-

ерзал на стуле. — Они ищут Барти Крауча.

— А он им зачем? Здесь его нет, он в Лондоне, в Министерстве.

— В общем-то я… не знаю, где он сейчас. Он, видишь ли… на работу не ходит. Уже недели две. Его помощник Перси Уизли говорит, наверное, он заболел. Приказы присылает с совами. Только, чур, никому ни слова, ладно? А тут еще эта репортерша, Рита Скитер, везде крутится, всюду свой нос сует. Пронюхай она о болезни Барти, глазом не успеешь моргнуть, настрочит новую гадость. Будет всех убеждать, что он пропал, как недавно Берта Джоркинс.

— А Берта Джоркинс нашлась?

— Нет еще. — На лице Бэгмена снова появилось беспокойство. — Я послал на розыски. («Давно пора», — подумал Гарри.) Куда она запропастилась? До Албании-то доехала, это я точно знаю: там она виделась с двоюродным братом. Потом поехала на юг к тетке, и на пути как в воду канула… Что с ней стряслось — ума не приложу. Сбежала? На нее вроде не похоже. Хотя, кто ее знает? Да что это мы с тобой о гоблинах да о Берте Джоркинс? Лучше расскажи о себе. — Бэгмен понизил голос. — Как с загадкой яйца?

— Почти разгадал, — снова соврал Гарри.

Но Бэгмен, похоже, догадался, что Гарри говорит неправду.

— Послушай, Гарри, — сказал он, переходя на шепот. — Если говорить откровенно, что-то здесь нечисто… Ведь тебя принудили участвовать в Турнире. Да и вообще… — Тут он заговорил совсем неслышно, и Гарри наклонился вперед. — Если я могу чем помочь, не стесняйся… Ну, ты понимаешь… Ты мне с первого взгляда понравился… И с драконом разделался так умно. Так что только попроси помощи…

Гарри поглядел Бэгмену прямо в лицо. Такое розовощекое, с голубыми глазами, точно у младенца.

— Я сам должен разгадать эту загадку, — осторожно ответил Гарри. Пусть начальник Департамента магических игр и спорта не думает, что Гарри Поттер его укоряет.

— Ну разумеется. Просто мы все очень хотим, чтобы победу одержал ученик «Хогвартса».

— Вы и Седрику предлагали помощь? По лицу Бэгмена пробежало облачко.

— Нет, не предлагал. Как бы тебе объяснить… Говорю тебе, ты мне понравился. И я именно тебе хотел бы помочь…

— Спасибо большое. Я почти разгадал загадку,

еще пара дней, и все станет ясно.

Гарри и сам толком не знал, почему отказался. Бэгмен ему чужой человек, и помощь его смахивает на жульничество. Дружеские советы Рона, Гермионы или Сириуса — дело совсем другое.

Бэгмен явно обиделся, но тут подошли Фред и Джордж, и он больше ничего не прибавил.

— Здравствуйте, мистер Бэгмен, вот уж не думали вас здесь сегодня встретить! — воскликнул Фред. — Позвольте вас угостить?

— Нет… — Бэгмен напоследок разочарованно взглянул на Гарри. — Нет, ребята, большое спасибо…

Близнецы с таким же разочарованием посмотрели на Бэгмена; тот насупился, словно Гарри здорово его подвел, и стал прощаться.

— Ладно, мне пора бежать. Рад был с вами повидаться. Удачи, Гарри.

И он поспешил к двери. Гоблины повскакали со стульев и пустились вдогонку. Гарри подсел к Рону и Гермионе.

— Чего он хотел? — спросил Рон.

— Помочь решить загадку яйца.

— Не может быть! — опешила Гермиона. — Он же судья. Тебе и помощь уже не нужна, правда?

— В общем, правда…

— Что бы сказал Дамблдор? Бэгмен предлагает сжульничать! — покачала головой Гермиона. — А Седрику-то он предлагал помощь?

— Нет, я спрашивал.

— Причем тут Диггори! — возмутился Рон, и Гарри в душе с ним согласился.

— Интересно, что здесь делали эти гоблины? — Гермиона отхлебнула из кружки. — Вид у них был не очень-то дружелюбный.

— Бэгмен сказал, они ищут Крауча. Он болеет, его уже давно нет на работе.

— Может, Перси его отравил? — сказал Рон. — А что? Отправит Крауча на тот свет и сам станет начальником Департамента международного магического сотрудничества.

Гермиона укоризненно глянула на Рона, как будто хотела сказать: «Такими вещами не шутят».

— Зачем гоблинам Крауч? Они обычно имеют дело с Департаментом надзора за волшебными существами…

— А может, им нужен переводчик? — пожал плечами Гарри. — Крауч языков сто знает.

— Пожалела маленьких бедненьких гоблинов? — пошутил Рон. — Хочешь еще ОЗУГ открыть? Общество защиты уродливых гоблинов?

— Очень смешно! — иронически усмехнулась Гермиона. — Гоблины и сами за себя постоять могут. Ты, наверное, плохо слушал профессора Биннса? Забыл, что он рассказывал о восстаниях гоблинов?

— Совсем не слушал, — ответил Рон.

— Кто же его слушает! — поддержал друга Гарри.

— Ну так я вам скажу. Гоблины на равных общаются с волшебниками. — Гермиона отхлебнула из кружки. — Они очень умны. Это вам не пугливые эльфы-домовики.

Рон взглянул на входную дверь и увидел Риту Скитер.

— Только ее не хватало! — скривился он.

На репортерше сегодня желтый плащ, ногти покрыты ярко-малиновым лаком. Сопровождал ее, как всегда, пузатенький фотограф. Скитер взяла пару бокалов, и они сели за столик неподалеку от троих друзей, не спускавших с нее глаз. Скитер быстро и весело о чем-то говорила.

— ...он сегодня неразговорчив, правда, Бозо? Почему, как ты думаешь? И что ему понадобилось от этих гоблинов? Достопримечательности им показывает... Тоже мне, придумал! Врать он никогда не умел. Как, по-твоему, стоит покопаться

в этом деле? Статью назовем так «Падение Людо Бэгмена, бывшего главы Департамента волшебных видов спорта». А? Надо только подыскать историю под это название.

— Опять собираетесь испортить кому-то жизнь? — громко спросил Гарри.

Кое-кто из сидящих вокруг обернулись. Рита Скитер увидела Гарри и расширила глаза.

— Гарри! — радостно воскликнула она. — Вот так сюрприз! Посиди с нами…

— Я к вам на пушечный выстрел не подойду! Как вы могли написать про Хагрида такую мерзость?!

Скитер вскинула густо подведенные брови.

— Читатели имеют право знать правду, Гарри. Я всего лишь честно делаю свою работу…

— Что с того, что он полувеликан? — продолжал бушевать Гарри. — Он замечательный!

В пабе примолкли. Мадам Розмерта глядела из-за стойки, раскрыв рот; мед лился через край кувшина, который она держала в руке.

Улыбка на губах Скитер слегка дрогнула, но тут же стала еще шире. Поспешно раскрыв сумочку из крокодиловой кожи, она достала пергамент и Прытко Пишущее Перо.

— Как насчет интервью, Гарри? Расскажи о Ха-

гриде, ты его хорошо знаешь. Что скрывается за горой мускулов? А ваша неправдоподобная дружба? Что за этим стоит? Он заменяет тебе отца?

Гермиона вскочила, сжимая в руке кружку, как гранату.

— Вы гнусная женщина! — проговорила она сквозь стиснутые зубы. — Для ваших позорных статей годится что угодно и кто угодно. Даже Людо Бэгмен…

— Сядь, глупая девчонка, и не говори о том, чего не знаешь, — холодно сказала Скитер, глядя на Гермиону с ледяным презрением. — Я знаю о Людо Бэгмене такое, от чего у тебя волосы на голове дыбом встанут. Хотя в этом ты не нуждаешься… — прибавила она, взглянув на копну волос Гермионы.

— Гарри, Рон, пойдемте отсюда, — позвала Гермиона. Троица под взглядами всего паба пошла к двери. На пороге Гарри обернулся. Прытко Пишущее Перо Скитер быстро-быстро бегало по куску пергамента. Друзья вышли на улицу и поспешили к замку.

— Теперь она и о тебе напишет, — с опаской произнес Рон.

— Пусть попробует! Я ей покажу «глупую девчонку». — Гермиона дрожала от гнева. — Найду,

как с ней расквитаться. Сперва про Гарри, потом про Хагрида…

— Риту Скитер лучше не злить, — сказал Рон. — Она тебе этого не забудет…

— А я ее не боюсь, мои родители не волшебники, «Пророк» не читают, так что прятаться я не стану.

Гермиона шла так быстро, что Гарри с Роном едва за ней поспевали. Только однажды на памяти Гарри она так сердилась. Когда влепила Малфою пощечину.

— И Хагрид больше не будет ее бояться. Нашел из-за чего! Ну что вы там еле тащитесь? Идемте скорее!

И Гермиона побежала что есть духу к воротам замка с двумя крылатыми вепрями на столбах и прямо к хижине Хагрида. Гарри с Роном вприпрыжку за ней.

Занавески на окнах домика егеря были все также задернуты, изнутри доносился лай Клыка. Забарабанив в дверь, Гермиона закричала:

— Хагрид! Хагрид, открой! Ты ведь дома! Какая разница, великанша твоя мать или нет. Плюнь ты на эту писаку Скитер. Открывай, Хагрид, ты же…

Дверь отворилась.

— Ну, вот, давно по… — Гермиона осеклась на

полуслове. На пороге вместо Хагрида стоял Альбус Дамблдор.

— Добрый день, — приветливо улыбнулся он.

— А мы к Хагриду, — пролепетала Гермиона.

— Я так и подумал, — сказал Дамблдор, весело поблескивая глазами. — Зайдете?

— Зайдем… пожалуй, — согласилась Гермиона.

И они все трое вошли в хижину. Клык, не медля, разлаялся как сумасшедший, кинулся на Гарри и принялся лизать ему уши. Гарри отстранил собаку и огляделся.

Хагрид сидел за столом, на котором стояли две большие кружки чаю. Вид у него, прямо сказать, был ужасный: глаза опухли, лицо в красных пятнах, а уж о волосах и говорить нечего — нечесаные, они смахивали на огромный моток спутанной проволоки.

— Привет, Хагрид, — сказал Гарри. Хагрид приподнял голову и просипел:

— А-а, привет.

— Надо бы еще чаю, — сказал Дамблдор, достал волшебную палочку и покрутил ею в воздухе. Над столом появился поднос с чайником и чашками на блюдцах и тарелка пирожных. Дамблдор опустил поднос и пирожные на стол, все уселись и для приличия немного помолчали. — Хагрид,

ты слышал, что кричала за дверью мисс Грэйнджер? — улыбнулся Дамблдор.

Гермиона зарделась.

— Судя по тому как Гермиона, Гарри и Рон ломились в дверь, они по-прежнему не прочь дружить с тобой.

— Ну, конечно, Хагрид! Ты наш лучший друг! — воскликнул Гарри. — Неужто из-за этой дрянной… простите, господин директор, — прибавил он, виновато глядя на Дамблдора.

— Я не расслышал, Гарри, что ты сказал. Глухота приключилась, что ли? — ответил Дамблдор, глядя в потолок и вертя одним вокруг другого большими пальцами.

— А-а… ну да, — сконфуженно кивнул Гарри. — Я только хотел сказать… Хагрид, неужели ты подумал, будто из-за этой… репортерши мы перестанем с тобой дружить?

Две огромные слезы выкатились из глаз Хагрида и потекли на густую бороду.

— Я же тебе говорил, Хагрид. — Дамблдор все еще глядел в потолок. — А письма от родителей? Я тебе их показывал. Они помнят тебя с тех пор, как сами учились в Хогвартсе. Ты же читал. Если я тебя сейчас уволю, они этого так не оставят…

— Не все. Кое-кто хочет, чтобы меня выгнали.

— Долго же тебе придется сидеть, запершись в хижине, если хочешь дождаться, пока тебя все полюбят. — Дамблдор чуть нахмурился и поглядел на Хагрида поверх очков. — С тех пор как я здесь директором, не проходит недели, чтобы в школу не прилетела сова с письмом от недовольных моей работой. Что же, прикажешь мне запереться у себя в кабинете и никого не видеть и не слышать?

— Но вы же не полувеликан, — прохрипел Хагрид.

— Ладно тебе, Хагрид! А у меня кто родственники? Семейство Дурслей! — не выдержал Гарри.

— Ну вот, Хагрид, хороший тебе пример, — подхватил Дамблдор. — А мой брат? Аберфорта обвинили в том, что он на козле испытывал недозволенные заклинания.

Все газеты про это писали. И что ты думаешь, Аберфорт от всех спрятался? Ничего подобного! Продолжал как ни в чем не бывало работать. Правда, не знаю, умеет ли он читать. Может, это вовсе и не мужество…

— Хагрид, выйди из своей хижины и вернись в школу, — ласково сказала Гермиона. — Вернись, мы все по тебе скучаем.

Хагрид сглотнул, и по его щекам и бороде по-

текли новые потоки слез. Дамблдор поднялся из-за стола.

— Как хочешь, Хагрид, но я не подпишу твое заявление об уходе. В понедельник приступай к работе. Жду тебя в половине девятого к завтраку в Большом зале. И никаких отговорок. До свидания.

Дамблдор на прощанье почесал Клыка за ухом и ушел. Хагрид закрылся огромными ручищами и зарыдал. Гермиона погладила его по плечу. Хагрид отнял руки от лица и поглядел заплаканными глазами на друзей.

— Великий человек… Дамблдор…

— Это точно, — подтвердил Рон. — Можно мне пирожное, Хагрид?

— Ну, конечно. — Хагрид вытер слезы тыльной стороной ладони. — Прав директор, вы все правы… И чего это я, правда? Старик-отец со стыда бы сгорел… — Он снова заплакал и тут же смахнул слезы. — Показывал я вам отцовскую карточку? Подождите-ка…

Он встал, подошел к кухонному шкафу, выдвинул ящик и достал старую выцветшую фотографию: на плече Хагрида сидит крошечный волшебник с глазами Хагрида и такими же, как у него, улыбчивыми морщинками в уголках глаз.

Судя по яблоне на снимке, Хагрид уже ростом метра два с половиной, но совсем еще мальчик: без бороды, лицо круглое, гладкое — лет одиннадцати, не больше.

— Здесь меня только что приняли в Хогвартс, — всхлипнул Хагрид. — Отец себя не помнил от радости!

Хоть волшебник из меня мог и не выйти — из-за матери… Да, по чести, не больно-то я был силен в волшебных науках… Спасибо на том, что выгнали меня уж после… как он помер… я был тогда на третьем курсе… Дамблдор мне сразу помог. Устроил лесничим. Людям он верит, вот что главное, пропасть не даст… Не такой, как другие начальники. Был бы у человека какой талант, а уж он-то его приютит. Что ж делать, коли семья неподходящая, сам-то он, может, и ничего… Да кто на это глядит? Рады напраслину возвести… А другие еще и прикидываются: кость, говорят, широкая. Ни за что не скажут: «Я такой, какой есть, и все тут». Отец говорил: «Никогда себя не стыдись. Злыдни всегда найдутся. А ты плюнь на них, другого они не стоят». Прав он был. А я дурень, дубина. И она такая же, вот что. «Широка в кости…» Ну и пусть ее со своими костями!

Гарри, Рон и Гермиона смущенно перегляну-

лись. Лучше полсотни соплохвостов вывести на прогулку, чем признаться Хагриду, что подслушали нечаянно его разговор с мадам Максим. Хагрид, впрочем, не замечал, что у него сорвалось с губ, и продолжал как ни в чем не бывало.

— Знаешь, Гарри, я как увидал тебя, сразу подумал: похожи мы с тобой. — Хагрид оторвал от фотографии заблестевший взгляд. — Родителей у тебя нету, в школу идти боялся: а ну, как не выйдет, ну, как не придешься ко двору? А вот, гляди-ка — чемпион школы, в Турнире участвуешь… — помолчав немного, Хагрид прибавил: — Знаешь, чего я хочу? — серьезно сказал он. — Покажи им. Выиграй. Пусть знают, чистая у тебя кровь, нет ли — неважно. И родных нечего стыдиться. Пусть знают, прав Дамблдор, не зря принимает в школу всех, кто к волшебству способен. Ну как у тебя с драконьим яйцом?

— Замечательно!

Заплаканное лицо Хагрида расплылось в улыбке.

— Вот умница! Покажи им всем, Гарри, покажи! Стань победителем.

Солгать Хагриду — совсем не то что солгать другим. Весь вечер в замке у Гарри в глазах стояло счастливое бородатое лицо Хагрида, верившего

в победу Гарри. Неразгаданная тайна яйца тяжелым грузом лежала на сердце: глупо дуться на Седрика, завтра же попробует воспользоваться его советом.

Глава 25

ЗОЛОТОЕ ЯЙЦО И ВОЛШЕБНЫЙ ГЛАЗ

Принять ванну лучше всего ночью, решил Гарри: кто знает, сколько уйдет на разгадку золотого яйца? А ночь длинная. Не очень-то приятно быть обязанным именно Седрику, но, конечно, лучше всего подойдет ванная факультетских старост. В ней мало кто моется, можно пересчитать по пальцам. Значит, никто не помешает.

Гарри тщательно подготовился к вылазке. Школьный завхоз Филч уже раз поймал его ночью в неположенном месте и снова попадаться совсем ни к чему. Самое главное — мантия-невидимка, да еще Карта Мародеров, с ними не так опасно нарушать школьные правила. На карте весь замок Хогвартс с потайными ходами и коридорами, сокращающими путь, и что очень важно, Карта показывает людей в замке в виде точек, помеченных именами. Точки движутся по переходам и комнатам, так что Гарри сразу заметит приближающегося к ванной человека.

В четверг вечером Гарри поспешил в спальню, надел мантию-невидимку спустился опять в

гостиную и стал ждать. На этот раз, в отличие от вечера, когда Хагрид показал ему драконов, снаружи к гостиной подошел Рон и в назначенную минуту сказал Полной Даме пароль «Банановые оладьи».

— Удачи, — шепнул он Гарри, вошел в гостиную, а Гарри, невидимо скользнув мимо, отправился в ванную старост.

Идти было неудобно — тяжелое яйцо под мышкой, в руке перед глазами волшебная Карта и поверх всего — мантия. К счастью, в залитых лунным светом коридорах было тихо и безлюдно. На поворотах Гарри сверялся с Картой: никаких опасных встреч не предвиделось. Вот и статуя Бориса Бестолкового, на лице недоумение, перчатки надеты не на ту руку. Гарри отсчитал от статуи нужную дверь, подошел ближе и шепотом произнес пароль «Сосновая свежесть», как советовал Седрик.

Дверь скрипнула и отворилась. Гарри проскользнул в ванную, запер дверь на задвижку, снял мантию-невидимку и огляделся.

Да, только ради такой ванной захочешь стать старостой. Просторная комната выложена белым мрамором. С потолка свисает великолепная люстра с горящими свечами. Посередине ком-

наты прямоугольный бассейн — тоже из белого мрамора, по краям него около сотни золотых кранов, украшенных самоцветами, у ближнего края трамплин. На окнах льняные занавеси почти до пола; в углу большая стопка белых пушистых полотенец. На стене единственная картина в золотой рамке — на скале спит русалка, светлые волосы разбросаны по лицу и мерно вздымаются от ее дыхания.

Гарри положил на пол свои вещи и подошел к бассейну шаги гулким эхом отдавались в пустой мраморной комнате. Как бы ни была роскошна ванная, как бы ни хотелось открыть хоть несколько кранов, Гарри никак не мог отделаться от мысли, что Седрик просто решил над ним подшутить. Как можно, купаясь в бассейне, разгадать тайну золотого яйца? Ладно уж, пришел так пришел. Гарри положил полотенце, мантию и Карту с яйцом поближе к краю бассейна, встал на колени и открыл сразу несколько кранов.

Из кранов полилась вода с пеной для ванн. Такой пены Гарри еще не видывал. Из одного вырывались розовые и голубые мыльные пузыри размером с футбольный мяч, из другого текла густая белоснежная пена. На такую пену, кажется, можно лечь. Третий кран испускал душистые

лиловые облака, и они медленно расплывались над самой поверхностью воды. Гарри открывал и закрывал краны, любуясь разноцветными струями. Особенно ему понравилась легкая струя, вся из пузырьков, которая, едва касаясь воды в бассейне, тут же взлетала в воздух и на мгновение застывала высокими арками. Бассейн хоть и немаленький, очень быстро наполнился горячей водой, пеной и пузырями. Гарри закрыл краны, снял халат, тапочки, пижаму и осторожно опустился в воду.

Бассейн был довольно глубокий, Гарри едва касался ступнями дна. Он несколько раз переплыл бассейн туда и обратно, вернулся к яйцу, встал у бортика и призадумался. Приятно, конечно, купаться в горячей душистой воде, полной разноцветной пены и пузырьков, вот только разгадка ни на йоту не приблизилась.

Гарри стряхнул пену с рук, взял с пола яйцо и раскрыл. Знакомый пронзительный вой разнесся по ванной, эхом отражаясь от мраморных стен — разобрать в нем что-то не было никакой возможности! Гарри поскорее захлопнул яйцо: не услышал бы Филч! Неужели и правда, это шутка Седрика? И тут вдруг случилось такое, от чего Гарри дернулся, поскользнулся, выпустил из рук

яйцо, и оно, упав на пол, откатилось к стене.

— Я бы на твоем месте опустила его в воду, — произнес чей-то голос.

От неожиданности Гарри наглотался пены. Переведя дух, встал и увидел привидение хмурой девочки, сидевшее, скрестив ноги, на кране. Это была Плакса Миртл. Она жила в туалете двумя этажами выше и часто рыдала в трубе под раковиной, а тут вдруг появилась в ванной старост.

— Ты что, Миртл!? — возмутился Гарри. — Я же совсем голый!

Под толстым слоем пены, правда, ничего не видно, но Гарри почему-то подумал, что Миртл с его прихода сидела в одном из кранов и подглядывала.

— Я зажмурилась, когда ты разделся и полез в ванну, — сказала Миртл, мигая за толстыми стеклами очков. — Ты сто лет не приходил меня навестить.

— Да, правда… — Гарри согнул колени, чтобы Миртл, кроме головы, ничего не видела. — Но мне в твой туалет нельзя, он для девочек.

— Да-а! Раньше-то ты заходил! И хоть бы что! — сокрушалась Миртл.

Миртл говорила правду. Гарри с Роном и Гермионой, бывало, часами сидели в туалете Миртл,

который тогда не работал. Варили тайком запрещенное Оборотное зелье. Выпив его, Гарри и Рон приняли на час облик Крэбба и Гойла, дружков Малфоя, и проникли в гостиную слизеринцев.

— Мне за это был нагоняй, — ответил Гарри. Это было не совсем так, выйдя однажды из туалета Миртл, Гарри нарвался всего лишь на Перси. — И я перестал к тебе заходить.

— Тогда ладно… — Плакса Миртл ущипнула на подбородке прыщик. — А яйцо опусти в воду. Так Седрик Диггори делал.

— Ты и за ним шпионила? — поморщился Гарри. — Каждый вечер здесь объявляешься, смотришь, как купаются старосты?

— Изредка… — слукавила Миртл. — И еще ни разу не выходила из крана, ни с кем не заговаривала.

— Спасибо за честь, — съязвил Гарри. — Закрой глаза и не открывай, пока не скажу.

Миртл послушно прижала ладони к очкам, а Гарри вылез из бассейна, обернувшись полотенцем, принес золотое яйцо. И опять нырнул в бассейн. А Миртл, взглянув сквозь пальцы, посоветовала:

— Теперь открой его под водой.

Гарри опустил яйцо в воду и раскрыл. На этот

раз яйцо не завыло, в нем забулькала какая-то песенка, но слов ее Гарри не разобрал.

— А ты сам нырни под воду, — командовала Миртл с удовольствием. — Ну же, ныряй!

Гарри набрал в грудь воздуха, сел под водой на мраморный пол и прислушался: из раскрытого яйца звучал хор голосов, от которых у него мурашки побежали по коже:

Ищи, где наши голоса звучать могли бы,

Но не на суше — тут мы немы, словно рыбы.

Ищи и знай, что мы сумели то забрать,

О чем ты будешь очень сильно горевать.

Ищи быстрей — лишь час тебе на розыск дали

На возвращение того, что мы украли.

Ищи и помни, отправляясь в этот путь,

Есть только час, потом пропажи не вернуть.

Гарри оттолкнулся от пола, вынырнул и, встрях-

нув головой, откинул волосы с лица.

— Ну что, слышал? — поинтересовалась Миртл.

— Ага. «Наш дом совсем не суша, наш дом там, где поем…» Выходит, они… погоди-ка, послушаю еще раз. — Гарри опять набрал в грудь воздуха и нырнул под воду.

Он нырял еще три раза, пока наизусть не запомнил песню золотого яйца. После чего принялся ходить по комнате, ломая голову. Миртл сидела на кране и молча глядела на него.

— Гм… Надо найти людей, которые не могут говорить на земле… — рассуждал Гарри. — Кто бы это мог быть?

— Долго думаешь, — развеселилась Миртл.

Только раз на памяти Гарри Плакса Миртл так сияла. Тогда ее обрадовали кошачья морда и хвост, которые Гермиона обрела под действием своего зелья.

Гарри окинул ванную комнату взглядом. Поющие голоса слышны только под водой, значит, их обладатели под водой и живут. Гарри поделился догадкой с Миртл.

— И Диггори до этого дошел, — ухмыльнулась она. — Лежал-лежал, думал-думал, пока все пузыри в бассейне не полопались.

— Под водой… под водой… Миртл, скажи, а кто живет у нас в озере, кроме гигантского кальмара?

— Да мало ли кто! Я иногда прогуливаюсь в озере. То по собственной воле, то по чужой. Иной раз сижу в бачке, кто-нибудь спустит воду, глядишь — я и в озере.

Гарри вообразил, как Миртл летит по канализационной трубе вместе с содержимым унитаза, поежился и спросил:

— Ну, а кто там живет, говорящий по-человечески? Погоди, погоди…

Взгляд Гарри упал на единственную в ванной картину.

— А русалки с тритонами в озере есть?

— Ну, наконец-то! — Глаза Миртл заискрились. — Сообразил быстрее, чем Диггори. А ведь она тогда не спала, — Миртл с отвращением кивнула в сторону русалки, — хихикала, била хвостом, в общем, завлекала.

— Ага! — радостно воскликнул Гарри. — Значит, во втором испытании надо найти в озере русалок с тритонами и… и…

До Гарри вдруг дошел смысл разгадки, и он сник, словно из него вытащили пробку и вся радость вытекла. Он ведь не так хорошо плавает.

Дадли учился плавать, а Гарри нет. Тетя Петунья с дядей Верноном, похоже, надеялись, что в один прекрасный день он утонет и освободит их от своего присутствия. Бассейн в ванной — это одно, а большое глубокое озеро — совсем другое! Тем более что водный народ наверняка живет на самом дне…

— Как же там дышать? — растерянно спросил Гарри.

У Миртл на глаза навернулись слезы.

— Какая бестактность! — с укором произнесла Миртл и полезла в карман за носовым платком.

— Бестактность? — не понял Гарри.

— Разумеется! «Как дышать?» Говорить такое при мне?! — возопила Миртл на всю ванную. — Я не… — хлюпнула она, — не дышу… столько лет… — прижала к лицу носовой платок и громко высморкалась.

Гарри вспомнил — Миртл очень обижалась, когда заговаривали о смерти. Другие привидения не были столь ранимы.

— Прости, я не хотел… Я просто забыл…

— Да-а, очень, очень легко забыть, что Миртл умерла, — рыдала Плакса Миртл. — Про меня про живую все забывали. А уж когда я умерла, мое тело и не искали. Я все знаю, сидела там и ждала.

Оливия Хорнби вошла в туалет и крикнула: «Перестань дуться, Миртл. Профессор Диппет велел тебя привести…» — и вдруг увидела мое тело. До самой смерти потом помнила — уж я постаралась. Частенько являлась ей, чтобы не забыла. На свадьбе ее брата, как сейчас помню…

Гарри не слушал Миртл, вдумываясь в песню русалок Они пели: «…мы сумели то забрать, о чем ты будешь очень сильно горевать» Значит, они что-то украли, и надо будет это вернуть. Но что?

— … Она, конечно, нажаловалась в Министерство Магии, и мне пришлось вернуться сюда. Так я с тех пор и живу в моем туалете.

— Ладно, — рассеянно бросил Гарри. — Я теперь многое знаю. Зажмурься, пожалуйста, я вылезу.

Он достал со дна ванны яйцо, вылез, хорошенько вытерся полотенцем, надел пижаму, халат и потянулся за мантией-невидимкой.

— Будешь заходить ко мне в туалет? — уныло спросила Миртл.

— Как-нибудь зайду… — ответил Гарри, а сам подумал: разве что все другие туалеты испортятся. — Пока, Миртл. Спасибо за помощь. — И натянул мантию-невидимку.

— Пока, — всхлипнула на прощанье Миртл и нырнула обратно в кран.

Гарри вышел из ванной в темный коридор и сверился с Картой: нет ли кого поблизости. Точки с именами Филча и миссис Норрис у себя в кабинете. Вроде бы все еще спят, кроме полтергейста Пивза, — он носится этажом выше в Зале Славы. Гарри двинулся было в сторону своей башни, как вдруг заметил на Карте какое-то новое движение.

В нижней комнате слева — в кабинете Северуса Снегга мечется точка, подписанная… «Бартемиус Крауч».

Гарри поднес карту к самым глазам. Мистер Крауч как будто болен, даже на работу не ходит, и на Святочном балу не был. Что же он делает в час ночи в Хогвартсе? Точка сновала по всей комнате, останавливаясь то в одном углу, то в другом.

Гарри в нерешительности помедлил, но любопытство пересилило. Он развернулся и пошел к ближайшей лестнице, ведущей вниз. Что же все-таки у мистера Крауча на уме?

Гарри неслышно спускался по ступеням, но несколько картин, однако же, обернулись на скрип половиц и шорох пижамы. Этажом ниже Гарри, пройдя полкоридора, приподнял висевший на стене гобелен и вышел на узкую лестницу, которая сокращала путь на два этажа. Опять

взглянул на карту с недоумением: как это мистер Крауч, такой правильный, законопослушный, вдруг среди ночи забрался в чужой кабинет?

Гарри опять пошел вниз и вдруг провалился одной ногой в дыру. Его так занимало странное поведение мистера Крауча, что он совсем забыл о ложной ступеньке, куда вечно проваливался Невилл. Гарри дернул ногу, золотое яйцо, еще влажное, выскользнуло из подмышки, он рванулся за ним, не поймал, и яйцо поскакало по ступеням с таким грохотом, словно кто-то бил в большой барабан. Мантия-невидимка поползла с плеча, Гарри успел подхватить ее, но выронил Карту Мародеров, которая упала шестью ступенями ниже. Нога Гарри по колено застряла в дыре, до Карты не дотянуться.

Золотое яйцо набрало скорость, пролетело сквозь нижний гобелен, маскирующий выход из потайной лестницы, раскрылось и завыло на весь коридор.

Гарри вынул волшебную палочку, хотел убрать изображение на Карте, но не достал. Поправил мантию, выпрямился и в страхе замер.

— Пивз!!! — раздался голос.

Завхоз Филч вышел на охоту. Он был еще далеко, но Гарри узнал торопливую стариковскую

походку и хриплый сердитый голос.

— Ты чего там грохочешь? Весь замок поднимешь на ноги! Ох, доберусь я до тебя, Пивз! Ох, доберусь! А здесь у нас что?..

Шаги затихли, яйцо клацнуло, и вой прекратился. Гарри стоял, не шелохнувшись, и слушал, ногу крепко зажало в заколдованной ступеньке. Филч станет искать Пивза, откинет гобелен, а Пивза-то тут и нет… Пойдет, чего доброго, наверх и наткнется на Карту Мародеров… Тогда и мантия-невидимка не поможет, Филч сразу заметит на Карте точку «Гарри Поттер» — там, где он стоит.

— Гляди-ка, киска, золотое яйцо, — сказал Филч. (Стало быть, миссис Норрис с ним.) — Да это же загадка для второго тура. Яйцо кого-то из чемпионов.

У Гарри заколотилось сердце и потемнело в глазах.

— Пивз, выходи, ворюга! — ликуя, заорал Филч. Он отдернул гобелен и сунул в брешь голову, лицо одутловатое, выцветшие глаза навыкате. Филч поглядел вверх, вниз и никого не увидел.

— Спрятался? Ну ничего, я до тебя доберусь. Последнее дело — воровать у чемпионов. Уж теперь-то Дамблдор тебя выгонит! Выходи, говорю,

полтергейст!

Филч пошел вверх по лестнице, худая серо-коричневая кошка бежала рядом. Глаза миссис Норрис — два фонаря — глядели прямо на Гарри. И ему снова пришло в голову вдруг кошки видят человека под мантией-невидимкой. От этой мысли он чуть не лишился сознания. А Филч в старом бумазейном халате был все ближе, ближе. Гарри еще раз дернул ногу, но только глубже увяз. Филч вот-вот увидит карту или, хуже того, наткнется на самого Гарри.

— Филч? Что тут происходит? — раздался голос.

Остановившись шагах в двух от Гарри, Филч обернулся. Внизу лестницы стоял тот, кого Гарри боялся больше, чем Филча — Северус Снегг. Судя по ночной рубашке, он только что встал с постели, а судя по выражению лица, был зол как собака.

— Пивз скатил вниз вот это яйцо, профессор, — негодовал Филч.

Снегг взбежал по лестнице к Филчу. Гарри стиснул зубы, сердце колотилось как бешеное…

— Пивз, по-вашему? — Снегг глядел на яйцо в руках Филча. — Но Пивз не мог забраться в мой кабинет…

— Яйцо лежало у вас в кабинете?

— Разумеется, нет! Я услышал вой и стук по ступенькам…

— Верно, профессор, это яйцо катилось…

— … и пошел посмотреть…

— … его кинул Пивз…

— …по дороге я заметил, что в моем кабинете горят факелы, а дверца шкафа открыта настежь. кто-то там хозяйничал.

— Но Пивз не мог…

— Конечно не мог! Я запечатываю кабинет заклинанием, которое может снять только волшебник. — Снегг поглядел вверх сквозь Гарри, потом вниз. — Идемте, Филч, поможете найти взломщика.

— Профессор, но я хотел…

Филч с сожалением поглядел сквозь Гарри. Другой такой возможности поймать Пивза с поличным не скоро дождешься.

«Иди. Ну иди со Снеггом! Ну, пожалуйста», — мысленно просил Гарри. Миссис Норрис выглянула из-за ног хозяина. Наверняка учуяла запах… Зачем только налил в бассейн столько душистой пены?

— Профессор, — скулил Филч, — Пивз украл вещь студента. Теперь-то уж директор меня

послушает и навсегда вышвырнет мерзкого полтергейста из замка…

— Да что мне ваш полтергейст? В мой кабинет залезли, а вы тут…

Клак, клак, клак, — послышались шаги.

Снегг осекся. Оба с Филчем посмотрели вниз. Между их голов Гарри увидел Грюма. Грозный Глаз вышел из-за гобелена в длинной ночной рубашке, поверх которой был наброшен старый походный плащ. Он, как всегда, опирался на свою палку.

— Вечеринка в пижамах? — ухмыльнулся Грюм.

— Мы с профессором Снеггом услышали шум, — поспешил объяснить Филч. — Полтергейст Пивз, как всегда, хулиганит. А профессор Снегг обнаружил, что кто-то забрался в его каби…

— Замолчите! — прошипел Снегг.

Грюм шагнул к лестнице, поглядел волшебным глазом на Снегга, потом на Гарри.

Гарри встрепенулся. Грюм же видит сквозь мантию-невидимку! Забавная сцена ему представилась: Снегг в ночной рубашке, у Филча в руках золотое яйцо, а Гарри увяз ногой в одной из ступенек. От изумления кривой рот Грюма повело в сторону. Несколько мгновений они с Гарри

глядели друг другу в глаза. Затем Грюм устремил голубой глаз на Снегга.

— Я верно расслышал? кто-то проник к вам в кабинет, Снегг?

— Неважно.

— Напротив, очень важно. Кому понадобилось забраться в ваш кабинет?

— Какому-нибудь студенту. — На жирном, блестящем виске Снегга забилась жилка. — Это не первый раз. Воруют вещества для зелий из моего личного запаса. Варят незаконные зелья.

— Стало быть, вещества для зелий? А может, вы чего прячете в вашем кабинете, а?

Цвет лица Снегга из землистого стал кирпичным, жилка на виске забилась сильнее.

— Вы, Грюм, отлично знаете, что я ничего не прячу, — с тихой угрозой произнес он. — Вы и сами тщательно обыскали мой кабинет.

Улыбка перекосила без того кривое лицо Грюма.

— Такова работа мракоборца, Снегг. Дамблдор приказал приглядывать…

— Дамблдор мне доверяет, — возразил Снегг сквозь зубы. — Я не верю, что он мог вам приказать это.

— Конечно доверяет. Он вообще людям верит.

Дает им возможность начать новую жизнь. А я считаю, есть пятна, которые не смываются. Понятно, о чем я?

При этих словах Снегг схватил правой рукой левую, как будто запястье вдруг пронзила сильная боль. Грюм рассмеялся.

— Идите спать, Снегг.

— Никто не давал вам права приказывать мне! — Снегг резко отпустил запястье, словно разозлился на самого себя. — Я имею такое же право, как и вы, бродить ночью по школе.

— Вот и бродите. — В голосе Грюма прозвучала нешуточная угроза. — Как-нибудь встретимся еще в темном коридоре… Вы, кстати, что-то вон там обронили.

Грюм указал на Карту Мародеров, и у Гарри ноги подкосились от страха. Снегг и Филч разом обернулись, и Гарри решился на отчаянный шаг: вскинул под плащом руки, замахал Грюму и, указывая на себя, одними губами произнес:

— Это мое! Мое!

Лицо Снегга исказила догадка, и он поспешно потянулся за Картой.

— *Акцио пергамент!* — опередил его Грюм. Карта приподнялась, скользнула сквозь пальцы Снегга и опустилась в руку Грюма.

— Прошу прощения, небольшая ошибка, — невозмутимо произнес он. — Это мое. Должно быть, случайно выронил…

Снегг черными глазками взглянул на Карту в руке Грюма, на яйцо в руке Филча, и его осенило…

— Поттер, — процедил он сквозь зубы.

— Что? — спросил Грюм, свернул Карту и спрятал в карман.

— Поттер! — рыкнул Снегг и взглянул на то место, где стоял Гарри, как будто видел его. — Это яйцо Поттера. Я узнал и пергамент. Он тоже принадлежит Поттеру. Мальчишка где-то здесь, рядом. В мантии-невидимке.

Снегг вытянул, как слепой, руки и стал медленно подниматься по лестнице, ноздри у него раздувались, как будто он принюхивался. Гарри откинулся назад, кончики пальцев Снегга, казалось, вот-вот коснутся его…

— Там никого нет, Снегг! — крикнул Грюм. — Но я с удовольствием сообщу директору, что первый вам на ум пришел именно Гарри Поттер.

— И что? — Снегг остановился в каком-то сантиметре от Гарри, рук однако не опустил.

— А то, что Дамблдору не вредно знать, кто на Поттера точит зуб. — Грюм дохромал до

лестницы. — Да и мне хотелось бы кое-что прояснить… — Неверный свет факела мерцал на его искромсанном лице, отчего шрамы и изувеченный нос казались еще страшнее.

С минуту все молчали. Снегг повернулся к Грюму и опустил руки. Гарри его лица не видел.

— Я только подумал, — произнес Снегг с деланным спокойствием, — что Поттер опять стал бродить по ночам… Такая уж у него несчастная привычка… Его надо от нее отучить… для его же собственной пользы…

— Ну как же, за Поттера тревожитесь. Ну-ну… Еще с минуту Снегг и Грюм молча глядели друг на друга. Миссис Норрис громко мяукнула, вертя головой в поисках источника банного аромата.

— Пойду-ка я спать, — кисло проговорил Снегг.

— Лучшая мысль за всю ночь, — заметил Грюм. — Дайте-ка мне это яйцо, Филч…

— Не дам! — Филч вцепился в свою добычу, как в любимое чадо. — Это улика против Пивза, профессор.

— Это яйцо участника Турнира. Дайте его мне. Скорее! Снегг спустился и, не прибавив ни слова, прошел мимо Грюма. Филч позвал миссис Норрис, кошка зыркнула еще раз на Гарри, повернулась и побежала за хозяином. Гарри тяжело

дышал, слушая, как удаляется Снегг. Филч отдал яйцо Грюму и тоже ушел, бросив напоследок своей кошке:

— Ничего, киска, утром пойдем с тобой к Дамблдору, все ему про Пивза расскажем…

Где-то хлопнула дверь. Гарри поглядел на Грюма; оставив палку внизу, тот тяжело похромал вверх.

— Что, Поттер, едва-едва выкрутились?

— Да… спасибо вам, — пролепетал Гарри.

— Что это такое? — Грюм вынул из кармана Карту Мародеров.

— Просто карта замка, — отмахнулся Гарри, надеясь, что Грюм извлечет его ногу из дыры в лестнице. Нога начала сильно болеть.

— Борода Мерлина, — прошептал Грюм, разглядывая карту. Волшебный глаз заметался по волосяным переплетениям линий. — Нет, Поттер, это не просто карта замка.

— Вообще-то полезная штука. — У Гарри от боли навернулись на глаза слезы. — Профессор Грюм, вы не могли бы меня вытащить?..

— Что? Ах, да…

Грюм взял Гарри за руки и дернул, нога выскочила из дыры, и Гарри прыгнул на ступеньку выше. Грюм не отрываясь глядел на карту.

— Слушай-ка, Поттер, — медленно проговорил он, — ты, случайно, не видел, кто ходил по кабинету Снегга? На карте, конечно.

— Видел, — признался Гарри. — Мистер Крауч. Волшебный глаз тотчас обшарил всю карту. Грюм явно встревожился.

— Крауч? Ты не ошибся?

— Нет.

— Ладно, в замке его больше нет. Гм… Крауч… Весьма любопытно…

Еще с минуту Грюм молча глядел на карту. Эта новость что-то для него значила, и Гарри очень захотелось узнать что. Спросить не спросить? Страшновато… Гарри вообще побаивался Грюма, но ведь Грюм только что помог ему избавиться от больших неприятностей… — Профессор Грюм, скажите, пожалуйста, зачем мистеру Краучу было забираться в кабинет профессора Снегга?

Волшебный глаз Грюма оторвался от карты и, чуть подрагивая, пронизывающе поглядел на Гарри. Грюм, казалось, прикидывает, сказать или нет, и если сказать, то что именно?

— Я бы так ответил, Поттер, — начал он наконец. — Говорят, Грозный Глаз помешался на ловле черных магов, да только Грозный Глаз по сравнению с Барти Краучем пустое место.

Он снова поглядел на Карту. Но Гарри на этом не успокоился.

— Профессор Грюм, а может быть, это из-за… то есть, может быть, мистер Крауч что-то подозревает…

— Что он подозревает?

Как бы не проговориться! Ни к чему Грюму знать, что у Гарри есть источник информации за стенами замка. Станет еще выпытывать про Сириуса…

— Ну, не знаю… — ответил Гарри. — Последнее время тут происходит много непонятного. В «Пророке» об этом писали… Черная Метка на Кубке мира, Пожиратели смерти, да и вообще…

Грюм широко раскрыл оба своих разных глаза.

— А ты, гляжу, парень не промах, — сказал он, и его волшебный глаз вернулся к Карте. — Крауч, возможно, занят именно этим. Очень возможно. Слухи сейчас ходят престранные. Без Скитер, конечно, не обошлось… Многие перепугались. — Ухмылка еще больше перекосила его кривое лицо. — Если я кого ненавижу, — пробормотал он себе под нос, глядя в левый нижний угол Карты, — так Пожирателя смерти, который разгуливает на свободе…

Гарри с изумлением взглянул на Грюма. Неуже-

ли правда? Да нет, не может быть.

— А теперь, Поттер, кое-что я у тебя спрошу. — Грюм перешел на деловой тон.

У Гарри душа ушла в пятки. Сейчас Грюм спросит, откуда у него эта Карта — волшебная вещь весьма сомнительного происхождения. Целая история, как она попала ему в руки. В ней замешаны и его собственный отец, Фред с Джорджем, профессор Люпин, прошлогодний учитель защиты от темных искусств. Гарри собрался с духом, приготовившись отвечать на скользкие вопросы. Грюм поднял Карту перед собой и спросил:

— Можно мне позаимствовать ее на время?

— Конечно! — обрадовался Гарри. Очень жаль карты, но какое счастье, что Грюм не спросил, откуда она у него. Да к тому же Грюм здорово ему помог, так что он у Грюма в долгу.

— Спасибо, Гарри, — прохрипел Грюм. — Она очень мне пригодится. Ее-то мне, может, и недоставало… А теперь, Поттер, скорее в постель!

Они вместе поднимались по лестнице. Грюм не отрывал глаз от Карты, как будто раздобыл сокровище, равного которому нет во всем свете. Шли молча, у двери своего кабинета Грюм остановился и поглядел на Гарри.

— Тебе, Поттер, не приходило в голову стать

мракоборцем?

— Нет, — изумленно ответил Гарри.

— А ты подумай об этом на досуге. Хорошенько подумай… Кстати, ты ведь взял с собой яйцо не просто погулять с ним по замку?

— Не просто, — улыбнулся Гарри. — Я загадку разгадывал.

Грюм моргнул, его волшебный глаз снова заходил ходуном.

— Ничего нет лучше ночной прогулки для решения загадок. Верно, Поттер? — Грюм протянул Гарри золотое яйцо. — Увидимся утром. — Он вошел в кабинет и, все еще глядя на Карту, закрыл за собой дверь.

Гарри побрел в башню Гриффиндора, думая о Снегге, о Крауче, обо всем происходящем… Зачем Крауч притворился больным, а сам ночью объявляется в Хогвартсе? Что Снегг прячет у себя в кабинете? Что там искал Крауч?

Грюм считает, что Гарри может стать мракоборцем. Вот это да! Гарри вошел в спальню, снял мантию-невидимку и вместе с золотым яйцом спрятал в свой чемодан. Для начала неплохо бы выяснить, все ли мракоборцы так изувечены. А уж тогда решать, стоит ли стать мракоборцем.

Глава 26

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ

А говорил, что разгадал загадку! — рассердилась Гермиона.

— Тише ты! — рассердился Гарри. — Мне надо было еще раз проверить, понятно?

Гарри, Рон и Гермиона сидели за последней партой на уроке заклинаний. Проходили Отбрасывающие чары, которые действовали как Манящие, только наоборот. Профессор Флитвик снабдил студентов подушками: другие предметы, что были в классе, могли больно ушибить или даже повредить что-нибудь. Учитель полагал, что уж подушкой-то, даже если она полетит не туда, никого не пришибешь. Так-то оно так, да вышло все по-другому. Невилл, к примеру, все норовил вместо подушки запустить что-нибудь еще, раз даже самого профессора Флитвика запустил.

— Забудь ты об этом яйце хоть на минуту! — проворчал Гарри, а мимо со свистом безропотно пролетел профессор Флитвик и угодил на высокий шкаф. — Послушай лучше, как Снегг с Грюмом…

Студенты так увлеклись веселыми полетами подушек, что не обращали больше ни на что внимания, и можно было спокойно поговорить. Гарри пол-урока шепотом пересказывал приключения прошедшей ночи.

— Снегг сказал, что Грюм обыскивал и его кабинет? — спросил шепотом Рон и с живым интересом в глазах взмахом волшебной палочки кинул подушку, она взвилась в воздух и сбила с Парвати шляпу. — Выходит… может, Грюм и за Снеггом приглядывает, как за Каркаровым?

— Может, Дамблдор его вовсе и не просил, — ответил Гарри и задумчиво повел волшебной палочкой, его подушка перекувырнулась на парте и плюхнулась на пол. — Грюм вроде говорил, будто Дамблдор позволил Снеггу исправиться. Потому и держит его здесь.

— Да что ты! — Рон расширил глаза, и очередная подушка взмыла в воздух, ткнулась в канделябр и шлепнулась Флитвику на стол. — Слушай, а может, Грюм думает, что это Снегг подкинул твое имя в Кубок огня?

— Уж ты скажешь! — Гермиона поджала губы и покачала головой. — Помнишь, мы думали, будто Снегг хотел убить Гарри, а оказалось — он его спас?

Она заклинанием откинула подушку; подушка пролетела весь класс и угодила как раз куда нужно — в коробку. Гарри закусил губу и поглядел на Гермиону. Снегг, и правда, однажды его спас… но вот что странно: Снегг ненавидел Гарри, точно также, как раньше ненавидел его отца, когда отец еще учился в школе. Снегг обожал его наказывать за плохое поведение и не упускал случая отобрать у Гриффиндора очки, предлагал даже отчислить Гарри из школы.

— Мало ли, что сказал Грюм, — продолжала Гермиона. — Дамблдор умный, Хагриду профессору Люпину он тоже поверил, и они его не подвели, другие им работу бы не дали. Значит, он и со Снеггом прав, и Снегг, хоть он чуточку и…

— Черный маг? — перебил Рон. — С чего бы тогда, по-твоему, ловцам черных магов обыскивать его кабинет?

— А вот зачем мистер Крауч прикидывается больным? — продолжала Гермиона, не обращая на Рона внимания. — Не понятно… То не может прийти на Святочный бал, а то ночью забрался в замок.

— Ты из-за этой эльфихи Винки Крауча не любишь, — сказал Рон и запустил подушкой в окно.

— А ты несправедлив к Снеггу, — парировала

Гермиона и отправила следующую подушку в коробку.

— Надо узнать, что такого натворил Снегг и за что ему позволили исправиться, — пробормотал Гарри, кинул подушку, и она, к его удивлению, опустилась прямо на подушку Гермионы.

Сириус просил Гарри сообщать ему обо всем необычном, что делается в Хогвартсе, и Гарри тем же вечером написал, что мистер Крауч побывал в кабинете Снегга, и как Снегг говорил с Грюмом. Написав письмо, Гарри стал думать о том, что для него было сейчас важнее всего: как двадцать четвертого февраля провести под водой без воздуха целый час.

Однажды Гарри рассказал Рону об аквалангах, и Рон предложил снова воспользоваться Манящими чарами и достать в ближайшем магловском городе в магазине акваланг, ласты и маску. Но Гермиона тут же в пух и прах разнесла его предложение, сказав, что даже если Гарри до двадцать восьмого февраля и сумеет научиться плавать с аквалангом (что сомнительно), то его наверняка исключат из Турнира за нарушение Международного кодекса волшебной секретности. Маглы обязательно заметят летящий в небе акваланг.

— Лучше всего, — сказала Гермиона, — превра-

титься во что-нибудь, например, в подводную лодку. Жаль, что мы еще не проходили превращение человека! Оно будет только на шестом курсе. Лучше теперь и не пытаться, может плохо кончиться…

— Да уж только перископа на голове мне и не хватало, — заметил Гарри. — Может, кого-нибудь заколдовать при Грюме? А он меня во что-нибудь такое и превратит…

— Станет он спрашивать, во что ты хочешь превратиться! — серьезно сказала Гермиона. — Нет, тут нужно хорошенько подумать.

И Гарри с мыслью, что еще немного и начитается на всю оставшуюся жизнь, снова обложился пыльными книгами и принялся искать заклинание, чтобы выжить без воздуха. Гарри, Рон и Гермиона проводили в библиотеке все большие перемены, вечера и даже выходные. Гарри выпросил у МакГонагалл разрешение посещать Особую секцию библиотеки, даже попросил помощи у сердитой, грифоподобной библиотекарши мадам Пине, но нужного заклинания они так и не нашли.

Гарри то и дело от отчаяния прошибал холодный пот, и он стал рассеян на уроках. Гарри никогда раньше не обращал особого внимания

на озеро, он к нему привык так же, как к Запретному лесу или к самому замку. Теперь всякий раз, садясь в классе у окна, он все глядел и глядел на огромное зеркало из ледяной воды стального цвета, а темное дно озера представлялось ему таким же далеким, как луна.

Также, как и перед схваткой с хвосторогой, время стало куда-то улетучиваться, словно часы заколдовали, и они ужасно заспешили. До двадцать четвертого февраля — неделя (ничего, еще есть время)… пять дней до двадцать четвертого (пора бы уже что-то найти)… три дня (пожалуйста, ну, хоть что-нибудь! Ну, пожалуйста…).

За два дня до второго тура у Гарри пропал аппетит. В понедельник во время завтрака вернулась бурая сова с ответом от Сириуса, и это была единственная за все время отрада. Гарри отвязал свернутый в трубочку кусок пергамента, развернул и прочитал:

Сообщи дату следующей прогулки в Хогсмид.

Это было самое короткое письмо Сириуса. Гарри поглядел, не написано ли чего на обороте, но там было пусто.

— Только через выходные, — прошептала Гер-

миона, Прочитав записку через плечо Гарри. — На вот мое перо, отправь сейчас же сову обратно.

Гарри написал число и месяц прямо на обороте записки Сириуса, привязал ее к лапе бурой совы, и сова улетела. Гарри грустно поглядел ей вслед. А чего он еще ждал? Совета, как продержаться под водой час без воздуха? Торопился написать про разговор Снегга с Грюмом и совсем забыл спросить про загадку яйца.

— Зачем ему знать день посещения Хогсмида? — удивленно спросил Рон.

— Не знаю, — ответил Гарри. Записка была так коротка, что вся радость исчезла, и Гарри снова приуныл. — Пойдемте, сейчас уход за волшебными животными…

Уход вел снова Хагрид. И то ли в извинение за соплохвостов, то ли оттого, что соплохвостов осталось всего два, то ли Хагрид желал доказать, что он ничем не хуже профессора Граббли-Дерг, только и он взялся рассказывать о единорогах. Об этих волшебных существах он, как оказалось, знал столько же, сколько о чудовищах, хотя, будь у единорогов вместо рогов ядовитые клыки, он бы говорил об их повадках с большей охотой.

Для урока Хагрид поймал двух маленьких единорожиков. Взрослые единороги белого цвета,

а жеребята — золотые. Парвати и Лаванда пришли в совершеннейший восторг, даже у Пэнси Паркинсон при виде двух малышек перехватило дыхание, хотя она всеми силами старалась это скрыть.

— Жеребят заметить проще, чем взрослых, — объяснил Хагрид. — Года в два они делаются серебряными, а рога вырастают годам к четырем. Взрослыми они становятся в семь лет и уж тогда только белеют. Жеребята доверчивые, мальчиков не боятся. Коли хотите, можете погладить. Да сахаром их покормите.

— Что, Гарри, идут дела? — спросил потихоньку Хагрид, отходя, чтобы ученики смогли погладить единорожиков.

— Угу, — ответил Гарри.

— Волнуешься?

— Да, чуть-чуть.

— Послушай-ка, что скажу. — Хагрид похлопал громадной рукой Гарри по плечу, у Гарри подогнулись коленки. — Я тоже волновался за тебя перед хвосторогой. А ты его вон как! Я-то знаю, раз ты чего захотел, так уж добьешься. Теперь-то я не беспокоюсь. Все у тебя получится. Подсказку-то ты отгадал?

Гарри кивнул, хотя ему страшно захотелось

признаться, что он понятия не имеет, как продержаться под водой без воздуха целый час. Он взглянул на Хагрида: может, Хагрид нырял в озеро, там ведь много кто живет? Ведь и за остальными животными Хагрид присматривал…

— Ты победишь, — уверенно пробасил Хагрид, снова похлопал Гарри по плечу, и Гарри по щиколотку завяз ногами в грязи. — Уж я-то знаю, знаю и все тут. Ты, Гарри, обязательно победишь!

Хагрид бодро поглядел в глаза Гарри и радостно улыбнулся. Ну разве можно его огорчить? Гарри через силу улыбнулся и отошел, сделав вид, что ему хочется вместе со всеми поласкать маленьких единорогов.

Вечером перед вторым испытанием Гарри уже казалось, что он спит, ему снится кошмар, а проснуться никак не выходит. Если и отыщется подходящее заклинание, думал он, за ночь его все равно не выучишь. Почему так поздно взялся за загадку-подсказку яйца? Ну, как так было можно? На уроках ворон ловил, а вдруг кто-нибудь из учителей рассказывал, как дышать под водой?

Как только стемнело, Гарри, Рон и Гермиона пришли в библиотеку набрали побольше книг и принялись внимательно пролистывать одну за другой в поисках нужного заклинания. Книг

было так много, что они даже друг друга не видели из-за огромных стопок. Каждый раз, когда Гарри встречалось слово «вода», сердце екало от радости, но уже в следующую минуту опускались руки: чаще всего оказывалось, что это рецепт зелья. — «Налейте в котел две пинты воды, всыпьте полфунта толченого листа мандрагоры, положите головастика…»

— Все без толку, — безнадежно сказал Рон из-за своей книжной баррикады. — Ни одного подходящего заклинания, вообще ничего. Есть заклинание осушения, но оно только для луж да прудов годится, а озеро осушить таким способом и думать нечего.

— Не может быть, чтобы совсем ничего не было! — пробормотала Гермиона, пододвигая поближе свечу к толстому тому «Забытых старинных заклинаний». От усталости у нее болели глаза, а тут еще и мелкие буквы. — Задания для Турнира для того и придумывают, чтобы их можно было выполнить.

— Ну а это задание, значит, выполнить нельзя, — возразил Рон. — Иди-ка ты, Гарри, завтра к озеру, сунь в него голову и крикни погромче этим русалкам да тритонам, чтобы поскорее вернули то, что у тебя украли. По-моему, ничего лучше

мы, все равно, не придумаем.

— Можно! — сердито буркнула Гермиона. — Должно быть!

Гермиона, похоже, просто понять не могла, как это так, в библиотеке и вдруг не оказалось нужного заклинания! Книги ее еще ни разу не подводили, и Гермиона решила так просто не сдаваться.

— Знаю, что надо было делать, — сказал Гарри, уронив голову на книжку «Эффектные заклинания для весельчаков». — Надо было стать, как Сириус, анимагом и превращаться в животное.

— Точно. Захотел — раз — и обернулся золотой рыбкой, — подхватил Рон.

— Ну или лягушкой, — Гарри зевнул от усталости.

— Превращаться в животных учатся годами, а потом еще надо и зарегистрироваться, и еще много чего, — сказала Гермиона, сощурившись и пробегая глазами содержание книги «Трудные волшебные задачи и их решения». — Помните, МакГонагалл рассказывала… надо зарегистрироваться в Отделе несанкционированного волшебства… в какое животное превращаешься, особые приметы и все прочее, чтобы не нарушать закон…

— Да я пошутил, Гермиона, — отмахнулся Гарри. — Сам знаю, что до завтрашнего утра не научусь превращаться в лягушку.

— Чушь какая! — отчаянно воскликнула Гермиона, захлопнув «Трудные волшебные задачи». — Кому нужны завитки на волосах в носу?

— А почему бы и нег? Если хочешь, можем поспорить, — послышался голос Фреда Уизли.

Гарри, Рон и Гермиона разом оторвались от книг. Фред с Джорджем показались из-за стеллажей с книгами.

— А вы тут что делаете? — спросил Рон братьев.

— Тебя вот как раз и ищем, — ответил Джордж. — Тебя МакГонагалл разыскивает. И тебя, Гермиона, тоже.

— Зачем это? — удивилась Гермиона.

— А кто ее разберет? — пожал плечами Фред. — Хотя, вид у нее был довольно мрачный.

— Она нам велела вас обоих в ее кабинет привести, — подытожил Джордж.

Рон с Гермионой поглядели на Гарри, у Гарри все внутри похолодело. Сейчас им от МакГонагалл достанется.

Должно быть, она заметила, что они ему все время помогают, а он должен все делать сам.

— Ладно, приходи в гостиную, — сказала Гермиона, встав со стула. — И захвати книг побольше.

— Хорошо, — Гарри заерзал на стуле.

И Гермиона с Роном, с тревогой на лицах, ушли. В восемь часов мадам Пине погасила все лампы и свечи и выгнала Гарри из библиотеки. Гарри взял столько книг, сколько мог унести, и, сгибаясь под их грузом, вернулся в гриффиндорскую гостиную, подвинул стол к креслу в углу и стал снова искать нужное заклинание. В «Бесшабашной магии для волшебника-сорвиголовы» ничего… в «Руководстве по средневековому волшебству» тоже… в «Антологии заклинаний восемнадцатого века» ни слова о погружении под воду., и в книге «Страшные обитатели глубин», и в книге «Силы, дремавшие в вас: как с ними быть?» тоже ничего.

Пришел Живоглот, улегся у Гарри на коленях, свернулся клубком и мирно замурлыкал. Гостиная понемногу пустела. Знакомые перед сном, совсем как Хагрид, бодро и весело желали Гарри удачи. Все были уверены, что Гарри преодолеет второе испытание так же успешно, как и первое. Гарри на все пожелания молча кивал головой, в горле словно мяч для гольфа застрял. К полуночи в гостиной остался только он и кот Живоглот. Уже

все книги были пролистаны, а Рон и Гермиона так и не вернулись.

Все. Ничего не выйдет. Придется утром пойти к озеру и сказать судьям…

Гарри представил себе, как он подходит к судейскому столу и говорит, что не может пройти испытание. Бэгмен выпучит от изумления глаза; Каркаров радостно оскалит желтые зубы; Флер Делакур скажет: «Я так и знала… он только маленький-маленький мальчик…» — и Гарри съежился от стыда. А Малфой выйдет вперед и выпятит грудь со значком «Поттер смердяк». Хагрид не поверит своим глазам и ужасно огорчится…

Совсем позабыв о Живоглоте, Гарри вскочил на ноги. Кот свалился на пол и зашипел, искоса поглядел на Гарри, выставил трубой похожий на ерш для мытья бутылок хвост и важно удалился. Гарри помчался по винтовой лестнице в спальню. Скорее взять мантию-невидимку, вернуться в библиотеку и сидеть там, если надо, хоть всю ночь…

Четверть часа спустя Гарри пробрался в библиотеку и прошептал:

— *Люмос.*

На кончике волшебной палочки вспыхнуло холодное пламя, и Гарри пошел вдоль стеллажей,

выбирая книги заклинаний и заговоров, книги о русалках и тритонах, о водяных чудищах, о знаменитых волшебниках и колдуньях, книги о волшебных изобретениях, проще говоря, все книги, где хоть что-то могло говориться о том, как выжить без воздуха под водой. Набрав охапку книг, Гарри сел за стол и принялся пролистывать один толстый том за другим при слабом свете волшебной палочки, изредка сверяясь с часами.

Час ночи… два часа… после каждой книги, чтобы не отчаяться, Гарри говорил себе: «Значит, в следующей… ну, в следующей… вот в этой…»

* * *

Русалка на картине в ванной старост высоко над головой подняла его «Молнию» и хихикала, а Гарри скакал как пробка в мыльных пузырях под ее утесом.

— Ну, достань! Ну, допрыгни! — смеялась с издевкой русалка.

— Не могу, — захлебываясь, кричал Гарри и пытался схватить метлу. — Отдай, ну отдай!

Русалка ткнула его в бок древком метлы и захохотала.

— Больно же! Отстань! Ай…

— Гарри Поттер должен проснуться.

— Не толкайся…

— Добби должен разбудить Гарри Поттера, сэр. Гарри Поттер должен проснуться.

Гарри открыл глаза. Он лежал головой на раскрытой книге под названием «Волшебная палочка — лучший помощник», уснул в библиотеке. Капюшон мантии-невидимки съехал с головы. Гарри поднял голову и, щурясь от яркого дневного света, поправил очки.

— Гарри Поттер должен спешить! — пискнул Добби. — До второго испытания десять минут! Гарри Поттер…

— Десять минут? — осипшим спросонья голосом спросил Гарри. — Десять… Как, десять?!

Он поглядел на часы. Без двадцати девять! У Гарри душа ушла в пятки.

— Гарри Поттер должен спешить! — Добби дернул Гарри за рукав. — Гарри Поттер должен быть у озера вместе с другими, сэр.

— Нет, Добби, поздно, — безнадежно махнул Гарри рукой. — Я не пойду, я не знаю, как…

— Гарри Поттер пойдет, Гарри Поттер пройдет испытание! — запищал эльф. — Добби знает, что Гарри Поттер не нашел нужную книгу, Добби сам нашел ее.

— Ты нашел? Ты ведь даже не знаешь, что будет

во втором испытании…

— Добби знает, сэр! Гарри Поттер должен нырнуть в озеро, отыскать Уизи…

— Чего отыскать?

— … и отобрать Уизи у русалок.

— Да Уизи-то что такое?

— Ваш Уизи, сэр, Уизи. Он подарил Добби свитер. Добби дернул свой бордовый свитер, из-под которого торчали шорты.

— Они Ро… они Рона украли? — не поверил своим ушам Гарри.

— Они украли то, чего Гарри Поттеру будет очень не хватать. А через час…

— «Едва лишь час пройдет, искать уж будет поздно, покража пропадет…» — продолжил Гарри, расширенными от ужаса глазами глядя на эльфа. — Что же делать, Добби?

— Гарри Поттер должен съесть вот это, — пискнул эльф, запустил руку в карман шортов и вытащил комок каких-то серо-зеленых скользких крысиных хвостов. — Это жаброслии, сэр. Съешьте их и ныряйте в озеро.

— А для чего они? — Гарри с недоверием глядел на слизистый комок.

— Они помогут дышать под водой, сэр.

— Добби, а ты точно знаешь? — в отчаянии

спросил Гарри.

Добби уже однажды хотел ему помочь, и в конце концов у него из руки исчезли кости.

— Добби точно знает, сэр, — затряс головой эльф. — Добби много чего слышит, сэр. Добби зажигает в замке огни и моет полы, Добби слышал, как профессор МакГонагалл и профессор Грюм говорили про следующее испытание… Добби не позволит Гарри Поттеру потерять Уизи!

Все ясно: они украли Рона. Гарри вскочил, скинул с себя мантию-невидимку запихал в рюкзак, выхватил у Добби водоросли, сунул в карман и выскочил из библиотеки, эльф за ним вприпрыжку.

— Добби пора на кухню, сэр, — пропищал Добби в коридоре. — Добби будут искать. Удачи вам, сэр.

Гарри уже промчался по коридору и, сбегая по лестнице через три ступеньки, крикнул:

— Спасибо, Добби! Пока!

В вестибюле еще копошились запоздалые студенты, они только что позавтракали и шли из Большого зала к озеру поглядеть на второе испытание; все в страхе на него оглядывались и отпрыгивали в сторону. Гарри выскочил в раскрытые дубовые двери и скатился вниз по

парадной лестнице, сбив с ног Колина и Дэнниса Криви.

Гарри побежал по лужайке. На улице было солнечно и морозно, на противоположном берегу озера высились трибуны, те самые, что стояли в ноябре вокруг загона с драконами. Трибуны были забиты до отказа, студенты оживленно переговаривались, и невнятный гомон, отражаясь от воды, доносился до Гарри. На ближнем берегу у самой воды стоял покрытый золотой парчой стол судей, и Гарри помчался туда напрямик вдоль озера. Седрик, Флер и Крам уже стояли у судейского стола и ждали его.

Гарри подбежал и с разбегу остановился у стола, забрызгав грязью мантию Флер.

— Я… здесь… — запыхавшись, проговорил он.

— Где ты был? — важно с укором спросил кто-то. — Испытание вот-вот начнется.

Гарри увидел за судейским столом на месте мистера Крауча Перси Уизли, мистер Крауч снова не приехал.

— Ну-ну Перси, — вмешался Людо Бэгмен, облегченно вздохнув при появлении Гарри. — Дай ему хотя бы отдышаться.

Дамблдор дружелюбно улыбнулся Гарри, Каркаров и мадам Максим холодно поглядели в его

сторону, сразу было видно, что они его не ждали.

Гарри согнулся и уперся руками в колени, тяжело дыша. В боку кололо, словно между ребер загнали нож, а времени на отдых уже не осталось. Людо Бэгмен расставил участников вдоль берега озера на расстоянии десяти футов друг от друга. Гарри стоял с краю, рядом с ним Крам в купальных плавках и с волшебной палочкой наготове.

— Все в порядке, Гарри? — прошептал Бэгмен, отставляя Гарри от Крама еще на несколько футов. — Знаешь, что делать?

— Ага, — ответил Гарри, потирая бок.

Бэгмен нервно дернул плечом и вернулся к судейскому столу, направил волшебную палочку на горло, как тогда, на Кубке мира, и произнес: *Сонорус!* — его голос тут же понесся через озеро к высоким трибунам.

— Ну, что ж, наши участники готовы ко второму испытанию. Начнем по моему свистку. За час они должны найти то, что у них отобрали. Итак, на счет три: раз… два… три!

Холодный неподвижный воздух огласил пронзительный свист, трибуны взорвались криками и рукоплесканьями. Гарри, не глядя, что делают другие участники испытания, скинул ботинки, стянул носки, достал из кармана комок жаброс-

лей, сунул в рот и побрел в озеро.

Вода в озере была ледяная и резала ноги, как будто это была не вода, а огонь. Мантия и брюки промокли, и чем глубже Гарри заходил, тем тяжелее они становились; он зашел в воду уже по колено, даже глубже, ноги немели и скользили на плоских, заросших илом камнях. Гарри усердно жевал скользкие, как щупальца осьминога, будто резиновые водоросли. Зайдя в воду по пояс, он остановился, проглотил водоросли и стал ждать.

На трибунах засмеялись. Глупо идти вот так в озеро безо всякого волшебства, глупее ничего и не придумаешь. Гарри дрожал от холода и весь покрылся гусиной кожей, холодно стоять в ледяной воде, да еще ветер треплет за волосы. На трибунах смеялись все громче, особенно старались слизеринцы, свистели и улюлюкали, и Гарри старался не глядеть туда. Вдруг Гарри почувствовал, словно ему на лицо наложили невидимую подушку, зажали рот и нос, он судорожно вздохнул, и у него закружилась голова. Легкие опустели, а слева и справа на шее словно полоснули бритвой…

Гарри схватился ладонями за шею и почувствовал под ушами широкие щели, которые открывались и закрывались, словно хватали воздух — жабры! Без дальнейших раздумий Гар-

ри сделал то, что только и можно было теперь сделать — нырнул в воду.

Глоток ледяной воды показался глотком жизни. Голова перестала кружиться, второй глоток воды плавно прошел сквозь жабры, и мозг насытился кислородом. Гарри поглядел на руки, в зеленой озерной воде они казались призрачными, а между пальцами выросли перепонки. Он изогнулся и взглянул на ноги — голые ступни вытянулись и тоже сделались перепончатыми, вместо ступней у Гарри отросли ласты.

Ледяная вода вдруг стала просто прохладной и приятной и удивительно легкой. Гарри вытянул руки, сильным гребком развел в стороны вдоль тела, заработал ногами-ластами и удивился, как быстро он плывет. И видел он теперь ясно и далеко, и можно было не моргать. Скоро Гарри заплыл так глубоко, что уже не мог различить поверхности озера, и направился прямо ко дну.

Гарри поплыл вдоль дна. Тишина давила на уши. Вода у дна была мутная, и видел Гарри теперь совсем недалеко, футов на десять вокруг. Под ним расстилался удивительный мутный пейзаж, новые виды словно выскакивали из темноты, по мере того, как он быстро плыл вперед. То вырастали целые леса черных трепещущих

водорослей, то широкие илистые луга с редкими валунами. Гарри заплывал все ниже и ниже, к середине озера, он широко раскрыл глаза и старался заглянуть подальше, туда, где за серой пеленой воды смутно маячили тени.

Маленькие серебристые рыбки стрелами проносились мимо. Раз или два Гарри казалось, что впереди его поджидает чудище, но, подплыв ближе, он обнаруживал либо почерневшее бревно, либо ком водорослей. Других участников Турнира, русалок с тритонами, Рона и — к счастью — гигантского кальмара видно не было.

Картина под ним сменилась, теперь, насколько хватало глаз, внизу простиралась долина светло-зеленых водорослей высотой фута в два, казавшихся переросшей травой. Гарри все глядел вперед, не мигая, стараясь различить, что его ждет впереди по очертаниям в полутьме. Вдруг кто-то схватил его за ногу.

Гарри обернулся и увидел гриндилоу. Маленькое, рогатое водное чудище вылезло из водорослей, крепко схватило Гарри длинными пальцами и оскалило острые клыки. Гарри сунул перепончатую руку в карман и стал нащупывать волшебную палочку, нащупал, и тут из зарослей появились еще два гриндилоу, схватили Гарри за

мантию и потащили ко дну.

— *Релассио!* — беззвучно крикнул Гарри, изо рта у него вырвался пузырь воздуха, а из кончика волшебной палочки вместо привычных искр гриндилоу обдало струей кипятка, и зеленые гриндилоу покраснели от злости Гарри вырвал ногу из костистых пальцев и быстро поплыл прочь, через плечо наудачу посылая в чудищ новые потоки кипятка. Гриндилоу то и дело хватали его за ноги, но он отбрыкивался и, в конце концов, угодил пяткой одному прямо в лоб. Тот скосил глаза, перестал грести, его приятели погрозили Гарри костлявыми кулаками и спрятались в водорослях.

Гарри отплыл подальше, остановился, спрятал волшебную палочку в карман мантии, оглянулся и прислушался. Тишина давила сильнее; Гарри описал круг, напряженно глядя вдаль. Он заплыл уже очень глубоко, а кроме колышущихся водорослей еще ничего не нашел.

— Ну как? — раздался голос.

Гарри чуть удар не хватил. Он рывком перевернулся и увидел Плаксу Миртл, едва различимую в темной воде, только огромные глаза привидения за толстыми очками в перламутровой оправе глядели не мигая.

— Ты что, Миртл! — хотел крикнуть Гарри, и вместо этого у него изо рта вылетел большой пузырь. Плакса Миртл захихикала.

— Плыви вон туда, — указала она. — Я с тобой не поплыву. А то они меня как увидят, так сразу начинают гоняться.

Гарри в благодарность показал ей кулаки с оттопыренными большими пальцами и помчался в указанном направлении, держась повыше над водорослями, на случай, если там прячутся другие гриндилоу.

Плыл Гарри долго, как ему показалось, минут двадцать. Он плыл над целой долиной черного ила, и от того, что он плыл, илистая муть приподнималась и крутилась вихрями. И, наконец, он вдалеке услышал обрывок русалочьей песни из яйца.

На поиски даем мы
Тебе один лишь час…

Гарри поплыл быстрее. Впереди в мутной воде пока¬зался громадный камень. На камне — рисунок: тритоны держат в руках копья и гонятся за чудовищем, по виду — гигантским кальмаром. Гарри миновал стороной камень и поплыл на русалочью песню.

...Минуло полчаса — спеши!
Скорей пропажу забери...

Вдруг из тьмы показались очертания домов, слепленных прямо из булыжников и поросших водорослями. В темных окнах виднелись лица... эти лица были совсем не похожи на мордашку русалки с картины в ванной старост.

Серая кожа и длинные-длинные темно-зеленые волосы, желтые глаза, неровные зубы, на шеях — ожерелья из гальки. Гарри плыл мимо, а они злобно на него глядели. Несколько тритонов и русалок выплыли из своих каменных хижин с копьями в руках и, мощно работая серебристыми хвостами, подплыли взглянуть поближе.

Гарри поплыл скорее по русалочьей улице; каменных хижин становилось все больше, вокруг некоторых были разбиты сады водорослей, а у двери одной хижины даже сидел привязанный к колу гриндилоу. Отовсюду выплывали новые русалки и тритоны, с любопытством разглядывали гостя, указывали друг другу на перепонки на руках и ногах и на жабры Гарри и перешептывались. Гарри завернул за угол, и его глазам предстало удивительное зрелище.

На обрамленной несколькими домами пло-

щади собралась толпа русалок и тритонов. В середине площади высилась статуя тритона, высеченная из цельного куска скалы, перед статуей выстроился русалочий хор и пел песню участникам Турнира. К хвосту статуи были привязаны четыре человека.

Рона привязали между Гермионой и Чжоу Чанг. Еще там была девочка лет восьми с серебристыми волосами, как у Флер Делакур. Гарри решил, что это ее сестра. Все четыре пленника крепко спали, склонив головы на плечи, у всех четырех изо рта тянулись вверх тоненькие струйки пузырьков.

Гарри поспешил к пленникам, ожидая, что тритоны нападут на него со своими копьями, но те нападать и не думали. Толстые скользкие веревки, которыми привязали Рона, Гермиону, Чжоу и сестру Флер, были из водорослей и очень крепкие. Гарри вспомнил о перочинном ножике, что подарил ему Сириус на Рождество, но ножик спрятан в дорожном сундуке в замке.

Гарри огляделся. У тритонов в руках были копья. Гарри метнулся к тритону ростом выше двух метров с длинной зеленой бородой и ожерельем из акульих зубов и жестами попросил у него копье. Тритон рассмеялся и пока чал головой в знак отказа.

— Мы не станем помогать, — сказал он хриплым резким голосом.

— Да что вы, в самом деле! — рассердился Гарри (снова пузыри изо рта). Он попробовал вырвать у тритона. Копье из рук, но ничего не вышло, тритон только смеялся и качал головой.

Тогда Гарри стал кружить над площадью в поисках чего-нибудь острого.

Дно озера в этом месте было сплошь усыпано осколка ми камней. Гарри выбрал камень позазубристей, вернулся к статуе и принялся пилить им веревку. Минут через семь веревка вокруг Рона была перепилена, и Рона — по-прежнему без сознания — тихонько понесло течением над самым дном.

Гарри снова огляделся. Ни Седрика, ни Флер, ни Крама. Да где ж они застряли? Почему не торопятся? Гарри подплыл к Гермионе и начал перепиливать и ее веревку.

Его тут же схватили несколько пар мускулистых рук. Пять или шесть тритонов тянули его прочь от Гермионы и со смехом трясли головами.

— Забирай одного пленника, — сказал один из них — и плыви…

— Вот еще! И не подумаю! — выпустил пузыри

Гарри.

— Ты должен забрать только своего друга… другие останутся…

— Она тоже мой друг! — кричал Гарри, указывая на Гермиону. — И их я тут умирать не оставлю!

Голова Чжоу лежала на плече у Гермионы, девочка с серебристыми волосами походила на зеленое привидение. Гарри попробовал было вырваться из рук тритонов, но те только сильнее расхохотались. Гарри судорожно принялся искать глазами других участников. Ну где же они, наконец? Может, он успеет поднять на поверхность Рона и вернуться за Гермионой и остальными? А сможет ли он их найти потом? Гарри поглядел на часы — часы остановились.

Вдруг тритоны и русалки что-то увидели и стали указывать пальцами куда-то вверх. Гарри обернулся, поглядел вверх и увидел Седрика. Седрик, широко раскрыв от страха глаза, плыл к русалочьей деревне, голова у него была в большом пузыре воздуха, и лицо казалось шире, чем на самом деле.

— Я заблудился! — проговорил Седрик одними губами. — Флер и Крам тоже скоро будут.

У Гарри словно гора с плеч свалилась. Седрик

достал из кармана перочинный ножик и перерезал веревку, которой была привязана Чжоу, обхватил Чжоу и уплыл с ней наверх.

Гарри остался ждать. Где же Флер и Крам? Час скоро кончится, и тогда, если верить песне, пленников уже не вернуть…

Вдруг послышались вопли русалок. Тритоны отпустили Гарри и обернулись, обернулся и Гарри. К ним плыло чудовище: человеческое туловище в плавках и голова акулы — Виктор Крам попытался превратиться в акулу.

Акулочеловек подплыл к Гермионе и вцепился зубами в веревку вокруг нее. Новыми зубами Краму легче было бы укусить дельфина, чем веревку, и Гарри подумал, что Крам, чего доброго, перекусит Гермиону пополам. Гарри подскочил к Краму, хлопнул его по плечу и протянул камень с зазубринами. Крам схватил камень, сейчас же перепилил веревку, обхватил Гермиону за талию и, даже не взглянув на Гарри, помчался наверх.

Что же делать? Если бы точно знать, что Флер приплывет… А ее нигде не видно… Делать нечего…

Гарри снова схватил камень — Крам его кинул на дно, — но тритоны обступили Рона и незнакомую девочку и закачали головами.

Гарри выхватил волшебную палочку.

— С дороги!

Изо рта выскочил только пузырь, но тритоны его поняли, потому что перестали смеяться и, расширив от праха желтые глаза, глядели на палочку. Их много, а Гарри один, но понятно по их испугу, что волшебники из них такие же, как из гигантского кальмара.

— Считаю до трех, — выпустил Гарри изо рта струю пузырей и на всякий случай показал тритонам три пальца. — Раз (он загнул одни палец)… два (загнул другой)…

Тритоны разлетелись кто куда. Гарри кинулся к маленькой девочке и принялся пилить ее веревку, скоро и девочка стала свободна. Он обхватил девочку вокруг талии, схватил Рона за воротник мантии и поплыл вверх.

Плыть и тащить за собой такой груз было тяжело, руками он грести уже не мог; он изо всех сил работал ластами, но Рон и сестра Флер, словно мешки с картошкой, тянули его на дно… Гарри глядел вверх. Еще очень глубоко, вода впереди черная…

Тритоны с русалками плыли следом. Они легко носились вокруг и глядели, как он выбивается из сил, стараясь скорее доплыть до поверхности.

Время скоро выйдет. Тогда они утащат его обратно на дно? Может, они людоеды? Ноги Гарри отказывались служить, руки просто разламывались от боли…

Стало тяжело дышать. Шея снова заболела, вода снова становилась мокрой на вкус… Наверху уже светлее… Светлее…

Гарри с такой силой заработал ногами, что ноги словно взвыли от боли, а голова пропиталась водой. Гарри больше не мог дышать… нужно вздохнуть… нужно плыть дальше… нужно плыть…

Вынырнул! От чудесного, свежего прохладного воздуха закололо мокрое лицо. Гарри глотал воздух и наслаждался им, словно впервые в жизни вздохнул полной грудью. Рона и девочку он держал на плаву вместе с собой. Зеленоволосые тритоны с русалками всплыли следом за ним и улыбались.

Трибуны радостно завопили и засвистели, все вскочили на ноги. Должно быть, все думали, что Рон с маленькой девочкой захлебнулись, но нет, Рон и девочка проснулись и открыли глаза. Девочка смутилась и испугалась, а Рон выплюнул воду, замигал от яркого света и, повернувшись к Гарри, сказал:

— Вот ведь сырость! — тут он увидел сестру Флер. — А эту ты чего вытащил?

— Флер так и не приплыла. Что же мне было делать? Не оставлять же ее там? — еле переводя дыхание, ответил Гарри.

— Дурья твоя голова! Ты что, и правда решил, что мы там останемся? Да Дамблдор никогда бы не позволил нам утонуть!

— А как же, в песне…

— Да это для того, чтобы вы там не возились и поскорее нас нашли. Ты что, героя из себя строил? Торчал там больше, чем надо?

Гарри стало стыдно и гадко. Рону легко говорить, он-то спал, он-то не знает, как там, на дне, жутко, когда вокруг эти тритоны с копьями в руках — того и гляди продырявят.

— Поплыли! — сказал Гарри. — Помоги мне, придержи ее, вряд ли она хорошо плавает.

И они вдвоем потянули за собой сестру Флер к берегу, где уже ждали судьи; двадцать тритонов плыли вместе с ними, словно почетный караул, и распевали хриплыми голосами страшные гимны.

Мадам Помфри возилась на берегу с Гермионой, Крамом, Седриком и Чжоу, укутывая их в толстые шерстяные одеяла. Дамблдор и Людо Бэгмен

радостно заулыбались Гарри и Рону; Перси был белее простыни и казался беспомощным подростком. Он не стал дожидаться, пока Рон и Гарри доплывут до берега, и сам пошлепал по воде им на встречу. Флер Делакур билась в истерике и вырывалась из рук мадам Максим с криком:

— Габ'гиэль! Габ'гиэль! Она жива? Скажите мне! Жива?

— С ней все в порядке, — пытался крикнуть Гарри, но от усталости и говорить-то мог еле-еле, не то, что кричать.

Перси подхватил Рона и потащил к берегу («Да отвяжись ты, Перси! Я и сам дойду!»); Дамблдор с Бэгменом поддерживали Гарри под руки, Флер наконец вырвалась из крепких рук своего директора и схватила сестру в охапку.

— Там г'индилоу… они на меня напали… о моя сест'генка, я уже думал… я думал… — и она разрыдалась.

— А ну-ка, иди сюда! — приказала мадам Помфри Гарри, подхватила его, подтащила к остальным, завернула в шерстяное одеяло так крепко, будто смирительную рубашку на него натянула, и влила в рот какого-то зелья, да такого горячего, что у Гарри дым из ушей пошел.

— Молодец, Гарри! — воскликнула Гермио-

на. — Молодец! Сам обо всем догадался.

— Ну… — Гарри уже собирался рассказать ей о Добби, но заметил, что Каркаров пристально на него глядит. Из всех судей только он не радовался возвращению Гарри, Рона и маленькой сестры Флер и остался сидеть за столом. — Да, сам, — сказал громко Гарри, так, чтобы и Каркаров его услышал.

— Гермивонна, у тебя водный жук на голове, — сказал Крам.

Гарри показалось, что Крам хочет привлечь внимание Гермионы и, может быть, напомнить, что это он только что спас ее, вызволив со дна озера, но Гермиона нетерпеливо смахнула с головы жука и сказала:

— Жаль, что ты не успел вовремя… Ты долго нас искал?

— Да нет… я вас быстро нашел…

Гарри почувствовал себя еще глупее. Здесь, на суше, стало яснее ясного, что Дамблдор ни за что не дал бы умереть пленникам, не доплыви до них участники. Взял бы Рона и уплыл, а не ждал там, как дурак. И вернулся бы первым… Вот Седрик с Крамом русалочью песню всерьез не приняли и времени зря не теряли, не возились с остальными пленниками…

Дамблдор склонился у воды и беседовал с русалкой самой дикой и злобной на вид изо всего водного народа; должно быть, она была среди своих собратьев главной. Дамблдор издавал те же резкие скрипучие звуки, что и тритоны с русалками, когда они над водой, значит, Дамблдор знал русалочий язык. Дамблдор разогнулся, повернулся к остальным судьям и сказал:

— Надо бы посоветоваться перед тем, как ставить оценки.

Судьи собрались в кучку. Мадам Помфри отобрала Рона у Перси, подвела его к Гарри и остальным, дала ему одеяло и напоила бодрящим зельем, потом отправилась за Флер и ее сестрой. У Флер были исцарапаны и изрезаны лицо и руки и изодрана мантия, но ей самой было не до того, и она ни за что не хотела позволить мадам Помфри промыть раны.

— П'гиглядите за Габ'гиэль, — попросила она мадам Помфри, а сама подошла к Гарри.

— Ты спас мою сест'гу — восторженно сказала она. — Хотя она и не была твой пленник.

— Спас, — ответил Гарри, а сам в душе пожалел, что не оставил всех трех девчонок привязанными к статуе.

Флер наклонилась и расцеловала Гарри в обе

щеки (Гарри вспыхнул и подумал, что у него сейчас снова дым из ушей повалит), а после обернулась к Рону.

— И ты помогал… — сказала она.

— Да, — ответил с надеждой тот. — Помогал, немного…

Флер быстро наклонилась и расцеловала и его. Гермиона при этом так рассердилась, что не могла и слова вымолвить от такой неслыханной дерзости. Тут за спинами участников раздался громоподобный, волшебно усиленный голос Людо Бэгмена, и они вздрогнули, зрители на трибунах притихли.

— Дамы и господа, предводительница русалок и тритонов поведала нам, что в точности произошло на дне озера, и вот наше решение: оценки чемпионам будут выставлены по пятидесятибальной шкале. Итак… Мисс Флер Делакур продемонстрировала замечательное владение заклинанием головного пузыря, но на нее напали гриндилоу, и она не сумела спасти своего пленника. Мы решили поставить ей двадцать пять очков.

На трибунах захлопали.

— Я не достойна, — хриплым голосом проговорила Флер, качая своей очаровательной

головкой.

— Мистер Седрик Диггори также использовал заклинание головного пузыря и первым вернулся со своим пленником, но вернулся на минуту позже установленного времени, — пуффендуйцы на трибунах разразились криками и аплодисментами, Чжоу поглядела на него, и ее глаза светились от радости. — Мистеру Диггори мы ставим сорок семь очков.

Гарри сник, если уж Седрик не успел вовремя, то сам он и подавно.

— Мистер Виктор Крам продемонстрировал неполное превращение, что, впрочем, не помешало ему выполнить задание, и он вернулся вторым. Его оценка — сорок очков.

Каркаров надулся от гордости и захлопал громче всех.

— Мистер Гарри Поттер с успехом воспользовался жаброслями, — продолжал Людо Бэгмен. — Он вернулся последним и потратил на задание гораздо больше условленного времени. Однако предводительница тритонов и русалок сообщила нам, что мистер Поттер первым нашел пленников и задержался на дне только потому, что желал вернуть на сушу не только своего собственного, а непременно всех пленников.

Рон и Гермиона взглянули на Гарри вместе восхищенно и жалобно.

— Почти все судьи, — тут Бэгмен неприязненно взглянул на Каркарова, — посчитали, что такое поведение говорит о высоких моральных качествах и заслуживает высшей оценки. Однако… оценка мистера Поттера — сорок пять очков.

У Гарри сердце заколотилось от счастья, он разделил с Седриком первое место. Рон и Гермиона от такой неожиданности мгновение глядели на Гарри, раскрыв рты, а потом радостно засмеялись и громко захлопали вместе с остальными студентами.

— Ну, вот! — крикнул Рон. — Ты, оказывается, не дурака валял, а высокие моральные качества демонстрировал.

Флер тоже хлопала изо всех сил, а Крам приуныл, попытался снова заговорить с Гермионой, но та от восторга не обращала на него внимания.

— Третье и последнее испытание состоится на закате двадцать четвертого июня, — продолжил Бэгмен. — За месяц до этого чемпионам Турнира объявят, что это будет за испытание. Благодарю вас всех, что поддержали наших чемпионов.

«Все», — ошеломленно думал Гарри, идя в кучке чемпионов и пленников вслед за мадам Помфри

в замок, чтобы переодеться в сухую одежду. — «Все, прошел… теперь можно обо всем забыть до двадцать четвертого июня…»

И Гарри, поднимаясь по каменной лестнице замка, решил, что, когда в следующий раз отправится в Хогсмид, обязательно купит Добби столько пар носков, сколько дней в году.

Глава 27

ВОЗВРАЩЕНИЕ БРОДЯГИ

После второго испытания всем стало любопытно узнать подробности подводного приключения, а, стало быть, и на долю Рона перепала часть славы Гарри. Оба просто купались в лучах известности. Рон по десять раз на день пересказывал свои злоключения, и с каждым разом рассказ у него выходил чуточку по-иному. Сперва Рон рассказывал правду, по крайней мере, он говорил то же, что и Гермиона: пленников привели в кабинет МакГонагалл, там Дамблдор их заколдовал, пообещав, что с ними все будет в порядке, и что они проснутся, как только снова окажутся на поверхности озера. Через неделю Ронов рассказ превратился в жуткую историю, из которой следовало, что на него напали и украли, ему пришлось в одиночку отбиваться от полусотни до зубов вооруженных тритонов и русалок, и они его, в конце концов, одолели, связали и уволокли на самое дно озера.

Рон теперь привлекал всеобщее внимание, и Падма Патил стала к нему благосклоннее и каж-

дый раз, встречаясь с ним в коридоре, старалась заговорить.

— Но перед этим я сунул в рукав волшебную палочку, — уверял ее Рон. — Мне ничего не стоило расправиться с этими водными болванами.

— Вот бы на это поглядеть. Ты бы, наверное, храпеть на них стал, — вставила ироничное замечание Гермиона. Ее все дразнили дамой сердца Виктора Крама, и так ей досадили, что теперь ничего не стоило вывести ее из себя.

Рон покраснел до ушей и больше уже о сражении с тритонами не рассказывал.

Март выдался сухой и ветреный. Сов сносило порывами, они сбивались с курса, и почта приходила с опозданием. Бурая сова, которую Гарри отослал к Сириусу с запиской о дне посещения Хогсмида, вернулась только в пятницу во время завтрака, вся растрепанная и взъерошенная. Только Гарри отвязал от ее ноги записку с ответом Сириуса, как она тут же улетела в страхе, что ее снова куда-нибудь отошлют.

Сириус, как и в прошлый раз, писал кратко.

В два часа дня в воскресенье будь у перелаза при повороте на Хогсмид (со стороны «Дервиш и Бэнгз»). Захвати с собой поболь-

ше съестного.

— Он что, в Хогсмид вернулся? — удивился Рон.

— Похоже, что так, — ответила Гермиона.

— Не может быть! — испугался Гарри. — Его поймают, и тогда…

— Да ладно тебе! До сих пор же не поймали, — сказал Рон. — Да и дементоров в Хогсмиде больше нет.

Гарри сложил записку, спрятал в карман и призадумался. Если честно, очень хочется повидаться с Сириусом. Последние два урока в пятницу — уроки зельеварения, и обычно Гарри угрюмо плелся вниз по каменным ступеням в подземелье профессора Снегга, но с запиской Сириуса в кармане, идти было куда легче.

У дверей класса сбились в кучку Малфой, Крэбб с Гойлом и Пэнси Паркинсон со своими подружками из Слизерина. Они вместе что-то разглядывали и громко смеялись. Похожая на мопса Пэнси высунулась из-за толстого плеча Гойла и задорно глянула на Гарри, Рона и Гермиону.

— Глядите-ка, наши голубки идут! — хихикнула она, и кучка слизеринцев распалась. У Пэнси в руках оказался журнал «Ведьмин досуг», его-то

они и читали. На обложке красовалась какая-то кудрявая ведунья, улыбалась во все тридцать три зуба и держала волшебную палочку над пирогом.

— На-ка, Грэйнджер, почитай, тебе понравится, — крикнула Пэнси и швырнула журнал Гермионе, та вздрогнула от неожиданности, но поймала. Дверь подвала распахнулась, показался Снегг и махнул им, чтобы заходили.

Гермиона, Гарри и Рон устроились, как обычно, за последней партой. Снегг повернулся к доске, взял мел и принялся писать ингредиенты для нового зелья, а Гермиона украдкой раскрыла под партой журнал и стала листать. Статья, что она искала, оказалась в середине журнала. Гарри и Рон наклонились поближе. Сверху страницы была цветная фотография Гарри, а под ней шла коротенькая заметка, озаглавленная «Разбитое сердце Гарри Поттера».

> Гарри Поттер мальчик необыкновенный, но как все мальчики его возраста испытывает муки юности. Рано потерявший родителей и лишенный родительъской любви, он думал, что обрел утешение в своей школьной подруге Гер-

мионе Грэйнджер. Но догадывался ли он, что очень скоро ему придется перенести новый удар судьбы и новую утрату?

Мисс Грэйнджер родилась в семье маглов, это простая, но амбициозная девочка. Ее тянет к знаменитостям, и одного Гарри Поттера ей мало. На Турнир Трех Волшебников в Хогвартс приехал Виктор Крам, ловец сборной Болгарии, триумфатор недавнего Чемпионата мира, и мисс Грэйнджер тут же и его поймала в свои сети. Она его просто покорила, и он уже пригласил ее на летние каникулы в Болгарию.

— Я еще никогда ничего подобного к девушкам не чувствовал, — признается Виктор Крам.

А непостоянная мисс Грэйнджер продолжает играть чувствами обоих мальчиков.

Трудно сказать, чем так привлекательна мисс Грэйнджер. Нельзя сказать, чтобы она была красива, скорее всего, причина симпатий к ней двух несчастных мальчиков кроется в чем-то ином.

— Она просто страшилище, — говорит

о ней Пэнси Паркинсон, миловидная, привлекательная студентка четвертого курса. — Но она умна, и ей вполне по силам сварить приворотное зелье. В этом-то, я думаю, все и дело.

Приворотные зелья запрещены в школе «Хогвартс», и Альбус Дамблдор, без сомнения, заинтересуется причиной успеха своей студентки. А доброжелателям Гарри Поттера остается только надеяться, что в следующий раз он отдаст свое сердце более достойной.

— Ну, что я говорил? — прошептал Рон Гермионе, глядя в журнал. — Я ведь предупреждал: не зли Риту Скитер. Вот полюбуйся: она из тебя какую-то… мирскую табакерку сделала!

Удивленное выражение исчезло с лица Гермионы, и она прыснула.

— Мирскую табакерку? — трясясь от смеха, переспросила она и взглянула на Рона.

— Так моя мама говорит, — пролепетал смущенно Рон и снова покраснел до ушей.

— что-то мало она намарала. Похоже, совсем разучилась сочинять, — сквозь смех сказала Гермиона и бросила журнал на незанятый стул. — Ну

и чушь!

Гермиона поглядела в сторону слизеринцев, те таращились на них с Гарри в надежде, что «голубки» смутятся и расстроятся. Вместо того Гермиона ухмыльнулась, помахала им рукой и вместе с Гарри и Роном принялась доставать ингредиенты для зелья прибавления ума.

— Странно все-таки, — задумчиво проговорила Гермиона немного спустя, держа в одной руке ступку с сушеными скарабеями, а в другой — пестик, — и откуда Рита Скитер узнала?..

— Что узнала? — Рон резко повернулся к ней. — Ты что, правда, варишь приворотное зелье?

— Не говори глупостей! — Гермиона снова принялась толочь скарабеев. — Конечно, нет. А вот откуда она узнала, что Виктор Крам пригласил меня на летние каникулы?

Гермиона зарделась и отвернулась.

— Как? — опешил Рон и со стуком уронил пестик.

— Он меня пригласил сразу, как вытащил из озера. Вернул себе свою нормальную голову вместо акульей, мадам Помфри укутала нас одеялами, он отвел меня подальше от судей, чтобы они не слышали, и предложил, если у меня нет планов на лето, приехать…

— И что ты ответила? — Рон взял с парты пестик и, пристально глядя на Гермиону, совсем забыв про жуков в ступке, принялся толочь парту.

— Он тогда, и вправду, сказал, что ничего подобного никогда не чувствовал, — продолжала Гермиона и покраснела, Гарри даже показалось, будто от нее идет жар. — Но как она услышала? Ее, кажется, там не было… или была? Может, у нее мантия-невидимка, и она пробралась в Хогвартс поглядеть второе испытание?

— Что ты ему ответила? — повторил вопрос Рон и с такой силой застучал по столу пестиком, что стол покрылся вмятинами.

— Ну, мне тогда было не до него, я ждала вас с Гарри…

— Ваша жизнь, мисс Грэйнджер, без сомнения, полна любопытных событий, — раздался ледяной голос, — но не следует обсуждать ее на уроках. Минус десять очков Гриффиндору.

Пока они разговаривали, Снегг незаметно подошел к ним и встал за их спинами. Весь класс глядел на них; Малфой воспользовался удобным случаем и написал в воздухе «Поттер смердяк».

— А, так вы еще и журналы на уроках читаете! — прибавил Снегг и взял со стула «Ведьмин досуг». — Еще минус десять очков Гриффиндору.

Ах, ну, конечно… — Снегг увидал статью Скитер, и у него заблестели глаза. — Поттеру и дня не прожить без газетных вырезок о собственной персоне…

Слизеринцы загоготали, Снегг угрожающе улыбнулся, и, к ярости Гарри, стал читать заметку вслух.

— «Разбитое сердце Гарри Поттера»… что же, Поттер, с вашим сердцем на этот раз? «Гарри Поттер мальчик необыкновенный…»

Настала очередь Гарри залиться краской. А Снегг еще и после каждого предложения останавливался, чтобы слизеринцы могли вдоволь насмеяться. В исполнении Снегга заметка звучала во стократ хуже.

— «…А доброжелателям Гарри Поттера остается только надеяться, что в следующий раз он отдаст свое сердце более достойной», — ухмыльнулся Снегг и под гоготанье слизеринцев свернул журнал в трубочку. — Пожалуй, лучше будет вас троих рассадить, а то вы больше заняты своими любовными похождениями, а не зельями. Вы, Уизли, останетесь здесь. Мисс Грэйнджер сядет вон там, с мисс Паркинсон. А Поттер передо мной, за первой партой. Ну живее!

Гарри, дрожа от ярости, швырнул рюкзак и

ингредиенты для зелья в котел и потащил его к незанятой парте перед самым столом учителя. Снегг пошел следом, уселся за свой стол и стал глядеть, как Гарри достает вещи из котла. Гарри, стараясь не глядеть на Снегга, снова принялся толочь скарабеев, представляя себя, что каждый жук — это профессор зельеварения.

— О вас, Поттер, слишком много пишут. Слава, похоже, совсем вскружила вам голову, — негромко сказал Снегг, когда класс успокоился.

Гарри смолчал. Снегг и раньше пытался вызвать его на грубость. Дай ему только предлог, и он еще до конца урока отнимет у Гриффиндора очков пятьдесят.

— Вы, может быть, полагаете, будто весь волшебный мир от вас без ума? — продолжал Снегг тихо, так что никто, кроме Гарри, его не слышал (Гарри толок сушеных скарабеев, хоть они и превратились уже в ступке в мелкий порошок). — Лично мне нет никакого дела, сколько раз вашу фотографию печатали в газетах. Для меня вы, Поттер, всего лишь мальчишка, который считает, будто школьные правила не для него.

Гарри высыпал перетертых в пыль скарабеев в котел и принялся резать корень имбиря. От злости у него дрожали руки, но глаз он не поднимал,

будто не слышал, что говорит ему учитель.

— Так вот, предупреждаю вас, Поттер, — угрожающим, вкрадчивым голосом продолжал Снегг, — я не погляжу, что вы знаменитость, попробуйте еще только раз забраться в мой кабинет…

— Я близко к вашему кабинету не подходил! — огрызнулся Гарри, позабыв о своей мнимой глухоте.

— Не врите! — прошипел Снегг, непроницаемым взглядом буравя Гарри. — Шкура бумсланга и жабросли — из моего личного запаса. И я знаю, кто их украл.

Гарри смело, не мигая, поглядел Снеггу прямо в глаза, как глядят честные люди. Он, и правда, ничего не крал у Снегга. Порошок из шкуры бумсланга на втором курсе стащила Гермиона, он им был нужен для Оборотного зелья. И сколько бы Снегг ни подозревал Гарри, доказать он этого так и не смог. Ну а жабросли украл, конечно, Добби.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — сказал Гарри.

— В ту ночь, когда залезли в мой кабинет, вас в спальне не было, я это точно знаю! — прошипел Снегг. — И я не намерен терпеть ваше поведение, даже если вашим поклонником сделался и

Грозный Глаз Грюм. Только попробуйте снова забраться в мой кабинет, Поттер, и вам не поздоровится!

— Хорошо, — безразлично ответил Гарри и снова стал нарезать имбирный корень. — Буду иметь в виду на тот случай, если мне когда-нибудь захочется туда забраться.

Снегг сверкнул глазами и сунул руку под мантию. Гарри на секунду испугался, что Снегг выхватит волшебную палочку и заколдует его, но Снегг вынул крохотный пузырек с прозрачным как слеза зельем. Гарри пристально поглядел на пузырек.

— Знаете, что это, Поттер? — спросил Снегг, злобно сверкая глазами.

— Нет, — искренне ответил Гарри.

— Это Сыворотка Правды. Она очень сильная, достаточно и трех капель, чтобы вы сейчас же всему классу выдали свои тайны, — вкрадчиво произнес Снегг. — Использование этого зелья, конечно, строго ограничено правилами Министерства. Но я могу случайно, скажем, за ужином пронести руку над вашим тыквенным соком, — он слегка встряхнул пузырек, — и вот тогда, Поттер, мы и узнаем, были вы в моем кабинете или нет.

Гарри ничего не ответил, снова взял корень имбиря и нож и принялся резать. О сыворотке правды Снегг не для красного словца упомянул, уж кто-то, а Снегг свою угрозу выполнит, дай ему только повод, наверняка этим зельем напоит. Гарри страшно было подумать, что он может сказать, прими он этого зелья. Ему представилось, как он выдает своих друзей, Гермиону и Добби, а потом рассказывает о переписке с Сириусом… и — у Гарри все внутри похолодело — о своих чувствах к Чжоу… Гарри ссыпал кусочки корня имбиря в котел и подумал, не последовать ли примеру Грюма, не пить ли из собственной фляжки? В дверь подземелья постучали.

— Войдите, — спокойно сказал Снегг.

Ученики обернулись к входу. Дверь открылась, вошел Каркаров и направился между рядами парт к учительскому столу, вызвав своим появлением удивление и любопытство учеников. Каркаров был взволнован и крутил свою козлиную бородку.

— Нам надо поговорить, — сказал он, подойдя к Снеггу. Каркарову явно не хотелось, чтобы кроме Снегга его кто-нибудь услышал, поэтому он едва открывал рот и походил на плохого чревовещателя. Гарри продолжал тщательно резать корень

имбиря, а сам навострил уши.

— После урока поговорим… — так же тихо, как и неожиданный посетитель, начал Снегг, но Каркаров перебил его.

— Нет, сейчас! Тебе некуда деваться, Северус. Почему ты меня избегаешь?

— После урока! — отрезал Снегг.

Гарри сделал вид, что хочет проверить, достаточно ли налил желчи броненосца, поднес стеклянный стаканчик к глазам, а сам искоса глянул на учителя и его гостя. Каркаров был чем-то обеспокоен, Снегг сердился.

Каркаров до самого конца второго урока зельеварения ходил за спиной Снегга. Гарри хотелось узнать, зачем пожаловал Каркаров, и за две минуты до звонка он нарочно опрокинул пузырек желчи броненосца, остальные ученики шумно собирались, потом толпились у выхода из класса, а он присел за котел, стал вытирать разлитую желчь и прислушался.

— Ну? Что за срочность? — прошипел Снегг.

— Вот что, — ответил Каркаров, Гарри выглянул из-за котла: Каркаров закатал левый рукав мантии и показал Снеггу что-то у себя на запястье.

— Ну, видишь? — тихо спросил Каркаров, почти не шевеля губами. — Видишь? Неужели не ясно?

С тех пор, как…

— Спрячь! — вскрикнул Снегг, и его глаза забегали по классу.

— Неужели ты не заметил?.. — взволнованно начал было Каркаров.

— Потом поговорим, — оборвал его Снегг. — Поттер, вы что здесь забыли?

— Вот собираю желчь броненосца, профессор, — невинными глазами глядя на Снегга, ответил Гарри и показал мокрую тряпку.

Каркаров, встревоженный и злой, развернулся на каблуках и вылетел вон из класса. Гарри совсем не хотелось оставаться наедине с профессором зельеварения, он торопливо побросал учебники и ингредиенты для зелий в рюкзак и поспешил убраться из подземелья. За дверью поджидали Рон и Гермиона, и ему не терпелось рассказать, что он услышал.

* * *

На следующий день после обеда Гарри, Рон и Гермиона отправились в Хогсмид. Небо прояснилось, и вовсю светило солнце. Друзьям стало жарко, и на полпути до деревни все трое сняли плащи и закинули их на плечи. Гарри нес в рюкзаке еду для Сириуса; за обедом они стащили

со стола десяток куриных ножек, батон хлеба и наполнили фляжку тыквенным соком.

По дороге они заглянули в магазин одежды волшебников «Шапка-невидимка» и купили для Добби подарок. Они долго выбирали носки и всякий раз весело хохотали, найдя новую забавную пару. Среди многих пар одна сверкала вышитыми золотыми и серебряными звездами, а другая, когда долго не стирали, истошно вопила. В половине второго вышли из магазина, прошлись по Главной улице, миновали магазин «Дервиш и Бэнгз» и направились к краю деревни.

Так далеко они еще не заходили. Тропинка часто петляла, дома попадались все реже и реже, скоро они вышли из деревни и пошли к горе, у подножия которой деревня и стояла. Тропинка вильнула последний раз, и у ее конца обнаружился перелаз. Опершись на него передними лапами, с газетой в зубах, их поджидал тощий черный пес, очень знакомый на вид.

— Здравствуй, Сириус, — поприветствовал пса Гарри.

Черный пес потянул носом воздух — из рюкзака за спиной Гарри шел сильный запах курятины — удовлетворенно вильнул хвостом, развернулся и затрусил между кустов к каменистому подножию

холма. Гарри, Рон и Гермиона перелезли через забор и пошли следом.

Сириус привел их к самому подножью холма, сплошь усеянному камнями. Ему, на его четырех лапах, подниматься было легко, а Гарри, Рон и Гермиона тяжело отдувались. Сириус поднимался все выше и выше. С полчаса они взбирались по крутому каменистому склону. Сириус бежал впереди, тропка виляла, и на поворотах он помахивал хвостом. Солнце жарило нещадно, Гарри, Рон и Гермиона обливались потом, лямки рюкзака резали Гарри плечи.

Потом Сириус вдруг куда-то исчез, они подошли и увидели в скале узкую расщелину. Они протиснулись внутрь и очутились в прохладном темном гроте. В дальнем конце грота, привязанный веревкой к большому камню, сидел гиппориф Клювокрыл. Клювокрыл был наполовину серой лошадью, наполовину огромным орлом, и чуть только они вошли, сердито и важно посмотрел на них огненным глазом. Трое друзей низко поклонились гиппогрифу тот еще с полминуты, словно раздумывая, взирал на них свысока и, в конце концов, преклонил перед ними чешуйчатые передние лапы, Гермиона побежала погладить его по шее. Гарри не отрывал глаз от черного пса,

а тот успел уже обернуться его крестным.

На Сириусе была поношенная серая мантия, которую он носил с тех самых пор, как сбежал из Азкабана. После разговора с Гарри через камин волосы у него отросли еще больше, были немыты и спутаны. Он здорово исхудал.

— Курица! — воскликнул он хриплым голосом, вынув изо рта старые номера «Пророка» и бросив их на землю.

Гарри снял с плеч рюкзак, вынул завернутые в бумагу куриные ножки и хлеб и подал Сириусу.

— Вот спасибо! — сказал Сириус, развернул еду, схватил ножку, сел прямо на пол и запустил в курицу зубы. — А то все крысы да крысы. Из Хогсмида много не утащишь, чего доброго, заподозрят неладное.

Он улыбнулся, и Гарри заставил себя улыбнуться в ответ.

— Что ты здесь делаешь, Сириус?

— Исполняю обязанности крестного, — ответил тот, по-собачьи обгрызая куриную ножку. — Да ты не беспокойся, я очень даже дружелюбный бродячий пес.

Он снова улыбнулся, но заметил беспокойство во взгляде Гарри и серьезно прибавил:

— Хочу быть поближе. Ты в последнем письме…

ну, в общем, тучи сгущаются. Я краду старые газеты, и, судя по тому, что пишут, не я один это чую.

Он кивнул на пожелтевшие номера «Пророка» на полу грота, Рон подобрал их и стал листать. Но Гарри на этом не успокоился.

— А вдруг тебя поймают? Вдруг узнают?

— Кроме вас троих да Дамблдора, никто и не знает, что я анимаг, — пожал плечами Сириус и продолжил обсасывать куриную косточку.

Рон толкнул Гарри локтем в бок и передал ему номера «Пророка», указав на две статьи. Одна шла под заголовком «Таинственная болезнь Бартемия Крауча», вторая — «Поиски работницы Министерства. Министр магии берет расследование под свой личный контроль».

Гарри пробежал глазами статью о Крауче. Каждая фраза так и кричала: «...никто не видел с самого ноября... дом, кажется, пуст... в Больнице св. Мунго нам отказались разъяснить... Министерство не подтверждает слухи об опасной болезни...»

— Почитать, так он умирает, — сказал Гарри. — А сумел же добраться сюда... Значит, не так уж он и болен...

— Мой брат — личный помощник Крауча, — заметил Сириусу Рон. — Он говорит, Крауч

переутомился на работе.

— Хотя, он, и вправду, плохо выглядел, когда я его видел в последний раз, — продолжал Гарри, читая статью. — А было это в тот вечер, когда мое имя появилось из Кубка…

— И ничего удивительного, — раздался голос Гермионы, гладившей Клювокрыла. Гиппогриф доклевывал за Сириусом куриные кости. — Выгнал Винки, вот теперь и мучается, жалеет небось, за домом-то некому приглядеть.

— Наша Гермиона просто помешалась на эльфах-домовиках, — заметил Рон Сириусу и мрачно поглядел на подругу.

Сириус, однако, не спешил с выводами и переспросил:

— Говоришь, Крауч выгнал своего эльфа?

— Да, во время Чемпионата мира по квиддичу — ответил Гарри и рассказал о том, как появилась Черная Метка, и как Винки поймали на месте преступления с волшебной палочкой Гарри в руках, и как мистер Крауч при этом рассердился.

К концу рассказа Сириус встал и принялся мерить грот шагами.

— Стало быть, дело было так, — спустя минуту сказал он, размахивая очередной куриной ножкой, — сперва вы увидели эту эльфиху на

трибуне для особо важных гостей. Она заняла Краучу место. Так?

— Так, — дружно подтвердили Гарри, Рон и Гермиона.

— Но Крауч на матч не пришел. Так?

— Да, — ответил Гарри, — кажется, он сказал, что был слишком занят.

Несколько минут Сириус молча кружил по гроту.

— Гарри, а ты проверял свои карманы после того, как вышел со стадиона? Волшебная палочка была при тебе?

— М-м, — задумался Гарри. — Нет, не проверял. Да она мне и не нужна была до того, как мы пошли в лес. А в лесу я сунул руку в карман, а там только омнинокль, — Гарри широко раскрыл глаза и поглядел на Сириуса. — Ты думаешь, тот, кто послал Черную Метку, украл мою волшебную палочку еще там, на трибуне для особо важных гостей?

— Очень может быть, — кивнул Сириус.

— Винки не крала твоей волшебной палочки, — отрезала Гермиона.

— Ну, положим, эльфиха не одна была на трибуне, — заметил Сириус, нахмурившись. — Кто, кстати, еще сидел позади тебя?

— Да много кто, — ответил Гарри. — Болгары… Корнелиус Фадж… Малфой…

— Вот именно — Малфой! — воскликнул вдруг Рон, да так громко, что эхо покатилось по гроту, а Клювокрыл удивленно вскинул голову. — Малфой — вот это кто!

— А кто еще там сидел? — спросил Сириус.

— Больше никого, — ответит Гарри.

— Как же никого? А Людо Бэгмен? — напомнила Гермиона.

— Ах, да…

— Бэгмена я не знаю, — сказал Сириус, не переставая расхаживать по гроту. — Знаю только, что он играл в команде «Уимбурнские осы». Что он за человек?

— Да он ничего… Все предлагает мне помочь выиграть Турнир.

— Неужели? — Сириус нахмурился еще больше. — Это ему еще зачем?

— Говорит, я ему приглянулся.

— Гм, — Сириус призадумался.

— Он был в лесу перед тем, как появилась Черная Метка, — сказала Сириусу Гермиона. — Помните? — обернулась она к мальчикам.

— Верно, да ведь в лесу же он не остался, — заметил Рон. — Мы ему еще рассказали о суматохе,

и он тут же отправился в лагерь.

— Ты-то откуда знаешь, куда он отправился? — возразила Гермиона. — Он мог куда угодно трансгрессировать.

— Да, ладно тебе! — с недоверием сказал Рон. — Ты еще скажи, что это Людо Бэгмен наколдовал Черную Метку.

— Уж скорее он, чем Винки, — не уступала Гермиона.

— Говорил же я, — Рон многозначительно поглядел на Сириуса, — что она помешалась на этих эль…

Сириус поднял руку, тем самым веля Рону помолчать.

— кто-то наколдовал Черную Метку, потом нашли этого эльфа с волшебной палочкой Гарри, и что сделал Крауч?

— Побежал в кусты поглядеть, — ответил Гарри, — и вернулся ни с чем.

— Ну да, ну да, — пробормотал Сириус. — Кто угодно, только не собственный эльф… и потом, значит, он ее выгнал?

— Да, выгнал! — возмущенно воскликнула Гермиона. — И только за то, что она не осталась в своей палатке и попалась с чужой волшебной палочкой.

— Оставишь ты когда-нибудь своих эльфов в покое? — не выдержал Рон.

Но Сириус покачал головой и сказал:

— Нет, Рон, Гермиона лучше твоего поняла, кто такой Крауч. Если хочешь узнать человека получше, смотри не на то, как он обращается с равными, а на то, как ведет себя с подчиненными.

Он провел рукой сверху вниз по небритому лицу и крепко задумался.

— Во время матча он все время куда-то пропадает… заставил эльфа занять ему место на трибуне, а сам даже не зашел поглядеть на матч. Потом изо всех сил старается снова устроить Турнир Трех Волшебников и, в конце концов, перестает приезжать и на Турнир… Не похоже это на Крауча. Клювокрыла съем, если Крауч раньше из-за болезни пропускал на работе хоть день.

— Так ты знаешь Крауча? — спросил Гарри, Сириус помрачнел, и на лице у него появилось такое же страшное выражение, как и в ту ночь, когда Гарри увидел его впервые и подумал, что он убийца.

— Уж я-то его знаю, — тихо сказал он. — Это он приказал засадить меня в Азкабан — без суда и следствия.

— Как? — в один голос воскликнули Рон и Гермиона.

— Шутишь?! — опешил Гарри.

— Нет, какие там шутки, — покачал головой Сириус и оторвал зубами кусок цыпленка. — Крауч тогда еще работал начальником Департамента по магическому законодательству, вы разве не знали?

Гарри, Рон и Гермиона покачали головами.

— Его прочили на место Министра волшебства. Барти Крауч сильный волшебник, ему почти нет равных в волшебстве — и в жажде власти. Нет, Волан-де-Морта он не поддерживал, — поспешил сказать Сириус, заметив выражение лица Гарри. — Барти Крауч всегда был против черной магии. Но тогда многие были против, а на самом деле… да нет, вам не понять… вы еще слишком молоды…

— То же и отец говорил на Кубке мира, — заметил Рон, и в его голосе слышалась нотка раздражения. — Вы рассказывайте, мы поймем.

Сириус улыбнулся.

— Ну, ладно, слушайте.

Он прошелся в глубь грота и обратно и продолжил:

— Представьте себе, что Волан-де-Морт силен,

как раньше. Никто не знает его сторонников, кто на него работает, а кто нет. Известно только, что он полностью владеет своими слугами, они убивают и пытают и ничего с собой поделать не могут. Вам страшно за себя, за семью, за друзей. Каждую неделю приходят сообщения о новых убийствах, новых исчезновениях, новых замученных пытками… Министерство магии растерялось, там не знают, что делать, пытаются скрыть все от маглов, а маглов и самих убивают. Никто ничего не может поделать, ужас, паника… Вот как оно было.

В такое вот время и становится ясно, кто на что способен, кто хороший, а кто плохой. Не знаю, может, методы Крауча и были хороши в самом начале. Его быстро повышали по службе, и он начал настоящую охоту на сторонников Волан-де-Морта. Мракоборцам дали новые полномочия, они чаще стали убивать, чем арестовывать. И не одного меня без суда передали дементорам. Крауч отвечал жестокостью на жестокость, разрешил применять против подозреваемых Непростительные заклинания. Можно сказать, он сделался таким же беспощадным и жестоким, как и те, кто были на стороне Волан-де-Морта. У него были свои сторонники, многие считали, что

он поступает верно, много кто из волшебников хотел, чтобы он занял пост министра магии. Потом Волан-де-Морт вдруг исчез, и все думали, что скоро Крауч станет министром. Но тут-то все и рухнуло, — Сириус мрачно улыбнулся. — Сына самого Крауча поймали с кучкой Пожирателей смерти, которые сумели открутиться от Азкабана. Они, как оказалось, пытались разыскать Волан-де-Морта и вернуть ему его власть.

— Поймали сына Крауча? — не поверила своим ушам Гермиона.

— Вот-вот, — Сириус бросил кость гиппогрифу сел на пол грота, взял хлеб и разломил пополам. — Вот уж не ожидал Барти, так не ожидал. Надо было ему побольше времени уделять семье. Нет, чтобы хоть изредка приходить домой пораньше, а то не знал, что за сын у него растет.

Сириус стал крупными кусками откусывать хлеб и глотать, почти не жуя.

— А его сын тоже был Пожирателем смерти? — спросил Гарри.

— Кто его знает? — не переставая есть, ответил Сириус. — Когда его поймали, я уже был в Азкабане. Я уже потом все это узнал, когда сбежал из тюрьмы. Парня схватили в компании людей, которые точно были Пожирателями смерти. Может

быть, он просто оказался в плохом месте в плохое время, как эта ваша эльфиха.

— А Крауч пытался вызволить сына? — прошептала Гермиона.

Сириус расхохотался, и хохот его был похож на собачий лай.

— Вызволить сына? Крауч? А я-то думал, ты, Гермиона, поняла, что это за человек. Да он на все был готов ради собственной репутации, он всю жизнь посвятил тому, чтобы стать министром. Ты же видела, как он поступил со своим домашним эльфом из-за того, что этот эльф навел на него тень Черной Метки. Разве не понятно после этого, что за человек Крауч? Всех его отцовских чувств хватило только на то, чтобы устроить над сыном суд, да и суд-то этот Крауч устроил только для того, чтобы показать всем, как он ненавидит сына… а потом он его отправил прямиком в Азкабан.

— Он собственного сына дементорам отдал? — в ужасе спросил Гарри.

— Отдал, — ответил Сириус уже безо всякого веселья. — Я сам видел, как дементоры его вели, стоял у оконца в двери и смотрел. Ему и двадцати тогда не было. Посадили его в камеру рядом с моей. К вечеру он уже кричал и звал свою мать. Потом, правда, успокоился, через несколько

дней… все успокаиваются… во сне только кричат…

С минуту Сириус безразлично глядел в одну точку, словно ему изнутри чем-то заслонили глаза, и все стало ясно без слов.

— И он все еще в Азкабане? — спросил Гарри.

— Нет, — со вздохом ответил Сириус. — Нет, его там уже нет. Года не прошло, как он умер.

— Умер?!

— Там многие умирают, — печально сказал Сириус. — Большинство сходят с ума и перестают есть. Просто не хотят больше жить. Можно было даже сказать, когда узник умрет, потому что дементоры чувствуют смерть и радуются. А сын Крауча и так уже болел, когда его привезли. Краучу с женой, как важному министерскому работнику, позволили перед смертью его навестить. Вот тогда я и видел Крауча в последний раз, он шел мимо моей камеры и чуть не нес жену на руках. Она тоже потом недолго прожила. Умерла от горя. Сгорела, как свечка, как и сын. А Крауч даже не приехал забрать тело сына. Я видел, как дементоры похоронили его за стенами крепости.

Сириус поднес ко рту кусок хлеба, но тут же отбросил, схватил фляжку с тыквенным соком и в один прием осушил до дна.

— Вот так. Крауч думал, что все у него в руках, а вон оно как вышло. — Сириус утер губы тыльной стороной ладони. — Только что герой, министром магии чуть не стал, и вдруг… сын умер, жена, имя опозорено, и — я слышал, как сбежал из тюрьмы — его уже не так любят, как раньше. После смерти его сына стали жалеть, и многие себя спрашивали: как это, мальчик из хорошей семьи и вдруг попал в такую компанию? Только один ответ и напрашивался: отцу было не до него. Пост министра занял Корнелиус Фадж, а Крауча сместили на должность начальника Отдела международного магического сотрудничества.

Воцарилось долгое молчание. Гарри думал о том, как на Чемпионате мира по квиддичу в лесу Крауч выпучил от гнева глаза на своего провинившегося эльфа-домовика. Так вот, оказывается, почему Крауч взбесился, когда нашел своего эльфа под Черной Меткой. Он вспомнил сына, позор и то, как он потерял доверие коллег по Министерству.

— Грюм мне сказал, что Крауч просто помешался на ловле черных магов, — сказал Гарри Сириусу.

— Да, я тоже слышал, что он как одержимый гоняется за черными магами, — кивнул Сири-

ус. — По-моему, он все еще думает, что если поймает хоть одного Пожирателя смерти, то к нему станут относиться по-прежнему.

— Поэтому он и забрался в кабинет Снегга! — торжествующе воскликнул Рон, глядя на Гермиону.

— Да что в этом толку-то? — спросил Сириус.

— Как что? — воскликнул Рон. Сириус покачал головой:

— Нет, если Крауч подозревает Снегга, почему не приезжает судить ваш Турнир? Лучше повода, чтобы следить за ним, и придумать нельзя. Нет, что-то здесь другое.

— А что, у Снегга правда что-то недоброе на уме? — спросил Гарри.

— Доброе или недоброе, а Дамблдор Снеггу доверяет и… — начала было Гермиона.

— Да ладно тебе, Гермиона, — отмахнулся Рон. — Дамблдор, конечно, умный и вообще, так что ж, его теперь ни одному черному магу не провести?

— А зачем он тогда в прошлом году спас Гарри? Оставил бы его умирать, да и все!

— Откуда мне знать? Может, он испугался, что Дамблдор его вышвырнет из школы?

— А ты что скажешь, Сириус? — громко спросил

Гарри, и Рон с Гермионой замолчали.

— Скажу, что они оба правы, — ответил тот, задумчиво глядя на Рона и Гермиону. — Я и сам все время думаю, зачем Дамблдор взял его в школу? Снегг, еще когда учился, интересовался черной магией и здорово в ней поднаторел. Тогда уже ходил весь такой худой, немытый, с длинными сальными волосами. — При этих словах Сириуса Рон и Гарри с улыбкой переглянулись. — На первом курсе он знал больше заклинаний, чем добрая половина семикурсников, и был в шайке слизеринцев, которые почти все потом стали пожирателями смерти. Розье и Уилкис — этих двоих убили мракоборцы за год до падения Волан-де-Морта, — Сириус стал перечислять Пожирателей смерти и загибать пальцы. — Лестрейндж, муж и жена, — в Азкабане. Эйвери, я слышал, отвертелся, заявил, будто служил Темному Лорду под заклятием Империус, и все еще на свободе. А вот Снегга, насколько я знаю, даже ни в чем и не обвиняли, и Пожирателем смерти не называли, да только это еще ничего не значит. Поймали-то не всех. Снегг умный и хитрый и открутиться сумеет.

— Снегг знаком с Каркаровым и не хочет, чтобы об этом узнали, — сказал Рон.

— Ага, видел бы ты выражение лица Снегга, когда Каркаров заявился вчера на урок зельеварения! — прибавил Гарри. — Каркаров хотел с ним переговорить и сказал, что Снегг его избегает. Каркаров был сам не свой. Он что-то показал Снеггу у себя на запястье, только я не видел что.

— что-то показал на запястье? — удивленно переспросил Сириус, рассеянно провел пятерней по немытым волосам и пожал плечами. — Ну, я уж совсем ничего тут не понимаю… Но раз Каркаров сам не свой, значит, он пришел к Снеггу с вопросами…

Сириус несколько времени глядел на стену грота, и на его лице наконец появилось выражение горечи.

— Все равно, — сказал он, — Дамблдор Снеггу доверяет, и хотя Дамблдор доверяет таким людям, которым другие ни за что бы доверять не стали, думаю, он никогда бы не взял в Хогвартс слугу Волан-де-Морта.

— А что тогда Грюму с Краучем понадобилось в его кабинете? — не сдавался Рон.

— Ну, Грюм-то, скорее всего, каждый угол в Хогвартсе обшарил и кабинеты всех учителей, — медленно проговорил Сириус. — Уж кто-кто, а он-то свою работу знает и как уберечься от

черной магии — тоже. Он никому не доверяет — и ничего удивительного — после всего, что он видел. Думаю, так оно и есть, хотя, он, когда была возможность, не убивал, а брал в плен. Он, конечно, никому не спускал, но никогда не опускался до того, чтобы поступать, как Пожиратели смерти. А вот Крауч… это совсем другое дело… а болен ли он, в самом деле? Если болен, так чего притащился в такую даль, в кабинет Снегга? А если здоров… то чего добивается? Из-за какого такого неотложного дела не пришел на трибуну для особо важных гостей? И чем он таким занят, что не может приехать на Турнир?

Сириус замолчал и стал глядеть на стену грота. Клювокрыл принялся шарить по каменному полу в поисках потерянных косточек.

Сириус взглянул на Рона.

— Ты говоришь, твой брат личный помощник Крауча? А ты не мог бы спросить его, давно ли он видел Крауча?

— Попробую, конечно… — неуверенно ответил Рон. — Только бы Перси не почуял, что я в чем-то Крауча подозреваю. Мой братец без ума от своего шефа.

— А вы пока могли бы разузнать, как там дела с Бертой Джоркинс. — Сириус указал на один из

номеров «Пророка».

— Бэгмен мне говорил, что они ее еще не нашли, — сказал Гарри.

— Да, про него в статье пишут, — кивнул на газету Сириус. — Он там жалуется, что у Берты дырявая память. Может, она, конечно, и изменилась с тех пор, как мы были знакомы, только раньше она ничего не забывала, совсем даже наоборот. Особым умом она не отличалась, но память у нее была хоть куда, особенно на всякие слухи. От этого она и во всякие неприятности попадала, забывала, что иногда полезно держать рот на замке. В Министерстве она, скорее всего, мешалась, потому-то, может, Бэгмен ее так долго и не искал…

Сириус тяжело вздохнул и потер глаза.

— Который час?

Гарри поглядел на часы, но они, с тех пор как он поплавал в озере, перестали ходить.

— Половина четвертого, — сказала Гермиона.

— Пора вам в замок. — Сириус встал на ноги. — Вот что… — Он нахмурился и поглядел на Гарри: — Нечего вам бегать из школы ко мне, понятно? В случае чего — шлите письмо. Пишите, если случится что-нибудь необычное. А сами без разрешения из школы не выходите, лучше случая и

не придумаешь, чтобы напасть на вас.

— Да на меня до сих пор никто и не думал нападать, — сказал Гарри, — кроме дракона и пары гриндилоу…

Сириус сердито на него взглянул.

— Какое мне дело, нападали на тебя или нет! Я вздохну свободно, только когда Турнир кончится, а кончится он только в июне. И вот что еще: когда говорите обо мне, называйте меня Нюхалз, ладно?

Сириус передал Гарри фляжку из-под тыквенного сока и салфетку из-под куриных ножек и пошел попрощаться с Клювокрылом.

— Я вас провожу до деревни. Может, удастся стащить свежую газету…

Сириус снова превратился в большого черного пса, они вместе вышли из грота, спустились по склону горы, пересекли усеянное камнями подножие и остановились у перелаза через забор. Сириус позволил всем троим погладить себя по голове, повернулся и помчался вокруг деревни.

Гарри, Рон и Гермиона вернулись в замок.

— Интересно, знает Перси то, что рассказал Сириус о Крауче? — сказал Рон по дороге к замку. — А хотя, может, ему все равно… А может, он только еще больше станет Краучем восхищать-

ся… Уж Перси-то любит всякие правила. Если узнает, то скажет, что Крауч молодец, потому что отказался нарушить правила ради собственного сына.

— Перси ни за что не отдаст никого из своей семьи дементорам, — рассердилась Гермиона.

— Ты-то откуда знаешь? — усмехнулся Рон. — Возьмет, да и решит, что из-за нас пострадает его карьера… Перси, он ведь на малом не успокоится…

Трое друзей поднялись по парадной каменной лестнице в вестибюль замка. Из Большого зала летели запахи вкусного ужина.

— Бедняга Нюхалз, — сказал Рон, втягивая носом аромат жаркого. — Должно быть, он и вправду любит тебя, Гарри… представь себе: есть одних только крыс…

Глава 28

МИСТЕР КРАУЧ СХОДИТ С УМА

В воскресенье сразу после завтрака Гарри, Рон и Гермиона отправились в совятник отослать письмо Перси. В письме Рон по просьбе Сириуса спрашивал брата, когда он в последний раз видел мистера Крауча. Послали Буклю, она давно уже скучала без дела. Сова вылетела в окно, друзья еще немного постояли, проводили ее взглядом и спустились в кухню подарить Добби купленные для него носки.

Эльфы-домовики так им обрадовались, что гурьбой ринулись снова кипятить для них чайник, на каждом шагу раскланивались и были очень вежливы. Добби ошалел от восторга при виде подарков.

— Гарри Поттер слишком добр к Добби! — пропищал он, утирая слезы на огромных глазах.

— Да что ты, Добби! Если бы ты не принес жаброслии, я бы пропал, — ответил Гарри.

— А эклеров у вас, случайно, не осталось? — спросил Рон, оглядывая радостно кланяющихся эльфов.

— Ты только что позавтракал, — нахмурилась Гермиона, а четыре эльфа уже на всех парах летели к ним, держа над головами большой серебряный поднос с пирожными.

— Надо захватить что-нибудь и для Нюхалза, — заметил Гарри.

— Вот именно! — подхватил Рон. — А Сычик отнесет. Вы не дадите нам чего-нибудь с собой? — обратился Рон к окружившим их эльфам, те радостно поклонились и помчались за едой.

— Добби, а где Винки? — спросила Гермиона, оглядывая кухню.

— Винки вон там, у камина, мисс, — ответил Добби и опустил уши.

Гермиона пригляделась, разглядела эльфиху и ахнула, вплеснув руками.

Гарри тоже поглядел в сторону камина. Винки сидела на том же самом стуле, что и раньше, но она была так чумаза, что различить ее на фоне закопченной кирпичной стены было не так-то просто. Одежда на ней была давно нестирана и местами порвалась. Она держала в руках бутылку сливочного пива и, слегка раскачиваясь на стуле, глядела на огонь. В довершение картины Винки на всю кухню икнула.

— Винки выпивает шесть бутылок в день,

сэр, — шепотом сообщил Гарри Добби.

— Ну, это ничего, сливочное пиво совсем не крепкое, — махнул рукой Гарри.

Добби покачал головой.

— Для эльфа-домовика крепкое, сэр.

Винки снова икнула, и эльфы, что принесли эклеры, искоса на нее глянули, укоризненно покачали головами и снова взялись за работу.

— Винки тоскует по дому, сэр, — жалостливо шепнул Добби. — Винки все еще думает, что мистер Крауч ее хозяин. Добби ей говорит, сэр, что теперь ее хозяин профессор Дамблдор, но она не слушает Добби.

Гарри вдруг словно осенило, он подошел к камину и наклонился к эльфихе.

— Послушай, Винки, — спросил Гарри, — ты, случайно, не знаешь, что с мистером Краучем? Он почему-то перестал приезжать на Турнир Трех Волшебников.

Винки очнулась, поглядела на Гарри, покачалась немного и переспросила:

— Хозя-зяин не приезжает на — ик — Турнир?

— Да. Мы его с самого первого тура не видели. В «Пророке» пишут, он заболел.

Эльфиха снова покачалась, мутными глазами глядя на Гарри.

— Хозяин — ик — заболел?

У нее задрожала нижняя губа.

— Может, заболел, а, может, и нет, — быстро прибавил Гарри.

— Хозяину нужна — ик — его Винки, — запричитала эльфиха. — Хозяин — ик — один не справится…

— Другие люди, Винки, вполне справляются и без прислуги, — наставительно заметила Гермиона.

— Винки вам — ик — не просто — ик — какая-нибудь прислуга, — Винки вздернула нос и принялась раскачиваться так сильно, что пиво из бутылки выплескивалось на ее и без того грязную рубаху. — Хозяин доверяет — ик — Винки — ик — самые важные — ик — самые большие секреты…

— Какие? — спросил Гарри.

Винки замотала головой и чуть не вылила на себя весь остаток сливочного пива в бутылке.

— Винки ни за что не расскажет — ик — секреты хозяина, — заявила она, закачалась еще сильнее и, нахмурившись, косо поглядела на Гарри. — Не суйте нос, куда не следует!

— Винки не смеет так разговаривать с Гарри Поттером! — накинулся на нее Добби. — Гарри Поттер храбрый и благородный, и Гарри Поттер

совсем не сует нос, куда не следует!

— Сует! Он сует нос — ик — в дела — ик — моего хозяина. Винки — ик — честный эльф-домовик. Винки — ик — держит рот на замке — ик — а кто — ик — выведывает, да вынюхивает… — Винки вдруг закрыла глаза, сползла со стула на коврик перед камином и громко захрапела. Пустая бутылка из-под сливочного пива покатилась прочь по выложенному каменными плитами полу.

Прибежали пять или шесть эльфов с большой скатертью в клеточку, с отвращением на лицах накрыли Винки скатертью и подоткнули края так, чтобы ее совсем не было видно, один из эльфов подобрал бутылку.

— Нам очень жаль, что она напилась при вас! — понурясь, пропищал другой эльф, сокрушенно качая головой. — Только не думайте, пожалуйста, что все эльфы-домовики такие.

— Она горюет по хозяину, а вы ее прячете под простыней, — сказала Гермиона, потрясенная увиденным. — Лучше бы вы ее пожалели.

— Простите, мисс, — сказал с низким поклоном тот же эльф, — домовик не имеет права горевать на работе. Мы должны служить хозяину, а не горевать.

— Сколько можно?! — вознегодовала Гермио-

на. — Вы ничем не хуже волшебников и имеете такое же право быть несчастными! Вам полагается зарплата, отпуск и хорошая одежда. Вы не должны выполнять приказы и делать то, что вам не нравится! Вот вам пример — Добби. — Добби тут совсем ни причем, мисс, — пробормотал испуганно Добби. Эльфы перестали улыбаться и глядели на Гермиону, словно на опасную сумасшедшую.

— Вот вам ваша еда, — пискнул эльф из-под локтя Гарри и сунул ему в руки большой окорок, десяток пирожных и фрукты. — Прощайте.

Домовики тесно обступили Гарри, Рона и Гермиону и стали теснить прочь из кухни, подталкивая ручонками в спины.

— Спасибо за носки, Гарри Поттер! — виновато крикнул Добби со своего места у камина, где на коврике похрапывала под скатертью в клеточку Винки.

Гарри, Рона и Гермиону вытолкнули из кухни и захлопнули за ними дверь.

— Не могла помолчать? — упрекнул Гермиону Рон. — Они нас больше не пустят. Как мы теперь у Винки про мистера Крауча выведаем?

— Как будто ты об этом беспокоишься! — парировала Гермиона. — Тебе бы только живот

набить.

В общем, денек выдался ничего себе. Вечером все трое уселись в гостиной за домашнюю работу. Рон с Гермионой все время переругивались, Гарри, в конце концов, не выдержал, взял еду для Сириуса и один пошел в совятник.

Маленькому Сычику было не по силам одному взлететь на гору с целым окороком, и Гарри взял ему в подмогу пару школьных сипух. В полете они представляли весьма необычное зрелище: две большие совы, одна маленькая и кулек между ними. Гарри проводил их взглядом, облокотился на подоконник и стал глядеть на окрестности замка. Смеркалось. Темные верхушки деревьев волновались и шумели от ветра, трепетали паруса дурмстрангского корабля. Из печной трубы хижины Хагрида в клубах дыма вылетел филин, полетел к замку, обогнул совятник и скрылся из виду. Гарри поглядел вниз: Хагрид усердно копал перед хижиной землю. Что это он там копает? Похоже на новую грядку. А, может, и нет. Из кареты Шармбатона вышла мадам Максим. Она подошла к Хагриду и определенно попыталась завести с Хагридом разговор. Гарри, конечно, не мог их слышать; Хагрид перестал копать, оперся на лопату, но похоже, не был расположен к беседе,

потому что очень скоро мадам Максим вернулась в свою карету.

Гарри не хотелось снова идти в гостиную Гриффиндора и слушать перебранку Рона с Гермионой. Он остался в совятнике до темноты и глядел, как Хагрид копает землю; потом одна за другой начали просыпаться совы и улетать на охоту, и Гарри отправился спать.

К утру запасы плохого настроения у Рона и Гермионы истощились. Накануне Рон с мрачным видом предсказывал, что из-за Гермионы эльфы-домовики нарочно станут плохо готовить для Гриффиндора, но Рон ошибся, и яичница с беконом и копченая рыба на завтрак были такими же вкусными, как и всегда, чему Гарри несказанно обрадовался.

Прилетели совы и принесли почту. Гермиона нетерпеливо приглядывалась к кружащим над головами птицам.

— Перси еще не написал ответ, — сказал Рон. — Мы же только вчера Буклю отправили.

— Да нет, просто я подписалась на «Пророк», надоело все новости узнавать от слизеринцев, — ответила Гермиона.

— Вот молодец! — ответил Гарри и тоже стал глядеть на сов. — Гляди-ка, Гермиона, вон та ле-

тит к тебе. Везет же…

К Гермионе спускалась серая сова.

— Это не газета, — разочарованно сказала Гермиона. — Это…

Серая сова села на стол прямо перед ней и едва не угодила в тарелку, следом прилетели четыре сипухи, большая бурая сова и неясыть.

— Ты что, сразу на все газеты и журналы подписалась? — спросил Гарри и едва успел схватить бокал Гермионы: совы стали толкаться на столе, потому что каждая желала доставить свое письмо первой, и бокал чуть не сшибли.

— Да что же это… — Гермиона взяла письмо у серой совы, распечатала и стала читать. — Ну, это уж! — пролепетала она, краснея.

— Что там такое? — поинтересовался Рон.

— Это… глупости какие-то… — Гермиона передала письмо Гарри. Оно было написано не от руки, а составлено из букв, вырезанных, должно быть, из «Пророка» и наклеенных на лист бумаги.

Ты гадкая девчонка. Ты не для Гарри Поттера. Убирайся к своим маглам.

— Они все такие! — растерянно сказала Гермиона, распечатав все остальные письма. — «Гарри

Поттер найдет кого-нибудь и получше...» «Сварить бы тебя в лягушачьей икре...» Ай!

Гермиона раскрыла последний конверт, и ей прямо на руки полился желто-зеленый кисель с запахом бензина, по коже тут же пошли желтые, как от ожога, пузыри.

Рон осторожно взял конверт, понюхал и сказал:

— Неразбавленный гной бубонтюбера.

Гермиона попыталась стереть ядовитый сок с рук салфеткой и заплакала от боли, кожа покрылась язвами и распухла, словно Гермиона надела толстые бугристые перчатки.

— Беги в больничное крыло, — посоветовал Гарри. Совы, что принесли Гермионе письма поднялись и улетели. — Мы скажем мадам Стебль, где ты.

Гермиона прижала руки к груди и выбежала из Большого зала.

— Я ведь ее предупреждал: не зли Риту Скитер! — сказал Рон. — Вот, послушай, что тут пишут. — Он взял одно из писем и прочитал: — «Я прочитала в «Ведьмином досуге» о том, как ты дурачишь Гарри Поттера, а он уже и так много натерпелся. В следующий раз я найду конверт побольше и пришлю тебе настоящее проклятие».

Ну, теперь на нее посыплется! Надо ей быть осторожней.

На урок травологии Гермиона так и не пришла. После травологии Гарри и Рон вышли из теплицы и направились на уход за волшебными существами, а из замка в это время вышли и стали спускаться по лестнице Малфой, Крэбб и Гойл. Позади шла со своими подружками из Слизерина Пэнси Паркинсон, они перешептывались и хихикали. Пэнси заметила Гарри и крикнула:

— Поттер, ты что, расстался со своей любовью? То-то она за завтраком расстроилась!

Гарри не ответил: незачем ей знать, каких бед наделала статья в «Ведьмином досуге», только позлорадствует.

На прошлом уроке Хагрид объявил, что единорогов они уже прошли до конца. Еще издали дети увидели, что он ждет их перед хижиной, а у его ног стоят открытые деревянные ящики. У Гарри по телу побежали мурашки от мысли, что это, может быть, новый выводок соплохвостов. Он с опаской подошел, издали заглянул в ящики и вздохнул с облегчением: там сидели совсем не соплохвосты, а черные пушистые длинноносые зверьки. Передние лапы у зверьков были плоские как лопаты; зверьки вежливо глядели на учени-

ков, искренне удивляясь и не понимая, чем они обязаны такому вниманию.

— Это нюхлеры, — сказал Хагрид, едва ученики обступили ящики. — А живут они больше в шахтах. Любят разные блестящие штуки… ну вот, полюбуйтесь.

Пэнси Паркинсон громко взвизгнула. Один из зверьков ни с того ни с сего подпрыгнул и вцепился бы зубами в наручные часы Пэнси, если бы она вовремя не отпрыгнула.

— За версту драгоценности чуют, — радостно сообщил Хагрид. — Давайте-ка устроим маленькое соревнование. Вон там, видите, вскопано? — Хагрид указал на тот самый клочок земли, что он копал, когда Гарри стоял у окна совятника. — Я там зарыл золотые монеты. Чей нюхлер найдет больше всех, тот получит приз. Только все украшения с себя снимите. Выбирайте себе по нюхлеру, сейчас начнем.

Гарри снял часы и спрятал в карман. Часы, правда, не ходили, и он носил их по привычке. Потом он выбрал себе зверька, взял на руки, и нюхлер тут же сунул длинный нос ему в ухо и с интересом понюхал. До того он был пушистый и мягкий, что походил на игрушку.

— Эва! А этот чей? — воскликнул Хагрид, глядя в

один из ящиков. — Кого у нас нет? Где Гермиона?

— Пошла в больничное крыло, — ответил Рон.

— Потом расскажем, — тихо прибавил Гарри: Пэнси Паркинсон подслушивала.

Такого веселого урока ухода за волшебными существами у них еще не было. Нюхлеры ныряли во вскопанную землю, словно в воду, выныривали, спешили к своим студентам и выплевывали им в руки золотые монеты. Зверек Рона старался усерднее других, и скоро у Рона на коленях выросла хорошая кучка золота.

— Хагрид, а можно такого купить и держать дома, как домашнее животное? — восхищенно спросил Рон, когда его нюхлер в очередной раз нырнул в землю, обдав его дождем из комьев земли.

— Можно. Только твоя мама этой животине не обрадуется, нюхлер весь дом сроет, — улыбнулся лесничий. — Сдается мне, они нашли все, я сто монет-то всего и зарыл, — прибавил он, обходя взрытую землю. Зверьки, однако, продолжали нырять. — А вот и Гермиона.

Гермиона, и правда, шла к ним по лужайке. Руки у нее были забинтованы, и выглядела она неважно. Пэнси Паркинсон сощурилась, глядя на нее.

— Ну, поглядим, у кого сколько, — сказал Хагрид. — Сосчитайте-ка монеты. Воровать без толку, Гойл, золото лепреконское, — Хагрид сощурил свои черные глаза. — Все равно исчезнет через пару часов.

Гойл с кислой миной вывернул карманы. Оказалось, что больше всех монет нашел нюхлер Рона, и Хагрид подарил Рону большую плитку шоколада из «Сладкого королевства». В замке зазвонили в колокол к обеду. Все отправились в замок, а Гарри, Рон и Гермиона остались помочь Хагриду посадить нюхлеров в ящики. Гарри заметил, что из окна кареты Шармбатона за ними наблюдает мадам Максим.

— Что у тебя с руками-то, Гермиона? — обеспокоенно спросил Хагрид.

Гермиона рассказала о полученных утром письмах, об упреках и обвинениях и о последнем письме, полном сока бубонтюбера.

— Ну, ничего, ничего, — Хагрид легонько потрепал ее по плечу. — Когда Рита Скитер написала о моей мамаше, мне тоже слали такие письма. «Вы чудовище и вас надо выгнать из школы». «Ваша мать убивала невинных людей, и будь у вас хоть капля совести, вы бы уже давно утопились».

— Не может быть! — поразилась Гермиона.

— Вот-вот. — Хагрид принялся ставить ящики с нюхлерами один на другой у стены хижины. — Не обращай на этих болванов внимания. И письма не открывай, в огонь их — и дело с концом.

— Жаль, тебя не было на уроке, — сказал Гарри по пути обратно в замок. — Нюхлеры такие забавные, правда, Рон?

Рон хмуро глядел на плитку шоколада, что ему подарил Хагрид.

— Ты чего? — спросил его Гарри. — Не вкусно?

— Вкусно. Почему ты не сказал мне о золоте?

— О каком золоте? — не понял Гарри.

— О том, что я тебе отдал на Кубке мира по квиддичу Лепреконское золото, что я тебе отдал за омнинокль. На трибуне для особо важных гостей. Ты мне не сказал, что оно исчезло.

С минуту Гарри вспоминал, что за золото Рон имеет ввиду.

— А, то золото… — вспомнил он, наконец. — Ну, не знаю… Я даже и не заметил, что оно пропало. Я тогда вообще только о волшебной палочке и думал.

Они поднялись по парадной лестнице, вошли в вестибюль и пошли в Большой зал на обед.

В зале они уселись за стол своего колледжа и принялись кто за ростбиф, кто за мясо, запечен-

ное в тесте.

— Должно быть, здорово иметь кучу денег и даже не заметить, что целый карман галлеонов исчез, — отрывисто сказал Рон.

— Да мне и думать об этом было некогда, — нетерпеливо ответил Гарри. — У меня голова была другим занята, да и у всех, не только у меня, забыл ты, что ли?

— Я не знал, что лепреконское золото исчезает, — пробурчал Рон. — Я думал, что отдаю тебе долг. Не надо было на Рождество дарить мне шляпу «Пушек Педдл».

— Да забудь ты об этом!

Рон ткнул вилкой в картофелину, поднял ее вверх и стал на нее глядеть.

— Ненавижу бедность.

Гарри с Гермионой переглянулись. Ни он, ни она не знали, что на это ответить.

— Глупости, — продолжал Рон, глядя на картофелину. — Правильно Фред с Джорджем хотят достать денег. Вот бы и мне тоже. Вот бы мне нюхлера.

— Вот и хорошо, теперь не надо думать, что тебе подарить на следующее Рождество, — весело сказала Гермиона, но Рон продолжал мрачно глядеть на картофелину. — Да ладно тебе, Рон,

с кем не бывает? У тебя все-таки руки не в гное бубонтюбера. — Гермиона с трудом держала нож и вилку, отек с рук еще не спал, и пальцы гнулись плохо. — Ненавижу эту Скитер! — вдруг выпалила она. — Ну, ничего, мы еще поглядим, кто кого.

Всю следующую неделю Гермиона продолжала получать письма от рассерженных читателей «Ведьминого досуга». Она последовала совету Хагрида и писем не вскрывала, но некоторые из ее недоброжелателей нарочно присылали кричащие письма, которые взрывались прямо над столом Гриффиндора и орали ругательства на весь Большой зал. Так что даже те, кто не читал «Ведьминого досуга», знали все подробности любовных отношений Гермионы с Гарри и Виктором Крамом. Гарри до смерти надоело всем объяснять, что они с Гермионой всего лишь друзья.

— Скоро они все успокоятся, — заверил Гарри Гермиону. — Только не обращай внимания... Помнишь, как она тогда написала обо мне и всем это в конце концов надоело.

— Ну уж нет! Я хочу знать, как она подслушивает чужие разговоры, когда ее в школу не пускают, — недобро сверкая глазами, сказала Гермиона.

После следующего урока защиты от темных искусств Гермиона задержалась в классе, чтобы спросить о чем-то профессора Грюма. Все остальные просто бежали из класса, учитель устроил им такую контрольную по отклонению вредных заклинаний, что почти все покидали поле боя с потерями. У Гарри дергались уши, и он придерживал их ладонями.

Гермиона догнала Гарри и Рона в коридоре пять минут спустя.

— Скитер не надевает мантию-невидимку — отдуваясь, сообщила она, отведя ладонь Гарри от подрагивающего уха, чтобы он ее услышал. — Грюм мне сказал, что не видел ее у судейского стола и вообще нигде у озера.

— Слушай, Гермиона, брось ты эту затею, — посоветовал Рон.

— Ни за что, — тряхнула та головой. — Я хочу знать, как она подслушала наш с Виктором разговор. И как она узнала о матери Хагрида.

— Может, она повесила на тебя жучок, — предположил Гарри.

— Какой жучок? — не понял Рон. — Это что, вроде как клопов на нее напустила?

Гарри стал рассказывать ему о крохотных микрофончиках и магнитофонах.

Рон от таких чудес техники пришел в неописуемый восторг, но Гермиона перебила Гарри:

— Вы что, так никогда и не прочитаете «Историю школы «Хогвартс»?

— А зачем? — пожал плечами Рон. — Ты ее наизусть знаешь, если что — тебя и спросим.

— Все эти штуки, которыми маглы пользуются вместо волшебства: электричество, компьютеры, радары и все такое прочее, — в Хогвартсе они не работают, здесь для этого слишком много волшебства. Поэтому, Рита Скитер подслушивает с помощью магии, по крайней мере, должна… только бы понять, как… и если это незаконно, уже ее…

— У нас что, других забот нет? — с укором спросил Рон. — Мы теперь что, кровную месть начнем?

— А я тебя и не прошу мне помочь! — отрезала Гермиона. — Я и сама прекрасно справлюсь.

Она развернулась на каблуках, даже не взглянув в сторону мальчиков, ушла обратно вверх по мраморной лестнице. Можно было сказать наверняка, что она отправилась в библиотеку.

— Спорим, что на этот раз она вернется с коробкой значков «Ненавижу Риту Скитер»? — предложил Рон.

Однако Гермиона так и не попросила друзей помочь ей отомстить Рите Скитер, за что они были ей благодарны. Накануне пасхальных каникул им стали задавать гораздо больше домашней работы. Гарри искренне удивлялся Гермионе: как это можно делать всю домашнюю работу, да еще и успевать читать про методы волшебного подслушивания? Сам он с домашним заданием едва справлялся, не забывая, впрочем, регулярно посылать еду Сириусу в грот на горе. С прошлого лета он еще помнил, что такое постоянный голод. В каждую посылку он вкладывал записку, где писал, что ничего необычного не случается, и Перси ответа на их письмо еще не прислал.

Букля вернулась только в один из последних дней пасхальных каникул. Она принесла посылку с пасхальными яйцами и домашними ирисками от миссис Уизли, а еще в посылке оказалось письмо от Перси. Гарри и Рону миссис Уизли прислала по яйцу размером с драконье, а Гермионе — крохотное, меньше куриного. Гермиона, когда его увидела, очень расстроилась.

— А твоя мама, Рон, случайно, не читает «Ведьмин досуг»? — огорченно спросила она.

— Читает, — ответил Рон с полным ртом ирисок. — Она его ради рецептов выписывает.

Гермиона печально поглядела на крохотное яйцо.

— Может, почитаем, что пишет Перси? — поспешно предложил Гарри.

Письмо оказалось коротким, было заметно, как Перси раздражен.

Вот что он писал:

> *Я уже много раз сообщал корреспондентам «Пророка», что мистер Крауч находится в отпуске, который он давно заслужил. Он регулярно присылает мне с совами инструкции. Сам я его не видел, но уж почерк-то его я знаю, можете мне поверить. У меня и без того много забот, чтобы еще пытаться развеять эти глупые слухи. И не беспокойте меня без надобности. Поздравляю с Пасхой.*

Обычно после пасхальных каникул Гарри начинал усердно тренироваться к последнему в сезоне матчу по квиддичу. Но в этом году турнир по квиддичу отменили, и вместо этого надо было готовиться к третьему, последнему заданию Турнира Трех Волшебников, а что это будет за задание и как к нему готовиться, Гарри еще не знал. На последней неделе мая профессор Ма-

кГонагалл задержала его в классе после урока превращений.

— Сегодня в девять часов вечера вам надо будет пойти на площадку для квиддича, Поттер, — сообщила она. — Там мистер Бэгмен объяснит вам и другим участникам, что вас ждет в третьем туре.

В половине девятого Гарри пошел к условленному месту, а Рон и Гермиона остались в башне Гриффиндора. В холле Гарри нагнал Седрик Диггори, он тоже направлялся на площадку.

Они вместе вышли из дверей замка. Вечер был пасмурный.

— Как думаешь, что будет в третьем испытании? — спросил Седрик Гарри, когда они стали спускаться по каменной лестнице. — Флер все говорит о подземных ходах, думает, что мы будем искать сокровища.

— Ну, это еще полбеды, — ответил Гарри и подумал, что на этот случай попросит у Хагрида нюхлера, зверек сокровища и найдет.

Они прошли темной лужайкой к стадиону и вошли через арку в трибунах. Седрик увидел площадку и остановился как вкопанный.

— Что с ней сделали? — с возмущением воскликнул он.

Площадка для квиддича всегда была ровная

и гладкая, а теперь на ней выстроили длинные низенькие стены, которые шли во всех направлениях и пересекали друг друга.

— Да это живая изгородь, — сказал Гарри, наклонившись поближе.

— Эй, идите сюда! — весело окликнул их Людо Бэгмен.

Он стоял в самой середине площадки, а с ним Виктор Крам и Флер Делакур. Гарри и Седрик пошли к ним, перешагивая через стены живой изгороди. Флер приветливо улыбнулась Гарри. С тех пор, как он достал ее сестру со дна озера, она в Гарри души не чаяла.

— Ну, что скажете? — довольный собой, спросил Бэгмен, едва только Гарри и Седрик перебрались через последнюю стену. — Здорово растет? Глядишь, через месяц футов в тридцать вымахает. Молодец Хагрид, это он посадил. Ничего, ничего, — прибавил он, глядя на вытянувшиеся лица Гарри и Седрика, — Турнир кончится, и получите вы свою площадку для квиддича назад, не волнуйтесь. Ну что, поняли, что это такое?

Все молчали.

— Лабиринт, — догадался первым Крам.

— Точно, лабиринт! Так что, третье задание простое. Кубок Трех Волшебников поставят в

центре, кто первый до него дотронется, тот и выиграл.

— Надо просто проходить лабиринт? — удивилась Флер.

— Тут будут препятствия, — потер руки Бэгмен, раскачиваясь на пятках. — Хагрид приготовит всяких волшебных существ… и заклятия тоже будут, надо будет и их обойти… ну и все такое прочее… Первыми в лабиринт войдут те, у кого больше очков. — Бэгмен улыбнулся Гарри и Седрику. — Потом мистер Крам. Потом мисс Делакур. У каждого из вас будет возможность победить, все зависит оттого, как вы справитесь с препятствиями. Что, здорово?

Гарри было хорошо известно, что за существ Хагрид приготовит для такого случая, и он подумал, что будет не до веселья. Однако он вежливо поклонился вместе с другими участниками.

— Ну ладно, если нет вопросов, тогда пойдемте в замок, что-то стало холодать…

И он поспешил мимо Гарри к выходу со стадиона. Едва успел Гарри подумать, что сейчас Бэгмен снова будет предлагать помощь, как Крам взял его за плечо.

— Мы можем поговорить?

— Ну… да, — удивленно ответил Гарри.

— Давай пройдемся.

— Давай.

Бэгмен, заметив это, встревожился.

— Гарри, тебя подождать?

— Нет, мистер Бэгмен, спасибо, — сдерживая улыбку, ответил Гарри. — Я скоро вернусь.

Гарри и Крам вместе вышли из стадиона, но Крам не пошел, как думал Гарри, к своему паруснику. Вместо того он направился к Запретному лесу.

— Зачем мы туда идем? — спросил Гарри, когда они миновали хижину Хагрида и ярко освещенную карету Шармбатона.

— Не хочу, чтобы нас слушали, — ответил Крам. Недалеко от загона с лошадьми Шармбатона нашлось тихое укромное местечко. Крам остановился в тени деревьев и обернулся к Гарри.

— Мне надо знать, — нахмурившись, спросил он, — что у вас с Гермивонной.

Гарри ожидал, что за такими предосторожностями последует что-то посерьезнее, и в недоумении поглядел на Крама.

— Ничего, — ответил он, но Крам продолжал хмуро глядеть на него. Гарри вдруг заметил, насколько Крам его выше, и решил все-таки объяснить.

— Мы просто друзья, — сказал он. — И ничего больше. Это все Рита Скитер выдумала про нас.

— Гермивонна слишком часто о тебе говорит, — Крам недоверчиво глядел на Гарри.

— Ну да, — ответил Гарри, — мы же с ней друзья. Гарри сам себе не верил, как это он вот так говорит с Виктором Крамом, знаменитым на весь мир ловцом. Кроме того, Крам был гораздо старше, а выходило, что он принимал Гарри за равного… за настоящего соперника…

— И вы никогда… между вами не было…

— Нет, — твердо ответил Гарри.

Лицо Крама прояснилось. Он еще с минуту глядел на Гарри и потом сказал:

— Ты очень хорошо летаешь. Я видел на первом испытании.

— Спасибо. — Гарри расплылся в улыбке и сразу почувствовал себя выше ростом. — А я видел, как ты играл на Чемпионате мира. Этот финт Вронского…

Вдруг позади Крама, в деревьях, что-то зашевелилось. Гарри не понаслышке знал, кто обитает в Запретном лесу, и тут же, не раздумывая, схватил Крама за руку и оттащил в сторону.

— Что такое?

Гарри только покачал головой, продолжая на-

пряженно глядеть туда, где, как ему показалось, что-то двигалось. Он достал из кармана волшебную палочку.

И тут из-за высокого толстого дуба вышел, покачиваясь, человек. В первую минуту Гарри его не узнал, но потом понял, что это… мистер Крауч.

Мистер Крауч выглядел так, будто провел в дороге несколько дней и все время шел пешком. Брюки на коленях были прорваны и испачканы кровью; он был небрит, лицо исцарапано и от истощения посерело. Волосы на голове и усы были немыты и давно не стрижены. В общем, вид у него был чудной, а вел он себя и того чуднее. Мистер Крауч размахивал руками, бормотал что-то себе под нос, и разговаривал с кем-то, кого видел только он один. Он живо напомнил Гарри старого бродягу с улицы, Гарри его видел, когда однажды Дурсли взяли его с собой в магазин за покупками. Тот бродяга тоже разговаривал с воздухом; тетя Петуния схватила тогда Дадли за руку и перетащила на противоположную сторону улицы, подальше от старика, а дядя Вернон разразился длинной тирадой насчет того, что бы он сделал со всеми этими нищими и бродягами.

— Это судья? — спросил Крам, тоже узнав Крауча. — Он ведь работает в вашем Министерстве.

Гарри кивнул, помялся в нерешительности и медленно пошел к мистеру Краучу. Крауч, впрочем, не обратил на него ни малейшего внимания и продолжал беседовать с деревом:

— …а после этого, Уизли, уведомьте Дамблдора письмом о количестве студентов из школы Дурмстранг, которые прибудут на Турнир. Каркаров сообщил, что их будет двенадцать…

— Мистер Крауч? — осторожно позвал Гарри.

— … и отправьте сову к мадам Максим, возможно, она захочет привезти больше студентов, чем хотела, так как Каркаров решил взять двенадцать… Вот, Уизли. Вы выполните то, о чем я вас прошу? Выполните?.. Выпол… — мистер Крауч выпучил глаза, уставился на дерево и неслышно что-то забормотал, потом вдруг покачнулся и рухнул на колени.

— Мистер Крауч, что с вами? — громко спросил Гарри.

Крауч завращал глазами. Гарри обернулся и поглядел на Крама, Крам стоял неподалеку и с тревогой глядел на Крауча.

— Что с ним? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Гарри. — Приведи, пожалуйста, кого-нибудь…

Дамблдора! — простонал Крауч, схватил Гарри

за мантию и подтащил ближе к себе, хотя Гарри он как будто и не видел. — Мне надо… увидеть… Дамблдора…

— Хорошо, мистер Крауч, — ответил Гарри. — Я вам помогу подняться и мы пойдем…

— Я… совершил… ошибку… — прошептал мистер Крауч. Вел он себя как самый настоящий сумасшедший. Глаза у него вылезали из орбит и бегали туда-сюда, а из уголка рта по подбородку струилась слюна. Было заметно, что каждое слово стоит ему огромных усилий. — Должен… сказать… Дамблдору…

— Встаньте, мистер Крауч, — громко и ясно сказал Гарри. — Встаньте, я отведу вас к Дамблдору.

Мистер Крауч вдруг поглядел прямо на Гарри.

— Кто… ты? — прошептал он.

— Я учусь здесь, в школе, — ответил Гарри, оглянулся на Крама, в надежде на помощь, но Крам пугливо держался поодаль.

— Ты не… его? — еле слышно проговорил Крауч, почти не шевеля губами.

— Нет, не его, — ответил Гарри, хотя не имел ни малейшего понятия, о чем Крауч говорит.

— Ты… Дамблдора?

— Да, да.

Крауч подтащил его еще ближе к себе; Гарри

попытался высвободить край мантии из руки Крауча, но ничего не вышло.

— Предупреди… Дамблдора…

— Я приведу его, только отпустите меня, — попросил Гарри. — Отпустите, мистер Крауч, и я его вам приведу…

— Благодарю вас, Уизли, а когда закончите с этим, принесите мне чашку чая. Скоро приедут жена с сыном, вечером мы идем на концерт с мистером и миссис Фадж, — быстро забормотал Крауч дереву, словно напрочь забыл о существовании Гарри, а Гарри просто опешил и даже не сразу заметил, что Крауч выпустил его мантию. — Да, благодарю вас, мой сын получил двенадцать СОВ, да-да, это очень высокая оценка, я очень рад, да. Принесите мне, пожалуйста, записку Министра магии Андорры, думаю, я успею набросать ответ…

— Побудь здесь с ним, — велел Гарри Краму. — Я приведу Дамблдора, я его быстрее найду, я знаю, где его кабинет…

— Он сумасшедший, — ответил Крам, со страхом глядя на Крауча.

Крауч все еще беседовал с деревом, как будто это был Перси.

— Просто постой здесь с ним — и все! — Гарри

встал и хотел было бежать к замку, но Крауч снова встрепенулся, обхватил Гарри вокруг колен и притянул обратно к земле.

— Не… оставляй… меня… одного, — попросил он, снова тараща глаза. — Я… убежал… должен предупредить… рассказать… увидеть Дамблдора… моя вина… это все моя… Берту, убили… все моя вина… сын… я виноват… сказать Дамблдору… Гарри Поттер… Темный Лорд… сильнее… Гарри Поттер…

— Отпустите меня, мистер Крауч, я приведу Дамблдора, — взмолился Гарри и метнул яростный взгляд на Крама. — Да помоги же ты!

Крам с опаской приблизился и присел рядом на корточки.

— Смотри, чтобы он никуда не ушел, — велел Гарри и вытащил мантию из руки Крауча. — Я приведу Дамблдора.

— Только скорее, ладно? — крикнул вдогонку Крам. Гарри выбежал из леса и помчался по темной поляне к замку. Вокруг было пусто, Бэгмен, Флер и Седрик уже ушли. Гарри взлетел по лестнице, распахнул дубовые двери, ворвался в вестибюль и побежал по мраморной лестнице на третий этаж.

Пять минут спустя Гарри уже мчался по кори-

дору к каменной гаргулье, что торчала в стене в середине коридора.

— Лимонный шербет! — отдуваясь, крикнул Гарри. Это был пароль входа на потайную лестницу, что вела к кабинету Дамблдора, по крайней мере, такой пароль был два года назад. Пароль, судя по всему, изменили, потому что гаргулья не ожила и не отпрыгнула в сторону, а вместо этого продолжала как ни в чем не бывало зло глядеть на Гарри.

— Да двигайся ты, ну! — заорал он.

В Хогвартсе такие штуки не проходили, ори не ори — все без толку, и Гарри это прекрасно знал. Он глянул направо, налево по коридору. Может, Дамблдор в учительской? Гарри что есть духу побежал к лестнице, как вдруг…

— Поттер! — раздался голос.

Гарри остановился как вкопанный и обернулся.

С потайной лестницы за гаргульей сошел Снегг, он поманил Гарри рукой, а гаргулья позади него вернулась на свое место.

— Что вы здесь забыли, Поттер? Гарри помчался обратно.

— Мне надо видеть профессора Дамблдора! — крикнул он, подбежал к Снеггу и остановился. —

Там… в лесу… мистер Крауч. Он просит…

— Что за чушь вы несете, Поттер? — сверкнул глазами Снегг.

— Мистер Крауч, из Министерства! — закричал Гарри. — Он болен, а может… Он в лесу, он хочет увидеть Дамблдора! Скажите пароль…

— Директор занят, Поттер, — сказал Снегг и улыбнулся неприятной улыбкой.

— Мне надо сказать Дамблдору! — еще громче закричал Гарри.

— Вы что, не слышали, что я сказал?

Снегг явно наслаждался тем, что не позволял Гарри получить то, что ему сейчас было нужнее всего.

— Да послушайте же вы! — рассердился Гарри. — Крауч не в своем уме… говорит, что хочет о чем-то предупредить…

Потайной ход за спиной Снегга открылся, и из него показался Дамблдор в длинной зеленой мантии.

— Что тут такое? — удивленно спросил он, глядя поочередно то на Гарри, то на Снегга.

— Профессор! — выпалил Гарри и шагнул вперед, чтобы опередить Снегга. — Мистер Крауч здесь… в Запретном Лесу. Он хочет с вами поговорить.

Гарри думал, что Дамблдор станет задавать вопросы, но, к счастью, тот и не думал ни о чем спрашивать.

— Показывай дорогу, — коротко сказал Дамблдор и поспешил следом за Гарри, а Снегг остался стоять у гаргульи, причем выглядел страшнее раза в два.

— Гарри, что говорил мистер Крауч? — спросил Дамблдор, спускаясь по мраморной лестнице.

— Что хочет вас предупредить… что сделал что-то ужасное… о своем сыне говорил… и о Берте Джоркинс… и… и о Волан-де-Морте… кажется, что Волан-де-Морт стал сильнее…

— Правда? — они вышли из замка, на улице уже стемнело, и Дамблдор прибавил шагу.

— Он ведет себя не как нормальный человек, — сказал Гарри, едва поспевая за широким шагом директора. — Он, по-моему, не понимает, где он. Говорит-говорит как будто с Перси Уизли, а потом вдруг говорит, что хочет видеть вас… Он там остался с Виктором Крамом.

— Вот как? — И Дамблдор зашагал еще быстрее, так что Гарри пришлось бежать. — Кто еще видел Крауча?

— Никто. Мы с Крамом разговаривали, мистер Бэгмен рассказал нам о третьем испытании,

потом все ушли, а мы остались, а потом мистер Крауч пришел из леса…

— Где они? — спросил Дамблдор, завидев в темноте карету Шармбатона.

— Вон там. — Гарри обогнал Дамблдора, указал направление и повел прямо в лес. Крауча он не слышал, но куда идти помнил; здесь, недалеко от кареты Шармбатона… где-то здесь…

— Виктор! — крикнул он. Никто не ответил.

— Они были здесь, — сказал он Дамблдору. — Я точно помню, где-то здесь…

— *Люмос!* — произнес Дамблдор и поднял над головой вспыхнувшую волшебную палочку.

Из темноты показывались одно за другим деревья, круг света падал на землю. И вдруг свет выхватил из темноты чьи-то ноги.

Дамблдор и Гарри поспешили туда, на траве лежал без сознания Виктор Крам. Крауча и след простыл. Дамблдор опустился на колени рядом с Крамом и осторожно приоткрыл ему одно веко.

— Оглушили, — тихо произнес он и стал при свете волшебной палочки оглядывать ближайшие деревья, свет отражался от его очков-половинок.

— Привести кого-нибудь? — спросил Гарри. — Может, мадам Помфри?

— Нет, — торопливо ответил Дамблдор. — Стой

здесь. Он поднял волшебную палочку высоко над головой и направил ее кончик в сторону хижины Хагрида. что-то серебристое, словно призрак птицы, вылетело из нее и помчалось между деревьев. Потом Дамблдор наклонился над Виктором Крамом, навел палочку на его и прошептал:

— *Оживи!*

Крам открыл глаза, и в первую минуту выглядел совершенно ошеломленным. Потом он увидел Дамблдора и попытался сесть, но Дамблдор положил руку ему на плечо и не позволил.

— Он на меня напал, — слабым голосом проговорил Крам, прижав руку к голове. — Старик на меня напал. Я обернулся поглядеть, куда убежал Поттер, а он напал на меня сзади.

— Полежи пока спокойно, — сказал Дамблдор.

Послышался тяжелый топот, и, тяжело дыша, прибежал Хагрид, а вместе с ним и Клык. Хагрид принес с собой арбалет.

— Профессор Дамблдор! — воскликнул он, расширив глаза. — Гарри! Что здесь…

— Хагрид, приведи скорее профессора Каркарова, — велел Дамблдор. — Скажи ему, что напали на его студента. А после этого найди профессора Грюма…

— Ну, это уже ни к чему, я и так здесь, — своим

хриплым голосом сказал Грюм, быстро хромая к ним, опираясь на палку и держа в руке волшебную палочку с пламенем на кончике.

— Проклятая нога, — выругался он. — Давно бы уже пришел… Что тут стряслось? Снегг говорил, будто Крауч…

— Крауч? — ничего не понимая, переспросил Хагрид.

— Приведи Каркарова, Хагрид, пожалуйста, — напомнил Дамблдор.

— Ах, да… правда, профессор… — забормотал Хагрид, повернулся и поспешил прочь, Клык побежал следом.

— Не знаю, где Барти Крауч, — сказал Грюму Дамблдор, — но только нужно найти его поскорее.

— Ясно, — ответил Грюм, достал волшебную палочку и побрел в лес.

Гарри и Дамблдор молчали до тех пор, пока снова не послышался топот Хагрида и громкое дыхание Клыка.

Каркаров едва поспевал за ними. На нем была шуба из блестящего серебристого меха, он был взволнован и бледен.

— Что это такое? — воскликнул он, увидев Крама лежащим на земле, а рядом с Крамом Дам-

блдора и Гарри. — Что случилось?

— На меня напали, — сказал Крам, сел и стал тереть голову руками. — Этот мистер Крауч или как там его…

— На тебя напал Крауч? Крауч?! Судья Турнира Трех Волшебников?

— Игорь, — начал было Дамблдор, но Каркаров выпятил грудь, подошел ближе и яростно вцепился в свою шубу.

— Это подлость! — вскричал он, указывая пальцем на Дамблдора. — Вы все сговорились. Вы с вашим Министерством магии подложным предлогом заманили меня сюда. Это нечестное соревнование, Дамблдор! Сначала вы устраиваете так, чтобы в Турнире участвовал Поттер, хотя он не годится по возрасту. Теперь ваш приятель из Министерства пытается вывести из строя моего ученика. Это уже пахнет двурушничеством и подкупом! А вы еще смеете говорить об укреплении международных связей волшебников, возрождении традиций, о том, что надо забыть старые разногласия! Вы лицемер — вот вы кто!

И Каркаров плюнул на землю, едва не попав на сапоги Дамблдора. Хагрид, не долго думая, схватил его за грудки, приподнял над землей и прижал к дереву.

— А ну, извинись! — зарычал он и затряс огромным кулаком перед носом Каркарова, а тот только хватал ртом воздух и болтал ногами.

— Хагрид, перестань! — сверкнув глазами, прикрикнул Дамблдор.

Хагрид повиновался, отпустил Каркарова, и тот съехал по дереву вниз и осел у корней, а с дерева ему на голову упало несколько мелких сучков и листьев.

— Будь добр, Хагрид, проводи Гарри в замок, — строго велел Дамблдор.

Хагрид, тяжело дыша, грозно поглядел на Каркарова.

— Может, мне лучше остаться, господин директор?..

— Отведи Гарри в школу, — повторил Дамблдор. — Прямо в башню его факультета. А ты, Гарри, оттуда ни ногой. Если тебе захочется что-то сделать, отправить кому-нибудь сову или еще что-то, из башни не выходи, это может подождать до утра. Ты меня понял?

— Да, — глядя в глаза директору ответил Гарри. Откуда Дамблдор узнал? Гарри только что подумал, что надо сейчас же написать письмо Сириусу и послать Сычика.

— Я оставлю вам Клыка, господин директор, —

сказал Хагрид, все еще угрожающе глядя на Каркарова, который, запутавшись в своей шубе и корнях дерева, лежал на земле. — Останься, Клык. Пойдем, Гарри.

И они вдвоем вышли из леса, прошли мимо кареты Шармбатона и направились к замку.

— Как он смеет! — ворчал Хагрид, проходя мимо озера. — Как он смеет наговаривать на Дамблдора! Дамблдор не тот человек, не станет он такого делать. Как будто Дамблдор только и думал, как бы тебя в Турнир пропихнуть! Да я еще не видал, чтобы Дамблдор так беспокоился, как за весь этот Турнир. И ты тоже хорош! — вдруг сердито обернулся Хагрид к Гарри. Гарри в недоумении поглядел на Хагрида. — Тебя-то чего в лес понесло с этим Крамом, чтоб ему пусто было? Забыл что ли, что он из Дурмстранга? Да он тебя в одну минуту околдовать мог! Чему только тебя Грюм учит? Ты подумай, что он с тобой мог сделать!..

— Да ничего Крам не хотел со мной сделать, — сказал Гарри, поднимаясь по лестнице и входя в вестибюль. — Не хотел он меня околдовывать! Он хотел поговорить о Гермионе…

— Ладно, я сам с нашей Гермионой поговорю, — пригрозил Хагрид, топая по лестнице. — Чем меньше вы с этими иностранцами якшаетесь,

тем лучше. Нельзя им верить, вот что.

— Тебе с мадам Максим, значит, можно, а нам нельзя? — рассердился Гарри.

— Чтобы я больше про нее не слышал! — В эту минуту на Хагрида было страшно взглянуть. — Уж я-то ее раскусил. Подмазаться хочет, хочет, чтоб я ей сказал, что будет в третьем испытании. Вот как! Верь им после этого!

Хагрид словно взбесился, и Гарри был рад-радешенек распроститься с ним у портрета Полной Дамы. Он вошел сквозь проем за портретом в гостиную и поспешил прямо в тот угол, где сидели Рон и Гермиона, чтобы рассказать им, что случилось.

Глава 29

ВЕЩИЙ СОН

Выходит, то ли мистер Крауч напал на Виктора, то ли кто-то напал на них обоих, а Виктор не видел кто. — Гермиона потерла лоб.

— Конечно Крауч! Кто же еще? — сказал Рон. — Напал и улизнул, а когда Гарри вернулся с Дамблдором, его уж и след простыл.

— Ну, нет. — Гарри покачал головой. — Он на ногах еле стоял, куда ему было трансгрессировать!

— Какие вы оба бестолковые! Я вам сто раз говорила: нельзя в Хогвартсе трансгрессировать.

— Ну, ладно. А если так Крам напал на Крауча — постойте, дайте скажу, — а себя оглушил заклинанием? — предложил Рон, радуясь собственной догадке.

— Ага, а мистер Крауч после испарился, — ухмыльнулась Гермиона.

— Ах, да... — сник Рон и почесал в затылке. Занимался рассвет. Гарри, Рон и Гермиона поднялись рано и пришли в совятник отослать весточку Сириусу. Сова с запиской улетела,

друзья встали у окна и глядели на подернутые туманом окрестности школы. Они за полночь просидели в гостиной, все спорили о мистере Крауче, не выспались, и у всех троих были мешки под глазами и бледные лица.

— Повтори еще раз, Гарри, — попросила Гермиона, — что именно сказал мистер Крауч?

— Ну сколько можно? Ну, он был какой-то сам не свой, хотел о чем-то предупредить Дамблдора. Вроде сказал, что Берта Джоркинс умерла… И все повторял, что это его вина… и что-то там еще про сына…

— Хорошо, хоть сам сознался, — фыркнула Гермиона.

— Он был точно не в своем уме. То с женой и сыном разговаривал, будто они живые, то отдавал распоряжения Перси.

— А что он там говорил о Сам-Знаешь-Ком? — боязливо спросил Рон.

— Ну, что он набирается сил, — неохотно ответил Гарри.

Друзья немного помолчали, и Рон деланно уверенным голосом сказал:

— Ты думаешь, он не в своем уме? Ну так, значит, он просто бредил…

— Нет, уж о Волан-де-Морте то он говорил, как

здоровый человек. — Рон, услыхав имя Темного Лорда, нахмурился, но Гарри сделал вид, будто не заметил. — Говорить ему было трудно, но он понимал, где он и чего хочет. И все твердил, что хочет видеть Дамблдора. Гарри отвернулся от окна и поглядел на насесты под потолком. Совы возвращались с ночной охоты; то и дело новая сова влетала в окно с мышью в клюве, и насесты понемногу заполнялись.

— Если бы не Снегг, — вздохнул Гарри, — может, мы бы поспели вовремя. «Директор занят, Поттер… Что за вздор вы несете, Поттер?» — передразнил он учителя. — Всегда он так. Нет чтобы просто дать пройти.

— Может, он хотел тебя задержать? — сказал Рон. — А может… постой, как, по-твоему, скоро он мог бы добраться до Леса? Мог он вас с Дамблдором опередить?

— Разве что летучей мышью обернулся.

— Может, и мышью, кто его знает? — пожал плечами Рон.

— Надо спросить профессора Грюма, нашел ли он мистера Крауча, — сказала Гермиона.

— С моей Картой нашел бы, — ответил Гарри.

— Если только Крауч не ушел слишком далеко, — заметил Рон. — На карте-то только замок с

окрестностями…

— Тихо! — Гермиона приложила палец к губам.

На лестнице послышались шаги. Судя по голосам, шли двое и о чем-то спорили.

— … это называется шантаж! И нас за это по головке не погладят…

— А мне надоело быть вежливым и честным! И ты плюнь на честность — плюнул же он. Подумай только, что было бы, если бы в Министерстве магии прознали о его делишках. Уж этого-то он не захотел бы.

— Все равно. Разговоры разговорами, а письмо — это шантаж.

— Вот погоди, раскошелится он, и поглядим тогда, станешь ты жаловаться или нет.

Дверь совятника распахнулась, и на пороге, увидев Гарри, Рона и Гермиону, замерли Фред и Джордж.

— Вы что тут делаете? — разом воскликнули Рон и Фред.

— Пришли отправить письмо, — дружно ответили Гарри и Джордж.

— Так рано? — вместе подняли брови Гермиона и Фред.

Фред улыбнулся.

— Ладно, — сказал он. — Мы не спрашиваем, что вы тут делаете, а вы не спрашивайте нас. Идет?

В руке он держал запечатанный конверт. Гарри поглядел на адрес, но Фред — не то случайно, не то нарочно — прикрыл его рукой.

— Не смеем вас задерживать. — Фред с ироничным видом поклонился и указал на дверь.

Рон не тронулся с места.

— Кого это вы вздумали шантажировать? — спросил он.

Ухмылка сошла с губ Фреда, а Джордж, напротив, глянул на Рона и улыбнулся.

— Какой шантаж? Мы просто шутили, — как бы невзначай сказал он.

— Да неужели?

Фред с Джорджем переглянулись.

— Я тебя предупреждал, Рон: не суй нос не в свое дело, а то как бы тебе его не оторвали. Какое твое…

— А такое. Шантаж не игра. Джордж прав, у вас могут быть большие неприятности.

— Я же тебе сказал, что мы шутили, — сказал Джордж, подошел к Фреду, взял у него из рук письмо и стал привязывать его к ноге ближайшей совы. — Ты, Рон, прямо как наш братец

Перси. Продолжай в том же духе и тоже станешь старостой.

— Еще чего! — вскипел Рон.

Джордж поднес сову с письмом к окну и выпустил, сова улетела, а он повернулся к Рону и улыбнулся.

— Ну, а раз так, то перестань всех учить. Счастливо оставаться.

И они с Фредом ушли. Гарри, Рон и Гермиона переглянулись.

— Что, если они все знают? — прошептала Гермиона. — О Крауче и обо всем остальном?

— Нет, — возразил Гарри. — Будь это что-нибудь важное, они бы кому-нибудь рассказали. Они бы рассказали Дамблдору.

Рона эти слова не успокоили, он все равно тревожно покусывал губу.

— Ты что, Рон, не согласен? — спросила его Гермиона.

— Может, рассказали бы, а может, и нет, — ответил Рон. — Они теперь только о деньгах и думают. Я это заметил, когда шатался с ними, пока мы… ну…

— Не разговаривали, — подсказал Гарри. — Но все-таки, деньги деньгами, а шантаж…

— Они бредят собственной лавкой шуточных

товаров. Я раньше думал, что они это только так — позлить маму, а оказалось, нет. Учиться им еще только год, вот они и думают, что делать дальше. Папа помочь им не может, а на магазин нужно золото.

Настала очередь Гермионе проявить беспокойство.

— Нужно-то нужно, но не станут же они из-за этого нарушать закон. Ведь не станут?

— Не станут? Ну, уж не знаю, — усмехнулся Рон. — До сих пор пай-мальчиками они не были.

— Так-то оно так, только закон не глупые школьные правила. — Гермиона не на шутку испугалась. — За шантаж чисткой пробирок не отделаешься. По-моему, тебе лучше рассказать обо всем Перси…

— Рехнулась ты, что ли? Сказать Перси? Он еще, чего доброго, возьмет, да и сдаст их Министерству, как Крауч своего сына. — Рон поглядел на окно, через которое вылетела сова с письмом Фреда и Джорджа. — Нет уж. Пойдемте-ка лучше завтракать.

Друзья вышли из совятника и стали спускаться по винтовой лестнице.

— Ну что, пойдем к профессору Грюму? Или, может, еще рано? — спросила Гермиона.

— Рановато, — ответил Гарри. — В такую рань он, пожалуй, решит спросонья, что мы его прикончить хотим, и, не долго думая, через дверь нас и поджарит. Лучше, подождем до перемены.

Редко история магии тянулась так долго, как на этот раз. Гарри то и дело поглядывал на часы Рона — свои он выкинул. Но роновы шли что-то уж очень медленно, и Гарри решил, что они тоже сломались. Все трое от усталости готовы были уснуть хотя бы тут же на парте; даже Гермиона и та отбросила перо, подперла голову рукой и мутными глазами глядела на учителя Биннса.

В конце концов прозвенел звонок, и друзья поспешили в класс защиты от темных искусств. Учитель Грюм как раз выходил из класса, похоже было, что он и сам очень устал. Его человеческий глаз готов был сомкнуться, и от этого лицо Грюма казалось кривее обычного.

— Здравствуйте, мистер Грюм, — крикнул Гарри, пробираясь сквозь толпу учеников.

— Здравствуй, Поттер, — ответил своим скрипучим голосом Грюм. Волшебный глаз учителя защиты от темных искусств устремился на спешивших куда-то робких первокурсников, повернулся зрачком внутрь головы, проводил их за угол. Потом вернулся на место, и Грюм сказал:

— Заходите. — Он пропустил Гарри, Рона и Гермиону вперед, вошел сам и закрыл дверь.

— Вы нашли мистера Крауча? — начал Гарри без обиняков.

— Нет, — ответил Грюм, дохромал до учительского стола, сел, вытянул, крякнув, свою деревянную ногу и достал фляжку.

— А по Карте вы искали? — спросил Гарри.

— А как же? — Грюм отхлебнул из фляжки. — Вызвал ее прямо в лес из моего кабинета, как ты вызвал метлу. Да только Крауча на Карте не было.

— Значит, он все-таки трансгрессировал? — сказал Рон.

— Да нельзя же, Рон, трансгрессировать в окрестностях замка! — Гермиона сверкнула глазами. — Мистер Грюм, а есть другие способы исчезнуть отсюда?

Волшебный глаз уставился на Гермиону и задергался.

— Подумай на досуге о карьере мракоборца, Грэйнджер. Мозги у тебя на месте.

Гермиона зарделась от смущения и удовольствия.

— Невидим он тоже не был, — сказал Гарри. — Карта все равно бы показала. Выходит, он все еще

где-то здесь.

— Вопрос только, самому ему это удалось или ему кто-то помог? — заметила Гермиона.

— Может, кто и помог. Взял да затащил его на метлу и улетел себе преспокойно, — сказал Рон и с надеждой взглянул на Грюма, ему хотелось услышать, что и у него есть задатки мракоборца.

— Могли его и украсть, пожалуй, — согласился Грюм.

— Может, он в Хогсмиде, как, по-вашему? — спросил Рон.

— Кто его знает? — Грюм покачал головой. — В Хогвартсе его нет.

Учитель широко зевнул, шрамы на его лице вытянулись, а зубов в кривом рте оказалось очень мало.

— Дамблдор сказал, вы себя сыщиками воображаете. Бросьте. Краучу все равно не поможете. Дамблдор сообщил в Министерство, и его будут искать. А ты, Поттер, готовься-ка, лучше, к третьему испытанию.

— К испытанию? Ах, да…

Гарри и думать забыл про лабиринт с тех пор, как был там прошлым вечером с Крамом.

— О нем-то тебе и надо теперь думать, — сказал Грюм и почесал свой покрытый шрамами небри-

тый подбородок. — Дамблдор говорит, тебе такие штуки не впервой. Вроде как ты на первом курсе добрался-таки до философского камня, хоть было там, где споткнуться.

— Мы ему помогали, — вставил Рон. — Я и Гермиона. Грюм улыбнулся.

— Ну, так помогите ему и на этот раз, и я свою шляпу съем, если он проиграет. А пока, Поттер, — гляди в оба. В оба гляди! — Учитель погрозил пальцем, глотнул побольше из фляжки, и его волшебный глаз повернулся в сторону окна. В окно был виден верхний парус дурмстрангского корабля. — А вы двое, — его обыкновенный глаз глядел на Рона и Гермиону, — от Поттера не отходите. Поняли? Я хоть и приглядываю за всем, но все равно, — чем больше глаз, тем лучше.

На следующее утро прилетела сова от Сириуса. Она села рядом с Гарри, а еще одна сова, коричневая с рыжим, опустилась перед Гермионой с «Пророком» в клюве. Гермиона взяла газету, пробежала глазами по первым страницам и ухмыльнулась:

— Она еще не прослышала про Крауча. — И Гермиона присоединилась к Гарри и Рону, ей хотелось узнать, что Сириус пишет о загадочных событиях предпоследней ночи.

Гарри, о чем ты только думаешь? Как ты мог пойти с Крамом в лес? Пообещай мне, что ни с кем никуда больше ночью не пойдешь. В школе находится кто-то очень опасный. Ясно, что это он помешал Краучу увидеться сДамблдором, и, может быть, он прятался где-то рядом. Тебя могли убить.

Твое имя не случайно оказалось в Кубке огня. И если кто-то собирается тебе навредить, то времени у него осталось совсем мало. Держись вместе с Роном и Гермионой, не выходи поздно из гриффиндорской башни и готовься к третьему испытанию. Потренируйся заклятьем оглушать и разоружать противника. Вообще выучи побольше всяких заклинаний. Краучу ты ничем не поможешь. Без нужды не высовывайся и будь осторожен. Следующим письмом непременно пообещай мне вести себя хорошо.

— И он еще будет меня учить! — возмущенно воскликнул Гарри. — Можно подумать, сам в школе вел себя хорошо.

— Он о тебе беспокоится, так же как Грюм и Ха-

грид, — резко возразила Гермиона. — Ты должен его слушаться.

— Да чего беспокоиться? Я целый год проучился — и ничего! Никто меня не заколдовал и вообще все в порядке.

— Ну, конечно, вот только твое имя в Кубок положили. По-моему, это все нарочно устроили, и Нюхалз прав. Может, они просто выжидают. Может, они задумали напасть на тебя на третьем испытании?

— Ну, пусть Нюхалз прав, кто-то оглушил Крама и украл Крауча. Тогда он должен был прятаться рядом, где-то там, за деревьями, так? Так зачем же он ждал, пока я уйду, а? что-то не похоже, чтобы он гонялся за мной.

— Может, они хотят, чтобы было похоже на несчастный случай, а убийство в лесу несчастным случаем не назовешь, — возразила Гермиона. — А вот, если бы ты вдруг погиб в лабиринте…

— А как же Крам? На него же не побоялись напасть! Тогда меня почему не укокошили там же? Взяли бы, да и устроили все так, будто у нас с Крамом была дуэль.

— Я тоже, Гарри, не понимаю почему. — Гермиона в отчаянии заломила руки. — Только тут столько всего творится, что я уж и не знаю, что

думать. И все это очень подозрительно. Грюм прав и Нюхалз прав: тебе надо побольше думать о третьем испытании, начни готовиться прямо сейчас. Напиши Нюхалзу и пообещай ему не делать ничего опасного.

Гарри дал обещание, и теперь приходилось сидеть в замке, а в таких случаях всегда страшно тянет на улицу. В свободное от уроков время Гарри только и делал, что сидел с Роном и Гермионой в библиотеке, выискивая полезные заклинания, или разучивал эти заклинания в пустых классах. Особенно он налегал на новое для него заклинание Оглушения. Рону с Гермионой порядком доставалось.

— Может, украдем миссис Норрис? — предложил Рон в понедельник на большой перемене. Друзья закрылись в классе заклинаний. Гарри в пятый раз оглушил его, снова оживил, и Рон лежал, растянувшись, на спине. — Потренируешься на ней. Или на Добби, он для тебя на все согласится. Нет, я не жалуюсь, — Рон с опаской поднялся на ноги, потирая мягкое место, — просто у меня уже все болит…

— Еще бы, ты все время падаешь мимо, — нетерпеливо заметила Гермиона, перекладывая в очередной раз подушки. Эти же самые подушки

они учились отбрасывать заклинанием на уроке Флитвика, и профессор оставил их до следующего урока в шкафу. — Падай на спину.

— Легко сказать — на спину! Поди-ка, прицелься, когда тебя оглушили, — сердито проворчал Рон. — Попробуй лучше сама.

— Ну, ладно, Гарри и так уже научился, — поспешила сказать Гермиона. — Заклятие Разоружения мы пробовать не будем, Гарри это давно умеет. А вечером, я думаю, мы займемся вот этим.

Гермиона поглядела на внушительный список заклинаний, который они составили в библиотеке.

— Вот, смотрите: заклинание Замедления. Оно должно сделать медленными движения всего, что на тебя нападает. С него вечером и начнем.

Зазвенел звонок. Друзья торопливо засунули подушки в шкаф и вышли из класса.

— Увидимся за обедом, — сказала Гермиона и побежала на нумерологию.

Гарри и Рон направились в Северную башню в кабинет предсказаний. В коридорах из высоких окон на пол и стены падали широкие полосы золотистого солнечного света. Небо было такое голубое, будто его покрыли эмалью.

— Вот увидишь, сегодня мы сваримся в классе:

и без того жарко, а у Трелони еще вечно горит камин, — пообещал Рон. Мальчики поднялись к площадке, с которой начиналась приставная серебряная лестница в класс профессора Трелони, и тихо пробрались в класс.

Рон оказался прав. В классе было жарко, как в раскаленной духовке. А Трелони еще, по обыкновению, подбрасывала в огонь ароматные травы, и в горячем воздухе стоял приторный дурман. У Гарри закружилась голова. На минутку профессор Трелони отвернулась, чтобы отцепить шаль от светильника, Гарри потянулся к занавешенному окну, приоткрыл его и сел обратно в кресло. Лицо теперь приятно обдувало свежим ветерком.

— Детки мои! — Трелони села в кресло с подголовником и обвела взглядом класс. Толстые очки увеличивали ее глаза, и от этого у нее был очень странный вид. — Мы с вами почти уже прошли предсказания по расположению планет. Однако как раз сегодня Марс занял на небе весьма интересное положение, и для нас с вами это замечательная возможность изучить его влияние на судьбу. Я погашу свет, а вы поглядите, пожалуйста, сюда…

Учительница взмахнула волшебной палочкой, и светильники погасли, комнату освещал только

огонь от камина. Трелони достала из-под своего кресла чудесную модель солнечной системы под стеклянным куполом. В центре, как и полагается, сияло солнце, вокруг солнца в воздухе вращались все девять планет, а вокруг планет их спутники. Гарри со скукой глядел, как учительница показывает особый угол, под которым Марс сошелся с Нептуном. Запахи ароматных трав переливались над головой, в лицо веял легкий ветерок. Где-то за занавесью жужжал жучок. Веки смыкались…

Гарри летел на спине филина по голубому небу к старому увитому плющом дому, дом стоял на склоне высокого холма. Приятный ветер дул в лицо. Они спускались все ниже и ниже и, наконец, влетели в темное разбитое окно в верхнем этаже дома. Миновали полутемный коридор, влетели в дверь в конце коридора и очутились в слабо освещенной комнате с наглухо заколоченными окнами.

Гарри слез со спины филина. В комнате был камин, и у камина стояло кресло, повернутое к двери спинкой. Филин пролетел через комнату, завернул прямо в кресло и исчез. На полу рядом с креслом двигались две темные фигуры.

Одна принадлежала большой змее, другая человеку. Человек был маленький, лысый, ост-

роносый, из глаз у него текли слезы. Он лежал, скрючившись, на коврике перед камином, всхлипывал и хрипел.

— Тебе повезло, Хвост, — раздался ледяной голос из глубины кресла, куда опустился филин. — Очень повезло. Ты сделал грубую ошибку, но все обошлось. Он мертв.

— Господин, — с трудом произнес человек на полу. — Господин мой, я… я так рад… простите…

— Нагайна, — продолжал ледяной голос, — тебе сегодня не повезло. Я пока не позволю тебе пообедать Хвостом. Ну, ничего, ничего, Гарри Поттером полакомишься.

Змея зашипела, и Гарри увидел ее трепещущий язык.

— Вот тебе еще, Хвост, и помни, больше ошибок я не потерплю.

— Не надо, мой господин, умоляю…

Из-за кресла показался кончик волшебной палочки, и голос произнес:

— *Круцио!*

Хвост закричал так, будто каждая клеточка его тела горела, его крик оглушил Гарри, и кроме этого крика Гарри ничего не слышал, шрам на лбу мальчика пронзила резкая боль. Гарри тоже закричал. Волан-де-Морт услышит… узнает, что

Гарри здесь…

— Гарри, Гарри!

Гарри открыл глаза. Он лежал на полу в классе профессора Трелони, прижав ладони к лицу. Шрам на лбу все еще пылал, было больно до слез. Одноклассники обступили его кольцом, Рон стоял рядом на коленях и испуганно глядел на Гарри.

— Ты как? В порядке?

— Разумеется, он не в порядке, — сказала взволнованная профессор Трелони. Ее огромные глаза с интересом глядели на Гарри. — Что с вами случилось, Поттер? Вы что-то увидели? Какое-то предостережение? Что же?

— Ничего, — ответил Гарри и сел на полу.

Он весь дрожал и оглядывался на тени за спиной. Голос Волан-де-Морта звучал так близко!

— Вы схватились за голову. Вы катались по полу и держались за шрам на лбу. Я знаю, Поттер, что это значит. Уж я-то в этом кое-что понимаю.

Гарри поглядел на нее.

— Лучше я пойду покажусь мадам Помфри. Голова раскалывается.

— Детка моя, на вас явно подействовали вибрации ясновидения моей комнаты. Если вы уйдете, то лишитесь возможности увидеть…

— Я хочу видеть только лекарство от головной

боли. Гарри поднялся на ноги. Встревоженные дети отступили.

— Увидимся на перемене, — шепнул Гарри Рону, подхватил рюкзак с книжками и пошел к люку.

У профессора Трелони был при этом такой огорченный вид, будто ее лишили последней радости в жизни.

Гарри спустился по приставной лестнице, но в больничное крыло не пошел, да вовсе и не думал туда идти. Гарри решил последовать совету Сириуса насчет того, что делать, если шрам заболит снова, и направился прямо в кабинет Дамблдора. Гарри шел по коридорам и думал о сне. Сон был как будто наяву, совсем как тот, от которого Гарри проснулся на Тисовой улице. Мальчик перебрал в уме все детали: не забыл ли чего? Волан-де-Морт сказал, что Хвост ошибся, но филин принес доброе известие, ошибка исправлена, кто-то мертв, и Хвоста не скормят змее. Вместо него ей скормят Гарри…

Гарри, задумавшись, прошел мимо каменной гаргульи, сторожившей вход в кабинет Дамблдора. Он остановился, сощурился, припоминая, оглянулся и вернулся ко входу. Ему вдруг пришло на ум, что он не знает пароль.

— Лимонный шербет? — спросил он на всякий случай.

Гаргулья не пошевелилась.

— Ну, ладно. Грушевый леденец. М-м… лакричная палочка. Леденец-шипучка. Жвачка Друббла. Драже всевозможных вкусов Берти Боттс… нет, не пойдет, он их не любит, верно? — Гарри рассердился. — Мне нужно срочно его увидеть!

Гаргулья не двинулась с места. Гарри в сердцах размахнулся и пнул ее ногой и ушиб пальцы, а гаргулья все равно не подвинулась.

— Шоколадная жаба! — Гарри прыгал на одной ноге. — Сахарное перо! «Тараканьи усы»!

Гаргулья ожила и отпрыгнула, за ней показался проход. Гарри остолбенело замигал глазами.

— Так значит, «Тараканьи усы»? Вот тебе и раз. А я-то только пошутил…

Гарри нырнул в проход, встал на первую ступень каменной винтовой лестницы, дверь за ним закрылась, лестница медленно понесла его вверх и остановилась у полированной дубовой двери с латунным дверным молотком.

Из-за двери доносились голоса. Гарри сошел на небольшую площадку у двери и прислушался, не решаясь постучать.

— Боюсь, Дамблдор, я не вижу связи. Просто не

вижу и все, — говорил Корнелиус Фадж, министр магии. — По словам Людо, Берте ничего не стоит заблудиться. Согласен, что слишком долго мы не можем ее найти, но ведь нет никаких доказательств, что с ней что-то случилось. И уж тем более я не вижу здесь никакой связи с исчезновением Барти Крауча.

— А что, по-вашему, приключилось с Краучем? — прохрипел Грюм.

— Ну, тут либо — либо, Аластор. Либо Крауч в конце концов тронулся — учитывая его биографию, скорее всего так и есть, — сошел с ума и где-нибудь бродит…

— что-то уж очень быстро он бродит, Корнелиус, — совершенно спокойно заметил Дамблдор.

— Либо… — Фаджу явно неприятно было об этом говорить. — Нет, лучше повременить с выводами до тех пор, пока я не увижу место, где это произошло. Вы, кажется, сказали, что около кареты Шармбатона? Дамблдор, что вы скажете об этой женщине?

— Она хороший директор, и она замечательно танцует.

— Будет вам, Дамблдор, в самом деле! — рассердился Фадж. — Можно подумать, если она нравится Хагриду, так она и впрямь безобидна.

Они далеко не все такие уже безобидные. И ваш Хагрид, кстати, тоже — с его пристрастием ко всяким чудовищам…

— Мадам Максим я подозреваю не больше, чем Хагрида, Корнелиус. А в вас просто-напросто говорит предубеждение, — как и прежде, спокойно сказал Дамблдор.

— Не пора ли нам закругляться? — вмешался Грюм.

— Да, верно, пойдемте прогуляемся, — подхватил мысль Грюма Фадж.

— Я не про то. Дамблдор, Поттер за дверью, хочет поговорить.

Глава 30

ОМУТ ПАМЯТИ

Дверь кабинета открылась.

— Здравствуй, Поттер, — сказал профессор Грюм. — Проходи.

Гарри вошел. Он уже был однажды в кабинете у Дамблдора — красивой круглой комнате, стены которой увешаны крепко спящими портретами прежних директоров и директрис. Грудь у них мерно вздымалась и опускалась.

Корнелиус Фадж, с нежно-зеленым котелком в руках и, как обычно, в полосатой мантии, стоял у стола Дамблдора.

— Гарри! — радостно воскликнул Фадж, шагнув ему навстречу. — Как дела?

— Хорошо, — солгал Гарри.

— Мы обсуждаем ту ночь, когда мистер Крауч оказался на территории замка, — продолжил Фадж. — Это ведь ты его нашел?

— Да, — кивнул Гарри. Притворяться, будто он не слышал их разговор, бессмысленно, и он добавил: — Но мадам Максим я не заметил, а ей не так-то легко спрятаться.

Дамблдор, блеснув глазами, улыбнулся ему из-за спины Фаджа.

— В общем, да, — слегка смутился Фадж. — Мы собираемся сейчас прогуляться вокруг замка, Гарри… может, тебе вернуться пока в класс…

— Я хотел поговорить с вами, профессор, — быстро сказал Гарри, глядя на Дамблдора.

Директор бросил на него испытующий взгляд:

— Подожди меня здесь, Гарри. Осмотр территории не займет много времени.

Они молча вышли из комнаты и затворили за собой дверь. Прошла минута-другая. Стук деревянной ноги Грюма удалялся по коридору этажом ниже. Скоро все стихло, и Гарри огляделся.

— Привет, Фоукс, — сказал он.

Фоукс, феникс величиной с лебедя, сидел на золотой жердочке рядом с дверью, сияя алым оперением с лимонной подпушкой. Взмахнув длинным хвостом, он приветливо посмотрел на Гарри.

Гарри уселся в кресло перед столом Дамблдора и невидящим взглядом уставился в портреты прежних директоров и директрис Хогвартса. Они мирно посапывали в своих рамах. Гарри размышлял над только что услышанным и машинально потирал рукой шрам. Шрам больше не болел.

Странно, но в кабинете Дамблдора он чувствовал себя гораздо спокойнее: еще полчаса, и он расскажет директору о своем сне. Гарри вскинул глаза на стену позади стола и увидел на полке старую, залатанную Волшебную шляпу. Рядом с ней в стеклянном футляре покоился украшенный рубинами серебряный меч. Гарри сразу узнал его — меч Годрика Гриффиндора, основателя их факультета. Это его он извлек тогда в подземелье из Волшебной шляпы. Меч вовремя пришел на помощь — гибель казалась неминуемой. Давно это было, на втором курсе… А что это за странные серебристые отблески на стеклянном футляре? Гарри обернулся назад — черный шкафчик на подставке неплотно закрыт, из щелки падает яркая мерцающая полоска света. Гарри бросил взгляд на Фоукса и, немного помедлив, встал из-за стола. Подошел к шкафчику и решительно потянул на себя дверцу.

Внутри стоял неглубокий каменный сосуд, опоясанный по краю резными письменами и символами. От содержимого исходило яркое серебристое свечение. Ничего подобного Гарри никогда не видел, даже не мог понять, жидкость это или газ. Вещество непрерывно двигалось: то его поверхность морщит рябь, как воду — дуно-

вение ветра, то пробегают круги, завихрения: что это — сжиженный свет или газ, ставший студенистым телом?

Ему очень захотелось провести по нему ладонью, ощутить пальцами, но почти четыре года в Школе чародейства и волшебства подсказали: окунать руку в сосуд непонятно с чем было бы верхом глупости. Он вытащил волшебную палочку, настороженно огляделся и легонько ткнул содержимое палочкой. Непонятное вещество стало быстро вращаться.

Молочно-белая поверхность стала прозрачной, как стекло. Сунув голову в шкафчик, Гарри заглянул в сосуд. Дна не было — где-то глубоко открылась огромная комната, как будто он смотрит в круглое окно, находящееся у нее в потолке. Гарри склонился так низко, что почти коснулся носом подобия стекла.

Зал был скудно освещен; что-то вроде подземелья без окон, свет дают факелы, развешанные по стенам, точь-в-точь такие, как в Хогвартсе. Вдоль стен до самого потолка амфитеатром поднимаются скамьи, заполненные волшебниками и волшебницами, посредине — пустое кресло, с подлокотников которого свисают цепи. Сердце у Гарри сжалось: неужели всякого, кто сядет в

кресло, прикуют к нему?

Где же зал находится? Ясно, что не в замке; здесь он не видел ничего подобного. Да и на скамьях только взрослые, а в Хогвартсе учителей раз в десять меньше. Эти люди явно чего-то ждут: сидят молча, глаза у всех устремлены в одном направлении.

Сосуд был круглый, а зал квадратный, и Гарри не видел, что делается по углам. Наклонился еще ниже, завертел головой…

И кончик носа коснулся прозрачной поверхности…

Кабинет Дамблдора вдруг покачнулся, Гарри полетел головой вперед внутрь сосуда: никакого стекла не оказалось, и Гарри всосал в себя черный ледяной водоворот…

И вот он уже сидит на верхней скамье в том самом зале, который только что разглядывал сверху. Гарри поднял взгляд — никакого отверстия, высоко над ним сплошной каменный потолок.

Тяжело дыша, Гарри огляделся. Никто из сидящих в комнате (а здесь собралось сотни две волшебников и волшебниц), казалось, не заметил свалившегося откуда-то сверху четырнадцатилетнего ученика. Гарри повернулся к сидящему

рядом волшебнику, и из груди у него вырвался изумленный возглас, разнесшийся эхом по всему залу.

С ним рядом сидел Альбус Дамблдор.

— Профессор! — понизив голос, воскликнул Гарри. — Простите… Я не хотел… Я только заглянул в тот сосуд у вас в кабинете… Я… Где мы?

Но Дамблдор даже не шевельнулся. Он явно его не замечал. Как и все здесь сидящие, он не сводил глаз с двери в дальнем углу. Гарри в замешательстве уставился на директора, потом медленно обвел взглядом зал, снова посмотрел на Дамблдора. И тут до него дошло…

Он уже испытал однажды что-то подобное. Сквозь страницы дневника очутился в памяти одного волшебника, где его никто не видел и не слышал. Сейчас, наверное, происходит то же самое…

Гарри поднял руку, на какой-то миг замер и махнул ею перед самым носом у Дамблдора. Тот даже бровью не повел. Сомнения нет, Гарри занесло в чью-то память: столь недопустимое поведение директор бы не потерпел. К тому же рядом с ним не нынешний Дамблдор. Но, впрочем, очень похож на нынешнего, седая как лунь борода во всяком случае та же. Значит, происхо-

дило это не так давно. Но что это за место и кого волшебники ждут?

Гарри огляделся внимательнее. Зал, без сомнения, находится под землей. Скорее, это не зал, а что-то вроде огромного подземного каземата. На стенах ни картин, ни украшений, только ряды скамеек, поднимающиеся вверх, чтобы каждый видел кресло с цепями на подлокотниках. Гарри в страхе поежился.

Не успел он поразмыслить, куда попал, из дальнего угла донесся звук шагов, дверь отворилась, и вошли три человека. Вернее, один человек и два дементора.

Гарри пробрал ледяной холод. Огромного роста, в капюшонах, скрывающих лица, дементоры медленно заскользили к стоящему в центре креслу, впившись в руки идущего между ними человека костлявыми, как у скелета, пальцами. Тот едва волочился, вот-вот упадет в обморок, и Гарри разделял его ужас… Сейчас, внутри чьей-то памяти, он мог бы не бояться дементоров, но воспоминание о них было слишком свежо. Зрители сидели, оцепенев, пока дементоры, опустив несчастного в кресло с цепями, не удалились восвояси, захлопнув за собой дверь.

Узника била крупная дрожь. Гарри присмотрел-

ся к нему и с удивлением узнал в нем Каркарова. В отличие от Дамблдора, Каркаров выглядел гораздо моложе; волосы и бородку седина еще не тронула. Вместо теперешней шелковой, струящейся мантии на нем было жалкое потрепанное рубище. Цепи кресла на глазах у Гарри ожили, сверкнули золотом и обвили руки пленника, приковав его к креслу.

— Игорь Каркаров, — раздался скрипучий голос слева от Гарри. (Он оглянулся, сидевший с другой стороны мистер Крауч поднялся с места: волосы темные, морщин на лице немного, подтянут, собран.) — Вас доставили из Азкабана для дачи показаний перед Министерством магии. Вы заявили, что можете сообщить нам важную информацию.

Каркаров выпрямился, насколько позволяли цепи.

— Да, сэр. — Он был смертельно испуган, и все-таки Гарри различил в его голосе знакомые елейные нотки. — Я хочу быть полезным Министерству. Хочу помочь. Я… мне известно, что Министерство намерено задержать… э-э… последних сторонников Темного Лорда. Я очень хочу помочь… чем могу…

По скамьям пронесся шепот. Одни смотрели на

Каркарова с интересом, другие с откровенным недоверием. Справа знакомый голос рыкнул:

— Мразь.

Гарри наклонился вперед, за Дамблдором сидел Грюм. Вот уж кто был совсем непохож на себя! Волшебного глаза у него еще нет, оба настоящие целы и смотрят на Каркарова с сильнейшей неприязнью.

— Крауч собирается выпустить его, — тихо прошептал он Дамблдору. — Они договорились. Я полгода его выслеживал, наконец поймал. А Крауч хочет отпустить его… если он назовет еще несколько имен. А я считаю, пусть назовет имена и катится обратно к дементорам.

Дамблдор неодобрительно хмыкнул, поведя длинным крючковатым носом.

— А-а, я совсем забыл… Ты, Альбус, не любишь дементоров, — желчно усмехнулся Грюм.

— Что нет, то нет, — спокойно ответил Дамблдор. — Я давно считаю, что Министерство зря пригласило в союзники этих мало привлекательных существ.

— Но для такого негодяя…

— Вы сказали, что можете сообщить нам несколько имен, Каркаров, — продолжил Крауч. — Мы вас слушаем.

— Не забывайте, — заторопился Каркаров, — Тот-Кого-Нельзя-Называть всегда действовал под покровом строжайшей секретности… он предпочитал, чтобы мы… я хотел сказать, его сторонники… я очень, очень глубоко раскаиваюсь, что был когда-то в их числе…

— Не тяни, выкладывай, — вырвалось у Грюма.

— …Мы не знали друг друга, не знали имен… Это было известно только ему одному…

— Разумная тактика, защищающая от предателей вроде тебя, — не унимался сосед Дамблдора.

— Но вы, однако, можете сообщить нам несколько имен? — спросил мистер Крауч.

— Я… да… могу. — Каркарову не хватало дыхания. — И… и все это ближайшие помощники Темного Лорда. Они… на моих глазах… выполняли его приказы. Я назову их имена в подтверждение того, что совсем от него отрекаюсь. Меня переполняет столь глубокое раскаяние, что я не нахожу…

— Имена! — резко потребовал мистер Крауч. Каркаров шумно вдохнул.

— Во-первых, Антонин Долохов. Я… я сам видел, как он пытал многих ни в чем не повинных маглов. И тех, кто… кто был против Темного Лорда… И…

— И сам помогал ему, — закончил Грюм.

— Долохов уже пойман, — заявил Крауч. — Сразу же после вас.

— Пойман? Очень, очень рад слышать.

Но вид у него свидетельствовал о другом. Известие было для него ударом. Одно имя не сработало!

— Кто еще? — холодно спросил Крауч.

— Кто? Розье, конечно, — поторопился добавить Каркаров. — Ивэн Розье.

— Розье нет в живых. Его выследили скоро после вашего ареста. Он оказал сопротивление и был убит.

— И прихватил с собой кусочек моего носа, — прошептал Грюм.

Гарри снова наклонился вперед и увидел, как сосед указал Дамблдору на свой изуродованный нос.

— Он… он ничего другого не заслуживал. — В голосе Каркарова звучало отчаяние: он боялся, что его донос не будет иметь никакой ценности. Каркаров покосился на дверь, за которой его ожидали дементоры.

— Еще кто? — спросил Крауч.

— Трэверс… он помог убить МакКиннонов. Мальсибер… применял заклятие Империус… многих людей превратил в страшных злодеев…

Еще Руквуд, он был шпион, поставлял Тому-Кого-Нельзя-Называть информацию, которую добывал в Министерстве.

На этот раз попадание в яблочко. Зрители взволнованно зашептались.

— Руквуд? — переспросил Крауч, кивнув волшебнице, сидевшей скамейкой ниже. Та принялась быстро что-то записывать. — Августус Руквуд из Отдела Тайн?

— Да, он, — закивал Каркаров. — Для сбора информации он, несомненно, использовал хорошо отлаженную шпионскую сеть, существующую в Министерстве и за его стенами…

— Трэверса и Мальсибера мы уже задержали, — прервал его мистер Крауч. — Что до Руквуда… Хорошо, Каркаров, если это все, вас пока отвезут в Азкабан, а мы здесь будем решать…

— Не все! — в отчаянии воскликнул Каркаров. — Я знаю еще кое-кого!

В свете факелов Гарри видел, как на лице у него выступил пот. Смертельная бледность резко контрастировала с черными волосами и бородкой.

— Снегг! — вдруг вырвалось у него. — Северус Снегг!

— Снегг был оправдан Большим Советом, — холодно произнес Крауч. — За него поручился

Альбус Дамблдор.

— Напрасно! — крикнул Каркаров еще громче и хотел встать с кресла, забыв про приковавшие его цепи. — Снегг — Пожиратель смерти! Дамблдор поднялся со скамьи.

— Я уже свидетельствовал по этому делу, — спокойно сказал он. — Северус Снегг был когда-то Пожирателем смерти. Но примкнул к нам задолго до падения Лорда Волан-де-Морта и, пойдя на огромный риск, стал нашим агентом. Сейчас он такой же пожиратель смерти, как я.

Гарри повернулся и взглянул на Грюма. Вид у него был явно скептический.

— Хорошо, Каркаров, — холодно проговорил Крауч. — Вы нам помогли. Я пересмотрю ваше дело. А вы пока вернетесь в Азкабан…

Голос Крауча, становился все тише и совсем смолк. Гарри огляделся. Подземелье таяло, как в клубах дыма, осязаемым осталось только его тело, все остальное погрузилось в медленно вращающуюся тьму…

Неожиданно подземный зал возник снова. Гарри сидит на другом месте, слева от мистера Крауча. И вся атмосфера в зале другая — напряжения нет, вид у всех чуть ли не веселый. Волшебники и волшебницы переговариваются

друг с другом, как будто пришли на матч по квиддичу. Внимание Гарри привлекла волшебница в ярко-малиновой мантии, сидевшая двумя рядами ниже, у нее были коротко стриженные светлые волосы, во рту кончик ядовито-зеленого пера. Ошибиться невозможно — Рита Скитер, только моложе. Гарри огляделся. Дамблдор опять сидит рядом, справа и в другой мантии. Мистер Крауч еще более усталый, очень худой и мрачный… Гарри понял: еще одно воспоминание… другой день… другой суд.

Дверь в дальнем углу открылась, и в зал вошел Людо Бэгмен.

Этот Людо был в отличной спортивной форме (на теперешнем время уже оставило отпечаток) — высок, строен, мускулист, нос еще цел. Садясь в кресло, он явно нервничал, но цепи не шевельнулись и не приковали его, как Каркарова. Бэгмен взбодрился, окинул взглядом аудиторию, помахал кому-то и даже слегка улыбнулся.

— Людо Бэгмен, вы доставлены в Совет Магического Законодательства, чтобы ответить на предъявленные вам обвинения, связанные с деятельностью Пожирателей смерти, — произнес мистер Крауч. — Мы выслушали свидетельства по вашему делу. И перед тем как вынести при-

говор, пригласили вас сказать последнее слово. Хотели бы вы что-нибудь прибавить к вашим предыдущим показаниям?

Гарри не верил своим ушам. Людо Бэгмен — Пожиратель смерти?

— Только одно, — смущенно улыбаясь, произнес Бэгмен. — Я… я понимаю, что вел себя как идиот…

У двух-трех сидящих поблизости волшебников на лицах расплылись снисходительные улыбки. Мистер же Крауч смотрел на Людо Бэгмена с откровенной неприязнью и самым суровым осуждением.

— Что правда, то правда, парень, — буркнул кто-то за спиной Гарри. (Он оглянулся и снова увидел Грюма.) — Не знай я, что он всегда был глуповат, я бы подумал, что бладжеры из него выбили все мозги…

— Людовик Бэгмен, вы были задержаны при передаче информации сторонникам Лорда Волан-де-Морта. — заявил мистер Крауч. — Я предлагаю в качестве наказания тюремное заключение в Азкабане сроком не менее…

Со скамеек понеслись сердитые выкрики. Несколько волшебников и волшебниц вскочили с мест и гневно потрясали кулаками в сторону

мистера Крауча.

— Но я же сказал вам, я понятия не имел, что происходит! — Бэгмен пытался перекричать шум в зале. Его круглые голубые глаза расширились от страха. — Старик Руквуд был другом моего отца… Я даже представить себе не мог, что он заодно Сами-Знаете-С-Кем! Думал, что собираю информацию для Министерства! Руквуд обещал устроить меня туда на работу… когда уйду из квиддича… Не всю же мне жизнь подставлять голову под бладжеры! В зале раздались смешки.

— Ставлю решение обвинения на голосование, — холодно продолжил мистер Крауч, повернувшись к правой стороне зала. — Господа присяжные, кто за Азкабан, прошу поднять руки…

Гарри тоже посмотрел вправо. «За» не проголосовал никто. Многие в зале захлопали. Одна из волшебниц-присяжных поднялась с места.

— Что еще? — прохрипел Крауч.

— Мы хотели бы поздравить мистера Бэгмена с великолепной игрой в субботу за сборную Англии в матче против Турции, — одним духом произнесла волшебница.

Мистер Крауч едва не взорвался. Подземный зал звенел от аплодисментов. Бэгмен встал и,

широко улыбаясь, кланялся.

— Неслыханно! — повернулся Крауч к Дамблдору когда Бэгмен покинул зал. — Руквуд обещал устроить его на работу!.. День, когда Людо Бэгмен станет сотрудником Министерства, будет для нас черным днем…

И подземелье опять растворилось в тумане. Когда оно снова приобрело четкие очертания, Гарри огляделся. Они с Дамблдором по-прежнему сидели рядом с мистером Краучем, но теперь атмосфера в зале была совсем иной. Гробовую тишину нарушали судорожные всхлипы тоненькой хрупкой волшебницы, сидевшей по другую сторону мистера Крауча. Дрожащими руками она прижимала ко рту носовой платок. Гарри поднял глаза на Крауча и увидел, что он выглядит еще более мрачным и изможденным. Лицо приняло землистый оттенок, на виске билась жилка.

— Введите их — эхом разнесся его голос в притихшем зале.

Боковая дверь снова открылась. На этот раз в зал вошли шесть дементоров. Они сопровождали нескольких заключенных. Многие зрители, перешептываясь, повернулись к мистеру Краучу.

Обвиняемые опустились в кресла, стоявшие в центре зала, цепи сейчас же приковали их к

подлокотникам. Их было четверо: плотный мужчина, пустыми глазами глядевший на Крауча: худощавый — с нервно подергивающимися губами; женщина с тяжелыми веками и короной блестящих, черных волос — она сидела в кресле как на королевском троне; и юноша, которому не было и двадцати, соломенные волосы рассыпались по лицу, молочно белая кожа в веснушках. Все его тело сотрясала дрожь. Худенькая волшебница, сидевшая рядом с Краучем, плакала, уткнувшись в носовой платок.

Крауч поднялся и посмотрел на заключенных. Лицо его исказила лютая ненависть.

— Вас доставили в Совет по магическому законодательству, — громко и ясно произнес он, — чтобы вынести приговор. Вы обвиняетесь в преступлении, гнуснее которого…

— Отец, — крикнул юноша, — отец… пожалуйста…

— … этот зал еще не слышал. — Крауч повысил голос, чтобы заглушить слова сына. — Мы выслушали свидетельства, доказывающие вашу вину. Вы все обвиняетесь в том, что похитили мракоборца Фрэнка Долгопупса и подвергли его заклятию Круциатус. Вы думали, что он знает, где находится ваш исчезнувший хозяин, Тот-Ко-

го-Нельзя-Называть…

— Отец, я в этом не участвовал! — еще громче крикнул прикованный к креслу юноша. — Клянусь тебе! Не отправляй меня опять к дементорам…

— Вы также обвиняетесь в том, — надрывал голос мистер Крауч, — что, не узнав ничего от Фрэнка Долгопупса, вы подвергли заклятию Круциатус его жену. Вы намеревались вернуть власть Тому-Кого-Нельзя-Называть, чтобы продолжать сеять зло, чем вы, без сомнения, занимались, пока ваш хозяин был в силе. И я прошу присяжных…

— Мама! — воскликнул юноша. (Хрупкая маленькая волшебница, сидевшая рядом с мистером Краучем, билась в рыданиях.) — Мама! Останови его! Мама, это не я, клянусь, это не я!

— И я прошу присяжных, — крикнул Крауч во всю силу легких, — тех, кто как я, считают пожизненный срок в Азкабане заслуженным наказанием, поднять руки.

Присяжные единогласно поддержали обвинителя. Зрители захлопали, как в свое время хлопали Бэгмену только сейчас на их лицах застыло мрачное торжество. Юноша, срываясь на визг, крикнул:

— Мама, нет! Я не делал этого, не делал! Я ниче-

го не знал! Не отправляйте меня туда!

Дементоры вернулись в зал. Трое взрослых узников поднялись с кресел; женщина, взглянув на Крауча из-под тяжелых век, воскликнула:

— Темный Лорд вернется, Крауч! Можете запереть нас в Азкабане! Мы и там будем ждать его! Он освободит нас и осыплет милостями! Мы одни остались ему верны! Старались найти его!

Светловолосый юноша пытался вырваться из рук дементоров. Но весь зал, и даже Гарри, чувствовал — дементоры высасывают из него силы. Со скамей неслись насмешливые выкрики, многие вскочили на ноги. Женщина с короной волос быстрым шагом вышла из зала, а юноша все продолжал неравную борьбу.

— Я твой сын! — крикнул он, бросив умоляющий взгляд на Крауча. — Я же твой сын!

— У меня нет сына! — Голос Крауча перекрыл все остальные звуки, глаза почти вылезли из орбит. — У меня нет сына! — повторил он.

Худенькая волшебница захлебнулась рыданиями и обмякла без чувств в кресле. Крауч, казалось, этого не заметил.

— Уведите их! — крикнул он дементорам, брызжа слюной. — Уведите немедленно, и пусть они там сгниют!

— Отец! Отец! Я не виноват! Это все неправда!

— Думаю, Гарри, пора возвращаться в кабинет, — тихо произнес кто-то над ухом Гарри.

Гарри вздрогнул и повернулся на голос. Затем глянул направо. Рядом с ним сидит Альбус Дамблдор, наблюдая, как дементоры волокут из зала сына Крауча. Слева тоже стоит Альбус Дамблдор и смотрит прямо ему в глаза.

— Пойдем, — сказал Дамблдор, тот, что слева, и взял Гарри за локоть. Гарри почувствовал, что взмывает вверх. Подземелье вдруг бесследно растаяло. На мгновение воцарился мрак, Гарри сделал медленный кувырок, приземлился прямо на ноги и опять очутился в полном солнца кабинете директора Хогвартса. Перед ним в шкафчике серебристо поблескивает каменный сосуд, рядом стоит Альбус Дамблдор.

— Профессор, я знаю, что нельзя… я не хотел… дверца шкафчика была приоткрыта… — пролепетал Гарри.

— Вполне тебя понимаю, — сказал Дамблдор. Поднял сосуд, перенес на отполированный до блеска стол, сел в свое кресло и жестом пригласил Гарри сесть напротив.

Гарри сел, не сводя глаз с сосуда. Содержимое его снова стало опаловым, по его вращающейся

поверхности то и дело пробегала рябь.

— Что это? — спросил Гарри, которого вдруг пробрала дрожь.

— Это? Это — Омут памяти, — ответил Дамблдор. — Иногда я чувствую, что голова у меня переполнена мыслями и воспоминаниями. Тебе, наверное, знакомо это чувство?

— М-м… — протянул Гарри неуверенно. По правде говоря, ему никогда не приходилось испытывать ничего подобного.

— В такие минуты, — продолжал Дамблдор, — я прибегаю к Омуту памяти. Сливаю туда лишние мысли, а потом обдумываю их на досуге, в свободную минуту. Видишь ли, когда воспоминания материализованы, легче уловить причины и следствия и составить верную картину происходящего.

— Вы хотите сказать, эта… смесь — ваши мысли? — поразился Гарри, глядя на серебристые завихрения в мраморном сосуде.

— Конечно, — ответил Дамблдор. — Вот смотри. Дамблдор вытащил из мантии палочку, коснулся ею своих серебристых волос у виска и медленно ее отвел. Гарри показалось, что одна лоснящаяся прядь прилипла к ней, но он тут же понял, что это не волосы, а нити молочно-белого вещества,

наполнявшего каменную чашу. Дамблдор добавил туда очередную мысль, и Гарри с изумлением увидел собственное лицо, плавающее на его неспокойной поверхности.

Дамблдор взялся длинными пальцами за края сосуда и стал слегка раскачивать, как раскачивает решето золотоискатель, намывающий драгоценные крупицы… Лицо Гарри плавно превратилось в лицо Снегга, рот у него открылся, и он заговорил, обращаясь к потолку:

— Он возвращается… Каркаров тоже… Гораздо сильнее и четче, чем раньше… — Слова его отдавались легким эхом.

— Я мог бы связать эти события и без посторонней помощи, — вздохнул Дамблдор. — Ну, да ладно…

Он посмотрел поверх очков-половинок на Гарри. Тот не сводил глаз с плавающего в Омуте лица Снегга.

— Я как раз работал со своими воспоминаниями, как вдруг приехал мистер Фадж, и пришлось убрать сосуд. Очевидно, я слишком поторопился и не запер шкафчик Естественно, он вызвал твое любопытство.

— Простите, пожалуйста, — промямлил Гарри.

— Любопытство — не порок, — покачал головой

Дамблдор. — Но его надо держать в узде…

Слегка нахмурившись, он коснулся содержимого сосуда волшебной палочкой. Оттуда тотчас выросла фигура пухлой, обиженно нахмурившейся девушки лет шестнадцати и стала медленно вращаться. Ноги ее все время оставались в Омуте, и она не обращала внимания ни на Гарри, ни на профессора Дамблдора.

— Он наложил на меня заклятие, профессор Дамблдор, — вдруг заговорила девушка, голос ее, как и голос Снегга, гулко отдавался. — А я ведь только дразнила его, сэр, сказала, что видела, как он в четверг целовался с Флоренс за оранжереей…

— Но зачем, Берта, — печально спросил Дамблдор, глядя на кружащуюся фигурку, — зачем тебе понадобилось следить за ним?

— Берта? — прошептал Гарри, глядя на девочку. — Это… это Берта Джоркинс?

— Да, — кивнул Дамблдор, еще раз помешав палочкой свои мысли. Берта исчезла, и они снова опалово засеребрились. — Такой я помню ее в школе.

Отсветы из Омута памяти озаряли лицо Дамблдора, и Гарри поразился, как стар директор. Он понимал, годы делают свое дело, но почему-то

никогда не думал о нем как о старике.

— Ты, Гарри хотел мне что-то сказать, — вдруг тихо промолвил Дамблдор. — До того, как погрузился в мою память.

— Да, хотел, профессор… Я был на уроке предсказания и… э-э… уснул.

Он замолчал, ожидая выговора, но Дамблдор сказал только:

— Понимаю. Продолжай.

— И мне приснился сон. Сон о Лорде Волан-де-Морте. Он мучил Хвоста… Вы ведь знаете, кто такой Хвост…

— Знаю, пожалуйста, продолжай, — поторопил Дамблдор Гарри.

— Волан-де-Морт получил совиной почтой письмо. И сказал, кажется, что ошибка Хвоста исправлена. Прибавил, что кто-то умер. И что он не скормит Хвоста змее… рядом с его креслом была большая змея. А еще сказал… сказал, что вместо него скормит змее меня. Потом наложил на Хвоста заклятие Круциатус… и тут у меня заболел шрам. Я сразу проснулся, такая была боль.

Дамблдор молча взирал на него.

— Вот и все…

— Ясно, — тихо сказал Дамблдор. — Ясно. Скажи, а еще когда-нибудь в этом году шрам у тебя

болел, не считая того раза летом?

— Нет… А как вы узнали, что у меня летом болел шрам? — не сдержал Гарри изумления.

— Не ты один переписываешься с Сириусом, — ответил Дамблдор. — Я тоже поддерживаю с ним связь после его побега из Ховартса. Это ведь я предложил ему укрыться в той пещере в горах. Самое безопасное место!

Дамблдор встал и принялся расхаживать за столом. Несколько раз касался виска палочкой, извлекал мысль и стряхивал ее в Омут. Мысли вращались все быстрее, сливаясь в перламутровое пятно — ничего не поймешь.

— Профессор, — наконец решился напомнить о себе Гарри.

Дамблдор остановился и взглянул на него.

— Прошу прощения, — сказал он и снова сел за стол.

— Вы… вы знаете, почему у меня болит шрам? Дамблдор пристально посмотрел на Гарри.

— У меня есть одно предположение, всего лишь предположение. Шрам у тебя начинает болеть, когда Лорд Волан-де-Морт совсем близко и питает к тебе особенно сильную ненависть.

— А… почему?

— Потому что вы связаны заклятием, которое

не подействовало, — ответил Дамблдор. — Шрам-то у тебя необычный.

— Значит, вы думаете… это не сон… Все так и происходило?

— Возможно, — ответил Дамблдор. — Я бы даже сказал, весьма вероятно. Гарри, а Волан-де-Морта ты видел?

— Нет, — ответил Гарри. — Только спинку кресла. Но… но в кресле ведь все равно ничего не было. У него же нет тела. Хотя как он мог держать палочку? — медленно проговорил Гарри.

— Действительно, как?

Несколько минут оба молчали. Дамблдор, вперив взгляд в пространство, иногда подносил палочку к виску и добавлял еще одну серебристую паутинку к бурлящей опаловой смеси в сосуде.

— Профессор, — первый нарушил молчание Гарри, — вы думаете, к нему возвращается сила?

— К Волан-де-Морту? — переспросил Дамблдор, бросив на Гарри поверх Омута памяти так хорошо знакомый проницательный взгляд, от которого Гарри всегда становилось не по себе: ему казалось, что директор видит его насквозь, лучше даже, чем Волшебный глаз Грюма. — Могу, Гарри, только высказать свои предположения.

Дамблдор снова вздохнул и показался Гарри

еще более старым и усталым, чем обычно.

— Годы, когда к Волан-де-Морту возвращались силы, были отмечены несколькими исчезновениями. Так, бесследно исчезла Берта Джоркинс, как раз там, где Волан-де-Морта видели последний раз. Это установлено точно.

Исчез также мистер Крауч… здесь, на территории школы. Пропал еще один человек, на сей раз магл. Естественно, на этот факт Министерство, к сожалению, не обратило внимания. Его звали Фрэнк Брайс, он жил в деревне, где вырос отец Волан-де-Морта. Его никто не видел с прошлого августа. В отличие от многих моих друзей в Министерстве, я читаю магловские газеты.

Дамблдор бросил на Гарри встревоженный взгляд.

— Мне кажется, эти исчезновения связаны между собой. А в Министерстве так не думают… Ты, наверное, слышал об этом, стоя за дверью.

Гарри кивнул. В кабинете опять воцарилась тишина: Дамблдор потянул из виска мысли, добавляя их к содержимому сосуда. Гарри понимал, пора уходить, но любопытство приковало его к креслу.

— Профессор, — снова обратился он к Дамблдору.

— Да, Гарри, — ответил директор.

— Э-э… можно спросить… про этот суд, который я видел… в Омуте памяти?

— Можно, — помрачнел Дамблдор. — Я много раз там бывал, некоторые процессы встают в памяти яснее других… Особенно сейчас…

— А тот суд, где… где вы меня нашли? Суд над сыном Крауча… Они говорили о родителях Невилла?

Дамблдор пристально посмотрел на Гарри.

— Разве Невилл не рассказывал тебе, почему он живет с бабушкой?

Гарри покачал головой. Как же так могло выйти, что за четыре года общения с Невиллом он ни разу не спросил его об этом.

— Да, они говорили о родителях Невилла. Его отец Фрэнк был мракоборец, как профессор Грюм. Его с женой пытали, хотели выведать, где находится Волан-де-Морт. Ты сам слышал.

— И они умерли? — тихо спросил Гарри.

— Нет. Они потеряли рассудок, — в голосе Дамблдора звучала горечь, какой Гарри никогда не слышал. — Они оба сейчас в Больнице Святого Мунга, где лечат магические болезни и травмы. Невилл, полагаю, навещает их с бабушкой на каникулах. Но они не узнают его…

Гарри сидел, потрясенный. Как же так, за четыре года не удосужиться спросить…

— Известные, всеми уважаемые люди, — продолжал Дамблдор. — Произошло это после падения Волан-де-Морта, когда все уже считали себя в безопасности. Нападение вызвало беспрецедентную волну гнева. От Министерства требовали немедленно найти преступников. К сожалению, показания Долгопупсов были не совсем надежные — они ведь в ужасном состоянии.

— Значит, возможно, сын мистера Крауча был невиновен? — медленно проговорил Гарри.

— Об этом мне ничего не известно, — покачал головой Дамблдор.

Опять замолчали, Гарри смотрел, как в Омуте ходят кругами воспоминания. Еще два вопроса жгли его… но они касались живых людей…

— Э-э… — начал он, — а мистер Бэгмен…

— Ни разу с тех пор не обвинялся в пособничестве Темным силам, — спокойно ответил Дамблдор.

— Я рад, — поспешил сказать Гарри, не отводя взгляда от каменного сосуда. (Дамблдор перестал добавлять мысли, и серебристое кружение замедлилось.) — А…

Ему нелегко было произнести имя, но Омут

пришел на помощь. На его поверхности опять появилось лицо Снегга. Дамблдор увидел его и поднял глаза на Гарри.

— Никаких обвинений не было предъявлено и профессору Снеггу, — сказал он.

Гарри посмотрел в ярко-голубые глаза Дамблдора и выпалил давно мучивший его вопрос:

— А почему вы думаете, что он и правда перестал поддерживать Волан-де-Морта?

Дамблдор несколько секунд смотрел Гарри прямо в глаза и затем спокойно ответил:

— А это, Гарри, касается только нас двоих: профессора Снегга и меня.

Гарри понял, что разговор окончен. Дамблдор не рассердился, но что-то в его голосе подсказало: пора уходить. Он поднялся, Дамблдор тоже.

— Гарри, пожалуйста, — сказал директор, когда Гарри уже подошел к двери, — никому ни слова о родителях Невилла. Он один вправе рассказать о них, когда будет к этому готов.

— Хорошо, профессор, — ответил Гарри, взявшись за ручку двери.

— И еще, Гарри… Гарри обернулся.

Дамблдор стоял у Омута памяти. Серебристые отблески ходили по его лицу, и он казался совсем старым. Он молча смотрел на Гарри, потом

сказал:

— Удачи тебе в третьем туре.

Глава 31

ТРЕТЬЕ ЗАДАНИЕ

— Дамблдор тоже считает, что Ты-Знаешь-Кто становится сильнее? — прошептал Рон.

Гарри поведал Рону и Гермионе обо всем, что видел в Омуте памяти, и еще о многом, услышанном от Дамблдора. И конечно же, поделился с Сириусом: из кабинета директора сразу бросился в совятник и отправил ему письмо. В тот вечер друзья опять засиделись в Общей гостиной допоздна. Говорили, говорили, пока голова не распухла. И Гарри понял профессора Дамблдора: иногда мозг так переполнен мыслями, что их необходимо куда-то выплеснуть.

Рон молча смотрел на огонь в камине. Его била мелкая дрожь, хотя вечер был теплый.

— Значит, он доверяет Снеггу? — спросил Рон. — Неужели правда доверяет? Но ведь он знает, что Снегг был Пожирателем смерти?

— Да, — кивнул Гарри.

Гермиона минут десять молчала. Она сидела, обхватив руками голову, не отводя глаз от колен. И ей, похоже, не помешал бы сейчас Омут

памяти.

— Рита Скитер, — наконец сказала она.

— Как сейчас можно о ней думать! — не поверил ушам Рон.

— Я не о ней думаю, — ответила Гермиона, обращаясь к своим коленям. — А о ее словах… Помнишь, что она сказала мне в «Трех метлах»? «Я знаю о Людо Бэгмене такое, от чего у вас бы волосы на голове встали дыбом!» Наверное, именно этот суд она и имела в виду. Она была тогда в зале и знает, что он передавал какие-то сведения Пожирателям смерти. Да и Винки говорит: «Мистер Бэгмен плохой волшебник». Крауч, конечно, был в ярости, что Бэгмену удалось выйти сухим из воды, и он наверняка говорил об этом дома.

— Но ведь Бэгмен-то участвовал в этом по неведению, верно?

Гермиона пожала плечами.

— А Фадж считает, что на Крауча напала мадам Максим? — повернулся Рон к Гарри.

— Да, — ответил Гарри. — Но только потому, что Крауч исчез около кареты Шармбатона.

— Вот о ком мы никогда всерьез не думали, — медленно произнес Рон. — В ней наверняка есть великанская кровь, а она это скрывает…

— И правильно делает, — резко бросила Гер-

миона, подняв голову. — Вспомни, что было с Хагридом, когда Рита узнала тайну его матери. Вспомни Фаджа — он готов во всем обвинить мадам Максим только потому, что один из ее предков был великаном. И я бы говорила, что у меня просто широкая кость, лишь бы скрыть опасную правду!

С этими словами Гермиона взглянула на часы и ахнула:

— Мы сегодня совсем не тренировались! По плану у нас чары Помех. Завтра начнем прямо с них! Пошли, Гарри, тебе нужно выспаться.

Гарри и Рон медленно поднялись к себе в спальню.

Натягивая пижаму, Гарри скользнул взглядом по кровати Невилла, видевшего уже третий сон. Он сдержал слово и ничего не сказал друзьям о его родителях. Сняв очки, уютней улегся и попробовал себе представить, каково это — родители живы, но не узнают даже сына. Гарри часто жалели незнакомые люди, узнав, что он сирота, но Невилл, конечно, заслуживает большей жалости. Лежа в темноте, слыша похрапывание Невилла, Гарри вдруг почувствовал такую ненависть к мучителям мистера и миссис Долгопупс… Вспомнил крики одобрения, когда дементоры волокли из

зала сына Крауча и других заговорщиков… Сейчас он понимал зрителей… Вдруг вспомнилось смертельно-бледное лицо молящего о пощаде юноши — и Гарри содрогнулся: юноша спустя год умер…

«И все это Волан-де-Морт, — думал Гарри, лежа с открытыми глазами. — Все дело в нем. Это он разрушал семьи, губил жизни…»

* * *

Предполагалось, что Рон с Гермионой готовятся к экзаменам, которые окончатся в первый день третьего тура состязаний. Но у них почти все время уходило на Гарри — ему, по их мнению, предстояло куда более важное дело.

— О нас не волнуйся, — отрезала Гермиона, когда Гарри напомнил про экзамены: он ведь мог бы и один тренироваться. — По крайней мере, по защите высший балл нам обеспечен. Мы с тобой столько разных заклятий выучили!

— И вообще это отличная тренировка для будущих мракоборцев! Надеюсь, мы все ими станем. — Голос Рона звенел энтузиазмом. В приливе чувств он наложи чары Помех на влетевшую в класс осу, которая тут же замерла в воздухе.

Наступил июнь, и все в замке опять заволно-

вались, не могли дождаться последнего тура соревнований. Гарри каждую свободную минуту практиковался в разных заклятиях. Перед третьим заданием он чувствовал себя гораздо увереннее. Конечно, оно будет и сложным, и опасным, но Грюм прав: ему уже приходилось обводить вокруг пальца чудовищ и преодолевать заколдованные барьеры. А в этот раз он знает, что его ждет, и, конечно, сможет подготовиться к предстоящему испытанию.

Профессору МакГонагалл в конце концов надоело натыкаться на Гарри с Гермионой во всех углах и закоулках замка, и она позволила им в обеденный перерыв заниматься в кабинете трансфигурации. Гарри быстро овладел чарами Помех, научился замедлять действия врага, мог даже ненадолго остановить его. Неплохо получалось и Взрывное заклятие, — оно легко убирало с пути все крупные твердые препятствия. В библиотеке Гермиона отыскала еще одно полезное заклинание, Компасное, которое ставило волшебную палочку строго на север — с такой палочкой в лабиринте не заблудишься. Правда, пока еще не давались чары Щита, возводящие вокруг волшебника невидимую защиту, успешно отражавшую мелкие заклятия: Гермионе удалось пробить щит

Гарри с помощью Ножного заклятия, и он минут десять ковылял на ватных ногах, пока Гермиона искала в толстенной книге противозаклятие.

— У тебя все прекрасно получится, — ободрила она Гарри, вычеркивая из списка выученные заклятия. — Кое-что из всего этого наверняка пригодится.

— Идите скорее сюда! — Рон стоял у окна и глядел вниз. — Интересно, что там делает Малфой?

Гарри с Гермионой подошли. Малфой стоял под деревом, его верные дружки Крэбб и Гойл несли рядом караул и во весь рот ухмылялись. Малфой, приблизив к губам неплотно сжатый кулак, говорил в него что-то.

— Очень похоже на разговор по рации, — произнес заинтересованно Гарри.

— Это невозможно, — отрезала Гермиона. — Я вам уже говорила: в Хогвартсе эти штуки не действуют. Иди сюда Гарри, — вернулась она на середину комнаты, — давай еще раз попробуем чары Щита.

Теперь Сириус присылал сову каждый день. Он, как и Гермиона, был озабочен одним — сделать все, чтобы Гарри благополучно справился с последним заданием, остальное отошло для него на задний план. В каждом письме он напоминал

крестнику: что бы ни происходило за стенами Хогвартса, никакой самодеятельности, все равно он ни на что повлиять не сможет.

Если Волан-де-Морт действительно набирает силу, — писал Сириус, — главная моя забота — обеспечить твою безопасность. Но пока ты под защитой Дамблдора, тебе ничего не грозит, и все-таки старайся избегать малейшей опасности. Думай над тем, как преодолеть лабиринт, все остальное после.

Чем ближе двадцать четвертое июня, тем сильней Гарри нервничал, но все же не так, как перед первым и вторым турами. Во-первых, сомнений нет: на этот раз он очень хорошо подготовлен. И, во-вторых, это финальный бросок: проиграй он или выиграй, Турнир закончится, и все треволнения останутся позади.

* * *

В день Турнира во время завтрака за гриффиндорским столом было особенно шумно. Совиная почта принесла Гарри открытку от Сириуса с пожеланием удачи — всего только кусок пергамента с отпечатком грязной собачьей лапы, но у Гарри все равно потеплело на сердце. Как обычно, прилетела сипуха, принесла Гермионе свежий

номер «Ежедневного пророка». Она развернула газету и поперхнулась, забрызгав всю первую страницу тыквенным соком.

— Что такое? — хором спросили ее Гарри с Роном.

— Ничего, — торопливо ответила Гермиона, пытаясь спрятать газету, но Рон успел выхватить ее.

Он увидел крупный заголовок на первой странице и возмущенно воскликнул:

— Старая корова! Именно сегодня!

— Что там? — спросил Гарри. — Снова Рита Скитер?

— Нет, — ответил Рон и, так же как Гермиона, попытался куда-нибудь деть газету.

— Опять обо мне? — спросил Гарри.

— Да нет, — дрогнувшим голосом возразил Рон.

Не успел Гарри выдернуть газету у него из рук, Драко Малфой уже кричал из-за стола слизеринцев:

— Эй, Поттер! Поттер! Как твоя голова? Как себя чувствуешь? Надеюсь, ты нас не покусаешь?

У Малфоя в руках была та же газета. Слизеринцы рассмеялись и, как один, повернулись в сторону Гарри — интересно, что он сейчас сде-

лает.

— Дай-ка взгляну, — сказал Гарри Рону.

Рон неохотно повиновался. Гарри развернул газету и увидел фото под огромной шапкой:

ГАРРИ ПОТТЕР «НЕЗДОРОВ И ОПАСЕН»

Мальчик, сокрушивший Того-Кого-Нельзя-Называть, сейчас нездоров и, возможно, опасен, — сообщает наш специальный корреспондент Рита Скитер. — Недавно стали известны тревожные факты, касающиеся странного поведения Гарри Поттера. Эти факты вызывают серьезные опасения: сможет ли он дальше участвовать в столь трудном соревновании, как Турнир Трех Волшебников, и даже вообще учиться в школе «Хогвартс».

Эксклюзивная информация, полученная «Ежедневным Пророком», подтверждает, что Поттер постоянно теряет сознание на уроках и часто жалуется на боль в шраме (отметина на лбу — последствие проклятия, которым Сами-Знаете-Кто пытался его убить). В понедельник наш специальный корреспондент стал

свидетелем того, как Поттер с криком выбежал из кабинета предсказаний: у него так болел шрам, что он больше не мог сидеть на уроке.

Ведущие специалисты больницы магических болезней и травм Святого Мунго полагают, что мозг Поттера, возможно, пострадал во время нападения Сами-Знаете-Кого и что многократные жалобы на боль в шраме — проявление застарелой психической нестабильности.

— Возможно даже, что он притворяется, — заявил один из специалистов. — Известно, что это один из многих способов привлечь к себе внимание окружающих.

«Ежедневному Пророку» удалось выяснить некоторые тревожные обстоятельства, касающиеся Гарри Поттера, которые директор Хогвартса Альбус Дамблдор утаил от магической общественности.

— Поттер — змееязычный волшебник, — сообщил нам Драко Малфой, четверокурсник из Хогвартса. — Пару лет назад в замке был совершен ряд нападений на учащихся. Многие подозревали в них Поттера: в Дуэльном клубе на глазах у

всех он в приступе ярости приказал змее напасть на своего однокашника. Но тогда все это замяли. Кроме того, у Поттера в друзьях оборотни и великаны. Похоже, стремление к власти может толкнуть его на что угодно.

Змееязычие, т. е. способность разговаривать со змеями, давно считается одним из видов Темных Искусств. Не зря самый известный змееязычный маг современности — Тот-Кого-Нельзя-Называть. Член Лиги Защиты от Темных Искусств, пожелавший остаться неназванным, заявил, что, по его мнению, необходимо возбудить расследование в отношении всех змееязычных волшебников.

— Лично я, — сказал он, — испытываю большое недоверие к каждому, кто умеет разговаривать со змеями, поскольку этих тварей часто используют в самых зловещих видах черной магии и они традиционно ассоциируются со злом в чистом виде.

И конечно, все, кто водит дружбу с такими носителями зла, как оборотни и великаны, не могут не обладать склонно-

стью к насилию.

Альбусу Дамблдору следует серьезно подумать, допускать ли такого ученика к участию в Турнире Трех Волшебников. Существует опасность, что Поттер, обуреваемый безрассудным стремлением выиграть, захочет прибегнуть к черной магии, ведь сегодня вечером заключительное состязание Турнира.

— Очередная глупость в мой адрес, — заметил Гарри, небрежно сворачивая газету.

За столом слизеринцев Малфой, Крэбб и Гойл веселились вовсю: крутили пальцами у виска, корчили дебильные рожи и высовывали языки, шевеля ими на манер змей.

— Но как она узнала, что у тебя на предсказаниях заболел шрам? удивился Рон. — В замке ее, конечно, не было. И она не могла ничего слышать…

— Окно-то было открыто, — ответил Гарри. — Я открыл его сам, чтобы вдохнуть воздуха.

— Но мы были на самом верху Северной башни! — воскликнула Гермиона. — Стоя на земле, ничего не услышишь!

— Но это же ты исследовала магические спосо-

бы подслушивания! — напомнил Гарри. — Вот и объясни нам, как она умудрилась подслушать!

— Да, исследовала, — сказала Гермиона. — Но я… мне… Внезапно лицо ее приняло странное, отсутствующее выражение. Она медленно подняла руку и запустила пальцы в волосы.

— Что с тобой? — забеспокоился Рон.

— Ничего, — прошептала Гермиона. Она опять взлохматила пальцами свою гриву, потом медленно поднесла руку ко рту, как будто говорила в невидимую рацию. Гарри с Роном, ничего не понимая, уставились друг на друга.

— У меня идея, — произнесла Гермиона, глядя в пространство. — Кажется, я знаю… потому что так никто бы не увидел… даже Грюм… и она смогла бы забраться на подоконник… но у нее ведь нет разрешения… точно, нет разрешения… Похоже, она у меня в руках! На секунду слетаю в библиотеку — хочу окончательно убедиться!

С этими словами Гермиона схватила сумку и выбежала из Большого зала.

— Эй! — крикнул Рон вслед. — У нас через десять минут экзамен по истории магии! Ну, дела, — протянул он, оборачиваясь к Гарри. — Эта Скитер сидит у нее в печенках, она даже про экзамен забыла. Что ты будешь делать на экзамене

у Биннса — читать?

Гарри, как все участники Турнира, был освобожден от экзаменов. Просто сидел на задней парте и выискивал в книгах все новые заклинания, которые могли бы ему помочь.

— Да, наверное, — ответил Гарри. Но в этот миг к ним подошла профессор МакГонагалл.

— Поттер, все участники Турнира собираются после завтрака в комнате, примыкающей к залу.

— Но ведь соревнование начнется вечером! — воскликнул Гарри, испугавшись, что перепутал время, и уронил на мантию кусочек яичницы.

— Конечно, Поттер. В комнате собрались семьи участников Турнира. Они приглашены посмотреть последнее состязание. И ты сегодня сможешь провести со своими весь день.

С этими словами она отошла от стола. А Гарри смотрел ей вслед, разинув рот.

— Она и правда думает, что Дурсли сюда приедут? — ошарашено спросил он Рона.

— Не знаю, — пожал тот плечами. — Ладно, мне пора, я опаздываю к Биннсу. Увидимся!

Зал быстро пустел. Гарри видел, как Флер Делакур поднялась из-за стола когтевранцев и, догнав Седрика, прошла в соседнюю комнату. Сразу за ними медленно, чуть сутулясь, двинулся Крам.

Гарри не торопился закончить завтрак. Ему не хотелось туда идти — у него не было семьи, во всяком случае такой, что приехала бы поддержать его в трудную минуту. Самое лучшее — удалиться в библиотеку и порыться еще в книгах — лишнее заклинание не помешает. Он уже было поднялся из-за стола, как дверь комнаты приоткрылась, оттуда высунулась голова Седрика.

— Гарри, иди скорее! — крикнул он. — Твои тебя заждались!

Гарри был совсем сбит с толку: не могут же Дурсли взять и приехать сюда! Пересек Большой зал и толкнул дверь в комнату.

Седрик с родителями стояли прямо за дверью. Крам в дальнем углу быстро разговаривал по-болгарски с матерью и отцом. Оба были черноволосы, а крючковатый нос Крам явно унаследовал от отца. В другом углу щебетала по-французски Флер со своей матерью. Ее младшая сестренка Габриэль стояла рядом, держась за мамину руку. Увидев Гарри, она замахала ему рукой, он тоже махнул ей. И тут увидел у камина сияющих миссис Уизли и Билла. Обрадованный Гарри чуть не бегом бросился к ним.

— Это наш сюрприз! — взволнованно воскликнула миссис Уизли, нагнулась и поцеловала

его. — Мы приехали болеть за тебя, Гарри!

— Ты как, готов? — спросил Билл, улыбаясь и тряся его руку. — Чарли тоже хотел приехать, но не смог отпроситься с работы. Он нам рассказывал, как ты потрясающе справился с хвосторогой!

Гарри заметил, что Флер Делакур с большим интересом поглядывает на Билла из-за плеча мамы. Она явно не возражала ни против длинных волос, ни против серег с клыками.

— Как здорово, что вы приехали! — Гарри благодарно взглянул на миссис Уизли. — А я уж было подумал… неужели Дурсли…

— М-м, — поджала губы миссис Уизли. Она никогда не критиковала Дурслей в присутствии Гарри, но всякий раз, когда упоминалось их имя, в глазах у нее загорался недобрый огонь.

— Потрясающе снова вернуться в школу! — огляделся кругом Билл. Виолетта, приятельница Полной Дамы, подмигнула ему из своей рамы. — Я не был тут целых пять лет. А что, портрет чокнутого рыцаря все еще здесь? Сэра Кэдогана?

— Здесь, — ответил Гарри. Он с этим чудаком познакомился в прошлом году.

— А Полная Дама?

— Ее еще я помню, — сказала миссис Уизли. —

Один раз она так меня отчитала! Я вернулась в спальню в четыре часа утра…

— Где же ты была всю ночь? — Билл изумленно посмотрел на мать.

Миссис Уизли улыбнулась.

— Мы с твоим отцом гуляли, — ответила она. — А ему досталось от Аполлиона Прингла, тогдашнего завхоза… у отца до сих пор заметны следы…

— Можешь повести нас на экскурсию по замку, Гарри? — спросил Билл.

— С удовольствием.

И все трое двинулись к двери в Большой зал. Поравнявшись с семейством Диггори, Гарри поймал неприязненный взгляд отца Седрика Амоса.

— А-а, вот и ты! — воскликнул он, окинув Гарри взглядом с ног до головы. — Бьюсь об заклад, ты уже не так уверен в себе. Седрик догнал тебя по очкам!

— Что? — недоуменно спросил Гарри.

— Не обращай на него внимания, — шепнул ему Седрик, нахмурившись. — Он вне себя после той статьи Риты Скитер о Турнире Трех Волшебников… помнишь, где она написала, что ты — единственный чемпион Хогвартса…

— И он даже не удосужился опровергнуть ее

слова! — громко воскликнул Амос Диггори, чтобы и миссис Уизли с Биллом, уже в дверях, могли услышать его. — Но ты покажешь ему, Сед. Ты ведь однажды уже победил его.

— Рита Скитер спит и видит, как бы устроить новый скандал, — рассердилась миссис Уизли. — Ты, Амос, работаешь в Министерстве и мог бы давно ее раскусить!

Мистер Диггори, судя по виду, собрался разразиться гневной тирадой, но жена положила на его руку ладонь, и он, пожав плечами, отвернулся.

Гарри прекрасно провел утро с Биллом и миссис Уизли. Они обошли всю территорию замка, Гарри показал им карету Шармбатона и корабль Дурмстранга. Миссис Уизли очень заинтересовалась Гремучей ивой, посаженной уже после нее. И потом долго вспоминала лесничего Огга, который был перед Хагридом.

— Как Перси? — спросил Гарри, когда они обходили теплицы.

— Не очень, — ответил Билл.

— У него неприятности, — добавила миссис Уизли, понизив голос и оглянувшись. — В Министерстве хотят замолчать исчезновение мистера Крауча. Перси вызывали на допрос, спрашивали про инструкции, которые он получал от мистера

Крауча. Похоже, все думают, что эти инструкции писал не Крауч. Перси ужасно переживает. Ему не дали разрешения заменить сегодня вечером его начальника. Вместо него пятым судьей будет Корнелиус Фадж.

К обеду возвратились в замок.

— Мам! Билл! — удивленно воскликнул Рон, увидев их за гриффиндорским столом. — Что вы здесь делаете?

— Приехали болеть за Гарри на последнем состязании! — объяснила, улыбаясь, миссис Уизли. — Должна сказать, так приятно изредка не готовить обед. Как твой последний экзамен?

— А-а… Порядок! — ответил Рон. — Не мог вспомнить имена всех вождей восставших гоблинов, пришлось кое-какие придумать. (Миссис Уизли мгновенно посуровела.) Все нормально, — успокоил ее Рон, положив на тарелку солидную порцию корнуэлльского пирога с мясом. — У них у всех были имена типа Бодрод Бородатый, Гырг Грязный, так что ничего страшного.

Скоро к ним присоединились Фред, Джордж и Джинни, и Гарри показалось, что он опять вернулся в «Нору». Он и думать забыл о Турнире, лишь появление Гермионы в середине обеда вернуло его к действительности, и он вспомнил

о ее утреннем озарении. Интересно, что она выяснила о Рите Скитер?

— Ну, рассказывай…

Гермиона покачала головой и выразительно глянула в сторону миссис Уизли.

— Здравствуй, Гермиона, — натянуто произнесла миссис Уизли.

— Здравствуйте, — улыбка сползла с лица Гермионы при виде сурового лица миссис Уизли.

Гарри перевел взгляд с одной на другую и сказал:

— Миссис Уизли, вы, конечно же, не поверили той ерунде, которую Рита Скитер настрочила для «Пророка»? Вы-то ведь знаете, что не влюблялся я в Гермиону!

— А-а! — протянула миссис Уизли. — Конечно же, не поверила.

Но ее обращение с Гермионой стало гораздо сердечнее.

Гарри, Билл и миссис Уизли весь день гуляли вокруг замка и вернулись в Большой зал только к вечернему пиршеству. За столом для преподавателей сидели уже и Людо Бэгмен, и Корнелиус Фадж. Бэгмен, как всегда, весел и оживлен, Фадж, напротив, мрачен и неразговорчив. Сидевшая рядом мадам Максим смотрела только в тарелку,

и Гарри показалось, что глаза у нее красные. Хагрид то и дело поглядывал в ее сторону.

Несмотря на обилие праздничных блюд, Гарри почти ничего не ел: его уже била нервная дрожь. Постепенно волшебный потолок менял синеву дня на алые закатные краски сумерек. Наконец Дамблдор поднялся из-за стола и весь зал притих.

— Леди и джентльмены, через пять минут я приглашу вас пойти на поле для квиддича, где начнется третье, последнее состязание Турнира Трех Волшебников. А сейчас прошу всех участников проследовать на стадион за мистером Бэгменом.

Гарри встал, все гриффиндорцы зааплодировали. Уизли и Гермиона пожелали ему удачи, и он вместе с Седриком, Флер и Крамом вышел из Большого зала.

— Как ты, Гарри? — спросил Бэгмен, спускаясь по каменным ступеням главного крыльца. — Уверенно себя чувствуешь?

— Все в порядке, — ответил Гарри. И не солгал: конечно, он нервничал, но, повторив в уме все заклинания и чары, которые знал наизусть, нутром ощутил, что уверенности еще прибавилось.

Скоро подошли к стадиону. Поле для квиддича

изменилось неузнаваемо. По всему периметру поднялась плотная живая изгородь высотой двадцать футов. Прямо перед ними в изгороди чернеет проем — вход в лабиринт. Коридор внутри него, образованный густым кустарником, уходит в черноту, от которой у Гарри забегали мурашки по коже.

Через пять минут на стадионе появились первые зрители. Воздух наполнился взволнованными голосами и звуками сотен шагов — зрители торопились занять отведенные им трибуны. Небо окрасилось в густой исчерна-синий цвет, и на нем зажглись первые звезды. К Бэгмену и участникам подошли Хагрид и профессора МакГонагалл, Грюм и Флитвик. У профессоров на шляпах, у Хагрида на спине кротового жилета светились большие красные звезды.

— Мы будем патрулировать снаружи, — сообщила участникам состязания профессор МакГонагалл. — Если кто-нибудь попадет в беду и почувствует, что требуется подмога, пошлите в воздух сноп красных искр, и мы незамедлительно придем на помощь. Все ясно?

Чемпионы кивнули.

— Тогда вперед! — весело скомандовал Бэгмен четверым патрульным.

— Удачи, Гарри, — шепнул Хагрид, и патрульные разошлись в разные стороны, каждый на свой пост вокруг лабиринта. Коснувшись палочкой горла, Бэгмен тихо произнес:

— *Сонорус!*

И тут же его усиленный волшебством голос разнесся по всему стадиону:

— Леди и джентльмены, третье и последнее состязание Турнира Трех Волшебников начинается! Разрешите мне напомнить вам турнирное положение участников на сегодняшний день! Первое место делят между собой мистер Седрик Диггори и мистер Гарри Поттер, оба — школа «Хогвартс», у каждого восемьдесят пять очков!

Крики, гром аплодисментов разбудили птиц в Запретном лесу, и они с тревожным гомоном поднялись в темное ночное небо.

— На втором месте мистер Виктор Крам, институт «Дурмстранг», восемьдесят очков! — снова гром аплодисментов. — И на третьем месте — мисс Флер Делакур, академия «Шармбатон»!

Гарри разглядел на трибуне миссис Уизли, Билла, Рона и Гермиону. Они вежливо аплодировали Флер. Он махнул им рукой, они увидели и тоже обрадовано замахали.

— Итак, Гарри и Седрик, начнете по моему

свистку! — пророкотал Бэгмен. — Три… два… один…

Он резко свистнул, и Гарри с Седриком устремились внутрь лабиринта.

Высоченная живая изгородь бросала на дорожку черную тень. То ли изгородь была чересчур густой, то ли была заколдована, но звуки стадиона тут же стихли, едва они вступили во тьму лабиринта. Гарри даже показалось на миг, что он под водой. Он вытащил палочку, приказал: *Люмос!* — и услышал, как Седрик произнес позади то же самое.

Прошли вместе метров двадцать и оказались у развилки. Глянули друг на друга.

— Пока, — сказал Гарри, свернув влево. Седрик пошел направо.

Бэгмен снова дунул в свисток. Значит, в лабиринт вошел Крам. Надо спешить. Выбранная им дорожка казалась совершенно пустынной. Он повернул вправо и прибавил шагу, подняв палочку над головой, чтобы свет от нее падал как можно дальше. Впереди было по-прежнему пусто.

Вдалеке снова прозвучал свисток Бэгмена: значит, все чемпионы внутри лабиринта.

Гарри то и дело оглядывался. К нему опять вернулось привычное ощущение, что за ним следят

чьи-то глаза. Небо с каждой минутой становилось чернее, тени сгущались и в лабиринте.

Дорожка привела к очередной развилке.

— Направление, — прошептал он палочке, держа ее на ладони.

Палочка сделала один оборот и замерла, указывая направо, в густую изгородь. Значит, север там, а центр лабиринта, как известно, — на северо-западе. Самое лучшее — свернуть влево и при первой возможности взять правее.

Впереди по-прежнему никого. Гарри свернул направо, и там пусто, никаких препятствий. Гарри стал нервничать — все еще ни одной опасности, Тут что-то не то! Лабиринт как будто заманивал в ловушку, усыпляя внимание. За спиной что-то прошуршало. Гарри выставил вперед палочку и обернулся, готовый отразить нападение. В луче света возник Седрик, выскочивший откуда-то справа. Его всего трясло, рукав мантии дымился.

— Это соплохвосты Хагрида! — прошептал он. — Гигантские! Я еле от них отбился!

Седрик кивнул и исчез за очередным поворотом. Гарри чуть не бегом устремился вперед — от соплохвостов лучше держаться подальше! На следующей развилке свернул за угол и увидел…

Навстречу ему скользит дементор. Высотой больше трех метров, лицо спрятано под капюшоном, гниющие чешуйчатые руки выставлены вперед. Дементор явно чувствует его присутствие и движется прямо на него. Гарри услыхал его хриплое дыхание, на лице проступил холодный пот, но он знал, что делать…

Сосредоточился на самой счастливой мысли — лабиринт с его ужасами позади и они с Роном и Гермионой празднуют окончание Турнира. Гарри поднял палочку и воскликнул:

— *Экспекто патронум!*

Из дула палочки вырвался серебряный олень и поскакал навстречу дементору, который при виде оленя сделал шаг назад и запутался в полах плаща. Гарри еще никогда не видел, чтобы дементору помешал плащ.

— Подожди! — крикнул он вдогонку патронусу. — Это же боггарт! *Риддикулус!*

Боггарт с громким треском взорвался и растаял в облачке дыма. Серебряный олень, к сожалению, тоже исчез, от такой бы компании Гарри не отказался… Но делать нечего, надо спешить. Гарри прислушался и, беззвучно ступая, двинулся вперед, держа палочку над головой.

Налево… направо… снова налево… два раза

уперся в тупик. Опять применил заклинание Компаса. Палочка показала, что он слишком уклонился к востоку. Вернулся к развилке, свернул направо и увидел перед собой странный золотистый туман. Гарри осторожно подошел и осветил его. Похоже на какие-то чары. Интересно, нельзя ли его взорвать?

— *Редукто!* — воскликнул он.

Заклинание пронзило туман насквозь, не причинив ему никакого вреда. Как же он забыл: заклятие предназначено для твердых тел! Что будет, если просто взять и пройти сквозь этот туман? Но стоит ли рисковать? Может, лучше вернуться и пойти в обход?

Колебания прервал раздавшийся неподалеку вопль.

— Флер! — крикнул Гарри.

Опять тишина. Он огляделся по сторонам. Что с ней? Вопль явно донесся откуда-то спереди. Гарри глубже вдохнул и ринулся в золотистую дымку.

Мир тут же перевернулся вверх ногами. Гарри висел на земле вниз головой, волосы дыбом, очки висят на дужках, того и гляди упадут в бездонное небо. Он тут же схватил их, прижал к носу и, преисполненный ужаса, замер. Ноги его как будто приклеились к траве, ставшей зеленым потол-

ком. А внизу тонуло в бесконечности усыпанное звездами небо. Оторви он от травы ногу и сделай шаг, он навсегда распростится с землей.

«Думай, — приказал он себе, чувствуя, как кровь приливает к лицу, — думай!»

Но он не знал ни единого заклинания, которое могло вернуть на место небо и землю. Решится ли он шагнуть?

Он слышал, как стучит в висках кровь. Выбор прост: или двинуться вперед вверх ногами, или бросить в небо сноп красных искр, подождать помощи и выбыть из Турнира.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть бездонной отвесной пустоты и осторожно оторвал правую ногу от зеленого потолка.

Мир тут же вернулся на привычное место. Гарри рухнул на колени, почувствовав упоительно твердую, сырую от росы землю. От пережитого потрясения все его тело на миг превратилось в студень. Он несколько раз глубоко вдохнул, успокоился, поднялся на ноги и, выйдя из золотистой дымки, оглянулся: дымка невинно мерцала в лунном свете.

У развилки Гарри остановился посмотреть, не видно ли каких-нибудь следов Флер. Он был уверен, что слышал ее крик. С чем она столкнулась?

Что с ней? Сигнала бедствия не было, но это еще ничего не значит. Может, все обошлось, и она движется дальше. Не исключено, однако, что она в беде, и даже палочку поднять не в состоянии. Гарри свернул вправо, беспокоясь все сильнее. И в то же время глубоко в подсознании мелькнула мысль: одним участником меньше…

Судя по крику, Флер, наверняка, выбыла из игры. Кубок где-то рядом, он почти до него дошел. А что, если он и правда победит? На мгновение Гарри опять увидел себя с Кубком в руках перед всей школой, — первый раз с той минуты, как услыхал свое имя среди чемпионов…

Минут десять не было ничего, кроме тупиков. Дважды свернул не туда в одном и том же месте. Наконец-то незнакомая дорожка, Гарри бросился бежать. Пламя на конце палочки колебалось. И тень его, меняя очертания, прыгала по живой изгороди. Еще поворот, и он… очутился нос к носу с соплохвостом.

Седрик не преувеличил: соплохвост был гигантский и напоминал трехметрового скорпиона. Огромное изогнутое жало покоилось на спине, нацелив сопло прямо на Гарри, толстый панцирь тускло поблескивал в свете волшебной палочки.

— Окаменей!

Заклинание отлетело рикошетом от бронированного гада — Гарри едва успел нагнуться. Соплохвост выстрелил в ответ огнем и полетел навстречу обидчику. Запахло паленными волосами.

— *Замри!* — крикнул Гарри. И это заклинание срикошетило.

Гарри поспешно отступил, потерял равновесие и упал.

— *Замри!*

Сплохвост в нескольких дюймах от него замер. Заклинание попало в мягкое, не защищенное броней брюхо. Тяжело дыша, Гарри оттолкнул неподвижное чудище и со всех ног бросился бежать: чары Помех действуют недолго, минут через пять соплохвост опять станет опасен.

Он свернул влево и уперся в тупик, свернул направо — еще тупик Гарри остановился, перевел дух и приказал палочке определить стороны света. Затем вернулся к развилке, взял направление на северо-запад и бросился было вперед. Но ноги вдруг приросли к земле — такое он услыхал за изгородью.

— Что ты делаешь? — кричал Седрик. — Ты что, гад, делаешь?

И следом голос Крама:

— *Круцио!*

В тот же миг уши его пронзил отчаянный вопль Седрика. Потрясенный Гарри рванул вперед, только бы не ошибиться поворотом! Никаких поворотов впереди не было. Осталось одно — Взрывное заклятие. Заклятие подействовало, правда, не очень сильно, в изгороди образовалась неглубокая дыра, Гарри сунул в нее ногу, навалился всем телом, колючее сплетение ежевики затрещало, ветви сломались, и открылось отверстие. Гарри пролез в него, порвав мантию, глянул направо: на земле извивался от боли Седрик, над ним стоял Крам.

Услыхав треск, Крам повернул голову и сорвался с места, но Гарри успел нацелить палочку.

— *Окаменей!* — крикнул он.

Заклинание поразило Крама в спину, он на мгновение замер и рухнул ничком в траву. Гарри бросился к Седрику. Он уже перестал извиваться и теперь лежал, тяжело дыша и спрятав лицо в ладони.

— Все в порядке? — Гарри схватил руку Седрика.

— Да, — выдохнул Седрик. — Не могу поверить… он подкрался сзади… я услыхал, обернулся… а он уже и палочку на меня направил…

Он поднялся на ноги. Его трясло.

— Просто не верится… мне казалось, он ничего… — Гарри глядел на распростертого соперника.

— Мне тоже.

— Ты слышал, как кричала Флер? — спросил Гарри.

— Слышал, — ответил Седрик. — Ты думаешь, Крам мог и ее…

— Не знаю, — медленно произнес Гарри.

— Ну что, оставим его здесь?

— Нет, — возразил Гарри. — Наверное, лучше всего послать сноп искр. Патрульные подойдут и заберут его. Тут его соплохвост сожрет.

— И поделом, — сказал Седрик, но все же поднял палочку и пустил в небо сноп красных искр. Искры рассыпались облачком и зависли над тем местом, где лежал Крам.

Несколько секунд Гарри с Седриком стояли в темноте, оглядываясь по сторонам.

— Ладно, — сказал Седрик. — Идем дальше…

— Что? — спросил Гарри. — А… да… конечно. Странный это был миг. Только что Крам сплотил их.

И вот опять соперники. Оба молча устремились вперед по темной дорожке, на развилке Гарри

свернул влево, Седрик направо. Скоро шаги Седрика стихли.

Гарри шел, время от времени сверяясь с палочкой-компасом. Теперь он состязается только с Седриком, и ему вдруг, как никогда, захотелось одержать победу. Но в голове копошилась одна мысль. Как мог Крам решиться применить против человека Непростительное заклятие? Грюм сказал на уроке, что за это отправляют в Азкабан до конца жизни. Вряд ли Крам такой ценой хотел выиграть Кубок… Гарри прибавил шагу.

Теперь тупики попадались все чаще. В лабиринте стало темно, хоть глаз выколи, значит, скоро центр, конец состязания. На длинном, прямом отрезке пути опять почудилось шевеление, и свет палочки озарил существо, которое он знал только по картинке в «Чудовищной книге о чудовищах».

Это был сфинкс с телом огромного льва, головой женщины, тяжелыми когтистыми лапами и длинным желтым хвостом с коричневой кисточкой на конце. Когда Гарри приблизился к женщине-львице, она оборотила к нему могучую голову и уставилась большими миндалевидными глазами. Гарри нерешительно поднял палочку. Но львица с женским лицом не присела в прыж-

ке, а просто ходила туда-сюда поперек дорожки, загораживая проход.

— Ты близок к цели, — произнесла она низким, хрипловатым голосом. — Кратчайший путь лежит именно здесь.

— Может… может, тогда вы меня пропустите? — спросил Гарри, догадываясь, каков будет ответ.

— Нет, конечно, — ответила она, не останавливаясь. — Отгадай мою загадку, тогда пропущу. Отгадаешь с первой попытки — путь открыт. Не отгадаешь — нападу. Ничего не ответишь — пойдешь назад, восвояси.

У Гарри засосало под ложечкой: разгадывать загадки — конек Гермионы. Он прикинул, велик ли риск. Ну не сможет он разгадать загадку, не беда, — промолчит и все. Сфинкс его отпустит, и он поищет другой путь к Кубку.

— Ладно, — сказал он. — Слушаю вашу загадку. Женщина-львица уселась посреди дорожки и произнесла такой стих:

Мой первый слог проворней всех слывет по праву

Он очень быстр на руку, ногу и расправу;

Второй мой слог есть плод окружно-

сти решений

Ее с диаметром законных отношений.

Мой третий слог — абстрактно названный мужчина

Ни цвета кожи, ни фамилии, ни чина.

Сложив их вместе, существо ты образуешь,

Какое ты скорей умрешь, чем поцелуешь.

— А можно… можно еще раз, только чуть-чуть помедленнее? — вежливо попросил он.

Сфинкс моргнула, загадочно улыбнулась и повторила загадку.

— Значит, из подсказок получится чудище, которое я лучше умру, чем поцелую? — спросил Гарри.

Сфинкс благосклонно улыбнулся. Гарри решил, что это утвердительный ответ, и принялся лихорадочно думать. Существует множество тварей, которых он, хоть убей, не поцеловал бы. Например, соплохвост. Но загадка сфинкса явно о ком-то другом. Пожалуй, начать надо с подсказок. Какой там первый слог, быстрый? Быстрый, скорый… Ну ладно, потом еще можно подумать.

— Э-э… не могли бы вы повторить следующую

строчку? Она повторила.

— Окружности решений… — повторил Гарри. — Ее с диаметром законных отношений… ерунда какая-то. А можно мне еще последнюю подсказку?

Сфинкс повторила.

— Абстрактно названный мужчина… — пробормотал Гарри. — Мужчина, мужчина, он… Ага! Это «он»!

Сфинкс улыбнулась ему.

— Так, значит, первый слог быстр, то есть скор… так-так… Скор… он… Скор… он, — повторял Гарри, меряя шагами дорожку. — Существо, которое я не хотел бы поцеловать… Скорпион!

Сфинкс расплылась в улыбке, поднялась на ноги и посторонилась.

— Спасибо! — воскликнул Гарри, потрясенный собственной сообразительностью, и рванул вперед.

Он наверняка у цели, наверняка… палочка сказала, он на верном пути… Если больше ничего страшного не случится, он выиграл….

Снова развилка.

— Направление, — прошептал он, палочка, сделав круг, указала направо. Гарри бросился по правой дорожке, в конце которой скоро забрез-

жил неяркий свет.

И Гарри увидел: метрах в трехстах от него на невысокой тумбе сияет вожделенный Кубок. Гарри прибавил ходу, но тут из-за кустов слева, опережая его, на дорожку выскочил Седрик.

Седрик будет у Кубка первый! Он несется изо всех сил. Ноги у него длинные, рост выше. Гарри никогда его не догнать. Но что это? Возвышаясь над кромкой изгороди, по дорожке, пересекающейся с той, по которой бегут они, что-то огромное стремительно движется в их сторону. Еще мгновение и Седрик столкнется с чудовищем!

— Седрик! — заорал Гарри. — Слева!

Седрик вовремя оглянулся — он еще успеет перед самым носом чудовища миновать поворот и избежать столкновения! Но как будто ему кто ножку подставил, Седрик споткнулся и на полной скорости рухнул на землю. Палочка вылетела из руки. И тут же из-за угла вышел огромный паук и двинулся к Седрику.

— *Окаменей!* — крикнул Гарри.

Заклинание ударило в огромное волосатое тело, но он с таким же успехом мог бы попасть в него камнем. Паук слегка покачнулся, забыл про Седрика и устремился к Гарри.

— *Окаменей! Замри!*

Бесполезно. Паук был то ли слишком велик, то ли его волшебный заряд был слишком силен, но заклинания только раздразнили его. На какой-то миг Гарри, похолодев, увидел над собой восемь сверкающих черных глазок, щелкнули острые как бритва челюсти. И паук, схватив его передними лапами, поднял вверх. Гарри отчаянно брыкался, нога коснулась челюсти, и ее пронзила нестерпимая боль. *Окаменей!* — теперь уже крикнул Седрик, но и его заклинание оказалось бессильно. Паук вновь раскрыл челюсти, Гарри последним усилием поднял палочку.

— *Экспеллиармус!* — воскликнул он.

Сработало — паук выпустил Гарри, и он с высоты трех метров спикировал на покалеченную ногу. Не мешкая, направил палочку пауку в брюхо, точно так же, как соплохвосту минут десять назад.

— *Окаменей!* — раздались сразу два голоса: Седрик уже вооружился своей палочкой.

И два заклинания сокрушили мощь паука — он повалился набок, расплющив изгородь, ворох мохнатых лап перегородил дорожку.

— Гарри! Ты в порядке? Он не раздавил тебя? — услыхал Гарри.

— Нет, — крикнул в ответ Гарри, тяжело дыша.

Нога у него кровоточила, разорванная мантия испачкана густой липкой слизью, наверное, из челюстей паука. Гарри хотел подняться, но ступить на дрожащую, всю в крови, ногу было выше всяческих сил. Все же он заставил себя встать и, переведя дыхание, ухватился за изгородь.

Кубок Трех Волшебников поблескивал в двух шагах за спиной у Седрика.

— Бери Кубок, — тяжело выдохнул Гарри. — Скорее бери. Ты рядом.

Но Седрик не двигался. Он просто стоял и смотрел на Гарри, потом обернулся и взглянул на Кубок. Гарри видел, как ему хочется шагнуть вперед, взять в руки главный приз Турнира. Но Седрик снова повернулся к Гарри и, собравшись с духом, отчеканил:

— Нет, иди ты бери. Ты выиграл. Сегодня ты дважды спас мне жизнь.

— Это к Турниру не относится, — ответил Гарри. В душе у него бушевали противоречивые чувства: нога болела, все кости ныли после борьбы с пауком. Седрик снова опередил его, так же как опередил, пригласив Чжоу на бал, но он гнул свое. — Говорю тебе, я не буду играть в догонялки на вывихнутой ноге. Побеждает тот, кто первый коснется Кубка. И это будешь ты.

Седрик сделал несколько шагов в сторону оглушенного паука, увеличивая расстояние между собой и Кубком, и покачал головой:

— Ни за что!

— Перестань играть в благородство. Не тяни время, бери Кубок. Надо как-то выбираться отсюда.

Седрик смотрел, как Гарри, держась за изгородь, пытается устоять на ногах.

— Ты рассказал мне про драконов, — возразил Седрик. — Если бы не это, я провалился бы еще на первом задании.

— Мне тоже помогли. — Гарри пытался стереть кровь с ноги подолом мантии. — А ты мне помог с яйцом, так что мы квиты.

— Но и мне помогли с яйцом.

— Ну и что? Мы все равно квиты, — ответил Гарри, пытаясь осторожно опереться на больную ногу. Нога предательски дрожала. Конечно, он ее вывихнул, упав с трех метров.

— Тебе за второе задание полагалось больше очков, — не сдавался Седрик — Ты остался на дне, чтобы освободить всех заложников до одного. Я мог бы поступить так же.

— Я — единственный дурак, кто принял ту песенку всерьез! — в голосе Гарри звучала го-

речь. — Бери Кубок!

— Нет.

Переступив через паучьи лапы, Седрик встал рядом с Гарри, который смотрел на него во все глаза. Седрик был очень серьезен. Он понимал, что отказывается от славы, которой его факультет не видал уже несколько веков.

— Иди, — твердо сказал Седрик. Судя по лицу, решение далось ему не легко, но оно было принято бесповоротно: он стоял с каменным лицом, скрестив руки на груди, и не отрываясь смотрел на Гарри.

Гарри перевел взгляд с Седрика на Кубок. На одно сияющее мгновение он представил себе, как выходит из лабиринта с Кубком в руках. Поднимает Кубок над головой, слышит рев толпы, видит сияющее от восторга лицо Чжоу — так ясно, так близко… Картина растаяла, на ее месте возникло хмурое, упрямое лицо Седрика.

— Давай пойдем оба, — сказал Гарри.

— Что?

— Вместе его возьмем. Это не только наша с тобой победа. Это победа Хогвартса. Мы ее завоевали вдвоем.

Седрик изумленно смотрел на Гарри.

— Ты… ты уверен?

— Да, — ответил Гарри. — Да… мы ведь все время помогали друг другу. И добрались сюда оба одновременно. Так что и возьмем его вместе.

Седрик, казалось, не верит своим ушам, но еще миг — и лицо его просияло счастливой улыбкой.

— Отлично, — сказал он. — Идем.

Он взял Гарри под локоть и помог ему доковылять до тумбы, где стоял желанный трофей. Оба протянули руки к сияющим ручкам Кубка.

— На счет три, ладно? — предложил Гарри. — Один… два… три!

И они вместе коснулись Кубка.

В то же мгновение Гарри почувствовал знакомый рывок где-то под ложечкой. Ноги оторвались от земли. Рука, крепко держащая Кубок, не разжималась. Кубок куда-то понес его сквозь завывание ветра и пестрый вихрь красок, и вместе с ним бок о бок летел Седрик.

Глава 32

КОСТЬ, ПЛОТЬ И КРОВЬ

Гарри резко приземлился, вывихнутая нога подогнулась, и он рухнул на землю. Рука, наконец, оторвалась от Кубка. Гарри поднял голову.

— Где мы? — спросил он.

Седрик молча покачал головой. Помог Гарри подняться, и оба огляделись.

Местность вокруг ничем не напоминала Хогвартс. Не было гор, окружавших замок, похоже, они преодолели несколько миль, может даже сотню. Они стояли посреди темного густо заросшего кладбища, справа за огромным тисом чернел силуэт небольшой церкви. Слева — холм, на склоне которого старый красивый особняк.

Седрик посмотрел на Кубок Трех Волшебников.

— Тебе кто-нибудь говорил, что этот Кубок — портал?

— Нет, — ответил Гарри. Он с любопытством оглядел кладбище. Кругом тихо-тихо и как-то нереально. — Это что — часть задания?

— Не знаю. — Седрик явно нервничал. — Достанем палочки?

Гарри согласился. Он был рад, что это предложил Седрик. Оба вынули палочки. Гарри все оглядывался, и опять явилось странное ощущение, что за ними следят.

— Смотри, кто-то идет, — вдруг сказал он. Отчаянно всматриваясь в темноту, они заметили, как медленно, огибая могилы, к ним приближается человек. Роста невысокого, лицо скрыто капюшоном, в руках сверток, который он несет с осторожностью. Расстояние между ними сокращалось, человек подошел совсем близко, и Гарри увидел, что у него на руках младенец… а может, просто сверток с одеждой?

Гарри опустил палочку, посмотрел на Седрика. Седрик ответил озадаченным взглядом. И оба воззрились на коротышку-незнакомца, который остановился шагах в двух возле высокого мраморного надгробья. Секунду-другую все трое не спускали друг с друга глаз.

И тут случилось то, чего Гарри меньше всего ожидал: шрам взорвался такой болью, какой он никогда прежде не испытывал. Палочка выпала, он закрыл лицо руками, и упал на траву, как подкошенный. Он ничего не видел, чувствовал только, что голова раскалывается от боли.

Откуда-то издалека, сверху донесся холодный,

пронзительный **голос**:

— Убей лишнего.

Послышался свистящий звук, и в темноте проскрипел другой **голос**:

— *Авада Кедавра!*

Вспышка зеленого света обожгла сквозь веки глаза, и Гарри услышал, как рядом рухнуло что-то тяжелое. Боль в шраме стала невыносимой, его вырвало, и стало немного легче. Гарри со страхом открыл слезящиеся глаза.

Рядом с ним распластался Седрик. Он был мертв.

Гарри казалось, он целую вечность всматривается в лицо Седрика, в его широко распахнутые серые глаза, пустые, как окна нежилого дома, в полуоткрытые губы, удивленное лицо. На самом деле прошло лишь мгновение, и не успел он осознать происшедшее, его леденящую невозможность, как почувствовал, что его ставят на ноги.

Коротышка в плаще положил сверток на землю, достал волшебную палочку и потащил Гарри к мраморному надгробью. Затем развернул его и прислонил к камню спиной. Но Гарри все-таки успел заметить при слабом мерцании палочки высеченное на камне имя «ТОМ РЕДДЛ».

Из палочки незнакомца потянулись веревки, и он начал привязывать Гарри к надгробью. Под капюшоном слышалось прерывистое, лихорадочное дыхание. Гарри попытался сопротивляться, но коротышка ударил его кулаком, и Гарри заметил: на руке у него не хватает пальца. Так вот кто на них напал — старый приятель Хвост.

— Ты! — выдохнул Гарри.

Хвост, ничего не ответил. Он кончил колдовать с веревками и теперь трясущимися руками ощупывал каждый узел, проверяя, крепко ли Гарри привязан. Убедившись, что Гарри не может шевельнуть ни рукой ни ногой, Хвост вытащил из-под плаща черную тряпку и грубо запихал ее в рот пленнику. Затем, так же молча, обошел Гарри и скрылся у него за спиной. Гарри не мог повернуть головы и видел лишь то, что перед ним.

Шагах в десяти тело Седрика. Сразу за ним в свете звезд блестит Кубок. Палочка Гарри у самых его ног. Сверток, замотанный в мантию — Гарри подумал, что это младенец, — рядом с надгробьем. Кажется, и правда в нем кто-то есть: сверток неуклюже зашевелился. Гарри смотрел на него, шрам снова обожгла боль, и он вдруг отчетливо понял — он не хочет знать, что в свертке, не хочет, чтобы Хвост его развернул…

Под ногами раздался шорох. Гарри глянул вниз: по траве вокруг надгробья скользит огромная змея. Снова послышалось быстрое, прерывистое дыхание Хвоста. Похоже, он тащит что-то тяжелое. Вот он опять в поле зрения, волочит каменный котел, в котором слышится плеск воды. Котел огромный, в нем бы уместился крупный мужчина; таким Гарри не приходилось пользоваться.

Сверток, лежащий на земле, зашевелился сильнее. Находящееся там существо, казалось, рвется наружу. Хвост сунул под котел волшебную палочку, и оттуда выстрелили языки пламени. Змея поспешно уползла в темноту.

Жидкость в котле нагрелась быстро. Не прошло и пяти минут, как она уже кипела вовсю, бросая вверх пунцовые искры, словно тоже воспламенилась. Пар становился все гуще, и скоро фигура у костра превратилась в расплывчатое пятно. кто-то в свертке теперь уже лихорадочно метался. И Гарри снова услышал пронзительный, ледяной голос:

— Скорее!

Кипящая поверхность жидкости вся превратилась в искры и сверкала, точно усыпанная бриллиантами.

— Все готово, хозяин.

— Пора… — изрек ледяной голос.

Хвост развернул сверток, не поднимая с земли; увиденное исторгло бы из груди Гарри пронзительный вопль, не будь у него во рту черного кляпа.

Как будто Хвост, споткнувшись о камень, вывернул его из земли, и под ним оказалось что-то вроде скользкого слепого червя, нет, в миллион раз хуже. Принесенное Хвостом на кладбище существо напоминало скорчившегося младенца. Но только очертаниями, во всем остальном оно ни капли не походило на человеческого детеныша. Чешуйчатое безволосое тело цвета сырого мяса, слабые, тонкие ручки и ножки, а лицо — такого ни у одного ребенка отродясь не было — приплюснутое, как у змеи, с блестящими красноватыми глазами-щелками.

Существо казалось почти беспомощным. Оно протянуло ручки к Хвосту, обняло за шею, и Хвост его поднял.

В этот миг капюшон упал у него с головы, и Гарри увидел на бледном лице крайнее отвращение. Хвост поднял свою ношу над котлом и искры, танцующие на поверхности жидкости, осветили на мгновение плоское злобное лицо. Хвост опу-

стил существо в котел, и оно с шипением исчезло. Гарри услышал, как тельце мягко стукнулось о каменное дно котла.

Пусть, пусть он утонет, стучало в голове Гарри. Шрам его разрывался от невыносимой боли… Пожалуйста… Пусть утонет…

И тут Хвост заговорил. Голос его дрожал, выдавая панический страх. Он поднял палочку, закрыл глаза и с трудом произнес:

— Кость отца, отданная без согласия, возроди своего сына!

К ужасу Гарри земля у него под ногами разверзлась, оттуда выпорхнула тонкая струйка праха и, повинуясь мановению палочки, нырнула в кипящую жидкость. Сверкающая поверхность, зашипев, лопнула, искры разметало по сторонам, и жидкость в котле стала ядовито-голубой.

Поскуливая от ужаса, Хвост вытащил из-под плаща длинный тонкий серебряный кинжал и снова заговорил, на сей раз каждое слово сопровождая истеричным всхлипом:

— П-плоть… слуги… отданная д-добровольно… оживи… своего… хозяина!

Вытянул перед собой правую руку, ту, на которой нет пальца, крепко сжал кинжал в левой и замахнулся.

Гарри мгновенно понял, что сейчас будет, и успел зажмуриться. Но уши-то он не мог зажать и невольно услыхал безумный вопль, пронзивший его сердце, как будто Хвост ударил и его кинжалом. что-то со стуком упало на землю, Хвост тяжело задышал, и тут же раздался всплеск зелья, вызвавший у Гарри приступ дурноты. Он не смог открыть глаза… но даже сквозь веки увидел — зелье стало кроваво-красным…

Хвост всхлипывал и скулил от боли. Гарри вдруг почувствовал на лице чужое дыхание и понял, что Хвост подошел вплотную к нему.

— К-кровь недруга… взятая насильно… воскреси… своего врага!

Гарри не мог ему воспротивиться — слишком крепко был связан. Скосив глаза, тщетно пытаясь выпутаться из веревок, увидел, как трясется серебряный кинжал в оставшейся руке Хвоста. Острый конец проколол кожу на сгибе локтя, и по разорванной мантии потекла теплая кровь. Все еще хрипло дыша от боли, Хвост вынул из кармана стеклянный пузырек и поднес к ране Гарри, пузырек быстро наполнился.

Пошатываясь, Хвост вернулся к котлу и плеснул в него кровь. Жидкость мгновенно стала ослепительно белой. Покончив с приготовлением зелья,

Хвост без сил упал на колени и тут же кулем повалился на землю. Он лежал скорчившись, баюкая кровавый обрубок, и тихо постанывал.

Котел кипел, сверкающие искры летели во все стороны, от их слепящего блеска все вокруг погрузилось в непроглядную черноту. Ничего не происходило…

Пусть утонет, пусть произойдет ошибка, молил Гарри.

Но искры погасли, из котла взметнулся столб белого пара, он становился все гуще, и Гарри больше не видел ни Хвоста, ни Седрика — пар затопил все.

…Зелье не вышло… он утонул… пожалуйста… пожалуйста… пусть он умрет…

Вот уже в облаке пара, идущего из котла, начали возникать очертания высокого, худого, как скелет, человека, и Гарри окатила леденящая волна ужаса.

— Одень меня, — произнес он пронзившим сердце голосом.

Всхлипывая и прижимая к груди изуродованную руку Хвост с трудом встал на ноги, поднял левой рукой с земли черный плащ с капюшоном и одной рукой накинул его на голову и плечи хозяина.

Живой скелет ступил из котла на землю, не сводя глаз с Гарри. А Гарри не мог отвести взгляд от бледного как смерть лица. Три года его преследовали в ночных кошмарах эти красные злобные глаза, тупой змеиный нос, узкие щелки ноздрей…

Лорд Волан-де-Морт возродился.

Глава 33

ПОЖИРАТЕЛИ СМЕРТИ

Волан-де-Морт отвел взгляд от Гарри и принялся осматривать собственное тело. Его кисти напоминали больших белых пауков; его длинные бледные пальцы ощупывали грудь, руки, лицо. Красные глаза, зрачки которых, подобно кошачьим, превратились в щелочки, горели в темноте еще пронзительнее. Охваченный восторгом, он вытянул вперед руки и начал сгибать и разгибать пальцы, не обращая ни малейшего внимания ни на окровавленного, лежащего на земле Хвоста, ни на огромную змею, которая снова приползла и обвилась вокруг памятника с привязанным к нему Гарри. Волан-де-Морт запустил одну из своих неестественно длинных рук в карман мантии и вытащил оттуда волшебную палочку. Он нежно погладил ее, а потом поднял и направил на Хвоста. Тот в мгновение ока взлетел в воздух и рухнул к подножию памятника, к которому был привязан Гарри. Всхлипы и стоны стали громче. Волан-де-Морт поднял свои багровые глаза на Гарри и засмеялся пронзительным, ледяным

смехом.

Хвост обернул свой обрубок мантией, и теперь она блестела от пропитавшей ее крови.

Милорд… — задыхаясь, простонал он, — милорд… вы обещали… вы же обещали…

— Протяни руку, — процедил небрежно Волан-де-Морт.

— Хозяин… спасибо, хозяин…

Хвост протянул свой окровавленный обрубок, но Волан-де-Морт снова захохотал:

— Другую руку, Хвост.

— Хозяин, пожалуйста… пожалуйста… Волан-де-Морт наклонился над своим слугой, дернул вперед его левую руку и одним движением задрал рукав мантии выше локтя. Гарри увидел на коже какой-то знак, похожий на красную татуировку, в которой, приглядевшись, узнал Черную Метку, такую же, как появилась в небе во время Чемпионата мира: череп с вылезающей изо рта змеей. Волан-де-Морт внимательно осмотрел Метку, не замечая громких всхлипов Хвоста, которые уже превращались в судорожные рыдания.

— Она снова здесь, — тихо произнес он, — они снова ее заметят… теперь мы посмотрим… теперь мы узнаем…

И он прижал свой длинный указательный па-

лец к Метке на руке Хвоста.

Шрам на лбу Гарри снова обожгла боль, а от вопля Хвоста зазвенело в ушах. Волан-де-Морт убрал палец, и Гарри увидел, что Метка стала угольно-черной.

С выражением злобного удовлетворения на лице Волан-де-Морт выпрямился и огляделся вокруг.

— Сколько же их соберется с силами и явится сюда, когда они почувствуют это? — прошептал он, запрокидывая голову и всматриваясь в звезды. — И сколько окажется глупцов, которые решат держаться подальше отсюда?

Он стал расхаживать взад-вперед перед Гарри и Хвостом, то и дело окидывая взглядом кладбище. Через минуту-другую он снова посмотрел на Гарри, остановился, и жестокая улыбка исказила его змееподобное лицо.

— Ты, Гарри Поттер, стоишь на останках моего покойного отца, — тихо прошипел он. — Он был маглом и дураком… как и твоя дорогая мамочка. Но они оба пригодились нам, не правда ли? Твоя мать погибла, защищая тебя… а я сам убил своего отца, и посмотри, как он мне помог, уже будучи покойником…

Волан-де-Морт снова расхохотался и принялся

мерить шагами кладбище, а змея скользила за ним в траве.

— Видишь этот дом на склоне холма, Поттер? Там жил мой отец. Моя мать, колдунья, жила в этой деревне и влюбилась в него. Но он бросил ее, когда она рассказала ему кто она такая… Он не любил магию, мой папаша… Он бросил ее и вернулся к своим маглам-родителям еще до моего рождения, Поттер, а она умерла, родив меня, и я вырос в магловском приюте… Но я поклялся найти его… я отомстил ему, этому дураку, который дал мне свое имя… Том Реддл…

Он не останавливался ни на минуту переводя взгляд с одной могилы на другую.

— Послушать только, как я тут рассказываю историю моей семьи… — тихо заметил он. — Похоже, я становлюсь сентиментальным… Смотри, Гарри! Вот возвращается моя настоящая семья…

Внезапно ночную тишину нарушил шорох развевающихся мантий. Среди могил, под огромным тисом, везде, где была тень, возникали фигуры волшебников. Все они были в масках, на головах у них были капюшоны. Один за другим они двигались к ним… медленно, осторожно, как будто не веря своим глазам. Волан-де-Морт молча стоял посреди кладбища и глядел на них. Наконец один

из Пожирателей смерти упал на колени, подполз к Волан-де-Морту и поцеловал подол его черной мантии.

— Хозяин… хозяин… — пробормотал он.

Остальные Пожиратели смерти сделали то же самое. Один за другим они подползали на коленях к Волан-де-Морту и целовали его мантию прежде, чем подняться и отойти в сторону. Мало-помалу они образовали круг, внутри которого находились могила Тома Реддла, Гарри, Волан-де-Морт и корчащийся на земле, всхлипывающий Хвост. В этом кругу были прогалины, как будто они оставили место для кого-то еще. Но сам Волан-де-Морт, похоже, никого больше не ожидал. Он внимательно оглядел скрытые капюшонами лица и хотя никакого ветра не было, по кругу пробежал тихий шорох, как будто все стоящие в нем вздрогнули.

— Добро пожаловать, Пожиратели смерти, — тихо сказал Волан-де-Морт. — Тринадцать лет… прошло тринадцать лет со дня нашей последней встречи. И все же вы ответили на мой зов будто это было вчера… значит, нас всех по-прежнему объединяет Черная Метка? Или нет?

Он снова запрокинул к небу свое ужасное лицо и с шумом втянул воздух. Его щелочки-ноздри

раздулись.

— Я чую вину, — произнес он. — Воздух насквозь провонял виной.

Стоящие в кругу снова вздрогнули: каждый как будто пытался и не смел сделать шаг назад.

— Я вижу, вы живы и здоровы, силы ваши не иссякли — вы так быстро прибыли! — и я спрашиваю себя… а почему этот отряд волшебников так и не пришел на помощь своему хозяину, которому они клялись в вечной верности?

Никто не произнес ни слова. Никто не шевельнулся, если не считать Хвоста, который лежал на земле, всхлипывая и баюкая свой кровоточащий обрубок.

— И я отвечаю, — продолжил Волан-де-Морт свистящим шепотом, — они, должно быть, поверили, что я повержен, что я погиб. Они снова вернулись в стан моих врагов, и клялись в своей невиновности, в том, что они ничего не знали, что были околдованы… И я спрашиваю себя: как они могли поверить, что я не восстану вновь? Те, кто знал, как я защитил себя от смерти? Те, кто своими глазами видели доказательства моей безмерной силы, когда я был самым могущественным из всех теперешних волшебников? И я отвечаю: может, они поверили, что существует

еще более могучая сила, которая может уничтожить даже лорда Волан-де-Морта… может, они теперь клянутся в верности другому… может, этому защитнику грязнокровок и простецов Альбусу Дамблдору?

При упоминании имени Дамблдора стоящие в кругу зашевелились, послышалось бормотание, кое-кто покачал головой.

Волан-де-Морт не обратил на них внимания.

— Я разочарован… признаюсь, я весьма разочарован… Один из Пожирателей смерти неожиданно бросился вперед и рухнул к ногам Волан-де-Морта. Тело его сотрясала дрожь.

— Хозяин! — крикнул он. — Хозяин, прости меня! Прости нас всех!

Волан-де-Морт с хохотом поднял палочку и произнес:

— *Круцио!*

Пожиратель смерти начал извиваться и кричать от боли. Гарри был уверен, что эти крики не могут не услышать жители деревни… пусть появится полиция, промелькнула у него отчаянная мысль… кто-нибудь… что-нибудь…

Волан-де-Морт снова поднял палочку. Измученный Пожиратель смерти перестал корчиться и лежал на спине, тяжело дыша.

— Встань, Эйвери, — тихо сказал Волан-де-Морт. — Встань. Ты просил прощения? Я не прощаю. И я ничего не забываю. Тринадцать долгих лет… Тринадцать лет верной службы — и тогда, может быть, я вас прошу… А вот Хвост уже оплатил часть своего долга, правда, Хвост?

Он бросил взгляд на Хвоста, который продолжал всхлипывать.

— Ты вернулся ко мне не доказать свою верность. Ты вернулся, потому что испугался своих старых друзей. Ты заслужим эту боль, Хвост. И ты знаешь это, правда?

— Да, хозяин, — простонал Хвост. — Пожалуйста, хозяин… умоляю…

— И все же ты помог мне снова обрести тело, — холодно продолжал Волан-де-Морт, глядя как всхлипывает лежащий на земле Хвост. — Каким бы бесполезным предателем ты ни был, ты все же помог мне… а лорд Волан-де-Морт награждает тех, кто ему помогает…

Волан-де-Морт снова поднял палочку и взмахнул ею. В воздухе остался след, похожий на расплавленную полосу серебра. Через мгновение бесформенная полоса превратилась в сверкающую копию человеческой кисти. Сияя в темноте, как луна, кисть тут же опустилась и приросла к

окровавленному запястью Хвоста.

Всхлипывание мгновенно прекратилось. Тяжело дыша, Хвост поднял голову и, не веря своим глазам, смотрел на серебряную кисть, так безупречно соединенную с его собственной рукой, что, казалось, он надел ослепительно сияющую перчатку. Он согнул и разогнул серебряные пальцы, а потом, дрожа, поднял с земли какой-то прутик и растер его в порошок.

— Милорд, — прошептал он. — Хозяин… она прекрасна… спасибо… спасибо…

Он на коленях подполз к Волан-де-Морту и поцеловал край его мантии.

— И пусть твоя верность будет неколебима, Хвост, — сказал Волан-де-Морт.

— Конечно, милорд… навсегда, милорд…

Хвост поднялся и занял свое место в кругу. Он не сводил глаз со своей новой руки, а лицо его блестело от слез. Волан-де-Морт подошел к стоящему справа от него Пожирателю.

— Люциус, мой скользкий друг, — прошептал он, остановившись перед ним. — Мне говорили, что ты не отрекся от прежней жизни, хотя и был вынужден надеть личину приличного человека. Ты, я думаю, по-прежнему готов возглавить тех, кто не прочь помучить маглов? И все же ты не

попытался найти меня, Люциус… должен сказать, твои подвиги на Чемпионате мира по квиддичу позабавили меня… но разве не разумнее было бы направить свои силы на поиски своего хозяина, на помощь ему?

— Милорд, я всегда был настороже, — тут же послышался из-под капюшона голос Люциуса Малфоя. — Если бы я заметил хоть какой-то знак, любой намек на ваше присутствие, я бы тут же, немедленно явился к вам, ничто не могло бы помешать мне…

— Тем не менее, ты бежал от моей Метки, когда преданный мне Пожиратель смерти запустил ее в небо прошлым летом, — лениво заметил Волан-де-Морт, и мистер Малфой тут же умолк. — Да, мне все известно, Люциус… ты меня разочаровал… я ожидаю от тебя более верной службы.

— Конечно, милорд, конечно… вы милостивы, благодарю вас, милорд…

Волан-де-Морт двинулся вдоль круга и остановился у большого промежутка между Малфоем и следующим Пожирателем смерти: здесь, похоже, не хватало двоих.

— Здесь должны стоять супруги Лестрейндж, — тихо произнес Волан-де-Морт. — Но они замурованы в Азкабане. Они были преданы мне. Они

предпочли отправиться в Азкабан, нежели отречься от меня… Когда стены Азкабана рухнут, они будут вознаграждены так, как и мечтать не могли. Дементоры присоединятся к нам… они наши естественные союзники… мы снова призовем великанов… все мои верные слуги вернутся ко мне, и целая армия существ, сеющих страх…

Он снова пошел по кругу. Мимо некоторых Пожирателей смерти он проходил молча, перед другими останавливался и говорил с ними.

— Макнейр… Хвост говорит, ты сейчас уничтожаешь опасных животных по заданию Министерства магии? Скоро у тебя появятся жертвы поинтереснее, Макнейр. Лорд Волан-де-Морт позаботится об этом…

— Спасибо, хозяин… спасибо, — пробормотал Макнейр.

— А здесь, — Волан-де-Морт подошел к двоим самым высоким Пожирателям смерти, — здесь у нас Крэбб… Ты сработаешь лучше на этот раз, правда Крэбб? И ты, Гойл?

Оба неуклюже поклонились, глухо бормоча:

— Да, хозяин…

— Конечно, хозяин…

— То же самое касается и тебя, Нотт, — тихо обратился Волан-де-Морт к фигуре, ссутулившейся

в тени мистера Гойла.

— Милорд, я падаю ниц перед вами, я ваш самый верный и покорный…

— Достаточно, — произнес Волан-де-Морт.

Он остановился перед самой большой проталиной в круге и глядел на пустое место своими ничего не выражающими, красными глазами, как будто видел стоящих перед ним людей.

— А здесь у нас не хватает шестерых… Трое погибли, служа мне. Один побоялся вернуться… он пожалеет об этом. Один, я думаю, покинул меня навсегда… он, конечно, будет убит… и еще один, самый верный мой слуга, который снова служит мне верой и правдой.

Пожиратели смерти зашевелились. Гарри видел, как они сквозь маски бросают взгляды друг на друга.

— Он сейчас в Хогвартсе, мой преданный слуга, и именно благодаря ему сюда прибыл наш юный друг…

— Да, — безгубый рот Волан-де-Морта искривился в усмешке, и все стоящие в кругу перевели взгляд на Гарри. — Гарри Поттер любезно присоединился к нам, чтобы отпраздновать мое возрождение. Осмелюсь даже назвать его моим почетным гостем.

Повисла тишина. Пожиратель справа от Хвоста сделал шаг вперед и из-под маски донесся голос Люциуса Малфоя.

— Хозяин, мы жаждем узнать… умоляем вас рассказать нам… как вы добились этого… этого чуда… как вам удалось вернуться к нам…

— Это удивительная история, Люциус, — произнес Волан-де-Морт. — И она начинается… и заканчивается… моим юным присутствующим здесь другом.

Он неспешно подошел к Гарри и встал рядом с ним. Теперь взгляды всех были направлены на них обоих. Змея продолжала описывать круги в траве.

— Вы, конечно, знаете, что этого мальчика называли причиной моего падения? — тихо произнес Волан-де-Морт. Он перевел свои красные глаза на Гарри, и шрам пронзила такая боль, что Гарри едва не вскрикнул. — Вам известно, что в ночь, когда я потерял свою силу и свое тело, я хотел убить его. Его мать погибла, пытаясь спасти его… и невольно дала ему защиту, которой, признаюсь, я не предусмотрел… Я не мог дотронуться до него.

Волан-де-Морт поднял длинный белый палец и поднес его к щеке Гарри.

— Его мать оставила на нем след своей жертвы… Это очень древняя магия, и я должен был вспомнить… глупо было не подумать об этом… но это неважно, теперь я могу прикоснуться к нему.

Гарри почувствовал прикосновение холодного пальца, и голова его едва не разлетелась на куски от вспыхнувшей боли.

Волан-де-Морт тихо рассмеялся ему прямо в ухо, а потом убрал палец и продолжил свой рассказ.

— Должен признаться, друзья мои, я просчитался. Мое заклятие было отражено глупой жертвой этой женщины и обратилось против меня самого. О-о… это запредельная боль, друзья мои, и я к ней был совершенно не готов. Я был вырван из тела, я стал меньше, чем дух, чем самое захудалое привидение… но все-таки я был жив. Чем я был, не знаю даже я… Я, который дальше кого-либо прошел по тропе, ведущей к бессмертию. Вы знаете мою цель — победить смерть. И похоже, какой-то из моих экспериментов сработал… потому что я не погиб, а ведь это заклятие должно было меня убить. Но я стал слабее любого живого существа, и я не мог себе помочь… потому что у меня не было тела, а для необходимого заклятия требовалась волшебная палочка… Помню только, что секунду за секундой, бесконечно, я

заставлял себя существовать… Я обосновался в далекой глуши, в лесу, и я ждал… я был уверен, что кто-нибудь из моих верных Пожирателей смерти попытается разыскать меня… кто-нибудь придет и осуществит волшебство, которое я сам не могу осуществить, и поможет мне вернуться в мое тело… но я ждал напрасно…

По безмолвному кругу Пожирателей смерти снова пробежала дрожь. Волан-де-Морт замолчал. Напряжение нарастало.

— У меня осталась лишь одна способность, — продолжил Волан-де-Морт через некоторое время, — я мог овладевать другими телами. Но я не отваживался приближаться к местам, где было много людей, потому что знал, что мракоборцы не прекратили свои поиски. Иногда я вселялся в животных — чаще всего, конечно, в змей — но это было лишь немногим лучше, чем оставаться просто духом, потому что тела животных очень плохо приспособлены к занятиям волшебством… а когда я в них вселялся, жизнь их становилась на удивление короткой; ни одно из животных долго не протянуло… Потом… четыре года назад… казалось, появилось верное средство вернуться. Молодой, глупый и доверчивый волшебник забрался в лесную глушь, где обитал я. О, он по-

казался мне тем самым шансом, о котором я так долго мечтал… Он был учителем в школе Дамблдора… его было легко подчинить себе… он привез меня сюда, в эту страну, и через некоторое время я вселился в его тело, чтобы тщательно следить за тем, как он выполняет мои приказы. Но мой друг подвел меня. Мне не удалось завладеть философским камнем. Мне не удалось обеспечить себе бессмертие. Мне снова помешали… и снова Гарри Поттер…

Повисла тишина. Никто не шевелился, замерли даже листья на тисе. Пожиратели смерти были неподвижны, и лишь глаза блестели сквозь прорези масок, направленные на Волан-де-Морта и на Гарри.

— Мой слуга умер, когда я покинул его тело, и я снова стал таким же слабым, как раньше, — продолжил Волан-де-Морт. — Я вернулся в глушь, туда, где прятался, и, по правде говоря, я засомневался тогда, удастся ли мне вообще вернуть свои силы… да, это, пожалуй, было самое тяжелое для меня время… я не мог рассчитывать заполучить еще одного волшебника… и я уже отбросил всякую надежду на помощь от кого-нибудь из Пожирателей смерти…

Кое-кто из волшебников в кругу пошевелился,

но Волан-де-Морт не обратил на них ни малейшего внимания.

— И вдруг, меньше года назад, когда я уже оставил всякую надежду, это наконец, случилось… ко мне вернулся мой слуга, Хвост. Он сымитировал тринадцать лет назад свою смерть, но те, кого он раньше считал друзьями, разоблачили его, и он решил вернуться к хозяину. Он искал меня в тех краях, которые уже давно слухи связывали с моим именем… ему, конечно, помогли крысы. У Хвоста вообще какая-то мистическая связь с крысами, правда, Хвост? Его грязные маленькие друзья рассказали ему, что в дебрях албанских лесов есть место, которое они обходят стороной, место, где темная тень овладевает телами маленьких зверушек, и бедные маленькие зверушки гибнут…

Но не все прошло гладко, правда, Хвост? Однажды вечером, проголодавшись, он зашел на постоялый двор на окраине того самого леса, где он рассчитывал меня найти… И надо же такому случиться — там сидела за столом Берта Джоркинс из Министерства магии! А теперь посмотрите, как судьба благоволит лорду Волан-де-Морту! Хвосту мог быть конец, и с ним растаяли бы и мои надежды на возрождение. Но

Хвост продемонстрировал неожиданное присутствие духа и уговорил Берту Джоркинс выйти прогуляться вместе с ним. Он одолел ее… и привел ее ко мне. И Берта Джоркинс, которая могла бы разрушить все, вместо этого стала даром небес… потому что после недолгих уговоров выяснилось, что она просто кладезь ценнейшей информации.

Она рассказала мне о том, что в этом году в Хогвартсе состоится Турнир Трех Волшебников. Она сообщила мне о Пожирателе смерти, который будет счастлив выполнить любое мое задание, если мне удастся установить с ним контакт. Она поведала мне многое… но средства, которыми я воспользовался, чтобы преодолеть наложенное на нее Заклятие памяти, оказались слишком сильны. Когда я извлек из нее всю необходимую информацию, ее тело и разум были практически полностью разрушены. Она выполнила свое назначение. Вселиться в ее тело было невозможно, и я избавился от нее.

Волан-де-Морт улыбнулся своей ужасной улыбкой. Его красные глаза были равнодушны и безжалостны.

— Вселиться в тело Хвоста, я, конечно, не мог, потому что он считался погибшим, и его появление на людях вызвало бы слишком много

вопросов. Но он был слугой, который был мне необходим, и хотя волшебник из него никакой, Хвост, следуя моим указаниям, помог мне вернуться в собственное, пусть и неполноценное, тело, в котором я существовал, готовя все необходимое для настоящего возрождения… пара-тройка заклинаний моего собственного изобретения… немного помощи от моей дорогой Нагайны, — Волан-де-Морт посмотрел на непрерывно скользящую вокруг него змею, — зелье, сваренное из крови единорога и змеиного яда, которым поделилась со мной Нагайна… и вскоре я вернул себе почти человеческий облик, в котором мог путешествовать.

Украсть философский камень теперь было невозможно, потому что я знал — Дамблдор проследил за тем, чтобы его уничтожили. Но сейчас мне нужна была прежде всего жизнь смертного существа, бессмертие могло и подождать… Теперь моей целью было вернуться в прежнее тело и вернуть себе прежние силы.

Я знал, как добиться этого, заклинание, что вернуло меня сегодня к жизни — это старинная Черная магия. Мне нужны были три мощнейших магических вещества. Ну, одно из них у меня уже было, так, Хвост? Плоть, отданная слугой…

Кость отца легко было найти здесь, где он похоронен. Но кровь врага… Хвост конечно, предпочел бы, чтобы я использовал любого подвернувшегося под руку волшебника, правда, Хвост? Любого волшебника, который ненавидит меня… ведь очень многие ненавидят меня до сих пор. Но я знал, чья кровь мне нужна. Если я хочу возродиться еще более могущественным, мне нужна кровь Гарри Поттера. Мне нужна была кровь того, кто лишил меня силы тринадцать лет назад. Тогда защита его матери будет всегда со мной, будет течь и в моих венах…

Но как добраться до Гарри Поттера? Ведь он сам не подозревал, насколько сильно он защищен. Дамблдор все продумал еще тринадцать лет назад, когда устраивал его будущее. Дамблдор использовал древнее заклятие, которое делало Поттера неприкосновенным до тех пор, пока он находился под опекой своих родственников. Даже я не мог добраться до него… ну, конечно, был еще Чемпионат мира по квиддичу… Я подумал, что там, вдали от родных и от Дамблдора его защита сойдет на нет, но я тогда был еще слишком слаб, чтобы пытаться похитить мальчишку, окруженного целой толпой волшебников из Министерства. А потом он вернется в Хогвартс,

где день и ночь будет прямо перед крючковатым носом этого маглолюбивого придурка. Так как же захватить его?

Естественно, пользуясь информацией, предоставленной Бертой Джоркинс! С помощью моего верного Пожирателя смерти, внедренного в Хогвартс, добиться, чтобы имя Гарри Поттера попало в Кубок огня. С помощью моего верного Пожирателя смерти добиться, чтобы Гарри Поттер выиграл этот Турнир и первым коснулся Кубка, который мой слуга превратил в портал. Кубок должен перенести его сюда, подальше от защиты и помощи Дамблдора, прямо ко мне в руки. И вот он здесь… Мальчишка, которого вы все считали моим победителем…

Волан-де-Морт медленно шагнул вперед и повернулся лицом к Гарри Поттеру. Он поднял палочку:

— *Круцио!*

Боль была совершенно невыносимой; кости, казалось, вот-вот расплавятся, а голова разлетится на куски; глаза бешено вращались в глазницах, и Гарри хотелось только, чтобы эта мука прекратилась… забыться… умереть…

И вдруг все кончилось. Он обессилено повис на веревках, которыми его привязали к могильному

памятнику отца Волан-де-Морта. Перед ним, как в тумане, горели кроваво-красные глаза. Хохот Пожирателей смерти оглушил его.

— Сами видите, глупо было считать, что этот мальчишка мог когда-либо быть сильнее меня, — произнес Волан-де-Морт. — Но я хочу, чтобы никто больше не заблуждался по этому поводу. Гарри Поттер избежал смерти по счастливой случайности. И сейчас я докажу это, убив его прямо здесь, у вас на глазах, здесь, где нет ни Дамблдора, который помог бы ему, ни матери, чтобы снова умереть за него. Я дам ему шанс. Он сможет сражаться, и у вас не останется ни малейшего сомнения, кто из нас двоих сильнее. Чуть-чуть сильнее, Нагайна, — шепнул он змее, и та заскользила по траве туда, где стояли Пожиратели смерти и смотрели на них во все глаза.

— Отвяжи его, Хвост, и верни ему палочку.

Глава 34

«ПРИОРИ ИНКАНТАТЕМ»

Хвост подошел к Гарри, который пытался встать на ноги, прежде чем его отвяжут и он рухнет на землю. Хвост поднял свою новую серебряную руку, вытащил у Гарри кляп изо рта и одним движением разрезал веревки.

Может быть, на какую-то долю секунды у Гарри в голове промелькнула мысль о бегстве, но вывихнутая нога дрожала, а Пожиратели смерти сжали кольцо вокруг Гарри и Волан-де-Морта так, что в нем больше не было пустых мест. Хвост отошел к телу Седрика, вернулся с волшебной палочкой и сунул ее грубо в руку Гарри, не глядя на него. После этого он снова занял свое место в кругу Пожирателей смерти.

— Тебя учили сражаться на дуэли, Гарри Поттер? — тихо спросил Волан-де-Морт. Его красные глаза горели во тьме.

К Гарри, как из прошлой жизни, пришло смутное воспоминание о том, что два года назад он очень недолго ходил в Дуэльный клуб в Хогвартсе… все, чему он там научился, — это обез-

оруживающее заклинание, «экспеллиармус»… и какой в этом толк, даже если ему и удастся обезоружить Волан-де-Морта? Ведь он окружен Пожирателями смерти, их человек тридцать, не меньше… Он не представлял, что могло бы сейчас ему помочь. Он знал, что вот-вот случится то, о чем Грюм предупреждал много раз — неотразимое заклятие Авада Кедавра… Волан-де-Морт был прав — здесь не было его матери, чтобы снова умереть за него… Он ничем не защищен…

— Мы должны поклониться друг другу, Гарри, — сказал Волан-де-Морт, слегка склонившись. При этом лицо его все равно было обращено к Гарри. — Ну же, приличия надо соблюдать… Дамблдор был бы рад увидеть твои хорошие манеры… поклонись смерти, Гарри…

Пожиратели смерти захохотали. Безгубый рот Волан-де-Морта растянулся в улыбке. Гарри стоял, выпрямившись. Он не позволит Волан-де-Морту играть с ним, как кошка с мышью… Он не доставит ему перед смертью этого удовольствия…

— Я сказал, поклонись, — повторил Волан-де-Морт и поднял палочку.

Гарри почувствовал, как его позвоночник изогнулся, будто кто-то с силой прижимал его к земле. Пожиратели смерти снова загоготали.

— Очень хорошо, — тихо произнес Волан-де-Морт и снова поднял палочку. (Давление на спину Гарри ослабело, и он смог выпрямиться.) — А теперь встань ко мне лицом как мужчина… гордо выпрямившись, как умер твой отец… А теперь — дуэль начинается.

Волан-де-Морт занес палочку, и прежде чем Гарри успел что-либо сообразить, его снова настигло заклятие Круциатус. Боль была настолько сильна, что, казалось, заслонила собой весь мир, так что он не мог даже понять, где он… раскаленные добела ножи пронзали каждый сантиметр кожи, голова готова была разлететься на куски от боли; он кричал так громко, как никогда в жизни…

И вдруг все прекратилось. Гарри перекатился на живот и с трудом поднялся на ноги. Он не мог унять дрожь, сотрясающую тело, также, как не мог унять ее Хвост, после того, как отсек себе руку. Он попытался сделать шаг, и, шатаясь, врезался в стену Пожирателей смерти. Они со смехом оттолкнули его к Волан-де-Морту.

— Маленькая передышка, — сказал Волан-де-Морт. Щелки его ноздрей раздувались от возбуждения. — Маленькая пауза… Больно, правда, Гарри? Ты ведь не хочешь, чтобы я сделал

это снова?

Гарри молчал. В этих безжалостных красных глазах он ясно прочел свою судьбу, он умрет как Седрик… Он умрет, и с этим ничего не поделаешь… Но плясать под дудку Волан-де-Морта он не собирается. Он не подчинится ему… не станет молить о пощаде…

— Я спросил тебя, хочешь ли ты, чтобы я сделал это снова? — сказал Волан-де-Морт. — Отвечай! *Империо!*

Третий раз в жизни Гарри почувствовал, как мысли, все до одной, улетучились из его головы… ах, какое это было блаженство — не думать… казалось, что его куда-то уносят теплые волны, что он безмятежно дремлет… Только скажи «нет»… скажи «нет»… только скажи «нет»…

«Не скажу, — прозвучал в голове решительный голос. — Не скажу».

«Только скажи «нет»…»

«Не буду, я же сказал…»

«Только скажи «нет»…»

— Не буду!

Эти слова вырвались изо рта Гарри, и эхо разнесло их по всему кладбищу. Приятное состояние полудремы мгновенно исчезло, и снова вернулось ощущение боли, которое осталось в его теле

после заклятия Круциатус. Гарри снова понимал, где находится, и что его ждет…

— Не будешь? — тихо переспросил Волан-де-Морт. — Не скажешь «нет»? Гарри, прежде, чем ты умрешь, я должен научить тебя слушаться старших… может, поможет еще одна маленькая доза боли?

Волан-де-Морт снова поднял палочку, но на этот раз Гарри был готов; долгие тренировки по квиддичу дали о себе знать — он тут же упал на землю, быстро перекатился и оказался за мраморным памятником на могиле отца Волан-де-Морта. Заклятие угодило в памятник, и плита треснула.

— Мы тут не в прятки играем, Гарри, — тихий, холодный голос Волан-де-Морта звучал совсем рядом. Раздался очередной взрыв смеха Пожирателей смерти. — От меня не спрячешься. Может, ты устал от нашей дуэли? Может, ты хочешь, чтобы я закончил ее сейчас, Гарри? Тогда выходи, Гарри… выходи и поиграй… это будет быстро… и может быть даже не больно… я не знаю… я никогда не умирал…

Гарри скорчился за могильным камнем и думал о том, что ему конец. Надежды не было… помощи ждать неоткуда. Шаги Волан-де-Морта раздавались все ближе, и Гарри почувствовал,

что страха больше нет. Он не умрет, сжавшись в комочек, как ребенок, играющий в прятки; он не умрет на коленях у ног Волан-де-Морта… он умрет, гордо выпрямившись, как его отец, и пытаясь защититься, даже если это невозможно…

Не дожидаясь, пока Волан-де-Морт высунет свое змеиное лицо из-за памятника, Гарри поднялся, крепко схватил волшебную палочку и, держа ее перед собой, бросился навстречу Волан-де-Морту.

Тот был к этому готов, и в тот же самый миг, когда Гарри крикнул: *«Экспеллиармус!»*, раздался крик Волан-де-Морта: *«Авада Кедавра!»*

Из палочки Волан-де-Морта вырвался зеленый луч, а из палочки Гарри — красный. Они встретились в воздухе, на полпути, и Гарри почувствовал, как палочка в его руках завибрировала, будто через нее пропускали электрический ток. Руки его приросли к палочке, и он не смог бы выпустить ее, даже если бы захотел. Сейчас соединяющий обе палочки узкий луч, был не красным и не зеленым, но пронзительно-золотым. Гарри, изумленно проследив взглядом за этим лучом, увидел, что палочка Волан-де-Морта тоже вибрирует и трясется в его длинных бледных пальцах.

А потом случилось то, чего Гарри совершенно не ожидал — его ноги оторвались от земли. Они с

Волан-де-Мортом оба поднялись в воздух, а концы их палочек по-прежнему соединяла сверкающая золотая нить. Они улетели в сторону от могилы отца Волан-де-Морта и приземлились на поляне, где могил не было. Пожиратели смерти бежали за ними и кричали, спрашивая у своего хозяина, что им делать. Затем Пожиратели снова окружили их, некоторые потянулись за палочками, змея скользила у них под ногами.

Луч золотого света, соединяющий Гарри и Волан-де-Морта неожиданно расщепился на множество тонких сияющих лучиков. Палочки их оставались соединены, а золотые нити сплетали вокруг Гарри и Волан-де-Морта сверкающий купол паутины. Вскоре дуэлянты оказались как бы в клетке из света, а за стенками клетки рыскали, как шакалы, Пожиратели смерти, и крики их, казалось, доносились откуда-то издалека…

— Ничего не делать! — крикнул Волан-де-Морт своим приспешникам, и Гарри увидел, как его красные глаза расширились от удивления. Волан-де-Морт явно не понимал, что происходит, и теперь из всех сил старался разорвать золотую нить, соединяющую волшебные палочки. Гарри ухватился за свою палочку еще крепче, и нить осталась цела. — Ничего не делать без моей

команды! — прокричал Волан-де-Морт Пожирателям смерти.

В этот момент в воздухе поплыла прекрасная, неземная мелодия… ее издавала каждая из нитей паутины золотого света, которые вибрировали вокруг Гарри и Волан-де-Морта. Гарри узнал эти звуки, несмотря на то, что слышал их до этого только раз… это была песня феникса…

Для Гарри это был звук надежды… самое прекрасное и желанное, что только он слышал в своей жизни… он чувствовал, что эти звуки не просто витают в воздухе рядом с ним, они звучат у него внутри… эта мелодия была связана с Дамблдором, и ему показалось на мгновение, будто друг что-то шепнул ему на ухо…

Не позволяй связи распасться.

Я знаю, ответил Гарри музыке. Я знаю, что я не должен допустить этого… но как только он это подумал, удерживать связь стало намного тяжелее. Его палочка сильно завибрировала… теперь уже палочки соединял не луч, теперь это было похоже на огромные бусины света, которые скользили по золотой нити. Гарри увидел, что бусины движутся от Волан-де-Морта к нему и тут же почувствовал, как палочка сердито вздрогнула в его руках.

Чем ближе придвигалась к нему ближайшая бусина, тем горячее становилась его волшебная палочка. Дерево в его ладони раскалилось настолько, что Гарри казалось — палочка вот-вот вспыхнет. Бусина придвинулась еще ближе, и палочка возмущенно затряслась. Если бусина приблизится вплотную, палочка этого явно не выдержит, она уже сейчас вот-вот разлетится на куски…

Гарри сосредоточил все свои мысли на том, чтобы заставить бусины двигаться в обратном направлении — от него к Волан-де-Морту. Разъяренные глаза его были устремлены на бусины, в ушах звучала песня феникса — и мало-помалу бусины замедлили движение, остановились, а потом потекли обратно… Теперь палочка Волан-де-Морта вибрировала так, что готова была развалиться. Сам же Волан-де-Морт выглядел потрясенным и почти испуганным…

Первая бусина теперь дрожала в паре дюймов от кончика палочки Волан-де-Морта. Гарри не понимал, зачем ему это, не знал, чего он этим добьется… но сейчас он сосредоточился на том, чтобы загнать эту бусину света обратно, в палочку Волан-де-Морта. Медленно… очень медленно… еще немного вперед по золотой нити… бусина

вздрогнула и влилась в палочку.

Сразу же из палочки Волан-де-Морта раздались крики боли… потом глаза Волан-де-Морта расширились от ужаса, когда из его волшебной палочки показалась рука из густого дыма и тут же исчезла… призрак руки, подаренной Хвосту, снова крики боли… потом из кончика палочки показалось что-то большое, гораздо больше руки, серое нечто из густого, плотного дыма… голова… грудь и руки… туловище Седрика Диггори.

Потрясение было так велико, что Гарри мог запросто выпустить свою палочку из рук, и лишь инстинкт самосохранения помешал ему сделать это. Золотая нить осталась цела, несмотря на то, что плотный, серый призрак Седрика Диггори (неужели это призрак? Он кажется таким настоящим!) целиком появился из палочки Волан-де-Морта, будто протискиваясь сквозь узкий тоннель… Тень Седрика выпрямилась, посмотрела на золотой луч, соединяющий палочки, и сказала:

— Держись, Гарри.

Его голос, казалось, донесся откуда-то издалека. Гарри посмотрел на Волан-де-Морта… его красные глаза расширились от потрясения… он, как и Гарри, не ожидал ничего подобного. Гарри

услышал глухие вопли Пожирателей смерти, которые продолжали кружиться за границей золотого купола.

Снова раздались крики боли… и снова что-то появилось из палочки… тень еще одной головы, за которой тут же показались руки и тело… Старик, которого Гарри когда-то видел во сне, также, как и Седрик, выбирался из палочки… его призрак или тень — неважно, что это было — упало на землю рядом с тенью Седрика. Он выпрямился, опираясь на свою палку, окинул взглядом Гарри, Волан-де-Морта, золотую паутину…

— Значит, он действительно волшебник? — сказал старик, глядя на Волан-де-Морта. — Этот тип меня убил… покажи ему, мальчик…

Из палочки показалась следующая голова… эта, похожая на вылепленную из густого дыма статую, была женской… Руки Гарри отчаянно тряслись, он старался удержать свою палочку на месте. Призрак упал на землю, поднялся и посмотрел на разворачивающуюся перед ним битву.

Тень Берты Джоркинс уставилась на Гарри, глаза ее расширились, и она крикнула:

— Не отпускай ни в коем случае! — Голос ее, как и голос Седрика, звучал будто издалека. — Не дай ему добраться до тебя! Не отпускай, держись!

Она и две другие серые фигуры двигались теперь по кругу внутри золотой паутины, а Пожиратели смерти бегали снаружи… жертвы Волан-де-Морта шептали Гарри ободряющие слова и что-то шипели своему убийце.

Из волшебной палочки Волан-де-Морта показалась очередная голова, и Гарри сразу понял, кто это… он как будто был уверен в этом с того самого момента, когда увидел призрак Седрика… уверен, потому что именно эту женщину он вспоминал этой ночью чаще всего…

Дымчатая тень молодой женщины с длинными волосами упала на землю, встала, посмотрела на него… Гарри, руки которого немилосердно тряслись, смотрел в призрачное лицо своей матери.

— Отец сейчас будет… — тихо сказала она. — Он хочет увидеть тебя… все будет хорошо… держись…

И он появился… сначала его голова, потом тело… из палочки Волан-де-Морта возникла высокая, с растрепанными, как у Гарри, волосами тень Джеймса Поттера. Волан-де-Морт смертельно побледнел от страха перед своими жертвами, которые кружили вокруг него. Отец подошел к Гарри, посмотрел на него и заговорил тем же, доносящимся как бы издалека голосом, что и все

остальные, только тихо, чтобы Волан-де-Морт не услышал:

— Когда связь будет разорвана, мы задержимся на мгновение… мы дадим тебе немного времени… ты должен добраться до портала, он вернет тебя в Хогвартс… Понял, Гарри?

— Да, — выдохнул Гарри, сражаясь с палочкой, которая скользила в руках и в любой момент могла вырваться.

— Гарри… — прошептал призрак Седрика, — возьми мое тело с собой, ладно? Отнеси мое тело родителям…

— Хорошо, — ответил Гарри. Лицо его исказилось от напряжения — теперь он с трудом удерживал палочку в руках.

— Сделай это сейчас, — прошептал отец. — Приготовься бежать. Давай, вперед…

— Вперед! — крикнул Гарри.

В любом случае, дольше удерживать палочку он уже не мог. Он сильно рванул ее вверх, и золотая нить порвалась. Световой купол исчез, песня феникса растаяла в воздухе. Но призрачные фигуры жертв Волан-де-Морта не исчезли. Они сжимали кольцо вокруг Волан-де-Морта, скрывая Гарри от его глаз.

А Гарри бежал, как никогда в жизни. Он сбил с

ног двух остолбеневших Пожирателей смерти и принялся петлять как заяц между памятников. Вслед ему неслись заклятия, но Гарри уворачивался и только слышал треск могильных плит. Он бежал к телу Седрика, не вспоминая о вывихнутой ноге. Все его существо было сосредоточено на том, что ему предстояло сделать…

— Оглушить его! — раздался вопль Волан-де-Морта. Гарри нырнул за мраморного ангела, футах в десяти от Седрика, и увидел только стрелы красного света. Крыло ангела с треском отвалилось. Схватив покрепче палочку, он выскочил из своего укрытия и проревел:

— *Импедимента!* — Гарри взмахнул палочкой в сторону преследующих его Пожирателей смерти.

Послышался сдавленный крик, и Гарри понял, что задержал, как минимум, одного. Времени оглядываться не было. Он перепрыгнул через Кубок и снова бросился на землю, чтобы увернуться от направленных на него заклятий. Гарри протянул руку и ухватился за тело Седрика…

— Отойдите! Я убью его! Он мой! — крикнул Волан-де-Морт.

Гарри держал Седрика за запястье. Его и Волан-де-Морта разделял теперь всего один памятник,

но тело Седрика слишком тяжело, а до Кубка не дотянуться…

В темноте вспыхнули красные глаза Волан-де-Морта. Гарри увидел, как его рот изгибается в улыбке, а рука поднимает палочку.

— *Акцио!* — крикнул Гарри, указав палочкой на Кубок.

Кубок взлетел и тут же очутился рядом. Гарри поймал его за ручку…

Он услышал яростный вопль Волан-де-Морта в тот самый момент, когда почувствовал уже знакомый рывок под ложечкой. Портал сработал, и теперь в вихре красок и ветра они с Седриком уносились отсюда… возвращались домой…

Глава 35

СЫВОРОТКА ПРАВДЫ

Гарри шлепнулся лицом на землю и почувствовал запах смятой травы. Когда портал понес его, он закрыл глаза и так и лежал с закрытыми глазами. Он не двигался. От падения из него будто вышибло весь воздух. Голова кружилась так, что земля под ним, казалось, раскачивалась как палуба корабля. Чтобы как-то остановить это безостановочное раскачивание, Гарри вцепился еще крепче в Седрика и в гладкую холодную ручку Кубка. Ему казалось, что если он отпустит их, то непременно соскользнет в черноту, медленно офужавшую его сознание. От шока и физического изнеможения он не мог, да и не хотел, подняться на ноги. Он лежал на земле и вдыхал запах травы… ожидая, пока кто-нибудь что-нибудь сделает… что-нибудь случится… и все это время он ошущал тупую, постоянную боль в шраме…

Водоворот звуков оглушил его и сбил с толку. Голоса, шаги, крик доносились отовсюду… Гарри оставался на земле, лицо его исказила болезненная гримаса, как будто вся эта какофония была

лишь ночным кошмаром, который непременно пройдет…

Вдруг его схватили чьи-то руки и резко перевернули на спину

— Гарри! Гарри! Он открыл глаза.

Над ним было звездное небо и лицо Альбуса Дамблдора. Вокруг них сжималось кольцо теней — это была окружившая их толпа, которая становилась все больше и больше. Гарри почувствовал, как земля под ним вибрирует от множества приближающихся шагов.

Кубок принес его на край лабиринта. Гарри видел возвышающиеся над ним трибуны, фигурки двигающихся там людей, звезды над головой.

Гарри отпустил Кубок, но еще крепче прижал к себе Седрика. Он поднял свободную руку и ухватил Дамблдора за запястье. Лицо директора то становилось отчетливым, то снова расплывалось.

— Он вернулся, — прошептал Гарри. — Волан-де-Морт вернулся.

— Что случилось? Что происходит?

Сверху над Гарри возникло побелевшее от ужаса лицо Корнелиуса Фаджа.

— Бог мой! Диггори! — прошептал он. — Дамблдор… он мертв!

Слова эти тут же пронеслись над окружавшей их толпой, которая сотней голосов выплеснула эту ужасную новость в тьму ночи:

— Он мертв! Он мертв! Седрик Диггори! Мертв!

— Гарри, отпусти его, — услыхал он голос Фаджа. Гарри почувствовал, как кто-то пытается разжать его пальцы, но только еще сильнее сжал их.

Над ним наклонилось расплывчатое лицо Дамблдора.

— Гарри, ему уже не поможешь. Все кончено. Отпусти его.

— Он хотел, чтобы я принес его обратно, — пробормотал Гарри. Ему казалось очень важным объяснить это. — Он хотел, чтобы я принес его обратно к родителям…

— Хорошо, Гарри… а теперь отпусти его, ну же…

Дамблдор наклонился и с силой, неожиданной в таком худом и старом человеке, поднял Гарри и поставил его на ноги. Гарри покачнулся. В голове бухал тяжеленный молот. Вывихнутая нога тряслась, так что опереться на нее было невозможно. Толпа, беспокойно шевелясь, наступала, темные тени придвигались все ближе.

— Что с ним? Что с ним случилось? Диггори

мертв!

— Ему нужно в больничное крыло! — громко заявил Фадж. — Ему плохо, он ранен… Дамблдор, родители Диггори, они здесь, на трибуне… Я отведу Гарри, Дамблдор, я отведу его в больничное…

— Нет, я предпочел бы…

— Дамблдор, сюда бежит Амос Диггори… вот он… вам не кажется, что лучше было бы вам сообщить ему… прежде, чем он увидит…

— Гарри, оставайся здесь…

Девочки кричали, истерически всхлипывали… Окружающее странно мерцало у Гарри перед глазами…

— Все хорошо, сынок вот и я… пойдем… в больничное крыло…

— Дамблдор сказал мне остаться, — заплетающимся языком произнес Гарри. Пульсирующая боль в шраме была так сильна, что, казалось, его вот-вот вырвет; все вокруг было смазано, как будто зрение отказалось работать…

— Тебе нужно лечь… пойдем, ну же…

кто-то большой и сильный то ли тянул, то ли нес Гарри сквозь испуганную толпу Со всех сторон доносились всхлипы, крики и плач. Мужчина, поддерживая его, вывел его из толпы и теперь они двигались к замку. Через лужайку

мимо озера и Дурмстрангского корабля. Гарри не слышал ничего кроме тяжелого дыхания человека, помогавшего ему идти.

— Что случилось, Гарри? — спросил человек, помогая Гарри подняться по каменным ступенькам крыльца. Клак Клак Клак Это был Грозный Глаз Грюм.

— Кубок — это портал, — ответил Гарри. Они пересекали холл. — Перенес нас с Седриком на кладбище… а там был Волан-де-Морт… лорд Волан-де-Морт…

Клак Клак Клак Вверх по мраморным ступеням…

— Там был Темный Лорд? И что случилось?

— Убили Седрика… Они убили Седрика…

— А потом?

Клак Клак Клак По коридору…

— Сварил зелье… вернул себе тело…

— Темный Лорд вернул себе тело? Он вернулся?

— А потом появились Пожиратели смерти… а потом мы сражались на дуэли…

— Ты сражался на дуэли с Темным Лордом?

— Удалось бежать… моя палочка… что-то случилось… я видел маму и папу… они появились из его палочки…

— Заходи, Гарри… сюда, садись… сейчас все будет в порядке… выпей это…

Гарри услышал, как в замке повернулся ключ. кто-то сунул ему в руку чашку.

— Выпей… тебе станет лучше… ну же, Гарри, мне надо точно знать, что произошло…

Грюм прижал чашку к его губам и наклонил ее. Острая, как перец, жидкость обожгла горло и Гарри закашлялся. Кабинет Грюма, да и сам его хозяин вдруг стали совершенно отчетливыми… Грюм был бледен, как Фадж, и оба его глаза, не мигая, смотрели Гарри в лицо.

— Волан-де-Морт вернулся, Гарри? Ты уверен? Как он это сделал?

— Он взял кое-что из могилы отца, у Хвоста и у меня, — ответил Гарри. В голове у него прояснилось, а боль в шраме утихла. Теперь он отчетливо видел лицо Грюма, хотя в кабинете было темно. С площадки для квиддича доносились шум и крики.

— Что Темный Лорд взял у тебя? — спросил Грюм.

— Кровь, — показал Гарри руку. Рукав мантии был разорван там, где Хвост проткнул его кинжалом.

Грюм тяжело, с присвистом выдохнул.

— А Пожиратели смерти? Они вернулись?

— Да. Целая куча…

— И как он встретил их? — тихо спросил Грюм. — Он простил их?

Внезапно Гарри вспомнил. Он должен был сразу же сказать об этом Дамблдору прямо там, на поле…

— В Хогвартсе есть Пожиратель смерти! Здесь Пожиратель смерти, они вложили мое имя в Кубок, проследили за тем, чтобы я добрался до финала…

Гарри попытался встать, но Грюм толкнул его обратно в кресло.

— Я знаю, кто этот Пожиратель смерти, — тихо произнес он.

— Каркаров? — выкрикнул Гарри. — Где он? Вы поймали его? Он заперт?

— Каркаров? — переспросил Грюм со странным смешком. — Каркаров сбежал сегодня ночью, когда почувствовал, как горит Черная Метка у него на руке. Вряд л и он жаждет встречи с Темным Лордом — он предал слишком много его верных сторонников… Сомневаюсь, что ему удастся убежать далеко. Темный Лорд умеет разыскивать своих врагов.

— Каркаров сбежал? Его нет? Но тогда… разве

не он вложил мое имя в Кубок?

— Нет, — медленно ответил Грюм. — Нет, не он. Это сделал я.

Гарри не поверил свои ушам.

— Нет-нет, это не вы… Вы не могли сделать это…

— Уверяю тебя, это был я, — подтвердил Грюм. Его волшебный глаз крутанулся в глазнице и посмотрел на дверь. Гарри понял — он хочет убедиться в том, что за дверью никого нет. Одновременно с этим Грюм вытащил палочку и направил ее на Гарри.

— Так он их простил? — сказал он. — Пожирателей смерти, которые остались на свободе? Тех, кто изловчился и избежал Азкабана?

— Что? — спросил Гарри.

Он смотрел на палочку, которую Грюм наставил на него. Это какая-то нелепая шутка, не иначе.

— Я спросил тебя, — тихо повторил Грюм, — простил ли он тех негодяев, которые даже не попытались отыскать его? Этих трусов и предателей, которые даже не смогли отстрадать за него в Азкабане? Этих грязных, бесполезных подонков, которые набрались смелости покуражиться в масках во время Чемпионата мира по квиддичу, но туг же в страхе разбежались, когда я запустил

в небо Черную Метку?

— Вы запустили… О чем это вы?

— Я сказал тебе, Гарри… Уже сказал. Если и есть что-то, что я ненавижу больше всего, то это Пожиратель смерти, оставшийся на свободе. Они повернулись к своему хозяину спиной в тот момент, когда он нуждался в них больше всего. Я ждал, что он накажет их. Надеялся, что он будет мучить их Скажи, что он мучил их, Гарри… — Лицо Грюма внезапно исказилось в безумном оскале. — Скажи, что он сообщил им, что я, я один остался верен ему., я был готов рискнуть всем, чтобы доставить ему то, чего он хотел больше всего… тебя.

— Вы не… это… это не могли быть вы…

— Кто вложил твое имя в Кубок под названием другой школы? Я. Кто отпугивал каждого, кто, по моему мнению, мог повредить тебе или помешать выиграть Турнир? Я. Кто навел Хагрида на мысль показать тебе драконов? Я. Кто помог тебе найти единственно возможный для тебя способ победить дракона? Я.

Теперь волшебный глаз Грюма смотрел не на дверь, а прямо на Гарри. Его перекошенный рот растянулся в ухмылке.

— Было нелегко, Гарри, провести тебя через все

эти задания так, чтобы не возбудить подозрений. Мне пришлось изворачиваться вовсю, чтобы никто не мог разгадать мою роль в твоих успехах. Дамблдор непременно заподозрил бы что-то, если бы ты слишком легко справился с заданиями. Как только ты забрался бы в лабиринт — да еще раньше остальных — тогда у меня был бы шанс избавиться от других участников и расчистить тебе дорогу. Но мне приходилось еще и бороться с твоей тупостью. Второе задание… тогда я больше всего опасался провала. Я следил за тобой, Поттер. Я знал, что ты не разгадал тайну яйца, и поэтому мне пришлось сделать тебе еще одну подсказку…

— Это не вы, — хрипло возразил Гарри. — Это Седрик мне подсказал…

— А кто подсказал Седрику открыть яйцо под водой? Я. Я был уверен, что он сообщит об этом тебе. Порядочными людьми легко манипулировать, Поттер. Можно было не сомневаться в том, что Седрик отплатит тебе за то, что ты рассказал ему о драконах! Но даже после этого, Поттер, даже после этого ты так и не нашел решения задачи. Я все время за тобой следил… столько часов в библиотеке. Ты что, не понял, что книга, которую ты искал, была все это время у тебя в спальне? Я

позаботился об этом заранее, дал ее этому мальчишке Долгопупсу еще в начале года, ты что, не помнишь? «Магические средиземноморские водные растения и их свойства». Из нее ты мог бы узнать все, что нужно про жабросли. Я надеялся, что ты будешь просить помощи у всех и каждого. Долгопупс тут же рассказал бы тебе об этом. Но ты не просил… нет… твоя независимость и гордость чуть не погубили все дело.

Что мне оставалось делать? Найти другой, столь же невинный способ сообщить тебе эту информацию. На Святочном балу ты сказал мне, что эльф по имени Добби сделал тебе подарок на Рождество. Я вызвал эльфа в комнату для преподавателей забрать одежду в чистку и нарочно завел громкий разговор с профессором МакГонагалл о заложниках под водой и о том, догадается ли Гарри Поттер использовать жабросли. Твой дружок-эльф тут же бросился в кабинет Снегга, а потом разыскал тебя…

Палочка Грюма была по-прежнему нацелена Гарри прямо в сердце. В висевшем на стене за спиной Грюма Проявителе Врагов мелькали неясные тени.

— Ты так долго просидел в озере, Поттер, что я уж подумал, ты утонул. Но, к счастью, Дамблдор

принял твой идиотизм за благородство, и дал тебе самый высокий балл. Я снова вздохнул с облегчением. Сегодня в лабиринте тебе, конечно, было легче, чем остальным, — продолжал Грюм. — Это потому, что я патрулировал лабиринт, видел все сквозь стены и убирал препятствия с твоего пути. Я оглушил Флер Делакур и с помощью заклятия Империус заставил Крама покончить с Диггори. Путь для тебя к Кубку был расчищен.

Гарри оторопело смотрел на Грюма. Он просто не понимал, как это могло случиться… друг Дамблдора, знаменитый мракоборец… поймал так много Пожирателей смерти… это бессмысленно… совершенно бессмысленно…

Туманные тени в Проявителе Врагов становились четче. За плечом Грюма Гарри видел, как три человека подходят все ближе и ближе. Но Грюм не замечал их, он смотрел на Гарри.

— Темному Лорду не удалось убить тебя, Поттер, а он так этого хотел, — прошептал Грюм. — Представь, как он наградит меня, когда узнает, что я сделал для него. Я отправил ему тебя — то, что ему нужно было больше всего, чтобы возродиться, — а потом я убил тебя для него. Я буду превознесен перед всеми Пожирателями смерти. Я буду самым дорогим, самым близким его соратником… стану

ближе ему, чем сын…

Нормальный глаз Грюма был выпучен, а волшебный глаз уставился на Гарри. Дверь была заперта на засов, и Гарри знал, что ему не успеть вытащить свою палочку…

— У нас с Темным Лордом много общего, — Грюм нависал над Гарри, беспрерывно скалясь, и выглядел совершенно безумным. — Нас обоих разочаровали наши отцы… совершенно разочаровали. Мы оба, к сожалению, носим их имена, Гарри. И оба мы получили огромное удовольствие… неизъяснимое удовольствие… убив наших отцов, чтобы обеспечить наступление Темного Порядка!

— Вы сумасшедший, — не удержавшись, воскликнул Гарри, — вы сумасшедший!

— Я сумасшедший? — истерично переспросил Грюм, и его голос взлетел до самых верхних нот. — Посмотрим! Посмотрим, кто сумасшедший, теперь, когда Темный Лорд вернулся, а я рядом с ним! Он вернулся, Гарри Поттер, ты не одолел его… а теперь — я одолею тебя!

Грюм поднял палочку, открыл рот, Гарри успел сунуть руку в карман за палочкой…

— *Окаменей!*

Ослепительная алая вспышка сопровождалась

треском и грохотом, дверь кабинета разлетелась на части…

Грюма отшвырнуло на пол. Гарри, глядя туда, где только что было лицо Грюма, увидел в Проявителе Врагов Альбуса Дамблдора, профессора МакГонагалл и профессора Снегга. Гарри обернулся и понял, что все трое стоят в дверях, Дамблдор на шаг впереди остальных. В этот миг Гарри понял наконец, почему все говорят, что Дамблдор — единственный волшебник, которого Волан-де-Морт когда-либо боялся. Дамблдор смотрел на лежащего на полу Грюма, и выражение лица директора внушало такой ужас, что Гарри не поверил своим глазам. На лице у Дамблдора не было снисходительной улыбки, голубые глаза не поблескивали заговорщически за стеклами очков. Старое, изборожденное морщинами лицо излучало холодную ярость; невиданная мощь исходила от Дамблдора и распространялась обжигающими волнами по комнате.

Он вошел в кабинет и ногой перевернул лежащего на полу Грюма на спину. Вслед за ним прошел Снегг и посмотрел в Проявитель Врагов, где еще виднелось его собственное разгневанное лицо.

Профессор МакГонагалл подошла прямо к

Гарри.

— Пойдемте, Поттер, — прошептала она. Губы ее дрожали, так что казалось, она вот-вот заплачет. — Пойдемте… В больничное крыло…

— Нет, — резко возразил Дамблдор.

— Дамблдор, он должен… посмотрите на него… он перенес сегодня столько…

— Он останется, Минерва, потому что ему нужно понять, — прервал ее Дамблдор. — Понимание — это первый шаг ктому чтобы принять случившееся, и только после этого он сможет прийти в себя. Ему нужно знать, кто и зачем вовлек его в тяжелейшие испытания сегодняшней ночи.

— Грюм, — произнес Гарри, который все еще не мог прийти в себя от изумления. — Как Грюм мог все это сделать?

— Это не Аластор Грюм, — тихо сказал Дамблдор. — Ты никогда не знал Аластора Грюма. Настоящий Грюм никогда не увел бы тебя от меня после того, что произошло сегодня. Как только он ушел с тобой, я сразу все понял… и отправился следом.

Дамблдор наклонился над безвольно лежащим Грюмом, запустил руку в карман его мантии и вытащил оттуда фляжку и связку ключей. Обернувшись к профессору МакГонагалл и Снеггу,

он сказал:

— Северус, принесите, пожалуйста, самое сильное зелье правды, которое у вас есть, а потом сходите на кухню и приведите эльфа по имени Винки. Минерва, будьте добры, пойдите к дому Хагрида, вы увидите там на грядке с тыквами большого черного пса. Отведите его в мой кабинет, скажите ему, что я скоро приду, и возвращайтесь сюда.

Если указания директора и показались Снеггу или МакГонагалл странными, они сумели скрыть замешательство. Оба тут же развернулись и вышли из кабинета. Дамблдор подошел к сундуку с семью замками, вставил ключ в первый замок, повернул его и откинул крышку. Внутри лежала гора книг. Дамблдор запер сундук, вставил второй ключ во второй замок и снова открыл сундук Книги исчезли, и их место занимала теперь целая куча сломанных вредноско-пов, пергамента и перьев, а сверху лежало что-то серебристое, напомнившее Гарри мантию-невидимку. Гарри как зачарованный смотрел, как Дамблдор открывает один задругам третий, четвертый, пятый, шестой замки и всякий раз в сундуке оказывается что-нибудь новое. В конце концов Дамблдор отпер седьмой замок, откинул крышку, и у Гарри

вырвался крик удивления.

Перед его глазами было что-то вроде небольшого подземелья глубиной футов десять. На полу крепко спал совершенно истощенный настоящий Грозный Глаз Грюм. Деревянной ноги у него не было, глазница, где должен быть волшебный глаз, провалилась, а неровно выстриженные клочья седых волос торчали в разные стороны. Гарри, не в силах совладать с изумлением, перевел взгляд с Грюма, который лежал в подземелье, на Грюма, который лежал на полу кабинета.

Дамблдор залез в сундук, аккуратно спрыгнул на пол рядом со спящим Грюмом и склонился над ним.

— Оглушен… заклятие Империус… совсем ослабел, — произнес он. — Конечно, он нужен был им живым. Гарри, брось мне мантию этого самозванца. Аластор совсем окоченел от холода. Мадам Помфри непременно осмотрит его, но, похоже, угрозы для жизни нет.

Гарри бросил плащ. Дамблдор укрыл Грюма, подоткнул аккуратно края мантии, выбрался из сундука и принялся исследовать фляжку лже-Грюма. Отвинтил крышку и осторожно наклонил ее. На пол капнула густая, клейкая на вид жидкость.

— Оборотное зелье, Гарри, — заметил Дамблдор. — Видишь, как все просто? Дело в том, что Грюм всегда пьет только из своей фляжки, и все прекрасно об этом знают. Самозванцу, конечно, нужно было, чтобы настоящий Грюм всегда находился под рукой, чтобы пополнять запас Оборотного зелья. Посмотри на его волосы… — Дамблдор бросил взгляд на Грюма в подземелье. — Самозванец весь год отстригал понемногу, видишь, они неровные? Но я думаю, что сегодняшней бурной ночью он мог и забыть в очередной раз принять зелье — его ведь нужно принимать каждый час… Посмотрим…

Дамблдор устроился в кресле и сидел неподвижно, не сводя глаз с лже-Грюма. Гарри тоже смотрел на него, не отрываясь. Минуты шли одна за другой…

В какой-то момент лицо лежащего на полу человека стало меняться прямо на глазах. Шрамы исчезли, кожа стала гладкой, покалеченный нос приобрел обычную форму и уменьшился. Седеющая грива становилась все короче, пока не превратилась в коротко стриженые соломенного цвета волосы. Деревянный протез с гулким стуком упал на пол, а на его месте выросла обычная нога. Еще мгновение — и волшебный глаз вы-

скочил из глазницы, и его заменил нормальный глаз. Волшебный глаз покатился по полу, не переставая вращаться в разные стороны.

Перед Гарри лежал бледный, слегка веснушчатый мужчина со светлыми волосами. Гарри знал, кто это. Он видел этого человека в Омуте Дамблдора, видел, как дементоры тащили его прочь из зала, а он при этом пытался убедить мистера Крауча, что ни в чем не виноват… но сейчас вокруг глаз у него залегли морщины, и он выглядит гораздо старше…

В коридоре послышались быстрые шаги. Первым в кабинет вошел Снегг, за ним Винки, а за ней профессор МакГонагалл.

— Крауч! — остолбенел от изумления Снегг. — Барти Крауч!

— Боже мой! — профессор МакГонагалл замерла в дверях и не сводила глаз с лежащего на полу человека.

Грязная, растрепанная Винки выглянула из-за ног Снегга и тут же пронзительно взвизгнула:

— Мастер Барти, мастер Барти, что вы здесь делать? Она бросилась на грудь Краучу с воплями:

— Ты убить его! Ты убить его! Ты убить сына моего хозяина!

— Он просто оглушен, Винки, — ответил Дамбл-

дор. — Отойди, пожалуйста, в сторонку. Северус, вы принесли зелье?

Снегг вручил Дамблдору маленький пузырек с совершенно прозрачной жидкостью — Сыворотку Правды, которой он однажды на уроке пригрозил напоить Гарри. Дамблдор склонился надлежащим на полу, подтащил его к стене и прислонил к ней в сидячем положении прямо под Проявителем Врагов, из которого все еще смотрели разъяренные лица Дамблдора, Снегга и МакГонагалл. Винки, спрятав лицо в ладонях, так и осталась на коленях. Ее всю трясло. Дамблдор открыл рот Крауча и влил ему три капли сыворотки. Затем он указал палочкой на грудь Крауча и произнес:

— *Оживи!*

Сын Крауча открыл глаза. На лице его не было никакого выражения, глаза смотрели в одну точку. Дамблдор стал перед ним на колени, так чтобы их лица находились на одном уровне.

— Ты слышишь меня? — тихо спросил Дамблдор. Мужчина моргнул.

— Да, — так же тихо ответил он.

— Я хотел бы, чтобы ты рассказал нам, — спросил Дамблдор, — как ты оказался здесь. Как ты бежал из Азкабана?

Крауч судорожно вздохнул и монотонно заговорил:

— Меня спасла мать. Она знала, что умирает. Она упросила отца спасти меня ради нее. Он любил ее так, как никогда не любил меня. Он согласился. Они пришли навестить меня. Дали мне Оборотное зелье с волосом матери. А она приняла зелье с моим волосом. Мы обменялись внешностью.

Винки, все еще дрожа, яростно затрясла головой:

— Ни слова, мастер Барти, ни слова больше, вы причинить беду вашему отцу!

Но Крауч лишь судорожно вздохнул и все так же монотонно продолжил:

— Дементоры слепы. Они ощутили, что в Азкабан вошли один здоровый человек и один умирающий. Они ощутили, что вышли один здоровый и один умирающий. Отец вывел меня, переодев в платье матери, на случай, если сквозь решетку нас видели другие заключенные. Мать умерла вскоре после этого. Она принимала Оборотное зелье до самой смерти. Она похоронена под моим именем и с моей внешностью. Все были уверены, что она — это я.

Крауч снова моргнул.

— А что сделал отец, когда доставил тебя домой? — спросил Дамблдор.

— Инсценировал смерть матери. Тихие, семейные похороны. Эта могила пуста. Наш эльф выходила меня. Потом меня скрывали. Меня нужно было контролировать. Отец использовал множество заклинаний, чтобы управлять мной. Когда я выздоровел, я думал только о том, чтобы отыскать своего хозяина… чтобы вернуться к нему на службу.

— Как твой отец управлял тобой? — задал вопрос Дамблдор.

— Заклятие Империус, — ответил Крауч. — Я находился под контролем отца. Он заставил меня ходить круглые сутки в мантии-невидимке. Рядом со мной всегда была эльф. Она была моим тюремщиком и заботилась обо мне. Она жалела меня. Она убедила отца давать мне иногда возможность развлечься. В награду за примерное поведение.

— Мастер Барти, мастер Барти, — всхлипывала Винки сквозь прижатые к лицу ладони. — Не надо говорить им, мы попасть в беду…

— Стало ли кому-нибудь известно, что ты жив? — тихо спросил Дамблдор. — Знал ли об этом кто-нибудь, кроме твоего отца и домашнего

эльфа?

— Да, — ответил Крауч, и снова моргнул. — Знала колдунья в департаменте моего отца. Берта Джоркинс. Она пришла к нам домой с бумагами для отца. Его не было дома. Винки проводила ее в дом и вернулась на кухню, ко мне. Она подслушала. Она услышала достаточно, чтобы понять, кто прячется под мантией-невидимкой. Отец пришел домой. Она обвинила его. Он наложил на нее мощное заклятие памяти, чтобы она забыла все, что ей удалось разузнать. Слишком мощное. Он сказал, что теперь ее память повреждена навсегда.

— Зачем она явилась, стала совать нос в дела моего хозяина? — продолжала горестно всхлипывать Винки. — Почему она не оставить нас в покое?

— Расскажи мне о Чемпионате мира по квиддичу, — сказал Дамблдор.

— Это Винки уговорила отца, — все так же монотонно продолжал Крауч. — Она убеждала его полгода. Я не выходил из дому уже несколько лет. Я любил квиддич. Пусть он посмотрит, говорила она. Он будет в мантии-невидимке. Пусть он вдохнет немного свежего воздуха. Она говорила, что этого хотела бы моя мать. Она говорила отцу,

что мать умерла, чтобы освободить меня. Она спасала меня не для того, чтобы я жил в заключении. Он в конце концов согласился. Все было тщательно спланировано. Отец с самого утра отвел меня и Винки в верхнюю ложу Винки должна была говорить, что держит место для моего отца. Я, невидимый, должен был сидеть на нем. Мы собирались уйти после того, как все покинут ложу. Все будут думать, что Винки идет одна. Никто ничего не узнает. Но Винки не знала, что я набираю силу. Я начал сопротивляться заклятию Империус, наложенному моим отцом. Были времена, когда я становился почти таким же, как раньше. Были короткие периоды, когда ему, похоже, не удавалось меня полностью контролировать. Это случилось там, в верхней ложе. Как будто я очнулся от глубокого сна. Я оказался в толпе, в самой середине матча, и увидел волшебную палочку, которая торчала из кармана мальчишки прямо передо мной. Мне не разрешалось иметь волшебную палочку с момента заключения в Азкабан. Я украл ее. Винки не знала. Винки боится высоты. Она закрыла лицо руками.

— Мастер Барти, плохой мальчик! — прошептала Винки, заливаясь слезами.

— Значит, ты взял палочку, — продолжил Дам-

блдор. — И что ты с ней сделал?

— Мы пошли обратно в палатку, — ответил Крауч. — Потом мы услышали их. Мы услышали Пожирателей смерти. Тех, кто никогда не был в Азкабане. Тех, кто ни минуты не страдал ради моего хозяина. Они повернулись к нему спиной. Они не были порабощены, как я. Они могли искать его, но они этого не сделали. Они просто развлекались с маглами. Их голоса разбудили меня. Мое сознание стало ясным, как никогда. Я был разъярен. У меня была палочка. Я хотел напасть на них за то, что они предали моего хозяина. Отец вышел из палатки, он поспешил на помощь маглам. Винки испугалась, увидев, как я разгневан. Она использовала свою собственную, эльфовскую магию, чтобы привязать меня к себе. Она вытащила меня из палатки и уволокла в лес, подальше от Пожирателей смерти. Я старался задержать ее. Я хотел вернуться к лагерю. Я хотел показать этим Пожирателям смерти, что такое истинная преданность Темному Лорду, и наказать их за ее отсутствие. Я использовал украденную палочку, чтобы запустить в небо Черную Метку. Появились волшебники из Министерства. Они разбросали оглушающие заклятия повсюду. Одно из заклятий прошло между деревьями, за

которыми прятались мы с Винки. Связь между нами была разорвана. Мы оба были оглушены. Когда Винки нашли, отец знал, что я должен быть неподалеку. Он обыскал кусты рядом с тем местом, где нашли ее, и обнаружил меня. Он дождался, пока остальные волшебники из Министерства разойдутся. Он снова наложил на меня заклятие Империус и отконвоировал домой. Он уволил Винки. Она подвела его. Она дала мне возможность завладеть палочкой. Она почти дала мне возможность убежать. Винки издала вопль отчаяния.

— Мы остались в доме вдвоем с отцом. И тогда… и тогда… — голова Крауча качнулась, и по его лицу расползлась безумная улыбка. — За мной пришел мой хозяин.

Он прибыл к нам поздней ночью на руках у своего слуги Хвоста. Мой хозяин выяснил, что я еще жив. Он схватил Берту Джоркинс. Он пытал ее. Она многое ему рассказала. Она рассказала ему о Турнире Трех Волшебников. Она сказала ему, что старый мракоборец Грюм будет преподавателем в Хогвартсе. Он пытал ее, пока не разрушил заклятие памяти, наложенное моим отцом. Она рассказала ему, что я бежал из Азкабана. Она рассказала ему, что отец держит меня взаперти,

чтобы помешать мне вернуться к хозяину. Так мой хозяин узнал, что я остаюсь его верным слугой — может быть, самым верным из всех. Хозяин задумал план на основе информации, полученной от Берты. Ему был нужен я. Он прибыл к нам около полуночи. Отец открыл дверь.

Улыбка на лице Крауча стала еще шире, будто бы он вспомнил самый приятный момент своей жизни. Винки окаменела от отвращения, а ее вытаращенные карие глаза сверкали между растопыренных пальцев.

— Все случилось быстро. Хозяин наложил заклятие Империус на моего отца. Теперь под контролем оказался отец. Хозяин заставил его заниматься своими делами как обычно, как будто ничего не случилось. А я был освобожден. Я очнулся. Я снова стал самим собой, снова ожил впервые за долгие годы.

— И что лорд Волан-де-Морт велел тебе сделать? — спросил Дамблдор.

— Он спросил меня, готов ли я рискнуть всем ради него. Я был готов. Я мечтал, я больше всего на свете хотел послужить ему, доказать, чего я достоин. Он сказал, что ему нужен верный слуга в Хогвартсе. Слуга, который незаметно проведет Гарри Поттера через Турнир Трех Волшебников.

Слуга, который будет следить за Гарри Поттером. Обеспечит его победу. Превратит Кубок в портал, который отнесет первого, кто его коснется, к моему хозяину. Но сначала…

— Вам нужен был Аластор Грюм, — прервал его Дамблдор. Голос его был спокоен, хотя глаза метали молнии.

— Мы с Хвостом сделали это. Мы заранее приготовили Оборотное зелье. Мы пробрались к нему в дом. Грюм сопротивлялся. Был шум. Нам удалось вовремя одолеть его. Сунуть его в одно из отделений его собственного волшебного сундука. Выдернуть несколько волосков и бросить их в зелье. Я выпил его, я стал двойником Грюма. Я взял его ногу и глаз. Я был готов встретить Артура Уизли, который прибыл утихомиривать маглов, услышавших шум. Я заставил мусорные бачки двигаться по двору. Я сказал Артуру Уизли, что слышал, как кто-то влез ко мне во двор и заколдовал мусорные бачки. Затем я упаковал одежду Грюма и его приспособления в его же сундук и отправился в Хогвартс. Я держал его живым, постоянно под заклятием Империус. Мне нужно было расспрашивать его. О его прошлом, о его вкусах и привычках, так чтобы я мог обмануть даже Дамблдора. И еще мне были нужны его

волосы, чтобы делать Оборотное зелье. Добыть остальные ингредиенты было легко. Шкуру бумсланга я взял у Снегга. Когда профессор зелий застал меня в кабинете, я сказал, что мне приказано обыскать его комнаты.

— А что стало с Хвостом после нападения на Грюма? — спросил Дамблдор.

— Хвост вернулся в дом моего отца, чтобы заботиться о хозяине и следить за моим отцом.

— Но твой отец ускользнул, — продолжил Дамблдор.

— Да. Через некоторое время он стал сопротивляться заклятию Империус, точно так же как и я. Были моменты, когда он прекрасно понимал, что происходит. Хозяин решил, что отец больше не должен выходить из дома. Вместо этого он заставил его писать письма в Министерство. Он заставил его написать, что он болен. Но Хвост не выполнил свой долг. Он утратил бдительность. Отец бежал. Хозяин догадался, что он направляется в Хогвартс. Отец собирался рассказать обо всем Дамблдору. Признаться. Он собирался признаться, что вызволил меня из Азкабана. Хозяин сообщил мне о побеге отца. Он приказал мне остановить его любой ценой. Я ждал и наблюдал. Я использовал карту, которую забрал у

Гарри Поттера. Карту, которая едва не разрушила весь план.

— Карта? — быстро спросил Дамблдор. — Что еще за карта?

— Карта Хогвартса. Она была у Поттера. Поттер видел меня на ней. Потгер видел, какя ворую составляющие для Оборотного зелья из кабинета Снегга. Он думал, что это мой отец, потому что нас одинаково зовут. Я тогда забрал карту у Поттера. Сказал ему, что мой отец ненавидит черных магов. Поттер поверил, что мой отец охотился за Снеггом.

Целую неделю я ждал, когда же отец явится в Хогвартс. Наконец однажды вечером карта показала, что отец добрался до школы. Я надел мантию-невидимку и спустился к нему. Он шел по краю Запретного леса. Потом появились Поттер и Крам. Я ждал. Я не мог напасть на Поттера. Моему хозяину он был нужен живым и невредимым. Потгер побежал за Дамблдором. Я оглушил Крама. Я убил своа о отца

— Не-е-е-е-е-ет! — горестно завопила Винки. — Мастер Барти, мастер Барти, что вы говорить?!

— Ты убил своего отца, — тихо повторил Дамблдор. — И что ты сделал с телом?

— Отнес его в лес. Прикрыл мантией-невидим-

кой. Со мной была карта. Я увидел, как Поттер побежал в заме ж. Он встретил Снегга. К ним присоединился Дамблдор. Я видел, как Поттер выходит из замка вместе с Дамблдором. Я вышел из леса, обошел их сзади и догнал их. Я сказал Дамблдору что Снегг сообщил мне, куда идти. Дамблдор велел мне искать моего отца. Я вернулся к телу отца. Посмотрел на карту. Когда все ушли, я трансфигурировал тело отца. Превратил его в кость… Я надел мантию-невидимку и зарыл кость на свежевскопанной грядке перед хижиной Хагрида.

В комнате повисла гробовая тишина, которую; нарушали лишь судорожные всхлипы Винки. Потом Дамблдор произнес:

— А сегодня вечером…

— Я вызвался отнести Кубок в лабиринт, — прошептал Барти Крауч, — и там превратил его в портал. План моего хозяина сработал. Он вернул себе силу, и я буду вознагражден так, как никто из волшебников не смеет и мечтать.

Лицо его снова озарилось безумной улыбкой, и голова безвольно свалилась на плечо. Рядом с ним, не переставая всхлипывать и причитать, сидела на полу Винки.

Глава 36

ПУТИ РАСХОДЯТСЯ

Дамблдор поднялся и бросил на Барти Крауча взгляд, полный презрения. Взмахнул палочкой, и оттуда выстрелили веревки и обвились вокруг Барти.

Директор повернулся к профессору МакГонагалл.

— Минерва, не могли бы вы постеречь его, пока я отведу Гарри наверх?

— Конечно, — ответила профессор МакГонагалл. У нее был такой вид, будто она увидела только что, как кого-то вырвало, и теперь ее подташнивало. Но палочку она достала решительным жестом и твердой рукой направила ее на Барти Крауча.

— Северус, — обратился Дамблдор к Снеггу, — пожалуйста, попросите мадам Помфри спуститься сюда. Нужно отправить Аластора Грюма в больничное крыло. Затем найдите Корнелиуса Фаджа и пригласите его сюда. Он, конечно же, захочет сам допросить Крауча. Если я ему понадоблюсь, скажите ему, что через полчаса я буду в

больничном крыле.

Снегг молча кивнул и вышел.

— Гарри? — мягко обратился Дамблдор.

Гарри встал и снова покачнулся: пока он слушал рассказ Крауча, он почти не замечал боли в ноге, а теперь она вспыхнула с новой силой. Он почувствовал, что его всего трясет. Дамблдор взял его за руку и вывел в темный коридор.

— Поднимемся сначала в мой кабинет, Гарри, — тихо сказал директор. — Там нас ждет Сириус.

Гарри кивнул. Он как будто весь онемел, происходящее казалось нереальным, но ему было все равно, в глубине души он даже радовался этому. Сейчас он не хотел думать о том, что случилось после того, как он ухватился за ручку Кубка. Он не хотел, чтобы его заставили вспоминать то, что и без того слишком ярко и отчетливо вставало каждую секунду перед глазами. Грозный Глаз Грюм в сундуке. Скорчившийся на земле Хвост баюкает окровавленный обрубок руки. Волан-де-Морт возникает из кипящего котла. Седрик… мертвый… Седрик просит вернуть его родителям…

— Профессор, — тихо спросил Гарри, — а где мистер и миссис Диггори?

— Они с профессором Стебль, — ответил Дамблдор, и голос его, остававшийся таким спокойным

во время допроса Крауча, дрогнул. — Она декан факультета Седрика, и она знала его лучше нас всех.

Они подошли к каменной горгулье, Дамблдор назвал пароль, вход отворился, и они с Гарри направились вверх по винтовой лестнице, Дамблдор толкнул дубовую дверь.

Посреди кабинета стоял Сириус. Его бледное лицо было таким же изможденным, как после побега из Азкабана. Он мгновенно пересек комнату.

— Гарри, как ты? Я знал… я знал, что-нибудь в этом роде непременно… что случилось?

Он трясущимися руками усадил Гарри в кресло перед столом Дамблдора.

— Что произошло? — настойчиво повторил он. Дамблдор рассказал Сириусу все, что они только что услышали от Барти Крауча. Гарри слушал вполуха. Ему казалось, что от усталости у него болит каждая косточка, и он хотел одного — молча сидеть в этом кресле час за часом, чтобы в конце концов уснуть и больше ни о чем не думать.

Зашуршали крылья. Феникс Фоукс перелетел со своей жердочки прямо на колени Гарри.

— Привет, Фоукс, — тихо прошептал Гарри и погладил пышные, ало-золотые перья феникса.

Фоукс моргнул и спокойно на него посмотрел. Теплая тяжесть феникса на коленях действовала на Гарри умиротворяюще.

Дамблдор замолчал. Он сидел за своим столом напротив Гарри и смотрел ему прямо в лицо. Гарри старательно отводил глаза. Дамблдор собирается расспросить его. Он хочет заставить его снова пережить все, что случилось.

— Гарри, я должен знать, что произошло после того, как ты прикоснулся к порталу в лабиринте, — сказал Дамблдор.

— Разве нельзя оставить это до утра, Дамблдор? — хрипло спросил Сириус, положив руку на плечо Гарри. — Пусть он поспит. Пусть отдохнет.

Гарри ощутил прилив благодарности Сириусу, но Дамблдор, похоже, ничего не слышал. Он наклонился вперед, и Гарри очень неохотно поднял на него взгляд и посмотрел в голубые глаза Дамблдора.

— Если бы я думал, что смогу помочь тебе, — мягко произнес Дамблдор, — погрузив тебя в заколдованный сон и позволив тебе отложить воспоминания о происшедшем на потом, я бы сделал это, не колеблясь. Но я знаю, что это не поможет. Если боль ненадолго заглушить, она станет еще невыносимей, когда ты почувствуешь

ее вновь. Ты показал чудеса отваги, и теперь я прошу тебя показать свою храбрость еще раз. Я прошу тебя рассказать нам о том, что произошло.

Феникс издал тихий, трепещущий звук, и Гарри почувствовал, будто капля горячей жидкости скользнула по горлу прямо в желудок, согрела его и придала ему сил.

Он сделал глубокий вдох и начал свой рассказ. Он говорил, и картины пережитого вставали перед его глазами: он видел искрящуюся поверхность зелья, оживившего Волан-де-Морта; видел, как появляются среди могил Пожиратели смерти; видел тело Седрика на земле рядом с Кубком.

Раз или два Сириус как будто собирался сказать что-то, но Дамблдор жестом останавливал его. Гарри обрадовался этому, потому что продолжать рассказывать было не так тяжело, как начать. Он почувствовал огромное облегчение, как будто из него вынимали один за другим ядовитые шипы. Ему стоило больших усилий заставить себя говорить дальше, и все же он чувствовал, что, когда закончит, ему станет гораздо легче.

Когда Гарри упомянул о том, что Хвост проткнул ему руку кинжалом, Сириус все же издал негодующее восклицание, а Дамблдор встал так

быстро, что Гарри вздрогнул. Дамблдор обошел вокруг стола и велел Гарри протянуть руку. Гарри показал им разорванный рукав мантии и место пореза на руке.

— Он сказал, что моя кровь сделает его гораздо сильнее, чем чья-либо, — сообщил Гарри Дамблдору. — Он сказал, что защита, которую моя… моя мама оставила на мне… она теперь будет и у него. И он был прав… он смог дотронуться до меня, до моего лица, и ему было не больно.

Гарри был уверен в этот момент, что глаза Дамблдора торжествующе блеснули. Но через секунду он понял, что ему показалось. Когда Дамблдор вернулся на свое место, он выглядел таким же старым и усталым, как обычно.

— Очень хорошо, — заметил он, усаживаясь. — Волан-де-Морт преодолел этот барьер. Продолжай, пожалуйста, Гарри.

Гарри продолжил. Он объяснил, как Волан-де-Морт появился из котла и повторил все, что запомнил из речи Темного Лорда перед Пожирателями смерти. Потом он рассказал, как Волан-де-Морт развязал его, вернул палочку и приготовился к дуэли.

Но когда настал момент рассказать о золотом луче, соединившем волшебные палочки, Гарри

почувствовал, что у него перехватило горло. Он не мог выдавить ни слова. Он пытался заставить себя говорить, но сознание его затопили воспоминания о том, что возникло из палочки Волан-де-Морта. Он снова видел Седрика, незнакомого старика, Берту Джоркинс… свою мать… отца…

Он обрадовался, когда Сириус нарушил молчание.

— Палочки соединились? — переспросил он, переводя взгляд с Гарри на Дамблдора. — Почему?

Гарри поднял глаза на Дамблдора. Директор сидел в глубокой задумчивости.

— Приори Инкантатем, — пробормотал он едва слышно.

Дамблдор посмотрел на Гарри, и между ними будто пролег невидимый мостик взаимопонимания.

— Эффект обратного вызова заклинаний? — резко спросил Сириус.

— Именно, — подтвердил Дамблдор. — У палочек Гарри и Волан-де-Морта одно и то же магическое ядро. У каждой внутри перо из хвоста одного и того же феникса. Вот этого, — добавил Дамблдор и указал на ало-золотую птицу на коленях Гарри.

— У меня в палочке перо Фоукса? — удивился Гарри.

— Да, — подтвердил Дамблдор. — Мистер Олливандер сообщил мне, что ты купил вторую палочку, как только вышел из магазина четыре года назад.

— И что же случается, когда такая палочка встречает свою сестру? — спросил Сириус.

— Они не могут по-настоящему сражаться друг с другом, — ответил Дамблдор. — Но если хозяева все же вынуждают их, то… происходит редчайшее явление. Одна из палочек заставляет другую выдать в обратном порядке проделанные заклинания. Сначала самое последнее… а потом те, которые ему предшествовали…

Он вопросительно посмотрел на Гарри, и Гарри кивнул.

— Это означает, — продолжил медленно Дамблдор, не сводя глаз с Гарри, — что сначала появился Седрик

Гарри снова кивнул.

— Диггори ожил? — резко спросил Сириус.

— Никакое заклятие не может оживить покойника, — тяжело заметил Дамблдор. — Это просто что-то вроде эха случившихся событий. Из палочки должна была появиться некая тень Седрика…

я прав, Гарри?

— Он говорил со мной. — Гарри снова била дрожь. — При… призрак Седрика, или что это было, говорил.

— Эхо, — подтвердил Дамблдор, — которое сохранило внешность и характер Седрика. Я думаю, появились и другие тени… прежние жертвы палочки Волан-де-Морта…

— Старик, — Гарри все еще с трудом выдавливал из себя слова. — Берта Джоркинс. И…

— Твои родители? — тихо спросил Дамблдор.

— Да.

Сириус сжал его плечо с такой силой, что Гарри стало больно.

— Последние убийства, совершенные палочкой, — кивнул Дамблдор. — В обратном порядке. Конечно, многие еще появились бы, сумей ты удержать связь. Очень хорошо, Гарри, это эхо, эти тени… что они делали?

Гарри описал, как призраки кружили по краю золотой паутины, как Волан-де-Морт явно их боялся, как тень отца объяснила ему, что делать, как Седрик высказал свою последнюю просьбу.

В этот момент Гарри понял, что продолжать не может. Он почувствовал, что рука Сириуса уже не лежит на его плече, и обернулся. Сириус Блэк

стоял, спрятав лицо в ладонях.

Внезапно Гарри понял, что Фоукс не сидит у него на коленях. Феникс спорхнул на пол, прикоснулся головой к покалеченной ноге Гарри и роняет свои перламутровые слезы на рану, нанесенную пауком. Боль исчезла. Кожа заросла. Нога была здорова.

— Я хочу повторить еще раз, — сказал Дамблдор, когда феникс взлетел к себе на жердочку. — Ты проявил сегодня чудеса отваги, Гарри. Я не ожидал от тебя подобного. Ты проявил храбрость, подобно тем, кто погиб, сражаясь с Волан-де-Мортом, когда тот был в расцвете своих сил. Тебе досталась ноша взрослого волшебника, и ты оказался достойным нести ее. А сейчас ты отдал все, чего мы вправе были ожидать от тебя. Ты пойдешь со мной в больничное крыло. Я не хочу, чтобы сегодня ты возвращался в свою спальню. Сонное зелье и покой… Сириус, хочешь побыть с ним?

Сириус кивнул и превратился в черного пса. Все вместе они вышли из кабинета Дамблдора и направились в больничное крыло.

Когда Дамблдор распахнул дверь, Гарри увидел, как миссис Уизли, Билл, Рон и Гермиона окружили смущенную мадам Помфри и требовали от нее

ответа: где Гарри и что с ним?

Все тут же обернулись на звук открываемой двери, и миссис Уизли тут же сдавленно воскликнула:

— Гарри, Гарри!

Она бросилась к нему, но Дамблдор встал между ней и Гарри Поттером.

— Молли, — твердо сказал он, подняв руку, — пожалуйста, выслушай меня. Гарри подвергся сегодня ужасному испытанию. Только что, в разговоре со мной, он еще раз пережил все случившееся. Сейчас ему нужны сон, тишина и покой. Если он захочет, чтобы вы остались с ним, — добавил он, глядя на Рона, Гермиону и Билла, — вы можете остаться. Но я хочу, чтобы ему не задавали вопросов до тех пор, пока он не будет готов ответить на них. И уж конечно никаких вопросов сегодня вечером.

Миссис Уизли кивнула. Лицо ее было белее мела.

Она резко повернулась к Рону, Гермионе и Биллу и прошипела сердито, как будто они шумели:

— Слышали? Ему нужен покой!

— Господин директор, — произнесла мадам Помфри, не сводя глаз с огромного черного пса, — можно спросить…

— Этот пес побудет некоторое время рядом с Гарри, — ответил Дамблдор, не давая никаких объяснений. — Уверяю вас, он отлично выдрессирован. Гарри, я подожду пока ты уляжешься в постель.

Гарри был невыразимо благодарен Дамблдору за то, что он оградил его от вопросов. Он был не против того, что все собрались здесь, ему просто была невыносима сама мысль о том, чтобы снова объяснять, снова переживать все это.

— Я вернусь сразу же, как только поговорю с Фаджем, Гарри, — сказал Дамблдор. — Я хотел бы, чтобы ты оставался здесь и завтра, пока я не выступлю перед школой.

С этими словами Дамблдор ушел.

Мадам Помфри повела Гарри к кровати, и он заметил в дальнем конце палаты Грюма. Тот лежал, не двигаясь, а рядом на тумбочке его ожидали деревянная нога и волшебный глаз.

— С ним все в порядке? — спросил он.

— Все будет хорошо, — ответила мадам Помфри, протягивая Гарри пижаму и расставляя вокруг него ширму.

Он снял мантию, надел пижаму и забрался в постель. Из-за ширмы появились Рон, Гермиона, Билл и миссис Уизли с черным псом и устрои-

лись на стульях по обе стороны кровати. Рон с Гермионой смотрели на Гарри почти с опаской, как будто боялись его.

— Со мной все в порядке, — сказал он. — Я просто устал.

Миссис Уизли зачем-то поправила одеяло, и глаза ее наполнились слезами.

Из кабинета возвратилась мадам Помфри с бутылочкой пурпурного зелья и кубком в руках.

— Ты должен выпить все, Гарри, — заявила она. — Это зелье, чтобы спать без снов.

Гарри взял кубок, сделал несколько глотков и сразу же почувствовал, что глаза у него слипаются. Окружающее как будто заволокло дымкой, лампы дружески подмигивали ему сквозь ширму, а тело, казалось, тонет в мягком тепле матраса. Не успел он опустошить кубок, как тут же уснул.

* * *

Когда Гарри проснулся, ему было так тепло и уютно, что глаза открывать не хотелось, а хотелось наоборот, туг лее уснуть снова. Свет в комнате был приглушен, и он был уверен, что сейчас еще ночь, и значит он не мог проспать долго.

Рядом послышался шепот.

— Они разбудят его, если не прекратят немедленно!

— И чего они там кричат? Ничего ведь не могло случиться!

Гарри открыл глаза. кто-то снял с него очки, поэтому все вокруг расплывалось. Он увидел лишь нечеткие очертания миссис Уизли и Билла рядом с собой.

— Это голос Фаджа, — прошептала миссис Уизли, поднимаясь со стула. — А это Минервы МакГонагалл, верно? О чем это они там спорят?

Теперь голоса донестись и до Гарри. Люди кричали и бежали в сторону больничной палаты.

— Мне очень жаль, Минерва, но тем не менее… — громко произнес Корнелиус Фадж прямо под дверью.

— Вам не следовало приводить его в замок! — кричала профессор МакГонагалл. — Когда Дамблдор узнает об этом…

Гарри услышал, как со стуком распахнулась дверь палаты. Все окружавшие его повернулись к дверям и не заметили, как Гарри сел и надел очки.

Фадж решительно влетел в палату. Следом за ним вбежали профессора МакГонагалл и Снегг.

— Где Дамблдор? — спросил Фадж у миссис

Уизли.

— Его здесь нет, — сердито ответила она. — Это больничная палата, министр, и вам не кажется, что вам было бы лучше…

В этот момент дверь снова распахнулась, и на пороге возник Дамблдор.

— Что случилось? — резко спросил он, переведя взгляд с Фаджа на профессора МакГонагалл. — Почему вы беспокоите больных? Минерва, я удивлен… я просил вас постеречь Барти Крауча…

— В этом больше нет необходимости, Дамблдор! — взвизгнула она. — Министр позаботился об этом!

Гарри никогда не видел, чтобы профессор МакГонагалл теряла контроль над собой. Ее щеки пылают от гнева, ладони сжаты в кулаки; ее всю трясет от ярости.

— Когда мы сообщили мистеру Фаджу, что нами пойман Пожиратель смерти, ответственный за все, происшедшее сегодня ночью, — тихо произнес Снегг, — он, похоже, решил, что под угрозой находится его собственная безопасность. Он настоял на том, чтобы вызвать дементора для охраны. С этим дементором он явился в кабинет, где Барти Крауч…

— Я предупреждала его, что вы не согласитесь,

Дамблдор! — вмешалась профессор МакГонагалл. — Я сказала ему, что вы никогда не позволите дементорам переступить порог замка, но…

— Моя дорогая! — взревел Фадж. (Таким разъяренным Гарри никогда его не видел.) — Поскольку я являюсь министром магии, то именно я решаю, брать ли с собой охрану, если мне предстоит допрашивать потенциально опасного…

Но профессор МакГонагалл перебила его:

— И как только этот… это существо вошло в кабинет, — крикнула она, — оно набросилось на Крауча и… и…

У Гарри в животе похолодело. Профессор МакГонагалл подыскивала подходящее слово, но он уже и так все понял. Он знал, что сделал дементор: применил к Барти Краучу смертельный поцелуй. Он высосал из него душу, и теперь Крауч хуже, чем мертв.

— Туда ему и дорога! — вспыхнул Фадж. — Похоже, на его совести несколько убийств!

— Но теперь он не сможет свидетельствовать, Корнелиус, — заметил Дамблдор. Он не сводил с Фаджа взгляда, как будто впервые разглядел его по-настоящему. — Теперь он не сможет рассказать, почему он убил этих людей.

— Почему он их убил? Ну так ведь это и без того

понятно! — горячо возразил Фадж. — Он же просто сумасшедший! Судя по тому, что рассказали мне Минерва с Северусом, он думал, что выполняет указания Сами-Знаете-Кого!

— Он действительно выполнял указания лорда Волан-де-Морта, Корнелиус, — ответил Дамблдор. — Смерть этих людей была лишь побочным следствием плана, который должен был помочь Волан-де-Морту вернуть себе былое могущество. План удался. Волан-де-Морт вернул себе тело.

Фадж явно не поверил своим ушам. Растерянно моргая, он уставился на Дамблдора. Министр магии выглядел так, будто его только что ударили по голове мешком с песком.

— Сами-Знаете-Кто… вернулся? — с трудом выдавил он. — Абсурд! Дамблдор, это нелепость…

— Без сомнения, Минерва и Северус уже сообщили вам, — продолжил Дамблдор, — что мы слышали признание Барти Крауча. Под воздействием Сыворотки Правды он рассказал нам, как ему помогли бежать из Азкабана и как Волан-де-Морт, узнав от Берты Джоркинс о его освобождении, явился, чтобы избавить его от отца и использовать для захвата Гарри. План сработал, говорю я вам. Крауч помог Волан-де-Морту возродиться.

— Послушайте, Дамблдор, — начал Фадж, и Гарри с изумлением увидел, как министр заулыбался, — вы… неужели вы всерьез верите этому. Сами-Знаете-Кто возродился? Бросьте, бросьте… конечно, Крауч мог верить в то, что выполняет указания Сами-Знаете-Кого, но верить словам сумасшедшего, Дамблдор…

— Когда Гарри прикоснулся к Кубку Трех Волшебников, тот перенес его прямо к Волан-де-Морту, — настойчиво продолжал Дамблдор. — Он был свидетелем возрождения Волан-де-Морта. Я все вам объясню, если вы пройдете ко мне в кабинет.

Дамблдор бросил взгляд в сгорел гу Гарри, увидел, что тот проснулся, но, покачав головой, сказал:

— Боюсь, я не смогу разрешить вам расспросить сегодня Гарри.

Фадж продолжал загадочно улыбаться. Он тоже посмотрел на Гарри, затем обернулся к Дамблдору и спросил:

— Вы… э-э… готовы поверить Гарри на слово, Дамблдор?

На мгновение повисла тишина, которую нарушило рычание Сириуса. Он оскалился в сторону Фаджа.

— Конечно, я верю Гарри, — ответил Дамблдор. Его глаза гневно сверкали. — Я слышал признание Крауча, и я слышал рассказ Гарри о том, что произошло после того, как он коснулся Кубка. Обе истории объясняют все случившееся после исчезновения Берты Джоркинс прошлым летом.

Странная улыбка не сходила с лица Фаджа. Он снова бросил взгляд на Гарри, прежде чем ответить:

— Вы готовы поверить, что лорд Волан-де-Морт возродился, только на основании заявления сумасшедшего и слов мальчика, который… который…

Фадж снова посмотрел на Гарри, и Гарри внезапно все понял.

— Вы читали статьи Риты Скитер, мистер Фадж, — тихо произнес он.

Рон, Гермиона, миссис Уизли и Билл подпрыгнули от неожиданности. Они не подозревали, что Гарри проснулся.

Фадж слегка покраснел, но тут же упрямо посмотрел на Дамблдора.

— Ну и что? — вызывающе произнес он. — Что, если я выяснил, что вы скрывали некоторые факты, касающиеся этого мальчика? Змееязычный волшебник, да? И все время странные заявления и припадки…

— Я полагаю, вы говорите о болях в шраме, которые Гарри испытывает в последнее время? — холодно спросил Дамблдор.

— Значит, вы признаете, что у него бывают боли? — быстро переспросил Фадж. — Головные боли? Кошмары по ночам? Возможно, даже галлюцинации?

— Послушайте, Корнелиус, — сказал Дамблдор, шагнув навстречу собеседнику. От директора снова исходило ощущение силы, как тогда, когда он оглушил молодого Крауча. — Гарри также здоров, как и мы с вами. Шрам не повредил его мозгам. Я считаю, что шрам болит, когда лорд Волан-де-Морт находится поблизости от Гарри, либо планирует совершить убийство.

Фадж отступил на полшага от Дамблдора, но выглядел все таким же упрямым.

— Простите, Дамблдор, но я и раньше слышал о том, что шрам от заклятия может действовать в качестве будильника…

— Послушайте, я сам видел, как Волан-де-Морт возродился! — крикнул Гарри. Он попытался выбраться из постели, но миссис Уизли не дала ему это сделать. — Я видел Пожирателей смерти! Я могу назвать их имена! Люциус Малфой…

Снегг дернулся было, но когда Гарри перевел на

него взгляд, Снегг снова смотрел на Фаджа.

— Малфой был оправдан! — негодующе воскликнул Фадж. — Старинный род… пожертвования на благородные цели…

— Макнейр! — продолжил Гарри.

— Тоже оправдан! Сейчас работает в Министерстве!

— Эйвери… Нотт… Крэбб… Гойл…

— Ты просто повторяешь имена тех якобы Пожирателей смерти, кто был оправдан тринадцать лет назад! — сердито заявил Фадж. — Ты мог прочесть их имена в старых судебных отчетах! Ради бога, Дамблдор… мальчишка рассказывал такую же безумную историю в конце прошлого года… его истории становятся все длиннее и неправдоподобнее, а вы продолжаете глотать их… мальчишка может разговаривать со змеями, Дамблдор, и вы все еще верите ему?

— Вы дурак! — гневно воскликнула профессор МакГонагалл. — Седрик Диггори! Мистер Крауч! Эти смерти — не дело рук какого-то безумца!

— Нет никаких свидетельств обратного! — так же гневно крикнул Фадж. Лицо его побагровело. — Похоже, вы готовы сеять панику, которая разрушит все, что нам удалось наладить за последние тринадцать лет!

Гарри не верил своим ушам. Он всегда считал Фаджа немного суетливым, слегка напыщенным, но в общем-то добродушным человеком. Сейчас перед ним стоял низенький сердитый волшебник, категорически отказывающийся даже думать о том, что могло бы разрушить весь его уютный, упорядоченный мирок — о том, что Волан-де-Морт возродился.

— Волан-де-Морт вернулся, — повторил Дамблдор. — Если вы сейчас осознаете это, Фадж, и примете соответствующие меры, возможно, нам удастся спасти положение. Прежде всего необходимо удалить всех дементоров из Азкабана…

— Абсурд! — снова закричал Фадж. — Удалить дементоров! Да меня вышибут из кабинета, заикнись я об этом! Половина волшебников спит спокойно только потому, что знает — дементоры охраняют Азкабан!

— А вторая половина, Корнелиус, спит гораздо беспокойнее, зная, что самых опасных сторонников лорда Волан-де-Морта охраняют существа, которые по первой его просьбе станут на его сторону! — возразил Дамблдор. — Они не останутся верны вам, Фадж! Волан-де-Морт может предложить им гораздо больше, чем вы! Если к Волан-де-Морту вернутся его сторонники и

дементоры переметнутся к нему, вам будет очень трудно помешать ему снова добиться той власти, которая была у него тринадцать лет назад!

Фадж молча открывал и закрывал рот, как будто не мог найти слов, чтобы выразить свое негодование.

— Следующее, что необходимо предпринять — это направить послов к великанам.

— Послов к великанам? — взвизгнул Фадж, снова овладев даром речи. — Что это еще за безумие?

— Протяните им руку дружбы сейчас, прежде чем станет слишком поздно, — продолжал Дамблдор, — не то Волан-де-Морт убедит их, как он это сделал раньше, что он единственный из всех волшебников сможет вернуть им их права и свободы!

— Вы… вы это серьезно? — ахнул Фадж, качая головой. Он отступил от Дамблдора еще на шаг. — Если волшебное сообщество узнает, что я договариваюсь с великанами… люди ненавидят их, Дамблдор… конец моей карьере…

— Вы ослеплены, — повысил голос Дамблдор, волны мощи, исходящей от него, стали почти осязаемы, глаза его сверкали, — любовью к своему посту, Корнелиус! Вы придаете — и всегда

придавали — слишком большое значение так называемой чистоте крови! Вы не понимаете, что важно не то, кем ты родился, а то, каким ты стал! Ваш дементор сейчас уничтожил последнего отпрыска одной из самых чистокровных волшебных семей. Посмотрите, какую жизнь выбрал себе этот человек! Я говорю вам: сделайте то, что я сейчас предложил — и независимо от того, будете вы занимать эту должность дальше или нет, вас запомнят как величайшего и самого смелого министра магии в нашей истории. Не сделаете — и останетесь в истории как человек, который отошел в сторону и тем самым позволил Волан-де-Морту попытаться во второй раз уничтожить мир, который мы старались восстановить!

— Сумасшедший, — прошептал, пятясь, Фадж. — Чокнутый…

Повисла тишина. Мадам Помфри, прикрыв рот руками, стояла в ногах у Гарри. Миссис Уизли по-прежнему держала руку на плече у Гарри, чтобы не дать ему встать. Билл, Рон и Гермиона молча смотрели на Фаджа.

— Если вы решительно намерены закрыть на все глаза, Фадж, — продолжал Дамблдор, — то сейчас наши пути разойдутся. Действуйте так, как сочтете нужным. А я… я тоже буду действо-

вать так, как сочту нужным.

В голосе Дамблдора послышался намек на угрозу. Это было просто заявление, но Фадж ощетинился так, будто Дамблдор навел на него волшебную палочку.

— А теперь послушайте, Дамблдор, — ткнул пальцем в его сторону Фадж. — Я всегда давал вам определенную свободу. Я очень вас уважал. Я мог не соглашаться с некоторыми вашими решениями, но я молчал. Немногие позволили бы вам взять на работу оборотня и Хагрида или без согласования с Министерством решать, что и как преподавать ученикам. Но если вы собираетесь работать против меня…

— Я собираюсь работать только против лорда Волан-де-Морта. — ответил Дамблдор. — И если вы тоже против него, значит, мы с вами сторонники, Корнелиус.

Фадж, похоже, не нашелся, что ответить на это. Какое-то время он молча раскачивался с носков на пятки и вертел в руках свой котелок.

Наконец он произнес почти жалобно:

— Не мог он вернуться, Дамблдор, это же просто невозможно…

Снегг решительно вышел вперед, закатал рукав мантии и ткнул руку прямо в нос Фаджу. Министр

отшатнулся.

— Вот, — хрипло сказал Снегг. — Вот, смотрите. Черная Метка. Уже не такая четкая, как, скажем, часа полтора назад, но различить ее все же можно. Темный Лорд впечатал свой знак в руку каждого Пожирателя смерти. Именно так мы узнавали друг друга. Так Темный Лорд призывал нас к себе. Когда он касался Черной Метки на руке Пожирателя смерти, все остальные должны были немедленно трансгрессировать к нему. Целый год Метка становилась все более четкой. У Каркарова тоже. Как вы думаете, почему Каркаров бежал сегодня? Мы оба чувствовали, как горит Черная Метка. Мы оба знали, что он вернулся. Каркаров боится мести Темного Лорда. Он предал слишком много его верных сторонников, и хозяин вряд ли примет его с радостью.

Фадж, покачивая головой, отступил от Снегга еще на полшага. Похоже, он не слышал ни слова из сказанного

Снеггом. Он уставился с отвращением на уродливую отметину на руке Снегга, затем с усилием оторвал от нее взгляд, посмотрел на Дамблдора и прошептал:

— Я не знаю, чего добиваетесь вы и ваши сотрудники, Дамблдор, но я услышал достаточно.

Добавить мне нечего. Завтра я свяжусь с вами, Дамблдор, чтобы обсудить вопросы руководства школой. Я должен вернуться в Министерство.

Он замер на полпути к двери, резко развернулся и подошел к кровати Гарри.

— Твой выигрыш, — сухо сказал он, вынимая из кармана внушительный мешочек с золотом, и кладя его на тумбочку. — Тысяча галлеонов. Церемония должна была бы состояться завтра, но в сложившихся обстоятельствах…

Он водрузил котелок на голову и решительным шагом вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь. Как только Фадж исчез, Дамблдор повернулся к группе, стоящей возле кровати Гарри.

— Предстоит очень много работы, — сказал он. — Молли… я не ошибаюсь, полагая, что могу рассчитывать на вас с Артуром?

— Конечно, можете, — ответила миссис Уизли. Она побледнела еще больше, но выглядела весьма решительно. — Артур знает Фаджа. Он и в Министерстве-то работает только потому, что любит маглов. А Фадж считает, что ему не хватает истинной гордости волшебника.

— Тогда мне нужно отправить ему письмо, — сказал Дамблдор. — Нужно известить всех, кого мы сможем убедить в своей правоте, а Артур

поговорит с теми в Министерстве, кто не так близорук, как Корнелиус.

— Я поеду к отцу, — тут же поднялся Билл. — Прямо сейчас.

— Отлично, — сказал Дамблдор. — Расскажи ему, что случилось. Скажи, что я скоро сам свяжусь с ним. Но пусть он соблюдает осторожность. Если Фадж подумает, что я вмешиваюсь в работу Министерства…

— Предоставьте это мне, — сказал Билл.

Он похлопал Гарри по плечу, поцеловал в щеку мать, натянул плащ и быстро вышел из комнаты.

— Минерва, — повернулся Дамблдор к профессору МакГонагалл, — попросите Хагрида как можно скорее подняться ко мне в кабинет. И еще — если она согласится прийти — мадам Максим.

Профессор МакГонагалл молча кивнула и вышла.

— Поппи, — обратился Дамблдор к мадам Помфри, — будьте так добры, спуститесь в кабинет профессора Грюма. Там, я думаю, вы обнаружите домового эльфа Винки в ужасном состоянии. Сделайте для нее все, что сможете, и отведите на кухню. Я думаю, Добби позаботится о ней.

— Очень… очень хорошо, — удивленно ответи-

ла мадам Помфри и тоже вышла.

Дамблдор молчал до тех пор, пока шаги мадам Помфри не затихли вдалеке.

— А сейчас, — сказал он, — я хочу, чтобы двое из нас сняли друг перед другом свои маски. Сириус… будь добр, прими свой обычный вид.

Огромный черный пес посмотрел на Дамблдора, и в следующее мгновение превратился в человека.

Миссис Уизли взвизгнула, отпрыгнув от кровати:

— Сириус Блэк!

— Мам, молчи! — крикнул Рон. — Все в порядке! Снегг не кричал и не прыгал, но лицо его излучало смесь ужаса и ярости.

— Он! — рыкнул он, глядя на Сириуса, который смотрел на него с тем же выражением. — Что он здесь делает?

— Его пригласил я, — ответил Дамблдор, переводя взгляд с одного на другого, — так же, как и тебя, Северус. Я доверяю вам обоим. Настало время забыть старые обиды и поверить друг другу.

Гарри подумал, что Дамблдор требует невозможного. Сириус и Снегг смотрели друг на друга с ненавистью.

— Пока что я был бы доволен, — нетерпеливо

продолжил Дамблдор, — если бы вы не выказывали друг другу открытой враждебности. Пожмите руки. Сейчас вы по одну сторону баррикад. Время не ждет, и если даже те немногие из нас, кто знает правду, сейчас не объединятся, то у нас просто нет никаких шансов.

Очень медленно Сириус и Снегг подошли друг к другу и протянули руки, а пожав, тут же их отдернули. Вид при этом у них был такой, что было ясно: каждый желает другому если не смерти, то тяжелой болезни точно.

— Для начала достаточно, — заявил Дамблдор, снова становясь между ними. — Для каждого из вас у меня есть работа. Хоть я и ожидал от Фаджа чего-то в этом роде, но подобная реакция полностью меняет дело. Сириус, ты должен сейчас же отправиться в путь. Предупреди Римуса Люпина, Арабеллу Фигг, Наземникуса Флетчера — в общем всю старую компанию. На время спрячься у Люпина, я свяжусь с тобой позднее.

— Но… — начал Гарри.

Он хотел, чтобы Сириус остался. Он не хотел прощаться с ним.

— Мы увидимся очень скоро, Гарри, — обернулся к нему Сириус. — Обещаю. Но я должен сделать все, что могу, сам понимаешь…

— Да, — произнес Гарри, — да… конечно, понимаю. Сириус быстро пожал ему руку, кивнул Дамблдору,

снова превратился в пса и подбежал к двери. Лапой повернул ручку и исчез в коридоре.

— Северус, — обратился Дамблдор к Снеггу — ты знаешь, что я должен попросить. Если… если ты готов это сделать…

— Да, — ответил Снегг.

Он выглядел бледнее обычного, а его черные глаза странно блестели.

— Тогда, удачи, — сказал Дамблдор. С мрачным предчувствием во взгляде он смотрел, как Снегг молча вышел из комнаты вслед за Сириусом.

Прошло несколько минут, прежде чем он снова заговорил.

— Я должен спуститься, — наконец сказал он. — Мне нужно поговорить с родителями Диггори. Гарри, прими оставшееся зелье. Я еще увижусь со всеми вами позже.

Дамблдор ушел. Гарри откинулся на подушки. Гермиона, Рон и миссис Уизли долго молча смотрели на него.

— Нужно выпить оставшееся зелье, Гарри, — заговорила, наконец, миссис Уизли. Она потянулась за кубком и задела мешочек с золотом. — Тебе

нужно выспаться как следует. Попробуй подумать о чем-нибудь другом… подумай, например, что ты купишь на выигранные деньги!

— Мне не нужно это золото, — ответил Гарри без всякого выражения. — Возьмите его себе. Или пусть кто-нибудь другой возьмет. Это не я выиграл. Это золото Седрика.

Он сражался с этим с того самого момента, когда вышел из лабиринта, и все-таки это его настигло. Гарри чувствовал, как щиплет в уголках глаз. Он моргнул несколько раз и уставился в потолок.

— Ты ни в чем не виноват, Гарри, — прошептала миссис Уизли.

— Это я предложил ему взяться за Кубок вдвоем, — ответил Гарри.

Теперь щипало не только в глазах, но и в горле. Как он хотел, чтобы Рон сейчас отвернулся!

Миссис Уизли поставила кубок с напитком на тумбочку, обняла Гарри и прижала его к себе. Никто никогда не обнимал его так, почти как мать. В это же мгновение на него обрушилась вся тяжесть случившегося этой ночью. Лицо матери, голос отца, тело Седрика на земле — все невыносимо кружилось перед глазами, так что Гарри едва не прокусил себе губу борясь с горестным воем, который рвался изнутри.

Раздался громкий хлопок, и миссис Уизли отпустила Гарри. Гермиона стояла у окна, сжимая что-то в руке.

— Извините, — прошептала она.

— Вот твое зелье, Гарри, — сказала миссис Уизли, быстро вытирая глаза тыльной стороной ладони.

Гарри выпил все одним глотком, и оно тут же подействовало. Тяжелые волны сна без снов накатили на него. Сопротивляться он не мог и не хотел. Он откинулся на подушку и больше не думал ни о чем.

Глава 37

НАЧАЛО

Когда по прошествии месяца Гарри оглядывался назад, он обнаружил, что не так уж и много воспоминаний осталось у него об этих днях. Похоже, память не смогла сохранить все пережитое. Оставшиеся воспоминания были одно тяжелее другого. Хуже всех была встреча с родителями Диггори, которые пришли в больничное крыло на следующее утро.

Они не обвиняли его в происшедшем, наоборот, оба благодарили за то, что он вернул им тело Седрика. Мистер Диггори то и дело всхлипывал, а миссис Диггори от горя даже плакать не могла.

— Значит, он совсем не страдал, — сказала она, когда Гарри рассказал им, как умер Седрик. — И знаешь, Амос… он умер сразу же после того, как завоевал Кубок. Должно быть, он был счастлив.

Когда они встали, чтобы уйти, она посмотрела на Гарри и сказала:

— Ты теперь берегись, Гарри, будь осторожнее. Гарри схватил с тумбочки мешочек с золотом.

— Возьмите это, — пробормотал он. — Это ведь

Седрика, он первым добрался до него, возьмите…

Но она попятилась от него со словами:

— Нет-нет, это твое, дорогой… мы не можем… оставь себе…

* * *

На следующий вечер Гарри вернулся в башню Гриффиндора. Гермиона и Рон рассказали ему, что Дамблдор обратился за завтраком к ученикам школы. Он просил всех оставить Гарри в покое, не задавать вопросов и не просить рассказать, что же произошло в лабиринте. Гарри заметил, что многие обходят его стороной, а некоторые начинают шептаться друг с другом, когда он проходит мимо. Он понял: читали статью Риты Скитер о том, что он неуравновешен и может представлять опасность. Может быть, даже строят свои собственные версии смерти Седрика. Гарри это не волновало. Больше всего ему нравилось быть с Роном и Гермионой и болтать о чем-нибудь постороннем или просто молча сидеть рядом, когда они играют в шахматы. Он чувствовал, что они втроем понимают друг друга настолько, что уже не нуждаются в словах. Они просто ждут какого-то знака, известия о том, что происходит за стенами Хогвартса. Раздумывать, что может

случиться, не имеет никакого смысла, пока это не случилось. Они лишь однажды заговорили об этом — когда Рон рассказал Гарри о разговоре миссис Уизли с Дамблдором перед отъездом домой.

— Она просила его разрешить тебе поехать прямо к нам этим летом, — сказал он. — Но он хочет, чтобы ты пожил у Дурслей, по крайней мере, поначалу.

— Почему? — удивился Гарри.

— Она сказала, что у Дамблдора есть на это причины, — мрачно ответил Рон. — Я думаю, мы должны ему верить, правда?

Кроме Рона и Гермионы Гарри мог разговаривать еще с Хагридом. Поскольку учителя по защите от темных искусств теперь не было, во время этих уроков они были свободны. В один из таких часов, в четверг после обеда, друзья решили навестить Хагрида. День был ясный, солнечный; Клык выскочил из распахнутой двери и бросился им навстречу, громко лая и размахивая хвостом.

— Кто там? — проревел Хагрид, появляясь в дверях. — Гарри!

Он быстро подошел к ним, обнял Гарри гигантской ручищей, взъерошил ему волосы и сказал:

— Рад видеть тебя, дружище. Здорово!

Войдя в хижину, они увидели на столе две чашки размером с ведро.

— Выпил чашечку с Олимпией, — заметил Хагрид. — Ушла только что.

— Кто? — полюбопытствовал Рон.

— Мадам Максим, конечно! — ответил Хагрид.

— Значит, вы помирились, да? — спросил Рон.

— Не знаю, о чем это ты, — отмахнулся Хагрид, доставая еще чашки из буфета. Приготовив чай и водрузив на стол тарелку с плохо пропеченным печеньем, Хагрид откинулся в кресле и пристально оглядел Гарри своими похожими на черных жуков глазами.

— Ты как, в порядке? — грубовато спросил он.

— Да, — ответил Гарри.

— Нет, — возразил Хагрид. — Конечно, нет. Но все устроится.

Гарри промолчал.

— Я знал, что он вернется, — заявил Хагрид. (Гарри, Рон и Гермиона потрясенно посмотрели на него.) — Знал это всегда, Гарри. Знал, что он там… э-э… прячется… выжидает. Это должно было случиться. Ну, так это и случилось… И что теперь? Ничего… Будем бороться. Может, сможем остановить его… не дать ему снова… ну, взять власть. Это Дамблдор так считает. Великий чело-

век, Дамблдор… Пока он с нами, я спокоен.

Хагрид увидел по лицам друзей, что они не верят своим ушам, и удивленно поднял свои лохматые брови.

— Нет смысла сидеть и беспокоиться, — сказал он. — Чему быть, того не миновать. Надо просто быть к этому готовым. Дамблдор рассказал мне, что ты сделал, Гарри.

Хагрид посмотрел на Гарри, и его грудь раздулась от гордости.

— Ты поступил, как поступил бы твой отец. А лучшей похвалы просто нет.

Гарри улыбнулся в ответ, впервые за последние несколько дней.

— А что Дамблдор попросил тебя сделать, Хагрид? — спросил он. — Он послал профессора МакГонагалл за тобой и за мадам Максим… тогда ночью.

— Есть небольшая работенка на лето, — ответил Хагрид. — Но это секрет. Нельзя говорить об этом, даже вам нельзя. Олимпия — для вас мадам Максим, — может, тоже поедет со мной. Я так думаю. Надеюсь, смогу ее уговорить.

— Это связано с Волан-де-Мортом? Хагрид сжался при звуках этого имени.

— Может быть, — уклончиво ответил лесни-

чий. — А сейчас… сейчас… кто хочет пойти со мной, посмотреть на последнего соплохвоста? Шутка… Шутка! — тут же воскликнул он, увидев их лица.

С тяжелым сердцем Гарри собирал чемодан накануне отъезда из Хогвартса на Тисовую улицу. Он боялся Прощального пира, который всегда был таким праздничным, таким радостным — ведь на нем объявляли факультет-победитель. После возвращения из больничной палаты Гарри не ходил в Большой зал, когда там было особенно много народу, и старался есть попозже, чтобы избежать любопытных взглядов.

Когда они с Роном и Гермионой вошли в зал, они сразу заметили, что зал не украшен, как обычно, цветами победившего факультета. Сегодня стена за учительским столом была задрапирована черным. Гарри тут же понял, что это — дань уважения Седрику.

За столом преподавателей сидел настоящий Грозный Глаз Грюм. Деревянная нога и волшебный глаз вернулись к нему, но несмотря на это он был весь какой-то дерганый и вскакивал каждый раз, когда кто-то заговаривал с ним. Гарри не мог его винить в этом: подозрительность Грюма должна была только усилиться после десятиме-

сячного заключения в собственном сундуке. Стул профессора Каркарова был пуст. Садясь на свое место, Гарри задумался, где же Каркаров сейчас, поймал его Волан-де-Морт или нет?

А вот мадам Максим была на месте. Она сидела рядом с Хагридом, и они о чем-то тихо переговаривались. Дальше, рядом с профессором МакГонагалл, сидел Снегг. Их взгляды на мгновение встретились, когда Гарри посмотрел на него. Трудно было понять по лицу, о чем он думает. Выглядел он, во всяком случае, таким же мрачным и неприятным, как и всегда. Гарри еще долго вглядывался в него, после того как Снегг отвел глаза в сторону.

Что сделал Снегг по заданию Дамблдора в ту ночь, когда вернулся Волан-де-Морт? И почему., почему Дамблдор так уверен, что Снегг действительно на нашей стороне? Дамблдор в Омуте говорил, что Снегг был нашим шпионом, что он действовал против Волан-де-Морта, «несмотря на огромный личный риск». Может быть, он снова пойдет на это? Может, он уже вступил в контакт с Пожирателями смерти? Сделал вид, что никогда не переходил на сторону Дамблдора, что, как и сам Волан-де-Морт, все это время он лишь ждал подходящего момента?

Размышления Гарри прервал профессор Дамблдор, который поднялся со своего места. В Большом зале и до того было совсем не так шумно, как бывало раньше, а теперь и подавно повисла тишина.

— Закончился, — произнес Дамблдор, оглядев присутствующих, — еще один учебный год.

Он замолчал и посмотрел на стол пуффендуйцев. За этим столом было тише всего, а лица студентов были самыми грустными и бледными во всем Большом зале.

— Многое я хотел бы сказать вам сегодня вечером, — продолжил Дамблдор, — но прежде всего я должен признаться, что мы потеряли очень хорошего человека, который должен был сидеть здесь, — Дамблдор махнул рукой в сторону стола пуффендуйцев, — и вместе с нами радоваться Прощальному пиру. Я хотел бы, чтобы все сейчас встали и подняли стаканы в честь Седрика Диггори.

И они это сделали. Заскрипели отодвигаемые скамьи, и все присутствующие встали, подняли кубки и по залу прокатилось: «За Седрика Диггори».

Гарри сквозь толпу увидел Чжоу. По ее лицу тихо текли слезы. Все сели, и Гарри уткнулся

взглядом в стол.

— Седрик обладал многими достоинствами, которыми отличаются студенты Пуффендуя, — снова заговорил Дамблдор. — Он был хорошим верным другом, любил труд, высоко ценил справедливость. Смерть его подействовала на всех вас, независимо от того, знали вы его или нет. Поэтому я думаю, вы имеете право узнать, как это случилось.

Гарри поднял голову и посмотрел на Дамблдора.

— Седрика Диггори убил лорд Волан-де-Морт.

По залу пронесся взволнованный шепот. Одни смотрели на Дамблдора с ужасом, другие — с недоверием. Директор спокойно дождался пока шум стихнет.

— В Министерстве магии не хотят, чтобы я сообщал вам это, — продолжил он. — Возможно, некоторые из ваших родителей будут в ужасе от того, что я сделал. Либо потому, что они не верят в возвращение Волан-де-Морта, либо потому что считают вас слишком маленькими, чтобы говорить об этом. Но я уверен: правда в любом случае предпочтительнее лжи, а пытаться представить смерть Седрика несчастным случаем или заявить, что он сам в этом виноват, было бы

оскорблением его памяти.

Ошеломленные и испуганные лица одно за другим поворачивались к Дамблдору… но поворачивались далеко не все. Гарри увидел, как за слизеринским столом Малфой что-то говорил Крэббу и Шилу. Горячая, тошнотворная волна гнева закипела у Гарри внутри, и он заставил себя перевести взгляд на Дамблдора.

— Есть еще один человек, которого необходимо упомянуть в связи со смертью Седрика, — говорил Дамблдор. — Я говорю, конечно, о Гарри Поттере.

По залу будто пробежала волна, когда многие головы повернулись сначала к Гарри, а потом снова к директору.

— Гарри Поттер сумел ускользнуть от лорда Волан-де-Морта, — продолжал Дамблдор. — Он рискнул жизнью, чтобы вернуть тело Седрика в Хогвартс. Он проявил храбрость, которую перед лицом лорда Волан-де-Морта проявлял не каждый взрослый волшебник и теперь я пью в его честь.

Дамблдор тяжело повернулся к Гарри и снова поднял кубок. Почти все в Большом зале повторили его движение. Они назвали его имя, также, как назвали имя Седрика Диггори, и выпили в его честь. Но за стоящими школьниками Гарри

увидел, как многие из слизеринцев остались вызывающе сидеть на своих местах и даже не притронулись к кубкам. Дамблдор, у которого волшебного глаза не было, этого не заметил.

Когда все снова заняли свои места, Дамблдор продолжил свою речь.

— Цель Турнира Трех Волшебников — укреплять взаимопонимание среди волшебников всего мира. В свете случившегося — то есть возвращения лорда Волан-де-Морта — такое взаимопонимание становится, как никогда, важным.

Дамблдор перевел взгляд с Хагрида и мадам Максим на Флер Делакур и студентов из Шармбатона, а затем на Виктора Крама и дурмстрангцев за слизеринским столом. Гарри увидел, что Крам насторожен и почти испуган, как будто ожидает, что Дамблдор скажет что-нибудь резкое.

— Каждый гость этого зала, — сказал Дамблдор, и его взгляд задержался на учениках из Дурмстранга, — будет с радостью встречен здесь всегда, в любое время. Хочу повторить еще раз: в свете возрождения лорда Волан-де-Морта мы сильны настолько, насколько мы едины, и слабы настолько, насколько разъединены. Лорд Волан-де-Морт славится способностью сеять раздор и вражду. Мы можем бороться с этим, создавая

прочные связи, основанные на дружбе и доверии. Различия в наших традициях и в наших языках несущественны, если у нас общие цели, а наши сердца открыты навстречу друг другу. Я уверен — и никогда еще я не хотел бы так сильно ошибиться, — что впереди нас ждут мрачные и тяжелые дни. Некоторые из присутствующих в этом зале уже пострадали от рук лорда Волан-де-Морта. Многие семьи были разрушены. Неделю назад погиб ваш товарищ.

Помните Седрика. Если настанет время делать выбор между легким и правильным, вспомните, что случилось с честным, добрым, смелым мальчиком только потому, что он случайно встал на пути лорда Волан-де-Морта. Помните Седрика Диггори.

Чемодан Гарри был упакован, сверху стояла клетка с Буклей. Они с Роном и Гермионой толкались вместе с остальными четверокурсниками в переполненном холле в ожидании карет до станции Хогсмид. Стоял прекрасный летний день. Гарри подумал, что на Тисовой улице наверняка тепло, летний ветерок колышет пышную листву, а на клумбах искрится калейдоскоп цветов. Но его это не радовало.

— Гарри!

Он оглянулся. По ступенькам крыльца быстро поднималась Флер Делакур. За ней в распахнутую дверь Гарри увидел, как Хагрид помогает мадам Максим запрягать гигантских лошадей. Карета из Шармбатона скоро тронется в путь.

— Мы встретимся, я надеюсь, — сказала Флер, протягивая ему руку. — Я надеюсь получить здесь ‘габоту хочу улучшить свой английский.

— Он и так очень хорош, — с трудом выдавил Рон. Флер улыбнулась ему. Гермиона нахмурилась.

— До свидания, Гарри, — попрощалась Флер. — Было очень п’гиятно познакомиться!

Настроение у Гарри невольно поднялось, когда он смотрел, как Флер бежит к мадам Максим и ее серебряные волосы сверкают в лучах утреннего солнца.

— Интересно, как доберутся обратно дурмстрангцы? — спросил Рон. — Как вы думаете, смогут они управлять кораблем без Каркарова?

— Каркаров не управлял, — раздался рядом мрачный голос. — Он сидел в своей каюте, а всю работу делали мы.

Крам подошел попрощаться с Гермионой.

— Можно тебя на пару слов? — спросил он ее.

— А… да… конечно, — ответила Гермиона, слег-

ка смутившись, и отошла в сторонку вместе с Крамом.

— Поторопись! — громко крикнул ей вслед Рон. — Кареты подъедут через пару минут!

Однако он предоставил Гарри следить за прибытием карет, а сам все время вставал на цыпочки и вытягивал шею, пытаясь разглядеть, что там делают Гермиона с Крамом. Они вернулись очень быстро. Рон пристально смотрел на Гермиону, но лицо ее было бесстрастно.

— Мне нравился Диггори, — коротко заявил Крам Гарри. — Он всегда был со мной вежлив. Всегда. Несмотря на то, что я был из Дурмстарнга… вместе с Каркаровым, — добавил он, нахмурившись.

— У вас уже есть новый директор? — спросил Гарри. Крам пожал плечами. Затем, как и Флер, протянул руку сначала Гарри, потом Рону.

По лицу Рона было видно, что он ведет какую-то тяжелую внутреннюю борьбу. Крам уже отвернулся и хотел уйти, как Рон вдруг выпалил:

— А можно мне твой автограф?

Гермиона отвела взгляд и улыбнулась безлошадным каретам, которые катились к ним по подъездной дороге. Крам удивился, но с удовольствием подписал Рону кусочек пергамента.

* * *

Этот летний день разительно отличался от дождливого сентябрьского дня, когда они ехали в Хогвартс, — на небе ни облачка. В купе вместе с Гарри, Роном и Гермионой никого не было. Сыча пришлось снова прикрыть парадной мантией Рона, чтобы он не ухал беспрерывно. Букля дремала, сунув голову под крыло, а Живоглот свернулся на пустом сиденье, как пушистая рыжая подушка. Поезд катил на юг, а друзья разговаривали больше, чем за всю предыдущую неделю. Речь Дамблдора на Прощальном пиру будто сломала у Гарри внутри какую-то невидимую преграду. Сейчас ему было не так больно говорить о случившемся. Они перестали обсуждать, что может сделать Дамблдор, чтобы остановить Волан-де-Морта, только когда прибыла тележка с едой.

Вернувшись от тележки, Гермиона спрятала деньги в сумку и достала оттуда номер «Ежедневного Пророка». Гарри настороженно глянул на газету — он не был уверен, хочет ли он узнать, что там написано. Гермиона, заметив это спокойно сказала:

— Там ничего нет. Можешь посмотреть сам, но там действительно ничего нет. Я проверя-

ла каждый день. Только маленькая заметка на следующий день после третьего задания, где сообщалось, что ты выиграл Турнир. Они даже не упомянули о Седрике. И вообще ни о чем. По-моему, Фадж им пикнуть не дает.

— С Ритой ему это не удастся, — возразил Гарри. — Тем более такие события.

— Рита не написала ни слова после третьего *тура,* — сказала Гермиона странно напряженным голосом. — По правде говоря, — добавила она, и ее голос дрогнул, — Рита Скитер вообще какое-то время не будет ничего писать. Если, конечно, она не хочет, чтобы я выдала ее тайну

— О чем это ты? — спросил Рон.

— Я выяснила, как ей удавалось подслушивать разговоры, хотя она не должна была находиться на территории школы, — выпалила Гермиона.

Гарри был уверен — она уже несколько дней умирала от желания рассказать им это, но сдерживалась из-за всего происшедшего.

— И как она это делает? — тут же спросил Гарри.

— И как ты это выяснила? — уставился на нее Рон.

— Ну, по правде говоря, эту мысль подсказал мне ты, Гарри, — ответила Гермиона.

— Я? — удивился Гарри. — Когда?

— Жучки, — радостно возвестила Гермиона.

— Но ты ведь сказала, что они не работают…

— Да электронные жучки, — подтвердила Гермиона. — Вы не, понимаете… Рита Скитер — объявила Гермиона с плохо скрываемым триумфом, — незарегистрированный анимаг. Она может превращаться… — Гермиона вытащила из сумки плотно закрытую стеклянную банку, — в жука!

— Ты шутишь! — воскликнул Рон. — Ты не… это не она…

— Она, она, — улыбаясь, кивнула Гермиона, гордо продемонстрировав им банку.

Внутри лежали палочки и листочки, среди которых сидел большой жук.

— Никогда в жизни… Ты шутишь… — прошептал Рон, приблизив банку к глазам.

— Не шучу, — продолжала сияющая Гермиона. — Я поймала ее на подоконнике в больничной палате. Посмотри внимательно, и ты увидишь, что отметки вокруг усиков в точности, как ее кошмарные очки.

Гарри присмотрелся, и понял, что она права. Он тоже кое-что вспомнил.

— Когда мы, слышали ночью, как Хагрид рас-

сказывал мадам Максим о своей маме, на статуе сидел жук!

— Именно! — подтвердила Гермиона. — А Виктор вытащил жука у меня из волос, когда мы разговаривали с ним у озера. И, сели я не ошибаюсь, Рита сидела на подоконнике в кабинете предсказаний в тот день, когда у тебя заболел шрам. Она летала по школе целый год, собирая разные сплетни.

— А когда мы увидели Малфоя под деревом… — медленно начал Рон.

— Он разговаривал с ней, держа ее в руке, — сказала Гермиона. — Он, конечно же, знал. Именно так она получала все эти замечательные маленькие интервью у слизеринцев. Им было все равно, что она нарушает закон, если они могли передавать ей всякие гадости про нас и про Хагрида.

Гермиона взяла банку из рук Рона и улыбнулась жуку, который сердито жужжал, тычась головой в стекло.

— Я сказала ей, что выпущу ее, когда мы вернемся обратно в Лондон, — продолжила Гермиона. — Понимаете, я наложила на банку заклятие Неразбиваемости, поэтому она не может превратиться в человека. И я велела ей в течение года держать свое перо при себе. Посмотрим, сможет

ли она отучиться от вредной привычки писать обо всех грязную ложь.

Спокойно улыбаясь, Гермиона спрятала банку с жуком обратно в сумку.

Дверь купе скользнула в сторону.

— Очень умно, Грэйнджер, — заявил Драко Малфой. За ним стояли Крэбб и Гойл. Все трое выглядели еще более самодовольными, высокомерными и угрожающими, чем когда-либо.

— Итак, — протянул Малфой, сделав полшага в купе. Он оглядел сидящих, и лицо его искривила презрительная ухмылка. — Ты поймала какую-то жалкую корреспонденточку, а Поттер — снова любимчик Дамблдора. Большое дело.

Ухмылка на его лице стала шире. Крэбб и Гойл оскалились.

— Пытаемся не думать об этом, да? — тихо спросил Малфой, глядя на Гарри, Рона и Гермиону. — Пытаемся сделать вид, что ничего не случилось?

— Убирайся, — сказал Гарри.

Он не вспоминал о Малфое со вчерашнего вечера, когда тот шептался с Крэббом и Гойлом во время речи Дамблдора о Седрике. В ушах у Гарри звенело. Рука сама собой схватила палочку в кармане мантии.

— Ты на стороне проигравших, Поттер! Я предупреждал тебя! Я говорил тебе, что нужно тщательно выбирать себе компанию, помнишь? Когда мы встретились в поезде в первый день в Хогвартсе? Я говорил тебе, не общаться с этими отбросами! — он дернул головой в сторону Рона и Гермионы. — Слишком поздно, Поттер! Они умрут первыми, когда Темный Лорд вернется! Грязнокровки и маглолюбцы будут первыми! Нет… вторыми, первым был Диггори…

В купе раздался взрыв, будто кто-то поджег целую упаковку фейерверков. Ослепленный сверканием заклятий и оглушенный разрывами, прозвучавшими со всех сторон, Гарри потряс головой и посмотрел вниз, на пол.

Малфой, Крэбб и Гойл лежали без сознания в дверях. Они с Роном и Гермионой стояли посреди купе с палочками в руках. Все они применили разные заклятия, впрочем, не только они одни.

— Я подумал, что стоит последить за этой троицей, — просто заметил Фред, наступив на Гойла, перед тем как войти в купе. В руках у него была палочка. У Джорджа тоже. Он старательно прошелся по Малфою.

— Интересный эффект, — заметил Джордж, глядя на Крэбба. — Кто применил заклятие Фу-

рункулюс?

— Я, — признался Гарри.

— Странно, — весело произнес Джордж. — Я использовал Ножное заклятие. Похоже, их нельзя смешивать. Теперь у этого типа все лицо покрыто маленькими щупальцами. Ладно, давайте выкинем их отсюда, они не украшают купе.

Рон, Гарри и Джордж выволокли Малфоя, Крэбба и Гойла в коридор. Те еще не пришли в сознание и выглядели просто отвратительно из-за того, что на каждого пришлось по нескольку заклинаний, и они смешались друг с другом. Друзья вернулись в купе и закрыли дверь.

— Играть кто-нибудь будет? — спросил Фред, вытаскивая из кармана колоду карт.

Они играли уже пятый кон, когда Гарри все же решился задать вопрос.

— Так вы скажете нам, кого вы шантажировали? — обратился он к Джорджу.

— А, — мрачно ответил Джордж. — Это…

— Неважно, — нетерпеливо качнул головой Фред. — Это не имеет никакого значения. Во всяком случае, сейчас не имеет.

— Мы бросили это дело, — пожал плечами Джордж. Но Гарри, Рон и Гермиона наседали с вопросами, и наконец Фред сказал:

— Ладно, ладно, если вы уж так хотите знал.... это был Людо Бэгмен.

— Бэгмен? — насторожился Гарри. — Вы хотите сказать, что он был связан с...

— Нет, — мрачно сказал Джордж- Ничего такого. Он болван. У него мозгов бы не хватило.

— А что тогда? — спросил Рон. Фред, поколебавшись, ответил:

— Помните пари, которое мы заключили с ним на Чемпионате мира по квиддичу? Насчет того, что Ирландия выиграет, но Крам поймает снитч?

— Н-ну — протянули Гарри с Роном.

— Ну, он и заплатил нам лепреконским золотом, пойманным на стадионе.

— И что?

— То, — нетерпеливо ответил Фред. — что золото исчезло! Испарилось к следующему утру!

— Но... это, конечно, случайно, да! — сказала Гермиона.

Джордж горько рассмеялся:

— Да, мы тоже сначала так подумали. Мы решили, что напишем ему, объясним, что случилось, и он вернет деньги. Ничего подобного! Он просто не ответил на письмо. Мы сто раз пытались поговорить с ним в Хогвартсе, но он постоянно сбегал

от нас под каким-нибудь предлогом.

— А потом, — добавил Фред, — он решил показать зубы. Сказал, что мы слишком молоды для азартных игр, и что он ничего не собирается нам отдавать.

— Поэтому мы попросили вернуть нам деньги, — сердито добавил Джордж.

— Но не отказал же он вам! — воскликнула Гермиона.

— Именно, что отказал, — ответил Фред.

— Но это были все ваши сбережения! — возмутился Рон.

— Ты еще нам об этом рассказываешь! — сказал Джордж. — В конце концов мы выяснили, что произошло. Отец Ли Джордана тоже с трудом вытряхнул деньги из Бэгмена. Оказалось, что у него большие проблемы с гоблинами. Он занял у них кучу золота. Гоблины взяли его в оборот в лесу после финального матча, и забрали у него все, что было, но этого все равно не хватило покрыть долги. Они приглядывали за ним и в Хогвартсе. Он потерял все деньги на азартных играх, все до кната. И вы представляете, как он решил расплатиться с гоблинами?

— Как? — спросил Гарри.

— Поставил на тебя, дружище, — ответил

Фред. — Огромную сумму на то, что ты выиграешь турнир. Заключил пари с гоблинами.

— Так вот почему он все время пытался помочь мне! — воскликнул Гарри. — Ну… я же все-таки выиграл, так? Значит, он должен был отдать вам ваши деньги!

— Ничуть, — покачал головой Джордж. — Гоблины такие же жуки, как и он сам. Они заявили, что победили вы вдвоем с Седриком, а Бэгмен ставил на тебя одного. В итоге Бэгмену пришлось попросту сбежать. Он исчез сразу после третьего тура.

Джордж глубоко вздохнул и принялся снова сдавать карты.

Остаток путешествия был очень приятным. Гарри хотелось бы, чтобы эта поездка длилась все лето, чтобы поезд никогда так и не доехал до вокзала Кингс-Кросс… Но в этом году он поневоле понял, что время не идет медленнее, если впереди тебя ожидает что-нибудь неприятное, и поезд слишком скоро затормозил у платформы 9 $У_4$. Ученики стали выгружаться, и коридор вагона заполнили обычный шум и суета. Рон с Гермионой вытащили из купе чемоданы и направились к выходу мимо лежащих на полу Малфоя, Крэбба и Гойла.

Гарри задержался.

— Фред, Джордж... — подождите... минутку... Близнецы обернулись. Гарри открыл чемодан и вытащил оттуда выигранное золото.

— Держите, — сунул он мешочек в руку Джорджу.

— Что? — воскликнул пораженный Фред.

— Держите, — настойчиво повторил Гарри. — Мне они не нужны.

— Ты с ума сошел, — ответил Джордж, отталкивая мешок.

— Нет, — ответил Гарри. — Возьмите и занимайтесь изобретательством. Это на ваш магазин.

— Он и вправду сошел с ума, — произнес Фред почти благоговейно.

— Послушайте, — решительно сказал Гарри. — Если вы не возьмете деньги, я просто выброшу их в канаву. Мне они не нужны, я их видеть не могу. Но я был бы не прочь посмеяться как следует. Мы все были бы не прочь повеселиться. И мне кажется, что очень скоро нам понадобятся поводы для веселья.

— Гарри, — произнес Джордж внезапно севшим голосом. — Здесь должно быть не меньше тысячи галлеонов.

— Да, — улыбнулся Гарри. — Представь, сколь-

ко это канареечных помадок.

Близнецы молча уставились на него.

— Только не говорите маме, откуда у вас деньги… хотя, она, может, и не захочет теперь, чтобы вы работали в Министерстве…

— Гарри, — начал было Фред, но Гарри уже вытащил из кармана волшебную палочку.

— Послушайте, — твердо сказал он, — возьмите их, или я сейчас заколдую вас. Я знаю теперь парочку отличных заклятий. Только сделайте мне одно одолжение, ладно? Купите Рону новую парадную мантию и скажите, что это от вас.

И прежде чем они сказали хоть слово, он вышел из купе. При этом ему пришлось переступить через Малфоя, Крэбба и Гойла, которые лежали на полу, все еще покрытые отметинами от заклятий.

Дядя Вернон ожидал его за барьером. Рядом стояла миссис Уизли. Она крепко обняла Гарри и прошептала ему на ухо:

— Думаю, Дамблдор разрешит тебе приехать к нам попозже летом. Пиши, Гарри.

— Увидимся, Гарри, — хлопнул его по спине Рон.

— Пока, Гарри! — сказала Гермиона и сделала то, чего никогда раньше не делала: чмокнула

его в щеку.

— Гарри… спасибо, — бормотал Джордж, а Фред, стоя рядом, лишь молча кивал.

Гарри подмигнул близнецам, повернулся к дяде Вернону и пошел за ним к выходу с вокзала. Не стоит пока волноваться, — сказал он себе, усаживаясь на заднее сиденье дядиного автомобиля.

Как сказал Хагрид, чему быть, того не миновать… и ему придется встретить то, что неминуемо случится.

Гарри Поттер и Орден Феникса

Гарри Поттер с нетерпением ждет окончания каникул и начала пятого учебного года в Хогвартсе. Юный волшебник как никогда страдает от одиночества, а насмешки и придирки Дурслей стали совсем невыносимы. К тому же он уверен, что Волан-де-Морт возродился и скоро начнет действовать.

Вас снова ждут опасные и захватывающие приключения, жестокая борьба, верные друзья и волшебный мир Гарри Поттера.

Глава 1

ДАДЛИ ДОСТАЛОСЬ

Самый пока что жаркий день знойного лета клонился к вечеру, и большие прямоугольные дома Тисовой улицы окутывала сонная тишина. Машины, обычно сверкавшие чистотой, стояли пыльные, а лужайки были уже не изумрудно-зелеными, а иссохшими, желтоватыми: из-за нехватки воды жителям запретили пользоваться шлангами. Лишенные таких важных занятий, как мытье машин и стрижка газонов, обитатели Тисовой сидели по комнатам, где было чуть прохладней, широко распахнув окна в несбыточной надежде на освежающее дуновение. Единственным, кто не находился дома, был подросток, лежавший лицом вверх на цветочной клумбе у дома номер четыре.

Это был худой, черноволосый парнишка в очках, чуть болезненный и угловатый на вид, — посмотришь, и сразу ясно, что он сильно вытянулся за короткое время. Джинсы рваные и грязные, футболка мешковатая и выцветшая, кроссовки скоро запросят каши. Одним словом, наружность

Гарри Поттера не красила его в глазах соседей, которые считали, что нерях надо отдавать под суд. Но нынешним вечером, укрытый под большим кустом гортензии, он был совершенно невидим для прохожих. Обнаружить его могли только дядя Вернон или тетя Петунья, если бы кому-нибудь из них вздумалось высунуть голову из окна гостиной и поглядеть вниз — на клумбу.

В целом Гарри был доволен этим укрытием. Лежать на твердой, горячей земле было, может, и не очень удобно, зато никто не испепелял его взглядом, не скрипел зубами так, что теленовостей не услышишь, и не забрасывал его гадкими вопросами, как случалось всякий раз, когда он садился в гостиной перед экраном вместе с дядей и тетей.

Вдруг, точно эта мысль влетела в открытое окно, Вернон Дурсль, дядя Гарри, сказал:

— Хорошо, что мальчишка перестал тут ошиваться. Где он, кстати?

— Не знаю, — равнодушно ответила тетя Петунья. — В доме его нет.

Дядя Вернон крякнул.

— Новости, вишь ты, его интересуют, — язвительно проговорил он. — Хотел бы я знать, что по правде у него на уме. Как будто нормальному

парню может быть дело до новостей. Дадли вот и понятия ни о чем не имеет, вряд ли он даже знает, кто у нас премьер-министр! Так или иначе, в *наших* новостях про его племя ничего…

— Тсс! — прошипела тетя Петунья. — Окно открыто!

— А… да, прости, я забыл.

Дурсли умолкли. Гарри слушал какую-то рекламную дребедень про злаковые хлопья и смотрел на миссис Фигг с улицы Глициний, сумасшедшую старую кошатницу, которая шла мимо мелкими медленными шажками. Она хмурилась и что-то бормотала себе под нос. Гарри порадовался тому, что его прикрывает куст: в последнее время миссис Фигг взяла моду всякий раз, как встретит его на улице, приглашать на чай. После того как она повернула за угол и скрылась из виду, из окна опять зазвучал голос дяди Вернона:

— А Дадлик у кого-то в гостях?

— У Полкиссов, — с нежностью в голосе ответила тетя Петунья. — У него столько друзей, он пользуется такой популярностью…

Гарри едва удержался от того, чтобы не фыркнуть. Во всем, что касалось их сына Дадли, Дурсли проявляли поразительную слепоту. Они свято верили всему его примитивному вранью об

ужинах и чаепитиях, на которые его каждый вечер летних каникул якобы приглашали родители того или иного приятеля. Гарри, однако, прекрасно знал, что ни в каких гостях Дадли не рассиживает. Он и его компания развлекались по вечерам тем, что портили детский парк, курили на улицах и швырялись камнями в проезжающие машины и проходящих детей. Гарри не раз видел их за этим занятием, бродя вечерами по своему городку Литтл-Уингингу. Большую часть каникул он слонялся по улицам и выуживал из урн выброшенные газеты.

От мелодии, за которой должны были последовать семичасовые новости, внутри у Гарри все напряглось. Может быть, сегодня — после месяца ожидания — наступил тот самый день?

«В аэропортах Испании пошла вторая неделя забастовки работников багажных служб, и количество застрявших отдыхающих достигло рекордного уровня…»

— Будь моя воля, я бы им устроил пожизненную сиесту, — проворчал дядя Вернон, заглушив конец фразы диктора, но это уже было не важно.

Гарри на своей клумбе мог расслабиться. Если бы что-нибудь случилось, об этом, конечно, сказали бы в первую очередь: смерть, разрушение

— темы поважней, чем застрявшие отдыхающие.

Он медленно выдохнул и поднял глаза на сияющее голубизной небо. Этим летом у него, что ни день, одно и то же. Напряженное ожидание, временное облегчение, потом опять нарастающее напряжение… и один и тот же все более настоятельный вопрос: «Почему до с их пор ничего не произошло?»

Он продолжал слушать на тот случай, если проскочит какая-нибудь существенная мелочь, какая-нибудь новость, чей подлинный смысл будет маглам непонятен, — скажем, необъяснимое исчезновение или другое какое-нибудь странное событие. Но за испанскими аэропортами последовала засуха на юго-востоке Англии («Надеюсь, он слушает, соседушка наш! — прорычал дядя Вернон. — Тайком в три часа утра поливает из шланга свою лужайку!»), дальше — о вертолете, который едва не разбился при вынужденной посадке в Суррее, затем — о разводе знаменитой актрисы с не менее знаменитым мужем («Как будто нас интересуют их пошлые любовные делишки», — презрительно процедила тетя Петунья, которая во всех журналах, попадавших в ее костлявые руки, с маниакальной жадностью

читала все, что писали на эту тему).

Гарри закрыл глаза, которым стало больно от разгорающегося заката, а диктор между тем продолжал:

«И последнее. Волнистый попугайчик Банги открыл для себя новый способ спасаться от жары. Банги из закусочной «Пять перышек» в Барнсли научился кататься на водных лыжах! Наша корреспондентка Мэри Доркинс сообщит вам подробности».

Гарри открыл глаза. Раз уж добрались до попугаев на водных лыжах, дальше слушать бессмысленно. Он тихонько перевернулся на живот и встал на четвереньки, чтобы осторожно выбраться из-под окна.

Но стоило ему продвинуться на пару дюймов, как очень быстро одно за другим произошло несколько событий.

Громкий, отозвавшийся эхом хлопок — он нарушил сонную тишину, как выстрел; метнулся из-под стоящей машины и пропал из виду кот; женский вскрик, мужское ругательство и звон разбившегося фарфора из гостиной Дурслей; и, точно прозвучал долгожданный сигнал, Гарри вскочил на ноги, выхватывая волшебную палочку из-за пояса джинсов, как шпагу из ножен, — но

не успел он встать во весь рост, как его макушка стукнулась о раму открытого окна Дурслей. Звук этого удара заставил тетю Петунью вскрикнуть еще раз и еще громче.

Гарри показалось, что голова раскололась надвое. Из глаз потекли слезы. Пошатываясь, он старался сфокусировать взгляд и увидеть на улице источник хлопка. Но едва он худо-бедно выпрямился, из окна высунулись две большие темно-красные руки и намертво схватили его за горло.

— Убери эту штуку! — проревел дядя Вернон прямо в ухо Гарри. — А ну убери! Пока никто не увидел!

— Отпустите! — просипел Гарри.

Несколько секунд борьбы. Левой рукой Гарри пытался ослабить хватку толстых, как сосиски, дядиных пальцев, поднятой правой крепко сжимал волшебную палочку. Когда пульсирующая боль у Гарри в макушке стала совсем уже скверной, дядя Вернон вдруг взвизгнул, точно его ударило током, и разжал руки. Сквозь тело племянника, казалось, хлынула мощная невидимая сила, и держать Гарри стало невозможно.

Судорожно хватая ртом воздух, Гарри упал вперед на куст гортензии. Потом выпрямился,

огляделся. Что вызвало громкий хлопок, было непонятно. Из соседских окон смотрело несколько любопытных лиц. Гарри торопливо засунул палочку на место и постарался принять невинный вид.

— Вечер добрый! — крикнул дядя Вернон и помахал хозяйке стоявшего напротив дома номер семь, которая глядела на улицу из-за тюлевых занавесок. — Слыхали, как выстрелило у кого-то в неисправном моторе? Мы с Петуньей даже всполошились маленько!

Он продолжал кривить физиономию в жутковатой безумной улыбке, пока все лица соседей не исчезли из окон. Тут улыбка превратилась в гримасу ярости. Он поманил Гарри к себе.

Гарри сделал несколько шагов и остановился, чуть не дойдя до того места, где его шея опять была бы в пределах досягаемости.

— Чего ты этим добиваешься, а? Говори сейчас же! — потребовал дядя Вернон хриплым, срывающимся от злости голосом.

— Чем — этим? — спросил Гарри холодно. Он вертел головой то вправо, то влево, все еще надеясь увидеть человека, издавшего хлопок.

— Пальбой из неизвестно какой хлопушки прямо у нашего…

— Это не я, — отрезал Гарри.

Рядом с дядиным лицом, широким и багровым, возникло тетино — узкое и лошадиное. Вид у нее был сердитый.

— Зачем ты прятался под окном?

— Вот именно! Отличный вопрос, Петунья! Что ты делал под окном, а?

— Слушал новости, — мирным тоном ответил Гарри.

Дядя и тетя обменялись возмущенными взглядами.

— Новости слушал! Опять!

— Они каждый день другие, вот какая штука, — объяснил Гарри.

— Не рассуждать у меня! Я хочу знать, что у тебя на уме! И не пудри мне мозги насчет слушанья новостей. Ты прекрасно знаешь, что про твое племя…

— Тише, Вернон! — выдохнула тетя Петунья, и дядя понизил голос (Гарри едва смог его расслышать):

— …про твое племя в *наших* новостях ничего быть не может!

— Это вы так думаете, — возразил Гарри.

Несколько секунд Дурсли на него пялились, потом тетя Петунья сказала:

— Скверный лгунишка, вот ты кто. Что, спрашивается, делают эти… — она тоже понизила голос, так что следующее слово Гарри прочитал по губам, — *совы*, как не приносят тебе новости?

— Вот-вот! — торжествующе прошептал дядя Вернон. — Посмотрим, как ты теперь выкрутишься! Думаешь, мы не знаем, что все твои новости ты получаешь через этих поганых птиц?

На мгновение Гарри заколебался. Не так-то легко было сказать им правду, пусть даже Дурсли не догадывались, как тяжело ему ее сознавать.

— Совы… не приносят мне никаких новостей, — произнес он бесцветным голосом.

— Не верю, — мигом отреагировала тетя Петунья.

— Я тоже, — сказал дядя Вернон с нажимом.

— Мы знаем: ты задумал что-то нехорошее, — заявила тетя.

— Еще бы не знать, мы же не идиоты, — поддержал ее дядя.

— Вот это для меня новость! — разозлившись, выпалил Гарри и, не дожидаясь новых высказываний Дурслей, повернулся, пересек лужайку, переступил низенькую ограду и пошел по улице.

Он попал в переплет и знал это. Позже ему придется предстать перед разгневанными дядей

и тетей и держать ответ за свою грубость, но сейчас его волновало другое. На уме были более важные вещи.

Гарри не сомневался: хлопок прозвучал оттого, что кто-то трансгрессировал. С точно таким же хлопком растворялся в воздухе эльф-домовик Добби. Но возможно ли, чтобы Добби оказался здесь, на Тисовой? Неужели он прямо сейчас, в эту секунду следует за Гарри по пятам? Эта мысль заставила Гарри обернуться и окинуть взглядом улицу, но она была совершенно пуста, а Гарри точно знал, что Добби не сумел бы стать невидимым.

Он двинулся дальше, не слишком хорошо соображая, куда идет: в последнее время он так много ходил по этим улицам, что ноги несли его к излюбленным местам автоматически. Через каждые несколько шагов он оглядывался. Гарри был уверен: когда он лежал среди тетиных засыхающих бегоний, рядом находилось какое-то волшебное существо. Но почему оно не заговорило с ним, не вступило в контакт? Почему оно прячется?

Подавленность его все росла, и вот уже он ни в чем не уверен. Может быть, звук вовсе и не был волшебным? Может быть, дожидаясь хоть како-

го-то сигнала из мира, по которому он тосковал, он впал в такое отчаяние, что слишком остро реагирует на совершенно обычные звуки? Может быть, просто в одном из соседских домов что-то лопнуло?

Внутри у Гарри стало тяжело и тоскливо, и он глазом не успел моргнуть, как вновь накатило ощущение безнадежности, которое мучило его все лето.

В пять утра он опять встанет по будильнику, чтобы расплатиться с совой за номер «Ежедневного пророка», — но какой в этом смысл? Ровно никакого. Гарри теперь только проглядывал первую страницу и отбрасывал газету. Когда идиоты, которые ее издают, поймут наконец, что Волан-де-Морт возродился, это будет ого-го какой заголовок, а до всего остального Гарри не было дела.

В лучшем случае сова могла принести письмо от друзей — от Рона и Гермионы. Но он давно уже не надеялся прочесть там какую-нибудь новость.

> Разумеется, мы ничего не пишем сам знаешь о чем… Нам не велено писать ничего важного: вдруг письмо попадет не в те руки… Мы очень заняты, но подроб-

ностей сообщить не можем… Довольно много всякого происходит, расскажем при встрече…

Но когда она произойдет, эта встреча? Точной даты никто не называл. На поздравительной карточке ко дню рождения Гермиона написала: «Думаю, мы увидимся совсем скоро» — но как скоро оно, это «скоро», наступит? Насколько Гарри мог понять по расплывчатым намекам, Гермиона и Рон были вместе — скорее всего у родителей Рона. Он с трудом мог перенести мысль, что они весело проводят время в «Норе», тогда как он попусту торчит на Тисовой улице. Он был до того на них зол, что выбросил, не открыв, две коробки шоколадок из «Сладкого королевства», которые они ему прислали на день рождения. За ужином, когда тетя Петунья подала ему вялый салат, он в этом раскаялся.

И чем же они, Рон и Гермиона, заняты? И почему он, Гарри, ничем не занят? Разве он не доказал, что способен на большее, чем они? Неужели о его делах уже забыли? Разве не он был тогда на кладбище, разве не он видел смерть Седрика, разве не его привязали к могильному камню и хотели убить?

«Не думай об этом», — жестко сказал себе Гарри в сотый, наверно, раз за лето. Хватит и того, что кладбище постоянно является ему в ночных кошмарах. Хоть наяву без него обойтись.

Он повернул на улицу Магнолий и миновал узкий проход вдоль гаражей, где когда-то впервые увидел крестного отца. Сириус по крайней мере понимает, каково ему сейчас. Новостей как таковых в его письмах, правда, было не больше, чем в письмах Рона и Гермионы, но лучше уж предостерегающе-подбадривающие фразы Сириуса, чем дразнящие намеки сверстников.

> Я знаю, что ожидание для тебя томительно… Держи нос по ветру, и все будет в порядке… Будь осторожен, никаких опрометчивых поступков…

Что ж, думал Гарри, пересекая улицу Магнолий, поворачивая на шоссе Магнолий и двигаясь к полутемному детскому парку, в целом он ведет себя так, как советует Сириус. Во всяком случае не поддался пока искушению прицепить чемодан к метле и рвануть в «Нору» на свой страх и риск. Гарри считал, что очень даже хорошо себя ведет, если учесть, как скверно ему сейчас, какое ощущение бессилия нагоняет это торчание на

Тисовой улице, это лежание на клумбах в надежде услышать хоть что-нибудь проливающее свет на дела лорда Волан-де-Морта. Но унизительно все-таки читать призывы к осторожности, исходящие от этого человека, — ведь он, просидев двенадцать лет в Азкабане, чародейской тюрьме, ухитрился оттуда бежать, попытался совершить убийство, за которое был посажен, и улетел на угнанном гиппогрифе.

Гарри перемахнул через запертую калитку парка и пошел по выжженной солнцем траве. Парк был так же пуст, как улицы. Дойдя до качелей, Гарри сел на единственные, которые Дадли и его дружки еще не сломали, обвил рукой цепь и задумчиво уставил взгляд в землю. На клумбе у Дурслей уже не спрячешься. Завтра придется искать другой способ слушать новости. А пока что впереди была еще одна беспокойная, тяжелая ночь: если не кошмары с гибелью Седрика, то длинные темные коридоры, ведущие в тупик или к запертой двери. Ночью мучительные сны, днем ощущение, что ты пойман в ловушку, — Гарри считал, что одно с другим связано. Часто старый шрам у него на лбу неприятно покалывало, но он не обманывался: это едва ли могло заинтересовать Рона, Гермиону или Сириуса. Раньше

предостерегающая боль в шраме говорила о том, что Волан-де-Морт становится сильнее, но теперь, когда Темный Лорд возродился сполна, они в ответ на жалобу, наверно, только напомнили бы ему, что в этих ощущениях нет ничего нового. Из-за чего шум поднимать? Тоже мне, удивил…

Сознание несправедливости достигло такой силы, что он едва не зарычал от ярости. Ведь если бы не он, никто и не знал бы даже, что Волан-де-Морт возродился! И в награду за все он целых четыре недели болтается в Литтл-Уингинге, совершенно отрезанный от волшебного мира, вынужденный прятаться среди дохнущих бегоний и слушать про попугайчиков, катающихся на водных лыжах! Как мог Дамблдор с такой легкостью выкинуть его из головы? Почему Рон и Гермиона оказались вместе там, куда его не пригласили? Сколько еще терпеть уговоры Сириуса сидеть тихо и быть паинькой? Сколько еще подавлять искушение написать тупицам, которые издают «Ежедневный пророк», и объяснить им, что Волан-де-Морт вернулся? Вот какие гневные мысли бушевали у Гарри в голове, вот из-за чего он терзался и корчился. А на парк тем временем опускалась душная бархатная ночь, в воздухе стоял запах сухой теплой травы, и тишину нарушал только

негромкий шум проезжавших мимо машин.

Он сам не знал, как долго просидел на этих качелях, — из задумчивости его вывели какие-то голоса, и он поднял голову. Приглушенного света от фонарей на окрестных улицах было достаточно, чтобы разглядеть идущую через парк группу. Один горланил грубую песню, остальные гоготали. Некоторые вели дорогие гоночные велосипеды. От колес доносился мягкий стрекот.

Гарри знал, кто это такие. Впереди — не кто иной, как его двоюродный братец Дадли Дурсль. Возвращается домой в сопровождении своей верной шайки.

Дадли был таким же крупным, как и раньше, но год жесткой диеты и новый дар, который в нем открылся, заметно изменили его фигуру. Как дядя Вернон восхищенно сообщал всякому, кто готов был слушать, Дадли недавно стал чемпионом юго-востока Англии по боксу среди школьников своей возрастной группы. «Благородный спорт», как выражался дядя Вернон, сделал Дадли еще более устрашающим, чем в начальной школе, когда он превратил Гарри в свою первую боксерскую грушу. Гарри уже совершенно не боялся двоюродного брата, и все же особой радости его появление не вызвало. Удар у Дадли теперь был

поставлен получше. Все соседские мальчики перед ним трепетали — больше даже, чем перед «этим Поттером», который, как им говорили, был отпетый хулиган и учился в школе святого Брутуса для подростков с неискоренимыми криминальными наклонностями.

Глядя на движущихся по траве парней, Гарри гадал, кого они колошматили сегодня вечером. «Ну оглянитесь же, — невольно упрашивал он. — Разуйте глаза… Оглянитесь… Я тут сижу один… Легкая добыча…»

Если дружки Дадли его сейчас увидят, они, конечно же, потопают прямо к нему, и что тогда станет делать Дадли? Терять лицо перед всей шайкой ему не захочется, но провоцировать Гарри будет ох как страшно… Весело будет смотреть на нерешительного Дадли, дразнить его, потешаться над его бессилием. А если кто из дружков полезет, он, Гарри, к этому готов — волшебная палочка при нем. Пусть попытаются… Он очень даже не прочь сорвать злость на тех, кто в прошлом превратил его жизнь в ад.

Но они не оглянулись, не увидели его. Вот они уже почти у ограды парка. Гарри подавил побуждение их окликнуть. Напрашиваться на драку — не самое умное поведение. Он не должен при-

менять волшебство. Не должен вновь подвергать себя риску исключения.

Голоса Дадли и его компании делались все тише. Парней уже не было видно, они шли по шоссе Магнолий.

«Так-то, Сириус, — сумрачно думал Гарри. — Можешь быть доволен. Никаких опрометчивых поступков. Нос по ветру. Прямая противоположность тому, как ты сам себя вел».

Он встал на ноги и выпрямился. Тетя Петунья и дядя Вернон, судя по всему, считали, что Дадли, когда бы он ни вернулся домой, возвращается как раз вовремя, а его приход хоть минутой позже — уже непростительное опоздание. Дядя грозился запереть Гарри в сарае, если он еще раз посмеет вернуться после Дадли, и, подавляя зевоту и по-прежнему хмурясь, Гарри двинулся к калитке парка.

Шоссе Магнолий, как и Тисовая улица, было застроено крупными, незамысловатыми, похожими друг на друга домами с идеально, как в парикмахерской, подстриженными газонами, и хозяева их были крупные, незамысловатые, похожие друг на друга люди, которые ездили в очень чистых машинах, точь-в-точь как у дяди Вернона. Литтл-Уингинг больше нравился Гарри

поздним вечером, когда занавешенные окна сияли во тьме бриллиантовыми квадратами и он, проходя мимо, мог не опасаться услышать ворчание по поводу своей «антиобщественной» внешности. Он ускорил шаг и, миновав полпути вдоль шоссе Магнолий, опять увидел компанию. Дружки прощались с Дадли у поворота на улицу Магнолий. Гарри притаился в тени большого сиреневого куста.

— Визг поднял — точно поросенок, — вспоминал Малкольм под гогот остальных.

— Классный хук правой, Большой Дэ, — заметил Пирс.

— Ну что, завтра в то же время? — спросил Дадли.

— Давайте у меня, моих дома не будет, — предложил Гордон.

— Пока, договорились, — сказал Дадли.

— Пока, Дад!

— До завтра, Большой Дэ!

Гарри подождал, пока дружки Дадли двинулись по домам. Когда их голоса опять стали еле слышны, он повернул за угол и очень быстро зашагал по улице Магнолий. Дадли шел не торопясь и мычал себе под нос что-то немелодичное.

— Привет, Большой Дэ!

Дадли оглянулся.

— А, — бросил он, — это ты…

— Давно ты Большим Дэ заделался? — спросил Гарри.

— Заткнись, — огрызнулся Дадли и повернул голову обратно.

— Неплохое имечко, — заметил Гарри и, улыбаясь, пошел рядом с двоюродным братом. — Но для меня ты всегда будешь масеньким Дадликом.

— Я сказал: ЗАТКНИСЬ! — рявкнул Дадли, и его розовые, как ветчина, руки сжались в кулаки.

— Интересно, знают твои дружки, как мама тебя называет?

— Сгинь, понял?

— Ей ты что-то не приказывал сгинуть. А как насчет «малыша» и «моего крохотулечки»? Может, мне так лучше к тебе обращаться?

Дадли ничего не ответил. На то, чтобы не наброситься на Гарри, уходила, казалось, вся его выдержка.

— Ну, так кого же ты сегодня бил? — спросил Гарри, уже не улыбаясь. — Очередного десятилетнего? Два дня назад, я слыхал, ты расправился с Марком Эвансом.

— Он сам напрашивался, — проворчал Дадли.

— Да неужели?

— Он со мной нахальничал.

— Да? Может, он сказал, что ты похож на свинью, которую научили ходить на задних копытах? Если так, Дад, это не нахальство, а чистая правда.

На щеке у Дадли задергался мускул. Гарри чрезвычайно приятно было знать, что он доводит Дадли до белого каления. Ему казалось, он перекачивает в двоюродного брата свое уныние, свое бездействие, — другого способа от них избавиться у него не было.

Они повернули в узкий проулок, где Гарри в первый раз увидел Сириуса. Это был кратчайший переход с улицы Магнолий на Тисовую. Там было пусто и гораздо темней, чем на освещенных фонарями улицах. Стены гаражей по одну сторону и высокий забор по другую заглушали звук их шагов.

— Носишь с собой эту штуку и думаешь, что ты важная персона? — спросил Дадли спустя несколько секунд.

— Какую штуку?

— Которую ты прячешь.

Гарри опять заулыбался.

— А ты, оказывается, не такой остолоп, каким выглядишь. Я уж подумал, ты не умеешь одно-

временно идти и разговаривать.

Гарри выдернул волшебную палочку и увидел, как Дадли на нее косится.

— Тебе запрещено, — мигом сказал Дадли. — Думаешь, я не знаю? Если что, тебя исключат из твоей уродской школы.

— Ты уверен, Большой Дэ, что там не изменились правила?

— Не изменились, — сказал Дадли не совсем уверенным тоном.

Гарри мягко рассмеялся.

— А без этой штуки слабо тебе на меня, да? — прорычал Дадли.

— Кто бы спрашивал. Тебе-то всего-навсего нужны четверо дружков рядом, чтобы сунуться к десятилетнему. Каким там боксерским титулом ты хвалишься? Сколько было твоему противнику? Семь? Восемь?

— Шестнадцать, к твоему сведению! — рявкнул Дадли. — Его двадцать минут потом приводили в чувство, а весил он раза в два больше, чем ты. Попляшешь у меня, когда я расскажу папе, что ты вынимал эту штуку…

— Значит, сразу к папочке, да? Его масенький чемпиончик по боксу страшно испугался палочки нехорошего Гарри.

— А ночью ты что-то не такой храбрый, — с издевкой проговорил Дадли.

— А сейчас что, не ночь, Дадлик? Ночь, к твоему сведению, это такое время суток, когда темно.

— А я говорю про то время суток, когда ты спишь!

Дадли остановился. Гарри тоже. Он уставился на двоюродного брата. Как ни плохо он видел широкое лицо Дадли, в нем читалось странное торжество.

— Как это понимать: не такой храбрый, когда сплю? — спросил Гарри, совершенно сбитый с толку. — Чего я в это время могу бояться? Подушек, что ли?

— Я кое-что слышал прошлой ночью, — негромко сказал Дадли. — Разговоры во сне. Стоны.

— Как это понимать? — повторил Гарри, но в живот ему будто вдвинулось что-то холодное. Прошлой ночью он в очередной раз был на кладбище.

Дадли грубо хохотнул, точно подала голос собака. Потом запричитал тонким деланным голоском:

— «Не убивайте Седрика! Не убивайте Седрика!» Кто такой Седрик — твой бойфренд?

— Я… ты все врешь, — машинально сказал Гар-

ри. Но во рту у него пересохло. Он знал, что Дадли не врет. Как бы он узнал про Седрика, если бы и в самом деле не услышал?

— «Папа! Папа! На помощь! Он хочет меня убить! Ой! Ой!»

— Заткнись, — тихо произнес Гарри. — Заткнись, Дадли. Я тебя предупреждаю.

— «Папа, ко мне! Мама, на помощь! Он убил Седрика! Папа, на помощь! Он хочет...» Не направляй на меня эту штуку!

Дадли попятился и уперся в стену. Гарри стоял, нацелив волшебную палочку прямо ему в сердце. Гарри чувствовал, как в жилах у него стучат все четырнадцать лет ненависти к Дадли. Чего бы он только не дал за право нанести удар прямо сейчас, заколдовать его так, что он поползет домой в виде насекомого, немой, обросший щупальцами...

— Не смей об этом больше говорить! — рявкнул Гарри. — Понял меня?

— Направь в другую сторону!

— Я спрашиваю: *понял* меня?

— Направь в другую сторону!

— ПОНЯЛ МЕНЯ?

— УБЕРИ ЭТУ ШТУКУ...

Дадли странно, судорожно вздохнул, как будто его сунули в ледяную воду.

что-то произошло с самой ночью. Темно-синее усеянное звездами небо вдруг стало совершенно черным. Весь огонь в нем пропал — не было ни звезд, ни луны, ни смутно светивших фонарей у обоих концов проулка. Не слышно было ни отдаленного шума машин, ни шелеста деревьев. Вместо ласкового летнего вечера — пробирающий насквозь холод. Их окружала кромешная тьма, непроницаемая и безмолвная, словно чья-то огромная рука набросила на весь проулок плотную ледяную ткань.

На долю секунды Гарри померещилось, будто он невольно использовал волшебную палочку, хоть и противился этому искушению изо всех сил. Но потом он опомнился: выключить звезды было, конечно, не в его власти. Он крутил головой во все стороны, стараясь хоть что-нибудь разглядеть, но мрак облегал глаза, как черная невесомая вуаль.

Раздался голос насмерть перепуганного Дадли:

— Ч-что ты д-делаешь? П-перестань!

— Да ничего я не делаю! Молчи и не шевелись!

— Я н-ничего не вижу! Я о-ослеп! Я…

— Молчи, тебе говорят!

Гарри стоял как вкопанный, поворачивая ослепшие глаза то вправо, то влево. Стужа была

такая, что он содрогался всем телом. Руки покрылись гусиной кожей, волосы на затылке встали дыбом. Он пялился во тьму, подняв веки до отказа, — но без толку. Полный мрак.

Невозможно… Они не могут появиться здесь, в Литтл-Уингинге… Он напрягал слух. Их сначала должно быть слышно, только потом видно…

— Я с-скажу папе! — хныкал Дадли. — Г-где ты? Что ты д-делаешь?..

— Заткнешься ты или нет? — прошипел Гарри. — Я пытаюсь услы…

Он осекся, услышав именно то, чего боялся.

Долгие, хриплые, клокочущие вдохи и выдохи. В проулке было нечто помимо него и Дадли. Дрожащего от холода Гарри просквозило ужасом.

— П-прекрати! Перестань это делать! Я тебе в-врежу, слышишь?

— Дадли, замол…

БУМ!

Увесистый кулак ударил Гарри в скулу и сбил с ног. В глазах полыхнули белые искры. Второй раз на протяжении часа Гарри показалось, что голова раскалывается надвое, и миг спустя он лежал на жесткой земле, выпустив из руки палочку.

— Ты идиот, Дадли! — завопил Гарри. От боли из глаз потекли слезы. Он кое-как поднялся на

четвереньки и принялся отчаянно шарить в темноте. Ему слышно было, как Дадли вслепую ковыляет по проулку, натыкается на стену, чуть не падает.

— Дадли, вернись! Ты идешь прямо на него!

Раздался жуткий визгливый вопль, и шаги Дадли умолкли. В ту же секунду Гарри почувствовал, как сзади к нему ползет холод. Это могло значить только одно: их по крайней мере двое.

— Дадли, молчи, понял? Что бы ни происходило, молчи! Где палочка? — бешено частил Гарри вполголоса, по-паучьи бегая пальцами по земле. — Ну где же она… моя палочка… скорей… *Люмос!*

Он произнес заклинание машинально, отчаянно нуждаясь в свете, который мог бы помочь его поискам. И, не веря своим глазам, увидел спасительную вспышку всего в нескольких дюймах от правой руки. Кончик волшебной палочки засветился. Гарри схватил ее, вскочил на ноги, оглянулся.

Все перевернулось у него внутри.

Паря над землей, к нему гладко скользила высокая фигура в плаще до пят с надвинутым на лицо капюшоном. Приближаясь, она всасывала в себя ночной воздух.

Сделав пару нетвердых шагов назад, Гарри поднял волшебную палочку:

— *Экспекто патронум!*

Из кончика палочки вылетела струйка серебристого пара, и дементор замедлил движение, но заклинание не подействовало так, как нужно. Спотыкаясь о свои же ноги, Гарри отступал перед приближающимся дементором, паника туманила разум.

«Сосредоточиться…»

Из-под плаща дементора высунулись в его сторону две серые, склизкие, покрытые струпьями лапы. Уши наполнил стремительно нарастающий шум.

— *Экспекто патронум!*

Собственный голос показался Гарри смутным и далеким. Еще одна серебристая струйка, слабее предыдущей. Он не может этого больше, не может заставить заклинание работать!

Внутри его головы раздался смех, пронзительный смех на высокой ноте… Зловонное, холодное как смерть дыхание дементора уже наполняло легкие Гарри, он тонул в этом дыхании.

«Подумать… о чем-нибудь радостном…»

Но не было в нем никакой радости… Ледяные пальцы дементора смыкались на его горле, прон-

зительный смех становился все громче, внутри его головы звучал голос:

— *Поклонись своей гибели, Гарри… Может быть, ты даже не почувствуешь боли… Я не знаю… Я-то никогда не умирал…*

Не суждено ему свидеться с Роном и Гермионой…

Их лица вспыхнули у него в мозгу. Он судорожно ухватил ртом воздух.

— *ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!*

Из острия волшебной палочки вырос огромный серебристый олень. Его рога ударили дементора по тому месту, где у человека находится сердце, и отбросили назад, невесомого, как сама тьма. Олень продолжал наступать. Побежденный дементор уплывал под его натиском, похожий на летучую мышь.

— Теперь сюда! — крикнул Гарри оленю и понесся по проулку, оборачиваясь на бегу и высоко держа светящуюся волшебную палочку. — Дадли! Дадли!

Пробежав с десяток шагов, он их увидел: Дадли лежал на земле, скрючившись и прижав ладони к лицу. Над ним низко склонился второй дементор. Взявшись склизкими лапами за его запястья, он медленно, почти любовно стал отводить его руки.

Закрытая капюшоном голова опускалась к лицу Дадли, словно дементор хотел его поцеловать.

— Вот он! — завопил Гарри.

Мимо с мощным шумом пронесся серебристый олень. Безглазое лицо дементора было уже в каком-то дюйме от лица Дадли, когда на выручку пришли серебристые рога. Подброшенный в воздух дементор, как и его сотоварищ, стал уплывать и вскоре скрылся во мраке. Олень, доскакав до конца проулка, расплылся серебристым туманом.

Вновь ожили луна, звезды и уличные фонари. По проулку повеяло теплым ветерком. В садах зашелестели деревья, послышался привычный шум машин, проезжающих по улице Магнолий. Гарри стоял как вкопанный, органы чувств были напряжены до предела. Трудно было сразу вернуться в нормальную жизнь. Вдруг он почувствовал, что футболка прилипла к телу, — он был весь мокрый от пота.

Он все никак не мог поверить случившемуся. Дементоры — *здесь*, в Литтл-Уингинге!

Дадли лежал на земле скрюченный. Его трясло, он стонал. Гарри присел на корточки посмотреть, способен ли Дадли встать, и вдруг услышал у себя за спиной громкий топот бегущих ног. Безотчет-

но опять поднимая волшебную палочку, он резко повернулся к новому пришельцу.

Пыхтя, к нему торопилась миссис Фигг, чокнутая старая соседка. Из-под сетки для волос выбились седые пряди, в руке, стуча содержимым, болталась веревочная продуктовая сумка, на ногах чудом держались матерчатые шлепанцы. Гарри попытался было спрятать от нее волшебную палочку, но…

— Не убирай ее, глупый мальчишка! — заорала она. — Может, здесь и другие рыщут! Я просто растерзать его готова, этого Наземникуса Флетчера!

Глава 2

СОВЫ, СОВЫ…

— Что? — тупо спросил Гарри.

— Отлучился! — крикнула миссис Фигг, заламывая руки. — У него, видите ли, встреча с кем-то насчет котлов, которые свалились с чьей-то метлы! Я ему говорила, что шкуру с него спущу, если он отправится, и вот пожалуйста! Дементоры! Хорошо еще, я мистера Лапку привлекла! Но нам тут некогда стоять и разговаривать! Скорей, я должна привести тебя обратно! Какая беда, какая беда! Убью его, точно тебе говорю!

— Но…

Тот факт, что его старой, малахольной, помешанной на кошках соседке известно, кто такие дементоры, произвел на Гарри почти такое же впечатление, как встреча с самими дементорами в проулке.

— Вы… *волшебница?*

— Я сквиб, и Наземникус прекрасно это знает! Поэтому как я могла помочь тебе бороться с дементорами? Оставил тебя совершенно без всякого прикрытия, а ведь я его предупреждала…

— Этот Наземникус меня прикрывал? Погодите… Значит, это был он! Трансгрессировал прямо у моего дома!

— Да, да, *да,* но, к счастью, я велела мистеру Лапке дежурить на всякий случай под машиной, и он прибежал ко мне с этой новостью, но, когда я дошла до твоего дома, тебя уже не было… А теперь… Ой-ой-ой, что скажет Дамблдор! Эй, ты! — крикнула она Дадли, все еще лежавшему на земле. — Живей поднимай свою толстую задницу!

— Вы знаете Дамблдора? — спросил Гарри, глядя на нее во все глаза.

— Еще бы я не знала Дамблдора! Кто его не знает? Но пошли же! Если они вернутся, от меня помощи не жди, я за всю жизнь даже половую тряпку не трансфигурировала!

Она нагнулась, взялась сморщенными руками за одну из массивных рук Дадли и потянула.

— Вставай, никчемная ты колода, вставай!

Но Дадли то ли не мог двинуться, то ли не хотел. Он по-прежнему лежал на земле и дрожал, лицо пепельно-серое, губы туго сомкнуты.

— Дайте лучше я.

Гарри взял Дадли за руку и дернул изо всех сил. С колоссальным трудом ему удалось поставить

парня на ноги. Казалось, Дадли вот-вот потеряет сознание. Зрачки его маленьких глаз плавали, как у младенца, на лбу бусинами выступил пот. Чуть Гарри его отпустил, он опасно покачнулся.

— Скорей! — истерически крикнула миссис Фигг.

Гарри перекинул одну из увесистых рук Дадли через свои плечи и, пригибаясь от тяжести, потащил его к улице. Миссис Фигг ковыляла впереди. Дойдя до поворота, беспокойно заглянула за угол.

— Держи палочку наготове, — предупредила она Гарри, когда они пошли по улице Глициний. — Забудь про Статут о секретности, так и так придется расплачиваться, семь бед — один ответ. Вот тебе и разумное ограничение волшебства несовершеннолетних… Этого-то Дамблдор и боялся… Что это там, в конце улицы? А, всего-навсего мистер Прентис… Не убирай палочку, не убирай, сколько можно повторять, что от меня пользы никакой.

Не так-то просто было держать наготове палочку и в то же время тащить Дадли. Гарри нетерпеливо ткнул его под ребра, но Дадли не имел ровно никакого желания передвигаться самостоятельно. Обмякнув, он всем весом давил

Гарри на плечи, его большие ступни волочились по земле.

— Почему вы раньше мне не сказали, что вы сквиб, миссис Фигг? — спросил Гарри, задыхаясь от напряжения. — Столько раз я к вам приходил… Почему вы молчали?

— Приказ Дамблдора. Я должна была за тобой следить, но скрытно от тебя, слишком мало тебе еще лет. Знаю, что большой радости тебе не доставляла, но Дурсли ни за что не стали бы пускать тебя ко мне, если бы видели, что тебе у меня весело. Нелегко все это было, ты уж поверь… Батюшки мои, — сказала она трагическим тоном, опять заламывая руки, — когда Дамблдор про это услышит… Как мог Наземникус уйти, он должен был дежурить до полуночи! Где он? Как я сообщу Дамблдору? Ведь я не могу трансгрессировать.

— У меня есть сова, я вам ее одолжу, — простонал Гарри, думая, что позвоночник вот-вот треснет под тяжестью Дадли.

— Гарри, ты не понял! Дамблдору надо будет действовать очень быстро. У Министерства есть свои способы фиксировать случаи волшебства несовершеннолетних, они уже знают, помяни мое слово.

— Но я был вынужден использовать волшеб-

ство, чтобы защититься от дементоров! Их должно беспокоить совсем другое — что понадобилось дементорам на улице Глициний?

— Ах, милый мой, как бы я хотела, чтобы так было! Но боюсь… Наземникус Флетчер, я тебя убью своими руками!

Раздался громкий хлопок, и сильно запахло алкоголем и застарелым табаком. Прямо перед ними возник мужчина в драном пальто, коренастый и небритый, с короткими кривыми ногами и длинными спутанными рыжими волосами. Дряблые мешки под налитыми кровью глазами придавали ему скорбный вид собаки — скажем, бассета. В руке он держал серебристый сверток, в котором Гарри мгновенно узнал мантию-невидимку.

— Что стряслось, Фигги? — спросил он, переводя взгляд с миссис Фигг на Гарри и Дадли. — Тебе вроде как надо было скрытность соблюдать.

— Я тебе покажу скрытность! — закричала миссис Фигг. — Дементоры, понятно тебе, никчемный ворюга и лоботряс!

— Дементоры? — в ужасе переспросил Наземникус. — Дементоры… здесь?

— Да, здесь, жалкая ты куча драконьего дерьма, здесь! — заорала миссис Фигг. — Дементоры

напали на мальчика, которого тебе велено было охранять!

— Да ты что… — произнес Наземникус слабым голосом, глядя то на миссис Фигг, то на Гарри, то опять на старуху. — Да ты что, а я…

— А ты слинял краденые котлы покупать! Говорила я тебе, чтобы не смел отлучаться? Говорила?

— Я… Понимаешь, я… — Наземникусу было чрезвычайно не по себе. — Это… это была очень выгодная сделка, понимаешь…

Миссис Фигг замахнулась рукой, в которой болталась веревочная сумка, и съездила Наземникусу этой сумкой по лицу и шее. Судя по сухому стуку, там у нее был кошачий корм.

— Оxx… Кончай… Кончай, ты, старая летучая мышь! кто-то должен сказать Дамблдору!

— Да, кто-то должен! — вопила миссис Фигг, охаживая Наземникуса сумкой по всем местам, до которых могла достать. — И пусть этот кто-то будешь ты! Скажешь ему, почему тебя не было на месте!

— Угомонись! — крикнул Наземникус, пригибаясь и защищая руками макушку. — Иду, иду!

И с новым громким хлопком он исчез.

— Очень надеюсь, что Дамблдор его прикон-

чит! — яростно воскликнула миссис Фигг. — Ну пошли же, Гарри, чего ты ждешь?

Гарри решил не тратить оставшееся дыхание и не говорить ей, что с Дадли на плечах едва может идти. Он подпихнул вверх мало что соображающего Дадли и заковылял дальше.

— Я до двери тебя провожу, — сказала миссис Фигг, когда они повернули на Тисовую. — На случай, если их было не два, а больше… Батюшки мои, вот ведь беда какая… И тебе пришлось самому от них отбиваться… А Дамблдор сказал: мы ни в коем случае не должны допускать, чтобы тебе пришлось творить волшебство… Ладно, пролитое зелье не соберешь… Пустили кентавра в огород…

— Значит, — задыхаясь, спросил Гарри, — Дамблдор… устроил… за мной… слежку?

— Ну конечно, — раздраженно ответила миссис Фигг. — А ты думал, он после того, что случилось в июне, позволит тебе гулять без присмотра? Надо же, а мне говорили, что ты умный… Так… Заходи и оставайся там, — сказала она, когда они добрались до дома номер четыре. — Скоро, наверно, получишь какую-нибудь весточку.

— А вы что будете делать? — быстро спросил Гарри.

— Я прямиком домой, — сказала миссис Фигг,

оглядывая темную улицу и содрогаясь. — Буду ждать новых указаний. Никуда не выходи, слышишь? Спокойной ночи.

— Постойте, постойте! Я хочу спросить…

Но миссис Фигг уже почесала домой рысью, шлепая матерчатыми тапочками и гремя кошачьим кормом в сумке.

— Ну постойте же! — крикнул Гарри ей вслед. У него был миллион вопросов к человеку, имевшему выход на Дамблдора. Но за считанные секунды миссис Фигг растворилась в темноте. Сердито хмурясь, Гарри переместил поудобнее висевшего на нем Дадли и с трудом двинулся по садовой дорожке дома номер четыре.

В прихожей горел свет. Гарри засунул волшебную палочку за пояс джинсов, позвонил и увидел растущие очертания тети Петуньи, причудливо искаженные узорчатым дверным стеклом.

— Дадли! Пора, пора уже было тебе, я начала вол… что… Дадли, что с тобой?

Гарри скосил глаза на Дадли и вынырнул из-под его руки. Как раз вовремя. Дадли качнулся на месте, лицо бледно-зеленое… Потом открыл рот, и его обильно вытошнило на коврик у двери.

— Дадли! Дадли, что с тобой? Вернон! ВЕРНОН!

Из гостиной внушительным шагом вышел

дядя. Как всегда, когда он был взволнован, его моржовые усы раздувались. Он поспешил на помощь тете Петунье, и вместе они перетащили норовившего свалиться Дадли мимо рвотной лужи в прихожую.

— Он болен, Вернон!

— В чем дело, сынок? Что случилось? Миссис Полкисс что-то не то дала тебе к чаю?

— Почему ты весь в грязи, родной мой? Ты что, лежал на земле?

— Погоди! Сынок, тебя избили? Избили, да?

Тетя Петунья вскрикнула.

— Вернон, звони в полицию! Звони в полицию! Дадли, милый, скажи маме хоть что-нибудь! Что они тебе сделали?

В суматохе никто не обращал внимания на Гарри, и это было ему на руку. Он проскользнул в дом за секунду до того, как дядя Вернон захлопнул дверь, и, пока Дурсли шумно перемещались на кухню, Гарри тихонько и аккуратно пошел к лестнице.

— Кто это сделал, сынок? Назови имена. Мы до них доберемся, будь спокоен.

— Тсс! Вернон, он хочет что-то сказать! Что, Дадли? Скажи маме!

Гарри уже поставил ногу на нижнюю ступень-

ку, когда Дадли обрел дар речи.

— Он.

Гарри замер. Нога на ступеньке, лицо нахмуренное, губы сжаты. Ну, сейчас будет!

— А ну-ка иди сюда!

Со смешанным чувством страха и злости Гарри медленно спустил ногу обратно и двинулся к Дурслям.

После наружной темноты идеально чистая и светлая кухня создавала ощущение чего-то нереального. Тетя Петунья посадила Дадли на стул. Он по-прежнему был весь зеленый и липкий от пота. Дядя Вернон, стоя перед подставкой для сушки посуды, смотрел на Гарри маленькими, сузившимися глазками.

— Что ты сделал моему сыну? — грозно зарычал он.

— Ничего, — ответил Гарри, прекрасно понимая, что дядя ему не поверит.

— Что он тебе сделал, Дадли? — спросила тетя Петунья трепещущим голосом, вытирая рвоту с кожаного пиджака Дадли. — Это было… ну, сам знаешь что, родной мой. Да? Он использовал… *эту штуку*?

Медленно, подрагивающей головой Дадли кивнул.

Тетя испустила вопль, дядя сжал кулаки.

— Ничего подобного! — резко сказал Гарри. — Я ничего ему не сделал, это был не я, это…

Но тут в кухонное окно влетела ушастая сова. Едва не задев макушку дяди Вернона, она планирующим движением пересекла кухню и уронила к ногам Гарри большой пергаментный конверт, который несла в клюве. Потом, коснувшись кончиком крыла верхушки холодильника, заложила элегантный вираж, вылетела в то же окно и унеслась прочь.

— Совы! — взревел дядя Вернон и с силой захлопнул окно. Изрядно поработавшая жила на его виске зло запульсировала. — Опять эти совы! Никаких сов в моем доме я больше не потерплю!

Не слушая его, Гарри разрывал конверт и вынимал письмо. Сердце билось где-то поблизости от кадыка.

Уважаемый мистер Поттер!

Согласно имеющимся у нас сведениям, сегодня в девять часов двадцать три минуты вечера в населенном маглами районе и в присутствии магла Вы использовали заклинание Патронуса.

За это грубое нарушение Указа о разум-

ном ограничении волшебства несовершеннолетних Вы исключены из Школы чародейства и волшебства «Хогвартс». В ближайшее время представители Министерства явятся к Вам по месту проживания, с тем чтобы уничтожить Вашу волшебную палочку.

Поскольку за предыдущее нарушение Вы, согласно разделу 13 Статута о секретности, принятого Международной конфедерацией магов, уже получили официальное предупреждение, мы с сожалением извещаем Вас о том, что Ваше личное присутствие ожидается на дисциплинарном слушании в Министерстве магии 12 августа в 9 часов утра.

С пожеланием доброго здоровья,
искренне Ваша
Муфалда Хмелкирк.
Сектор борьбы с неправомерным использованием магии.
Министерство магии.

Гарри прочел письмо дважды. Голоса дяди Вернона и тети Петуньи доносились до него точно издали. В голове все онемело и заледенело. Но-

вость засела в его сознании, как парализующая стрела. Он исключен из школы «Хогвартс». Все кончено. Он никогда туда не вернется.

Он поднял глаза на Дурслей. Дядя Вернон был весь багровый, кричал и до сих пор не опустил сжатые кулаки. Тетя Петунья обнимала Дадли, которого снова рвало.

После краткого оцепенения мозг Гарри опять заработал. «В ближайшее время представители Министерства явятся к Вам по месту проживания, с тем чтобы уничтожить Вашу волшебную палочку». Ответ на это может быть только один. Бежать, и немедленно. Куда бежать, Гарри не знал, но было ясно: где бы он ни находился, в Хогвартсе или вне его, палочка ему совершенно необходима. Почти что грезя наяву, он вынул палочку и повернулся, чтобы выйти из кухни.

— Куда это ты намылился? — заорал дядя Вернон. Гарри не ответил, и тогда дядя протопал через всю кухню и преградил ему путь в прихожую. — Я еще не кончил с тобой разбираться!

— Дайте пройти, — тихо сказал Гарри.

— Ты останешься здесь и объяснишь, почему мой сын…

— Если не дадите пройти, я вас заколдую! — пригрозил Гарри, поднимая палочку.

— Ты эти шутки брось у меня! — рявкнул дядя Вернон. — Я знаю, что тебе запрещено пользоваться этой штуковиной вне сумасшедшего дома, который ты называешь школой!

— Из сумасшедшего дома меня выгнали, — сказал Гарри. — Так что я могу делать что захочу. У вас три секунды. Раз… два…

Раздался громкий щелчок. Тетя Петунья взвизгнула, дядя завопил и присел, и в третий раз за вечер Гарри принялся искать источник потрясения, в котором сам не был виноват. Он увидел его мгновенно: снаружи на подоконнике сидела оглушенная и взъерошенная сова-сипуха, только что налетевшая на стекло закрытого окна.

Не обращая внимания на истошный крик дяди Вернона: «СОВЫ!», Гарри опрометью бросился к окну и распахнул его. Сова протянула ему лапу, к которой был привязан небольшой пергаментный свиток, встряхнулась, оправляя перья, и улетела через миг после того, как Гарри взял письмо. Трясущимися руками Гарри развернул второе послание, которое было второпях, с кляксами нацарапано черными чернилами.

Гарри!

Дамблдор только что прибыл в Министерство и пытается все уладить. НЕ ПОКИДАЙ ДОМА ДЯДИ И ТЕТИ. НЕ СОВЕРШАЙ БОЛЬШЕ НИКАКОГО ВОЛШЕБСТВА НЕ ОТДАВАЙ ВОЛШЕБНУЮ ПАЛОЧКУ.

Артур Уизли.

Дамблдор пытается все уладить… Что это значит? Неужели ему удастся пересилить Министерство магии? Неужели есть шанс, что Гарри позволят вернуться в Хогвартс? В сердце у Гарри появился было крохотный росток надежды, но его тут же задушила паника: как, не совершая волшебства, сохранить у себя палочку? Придется драться с представителями Министерства, а за это уж точно исключат, хорошо если в Азкабан не посадят.

Ум лихорадочно работал. Убежать, рискуя, что сцапают люди из Министерства? Или сидеть на месте и ждать их появления? Первый вариант казался куда более привлекательным, но Гарри знал, что мистер Уизли печется о его интересах… И если уж на то пошло, Дамблдор утрясал дела и похитрее.

— Ладно, — сказал Гарри. — Я передумал. Оста-

юсь здесь.

Он с размаху опустился на стул у кухонного стола напротив Дадли и тети Петуньи. Дурсли явно были поражены его внезапным новым решением. Тетя Петунья в отчаянии смотрела на дядю Вернона. Жила на его багровом виске пульсировала сильней, чем когда-либо.

— Откуда взялись эти треклятые совы? — прорычал он.

— Первая из Министерства магии с сообщением, что меня исключили, — спокойно ответил Гарри. Он напрягал слух, желая по доносящимся снаружи звукам узнать о приближении представителей Министерства, и ради тишины лучше было отвечать на дядины вопросы, чем доводить его до бешенства и крика. — Вторая от отца моего друга Рона. Он работает в Министерстве.

— Министерство магии? — взвыл дядя Вернон. — Такие, как ты, работают в правительственных органах? Ну, это, конечно, все, все объясняет! Нечего удивляться, что страна катится к чертям!

Не дождавшись от Гарри ответа, дядя Вернон уставился на него, потом выпалил:

— А ну говори, за что тебя исключили!

— За то, что я совершил волшебство.

— Ага! — вскричал дядя Вернон и с такой силой

хватил кулаком по холодильнику, что дверца открылась и кое-какие диетические лакомства Дадли рассыпались по полу. — Сознался-таки! Что ты сделал нашему Дадли?

— Ничего, — сказал Гарри уже чуть менее спокойно. — Это не я…

— *Он,* — неожиданно подал голос Дадли, и дядя с тетей одновременно замахали на Гарри руками, чтобы он молчал, а сами низко склонились над сыном.

— Говори, говори, сынок, — сказал дядя Вернон. — Что он сделал?

— Скажи нам, милый, — прошептала тетя Петунья.

— Нацелил на меня свою палочку, — пробормотал Дадли.

— Нацелил, но не использовал… — сердито начал Гарри.

— Замолчи! — в один голос крикнули дядя и тетя.

— Говори, говори, сынок, — повторил дядя Вернон, яростно раздувая усы.

— Вдруг стало темно, — хрипло сказал Дадли и содрогнулся. — Совсем темно. А потом я у-услышал… *всякое.* Внутри м-моей головы.

Его родители обменялись взглядами, полными

ужаса. Из всего, что есть на свете, они меньше всего любили волшебство, дальше с небольшим отрывом шли соседи, которые откровенней, чем они, нарушали запрет на поливку из шлангов; но люди, которые слышат голоса, уж точно входили в десятку самого нелюбимого. Дядя и тетя явно решили, что Дадли сходит с ума.

— Что, что ты услышал, масенький мой? — прошептала бледная как полотно тетя Петунья. Ее глаза были полны слез.

Но Дадли, казалось, не в состоянии был ничего объяснить. Он опять содрогнулся и покачал крупной светловолосой головой, и, несмотря на глухой страх, владевший Гарри с тех пор, как явилась первая сова, он почувствовал некоторое любопытство. Дементоры заставляют человека заново пережить худшее в его жизни. Интересно, что пришлось услышать этому избалованному любителю поиздеваться над слабыми?

— Почему ты упал, сынок? — спросил дядя Вернон неестественно тихим голосом — так он мог бы разговаривать у постели тяжелобольного.

— С-споткнулся, — сказал Дадли заплетающимся языком. — А потом…

Он показал на свою упитанную грудь. Гарри понял: Дадли вспомнил липкий холод, напол-

няющий легкие, когда из тебя высасывают всю радость и всю надежду.

— Ужас какой-то, — прохрипел Дадли. — Холод. Зверский холод.

— Понятно, — сказал дядя Вернон нарочито спокойно. Тетя Петунья попробовала ладонью лоб Дадли — не горячий ли. — Ну, а потом что было, Даддерс?

— Потом… как будто… как будто…

— Как будто у тебя никогда больше не будет никакой радости, — безразличным тоном подсказал Гарри.

— Да, — прошептал Дадли, по-прежнему дрожа.

— Так! — сказал дядя Вернон, выпрямившись и повысив голос до обычного внушительного уровня. — Ты навел на моего сына какие-то чары, и у него помутилось в голове, ему послышались голоса, и он решил, что приговорен к несчастью или вроде того. Верно я говорю?

— Сколько раз вам объяснять? — спросил Гарри, выходя из себя и тоже повышая голос. — Это был не я! Это были два дементора!

— Как-как? Два… что еще за бред собачий?

— Де-мен-то-ра, — повторил Гарри медленно и раздельно. — Два дементора.

— Кто такие дементоры, черт бы их драл?

— Они стерегут Азкабан, тюрьму для волшебников, — сказала тетя Петунья.

Две секунды звенящей тишины — и тетя прихлопнула рот ладонью, как будто из него случайно вылетело нехорошее слово. Дядя Вернон уставился на нее, выкатив глаза. У Гарри голова пошла кругом. Миссис Фигг еще куда ни шло — но тетя Петунья?

— Откуда вы знаете? — изумленно спросил он.

Тетя Петунья, казалось, пришла в ужас от самой себя. Посмотрела на дядю Вернона пугливым извиняющимся взглядом, потом чуть опустила руку, так что стали видны лошадиные зубы.

— Я слышала… много лет назад… как этот жуткий человек… рассказывал о них *ей,* — прерывисто произнесла она.

— Если вы про моих родителей, почему не называете их по именам? — громко спросил Гарри, но тетя не ответила. Она испытывала крайнее смятение.

Гарри был ошеломлен. За исключением одной давней вспышки, когда тетя Петунья крикнула, что мать Гарри была чудовищем, он ни разу не слышал, чтобы она поминала сестру. Невероятно было, что она так долго помнила факт, касаю-

щийся магического мира, ведь обычно она всеми силами старалась сделать вид, что этого мира не существует.

Дядя Вернон разинул рот, потом закрыл, потом снова его открыл, потом опять закрыл, потом, точно вспомнил наконец, как произносить слова, открыл его в третий раз и прохрипел:

— Значит… э… они… что… взаправду… э… существуют… эти… как их… дементи… а?

Тетя Петунья кивнула.

Дядя перевел взгляд с нее на Дадли, потом на Гарри, как будто надеялся, что кто-нибудь из них крикнет ему: «С первым апреля!» Поскольку никто этого не крикнул, он вновь зашевелил губами, но от мучительной борьбы за слова его избавило появление третьей совы. Она ворвалась в открытое теперь окно, как пернатое ядро, и со стуком уселась на кухонный стол. От испуга все трое Дурслей подскочили. Гарри выдернул из совиного клюва очередной официальный на вид конверт, и, пока он его разрывал, сова уже летела обратно во тьму.

— Хватит… с нас… этих… поганых… сов, — бестолково бормотал дядя Вернон, тяжелым шагом идя к окну и второй раз его захлопывая.

Уважаемый мистер Поттер!

В дополнение к нашему письму, отправленному приблизительно двадцать две минуты назад, сообщаем Вам, что Министерство магии отменило свое решение о немедленном уничтожении Вашей волшебной палочки. Вы можете сохранить ее до дисциплинарного слушания, назначенного на 12 августа, когда и будет принято официальное решение.

После консультаций с директором Школы чародейства и волшебства «Хогвартс» Министерство согласилось отложить до этого времени также и решение вопроса о Вашем пребывании в школе. Вам, таким образом, надлежит считать себя временно исключенным, вплоть до окончания расследования.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваша
Муфалда Хмелкирк,
Сектор борьбы с неправомерным использованием магии.
Министерство магии.

Гарри, не отрываясь, прочел письмо три раза подряд. Хотя оно отнюдь его не успокоило,

несчастливый узел в его груди немного ослаб: выходит, его все-таки еще не исключили. Все, по-видимому, зависело от исхода слушания 12 августа.

— Ну? — спросил дядя Вернон, возвращая Гарри к окружающей действительности. — Что там еще? Приговорили тебя к чему-нибудь? Есть у вашего племени смертная казнь?

Последний вопрос был задан с надеждой.

— Я должен явиться на слушание, — сказал Гарри.

— И там тебя приговорят?

— Скорее всего.

— Очень было бы хорошо, — произнес дядя зловредным тоном.

— Так, если это все… — сказал Гарри и встал. Ему отчаянно хотелось побыть одному, поразмыслить. Может быть, послать весточку Рону, Гермионе или Сириусу.

— Нет, это не все, черт тебя подери! — проревел дядя Вернон. — Садись давай обратно!

— Ну, и что дальше? — раздраженно спросил Гарри.

— Дадли, вот что! — гаркнул дядя Вернон. — Я в точности хочу знать, что произошло с моим сыном!

— Отлично! — крикнул взбешенный Гарри, и из кончика волшебной палочки, которую он все еще сжимал в руке, посыпались красные и золотые искры. Испуганные Дурсли дружно вздрогнули. — Мы с Дадли вошли в проулок между улицей Магнолий и улицей Глициний, — быстро заговорил Гарри, стараясь обуздать свою злость. — Дадли стал меня доводить, ну, я и вынул волшебную палочку. Вынул, но не использовал. Тут появились два дементора…

— Да кто они такие, в конце концов, эти дементоиды?! — в бешенстве спросил дядя Вернон. — Что они делают? ЧТО?

— Я вам уже сказал. Они высасывают из тебя всю радость, — объяснил Гарри. — И, если есть возможность, целуют тебя…

— Целуют? — вылупил глаза дядя Вернон. — Целуют?

— Так они это называют. Они высасывают из человека душу через рот.

Тетя Петунья слабо вскрикнула.

— Из него — *душу?* Нет, они же не могли… У него осталась…

Она схватила Дадли за плечи и стала трясти, как будто хотела проверить, стучит в нем душа или уже нет.

— Конечно, она у него осталась. Если бы они ее забрали, вы бы увидели, — сердито сказал Гарри.

— Отбился от них, да, сынок? — громко спросил дядя Вернон с видом человека, пытающегося вернуть разговор в понятную ему плоскость. — Врезал им пару раз по-свойски, и готово!

— Дементору нельзя врезать по-свойски, — проговорил Гарри сквозь стиснутые зубы.

— Почему тогда с ним все в порядке? — загремел дядя Вернон. — Почему он не пустой? А?

— Потому что я применил заклинание…

Ш-Ш-Ш-УХ-Х! Со стуком и с шелестом крыльев, подняв облачко мягкой золы, из кухонного камина пробкой вылетела четвертая сова.

— Ради всего святого! — взревел дядя Вернон и выдернул из усов два хороших пучка волос, чего с ним не случалось очень давно. — Никаких сов в моем доме, ясно вам? Я этого не потерплю ни под каким видом!

Гарри между тем уже вытаскивал из совиной лапы пергаментный свиток. Он был настолько уверен, что это письмо от Дамблдора, объясняющее все — и дементоров, и миссис Фигг, и намерения Министерства, и то, как он, Дамблдор, собирается все уладить, — что впервые в жизни испытал разочарование, увидев почерк Сири-

уса. Не слушая дядю Вернона, продолжавшего бушевать по поводу сов, и щурясь из-за нового облачка золы, которое птица подняла, вылетая через дымоход, Гарри прочел записку.

> Артур только что сообщил нам о случившемся. В любом случае не выходи больше из дома.

Такая реакция на все, что произошло за этот вечер, показалась Гарри настолько несообразной, что он перевернул пергамент в поисках продолжения. Но на обратной стороне ничего не было.

И в нем опять стала подниматься злость. Разве он не заслужил похвалу от всех и каждого за то, что в одиночку отразил нападение двух дементоров? И мистер Уизли, и Сириус пишут ему так, словно он проштрафился, и, кажется, приберегают нагоняй до того момента, когда станет ясно, сколько вреда он причинил.

— Целые стада… Я хотел сказать, целые стаи сов носятся по моему дому! Я этого не потерплю, точно тебе говорю…

— Я не могу помешать им приносить письма! — огрызнулся Гарри, комкая послание Сириуса.

— А я хочу знать правду о том, что случилось! — проревел дядя Вернон. — Если Дадли досталось

от этих дементоров, почему тогда тебя исключают? Ты совершил что-то не то, ты сам в этом признался!

Гарри сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться. Опять начинала болеть ушибленная голова. Больше всего на свете он хотел уйти из этой кухни, от этих Дурслей.

— Я применил заклинание Патронуса, чтобы избавиться от дементоров, — сказал он, заставляя себя говорить ровным тоном. — Это единственное, что от них защищает.

— Но что они делали в Литтл-Уингинге, эти дементоиды? — возмущенно спросил дядя Вернон.

— Понятия не имею, — устало ответил Гарри.

Под яркими лампами дневного света в голове у него болезненно пульсировало. Злость сходила на нет. Он был обессилен, опустошен. Дурсли не сводили с него глаз.

— Это все ты, — с нажимом сказал дядя Вернон. — Это из-за тебя, я знаю, не отнекивайся. Иначе зачем им было здесь ошиваться? Зачем им было лезть в этот проулок? Ты единственный… единственный… — Он явно не мог заставить себя произнести слово «волшебник». — Единственный *сам знаешь кто* на много миль вокруг.

— Я не знаю, что им здесь было нужно.

Но дядины слова заставили измученный мозг Гарри опять включиться. Почему, *почему* дементоры явились в Литтл-Уингинг? Разве могло быть случайностью их присутствие в проулке, по которому он, Гарри, шел? Их что, туда послали? Не потеряло ли Министерство магии контроль над дементорами? Может быть, они покинули Азкабан и примкнули к Волан-де-Морту, как предсказывал Дамблдор?

— Значит, эти демонтёры какую-то тюрьму вашу охраняют? — спросил дядя Вернон, грузно топая по следам размышлений Гарри.

— Да, — сказал Гарри.

Если бы только перестала болеть голова, если бы только можно было уйти из кухни, сесть в темной спальне и подумать…

— Все ясно! Они явились тебя арестовать! — торжествующе заявил дядя Вернон с видом человека, пришедшего к неоспоримому заключению. — Так ведь, дружок, дело обстоит? Ты в бегах от правосудия!

— Нет, разумеется, — покачал головой Гарри, словно отгоняя муху. Мозг между тем лихорадочно работал.

— Тогда почему?..

— Наверно, это он их послал, — тихо сказал

Гарри, сказал скорее себе, чем дяде Вернону.

— Кто — он? Кто их послал?

— Лорд Волан-де-Морт, — ответил Гарри.

Краем сознания он отметил некую странность в поведении Дурслей: они всегда, стоило им услышать слова «чародей», «магия» или «волшебная палочка», вздрагивали, вскрикивали и отшатывались, но вместе с тем имя самого зловредного чародея всех времен не вызвало у них ни малейшего трепета.

— Лорд… как ты сказал? — наморщившись, переспросил дядя Вернон. В его поросячьих глазках возникли начатки какого-то понимания. — Это имя я вроде слышал… Это тот, который…

— Убил моих родителей, совершенно верно, — подтвердил Гарри.

— Но он же исчез, — раздраженно сказал дядя Вернон. Ему, похоже, было безразлично, что Гарри тяжело вспоминать о гибели отца и матери. — Этот верзила на острове так сказал. Испарился.

— Он вернулся, — тяжко выдохнул Гарри.

Очень странно было стоять в чистой, как операционная, кухне тети Петуньи подле наисовременнейшего холодильника и телевизора с большим экраном и спокойно вести разговор

с дядей Верноном о лорде Волан-де-Морте. Появление дементоров в Литтл-Уингинге словно бы пробило брешь в огромной невидимой стене, которая отделяла неумолимо чуждый всякому колдовству мир Тисовой улицы от того, другого мира. Две жизни Гарри слились воедино, все перевернулось вверх тормашками: Дурслей интересуют детали волшебного мира, миссис Фигг знает Альбуса Дамблдора, по Литтл-Уингингу летают дементоры, а он сам, может быть, никогда не вернется в Хогвартс. В голове у Гарри запульсировало еще болезненней.

— Вернулся? — прошептала тетя Петунья.

Она смотрела на Гарри, как не смотрела никогда раньше. Внезапно он впервые в жизни сполна почувствовал, что тетя Петунья — сестра его матери. Он не смог бы сказать, почему именно сейчас ощутил это с такой силой. Он знал одно: кроме него, в кухне есть еще один человек, имеющий понятие о том, что может означать возвращение лорда Волан-де-Морта. Ни разу в жизни тетя так на него не смотрела. Ее большие тусклые глаза, совсем не похожие на сестрины, не сузились от неприязни или злости. Они были широко открыты, и в них читался испуг. От ее исступленного нежелания признать существование волшебства,

существование чего-либо помимо их с дядей Верноном мира — от нежелания, длившегося всю жизнь Гарри, — ничего не осталось.

— Да, — сказал Гарри. Он говорил теперь именно с ней, с тетей. — Он вернулся месяц назад. Я его видел.

Ее ладони нащупали сквозь кожу пиджака массивные плечи Дадли и стиснули их.

— Погоди, — вмешался дядя Вернон, глядя то на жену, то на Гарри, то опять на жену. Он был явно ошеломлен, сбит с толку небывалым взаимопониманием, которое, казалось, возникло между ними. — Погоди. Ты говоришь, этот лорд Воланди… как его… вернулся?

— Да.

— Тот, который убил твоих родителей?

— Да.

— И теперь он насылает на тебя демонаторов?

— Очень похоже, — ответил Гарри.

— Понятно, — сказал дядя Вернон, переводя взгляд с бледной как полотно жены на Гарри и поддергивая брюки. Казалось, он разбухал. Его большое багровое лицо надувалось у Гарри на глазах, как резиновый шар. Рубашка на груди натянулась. — Что ж, это решает дело. А ну пошел вон из нашего дома!

— Что? — спросил Гарри.

— Ты слышал, что! Вон! — гаркнул дядя Вернон так, что даже тетя Петунья и Дадли подскочили. — Вон! Не надо было тогда тебя брать! Совы летают к нам как к себе домой, пудинги взрываются, половина гостиной превращается черт знает во что, у Дадли вырастает хвост, Мардж скачет по потолку, а чего стоит этот летающий форд «Англия»! Вон! Вон! Хватит с нас! Хорошенького понемножку! Если за тобой охотится какой-то псих, это не причина, чтобы ты здесь торчал, подвергал опасности мою жену и нашего сына, устраивал нам неприятности! Раз ты пошел той же дорожкой, что и твои никчемные родители, — с меня хватит! ВОН!

Гарри стоял как вкопанный, комкая в левой руке письма из Министерства, от мистера Уизли и от Сириуса. *В любом случае не выходи больше из дома. НЕ ПОКИДАЙ ДОМА ДЯДИ И ТЕТИ.*

— Ты что, оглох?! — заорал дядя Вернон. Теперь он наклонился вперед и так близко поднес багровое лицо к лицу Гарри, что на того брызнули капельки слюны. — Убирайся! Ты ведь очень хотел уйти полчаса назад! Всецело одобряю! Вали отсюда и близко больше не подходи к нашему дому! Почему мы тебя тогда взяли — ума не при-

ложу. Права была Мардж, надо было отдать тебя в приют! Проявили мягкотелость себе во вред, подумали, что сможем это из тебя вытравить, сделать из тебя нормального человека! Но ты гнилой от рождения, и с меня хватит… Чертовы совы!

Пятая сова так стремительно промахнула дымоход, что шмякнулась об пол. Громко ухнув, она взмыла в воздух. Гарри протянул было руку за письмом, запечатанным в алый конверт, но сова пролетела у него над головой и направилась прямо к тете Петунье. Та вскрикнула и пригнулась, обхватив руками голову. Сова уронила красный конверт ей на макушку, развернулась в воздухе и вылетела тем же путем, что и явилась.

Гарри кинулся взять послание, но тетя его опередила.

— Распечатывайте, если хотите, — сказал ей Гарри, — но я так и так услышу, что тут написано. Это Громовещатель.

— Отдай ему, Петунья! — крикнул дядя Вернон. — Не бери, это может быть опасно!

— Адресовано мне, — проговорила тетя трясущимися губами. — Мне, Вернон, посмотри! «Тисовая улица, кухня дома номер четыре, миссис Петунье Дурсль…»

В ужасе она осеклась. Красный конверт начал

дымиться.

— Распечатывайте! — убеждал ее Гарри. — Кончайте с этим! Впрочем, все равно.

— Нет…

Тетина рука дрожала. Петунья дико водила по кухне глазами, точно искала путь к спасению, но поздно — конверт вспыхнул. Тетя с криком уронила его.

Отдаваясь гулким эхом, кухню наполнил жуткий голос, источником которого было горящее письмо на столе.

— Не забывайте мой наказ, Петунья!

Казалось, тетя Петунья сейчас упадет в обморок. Она опустилась на стул рядом с Дадли и закрыла лицо руками. Остатки конверта догорали в полной тишине.

— Что это значит? — хрипло спросил дядя Вернон. — Что… Я не… Петунья!

Тетя Петунья молчала. Дадли пялился на мать, тупо раззявив рот. Тишина закручивалась жуткой спиралью. Гарри глядел на тетю, совершенно сбитый с толку. Голова, казалось, вот-вот лопнет.

— Петунья, солнышко, — нежно проворковал дядя Вернон. — П-петунья!

Она подняла голову. Ее все еще била дрожь. Она сглотнула.

— Мальчик… мальчик остается у нас, Вернон, — сказала она слабым голосом.

— Ч-что?

— Он остается, — повторила она, не глядя на Гарри. Потом встала со стула.

— Он… Но как же, Петунья…

— Если мы его выгоним, пойдут толки среди соседей, — сказала она. Хотя она была еще очень бледная, к ней стремительно возвращалась быстрая, отрывистая манера речи. — Начнут всякие вопросы задавать, станут интересоваться, куда он делся. Придется его оставить.

Дядя Вернон сдувался, как проколотая шина.

— Но Петунья, лапочка…

Не обращая на него внимания, тетя Петунья повернулась к Гарри:

— Сиди у себя в комнате. Из дому не выходи. А теперь спать.

Гарри не двигался.

— От кого этот Громовещатель?

— Не задавай мне вопросов! — отрезала тетя Петунья.

— Вы связаны с волшебниками?

— Я велела тебе ложиться спать!

— Что это значит? Какой наказ?

— В постель!

— Ничего не понимаю…

— Слышал ты меня или нет? Спать немедленно!

Глава 3

ЗАЩИТНЫЙ ОТРЯД

> Я только что отразил атаку дементоров, и меня, может быть, исключат из Хогвартса. Я хочу знать, что происходит и когда я отсюда выберусь.

Войдя в темную спальню, Гарри тут же сел за стол и написал эти слова на трех отдельных листках пергамента. Первое письмо он адресовал Сириусу, второе Рону, третье Гермионе. Его сова Букля отлучилась поохотиться, клетка стояла на письменном столе пустая. Дожидаясь ее возвращения, Гарри ходил по комнате взад и вперед. В голове стучало, мозг был слишком возбужден, чтобы спать, хотя глаза щипало от усталости. Ломило спину, на которую он взваливал Дадли. От оконной рамы и кулака Дадли вскочили две шишки, и в них пульсировала боль.

Мучась бессильной злостью, он мерил шагами спальню, скрипел зубами, стискивал кулаки и всякий раз, как проходил мимо окна, бросал гневные взгляды на пустое, усыпанное звездами

небо. Нападение дементоров, тайная слежка миссис Фигг и Наземникуса Флетчера, временное исключение из Хогвартса, разбирательство в Министерстве магии — и по-прежнему никто не хочет объяснить ему, что, собственно, происходит.

И о чем, о *чем* был этот Громовещатель? Чей голос отдавался в кухне таким жутким, угрожающим эхом?

Почему он до сих пор сидит тут, как в клетке, ничего не зная? Почему с ним обращаются как с непослушным ребенком? *Не покидай дома, не совершай больше никакого волшебства…*

Проходя мимо школьного чемодана, он пнул его ногой, однако не только не облегчил этим злость, но почувствовал себя еще хуже: заболел, вдобавок ко всему, и большой палец ноги.

В окно, когда он, хромая, опять к нему приблизился, с мягким шелестом крыльев влетела Букля, похожая на маленькое привидение.

— Наконец-то! — проворчал Гарри, когда она бесшумно уселась на клетку. — Потом будешь пировать, у меня есть для тебя работа!

Букля укоризненно посмотрела на него большими, круглыми, янтарными глазами. В клюве у нее была зажата дохлая лягушка.

— Поди-ка сюда.

Взяв три маленьких пергаментных свитка, Гарри привязал их ремешком к кожистой лапке Букли.

— Одно письмо Сириусу, другое Рону, третье Гермионе. И не возвращайся без хороших, подробных ответов. Надо будет — терзай их клювом, пока не напишут что-нибудь приличной длины. Поняла?

Букля, чей клюв был по-прежнему набит лягушатиной, сдавленно ухнула.

— Тогда вперед! — скомандовал Гарри.

Она снялась с места мгновенно. Когда сова улетела, Гарри, не раздеваясь, кинулся на кровать и стал смотреть на темный потолок. Вдобавок ко всему он теперь чувствовал себя виноватым из-за того, что резко разговаривал с Буклей. В этом доме она была его единственным другом. Надо быть с ней поласковей, когда она вернется с ответами Сириуса, Рона и Гермионы.

Им некуда будет деваться — придется писать, и быстро. Проигнорировать нападение дементоров они не смогут. Может быть, он завтра проснется и увидит три толстенных письма, полных сочувствия и планов его немедленного перемещения в «Нору». Под эти успокаивающие мысли на него

накатил сон, помешав обдумывать положение дальше.

* * *

Но назавтра Букля не вернулась. Гарри весь день провел у себя в спальне, откуда выходил только по нужде. Тетя Петунья трижды подсовывала ему еду в кошачью дверцу, которую дядя Вернон сделал три года назад. Всякий раз, когда Гарри слышал ее шаги, он пытался расспросить ее о громовещателе, но с таким же успехом можно было расспрашивать дверную ручку. Если не считать этих ее приближений, Дурсли старались держаться от его спальни подальше. Гарри, в свою очередь, не считал нужным навязывать им свое общество. Новый скандал мог привести лишь к одному: он так разозлится, что совершит еще какое-нибудь запрещенное волшебство.

Так продолжалось три дня. Гарри попеременно пребывал в двух состояниях. В первом его наполняла беспокойная энергия. Он ни на чем не мог сосредоточиться и только ходил взад-вперед по спальне, злясь на всех разом за то, что предоставили ему вариться в собственном соку. Во втором им овладевало такое оцепенение, что он валялся на кровати по часу и больше, тупо глядя

в пространство и томясь гнетущим страхом из-за предстоящего разбирательства в Министерстве.

Что, если решение будет не в его пользу? Что, если его действительно исключат, а палочку переломят надвое? Что ему тогда делать, куда податься? Жить, как раньше, круглый год у Дурслей? Нет, только не теперь, когда он узнал другой мир — мир, где ему самое место. Может быть, перебраться в дом Сириуса, как Сириус предложил ему год назад, перед самым своим бегством? Но позволят ли Гарри жить там одному? Ведь он все еще несовершеннолетний. Не исключено, что вопрос, куда ему отправляться, решат за него другие. Может быть, за нарушение Международного статута о секретности его приговорят к Азкабану. Всякий раз, как это приходило ему в голову, Гарри слезал с кровати и принимался ходить по комнате.

В четвертый вечер после того, как улетела Букля, Гарри лежал в очередном приступе апатии и пялился в потолок. Обессилевший ум был совершенно пуст. Вдруг в спальню вошел дядя. Гарри медленно перевел на него взгляд. Дядя Вернон был одет в свой лучший костюм, и на лице его было написано колоссальное самодовольство.

— Мы уходим, — сказал он.

— Что-что?

— Мы — то есть твоя тетя, Дадли и я — сейчас уходим.

— Отлично, — буркнул Гарри и снова стал смотреть в потолок.

— Пока нас нет, не выходи из спальни ни под каким видом.

— Хорошо.

— Не прикасайся ни к телевизору, ни к стереосистеме, ни к другим нашим вещам.

— Ладно.

— И не таскай еду из холодильника.

— Не буду.

— Я запру тебя снаружи.

— Запирайте.

Дядя Вернон недоверчиво уставился на Гарри. Такая сговорчивость была очень подозрительна. Потом он, топая, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Гарри услышал, как в замке поворачивается ключ. Вслед за этим — тяжелые дядины шаги по лестнице. Через несколько минут внизу хлопнули автомобильные дверцы, заработал мотор, раздался шум удаляющейся машины.

Гарри не испытывал по поводу отъезда Дурслей никаких особенных чувств. Ему безразлично было, есть они в доме или нет. Не было сил даже

встать и включить в спальне свет. Становилось все темней и темней. Он лежал и слушал вечерние звуки, долетавшие через окно, которое он все время держал открытым в ожидании благословенной минуты, когда вернется Букля.

В пустом доме изредка потрескивало. Булькали трубы. Гарри лежал в полном оцепенении, ни о чем не думая, весь погруженный в свое несчастье.

Вдруг он совершенно отчетливо услышал, как внизу в кухне что-то разбилось.

Он рывком сел на кровати и весь превратился в слух. Дурсли не могли вернуться так скоро. К тому же он не слышал машины.

Несколько секунд тишина, потом голоса.

«Взломщики», — подумал он, спуская ноги на пол, но через долю секунды сообразил, что взломщики не стали бы, как эти люди, разговаривать во весь голос.

Он схватил с прикроватной тумбочки волшебную палочку и повернулся к двери, прислушиваясь изо всех сил. Мгновение — и он подскочил: громко щелкнул замок, дверь распахнулась.

Гарри стоял неподвижно, глядя через дверной проем на темную лестничную площадку, готовый уловить малейший звук, но было тихо. Секунду

он колебался, затем стремительно и бесшумно вышел из комнаты на лестницу.

Сердце забилось у самого горла. Внизу, в полутемной прихожей, на фоне проникавшего сквозь стеклянную дверь света от уличного фонаря, он увидел силуэты. Восемь или девять человек, и все, насколько он мог разобрать, смотрели на него.

— Опусти палочку, дружище, а то глаз кому-нибудь выколешь, — произнес низкий ворчливый голос.

Сердце застучало как бешеное. Гарри узнал голос, но палочку не опустил.

— Профессор Грюм? — спросил он с сомнением.

— Профессор не профессор — точно не скажу, — прорычал голос. — Преподавать мне не слишком-то много пришлось. Спускайся, дай хоть рассмотреть тебя как следует.

Гарри немного опустил палочку, но сжимал ее все так же крепко и с места не двинулся. У него была веская причина для подозрений. Совсем недавно он девять месяцев ходил на уроки к самозванцу, который мало того что выдавал себя за Грозного Глаза Грюма, но еще и попытался его, Гарри, убить, прежде чем был разоблачен. Однако не успел Гарри решить, что делать дальше, как

зазвучал второй голос, хрипловатый:

— Все хорошо, Гарри. Мы пришли забрать тебя отсюда.

Сердце у Гарри так и прыгнуло. Этот голос тоже был ему известен, хоть он и не слышал его больше года.

— П-профессор Люпин? — спросил он, веря и не веря. — Это вы?

— Долго мы еще будем стоять тут во мраке? — раздался третий голос, женский и совсем незнакомый. — *Люмос!*

Внизу вспыхнул кончик волшебной палочки, и прихожая озарилась магическим светом. Гарри заморгал. Столпясь у подножия лестницы, все пришедшие пристально на него смотрели. Некоторые тянули шеи, чтобы лучше было видно.

Ближе всех к нему стоял Римус Люпин. Совсем еще не старый, он, однако, выглядел уставшим и даже больным. После того как Гарри в последний раз с ним попрощался, на голове у него прибавилось седых волос, а на истрепанной мантии — заплат. Тем не менее он сердечно улыбался Гарри, и тот, несмотря на потрясение, попытался улыбнуться в ответ.

— О-о-о, да он в точности такой, как я думала! — воскликнула чародейка, которая держала в

поднятой руке светящуюся волшебную палочку. Судя по всему, она была из них самой молодой. Бледное, сужающееся книзу лицо, темные мерцающие глаза, короткие волосы торчком неистового фиолетового цвета. — Здорово, Гарри!

— Да, ты был прав, Римус, — сказал лысый чернокожий колдун, стоявший дальше всех. Говорил он врастяжку, густым басом, и в одном ухе у него была золотая серьга в форме кольца. — Он копия Джеймса.

— Кроме глаз, — сипло поправил его другой маг, седовласый, тоже из задних. — Глаза как у Лили.

Грозный Глаз Грюм с его длинной пепельной гривой и особенным носом, изрядная часть которого отсутствовала, подозрительно косился на Гарри своими разными глазами. Один, маленький и темный, походил на бусину, другой был большой, круглый и ярко-голубой. Этим волшебным глазом Грюм мог смотреть не только сквозь стены и двери, но даже назад — через собственный затылок.

— Уверен, Люпин, что это он? — пророкотал Грюм. — Очень некстати будет, если мы доставим вместо него какого-нибудь Пожирателя смерти! Надо его спросить о чем-нибудь таком, что знает только настоящий Поттер. Или кто-нибудь при-

хватил с собой сыворотку правды?

— Гарри, какой вид принимает твой Патронус? — спросил Люпин.

— Оленя, — нервно ответил Гарри.

— Это он, Грозный Глаз, — сказал Люпин.

Остро ощущая, что все по-прежнему на него смотрят, Гарри стал спускаться по лестнице. По пути он запихивал волшебную палочку в задний карман джинсов.

— Не смей ее туда совать, слышишь меня? — проревел Грюм. — А ну как вспыхнет? Почище тебя волшебники — и те оставались с одной ягодицей!

— Кто именно, можно узнать? — заинтересованно спросила его женщина с фиолетовыми волосами.

— Какая разница! Просто не надо совать волшебные палочки в задние карманы! — прорычал Грозный Глаз. — Все плюют на элементарные меры безопасности! — Стуча деревянной ногой, он двинулся на кухню. — Учти, я видел, — сердито добавил он, когда волшебница возвела глаза к потолку.

Люпин пожал Гарри руку.

— Ну, как ты? — спросил он, пристально его разглядывая.

— Х-хорошо…

Гарри не верилось, что это взаправду. Четыре недели ровно ничего, никакого даже намека на план вызволения его с Тисовой улицы — и вдруг нате вам: целая толпа волшебников ввалилась в дом как ни в чем не бывало, точно по какому-то давнему уговору. Он обвел взглядом окружавших Люпина людей. Они продолжали внимательно его рассматривать. Его мучило сознание того факта, что он четыре дня не брал в руки расческу.

— Я… вам повезло, что Дурслей нет дома… — пробормотал он.

— Ха-ха! Он говорит: повезло! — рассмеялась женщина с фиолетовыми волосами. — Ведь это я их убрала с дороги. Послала им магловской почтой сообщение, что они попали в финал Всеанглийского конкурса лучших содержателей пригородных лужаек. Они едут сейчас на объявление победителей… верней, так им кажется.

Гарри представил себе лицо дяди Вернона в тот миг, когда он поймет, что нет никакого Всеанглийского конкурса лучших содержателей пригородных лужаек.

— Мы уходим отсюда? — спросил он. — Скоро?

— Почти немедленно, — ответил Люпин. — Как только получим «добро» на отправление.

— Куда двинемся? В «Нору»? — поинтересовался Гарри с надеждой.

— Нет, не в «Нору», — сказал Люпин, жестом приглашая Гарри идти в кухню. Вся небольшая группа волшебников последовала туда же. Они смотрели на Гарри с прежним любопытством. — Слишком было бы рискованно. Мы устроили штаб-квартиру там, где ее нельзя обнаружить. Для этого понадобилось время…

Грозный Глаз Грюм сидел за кухонным столом и потягивал содержимое своей набедренной фляги. Его волшебный глаз вращался во все стороны, разглядывая многочисленные кухонные приспособления Дурслей.

— Это Аластор Грюм, Гарри, — представил сидящего Люпин.

— Да, я знаю, — сказал Гарри, которому было не слишком уютно. Он целый год считал, что знаком с этим человеком, а теперь их знакомили опять.

— А это Нимфадора…

— Не смей называть меня Нимфадорой, Римус! — вскинулась молодая волшебница. — Просто Тонкс.

— Нимфадора Тонкс, которая предпочитает, чтобы ее называли только по фамилии, — закончил Люпин.

— Ты бы тоже предпочитал, если бы дура мамаша дала тебе такое имя, — пробормотала Тонкс.

— А это Кингсли Бруствер. — Люпин показал на высокого чернокожего волшебника, и тот отвесил поклон. — Элфиас Дож. (Кивнул маг, говоривший сиплым голосом.) Дедалус Дингл…

— Мы уже знакомы, — пропищал чуть что приходящий в волнение Дингл и уронил свой фиолетовый цилиндр.

— Эммелина Вэнс. (Величавая ведунья в изумрудно-зеленой накидке наклонила голову.) Стерджис Подмор. (Чародей с квадратным подбородком и густой шапкой волос соломенного цвета игриво подмигнул.) И Гестия Джонс. (Помахала розовощекая черноволосая волшебница, стоявшая рядом с тостером.)

Гарри неуклюже кланялся каждому, кого Люпин представлял. Ему очень хотелось, чтобы они смотрели не на него, а на что-нибудь другое. Словно тебя ни с того ни с сего вывели на сцену. Кроме того, он не понимал, почему их так много.

— Сколько народу за тобой пожаловало! Есть чему удивляться, да? — сказал Люпин, будто прочитав мысли Гарри. Уголки его рта чуть подрагивали.

— Чем больше, тем лучше, — мрачно прогово-

рил Грюм. — Мы твоя охрана, Поттер.

— Ждем сигнала, что путь свободен, — сообщил Люпин, выглядывая в кухонное окно. — Еще минут пятнадцать.

— Экие тут чистюли живут! — воскликнула Тонкс, которая оглядывала кухню с громадным интересом. — А вот папаша мой, хоть он тоже из маглов, — настоящий старый неряха. Выходит, все они разные, как и мы, волшебники.

— Э… да, — согласился Гарри. — Послушайте… — Он опять повернулся к Люпину. — Что происходит? Никто ничего мне не говорит. Что известно про Волан…

— Тсс! Тсс! — полетело в него сразу от нескольких чародеев и чародеек. Дедалус Дингл опять уронил цилиндр.

— *Молчи!* — рявкнул Грюм.

— Почему? — спросил Гарри.

— Мы не обсуждаем ничего здесь, слишком опасно, — сказал Грюм, глядя на Гарри своим обычным глазом. Волшебным он по-прежнему смотрел на потолок. — Тьфу ты, — выругался он и поднес к волшебному глазу руку. — С тех пор как им пользовался этот гад, все время заклинивает.

И с неприятным хлюпаньем, как от прочищаемой кухонной раковины, он выдернул глаз.

— Грозный Глаз, ты ведь понимаешь, как это противно, правда? — непринужденно заметила Тонкс.

— Гарри, будь добр, принеси мне стакан воды, — попросил Грюм.

Гарри вынул из посудомоечной машины чистый стакан и налил в него воды из крана. Волшебники пристально следили за каждым его движением. Их внимание уже изрядно ему досаждало.

— Спасибо, — сказал Грюм, взяв у Гарри стакан. Он кинул волшебный глаз в воду и хорошенько встряхнул. Глаз завертелся, зыркнув на всех по очереди. — На обратном пути мне нужен угол обзора триста шестьдесят градусов.

— Как мы будем добираться? Куда — ладно, не спрашиваю, но как? — поинтересовался Гарри.

— На метлах, — ответил Люпин. — Единственный способ. До того, чтобы трансгрессировать, ты еще не дорос, летучий порох исключается — камины под их наблюдением, а если мы самовольно соорудим портал, это будет стоить нам не только наших жизней.

— Римус говорит, ты неплохо летаешь, — вставил Кингсли Бруствер густым басом.

— Он летает отлично, — сказал Люпин, глядя

на часы. — Как бы то ни было, иди собирай вещи, мы должны быть готовы до сигнала.

— Я тебе помогу, — жизнерадостно вызвалась Тонкс.

Она последовала за Гарри в прихожую и на второй этаж, оглядывая все вокруг с колоссальным любопытством.

— Забавное жилище, — заметила она. — Чуточку *слишком* чистое. Понимаешь, что я имею в виду? О, а здесь куда лучше, — добавила она, когда они вошли в комнату Гарри и он включил свет.

В его спальне было гораздо больше грязи и беспорядка, чем во всем остальном доме. Проведя в ней четыре дня в очень плохом настроении, Гарри не утруждал себя уборкой. Большая часть книг была рассыпана по полу: стараясь отвлечься, он брал их и отбрасывал одну за другой. Клетка Букли нуждалась в чистке, и от нее попахивало. Чемодан, где магловская одежда была причудливо перемешана с чародейской, лежал открытый, и часть вещей вывалилась из него на пол.

Гарри стал торопливо подбирать книги и кидать в чемодан. Тонкс задержалась у распахнутого гардероба и критически уставилась на свое отражение в зеркале на внутренней стороне дверцы.

— Ты знаешь, по-моему, фиолетовый — все-таки не мой цвет, — задумчиво проговорила она и потянула себя за торчащую прядь. — Тебе не кажется, что он придает мне какую-то болезненность?

Взглянув на нее поверх брошюры «Сборные Британии и Ирландии по квиддичу», Гарри промычал что-то нечленораздельное.

— Да, придает, — решительно сказала Тонкс. С напряженным видом, словно хотела что-то припомнить, она прищурилась — и секунду спустя ее волосы стали ярко-розовыми, как жевательная резинка.

— Как вам это удается? — изумленно спросил Гарри.

— Я метаморфиня, — ответила она и, открыв глаза во всю ширь, вновь принялась изучать свое отражение. Она поворачивала голову так и эдак, чтобы оглядеть волосы со всех сторон. — Это значит, что я могу менять свою внешность как мне захочется, — добавила она, увидев в зеркале озадаченное лицо Гарри. — Такая вот уродилась. Когда меня готовили на мракоборца, получила высшие баллы по скрытности и маскировке без всякой зубрежки. Это было замечательно.

— На мракоборца? — переспросил Гарри с ува-

жением. Думая о будущем, он только о том и мечтал, чтобы по окончании Хогвартса сражаться с Темными волшебниками.

— Ага, — гордо сказала Тонкс. — Кингсли тоже мракоборец, но он чуть повыше меня рангом. Я всего год назад получила диплом. Чуть не провалилась по тайному проникновению и выслеживанию. Я страшно неуклюжая. Слышал, как я тарелку разбила, когда мы вошли в кухню?

— А можно выучиться на метаморфа? — спросил Гарри, выпрямившись и начисто забыв про сборы.

Тонкс хихикнула.

— Шрам свой небось хочешь иногда прятать?

Она нашла глазами молниевидный шрам у Гарри на лбу.

— Да ничего я такого не хочу, — пробормотал Гарри, отворачиваясь. Он не любил, когда рассматривали его шрам.

— Нет, боюсь, такого легкого пути у тебя не будет, — сказала Тонкс. — Метаморфы редко встречаются, это врожденное качество. Большинству чародеев, чтобы изменить внешность, нужны волшебные палочки или зелья. Но нам бы поторопиться, Гарри, мы вещи пришли собирать, — добавила она виновато, оглядывая

беспорядок на полу.

— А… да, — сказал Гарри и подобрал еще несколько книг.

— Оставь, не надо, я справлюсь куда быстрей! — воскликнула Тонкс и длинным круговым движением провела палочкой над полом.

Книги, одежда, телескоп и весы взмыли в воздух и как попало влетели в чемодан.

— Аккуратности особой нет, конечно, — заметила Тонкс, подойдя к чемодану и посмотрев на кашу, которая там получилась. — Моя мама, та умеет все собирать вещичка к вещичке. У нее даже носки сами складываются. Но я так не могу. Тут нужен особый взмах…

Она наудачу сделала движение волшебной палочкой. Один из носков Гарри слабо трепыхнулся и снова лег поверх кучи вещей.

— А, ладно, — сказала Тонкс, захлопывая крышку чемодана. — По крайней мере все поместилось. Теперь давай-ка тут почистим. — Она направила палочку на Буклину клетку. — *Экскуро!* — Помет и несколько перышек исчезли. — Что ж, хоть немножко, да лучше. Я, честно говоря, не сильна в этих домашне-хозяйственных заклинаниях. Ну, все взял? Котел? Метлу? Ух ты, «Молния»!

При взгляде на метлу в правой руке Гарри ее

глаза расширились. Это была его радость и гордость, подарок Сириуса — вещь, отвечающая международным стандартам.

— А я все еще на «Комете-260», — с завистью проговорила Тонкс. — Так, ну что же… Палочка по-прежнему в заднем кармане? Ягодицы на месте? Отлично, вперед. *Локомотор, чемодан!*

Чемодан Гарри поднялся в воздух на несколько дюймов. Держа волшебную палочку как дирижерскую, Тонкс отправила чемодан через комнату к двери и на лестницу. Клетку Букли она взяла в левую руку. Гарри с метлой спустился на первый этаж за ней следом.

В кухне Грюм уже вернул глаз на место. После промывки волшебный глаз вращался так быстро, что при взгляде на него у Гарри закружилась голова. Кингсли Бруствер и Стерджис Подмор изучали микроволновую печь, Гестия Джонс хохотала, держа в руках картофелечистку, которую нашла, когда шарила по выдвижным ящикам. Люпин заклеивал письмо, адресованное Дурслям.

— Вовремя, — сказал Люпин, подняв глаза на входящих Гарри и Тонкс. — У нас, думаю, около минуты. Надо бы выйти в сад для готовности. Гарри, я оставляю дяде и тете письмо, где прошу их не беспокоиться за тебя…

— И так не будут, — заметил Гарри.

— …и заверяю их, что ты в безопасности…

— Это их только огорчит.

— …и вернешься сюда следующим летом.

— А без этого никак нельзя?

Люпин улыбнулся и ничего не ответил.

— Поди-ка сюда, дружок, — проворчал Грюм и поманил Гарри к себе волшебной палочкой. — Мне надо тебя дезиллюминировать.

— Что-что? — нервно спросил Гарри.

— Дезиллюминационное заклинание, — сказал Грюм, поднимая палочку. — Люпин говорит, у тебя есть мантия-невидимка, но в полете ее сорвет. Этот камуфляж будет понадежнее. Ну-ка…

Он с силой стукнул его палочкой по макушке, и у Гарри возникло странное ощущение, будто Грюм разбил у него на голове яйцо. По телу от того места, куда пришелся удар, словно бы потекли холодные струйки.

— Вот это класс, — одобрительно сказала Тонкс, глядя на живот Гарри.

Гарри опустил глаза на свое тело, вернее, на то, что было его телом, потому что теперь оно, казалось, не имело с ним ничего общего. Оно не стало невидимым — просто в точности приобрело расцветку и фактуру кухонного приспособления,

перед которым он стоял. Он сделался человеком-хамелеоном.

— Пошли! — скомандовал Грюм, отпирая волшебной палочкой заднюю дверь.

Все высыпали на идеально ухоженный газон дяди Вернона.

— Ночка-то ясная, — проворчал Грюм, озирая небо волшебным глазом. — Кой-какая облачность нам бы не помешала. Так, слушай меня, — рявкнул он, обращаясь к Гарри. — Полетим сомкнутой группой. Тонкс перед тобой, держись за ней вплотную. Люпин прикроет тебя снизу, я сзади. Остальные вокруг нас. Строй не нарушать ни под каким видом, понял меня? Если кого-нибудь из нас убьют…

— Такое может случиться? — с тревогой спросил Гарри, но Грюм точно не слышал.

— …то другие летят дальше, не задерживаются, не ломают строя. Если погибнут все, кроме тебя, Гарри, то в игру вступит вспомогательный отряд. Он пока выжидает. Продолжай двигаться на восток, и они возьмут тебя под защиту.

— Слишком уж ты радостные речи ведешь, Грозный Глаз. Гарри подумает, мы несерьезно относимся к делу, — заметила Тонкс, закрепляя чемодан Гарри и клетку Букли ремнями, свисав-

шими с ее метлы.

— Я просто рассказываю парню план, — прорычал Грюм. — Наша задача — доставить его в штаб-квартиру невредимым, и если это будет стоить нам жизни…

— Это никому не будет стоить жизни, — успокаивающе пробасил Кингсли Бруствер.

— Все на метлы! Вот первый сигнал! — отрывисто произнес Люпин, показывая на небо.

Высоко-высоко в небе рассыпался среди звезд сноп ярких красных искр. Гарри сразу понял, что это искры от волшебной палочки. Он перекинул правую ногу через свою «Молнию», крепко взялся за рукоятку и почувствовал, что метла еле уловимо трепещет, как будто ей тоже не терпится снова подняться в воздух.

— Второй сигнал! Вперед! — рявкнул Люпин, когда в вышине вспыхнули новые искры, на этот раз зеленые.

Гарри резко оттолкнулся от земли. Прохладный вечерний воздух рванул его за волосы. Аккуратные прямоугольные садики Тисовой улицы стали стремительно удаляться, превращаясь в узор темно-зеленых и черных пятен, и ветер мгновенно выдул у него из головы все мысли о предстоящем слушании в Министерстве. Сердце

готово было разорваться от радости: он снова летит, он летит домой с ненавистной Тисовой, об этом-то он и мечтал все лето… На краткий и прекрасный промежуток времени все его заботы превратились в ничто, растворились в безбрежном звездном небе.

— Лево руля, лево руля, какой-то магл пялится вверх! — раздался сзади голос Грюма. Тонкс круто повернула, Гарри последовал за ней, глядя на свой чемодан, который бешено раскачивался под ее метлой. — Надо высоту набрать… еще четверть мили!

Они пошли на подъем, и от холодного воздуха у Гарри заслезились глаза. Внизу уже ничего не было видно, кроме крохотных световых пятнышек, в которые превратились автомобильные фары и уличные фонари. Какие-нибудь два из этих огоньков, может быть, освещают дорогу машине дяди Вернона… Как раз сейчас Дурсли, наверно, едут обратно в свой опустевший дом, кипя негодованием из-за фальшивого конкурса лужаек… Подумав об этом, Гарри громко захохотал, но его смех заглушило хлопанье мантий летящих волшебников, поскрипывание ремней, на которых висели чемодан и клетка, и свист ночного ветра в ушах. Гарри целый месяц не был таким живым,

таким счастливым.

— Направление — на юг! — крикнул Грозный Глаз. — Впереди город!

Они повернули направо, чтобы не лететь над раскинувшейся внизу блестящей паутиной огней.

— Теперь на юго-восток, и продолжаем набирать высоту! Там низкое облако, укроемся в нем! — скомандовал Грюм.

— Еще чего — летать через облака! — сердито крикнула ему Тонкс. — Мы до нитки вымокнем, Грозный Глаз!

Услышав это, Гарри испытал облегчение. Пальцы, державшие рукоятку «Молнии», и так уже начали неметь от холода. Он пожалел, что не догадался надеть куртку. Его стала пробирать дрожь.

Повинуясь приказам Грозного Глаза, они то и дело меняли курс. Гарри щурил глаза, защищая их от ледяного ветра, от которого болели уши. Он мог припомнить только один случай, когда ему было так же холодно на метле, — матч по квиддичу против Пуффендуя на третьем курсе, который проходил в бурю. Охранявшие Гарри волшебники беспрерывно кружили около него, как огромные хищные птицы. Гарри потерял

представление о времени. Он не знал, как долго они летят, — казалось, по меньшей мере час.

— Курс — на юго-запад! — прогремел Грюм. — Нам ни к чему автострада!

Гарри настолько продрог, что с тоской подумал об уютных, сухих кабинах проезжающих внизу машин, а потом с еще большей тоской — о путешествии с помощью летучего пороха: крутиться волчком в камине, может, и не слишком удобно, но огонь хотя бы греет… Мимо, тускло блестя в лунном свете лысиной и серьгой, проплыл Кингсли Бруствер… Теперь справа летела Эммелина Вэнс — волшебная палочка наготове, голова то вправо, то влево… Потом и она уплыла вверх, уступая место Стерджису Подмору…

— Надо сделать петлю — посмотреть, нет ли погони! — крикнул Грюм.

— Ты в своем уме, Грозный Глаз? — заорала Тонкс, летевшая впереди. — Мы уже к метлам примерзли! Все время с курса сходить — за неделю не доберемся! И ведь почти уже на месте!

— Начинаем снижение! — прозвучал голос Люпина. — Гарри, следуй за Тонкс, не отставай!

Тонкс резко пошла на спуск, Гарри — за ней. Они направлялись к самому большому скоплению огней, какое он видел в жизни, — к огромной,

необозримо раскинувшейся сети ярких пересекающихся прерывистых линий, в которой насыщенные светом участки чередовались с областями чернейшего мрака. Все ниже, ниже — и вот уже Гарри стал различать фары отдельных автомобилей, уличные фонари, дымовые трубы, телеантенны. Ему очень хотелось поскорей приземлиться, хотя ощущение было такое, что без хорошего отогрева ему не оторвать от себя метловище.

— Ну, где наша не пропадала! — крикнула Тонкс. Несколько секунд — и она стояла на пятачке чахлой травы посреди маленькой городской площади.

Гарри опустился чуть позади нее. Тонкс уже отстегивала его чемодан. Все еще дрожа, Гарри стал осматриваться. Закопченные фасады стоявших вокруг домов имели, мягко говоря, негостеприимный вид. Некоторые из окон, тускло отражавших фонарный свет, были разбиты, краска на дверях облупилась, у ведущих к ним ступеней кучами лежали мешки с мусором.

— Где мы? — спросил Гарри.

— Погоди минутку, — тихо сказал Люпин.

Грюм шарил в карманах мантии узловатыми окоченевшими пальцами.

— Вот, наконец, — пробормотал он. Подняв руку, он щелкнул какой-то штучкой, похожей на серебряную зажигалку.

Ближний фонарь, легонько хлопнув, погас. От второго щелчка гасилкой выключился следующий. Так Грюм потушил все освещавшие площадь фонари — остался только слабый свет от занавешенных окон и от тоненького месяца.

— У Дамблдора позаимствовал, — прорычал Грюм, кладя гасилку в карман. — Это на случай, если какому-нибудь маглу вздумается посмотреть в окно. Теперь пошли, да поживей.

Он взял Гарри за локоть и повел его с травянистого пятачка через мостовую на тротуар. Люпин и Тонкс двигались следом и вместе несли чемодан Гарри. Остальные с волшебными палочками наготове прикрывали их с флангов.

С верхнего этажа ближайшего здания доносились приглушенные звуки стереосистемы. От горы переполненных мусором мешков за сломанными воротами разило гнилью.

— Держи, — вполголоса сказал Грюм. Сунув в дезиллюминированную руку Гарри листок пергамента, он осветил его зажженной волшебной палочкой. — Быстро прочти и запомни.

Гарри вгляделся в написанное. Убористый по-

черк показался ему знакомым. Он прочел:

> Штаб-квартира Ордена Феникса находится по адресу: Лондон, площадь Гриммо, 12.

Глава 4

ПЛОЩАДЬ ГРИММО, 12

— Что это за Орден?.. — начал Гарри.

— Не здесь! — рявкнул Грюм. — Дождись, пока мы войдем!

Он забрал у Гарри пергамент и поджег концом волшебной палочки. Проводив взглядом до тротуара охваченный огнем листок, Гарри опять посмотрел на здания. Прямо перед ними — дом номер 11, левее — номер 10, правее — номер 13.

— Но где же…

— Повтори мысленно то, что ты сейчас запомнил, — тихо сказал ему Люпин.

Гарри так и поступил, и, как только он добрался до слов «Площадь Гриммо, 12», между домом 11 и домом 13, откуда ни возьмись, появилась видавшая виды дверь, а следом — грязные стены и закопченные окна. Добавочный дом словно бы взбух у него на глазах, раздвинув соседние. Гарри смотрел на него с открытым ртом. Стереосистема в доме 11 работала как ни в чем не бывало. Живущие там маглы явно ничего не почувствовали.

— Давай же, скорей! — проворчал Грюм, толкая

Гарри в спину.

Гарри стал подниматься на крыльцо по истертым каменным ступеням, не отрывая глаз от возникшей из небытия двери. Черная краска на ней потрескалась и местами осыпалась. Серебряный дверной молоток был сделан в виде извивающейся змеи. Ни замочной скважины, ни ящика для писем не было.

Люпин один раз стукнул в дверь волшебной палочкой. Гарри услышал много громких металлических щелчков и звяканье цепочки. Дверь, скрипя, отворилась.

— Входи быстро, Гарри, — прошептал Люпин, — но там не иди далеко и ничего не трогай.

Переступив порог, Гарри попал почти в полную тьму прихожей. Пахло сыростью, пылью и чем-то гнилым, сладковатым. Ощущение — как от заброшенного здания. Оглянувшись, он увидел, как следом за ним входят другие. Люпин и Тонкс несли его чемодан и клетку Букли. Грюм, стоя на верхней ступени крыльца, выпускал на свободу световые шары, похищенные гасилкой у фонарей. Они проворно возвращались в свои стекляшки, и вот уже площадь снова залита оранжевым светом. Грюм, хромая, вошел в дом и захлопнул за собой дверь, так что мрак в прихо-

жей стал вовсе непроницаемым.

— Так, ну-ка…

Он резко ударил Гарри по голове волшебной палочкой. Гарри снова почувствовал, как по спине что-то течет, на этот раз горячее, и понял, что Дезиллюминационное заклинание перестало действовать.

— Погодите теперь, я света маленько дам, — прошептал Грюм.

Приглушенные голоса звучали тревожно, рождая у Гарри смутные дурные предчувствия. Он словно бы вошел в дом, где лежит умирающий. Раздалось тихое шипение — и на стенах ожили старинные газовые рожки. В их слабом мерцающем свете возник длинный мрачный коридор с отстающими от стен обоями и вытертым ковром на полу. Над головой тускло отсвечивала затянутая паутиной люстра, на стенах вкривь и вкось висели потемневшие от времени портреты. Из-за плинтуса до Гарри донеслось какое-то шебуршение. И люстра, и подсвечники на расшатанном столе были оформлены по-змеиному.

Зазвучали торопливые шаги, и в дальнем конце коридора показалась миссис Уизли, мать Рона. Она поспешила к ним, лучась радушием, но Гарри заметил, что со дня их последней встречи она

похудела и побледнела.

— Ах, Гарри, как я рада тебя видеть, — прошептала она, стиснув его так, что ребра затрещали. Потом отодвинула на расстояние вытянутой руки и принялась критически изучать. — У тебя нездоровый вид. Тебя надо подкормить хорошенько, но ужина придется немножко подождать. — Возбужденным шепотом она обратилась к стоявшим за ним волшебникам: — Он только что явился, собрание началось.

С возгласами, выражающими интерес и волнение, волшебники стали один за другим протискиваться мимо Гарри к двери, через которую только что прошла миссис Уизли. Гарри двинулся было за Люпином, но миссис Уизли его придержала.

— Нет, Гарри, собрание — только для членов Ордена. Рон и Гермиона наверху, ты подожди с ними, пока оно кончится, и тогда будем ужинать. И говори в коридоре потише, — добавила она все тем же возбужденным шепотом.

— Почему?

— А то что-нибудь разбудишь.

— Я не по…

— Потом, потом, я тороплюсь. Мне надо быть на собрании. Только покажу, где ты будешь спать.

Приложив палец к губам, она провела его мимо

пары длинных, изъеденных молью портьер, за которыми, предположил Гарри, должна была находиться еще одна дверь. Они миновали большую подставку для зонтов, сделанную, казалось, из отрубленной ноги тролля, и начали подниматься по темной лестнице. На стене Гарри увидел несколько сморщенных голов, расположенных в ряд на декоративных пластинах. Приглядевшись, он понял, что это головы домовых эльфов. У всех — одинаковые вытянутые носы-рыльца.

С каждым шагом смятение Гарри росло. Что у него может быть общего с этим домом, который выглядит так, словно принадлежит Темнейшему из волшебников?

— Миссис Уизли, почему…

— Дорогой мой, тебе все объяснят Рон и Гермиона, а мне правда надо бежать, — встревоженно прошептала миссис Уизли. — Вот, — они добрались до третьего этажа, — твоя дверь правая. Я позову, когда кончится.

И она торопливо пошла вниз.

Гарри пересек грязную лестничную площадку, повернул дверную ручку спальни, сделанную в виде змеиной головы, и открыл дверь.

На мгновение он увидел мрачную комнату с высоким потолком и двумя кроватями. Потом

раздалось громкое птичье верещание, а следом еще более громкий возглас, и все его поле зрения заполнила пышная масса густейших волос. Гермиона, кинувшись к нему с объятиями, чуть не сбила его с ног, а Сычик, маленькая сова Рона, стал бешено кружить у них над головами.

— ГАРРИ! Рон, он здесь, Гарри здесь! А мы и не слышали, как ты вошел в дом! Ну, как ты, как ты? Ничего? Жутко злой на нас, наверно! Наверняка злой, я же понимаю, что от наших писем радости было мало, но мы не могли тебе ничего написать. Дамблдор строго-настрого запретил, а у нас так много всякого, что надо тебе рассказать! Да и ты нам массу всего расскажешь! Про дементоров! Когда мы о них узнали и про слушание в Министерстве — это просто возмутительно, я посмотрела в книгах, они не могут тебя исключить, не имеют права, в Указе о разумном ограничении волшебства несовершеннолетних есть пункт об использовании волшебства при угрозе для жизни…

— Дай ему хоть вздохнуть, Гермиона, — сказал Рон, улыбаясь и закрывая за Гарри дверь. За месяц, что они не виделись, он, казалось, вырос еще на несколько дюймов и стал еще более нескладным. Но длинный нос, огненно-рыжие волосы и

веснушки были все те же.

Гермиона, по-прежнему сияя, отпустила Гарри, но не успел он открыть рот, как в воздухе раздался мягкий шорох и что-то белое, слетев с темного шкафа, нежно опустилось ему на плечо.

— Букля!

Белоснежная сова, которую Гарри тут же принялся гладить, пощелкала клювом и ласково ущипнула его за ухо.

— Что тут с ней было! — сказал Рон. — Чуть до смерти нас не заклевала, когда в последний раз принесла твои письма. Вот, смотри…

Он выставил указательный палец правой руки, где виднелся полузаживший, но явно глубокий порез.

— Да, понимаю, — откликнулся Гарри. — Мне очень жаль, но я хотел получить ответы…

— А мы-то что, разве не хотели ответить? — стал оправдываться Рон. — Гермиона вся извелась, твердила, что ты какую-нибудь глупость вытворишь, если будешь сидеть там один без новостей, но Дамблдор…

— …строго-настрого вам запретил, — подхватил Гарри. — Да, Гермиона мне сказала.

Теплое сияние, вспыхнувшее в нем при виде двух лучших друзей, погасло, и в живот хлы-

нуло изнутри что-то ледяное. Целый месяц протосковав по Рону и Гермионе, он теперь вдруг почувствовал, что не прочь остаться один.

Возникло напряженное молчание. Гарри машинально поглаживал Буклю, не глядя на товарищей.

— Он считал, что так будет лучше, — произнесла Гермиона упавшим голосом. — Дамблдор.

— Ясно, — сказал Гарри. Он и на ее руках заметил следы от клюва Букли и поймал себя на том, что вовсе ей не сочувствует.

— Он, наверно, думал, что у маглов тебе будет не так опасно… — начал Рон.

— Да? — поднял брови Гарри. — На кого-нибудь из вас этим летом нападали дементоры?

— Нет, но… он же поручил людям из Ордена Феникса за тобой смотреть…

Гарри словно ухнул куда-то вниз — как будто спускался по лестнице и пропустил ступеньку. Выходит, все знали, что за ним следят. Все, кроме него…

— Плоховато что-то они смотрели. — Гарри изо всех сил старался говорить ровным голосом. — Так смотрели, что пришлось самому выкручиваться.

— Он страшно рассердился, — сказала Гермиона

чуть ли не с благоговейным ужасом. — Дамблдор. Мы его видели, когда он узнал, что Наземникус самовольно ушел с дежурства. Он рвал и метал.

— А я рад, что Наземникус ушел, — произнес Гарри холодно. — Иначе я не совершил бы волшебства и Дамблдор, чего доброго, оставил бы меня на Тисовой улице на все лето.

— А тебя… тебя не беспокоит разбирательство в Министерстве магии? — тихо спросила Гермиона.

— Нет, — с вызовом солгал Гарри. Он отошел от них с блаженствующей Буклей на плече и стал оглядываться, но сырая и мрачная комната не доставила ему особой радости. Голые стены с отстающими обоями украшал только пустой холст в нарядной раме, и, когда Гарри проходил мимо, ему послышался чей-то тихий смешок.

— Зачем все-таки Дамблдору было скрывать от меня, что происходит? — спросил Гарри, по-прежнему стараясь придать голосу непринужденность. — Вы… м-м… не догадались задать ему этот вопрос?

Рон и Гермиона переглянулись. Он поднял на них глаза как раз вовремя, чтобы это заметить. Значит, он повел себя именно так, как они опасались. Этот вывод не улучшил его настроения.

— Мы сказали Дамблдору, что обо всем хотим тебе сообщить, — заверил его Рон. — Сказали, Гарри, не сомневайся. Но он сейчас страшно занят, мы, как сюда приехали, видели его только два раза, и у него очень мало времени. В общем, он заставил нас пообещать, что мы ничего важного тебе писать не будем. Сказал, сову могут перехватить.

— Если бы он хотел, он все равно мог бы держать меня в курсе, — сухо возразил Гарри. — Вы прекрасно знаете, что можно посылать сообщения без всяких сов.

Гермиона посмотрела на Рона:

— Я тоже об этом подумала. Но он решил, что ты *ничего* не должен знать.

— Может, он считает, что мне нельзя доверять? — предположил Гарри, глядя на их лица.

— Слушай, не будь идиотом, — сказал Рон с расстроенным и смущенным видом.

— Или что я не могу о себе позаботиться.

— Разумеется, он ничего такого не думает! — с волнением воскликнула Гермиона.

— Ну, и почему же тогда вы участвуете во всем, что тут делается, а я торчу у Дурслей? — спросил Гарри. Слова спешили, толкали друг друга, голос делался все громче и громче. — Почему вам поз-

волено все знать, а мне нет?

— Нам тоже нет! — перебил его Рон. — Мама не пускает нас на собрания, говорит, малы еще…

Тут Гарри, не помня себя, закричал:

— Надо же, вас не пускали на собрания! Бедненькие! Но вы же были здесь, так или нет? Вы были вместе, а я целый месяц торчал у Дурслей! Я больше совершил, чем вы оба, и Дамблдор это знает! Кто защитил философский камень? Кто одолел Реддла? Кто спас вас обоих от дементоров?..

Все горькое и негодующее, что Гарри передумал за месяц, хлынуло из него потоком. Ощущение бессилия из-за отсутствия новостей, боль из-за того, что друзья вместе, а он отдельно, ярость, которую он испытал, узнав, что за ним следили без его ведома… Все эти чувства, которых он отчасти стыдился, вырвались наконец наружу. Испугавшись крика, Букля слетела с его плеча и опять села на шкаф. Сычик, тревожно вереща, еще быстрей принялся кружить у них над головами.

— Кого в том году испытывали драконами, сфинксами и прочей нечистью? Кто увидел, как *он* возродился? Кто должен был от него спасаться? Я!

Ошеломленный Рон стоял с разинутым ртом и

не знал, что сказать. Гермиона, казалось, вот-вот разревется.

— Но зачем, спрашивается, мне знать, что происходит? Зачем вам беспокоиться насчет того, чтобы я был в курсе дела?

— Гарри, мы хотели тебе сообщить, мы действительно хотели… — начала Гермиона.

— Хотели, да не слишком! Иначе послали бы мне сову! Дамблдор, видите ли, заставил их пообещать…

— Он правда заставил…

— Целый месяц я сидел как идиот на Тисовой улице, целый месяц таскал из мусорных баков газеты, надеялся хоть что-нибудь узнать…

— Мы хотели…

— Я думаю, вы от души надо мной посмеялись в этом уютном гнездышке…

— Да нет же, честно…

— Гарри, нам действительно очень-очень жаль! — в отчаянии воскликнула Гермиона. В глазах у нее блестели слезы. — Гарри, ты абсолютно прав! Я на твоем месте тоже была бы в бешенстве!

Гарри, все еще часто дыша, уставился на нее, потом опять отвернулся и начал ходить взад-вперед по комнате. Букля угрюмо ухнула со своего

шкафа. Наступила долгая пауза, когда раздавался лишь тоскливый скрип половиц под подошвами Гарри.

— Где я, что это за место? — внезапно выпалил он.

— Штаб-квартира Ордена Феникса, — мгновенно ответил Рон.

— Может, кто-нибудь скажет мне наконец, что это за Орден такой?

— Это тайное общество, — быстро сказала Гермиона. — Его основал Дамблдор, он же и возглавляет. Участвуют главным образом те, кто боролся против Сам-Знаешь-Кого еще в прошлое его появление.

— Кто входит в общество? — спросил Гарри, резко остановившись и держа руки в карманах.

— Совсем немного народу.

— Мы знаем человек двадцать, — сказал Рон, — но думаем, что есть и другие.

Гарри смотрел на них.

— Ну? — требовательно спросил он, глядя то на Рона, то на Гермиону.

— Э… — смешался Рон. — Что — ну?

— Волан-де-Морт, вот что! — яростно крикнул Гарри, и его друзья одновременно вздрогнули. — Какие новости? Что он затеял? Где он? Как мы

будем с ним сражаться?

— Ты уже слышал — нас не пускают на собрания Ордена, — нервно сказала Гермиона. — Поэтому подробностей мы не знаем, только общую идею смогли уловить, — торопливо добавила она, увидев выражение лица Гарри.

— Понимаешь, Фред и Джордж изобрели Удлинитель ушей, — сказал Рон. — Очень полезная штука.

— Чего Удлинитель?

— Ушей, ушей. Правда, в последнее время пришлось перестать подслушивать: мама узнала и устроила жуткий скандал. Фред и Джордж теперь прячут все свои Удлинители, чтобы мама не выбросила. Но до этого мы хорошо ими попользовались. Мы знаем, что некоторые члены Ордена следят за выявленными Пожирателями смерти, ведут их учет…

— Другие набирают в Орден новых членов, — подхватила Гермиона.

— А третьи что-то стерегут, — сказал Рон. — Там все время идут разговоры об охране.

— Не меня ли, случайно, они охраняют? — саркастически спросил Гарри.

— Слушай, точно! — Рон сделал вид, будто его озарило.

Гарри фыркнул. Он опять стал расхаживать по комнате, глядя на все подряд, кроме Рона и Гермионы.

— Так чем же вы занимались, если вас не пускали на собрания? — спросил он. — Вы писали, что очень заняты.

— Это правда, — быстро ответила Гермиона. — Мы убираем дом, ведь он пустовал много-много лет и здесь чего только не завелось. Кухня и большая часть спален уже готовы, завтра займемся гости… А-а-а!

С двумя громкими хлопками посреди комнаты возникли из ничего близнецы Фред и Джордж, старшие братья Рона. Сычик заверещал еще бешеней прежнего и порхнул на шкаф, где уже сидела Букля.

— Да перестаньте же наконец, — устало сказала Гермиона близнецам, таким же рыжим, как Рон, но не столь долговязым и более плотным.

— Привет, Гарри! — сияя, выпалил Джордж. — До наших ушей донеслись твои сладкозвучные трели.

— Слушай, Гарри, зря ты закупориваешь свое негодование, выпусти его наружу! — посоветовал Фред, тоже сияя. — А то за пятьдесят миль тебя, может, и не всякий услышит!

— Прошли, значит, испытания по трансгрессии? — пробурчал Гарри.

— С отличными оценками, — похвастался Фред, державший какой-то длинный, телесного цвета шнур.

— Спуститься по лестнице было бы дольше секунд на тридцать, — заметил Рон.

— Время — кнаты, сикли и галеоны, братишка, — сказал Фред. — В общем, Гарри, ты ухудшаешь слышимость. Удлинитель ушей, — объяснил он, увидев вскинутые брови Гарри, и поднял шнур повыше. Оказалось, что он тянется на лестничную площадку. — Мы пытаемся узнать, что делается внизу.

— Вы только поаккуратней, — посоветовал Рон, глядя на Удлинитель. — Если мама опять увидит…

— У них большое собрание, ради этого стоит рискнуть, — сказал Фред.

Дверь открылась, и возникла длинная рыжая грива.

— Ой, Гарри, здравствуй! — радостно воскликнула Джинни, младшая сестра Рона. — Мне послышался твой голос. — Потом она повернулась к Фреду и Джорджу: — С Удлинителем ушей ничего не получится, она наложила на кухонную

дверь Заклятие недосягаемости.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джордж, сразу упав духом.

— Мне Тонкс рассказала, как это выяснить, — ответила Джинни. — Ты просто кидаешь в дверь чем попало, и если не долетает — все, значит, недосягаемая. Я бросала с лестницы навозные бомбы, так они отплывают от двери, и только. Можете не рассчитывать, что просунете под нее Удлинитель ушей.

Фред глубоко вздохнул.

— Жалко. Я так хотел узнать, что поделывает старина Снегг.

— Снегг! — вырвалось у Гарри. — Он что, здесь?

— Ага, — ответил Джордж. Тщательно закрыв дверь, он сел на одну из кроватей, Фред и Джинни пристроились рядом. — Сейчас отчитывается. Секретность — ух!

— Подлюга, — лениво проговорил Фред.

— Он сейчас на нашей стороне, — с укоризной сказала ему Гермиона.

Рон фыркнул.

— И все равно подлюга, — подтвердил он. — Как он смотрит на нас, когда мы встречаемся!

— Билл тоже его не любит, — сказала Джинни,

как будто это окончательно решало вопрос.

Гарри не был уверен, что сменил гнев на милость. Но информационный голод пересилил в нем желание еще покричать. Он опустился на кровать напротив.

— И Билл здесь? — спросил он. — Я думал, он в Египте.

— Он попросил перевести его домой: хочет что-то делать для Ордена, — сказал Фред. — Говорит, скучает по гробницам, но, — он ухмыльнулся, — тут ему есть чем себя вознаградить.

— Это ты про что?

— Помнишь милашку Флер Делакур? — спросил Джордж. — Она тоже теперь работает в банке «Гринготтс». Улучшает там свой «англесский»…

— И Билл дает ей кучу частных уроков, — съехидничал Фред.

— Чарли тоже член Ордена, — сказал Джордж, — но он пока что в Румынии. Дамблдор хочет привлечь на свою сторону как можно больше иностранных колдунов, и Чарли в свободное время налаживает с ними контакт.

— Этим и Перси мог бы заниматься, — заметил Гарри. Последнее, что он слышал о третьем из братьев Уизли, — что тот работает в Отделе международного магического сотрудничества

Министерства магии.

При упоминании его имени все Уизли и Гермиона обменялись мрачными многозначительными взглядами. Рон напряженным голосом предостерег Гарри:

— При маме и папе никогда про Перси разговора не заводи.

— Это почему же?

— Стоит им про него услышать, как папа ломает то, что в этот момент держит, а мама начинает плакать, — объяснил Фред.

— Просто ужас какой-то, — печально сказала Джинни.

— Я думаю, у нас с ним кончено, — проговорил Джордж с необычно злым для себя выражением лица.

— Что случилось-то? — спросил Гарри.

— Перси с папой поссорились, — ответил Фред. — Я никогда не видел отца в таком состоянии. Если у нас кто кричит, то обычно мама.

— Это была первая неделя каникул, — сказал Рон. — Мы вот-вот должны были отправиться сюда и присоединиться к Ордену. Перси явился домой и сообщил, что его повысили.

— Да ты что! — изумился Гарри.

Хотя он прекрасно знал, как Перси мечтает о

карьере, впечатление было такое, что на первой своей должности в Министерстве магии он не слишком преуспел. Перси совершил довольно грубый промах, не заметив, что его начальник находится под контролем лорда Волан-де-Морта (в Министерстве, правда, этому не поверили — там решили, что Крауч сошел с ума).

— Мы тоже очень удивились, — сказал Джордж. — Ведь у Перси была масса неприятностей из-за Крауча. Расследование и все такое. Перси, мол, должен был понять, что у Крауча поехала крыша, и доложить наверх. Но ты же знаешь Перси. Крауч оставил его вместо себя, так чего ему было жаловаться?

— Почему же тогда его повысили?

— Вот и мы не могли этого понять, — сказал Рон, изо всех сил стараясь поддерживать нормальный разговор после того, как Гарри перестал вопить. — Он явился домой жутко самодовольный — еще самодовольней обычного, если только ты можешь это себе представить. И сказал папе, что ему предложили должность под началом у Фаджа. Неплохо для молодого человека, который только год как окончил Хогвартс: младший помощник министра. Он, видно, думал, что папа будет в восторге.

— Только вот папа не был, — мрачно заметил Фред.

— Почему? — спросил Гарри.

— Фадж в Министерстве просто свирепствует: никто не должен иметь никаких связей с Дамблдором, — объяснил Джордж.

— В Министерстве сейчас «Дамблдор» — ругательное слово, — сказал Фред. — Они думают, он просто зря мутит воду, когда заявляет, что Сам-Знаешь-Кто возродился.

— Папа говорит, Фадж дал всем понять, что тем, кто заодно с Дамблдором, в Министерстве делать нечего, — продолжил Джордж.

— Беда в том, что папа у Фаджа на подозрении. Фадж знает, что они с Дамблдором друзья, и он давно уже считает папину одержимость маглами признаком легкого помешательства.

— Но Перси-то тут при чем? — спросил сбитый с толку Гарри.

— А вот при чем. Папа убежден: Фадж взял Перси помощником только для того, чтобы он шпионил за нашей семьей и за Дамблдором.

Гарри тихо присвистнул.

— Да, Перси любитель этого дела.

Рон невесело засмеялся.

— Перси пришел в жуткую ярость. Сказал… ух,

сколько он всего наговорил. Что с первого же дня, как он поступил в Министерство, ему пришлось сражаться с папиной поганой репутацией, что у папы нет никакого честолюбия и поэтому мы всегда были… ну… не слишком много у нас было денег…

— Что-о? — спросил Гарри, не веря своим ушам.

Джинни взвизгнула, как рассерженная кошка.

— Да, да, — тихо сказал Рон. — А потом еще хуже. Он обозвал папу идиотом за то, что он водится с Дамблдором, заявил, что Дамблдор напрашивается на большие неприятности, что папа пойдет ко дну с ним заодно. А он, Перси, мол, знает, с кем ему быть, и будет с Министерством. И если мама с папой намерены предать интересы Министерства, он объявит всем и каждому, что больше не считает себя членом нашей семьи. В тот же вечер он собрал вещи и уехал. Теперь в Лондоне живет.

Гарри еле слышно ругнулся. Хотя Перси всегда нравился ему меньше других братьев Рона, он и вообразить не мог, что Перси скажет такое мистеру Уизли.

— Мама была вне себя, — продолжал Рон. — Ну, ты понимаешь — слезы и все такое. В Лондон по-

ехала поговорить с Перси, но он захлопнул дверь у нее перед носом. Не знаю, как он поступает, когда встречается с папой на работе, — наверно, делает вид, что с ним не знаком.

— Но Перси *должен* знать, что Волан-де-Морт возродился, — медленно проговорил Гарри. — Он не дурак, он должен понимать, что мать с отцом не стали бы всем рисковать без причины.

— М-да, кстати, в перепалке и твое имя прозвучало, — сказал Рон, бросив на Гарри короткий взгляд. — Перси заявил, что единственное подтверждение этому — твои слова, а они… ну… он считает, им нельзя верить.

— Перси всерьез принимает публикации в «Ежедневном пророке», — ядовито сказала Гермиона, и остальные кивнули.

— Какие публикации? — спросил Гарри и обвел всех взглядом. Друзья смотрели на него с опаской.

— Ты что, не… ты что, не получал «Пророка»? — нервно спросила Гермиона.

— Получал, а как же! — сказал Гарри.

— А ты… э… внимательно его читал? — спросила Гермиона с еще большей тревогой.

— Ну конечно, не все от первой до последней страницы, — ершисто ответил Гарри. — Если

бы поместили что-нибудь о Волан-де-Морте, это был бы большой заголовок в самом начале, не так ли?

Услыхав это имя, все вздрогнули. Гермиона торопливо продолжила:

— Чтобы не пропустить, и правда надо было читать от первой до последней страницы. Пару раз в неделю они… э… прохаживаются на твой счет.

— Но я бы увидел…

— Этого нельзя увидеть, если читаешь только первую страницу, — покачала головой Гермиона. — Я не про большие статьи говорю. Они просто вворачивают твое имя мимоходом. Ты у них дежурная шутка.

— Не понимаю…

— В общем-то все это выглядит довольно скверно, — сказала Гермиона, стараясь, чтобы голос звучал спокойней. — Они продолжают дело Риты Скитер, только и всего.

— Она же вроде перестала для них писать.

— Да, она держит слово. Правда, у нее и выбора-то нет, — сказала Гермиона с удовлетворением. — Но она заложила основы для теперешнего.

— Для чего, для чего теперешнего? — нетерпеливо спросил Гарри.

— Помнишь, как она писала, что ты все время

теряешь сознание, жалуешься на жуткую боль в шраме и всякое такое?

— Помню, — ответил Гарри, которому не так-то просто было забыть публикации Риты Скитер.

— Ну, так они и сейчас изображают тебя дурачком, этаким любителем привлечь к себе внимание. Типом, который строит из себя великого трагического героя и тому подобное, — очень торопливо проговорила Гермиона, как будто быстрота могла сделать все это для Гарри менее неприятным. — Они то и дело подпускают ехидные замечания в твой адрес. Если идет речь о какой-нибудь заумной выдумке, пишут: «Басня, достойная Гарри Поттера». Если с кем-нибудь случается смешное происшествие, читаем: «Будем надеяться, у него не появилось шрама на лбу, иначе от нас будут ждать, чтобы мы на него молились»…

— Я не хочу, чтобы на меня молились! — гневно перебил ее Гарри.

— Знаю, что не хочешь, — быстро и испуганно сказала Гермиона. — Знаю, Гарри. Но ты понял, чего они добиваются? Чтобы тебе никто не верил. И за этим стоит Фадж, точно тебе говорю. Они хотят, чтобы рядовые чародеи считали тебя глупым парнишкой, который сам сделал себя

посмешищем, который рассказывает нелепые байки, потому что любит славу и любит, чтобы с ним носились.

— Я не просил… Я не хотел… Волан-де-Морт убил моих родителей! — захлебываясь, прокричал Гарри. — Я стал известным из-за того, что он убил папу и маму, а меня не смог! Кому нужна такая известность? Неужели они думают, что я бы не променял…

— Мы знаем, Гарри, — проникновенно заверила его Джинни.

— И конечно, ни слова о том, как на тебя напали дементоры, — продолжала Гермиона. — кто-то им велел об этом молчать. А ведь была бы настоящая сенсация! Дементоры, вышедшие из повиновения! Они даже не написали о том, что ты нарушил Международный статут о секретности. Мы думали, напишут, ведь это отлично подошло бы к облику глупого фанфарона, каким тебя хотят представить. Наверно, ждут, пока тебя исключат, и уж тогда-то пустятся во все тяжкие… Я, конечно, хотела сказать, *если* тебя исключат, — торопливо поправилась она. — Этого не должно случиться, если они уважают свои же законы. В вину тебе поставить просто нечего.

Вот и опять на горизонте возникло слушание в

Министерстве, о котором Гарри не хотел думать ни в какую. От поисков новой темы для разговора его избавил звук шагов по лестнице.

— Атас!

Фред с силой потянул на себя Удлинитель ушей. Раздался новый громкий хлопок, и они с Джорджем исчезли. Спустя несколько секунд в дверях спальни появилась миссис Уизли.

— Собрание кончилось, идите вниз ужинать. Всем не терпится тебя увидеть, Гарри. Но можно узнать, откуда под кухонной дверью навозные бомбы?

— Это Живоглот, — с невинным видом соврала Джинни. — Он любит с ними играть.

— Понятно, — сказала миссис Уизли. — А я думала, Кикимер, он горазд на всякие странные выходки. Не забудьте вести себя в коридоре потише. Джинни, у тебя страшно грязные руки, что ты такое делала? Вымой их, пожалуйста, перед ужином.

Джинни двинулась за матерью, состроив напоследок гримасу. Гарри остался с Роном и Гермионой. Друзья смотрели на него настороженно, точно опасались, что теперь, когда другие ушли, он опять примется кричать. Их очевидная нервозность немножко его пристыдила.

— Знаете, я… — начал он вполголоса, но Рон покачал головой, а Гермиона тихо сказала:

— Мы так и думали, что ты рассердишься, мы на тебя ни капельки не в обиде, но и ты нас пойми: мы действительно старались уговорить Дамблдора…

— Да, я знаю, — перебил ее Гарри.

Он задумался, подыскивая тему для разговора, не связанную с их директором: от одной мысли о Дамблдоре его нутро опять вспыхнуло гневом.

— Кто такой Кикимер? — спросил он.

— Здешний эльф-домовик, — ответил Рон. — Псих полнейший. Первый раз такого вижу.

Гермиона бросила на него сердитый взгляд:

— Никакой он не псих, Рон.

— Святая цель его жизни — чтобы ему отрезали голову и вывесили ее на дощечке, как голову его матери, — раздраженно сказал Рон. — Это что, нормально?

— Ну… если даже он немножко странный, его вины в этом нет.

Рон игриво стрельнул глазами в Гарри.

— Гермиона все еще носится со своим обществом… Как его там?

— Я ни с чем не ношусь! — вспылила Гермиона. — Я пытаюсь бороться за права эльфов,

понятно тебе? Дамблдор, между прочим, тоже считает, что мы должны относиться к Кикимеру гуманно.

— Ну ладно, ладно, — сказал Рон. — Пошли, я умираю с голоду.

Он первым вышел на лестничную площадку, но они еще не начали спускаться, как…

— Стойте! — прошептал Рон и, выбросив назад руку, остановил Гарри и Гермиону. — Они еще в коридоре, может, что и услышим.

Бесшумно наклонившись над перилами, все трое посмотрели вниз. В сумрачном коридоре под ними было полно волшебников и волшебниц, среди них виднелись и те, что охраняли Гарри в пути. Все взволнованно перешептывались. В самой гуще толпы Гарри увидел черные сальные волосы и крючковатый нос профессора Снегга — наименее любимого им из педагогов Хогвартса. Гарри сильней перегнулся через перила. Ему очень интересно было, что делает Снегг в Ордене Феникса.

Перед самыми его глазами вдруг возник шнур. Он посмотрел наверх и увидел на площадке этажом выше Фреда и Джорджа, которые тихо опускали к темному скоплению людей в коридоре Удлинитель ушей. Секунду спустя, однако,

волшебники двинулись к выходу и пропали из поля зрения.

До Гарри донеслось тихое ругательство Фреда, поднимавшего Удлинитель обратно.

Они услышали, как входная дверь открылась, потом закрылась.

— Снегг никогда здесь не ест, — негромко сказал Рон, обращаясь к Гарри. — И хорошо, что не ест. Пошли.

— И не забудь, Гарри, что в коридоре надо потише, — шепотом напомнила ему Гермиона.

Миновав головы эльфов на стене, они увидели у входной двери Люпина, миссис Уизли и Тонкс, которые магически запирали за ушедшими многочисленные замки и засовы.

— Ужинать будем на кухне, — прошептала миссис Уизли, встретив их у подножия лестницы. — Гарри, милый, пройди на цыпочках по коридору вон к той двери…

БАБАХ!

— Тонкс! — в отчаянии крикнула, оборачиваясь, миссис Уизли.

— Простите! — взмолилась Тонкс, растянувшаяся на полу. — Все эта дурацкая подставка для зонтов, второй раз об нее…

Но конец фразы потонул в ужасном, пронзи-

тельном, душераздирающем визге.

Траченные молью бархатные портьеры, мимо которых Гарри прошел раньше, раздернулись, но никакой двери за ними не было. На долю секунды Гарри почудилось, будто он смотрит в окно, за которым стоит и кричит, кричит, кричит, точно ее пытают, старуха в черном чепце. Потом, однако, он понял, что это просто портрет в натуральную величину, но портрет самый реалистический и самый неприятный на вид из всех, что когда-либо ему попадались.

Изо рта у старухи потекла пена, она закатила глаза, желтая кожа ее лица туго натянулась. Вдоль всего коридора пробудились другие портреты и тоже подняли вопль, так что Гарри невольно зажмурился и закрыл уши ладонями.

Люпин и миссис Уизли кинулись к старухе и попытались задернуть портьеры, но это у них не вышло, а она завизжала еще громче и подняла когтистые руки, точно хотела расцарапать им лица.

— Мерзавцы! Отребье! Порождение порока и грязи! Полукровки, мутанты, уроды! Вон отсюда! Как вы смеете осквернять дом моих предков…

Тонкс, ставя на место громадную, тяжеленную ногу тролля, все извинялась и извинялась; мис-

сис Уизли бросила попытки снова занавесить старуху и забегала по коридору, один за другим утихомиривая остальные портреты Оглушающим заклятием. Из двери, перед которой стоял Гарри, стремительно вышел мужчина с длинными черными волосами.

— Закрой рот, старая карга. ЗАКРОЙ РОТ! — рявкнул он, хватаясь за портьеры, которые отпустила миссис Уизли.

Лицо старухи стало мертвенно-бледным.

— Ты-ы-ы-ы! — взвыла она, вылупив на мужчину глаза. — Осквернитель нашего рода, гад, предатель, позорище моей плоти!

— Я сказал: ЗАКРОЙ РОТ! — рявкнул он опять, и с колоссальным усилием они с Люпином сумели наконец задернуть портьеры.

Вопли старухи утихли, и воцарилась гулкая тишина.

Отводя со лба длинные темные пряди и дыша чуть чаще обычного, к Гарри повернулся его крестный отец Сириус.

— Ну, здравствуй, Гарри, — хмуро сказал он. — Ты, я вижу, уже познакомился с моей мамашей.

Глава 5

ОРДЕН ФЕНИКСА

— С твоей…

— Да-да, с моей дражайшей престарелой матушкой, — сказал Сириус. — Мы хотели ее убрать на месяц-другой, но, видимо, она подействовала на изнанку холста Заклятием вечного приклеивания. Ну, пошли скорее вниз, пока они опять не проснулись.

— Но почему здесь висит портрет твоей матери? — озадаченно спросил Гарри, когда они, чуть опередив остальных, вышли из коридора на узкую каменную лестницу и стали спускаться по ней на кухню.

— Тебе что, никто не сказал? Это дом моих родителей, — ответил Сириус. — Но я последний из оставшихся Блэков, и дом теперь мой. Я предложил его Дамблдору в качестве штаб-квартиры. Это едва ли не единственная польза, какую я могу сейчас принести.

Гарри, ожидавший более сердечного приема, отметил про себя, что голос Сириуса звучит и жестко, и горько. Спустившись за крестным

отцом до самого низа лестницы, он вошел в подвальную кухню.

В этом похожем на пещеру помещении с грубыми каменными стенами было так же мрачно, как в коридоре над ним. Главным источником света был большой очаг в дальнем конце кухни. За мглистой завесой трубочного дыма, стоявшего в воздухе как пороховой дым битвы, угрожающе вырисовывались смутные очертания массивных чугунных котелков и сковородок, свисавших с темного потолка. Посреди множества стульев и кресел, которые принесли для участников собрания, стоял длинный деревянный стол, заваленный пергаментами, заставленный кубками и пустыми винными бутылками. Еще на нем громоздилась какая-то куча тряпья. У дальнего края стола, наклонив друг к другу головы, о чем-то тихо беседовали мистер Уизли и его старший сын Билл.

Миссис Уизли кашлянула. Ее муж, худой лысеющий рыжеволосый человек в роговых очках, встрепенулся, поднял голову и вскочил на ноги.

— Гарри! — воскликнул он и, бросившись к вошедшему, энергично тряхнул его руку. — Я страшно тебе рад!

Поверх его плеча был виден Билл, чьи длинные

волосы, как и раньше, были стянуты в конский хвост. Он торопливо скатывал в трубки оставленные на столе пергаменты.

— С прибытием, Гарри! — сказал Билл, пытаясь ухватить дюжину свитков разом. — Надеюсь, Грозный Глаз не заставил тебя добираться через Гренландию?

— Он хотел, но… — начала Тонкс. Бросившись на помощь Биллу, она тут же опрокинула свечу на последний пергаментный лист. — Ой-ой-ой… Прошу прощения…

— Ничего страшного, милая, — довольно-таки сердито произнесла миссис Уизли и, взмахнув волшебной палочкой, восстановила пергамент. Вызванная ее заклинанием вспышка света позволила Гарри мельком увидеть нечто похожее на план здания.

Миссис Уизли перехватила его взгляд. Она сдернула план со стола и сунула Биллу в охапку поверх кучи других свитков.

— Все это после собраний надо убирать немедленно, — резко сказала она и поспешила к старинному кухонному шкафу, откуда стала вынимать тарелки.

Билл выдернул волшебную палочку, пробормотал: *«Эванеско!»* — и свитки исчезли.

— Ну, садись же, Гарри, — сказал Сириус. — Ты, кажется, знаком с Наземникусом?

То, что Гарри принял за кучу тряпья, издало протяжный клокочущий храп и, вздрогнув, медленно выпрямилось на стуле.

— Это кто меня кличет по имени? — сонно пробормотал Наземникус. — Я присоединяюсь, я как Сириус…

Он поднял очень грязную руку, как будто голосовал «за». Его тоскливые, налитые кровью глаза пялились неизвестно куда.

Джинни хихикнула.

— Собрание кончилось, дружище, — проговорил Сириус, пока все садились за стол. — Уже и Гарри здесь.

— Э? — Наземникус мрачно уставился на Гарри сквозь завесу свалявшихся рыжих волос. — Разрази меня гром, точно, он самый. Хе… Как дела-то, Гарри?

— Ничего, — сказал Гарри.

Все еще глядя на Гарри, Наземникус нервно пошарил в карманах и выудил черную закопченную трубку. Он сунул ее в рот, запалил концом волшебной палочки и всласть затянулся. За какие-нибудь несколько секунд его заволокли густые клубы зеленоватого дыма.

— Звиняюсь, — прохрипело из середины вонючего облака.

— Я в последний раз тебя предупреждаю, Наземникус! — крикнула миссис Уизли. — Прошу тебя не курить *это* на кухне, тем более когда мы собираемся ужинать!

— Э… да, — согласился Наземникус. — Прости сердечно, Молли.

Он упрятал трубку обратно в карман, и дымное облако исчезло, но в воздухе остался едкий запах — словно бы от сгоревших носков.

— И если вы хотите поужинать до полуночи, мне нужна помощь, — обратилась миссис Уизли ко всем собравшимся. — Нет, ты уж сиди, милый Гарри, отдыхай с дороги.

— Что нужно делать, Молли? — с воодушевлением спросила Тонкс, вскакивая с места.

Миссис Уизли посмотрела на нее с опаской.

— Э… — заколебалась она, — нет, Тонкс, спасибо, ничего не надо, ты тоже сегодня устала.

— Нет, нет, я хочу помочь! — радостно возразила Тонкс и, сшибив по дороге стул, бросилась к кухонному шкафу, откуда Джинни уже вынимала столовые приборы.

Вскоре несколько больших ножей под присмотром мистера Уизли вовсю резали мясо и

овощи без всякой человеческой помощи, миссис Уизли помешивала в котле, висящем над огнем, остальные вынимали и ставили на стол тарелки, кубки и съестное. Гарри остался сидеть за столом с Сириусом и Наземникусом, который, моргая, глядел на него все так же тоскливо.

— Видал с тех пор старуху Фигги? — спросил он.

— Нет, — ответил Гарри. — Я вообще никого не видел.

— Слышь, браток, я бы ни за что тогда не ушел, — сказал Наземникус, наклоняясь к нему. В голосе зазвучало что-то жалобное. — Но уж очень выгодная была сделка…

Гарри вздрогнул, почувствовав, как что-то коснулось его щиколотки, но это был всего-навсего Живоглот — рыжий, криволапый кот Гермионы. Мурлыкая, он стал тереться о его ноги, а потом вспрыгнул к Сириусу на колени и свернулся там клубком. Рассеянно почесывая его за ухом, Сириус, по-прежнему мрачный, повернулся к Гарри:

— Как лето, ничего?

— Совсем паршивое, — ответил Гарри.

В первый раз по лицу Сириуса пробежало какое-то подобие улыбки.

— На твоем месте я бы не жаловался.

— Как это?! — изумленно спросил Гарри.

— Я лично был бы только рад нападению дементоров. Схватка не на жизнь, а на смерть прекрасно развеяла бы скуку. Ожил бы душой. Ты считаешь, тебе худо пришлось, но ты по крайней мере мог куда-то пойти, размять ноги, ввязаться в драку… А я вот целый месяц сижу взаперти.

— Почему? — нахмурился Гарри.

— Потому что Министерство магии по-прежнему меня ищет, а Волан-де-Морт наверняка уже узнал от Хвоста, что я анимаг и, значит, мои превращения бесполезны. Я мало что могу сейчас сделать для Ордена Феникса… Так, во всяком случае, думает Дамблдор.

По холодноватому тону, каким Сириус произнес это имя, Гарри понял, что он тоже не слишком доволен директором школы «Хогвартс». Вдруг на Гарри накатила волна расположения к крестному отцу.

— Но ты хотя бы в курсе событий, — подбодрил он Сириуса.

— Это точно, — саркастически произнес Сириус. — Выслушиваю отчеты Снегга, глотаю по ходу дела его намеки, что он, мол, рискует жизнью, а я отсиживаюсь тут в уюте и покое… Еще спрашивает меня, как идет уборка…

— Что за уборка? — спросил Гарри.

— Пытаемся сделать это жилище пригодным для человеческого обитания, — сказал Сириус, обводя унылую кухню концом волшебной палочки. — Десять лет, с тех самых пор, как умерла моя дражайшая матушка, в доме никто не жил, если не считать ее старого домового эльфа. А он совсем спятил и давным-давно уже ничего не чистит.

— Сириус, — обратился к нему Наземникус, который пристально рассматривал пустой кубок и, казалось, совершенно не прислушивался к разговору. — Чистое серебро, друг?

— Да, — ответил Сириус, глядя на кубок без всякого удовольствия. — Отличнейшая вещь пятнадцатого века с фамильным украшением Блэков, гоблинская работа.

— Будет как новенький, — пробормотал Наземникус, полируя кубок рукавом.

— Фред, Джордж… Ну почему не в руках?! — крикнула миссис Уизли.

Гарри, Сириус и Наземникус обернулись и миг спустя дружно отпрянули от стола. Фред и Джордж приказали большому котлу с тушеным мясом, железной фляге со сливочным пивом, массивной доске для резки хлеба и лежащему на ней хлебному ножу отправиться к ним своим

ходом. Закопченный котел проскользил по всему столу и резко остановился у самого края, оставив на деревянной поверхности длинную черную полосу. Фляга со звоном упала, расплескав повсюду свое содержимое. Нож соскользнул с доски и воткнулся, зловеще подрагивая, в стол в точности там, где пару секунд назад лежала правая ладонь Сириуса.

— Ради всего святого! — взмолилась миссис Уизли. — Ну зачем было это делать?.. Нет, с меня довольно. Если вам теперь можно использовать волшебство, это не значит, что надо махать палочками направо и налево!

— Мы просто время хотели сэкономить! — объяснил Фред. Бросившись к ножу, он не без труда выдернул его из стола. — Прости, Сириус, дружище… Мы не хотели…

Гарри и Сириус от души хохотали. Наземникус, завалившийся назад вместе со стулом, ругаясь, поднимался на ноги. Живоглот, который чуть раньше, злобно зашипев, метнулся под кухонный шкаф, теперь светил из темноты большими желтыми глазами.

— Мальчики, — сказал мистер Уизли, возвращая котел в центр стола, — ваша мать права, вы теперь совершеннолетние и должны вести себя

ответственно.

— Ни один из ваших братьев ничего подобного не делал! — бушевала миссис Уизли. Она с размаху поставила на стол новую флягу сливочного пива и пролила почти столько же. — Билл не считал нужным трансгрессировать через каждые пять шагов! Чарли не пробовал заклинания на всем, что попадалось под руку! Перси…

Она резко умолкла и испуганно, не дыша посмотрела на мужа, чье лицо вдруг застыло.

— Давайте же есть, — быстро предложил Билл.

— Вид страшно аппетитный, Молли, — сказал Люпин и, положив на тарелку тушеного мяса, передал ей через стол.

Несколько минут стояла тишина, перебиваемая только постукиванием ножей и вилок о тарелки и поскрипыванием сидений под едоками. Потом миссис Уизли повернулась к Сириусу:

— Я вот о чем тебе хотела сказать, Сириус. В гостиной что-то засело в письменном столе, он все время потрескивает и шатается. Это, конечно, может быть боггарт, но, наверно, надо попросить Аластора взглянуть, прежде чем мы это выпустим.

— Как тебе угодно, — безразличным тоном ответил Сириус.

— В шторах там полно докси, — продолжала миссис Уизли. — Может, завтра попробуем ими заняться?

— У меня просто руки чешутся, — сказал Сириус.

Гарри уловил в его голосе горькую иронию, но не знал, дошла ли она до кого-нибудь еще.

Тонкс, сидевшая напротив Гарри, потешала Гермиону и Джинни, меняя по ходу ужина очертания своего носа. Каждый раз, сощуривая глаза и придавая лицу такое же напряженное выражение, как в комнате у Гарри, она то выращивала острый клюв, напоминавший нос Снегга, то уменьшала его до размеров крохотного грибка, то выпускала из каждой ноздри по густому пучку волос. Судя по тому, что Гермиона и Джинни вскоре начали заказывать свои любимые носы, это было здесь обычным застольным развлечением.

— А можно теперь свиной пятачок?

Тонкс сделала пятачок, и у Гарри, когда он поднял глаза, на миг создалось впечатление, что ему улыбается через стол Дадли в женском варианте.

Мистер Уизли, Билл и Люпин горячо обсуждали проблему гоблинов.

— Они пока темнят, — сказал Билл. — До сих пор не пойму, верят они, что он возродился, или

нет. Могут, конечно, и нейтральную позицию занять. Отойти в сторону.

— Я уверен, что они никогда не встанут на сторону Сами-Знаете-Кого, — покачал головой мистер Уизли. — Они ведь тоже пострадали: помните это последнее убийство целой гоблинской семьи близ Ноттингема?

— По-моему, это зависит от того, что им предложат, — сказал Люпин. — И я не золото имею в виду. Если он пообещает им вольности, в которых мы столетиями им отказывали, они могут на это клюнуть. Значит, с Рагноком, Билл, до сих пор ничего не получается?

— Он сейчас настроен не в пользу волшебников, — ответил Билл. — Все еще бесится по поводу Бэгмена, считает, что Министерство его прикрыло, ведь гоблины так и не получили от него назад свое золото…

Взрыв веселья в средней части стола заглушил дальнейшие слова Билла. Фред, Джордж, Рон и Наземникус хохотали так, что чуть не падали со стульев.

— А потом, — едва дыша от смеха и обливаясь слезами, продолжал Наземникус, — а потом, честное чародейское, он мне и говорит: «Милый друг, где ты этих жаб-то раздобыл? Тут, вишь ты,

стервец какой-то у меня всех моих стибрил!» А я ему: «Стибрил всех твоих жаб? Экая неприятность, Уилл. Ну, так тебе, наверно, нужны теперь новые». И безмозглая горгулья — гад буду, если вру, — покупает у меня всех своих жаб обратно, да куда дороже, чем платил спервоначала…

— Наземникус, с нас, я думаю, хватит рассказов о твоих коммерческих предприятиях, спасибо тебе большое, — язвительно сказала миссис Уизли. Рон, завывая от смеха, бессильно повалился на стол.

— Прошу прощеньица, Молли, — отозвался Наземникус, вытирая глаза и подмигивая Гарри. — Уилл, если на то пошло, их выторговал у Бородавчатого Харриса обманом, так что я, может, не очень-то уж и дурно поступил.

— Не знаю, Наземникус, где тебя учили тому, что хорошо, а что дурно, но, боюсь, ты пропустил несколько ключевых уроков, — холодно заметила миссис Уизли.

Фред и Джордж, хохоча, уткнулись в кубки со сливочным пивом. На Джорджа напала икота. Вставая, чтобы принести на сладкое большое блюдо с ревеневым пудингом, миссис Уизли неизвестно почему бросила на Сириуса очень неприятный взгляд. Гарри повернулся к крест-

ному отцу.

— Молли терпеть не может Наземникуса, — сказал Сириус вполголоса.

— Как он оказался в Ордене? — очень тихо спросил Гарри.

— Он полезен, — прошептал Сириус. — Знает всех жуликов. Еще бы не знал — сам из их числа. Но он предан Дамблдору, тот его однажды спас от большой беды. Хорошо иметь на своей стороне такого человечка, он слышит то, чего мы слышать не можем. Но Молли считает, что сажать его за наш стол — это чересчур. Она не простила ему самовольный уход с дежурства, когда он должен был тебя охранять.

Три порции ревеневого пудинга с заварным кремом — и Гарри почувствовал, что джинсы жмут ему в поясе (а ведь они раньше принадлежали Дадли!). К тому времени, как он положил ложку, в общем застольном разговоре возникло затишье. Мистер Уизли сыто и размягченно откинулся на спинку кресла. Тонкс, вернув своему носу обычный вид, сладко позевывала. Джинни, выманив Живоглота из-под кухонного шкафа, сидела на полу по-турецки и катала пробки от сливочного пива. Кот бросался за ними в погоню.

— Не пора ли честной компании разойтись по спальням? — сонным голосом предложила миссис Уизли.

— Нет, Молли, погоди немного, — сказал Сириус, отодвигая пустую тарелку и поворачиваясь к Гарри. — что-то ты меня удивляешь. Я думал, первое, что ты примешься тут делать, — это задавать вопросы про Волан-де-Морта.

Общая атмосфера изменилась так же стремительно, как при появлении дементоров. Если секунды назад на кухне царила дремотная расслабленность, то теперь все насторожились и напряглись. При упоминании ненавистного имени вокруг стола пробежала дрожь. Люпин, собиравшийся глотнуть вина, медленно опустил кубок, всем своим видом выражая осмотрительность.

— А то я не задавал! — негодующе воскликнул Гарри. — Задавал Рону и Гермионе, но они сказали, что мы не состоим в Ордене и…

— Они совершенно правы, — заметила миссис Уизли. — Ты еще слишком юн.

Она выпрямилась в своем кресле, сжав в кулаки лежавшие на подлокотниках руки. В лице — уже ни следа сонливости.

— С каких это пор, чтобы задавать вопросы,

надо быть членом Ордена Феникса? — спросил Сириус. — Гарри целый месяц проторчал в магловском доме. Он имеет право знать, что проис…

— Постой! — громко перебил его Джордж.

— Почему именно Гарри получит ответы на свои вопросы? — сердито спросил Фред.

— Мы месяц пытаемся выудить хоть какие-то сведения, но нас не удостоили даже завалящего кусочка! — крикнул Джордж.

— Вы еще слишком юные, вы не члены Ордена, — произнес Фред тонким голосом, страшно похожим на материнский. — А Гарри — пожалуйста, хотя он несовершеннолетний!

— В том, что вам не рассказали про дела Ордена, я лично не виноват, — спокойно проговорил Сириус. — Так решили ваши родители. Что же касается Гарри…

— Ты не вправе самостоятельно решать, что нужно Гарри, а что нет! — резко оборвала его миссис Уизли. Ее обычно доброе лицо вдруг стало чуть ли не угрожающим. — Надеюсь, ты не забыл слова Дамблдора?

— Какие именно? — вежливо спросил Сириус с видом человека, готовящегося к бою.

— О том, что Гарри не должен знать больше, чем ему *необходимо знать*, — ответила миссис

Уизли, сделав особенный упор на последние два слова.

Рон, Гермиона, Фред и Джордж поворачивали головы то к Сириусу, то к миссис Уизли, как будто смотрели теннис. Джинни, стоявшая на полу на коленках, позабыла о рассыпанных вокруг пробках и слушала разговор с полуоткрытым ртом. Люпин не сводил глаз с Сириуса.

— А я и не буду, Молли, рассказывать ему больше, чем ему *необходимо знать,* — сказал Сириус. — Но, поскольку именно он стал свидетелем возвращения Волан-де-Морта (все опять содрогнулись), он имеет больше права, чем многие другие…

— Он не член Ордена Феникса! — заявила миссис Уизли. — Ему только пятнадцать лет, и…

— И он перенес столько же испытаний, как и большинство членов, — возразил Сириус. — А кое-кого и позади оставил.

— Я не собираюсь принижать то, что он совершил! — закричала миссис Уизли. Ее кулаки на подлокотниках кресла подрагивали. — Но он же еще…

— Он не ребенок! — раздраженно сказал Сириус.

— Но и не взрослый! — Щеки миссис Уизли

зарделись. — Он — не Джеймс, Сириус!

— Спасибо, Молли, но я неплохо представляю себе, кто он такой, — холодно ответил Сириус.

— Вовсе в этом не уверена! — воскликнула миссис Уизли. — Иногда ты говоришь о нем так, словно это твой лучший друг воскрес!

— Что в этом плохого? — спросил Гарри.

— То, Гарри, что ты — не твой отец, как бы ты ни был на него похож! — ответила миссис Уизли, по-прежнему сверля глазами Сириуса. — Ты еще учишься в школе, и взрослым, которые за тебя отвечают, не следует об этом забывать!

— Ты хочешь сказать, что я безответственный крестный отец? — повысил голос Сириус.

— Я хочу сказать, что ты, Сириус, имеешь склонность к безрассудным поступкам, из-за чего Дамблдор требует, чтобы ты не выходил из дому и…

— Давай-ка лучше оставим в стороне указания, которые я получаю от Дамблдора! — громко перебил ее Сириус.

— Артур! — набросилась миссис Уизли на мужа. — Артур, поддержи меня!

Мистер Уизли ответил не сразу. Снял очки, медленно протер их мантией, не глядя на жену. Заговорил лишь после того, как аккуратно водру-

зил их на место.

— Дамблдор понимает, Молли, что положение изменилось. Он согласен с тем, что теперь, когда Гарри находится в штаб-квартире, его надо в какой-то мере ввести в курс дела.

— Да, но одно дело «в какой-то мере», другое — поощрять его задавать любые вопросы!

— Что касается меня, — тихо начал Люпин, отводя наконец взгляд от Сириуса и встречаясь глазами с миссис Уизли, быстро повернувшейся к нему в надежде обрести наконец союзника, — я считаю, что лучше пусть Гарри узнает факты — не все факты, Молли, только общую картину — от нас, чем получит их в искаженном виде от… других.

Выражение его лица было мягким, но Гарри не сомневался: уж Люпин-то знает, что некоторые Удлинители ушей уцелели после чистки, устроенной миссис Уизли.

— Так, — произнесла миссис Уизли, тяжело дыша и все еще оглядывая стол в тщетных поисках поддержки, — ну что ж… я вижу, я в меньшинстве. Я только вот что скажу: у Дамблдора наверняка были причины для того, чтобы не позволять Гарри знать слишком много. Я как человек, принимающий интересы Гарри близко к сердцу…

— Он не твой сын, — тихо сказал Сириус.

— Все равно что сын! — яростно возразила ему миссис Уизли. — Кто еще у него есть?

— У него есть я!

— Так-то оно так, — поджала губы миссис Уизли, — но беда в том, что тебе трудновато было о нем заботиться, пока ты сидел взаперти в Азкабане.

Сириус начал подниматься со стула.

— Молли, из собравшихся за этим столом ты не единственная, кто печется о Гарри, — резко сказал Люпин. — Сириус, сядь!

Нижняя губа миссис Уизли задрожала. Побледневший Сириус медленно опустился обратно на стул.

— Я думаю, мы должны послушать, что скажет сам Гарри, — продолжал Люпин. — Он уже достаточно большой, чтобы решать за себя.

— Я хочу знать, что происходит, — мигом выпалил Гарри.

Он не смотрел на миссис Уизли. Хоть его и тронули ее слова о том, что он ей как сын, ее опека вызвала у него досаду. Сириус прав: он уже не ребенок.

— Очень хорошо, — сказала миссис Уизли прерывающимся голосом. — Джинни… Рон… Гер-

миона… Фред… Джордж! Немедленно выйдите из кухни.

Взрыв негодования.

— Мы совершеннолетние! — разом завопили Фред и Джордж.

— Гарри можно, а мне нельзя? — взвыл Рон.

— Мама, я хочу послушать! — захныкала Джинни.

— НЕТ! — крикнула миссис Уизли, встав с места и сверкая глазами. — Я категорически запрещаю…

— Молли, ты не можешь запретить Фреду и Джорджу, — устало возразил мистер Уизли. — Они действительно совершеннолетние.

— Они еще школьники.

— Но в юридическом смысле они взрослые, — сказал мистер Уизли все тем же утомленным голосом.

Лицо миссис Уизли было уже пунцовым.

— Я… Так, ладно, Фред и Джордж могут остаться, но Рон…

— Гарри так и так все расскажет нам с Гермионой! — горячо воскликнул Рон. — Ведь расскажешь? А? — неуверенно добавил он, встретившись с Гарри глазами.

На миг Гарри пришла в голову мысль сказать

Рону, что не проронит ни слова, — пусть почувствует на своей шкуре, что такое сидеть в полной неизвестности. Но стоило им взглянуть друг на друга, как зловредное побуждение улетучилось.

— Конечно, расскажу, — пообещал Гарри.

Рон с Гермионой просияли.

— Отлично! — крикнула миссис Уизли. — Отлично! Джинни, спать!

Джинни ушла, но ушла отнюдь не тихо. Все время, пока она поднималась по лестнице, были слышны ее негодующие жалобы, а когда она двинулась по коридору, к ним добавились душераздирающие вопли миссис Блэк. Люпин поспешил наверх унимать старуху. Лишь когда он вернулся, закрыл за собой дверь кухни и сел на свое место, Сириус наконец заговорил:

— Итак, Гарри, что бы ты хотел узнать?

Вздохнув всей грудью, Гарри задал вопрос, который мучил его весь последний месяц.

— Где Волан-де-Морт? — спросил он, не обращая внимания на новые корчи при звуке этого имени. — Что он делает? Я пробовал смотреть магловские последние известия, но там тишь да гладь, никаких странных смертей, ничего подозрительного.

— А странных смертей пока и не было, — ска-

зал Сириус, — насколько мы знаем… А знаем мы довольно много.

— Во всяком случае, больше, чем он думает, — вставил Люпин.

— Чего это он перестал убивать людей? — спросил Гарри. Он знал, что за последний год Волан-де-Морт совершил не одно убийство.

— Не хочет привлекать к себе внимания, — объяснил Сириус. — Это было бы для него опасно. Видишь ли, его возвращение прошло не совсем так, как он хотел. Он напортачил.

— Или, верней, ты подпортил ему игру, — заметил Люпин с довольной ухмылкой.

— Как? — не понял Гарри.

— Ты не должен был остаться в живых! — сказал Сириус. — Никто, кроме его Пожирателей смерти, не должен был знать, что он снова силен. Но ты все видел и выжил.

— И меньше всего он хотел, чтобы о его возрождении узнал Дамблдор, — добавил Люпин. — Но благодаря тебе Дамблдору все стало известно немедленно.

— И как это помогло? — спросил Гарри.

— Шутишь, что ли? — вступил в разговор Билл. — Дамблдор — единственный, кого Сам-Знаешь-Кто всегда боялся!

— Благодаря тебе Дамблдор заново созвал Орден Феникса всего через час после возрождения Волан-де-Морта, — сказал Сириус.

— Так чем же все-таки этот Орден занимается? — спросил Гарри и поглядел на всех по очереди.

— Всеми силами пытается сорвать планы Волан-де-Морта, — ответил Сириус.

— Откуда вы знаете, что у него за планы? — быстро спросил Гарри.

— У Дамблдора есть кое-какие догадки, — сказал Люпин, — а догадки Дамблдора обычно оказываются близки к истине.

— Ну, и что думает о его планах Дамблдор?

— Во-первых, он хочет восстановить свое войско, — сказал Сириус. — В старые дни у него было много кого под началом: чародеи, которых он запугал или околдовал, преданные ему Пожиратели смерти, великое множество всяких Темных существ. Ты знаешь, что он вознамерился привлечь на свою сторону великанов, но это только одно из сообществ, на которые он нацелился. Разумеется, он не пойдет брать штурмом Министерство магии всего лишь с дюжиной Пожирателей смерти.

— А вы пытаетесь помешать ему вербовать

новых сторонников?

— Да, насколько можем, — ответил Люпин.

— Но как?

— Главное — убедить как можно больше людей в том, что Ты-Знаешь-Кто действительно возродился. Заставить их быть бдительными, — объяснил Билл. — Но оказалось, что это не так просто.

— Почему?

— Из-за позиции Министерства, — сказала Тонкс. — Гарри, ты же видел Корнелиуса Фаджа после возвращения Сам-Знаешь-Кого. С тех пор его отношение ко всему не изменилось. Он категорически отказывается поверить, что это произошло на самом деле.

— Но почему? — в отчаянии спросил Гарри. — Почему он такой идиот? Если Дамблдор…

— Ага, вот ты и попал в самую точку, — горько усмехнулся мистер Уизли. — В нем-то все и дело — в Дамблдоре.

— Фадж его боится, — печально сказала Тонкс.

— Боится Дамблдора? — не поверил Гарри.

— Боится того, на что считает его способным, — объяснил мистер Уизли. — Фадж думает, что Дамблдор хочет его свергнуть. Что он сам не прочь стать министром магии.

— Но Дамблдор ничего такого не хочет…

— Конечно, не хочет, — сказал мистер Уизли. — Он никогда не стремился к должности министра, хотя очень многие были бы рады, если бы он ее занял после отставки Милисенты Багнолд. Бразды правления достались тогда Фаджу, но он не забыл, как популярна была идея сделать министром Дамблдора, пусть он и не претендовал на власть.

— В глубине души Фадж понимает, что Дамблдор намного его умней, что он куда более сильный волшебник, и в начале работы на министерском посту Фадж постоянно просил у Дамблдора помощи и совета, — сказал Люпин. — Но теперь, судя по всему, он вошел во вкус власти и стал гораздо самоуверенней. Ему очень нравится быть министром магии, он убедил себя, что он самый умный и что Дамблдор просто сеет смуту ради смуты.

— Как он может такое думать? — сердито спросил Гарри. — Как он может думать, что Дамблдор говорит неправду? Выходит, и *я* говорю неправду?

— Согласиться с тем, что Волан-де-Морт возродился, означает великую головную боль для Министерства. Ни с чем подобным оно не сталкивалось почти четырнадцать лет, — горько сказал

Сириус. — Фадж просто не в состоянии взглянуть правде в глаза. Гораздо удобней считать, что Дамблдор лжет, стремясь сделать его, Фаджа, положение неустойчивым.

— Понимаешь, да, в чем проблема? — спросил Люпин. — Пока Министерство утверждает, что Волан-де-Морта бояться нечего, очень трудно убеждать людей, что он возродился, особенно если они и сами не склонны этому верить. К тому же Министерство сильно давит на «Ежедневный пророк» — запрещает писать о том, что оно называет фальшивками Дамблдора. Поэтому рядовые волшебники большей частью не знают о случившемся ровно ничего, и это делает их легкой добычей Пожирателей смерти, если они используют заклятие Империус.

— Но вы-то ведь сообщаете людям, да? — спросил Гарри, глядя поочередно на мистера Уизли, Сириуса, Билла, Наземникуса, Люпина и Тонкс. — Вы им говорите, что он возродился?

Они невесело улыбнулись.

— Видишь ли, все считают, что я поубивал кучу народу, Министерство назначило за мою голову награду в тысячу галеонов, поэтому я вряд ли могу выйти на улицу и начать раздавать листовки, — желчно проговорил Сириус.

— Я тоже не самый желанный обеденный гость в большинстве чародейских домов, — сказал Люпин. — В том, что ты оборотень, есть свои минусы.

— Тонкс и Артур, если начнут болтать направо и налево, потеряют должности, — продолжил Сириус, — а для нас очень важно иметь в Министерстве своих людей, ведь люди Волан-де-Морта там наверняка есть.

— Кое-кого, впрочем, мы сумели убедить, — сказал мистер Уизли. — Вот Тонкс, к примеру. Она еще очень молода и по возрасту только недавно получила право стать членом Ордена, но то, что на нашу сторону переходят мракоборцы, — громадное достижение. Кингсли Бруствер — тоже ценнейший человек. Ему поручили возглавить охоту на Сириуса, и он вводит Министерство в заблуждение, утверждая, что Сириус скрывается в Тибете.

— Но если ни один из вас не заявляет открыто, что Волан-де-Морт возродился… — начал Гарри.

— Кто сказал, что ни один? — возразил Сириус. — Из-за чего, по-твоему, у Дамблдора такие неприятности?

— Какие?

— Они всячески пытаются его дискредити-

ровать, — объяснил Люпин. — Ты не читал в «Пророке» на прошлой неделе? Они написали, что Международная конфедерация магов сместила его с поста президента, потому что он постарел и потерял хватку. Но это неправда. Против него проголосовали чародеи Министерства, и произошло это после его речи, в которой он объявил о возвращении Волан-де-Морта. И он теперь не Верховный чародей Визенгамота, то есть суда волшебников, и ходят разговоры, что у него могут забрать орден Мерлина первой степени.

— Но Дамблдор говорит, что ему на все это наплевать, — главное, чтобы его не убрали с карточек в шоколадных лягушках, — ухмыльнулся Билл.

— Не вижу ничего смешного, — резко сказал мистер Уизли. — Если он и дальше будет так дразнить Министерство, он может попасть в Азкабан, а этого нам ни за что нельзя допустить. Пока Сам-Знаешь-Кому известно, что Дамблдор на свободе и в курсе его замыслов, он вынужден действовать с оглядкой. Уберут Дамблдора — и у Сам-Знаешь-Кого развязаны руки.

— Но ведь если Волан-де-Морт пытается вербовать новых Пожирателей смерти, как может его возвращение оставаться тайной? — спросил

Гарри, пришедший чуть ли не в отчаяние.

— Волан-де-Морт не ходит от дома к дому и не стучится к людям в двери, — сказал Сириус. — Он обманывает, околдовывает, шантажирует. У него богатый опыт тайной деятельности, и вербовка сторонников — только одно из ее направлений. У него есть и другие планы, которые он надеется осуществить без всякого шума, и как раз им-то он сейчас уделяет главное внимание.

— Что ему нужно, кроме сторонников? — спросил Гарри, и ему показалось, что Сириус, прежде чем ответить, обменялся с Люпином быстрым взглядом.

— То, чем он может завладеть только исподтишка.

Взгляд Гарри оставался таким же озадаченным.

— Некое, скажем так, подобие оружия, — добавил Сириус. — То, чего у него не было в прошлый раз.

— Когда он был силен?

— Да.

— Что за оружие? — спросил Гарри. — Страшней, чем заклятие Авада Кедавра?

— Довольно! — воскликнула миссис Уизли, стоявшая в тени у двери.

Гарри не заметил, как она вернулась из комнаты Джинни, куда отводила дочку спать. Она скрестила руки на груди, и вид у нее был яростный.

— Я хочу, чтобы вы все немедленно отправились спать, — потребовала она, глядя поочередно на Фреда, Джорджа, Рона и Гермиону.

— Ты не имеешь права нами командовать… — начал Фред.

— Сириус, посмотри на меня! — не унималась миссис Уизли. Ее била легкая дрожь. — Ты уже сообщил Гарри кучу сведений. Еще чуть-чуть — и его хоть в Орден принимай.

— А что, почему нет? — быстро спросил Гарри. — Я вступлю, я хочу вступить. Буду драться.

— Нет.

Это сказала уже не миссис Уизли. Это сказал Люпин.

— Мы принимаем только взрослых, совершеннолетних волшебников, — продолжил он. — Тех, которые окончили школу, — добавил он, увидев, что Фред и Джордж раскрыли рты. — Членство сопряжено с опасностями, о которых никто из вас не имеет понятия… Я думаю, Молли права, Сириус. Мы сказали ему достаточно.

Сириус легонько пожал плечами, но спорить не

стал. Миссис Уизли властно поманила к себе сыновей и Гермиону. Один за другим они встали, и Гарри, признавая поражение, поплелся в хвосте.

Глава 6

БЛАГОРОДНЕЙШЕЕ И ДРЕВНЕЙШЕЕ СЕМЕЙСТВО БЛЭКОВ

Миссис Уизли с сумрачным видом пошла за ними наверх.

— Все ложитесь немедленно, никаких больше разговоров, — сказала она, когда они добрались до второго этажа. — У нас завтра трудный день. Джинни, скорее всего, уже спит, — добавила она, глядя на Гермиону, — и не вздумай ее будить.

— Спит, как же, — вполголоса проговорил Фред, когда Гермиона пожелала остальным спокойной ночи и они стали подниматься дальше. — Если Джинни сейчас дрыхнет, а не ждет Гермиону, чтобы она ей все пересказала, то я флоббер-червь…

— Ну, Рон и Гарри, всего хорошего, — сказала миссис Уизли на третьем этаже, открывая им дверь спальни. — Марш в постель.

— Спокойной ночи, — попрощались Гарри и Рон с близнецами.

— Приятных снов, — подмигнул Фред.

Миссис Уизли со щелчком захлопнула за Гарри дверь. Спальня показалась ему еще более темной

и сырой, чем в прошлый раз. Висевший на стене пустой холст в раме дышал глубоко и ровно, как будто его невидимый жилец спал. Надев пижаму и сняв очки, Гарри забрался в прохладную постель, а Рон тем временем кидал на шкаф совиные лакомства, чтобы утихомирить Буклю и Сычика, которые беспокойно стучали жесткими лапами и хлопали крыльями.

— Мы не можем каждую ночь выпускать их на охоту, — объяснил Рон, надевая бордовую пижаму. — Дамблдор не хочет, чтобы вокруг этой площади летало слишком много сов, это было бы подозрительно. Ах, да… Я и забыл…

Он подошел к двери и запер ее.

— А это еще зачем?

— Из-за Кикимера, — объяснил Рон, гася свет. — Когда я первую ночь тут спал, он в три часа сюда вперся. Просто бродит по всему дому. Проснуться и увидеть, как он крадется по спальне, — удовольствие ниже среднего. Так, ладно… — Он залез в постель и повернулся к Гарри, который видел его фигуру на фоне лунного света, сочившегося сквозь грязное окно. — Что ты думаешь?

Гарри не нужно было спрашивать, что Рон имеет ввиду.

— По-моему, они мало что сказали сверх того,

о чем мы сами могли догадаться, — ответил он, думая обо всем, что услышал внизу. — Мы только и узнали, что Орден старается сорвать планы Волан-…

Раздался судорожный вздох Рона.

— …де-Морта, — твердо окончил Гарри. — Когда ты начнешь произносить его имя? Сириус и Люпин произносят.

На это Рон ничего не ответил.

— Да, ты прав, — сказал он. — Почти всё мы и так уже знали, спасибо Удлинителям ушей. Нового было только то, что…

Хлоп.

— ОХ-Х-Х!

— Тише ты, Рон, мама прибежит.

— Вы оба трансгрессировали прямо мне на колени!

— В темноте, думаешь, легко?

Гарри увидел смутные фигуры Фреда и Джорджа, спрыгивающих с кровати Рона. Потом раздался стон пружин, и под тяжестью Джорджа, севшего у Гарри в ногах, его матрас опустился на несколько дюймов.

— Что, уже начали про… — нетерпеливо заговорил Джордж.

— Про оружие, о котором сказал Сириус? —

спросил Гарри.

— Скорее, проговорился, — с удовольствием поправил его Фред, сидевший теперь рядом с Роном. — Надо признать, что старые добрые Удлинители ушей нам про это не сообщали.

— Что это, по-вашему? — спросил Гарри.

— Что угодно может быть, — ответил Фред.

— Но разве бывает что-нибудь хуже, чем заклятие Авада Кедавра? — спросил Рон. — Что может быть хуже смерти?

— Скажем, такая штука, которая сразу убивает кучу людей, — предположил Джордж.

— Может, какой-нибудь особо мучительный способ убийства, — сказал Рон со страхом.

— Чтобы делать людям больно, у него есть заклятие Круциатус, — возразил Гарри. — Сильней ничего не требуется.

Все замолчали, и Гарри знал: другие, как и он, пытаются представить себе ужасы, которые может совершить неведомое оружие.

— У кого оно сейчас, по-вашему? — спросил Джордж.

— Надеюсь, у наших, — сказал Рон с нервозностью в голосе.

— Если так, то, наверно, у Дамблдора, — предположил Фред.

— Где? — быстро спросил Рон. — В Хогвартсе?

— Конечно! — откликнулся Джордж. — Ведь он именно там хранил философский камень.

— Оружие наверняка покрупней размером, чем камень, — заметил Рон.

— Не обязательно, — возразил Фред.

— Да, размер и сила — разные вещи, — согласился с ним Джордж. — Взять, к примеру, Джинни.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Гарри.

— Ты никогда не попадал под ее Летучемышиный сглаз?

— Тсс! — Фред привстал. — Слушайте!

Все замерли. кто-то поднимался по лестнице.

— Мама, — сказал Джордж, и думали они с Фредом недолго: громкий хлопок — и Гарри почувствовал, что на кровать уже ничего не давит. Несколько секунд спустя за дверью скрипнула половица. Миссис Уизли слушала, разговаривают они или нет.

Букля и Сычик тоскливо ухнули. Снова скрипнула половица, и Гарри с Роном услышали, что миссис Уизли идет наверх проверять Фреда и Джорджа.

— Вечно нас подозревает, — с сожалением сказал Рон.

Гарри был уверен, что не сможет заснуть.

Прошедший вечер был так плотно набит тем, о чем надо было подумать, что он приготовился к долгому лежанию и обмозговыванию. Он хотел поговорить с Роном подольше, но миссис Уизли, скрипя ступенями, теперь спускалась обратно, а когда ее шаги умолкли, он отчетливо услышал, как по лестнице поднимаются другие существа… За дверью спальни мягко сновали туда-сюда какие-то многоногие твари, а Хагрид, преподававший в Хогвартсе уход за магическими существами, говорил: «Красавчики хоть куда. Согласен, Гарри? В этом году мы всякое оружие будем изучать…» И Гарри увидел, что у них вместо голов пушечные стволы, вот они поворачиваются к нему… Он пригнулся…

Он лежал, свернувшись под одеялом в теплый клубок, и комнату наполнял громкий голос Джорджа:

— Мама говорит: вставать, завтрак на кухне, а потом она ждет вас в гостиной, там в тысячу раз больше докси, чем она думала, и под диваном она нашла большое гнездо с дохлыми шушерами.

Через полчаса Гарри и Рон, быстро одевшись и позавтракав, поднялись на второй этаж и вошли в гостиную — продолговатую комнату с высоким потолком и грязными серо-зелеными гобелена-

ми. Из ковра при каждом шаге вылетали облачка пыли, а в длинных болотного цвета бархатных шторах стояло какое-то жужжание, словно там роились невидимые пчелы. Там-то все и столпились — миссис Уизли, Гермиона, Джинни, Фред, Джордж. Выглядели они странновато — головы снизу были обмотаны полосами ткани, закрывавшими нос и рот. Каждый, кроме того, держал по большой, наполненной черной жидкостью бутылке с насадкой-распылителем.

— Завяжите лица и возьмите пульверизаторы, — велела миссис Уизли Рону и Гарри, едва их увидела, и показала на две другие такие же бутылки, стоявшие на высоком тонконогом столике. — Это доксицид. В жизни не видела такого засилья паразитов! Чем занимался последние десять лет этот эльф-домовик?

Хотя лицо Гермионы было наполовину закрыто полотенцем, Гарри отчетливо увидел, как она бросила на миссис Уизли укоризненный взгляд.

— Кикимеру много лет, он, наверно, не может…

— Ты удивишься, Гермиона, когда узнаешь, сколько всего Кикимер может, когда хочет, — сказал Сириус, который только что вошел с запятнанной кровью сумкой, где, как выяснилось,

были дохлые крысы. — Я кормил Клювокрыла, — добавил он, отвечая на вопросительный взгляд Гарри. — Я держу его наверху, в спальне моей матери. А что касается этого стола…

Он кинул сумку с крысами на кресло и склонился над письменным столом с запертой тумбой, который, как только теперь заметил Гарри, слегка подрагивал.

— Да, Молли, я почти уверен, что это боггарт, — кивнул головой Сириус, поглядев в замочную скважину, — но пусть на всякий случай Грюм посмотрит, прежде чем мы это выпустим. Зная мою мамашу, всегда можно опасаться чего-нибудь худшего.

— Я тоже так думаю, Сириус, — сказала миссис Уизли.

Они говорили между собой с нарочито легкими, вежливыми интонациями, и Гарри было совершенно ясно, что оба помнят о вчерашней перепалке.

Внизу пронзительно лязгнул дверной звонок, и вслед за этим мгновенно разразилась такая же какофония криков и стенаний, что и вчера, когда Тонкс повалила подставку для зонтов.

— Сколько раз я им говорил: не звонить в звонок! — в ярости воскликнул Сириус, кидаясь

за дверь. Загрохотали его шаги по лестнице, а между тем вопли миссис Блэк в очередной раз отдавались эхом по всему дому:

— Подлые негодяи, мерзкие полукровки, осквернители нашего рода, порождение грязи…

— Будь добр, Гарри, закрой дверь, — сказала миссис Уизли.

Гарри постарался сделать это как можно медленней — он хотел послушать, что происходит внизу. Судя по тому, что крики прекратились, Сириусу удалось завесить мать портьерами. Гарри услышал, как Сириус идет по коридору, потом зазвенела цепочка на входной двери, потом раздался густой голос Кингсли Бруствера:

— Меня только что сменила Гестия, она взяла у Грюма мантию-невидимку, а я хочу оставить отчет для Дамблдора…

Чувствуя на затылке взгляд миссис Уизли, Гарри нехотя закрыл дверь гостиной и вернулся к группе, готовящейся к атаке на докси.

Миссис Уизли наклонилась к лежащему на диване справочнику по домашним вредителям Златопуста Локонса, раскрытому на главе, посвященной докси.

— Будьте, пожалуйста, очень осторожны: докси кусаются, и зубы у них ядовиты. У меня есть,

конечно, противоядие, но не хотелось бы к нему прибегать.

Она выпрямилась, встала лицом к шторам и жестом велела всем остальным придвинуться к ним ближе.

— Когда я дам команду, прыскайте немедленно, — сказала она. — Они полетят прямо на нас, но на жидкости написано, что хорошая струя сразу их парализует. Тех, которые лишились подвижности, кидайте в это ведро.

Она осмотрительно отошла с их линии огня и подняла свой пульверизатор.

— Внимание… начали!

Гарри распылял жидкость всего несколько секунд, когда из складки ткани, стрекоча блестящими жучьими крылышками и оскалив крохотные острые как иголки зубы, вылетела взрослая докси. Миниатюрное тельце покрывал густой черный мех, и все четыре маленьких кулачка были яростно стиснуты. Гарри встретил ее струей доксицида. Она оцепенела в полете и с неожиданно громким стуком упала на вытертый ковер. Гарри взял ее и швырнул в ведро.

— Фред, что ты делаешь? — раздался недовольный голос миссис Уизли. — Опрыскай и немедленно выбрось!

Гарри обернулся. Фред держал барахтающуюся докси большим и указательным пальцами.

— Сию секунду! — весело сказал Фред, быстренько привел жертву в бессознательное состояние струей из пульверизатора и, когда миссис Уизли отвернулась, подмигнул Гарри и сунул докси в карман.

— Мы хотим поэкспериментировать с их ядом для наших Забастовочных завтраков, — очень тихо объяснил Джордж.

Ловко сшибив одной струей сразу двух докси, нацелившихся ему на нос, Гарри придвинулся к Джорджу и пробормотал:

— Что такое Забастовочные завтраки?

— Сладости, от которых заболеваешь, — прошептал Джордж, не спуская опасливого взгляда со спины миссис Уизли. — Не всерьез, но так, чтобы можно было уйти из класса, когда тебе хочется. Мы с Фредом их этим летом изобрели. Штучки о двух концах, с цветовой кодировкой. Если съешь оранжевую половинку Блевального батончика, тебя рвет. Но как только тебя отправили с урока в больничное крыло, глотаешь темно-красную половинку…

— …«и ты опять здоров и бодр, можешь делать что твоей душе угодно, вместо того чтобы тратить

час на бесполезную скукотищу». Так, по крайней мере, мы пишем в рекламе, — вполголоса продолжил Фред, который, потихоньку выбравшись из поля зрения миссис Уизли, поднимал с пола и клал в карман валявшихся там и сям докси. — Но, честно говоря, они нуждаются в доработке. Пока что нашим испытуемым трудновато приостановить рвоту на время, необходимое, чтобы проглотить темно-красный кончик.

— Испытуемым?

— То есть нам самим, — объяснил Фред. — Мы по очереди. Джордж испытывал на себе Обморочные орешки, а Кровопролитные конфеты, от которых идет носом кровь, пробовали мы оба.

— Мама решила, что у нас была дуэль, — сказал Джордж.

— Значит, идея магазина не умерла? — тихо поинтересовался Гарри, делая вид, что поправляет насадку на своей бутылке.

— Пока что у нас нет возможности обзавестись помещением, — ответил Фред, еще больше понизив голос: миссис Уизли перед новой атакой сделала паузу, чтобы вытереть концом повязки потный лоб. — Сейчас принимаем заказы по почте. На прошлой неделе поместили рекламу в «Ежедневном пророке».

— Все благодаря тебе, друг, — сказал Джордж. — Но ты не беспокойся… Мама и не догадывается. Она перестала читать «Пророк», потому что они пишут всякую ложь про тебя и Дамблдора.

Гарри ухмыльнулся. Хотя он, желая помочь близнецам Уизли открыть магазин волшебных фокусов и трюков, заставил их взять тысячу галеонов призовых денег, полученных им за победу в Турнире Трех Волшебников, он был рад тому обстоятельству, что миссис Уизли о его поступке ничего не знает. Она считала торговлю такого рода неподходящим занятием для своих сыновей.

Дедоксикация штор заняла большую часть утра. Лишь после полудня миссис Уизли сняла с лица защитную повязку и устало опустилась в просевшее кресло. Опустилась, но тут же вскочила с воплем отвращения: на кресле лежала сумка с дохлыми крысами. Обильно опрысканные шторы свисали вяло и влажно, и в них ничего уже не жужжало. Рядом стояли на полу ведро, полное парализованных докси, и тазик с их черными яйцами. Фред и Джордж бросали на это богатство, к которому принюхивался сейчас Живоглот, алчные взгляды.

— С этим, я думаю, разберемся после обеда.

Миссис Уизли показала на пыльные застек-

ленные шкафчики, стоявшие по обе стороны от камина. Они были битком набиты всякой всячиной: тут тебе и коллекция ржавых кинжалов, и когти, и свернутая кольцами змеиная кожа, и потускневшие серебряные шкатулки с надписями на неведомом Гарри языке, и, самое неприятное, изысканный хрустальный графинчик со вделанным в пробку большим опалом, наполненный, вне всякого сомнения, кровью.

Внизу опять раздался громкий звонок. Все посмотрели на миссис Уизли.

— Оставайтесь здесь, — твердо сказала она под новые вопли миссис Блэк и взяла сумку с крысами. — Я вам принесу сюда сандвичи.

Она вышла из комнаты и тщательно закрыла за собой дверь. Все тут же бросились к окну и, посмотрев вниз, увидели у входа в дом чью-то растрепанную рыжеватую макушку и несколько котлов, неустойчиво поставленных один на другой.

— Наземникус! — догадалась Гермиона. — Зачем он притащил сюда эти котлы?

— Скорее всего, чтобы их тут спрятать, — сказал Гарри. — Ведь чем он занимался в тот вечер, когда должен был охранять меня? Собирал чужие котлы.

— Точно, ты прав! — воскликнул Фред. (Между тем дверь внизу открылась. Наземникус впихнул в нее котлы и исчез из виду.) — Маме это ох как не понравится…

Они с Джорджем подошли к двери комнаты и замерли, внимательно прислушиваясь. Миссис Блэк уже не кричала.

— Наземникус разговаривает с Сириусом и Кингсли, — пробормотал Фред, хмурясь от напряжения. — Ничего толком не разберу… Может, была не была, попробуем Удлинитель ушей?

— Может, и стоит, — сказал Джордж. — Проберусь наверх, возьму парочку…

Но в этот самый миг внизу разразилась настоящая звуковая буря, сделавшая Удлинитель ушей совершенно ненужным. Все очень ясно услышали, что именно кричала во весь голос миссис Уизли.

— У нас тут не хранилище краденых вещей!

— Как я люблю, когда мама вопит не на меня, — сказал Фред с довольной улыбкой, приоткрывая дверь, чтобы крик миссис Уизли еще лучше наполнил комнату. — Отраднейшая перемена.

— Крайняя безответственность! Как будто у нас мало забот помимо ворованных котлов, которые ты приволакиваешь в дом…

— Что за идиоты! Зачем дают ей расшуметься? — покачал головой Джордж. — Надо ее сразу чем-нибудь отвлечь, а то может раскочегариться на полдня. С тех пор как Наземникус ушел с дежурства и оставил тебя, Гарри, без прикрытия, она только случая ждала на него наброситься… А вот и мамаша Сириуса опять подала голос.

Упреки миссис Уизли утонули в хоре новых визгов и воплей, издаваемых портретами в коридоре.

Джордж двинулся к двери, чтобы ее захлопнуть, но не успел он это сделать, как в нее протиснулся эльф-домовик.

Он был совершенно голый, если не считать грязной набедренной повязки, и выглядел очень старым. Кожа, казалось, была настолько ему велика, что могла вместить несколько таких, как он. Хотя он был лысый, как все эльфы-домовики, из его больших, как у летучей мыши, ушей торчало изрядное количество седых волос. Глаза водянисто-серые с краснотой, длинный мясистый нос напоминал рыльце животного.

Эльф не обратил на Гарри и остальных ровно никакого внимания. Сгорбившись и как будто их не видя, он медленно и целеустремленно прошаркал в дальний конец комнаты, все время

бормоча себе под нос хриплым утробным голосом, похожим на лягушачье кваканье:

— Воняет на весь дом и ворюга в придачу, но она-то чем лучше, мерзкая старая осквернительница рода со своими пащенками, дом моей госпожи опоганили, ох, бедная моя госпожа, если бы она знала, если бы она только знала, какое отребье они сюда пускают, что бы она сказала старому Кикимеру, ох, стыд какой, грязнокровки, оборотни, осквернители рода и воры, бедный старый Кикимер, что он может сделать…

— Здорово, Кикимер, — очень громко сказал Фред, со стуком закрывая дверь.

Эльф-домовик остановился как вкопанный, перестал бормотать и очень отчетливо, но очень неубедительно вздрогнул словно бы от удивления.

— Кикимер не видел молодого господина, — сказал он, обернувшись и отвесив Фреду поклон. Потом, не поднимая глаз от ковра, тихо, но вполне внятно добавил: — Поганый пащенок осквернительницы рода, вот ты кто.

— Что-что? — переспросил Джордж. — Прости, я последнее, что ты сказал, не расслышал.

— Кикимер ничего не сказал, — отозвался эльф и опять поклонился, на этот раз Джорджу,

после чего вполголоса, но очень разборчиво проговорил: — А вот и братец, тоже урод мерзопакостный.

Гарри не знал, смеяться ему или лучше не стоит. Эльф выпрямился, оглядел всех зловредным взглядом и, словно бы думая, что его никто не слышит, снова забормотал:

— И грязнокровка туточки, стоит наглая такая, ох, если бы моя госпожа видела, как бы она плакала, а вот новенький, Кикимер не знает, как его зовут. Что он здесь делает? Кикимер не знает…

— Это Гарри, Кикимер, — обратилась к нему Гермиона. — Гарри Поттер.

Бледные глаза Кикимера расширились, и он забормотал быстрей и яростней прежнего.

— Грязнокровка говорит с Кикимером, как будто она его подруга, ох, если бы только госпожа видела, с кем Кикимеру приходится иметь дело, ох, что бы она сказала…

— Не смей называть ее грязнокровкой! — одновременно и очень сердито сказали Рон и Джинни.

— Ничего страшного, — прошептала Гермиона, — он немного не в себе, он сам не понимает, что…

— Да брось ты, Гермиона, он прекрасно понима-

ет, что говорит, — сказал Фред, глядя на Кикимера с великой неприязнью.

Бормоча по-прежнему, Кикимер не спускал глаз с Гарри.

— Неужто правда? Неужто это Гарри Поттер? Кикимер видит шрам, значит, это правда, это мальчик, который остановил Темного Лорда, Кикимер удивляется, как он это сделал…

— Мы все удивляемся, Кикимер, — сказал Фред.

— А что тебе тут надо? — спросил Джордж.

Огромные глаза Кикимера метнулись в его сторону.

— Кикимер чистит, — сказал он уклончиво.

— Очень правдоподобно, — произнес голос у Гарри за спиной.

Это вернулся Сириус. Стоя в дверях, он недружелюбно смотрел на эльфа. Шум в коридоре прекратился — возможно, миссис Уизли и Наземникус перенесли скандал на кухню. При виде Сириуса Кикимер отвесил ему до нелепости низкий поклон, распластав нос-рыльце по полу.

— Да встань же ты прямо, — раздраженно сказал Сириус. — А теперь отвечай: что ты задумал?

— Кикимер чистит, — повторил эльф. — Кикимер верой и правдой служит благороднейшему и

древнейшему дому Блэков…

— Благороднейшему и грязнейшему, — сказал Сириус. — Чистит он…

— Господин горазд пошутить, — проговорил Кикимер с новым поклоном. Потом опять принялся бубнить: — Господин — мерзкая неблагодарная свинья, он разбил материнское сердце…

— Да не было у моей матери никакого сердца! — вскинулся Сириус. — Старуха только злобой и была жива.

Кикимер еще раз поклонился.

— Как будет угодно господину, — пробормотал он яростно. — Господин недостоин стереть грязь с обуви своей матери, ох, бедная моя госпожа, как бы она плакала, если бы увидела, что Кикимер ему служит, ох как она его ненавидела, как он ее разочаровал…

— Я спросил тебя, что ты задумал, — холодным тоном напомнил ему Сириус. — Всякий раз, как ты приходишь и прикидываешься, будто чистишь, ты утаскиваешь что-то к себе в комнату, чтобы мы не могли это выкинуть.

— Кикимер никогда ничего не уносит с надлежащего места в доме господина, — возразил эльф, а потом забормотал скороговоркой: — Госпожа не простила бы Кикимеру, если бы выкинули

гобелен, семь веков он был в семье, Кикимер должен его спасти, Кикимер не позволит господину, осквернителям рода и их пащенкам уничтожить семейное достояние…

— Так я и думал, — сказал Сириус, бросая презрительный взгляд на стену. — Не сомневаюсь, что она обработала гобелен с изнанки Заклятием вечного приклеивания, но, если смогу, я непременно от него избавлюсь. А теперь, Кикимер, вали отсюда.

Ослушаться прямого приказа Кикимер не посмел, но, шаркая мимо Сириуса к выходу, он взглянул на него с глубочайшим отвращением и ни на миг не переставал бубнить:

— Как из Азкабана вернулся, так стал гонять Кикимера туда-сюда, ох, бедная моя госпожа, что бы она сказала, если бы увидела, во что превратился дом, всякое отребье живет, сокровища выбрасывают, она объявила, что он ей больше не сын, а он здесь, и, говорят, ко всему еще и убийца…

— Побормочи у меня еще — и стану убийцей! — желчно сказал Сириус и захлопнул за эльфом дверь.

— Сириус, у него с головой не в порядке, — вступилась за Кикимера Гермиона. — Я думаю, он не понимает, что мы его слышим.

— Слишком долго был один, — объяснил Сириус, — исполнял безумные приказы, которые отдавал ему мамашин портрет, и разговаривал сам с собой. Но, кроме того, он всегда был зловредным маленьким…

— Если бы можно было дать ему свободу, — мечтательно сказала Гермиона, — тогда, кто знает…

— Ему нельзя дать свободу, ему слишком многое известно об Ордене, — сухо возразил ей Сириус. — К тому же потрясение его убьет. Попробуй предложить ему покинуть дом — посмотришь, как он это воспримет.

Сириус пересек комнату и подошел к гобелену во всю ширину стены, который Кикимер пытался уберечь. Гарри и другие последовали за ним.

Гобелен выглядел немыслимо старым. Он сильно выцвел, и местами его проели докси. Но золотая нить, которой он был вышит, блестела достаточно ярко, чтобы видно было ветвистое родословное дерево, берущее начало, насколько Гарри мог понять, в глубоком Средневековье. На самом верху гобелена крупными буквами значилось: «БЛАГОРОДНЕЙШЕЕ И ДРЕВНЕЙШЕЕ СЕМЕЙСТВО БЛЭКОВ». Чуть пониже девиз: «Чистота крови навек».

— А тебя здесь нет! — воскликнул Гарри,

внимательно изучив нижнюю часть дерева, относящуюся к нашему времени.

— Я вот где был. — Сириус показал на маленькое круглое обугленное отверстие в ткани, точно прожженное сигаретой. — Моя дорогая мамаша меня отсюда выжгла, когда я сбежал из дому. Кикимер очень любит про это тихонечко бормотать.

— Ты сбежал из дому?

— Да, в шестнадцать лет, — ответил Сириус. — Решил, что с меня хватит.

— И куда ты отправился? — спросил Гарри, глядя на него во все глаза.

— К твоему отцу, — сказал Сириус. — Твои дед и бабка проявили себя с самой лучшей стороны. Приняли меня как родного сына. Школьные каникулы я провел у них, а когда мне стукнуло семнадцать, заимел собственное жилье. Мой дядя Альфард оставил мне приличное завещание — потому-то, наверно, его тоже убрали с этого гобелена. Так или иначе, с тех пор я сам о себе заботился. Но на воскресном обеде у мистера и миссис Поттер я всегда был желанным гостем.

— Но… почему ты…

— Сбежал отсюда? — Сириус горько усмехнулся и провел рукой по своим длинным спутанным

волосам. — Потому что я их всех люто ненавидел — родителей с их манией чистокровности, убежденных, что быть Блэком — чуть ли не то же самое, что быть королевской крови… идиота братца, который по слабости характера им верил… Вот он.

Сириус ткнул пальцем в самый низ дерева — туда, где значилось: «Регулус Блэк». Рядом — дата рождения и дата смерти (после которой минуло уже лет пятнадцать).

— Регулус был моложе меня, — сказал Сириус, — и он был гораздо лучшим сыном, о чем мне постоянно напоминали.

— Но он умер.

— Да, — сказал Сириус. — Безмозглый идиот… Он стал Пожирателем смерти.

— Ты шутишь!

— Да брось, Гарри, ты ведь уже достаточно знаком с этим домом, чтобы понять, какими волшебниками были мои родственнички, — брюзгливо проговорил Сириус.

— Твои… твои родители что, тоже были Пожирателями смерти?

— Нет, нет, но поверь мне, они считали, что Волан-де-Морт прав в идейном отношении. Они всей душой были за очищение расы волшебни-

ков, за избавление от магловской примеси, за то, чтобы у руля стояли чистокровные. И они не были в этом одиноки. Очень многие до того, как Волан-де-Морт показал себя во всей красе, полагали, что у него очень даже здравые идеи… Но когда родители увидели, на что он готов пойти ради власти, они струсили. Впрочем, я уверен, что они считали Регулуса, который сразу встал под его знамена, настоящим героем.

— Его что, убил мракоборец? — спросил Гарри.

— Нет, — сказал Сириус. — Нет, его уничтожил Волан-де-Морт. Или, скорее, его уничтожили по приказу Волан-де-Морта. Вряд ли Регулус был такой важной персоной, чтобы Волан-де-Морт стал лично им заниматься. Насколько мне удалось выяснить после его гибели, Регулус ввязался было в игру, а потом запаниковал из-за того, на какие дела его хотели послать, и попытался пойти на попятный. Но Волан-де-Морту ведь не подашь прошение об отставке. Либо пожизненная служба, либо смерть.

— Обед, — раздался голос миссис Уизли.

Она вошла, высоко держа перед собой волшебную палочку, на кончике которой балансировал громадный поднос с сандвичами и сладкими пирожками. Лицо у нее было красное, вид все

еще очень сердитый. Все двинулись к ней, торопясь утолить голод, но Гарри остался с Сириусом, который наклонился к гобелену.

— Уж не помню, сколько лет я на это не смотрел. Вот Финеас Найджелус… мой прапрадедушка… самый непопулярный директор Хогвартса за все времена. Араминта Мелифлуа… двоюродная сестра моей матери… попыталась протащить через Министерство закон, разрешающий травлю маглов. А вот дорогая тетушка Элладора. С нее началась семейная традиция обезглавливать эльфов-домовиков, когда они становились слишком стары, чтобы носить чайные подносы… Разумеется, стоило в семье родиться кому-нибудь хоть чуточку человечней, от него отрекались. Тонкс, к примеру, я тут не вижу. Может быть, поэтому Кикимер не исполняет ее приказов — вообще-то он должен слушаться любого члена семьи…

— Вы с Тонкс, выходит, родственники? — удивленно спросил Гарри.

— Да, ее мать Андромеда была моей любимой двоюродной сестрицей, — ответил Сириус, пристально разглядывая гобелен. — Андромеду, гляди, тоже отсюда убрали…

Он показал на очередную обгорелую дырочку, расположенную между двумя женскими имена-

ми — Беллатриса и Нарцисса.

— Сестры Андромеды тут как тут, потому что они вышли замуж за кого надо, за чистокровных респектабельных волшебников, но Андромеда вышла за магла, за Теда Тонкса, и поэтому…

Сириус изобразил прожжение ткани волшебной палочкой и горько усмехнулся. Гарри, однако, было не до смеха. Он смотрел на имена, вышитые справа от обугленного отверстия, оставшегося от Андромеды. Двойная линия золотого шитья соединяла Нарциссу Блэк с Люциусом Малфоем, а другая линия, вертикальная и одиночная, шла от их имен к имени Драко.

— Ты в родстве с Малфоями!

— Все чистокровные семьи в родстве между собой, — сказал Сириус. — Если ты готов разрешить сыну или дочери брак только с кем-то таким же чистокровным, выбор очень ограничен. Нас, таких, почти и не осталось на свете. Молли моя свойственница, Артур, если память мне не изменяет, мой троюродный племянник. Но здесь их можно и не искать: кто-кто, а Уизли — отъявленные осквернители рода.

Но Гарри уже перевел взгляд на имя Беллатриса Блэк, стоявшее левее. Двойная золотая линия соединяла его с именем Родольфус Лестрейндж.

— Лестрейндж… — произнес Гарри вслух. Это слово потревожило что-то в его памяти. Откуда-то он его знал, но не мог сразу вспомнить откуда. Оно вызвало странное, неприятное ощущение в недрах живота.

— Они в Азкабане, — коротко сказал Сириус.

Гарри посмотрел на него с любопытством.

— Беллатрису и ее мужа Родольфуса поместили туда одновременно с Барти Краучем-младшим, — продолжил Сириус все тем же резким тоном. — С ними был и Рабастан, брат Родольфуса.

Тут Гарри вспомнил. Он видел Беллатрису Лестрейндж у Дамблдора в Омуте памяти — в странном хранилище мыслей и воспоминаний. Высокая темноволосая женщина с тяжелыми веками, стоя перед судьями, заявила, что по-прежнему верна лорду Волан-де-Морту, что гордится своими стараниями отыскать его после его падения и что настанет день, когда она будет вознаграждена за преданность.

— Ты никогда мне не говорил, что она твоя…

— Что с того, что она мне двоюродная сестра? — вскинулся Сириус. — По мне, так никто из них мне не родня. *Она* уж точно мне не родня. Я не видел ее с твоего возраста, если не считать короткого взгляда в тот день, когда ее доставили

в Азкабан. Думаешь, меня гордость может распирать от такого родства?

— Прости меня, — быстро сказал Гарри, — я не хотел… Я удивился, только и всего…

— Не извиняйся, не имеет значения, — пробормотал Сириус. Он отвернулся от гобелена, руки его были глубоко засунуты в карманы. — Как мне здесь не нравится, — сказал он, оглядывая гостиную. — Вот уж не думал, что когда-нибудь опять застряну в этом доме.

Гарри очень хорошо его понимал. Он знал, что чувствовал бы сам, если бы взрослым человеком, привыкшим думать, что навсегда развязался с домом четыре по Тисовой улице, вынужден был вернуться туда жить.

— Конечно, идеальное место для штаб-квартиры, — сказал Сириус. — Когда здесь жил мой отец, он снабдил дом всеми средствами безопасности, какие только были известны волшебникам. Его невозможно засечь, поэтому маглы, если бы даже захотели, в принципе не могут сюда явиться. А теперь, когда Дамблдор добавил свою защиту, более безопасного дома не найти нигде. Дамблдор, к твоему сведению, хранитель тайн Ордена, поэтому ни один человек не в состоянии найти штаб-квартиру, если он лично ему не со-

общит, где она находится. Адрес, который Грюм показал тебе вчера вечером, был написан рукой Дамблдора… — Сириус издал короткий лающий смешок. — Если бы мои родители увидели, как сейчас используется их дом… Впрочем, мамашин портрет мог дать тебе некоторое представление…

Секунду-другую он молча хмурился, потом вздохнул:

— Я бы не прочь выйти отсюда хоть на короткое время и сделать что-нибудь полезное. Я спрашивал Дамблдора, нельзя ли мне проводить тебя в Министерство — разумеется, в облике Нюхалза, — чтобы оказать тебе моральную поддержку. Что ты об этом думаешь?

Живот Гарри точно канул куда-то вниз, сквозь пыльный ковер. О слушании в Министерстве он со вчерашнего позднего ужина не вспомнил ни разу. Волнение от встречи с самыми близкими ему людьми на свете, множество новостей и впечатлений напрочь вытеснили предстоящее у него из головы. После слов Сириуса, однако, на него опять навалился страх. Он посмотрел на Гермиону и на всех Уизли, дружно уплетающих сандвичи, и попытался представить себе, что он почувствует, если они отправятся в Хогвартс

без него.

— Не волнуйся, — сказал Сириус. Гарри поднял глаза и понял, что крестный все время смотрел на него. — Я уверен, тебе ничто не грозит. В Международном статуте о секретности совершенно точно есть пункт, разрешающий применять волшебство для спасения своей жизни.

— Но если меня все-таки исключат, — тихо спросил Гарри, — можно будет мне вернуться сюда и жить с тобой?

Сириус печально улыбнулся:

— Посмотрим.

— Я бы гораздо меньше тревожился из-за этого разбирательства, если бы знал, что мне не надо будет отправляться к Дурслям, — упорствовал Гарри.

— Скверно же тебе там приходится, если ты предпочитаешь этот дом, — мрачно проговорил Сириус.

— Сириус и Гарри, поторопитесь, а то вам ничего не достанется, — позвала их миссис Уизли.

Сириус еще раз тяжко вздохнул, бросил на гобелен хмурый взгляд и двинулся вместе с Гарри к подносу с сандвичами.

После полудня за разборкой застекленных шкафчиков Гарри как мог старался не думать о

слушании. К счастью, работа требовала немалой сосредоточенности, потому что многие предметы, когда их снимали с пыльных полок, всячески сопротивлялись. Сириус изрядно пострадал от серебряной табакерки: за считанные секунды укушенная ею кисть руки покрылась нехорошей коркой, похожей на жесткую коричневую перчатку.

— Ничего страшного, — сказал Сириус, с интересом исследуя руку. Потом, легонько коснувшись ее волшебной палочкой и вернув кожу в нормальное состояние, добавил: — Похоже, Бородавочный порошок.

Он швырнул табакерку в мешок, куда они выбрасывали изъятый из шкафчиков хлам. Чуть погодя Гарри увидел, как Джордж, аккуратно обмотав руку тканью, украдкой берет табакерку из мешка и кладет в тот же карман, где лежали докси.

Когда Гарри взял с полки неприятного вида серебряный инструментик, похожий на многорукие щипчики, вещица по-паучьи побежала по его руке и попыталась проколоть кожу. Сириус схватил ее и прихлопнул увесистой книгой, называвшейся «Природная знать. Родословная волшебников». Среди прочего в шкафчиках

обнаружилось, например, такое: музыкальная шкатулка, начавшая, когда ее завели, издавать чуть зловещую, бренчащую мелодию, от которой все почувствовали странную слабость и заснули бы, если бы Джинни не догадалась захлопнуть крышку; массивный медальон, которого никто не смог открыть; несколько старинных печатей; и, наконец, в пыльной коробочке орден Мерлина первой степени, врученный деду Сириуса «за заслуги перед Министерством».

— Это означает, что он отвалил им кучу золота, — с презрением сказал Сириус, бросая орден в мешок для мусора.

Несколько раз в комнату бочком проскальзывал Кикимер. Он пытался утащить под набедренной повязкой то одно, то другое и, когда его на этом ловили, бормотал страшные проклятия. Когда Сириус вырвал из его цепких рук большое золотое кольцо с геральдическим украшением Блэков, Кикимер залился слезами гнева и заковылял прочь, сдавленно рыдая и честя Сириуса такими словами, каких Гарри раньше не слыхивал.

— Отцовское, — сказал Сириус, швыряя кольцо в тот же мешок. — Кикимер был не настолько предан ему, как мамаше, но все-таки на про-

шлой неделе он попытался умыкнуть его старые брюки.

* * *

Миссис Уизли и в последующие дни находила для них массу работы. На очистку одной гостиной ушло три дня. Под конец из нежелательных вещей там остались только гобелен с родословным деревом Блэков, который никакими усилиями нельзя было снять со стены, и подрагивающий письменный стол. Грюм за это время в штаб-квартире не появлялся, поэтому они не знали наверняка, что там засело.

После гостиной настала очередь столовой на первом этаже. Когда в буфете там обнаружились пауки размером с блюдце, Рон быстро вышел налить себе чаю и не возвращался часа полтора. Весь фамильный фарфор с геральдическим украшением и девизом Блэков Сириус бесцеремонно побросал в мешок, и такая же участь постигла старые фотографии в потускневших серебряных рамках. Те, кто был на них изображен, пронзительно вопили, когда разбивались покрывавшие их стекла.

Снегг мог сколько угодно называть это занятие уборкой, но, по мнению Гарри, это была самая

настоящая война с домом, который при поддержке Кикимера очень упорно сопротивлялся. Эльф-домовик по-прежнему совался всюду, где они собирались, пытался стащить из мешков для мусора все, что только мог, и его бормотание становилось все более оскорбительным. Сириус дошел до того, что замахнулся на него старым тряпьем. Кикимер устремил на него водянистый взгляд и сказал:

— На то она и воля господина. — Потом, повернувшись спиной, очень громко забормотал: — Но господин не прогонит Кикимера, нет, потому что Кикимер знает, что они затеяли, знает, господин строит козни против Темного Лорда, стакнувшись с грязнокровками, изменниками и отребьем…

Тут Сириус, не обращая внимания на протесты Гермионы, схватил Кикимера сзади за набедренную повязку и с силой вытолкал из комнаты.

По нескольку раз на дню звонил дверной звонок, вслед за чем раздавались очередные вопли матери Сириуса, а Гарри и его товарищи пытались что-то подслушать и подсмотреть, пока миссис Уизли не возвращала их к прерванным трудам. Впрочем, от беглых взглядов и обрывков разговоров проку было очень мало. Неоднократно

заходил Снегг, но Гарри, к своему облегчению, ни разу не встретился с ним лицом к лицу. Однажды Гарри увидел свою преподавательницу трансфигурации профессора МакГонагалл, которая чрезвычайно странно выглядела в магловском платье и пальто, но она, судя по всему, была очень занята и пробыла недолго. Порой, однако, посетители задерживались, чтобы помочь. Тонкс, к примеру, была в доме в тот памятный день, когда в туалете на верхнем этаже обнаружили затаившегося кровожадного призрака. Люпин, который жил в доме Сириуса, но надолго покидал его ради каких-то таинственных дел Ордена, помог им привести в порядок стоячие часы, имевшие неприятную привычку выстреливать в проходящих увесистыми деталями механизма. Наземникус немножко исправился в глазах миссис Уизли, когда избавил Рона от старинной пурпурной мантии, принявшейся его душить, едва он извлек ее из платяного шкафа.

Хотя Гарри по-прежнему плохо спал, хотя ему по-прежнему снились коридоры и запертые двери, хотя шрам по-прежнему покалывало, он впервые за все лето получал от жизни удовольствие. Пока он был занят, ему было хорошо; но когда делать становилось нечего, когда его обо-

рона давала слабину, когда он, обессиленный, лежал в постели и смотрел, как по потолку движутся расплывчатые тени, к нему возвращалась мысль о надвигающемся слушании в Министерстве. Пытаясь представить себе, что будет, если его исключат, он чувствовал, как страх колет его изнутри точно иглами. Возможность исключения ужасала его настолько, что он даже с Роном и Гермионой не осмеливался говорить о будущем разбирательстве. Они, понимая его настроение, тоже избегали в беседах с ним этой темы, хотя он нередко видел, как они перешептываются между собой и бросают на него озабоченные взгляды. Порой он не мог помешать воображению нарисовать сотрудника Министерства с пустым пятном вместо лица, переламывающего надвое его волшебную палочку и приказывающего ему возвращаться к Дурслям… Но к ним он не пойдет. Это он решил твердо. Он отправится сюда, на площадь Гриммо, и будет жить у Сириуса.

Вечером в среду, когда все сидели за столом и ужинали, миссис Уизли повернулась к нему и тихо сказала:

— Гарри, я выгладила к завтрашнему утру твою лучшую одежду, и я бы хотела, чтобы ты сегодня вымыл голову. От первого впечатления очень

многое зависит.

Гарри показалось, будто в желудок упал кирпич. Рон, Гермиона, Фред, Джордж, Джинни — все разом умолкли и посмотрели на него. Гарри кивнул и попытался заставить себя дожевать кусок, но во рту вдруг сделалось очень сухо.

— Как я туда буду добираться? — спросил он у миссис Уизли, стараясь придать голосу беззаботность.

— Артур возьмет тебя с собой на работу, — мягко ответила она.

Мистер Уизли подбадривающе улыбнулся ему через стол.

— Посидишь у меня в кабинете, пока не начнется слушание, — сказал он.

Гарри перевел взгляд на Сириуса, но прежде чем он задал вопрос, на него ответила миссис Уизли.

— Профессор Дамблдор не считает целесообразным, чтобы Сириус отправился с тобой, и я…

— …совершенно с ним согласна, — стиснув зубы, договорил за нее Сириус.

Миссис Уизли поджала губы.

— Когда Дамблдор тебе это сказал? — спросил Гарри, глядя на Сириуса.

— Он был здесь прошлой ночью, когда ты

спал, — сказал мистер Уизли.

Сириус задумчиво ткнул вилкой в кусок картофеля. Гарри опустил глаза в тарелку. От мысли о том, что Дамблдор побывал в доме перед самым разбирательством и не захотел с ним увидеться, ему стало еще хуже — хотя хуже, казалось, было некуда.

Глава 7

МИНИСТЕРСТВО МАГИИ

На следующее утро Гарри проснулся в половине шестого, и пробуждение было таким резким и полным, точно кто-то гаркнул ему в самое ухо. Несколько секунд пролежал неподвижно, чувствуя, как мысль о дисциплинарном слушании наполняет каждую клеточку мозга. Потом, не в силах больше это терпеть, рывком встал и надел очки. Миссис Уизли с вечера положила у изножья кровати свежевыстиранные джинсы и футболку. Гарри поспешно натянул на себя одежду. Пустая картина на стене ухмыльнулась.

Рон, распластавшись на спине, крепко спал, рот его был широко открыт. Он и не пошевелился, пока Гарри пересекал комнату, выходил за дверь и мягко затворял ее за собой. Стараясь не думать о следующей встрече с Роном, когда они уже, возможно, не будут вместе учиться в Хогвартсе, Гарри тихо сошел по лестнице в коридор, миновал головы Кикимеровых предков и спустился на кухню.

Он думал, что там никого не будет, но, подходя

к двери, услышал негромкие голоса. Толкнул ее и увидел мистера и миссис Уизли, Сириуса, Люпина и Тонкс. Они сидели за столом и, казалось, ждали его. За исключением миссис Уизли, на которой был темно-красный стеганый халат, все были полностью одеты. Увидев Гарри, миссис Уизли вскочила.

— Завтрак, — сказала она, вынимая волшебную палочку и поспешно подходя к очагу.

— Д-доброе утро, Гарри, — зевнула Тонкс. На этот раз волосы у нее были светлые и курчавые. — Как спал, ничего?

— Ничего, — сказал Гарри.

— А я д-даже не ложилась, — сообщила она ему с новой судорогой зевоты. — Иди сюда, садись…

Она выдвинула ему стул, повалив при этом соседний.

— Что будешь есть, Гарри? — спросила миссис Уизли. — Овсянку? Горячие булочки? Копченую рыбу? Яичницу с беконом? Поджаренный хлеб?

— Просто поджаренный хлеб, спасибо большое, — сказал Гарри.

Люпин посмотрел на него, потом обратился к Тонкс:

— Что ты начала говорить про Скримджера?

— А… да… с ним надо быть поосторожнее, он

задавал нам с Кингсли каверзные вопросы…

Гарри почувствовал облегчение из-за того, что ему не надо было участвовать в разговоре. Внутри у него все было перекручено. Миссис Уизли положила перед ним два ломтика поджаренного хлеба и мармелад. Он что-то откусил, но это было все равно что жевать ковер. Миссис Уизли села рядом и занялась его футболкой: заправила внутрь ярлык, разгладила складки на спине. Ему это было неприятно.

— …и мне придется сказать Дамблдору, что я не смогу завтра в ночную смену, с-слишком устала, — закончила Тонкс с очередным широченным зевком.

— Я тебя заменю, — пообещал мистер Уизли. — Я ничего, в форме, правда, надо еще отчет дописать…

Вместо мантии волшебника на мистере Уизли были брюки в тонкую полоску и старый кожаный пиджак. Он перевел взгляд с Тонкс на Гарри:

— Как себя чувствуешь?

Гарри пожал плечами.

— Все кончится очень быстро, — подбадривающим тоном сказал мистер Уизли. — Несколько часов — и ты оправдан.

Гарри промолчал.

— Слушание пройдет на моем этаже, в кабинете Амелии Боунс. Она возглавляет Отдел обеспечения магического правопорядка. Она-то и будет задавать тебе вопросы.

— Амелии Боунс не бойся, Гарри, — серьезным тоном проговорила Тонкс. — Она справедливая, она тебя выслушает.

Гарри кивнул, по-прежнему не в силах ничего из себя выдавить.

— Не теряй головы, — отрывисто произнес Сириус. — Будь вежлив и держись фактов.

Гарри еще раз кивнул.

— Закон на твоей стороне, — тихо сказал Люпин. — Даже несовершеннолетним волшебникам можно прибегать к магии в случае угрозы для жизни.

По затылку Гарри вдруг потекло что-то очень холодное. Он подумал было, что кто-то подействовал на него Дезиллюминационным заклинанием, но потом понял, что это миссис Уизли атакует его волосы мокрой расческой. Она здорово надавила ему на макушку.

— Перестанут они когда-нибудь топорщиться? — спросила она в отчаянии.

Гарри покачал головой.

Мистер Уизли посмотрел на часы и поднял

глаза на Гарри.

— Думаю, надо идти, — сказал он. — Мы, конечно, рановато, но, чем здесь болтаться, лучше тебе в Министерстве подождать.

— Ладно, — автоматически произнес Гарри и, выпустив из руки ломтик хлеба, встал.

— Все будет хорошо, Гарри, — заверила его Тонкс и похлопала по плечу.

— Удачи, — сказал Люпин. — Я уверен, что все обойдется.

— А если нет, — мрачно заметил Сириус, — я сам займусь этой Амелией Боунс…

Гарри вяло улыбнулся. Миссис Уизли обняла его.

— Мы все за тебя очень-очень болеем, — сказала она.

— Спасибо, — откликнулся Гарри. — Ну, тогда… всего вам хорошего.

Он двинулся следом за мистером Уизли наверх и по коридору. Слышно было, как посапывает за портьерой мать Сириуса. Мистер Уизли отпер дверь, и они вышли на холодную, серую утреннюю площадь.

— Обычно ведь вы не ходите на работу пешком? — спросил Гарри, когда они быстро зашагали по тротуару.

— Нет, я, как правило, трансгрессирую, — ответил мистер Уизли, — но ты, разумеется, этого не можешь, и лучше всего будет, если мы явимся без всякой магии… Это произведет благоприятное впечатление, если вспомнить, что тебе ставят в вину…

Пока они шли, мистер Уизли держал руку под пиджаком. Гарри понимал, что он стискивает волшебную палочку. Неказистые улицы были почти безлюдны, но убогая маленькая станция метро оказалась полна ранних пассажиров. Как всегда в тесной близости с маглами, занимающимися своими будничными делами, мистер Уизли с трудом сдерживал восторг.

— Просто чудо какое-то, — прошептал он, показывая на автоматы для продажи билетов. — Верх изобретательности.

— Они сломаны, — заметил Гарри, показывая на табличку.

— И тем не менее… — сказал мистер Уизли, восхищенно глядя на автоматы.

Они купили билеты у сонного кассира (Гарри взял это на себя, потому что мистер Уизли не привык иметь дело с магловскими деньгами), и пять минут спустя вагон, стуча и подрагивая, уже вез их к центру Лондона. Мистер Уизли снова

и снова нервно сверялся с висевшей над окном схемой метрополитена.

— Еще четыре остановки, Гарри… Теперь три осталось… Всего две еще проехать…

Едва они вышли из поезда на одной из центральных станций, как их подхватил поток мужчин и женщин в строгих костюмах, с портфелями и дипломатами в руках. Они поднялись по эскалатору, миновали турникеты (мистер Уизли зачарованно смотрел, как щель глотала его билет) и вышли на широкую улицу, застроенную солидного вида зданиями и уже полную машин.

— Где это мы? — растерянно спросил мистер Уизли, и на миг у Гарри замерло сердце: неужели они, как мистер Уизли ни разглядывал схему, все-таки сошли не на той станции? Но секунду спустя мистер Уизли сказал: — Ах, да… Сюда, Гарри, — и повел его по боковой улице.

— Прости: я никогда не приезжал сюда на метро, а с магловской точки зрения все выглядит несколько иначе, — объяснил он. — Честно говоря, я впервые сегодня воспользуюсь входом для посетителей.

Чем дальше они шли, тем меньше и неприглядней становились дома. Наконец они достигли улочки, на которой только и было что несколь-

ко убогих офисных зданий, пивная и большой переполненный мусорный контейнер. Гарри и предположить не мог, что Министерство магии находится в таком малопривлекательном месте.

— Прибыли, — бодро объявил мистер Уизли, показывая на видавшую виды красную телефонную будку, в которой не хватало нескольких стекол. Будка стояла у глухой стены, щедро изрисованной граффити. — Прошу.

Он открыл перед своим спутником дверь.

Недоумевая, Гарри вошел. Мистер Уизли, втиснувшись следом, захлопнул дверь. Для двоих здесь едва хватало места. Гарри оказался прижат к телефонному аппарату, висевшему криво, словно какой-то хулиган пытался его сорвать. Мистер Уизли протянул мимо Гарри руку и взял трубку.

— Боюсь, мистер Уизли, телефон тоже сломан, — заметил Гарри.

— Нет, нет, я уверен, что он в исправности, — возразил мистер Уизли, держа трубку над головой и вглядываясь в диск. — Ну-ка… шесть, — он стал набирать номер, — два… четыре… опять четыре… опять два…

Когда диск с мягким стрекотанием вернулся на место, в будке зазвучал прохладный женский голос, причем не издалека, не из трубки, которую

держал мистер Уизли, а до того громко и ясно, что могло показаться, будто невидимая женщина стоит с ними рядом:

— Добро пожаловать в Министерство магии. Назовите, пожалуйста, ваше имя и цель посещения.

— Э… — замялся мистер Уизли, явно не зная, надо ли говорить в трубку. В порядке компромисса он поднес ту часть, куда говорят, к уху. — Артур Уизли, Сектор борьбы с незаконным использованием изобретений маглов. Сопровождаю Гарри Поттера, вызванного на дисциплинарное слушание…

— Благодарю вас, — произнес прохладный женский голос. — Посетитель, возьмите, пожалуйста, значок и прикрепите к мантии спереди.

что-то щелкнуло, затрещало, и Гарри увидел какую-то штучку, скользнувшую по металлическому желобку для возврата монет. Это оказался квадратный серебряный значок с надписью: *«Гарри Поттер. Дисциплинарное слушание».* Он приколол значок к своей футболке. Вновь послышался женский голос:

— Уважаемый посетитель, вам необходимо пройти досмотр и зарегистрировать вашу палочку у дежурного колдуна, чей пост находится в

дальнем конце атриума.

Пол телефонной будки дрогнул, и она медленно поползла вниз. Гарри опасливо смотрел, как тротуар за стеклянными стенками поднимался все выше, пока темнота не сомкнулась у них над головами. После этого он некоторое время ничего не видел. В ушах раздавался только однообразный механический звук подземного перемещения. Примерно через минуту (хотя Гарри показалось, что времени прошло куда больше) его ступни озарила полоска золотистого света. Расширяясь, свет постепенно залил все его тело и наконец ударил в глаза, заставив моргать.

— Министерство магии желает вам приятного дня, — сказал женский голос.

Дверь будки распахнулась, и мистер Уизли вышел. Гарри — за ним, разинув в изумлении рот.

Они стояли в конце очень длинного, великолепного зала с темным паркетным полом, отлакированным до зеркального блеска. На переливчато-синем потолке сияли золотые символы, которые перемещались и видоизменялись, делая потолок похожим на огромную небесную доску объявлений. В стенах, обшитых гладкими панелями из темного дерева, было устроено множество позолоченных каминов. Каждые

несколько секунд в том или ином камине на левой стене с мягким свистом кто-то появлялся — либо волшебница, либо волшебник. Справа перед каминами стояли небольшие очереди желающих покинуть Министерство.

Посреди зала Гарри увидел фонтан, представлявший собой золотую скульптурную группу крупней, чем в натуральную величину, в центре круглого бассейна. Самая высокая из фигур изображала благородного чародея, взметнувшего в воздух волшебную палочку. Вокруг него стояли красивая волшебница, кентавр, гоблин и эльф-домовик. Последние трое смотрели на волшебницу и чародея снизу вверх, с обожанием. Из концов волшебных палочек, из наконечника стрелы кентавра, из острия гоблинской шляпы и из ушей эльфа били сверкающие струи, и журчание воды примешивалось к хлопкам трансгрессии и к шороху бесчисленных подошв. Сотни волшебников и волшебниц, большей частью по-утреннему хмурых, шли к дальнему концу атриума, где виднелись золотые ворота.

— Туда, — сказал мистер Уизли.

Они присоединились к потоку сотрудников Министерства, одни из которых несли шаткие стопки пергаментов, другие — потертые портфе-

ли. Кое-кто читал на ходу «Ежедневный пророк». Минуя фонтан, Гарри увидел сверкающие на дне бассейна серебряные сикли и бронзовые кнаты. Рядом на маленькой потускневшей табличке было написано:

ВСЕ
ДОХОДЫ ОТ ФОНТАНА ВОЛШЕБНОГО БРАТСТВА ПЕРЕДАЮТСЯ БОЛЬНИЦЕ СВЯТОГО МУНГО.

«Если не исключат из Хогвартса, пожертвую десять галеонов», — подумалось Гарри в отчаянии.

— Сюда, Гарри, — сказал мистер Уизли, и они вышли из толпы сотрудников, направлявшихся к золотым воротам. Слева от них за столом, под табличкой с надписью «Охрана», сидел плохо выбритый волшебник в переливчато-синей мантии. При их приближении он поднял глаза от «Ежедневного пророка».

— Я сопровождаю посетителя, — объяснил мистер Уизли, показывая на Гарри.

— Сюда, пожалуйста, — сказал дежурный скучающим голосом.

Гарри подошел к нему ближе, и волшебник, подняв длинный золотой прут, тонкий и гибкий, как автомобильная антенна, провел им по телу

Гарри сверху вниз спереди и сзади.

— Волшебную палочку, — буркнул дежурный колдун-охранник, положив золотой щуп и протянув ладонь.

Гарри дал ему палочку. Охранник опустил ее на странное латунное приспособление — подобие весов, но с единственной чашечкой. Устройство завибрировало. Из щели в его основании проворно выползла узкая полоска пергамента. Волшебник оторвал ее и прочел, что на ней было написано.

— Одиннадцать дюймов, внутри перо феникса, используется четыре года. Так?

— Так, — нервно подтвердил Гарри.

— Это мне, — сказал охранник, накалывая пергамент на небольшой латунный шип. — Это вам. — Он сунул Гарри волшебную палочку обратно.

— Спасибо.

— Минуточку… — медленно произнес дежурный.

Его глаза метнулись от серебряного значка у Гарри на груди к шраму на лбу.

— Спасибо, Эрик, — твердо сказал мистер Уизли и, взяв Гарри за плечо, повел его от стола обратно к потоку служащих Министерства, идущих к

золотым воротам.

Слегка подталкиваемый со всех сторон, Гарри вслед за мистером Уизли миновал ворота и очутился в зале поменьше, где за золотыми решетками виднелось, как минимум, двадцать лифтов. Гарри и мистер Уизли присоединились к толпе около одного из них. Поблизости стоял рослый бородатый волшебник с большой картонной коробкой в руках, откуда доносились скребущие звуки.

— Как дела, Артур? — спросил волшебник, кивнув мистеру Уизли.

— Что у тебя здесь, Боб? — спросил в свою очередь мистер Уизли, глядя на коробку.

— Не знаем точно, — серьезно ответил волшебник. — Мы думали, это простой цыпленок, и вдруг он начал выдыхать огонь. Пахнет серьезным нарушением запрета на экспериментальную селекцию.

С превеликим лязгом и стуком спустился лифт, золотые решетки разъехались, и Гарри с мистером Уизли вошли в кабину вместе с толпой. На Гарри, который оказался притиснут к дальней стенке, некоторые попутчики посматривали с любопытством. Он между тем пытался пригладить челку, уставившись в пол, чтобы не

встретиться ни с кем взглядом. Громыхнули, задвигаясь, решетки, и лифт стал медленно подниматься на лязгающих цепях. Зазвучал тот же прохладный женский голос, что Гарри слышал в телефонной будке:

— Уровень седьмой. Отдел магических игр и спорта, включающий в себя штаб-квартиру Британско-ирландской лиги квиддича, Официальный клуб игроков в плюй-камни и Сектор патентов на волшебные шутки.

Дверь лифта открылась. Гарри увидел неопрятный коридор, вкривь и вкось оклеенный плакатами, рекламирующими разнообразные команды по квиддичу. Ехавший в лифте волшебник с охапкой метел не без труда выбрался из кабины и двинулся по коридору. Дверь захлопнулась, лифт, дергаясь, стал подниматься дальше, и женский голос объявил:

— Уровень шестой. Отдел магического транспорта, включающий в себя руководящий центр Сети летучего пороха, Сектор контроля за метлами, Портальное управление и Трансгрессионный испытательный центр.

Дверь снова открылась, и пять или шесть человек вышло; в кабину между тем влетело несколько бумажных самолетиков. Они стали

медленно и бесцельно кружить над головами пассажиров. Гарри принялся их разглядывать. Все они были бледно-фиолетовые, и вдоль кромки каждого крыла шел штамп: «Министерство магии».

— Просто служебные записки из отдела в отдел, — тихо объяснил ему мистер Уизли. — Раньше использовали сов, но грязь была невероятная… На все столы валился помет…

Пока лифт, дребезжа, ехал дальше, служебные записки мотались вокруг лампы, свисавшей с потолка кабины.

— Уровень пятый. Отдел международного магического сотрудничества, включающий в себя Международный совет по выработке торговых стандартов, Международное бюро магического законодательства и британский филиал Международной конфедерации магов.

Когда дверь открылась, в нее над головами у выходящих вылетели две служебные записки, но несколько новых влетело. Они принялись носиться вокруг лампы, создавая впечатление, что она горит неровно, вспышками.

— Уровень четвертый. Отдел регулирования магических популяций и контроля над ними, включающий в себя подразделения зверей, су-

ществ и духов, Управление по связям с гоблинами и Консультационное бюро по борьбе с вредителями.

— Разрешите, — сказал волшебник с огнедышащим цыпленком и вышел. За ним последовала стайка служебных записок Дверь снова с лязгом захлопнулась.

— Уровень третий. Отдел магических происшествий и катастроф, включающий в себя Группу аннулирования случайного волшебства, штаб-квартиру стирателей памяти и Комитет по выработке объяснений для маглов.

На этом этаже лифт покинули все, кроме мистера Уизли, Гарри и волшебницы, читавшей длиннющий пергаментный свиток, конец которого лежал на полу. Пока тряская кабина поднималась дальше, оставшиеся служебные записки по-прежнему парили вокруг лампы. Потом дверь открылась, и голос объявил:

— Уровень второй. Отдел обеспечения магического правопорядка, включающий в себя Сектор борьбы с неправомерным использованием магии, штаб-квартиру мракоборцев и административные службы Визенгамота.

— Прибыли, — сказал мистер Уизли, и вслед за волшебницей они вышли в коридор, где было

много дверей. — Мой кабинет в другом конце этажа.

— Как же так, мистер Уизли, — спросил Гарри, проходя мимо окна, в которое лился солнечный свет, — разве мы не под землей?

— Под землей, — сказал мистер Уизли. — Это колдовские окна. Какая за ними будет погода, всякий раз решает Отдел магического хозяйства. Недавно мы перенесли два месяца ураганов — таким способом они давали понять, что хотят прибавки к жалованью… Сюда, Гарри.

Они повернули за угол, прошли через массивную дубовую двустворчатую дверь и очутились в большом зале, тесно заставленном и разгороженном на отсеки, гудевшие от разговоров и смеха. Служебные записки летали взад-вперед, как мини-ракеты. На перегородке ближнего отсека косо висела табличка: «Штаб-квартира мракоборцев».

Пересекая зал, Гарри исподтишка заглядывал в двери. На стены рабочих помещений мракоборцев были обильно наклеены разные разности — снимки разыскиваемых волшебников, фотографии близких, плакаты с изображениями любимых команд по квиддичу, вырезки из «Ежедневного пророка». В одном отсеке мужчина в алой мантии с забранными в конский хвост воло-

сами еще длинней, чем у Билла, сидел, водрузив ноги на письменный стол, и диктовал своему перу отчет. Чуть дальше колдунья с повязкой на глазу разговаривала через перегородку с Кингсли Бруствером.

— Доброе утро, Уизли, — небрежно бросил Кингсли, когда они приблизились. — Можно вас на два слова?

— Если действительно на два, пожалуйста, — отозвался мистер Уизли. — У меня, признаться, очень мало времени.

Они разговаривали так, словно были не очень близко знакомы. Гарри открыл было рот, чтобы поздороваться с Кингсли, но мистер Уизли во-время наступил ему на ногу. Они последовали за Кингсли по проходу к последнему отсеку.

Там Гарри испытал легкое потрясение: со всех сторон на него глядело лицо Сириуса. Стены были щедро оклеены вырезками из газет и старыми фотографиями, включая даже ту, где Сириус исполнял роль шафера на свадьбе у Поттеров. Единственным свободным от Сириуса участком была карта мира с воткнутыми в нее булавками, чьи красные головки переливались точно драго-ценные камни.

— Вот, — деловито сказал Кингсли мистеру Уиз-

ли и сунул ему в руку пачку пергаментов. — Мне нужна вся информация, какую можно собрать, о магловских наземных транспортных средствах, замеченных летающими в течение последнего года. Мы располагаем сведениями о том, что Блэк, возможно, по-прежнему использует свой старый мотоцикл. — Сердечно подмигнув Гарри, Кингсли шепотом добавил: — Покажи ему журнал, ему будет интересно. — Потом прежним тоном: — И поторопитесь, Уизли, ваше промедление с отчетом об огнеструйном оружии задержало наше расследование на месяц.

— Если вы прочли мой отчет, вы должны знать, что оружие бывает *огнестрельное,* — холодно заметил мистер Уизли. — Что касается информации о мотоциклах, боюсь, вам придется подождать: я сейчас очень занят. — Понизив голос, он добавил: — Постарайся освободиться до семи, у Молли сегодня на ужин мясные шарики.

Жестом поманив Гарри, он вышел из отсека Кингсли. Миновав вторую дубовую дверь, они двинулись по очередному проходу, потом налево, прошли коридор и, повернув направо в следующий коридор, тускло освещенный и явно запущенный, достигли в конце концов тупика. Левая дверь, приоткрытая, вела в чулан, на пра-

вой потускневшая латунная пластинка гласила: «Сектор борьбы с незаконным использованием изобретений маглов».

Неказистый кабинет мистера Уизли был едва ли не меньше чулана. Мимо двух втиснутых в него письменных столов с трудом можно было пробраться — мешали стоявшие вдоль стен картотечные шкафы, на которых громоздились папки. Крохотный свободный участок стены красноречиво говорил о пристрастиях мистера Уизли: несколько плакатов с автомобилями, картинка, показывающая снятый с машины двигатель, два изображения почтовых ящиков, вырезанные, по всей видимости, из магловских детских книжек, и схема подсоединения проводов к штепселю.

Кучу всякой всячины в переполненном ящике мистера Уизли для входящих материалов увенчивали старый тостер, нагонявший тоску беспрерывным иканием, и пара пустых кожаных перчаток, которые праздно поигрывали большими пальцами, сплетя остальные. Около ящика стояла семейная фотография Уизли. Гарри заметил, что Перси на ней отсутствует.

— У нас, к сожалению, нет окна, — извиняющимся тоном сказал мистер Уизли, снимая и вешая на спинку стула свой кожаный пиджак. —

Мы просили, но они считают, что для нас это излишняя роскошь. Садись, Гарри, Перкинса еще нет.

Гарри втиснулся на стул у стола Перкинса, а мистер Уизли принялся листать пачку пергаментов, которую дал ему Кингсли Бруствер.

— А, — ухмыльнулся он, извлекая из середины журнал под названием «Придира». — Да… — Он бегло перелистал журнал. — Да, он прав, Сириус позабавится… Вот те на, что это еще?

В открытую дверь влетела служебная записка. Взмахнув крыльями, она опустилась на икающий тостер. Мистер Уизли развернул ее и прочел вслух.

— «Обнаружен третий извергающий унитаз в общественной уборной — теперь в Бетнал-Грине. Займитесь незамедлительно». Это уже становится смешно…

— Извергающий унитаз?

— Антимагловские шуточки, — нахмурился мистер Уизли. — Каждый раз в другом районе Лондона. На прошлой неделе было два — в Уимблдоне и Элефант-энд-Касле. Магл пытается спустить воду, и вместо того чтобы все исчезло… Ну, ты можешь себе представить. Бедолаги зовут этих самых… сотейников, так, кажется?.. Ну, ма-

стеров, которые чинят всякие трубы и прочее…

— Сантехников?

— Да, точно. Но они, разумеется, только разводят руками. Единственная надежда — что мы найдем тех, кто этим забавляется.

— Кто будет искать, мракоборцы?

— Ну нет, для них это слишком мелкая задача, скорее всего, это будет обычный патруль органов магического правопорядка… А вот и Перкинс, познакомься, Гарри.

В кабинет, пыхтя, вошел сутулый, безобидный на вид старый волшебник с пушистой седой шевелюрой.

— Артур! — нервно воскликнул он, не глядя на Гарри. — Очень хорошо, а то я не знал, как быть, — то ли ждать тебя здесь, то ли идти искать. Я только что послал к тебе на дом сову, но ты, конечно, с ней разминулся… Десять минут назад пришло срочное сообщение…

— Я знаю про извергающий унитаз, — перебил его мистер Уизли.

— Нет, это не унитаз, это слушание по делу Поттера. Они изменили время и место — в восемь часов в старом зале суда номер десять…

— В старом… Но мне же сказали… Борода Мерлина!

Мистер Уизли посмотрел на часы, охнул и вскочил со стула.

— Быстрей, Гарри, нам следовало там быть пять минут назад!

Перкинс прижался к картотечному шкафу, чтобы дать мистеру Уизли выбежать из кабинета. Гарри не отставал.

— Почему они изменили время? — спросил, задыхаясь, Гарри, когда они мчались мимо отсеков мракоборцев. Люди высовывали головы и смотрели им вслед. Гарри чувствовал себя так, словно оставил на рабочем месте Перкинса все свое нутро.

— Понятия не имею, но хорошо, что мы прибыли заранее! Если бы ты не явился, это была бы катастрофа!

У лифта мистер Уизли резко затормозил и с размаху ткнул пальцем в кнопку со стрелкой вниз.

— Ну скорее же!

Громыхая, приехал лифт. Они метнулись в кабину. При каждой остановке мистер Уизли с бешеным ругательством щелкал кнопкой девятого уровня.

— Эти помещения не использовались годы и годы, — сердито сказал он. — Не понимаю, почему они решили именно там… разве что… но нет…

Тут в лифт вошла пухлая ведунья с дымящимся кубком, и мистер Уизли не стал продолжать.

— Атриум, — объявил прохладный женский голос, и, когда золотые решетки разъехались, Гарри издали увидел фонтан со статуями. Пухлая ведунья вышла. Вошел волшебник с землистым и чрезвычайно скорбным лицом.

— Доброе утро, Артур, — сказал он замогильным голосом, когда лифт начал спускаться. — В нашем подземелье ты нечастый гость.

— Срочное дело, Боуд, — отозвался мистер Уизли, который покачивался на пятках от нетерпения и бросал тревожные взгляды на Гарри.

— А, понятно, — сказал Боуд, оглядывая Гарри немигающим взором. — Разумеется.

Пристальный взгляд Боуда не добавил Гарри спокойствия. Впрочем, душевных сил на то, чтобы уделить попутчику внимание, у него не было.

— Отдел тайн, — произнес прохладный женский голос и умолк.

— Живей, Гарри, — скомандовал мистер Уизли, когда дверь лифта с лязгом распахнулась.

Они стремительно пошли по коридору, совершенно не похожему на те, что Гарри видел наверху. Голые стены. Никаких окон и никаких дверей, кроме одной совершенно черной в даль-

нем конце коридора. Гарри думал, что в нее-то они и войдут, но мистер Уизли схватил его за руку и заставил повернуть налево, где оказался проем, ведущий на лестницу.

— Вниз, вниз, — пыхтел мистер Уизли, перескакивая при каждом шаге через ступеньку. — Сюда даже лифт не ходит, такая глубина… Почему они здесь решили устроить, ума не приложу…

Добравшись до низа лестницы, они побежали по другому коридору, сильно смахивающему на тот, что в Хогвартсе вел в подземное логово Снегга. В держателях, укрепленных на грубых каменных стенах, горели факелы, освещая массивные деревянные двери с железными засовами и обитыми железом замочными скважинами.

— Зал суда… номер десять… кажется… мы почти… да.

Мистер Уизли резко остановился перед темной закопченной дверью с огромным железным замком. Он тяжело привалился к стене, держась за грудь, в которой отчаянно кололо.

— Иди, — тяжело дыша, проговорил он и показал на дверь. — Туда, туда.

— А разве… разве вы не со мной?..

— Нет, нет, мне нельзя. Удачи тебе!

Сердце Гарри выбивало бешеную дробь прямо

в горле. Он с трудом сглотнул, повернул тяжелую железную дверную ручку и вступил в зал суда.

Глава 8

СЛУШАНИЕ

Как Гарри ни старался владеть собой, он задохнулся от изумления. Просторное подземелье, в которое он вошел, было ему до ужаса знакомо. Он не просто видел его раньше — он *побывал* в нем, когда заглянул в Омут памяти Дамблдора. У него на глазах супругов Лестрейндж приговорили здесь к пожизненному заключению в Азкабане.

Стены, сложенные из темного камня, были тускло подсвечены факелами. Справа и слева от Гарри вздымались ряды пустых скамей, но впереди, где скамьи стояли на возвышении, на них темнело много человеческих фигур. Сидящие вполголоса переговаривались, но как только за Гарри закрылась массивная дверь, в зале воцарилась зловещая тишина.

— Вы заставили нас ждать, — проговорил холодный мужской голос.

— Прошу прощения, — нервно сказал Гарри. — Я… я не знал, что время изменили.

— Визенгамот в этом не виноват, — возразил голос. — Утром к вам была послана сова. Садитесь.

Гарри перевел взгляд на стоящее посреди зала кресло с цепями на подлокотниках. В Омуте памяти он видел, как эти цепи ожили и опутали подсудимого. Каждый шаг Гарри по каменному полу отдавался громким эхом. Когда он осторожно опустился на краешек сиденья, цепи угрожающе звякнули, но обвивать ему руки не стали. Чувствуя себя, прямо скажем, неважно, он поднял глаза на сидящих перед ним.

Их было человек пятьдесят, и на всех, насколько он мог видеть, были мантии сливового цвета с искусно вышитой серебряной буквой «В» на левой стороне груди. Все смотрели на него сверху вниз — одни чрезвычайно сурово, другие с откровенным любопытством.

Посреди переднего ряда сидел Корнелиус Фадж, министр магии. Этот упитанный мужчина сегодня расстался со светло-зеленым котелком, который частенько носил; не было и добродушной улыбки, с которой он, бывало, обращался к Гарри. Слева от Фаджа Гарри увидел дородную волшебницу с квадратным подбородком и очень короткими седыми волосами. В глазу у нее поблескивал монокль, и выглядела она довольно-таки устрашающе. По правую руку от Фаджа сидела другая колдунья, но она так далеко

откинулась на спинку скамьи, что лица не было видно.

— Очень хорошо, — сказал Фадж. — Обвиняемый явился — наконец-то. Можно начинать. Вы готовы? — крикнул он кому-то из сидящих.

— Да, сэр, — откликнулся сбоку услужливый голос, который был Гарри знаком. Перси, брат Рона, сидел на самом краю переднего ряда. Гарри взглянул на него, рассчитывая хоть на какой-то приветственный знак, но напрасно. Держа наготове перо, Перси сквозь стекла роговых очков смотрел на лежащий перед ним пергамент.

— Дисциплинарное слушание от двенадцатого августа объявляю открытым, — звучно провозгласил Фадж, и Перси тотчас начал вести протокол. — Разбирается дело о нарушении Указа о разумном ограничении волшебства несовершеннолетних и Международного статута о секретности Гарри Джеймсом Поттером, проживающим по адресу: графство Суррей, город Литтл-Уингинг, Тисовая улица, дом номер четыре. Допрос ведут: Корнелиус Освальд Фадж, министр магии; Амелия Сьюзен Боунс, глава Отдела обеспечения магического правопорядка; Долорес Джейн Амбридж, первый заместитель министра. Секретарь суда — Перси Игнациус

Уизли…

— Свидетель защиты — Альбус Персиваль Вулфрик Брайан Дамблдор, — произнес сзади негромкий голос.

Гарри обернулся так стремительно, что заболела шея.

На Дамблдоре, который неспешно шел через зал, была длинная темно-синяя мантия, и лицо его выражало непоколебимое спокойствие. Седина волос и длинной бороды серебрилась в свете факелов. Поравнявшись с Гарри, он посмотрел на Фаджа сквозь полукружья очков, сидевших на середине крючковатого носа.

Члены Визенгамота зашептались между собой. Все глаза были устремлены на вошедшего. Одни судьи выглядели раздосадованными, другие — слегка напуганными, но две пожилые волшебницы в заднем ряду приветственно помахали Дамблдору.

При виде директора в груди у Гарри, как от пения феникса, поднялось мощное чувство защищенности и надежды. Ему захотелось, чтобы Дамблдор на него посмотрел, но тот не спускал глаз с явно взволнованного Фаджа.

— А… Дамблдор, — проговорил министр, пришедший, судя по всему, в полное замешатель-

ство. — Да. Значит, вы… э… получили наше… э… сообщение о том, что время и… э… место слушания изменены?

— Мы с вашим посланием, должно быть, разминулись, — дружелюбно сказал Дамблдор. — Но по счастливой случайности я прибыл в Министерство на три часа раньше, так что все в порядке.

— Да… хорошо… нам, видимо, нужно еще одно кресло… Уизли, будьте добры…

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, — приятным тоном сказал Дамблдор. Вынув волшебную палочку, он легонько ею взмахнул, и рядом с Гарри ниоткуда возникло мягкое, обитое ситцем кресло. Дамблдор сел, положил руки на подлокотники, соединил кончики длинных пальцев и с вежливой заинтересованностью уставил взгляд на Фаджа. Члены Визенгамота по-прежнему вовсю перешептывались и ерзали; успокоились, только когда Фадж снова заговорил.

— Да, — сказал он, шурша пергаментами. — Хорошо. Итак, обвинение. Да.

Он извлек из лежащей перед ним стопки нужный лист, набрал побольше воздуха и стал читать:

— «Подсудимому вменяется в вину

нижеследующее: то, что он сознательно, намеренно и с полным пониманием незаконности своих действий, получив ранее по сходному поводу письменное предупреждение от Министерства магии, второго августа нынешнего года в девять часов двадцать три минуты вечера произнес заклинание Патронуса в населенном маглами районе и в присутствии магла, что нарушает статью «С» Указа о разумном ограничении волшебства несовершеннолетних от тысяча восемьсот семьдесят пятого года и раздел тринадцатый Статута о секретности, принятого Международной конфедерацией магов».

Вы — Гарри Джеймс Поттер, проживающий по адресу: графство Суррей, город Литтл-Уингинг, Тисовая улица, дом номер четыре? — спросил Фадж, глядя на Гарри поверх пергамента.

— Да, — сказал Гарри.

— Вы получили три года назад предупреждение от Министерства по поводу незаконного применения волшебства?

— Да, но…

— И тем не менее вечером второго августа вы

заклинанием вызвали Патронуса? — спросил Фадж.

— Да, — сказал Гарри, — но…

— Понимая, что вам воспрещено применять волшебство вне школы, пока вам не исполнилось семнадцать лет?

— Да, но…

— Понимая, что вы находитесь в районе, изобилующем маглами?

— Да, но…

— Вполне понимая, что в данный момент в непосредственной близости от вас находится магл?

— Да, — сердито сказал Гарри, — но я сделал это только потому, что на нас…

Волшебница с моноклем перебила его громким, низким голосом:

— Вы смогли вызвать полноценного Патронуса?

— Да, — ответил Гарри, — потому что…

— Телесного Патронуса?

— Что? — переспросил Гарри.

— Ваш Патронус явился в ясно оформленном виде? Не просто как облачко пара или дыма?

— Не просто, — ответил Гарри, испытывая раздражение и легкое отчаяние. — Это олень,

всегда олень.

— Всегда? — прогудела мадам Боунс. — Вы что, и раньше вызывали Патронуса?

— Да, — сказал Гарри. — Первый раз — больше года назад.

— Вам пятнадцать лет?

— Да, и…

— Вы научились этому в школе?

— Да, меня на третьем курсе научил профессор Люпин, потому что…

— Впечатляюще, — сказала, глядя на него, мадам Боунс. — Настоящий Патронус в его возрасте… Чрезвычайно впечатляюще.

Некоторые волшебники и волшебницы снова зашептались; кое-кто одобрительно кивнул, но другие хмурились и качали головами.

— Дело не в том, насколько впечатляющим было это волшебство, — брюзгливо проговорил Фадж. — И если разобраться, то чем более впечатляющим оно было, тем хуже — ведь школьник сделал это на глазах у магла!

Те, кто хмурился, вполголоса обменялись фразами, выражающими согласие; но что заставило Гарри заговорить — это ханжеский малюсенький кивок Перси.

— Я сделал это, чтобы прогнать дементоров! —

громко сказал Гарри, никому теперь уже не дав себя перебить.

Он ожидал новых перешептываний — но наступила тишина, какой не было с начала слушания.

— Дементоров? — переспросила после паузы мадам Боунс, вскинув густые брови и едва не уронив монокль. — Что вы хотите этим сказать, молодой человек?

— Я хочу сказать, что в том проулке на меня и моего двоюродного брата напали двое дементоров!

— А… — снова протянул Фадж, на этот раз язвительно улыбаясь и оглядывая Визенгамот, словно побуждая судей повеселиться с ним вместе. — Ну конечно. Я был уверен, что мы услышим нечто в подобном роде.

— Дементоры в Литтл-Уингинге? — спросила мадам Боунс с великим изумлением. — Ничего не понимаю…

— Не понимаете, Амелия? — Фадж по-прежнему улыбался. — А я вам объясню. Дементоры — отличная выдумка для того, чтобы вывернуться. Просто превосходная. Ведь маглы дементоров видеть не могут, не так ли, юноша? Очень удобно, очень… Но это только ваши слова, никаких подтверждающих свидетельств…

— Я не вру! — громко заявил Гарри, перекрыв очередную волну шепота на скамьях. — Их было двое, каждый приближался со своего конца проулка, вдруг стало очень темно и холодно, мой двоюродный брат почувствовал их и побежал…

— Довольно, довольно! — воскликнул Фадж с чрезвычайно презрительным видом. — Увы, я вынужден прервать этот, без сомнения, хорошо отрепетированный рассказ…

Дамблдор кашлянул. В зале суда опять стало очень тихо.

— Дадли Дурсль был не единственным свидетелем присутствия дементоров в этом проулке, — сказал он.

Надутое лицо Фаджа вмиг сделалось дряблым, точно из него выпустили воздух. Секунду-другую он смотрел на Дамблдора. Потом с видом человека, берущего себя в руки, сказал:

— Боюсь, Дамблдор, нам некогда слушать новые байки. Я хочу решить вопрос быстро…

— Я могу ошибаться, — произнес Дамблдор любезным тоном, — но мне кажется, что согласно Хартии о правах подсудимому дается возможность представлять свидетелей в свою защиту. Не предусмотрено ли это, мадам Боунс, — он обратился к волшебнице с моноклем, — нормами,

принятыми в Отделе обеспечения магического правопорядка?

— Предусмотрено, — пробасила мадам Боунс. — Вы совершенно правы.

— Ну ладно, ладно, — сухо согласился Фадж. — Где же свидетель?

— Я привел эту женщину с собой, — сказал Дамблдор. — Она ждет за дверью. Могу я уже?..

— Нет, не вы… Сходите, Уизли! — гаркнул Фадж, обращаясь к Перси.

Тот немедленно встал, сбежал по каменным ступеням с судейского возвышения и торопливо прошел мимо Дамблдора и Гарри, не глядя на них.

Мгновение спустя Перси вернулся, ведя за собой миссис Фигг, явно испуганную и еще более сумасшедшую на вид, чем обычно. Гарри огорчило, что она и теперь не сочла нужным сменить матерчатые шлепанцы на какую-нибудь другую обувь.

Дамблдор встал, уступая кресло миссис Фигг, после чего сотворил себе другое.

— Ваше имя и фамилия! — громко потребовал Фадж, когда миссис Фигг боязливо примостилась на самом краешке сиденья.

— Арабелла Дорин Фигг, — сказала миссис Фигг

дрожащим голосом.

— И кто вы, собственно, такая? — спросил Фадж недовольным и высокомерным тоном.

— Я жительница Литтл-Уингинга, мой дом недалеко от дома Гарри Поттера, — ответила миссис Фигг.

— Мы не располагаем данными о том, что в Литтл-Уингинге живет кто-либо из волшебников или волшебниц, кроме Гарри Поттера, — немедленно вмешалась мадам Боунс. — Ситуация там, ввиду… ввиду прошедших событий, находилась под пристальным наблюдением.

— Я сквиб, — объяснила миссис Фигг. — Поэтому вы могли и не взять меня на заметку.

— Сквиб? — переспросил Фадж, подозрительно ее разглядывая. — Мы это проверим. Передайте потом моему помощнику Уизли сведения о ваших родителях. Кстати говоря, могут ли сквибы видеть дементоров? — поинтересовался он и поглядел влево и вправо вдоль скамьи.

— Еще как можем! — негодующе воскликнула миссис Фигг.

Фадж, вскинув брови, снова перевел на нее взгляд.

— Очень хорошо, — сказал он отчужденно. — Ну, и что вы хотите нам рассказать?

— Второго августа около девяти вечера я вышла купить кошачьей еды в угловом магазинчике в конце улицы Глициний, — затараторила миссис Фигг, как будто выучила эти слова наизусть, — и тут я услышала в проулке между улицами Магнолий и Глициний какой-то шум. Подошла, заглянула в проулок и увидела бегущих дементоров…

— Бегущих? — резко спросила мадам Боунс. — Дементоры не бегают, а скользят.

— Вот-вот, это я и хотела сказать, — торопливо поправилась миссис Фигг, на чьих высохших щеках выступили пятна румянца. — Они скользили по проулку к двум подросткам.

— Как они выглядели? — спросила мадам Боунс. Она так сощурила глаза, что обод монокля глубоко ушел в плоть.

— Ну, один крупный такой, другой, наоборот, худенький…

— Да нет же, — с раздражением перебила ее мадам Боунс. — Дементоры. Опишите их.

— О, — сказала миссис Фигг, у которой и по шее разливалась теперь краснота. — Они были большие. Большие, в плащах.

Гарри почувствовал ужасающую невесомость в недрах живота. Все, что говорила миссис Фигг,

звучало так, словно в лучшем случае она видела дементоров на картинке. Между тем никакая картинка не в состоянии передать подлинное ощущение от близости этих существ. Как жутко они движутся, летя в дюймах над землей. Какой гнилостный от них запах. С каким невыносимым клокочущим звуком они всасывают в себя окружающий воздух…

Во втором ряду невысокий кряжистый волшебник с пышными черными усами, наклонясь к самому уху кудрявой соседки, что-то ей прошептал. Она ухмыльнулась и кивнула.

— Большие, в плащах, — холодно повторила мадам Боунс, в то время как Фадж насмешливо хмыкнул. — Понятно. Что-нибудь еще?

— Да, — сказала миссис Фигг. — Я их почувствовала. Стало очень холодно, а вечер, заметьте, был летний и очень теплый. И мне показалось… что все счастье ушло из мира… и я вспомнила… страшные вещи…

Ее голос задрожал и умолк.

Глаза мадам Боунс открылись чуть шире. Под бровью у нее Гарри увидел красный след от врезавшегося монокля.

— Что дементоры делали? — спросила она, и Гарри ощутил прилив надежды.

— Они приближались к мальчикам, — сказала миссис Фигг окрепшим и более уверенным голосом. Краснота сходила с ее лица. — Один мальчик упал. Другой отступал перед дементором и пытался его отогнать. Это был Гарри. Он сделал две попытки, но вылетал только серебристый пар. С третьего раза он вызвал Патронуса, и олень сначала отбросил первого дементора, а потом по просьбе Гарри защитил его двоюродного брата от второго. И... в общем, да, так оно и было, — несколько неуклюже закончила миссис Фигг.

Мадам Боунс молча глядела на нее сверху вниз. Фадж шуршал пергаментами и не смотрел на свидетельницу вовсе. В конце концов он поднял глаза и агрессивным тоном спросил:

— Значит, вот это вы и видели?

— Да, так оно и было, — повторила миссис Фигг.

— Очень хорошо, — сказал Фадж. — Можете идти.

Миссис Фигг перевела испуганный взгляд с Фаджа на Дамблдора, потом встала и зашаркала к двери. Гарри услышал, как дверь закрылась за ней с глухим толчком.

— Не слишком убедительные показания, — надменно изрек Фадж.

— Не знаю, не знаю, — возразила мадам Боунс своим густым голосом. — Она очень точно описала действие, производимое дементорами. И я не могу представить себе, зачем ей понадобилось бы врать, что они там были, если бы их там не было.

— Прогуливаясь в населенном маглами пригороде, дементоры *случайно* наткнулись на волшебника? — язвительно проговорил Фадж. — Вероятность крайне мала. Даже Бэгмен не поставил бы на это…

— Ну, вряд ли кто-нибудь из нас думает, что дементоры могли оказаться там случайно, — непринужденным тоном заметил Дамблдор.

Сидевшая справа от Фаджа волшебница, чье лицо было скрыто в тени, слегка пошевелилась. Все остальные пребывали в молчании и неподвижности.

— И что это должно означать? — ледяным голосом спросил Фадж.

— Что, по моему мнению, им было приказано туда явиться, — ответил Дамблдор.

— Если бы кто-нибудь приказал двум дементорам отправиться на прогулку по Литтл-Уингингу, мы, я думаю, знали бы об этом! — рявкнул Фадж.

— Вовсе нет, если допустить, что дементоры

исполняют теперь приказы не только Министерства магии, — спокойно возразил Дамблдор. — Я уже сообщал вам, Корнелиус, свои суждения на этот счет.

— Да, сообщали, — сказал Фадж с напором, — и у меня нет причин видеть в них что-либо кроме пустой болтовни, Дамблдор. Дементоры находятся в Азкабане, где им и положено быть, и делают то, что мы от них требуем.

— Тогда, — проговорил Дамблдор тихо, но отчетливо, — мы должны спросить себя, почему кто-то в Министерстве послал второго августа двух дементоров в тот проулок.

В полной тишине, которая наступила вслед за этими словами, ведунья, сидевшая справа от Фаджа, наклонилась вперед, и Гарри наконец-то смог рассмотреть ее получше.

Низенькая и довольно толстая, она выглядела как большая бледная жаба. Лицо широкое и рыхлое, шея короткая, как у дяди Вернона, рот широченный, дряблый. Глаза крупные, круглые и немного навыкате. Даже маленький черный бархатный бантик на коротко стриженной курчавой макушке и тот наводил на мысль о большой мухе, которую жаба вот-вот поймает, высунув длинный клейкий язык.

— Слово предоставляется Долорес Джейн Амбридж, первому заместителю министра, — объявил Фадж.

Гарри поразил ее голос — тоненький, девчоночий, неустойчивый. Он-то ожидал кваканья.

— Я уверена, что неправильно вас поняла, профессор Дамблдор, — сказала она с жеманной улыбкой, не сделавшей, однако, ее большие круглые глаза менее холодными. — Так глупо с моей стороны. Но на одну маленькую секундочку мне почудилось, будто вы предполагаете, что Министерство магии приказало кому-то напасть на этого подростка!

Она издала серебристый смешок, от которого волосы у Гарри на затылке встали дыбом. Вместе с ней засмеялось еще несколько членов Визенгамота. При этом было совершенно ясно, что ни одному из них вовсе даже не смешно.

— Дементоры подчиняются только приказам, исходящим из Министерства магии. Это факт. Неделю назад двое дементоров напали на Гарри и его двоюродного брата. Это тоже факт. Отсюда логически вытекает, что кто-то в Министерстве приказал им совершить это нападение, — вежливо сказал Дамблдор. — Можно, конечно, допустить, что эти двое дементоров вышли из-

под контроля Министерства…

— Все дементоры до единого находятся под контролем Министерства! — прогремел Фадж, сделавшийся красным как рак.

Дамблдор чуть наклонил голову и вновь поднял.

— Тогда, несомненно, Министерство проведет полное расследование того обстоятельства, что двое дементоров оказались очень далеко от Азкабана и совершили нападение без приказа.

— Не вам решать, Дамблдор, чем должно заниматься Министерство магии! — рявкнул Фадж, теперь уже пурпурный — такого оттенка, каким гордился бы сам дядя Вернон.

— Не мне, конечно, — мягко согласился Дамблдор. — Я всего-навсего выразил уверенность в том, что этот вопрос не останется без внимания.

Он посмотрел на мадам Боунс. Глядя ему в глаза и слегка хмурясь, она поправила монокль.

— Я хотел бы напомнить всем присутствующим, что поведение этих дементоров — пусть даже они не плод воображения подсудимого — не рассматривается нами сегодня! — сказал Фадж. — Мы собрались, чтобы установить, нарушил ли Гарри Поттер Указ о разумном ограничении волшебства несовершеннолетних!

— Совершенно верно, — отозвался Дамблдор, — но вопрос о присутствии дементоров в этом проулке имеет прямое отношение к делу. В статье седьмой Указа говорится, что в исключительных обстоятельствах применение волшебства допускается. Под понятие исключительных обстоятельств подпадают, в частности, ситуации, когда имеется прямая угроза либо жизни применяющего волшебство лица, либо жизни других присутствующих волшебников, волшебниц или маглов…

— Мы знакомы с седьмой статьей, спасибо! — крикнул Фадж.

— Конечно знакомы, — учтиво сказал Дамблдор. — И тогда мы все должны согласиться с тем, что использование Гарри Поттером в тот момент заклинания Патронуса сполна оправдывается исключительными обстоятельствами, о которых идет речь в данной статье.

— Если там были дементоры, в чем я сомневаюсь!

— Вы слышали об этом от очевидицы, — перебил Фаджа Дамблдор. — Если вы по-прежнему сомневаетесь в ее правдивости, вызовите ее еще раз, задайте ей новые вопросы. Я уверен, она охотно явится.

— Это… я… никак! — взбеленился Фадж, нервно шелестя пергаментами. — Мне… Я хочу покончить с этим сегодня, Дамблдор!

— Но вам ведь, разумеется, безразлично, сколько раз слушать свидетельницу, если в противном случае суд рискует совершить серьезную ошибку, — сказал Дамблдор.

— Серьезную ошибку, ну надо же! — заорал Фадж. — Чем оправдывать вопиющее злоупотребление магией вне школы, вы бы лучше, Дамблдор, хоть раз задались вопросом, сколько этот подросток уже выдал всяких выдумок и небылиц! Вы, видимо, забыли, как он три года назад применил заклинание Левитации…

— Это был не я, это был эльф-домовик! — вмешался Гарри.

— ВОТ ВИДИТЕ! — взревел Фадж, картинным жестом показывая на Гарри. — Эльф-домовик! В доме магла! Чего вам еще надо?

— Домовый эльф, о котором идет речь, в настоящее время работает в школе «Хогвартс», — сказал Дамблдор. — Если хотите, я могу сию же минуту вызвать его сюда для дачи показаний.

— Я… не… у меня нет времени выслушивать эльфов-домовиков! Как бы то ни было, это не единственное… Кто раздул свою тетю?! — за-

вопил Фадж и хряснул кулаком по судейскому столу, да так, что опрокинул чернильницу.

— И вы по доброте душевной не проявили в данном случае строгости — видимо, приняли во внимание, что даже лучшие из волшебников не всегда способны владеть собой, — спокойно проговорил Дамблдор, глядя, как Фадж пытается стереть чернила со своих пергаментов.

— А о том, что он вытворяет в школе, я и не начинал еще говорить.

— Министерство не имеет права наказывать учеников Хогвартса за проступки, совершенные в школе, и поэтому поведение Гарри в ее стенах не подлежит разбору на данном слушании, — сказал Дамблдор так же вежливо, как и раньше, но с неким новым прохладным оттенком.

— Ого! — воскликнул Фадж. — Как он ведет себя в школе — не наше дело? Вы всерьез так думаете?

— Министерство не имеет права исключать учеников Хогвартса, и я напомнил вам об этом, Корнелиус, вечером второго августа, — сказал Дамблдор. — Оно не имеет также права отбирать волшебные палочки, пока обвинение не доказано. Мне и об этом пришлось вам напомнить вечером того же дня. Быстрота, с какой вы взялись

обеспечить соблюдение закона, достойна восхищения, но второпях вы сами — без сомнения, непреднамеренно — чуть было его не нарушили.

— Законы можно и поменять! — свирепо заявил Фадж.

— Конечно, — кивнул Дамблдор. — И создается впечатление, что вы, Корнелиус, меняете их на каждом шагу. Почему за те несколько недель, что прошли после моего вынужденного ухода из Визенгамота, суд начал разбирать такие мелкие вопросы, как использование волшебства несовершеннолетним, полным составом?

Некоторые волшебники заерзали, как будто им стало неудобно сидеть. Лицо Фаджа приобрело цвет темного кирпича. Но похожая на жабу колдунья справа от него просто глазела на Дамблдора без всякого выражения на лице.

— Насколько мне известно, — продолжил Дамблдор, — нет пока такого закона, который предписывал бы этому суду карать Гарри за всякое волшебство, что он когда-либо совершал. Ему предъявили конкретное обвинение, и он привел доводы в свою защиту. Все, что он и я можем теперь делать, — это ждать вашего вердикта.

Дамблдор умолк и снова свел кончики пальцев воедино. Взбешенный Фадж пялился на него вол-

ком. Гарри скосил глаза на Дамблдора в надежде на какой-нибудь успокаивающий знак. Он совсем не был убежден, что Дамблдор правильно сделал, дав Визенгамоту понять, что пора принимать решение. Но директор опять оставил без внимания попытку Гарри встретиться с ним взглядами. Он по-прежнему смотрел на скамьи, где судьи торопливо, шепотом обменивались мнениями.

Гарри принялся изучать свои ступни. Сердце, разбухшее, казалось, до неимоверных размеров, громко било ему в ребра. Он думал, что разбирательство продлится дольше. Он отнюдь не был уверен, что произвел благоприятное впечатление. Он ведь и слова толком не вымолвил. Он должен был подробнее рассказать про дементоров, про то, как он упал, как его и Дадли чуть не поцеловали…

Дважды он поднимал глаза на Фаджа и открывал рот, чтобы заговорить, но сердце разбухло до того, что перекрыло путь воздуху, и оба раза он только делал глубокий вдох и снова переводил взгляд на свои ботинки.

Потом шепот умолк. Гарри хотел посмотреть на судей, но оказалось, что намного, намного легче по-прежнему исследовать шнурки.

— Кто за то, чтобы оправдать подсудимого по

всем пунктам? — прогудел голос мадам Боунс.

Гарри рывком поднял голову. В воздухе были руки, много рук… больше половины! Часто-часто дыша, он попытался сосчитать, но не успел он кончить, как мадам Боунс спросила:

— Кто за то, чтобы признать подсудимого виновным?

Фадж поднял руку; с ним еще полдюжины человек, в том числе колдунья справа от него, усатый волшебник во втором ряду и его кудрявая соседка.

С таким видом, точно в горле у него застряло что-то крупное, Фадж оглядел всех судей, потом опустил руку. Два раза глубоко вздохнул и голосом, полным сдавленной ярости, произнес:

— Так, хорошо, очень хорошо… Оправдан по всем пунктам.

— Отлично, — бодро сказал Дамблдор. Поднявшись на ноги, вынул волшебную палочку и заставил оба обитых ситцем кресла исчезнуть. — Признаться, мне пора. Всего вам доброго.

И, не взглянув на Гарри, он стремительно вышел из зала.

Глава 9

СТРАХИ МИССИС УИЗЛИ

Быстрый уход Дамблдора застал Гарри врасплох. Он по-прежнему сидел в кресле с цепями, пытаясь справиться с двойственным чувством потрясения и облегчения. Судьи поднимались, разговаривали, собирали и укладывали свои пергаменты. Наконец Гарри встал. Никто, казалось, не обращал на него ни малейшего внимания, кроме колдуньи-жабы справа от Фаджа, которая теперь, за неимением Дамблдора, смотрела на Гарри. Игнорируя ее взгляд, он попытался встретиться глазами либо с Фаджем, либо с мадам Боунс, чтобы узнать, можно ли ему идти. Но Фадж был, судя по всему, твердо настроен не замечать Гарри, а мадам Боунс сосредоточилась на своем портфеле. Гарри сделал сначала несколько неуверенных шагов к выходу, а потом, не услышав оклика, пошел очень быстро.

Перед самой дверью он уже бежал. Открыл ее — и чуть не налетел на мистера Уизли, который стоял вплотную к ней снаружи. Лицо у него было бледное и тревожное.

— Дамблдор ничего не сказал…

— Оправдали, — сообщил ему Гарри, закрывая за собой дверь. — По всем пунктам!

Просияв, мистер Уизли схватил Гарри за плечи.

— Гарри, это же просто чудесно! Ну, разумеется, они не могли признать тебя виновным, все факты в твою пользу, и все-таки не могу сказать, что был совершенно…

Мистер Уизли осекся, потому что дверь зала снова открылась. Стали выходить судьи.

— Разорви меня горгулья! — изумленно воскликнул мистер Уизли, отодвигая Гарри в сторону, чтобы дать им пройти. — Тебя судили полным составом?

— Похоже, что так, — тихо ответил Гарри.

Двое-трое волшебников, проходя мимо, кивнули Гарри, несколько человек, в том числе мадам Боунс, пожелали доброго утра мистеру Уизли, но большей частью судьи отводили глаза. Корнелиус Фадж и «жаба» вышли в числе последних. Фадж скользнул взглядом по Гарри и мистеру Уизли, как будто они были частью стены, но ведунья опять посмотрела на Гарри — посмотрела словно бы оценивающе. Последним зал покинул Перси. Подобно Фаджу, он напрочь проигнорировал и

отца, и Гарри; он зашагал по коридору с большим свитком пергамента и пучком чистых перьев, держа спину очень прямо и высоко задрав голову. Складки вокруг рта мистера Уизли врезались чуть глубже, но в остальном он не подал виду, что мимо него сейчас прошел его третий сын.

— Я мигом доставлю тебя в штаб-квартиру, обрадуешь всех, — сказал он, дождавшись, чтобы пятки Перси исчезли на лестнице, ведущей к девятому уровню. Он поманил Гарри вперед. — Мне надо в Бетнал-Грин, к этому унитазу, по пути тебя и заброшу. Пошли, пошли…

— А с унитазом что будете делать? — ухмыльнулся Гарри. Вдруг все показалось ему в пять раз смешнее обычного. В сознании начало укладываться: он оправдан, *он вернется в Хогвартс.*

— Простенькое контрзаклятие, — сказал мистер Уизли, когда они стали подниматься по лестнице. — Дело не столько в том, чтобы исправить вред, сколько в образе мыслей, который стоит за хулиганством. Досаждать маглам — это кое-кому из волшебников может казаться забавным, но здесь проявляется что-то куда более глубокое и зловредное, и я…

Мистер Уизли умолк, не договорив. Они только что вошли в коридор девятого уровня. В несколь-

ких шагах от них стоял Корнелиус Фадж и тихо разговаривал с высоким мужчиной, у которого были прилизанные светлые волосы и бледное, заостренное книзу лицо.

Заслышав их шаги, собеседник Фаджа повернулся. Он тоже осекся на полуслове. Холодные серые глаза сузились. Он посмотрел на Гарри в упор.

— Так, так, так… Патронус Поттер, — недобрым тоном произнес Люциус Малфой.

У Гарри перехватило дух. Он словно наткнулся на что-то твердое. Эти холодные серые глаза он в последний раз видел в прорезях капюшона Пожирателя смерти. Этот насмешливый голос он в последний раз слышал на темном кладбище, где его мучил лорд Волан-де-Морт. Гарри представить себе не мог, что Люциус Малфой посмеет еще раз взглянуть ему в глаза. И вообще что этот человек окажется здесь, в Министерстве магии, что с ним будет мирно беседовать Корнелиус Фадж. Ведь всего несколько недель назад он, Гарри, сказал Фаджу, что Малфой — Пожиратель смерти.

— Министр только что поведал мне о вашем счастливом избавлении, Поттер, — манерно растягивая слова, проговорил мистер Малфой. — Поражает ваша способность выбираться из очень

тесных ловушек… змеиная, я бы сказал.

Мистер Уизли предостерегающе схватил Гарри за плечо.

— Да, — отозвался Гарри, — я неплохо умею выбираться.

Люциус Малфой перевел взгляд на мистера Уизли:

— И Артур Уизли — какая встреча! Что здесь делаете, Артур?

— Я здесь работаю, — сухо ответил мистер Уизли.

— Не *здесь* же именно? — спросил мистер Малфой, вскидывая брови и бросая через плечо мистера Уизли взгляд на дверь. — Я полагал, вы на втором этаже… и занимаетесь, в частности, тем, что утаскиваете домой и заколдовываете магловские изобретения?

— Нет, не этим, — отрезал мистер Уизли. Его пальцы впились Гарри в плечо.

— А *вы* что здесь делаете? — спросил Гарри Люциуса Малфоя.

— Я не думаю, что наши личные разговоры с министром имеют какое-либо касательство к вам, Поттер, — произнес Малфой, разглаживая мантию. Гарри отчетливо услышал легкое позвякивание, какое мог бы издать карман, набитый

золотом. — То, что вы любимчик Дамблдора, отнюдь не означает, что вам следует рассчитывать на такое же потворство со стороны всех остальных… Поднимемся теперь к вам в кабинет, министр?

— Конечно, — сказал Фадж, поворачиваясь к Гарри и мистеру Уизли спиной. — Сюда, Люциус.

Тихо беседуя, они удалились вместе. Мистер Уизли не отпускал плечо Гарри, пока они не исчезли за дверью лифта.

— Если у него к Фаджу какое-то дело, почему он не ждал у его кабинета? — негодующе спросил Гарри. — Что ему нужно было здесь?

— Я думаю, он пытался проникнуть в зал суда, — сказал мистер Уизли. Вид у него был крайне взволнованный, и он оглянулся через плечо, точно опасаясь, что их услышат. — Пытался узнать, исключили тебя или нет. Я сейчас тебя приведу и оставлю Дамблдору записку, он должен знать, что Малфой опять разговаривал с Фаджем.

— Какие такие личные дела они могут обсуждать?

— Деньги, скорее всего, — рассерженно ответил мистер Уизли. — Малфой не один год щедро давал налево и направо… Это помогает ему сходиться с нужными людьми… Потом он может обращаться

к ним с просьбами. Отсрочивать принятие невыгодных ему законов… О, у Люциуса Малфоя очень хорошие связи.

Подъехал лифт — пустой, если не считать стайки служебных записок, которые стали виться над головой у мистера Уизли. Нажав кнопку атриума, он раздраженно от них отмахнулся. Дверь с лязгом захлопнулась.

— Мистер Уизли, — медленно проговорил Гарри, — если Фадж имеет дело с Пожирателями смерти вроде Малфоя, если он разговаривает с ними наедине, как мы можем знать, что они не наложили на него заклятие Империус?

— Не думай, что это не приходило нам в голову, — тихо ответил мистер Уизли. — Все же Дамблдор считает, что Фадж пока действует по собственной инициативе. Но это, говорит Дамблдор, не очень-то успокаивает. Давай сейчас не будем об этом, Гарри.

Дверь открылась, и они вышли в атриум, теперь уже почти безлюдный. Дежурный колдун Эрик опять был упрятан за своим «Ежедневным пророком». Они уже миновали золотой фонтан, когда Гарри вспомнил.

— Подождите… — сказал он мистеру Уизли и, вынимая из кармана мешочек с деньгами, пошел

обратно.

Подняв глаза, он взглянул красивому золотому чародею в лицо, но вблизи оно показалось Гарри слабовольным и глупым. Волшебница улыбалась пресной улыбкой участницы конкурса красоты, а гоблин и кентавр, судя по тому, что Гарри было известно об этих существах, уж никак не могли взирать на людей, кем бы они ни были, с такой сопливой нежностью. Убедительно выглядел только приниженно-подобострастный эльф-домовик. Гарри улыбнулся, представив себе, что сказала бы Гермиона, если бы увидела статую эльфа, и вытряс в фонтан все содержимое мешочка, где было побольше, чем десять галеонов.

* * *

— Я так и знал! — завопил Рон и нанес воздуху боксерский удар. — Ты всегда выходишь сухим из воды!

— Они и не могли решить по-другому, — сказала Гермиона, которая, когда Гарри вошел в кухню, была от тревоги сама не своя и теперь дрожащей рукой прикрывала глаза. — Никаких доводов против тебя не было, ровно никаких.

— Если вы все точно знали, что меня оправдают, почему на лицах такое облегчение? — с

улыбкой спросил Гарри.

Миссис Уизли утерла лицо передником. Фред, Джордж и Джинни пустились в дикий воинственный пляс, припевая: «Оправдали, оправдали…»

— Хватит! Угомонитесь! — крикнул мистер Уизли, хотя и он улыбался. — Сириус, в Министерстве мы встретили Люциуса Малфоя…

— Что? — вскинулся Сириус.

— Оправдали, оправдали, оправдали…

— Тихо, я сказал! Да, мы увидели его на девятом уровне, он разговаривал с Фаджем, а потом Фадж повел его к себе в кабинет. Дамблдор должен об этом знать.

— Еще бы, — сказал Сириус. — Мы ему передадим, не беспокойся.

— А теперь мне надо в Бетнал-Грин, там меня ждет унитаз, страдающий рвотой. Молли, я вернусь поздно — заменяю Тонкс, но к ужину может прийти Кингсли…

— Оправдали, оправдали, оправдали…

— Фред, Джордж, Джинни, довольно! — скомандовала миссис Уизли, когда ее муж вышел из кухни. — Гарри, милый, иди же сюда, сядь и поешь, ведь ты толком не завтракал.

Рон и Гермиона уселись напротив. Вид у них был счастливей, чем в день его первого появления

на площади Гриммо, и на Гарри вновь нахлынуло пьянящее чувство облегчения, приугасшее было из-за встречи с Люциусом Малфоем. Сам этот мрачный дом вдруг стал теплей и приветливей; даже Кикимер, сунувший в кухонную дверь свой нос-рыльце, чтобы понять, отчего такой шум, показался ему не таким уродом.

— Ну еще бы! Раз Дамблдор взялся тебя защищать, решение только таким и могло быть, — счастливым голосом сказал Рон, наваливая всем на тарелки горы картофельного пюре.

— Да, он здорово мне помог, — согласился Гарри, чувствуя, что проявил бы черную неблагодарность, не говоря уже о том, что высказался бы по-детски, если бы добавил: «Жаль, правда, что он даже словечком меня не удостоил. Даже взглядом».

Едва он это подумал, как шрам ожгло так сильно, что он приложил ко лбу ладонь.

— Что с тобой? — встревожилась Гермиона.

— Шрам, — пробормотал Гарри. — Но это ничего… Это все время сейчас…

Другие ничего не заметили. Все налегали на обед, радуясь чудесному спасению Гарри. Фред, Джордж и Джинни по-прежнему пели. Гермиона имела очень обеспокоенный вид, но прежде, чем

она смогла хоть что-то сказать, Рон в упоении произнес:

— Вот увидите — Дамблдор явится сегодня вечером отпраздновать с нами событие.

— Вряд ли он сможет, Рон, — возразила миссис Уизли, подавая Гарри огромный кусок жареной курицы. — Он сейчас очень-очень занят.

— Оправдали, оправдали, оправдали…

— Умолкните! — крикнула миссис Уизли.

* * *

В последующие дни Гарри волей-неволей заметил, что один из обитателей дома двенадцать на площади Гриммо не преисполнен веселья по поводу его скорого возвращения в Хогвартс. Узнав, что Гарри оправдали, Сириус, конечно, постарался изобразить радость: крепко-крепко стиснул ему руку, сиял улыбкой, как все остальные. Вскоре, однако, он сделался угрюмей и нелюдимей прежнего, еще меньше со всеми разговаривал, даже с Гарри, и все больше времени проводил взаперти с Клювокрылом в комнате своей матери.

— Только не вздумай винить в этом себя! — жестко сказала Гермиона, когда Гарри через несколько дней поделился с ней и Роном своими ощущениями. Они в это время оттирали заплес-

невелый буфет на четвертом этаже. — Твое место — в Хогвартсе, и Сириус прекрасно это знает. Я лично считаю, что он ведет себя как эгоист.

— Ты слишком к нему строга, — хмурясь, заметил Рон, который пытался отковырнуть накрепко приставший к пальцу кусок плесени. — Представь, что тебе самой пришлось бы торчать тут в одиночестве.

— Не в одиночестве! — возразила Гермиона. — Здесь как-никак штаб-квартира Ордена Феникса! Он просто тешил себя надеждой, что Гарри станет жить здесь с ним.

— Вряд ли это так, — сказал Гарри, выжимая тряпку. — Он ушел от ответа, когда я спросил, можно ли будет у него поселиться.

— Просто он не хотел слишком уж сильно себя тешить, — мудро рассудила Гермиона. — И он, вероятно, сам чувствовал себя немного виноватым, потому что отчасти действительно хотел, чтобы тебя исключили. Тогда вы оба стали бы отверженными.

— Перестань! — в один голос воскликнули Рон и Гарри. Гермиона пожала плечами:

— Как вам угодно. Но иногда я думаю, что мама Рона права: Сириус путает тебя с твоим отцом, Гарри.

— По-твоему, он что, чокнутый? — с негодованием спросил Гарри.

— Нет, по-моему, он просто очень много времени провел в одиночестве, — бесхитростно ответила Гермиона.

В этот момент у них за спиной в комнату вошла миссис Уизли.

— Еще не кончили? — спросила она, засунув голову в буфет.

— А я-то думал, ты пришла для того, чтобы объявить перерыв, — упрекнул ее Рон. — Знаешь, сколько плесени мы уже счистили с тех пор, как стали здесь жить?

— Вы говорили, что хотите потрудиться для Ордена, — сказала миссис Уизли. — Ваша задача — помочь сделать штаб-квартиру пригодной для обитания.

— Я чувствую себя эльфом-домовиком, — проворчал Рон.

— Что ж, если ты понял теперь, какая ужасная у них жизнь, может быть, ты начнешь активнее бороться за права эльфов! — с надеждой сказала ему Гермиона, когда миссис Уизли вышла. — Между прочим, у меня идея: чтобы показать людям, какой это ужас — все время заниматься уборкой, мы могли бы за плату мыть гостиную Гриффиндора,

вся прибыль — в кассу общества. Это и повысило бы сознательность, и пополнило бы казну.

— Сколько тебе заплатить, чтобы ты перестала трепаться про свое дурацкое общество? — раздраженно пробормотал Рон, но так, что слышал его только Гарри.

* * *

Чем ближе был конец каникул, тем больше Гарри мечтал о Хогвартсе. Ему не терпелось снова свидеться с Хагридом, сыграть в квиддич, даже пройтись мимо огородов к травологическим теплицам. Подарком будет сама возможность покинуть этот пыльный затхлый дом, где половину шкафов и буфетов еще даже не отпирали, где из темных углов в тебя частенько летят хриплые оскорбления Кикимера. В присутствии Сириуса, впрочем, Гарри старался об этом не говорить.

Жизнь в штаб-квартире организации, созданной для борьбы с Волан-де-Мортом, оказалась вовсе не такой интересной и волнующей, как можно было предположить. Хотя члены Ордена Феникса регулярно приходили и уходили — в одних случаях они оставались ужинать, в других задерживались лишь для минутной беседы шепотом, — миссис Уизли позаботилась о том, чтобы

до ушей (в том числе и снабженных Удлинителями) Гарри и его друзей ничего существенного не долетало. И никто, даже Сириус, видимо, не считал, что Гарри имеет право знать больше, чем ему было рассказано в первый вечер.

В последний день каникул, когда Гарри сметал со шкафа помет Букли, в спальню вошел Рон с двумя конвертами.

— Списки учебной литературы, — сказал он, бросая Гарри, стоявшему на стуле, один из конвертов. — Давно пора, я уж думал, они забыли, обычно присылали гораздо раньше…

Гарри смел последние кусочки в пакет для мусора и через голову Рона швырнул его в стоявшую в углу корзину, которая проглотила пакет и громко рыгнула. Потом разорвал конверт. В нем лежало два листа пергамента — на одном обычное напоминание, что учебный год начинается первого сентября, на другом список необходимых книг.

— Новых только две, — сказал он, прочитав список. — «Общая теория заклинаний» для пятого курса Миранды Гуссокл и «Теория защитной магии» Уилберта Слинкхарда.

Хлоп!

Рядом с Гарри в спальню трансгрессировали Фред и Джордж. Он настолько уже к этому при-

вык, что даже не упал со стула.

— Мы тут задались вопросом: кто вставил в список книгу Слинкхарда? — сказал Фред как ни в чем не бывало.

— Потому что это означает, что Дамблдор нашел-таки нового учителя защиты от Темных искусств, — подхватил Джордж.

— Вовремя он, однако, — заметил Фред.

— О чем это вы? — спросил Гарри, спрыгнув на пол.

— Несколько недель назад мы Удлинителем ушей подслушали один разговор родителей, — сказал Фред, — и усвоили из него, что Дамблдор никак не может найти человека на эту должность.

— Неудивительно, если вспомнить, что сталось с предыдущими четырьмя, — вставил Джордж.

— Один уволился, другой умер, у третьего отшибло память, четвертый девять месяцев провел в сундуке, — сказал Гарри, загибая пальцы. — М-да, понятно.

— Что с тобой, Рон? — вдруг поинтересовался Фред.

Рон не ответил. Гарри обернулся. Рон неподвижно стоял, приоткрыв рот, и смотрел на письмо, присланное ему из Хогвартса.

— Что там такое? — нетерпеливо спросил Фред и, обойдя Рона, посмотрел на пергамент через его плечо.

Нижняя челюсть Фреда тоже отвисла.

— Староста? — проговорил он, не веря своим глазам. — *Староста?*

Джордж метнулся вперед, вырвал у Рона из другой руки конверт и перевернул. На его ладонь выпало что-то алое с золотом.

— Не может быть, — произнес Джордж глухим голосом.

— Ошибка, — сказал Фред. Выхватив у Рона письмо, он поднял его к свету, словно проверял на водяные знаки. — Никто в здравом уме не способен сделать Рона старостой.

Близнецы разом повернули головы к Гарри.

— Мы на все сто были уверены, что это будешь ты! — воскликнул Фред таким тоном, словно Гарри в чем-то его обманул.

— Мы думали, у Дамблдора и варианта другого нет, кроме тебя! — негодующе подхватил Джордж.

— И Турнир Трех Волшебников выиграл, и чего только не совершил! — сказал Фред.

— Я думаю, против него сработали всякие идиотские соображения, — сказал Джордж Фреду.

— Да, — задумчиво произнес Фред. — Да, Гарри, слишком уж ты много хлопот им доставил. Что ж, по крайней мере мы увидели их предпочтения.

Он подошел к Гарри и хлопнул его по спине, одновременно бросая на Рона уничтожающий взгляд.

— Староста… Малышок Ронни — староста!

— Представляю себе мамину реакцию. Заранее тошнит. О-о-о! — простонал Джордж и с отвращением швырнул Рону обратно значок старосты, как будто мог о него испачкаться.

Рон, который не сказал пока что ни слова, посмотрел на значок секунду-другую и протянул его Гарри, точно просил подтвердить его подлинность. Гарри взял значок. Там стояло большое «С» поверх гриффиндорского льва. Точно такой же значок он увидел на груди у Перси в самый первый свой день в школе «Хогвартс».

Дверь со стуком распахнулась. В комнату ворвалась Гермиона — щеки пылают, волосы развеваются. В руке она держала конверт.

— Вы… вы получили уже?..

Она увидела в руке у Гарри значок и вскрикнула.

— Я знала, знала! — восторженно объявила она и взмахнула своим письмом. — Я тоже, Гарри,

я тоже!

— Нет, нет, — быстро проговорил Гарри и сунул значок Рону. — Это Рон, а не я.

— Что — это?

— Рон староста, а не я, — объяснил Гарри.

— Рон? — спросила Гермиона, да так и осталась с открытым ртом. — Но… Вы уверены? Я хотела сказать…

Она покраснела. Рон посмотрел на нее с вызовом.

— Письмо пришло на мое имя, — сказал он.

— Я… — Гермиона была совершенно сбита с толку. — Ну… здорово! Поздравляю, Рон! Это просто…

— Неожиданность, — подсказал Джордж.

— Нет… — Гермиона зарделась еще ярче. — Почему, вовсе нет. Рон сделал массу всего… Он действительно…

Дверь позади нее открылась чуть шире, и в комнату, пятясь, вошла миссис Уизли со стопкой свежевыстиранных мантий.

— Джинни говорит, прислали наконец списки книг, — сказала она, мельком увидев конверты по дороге к кровати и начав раскладывать мантии на две стопки. — Дайте их мне, я отправлюсь сегодня в Косой переулок и получу ваши книги,

пока вы собираете вещи. Рон, я куплю тебе новые пижамы, эти короче нужного дюймов на шесть, ты невероятно быстро растешь… Какого цвета ты хочешь?

— Купи ему красные с золотом под цвет его значка, — съехидничал Джордж.

— Под цвет чего? — рассеянно переспросила миссис Уизли, скатывая пару бордовых носков и кладя их поверх стопки Рона.

— Значка, — сказал Фред с видом человека, желающего побыстрей разделаться с самым худшим. — Его прелестного нового блестящего значка старосты.

Слова Фреда не сразу вошли в сознание миссис Уизли, занятое пижамами.

— Его… но… Рон, ты же не…

Рон показал ей значок.

Миссис Уизли вскрикнула, в точности как Гермиона.

— Поверить не могу! Просто поверить не могу! Рон, дорогой мой, как чудесно! Староста! Это у нас уже семейная традиция!

— А мы с Фредом, значит, не члены семьи? Соседи? — возмутился Джордж, когда мать, оттолкнув его, кинулась обнимать младшего сына.

— Вот отец обрадуется! Рон, я так тобой гор-

жусь, какая прекрасная новость! А потом ты, может быть, станешь старостой школы, как Билл и Перси, это только первый шаг! Какая радость, какая радость среди этих волнений, я просто в восторге, Ронни…

Фред и Джордж дружно издавали у нее за спиной рвотные звуки, но миссис Уизли ничего не слышала. Крепко обвив руками шею Рона, она осыпала поцелуями его лицо, которое краснотой уже превзошло значок старосты.

— Мама… не надо… мама, успокойся… — бормотал он, отталкивая ее.

Она выпустила его и, с трудом переводя дыхание, сказала:

— Ну, и что это будет? Перси мы подарили сову, но у тебя-то она уже есть.

— Т-ты о чем? — спросил Рон, не смея поверить своим ушам.

— Тебе полагается за это подарок! — с любовью воскликнула миссис Уизли. — Может быть, красивую новую парадную мантию?

— Не надо, мы уже ему купили, — мрачно сказал Фред с таким видом, будто всей душой сожалеет о такой щедрости.

— Или новый котел? Старый, который достался тебе от Чарли, уже ржавый-прержавый. Или,

может быть, новую крысу? Ты ведь любил Коросту…

— Мама, — отважился Рон, — а можно мне новую метлу?

У миссис Уизли слегка вытянулось лицо. Метла — вещь недешевая.

— Не обязательно самую лучшую! — поспешил добавить Рон. — Просто… новую, старая очень уж надоела.

Миссис Уизли заколебалась, потом улыбнулась.

— Ну конечно можно… Так, хорошо, если еще и метлу покупать, мне надо поторапливаться. До свидания, до свидания… Надо же, мой маленький Ронни — староста! И не забудьте уложить чемоданы… Староста… Я дрожу, я вся дрожу…

Она еще раз чмокнула Рона в щеку, громко шмыгнула носом и суетливо вышла из комнаты.

Фред и Джордж обменялись взглядами.

— Ничего, если мы не будем целовать тебя, Рон? — произнес Фред издевательски-участливо.

— Можем, если хочешь, сделать реверанс, — добавил Джордж.

— Заткнитесь вы, ну! — сказал Рон, бросив на них злой взгляд.

— А то что? — спросил Фред, по лицу которого

расползалась ехидная улыбка. — Оставишь нас после уроков?

— Вот бы посмотреть, как он попытается, — ухмыльнулся Джордж.

— Еще как оставит, если будете вредничать! — гневно воскликнула Гермиона.

Фред и Джордж расхохотались. Рон пробормотал:

— Ладно, Гермиона, хватит.

— Джордж, а Джордж! Нам надо будет вести себя поаккуратнее, — сказал Фред, притворно задрожав от страха. — С этими двумя блюстителями порядка шутки плохи.

— Да, похоже, нашим беззаконным шалостям пришел конец, — сокрушенно покачал головой Джордж.

И с очередным громким хлопком близнецы исчезли.

— Парочка обормотов! — разъяренно бросила Гермиона, поглядев на потолок, сквозь который до нее и Рона уже доносился громкий гогот Фреда и Джорджа. — Не обращай на них внимания, это зависть в чистом виде!

— Нет, не думаю, — с сомнением сказал Рон, тоже подняв голову к потолку. — Они всегда говорили, что старостами становятся только

тупицы… И все-таки, — добавил он более радостным тоном, — им никогда не покупали новые метлы! Жалко, что мне нельзя отправиться с мамой и выбрать… На «Нимбус», конечно, у нас нет денег, но в продажу выпустили новую модель «Чистомета», это тоже было бы здорово… Знаешь, я сбегаю, догоню ее и скажу, что хочу «Чистомет», пусть она знает…

Он стрелой вылетел из комнаты, оставив Гарри и Гермиону одних.

Почему-то Гарри не хотелось смотреть на Гермиону. Он подошел к своей кровати, взял стопку чистых мантий, которую положила на нее миссис Уизли, и двинулся к своему чемодану.

— Гарри… — неуверенно начала Гермиона.

— Поздравляю, Гермиона, — произнес Гарри, по-прежнему не глядя на нее и придав голосу такую сердечность, что он зазвучал как чужой. — Великолепно. Здорово. Классно.

— Спасибо, — сказала Гермиона. — М-м-м… Гарри… Можно мне позаимствовать у тебя Буклю, чтобы сообщить родителям? Им будет действительно приятно. Староста — это доступно их пониманию.

— Бери, конечно, о чем говорить, — откликнулся Гарри все тем же жутким чужим сердечным

голосом.

Он склонился к своему чемодану, положил мантии на дно и притворился, будто что-то ищет. Гермиона тем временем подошла к шкафу и позвала Буклю. Прошло несколько секунд, хлопнула дверь, но Гарри все не разгибался, все прислушивался. До него доносились только очередные ухмылки пустой картины на стене да кашель корзины для бумаг, подавившейся совиным пометом.

Он выпрямился и огляделся. Ни Гермионы, ни Букли в комнате уже не было. Гарри медленно подошел к своей кровати, лег на бок и невидящим взглядом уставился на нижнюю часть шкафа.

Он начисто забыл, что на пятом курсе назначают старост. Его так тревожила возможность исключения, что он ни разу не подумал про значки и про то, кто их получит. Но если бы он вспомнил? Если бы подумал? Чего бы он ожидал?

— *Не этого,* — произнес правдивый голосок у него в голове.

Гарри сморщился и закрыл лицо руками. Он не мог себе лгать. Если бы он помнил о рассылке значков, он ожидал бы, что старостой назначат его, а не Рона. Значит ли это, что он так же вы-

сокомерен, как Драко Малфой? Значит ли это, что он ставит себя выше других? Что он, по его собственному мнению, *лучше* Рона?

— *Нет,* — с вызовом ответил тот же голосок.

— Что же на самом деле? — беспокойно спрашивал себя Гарри, пытаясь разобраться в собственных чувствах.

— *В квиддич я играю лучше,* — сказал голосок. — *Но во всем остальном у меня нет преимущества.*

«Истинная правда», — подумал Гарри. В учебе у него нет преимущества перед Роном. Но как быть с тем, что происходит вне уроков? Как быть с испытаниями, которые раз за разом выпадают на долю ему, Рону и Гермионе с первого же года в Хогвартсе? С тем, что могло иметь куда худшие последствия, чем исключение?

— *Что ж, Рон и Гермиона большую часть времени были со мной,* — прозвучало у Гарри в голове.

— Но не все время, — возразил себе Гарри. — Они не помогали мне драться с Квирреллом. Им не пришлось сражаться с Реддлом и василиском. Я один отбивался от дементоров в ту ночь, когда Сириус бежал из Азкабана. Их не было со мной на кладбище, когда возродился Волан-де-Морт…

Им овладело то же ощущение несправедливо-

сти, что и при первом появлении в доме Сириуса. «Я, безусловно, сделал больше, — с негодованием подумал Гарри. — Я сделал больше, чем любой из них!»

— *Но, может быть,* — раздался честный голосок у него внутри, — *может быть, Дамблдор назначает людей старостами не за то, что они то и дело ввязываются в опасные приключения… Может быть, ему важны другие качества… У Рона, наверно, есть что-то, чего у тебя нет…*

Гарри открыл глаза и, глядя в промежутки между пальцами на ножки шкафа, напоминавшие когтистые лапы, вспомнил слова Фреда: «Никто в здравом уме не способен сделать Рона старостой».

Гарри фыркнул. Но спустя секунду ему стало тошно от самого себя.

Рон ведь не просил у Дамблдора значок старосты. Его вины тут нет. И что же — теперь он, Гарри, лучший друг Рона, станет дуться из-за того, что не получил значка? Ржать вместе с близнецами у Рона за спиной? Портить Рону, который впервые в жизни в чем-то его превзошел, все удовольствие?

Тут Гарри опять услышал шаги Рона по лестнице. Он встал, поправил очки и еще до того, как

Рон вприпрыжку вбежал в комнату, изобразил на лице улыбку.

— Догнал ее! — радостно сообщил Рон. — Говорит, купит «Чистомет», если есть в продаже.

— Отлично, — отозвался Гарри и с облегчением почувствовал, что сердечности в голосе больше нет. — Слушай, Рон… Ты молодчина.

Лицо Рона вытянулось.

— У меня и в мыслях не было, что это могу быть я! — сказал он, качая головой. — Я думал, что это будешь ты!

— Да нет, от меня слишком много хлопот, — повторил Гарри слова Фреда.

— Да, — сказал Рон, — да, наверно… Ну что, будем чемоданы собирать?

Даже странно, по какой обширной площади оказались разбросаны их вещи. Им чуть ли не до вечера пришлось разыскивать по всему дому и запихивать в школьные чемоданы книги и прочее имущество. Гарри заметил, что Рон никак не оставит в покое значок старосты: то на прикроватную тумбочку положит, то засунет в карман джинсов, то вынет и пристроит на стопке сложенных мантий, словно хочет увидеть, как смотрится красное на черном. Только когда ввалились Фред и Джордж и предложили прикрепить значок ему

ко лбу Заклятием вечного приклеивания, Рон любовно завернул его в бордовые носки и запер в чемодане.

Около шести вернулась из Косого переулка миссис Уизли с грузом книг и с чем-то длинным, завернутым в плотную оберточную бумагу. Рон взял у нее подарок со стоном нетерпения.

— Не вздумай сейчас разворачивать, люди уже собираются ужинать, все идите вниз, — сказала она, но, едва очутившись вне поля ее зрения, Рон мигом исступленно сорвал бумагу и, лучась воодушевлением, исследовал каждый дюйм новой метлы.

На кухне миссис Уизли повесила над заставленным всякой снедью столом алое полотнище с надписью:

ПОЗДРАВЛЯЕМ НОВЫХ СТАРОСТ — РОНА И ГЕРМИОНУ!

За все каникулы Гарри ни разу не видел ее в таком приподнятом настроении.

— Сегодня у нас будет не простой сидячий ужин, а небольшой праздничный фуршет, — сказала она Гарри, Рону, Гермионе, Фреду, Джорджу и Джинни, когда они вошли в помещение. — Твой отец и Билл скоро будут здесь, Рон. Я послала

им обоим сов, и они в восторге, — добавила она, сияя.

Фред закатил глаза.

Сириус, Люпин, Тонкс и Кингсли Бруствер уже были на кухне. Вскоре после того как Гарри налил себе сливочного пива, вошел, тяжело ступая, Грозный Глаз Грюм.

— Я так рада видеть тебя здесь, Аластор, — приветливо сказала миссис Уизли, когда Грозный Глаз скинул с плеч дорожную мантию. — Мы давным-давно еще хотели тебя попросить: не мог бы ты заглянуть в письменный стол в гостиной и сказать, что там внутри? Мы не решились его открыть — вдруг там что-то действительно скверное.

— Конечно, Молли…

Ярко-голубой волшебный глаз Грюма крутанулся вверх и замер, уставясь в кухонный потолок.

— Гостиная… — прорычал Грюм, и зрачок глаза сузился. — Стол в углу? Вижу, вижу… Да, это боггарт… Хочешь, чтобы я поднялся и разобрался с ним, Молли?

— Нет, нет, я сама потом, — светясь, успокоила его миссис Уизли. — Отдохни, выпей. У нас тут, честно сказать, маленькое торжество… — Она показала на алое полотнище. — Уже четвертый

староста в семье! — с обожанием воскликнула она и взъерошила волосы Рона.

— Староста? — пророкотал Грюм и, глядя на Рона нормальным глазом, повернул волшебный так, что он смотрел теперь сквозь его, Грюма, висок. У Гарри возникло неприятное ощущение, что глаз глядит на него, и он отошел к Сириусу и Люпину.

— Что ж, поздравляю, — сказал Грюм, не переставая таращиться на Рона нормальным глазом. — Лица, наделенные властью, частенько навлекают на себя неприятности, но раз Дамблдор тебя назначил, он, похоже, уверен, что ты способен противостоять большинству серьезных заклятий…

Рон явно не ожидал такого отклика на событие, но от необходимости что-то отвечать его избавило появление отца и старшего брата. Миссис Уизли была в таком хорошем расположении духа, что даже не стала им пенять на приход Наземникуса, которого они привели с собой. На нем было длинное пальто, которое в неожиданных местах странно топорщилось. Он категорически отказался его снять и положить вместе с дорожной мантией Грюма.

— Ну что же, я думаю, напрашивается тост, —

сказал мистер Уизли, когда все наполнили кубки. Он поднял свой. — За Рона и Гермиону, новых старост Гриффиндора!

Все выпили и поаплодировали. Рон и Гермиона сияли в ответ улыбками.

— А я вот никогда не была старостой, — весело сказала Тонкс у Гарри за спиной, когда все двинулись к столу положить себе на тарелки еды. Волосы у нее были сегодня помидорного цвета и доходили до талии; ее можно было принять за старшую сестру Джинни. — Декан моего факультета сказал, что у меня нет кое-каких необходимых качеств.

— Каких именно? — спросила Джинни, выбирая печеную картофелину.

— Тех, какие нужны, чтобы *самой* хорошо себя вести, — объяснила Тонкс.

Джинни засмеялась, а у Гермионы был такой вид, точно она не знала, смеяться ей или нет. В порядке компромисса она сделала большой глоток из кубка со сливочным пивом и закашлялась.

— А ты, Сириус? — спросила Джинни, хлопнув Гермиону по спине.

Сириус, стоявший рядом с Гарри, издал свой обычный лающий смешок.

— Никому в голову не могло прийти назначить

меня старостой. Я только и знал, что на пару с Джеймсом сидел после уроков наказанный. Вот Люпин — другое дело, он был паинькой и ходил со значком.

— Дамблдор, видимо, надеялся, что я смогу хорошо повлиять на моих закадычных дружков, — сказал Люпин. — Вряд ли нужно добавлять, что я потерпел в этом полный провал.

У Гарри отлегло от сердца. Его отец тоже не был старостой. Вдруг он почувствовал, что может получать удовольствие от ужина. Он наполнил свою тарелку, испытывая удвоенное расположение ко всем, кто был в кухне.

Рон с упоением рассказывал всем, кто готов был слушать, про свою новую метлу:

— Ускорение — от нуля до семидесяти за десять секунд. Совсем неплохо, правда? «Комета-260» может только от нуля до шестидесяти при хорошем попутном ветре — так написано в буклете «Выбери метлу»…

Гермиона очень серьезно излагала Люпину свои взгляды на права эльфов.

— Разве это не такая же бессмысленная жестокость, как сегрегация оборотней? Все это растет из одного жуткого корня — из идеи превосходства волшебников над другими существами…

Миссис Уизли пустилась в обычные препирательства с Биллом по поводу его волос:

— Это уже ни в какие ворота не лезет, а ведь ты очень даже пригожий парень, гораздо красивей было бы покороче, правда, Гарри?

— Ну… я даже не знаю, — промямлил Гарри, которого эта просьба о поддержке привела в смятение. Он откочевал от них поближе к Фреду и Джорджу, которые шушукались в углу с Наземникусом.

Увидев Гарри, Наземникус умолк, но Фред подмигнул Гарри и поманил его к себе.

— Не беспокойся, — сказал он Наземникусу. — Гарри можно доверять, он наш спонсор.

— Смотри, что нам Флетчер принес, — сказал Джордж, показывая Гарри горсть каких-то сморщенных черных стручков. Хотя они лежали совершенно неподвижно, из них доносилось тихое дробное постукивание.

— Ядовитая фасоль Тентакула, — объяснил Джордж. — Нужна нам для Забастовочных завтраков, но она занесена в класс С и не подлежит продаже, поэтому раздобыть ее не так-то просто.

— Ну так что, Наземникус, десять галеонов за партию? — спросил Фред.

— А трудов-то мне каких стоило ее достать, —

сказал Наземникус, и дряблые мешки под его налитыми кровью глазами отвисли еще ниже. — Как хотите, парни, двадцатник — и точка. Ни кната не сбавлю.

— Он шутник у нас, — сказал Фред Гарри.

— Это точно. Самая пока что смешная его шутка — шесть сиклей за сумку перьев нарла, — подхватил Джордж.

— Смотрите в оба, — тихо предостерег их Гарри.

— Ты чего? — спросил Фред. — Мама вовсю воркует про старосту Рона, опасности никакой.

— Вас Грюм может засечь, — объяснил Гарри.

Наземникус беспокойно оглянулся.

— Твоя правда, — проворчал он. — Ну ладно, ребята, десять так десять, если по-быстрому.

— Молоток, Гарри! — восхищенно сказал Фред, когда Наземникус опустошил карманы в подставленные ладони близнецов и поспешно двинулся к еде. — Пошли отнесем наверх…

Глядя им вслед, Гарри почувствовал некоторое смущение. Ему пришло в голову, что мистер и миссис Уизли неизбежно рано или поздно узнают про затеваемый Фредом и Джорджем магазин волшебных фокусов и трюков, а узнав, станут думать, откуда у них на него деньги. Отдать

близнецам призовые за победу в Турнире Трех Волшебников казалось тогда поступком простым и естественным, но что, если это поведет к новой семейной ссоре, к отчуждению вслед за Перси еще двоих сыновей? Будет ли миссис Уизли по-прежнему считать Гарри своим приемным сыном, если ей станет известно, что именно он помог Фреду и Джорджу начать заниматься совершенно неподходящим, по ее мнению, делом?

Стоя там, где его оставили близнецы, и не имея другого собеседника, кроме виноватой тяжести в глубине живота, Гарри вдруг услышал свою фамилию. Поверх общей болтовни до него донесся густой бас Кингсли Бруствера.

— Почему Дамблдор не назначил старостой Поттера? — спросил Кингсли.

— На то наверняка были причины, — ответил Люпин.

— Этим он показал бы, что верит в него. Я бы поступил именно так, — настаивал Кингсли. — Особенно в то время, когда «Пророк» то и дело прохаживается на его счет…

Гарри не стал оглядываться. Он не хотел, чтобы Люпин или Кингсли знали, что он их слышал. Не чувствуя ни малейшего голода, он пошел вслед за Наземникусом к столу. Удовольствие от праздни-

ка исчезло так же быстро, как возникло. Больше всего ему хотелось быть наверху, в постели.

Грозный Глаз Грюм обнюхивал тем, что осталось от носа, куриную ножку. Удостоверившись, что ядом не пахнет, он запустил в нее зубы.

— Метловище из красного дуба покрыто лаком, защищающим от заклятий. Встроенный гаситель вибрации, — рассказывал Рон доброжелательной Тонкс.

Миссис Уизли широко зевнула.

— Пойду разберусь с боггартом и лягу… Артур, проследи, пожалуйста, чтобы молодежь не слишком поздно отправилась спать. Гарри, милый, спокойной ночи.

Она вышла из кухни. Гарри поставил тарелку и задался вопросом, не сможет ли он отправиться следом, не привлекая к себе внимания.

— Ну как, Поттер, порядок? — прохрипел Грюм.

— Да, все нормально, — соврал Гарри.

Грюм хлебнул из фляги и скосил на Гарри ярко-голубой глаз.

— Пошли, я тебе покажу кое-что интересное.

Из внутреннего кармана мантии Грюм достал старую, сильно потрепанную волшебную фотографию.

— Орден Феникса, каким он был в самом начале, — прорычал Грюм. — Наткнулся вчера вечером, когда искал другую мантию-невидимку. Подмор, учтивец такой, не посчитал нужным вернуть мне мою лучшую… Я подумал, может, люди захотят взглянуть.

Гарри взял карточку. Сфотографированные сидели небольшой группой. Увидев его, одни приветливо помахали, другие подняли бокалы.

— Это я, — сказал Грюм, показывая на себя пальцем, в чем не было никакой нужды. Грюм на снимке узнавался безошибочно — только волосы были чуть темней, и нос был еще цел. — Рядом со мной Дамблдор, по другую сторону Дедалус Дингл… А это Марлин Маккиннон, ее убили через две недели, ее и всю ее семью. Это Фрэнк и Алиса Долгопупсы…

При взгляде на Алису Долгопупс живот Гарри, где и так было не слишком уютно, свело судорогой. Хотя он ни разу ее не видел, он очень хорошо знал это круглое приветливое лицо: ее сын Невилл был ее копией.

— Бедняги, — прорычал Грюм. — Лучше смерть, чем то, что с ними произошло… А это Эммелина Вэнс, ты ее знаешь… Это, разумеется, Люпин… Бенджи Фенвик, ему тоже досталось, мы кусочки

только потом отыскали… Посторонитесь-ка чуть-чуть, — попросил он, ткнув в карточку пальцем, и фигурки на первом плане сдвинулись одни вправо, другие влево, сделав лучше видимыми тех, кто сидел дальше. — Это Эдгар Боунс, брат Амелии Боунс, его они тоже прикончили вместе с семьей, выдающийся был волшебник… Стерджис Подмор — батюшки, какой молодой он здесь… Карадок Дирборн, исчез через полгода, тело мы так и не нашли… Хагрид — этот, конечно, какой был, такой и остался… Элфиас Дож, ты его видел, я и забыл, что он тогда носил эту дурацкую шляпу. Гидеон Пруэтт… чтобы расправиться с ним и с его братом Фабианом, понадобилось пять Пожирателей смерти, братья погибли как герои… Двигайтесь, двигайтесь…

Фигурки еще раз перегруппировались, и вперед вышли теперь самые задние.

— Аберфорт, брат Дамблдора, — это был единственный раз, когда я его видел, странный тип… Это Доркас Медоуз, Волан-де-Морт убил ее лично… Сириус — он еще не отрастил тогда длинные волосы… Ну, и… вот, я думаю, кто тебя заинтересует!

У Гарри перевернулось сердце. Сияя улыбками, на него смотрели отец и мать. Между ними сидел

малорослый человечек с водянистыми глазками, в котором Гарри мгновенно узнал Хвоста — того, кто выдал Волан-де-Морту их местонахождение и тем самым способствовал их гибели.

— Ну? — спросил Грюм.

Гарри перевел взгляд на щербатое, исполосованное шрамами лицо Грюма, который, похоже, считал, что доставляет Гарри немалое удовольствие.

— Да, — сказал Гарри, опять пытаясь улыбнуться. — Э… вы знаете, я сейчас вспомнил, что не положил в чемодан…

От необходимости придумать, что именно он не положил, избавил его Сириус, который как раз подошел со словами: «Что тут у тебя такое, Грюм?» Воспользовавшись тем, что Грюм повернулся к Сириусу, Гарри быстро, чтобы никто не успел окликнуть, пересек кухню, выскользнул за дверь и поднялся в коридор.

Он не понимал, почему это так его потрясло: он и раньше видел снимки родителей, а Хвоста встречал живьем… Но разве можно вот так, с бухты-барахты, когда он совсем не готов… «Такое никому не может понравиться», — думал он в сердцах.

И потом, увидеть их в окружении всех прочих

радостных лиц… Бенджи Фенвик, от которого остались только кусочки, героически погибший Гидеон Пруэтт, Долгопупсы, которых мучениями довели до сумасшествия… Все весело машут с фотографии и будут махать вечно, не ведая, какая судьба их ждет. Если Грюм находит это интересным — на здоровье, но ему, Гарри, это тяжело…

Довольный, что наконец рядом никого нет, Гарри на цыпочках прошел коридором и стал подниматься по лестнице мимо эльфийских голов. Но, приближаясь к площадке второго этажа, он услышал звуки. В гостиной кто-то рыдал.

— Кто здесь? — спросил Гарри.

Ответа не было. Рыдания продолжались. Прыгая через две ступеньки, Гарри взбежал на лестничную площадку, пересек ее и открыл дверь гостиной.

У темной стены, съежившись, стояла женщина. В руке волшебная палочка, все тело сотрясается от плача. На пыльном старом ковре в пятне лунного света, явно мертвый, лежал Рон.

В легких у Гарри вдруг не стало воздуха. Ему показалось, он проваливается сквозь пол. Мозг точно заледенел — Рон погиб, нет, не может быть…

Но погодите — этого же действительно не мо-

жет быть… Рон внизу…

— Миссис Уизли? — хрипло спросил Гарри.

— *Р… р… ридикулус!* — прорыдала миссис Уизли, трясущейся рукой направляя волшебную палочку на тело Рона.

Хлоп.

Мертвый Рон превратился в мертвого, распластанного на спине Билла. Глаза пустые, остекленевшие. Миссис Уизли зарыдала еще громче.

— *Р… ридикулус!* — крикнула она опять.

Хлоп.

Теперь на полу лежал уже не Билл, а мистер Уизли. Тоже мертвый. Очки съехали, по лицу течет струйка крови.

— Нет! — простонала миссис Уизли. — Нет… *Ридикулус! Ридикулус! РИДИКУЛУС!*

Хлоп. Мертвые близнецы. *Хлоп.* Мертвый Перси. *Хлоп.* Мертвый Гарри…

— Миссис Уизли, выйдите отсюда! — закричал Гарри, глядя на свой собственный труп. — Пусть кто-нибудь другой…

— Что тут происходит?

В комнату вбежал Люпин, за ним, немного отстав, Сириус. Вдалеке послышались тяжелые шаги Грюма. Люпин посмотрел на миссис Уизли, потом на безжизненное тело Гарри и мгновенно

все понял. Вынув волшебную палочку, он очень твердым и ясным голосом произнес:

— *Ридикулус!*

Мертвый Гарри исчез. Над местом, где он лежал, в воздухе возник серебристый шар. Люпин еще раз взмахнул волшебной палочкой, и шар пропал, сделавшись струйкой дыма.

— О… о… о! — давилась миссис Уизли. Потом, закрыв лицо руками, дала волю рыданиям.

— Молли, — сдержанно сказал, подойдя к ней, Люпин. — Молли, не надо…

Миг спустя она заливала слезами его плечо.

— Молли, это был всего-навсего боггарт, — успокаивал он ее, гладя по голове. — Всего-навсего жалкий боггарт…

— Я т-т-то и дело вижу их мертвыми! — горько жаловалась миссис Уизли. — То и д-д-дело! Мне в-в-все время это снится…

Сириус разглядывал то место на ковре, где только что лежал боггарт, принявший вид мертвого Гарри. Грюм смотрел на Гарри, но тот отводил глаза. У него было такое чувство, что волшебный глаз Грюма следил за ним все время, пока он шел из кухни.

— Н-н-не говорите Артуру, — всхлипывала миссис Уизли, яростно утирая глаза рукавом. —

Н-н-не хочу, чтобы он знал… вот ведь какая я глупая…

Люпин подал ей платок, и она высморкалась.

— Прости меня, Гарри. Что ты будешь теперь обо мне думать? — дрожащим голосом проговорила она. — От боггарта не могла избавиться…

— Ну что вы, — запротестовал Гарри, пытаясь улыбнуться.

— Просто я с-с-совсем извелась, — сказала она, и слезы снова брызнули из глаз. — Половина с-с-семьи в Ордене, это б-б-будет чудо, если мы все уцелеем… А П-П-Перси с нами не разговаривает… Что, если случится к-к-какая-нибудь беда, а мы с ним т-т-так и не помиримся? А если мы с Артуром п-п-погибнем, кто позаботится о Роне и Джинни?

— Молли, перестань, — твердым голосом сказал Люпин. — Сейчас все не так, как в тот раз. Орден лучше подготовлен, и мы начали вовремя, мы знаем, чего хочет Волан-де-Морт…

Услышав это имя, миссис Уизли в ужасе вскрикнула.

— Стыдно, Молли, когда же ты наконец привыкнешь… Пойми, я не обещаю, что никто не пострадает, никто никогда этого не может обещать, но мы в гораздо лучшем положении, чем в прошлый раз. Ты не понимаешь, потому что не

была тогда в Ордене. В прошлый раз на каждого из нас приходилось двадцать Пожирателей смерти, и они расправлялись с нами поодиночке.

Гарри снова пришла на ум фотография, сияющие лица родителей. Он знал, что Грюм по-прежнему наблюдает за ним.

— Насчет Перси не беспокойся, — отрывисто сказал Сириус. — Он приползет обратно. Это всего-навсего вопрос времени. Как только Волан-де-Морт выступит в открытую, Министерство полным составом запросит у нас прощения. И я лично не уверен, что прощу, — закончил он с горечью.

— А что касается судьбы Рона и Джинни, если вы с Артуром погибнете, — сказал Люпин, еле заметно улыбаясь, — ты что думаешь, мы дадим им умереть с голоду?

На лице миссис Уизли проступила дрожащая улыбка.

— Вот ведь какая я глупая, — повторила она, утирая глаза.

Но Гарри, закрывая минут через десять за собой дверь спальни, не мог согласиться с тем, что она глупая. Он все еще словно бы видел отца и мать, радостно улыбающихся ему с истрепанной старой фотографии, не знающих, что их жизням, как

и жизням многих их товарищей, скоро придет конец. Вдобавок перед глазами то и дело вспыхивал образ боггарта, прикидывающегося трупом каждого из членов семьи Уизли по очереди.

Внезапно шрам на лбу опять полоснуло болью. И в животе стало совсем нехорошо.

— Кончай с этим, ясно? — твердо сказал он, потирая шрам. Боль постепенно уходила.

— Разговоры с самим собой — первый признак сумасшествия, — ехидно подала голос со стены пустая картина.

Гарри пропустил ее замечание мимо ушей. Он чувствовал себя намного старше, чем когда-либо, и ему трудно было поверить, что всего час назад его волновали магазин Фреда и Джорджа и назначение Рона старостой.

Глава 10

ПОЛУМНА ЛАВГУД

Спал Гарри беспокойно. В сновидениях то и дело мелькали родители, не говорившие ни слова; миссис Уизли рыдала над мертвым телом Кикимера, на нее смотрели Рон и Гермиона с коронами на головах; а потом Гарри в очередной раз очутился в коридоре, который упирался в запертую дверь. Он резко проснулся, в шраме покалывало, а Рон, уже одетый, говорил ему:

— Слушай, давай быстрей, мама уже на стенку лезет, говорит, опоздаем на поезд…

В доме все бурлило. Одеваясь на предельной скорости, Гарри из того, что донеслось до его ушей, сделал вывод: Фред и Джордж опять набедокурили. Свои чемоданы, которые им лень было нести, они, применив колдовство, отправили вниз по воздуху. Чемоданы сбили с ног Джинни, которая шла по лестнице, и девочка проскользила на животе два марша. Теперь миссис Блэк и миссис Уизли наперебой надсаживали глотки.

— Могли нанести ей серьезную травму, кретины!

— Грязные полукровки! Прочь из дома моих отцов!

Когда Гарри натягивал кроссовки, в комнату влетела взволнованная Гермиона. На плече у нее покачивалась Букля, в руках Гермиона держала извивающегося Живоглота.

— Букля только что вернулась от моих родителей. — Сова услужливо взмахнула крыльями и перелетела на свою клетку. — Ну что, ты готов?

— Почти. Как Джинни? — спросил Гарри, надевая очки.

— Миссис Уизли ее подлатала, — сказала Гермиона. — Но теперь Грозный Глаз говорит, что мы не можем отправляться, пока нет Стерджиса Подмора, без него охрана будет недостаточная.

— Охрана? — не поверил Гарри. — Чтобы добраться до вокзала Кингс-Кросс, нам нужна охрана?

— Не *нам*, а *тебе* нужна охрана, — поправила его Гермиона.

— Зачем? — раздраженно спросил Гарри. — Как я понял, Волан-де-Морт сейчас ведет себя тихо. Он что, может выскочить из-за мусорного бака и наброситься на меня?

— Не знаю, я просто передаю, что говорит Грозный Глаз, — рассеянно сказала Гермиона, глядя

на часы. — Так или иначе, если мы в ближайшее время не выйдем, мы точно опоздаем на поезд…

— Сию же минуту все идите вниз! — завопила миссис Уизли, и Гермиона выскочила из комнаты как ошпаренная. Гарри схватил Буклю, бесцеремонно запихнул ее в клетку и, таща чемодан, двинулся вниз вслед за Гермионой.

Портрет миссис Блэк завывал от ярости, но занавесить старуху никто не считал нужным, — все равно шум в коридоре разбудил бы ее опять.

— Гарри, ты пойдешь со мной и Тонкс! — крикнула миссис Уизли поверх нескончаемого визга: «Грязнокровки! Отребье! Дрянь!» — Чемодан и сову оставь, багажом займется Аластор… Ну как же так, Сириус, Дамблдор ведь ясно сказал: *нет!*

В этот момент Гарри, пробиравшийся к миссис Уизли среди чемоданов, которыми был заставлен весь коридор, увидел подле себя черного пса, похожего на медведя.

— Просто нет слов… — в отчаянии сказала миссис Уизли. — Учти, своей головой будешь отвечать!

Она рывком открыла входную дверь и вышла на слабенькое сентябрьское солнце. Гарри и пес — за ней. Дверь за ними захлопнулась, и завывания миссис Блэк мгновенно утихли.

— А где Тонкс? — спросил Гарри, оглядываясь.

Едва они спустились с крыльца на тротуар, как дом номер двенадцать исчез.

— Вон она ждет, — сухо ответила миссис Уизли, стараясь не смотреть на идущего рядом с Гарри черного пса.

На углу с ними поздоровалась старая дама. У нее были туго завитые седые букли, на которых покоилась фиолетовая шляпка с плоской тульей и загнутыми кверху полями.

— Привет, Гарри, — подмигнула она. — Лучше бы, наверно, поторопиться, Молли, — добавила она, посмотрев на часы.

— Еще бы, еще бы, — простонала миссис Уизли, прибавляя шагу. — Но Грозный Глаз хотел, чтобы мы подождали Стерджиса. Если бы только Артур опять мог взять для нас машины в Министерстве… Но Фадж ему не одолжит сейчас даже пустую чернильницу… Как это маглы выдерживают путешествия без волшебства…

А громадный черный пес, радостно гавкнув, принялся носиться вокруг них, гоняться за голубями и преследовать свой собственный хвост. Гарри не мог удержаться от смеха. Сириус явно засиделся взаперти. Миссис Уизли поджала губы почти как тетя Петунья.

Они дошли до вокзала Кингс-Кросс за двадцать минут. По пути не произошло ничего примечательного — разве что Сириус, к удовольствию Гарри, пугнул пару котов. Войдя внутрь вокзала, они стали вроде бы бесцельно прогуливаться у барьера, разделяющего девятую и десятую платформы. Улучив удобную минуту, каждый по очереди прислонялся к барьеру и без помех попадал на платформу номер девять и три четверти, около которой стоял, извергая черный дым и пыхтя паром, «Хогвартс-экспресс». Перрон был полон школьников и провожающих. Гарри вдохнул знакомый запах и почувствовал, как расправляются крылья. Надо же — он возвращается…

— Только бы остальные не опоздали, — беспокоилась миссис Уизли, глядя назад, на железную арку, в которой они должны были появиться.

— Славная псина, Гарри! — крикнул высокий мальчик с дредами на голове.

— Спасибо, Ли, — улыбнулся Гарри.

Сириус бешено завилял хвостом.

— Ну наконец-то, — с облегчением вздохнула миссис Уизли. — Вот Аластор с багажом, глядите…

В фуражке носильщика, низко нахлобученной на не подходящие друг к другу глаза, сквозь ар-

ку проковылял Грюм, толкавший тележку с их чемоданами.

— Полный порядок, — вполголоса сказал он миссис Уизли и Тонкс. — Никакой слежки…

Несколько секунд спустя на платформе появился мистер Уизли с Роном и Гермионой. Они уже почти разгрузили тележку Грюма, когда пришел Люпин с Фредом, Джорджем и Джинни.

— Все спокойно? — прорычал Грюм.

— Да, — ответил Люпин.

— Я все равно буду жаловаться Дамблдору на Стерджиса, — сказал Грюм. — Уже второй раз за неделю его нет. Становится таким же ненадежным, как Наземникус.

— Ну, друзья, не зевайте там, — сказал Люпин, пожимая всем руки. Гарри, с которым он прощался последним, Люпин хлопнул по плечу: — И ты тоже, Гарри. Будь осторожен.

— Это точно. Ушки на макушке, лишний раз не подставляться, — подхватил Грюм, тоже пожимая Гарри руку. — И помните, это ко всем относится, — поаккуратней с тем, что пишете в письмах. Сомневаетесь — вообще про это не пишите.

— Очень рада была со всеми вами познакомиться, — сказала Тонкс, обнимая Гермиону и

Джинни. — Надеюсь, скоро увидимся.

Машинист дал предупредительный свисток. Стоявшие на платформе школьники заторопились в вагоны.

— Быстрее, быстрее, — лихорадочно говорила миссис Уизли, обнимая всех без разбора. Гарри она по рассеянности схватила дважды. — Пишите… ведите себя хорошо… если что-нибудь забыли, мы пришлем… В поезд, в поезд, поторопитесь…

На мгновение громадный черный пес встал на задние лапы и положил передние Гарри на плечи. Миссис Уизли, толкнув Гарри к двери вагона, прошипела:

— Ради всего святого, Сириус, веди себя как положено собаке!

— До свидания! — крикнул Гарри в открытое окно, когда поезд тронулся.

Рон, Гермиона и Джинни, стоявшие рядом с ним, махали провожающим. Фигуры Тонкс, Люпина, Грюма, мистера и миссис Уизли быстро уплыли вбок, но черный пес, помахивая хвостом, вприпрыжку бежал и бежал рядом с окном. Нечетко видимые люди на платформе смеялись, глядя, как пес гонится за поездом. Потом поезд сделал поворот, и Сириус пропал из виду.

— Он не должен был нас провожать, — обеспокоенно сказала Гермиона.

— Да ладно тебе, — возразил ей Рон. — Сколько месяцев бедняга не выходил на волю.

— Так, ребята, — сказал Фред, хлопнув в ладоши, — я не могу весь день тут стоять и лясы точить, мне надо поговорить с Ли по делу. Пока, до скорого. — И они с Джорджем быстро двинулись по коридору направо.

Поезд набрал скорость, за окном мелькали дома, и стоявшие у окна покачивались.

— Пошли найдем купе? — предложил Гарри.

Рон и Гермиона переглянулись.

— Э… — сказал Рон.

— Мы… ну… Нам с Роном надо в вагон старост, — смущенно призналась Гермиона.

Рон не смотрел на Гарри; его вдруг страшно заинтересовали ногти на его левой руке.

— А, — сказал Гарри, — понятно. Ну ладно.

— Нам не надо будет сидеть там всю дорогу, — торопливо продолжила Гермиона. — В письмах сказано, что мы должны получить инструкции от старост школы, а потом время от времени ходить по коридорам и смотреть за порядком.

— Понятно, — повторил Гарри. — Ну, что ж… Значит, увидимся позже.

— Само собой, — сказал Рон, бросив на Гарри быстрый беспокойный взгляд. — Не думай, что мне очень хочется туда идти, я предпочел бы, конечно… но от нас требуют… Я в том смысле, что меня это не радует, я не Перси, — закончил он с вызовом.

— Ну, это-то я знаю, — улыбнулся Гарри. Но когда Гермиона и Рон потащили свои чемоданы, Живоглота и клетку с Сычиком к головному вагону, Гарри охватило непривычное чувство одиночества. Он ни разу еще не ездил на «Хогвартс-экспрессе» без Рона.

— Пошли, — сказала ему Джинни. — Займем им места.

— Да, — согласился Гарри и взял клетку с Буклей в одну руку, чемодан в другую. Они с трудом двинулись по коридору, заглядывая сквозь стеклянные двери в купе, которые все были уже полны. Гарри не мог не заметить, что многие смотрят на него с великим любопытством. Кое-кто даже толкал в бок соседа и показывал на него. Пройдя пять вагонов, Гарри вспомнил, что «Ежедневный пророк» все лето втолковывал читателям, какой он врун и саморекламщик. В голове у него возник неприятный вопрос: верят ли газетчикам те, кто сейчас глазеет на него и

перешептывается?

В последнем вагоне они увидели Невилла Долгопупса, соученика Гарри по Гриффиндору. Его круглое лицо горело от напряжения: одной рукой он тащил чемодан, другой держал Тревора, свою жабу, которая норовила вывернуться.

— Привет, Гарри, — пропыхтел он. — Привет, Джинни. Всюду забито, не могу место найти.

— Ничего не всюду, — возразила Джинни, которая уже успела протолкнуться мимо Невилла и заглянуть в ближайшее купе. — Здесь полно места, здесь только полоумная Лавгуд.

Невилл пробурчал что-то в том смысле, что не хочет никого беспокоить.

— Не будь дураком, — засмеялась Джинни. — Она ничего.

Она отодвинула дверь и впихнула в купе свой чемодан. Гарри и Невилл вошли следом.

— Привет, Полумна, — сказала Джинни. — Можно нам к тебе?

Девочка, сидевшая у окна, подняла на них глаза. Спутанные светлые волосы с пепельным оттенком доходили ей до пояса. У нее были очень бледные брови и глаза навыкате, все время придававшие ей удивленный вид. Гарри мгновенно понял, почему Невилл не хотел заходить в это

купе. Полумна была, похоже, слегка того. Волшебную палочку она засунула не куда-нибудь, а за левое ухо, на шее у нее висело ожерелье из пробок от сливочного пива, журнал, который она читала, был повернут вверх тормашками. Скользнув по Невиллу, ее глаза остановились на Гарри. Она кивнула.

— Спасибо, — улыбнулась ей Джинни.

Гарри и Невилл положили три чемодана и клетку с Буклей на багажную сетку и сели. Полумна смотрела на них поверх перевернутого журнала, который назывался «Придира». Изредка она моргала, но гораздо реже, чем нормальные люди. Она все таращилась и таращилась на Гарри, который сел напротив и теперь жалел об этом.

— Хорошо провела лето, Полумна? — спросила Джинни.

— Да, — потусторонним голосом ответила Полумна, не сводя глаз с Гарри. — Да, очень даже неплохо. А ты — Гарри Поттер, — добавила она.

— Я и сам об этом догадываюсь, — сказал Гарри.

Невилл хихикнул. Полумна перевела на него бледные глаза.

— А кто *ты* такой, я не знаю.

— Я никто, — быстро сказал Невилл.

— Неправда, — резко вмешалась Джинни. — Невилл Долгопупс — Полумна Лавгуд. Полумна на одном курсе со мной, но в Когтевране.

— Ума палата дороже злата, — сказала Полумна чуть нараспев.

Подняв перевернутый журнал так высоко, что ее лица не стало видно, она замолчала. Гарри и Невилл, вскинув брови, переглянулись. Джинни подавила смешок.

Поезд, громыхая, ехал уже по открытой местности. День был странноватый, неустановившийся: то вагон был полон солнечного света, то набегали мрачные тучи.

— Угадай, что мне подарили на день рождения, — сказал Невилл.

— Еще одну напоминалку? — спросил Гарри, вспомнив про шарик, который прислала Невиллу бабушка в надежде улучшить его никуда не годную память.

— Нет, — сказал Невилл. — Хотя она мне очень бы пригодилась, ту я давным-давно потерял… Нет, вот посмотри…

Он запустил свободную от Тревора руку в сумку и, немного пошарив, вынул маленькое растеньице в горшке, похожее на серый кактус, только не утыканное колючками, а покрытое волдырями.

— *Мимбулус мимблетония,* — гордо проговорил он.

Гарри стал разглядывать растение. Оно еле заметно пульсировало и выглядело несколько зловеще, напоминая больной внутренний орган.

— Очень-очень большая редкость, — сияя, сказал Невилл. — Не знаю даже, есть ли такое в теплицах Хогвартса. Жду не дождусь, когда можно будет показать профессору Стебль. Двоюродный дедушка Элджи раздобыл это для меня в Ассирии. Попробую вырастить новые экземпляры.

Гарри знал, что любимый предмет Невилла — травология. Что до него самого, он не представлял себе, что хорошего можно увидеть в этом чахлом уродце.

— Оно… э… что-нибудь делает? — спросил Гарри.

— Массу всего! — гордо ответил Невилл. — У него потрясающий защитный механизм. Подержи-ка Тревора.

Он положил жабу приятелю на колени и достал из сумки перо. Над верхним краем «Придиры» показались выпуклые глаза Полумны Лавгуд, которой захотелось посмотреть, что сделает Невилл. Подняв *Мимбулус мимблетония* к самым глазам и высунув от усердия кончик языка, Не-

вилл выбрал точку и резко кольнул растение острием пера.

Из каждого волдыря брызнула мощная струя жидкости — густой, вонючей, темно-зеленой. Она заляпала все — потолок, окно, журнал Полумны Лавгуд; Джинни, вовремя успевшая закрыть лицо руками, выглядела так, словно надела шапку из ползущей тины. Что касается Гарри, чьи руки были заняты норовившим выскочить Тревором, он получил хороший заряд в лицо. Запах — тухлый, навозный.

Невилл, которому досталось больше всех, стал трясти головой, чтобы прочистить хотя бы глаза.

— И-извините, — выдохнул он. — Не пробовал раньше… Не знал, что так будет… Но не волнуйтесь, Смердящий сок не ядовит, — нервно добавил он, увидев, что Гарри выплюнул содержимое рта на пол.

В этот самый момент дверь купе отодвинулась.

— О… здравствуй, Гарри, — раздался взволнованный голос. — Я… не вовремя?

Свободной от Тревора рукой Гарри протер очки. Все еще улыбаясь, в двери стояла очень хорошенькая девочка с длинными блестящими черными волосами. Это была Чжоу Чанг — ловец из команды Когтеврана по квиддичу.

— Э… здравствуй, — бесцветным тоном сказал Гарри.

— М-м… — выдавила из себя Чжоу. — Я просто заглянула поздороваться… Всего хорошего…

Изрядно покрасневшая, она захлопнула дверь. Гарри откинулся на спинку сиденья и издал стон. Он предпочел бы, чтобы Чжоу увидела его в центре великолепной компании, хохочущей до упаду от шутки, которую он только что отмочил. Вместо этого она увидела его с Невиллом Долгопупсом и Полумной Лавгуд, с жабой в руках и со Смердящим соком на лице и груди.

— Ничего страшного, — подбодрила их Джинни. — Глядите, мы сейчас запросто от этого избавимся. — Она достала волшебную палочку. — *Экскуро!*

Смердящий сок исчез.

— Извините, — тихим голосом повторил Невилл.

Рон и Гермиона явились только через час. К этому времени тележка с едой уже проехала. Гарри, Джинни и Невилл как раз покончили с тыквенным печеньем и обменивались карточками из шоколадных лягушек, когда дверь открылась и вошли гриффиндорские старосты: Гермиона — с Живоглотом, Рон — с громко ухающим Сычиком

в клетке.

— Умираю с голоду, — заявил Рон, пристроив Сычика рядом с Буклей на багажной сетке, взяв у Гарри шоколадную лягушку и рухнув на свободное место рядом с ним. Он сорвал обертку, откусил лягушачью голову, закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья, точно у него было невесть какое изматывающее утро.

— У пятикурсников на каждом факультете по двое старост, — сообщила, садясь, Гермиона. Вид у нее был страшно недовольный. — Мальчик и девочка.

— Угадай теперь, кто староста Слизерина, — сказал Рон, не открывая глаз.

— Малфой, — мгновенно отозвался Гарри, не сомневаясь, что оправдается худшее из его опасений.

— Разумеется, — с горечью подтвердил Рон, запихивая в рот остаток лягушки и беря следующую.

— И эта жуткая корова Пэнси Паркинсон, — язвительно сказала Гермиона. — Какая из нее староста, если она толстая и медлительная, как тролль, которому дали по башке…

— А кто у Пуффендуя? — спросил Гарри.

— Эрни Макмиллан и Ханна Аббот, — хрипло

ответил Рон.

— А у Когтеврана — Энтони Голдстейн и Падма Патил, — сказала Гермиона.

— Ты ходил с Падмой Патил на Святочный бал, — произнес чей-то голос.

Все повернулись к Полумне Лавгуд, которая, не мигая, смотрела на Рона поверх своего «Придиры». Он проглотил шоколад, который был у него во рту.

— Да, я знаю, что ходил, — сказал он с легким удивлением.

— Ей не очень понравилось, — поведала ему Полумна. — Она говорит, ты неважно с ней обошелся. Не стал с ней танцевать. Хотя для меня это было бы даже лучше, — добавила она глубокомысленно. — Не люблю танцы.

И она опять спряталась за журналом. Рон несколько секунд с отвисшей челюстью пялился на обложку, потом повернулся к Джинни, надеясь на какое-нибудь объяснение, но та, чтобы не расхохотаться, засунула в рот костяшки пальцев. Рон озадаченно покачал головой, потом посмотрел на часы.

— Нам надо время от времени патрулировать коридоры, — сказал он Гарри и Невиллу, — и мы можем наказывать людей за плохое поведение.

Мне не терпится прищучить Крэбба и Гойла…

— Ты не должен злоупотреблять положением старосты, Рон! — резко сказала ему Гермиона.

— Малфой, конечно, ни капельки не будет им злоупотреблять, — саркастически откликнулся Рон.

— Ты что, намерен опуститься до его уровня?

— Нет, я просто намерен добраться до его дружков раньше, чем он доберется до моих.

— Ну перестань же, Рон…

— Гойла я засажу за строчки, это его убьет, он терпеть не может писать, — радостно сообщил Рон. Он понизил голос до хриплого хрюканья Гойла, наморщил лицо, изображая болезненную сосредоточенность, и принялся выводить в воздухе рукой: — Я… не… должен… выглядеть… как… задница… бабуина.

Все засмеялись, и громче всех — Полумна Лавгуд. Она испустила такой громкий, радостный визг, что Букля проснулась и негодующе захлопала крыльями, а Живоглот, шипя, прыгнул на багажную сетку. Полумна хохотала так, что выпустила из рук журнал, и он, скользнув по ее ногам, упал на пол.

— Ой, я не могу!

Из ее выпуклых глаз текли слезы, она билась

в судорогах, глядя на Рона. Придя в полное замешательство, он посмотрел на других, смеявшихся теперь из-за выражения его лица и долгого до нелепости хохота Полумны Лавгуд, которая, схватившись за бока, раскачивалась взад и вперед.

— Издеваешься, что ли? — нахмурясь, спросил ее Рон.

— Задница… бабуина… — задыхалась она, все еще держась за бока.

Все смотрели на смеющуюся Полумну, но Гарри, бросив взгляд на упавший журнал, заметил нечто такое, из-за чего не поленился наклониться за ним. Когда Полумна читала его перевернутым, трудно было разобрать, что изображено на обложке, но теперь Гарри понял: там красовалась не слишком умело выполненная карикатура на Корнелиуса Фаджа. Его можно было узнать только по светло-зеленому котелку. Одной рукой Фадж сжимал мешок с золотом, другой душил гоблина. Подпись гласила:

Как далеко зайдет Фадж в стремлении присвоить банк «Гринготтс»?

Чуть ниже — краткое содержание других статей в этом номере:

Коррупция в Лиге квиддича: какими методами «Торнадос» берет верх?

Раскрываются тайны древних рун.

Сириус Блэк: злодей или жертва?

— Можно взглянуть? — спросил Полумну заинтригованный Гарри.

Она кивнула, по-прежнему глядя на Рона и давясь от хохота.

Гарри открыл журнал и просмотрел перечень статей. До этой минуты он и не вспоминал про издание, которое мистер Уизли взял у Кингсли для Сириуса, но теперь он понял, что речь тогда шла именно об этом номере «Придиры».

Он нашел нужную страницу и с волнением принялся за статью.

Она тоже была проиллюстрирована довольно-таки бездарной карикатурой. Если бы не подпись, Гарри в голову бы не пришло, что это Сириус. Его крестный отец стоял на груде человеческих костей с волшебной палочкой в руке. Статья была озаглавлена так:

СИРИУС БЛЭК — ЧЕРНЫЙ ПОД СТАТЬ ФАМИЛИИ?

Кровожадный убийца или невинная звезда эстрады?

Лишь прочтя эти фразы несколько раз, Гарри убедился, что глаза его не обманывают. С каких это пор Сириус — звезда эстрады?

Вот уже четырнадцать лет Сириуса Блэка считают виновным в убийстве двенадцати ни в чем не повинных маглов и одного волшебника. Следствием дерзкого побега Блэка из Азкабана два года назад стал самый широкомасштабный розыск из всех, что когда-либо предпринимало Министерство магии. Все мы были на сто процентов уверены, что он заслуживает нового ареста и передачи дементорам.

НО ТАК ЛИ ЭТО?

Ошеломляющее обстоятельство, о котором мы узнали совсем недавно: Сириус Блэк, возможно, не совершал тех преступлений, за которые его отправили в Азкабан. Как утверждает Дорис Перкисс, проживающая по адресу: Литтл-Нортон, Акантовая улица, 18, Блэк в то время, когда произошло убийство, находился совсем в другом месте.

— Общественность не знает, что Сириус Блэк — вымышленное имя, — говорит

миссис Перкисс. — Тот, кого считают Сириусом Блэком, — на самом деле не кто иной, как Коротышка Бордман, бывший эстрадный певец, в прошлом — солист популярной группы «Гоп-гоблины», переставший выступать почти пятнадцать лет назад после того, как на концерте в Литтл-Нортоне репа, брошенная одним из зрителей, попала ему в ухо. Я узнала его в ту самую секунду, как увидела фотографию в газете. Коротышка никак не мог совершить эти преступления, потому что в тот день у нас с ним был романтический ужин наедине при свечах. Я уже написала министру магии и ожидаю, что со дня на день Коротышка, он же Сириус, будет полностью оправдан.

Дочитав, Гарри продолжал смотреть на страницу. Он глазам своим не верил. Может быть, это шутка, подумал он. Может быть, журнал специализируется на мистификациях. Он перевернул несколько страниц и нашел статью о Фадже.

Корнелиус Фадж, министр магии, отвергает обвинения в том, что с момента своего избрания министром пять лет

назад он вынашивал планы захвата Волшебного банка «Гринготтс». Фадж неизменно заявляет, что хочет только «мирно сотрудничать» с хранителями нашего золота.

НО ТАК ЛИ ЭТО?

Из источников, близких к министру, нам недавно стало известно, что заветное желание Фаджа — получить контроль над золотыми запасами гоблинов и что ради этого он, если понадобится, готов применить силу.

— Ему не привыкать, — утверждает сотрудник министерства. — Недаром в узком кругу Фаджа прозвали «грозой гоблинов». Послушали бы вы его, когда он уверен, что рядом исключительно свои. Он только и говорит что о гоблинах, которых он уничтожил: одних по его приказу утопили, других выбросили из окна, третьих отравили, четвертых запекли в пироге…

Дальше Гарри читать не стал. При всех дурных качествах Фаджа его очень трудно было вообразить отдающим распоряжение запечь гоблина в

пироге. Он еще немножко полистал журнал, останавливаясь через каждые несколько страниц. Ему попались: обвинение в адрес клуба «Татсхилл торнадос» в том, что он для победы в чемпионате по квиддичу использовал шантаж, махинации с метлами и пытки; интервью с волшебником, утверждавшим, что слетал на Луну на «Чистомете-6» и набрал там в доказательство мешок лунных лягушек; и, наконец, статья о древних рунах, объяснявшая, по крайней мере, почему Полумна читала «Придиру» перевернутым. Автор уверял, что если поставить руны с ног на голову, то получится заклинание, с помощью которого можно превратить уши недруга в лимоны. На этом фоне утверждение «Придиры», что Сириус был солистом группы «Гоп-гоблины», казалось чуть ли не правдоподобным.

— Что-нибудь интересное? — спросил Рон, когда Гарри закрыл журнал.

— Разумеется, ровно ничего, — язвительно сказала Гермиона, прежде чем Гарри успел ответить. — Всем известно, что этот журнал — макулатура.

— Прошу прощения, — вмешалась Полумна, чей голос вдруг перестал быть потусторонним. — Его редактор — мой отец.

— Я… э… — смущенно пробормотала Гермиона. — Там, конечно… есть кое-что… любопытное… в смысле…

— Можно, я его возьму? — холодно осведомилась Полумна и, наклонившись, вырвала «Придиру» у Гарри из рук. Открыв пятьдесят седьмую страницу, она решительно перевернула журнал и снова исчезла за ним. В этот момент дверь купе открылась в третий раз.

Гарри повернул голову. Он, конечно, этого ожидал; и все равно увидеть ухмыляющееся лицо Драко Малфоя между физиономиями его дружков Крэбба и Гойла — приятного мало.

— В чем дело? — недружелюбно спросил Гарри, не успел Малфой открыть рот.

— Повежливей, Поттер, иначе будешь наказан, — проговорил, растягивая слова, Малфой, чьи прилизанные светлые волосы и острый подбородок были точной копией отцовских. — Видишь ли, меня, в отличие от тебя, назначили старостой, и поэтому я, в отличие от тебя, имею право наказывать провинившихся.

— Может, и так, — отозвался Гарри, — но ты, в отличие от меня, гадина, поэтому вали отсюда и оставь нас в покое.

Рон, Гермиона, Джинни и Невилл засмеялись.

Малфой скривил губы.

— А скажи-ка мне, Поттер, каково это — быть на втором месте после Уизли? — спросил он.

— Заткнись, Малфой! — резко сказала ему Гермиона.

— Кажется, я затронул больное место, — язвительно усмехнулся Малфой. — Ты смотри у меня, Поттер! Я как пес, *как пес* буду вынюхивать, где ты что сделаешь не так.

— Пошел вон! — крикнула Гермиона, вскакивая.

Хихикнув, Малфой бросил напоследок на Гарри зловредный взгляд и удалился в сопровождении неуклюже топающих Крэбба и Гойла. Гермиона со стуком захлопнула за ними дверь купе и повернулась к Гарри, который мигом понял, что она, как и он, увидела в словах Малфоя скрытый смысл и очень обеспокоена.

— Кинь-ка нам еще по лягушке, — сказал Рон. Он явно ничего не почувствовал.

При Невилле и Полумне Гарри не мог свободно говорить. Еще раз обменявшись с Гермионой встревоженными взглядами, он стал смотреть в окно.

До этой минуты он думал, что Сириус, отправившись на вокзал его провожать, всех позабавил,

и только. И вдруг вылазка крестного отца представилась ему неосторожным, рискованным поступком… Гермиона была права… Не надо было Сириусу приходить. Что, если мистер Малфой заметил черного пса и сказал Драко? Что, если он сообразил: муж и жена Уизли, Люпин, Тонкс и Грюм знают, где Сириус прячется? Или все же то, что Малфой употребил слово «пес», — случайное совпадение?

Погода, пока они ехали все дальше на север, оставалась неустойчивой. То по вагонным стеклам вяло брызгал дождь, то показывалось бледное солнце, которое вскоре поглощали тучи. Когда стемнело и в вагоне зажглись лампы, Полумна скатала «Придиру» в трубку, аккуратно положила журнал в сумку и принялась разглядывать соседей по купе.

Гарри, сидевший у окна, прижал лоб к стеклу и пытался разглядеть вдалеке очертания Хогвартса, но вечер был безлунный, а стекло с дождевыми потеками — мутное от копоти.

— Пора, наверно, одеться, — сказала наконец Гермиона. Они с Роном аккуратно прикололи к груди значки старост. Гарри увидел, как Рон смотрит на свое отражение в черном стекле.

Поезд начал замедлять ход, и отовсюду стали

долетать обычные звуки: ученики брали свои вещи и живность, готовились к выходу. Поскольку Рон с Гермионой должны были за всем этим приглядывать, они опять пошли по вагонам, оставив Живоглота и Сычика на попечение Гарри и остальных.

— Давай я эту сову понесу, — предложила Гарри Полумна, протягивая руку за Сычиком, в то время как Невилл тщательно засовывал Тревора во внутренний карман.

— Э… хорошо, спасибо, — сказал Гарри и, дав ей клетку, поудобнее перехватил Буклю.

Мелкими шажками они вышли в коридор и, уже ощущая свежесть вечернего воздуха, медленно двинулись вместе с толпой к двери вагона. Гарри почувствовал запах сосен, росших вдоль дорожки, которая вела к озеру. Он сошел на перрон и огляделся, ожидая услышать голос Хагрида: «Первокурсники, сюда!.. Эй, первокурсники!..»

Но он не прозвучал. Вместо него — совсем другой голос, бодрый, женский:

— Первокурсники, прошу построиться здесь! Первокурсники, ко мне!

Качаясь, приблизился фонарь, и при его свете Гарри увидел выступающий подбородок и строгую прическу профессора Граббли-Дерг —

волшебницы, которая в прошлом году некоторое время преподавала вместо Хагрида уход за магическими существами.

— А где Хагрид? — громко спросил он.

— Не знаю, — сказала Джинни. — Давай-ка отойдем, мы загораживаем дверь.

— Да, конечно…

Двигаясь по перрону и через здание вокзала, Гарри и Джинни разошлись. В толкучке Гарри всматривался во тьму — искал Хагрида. Он должен быть здесь, Гарри очень на это рассчитывал. Встреча с Хагридом была одной из главных радостей, которые он предвкушал. Но Хагрида не было.

«Не мог же он уйти из школы, — говорил себе Гарри, медленно протискиваясь в толпе сквозь узкую дверь и выходя к дороге. — Ну, простудился, мало ли что…»

Он огляделся в поисках Рона и Гермионы, желая спросить у них, что они думают о новом появлении профессора Граббли-Дерг, но их рядом не было, так что он просто дал потоку вынести себя на обочину темной, мокрой от дождя дороги, которая шла мимо станции Хогсмид.

На ней стояло около сотни безлошадных карет, которые всегда возили в замок учеников начиная

со второго курса. Гарри повернулся было, чтобы найти наконец Рона и Гермиону, но тут же вновь перевел взгляд на кареты.

Сегодня они не были безлошадными. Между оглоблями стояли существа, которых Гарри, если бы потребовалось подобрать для них имя, наверно, назвал бы лошадьми, хотя в них было и нечто от пресмыкающихся. Плоти — ровно никакой, только черная шкура, облегающая скелет, видимый до мельчайшей косточки. Головы как у драконов. Глаза белые, без зрачков, широко открытые. И вдобавок большие, растущие из холки черные кожистые крылья — ни дать ни взять крылья гигантских летучих мышей. Странно, зловеще выглядели во мраке эти существа, которые стояли совершенно неподвижно и беззвучно. Гарри не понимал, зачем вдруг понадобились эти жуткие лошади, — ведь кареты прекрасно могут двигаться сами.

— А где Сыч? — раздался у него за спиной голос Рона.

— Его эта Полумна взяла, — сказал, быстро обернувшись, Гарри, которому не терпелось поговорить с Роном насчет Хагрида. — Слушай, где, по-твоему…

— Хагрид? Не знаю, — обеспокоенно ответил

Рон. — Если с ним что случилось, это очень некстати…

Чуть поодаль Драко Малфой при поддержке Крэбба, Гойла, Пэнси Паркинсон и еще двоих-троих расталкивал робких второкурсников, чтобы карета целиком досталась его компании. Спустя несколько мгновений из толпы, тяжело дыша, появилась Гермиона.

— Малфой сейчас омерзительно обошелся с одним первокурсником. Я точно буду на него жаловаться! И трех минут еще не носит значка, а уже обижает людей направо и налево… А где Живоглот?

— У Джинни, — ответил Гарри. — Вон она…

Джинни с извивающимся Живоглотом в руках только что возникла в поле зрения.

— Спасибо, — сказала Гермиона, забирая у Джинни кота. — Пошли найдем свободную карету, пока они еще есть…

— Мне еще Сыча надо взять! — возразил Рон, но Гермиона уже двинулась к ближайшему незанятому экипажу. Гарри остался с Роном.

— Что это за звери такие, как ты думаешь? — спросил он, кивком показывая на жутких лошадей, мимо которых как ни в чем не бывало потоком шли ученики.

— Какие звери?

— Ну лошади…

Появилась Полумна с Сычиком в клетке. Крохотная совушка, как обычно, взволнованно верещала.

— Вот, пожалуйста, — сказала Полумна. — Какой милый совеночек!

— Да, ничего, — угрюмо отозвался Рон. — Ну ладно, пошли сядем… Что ты говоришь, Гарри?

— Я спрашиваю, что это за чудо-лошади? — сказал Гарри, двинувшись с Роном и Полумной к экипажу, в котором уже сидели Гермиона и Джинни.

— Какие еще лошади?

— Которые повезут кареты! — ответил Гарри с раздражением: ведь они проходили в каком-нибудь шаге от ближайшего из существ, которое разглядывало их пустыми белыми глазами. Рон, однако, был явно озадачен.

— Да о чем ты, никак не пойму?

— Вот о чем — посмотри!

Гарри схватил Рона за руку и повернул так, чтобы его лицо оказалось прямо перед мордой крылатого коня. Поглядев секунду-другую, Рон перевел глаза на Гарри.

— На что ты предлагаешь мне смотреть?

— Да на эту, которая между оглобель! Которая в карету запряжена! Вот же она перед тобой…

Но Рон по-прежнему таращился на него с полным непониманием, и Гарри пришла в голову диковинная мысль.

— Ты… ты не можешь их видеть?

— Кого?

— Тех, которые запряжены в кареты.

Рон встревожился не на шутку.

— Да что с тобой, Гарри?

— Со мной? Ничего…

Гарри пришел в смятение. Вот же она перед ним, черная лошадь, гладкая шкура поблескивает, отражая тусклый свет из вокзальных окон, из ноздрей в прохладном вечернем воздухе поднимается пар. И все же, если только Рон не шутит — а шутка в этом случае была бы очень глупая, — Рон не видит ее совсем.

— Ну что, может, сядем все-таки? — неуверенно предложил Рон, глядя на Гарри с беспокойством.

— Да-да, — сказал Гарри. — Пошли…

— Не волнуйся, — произнес вдруг призрачный голос, когда Рон исчез в темной карете. — Ты не сходишь с ума, ничего такого. Я тоже их вижу.

— Видишь? — в страшном волнении переспросил Гарри, поворачиваясь к Полумне. В ее

больших серебристых глазах он увидел отражения крылатых коней.

— Да, — сказала Полумна. — Вижу всякий раз, как сюда приезжаю. Они всегда везут эти кареты. Так что не беспокойся. Ты не больший псих, чем я.

Она слабо улыбнулась и забралась вслед за Роном в затхлый кузов экипажа. Не успокоившись до конца, Гарри полез туда же.

Глава 11

НОВАЯ ПЕСНЯ РАСПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ ШЛЯПЫ

Гарри не хотел сообщать остальным, что у него с Полумной одна и та же галлюцинация, если это действительно была галлюцинация. Поэтому, заняв свое место в карете и захлопнув за собой дверь, он уже не говорил о лошадях. Однако он невольно то и дело поглядывал в окно на темные лошадиные фигуры.

— Все видели эту Граббли-Дерг? — спросила Джинни. — Что она, интересно, тут делает? Ведь не мог же Хагрид уйти из школы, правда?

— Я была бы рада, если бы он ушел, — сказала Полумна. — По-моему, он не ахти какой учитель.

— Он отличный учитель! — хором возразили рассерженные Гарри, Рон и Джинни.

Гарри посмотрел на Гермиону. Она кашлянула и быстро сказала:

— Да… он очень хороший.

— А мы в Когтевране считаем, что на него без смеха нельзя смотреть, — не смутившись, сказала Полумна.

— Значит, у вас погано с чувством юмора! —

рявкнул Рон.

Карета тем временем, скрипя колесами, поехала.

Полумну грубость Рона, казалось, не обеспокоила нисколько. Мало того — она некоторое время равнодушно смотрела на него, как смотрят не слишком интересную телепередачу.

Громыхая и покачиваясь, кареты цепочкой двигались по дороге. Когда их экипаж между двумя высокими колоннами, увенчанными фигурами крылатых вепрей, въезжал на территорию школы, Гарри прильнул к окну, надеясь увидеть огонек в хижине Хагрида на краю Запретного леса. Но на всей территории было совершенно темно. Замок Хогвартс между тем нависал все ближе — могучая громада башен, угольно-черная на фоне темного неба. Яркими прямоугольниками в ней там и сям светились окна.

У каменных ступеней, ведущих к дубовым входным дверям замка, кареты с лязгом остановились. Гарри вышел из экипажа первым. Он повернулся и опять стал искать глазами свет в домике на опушке леса, но там не было никаких признаков жизни. Боясь расстаться с призрачной надеждой на то, что лошади ему померещились, Гарри неохотно перевел взгляд на кареты и,

конечно, снова увидел эти странные скелетоподобные существа. Они тихо стояли, овеваемые прохладным вечерним воздухом, и таращили пустые белые глаза.

Гарри и раньше видел однажды такое, чего Рон не видел, но то было отражение в зеркале — нечто куда менее материальное, чем сотня здоровенных тварей, достаточно сильных, чтобы везти тяжелые кареты. Если верить Полумне, они всякий раз их везли, но были невидимы. Почему же он, Гарри, вдруг их увидел? И почему Рон — нет?

— Идешь ты или нет? — прозвучал рядом голос Рона.

— А… да, — быстро сказал Гарри, и они влились в толпу, торопливо поднимающуюся к дверям по каменной лестнице.

Вестибюль был ярко освещен факелами, и шаги учеников по мощенному каменными плитами полу отдавались в нем эхом. Все двигались направо, к двустворчатой двери, которая вела в Большой зал. Предстоял пир по случаю начала учебного года.

В Большом зале школьники рассаживались по факультетам за четыре длинных стола. Вверху простирался беззвездный черный потолок, неот-

личимый от неба, которое можно было видеть сквозь высокие окна. Вдоль столов в воздухе плавали свечи, освещая серебристых призраков, во множестве сновавших по залу, и учеников, которые оживленно переговаривались, обменивались летними новостями, выкрикивали приветствия друзьям с других факультетов, разглядывали друг у друга новые мантии и фасоны стрижки. И опять Гарри заметил, что, когда он идет мимо, некоторые наклоняются друг к другу и перешептываются. Он стиснул зубы и постарался вести себя так, словно ничего не замечает и ему ни до чего нет дела.

Полумна отделилась от них и отправилась за стол Когтеврана. Едва они дошли до стола Гриффиндора, как Джинни позвали друзья-четверокурсники, и она села с ними. Гарри, Рон, Гермиона и Невилл нашли себе четыре места подряд у середины стола. По одну сторону от них сидел Почти Безголовый Ник, факультетский призрак Гриффиндора, по другую — Парвати Патил и Лаванда Браун, которые поздоровались с Гарри как-то нарочито беззаботно и дружелюбно, не оставив у него сомнений в том, что перестали перемывать ему косточки лишь мгновение назад. Впрочем, у него на уме были более важ-

ные вещи: через головы учеников он смотрел на преподавательский стол, который шел вдоль главной стены зала.

— Его тут нет.

Рон и Гермиона смотрели туда же, хотя особенно вглядываться не было нужды: рост Хагрида позволил бы сразу увидеть его в любой компании.

— Не мог же он совсем уйти из школы, — сказал Рон с легкой тревогой в голосе.

— Конечно не мог, — твердо проговорил Гарри.

— Может быть, с ним… случилось что-нибудь? — беспокойно спросила Гермиона.

— Нет, — мгновенно ответил Гарри.

— Где же он тогда?

После паузы Гарри очень тихо — так, чтобы не услышали Невилл, Парвати и Лаванда, — сказал:

— Может быть, еще не вернулся. Ну, вы помните — после своей летней работы… После того, что он должен был сделать для Дамблдора.

— Да… да, пожалуй, — согласился Рон, вроде бы успокоившись.

Но Гермиона, прикусив губу, все оглядывала преподавательский стол, точно хотела найти там какое-то окончательное объяснение отсутствия Хагрида.

— А *это* кто? — резко спросила она, показывая на середину преподавательского стола.

Гарри посмотрел туда же, куда она. Первым он увидел профессора Дамблдора, сидевшего в центре длинного стола в своем золоченом кресле с высокой спинкой. На нем были темно-фиолетовая мантия с серебристыми звездами и такая же шляпа. Дамблдор склонил голову к сидевшей рядом женщине, которая что-то говорила ему на ухо. Она выглядела, подумал Гарри, как чья-нибудь вечно незамужняя тетушка. Пухлая и приземистая, с короткими курчавыми мышино-каштановыми волосами, она повязала голову ужасающей ярко-розовой лентой под цвет пушистой вязаной кофточки, которую надела поверх мантии. Вот она чуть повернула голову, чтобы отпить из кубка, — и Гарри, к своему ужасу, узнал это бледное жабье лицо и выпуклые, с кожистыми мешками глаза.

— Это же Амбридж!

— Кто-кто? — спросила Гермиона.

— Она была на разбирательстве моего дела, она работает у Фаджа!

— Кофточка что надо! — ухмыльнулся Рон.

— Работает у Фаджа… — нахмурившись, повторила Гермиона. — И что, в таком случае, она

делает здесь?

— Понятия не имею…

Гермиона, сощурив глаза, оглядывала преподавательский стол.

— Нет, — пробормотала она, — нет, конечно…

Гарри не понял, что она имеет в виду, но спрашивать не стал; его внимание переключилось на профессора Граббли-Дерг, которая только что появилась позади преподавательского стола. Протиснувшись к дальнему его концу, она заняла место, где должен был сидеть Хагрид. Это значило, что первокурсники уже пересекли озеро и вошли в замок. И действительно несколько секунд спустя дверь, которая вела в Большой зал из вестибюля, отворилась. В зал потянулась длинная вереница испуганных новичков, возглавляемая профессором МакГонагалл, которая несла табурет с древней Волшебной шляпой, во многих местах заплатанной и заштопанной. На тулье Шляпы около сильно потрепанных полей виднелся широкий разрез.

Разговоры в Большом зале разом умолкли. Первокурсники выстроились вдоль преподавательского стола лицом к остальным ученикам. Профессор МакГонагалл бережно поставила перед ними табурет и отступила.

Лица первокурсников, освещаемые огоньками свечей, казались очень бледными. Одного мальчонку, стоявшего в середине шеренги, била дрожь. Гарри на миг вспомнилось, какой ужас испытывал он сам, стоя на их месте в ожидании неведомого испытания, которое должно было определить, на каком факультете он будет учиться.

Вся школа ждала затаив дыхание. И вот разрез на тулье открылся, как рот, и Волшебная шляпа запела:

В стародавние дни, когда я была новой,
Те, что с целью благой и прекрасной
Школы сей вчетвером заложили основы,
Жить хотели в гармонии ясной.
Мысль была у них общая — школу создать,
Да такую, какой не бывало,
Чтобы юным познанья свои передать,
Чтобы магия не иссякала.
«Вместе будем мы строить, работать, учить!» —
Так решили друзья-чародеи,

По иному они и не думали жить,

Ссора — гибель для общей идеи.

Слизерин с Гриффиндором — вот были друзья!

Пуффендуй, Когтевран — вот подруги!

Процветала единая эта семья,

И равны были магов заслуги.

Как любовь несогласьем смениться могла?

Как содружество их захирело?

Расскажу я вам это — ведь я там была.

Вот послушайте, как было дело.

Говорит Слизерин: «Буду тех только брать,

У кого родовитые предки».

Говорит Когтевран: «Буду тех обучать,

Что умом и пытливы и метки».

Говорит Гриффиндор: «Мне нужны смельчаки,

Важно дело, а имя — лишь слово».

Говорит Пуффендуй: «Мне равно все близки,

Всех принять под крыло я готова».

Расхожденья вначале не вызвали ссор,

Потому что у каждого мага

На своем факультете был полный простор.

Гриффиндор, чей девиз был — отвага,

Принимал на учебу одних храбрецов,

Дерзких в битве, работе и слове.

Слизерин брал таких же, как он, хитрецов,

Безупречных к тому же по крови.

Когтевран — проницательность, сила ума,

Пуффендуй — это все остальные.

Мирно жили они, свои строя дома,

Точно братья и сестры родные.

Так счастливые несколько лет протекли,

Много было успехов отрадных.

Но потом втихомолку раздоры вползли

В бреши слабостей наших досадных.

Факультеты, что мощной четверкой

опор
Школу некогда прочно держали,
Ныне, ярый затеяв о первенстве спор,
Равновесье свое расшатали.
И казалось, что Хогвартс ждет злая судьба,
Что к былому не будет возврата.
Вот какая шла свара, какая борьба,
Вот как брат ополчился на брата.
И настало то грустное утро, когда
Слизерин отделился чванливо,
И, хотя поутихла лихая вражда,
Стало нам тяжело и тоскливо.
Было четверо — трое осталось. И нет
С той поры уже полного счастья.
Так жила наша школа потом много лет
В половинчатом, хрупком согласье.
Ныне древняя Шляпа пришла к вам опять,
Чтобы всем новичкам в этой школе
Для учебы и жизни места указать, —

Такова моя грустная доля.

Но сегодня я вот что скажу вам, друзья,

И никто пусть меня не осудит:

Хоть должна разделить я вас, думаю я,

Что от этого пользы не будет.

Каждый год сортировка идет, каждый год…

Угрызеньями совести мучась,

Опасаюсь, что это на нас навлечет

Незавидную, тяжкую участь.

Подает нам история сумрачный знак,

Дух опасности в воздухе чую.

Школе «Хогвартс» грозит внешний бешеный враг,

Врозь не выиграть битву большую.

Чтобы выжить, сплотитесь — иначе развал,

И ничем мы спасенье не купим.

Все сказала я вам. Кто не глух, тот внимал.

А теперь к сортировке приступим.

Шляпа умолкла и замерла. Раздались аплодис-

менты, но на этот раз — Гарри не помнил, чтобы такое случалось раньше, — они сопровождались тихим говором и перешептываниями. По всему Большому залу ученики обменивались репликами с соседями, и Гарри, хлопая вместе со всеми, прекрасно понимал, чем вызваны всеобщие толки.

— Разошлась она что-то в этом году, — сказал Рон, удивленно вскинув брови.

— Не то слово, — согласился Гарри.

Обычно Волшебная шляпа ограничивалась описанием качеств, которые требуются от новичка для зачисления на тот или иной факультет, и своей роли в решении его судьбы. Гарри не помнил, чтобы она пыталась давать Хогвартсу советы.

— Было раньше такое, чтобы она предостерегала школу? — спросила Гермиона с ноткой тревоги в голосе.

— Безусловно, было, — авторитетно ответил Почти Безголовый Ник, наклонясь к ней и пройдя при этом сквозь Невилла (Невилл вздрогнул — ощущение, прямо скажем, не из приятных). — Шляпа считает своим святым долгом выступить с должным предостережением, когда она чувствует…

Но тут он увидел, что профессор МакГонагалл, которая должна была теперь выкликать первокурсников, смотрит на шепчущихся испепеляющим взором. Почти Безголовый Ник поднес к губам прозрачный палец, благонравно выпрямился на стуле и замер. Шепотки разом утихли. Грозно окинув напоследок взглядом столы всех четырех факультетов, профессор МакГонагалл опустила глаза к длинному свитку пергамента и назвала первое имя:

— Аберкромби, Юан.

Вперед, спотыкаясь, вышел охваченный страхом мальчик, которого Гарри приметил чуть раньше. Он надел Шляпу; голова не утонула в ней целиком лишь благодаря большим оттопыренным ушам. Шляпа на мгновение задумалась, потом разрез в нижней части тульи снова зашевелился, и прозвучало:

— Гриффиндор!

Гарри, как и другие гриффиндорцы, громко зааплодировал, и Юан Аберкромби проковылял к их столу и сел; вид у него был такой, словно он мечтал провалиться сквозь пол и никогда больше не показываться никому на глаза.

Мало-помалу длинная шеренга новичков рассасывалась. В паузах между выкликанием имен и

решениями Шляпы до Гарри доносилось громкое урчание в животе у Рона. Наконец Целлер Роза была зачислена в Пуффендуй, и профессор МакГонагалл, взяв табурет со Шляпой, вышла из зала. Встал директор школы профессор Дамблдор.

Какими бы горькими ни были чувства, которые Гарри в последнее время испытывал на его счет, вид стоящего перед залом Дамблдора вселял некое успокоение. Отсутствие Хагрида и лошади-драконы стали неприятными сюрпризами, омрачившими прибытие в Хогвартс, которого он ждал с таким нетерпением. Словно фальшивые ноты в знакомой песне. Но по крайней мере в одном все обстояло так, как и должно было: перед пиром по случаю начала учебного года директор встает и обращается к школе с приветственным словом.

— Нашим новичкам, — звучно заговорил Дамблдор, сияя улыбкой и широко распахнув объятия, — добро пожаловать! Нашей старой гвардии — добро пожаловать в насиженные гнезда! Придет еще время для речей, но сейчас время для другого. Уплетайте за обе щеки!

Под общий смех и одобрительные аплодисменты Дамблдор аккуратно сел и перекинул длинную бороду через плечо, чтобы не лезла в

тарелку. А тем временем в зале, откуда ни возьмись, появилась еда, и в таком количестве, что все пять длинных столов ломились от мяса, пирогов, овощных блюд, хлеба, соусов и кувшинов с тыквенным соком.

— Кла-асс, — простонал изголодавшийся Рон и, потянувшись к ближайшему блюду с отбивными котлетами, стал наваливать их себе на тарелку под тоскливым взором Почти Безголового Ника.

— Ты что-то начал говорить перед распределением, — напомнила призраку Гермиона. — Насчет предостережений, которые высказывала Шляпа.

— Да-да, — сказал Ник, который был рад поводу отвернуться от Рона, уплетавшего жареную картошку с почти неприличным аппетитом. — Я несколько раз слышал ее предостережения во времена, когда школе грозили большие беды. И всегда, конечно, она говорила одно и то же: сплотитесь, обретите силу изнутри.

— Окуа ляа мое на, шошое ози еда? — спросил Рон.

С таким набитым ртом, подумал Гарри, хоть что-то выговорить — уже достижение.

— Прошу прощения? — учтиво переспросил Почти Безголовый Ник.

Гермиона метнула в Рона негодующий взгляд; он сделал громадный глоток и сказал:

— Откуда Шляпа может знать, что школе грозит беда?

— Не имею понятия, — ответил Почти Безголовый Ник. — Впрочем, разумеется, она живет в кабинете Дамблдора, и могу предположить, что она улавливает там некие веяния.

— И она хочет, чтобы все факультеты жили в дружбе? — спросил Гарри, глядя на стол Слизерина, где властвовал Драко Малфой. — Держи карман шире.

— Ты не должен так думать, — упрекнул его Ник. — Мирное сотрудничество — это ключ ко всему. Хотя мы, привидения, тоже разделены на факультеты, мы поддерживаем между собой дружеские связи. Несмотря на борьбу за первенство между Гриффиндором и Слизерином, я ни за что не стал бы искать ссоры с Кровавым Бароном.

— Только потому, что ты жутко его боишься, — сказал Рон.

Почти Безголовый Ник был глубоко оскорблен.

— Я — боюсь? Смею утверждать, что сэр Николас де Мимси-Дельфингтон ни разу в жизни не возбудил подозрения в трусости! Благородная кровь, текущая в моих жилах…

— Кровь? — переспросил Рон. — Разве у тебя есть…

— Фигура речи! — перебил его Почти Безголовый Ник, уязвленный теперь настолько, что голова на почти разрубленной шее опасно задрожала. — Надеюсь, мне, которому недоступны радости еды и питья, все же позволено употреблять те слова, какие я считаю нужным? Впрочем, заверяю вас: я давно уже привык к шуточкам учеников по поводу моей смерти!

— Ник, он же не смеялся над тобой! — воскликнула Гермиона, бросив на Рона уничтожающий взгляд.

К несчастью, рот Рона был опять набит так, что, казалось, вот-вот будет взрыв, и он смог произнести только: «Яэ хоэ иа оиеть», что Ник, судя по всему, не расценил как достаточное извинение. Взмыв в воздух, он поправил шляпу с пером и полетел от них к другому концу стола, где нашел себе место между братьями Криви — Колином и Деннисом.

— Ну, Рон, ты даешь! — гневно прошипела Гермиона.

— В чем дело? — возмутился Рон, проглотив наконец то, что у него было во рту. — Мне простой вопрос нельзя задать?

— Ладно, проехали, — раздраженно сказала Гермиона, и оба всю оставшуюся трапезу обиженно промолчали.

Гарри слишком привычны были перепалки Рона и Гермионы, чтобы пытаться их примирить. Куда разумнее было потратить время на бифштекс, запеканку с почками и большой кусок любимого пирога с патокой.

Когда ученики покончили с едой и гомон в зале опять сделался громче, Дамблдор вновь поднялся на ноги. Разговоры мгновенно умолкли. Все повернулись к директору. Гарри между тем ощущал приятную сонливость. Где-то наверху его ждала кровать с четырьмя столбиками, чудесно мягкая, теплая…

— Теперь, когда мы начали переваривать этот великолепный ужин, я, как обычно в начале учебного года, прошу вашего внимания к нескольким кратким сообщениям, — сказал Дамблдор. — Первокурсники должны запомнить, что лес на территории школы — запретная зона для учеников. Некоторые из наших старших школьников, надеюсь, теперь уже это запомнили. (Гарри, Рон и Гермиона обменялись ухмылками.) Мистер Филч, наш школьный смотритель, попросил меня — как он утверждает, в четыреста шестьдесят

второй раз — напомнить вам, что в коридорах Хогвартса не разрешается применять волшебство. Действует и ряд других запретов, подробный перечень которых вывешен на двери кабинета мистера Филча.

У нас два изменения в преподавательском составе. Мы рады вновь приветствовать здесь профессора Граббли-Дерг, которая будет вести занятия по уходу за магическими существами. Я также с удовольствием представляю вам профессора Амбридж, нашего нового преподавателя защиты от Темных искусств.

Прозвучали вежливые, но довольно вялые аплодисменты, во время которых Гарри, Рон и Гермиона обменялись взглядами, выражавшими легкую панику: Дамблдор не сказал, как долго Граббли-Дерг будет преподавать. Дамблдор продолжал:

— Отбор в команды факультетов по квиддичу будет происходить…

Он умолк и с недоумением посмотрел на профессора Амбридж. Поскольку стоя она была лишь ненамного выше, чем сидя, все не сразу поняли, почему Дамблдор перестал говорить. Но тут послышалось ее негромкое «кхе, кхе» и стало ясно, что она поднялась на ноги и намерена держать

речь.

Замешательство Дамблдора продлилось всего какую-нибудь секунду. Затем он проворно сел и уставил на профессора Амбридж пытливый взгляд, точно ничего на свете не желал сильнее, чем услышать ее выступление. Но другие преподаватели не сумели так искусно скрыть свое изумление. Брови профессора Стебль исчезли под растрепанными волосами, губы профессора МакГонагалл стали тоньше, чем Гарри когда-либо у нее видел. Ни разу еще новый учитель не осмелился перебить Дамблдора. Многие школьники ухмыльнулись: эта особа явно не знала, как принято вести себя в Хогвартсе.

— Благодарю вас, директор, — жеманно улыбаясь, начала Амбридж, — за добрые слова приветствия.

Голосок у нее был высокий, девчоночий, с придыханием, и Гарри опять почувствовал сильнейший прилив необъяснимой неприязни. Он знал одно: что все в ней, от глупого голоска до пушистой розовой кофточки, вызывает у него отвращение. Она еще раз мелко откашлялась — «кхе, кхе» — и продолжала:

— Как приятно, доложу я вам, снова оказаться в Хогвартсе! — Она опять улыбнулась, обнажив

очень острые зубы. — И увидеть столько обращенных ко мне счастливых маленьких лиц!

Гарри оглядел зал, но счастливых лиц что-то не приметил. Наоборот, все были неприятно удивлены тем, что к ним обращаются как к пятилетним.

— Я с нетерпением жду знакомства с каждым из вас и убеждена, что мы станем очень хорошими друзьями!

Школьники начали переглядываться, некоторые с трудом подавляли смех.

— Я согласна с ней дружить только до тех пор, пока мне не придется позаимствовать у нее кофточку, — шепнула Парвати Лаванде, и обе они беззвучно захихикали.

Профессор Амбридж снова издала свое «кхе, кхе», но когда она опять заговорила, восторженного придыхания в голосе уже почти не слышалось. Он звучал куда более деловито. Слова были скучными и как будто вызубренными.

— Министерство магии неизменно считало обучение юных волшебников и волшебниц делом чрезвычайной важности. Редкостные дарования, с которыми вы родились, могут быть растрачены впустую, если их не развивать и не оттачивать бережными наставлениями. Древние навыки,

которые выделяют волшебное сообщество из всех прочих, должны передаваться из поколения в поколение — иначе мы потеряем их навсегда. Беречь, приумножать и шлифовать сокровища магических познаний, накопленные нашими предками, — первейшая обязанность тех, кто посвятил себя благородному делу преподавания.

Тут профессор Амбридж сделала паузу и легонько кивнула коллегам, ни один из которых на этот знак внимания не ответил. Профессор МакГонагалл так сурово нахмурила темные брови, что стала очень похожа на хищную птицу. Гарри явственно увидел, как она обменялась многозначительным взглядом с профессором Стебль. Амбридж между тем в очередной раз кхекхекнула и заговорила дальше:

— Каждый новый директор Хогвартса привносил в трудное дело руководства этой древней школой нечто новое, и так оно и должно быть, ибо без прогресса нашим уделом стали бы застой и гниение. Однако прогресс ради прогресса поощрять не следует, ибо большая часть наших проверенных временем традиций в пересмотре не нуждается. Итак, необходимо равновесие между старым и новым, между постоянством и переменами, между традицией и новаторством…

Гарри почувствовал, что его внимание ослабевает: мозг то включался, то выключался. Тишины, которая всегда наполняла зал, когда слово брал Дамблдор, не было и в помине: школьники наклонялись друг к другу, шептались, хихикали. За столом Когтеврана Чжоу Чанг оживленно болтала с подружками. Полумна Лавгуд, сидевшая недалеко от Чжоу, снова вынула своего «Придиру». За столом Пуффендуя Эрни Макмиллан был одним из немногих, кто по-прежнему смотрел на профессора Амбридж, но взгляд у него был остекленевший, и Гарри не сомневался, что он только притворяется, будто слушает: на груди у него блестел новенький значок старосты, и надо было вести себя соответственно.

Профессор Амбридж вольного поведения учеников как будто не замечала. Казалось, начнись под самым носом у нее буйный мятеж — она все равно договорила бы до конца. Преподаватели, однако, по-прежнему слушали ее очень внимательно. Гермиона, судя по всему, не упускала ни единого слова Амбридж, но по ней было видно, что слова эти ей совсем не по нутру.

— …потому что иные из перемен приносят подлинное улучшение, в то время как другие с течением лет выявляют свою ненужность. Точно

так же некоторые из старых обычаев подлежат сохранению, тогда как от тех из них, что обветшали и изжили себя, следует отказаться. Сделаем же шаг в новую эру — в эру открытости, эффективности и ответственности, сохраняя то, что заслуживает сохранения, совершенствуя то, что должно быть усовершенствовано, искореняя то, чему нет места в нашей жизни.

Она села. Дамблдор похлопал. Педагоги последовали его примеру, но Гарри заметил, что некоторые сомкнули ладони всего раз или два. Присоединился и кое-кто из учеников, но большей частью они просто прозевали конец речи, которой не слушали, и, прежде чем они могли зааплодировать по-настоящему, Дамблдор снова встал.

— Благодарю вас, профессор Амбридж, за чрезвычайно содержательное выступление, — сказал он с легким поклоном. — Итак, я продолжу. Отбор в команды по квиддичу будет происходить…

— Это точно, что содержательное, — вполголоса заметила Гермиона.

— Только не говори, что тебе понравилось, — тихо сказал Рон, повернув к Гермионе лоснящееся от сытости лицо. — Одна из самых занудных речей, какие я слышал. А ведь я рос с Перси.

— «Содержательное» и «понравилось» — разные вещи, — сказала Гермиона. — Эта речь очень многое объясняет.

— Правда? — удивился Гарри. — А по мне, так вода водой.

— В этой воде растворено кое-что важное, — сумрачно проговорила Гермиона.

— Да что ты, — с недоумением сказал Рон.

— Как вам вот это: «Прогресс ради прогресса поощрять не следует»? Или еще: «Искореняя то, чему нет места в нашей жизни»?

— Ну, и что это означает? — нетерпеливо спросил Рон.

— А я тебе скажу, что означает, — сказала Гермиона зловеще. — Означает то, что Министерство вмешивается в дела Хогвартса.

Тем временем все вокруг зашумели и засуетились. Дамблдор, пока они разговаривали, объявил торжество оконченным. Ученики начали вставать и двигаться к выходу. Гермиона взволнованно вскочила на ноги.

— Рон, мы же должны показать первокурсникам дорогу!

— Ах, да, — сказал Рон, который явно про это забыл. — Эй! Эй, вы! Мелкота!

— Рон!

— А кто они, по-твоему? Великаны, что ли?

— Может, они и маленькие, но не смей называть их мелкотой! Первокурсники! — властно крикнула Гермиона через стол. — Сюда, пожалуйста!

Кучка новичков робко двинулась по проходу между столами Гриффиндора и Пуффендуя. Каждый мешкал как только мог, чтобы не идти первым. Все они действительно казались очень маленькими; Гарри был уверен, что он, когда приехал сюда в первый раз, выглядел все же постарше. Он улыбнулся им. Светловолосый мальчик рядом с Юаном Аберкромби остановился как вкопанный, он толкнул Юана локтем и шепнул ему что-то на ухо. Юан Аберкромби сделался таким же испуганным и украдкой бросил на Гарри взгляд, полный ужаса. Гарри почувствовал, что улыбка сползает с лица, как Смердящий сок.

— Ну ладно, пока, — сказал он Рону и Гермионе и один двинулся к выходу из Большого зала, изо всех сил стараясь не замечать новых перешептываний, взглядов и кивков в его сторону. В вестибюле, пробираясь сквозь толпу, он не смотрел ни направо, ни налево; потом бегом по мраморной лестнице, пара потайных проходов — и он оставил большую часть учеников позади.

Надо быть круглым идиотом, чтобы этого не ожидать, злился он на самого себя, идя гораздо менее людными верхними коридорами. Еще бы все на него не уставились — ведь два месяца назад он вернулся из лабиринта Турнира Трех Волшебников с трупом товарища и заявил, что видел возродившегося лорда Волан-де-Морта. До летних каникул тогда оставалось всего ничего, у него попросту не было времени дать людям объяснения, пусть даже он был бы тогда в силах подробно рассказать об ужасных событиях на кладбище.

Дойдя до конца коридора, который вел к общей гостиной Гриффиндора, Гарри уперся в портрет Полной Дамы и только тут сообразил, что не знает нового пароля.

— Э... — с тоской выдавил он из себя, глядя на Полную Даму, которая сурово смотрела на него, разглаживая складки на розовом атласном платье.

— Без пароля хода нет, — заявила она надменно.

— Гарри, я его знаю!

Сзади послышалось чье-то пыхтение, и, обернувшись, Гарри увидел бегущего к нему Невилла.

— Ни за что не угадаешь! А мне ничего не стоило запомнить. — Он помахал чахлым кактусом, который показывал в поезде. — *Мимбулус мимблетония!*

— Верно, — сказала Полная Дама, и ее портрет повернулся в их сторону, как створка двери. За ним в стене открылся круглый проем, куда Гарри с Невиллом тут же влезли.

Общая гостиная Гриффиндора была все такой же приветливой — уютная круглая комната в башне с мягкими вытертыми креслами и шаткими старинными столами. У камина, где весело потрескивал огонь, несколько человек грели руки, прежде чем идти в спальню. На противоположной стороне комнаты Фред и Джордж Уизли прикалывали что-то к доске объявлений. Гарри помахал всем и направился прямиком к двери, которая вела к спальням мальчиков. Заводить разговор у него настроения не было. Невилл последовал за ним.

Дин Томас и Симус Финниган, пришедшие в спальню первыми, были заняты оклеиванием стен подле своих кроватей плакатами и фотографиями. Перед тем как Гарри вошел, они разговаривали, но едва увидели его — тут же умолкли. Гарри вначале задался вопросом, не

о нем ли они говорили, затем — не стал ли он законченным параноиком.

— Привет, — бросил он и, подойдя к своему чемодану, открыл его.

— Здорово, Гарри, — сказал Дин, надевая пижаму цветов футбольного клуба «Вест Хэм». — Как каникулы, ничего?

— Нормально, — ответил Гарри. Рассказывать о каникулах как следует значило бы потратить большую часть ночи, а сил на это у него не было. — А у вас?

— У меня более-менее, — ухмыльнулся Дин. — Уж точно лучше, чем у Симуса. Он сейчас как раз мне рассказывал.

— А что случилось, Симус? — спросил Невилл, заботливо ставя свой *Мимбулус мимблетония* на прикроватную тумбочку.

Симус ответил не сразу. Он что-то замешкался, проверяя, ровно ли приклеен плакат с изображением команды по квиддичу «Кенмарские коршуны». Потом, не поворачиваясь лицом к Гарри, сказал:

— Мать не хотела меня пускать.

— Что? — Гарри, снимавший мантию, замер.

— Мать не хотела меня пускать в Хогвартс.

Симус отвернулся наконец от плаката и стал

вынимать из чемодана пижаму, по-прежнему не глядя на Гарри.

— Но почему? — изумленно спросил Гарри. Он знал, что мать Симуса волшебница, и не мог взять в толк, что вдруг сделало ее похожей на Дурслей.

Симус не отвечал, пока не кончил застегивать пижаму.

— Ну, — сказал он с некой взвешенностью в голосе, — похоже, что… из-за тебя.

— Как так? — быстро спросил Гарри.

Сердце у него забилось. Ощущение — будто что-то на тебя надвигается.

— Ну, — опять произнес Симус, все еще избегая взгляда Гарри, — она… э… нет, дело не только в тебе, еще и в Дамблдоре…

— Она что, верит россказням «Ежедневного пророка»? — спросил Гарри. — Думает, что я лжец, а Дамблдор старый дурак?

Симус поднял на него взгляд.

— Да, что-то в этом роде.

Гарри ничего не сказал. Он бросил на тумбочку волшебную палочку, стянул мантию, рассерженно засунул ее в чемодан и надел пижаму. Ему уже до смерти надоело быть тем, на кого все время таращатся, о ком все время чешут языками. И хоть бы один знал, хоть бы один имел малейшее

представление, каково это — быть тем, с кем происходят такие вещи… Миссис Финниган, дура набитая, явно не имеет об этом понятия, свирепо думал Гарри.

Он забрался в кровать и хотел уже задернуть полог, как вдруг Симус спросил:

— Слушай-ка… А что, собственно, случилось в тот вечер, когда… Ну, ты понимаешь… Когда погиб Седрик Диггори, и все такое?

Голос у Симуса был и нервный, и любопытный. Дин, который до этого рылся в чемодане в поисках шлепанца, вдруг странно замер — навострил уши, ясное дело.

— Меня-то зачем об этом спрашивать? — резко ответил Гарри. — Читай себе «Ежедневный пророк», как твоя мать, что тебе мешает? Там найдешь все, что тебе следует знать.

— Не смей так про мою мать! — рассердился Симус.

— Я буду так про всякого, кто называет меня лжецом, — сказал Гарри.

— Повежливей со мной, понял!

— Как хочу, так и буду с тобой говорить, — сказал Гарри. Злоба поднималась в нем очень быстро, и он схватил с тумбочки волшебную палочку. — Не нравится ночевать со мной в одной

комнате — поди попроси МакГонагалл тебя перевести. И мамаша меньше будет беспокоиться…

— Оставь мою мать в покое, Поттер!

— Что тут у вас случилось?

В двери показался Рон. Широко раскрытыми глазами он смотрел то на сжавшего кулаки Симуса, то на Гарри, который стоял на кровати на коленях, направив на Симуса волшебную палочку.

— Он про мою мать высказывается! — завопил Симус.

— Что? — не поверил Рон. — Да брось ты, не мог этого Гарри — мы же видели твою мать, она нам понравилась…

— Нравилась, пока не начала верить каждому слову, какое пишет про меня вонючий «Ежедневный пророк»! — крикнул Гарри срывающимся голосом.

— Вот оно что, — проговорил Рон, и на его веснушчатом лице проступило понимание. — А… ну ясно.

— Знаешь что? — разгоряченно сказал ему Симус, зло покосившись на Гарри. — Он прав, я не хочу больше с ним жить в одной комнате, он сумасшедший!

— Так нельзя, Симус, — сказал Рон. У него уже

начали пылать уши — недобрый знак.

— Нельзя? — заорал Симус, который, в противоположность Рону, стал весь бледный. — Значит, ты веришь всему этому бреду, который он несет про Сам-Знаешь-Кого? Значит, по-твоему, он правду говорит?

— Да, правду! — сердито воскликнул Рон.

— Ну, тогда ты тоже сумасшедший, — с раздражением бросил Симус.

— Да? Но, к несчастью для тебя, дружок, я еще и староста! — сказал Рон, ткнув пальцем в свой значок. — Так что если не хочешь в наказание сидеть после уроков, думай, что говоришь!

Несколько секунд Симус выглядел так, словно готов был даже ценой наказания произнести то, что вертелось на языке, но потом, презрительно хмыкнув, резко повернулся, кинулся на кровать и дернул полог с такой силой, что сорвал его, и ткань пыльным комком свалилась на пол. Рон, метнув напоследок на Симуса негодующий взгляд, посмотрел на Дина и Невилла.

— У кого еще родители имеют что-нибудь против Гарри? — угрожающе спросил он.

— Мои родители маглы, — пожал плечами Дин. — Они про смерти в Хогвартсе и знать ничего не знают. Я не такой дурак, чтобы им

рассказывать.

— Ты не знаешь мою мать, она у кого угодно что хочешь выведает! — резко сказал ему Симус. — И твои ведь не получают «Ежедневный пророк». Им невдомек, что нашего директора выперли из Визенгамота и из Международной конфедерации магов, потому что у него уже не все дома…

— Моя бабушка говорит, что это все чушь! — крикнул Невилл фальцетом. — Она говорит, это с «Пророком» неладно, а не с Дамблдором. Она даже подписку аннулировала. Мы верим Гарри, — бесхитростно сказал Невилл. Он забрался в кровать и натянул одеяло до подбородка, по-совиному глядя на Симуса. — Бабушка всегда говорила, что Сами-Знаете-Кто когда-нибудь вернется. Она сказала: если Дамблдор говорит, что он здесь, значит, он здесь.

Гарри, слушая Невилла, почувствовал прилив благодарности. Больше никто ничего не сказал. Симус вынул волшебную палочку, поправил с ее помощью полог и скрылся за ним. Дин лег в кровать, повернулся и затих. Невилл, сказавший все, что мог, влюбленно смотрел на свой кактус, освещенный луной.

Рон, готовясь ко сну, принялся складывать одежду. Гарри, чья кровать была соседняя, снова

положил голову на подушку. Ссора с Симусом, который всегда ему нравился, очень сильно на него подействовала. От скольких еще ему придется услышать, что он врун или псих?

А Дамблдор? Испытывал ли он летом такие же страдания, когда сначала Визенгамот, а потом и Международная конфедерация магов изгнали его из своих рядов? Может быть, он потому избегал в эти месяцы встреч с Гарри, что сердит на него? То, что произошло, в какой-то мере объединило их: Дамблдор поверил Гарри и огласил его версию случившегося сначала перед всей школой, а потом и перед широкими кругами волшебников. Всякий, кто считает Гарри лжецом, должен считать, что и Дамблдор говорит неправду или что у него едет крыша…

Рон лег в кровать и потушил последнюю свечу, а Гарри тем временем, чувствуя себя очень несчастным, думал: рано или поздно они все равно увидят, что мы правы. Но сколько до той поры придется вытерпеть атак, подобных сегодняшней?

Глава 12

ПРОФЕССОР АМБРИДЖ

Утром Симус стремительно оделся и пулей вылетел из спальни — Гарри даже носки не успел натянуть.

— Думает, что сам тронется умом, если слишком долго пробудет со мной в одной комнате? — громко спросил Гарри, едва край мантии Симуса скрылся из глаз.

— Да не бери ты в голову, Гарри, — пробормотал Дин, перекидывая сумку через плечо. — Он просто…

Но он явно не в состоянии был сказать, что именно Симус «просто», и после неловкой паузы вышел из комнаты следом за ним.

Невилл и Рон бросили на Гарри одинаковые взгляды, означавшие: «Это его проблемы, а не твои». Но Гарри не так-то легко было утешить. Сколько еще такого придется вынести?

— Что случилось, Гарри? — спросила через пять минут Гермиона, нагнав в гостиной Гарри и Рона, которые шли завтракать. — У тебя такой вид… А это еще что такое?

Она уставилась на доску объявлений, где красовался большой новый лист:

ГРЕБИ ГАЛЕОНЫ ГРАБЛЯМИ!

Приток карманных денег отстает от твоих расходов?

Хочешь маленько разжиться золотишком?

Свяжись через общую гостиную Гриффиндора с Фредом и Джорджем Уизли, готовыми предложить нетрудную и почти безболезненную работу с неполным рабочим днем (всю ответственность, однако, несет нанимающийся).

— Нет, это уже ни в какие ворота! — грозно заявила Гермиона, снимая лист, приколотый Фредом и Джорджем поверх объявления о дате первой вылазки в Хогсмид, которая должна была состояться в октябре. — Надо будет поговорить с ними, Рон.

Рон всполошился.

— Почему?

— Потому что мы старосты! — сказала Гермиона, вылезая через портретный проем. — Кому, как не нам, останавливать это безобразие?

Рон ничего не ответил, но по его мрачному виду Гарри понял: перспектива останавливать Фреда и Джорджа, когда они чем-то загорелись, совершенно его не радует.

— И все-таки что с тобой, Гарри? — повторила вопрос Гермиона. — Ты страшно зол на кого-то.

Они начали спускаться по лестнице. Старые волшебники и волшебницы на висевших вдоль нее портретах были поглощены разговорами между собой и не обращали на школьников внимания.

— Симус считает, что Гарри врет про Сама-Знаешь-Кого, — коротко объяснил Рон, когда стало ясно, что Гарри отвечать не желает.

Гарри надеялся, что Гермиона вспыхнет, возмутится, но она всего лишь вздохнула.

— Лаванда тоже так думает, — мрачно сказала она.

— Мило поболтали с ней о том, какой я гнусный врунишка и охотник до дешевой славы? — громко спросил Гарри.

— Нет, — спокойно ответила Гермиона. — Я посоветовала ей не разевать по твоему поводу свой большой трепливый рот. И было бы очень мило, если бы ты перестал кидаться на нас с Роном. Не знаю, заметил ты или нет, но мы на

твоей стороне.

— Извини, — тихо сказал Гарри после небольшой паузы.

— Все в порядке, — отозвалась Гермиона с достоинством. Потом покачала головой. — Помните, что сказал Дамблдор на пиру перед летними каникулами?

Гарри и Рон озадаченно на нее посмотрели. Гермиона вздохнула еще раз.

— Про Сами-Знаете-Кого. Дамблдор сказал, что он «славится способностью сеять раздор и вражду. Мы можем бороться с этим, создавая прочные связи, основанные на дружбе и доверии…».

— Как ты ухитряешься запоминать? — спросил Рон, глядя на нее с восхищением.

— Слушаю, Рон, только и всего, — холодновато ответила Гермиона.

— Я тоже, но я бы не мог слово в слово…

— А суть в том, — громко, с нажимом продолжала Гермиона, — что Дамблдор говорил как раз о таких вещах. Вы-Знаете-Кто возродился всего два месяца назад, а мы уже начали враждовать между собой. И Волшебная шляпа — помните? — предостерегает: держитесь вместе, будьте едины…

— Но и Гарри вчера вечером в точку попал, — заметил Рон. — Если это означает, что нам надо

побрататься со Слизерином, — держи карман шире.

— А по-моему, очень жаль, что мы не пытаемся создавать связи между факультетами, — сердито возразила Гермиона.

Тем временем они добрались до подножия мраморной лестницы. Через вестибюль шло несколько четверокурсников из Когтеврана; увидев Гарри, они поспешно образовали плотную группу, как будто боялись, что на одиночку он может напасть.

— Ну-ну, давай, создавай вот с такими связи, — саркастически сказал Гарри.

Войдя вслед за когтевранцами в Большой зал, они инстинктивно посмотрели на преподавательский стол. Профессор Граббли-Дерг была тут как тут, беседовала о чем-то с профессором Синистрой, учительницей астрономии. Хагрид, как и вчера, выделялся только своим отсутствием. Волшебный потолок в точности отражал настроение Гарри: унылая дождевая серость.

— Дамблдор не сказал даже, на сколько времени к нам пожаловала эта Граббли-Дерг, — заметил он по пути к столу Гриффиндора.

— Может быть… — задумчиво проговорила Гермиона.

— Что? — одновременно спросили Гарри и Рон.

— Может быть… ну… он не хотел привлекать внимания к тому, что нет Хагрида.

— Как это — не привлекать внимания? — засмеялся Рон. — Разве мы могли не заметить?

Прежде чем Гермиона могла ответить, к Гарри подошла высокая чернокожая девушка с длинными косичками.

— Привет, Анджелина.

— Привет, — бодро бросила она. — Как лето? — И, не дожидаясь ответа: — Слушай, я теперь капитан команды Гриффиндора по квиддичу.

— Отличная новость, — улыбнулся ей Гарри. Можно было надеяться, что отныне не придется выслушивать длинных наставлений, какими мучил игроков Оливер Вуд.

— Нам нужен другой вратарь вместо Оливера. Отборочные испытания в пятницу в пять часов, и я хочу, чтобы собралась вся команда, — надо посмотреть, как впишется новичок.

— Хорошо, — сказал Гарри.

Анджелина улыбнулась ему и отошла.

— Я и забыла, что Вуд уже окончил школу, — рассеянно проговорила Гермиона, сев за стол рядом с Роном и потянув к себе тарелку с тостами. — Для команды, наверно, большая потеря.

— Это точно, — сказал Гарри, садясь напротив. — Он был хорошим вратарем…

— И тем не менее свежая кровь не помешает. Как по-вашему? — заметил Рон.

В верхние окна со свистом и стуком сотнями влетели совы с письмами и посылками. Каждая опустилась к своему владельцу, по пути окропив завтракающих дождевыми каплями, — снаружи явно лило вовсю. Букли не было, чему Гарри совершенно не удивился. Единственным, кто мог бы ему написать, был Сириус, но у того вряд ли за сутки появились какие-либо новости. Гермионе, однако, пришлось быстро отодвинуть стакан с апельсиновым соком, чтобы дать на столе место большой мокрой сове-сипухе с отсыревшим «Ежедневным пророком» в клюве.

— Зачем тебе это, скажи на милость? — раздраженно спросил Гарри, думая о Симусе и глядя, как Гермиона кладет медный кнат в кожаный мешочек на ноге у совы и та улетает восвояси. — Мне такая макулатура даром не нужна.

— Надо знать, что пишет противник, — сумрачно сказала Гермиона и, развернув газету, исчезла за ней. Появилась она, лишь когда Гарри и Рон покончили с едой.

— Ничего нет, — сообщила она и, скатав газету

в трубочку, положила около своей тарелки. — Ни про тебя, ни про Дамблдора, ни про что.

Профессор МакГонагалл, идя вдоль стола, раздавала расписания.

— Ну и денек сегодня! — простонал Рон. — История магии, сдвоенное зельеварение, прорицания и сдвоенная защита от Темных искусств… Бинс, Снегг, Трелони и эта Амбридж — все в один день! Хорошо бы Фред и Джордж поторопились со своими Забастовочными завтраками…

— Что я слышу? Не обманывают ли меня уши? — спросил Фред, который как раз появился вместе с Джорджем. — Староста Хогвартса хочет прогуливать уроки?

Он втиснулся на скамейку рядом с Гарри.

— Вот, полюбуйся, что у нас сегодня, — хмуро сказал ему Рон, подвигая к Фреду свое расписание. — Худший понедельник в моей жизни.

— Я тебя понимаю, братишка, — кивнул Фред, просмотрев листок. — Ну что ж, могу по дешевке уступить тебе Кровопролитную конфету.

— С какой стати вдруг по дешевке? — с подозрением спросил Рон.

— С такой, что у тебя от нее как пойдет носом кровь, так и не остановится. Противоядия у нас еще нет, — объяснил Джордж, беря себе копче-

ной рыбы.

— С чем вас и поздравляю, — угрюмо сказал Рон, засовывая расписание в карман. — Нет уж, лучше на уроках посижу.

— Кстати, о ваших Забастовочных завтраках, — сказала Гермиона, поочередно сверля глазами Фреда и Джорджа. — Вы не должны были помещать на доске Гриффиндора объявление о наборе испытуемых.

— Кто это берется нам указывать? — с изумлением спросил Джордж.

— Я, — ответила Гермиона. — И Рон.

— Меня, пожалуйста, не припутывай, — поспешно сказал Рон.

Гермиона сверкнула на него глазами. Фред и Джордж хихикнули.

— Скоро ты, Гермиона, другие песни запоешь, — проговорил Фред, густо намазывая маслом сдобную лепешку. — У тебя пятый курс пошел, скоро сама будешь выпрашивать у нас Забастовочные завтраки.

— Почему это на пятом курсе я вдруг начну их выпрашивать? — спросила Гермиона.

— На пятом курсе сдают СОВ, — объяснил Джордж.

— И что же?

— А то, что у вас впереди экзамены. Вас так нагрузят, что спины затрещат, — с удовлетворением сказал Фред.

— У половины нашего курса перед СОВ пошли неполадки с нервами, — радостно подхватил Джордж. — Ну, слезы там, истерики… Патриция Стимпсон все время в обморок падала…

— А Кеннет Таулер весь покрылся пузырями, было такое? — пустился вспоминать Фред.

— Это потому, что ты подсыпал ему в пижаму Волдырный порошок, — сказал Джордж.

— Да, точно, — ухмыльнулся Фред. — Я и позабыл… Трудно, знаете, держать все в голове.

— Так или иначе, пятый курс — это кошмар, — сказал Джордж. — По крайней мере для тех, кого волнуют результаты экзаменов. Мы-то с Фредом не унывали.

— Ага… Ну, и что у вас вышло? Всего по три балла каждому, — напомнил ему Рон.

— Подумаешь, — отмахнулся Фред. — Все равно наша жизнь не будет иметь ничего общего с миром академических достижений.

— Мы всерьез обсуждали вопрос, учиться ли на седьмом курсе, — бодро сообщил Джордж. — Ведь теперь, когда у нас есть…

Он осекся, наткнувшись на предостерегающий

взгляд Гарри. Еще чуть-чуть — и Джордж проговорился бы насчет денежного приза за победу в Турнире Трех Волшебников, который Гарри отдал ему и Фреду.

— …когда у нас есть баллы за СОВ, — мигом выкрутился Джордж, — зачем нам еще ЖАБА? Но в конце концов мы решили, что для мамы это было бы слишком — наш уход из школы как раз в тот момент, когда Перси оказался самым вонючим дерьмом на свете.

— Но мы не собираемся тратить этот последний год зря, — сказал Фред, с нежностью оглядывая Большой зал. — Мы используем его для того, чтобы провести небольшое исследование рынка. Выясним в точности, чего хочет средний ученик Хогвартса от магазина волшебных фокусов и трюков, тщательно обработаем результаты исследования и постараемся предложить товар, соответствующий спросу.

— Но где вы возьмете начальный капитал? — скептически спросила Гермиона. — Вам нужна будет масса всяких ингредиентов, материалов — ну, и помещение, конечно…

Гарри не смотрел на близнецов. Его лицу стало жарко; он нарочно уронил вилку и наклонился под стол поднять. Над ним раздался голос Фреда:

— Меньше будешь спрашивать — меньше вранья услышишь, Гермиона. Пошли, Джордж, если поторопимся, может, успеем перед травологией поторговать Удлинителями ушей.

Вынырнув из-под стола, Гарри увидел спины уходящих близнецов. Каждый уносил с собой несколько тостов.

— Ну, и как это понимать? — спросила Гермиона, глядя то на Гарри, то на Рона. — «Меньше будешь спрашивать...» Выходит, у них уже есть золото, чтобы начать дело?

— Мне и самому хотелось бы знать, — задумчиво наморщил лоб Рон. — Этим летом они купили мне новую парадную мантию. Откуда у них столько галеонов, понятия не имею...

Гарри решил, что пора перевести разговор в менее опасное русло.

— Думаете, и правда из-за экзаменов будет трудный год?

— Еще бы, — откликнулся Рон. — Это уж наверняка. СОВ — важная штука, от него зависит, какую работу ты можешь получить, и всякое такое. В этом году, Билл мне сказал, у нас будут еще консультации по выбору профессии. Чтобы ты мог решить, какие предметы сдавать на последнем курсе.

— А вы уже поняли, что хотите делать после Хогвартса? — спросил Гарри Рона и Гермиону чуть погодя, когда они вышли из Большого зала и направились в класс истории магии.

— Я — еще нет, наверно, — медленно проговорил Рон. — Разве что… ну…

На него вдруг напала застенчивость.

— Что? — не отступался Гарри.

— Ну, мракоборцем неплохо бы стать, — сказал Рон нарочито небрежным тоном.

— Это точно! — с жаром подтвердил Гарри.

— Но они — вроде как элита, — продолжил Рон. — Надо сильно постараться, чтобы туда попасть. Ну, а ты, Гермиона?

— Не знаю, — сказала она. — Хочется делать по-настоящему важное дело.

— Мракоборцы — это очень важно! — воскликнул Гарри.

— Да, но это не единственное важное дело на свете, — глубокомысленно заметила Гермиона. — Я могла бы, например, всерьез заняться борьбой за права эльфов…

Гарри и Рон с трудом удержались от того, чтобы не переглянуться.

История магии была, по общему мнению, самым скучным предметом из всех, что когда-либо

преподавались в мире волшебников. Профессор Бинс, их учитель-призрак, говорил глухим монотонным голосом, который практически гарантировал тебе сильнейшую сонливость уже на десятой минуте урока, а в теплую погоду — на пятой. Форма преподавания у него была ровно одна — бубнить и бубнить без перерыва, а ты сиди и записывай или, если невмоготу, тупо пяться в пространство. Гарри и Рону пока что худо-бедно удавалось получать по этому предмету проходные баллы, но только благодаря тому, что Гермиона давала им перед экзаменами свои конспекты. Из всех только она могла противостоять усыпляющей силе профессорского голоса.

Сегодня им надо было вытерпеть сорокапятиминутную лекцию о войнах с великанами. Первых десяти минут Гарри хватило, чтобы понять: в изложении другого учителя эта тема могла бы представить некоторый интерес. Но затем его мозг отключился, и все последующие тридцать пять минут урока он играл с Роном в «виселицу» на уголке пергамента. Гермиона то и дело уничтожающе на них косилась.

— Что, по-вашему, будет, — спросила она их холодно, когда Бинс, кончив лекцию, уплывал сквозь классную доску, а они шли на перемену, —

если я в этом году не дам вам конспектов?

— Мы завалим СОВ, — ответил Рон. — Совесть твоя это выдержит, Гермиона?

— Получите по заслугам, — парировала она. — Ведь вы даже не пытаетесь его слушать!

— Еще как пытаемся, — возразил Рон. — Просто у нас ни мозгов твоих нет, ни памяти, ни сосредоточенности. Не очень-то любезно с твоей стороны подчеркивать тот факт, что ты умнее нас.

— Не говори глупостей, — сказала Гермиона, но, первой выходя в сырой двор, она, судя по лицу, уже была настроена более миролюбиво.

С неба сыпалась мелкая туманная морось, и кучки школьников, жавшихся к стенам двора, выглядели словно бы чуточку смазанными. Гарри, Рон и Гермиона нашли уединенный уголок под балконом, с которого здорово капало, подняли воротники мантий, защищаясь от сентябрьской промозглости, и заговорили о том, какое задание на первом уроке года даст им Снегг. Едва они успели сойтись на том, что оно наверняка будет очень заковыристое — Снегг нарочно постарается застать их врасплох после двухмесячных каникул, — как увидели, что кто-то, выйдя из-за угла, направляется прямо к ним.

— Привет, Гарри!

Это была Чжоу Чанг — и, что необычно, опять одна. Такое случалось очень редко: Чжоу почти всегда была окружена стайкой хихикающих девочек. Гарри вспомнил, как трудно было улучить момент, чтобы пригласить ее на Святочный бал.

— Здравствуй, — отозвался Гарри, чувствуя, как начинает гореть лицо. «По крайней мере не вымазан сейчас Смердящим соком», — сказал он себе. Чжоу, казалось, думала примерно о том же.

— Вижу, ты избавился от этой зелени.

— Ага, — сказал Гарри, постаравшись улыбнуться и сделать вид, что вспоминать об их последней встрече ему смешно, а не унизительно. — Ну, а ты как… э… хорошо провела лето?

Едва он произнес эти слова, как уже в них раскаялся: ведь Чжоу была подружкой Седрика, и его смерть, должно быть, омрачила ее каникулы почти так же сильно, как она омрачила каникулы Гарри. что-то в ее лице напряглось, но она ответила:

— Да, ты знаешь, очень даже неплохо…

— Это у тебя значок «Торнадос»? — вдруг спросил Рон, показывая на приколотый к мантии Чжоу небесно-голубой значок с красивым двойным золотым «Т». — Разве ты за эту команду болеешь?

— За эту, — ответила Чжоу.

— Ты всегда за нее болела или начала с тех пор, как она стала выигрывать первенство лиги? — спросил Рон совершенно неуместным, по мнению Гарри, прокурорским тоном.

— Я болею за нее с шести лет, — прохладно ответила Чжоу. — Ну ладно… пока, Гарри.

И она ушла. Подождав, пока Чжоу пересекла полдвора, Гермиона обрушилась на Рона:

— Верх бестактности с твоей стороны!

— Почему? Я только спросил ее…

— Разве непонятно было, что она хочет говорить с Гарри, а не с тобой?

— Ну и говорила бы, разве я мешал?

— С какой стати ты напустился на нее из-за команды по квиддичу?

— Напустился? Ни на кого я не напускался, я только…

— Кому какое дело, если она болеет за «Торнадос»?

— А такое, что половина из тех, кто носит теперь эти значки, купили их только в прошлом сезоне…

— Ну и что?

— Это значит, что они не настоящие болельщики, а просто примазались…

— Пошли на урок, — безразличным голосом сказал Гарри: Рон и Гермиона спорили так громко, что не услышали звонка. Спор продолжался всю дорогу в подземелье Снегга, и у Гарри поэтому была масса времени на размышления о том, что с такими приятелями, как Невилл и Рон, ему трудно рассчитывать даже на две минуты разговора с Чжоу, о которых можно будет потом вспоминать без желания немедленно уехать за границу.

И все-таки, подумал он, когда они встали в очередь, выстроившуюся у двери класса, ей же захотелось к нему подойти, поговорить с ним, разве нет? Она была подружкой Седрика и запросто могла возненавидеть его, Гарри, за то, что он живым покинул лабиринт Турнира Трех Волшебников, тогда как Седрик погиб. Но нет, она разговаривала с ним очень дружелюбно, не так, как разговаривала бы с сумасшедшим, или лжецом, или человеком, каким-либо жутким образом виновным в смерти Седрика… И она ведь явно сама захотела подойти и заговорить с ним, второй раз уже за два дня… От этой мысли Гарри воспрял духом. Даже зловещий скрежет двери, ведущей в логово Снегга, не причинил вреда маленькому пузырьку надежды, который возник у него в груди. Войдя в класс, он двинулся

вместе с Роном и Гермионой к привычному столу в дальнем конце и уселся, не обращая внимания на гневные, раздраженные возгласы, которыми они все еще обменивались.

— Успокаиваемся, — холодно произнес Снегг, закрывая за собой дверь.

Этот призыв к порядку был излишним: едва дверь захлопнулась, как безмолвие и неподвижность воцарились сами собой. Одного присутствия Снегга было, как правило, достаточно для поддержания тишины.

— Прежде чем начать сегодняшний урок, — сказал Снегг, быстро подойдя к столу и оглядев класс, — я бы счел уместным напомнить, что в июне вы будете держать серьезный экзамен, который покажет, насколько вы усвоили науку изготовления и использования волшебных зелий. Хотя изрядную часть из вас, несомненно, составляют кретины, я все же надеюсь, что вы худо-бедно заработаете за СОВ хотя бы «удовлетворительно». Иначе вам придется столкнуться с моим… неудовольствием.

Его взгляд в этот момент остановился на Невилле, который судорожно сглотнул.

— По окончании пятого курса многие из вас, разумеется, перестанут у меня учиться, — про-

должал Снегг. — По программе, нацеленной на подготовку к выпускным экзаменам, в моем классе зельеварения будут заниматься только лучшие из лучших, остальным же придется со мной распрощаться.

Он посмотрел на Гарри, и рот его скривился. Гарри, глядя ему в глаза, испытывал мрачное удовлетворение от мысли о том, что после пятого курса с зельеварением, может быть, будет покончено.

— Но до приятной минуты расставания как-никак еще год, — мягко сказал Снегг, — и потому, будете вы впоследствии претендовать на высшую аттестацию или нет, я советую всем собраться с силами и постараться получить те приличные баллы за СОВ, на какие я привык рассчитывать у своих учеников.

Сегодня мы будем готовить зелье, которое часто входит в экзаменационные задания для пятикурсников. Это — Умиротворяющий бальзам, он помогает бороться с тревогой и снимать беспокойство. Но осторожно: если переусердствовать с ингредиентами, пациент может погрузиться в глубочайший, а то и необратимый сон, поэтому пристально следите за тем, что делаете. (Слева от Гарри Гермиона чуть выпрямилась на стуле, лицо

ее выражало чрезвычайную сосредоточенность.) Ингредиенты и способ приготовления, — Снегг взмахнул волшебной палочкой, — написаны на доске. (Они тотчас там появились.) Все, что вам необходимо, — он опять взмахнул палочкой, — находится в шкафу. (Дверца шкафа распахнулась.) В вашем распоряжении полтора часа… Приступайте.

Как и предполагали Гарри, Рон и Гермиона, Снегг выбрал чрезвычайно трудное зелье, требующее кропотливой работы. Ингредиенты необходимо было добавлять в котел в строго определенном порядке и строго определенных количествах. Помешивая состав, надо было совершить строго определенное число движений, сначала по часовой стрелке, потом против; перед добавлением последнего ингредиента температуру огня, на котором варится зелье, необходимо было уменьшить до определенного значения на определенное количество минут.

— От вашего зелья должен сейчас идти легкий серебристый пар, — сказал Снегг, когда до конца урока оставалось десять минут.

Гарри, весь взмокший от пота, в отчаянии оглядел подземелье. От его котла валил густой темно-серый пар; котел Рона испускал зелено-

ватые искры. Симус лихорадочно тыкал в еле теплящийся огонь под своим котлом кончиком волшебной палочки. А вот над зельем Гермионы стоял мерцающий серебристый туман, и Снегг, быстро проходя мимо, ничего ей не сказал, даже не опустил крючковатого носа. Взглянул, и только. Это означало, что придраться не к чему. Но над котлом Гарри Снегг остановился и посмотрел в него с жуткой ухмылкой.

— Поттер, что это, по-вашему, такое?

Сидевшие в первых рядах слизеринцы с удовольствием подняли головы. Им очень нравились издевки Снегга над Гарри.

— Умиротворяющий бальзам, — выдавил из себя Гарри.

— Скажите мне, Поттер, — мягко сказал Снегг, — вы читать умеете?

Драко Малфой засмеялся.

— Умею, — ответил Гарри, крепко стиснув волшебную палочку.

— Тогда прочтите, пожалуйста, третий пункт инструкции.

Гарри посмотрел на доску. Сквозь разноцветный пар, наполнявший теперь подземелье, разглядеть написанное было не так-то легко.

— «Добавить толченого лунного камня, поме-

шать три раза против часовой стрелки, варить на слабом огне семь минут, затем добавить две капли сиропа чемерицы».

Его сердце упало. Он не добавил сиропа чемерицы. Просто варил семь минут, а потом перешел к четвертому пункту инструкции.

— Вы сделали все, что написано в третьем пункте, Поттер?

— Нет, — очень тихо ответил Гарри.

— Простите, я не расслышал.

— Нет, — повторил Гарри громче. — Я забыл про чемерицу.

— Я знаю, что вы про нее забыли, Поттер, и это означает, что ваша работа яйца выеденного не стоит. *Эванеско!*

Приготовленное Гарри зелье исчезло; он, как дурак, стоял над пустым котлом.

— Тех из вас, кто справился с чтением инструкции, прошу наполнить вашим зельем колбу, снабдить ее наклейкой с разборчиво написанными именем и фамилией и поставить на мой стол для проверки, — сказал Снегг. — Домашнее задание на четверг: двенадцать дюймов пергамента о свойствах лунного камня и его использовании в зельеварении.

В то время как все кругом наполняли колбы,

Гарри, кипя, собирал вещи. Разве у него получилось хуже, чем у Рона, чье зелье теперь воняло тухлыми яйцами, или у Невилла, который довел его до консистенции свежего цементного раствора и вынужден был отскабливать от котла? Тем не менее только он, Гарри, получит за сегодняшнюю работу нулевую оценку. Он сунул волшебную палочку обратно в сумку и тяжело опустился на стул, а остальные между тем наливали зелье в колбы, затыкали их пробками и приносили Снеггу. Когда прозвенел наконец звонок, Гарри первым двинулся прочь из подземелья, и к тому времени, как Рон и Гермиона пришли в Большой зал, он уже приступил к обеду. Потолок в зале приобрел за утро еще более хмурый оттенок серого цвета. В высокие окна хлестал дождь.

— Страшная несправедливость со стороны Снегга, — принялась утешать его Гермиона, сев рядом и положив себе картофельной запеканки с мясом. — Твое зелье уж во всяком случае было лучше, чем у Гойла. Когда он налил его в колбу, она разлетелась на куски, и мантия у него загорелась.

— Ничего нового, — сказал Гарри, не поднимая глаз от тарелки. — Разве Снегг был когда-нибудь ко мне справедлив?

Вопрос остался без ответа. Все трое знали, что сильнейшая взаимная неприязнь между Снеггом и Гарри началась с той минуты, когда Гарри впервые переступил порог Хогвартса.

— А я была почти уверена, что в этом году он не будет так зверствовать, — сказала Гермиона с недоумением. — Потому что… ну, вы понимаете… — Она огляделась по сторонам; и справа и слева от них было по нескольку пустых стульев, и мимо стола никто не проходил. — Теперь, когда он в Ордене…

— Какая разница-то? Поменяла поганка пятна… — глубокомысленно проговорил Рон. — Я всегда считал, что у Дамблдора не все дома, если он доверяет Снеггу. Где доказательства, что он и вправду перестал работать на Сами-Знаете-Кого?

— Я думаю, у Дамблдора хватает доказательств, пусть даже он не делится ими с тобой, Рон, — резко отозвалась Гермиона.

— Знаете что, заткнитесь вы оба, — устало сказал Гарри, когда Рон открыл рот, чтобы ответить. Гермиона и Рон так и застыли с обиженными лицами. — Надоело вас слушать. Вечно друг с другом цапаетесь, сил больше нет.

И, не доев запеканку, он рывком перекинул сумку через плечо и пошел от них прочь.

Он двинулся вверх по мраморной лестнице, шагая через две ступеньки, навстречу потоку школьников, торопившихся на обед. Злость, которая так внезапно в нем вспыхнула, еще не догорела, и ошеломленный вид Рона и Гермионы, чьи лица все еще стояли у него перед глазами, доставлял ему немалое удовлетворение. «Поделом, — думал он, — самое время им заткнуться… только и делают, что лаются… кто угодно на стенку от этого полезет…»

На лестничной площадке он миновал большой портрет сэра Кадогана, рыцаря. Сэр Кадоган выхватил меч и яростно замахнулся на Гарри, но тот не удостоил его внимания.

— Назад, мерзкий пес! Встань передо мной и сразись! — раздался приглушенный забралом вопль сэра Кадогана, но Гарри просто прошел мимо, а когда рыцарь попытался последовать за ним и вбежал в соседнюю картину, его отогнал изображенный на ней большой и сердитый волкодав.

Оставшуюся часть большой перемены Гарри просидел один под люком, который вел на вершину Северной башни. Неудивительно, что после звонка он первым поднялся по серебряной лесенке в класс Сивиллы Трелони.

Из школьных предметов, не считая зельеварения, прорицания нравились Гарри меньше всего — главным образом потому, что профессор Трелони имела обыкновение раз в несколько уроков предсказывать его, Гарри, безвременную смерть. Очень худая, в несколько слоев закутанная в шали, поверх которых блестели бесчисленные бусы и цепочки, она благодаря очкам, многократно увеличивавшим глаза, всегда напоминала Гарри какое-то насекомое. Сейчас она раскладывала по круглым столикам на тонких ножках, которыми был заставлен класс, потертые книги в кожаных переплетах. Лампы, обмотанные шарфами, и еле теплящийся камин, от которого шел тяжелый приторный аромат, давали такой тусклый свет, что она, судя по всему, не заметила, как он влез и уселся в темном углу. За последующие пять минут подтянулись остальные ученики. Рон, поднявшись через люк, внимательно огляделся, увидел Гарри и двинулся прямо к нему — вернее, настолько прямо, насколько можно было среди всех этих столиков, стульев и пухлых пуфов.

— Мы с Гермионой кончили ругаться, — сообщил Рон, садясь около Гарри.

— Поздравляю, — проворчал Гарри.

— Но Гермиона считает, что было бы очень

мило, если бы ты перестал срывать на нас злость, — сказал Рон.

— Я не…

— Я просто передаю тебе ее слова, — перебил его Рон. — Но я с ней согласен. Если Симус и Снегг тебя обижают, то при чем тут мы?

— Я и не говорю, что…

— Здравствуйте, — сказала профессор Трелони своим обычным голосом — глухим, потусторонним, и Гарри осекся, снова чувствуя и раздражение, и легкий стыд. — Добро пожаловать в новом учебном году на урок прорицаний. Все каникулы я, конечно, внимательно следила за вашими судьбами, и мне приятно видеть, что вы благополучно вернулись в Хогвартс — о чем я, разумеется, знала заранее.

На столах перед вами лежат экземпляры «Оракула снов» Иниго Имаго. Толкование сновидений — важнейший способ заглянуть в будущее, и вполне вероятно, что ваше владение этим разделом ясновидения будет проверено на экзаменах по СОВ. Хотя, конечно же, я не считаю, что экзаменационные успехи или неудачи играют какую-либо роль, когда речь идет о священном искусстве прорицания. Для тех, у кого есть Зрячее Око, оценки и аттестаты значат очень мало. Но,

поскольку директор считает нужным подвергнуть вас экзаменационным испытаниям…

Она позволила голосу мягко сойти на нет, давая всем понять, что, по мнению профессора Трелони, ее предмет выше таких пошлых материй, как экзамены.

— Откройте, пожалуйста, предисловие и прочтите, что Имаго пишет об искусстве толкования сновидений. Затем разбейтесь на пары и, пользуясь «Оракулом снов», попробуйте истолковать самые последние сновидения друг друга. Приступайте.

Хорошего в этом уроке было только то, что он был одинарный, а не сдвоенный. К тому времени, как они кончили читать предисловие, на толкование сновидений осталось от силы минут десять. За столиком по соседству с Гарри и Роном пару составили Дин и Невилл, и Невилл немедленно пустился в пространное описание кошмара, где фигурировала выходная шляпа его бабушки, нахлобученная на гигантские ножницы. А Гарри с Роном сидели и мрачно смотрели друг на друга.

— Я снов никогда не запоминаю, — сказал Рон, — так что давай ты.

— Хоть один-то ты должен помнить, — раздра-

женно отозвался Гарри.

Он никому не собирался пересказывать свои сновидения. Что означает его обычный кошмар с кладбищем, он и так прекрасно знал, ему не нужны были для истолкования ни Рон, ни профессор Трелони, ни дурацкий «Оракул снов».

— Кажется, прошлой ночью мне приснилось, что я играю в квиддич, — сказал Рон, наморщив лицо в попытке вспомнить получше. — Ну, и что, по-твоему, это значит?

— Может быть, то, что тебя сожрет какая-нибудь гигантская зефирина, — предположил Гарри, листая «Оракул» без всякого интереса. Выискивать в «Оракуле» фрагменты сновидений было очень скучно, и домашнее задание, состоявшее в том, чтобы месяц вести дневник сновидений, радости не добавило. Когда прозвенел звонок, Гарри и Рон первыми полезли вниз. Рон при этом громко ворчал:

— Это же надо — сколько всего назадавали! Бинс — письменную работу в полтора фута длиной о войнах с великанами, Снегг — фут об использовании лунного камня, а теперь еще Трелони — месячный дневник сновидений! Значит, правду сказали Фред и Джордж про год перед СОВ. Если еще теперь эта Амбридж что-нибудь

задаст…

Когда они вошли в класс защиты от Темных искусств, профессор Амбридж уже сидела за учительским столом. На ней была та же, что и вчера вечером, пушистая розовая кофточка, макушку увенчивал черный бархатный бант. Невольно Гарри опять пришла на ум большая муха, по глупости усевшаяся на голову крупной жабе.

В классе все старались вести себя тихо: профессор Амбридж была пока что величиной неизвестной, и никто не знал, насколько строгим ревнителем дисциплины она окажется.

— Здравствуйте! — сказала она, когда ученики расселись по местам.

Несколько человек пробормотали в ответ:

— Здравствуйте.

— Стоп-стоп-стоп, — сказала профессор Амбридж. — Ну нет, друзья мои, это никуда не годится. Я бы просила вас отвечать так: «Здравствуйте, профессор Амбридж». Еще раз, пожалуйста. Здравствуйте, учащиеся!

— Здравствуйте, профессор Амбридж! — проскандировал класс.

— Вот и хорошо, — сладким голосом пропела профессор Амбридж. — Ведь совсем нетрудно, правда? Волшебные палочки уберем, перья вы-

нем.

Услышав это, многие обменялись угрюмыми взглядами. Ни разу еще интересный урок не начинался с приказа убрать волшебные палочки. Гарри засунул свою в сумку и вынул перо, чернила и пергамент. Профессор Амбридж, наоборот, достала из сумки волшебную палочку, которая была необычно короткой, и резко постучала ею по классной доске, где тут же возникли слова:

Защита от Темных искусств
Возвращение к основополагающим принципам

— Отмечу для начала, что до сих пор ваше обучение этому предмету было довольно-таки отрывочным и фрагментарным. Не правда ли? — сказала профессор Амбридж, повернувшись к классу лицом и аккуратно сложив руки на животе. — Постоянно менялись учителя, и не все они считали нужным следовать какой-либо одобренной Министерством программе. Результатом, к сожалению, явилось то, что вы находитесь гораздо ниже уровня, которого мы вправе ожидать от вас в год, предшествующий сдаче СОВ.

Вам, однако, приятно будет узнать, что эти недостатки мы теперь исправим. В нынешнем

учебном году вы будете изучать защитную магию по тщательно составленной, теоретически выверенной, одобренной Министерством программе. Запишите, пожалуйста, цели курса.

Она опять постучала по доске. Слова, которые на ней были, исчезли, и взамен появилось:

ЦЕЛИ КУРСА

1. Уяснение принципов, лежащих в основе защитной магии.

2. Умение распознавать ситуации, в которых применение защитной магии допустимо и не противоречит закону.

3. Включение защитной магии в общую систему представлений для практического использования.

Пару минут в классе раздавался только шорох перьев о пергамент. Когда все списали три поставленные профессором Амбридж цели курса, она спросила:

— У всех ли есть экземпляры «Теории защитной магии» Уилберта Слинкхарда?

По классу пробежало глухое утвердительное бормотание.

— Мне кажется, надо попробовать еще разочек, — сказала профессор Амбридж. — Когда я

задаю вопрос, ответ я хотела бы слышать в такой форме: «Да, профессор Амбридж» или «Нет, профессор Амбридж». Итак у всех ли есть экземпляры «Теории защитной магии» Уилберта Слинкхарда?

— Да, профессор Амбридж, — хором ответили ученики.

— Хорошо, — сказала профессор Амбридж. — Теперь попрошу вас открыть пятую страницу и прочесть первую главу — «Основы для начинающих». От разговоров можно воздержаться.

Профессор Амбридж отошла от доски и, сев за учительский стол, стала наблюдать за классом своими выпуклыми жабьими глазами. Гарри начал читать «Теорию защитной магии» с пятой страницы.

Это было неимоверно скучно — нисколько не лучше, чем слушать профессора Бинса. Гарри пытался сосредоточиться, но ничего не получалось. Вскоре он обнаружил, что вот уже который раз принимается за одну и ту же фразу, но не может продвинуться дальше первых пяти-шести слов. Так прошло несколько безмолвных минут. Рядом с ним Рон рассеянно крутил в пальцах перо, глядя в одну точку на странице. Гарри перевел взгляд направо — и удивился настолько, что оцепенения

как не бывало. Гермиона свой экземпляр «Теории защитной магии» даже не открыла. Подняв руку, она сверлила глазами профессора Амбридж.

Гарри не мог припомнить случая, чтобы Гермиона отлынивала от предписанного педагогами чтения, да и вообще чтобы она воспротивилась соблазну открыть какую бы то ни было лежащую перед ней книгу. Он сделал вопросительное лицо, но она еле заметно покачала головой, давая понять, что не намерена вступать в разговоры, и продолжала пристально смотреть на профессора Амбридж, которая столь же упорно глядела в другую сторону.

Но спустя еще несколько минут Гарри был уже не единственным, кто уставился на Гермиону. Глава, которую им велено было читать, оказалась такой нудной, что все больше и больше народу вместо того, чтобы продираться сквозь «Основы для начинающих», принималось наблюдать за молчаливыми стараниями Гермионы привлечь к себе внимание профессора Амбридж.

Когда больше половины класса уже смотрело не в книгу, а на Гермиону, профессор Амбридж решила, что не может больше делать вид, будто ничего не происходит.

— Вы хотите задать вопрос по поводу главы,

милая моя? — спросила она Гермиону, как будто только что ее заметила.

— Вопрос, но не по поводу главы, — ответила Гермиона.

— Видите ли, сейчас мы читаем, — сказала профессор Амбридж, обнажив мелкие острые зубки. — Все прочие неясности мы можем разрешить с вами в конце урока.

— Мне неясны цели вашего курса, — сказала Гермиона.

Профессор Амбридж вскинула брови.

— Ваше имя, будьте добры.

— Гермиона Грэйнджер.

— Видите ли, мисс Грэйнджер, цели курса, как мне кажется, должны быть совершенно понятны, если прочесть их внимательно, — нарочито ласковым голосом сказала профессор Амбридж.

— Мне они непонятны, — отрезала Гермиона. — Там ничего не говорится об *использовании* защитных заклинаний.

Последовала короткая пауза, во время которой многие ученики, наморщив лбы, перечитывали три цели курса, все еще остававшиеся на доске.

— Об *использовании* защитных заклинаний? — повторила профессор Амбридж с малюсеньким смешком. — что-то я не могу представить себе

ситуацию в этом классе, мисс Грэйнджер, когда вам понадобилось бы прибегнуть к защитному заклинанию. Или вы думаете, что во время урока на вас кто-то может напасть?

— Мы что, не будем применять магию? — громко спросил Рон.

— На моих уроках желающие что-либо сказать поднимают руку, мистер…

— Уизли, — сказал Рон, выбрасывая руку в воздух.

Профессор Амбридж, чуть расширив улыбку, повернулась к нему спиной. Мигом Гарри и Гермиона тоже вскинули руки. На секунду задержав на Гарри взгляд выпуклых глаз с кожистыми мешками, профессор Амбридж обратилась к Гермионе:

— Да, мисс Грэйнджер. Вы хотите еще что-нибудь спросить?

— Хочу, — сказала Гермиона. — Не в том ли весь смысл защиты от Темных искусств, чтобы научиться применять защитные заклинания?

— Вы кто у нас, мисс Грэйнджер, эксперт Министерства по вопросам образования? — спросила профессор Амбридж все тем же фальшиво-ласковым тоном.

— Нет, но…

— Тогда, боюсь, ваша квалификация недостаточна, чтобы судить, в чем состоит «весь смысл» моих уроков. Новая учебная программа разработана волшебниками постарше и поумнее вас. Вы будете узнавать о защитных заклинаниях безопасным образом, без всякого риска…

— Ну, и какой от этого толк? — громко спросил Гарри. — Если на нас нападут, то совсем не таким образом, не безо…

— Руку, мистер Поттер! — пропела профессор Амбридж.

Гарри выбросил вверх кулак. И опять профессор Амбридж мгновенно отвернулась от него — но тут поднялось еще несколько рук.

— Ваше имя, будьте добры, — сказала профессор Амбридж Дину.

— Дин Томас.

— Итак, мистер Томас?

— Я согласен с Гарри, — заявил Дин. — Если на нас нападут, без риска не обойдется.

— Я вынуждена повторить, — сказала профессор Амбридж, улыбаясь Дину выводящей из терпения улыбкой. — Вы что, ожидаете нападения во время моего урока?

— Нет, но…

Профессор Амбридж перебила его.

— Я бы не хотела подвергать критике порядки, установленные в этой школе, — сказала она, растягивая большой рот в улыбке, которой очень трудно было верить, — но вы в этом классе испытали воздействие весьма безответственных волшебников, поистине безответственных. Не говоря уже, — она издала недобрый смешок, — о чрезвычайно опасных полукровках.

— Если вы о профессоре Люпине, — возмутился Дин, — то он был самым лучшим…

— Руку, мистер Томас! Разрешите продолжить. Вас познакомили с заклинаниями, которые слишком сложны для вашей возрастной группы и потенциально представляют смертельную опасность. Вас запугали, внушая, будто вам следует со дня на день ждать нападения Темных сил…

— Ничего подобного, — сказала Гермиона, — мы просто…

— Ваша рука не поднята, мисс Грэйнджер!

Гермиона подняла руку. Профессор Амбридж отвернулась от нее.

— Насколько я знаю, мой предшественник не только произносил перед вами запрещенные заклятия, но и применял их к вам.

— Он оказался сумасшедшим, разве не так? — горячо возразил Дин. — И даже от него мы массу

всего узнали.

— Ваша рука не поднята, мистер Томас! — проверещала профессор Амбридж. — По мнению Министерства, теоретических знаний будет более чем достаточно для сдачи вами экзамена, на что, в конечном счете, и должно быть нацелено школьное обучение… Ваше имя, будьте добры? — спросила она, глядя на Парвати, чья рука только что взлетела вверх.

— Парвати Патил. Разве на экзамене по защите от Темных искусств не будет ничего практического? Мы не должны будем показать, что умеем применять контрзаклятия и тому подобное?

— При хорошем владении теорией не будет никаких препятствий к тому, чтобы вы под наблюдением, в экзаменационных условиях использовали некоторые заклинания, — либеральным тоном сказала профессор Амбридж.

— Без всякой практики, без тренировки? — спросила Парвати с недоумением. — Правильно я вас поняла, что первый раз, когда нам позволят применить заклинания, будет на экзамене?

— Повторяю: при хорошем владении теорией…

— Какая польза от этой теории в реальном мире? — громко подал голос Гарри, вновь поднимая в воздух кулак.

Профессор Амбридж взглянула на него.

— Здесь у нас школа, мистер Поттер, а не реальный мир, — сказала она мягко.

— Значит, нас не будут готовить к тому, что нас ожидает вне школы?

— Ничего страшного вас там не ожидает, мистер Поттер.

— Да неужели? — спросил Гарри. Неудовольствие, которое весь день копилось у него внутри, достигло высшей точки.

— Кто, скажите на милость, будет нападать на вас и на таких же детей, как вы? — спросила профессор Амбридж отвратительным медовым голоском.

— М-м-м, дайте сообразить… — произнес Гарри издевательски-задумчивым тоном. — Может быть… лорд Волан-де-Морт?

У Рона перехватило дыхание. Лаванда Браун вскрикнула. Невилл съехал вбок со своей табуретки. Профессор Амбридж, однако, и бровью не повела. Она взглянула на Гарри с мрачным удовольствием.

— Минус десять очков Гриффиндору, мистер Поттер.

Класс сидел молча и неподвижно. Одни смотрели на Амбридж, другие на Поттера.

— Теперь я хотела бы сказать кое о чем прямо и откровенно.

Профессор Амбридж встала и подалась вперед, распластав по столу короткопалые ладони.

— Вам внушали, будто некий Темный волшебник возродился из мертвых…

— Он не был мертвым, — сердито возразил Гарри, — но что возродился — это правда!

— Мистер-Поттер-вы-уже-отобрали-у-вашего-факультета-десять-очков-не-вредите-теперь-самому-себе, — произнесла профессор Амбридж единым духом, не глядя на него. — Повторяю: вам было сказано, что некий Темный волшебник опять гуляет на свободе. *Это ложь.*

— Нет, это НЕ ЛОЖЬ! — крикнул Гарри. — Я видел его, я дрался с ним!

— Вы будете наказаны, мистер Поттер! — торжествующе воскликнула профессор Амбридж. — Завтра после уроков, в пять часов, в моем кабинете. Говорю вам всем еще раз: *это ложь.* Министерство магии ручается, что никакие Темные волшебники вам не угрожают. Если вы все же чем-то обеспокоены, не стесняйтесь, приходите ко мне во внеурочное время. Если кто-то тревожит вас россказнями о возродившихся Темных волшебниках, я хотела бы об этом услы-

шать. Я здесь для того, чтобы помогать вам. Я ваш друг. А теперь будьте добры, продолжите чтение. Страница пятая, «Основы для начинающих».

Профессор Амбридж села за свой стол. Гарри, наоборот, встал. Все глаза были устремлены на него. У Симуса лицо было наполовину испуганное, наполовину восторженное.

— Гарри, не надо! — предостерегающе прошептала Гермиона, хватая его за рукав, но Гарри выдернул руку.

— Значит, по-вашему, Седрик Диггори умер сам, никто его не убивал? — спросил Гарри срывающимся голосом.

Общий судорожный вдох. Никто в классе, кроме Рона и Гермионы, еще не слышал от Гарри ничего о событиях того вечера, когда погиб Седрик. Все перевели напряженные взгляды с Гарри на профессора Амбридж, которая подняла глаза и уставилась на него уже без следа фальшивой улыбки на лице.

— Смерть Седрика Диггори была результатом несчастного случая, — холодно сказала она.

— Это было убийство, — возразил Гарри. Он чувствовал, что весь дрожит. Он почти никому еще об этом не говорил, и уж точно не говорил тридцати жадно слушающим одноклассникам. —

Его убил Волан-де-Морт, и вы об этом знаете.

На лице профессора Амбридж не выразилось ровно ничего. На миг Гарри показалось, что она сейчас закричит на него. Но она промолвила своим мягчайшим, сладчайшим девчоночьим голоском:

— Подойдите-ка сюда, мой милый мистер Поттер.

Отшвырнув стул ногой, он мимо Рона и Гермионы прошел к учительскому столу. Все — он чувствовал — затаили дыхание. В нем кипела такая злость, что было совершенно безразлично, чем это кончится.

Профессор Амбридж вынула из сумки маленький свиток розового пергамента, расправила его на столе, обмакнула перо в чернильницу и принялась писать записку, спиной закрывая ее от Гарри. Все молчали. Спустя примерно минуту она скатала пергамент и волшебной палочкой без шва запечатала свиток, чтобы Гарри не смог его развернуть.

— Отнесите профессору МакГонагалл, — сказала профессор Амбридж, протягивая ему свиток.

Гарри взял у нее пергамент и, не сказав ни слова, вышел из класса и хлопнул дверью. На Рона и Гермиону даже не взглянул. Крепко сжимая

послание к МакГонагалл, он очень быстро пошел по коридору и, повернув за угол, налетел на полтергейста Пивза — большеротого маленького типчика, который плыл по воздуху на спине и жонглировал несколькими чернильницами.

— Фу-ты ну-ты, это же Поттер-обормоттер! — захихикал Пивз и уронил две чернильницы, которые, разбившись, забрызгали стены кляксами. Гарри едва успел отскочить.

— Да пошел ты отсюда, Пивз!

— У-тю-тю, наш обормоттер оборзел, — сказал Пивз и полетел следом за Гарри по коридору, глядя на него искоса. — Что на этот раз, мой прекрасный обормотный друг? Слышим голоса? Видим видения? Говорим на… — Пивз испустил могучий неприличный звук, — неведомых языках?

— Оставь меня в покое, тебе говорят! — заорал Гарри и метнулся вниз по ближайшей лестнице, но Пивз просто-напросто съехал рядом с ним по перилам на спине.

— Зря ты, Гарри, нос задрал,
Все ты врешь, и все ты врал!
Никакой ты не герой,
А обычный псих дурной…

— ЗАТКНИСЬ!

Слева от Гарри распахнулась дверь, и с мрачным и слегка встревоженным видом из своего кабинета выглянула профессор МакГонагалл.

— Почему вы так оглушительно орете, Поттер? — резко спросила она. — И почему вы не на занятиях?

Пивз тем временем радостно хихикнул и был таков.

— Меня направили к вам, — деревянным голосом ответил Гарри.

— Направили? Как это понимать — *направили?*

Он подал ей записку от профессора Амбридж. Взяв пергамент, профессор МакГонагалл нахмурилась, разрезала свиток прикосновением волшебной палочки и начала читать. Глаза под прямоугольными стеклами очков двигались то вправо, то влево, и чем дальше, тем сильней они щурились.

— Пошли со мной, Поттер.

Он последовал за ней в кабинет. Дверь закрылась за ним сама собой.

— Итак, — грозно обратилась к нему профессор МакГонагалл, — это правда?

— Что правда? — спросил Гарри чуть более агрессивным тоном, чем хотел. — Профессор, —

добавил он в попытке смягчить невежливость.

— Это правда, что вы повысили голос на профессора Амбридж?

— Да, — сказал Гарри.

— Вы обвинили ее во лжи?

— Да.

— Вы сказали ей, что Тот-Кого-Нельзя-Называть возродился?

— Да.

Профессор МакГонагалл села за письменный стол и, хмуря брови, поглядела на Гарри. Потом сказала:

— Возьмите-ка печенье, Поттер.

— Что взять?

— Печенье, — раздраженно повторила она, показывая на коробку с шотландским клетчатым рисунком, лежащую на столе поверх многочисленных бумаг. — И сядьте.

На памяти у Гарри уже был случай, когда, вместо того чтобы наказать его, как он ожидал, профессор МакГонагалл включила его в команду Гриффиндора по квиддичу. Он сел напротив нее и взял имбирного тритона, испытывая такое же смущение и замешательство, как в тот раз.

Профессор МакГонагалл положила записку на стол и устремила на Гарри очень серьезный

взгляд.

— Поттер, вы должны вести себя осторожнее.

Гарри проглотил кусок имбирного тритона и уставился на нее. Голос, которым она это произнесла, стал для него полной неожиданностью. Он не был ни сухим, ни жестким, ни деловитым; он был тихим, встревоженным и куда более человечным, чем всегда.

— Плохое поведение на уроках Долорес Амбридж может обернуться для вас гораздо большими неприятностями, чем потеря факультетских очков и оставление после уроков.

— Я не понимаю…

— Подумайте хорошенько, Поттер! — отрывисто бросила профессор МакГонагалл, мгновенно вернувшись к своему обычному тону. — Вы знаете, откуда она пришла, и должны понимать, перед кем она отчитывается.

Прозвучал звонок на перемену. Над головой и повсюду вокруг раздался слоновий топот сотен вырвавшихся на свободу учеников.

— Здесь говорится, что вам надо будет оставаться после уроков каждый день на этой неделе, начиная с завтрашнего, — сказала профессор МакГонагалл, снова взглянув на записку от Амбридж.

— Каждый день на этой неделе! — в ужасе повторил Гарри. — Но, профессор, не могли бы вы…

— Нет, не могла бы, — отрезала профессор МакГонагалл.

— Но…

— Она ваш преподаватель и имеет полное право вас наказывать. Завтра в пять вы должны быть в ее кабинете. И запомните: с Долорес Амбридж шутки плохи.

— Но я же просто сказал правду! — возмущенно воскликнул Гарри. — Волан-де-Морт возродился, и вы это знаете. Профессор Дамблдор тоже это знает…

— Ради всего святого, Поттер! — сказала профессор МакГонагалл, сердито поправляя очки (при упоминании о Волан-де-Морте она содрогнулась всем телом). — Разве в том дело, правду вы сказали или нет? Дело в том, что вы должны сидеть тихо и держать себя в руках!

Она встала, раздув ноздри и сжав губы в ниточку. Гарри тоже встал.

— Еще печенье возьмите, — раздраженно сказала она и толкнула к нему коробку.

— Нет, спасибо, — холодно отозвался Гарри.

— Да не валяйте вы дурака! — прикрикнула на него профессор МакГонагалл.

Он взял печенье.

— Спасибо, — нехотя сказал он.

— Вы что, не слушали речь Долорес Амбридж на пиру по случаю начала учебного года?

— Слушал, как же, — ответил Гарри. — Она сказала… прогресс надо искоренить… или… в общем, это значит, что Министерство магии хочет вмешаться в дела Хогвартса.

Профессор МакГонагалл еще секунду-другую на него смотрела, потом хмыкнула, обошла свой стол и открыла перед ним дверь.

— Что ж, я рада по крайней мере тому, что вы слушаете Гермиону Грэйнджер, — сказала она, провожая его из кабинета.

Глава 13

ВЕЧЕРА У ДОЛОРЕС

Ужин в Большом зале не доставил Гарри в тот день большого удовольствия. Весть о его перебранке с Амбридж распространилась исключительно быстро даже по меркам Хогвартса. Пока он сидел за столом между Роном и Гермионой, до него отовсюду долетали шепотки. Забавно было, что шепчущиеся, похоже, считали: если Гарри слышит — тем лучше. Можно подумать, они надеялись, что он снова выйдет из себя и примется кричать, и тогда они получат его историю из первых рук.

— Он говорит, что видел, как Седрика Диггори убили…

— По его словам выходит, что он дрался Сами-Знаете-С-Кем…

— Да брось ты…

— Кому он мозги хочет запудрить?

— Ну не на-адо…

— Я вот чего не могу взять в толк, — сказал Гарри нетвердым голосом, положив нож и вилку, которые ему трудно было держать — так дрожали

руки. — Почему они все, как один, поверили этой истории два месяца назад, когда услышали ее от Дамблдора?..

— Дело вот в чем, Гарри. Я совсем не убеждена, что они даже тогда ей поверили, — мрачно проговорила Гермиона. — Слушайте, пошли отсюда.

Она тоже положила нож и вилку, стукнув ими по столу; Рон, с тоской посмотрев на недоеденный кусок яблочного пирога, последовал ее примеру. Пока они шли из зала, все смотрели на них.

— Как это ты не убеждена, что они поверили Дамблдору? — спросил Гарри Гермиону, когда они поднялись на площадку второго этажа.

— Ты не до конца понимаешь, как обстояли дела после того, что с тобой случилось, — тихо сказала Гермиона. — Ты появляешься посреди лужайки с телом Седрика… Что произошло в лабиринте, никто из нас не видел… О том, что Сам-Знаешь-Кто возродился, убил Седрика и дрался с тобой, Дамблдор сообщил нам на словах, и только.

— Но это правда! — воскликнул Гарри.

— Я знаю, Гарри, поэтому, *пожалуйста,* перестань на меня бросаться, — утомленно попросила его Гермиона. — Я хочу сказать, что, когда все поехали на каникулы по домам, правда еще не

улеглась в головах, а дома они два месяца читали, что ты идиот, а Дамблдор — выживший из ума старик.

Пока они шли по пустым коридорам в башню Гриффиндора, по окнам барабанил дождь. Гарри казалось, что первый школьный день длится уже неделю, но прежде чем ложиться спать, надо было еще одолеть гору домашней работы. Над правым глазом угнездилась тупая пульсирующая боль. Когда они свернули к портрету Полной Дамы, Гарри посмотрел в мокрое от дождя окно на темный луг. В хижине Хагрида огонь по-прежнему не горел.

— *Мимбулус мимблетония,* — сказала Гермиона, не дожидаясь вопроса Полной Дамы. Портрет распахнулся, и друзья полезли в проем.

Общая гостиная была почти пуста — мало кто успел к этому времени покончить с ужином. Живоглот, лежавший клубком на одном из кресел, двинулся, громко мяукая, им навстречу, и когда трое друзей сели в свои любимые кресла у камина, он легко вспрыгнул Гермионе на колени и улегся там, похожий на пушистую рыжую подушку. Гарри уставил взгляд в огонь, чувствуя себя усталым и выпотрошенным.

— *Как* мог Дамблдор это допустить? — вдруг

воскликнула Гермиона, заставив Гарри и Рона вздрогнуть; Живоглот с обиженным видом соскочил с ее колен. Она с такой яростью стукнула кулаками по мягким подлокотникам кресла, что из швов посыпались кусочки подкладки. — Как он мог позволить этой ужасной тетке нас учить? Да еще в год, когда нам сдавать СОВ!

— Ну, выдающихся учителей защиты от Темных искусств у нас пока еще не было, — сказал Гарри. — Помните, что Хагрид говорил? Никто не хочет идти на эту должность, потому что она проклята.

— Да, но нанять такую, которая запрещает нам применять волшебство? Что Дамблдор делает? Не понимаю.

— И к тому же она будет вербовать доносчиков, — хмуро заметил Рон. — Помните ее слова? Она хочет, чтобы к ней приходили и рассказывали про тех, кто говорит, что Сами-Знаете-Кто возродился.

— Ну еще бы! Она сама здесь для того, чтобы за нами всеми шпионить. Это же очевидно — иначе зачем Фадж ее сюда прислал? — резким тоном сказала Гермиона.

— Только не начинайте опять спорить, — обессиленно промолвил Гарри, когда Рон открыл рот,

чтобы ответить. — Может, мы просто… просто займемся домашней работой, это хотя бы скинем…

Они взяли сумки, которые лежали в углу, и вернулись к креслам у камина. Гриффиндорцы уже начали возвращаться с ужина. Гарри старался не смотреть на портретный проем, но взгляды на себе все равно чувствовал.

— Давайте сперва со Снеггом разберемся, — предложил Рон, обмакнув перо в чернила. — «Свойства… лунного камня… и его использование… в зельеварении…» — бормотал он, выводя эти слова вдоль верхней кромки пергамента. — Так. — Он подчеркнул заголовок и с надеждой посмотрел на Гермиону.

— Ну, и какие же свойства у лунного камня и как он используется в зельеварении?

Но Гермиона не слушала его. Она смотрела в дальний угол гостиной, где сидели теперь Фред, Джордж и Ли Джордан, окруженные невинного вида первокурсниками, которые все до единого жевали нечто, взятое, судя по всему, из большого бумажного пакета в руках у Фреда.

— Нет, как хотите, но они зарвались, — сказала она, вставая с негодующим видом. — Пошли, Рон.

— Что?.. Куда пошли? — спросил Рон, явно пытаясь выиграть время. — Нет… Давай не будем, Гермиона… Как мы можем им запретить раздавать сладости?

— Ты прекрасно знаешь, что это не просто сладости, а Кровопролитные конфеты, Блевальные батончики или что там еще…

— Обморочные орешки… — тихо подсказал Гарри.

Один за другим, точно их били по голове невидимым молотом, первокурсники обмякали в своих креслах, теряя сознание; некоторые сползали прямо на пол, другие, вывалив языки, повисали на подлокотниках. Те, кто на них смотрел, большей частью смеялись; Гермиона, однако, расправила плечи и решительным шагом двинулась к Фреду и Джорджу, которые стояли теперь с блокнотами в руках и пристально наблюдали за подопытными. Рон приподнялся со своего кресла, замер на секунду-другую в этом положении, не зная, как ему быть, потом, обращаясь к Гарри, буркнул: «Она сама справится» — и, сев обратно, съехал в кресле так низко, как только можно было при его внушительном росте.

— Хорошего понемножку! — громогласно заявила Гермиона Фреду и Джорджу; они подняли

на нее глаза с легким удивлением.

— Да, ты права, — кивнул Джордж. — Доза, кажется, немного великовата.

— Я, кажется, сказала вам утром: вы не имеете права испытывать на учениках эту дрянь!

— Мы же им платим! — возмутился Фред.

— Это не важно. Вы подвергаете их опасности!

— Глупости, — отрезал Фред.

— Уймись, Гермиона, с ними все в полном порядке! — успокаивающе сказал Ли, который, переходя от первокурсника к первокурснику, засовывал им в открытые рты темно-красные конфетки.

— Вот, смотри, они приходят в себя, — сказал Джордж.

Некоторые первокурсники действительно зашевелились. Иные, почувствовав, что лежат на полу или висят на ручке кресла, были настолько этим напуганы, что Гарри понял: Фред и Джордж не предупредили их о действии, которое окажут на них «сладости».

— Как себя чувствуешь, нормально? — участливо спросил Джордж маленькую темноволосую девочку, лежащую у его ног.

— Я… да, кажется, — слабым голосом ответила она.

— Замечательно, — радостно сказал Фред, но миг спустя Гермиона выхватила у него из рук и блокнот, и пакет с Обморочными орешками.

— Ничего замечательного!

— Да ты что, ведь они остались живы! — сердито возразил Фред.

— Не смейте этого делать! Что, если кто-нибудь всерьез заболеет?

— Никто не заболеет, мы всё уже проверили на себе, мы просто хотим убедиться, что они на всех действуют одинаково…

— Если вы не прекратите, я…

— Оставишь нас после уроков? — спросил Фред тоном, в котором слышалось: «Хотел бы я посмотреть, как ты попробуешь».

— Посадишь нас строчки писать? — ухмыльнулся Джордж.

По всей гостиной зазвучал смех. Гермиона словно бы стала чуть выше ростом; глаза ее сузились, в пышных волосах, казалось, затрещало электричество.

— Нет, — заявила она вибрирующим от гнева голосом. — Я просто напишу вашей матери.

— Ты этого не сделаешь, — в ужасе проговорил Джордж, отступив на шаг.

— Еще как сделаю, — мрачно сказала Гермио-

на. — Если вы сами хотите глотать эти идиотские штучки, глотайте сколько угодно, но давать их первокурсникам я не позволю!

Фреда и Джорджа как громом поразило. Было совершенно ясно, что угроза Гермионы — удар ниже пояса. Окинув их напоследок суровым взглядом, она швырнула Фреду обратно блокнот и пакет и вернулась к своему креслу у камина.

Рон сполз уже так низко, что нос был примерно на одном уровне с коленями.

— Спасибо за поддержку, Рон, — язвительно бросила Гермиона.

— Ты отлично разобралась с ними сама, — пробормотал Рон.

Поглядев несколько секунд на свой чистый лист пергамента, Гермиона раздраженно сказала:

— Без толку, не могу сейчас сосредоточиться. Я иду спать.

Она открыла сумку. Гарри думал, что она тут же уберет туда книги, но вначале она достала из сумки два уродливых шерстяных предмета. Аккуратно положив их на столик у камина, она пристроила сверху несколько скомканных клочков пергамента и сломанное перо, после чего отступила, чтобы оценить впечатление.

— Именем Мерлина, что ты такое делаешь? —

спросил Рон, глядя на нее как на чокнутую.

— Это шапки для эльфов-домовиков, — бодро ответила она, начав наконец складывать в сумку книги. — Я летом их связала. Без волшебства я вяжу очень медленно, но в школе, думаю, дело пойдет гораздо быстрее.

— Ты что, оставляешь им эти шапки? — медленно проговорил Рон. — А вначале посыпаешь их всяким мусором?

— Точно, — с вызовом подтвердила Гермиона и перекинула сумку через плечо.

— Так нельзя, — сердито сказал Рон. — Ты пытаешься всучить им эти шапки хитростью. Хочешь освободить их против их желания.

— Разумеется, они желают освободиться! — возразила Гермиона, но лицо ее порозовело. — И не смей трогать шапки, понятно?

Она вышла. Рон подождал, пока за ней закрылась дверь, которая вела в спальни девочек, а потом смахнул с шерстяных шапок весь сор.

— Пусть по крайней мере видят, что берут, — твердо сказал он. — А что касается этого… — он скатал пергамент, на котором вывел заголовок заданной Снеггом письменной работы, — сейчас даже и пытаться бессмысленно. Без Гермионы я все равно ничего не напишу, я понятия не имею

о лунных камнях. А ты?

Гарри покачал головой, чувствуя, что боль в правом виске усиливается. Мысль о длинной письменной работе про войны с великанами отозвалась там нестерпимой пульсацией. Прекрасно зная, что утром пожалеет о невыполненном домашнем задании, он запихнул учебники обратно в сумку.

— Я тоже пойду лягу.

По пути к двери, ведущей к спальням, он прошел мимо Симуса, но даже не взглянул на него. У Гарри возникло мимолетное ощущение, что Симус открыл рот, желая заговорить, но он ускорил шаги и без приключений добрался до спиральной каменной лестницы с ее успокаивающим безлюдьем.

* * *

Новое утро оказалось таким же свинцовым и дождливым, как предыдущее. Во время завтрака Хагрид за преподавательским столом опять не появился.

— Зато Снегга сегодня в расписании нет, — ободряюще заметил Рон.

Гермиона широко зевнула и налила себе кофе. Чем-то она была слегка обрадована, и, когда Рон

спросил, чем именно, она ответила:

— Шапок уже нет. Такое впечатление, что эльфы-домовики все же хотят свободы.

— Не знаю, не знаю, — едко сказал Рон. — Они могли и не понять, что это головные уборы. По мне, так это никакие и не шапки — больше похоже на вязаные мочевые пузыри.

Гермиона не разговаривала с ним все утро.

За сдвоенными заклинаниями в тот день шла сдвоенная трансфигурация. И профессор Флитвик, и профессор МакГонагалл первые пятнадцать минут урока говорили о важности СОВ.

— Вы должны помнить, — пропищал малорослый профессор Флитвик, взгромоздясь, как обычно, на стопку книг, чтобы голова оказалась выше поверхности стола, — что эти экзамены могут повлиять на вашу будущность на многие годы! Если вы еще не задумывались всерьез о выборе профессии, сейчас для этого самое время. А пока же нам с вами, боюсь, придется работать больше обычного, чтобы вы все смогли показать себя с лучшей стороны!

После этого они час с лишним повторяли Манящие чары, без которых, сказал профессор Флитвик, на экзамене никак не обойдется, а под конец урока он задал им такое большое домашнее

задание, какого по заклинаниям еще не бывало.

То же самое, если не хуже, — на трансфигурации.

— Невозможно сдать СОВ, — сурово провозгласила профессор МакГонагалл, — без серьезной практики, без прилежания, без упорства. Я не вижу причин для того, чтобы каждый в этом классе не добился успеха на экзамене по трансфигурации, — надо только потрудиться. (Невилл испустил тихий недоверчивый стон.) Да, и вы, Долгопупс, — сказала профессор МакГонагалл. — Вы работаете очень неплохо, вам не хватает только уверенности в себе. Итак, сегодня мы приступаем к Заклятию исчезновения. Оно проще, чем Чары восстановления, которые вам предстоит систематически изучать только при подготовке к ЖАБА, но оно принадлежит к числу труднейших актов волшебства из всех, что входят в программу по СОВ.

Она сказала сущую правду. Для Гарри Заклятие исчезновения оказалось чрезвычайно трудным. До конца сдвоенного урока ни ему, ни Рону так и не удалось заставить исчезнуть улитку, хотя Рон оптимистически заявил, что его улитка, кажется, стала чуточку бледнее. А вот Гермиона со своей улиткой успешно справилась уже с третьей

попытки, заработав для Гриффиндора десятиочковую премию от профессора МакГонагалл. Она единственная не получила домашнего задания; всем остальным было велено отрабатывать чары вечером и готовиться к завтрашнему новому сражению с улиткой.

В легкой панике из-за горы домашней работы, которая перед ними высилась, Гарри и Рон провели большую перемену в библиотеке, где читали об использовании лунного камня в зельеварении. Все еще сердитая на Рона из-за пренебрежения к ее шерстяным шапкам, Гермиона к ним не присоединилась. К началу урока ухода за магическими существами у Гарри уже опять болела голова.

День немного разгулялся, было прохладно и ветрено, и, пока они шли вниз по луговому склону к хижине Хагрида, на лица им время от времени падали отдельные дождевые капли. Профессор Граббли-Дерг, поджидая учеников, стояла шагах в десяти от двери хижины. Перед ней тянулся длинный стол на козлах, на котором были навалены какие-то ветки. Когда Гарри и Рон приблизились к столу, сзади раздался взрыв хохота; обернувшись, они увидели Драко Малфоя, который направлялся туда же в сопровождении своей обычной слизеринской свиты. Он явно

сказал сейчас что-то чрезвычайно забавное, поскольку Крэбб, Гойл, Пэнси Паркинсон и прочие, подтягиваясь к месту урока, все никак не могли унять ржание. По тому, как они поглядывали на Гарри, предмет насмешки угадывался без труда.

— Все здесь? — гаркнула профессор Граббли-Дерг, когда явились и слизеринцы, и гриффиндорцы. — Тогда поехали. Кто может сказать, как это называется?

Она показала на лежащую перед ней кучу веток. Рука Гермионы взвилась в воздух. За спиной у нее Малфой, скаля зубы, передразнивал ее манеру подпрыгивать на месте, когда ей не терпится ответить на вопрос. Пэнси Паркинсон взвизгнула от смеха, но этот визг почти сразу же перешел в пронзительный крик: веточки на столе подскочили, встали торчком и оказались крохотными деревянными существами, похожими на пикси, с коричневыми шишковатыми ручками и ножками, с двумя отросточками-пальчиками на конце каждой ручки, со смешными плоскими, покрытыми подобием коры, личиками, на каждом из которых блестели карие, клопиного цвета глазки.

— О-о-о-о-о! — воскликнули Парвати и Лаванда, чем изрядно раздосадовали Гарри. Можно поду-

мать, Хагрид никогда не показывал им ничего впечатляющего. Да, конечно, флоббер-черви были чуточку скучноваты, но про саламандр и гиппогрифов этого не скажешь, а соплохвосты — это уж и вовсе интереснейшие существа.

— А ну-ка, девочки, потише! — скомандовала профессор Граббли-Дерг. Она бросила живым палочкам горсть какой-то коричневой крупы, и они тут же набросились на пищу. — Итак, кто мне скажет, как они называются? Мисс Грэйнджер?

— Лукотрусы, — ответила Гермиона. — Это лесные сторожа, живут обычно на деревьях, чья древесина идет на волшебные палочки.

— Пять очков Гриффиндору, — объявила профессор Граббли-Дерг. — Да, это лукотрусы, и, как правильно сказала мисс Грэйнджер, они чаще всего живут на деревьях тех пород, что ценятся изготовителями волшебных палочек. Кто-нибудь знает, чем они питаются?

— Мокрицами, — выпалила Гермиона, и Гарри стало понятно, почему то, что он принял за коричневую крупу, движется. — И яйцами фей-светляков, если могут их раздобыть.

— Очень хорошо, еще пять очков. Итак, если вам нужна древесина или листва дерева, на котором обитает лукотрус, следует запастись порцией

мокриц, чтобы отвлечь или успокоить его. На вид они безобидны, но, если их разозлить, они пытаются выколоть человеку глаза пальцами, которые, как вы видите, очень остры и опасны для глазных яблок. А теперь подходите ближе, берите мокриц и лукотрусов — одного на троих — и изучайте их поподробнее. До конца урока каждый из вас должен зарисовать лукотруса и пометить на рисунке все части тела.

Ученики толпой двинулись к столу. Гарри нарочно обогнул его, чтобы оказаться рядом с профессором Граббли-Дерг.

— А где Хагрид? — спросил он ее, пока все выбирали лукотрусов.

— Не ваша забота, — жестко сказала профессор Граббли-Дерг. Примерно так же она ответила ему и в прошлом году, когда заменяла Хагрида. Между тем Драко Малфой с широкой ухмылкой на заостренном лице перегнулся через Гарри и схватил самого крупного лукотруса.

— Не исключено, — сказал Малфой вполголоса, так что слышать мог только Гарри, — что эта безмозглая орясина здорово покалечилась.

— Заткнись, а то я тебя покалечу так, что своих не узнаешь, — проговорил Гарри краем рта.

— Не исключено, что он связался с чем-то слиш-

ком *большим* для него, если ты понимаешь, к чему я клоню.

И, ухмыляясь через плечо, Малфой отошел. Гарри вдруг стало нехорошо. Неужели Малфой что-то знает? Ведь его отец был Пожирателем смерти; что, если у него есть сведения о Хагриде, которые еще не достигли Ордена Феникса? Гарри поспешно двинулся вокруг стола обратно, к Рону и Гермионе, которые сидели на траве на корточках чуть поодаль и пытались привести лукотруса в более или менее неподвижное состояние, чтобы его зарисовать. Гарри вынул пергамент и перо, опустился на корточки рядом с друзьями и шепотом передал им то, что услышал от Малфоя.

— Если бы с Хагридом что-то случилось, Дамблдор был бы в курсе, — недолго думая, сказала Гермиона. — К тому же показывать, что мы обеспокоены, значит играть Малфою на руку. Он увидит, что мы не знаем точно, как обстоят дела. Не обращай внимания, Гарри. Подержи-ка лучше лукотруса, я лицо хочу зарисовать.

— Да, — донеслось до них от ближайшей группы учеников; манерно-медлительный выговор Малфоя узнавался безошибочно. — Мой отец пару дней назад беседовал с министром, и очень похоже, что Министерство всерьез хочет положить

конец непрофессиональным методам обучения в Хогвартсе. Так что даже если это глупое бревно здесь еще появится, его скорее всего тут же и пошлют куда подальше.

— О-оxx!

Гарри так крепко сжал лукотруса, что чуть не сломал, и тот в отместку со всей силы царапнул его острыми пальцами, оставив на руке две длинные глубокие раны. Гарри разжал руку. Крэбб и Гойл, уже расхохотавшиеся при мысли о предстоящем увольнении Хагрида, заржали еще пуще, увидев, как человечек-палочка со всех ног улепетывает к лесу и скрывается среди древесных корней. Когда по лугу прокатился эхом дальний звонок, Гарри скатал свой испачканный кровью рисунок и с перевязанной Гермиониным платком рукой двинулся на травологию; в ушах у него еще стоял издевательский смех Малфоя.

— Если он еще раз посмеет назвать Хагрида бревном… — прорычал Гарри.

— Гарри, не связывайся с Малфоем, не забудь, что он староста, он может тебе устроить трудную жизнь…

— Интересно, что это такое — трудная жизнь? Может, попробовать для разнообразия? — саркастически сказал Гарри.

Рон засмеялся, но Гермиона нахмурилась. Втроем они не спеша шли мимо огородов. Небо по-прежнему словно бы еще не решило, будет дождь или нет.

— Мне хочется, чтобы Хагрид поскорее вернулся, только и всего, — тихо сказал Гарри, когда они добрались до теплиц. — И не говорите мне, что эта Граббли-Дерг преподает лучше! — добавил он с угрозой.

— Я и не собиралась, — спокойно заметила Гермиона.

— Потому что ей в жизни не сравняться с Хагридом, — твердо проговорил Гарри, прекрасно понимая, к немалой своей досаде, что урок заботы о магических существах, который она сейчас провела, был образцовым.

Дверь ближайшей теплицы открылась, и из нее вышло несколько четверокурсников, в том числе Джинни.

— Привет! — жизнерадостно сказала она, проходя мимо.

Некоторое время спустя появилась Полумна Лавгуд. Она плелась в хвосте своего класса. Нос у нее был запачкан землей, длинные волосы собраны в узел на макушке. Когда она увидела Гарри, ее выпуклые глаза от волнения вытаращились еще

сильней, и она двинулась прямо к нему. Многие его одноклассники с любопытством повернули головы. Полумна набрала побольше воздуха и, не здороваясь, выпалила:

— Я верю, что Тот-Кого-Нельзя-Называть возродился, и я верю, что ты дрался с ним и спасся.

— Э… да, — неуклюже сказал Гарри.

Уши Полумны были украшены серьгами, похожими на оранжевые редиски, что явно не укрылось от внимания Парвати и Лаванды: они хихикали и показывали пальцами на ее мочки.

— Смейтесь сколько хотите! — повысила голос Полумна, которой показалось, что они потешаются над ее словами. — Было время, когда люди считали, что на свете нет таких существ, как бундящая шица и морщерогий кизляк!

— Так ведь они были правы, разве не так? — с раздражением сказала Гермиона. — На свете действительно нет и не было таких существ.

Полумна бросила на нее уничтожающий взгляд и метнулась прочь. Редиски в ее ушах бешено раскачивались. Теперь уже не только Парвати и Лаванда покатывались со смеху.

— Сделай милость, перестань обижать единственного человека, который мне верит, — попросил Гарри Гермиону по дороге в класс.

— Не прибедняйся, Гарри, найдутся и другие, — возразила ему Гермиона. — А про эту Полумну Джинни мне все рассказала. Она верит только тому, что ничем вообще не доказано. От дочки человека, который издает «Придиру», другого и ждать нельзя.

Гарри вспомнил зловещих крылатых лошадей, которых увидел в первый вечер. Полумна сказала, что тоже их видит. На душе у него стало еще тяжелей. Неужели она лгала? Его размышления на эту тему прервал, подойдя к нему, Эрни Макмиллан.

— Я хочу, чтобы ты знал, Поттер, — произнес он громким, звучным голосом, — что на твоей стороне не только сумасшедшие. Я лично верю тебе на все сто. Моя семья всегда стояла за Дамблдора, и я тоже буду за него стоять.

— Спасибо большое, Эрни, — сказал Гарри и удивленно, и обрадованно.

Хотя Эрни мог бы выразиться и не так торжественно, Гарри в его теперешнем настроении очень кстати пришлось заявление о поддержке со стороны человека, у которого в ушах не болтаются редиски. От слов Эрни улыбка с лица Лаванды Браун мигом исчезла, и, поворачиваясь к Рону и Гермионе, Гарри краем глаза заметил выражение

лица Симуса — смущенное и упрямое.

Профессор Стебль начала урок, конечно же, с наставлений по поводу важности СОВ. Гарри бы не возражал, если бы учителя уже и перестали им это вдалбливать; стоило ему вспомнить, сколько назадавали на дом, как внутренности словно скручивало жгутом. Это ощущение было особенно сильным в конце урока, когда Стебль задала очередную письменную работу. Утомленные и крепко пахнущие драконьим навозом, который был любимым удобрением профессора Стебль, гриффиндорцы потянулись обратно в замок. Разговаривали мало. Позади был еще один трудный день.

Гарри очень хотелось есть, и поскольку в пять у него был первый сеанс наказания, назначенного профессором Амбридж, он сразу же, даже не занося сумку в башню Гриффиндора, отправился на ужин. Перед тем неизвестным, что его ожидало, надо было подкрепиться. Но не успел он войти в Большой зал, как раздался громкий сердитый возглас:

— Эй, Поттер!

— Что еще? — устало пробормотал он и, обернувшись, увидел Анджелину Джонсон, которая, похоже, была вне себя от гнева.

— Я тебе сейчас объясню, что еще, — сказала она и, двинувшись прямо к нему, жестко ткнула его в грудь пальцем. — Как это ты ухитрился заработать наказание на пять вечера в пятницу?

— Что? — спросил Гарри. — Не по… ах, да, вратарские испытания!

— Вспомнил! — возмущенно крикнула Анджелина. — Я же говорила, что мне нужна вся команда, что я хочу посмотреть, как впишется новый игрок! Разве ты не знаешь, что я специально заказала на это время поле? А теперь ты вздумал уклониться!

— Ничего я не вздумал! — возразил Гарри, обиженный этой явной несправедливостью. — Меня наказала Амбридж, потому что я сказал правду про Сама-Знаешь-Кого.

— Ну, так иди теперь к ней и проси освободить тебя в пятницу, — яростно потребовала Анджелина. — Как будешь ее уговаривать — меня не касается. Можешь, если хочешь, сказать ей, что Сам-Знаешь-Кто — плод твоего воображения. Но в пятницу изволь быть!

Она резко повернулась и унеслась прочь.

— Знаете что? — сказал Гарри Рону и Гермионе, когда они вошли в Большой зал. — Надо бы узнать в «Паддлмир Юнайтед», не погиб ли

Оливер Вуд на тренировке. В Анджелину, похоже, вселился его дух.

— Ну, и какие, по-твоему, шансы, что Амбридж отпустит тебя в пятницу? — скептически спросил Рон, когда они сели за стол Гриффиндора.

— Меньше чем нулевые, — мрачно ответил Гарри, положив себе бараньи отбивные и взявшись за еду. — Но попытаться-то можно, чем я рискую? Предложу, к примеру, два дополнительных наказания потом отбыть… — Он прожевал и проглотил кусок картошки, потом добавил: — Хорошо бы она сегодня не слишком меня задержала. Нам же надо написать три письменные работы, отрабатывать Заклятие исчезновения для МакГонагалл, найти контрзаклятие для Флитвика, дорисовать лукотруса и начать этот дурацкий дневник сновидений для Трелони!

Рон застонал и почему-то поднял глаза к волшебному потолку.

— И кажется, собирается дождь.

— При чем тут дождь, когда мы говорим о домашней работе? — вскинула брови Гермиона.

— Ни при чем, — быстро ответил Рон, но уши у него покраснели.

Без пяти пять Гарри попрощался с друзьями и пошел на четвертый этаж в кабинет Амбридж.

Когда он постучал, она сахарным голоском откликнулась: «Входите». Он осторожно вошел, оглядываясь по сторонам.

Он помнил этот кабинет при каждом из троих его прежних владельцев. Когда его занимал Златопуст Локонс, стены были оклеены его портретами. Придя к Люпину, почти наверняка можно было увидеть какое-нибудь диковинное Темное существо в клетке или аквариуме. При самозванце, выдававшем себя за Грюма, кабинет был набит разнообразными инструментами и приспособлениями для раскрытия тайных козней.

Теперь, однако, кабинет изменился до неузнаваемости. На все поверхности были наброшены ткани — кружевные или обычные. Стояло несколько ваз с засушенными цветами, каждая на своей салфеточке, а на одной из стен висела коллекция декоративных тарелочек с яркими цветными котятами, которые различались, помимо прочего, повязанными на шею бантиками. Котята были такие мерзкие, что Гарри ошеломленно пялился на них и пялился, пока профессор Амбридж снова не заговорила.

— Добрый вечер, мистер Поттер.

Гарри вздрогнул и обернулся. Он потому не сразу ее заметил, что ее мантия с ярким цветочным

узором уж слишком хорошо гармонировала со скатертью на письменном столе.

— Добрый вечер, профессор Амбридж, — деревянным голосом отозвался Гарри.

— Ну что ж, садитесь, — сказала она, показывая на маленький столик, покрытый кружевной скатертью, у которого она заранее поставила стул с прямой спинкой. На столике, явно дожидаясь Гарри, лежал чистый пергамент.

— Профессор Амбридж, — сказал Гарри, не двигаясь, — прежде чем мы начали, я… я хочу попросить вас об… одолжении.

Ее выпуклые глаза сузились.

— Я вас слушаю.

— Видите ли, я вхожу в команду Гриффиндора по квиддичу. В пятницу в пять часов я должен быть на испытаниях кандидатов во вратари, и я… я подумал, может быть, вы освободите меня на этот вечер от наказания, я тогда… я тогда отбуду его в другой день…

Задолго до того, как он кончил, ему было ясно, что ничего не выйдет.

— Ну, что вы, — сказала Амбридж, улыбаясь так широко, словно только что проглотила на редкость сочную муху. — Нет-нет, что вы, что вы. Мистер Поттер, вы наказаны за распространение

скверных и вредных историй в целях саморекламы, и никто не будет ради вашего удобства ничего переносить. Нет, вы явитесь сюда в пять часов и завтра, и послезавтра, и в пятницу, все ваши наказания пройдут как намечено. Будет совсем неплохо, если вам придется пропустить то, от чего вы не хотели бы отказываться. Это сделает урок, который я намерена вам преподать, еще более поучительным.

Гарри почувствовал, как кровь приливает к голове, в ушах застучало молотом. Он в целях саморекламы рассказывает скверные и вредные истории?

Она смотрела на него, слегка склонив голову на сторону, и по-прежнему широко улыбалась, как будто в точности знала, о чем он думает, и хотела посмотреть, начнет он снова кричать или нет. Сделав колоссальное усилие, Гарри отвел от нее взгляд, уронил сумку на пол около стула с прямой спинкой и сел на него.

— Ну вот, — ласково сказала Амбридж, — мы уже лучше владеем собой, не правда ли? Теперь, мистер Поттер, вы напишете для меня некоторое количество строк. Нет, не вашим пером, — добавила она, когда Гарри потянулся к сумке. — Вы воспользуетесь моим пером, специальным. Вот,

пожалуйста.

Она протянула ему черное перо, длинное и тонкое, с необычно острым кончиком.

— Я попросила бы вас написать: «Я не должен лгать», — мягко сказала она.

— Сколько раз? — спросил Гарри, довольно убедительно имитируя вежливость.

— Столько, сколько понадобится, чтобы смысл *впечатался*, — ласково ответила Амбридж. — Приступайте.

Она отошла к своему столу, села и склонилась над стопкой пергаментов, которые скорее всего были сданными на проверку письменными работами. Гарри приподнял острое черное перо, но понял, что кое-чего не хватает.

— Вы не дали мне чернил, — сказал он.

— О, чернила вам не понадобятся, — заверила его профессор Амбридж с крохотнейшей смешинкой в голосе.

Гарри поднес острие пера к бумаге и вывел: «Я не должен лгать».

Он испустил вздох боли. Слова, появившиеся на пергаменте, были написаны чем-то ярко-красным. Те же слова возникли и на тыльной стороне его правой руки, будто проведенные скальпелем; но не успел он отвести взгляда от свежих надре-

зов, как их затянуло гладкой кожей — осталась лишь небольшая краснота.

Гарри оглянулся на Амбридж. Она смотрела на него, растянув в улыбке большой жабий рот.

— Да-да?

— Нет, ничего, — тихо сказал Гарри.

Он снова посмотрел на пергамент, поднес к нему перо второй раз, написал: «Я не должен лгать» — и опять почувствовал жгучую боль в руке. Вновь слова были вырезаны на коже, и вновь надрезы затянулись секунды спустя.

И так пошло дальше. Раз за разом Гарри выводил на пергаменте эти слова, выводил, как ему стало понятно, не чернилами, а собственной кровью. Раз за разом невидимый скальпель вырезал эти слова на его коже, которая потом затягивалась, но только до того момента, как он опять касался пером пергамента.

За окном кабинета Амбридж стало темно. Гарри не спрашивал ее, когда это кончится. Он ни разу даже не поглядел на часы. Он знал, что она смотрит на него, дожидаясь признаков слабости, и не собирался их выказывать, пусть даже придется просидеть тут всю ночь, вспарывая этим пером собственную руку…

— Подойдите сюда, — сказала она наконец. По

его ощущению, прошло несколько часов.

Он встал. Правую кисть сильно саднило. Опустив на нее взгляд, он увидел, что надрезы затянулись, но кожа всюду красная, воспаленная.

— Дайте руку, — промолвила профессор Амбридж.

Он протянул ей руку. Она взяла ее в свою. Когда она дотронулась до него толстыми пальцами-обрубками, на которые были надеты уродливые старомодные перстни, он с трудом подавил судорогу.

— Увы, увы, увы, результаты пока скромные, — сказала она, улыбаясь. — Что ж, продолжим завтра вечером, не так ли? Можете идти.

Гарри без единого слова вышел из кабинета. В школе было совершенно безлюдно; наверняка уже перевалило за полночь. Он медленно двинулся по коридору, но, повернув за угол и зная, что отсюда она уже не услышит шагов, бросился бежать.

* * *

У него не осталось сил ни на отработку Заклятия исчезновения, ни на дневник сновидений, ни на изображение лукотруса, ни на письменные работы. Утром он не пошел завтракать, чтобы

накатать по-быстрому для прорицаний, которые шли первым уроком, пару фальшивых сновидений. Что странно, компанию ему составил взъерошенный Рон.

— Вечером-то что тебе помешало? — спросил Гарри друга, чей взор дико блуждал по стенам гостиной в поисках вдохновения. Рон, который крепко спал, когда Гарри вернулся вчера от Амбридж, пробормотал, что «делал другое», и, низко склонившись над пергаментом, нацарапал несколько слов.

— Ладно, сойдет, — сказал он, захлопывая дневник. — Написал, что мне приснилось, будто я покупаю новые ботинки. Вряд ли она отсюда что-нибудь этакое сможет вывести.

Вдвоем они быстро зашагали в Северную башню.

— А как у Амбридж? Что она заставила тебя делать?

Поколебавшись долю секунды, Гарри ответил:

— Строчки писать.

— Значит, ничего такого страшного? — спросил Рон.

— Да, ничего, — сказал Гарри.

— Кстати… вспомнил сейчас… отпустит она тебя в пятницу?

— Нет, — сказал Гарри.

Рон издал сочувственный стон.

День для Гарри опять выдался скверный. Не отработав Заклятие исчезновения, он в результате оказался одним из худших на трансфигурации. Всю большую перемену ему пришлось потратить на дорисовку лукотруса, а между тем МакГоногалл, Граббли-Дерг и Синистра задали им новые домашние задания, выполнить которые вечером у него не было никаких шансов из-за наказания, наложенного Амбридж. В довершение всего Анджелина Джонсон за ужином снова его поймала и, узнав, что он все-таки не сможет в пятницу прийти на вратарские испытания, сказала, что разочарована его отношением к делу и что игрок, который хочет остаться в команде, должен ставить тренировки выше всего остального.

— Я наказан, ясно тебе или нет? — заорал Гарри ей в спину, когда она зашагала прочь. — Ты думаешь, торчать у этой старой жабы мне приятнее, чем играть в квиддич?

— По крайней мере это строчки, ничего больше, — попыталась утешить его Гермиона, когда он опять опустился на свое место за столом и поглядел на бифштекс и пирог с почками, которых ему уже не хотелось доедать. — Не такое уж

страшное наказание.

Гарри открыл рот, потом закрыл его и кивнул. Он не вполне понимал, почему утаивает от Рона и Гермионы, что произошло в кабинете Амбридж Знал только, что не хочет видеть ужас на лицах друзей, что от этого ему стало бы еще хуже, еще труднее. И вдобавок он смутно чувствовал, что это должно остаться между ним и Амбридж, что идет их личное состязание воль, и он намерен был лишить ее удовольствия узнать, что он жаловался.

— Сколько домашней работы — это просто немыслимо, — несчастным голосом сказал Рон.

— Не понимаю, почему ты вчера вечером ничего не сделал? — спросила его Гермиона. — Где ты был, кстати?

— Я был… ну… прогуляться ходил, — уклончиво ответил Рон.

У Гарри возникло отчетливое ощущение, что не ему одному есть что скрывать.

* * *

Второй вечер у Амбридж прошел не лучше, чем первый. Кожа на тыльной стороне руки раздражалась теперь быстрее и очень скоро покраснела и воспалилась. Вряд ли, подумал Гарри, она

долго будет раз за разом так хорошо заживать. Скоро слова врежутся ему в руку, и Амбридж, видимо, будет удовлетворена. Тем не менее он не позволил себе даже вздохнуть от боли и за все время (она опять отпустила его только после полуночи) не произнес ни слова, кроме «добрый вечер» и «спокойной ночи». С домашним заданием, однако, положение уже было отчаянное, и, вернувшись в гриффиндорскую гостиную, он, хоть и устал до предела, не пошел спать, а открыл учебники и принялся за письменную работу о лунном камне, которую задал им Снегг. Кончил к половине третьего ночи. Он знал, что написал не ахти как хорошо, но делать было нечего; по крайне мере он сдаст хоть что-то, иначе не миновать нового наказания, на этот раз от Снегга. Затем он кое-как нацарапал ответы на вопросы МакГонагалл, накатал что-то насчет правильного обращения с лукотрусами для Граббли-Дерг, с трудом доковылял до кровати, рухнул на нее не раздеваясь и мгновенно заснул.

* * *

Четверг прошел в тумане неимоверной усталости. Рон тоже был очень сонный — Гарри не понимал почему. Третий сеанс наказания отли-

чался от предыдущих только тем, что через два часа слова «Я не должен лгать» уже не растаяли на руке, а остались нацарапанными на ней. Из букв капельками сочилась кровь. Перерыв в скрипе острого пера заставил профессора Амбридж поднять глаза.

— А, — мягко сказала она, выходя из-за стола, чтобы лично обследовать руку. — Хорошо. Это послужит вам напоминанием, не правда ли? На сегодня достаточно.

— Завтра мне приходить? — спросил Гарри, беря сумку левой рукой. Правая очень сильно болела.

— Ну конечно, — ответила профессор Амбридж, улыбаясь все так же широко. — За следующий вечер мы, надеюсь, впечатаем поучение еще чуть глубже.

До сих пор Гарри и представить себе не мог, что на свете найдется преподаватель, которого он будет ненавидеть больше, чем Снегга. Но, идя в башню Гриффиндора, он должен был признать, что у Снегга появился достойный конкурент. «Сволочь, — подумал он, поднимаясь по лестнице на восьмой этаж, — гнусная, сумасшедшая, старая…»

— Рон?

Он дошел тем временем до верха лестницы, повернул направо и едва не натолкнулся на Рона, который стоял за статуей Десмонда Долговязого и стискивал метлу. Увидев Гарри, он так и подскочил от неожиданности и попытался спрятать свой новый «Чистомет-11» за спиной.

— Что ты здесь делаешь?

— Я… ничего. А ты что здесь делаешь?

Гарри нахмурился.

— Да брось, мне-то ты можешь сказать! Чего ты тут спрятался?

— Я… я от Фреда и Джорджа, если уж тебе так нужно знать, — сказал Рон. — Они только что прошли тут с первокурсниками, наверняка опять что-то на них испытывают. Ведь в общей гостиной они не могут, там сейчас Гермиона.

Говорил он очень быстро и как-то лихорадочно.

— Но метла-то тебе зачем? Куда лететь собрался? — спросил Гарри.

— Я… ну… ну хорошо, скажу, только не смеяться, ладно? — слабо обороняясь, проговорил Рон, который с каждой секундой все краснел и краснел. — Я подумал, может, теперь, когда у меня приличная метла, меня возьмут вратарем в команду Гриффиндора? Ну вот. Давай. Смейся.

— Никакого смеха, — сказал Гарри. Рон моргнул. — Отличная идея! Просто здорово будет, если ты попадешь в команду! Ни разу не видел, как ты играешь вратарем. Хорошо играешь?

— Вроде бы неплохо, — ответил Рон, которому реакция Гарри явно принесла громадное облегчение. — Когда Чарли, Фред и Джордж тренировались в каникулы, я всегда был у них вратарем.

— Значит, сейчас отрабатывал вратарские приемы?

— И сейчас, и каждый вечер со вторника… правда, сам по себе. Я пытался колдовством заставить квоффлы лететь на меня, но это оказалось трудно, и не уверен, что от этого было бы много пользы. — У Рона был нервный, встревоженный вид. — Фред и Джордж небось лопнут от смеха, когда я приду на испытания. С тех пор как меня назначили старостой, они постоянно меня дразнят.

— Жалко, что меня там не будет, — с горечью сказал Гарри, когда они вместе пошли в гостиную.

— Да, и мне… Гарри, что у тебя с рукой?

Гарри, который только что почесал нос свободной от сумки правой рукой, попытался спрятать ее, но преуспел не больше, чем Рон со своим «Чи-

стометом».

— Да ничего, порезал просто…

Рон схватил Гарри за запястье и поднял его кисть на уровень глаз, повернув к себе тыльной стороной. Довольно долго он молча пялился на слова, вырезанные на коже. Наконец отпустил руку. Ему явно стало нехорошо.

— Ты, кажется, сказал, что она просто велела тебе писать строчки.

Гарри заколебался было — но Рон-то ведь был с ним откровенен, и он рассказал Рону всю правду о часах, которые провел в кабинете Амбридж.

— Вот старая стерва! — возмущенно прошептал Рон, когда они остановились у Полной Дамы, которая мирно дремала, уронив голову на грудь. — Да она просто сумасшедшая! Иди к МакГонагалл, скажи ей!

— Нет, — быстро ответил Гарри. — Этим я только обрадую Амбридж Значило бы, что она меня достала. Не хочу.

— Достала? Но нельзя же ей это спускать!

— К тому же я не знаю, имеет ли МакГонагалл над ней власть, — сказал Гарри.

— Тогда иди к Дамблдору!

— Нет, — отрезал Гарри.

— Почему?

— У него и без меня много забот, — сказал Гарри, хотя настоящая причина была другая. Он потому не хотел обращаться к Дамблдору за помощью, что Дамблдор с июня не говорил с ним ни разу.

— И все-таки я считаю... — начал Рон, но его перебила Полная Дама, которая уже некоторое время смотрела на них сонным взором и теперь не выдержала:

— Вы намерены говорить пароль? Мне что, всю ночь не спать и дожидаться, пока вы кончите беседу?

* * *

В пятницу — такая же хмарь и сырость, как всю неделю. Хотя Гарри, входя в Большой зал, невольно бросил взгляд на преподавательский стол, по-настоящему он уже не надеялся увидеть Хагрида, и сознание его мигом переключилось на более насущные проблемы — такие, как гора домашних заданий и перспектива новых мучений в кабинете Амбридж.

Две мысли поддерживали Гарри в тот день. Одна — что завтра уже выходные, другая — что хотя последний вечер у Амбридж наверняка будет очень тяжелым, в окно ее кабинета хоть издали, но видно поле для квиддича и, если повезет, он

сможет посмотреть, как Рон справляется с испытаниями. Лучики света, прямо скажем, довольно слабые, но Гарри был рад всему, что хоть сколько-нибудь могло рассеять окружающий мрак; ни разу еще учебный год в Хогвартсе не начинался у него с такой скверной недели.

В пять вечера Гарри в последний раз, как он от всей души надеялся, постучал в дверь кабинета Амбридж и услышал, что может войти. На покрытом кружевной скатертью столике его ждал чистый пергамент, рядом лежало черное заостренное перо.

— Вы знаете, что вам делать, мистер Поттер, — сладко улыбнулась ему Амбридж.

Гарри взял перо и бросил взгляд в окно. Если бы переместить стул вправо всего на какой-нибудь дюйм… Притворившись, что подвигается ближе к столу, он смог это сделать. Теперь ему видно было, как вдалеке летает над полем для квиддича команда Гриффиндора, видны были и полдюжины темных фигур, стоявших около трех высоких шестов с кольцами. Это наверняка были кандидаты во вратари, ожидающие очереди показать, на что они способны. Понять, кто из них Рон, на таком расстоянии было невозможно.

«Я не должен лгать», — написал Гарри. Надрезы

на тыльной стороне правой кисти открылись и снова начали кровоточить.

«Я не должен лгать». Надрезы углубились, руке стало горячо и больно.

«Я не должен лгать». По запястью потекла кровь.

Он еще раз улучил момент и посмотрел в окно. Кто бы ни защищал сейчас кольца, он делал это из рук вон плохо. За те считанные секунды, что Гарри осмелился глядеть, Кэти Белл забросила мяч дважды. Всей душой надеясь, что в роли вратаря выступает не Рон, он перевел взгляд на закапанный кровью пергамент.

«Я не должен лгать».
«Я не должен лгать».

Он поднимал глаза всякий раз, когда ситуация казалась благоприятной, — когда, например, он слышал скрип пера Амбридж или шорох выдвигаемого ящика стола. Третий из испытуемых выглядел сносно, четвертый ужасно, пятый уклонился от бладжера очень хорошо, но тут же пропустил легкий мяч. Сумерки за окном быстро сгущались, и Гарри не знал, сможет ли разглядеть шестого и седьмого.

«Я не должен лгать».
«Я не должен лгать».

Уже весь пергамент был алый от крови из руки, которая очень сильно болела. Когда Гарри опять поднял голову, уже совсем стемнело и на поле для квиддича ничего не было видно.

— Давайте-ка мы с вами взглянем, усвоили ли вы урок, — прозвучал через полчаса мягкий голос Амбридж.

Она подошла к нему и протянула короткопалую, с перстнями, ладонь. Он подал ей руку, и она стала рассматривать слова, врезавшиеся в кожу. И тут его полоснула новая боль, уже не в руке, а в шраме на лбу. Одновременно возникло очень странное ощущение где-то под ложечкой.

Он выдернул руку и вскочил, глядя на Амбридж во все глаза. Она смотрела на него, растягивая в улыбке широкий и дряблый рот.

— Больно, не так ли? — мягко сказала она.

Он не ответил. Сердце стучало очень сильно и быстро. Что она имеет в виду — израненную руку или то, что он почувствовал сейчас во лбу?

— Что ж, я полагаю, вы получили необходимое внушение, мистер Поттер. Можете идти.

Он схватил сумку и, как мог, быстро вышел из

кабинета.

«Спокойно, — говорил он себе, взбегая по лестнице. — Спокойно, это вовсе не обязательно значит то, что ты думаешь…»

— *Мимбулус мимблетония!* — выдохнул он перед портретом Полной Дамы, и тот в очередной раз распахнулся перед ним.

В гостиной его встретил радостный вопль. Рон, сияя и обливаясь сливочным пивом, бросился к нему бегом с кубком в руке.

— Гарри, я сумел, я в команде, я вратарь!

— Что? Ух ты, классно! — сказал Гарри, пытаясь изобразить улыбку; сердце между тем по-прежнему колотилось, рука кровоточила, и в ней мучительно пульсировало.

— Вот, хлебни сливочного пива. — Рон сунул ему бутылку. — Я все никак поверить не могу… А куда Гермиона делась?

— Здесь она, здесь, — успокоил его Фред, тоже попивавший сливочное пиво, и показал на кресло у камина. Сидевшая в нем Гермиона задремала, кубок у нее в руке опасно наклонился.

— Когда узнала, сказала, что рада, — сообщил Рон уже не таким торжествующим тоном.

— Пусть поспит, — торопливо сказал Джордж, и чуть погодя Гарри заметил у нескольких со-

бравшихся вокруг первокурсников явные следы недавнего кровотечения из носа.

— Рон, иди сюда! Посмотрим, годится ли тебе старая игровая мантия Оливера, — позвала его Кэти Белл. — Можно будет убрать его фамилию и поставить твою…

Когда Рон отошел, к Гарри решительными шагами приблизилась Анджелина.

— Прости, Поттер, я немного погорячилась, — коротко сказала она. — Нервное это дело — руководить командой. Я начинаю думать, что не всегда была справедлива к Вуду.

Слегка нахмурившись, она смотрела на Рона поверх края поднятого кубка.

— Я знаю, что он твой лучший друг, но должна сказать, что я от него не в восторге, — сообщила она без обиняков. — Хотя, надеюсь, потренируется — и дело пойдет. Ведь у него в семье были хорошие игроки. Если честно, я взяла его только потому, что рассчитываю на большее, чем он показал сегодня. И Викки Фробишер, и Джеффри Хупер летали лучше, но Хупер самый настоящий нытик, он вечно на что-то жалуется, а Викки состоит во всех обществах, какие есть. Она мне прямо сказала, что если тренировка совпадет с собранием Клуба ворожбы, то она выберет клуб.

Как бы то ни было, первая тренировка у нас завтра в два, так что изволь на этот раз быть. И очень тебя прошу, помогай Рону как только можешь, хорошо?

Гарри кивнул, и Анджелина вернулась к Алисии Спиннет. Гарри сел рядом с Гермионой. Когда он положил на пол сумку, она вздрогнула и проснулась.

— А, это ты, Гарри… Здорово, что Рона взяли, правда? — сказала она вяло. — А я что-то очень… очень устала, — зевнула она. — Вчера до часу ночи вязала шапки. Они исчезают с дикой скоростью!

Оглядев гостиную, Гарри увидел, что шерстяные шапки рассованы по всем мыслимым местам, где неосмотрительные эльфы могли случайно их взять.

— Замечательно, — без энтузиазма сказал он, чувствуя, что лопнет, если не сообщит кому-нибудь немедленно. — Слушай, Гермиона, я был сейчас в кабинете у Амбридж, и когда она дотронулась до моей руки…

Гермиона слушала очень внимательно. Когда Гарри кончил, она медленно проговорила:

— Ты боишься, что Сам-Знаешь-Кто контролирует ее, как Квиррелла?

— Согласись, — сказал Гарри тихо, — что такое возможно.

— Да, возможно, — отозвалась Гермиона, хоть и не слишком уверенным тоном. — Но я не думаю, что он владеет Амбридж, как владел Квирреллом, ведь он вполне живой сейчас, у него есть собственное тело, и ему не нужно вселяться в кого-то другого. Я скорей могу допустить, что он держит ее под заклятием Империус…

Некоторое время Гарри смотрел, как Фред, Джордж и Ли Джордан жонглируют пустыми бутылками из-под сливочного пива. Потом Гермиона сказала:

— Но ведь шрам у тебя может теперь заболеть, даже когда никто тебя не трогает, и помнишь, как это объяснил Дамблдор? Причина в том, что чувствует в этот момент Сам-Знаешь-Кто. Я хочу сказать, что, может быть, это и не связано с Амбридж, может быть, это просто случайное совпадение.

— Она сволочь, — отрезал Гарри. — Гнусная сволочь.

— Да, она ужасная, но… Гарри, ты должен сказать Дамблдору, что у тебя болел шрам.

Уже второй раз за два дня ему советовали пойти к Дамблдору, но его ответ Гермионе был таким

же, как Рону.

— Не буду докучать ему такими вещами. Ты сама сейчас сказала, что это не очень важно. Летом меня часто беспокоил шрам, сегодня чуть сильней, только и всего…

— Гарри, я уверена, Дамблдору *надо,* чтобы ему докучали такими вещами…

— Да, — вырвалось у Гарри прежде, чем он мог бы остановить себя, — это одно во мне его интересует. Мой шрам.

— Зря ты так говоришь, это неправда!

— Напишу-ка я об этом Сириусу, посмотрим, что он ответит…

— Гарри, в письмах про такое нельзя! — встревоженно воскликнула Гермиона. — Неужели ты забыл? Грюм велел нам быть насчет этого очень аккуратными! Никто теперь не может гарантировать, что сов не перехватывают!

— Ладно, значит, не буду ему писать! — раздраженно пообещал Гарри и встал. — Пойду лягу спать. Поздравь Рона от моего имени, хорошо?

— Ну уж нет, — сказала Гермиона с облегчением. — Ты идешь спать, значит, и я тоже могу, и совесть моя будет перед ним чиста. Я совершенно вымотана, а завтра мне делать новые шапки. Слушай, может, и ты подключишься? Это очень

увлекательно, у меня получается все лучше и лучше, я могу вывязывать узоры, помпончики и все, что угодно.

Гарри посмотрел на ее светящееся от радости лицо и постарался сделать вид, что предложение его в какой-то мере соблазняет.

— Э… нет, я, наверно, не смогу, — сказал он. — Завтра уж точно не получится. Столько уроков…

И он устало потащился к лестнице, ведущей к спальням мальчиков. Гермиона поглядела ему вслед с легким разочарованием.

Глава 14

ПЕРСИ И БРОДЯГА

На другое утро Гарри проснулся первым в спальне. Он немного полежал, глядя, как плавает пыль в солнечном луче, проникшем через щель в пологе, и радуясь тому, что сегодня суббота. Первая неделя занятий казалась бесконечно долгой, как один сплошной урок истории магии.

Судя по сонной тишине и свежести солнечного луча, солнце взошло совсем недавно. Он раздвинул полог кровати, встал и начал одеваться. Кроме птичьего щебета вдали да мерного, глубокого дыхания соседей-гриффиндорцев, ничего не было слышно. Он тихо открыл свою сумку, вытащил пергамент и перо и пошел в общую гостиную.

Направившись прямо к своему любимому мягкому креслу возле камина, давно погасшего, Гарри сел поудобнее, развернул пергамент и огляделся. Обычного мусора, накапливающегося здесь к концу дня — скомканных клочков пергамента, старых плюй-камней, конфетных оберток и пустых пузырьков из-под ингредиентов, —

сегодня не было. Не было и шапок, связанных Гермионой для эльфов. Лениво подумав о том, сколько эльфов уже отпущено на свободу, хотели они ее ил и нет, Гарри откупорил чернила, обмакнул перо и, занеся его над гладким желтоватым пергаментом, глубоко задумался. Он сидел, глядя в пустой камин, и решительно не знал, что ему написать.

Теперь он понял, насколько трудно было Рону и Гермионе писать ему летом письма. Как рассказать Сириусу обо всем, что случилось за неделю, и задать вопросы, не дававшие покоя, но так, чтобы не поняли те, кто может перехватить письмо?

Он долго сидел, уставясь в камин, но наконец пришел к решению и, снова окунув перо, начал писать:

Дорогой Нюхалз!

Надеюсь, что ты здоров; первая неделя здесь была ужасной, и я рад, что она кончились.

У нас новый преподаватель защиты от Темных искусств, профессор Амбридж. Она почти такая же милая, как твоя мамочка. А пишу тебе потому, что то, про что писал тебе прошлым летом, опять

случилось вчера вечером, когда я отбывал наказание у Амбридж.

Скучаем по нашему самому большому другу, надеемся, что он скоро вернется.

Пожалуйста, ответь поскорее.

Всего хорошего.

Гарри

Он несколько раз перечитал письмо, пытаясь увидеть его глазами постороннего. Кажется, из него нельзя понять, о чем здесь говорится и кому оно адресовано. Он надеялся, что Сириус поймет намек о Хагриде и сообщит, когда Хагрид может вернуться. Открыто спрашивать он не хотел — это могло привлечь внимание к тому, чем занят Хагрид, пока отсутствует в школе.

Письмо, хотя и очень короткое, писалось долго: за это время солнце обогнуло чуть не половину гостиной, а в спальнях наверху уже слышалось движение. Аккуратно запечатав пергамент, он выбрался через портретную дверь и пошел к совятнику.

— На твоем месте я бы этой дорогой не шел, — сказал Почти Безголовый Ник, смущенно выплывший перед ним из стены в коридоре. — Пивз задумал подшутить над первым, кто пройдет

мимо бюста Парацельса по коридору.

— Шутка в том, что Парацельс упадет ему на голову? — осведомился Гарри.

— Как ни смешно, да, — скучным голосом ответил Ник. — Остроумием Пивз никогда не отличался. Попробую найти Кровавого Барона. Может, он его урезонит… Пока, Гарри.

— Пока, — отозвался Гарри и свернул не направо, а налево, выбрав более длинную, но более безопасную дорогу к совятнику.

Настроение у него улучшалось: в одном окне за другим он видел яркое голубое небо; сегодня тренировка, и наконец-то он попадет на поле для квиддича.

что-то задело его лодыжку. Он посмотрел под ноги и увидел, что мимо шмыгнула тощая серая кошка смотрителя Миссис Норрис. Она глянула на него желтыми, как лампы, глазами и скрылась за статуей Уилфреда Унылого.

— Ничего такого не делаю, — крикнул ей вслед Гарри. У нее явно был вид кошки, намеревающейся донести на него хозяину, хотя с какой стати, Гарри не понимал — он имел полное право пойти субботним утром в совятник.

Солнце уже стояло высоко, и, когда Гарри вошел в совятник, окна без стекол ослепили его:

широкие серебристые снопы солнечного света насквозь пронизывали круглое помещение, где сидели на балках сотни сов, несколько обеспокоенных ярким светом, — некоторые, похоже, только что вернулись с охоты. Отыскивая глазами Буклю, Гарри шел, задрав голову, и устланный соломой пол похрустывал под ногами, когда он наступал на косточки маленьких животных.

— Вот ты где, — сказал он, увидев ее почти на самом верху сводчатого потолка. — Давай сюда. Тут у меня письмо.

Тихо ухнув, она расправила большие белые крылья и спустилась к нему на плечо.

— Ну да, тут написано: «Нюхалзу», — сказал он, вкладывая ей в клюв письмо, и, сам не зная зачем, шепотом добавил: — Но оно для Сириуса, ясно?

Букля мигнула желтыми глазами, и это означало, что она поняла.

— Тогда счастливого полета.

Гарри поднес ее к одному из окон, и, оттолкнувшись от его руки, Букля взмыла в ослепительно яркое небо. Он смотрел ей вслед, пока она не превратилась в черную точку и не исчезла, а потом перевел взгляд на хижину Хагрида — домик был хорошо виден из этого окна и явно необитаем: занавески задернуты, дым из трубы не идет.

Верхушки деревьев в Запретном лесу раскачивал ветерок Гарри смотрел на них, радуясь свежему воздуху, обвевавшему лицо, думая, что скоро квиддич… И вдруг увидел: из чащи, словно громадная нелепая птица, поднялась большая крылатая лошадь-рептилия, с раскинутыми перепончатыми, как у птеродактиля, крыльями — в точности такая, как те, что были впряжены в хогвартские кареты. Она описала в воздухе большой круг и снова опустилась в чащу. Все это произошло так быстро, что Гарри не мог поверить своим глазам; однако сердце у него бешено забилось.

Позади открылась дверь. Он вздрогнул от неожиданности и, обернувшись, увидел Чжоу Чанг с письмом и свертком в руке.

— Привет, — машинально произнес он.

— Ой… привет, — испуганно отозвалась она. — Я думала, тут никого не будет в такую рань… Только что вспомнила: сегодня мамин день рождения.

Она показала сверток.

— Ага, — пробормотал Гарри. У него словно что-то заклинило в голове. Он хотел сказать что-нибудь забавное, но мысли были заняты ужасной крылатой лошадью. — Хорошая погода. — Он

показал на окно. Внутри у него все съежилось от растерянности. Погода. О погоде заговорил…

— Да. — Чжоу поискала взглядом подходящую сову. — В самый раз для квиддича. Я всю неделю не выходила. А ты?

— Тоже, — сказал Гарри.

Чжоу остановила выбор на одной из школьных сипух. Подманила ее к себе на руку, и птица услужливо выставила лапу, чтобы к ней прикрепили посылку.

— А что, у Гриффиндора есть уже новый вратарь?

— Да. Мой друг Рон Уизли, знаешь его?

— Это который ненавидит «Торнадос»? — холодно осведомилась Чжоу. — А играть-то может?

— Да, — сказал Гарри. — Думаю, да. Хотя в игре его не видел. Отбывал наказание.

Чжоу перестала привязывать посылку к совиной лапе и подняла голову.

— Эта Амбридж подлая, — сказала она, понизив голос, — наказала тебя за то, что ты сказал правду про… про его смерть. Все об этом слышали, вся школа знает. Ты храбро поступил, что не поддался ей.

Гарри сразу ощутил такую легкость, что, казалось, вот-вот поднимется в воздух с заляпанного

пометом пола. Какое ему дело до этих дурацких летающих лошадей? Чжоу считает, что он вел себя храбро. Он даже подумал, не показать ли ей — как бы случайно — порезанную руку, пока помогает привязывать посылку… но в ту секунду, когда возникла эта соблазнительная мысль, дверь совятника снова распахнулась.

Пыхтя, вошел смотритель Филч. Его обвислые, с прожилками щеки были в красных пятнах, подбородок дрожал, жидкие седые волосы взъерошены — он явно бежал сюда. Миссис Норрис семенила следом, поглядывая на сов и алчно мяукая. Наверху беспокойно зашуршали крылья, и большая бурая сова угрожающе щелкнула клювом.

— Ага, — сказал Филч, решительно шагнув к Гарри и гневно тряся дряблыми щеками. — Мне сообщили, что ты намерен послать большой заказ на навозные бомбы!

Гарри скрестил руки на груди и хмуро уставился на смотрителя.

— Кто вам сказал, что я заказываю навозные бомбы?

Чжоу, тоже нахмурясь, переводила взгляд с Гарри на Филча, и сипуха, устав стоять на одной ноге, укоризненно ухнула. Чжоу пропустила ее напоминание мимо ушей.

— У меня свои источники, — самодовольно прошипел Филч. — А ну-ка, дай сюда свое письмо.

Радуясь, что не замешкался с отправкой письма, Гарри сказал:

— Не могу, уже отправлено.

— Отправлено? — Лицо Филча исказилось от ярости.

— Отправлено, — невозмутимо подтвердил Гарри.

Филч захлопал ртом и стал обшаривать глазами мантию Гарри.

— А почем я знаю, что оно у тебя не в кармане?

— А потому…

— Я видела, как он отправил, — сердито вмешалась Чжоу.

Филч повернулся к ней:

— Видела?..

— Да, видела, — уже свирепо сказала она.

Наступила пауза; Филч раздраженно смотрел на Чжоу, она отвечала ему таким же взглядом. Наконец он повернулся и зашаркал к двери. Взявшись за ручку, обернулся к Гарри:

— Если только учую навозную бомбу…

Он затопал вниз по лестнице. Миссис Норрис бросила последний жадный взгляд на сов и поспешила за ним.

Гарри и Чжоу переглянулись.

— Спасибо, — сказал Гарри.

— Не за что. — Чжоу, покраснев, привязала наконец сверточек к лапе сипухи. — Ты ведь не заказывал бомб, правда?

— Конечно, — сказал Гарри.

— С чего же он взял, что ты заказывал? — спросила она, неся птицу к окну.

Гарри пожал плечами. Он был озадачен не меньше ее, но сейчас его это почему-то мало волновало.

Из совятника они вышли вместе. У входа в коридор, который вел в левое крыло замка, Чжоу сказала:

— Мне сюда… Ну… до встречи, Гарри.

— До встречи.

Она улыбнулась ему и ушла. Окрыленный, Гарри двинулся дальше. На протяжении всего разговора с ней он ни разу не смутился. «Ты храбро поступил, что не поддался ей…» Чжоу назвала его храбрым… она не проклинает его за то, что он остался жив.

Конечно, она предпочла Седрика, это ясно. Хотя, если бы он пригласил ее на бал раньше Седрика, все могло бы обернуться иначе… Кажется, ей действительно было жаль, что приходится ответить

отказом на приглашение Гарри.

— Доброе утро, — весело сказал он Рону и Гермионе, усаживаясь за стол Гриффиндора в Большом зале.

— Чего это ты такой довольный? — удивился Рон.

— Ну… квиддич скоро, — радостно сказал Гарри, придвигая к себе большое блюдо яичницы с беконом.

— А-а… да. — Рон положил свой тост и глотнул тыквенного сока. — Слушай, ты не против пойти со мной чуть раньше? Немного погонять меня перед тренировкой? Чтобы я слегка пообвык.

— Давай, конечно, — сказал Гарри.

— Слушайте, по-моему, не стоит, — вмешалась Гермиона. — У вас обоих масса несделанных уроков, а вы…

Но она не закончила фразу: прибыла утренняя почта, и к Гермионе, как всегда, спускался «Ежедневный пророк» в клюве ушастой совы, которая приземлилась в опасной близости к сахарнице и протянула лапу. Гермиона сунула ей в кожаный мешочек кнат и, когда птица взлетела, критическим взглядом пробежала по первой странице.

— Что-нибудь интересное? — спросил Рон.

Гарри улыбнулся: понятно было, что Рон хо-

чет отвлечь ее от неприятной темы домашних заданий.

— Нет, — вздохнула она. — Сплетня о бас-гитаристке «Ведуний» — выходит замуж.

Гермиона развернула газету и скрылась за ней целиком. Гарри занялся второй порцией яичницы. Рон с несколько озабоченным видом смотрел на высокие окна.

— Постойте, — вдруг сказала Гермиона. — Ох, что же это… Сириус!

— Что такое? — сказал Гарри и схватился за газету так порывисто, что она разорвалась надвое, и у него и Гермионы оказалось в руках по половине.

— «Министерство магии получило сведения из надежного источника, что осужденный за массовое убийство Сириус Блэк… ля-ля-ля… в настоящее время скрывается в Лондоне!» — Гермиона прочла это упавшим голосом.

— Люциус Малфой. Спорю на что угодно, — тихо и с яростью проговорил Гарри. — Он узнал Сириуса на платформе…

— Как? — встревожился Рон. — Ты хочешь сказать…

— Тс-с, — остановили его оба.

— «…Министерство предупреждает волшеб-

ное сообщество, что Блэк крайне опасен… убил тринадцать человек… совершил побег из Азкабана…» Обычный вздор, — заключила Гермиона, положив свою половину газеты и с испугом глядя на Гарри и Рона. — Значит, опять не сможет выходить из дома, вот и всё, — прошептала она. — Дамблдор предупреждал его, что нельзя.

Гарри хмуро посмотрел на свою половину разорванного «Пророка». Большая часть страницы была посвящена рекламе «мантий на все случаи жизни» от мадам Малкин, видимо, устроившей распродажу.

— Эй, — сказал он, шлепнув газету на стол, чтобы видно было Гермионе и Рону, — посмотрите сюда!

— Мне своих мантий хватает, — сказал Рон.

— Да нет. Вот на эту маленькую заметку.

Рон и Гермиона нагнулись к газете. Заметка была в несколько строк и помещена в самом низу колонки.

НАРУШИТЕЛЬ В МИНИСТЕРСТВЕ

Стерджис Подмор, тридцати восьми лет, проживающий в Клэпеме, Лабурнум-Гарденс, 2, предстал перед Визенгамотом по обвинению во вторжении и попытке

ограбления, имевшим место в Министерстве магии 31 августа. Подмор был задержан в час ночи дежурным колдуном Министерства Эриком Манчем, который застиг его за попыткой проникнуть в совершенно секретное помещение. Подмор, отказавшийся от защитительной речи, признан виновным по обоим пунктам и приговорен к шести месяцам заключения в Азкабане.

— Стерджис Подмор? — медленно проговорил Рон. — Это у которого голова как будто покрыта соломой? Он тоже из Орд…

— Тсс! — испуганно озираясь, оборвала его Гермиона.

— Шесть месяцев в Азкабане! — прошептал потрясенный Гарри. — Только за то, что хотел войти в какую-то дверь!

— Не будь наивным, не в двери дело. С чего это он оказался в Министерстве магии в час ночи? — прошептала Гермиона.

— Думаешь, он что-то делал по заданию Ордена? — шепотом спросил Рон.

— Подождите, — вмешался Гарри. — Ведь Стерджис должен был нас провожать, помните?

Оба уставились на него.

— Ну да, он тоже должен был охранять нас по дороге на вокзал, помните? И Грюм досадовал, что он не явился, — значит, он не мог пойти туда по их заданию, так?

— Ну, может, они не думали, что он попадется, — сказала Гермиона.

— Его могли подставить! — воскликнул Рон. — Нет… слушайте! — Под угрожающим взглядом Гермионы он заговорщицки понизил голос. — Министерство подозревает, что он человек Дамблдора, и… не знаю… никуда он не хотел проникнуть — его заманили в Министерство. Просто придумали, как его схватить!

Наступило молчание. Гарри и Гермиона задумались. Гарри казалось, что версия эта притянута за уши. Гермиона же отнеслась к ней всерьез.

— Знаете, нисколько не удивлюсь, если это в самом деле так.

Она задумчиво сложила свою половину газеты. Гарри положил вилку и нож, и тут она будто опомнилась.

— Так, по-моему, надо заняться этой статьей для Стебль — о самоудобряющихся кустарниках, и, если быстро справимся, успеем до обеда поработать над заклинанием Инаниматус Коньюрус

для МакГонагалл.

При мысли о куче домашних заданий, дожидающихся его наверху, Гарри ощутил легкий укол совести, но небо было ясное, восхитительно голубое, а он уже неделю не садился на свою «Молнию»…

— Можно ведь и вечером, — сказал Рон, когда они с метлами на плечах спускались по лужайке к полю для квиддича, и грозные предостережения Гермионы о том, что они завалят все свои СОВ, еще звучали у них в ушах. — И еще завтра целый день. Она чересчур заводится из-за работы — вот в чем ее беда… — Он помолчал, а потом с легким беспокойством добавил: — По-твоему, она всерьез сказала, что не даст списывать?

— По-моему, да, — ответил Гарри. — Но и потренироваться надо, если не хотим, чтобы нас выгнали из команды.

— Правильно, — повеселев, сказал Рон. — Времени у нас на все хватит.

Подходя к полю для квиддича, Гарри посмотрел направо, туда, где колыхались темные вершины Запретного леса. Никто не взлетел оттуда, небо было пустынно, если не считать нескольких сов вдалеке, круживших около башни совятника. Забот у него и так хватало, от летающей лоша-

ди никакого вреда ему нет; он перестал о ней думать.

В раздевалке они достали из шкафа мячи и принялись за дело — Рон охранял три высоких шеста, а Гарри играл за охотника и пытался забросить квоффл в кольца. У Рона, на взгляд Гарри, получалось неплохо — он отразил три четверти бросков и с каждым разом действовал все увереннее. Часа через два они вернулись в замок на обед, в ходе которого Гермиона ясно дала им понять, что считает их безответственными. После обеда пошли на общую тренировку. Вся команда, кроме Анджелины, была уже в раздевалке.

— Порядок, Рон? — спросил его Джордж и подмигнул.

— Ага, — сказал Рон, хотя по дороге к полю он заметно присмирел.

— Покажешь нам, где раки зимуют? — сказал с ехидной улыбкой Фред, высунув всклокоченную голову из ворота спортивного костюма.

— Заткнись, — с каменным лицом огрызнулся Рон, впервые надевавший форму. Костюм был Оливера Вуда и пришелся ему почти впору, хотя Оливер был шире в плечах.

Анджелина, уже переодетая, появилась из капитанской комнаты и сказала:

— Внимание! Начинаем. Алисия и Фред, будьте добры, ящик с мячами. Да, тут будут наблюдать за нами кое-какие зрители — прошу не обращать на них внимания.

Произнесла она это безразличным тоном, но Гарри почему-то подумал, что ей известно, кто эти зрители. И в самом деле: когда они вышли из раздевалки на яркое солнце, их встретило улюлюканье и глумливые выкрики слизеринской команды и десятка болельщиков, сбившихся в кучку на пустой трибуне. Голоса их гулким эхом разносились по стадиону.

— Что это там оседлал Уизли? — насмешливо пропел Малфой. — Какими заклинаниями научили летать это гнилое старое полено?

Крэбб, Гойл и Пэнси Паркинсон загоготали. Рон оседлал метлу и взлетел, Гарри следом; сзади было видно, как покраснели у Рона уши.

— Не обращай внимания, — сказал он, нагнав друга, — посмотрим, кто будет смеяться после матча.

— Вот правильное отношение, Гарри, — одобрила Анджелина, взмыв над ними с квоффлом под мышкой, и зависла перед своей командой. — Так, начинаем с перепасовки для разогрева, участвуют все…

— Эй, Джонсон, что за прическа? — завопила снизу Пэнси Паркинсон. — Кто это придумал, чтобы волосы выглядели как черви?

Анджелина откинула со лба заплетенные в косички волосы и спокойно скомандовала:

— Расходимся и посмотрим, на что мы годны.

Гарри отлетел назад к кромке поля, Рон — к шестам на другой стороне. Анджелина подняла квоффл одной рукой и с силой метнула Фреду, тот отпасовал Джорджу, Джордж — Гарри, Гарри — Рону, и Рон его выронил.

Слизеринцы, возглавляемые Малфоем, оглушительно заржали. Рон устремился вниз, чтобы поймать мяч до того, как он упадет на землю, вышел из пике неудачно, завалившись набок, весь покраснел, но все же снова поднялся на рабочую высоту. Гарри увидел, как переглянулись Джордж и Фред, однако, вопреки обыкновению, промолчали, за что он их мысленно поблагодарил.

— Бросай, Рон, — крикнула как ни в чем не бывало Анджелина.

Рон бросил квоффл Алисии, Алисия отпасовала Гарри. Гарри — Джорджу…

— Эй, Поттер, шрам не беспокоит? — крикнул Малфой. — Прилечь не хочешь? Пора уж — целую неделю как не был в больничном крыле. Личный

рекорд небось?

Джордж бросил квоффл Анджелине, она вернула его Гарри, который не ожидал этого, но все же поймал мяч кончиками пальцев и сразу отправил Рону. Рон ринулся за мячом — и промахнулся.

— Давай повнимательнее, — сердито крикнула Анджелина вслед Рону, устремившемуся к земле за квоффлом.

Когда Рон вернулся на рабочую высоту, трудно было сказать, что краснее — его лицо или квоффл. Малфой и остальные слизеринцы задыхались от смеха.

С третьей попытки Рон поймал квоффл и, наверное, от радости так запустил им в Кэти, что мяч пролетел у нее между рук и ударил прямо в лицо.

— Извини! — простонал он и бросился к ней посмотреть, силен ли ушиб.

— Вернись на место, она цела! — рявкнула Анджелина. — Но когда пасуешь своему, постарайся не сбить его с метлы! Для этого есть бладжеры!

У Кэти шла кровь из носа. Слизеринцы на трибуне топали ногами и улюлюкали. Фред и Джордж подлетели к Кэти.

— На-ка, — сказал Фред, вынув из кармана что-то маленькое малинового цвета, — остановит

мигом.

— Ладно, — крикнула Анджелина. — Фред и Джордж, берите биты и бладжер. Рон — к шестам. Гарри, когда скажу, выпускай снитч. Начинаем забрасывать Рону.

Гарри помчался за близнецами.

— У Рона все через пень-колоду, — буркнул Джордж, когда они приземлились возле ящика с мячами.

— Просто волнуется, — сказал Гарри. — Утром мы упражнялись вдвоем, и он играл нормально.

— Будем надеяться, он не прошел пик формы, — угрюмо сказал Фред.

Они поднялись в воздух. Анджелина дала свисток, Гарри освободил снитч, а Фред с Джорджем отпустили бладжер. С этой минуты Гарри почти не замечал, что делают остальные. Его задача — поймать трепетный золотой мячик, приносящий команде сто пятьдесят очков, а это требовало исключительной быстроты и сноровки. Он ускорялся, с креном закладывал виражи, подлетал к охотникам и удалялся; теплый осенний воздух бил в лицо, в ушах звенели далекие бессмысленные крики слизеринцев… но недолго — его остановил свисток.

— Стоп… стоп… СТОП! — крикнула Анджели-

на. — Рон, ты не прикрываешь средний шест!

Гарри оглянулся на Рона: тот парил перед левым кольцом, оставив без присмотра остальные два.

— Ой, извини.

— Ты все время смещаешься, следя за охотниками! — сказала Анджелина. — Или стой в центре, пока не надо прикрыть боковое кольцо, или циркулируй между ними, а не дрейфуй в сторону — из-за этого ты пропустил три последних гола!

— Извини, — повторил Рон, и лицо его горело на фоне голубого неба, как красный бакен.

— А ты, Кэти, не можешь как-нибудь остановить кровь?

— Она только хуже идет, — хрипло сказала Кэти, — утираясь рукавом.

Гарри оглянулся на Фреда: тот встревоженно шарил в карманах. Потом вытащил что-то малиновое, осмотрел и с нескрываемым ужасом обернулся к Кэти.

— Ну, попробуем еще раз, — сказала Анджелина. Она не обращала внимания на слизеринцев, затянувших нараспев: «Гриффиндор — сапожники, Гриффиндор — сапожники», но посадка ее на метле стала несколько скованной.

На этот раз свисток Анджелины остановил их

через каких-нибудь три минуты. Гарри как раз заметил снитч у противоположных шестов и был раздосадован остановкой.

— Ну что опять? — раздраженно спросил он Алисию, ближайшую к нему.

— Кэти, — кратко ответила она.

Гарри повернулся и увидел, что Анджелина, Фред и Джордж мчатся к Кэти. Вместе с Алисией он устремился туда же. Ясно было, что Анджелина вовремя остановила игру: Кэти, белая как мел, обливалась кровью.

— Ее надо в больницу, — сказала Анджелина.

— Мы ее доставим, — сказал Фред. — Она… это… по ошибке проглотила Кровяной Волдырняк.

— Продолжать без загонщиков и одного охотника нет смысла, — мрачно сказала Анджелина, когда Фред и Джордж, поддерживая Кэти с двух сторон, полетели к замку. — Всё, переодеваемся.

Слизеринцы проводили их до раздевалки глумливыми выкриками.

Получасом позже Гарри и Рон вошли через портретную дверь в общую гостиную Гриффиндора.

— Как прошла тренировка? — холодно спросила Гермиона.

— Тренировка? — начал Гарри.

— Совсем паршиво, — глухим голосом закончил Рон, опустившись рядом с ней в кресло.

Гермиона посмотрела на него и немного оттаяла.

— Первый блин комом, — утешила она Рона. — Надо втянуться…

— Кто сказал, что из-за меня паршиво? — огрызнулся Рон.

— Никто, — растерянно сказала она. — Я думала…

— Ты думала, я ни на что не годен?

— Да нет же! Ты сказал: «паршиво» — ну я и…

— Я намерен заняться уроками, — сердито объявил Рон и затопал к лестнице в спальню.

— Он паршиво играл?

— Нет, — ответил Гарри, как и положено другу.

Гермиона подняла брови:

— Ну, наверное, он мог и лучше сыграть, но ты правильно сказала: все-таки первая тренировка…

В тот вечер и Рон, и Гарри не сильно продвинулись с уроками. Гарри понимал, что Рон огорчен своей плохой игрой, да и у самого него до сих пор гремело в ушах: «Гриффиндор — сапожники!»

Все воскресенье они просидели в гостиной, зарывшись в книги, между тем как комната то

наполнялась народом, то пустела. День опять был погожий, и большинство однокашников-гриффиндорцев проводили его на воздухе, последний раз в году наслаждаясь ярким солнцем. К вечеру Гарри почувствовал себя так, как будто его мозгом колотили изнутри по черепной коробке.

— Знаешь, наверное, надо поплотнее засесть за уроки на неделе, — сказал он Рону, когда они наконец отложили длинную работу о заклинании Инаниматус Коньюрус для МакГонагалл и уныло взялись за такое же длинное сочинение о спутниках Юпитера для профессора Синистры.

— Да, — согласился Рон, бросив пятый испорченный обрывок пергамента в камин, и потер покрасневшие глаза. — Может, попросим Гермиону показать, что она сделала?

Гарри посмотрел в ее сторону: она сидела с Живоглотом на коленях, весело болтала с Джинни, и в руках у нее мелькали спицы — вязался очередной бесформенный носок для домового эльфа.

— Нет, — твердо сказал он, — ты же знаешь, она не покажет.

И они продолжали работать, пока не потемнело за окнами. Гостиная потихоньку пустела. В половине двенадцатого к ним, зевая, подошла Гермиона.

— Заканчиваете?

— Нет, — лаконично ответил Рон.

— Самый большой спутник Юпитера — Ганимед, а не Каллисто, — она показала пальцем на строчку в сочинении Рона, — а вулканы — на Ио.

— Благодарю, — буркнул Рон, зачеркивая ошибку.

— Извини, я просто…

— Ну да, приходишь только критиковать…

— Рон…

— Некогда мне слушать нотации, ясно? У меня тут работы по горло.

— Ой, посмотри!

Гермиона показала на ближнее окно. Снаружи на подоконнике стояла красивая сипуха и смотрела на Рона.

— Не Гермес ли это? — изумилась Гермиона.

— Ух ты, он! — тихо сказал Рон и вскочил, бросив перо. — С чего это Перси мне пишет?

Он открыл окно, Гермес влетел в гостиную, опустился на сочинение Рона и протянул лапу с привязанным письмом. Рон снял письмо, и птица тотчас улетела, оставив чернильные следы на рисунке Ио.

Рон прочел надпись на свитке: «Рональду Уизли, Гриффиндор-Хаус, Хогвартс» — и сел в

кресло.

— Почерк Перси. — Он поднял глаза на Гарри и Гермиону. — Ну, что?

— Открывай! — нетерпеливо сказала Гермиона, и Гарри кивнул.

Рон развернул свиток и начал читать. Чем дальше скользили его глаза по свитку, тем сильнее он хмурился. И когда закончил, на лице его было написано отвращение. Он бросил письмо Гарри и Гермионе, и они, наклонившись друг к другу, прочли его вместе.

Дорогой Рон!

Я только что услышал (не от кого иного, как от самого министра магии, который узнал это от твоей новой преподавательницы, профессора Амбридж), что ты стал старостой Хогвартса.

Я был приятно удивлен этой новостью и раньше всего хочу тебя поздравить. Должен признаться, я всегда опасался, что ты пойдешь, если можно так выразиться, «дорожкой Фреда и Джорджа», а не по моим стопам, поэтому можешь вообразить, с каким чувством я воспринял известие о том, что ты перестал пренебре-

гать требованиями руководства и взял на себя реальную ответственность.

Но хочу не только поздравить тебя, Рон, я хочу дать тебе некоторые советы — почему и посылаю это письмо ночью, а не, как обычно, утренней почтой. Надеюсь, ты прочтешь его вдали от любопытных глаз и избежишь неудобных вопросов.

Из того, что говорил мне министр, сообщая о твоем назначении, я заключил, что ты по-прежнему часто общаешься с Гарри Поттером. Должен сказать тебе, Рон: ничто не угрожает тебе потерей значка больше, чем продолжающееся братание с этим учеником. Не сомневаюсь, мои слова тебя удивят, и ты, безусловно, возразишь, что Поттер всегда был любимцем Дамблдора, — но должен сказать тебе, что Дамблдор, вероятно, недолго будет оставаться во главе Хогвартса, и влиятельные люди совсем иначе — и, наверное, правильнее — оценивают поведение Поттера. Распространяться не буду, но если ты просмотришь завтрашний «Ежедневный пророк», то получишь хорошее представление о том, куда дует

ветер… и, быть может, наткнешься на имя твоего покорного слуги!

Серьезно, Рон, нельзя, чтобы считали, будто вы с Поттером одного поля ягода. Это может очень повредить тебе в будущем — я имею в виду и карьеру после школы. Как тебе должно быть известно, поскольку в суд его провожал наш отец, этим летом у Поттера было дисциплинарное слушание перед Визенгамотом в полном составе, и прошло оно для него не лучшим образом. Его оправдали чисто формально, если хочешь знать мое мнение, и многие, с кем я говорил, по-прежнему убеждены в его виновности.

Возможно, ты боишься порвать отношения с Поттером — я знаю, что он бывает неуравновешен и даже буен, но, если ты обеспокоен этим или заметил еще что-то тревожащее в его поведении, настоятельно рекомендую тебе обратиться к Долорес Амбридж. Эта замечательная женщина, я знаю, будет только рада помочь тебе советом.

Перехожу ко второй части. Как я уже заметил выше, режиму Дамблдора в Хо-

гвартсе, возможно, скоро придет конец. Ты должен быть предан не ему, а школе и Министерству. Я с огорчением услышал, что в своих попытках произвести в Хогвартсе необходимые изменения, которых горячо желает Министерство, профессор Амбридж встречает очень мало поддержки со стороны персонала (впрочем, с будущей недели ей станет легче — смотри опять-таки завтрашний номер «Ежедневного пророка»!). Скажу еще: ученик, выказавший готовность помочь профессору Амбридж сегодня, года через два получит очень хорошие шансы стать старостой школы!

Жалею, что редко виделся с тобой этим летом. Мне больно критиковать родителей, но боюсь, что не смогу жить под их кровом, пока они связаны с опасной публикой из окружения Дамблдора. (Если надумаешь писать матери, можешь сообщить ей, что некий Стерджис Подмор, близкий друг Дамблдора, недавно заключен в Азкабан за незаконное проникновение в Министерство. Может быть, это откроет ей глаза на подлинную

сущность мелких преступников, с которыми они теперь якшаются.) Считаю большой удачей для себя, что избежал позорного общения с такими людьми — министр проявил ко мне величайшую снисходительность, — и надеюсь, Рон, что семейные узы не помешают и тебе понять всю ошибочность взглядов и поступков наших родителей. Я искренне надеюсь, что со временем они сами осознают, насколько они заблуждались, и, если настанет такой день, с готовностью приму их извинения.

Пожалуйста, обдумай хорошенько все, что я здесь написал, в особенности о Гарри Поттере, и еще раз поздравляю тебя с назначением старостой.

Твой брат
Перси.

Гарри повернулся к Рону.

— Ну что ж, — сказал он так, словно воспринял все это как шутку, — если хочешь… Что там у него? — Он заглянул в письмо. — Ага, порвать со мной отношения, клянусь, я не буду буянить.

— Дай. — Рон протянул руку. — Он… (Рон

разорвал письмо пополам)… самый большой (разрывая на четыре части)… гад (разорвав на восемь)… на свете.

Он бросил обрывки в камин.

— Давай, до утра надо с этим закончить. — Он подтянул к себе сочинение по астрономии.

Гермиона смотрела на него со странным выражением.

— Дай-ка сюда, — вдруг сказала она.

— Что? — удивился Рон.

— Дай мне. Я их посмотрю и исправлю.

— Серьезно? Гермиона, ты наша спасительница, — сказал Рон. — Что я могу для тебя?..

— Ты можешь сказать: «Мы обещаем, что больше не будем волынить с домашними заданиями до ночи». — Она протянула обе руки за их сочинениями, но вид у нее был веселый.

— Спасибо большое, — слабым голосом сказал Гарри. Он отдал ей сочинение, снова опустился в кресло и потер глаза.

Было уже за полночь, гостиная опустела, остались только они трое и Живоглот. Скрипело перо Гермионы, исправлявшей их сочинения, шуршали страницы справочников, по которым она проверяла факты. Гарри очень устал. А в животе было странное, противное ощущение пустоты,

вызванное отнюдь не усталостью, а письмом, в виде черных хлопьев догоравшим в камине.

Он знал, что половина народа в Хогвартсе считает его странным, если не сумасшедшим; он знал, что «Ежедневный пророк» из месяца в месяц поливал его грязью, но, прочтя то же самое в письме Перси, прочтя, что Рону советуют порвать с ним и даже доносить на него профессору Амбридж, он осознал свое положение с небывалой ясностью. Он четыре года учился с Перси, жил у него в доме во время летних каникул, делил с ним палатку на чемпионате мира по квиддичу, Перси даже поставил ему высший балл за второе испытание на Турнире Трех Волшебников — а теперь Перси считает его психически неуравновешенным и, возможно, буйным.

Волна сочувствия к крестному захлестнула его: среди его знакомых Сириус, наверное, единственный, кто мог бы действительно понять его чувства — он сам в таком же положении. В волшебном мире чуть ли не все считают Сириуса страшным убийцей, приспешником Волан-де-Морта, и с этим ему пришлось жить четырнадцать лет…

Гарри заморгал. Ему привиделось в огне что-то, чего там не могло быть. Мелькнуло и исчезло. Нет… невозможно… померещилось, потому что

думал о Сириусе…

— Перепиши это, — сказала Гермиона Рону, толкнув к нему сочинение и исписанный ею самой листок. — И добавь заключение, которое я написала.

— Гермиона, честно, ты самый прекрасный человек на свете, — пролепетал Рон, — и если я когда-нибудь опять буду с тобой груб…

— Я пойму, что ты снова стал самим собой, — докончила Гермиона. — Гарри, у тебя все нормально, кроме этого вот, в конце. Ты, наверное, не расслышал профессора Синистру. Европа была покрыта льдами, а не львами… Что с тобой?

Гарри сполз с кресла и, стоя коленями на вытертом, в подпалинах каминном коврике, глядел в огонь.

— Эй, Гарри, — неуверенно окликнул его Рон, — ты почему там?

— Потому что увидел в огне голову Сириуса.

Гарри ответил совершенно спокойно. В конце концов, он видел здесь же голову Сириуса в прошлом году и говорил с ней; и все же он не был уверен, что действительно увидел ее сейчас, — она исчезла мгновенно.

— Голову Сириуса? — повторила Гермиона. — Как в тот раз, когда он захотел поговорить с тобой

на Турнире Трех Волшебников? Но не сейчас же — это было бы слишком... — И, глядя в огонь, вскрикнула: — Сириус?

Рон выронил перо. Посреди пляшущего пламени была голова Сириуса, и длинные черные волосы спадали на его улыбающееся лицо.

— Я уж подумал, вы уйдете спать раньше, чем остальные разойдутся, — сказал он. — Каждый час заглядывал.

— Каждый час залезал в камин? — со смехом спросил Гарри.

— На несколько секунд — проверить, чисто ли на горизонте.

— А если бы тебя увидели? — испуганно спросила Гермиона.

— Кажется, одна девочка, первокурсница, как будто видела мельком. Но не волнуйся, — сказал Сириус, заметив, что Гермиона поднесла ладонь ко рту, — я тут же скрылся. Наверняка приняла меня за странное полено или что-нибудь вроде.

— Но это же громадный риск... — начала Гермиона.

— Ты говоришь прямо как Молли, — сказал Сириус. — Это был единственный способ ответить на письмо Гарри, не прибегая к шифру. А шифры расшифровываются.

При упоминании о письме Гермиона и Рон разом повернулись к Гарри.

— Сам написал, а нам — ни слова, — с упреком сказала Гермиона.

— Забыл, — ответил Гарри, и это было правдой. Встреча с Чжоу в совятнике вытеснила все из головы. — Не смотри на меня так. Никаких секретов из письма нельзя было извлечь, верно, Сириус?

— Да, очень хорошо составлено, — улыбнулся тот. — Однако поторопимся, а то, чего доброго, помешают… Твой шрам…

— А что?.. — начал Рон, но Гермиона его перебила:

— Потом объясним. Дальше, Сириус.

— Понимаю, когда шрам болит, удовольствия мало. Но, по-моему, беспокоиться пока не из-за чего. Ведь он весь прошлый год болел?

— Да, и Дамблдор сказал, что это происходит, когда Волан-де-Морта обуревают сильные чувства, — сказал Гарри, как всегда не обращая внимания на то, что Рон и Гермиона вздрогнули. — Так что не знаю, может, он был зол или еще что-нибудь в тот вечер, когда я отбывал наказание.

— Да, теперь он вернулся, и болеть будет чаще, — сказал Сириус.

— Так, по-твоему, это не из-за того, что Амбридж дотронулась до меня, когда я отбывал у нее наказание?

— Вряд ли, — сказал Сириус. — Я знаю ее репутацию и уверен, что она не из Пожирателей смерти.

— По подлости своей вполне может быть, — мрачно заметил Гарри, а Рон и Гермиона энергично закивали.

— Да, но человечество не делится на хороших людей и Пожирателей смерти, — с невеселой улыбкой возразил Сириус. — Хотя знаю, существо она преотвратное… Послушали бы, что о ней говорит Римус.

— А Люпин ее знает? — быстро спросил Гарри, вспомнив ее замечание об опасных полукровках на первом занятии.

— Нет, — сказал Сириус, — но два года назад она составила законопроект против оборотней, и теперь он не может получить работу.

Гарри вспомнил, что Люпин теперь совсем обносился, и Амбридж стала ему еще противнее.

— Чем же ей не угодили оборотни? — сердито спросила Гермиона.

— Боится их, я думаю. — Сириуса забавляло ее негодование. — Должно быть, не переносит

полулюдей: в прошлом году агитировала за то, чтобы отловить водяной народ и навесить всем бирки. Представляешь, тратить на это время и энергию, когда такая рвань, как Кикимер, гуляет без ярлыка.

Рон рассмеялся, а Гермиона огорчилась.

— Сириус, — сказала она с укоризной, — если бы ты немного поработал с Кикимером, он наверняка переменился бы. Как-никак ты последний член его семьи, и профессор Дамблдор сказал…

— Ну, а что на уроках у Амбридж? — перебил Сириус. — Обучает вас убивать полукровок?

— Нет, — сказал Гарри, не обращая внимания на обиженную Гермиону, которой не дали защитить Кикимера. — Она вообще не позволяет нам прибегать к магии!

— Читаем дурацкие учебники, и больше ничего, — сказал Рон.

— Все понятно, — сказал Сириус. — По нашим сведениям из Министерства, Фадж не хочет, чтобы вас обучали борьбе.

— Обучали борьбе? — изумился Гарри. — Он думает, мы что, собираем тут какую-то армию магов?

— Именно так он и думает, — подтвердил Сириус. — А вернее, боится, что этим занят Дамблдор

— формирует свою личную армию, чтобы захватить Министерство магии.

Молчание. Потом заговорил Рон:

— В жизни не слышал ничего глупее, включая рассуждения Полумны Лавгуд.

— Значит, нам не дают изучать защиту от Темных искусств потому, что Фадж боится, как бы мы не использовали заклинаний против Министерства магии? — возмутилась Гермиона.

— Точно, — подтвердил Сириус. — Фадж решил, что Дамблдор готов на все ради захвата власти. С каждым днем он все больше превращается в параноика. Того и гляди, Дамблдора арестуют по какому-нибудь сфабрикованному обвинению.

Тут Гарри вспомнил о письме Перси.

— Не знаешь, в завтрашнем «Ежедневном пророке» будет что-нибудь о Дамблдоре? Брат Рона Перси пишет, что да.

— Не знаю, — сказал Сириус. — В выходные никого из Ордена не видел — заняты. Мы тут одни с Кикимером.

В голосе Сириуса прозвучала обида.

— Так и о Хагриде ничего не слышно?

— А… ему полагалось бы уже вернуться, — сказал Сириус, — никто не знает, что с ним. — И, увидев их огорченные лица, добавил: — Но Дам-

блдор не беспокоится, и вы не дергайтесь. Уверен, Хагрид жив-здоров.

— Но если он должен был уже вернуться… — слабым голосом сказала Гермиона.

— С ним была мадам Максим, мы связались с ней, и она говорит, что они распрощались по дороге домой. Но нет никаких оснований думать, что он пострадал или с ним что-то не так.

Ребят это не убедило, они встревоженно переглянулись.

— И не задавайте слишком много вопросов о Хагриде, — поспешил добавить Сириус, — так вы только привлечете внимание к его отсутствию, а Дамблдор этого не хочет. Хагрид сильный, он не пропадет. — Видя, что их это не успокоило, он спросил: — Когда вас опять отпустят в Хогсмид? Думаю, эта маскировка под собаку на станции нам удалась, а? Я решил…

— НЕТ! — в один голос воскликнули Гермиона и Гарри, а Гермиона спросила:

— Сириус, ты видел «Ежедневный пророк»?

— А, это, — ухмыльнулся он, — они все время гадают, где я, и все невпопад.

— Да, но на этот раз, может быть, угадали, — возразил Гарри. — Малфой в поезде как-то странно выразился и, похоже, догадался, что это ты. И его

отец был на станции — знаешь, Люциус Малфой. Так что ты тут лучше не появляйся. Если Малфой опять тебя узнает…

— Ладно, ладно, понял, — сказал Сириус. — Я просто думал, вам захочется повидаться…

— Да, только не хочется, чтобы тебя опять упрятали в Азкабан! — сказал Гарри.

Сириус молча смотрел из огня на Гарри, между бровей у него залегла глубокая складка.

— Ты меньше похож на отца, чем я думал, — сказал он наконец с холодком в голосе. — Отец радовался бы риску.

— Слушай…

— Мне, пожалуй, пора. Слышу, Кикимер спускается по лестнице, — сказал Сириус, но Гарри ему не поверил. — Значит, когда снова соберусь к вам в камин, сообщить тебе время? Если для тебя это не слишком рискованно.

Легкий хлопок, и там, где была голова, осталось только пляшущее пламя.

Глава 15

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНСПЕКТОР ХОГВАРТСА

Они собирались проштудировать «Ежедневный пророк» Гермионы от первой до последней полосы в поисках статьи, о которой упомянул в письме Перси. Но не успела почтовая сова снять-ся с молочного кувшина, как Гермиона, громко охнув, расстелила на столе газету с большой фотографией Долорес Амбридж, которая широко улыбалась и моргала им из-под заголовка.

МИНИСТЕРСТВО ПРОВОДИТ РЕФОРМУ ОБРАЗОВАНИЯ

ДОЛОРЕС АМБРИДЖ НАЗНАЧЕНА НА НОВУЮ ДОЛЖНОСТЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ИНСПЕКТОРА

— Амбридж — генеральный инспектор? — хмуро произнес Гарри, выронив недоеденный тост. — Что это значит?

Гермиона прочла вслух:

— «Вчера вечером Министерство магии приняло неожиданную меру, издав декрет, предоставляющий ему беспрецедентный контроль над

Школой чародейства и волшебства «Хогвартс».

— Последнее время министр с растущим беспокойством следил за деятельностью Хогвартса, — сообщил нам младший помощник министра Перси Уизли. — Нынешнее решение принято в связи с озабоченностью родителей, считающих, что школа движется в нежелательном направлении.

За последнее время это не первый случай, когда министр Корнелиус Фадж использует новые законы для совершенствования образовательного процесса в Школе волшебства. Не далее как 30 августа был принят Декрет об образовании № 22, согласно которому в случае, если нынешний директор не в состоянии подыскать кандидата на преподавательскую должность, Министерство само подберет подходящего человека.

— Именно так и получила назначение в Хогвартс профессор Амбридж, — заявил вчера вечером Уизли. — Дамблдор никого не нашел, и в результате министр назначил Амбридж. Выбор чрезвычайно удачный…»

— КАКОЙ выбор? — громко сказал Гарри.

— Подожди, это еще не все, — угрюмо отозвалась Гермиона. — «…удачный. Коренным образом изменилось обучение защите от Темных ис-

кусств, а кроме того, министр обеспечен теперь текущей информацией о том, что на самом деле происходит в Хогвартсе.

Этой последней функции Министерство придало официальный характер своим Декретом об образовании № 23, учреждающим должность генерального инспектора Хогвартса.

— Это очередной решительный шаг министра в его стремлении остановить то, что многие считают упадком Хогвартса, — заявил Уизли. — Инспектор уполномочен инспектировать работу коллег-преподавателей, с тем чтобы поддерживался высокий уровень учебного процесса. Этот пост был предложен профессору Амбридж в дополнение к ее преподавательским обязанностям, и мы рады, что она согласилась.

Родители учеников Хогвартса восприняли этот шаг с энтузиазмом.

— Узнав, что деятельность Дамблдора поставлена под объективный контроль, я испытал большое облегчение, — заявил вчера вечером в своем уилтширском особняке мистер Люциус Малфой. — В последние годы многие из нас, кому небезразличны судьбы наших детей, были обеспокоены отдельными эксцентрическими решениями Дамблдора, и мы рады услышать, что

Министерство намерено отслеживать ситуацию в школе.

К числу этих эксцентрических решений, безусловно, относятся спорные кадровые назначения, о которых уже писала газета; так, были зачислены в штат оборотень Римус Люпин, полувеликан Рубеус Хагрид и страдающий паранойей бывший мракоборец «Грозный Глаз» Грюм.

Широко ходят слухи, что Альбус Дамблдор, в прошлом Верховный чародей Визенгамота и президент Международной конфедерации магов, уже не в состоянии выполнять обязанности руководителя престижной школы «Хогвартс».

— Считаю, что назначение генерального инспектора — первый шаг к тому, чтобы Хогвартс получил директора, которому мы можем полностью доверять, — заявил вчера вечером осведомленный сотрудник Министерства.

В знак протеста против учреждения должности инспектора старейшины Визенгамота Гризельда Марчбэнкс и Тиберий Огден подали в отставку.

— Хогвартс — школа, а не филиал учреждения Корнелиуса Фаджа, — сказала мадам Марчбэнкс. — Это очередная возмутительная попытка дискредитировать Альбуса Дамблдора.

(Подробно о предполагаемых связях мадам

Марчбэнкс с подрывными организациями гоблинов — на стр. 17)». — Гермиона кончила читать и посмотрела на друзей.

— Теперь понятно, как нам досталась Амбридж. Фадж провел этот декрет и навязал ее! И еще дал ей право инспектировать других преподавателей! — Гермиона часто дышала, и у нее блестели глаза. — Невероятно! Безобразие!

— Согласен, — сказал Гарри. Он посмотрел на свой правый кулак и увидел белые очертания слов, которые заставила его врезать в руку Амбридж.

А Рон между тем ухмылялся.

— Ты что? — хором спросили его двое.

— Жду не дождусь, когда она станет инспектировать МакГонагалл. Амбридж даже не поймет, что на нее рухнуло.

— Ладно, пошли. — Гермиона вскочила. — Может, она уже инспектирует урок Бинса, нам нельзя опаздывать…

Но профессор Амбридж не инспектировала урок истории магии, такой же скучный, как в прошлый понедельник. Не было ее и в подземелье Снегга на сдвоенном уроке зельеварения, где работа Гарри о лунном камне была возвращена ему с жирным «О» в верхнем углу.

— Я проставил вам такие оценки, какие вы получили бы за свои работы на СОВ, — с самодовольной усмешкой объявил Снегг, раздавая работы. — Дабы у вас было реальное представление о том, чего вам ожидать на экзамене.

Он круто повернулся и стал лицом к классу.

— В целом, уровень работ кошмарный. На экзамене большинство из вас провалились бы. Надеюсь, что вы проявите гораздо больше усердия в работе над следующим заданием: о видах противоядий против животных ядов. Иначе болваны, удостоенные неудовлетворительной оценки, будут вдобавок оставлены после уроков.

Малфой заржал и театральным шепотом произнес:

— Ха, кое-кто схлопотал нолик.

Гарри увидел, что Гермиона скосила глаза и силится разглядеть его отметку, поэтому быстро засунул сочинение в сумку: о своем достижении он предпочел умолчать.

Твердо решив, что не даст Снеггу повода унизить его на этом уроке, он трижды перечел каждую строчку указаний на доске, прежде чем приняться за дело. Его Укрепляющий раствор получился не таким прозрачно-бирюзовым, как у Гермионы, но, по крайней мере, голубым, а не

розовым, как у Невилла. В конце урока он понес колбу к столу Снегга с чувством облегчения, окрашенным некоторой воинственностью.

— Ну, на этот раз вышло не так плохо, как на прошлой неделе? — сказала Гермиона, когда они поднялись по лестнице в вестибюль и пошли обедать. — И с домашним заданием благополучно?

Ни Рон, ни Гарри не ответили, но Гермиона не отставала:

— Я и не ожидала высшей оценки, раз он ставил их, как на СОВ, но проходные на этой стадии тоже неплохо, правда?

Гарри неопределенно хмыкнул.

— Конечно, до экзаменов многое может измениться, времени еще достаточно, мы подтянемся, но сегодняшние оценки можно рассматривать как исходный рубеж, правда? И двигаться дальше…

Они сели за стол Гриффиндора.

— Если бы мне поставили «П», я была бы в восторге.

— Гермиона! — взорвался Рон. — Если хочешь узнать, сколько мы получили, так и скажи.

— Да нет… почему? Если не хотите говорить…

— Я получил «С», — сказал Рон, наливая половником суп в тарелку. — Довольна?

— Стыдиться нечего, — вмешался Фред. Он только что подошел к столу вместе с Джорджем и Ли Джорданом и сел справа от Гарри. — Ничего плохого в честной крепкой «С».

— Но разве «С» — не «слабо»? — удивилась Гермиона.

— Да, «слабо», — подтвердил Ли Джордан. — Но все-таки лучше, чем «О» — «отвратительно».

Гарри почувствовал, что у него вспыхнуло лицо, и притворно закашлялся. Закончив это маленькое представление, с огорчением обнаружил, что Гермиона так и не слезла с темы оценок СОВ.

— Значит, высшая «П» — «превосходно», — говорила она, — затем идет «У»...

— Нет, «В», — поправил Джордж, — «выше ожидаемого». И я всегда считал, что нам с Фредом должны ставить «В» по каждому предмету — мы превзошли все ожидания хотя бы потому, что явились на экзамен.

Все засмеялись, кроме Гермионы, а она тянула свое:

— Значит, после «В» идет «У» — «удовлетворительно», и это последняя проходная оценка, да?

— Да, — сказал Фред и, окунув булочку в суп, сунул в рот и проглотил целиком.

— Затем «С» — «слабо»... — Рон воздел руки, изображая ликование, — и «О» — «отвратительно».

— И еще «Т», — напомнил ему Джордж.

— «Т»? — с ужасом переспросила Гермиона. — Что еще за «Т»?

— «Тролль», — живо откликнулся Джордж.

Гарри снова засмеялся, хотя не понял, шутка это или нет. Он вообразил, как пытается скрыть от Гермионы свои «Т» на всех экзаменах, и тут же решил, что отныне будет заниматься прилежнее.

— У вас, ребята, уже был урок с инспекцией? — спросил Фред.

— Нет, — сказала Гермиона. — А у вас?

— Только что, перед обедом, — сказал Джордж. — Заклинания.

— Ну и как? — одновременно спросили Гарри и Гермиона.

Фред пожал плечами:

— Ничего особенного. Амбридж сидела в углу и что-то записывала в блокноте. Вы же знаете Флитвика — обращался с ней как с гостьей, как будто она ему совсем не мешала. А она говорила мало. Задала Алисии пару вопросов насчет того, как обычно проходят занятия, Алисия сказала: «Очень хорошо». На том и кончилось.

— Не думаю, что у Флитвика будут неприятности, — сказал Джордж. — У него все хорошо сдают экзамен.

— А у вас что после обеда? — спросил у Гарри Фред.

— Трелони…

— Вот уж «Т» так «Т»!

— …и сама Амбридж.

— Будь паинькой там и сдерживайся, — сказал Джордж. — Если пропустишь еще одну тренировку, Анджелина сойдет с ума.

Но Гарри не пришлось дожидаться защиты от Темных искусств, чтобы повидаться с Амбридж. Когда он вытаскивал свой дневник сновидений в сумрачном классе прорицаний, Рон толкнул его локтем, и он, оглянувшись, увидел, что из люка в полу поднимается генеральный инспектор собственной персоной. Класс, весело гомонивший до этого, разом умолк. Внезапная тишина заставила оглянуться и профессора Трелони, которая раздавала в это время экземпляры «Оракула снов».

— Добрый день, профессор Трелони, — с широкой улыбкой сказала Амбридж. — Полагаю, вы получили мою записку с датой и временем инспекции?

Трелони кивнула с недовольным видом, повер-

нулась спиной к гостье и продолжала разносить учебники. По-прежнему улыбаясь, Амбридж взялась за спинку ближайшего кресла, подтащила его вперед и поставила прямо позади кресла Трелони. Уселась, вынула большой блокнот из цветастой сумки и подняла голову, ожидая начала.

Профессор Трелони стянула на груди шаль слегка дрожащими руками и сквозь толстые увеличивающие очки оглядела класс.

— Сегодня мы продолжим изучение вещих снов, — сказала она, стараясь говорить, как всегда, таинственно, хотя голос у нее немного дрожал. — Разбейтесь, пожалуйста, на пары и с помощью «Оракула» попробуйте истолковать последнее ночное видение партнера.

Она хотела было сесть в свое кресло, но, увидев позади него Амбридж, свернула влево, к Парвати и Лаванде, которые уже обсуждали последний сон Парвати.

Исподтишка наблюдая за Амбридж, Гарри раскрыл свой «Оракул снов». Она уже писала в блокноте. Через несколько минут она поднялась и стала ходить по пятам за Трелони, прислушиваясь к ее разговорам с учениками и время от времени задавая вопросы. Гарри поспешно скло-

нился над книгой.

— Быстро придумывай сон, — сказал он Рону. — Старая жаба вот-вот подойдет.

— Я в прошлый раз придумывал, — запротестовал Рон. — Твоя очередь.

— Ой, не знаю… — с отчаянием шепнул Гарри. Он не мог вспомнить ни одного сна за последние ночи. — Скажем, мне приснилось, что я утопил Снегга в моем котле. Сойдет…

Рон фыркнул и раскрыл «Оракул».

— Так, надо назвать твой возраст, дату сновидения и число букв в теме… Какая у нас? «Утопил», «котел» или «Снегг»?

— Неважно. Бери любую, — оглянувшись с опаской, сказал Гарри.

Трелони расспрашивала Невилла о его дневнике сновидений, Амбридж стояла у нее за плечом и делала пометки в блокноте.

— Так в какую ночь тебе это снилось? — спросил Рон, занятый вычислениями.

— Не знаю… в прошлую… да в какую хочешь. — Гарри прислушивался к тому, что говорит Амбридж. Сейчас их с Роном отделял от профессоров всего один стол.

Амбридж записала еще что-то в блокноте, а Трелони выглядела совсем расстроенной.

— Так, — сказала Амбридж. — Как долго занимаете вы эту должность?

Профессор Трелони нахмурилась, скрестила руки на груди, свела плечи, словно хотела как можно лучше закрыться от позорного допроса. Она помолчала, но, видимо решив, что вопрос не слишком унизителен и можно на него ответить, с большим недовольством сказала:

— Почти шестнадцать лет.

— Изрядный срок, — сказала профессор Амбридж и сделала пометку в блокноте. — И на работу вас взял профессор Дамблдор?

— Да, — последовал лаконичный ответ.

Профессор Амбридж записала.

— И вы праправнучка знаменитой ясновидящей Кассандры Трелони?

— Да, — подтвердила Трелони, слегка выпрямившись.

Очередная пометка в блокноте.

— Но, по-моему, — поправьте меня, если ошибаюсь, — после Кассандры вы в семье первая, кто наделен ясновидением?

— Это… м-м… часто передается лишь через три поколения.

Жабья улыбка на лице Амбридж сделалась еще шире.

— Разумеется, — произнесла она сладким тоном и сделала еще пометку. — Так, может быть, вы и мне что-нибудь предскажете? — И по-прежнему с улыбкой испытующе уставилась на Трелони.

Та оцепенела, словно не веря своим ушам.

— Не понимаю вас. — Она судорожно стянула шаль на тощей шее.

— Я прошу вас сделать мне предсказание, — раздельно проговорила Амбридж.

Теперь не только Рон и Гарри украдкой поглядывали на них из-за книг. Почти весь класс замер, глядя на Трелони, которая выпрямилась во весь рост, так что зазвенели бусы и браслеты.

— Внутреннее Око не зрит по приказу, — оскорбленно сообщила она.

— Понятно, — проворковала профессор Амбридж и записала что-то в блокноте.

— Я… но… но… подождите! — Профессор Трелони пыталась говорить, как всегда, потусторонним голосом, но эффект таинственности был несколько подпорчен тем, что голос дрожал от гнева. — Кажется, я что-то вижу… что-то, вас касающееся… да, я чувствую что-то… что-то темное… большую угрозу…

Профессор Трелони наставила дрожащий палец на профессора Амбридж, а та, подняв брови,

продолжала любезно улыбаться.

— Боюсь… боюсь, вам грозит большая опасность! — драматически возвестила профессор Трелони.

Пауза. Профессор Амбридж, по-прежнему подняв брови, смотрела на профессора Трелони.

— Ну что ж, — мягко произнесла она после очередной заметки в блокноте. — Если это все, что вы можете сообщить…

Она отошла, а профессор Трелони, с вздымающейся грудью, будто приросла к полу. Гарри перехватил взгляд Рона и понял, что они думают об одном и том же: оба знали, что профессор Трелони — старая мошенница, но Амбридж вызывала такое отвращение, что они были всецело на стороне Трелони — вернее, те несколько секунд, пока она не нависла над ними.

— Ну? — с непривычной резкостью сказала она и щелкнула длинными пальцами перед носом Гарри. — Дайте-ка посмотреть, как вы начали дневник сновидений.

И к тому времени, когда она закончила толковать в полный голос сны Гарри (все до единого, даже те, где он ел овсянку, сулили горькую безвременную кончину), от его сочувствия к ней не осталось и следа. Все это время профессор

Амбридж стояла в двух шагах, писала в блокноте, а после звонка первой спустилась по серебряной лестнице.

Через десять минут, когда они пришли на защиту от Темных искусств, Амбридж уже ждала их в классе. Она напевала под нос и чему-то своему улыбалась. Достав учебники «Теория защитной магии», Гарри и Рон рассказали Гермионе (она пришла с урока нумерологии) о том, что было на уроке у Трелони. Гермиона собралась что-то спросить, но тут профессор Амбридж призвала класс к порядку, и воцарилась тишина.

— Волшебные палочки убрать, — с улыбкой распорядилась она, и оптимисты, вынувшие свои палочки, с сожалением спрятали их обратно в сумки. — На прошлом уроке мы закончили главу первую. Прошу раскрыть книги на странице девятнадцать — приступаем к главе второй: «Общие теории защиты и их происхождение». От разговоров можно воздержаться.

Все с той же широкой самодовольной улыбкой она села за стол. Ученики с громким вздохом разом раскрыли книги. Гарри лениво подумал, хватит ли глав в книге на все уроки до конца года, и хотел уже открыть страницу с оглавлением, но тут заметил, что Гермиона опять подняла руку.

Профессор Амбридж тоже это заметила, но, похоже, у нее была выработана тактика именно на такой случай. Она не притворилась, будто не видит поднятой руки, а, наоборот, встала, прошла вдоль переднего ряда и, остановившись перед Гермионой, наклонилась к ней и шепотом, чтобы не слышали остальные, спросила:

— Что на этот раз, мисс Грэйнджер?

— Я уже прочла вторую главу.

— Тогда переходите к главе третьей.

— Ее я тоже прочла. Я прочла всю книгу.

Профессор Амбридж моргнула, но быстро овладела собой.

— В таком случае вы можете сказать мне, что говорит Слинкхард в главе пятнадцатой о контрзаклятиях.

— Он говорит, что это неправильное наименование. Он говорит, «контрзаклятием» люди называют свои заклятия для того, чтобы это звучало более приемлемо.

Профессор Амбридж подняла брови, и Гарри понял, что это произвело на нее впечатление.

— Но я не согласна, — продолжала Гермиона.

Брови у Амбридж поползли еще выше, и взгляд стал еще более холодным.

— Не согласны?

— Да. — Гермиона, в отличие от Амбридж, не шептала, а говорила звонким голосом, так что теперь их слушал весь класс. — Мистер Слинкхард не любит заклятий, правда? Но, думаю, они могут быть очень полезны, если ими пользоваться для защиты.

— Вы так думаете? — Профессор Амбридж перестала говорить шепотом и выпрямилась. — Боюсь, что в этом классе нас интересует мнение мистера Слинкхарда, а не ваше, мисс Грэйнджер.

— Но… — хотела возразить Гермиона.

— Довольно. — Амбридж отошла и повернулась лицом к классу. От веселости ее не осталось и следа. — Мисс Грэйнджер, я снимаю с Гриффиндора пять очков.

По классу пробежал шумок.

— За что? — сердито спросил Гарри.

— Только не задирайся, — шепотом взмолилась Гермиона.

— За неоправданное нарушение хода занятий, — спокойно произнесла профессор Амбридж. — Я здесь для того, чтобы внедрить одобренную Министерством методику, не поощряющую учеников высказывать свое мнение о предметах, в которых они мало смыслят. Ваши прошлые преподаватели этой дисциплины, по-

видимому, давали вам больше воли, но ни один из них — за исключением, возможно, профессора Квиррелла, который хотя бы ограничивался темами, проверенными на протяжении веков, — не удовлетворил бы министерскую инспекцию.

— Да, Квиррелл был чудесный учитель, — громко сказал Гарри, — только с одним маленьким недостатком: у него Волан-де-Морт торчал из затылка.

Оглушительная тишина, какой никогда еще не слышал Гарри. Затем:

— Я думаю, еще одна неделя дополнительных занятий принесет вам пользу, мистер Поттер, — вкрадчиво проговорила Амбридж.

* * *

Порезы на руке Гарри, только-только зажившие, наутро снова кровоточили. Отбывая вечером наказание у Амбридж, он не жаловался — решил, что не доставит ей такого удовольствия. Снова и снова писал он: «Я не должен лгать», но ни звука не слетало с его губ, хотя порезы с каждой буквой углублялись.

Самым худшим во второй неделе наказания была, как и предсказывал Джордж, реакция Анджелины. Во вторник, когда он пришел на

завтрак, она набросилась на него с таким криком, что профессор МакГонагалл прибежала к ним от преподавательского стола.

— Мисс Джонсон, как вы смеете поднимать такой шум в Большом зале? Минус пять очков Гриффиндору!

— Профессор, ведь он опять оставлен после уроков.

МакГонагалл повернулась к нему:

— Что еще, Поттер? Наказаны? Кем?

— Профессором Амбридж, — промямлил Гарри, боясь взглянуть в глаза за прямоугольными очками.

— То есть как? — Она понизила голос, чтобы не услышали любопытные когтевранцы позади. — Несмотря на предупреждение в прошлый понедельник, вы опять не сдержались на уроке профессора Амбридж?

— Да, — потупясь, сказал Гарри.

— Поттер, вы должны держать себя в руках! Вы напрашиваетесь на серьезные неприятности! Снимаю еще пять очков с Гриффиндора!

— Но… почему?.. Профессор! — Гарри был взбешен этой несправедливостью. — Меня уже она наказала, почему еще вы отнимаете пять очков?

— Потому что наказания на вас, очевидно,

совсем не действуют, — едко ответила она. — Никаких возражений, Поттер! А что до вас, мисс Джонсон, впредь прошу упражнять голос на стадионе, если намерены остаться капитаном команды!

Профессор МакГонагалл зашагала обратно к преподавательскому столу. Анджелина наградила Гарри взглядом, полным отвращения, и удалилась, а он, кипя, сел на скамью рядом с Роном.

— Оштрафовала Гриффиндор за то, что мне каждый вечер взрезают руку! Это что, честно?

— Нет, — сочувственно сказал Рон и положил на тарелку Гарри ломоть бекона. — Да она не в себе.

Гермиона же только листала «Ежедневный пророк».

— По-твоему, МакГонагалл права? — сердито обратился Гарри к портрету Корнелиуса Фаджа, скрывавшему лицо Гермионы.

— Мне жаль, что она оштрафовала тебя, но, по-моему, она правильно предупредила, чтобы ты не сцеплялся с Амбридж, — раздался голос Гермионы позади Фаджа, который энергично жестикулировал на первой странице и явно произносил какую-то речь.

На заклинаниях Гарри не разговаривал с Гермионой, но, когда они пришли на трансфигурацию, вмиг забыл свою обиду. В углу с блокнотом сидела Амбридж, и при виде нее всякое воспоминание о завтраке выветрилось.

— Отлично, — шепнул Рон, когда они заняли свои места. — Тут уж Амбридж свое получит.

Профессор МакГонагалл вошла в класс твердым шагом и так, как будто не заметила присутствия Амбридж.

— Успокоимся, — сказала она, и все сразу утихли. — Мистер Финниган, будьте добры подойти и сдать домашнюю работу. Мисс Браун, пожалуйста, возьмите этот ящик с мышами… без глупостей, милая, они вас не съедят… и раздайте по одной каждому…

— Кхе, кхе…

Тем же дурацким покашливанием профессор Амбридж прервала в первый вечер Дамблдора. Профессор МакГонагалл предпочла ее не услышать. Симус передал Гарри его сочинение. Гарри взял его, не взглянув на Симуса, и с облегчением увидел, что ему поставили «У».

— Итак, прошу внимания. Дин Томас, если вы еще раз поступите так с мышью, я оставлю вас после уроков… Большинство из вас добилось ис-

чезновения улиток, и даже те, у кого сохранились заметные остатки раковины, уловили принцип превращения. Сегодня мы будем…

— Кхе, кхе…

— Да? — Профессор МакГонагалл обернулась; брови ее сошлись в прямую жесткую черту.

— Я хотела узнать, профессор, получили ли вы мою записку с датой и часом инспекции вашего…

— Очевидно, получила — в противном случае спросила бы вас, что вы делаете на моем уроке, — сказала профессор МакГонагалл и решительно повернулась спиной к профессору Амбридж. Ученики обменялись злорадными взглядами. — Повторяю: сегодня мы будем упражняться в гораздо более трудном исчезновении — мыши. Заклятие исчезновения…

— Кхе, кхе…

— Интересно, — МакГонагалл с холодной яростью повернулась к профессору Амбридж, — как вы собираетесь ознакомиться с моим методом преподавания, если намерены ежеминутно меня прерывать? Видите ли, я обычно не позволяю разговаривать в классе, когда говорю сама.

У профессора Амбридж сделался такой вид, как будто ей залепили пощечину. Она промолчала,

но раскрыла блокнот и принялась с остервенением писать.

Даже не взглянув в ее сторону, МакГонагалл снова обратилась к классу:

— Как я уже сказала, Заклятие исчезновения тем сложнее, чем сложнее строение животного, которое мы хотим подвергнуть исчезновению. Улитка, беспозвоночное, не представляет трудной задачи. Мышь — млекопитающее, и работать с ней гораздо труднее. Поэтому магическое действие такого рода нельзя осуществить, мечтая об ужине. Итак, заклинание мы знаем, а теперь посмотрим, что у нас получится…

— Как она может отчитывать меня за несдержанность с Амбридж! — шепнул Гарри Рону. Но он уже улыбался, злость на МакГонагалл прошла.

Профессор Амбридж не ходила за профессором МакГонагалл по классу, как за профессором Трелони, — наверное, поняла, что МакГонагалл этого не потерпит. Зато гораздо больше писала, сидя в углу, и, когда МакГонагалл отпустила класс, поднялась с мрачным видом.

— Вот для начала, — сказал Рон, подняв длинный извивающийся мышиный хвост, и бросил его в ящик, подставленный Лавандой.

Ученики потянулись из класса, а Гарри, увидев, что Амбридж подошла к учительскому столу, толкнул Рона, Рон — Гермиону, и все трое нарочно отстали, чтобы послушать.

— Как долго вы преподаете в Хогвартсе? — спросила профессор Амбридж.

— В декабре будет тридцать девять лет, — отрывисто сказала МакГонагалл, защелкнув сумку.

Амбридж записала.

— Очень хорошо, — сказала она, — результаты инспекции вы узнаете через десять дней.

— Жду с нетерпением, — холодно ответила МакГонагалл и направилась к двери. — Не задерживайтесь, молодые люди, — сказала она, подгоняя сзади Гарри, Гермиону и Рона.

Гарри, не выдержав, чуть улыбнулся ей и мог поклясться, что в ответ получил улыбку.

Он думал, что теперь увидит Амбридж только после уроков, но ошибся. Когда они спустились по лужайке к лесу на урок по уходу за магическими существами, их ждала уже не только профессор Граббли-Дерг, но и Амбридж со своим блокнотом.

— Не вы обычно ведете эти занятия? — услышал Гарри ее вопрос, когда они подошли к длинному столу, где несколько пленных лукотрусов, похо-

жих на ожившие прутики, скреблись в поисках мокриц.

— Совершенно верно, — ответила профессор Граббли-Дерг, сцепив руки за спиной и время от времени поднимаясь на цыпочки. — Я заменяю профессора Хагрида.

Гарри обеспокоенно переглянулся с Роном и Гермионой. Малфой шептался с Крэббом и Гойлом — он будет рад накапать на Хагрида посланнице Министерства.

— Хм-м… — Амбридж понизила голос, но Гарри все равно ее слышал, — интересно… директор не спешит объяснить мне причину… А вы не могли бы сказать, почему так затянулся отпуск профессора Хагрида?

Гарри увидел, что Малфой тоже навострил уши.

— Боюсь, не смогу, — живо отозвалась Граббли-Дерг. — Знаю об этом не больше вашего. Дамблдор прислал сову: не соглашусь ли я недели две поработать. Я согласилась. Вот и все, что я знаю. Так что… может быть, начнем?

— Да, будьте любезны, — сказала профессор Амбридж и сделала запись в блокноте.

Здесь она избрала другую тактику — стала ходить между учениками и задавать вопросы о

волшебных существах. По большей части отвечали они хорошо, и настроение у Гарри немного улучшилось — по крайней мере, Хагрида не подведут.

— В целом, — сказала Амбридж, вернувшись к профессору Граббли-Дерг после того, как долго допрашивала Дина Томаса, — как вы — временный член коллектива и, можно думать, объективный наблюдатель, — как вы находите Хогвартс? Ощущаете ли поддержку со стороны руководства?

— О да, Дамблдор великолепен, — горячо откликнулась Граббли-Дерг. — Мне очень нравится, как поставлено дело в школе. Очень!

Выразив лицом вежливое сомнение, Амбридж поставила закорючку в блокноте и продолжала:

— И что вы намерены пройти в этом году с классом, предполагая, конечно, что профессор Хагрид не вернется?

— А, мы займемся существами, которые чаще всего даются на СОВ. Осталось не так много — они уже изучили единорогов и нюхлеров. Я думаю, мы займемся глиноклоками и жмырами, научимся распознавать шишуг и нарлов. Словом…

— Что ж, *вы,* очевидно, знаток своего дела, — сказала Амбридж, ставя очень заметную галочку в блокноте.

Гарри не понравилось, что она с нажимом произнесла «вы», и еще меньше понравился вопрос, адресованный Гойлу:

— Я слышала, в классе были травмы.

Гойл глупо ухмыльнулся. С ответом выскочил Малфой:

— У меня. Меня полоснул гиппогриф.

— Гиппогриф? — повторила профессор Амбридж, деловито записывая.

— Из-за его же глупости: надо было слушаться Хагрида, — сердито вставил Гарри.

Рон и Гермиона застонали. Амбридж медленно повернулась к Гарри.

— Еще один вечер после уроков, — нежно сказала она. — Ну что ж, большое спасибо, профессор Граббли-Дерг, думаю, мне все ясно. Вам сообщат результаты инспекции в течение десяти дней.

— Прекрасно, — сказала Граббли-Дерг, и Амбридж отправилась по лужайке к замку.

* * *

Гарри вышел из кабинета Амбридж около полуночи; рука кровоточила так, что пропитался шарф, которым он ее обвязал. Он думал, что в гостиной уже никого не будет, но его ждали там Рон и Гермиона. Он обрадовался, тем более что

Гермиона была настроена не критически, а сочувственно.

— На, — взволнованно сказала она, подвинув к нему мисочку с желтой жидкостью. — Это процеженная настойка маринованных щупальцев растопырника, должна помочь.

Гарри опустил окровавленную руку в миску и ощутил чудесное облегчение: боль прошла. Живоглот с громким мурлыканьем вился вокруг его ног, потом вспрыгнул на колени и улегся.

— Спасибо, — с чувством сказал Гарри, почесывая левой рукой кота между ушей.

— Все-таки ты должен пожаловаться на это, — тихо сказал Рон.

— Нет, — отрезал Гарри.

— МакГонагалл взбесилась бы, если б узнала.

— Да, наверное, — согласился Гарри. — И сколько, ты думаешь, времени понадобится Амбридж, чтобы издать еще один декрет: кто пожалуется на генерального инспектора, будет немедленно исключен?

Рон открыл было рот, чтобы возразить, но не нашелся и немного погодя закрыл.

— Страшная женщина, — пискнула Гермиона. — Страшная. Я как раз говорила Рону перед твоим приходом — надо с этим что-то делать.

— Я предложил яд, — угрюмо сказал Рон.

— Нет… Объяснить, что она никудышный преподаватель, что мы не научимся у нее защите.

— Да что мы можем? — Рон зевнул. — Поздно. Она получила место, и ее не уберут. Фадж этого не допустит.

— Знаете… — нерешительно начала Гермиона, — я сегодня подумала… — она с опаской взглянула на Гарри, — я подумала, что, может быть, пора нам самим… самим этим заняться.

— Чем заняться? — подозрительно спросил Гарри, продолжая купать руку в настойке растопырника.

— Самим учиться защите от Темных искусств.

— Да брось ты, — заныл Рон. — Не хватало нам работы. Ты понимаешь, что мы с Гарри опять отстали с домашними заданиями, а ведь только вторая неделя идет.

— Но это поважнее домашних заданий! — сказала Гермиона.

Гарри и Рон вытаращились на нее.

— А я-то думал, важнее ничего на свете нет! — сказал Рон.

— Глупости. Конечно, есть, — сказала Гермиона, и Гарри увидел с испугом, что лицо ее вспыхнуло такой же страстью, с какой она говорила

об освобождении эльфов. — Гарри правильно сказал на первом уроке у Амбридж: мы должны подготовиться к тому, что нас ждет за стенами школы. Мы должны уметь защитить себя. Если мы ничему не научимся за год…

— Много ли мы можем сами? — устало возразил Рон. — Ну ладно, пойдем в библиотеку, посмотрим заклятия, попробуем упражняться, и что?..

— Нет, я согласна, мы уже прошли ту стадию, когда можно учиться только по книгам, — сказала Гермиона. — Нам нужен учитель, настоящий, чтобы показал нам, как пользоваться заклинаниями, и поправил, если будем ошибаться.

— Если вы о Люпине… — начал Гарри.

— Нет, нет, не о Люпине, — сказала Гермиона. — Он занят в Ордене, да и часто встречаться с ним мы не сможем — только в Хогсмиде по выходным.

— Тогда кто же? — нахмурясь, сказал Гарри.

Гермиона глубоко вздохнула:

— Разве не ясно? Ты, Гарри.

Наступило молчание. Ночной ветерок шевельнул окна за спиной Рона, пламя в камине качнулось.

— Что — я?

— Ты будешь учить нас защите от Темных ис-

кусств.

Гарри уставился на нее. Потом повернулся к Рону, ожидая встретить такой же раздраженный взгляд, какими они порой обменивались, когда Гермиона начинала рассуждать о громадных проектах вроде защиты прав эльфов. Но, к своему ужасу, в глазах Рона он не прочел досады.

Рон нахмурился и напряженно думал. Потом сказал:

— Это мысль.

— Какая мысль? — спросил Гарри.

— Чтобы ты нас учил.

— Но…

Гарри заулыбался — он решил, что над ним подшутили.

— Я же не учитель. Я не могу…

— Гарри, в этом году ты лучший по защите от Темных искусств, — сказала Гермиона.

— Я? — Улыбка на его лице стала еще шире. — Ты же обошла меня на всех испытаниях…

— На самом деле нет, — спокойно возразила Гермиона. — На третьем курсе ты был лучшим — это были первые настоящие испытания, и первый учитель, который знал предмет. Но я не об уроках говорю! Вспомни, что ты *сделал!*

— Что я сделал?

— Я не уверен, что хочу такого тупого учителя, — с ехидной улыбкой сказал Рон Гермионе. И, повернувшись к Гарри: — Давай подумаем. — Он изобразил задумавшегося тупицу Гойла. — Ага, в первый год ты спас от Сам-Знаешь-Кого философский камень.

— Просто повезло, — сказал Гарри, — не от умения…

— Во второй год ты убил василиска и уничтожил Реддла.

— Да, но если бы не явился Фоукс…

— В третий год, — Рон повысил голос, — ты отразил сотню дементоров…

— Ты же знаешь — по чистой случайности, если бы не маховик времени…

— В прошлом году, — Рон почти кричал, — ты снова схватился с Сам-Знаешь-Кем.

— Да послушай же. — Гарри начал сердиться, потому что улыбалась уже и Гермиона. — Вы можете послушать? Все это звучит очень красиво, но мне просто везло — половину времени я сам не понимал, что делаю, ничего не планировал, действовал вслепую и почти всегда мне помогали.

Рон и Гермиона по-прежнему улыбались, и Гарри сердился все больше, хотя сам не понимал, почему так сердится.

— Что вы смеетесь, как будто лучше меня знаете? Я там был или кто? Я знаю, что там было, понятно? И выпутался не потому, что блестяще владею защитой от Темных искусств, а потому… потому, что помощь приходила вовремя или правильно угадывал… все делал наобум, не соображая… КОНЧАЙТЕ РЖАТЬ!

Миска с настойкой растопырника упала на пол и разбилась. Гарри только теперь осознал, что стоит, — он даже не заметил, как встал. Живоглот юркнул под диван. Друзья уже не улыбались.

— *Вы не знаете, что это такое!* Вы никогда с ним не сталкивались! Думаете, просто запомнил пяток заклинаний и пустил в него, как на уроке? Ты все время знаешь, что между тобой и смертью — ничего, кроме… твоих мозгов, или смелости, или чего там еще, — когда не теряешь рассудка, сознавая, что через микросекунду — конец или пытка… Или друзья умирают у тебя на глазах… Ничему такому нас в классах не учили, не объясняли, как с этим быть, а вы тут сидите с таким видом, как будто перед вами умненький мальчик, а Диггори был глуп, все не так сделал… Вы просто не понимаете, это вполне мог быть я, и так и было бы, если бы не нужен был Волан-де-Морту.

Рон опешил:

— Ничего такого мы не говорили. И Диггори никто не винил, ты все неправильно… — Он беспомощно посмотрел на Гермиону, тоже изумленную.

— Гарри, — робко сказала она, — неужели ты не понимаешь? Ведь именно поэтому мы и просим тебя… Мы хотим знать, каково это — очутиться лицом к лицу с Во… Волан-де-Мортом.

Она впервые произнесла имя Волан-де-Морта, и это больше, чем ее слова, охладило Гарри. Все еще тяжело дыша, он опустился в кресло и только тут почувствовал, что рука опять страшно разболелась. Он пожалел, что разбил миску с настойкой растопырника.

— Подумай об этом, — тихо сказала Гермиона. — Ладно?

Гарри не знал, что сказать. Ему уже было стыдно за свою вспышку. Он кивнул, хотя и плохо понимал, на что соглашается.

Гермиона поднялась и, стараясь, чтобы это прозвучало как можно естественнее, сказала:

— Ну, я пошла спать.

Рон тоже встал.

— Идем? — неуверенно обратился он к Гарри.

— Да… Сейчас. Только уберу.

Гарри показал на разбитую миску. Рон кивнул

и ушел.

— *Репаро.* — Гарри направил волшебную палочку на осколки. Они соединились, как будто ничего и не разбивалось, но вернуть настойку в миску было невозможно.

Он вдруг ощутил такую усталость, что захотелось снова упасть в кресло и уснуть. Но он себе этого не позволил и пошел наверх вслед за Роном. Ночью его опять тревожили сны с длинными коридорами и запертыми дверьми, и, когда он проснулся утром, шрам саднил.

Глава 16

В «КАБАНЬЕЙ ГОЛОВЕ»

Две недели Гермиона не заводила разговора о том, чтобы Гарри учил их защите от Темных искусств. Наказания у Амбридж закончились (он сомневался, что врезавшиеся в руку слова когда-нибудь сотрутся полностью). Рон побывал еще на четырех тренировках, и на последних двух на него не кричали. Все трое сумели добиться исчезновения мышей на трансфигурации (Гермиона научилась даже убирать котят). Но бурным ветреным вечером в конце сентября, когда они втроем сидели в библиотеке, подбирая ингредиенты для зелья у Снегга, тема эта всплыла снова.

— Слушай, Гарри, — вдруг сказала Гермиона, — ты больше не думал о защите от Темных искусств?

— Думал, конечно, — сварливо отозвался Гарри. — Как тут не думать, когда нас учит эта карга.

— Нет, насчет того, о чем мы с Роном тебя…

Рон бросил на нее тревожный, угрожающий взгляд. Она в ответ нахмурилась.

— Ладно, о чем *я* тебя просила, — учить нас.

Гарри медлил с ответом. Он сделал вид, будто вчитывается в страницу «Азиатских противоядий», — ему не хотелось делиться своими мыслями.

А передумал он за две недели немало. Порой — как и в первую ночь, когда об этом заговорила Гермиона, — идея казалась ему безумной. Но иногда начинал думать о заклинаниях, которые помогли ему больше всего при встречах с Темными существами и Пожирателями смерти, и подсознательно строил планы уроков…

— Да, — сказал он наконец, когда уже нельзя было притворяться, что занят «Азиатскими противоядиями», — немного думал.

— И что?

— Не знаю, — сказал Гарри, оттягивая решительный разговор. Он взглянул на Рона.

— Мне эта мысль с самого начала понравилась, — охотно вступил в разговор Рон, убедившись, что Гарри не намерен ругаться.

Гарри поерзал в кресле.

— Вы же слышали: во многом это было везение, правильно?

— Да, Гарри, — мягко сказала Гермиона, — но все равно, нет смысла отрицать, что ты владеешь

защитой от Темных искусств. В прошлом году ты был единственным, кто мог отразить заклятие Империус, мог вызвать Патронуса и сделать то, чего не могут взрослые волшебники. Виктор всегда говорил…

Рон обернулся к ней так резко, что чуть не вывихнул шею. Он потер затылок.

— Да? Что сказал Вики?

— Хо-хо, — скучающим тоном отозвалась Гермиона. — Он сказал: Гарри делает то, чего он не умеет. А он был на последнем курсе Дурмстранга.

Рон посмотрел на нее с подозрением.

— Ты что, до сих пор поддерживаешь с ним связь?

— Ну и что из того? — невозмутимо ответила Гермиона, хотя лицо у нее чуть порозовело. — Можно ведь дружить по переписке.

— Он не только по переписке хотел дружить.

Гермиона раздраженно тряхнула головой и, не обращая внимания на Рона, который продолжал есть ее взглядом, сказала Гарри:

— Ну, что? Будешь нас учить?

— Только тебя и Рона, да?

— Ну… — Гермиона как будто опять заробела. — Только ты не бесись. Гарри, я правда думаю, ты

должен научить всех, кто захочет учиться. Мы же хотим защититься от В… Волан-де-Морта. Рон, не будь смешным. Будет нечестно, если мы не дадим такой возможности остальным.

Гарри на минуту задумался.

— Хорошо, но сомневаюсь, что кто-нибудь, кроме вас, захочет у меня учиться. Я же чокнутый, помнишь?

— Думаю, ты удивишься, когда узнаешь, сколько ребят хотят тебя послушать. — Она наклонилась к Гарри, и Рон, все еще хмурившийся, тоже придвинулся поближе. — А что, если скажем: все, кто хочет, встретимся в первый октябрьский выходной в Хогсмиде и обсудим это дело?

— Почему там, а не в школе? — спросил Рон.

— Потому что, — сказала Гермиона, снова взявшись за рисунок Китайской жующей капусты, который копировала из книги, — потому что Амбридж вряд ли обрадуется, если узнает, что мы задумали.

* * *

Гарри с нетерпением ждал вылазки в Хогсмид, но кое-что его беспокоило.

С начала сентября, с тех пор, как Сириус появился в камине, о нем не было ни слуху ни духу.

Гарри знал, что они рассердили его, попросив больше не рисковать, и все же иногда пугался, что Сириус наплюет на осторожность и заявится снова. И как им быть, если здоровенный черный пес подбежит к ним в Хогсмиде прямо на глазах у Драко Малфоя?

— Нельзя же упрекать его за то, что ему охота проветриться, — сказал Рон, когда Гарри поделился с ним и Гермионой своими опасениями. — Ведь он в бегах уже два года — счастье, конечно, не большое, но, по крайней мере, он был на воле, правда? А сейчас сидит взаперти с этим жутким эльфом.

Гермиона посмотрела на него с осуждением, но не ответила на выпад против Кикимера.

— Беда в том, — сказала она Гарри, — что пока Вол… Волан-де-Морт — да успокойся, Рон, — не объявится, Сириус должен скрываться, так? В дурацком Министерстве не поймут, что Сириус невиновен, покуда не признают, что Дамблдор всегда говорил о нем правду. И когда эти дураки начнут ловить настоящих Пожирателей смерти, станет ясно, что Сириус не из них. Во-первых, на нем нет метки…

— Не думаю, что у Сириуса хватит глупости опять прийти, — успокоил их Рон. — Дамблдор

будет страшно недоволен, а Сириус прислушивается к Дамблдору, даже когда это ему поперек.

Но вид у Гарри по-прежнему был озабоченный, и Гермиона попыталась его отвлечь:

— Слушай, мы с Роном прикинули, кто из ребят захотел бы учиться настоящей защите, поспрашивали их, и кое-кто проявил интерес. Мы назначили им встречу в Хогсмиде.

— Хорошо, — рассеянно согласился Гарри, все еще думавший о Сириусе.

— Не беспокойся, — тихо сказала Гермиона, — у тебя и без Сириуса забот невпроворот.

Она была права: он едва успевал с домашними заданиями, хотя теперь, когда ежевечерние отсидки у Амбридж кончились, ему стало гораздо легче. Рон даже больше отстал: помимо тренировок дважды в неделю вместе с Гарри, время отнимали и обязанности старосты. Гермиона же, изучавшая больше предметов, чем они, не только справлялась с домашними заданиями, но и успевала вязать одежду для эльфов. Надо сказать, она совершенствовалась: еще чуть-чуть, и носки уже можно будет отличить от шапок.

Утро вылазки в Хогсмид выдалось ясное, но ветреное. После завтрака они выстроились в очередь перед Филчем, а он сверялся с длинным

списком учеников, получивших разрешение родителей или опекунов посещать деревню. Если бы не Сириус, виновато подумал Гарри, ему не попасть бы туда.

Когда он подошел к Филчу, смотритель сильно втянул носом воздух, словно ожидая что-то унюхать. Потом кивнул, отчего его щеки задрожали, и Гарри прошел дальше на каменные ступени, под яркое, прохладное солнце.

— Чего это Филч тебя обнюхивал? — спросил Рон, когда они втроем зашагали по широкой дорожке к воротам.

Гарри усмехнулся:

— Проверка на навозные бомбы. Я забыл вам сказать…

И он поведал о том, как отправил письмо Сириусу, а через минуту ворвался Филч и потребовал показать письмо. К его удивлению, Гермиону заинтересовало это происшествие — и гораздо больше, чем его самого.

— Ему донесли, что ты заказываешь навозные бомбы? Но кто мог донести?

— Не знаю. — Гарри пожал плечами. — Может, Малфой решил подшутить.

Они прошли между высокими каменными колоннами с крылатыми вепрями и свернули

влево, на дорогу к деревне. Ветер трепал им волосы, бросал на глаза.

— Малфой? — усомнилась Гермиона. — Да… может быть.

И до самой деревни пребывала в задумчивости.

— Куда пойдем? — спросил Гарри. — В «Три метлы»?

— Ну нет, — очнувшись, сказала Гермиона. — Там всегда битком народу и шумно. Я сказала остальным: встречаемся в «Кабаньей голове» — этот трактир не на главной дороге… По-моему, подозрительное место, но ученики туда обычно не ходят, и нас не подслушают.

Они прошли по Главной улице мимо магазина волшебных шуток «Зонко», увидев там, естественно, Фреда и Джорджа с Ли Джорданом, мимо почты, откуда через правильные интервалы вылетали совы, и завернули в переулок, в конце которого стоял трактирчик. На ржавой скобе над дверью висела облезлая деревянная вывеска с изображением отрубленной головы кабана, с которой текла кровь на белую скатерть. Вывеска скрипела на ветру. Троица остановилась перед дверью в нерешительности.

— Идем? — робея, сказала Гермиона.

Гарри шагнул первым.

Внутри было совсем не так, как в «Трех метлах», большом баре, теплом и сияющем чистотой. Трактир «Кабанья голова» представлял собой убогую, грязную комнатку, чем-то насквозь пропахшую, скорее всего козлами. Окна эркера покрывал такой слой сальной грязи, что дневной свет едва просачивался в комнату, и освещалась она огарками свечей, расставленными на грубых деревянных столах. Пол, на первый взгляд земляной, оказался каменным, с вековыми наслоениями грязи.

Гарри вспомнил первый год и рассказ Хагрида о том, как он выиграл здесь драконье яйцо у незнакомца в капюшоне. «В «Кабаньей голове» встретишь много всякого чудного народа», — сказал он тогда. Гарри еще удивился, почему Хагриду не показалось странным, что незнакомец прятал лицо, но теперь он увидел, что здесь, похоже, принято его прятать. У одного голова была вся обмотана грязными бинтами с щелью на месте рта, куда он вливал стакан за стаканом какую-то жгучую дымящуюся жидкость. У окна двое в капюшонах — и если бы они не разговаривали с сильным йоркширским акцентом, Гарри, пожалуй, принял бы их за дементоров. А в тем-

ном углу возле очага сидела колдунья в густой черной вуали, достававшей до туфель, и виден был только кончик ее носа, поскольку выпирал из-под вуали.

— Не знаю, Гермиона, — пробормотал Гарри, когда они шли к стойке. Особенно его заинтересовала колдунья. — Тебе не приходит в голову, что под вуалью может прятаться Амбридж?

Гермиона кинула на нее оценивающий взгляд.

— Амбридж меньше ростом. И если даже придет сюда, она никак не сможет нам помешать. Я дважды и трижды перечла правила школы. Мы ничего не нарушили. Специально спросила профессора Флитвика, можно ли ученикам бывать в «Кабаньей голове», и он сказал «да», но очень советовал приходить со своими стаканами. Я просмотрела все, что говорится об учебных кружках и группах домашних заданий, — они разрешены. Просто не стоит, по-моему, делать это демонстративно.

— Ну да, — сухо подтвердил Гарри, — тем более что ты затеваешь не группу по домашним заданиям.

Из задней комнаты к ним подошел бармен, склочного вида старик с длинными седыми волосами и бородой. Он был высок и худ и показался

Гарри смутно знакомым.

— Ну? — буркнул он.

— Три сливочных пива, пожалуйста, — сказал Гарри.

Бармен достал откуда-то снизу три очень грязных, очень пыльных бутылки и со стуком поставил на стойку.

— Шесть сиклей.

— Я заплачу, — быстро сказал Гарри и отдал ему серебро.

Взгляд бармена скользнул по нему и задержался на шраме. Потом старик отвернулся и скинул деньги в старинную деревянную кассу, ящик которой открылся сам собой. Гарри, Рон и Гермиона ушли к самому дальнему столу, сели там и огляделись. Забинтованный постучал костяшками по стойке и получил еще стакан дымящегося питья.

— Знаете что? — Рон окинул бар восторженным взглядом. — Мы можем заказать здесь все, что захотим. Старикан подаст нам что угодно, ему плевать. Я всегда хотел попробовать огненного виски.

— Ты же староста! — возмутилась Гермиона.

— Ах, да. — Улыбка его погасла.

— Так кто, говоришь, собирался прийти? — Гарри сковырнул ржавую крышку с бутылки и

сделал глоток.

— Да два-три человека. — Гермиона взглянула на часы и с нетерпением обернулась к двери. — Я просила их прийти в это время, и место они должны знать… О, смотрите, это, наверное, они.

Дверь распахнулась. Сноп пыльного солнечного света разрезал комнату надвое и потух — дверной проем загородила целая толпа.

Первыми вошли Невилл с Дином и Лавандой, за ними сразу — Парвати и Падма Патил вместе с Чжоу (желудок у Гарри сделал сальто) и одной из ее вечно хихикающих подруг; потом одна и с мечтательным видом, словно забрела сюда случайно, Полумна Лавгуд; потом Кэти Белл, Алисия Спиннет и Анджелина Джонсон, Колин и Деннис Криви, Эрни Макмиллан, Джастин Финч-Флетчли, Ханна Аббот, девочка из Пуффендуя с длинной косой — Гарри не знал ее имени; три парня из Когтеврана — насколько помнил Гарри, их звали Энтони Голдстейн, Майкл Корнер и Терри Бут; Джинни, а за ней высокий курносый блондин, в котором Гарри узнал игрока команды Пуффендуя. Замыкали процессию Фред и Джордж Уизли со своим другом Ли Джорданом — у всех троих были большие бумажные мешки с товарами от «Зонко».

— Два-три человека? — севшим голосом передразнил Гарри. — Два-три человека?

— Ну, идея оказалась привлекательной, — радостно сообщила Гермиона. — Рон, не подтащишь стулья?

Бармен, вытиравший стакан тряпкой, такой грязной, как будто ее никогда не стирали, прервал свою деятельность. Наверное, он в жизни не видел столько посетителей.

— Здравствуйте, — сказал Фред, первым подошедший к стойке. Он быстро пересчитал спутников. — Можно нам… двадцать пять сливочного пива?

Бармен уставился на него, потом, с досадой бросив тряпку, словно помешали какому-то важному его занятию, начал таскать из-под стойки пыльные бутылки.

Фред передавал их ребятам.

— Угощайтесь. И раскошеливайтесь. У меня золота на всех не хватит.

Гарри оцепенело наблюдал, как гости, весело болтая, разбирают пиво и достают из мантий монеты. Он все еще не мог поверить, что собрались тут ради него, и вдруг, похолодев, подумал: от него ждут речи. Он повернулся к Гермионе:

— Что ты им наговорила? Чего они ждут?

— Я же тебе сказала: просто хотят тебя послушать, — успокоила его Гермиона. Но Гарри продолжал испепелять ее взглядом, и она торопливо добавила: — От тебя пока ничего не требуется, я сперва сама скажу.

— Привет, Гарри, — сияя, сказал Невилл и сел напротив.

Гарри улыбнулся в ответ, но ничего не сказал — во рту у него пересохло. Чжоу только улыбнулась и села справа от Рона. Ее подруга, кудрявая рыжеватая блондинка, не улыбалась, она наградила Гарри недоверчивым взглядом, словно говоря: моя бы воля, я бы вообще сюда не пришла.

По двое, по трое вновь прибывшие рассаживались вокруг Гарри, Рона и Гермионы, кто взволнованно, кто с любопытством. Полумна Лавгуд мечтательно глядела в пространство. Когда все расселись, разговоры стихли. Все взгляды обратились на Гарри.

— Так, — сказала Гермиона; от возбуждения ее голос звучал выше обычного. — Ну, значит…

Теперь всеобщее внимание было приковано к ней, хотя ребята то и дело поглядывали на Гарри.

— Так вот… хм… вы знаете, зачем мы собрались. Так вот… у Гарри возникла идея… То есть (Гарри свирепо посмотрел на нее) у меня возникла идея,

что тем, кто хочет учиться защите от Темных искусств, было бы полезно… То есть по-настоящему ей учиться, а не той ерунде, которую преподносит Амбридж… — Голос ее зазвучал сильнее и увереннее. — Потому что это никакая не защита, а пустые разговоры. («Вот именно», — сказал Энтони Голдстейн, и Гермиона заговорила еще смелее.) Ну, и я подумала, что стоит взять это дело в свои руки. — Искоса взглянув на Гарри, она продолжала: — В смысле, учиться защите как следует, не теоретически, а настоящими заклинаниями…

— Но сдать защиту от Темных искусств на СОВ ты, надеюсь, тоже хочешь? — сказал Майкл Корнер.

— Конечно хочу. Но не только. Я хочу действительно овладеть защитой, потому что… потому что… — она набрала в грудь воздуха, — потому что лорд Волан-де-Морт вернулся.

Реакция была мгновенной и предсказуемой. Подруга Чжоу взвизгнула и пролила на себя пиво, Терри Бут вздрогнул, Падма Патил поежилась, а Невилл как-то странно тявкнул и попытался выдать это за кашель. Все при этом выжидательно уставились на Гарри.

— Такой, по крайней мере, план, — сказала Гер-

миона. — Если хотите участвовать, надо решить, как нам это…

— Где доказательство, что Вы-Знаете-Кто вернулся? — воинственным тоном сказал светловолосый игрок Пуффендуя.

— Ну, Дамблдор в это верит, — ответила Гермиона.

— Хочешь сказать: *ему* верит? — Он кивнул на Гарри.

— А ты кто такой? — грубо осведомился Рон.

— Захария Смит. И по-моему, мы вправе услышать, почему он решил, что Сами-Знаете-Кто вернулся.

— Слушай, — вмешалась Гермиона, — вообще-то мы не для этого тут собрались.

— Ничего, Гермиона, — сказал Гарри.

До него только что дошло, почему здесь столько народа. Гермионе следовало этого ожидать. Некоторые из них — может быть, большинство — пришли, чтобы услышать историю от него самого.

— Почему я решил, что Сами-Знаете-Кто вернулся? — сказал он, глядя Захарии в глаза. — Я его видел. Дамблдор рассказал всей школе, что произошло в прошлом году, и если вы ему не поверили, то не поверите и мне. А я не собираюсь

тратить день на то, чтобы убеждать вас.

Все слушали его затаив дух. Ему показалось, что даже бармен навострил уши. Он вытирал тряпкой все тот же стакан — чем еще больше его пачкал.

Захария не был удовлетворен:

— В прошлом году Дамблдор сказал только, что Седрика Диггори убил Сами-Знаете-Кто и что ты принес его тело в Хогвартс. Без подробностей. Как именно убили Диггори, он не сказал, а нам хотелось бы знать…

— Если вы пришли послушать, как именно убивает Волан-де-Морт, то ничем не могу быть полезен, — сказал Гарри. Нервы его последнее время были на пределе, и сейчас он опять вспылил. Он избегал смотреть на Чжоу и не сводил глаз с агрессивного лица Захарии. — Не хочу говорить о Седрике Диггори, ясно? Так что если ради этого явились, можете убираться.

Он рассерженно взглянул на Гермиону. Это она виновата: решила сделать из него какое-то чудо-юдо, и все повалили слушать диковинную историю. Однако никто не ушел, даже Захария Смит, хотя продолжал недоверчиво смотреть на Гарри.

— Так вот, — сказала Гермиона тонким голо-

сом, — я говорю: если хотите учиться защите, тогда надо решить, как мы это устроим, как часто будем встречаться и где.

— Это правда, что ты можешь вызвать Патронуса? — спросила девочка с длинной косой.

Заинтересованный шепоток среди слушателей.

— Да, — с некоторым вызовом сказал Гарри.

— Телесного Патронуса?

У Гарри что-то шевельнулось в памяти.

— Ты, случайно, не знаешь мадам Боунс? — спросил он.

Девочка улыбнулась:

— Она моя тетя. Я Сьюзен Боунс. Она рассказывала мне о слушании в Министерстве. Так это правда? Ты вызвал Патронуса-оленя?

— Да.

— Елки! — воскликнул Ли. — А я и не знал!

— Мама велела Рону не болтать об этом, — объяснил Фред, улыбнувшись Гарри. — Сказала, что ты и так не обделен вниманием.

— Это точно, — буркнул Гарри, и кое-кто засмеялся.

Колдунья в вуали чуть передвинулась на стуле.

— И ты убил василиска мечом из кабинета

Дамблдора? — спросил Терри Бут.

— Ну… убил, да.

Джастин Финч-Флетчли присвистнул, братья Криви обменялись испуганно-восхищенными взглядами, а Лаванда Браун тихо сказала: «Ух». Гарри чувствовал, что краснеет, и старательно избегал смотреть на Чжоу.

— А на первом курсе, — объявил Невилл, — он спас филологический камень от…

— Философский, — прошипела Гермиона.

— Да, от Вы-Знаете-Кого, — закончил он.

Глаза у Ханны Аббот сделались круглыми, как галеоны.

— Не говоря уже о всех заданиях, с которыми он справился на Турнире Трех Волшебников в прошлом году, — сказала Чжоу. (Гарри невольно взглянул на нее — Чжоу смотрела на него и улыбалась, его желудок снова сделал сальто.) — Одолел дракона, русалок, паука…

Пронесся почтительный шумок. Гарри внутренне сжался. Он изо всех сил старался придать лицу такое выражение, чтобы оно не показалось самодовольным. Из-за ее похвалы ему стало гораздо труднее сказать то, что он должен был сказать непременно и даже дал себе в этом клятву.

— Слушайте, — и все сразу смолкли. — Я не хочу

изображать тут скромность и вообще ломаться… но мне очень сильно во всем этом помогали.

— С драконами — нет, — живо откликнулся Майкл Корнер. — Ты шикарно летал.

— Ну… допустим. — Гарри чувствовал, что отрицать это было бы ребячеством.

— И летом никто не помогал тебе прогнать дементоров, — сказала Сьюзен Боунс.

— Да, — сказал Гарри. — Да. Ладно. Кое-что действительно я сделал без посторонней помощи, но я вот что хочу сказать…

— Хочешь отвертеться и не показывать нам своих номеров? — сказал Захария Смит.

— У меня мысль, — вмешался Рон прежде, чем Гарри успел ответить. — Может, тебе заткнуться?

Наверное, сильнее всего подействовало на Гарри слово «отвертеться». Во всяком случае, сейчас он смотрел на Захарию так, как будто больше всего на свете хотел заехать ему по физиономии. Захария покраснел, но не унимался:

— Мы пришли у него поучиться, а он объясняет нам, что на самом деле ничего не умеет.

— Он этого не говорил! — рявкнул Фред.

— Тебе что, уши прочистить? — поинтересовался Джордж, вытаскивая из бумажного мешка

от «Зонко» длинный, устрашающего вида металлический инструмент.

— Или другой какой орган? — сказал Фред. — Мы куда хочешь его вставим.

— Ну, хорошо, — вмешалась Гермиона. — Идем дальше. Мы согласны в том, что хотим брать уроки у Гарри?

Собравшиеся ответили одобрительным шумом. Захария сложил руки на груди и молчал — должно быть, потому, что очень внимательно следил за инструментом в руке у Фреда.

— Так, — сказала Гермиона, обрадованная тем, что наконец до чего-то договорились. — Теперь второй вопрос: как часто будем заниматься? По-моему, реже, чем раз в неделю, не имеет смысла…

— Подожди, — сказала Анджелина, — важно, чтобы это не совпало с нашими тренировками.

— И с нашими, — подхватила Чжоу.

— И с нашими, — добавил Захария Смит.

— Думаю, мы сумеем выбрать вечер, который устроит всех, — с легким нетерпением отозвалась Гермиона. — Все-таки это важное дело, мы хотим защищаться от Пожирателей смерти, слуг Во… Волан-де-Морта.

— Дело говоришь! — рявкнул Эрни Макмил-

лан, чьей реплики Гарри давно дожидался. — Я считаю, это важно, наверное, поважнее всего остального в нынешнем году, важнее даже, чем СОВ! — Он грозно оглядел компанию, словно ожидая криков «нет!». Но все молчали. — Я лично не могу понять, почему в такое критическое время Министерство навязало нам эту никчемную преподавательницу. Ладно, оно не желает признать, что Сами-Знаете-Кто вернулся, но подсовывать нам учителя, который намеренно не дает овладеть защитными заклинаниями…

— Мы думаем, Амбридж не позволяет нам учиться защите от Темных искусств потому, — сказала Гермиона, — что у нее возникла безумная идея, будто… будто Дамблдор хочет организовать из учеников личную армию. И выставить ее против Министерства.

Почти все были огорошены этой новостью — все, кроме Полумны Лавгуд, которая пропищала:

— Похоже на то. Ведь у Корнелиуса Фаджа есть личная армия.

— Что? — изумился Гарри, ошеломленный этой неожиданной информацией.

— Да, у него своя армия Гелиопатов, — торжественно объявила Полумна.

— Не может быть! — сказала Гермиона.

— Может, — отрезала Полумна.

— Кто такие Гелиопаты? — недоуменно спросил Невилл.

— Духи огня. — Выпуклые глаза Полумны еще больше расширились, отчего вид у нее стал еще более безумный, чем всегда. — Огромные пылающие создания, они носятся по земле и сжигают все перед собой, и…

— И они не существуют, Невилл, — насмешливо вставила Гермиона.

— Нет, существуют! — рассердилась Полумна.

— Извини, но где доказательства?

— Есть сколько угодно свидетелей. А если ты такая ограниченная, что пока тебе не сунут под нос…

— Кхе-кхе, — произнесла Джинни, так похоже изобразив Амбридж, что некоторые испуганно оглянулись и только потом засмеялись. — Кажется, мы хотели решить, как часто должны быть уроки защиты?

— Да, Джинни, ты права, — сказала Гермиона.

— Раз в неделю, по-моему, нормально, — сказал Ли Джордан.

— Только чтобы… — начала Анджелина.

— Знаем, знаем: не мешать квиддичу, — закончила Гермиона. — Теперь давайте решим где.

Это оказалось труднее. Все молчали.

— В библиотеке? — предложила Кэти Белл.

— Не думаю, что мадам Пинс будет в восторге, если мы займемся там заклинаниями, — сказал Гарри.

— Может, в пустом классе? — предложил Дин.

— Ага, — сказал Рон. — Может, МакГонагалл пустит в свой — пускала же Гарри, когда он практиковался перед Тремя Волшебниками.

Но Гарри был почти уверен, что на этот раз МакГонагалл не проявит гостеприимства. Хотя Гермиона сказала, что учебные кружки и группы по домашним заданиям разрешены, такой кружок вполне могут счесть бунтарским.

— Ладно, попробуем что-нибудь придумать, — сказала Гермиона. — Когда решим насчет времени и места первого занятия, всех оповестим.

Она порылась в сумке, достала перо и пергамент и помешкала, словно собираясь с духом перед тем, как сделать важное заявление.

— Хорошо бы, все написали свои имена, чтобы мы знали, кто присутствовал. И еще я думаю, — она сделала глубокий вздох, — нам не стоит кричать об этом на каждом углу. Так что, если вы подпишетесь, это значит, вы обязались не говорить о наших планах ни Амбридж, ни

остальным.

Фред сразу взял перо и с удовольствием расписался, но Гарри заметил, что перспектива внести себя в список кое-кого не обрадовала.

— Э-э, — протянул Захария, не взяв пергамент, который протягивал ему Джордж. — Эрни мне скажет, когда собираемся.

Но Эрни и сам не решался подписаться. Гермиона вздернула брови.

— Понимаешь… мы — старосты. Если список найдут… ты же сама сказала: если Амбридж прознает…

— Ты минуту назад согласился, что это самое важное в нынешнем году, — напомнил ему Гарри.

— Я… да. Да, я так считаю… Просто…

— Эрни, ты правда думаешь, что я буду оставлять его где попало? — язвительно спросила Гермиона.

— Нет. Конечно нет. — Эрни немного успокоился. — Ну, конечно, я подпишу.

После Эрни никто не протестовал, хотя Гарри заметил, что подруга Чжоу посмотрела на нее с укоризной перед тем, как поставить подпись. Когда записался последний — Захария, Гермиона забрала пергамент и аккуратно засунула в сумку.

Присутствующими владело странное чувство. Теперь они как будто были связаны круговой порукой.

— Ну, время бежит, — бодро сказал Фред. — А нам с Джорджем и Ли еще надо приобрести предметы довольно щекотливого свойства. До встречи.

По двое, по трое ребята стали расходиться. Прежде чем уйти, Чжоу устроила долгую возню с застежкой сумки; густые черные волосы ее свесились вперед, совершенно заслонив лицо. Но подруга стояла у нее над головой, скрестив руки и цокая языком, и Чжоу ничего другого не оставалось, как уйти с ней. У двери, подталкиваемая подругой, она оглянулась напоследок и помахала Гарри.

— По-моему, неплохо прошло, — сказала довольная Гермиона, когда они втроем вышли из «Кабаньей головы» на солнечный свет. Гарри и Рон еще не расстались со своими бутылками сливочного пива.

— Этот Захария — хмырь, — сказал Рон, злобно глядя в спину удалявшегося Смита.

— Мне он тоже не очень нравится, — сказала Гермиона. — Понимаешь, он слышал, как я сговаривалась с Эрни и Ханной у стола пуффендуйцев,

и тоже захотел прийти — что я могла сделать? Но чем больше народу, тем лучше. Вот и Майкл Корнер с друзьями не пришел бы, если бы не гулял с Джинни…

Рон, допивавший последние капли из своей бутылки, поперхнулся и пролил сливочное пиво себе на грудь.

— Он ЧТО? — Уши у Рона приняли цвет сырого мяса. — Она гуляет… моя сестра гуляет… ты что говоришь? С Майклом Корнером?

— Ну, поэтому он с друзьями и пришел, я думаю. Конечно, он тоже не прочь поучиться защите, но если бы Джинни не сказала Майклу о нашем плане…

— Когда это… когда она с ним…

— Они познакомились на Святочном балу и подружились в конце прошлого года, — спокойно сообщила Гермиона.

Троица свернула на Верхнюю улицу и остановилась перед магазином перьев Писарро, в витрине которого красовался роскошный набор фазаньих перьев.

— Хм, не отказалась бы от нового пера.

Гермиона вошла в магазин, Гарри и Рон — следом.

— Майкл Корнер — это который? — свирепо

спросил Рон.

— Черноволосый.

— Он мне не понравился.

— Тоже мне, удивил, — пробормотала Гермиона.

— Но я думал, она сохнет по Гарри, — сказал Рон, продвигаясь за ней вдоль ряда медных чернильниц с перьями.

Гермиона посмотрела на него с некоторой жалостью и покачала головой.

— Джинни сохла по нему, но уже много месяцев, как отсохла. Это не значит, что ты ей разонравился, — деликатно пояснила она Гарри, разглядывая длинное, черное с золотом перо.

Гарри, все еще занятому мыслями о прощальном жесте Чжоу, эта тема не казалась такой интересной, как Рону, — тот буквально трясся от негодования. Однако до него вдруг дошло то, на что он не обратил внимания в баре.

— Так вот почему она теперь разговаривает? — сказал он Гермионе. — Раньше она при мне не разговаривала.

— Ну да, — ответила она. — Пожалуй, я возьму вот это.

Она подошла к прилавку и выложила пятнадцать сиклей и два ната. Рон по-прежнему

дышал ей в затылок.

— Рон, — строго сказала она, повернувшись и наступив ему на ногу, — именно поэтому Джинни и не сказала тебе, что встречается с Майклом. Знала, что ты плохо это воспримешь. Так что кончай нудить, я тебя умоляю.

— Что это значит? Кто плохо воспринял? Кто тут нудит? — продолжал ворчать на улице Рон.

Гермиона скосилась на Гарри и вполголоса, чтобы не услышал Рон, призывавший проклятья на голову Корнера, сказала:

— Оставим в покое Майкла и Джинни. А что у тебя с Чжоу?

— В каком смысле?

Внутри у него будто вскипела и поднялась вода, лицо вспыхнуло, несмотря на холод. Неужели все это так заметно?

Гермиона слегка улыбнулась:

— Просто глаз с тебя не сводила.

Гарри никогда прежде не замечал, как красива деревня Хогсмид.

Глава 17

ДЕКРЕТ ОБ ОБРАЗОВАНИИ № 24

Весь остаток выходных Гарри пребывал в прекрасном настроении — такого у него ни разу не было за весь семестр. Большую часть воскресенья они с Роном опять подгоняли домашние задания. Конечно, удовольствием это трудно назвать, но последнее осеннее солнце продержалось весь день, и, вместо того чтобы корпеть за столом в гостиной, они перебрались с работой под раскидистый бук на берегу озера. Гермионе, разумеется, нагонять было нечего — она принесла туда шерсть, заговорила спицы, и теперь они сами позвякивали и поблескивали в воздухе перед ней, изготовляя все новые носки и шарфики.

При мысли, что они затеяли бунт против Амбридж и Министерства, что у него в этом главная роль, Гарри испытывал громадное удовлетворение. То и дело вспоминалась субботняя сходка: столько ребят хочет учиться у него защите от Темных искусств… и с какими лицами они слушали разговоры о его схватках… и Чжоу похвалила его поведение на Турнире Трех Волшебников…

Сознание, что эти люди считают его не вруном и психом, а человеком, заслуживающим уважения, вселило такую бодрость, что даже в понедельник утром, несмотря на перспективу самых нелюбимых занятий, он проснулся в отличном настроении.

Они с Роном спустились из спальни, обсуждая предложенную Анджелиной новую фигуру пилотажа — Вялый Кистевой Крен, который предстояло отрабатывать вечером на тренировке, и только на середине залитой солнцем гостиной заметили новый предмет: вокруг него стояла кучка учеников.

К доске объявлений был пришпилен большой лист, закрывавший собой все остальные, — списки предлагаемых подержанных книг по чарам, регулярные напоминания Аргуса Филча о правилах школы, расписание тренировок по квиддичу, предложения об обмене карточками от шоколадных лягушек, последние объявления о контрольных, даты вылазок в Хогсмид и объявления о потерянных и найденных вещах. Новое было напечатано жирным черным шрифтом, внизу красовалась официального вида печать и подпись с завитушками.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО ИНСПЕКТОРА

Все ученические организации, общества, команды, кружки и клубы настоящим упраздняются.

Организацией, обществом, командой, кружком и клубом считается регулярно собирающаяся группа из трех и более учеников.

За разрешением на реорганизацию обращаться к генеральному инспектору (профессору Амбридж).

Никакие организации, общества, команды, кружки и клубы учеников не могут существовать без ведома и санкции генерального инспектора.

Всякий ученик, уличенный в принадлежности к организации, обществу, команде, кружку или клубу, не санкционированным генеральным инспектором, будет исключен.

Основанием настоящего приказа является Декрет об образовании № 24.

Подписано: Долорес Джейн Амбридж,
генеральный инспектор.

Гарри и Рон прочли объявление, стоя позади

кучки озадаченных второкурсников.

— Значит, закроют клуб «Плюй-камни»? — спросил один другого.

— Думаю, с вашими плюй-камешками обойдется, — мрачно заметил Рон, отчего второкурсник вздрогнул и устремился прочь. — А нам, похоже, не так повезет, а, Гарри?

Гарри перечитывал приказ. От радости, переполнявшей его, не осталось и следа. В нем закипал гнев.

— Это не случайное совпадение. — Руки у него сами собой сжались в кулаки. — Она пронюхала.

— Да как? — возразил Рон.

— Нас слышали в баре. И, если честно, знаем разве, скольким из пришедших можно доверять? Любой мог побежать с доносом к Амбридж.

А он-то думал, ему верят, им восхищаются!

— Захария Смит! — выпалил Рон, стукнув кулаком о ладонь. — Или этот скользкий тип… Майкл Корнер.

— А Гермиона видела? — Гарри оглянулся на дверь в девичьи спальни.

— Надо ей сказать. — Рон бросился к двери и стал подниматься по винтовой лестнице.

Когда он достиг шестой ступеньки, раздался громкий вой, будто клаксона, и лестница слилась

в гладкий каменный скат. Какую-то секунду Рон еще пытался бежать вверх, размахивая руками, как ветряная мельница, но повалился и съехал вниз, под ноги Гарри.

— Кажется, нам нельзя к девочкам в спальню, — сказал Гарри, помогая ему встать и с трудом удерживаясь от смеха.

По каменному желобу с радостным хохотом скатились две четверокурсницы. Они вскочили на ноги и уставились на Гарри и Рона.

— О-о, кто это к нам прорывался?

— Я, — сказал взъерошенный Рон. — Кто бы мог подумать? Это несправедливо, — обратился он к Гарри. — Гермионе к нам в спальню можно, а нам почему-то нельзя…

— Это старинное правило, — сообщила Гермиона, плавно съехав на коврик перед ними и поднимаясь на ноги. — В «Истории Хогвартса» сказано: основатели посчитали, что мальчики менее порядочны, чем девочки. А зачем вам туда понадобилось?

— К тебе. Посмотри на это! — сказал Рон, увлекая ее к доске объявлений.

Гермиона скользнула взглядом по приказу. Лицо у нее стало каменным.

— кто-то ей сболтнул, — сердито сказал Рон.

— Никто не мог, — тихо ответила она.

— Не будь наивной: если ты такая порядочная, это не значит, что все…

— Не могли они, потому что я заколдовала пергамент с подписями, — угрюмо настаивала Гермиона. — Будь спокоен: если кто-то донес Амбридж, мы точно узнаем кто, и он сильно об этом пожалеет.

— А что ему сделается? — заинтересовался Рон.

— Ну, скажем так: прыщи Элоизы Миджен покажутся рядом с этим милыми веснушками. Пошли завтракать и посмотрим, что остальные думают. Интересно, это на всех факультетах развесили?

Как только они вошли в Большой зал, стало ясно, что приказ появился не только в башне Гриффиндора. Возбужденные разговоры, больше обычного суеты и хождения вдоль столов: все обсуждают прочитанное. Гарри, Рон и Гермиона едва сели за стол, как на них накинулись Невилл, Дин, Фред, Джордж и Джинни.

— Вы видали?

— Думаете, она узнала?

— Что будем делать?

Все смотрели на Гарри. Он огляделся — нет ли поблизости преподавателей.

— Мы все равно это сделаем, — тихо сказал он.

— Я знал, что ты так скажешь. — Сияющий Джордж хлопнул его по плечу.

— Старосты с нами? — сказал Фред, насмешливо глядя на Рона и Гермиону.

— Разумеется, — холодно ответила она.

Рон оглянулся:

— Вон идет Эрни с Ханной Аббот. И эти из Когтеврана, и Смит… и никто вроде не пятнистый.

Вид у Гермионы был встревоженный.

— Это ничего не значит. Идиоты не пойдут сюда — побоятся вызвать подозрения… Сядьте! — выговорила она одними губами и замахала рукой, показывая, чтобы они вернулись за стол Когтеврана. — Потом! Поговорим — с вами — потом!

— Я скажу Майклу, — засуетилась Джинни и вскочила со скамьи, — вот дурак, честное слово…

Она устремилась к столу Когтеврана. Гарри смотрел ей вслед. Чжоу сидела неподалеку и разговаривала с кудрявой подругой, которую привела в «Кабанью голову». Придет ли она на следующее собрание или испугается приказа?

Но вся злодейская сила приказа открылась им только тогда, когда они пошли из Большого зала на историю магии.

— Гарри! Рон!

К ним бежала с отчаянным видом Анджелина.

— Все нормально, — тихо сказал ей Гарри, когда она приблизилась. — Мы не раздумали…

— Вы понимаете, что к квиддичу это тоже относится? Мы должны идти к ней и согласовывать состав команды Гриффиндора!

— Что? — сказал Гарри.

— Ты шутишь? — ужаснулся Рон.

— Вы же читали приказ, там написано: «команды»! Слушай, Гарри, последний раз тебя прошу: пожалуйста, пожалуйста, не задирайся с Амбридж, иначе она вообще не даст нам играть!

— Хорошо, хорошо, — сказал Гарри, потому что Анджелина чуть не плакала. — Не беспокойся, я буду держать себя в руках.

— Амбридж сегодня на истории магии, — хмуро сказал Рон. — Она еще не инспектировала Бинса. Спорить могу, она уже там.

Но он ошибся: когда они вошли, в классе был только профессор Бинс — он, по обыкновению, парил в нескольких дюймах над своим креслом, готовясь продолжить нудную повесть о войнах с великанами. Гарри даже не пытался следить за лекцией, что-то рисовал на пергаменте, не обращая внимания на грозные взгляды Гермионы, толкавшей его в бок, пока один особенно болезненный толчок не вынудил его поднять глаза.

— Что тебе? — недовольно спросил он.

Она показала на окно. Гарри обернулся. Снаружи сидела Букля и смотрела на него сквозь толстое стекло; к ноге ее было привязано письмо. Непонятно: только что завтракали, почему не доставила письмо туда, как обычно? Ребята тоже показывали друг другу на Буклю.

— Я обожаю эту сову, такая красивая, — шепнула Лаванда соседке Парвати.

Гарри взглянул на профессора Бинса, который безмятежно бубнил, не замечая, что внимания ему уделяют еще меньше, чем всегда. Гарри тихонько слез со стула, пригнувшись, пробрался вдоль ряда, поднял задвижку на окне и бесшумно его открыл.

Он ожидал, что Букля протянет ему лапу с письмом, а потом улетит в совятник, но, как только окно приоткрылось, она печально ухнула и прыгнула на подоконник. Оглянувшись на профессора, Гарри пригнулся и с Буклей на плече шмыгнул на свое место. Посадил Буклю на колени и отвязал письмо.

И только тут заметил, что Букля какая-то встрепанная — некоторые перья стоят торчком и одно крыло не складывается.

— Она ранена! — Гарри склонился над совой.

Рон и Гермиона вытянули шеи, а Гермиона даже уронила перо. — Смотрите, у нее что-то с крылом.

Букля дрожала. Когда Гарри дотронулся до крыла, все перья у нее встали дыбом, как будто ее надули, и она посмотрела на него с упреком.

— Профессор Бинс, — громко сказал Гарри, и все обернулись на его голос, — я плохо себя чувствую.

Профессор оторвался от своих записей и поднял голову, как всегда изумляясь тому, что перед ним полный народу класс.

— Плохо себя чувствуете? — рассеянно повторил он.

— Совсем нехорошо, — подтвердил Гарри и встал, спрятав за спиной Буклю. — Наверное, мне надо в больничное крыло.

— Да, — сказал профессор, явно не понимая, о чем речь, — да, больничное крыло… ступайте, Перкинс.

Гарри вышел в коридор, посадил Буклю на плечо и, только удалившись на безопасное расстояние от двери, остановился, чтобы подумать. Конечно, первым делом он обратился бы за помощью к Хагриду, но где Хагрид — не известно. Оставалось только найти профессора Граббли-

Дерг, может быть, она полечит Буклю.

Он посмотрел из окна на сумрачный, прочесанный ветром луг. Возле хижины Хагрида никого не было. Если Граббли-Дерг не на уроке, то, может быть, в учительской. Гарри пошел вниз, Букля слабо ухала, покачиваясь у него на плече.

По сторонам от двери в учительскую торчали две горгульи. Одна из них прохрипела:

— Почему не на уроке, сынок?

— Срочное дело, — кратко ответил Гарри.

— Ах, срочное? — пронзительным голосом отозвалась вторая. — Нас поставили на место, так, кажется?

Гарри постучался. Шаги за дверью, дверь распахнулась: перед ним стояла профессор МакГонагалл. Прямоугольные очки грозно блеснули.

— Вы опять наказаны?

— Нет, профессор, — поспешил оправдаться Гарри.

— Тогда почему не в классе?

— Видимо, срочное дело, — ехидно вставила вторая горгулья.

— Я ищу профессора Граббли-Дерг. Моя сова ранена.

— Ранена сова, говорите?

За плечом МакГонагалл возникла профессор

Граббли-Дерг с «Ежедневным пророком» в руке, дымя трубкой.

— Да. — Гарри бережно снял с плеча Буклю. — Она прилетела позже других почтовых сов и у нее что-то с крыльями, смотрите…

Профессор Граббли-Дерг сунула трубку в зубы и взяла Буклю.

— Хм-м. — Трубка при этом качнулась во рту. — Судя по всему, на нее напали. Не понимаю, кто это мог быть. Фестралы, конечно, иногда нападают на птиц, но здешних Хагрид приучил не трогать сов.

Гарри не знал, кто такие фестралы, и не желал знать — он хотел знать, поправится ли Букля. Но профессор МакГонагалл пристально посмотрела на Гарри и спросила:

— Поттер, не знаете, далеко ли летала эта сова?

— Ну, наверное, в Лондон.

Он встретил ее взгляд, и по тому, как сошлись ее брови, понял: ей ясно, что «Лондон» означает «площадь Гриммо, двенадцать».

Профессор Граббли-Дерг достала из мантии монокль, ввинтила в глаз и внимательно осмотрела крыло Букли.

— Если вы оставите ее мне, я, вероятно, смогу кое-что сделать. Во всяком случае, несколько дней

она не должна совершать дальних перелетов.

— Хорошо… спасибо, — сказал Гарри, и тут же раздался звонок на перемену.

— Не за что, — грубо ответила Граббли-Дерг и пошла в учительскую.

— Минутку, Вильгельмина, — сказала МакГонагалл. — Письмо Поттера!

— Ой, да! — Гарри совсем забыл о привязанном к лапе письме.

Граббли-Дерг дала Гарри письмо и ушла с Буклей в комнату. Сова смотрела на Гарри так, словно не могла поверить, что он отдает ее в чужие руки.

Чувствуя себя виноватым, он пошел прочь, но МакГонагалл окликнула его:

— Поттер!

— Да, профессор.

Она посмотрела налево и направо: с обеих сторон по коридору шли ученики.

— Имейте в виду, — тихо и быстро сказала она, глядя на пергаментную трубочку у него в руке, — каналы связи в Хогвартсе могут быть под наблюдением, понятно?

— Я… — хотел ответить Гарри, но гурьба учеников была уже в двух шагах.

Профессор МакГонагалл кивнула ему и скры-

лась в учительской, а его толпа вынесла во двор. Спрятавшись в углу от ветра, с поднятыми воротниками, его уже ждали там Рон и Гермиона. Гарри развернул письмо и по дороге к ним прочел семь слов, написанных рукой Сириуса:

Сегодня, там же, в тот же час.

— Как Букля? — встретила его вопросом Гермиона.

— Куда ты ее отнес? — спросил Рон.

— К Граббли-Дерг. И видел МакГонагалл. Слушайте…

Он повторил слова МакГонагалл. Как ни странно, они не были удивлены. Наоборот, многозначительно переглянулись.

— Что такое? — спросил Гарри, переводя взгляд с Рона на Гермиону и обратно.

— Я как раз говорила Рону: что, если кто-то перехватит Буклю? Ведь раньше на нее никто не нападал в пути?

— А от кого письмо-то? — спросил Рон, забирая у Гарри пергамент.

— От Нюхалза, — тихо сказал Гарри.

— «Там же, в тот же час?» То есть в камине гостиной?

— Очевидно, — сказала Гермиона, пробежав за-

писку. Лицо у нее было озабоченное. — Надеюсь, больше никто его не прочел…

— Но оно было запечатано и вообще, — сказал Гарри, пытаясь убедить скорее себя, чем ее. — Да и никто бы не понял, если не знать, где мы в прошлый раз разговаривали.

— Не знаю, — усомнилась Гермиона и вскинула сумку на плечо, потому что прозвенел звонок. — Не так уж трудно снова запечатать пергамент с помощью магии… И если кто-то следит за Сетью летучего пороха… Только не представляю, как мы предупредим его, чтобы не появлялся, — ведь и наше письмо могут перехватить!

Они ломали голову над этой задачей, спускаясь по каменным ступеням в подземелье к Снеггу. Но внизу их вернул к действительности голос Драко Малфоя, который стоял перед дверью класса, размахивал официального вида пергаментом и говорил гораздо громче, чем требовалось — так, чтобы каждое слово донеслось до них:

— Да, Амбридж сразу дала разрешение слизеринской команде по квиддичу — мы продолжаем играть. Я прямо с утра отправился к ней. Все прошло как по маслу — она отлично знает отца, он часто наведывается в Министерство… А вот позволят ли Гриффиндору играть — это мы еще

посмотрим…

— Не заводитесь, — взмолилась Гермиона, потому что Рон и Гарри уже смотрели на него свирепо, сжав кулаки. — Он только этого и добивается…

— Тут главное — связи в Министерстве, — еще громче продолжал Малфой, злобно поглядывая в сторону Гарри и Рона. — А у этих, я думаю, шансов мало. Отец говорит, там давным-давно ищут повода уволить Артура Уизли… А что касается Поттера, отец говорит, это только вопрос времени — Министерство твердо решило сдать его в больницу святого Мунго — там есть специальное отделение для тех, кто спятил на магии.

Малфой скорчил идиотскую мину — отвесил губу и закатил глаза. Крэбб и Гойл, по обыкновению, загоготали, а Пэнси Паркинсон залилась визгливым смехом.

что-то толкнуло Гарри в плечо, отбросив в сторону. Мгновением позже он увидел, что это Невилл чуть не сшиб его, ринувшись на Малфоя.

— Невилл, стой!

Гарри бросился за ним и схватил его сзади за мантию. Невилл махал кулаками и рвался к остолбеневшему Малфою.

— Рон, помоги! — крикнул Гарри.

Ему удалось обхватить Невилла одной рукой вокруг шеи и удержать от атаки. Крэбб и Гойл уже приняли боевую стойку, загородив собой Малфоя. Рон схватил Невилла за руки, и вдвоем с Гарри они оттащили его от слизеринцев. Лицо у него стало багровым, рука на горле мешала говорить, но отдельные слова все же выскакивали.

— Не… смешно… не сметь… Мунго… покажу… ему.

Дверь класса открылась. Появился Снегг. Его черные глаза обежали цепочку гриффиндорцев и остановились на Гарри и Роне, сдерживавших Невилла.

— Поттер, Уизли, Долгопупс — драка? — раздался его холодный, надменный голос. — Десять очков штрафа Гриффиндору. Отпустите Долгопупса, Поттер, или останетесь после уроков. Все в класс.

Гарри отпустил Невилла. Тот пыхтел и испепелял его взглядом.

— Я должен был тебя остановить, — тяжело дыша, сказал Гарри и поднял сумку. — Крэбб и Гойл оставили бы от тебя мокрое место.

Невилл не ответил, только схватил сумку и вошел в класс.

— Из-за чего скандал? — протянул Рон.

Гарри промолчал. Он знал, почему так болезнен для Невилла любой разговор о людях, помещенных в больницу святого Мунго из-за магических повреждений мозга, но поклялся Дамблдору не выдавать секрет Долгопупса. Даже Невилл не подозревал, что ему об этом известно.

Гарри, Рон и Гермиона заняли свои привычные места в заднем ряду, достали пергамент, перья и книги «Тысяча магических трав и грибов». В классе шепотом обсуждали выходку Невилла, но, когда Снегг с громким стуком захлопнул дверь, все разом смолкли.

— Прошу заметить, у нас сегодня гость, — с обычной презрительной интонацией обратился к ним Снегг.

Он показал на темный угол подземелья, и Гарри увидел Амбридж с блокнотом на коленях. Подняв брови, он искоса взглянул на друзей. Снегг и Амбридж — самые ненавистные учителя, и даже трудно решить, кому он желает б***о***льших неприятностей от этой встречи.

— Сегодня мы продолжим работу над Укрепляющим раствором. Ваши смеси вы найдете в том состоянии, в каком оставили их на прошлом уроке. Если они были составлены правильно, то за выходные дни созрели. Инструкции, — он

указал палочкой, — на доске. Выполняйте.

Первые полчаса Амбридж только писала в блокноте. Гарри было любопытно, как она станет допрашивать Снегга — настолько любопытно, что он опять невнимательно отнесся к зелью.

— Саламандрову кровь, Гарри! — застонала Гермиона, схватив его за руку, чтобы он в третий раз не налил неправильный ингредиент. — Не гранатовый сок!

— Угу, — рассеянно отозвался Гарри, продолжая наблюдения за углом.

Амбридж как раз встала и направилась между рядами столов к Снеггу, склонившемуся над котлом Дина Томаса.

— Что ж, для своего уровня класс, кажется, неплохо подготовлен. Хотя не уверена, что ему стоит работать над таким зельем, как Укрепляющий раствор. Думаю, Министерство предпочло бы исключить его из курса.

Снегг медленно выпрямился и повернул к ней голову.

— Как долго вы преподаете в Хогвартсе? — спросила она, занеся перо над блокнотом.

— Четырнадцать лет. — Лицо Снегга было непроницаемо.

Гарри, продолжая следить за ним, добавил

несколько капель в зелье. Оно угрожающе зашипело и из бирюзового превратилось в оранжевое.

— Сначала, кажется, вы подавали на должность преподавателя защиты от Темных искусств?

— Да, — тихо ответил Снегг.

— Но безуспешно?

Снегг скривил губы:

— Как видите.

Она записала в блокноте.

— И после поступления в Хогвартс регулярно предлагали себя на эту должность, не так ли?

— Да. — Снегг едва шевельнул губами. Он был очень сердит.

— Не представляете себе, почему Дамблдор вам упорно отказывал в этом?

— Вам лучше спросить у него, — буркнул Снегг.

— Непременно, — сказала она со сладкой улыбкой.

— Полагаю, это имеет отношение к делу?

— Прямое, — сказала профессор Амбридж. — Министерство желает досконально знать… э-э… послужной список преподавателей.

Она отошла к Пэнси Паркинсон и стала расспрашивать ее о занятиях. Снегг оглянулся на

Гарри, и глаза их встретились. Гарри сразу опустил взгляд: его зелье противно свертывалось, издавая сильный запах жженой резины.

— Вновь без оценки, Поттер, — с удовольствием сказал Снегг и мановением волшебной палочки опорожнил его котел. — Напишете мне работу о правильном составе этого зелья с указанием, где и почему вы ошиблись. Сдать на следующем уроке, вам понятно?

— Да, — с яростью отозвался Гарри.

Снегг дал им задание на дом. Вечером у него тренировка по квиддичу, и это значит, еще две ночи без сна. Он уже представить себе не мог, что проснулся утром в хорошем настроении. Теперь мечтал только об одном: поскорее бы кончился этот день.

— Я, наверно, прогуляю прорицания, — уныло сказал он после обеда, когда они стояли во дворе и ветер трепал их мантии и поля шляп. — Скажусь больным, а сам напишу для Снегга, тогда не надо будет сидеть полночи.

— Тебе нельзя пропускать прорицания, — строго сказала Гермиона.

— Кто бы говорил! Ты сама ушла с прорицаний, ненавидишь Трелони! — возмутился Рон.

— Вопрос не в ненависти, — напыщенно изрек-

ла она. — Просто я считаю ее отвратительным преподавателем и старой мошенницей. Но Гарри уже прогулял историю магии, и, по-моему, сегодня больше ничего пропускать нельзя.

Замечание было справедливое, и получасом позже Гарри, злой на весь мир, занял свое место в душном, пропахшем благовониями классе прорицаний. Профессор Трелони снова раздала «Оракул снов». Гарри подумал, что с гораздо большей пользой провел бы время, делая штрафную работу для Снегга, вместо того чтобы отыскивать смысл выдуманных снов.

Однако, видимо, не он один пребывал в скверном настроении. Профессор Трелони шлепнула экземпляр «Оракула» на стол между Роном и Гарри и отошла, поджав губы. Потом швырнула книгу Симусу и Дину, чуть не угодив первому в голову, а еще один экземпляр сунула Невиллу в грудь с такой силой, что он съехал с пуфика.

— Продолжайте! — выкрикнула она с надрывом. — Вам известно, что надо делать! Или я такой слабый учитель, что вы до сих пор не умеете раскрыть книгу?

Ребята недоуменно уставились на нее, потом друг на друга. Гарри же догадывался, в чем дело. Глаза у Трелони за толстыми очками были пол-

ны слез, и, когда она стремительно вернулась к своему креслу с высокой спинкой, он наклонился к Рону и прошептал:

— Наверное, получила результаты инспекции.

— Профессор, — робко произнесла Парвати Патил (она и Лаванда восхищались профессором Трелони), — профессор, что-то случилось?

— Случилось?! — дрожащим голосом выкрикнула та. — Разумеется, нет! Меня оскорбили, разумеется… на меня возводят наветы, предъявляют беспочвенные обвинения — а в остальном ничего не случилось, ровно ничего!

Она судорожно вздохнула, отвернулась от Парвати, и из-под очков заструились слезы.

— Не буду говорить о шестнадцати годах беспорочной службы… очевидно, они прошли незамеченными… но я не позволю себя оскорблять — не позволю!

— Кто же вас оскорбил, профессор? — пролепетала Парвати.

— Власть имущие, — глухим рыдающим голосом возвестила Трелони. — Те, чьи глаза застит земное и низменное, кто не Видит так, как я Вижу, не Знает того, что я Знаю… Конечно, нас, Ясновидящих, всегда боялись, всегда травили… такова, увы, наша доля.

Она всхлипнула, вытерла мокрые щеки краем шали, потом вытащила из рукава вышитый платок и оглушительно — звук получился такой же неприличный, как у Пивза — продула нос.

Рон хихикнул, Лаванда наградила его уничижительным взглядом.

— Профессор, — сказала Парвати, — может быть, это профессор Амбридж?

— Не упоминайте при мне эту женщину! — Профессор Трелони вскочила с кресла, звеня бусами и сверкая очками. — Будьте добры продолжать работу!

И до конца урока расхаживала между столами, проливая слезы из-под очков и бормоча, по-видимому, какие-то угрозы.

— …вполне могу уволиться… унизительное положение… с испытательным сроком… еще посмотрим… как она смеет…

— У вас с Амбридж есть кое-что общее, — сказал Гермионе Гарри, когда они снова встретились на защите от Темных искусств. — Она тоже считает ее старой обманщицей и, похоже, оставила ее с испытательным сроком.

В это время вошла Амбридж со своим черным бантом и самодовольной улыбкой на лице.

— Здравствуйте, учащиеся.

— Здравствуйте, профессор Амбридж, — безрадостно ответили они.

— Волшебные палочки убрать.

На этот раз никакой возни не было: никто и не потрудился их вынуть.

— Откройте, пожалуйста, страницу тридцать четыре «Теории защитной магии» и прочтите главу третью «Основания для неагрессивного ответа на магическое нападение». От разговоров…

— Можно воздержаться, — шепотом подхватили трое друзей.

* * *

— Тренировки не будет, — хмуро объявила Анджелина, когда они вошли после ужина в общую гостиную.

— Но я не пререкался с ней. — Гарри был в ужасе. — Ни слова не сказал, клянусь тебе, Анджелина.

— Знаю. Знаю. Она сказала, ей надо разобраться.

— В чем разобраться? — возмутился Рон. — Слизеринцам дала разрешение. А нам почему нет?

Но Гарри представлял себе, насколько приятно Амбридж держать их в неизвестности, угрожая роспуском команды, и почему она не хочет рас-

статься с этим оружием против них.

— А ты взгляни на это с приятной стороны, — сказала Гермиона, — у тебя, по крайней мере, будет время написать работу для Снегга.

Рон посмотрел на нее с изумлением, а Гарри огрызнулся:

— Приятной? «Больше Снегга, меньше квиддича»?

Он повалился в кресло, вытащил из сумки свою писанину о зельях и принялся за работу. Сосредоточиться было трудно, хотя он знал, что Сириус должен появиться в огне еще не скоро. Тем не менее он каждые пять минут поглядывал в огонь — на всякий случай. К тому же в гостиной стоял невообразимый шум: Фред с Джорджем усовершенствовали свой Забастовочный завтрак и по очереди демонстрировали его под одобрительные крики публики.

Сперва Фред откусывал от оранжевого конца батончика, после чего картинно блевал в принесенное ведро. Затем кусал с темно-красного конца, и рвота мгновенно прекращалась. Ли Джордан, ассистировавший при показе, каждый раз лениво убирал рвоту с помощью того же Заклятия исчезновения, которое применял Снегг к зельям Гарри.

Регулярные звуки рвоты, веселые выкрики зрителей, заказывающих Фреду и Джорджу новинку, — все это сильно мешало Гарри восстановить в памяти правильный состав Укрепляющего раствора. От Гермионы тоже было мало помощи: при звуках льющейся в ведро массы она всякий раз брезгливо и громко шмыгала носом, и почему-то это тоже действовало Гарри на нервы.

— Так пойди и прекрати это! — не выдержал он, в четвертый раз зачеркивая неправильно указанную весовую долю молотых когтей грифона.

— Не могу. Формально они все делают правильно, — процедила она сквозь зубы. — Они вправе есть любую пакость, и я не знаю правила, запрещающего идиотам ее покупать, если не доказана ее опасность, — чего в данном случае, кажется, нет.

— Не понимаю, почему Фред и Джордж сдали только по три СОВ, — сказал Гарри, наблюдая, как они с Джорданом собирают золото с довольных покупателей. — Они мастера своего дела.

— Мастера эффектных штучек, от которых никакой пользы, — отрезала Гермиона.

— Никакой пользы? — звенящим голосом переспросил Рон. — Они заработали двадцать шесть галеонов.

Толпа вокруг близнецов Уизли рассеялась не сразу. Потом они втроем с Ли долго считали выручку, так что гостиная опустела только за полночь. Фред, хвастливо встряхивая коробку с монетами к недовольству Гермионы, наконец закрыл дверь в мужские спальни. Гарри, очень мало продвинувшийся в своей работе, решил на сегодня закончить. Когда он складывал книги, Рон, дремавший в кресле, тихонько замычал, проснулся и, с трудом разлепив глаза, посмотрел на камин.

— Сириус! — сказал он.

Гарри резко обернулся и увидел в огне лохматую голову Сириуса.

— Привет, — с улыбкой сказал Сириус.

— Привет, — откликнулись они хором и опустились на колени перед камином. Живоглот громко мурлыкнул, подошел к камину и, несмотря на жар, сунулся мордой к Сириусу.

— Как жизнь? — сказал Сириус.

— Не очень, — сказал Гарри, а Гермиона потянула Живоглота назад, чтобы он не спалил усы. — Министерство издало еще один декрет, и теперь ни команды по квиддичу…

— Ни кружка по защите от Темных искусств? — подхватил Сириус.

Пауза.

— Как ты узнал? — изумился Гарри.

— Надо умнее выбирать места для встречи, — с широкой улыбкой ответил крестный. — «Кабанья голова», видите ли.

— Но лучше же, чем в «Трех метлах»! — возразила Гермиона. — Там всегда полно народу.

— Значит, меньше шансов, что вас подслушают. Тебе еще учиться и учиться, Гермиона.

— Кто нас подслушал? — спросил Гарри.

— Наземникус, кто же еще.

Все трое разинули рты, и Сириус засмеялся:

— Это он был колдуньей в вуали.

— Наземникус? — Гарри не верил своим ушам. — Что он делал в «Кабаньей голове»?

— Ну что он мог делать, по-твоему? — сказал Сириус. — За тобой наблюдал, конечно.

— За мной до сих пор следят? — рассердился Гарри.

— Да, следят. И отнюдь не напрасно, раз ты не придумал ничего лучше, чем собрать нелегальный кружок по защите.

Но он явно не был сердит или обеспокоен. Наоборот, смотрел на Гарри с гордостью.

— А почему Назем от нас прятался? — разочарованно спросил Рон. — Мы были бы рады ему.

— Отлучен от «Кабаньей головы» двадцать лет назад, — объяснил Сириус. — А у этого бармена хорошая память. Мы лишились Грюмовой мантии-невидимки, когда арестовали Стерджиса, так что последнее время Назем часто наряжается ведьмой… Впрочем, первое дело к тебе, Рон: я поклялся передать тебе материнский наказ.

— Вон что? — сказал Рон, предчувствуя недоброе.

— Она сказала: ни в коем случае не участвовать в тайном кружке по защите от Темных искусств. Сказала: тебя непременно исключат, и твоя жизнь будет загублена. Сказала: у тебя полно времени впереди, чтобы научиться самозащите, а сейчас тебе об этом беспокоиться рано. Кроме того (он перевел взгляд на Гарри и Гермиону), она советует Гарри и Гермионе не затевать это дело, хотя признает, что приказывать им не вправе, и поэтому просто просит помнить, что заботится только об их благе. Она все это написала бы, но сову могут перехватить, что грозит вам крупными неприятностями. А сказать это лично не может — сегодня она на дежурстве.

— На каком дежурстве? — удивился Рон.

— Неважно, в Ордене. Так что на меня легла обязанность сообщить тебе это, а от тебя передать

подтверждение, что тебе все сказано, — потому что мне она, кажется, тоже не доверяет.

Снова наступила пауза, в продолжение которой Живоглот, мяукая, пытался зацепить голову Сириуса, а Рон ковырял дырку в каминном коврике.

— Так ты хочешь, чтобы я сказал, что не буду участвовать в кружке по защите? — пробормотал он наконец.

— Я? Конечно нет! — изумился Сириус. — По-моему, это чудесная мысль!

— Правда? — обрадовался Гарри.

— Ну конечно! Думаешь, мы с твоим папой распластались бы перед этой старой каргой Амбридж?

— Но в прошлом семестре ты без конца твердил: не рискуй, будь осторожен!

— В прошлом году, Гарри, по всем признакам кто-то в Хогвартсе замышлял тебя убить! — уже с нетерпением отвечал Сириус. — В этом году, мы знаем, убить тебя хочет кое-кто вне Хогвартса, поэтому считаю, что научиться самозащите — мысль хорошая.

— А если нас исключат? — не без насмешки спросила Гермиона.

— Гермиона, — сказал Гарри, — это же была

твоя идея!

— Знаю. Просто мне интересно, что думает Сириус.

— Ну, лучше вылететь отсюда, умея защищаться, чем смирно сидеть в школе беззащитными.

— Золотые слова! — с энтузиазмом подтвердили Рон и Гарри.

— Ну, и как вы организуете группу? Где собираетесь?

— В этом вся загвоздка, — сказал Гарри. — Не знаем, где встречаться.

— А если в Визжащей хижине? — предложил Сириус.

— О, это идея! — воскликнул Рон, но Гермиона скептически хмыкнула.

Остальные трое, включая Сириуса в огне, повернули к ней головы.

— Вас, Сириус, когда вы собирались в Визжащей хижине, было только четверо, — сказала Гермиона, — и все умели превращаться в животных, и при желании, наверное, уместились бы под одной мантией-невидимкой. А нас двадцать восемь, и ни одного анимага, и нам не мантия-невидимка нужна, а хороший шатер…

— Справедливо, — сказал Сириус, несколько потухнув. — Ну, уверен, вы что-нибудь придума-

ете. Был довольно просторный потайной ход за большим зеркалом на пятом этаже, можно там попрактиковаться в заклятиях.

Гарри покачал головой:

— Фред с Джорджем говорят, что он заблокирован, не то обвалился.

— А-а, — нахмурясь, сказал Сириус. — Я подумаю, и еще…

Он не закончил. Лицо его вдруг стало напряженным. Оно повернулось в сторону, уперлось взглядом в глухую кирпичную стену топки.

— Сириус? — встрепенулся Гарри.

Но тот уже исчез. Гарри обескураженно посмотрел в огонь, потом на Рона и Гермиону.

— Чего он вдруг?..

Гермиона испуганно охнула и вскочила на ноги, глядя в камин.

В огне появилась рука и словно пыталась что-то схватить — пухлая короткопалая рука с уродливыми старомодными перстнями.

Ребята бросились наутек. Перед дверью в мужские спальни Гарри оглянулся. Рука Амбридж в огне все еще делала хватательные движения, словно знала, где были минуту назад волосы Сириуса, и во что бы то ни стало хотела в них вцепиться.

Глава 18

ОТРЯД ДАМБЛДОРА

— Амбридж читала твою почту, Гарри. Другого объяснения нет.

— Думаешь, это она напала на Буклю? — с бешенством сказал он.

— Почти уверена, — мрачно ответила Гермиона. — Смотри за своей лягушкой, она удирает.

Лягушка радостно скакала к другому краю стола. Гарри направил на нее волшебную палочку:

— *Акцио!* — И лягушка покорно перелетела к нему в руки.

Заклинания были самым удобным уроком для того, чтобы посекретничать: такая кругом колготня и гам, что вряд ли тебя кто-нибудь подслушает. Сегодня в классе, оглашаемом кваканьем лягушек и хриплыми криками воронов, под стук дождя по оконным стеклам Гарри, Рон и Гермиона без помех перешептывались о том, как Амбридж чуть не поймала Сириуса.

— Я заподозрила это еще тогда, когда Филч обвинил тебя, что ты заказываешь навозные бомбы. Глупее не выдумать, — шептала Гермиона. —

Ведь если твое письмо прочли, тогда ясно, что ты их не заказывал. И зачем к тебе приставать ради дурацкой шутки? А потом я подумала: что, если кому-то нужен повод, чтобы прочесть твою почту? Амбридж легко это устроить: накапает Филчу, тот сделает черную работу, конфискует письмо, а она его выкрадет или потребует показать. Филч возражать не станет: когда это он вступался за права учеников? Гарри, ты раздавишь лягушку.

Гарри посмотрел на свою руку: действительно, он так сжал лягушку, что у нее вылезли глаза. Он быстро положил ее на стол.

— Вчера вечером все висело на волоске, — сказала Гермиона. — Интересно, Амбридж знает, как близка она была к успеху? *Силенцио.*

Лягушка, на которой она отрабатывала Заклятие немоты, онемела на полукваке и посмотрела на нее с укором.

— Если бы она поймала Нюхалза…

— Сегодня утром он был бы уже в Азкабане, — закончил за нее Гарри.

Он рассеянно взмахнул волшебной палочкой; лягушка его раздулась в зеленый шар и издала тонкий свист.

— *Силенцио*, — быстро сказала Гермиона, на-

правив палочку на лягушку, и та безмолвно выпустила воздух. — Он больше не должен так делать, вот и все. Не знаю только, как его предупредить. Сову посылать нельзя.

— Думаю, он сам не рискнет, — сказал Рон. — Он не дурак. Он понимает, что чуть не попался. *Силенцио!*

Большой уродливый ворон презрительно каркнул ему в лицо.

— *Силенцио, СИЛЕНЦИО!*

Ворон каркнул еще громче.

— Ты неправильно действуешь палочкой, — сказала Гермиона, критически наблюдая за его манипуляциями. — Не маши, а делай выпад.

— Вороны упрямей лягушек, — с досадой сказал Рон.

— Отлично. Меняемся. — Она схватила его ворона и заменила своей толстой лягушкой. — *Силенцио!*

Ворон продолжал разевать острый клюв, но из него не выходило ни звука.

— Очень хорошо, мисс Грэйнджер! — раздался у них за спиной писклявый голосок профессора Флитвика, отчего все трое вздрогнули. — А теперь попробуйте вы, мистер Уизли.

— А?.. Да, да, сейчас, — встрепенулся Рон, мгно-

венно залившись краской. — Э-э… *Силенцио!*

От усердия он ткнул лягушку в глаз, и она, оглушительно квакнув, спрыгнула на пол.

Так что их нисколько не удивило, когда Рону и Гарри было велено поупражняться в заклятии немоты еще и в свободное время.

Из-за ливня им разрешили провести перемену в помещении. Они отыскали свободное местечко в шумном переполненном классе на втором этаже, где Пивз мечтательно парил у люстры, время от времени плюя через трубку чернильными пульками в чью-нибудь макушку. Едва они сели, как сквозь гомонящую толпу к ним протиснулась Анджелина Джонсон.

— Я получила разрешение. Можем собирать команду!

— Замечательно! — воскликнули Рон и Гарри.

— Да. — Анджелина сияла. — Я пошла к МакГоногалл, и, думаю, она поговорила с Дамблдором. В общем, Амбридж должна была уступить. Ха! Жду вас на поле в семь часов — нам надо наверстывать. Вы понимаете, что первый матч у нас всего через три недели?

Она отошла от них, увильнув от чернильной пульки Пивза, угодившей в первокурсника рядом, и скрылась.

Рон взглянул на окно, по которому барабанил дождь, и улыбка его увяла.

— Надеюсь, к вечеру перестанет. Что с тобой, Гермиона?

Она тоже смотрела в окно, но так, будто не видела его. Взгляд ее был несфокусированным, и она хмурилась.

— Да вот подумала… — ответила она, по-прежнему глядя в сторону окна.

— Про Сири… Нюхалза? — спросил Гарри.

— Нет… не совсем… — медленно проговорила она. — Скорее… Правильно ли мы делаем… Как по-вашему?

Гарри и Рон переглянулись.

— Ага, это сильно проясняет дело, — сказал Рон. — А ты не могла бы выразиться членораздельнее?

Гермиона посмотрела на него так, словно только что вспомнила о его присутствии.

— Я просто подумала, — голос ее окреп, — правильно ли мы поступаем, затевая этот кружок по защите от Темных искусств.

— Что? — сказали Гарри и Рон хором.

— Это же была твоя идея! — возмутился Рон.

— Знаю. — Гермиона переплела пальцы. — Но после разговора с Нюхалзом…

— Он целиком за это, — сказал Гарри.

— Да, — сказала она, снова уставясь в окно. — Поэтому я и засомневалась, так ли хорошо мы придумали.

Пивз парил над ними с трубкой наготове; все трое инстинктивно подняли сумки над головой, дожидаясь, чтобы он улетел.

— Давай начистоту, — сердито сказал Гарри, когда они поставили сумки на пол. — Сириус нас поддержал, и поэтому ты думаешь, что нам надо отказаться?

Вид у Гермионы был довольно несчастный. Глядя на свои руки, она сказала:

— А ты доверяешь его мнению, если честно?

— Да, доверяю. Он всегда давал замечательные советы.

Чернильная пулька пролетела мимо них и попала точно в ухо Кэти Белл. Кэти вскочила и стала бросаться в Пивза всем, что попадало под руку. Понаблюдав за ней, Гермиона заговорила, тщательно выбирая слова:

— Вам не кажется, что он стал… ну… опрометчивым с тех пор, как его упрятали в дом на площади Гриммо? Вам не кажется, что он… как бы… живет через нас?

— Что значит «живет через нас»? — удивился

Гарри.

— В смысле… конечно, он будет в восторге, что под носом у Министерства устраиваются тайные общества по защите… По-моему, он в отчаянии от того, что сам ничего не может, сидя взаперти… и, по-моему, как бы сказать… подстрекает нас.

Рон был в полном недоумении.

— Сириус прав, — сказал он, — ты в самом деле рассуждаешь, как моя мать.

Гермиона прикусила губу и не ответила. Прозвенел звонок, и в ту же секунду Пивз, спикировав, вылил весь пузырек с чернилами на голову Кэти Белл.

* * *

День клонился к вечеру, а погода не улучшалась, так что в семь часов, отправившись к спортивному полю, Рон и Гарри сразу вымокли до нитки и то и дело оскальзывались на мокрой траве. Небо было темно-серое, грозовое, и они вошли в теплую светлую раздевалку с чувством облегчения, хотя знали, что облегчение это ненадолго. Фред и Джордж обсуждали уже, не прибегнуть ли к Забастовочному завтраку, чтобы отмотаться от тренировки.

— Да она сразу догадается, — вполголоса гово-

рил Фред. — Эх, зачем я предложил ей купить вчера Блевальные батончики?

— Может, попробуем Лихорадный леденец? — сказал Джордж. — Его еще никто не видел.

— А он действует? — с надеждой спросил Рон, поскольку дождь забарабанил по крыше еще настойчивее, а ветер за окном завыл еще злее.

— Вообще да, — сказал Фред, — температура подскакивает.

— А еще выскакивают гнойные чирьи, — сказал Джордж, — и мы пока не придумали, как от них избавиться.

— Никаких чирьев не вижу, — сказал Рон, глядя на близнецов.

— И не увидишь, — мрачно ответил Фред. — Они на том месте, которое народу обычно не показывают.

— Но на метлу сесть — все равно что…

Из капитанской комнаты вышла Анджелина.

— Слушай меня, команда. Я знаю, погода не идеальная, но не исключено, что нам придется играть со Слизерином в таких же условиях. Поэтому стоит проверить, как мы к ним приноровимся. Гарри, ты ничего не сделал с очками, чтобы их не слепил дождь, как в прошлой игре с Пуффендуем?

— Гермиона сделала. — Гарри вынул волшебную палочку, постучал по очкам и сказал: — *Импервиус*!

— Давайте все попробуем, — сказала Анджелина. — Если сможем не допускать дождь до лица, это очень улучшит видимость. Ну, вместе: *ИМПЕРВИУС*! Всё. Пошли.

Они убрали палочки во внутренние карманы, взяли метлы на плечо и вышли за Анджелиной из раздевалки.

По глубокой грязи добрели до середины поля. Несмотря на заклинание Импервиус, видимость была плохая; день гас, и полотнища дождя охлестывали землю.

— Ну, по свистку! — крикнула Анджелина.

Гарри оттолкнулся от земли и взмыл в воздух; ветер немного сбивал его с курса. Он не представлял себе, как можно углядеть снитч при такой погоде. Даже единственный бладжер, который они взяли на тренировку, он заметил в самый последний момент и, чтобы не быть сбитым, вынужден был прибегнуть к Вялому Кистевому Крену. Жаль, этого не увидела Анджелина. Впрочем, она вообще ничего не видела — ни один из них не имел представления о том, что делают остальные. Ветер усиливался; даже издали Гарри

слышал шипение дождя, падавшего на озеро.

Анджелина прогоняла их почти час, прежде чем смириться с поражением. Уводя промокшую и недовольную команду в раздевалку, она твердила, что тренировка не прошла впустую, но убежденности в ее голосе не было. Особенно удрученными выглядели Фред и Джордж оба шли враскоряку и гримасничали при каждом движении. Вытирая голову полотенцем, Гарри слушал их сетования.

— У меня вроде несколько штук прорвалось, — глухо говорил Фред.

— У меня нет, — морщась, отвечал Джордж. — Дергает по-страшному… похоже, еще больше вздулись.

— Уй! — вырвалось у Гарри.

Он зажмурился от боли и прижал полотенце к лицу. Шрам на лбу обожгло огнем — такого не было уже несколько недель.

— Что с тобой? — раздались голоса.

Гарри отнял полотенце, раздевалка расплывалась перед глазами: он был без очков, но все же почувствовал, что все лица обращены к нему.

— Ничего. Ткнул себя в глаз.

Но он со значением посмотрел на Рона, и, когда команда выходила из раздевалки, кутаясь в

мантии и нахлобучив шляпы на самые уши, оба нарочно отстали.

— Что случилось? — спросил Рон, как только Алисия скрылась за дверь. — Шрам?

Гарри кивнул.

— Но он не может быть где-то рядом, правда? — с испугом спросил Рон, подойдя к окну и вглядываясь в дождливую темень.

— Нет. — Гарри сел на скамью и потер лоб. — Он, наверное, за много миль отсюда. А заболело… потому что… он злится.

Гарри совсем не собирался это говорить — слова прозвучали у него в ушах так, будто их произнес посторонний. И однако, он сразу понял, что они верны. Неизвестно, почему понял, но понял. Где бы ни был сейчас Волан-де-Морт, чем бы ни занимался, в эту минуту он испытывал гнев.

— Ты его увидел? — с ужасом спросил Рон. — У тебя было видение или что?

Гарри сидел неподвижно, глядел на ноги, приходя в себя после приступа боли.

Путаница смутных форм, наплыв воющих голосов…

— Он хочет, чтобы что-то сделали, но делается это слишком медленно.

И опять с удивлением услышал от себя эти

слова, и опять почувствовал, что они верны.

— Но… откуда ты знаешь? — сказал Рон.

Гарри помотал головой, закрыл ладонями глаза и нажал так сильно, что поплыли огненные точки. Он почувствовал, что Рон сел рядом и смотрит на него.

— И в прошлый раз было из-за этого? — слабым голосом спросил Рон. — Когда заболело в кабинете у Амбридж. Сам-Знаешь-Кто злился?

Гарри помотал головой.

— А что же тогда?

Гарри попытался вспомнить, как это было. Он смотрел на лицо Амбридж… шрам болел… в животе странное ощущение… как бы подергивания… радостного… Но тогда, конечно, он этого не понял — он чувствовал себя несчастным.

— Нет, в прошлый раз потому, что он был доволен. Он думал… произойдет что-то приятное. А в ночь накануне отъезда в школу… — Гарри вспомнил, как заболел тогда шрам в их с Роном спальне на площади Гриммо, — Волан-де-Морт был в бешенстве.

Гарри повернулся к Рону, тот смотрел на него, вытаращив глаза.

— Друг, тебя вместо Трелони пора нанимать.

— Я ничего не предсказываю.

— Нет, знаешь, что ты делаешь? — испуганно и в то же время с почтением сказал Рон. — Гарри, ты читаешь мысли Сам-Знаешь-Кого!

Гарри покачал головой:

— Нет. Скорее… настроения. И приходит как бы вспышками — в каком он настроении. Дамблдор сказал, что в прошлом году происходило примерно то же. Сказал, что, когда Волан-де-Морт был совсем близко или испытывал ненависть, я это чувствовал. Вот, а теперь еще чувствую, когда он доволен.

Наступило молчание. Ветер и дождь ломились в здание.

— Ты должен кому-то рассказать.

— В прошлый раз сказал Сириусу.

— Скажи и теперь.

— Интересно, как? — угрюмо ответил Гарри. — Амбридж следит за совами и за камином — забыл?

— Ну, тогда Дамблдору.

— Говорю же тебе: он знает. — Гарри встал, снял мантию с крючка и закутался. — Зачем говорить еще раз?

Рон, задумчиво глядя на Гарри, запахнул мантию:

— Дамблдор захотел бы об этом узнать.

Гарри пожал плечами:

— Пойдем, надо еще поупражняться в Заклятии немоты.

Они торопливо пошли по темному лугу, спотыкаясь и оскальзываясь на мокрой траве. Оба молчали. Гарри напряженно думал. Что такое понадобилось Волан-де-Морту, если он злится на задержку?

У него есть и другие планы… которые он надеется осуществить без всякого шума… То, чем он может завладеть только исподтишка… некое… подобие оружия. То, чего у него не было в прошлый раз.

Гарри давно не задумывался над этими словами — слишком поглощен был делами в Хогвартсе, слишком много душевных сил отбирала война с Амбридж, несправедливое вмешательство Министерства, — но теперь они вспомнились и заставили задуматься. Гнев Волан-де-Морта объясним, если он никак не может добраться до *оружия*, неизвестно какого. Орден помешал ему, расстроил его планы? Где оно хранится? У кого оно сейчас?

— *Мимбулус мимблетония*, — раздался голос Рона.

Гарри опомнился и следом за ним прошел через

портретный проем в общую гостиную.

Видимо, Гермиона отправилась спать пораньше, а Живоглот лежал, свернувшись в кресле возле камина, перед столом, заваленным нескладными вязаными шапочками для эльфов. Гарри даже обрадовался, что ее нет, — ему не хотелось продолжать разговоры о шраме и слушать, как его посылают к Дамблдору. Рон беспокойно поглядывал на него, а он вынул книги по заклинаниям и принялся дописывать сочинение. Но только изображал сосредоточенность и к тому времени, когда Рон пошел спать, едва ли написал несколько строк.

Наступила и прошла полночь, а он все читал и перечитывал страницу об использовании ложечницы, любистока и чихотной травы и не усваивал ни слова.

«Сии травы наипаче способны к воспалению ума и посему употребляемы для Смутительных и Дурманных Настоев, ежели волхв пожелал наградить кого Горячностью и Опрометчивостью…»

Гермиона сказала, что Сириус сделался опрометчив, сидя взаперти на площади Гриммо.

«…наиболее способны к воспалению ума и посему употребляемы…»

…В «Ежедневном пророке» сочтут, что у него

воспаление ума, если пронюхают, что он чувствует настроения Волан-де-Морта…

«…употребляемы для Смутительных и Дурманных Настоев…»

«Смутительных» — подходящее слово; почему ему ведомы чувства Волан-де-Морта? Что за жуткая связь между ними, и почему Дамблдор не может ее толком объяснить?

«…ежели волхв пожелал…»

И до чего спать хочется…

«…наградить кого Горячностью…»

А в кресле у камина так тепло и уютно, когда дождь хлещет по стеклам, мурлычет Живоглот, потрескивают в огне поленья…

Книга выскользнула из ослабевших пальцев и с глухим стуком упала на коврик перед камином. Голова у Гарри свесилась набок.

Он снова шел по коридору без окон, и шаги его гулко отдавались в тишине. Все ближе дверь в конце прохода, все чаще удары сердца… если бы открыть ее… войти туда…

До нее рукой подать… Он протянул…

— Гарри Поттер, сэр!

Он вздрогнул и проснулся. Свечи в гостиной уже не горели, но что-то двигалось рядом с ним.

— Кто там? — Гарри выпрямился в кресле. Ка-

мин почти погас, в гостиной тьма.

— У Добби ваша сова, сэр! — раздался писклявый голос.

— Добби? — прохрипел Гарри, вглядываясь в темноту.

Добби, домовый эльф, стоял у стола, где Гермиона оставила полдюжины вязаных шапок. Его большие остроконечные уши торчали, кажется, из-под полной коллекции шапок, сотворенных Гермионой: одна на другой, одна на другой, так что голова удлинилась на два или три фута, и на самом верхнем помпоне, мирно ухая, сидела совершенно здоровая Букля.

— Добби вызвался отнести Гарри Поттеру сову, — с обожанием на лице пропищал эльф. — Профессор Граббли-Дерг говорит, что она в полном здравии, сэр.

Он отвесил глубокий поклон, ткнувшись карандашным своим носом в вытертый коврик, а Букля возмущенно ухнула и перепорхнула на подлокотник кресла.

— Спасибо, Добби!

Гарри гладил Буклю по голове и моргал, пытаясь прогнать видение двери… уж больно оно было ярким. Присмотревшись к Добби, он обнаружил, что на эльфе к тому же несколько шарфов

и без счета носков — ноги похожи на тумбы.

— Ты что же, всю одежду забрал, которую оставляет Гермиона?

— О нет, сэр, — радостно сообщил эльф. — Добби и для Винки брал.

— Как поживает Винки?

— Винки по-прежнему выпивает, сэр, — печально ответствовал эльф, потупив круглые зеленые глаза, большие, как теннисные мячики. — И совсем не интересуется одеждой, сэр Гарри Поттер. Как и остальные домовые эльфы. Никто из них больше не хочет прибирать в башне Гриффиндора, когда всюду рассованы шапки и носки. Они находят это оскорбительным, сэр. А Добби не возражает, сэр, он всегда надеется повстречать Гарри Поттера, и сегодня ночью, сэр, его желание сбылось! — Добби снова отвесил поклон. — Но сэр Гарри Поттер, кажется, опечален, — продолжал он, выпрямившись и робко глядя на собеседника. — Добби слышал, как он разговаривал во сне. Гарри Поттер видел плохой сон?

— Не самый плохой, — сказал Гарри, зевнув и протирая глаза. — Бывали похуже.

Добби наставил на него свои зеленые шары. Потом, свесив уши, сказал с чувством:

— Добби очень хотел бы помочь Гарри Поттеру,

потому что Гарри Поттер освободил Добби, и теперь Добби гораздо, гораздо счастливее.

Гарри улыбнулся:

— Помочь ты не в силах, Добби, но спасибо за предложение.

Он нагнулся и подобрал книгу по зельям. Завтра надо дописать. Он закрыл книгу; при этом тусклый огонь камина осветил белые рубцы на тыльной стороне руки — следы отсидок у Амбридж…

— Подожди-ка, Добби. Кое с чем ты можешь мне помочь, — медленно проговорил он.

Эльф радостно обернулся:

— Только скажите, сэр Гарри Поттер!

— Мне надо подыскать место, где могли бы упражняться в защите от Темных искусств двадцать восемь человек — и так, чтобы не знали преподаватели. Особенно, — рука его сама собой сжалась на книге, — профессор Амбридж.

Он ожидал, что улыбка исчезнет с лица эльфа и уши повиснут; ожидал услышать в ответ, что это невозможно или что Добби попробует поискать, хотя надежды на успех мало. Но, к его удивлению, Добби подпрыгнул, весело тряхнул ушами и хлопнул в ладоши.

— Добби знает чудесное помещение, сэр! Добби

услышал о нем от других эльфов, когда прибыл в Хогвартс. Оно называется Комната Так-и-Сяк, сэр, иначе — Выручай-комната.

— Почему? — полюбопытствовал Гарри.

— Потому что в эту комнату можно войти, только когда по-настоящему в ней нуждаешься. Иногда она есть, а иногда ее нет, но когда она появляется, то обставлена так, как требуется нуждающемуся. Добби воспользовался ей, — с виноватым видом сказал эльф, понизив голос, — когда Винки сильно напилась. Он спрятал ее в Выручай-комнате и нашел там опохмелители от сливочного пива и хорошую кровать размера эльф, на которой Винки отсыпалась. И Добби знает, сэр, что мистер Филч нашел там чистящие средства, когда у него кончился запас, и…

— И если вам очень нужно в туалет, — перебил Гарри, вспомнив, что сказал на прошлогоднем Святочном балу Дамблдор, — она будет уставлена ночными горшками?

— Добби полагает, что да, — серьезно ответил эльф. — Это весьма удивительная комната.

— Сколько народу о ней знает?

— Очень мало, сэр. Люди натыкаются на нее, когда очень нужно, но потом не могут ее найти — им невдомек, что она всегда есть и только

ждет, когда ее призовут на службу.

— Блестяще, если так. — Сердце у Гарри забилось учащенно. — То, что нужно, Добби. Когда ты мне ее покажешь?

— В любое время, сэр Гарри Поттер, — сказал Добби, обрадованный его энтузиазмом. — Если хотите, можно пойти сейчас же!

Гарри подмывало так и сделать. Он уже приподнялся из кресла, чтобы бежать в спальню за мантией-невидимкой, но тут впервые у него в ушах зазвучал тихий голос, очень похожий на голос Гермионы: «Опрометчиво». Все-таки час был поздний, и он очень устал.

— Не сегодня, — сказал он скрепя сердце. — Это серьезное дело. Я не хотел бы напортачить. Надо все хорошенько продумать. Слушай, ты можешь для начала сказать мне, где именно находится эта Выручай-комната и как туда попасть?

* * *

По раскисшим огородам они шлепали на сдвоенную травологию; ветер раздувал и трепал их мантии. Речь профессора Стебль была едва слышна — дождь барабанил по крыше теплицы так, что граду впору позавидовать.

Буря продолжалась и после обеда; уход за ма-

гическими существами перенесли с воздуха в свободный класс на втором этаже, а в обед, к всеобщему облегчению, Анджелина объявила членам команды, что тренировка отменяется.

— Отлично, — тихо сказал ей в ответ Гарри, — нашлось место для первого занятия по защите. Сегодня в восемь, восьмой этаж, напротив гобелена с Варнавой Вздрюченным, которого лупят тролли. Можешь передать Кэти и Алисии?

Она слегка удивилась, но пообещала известить остальных. Гарри набросился на сосиски с пюре. Оторвавшись на секунду, чтобы взять тыквенный сок, он увидел, что на него смотрит Гермиона.

— Что? — спросил он с полным ртом.

— Затеи Добби не всегда безопасны. Помнишь, он оставил тебя без костей в руке?

— Эта комната — не просто дикая выдумка Добби; Дамблдор тоже знает о ней, он сказал при мне на Святочном балу.

Лицо у Гермионы посветлело:

— Дамблдор сказал о ней?

— Вскользь. — Гарри пожал плечами.

— А, тогда хорошо, — бросила она и больше не возражала.

Большую часть дня они с Роном разыскивали ребят, записавшихся в «Кабаньей голове», чтобы

сообщить им место встречи. Гарри был несколько огорчен тем, что Чжоу и ее подругу нашла Джинни, а не он; но к концу ужина все двадцать пять человек, пришедших в «Кабанью голову», были оповещены.

В половине седьмого Гарри, Рон и Гермиона вышли из гостиной; у Гарри в руке был старый лист пергамента. Пятикурсникам дозволялось ходить до девяти часов, но все трое, поднимаясь на восьмой этаж, нервно озирались.

— Стоп, — сказал Гарри, когда они одолели последний марш лестницы. Он развернул пергамент, постучал по нему волшебной палочкой и произнес: — Торжественно клянусь, что замышляю шалость, и только шалость.

На пустом листе появилась карта Хогвартса. Черные точки с именами показывали, где находятся разные люди.

— Филч на третьем этаже, — сказал Гарри, поднеся карту к глазам, — а Миссис Норрис на пятом.

— Амбридж? — взволнованно спросила Гермиона.

Гарри показал.

— У себя в кабинете. Порядок. Пошли.

Они заторопились к тому месту, которое указал

Добби, — голой стенке напротив громадного гобелена с изображением Варнавы Вздрюченного и его дурацкой затеи обучить троллей балету.

— Так, — сказал Гарри, когда траченный молью тролль перестал дубасить палкой учителя танцев и оглянулся на них. — Добби сказал: три раза пройти мимо этой стенки, сильно сосредоточившись на том, что нам нужно.

Так они и сделали, поворачивая назад у первого окна, а на обратном пути — у вазы вышиной в человеческий рост. Рон от напряжения сделался косым; Гермиона что-то бормотала себе под нос; Гарри смотрел прямо перед собой, сжав кулаки.

«Мы должны уметь сражаться, — думал он. — Дай нам место, где мы сможем учиться… где нас не найдут».

— Гарри! — вскрикнула Гермиона, когда они повернули после третьего прохода.

В стене появилась полированная дверь. Рон смотрел на нее с опаской. Гарри схватился за медную ручку, открыл дверь и первым вошел в просторную комнату, освещенную факелами вроде тех, что горели в подземелье восемью этажами ниже.

Вдоль стен тянулись книжные полки, на полу лежали большие шелковые подушки — вместо

стульев. На стеллаже в дальнем конце стояли приборы — вредноскопы, стервовизоры, детекторы лжи и большой треснутый Проявитель врагов — тот самый, был уверен Гарри, который висел год назад в кабинете Лжегрюма.

— Эти пригодятся, когда будем делать Оглушение. — Рон с энтузиазмом пнул подушку.

— А сколько книг! — воскликнула Гермиона, водя пальцем по кожаным корешкам. «Путеводитель по практическим проклятиям»… «Как превзойти Темные искусства»… «Самооборона чарами»… Ух! — Сияя, она обернулась к Гарри, и стало ясно, что книжные сокровища наконец-то убедили Гермиону в правильности задуманного дела. — Чудо, Гарри! Здесь все, что нам нужно!

И без дальнейших разговоров сняв с полки «Прочь от порчи», уселась с ней на ближайшую подушку.

В дверь тихо постучали. Гарри обернулся. Пришли Джинни, Невилл, Лаванда, Парвати и Дин.

— Ого! — сказал, озираясь, Дин. — Что это за комната?

Гарри начал объяснять, но кончить не успел — явились новые, и пришлось начинать сначала. К восьми часам все подушки были заняты. Гарри подошел к двери и повернул торчавший в замке

ключ. Замок успокоительно щелкнул, все умолкли, повернувшись к Гарри. Гермиона педантично отметила свою страницу в «Прочь от порчи» и отложила книгу.

— Ну, — слегка волнуясь, заговорил Гарри, — мы подыскали место для занятий, и, кажется, вам оно подошло.

— Изумительно! — сказала Чжоу, и несколько человек отозвались одобрительным ропотом.

— Чудно! — недоверчиво озираясь, сказал Фред. — Однажды мы прятались тут от Филча, помнишь, Джордж? И тогда это был чулан с вениками.

— Гарри, а что это за штуки? — спросил из дальнего конца Дин, показав на Проявитель врагов и вредноскопы.

— Детекторы Темных сил, — объяснил Гарри, направляясь туда между подушками. — В принципе, все они показывают приближение врагов и Темных магов, но на них нельзя чересчур полагаться — их можно обмануть.

Он заглянул в Проявитель врагов: там двигались смутные фигуры, но узнать их было нельзя. Он отвернулся.

— Я вот думаю, с чего бы нам начать и... — Он заметил поднятую руку. — Да, Гермиона.

— Я думаю, надо избрать руководителя.

— Гарри — руководитель, — немедленно откликнулась Чжоу и посмотрела на Гермиону, как на сумасшедшую.

Желудок Гарри сделал очередное обратное сальто.

— Да, но надо проголосовать по всей форме, — не смутилась Гермиона. — Тогда его полномочия будут официальными. Итак, кто за то, чтобы руководителем был Гарри?

Все подняли руки, даже Захария Смит, хотя и сделал это с видимой неохотой.

— Ну ладно, спасибо, — сказал Гарри, чувствуя, что краснеет. — И… что, Гермиона?

— Еще я думаю, нам нужно название, — бодро сказала она, по-прежнему с поднятой рукой. — Это укрепит дух коллективизма, правда?

— Может, назовемся Лигой против Амбридж? — с надеждой сказала Анджелина.

— Или группа «Министерство Магии — Маразматики»? — предложил Фред.

— Я думала, скорее, о таком названии, — сказала Гермиона, бросив косой взгляд на Фреда, — которое ничего не скажет посторонним, и мы сможем спокойно упоминать его вне занятий.

— Оборонное Движение? — сказала Чжоу. —

Сокращенно ОД, никто ничего не поймет.

— Да, ОД — подходяще. Только пусть оно означает «Отряд Дамблдора», раз Министерство боится этого больше всего на свете.

Ответом ей был одобрительный шум и смех.

— Все за ОД? — важно спросила Гермиона и стала коленями на подушку, чтобы подсчитать голоса. — Большинство «за». Принято!

Она приколола пергамент с их подписями к стене и сверху написала крупными буквами:

ОТРЯД ДАМБЛДОРА

— Хорошо, — сказал Гарри, когда все уселись. — Может быть, начнем? Я подумал, стоит начать с обезоруживающего заклинания Экспеллиармус. Знаю, оно довольно элементарное, но мне оно помогало…

— Я тебя умоляю, — сказал Захария Смит, закатив глаза и сложив ладони. — Неужели ты думаешь, что Экспеллиармус поможет нам против Сам-Знаешь-Кого?

— Я применял его против него, — спокойно ответил Гарри. — Оно спасло мне жизнь в июне.

Захария разинул рот. Все молчали.

— Но если считаешь, что ты выше этого, можешь уйти.

Смит не пошевелился. Остальные тоже.

— Хорошо, — сказал Гарри, ощущая сухость во рту оттого, что на него устремлены все взгляды. — Давайте разобьемся на пары и приступим.

Очень непривычно было давать инструкции и еще непривычнее видеть, что их выполняют. Все немедленно встали и разделились. Как и следовало ожидать, Невилл остался без партнера.

— Давай со мной, — сказал Гарри. — Так, на счет три… Ну — раз, два, три…

Комнату огласили крики «*Экспеллиармус*». Волшебные палочки полетели во всех направлениях; шальные заклятия попадали в книги, и те взвивались с полок. Невилл не успевал за Гарри — палочка вырвалась у него из руки, ударилась в потолок, вызвав дождь искр, и со стуком упала на книжную полку, откуда Гарри извлек ее Манящими чарами. Оглядев комнату, он решил, что поступил правильно, начав с основ; очень много происходило вокруг неопрятного чародейства, многим вообще не удавалось обезоружить оппонентов — те только отлетали на несколько шагов или вздрагивали, когда слабые чары ширкали мимо.

— *Экспеллиармус*, — сказал Невилл, и Гарри, пойманный врасплох, почувствовал, как палочка

вырвалась у него из руки.

— ПОЛУЧИЛОСЬ! — вскричал Невилл. — Первый раз получилось!

— Молодец, — поощрил его Гарри, не добавив, что в реальном поединке противник вряд ли будет глазеть по сторонам и держать волшебную палочку у колена. — Слушай, Невилл, можешь поработать по очереди с Роном и Гермионой минуты три? А я пока пройдусь, посмотрю, как идут дела у других.

Он отошел на середину комнаты. С Захарией Смитом происходило что-то странное. Всякий раз, когда он хотел обезоружить Энтони Голдстейна, палочка вылетала у него из руки, хотя Энтони не издавал ни звука. Гарри недолго пришлось ломать голову над этой загадкой: в нескольких шагах от Смита стояли Фред и Джордж и по очереди нацеливались волшебными палочками ему в спину.

— Извини, Гарри, — сказал Джордж, поймав его взгляд. — Не мог удержаться.

Гарри обходил другие пары и пытался поправить тех, кто действовал неправильно. Джинни стояла против Майкла Корнера; у нее получалось очень хорошо, а Майкл либо был слаб, либо не хотел обезоруживать ее. Эрни Макмиллан

чересчур размахивал волшебной палочкой, так что противник успевал проникнуть под его защиту. Братья Криви сражались увлеченно, но бестолково — книги прыгали с полок по большей части их стараниями. Полумна тоже действовала неуверенно: иногда у Джастина Финч-Флетчли палочка вылетала из рук, а иногда только волосы вставали дыбом.

— Всё, стоп! — крикнул Гарри. — Стоп! СТОП!

«Мне нужен свисток», — подумал он и сразу увидел его на ближайшей полке с книгами. Он схватил его и громко свистнул. Все опустили свои волшебные палочки.

— Это было неплохо, — сказал Гарри, — но до совершенства еще далеко.

Захария Смит смотрел на него недовольно.

— Попробуем еще раз.

Он снова прошел по комнате, время от времени останавливаясь, чтобы дать совет. Действия ребят постепенно становились более четкими. Поначалу Гарри избегал подходить к Чжоу и ее подруге, но, обойдя всех два раза, больше не мог ее игнорировать.

— Ох, нет! — всполошилась Чжоу при его приближении. — *Экспеллиармиос!* То есть *Экспеллимеллиус!* Ой, извини, Мариэтта!

Рукав ее кудрявой подруги загорелся: Мариэтта погасила его своей волшебной палочкой и гневно воззрилась на Гарри; словно это была его ошибка.

— Я из-за тебя занервничала, — виновато сказала Чжоу. — До этого все получалось.

— И сейчас неплохо, — соврал Гарри, но, увидев, что она подняла брови, поправился: — Нет, паршиво, конечно, но я знаю, что у тебя получается нормально. Я издали наблюдал.

Чжоу рассмеялась. Мариэтта посмотрела на них с кислым видом и отвернулась.

— Не обращай внимания, — сказала Чжоу. — Она вообще-то не хочет ходить — я ее уговорила. Родители велели ей не раздражать Амбридж. Понимаешь, ее мама работает в Министерстве.

— А твои родители?

— Мои тоже не велели вступать с ней в конфликт, — сказала Чжоу и гордо выпрямилась. — Но если они думают, что я не буду драться Сам-Знаешь-с-Кем после того, что он сделал с Седриком…

Она запнулась; повисла неловкая пауза; мимо уха Гарри просвистела волшебная палочка Терри Бута и стукнула Алисию Спиннет прямо в нос.

— А мой папа *очень* поддерживает все, что

против Министерства! — с достоинством сказала Полумна Лавгуд. Видимо, она слушала их разговор, пока Джастин Финч-Флетчли выпутывался из мантии, взвившейся выше головы. — Он говорит, что Фадж способен на все — взять хотя бы, сколько гоблинов он убил! А в Отделе тайн ему разрабатывают страшные яды, и он травит всех, кто с ним не согласен. И еще у него этот Чертохолопый Головосек…

Чжоу открыла рот от удивления.

— Не спрашивай, — шепнул ей Гарри, и она хихикнула.

— Гарри, — окликнула его из дальнего конца комнаты Гермиона, — ты следишь за временем?

Гарри взглянул на часы и с удивлением обнаружил, что уже десять минут десятого — значит, надо немедленно возвращаться в гостиную, если они не хотят попасться Филчу и быть наказанными за нарушение режима.

— В целом, очень неплохо, — сказал Гарри. — Но мы запаздываем, надо уходить. Через неделю тут же, в то же время?

— Пораньше бы! — взмолился Дин Томас, и многие закивали.

Но их осадила Анджелина:

— Начинается игровой сезон, тренироваться

тоже надо!

— Тогда давайте вечером в среду, — сказал Гарри, — и выберем дополнительный день. А сейчас пошли.

Он взял Карту Мародеров и проверил, нет ли на восьмом этаже преподавателей. Потом стал выпускать их по трое и по четверо, напряженно следя за движением черных точек. Он хотел убедиться, что они благополучно следуют к своим спальням: Пуффендуйцы — на втором этаже в коридоре, ведущем к кухне; когтевранцы — в Западной башне замка, гриффиндорцы — по коридору с портретом Полной Дамы.

— Все прошло очень хорошо, — сказала Гермиона, когда они наконец остались втроем.

— Потрясающе! — подхватил Рон. Они выскользнули в коридор; дверь тотчас же слилась с каменной стеной. — Ты видел, как я обезоруживал Гермиону?

Гермиона была уязвлена.

— Всего раз. Я доставала тебя гораздо больше.

— Не раз, а по крайней мере три.

— Ну, если считать тот раз, когда ты споткнулся о собственную ногу и вышиб у меня палочку…

Они спорили всю дорогу до гостиной, но Гарри их не слышал. Он поглядывал на Карту Мароде-

ров, а сам думал о том, что сказала Чжоу: что она из-за него нервничает.

Глава 19

ЛЕВ И ЗМЕЯ

Две недели у Гарри было такое чувство, что он носит в груди талисман, пламенную тайну, помогавшую ему терпеть занятия у Амбридж и даже вежливо улыбаться, глядя в ее жуткие выпуклые глаза. ОД и он под самым носом у нее делали то, чего она и Министерство больше всего страшились, и, вместо того чтобы читать у нее на уроках Уилберта Слинкхарда, он с удовольствием вспоминал последние собрания кружка, вспоминал, как Невилл разоружил Гермиону, как Колин Криви после усердной практики на трех занятиях овладел Чарами помех; как Парвати Патил так хорошо овладела Уменьшающим заклятием, что превратила стол со всеми вредноскопами в пыль.

Выделить определенный день для собраний ОД оказалось невозможно: надо было приноравливаться к отдельным тренировкам трех команд по квиддичу, а их нередко переносили из-за плохой погоды. Но Гарри об этом не сожалел: наверное, даже выгодней собираться не по расписанию.

Если за ними слежка, ее это скорее запутает.

Гермиона вскоре придумала очень остроумный способ оповещать всех участников о времени и дате собрания, когда надо было неожиданно его перенести. Если бы ученики с разных факультетов стали слишком часто ходить по Большому залу и сговариваться, это выглядело бы подозрительно. Всем членам ОД Гермиона дала по фальшивому галеону (Рон чрезвычайно возбудился, когда увидел корзинку и решил, что раздают золото).

— Видите цифры по ребру монеты? — сказала она, показывая образец в конце четвертого занятия. Монета зажиточно блестела золотом при свете факелов. — На настоящих галеонах это серийный номер, указывающий, каким гоблином она отчеканена. На этих фальшивых цифры будут меняться — они показывают дату и час следующего собрания. Когда дата меняется, монета делается горячей, так что, если вы носите ее в кармане, вы это почувствуете. Все берем по одной; когда Гарри назначает дату, он меняет цифры *на своей*, и, поскольку я навела на них Протеевы чары, с вашими произойдет то же самое.

Ответом ей было недоуменное молчание. Гермиона обвела взглядом смущенных слушателей.

— Я подумала, это хороший способ, — неуверенно пояснила она. — В смысле, если Амбридж прикажет вывернуть карманы, то ничего подозрительного не увидит. Ну… если вам не хочется…

— Ты умеешь наводить Протеевы чары? — спросил Терри Бут.

— Да.

— Но это ведь… это уровень ЖАБА, — сказал он слабым голосом.

— Ну… — Гермиона старалась держаться скромно, — может быть… наверное…

— Почему ты не в Когтевране? — допытывался он почти удивленно. — С твоими мозгами?

— На распределении Волшебная шляпа всерьез подумывала отправить меня в Когтевран, — весело сказала Гермиона, — и все-таки остановилась на Гриффиндоре. Так мы воспользуемся галеонами?

Послышались одобрительные голоса, и все стали подходить к корзинке. Гарри повернул к ней голову:

— Знаешь, что мне это напоминает?

— Нет, что?

— Шрамы Пожирателей смерти. Волан-де-Морт прикасается к одному, и шрамы у всех жжет. Это

— сигнал, что он их призывает.

— Ну… да, — тихо сказала Гермиона, — это и навело меня на мысль… Но заметь: я решила вырезать дату на металлических вещах, а не на коже членов отряда.

— Ага, твой способ гуманней. — Гарри улыбнулся и опустил монету в карман. — Единственное опасение — мы можем потратить их невзначай.

— Черта с два, — сказал Рон, с некоторой скорбью разглядывая свой негодный денежный знак. — Мне-то не с чем его спутать.

Приближался первый матч сезона: Гриффиндор — Слизерин. Анджелина требовала чуть ли не ежедневных тренировок, и в собраниях ОД наступил перерыв. Из-за того, что Кубок по квиддичу давно не разыгрывался, предстоящую игру ожидали с повышенным интересом и даже волнением. Живо интересовались ею и Пуффендуйцы с когтевранцами — и тем и другим, понятно, предстояло сразиться с обеими этими командами. Деканы факультетов, пытаясь сохранять приличествующую им беспристрастность, на самом деле горячо желали победы своих. Насколько важен для профессора МакГонагалл выигрыш у Слизерина, Гарри понял по тому, что за неделю до матча она перестала давать им задания на дом.

— Полагаю, в ближайшие дни у вас и без этого достаточно дел, — торжественно произнесла она, и они не поверили своим ушам. Но тут она посмотрела в упор на Гарри и Рона и сурово добавила: — Я привыкла видеть Кубок по квиддичу у себя в кабинете и вовсе не хочу уступать его профессору Снеггу, так что потренируйтесь лишний раз, если не затруднит.

Снегг проявлял не менее горячую заботу о своей команде. Он так часто заказывал поле для слизеринцев, что команде Гриффиндора иногда не удавалось потренироваться. Он пропускал мимо ушей жалобы на то, что слизеринцы пытаются вывести соперников из строя в коридорах. В больничное крыло пришла Алисия Спиннет — брови у нее стали расти так быстро и густо, что совершенно закрыли глаза и уже мешали есть. И хотя четырнадцать свидетелей доказывали, что ее заколдовал сзади слизеринский вратарь Майлс Блетчли, когда она занималась в библиотеке, Снегг не пожелал их слушать и сказал, что она, наверное, сама пыталась применить чары для ращения волос.

Гарри считал, что у Гриффиндора хорошие шансы на победу: как-никак они ни разу не проиграли команде Малфоя. Конечно, Рон не дотягивал до

уровня Вуда, но тренировался с огромным усердием. Самым большим его недостатком было то, что после ошибки он терял уверенность; пропустив гол, начинал суетиться и легче пропускал новые. С другой стороны, он брал поразительные мячи, когда был в ударе. Однажды на тренировке он, спрыгнув с метлы, повис на одной руке и отбил квоффл ногой так сильно, что мяч пролетел все поле и угодил в среднее кольцо на противоположной стороне. Вся команда сочла, что рядом с этим бледнеет даже недавний подвиг вратаря ирландской сборной Барри Райана, отразившего бросок Ладислава Замойского, лучшего польского охотника. Даже Фред сказал, что они с Джорджем, пожалуй, еще будут гордиться Роном и серьезно подумывают о том, чтобы признать свое с ним родство, от которого якобы открещивались все эти четыре года.

Одно беспокоило Гарри: не выведет ли Рона из равновесия предматчевая тактика слизеринцев. Сам он за четыре года притерпелся к их издевательствам, так что замечания наподобие «Эй, Поттер, Уоррингтон поклялся сшибить тебя с метлы в субботу» не пугали его, а только смешили. «Уоррингтон тот еще снайпер, — отвечал он, — если бы он целил в соседа, вот тут бы я

струхнул». Рон и Гермиона хохотали, а с лица Пэнси Паркинсон слезала дурацкая ухмылка.

Рон же не привык к тому, чтобы его систематически изводили насмешками, оскорблениями, угрозами. Когда слизеринцы, порой семикурсники и значительно крупнее его, шептали ему в коридоре: «Зарезервировал себе койку в больничном крыле?» — он не смеялся, и лицо его принимало нежный салатный оттенок. Когда Драко Малфой изображал, как Рон роняет квоффл (а делал он это при каждой встрече), уши у Рона загорались, а руки тряслись так, что действительно выронили бы любую вещь.

Октябрь скончался в проливных дождях и вое ветра, и с железным холодом пришел ноябрь, с заморозками по утрам и ледяными бурями, обжигавшими лицо и руки. Небо на потолке Большого зала затянула жемчужно-серая мгла, горы вокруг Хогвартса надели снежные шапки, а в замке стало так холодно, что между занятиями ученики ходили по коридорам в толстых защитных перчатках из драконьей кожи.

Утро матча выдалось холодным и ясным. Гарри проснулся и увидел, что Рон сидит на кровати, обхватив колени и глядя в одну точку.

— Не заболел?

Рон не ответил, только помотал головой. Гарри живо вспомнил тот день, когда Рон по случайности наколдовал себе слизняковую рвоту: он был такой же бледный и потный и так же боялся раскрыть рот.

— Надо позавтракать, — бодро сказал Гарри. — Пошли.

Большой зал быстро наполнялся народом, настроение было приподнятое, голоса звучали громче обычного. Когда они проходили мимо стола слизеринцев, там зашумели. Гарри обернулся и увидел, что, помимо зеленых с серебром шарфов и шляп, у каждого еще серебряный значок, как будто бы в форме короны. Многие из них почему-то замахали Рону и оглушительно захохотали. Гарри попытался разглядеть по дороге, что написано на значках, но не успел — надо было поскорее увести Рона.

Гриффиндорский стол встретил их горячими приветствиями; на всех было красное с золотом, но приветствия не только не ободрили Рона, а, наоборот, как будто лишили последних душевных сил. Он плюхнулся на ближайшую скамью с таким видом, словно это последний завтрак в его жизни.

— Я, наверно, спятил, когда напросился в ко-

манду, — хрипло прошептал он. — Спятил!

— Не дури, — одернул его Гарри, придвигая к нему хлопья. — Ты хорошо сыграешь. А волнение — это нормально.

— Я пустое место. Вратарь — дырка. Сыграть не смогу, хоть убей. Чем я думал?

— Возьми себя в руки, — сурово сказал Гарри. — Вспомни, какой ты отбил на днях. Даже Фред с Джорджем сказали: класс.

Рон повернул к нему несчастное лицо.

— Это вышло нечаянно, — пробормотал он жалким голосом. — Я не собирался… соскользнул с метлы, вы просто не видели, а когда пытался влезть обратно, случайно пнул мяч.

— Ничего, — сказал Гарри, быстро поборов неприятное чувство, вызванное неожиданной новостью, — еще парочка таких случайностей, и игра у нас в кармане.

Напротив сели Гермиона и Джинни в красно-золотых шарфах и перчатках, с красно-золотыми розетками.

— Как самочувствие? — спросила Джинни.

Рон смотрел на остатки молока в своей тарелке с таким выражением, как будто не прочь был в них утопиться.

— Он волнуется, — сказал Гарри.

— Это хороший знак, — успокоила Гермиона. — Я заметила: лучше всего сдаешь экзамены, когда немного волнуешься.

— Привет, — протянул у них за спиной сонный голос.

Гарри поднял голову. Это пришла к ним от стола когтевранцев Полумна Лавгуд. Множество лиц смотрело в их сторону, кое-кто смеялся и показывал пальцами. Она соорудила шляпу в виде львиной головы в натуральную величину и только каким-то чудом ухитрялась удерживать ее на своей.

— Я болею за Гриффиндор, — сообщила Полумна, показав на шляпу, что было уже излишне. — Посмотрите, что мы умеем…

Она постучала по шляпе волшебной палочкой; шляпа разинула пасть и издала весьма правдоподобный рев, заставивший всех поблизости вздрогнуть.

— Неплохо, а? — радостно сказала Полумна. — Я хотела, чтобы она еще жевала змею, представляющую Слизерин, но времени не хватило. В общем, желаю удачи, Рон.

Она побрела прочь. Не успели они оправиться от удивления, вызванного ее шляпой, как подбежала Анджелина Джонсон в сопровождении

Кэти и Алисии, избавившейся от сверхбровей стараниями милосердной мадам Помфри.

— Когда закончите, — сказала Анджелина, — идем прямо на поле, выясняем погодные условия — и в раздевалку.

— Скоро будем, — сказал Гарри. — Рону надо позавтракать.

Однако через десять минут стало ясно, что Рон больше ничего съесть не сможет, и Гарри счел за лучшее сразу вести его в раздевалку. Когда они встали из-за стола, Гермиона тоже поднялась и за руку отвела Гарри в сторону.

— Постарайся, чтобы Рон не увидел слизеринских значков, — шепнула она.

Гарри посмотрел на нее вопросительно, а она предостерегающе покачала головой: Рон уже шел к ним, потерянный и безутешный.

— Удачи, Рон, — сказала Гермиона и, встав на цыпочки, поцеловала его в щеку. — И тебе, Гарри.

Рон немного приободрился, пока они шли по Большому залу. Озадаченно, словно не понимая, что произошло, он дотронулся до того места, куда его поцеловала Гермиона. Вид у него был отсутствующий, он почти ничего не замечал. А Гарри, проходя мимо стола слизеринцев, с лю-

бопытством глянул на их значки и на этот раз сумел прочесть вырезанные на них слова*: «Уизли — наш король».*

Чувствуя, что ничего хорошего это не сулит, Гарри поспешил вывести Рона в вестибюль, а оттуда по каменным ступеням на морозный луг.

Замерзшая трава похрустывала под ногами, пока они спускались к стадиону. Безветрие, небо затянуто жемчужно-серой мутью, видимость хорошая, и солнце не будет слепить глаза. Гарри объяснял это Рону по дороге, но тот вряд ли его слышал.

Анджелина уже переоделась и, когда они вошли, давала последние указания команде. Гарри и Рон сменили мантии (Рон несколько минут пытался надеть свою задом наперед, пока над ним не сжалилась Алисия) и сели, чтобы выслушать установку на игру.

Гомон снаружи усиливался — зрители валили из замка на матч.

— Только что выяснила окончательный состав Слизерина, — сказала Анджелина Джонсон, заглядывая в пергамент. — Прежние загонщики Деррик и Боул выбыли, но Монтегю взял на их место обычных горилл, а не тех, кто умеет летать. Их зовут Крэбб и Гойл, я о них мало знаю.

— *Мы* знаем, — хором откликнулись Гарри и Рон.

— Вид у них такой, что вряд ли отличат один конец метлы от другого, — сказала Анджелина, убирая пергамент в карман. — Впрочем, всегда удивлялась, как это Деррик и Боул не заблудятся на поле без дорожных указателей.

— Крэбб и Гойл из той же породы, — заверил ее Гарри.

Слышно было шарканье сотен ног, поднимавшихся по лестницам трибун. Доносилось пение, но Гарри не мог разобрать слова. Он тоже волновался, но знал, что его волнение — пустяк по сравнению со страхом Рона, который держался за живот, с серым лицом и сжатыми губами уставясь в пустоту.

— Пора, — вполголоса сказала Анджелина, взглянув на часы. — Идем… Ни пуха ни пера.

Команда встала, метлы на плечо, и цепочкой вышла на стадион. Рев зрителей и пение, заглушаемое приветственными выкриками.

Команда Слизерина уже построилась и ждала их — тоже с серебряными значками в виде короны. Их новый капитан Монтегю сложением походил на Дадли Дурсли — руки, как волосатые окорока. Позади стояли Крэбб и Гойл, почти та-

кие же здоровенные, и тупо щурились на небо, помахивая битами. Малфой стоял сбоку; бледное солнце освещало его белесые волосы. Он поймал взгляд Гарри и, осклабясь, постучал по значку у себя на груди.

— Капитаны, пожмите руки, — приказала судья мадам Трюк, когда Анджелина приблизилась к строю слизеринцев. Гарри видел, что Монтегю больно сдавил ей пальцы, но она даже не моргнула. — Седлайте метлы…

Свисток судьи. Мячи выпущены, и четырнадцать игроков взвились в воздух. Краем глаза Гарри увидел, как Рон устремился к своим кольцам. Сам он поднялся выше, увильнул от бладжера и полетел вдоль боковой линии поля, высматривая, не блеснет ли где золотом снитч. В точности то же проделывал Малфой на другой стороне поля.

— С мячом Джонсон, Джонсон овладела квоффлом, какой игрок эта девушка, я годами это твержу, а она не хочет со мной встречаться…

— ДЖОРДАН! — крикнула профессор МакГонагалл.

— Биографический факт, профессор, для оживления репортажа… Она уходит от Уоррингтона, обводит Монтегю, она… ох… ее настигает блад-

жер от Крэбба, Монтегю перехватывает квоффл, Монтегю устремляется к кольцам соперников… Отличный бладжер Джорджа Уизли, точно в голову Монтегю, Монтегю выпускает квоффл, мяч у Кэти Белл… гриффиндорка Кэти Белл продвигается с мячом, пас назад Алисии Спиннет…

Комментарий Ли Джордана разносился над стадионом, и Гарри напряженно прислушивался к нему — насколько позволял свист ветра в ушах, общий гам, улюлюканье, крики и пение.

— Спиннет обходит Уоррингтона, уклоняется от бладжера — еще бы чуть-чуть, Спиннет… Зрители в восторге, вы только послушайте, что они поют?

Он прервался, чтобы послушать. Песня зазвучала громко и отчетливо над зелено-серебряной секцией слизеринских болельщиков:

Рональд Уизли — наш король,
Рональд Уизли — наш герой,
Перед кольцами дырой
Так всегда и стой!

Квоффл Рон поймать не может,
Победить он нам поможет,
На помойке он родился,
Слизерину пригодился.

— …Алисия возвращает квоффл Анджелине! — закричал Ли. Гарри круто повернул, в ярости от услышанного. Он понимал, что Ли пытается заглушить слова песни: — Анджелина… перед ней один только голкипер… БРОСОК… а-а-а!

Голкипер слизеринцев взял мяч; он бросил его Уоррингтону, и тот помчался зигзагом между Алисией и Кэти.

Пение становилось все громче по мере того, как он приближался к Рону.

Рональд Уизли — наш король,
Рональд Уизли — наш герой,
Перед кольцами дырой
Так всегда и стой!

Гарри не удержался; перестав высматривать снитч, развернул «Молнию», чтобы посмотреть на Рона — одинокая фигура парила перед тремя кольцами, и пушечным снарядом мчался к ним массивный Уоррингтон.

— С квоффлом Уоррингтон, Уоррингтон приближается к кольцам, он уже недосягаем для бладжеров, перед ним только голкипер…

Трибуна Слизерина загрохотала:

Перед кольцами дырой

Так всегда и стой!

— ...это первое испытание для нового голкипера Гриффиндора, брата загонщиков Фреда и Джорджа Уизли, талантливого новичка команды... Держись, Рон!

Восторженный рев на трибуне Слизерина: Рон спикировал, растопырив руки, и квоффл пролетел между ними прямо в среднее кольцо.

— Слизерин выходит вперед! — раздался голос Ли среди воплей и свиста болельщиков. — Десять — ноль, ведет Слизерин... Не унывай, Уизли!

Слизеринцы запели еще громче.

НА ПОМОЙКЕ ОН РОДИЛСЯ,
СЛИЗЕРИНУ ПРИГОДИЛСЯ...

— Мяч у Гриффиндора, и Кэти Белл стремительно продвигается вперед, — мужественно выкрикивал Ли, хотя голос его тонул в оглушительном пении.

КВОФФЛ РОН ПОЙМАТЬ НЕ МОЖЕТ,
ПОБЕДИТЬ ОН НАМ ПОМОЖЕТ.

— Гарри, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? — крикнула Анджелина, пролетая мимо, чтобы поддержать атаку Кэти Белл. — ДВИГАЙСЯ!

До Гарри только сейчас дошло, что он уже ми-

нуту висит в воздухе, наблюдая за ходом игры и начисто забыв о снитче. В ужасе он ринулся вниз и закружился над полем, не обращая внимания на хор слизеринцев.

РОНАЛЬД УИЗЛИ — НАШ КОРОЛЬ,
РОНАЛЬД УИЗЛИ — НАШ ГЕРОЙ…

Снитча нигде не было видно; Малфой тоже кружил над полем. Они пролетели навстречу друг другу над серединой, и Гарри услышал, что он громко поет:

НА ПОМОЙКЕ ОН РОДИЛСЯ…

— И снова Уоррингтон, — орал Ли, — пасует Пьюси, Пьюси обходит Спиннет… Давай, Анджелина, ты можешь его перехватить… не удалось — отличный бладжер Фреда Уизли… нет, Джорджа, какая разница — одного из них, и Уоррингтон роняет квоффл, его подхватывает Кэти Белл… эх, тоже упускает… с квоффлом Монтегю, капитан Слизерина. Монтегю несет квоффл, летит к кольцам… Блокируй его, Гриффиндор, ну же!

Гарри пронесся за кольцами Слизерина, не позволяя себе оглянуться на Рона. Поравнялся с голкипером и услышал, что Блетчли поет вместе с болельщиками:

ПЕРЕД КОЛЬЦАМИ ДЫРОЙ…

— И Пьюси снова уходит от Анджелины и устремляется к кольцам… Внимание, Рон!

Гарри не пришлось оглядываться, и так все ясно: тяжкий стон на трибуне Гриффиндора, аплодисменты и крики слизеринцев. Он посмотрел вниз: Пэнси Паркинсон с лицом мопса стояла перед трибунами и дирижировала хором болельщиков, оравшим:

НА ПОМОЙКЕ ОН РОДИЛСЯ,
СЛИЗЕРИНУ ПРИГОДИЛСЯ.

Двадцать — ноль. Не страшно, можно отыграть или поймать снитч. Несколько голов, и они будут впереди, как обычно, успокаивал себя Гарри, ныряя и маневрируя между игроками в погоне за блеснувшим предметом, который оказался браслетом от часов на руке Монтегю.

Но Рон пропустил еще два гола. Теперь поиски снитча были окрашены легкой паникой. Поймать бы его поскорее и закончить игру.

— Кэти Белл из Гриффиндора финтом оставляет позади Пьюси, уходит под Монтегю — отличный вираж, Кэти! Обводит Уоррингтона, она мчится к кольцам, вперед, Анджелина… ГОЛ! Сорок — десять в пользу Слизерина, мяч у Пьюси…

Среди гриффиндорских криков Гарри расслышал рык нелепого льва Полумны и воспрял духом: всего тридцать очков отрыв, пустяки, спокойно можно нагнать. Он увильнул от бладжера, пущенного Крэббом, и возобновил охоту за снитчем, поглядывая на Малфоя — вдруг тот заметит первым. Но Малфой, как и он, все летал вокруг поля, тщетно высматривая золотой мячик.

— …Пьюси отдает Уоррингтону, Уоррингтон — Монтегю, Монтегю возвращает его Пьюси… Джонсон перехватывает квоффл, пас на Белл, прекрасно… но нет, ее настиг бладжер Гойла, и вновь мяч у Пьюси…

НА ПОМОЙКЕ ОН РОДИЛСЯ,
СЛИЗЕРИНУ ПРИГОДИЛСЯ.
РОНАЛЬД УИЗЛИ — НАШ КОРОЛЬ…

Но Гарри увидел его наконец — крохотный крылатый золотой мячик парил в футе над землей, поблизости от слизеринских шестов.

Он спикировал…

А слева, прильнув к метловищу, серебристо-зеленым пятном несся к земле Малфой…

Снитч обогнул подножие одного шеста и полетел к противоположным трибунам; эта перемена курса была на руку Малфою — теперь он нахо-

дился ближе. Гарри развернул свою «Молнию», и вот уже они летят голова в голову.

В трех футах от земли Гарри оторвал правую руку от метловища и потянулся за снитчем… А справа к мячу тянется рука Малфоя, растопыренными пальцами загребает воздух…

Две отчаянные секунды с замиранием сердца и свист ветра в ушах — и все кончено. Пальцы Гарри схватили маленький, рвущийся на волю снитч, ногти Малфоя запоздало скребанули его по руке, Гарри направил метлу вверх, сжимая в руке непокорный мячик, и болельщики Гриффиндора разразились ликующими криками. Игра спасена, неважно, сколько голов пропустил Рон, завтра никто этого не вспомнит, главное — Гриффиндор победил…

БАХ.

Бладжер ударил его точно в крестец, и он свалился с метлы. К счастью, высота была всего пять-шесть футов — Гарри поймал снитч у самой земли, однако упал он на замерзшее поле спиной, и ему сбило дыхание. Он успел услышать пронзительный свисток судьи, возмущенные крики и свист с трибун, потом глухой удар своего тела о землю и панический голос Анджелины:

— Ты цел?

— Цел, конечно, — проворчал он и взял ее за руку, чтобы она помогла ему подняться.

Мадам Трюк реяла над одним из слизеринских игроков, но отсюда ему не было видно над кем.

— Это бандит Крэбб, — гневно сказала Анджелина, — он запустил в тебя бладжером, когда ты уже поймал снитч. Но мы выиграли, Гарри, выиграли!

За спиной у Гарри послышалось сопение, и он обернулся, все еще сжимая в руке снитч: рядом приземлился Драко Малфой. Белый от ярости, с деланной улыбкой на лице.

— Спас Уизли от позора? — сказал он. — Хуже вратаря я не видел… но он же на помойке родился. Тебе понравились мои стишки, Поттер?

Гарри не ответил. Он повернулся к своим игрокам: они приземлялись один за другим с ликующими криками, молотили кулаками по воздуху — все, кроме Рона, который слез с метлы возле шестов и в одиночестве поплелся к раздевалке.

— Мы хотели сочинить еще пару строк! — крикнул Малфой, глядя, как Алисия и Кэти обнимают Гарри. — Но рифм не нашли к «толстой» и «уродине», хотели и про маму его спеть…

— Спой про «зелен виноград», — с отвращением

бросила ему Анджелина.

— …и к «бездарному тупице» — это про его отца…

Фред и Джордж, пожимая руку Гарри, услышали эти слова и напряглись. Они повернулись к Малфою.

— Бросьте! — сказала Анджелина и схватила Фреда за руку. — Брось, пусть его орет. Злится, что проиграл, ничтожество…

— Но ты ведь любишь эту семейку, а, Поттер? — издевался Малфой. — Каникулы у них проводишь? Как только вонь эту выносишь, не пойму. Хотя, пожив у маглов, небось и помойке рад?

Гарри вцепился в Джорджа. Анджелина, Алисия и Кэти втроем удерживали Фреда, рвавшегося к Малфою, а тот смеялся им в лицо. Гарри поискал глазами мадам Трюк, но она все еще выговаривала Крэббу за нечестную атаку бладжером.

— А может, ты помнишь, как воняло в доме у твоей матери, — пятясь, продолжал Малфой, — и в свинарнике Уизли узнаёшь родной запах?

Гарри не заметил, как отпустил Джорджа; секунду спустя они уже оба мчались к Малфою. Он совершенно забыл, что это происходит на глазах у всех преподавателей; было только одно

желание: сделать Малфою как можно больнее. Вынуть волшебную палочку было уже некогда, кулаком, в котором был зажат снитч, он изо всей силы ударил врага в живот.

— Гарри! ГАРРИ! ДЖОРДЖ! СТОЙТЕ!

Он слышал крики девочек, вопль Малфоя, пронзительный свисток судьи, рев трибун, но ему было все равно. Пока кто-то рядом не выкрикнул: «*Импедимента*» — и его не отбросило назад силой заклятия, он молотил кулаками Малфоя.

— Что вы делаете! — крикнула мадам Трюк.

Гарри встал на ноги. Видимо, это она сшибла его заклятием: в одной руке у нее был свисток, в другой волшебная палочка, а метла ее валялась в нескольких шагах. Малфой скорчился на земле, он стонал и хныкал, из носа текла кровь. У Джорджа вспухла губа; Фреда насилу удерживали три охотницы, а позади хихикал Крэбб.

— Никогда в жизни не видела такого поведения! Марш в замок, вы двое, и немедленно в кабинет декана. Отправляйтесь! Ну!

Гарри с Джорджем молча пошли с поля; оба тяжело дышали. Вой и улюлюканье зрителей постепенно затихали позади, и, когда они вошли в вестибюль, не слышно стало ничего, кроме звука их шагов. Гарри ощутил, что в правой руке у него

происходит какое-то копошение; костяшки ее он разбил о челюсть Малфоя. Он посмотрел на руку: серебряные крылышки снитча высовывались между пальцами и трепыхались — мячику хотелось на волю.

Профессор МакГонагалл нагнала их уже перед дверью своего кабинета. На ней был шарф Гриффиндора; бледная, трясущимися руками она сорвала его с шеи и скомандовала, указывая на дверь: «Идите!»

Она зашла за свой стол, дрожа от ярости, и швырнула шарф на пол.

— Ну? С подобным безобразием я еще не сталкивалась. Двое на одного! Объяснитесь!

— Малфой спровоцировал нас, — выдавил из себя Гарри.

— Спровоцировал? — выкрикнула она и так хватила кулаком по столу, что клетчатая жестянка соскочила с него и высыпала имбирных тритонов на пол. — Он только что потерпел поражение! Конечно, он хотел вас спровоцировать! Но что такое он мог сказать, чтобы вы вдвоем…

— Он оскорбил моих родителей, — прорычал Джордж. — И мать Гарри.

— И вместо того чтобы предоставить мадам Трюк разбираться с этим, вы решили потешить

публику магловским мордобоем? Да вы представляете себе, что вы…

— Кхе-кхе.

Гарри и Джордж разом обернулись. В дверях стояла Долорес Амбридж, закутанная в зеленую твидовую мантию, которая довершала ее сходство с гигантской жабой. На лице у нее была гнусная улыбка, не сулившая Гарри ничего, кроме беды.

— Не могу ли я вам помочь, профессор МакГонагалл? — спросила она самым ядовитым и ласковым тоном.

Лицо МакГонагалл налилось кровью.

— Помочь? — сдавленным голосом повторила она. — Что значит «помочь»?

Все с той же мерзкой улыбкой Амбридж вошла в кабинет.

— Я думала, вы с благодарностью примете помощь еще одного представителя руководства.

— Вы неправильно думали. — МакГонагалл повернулась к ней спиной. — А вы двое слушайте внимательно. Мне безразлично, как вас провоцировал Малфой, пусть даже оскорбил каждого члена ваших семей; ваше поведение отвратительно, я на неделю оставляю вас после уроков! И не смотрите на меня так, Поттер, вы это заслу-

жили! И если вы когда-нибудь еще раз…

— Кхе-кхе.

Профессор МакГонагалл закрыла глаза, словно моля небо о терпении, и повернулась к Амбридж.

— Да?

— Я думаю, они заслуживают более сурового наказания, — сказала та, и улыбка ее стала еще шире.

МакГонагалл раскрыла глаза.

— К сожалению, — сказала она, пытаясь ответить ей такой же улыбкой, которая получилась похожей скорее на судорогу, — здесь существенно, что думаю я, коль скоро они на моем факультете, Долорес.

— Вынуждена вас огорчить, Минерва, — просюсюкала Амбридж, — сейчас вы убедитесь, что существенно *мое* мнение. Где же он? Корнелиус только что прислал… — С фальшивым смешком она порылась в сумке. — *Министр* прислал… ах, вот…

Она вытащила пергамент, развернула, неизвестно зачем откашлялась и начала читать:

— Кхе-кхе. «Декрет об образовании номер двадцать пять…»

— Неужели еще один! — с досадой воскликнула

МакГонагалл.

— Да-да, — с улыбкой подтвердила Амбридж. — И в сущности, Минерва, именно вы убедили меня, что мы нуждаемся в дополнении… Помните, как вы настояли на своем, когда я не хотела утвердить состав гриффиндорской команды? Вы апеллировали к Дамблдору, и он дал разрешение команде играть. Я не могла с этим примириться. Тотчас связалась с министром, и он согласился со мной, что генеральный инспектор уполномочена лишать любого ученика привилегий, иначе она — то есть я — будет иметь меньше власти, чем рядовой преподаватель! Теперь вы видите, Минерва, насколько права я была, отказываясь утвердить состав гриффиндорской команды? Чудовищные характеры… Впрочем, читаю дополнение… кхе-кхе… «Отныне генеральному инспектору принадлежит решающее слово в определении наказаний, санкций, а также лишении привилегий, данных ученикам Хогвартса, и право изменять таковые наказания, санкции и ограничения привилегий, определенные преподавателями». Подписано: Корнелиус Фадж, министр магии, кавалер ордена Мерлина первой степени и т. д. и т. д.

Она свернула пергамент и, не переставая улы-

баться, спрятала в сумку.

— Итак… я полагаю, нам придется навсегда запретить этим двоим играть в квиддич, — объявила она, глядя поочередно на Гарри и на Джорджа.

Гарри почувствовал, как снитч исступленно забился у него в руке.

— Запретить нам? — Он слышал свой голос будто издалека. — Навсегда?

— Да, мистер Поттер, я думаю, пожизненная дисквалификация будет вам наукой. — Наблюдая, как он пытается осознать сказанное, она улыбалась во весь рот. — И вам, и мистеру Уизли. И, полагаю, для надежности близнецу этого молодого человека тоже следует запретить. Уверена, если бы товарищи по команде не удержали его, он тоже напал бы на мистера Малфоя. Я потребую, чтобы их метлы были конфискованы; храниться они будут в моем кабинете, дабы не возникло искушения обойти запрет. Но я не фанатичка, профессор, — снова обратилась она к МакГонагалл, застывшей, как ледяное изваяние. — Остальные члены команды могут продолжать играть. Они не проявили склонности к насилию. Ну… всего хорошего.

И с чрезвычайно довольным видом Амбридж

вышла из кабинета, где воцарилась мертвая тишина.

* * *

— Запретили, — простонала Анджелина, когда они собрались вечером в гостиной. — Запретили. Без ловца и без загонщиков… что же за команда?

Победного настроения как не бывало. Куда бы ни посмотрел Гарри, всюду расстроенные или злые лица, а сами члены команды, как выпотрошенные, валялись в креслах перед камином. Все, кроме Рона, который так и не появлялся после конца матча.

— Это просто несправедливо, — говорила убитая горем Алисия. — Крэбб запустил бладжером после свистка, и хоть бы хны!

— Да, — уныло подтвердила Джинни (они с Гермионой сидели по бокам от Гарри). — Его только пожурили, я слышала, как Монтегю смеялся над этим за ужином.

— А Фреду запретить, когда он ничего не сделал! — Алисия стукнула кулаком по колену.

— Не по своей вине не сделал, — ощерился Фред. — Я этого гаденыша размазал бы, если б вы втроем меня не держали.

Гарри удрученно смотрел в окно. Падал снег.

Отпущенный снитч кружил и кружил по гостиной, ребята следили за ним, как завороженные, а Живоглот прыгал с кресла на кресло, пытаясь его сцапать.

Анджелина с усилием встала.

— Иду спать. Может, завтра окажется, что все это было дурным сном… Завтра проснусь, а мы, оказывается, и не играли.

За ней вскоре ушли Алисия и Кэти. Чуть позже поплелись в спальню Фред с Джорджем, свирепо глядя на всех, мимо кого пролегал их путь, а потом отправилась на боковую и Джинни. У камина остались только Гермиона и Гарри.

— Рона видел? — тихо спросила она.

Гарри покачал головой.

— По-моему, он нас избегает, — сказала она. — Как думаешь, где он?

В эту секунду позади послышался скрип — Полная Дама повернулась, и в портретном проеме появился Рон, бледный, волосы в снегу. Увидев друзей, он остановился как вкопанный. Гермиона вскочила.

— Где ты был?

— Гулял, — буркнул Рон. Он все еще был в спортивной форме.

— У тебя замерзший вид, — сказала Гермио-

на. — Садись к камину!

Не глядя на Гарри, Рон подошел и сел в самое дальнее от него кресло. Беспризорный снитч просвистел над их головами.

— Извини, — промямлил Рон, глядя в пол.

— За что? — спросил Гарри.

— Я думал, что могу играть в квиддич. Завтра с утра откажусь.

— Откажешься, — разозлился Гарри, — от команды останется три человека. — И в ответ на недоуменный взгляд Рона объяснил: — Нас выгнали навсегда. Меня, Фреда и Джорджа.

— Что? — задохнулся Рон.

Ему рассказала Гермиона. Гарри был не в силах повторять эту историю. После рассказа вид у Рона стал совсем несчастный.

— Я во всем виноват…

— Не ты заставил меня налететь на Малфоя, — сердито ответил Гарри.

— …если бы я не опозорился на квиддиче…

— При чем здесь это?

— Я из-за песни завелся…

— Любой бы завелся…

Гермиона встала, отошла к окну, подальше от спорщиков, и смотрела, как вьется снег за стеклом.

— Слушай, кончай! — взорвался Гарри. — И так тошно, а тут еще ты со своими угрызениями!

Рон умолк, мрачно уставясь на мокрый подол своей мантии. Немного погодя он сказал:

— Мне никогда еще не было так паршиво.

— Зато ты теперь не один, — со злостью отозвался Гарри.

— Кажется, могу вас немного утешить, — слегка дрожащим голосом сказала Гермиона.

— Чем, интересно? — проворчал Гарри.

— А вот чем. — Она отвернулась от черного окна с налипшими снежинками, и лицо ее осветилось улыбкой. — Хагрид вернулся.

Глава 20

РАССКАЗ ХАГРИДА

Гарри побежал наверх, в спальню, чтобы взять из чемодана мантию-невидимку и Карту Мародеров; они с Роном обернулись так быстро, что, по крайней мере, пять минут еще ждали Гермиону из спальни девочек — она пришла в шарфе, перчатках и одной из эльфовских нескладных шапок.

— Там же холод! — извиняющимся тоном сказала она, когда Рон нетерпеливо щелкнул языком.

Они выбрались через портретный проем, спешно накинули мантию-невидимку — Рон так вырос, что шел на полусогнутых, иначе высовывались бы их ноги, — и медленно, осторожно двинулись дальше. Спуститься надо было по многим лестницам, они то и дело останавливались и проверяли по карте, нет ли поблизости Филча и Миссис Норрис. Повезло: встретился только Почти Безголовый Ник — он парил под потолком, рассеянно напевая что-то, ужасно напоминавшее «Уизли — наш король». Они пересекли вестибюль и вышли на безмолвный заснеженный луг.

Сердце у Гарри радостно забилось: впереди квадраты золотого света и дымок над трубой Хагрида. В волнении он прибавил шагу, Рон и Гермиона толкались позади него. По хрусткому снегу они добрались наконец до деревянной двери. Гарри трижды постучал кулаком, собака в доме исступленно залаяла.

— Хагрид, это мы! — крикнул Гарри в замочную скважину.

— А то не знаю, — отозвался грубый голос.

Трое под мантией радостно повернулись друг к другу — по голосу было ясно, что Хагрид доволен.

— Порог переступить не успел… с дороги, Клык… уйди ты, сонная псина…

Отодвинулся засов, скрипнула дверь, и в щели показалась голова Хагрида.

Гермиона вскрикнула.

— Тихо, Мерлин тебя научи! — Хагрид ошалело поглядел поверх их голов. — В мантии, что ли? Заходите живей!

— Извини, — шепнула Гермиона, когда они протиснулись мимо Хагрида в дом и стащили с себя мантию, чтобы он наконец увидел гостей. — Я просто… Ой, Хагрид!

— Ерунда! Ерунда! — Хагрид захлопнул дверь и

заторопился опускать шторы.

Гермиона в ужасе провожала его глазами. Волосы у Хагрида свалялись от запекшейся крови, левый глаз заплыл и превратился в щелку, окруженную лиловыми и черными синяками. Лицо и руки в порезах, некоторые еще кровоточат. И двигался он скособочась. Наверное, из-за сломанных ребер, решил Гарри. Очевидно, он вернулся только что: на спинке стула висел плотный черный дорожный плащ, а к стене возле двери был прислонен большой рюкзак, в котором могли спрятаться несколько детей. Сам Хагрид, ростом с двух взрослых мужчин, прихромал к очагу и поставил на огонь медный чайник. Клык скакал вокруг них и норовил лизнуть в лицо.

— Что с тобой случилось? — спросил Гарри.

— Говорят тебе: ничего. — Хагрид выпрямился и радостно повернулся к ним, правда, при этом морщась. — До чего же рад вас видеть. Летом хорошо жилось?

— Хагрид, на тебя напали! — сказал Рон.

— Сколько раз говорить — ерунда!

— А если бы кто из нас пришел с фунтом фарша на месте лица, тоже сказал бы «ерунда»? — не отставал Рон.

— Ты бы сходил к мадам Помфри, — сказала

Гермиона. — Раны нехорошие.

— Без докторов обойдемся, ясно? — отрезал Хагрид.

Он подошел к громадному деревянному столу, стоявшему посреди хижины, и сдернул с него посудное полотенце. Под ним оказался кровавый с прозеленью бифштекс размером чуть больше автомобильной шины.

— Уж не кушать ли ты это собрался? — спросил Рон, наклонившись к мясу. — Выглядит ядовитым.

— А как еще ему выглядеть? Драконье мясо. Не для кушанья принесено.

Он схватил его, пришлепнул к левой стороне лица и закряхтел от удовольствия; по бороде потекла зеленоватая кровь.

— Уже полегчало. Жжет, а помогает.

— Так расскажешь нам, что случилось? — спросил Гарри.

— Не могу, Гарри. Большой секрет. Рассказать — так не то что с работы уволят…

— Скажи, это тебя великаны отделали? — тихо спросила Гермиона.

— Великаны? — Хагрид поймал бифштекс, сползший почти до пояса, и снова пришлепнул к лицу. — Кто тебе сказал «великаны»? Ты с кем

говорила? Кто тебе наплел, где я… кто сказал, что я… а?

— Мы догадались, — извиняющимся тоном ответила Гермиона.

— Ага, догадались. — Хагрид сурово взирал на нее тем глазом, который не был закрыт бифштексом.

— Это… вроде очевидно, — сказал Рон.

Гарри кивнул. Хагрид сердито оглядел их, шмякнул мясо на стол и подошел к засвистевшему чайнику.

— Сроду не видал таких досужих ребят, — бурчал он, разливая кипяток по трем кружкам в форме ведер. — Не в похвалу вам говорится, учтите. Любопытны не в меру. Нос суете куда не надо.

Но в бороде как будто мелькнула улыбка.

— Так ты великанов искал? — с улыбкой сказал Гарри, усаживаясь за стол.

Хагрид поставил перед ними чай, сел, подобрал свой бифштекс и опять пришлепнул к лицу.

— Ну. Искал.

— И нашел? — спросила полушепотом Гермиона.

— Правду сказать, найти-то не больно трудно. Не карлики, понимаешь.

— А где они? — спросил Рон.

— В горах, — последовал невразумительный ответ.

— А что же, маглы их не…

— Да встречают, — мрачно перебил Хагрид. — Только говорится всегда: несчастный случай в горах. С альпинистами.

Он переместил немного бифштекс, чтобы полечить самый большой синяк.

— Давай, Хагрид, рассказывай, чем занимался, — сказал Рон. — Расскажи, как повздорил с великанами, а Гарри тебе расскажет, как на него напали дементоры.

Хагрид поперхнулся с кружкой у рта и одновременно уронил свой драконий компресс. Слюни, чай и драконья кровь обильно оросили стол, и, пока он кашлял, мясо сползло со стола и с мягким шлепком упало на пол.

— Как это напали дементоры?

— А ты не знал? — Гермиона широко раскрыла глаза.

— Ничего я не знал, пока меня не было. Я был на секретном задании, нельзя, чтобы совы ко мне летали все время. Дементоры, шут их возьми! Вы правду говорите?

— Ну да. Они появились в Литтл-Уингинге, напали на нас с двоюродным братом, а потом

Министерство магии исключило меня…

— ЧЕГО?

— …и вызвало на разбирательство, но расскажи сперва про великанов.

— Тебя исключили?

— Расскажи, как ты провел лето, тогда расскажу я.

Хагрид уставился на него здоровым глазом. Гарри выразил лицом простодушие, но взгляд Хагрида выдержал твердо. Хагрид уступил.

— Ну, так и быть. — Он нагнулся и выдернул у Клыка из пасти драконье мясо.

— Хагрид, это не гигиенично, — сказала Гермиона, но тот уже приложил мясо к подбитому глазу и, подкрепившись основательным глотком чая, начал:

— Отправились мы, значит, как семестр кончился…

— И мадам Максим с тобой? — перебила Гермиона.

— Ну да. — Не закрытые зеленым мясом несколько дюймов лица сразу как-то смягчились. — Ага, вдвоем отправились. И я вам скажу, она не неженка, Олимпия. Ну да, красивая, нарядная женщина… Я-то знал, куда идем, думаю, каково ей покажется по скалам карабкаться да

в пещерах ночевать, а она хоть бы раз пожаловалась.

— Ты знал, куда идете? — спросил Гарри. — Знал, где живут великаны?

— Дамблдор знал, он и сказал нам.

— Они прячутся? — спросил Рон. — Это тайна, где они живут?

— Да какая тайна, — сказал Хагрид, встряхнув косматой головой. — Просто волшебникам до них дела нет, лишь бы подальше где были. Но где они есть, добраться туда трудно, особенно для людей. Потому и надо было получить от Дамблдора направление. Месяц добирались…

— Месяц? — сказал Рон, словно в жизни не слышал о таких бессмысленно долгих путешествиях. — А взял бы и через портал?

Целый глаз Хагрида уставился на него со странным выражением — как бы даже жалости.

— Следили за нами, Рон, — грубо сказал он.

— Как это?

— Никак не скумекаешь. Шпионит Министерство за Дамблдором и за всеми, кто с ним в сговоре, по-ихнему.

— Это мы знаем, — вставил Гарри. Ему не терпелось услышать продолжение истории. — Мы знаем, Министерство следит за Дамблдором.

— Значит, волшебным транспортом ты не мог до них добраться? — допытывался потрясенный Рон. — Весь путь проделал, как магл?

— Ну, не так уж прямо весь, — уклончиво ответил Хагрид. — Но осторожность не мешает — мы-то с Олимпией, как бы сказать, заметные…

Рон издал непонятный звук — то ли хрюкнул, то ли чихнул — и поспешно глотнул чаю.

— …за нами-то легче следить. Прикинулись, будто вместе едем в отпуск. Прибыли, значит, во Францию и будто бы в школу Олимпии направляемся. Знаем, таскается кто-то за нами хвостом из министерских. Вот и ехали потихоньку — мне же магией пользоваться нельзя, а Министерство только и ждет, за что бы нас закатать. Но хвост мы свой сбросили возле Ди-Джона…

— У-у, в Дижоне? — обрадовалась Гермиона. — Я там была на каникулах. А ты видел?.. — И замолкла под взглядом Рона.

— А после этого рискнули малость поколдовать и добрались благополучно. Наткнулись на пару сумасшедших троллей на польской границе, и в минской пивной с вампиром малость повздорил, а так все прошло как по маслу.

Добрались до места и пошли в горы, искать их… Магию, значит, побоку, раз они близко — они

волшебников ох как не любят, а нам их злить ни к чему. Дамблдор предупредил, что Сами-Знаете-Кто тоже станет искать великанов. И скорее всего, уже отрядил к ним посла. Сказал: осторожнее, внимание к себе не привлекайте, когда подойдете близко — вдруг они там уже, Пожиратели смерти.

Хагрид умолк и отхлебнул чаю.

— Дальше! — нетерпеливо сказал Гарри.

— Нашли их. Ночью поднялись на гору — они внизу под нами. Костерки горят и большущие тени… будто гор куски передвигаются.

— Какого они роста? — спросил притихший Рон.

— Да футов двадцать, — небрежно уронил Хагрид. — Которые побольше, так, может, и двадцать пять.

— А сколько их было? — спросил Гарри.

— Десятков, думаю, семь или восемь.

— И всё? — сказала Гермиона.

— Да, — печально сказал Хагрид, — восемьдесят осталось, а было их пропасть сколько. Одних племен, почитай, сотня по всему свету. Они веками вымирали. Конечно, и волшебники кое-каких убили, но больше сами они друг друга, а теперь особенно быстро мрут. Это против их природы

— кучей жить. Дамблдор говорит, мы виноваты — волшебники их прогнали от себя подальше, вот и пришлось им собраться вместе, для защиты.

— Ну, вы увидели их, и что потом? — поторопил Гарри.

— Дождались утра, не хотели в темноте приближаться, опасно. Часа в три ночи они заснули, прямо где сидели. А мы боялись спать. Во-первых, мало ли кто там проснется и к нам подойдет, а потом храп такой, что представить нельзя. Под утро из-за этого лавина случилась. В общем, как рассвело, пошли к ним.

— Прямо так и пошли? — благоговейно произнес Рон. — Прямо в лагерь великанов?

— Ну, Дамблдор сказал нам, как к ним подступиться. Принести подарки гургу, уважение оказать, одним словом.

— Кому подарки? — спросил Гарри.

— А-а, гургу — вождю то есть.

— А как понять, кто там гург? — спросил Рон.

Хагрида вопрос позабавил.

— Проще простого. Самый здоровый, самый уродливый и ленивый. Сидит, и чтобы жратву ему таскали. Мертвых козлов и прочее. Зовут Каркусом. Фута, чтобы не соврать, двадцать два — двадцать три, а весом — с пару взрослых сло-

нов. Шкура как у носорога.

— И ты к нему подошел? — с трепетом спросила Гермиона.

— Ну… спустился к нему. Он в ложбине лежал, между четырьмя довольно-таки высокими горами, возле горного озера. Лежит этот Каркус и орет остальным, чтобы харч таскали ему и его жене. Мы с Олимпией спустились по склону…

— И они не захотели убить вас, когда увидели? — изумился Рон.

— Кое-кто там точно об этом подумал, — Хагрид пожал плечами, — но мы сделали, как велел Дамблдор — подарок поднять повыше и ни на кого не смотреть, только на гурга. Так и сделали. Остальные там держались смирно, смотрели, как мы идем, а мы подошли к ногам Каркуса, поклонились и положили перед ним подарок.

— Что вы поднесли великану? — спросил Рон. — Еду?

— Нет, еды у него сколько влезет. Мы ему волшебство принесли. Великаны любят волшебство, не любят, чтоб его против них применяли. Короче, в первый день мы дали ему ветку Губрайтова огня.

Гермиона тихо охнула, а Гарри и Рон недоуменно нахмурились.

— Ветку чего?

— Вечного огня, — раздраженно пояснила Гермиона. — Пора бы знать. Профессор Флитвик, как минимум, два раза говорил о нем на занятиях!

— Короче, — поспешил вмешаться Хагрид, не дав Рону огрызнуться, — Дамблдор заколдовал эту ветку, чтобы она всегда горела, — а это не всякий волшебник умеет. Я, значит, кладу ее в снег к ногам Каркуса и говорю: «Подарок гургу великанов от Альбуса Дамблдора, который шлет ему почтительные приветствия».

— И что сказал Каркус? — поинтересовался Гарри.

— Ничего. Не знает по-английски.

— Да ну?

— Подумаешь, какое дело, — невозмутимо ответил Хагрид. — Дамблдор предупреждал нас, что может так случиться. Смекалки у Каркуса хватило кликнуть парочку великанов, которые разумели по-нашему — толмачей, значит.

— А подарок ему понравился? — спросил Рон.

— Еще как — чуть не запрыгали, когда поняли, что за штука. — Хагрид перевернул свой драконий бифштекс, чтобы приложить к подбитому глазу холодной стороной. — О-очень были довольны. И я говорю: «Альбус Дамблдор просит

гурга поговорить с его посланцем завтра, когда он придет с новым подарком».

— А почему сразу нельзя было поговорить? — удивилась Гермиона.

— Дамблдор велел нам подъезжать потихоньку. Пусть, мол, видят, что мы держим слово. «Завтра придем еще с одним подарком», — и приходим с еще одним. Производит хорошее впечатление, поняла? А они пока что первый испробуют, поймут, что вещь хорошая, и еще захотят. В общем, великаны вроде Каркуса, если их мозги чересчур нагружать новостями, они тебя убьют, чтобы думать было проще. Короче, откланялись мы, нашли себе уютную пещерку для ночлега, а наутро пришли обратно, и на этот раз Каркус уже сидел, ждал нас прямо с нетерпением.

— И ты поговорил с ним?

— Ну да. Сперва мы поднесли ему ладный боевой шлем, ну, гоблинской работы, непрошибаемый, а потом сели потолковать.

— Что он сказал?

— Немного. Больше слушал. Но признак хороший. Про Дамблдора он слышал, слышал, что Дамблдор был против того, чтобы убивали последних великанов в Британии. И вроде Каркусу было интересно, с чем к нему пожаловали гонцы

от Дамблдора. И еще сколько-то ихних, в особенности которые знают по-английски, подошли и тоже слушают. Так что уходили мы в тот день обнадеженные. Обещали назавтра прийти, опять с подарком. А ночью все поломалось.

— Почему же? — спросил Рон.

— Я же говорю: они не приспособлены жить сообща, — грустно сказал Хагрид. — Такой большой компанией. Не могут с норовом своим совладать — у них прямо смертоубийство. Мужчины друг с другом дерутся, женщины друг с дружкой дерутся, остатки старых племен стенка на стенку идут — и не то чтобы харч не поделили, или костры какие получше, или место для ночлега. Казалось бы, коль весь род твой почти перевелся, ну не долби ты друг друга, так нет же… — Хагрид грустно вздохнул. — В ту ночь завязалась драка. Мы сверху видели, из пещеры. И час за часом дерутся, шум невообразимый. А когда солнце встало — снег кругом красный, голова его на дне озера.

— Чья голова? — ужаснулась Гермиона.

— Каркуса, — внушительно произнес Хагрид. — И у них новый гург, Голгомаф. Мы-то не ждали, что будет новый гург — два дня только, как с первым в дружелюбные сношения вошли, — и чувствуем, этот Голгомаф не так уж захочет нас

слушать. Но деваться некуда.

— И вы пошли с ним говорить? — изумился Рон. — После того, как на ваших глазах он оторвал голову другому великану?

— Пошли, конечно… Что же мы в такую даль тащились, и через два дня на попятный? Пошли с подарком, который Каркусу приготовили. Я еще рта не успел открыть, а понял уже, что толку не будет. Он сидел в шлеме Каркуса, а как подошли, оскалился. Здоровущий, из самых больших там. Черные волосы, зубы им в тон и ожерелье из костей. Частью вроде бы человеческие. Я, однако, попробовал: протягиваю большой рулон драконьей кожи и говорю: «Подарок гургу великанов…» Оглянуться не успел, как повис вниз головой: двое его приятелей меня за ноги держат.

Гермиона закрыла ладонями рот.

— Как же ты от них освободился? — спросил Гарри.

— Да без Олимпии ни за что бы. Вынула палочку — такой быстрой волшебной работы я сроду не видел. Чудо, иначе не скажешь. Обоих, что держали меня, стеганула по глазам заклятием Коньюнктивитус, и они меня сразу выронили. Но теперь совсем беда — против них магию употребили, а они за это и ненавидят волшебников.

Пришлось удирать, и обратно к ним на стоянку нам теперь ход заказан.

— Дела, — прошептал Рон.

— Почему же вы так долго добирались домой, если пробыли там всего три дня? — спросила Гермиона.

— Мы не три дня там были! — с негодованием ответил Хагрид. — Дамблдор положился на нас!

— Но ты же сам сказал: пути обратно не было.

— Днем не было, верно. Пришлось заново все обдумывать. Дня на два притаились, сидим в пещере, наблюдаем. И то, что увидели, нам не понравилось.

— Он еще кому-то головы отрывал? — скривив лицо, спросила Гермиона.

— Нет. Похуже.

— Это как?

— Увидели, что он не против всех волшебников настроен — только против нас.

— Пожиратели смерти? — догадался Гарри.

— Да, — угрюмо подтвердил Хагрид. — Парочка их каждый день к нему ходила, таскали подарки гургу, и вверх тормашками он их не вешал.

— А как вы поняли, что они Пожиратели смерти? — спросил Рон.

— Я узнал одного, — прорычал Хагрид. — Мак-

нейра помните? Его прислали казнить Клювокрыла. Форменный маньяк. Убивать любит не меньше Голгомафа; немудрено, что они поладили.

— Значит, Макнейр уговорил великанов присоединиться к Ты-Знаешь-Кому?

— Придержи своих гиппогрифов, я еще не кончил! — рявкнул Хагрид. Притом, что вначале он совсем ничего не хотел рассказывать, сейчас явно получал от этого удовольствие. — Мы с Олимпией обсудили и решили: если гург благоволит Сами-Знаете-Кому, это не значит, что остальные тоже. Надо потолковать с другими, которые не хотели Голгомафа в гурги.

— А как вы поняли, которые из них? — спросил Рон.

— Да их же измордовали, — терпеливо пояснил Хагрид. — А у кого немного соображения в голове, те от Голгомафа убрались подальше, отсиживались в пещерах вокруг долины, как мы. И мы решили сунуться к ним ночью — не удастся ли кого уговорить.

— Ночью лазили по пещерам, искали великанов? — с благоговением спросил Рон.

— Мы не великанов больше опасались. Мы больше беспокоились насчет Пожирателей

смерти. Когда собирались, Дамблдор велел не связываться с ними, если можно без этого обойтись, но в том беда, что они про нас знали — Голгомаф, я думаю, рассказал. Ночью, когда великаны спали и мы хотели полазить по пещерам, Макнейр и другой шастали по горам, нас разыскивали. Насилу удержал Олимпию, чтобы на них не бросилась, — сказал Хагрид, и видно было сквозь косматую бороду, как поднялись у него углы рта. — Прямо рвалась… это надо видеть, когда ее рассердят, Олимпию… Огонь… Верно, французская кровь сказывается.

Хагрид растроганно глядел в огонь. Гарри дал ему тридцать секунд на воспоминания, после чего громко кашлянул.

— Ну и как? Добрались вы до этих других великанов?

— А?.. Что?.. Да, добрались. В третью ночь после того, как убили Каркуса, вылезли мы из своей пещеры и стали спускаться в долину. Ушки на макушке — не попасться бы Пожирателям. В одну пещеру залезли, в другую — пусто. В шестой уж, наверное, нашли-таки трех великанов.

— Небось тесновато там было, — вставил Рон.

— Жмыра посадить некуда.

— Они на вас не напали, когда увидели? — спро-

сила Гермиона.

— Может, и напали бы, если бы силы нашлись, но все трое были очень избиты. Голгомафова свора избила их до бессознательного состояния, а когда очнулись, заползли в самое ближнее укрытие. Один из них немного понимал по-английски и переводил остальным, и, похоже, им было по душе, что мы говорили. Словом, стали мы ходить к раненым. И одно время шестерых или семерых удалось убедить.

— Шестерых или семерых? — обрадовался Рон. — Неплохо. Значит, согласились прийти сюда и сражаться против Ты-Знаешь-Кого вместе с нами?

А Гермиона спросила:

— Хагрид, почему ты сказал «одно время»?

Хагрид печально посмотрел на нее:

— Голгомафовские сделали налет на пещеры. Те, что живы остались, после этого не хотели иметь с нами дела.

— Значит… значит, великаны не придут, — разочарованно протянул Рон.

— Нет. — С тяжелым вздохом Хагрид перевернул свой бифштекс и приложил его к лицу холодной стороной. — Но мы сделали, что должны, передали им слова Дамблдора, и кое-кто из

них слышал нас и, думается, запомнит. Может статься, те, которые с Голгомафом не хотят жить, уйдут с гор и, кто их знает, может, вспомнят, что Дамблдор им дружбу предлагал… Глядишь, и придут.

Снег лепился к окну. Гарри почувствовал, что ноги у него намокли — Клык все время держал у него на коленях голову и пускал слюни.

Немного погодя Гермиона робко сказала:

— Хагрид?

— М-м?

— А ты не… ты не слышал… тебе там никто не говорил… о твоей матери?

Незагороженный глаз Хагрида остановился на Гермионе, и ей стало неловко за свой вопрос.

— Извини… я забыла…

— Умерла, — буркнул Хагрид. — Давно уже. Они мне сказали.

— Ой, мне очень жаль, правда, — слабым голосом сказала она.

Хагрид пожал широкими плечами.

— Не убивайся. Плохо ее помню. Неважная была мать.

Они опять замолчали. Гермиона нервно поглядывала на Гарри и Рона — надеялась, что они заговорят.

— Но ты так и не объяснил, Хагрид, где тебя разукрасили. — Рон показал на его разбитое лицо.

— И почему ты так долго не возвращался, — добавил Гарри. — Сириус говорит, мадам Максим сто лет назад вернулась.

— Кто на тебя напал? — спросил Рон.

— Да не нападали на меня! — с жаром воскликнул Хагрид. — Я…

Но речь его прервал внезапный стук в дверь. Гермиона охнула, кружка выпала у нее из рук и разбилась. Клык залаял. За тонкой занавеской маячила приземистая тень.

— Это она! — прошептал Рон.

— Залезайте! — быстро сказал Гарри. Схватив мантию-невидимку, он накинул ее на себя и Гермиону; Рон бросился к ним с другой стороны стола и нырнул под мантию. Кучкой они отступили в угол. Клык исступленно лаял на дверь. Хагрид выглядел совершенно растерянным.

— Хагрид, спрячь наши кружки!

Хагрид схватил кружки Рона и Гарри и засунул под подстилку в корзине Клыка. А сам Клык прыгал на дверь. Хагрид отодвинул Клыка ногой и открыл ее.

Там стояла профессор Амбридж в зеленом тви-

довом плаще и такой же шапке с наушниками. Она поджала губы и отклонилась назад, чтобы видеть лицо Хагрида — головой она едва доставала ему до пупа.

— Та-ак, — громко произнесла она, словно обращалась к глухому. — Вы Хагрид, так?

И, не дожидаясь ответа, вошла в дом, шныряя своими выпученными глазами.

— Пшел, — рявкнула она, замахнувшись сумкой на Клыка, который бросился к ней, норовя лизнуть в лицо.

— Э… не хочу быть невежливым, но кто вы, шут побери?

— Меня зовут Долорес Амбридж.

Взгляд ее обшаривал комнату. Дважды он задерживался на том углу, где стоял Гарри, зажатый между Роном и Гермионой.

— Долорес Амбридж? — с глубоким недоумением повторил Хагрид. — Я думал, вы из этих, министерских. Вы разве не у Фаджа работаете?

— Да, я была первым заместителем министра, — сказала Амбридж, расхаживая по всей комнате и пристально разглядывая каждую вещь в ней — от рюкзака у стены до брошенного дорожного плаща. — Теперь я преподаватель защиты от Темных искусств…

— Смелая женщина, — сказал Хагрид, — на эту должность нынче мало охотников.

— …и генеральный инспектор Хогвартса, — закончила Амбридж так, будто и не слышала его.

— Это что такое? — нахмурясь, сказал Хагрид.

— Именно этот вопрос я и собиралась задать, — сказала Амбридж, показывая пальцем на рассыпанные по полу фаянсовые черепки, которые еще недавно были кружкой Гермионы.

— А… — сказал Хагрид, весьма некстати бросив взгляд в тот угол, где спрятались гости, — а-а, это… Это Клык. Разбил кружку. Вот, пришлось другую взять.

Он показал на кружку, из которой пил чай, другой рукой прижимая к глазу драконье мясо. Теперь Амбридж стояла лицом к нему и рассматривала уже не помещение, а все детали его внешности.

— Я слышала голоса.

— Я с собакой разговаривал, — решительно сказал Хагрид.

— И она вам отвечала?

— Ну… можно и так сказать, — без убежденности согласился он. — Я иной раз думаю, что Клык прямо почти уже человек.

— На снегу три цепочки следов, от двери замка

до вашей двери, — вкрадчиво произнесла Амбридж.

Гермиона ахнула, Гарри зажал ей рот ладонью. К счастью, Клык шумно обнюхивал подол профессора Амбридж, и она ничего не услышала.

— Я только что вернулся. — Хагрид махнул громадной рукой в сторону рюкзака. — Может, кто и заходил, да я их не застал.

— А от вашего дома следы никуда не ведут.

— Ну, уж не знаю… почему это, — сказал Хагрид, нервно подергав бороду, и снова бросил взгляд в угол, где стояли ребята, словно ждал от них помощи. — Хм…

Амбридж повернулась кругом и прошла по всей комнате, внимательно ее оглядывая. Нагнулась, заглянула под кровать. Открыла буфеты. Прошла в двух дюймах от ребят, прижавшихся к стене; Гарри даже втянул живот при ее приближении. Изучила внутренность исполинского котла, в котором Хагрид готовил еду, снова сделала поворот кругом и сказала:

— Что с вами произошло? Как вы получили эти увечья?

Хагрид поспешно отнял драконий компресс от лица, что, на взгляд Гарри, было ошибкой — лиловые и черные выпуклости открылись во всей

своей красоте, не говоря уже о большом количестве свежей и запекшейся крови.

— Да так… небольшая авария, — неубедительно объяснил он.

— Какого рода авария?

— Я… я споткнулся.

— Вы споткнулись, — ледяным тоном повторила она.

— Так. Об… об метлу приятеля. Сам-то я не летаю. Видите, какого я размера — вряд ли какая метла меня выдержит. Приятель мой разводит Абраксанских коней — не знаю, встречались ли вам — здоровые такие зверюги с крыльями. Я на одном прокатился и вот…

— Где вы были? — холодно прервала его бормотание Амбридж.

— Я где?..

— Да, были? Семестр начался два месяца назад. Вас пришлось подменять другому преподавателю. Никто из ваших коллег не мог сообщить мне, где вы находитесь. Вы не оставили адреса. Где вы были?

Наступила пауза, в продолжение которой Хагрид глядел на Амбридж освободившимся глазом. Гарри почти слышал, с каким напряжением работает его мозг.

— Уезжал. Для поправки здоровья.

— Для поправки здоровья. — Взгляд ее пробежал по его распухшему черно-лиловому лицу; драконья кровь тихо капала ему на жилет. — Понимаю.

— Да, — сказал Хагрид, — маленько подышать свежим воздухом, понимаете.

— Да, у лесника, разумеется, свежий воздух в дефиците, — ласково сказала Амбридж.

Та небольшая часть лица, которая не была лиловой и черной у Хагрида, сделалась красной.

— Ну… переменить обстановку, что ли…

— И горный воздух? — быстро сказала Амбридж.

«Она знает», — с отчаянием подумал Гарри.

— Горный? — повторил Хагрид. Было видно, как он старается соображать побыстрее. — Нет, я больше по югу Франции. Солнышко, море…

— В самом деле? Загара что-то не видно.

— Да… это… кожа чувствительная. — Хагрид заискивающе улыбнулся — насколько позволяло состояние его лица.

Гарри заметил, что двух зубов у него не хватает. Амбридж смотрела на него ледяным взглядом; улыбка его увяла. Она подтянула повыше сумку на локте и сказала:

— Я, разумеется, проинформирую министра о вашем позднем возвращении.

Хагрид кивнул:

— Правильно.

— Вам следует знать, что моя неприятная, но непременная обязанность как генерального инспектора — инспектировать моих коллег-преподавателей. Так что, полагаю, мы вскоре увидимся.

Она круто повернулась и пошла к двери.

— Вы нас инспектируете? — недоуменно сказал Хагрид, глядя ей вслед.

— О да, — мягко произнесла она, оглянувшись на него и взявшись за ручку двери. — Министерство полно решимости очистить школу от некомпетентных преподавателей, Хагрид. Спокойной ночи. — И захлопнула за собой дверь.

Гарри хотел снять мантию-невидимку, но Гермиона схватила его за руку.

— Подожди, — шепнула она ему на ухо. — Может, еще не ушла.

Хагрид, видимо, подумал о том же. Он подошел к двери и чуть отодвинул занавеску.

— К замку пошла, — тихо сообщил он. — Вот те на… людей инспектирует, а?

— Да, — сказал Гарри. — Трелони уже оставили

с испытательным сроком.

— Хагрид, а что мы будем с тобой проходить на занятиях? — спросила Гермиона.

— Об этом не беспокойся, я много чего наметил, — с энтузиазмом сказал Хагрид и схватил со стола драконье мясо, чтобы снова приложить его к глазу. — Держу тут пару зверьков для вашего СОВ. Увидишь, это что-то особенное.

— Слушай, Хагрид, — Гермиона заговорила настойчиво, отбросив вежливость, — профессор Амбридж будет рада, если ты принесешь на занятия кого-нибудь опасного.

— Опасного? — искренне удивился Хагрид. — Глупости какие — ничего опасного я вам сроду не принесу. Ну, конечно, они могут за себя постоять…

— Хагрид, ты должен благополучно пройти инспекцию, и лучше всего, если ты нас поучишь ухаживать за глиноклоками, отличать нарлов от ежей, чему-нибудь в этом роде.

— Но это не шибко интересно, Гермиона. У меня для вас кое-кто позадорнее. Я их не первый год ращу, думается, единственная ручная стая в Британии.

— Хагрид, прошу тебя, — сказала Гермиона с подлинным отчаянием в голосе. — Амбридж

ищет любого предлога, чтобы избавиться от учителей, которых считает близкими Дамблдору. Прошу тебя, Хагрид, учи нас чему-нибудь скучному, что могут дать на СОВ.

Но Хагрид только зевнул во весь рот и мечтательно скосил глаз на огромную кровать в углу.

— Слушай, день был долгий, поздно уже, — сказал он, ласково потрепав Гермиону по плечу, отчего колени у нее подогнулись и стукнулись об пол. — Ох, извини… — Он поднял ее за шиворот. — Ты за меня не беспокойся, теперь я вернулся и для ваших уроков таких славных животных припас, честное слово… А вы, ребятки, давайте-ка в замок, да не забудьте следы за собой замести!

— Не знаю, дошло ли до него, что ты говорила, — сказал немного погодя Рон, когда убедился, что горизонт чист, и они возвращались к замку по глубокому снегу, не оставляя следов — их убирала Стирающими чарами Гермиона.

— Тогда я завтра опять к нему пойду, — решительно сказала она, — и, если надо, составлю для него план уроков. Мне все равно, если уволят Трелони, но Хагрида ей не удастся выжить!

Глава 21

ГЛАЗАМИ ЗМЕИ

В воскресенье утром, утопая по колено в снегу, Гермиона снова побрела к хижине Хагрида. Рон и Гарри хотели пойти с ней, но гора домашних заданий достигла у них пугающей высоты, и они неохотно остались в гостиной, стараясь не обращать внимания на веселые крики, доносившиеся снизу, где ребята катались на коньках по замерзшему озеру, ездили на санках и — самое обидное — заговаривали снежки, чтобы они долетали до самого верха гриффиндорской башни и ударялись в окна. В конце концов Рон потерял терпение, высунулся в окно и заорал:

— Эй! Я староста. Если еще хоть один снежок попадет в окно… Уй! — Он быстро убрал голову, лицо было залеплено снегом. — Это Фред и Джордж. Уроды. — И захлопнул окно.

Гермиона вернулась от Хагрида только к обеду, слегка дрожа, в промокшей до колен одежде.

— Ну? — сказал Рон, подняв голову при ее появлении. — Составила ему программу занятий?

— Попыталась, — уныло ответила она и опу-

стилась в кресло рядом с Гарри. Потом вытащила палочку, произвела ею замысловатое движение, так что из конца хлынул горячий воздух, и направила ее на свою мантию, от которой сразу пошел пар. — Его даже дома не было, когда я пришла, — чуть не полчаса стучалась. Потом притопал из леса…

Гарри застонал. Запретный лес кишел созданиями, из-за которых Хагрида скорее всего и уволят.

— Кого он там держит? Не сказал?

— Нет. Говорит, что хочет сделать нам сюрприз. Я пыталась объяснить ему про Амбридж, но он просто не понимает. Говорит, что только ненормальный предпочтет изучать нарлов или химер… Нет, не думаю, что он завел химеру, — поспешила сказать она, увидев испуг на лицах Гарри и Рона. — Это не значит, что он не пробовал; как я поняла из его слов, их яйца трудно достать. Не знаю, сколько раз я ему сказала, что лучше ему следовать программе Граббли-Дерг. По-моему, он половины сказанного не пожелал услышать. Он в каком-то странном настроении. Не желает говорить, где поранился.

Появление Хагрида за столом преподавателей во время завтрака не все ученики встретили с

восторгом. Некоторые, как Фред, Джордж и Ли, с радостными криками побежали между столами Гриффиндора и Пуффендуя пожимать его огромную лапу; другие, как Парвати и Лаванда, обменивались хмурыми взглядами и качали головами. Гарри знал, что многие из них предпочитают уроки профессора Граббли-Дерг, и, хуже того, в глубине души понимал, что для этого есть основания. Интересное занятие в представлении Граббли-Дерг не обязательно должно быть связано с риском, что кому-то откусят голову.

И во вторник, основательно закутавшиеся от холода, трое друзей шли на урок к Хагриду с тяжестью на сердце. Гарри беспокоился не только из-за сюрприза, приготовленного Хагридом, — он не знал, как поведут себя остальные ученики, в особенности Малфой с приспешниками, если урок будет проходить под наблюдением Амбридж.

Однако, пока они брели по глубокому снегу, генерального инспектора видно не было. Хагрид один ждал их на опушке Запретного леса. Зрелище он представлял собою неутешительное: ушибы, лиловые в субботу вечером, окрасились в зеленые и желтые тона, некоторые раны попрежнему кровоточили. Гарри недоумевал: что за ядовитое создание напало на него, если раны

до сих пор не заживают? И в довершение зловещей картины на плече у Хагрида лежало нечто, похожее на половину коровьей туши.

— Сегодня занимаемся здесь! — радостно встретил Хагрид учеников, кивнув головой в сторону темных деревьев. — Поукромнее будет. Да и они больше любят темноту.

— Кто это там любит темноту? — услышал Гарри голос Малфоя, в котором звучали панические нотки. Малфой обращался к Крэббу и Гойлу. — Кто, он сказал, любит темноту — не слышали?

Гарри помнил только один случай, когда Малфой вошел в Запретный лес, и показал он себя тогда не очень большим храбрецом. Гарри усмехнулся — после матча по квиддичу он не против любой неприятности для Малфоя.

— Готовы? — весело спросил Хагрид, обводя взглядом учеников. — Лесную прогулку приберегал для вашего пятого года. Ну, теперь пойдем посмотрим на этих животных в естественной среде обитания. Значит, кого мы изучаем сегодня, — они довольно редкие. Я, думается, только один в Британии сумел их приручить.

— А вы уверены, что приручили? — совсем уже испуганно спросил Малфой. — А то ведь вы не раз уже давали нам диких животных.

Среди слизеринцев пробежал одобрительный шумок, да и у некоторых гриффиндорских было такое выражение на лицах, как будто Малфой высказал их опасения.

— Конечно, приручил, — насупясь, сказал Хагрид и поправил на плече сползшую коровью тушу.

— Что же тогда у вас с лицом? — допытывался Малфой.

— Не твое дело! — рявкнул Хагрид. — Если кончили с дурацкими вопросами, идите за мной.

Он повернулся и зашагал в лес. Ребята явно не горели желанием следовать за ним. Гарри посмотрел на Рона и Гермиону; они вздохнули, но ответили на его взгляд кивком, и втроем они первыми двинулись за Хагридом.

Шли минут десять и остановились перед чащей, такой густой, что под деревьями царили вечные сумерки и совсем не было снега. Крякнув, Хагрид свалил тушу на землю, отступил назад и повернулся лицом к ребятам. Многие еще плелись, переходя от дерева к дереву, и нервно озирались, словно в любую минуту на них могли напасть.

— Собирайтесь, собирайтесь, — подбадривал Хагрид. — Их привлечет запах мяса, но я все

равно позову — им приятно слышать, что это я пришел.

Он повернулся, тряхнул косматой головой, чтобы отбросить волосы с лица, и издал странный пронзительный вопль, огласивший дебри, словно крик какой-то чудовищной птицы. Никто не засмеялся, большинство ребят просто онемели от испуга.

Хагрид снова завопил. Ребята робко озирались, заглядывали за деревья, ожидая появления чего-то неведомого. И когда Хагрид третий раз тряхнул головой и набрал воздуху в исполинскую грудь, Гарри толкнул локтем Рона и показал на черноту между корявыми тисами.

Из сумрака к ним приближалась пара белых светящихся глаз, потом обозначилась драконья морда, шея и, наконец, скелетообразное тело громадной черной крылатой лошади. Секунду она оглядывала ребят, взмахивая длинным черным хвостом, потом наклонила голову и острыми клыками стала отрывать куски от коровьей туши.

Гарри вздохнул с глубоким облегчением. Наконец-то подтверждение тому, что они ему не померещились: Хагрид тоже о них знает. Он с любопытством обернулся к Рону, но тот по-прежнему вглядывался в чащу, а через несколько

секунд прошептал:

— Почему он больше не зовет?

У большинства учеников на лицах было такое же недоуменное и настороженное выражение, как у Рона, и смотрели они куда угодно, только не на лошадь. Лишь двое ее увидели: тощий слизеринский парень позади Гойла с отвращением смотрел, как она ест, да Невилл, наблюдавший за взмахами длинного черного хвоста.

— А вот идет еще один! — с гордостью объявил Хагрид, и между деревьями появилась вторая черная лошадь, прижала к телу перепончатые крылья, наклонила голову и стала рвать мясо. — Ну-ка, поднимите руки, кто их видит!

Радуясь, что наконец-то ему откроется тайна этих лошадей, Гарри поднял руку. Хагрид кивнул.

— Да… да, я знал, что ты увидишь. И ты тоже, Невилл, да? И…

— Извините, — злобно сказал Малфой, — но что именно, по-вашему, мы должны увидеть?

Вместо ответа Хагрид показал на коровью тушу. Несколько секунд все смотрели на нее, потом кто-то ахнул, а Парвати завизжала. Гарри понял почему: куски мяса отрывались от костей и растворялись в воздухе — картина действительно

необычная.

— Отчего это происходит? — Парвати в ужасе отступила за ближайшее дерево. — Кто его ест?

— Фестралы, — гордо сказал Хагрид, и Гермиона тихо охнула за плечом у Гарри: ей это слово что-то говорило. — У Хогвартса здесь целый табун. Ну, кто знает?..

— Они же очень, очень несчастливые! — перебила его испуганная Парвати. — Приносят всякие ужасные несчастья тем, кто их увидел. Профессор Трелони сказала мне однажды…

Хагрид усмехнулся:

— Нет, нет, нет, это просто суеверие, не приносят они несчастья, они страсть какие умные. И полезные! Конечно, эта порода не очень-то рабочая, только школьные кареты возит туда-сюда. Да если Дамблдору надо куда-то подальше, а переноситься не хочет… Глядите, вот еще пара…

Еще две лошади тихо вышли из чащи, одна прошла совсем близко к Парвати. Та вздрогнула и прижалась к дереву со словами:

— Кажется, я что-то почувствовала, кажется, он рядом!

— Ты не бойся, он тебя не обидит, — терпеливо сказал Хагрид. — А теперь кто мне скажет, почему одни их видят, а другие — нет?

Гермиона подняла руку.

— Ну, говори, — обрадовался Хагрид.

— Фестралов могут видеть только те, кто видел смерть.

— Правильно, молодец, — торжественно произнес Хагрид. — Десять очков Гриффиндору. Фестралы, значит…

— Кхе-кхе.

— А, здрасьте! — с улыбкой сказал Хагрид, обнаружив источник звука.

— Вы получили записку, которую я послала утром к вам на дом? — как и в прошлый раз, громко и раздельно произнесла Амбридж, словно обращалась к иностранцу, причем тупому. — С уведомлением, что буду инспектировать ваше занятие?

— Да-да, — бодро подтвердил Хагрид. — Рад, что вы нашли нас. Вы это… не знаю… вы их видите? Сегодня у нас фестралы.

— Простите? — громко сказала Амбридж, приставив к уху ладонь. — Что вы сказали?

Хагрид немного смутился.

— Ну… фестралы! — гаркнул он. — Ну, знаете… такие большие лошадки с крыльями!

Для наглядности он помахал своими ручищами. Профессор Амбридж подняла брови и стала

писать в блокноте, сопровождая это бормотанием:

— «Вынужден… прибегать… к примитивному… языку… жестов».

— Ну, так… это… — Хагрид, несколько волнуясь, снова обратился к ученикам: — Хм… о чем я говорил?

— «По-видимому… легко… теряет… нить… изложения», — бубнила Амбридж, но достаточно громко, чтобы слышали все.

Драко Малфой маслился так, словно Рождество наступило на месяц раньше; Гермиона же, напротив, побагровела от гнева.

— Ага, ну да. — Хагрид бросил виноватый взгляд в сторону блокнота, но мужественно продолжал: — Я хотел вам рассказать, как мы обзавелись этим табунком. Начали мы с одного самца и пяти самочек. Этот, значит, — он потрепал по холке лошадь, которая появилась первой, — зовется Тенебрусом, он мой главный любимец, первый родился здесь, в лесу…

— Вам известно, — громко перебила его Амбридж, — что Министерство магии отнесло фестралов к разряду «опасных»?

Сердце у Гарри упало камнем, но Хагрид только засмеялся:

— Фестралы не опасные! Конечно, куснуть тебя могут, если ты им сильно досадишь…

— «Проявляет… признаки… одобрительного… отношения… к насилию», — бормотала Амбридж, чиркая в блокноте.

— Да полно вам! — Теперь Хагрид немного встревожился. — Ведь и собака вас укусит, не ровен час… А у фестралов плохая репутация из-за всяких разговоров про смерть — люди держали их за дурную примету. Просто не понимали. Верно я говорю?

Амбридж не ответила. Она кончила писать в блокноте, потом посмотрела снизу на Хагрида и опять очень громко и медленно проговорила:

— Пожалуйста, продолжайте занятие… Я похожу, — она изобразила ходьбу (Малфой и Пэнси Паркинсон задохнулись от беззвучного смеха), — среди учеников (она показала на некоторых пальцем) и задам им несколько вопросов. — Она показала на свой рот, изображая разговор.

Хагрид уставился на нее, не в силах уразуметь, почему она ведет себя так, как будто он не понимает нормальной речи. У Гермионы от ярости выступили слезы.

— Ведьма, старая злая ведьма! — прошептала она, когда Амбридж подошла к Пэнси Паркин-

сон. — Я понимаю, что ты задумала, гнусная, злобная, испорченная…

— Ну так вот… — Хагрид изо всех сил старался поймать потерянную мысль, — да, фестралы. Да. У них много хороших качеств…

— Как вам кажется, — громко спросила Амбридж у Пэнси Паркинсон, — вы в состоянии понимать речь профессора Хагрида?

У Пэнси Паркинсон, как и у Гермионы, были слезы на глазах — только она давилась от смеха и поэтому едва смогла выговорить:

— Нет… потому что… это… большей частью… похоже… на рычание.

Амбридж записала в блокноте. Неповрежденная часть лица у Хагрида побагровела, но он старался вести себя так, как будто не слышал ответа Пэнси Паркинсон.

— Да… Хорошие качества фестралов. Когда ты их приручил, как этих, ты уже никогда не заблудишься. Изумительно ориентируются — только скажи им, куда тебе надо…

— Ну да, если они понимают твою речь, — громко заметил Малфой, и Пэнси Паркинсон снова согнулась пополам от смеха.

Амбридж посмотрела на них снисходительно и повернулась к Невиллу:

— Вы видите фестралов, не так ли, Долгопупс?

Невилл кивнул.

— Кто при вас умирал? — равнодушно спросила она.

— Мой… мой дедушка.

— И что вы о них думаете? — Она показала короткопалой рукой на лошадей, которые уже обглодали половину коровьей туши почти до костей.

— Ну… — нерешительно начал Невилл и оглянулся на Хагрида. — Ну… они хорошие…

— «Ученики… запуганы… настолько… что… не признаются… в своем страхе», — декламировала свою запись Амбридж.

— Нет! — Невилл был явно расстроен. — Нет, я их не боюсь!

— Ничего, ничего, — сказала Амбридж, похлопав Невилла по плечу и изобразив понимающую улыбку, которая показалась Гарри злобной гримасой. Она повернулась к Хагриду и опять заговорила громко и раздельно: — Ну что ж. Я достаточно тут увидела. Вы получите (с таким жестом, как будто взяла что-то из воздуха) результаты инспекции (показала на блокнот) через десять дней. — Она растопырила десять кургузых пальцев и с широкой, еще более жабьей, чем

прежде, улыбкой двинулась прочь, оставив позади себя хохочущих Малфоя и Пэнси Паркинсон, трясущуюся от ярости Гермиону и растерянного, огорченного Невилла.

— Подлая, лживая, старая горгулья, — бушевала полчаса спустя Гермиона, когда они возвращались в замок по коридорам, ими же протоптанным в снегу. — Вы поняли, к чему она клонит? Это ее помешательство на полукровках — хочет представить Хагрида каким-то безмозглым троллем, а все потому, что у него мать была великанша… Нечестно — урок был совсем не плохой… Конечно, если бы опять соплохвосты… а фестралы славные — в смысле, для урока то, что надо.

— Амбридж сказала, они опасны, — возразил Рон.

— Хагрид и сам сказал, что они умеют за себя постоять. Думаю, обычный преподаватель, вроде Граббли-Дерг, не показал бы их нам раньше, чем к экзаменам на ЖАБА, а они ведь интересные, правда? кто-то их видит, а кто-то — нет. Хотела бы я их увидеть.

— Неужели? — тихо сказал Гарри.

До нее только теперь дошел страшный смысл ее слов.

— Ой, Гарри… извини… конечно, нет, какую глупость я сморозила.

— Бывает, не огорчайся.

— Я удивляюсь, сколько народу их видит, — сказал Рон. — Смотри, у нас целых трое.

— И мы удивляемся, Уизли, — раздался позади злорадный голос. Неслышно ступая по снегу, позади них шли Малфой, Крэбб и Гойл. — Если бы при тебе кто откинул копыта, может, ты и квоффл увидел бы?

Они с гоготом прошли вперед и через несколько минут затянули: «Уизли — наш король». Уши у Рона стали алыми.

— Не обращай внимания, не обращай внимания, — приговаривала Гермиона.

Она вынула волшебную палочку и заклинанием включила горячий воздух, чтобы растопить в снежной целине тропинку к теплицам.

* * *

Пришел декабрь со снегопадами и целой лавиной домашних заданий для пятикурсников. С приближением Рождества обременительнее стали и обязанности старост для Рона и Гермионы. Они надзирали за украшением замка («Ты вешаешь мишуру, а Пивз взялся за другой конец

и пробует ею же тебя задушить», — говорил Рон), следили за первокурсниками и второкурсниками, чтобы на переменах они не выбегали на мороз («До чего же нахальные сопляки — мы на первом курсе не были такими грубыми», — говорил Рон) и посменно патрулировали коридоры с Аргусом Филчем, решившим, что предпраздничное настроение приведет к массовым дуэлям юных волшебников («У этого навоз вместо мозгов», — негодовал Рон). Они были настолько заняты, что Гермиона даже перестала вязать шапочки эльфам и огорчалась, что еще три недоделаны.

— Сколько бедняг я еще не освободила, и они должны просидеть тут Рождество из-за того, что не хватает шапок!

А у Гарри не хватало духу сказать ей, что все ее шапки забирает Добби; он только ниже склонялся над своим сочинением по истории магии. О Рождестве ему вообще не хотелось думать. Впервые за годы учения он очень хотел провести каникулы вне Хогвартса. После исключения из команды и из-за того, что Хагриду угрожал испытательный срок, школа его тяготила. Единственное, что обрадовало бы его — собрания ОД, но в каникулы их не будет — почти все ребята разъедутся по домам. Гермиона собиралась кататься на лыжах. Идея

такого отдыха позабавила Рона, впервые услышавшего, что маглы нацепляют на ноги дощечки и катаются по горам. Рон уезжал домой, в «Нору». Несколько дней Гарри снедала зависть, пока в ответ на его вопрос, как Рон поедет домой, тот не сказал: «Ты ведь тоже едешь! Разве я не говорил? Мама месяц назад написала мне и велела тебя пригласить!»

Гермиона сделала большие глаза, но Гарри воспрял духом. Перспектива провести праздники в «Норе» была чудесной, только одно ее омрачало — виноватое чувство, что с ним не будет Сириуса. Он даже подумал, не уговорить ли миссис Уизли, чтобы она пригласила крестного. Но вряд ли Дамблдор позволит Сириусу покинуть площадь Гриммо, да и миссис Уизли может не захотеть — уж больно часто они с Сириусом препираются. Сириус не подавал о себе вестей с тех пор, как последний раз появился в камине, и, хотя Гарри понимал, что Амбридж настороже и связываться с ним рискованно, ему неприятно было думать о том, как Сириус сидит один в старом материнском доме и бесится, коротая время с Кикимером.

На последний перед праздником сбор ОД Гарри пришел в Выручай-комнату рано. И был очень рад этому, потому что, когда вспыхнули факелы,

оказалось, что Добби взял на себя труд украсить к Рождеству помещение. Ясно было, что это дело его рук — никому больше в голову не пришло бы развесить под потолком сотню золотых игрушек с изображением Гарри и подписью: «ГАРРИ, ГАРРИ, МОЯ ЗВЕЗДА!»

Едва он успел сорвать последнюю, как дверь со скрипом отворилась и вошла Полумна Лавгуд, мечтательная, как всегда.

— Здравствуй, — задумчиво сказала она, оглядывая то, что осталось от украшений. — Красиво. Это ты развесил?

— Нет. Добби, эльф-домовик.

— Омела. — Она сонно показала на большую гроздь белых ягод почти над самой головой Гарри. Он выскочил из-под нее. — Правильно сделал, — серьезно сказала Полумна. — Она часто бывает заражена нарглами.

От необходимости спросить, что такое нарглы, Гарри был избавлен приходом Анджелины, Кэти и Алисии. Все три запыхались и выглядели замерзшими. Анджелина сняла плащ, кинула в угол и хмуро сказала:

— Мы наконец нашли тебе замену.

— Мне замену? — с недоумением повторил он.

— И тебе, и Джорджу, и Фреду, — сердито уточ-

нила она. — Взяли нового ловца.

— Кого?

— Джинни Уизли.

Гарри смотрел на нее ошалело.

— Сама знаю. — Анджелина вынула волшебную палочку, согнула и разогнула руку. — Но она ничего, оказывается. Не ты, конечно, — Анджелина одарила его очень недобрым взглядом, — но коль скоро ты недоступен…

Его так и подмывало сказать: «Неужели ты думаешь, что я не жалею в сто раз больше тебя о своем исключении?» Но он удержался и по возможности ровным голосом спросил:

— А кто загонщики?

— Эндрю Керк, — без восторга сообщила Анджелина, — и Джек Слоупер. Звезд с неба не хватают, но по сравнению с идиотами, которые вызывались…

С приходом Рона, Гермионы и Невилла этот гнетущий разговор оборвался, а еще через пять минут в комнате стало так людно, что Гарри стал недосягаем для горящего, укоризненного взгляда Анджелины.

— Хорошо, — сказал он, и собрание утихло. — Я думаю, сегодня мы повторим то, чем занимались в прошлые разы. Это последняя встреча перед

каникулами, и не имеет смысла начинать что-то новое, если впереди перерыв в три недели…

— Ничего нового не будет? — шепотом, слышным всей комнате, недовольно спросил Захария Смит. — Знал бы, не пришел.

— Эх, жалко, Гарри тебя не предупредил, — сказал Фред.

Несколько человек засмеялись, среди них Чжоу, и у Гарри опять что-то оборвалось внутри, словно под ногой не оказалось очередной ступеньки.

— Будем работать парами, — сказал он. — Для начала десять минут — Чары помех. Потом разложим подушки и — Оглушающее заклятие.

Разделились. Гарри, как всегда, стал против Невилла. Комнату огласили резкие выкрики *«Импедимента».* Один застынет на минуту, другой в это время вертит головой, смотрит, как идут дела у остальных пар. Потом первый приходит в себя, и теперь его очередь наводить чары.

Невилл усовершенствовался до неузнаваемости. После того как он трижды заморозил Гарри, тот, по обыкновению, передал его Рону и Гермионе, а сам пошел смотреть, что получается у других. Когда он поравнялся с Чжоу, она радостно улыбнулась ему; он поборол искушение пройти мимо нее еще несколько раз.

Поупражнявшись десять минут в Чарах помех, они разложили по полу подушки и занялись Оглушением. Пространства было слишком мало, чтобы всем заниматься одновременно; половина группы наблюдала за другой, а потом они менялись. Гарри смотрел на их работу, и его буквально распирало от гордости. Правда, Невилл оглушил вместо Дина, в которого целился, его соседку Падму Патил, но промах был гораздо меньше обычного, и все остальные тоже действовали успешнее, чем прежде.

Через час Гарри скомандовал: «Стоп».

— У вас уже очень хорошо получается, — сказал он, обводя их довольным взглядом. — Когда вернемся с каникул, попробуем что-нибудь покрепче, может, даже Патронуса.

В ответ — взволнованный гомон. Стали расходиться, как всегда, по двое, по трое. Прощаясь, желали Гарри счастливого Рождества. Веселый, он собирал вместе с Роном и Гермионой подушки и аккуратно складывал. Рон с Гермионой ушли, а он остался, потому что задержалась Чжоу и он надеялся услышать от нее: «Счастливого Рождества».

— Нет, ты иди, — сказала она своей подруге Мариэтте, и сердце у него радостно подпрыгнуло

чуть не до самого кадыка.

Гарри сделал вид, что поправляет стопку подушек. Теперь они остались вдвоем, и он ожидал, что Чжоу заговорит. Вместо этого услышал громкое шмыганье.

Он обернулся и увидел, что Чжоу стоит посреди комнаты и по щекам ее текут слезы.

— Что такое?

Он не знал, как поступить. Чжоу стояла и беззвучно плакала.

— Что случилось? — беспомощно спросил он.

Она покачала головой, утерла слезы рукавом и хрипло сказала:

— Извини… наверное… мы тут учим эти заклинания… и я подумала… если бы *он* их знал… то остался бы жив.

Сердце у Гарри ухнуло вниз и остановилось где-то на уровне пупка. Какой же недогадливый. Она хотела поговорить о Седрике.

— Он все это знал. И очень даже хорошо, иначе не дошел бы до центра лабиринта. Но если Волан-де-Морт решил тебя убить, у тебя нет никаких шансов.

При имени Волан-де-Морта Чжоу икнула, но глаз от Гарри не отвела.

— А ты не умер, хотя был еще младенцем, — ти-

хо сказала она.

— Ну… да, — устало отозвался он и пошел к двери. — Не знаю почему, и никто не знает. Так что гордиться тут нечем.

— Нет, не уходи! — сказала она со слезами в голосе. — Извини, что я тут распустилась… Я не собиралась…

Она опять икнула. Даже с красными опухшими глазами Чжоу была красива. Гарри чувствовал себя несчастным. Насколько было бы приятнее, если бы она просто пожелала счастливого Рождества.

— Я понимаю, как тебе сейчас тяжело, — сказала она и опять вытерла рукавом слезы. — Я заговорила о Седрике, а он умирал у тебя на глазах. Ты, наверное, хочешь все это забыть?

Гарри не ответил. Она правильно его поняла, но было бы черствостью с его стороны признаться в этом.

— Ты правда хороший учитель. — Чжоу улыбнулась сквозь слезы. — До сих пор я никого не могла оглушить.

— Спасибо, — смущенно сказал он.

Они смотрели друг другу в глаза. Гарри сгорал от желания выскочить из комнаты, но ноги его приросли к полу. Чжоу показала на потолок над

его головой.

— Омела.

— Да. — Во рту у него пересохло. — Но, наверное, кишит нарглами.

— Кто такие нарглы?

— Понятия не имею. — Чжоу подошла ближе. Он сам как будто был оглушен. — Лучше спроси Полоумну Лавгуд. В смысле — Полумну.

Чжоу издала странный звук — не то хихикнула, не то всхлипнула. Теперь она стояла совсем близко. Он мог пересчитать веснушки у нее на носу.

— Ты мне очень нравишься, Гарри.

Он не мог думать. Во всем теле странно покалывало, руки и ноги отнялись, мозг тоже бездействовал.

Она была слишком близко. Он видел каждую слезинку на ее ресницах…

Получасом позже вернувшись в гостиную, он застал там Рона и Гермиону на лучших местах перед камином; почти все уже разошлись по спальням. Гермиона писала длиннющее письмо; исписана была половина свитка, конец которого свешивался со стола. Рон валялся на коврике и домучивал сочинение по трансфигурации.

— Ты чего там застрял? — спросил он, когда Гарри уселся в кресло рядом с Гермионой.

Гарри не ответил. Он был в шоке. Половина его жаждала поведать друзьям о том, что с ним произошло, другая половина желала унести эту тайну в могилу.

— Ты нездоров? — спросила Гермиона, глядя на него поверх своего пера.

Гарри неопределенно пожал плечами. По правде, он сам не понимал, здоров он или нет.

— В чем дело? — сказал Рон и приподнялся на локте, чтобы лучше его видеть. — Что случилось?

Гарри не знал, как к этому подступиться, да и не был уверен, что хочет рассказать. И как раз когда решил ничего не говорить, Гермиона сама взялась за дело.

— Это Чжоу? — деловито спросила она. — Она зацепила тебя после урока?

Ошеломленный Гарри кивнул. Рон засмеялся было и сразу осекся под взглядом Гермионы.

— Так… э-э… что ей надо? — спросил он с напускным равнодушием.

— Она… — вдруг осипнув, начал Гарри, потом откашлялся и начал снова. — Она…

— Целовались? — все так же деловито спросила Гермиона.

Рон сел так порывисто, что чернильница пока-

тилась по коврику. Не обратив на нее внимания, он алчно вперился в Гарри.

— Ну?

Гарри перевел взгляд с его насмешливо-любопытного лица на сосредоточенную Гермиону и кивнул.

— ХА!

Рон ликующе вскинул кулак и разразился громовым хохотом, заставившим вздрогнуть двух робких второкурсников у окна. Глядя, как Рон катается по ковру, Гарри невольно расплылся в улыбке.

— Ну? — выговорил наконец Рон. — Как это было?

Гарри немного задумался и честно ответил:

— Сыро.

Рон отреагировал непонятным звуком, который мог означать и торжество, и отвращение.

— Потому что она плакала, — серьезно объяснил Гарри.

— Ну? — Улыбка Рона притухла. — Так плохо целуешься?

— Не знаю. — Гарри эта мысль не приходила в голову, и он несколько встревожился. — Может быть.

— Да нет, конечно, — рассеянно сказала Герми-

она, не отрываясь от письма.

— А ты-то почем знаешь? — с некоторой настороженностью спросил Рон.

— Потому что Чжоу теперь все время плачет, — рассеянно сказала Гермиона, — и за едой, и в туалете, повсюду.

— Надо думать, поцелуи ее немного развеселят, — ухмыльнулся Рон.

— Рон, — назидательно сказала Гермиона, погрузив перо в чернильницу. — Ты самое бесчувственное животное, с каким я имела несчастье познакомиться.

— Это что же такое? — вознегодовал Рон. — Кем надо быть, чтобы плакать, когда тебя целуют?

— Да, — сказал Гарри с легким отчаянием в голосе, — почему так?

Гермиона посмотрела на друзей чуть ли не с жалостью.

— Вам непонятно, что сейчас переживает Чжоу?

— Нет, — ответили они хором.

Гермиона вздохнула и отложила перо.

— Ну, очевидно, что она глубоко опечалена смертью Седрика. Кроме того, я думаю, она растеряна, потому что ей нравился Седрик, а теперь нравится Гарри, и она не может решить, кто ей

нравится больше. Кроме того, она испытывает чувство вины — ей кажется, что, целуясь с Гарри, она оскорбляет память о Седрике, и ее беспокоит, что будут говорить о ней, если она начнет встречаться с Гарри. Вдобавок она, вероятно, не может разобраться в своих чувствах к Гарри: ведь это он был с Седриком, когда Седрик погиб. Так что все это очень запутанно и болезненно. Да, и она боится, что ее выведут из когтевранской команды по квиддичу, потому что стала плохо летать.

Речь была встречена ошеломленным молчанием. Затем Рон сказал:

— Один человек не может столько всего чувствовать сразу — он разорвется.

— Если у тебя эмоциональный диапазон, как у чайной ложки, это не значит, что у нас такой же, — сварливо произнесла Гермиона и взялась за перо.

— Она сама начала, — сказал Гарри. — Я бы не… вроде подошла ко мне, а потом смотрю, чуть ли не всего слезами залила… Я не знал, что делать.

— Не вини себя, сынок, — сказал Рон, видимо вообразив эту тревожную картину.

Гермиона оторвалась от письма:

— Ты должен был отнестись к ней чутко. Надеюсь, так и было?

— Ну, — Гарри ощутил неприятный прилив жара к лицу, — я вроде… похлопал ее по спине.

Еще бы чуть-чуть, и Гермиона, кажется, возвела бы глаза к небу.

— Могло быть и хуже, — сказала она. — Ты намерен с ней встречаться?

— Придется, наверное. У нас же собрания ОД, правда?

— Ты знаешь, о чем я, — в сердцах сказала Гермиона.

Гарри ничего не ответил. Слова Гермионы раскрыли перед ним пугающую перспективу. Он пытался вообразить, как идет куда-то с Чжоу — например, в Хогсмид — и проводит наедине с ней многие часы. Конечно, она ожидает от него приглашения после того, что сегодня произошло… От этой мысли внутри у него что-то болезненно сжалось.

— Ну что ж, — сухо сказала Гермиона, с головой уйдя в свое письмо, — у тебя будет масса возможностей пригласить ее.

— А если он не хочет ее приглашать? — сказал Рон, наблюдавший за Гарри с несвойственной ему пристальностью.

— Не говори глупостей. Она давным-давно ему нравится.

Гарри промолчал. Да, Чжоу давным-давно ему нравилась, но, когда он представлял себя с ней вдвоем, Чжоу в этой сцене была радостной, а не той Чжоу, которая проливала слезы у него на плече.

— А кому ты вообще пишешь этот роман? — спросил Рон у Гермионы, пытаясь прочесть ту часть пергамента, которая свесилась уже на пол.

Гермиона отдернула ее.

— Виктору.

— Краму?

— А сколько еще у нас Викторов?

Рон ничего не сказал, но вид у него был недовольный. Двадцать минут они провели в молчании: Рон дописывал сочинение по трансфигурации, то и дело раздраженно крякая и зачеркивая фразы; Гермиона неутомимо писала письмо и, исписав пергамент до конца, свернула его и запечатала; Гарри смотрел в огонь и мечтал о том, чтобы там появилась голова Сириуса и дала ему какой-нибудь совет насчет девушек. Но пламя только потрескивало и оседало, покуда красные угли не обратились в золу, и тогда, оглянувшись, Гарри увидел, что они опять остались последними в гостиной.

— Ну, спокойной ночи. — Гермиона широко

зевнула и ушла по лестнице в девичью спальню.

— И что она нашла в Краме? — сказал Рон, когда они поднимались по лестнице.

Гарри подумал и сказал:

— Наверное, он старше… и играет за сборную страны в квиддич.

— Ну, а кроме? — досадовал Рон. — Мрачный тип, и всё.

— Да, мрачноват, — согласился Гарри, целиком занятый мыслями о Чжоу.

Молча они разделись и надели пижамы; Дин, Симус и Невилл видели уже десятый сон. Гарри снял очки, положил на тумбочку и лег, но полог не задернул и стал смотреть на квадрат звездного неба в окне возле кровати Невилла. Мог ли он подумать прошлой ночью, что через двадцать четыре часа поцелует Чжоу Чанг…

— Спокойной ночи, — буркнул справа Рон.

— Спокойной ночи.

Может, в следующий раз — если до этого дойдет — она будет не такой печальной. Надо было пригласить ее, она, наверно, этого ждала и теперь очень сердита на него… или лежит и все еще плачет по Седрику… Он не знал, что думать. Объяснения Гермионы не внесли никакой ясности, только еще больше все усложнили.

«Вот чему нас должны здесь учить, — думал он, повернувшись на бок, — как работает голова у девочек… это было бы полезней прорицаний…»

Невилл засопел во сне. Где-то в ночи ухнула сова.

Гарри снилось, что он в Выручай-комнате. Чжоу обвиняла его в том, что он заманил ее сюда под фальшивым предлогом, что он обещал ей сто пятьдесят карточек от шоколадных лягушек, если она придет. Гарри протестовал… Чжоу закричала: «Седрик дал мне кучу карточек от шоколадных лягушек!» — и стала горстями вытаскивать карточки из мантии и швырять в воздух. Потом она превратилась в Гермиону, которая сказала: «Ты же обещал ей, Гарри… Я думаю, ты должен дать ей вместо них что-нибудь другое… может, твою «Молнию». А он стал говорить, что не может дать Чжоу свою «Молнию», потому что она у Амбридж, и вообще все это чушь — он пришел в Выручай-комнату только развесить шарики в виде головы Добби…»

Сон переменился…

Тело у него стало сильным, гибким, гладким. Он скользил между блестящими металлическими перекладинами, по темному холодному камню… Он скользил по полу на животе… было темно, но

он видел вокруг мерцающие предметы странной переливчатой окраски… поворачивал голову туда и сюда… На первый взгляд коридор был пуст… но нет… впереди сидел человек, его подбородок отвис, и фигура его слабо светилась во тьме…

Гарри высунул язык… он ощущал запах человека… тот был жив, но дремал… он сидел перед дверью в конце коридора…

Гарри желал укусить человека… и нельзя поддаться желанию… его ждет более важное дело…

Но человек зашевелился, серебряный плащ свалился с его ног, и он вскочил. Его неясная мерцающая фигура надвигалась, нависала, он вынул из-за пояса волшебную палочку… и у Гарри не было выбора… он взвился с пола и раз, другой, третий всадил зубы в тело человека, чувствуя, как захрустели ребра и хлынула теплая кровь…

Человек кричал от боли… потом умолк… съехал по стене… кровь растекалась по полу…

Нестерпимая головная боль… голова раскалывается…

— Гарри! ГАРРИ!

Он открыл глаза. Все тело покрылось холодным потом; простыни опутывали его, как смирительная рубашка, и казалось, что к голове приложили раскаленную добела кочергу.

— Гарри!

Над ним стоял перепуганный Рон. В ногах кровати маячили еще чьи-то фигуры. Он схватился за голову: боль застилала глаза… Он свесился с кровати, и его вырвало.

— Он заболел, — послышался испуганный голос. — Надо кого-то позвать.

— Гарри! Гарри!

«Надо сказать Рону, во что бы то ни стало сказать…» Хватая ртом воздух, полуослепший от боли, Гарри сел. Он с трудом сдерживал подступающую рвоту.

— Твой папа, — пропыхтел он. — На него напали…

— Что? — не понял Рон.

— Твой отец! Его кто-то укусил, это серьезно, повсюду была кровь.

— Пойду позову помощь, — раздался тот же испуганный голос, и кто-то выбежал из спальни.

— Гарри, друг, — неуверенно сказал Рон, — тебе приснилось.

— *Нет*! — Очень важно было, чтобы Рон его понял. — Это был не сон… не обычный сон. Я был там, я это видел… *Я* это сделал.

Он слышал тихие голоса Симуса и Дина и не прислушивался к их словам. Боль во лбу понемно-

гу ослабевала, но он все еще потел и его трясло как в лихорадке. Снова подкатила тошнота, и Рон отскочил назад.

— Гарри, ты нездоров, — проговорил он дрожащим голосом. — Невилл пошел за помощью.

— Я здоров! — Гарри закашлялся и вытер рот пижамой. Его била неудержимая дрожь. — Я в порядке, ты об отце беспокойся, мы должны выяснить, где он. Он истекал кровью… я был… я был огромной змеей.

Он попытался встать с кровати, но Рон толкнул его назад. Где-то рядом перешептывались Дин и Симус. Одна минута прошла или десять, Гарри не знал. Он сидел, дрожал, чувствовал, что боль потихоньку уходит из шрама… Потом послышались торопливые шаги на лестнице и голос Невилла:

— Сюда, профессор.

Профессор МакГонагалл — в халате из шотландки, очки на костистой переносице перекошены — торопливо вошла в спальню.

— Что случилось, Поттер? Где болит?

Гарри никогда еще так ей не радовался — сейчас ему нужен был кто-то из Ордена Феникса, а не тот, кто будет хлопотать над ним и потчевать ненужными зельями.

— Отец Рона. — Он сел. — На него напала змея,

и ему плохо, я видел, как это случилось.

— Что значит «видел»? — спросила МакГонагалл, сведя брови.

— Не знаю, я спал, а потом очутился там…

— Хотите сказать, вам это снилось?

— Да нет же! (Неужели никто из них не поймет?) Сперва мне снилось что-то совсем другое, какая-то глупость… а потом вмешалось это. Это было на самом деле, не в моем воображении. Мистер Уизли спал на полу, на него напала гигантская змея, он истекал кровью, он упал, надо выяснить, где он.

Профессор МакГонагалл смотрела на него сквозь перекошенные очки так, словно увидела нечто ужасное.

— Я не вру, и я не сумасшедший. — Голос Гарри взвился до крика. — Говорю вам, я видел, как это случилось!

— Я верю вам, Поттер. Надевайте халат — мы идем к директору.

Глава 22

БОЛЬНИЦА СВЯТОГО МУНГО

От радости, что она восприняла его всерьез, Гарри мигом спрыгнул с постели, натянул халат и нацепил очки.

— Уизли, вам тоже надо пойти, — сказала профессор МакГонагалл.

Мимо безмолвных Невилла, Дина и Симуса они вышли за ней из спальни, спустились по винтовой лестнице в гостиную, откуда через портретную дверь вышли в освещенный луной коридор Полной Дамы. Гарри боялся, что паника его в любую секунду может прорваться наружу; ему хотелось бежать, звать Дамблдора. Мистер Уизли истекает кровью, а они степенно шагают по коридору. Что, если эти зубы (он старался не думать: «Мои зубы») ядовиты? Они прошли мимо Миссис Норрис, которая обратила на них свои глаза-лампы и тихо зашипела, но профессор МакГонагалл сказала: «Брысь!» — и кошка шмыгнула в темноту. Через несколько минут они остановились перед каменной горгульей, сторожившей вход в кабинет Дамблдора.

— Летучая шипучка, — сказала профессор МакГонагалл.

Горгулья ожила и отскочила в сторону, стена позади нее разошлась, открыв каменную лестницу, непрерывно бегущую вверх наподобие спирального эскалатора. Они стали на движущиеся ступени, стена за ними закрылась с глухим стуком, и лестница понесла их наверх тугими кругами. И вот блестящая дубовая дверь с латунным молотком в виде грифона.

Хотя было уже за полночь, за дверью слышался многоголосый гомон. Как будто Дамблдор принимал не меньше дюжины гостей.

Профессор МакГонагалл трижды стукнула молотком-грифоном, и голоса разом смолкли, словно их выключили. Дверь сама собой открылась, и следом за МакГонагалл Гарри и Рон вошли в кабинет.

В комнате царил полумрак; непонятные серебряные приборы не жужжали и не пыхали дымом, как обычно, а стояли неподвижно и безмолвно; портреты прежних директоров и директрис дремали в своих рамах. Спрятав голову под крыло, спала на своем шестке за дверью чудесная красно-золотая птица, большая, как лебедь.

— А, это вы, профессор МакГонагалл… и…

Дамблдор сидел за письменным столом в кресле с высокой спинкой; он наклонился вперед, и на него упал свет свечей, освещавших разложенные на столе документы. На нем был великолепно расшитый пурпурно-золотой халат, надетый поверх белоснежной ночной рубашки, но выглядел Дамблдор нисколько не сонным. Пронзительный взгляд голубых глаз остановился на профессоре МакГонагалл.

— Профессор Дамблдор, — сказала она, — у Поттера был… был кошмар. Он говорит…

— Это не кошмар, — перебил Гарри.

Профессор МакГонагалл обернулась к нему и слегка нахмурилась.

— Хорошо, Поттер, сами расскажите директору.

— Я… я правда спал, — сказал Гарри. Притом, что он был в ужасе и отчаянно хотел все объяснить Дамблдору, его задело, что тот смотрит не на него, а на переплетенные пальцы своих рук. — Но это был не обычный сон… это было на самом деле… я видел, как это произошло… — Он глубоко вздохнул. — Отец Рона, мистер Уизли — на него набросилась гигантская змея.

Произнесенные слова как будто еще отдавались в комнате и звучали немного нелепо, даже

смешно. Наступила пауза; Дамблдор откинулся в кресле и задумчиво смотрел в потолок. Бледный, потрясенный Рон переводил взгляд с Гарри на Дамблдора.

— Как вы это увидели? — спокойно спросил Дамблдор, по-прежнему не глядя на Гарри.

— Не знаю… — сердито ответил он (не все ли равно?). — Ну, мысленно, что ли…

— Вы меня не поняли, — все так же спокойно сказал Дамблдор. — Я спрашиваю, помните ли вы, откуда наблюдали за этим нападением. Стояли рядом с жертвой или видели сцену сверху?

Вопрос поразил Гарри, он изумленно уставился на директора — как будто все уже знает…

— Я был змеей. Я видел ее глазами.

Стало тихо. Потом Дамблдор, глядя теперь на побелевшего Рона, резко спросил:

— Артур серьезно ранен?

— Да, — с силой произнес Гарри. Почему они никак не раскачаются, неужели непонятно, сколько крови потерял человек, если бок ему прокусили такие длинные зубы? И почему Дамблдор не удостоит его взглядом?

Но Дамблдор встал с такой внезапностью, что Гарри вздрогнул. Директор обратился к одному из портретов, висевшему под самым потолком.

— Эдвард! — властно произнес он. — И вы, Дайлис!

Волшебник с землистым лицом и короткой черной челкой и его соседка, пожилая ведунья с длинными серебряными локонами, как будто бы крепко спавшие, мгновенно открыли глаза.

— Вы слушали? — спросил Дамблдор.

Волшебник кивнул, волшебница сказала:

— Естественно.

— Он рыжий, в очках, — сказал Дамблдор. — Эдвард, вам надо поднять тревогу, позаботьтесь, чтобы его нашли наши люди…

Оба кивнули и боком ушли из своих рам, но не появились на соседних портретах (как это обычно бывало в Хогвартсе), а просто исчезли. На одной картине остался только задник — черный занавес, а на другой — красивое кожаное кресло. Гарри заметил, что другие директора и директрисы, мирно дремавшие и похрапывавшие самым натуральным образом, нет-нет да и поглядывали на него украдкой из-под полуопущенных век. Теперь стало ясно, кто здесь разговаривал перед их приходом.

— Эдвард и Дайлис были самыми прославленными директорами Хогвартса, — сказал Дамблдор, стремительно пройдя мимо гостей к

великолепной птице, спавшей возле двери. — Настолько знаменитыми, что их портреты висят во многих важных учреждениях волшебников. Они свободно перемещаются между своими портретами и поэтому могут сообщить нам, что происходит в других местах.

— Но мистер Уизли мог быть где угодно! — сказал Гарри.

— Садитесь, пожалуйста, все трое, — сказал Дамблдор, словно не слыша его. — Эдвард и Дайлис могут на несколько минут задержаться. Профессор МакГонагалл, будьте любезны, вызовите стулья.

Профессор МакГонагалл вынула из кармана халата волшебную палочку и взмахнула ею. Из воздуха возникли три деревянных стула с прямыми спинками, совсем не такие, как уютные ситцевые кресла, которые наколдовал Дамблдор в Министерстве, когда слушалось дело Гарри. Гарри сел и через плечо наблюдал за Дамблдором. Тот гладил пальцем Фоукса по золотой хохлатой голове. Феникс сразу проснулся, поднял красивую голову и блестящими темными глазами смотрел на Дамблдора.

— Нам будет нужно предупреждение, — очень спокойно сказал Дамблдор птице.

Вспышка пламени, и феникс исчез.

Дамблдор стремительно подошел к одному из тонких серебряных приборов (назначения которых Гарри до сих пор не знал), перенес его на стол, сел и легонько постучал по нему концом волшебной палочки.

С ритмичным позвякиванием прибор ожил, из серебряной трубочки наверху стали выходить маленькие клубы бледно-зеленого дыма. Директор внимательно вглядывался в дым, между бровей у него залегла глубокая морщина. Через несколько секунд дым пошел ровной струей, она сгущалась и закручивалась в воздухе… и вот уже вылепилась из нее змеиная голова с разинутой пастью.

«Не подтверждение ли это моего рассказа», — подумал Гарри и посмотрел на Дамблдора в надежде увидеть по его лицу, что это так. Но Дамблдор не поднимал головы.

— Конечно, конечно, — бормотал он, по-прежнему наблюдая за дымом без малейшего удивления. — Но сущности разделены?

Вопрос прозвучал для Гарри загадкой. Между тем дымная змея немедленно превратилась в две змеи, обе сворачивались и извивались в полутьме. С видом мрачного удовлетворения Дамблдор слегка постучал по прибору палочкой:

позвякивание замедлилось и стихло, дымные змеи побледнели, расплылись в воздухе и пропали.

Дамблдор перенес аппарат обратно на узенький столик. Гарри увидел, что многие прежние директора на портретах проводили его глазами, но, заметив, что Гарри смотрит на них, тут же прикинулись спящими. Гарри хотел спросить, для чего предназначен странный серебряный прибор, но в это время справа под потолком раздался крик: волшебник по имени Эдвард, слегка запыхавшийся, снова появился в своей раме.

— Дамблдор!

— Какие новости? — сразу откликнулся тот.

— Я кричал, пока кто-то не прибежал, — сообщил волшебник, вытирая мокрый лоб о висевший сзади занавес. — Сказал, что слышал внизу какое-то движение… Они не сразу мне поверили, но спустились посмотреть… вы знаете, внизу наблюдать некому — портретов там нет. Короче говоря, через несколько минут его принесли. Вид неважный, весь в крови. Когда они ушли, я перебежал в портрет Эльфриды Крэгг, чтобы разглядеть получше…

— Хорошо, — сказал Дамблдор, а Рон в это время судорожно приподнялся. — Значит, Дайлис

увидит, когда его доставят…

Через минуту на своем портрете появилась волшебница с серебряными локонами, она села в кресло, откашлялась и сказала:

— Да, его доставили в больницу святого Мунго… пронесли мимо моего портрета… выглядит плохо…

— Благодарю вас, — сказал Дамблдор. Он повернулся к МакГонагалл: — Минерва, надо разбудить остальных детей Уизли.

— Конечно…

Профессор МакГонагалл встала и быстро пошла к двери. Гарри скосился на Рона — на лице у того застыл ужас.

— Дамблдор, как быть с Молли? — задержавшись у двери, спросила МакГонагалл.

— Этим займется Фоукс, когда проверит, нет ли поблизости незваных гостей. Но, возможно, она уже знает… благодаря этим превосходным часам…

Гарри понял, что речь идет о ее часах, показывавших не время, а местонахождение и состояние каждого члена семейства Уизли, и с болью подумал, что стрелка мистера Уизли до сих пор показывает на *смертельную опасность*. Но время было позднее. Миссис Уизли, наверное, спит и

не следит за часами. Гарри похолодел, вспомнив, что боггарт у миссис Уизли принял вид ее мужа, бездыханного и окровавленного, в съехавших набок очках… Но мистер Уизли не умрет… он не может умереть…

Дамблдор тем временем рылся в буфете поблизости от Гарри и Рона. Наконец он извлек оттуда закопченный старый чайник и осторожно поставил на письменный стол. Поднял волшебную палочку и тихо сказал: *«Портус!»* Чайник задрожал, оделся странным голубым сиянием, а потом успокоился, черный, как прежде.

Дамблдор подошел к другому портрету — волшебнику с умным лицом и остроконечной бородкой. Этот был одет в цвета Слизерина — серебряный и зеленый — и спал, по-видимому, так крепко, что не слышал Дамблдора, пытавшегося его разбудить.

— Финеас, Финеас.

Люди на портретах перестали притворяться спящими, они зашевелились в своих рамах, чтобы лучше видеть происходящее. Умный с бородкой-клинышком по-прежнему изображал спячку, и некоторые тоже стали выкрикивать его имя:

— Финеас! *Финеас!* ФИНЕАС!

Прикидываться дальше было невозможно, он нарочито вздрогнул и широко раскрыл глаза.

— кто-то звал?

— Надо, чтобы вы еще раз посетили свой другой портрет, Финеас, — сказал Дамблдор. — У меня новое сообщение.

— Посетить мой другой портрет? — скрипучим голосом сказал Финеас с притворным зевком (при этом взгляд его обежал комнату и остановился на Гарри). — Ну, нет, Дамблдор, я сегодня ужасно устал.

что-то знакомое почудилось Гарри в его голосе. Где он его слышал? Но вспомнить ему помешали другие портреты на стенах — слова Финеаса вызвали бурю негодования.

— Нарушение субординации, сэр! — взревел дородный красноносый волшебник, потрясая кулаком. — Неисполнение приказа!

— Честь обязывает нас служить нынешнему главе Хогвартса! — воскликнул дряхлый волшебник, в котором Гарри признал Армандо Диппета, предшественника Дамблдора. — Стыдно, Финеас!

— Внушить ему, Дамблдор? — спросила остроглазая ведьма и подняла необыкновенно толстую волшебную палочку, смахивавшую на трость.

— Ну, хорошо, — согласился волшебник по

имени Финеас, глядя на ее палочку с некоторой опаской. — Хотя вполне возможно, что он уже ликвидировал мой портрет так же, как разделался с большинством предков…

— Сириус знает, что не должен уничтожать ваш портрет, — сказал Дамблдор, и Гарри сразу вспомнил, где он слышал голос Финеаса: этот голос шел из пустой рамы в его спальне на площади Гриммо. — Вы передадите ему, что Артур Уизли тяжело ранен и что его жена, дети и Гарри Поттер скоро прибудут к нему в дом. Вы поняли?

— Артур Уизли ранен, жена, дети и Гарри Поттер остановятся у него, — скучающим голосом повторил Финеас. — Да, да… хорошо.

Он нырнул за раму портрета и скрылся из виду; в ту же секунду дверь кабинета открылась. Профессор МакГонагалл ввела Фреда, Джорджа и Джинни, встрепанных и ошарашенных, в ночной одежде.

— Гарри, что происходит? — с испугом спросила Джинни. — Профессор МакГонагалл говорит, ты видел, как ранили папу…

— Ваш отец был ранен при выполнении задания для Ордена Феникса, — опередил его Дамблдор. — Его доставили в клинику магических недугов и травм — в больницу святого

Мунго. Я отправляю вас в дом Сириуса, это ближе к больнице, чем «Нора». Там вы встретитесь с матерью.

— Как мы доберемся туда? — спросил Фред. Сейчас он был не похож на себя. — Летучим порохом?

— Нет, — сказал Дамблдор. — Сейчас это небезопасно, за Сетью ведется слежка. Вы отправитесь через портал. — Он показал на невыразительный старый чайник, стоявший на столе. — Мы ждем сообщения от Финеаса Найджелуса… Прежде чем отправить вас, я хочу убедиться, что путь свободен.

Посреди кабинета на миг вспыхнуло пламя, от него осталось золотое перо, медленно опускавшееся на пол.

— Это предупреждение Фоукса, — сказал Дамблдор, поймав его на лету. — Профессор Амбридж узнает, что вас нет в спальнях… Минерва, идите и отвлеките ее — придумайте что угодно.

В развевающемся халате МакГонагалл устремилась к двери.

— Он сказал, что будет рад, — раздался скучающий голос за спиной Дамблдора: волшебник Финеас снова появился у себя, на фоне слизеринского знамени. — У моего праправнука всегда

был странный вкус по части гостей.

— Тогда подойдите сюда, — обратился Дамблдор к Гарри и всем Уизли. — Быстро, пока не появились провожатые.

Они сгрудились возле его стола.

— Вы все уже пользовались порталом?

Они кивнули, и каждый протянул руку к закопченному чайнику.

— Хорошо. На счет три: раз… два…

Все случилось в одно мгновение — раньше, чем Дамблдор произнес «три». Гарри посмотрел на него — они были совсем рядом, — и ясные голубые глаза Дамблдора остановились на его лице.

Сразу же шрам на лбу обожгло страшной болью, словно открылась старая рана, и неожиданная, беспричинная ненависть вспыхнула в его душе, такая лютая, что больше всего на свете ему захотелось броситься на этого человека, впиться в него зубами, терзать…

— …три.

Гарри ощутил сильный толчок пониже пупа, пол ушел из-под ног, рука намертво прилипла к чайнику, и, стукаясь друг о друга, увлекаемые чайником, все пятеро понеслись куда-то в вихре красок и шуме ветра…

— Прочь отсюда, отродье, предавшее свою

кровь. Это правда, что ваш отец умирает?

— ВОН! — рявкнул другой голос.

Гарри вскочил на ноги и огляделся. Они прибыли на кухню в цокольном этаже дома двенадцать на площади Гриммо. Единственными источниками света были камин и оплывшая свеча, освещавшие объедки чьего-то ужина. К двери в прихожую убегал Кикимер; перед тем как скрыться, он злобно оглянулся на них и поддернул набедренную повязку. А к ним уже спешил встревоженный Сириус. Он был небрит и в дневной одежде; от него пахнуло перегаром, как от Наземникуса.

— Что случилось? — Он протянул руку и помог Джинни встать. — Финеас Найджелус сказал, что Артур Уизли тяжело ранен.

— Спроси у Гарри, — сказал Фред.

— Да, и я хочу услышать, — сказал Джордж.

Близнецы и Джинни повернулись к нему. Шаги Кикимера на лестнице стихли.

— Это было… — заговорил Гарри. Им рассказывать оказалось еще труднее, чем Дамблдору и МакГонагалл. — У меня было… вроде… видение.

Он рассказал все, что видел, но изменил рассказ так, как если бы наблюдал за нападением змеи со стороны, а не смотрел на это ее глазами. Рон,

по-прежнему белый как простыня, глянул на него, но ничего не сказал. Когда Гарри закончил, Фред, Джордж и Джинни продолжали молча смотреть на него. Он не понимал, мерещится это ему или нет, но в их глазах он прочел осуждение. Ну, если он виноват в том, что был свидетелем нападения, хорошо хоть, не сказал, что был при этом внутри змеи.

Фред повернулся к Сириусу:

— Мама здесь?

— Она, может быть, еще ничего не знает. Важно было переправить вас до того, как вмешается Амбридж. А сейчас, я думаю, Дамблдор даст ей знать.

— Нам надо сейчас же в больницу святого Мунго, — сказала Джинни. Она оглянулась на близнецов: оба еще в пижамах. — Сириус, одолжишь нам плащи или что-нибудь?

— Подождите, нельзя вам мчаться в больницу! — сказал он.

— Нет, нам надо, и мы пойдем, — уперся Фред. — Это наш отец!

— А как вы объясните, откуда узнали про несчастье, если больница даже жене еще не сообщила?

— Какая разница? — вскинулся Джордж.

— Такая! — сердито ответил Сириус. — Мы не хотим привлекать внимание к тому, что у Гарри видения и он видит вещи, которые происходят за сотни миль! Вы представляете, какие выводы сделает из этого Министерство?

Фред и Джордж смотрели на него так, как будто им плевать на любые выводы Министерства. Рон был бледен и молчал. Джинни сказала:

— Нам мог кто-то другой сказать… Не обязательно Гарри.

— Кто, например? — обозлился Сириус. — Слушайте, ваш отец пострадал, выполняя задание Ордена, обстоятельства и без того подозрительные — не хватало еще, чтобы дети узнали об этом через минуту после происшествия. Это может серьезно повредить Ордену…

— Плевать нам на ваш дурацкий Орден! — выкрикнул Фред.

— Наш отец умирает — о чем мы тут говорим! — заорал Джордж.

— Ваш отец знал, на что идет, и он не поблагодарит вас, если вы навредите Ордену! — с таким же жаром ответил Сириус. — Вот как обстоит дело… вот почему вы не в Ордене… вы не понимаете… есть дело, ради которого стоит умереть.

— Тебе легко говорить, тут сидя! — взревел

Фред. — Не вижу, чтоб ты рисковал своей шкурой!

Лицо Сириуса, и прежде бледное, стало пепельным. Казалось, он готов ударить Фреда, но, когда он заговорил, голос его был предельно спокоен:

— Я знаю, это тяжело, но сейчас мы должны вести себя так, как будто нам еще ничего не известно. Должны сидеть тихо — по крайней мере пока нет известий о вашей матери.

Фреда и Джорджа это не успокоило. Джинни подошла к ближайшему креслу и села. Гарри посмотрел на Рона: тот сделал непонятное движение — не то кивнул, не то пожал плечами, и оба они сели одновременно. Близнецы еще минуту жгли глазами Сириуса, но потом уселись по бокам от Джинни.

— Ну, хорошо, — с облегчением сказал Сириус. — Давайте… давайте теперь выпьем, пока ждем. *Акцио, сливочное пиво!*

С этими словами он поднял волшебную палочку, и из кладовой вылетело полдюжины бутылок; они заскользили по столу, раскидав остатки хозяйского ужина, и аккуратно остановились — по одной перед каждым. Пили молча; только потрескивали поленья в камине да изредка стукала по столу поставленная бутылка.

Гарри взял бутылку просто для того, чтобы чем-то занять руки. Чувство вины жгло его, разрывало нутро. Если бы не он, они не сидели бы здесь, спокойно спали бы в своих постелях. И бесполезно было убеждать себя, что, не подними он тревогу, мистера Уизли не скоро бы нашли — некуда было деться от жуткой мысли, что он же сам и напал на их отца.

«Не дури, у тебя не змеиные зубы, — говорил он себе, пытаясь успокоиться, но бутылка все равно дрожала у него в руке. — Ты лежал на кровати, ты ни на кого не нападал».

«Но тогда что случилось в кабинете Дамблдора? — спрашивал он себя. — Ведь и на него хотел наброситься?»

Он опустил бутылку чуть резче, чем хотел, и навалился на стол. Никто не обратил на это внимания. А затем в воздухе вспыхнуло пламя, осветив грязные тарелки перед ними. Все вскрикнули, на стол шлепнулся пергаментный свиток, а вслед за ним опустилось золотое перо из хвоста феникса.

— Фоукс! — воскликнул Сириус и схватил пергамент. — Почерк не Дамблдора — это, наверное, от вашей матери. Держи.

Он сунул письмо Джорджу, тот развернул его и

вслух прочитал:

— «Отец еще жив. Я отправляюсь в больницу. Оставайтесь на месте. Как только смогу, извещу вас. Мама».

Джордж обвел взглядом стол.

— Еще жив… — медленно проговорил он. — Это надо понимать так, что…

Не было нужды договаривать до конца. Для Гарри эта фраза из письма тоже прозвучала так, что мистер Уизли одной ногой в могиле. Рон, по-прежнему без кровинки в лице, смотрел на письмо не отрываясь, будто ожидал услышать от него слова утешения. Фред выхватил пергамент у Джорджа и прочел про себя, а потом посмотрел на Гарри. Рука, державшая бутылку, тряслась, и Гарри сжал ее покрепче, чтобы унять дрожь.

Никогда еще ночь не тянулась для него так долго. В какой-то момент Сириус без особой убежденности в голосе предложил всем лечь спать, но отвращение на лицах Уизли было достаточно ясным ответом. Сидели за столом по большей части молча, смотрели, как фитилек свечи все ниже опускается над расплавленным воском, изредка подносили бутылку ко рту, изредка кто-то спрашивал время, или вслух гадал, что сейчас происходит в больнице, или пытался успокоить

других, говоря, что, если бы были плохие новости, они бы знали — миссис Уизли давно уже там.

Фред задремал, свесив голову на плечо. Джинни калачиком свернулась в кресле, но глаза ее были открыты. Гарри видел в них отражение огня. Рон сидел, опустив лицо на ладони, — спал или нет, понять было нельзя. Гарри и Сириус время от времени обменивались взглядами — непрошеные свидетели семейного горя. Ждали… Ждали…

В десять минут шестого дверь распахнулась, и в кухню вошла миссис Уизли. Она была бледна, но, когда все повернулись к ней, а Гарри, Фред и Рон привстали, слабо улыбнулась.

— Он поправится, — сказала она усталым голосом. — Попозже пойдем навестим его. Сейчас с ним сидит Билл, утром он не пойдет на работу.

Фред упал в кресло и закрыл лицо руками. Джордж и Джинни бросились к матери и обняли ее. Рон неуверенно засмеялся и разом опорожнил бутылку.

— Завтрак! — весело и громко объявил Сириус и вскочил на ноги. — Где этот проклятый эльф? Кикимер! КИКИМЕР!

Но Кикимер не откликнулся на зов.

— Ладно, без тебя обойдемся. — Он пересчитал гостей. — Итак, завтрак на… семерых, яичница с

беконом, чай, тосты…

Гарри кинулся помогать у плиты. Он не хотел смущать обрадованных Уизли и страшился минуты, когда миссис Уизли попросит рассказать о его видении. Но едва он вынул тарелки из буфета, миссис Уизли отняла их и заключила его в объятия.

— Не представляю, что было бы, если бы не ты, Гарри, — тихо сказала она. — Не знаю, через сколько часов его нашли бы, — и было бы уже поздно. Он жив благодаря тебе. А Дамблдор сочинил правдоподобную историю для объяснения, почему Артур оказался там. Не представляешь, какие нас ждали бы неприятности, — вспомни беднягу Стерджиса…

Гарри мучительно было выслушивать слова благодарности, но, к счастью, она отпустила его и стала благодарить Сириуса за то, что приютил на ночь детей. Сириус ответил, что рад был оказаться полезным и надеется, что они поживут у него, пока мистер Уизли в больнице.

— Сириус, я так тебе признательна… они хотели бы тут побыть… ближе к больнице… значит, наверно, останемся и на Рождество.

— Чем больше нас, тем веселее! — Сириус так искренне обрадовался этому, что она просияла.

Она надела фартук и занялась завтраком.

— Сириус, — тихо сказал Гарри, не в силах терпеть дальше, — можно тебя на два слова? Прямо сейчас.

Он ушел в темную кладовку, и Сириус за ним. Без всяких предисловий Гарри подробно рассказал крестному о своем видении, не умолчав и о том, что сам был змеей, напавшей на мистера Уизли. Когда он остановился, чтобы перевести дух, Сириус спросил:

— Ты сказал об этом Дамблдору?

— Ну, да. Но он не объяснил, что это значит. Теперь он мне вообще ничего не говорит.

— Уверен, он сказал бы тебе, если были бы причины для тревоги, — успокоил его Сириус.

— И это еще не все, — вполголоса сказал Гарри. — Сириус, по-моему, я схожу с ума. У него в кабинете, прямо перед тем, как отправиться через портал, я на секунду опять подумал, что я змея. *Почувствовал* себя змеей, и шрам обожгло, когда посмотрел на Дамблдора… Сириус, я хотел броситься на него!

Гарри видел только край его лица, остальное терялось в тени.

— Должно быть, последствия твоего видения и больше ничего, — сказал Сириус. — Ты вспомнил

сон или как его там назвать, и…

— Нет, не то. — Гарри затряс головой. — Во мне как будто что-то поднялось, как будто змея сидела у меня внутри.

— Тебе надо выспаться. Позавтракаешь, потом отправляйся наверх спать, а после обеда навестишь с ними Артура. У тебя был шок, Гарри. Ты обвиняешь себя в том, что только наблюдал, — и счастье, что наблюдал, иначе Артур мог погибнуть. Перестань себя мучить.

Он хлопнул Гарри по плечу и вышел из кладовки. Гарри остался стоять в темноте.

* * *

Утро все, кроме Гарри, проспали. Он поднялся в комнату, где они с Роном ночевали в последние недели лета, но если Рон сразу забрался в постель и через минуту уснул, то Гарри продолжал сидеть одетый, привалившись к металлическим прутьям кровати. Он нарочно сохранял неудобную позу, чтобы не задремать; боялся, что во сне опять станет змеей, а проснувшись, обнаружит, что искусал Рона или прополз по дому и напал на кого-то еще.

Когда Рон проснулся, Гарри сделал вид, что тоже хорошо выспался. Во время обеда прибы-

ли их чемоданы из Хогвартса — теперь можно было одеться маглами и пойти в больницу святого Мунго. Все, кроме Гарри, были счастливы и болтали без передышки, пока переодевались в фуфайки и джинсы. Провожать их в больницу явились Тонкс и Грозный Глаз. Ребята встретили их радостными криками, смеялись над котелком Грюма, лихо надвинутым на бровь, чтобы скрыть волшебный глаз, и на полном серьезе уверяли его, что в метро гораздо менее заметной будет Тонкс, которая снова обзавелась короткими ярко-розовыми волосами.

Тонкс очень интересовалась видением Гарри, хотя обсуждать эту историю он не имел ни малейшего желания.

— У тебя в роду не было ясновидящих? — допытывалась она в гремучем вагоне метро, мчавшем их к центру Лондона.

— Нет, — сказал Гарри, оскорбленный этим вопросом, поскольку вспомнил профессора Трелони.

— Нет? — задумчиво повторила Тонкс. — Хотя, и в самом деле, ты ведь не предсказывал. То есть видел не будущее, а настоящее… странно, правда? Но полезно.

Гарри не ответил. К счастью, подъехали к сво-

ей станции в самом сердце Лондона, и в общей суматохе Гарри ухитрился пропустить между собой и Тонкс, шедшей впереди, Фреда и Джорджа. Следом за ней они стали на эскалатор, а позади всех стучал деревянной ногой Грюм в нахлобученном котелке, держа за пазухой покалеченную руку с волшебной палочкой. У Гарри было такое ощущение, что спрятанный глаз пристально следит за ним. Чтобы избежать новых вопросов о своем видении, Гарри спросил, где скрывается больница святого Мунго.

— Недалеко уже, — прохрипел Грюм, когда они вышли на морозный воздух.

Перед ними была широкая улица, сплошь в магазинах, запруженная предрождественской толпой покупателей. Грюм подтолкнул Гарри вперед, а сам топал за ним по пятам. Гарри знал, что глаз под надвинутой шляпой вращается сейчас во всех направлениях.

— Нелегко было найти хорошее место для больницы. В Косом переулке тесно, а под землю упрятать, как Министерство, не годится — для здоровья вредно. В конце концов удалось приобрести здесь здание. Расчет такой, что хворые волшебники смогут приходить и уходить незаметно, смешавшись с толпой.

Он схватил Гарри за плечо, чтобы их не разделила стая покупателей, ринувшихся к магазину, набитому электрическими штуковинами.

— Пришли, — сказал он минуту спустя.

Они стояли перед старым кирпичным универмагом «Чист и Лозоход лимитед». Дом был запущенный, невзрачный, в витринах — несколько облупленных манекенов в съехавших париках и нарядах, лет десять как вышедших из моды. На пыльных дверях большие вывески: «Закрыто на ремонт». Гарри отчетливо услышал, как крупная женщина, увешанная пластиковыми пакетами, сказала спутнице: «Вечно у них закрыто».

— Сюда, — сказала Тонкс, подзывая их к витрине, где стоял одинокий и очень уродливый манекен женского пола. Искусственные ресницы у нее отклеились, а из одежды был только зеленый нейлоновый фартучек.

Все собрались вокруг Тонкс. Грюм снова подтолкнул Гарри в спину, чтобы он стал поближе, а Тонкс, глядя на манекен, наклонилась к витрине вплотную, так что от ее дыхания запотело стекло.

— Стрём, — сказала она, — мы к Артуру Уизли.

Гарри подумал: какая нелепость — рассчитывать, что манекен расслышит ее тихий голос

сквозь стекло, когда на улице грохочут автобусы и галдит народ. Правда, тут же сообразил, что манекены вообще не слышат. А через секунду разинул рот от изумления: манекен чуть заметно кивнул, поманил суставчатым пальцем, и Тонкс, схватив под руки Джинни и ее мать, вошла прямо в стекло и исчезла.

За ними вошли Фред, Джордж и Рон. Гарри оглянулся на озабоченную толпу — никто и головы не повернул в сторону безобразных витрин «Чист и Лозоход лимитед», никто не заметил, как шестеро человек растворились в воздухе.

— Иди, — шепнул Грюм, снова подтолкнул Гарри в спину, и сквозь что-то, похожее на холодную водяную завесу, сухие и тепленькие, они вошли внутрь.

Ни безобразного манекена, ни самой витрины не было и в помине. Они очутились, судя по всему, в приемном отделении, где на шатких деревянных стульях сидели рядами волшебники и волшебницы; иные, совершенно нормальные с виду, читали старые номера «Магического еженедельника», иные — с неприятными уродствами, вроде слоновьего хобота или лишней руки, торчащей из груди. Здесь едва ли было тише, чем на улице, — многие пациенты издавали

очень оригинальные звуки: колдунья с потным лицом, энергично обмахивавшаяся экземпляром «Ежедневного пророка» в середине первого ряда, то и дело давала тонкий свисток, причем изо рта у нее шел пар; неопрятный кудесник в углу при каждом движении брякал, как бубенчик, и голова его начинала трястись так, что остановить ее он мог, только схватив себя за уши.

Между рядами сновали волшебники и волшебницы в лимонных халатах, задавали вопросы и делали записи в больших отрывных блокнотах, как у Амбридж. На груди у них Гарри увидел вышитую эмблему: скрещенные волшебная палочка и кость.

— Это доктора? — тихо спросил он у Рона.

— Доктора? — изумился тот. — Ты про этих чокнутых маглов, которые режут людей? Не-е, это целители.

— Сюда! — позвала миссис Уизли под возобновившееся бряканье кудесника в углу, и они встали с ней в очередь к пухлой блондинке — волшебнице, сидевшей за столом с табличкой «Справки».

Стена позади нее была увешана объявлениями и плакатами типа: «ЧИСТЫЙ КОТЕЛ НЕ ДАСТ ПРЕВРАТИТЬСЯ ВАШЕМУ ЗЕЛЬЮ В ЯД»,

«САМОЛЕЧЕНИЕ — ЭТО САМООБОЛЬЩЕНИЕ». Еще висел большой портрет волшебницы с длинными серебряными локонами, под ним подпись:

Дайлис Дервент
Целитель больницы св. Мунго (1722–1741)
Директор Школы чародейства и волшебства «Хогвартс» (1741–1768)

Дайлис присматривалась к гостям Артура Уизли и как будто пересчитывала их. Когда Гарри поймал ее взгляд, она чуть заметно подмигнула и ушла за раму.

Тем временем в голове очереди молодой волшебник отплясывал на месте странную джигу и, ежесекундно вскрикивая от боли, пытался объяснить характер своего недуга блондинке за столом.

— Эти туфли… ой… их дал мне брат… уй… они грызут мне… Ай… ноги… взгляните, они, наверно… УРРР… заколдованы… МА-ММА… снимите их. — Он прыгал с ноги на ногу, словно танцевал на раскаленных углях.

— Туфли, кажется, не мешают читать? — раздраженно спросила блондинка, указывая на большое объявление слева от стола. — Вам нуж-

но в «Недуги от заклятий», пятый этаж, видите поэтажный указатель? Следующий!

Молодой отковылял в сторону, посетители Уизли продвинулись на шаг, и Гарри смог прочесть указатель:

1 этаж
ТРАВМЫ
ОТ РУКОТВОРНЫХ ПРЕДМЕТОВ
Взрыв котла, обратное срабатывание волшебной палочки, поломка метлы и проч.
2 этаж
РАНЕНИЯ ОТ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ
Укусы, ужаления, ожоги, застрявшие шипы и проч.
3 этаж
ВОЛШЕБНЫЕ ВИРУСЫ
Инфекционные заболевания, как то: драконья оспа, болезнь исчезновения, грибковая золотуха и проч.
4 этаж
ОТРАВЛЕНИЯ
РАСТЕНИЯМИ И ЗЕЛЬЯМИ
Сыпи, рвота, неудержимый смех и проч.

5 этаж

НЕДУГИ ОТ ЗАКЛЯТИЙ

Наговор, не совместимый с жизнью, порча, неправильно наложенные чары и проч.

6 этаж

БУФЕТ

ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ И БОЛЬНИЧНАЯ ЛАВКА

ЕСЛИ

ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ, КУДА ОБРАТИТЬСЯ, НЕ В СОСТОЯНИИ НОРМАЛЬНО ГОВОРИТЬ ИЛИ НЕ ПОМНИТЕ, ЗАЧЕМ ПРИШЛИ, НАША ПРИВЕТ-ВЕДЬМА С УДОВОЛЬСТВИЕМ ВАМ ПОМОЖЕТ.

Теперь к столу подошел старый сгорбленный волшебник со слуховой трубкой.

— Я к Бродерику Боуду! — просипел он.

— Сорок девятая палата. Но боюсь, вы напрасно потратите время. Он в полном затмении — все еще воображает себя чайником. Следующий!

Измученный волшебник крепко держал свою маленькую дочь за щиколотку, а она вилась у него над головой, хлопая громадными оперенными крыльями, проросшими прямо сквозь

комбинезончик.

— Пятый этаж, — равнодушно сказала блондинка, не задавая вопросов, и он ушел через двойную дверь недалеко от стола, держа дочь как воздушный шарик. — Следующий!

Миссис Уизли подошла к столу.

— Здравствуйте, — сказала она. — Моего мужа Артура Уизли утром должны были перевести в другую палату. Вы не скажете?..

— Артур Уизли? — Блондинка провела пальцем по длинному списку. — Да, второй этаж, вторая дверь справа, палата Дай Луэллин.

— Спасибо. Пошли, ребята.

Они прошли через двойную дверь, затем по узкому коридору, увешанному портретами знаменитых целителей и освещенному хрустальными шарами, полными свеч и плававшими под потолком наподобие гигантских мыльных пузырей. Из дверей по сторонам выходили и входили в палаты волшебники и волшебницы в светло-зеленых халатах. Из одной двери потек желтый, дурно пахнущий газ; время от времени откуда-то доносилось приглушенное подвывание и стоны. Они поднялись по лестнице и вошли в отделение для раненых магическими существами. На второй двери справа была табличка: «Опасно.

Палата Дай Луэллин, серьезные укусы». Под ней карточка в латунном держателе, и на карточке от руки надпись: «Дежурный целитель Гиппократ Сметвик. Целитель-стажер Август Сепсис».

— Молли, мы подождем снаружи, — сказала Тонкс. — Мистеру Уизли ни к чему так много гостей разом… Сначала родные.

Грозный Глаз одобрительно буркнул и прислонился спиной к стене коридора, вращая волшебным глазом во все стороны. Гарри тоже попятился, но миссис Уизли поймала его и втолкнула в дверь со словами:

— Не глупи, Гарри. Артур хочет тебя поблагодарить.

Палата была маленькая и невзрачная, с одним узким окошком наверху в стене напротив двери. Больше света давала гроздь хрустальных шаров под потолком в центре. Стены в дубовых панелях, на одной — портрет довольно свирепого волшебника с подписью: «Уркхарт Ракплуг, изобретатель Кишечно-опорожнительного заклятия».

Тут было всего трое больных. Мистер Уизли занимал койку в дальнем конце, возле окошка. Гарри с облегчением увидел, что он полусидит, опершись на несколько подушек, и читает «Ежедневный пророк» под единственным лучом

солнечного света, падавшим как раз на его кровать. Он оторвался от газеты и, увидев, кто к нему идет, весело заулыбался.

— Привет! — сказал он, отбросив газету. — Молли, Билл только что ушел, ему надо на службу, но обещал заглянуть к вам попозже.

— Ну, как ты, Артур? — Миссис Уизли наклонилась, поцеловала его в щеку и озабоченно посмотрела на его лицо. — Вид у тебя еще неважный.

— Отлично себя чувствую, — бодро ответил он и протянул здоровую руку, чтобы обнять Джинни. — Если бы сняли повязки, я бы домой пошел.

— А почему не снимают? — спросил Фред.

— Когда снимают, кровь идет со страшной силой, — весело объяснил мистер Уизли и протянул руку за волшебной палочкой, лежавшей на тумбочке. Он взмахнул ею, и появилось шесть стульев. — Видимо, в зубах у этой змеи был довольно необычный яд — не дает закрыться ранам. Но они уверены, что найдут противоядие, а пока что велят каждый час принимать кровевосполняющее зелье. А вот сосед, бедняга, — он понизил голос и кивнул на кровать напротив, где лежал мужчина с болезненным зеленоватым лицом и глядел в потолок, — его покусал оборотень. От

этого нет средств.

— Оборотень? — с тревогой переспросила миссис Уизли. — А ничего, что он в общей палате? Разве его не должны изолировать?

— До полнолуния еще две недели, — тихо напомнил ей мистер Уизли. — Сегодня они с ним беседовали, целители. Пытались убедить его, что он сможет вести почти нормальную жизнь. Я сказал ему — без имен, конечно, — что лично знаю оборотня, милейший человек и прекрасно справляется в такой же ситуации.

— И что он ответил? — спросил Гарри.

— Что, если не заткнусь, буду второй раз укушен, — с грустью сказал мистер Уизли. — А та вон женщина, — он показал на третью занятую кровать у самой двери, — не признается, кто ее укусил, и мы подозреваем, что она могла держать недозволенное существо. Так или иначе, оно отхватило у нее изрядную часть ноги — очень неприятный запах, когда меняют повязку.

— Так ты расскажешь нам, что случилось? — спросил Фред, придвигая свой стул к кровати.

— Ну, вы уже знаете, правда? — Мистер Уизли со значением улыбнулся Гарри. — Все очень просто. Я устал за день, задремал на дежурстве, змея подкралась ко мне и укусила.

— В «Пророке» уже есть об этом? — Фред показал на брошенную отцом газету.

— Нет, конечно, — сказал мистер Уизли с улыбкой, в которой сквозила легкая горечь. — Министерство не желает доводить до сведения публики, что здоровенная гнусная змея…

— Артур! — предостерегла его миссис Уизли.

— …добралась до меня, — поспешно закончил он, но Гарри почувствовал, что хотел он сказать совсем другое.

— Где же ты был, когда это случилось? — спросил Джордж.

— Это мое дело, — отрезал отец, слегка улыбнувшись. Он схватил «Ежедневный пророк», развернул и сказал: — Когда вы пришли, я как раз читал об аресте Уилли Уиддершинса. Оказывается, эта летняя история с извергающими унитазами — его рук дело. Однажды его заклятие дало осечку, унитаз взорвался, и его нашли без сознания среди осколков, с головы до ног в…

— Когда ты говоришь, что был «на дежурстве», — тихо перебил его Фред, — ты чем был занят?

— Ты слышал отца, — прошептала миссис Уизли. — Здесь мы это не обсуждаем! Так что там с Уиддершинсом, Артур?

— Не спрашивайте меня, как, но от обвинения по туалетному делу он отвертелся, — хмуро сказал мистер Уизли. — Нетрудно догадаться, что кое-кого подмазали.

— Ты охранял его? — тихо спросил Джордж. — Оружие? За которым охотится Сам-Знаешь-Кто?

— Замолчи, Джордж! — прикрикнула мать.

— Словом, — продолжал мистер Уизли, повысив голос, — на этот раз Уилли поймали на продаже кусающихся дверных ручек, и теперь он вряд ли выпутается — в газете пишут, что двое маглов лишились пальцев и помещены сюда для восстановления костей и изменения памяти. Подумать только, маглы у святого Мунго! Интересно, в какой они палате? — Он оглянулся, словно ожидая увидеть таблички с фамилиями.

— Гарри, ты вроде говорил, что у Сам-Знаешь-Кого есть змея? — спросил Фред, глядя при этом на отца (как он отреагирует?). — Большая. Ты видел ее в ту ночь, когда он вернулся, верно?

— Довольно об этом, — рассердилась миссис Уизли. — Грозный Глаз и Тонкс ждут в коридоре, Артур, и хотят тебя видеть. А вы, ребята, постойте снаружи. Потом зайдете попрощаться. Ну?

Они высыпали в коридор. Грозный Глаз и Тонкс вошли в палату и закрыли за собой дверь. Фред

поднял брови.

— Прекрасно, — сказал он и полез в карманы. — Пожалуйста. Можете ничего нам не говорить.

— Эти ищешь? — сказал Джордж, демонстрируя что-то похожее на пучок шнуров телесного цвета.

— Читаешь мои мысли, — ухмыльнулся Фред. — Поглядим, наложил ли святой Мунго Заклятие недосягаемости на двери палат.

Вдвоем они распутали пучок, отделили один от другого пять Удлинителей ушей и раздали остальным. Гарри заколебался: брать ли?

— Бери, Гарри! Ты спас папе жизнь. Кто-кто, а уж ты имеешь право послушать.

Невольно улыбнувшись, Гарри взял шнур и засунул конец в ухо, как близнецы.

— Ну, двигайтесь! — шепнул Фред.

Шнуры телесного цвета, извиваясь, как длинные тонкие червяки, проползли под дверь. Сначала Гарри ничего не слышал, а потом даже вздрогнул от неожиданности — шепот Тонкс зазвучал так явственно, как будто она стояла рядом.

— Обыскали все вокруг, но змею не нашли. Будто исчезла после того, как напала на тебя, Артур… Но Ты-Знаешь-Кто не мог ведь рассчитывать, что

она туда проберется, правда?

— Думаю, он послал ее на разведку, — прорычал Грюм, — до сих пор ему ничего не удавалось, так ведь? Нет, думаю, он хочет получить представление о том, с чем имеет дело, и если бы не Артур, эта гадина успела бы как следует оглядеться. Значит, Поттер говорит, что все видел?

— Да, — отозвался мистер Уизли. Голос его звучал напряженно. — Знаете, Дамблдор почти ожидал, что Гарри увидит нечто подобное.

— Есть что-то странное в парне, мы все это знаем.

— Когда я утром говорила с Дамблдором, он, по-моему, тревожился за Гарри, — прошептала миссис Уизли.

— Еще бы не тревожился, — проворчал Грюм. — Малый видит глазами Сами-Знаете-Чьей змеи. Сам он, очевидно, не понимает, что это может значить, но если Вы-Знаете-Кто овладел им…

Гарри выдернул Удлинитель из своего уха, сердце у него бешено колотилось, в голову бросилась кровь. Он оглянулся на ребят. Все смотрели на него — шнуры по-прежнему вставлены в уши, а в глазах — страх.

Глава 23

РОЖДЕСТВО В ИЗОЛЯТОРЕ

Так вот почему Дамблдор не смотрит ему в глаза! Боится увидеть в них взгляд Волан-де-Морта, боится, что зеленые вдруг станут красными, а зрачки превратятся в щели, как у кошки? Гарри вспомнил, как змеиная морда Волан-де-Морта высунулась из затылка профессора Квиррелла, и провел ладонью по своему затылку, пытаясь представить себе, что он почувствует, если Волан-де-Морт вылезет из его головы.

А сейчас он чувствовал себя нечистым, зразным, словно носил в себе смертельный микроб и недостоин был сидеть в одном вагоне с чистыми, непорочными людьми, чьи мозги и тела не заражены отравой Волан-де-Морта… Он не просто видел змею, он *был* змеей, теперь он это знает…

Ужасная мысль пришла ему в голову, всплыло кошмарное воспоминание, и внутри у него словно зашевелились змеи.

Что ему нужно, кроме сторонников?

То, чем он может завладеть только исподтишка… некое… подобие оружия. То, чего у него

не было в прошлый раз.

«Я — это оружие, — подумал Гарри, и будто яд потек по его жилам, и весь он покрылся холодным по***т***ом в мчащемся по темному туннелю вагоне. — Я то, что хочет использовать Волан-де-Морт, вот почему ко мне приставляют охрану всюду, куда бы я ни пошел, — не меня защищают, а других людей, только это не помогает, они не могут постоянно держать кого-то при мне в Хогвартсе… Это я напал вчера ночью на мистера Уизли. Я. Волан-де-Морт меня заставил и, может быть, сейчас сидит во мне, слушает мои мысли…»

— Гарри, милый, что с тобой? — шепотом спросила миссис Уизли в грохочущем вагоне, перегнувшись через Джинни. — Ты плохо выглядишь. Тебе нездоровится?

Он яростно замотал головой и стал смотреть на рекламу страхования недвижимости.

— Гарри, ты правда не заболел, милый? — озабоченно спросила она, когда они огибали нестриженую травяную площадку посреди площади Гриммо. — Ты такой бледный… ты хотя бы выспался утром? Иди сейчас же в спальню и часика два поспи до ужина, хорошо?

Он кивнул. Вот и удобный повод не разговаривать с остальными, как раз то, о чем он мечтал.

Поэтому, когда она открыла парадную дверь, он быстро прошел мимо подставки для зонтиков в форме ноги тролля и поднялся в их с Роном спальню.

Тут он стал ходить взад-вперед мимо двух кроватей и пустой рамы Финеаса Найджелуса, снова и снова возвращаясь к тем же вопросам и строя все более ужасные предположения.

Как он сделался змеей? Может быть, он анимаг?.. Нет, он знал бы… Может, Волан-де-Морт анимаг? Да, это похоже на правду, Волан-де-Морт запросто может превратиться в змею…

«А когда он мною овладевает, — думал Гарри, — тогда превращаемся мы оба… Но это не объясняет, каким образом я попал в Лондон и вернулся в свою постель за пять минут… Хотя Волан-де-Морт чуть ли не самый могущественный волшебник на земле после Дамблдора, ему ничего не стоит вот так перенести человека. — И тут он похолодел от ужаса. — Но ведь это безумие: если Волан-де-Морт владеет мною, он видит через меня штаб Ордена Феникса! В эту самую минуту! Он узнает, кто в Ордене и где Сириус… и я столько всего услышал, чего не следовало, — все, что рассказал мне Сириус в тот первый вечер, когда я сюда попал…»

Выход был только один: немедленно покинуть площадь Гриммо. Рождество он проведет в Хогвартсе, хотя бы на праздники обезопасит своих… нет, не годится, там масса людей. Что, если они будут изувечены или убиты? Что, если следующим окажется Симус, или Дин, или Невилл? Он остановился перед пустым портретом Финеаса Найджелуса. Тело его наливалось свинцом. Выбора нет: вернуться на Тисовую улицу, напрочь отрезать себя от всех волшебников.

«Раз так, — подумал он, — нечего тут торчать». Стараясь не думать о том, как отреагируют Дурсли, увидев его у себя на пороге шестью месяцами раньше положенного, он подошел к чемодану, захлопнул и запер его, огляделся, по привычке ища взглядом Буклю, вспомнил, что она еще в Хогвартсе — хорошо, одной вещью меньше, клетку не надо тащить, — схватился за чемодан и поволок к двери. Но на полпути его остановил ехидный голос:

— Удираем, кажется?

Он обернулся. На портрете снова возник Финеас Найджелус: прислонясь к раме, он насмешливо наблюдал за Гарри.

— Не удираем, нет, — кратко ответил Гарри и протащил чемодан еще шага на два.

— Я думал, — сказал Финеас Найджелус, поглаживая остроконечную бородку, — что принадлежность к Гриффиндору предполагает в человеке смелость. Сдается мне, что вы уместнее были бы на моем факультете, Слизерине. Мы, слизеринцы, смелы, но не глупы. В частности, когда есть выбор, мы всегда предпочитаем спасти свою собственную жизнь.

— Я не свою жизнь спасаю, — отрезал Гарри, волоча чемодан по особенно неровному месту изъеденного молью ковра, уже перед самой дверью.

— Ах, понимаю, — сказал Финеас Найджелус, все так же поглаживая бородку. — Это не трусливое бегство — вы хотите быть благородным.

Гарри не пожелал ответить и уже взялся за ручку двери, но тут Финеас Найджелус лениво произнес:

— У меня для вас послание от Альбуса Дамблдора.

Гарри повернулся кругом.

— Какое?

— Оставайтесь на месте.

— Я и стою! — сказал Гарри, не отпуская ручку. — Так какое послание?

— Я только что передал его вам, болван, — хлад-

нокровно ответил Финеас Найджелус. — Дамблдор говорит: «Оставайтесь на месте».

— Почему? — Гарри опустил чемодан. — Почему он хочет, чтобы я остался? Что еще он сказал?

— Ничего абсолютно, — ответил Финеас Найджелус и вздернул тонкую черную бровь, словно показывая, что считает Гарри нахалом.

Злость поднялась в душе Гарри, как змея из высокой травы. Он был измучен, совершенно растерян, он пережил ужас, облегчение и новый ужас за эти двенадцать часов — и все равно Дамблдор не желает с ним говорить!

— Вот как, значит? — громко сказал он. — «Оставайтесь на месте»? И это все, что могут мне сказать после того, как на меня еще и дементоры напали! Сиди тихо, Гарри, взрослые без тебя разберутся? Чего тебе объяснять — все равно не поймешь своим маленьким умишком!

— Знаете, — еще громче него заговорил Финеас Найджелус, — именно из-за этого я ненавидел преподавание. Молодые *нечеловечески* убеждены, что абсолютно правы во всем! Вам не приходило в голову, мой бедный надутый индючок, что у главы Хогвартса есть веские причины не делиться с вами мельчайшими деталями своих планов? Лелея свои обиды, вы ни разу не задумались о

том, что приказы Дамблдора никогда не приносили вам вреда? Нет. Нет, как все молодые люди, вы совершенно уверены в том, что только вы способны думать и чувствовать, вы один чуете опасность, у вас одного достанет ума проникнуть в замыслы Темного Лорда…

— Значит, он замышляет как-то использовать меня? — быстро спросил Гарри.

— Разве я это сказал? — вопросом на вопрос ответил Финеас Найджелус, праздно разглядывая свои шелковые перчатки. — А теперь извините, но у меня есть дела поинтереснее, чем выслушивать жалобы подростков. Всего наилучшего.

И вышел за край портрета.

— Ну и идите! — заорал Гарри пустому холсту. — И передайте Дамблдору мою благодарность ни за что.

Холст хранил молчание. Разъяренный Гарри подтащил чемодан обратно к изножью кровати и повалился ничком на изъеденное молью покрывало.

Он закрыл глаза, все тело налилось тяжестью и ныло. Ощущение было такое, как будто он прошел пешком сотни миль… Казалось невероятным, что меньше суток назад Чжоу Чанг подходила к нему под омелой… он так устал…

он боялся уснуть… но не знал, долго ли сможет бороться со сном… Дамблдор велел остаться. Значит, наверное, можно спать… но страшно. Что, если это случится снова?

Он погружался во тьму…

И, словно только этого дожидавшийся, в голове начал крутиться фильм. Он шел по пустынному коридору к черной двери, между грубых каменных стен и факелов, мимо дверного проема, за которым каменная лестница уходила влево и вниз…

Он подошел к черной двери, но не может ее открыть. И стоит, глядит на нее в отчаянии… за ней то, чего он жаждет всей душой… несказанная награда… Если бы только перестало дергать шрам… тогда бы он мог отчетливее соображать…

— Гарри, — послышался где-то вдалеке голос Рона, — мама говорит, ужин готов, но если ты не хочешь вставать, она для тебя оставит.

Гарри открыл глаза, но Рона уже не было в комнате.

«Он не хочет оставаться со мной наедине, — подумал Гарри. — После того, что услышал от Грюма».

Да никто не захочет терпеть его в этом доме, зная, что у него внутри.

Он не пойдет ужинать, не станет обременять их своим обществом. Он повернулся на другой бок и вскоре опять уснул. Спал долго, проснулся только ранним утром, с голодной болью в животе. На другой кровати храпел Рон. Едва разлепив глаза, Гарри увидел темные очертания Финеаса Найджелуса на портрете и подумал, что Финеас, наверное, послан Дамблдором — проследить, чтобы он на кого-нибудь еще не напал.

Ощущение осквернённости стало еще сильнее. Он готов был пожалеть, что послушался Дамблдора. Если такая жизнь ожидает его теперь на площади Гриммо, уж лучше было бы действительно убраться на Тисовую улицу.

* * *

Утром все развешивали рождественские украшения. Гарри никогда еще не видел Сириуса в таком хорошем настроении — он распевал рождественские гимны и был несказанно рад тому, что встретит Рождество не один, а в компании. Голос его доходил до Гарри сквозь пол холодной гостиной, где он сидел один, смотрел, как белеет небо за окном, набрякая снегом, и испытывал какую-то свирепую радость от того, что дал возможность остальным посудачить о нем — чем

они, конечно, и заняты. В обед миссис Уизли тихо позвала его снизу, но он не откликнулся и ушел на самый верх.

Около шести вечера в дверь позвонили, и миссис Блэк опять принялась вопить. Решив, что это пришел Наземникус или кто-нибудь еще из Ордена, Гарри только поудобнее устроился у стены в комнате Клювокрыла. Теперь он прятался здесь и подкармливал гиппогрифа дохлыми крысами, стараясь забыть о собственном голоде. Когда в дверь к нему сильно постучали через несколько минут, его это порядком удивило.

— Я знаю, что ты здесь, — раздался голос Гермионы. — Выйди, пожалуйста. Я хочу с тобой поговорить.

Гарри открыл дверь.

— А ты что тут делаешь?

Клювокрыл разгребал солому на полу, отыскивая случайно оброненные кусочки крысы.

— Я думал, ты на лыжах катаешься с мамой и папой.

— Честно говоря, лыжи — не самое любимое мое занятие. Приехала на Рождество сюда. — В волосах у нее был снег, лицо раскраснелось от мороза. — Только не говори Рону. Он надо мной смеялся, а я без конца доказывала ему, что ка-

таться на лыжах — большое удовольствие. Папа с мамой немного огорчились, но я сказала, что все, кто ответственно относится к экзаменам, остаются в Хогвартсе заниматься. Они хотят, чтобы я хорошо сдала, они поняли. Короче, — бодро сказала она, — идем в твою спальню, мама Рона растопила там камин и прислала сандвичи.

Гарри спустился за ней на второй этаж. К его удивлению, в спальне были Рон и Джинни — оба сидели на кровати Рона.

— Я приехала на автобусе «Ночной рыцарь», — беззаботно сообщила Гермиона, снимая куртку. — Дамблдор еще вчера утром сказал мне, что случилось, но пришлось дождаться официального окончания семестра. Амбридж и так вся позеленела оттого, что вы улизнули у нее из-под носа. Правда, Дамблдор ей объяснил, что мистер Уизли в больнице святого Мунго и он дал вам разрешение навестить его. Так что…

Она села рядом с Джинни, и теперь смотрели на Гарри все трое.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Гермиона.

— Прекрасно, — сухо ответил Гарри.

— Только не ври. Рон и Джинни говорят, что ты от всех прячешься с тех пор, как вернулись

из больницы.

— Говорят? Да? — сказал Гарри, сердито глядя на брата и сестру.

Рон рассматривал свои ботинки, а Джинни нисколько не смутилась.

— Да, прячешься, — сказала она. — И смотреть ни на кого не хочешь.

— Это вы не хотите на меня смотреть!

— Может, вы друг на друга по очереди смотрите, просто не совпадаете по времени? — предположила Гермиона, причем уголки рта у нее слегка поднялись.

— Очень остроумно, — огрызнулся Гарри и стал смотреть в сторону.

— Ах, как приятно чувствовать себя непонятым, — съязвила Гермиона. — Знаешь, они мне сказали, что вы подслушали вчера через Удлинители ушей.

— Да ну? — Засунув руки в карманы, Гарри смотрел на снегопад за окном. — Всё обо мне говорили? Ничего, я привыкаю.

— Мы с *тобой* хотели поговорить, — сказала Джинни, — но ты все время от нас прячешься…

— А я не хочу, чтоб со мной говорили, — сказал Гарри, все больше и больше раздражаясь.

— Ну, это глупо с твоей стороны, — сказала

Джинни. — Из твоих знакомых я одна знаю, каково это, когда ты одержим Сам-Знаешь-Кем, и могу тебе рассказать.

Гарри на секунду застыл, ошеломленный этими словами.

— Я забыл.

— Поздравляю, — холодно откликнулась Джинни.

— Прости, — сказал Гарри и правда почувствовал стыд. — Так думаешь… думаешь, и я одержим?

— А ты можешь вспомнить все, что ты делал? Или были такие провалы в сознании, когда ты не понимал, что делаешь?

Гарри стал мучительно припоминать.

— Нет.

— Тогда Сам-Знаешь-Кто не завладел тобой, — твердо сказала Джинни. — Когда это было со мной, у меня вылетало из памяти то, что я делала в предыдущие часы. Окажусь где-то и сама не знаю, как сюда попала.

Гарри боялся ей поверить, но на душе у него все-таки стало легче.

— А как же этот сон с твоим папой и змеей?

— Гарри, у тебя и раньше бывали такие сны, — вмешалась Гермиона. — В прошлом году ты тоже

иногда чувствовал, что замышляет Волан-де-Морт.

Гарри покачал головой:

— В этот раз было не так. Я был *внутри* змеи. Как будто сам был змеей… А вдруг это Волан-де-Морт перенес меня в Лондон?

— Когда-нибудь, Гарри, — с большим раздражением сказала Гермиона, — ты все-таки прочтешь «Историю Хогвартса», и, может быть, она напомнит тебе, что с территории Хогвартса нельзя трансгрессировать. Даже Волан-де-Морт не в силах заставить тебя вылететь из спальни.

— Ты не покидал своей постели, понял? — сказал Рон. — Ты сучил ногами во сне не меньше минуты, пока мы тебя будили.

Гарри снова заходил по комнате. То, что они говорили, было не только утешительно, но и звучало здраво. Не отдавая себе отчета, он схватил с тарелки сандвич и чуть не целиком запихнул в рот.

«Все-таки я не оружие», — подумал он. Сердце его наполнилось радостью, и он готов был присоединиться к Сириусу, который протопал мимо их двери к лестнице наверх, распевая во весь голос: «Храни тебя Господь, веселый гиппогриф».

* * *

И что ему взбрело справлять Рождество на Тисовой улице? Радость Сириуса от появления гостей, и особенно Гарри, была заразительна. Он уже не был хмурым гостеприимцем, как летом, — теперь он был полон решимости подарить ребятам не меньше, а то и больше удовольствий, чем доставил бы им праздник в Хогвартсе. Он трудился без устали, с их помощью убирая и украшая дом, и к сочельнику дом стал неузнаваем. Потускневшие люстры опутаны были теперь не паутиной, а гирляндами из остролиста, золотой и серебряной канителью, на вытертых коврах искрились сугробы волшебного снега, большая елка, добытая Наземникусом и украшенная живыми феями, заслонила от глаз родословное дерево Сириуса, на сушеные головы эльфов нацепили красные колпаки и белые бороды, как у Санта-Клауса.

Проснувшись рождественским утром, Гарри увидел горку подарков, а Рон уже разворачивал свои, тоже из порядочной горки.

— Отменный улов в этом году, — сообщил он из-за вороха бумаги. — Спасибо за метловый компас — получше подарка от Гермионы. Видал? Планировщик домашних заданий.

Гарри разобрал свои и тоже нашел сверток, надписанный рукой Гермионы. В нем оказалась книжка, похожая на дневник, только когда ты раскрывал его на любой странице, она громко возвещала что-нибудь вроде «Завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят».

Сириус и Люпин подарили ему превосходную книжную серию под названием «Практическая защитная магия и ее использование против Темных искусств» с прекрасными движущимися иллюстрациями всех контрзаклятий и заговоров. Гарри с интересом пролистал первый том — очень нужная вещь для занятий ОД. Хагрид прислал коричневый меховой бумажник с клыками — задумано, вероятно, как устройство против карманников, но, увы, Гарри не мог положить туда деньги ввиду неизбежной потери пальцев. Тонкс подарила маленькую действующую модель «Молнии», и, глядя, как она летает по комнате, Гарри пожалел, что у него нет полноразмерного варианта. От Рона он получил колоссальную коробку Всеароматного горошка, от четы Уизли — как всегда, джемпер ручной вязки и пирожки с изюмом и орехами, а от Добби — ужасающую картину, судя по всему, собственной работы. Только он перевернул ее — посмотреть, не лучше ли она

выглядит с изнанки, — как с громким хлопком перед кроватью возникли Фред и Джордж.

— Веселого Рождества, — сказал Джордж. — Погодите спускаться.

— Почему? — спросил Рон.

— Мама опять плачет, — угрюмо ответил Фред. — Перси вернул ей рождественский джемпер.

— Без записки, — добавил Джордж. — Ни об отце не спросил, ни сам к нему не сходил — ничего.

— Мы пробовали ее утешить, — сказал Фред, пройдя вдоль кровати, чтобы взглянуть на портрет Гарри. — Объяснили ей, что Перси — просто большой кулек крысиного помета.

— Не помогло, — сказал Джордж, угощаясь шоколадной лягушкой. — Теперь Люпин нас сменил. Так что лучше подождать с завтраком, пока он ее развлекает.

— А это что вообще такое? — сказал Фред, прищурясь на картину Добби. — Похоже на гиббона с двумя фингалами.

— Это Гарри! — сказал Джордж, тыча пальцем. — Так на обороте сказано.

— Ну, вылитый, — улыбнулся Фред.

Гарри запустил в него новым дневником. Тот

врезался в стену, упал на пол и радостно изрек: «Кончил дело — гуляй смело».

Рон и Гарри оделись. Слышно было, как по всему дому обитатели поздравляют друг друга с Рождеством. По дороге вниз они встретили Гермиону.

— Спасибо за книгу, Гарри, — сказала она. — Сто лет мечтала об этой «Новой теории нумерологии»! И духи твои, Рон, необыкновенные.

— Пустяки. А это для кого? — Рон кивнул на сверток у нее в руках.

— Для Кикимера!

— Смотри, если одежда… — предостерег он. — Сириус что сказал? «Кикимер слишком много знает, мы не можем отпустить его на свободу».

— Это не одежда. Хотя, будь моя воля, я дала бы ему что-нибудь вместо его грязной тряпки. Нет, это лоскутное покрывало, пусть немного оживит его спальню.

— Какую спальню? — спросил Гарри, понизив голос, потому что они проходили мимо портрета матери Сириуса.

— Ну, Сириус говорит, это не то чтобы спальня, а скорее нора, — сказала Гермиона. — Видимо, он спит под котлом, в чулане возле кухни.

Когда они спустились вниз, там не было ни-

кого, кроме миссис Уизли. Она стояла у плиты и пожелала им веселого Рождества таким голосом, как будто у нее был насморк. Они отвели глаза.

— Так здесь спальня Кикимера? — сказал Рон, подойдя к невзрачной двери в углу напротив кладовки. Гарри ни разу не видел ее открытой.

— Да, — сказала Гермиона несколько неуверенно. — Пожалуй, лучше постучать.

Рон постучался, но ответа не было.

— Наверху где-нибудь шастает, — сказал Рон и без дальнейших рассуждений распахнул дверь. — Фу-у!

Гарри заглянул в чулан. Большую часть его занимал старинный отопительный котел, но в невысоком пространстве под трубами Кикимер устроил себе что-то вроде гнезда. На полу были навалены разные тряпки, вонючие одеяла и небольшая ямка в них указывала, где спит по ночам, свернувшись крендельком, Кикимер. Там и сям среди тряпья валялись хлебные корки и заплесневелые кусочки сыра. В углу блестели мелкие предметы и монетки, которые он перетаскал к себе, как сорока, спасая от генеральной уборки, затеянной Сириусом. Кроме того, он собрал фамильные фотографии, которые Сириус повыбрасывал летом. Стекло на иных было раз-

бито, что не мешало маленьким черно-белым людишкам надменно глядеть на Гарри, в частности — у него екнуло в животе — темноволосой даме с тяжелыми веками, суд над которой он видел в Омуте памяти Дамблдора: Беллатриса Лестрейндж. Похоже, это была любимица Кикимера: ее фото он поставил перед остальными, неуклюже склеив стекло чудо-скотчем.

— Пожалуй, оставлю подарок здесь. — Гермиона аккуратно положила сверток в углубление постели и прикрыла дверь. — Найдет его позже, ничего страшного.

— Между прочим, — сказал Сириус, выйдя в это время из кладовой с большой индейкой, — кто-нибудь видел Кикимера последнее время?

— Я не видел его с тех пор, как мы сюда прибыли, — сказал Гарри. — Ты еще выгонял его из кухни.

Сириус нахмурился:

— Да… Знаете, по-моему, я тоже с тех пор его не видел… Прячется где-нибудь наверху.

— А уйти он не мог? — спросил Гарри. — Когда ты сказал «вон», он мог так понять, что вон из дома.

— Нет, нет, домовые эльфы не могут уйти, пока им не дали одежду. Они привязаны к семейному

дому.

— Если очень захотят, то могут, — возразил Гарри. — Три года назад Добби ушел от Малфоев, чтобы меня предупредить. После он должен был наказать себя, но уйти все-таки смог.

На лице Сириуса промелькнуло озабоченное выражение, но он тут же сказал:

— Ладно, потом его поищу. Где-нибудь наверху сидит, льет слезы над панталонами моей мамаши или еще чем. Конечно, мог заползти в вентиляционный шкаф и умереть… но надеяться на это не смею.

Фред, Джордж и Рон рассмеялись, Гермиона же посмотрела на него с укоризной.

Покончив с рождественским обедом, семейство Уизли, Гарри и Гермиона собрались навестить мистера Уизли в сопровождении Люпина и Грозного Глаза. К пудингу и бисквиту со сливками подоспел Наземникус с «позаимствованным» автомобилем, поскольку в Рождество метро не работало. Гарри сомневался, что машина позаимствована с согласия владельца. Заклинанием ее увеличили, как в свое время форд «Англию», и, хотя снаружи она выглядела обычно, в ней удобно разместились вдесятером, включая водителя Наземникуса. Миссис Уизли долго колебалась

перед тем, как залезть, — Гарри понимал, что подозрения насчет Наземникуса борются в ней с нелюбовью к путешествиям без магии, но в конце концов мороз на улице и мольбы детей взяли верх, и она соизволила сесть между Фредом и Биллом.

До больницы святого Мунго доехали быстро: движение на улицах было маленькое. Редкой цепочкой, крадучись, по безлюдной улице двигались к больнице волшебники и волшебницы. Гарри вылез с остальными из машины. А Наземникус отъехал за угол, чтобы ждать их там. С незаинтересованным видом подошли к витрине, где стоял манекен в зеленом передничке, и по одному прошли сквозь стекло.

Приемное отделение выглядело по-праздничному уютно: хрустальные шары, освещавшие больницу, окрасились в красный и золотой цвет и превратились в огромные сияющие рождественские игрушки; во всех углах искрились елки, усыпанные волшебным снегом, обвешанные сосульками, и каждая была увенчана золотой звездой. Сегодня тут было не так людно, как в прошлый раз, хотя на полпути к дверям Гарри оттолкнула в сторону волшебница с японской чашкой в левой ноздре.

— Семейный спор, а? — усмехнулась блондинка за столом. — Сегодня вы у меня третья. «Недуги от заклятий», пятый этаж.

Мистер Уизли сидел в постели с подносом на коленях, только что кончив ужинать индейкой, и на лице у него было слегка виноватое выражение.

— Все налаживается, Артур? — спросила миссис Уизли после того, как они поздоровались с ним и вручили подарки.

— Все отлично, — сказал мистер Уизли как-то чересчур бодро. — Ты… э-э… не виделась с целителем Сметвиком?

— Нет. А что? — насторожилась она.

— Ничего, ничего, — беспечно ответил он и стал разворачивать подарки. — Хорошо провели день? А вам что подарили? Ох, Гарри, это просто чудо! — Он развернул подарок — электрический шнур и набор отверток.

Миссис Уизли не вполне удовлетворил ответ мужа. Когда он наклонился, чтобы пожать Гарри руку, она взглянула на повязку под ночной рубашкой.

— Артур, — отрывисто сказала она, и это было похоже на хлопок защелкнувшейся мышеловки, — тебе сменили повязку. Почему ее сменили

на день раньше? Мне сказали, что до завтра это не понадобится.

— Что? — сказал мистер Уизли довольно испуганно. — Да нет… это так… это просто…

Он как будто даже съежился под пронзительным взглядом жены.

— Ну… только не расстраивайся, Молли, у Августа Сепсиса идея… он целитель-стажер, знаешь? Приятнейший парень и очень интересуется… ну… дополнительной медициной… в смысле старыми магловскими средствами… Это называется «швы», Молли, они очень хорошо заживляют раны у маглов.

Миссис Уизли издала угрожающий звук, нечто среднее между визгом и рычанием. Люпин отошел от кровати к оборотню, который тоскливо смотрел на толпу, окружавшую Уизли, — самого его никто не навещал. Билл пробормотал, что не прочь выпить чаю. Фред и Джордж вскочили, улыбаясь, и сказали, что проводят его.

— Не хочешь ли ты сказать, — заговорила миссис Уизли, с каждым словом повышая голос и не обращая внимания на то, что ее спутники начинают разбегаться, — что балуешься магловскими лекарствами?

— Молли, дорогая, это не баловство, — умоля-

ющим голосом произнес мистер Уизли, — это просто… просто мы с Августом решили попробовать… но, к сожалению, при такого рода ранах… этот метод не так хорошо действует, как мы надеялись…

— То есть?

— Видишь ли… не знаю, известно ли тебе, что такое… что такое швы?

— Ты пробовал сшить на себе кожу. Так я поняла? — со свистящим грозным смехом сказала миссис Уизли. — Нет, даже ты, Артур, не до такой степени глуп!

— Я бы тоже выпил чаю, — сказал Гарри и вскочил со стула.

Гермиона, Рон и Джинни чуть ли не бегом устремились за ним к двери. Когда она захлопнулась за ними, они услышали крик миссис Уизли: «Что значит «это просто общая идея»?»

— Типичный папин заскок, — качая головой, сказала Джинни. — Швы… Надо же…

— Если рана не магическая, они очень помогают, — рассудительно заметила Гермиона. — Видимо, что-то в яде этой змеи растворяет их. Интересно, где тут буфет?

— На шестом, — сказал Гарри, вспомнив указатель над столом привет-ведьмы.

Они прошли по коридору, потом через несколько двойных дверей и очутились перед ветхой лестницей, с портретами весьма сурового вида целителей. По пути наверх целители окликали их, ставили им странные диагнозы и предлагали жутковатые способы лечения. Рон всерьез оскорбился, когда средневековый волшебник крикнул, что у него тяжелая форма обсыпного лишая, и проследовал за ним еще через шесть портретов, отпихивая с дороги их обитателей.

— Что еще за новость? — не выдержал наконец Рон.

— Тяжелейшее поражение кожи, мой юный лорд, оно оставит вас рябым и еще более безобразным, нежели сейчас…

— Полегче там насчет «безобразных»! — сказал Рон с побагровевшими ушами.

— …единственное средство — взять печень жабы, туго привязать к горлу и при полной луне стать голым в бочку с глазами угрей…

— Нет у меня обсыпного!

— Но неприглядные пятна на вашем лице, мой юный лорд…

— Это веснушки! — заорал Рон. — Возвращайся на свой портрет и оставь меня в покое!

Он обернулся к спутникам, изо всех сил старав-

шимся сохранить невозмутимость.

— Это какой этаж?

— Я думаю, шестой, — сказала Гермиона.

— Нет, пятый, — сказал Гарри. — Нам выше.

Но, ступив на лестничную площадку, он остановился как вкопанный: взгляд его уперся в дверь с табличкой «НЕДУГИ ОТ ЗАКЛЯТИЙ», за которой начинался коридор отделения. Через оконце в двери, прижавшись носом к стеклу, на них смотрел светловолосый кудрявый мужчина с ярко-голубыми глазами и улыбался бессмысленной лучезарной улыбкой во весь свой белозубый рот.

— Ух ты! — сказал Рон, уставясь на это лицо.

— Не может быть! — задохнулась Гермиона. — Профессор Локонс!

Их бывший преподаватель защиты от Темных искусств толкнул дверь и вышел на площадку в длинном сиреневом халате.

— Приветствую вас! Вы, я вижу, хотите получить мой автограф?

— Не сильно изменился, — шепнул Гарри, а Джинни, стоявшая рядом, улыбнулась.

— О-о… как ваше здоровье, профессор? — слегка виноватым тоном осведомился Рон.

Это его неисправная палочка так повредила память профессора, что он угодил в больницу

святого Мунго. Но поскольку произошло это в тот момент, когда он пытался полностью стереть память у Гарри и Рона, Гарри не был преисполнен сочувствия.

— Я совершенно здоров, благодарю вас! — восторженно сообщил Локонс, доставая из кармана довольно облезлое павлинье перо. — Итак, сколько вам нужно автографов? Знаете, теперь я умею писать письменными буквами!

— Спасибо, сейчас нам не нужно, — сказал Рон и обернулся к Гарри, сделав большие глаза.

А Гарри спросил:

— Профессор, ничего, что вы ходите по коридору? Разве вам не надо лежать в палате?

Улыбка Локонса увяла. Несколько мгновений он вглядывался в лицо Гарри, после чего сказал:

— Мы с вами не встречались?

— Да… было такое. Вы учили нас в Хогвартсе, помните?

— Учил? — чуть-чуть забеспокоился Локонс. — Я? В самом деле?

А затем улыбка возникла вновь — с такой внезапностью, что стало даже страшновато.

— Научил вас всему, что вы знаете, не так ли? Так что с автографами? Дать вам ровно дюжину, чтобы вы могли подарить вашим маленьким

друзьям и никто не остался внакладе?

Но в это время из двери в дальнем конце коридора высунулась голова, и голос, полный материнской заботливости, сказал:

— Златопустик, шалунишка, куда это ты убежал?

Добродушного вида целительница с мишурным веночком в волосах торопливо шла к ним по коридору и приветливо улыбалась.

— Ах, Златопустик, у тебя гости! Как мило — да еще в Рождество. Бедный ягненочек, вы знаете, его никто не навещает, не понимаю почему, ведь он такая душка!

— Мы раздаем автографы, — сообщил ей Локонс с ослепительной улыбкой. — Они потребовали много, могу ли я отказать? Надеюсь, у нас хватит фотографий?

— Только послушайте его, — сказала целительница, взяв Златопуста под руку и растроганно улыбаясь ему, словно двухлетнему малышу. — Несколько лет назад он был известным человеком, и вот опять полюбил давать автографы — мы очень надеемся, что это признак выздоровления, что к нему возвращается память. Пожалуйста, пройдите сюда. Понимаете, он содержится в изоляторе, видимо, выскользнул, пока я разно-

сила рождественские подарки. Обычно дверь на запоре… Не потому, что он опасен! Но… — она понизила голос до шепота, — он немножко опасен для самого себя, бедненький… не помнит, кто он, уходит и не знает, как вернуться… Как мило, что вы пришли его навестить.

— Да мы… — Рон беспомощно показал на потолок, — вообще-то мы…

Но целительница выжидательно улыбалась им, и растерянное бормотание Рона «хотели выпить чаю» повисло в пустоте. Они грустно переглянулись и поплелись за Локонсом и целительницей по коридору.

— Только недолго, — шепнул Рон.

Целительница направила волшебную палочку на дверь палаты Януса Тики и произнесла:

— *Алохомора.*

Дверь распахнулась, и, крепко держа Златопуста под руку, она ввела его в палату и усадила в кресло возле кровати.

— Здесь пациенты на длительном лечении, — тихо объяснила она ребятам. — Непоправимые повреждения от заклятий. Конечно, с помощью сильных лекарственных зелий и чар в удачных случаях мы добиваемся некоторого улучшения. Златопуст, кажется, понемногу приходит в себя,

а у мистера Боуда налицо значительное улучшение: к нему возвращается дар речи, хотя пока что он разговаривает на языке, который нам не известен. Хорошо, мне надо еще раздать рождественские подарки, а вы пока поболтайте.

Гарри огляделся. По всем признакам палата была постоянным обиталищем ее пациентов. Здесь около кроватей скопилось гораздо больше их личных вещей, чем в палате мистера Уизли; стена над изголовьем у Локонса была сплошь обклеена его фотографиями. Он ослепительно улыбался с каждой и приветственно махал посетителям. Многие из них он подписал самому себе, детскими печатными буквами. Как только целительница поместила его в кресло, Златопуст подтянул к себе новую пачку фотографий, схватил перо и стал лихорадочно их подписывать.

— Можете положить их в конверты, — посоветовал он Джинни, бросая ей на колени одну за другой по мере подписания. — Знаете, меня не забыли, нет, я получаю кучу писем от поклонников… Глэдис Гаджен пишет каждую неделю… Хотел бы знать почему… — Он замолк в легком недоумении, потом опять расцвел улыбкой и с новой энергией принялся за автографы. — Видимо, причиной моя прекрасная внешность…

Напротив лежал траурного вида, с землистым лицом волшебник и смотрел в потолок; он что-то бормотал себе под нос и как будто не замечал окружающего. Через одну кровать от него располагалась женщина; вся голова у нее обросла шерстью. Гарри вспомнил, как на втором курсе нечто похожее произошло с Гермионой. К счастью, тогда это явление оказалось временным. В дальнем конце палаты две кровати были отгорожены цветастыми занавесками, чтобы больные и их посетители могли отдохнуть от посторонних глаз.

— А это тебе, Агнес, — весело сказала целительница, вручая шерстистой женщине маленькую стопку рождественских подарков. — Видишь, тебя не забывают. И сын прислал сову — пишет, что навестит тебя вечером. Как приятно!

Агнес несколько раз гавкнула.

— А тебе, Бродерик, смотри, прислали цветок в горшке и красивый календарь с разными забавными гиппогрифами на каждый месяц. С ними будет веселее, правда?

Целительница подошла к бормотуну, поставила на тумбочку довольно уродливое растение с длинными качающимися щупальцами и волшебной палочкой прикрепила к стене календарь.

— О, миссис Долгопупс, вы уже уходите?

Гарри крутанул головой. Занавески в дальнем конце были раздвинуты, и по проходу между кроватями шли двое посетителей: могучего вида старуха в длинном зеленом платье с изъеденной молью лисой и в остроконечной шляпе, украшенной не чем иным, как чучелом стервятника, и позади нее, нога за ногу, удрученный Невилл.

И тут Гарри осенило, кто эти двое в дальнем конце палаты. Он стал озираться — чем бы отвлечь друзей, чтобы Невилл вышел незамеченным, чтобы к нему не пристали с расспросами, но Рон тоже оглянулся, услышав фамилию Долгопупс, и, прежде чем Гарри успел остановить его, крикнул: «Невилл!»

Невилл вздрогнул и съежился, словно мимо просвистела пуля.

— Невилл, это мы! — Рон вскочил. — Ты видел? Локонс здесь! Ты к кому приходил?

— Твои друзья, Невилл, дорогой? — любезно сказала его бабушка, направляясь к компании.

У Невилла был такой вид, будто он предпочел бы провалиться сквозь землю. Пухлое лицо его налилось багровой краской, и он старался ни на кого не смотреть.

— Ах, да, — сказала бабушка, приглядевшись

к Гарри, и подала ему морщинистую и как бы когтистую руку, — да, да, конечно. Я знаю, кто ты. Невилл очень тебя ценит.

— Спасибо, — сказал Гарри и пожал ей руку.

Невилл не смотрел на него, он потупился и еще больше потемнел лицом.

— А вы, несомненно, Уизли, — продолжала старуха, царственно подавая руку сначала Рону, а потом Джинни. — Да, я знаю ваших родителей — не близко, конечно, — достойнейшие, достойнейшие люди. А ты, должно быть, Гермиона Грэйнджер?

Гермиона была поражена тем, что старой даме известно ее имя, но руку исправно подала.

— Да, Невилл про тебя рассказывал. Выручала его не раз, правда? Он хороший мальчик, — старуха кинула на внука сурово-оценивающий взгляд, — но, боюсь, не унаследовал отцовского таланта.

Она кивнула в сторону дальних кроватей; при этом чучело стервятника у нее на голове угрожающе заколыхалось.

— Что? — изумился Рон (Гарри хотел наступить ему на ногу, но сделать это незаметно в джинсах гораздо труднее, чем в мантии). — Это твой папа там?

— Что я слышу, Невилл? — строго сказала старая дама. — Ты не рассказал друзьям о родителях?

Невилл глубоко вздохнул, посмотрел на потолок и помотал головой. Гарри не помнил, чтобы кого-нибудь еще ему было так жалко, но помочь сейчас Невиллу ничем не мог.

— Тут нечего стыдиться, — сердито сказала миссис Долгопупс. — Ты должен гордиться ими, Невилл, гордиться! Не для того они пожертвовали душевным и физическим здоровьем, чтобы их стыдился единственный сын!

— Я не стыжусь, — пролепетал Невилл, по-прежнему не глядя ни на кого из друзей.

Рон привстал на цыпочки, чтобы увидеть больных в том конце.

— Интересно же ты это демонстрируешь, — сказала старая дама. — Моего сына и его жену, — продолжала она, величественно повернувшись к Гарри и остальным, — пытками довели до безумия сторонники Вы-Знаете-Кого.

Джинни и Гермиона прижали ладони ко рту, Рон перестал тянуть шею в направлении родителей Невилла и мгновенно скис.

— Они были мракоборцами и очень уважаемыми людьми в волшебном сообществе, — продол-

жала старая дама. — Чрезвычайно одаренные, оба. Я… Да, Алиса? Что такое, дорогая?

К ним незаметно подошла мать Невилла в ночной рубашке. Совсем не та круглолицая счастливая женщина с фотографии первоначального Ордена Феникса, которую Грюм показывал тогда Гарри. Лицо у нее исхудало и состарилось, глаза на нем казались огромными, а волосы поседели, стали жидкими и тусклыми. Она как будто не хотела заговорить, а может, вообще не могла и только делала какие-то робкие движения, протягивая что-то Невиллу.

— Опять? — с легкой усталостью в голосе сказала ее свекровь. — Очень хорошо, дорогая, очень хорошо… Невилл, возьми, все равно, что это.

Но Невилл уже протянул руку, и мать уронила в нее пустую обертку от «Лучшей взрывающейся жевательной резинки Друбблс».

— Это прелесть, дорогая, — сказала бабушка Невилла наигранно веселым голосом и погладила невестку по плечу.

А Невилл тихо сказал:

— Спасибо, мама.

Алиса засеменила к своей кровати, напевая без слов. Невилл с вызовом посмотрел на ребят: давайте, мол, смейтесь, а Гарри подумал, что за всю

свою жизнь не видел ничего менее смешного.

— Ну что ж, пора нам и восвояси, — вздохнула миссис Долгопупс, натягивая длинные зеленые перчатки. — Рада была познакомиться с вами, молодые люди. Невилл, брось обертку в урну, она тебе их столько надавала, что впору уже комнату обклеивать.

Но Гарри заметил, как перед выходом Невилл незаметно сунул обертку в карман.

Дверь за ними закрылась.

— Я не знала, — сказала Гермиона, чуть не плача.

— И я, — хрипло отозвался Рон.

Оба смотрели на Гарри.

— Я знал, — сказал он угрюмо. — Дамблдор мне рассказал, но я пообещал, что буду молчать… За это Беллатрису Лестрейндж отправили в Азкабан — она пытала их заклятием Круциатус, пока они не сошли с ума.

— Беллатриса Лестрейндж? — с ужасом прошептала Гермиона. — Та, чья фотография у Кикимера в берлоге?

Наступило долгое молчание. Нарушил его сердитый голос Локонса:

— Слушайте, я зря, что ли, учился писать письменными буквами?!

Глава 24

ОККЛЮМЕНЦИЯ

Кикимер, как выяснилось, прятался на чердаке. Нашел его Сириус; домовик весь был в пыли и, несомненно, искал там семейные реликвии Блэков, чтобы перетащить к себе в чулан. Сириус удовлетворился этим объяснением, но Гарри ощущал беспокойство. Настроение у Кикимера как будто улучшилось, ворчать он стал реже и не так злобно, приказы выполнял послушнее, чем обычно, но несколько раз Гарри замечал на себе его жадный взгляд, причем он тут же отводил глаза, увидев, что Гарри на него смотрит.

Гарри не делился своими смутными подозрениями с Сириусом, тем более что после Рождества веселость крестного быстро испарялась. По мере того как приближался день их отъезда в Хогвартс, на него все чаще нападали «приступы мрачности», как называла их миссис Уизли, он становился молчалив и раздражителен, часами сидел один в комнате гиппогрифа. Его уныние расползалось по дому, просачивалось под двери, как ядовитый газ, заражало остальных.

Гарри не хотелось снова оставлять Сириуса в обществе одного Кикимера; мало того, он впервые не радовался возвращению в Хогвартс. Приехать в школу значило снова попасть под тиранию Амбридж, которая в их отсутствие наверняка протащила еще десяток декретов; квиддича он лишен, домашних заданий навалят гору — дело идет к экзаменам; Дамблдор по-прежнему чурается его. Если бы не ОД, думал Гарри, он вообще попросил бы разрешения у Сириуса бросить школу и остаться на площади Гриммо.

А в последний день каникул произошло такое, отчего Гарри стал думать о школе просто с ужасом.

— Гарри, дорогой, — сказала миссис Уизли, просунув голову в дверь их спальни, когда они с Роном играли в волшебные шахматы, а за игрой наблюдали Джинни, Гермиона и Живоглот. — Можешь спуститься в кухню? С тобой хочет поговорить профессор Снегг.

До Гарри не сразу дошел смысл ее слов: его ладья вступила в бурную схватку с пешкой Рона, и Гарри ее усердно науськивал:

— Дави ее, дави, идиотка, это же только пешка. Извините, миссис Уизли, что вы сказали?

— Профессор Снегг, милый. На кухне. Хочет

поговорить.

От испуга Гарри даже рот разинул. Он оглянулся на Рона, на Джинни с Гермионой — они тоже смотрели на него во все глаза. Живоглот, последние четверть часа удерживаемый Гермионой, радостно вспрыгнул на доску, и фигуры с громкими воплями бросились врассыпную.

— Снегг? — тупо повторил Гарри.

— Профессор Снегг, — поправила миссис Уизли. — Иди скорее, он говорит, у него мало времени.

— Чего ему надо от тебя? — обескураженно спросил Рон, когда мать вышла из комнаты. — Ты вроде ничего не сделал.

— Нет! — с возмущением сказал Гарри, тщетно пытаясь сообразить, какое им совершено преступление, если Снегг гнался за ним аж до площади Гриммо.

Минутой позже он толкнул дверь кухни и увидел Сириуса и Снегга за длинным столом, напряженно глядящих в разные стороны. Молчание их было наэлектризовано взаимной неприязнью. Перед Сириусом на столе лежало раскрытое письмо.

Гарри кашлянул, чтобы объявить о своем присутствии.

Снегг обернулся к нему: лицо в рамке сальных черных волос.

— Сядьте, Поттер.

— Знаешь, Снегг, — громко сказал Сириус, отвалив свой стул на задние ножки и глядя в потолок, — я предпочитаю, чтобы ты не отдавал здесь приказов. Это мой дом, понимаешь ли.

Бледное лицо Снегга некрасиво потемнело. Гарри сел рядом с Сириусом, глядя на Снегга через стол.

— Предполагалось, что мы поговорим с глазу на глаз, Поттер, — сказал Снегг со знакомой кривой усмешкой, — но Блэк…

— Я его крестный, — громче прежнего сказал Сириус.

— Я здесь по распоряжению Дамблдора, — Снегг же, наоборот, говорил все тише и ядовитее, — но, ради всего святого, оставайся, Блэк. Я знаю, ты любишь чувствовать себя… причастным.

— Это как прикажешь понимать? — С громким стуком Сириус опустил свой стул на все четыре ноги.

— Да, я понимаю, ты должен быть… ах… расстроен тем, что не делаешь ничего полезного, — с легким нажимом на последнее слово, — для Ордена.

Теперь побагровел Сириус. Снегг, злорадно усмехнувшись, обратился к Гарри:

— Директор послал меня передать вам его желание, Поттер, чтобы в этом семестре вы изучали окклюменцию.

— Что изучать? — не понял Гарри.

Снегг еще больше скривил рот.

— Окклюменцию, Поттер. Магическую защиту ума от проникновения извне. Малоизвестный раздел магии, но крайне полезный.

Сердце у Гарри бешено застучало. Защита от проникновения извне? Но ведь он не одержим, все на этом сошлись…

— Почему я должен изучать окклю… как ее? — выпалил он.

— Потому что так считает нужным директор, — хладнокровно ответил Снегг. — Вы будете получать индивидуальные уроки раз в неделю, но никому не скажете об этом, в первую очередь Долорес Амбридж. Вам понятно?

— Да. Кто будет меня учить?

— Я.

У Гарри возникло отвратительное ощущение, что внутренности его плавятся. Дополнительные уроки у Снегга — чем он заслужил такое наказание?

— Почему Дамблдор не может его учить? — воинственно спросил Сириус. — Почему ты?

— Потому, видимо, что привилегия директора — поручать наименее приятные дела другим, — вкрадчивым голосом ответил Снегг. — Уверяю тебя, я не напрашивался. — Он встал. — Жду вас в понедельник, в шесть вечера, Поттер. В моем кабинете. Если спросят — у вас дополнительные занятия по зельям. Всякий, кто видел вас на моих занятиях, не усомнится, что вам это необходимо.

Он двинулся к двери, черный дорожный плащ вздулся за его спиной.

— Постой, — сказал Сириус и выпрямился на стуле.

— Я спешу, Блэк. В отличие от тебя, у меня нет бездны свободного времени.

— Тогда к делу, — сказал, поднимаясь, Сириус. Он был значительно выше Снегга, который сжал в кармане кулак, — Гарри не сомневался, что в кулаке у него волшебная палочка. — Если услышу, что эти свои уроки окклюменции ты используешь для того, чтобы притеснять Гарри, будешь иметь дело со мной.

— Как трогательно, — осклабился Снегг. — Но ты, полагаю, заметил, что Поттер пошел в отца?

— Заметил, — с гордостью сказал Сириус.

— Тогда ты догадываешься, насколько он высокомерен. Критика отскакивает от него, как от стенки горох.

Сириус оттолкнул стул в сторону и двинулся вокруг стола к Снеггу, на ходу вытащив волшебную палочку. Снегг выхватил свою. Оба изготовились: Сириус, пышущий яростью, Снегг, расчетливый и хладнокровный; глаза перебегают с палочки Сириуса на лицо и обратно.

— Сириус! — громко сказал Гарри, но Сириус будто не слышал.

— Я тебя предупредил, Нюниус! — сказал он, сунувшись к самому лицу Снегга. — Мне плевать, что Дамблдор считает тебя исправившимся. Я тебя лучше знаю!

— Так почему ты ему не скажешь? — прошептал Снегг. — Или боишься, что он не воспримет всерьез совет человека, который полгода прячется в материнском доме?

— Скажи мне, как поживает нынче Люциус Малфой? Поди, доволен, что его верный песик работает в Хогвартсе?

— Кстати, о песиках, — нежно сказал Снегг. — Ты знаешь, что Люциус Малфой узнал тебя, когда ты в последний раз рискнул прошвырнуться? Ловко придумано, Блэк, — показаться на закры-

той платформе. Железное оправдание, чтобы больше не высовывать нос из норы.

Сириус поднял волшебную палочку.

— НЕТ! — закричал Гарри и, опершись рукой на стол, перелетел через него, чтобы встать между ними. — Не надо, Сириус!

— Ты назвал меня трусом! — взревел Сириус и свободной рукой попытался оттолкнуть Гарри, но тот устоял.

— О, кажется, так, — сказал Снегг.

— Гарри… не лезь… под ноги! — рычал Сириус, отталкивая его в сторону.

Дверь кухни открылась, и вошла вся семья Уизли вместе с Гермионой, совершенно счастливые. Посреди группы гордо шагал сам мистер Уизли в макинтоше, надетом поверх полосатой пижамы.

— Исцелен! — объявил он, адресуясь ко всей кухне в целом. — Абсолютно здоров!

Он и остальные Уизли замерли у двери, глядя на разыгравшуюся сцену, которая тоже прервалась в самом разгаре: Сириус и Снегг смотрели на вошедших, направив волшебные палочки друг другу в лицо, а Гарри, пытавшийся их развести, так и застыл с раскинутыми руками.

— Разорви меня горгулья, — сказал мистер Уизли, перестав улыбаться, — что здесь происходит?

Сириус и Снегг опустили волшебные палочки; Гарри переводил взгляд с одного на другого. Лица обоих выражали крайнее презрение, но неожиданный приход многочисленных свидетелей как будто привел их в чувство. Снегг убрал волшебную палочку в карман и, ни слова не сказав семейству, направился к выходу. В дверях он оглянулся:

— Понедельник, шесть вечера, Поттер.

Он ушел. Сириус смотрел ему вслед, опустив палочку.

— Что тут происходит? — снова спросил мистер Уизли.

— Ничего, Артур. — Сириус тяжело дышал, словно после долгого бега. — Просто дружеская беседа двух старых однокашников. — С заметным усилием он улыбнулся. — Значит, ты вылечился? Это прекрасная новость. Прекрасная новость.

— Правда же? — сказала миссис Уизли, подводя мужа к стулу. — Целитель Сметвик все-таки совершил чудо — нашел противоядие, а Артур получил урок — будет знать, как баловаться с магловской медициной. Правда, Артур? — спросила она с некоторой угрозой.

— Да, дорогая, — покорно сказал мистер Уизли.

Ужину полагалось быть веселым в этот вечер

— мистер Уизли снова в кругу семьи. И Гарри видел, что Сириус очень старается поддержать общее настроение, но, когда он не принуждал себя смеяться шуткам Фреда и Джорджа и не подкладывал гостям еду, лицо его приобретало задумчивое, угрюмое выражение. Между ним и Гарри сидели Наземникус и Грюм, пришедшие поздравить Артура с выздоровлением. Гарри хотел поговорить с ним, сказать, чтобы он не слушал Снегга, что Снегг нарочно подзуживает его, что никто не считает его трусом: ведь это Дамблдор велел ему скрываться на площади Гриммо. Но у него не было такой возможности, да и, глядя на мрачное лицо Сириуса, он сомневался, что отважится об этом заговорить, даже если бы представилась такая возможность. Он только шепнул Рону и Гермионе, что должен брать уроки окклюменции у Снегга.

— Дамблдор хочет, чтобы ты перестал видеть сны о Волан-де-Морте, — сразу догадалась Гермиона. — Ты же не будешь по ним скучать?

— Дополнительные уроки у Снегга, — ужаснулся Рон. — Мне, пожалуйста, кошмары!

Завтра им предстояло вернуться в Хогвартс на автобусе «Ночной рыцарь» в сопровождении Тонкс и Люпина. Утром, когда Гарри, Рон

и Гермиона спустились на кухню, эти двое уже завтракали. У взрослых шел какой-то разговор вполголоса, и, увидев Гарри в дверях, они сразу замолчали.

Наскоро поев, надели куртки и шарфы — январское утро, на дворе мороз. Гарри ощущал неприятное стеснение в груди, ему не хотелось прощаться с Сириусом. Он уезжал отсюда с тяжелым чувством: неизвестно, когда они снова свидятся, и он обязан как-то предупредить крестного, чтобы тот не делал глупостей. Гарри опасался, что обвинение в трусости, брошенное Снеггом, глубоко уязвило Сириуса, и, может быть, он уже сейчас затевает какую-то безрассудную вылазку с площади Гриммо. Но пока он раздумывал, Сириус сам поманил его.

— Я хочу, чтобы ты это взял, — сказал он и сунул ему в руку неаккуратный сверток размером с небольшую книжку.

— Что это?

— Это для того, чтобы ты дал мне знать, если Снегг начнет тебя тиранить. — Сириус настороженно оглянулся на миссис Уизли, которая уговаривала близнецов надеть вязаные варежки. — Сомневаюсь, что Молли меня одобрит, но обязательно воспользуйся, если я понадоблюсь.

Договорились?

— Ага, — сказал Гарри, засовывая сверток во внутренний карман куртки.

Но он знал, что никогда не воспользуется этой вещью. Как бы ни изводил его Снегг на уроках окклюменции, он, Гарри, не станет выманивать Сириуса из убежища.

— Тогда идем. — С хмурой улыбкой Сириус хлопнул его по плечу.

Гарри не успел ничего сказать, и через минуту, поднявшись по лестнице в окружении Уизли, они уже стояли перед парадной дверью, запертой на тяжелую цепь и засов.

— До свидания, Гарри. Береги себя, — обняв его, сказала миссис Уизли.

— Будь здоров и приглядывай там за змеями, — добродушно сказал мистер Уизли и пожал ему руку.

— Ладно, — рассеянно отозвался Гарри.

Это была последняя возможность попросить Сириуса, чтобы он не рисковал. Гарри повернулся, посмотрел на крестного и хотел уже заговорить, но не успел. Сириус быстро обхватил его одной рукой за плечи и отрывисто сказал:

— Держи ухо востро, Гарри.

В следующее мгновение его вытолкнули на

морозный воздух, и Тонкс (сегодня принявшая вид высокой седой дамы в твиде) поторапливала его с крыльца.

Дверь дома двенадцать захлопнулась за ними. Вслед за Люпином они спустились на тротуар. Гарри посмотрел назад. Дом двенадцать быстро сжимался, теснимый с обеих сторон соседями. Миг, и он исчез.

— Пошли, чем скорее сядем в автобус, тем лучше, — сказала Тонкс, и во взгляде, которым она окинула площадь, Гарри почувствовал нервозность.

Люпин выбросил правую руку.

БАХ!

Ярко-фиолетовый трехэтажный автобус возник перед ними из воздуха, чуть не сбив фонарный столб, который вовремя успел отскочить.

Худой, прыщавый, лопоухий малый в фиолетовой форме спрыгнул на землю и сказал:

— Добро пожа…

— Да, да, знаем, — нетерпеливо сказала Тонкс. — Залезайте, залезайте…

Она толкнула Гарри к ступенькам мимо кондуктора, который вытаращился на него.

— А-а… да это Гарри!..

— Еще раз выкрикнешь его имя — насмерть

заколдую, — пообещала Тонкс, подталкивая уже Гермиону и Джинни.

— Всю жизнь мечтал прокатиться на этой штуке, — радостно сказал Рон, присоединившись к Гарри и оглядывая салон.

В прошлый раз Гарри ехал на «Ночном рыцаре» вечером, и все три этажа были забиты медными кроватями. Теперь, ранним утром, тут теснились разномастные кресла, беспорядочно составленные вблизи окон. Некоторые попадали, когда автобус резко затормозил на площади Гриммо; кое-кто из волшебников и волшебниц, ворча, еще только поднимался на ноги. Чей-то пакет проехал по всему полу, разбросав неаппетитную смесь лягушачьей икры, тараканов и заварного крема.

— Похоже, нам надо разделиться, — сказала Тонкс, оглядев свободные кресла. — Фред, Джордж и Джинни, вы сядьте там сзади… Римус с вами.

Сама она вместе с Гарри, Роном и Гермионой поднялась на самый верхний этаж, где было два свободных кресла впереди и два в заднем конце. Кондуктор Стэн Шанпайк с энтузиазмом проследовал за Гарри и Роном назад. По дороге головы пассажиров поворачивались в их сторону, но, когда Гарри сел, все моментально вернулись в исходное положение.

Гарри и Рон отдали Стэну по одиннадцать сиклей, и автобус снова пришел в движение, угрожающе виляя. Он прогрохотал по площади Гриммо, где по тротуару, где по мостовой, а затем с новым оглушительным «БАХ!» их всех бросило назад. Кресло Рона опрокинулось, Сыч, располагавшийся у него на коленях, вырвался из клетки, с громким писком пролетел вперед и там сел на плечо Гермионы. Гарри не упал только потому, что схватился за канделябр. Он выглянул в окно: сейчас они мчались как будто по автостраде.

— Уже под Бирмингемом, — радостно сообщил Стэн в ответ на незаданный вопрос Гарри, пока Рон поднимался с пола. — Ты сам-то как? Летом про тебя много писали в газете, только хорошего ничего. Я говорю Эрну: не похож был, говорю, на психа, когда с нами ехал, — было бы видать, правильно?

Он вручил им билеты и продолжал восхищенно глазеть на Гарри. Очевидно, Стэну было все равно, псих перед ним или нет, главное, что знаменитый и про него пишут в газете. «Ночной рыцарь» опасно вилял, обгоняя поток автомобилей по внутренней полосе. Гарри увидел, что Гермиона закрыла глаза ладонями, довольный Сыч качался у нее на плече.

БАХ!

Кресла снова поехали назад — «Ночной рыцарь» перескочил с Бирмингемской автострады на тихий извилистый проселок. Живые изгороди по обе стороны резво отскакивали от дороги, когда автобус брал очередной поворот. Затем они ввалились на центральную улицу людного городка, оттуда выскочили на обдуваемую всеми ветрами дорогу на возвышенности — и каждый раз это сопровождалось оглушительным «БАХ!».

— Я передумал, — проворчал Рон, в шестой раз поднимаясь с пола, — больше не хочу кататься на этой штуке.

Мотаясь по проходу, к ним двигался Стэн:

— Слышь, следующая остановка — Хогвартс. Эта важная тетка, что с вами, велела подбросить вас вне очереди. Сейчас, только высадим мадам Марш… — Снизу донесся звук рвотных потуг и наконец жуткий плеск. — Ей малость нехорошо.

Через несколько минут «Ночной рыцарь» затормозил перед маленьким баром, проворно уклонившимся от тарана. Слышно было, как Стэн помогает спуститься незадачливой мадам Марш и как с облегчением переговариваются ее соседи на втором этаже. Автобус рванул с места, набрал скорость и…

БАХ!

Они уже катят по заснеженному Хогсмиду. В переулке мелькнула «Кабанья голова» с отрубленной головой на скрипучей вывеске. Снежные хлопья лепятся к ветровому стеклу. Вот и ворота Хогвартса.

Люпин и Тонкс помогли им вынести вещи, потом вышли попрощаться. Гарри кинул взгляд на автобусные этажи — со всех трех на них смотрели пассажиры, прижавшись носами к окнам.

— На территории вы будете в безопасности, — сказала Тонкс, проверив взглядом пустынную дорогу. — Удачного семестра.

— Будьте здоровы, — говорил Люпин, по очереди пожимая руку ребятам. Последним был Гарри, остальные уже прощались с Тонкс. — Слушай, — он понизил голос, — я знаю, ты не любишь Снегга, но он превосходный окклюменист, и все мы, включая Сириуса, хотим, чтобы ты научился защищать себя. Так что старайся, ладно?

— Хорошо, постараюсь, — невесело ответил Гарри, глядя на преждевременно изрезанное морщинами лицо. — До встречи.

Вшестером, волоча чемоданы, они побрели по скользкой дорожке к замку. Гермиона уже говорила о том, что к вечеру надо связать несколько

шапок для эльфов. Когда подошли к дубовым дверям замка, Гарри оглянулся назад: «Ночного рыцаря» и след простыл, и он, подумав о завтрашнем вечернем уроке, почти пожалел, что не остался в автобусе.

* * *

Весь следующий день Гарри со страхом ожидал вечернего занятия. Утренний сдвоенный урок зельеварения отнюдь не рассеял его тревоги: Снегг был враждебен, как всегда. Еще больше испортили ему настроение члены ОД, непрерывно подходившие с вопросом, соберет ли он их сегодня вечером.

— Сообщу вам обычным способом, когда будет сбор, — снова и снова повторял он. — Сегодня не могу. Мне надо… на дополнительные по зельям.

— Дополнительные по зельям? — презрительно спросил Захария Смит, поймав его после обеда в вестибюле. — Да ты, наверно, вообще ни бум-бум. Снегг никогда не давал дополнительных уроков.

Он чванливо отошел, и Рон, прожигавший глазами его спину, поднял волшебную палочку и, нацелившись между лопаток, спросил:

— Колдануть его? Отсюда еще достану.

— Да брось, — грустно сказал Гарри. — Сейчас

все так будут думать. Что совсем глупый…

— Привет, Гарри, — раздался голос у него за спиной.

Он повернулся: Чжоу.

— А, — внутри у него что-то подпрыгнуло. — Привет.

— Гарри, мы будем в библиотеке, — решительно сказала Гермиона, схватив Рона за локоть и направляя к мраморной лестнице.

— Как встретил Рождество? — спросила Чжоу.

— Неплохо.

— А у нас прошло как-то тихо. — Вид у нее был почему-то смущенный. — Тут… в будущем месяце нас отпустят в Хогсмид — читал объявление?

— Что? А, нет, я еще не смотрел на доску.

— Ну да, в Валентинов день.

— Понятно, — сказал Гарри, не понимая, зачем она ему это говорит. — Ты, наверное, хочешь…

— Только если ты, — живо ответила она.

Гарри растерялся и чуть не сказал: «Ты, наверно, хотела узнать, когда будет сбор ОД?» — но речь шла явно не об этом.

— Я… не знаю…

— Конечно, если не хочешь… — удрученно сказала она. — Не расстраивайся… Еще увидимся.

Она отошла. Гарри смотрел ей вслед, лихора-

дочно соображая. И вдруг до него дошло.

— Чжоу! Эй… Чжоу!

Он побежал за ней, догнал на полпути к лестнице.

— Ты хочешь пойти со мной в Хогсмид в Валентинов день?

— Да-а-а! — Чжоу заулыбалась и покраснела.

— Хорошо, тогда договорились. — От радости, что день все-таки не пропал зря, он буквально взлетел наверх, чтобы перехватить перед вечерними уроками Рона и Гермиону.

Однако к шести часам тепло, согревавшее его с тех пор, как он назначил встречу Чжоу, уже не могло одолеть озноба, усиливавшегося с каждым шагом, который приближал его к кабинету Снегга.

Он постоял перед дверью, самой ненавистной сейчас на земле, набрал в грудь воздуха, постучался и вошел.

Сумрачная комната была уставлена полками с сотнями стеклянных банок, где плавали в разноцветных зельях слизистые кусочки животных и растений. В одном углу стоял шкаф с ингредиентами, в краже которых Снегг — не без оснований — заподозрил когда-то Гарри. Внимание его, однако, привлек стол, на котором стояла освещенная

свечой мелкая каменная чаша, с резными рунами и символами. Гарри узнал ее сразу: Омут памяти Дамблдора. Зачем она здесь? Из сумрака донесся холодный голос Снегга. Он вздрогнул.

— Закройте за собой дверь, Поттер.

Гарри исполнил приказ с ощущением, что сам запирает себя в тюрьме. Когда он вернулся в комнату, Снегг вышел на свет и молча указал на кресло перед столом. Гарри сел, Снегг тоже сел и, не мигая, смотрел на Гарри холодными черными глазами; каждая черточка его лица выражала неудовольствие.

— Итак, Поттер, вы знаете, зачем вы здесь, — сказал он. — Директор попросил меня обучать вас окклюменции. Могу только надеяться, что к ней вы обнаружите больше способностей, чем к зельям.

— Понятно, — сказал Гарри.

— Возможно, это не обычные занятия, Поттер, — злобно прищурясь, сказал Снегг, — тем не менее я по-прежнему ваш преподаватель, и, обращаясь ко мне, вы всякий раз будете именовать меня «сэр» или «профессор».

— Да… сэр, — сказал Гарри.

Снегг продолжал смотреть на него, сузив глаза.

— Итак, окклюменция. Как я уже объяснил

вам на кухне у вашего любезного крестного, этот раздел магии позволяет оградить сознание от магического вторжения и влияния.

— А почему профессор Дамблдор считает, что мне это нужно, сэр? — спросил Гарри, глядя Снеггу в глаза, но сомневаясь, что получит ответ.

Снегг помолчал, а затем презрительно произнес:

— Наверняка вы уже догадались сами, Поттер? Темный Лорд весьма сведущ в легилименции…

— А это что такое? Сэр.

— Это умение извлекать чувства и воспоминания из чужого ума…

— Он умеет читать мысли? — спросил Гарри, услышав в этом подтверждение своих страхов.

— В вас нет тонкости, Поттер. — Темные глаза Снегга блеснули. — Вы не понимаете тонких различий. Это одна из причин ваших плачевных успехов в зельеварении.

Снегг помолчал, смакуя это оскорбление, и продолжал:

— Только маглы рассуждают о «чтении мыслей». Ум — не книга, которую можно раскрыть, когда заблагорассудится. Мысли не напечатаны внутри черепа, чтобы их мог изучить всякий любопытный. Мозг — сложный и многослойный

орган — по крайней мере, у большинства людей, Поттер. — Он усмехнулся. — Верно, однако, что те, кто овладел легилименцией, способны при определенных условиях проникнуть в сознание своих жертв и правильно интерпретировать добытые сведения. В частности, Темный Лорд почти всегда знает, когда ему кто-то лжет. Только искушенные в окклюменции способны подавить чувства и воспоминания, противоречащие лжи, и, таким образом, говорить неправду в его присутствии, не опасаясь разоблачения.

Что бы там ни говорил Снегг, легилименция смахивала на чтение мыслей, и Гарри это совсем не нравилось.

— Значит, он может узнать, что мы сейчас тут думаем? Сэр.

— Темный Лорд находится на значительном удалении, а территория Хогвартса ограждена многими древними заклятиями и чарами, дабы обеспечить физическую и духовную безопасность тех, кто на ней находится. Время и пространство в магии существенны, Поттер. Для легилименции часто необходим зрительный контакт.

— Хорошо, зачем же тогда мне изучать окклюменцию?

Снегг смотрел на Гарри, проводя по губам длин-

ным тонким пальцем.

— Обычные законы на вас, по-видимому, не распространяются, Поттер. Заклятие, которое не смогло вас убить, кажется, создало некую связь между вами и Темным Лордом. По всем признакам, в те периоды, когда ваш ум наиболее расслаблен и уязвим — например, во сне, — вы улавливаете мысли и эмоции Темного Лорда. Директор полагает, что этому надо положить конец. Он хочет, чтобы я научил вас закрывать свой ум от Темного Лорда.

Сердце у Гарри опять зачастило. что-то тут не вяжется.

— Но почему профессор Дамблдор хочет это прекратить? Мне это не особенно нравится, но ведь оказалось полезно — разве нет? В смысле… я увидел, как змея напала на мистера Уизли, а если бы не увидел, профессор Дамблдор не смог бы его спасти — так ведь, сэр?

С минуту Снегг смотрел на него, все так же водя по губам пальцем. Потом заговорил медленно и раздельно, взвешивая каждое слово:

— Судя по всему, до последнего времени Темный Лорд не подозревал о связи, существующей между вами. До сих пор вы, по-видимому, воспринимали его чувства и улавливали его мысли

неведомо для него. Однако видение, случившееся у вас незадолго до Рождества…

— Со змеей и мистером Уизли?

— Не перебивайте, Поттер, — угрожающим тоном сказал Снегг. — Продолжаю: видение, случившееся у вас незадолго до Рождества, столь сильно затронуло сознание Темного Лорда…

— Но я смотрел из змеи, не из него…

— Кажется, я сказал вам, чтобы вы не перебивали?

Но Гарри уже не пугал гнев профессора; наконец-то он подбирается к сути дела. Он подался вперед, не замечая, что сидит на самом краешке кресла, и весь напрягся, словно приготовясь взлететь.

— Как же я видел глазами змеи, если мысли у меня — Волан-де-Морта?

— Не смейте произносить имя Темного Лорда! — рявкнул Снегг.

Наступило гнетущее молчание. Взгляды их скрестились над Омутом памяти.

— Профессор Дамблдор произносит его имя, — тихо сказал Гарри.

— Дамблдор — чрезвычайно могущественный волшебник. *Он* может себе это позволить без опасения… мы же… — Снегг машинально потер

левое предплечье — Гарри знал, что там выжжена на коже Черная метка.

— Я просто хочу понять, — Гарри старался говорить как можно вежливее, — почему…

— Вероятно, вы проникли в мозг змеи потому, что там находился в это время Темный Лорд, — прорычал Снегг. — В это время он владел змеей, и поэтому вам приснилось, что вы тоже внутри нее.

— И Вол… он… понял, что я там?

— Вероятно, — сухо ответил Снегг.

— Откуда вы знаете? — допытывался Гарри. — Это только догадка Дамблдора или…

— Я же сказал вам, — Снегг выпрямился в кресле, глаза превратились в щелки, — обращайтесь ко мне: «сэр».

— Да, сэр, — нетерпеливо сказал Гарри. — Но откуда вы знаете…

— Мы *знаем,* этого достаточно, — отрезал Снегг. — Темному Лорду теперь известно, что вы имеете доступ к его мыслям и чувствам, — вот что главное. Кроме того, он сделал вывод, что этот процесс — обоюдный. Иначе говоря, он понял, что сам может иметь доступ к вашим мыслям и чувствам…

— И может заставить меня делать то, что ему

надо? — спросил Гарри и поспешно добавил: — Сэр.

— Возможно, — произнес Снегг без всякого выражения. — И это возвращает нас к окклюменции.

Он вынул из внутреннего кармана мантии волшебную палочку, и Гарри напрягся. Но Снегг только поднес ее к своему виску и уткнул кончик в корни сальных волос. Когда отнял палочку, к ней прилипло какое-то серебристое вещество и сперва потянулось за ней толстой невесомой прядью, а потом оборвалось, легко опустилось в Омут памяти и закружилось там, серебристо-белое — ни газ, ни жидкость. Еще дважды подносил Снегг палочку к виску и сбрасывал серебристое вещество в каменный сосуд, после чего без объяснений поднял Омут, перенес на полку и снова сел напротив Гарри с палочкой на изготовку.

— Встаньте, Поттер, и возьмите вашу волшебную палочку.

Гарри, слегка нервничая, встал. Они смотрели друг на друга через стол.

— Можете с ее помощью обезоружить меня или защититься каким угодно иным образом, — сказал Снегг.

— А что вы собираетесь делать? — спросил

Гарри, с беспокойством глядя на его палочку.

— Я попытаюсь проникнуть в ваше сознание, — тихо ответил Снегг. — Посмотрим, как вы сопротивляетесь. Я слышал, что вы уже проявили способность сопротивляться заклинанию Империус. Вы увидите, что подобные усилия требуются и здесь… Теперь соберитесь. *Легилименс!*

Гарри не успел приготовиться, собраться с силами — Снегг не стал ждать. Кабинет поплыл перед глазами, исчез; образы замелькали в его мозгу, словно в ускоренном фильме, такие яркие, что полностью заслонили окружающее.

Ему пять лет, Дадли едет перед ним на новом красном велосипедике, сердце его лопается от зависти… Ему девять, бульдог Злыдень загнал его на дерево, а Дурсли стоят внизу и смеются… Он сидит в Волшебной шляпе, и она говорит ему, что он преуспел бы в Слизерине… Гермиона лежит в больничном крыле, все лицо у нее покрыто густой черной шерстью… Сотня дементоров надвигается на него около темного озера… Под омелой к нему подходит Чжоу Чанг…

«Нет, — раздался голос у него в голове, когда воспоминание о Чжоу стало ярче, — *ты этого не увидишь, ты этого не увидишь, это только мое».*

Гарри почувствовал острую боль в колене. Пе-

ред глазами снова возник кабинет Снегга, и он понял, что упал на пол; колено больно ударилось о ножку профессорского стола. Он посмотрел снизу на Снегга, тот опустил волшебную палочку и тер запястье. На запястье был красный рубец, как от ожога.

— Вы хотели защититься Обжигающими чарами? — невозмутимо спросил Снегг.

— Нет, — со злостью ответил Гарри, поднимаясь с пола.

— Я так и подумал, — презрительно сказал Снегг. — Вы впустили меня слишком далеко. Потеряли контроль.

— Вы видели все, что я видел? — спросил Гарри, хотя не был уверен, что жаждет услышать ответ.

— Мельком, — с кривой усмешкой сказал Снегг. — Кому принадлежал бульдог?

— Тетушке Мардж, — сказал Гарри, ненавидя Снегга.

— Для первого раза не так плохо, как можно было ожидать, — сказал Снегг и снова поднял палочку. — Под конец вам удалось остановить меня, хотя вы понапрасну тратили время и энергию на крики. Вы должны сфокусироваться. Отражайте меня мысленно, и вам не понадобится прибегать к помощи палочки.

— Я пытаюсь, — сердито возразил Гарри, — но вы не объясняете мне как!

— Не распускайтесь, Поттер, — сказал Снегг с угрозой. — А теперь я хочу, чтобы вы закрыли глаза.

Гарри злобно поглядел на него, прежде чем выполнить приказ. Вовсе не хотелось стоять с закрытыми глазами под нацеленной на него палочкой Снегга.

— Очистите сознание, Поттер! — скомандовал холодный голос. — Освободитесь от всех эмоций.

Но гнев разливался по жилам Гарри, как змеиный яд. Освободиться от гнева? Легче оторвать себе ноги…

— Вы не слушаетесь, Поттер… вам не хватает дисциплины… Ну, сосредоточьтесь…

Гарри попытался прогнать все мысли — не думать, не вспоминать, не чувствовать.

— Давайте еще раз. На счет «три»… Раз… два… три… *Легилименс!*

Перед ним взметнулся огромный черный дракон… Отец и мать махали ему из зачарованного зеркала… Седрик Диггори лежал на земле, глядя на него пустыми глазами…

— Н-Е-Е-Е-Т!

Гарри опять стоял на коленях, обхватив лицо

ладонями; в черепе такая боль, будто с него сдирают скальп.

— Встать! — скомандовал Снегг. — Встать! Вы не стараетесь, не прилагаете усилий. Вы впускаете меня в воспоминания, которых страшитесь, вы сами даете мне оружие!

Гарри встал. Сердце колотилось так, словно он въявь увидел Седрика, мертвого на кладбище. Снегг был бледнее обычного и сердит, но и вполовину не так сердит, как Гарри.

— Я… стараюсь… сопротивляться, — выдавил Гарри сквозь стиснутые зубы.

— Я сказал вам: освободиться от эмоций!

— Да? Сейчас это затруднительно, — огрызнулся Гарри.

— Тогда вы станете легкой добычей для Темного Лорда! — в бешенстве выкрикнул Снегг. — Дураки, у которых душа нараспашку, которые не владеют своими чувствами, упиваются грустными воспоминаниями и так легко позволяют себя спровоцировать — одним словом, слабые люди, — у них нет никаких шансов противостоять ему! Он войдет в ваш ум, Поттер, как нож в масло!

— Я не слабый, — глухим голосом сказал Гарри. Ярость бушевала в нем так, что он готов был

наброситься на Снегга.

— Так докажите это! Возьмите себя в руки! — рявкнул Снегг. — Подавите гнев, владейте собою! Пробуем еще раз! Приготовиться! *Легилименс!*

Дядя Вернон забивает почтовый ящик гвоздями… Сотня дементоров движется к нему через озеро… По коридору без окон он бежит с мистером Уизли… Они приближаются к черной двери в конце коридора… Гарри думает войти в нее, но мистер Уизли уводит его налево, вниз по каменной лестнице…

— Я ЗНАЮ! Я ЗНАЮ!

Он опять стоял на четвереньках в кабинете Снегга, шрам покалывало, но в словах, только что сорвавшихся с его уст, звучало торжество. Он встал под взглядом Снегга, волшебная палочка была поднята. Похоже, в этот раз Снегг снял заклятие еще до того, как Гарри начал сопротивляться.

— Так что случилось, Поттер? — спросил он, пронзительно глядя на Гарри.

— Я видел… я вспомнил, — задыхаясь, ответил Гарри. — Теперь я понял…

— Что поняли?

Гарри ответил не сразу; он тер лоб, все еще наслаждаясь этим мигом ослепительного про-

зрения.

Коридор без окон, утыкавшийся в запертую дверь, снился ему месяцами, и он не понимал, что это — реальное место. Теперь же, увидев его в воспоминании, он понял, что все это время ему снился коридор, по которому он бежал с мистером Уизли двенадцатого августа, когда они спешили в зал министерского суда: коридор вел к Отделу тайн, и это в нем сидел мистер Уизли, когда на него напала змея Волан-де-Морта.

Гарри поднял глаза на Снегга.

— Что находится в Отделе тайн?

— Что вы сказали? — тихо произнес Снегг, и Гарри с удовольствием увидел, что он занервничал.

— Я спросил: что находится в Отделе тайн, сэр?

— Чем, интересно, вызван такой вопрос? — протянул Снегг.

— Коридор, который я сейчас видел, — сказал Гарри, внимательно наблюдая за лицом Снегга, — он снится мне несколько месяцев… и я только что его узнал. Он ведет в Отдел тайн, и Волан-де-Морту что-то оттуда нуж…

— Я запретил вам произносить имя Темного Лорда!

Они смотрели друг на друга с яростью. Шрам

у Гарри снова задергало, но ему было все равно. Снегг был взволнован, но заговорил нарочито равнодушным тоном:

— В Отделе тайн много всякого, Поттер, но мало такого, что вы в состоянии понять, и совсем ничего, что вас касалось бы. Я ясно выразился?

— Да, — сказал Гарри, потирая шрам, который болел все сильнее.

— Явитесь в среду, в то же время. Мы продолжим работу.

— Хорошо, — сказал Гарри. Ему не терпелось покинуть кабинет Снегга и найти Рона с Гермионой.

— Каждую ночь перед сном вы должны освобождаться от всех эмоций. Вы должны очистить и опустошить сознание, добиться полного покоя. Понятно?

— Да, — сказал Гарри, хотя почти не слушал.

— И предупреждаю, Поттер: если вы не упражнялись, от меня это не укроется.

— Хорошо.

Гарри поднял сумку, перекинул через плечо и заторопился к выходу. Открыв дверь, он оглянулся на Снегга: тот стоял спиной к нему, подцеплял из Омута палочкой свои мысли и аккуратно вкладывал их в голову. Гарри молча вышел и прикрыл

за собой дверь. В шраме пульсировала боль.

Рона и Гермиону он нашел в библиотеке — они трудились над громоздким домашним заданием Амбридж. Небо за окнами темнело. Остальные ученики, большей частью пятикурсники, сидели под лампами, уткнувшись носом в учебники, и лихорадочно царапали перьями. Их скрипу вторил скрип одной туфли мадам Пинс — библиотекарша ходила между столами, угрожающе дыша в затылки, склоненные над ее драгоценными книгами.

Гарри познабливало, шрам все еще болел, состояние было такое, как будто начиналась лихорадка. Сев напротив друзей, он увидел свое отражение в окне: лицо бледное, шрам заметнее, чем обычно.

— Как прошло? — шепотом спросила Гермиона и тут же с озабоченным видом: — Ты как себя чувствуешь?

— Хорошо… не знаю. — Гарри поморщился, шрам опять задергало. — Слушай, я кое-что сообразил…

И он рассказал им о том, что увидел в кабинете у Снегга и что из этого вывел.

— Так ты говоришь… — прошептал Рон, потому что мимо со скрипом прошла мадам Пинс, — это

оружие, за которым гоняется Сам-Знаешь-Кто, оно в Министерстве магии?

— В Отделе тайн, должно быть, там, — шепотом ответил Гарри. — Я видел эту дверь, когда твой отец вел меня вниз на слушание — ее он и охранял, когда на него напала змея.

Гермиона глубоко, протяжно вздохнула.

— Ну конечно.

— Что «конечно»? — нетерпеливо спросил Рон.

— Ты сам подумай… Стерджис Подмор пытался проникнуть за секретную дверь в Министерстве магии… должно быть, за эту самую. Не слишком ли много совпадений?

— Зачем Стерджису туда понадобилось, если он на нашей стороне? — сказал Рон.

— Тоже не понимаю, — призналась Гермиона. — Это немного странно…

— Так что там, в Отделе тайн? — спросил Гарри у Рона. — Отец тебе никогда не говорил?

— Знаю только, что людей, которые там работают, прозвали невыразимцами. — Рон нахмурился. — По-моему, никто не знает, чем они занимаются. Странное место, чтобы держать там оружие.

— Ничего не странное. Самое подходящее, — сказала Гермиона. — Наверное, в Министерстве

разрабатывают что-то сверхсекретное, так я думаю… Гарри, ты правда не заболел?

Гарри в это время сильно провел обеими ладонями по лбу, словно пытаясь его разгладить.

— Нет… все нормально. — Гарри опустил руки, они дрожали. — Просто немного… Мне не очень понравилась окклюменция.

— Думаю, любой бы ослаб, если в его ум вторгаются раз за разом, — посочувствовала Гермиона. — Давайте пойдем в гостиную, там все-таки уютнее.

Но в гостиной было полно народу, раздавался громкий смех: Фред и Джордж демонстрировали новейший товар своего магазина розыгрышей.

— Безголовая! Шляпа! — выкрикивал Джордж, а Фред размахивал остроконечной шляпой, украшенной розовым пышным пером. — Два галеона штука! Следите за Фредом.

Сияющий Фред нахлобучил ее на голову. Первую секунду у него был просто глупый вид; затем и шляпа, и голова исчезли.

Несколько девочек вскрикнули, остальная публика разразилась хохотом.

— А теперь снимаем! — объявлял Джордж, и рука Фреда шарила в воздухе над плечом, после чего в ней появлялась шляпа, а на плечах — голова.

— А как эти шляпы действуют? — заинтересовалась Гермиона, оторвавшись от своего урока. — Понятно, что это какие-то чары невидимости, но интересно, что они распространяются за границы заколдованного объекта… Думаю, эти чары не долговременного действия.

Гарри не ответил, ему нездоровилось.

— Пожалуй, займусь этим завтра. — Он запихнул только что вынутые книги обратно в сумку.

— Тогда запиши в свой планировщик домашних заданий. Чтобы не забыть! — посоветовала Гермиона.

Друзья переглянулись, Гарри залез в сумку, достал планировщик и неуверенно раскрыл.

— Все на завтра отложил — понапрасну день прожил! — наставительно пропела книжечка, когда Гарри стал записывать домашнее задание Амбридж. Гермиона ликовала.

— Пойду-ка спать, — сказал Гарри и засунул планировщик в сумку, решив, что при первом же удобном случае надо отправить его в камин.

Он прошел через гостиную, увильнул от Джорджа, попытавшегося надеть на него Безголовую шляпу, и наконец-то очутился один на тихой прохладной лестнице в спальню. Его тошнило, как в ту ночь, когда приснилась змея. Но если

лечь, думал он, может быть, все пройдет.

Он открыл дверь спальни, сделал шаг, и его пронзила такая боль, как будто ему раскроили череп. Он не понимал, где он, стоит он или лежит, не помнил даже своего имени.

В ушах у него гремел маниакальный смех… давно уже он не был так счастлив… он торжествовал, он был в восторге… произошло нечто чудесное, чудесное…

— Гарри? ГАРРИ!

кто-то ударил его по лицу. Сквозь безумный смех прорвался крик боли. Радость покидала его, но смех продолжался.

Он открыл глаза и понял, что этот дикий смех вырывался из его рта. И как только понял, смех прекратился.

Гарри лежал на полу, тяжело дыша, и смотрел в потолок; шрам на лбу горел невыносимо. Над ним склонился испуганный Рон.

— Что случилось?

— Не знаю… — выдохнул Гарри и сел. — Он счастлив… просто счастлив…

— Тот-Кого-Нельзя-Называть?

— Произошло что-то хорошее, — пролепетал Гарри. Его трясло, как после видения змеи и мистера Уизли, и ужасно тошнило. — На что он

надеялся.

Так же как в раздевалке Гриффиндора, эти слова вырвались у него помимо воли, как будто его устами говорил посторонний, но он знал, что это — правда. Он делал глубокие вздохи, чтобы его не стошнило на Рона. И радовался, что на этот раз его хотя бы не видят Симус и Дин.

— Гермиона попросила пойти посмотреть, как ты, — тихо сказал Рон, помогая ему встать. — Говорит, твои защитные силы сейчас на спаде — после того как Снегг покопался в твоем сознании… Но, думаю, потом это принесет пользу, а?

Он с сомнением посмотрел на Гарри и подвел его к кровати. Гарри неуверенно кивнул и повалился на подушки. Шрам еще покалывало, все тело болело — многочисленные падения дали себя знать. Он не мог не чувствовать, что первый опыт окклюменции не укрепил его сопротивляемость, а, наоборот, ослабил, и с большой тревогой спрашивал себя, что же такое могло произойти, если за четырнадцать лет Волан-де-Морт еще ни разу не был так счастлив.

Глава 25

ЖУК НА НИТОЧКЕ

Ответ был получен на следующее же утро. Когда пришел «Ежедневный пророк» Гермионы, она развернула его, посмотрела на первую полосу и ойкнула так, что обернулись все, сидевшие неподалеку.

— Что? — спросили в один голос Рон и Гарри.

Вместо ответа она положила газету перед ними и показала на десять черно-белых фотографий, занявших всю первую полосу; на девяти — лица волшебников, на десятой — ведьма. Одни безмолвно скалились, другие нагло барабанили пальцами по рамкам своих фотографий. Под каждой значилось имя и преступление, за которое этот человек был посажен в Азкабан.

«Антонин Долохов, — гласила подпись под фотографией волшебника с длинной, бледной, искривленной физиономией, насмешливо смотревшего на Гарри. — *Осужден за зверское убийство Гидеона и Фабиана Пруэттов».*

«Август Руквуд, — значилось под изображением рябого мужчины с жирными волосами,

который стоял со скучающим видом, прислонясь к краю фотографии. — *Осужден за передачу секретных сведений Министерства магии Тому-Кого-Нельзя-Называть».*

Но внимание Гарри было приковано к ведьме. Она бросилась ему в глаза, как только перед ними положили газету. Длинные нечесаные волосы — в прошлый раз, когда он ее видел, они были густые и блестящие. Она смотрела на него из-под тяжелых век, на тонких губах играла надменная улыбка. Как и Сириус, она сохранила остатки былой красоты, хотя время или Азкабан сильно над ней поработали.

«Беллатриса Лестрейндж, осуждена за пытки, нанесшие непоправимый вред здоровью Фрэнка и Алисы Долгопупс».

Гермиона толкнула Гарри локтем и показала на заголовок над фотографиями, которого Гарри, вперившись в Беллатрису, не успел прочесть.

МАССОВЫЙ ПОБЕГ ИЗ АЗКАБАНА МИНИСТЕРСТВО ОПАСАЕТСЯ, ЧТО «ДУША ЗАГОВОРА» СТАРЫХ ПОЖИРАТЕЛЕЙ СМЕРТИ — БЛЭК

— Блэк? — громко сказал Гарри. — Откуда?..

— Тс-с! — шепнула Гермиона. — Тихо. Читай

про себя!

Вчера поздно вечером Министерство магии сообщило, что из Азкабана совершен массовый побег.

В ходе беседы с репортерами у себя в кабинете министр магии Корнелиус Фадж подтвердил, что несколько часов назад из камер строгого содержания совершили побег десять заключенных, о чем, ввиду особой опасности беглецов, он уже проинформировал премьер-министра маглов.

— К великому сожалению, повторилась ситуация, с которой мы столкнулись два с половиной года назад, когда из тюрьмы бежал убийца Блэк, — заявил вчера вечером Фадж. — И между этими происшествиями нельзя не усмотреть взаимосвязи. Побег подобного масштаба предполагает помощь извне, и следует помнить, что Блэк, первым в истории вырвавшийся из Азкабана, идеально подходит для роли такого помощника. Мы считаем весьма вероятным, что бежавшие преступники, в числе которых кузина Блэка Беллатриса Лестрейндж,

группировались вокруг своего вожака Блэка. Тем не менее мы прилагаем все силы к задержанию преступников и просим волшебное сообщество проявлять бдительность и осторожность. Ни в коем случае нельзя приближаться к этим лицам.

— Вот тебе и разгадка, Гарри, — сказал потрясенный Рон. — Вот почему он вчера так радовался.

— Поверить не могу, — сказал Гарри. — Фадж винит в побеге Сириуса.

— А что ему остается? — с горечью спросила Гермиона. — Сказать: «Извините, господа, Дамблдор предупреждал меня, что это может случиться — стража Азкабана переметнулась к лорду Волан-де-Морту (перестань ойкать, Рон)... а теперь на свободе и самые опасные его союзники»? Понимаете, он полгода твердил, что ты и Дамблдор — лжецы.

Она перевернула страницу и стала читать дальше, а Гарри окинул взглядом Большой зал. Он не мог понять, почему не испуганы и не обсуждают эту ужасную новость все остальные, но на самом деле очень немногие получали газету ежедневно, как Гермиона. Болтают о домашних заданиях, о

квиддиче и неизвестно еще о какой ерунде, когда за этими стенами к воинству Волан-де-Морта присоединились еще десять Пожирателей смерти.

Он посмотрел на преподавательский стол. Тут картина была совсем другая. Дамблдор был поглощен разговором с МакГонагалл, у обоих озабоченные лица. Профессор Стебль, подперев «Пророк» бутылкой кетчупа, читала первую полосу с такой сосредоточенностью, что не замечала, как с ее ложки, застывшей в воздухе, капает на колени яичный желток. А на дальнем конце стола профессор Амбридж поедала овсянку. Раз в кои веки ее выпученные жабьи глаза не обшаривали зал в поисках нарушителей дисциплины. Насупясь, она метала в рот ложку за ложкой и время от времени злобно поглядывала на занятых беседой Дамблдора и МакГонагалл.

— Кошмар, — сказала Гермиона, продолжавшая читать газету.

— Что еще? — встрепенулся Гарри. — Нервы у него были напряжены.

— Это ужасно. — Гермиона сложила газету на десятой странице и пододвинула к Гарри и Рону.

ТРАГИЧЕСКАЯ
КОНЧИНА МИНИСТЕРСКОГО РАБОТНИКА

Больница святого Мунго пообещала вчера вечером провести детальное расследование обстоятельств гибели сорокадевятилетнего Бродерика Боуда, сотрудника Министерства магии, задушенного в своей постели «комнатным» растением. Вызванные на место происшествия целители не смогли вернуть его к жизни. Мистер Боуд пострадал от несчастного случая на рабочем месте за несколько недель до смерти.

Целительница Мириам Страут, дежурившая по палате во время этого происшествия, отстранена от работы с сохранением содержания и была недоступна для журналистов, однако представитель больницы заявил:

— Больница глубоко сожалеет о смерти мистера Боуда, уже поправлявшегося перед этим трагическим происшествием.

У нас установлены строгие правила касательно украшения палат, но, по предварительным данным, целительница Страут, перегруженная работой в связи с Рождеством, не обратила внимания на опасный характер растения на тумбочке

мистера Боуда. Поскольку речь и подвижность у мистера Боуда уже восстанавливались, целительница Страут доверила ему уход за растением, упустив из виду, что это не невинная цветокрылка, а отросток дьявольских силков. При первом же прикосновении к нему растение моментально задушило выздоравливавшего мистера Боуда.

Больница пока не может объяснить, каким образом растение оказалось в палате, и просит всех волшебников и волшебниц, располагающих какой-либо информацией, сообщить об этом.

— Боуд… — сказал Рон. — что-то знакомое…

— Мы его видели, — прошептала Гермиона. — В больнице, помнишь? Кровать напротив Локонса — он лежал и смотрел в потолок. И видели, как принесли дьявольские силки. Она — целительница — сказала, что это рождественский подарок.

Гарри еще раз посмотрел на статью. Ужас сжимал ему горло.

— Как это мы не узнали дьявольские силки? Мы ведь видели их раньше… могли помешать…

— Кто же думал, что дьявольские силки по-

явятся в больнице под видом комнатного растения? — сказал Рон. — Это не мы виноваты, а тот тип, что их прислал. Тоже мне, лопух — не видит, что покупает.

— Да ну тебя, Рон, — дрожащим голосом сказала Гермиона. — Не верю я, что кто-то сажал дьявольские силки в горшок и не знал, что они стараются удавить всякого, кто прикоснется. Это… это было убийство… притом хитроумное. Если растение прислано анонимно, как узнать, кто это сделал?

Но Гарри думал не о дьявольских силках. Он вспоминал, как они спускались в лифте на девятый уровень Министерства в день слушания и на уровне атриума в лифт вошел мужчина с землистым лицом.

— Я знаю Боуда, — медленно сказал он. — Мы с твоим отцом встретили его в Министерстве.

У Рона округлились глаза.

— Я помню, отец говорил о нем дома! Он был невыразимец, он работал в Отделе тайн!

С минуту они глядели друг на друга, потом Гермиона притянула к себе газету, закрыла ее, свирепо посмотрела на первую страницу с портретами беглых Пожирателей смерти и вскочила.

— Ты куда? — опешил Рон.

— Отправить письмо. — Гермиона вскинула

сумку на плечо. — Не знаю, получится ли… но надо попробовать… а кроме меня, некому.

— Терпеть не могу, когда она себя так ведет, — проворчал Рон. Они тоже направились к выходу из Большого зала, только не так быстро. — Умрет, что ли, если скажет, в чем дело? Ну, потеряла бы десять секунд… А-а, Хагрид.

Хагрид стоял у двери в вестибюль, дожидаясь, когда пройдет толпа когтевранцев. Он по-прежнему был в кровоподтеках, как в день возвращения из командировки к великанам, а на переносице у него красовалась свежая рана.

— Как жизнь, приятели? — спросил он, причем вместо улыбки у него получилась болезненная гримаса.

— А ты как, Хагрид? — спросил Гарри, шагая рядом с ним через вестибюль к парадной двери.

— Хорошо, хорошо, — ответил Хагрид с наигранной веселостью; он помахал рукой, едва не контузив проходившую мимо профессора Вектор. — Всё дела, понимаешь… к занятиям готовиться… у пары саламандр чешуйная парша… у меня испытательный срок.

— У тебя испытательный срок? — громким голосом переспросил Рон, так что многие ребята с любопытством обернулись. — Извини… Правда

испытательный срок? — повторил он шепотом.

— Да… Правду сказать, я другого не ждал. Вы, может, не заметили — инспекция-то не больно хорошо прошла… вот как, значит… — Он тяжело вздохнул. — Пойду-ка натру этих саламандр красным перчиком, не то, глядишь, и хвосты отвалятся. Пока, ребятки.

Он вышел в дверь, спустился с каменной лестницы и зашагал по мокрому лугу. Гарри смотрел ему вслед и думал, хватит ли у него сил перенести хотя бы еще одну плохую новость.

* * *

Известие о том, что Хагрид оставлен с испытательным сроком, разнеслось по всей школе, но, к возмущению Гарри, почти никто не расстроился, а некоторые — и в первую голову, конечно, Драко Малфой — просто обрадовались. Что же до диковинной смерти какого-то министерского служащего в больнице святого Мунго, то знали о ней и были огорчены, кажется, только они трое. Разговоры в коридорах были только об одном: о десяти сбежавших Пожирателях смерти — новость распространили те немногие, кто читал газеты. Поползли слухи, что кое-кто из беглых замечен в Хогсмиде, что они прячутся в Визжащей

хижине и намерены прорваться в Хогвартс, как когда-то Сириус Блэк.

Ребята, выросшие в семьях волшебников, с детства знали имена этих Пожирателей смерти — их произносили почти с таким же страхом, как имя самого Темного Лорда; преступления их, совершенные в годы волан-де-мортовского террора, стали легендой. А по коридорам Хогвартса ходили юные родственники их жертв, и теперь на них падали вовсе нежеланные отсветы их мрачной славы. Сьюзен Боунс, чьи дядя, тетя и двоюродные братья пали от руки одного из злодеев, с горечью сказала на уроке травологии, что теперь она поняла, каково оказаться на месте Гарри.

— Не знаю, как ты с этим живешь. Это ужас, — выпалила она, подсыпая слишком много драконьего навоза саженцам визгоперки, отчего они недовольно запищали и заерзали.

Да и Гарри снова стал предметом повышенного внимания и оживленных пересудов в коридорах, правда, в интонациях шептунов он уловил некоторую перемену. Теперь в них слышалось любопытство, а не враждебность, и несколько раз до него долетели обрывки разговоров, из которых явствовало, что ребят не устраивает версия «Пророка» насчет того, как и почему удалось

Пожирателям смерти вырваться из крепости Азкабан. Недоумение и страх вынуждали этих усомнившихся обратиться к единственному объяснению, которое было им доступно, — к тому, о чем твердили с прошлого года Гарри и Дамблдор.

Изменилось не только настроение учеников. То и дело можно было встретить в коридорах двух-трех профессоров, шепотом ведущих напряженную беседу, — завидя приближающихся учеников, они немедленно ее обрывали.

— Должно быть, больше не могут свободно разговаривать в учительской, — тихо сказала Гермиона, когда они втроем прошли мимо стоявших тесной группой перед кабинетом заклинаний МакГонагалл, Флитвика и Стебль. — Если там Амбридж.

— Думаете, они узнали что-то новое? — спросил Рон, оглянувшись на трех профессоров.

— Если и узнали, мы об этом не услышим, — сердито сказал Гарри. — После этого декрета — какой там у него номер?..

Дело в том, что после побега из Азкабана на доске объявлений появилось такое:

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО ИНСПЕКТОРА ХОГВАРТСА

Преподавателям запрещается сообщать ученикам информацию, не относящуюся непосредственно к предмету, для обучения которому они наняты.

Основание*: Декрет об образовании№ 26.*

Подписано: Долорес Джейн Амбридж, генеральный инспектор.

Этот последний декрет стал предметом многочисленных шуток. Ли Джордан указал Амбридж, что в соответствии с новым правилом она не вправе выгонять Фреда и Джорджа из класса за то, что они играли сзади со взрыв-кусачкой.

— Профессор, взрыв-кусачка не связана с защитой от Темных искусств. Эта информация не имеет отношения к вашему предмету.

Когда Гарри увидел Джордана в следующий раз, рука у того сильно кровоточила. Гарри порекомендовал настойку растопырника.

Гарри думал, что после побега преступников из Азкабана Амбридж чуточку присмиреет, смутится оттого, что это безобразие случилось под самым носом у ее возлюбленного Фаджа. Но нет, это как будто только утвердило ее в неистовом желании взять под свой контроль все стороны

жизни Хогвартса. Она была полна решимости уволить в скором времени, как минимум, одного преподавателя; вопрос состоял только в том, кого первого — профессора Трелони или Хагрида.

Каждое занятие по прорицаниям и уходу за магическими существами проходило теперь в присутствии Амбридж и ее блокнота. Она маячила у камина в пропахшей благовониями комнате на башне, прерывала становившиеся все более истерическими вещания Трелони трудными вопросами о птицегадании и гептомологии, требовала, чтобы Трелони предсказала ответ ученика до того, как он ответит, требовала, чтобы та продемонстрировала свое умение работать с хрустальным шаром, гадать на кофейной гуще или по рунам. Гарри думал, что Трелони скоро сломается под этим давлением. Несколько раз он встречал ее в коридорах — что само по себе было необычно, ибо профессор предпочитала сидеть у себя в башне, — и Трелони что-то лихорадочно бормотала, заламывала руки и испуганно оглядывалась через плечо, издавая при этом сильный запах кулинарного хереса. Если бы он не так беспокоился за Хагрида, то пожалел бы ее, но уж коли одному из них быть выгнанным, то кому остаться — такого вопроса для Гарри не

существовало.

К сожалению, нельзя было сказать, что Хагрид на уроках выглядит убедительнее Трелони. Правда, он последовал совету Гермионы и не показывал им никого более страшного, чем шишуга (существо, не отличимое от терьера Джека Рассела, если не считать раздвоенного хвоста), — видимо, к Рождеству и у него сдали нервы. На занятиях он был непривычно рассеян и взвинчен, то и дело терял нить рассуждений, на вопросы учеников отвечал невпопад и все время тревожно оглядывался на Амбридж. Кроме того, он стал держаться отчужденнее с Гарри, Роном и Гермионой и прямо запретил им приходить к нему после наступления темноты.

— Если она вас поймает, нам всем крышка, — сказал он им без обиняков, и, не желая ставить его под удар, они перестали ходить к нему по вечерам в гости.

Гарри видел, что Амбридж постепенно лишает его всего, ради чего стоило жить в Хогвартсе: общения с Хагридом, писем Сириуса, «Молнии» и квиддича. Отыграться он мог только одним способом — удвоенным усердием на занятиях ОД.

Он с радостью замечал, что известие о побеге десяти Пожирателей смерти прибавило рвения

всем членам отряда, даже Захарии Смиту. Но ни на ком это не сказалось так сильно, как на Невилле. Известие о том, что палачи его родителей гуляют на свободе, вызвало в нем странную и даже пугающую перемену. Он ни разу не упомянул о своей встрече с Гарри, Роном и Гермионой в изоляторе больницы святого Мунго, и они, следуя его примеру, тоже помалкивали. Ни словом не обмолвился он и о побеге Беллатрисы Лестрейндж с сообщниками. Теперь он вообще почти не разговаривал на сборах ОД и неутомимо отрабатывал каждое заклятие и контрзаклятие, с которыми знакомил их Гарри, — закусив губу от усердия, не обращая внимания на осечки и ушибы. Успехи он делал стремительные. Когда Гарри преподал им Щитовые чары — способ отражать несильные заклятия так, чтобы они отскакивали в самого нападающего, — быстрее Невилла ими овладела только Гермиона.

Гарри много бы отдал за то, чтобы так же преуспеть в окклюменции, как Невилл на занятиях ОД. Уроки у Снегга, начавшиеся столь неудачно, в лучшую сторону не изменились. Наоборот, он чувствовал, что с каждым уроком слабеет.

До того, как он начал учиться окклюменции, шрам дергало изредка, обычно по ночам или

когда до него доходили вспышками настроения и мысли Волан-де-Морта. Теперь эти подергивания сделались почти постоянными, и часто им овладевали приступы раздражения или веселья, никак не связанные с тем, что происходило с ним на самом деле; всякий раз при этом шрам обжигало болью. У него было отвратительное чувство, что он превращается в антенну, настроенную на тончайшие смены настроения Волан-де-Морта, и он не сомневался, что чувствительность эта начала расти с первого же урока окклюменции у Снегга. Мало того — теперь ему каждую ночь снилось, как он идет по коридору ко входу в Отдел тайн, и сон завершался тем, что он мучительно хочет проникнуть за эту голую черную дверь.

— Может быть, это вроде болезни, — сказала Гермиона, озабоченно глядя на него, когда он поделился своими страхами с ней и Роном. — Как лихорадка. Сначала должно стать хуже, чтобы потом отпустило.

— От уроков со Снеггом становится только хуже, — твердо сказал Гарри. — Мне надоело, что шрам болит, осточертело ходить каждую ночь по этому коридору. — Он сердито потер лоб. — Хоть бы дверь эта открылась. Надоело торчать перед ней и глазеть.

— Не выдумывай. Дамблдор хочет, чтобы тебе перестала сниться эта дверь, иначе не велел бы Снеггу учить тебя окклюменции. Просто надо больше стараться.

— Я стараюсь! — обозлился Гарри. — Попробовала бы сама разок… Снегг лезет тебе в мозги — то еще удовольствие!

— А что, если… — медленно проговорил Рон.

— Что — «если»? — вскинулась Гермиона.

— Если не Гарри виноват, что не может закрыться, — мрачно пояснил Рон.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Гермиона.

— Ну, может, Снегг вовсе не хочет помочь Гарри…

Гарри и Гермиона уставились на него. Рон мрачно и со значением посмотрел на Гарри, потом на нее.

— Может, — он понизил голос, — Снегг на самом деле хочет еще больше раскрыть сознание Гарри — облегчить Сами-Знаете…

— Замолчи, Рон, — сказала Гермиона. — Сколько раз ты подозревал Снегга, и хоть раз оказался прав? Дамблдор ему доверяет, он работает для Ордена, этого достаточно.

— Он был Пожирателем смерти, — уперся

Рон. — Где доказательства, что он в самом деле перешел на нашу сторону?

— Дамблдор ему доверяет, — повторила Гермиона. — И если мы не можем верить Дамблдору, тогда мы никому не можем верить.

* * *

За всеми этими тревогами и делами — домашними заданиями, которых наваливали столько, что пятикурсники засиживались за полночь, тайными собраниями ОД и регулярными уроками у Снегга — январь пролетел незаметно. Гарри оглянуться не успел, как наступил февраль с сырыми оттепелями и перспективой второй за год вылазки в Хогсмид. С тех пор как Гарри условился с Чжоу о встрече в деревне, им редко удавалось поговорить. И вот предстояло провести весь Валентинов день в ее обществе.

Утром четырнадцатого февраля Гарри оделся с особой тщательностью. Они с Роном пришли на завтрак как раз к прилету почтовых сов. Букли среди них не было — да он ее и не ждал, — зато Гермиона выдергивала какое-то письмо из клюва незнакомой бурой совы.

— Очень вовремя. Если бы сегодня не пришло… — Она нетерпеливо разорвала конверт

и вынула клочок пергамента. Глаза ее бегали взад и вперед по листку, и на лице постепенно проступало хмурое удовлетворение. Она подняла глаза на Гарри. — Слушай, это очень важно. Можешь со мной встретиться в «Трех метлах» около полудня?

— Да не знаю, — нерешительно сказал он. — Чжоу, наверное, рассчитывала, что я весь день проведу с ней. Мы не договаривались, что будем делать.

— Ну, раз так, и ее возьми. Но ты придешь?

— Хорошо, ладно. А что такое?

— Сейчас некогда объяснять. Надо срочно ответить. — И с письмом в одной руке и тостом в другой она выбежала из Большого зала.

— А ты пойдешь? — спросил Гарри у Рона.

Тот уныло покачал головой:

— Я вообще не могу пойти. Анджелина хочет весь день тренироваться. Как будто это поможет. Хуже нашей команды я ничего не видел. Ты бы посмотрел на Слоупера и Керка — жалкое зрелище, еще хуже меня. — Он тяжело вздохнул. — Не понимаю, почему Анджелина меня держит?

— Когда ты в форме, ты хорошо играешь, вот почему.

Трудно было сочувствовать горю Рона, когда

сам он отдал бы все на свете, чтобы сыграть в предстоящем матче с Пуффендуем. Рон, должно быть, понял его состояние, потому что до конца завтрака о квиддиче больше не заговаривал, и распрощались они суховато. Рон отправился в раздевалку стадиона, а Гарри попытался пригладить волосы, глядя на себя в перевернутую чайную ложку, после чего проследовал в вестибюль, где должен был встретиться с Чжоу. Шел он с некоторым замиранием сердца, ибо не знал, о чем ему говорить с Чжоу.

Она ждала его сбоку от дубовых дверей, очень хорошенькая, с забранными в конский хвост волосами. Собственные ноги вдруг показались ему непомерно большими, и он с ужасом представил себе, как комично выглядят его руки, болтающиеся вдоль боков.

— Привет, — сказала Чжоу, как бы слегка запыхавшись.

— Привет.

Несколько секунд они смотрела друг на друга, потом Гарри сказал:

— Ну что, пойдем?

— Пойдем.

Они встали в очередь к Филчу, который отмечал уходивших. Время от времени они переглядыва-

лись, обменивались беглыми улыбками, но не разговаривали. Когда наконец вышли на воздух, Гарри с облегчением вздохнул — гораздо легче было молчать на ходу, чем стоя в очереди, когда чувствуешь себя нелепо. День был свежий, ветреный. Когда проходили мимо стадиона, Гарри увидел летающих над трибунами Рона и Джинни, и ему стало больно оттого, что он не может быть с ними.

— Очень скучаешь по игре? — спросила Чжоу.

Он повернулся и увидел, что она внимательно смотрит на него.

— Да. — Он вздохнул. — Очень.

— Помнишь, как мы первый раз играли друг против друга на третьем курсе?

— Да, — с улыбкой сказал Гарри. — Ты все время меня преследовала.

— А Вуд крикнул тебе: «Не время быть джентльменом! Сбрось ее с метлы, если надо!» — тоже улыбаясь, сказала Чжоу. — Я слышала, его взяли в «Первенцы Портри», это правда?

— Нет, в «Паддлмир Юнайтед». Я видел его в прошлом году на первенстве мира.

— О, я тебя тоже видела, помнишь? Мы жили в одном лагере. Хорошо было, да?

Тема мирового первенства растянулась на всю

дорогу, до самых ворот. Гарри только удивлялся, до чего легко с ней разговаривать — не труднее, чем с Роном и Гермионой, и уже успокоился, повеселел, как вдруг их обогнала целая стайка слизеринских девочек, среди них — Пэнси Паркинсон.

— Поттер и Чанг, — завопила Пэнси, и в ответ раздался издевательский смех остальных. — Фу, Чанг, я думала, ты разборчивее… Диггори хотя бы выглядел ничего себе!

Они промчались дальше, преувеличенно громко болтая и вскрикивая, и все время оглядывались на Гарри и Чжоу, которые смущенно замолчали. Гарри не знал, что бы еще сказать о квиддиче, а Чжоу, слегка покраснев, смотрела под ноги.

— Куда ты хочешь пойти? — спросил Гарри, когда они миновали ворота.

По Верхней улице прогуливались ученики, заглядывали в витрины, кучками собирались на тротуарах. Чжоу пожала плечами.

— Не знаю… Может, походим по магазинам?

Они дошли до «Дэрвиша и Бэнгса». В витрине был вывешен большой плакат, и его разглядывали несколько местных жителей. Когда подошли Гарри и Чжоу, они отодвинулись в сторону, и Гарри снова увидел портреты десяти беглых

Пожирателей смерти. На плакате «Приказом Министерства магии» назначалось вознаграждение в тысячу галеонов волшебнику или волшебнице, давшим сведения, ведущие к поимке любого из разыскиваемых преступников.

— Странно, — тихим голосом сказала Чжоу, глядя на портреты Пожирателей смерти, — помнишь, когда сбежал Сириус Блэк, его по всему Хогсмиду искали дементоры? А теперь на волю вырвались десять Пожирателей смерти, и никаких дементоров в помине нет…

— Да, — сказал Гарри, с трудом оторвав взгляд от лица Беллатрисы Лестрейндж и озирая Верхнюю улицу. — Да, чудно.

Он не жалел, что дементоров рядом нет, но их отсутствие, если подумать, было весьма знаменательно. Пожирателей смерти не только упустили, но и разыскивают не слишком рьяно… Похоже, дементоры уже не подчиняются Министерству.

Десять беглых Пожирателей смерти глядели из каждой витрины на их пути. Когда Гарри и Чжоу поравнялись с магазином Писарро, пошел дождь, холодные тяжелые капли зашлепали по лицу и затылку. Дождь усиливался, и Чжоу неуверенно спросила:

— Не хочешь выпить кофе?

— Давай, — сказал Гарри и огляделся. — А где?

— Тут подальше есть славное место. Ты никогда не был у мадам Паддифут?

По переулку Чжоу привела его к маленькому кафе — раньше Гарри его не замечал. Оно оказалось тесным и полным пара, и все было украшено какими-то оборочками и бантиками. Это неприятно напомнило ему кабинет Амбридж.

— Правда, мило? — сказала радостная Чжоу.

— А… да, — неискренне согласился Гарри.

— Видишь, она украсила его к Валентинову дню! — Чжоу показала на золотых херувимчиков, паривших над каждым круглым столиком и время от времени сыпавших на посетителей конфетти.

— О-о-о…

Они заняли последний свободный столик возле запотевшего окна. В каком-нибудь шаге от них сидел с хорошенькой блондинкой Роджер Дэвис, капитан когтевранской команды по квиддичу. Они держались за руки. При виде их Гарри почувствовал себя неловко, тем более когда, оглядевшись кругом, увидел, что все кафе занято только парочками — и все держатся за руки. Может быть, и Чжоу ждет, чтобы он взял ее за руку?

— Чем мне вас угостить, мои дорогие? — с

трудом протиснувшись между их столиком и столиком Роджера Дэвиса, спросила миссис Паддифут, очень полная женщина с черными блестящими волосами, собранными в узел.

— Два кофе, пожалуйста, — сказала Чжоу.

Пока им готовили кофе, Роджер Дэвис и его девушка начали целоваться над сахарницей. Гарри предпочел бы, чтобы они обошлись без этого: получалось так, что Дэвис подает пример, и Чжоу, вероятно, ждет, когда Гарри ему последует. Он почувствовал, что в лицо ему бросилась кровь, и попробовал смотреть в окно, но сквозь запотевшее стекло улицу не было видно. Чтобы оттянуть момент, когда придется посмотреть на Чжоу, он уставился на потолок, как бы изучая качество окраски, и получил в лицо заряд конфетти от херувима.

Так прошло несколько мучительных минут, и наконец Чжоу сказала что-то об Амбридж. Гарри с облегчением ухватился за эту тему, и они с удовольствием поругали профессора, но длилось это недолго — тема была исхожена вдоль и поперек на собраниях ОД. Снова наступило молчание. Чмоканье за соседним столом очень беспокоило слух Гарри, и он лихорадочно придумывал, что бы еще сказать.

— Слушай, хочешь сходить со мной в «Три метлы» к обеду? У меня там встреча с Гермионой Грэйнджер.

Чжоу подняла брови:

— Встреча с Гермионой Грэйнджер? Сегодня?

— Да. Она меня попросила, и я пообещал. Хочешь пойти со мной? Она сказала, можем прийти вместе.

— А… ну что ж… очень мило с ее стороны.

Но, судя по тону, ничего милого Чжоу в этом не находила. Реплика ее прозвучала холодно, и она вмиг посуровела.

Еще несколько минут прошло в полном молчании. Гарри так быстро пил кофе, что скоро должна была потребоваться новая чашка. А рядом Роджер Дэвис и его девушка как будто склеились губами.

Рука Чжоу лежала на столе около чашки, и Гарри все сильнее хотелось взяться за нее. «Возьмись же, — говорил он себе, ощущая прилив возбуждения, смешанного с паникой, — протяни руку и возьмись». Удивительно, насколько труднее было протянуть руку через столик и дотронуться до ее руки, чем поймать на лету стремительный снитч.

Но только его рука поползла по столу, как Чжоу убрала свою. Теперь она с вежливым интересом

наблюдала за тем, как Роджер Дэвис целуется со своей подружкой.

— Знаешь, он меня приглашал, — тихо сказала она. — Недели две назад. Роджер. Но я отказалась.

Гарри, схватившись за сахарницу, чтобы както оправдать продвижение своей руки вперед, недоумевал, зачем она говорит ему об этом. Если жалеет, что сидит сейчас не за соседним столом и не ее целует Роджер, почему согласилась пойти с ним?

Он ничего не сказал. Херувимчик бросил в них еще горсть конфетти, и часть их попала в чашку с остатками кофе, который Гарри как раз собирался допить.

— В прошлом году я была здесь с Седриком, — сказала Чжоу.

Смысл ее слов дошел до него не сразу, а, может быть, через секунду, но за это время он весь похолодел. Невероятно: она хочет говорить о Седрике, когда вокруг целуются парочки и над головами порхают херувимы.

Чжоу снова заговорила, на этот раз громче:

— Я давно хотела тебя спросить… Седрик… он вспоминал меня перед смертью?

Меньше всего на свете хотелось ему обсуждать

эту тему, в особенности с Чжоу.

— Нет… — тихо сказал он. — Там… тогда… он вообще не успел ничего сказать… А ты… в каникулы… ну… собираешься ходить на квиддич? Ты ведь болеешь за «Торнадос», да?

Он сам слышал, как фальшиво звучит его бодрый голос. И с ужасом увидел, что глаза ее наполнились слезами, в точности как тогда, после собрания ОД накануне Рождества.

— Знаешь, — с отчаянием сказал он, подавшись к ней, чтобы никто не услышал, — давай не будем сейчас говорить о Седрике… давай поговорим о чем-нибудь другом.

Но это, очевидно, была неправильная просьба.

— Я думала, — сказала она, и слезы пролились уже на стол, — ты по… поймешь! Мне надо говорить об этом! И тебе ведь… тебе тоже надо! Ты видел, как это произошло… ведь правда?

Получался какой-то кошмар, все шло не так, как надо. Девушка Роджера Дэвиса даже отлепилась от него, чтобы оглянуться на плачущую Чжоу.

— Ну… я говорил об этом, — шепотом ответил Гарри, — с Роном и Гермионой говорил, но…

— Ты говоришь с Гермионой Грэйнджер — ну как же! — Голос ее зазвучал пронзительно, и лицо блестело от слез.

Еще несколько целующихся пар распались, чтобы поглядеть на них.

— А со мной не хочешь говорить! М-м… может, лучше, если мы сейчас… сейчас расплатимся и ты пойдешь к Г-Гермионе Грэйнджер, раз тебе так надо!

Гарри в полной растерянности смотрел, как она берет оборчатую салфетку и промокает залитое слезами лицо.

— Чжоу! — сказал он умоляющим тоном. Ему очень хотелось, чтобы Роджер снова обнял и поцеловал свою девушку и она перестала на них пялиться.

— Ну так иди! — сказала Чжоу. Теперь она плакала в салфетку. — Не понимаю, зачем ты вообще меня пригласил, если после меня назначил другим свидание… Скольким еще после Гермионы?

— Да не в этом дело! — поняв наконец причину ее обиды, он почувствовал такое облегчение, что даже рассмеялся. И уже через секунду увидел, что это тоже было ошибкой. Но поздно.

Чжоу вскочила. Все в комнате умолкли и повернулись к ним.

— Всего хорошего, Гарри, — драматически произнесла она, после чего, слегка икая, ринулась к двери, распахнула ее и выскочила под пролив-

ной дождь.

— Чжоу! — крикнул он ей вдогонку, но дверь уже захлопнулась с мелодичным звоном.

В кафе стояла мертвая тишина. Все смотрели на Гарри. Он бросил на стол галеон, стряхнул конфетти с волос и вышел в переулок.

Дождь лил вовсю, а Чжоу исчезла бесследно. Он не мог взять в толк, что произошло, — полчаса назад все было так мирно.

— Женщины! — сердито бормотал он, засунув руки в карманы и шлепая по мокрой улице. — И чего ей понадобилось говорить о Седрике? Зачем всегда вытаскивает тему, из-за которой превращается в ходячий пожарный шланг?

Гарри повернул направо и побежал, разбрызгивая лужи. Через несколько минут он уже входил в дверь бара «Три метлы». Гермионы там быть не могло — слишком рано, но он надеялся встретить кого-нибудь из знакомых и скоротать с ним время. Откинув со лба мокрые волосы, он огляделся. В углу, одинокий и печальный, сидел Хагрид. Гарри пробрался к нему между тесно стоящих столов, подтащил стул и сказал:

— Хагрид, привет!

Хагрид вздрогнул и посмотрел на него так, словно не сразу узнал. Гарри увидел на его лице две

свежие раны и несколько новых кровоподтеков.

— А, это ты, Гарри. Как жив?

— Хорошо, — соврал Гарри, но рядом с избитым, печальным Хагридом и жаловаться-то было вроде не на что. — А ты как?

— Я? Ну, я прекрасно, Гарри, прекрасно.

Он заглянул в свою оловянную пивную кружку величиной с хорошее ведро и вздохнул. Гарри не знал, что сказать ему. Минуту-другую они посидели молча. Потом Хагрид неожиданно сказал:

— Похожие мы с тобой, а, Гарри?

— Ну…

— Ну да… я уж говорил… оба, что ли, неприкаянные. — Хагрид задумчиво кивнул. — Оба сироты. Да… оба сироты.

Он глотнул из кружки.

— Большое дело, когда есть порядочная семья. Папа у меня был порядочный. А у тебя и папа, и мама порядочные. Были бы живы, и жизнь по-другому бы пошла, так ведь?

— Да… наверное, — осторожно согласился Гарри. Непривычно было видеть Хагрида в таком настроении.

— Семья… — грустно сказал Хагрид. — Что ни говори, а кровь, она сказывается. — И он стер струйку под глазом.

— Хагрид, — сказал Гарри, не в силах удержаться, — где ты все время ранишься?

— А? — Хагрид как будто удивился. — Как это ранюсь?

— Да вот как. — Гарри показал на его лицо.

— А-а… обыкновенные синяки да шишки. — Хагрид отмахнулся. — Работа у меня грубая.

Он допил свою кружку, поставил на стол и поднялся.

— Ну, до свиданья, Гарри. Будь здоров.

С несчастным видом он вышел из бара и скрылся в проливном дожде. Гарри проводил его огорченным взглядом. Хагрид несчастен, что-то скрывает и решительно не хочет никакой помощи. Что происходит? Но Гарри не успел об этом задуматься — его тут же окликнули.

— Гарри! Гарри, сюда!

Из другого конца зала ему махала Гермиона. Он поднялся и стал пробираться к ней через запруженный народом бар. За несколько столов от нее он увидел, что она не одна, а в самой неожиданной компании собутыльниц, какую только можно себе представить: с ней сидели Полумна Лавгуд и одна из наименее симпатичных для Гермионы личностей на свете, бывшая сотрудница газеты «Ежедневный пророк» Рита Скитер.

— Ты рано! — сказала Гермиона, отодвигаясь, чтобы освободить для него место. — Я думала, ты с Чжоу придешь не раньше, чем через час!

— Чжоу? — сразу всполошилась Рита и хищным взглядом впилась в Гарри. — Девушка?

Она схватила свою крокодиловую сумочку и запустила туда руку.

— Пусть он был хоть с сотней девушек, вас это не касается, — ледяным тоном одернула ее Гермиона. — Так что можете сразу убрать.

Рита уже вытаскивала из сумочки ядовито-зеленое перо. С таким видом, как будто ее заставили выпить ложку Смердящего сока, она защелкнула сумочку.

— Что ты придумала? — спросил Гарри, усевшись за стол и глядя поочередно на Риту и Полумну.

— Наша юная кудесница как раз собиралась мне объяснить перед твоим приходом, — сказала Рита, шумно отхлебнув из стакана. — Полагаю, мне позволено с ним разговаривать? — язвительно обратилась она к Гермионе.

— Полагаю, позволено, — холодно ответила та.

Положение безработной не красило Риту. Волосы, прежде тщательно завитые, висели нечесаными прядями. Алый лак на длиннющих

ногтях местами облупился, и нескольких фальшивых камешков на широких дужках очков не хватало. Она опять хлебнула из стакана и, почти не разжимая губ, спросила:

— Она хорошенькая, Гарри?

— Еще одно слово об интимной жизни Гарри, и сделка отменяется, — пригрозила Гермиона.

— Какая сделка? — сказала Рита, утирая рот тыльной стороной ладони. — Ты еще не предложила сделки, моя благонравненькая, ты только просила меня прийти. Ничего, когда-нибудь… — Она судорожно вздохнула.

— Ну да, когда-нибудь вы сочините новые гнусные истории про нас с Гарри.

— В этом году печаталось немало гнусных историй о Гарри — без моего участия. — Она искоса взглянула на него, держа стакан у рта, и свистящим шепотом спросила: — С каким чувством ты их читал? Ты чувствовал себя непонятым, оболганным, опозоренным?

— Конечно, он сердит, — отчетливо и громко сказала Гермиона. — Он сказал министру магии правду, но министр такой идиот, что не поверил ему.

— Так ты по-прежнему настаиваешь, что Тот-Кого-Нельзя-Называть вернулся? — Рита

опустила стакан и устремила на Гарри испытующий взгляд, причем ее палец сам собой пополз к застежке крокодиловой сумочки. — Поддерживаешь эти россказни Дамблдора о якобы возвращении Ты-Знаешь-Кого и о тебе, якобы единственном свидетеле.

— Я был не единственным свидетелем, — с бешенством ответил Гарри. — Там была дюжина с лишним Пожирателей смерти. Хотите их имена?

— Счастлива буду услышать. — Она снова стала рыться в сумочке и смотрела на Гарри с таким восторгом, словно ничего прекраснее не видела в жизни. — Крупным шрифтом заголовок «Поттер обвиняет». Подзаголовок: «Гарри Поттер называет притаившихся Пожирателей смерти». А ниже — твоя большая фотография и подпись: «Потрясенный подросток, переживший нападение Того-Кого-Нельзя-Называть, пятнадцатилетний Гарри Поттер вызвал вчера фурор, обвинив почитаемых членов волшебного сообщества в том, что они являются Пожирателями смерти».

Прытко Пишущее Перо было уже у нее в руке и на полпути ко рту, как вдруг восторженное выражение исчезло с ее лица.

— Но наша маленькая кудесница, — Рита опустила перо и волком глянула на Гермиону, —

конечно, не захочет, чтобы это напечатали?

— Наоборот, — нежным голосом проговорила Гермиона, — именно этого ваша маленькая кудесница и хочет.

Рита удивленно уставилась на нее. Гарри тоже. Полумна же рассеянно напевала вполголоса «Уизли — наш король» и помешивала свой напиток коктейльной луковицей на палочке.

— Ты хочешь, чтобы я опубликовала его рассказ о Том-Кого-Нельзя-Называть? — тихо спросила Рита у Гермионы.

— Да, — сказала Гермиона. — Подлинную историю. Все факты. В точности так, как сообщит их Гарри. Он расскажет вам все подробности, назовет имена неразоблаченных Пожирателей смерти, которых там видел, опишет, как выглядит теперь Волан-де-Морт… Возьмите же себя в руки, — презрительно сказала она, бросив через стол салфетку, потому что при имени Темного Лорда Рита чуть не свалилась со стула и пролила на себя полстакана огненного виски.

Не сводя глаз с Гермионы, Рита промокнула салфеткой свой заношенный плащ и сказала прямо:

— «Пророк» этого не напечатает. Ты, возможно, не заметила, но его россказням никто не верит. Все считают, что он свихнулся. Но если позво-

лишь дать эту историю с такой точки зрения…

— Нам не нужна еще одна история о том, что Гарри спятил! — отрезала Гермиона. — Благодарю, с нас хватит! Я хочу, чтобы ему позволили сказать людям правду!

— На такую историю не будет спроса, — сухо сообщила Рита.

— Вы хотите сказать, «Пророк» не напечатает ее, потому что не позволит Фадж? — с досадой спросила Гермиона.

Рита ответила долгим холодным взглядом. Потом наклонилась к ней через стол и заговорила деловито:

— Да, Фадж оказывает нажим на газету, но не в этом суть. «Пророк» не напечатает статью, где Гарри представлен в хорошем свете. Никто не станет ее читать. Публика настроена иначе. Ее уже достаточно встревожил нынешний побег из Азкабана. Люди просто не хотят поверить, что Тот-Кого-Нельзя-Называть вернулся.

— Значит, «Ежедневный пророк» считает нужным говорить людям только то, что они желают услышать? — язвительно спросила Гермиона.

Рита выпрямилась, подняв брови, и одним глотком осушила стакан.

— «Пророк» считает нужным, чтобы его поку-

пали, глупенькая.

— Папа говорит, что это жуткая газета, — неожиданно вмешалась в беседу Полумна. Обсасывая коктейльную луковицу, она смотрела на Риту своими огромными, выпуклыми, слегка безумными глазами. — Он печатает важные статьи о том, что люди должны знать, по его мнению. Он не интересуется деньгами.

Рита посмотрела на нее пренебрежительно.

— Надо думать, твой папа держит какую-нибудь захудалую деревенскую газетенку? Типа «Двадцать пять способов завязать сношения с маглами» с датой следующей распродажи «Приноси и улетай».

— Нет, — сказала Полумна, опустив луковицу в свой стакан с «горной водой», — он редактор «Придиры».

Рита фыркнула так громко, что сидевшие за соседним столом обернулись.

— Важные статьи о том, что люди должны знать, а? — произнесла она с издевкой. — Содержимым этого журнальчика я могла бы удобрять свой садик.

— Так вот вам шанс немного поднять его уровень, — любезно посоветовала Гермиона. — Полумна говорит, ее папа с радостью напечатает

интервью с Гарри. Вот и публикуйте.

С секунду Рита смотрела на обеих девочек, а потом оглушительно расхохоталась.

— «Придира», — выговорила она со смехом. — Думаете, люди воспримут его серьезно, если это будет в «Придире»?

— Некоторые — нет, — спокойно ответила Гермиона. — Но в сообщении «Пророка» о побеге из тюрьмы не сходятся концы с концами. И наверное, многие думают: нет ли этому более убедительного объяснения? Если им предложат другое, пусть даже в… — она искоса глянула на Полумну, — ну, в необычном журнале, думаю, многие прочтут его с интересом.

Рита довольно долго молчала и оценивающе глядела на Гермиону, наклонив голову набок.

— Ладно, допустим на минуту, что я напишу, — неожиданно сказала она. — Сколько мне за это заплатят?

— Кажется, папа не платит людям, которые пишут в его журнал, — мечтательно проговорила Полумна. — Они пишут, потому что это почетно и, конечно, им хочется видеть свое имя в печати.

Лицо у Риты снова приняло такой вид, будто ее угостили Смердящим соком, и она повернулась к Гермионе:

— Я, что же, буду писать бесплатно?

— Ну да, — хладнокровно подтвердила Гермиона, отпив из стакана. — Иначе, как вы понимаете, я сообщу властям, что вы незарегистрированный анимаг. Конечно, «Пророк» вам неплохо заплатит за репортаж из камеры о жизни Азкабана.

Рита посмотрела на нее так, как будто больше всего ей хотелось сейчас выдернуть бумажный зонтик из стакана Гермионы и засунуть Гермионе в нос.

— Кажется, у меня нет выбора, я правильно поняла? — сказала Рита дрожащим голосом. Она опять открыла сумочку, достала кусок пергамента и Прытко Пишущее Перо.

— Папа будет рад, — весело пообещала Полумна.

На челюсти у Риты вздулся желвак.

Гермиона повернулась к Гарри:

— Ну, Гарри, готов рассказать людям правду?

— Пожалуй, — сказал он, глядя на Риту, наставившую на лист пергамента Прытко Пишущее Перо.

— Строчите, Рита, — безмятежно произнесла Гермиона, выуживая со дна своего стакана вишенку.

Глава 26

НОВЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ

Полумна уклончиво сказала, что не знает, скоро ли интервью Риты с Гарри появится в «Придире»: ее отец рассчитывает получить шикарную большую статью о недавних наблюдениях за морщерогими кизляками. «Конечно, это очень важная статья, так что Гарри, скорее всего, придется подождать до следующего выпуска», — пояснила Полумна.

Гарри обнаружил, что ему очень нелегко рассказывать о дне возвращения Волан-де-Морта. Рита заставляла его вспоминать малейшие подробности тех событий, и он, понимая, что ему наконец представился отличный шанс поведать миру правду, рассказал ей все, что смог вспомнить. Он не знал, как люди воспримут его историю. Наверное, большинство из них утвердится во мнении, что он законченный безумец, — в немалой степени потому, что его интервью появится вслед за бредовой статьей о морщерогих кизляках. Но побег Беллатрисы Лестрейндж и других Пожирателей смерти вы-

звал у Гарри жгучее желание сделать хоть что-то — неважно, подействует это или нет…

— Интересно, как Амбридж отнесется к твоему публичному выступлению, — сказал Дин за ужином в понедельник В его голосе звучал благоговейный страх. Симус по другую сторону от него за обе щеки уплетал курицу и пирог с ветчиной, однако Гарри знал, что он прислушивается к их разговору.

— Ты правильно сделал, Гарри, — сказал Невилл, сидевший напротив. Он побледнел, но все же спросил, понизив голос: — Наверно, трудно было… говорить об этом, да?

— Трудно, — тихо откликнулся Гарри. — Но люди должны знать, на что способен Волан-де-Морт, разве не так?

— Так, — кивнул Невилл, — и его Пожиратели смерти тоже… люди должны знать…

Невилл не закончил фразы и вернулся к своей печеной картошке. Симус поднял глаза, но, встретившись взглядом с Гарри, тут же снова уткнулся в тарелку. Вскоре Дин, Симус и Невилл отправились в гостиную, а Гарри с Гермионой остались за столом ждать Рона, который еще не успел поужинать из-за тренировки по квиддичу.

В зал вошла Чжоу Чанг со своей подружкой

Мариэттой. У Гарри в животе что-то нехорошо повернулось, но Чжоу даже не взглянула на гриффиндорский стол и села спиной к нему.

— Кстати, я забыла спросить, — жизнерадостно сказала Гермиона, покосившись на стол когтевранцев, — как прошло твое свидание с Чжоу? Почему ты вернулся так рано?

— Э… ну, я… — пробормотал Гарри, подвигая к себе пирог с ревенем и беря второй кусок. — В общем, все прошло хуже некуда.

И он рассказал ей, что случилось в кафе мадам Паддифут.

— И тут, — закончил он несколько минут спустя, когда с блюда исчезли последние крошки пирога, — она вскакивает на ноги, заявляет: «Всего хорошего, Гарри» — и убегает сломя голову! — Он положил ложку и посмотрел на Гермиону. — Растолкуй мне, пожалуйста, что все это значит? Что с ней стряслось?

Гермиона поглядела на затылок Чжоу и вздохнула.

— Ах, Гарри, — грустно сказала она. — Прости, но тебе немного не хватило такта.

— Мне не хватило такта? — возмутился Гарри. — Сначала все шло замечательно, а потом она вдруг начинает рассказывать мне, как Роджер Дэ-

вис приглашал ее на прогулку и как она таскала Седрика целоваться в это идиотское кафе, — по-твоему, мне это приятно?

— Понимаешь, — сказала Гермиона с терпеливым видом человека, пытающегося втолковать излишне эмоциональному малышу, что один плюс один равняется двум, — тебе не надо было говорить ей посреди свидания, что ты должен встретиться со мной.

— Но… — захлебнулся Гарри, — но ты же просила меня встретиться с тобой в двенадцать и привести ее с собой — и как я, по-твоему, мог это сделать, если бы ничего ей не сказал?

— Надо было сказать по-другому, — пояснила Гермиона с тем же раздражающе терпеливым видом. — Ты должен был сказать, что это ужасно досадно, но я заставила тебя пообещать, что ты явишься в «Три метлы», и хотя ты совсем не хочешь туда идти и мечтал провести целый день с ней, похоже, что тебе, к несчастью, все-таки придется со мной встретиться, и не составит ли она тебе компанию — тогда, может быть, удастся отделаться от меня поскорее. А еще, пожалуй, было бы неплохо упомянуть, что ты считаешь меня уродиной, — поразмыслив, добавила Гермиона.

— Но я не считаю тебя уродиной, — опешил

Гарри.

Гермиона усмехнулась.

— Гарри, ты хуже Рона… впрочем, нет, — вздохнула она, поскольку в этот момент в зал ввалился сам Рон, забрызганный грязью и явно очень недовольный. — Пойми: ты расстроил Чжоу, когда сказал про нашу с тобой встречу, и она пыталась заставить тебя ревновать. Таким образом она хотела выяснить, насколько ты к ней неравнодушен.

— Ах вот оно что! — сказал Гарри, когда Рон плюхнулся на скамью напротив и стал придвигать к себе все блюда, до которых мог дотянуться. — А разве не легче было бы просто спросить меня, кто мне больше нравится — она или ты?

— Девочки не часто задают такие вопросы…

— Ну и напрасно! Тогда я просто сказал бы, что мне нравится она, и ей не пришлось бы снова лить слезы из-за Седрика!

— Я и не говорю, что она вела себя разумно, — сказала Гермиона, когда к ним присоединилась Джинни, такая же грязная, как Рон, и такая же насупленная. — Я только пытаюсь объяснить тебе, что она чувствовала.

— Напиши книжку, — посоветовал Гермионе Рон, разрезая картофелину, — и растолкуй в ней,

что чувствуют девочки, когда делают глупости. Тогда мальчики наконец смогут их понимать!

— Точно, — с жаром сказал Гарри, посмотрев на когтевранский стол. Чжоу только что поднялась с места и, по-прежнему не глядя на него, вышла из Большого зала. Гарри уныло повернулся обратно к Рону и Джинни. — Ну, как тренировка?

— Кошмар, — буркнул Рон.

— Перестань, — сказала Гермиона, взглянув на Джинни. — Я уверена, что все не так уж…

— Именно так, — вздохнула Джинни. — Это было ужасно. Анджелина под конец чуть не расплакалась.

После ужина Рон с Джинни отправились в душ, а Гарри и Гермиона вернулись в гостиную Гриффиндора к своей обычной горе домашних заданий. Через полчаса, убитых Гарри на борьбу с новой звездной картой для урока астрономии, на пороге комнаты возникли Фред и Джордж.

— Рона с Джинни нету? — спросил Фред, озираясь и придвигая к себе стул. Гарри покачал головой. — Вот и хорошо. Мы смотрели, как они тренируются. На матче их разнесут в пух и прах. Без нас они ровным счетом никуда не годятся.

— Брось, Джинни не так уж плоха, — великодушно заметил Джордж, садясь рядом с ним. —

Честно говоря, я вообще не понимаю, где она научилась так играть, — ведь мы никогда не брали ее с собой на тренировки.

— Да она с шести лет лазит в сарай у вас в саду и таскает оттуда ваши метлы по очереди, стоит вам только зазеваться, — сказала Гермиона из-за шаткого штабеля учебников по древним рунам.

— Правда? — с невольным уважением сказал Джордж. — Ну, тогда все понятно.

— А Рон? Взял он хоть один мяч? — поинтересовалась Гермиона, глядя на близнецов поверх «Магических иероглифов и логограмм».

— Он способен на это лишь в тех случаях, когда думает, что никто на него не смотрит, — сказал Фред, закатывая глаза. — Поэтому нам нужно попросить зрителей, чтобы в субботу они отворачивались и начинали беседовать между собой, как только квоффл полетит в его сторону.

Ему не сиделось на месте; он подошел к окну и вгляделся в сумерки.

— По мне, квиддич был единственным, ради чего стоило торчать в этой школе.

Гермиона бросила на него суровый взор.

— У вас же скоро аттестация!

— Я ведь тебе говорил, аттестация нас мало волнует, — сказал Фред. — А вот Забастовоч-

ные завтраки пора выпускать в продажу: мы выяснили, как избавиться от этих фурункулов. Достаточно нескольких капель настойки растопырника — спасибо Ли за идею…

Джордж широко зевнул и вперил мрачный взгляд в затянутое облаками ночное небо.

— Даже не знаю, хочу ли я идти на этот матч. Если Захария Смит нас побьет, как бы мне не пришлось наложить на себя руки.

— Лучше уж на него, — твердо сказал Фред.

— Вот чем плох квиддич, — рассеянно произнесла Гермиона, уткнувшись в рунический текст. — Он сеет вражду и непонимание между нашими факультетами.

Она оторвалась от перевода, чтобы заглянуть в «Словник чародея», и увидела, что Гарри, Фред и Джордж смотрят на нее с одинаковой гримасой отвращения, смешанного с недоверием.

— А что? — с вызовом сказала она. — В конце концов, это только игра!

— Гермиона, — сказал Гарри, покачав головой, — тебе, конечно, виднее, что к чему, когда речь идет о всяких там чувствах, но ты просто не понимаешь, что такое квиддич.

— Возможно, — сердито ответила она, возвращаясь к своему переводу, — но мое счастье, по

крайней мере, не зависит от умения Рона ловить мяч.

И хотя Гарри скорее спрыгнул бы с Астрономической башни, чем признался в этом Гермионе, в следующую субботу, наблюдая за игрой, он готов был отдать целую гору галеонов за то, чтобы тоже сделаться равнодушным к квиддичу.

Единственным достоинством матча оказалась его краткость — мучения гриффиндорских зрителей длились всего двадцать две минуты. На звание худшего игрока, по мнению Гарри, с равным правом претендовали трое: Рон, пропустивший мяч, который летел прямо в него, Слоупер, который целился в бладжер, но врезал Анджелине битой по лицу, и Керк, который завопил и свалился с метлы, когда на него понесся Захария Смит с квоффлом в руках. Каким-то чудом Пуффендуй победил с перевесом всего лишь в десять очков: Джинни изловчилась выхватить снитч прямо из-под носа у пуффендуйского ловца Саммерби, так что конечный счет составил двести сорок против двухсот тридцати.

— Отличный рывок, — сказал Гарри своей рыжеволосой преемнице в гостиной, где царила такая унылая атмосфера, какая бывает разве что на похоронах.

— Повезло. — Джинни пожала плечами. — Снитч летел не очень быстро, а у Саммерби простуда: он чихнул и зажмурился в самый неподходящий момент. В любом случае, когда ты вернешься в команду…

— Джинни, мне запретили играть навсегда.

— Ты не будешь играть, пока в школе остается Амбридж, — поправила его Джинни. — Есть разница. В любом случае, когда ты вернешься, я попробую себя в охотниках. И Анджелина, и Алисия учатся последний год, а мне больше нравится забивать голы, чем ловить снитч.

Гарри посмотрел на Рона, который сгорбился в углу, уставившись на свои колени и сжимая в руке бутылку сливочного пива.

— Анджелина все равно не хочет его отпускать, — сказала Джинни, словно прочитав мысли Гарри. — Она уверена, что у него есть потенциал.

Гарри был благодарен Анджелине за такую стойкую веру в Рона, но в то же время считал, что милосерднее было бы разрешить ему уйти из команды. Рон покинул поле под очередной куплет песни «Уизли — наш король», которую с большим подъемом распевали слизеринцы, ставшие теперь фаворитами в борьбе за Кубок.

Приблизились Фред и Джордж.

— У меня даже не хватило духу над ним подшутить, — сказал Фред, глядя на скорбную фигуру Рона. — Знаете, когда он пропустил четырнадцатый… — Он отчаянно заболтал руками, изображая тонущего щенка. — Ладно, оставим это для вечеринок.

Вскоре Рон потащился в спальню. Из уважения к его чувствам Гарри не сразу пошел за ним следом, чтобы Рон, если захочет, мог притвориться спящим. И действительно, когда Гарри поднялся в комнату, Рон храпел чуть громче, чем надо; если бы не это, и впрямь можно было бы подумать, что он спит.

Гарри лег в постель, размышляя о матче. Смотреть его с трибуны было ужасно. Ему очень понравилась игра Джинни, но он знал, что мог бы поймать снитч быстрее… был момент, когда крохотный мяч порхал около лодыжки Керка; если бы Джинни не промедлила, она могла бы выцарапать для Гриффиндора победу.

Амбридж сидела несколькими рядами ниже Гарри и Гермионы. Раз-другой она грузно повернулась, чтобы посмотреть на него; ее широкий жабий рот был растянут, как ему показалось, в злорадной торжествующей усмешке. Едва вспомнив об этом сейчас, в темноте, он заго-

релся гневом. Но уже спустя несколько минут спохватился, что перед сном ему следует освобождать сознание от всего лишнего: Снегг не уставал повторять это в конце каждого урока окклюменции.

Он попытался успокоиться, но мысль о Снегге вдобавок к воспоминанию об Амбридж только усилила снедавшее его негодование, и через некоторое время Гарри обнаружил, что думает только о том, как он ненавидит их обоих. Храп Рона постепенно сошел на нет, сменившись глубоким, медленным дыханием спящего. Гарри не мог заснуть гораздо дольше товарища; его тело устало, но мозг никак не хотел отключаться.

Ему приснилось, что Невилл с профессором Стебль кружат в вальсе по Выручай-комнате, а профессор МакГонагалл играет им на волынке. Сначала он с удовольствием наблюдал за ними, а потом решил отправиться на поиски других членов ОД.

Но, выйдя из комнаты, он увидел перед собой не портрет Варнавы Вздрюченного, а горящий факел, укрепленный на каменной стене. Он медленно повернул голову направо. Там, в дальнем конце глухого коридора без окон, была простая черная дверь.

Он двинулся к ней; в груди его нарастало волнение. У него было очень странное чувство, что на сей раз ему наконец повезет и он отыщет способ открыть эту дверь… до нее оставалось всего несколько шагов, и он с внезапным приливом восторга заметил под ее правой створкой слабый голубой свет… дверь была чуть приотворена… он протянул руку, чтобы распахнуть ее, и…

Рон громко, истово, неподдельно всхрапнул, и Гарри тут же проснулся — его рука была протянута вперед в темноте, готовая толкнуть дверь, находящуюся в сотнях миль отсюда. Он уронил руку со смешанным чувством вины и разочарования. Он знал, что не должен был видеть эту дверь, но в то же время не мог побороть разбиравшее его любопытство и волей-неволей досадовал на Рона, который помешал ему за нее заглянуть… Ну что ему стоило потерпеть со своим всхрапом еще полминутки!

* * *

Утром в понедельник они явились в Большой зал одновременно с почтовыми совами. Гермиона была не единственной, кто с нетерпением ждал свежего номера «Ежедневного пророка»: почти всем не терпелось узнать новости о сбе-

жавших Пожирателях смерти, которые, несмотря на многочисленные сообщения людей, якобы видевших их в разных местах, до сих пор не были пойманы. Гермиона отдала сове кнат и торопливо развернула газету, пока Гарри наливал себе апельсинового сока; за весь прошлый год ему прислали только одну записку, и поэтому, когда перед ним на стол бухнулась первая сова, он ни на секунду не усомнился в том, что произошла ошибка.

— Ты к кому? — спросил он, лениво отодвигая у нее из-под клюва стакан с соком, и, наклонившись, прочел имя и адрес получателя:

Гарри Поттеру Большой зал Школа «Хогвартс»

Нахмурясь, он протянул руку, но не успел взять у совы письмо, как еще три, четыре, пять сов сели на стол рядом с ней и принялись теснить друг друга, наступая в масло и опрокидывая солонки: каждой хотелось вручить свое послание раньше других.

— Это еще что такое? — изумился Рон. Все гриффиндорцы обернулись посмотреть, что происходит, и тут на стол, ухая и хлопая крыльями, опустились еще семь летучих почтальонов.

Гарри разорвал желтый конверт. Из него выпал плотно сложенный мартовский номер «Придиры». Гарри развернул его и увидел свое лицо, робко ухмыляющееся с обложки. Поперек фотографии большими красными буквами шла надпись:

ГАРРИ ПОТТЕР НАКОНЕЦ ЗАГОВОРИЛ:
ПРАВДА О ТОМ-КОГО-НЕЛЬЗЯ-НАЗЫВАТЬ
И О ЕГО ВОЗВРАЩЕНИИ, КОТОРОЕ Я
ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ

— Неплохо, правда? — сказала Полумна, подходя к гриффиндорскому столу и втискиваясь на скамейку между Фредом и Роном. — Он вышел вчера, и я попросила отца выслать тебе бесплатный экземпляр. Думаю, все это письма читателей, — она кивнула на сов, которые по-прежнему бродили по столу перед Гарри.

— Я тоже так подумала, — нетерпеливо сказала Гермиона. — Гарри, ты не будешь возражать, если мы…

— Пожалуйста, — сказал Гарри, слегка озадаченный.

Рон с Гермионой сразу же принялись вскрывать конверты.

— Этот малый считает, что ты совсем съехал с

катушек, — сказал Рон, проглядывая письмо. — Так-так…

— А эта женщина советует тебе пройти курс лечения Шоковыми заклятиями в больнице святого Мунго, — разочарованно сказала Гермиона, комкая второе письмо.

— Зато тут вроде бы ничего плохого, — медленно произнес Гарри, читая длинное письмо от колдуньи из Пейсли. — Ого! Она говорит, что верит мне!

— А этот колеблется, — сказал Фред, с энтузиазмом взявшийся распечатывать письма вместе с ними. — Говорит, что ты вроде не похож на сумасшедшего, но лично он не хочет верить, что Сам-Знаешь-Кто возродился, поэтому не знает, как ему теперь быть. Тьфу ты, только пергамент зря перевел!

— А вот еще один, которого ты убедил, Гарри! — возбужденно воскликнула Гермиона. — «Прочтя Вашу версию этой истории, я был вынужден заключить, что «Пророк» обошелся с Вами крайне несправедливо… Хотя мне очень не хочется верить в возвращение Того-Кого-Нельзя-Называть, я вынужден признать, что Вы говорите правду…» Да это же просто чудесно!

— Еще одна думает, что ты просто гонишь

волну, — сказал Рон, выбрасывая за плечо скомканное письмо, — зато эта пишет, что ты обратил ее в свою веру и теперь она считает тебя настоящим героем… даже фотографию свою приложила, ого!

— Что здесь происходит? — раздался позади тонкий, фальшиво-приторный голосок.

Гарри поднял взгляд от вороха конвертов, которые держал в руках. За Фредом и Полумной стояла профессор Амбридж — ее жабьи глаза навыкате озирали разгром, учиненный совами на столе перед Гарри. Позади нее он увидел толпу жадно наблюдающих за ними учеников.

— Кто это прислал вам столько писем, мистер Поттер? — вкрадчиво спросила Амбридж.

— А что, разве это преступление — получать письма? — громко осведомился Фред.

— Поосторожнее, мистер Уизли, не то останетесь после уроков, — предупредила Амбридж. — Ну, мистер Поттер?

Гарри помедлил, но он не видел возможности скрыть содеянное; было ясно, что рано или поздно «Придира» попадется ей на глаза.

— Люди пишут мне потому, что я дал интервью, — сказал Гарри. — О том, что случилось со мной в прошлом июне.

Произнося эти слова, он невольно скользнул взглядом по столу для преподавателей: у Гарри возникло страннейшее чувство, что секунду назад Дамблдор наблюдал за ним, но, посмотрев на директора, он убедился, что тот поглощен разговором с профессором Флитвиком.

— Интервью? — повторила Амбридж еще более тонким и мерзким голосом, чем обычно. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что репортер задавала мне вопросы, а я на них отвечал, — сказал Гарри. — Вот…

И он кинул ей номер «Придиры». Она поймала его и уставилась на обложку. На ее бледном, рыхлом лице проступили отвратительные фиолетовые пятна.

— Когда вы это сделали? — спросила она чуть севшим голосом.

— В последний выходной в Хогсмиде, — сказал Гарри.

Она посмотрела на него, вне себя от ярости; журнал дрожал в ее коротких толстых пальцах.

— Больше у вас не будет выходных в Хогсмиде, мистер Поттер, — прошептала она. — Как вы осмелились… как вы могли… — Она сделала глубокий вдох. — Я снова и снова пыталась отучить

вас лгать. Видимо, вы до сих пор не усвоили моего урока. Минус пятьдесят очков Гриффиндору и еще неделя штрафных занятий.

Она зашагала прочь, прижимая «Придиру» к груди, и многие ученики проводили ее взглядом.

Не прошло и часа, как по всей школе расклеили гигантские объявления — они появились не только на факультетских стендах, но и в коридорах, и в классных комнатах.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО ИНСПЕКТОРА ХОГВАРТСА

Любой учащийся, уличенный в хранении журнала «Придира», будет немедленно исключен.

Основанием настоящего приказа является Декрет об образовании №.27.

Подписано: Долорес Джейн Амбридж, генеральный инспектор.

Всякий раз, когда Гермионе попадалось на глаза одно из этих объявлений, она прямо-таки расцветала от удовольствия.

— Да что тебя так радует? — не выдержал Гарри.

— Неужели ты не понимаешь? — удивилась

Гермиона. — Даже если бы она сама захотела, чтобы в школе не осталось ни единого человека, который не читал бы твоего интервью, она не могла бы придумать ничего лучше, чем запретить его!

Похоже, Гермиона была права. Хотя Гарри ни разу даже мельком не видел в школьных помещениях запретного журнала, к концу дня все только и делали, что цитировали друг другу его интервью. Гарри слышал, как о нем шептались в коридорах перед занятиями, за обедом и на задних партах во время урока, а Гермиона, заглянув в туалет для девочек перед лекцией по древним рунам, сообщила, что во всех кабинках только об этом и судачат.

— А потом они заметили меня — очевидно, они знают, что я тебя знаю, — и налетели с вопросами, — сказала Гермиона с сияющими глазами, — и по-моему, Гарри, они тебе верят, честное слово, — думаю, ты их все-таки убедил!

Тем временем профессор Амбридж курсировала по школе, останавливая учеников на выбор и заставляя их вынимать из сумок книжки и выворачивать карманы; Гарри знал, что она ищет запрещенный номер «Придиры», но ученики всегда на несколько шагов опережали ее.

Они успевали заколдовать страницы с интервью Гарри так, что любой посторонний видел в них только выдержки из учебников, или волшебным образом превращали их в чистые, снимая заклятие лишь тогда, когда им хотелось перечитать статью снова.

Преподавателям, разумеется, запрещалось упоминать интервью согласно Декрету об образовании номер двадцать шесть, однако они все равно находили способ выразить свои чувства. Профессор Стебль наградила гриффиндорцев двадцатью очками, когда Гарри передал ей лейку; лучезарно улыбающийся профессор Флитвик под конец урока заклинаний впихнул ему в руки коробку попискивающих сахарных мышек, сказал «тс-с!» и поспешил прочь, а профессор Трелони на своих занятиях вдруг истерически разрыдалась и заявила изумленному классу и очень недовольной Амбридж, что Гарри вовсе не умрет в юном возрасте, а доживет до преклонных лет и станет министром магии и отцом двенадцати детей.

Но по-настоящему счастливым Гарри почувствовал себя на следующий день, когда Чжоу нагнала его в коридоре перед самым уроком трансфигурации. Не успел он опомниться, как ее рука оказалась в его, а ее губы шепнули ему

на ухо: «Прости меня, пожалуйста. Дать такое интервью — это было очень смело… я прямо расплакалась».

Его огорчило то, что ей пришлось пролить еще одну порцию слез, но очень обрадовало, что они снова начали разговаривать, а когда она быстро чмокнула его в щеку и поспешила дальше, он ощутил себя на вершине блаженства. А едва он добрался до класса трансфигурации, как произошло еще нечто столь же замечательное и невероятное: навстречу ему из толпы однокашников выступил Симус.

— Я только хотел сказать, — промямлил он, косясь на левое колено Гарри, — что я тебе верю. И послал этот журнал маме.

Если Гарри и нужно было что-то еще для полного счастья, этой мелочью стала реакция на происшедшее Малфоя, Крэбба и Гойла. В тот же день, ближе к вечеру, он увидел их в библиотеке: сдвинув головы, они тихо переговаривались. С ними был еще один худосочный мальчишка; Гермиона шепнула, что его зовут Теодор Нотт. Они оглянулись на Гарри, когда он искал на полках книгу с инструкциями по частичному исчезновению. Гойл угрожающе затрещал суставами пальцев, а Малфой стал что-то яростно нашеп-

тывать Крэббу. Гарри прекрасно знал, почему они так себя ведут: он назвал их отцов в числе Пожирателей смерти.

— И самое смешное, — ликующе сказала Гермиона, когда они вышли из библиотеки, — что они даже возразить тебе не могут: ведь это значило бы, что они прочли запрещенную статью!

В довершение всего Полумна сказала ему за ужином, что никогда еще выпуск «Придиры» не расходился так быстро.

— Папа печатает дополнительный тираж! — сообщила она, возбужденно выкатив глаза. — Ему в это просто не верится: похоже, что ты интересуешь людей даже больше, чем морщерогие кизляки!

В этот вечер в гостиной факультета Гарри чествовали как героя. Фред и Джордж дерзко увеличили обложку «Придиры», заколдовали ее и вывесили на стену, так что гигантская голова Гарри озирала присутствующих, время от времени выдавая громогласные сентенции вроде: «В МИНИСТЕРСТВЕ ОДНИ ИДИОТЫ!» или «НАЕШЬСЯ УДОБРЕНИЙ, АМБРИДЖ!» Гермиона сочла это не слишком забавным: она сказала, что ей не дают сосредоточиться, и, раздраженная, рано отправилась спать. Через час-другой шутка приелась и

Гарри — особенно когда колдовство стало сходить на нет, так что его голова на плакате просто выкрикивала отдельные слова вроде «АМБРИДЖ!» или «ИДИОТЫ!» с постепенно уменьшающимися интервалами и все более и более высоким голосом. В конце концов у Гарри заболела его собственная голова, а шрам стало неприятно покалывать. Под разочарованные возгласы ребят, которые сидели вокруг и заставляли его в сотый раз переживать тот достопамятный день в Хогсмиде, он объявил, что ему тоже необходимо лечь пораньше.

Когда Гарри вошел в спальню, она была пуста. Чтобы унять жжение на месте шрама, он на минутку прижался лбом к прохладному оконному стеклу. Потом разделся и лег, мечтая, чтобы головная боль скорее прошла. Вдобавок его слегка мутило. Он повернулся на бок, закрыл глаза и почти мгновенно уснул…

Он стоял в темной, затянутой портьерами комнате, где горел единственный канделябр со свечами. Его руки сжимали спинку стула, на который он опирался. Руки были белые, с длинными пальцами, словно много лет не видевшие дневного света — на фоне темной бархатной обивки они казались большими бледными пауками.

Впереди, в пятне света под канделябром, преклонил колени человек в черной мантии.

— Значит, меня плохо информировали, — сказал Гарри высоким холодным голосом, в котором пульсировала ярость.

— Хозяин, я молю вас о прощении, — прогнусавил человек, стоящий на коленях. Его макушка блестела на скудном свету. Похоже, он дрожал.

— Я не виню тебя, Руквуд, — сказал Гарри тем же холодным, жестоким голосом.

Отпустив стул, он обошел его, приблизившись к съежившемуся на полу человеку, и остановился в темноте прямо над ним, глядя вниз с гораздо большей высоты, чем обычно.

— Ты уверен, что дело обстоит именно так, Руквуд? — спросил Гарри.

— Да, милорд, да… Я ведь сам работал в этом отделе…

— Эйвери говорил мне, что Боуд сможет взять его оттуда.

— Боуд никогда не смог бы взять его, хозяин… Он должен был понимать это… без сомнения, именно поэтому он так упорно сопротивлялся наложенному Малфоем заклятию Империус…

— Встань, Руквуд, — шепнул Гарри.

Коленопреклоненный едва не упал, спеша вы-

полнить приказание. Его лицо было изрыто оспой — рябины четко выделялись в свете канделябра. Даже поднявшись на ноги, он не выпрямился до конца, а замер в полупоклоне, украдкой бросая вверх, на лицо Гарри, полные ужаса взгляды.

— Ты хорошо сделал, что сказал мне об этом, — произнес Гарри. — Что ж… Похоже, я потратил многие месяцы на пустые усилия… впрочем, неважно… теперь мы начнем все заново. Ты удостоился благодарности лорда Волан-де-Морта, Руквуд…

— О, милорд… спасибо, милорд! — выдавил из себя Руквуд голосом, хриплым от облегчения.

— Мне понадобится твоя помощь. Мне понадобится вся информация, какую ты сможешь добыть.

— Конечно, милорд, конечно… все, что угодно…

— Очень хорошо… ты можешь идти. И пришли ко мне Эйвери.

Руквуд попятился, кланяясь, и исчез за дверью.

Оставшись один в темной комнате, Гарри повернулся к стене. На ней, в тени, висело зеркало с трещиной, все в каких-то древних пятнах. Гарри шагнул к нему. Его отражение выросло и яснее обозначилось в полумраке… лицо белее черепа…

красные глаза с щелями вместо зрачков…

— НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-ЕТ!

— Что? — взвизгнул чей-то голос рядом.

Гарри отчаянно замахал руками, запутался в пологе и упал с кровати. Несколько секунд он не мог понять, где находится: он был уверен, что на него из темноты вот-вот снова глянет белое, похожее на череп лицо, и тут, совсем близко, раздался голос Рона.

— Если ты перестанешь барахтаться как псих, я тебя вытащу!

Рон сорвал материю, и Гарри уставился на него в лунном свете. Он лежал на спине, и его шрам раздирало болью. Рон, по-видимому, собирался лечь спать: он уже выпростал одну руку из-под мантии.

— Опять на кого-то напали? — спросил Рон, рывком поднимая Гарри на ноги. — На отца? Снова эта змея?

— Нет… все целы… — пробормотал Гарри. Его лоб горел как в огне. — Правда… не знаю, что будет с Эйвери… он дал ему ложную информацию… Волан-де-Морт в ярости…

Гарри застонал и без сил опустился на постель, дрожа и потирая шрам.

— Но Руквуд собирается ему помочь… теперь

он снова на верном пути…

— О чем ты говоришь? — испуганно спросил Рон. — Ты хочешь сказать… ты только что видел Сам-Знаешь-Кого?

— Я *был* им, — ответил Гарри, вытянул в темноте руки и поднес их к лицу: он хотел убедиться, что они уже не те, смертельно-бледные, с длинными пальцами. — Он говорил с Руквудом — это Пожиратель смерти, он тоже сбежал из Азкабана, помнишь? Руквуд сейчас сказал ему, что Боуд не мог этого сделать.

— Чего «этого»?

— что-то взять… он сказал, Боуд должен был знать, что не сможет… На Боуда наложили заклятие Империус… По-моему, он сказал, что это дело рук отца Малфоя.

— Боуда заколдовали, чтобы он взял какую-то вещь? — сказал Рон. — Но… Гарри, это наверняка…

— То самое оружие, — закончил за него Гарри. — Знаю.

Дверь спальни открылась; вошли Дин и Симус. Гарри снова лег на кровать, поджав под себя ноги. Поскольку Симус совсем недавно перестал считать его чокнутым, не стоило давать им понять, что здесь произошло что-то необычное.

— Ты сказал, — пробормотал Рон, наклонившись к нему и для прикрытия наливая себе воды из кувшина, стоявшего на тумбочке, — что ты был Сам-Знаешь-Кем?

— Да, — тихо ответил Гарри.

Рон судорожно глотнул из стакана; Гарри видел, как вода пролилась ему на подбородок и грудь.

— Гарри, — прошептал он, пока Дин с Симусом шумно готовились ко сну, снимая мантии и переговариваясь, — ты должен рассказать…

— Ничего я не должен, — решительно возразил Гарри. — Если бы я освоил окклюменцию, я бы вообще ничего этого не увидел. Они же хотели, чтобы я научился изолировать свое сознание.

Под словом «они» Гарри разумел Дамблдора. Повернувшись спиной к Рону, он услышал, как скрипнула кровать товарища: Рон тоже улегся. Скоро шрам Гарри опять запылал, и ему пришлось закусить уголок подушки, чтобы подавить стон. Он знал, что где-то карают Эйвери.

* * *

На следующее утро Гарри и Рон дождались перемены, чтобы рассказать обо всем Гермионе: они хотели быть абсолютно уверены, что их не подслушают. Отведя Гермиону в их люби-

мый угол прохладного, продуваемого ветерком двора, Гарри во всех подробностях описал ей свой вчерашний сон. Когда он закончил, она некоторое время молчала, с болезненной сосредоточенностью глядя на Фреда и Джорджа в противоположном углу двора: оба безголовые, они торговали своими волшебными шляпами, доставая их из-под мантий.

— Так вот почему они его убили, — тихо сказала она, наконец оторвав взгляд от близнецов. — Когда Боуд попытался украсть это оружие, с ним что-то случилось. Я думаю, на этом оружии или вокруг него были какие-то оборонительные заклятия и его нельзя было трогать. Поэтому Боуд и очутился в больнице святого Мунго — память отшибло и язык отнялся. Но помните, что сказала нам целительница? Что он поправляется. А они не могли допустить его выздоровления, правда? Шок, который он испытал, коснувшись этого оружия, мог разрушить чары, наложенные Малфоем. Если бы к нему вернулся дар речи, он рассказал бы, что делал, так ведь? И все бы узнали, что его посылали украсть оружие. Конечно, Люциусу Малфою ничего не стоило наложить на него заклятие. Он же днюет и ночует в Министерстве!

— Он был там даже в день моего слушания, —

заметил Гарри. — Постой-ка… Да ведь он стоял тогда в коридоре Отдела тайн! Твой отец сказал, что он, наверное, хотел разнюхать, чем кончилось разбирательство моего дела, но что, если…

— Стерджис! — ахнула Гермиона, точно пораженная громом.

— О чем ты? — озадаченно спросил Рон.

— Стерджиса Подмора арестовали за попытку проникнуть через запертую дверь! — торопливо пояснила Гермиона. — Наверно, Люциус и его заколдовал! Готова поспорить, что он сделал это в тот день, когда ты видел его там, Гарри. У Стерджиса была мантия-невидимка Грюма, так? Что, если он стоял на часах у этой двери, невидимый, а Малфой услышал, как он пошевелился… или догадался, что там кто-то есть… или просто наложил заклятие Империус на всякий случай — вдруг сработает? И когда у Стерджиса опять появилась возможность… наверное, когда снова наступила его очередь сторожить дверь, тут-то он и попытался проникнуть в Отдел, чтобы украсть оружие для Волан-де-Морта… спокойно, Рон… но его поймали и отправили в Азкабан… — Она посмотрела на Гарри широко раскрытыми глазами. — А теперь Руквуд объяснил Волан-де-Морту, как заполучить это оружие?

— Всего разговора я не слышал, но похоже на то, — сказал Гарри. — Руквуд ведь там работал… Может быть, теперь Волан-де-Морт пошлет за оружием именно его?

Гермиона кивнула, по-прежнему поглощенная своими мыслями. Потом вдруг резко сказала:

— Но ты не должен был видеть всего этого, Гарри.

— Что? — ошеломленно спросил он.

— Тебе велели научиться ограждать свое сознание от таких вещей, — сказала Гермиона, внезапно посуровев.

— Я знаю, — ответил Гарри, — но…

— Так что, я полагаю, нам надо постараться забыть все, что ты видел, — твердо заявила Гермиона. — А тебе нужно усердней трудиться на занятиях окклюменцией.

Следующие дни не принесли ничего хорошего. Гарри схлопотал еще два «О» по зельеварению, по-прежнему мучился неизвестностью, думая о судьбе Хагрида, и никак не мог избавиться от размышлений о сне, в котором он был Волан-де-Мортом, хотя и не обсуждал его больше с Роном и Гермионой: ему не хотелось получить от Гермионы очередной нагоняй. Он очень хотел обсудить его с Сириусом, но это было совершенно

невозможно, и Гарри пытался загнать эту мысль на задворки сознания.

К несчастью, задворки его сознания перестали быть тем надежным тайником, каким они были еще совсем недавно.

— Встаньте, Поттер.

Через неделю-другую после сна о Руквуде Гарри вновь обнаружил, что стоит на коленях в кабинете Снегга, пытаясь собраться с мыслями. Снегг только что разбудил в нем целую вереницу очень ранних воспоминаний, которые оказались неприятным сюрпризом для самого Гарри: большинство из них было связано с унижениями, пережитыми им в начальной школе по вине Дадли и его банды.

— Ваше последнее воспоминание, — сказал Снегг. — О чем оно?

— Не знаю, — ответил Гарри, устало поднимаясь на ноги. Ему становилось все труднее и труднее выделить связные картины из потока звуков и образов, который обрушивался на него после взмаха палочки Снегга. — Вы имеете в виду то, где мой двоюродный брат запирал меня в туалете?

— Нет, — мягко сказал Снегг. — Я имею в виду человека на коленях посреди темной комнаты…

— Ах, это… ни о чем, — сказал Гарри.

Темные глаза Снегга впились в него. Памятуя слова самого профессора о том, что зрительный контакт играет в легилименции решающую роль, Гарри моргнул и отвел взгляд в сторону.

— Как этот человек и эта комната очутились в вашем сознании, Поттер? — спросил Снегг.

— Это… — сказал Гарри, стараясь смотреть куда угодно, только не на Снегга, — это просто… сон, который я видел.

— Сон? — повторил Снегг.

Наступила пауза. Гарри упорно не сводил глаз с большой мертвой лягушки, плавающей в банке с пурпурной жидкостью.

— Вы ведь знаете, почему мы здесь, не правда ли, Поттер? — сказал Снегг тихим, угрожающим голосом. — Знаете, почему я жертвую своими вечерами ради этой скучной работы?

— Да, — напряженно ответил Гарри.

— Напомните мне, почему мы здесь, Поттер.

— Потому что я должен научиться окклюменции, — сказал Гарри, уставившись вместо лягушки на мертвого угря.

— Правильно, Поттер. И даже такой тугодум, как вы (Гарри не выдержал и посмотрел на Снегга с ненавистью), за два с лишним месяца занятий,

пожалуй, мог бы чему-нибудь научиться. Сколько еще снов о Темном Лорде вы видели?

— Только этот, — солгал Гарри.

— Возможно, — сказал Снегг, чуть сузив свои холодные темные глаза, — возможно, вам просто нравятся эти сны и видения, Поттер. Может быть, благодаря им вы чувствуете себя особенным — этакой важной шишкой, а?

— Нет, не чувствую, — сказал Гарри сквозь зубы, крепко сжимая в руке волшебную палочку.

— Вот и славно, Поттер, — холодно сказал Снегг, — потому что в вас и вправду нет ничего особенного, и совсем не ваше дело слушать, что Темный Лорд говорит своим Пожирателям смерти.

— Нет, это ваше дело, не так ли? — выпалил Гарри.

Он вовсе не хотел произносить эти слова, они вырвались у него помимо воли — уж очень он был раздражен. Долгое время они сверлили друг друга взглядом; Гарри чувствовал, что зашел слишком далеко. Но когда Снегг наконец ответил ему, на его лице было странное, почти что удовлетворенное выражение.

— Да, Поттер, — сказал он, поблескивая глазами. — Это мое дело. А теперь, если вы готовы,

мы начнем снова. — Он поднял палочку. — Раз… два… три… *Легилименс!*

Сотня дементоров летела к Гарри над поверхностью школьного озера… он мучительно пытался сконцентрироваться… они приближались… уже видны были темные дыры под капюшонами… но в то же время он видел и Снегга, который стоял перед ним, устремив взгляд на его лицо и бормоча себе под нос… и почему-то Снегг вырисовывался все яснее, а дементоры словно таяли…

Гарри поднял свою палочку.

— *Протего!*

Снегг пошатнулся — конец его палочки взлетел вверх, она больше не указывала на Гарри, — и вдруг в сознание Гарри хлынули воспоминания, которые не принадлежали ему: крючконосый мужчина кричал на съежившуюся женщину, а черноволосый мальчонка плакал в углу… подросток с сальными волосами сидел один в темной спальне, направив палочку в потолок и сбивая мух… какая-то девочка смеялась над худощавым пареньком, который пытался оседлать брыкающуюся метлу…

— ДОВОЛЬНО!

Гарри будто изо всех сил толкнули в грудь; попятившись назад, он ударился о полки, ко-

торые тянулись по стенам в кабинете Снегга, и услышал, как что-то треснуло. Снегг едва заметно дрожал и был страшно бледен.

Мантия на спине у Гарри промокла. Когда он наткнулся на полки, одна из банок лопнула; теперь внутри нее, в убывающем растворе, медленно вращалась какая-то слизистая тварь.

— *Репаро,* — прошипел Снегг, и трещина на банке мгновенно исчезла. — Что ж, Поттер… похоже, мы сдвинулись с мертвой точки… — Тяжело дыша, Снегг поправил Омут памяти, где перед началом урока снова спрятал несколько своих мыслей, словно проверяя, там ли они еще. — Не помню, советовал ли я вам применять Щитовые чары… однако они, без сомнения, оказались эффективными…

Гарри молчал: он чувствовал, что говорить сейчас было бы опасно. Он был уверен, что ему удалось прорваться в память Снегга и что он видел сцены из его детства. Было очень тревожно сознавать, что тот самый маленький мальчик, который плакал, глядя, как его родители кричат друг на друга, сейчас стоит перед ним с такой откровенной ненавистью во взоре.

— Попробуем еще раз, ладно? — сказал Снегг.

На Гарри накатил прилив ужаса: он понимал,

что Снегг хочет заставить его расплатиться за случившееся. Они снова заняли места по обе стороны от профессорского стола. Гарри не сомневался, что в этот раз ему будет гораздо трудней освободить сознание от посторонних мыслей.

— Итак, на счет три, — сказал Снегг, вновь поднимая палочку. — Раз… два…

Не успел Гарри сосредоточиться, чтобы очистить голову от лишних мыслей, как Снегг уже выкрикнул:

— *Легилименс!*

Он пулей несся по коридору к Отделу тайн, мимо голых каменных стен, мимо факелов… простая черная дверь вырастала на глазах: казалось, он вот-вот в нее врежется, до нее оставался всего шаг-другой, и он снова увидел тонкую полоску слабого голубого света…

И дверь распахнулась! Наконец-то он очутился за нею, в круглой комнате с черными стенами и черным потолком; здесь синим пламенем горели свечи, а вокруг было множество новых дверей… ему нужно было двигаться дальше… Но какую дверь выбрать?..

— Поттер!

Гарри открыл глаза. Он лежал навзничь, не имея ни малейшего понятия о том, как оказался

на полу; вдобавок он еще и задыхался, как будто и вправду пробежал весь коридор Отдела тайн, проскочил в черную дверь и нашел круглую комнату.

— Объяснитесь! — выкрикнул Снегг; он стоял над ним с разъяренным видом.

— Я… не знаю, что случилось, — честно сказал Гарри, подымаясь на ноги. На затылке у него вскочил большой желвак, перед глазами все плыло. — Я никогда раньше этого не видел. То есть я уже говорил вам, что мне снилась эта дверь… но она еще никогда не открывалась…

— Вы небрежны в работе!

По неведомой причине Снегг рассвирепел даже больше, чем две минуты назад, когда Гарри вломился к нему в память.

— Вы ленивы и расхлябанны, Поттер! Неудивительно, что Темный Лорд…

— Позвольте спросить вас, сэр, — вспыхнув, перебил его Гарри, — почему вы называете Волан-де-Морта Темным Лордом? На моей памяти его называли так только Пожиратели смерти.

Снегг открыл рот, собираясь злобно осадить его, — но тут где-то вдалеке раздался женский крик.

Подбородок Снегга взлетел вверх, он уставился

в потолок.

— Что за… — пробормотал он.

Гарри слышал какой-то невнятный шум, доносящийся оттуда, где, по его представлениям, находился вестибюль. Нахмурясь, Снегг перевел взгляд на него.

— Вы видели что-нибудь необычное по пути сюда, Поттер?

Гарри покачал головой. Где-то над ними снова вскрикнула женщина. Снегг шагнул к двери, по-прежнему держа палочку наготове, и скрылся из виду. Гарри немного помедлил, затем двинулся следом.

Крики и впрямь доносились из вестибюля; подбегая к каменной лестнице, ведущей из подземелья, Гарри слышал их все отчетливее. Выскочив наверх, он обнаружил, что в вестибюле полно народу — взбудораженные ученики кучей вывалили туда из Большого зала, где еще не кончился ужин, и на мраморной лестнице тоже стояла плотная толпа. Гарри протолкался через компанию высоких слизеринцев и увидел, что ребята образовали в середине огромный круг — у кого-то были взволнованные лица, а у кого-то даже испуганные. Прямо напротив себя, с другой стороны вестибюля, Гарри заметил профессора

МакГонагалл; она выглядела так, словно сцена, открывшаяся ее глазам, вызывала у нее легкую дурноту.

Посреди вестибюля, с палочкой в одной руке и пустой бутылкой из-под хереса в другой, стояла профессор Трелони, и вид у нее был абсолютно сумасшедший. Волосы ее встали дыбом, очки перекосились, так что левый глаз казался больше правого, а бесчисленные шали и шарфы хаотически свисали с плеч, создавая впечатление, что она расползается по швам. На полу рядом с прорицательницей лежали два огромных чемодана, один вверх ногами — похоже было, что его спустили по лестнице вслед за ней. Профессор Трелони в ужасе смотрела на кого-то, находившегося у подножия лестницы, но скрытого от Гарри.

— Нет! — выкрикнула она. — НЕТ! Это невозможно… так нельзя… я отказываюсь в это верить!

— Вы не знали, что все к этому шло? — сказал тонкий голосок, в котором слышалось жестокое удовлетворение, и Гарри, чуть сместившись влево, увидел, что человек, повергший Трелони в такой ужас, — не кто иной, как профессор Амбридж. — Хоть вы и не в силах предсказать даже погоду на завтра, вы, конечно же, не могли

не понимать, что ваш убогий стиль работы и неодобрение, которое я ясно продемонстрировала вам во время моих инспекций, делают ваше увольнение неизбежным!

— Вы н-не можете! — взвыла профессор Трелони; из-под ее огромных очков струились слезы. — Вы… н-не можете меня уволить! Я п-провела здесь шестнадцать лет! Х-хогвартс — м-мой родной д-дом!

— Он *был* вашим домом, — сказала профессор Амбридж, и Гарри с отвращением заметил, что ее жабье лицо растянулось в злорадной усмешке при виде того, как профессор Трелони, безудержно рыдая, рухнула на один из чемоданов, — но перестал им быть час назад, когда министр магии подписал приказ о вашем увольнении. А теперь будьте добры покинуть замок. Вы нам мешаете.

С жадным наслаждением она смотрела, как профессор Трелони содрогается и стонет, в приступе отчаяния раскачиваясь на своем чемодане взад и вперед. Гарри услышал приглушенные рыдания и оглянулся: Лаванда и Парвати, обнявшись, тихо плакали друг у дружки на плече. Потом он услыхал шаги. Отделившись от зрителей, профессор МакГонагалл подошла к Трелони и стала утешать прорицательницу, легонько по-

хлопывая ее по спине и одновременно вынимая из складок мантии большой носовой платок.

— Ну-ну, Сивилла… успокойся… вот, вытри слезы… все не так плохо, как ты думаешь… тебе не придется покидать Хогвартс…

— Неужели, профессор МакГонагалл? — ледяным тоном осведомилась Амбридж, сделав несколько шагов вперед. — И кто же уполномочил вас сделать подобное…

— Я, — раздался звучный голос.

Дубовые парадные двери распахнулись. Стоявшие рядом с ними ученики посторонились, освобождая путь Дамблдору, только что появившемуся на пороге. Гарри понятия не имел, чт***о*** на ночь глядя понадобилось директору под открытым небом, но его фигура на фоне туманных сумерек казалась весьма внушительной. Оставив двери широко распахнутыми, он двинулся через ряды зрителей к заплаканной, дрожащей Трелони, которая по-прежнему сидела на чемодане, и замершей около нее МакГонагалл.

— Вы, профессор Дамблдор? — спросила Амбридж с каким-то особенно неприятным коротким смешком. — Боюсь, вы не понимаете ситуации. У меня имеется, — и она вытащила из складок мантии свиток пергамента, — приказ об

увольнении, подписанный мною и министром магии. Согласно Декрету об образовании номер двадцать три, генеральный инспектор Хогвартса обладает правом присутствовать на занятиях, назначать испытательные сроки, а также увольнять любого преподавателя, чьи методы работы она — то есть я — сочтет не соответствующими нормам, установленным Министерством магии. Я решила, что профессор Трелони профессионально некомпетентна. Я освободила ее от должности.

К огромному удивлению Гарри, Дамблдор продолжал улыбаться. Он опустил взгляд на профессора Трелони, которая все еще бурно всхлипывала, сидя на чемодане, и сказал:

— Разумеется, вы совершенно правы, профессор Амбридж. Как генеральный инспектор, вы имеете полное право увольнять моих преподавателей. Однако у вас нет права выгонять их из замка. Боюсь, — продолжал он с коротким вежливым поклоном, — что подобные решения по-прежнему находятся во власти директора, и мне угодно, чтобы профессор Трелони осталась жить в Хогвартсе.

При этих словах профессор Трелони не то икнула, не то истерически хихикнула:

— Н-нет, я п… пойду, Дамблдор! Я ос… оставлю Хогвартс и п… поищу счастья ещ… еще где-нибудь…

— Нет, — отрезал Дамблдор. — Мне угодно, чтобы вы остались, Сивилла. — Он повернулся к МакГонагалл. — Могу я попросить вас проводить Сивиллу обратно наверх, профессор МакГонагалл?

— Конечно, — ответила та. — Поднимайся, Сивилла…

Из толпы поспешно вышла профессор Стебль и взяла Трелони под другой локоть. Вместе они провели ее мимо Амбридж и двинулись вверх по мраморной лестнице. За ними суетливо побежал профессор Флитвик; вынув по дороге палочку, он скомандовал: *«Локомотор, чемоданы!»* — и багаж профессора Трелони, всплыв в воздух, тронулся вслед за ней. Сам Флитвик замыкал процессию.

Профессор Амбридж застыла на месте, не сводя глаз с Дамблдора, который по-прежнему благожелательно улыбался.

— И что, — сказала она шепотом, разнесшимся по всему вестибюлю, — что вы будете с ней делать, когда я назначу нового учителя прорицаний и ему понадобится ее комната?

— Это не проблема, — вежливо ответил Дамбл-

дор. — Видите ли, я уже нашел нового учителя прорицаний, а он предпочитает жить на первом этаже.

— Вы нашли?.. — пронзительно воскликнула Амбридж. — Вы? Позвольте напомнить вам, Дамблдор, что, согласно Декрету номер двадцать два…

— Министерство имеет право утвердить подходящего кандидата в том — и только в том — случае, если директор не сумеет найти такового, — сказал Дамблдор. — Но я рад сообщить вам, что в данном случае мне это удалось. Позвольте представить…

Он повернулся к раскрытым входным дверям, в которые затекала легкая ночная дымка. Гарри услышал стук копыт. В толпе учеников раздалось встревоженное шушуканье, и те, кто был ближе всех к дверям, торопливо попятились. Некоторые даже споткнулись, стремясь как можно скорее очистить дорогу новому преподавателю.

В туманной дымке появилось лицо, которое Гарри уже видел однажды глухой, страшной ночью в Запретном лесу, — снежно-белые волосы и поразительной синевы глаза, голова и торс человека на теле пегой лошади.

— Это Флоренц, — с беспечной улыбкой сказал

Дамблдор остолбенелой Амбридж. — Надеюсь, он вас устроит.

Глава 27

КЕНТАВР И ЯБЕДА

— Небось жалеешь теперь, что отказалась от прорицаний, а, Гермиона? — с ухмылочкой спросила Парвати.

Было время завтрака — после увольнения профессора Трелони прошло уже два дня, — и Парвати завивала себе ресницы волшебной палочкой, любуясь своим отражением на выпуклой стороне ложки. Нынче утром им предстоял первый урок с Флоренцем.

— Да не особенно, — равнодушно сказала Гермиона. В руках у нее был свежий номер «Ежедневного пророка». — Никогда не любила лошадей.

Она перевернула страницу и принялась бегло проглядывать рубрики.

— Это не лошадь, а кентавр! — возмущенно воскликнула Лаванда.

— И какой кентавр… — вздохнула Парвати.

— Все равно, ноги у него четыре, — холодно сказала Гермиона. — И вообще — мне казалось, что уход Трелони вас огорчил!

— Конечно, огорчил! — заверила ее Лаванда. — Мы ее навестили, принесли ей нарциссов — не тех гуделок, которые выращивает Стебль, а нормальных.

— И как она? — спросил Гарри.

— Горюет, бедняжка, — сочувственно сказала Лаванда. — Плачет и говорит, что скорее навсегда уедет из замка, чем останется здесь вместе с Амбридж, и я ее не виню — ведь Амбридж обошлась с ней просто ужасно, правда?

— Сдается мне, это еще только цветочки, — мрачно заметила Гермиона.

— Трудно поверить, — сказал Рон, наваливший себе полную тарелку яичницы с беконом. — По-моему, у Амбридж вряд ли получится вести себя хуже, чем теперь.

— Попомните мои слова, она захочет отомстить Дамблдору за то, что он назначил нового преподавателя, не посоветовавшись с ней, — сказала Гермиона, складывая газету. — Да еще получеловека. Видели, какое у нее было лицо, когда вошел Флоренц?

После завтрака Гермиона отправилась на свою нумерологию, а Гарри с Роном вышли в вестибюль следом за Парвати и Лавандой.

— Разве нам не в Северную башню? — уди-

вился Рон, когда Парвати обогнула мраморную лестницу.

Парвати презрительно оглянулась на него через плечо.

— Как, по-твоему, Флоренц поднялся бы на эту лестницу? Нам теперь в одиннадцатый кабинет — вчера на доске было объявление.

Кабинет номер одиннадцать находился на первом этаже — туда вел коридор, начинающийся в вестибюле напротив дверей в Большой зал. Гарри знал, что это одна из комнат, где занятия проводятся нерегулярно, и потому она выглядит слегка запущенной, как чулан или кладовая. Однако, войдя туда вслед за Роном, он с изумлением обнаружил, что очутился на настоящей лесной лужайке.

— Ну и ну!

Под его ногами пружинил мох, вокруг росли деревья; их густая листва затеняла окна и потолок, и сквозь нее лишь кое-где пробивались косые лучи света, так что в комнате царил мягкий зеленоватый полумрак. Опередившие их ученики расселись на земляном полу, опершись спиной о валуны и стволы деревьев, сложив руки на груди или крепко обхватив ими колени; видно было, что всем им немножко не по себе. Посреди лужай-

ки, на самом открытом месте, стоял Флоренц.

— Гарри Поттер! — сказал он, увидев Гарри, и протянул ему руку.

— Э… здрасьте, — сказал тот и обменялся рукопожатием с кентавром, который пристально, но без улыбки глядел на него своими ярко-синими глазами. — Э… очень рад вас видеть.

— Я тоже, — ответил кентавр, склонив белокурую голову. — Было предсказано, что мы встретимся вновь.

Гарри заметил на груди у Флоренца уже почти сошедший синяк в форме следа от копыта. Повернувшись, чтобы сесть вместе с остальными, он увидел, что однокашники смотрят на него с благоговейным трепетом: их поразил факт его знакомства с Флоренцем, которого они явно опасались.

Когда дверь закрылась и последний ученик уселся на пенек рядом с мусорной корзиной, Флоренц повел рукой, приглашая всех еще раз оглядеть комнату.

— Профессор Дамблдор, — сказал Флоренц, когда все утихли, — любезно оборудовал этот класс в духе моей привычной среды обитания. Я предпочел бы учить вас в Запретном лесу, который до понедельника был моим домом… однако теперь

это уже невозможно.

— Простите… э… сэр… — робко спросила Парвати, подняв руку, — а почему? Мы ходили туда с Хагридом, мы не боимся!

— Дело не в вашей смелости, а в моем положении, — сказал Флоренц. — Мне нельзя вернуться в лес. Мое стадо изгнало меня.

— Стадо? — смущенно повторила Лаванда, и Гарри понял, что она подумала о коровах. — То есть… а-а! — Ее лицо просветлело. — Так значит, вас много? — недоверчиво спросила она.

— Вас тоже вырастил Хагрид, как фестралов? — жадно спросил Дин.

Флоренц очень медленно повернул к нему голову, и Дин сразу понял, что сморозил страшную глупость.

— Я не… не хотел… извините, — выдавил из себя он и умолк.

— Кентавры — не слуги и не игрушки людей, — спокойно сказал Флоренц. Наступила пауза, затем Парвати снова подняла руку.

— Простите, сэр… а за что другие кентавры вас прогнали?

— За то, что я согласился стать вашим учителем по просьбе Дамблдора, — ответил Флоренц. — Они считают это предательством.

Теперь Гарри вспомнил, как почти четыре года назад кентавр Бейн кричал на Флоренца, усадившего Гарри к себе на спину; тогда он обозвал своего сородича «безмозглым мулом». «Уж не Бейн ли, — подумал Гарри, — лягнул Флоренца в грудь?»

— Давайте начнем, — сказал Флоренц. Он взмахнул длинным белым хвостом, поднял руку к лиственному пологу над головой, затем медленно опустил ее. Свет в комнате еще больше померк, так что они очутились как бы в вечернем лесу, и на потолке зажглись звезды. По классу прокатился вздох изумления, а Рон отчетливо прошептал: «Неслабо!»

— Лягте на спину, — спокойным голосом сказал Флоренц, — и посмотрите на небо. Те, кто умеет видеть, могут прочесть там судьбы наших народов.

Гарри растянулся на мху и уставился в потолок. Ему подмигнула оттуда маленькая красная звездочка.

— Я знаю, что вы проходили названия планет и их спутников по астрономии, — снова раздался невозмутимый голос Флоренца, — и что вы составляли карты передвижения звезд по небу. Кентавры много веков пытались разгадать

тайны этих перемещений. Наш опыт учит, что иногда по небесным картинам можно прозревать будущее…

— Профессор Трелони занималась с нами астрологией! — возбужденно сказала лежащая на спине Парвати, вытянув руку вверх. — Марс вызывает катастрофы, ожоги и всякое такое, а когда он стоит под углом к Сатурну, как сейчас, — она начертила над собой прямой угол, — это значит, что мы должны быть особенно осторожны в обращении с горячими предметами…

— Все это чепуха, выдуманная людьми, — спокойно промолвил Флоренц.

Рука Парвати бессильно шлепнулась на пол.

— Мелкие травмы, крошечные человеческие беды, — сказал Флоренц, с мягким постукиванием перебирая копытами. — Для огромной вселенной это не больше чем муравьиная суета, и движение планет никак на них не влияет.

— Профессор Трелони… — снова начала Парвати уязвленно и негодующе.

— Всего лишь человек, — просто сказал Флоренц. — И потому не может избавиться от шор и оков, мешающих вашему роду.

Гарри чуть-чуть повернул голову, чтобы посмотреть на Парвати. Она и несколько учеников,

лежащих по соседству с ней, выглядели глубоко оскорбленными.

— Возможно, у Сивиллы Трелони и вправду есть дар предвидения, — продолжал Флоренц, прохаживаясь перед ними; Гарри слышал, как его хвост с легким свистом рассекает воздух, — но по большей части она напрасно тратит свое время на глупую ворожбу, порождение человеческого самодовольства. Я же пришел сюда, чтобы обучить вас мудрости кентавров, беспристрастной и объективной. Мы ищем в небесах признаки великих перемен, приливов и отливов зла, которые порой отражаются там. Иногда понять то, что мы видим, удается только спустя десяток лет.

Флоренц указал на красную звездочку прямо над Гарри.

— В прошлом десятилетии приметы говорили о том, что в волшебном мире наступил всего лишь краткий перерыв между двумя войнами. Марс, вестник битвы, ярко светит над нами, а это значит, что вскоре борьба должна разразиться снова. Когда именно, кентавры пробуют предсказать, сжигая специально подобранные травы и листья и наблюдая за их дымом и пламенем…

Это был самый необычный из всех уроков, на которых довелось побывать Гарри. Они и впрямь

жгли на классном полу шалфей и листья мальвы, и Флоренц велел им вглядеться в едкий дым и попытаться различить там определенные формы и образы, но при этом, похоже, совершенно не огорчился, когда никто из них не увидел ни одного из описанных им знаков, — он сказал, что людям редко удается овладеть этим искусством, что кентавры осваивают его годами, а напоследок заявил, что слишком уж доверять таким вещам тоже глупо, поскольку в них порой ошибаются и сами кентавры. Он не походил ни на кого из знакомых Гарри преподавателей. Казалось, главное для него — не научить их тому, что знал он сам, а втолковать им, что никакое знание, даже нечеловеческое, не может быть абсолютным.

— Не скажешь, что он хоть в чем-то уверен по-настоящему, — тихонько сказал Рон, когда они тушили свой костерок из листьев мальвы. — Я в том смысле, что неплохо бы узнать что-нибудь более конкретное об этой скорой войне, как по-твоему?

В коридоре, прямо над классной дверью, прозвенел звонок, и все подскочили; Гарри совершенно забыл, что они по-прежнему в замке, а вовсе не в глухом лесу. Ученики потянулись наружу — вид у них был такой, словно они еще не успели толком

очнуться.

Гарри с Роном уже собрались выйти вслед за ними, как вдруг Флоренц сказал:

— Пожалуйста, Гарри Поттер, на два слова.

Гарри обернулся, и кентавр шагнул к нему. Рон замешкался.

— Вам тоже можно остаться, — сказал ему Флоренц. — Только закройте дверь.

Рон поспешил выполнить просьбу.

— Вы ведь друг Хагрида, Гарри Поттер? — сказал кентавр.

— Да, — ответил Гарри.

— Тогда предупредите его от меня. Его план не работает. Лучше ему оставить свои попытки.

— Оставить попытки? — тупо повторил Гарри.

— Да, потому что его план не работает, — кивнув, подтвердил Флоренц. — Я бы и сам предупредил Хагрида, но я изгнанник — теперь мне было бы неразумно приближаться к Лесу… У Хагрида и так немало хлопот — не хватает ему еще битвы кентавров.

— Но… что Хагрид пытается сделать? — тревожно спросил Гарри.

Флоренц бесстрастно посмотрел на него.

— Недавно Хагрид оказал мне большую услугу, — ответил он, — да и прежде я искренне

уважал его за любовь ко всем живым существам. Я не выдам его тайны. Но Хагрида нужно привести в чувство. Его план не работает. Скажите ему это, Гарри Поттер. Желаю вам удачи.

* * *

Радость, которую испытал Гарри после опубликования в «Придире» своего интервью, давным-давно испарилась. Скучный март сменился ветреным апрелем, и его жизнь опять превратилась в нескончаемую череду забот и проблем.

Амбридж по-прежнему посещала все занятия по уходу за магическими существами, поэтому выполнить поручение Флоренца было очень трудно. Наконец Гарри умудрился сделать это, притворившись, что забыл свою книжку «Фантастические звери и места их обитания», и вернувшись назад после урока. Когда он передал Хагриду предостережение Флоренца, лесничий воззрился на него заплывшими, подбитыми глазами, явно растерянный, однако вскоре, похоже, снова пришел в себя.

— Славный малый этот Флоренц, — хрипло сказал он, — только не знает он, чего говорит. Все у меня получается, вот оно как.

— Что ты задумал, Хагрид? — серьезно спро-

сил Гарри. — Тебе ведь надо быть осторожным: Амбридж уже выгнала Трелони, и это, по-моему, только начало. Если ты сделаешь что-нибудь запрещенное, она тебя…

— Есть вещи поважней, чем сохранить работу, — сказал Хагрид, хотя руки его при этом слегка задрожали и тазик с пометом нарлов грохнулся на пол. — Ты насчет меня того, не волнуйся; иди себе, он парень-то ничего.

Гарри волей-неволей пришлось оставить Хагрида, который принялся убирать рассыпанный помет, но на душе у него по дороге к замку скребли кошки.

А тем временем, как ни уставали напоминать им преподаватели и Гермиона, СОВ неуклонно приближались. Все пятикурсники в разной степени страдали от стресса, однако Ханна Аббот первой получила от мадам Помфри успокаивающую настойку, когда вдруг ударилась в слезы на травологии и заявила в промежутках между всхлипами, что она слишком тупа, в жизни не сдаст экзаменов и потому хочет сейчас же бросить школу.

Если бы не ОД, Гарри пришлось бы совсем туго. Иногда ему казалось, что он живет только ради этих часов в Выручай-комнате, ради этого

изнурительного труда, который тем не менее приносил ему истинное удовлетворение: всякий раз, глядя на своих товарищей и видя, как далеко они продвинулись, Гарри ощущал прилив гордости. Порой он гадал, как поведет себя Амбридж, когда все члены ОД получат на экзамене по защите от Темных искусств отметку «превосходно».

Они наконец приступили к работе над Патронусами, о чем все мечтали уже давно, хотя Гарри старался почаще напоминать ребятам, что создать Патронуса посреди ярко освещенной классной комнаты гораздо проще, чем вызвать его при встрече, например, с тем же дементором.

— Да брось ты занудствовать! — весело воскликнула Чжоу, любуясь тем, как ее Патронус, серебристый лебедь, парит под потолком Выручай-комнаты — дело было накануне Пасхи. — Они такие милашки!

— Важно не то, что они милашки, а то, что они способны защитить тебя, — терпеливо сказал Гарри. — Нам бы сюда боггарта или кого-нибудь вроде него: я сам впервые вызвал Патронуса, когда боггарт притворился дементором, и благодаря этому научился…

— Но это было бы страшно! — сказала Лаванда, палочка которой испускала клубы серебряного

дыма. — И у меня… до сих пор… не получается! — сердито добавила она.

У Невилла тоже не все ладилось. Он скривился от напряжения, но из кончика его палочки вылетали только слабые струйки серебристого пара.

— Ты должен думать о чем-нибудь очень хорошем, — напомнил ему Гарри.

— Я стараюсь, — несчастным голосом ответил Невилл; он и впрямь так старался, что его лицо блестело от пота.

— По-моему, у меня получилось, Гарри! — завопил Симус, которого Дин сегодня привел на занятия по ОД в первый раз. — Смотри-ка… Ах ты, ушел! Но это точно было что-то волосатое, Гарри!

Патронус Гермионы, отливающая серебром выдра, весело скакал вокруг нее.

— Они и правда симпатичные, — сказала она, с удовольствием наблюдая за выдрой.

Дверь Выручай-комнаты открылась и снова закрылась. Гарри оглянулся посмотреть на вошедшего, но никого не увидел. Лишь через несколько секунд он заметил, что те, кто был ближе к двери, притихли, и сразу же почувствовал, как его дергают за мантию примерно на высоте коленки. Он опустил взгляд и, к своему огромно-

му изумлению, увидел домовика Добби, который, как обычно, таращился на него из-под восьми шерстяных шапок.

— Привет, Добби! — сказал он. — Что ты здесь… что стряслось?

Глаза эльфа еще больше выкатились от испуга, и он весь дрожал. Ребята, обступившие Гарри, молчали; вся комната следила за Добби. Несколько Патронусов, вызванных самыми удачливыми из них, растаяли серебристой дымкой, и в комнате стало гораздо темнее, чем раньше.

— Гарри Поттер, сэр… — пропищал эльф, дрожа с головы до пят. — Гарри Поттер, сэр… Добби пришел предупредить вас… но всем домовым эльфам велели молчать…

Он ринулся в стену головой вперед. Гарри, уже знакомый со страстью Добби к самобичеванию, сделал попытку поймать его, но восемь шапок эльфа спружинили, и он мячиком отскочил от каменной стены. Гермиона и еще несколько девочек вскрикнули от испуга и жалости.

— Что случилось, Добби? — спросил Гарри, хватая эльфа за крошечную ручку и удерживая его подальше от всего, с помощью чего он мог бы нанести себе увечье.

— Гарри Поттер… она… она…

Свободным кулачком Добби изо всех сил треснул себя по носу. Гарри схватил и его тоже.

— Кто «она», Добби?

Но он сразу все понял: ведь только одна женщина могла повергнуть эльфа в такую панику. Добби взглянул на него чуть окосевшими глазами и беззвучно что-то пробормотал.

— Амбридж? — спросил Гарри, и внутри у него все похолодело.

Добби кивнул и попытался размозжить себе голову о колени Гарри. Тот отодвинул его на расстояние вытянутой руки.

— И что она? Добби… неужели она узнала про это… про нас… про ОД?

Он прочел ответ на искаженном от страха личике эльфа. Поскольку Гарри держал его за руки, он попытался лягнуть сам себя и упал на колени.

— Она идет сюда? — тихо спросил Гарри.

— Да, Гарри Поттер! — взвыл Добби. — Она сейчас будет здесь!

Гарри распрямился и оглядел неподвижных, пораженных ужасом ребят, не сводивших взгляда с бьющегося у него в руках эльфа.

— ЧЕГО ВЫ ЖДЕТЕ? — заорал он. — БЕГИТЕ!

Они тут же бросились к выходу; у двери образовалась пробка, но потом кто-то первым выскочил

наружу. Гарри слышал их топот в коридоре и понадеялся, что у них хватит смекалки не бежать прямиком в свои спальни. Было всего только без десяти девять. Если им удастся отсидеться в библиотеке или совятнике поблизости…

— Бежим, Гарри! — взвизгнула Гермиона из кучи народа у двери.

Он сгреб в охапку Добби, который по-прежнему пытался нанести себе травму потяжелее, и пристроился в конец очереди на выход.

— Добби! Это приказ: возвращайся обратно на кухню к другим эльфам, а если она спросит, не предупреждал ли ты меня, соври, что нет! — сказал Гарри. — И я запрещаю тебе себя истязать! — добавил он и отпустил эльфа, наконец-то переступив порог и захлопнув за собой дверь.

— Спасибо вам, Гарри Поттер! — пропищал Добби и пустился наутек. Гарри посмотрел по сторонам — его друзья убегали так быстро, что он успел заметить в обоих концах коридора лишь чьи-то мелькнувшие пятки, — и кинулся направо: там был туалет для мальчиков, и если он успеет туда добежать, можно будет притвориться, что он был там все время…

— А-АХ!

кто-то словно схватил его за ноги, и он с разбегу эффектно грохнулся на пол, проехав на животе футов шесть, прежде чем остановиться совсем. Сзади захихикали. Он перекатился на спину и увидел Малфоя, который прятался в нише под безобразной вазой в форме дракона.

— Заклятье-подножка, Поттер! — сказал он. — Эй, профессор! ПРОФЕССОР! Один есть!

Из-за дальнего угла выскочила Амбридж — запыхавшаяся, но с победоносной улыбкой.

— Это он! — радостно воскликнула она, едва завидев лежащего на полу Гарри. — Прекрасно, Драко, прекрасно! Просто великолепно — пятьдесят очков Слизерину! Я сама его заберу… Встать, Поттер!

Гарри поднялся на ноги, исподлобья глядя на них обоих. Он еще никогда не видел Амбридж такой счастливой. Она схватила Гарри за руку, сжав его локоть точно тисками, и широко улыбнулась стоящему рядом Малфою.

— Вы бегите и попробуйте изловить еще кого-нибудь, Драко, — сказала она. — Пусть ваши проверят библиотеку… пусть ловят всех, кто тяжело дышит… надо заглянуть в туалеты, мисс Паркинсон возьмет на себя те, что для девочек… ну, вперед… а вы, — добавила она самым вкрад-

чивым, самым зловещим тоном, на какой только была способна, — вы, Поттер, пойдете со мной в кабинет директора.

Малфой отправился прочь, а Гарри с Амбридж через несколько минут очутились у каменной горгульи. Гарри гадал, сколько его товарищей попало в плен. Он подумал о Роне — миссис Уизли его убьет — и о том, что будет с Гермионой, если ее выгонят прямо перед СОВ. А Симус вообще пришел к ним в первый раз… А у Невилла все стало так хорошо получаться…

— Летучая шипучка, — сказала Амбридж. Каменная горгулья отскочила в сторону, стена за ней разошлась, и они ступили на движущуюся винтовую лестницу. Когда они добрались до двери с молотком в виде грифона, Амбридж не дала себе труда постучать — не выпуская Гарри, она сразу же устремилась внутрь.

В кабинете было полным-полно народу. Дамблдор с безмятежным видом сидел за своим столом, соединив вместе кончики пальцев. Профессор МакГонагалл застыла рядом с ним — на лице ее было очень напряженное выражение. Корнелиус Фадж, министр магии, покачивался с пятки на носок перед камином, явно весьма довольный сложившейся ситуацией; Кингсли Бруствер и

приземистый колдун с жесткими, очень короткими волосами — Гарри его не узнал — стояли по обе стороны двери, точно стражи, а у стены, с пером и тяжелым свитком пергамента наготове, маячила конопатая, очкастая фигура Перси Уизли.

Сегодня портреты прежних директоров и директрис даже не притворялись спящими. Все они глядели на собравшихся серьезно и внимательно. Когда появился Гарри, некоторые из них метнулись в рамы к соседям и что-то быстро зашептали им на ухо.

Когда дверь за вошедшими захлопнулась, Амбридж ослабила хватку, и Гарри высвободил локоть. Корнелиус Фадж воззрился на него с мстительным удовлетворением.

— Так, — сказал он. — Так-так-так…

Гарри ответил ему самым агрессивным взглядом, на какой только был способен. Сердце у него колотилось как безумное, но сознание, как ни странно, было спокойным и ясным.

— Он хотел удрать в Гриффиндорскую башню, — сказала Амбридж. В ее голосе прозвучала нотка неприличного восторга, которую Гарри уже слышал, когда она упивалась страданиями профессора Трелони в вестибюле замка. — Его поймал Малфой-младший.

— Да что вы говорите? — одобрительно сказал Фадж. — Надо будет обязательно передать Люциусу. Итак, Поттер… думаю, вам известно, почему вы здесь оказались?

Гарри открыл рот, собираясь ответить вызывающим «да», но не успело это слово слететь у него с губ, как в поле его зрения случайно попало лицо Дамблдора. Директор не смотрел прямо на Гарри — его взгляд был устремлен в точку, находящуюся где-то над правым плечом мальчика, — но Гарри заметил, как он почти неуловимо качнул головой вправо и влево.

И Гарри резко дал задний ход.

— Д… нет.

— Прошу прощения? — удивился Фадж.

— Нет, — твердо повторил Гарри.

— Значит, вам это неизвестно?

— Нет, неизвестно.

Фадж недоверчиво перевел взор с Гарри на профессора Амбридж. Гарри воспользовался моментом, чтобы еще раз украдкой взглянуть на Дамблдора, который поощрил ковер микроскопическим кивком и намеком на подмигивание.

— Стало быть, — голос Фаджа был до предела насыщен сарказмом, — вы не имеете ни малейшего понятия о том, почему профессор Амбридж

привела вас в этот кабинет? Вы и не знаете, что нарушили школьные правила?

— Школьные правила? Нет.

— Может, вы и декретов Министерства не нарушали? — сердито поправился Фадж.

— Во всяком случае, я этого не заметил, — вежливо сказал Гарри.

Его сердце по-прежнему сильно билось. Пожалуй, соврать Фаджу стоило хотя бы ради того, чтобы увидеть, как его физиономия нальется кровью, но Гарри абсолютно не представлял себе, как выкрутиться из создавшегося положения: если кто-то донес Амбридж о занятиях ОД, то ему, их главному организатору, уже пора собирать чемоданы.

— Так для вас новость, — Фадж даже слегка охрип от гнева, — что в пределах школы раскрыта нелегальная ученическая организация?

— Да, новость, — сказал Гарри, попытавшись изобразить на лице невинное удивление.

— Я полагаю, министр, — шелковым голоском сказала из-за его спины Амбридж, — дело пойдет быстрее, если я приглашу сюда нашего информатора.

— Да-да, пожалуйста, — кивнул Фадж. Когда Амбридж покинула комнату, он угрожающе

посмотрел на Дамблдора. — Нет ничего лучше хорошего свидетеля, верно, Дамблдор?

— Совершенно верно, Корнелиус, — с серьезным видом кивнул тот.

Несколько минут никто не смотрел друг на друга, все ждали. Затем за спиной Гарри снова открылась дверь. Мимо него прошла Амбридж; она вела за плечо кудрявую подружку Чжоу Мариэтту, прячущую лицо в ладонях.

— Не пугайся, дорогая, тебе нечего бояться, — ласково сказала профессор Амбридж, похлопывая ее по спине, — ну-ну, все хорошо. Ты правильно поступила. Министр очень тобою доволен. Он сообщит твоей матушке, какая ты славная девочка. Знаете ли, министр, — добавила она, обращаясь к Фаджу, — мать Мариэтты — та самая мадам Эджком из Отдела магического транспорта, специалист по летучему пороху. Она помогает нам контролировать камины в Хогвартсе.

— Великолепно, просто великолепно! — с восхищением сказал Фадж. — Дочурка вся в мать, а? Ну, поди сюда, милочка, взгляни на меня, не смущайся, давай послушаем, что ты можешь… Ах, разорви меня горгулья!

Мариэтта подняла голову, и потрясенный Фадж отскочил назад, чуть не свалившись в камин.

Подол его мантии начал дымиться, он ругнулся и поспешил затоптать его. С горестным стоном Мариэтта натянула воротник своей мантии до самых глаз, но все уже успели увидеть, что ее лицо обезображено россыпью пурпурных прыщей, образовавших на щеках и носу надпись «ЯБЕДА».

— Не обращай внимания на эти пятнышки, дорогая, — нетерпеливо сказала Амбридж, — отпусти мантию и расскажи министру…

Но Мариэтта испустила еще один приглушенный стон и отчаянно замотала головой.

— Ну хорошо, глупышка, я сама расскажу. — Амбридж наградила ее очередной тошнотворной улыбкой и продолжала: — Так вот, министр, мисс Эджком пришла ко мне в кабинет сегодня вечером, после ужина, и сказала, что хочет мне кое-что сообщить. Она сказала, что если я загляну в тайную комнату на восьмом этаже, которую иногда называют Выручай-комнатой, то обнаружу там нечто, могущее меня заинтересовать. Я задала ей несколько вопросов, и она призналась, что имеет в виду некое сборище. К несчастью, в этот момент на нее навели порчу, — Амбридж сделала нетерпеливый жест в сторону прячущей лицо Мариэтты, — после чего, заметив свое отражение в зеркале, девушка крайне расстроилась

и не сумела сообщить мне дополнительные подробности.

— Ах вот оно что, — сказал Фадж, буравя Мариэтту взглядом, который сам он, видимо, считал по-отцовски теплым и участливым, — это было очень смело с твоей стороны, милочка, прийти к профессору Амбридж. Ты поступила абсолютно правильно. А теперь будь добра, расскажи мне, что происходило на этом вашем собрании? Какова была его цель? Кто там присутствовал?

Но у Мариэтты отнялся язык; она лишь снова помотала головой, таращась на них испуганными, широко раскрытыми глазами.

— Неужели нельзя расколдовать ее, чтобы она могла говорить спокойно? — с нетерпением сказал министр, обращаясь к Амбридж.

— Пока мне это не удалось, — неохотно призналась та, и Гарри почувствовал прилив гордости за Гермиону, сумевшую наложить на Мариэтту такое коварное заклятие. — Но даже если она не заговорит, это неважно: я могу продолжить за нее. Помните, министр, в октябре я посылала вам отчет, где сообщалось, что Поттер встречался с группой своих соучеников в «Кабаньей голове», в Хогсмиде? Так вот…

— Откуда вам известно об этой встрече? — пре-

рвала ее профессор МакГонагалл.

— У меня есть свидетель, Минерва. Уилли Уиддершинс случайно оказался в этом трактире в то же время, что и они. Конечно, он был весь в бинтах, но на его слух это не повлияло, — самодовольно сказала Амбридж. — Он слышал каждое слово, произнесенное Поттером, и сразу же поспешил в школу, чтобы доложить мне…

— Так вот почему его не судили за извергающие унитазы! — подняв брови, сказала МакГонагалл. — Надо же, как интересно работает наша правоохранительная система!

— Гнусные коррупционеры! — взревел портрет дородного красноносого волшебника, висящий над столом Дамблдора. — В наше время Министерство не заключало сделок с мелкими мошенниками — нет, сэр!

— Благодарю вас, Фортескью, довольно, — мягко осадил его Дамблдор.

— Поттер назначил встречу с соучениками, — продолжала Амбридж, — чтобы убедить их вступить в нелегальное общество ради изучения чар и заклинаний, которые Министерство сочло неподходящими для детей школьного возраста…

— Полагаю, что здесь вы ошибаетесь, Долорес, — спокойно промолвил Дамблдор, глядя на

нее поверх очков-половинок, низко сидящих на его длинном кривом носу.

Гарри удивленно посмотрел на него. Он не понимал, каким образом Дамблдор надеется вызволить его из беды: ведь если Уилли Уиддершинс и впрямь слышал в «Кабаньей голове» каждое его слово, выкрутиться будет попросту невозможно.

— Ого! — воскликнул Фадж, снова покачиваясь на носках. — Ну-ка, ну-ка, давайте послушаем очередную байку, высосанную из пальца, чтобы спасти Поттера от неприятностей! Прошу вас, Дамблдор, продолжайте — наверное, Уилли Уиддершинс солгал? Или в тот день в «Кабаньей голове» был вовсе не Поттер, а его брат-близнец? Или вы предложите обычное простое объяснение, включающее петлю времени, ожившего мертвеца и парочку невидимых дементоров?

Перси Уизли угодливо хохотнул:

— Очень смешно, министр, очень!

Гарри еле сдержал себя — так ему хотелось дать Перси пинка. Но тут он, к своему изумлению, заметил, что на губах Дамблдора тоже играет легкая улыбка.

— Нет-нет, Корнелиус, я вовсе не отрицаю, что Гарри в тот день был в «Кабаньей голове» и набирал учеников в группу для изучения защиты

от Темных искусств. Уверен, что и сам Гарри не станет этого отрицать. Мне только хотелось бы обратить ваше внимание на то, что Долорес не права, полагая, будто эта группа была нелегальной. Если помните, декрет Министерства, запрещающий ученикам объединяться в общества, вступил в силу лишь через два дня после встречи, организованной в Хогсмиде, а потому Гарри отнюдь не нарушил тогда никаких правил.

У Перси был такой вид, словно его стукнули по макушке чем-то очень тяжелым. Фадж застыл, приподнявшись на носках и забыв опуститься; челюсть у него отвисла.

Первой опомнилась Амбридж.

— Все это весьма изобретательно, директор, — сладко улыбаясь, сказала она, — но теперь со времени вступления в силу Декрета об образовании номер двадцать три прошло уже почти полгода. Если первая встреча и не была противозаконной, то уж все последующие определенно являлись таковыми.

— Что ж, — сказал Дамблдор, с вежливым любопытством разглядывая ее поверх переплетенных пальцев, — пожалуй, они являлись бы таковыми, если бы имели место, но можете ли вы доказать,

что ученики действительно продолжали встречаться?

Пока Дамблдор говорил, Гарри услыхал позади себя еле слышный шепот — похоже, это шептал Кингсли. Еще он мог бы поклясться, что почувствовал какое-то слабое дуновение, словно мимо него порхнула птица. Однако, опустив глаза, он ничего не увидел.

— Доказать? — повторила Амбридж, и рот ее, по обыкновению, растянулся в отвратительной жабьей усмешке. — Где вы были, Дамблдор? Зачем, по-вашему, мы пригласили сюда мисс Эджком?

— Разве она говорила, что встречи происходили в течение полугода? — спросил Дамблдор, поднимая брови. — У меня сложилось впечатление, что она сообщила вам только о сегодняшней встрече.

— Мисс Эджком, — тут же сказала Амбридж, — пожалуйста, дорогая, скажите нам, как долго продолжаются эти встречи. Можете просто кивнуть или покачать головой — я уверена, что ваши прыщики не станут от этого хуже. Итак, они происходили регулярно в течение последних шести месяцев?

В животе у Гарри что-то стремительно ухнуло вниз. Наконец-то они уперлись в тупик, из кото-

рого не сможет выбраться даже Дамблдор.

— Просто кивните или покачайте головой, дорогая, — улещивала Мариэтту Амбридж. — Ну же, не бойтесь, все худшее уже позади.

Все, кто был в кабинете, устремили взгляд на открытую часть лица Мариэтты. Над мантией виднелись только ее глаза и кудрявая челка. Может быть, в этом была виновата игра пламени в камине, но ее глаза показались Гарри какими-то пустыми. И тут, к полному его изумлению, Мариэтта покачала головой.

Амбридж быстро взглянула на Фаджа, потом снова на Мариэтту.

— Наверное, вы не поняли вопроса, голубушка. Я спрашиваю, посещали ли вы подобные встречи на протяжении последних шести месяцев. Вы их посещали, не так ли?

Мариэтта опять покачала головой.

— Что это означает, дорогая? — кисло спросила Амбридж.

— Мне кажется, тут не может быть сомнений, — резко произнесла профессор МакГонагалл. — Девушка хочет сказать, что в последние полгода не было никаких тайных встреч. Я права, мисс Эджком?

Мариэтта кивнула.

— Но ведь сегодня встреча была! — свирепо воскликнула Амбридж. — Она состоялась в Выручай-комнате, и вы сами сообщили мне об этом, мисс Эджком! И организовал ее Поттер, именно он, который… Зачем вы опять болтаете головой, глупая девица?

— Как правило, — холодно промолвила МакГонагалл, — люди болтают головой, когда хотят сказать «нет». Поэтому, если только мисс Эджком не пользуется каким-то доселе неведомым человечеству языком…

Разъяренная Амбридж схватила Мариэтту, повернула ее к себе лицом и принялась трясти изо всех сил. Не прошло и секунды, как Дамблдор вскочил на ноги, подняв палочку. Кингсли дернулся вперед, и Амбридж отскочила от Мариэтты, тряся в воздухе руками, словно обожгла их.

— Я не могу позволить вам заниматься рукоприкладством в моей школе, Долорес, — сказал Дамблдор. Впервые за весь вечер он выглядел рассерженным.

— Вам надо успокоиться, мадам Амбридж, — сказал Кингсли спокойным, звучным голосом. — Разве вам нужны неприятности?

— Да, — едва слышно сказала Амбридж, глядя на могучую фигуру Кингсли снизу вверх. — То

есть нет… вы правы, Бруствер… я… я забылась.

Мариэтта застыла на месте как вкопанная. Казалось, она не заметила ни яростной атаки профессора, ни своего освобождения; она по-прежнему закрывала мантией пол-лица, и взгляд ее, устремленный прямо вперед, оставался пустым.

В мозгу у Гарри забрезжила внезапная догадка — он вспомнил шепот Кингсли и то слабое дуновение.

— Долорес, — сказал Фадж с видом человека, решившего покончить с чем-то раз и навсегда, — сегодняшняя встреча — та, которая, по нашим сведениям, все-таки состоялась…

— Да, — сказала Амбридж, снова взяв себя в руки, — да… так вот, мисс Эджком поставила меня в известность, и я немедленно отправилась на восьмой этаж в сопровождении нескольких учеников, заслуживающих доверия, дабы поймать виновников на месте преступления. Однако их, по-видимому, предупредили об этом, ибо, поднявшись на восьмой этаж, мы обнаружили, что они разбегаются в разные стороны. Впрочем, это неважно. У меня есть все их имена: мисс Паркинсон заглянула в Выручай-комнату в поисках улик, и они там нашлись.

И, к ужасу Гарри, она вынула из кармана список имен, висевший на стене в Выручай-комнате, и протянула его Фаджу.

— Как только я увидела в этом списке фамилию Поттера, мне стало ясно, с чем мы имеем дело, — понизив голос, сказала она.

— Отлично, — сказал Фадж, и по его лицу расползлась улыбка, — отлично, Долорес. И… ничего себе!

Он взглянул на Дамблдора, который до сих пор стоял рядом с Мариэттой, держа палочку в опущенной руке.

— Вы видели, как они себя называют? — медленно произнес Фадж. — Отряд Дамблдора!

Дамблдор шагнул вперед и взял у Фаджа пергамент. Он посмотрел на список, составленный Гермионой полгода назад, и на несколько мгновений словно потерял дар речи. Затем поднял глаза, улыбаясь.

— Что ж, игра окончена, — просто сказал он. — Вам угодно получить от меня письменное признание, Корнелиус? Или довольно будет устного, при свидетелях?

Гарри заметил, как МакГонагалл и Кингсли переглянулись. На их лицах был написан страх. Он не понимал, что происходит; Фадж, видимо,

тоже.

— Признание? — протянул министр. — Что… я не…

— Отряд Дамблдора, Корнелиус, — сказал Дамблдор, все еще улыбаясь, и помахал списком имен перед носом Фаджа. — Не Поттера, а Дамблдора.

— Но…

Вдруг выражение лица у министра изменилось: он понял. Испуганно отступив назад, он с воплем вновь отскочил от огня.

— Вы? — прошептал он, опять наступая на тлеющую мантию.

— Именно, — любезно подтвердил Дамблдор.

— Так это организовали вы?

— Я, — ответил Дамблдор.

— Вы набрали учеников в свой… в свой отряд?

— Сегодня должна была состояться первая встреча, — сказал Дамблдор, кивая. — Просто ради проверки — захотят ли они присоединиться ко мне. Разумеется, теперь я вижу, что совершил ошибку, пригласив мисс Эджком.

Мариэтта кивнула. Фадж перевел взгляд с нее на Дамблдора; его грудь раздулась.

— Так это был заговор против меня! — завопил он.

— Именно, — весело подтвердил Дамблдор.

— НЕТ! — выкрикнул Гарри.

Кингсли метнул на него предостерегающий взгляд, МакГонагалл угрожающе расширила глаза, но Гарри внезапно понял, что собирается сделать Дамблдор, и не мог этого допустить.

— Нет… Профессор Дамблдор!..

— Не кричи, Гарри, иначе тебе придется покинуть мой кабинет, — спокойно произнес Дамблдор.

— Да, помолчите, Поттер! — пролаял Фадж, который все еще смотрел на Дамблдора, выкатив глаза, со смешанным выражением ужаса и радости. — Так-так-так… я пришел сюда, рассчитывая выгнать Поттера, а вместо этого…

— Вместо этого получили повод арестовать меня, — улыбаясь, сказал Дамблдор. — Это все равно что потерять кнат и найти галеон, верно?

— Уизли! — закричал Фадж Он буквально дрожал от восторга. — Уизли, вы записали все, что он сказал? У вас есть его признание?

— Да, сэр, записал, сэр! — живо отозвался Перси. Его нос был забрызган чернилами — так быстро он строчил на пергаменте.

— И то, что он пытался создать отряд для борьбы с Министерством, и то, что он замышлял дурное против меня?

— Да, сэр, все есть, сэр! — радостно откликнулся Перси, проглядывая свои записи.

— Что ж, замечательно. — В голосе Фаджа звучало ликование. — Немедленно отошлите копию ваших записей в «Ежедневный пророк», Уизли. Если попадется быстрая сова, мы сможем поспеть к утреннему выпуску! — Перси стрелой вылетел из комнаты, хлопнув дверью, и Фадж снова повернулся к Дамблдору. — А вы сейчас под конвоем отправитесь в Министерство. Там вам предъявят официальное обвинение, а суда вы будете дожидаться в Азкабане!

— Ах, — вздохнул Дамблдор, — ну вот. Так я и знал, что мы наткнемся на это маленькое затруднение.

— Затруднение? — сказал Фадж. Его голос все еще звенел от восторга. — Не вижу никаких затруднений, Дамблдор!

— Мне очень жаль, — виновато сказал Дамблдор, — но боюсь, что их вижу я.

— Неужели?

— Да. Дело в том, что вы заблуждаетесь, полагая, что я — как это говорится? — пойду с вами по-хорошему. Я вовсе не собираюсь идти по-хорошему, Корнелиус. У меня нет абсолютно никакого желания сидеть в Азкабане. Конечно, я мог бы

оттуда сбежать, но зачем тратить время? Скажу вам честно, что могу придумать миллион способов провести его с гораздо большей пользой.

Лицо Амбридж краснело на глазах; можно было подумать, что она наливается кипятком. Фадж уставился на Дамблдора с очень глупым видом, точно ошеломленный внезапной затрещиной. Потом из его горла вырвался тихий сдавленный возглас, и он оглянулся на Кингсли и человека с короткими седыми волосами — единственных участников этой сцены, до сих пор хранивших молчание. Коротышка подбодрил Фаджа кивком и двинулся вперед. Гарри увидел, как его рука будто бы случайно скользнула к карману.

— Не стоит, Долиш, — вежливо сказал Дамблдор. — Я уверен, что вы прекрасный мракоборец — недаром же вы получили «превосходно» по всем ЖАБА, — но если вы попытаетесь… э… применить силу, я вынужден буду причинить вам вред.

Человек по имени Долиш заморгал. Вид у него при этом был довольно дурацкий. Он посмотрел на Фаджа, словно не знал, что делать дальше, и надеялся получить от министра подсказку.

— Так что же, — ухмыльнулся Фадж, уже успевший прийти в себя, — надеетесь справиться с

Долишем, Бруствером, Долорес и мной в одиночку, а, Дамблдор?

— Нет, клянусь бородой Мерлина, — улыбаясь, ответил Дамблдор, — разве только вы меня заставите…

— Ему не придется действовать в одиночку! — громко заявила МакГонагалл, сунув руку в складки мантии.

— Нет-нет, Минерва! — резко возразил Дамблдор. — Не вмешивайтесь — вы нужны Хогвартсу!

— Ну, хватит молоть чепуху! — сказал Фадж, вынимая свою палочку. — Долиш! Бруствер! Взять его!

В комнате словно вспыхнула серебряная молния; раздался грохот, точно выстрелили из пушки, и пол содрогнулся; чья-то рука схватила Гарри за шиворот и повалила на пол, и тут же сверкнула новая серебряная вспышка; несколько портретов вскрикнули, пронзительно каркнул Фоукс, и в воздух поднялось облако пыли. Закашлявшись, Гарри увидел, как перед ним кто-то с шумом упал; послышался вопль, звук удара, и кто-то воскликнул: «Ай!»; потом раздался звон бьющегося стекла, чьи-то поспешные шаркающие шаги, стон… и наступила тишина.

Гарри с усилием повернул голову, чтобы по-

смотреть, кто это едва не задушил его, и увидел скорчившуюся позади МакГонагалл — одной рукой она держала Гарри, другой Мариэтту. В воздухе, постепенно оседая, все еще плавала пыль. Пытаясь отдышаться, Гарри увидел, что к ним направляется чья-то высокая фигура.

— С вами все в порядке? — спросил Дамблдор.

— Да! — ответила МакГонагалл, поднимаясь с пола и увлекая за собой Гарри с Мариэттой.

Пыль уже почти осела. Перед их глазами возник разгромленный кабинет: стол Дамблдора был перевернут, все маленькие столики на высоких ножках опрокинулись, а серебряные приборы разлетелись вдребезги. Фадж, Амбридж, Кингсли и Долиш лежали на полу не двигаясь. Феникс Фоукс описывал над ними широкие круги; Гарри услышал его тихое пение.

— К сожалению, пришлось наслать заклятие и на Кингсли, иначе его стали бы подозревать, — негромко сказал Дамблдор. — Он очень быстро смекнул, что к чему, и изменил память Мариэтты, когда все отвернулись, — поблагодарите его за меня, ладно, Минерва? Все остальные скоро очнутся. Лучше, если они не будут знать, что мы с вами успели перемолвиться словечком, — вы должны вести себя так, словно все случилось в

одно мгновение, словно их просто сбили с ног, они ничего не вспомнят…

— Куда вы сейчас, Дамблдор? — прошептала МакГонагалл. — На площадь Гриммо?

— Нет-нет, — с угрюмой улыбкой ответил Дамблдор. — Я не собираюсь прятаться. Скоро Фадж пожалеет, что прогнал меня из Хогвартса, обещаю вам.

— Профессор Дамблдор… — начал было Гарри.

Он не знал, с чего начать: сказать, как ему стыдно за свою затею с ОД, ставшую причиной всех этих бед, или попытаться объяснить, как больно ему из-за того, что Дамблдор жертвует собой, спасая его от изгнания. Но Дамблдор перебил его прежде, чем он успел собраться с мыслями.

— Выслушай меня, Гарри, — твердо сказал он. — Ты должен учиться окклюменции не жалея сил, понимаешь? Делай все, что велит тебе профессор Снегг, и обязательно тренируйся каждый вечер перед сном, чтобы оградить свое сознание от кошмаров… скоро ты поймешь, зачем это нужно, а пока обещай мне…

Человек по имени Долиш зашевелился. Дамблдор сжал руку Гарри:

— Помни: береги свое сознание…

Но едва пальцы Дамблдора сомкнулись на за-

пястье Гарри, как шрам на его лбу пронзила боль, и он снова ощутил это страшное, неудержимое змеиное желание броситься на Дамблдора, укусить его, разорвать на части…

— …ты поймешь, — прошептал Дамблдор.

Фоукс сделал очередной круг и подлетел к Дамблдору. Тот отпустил Гарри, поднял руку и ухватился за длинный золотой хвост феникса. Вспыхнуло пламя, и оба они исчезли.

— Где он? — завопил Фадж, приподнявшись с пола. — *Где он?*

— Не знаю! — воскликнул Кингсли, поднимаясь вслед за ним.

— Он не мог трансгрессировать! — закричала Амбридж. — Из Хогвартса нельзя выбраться таким образом…

— Лестница! — крикнул Долиш, бросился к двери, рывком распахнул ее и исчез за порогом. Кингсли и Амбридж выбежали за ним следом. Фадж помедлил, затем не спеша встал и отряхнулся. Наступила долгая, томительная пауза.

— Итак, Минерва, — ядовито сказал Фадж, поправляя разорванный рукав, — боюсь, это конец вашего друга Дамблдора.

— Вы так думаете? — презрительно откликнулась МакГонагалл.

Фадж точно не слышал ее. Он озирал разгром в кабинете. Некоторые портреты злобно зашипели на него, а кто-то даже сделал неприличный жест.

— Отведите-ка этих двоих в постель, — сказал Фадж, снова переводя взгляд на профессора МакГонагалл, и кивнул в сторону Гарри и Мариэтты.

МакГонагалл молча повела учеников к двери. Когда она закрылась за ними, Гарри услышал голос Финеаса Найджелуса.

— Вы знаете, министр, наши с Дамблдором взгляды во многом расходятся… однако нельзя не признать, что у него есть стиль…

Глава 28

САМОЕ ПЛОХОЕ ВОСПОМИНАНИЕ СНЕГГА

ПРИКАЗ МИНИСТЕРСТВА МАГИИ

Долорес Джейн Амбридж (генеральный инспектор) назначается директором Школы чародейства и волшебства «Хогвартс» вместо Альбуса Дамблдора.

Основанием настоящего приказа является

Декрет об образовании № 28.

Подписано: Корнелиус Освальд Фадж, министр магии.

К утру эти объявления были развешаны по всей школе, но они не объясняли, почему всем до единого обитателям замка стало известно, что Дамблдору удалось бежать несмотря на усилия двух мракоборцев, генерального инспектора, министра магии и его младшего помощника. Везде, куда бы ни пошел Гарри, только и говорили что об этом побеге, и хотя некоторые его детали в ходе пересказывания слегка изменились (Гарри

слышал, как одна второкурсница уверяла другую, будто Фадж сейчас лежит в больнице святого Мунго с тыквой вместо головы), можно было лишь удивляться тому, с какой достоверностью передавались основные факты. Все, например, знали, что Гарри с Мариэттой присутствовали в кабинете Дамблдора, когда там разворачивались главные события вчерашнего дня, а поскольку Мариэтта после этого очутилась в больничном крыле, Гарри как единственный доступный очевидец происшедшего из числа учеников был вынужден отвечать на бесконечные вопросы желающих узнать все из первых уст.

— Дамблдор скоро вернется, — уверенно заявил Эрни Макмиллан по дороге с урока травологии, выслушав рассказ Гарри. — Они не смогли надолго прогнать его, когда мы были на втором курсе, и теперь у них тоже ничего не выйдет. Толстый Проповедник мне сказал, — он заговорщически понизил голос, так что Гарри, Рону и Гермионе пришлось придвинуться к нему поближе, — что вчера вечером, когда они обыскали замок и территорию, но так и не нашли Дамблдора, Амбридж пыталась снова попасть к нему в кабинет, а горгулья ее не пустила. Шиш ей, а не кабинет директора. — Эрни ухмыльнулся. — Небось чуть

от злости не лопнула!

— Да уж конечно — она, наверное, спала и видела, как сидит за директорским столом, — мстительно сказала Гермиона, когда они поднимались по каменным ступеням к парадной двери замка. — Мечтала, как будет командовать другими учителями, эта тупая, надутая, завистливая старая…

— Ты уверена, что хочешь закончить эту фразу, Грэйнджер?

Из-за двери выскочил Драко Малфой, а за ним показались и Крэбб с Гойлом. Бледное заостренное личико Малфоя светилось злобным торжеством.

— Боюсь, придется мне снять по нескольку очков с Гриффиндора и Пуффендуя, — протянул он.

— Ты не имеешь права штрафовать старост, Малфой, — тут же возразил Эрни.

— Я знаю, что старосты не имеют права штрафовать друг друга, — откликнулся Малфой. — Но члены Инспекционной дружины…

— Чего? — резко спросила Гермиона.

— Инспекционной дружины, Грэйнджер. — Малфой показал на крошечное серебряное «И», вышитое на его мантии прямо под значком старосты. — Особая группа учащихся, поддер-

живающих Министерство магии и отобранных лично профессором Амбридж. Так вот, члены Инспекционной дружины *имеют*, право снимать очки… так что, Грэйнджер, тебе минус пять очков за грубость в адрес нового директора. С Макмиллана пять за то, что возражал мне. Поттер, с тебя пять за то, что ты мне не нравишься. А у тебя, Уизли, рубашка не заправлена, поэтому с тебя тоже пять. Ах да, чуть не забыл — ты же грязнокровка, Грэйнджер, так что с тебя за это еще десять.

Рон выхватил палочку, но Гермиона оттолкнула ее, шепнув: «Не надо!»

— Очень умно с твоей стороны, Грэйнджер, — усмехнулся Малфой. — Новый директор — новые порядки… веди себя хорошо, Потти… Мое почтение, король…

И он, страшно довольный собой, зашагал прочь вместе с Крэббом и Гойлом.

— Он блефует. — Голос Эрни звучал испуганно. — Не может быть, чтобы им разрешили снимать очки… это же нелепо… какой тогда смысл назначать старост, и вообще…

Но Гарри, Рон и Гермиона уже автоматически повернулись к ряду огромных песочных часов, установленных в стенных нишах и предназначенных для подсчета очков, — у каждого

факультета были свои часы. Утром первое место делили между собой Гриффиндор и Когтевран. Теперь же, прямо у них на глазах, несколько драгоценных камешков поднялись, переместившись из нижней половины часов в верхнюю. Похоже, ничего не изменилось только в одних часах — слизеринских, наполненных изумрудами.

— Заметили? — послышался голос Фреда.

Они с Джорджем секунду назад спустились по мраморной лестнице и подошли к Гарри, Рону, Гермионе и Эрни, замершим перед песочными часами.

— Малфой только что оштрафовал нас всех очков на пятьдесят, — свирепо сказал Гарри, глядя, как в гриффиндорских часах всплывает вверх еще горсть камней.

— Ага, и Монтегю на перемене пытался сделать с нами то же самое, — сказал Джордж.

— Что значит «пытался»? — немедленно спросил Рон.

— А он не успел договорить, — пояснил Фред. — Дело в том, что мы засунули его головой вперед в Исчезательный шкаф на втором этаже.

Гермиона была потрясена.

— Но вам за это здорово влетит!

— Не раньше, чем Монтегю вернется, а это вряд

ли произойдет в ближайшую неделю-другую: я не знаю, куда мы его отправили, — хладнокровно ответил Фред. — В любом случае мы решили больше не волноваться насчет того, влетит нам или нет.

— Как будто это вас раньше волновало, — заметила Гермиона.

— Конечно, волновало, — сказал Джордж. — Нас ведь до сих пор не исключили, правда?

— Мы всегда знали, где остановиться, — сказал Фред.

— Ну разве что иногда чуть-чуть увлекались, — сказал Джордж.

— Но до настоящего членовредительства дело никогда не доходило, — сказал Фред.

— А теперь? — осторожно спросил Рон.

— Ну, теперь… — сказал Джордж.

— Когда Дамблдора больше нет… — сказал Фред.

— Мы считаем, что немножко членовредительства…

— Это как раз то, чего заслуживает наш драгоценный новый директор.

— Не надо! — прошептала Гермиона. — Пожалуйста, держите себя в руках! Она будет счастлива, если вы дадите ей повод вас выгнать!

— Неужели ты не понимаешь, Гермиона? — сказал Фред с улыбкой. — Нам совершенно не хочется здесь оставаться. Да мы ушли бы хоть сейчас — просто мы считаем, что сначала надо расквитаться за Дамблдора. В общем, как бы там ни было, — сказал он, взглянув на свои часы, — первый этап вот-вот начнется. На вашем месте я бы сейчас отправился в Большой зал обедать — тогда всем учителям будет ясно, что вы не имеете к этому никакого отношения.

— К чему — к этому? — тревожно спросила Гермиона.

— Увидишь, — ответил Джордж. — Идите, нечего тут торчать.

Фред с Джорджем повернулись и исчезли в толпе учеников, спускающихся по мраморной лестнице к дверям Большого зала: время было обеденное. Эрни — вид у него был крайне обеспокоенный — пробормотал что-то на счет недоделанного задания по трансфигурации и поспешил прочь.

— Пожалуй, нам тоже стоит поторопиться, — взволнованно сказала Гермиона. — Просто на всякий случай…

— Пошли, — сказал Рон, и они втроем двинулись в Большой зал, но едва Гарри переступил его

порог, лишь мельком успев увидеть стремительно несущиеся по потолку белые облака, как кто-то похлопал его по плечу. Обернувшись, он едва не столкнулся нос к носу со смотрителем Филчем и поспешно отступил на несколько шагов: Филч лучше выглядел издалека.

— Директор хочет тебя видеть, Поттер, — с гнусной улыбочкой сказал смотритель.

— Это не я, — невпопад ляпнул Гарри, вспомнив предупреждение близнецов. Брылы Филча затряслись от беззвучного смеха.

— Совесть-то нечиста, — просипел он. — Иди за мной.

Гарри оглянулся на Рона с Гермионой — оба выглядели встревоженными. Он пожал плечами и зашагал вслед за Филчем обратно в вестибюль, навстречу потоку голодных учеников.

Настроение у Филча было самое радужное: пока они поднимались по мраморной лестнице, он что-то гнусаво напевал себе под нос. Когда они очутились на втором этаже, он сказал:

— В замке происходят большие перемены, Поттер.

— Я заметил, — холодно откликнулся Гарри.

— Да-с… Сколько лет я твердил Дамблдору, что он слишком много вам позволяет, — с противным

смешком сказал Филч. — Вы, поганцы, небось не стали бы разбрасывать повсюду вонючую дробь, кабы знали, что в моей власти отхлестать вас до крови? Никто ведь и не подумал бы запускать в коридорах кусачие тарелки, если б я мог подвешивать вас за лодыжки у себя в кабинете? Но когда вступит в силу Декрет об образовании номер двадцать девять, тогда, Поттер, у меня будет право делать все это… А еще она попросила министра подписать приказ об изгнании Пивза… да, теперь, при новом начальстве, тут много чего изменится…

Амбридж явно постаралась привлечь Филча на свою сторону, подумал Гарри; беда в том, что он и впрямь может оказаться для нее ценным помощником, поскольку в том, что касается знания тайных ходов и закоулков Хогвартса, Филч уступает разве что близнецам Уизли.

— Ну вот, — ухмыльнулся он, трижды стукнув в дверь кабинета Амбридж, и распахнул ее. — Поттер доставлен, мадам.

Кабинет Амбридж, хорошо знакомый Гарри благодаря его многочисленным наказаниям, почти не изменился — только поперек ее стола лежал массивный деревянный брусок с надписью золотыми буквами: «ДИРЕКТОР». В груди у

Гарри что-то оборвалось, когда он увидел, что его «Молния» и «Чистометы» Фреда и Джорджа прикованы цепями к прочному железному штырю, торчащему из стены за спиной Амбридж. Сама она сидела за столом и что-то усердно писала на куске розового пергамента, но при виде вошедших широко улыбнулась.

— Благодарю вас, Аргус, — сладким голоском сказала она.

— Что вы, что вы, мадам, — отозвался Филч, кланяясь так низко, насколько позволял ему ревматизм, и пятясь обратно за порог.

— Садитесь, — коротко сказала Амбридж, кивнув на стул. Гарри сел. Некоторое время она продолжала писать. Он смотрел, как резвятся мерзкие котята на тарелочках над ее головой, гадая, какой ужасный сюрприз она приберегла для него на этот раз.

— Ну, — сказала она наконец, отложив перо. Вид у нее был довольный, точно у жабы, готовящейся проглотить особенно аппетитную муху. — Что будете пить?

— Что? — спросил Гарри, уверенный, что ослышался.

— Пить, мистер Поттер, — сказала она, улыбаясь еще шире. — Чай? Кофе? Тыквенный сок?

По очереди называя напитки, она каждый раз взмахивала волшебной палочкой, и на столе появлялись очередной полный стакан или чашка.

— Спасибо, ничего, — сказал Гарри.

— Но я хочу, чтобы вы со мной выпили, — сказала она. Ее голос стал угрожающе приторным. — Выбирайте же.

— Ладно… тогда чай, — пожав плечами, сказал Гарри.

Она встала и, повернувшись к нему спиной, разыграла целое представление, доливая в чашку молоко. Затем выбралась с нею из-за стола, улыбаясь зловещей елейной улыбкой.

— Прошу, — сказала она, протягивая ему чашку. — Пейте, пока не остыло. Итак, мистер Поттер… по-моему, теперь, после печальных событий вчерашнего вечера нам с вами стоит кое-что обсудить.

Он ничего не ответил. Она уселась обратно в свое кресло и терпеливо ждала. Несколько долгих минут протекли в молчании, потом она игриво воскликнула:

— Что же вы не пьете!

Он поднял чашку к губам и вдруг, неожиданно для себя самого, снова опустил ее. У одного из отвратительных котят, изображенных на

тарелочках, были огромные, круглые голубые глаза, точь-в-точь такие же, как волшебный глаз мракоборца Грюма, и Гарри внезапно подумал, что бы сказал Грюм, узнай он, что Гарри принял угощение из рук заведомого врага.

— В чем дело? — спросила Амбридж Она по-прежнему не сводила с него глаз. — Положить вам сахару?

— Нет, — сказал Гарри.

Он снова поднял ко рту чашку и притворился, что отпивает из нее, но на самом деле даже не разжал губ. Улыбка Амбридж стала шире.

— Хорошо, — прошептала она. — Очень хорошо. А теперь… — Она чуть подалась вперед. — Где Альбус Дамблдор?

— Понятия не имею, — быстро ответил Гарри.

— Пейте, пейте, — сказала она, все еще улыбаясь. — Итак, мистер Поттер, оставим детские игры. Я знаю, что вам известно, куда он направился. Вы с Дамблдором были заодно с самого начала. Подумайте о своем положении, мистер Поттер…

— Я не знаю, где он.

Гарри вновь притворился, что пьет.

— Очень хорошо, — сказала она с недовольным видом. — В таком случае будьте добры, сообщите мне, где сейчас находится Сириус Блэк…

Желудок Гарри сделал сальто, а рука задрожала так, что чашка застучала о блюдце. Он поднес чашку ко рту и наклонил, не разжимая губ; струйка горячей жидкости пролилась ему на мантию.

— Не знаю, — сказал он, пожалуй, чересчур быстро.

— Мистер Поттер, — сказала Амбридж, — позвольте напомнить вам, что именно я едва не поймала преступника Блэка в гриффиндорском камине. Я отлично знаю, что тогда, в октябре, он встречался не с кем иным, как с вами, и, будь у меня доказательства, ни один из вас не гулял бы сейчас на свободе, смею вас уверить. Итак, я повторяю, мистер Поттер: где Сириус Блэк?

— Не имею понятия, — громко сказал Гарри. — Ни малейшего.

Они смотрели друг на друга так долго, что глаза у Гарри начали слезиться. Потом Амбридж встала.

— Ну хорошо, Поттер, на этот раз я вам поверю, но имейте в виду: за мной стоит вся мощь Министерства. Все каналы связи со школой находятся под наблюдением. Диспетчер Сети летучего пороха контролирует все камины Хогвартса — за исключением, разумеется, моего собственного. Моя Инспекционная дружина вскрывает всю

совиную почту, как входящую, так и исходящую. А мистер Филч следит за всеми тайными ходами, ведущими в замок и из замка. Если я найду хотя бы намек на улику…

БУ-УМ!

Пол под их ногами вздрогнул. Кресло Амбридж чуть не поехало в сторону, и она испуганно схватилась за стол.

— Что такое?..

Она смотрела на дверь. Гарри воспользовался моментом, чтобы опорожнить свою почти полную чашку в ближайшую вазу с сухими цветами. Он слышал беготню и крики на нижних этажах.

— Марш на обед, Поттер! — рявкнула Амбридж, выхватила палочку и стремглав кинулась прочь из кабинета. Гарри подождал секунду-другую, затем тоже вышел посмотреть, отчего поднялась такая суматоха.

Все выяснилось очень скоро. Этажом ниже царил настоящий хаос. кто-то (и Гарри догадывался кто) устроил прямо в школе гигантский волшебный фейерверк.

Драконы, состоящие целиком из зеленых и золотых искр, плавали под потолком, с грохотом изрыгая пламя; ядовито-розовые огненные колеса пяти футов в диаметре с угрожающим свистом

проносились мимо, как летающие тарелки; ракеты с длинными хвостами из ослепительных серебряных звезд метались по коридорам, отскакивая от стен; шутихи выписывали в воздухе нескромные слова; повсюду, куда ни глянь, точно бомбы, взрывались хлопушки — и вместо того, чтобы сгореть и с шипением потухнуть, все эти пиротехнические штучки словно набирали силу и начинали вытворять что-то совсем уж немыслимое.

Посреди лестницы, оторопев от ужаса, застыли Филч и Амбридж. На глазах у Гарри одно из самых больших огненных колес, решив, по-видимому, что внизу негде развернуться, понеслось к ним со зловещим «вз-з-з-з-з». Завопив от страха, оба шарахнулись в сторону, а колесо вылетело в окно прямо за ними и усвистело куда-то в поля. Тем временем несколько драконов и большая летучая мышь, за которой тянулся пурпурный дымовой след, воспользовались открытой дверью в конце коридора, чтобы просочиться на третий этаж.

— Скорее, Филч, скорее! — взвизгнула Амбридж. — Если им не помешать, они заполонят всю *школу… Остолбеней!*

Из ее палочки вырвался луч красного света и угодил в одну из ракет. Вместо того чтобы заме-

реть в воздухе, она взорвалась с такой силой, что прожгла дыру в картине с ведьмой, замечтавшейся на зеленой лужайке; та успела отскочить как раз вовремя и пару секунд спустя втиснулась в рамку соседней картины, где несколько волшебников, занятых игрой в карты, поспешно вскочили, чтобы освободить ей место.

— Не заклинайте их, Филч! — сердито крикнула Амбридж, словно это была инициатива несчастного смотрителя.

— Не буду, мадам! — пропыхтел Филч, хотя ему, сквибу, легче было бы проглотить шутихи, чем наложить на них заклятие. Кинувшись к ближайшему чулану, он вытащил оттуда метлу и принялся махать ею, пытаясь сшибить шутихи в полете. Не прошло и минуты, как прутья метлы вспыхнули.

Гарри решил, что с него достаточно; смеясь, он пригнулся, пробежал немного по коридору до гобелена, за которым была известная ему потайная дверь, и, нырнув туда, обнаружил за ней Фреда и Джорджа — слушая вопли Амбридж и Филча, близнецы давились от хохота.

— Эффектно, — ухмыляясь, тихо сказал Гарри. — Очень эффектно… Пожалуй, доктор Фейерверкус может с легкой душой отправляться

на покой…

— Да, недурно, — прошептал Джордж, вытирая слезы, от смеха выступившие у него на глазах. — Надеюсь, теперь она попробует применить к ним Заклятие исчезновения… От этого их сразу станет в десять раз больше.

Пиротехнические изобретения близнецов продолжали гореть и носиться по школе до самого вечера. Хотя они причиняли немалый ущерб — особенно разрушительны были хлопушки, — других преподавателей это, похоже, не слишком огорчало.

— Ай-яй-яй, — саркастически промолвила профессор МакГонагалл, когда один из драконов, с ревом изрыгающих клубы пламени, залетел в класс, где она проводила урок. — Мисс Браун, будьте так любезны, сбегайте к директору и поставьте ее в известность о том, что у нас в классе находится сбежавший элемент волшебного фейерверка.

В результате всего этого новоиспеченному директору пришлось весь день бегать по школе в ответ на вызовы преподавателей, ни один из которых почему-то не мог избавиться от шутих и хлопушек без ее помощи. Когда отзвенел последний звонок и гриффиндорцы с тяжелыми

сумками направились в свою башню, Гарри с огромным удовлетворением увидел растрепанную, закопченную Амбридж — мокрая от пота, она выходила из класса профессора Флитвика.

— Благодарю вас, профессор! — послышался тонкий, скрипучий голосок Флитвика. — Конечно, я и сам мог бы загасить все эти ракеты, но у меня не было уверенности, что я имею на это право.

И он с лучезарной улыбкой закрыл дверь за Амбридж, чье лицо исказилось от злобы.

Вечером Фреда и Джорджа чествовали в гриффиндорской гостиной как героев. Даже Гермиона пробилась через возбужденную толпу, чтобы их поздравить.

— Очень качественная работа, — восхищенно сказала она.

— Спасибо, — ответил Джордж. Он выглядел удивленным и польщенным одновременно. — Это Фантастический фейерверк «Фокус-покус». Жаль только, что мы израсходовали весь свой запас, — теперь все снова придется начинать с нуля.

— Но дело того стоило, — сказал Фред, который принимал заказы от гомонящих однокашников. — Если хочешь занять очередь, Гермиона,

имей в виду: пять галеонов за Набор начинающего негодяя и двадцать — за порцию Великолепной взрывчатки…

Гермиона вернулась к столу — Гарри и Рон уже сидели там и гипнотизировали взглядом свои сумки, точно надеясь, что домашнее задание выскочит оттуда и начнет выполняться само.

— А почему бы нам сегодня не отдохнуть? — весело сказала Гермиона, глядя, как за окном с визгом проносится одна из хвостатых серебряных ракет Уизли. — В пятницу начинаются пасхальные каникулы — тогда времени у нас будет навалом…

— Ты хорошо себя чувствуешь? — недоверчиво спросил Рон, уставившись на нее.

— Раз уж ты спросил, — жизнерадостно сказала Гермиона, — я, так и быть, признаюсь, что чувствую себя немножко… непокорной.

Часом позже, когда они с Роном отправились в спальню, Гарри еще слышал где-то вдалеке грохот взрывающихся хлопушек, а когда он разделся, мимо башни пролетела шутиха, упрямо выписывая в темноте слово «ТРАХ-ТАРАРАХ».

Зевая, он улегся в постель. Без очков яркие вспышки за окном казались ему смазанными пятнами, похожими на сверкающие, прекрас-

ные и таинственные облака в ночном небе. Он повернулся на бок, гадая, как чувствует себя Амбридж после первого дня на посту Дамблдора и какова будет реакция Фаджа, когда он узнает, что школа сегодня чуть не развалилась на куски. Улыбаясь себе под нос, Гарри смежил веки. Хлопки и взрывы ракет на территории школы словно отодвинулись куда-то… а может быть, это он уносился от них в неведомую даль…

Он очутился в знакомом коридоре Отдела тайн. Он летел к простой черной двери… «Откройся… откройся…»

И она послушалась. Он оказался в круглой комнате с многочисленными дверями, пересек ее, коснулся ручки такой же двери напротив, и она отворилась внутрь…

Теперь он был в длинной прямоугольной комнате, наполненной странным механическим тиканьем. На стенах плясали световые зайчики, но он не стал разбираться, откуда они взялись… ему нужно было двигаться дальше…

В дальнем конце комнаты была дверь… она тоже открылась, стоило ему коснуться ее…

И тут он очутился в слабо освещенном зале, просторном и высоком, точно храм, и весь его сплошь занимали ряды бесконечных стеллажей,

на которых тесно лежали маленькие, покрытые пылью стеклянные шарики… Сердце Гарри быстро забилось от возбуждения… теперь он знал, куда идти… он побежал вперед, но его шагов не было слышно в этом гигантском безлюдном помещении…

Здесь, в этом зале, хранилась вещь, которая была ему очень-очень нужна…

Эта вещь была нужна ему… или кому-то другому…

Его шрам болел…

БА-БАХ!

Гарри проснулся мигом, растерянный и рассерженный. В темной спальне смеялись сразу несколько человек.

— Класс! — сказал Симус, чей силуэт вырисовывался на фоне окна. — По-моему, вон то огненное колесо столкнулось с ракетой — похоже, они сцепились друг с другом, ух ты!

Гарри слышал, как Рон с Дином вылезли из постелей, чтобы тоже насладиться интересным зрелищем. Он лежал неподвижно и тихо, пока боль в шраме не отпустила, и тогда на него волной накатило разочарование. Он чувствовал себя так, словно у него в самый последний момент отняли чудесное лакомство: ведь на этот раз он

подошел так близко к цели!

Теперь напротив окон гриффиндорской башни парили розовые крылатые поросята в серебряных блестках. Гарри лежал и слушал восторженные крики гриффиндорцев с других этажей. Внезапно, с приливом тошнотворного ужаса, он вспомнил, что завтра у него урок окклюменции.

* * *

Весь следующий день Гарри боялся, что Снегг поймет, как глубоко в недра Отдела тайн ему удалось пробраться накануне. Его мучил стыд, поскольку со времени их последнего урока он ни разу не практиковался в окклюменции: слишком уж много событий произошло со дня побега Дамблдора, и он был уверен, что не сможет освободить сознание от посторонних мыслей, даже если будет стараться изо всех сил. Однако он сомневался, что Снегг сочтет это достаточным оправданием.

Для облегчения совести он пытался наверстать упущенное, сидя на других занятиях, но у него ничего не получалось. Стоило ему затихнуть, чтобы изгнать из сознания все мысли и чувства, как Гермиона сразу же спрашивала, что с ним такое, да и вообще — попробуй тут отключись,

когда преподаватели то и дело бомбардируют учеников контрольными вопросами!

После ужина, готовый к самому худшему, он отправился в кабинет Снегга. Однако посреди вестибюля его нагнала Чжоу.

— Пойдем туда, — сказал Гарри, обрадовавшись поводу хоть ненамного отодвинуть встречу со Снеггом, и поманил ее в угол, где стояли огромные песочные часы. В гриффиндорских уже почти ничего не осталось. — Ну как ты? Амбридж не пытала тебя насчет ОД?

— Нет-нет, — поспешно ответила Чжоу. — Нет, я только… ну, я просто хотела сказать… Гарри, мне и во сне не могло присниться, что Мариэтта нас выдаст…

— Понятно, — хмуро сказал Гарри. Он и вправду хотел бы, чтобы Чжоу более придирчиво выбирала себе друзей. По его сведениям, Мариэтта до сих пор находилась в больничном крыле и мадам Помфри пока не удалось сделать с ее прыщами ровным счетом ничего, но это было слабым утешением.

— На самом деле она очень славная, — сказала Чжоу. — Она просто совершила ошибку…

Гарри изумленно воззрился на нее.

— Славная? Ошибку? Да она продала всех нас,

включая тебя!

— Но… мы же все вывернулись, правда? — умоляюще сказала Чжоу. — Ты ведь знаешь, у нее мама работает в Министерстве, и ей по-настоящему трудно…

— Отец Рона тоже работает в Министерстве! — отрубил Гарри. — А у него на лице, если ты еще не заметила, почему-то нет надписи «ябеда»…

— Со стороны Гермионы Грэйнджер это просто свинство! — вспыхнула Чжоу. — Она должна была сказать нам, что заколдовала список…

— По-моему, это была замечательная идея, — холодно сказал Гарри.

Чжоу залилась румянцем, и ее глаза заблестели ярче.

— Ну конечно, я забыла — это ведь придумала твоя драгоценная Гермиона…

— Только не надо опять реветь, — предостерегающе сказал Гарри.

— Я и не собираюсь! — выкрикнула она.

— Вот и отлично, — сказал он. — У меня сейчас и без того хватает проблем.

— Тогда иди и разбирайся со своими проблемами! — разъяренно воскликнула Чжоу, круто развернулась и гордо зашагала прочь.

Кипя от злости, Гарри спустился по лестнице

в подземелье Снегга. Хотя он знал, что Снеггу гораздо проще будет проникнуть в его сознание, если он придет к нему раздраженным и негодующим, ему ничего не удалось с собой поделать — по дороге к кабинету Снегга он продолжал придумывать, что еще стоило бы сказать Чжоу насчет Мариэтты.

— Вы опоздали, Поттер, — холодно сказал Снегг, когда Гарри затворил за собой дверь.

Снегг стоял спиной к Гарри, вынимая, как обычно, пряди своих мыслей и бережно опуская их в одолженный у Дамблдора Омут памяти. Положив в каменную чашу последнюю серебристую прядь, он повернулся к вошедшему лицом.

— Итак, — сказал он, — вы упражнялись самостоятельно?

— Да, — соврал Гарри, на всякий случай не сводя глаз с ножки письменного стола.

— Ну что ж, скоро мы это проверим, — спокойно заметил Снегг. — Вынимайте палочку, Поттер.

Гарри занял свою обычную позицию — по другую сторону стола, лицом к Снеггу. Его сердце сильно стучало — он все еще был сердит на Чжоу и вдобавок боялся, что Снеггу удастся извлечь у него из памяти слишком многое.

— Итак, на счет три, — лениво сказал Снегг. —

Раз… два…

Дверь кабинета со стуком распахнулась, и внутрь влетел Драко Малфой.

— Профессор Снегг, сэр… ох, извините…

Малфой с удивлением переводил взгляд со Снегга на Гарри.

— Ничего, Драко, — сказал Снегг, опуская палочку. — Поттер здесь, потому что я был вынужден назначить ему дополнительные занятия по зельям.

На физиономии Малфоя вспыхнуло злобное удовлетворение — в последний раз Гарри видел его таким, когда Амбридж неожиданно явилась инспектировать Хагрида.

— Я не знал, — сказал он, ядовито ухмыляясь, и Гарри почувствовал, как у него запылали щеки. Он дорого дал бы за то, чтобы выкрикнуть в лицо Малфою правду или, еще лучше, угостить его хорошеньким заклятием.

— Ну, Драко, так в чем же дело? — спросил Снегг.

— Профессору Амбридж нужна ваша помощь, сэр, — сказал Малфой. — Они нашли Монтегю, сэр, — кто-то засунул его в туалет на пятом этаже.

— Монтегю сказал, кто это был? — осведомился

Снегг.

— Нет, сэр, у него вроде как в голове помутилось.

— Ну что ж, очень жаль, Поттер, — сказал Снегг. — Придется нам перенести занятия на завтрашний вечер.

Он повернулся и вышел из кабинета. Прежде чем двинуться следом, Малфой за его спиной беззвучно произнес: «Дополнительные занятия?» — и показал Гарри язык.

Сердито засунув палочку обратно в карман, Гарри тоже направился к двери. По крайней мере, теперь он получил еще двадцать четыре часа на то, чтобы поупражняться в окклюменции. Он понимал, что должен сказать судьбе спасибо за свое неожиданное избавление, хотя оно досталось ему дорогой ценой: ведь теперь Малфой наверняка раззвонит по всей школе, что ему назначили лишние часы по зельеварению.

Он был уже у самого порога, когда вдруг увидел дрожащий на косяке блик света. Он остановился и загляделся на него, вспоминая что-то… потом вспомнил: этот блик был немного похож на те, которые он видел прошлой ночью во сне — во второй комнате, которую он миновал, путешествуя по Отделу тайн.

Он обернулся. Свет исходил из каменной чаши, стоящей на столе Снегга. Ее серебристо-белое содержимое играло и переливалось внутри.

Мысли Снегга… Те, что он прятал от Гарри на случай, если тому удастся прорвать блокировку его сознания…

Гарри не сводил глаз с Омута памяти, и в нем все сильней разгоралось любопытство… Что же именно Снегг так хотел от него скрыть?

Серебристые блики дрожали на стене… Напряженно думая, Гарри сделал один шаг к столу, потом другой. Может быть, мысли, которые Снегг так упорно прячет, имеют какое-то отношение к Отделу тайн?

Гарри оглянулся. Теперь его сердце колотилось еще быстрей и сильнее, чем раньше. Сколько времени понадобится Снеггу, чтобы вызволить Монтегю из туалета? Вернется ли он после этого сразу к себе в кабинет или поведет Монтегю в больничное крыло? Наверняка поведет… Монтегю — капитан команды Слизерина по квиддичу, и Снегг наверняка захочет убедиться, что с ним все в порядке.

Гарри подошел к столу вплотную и склонился над Омутом памяти, вглядываясь в его глубины. Помедлил, прислушиваясь, затем снова вынул

палочку. И в кабинете, и в коридоре царила полная тишина. Он тихонько коснулся палочкой содержимого Омута.

Серебряная субстанция внутри закружилась очень быстро. Гарри наклонился над ней и увидел, что она стала прозрачной. Он снова смотрел вниз, в какую-то комнату, словно бы через круглое окошко в потолке… Если он ничего не путал, это был Большой зал.

Его дыхание уже затуманивало поверхность мыслей Снегга… его волю будто парализовало… если он сделает то, к чему его так неодолимо тянет, это будет чистым безумием… он дрожал… Снегг мог вернуться в любой момент… Но Гарри подумал о рассерженной Чжоу, об издевательски ухмыляющемся Малфое, и в нем вспыхнула безрассудная решимость.

Он набрал полную грудь воздуха и окунул лицо в мысли Снегга. Пол кабинета тут же накренился, и Гарри полетел в Омут памяти головой вперед.

Он падал в холодной тьме, отчаянно кувыркаясь по дороге, и вдруг…

Гарри стоял посреди Большого зала, но четыре факультетских стола куда-то пропали. Вместо них в зале было больше сотни отдельных парт, обращенных в одну сторону, и за всеми сидели

ученики — низко склонив головы, они что-то писали на пергаментных свитках. Тишину нарушали только скрип перьев да редкий шелест поправляемого пергамента. Очевидно, здесь шел экзамен.

Солнечные лучи потоками струились через высокие окна на склоненные головы, которые на ярком свету отливали золотым, медным, каштановым… Гарри осторожно огляделся вокруг. Где-то здесь должен быть Снегг… ведь это *его* память…

И он действительно был тут — за партой, прямо позади Гарри. Гарри смотрел как зачарованный. Снегг-подросток выглядел чахлым и нездоровым, словно деревце, выращенное в темноте. Его прямые сальные волосы подметали столешницу, от крючковатого носа до пергамента, на котором он строчил, было не больше полудюйма. Гарри зашел к нему за спину и прочел на экзаменационном листе заглавие: «Стандарты Обучения Волшебству. Защита от Темных искусств».

Значит, Снеггу сейчас примерно столько же, сколько Гарри, — лет пятнадцать-шестнадцать. Его рука так и летала по пергаменту — он написал по крайней мере на фут больше своих ближайших соседей, хотя его почерк был совсем мелким

и строчки тесно лепились друг к другу.

— Еще пять минут!

Гарри чуть не подскочил от неожиданности. Обернувшись, он увидел невдалеке, между рядов, макушку профессора Флитвика. Профессор двигался мимо мальчика с взъерошенными черными волосами… сильно взъерошенными черными волосами…

Гарри дернулся так резко, что сбил бы соседние парты, будь он из плоти и крови, но вместо этого просто скользнул, как во сне, через два ряда в третий. Спина черноволосого мальчишки стала ближе… вот он распрямился, отложил перо и подвинул к себе пергамент, словно для того, чтобы перечитать написанное…

Гарри остановился перед партой и посмотрел сверху вниз на своего пятнадцатилетнего отца.

Его захлестнуло волной возбуждения — он точно смотрел на самого себя, но с некоторыми заметными отличиями. Глаза у Джеймса были светло-карие, нос чуть длиннее, чем у Гарри, а на лбу не хватало шрама, но у обоих были одинаково тонкие черты лица, те же губы, те же глаза; вихор у Джеймса на затылке был точно таким же, как у Гарри, его руки могли бы быть руками Гарри, и Гарри сразу понял, что, если его отец встанет, они

окажутся практически одного роста.

Джеймс отчаянно зевнул и взъерошил волосы, растрепав их еще сильнее. Потом, кинув взгляд на профессора Флитвика, повернулся на сиденье и ухмыльнулся мальчишке, сидящему на четыре ряда дальше его.

С новым приливом восторга Гарри увидел Сириуса, поднявшего большой палец в ответ на ухмылку Джеймса. Сириус лениво откинулся на спинку стула, наклонив его так, что он стоял только на двух ножках. Он был очень обаятелен: его прямые черные волосы падали на лоб с небрежным изяществом, о каком не могли бы и мечтать ни Джеймс, ни Гарри, и сидящая за ним девочка с надеждой глядела на него, хотя он, похоже, вовсе ее не замечал. А еще через две парты от нее — под ложечкой у Гарри снова сладко екнуло — сидел Римус Люпин. Довольно бледный и изнуренный на вид (может быть, приближалось полнолуние?), он был поглощен работой — перечитывал свои записи, почесывал подбородок кончиком пера и слегка хмурился.

Значит, где-то поблизости должен быть и Хвост… И действительно, не прошло и нескольких секунд, как Гарри заметил его — щуплого мальчишку с острым носиком и мышиного цвета

волосами. Хвост казался встревоженным: глядя в свой пергамент, он грыз ногти и ковырял носками пол. Время от времени он с надеждой косился на свиток соседа. С минуту Гарри наблюдал за ним, потом снова переключился на Джеймса, который от нечего делать рисовал что-то на обрывке чернового пергамента. Он изобразил там снитч, а теперь выводил рядом буквы «Л. Э.». Что они означали?

— Отложите перья! — проскрипел Флитвик. — Это и к вам относится, Стеббинс! Пожалуйста, оставайтесь на местах, пока я не соберу ваши работы! *Акцио!*

Больше сотни пергаментных свитков взмыли в воздух и, ринувшись в протянутые руки профессора, сбили его с ног. Раздался смех. Несколько учеников с передних парт встали и, взяв Флитвика под локти, помогли ему подняться.

— Благодарю вас… благодарю, — пропыхтел Флитвик. — Очень хорошо, теперь все свободны!

Гарри взглянул вниз на отца — тот поспешно зачеркнул украшенную завитушками надпись «Л. Э.», вскочил на ноги, сунул перо и экзаменационный билет в сумку, забросил ее за спину и подождал, пока к нему присоединится Сириус.

Гарри обернулся и заметил неподалеку Снегга,

который пробирался к двери, перечитывая на ходу свой билет. Сутулый и угловатый, он двигался как-то судорожно, точно паук, и его сальные волосы подпрыгивали при каждом шаге.

Стайка щебечущих девочек отделила Снегга от Джеймса, Сириуса и Люпина, и Гарри, внедрившийся в ее середину, старался не терять Снегга из виду, одновременно прислушиваясь к разговору, который вели между собой Джеймс и его друзья.

— Тебе понравился десятый вопрос, Лунатик? — спросил Сириус, когда они вышли в вестибюль.

— А как же, — весело отозвался Люпин. — «Назовите пять признаков, по которым можно узнать оборотня». Прекрасный вопрос.

— Ты уверен, что тебе удалось правильно перечислить все признаки? — с притворной озабоченностью спросил Джеймс.

— Думаю, да, — серьезно ответил Люпин, когда они присоединились к скопившейся у выхода толпе учеников, которым не терпелось выбраться из замка на залитый солнцем луг. — Признак первый: он сидит на моем стуле. Признак второй: он носит мою одежду. Признак третий: его зовут Римус Люпин.

Все, кроме Хвоста, засмеялись.

— Я написал про форму морды, зрачки и ки-

сточку на хвосте, — взволнованно сказал он, — а больше ничего не мог…

— Ты что, совсем тупой, Хвост? — нетерпеливо сказал Джеймс. — Раз в месяц гуляешь с оборотнем всю ночь напролет…

— Говори тише, — взмолился Люпин.

Гарри снова беспокойно оглянулся. Снегг шел за ними, все еще поглощенный чтением, — но это была его память, и если бы ему вздумалось выбрать на свежем воздухе другой маршрут, то Гарри, очевидно, больше не смог бы наблюдать за Джеймсом и его друзьями. Однако, к его огромному облегчению, когда Джеймс и трое его друзей направились через лужайку к озеру, Снегг двинулся вслед за ними — он никак не мог оторваться от своего пергамента и явно не смотрел, куда бредет. Держась чуть впереди него, Гарри по-прежнему внимательно следил за Джеймсом и остальными.

— А по мне, вопросы были — лучше не надо, — услышал он голос Сириуса. — Я удивлюсь, если не получу, как минимум, «превосходно».

— Я тоже, — сказал Джеймс. Он полез в карман и достал оттуда трепыхающийся золотой снитч.

— Где взял?

— Стащил, — небрежно сказал Джеймс. Он

принялся играть снитчем, отпуская его не больше чем на длину руки и ловя снова — реакция у него была великолепная. Хвост смотрел на него с благоговением.

Они остановились в тени той самой березы на берегу озера, где Гарри, Рон и Гермиона однажды провели воскресенье за домашним заданием, и бросились на траву. Гарри еще раз оглянулся через плечо и, к своей радости, увидел, что Снегг устроился неподалеку в густой тени кустарника. Как и прежде, он изучал материалы экзамена, и Гарри спокойно уселся на траву между кустарником и березой, глядя на четверку товарищей под деревом. На поверхности озера сверкали яркие блики, а на берегу, тоже залитом солнечным светом, сидела компания девочек, только что вышедших из Большого зала, — сняв туфельки и носки, они болтали ногами в прохладной воде и смеялись.

Люпин вынул книгу и углубился в нее. Сириус с надменным и скучающим видом, что очень ему шло, поглядывал на прогуливающихся вокруг учеников. Джеймс по-прежнему играл снитчем, позволяя ему отлетать все дальше и дальше — казалось, что он вот-вот вырвется на свободу, — но неизменно ловя его в самый последний момент.

Хвост наблюдал за ним с открытым ртом. Всякий раз, когда Джеймс демонстрировал особенно сложный бросок, Хвост ахал от восхищения и принимался аплодировать. Минут через пять Гарри стал недоумевать — его удивляло, почему Джеймс не попросит Хвоста держать себя в руках, но Джеймсу, похоже, нравилось чужое внимание. Гарри заметил, что у его отца была привычка взлохмачивать себе волосы — он словно боялся, что его прическа покажется кому-то чересчур аккуратной. Кроме того, он все время косился на девочек у воды.

— Перестань, — наконец сказал Сириус после того, как Джеймс снова эффектным броском поймал снитч и Хвост издал очередной ликующий вопль, — а то Хвост описается от восторга.

Хвост слегка покраснел, но Джеймс ухмыльнулся.

— Как скажешь. — Он засунул снитч обратно в карман. Почему-то Гарри был почти уверен в том, что Сириус — единственный, ради кого Джеймс готов прекратить рисоваться.

— Скучно, — сказал Сириус. — Когда наконец будет полнолуние?

— А я бы и без него обошелся, — мрачно сказал Люпин из-за своей книги. — Между прочим, нам

еще трансфигурацию сдавать. Если тебе так скучно, можешь меня проверить. — И он протянул ему книгу.

Но Сириус лишь презрительно хмыкнул.

— Оставь себе, я всю эту чепуху наизусть знаю.

— Сейчас развлечемся, Бродяга, — спокойно сказал Джеймс. — Гляди, кто там…

Сириус повернул голову — и замер, как пес, почуявший кролика.

— Великолепно, — мягко сказал он. — Нюниус.

Гарри обернулся и посмотрел в ту же сторону.

Снегг около кустов только что поднялся на ноги и теперь прятал свои листки в сумку. Когда он вышел из тени и зашагал по лужайке, Сириус и Джеймс встали.

Люпин и Хвост остались сидеть. Люпин по-прежнему смотрел в книгу, хотя его зрачки не двигались и между бровей пролегла едва заметная морщинка. Хвост переводил взгляд с Сириуса и Джеймса на Снегга и обратно, и лицо его светилось жадным нетерпением.

— Как дела, Нюниус? — громко сказал Джеймс.

Снегг отреагировал так быстро, как будто ждал нападения: уронив сумку, он сунул руку в карман и уже доставал оттуда волшебную палочку, но тут Джеймс воскликнул:

— *Экспеллиармус!*

Палочка Снегга подлетела вверх футов на двенадцать и шлепнулась в траву позади него. Сириус рассмеялся отрывисто, словно залаял.

— *Импедимента!* — сказал он, направив палочку на Снегга, и Снегг, рванувшийся за своим оружием, упал ничком на полпути к нему.

Гуляющие стали оборачиваться в их сторону. Некоторые ученики поднимались на ноги и подходили ближе. Одни смотрели на происходящее с неодобрением, другие — с удовольствием.

Снегг, тяжело дыша, лежал на траве. Джеймс и Сириус приблизились к нему с поднятыми палочками; по дороге Джеймс поглядывал через плечо на девочек у озера. Хвост тоже поднялся на ноги и наблюдал за ними с жадным интересом — он даже отошел от Люпина, чтобы лучше видеть.

— Как прошел экзамен, Нюнчик? — спросил Джеймс.

— Я смотрел на него — он возил носом по пергаменту, — злорадно сказал Сириус. — Наверное, у него вся работа в жирных пятнах, так что ни слова не разберешь!

Кое-кто из зрителей засмеялся: Снегга явно не любили. Хвост пронзительно захихикал. Снегг пытался встать, но заклятие еще действовало,

и он корчился, будто связанный невидимыми веревками.

— Вы у меня дождетесь! — выпалил он, глядя на Джеймса с откровенной ненавистью. — Дождетесь!

— Дождемся чего? — хладнокровно сказал Сириус. — Что ты хочешь сделать, Нюнчик, — вытереть о нас свой сопливый нос?

Из уст Снегга извергся поток ругани и проклятий, но его палочка лежала в трех шагах от хозяина, и ничего не случилось.

— Ну и грязный же у тебя язык, — презрительно сказал Джеймс. — *Экскуро!*

Изо рта у Снегга тут же полезла розовая мыльная пена, она покрыла его губы, и он задыхался в ней…

— Оставьте его в покое!

Джеймс и Сириус оглянулись. Свободная рука Джеймса немедленно взлетела к волосам.

Кричала одна из девочек у озера, с густыми темно-рыжими волосами до плеч и поразительно зелеными глазами миндалевидной формы — такими же, как у Гарри.

Его мать.

— Что, Эванс? — сказал Джеймс. Самый тембр его голоса вдруг изменился — он стал более глу-

боким и мелодичным, более взрослым.

— Оставьте его в покое, — повторила Лили. Она смотрела на Джеймса с откровенной неприязнью. — Что он вам сделал?

— Ну, — сказал Джеймс с видом человека, серьезно обдумывающего заданный ему вопрос, — пожалуй, все дело в самом факте его существования, если ты понимаешь, о чем я…

Многие зрители, включая Сириуса и Хвоста, засмеялись, но Люпин, до сих пор притворяющийся, что читает, даже не улыбнулся. Не появилось улыбки и на лице Лили.

— Считаешь себя остроумным, — холодно сказала она. — А на самом деле ты просто хвастун и задира, Поттер. Оставь его в покое, ясно?

— Оставлю, если ты согласишься погулять со мной, Эванс, — быстро откликнулся Джеймс. — Давай… пойдем со мной на прогулку, и я больше никогда в жизни не направлю на Нюнчика свою волшебную палочку.

Тем временем Чары помех, наложенные на Снегга, слабели. Медленно, дюйм за дюймом, он подползал к своей палочке, отплевываясь от мыльной пены, но Джеймс этого не видел.

— Я не согласилась бы на это, даже если бы у меня был выбор между тобой и гигантским каль-

маром, — сказала Лили.

— Не повезло, Сохатый! — весело сказал Сириус и снова повернулся к Снеггу. — Стой!

Но он опоздал: Снегг уже направил свою палочку прямо на Джеймса. Вспыхнул яркий свет, и на щеке Джеймса появился глубокий порез. Кровь хлынула ему на мантию. Еще одна яркая вспышка — и Снегг повис в воздухе вверх тормашками; мантия свалилась ему на голову, обнажив тощие, бледные ноги и серые от грязи подштанники. Многие в маленькой толпе разразились ликующими криками; Сириус, Джеймс и Хвост чуть не захлебнулись от хохота.

В уголках губ у Лили что-то дрогнуло, и Гарри на мгновение показалось, что выражение ярости на ее лице вот-вот сменится улыбкой. Но она громко сказала:

— Опусти его!

— Пожалуйста, — сказал Джеймс и взмахнул палочкой.

Снегг шлепнулся на землю, точно груда тряпья. Выпутавшись из подола мантии, он быстро вскочил на ноги с палочкой наготове, но Сириус сказал: *«Петрификус тоталус!»* — и Снегг снова упал плашмя, как доска.

— Оставьте его в покое! — крикнула Лили. Она

тоже выхватила палочку. Джеймс с Сириусом настороженно следили за ней.

— Послушай, Эванс, не заставляй меня с тобой сражаться, — серьезно сказал Джеймс.

— Тогда расколдуй его!

Джеймс тяжело вздохнул, повернулся к Снеггу и пробормотал контрзаклятие.

— Ну вот, — сказал он, когда Снегг вновь с трудом поднялся на ноги, — тебе повезло, что Эванс оказалась поблизости, Нюниус…

— Мне не нужна помощь от паршивых грязнокровок!

Лили прищурилась.

— Прекрасно, — спокойно сказала она. — В следующий раз я не стану вмешиваться. Кстати, на твоем месте я бы постирала подштанники, Нюниус.

— Извинись перед Эванс! — заорал Джеймс, угрожающе направив на Снегга палочку.

— Я не хочу, чтобы ты заставлял его извиняться! — закричала Лили, обращаясь к Джеймсу. — Ты ничем не лучше его!

— Что? — взвизгнул Джеймс. — Да я никогда в жизни не называл тебя… сама знаешь кем!

— Ходить лохматым, как будто минуту назад свалился с метлы, выпендриваться с этим дурац-

ким снитчем, шляться по коридорам и насылать заклятия на всех, кто тебе не нравится, только потому, что ты от природы… Непонятно, как твоя метла еще поднимает в воздух твою чугунную башку! Меня от тебя тошнит!

Она круто развернулась и быстро зашагала прочь.

— Эванс! — крикнул Джеймс ей вслед. — Погоди, Эванс!

Но она так и не обернулась.

— Какая муха ее укусила? — сказал Джеймс, безуспешно пытаясь сделать вид, что ответ на этот вопрос его вовсе не интересует.

— Сдается мне, она считает тебя немножко зазнайкой, дружище, — сказал Сириус.

— Ну ладно. — В голосе Джеймса зазвенела обида. — Ладно же…

Опять вспыхнул яркий свет, и Снегг снова повис в воздухе вниз головой.

— Кто хочет посмотреть, как я сниму с Нюниуса подштанники?

Но Гарри так и не узнал, выполнил ли Джеймс свою угрозу. кто-то словно щипцами сжал ему руку чуть повыше локтя. Едва не вскрикнув от боли, Гарри обернулся — и, к своему величайшему ужасу, увидел позади себя другого, взрослого

Снегга с побелевшим от ярости лицом.

— Развлекаетесь?

Гарри почувствовал, что его поднимают в воздух; летний день вокруг него растаял, как дымка. Он летел вверх сквозь ледяную тьму, и рука Снегга по-прежнему не отпускала его. Потом у Гарри на секунду захватило дух, как после головокружительного сальто-мортале, его ноги ударились о каменный пол снегговского подземелья и он снова очутился в сегодняшнем дне, рядом с Омутом памяти, стоящим на столе в полутемном кабинете преподавателя зельеварения.

— Итак, — сказал Снегг, сжимая руку Гарри так крепко, что она начала неметь. — Итак… вам понравилось, Поттер?

— Н-нет, — ответил Гарри, пытаясь высвободить руку. Ему стало страшно: губы у Снегга дрожали, лицо побелело, зубы оскалились.

— Приятным человеком был твой отец, правда? — сказал Снегг, встряхнув Гарри так сильно, что у того очки съехали на нос.

Снегг изо всей силы оттолкнул его от себя. Гарри упал и больно ударился о каменный пол.

— Не вздумай рассказать кому-нибудь о том, что ты видел! — прорычал Снегг.

— Нет-нет, — пробормотал Гарри, поднимаясь

на ноги и стараясь держаться от Снегга как можно дальше. — Конечно, я никому…

— Вон отсюда! И чтоб духу твоего здесь больше не было!

Гарри опрометью кинулся к двери, и у него над головой лопнула банка с сушеными тараканами. Он рывком распахнул дверь и бросился бежать по коридору. Остановился он только тогда, когда между ним и Снеггом пролегли три этажа. Тяжело дыша, он прислонился к стене и стал растирать руку, на которой обещал вскочить огромный синяк.

У него не было никакого желания возвращаться в Гриффиндорскую башню так рано и рассказывать Рону и Гермионе о своем приключении.

Гарри был страшно расстроен и выбит из колеи вовсе не потому, что на него накричали и швырнули ему вслед банку с тараканами. Дело было в том, что он знал, каково это, когда тебя унижают на глазах у посторонних. Он точно знал, что чувствовал Снегг, когда его отец издевался над ним, и, если судить по увиденному им в Омуте памяти, Снегг отнюдь не преувеличивал, называя его отца высокомерным хвастуном и позером.

Глава 29

ВЫБОР ПРОФЕССИИ

— Но почему ты больше не ходишь на уроки окклюменции? — нахмурившись, спросила Гермиона.

— Я же тебе говорил, — пробормотал Гарри. — Снегг считает, что теперь, когда основы изучены, я могу продвигаться дальше самостоятельно.

— Значит, тебе уже не снятся странные сны? — скептически поинтересовалась Гермиона.

— Практически нет, — сказал Гарри, пряча глаза.

— А по-моему, Снегг не имеет права прекращать уроки, пока ты не научишься контролировать свои сны целиком и полностью! — негодующе воскликнула Гермиона. — Я считаю, что ты должен пойти к нему и спросить…

— Нет, — решительно сказал Гарри. — Давай поговорим о чем-нибудь другом, ладно?

Был первый день пасхальных каникул, и Гермиона, по своему обыкновению, провела большую его часть, составляя расписание подготовки к экзаменам для всех троих. Гарри и Рон не

мешали ей: это было проще, чем ввязываться в спор. К тому же плоды ее трудов могли и вправду им пригодиться.

Рон с ужасом обнаружил, что до экзаменов осталось всего полтора месяца.

— Как ты мог об этом забыть? — требовательно спросила Гермиона, дотрагиваясь своей палочкой до расписания Рона. От ее прикосновений квадратики на расчерченном листе пергамента по очереди вспыхивали разными цветами в зависимости от предмета, которому они соответствовали.

— Не знаю, — ответил Рон. — Так много всего происходило…

— Ладно, держи, — сказала она, протягивая ему расписание. — Готовься по нему, и все у тебя будет в порядке.

Рон мрачно поглядел на пергамент, но потом его лицо прояснилось.

— Ты отвела мне по одному свободному вечеру на каждой неделе!

— Это для тренировок по квиддичу, — сказала Гермиона.

Улыбка Рона увяла.

— Какой в этом смысл? — угрюмо сказал он. — В этом году у нас столько же шансов выиграть

Кубок по квиддичу, сколько у моего отца — стать министром магии.

Гермиона ничего не ответила: она смотрела на Гарри, который невидящим взглядом уставился в противоположную стену гостиной, хотя Живоглот царапал его руку, требуя, чтобы ему почесали за ухом.

— Что с тобой, Гарри?

— Со мной? Ничего, — поспешно ответил он.

Схватив книгу «Теория защитной магии», он притворился, будто ищет что-то в указателе. Живоглот, решив, что бессмысленно тратить на него время, скользнул прочь под стулом Гермионы.

— А я сегодня видела Чжоу, — осторожно сказала Гермиона. — Она тоже была очень расстроена. Вы что, снова поссорились?

— Поссо… ах да, конечно, — сказал Гарри, с благодарностью ухватившись за новую тему.

— Из-за чего?

— Из-за этой ее подружки-ябеды, Мариэтты, — ответил Гарри.

— Ну, тогда я тебя не виню! — сердито заявил Рон, откладывая расписание. — Если бы не она…

И Рон принялся ругать Мариэтту Эджком, что было Гарри только на руку: ему оставалось лишь сидеть с рассерженным видом, кивать и гово-

рить: «Да-да!» и «Точно!», когда Рон переводил дух, а это вовсе не мешало ему размышлять, погружаясь во все более глубокое уныние, о том, что он увидел в Омуте памяти.

На душе у него скребли кошки. Всю жизнь он свято верил, что его родители были прекрасными людьми, и потому ни секунды не сомневался в том, что злобные выпады Снегга в адрес его отца — чистейшей воды клевета. Разве другие, например Хагрид и Сириус, не говорили ему, каким замечательным человеком был его отец?

— *Ну да, конечно, ты посмотри на самого Сириуса,* — раздался у него в голове чей-то язвительный голос. — *Неужто он был лучше?*

Да, однажды он случайно услышал от профессора МакГонагалл, что его отец с Сириусом были в школьные годы порядочными смутьянами, но она говорила о них как о предшественниках близнецов Уизли, а Гарри не мог себе представить, чтобы Фред с Джорджем подвесили кого-нибудь в воздухе вверх тормашками просто ради забавы… разве что если бы по-настоящему его ненавидели… может, они и поступили бы так с Малфоем или кем-нибудь другим, кто действительно этого заслуживал.

Гарри попытался убедить себя в том, что Снегг

заслужил мучения, выпавшие на его долю, но разве Лили не спросила: «Что он вам сделал?» — и разве Джеймс не ответил ей: «Пожалуй, все дело в самом факте его существования, если ты понимаешь, о чем я»? Неужели Джеймс затеял все это только потому, что Сириус пожаловался на скуку? Гарри вспомнил давнишний разговор с Люпином на площади Гриммо, — по словам Люпина, Дамблдор назначил его старостой, рассчитывая, что он поможет ему обуздать Джеймса с Сириусом… но в Омуте памяти он просто сидел и смотрел на происходящее…

Гарри постоянно напоминал себе, что Лили все-таки вмешалась — его мать вела себя достойно. Однако выражение ее лица, когда она кричала на Джеймса, не давало ему покоя, как и все остальное: Джеймс явно вызывал у нее отвращение, и у Гарри просто в голове не укладывалось, что после всего этого они могли пожениться. У него даже мелькнула мысль, уж не заставил ли ее Джеймс выйти за себя силой…

Почти пять лет отец был для него источником утешения и вдохновения. Если кто-нибудь говорил ему, что он похож на Джеймса, Гарри преисполнялся гордости. А теперь… теперь при одной мысли об отце у него внутри все точно

съеживалось от холода.

Пасхальные каникулы близились к концу, и погода становилась все более ветреной, теплой и солнечной, но Гарри, подобно всем прочим пяти- и семикурсникам, сидел в четырех стенах, листая учебники и то и дело наведываясь в библиотеку. Он прикидывался, что его плохое настроение вызвано лишь приближением экзаменов, а поскольку все его однокашники-гриффиндорцы тоже с утра до ночи корпели над книгами, никто не видел в этом ничего удивительного.

— Я к тебе обращаюсь, Гарри! Ты что, не слышишь?

— А?

Он поднял глаза. Джинни Уизли с волосами, растрепавшимися на ветру, подсела к нему за столик в библиотеке. Был поздний воскресный вечер. Гермиона отправилась в Гриффиндорскую башню зубрить древние руны, а Рон ушел на тренировку по квиддичу.

— Привет, Джинни, — сказал Гарри, подвигая к себе книги. — Почему ты не на тренировке?

— Она закончилась, — сказала Джинни. — Рон повел Джека Слоупера в больничное крыло.

— Зачем?

— Мы точно не знаем, но, похоже, он оглушил

себя своей собственной битой. — Она тяжело вздохнула. — Ну да ладно… Я получила посылку, она только что прошла проверку по новым правилам.

Джинни положила на стол увесистый пакет в коричневой бумаге: видно было, что его разворачивали и потом аккуратно завернули снова. Гарри увидел на нем надпись, сделанную от руки красными чернилами: «Проверено и допущено к употреблению. Генеральный инспектор Хогвартса».

— Это пасхальные яйца от мамы, — сказала Джинни. — Для тебя тоже есть одно… На, возьми.

Она протянула ему красивое шоколадное яйцо в бумажке с узором из маленьких снитчей — внутри, под стать обертке, оказался пакетик летучих шипучек. Гарри посмотрел на него и вдруг, к своему ужасу, почувствовал в горле комок.

— С тобой все в порядке, Гарри? — тихо спросила Джинни.

— Да, все замечательно, — хрипло пробормотал Гарри и сглотнул, превозмогая боль. Он не понимал, почему обыкновенное пасхальное яйцо вызвало у него такую реакцию.

— Последнее время ты прямо не в себе, — настаивала на своем Джинни. — Знаешь, я уверена:

если бы ты просто поговорил с Чжоу…

— Мне надо поговорить не с Чжоу, — резко ответил Гарри.

— Тогда с кем же? — спросила Джинни.

— Мне…

Он огляделся, чтобы проверить, не подслушивает ли их кто-нибудь. За несколько стеллажей от них мадам Пинс выдавала большую стопку книг Ханне Аббот, у которой был абсолютно невменяемый вид.

— Мне надо поговорить с Сириусом, — прошептал Гарри. — Но я знаю, что это невозможно.

Ему не хотелось есть, но чтобы чем-нибудь заняться, он развернул свое пасхальное яйцо, отломил от него большой кусок и сунул в рот.

— Ну, — неторопливо сказала Джинни, в свою очередь отламывая от яйца кусочек, — если ты и правда хочешь поговорить с Сириусом, пожалуй, мы сможем это устроить.

— Брось, — мрачно ответил Гарри. — Амбридж следит за всеми каминами и проверяет всю нашу почту!

— Если человек всю жизнь живет с Фредом и Джорджем, — задумчиво сказала Джинни, — он начинает понимать, что на свете нет ничего невозможного — дело только в том, хватит ли у

тебя храбрости…

Гарри посмотрел на нее. Может быть, причина была в шоколаде — Люпин всегда советовал есть его после встречи с дементорами, — а может, у него просто стало легче на душе после того, как он высказал вслух желание, мучившее его целую неделю, но в его душе снова затеплилась надежда.

— Что вы себе позволяете?

— Ах ты, черт, — прошептала Джинни, вскакивая на ноги, — я совсем забыла…

К ним стремительно шагала мадам Пинс — ее морщинистое лицо было искажено гневом.

— Шоколад в библиотеке! — воскликнула она. — Вон отсюда, немедленно!

И, взмахнув палочкой, она отправила книги Гарри, его сумку и чернильницу вдогонку за их владельцем и Джинни, поспешившими прочь из библиотеки, — вещи то и дело догоняли их и на лету поддавали им по затылку.

* * *

Словно для того, чтобы подчеркнуть важность надвигающихся экзаменов, незадолго до окончания каникул на столах в Гриффиндорской башне появились стопки брошюр, рекламок и про-

спектов, посвященных различным волшебным специальностям, а на доске вывесили объявление, гласившее:

КОНСУЛЬТАЦИЯ ПО ВЫБОРУ ПРОФЕССИИ

> В течение первой недели летнего семестра всем пятикурсникам надлежит пройти краткое собеседование с деканом своего факультета на предмет выбора будущей профессии. Дата и время собеседования для каждого ученика указаны ниже.

Гарри отыскал в списке свою фамилию и выяснил, что он должен явиться в кабинет профессора МакГонагалл в половине третьего в понедельник. Это означало, что ему придется пропустить почти весь урок прорицаний. В последний уикенд каникул он вместе с другими пятикурсниками потратил львиную долю времени на изучение материалов по профессиональной ориентации, предложенных их вниманию.

— Не хочу быть целителем, — заявил Рон вечером накануне начала занятий. Он был поглощен чтением брошюры, на обложке которой красовались перекрещенные кость и волшебная

палочка — эмблема больницы святого Мунго. — Здесь говорится, что ты должен получить, как минимум, «В» на ЖАБА по зельеварению, травологии, трансфигурации, заклинаниям и защите от Темных искусств. Немного же они требуют, как по-вашему?

— Ну, это ведь очень ответственная работа, правда? — рассеянно откликнулась Гермиона. Она читала яркий оранжево-розовый проспект, озаглавленный: «ХОТИТЕ ПОПЫТАТЬ СЧАСТЬЯ В ОТДЕЛЕ СВЯЗЕЙ С МАГЛАМИ?» — Похоже, для общения с маглами не нужна очень уж высокая квалификация. Надо всего лишь сдать СОВ по магловедению: «Для нас гораздо важнее ваш энтузиазм, терпение и хорошее чувство юмора!»

— В общении с моим дядюшкой одним чувством юмора не обойдешься, — хмуро заметил Гарри. — Там тебе скорее понадобится хорошая реакция, чтобы уворачиваться от ударов. — Он уже наполовину пролистал брошюру, посвященную волшебному банковскому делу. — Послушайте-ка вот это: «Вы мечтаете о захватывающей жизни, полной ярких путешествий, опасных приключений и щедрых наград за открытие новых кладов? Тогда присылайте документы в Волшебный банк «Гринготтс», набирающий Ликвидаторов закля-

тий с блестящими перспективами работы за границей…» Между прочим, им нужна нумерология — это по твоей части, Гермиона!

— Я не слишком люблю банковское дело, — отозвалась Гермиона, поглощенная чтением уже другого проспекта: «ПО СИЛАМ ЛИ ВАМ ОБУЧЕНИЕ ТРОЛЛЕЙ-ОХРАННИКОВ?»

— Эй, — сказал кто-то у Гарри над ухом. Он обернулся: к ним подошли Фред и Джордж. — Вчера Джинни потолковала с нами насчет тебя, — сказал Фред, положив вытянутые ноги на столик перед собой. Несколько рекламных брошюрок Министерства магии полетели на пол. — Она говорит, ты хочешь перекинуться словечком с Сириусом.

— Что? — резко спросила Гермиона, замерев с рукой, протянутой к проспекту «ПОЗВОНИТЕ В ОТДЕЛ ВОЛШЕБНЫХ АВАРИЙ И КАТАСТРОФ».

— Да, — как можно небрежнее сказал Гарри, — не мешало бы.

— Хватит нести чепуху, — заявила Гермиона, распрямляясь и глядя на него так, словно не верила собственным глазам. — Ты что, не знаешь, что Амбридж сует нос во все камины и обыскивает всех наших сов?

— Пожалуй, мы найдем способ обойти эту

помеху, — сказал Джордж, потягиваясь и улыбаясь. — Надо всего-навсего ее отвлечь… Кстати, вы заметили, что на каникулах мы вели себя исключительно скромно?

— Зачем портить себе отдых, решили мы, — подхватил Фред. — К тому же нам вовсе не хотелось мешать людям готовиться к экзаменам!

Он скорчил ханжескую физиономию и отвесил Гермионе маленький поклон. Судя по ее виду, та явно не ожидала от близнецов такой трогательной заботливости по отношению к школьным товарищам.

— Но бизнес есть бизнес, и завтра все снова пойдет своим чередом, — весело продолжал Фред. — А раз мы все равно собираемся устроить легкий переполох, отчего бы заодно не помочь Гарри немножко поболтать с Сириусом?

— Конечно, но тем не менее, — сказала Гермиона таким тоном, будто объясняла нечто очень простое законченным тупицам, — даже если вам удастся отвлечь Амбридж, где Гарри сможет поговорить с ним?

— В ее кабинете, — тихо произнес Гарри.

Он размышлял об этом уже две недели и не придумал ничего другого. Сама Амбридж сказала ему, что единственный камин, свободный

от постоянного наблюдения, находится у нее в кабинете.

— Ты… сошел… с ума, — севшим голосом сказала Гермиона.

Рон опустил брошюрку, посвященную торговле селекционными грибами, и внимательно прислушивался к их разговору.

— Не думаю, — сказал Гарри, пожав плечами.

— Для начала, как ты собираешься туда попасть?

На этот вопрос у Гарри был готов ответ.

— С помощью ножа Сириуса, — сказал он.

— Что-что?

— На предпоследнее Рождество Сириус подарил мне нож, которым можно открыть любой замок, — пояснил Гарри. — Даже если она заколдовала свою дверь и заклинание Алохомора не подействует — а я уверен, что так оно и будет…

— А ты что скажешь? — этот требовательный вопрос Гермионы был адресован Рону, и Гарри невольно вспомнил свой первый ужин на площади Гриммо, когда миссис Уизли точно таким же тоном воззвала к мужу.

— Не знаю, — промямлил Рон, которому явно стало не по себе от того, что ему предложили высказать определенное мнение. — Думаю, если

Гарри хочет попробовать, он имеет на это право.

— Слова верного друга и истинного Уизли, — сказал Фред, наградив Рона увесистым шлепком по спине. — Итак. Мы думаем приступить к делу завтра после уроков, когда все выйдут в коридор, — тогда можно будет добиться максимального эффекта. Начнем где-нибудь в восточном крыле, чтобы сразу выкурить Амбридж из кабинета. Пожалуй, Гарри, мы можем гарантировать тебе минут двадцать. Как ты думаешь? — Он поглядел на Джорджа.

— Легко, — подтвердил Джордж.

— Чем вы будете ее отвлекать? — спросил Рон.

— Увидишь, братишка, — сказал Фред, и они с Джорджем снова поднялись на ноги. — Для этого тебе надо будет только наведаться в коридор Григория Льстивого этак часиков в пять пополудни.

* * *

На следующий день Гарри проснулся спозаранку, чувствуя себя примерно так же, как в то утро, на которое было назначено дисциплинарное слушание в Министерстве магии. Его пугала не только перспектива вломиться в кабинет Амбридж и воспользоваться ее камином для переговоров с Сириусом, хотя и это могло

нагнать страху на кого угодно. Сегодня Гарри предстояло еще и другое испытание: он должен был очутиться в непосредственной близости от Снегга впервые после того, как Снегг выгнал его из своего кабинета.

Полежав немного в постели и поразмышляв о грядущем дне, Гарри тихонько встал и пробрался мимо кровати Невилла к окну. Утро было поистине великолепное. В воздухе висела легчайшая дымка, и из-за нее небо чистейшей синевы казалось опаловым. Прямо напротив Гарри рос высокий бук, под которым его отец когда-то мучил Снегга. Он не знал, какие слова Сириуса могли бы развеять впечатление, произведенное тем, что он увидел в Омуте памяти, но ему отчаянно хотелось услышать от крестного его версию тех событий — ведь наверняка же были какие-то смягчающие обстоятельства, хоть что-нибудь, объясняющее поведение отца…

что-то привлекло внимание Гарри — это было движение на опушке Запретного леса. Гарри прищурился на солнце и увидел Хагрида, только что вышедшего из-за деревьев. Похоже, он хромал. Гарри смотрел, как Хагрид дотащился до двери своей хижины и исчез за ней. Несколько минут Гарри продолжал наблюдать за хижиной. Хагрид

так и не появился оттуда, но из трубы пошел дымок — значит, лесничий ранен не слишком серьезно и ему удалось разжечь огонь.

Гарри отвернулся от окна, подошел к своему чемодану и стал одеваться.

Поскольку ему предстояло незаконно проникнуть в кабинет Амбридж, Гарри не рассчитывал, что день пройдет спокойно, однако он не был готов к упорным попыткам Гермионы отговорить его от задуманного. Даже профессор Бинс впервые оказался бессилен привлечь ее внимание: на истории магии она почти без перерыва нашептывала Гарри на ухо зловещие предостережения, и ему стоило большого труда этого не замечать.

— А если она тебя там поймает, ты не просто вылетишь из школы: она наверняка догадается, что ты говорил с Нюхалзом, и на сей раз, помяни мое слово, заставит тебя выпить сыворотку правды и ответить на ее вопросы…

— Гермиона, — негодующе прошептал Рон, — хватит, наконец, пилить Гарри! Будешь ты слушать профессора Бинса или мне придется самому писать конспекты?

— Можешь и поработать для разнообразия, не умрешь!

К тому времени, как они добрались до подзе-

мелья, и Гарри, и Рон перестали разговаривать с Гермионой. Но это нимало ее не смутило: она воспользовалась их молчанием, чтобы по-прежнему изливать на них поток жутких предсказаний, и ее громкий свистящий шепот заставил Симуса потратить добрых пять минут на поиски утечки из своего котла.

Снегг же, судя по всему, решил держаться так, словно Гарри был невидимым. Гарри давно уже привык к этой тактике, которую очень любил пускать в ход дядя Вернон, и был рад тому, что обошелся такой малой кровью. Даже наоборот, поскольку раньше Снегг не давал ему покоя своими ядовитыми насмешками и ехидными замечаниями, Гарри счел его новую манеру поведения гораздо более приемлемой и с удовольствием убедился в том, что в отсутствие постоянных помех ему вполне по силам состряпать Животворящий эликсир. В конце урока он отлил немного настоя в отдельную склянку, закупорил ее и отнес на стол Снегга для проверки, уверенный, что на сей раз получит хотя бы «В».

Едва он отошел от стола, как за его спиной что-то со звоном разбилось. Малфой испустил ликующий вопль. Гарри стремительно обернулся и увидел, что осколки его образца лежат на полу,

а Снегг смотрит на него со злорадным удовлетворением.

— Какая неприятность, — мягко сказал он. — Что ж, Поттер, очередной нуль.

От гнева Гарри потерял дар речи. Широкими шагами он направился к своему котлу, чтобы наполнить другую склянку и заставить-таки Снегга проверить эликсир, но с ужасом увидел, что содержимое котла исчезло.

— Прости меня! — сказала Гермиона, прижав ладони корту. — Прости, пожалуйста, Гарри! Я думала, ты закончил, и все вылила!

Гарри не смог выдавить из себя ответ. Когда прозвенел звонок, он поспешил наверх из подземелья, даже не оглянувшись, а за обедом нарочно сел между Невиллом и Симусом, чтобы лишить Гермиону возможности и дальше бубнить ему на ухо.

Когда настала пора отправляться на прорицания, он был в таком дурном настроении, что совсем позабыл о назначенной ему консультации с профессором МакГонагалл и вспомнил о ней только после того, как Рон спросил, почему он еще здесь. Гарри бегом кинулся наверх и опоздал лишь на несколько минут.

— Извините, профессор, — выпалил он, закрыв

за собой дверь. — Я забыл.

— Ничего, Поттер, — быстро ответила она, но тут Гарри услышал, как в углу позади него кто-то хмыкнул. Он обернулся.

Там, с блокнотом на коленях, сидела профессор Амбридж — шею ее украшал нелепый кружевной воротничок, а на губах играла отвратительная самодовольная усмешка.

— Садитесь, Поттер, — напряженно сказала МакГонагалл. Затем поправила кучу брошюрок на своем столе, и Гарри заметил, что руки у нее слегка дрожат.

Гарри сел спиной к Амбридж и постарался сделать вид, что не слышит скрипа пера, которым она сразу же что-то застрочила в блокноте.

— Итак, Поттер, мы встретились, чтобы обсудить ваши профессиональные перспективы и помочь вам решить, какие предметы лучше выбрать для изучения на шестом и седьмом курсах, — сказала МакГонагалл. — Есть ли у вас какие-либо идеи относительно того, чем вы займетесь по окончании Хогвартса?

— Э-э… — промычал Гарри. Назойливый скрип за спиной мешал ему собраться с мыслями.

— Ну? — поторопила его МакГонагалл.

— Ну, я думал, может, мне пойти в мракобор-

цы, — промямлил Гарри.

— Для этого нужны высшие баллы, — сказала МакГонагалл, извлекая из-под бумажной груды на своем столе маленькую темную брошюрку. — Вот видите: они требуют не менее пяти ЖАБА, и по всем нужно получить, как минимум, «выше ожидаемого». Кроме того, вы должны будете пройти ряд обязательных тестов на психологическую устойчивость и профессиональную пригодность в Главном мракоборческом центре. Это очень трудно, Поттер, — они берут только самых лучших. По-моему, за последние три года у них вообще не было пополнения.

Профессор Амбридж еле слышно кашлянула, точно проверяя, насколько тихо ей удастся это сделать. Профессор МакГонагалл не обратила на нее внимания.

— Наверное, вы хотите знать, какие предметы вам следует выбрать? — сказала она, чуть повысив голос.

— Да, — сказал Гарри. — Очевидно, защиту от Темных искусств?

— Разумеется, — твердо ответила МакГонагалл. — Я бы также посоветовала…

Амбридж снова кашлянула, на этот раз немного отчетливее. МакГонагалл на секунду прикрыла

глаза, потом опять открыла их и продолжала говорить как ни в чем не бывало:

— Я бы также посоветовала взять трансфигурацию, поскольку мракоборцам часто приходится прибегать к ней в своей работе. Кстати, Поттер, должна предупредить вас, что я беру в свою группу только тех старшекурсников, которые получили на СОВ оценку «выше ожидаемого» или еще более высокую. Сейчас, по моему мнению, вы заслуживаете только оценки «удовлетворительно», так что до экзаменов вам придется как следует потрудиться, если вы хотите продолжать обучение у меня. Затем вам нужно будет взять заклинания — это всегда полезно — и зельеварение. Да, Поттер, зельеварение, — повторила она, и по ее лицу скользнула едва заметная тень улыбки. — Каждый мракоборец должен быть хорошо знаком с ядами и противоядиями. И учтите, что профессор Снегг решительно отказывается брать учеников, получивших на СОВ что-либо, кроме «превосходно», поэтому…

Профессор Амбридж кашлянула громче, чем в предыдущие два раза.

— Позвольте предложить вам микстуру от кашля, Долорес, — сухо сказала МакГонагалл, не глядя на Амбридж.

— Нет-нет, не надо, благодарю вас, — ответила Амбридж со своим обычным жеманным смешком, от которого Гарри всегда коробило. — Я только хотела спросить: нельзя ли мне вставить в ваш разговор одно крошечное замечание, Минерва?

— По-видимому, я не вправе вам отказать, — процедила МакГонагалл сквозь крепко сжатые зубы.

— Меня всего лишь интересует, достаточно ли у мистера Поттера данных, чтобы стать мракоборцем, — сладким голоском пропела Амбридж.

— Ах, вот как? — высокомерно сказала МакГонагалл. — Ну что ж, Поттер, — продолжала она, точно ее никто не прерывал, — если ваши намерения серьезны, я посоветовала бы вам пополнить свои знания в области трансфигурации и зельеварения. Я вижу, что в последние два года профессор Флитвик выставляет вам в основном «удовлетворительно» и «выше ожидаемого», так что с заклинаниями у вас все более или менее в порядке. Что же касается защиты от Темных искусств, то в среднем ваши оценки были довольно высоки. Профессор Люпин даже считал вас… Может, вам все-таки стоит принять микстуру от кашля, Долорес?

— Нет-нет, благодарю вас, Минерва, — откликнулась Амбридж, которая только что кашлянула уже совсем громко. — Но меня тревожит одна вещь: получили ли вы самые последние оценки Гарри по защите от Темных искусств? Уверена, что я их вам передавала.

— Вы имеете в виду это? — с отвращением сказала МакГонагалл, выуживая из личного дела Гарри кусочек розового пергамента. Она проглядела его, слегка приподняв брови, а затем убрала обратно в папку, воздержавшись от всяких комментариев. — Итак, Поттер, как я уже говорила, профессор Люпин считал вас весьма одаренным учеником в этой области, а для мракоборца, естественно…

— Вы не разобрали мой почерк, Минерва? — спросила Амбридж елейным тоном, позабыв кашлянуть.

— Конечно разобрала, — сказала МакГонагалл, так крепко стиснув зубы, что ее слова прозвучали слегка невнятно.

— Тогда я в недоумении… Боюсь, я не совсем понимаю, зачем внушать мистеру Поттеру ложные надежды, если…

— Ложные надежды? — повторила МакГонагалл, все еще избегая отвечать Амбридж взглядом

на взгляд. — Он получил высокие оценки за все контрольные работы по защите от Темных искусств…

— Мне крайне неловко возражать вам, Минерва, однако, как вы можете видеть по моей записке, у меня на уроках Гарри демонстрировал очень низкий уровень знаний…

— Что ж, тогда мне следует высказаться более определенно, — заявила МакГонагалл, наконец повернувшись и глядя Амбридж прямо в глаза. — Он получал высокие оценки по защите от Темных искусств у всех преподавателей, компетентность которых не вызывала сомнений.

Улыбка исчезла с лица Амбридж мгновенно, будто выключили лампочку. Она откинулась на спинку стула, перевернула страницу в своем блокноте и застрочила в нем с невероятной скоростью — ее зрачки так и шныряли туда-сюда. Профессор МакГонагалл снова обернулась к Гарри — ее тонкие ноздри раздувались, глаза горели.

— Есть вопросы, Поттер?

— Да, — сказал Гарри. — Какого рода тесты предлагает Министерство, если у претендента достаточно высокие баллы по ЖАБА?

— Ну, вам нужно будет доказать, что вы умеете

сопротивляться давлению и так далее, — пояснила МакГонагалл, — продемонстрировать выносливость и упорство, поскольку подготовка мракоборцев занимает еще три года, и вдобавок иметь очень хорошие навыки практической защиты. Это означает необходимость усердно трудиться даже вне школы, так что если вы не готовы…

— Полагаю, вам стоит учесть, — сказала Амбридж, на сей раз очень холодным голосом, — что Министерство интересуется прошлым тех, кто хочет стать мракоборцем. Я имею в виду их уголовное прошлое.

— …если вы не готовы к тому, что вам придется сдавать новые экзамены по окончании Хогвартса, вам действительно лучше было бы поискать другое…

— Таким образом, у этого мальчика столько же шансов сделаться мракоборцем, сколько у Дамблдора — когда-либо вернуться в эту школу.

— То есть довольно много, — сказала МакГонагалл.

— Поттер привлекался к суду по уголовным обвинениям, — громко сказала Амбридж.

— И был оправдан по всем пунктам, — еще громче сказала МакГонагалл.

Профессор Амбридж встала. Она была такой низенькой, что это почти ничего не изменило, но ее жеманные, кокетливые манеры уступили место холодной ярости, придавшей ее широкому, обрюзглому лицу зловещее выражение.

— У Поттера нет ни малейшего шанса стать мракоборцем!

Профессор МакГонагалл тоже поднялась на ноги, и с ее стороны это было гораздо более впечатляющим приемом: теперь она возвышалась над Амбридж, как башня.

— Поттер, — сказала она звенящим голосом, — я помогу вам стать мракоборцем, даже если это последнее, что я сумею сделать! Я буду учить вас по ночам и позабочусь о том, чтобы вы добились необходимых результатов!

— Министр магии никогда не примет на работу Гарри Поттера! — свирепо заявила Амбридж.

— Когда Поттеру понадобится работа, на посту министра магии вполне может оказаться кто-нибудь другой! — выкрикнула МакГонагалл.

— Ага! — взвизгнула Амбридж, тыча в сторону МакГонагалл толстым пальцем. — Вот! Вот, вот оно! Конечно! Так вот чего вы хотите, Минерва МакГонагалл! Вам хочется, чтобы Корнелиуса Фаджа сменил Альбус Дамблдор! Вы думаете, что

тогда вам достанется мое место, разве не так? Мечтаете стать первым заместителем министра и директором школы в придачу!

— Вы бредите, — сказала МакГонагалл с глубочайшим презрением. — Поттер, нашу консультацию можно считать законченной.

Гарри забросил сумку за плечо и поспешил убраться из кабинета, стараясь не глядеть в сторону профессора Амбридж. Идя по коридору, он слышал, как они кричат друг на друга за закрытой дверью.

Когда Амбридж явилась на урок защиты от Темных искусств, который ей предстояло провести в этот же день, она все еще дышала так, будто только что пробежала стометровку.

— Надеюсь, ты наконец образумился и понял, что не стоит лезть на рожон, Гарри, — прошептала Гермиона, едва они открыли книгу на главе тридцать четвертой, озаглавленной «Непротивление и переговоры». — Амбридж сегодня явно не в духе!

Время от времени Амбридж бросала яростные взгляды на Гарри, который не поднимал головы, уткнувшись в «Теорию защитной магии» невидящими глазами и думая, думая…

Он пытался представить себе, что скажет

профессор МакГонагалл, если его поймают в кабинете Амбридж всего через несколько часов после того, как она поручилась за него… ведь, в конце концов, ничто не мешает ему просто вернуться в Гриффиндорскую башню в надежде, что на летних каникулах он улучит удобный момент и расспросит Сириуса о сцене, свидетелем которой стал благодаря Омуту памяти… ничто, кроме свинцовой тяжести в животе, которую он чувствует при мысли о таком разумном поведении… да и потом, Фред и Джордж уже спланировали, как они будут отвлекать Амбридж, а в его сумке дожидаются своего часа нож, подаренный Сириусом, и старая мантия-невидимка отца.

Но факт остается фактом: если его поймают…

— Дамблдор пожертвовал собой, чтобы тебя оставили в школе! — прошептала Гермиона, прикрывшись книжкой, чтобы не увидела Амбридж. — И все это будет напрасно, если тебя сегодня выгонят!

Он может отменить свой план и попробовать свыкнуться с памятью о том, что сделал его отец в один прекрасный летний день больше двадцати лет назад…

И тут он вспомнил Сириуса в камине гриффиндорской гостиной: «Ты меньше похож на отца,

чем я думал… Отец радовался бы риску…»

Но так ли уж ему хочется быть похожим на своего отца?

— Гарри, не делай этого! Пожалуйста, не делай! — сказала Гермиона после звонка голосом, в котором звучало отчаяние.

Он не ответил ей. Он сам не знал, как лучше поступить.

Рон, по-видимому, твердо решил держать свое мнение при себе и не давать Гарри никаких советов — он даже не смотрел на Гарри, но когда Гермиона в очередной раз открыла рот, тихо сказал ей:

— Помолчи, сделай милость! У него своя голова на плечах.

Когда они покидали класс, сердце Гарри билось гораздо сильнее обычного. Пройдя коридор до середины, он услыхал вдалеке шум, безошибочно доказывающий, что близнецы начали свое дело. Вопли и крики отдавались эхом где-то наверху. Ребята, выходящие из других классов, замирали и прислушивались, с опаской поглядывая на потолок…

Из их класса выскочила Амбридж. Она неслась так быстро, как только позволяли ее короткие ноги. На бегу вынимая палочку, она помчалась в

противоположном направлении, и Гарри понял: сейчас или никогда.

— Гарри… пожалуйста, — слабо пискнула Гермиона.

Но он уже принял решение. Поддернув сумку за ремень, он пустился бежать, уворачиваясь от учеников, которые оправились от первого удивления и теперь спешили ему навстречу, заинтригованные суматохой в восточном крыле.

Добравшись до коридора, в который выходила дверь кабинета Амбридж, Гарри обнаружил, что он пуст. Спрятавшись за рыцарские доспехи у стены — шлем, которым они были увенчаны, со скрипом повернулся за ним вслед, — Гарри открыл сумку, выхватил оттуда нож Сириуса и набросил на плечи мантию-невидимку. Затем медленно, осторожно вылез из-за доспехов и, тихо ступая, приблизился к кабинету Амбридж.

Вставив лезвие волшебного ножа в щель между косяком и дверью, он мягко провел им вверх и вниз, потом вытащил обратно. Раздался еле слышный щелчок, и дверь распахнулась. Он нырнул внутрь, быстро прикрыл ее за собой и огляделся.

В комнате не было никакого движения — только мерзкие котята по-прежнему резвились на

тарелочках над конфискованными метлами.

Гарри снял мантию-невидимку и, подойдя к камину, в считанные секунды нашел то, что искал, — коробочку с тускло поблескивающим летучим порохом.

Он опустился перед камином на колени. Руки его дрожали. Он никогда не делал этого раньше, хотя был уверен, что знает, как надо действовать. Сунув голову в зияющую дыру, он взял большую щепоть пороху и бросил ее на поленья, аккуратно уложенные внизу. Они мгновенно вспыхнули ярким изумрудным пламенем.

— Площадь Гриммо, двенадцать! — произнес Гарри громко и отчетливо.

Это было одно из самых странных ощущений, какие он когда-либо испытывал. Конечно, ему и раньше доводилось путешествовать с помощью летучего пороха, но тогда он весь целиком летел сквозь волшебные камины, сеть которых раскинулась по всей стране. В этот же раз колени его по-прежнему опирались на холодный пол кабинета Амбридж и только голова кувырком неслась куда-то в изумрудном пламени…

И вдруг полет прекратился так же внезапно, как начался. Чувствуя легкую тошноту и неприятное жаркое покалывание, точно ему на голову

надели чересчур теплую шапку-ушанку, Гарри открыл глаза и обнаружил, что смотрит из кухонной печи на длинный деревянный стол, за которым сидит человек, углубившийся в чтение пергаментного свитка.

— Сириус!

Человек подскочил на месте и оглянулся. Это был не Сириус, а Люпин.

— Гарри! — воскликнул он с видом крайнего удивления. — Откуда ты… что случилось, с тобой все в порядке?

— Да, — сказал Гарри. — Я просто хотел… то есть я… мне нужно кое о чем поговорить с Сириусом.

— Я позову его, — сказал Люпин, поднимаясь на ноги. Он все еще выглядел крайне озадаченным. — По-моему, он наверху, ищет Кикимера, — тот, похоже, опять спрятался на чердаке.

И Люпин поспешил прочь из кухни. Теперь Гарри было не на что смотреть, если не считать ножек стола и стульев. Он подумал, почему Сириус ни разу и словом не обмолвился о том, как неудобно говорить из огня; его колени уже мучительно ныли от продолжительного стояния на твердом каменном полу.

Спустя минуту-другую Люпин вернулся. За ним по пятам шел Сириус.

— В чем дело? — взволнованно спросил он, отбрасывая с глаз свои длинные черные волосы и садясь около печи на пол, чтобы оказаться на одном уровне с Гарри. Люпин тоже стал на колени, в его глазах светилось беспокойство. — У тебя все нормально? Может, тебе нужна помощь?

— Нет, — сказал Гарри. — Со мной ничего такого… Я просто хотел поговорить… об отце.

Сириус и Люпин обменялись изумленными взглядами, но Гарри некогда было смущаться и медлить: с каждой секундой его колени болели все сильнее, и вдобавок из отпущенных ему Джорджем двадцати минут уже прошло, наверное, не меньше пяти. И Гарри сразу же принялся рассказывать о том, что увидел в Омуте памяти.

Когда он закончил, Сириус и Люпин некоторое время хранили молчание. Потом Люпин негромко сказал:

— Я бы не стал строго судить твоего отца за то, что ты видел, Гарри. Ему же было всего пятнадцать…

— Мне тоже пятнадцать! — с горячностью воскликнул Гарри.

— Послушай, Гарри, — миролюбиво сказал Сириус, — Джеймс со Снеггом возненавидели друг друга при первой же встрече — такое бывает, ты

ведь можешь это понять! Я думаю, у Джеймса было все, чего так хотелось Снеггу: его любили товарищи, он прекрасно играл в квиддич — да ему вообще удавалось почти все! А Снегг был типичный замухрышка, странный малый, который с головой ушел в изучение Темных искусств, тогда как Джеймс — что бы ты о нем теперь ни думал, Гарри, — всегда терпеть не мог Темные искусства.

— Да, — сказал Гарри, — но на моих глазах он напал на Снегга без всякой причины, только потому… ну, только потому, что ты пожаловался на скуку, — закончил он с извиняющейся ноткой.

— Мне тоже гордиться нечем, — быстро ответил Сириус.

Люпин покосился на него и сказал:

— Послушай, Гарри, ты должен понять одну вещь: в школе твой отец и Сириус всегда и во всем оказывались лучшими — многие просто души в них не чаяли, и если порой это слегка кружило им голову…

— Ты хочешь сказать, если порой мы вели себя как заносчивые болваны, — вставил Сириус.

Люпин улыбнулся.

— Он все время взъерошивал себе волосы, — с болью в голосе сказал Гарри.

Сириус и Люпин рассмеялись.

— Я и забыл об этой его привычке, — с нежностью сказал Сириус.

— А со снитчем он баловался? — жадно спросил Люпин.

— Да, — ответил Гарри, непонимающе взирая на просветлевшие от воспоминаний лица Сириуса и Люпина. — А я… мне показалось, что это выглядит немножко по-идиотски.

— Конечно, это выглядело по-идиотски! Мы все тогда были идиотами! — решительно воскликнул Сириус. — Хотя… к Лунатику это относится в меньшей степени, — честно добавил он, посмотрев на Люпина.

Но тот покачал головой.

— Разве я когда-нибудь говорил вам, чтобы вы оставили Снегга в покое? — спросил он. — Разве у меня хоть однажды хватило духу сказать вам, что вы зарываетесь?

— Все равно, — сказал Сириус, — иногда ты заставлял нас стыдиться самих себя… это было уже кое-что…

— А еще, — упрямо продолжал Гарри, решив выложить все, что занимало его мысли, раз уж он здесь очутился, — он все время поглядывал на девочек у озера — надеялся, что они на него

смотрят!

— Ну конечно, он всегда вел себя как осел, если Лили была поблизости! — пожал плечами Сириус. — Стоило ей оказаться рядом, как он уже не мог перестать выламываться!

— Почему она вышла за него замуж? — спросил Гарри, чувствуя себя очень несчастным. — Она же его ненавидела!

— Вовсе нет, — сказал Сириус.

— На седьмом курсе она стала гулять с ним, — сказал Люпин.

— Когда у Джеймса малость поубавилось спеси, — сказал Сириус.

— Когда он бросил задирать людей ни с того ни с сего, — сказал Люпин.

— И даже Снегга? — спросил Гарри.

— Ну, — уклончиво сказал Люпин, — Снегг — это особый случай… Он ведь никогда не упускал возможности пальнуть в Джеймса каким-нибудь заклятием — ты же не стал бы требовать от своего отца, чтобы он безропотно это сносил!

— И мама спокойно мирилась с этим?

— Честно говоря, она не слишком много знала, — пояснил Сириус. — Сам понимаешь, Джеймс не приглашал Снегга на свидания вместе с ней и не насылал на него заклятий прямо у нее на

глазах…

Сириус нахмурился, видя, что Гарри все еще не убежден до конца.

— Послушай, — сказал он, — у меня никогда не было друга лучше, чем твой отец, и он был хорошим человеком. В пятнадцать лет многие кажутся идиотами. Он перерос это.

— Ну ладно, — хмуро сказал Гарри. — Просто я не думал, что мне когда-нибудь придется пожалеть Снегга.

— Кстати, — сказал Люпин, и между бровей у него пролегла тонкая морщинка, — тебе, наверное, сильно досталось от Снегга, когда он узнал, что ты залез в Омут памяти?

— Он сказал, что больше никогда не станет учить меня окклюменции, — равнодушно ответил Гарри. — Как будто мне очень хо…

— Что? — закричал Сириус так громко, что Гарри с испугу подскочил и набрал полный рот золы.

— Ты это серьезно, Гарри? — живо спросил Люпин. — Он перестал давать тебе уроки?

— Ага, — кивнул Гарри, удивленный такой неоправданно бурной реакцией. — Но это неважно, мне плевать — честно вам скажу, это даже облегче…

— Я отправляюсь к вам и поговорю со Снеггом, — твердо заявил Сириус и действительно стал было подниматься на ноги, но Люпин схватил его и удержал на месте.

— Если кому-то и надо поговорить со Снеггом, это должен быть я! — твердо сказал он. — Но в первую очередь, Гарри, тебе нужно вернуться к Снеггу и сказать ему, чтобы он возобновил уроки, — он не имеет никакого права их отменять, и если Дамблдор узнает…

— Я не могу сказать ему это, он меня убьет! — возмущенно воскликнул Гарри. — Вы не видели, какой он был после того, как вынул меня из Омута памяти!

— Уроки окклюменции должны продолжаться, Гарри, — сурово сказал Люпин. — Нет ничего важнее этого, ты меня понял? Ничего!

— Ладно, ладно, — сказал Гарри, совершенно сбитый с толку и вдобавок сильно раздосадованный. — Я попробую… попробую сказать ему что-нибудь… только не…

Он умолк, потому что вдалеке послышались чьи-то шаги.

— Кикимер спускается к нам?

— Нет, — оглянувшись, сказал Сириус. — Наверное, это кто-то с твоей стороны, Гарри.

Сердце Гарри дало перебой.

— Тогда я пошел! — торопливо воскликнул он и вытащил голову из печи на кухне родового замка Сириуса. Несколько мгновений она словно вращалась у него на плечах, потом головокружение прошло, и он обнаружил, что по-прежнему стоит на коленях перед камином Амбридж и смотрит, как затухают, мерцая, последние язычки изумрудного пламени.

— Скорее, скорее! — сипло бормотал кто-то прямо за дверью кабинета. — Ага, она забыла ее запереть…

Гарри бросился к мантии-невидимке и едва успел натянуть ее на себя, как в кабинет ворвался Филч. У него был абсолютно восторженный вид. Лихорадочно бормоча что-то себе под нос, он пересек комнату, выдвинул один из ящиков стола Амбридж и принялся рыться в бумагах.

— Разрешение на розги… Разрешение на розги… Наконец-то я до них доберусь… Теперь они у меня попляшут…

Он вынул из ящика кусок пергамента, поцеловал его и быстро зашаркал обратно к выходу, прижимая листок к груди.

Гарри вскочил на ноги и, убедившись, что сумка не забыта, а мантия-невидимка надежно

прикрывает его с головы до пят, рывком отворил дверь и выскочил из кабинета вслед за Филчем, который ковылял впереди с удивительной скоростью.

Спустившись на следующий этаж, Гарри решил, что теперь можно без опасений снова стать видимым. Он скинул мантию, запихнул ее обратно в сумку и поспешил дальше. Из вестибюля доносились шум и крики. Он сбежал по мраморной лестнице и увидел, что внизу собралась чуть ли не вся школа.

Зрелище было примерно таким же, как в тот вечер, когда увольняли Трелони. Стоящие вдоль стен ученики образовали огромный круг (некоторые из них, заметил Гарри, были покрыты чем-то очень похожим на Смердящий сок). Были в толпе и учителя с привидениями. Среди наблюдателей выделялись члены Инспекционной дружины — они явно были чрезвычайно довольны собой. Под потолком болтался Пивз, взирающий сверху вниз на Фреда и Джорджа, которые стояли посреди вестибюля с таким видом, что было яснее ясного: их наконец загнали в угол.

— Итак! — торжествующе сказала Амбридж. Только сейчас Гарри заметил, что она стоит всего на несколько ступеней ниже его и коршуном

смотрит на близнецов. — Итак! Вы полагаете, что превратить школьный коридор в болото — это смешно?

— Мы полагаем, что да, — сказал Фред, глядя на нее без малейшего страха.

Филч протолкался поближе к Амбридж, чуть не плача от счастья.

— У меня есть документ, директор, — хрипло сказал он и помахал куском пергамента, который только что на глазах у Гарри вытащил из ее стола. — У меня есть документ, и розги готовы… Прошу вас, позвольте мне сделать это сразу…

— Очень хорошо, Аргус, — сказала Амбридж. — А вам двоим, — продолжала она, глядя вниз на Фреда и Джорджа, — предстоит узнать, что бывает с нарушителями в моей школе…

— Знаете что? — перебил ее Фред. — Боюсь, у вас ничего не выйдет. — Он повернулся к брату. — Джордж, — сказал он, — по-моему, в нашем с тобой случае идея школьного образования себя исчерпала.

— Да, у меня тоже такое чувство, — весело откликнулся Джордж.

— Пора испытать себя в настоящем мире, как ты считаешь? — спросил Фред.

— Согласен, — сказал Джордж.

И, прежде чем Амбридж успела вставить хоть слово, они подняли свои палочки и хором воскликнули:

— *Акцио, метлы!*

Гарри услышал где-то в отдалении громкий треск. Взглянув налево, он пригнулся, и как раз вовремя. Метлы Фреда и Джорджа — на одной из них еще болталась тяжелая цепь с железным крюком, к которому приковала их Амбридж, — неслись по коридору к своим хозяевам. Они свернули влево, скользнули вниз над лестницей и резко затормозили перед близнецами — цепь громко прозвенела по вымощенному камнями полу.

— Надеюсь, мы больше не увидимся, — сказал Фред профессору Амбридж, перекидывая ногу через свою метлу.

— И не стоит нам писать, — подхватил Джордж, оседлав свою.

Фред обвел взглядом собравшихся учеников — молчаливую, настороженную толпу.

— Если кто надумает купить портативное болото вроде того, что выставлено у вас наверху, милости просим в Косой переулок, номер девяносто три, в магазин «Всевозможные волшебные вредилки», — громко сказал он. — Это наш новый

адрес!

— Специальные скидки для тех учеников Хогвартса, которые пообещают, что используют наш товар в целях избавления от этой старой крысы, — добавил Джордж, показывая на профессора Амбридж.

— Держите их! — взвизгнула Амбридж, но было уже поздно. Когда члены Инспекционной дружины кинулись на Фреда с Джорджем, те уже оттолкнулись от пола и взмыли вверх футов на пятнадцать — железный крюк угрожающе раскачивался внизу. Фред поглядел на полтергейста, парившего вровень с ними по другую сторону вестибюля.

— Задай ей жару от нашего имени, Пивз.

И Пивз, который на памяти Гарри еще ни разу не послушался ни одного ученика, сорвал с головы свою шляпу с бубенчиками и отсалютовал ею, а Фред и Джордж под громоподобные аплодисменты толпы описали в воздухе полукруг и вылетели из распахнутых парадных дверей навстречу сияющему закату.

Глава 30

ГРОХХ

В следующие несколько дней история о том, как Фред с Джорджем вырвались на свободу, пересказывалась так часто, что Гарри стало ясно: она войдет в золотой фонд хогвартских преданий. Спустя неделю даже очевидцы этого события были почти убеждены, что своими глазами видели, как близнецы, оседлавшие метлы, сначала спикировали на Амбридж и забросали ее навозными бомбами, а уж потом вылетели из дверей на волю. Сразу после отбытия близнецов было много разговоров о том, что их поступок достоин подражания. Гарри частенько слышал от учеников фразы вроде «Честно, иногда мне страсть как хочется вскочить на метлу да и махнуть отсюда подальше» или «Еще один такой урок, и я тоже исполню номер «прощание Уизли»».

Фред с Джорджем позаботились о том, чтобы память о них осталась в школе надолго. Во-первых, они никому не объяснили, как убрать болото, образовавшееся в коридоре на шестом этаже восточного крыла. Амбридж и Филч пробовали

осушить его самыми разными способами, но безрезультатно. В конце концов болото огородили веревками, а Филчу поручили переправлять учеников в классные комнаты на плоскодонке, что он и делал, скрипя зубами от злости. Гарри не сомневался, что МакГонагалл или Флитвик могли бы удалить болото без всякого труда, однако, как и в случае с устроенным близнецами фейерверком, они явно предпочитали наблюдать за усилиями Амбридж со стороны.

Кроме того, в двери кабинета Амбридж теперь зияли две большие дыры в форме метел, пробитые «Чистометами» Фреда и Джорджа, спешившими на зов своих хозяев. Филч приладил на место старой двери новую, а «Молнию» Гарри перенес в подземелье, где Амбридж, по слухам, поставила при ней вооруженного тролля-охранника. Но ее заботы на этом отнюдь не кончились.

Вдохновленные примером Фреда и Джорджа, многие ученики вступили в борьбу за право занять освободившиеся места Главных Бузотеров Хогвартса. Несмотря на новую дверь, кто-то умудрился подсунуть в кабинет Амбридж нюхлера с волосатым рыльцем — тот перевернул всю мебель в поисках блестящих предметов, а когда вошла Амбридж, прыгнул на нее и попытался

сгрызть кольца с ее толстых пальцев. Навозными бомбами и вонючей дробью теперь швырялись в коридорах так часто, что среди учеников стало модно перед уходом с урока накладывать на себя Заклятие пузыреголовости — это обеспечивало им приток свежего воздуха, хотя выглядели они при этом весьма экстравагантно, будто щеголяли в надетых на голову аквариумах.

Филч, крадучись, ходил по коридорам с хлыстом в руке, надеясь поймать виноватых, но вся трудность заключалась в том, что их стало чересчур много и он никак не мог решить, куда ему броситься в первую очередь. Инспекционная дружина пыталась помочь ему, но с ее членами то и дело происходили странные вещи. Уоррингтона из слизеринской команды по квиддичу отправили в больницу с ужасным кожным недугом, из-за которого он словно покрылся кукурузными хлопьями. На следующий день, к восторгу Гермионы, Пэнси Паркинсон пропустила все уроки, поскольку у нее вдруг прорезались рожки.

Тем временем стало ясно, что перед тем, как покинуть Хогвартс, Фред и Джордж успели распродать уйму Забастовочных завтраков. Стоило Амбридж войти в классную комнату, как собравшихся там учеников начинало тошнить и

лихорадить. Одни падали в обморок, у других шла кровь из обеих ноздрей. Вопя от ярости и бессилия, она пыталась определить источник загадочных симптомов, но ученики упрямо твердили ей, что страдают от «амбриджита». Оставив после уроков четыре класса подряд и ровно ничего этим не добившись, она была вынуждена отказаться от репрессий и позволить мокрым от пота, мертвенно-бледным и окровавленным ученикам покидать ее занятия целыми толпами.

Но даже потребители Забастовочных завтраков не могли сравниться с Пивзом, этим непревзойденным мастером сеять разрушение и хаос: похоже, полтергейст принял прощальный завет Фреда очень близко к сердцу. С безумным хихиканьем он носился по всей школе, переворачивал столы, выскакивал из-за классных досок, опрокидывал вазы и статуи; дважды он запихивал Миссис Норрис в пустые рыцарские доспехи в коридоре, и разъяренный смотритель замка извлекал ее оттуда истошно орущей, но живой и невредимой. Пивз разбивал фонари и тушил свечи, жонглировал горящими факелами над головой у перепуганных учеников, заставлял аккуратно сложенные стопки пергамента обрушиваться в огонь или за окно; он устроил на третьем этаже

наводнение, открыв краны во всех умывальнях, набрал полную сумку тарантулов и выпустил их посреди вестибюля во время завтрака, а если ему хотелось передохнуть, часами парил над Амбридж, сопровождая ее повсюду, куда бы она ни пошла, и издавая громкие непристойные звуки всякий раз, как она открывала рот.

Если не считать Филча, никто из обслуживающего персонала даже не пытался помочь директору. А спустя неделю после того, как Фред и Джордж покинули школу, Гарри своими глазами видел, как профессор МакГонагалл прошла мимо Пивза, старательно отвинчивающего хрустальную люстру, и мог бы поклясться, что она, почти не разжимая губ, шепнула полтергейсту: «Не в ту сторону крутишь!»

В довершение всего, Монтегю до сих пор не оправился от заключения в туалете. У него по-прежнему путались мысли, и как-то утром, во вторник, его родители были замечены на парадной аллее: они шагали к замку с крайне рассерженным видом.

— Может, нам вмешаться? — обеспокоенно сказала Гермиона, прижавшись щекой к оконному стеклу в классе заклинаний, чтобы посмотреть, как мистер и миссис Монтегю входят внутрь. —

Объяснить, что с ним произошло? Вдруг это поможет мадам Помфри его вылечить?

— Да ладно, и так очухается, — равнодушно отозвался Рон.

— В любом случае для Амбридж это лишние хлопоты, — удовлетворенно сказал Гарри.

Они с Роном одновременно постучали палочками по чашкам, которые им велели заколдовать. У чашки Гарри вылезли четыре очень коротенькие ножки — они не могли достать до стола и бессмысленно корчились в воздухе. Чашка Рона с огромным трудом оторвалась от столешницы, опираясь на выросшие у нее длинные и тонкие ножки — несколько секунд они удерживали ее наверху, дрожа от натуги, потом подломились, и чашка упала, расколовшись надвое.

— *Репаро,* — быстро сказала Гермиона, взмахнув палочкой, и чашка Рона вновь стала целой. — Все это замечательно, но что, если Монтегю повредился в уме навсегда?

— Да кому какое дело? — раздраженно сказал Рон, глядя, как его чашка снова пытается подняться, качаясь как пьяная: коленки у нее отчаянно тряслись. — Нечего было вычитать очки у Гриффиндора! Если тебе некого жалеть, Гермиона, пожалей лучше меня!

— Тебя? — спросила она, ловя свою чашку, которая весело поскакала прочь по столу на четырех крепких ножках, расписанных под китайский фарфор, и вновь ставя ее перед собой. — Почему это я должна тебя жалеть?

— Когда следующее мамино письмо пройдет проверку, у меня будут крупные неприятности, — горько сказал Рон, помогая своей чашке устоять на трепещущих ножках. — Не удивлюсь, если она опять пришлет мне Громовещатель.

— Но…

— Вот увидишь, побег Фреда и Джорджа поставят в вину мне, — мрачно пояснил Рон. — Она скажет, что я должен был их остановить. Вцепиться в их метлы и не дать им улететь, или уж я не знаю что… Точно тебе говорю, виноват буду я.

— Ну, если она и вправду так скажет, это будет ужасно несправедливо, потому что ты ничего не мог поделать! Но я уверена, что она ничего такого не скажет: ведь если у них и впрямь есть помещение в Косом переулке, значит, они все это спланировали уже давным-давно.

— Кстати, вот еще вопрос: как они заполучили это помещение? — сказал Рон, так сильно стукнув палочкой по чашке, что та снова упала и теперь лежала перед ним, бессильно подрагивая. — Это

же не так просто, верно? Чтобы арендовать место в Косом переулке, нужна куча галеонов. Она захочет узнать, во что они ввязались, чтобы раздобыть такие деньжищи.

— Это и мне приходило в голову, — сказала Гермиона, пуская свою чашку вскачь вокруг чашки Гарри, по-прежнему шевелящей в воздухе короткими толстыми ножками. — Я тоже думала: вдруг Наземникус уговорил их взяться за торговлю краденым или еще за что-нибудь похлеще…

— Ничего подобного, — обронил Гарри.

— А ты откуда знаешь? — хором спросили Рон с Гермионой.

— Оттуда… — Гарри помедлил, но потом решил, что пришло время открыть секрет. Раз Фреда с Джорджем начали подозревать в чем-то неблаговидном, молчать уже попросту нельзя. — Они получили золото от меня. В прошлом июне я отдал им свой выигрыш в Турнире Трех Волшебников.

Его друзья ошеломленно молчали. Потом чашка Гермионы скакнула через край стола и, грохнувшись на пол, разлетелась на мелкие кусочки.

— Не может быть! — воскликнула Гермиона.

— Может! — вызывающе сказал Гарри. — И

я об этом не жалею! Мне эти деньги были ни к чему, а у них будет отличный магазин со всякими волшебными штучками.

— Но это же здорово! — восхищенно сказал Рон. — Значит, виноват ты один, и мама не сможет ни в чем меня обвинить! Ты не против, если я ей скажу?

— Конечно, лучше сказать, — хмуро ответил Гарри, — особенно если она думает, что они торгуют ворованными котлами.

Гермиона больше ничего не говорила до самого конца урока, но Гарри не сомневался, что терпения ей хватит ненадолго. И действительно, на перемене, когда они вышли из замка погреться в жиденьких лучах майского солнца, она устремила на Гарри пронзительный взгляд и открыла рот, чтобы сделать ему очередное внушение.

Гарри не дал ей заговорить.

— Не надо меня воспитывать — что сделано, то сделано, — твердо сказал он. — Фред с Джорджем получили деньги и, судя по всему, уже потратили немалую их часть, так что обратно я их забрать не могу, да и не хочу. Поэтому не сотрясай зря воздух, Гермиона.

— Я и не собиралась ничего говорить насчет Фреда с Джорджем! — уязвленно сказала она.

Рон недоверчиво хмыкнул, и Гермиона наградила его уничтожающим взглядом, полным презрения.

— Да, не собиралась, представь себе! — сердито сказала она. — Я всего лишь хотела спросить у Гарри, когда он думает снова пойти к Снеггу и договориться с ним о продолжении уроков окклюменции!

У Гарри похолодело внутри. День-другой тому назад, после того как была исчерпана тема эффектного отбытия Фреда и Джорджа (что заняло, пожалуй, не один час), Рону с Гермионой захотелось узнать новости о Сириусе. Поскольку Гарри скрыл от них истинную цель своей беседы с Сириусом, ему трудно было придумать, что им сказать; в конце концов он ограничился честным сообщением о том, что Сириус велел ему возобновить уроки окклюменции. С тех пор он не раз успел пожалеть об этом: Гермиона отказывалась считать вопрос закрытым и то и дело возвращалась к нему, когда Гарри меньше всего этого ожидал.

— И нечего врать мне, что ты перестал видеть кошмары, — продолжала Гермиона. — Рон сказал, что прошлой ночью ты бормотал во сне!

Гарри метнул на Рона свирепый взгляд. Его

товарищ, надо отдать ему должное, выглядел пристыженным.

— Ты бормотал совсем немножко, — извиняющимся тоном промямлил он. — Я разобрал только что-то вроде: «Ну же, еще чуть-чуть!..»

— Мне приснилось, как вы играете в квиддич, — грубо солгал Гарри. — Я кричал тебе, чтобы ты дотянулся до квоффла.

Уши у Рона покраснели, и Гарри почувствовал мстительное удовольствие. Конечно, ему снилось совсем не то. Прошлой ночью он снова путешествовал по Отделу тайн: миновал круглую комнату, затем комнату, полную тиканья и танцующих бликов, после чего опять очутился в гигантском зале со стеллажами, на которых лежали пыльные стеклянные шарики.

Он понесся прямо к ряду номер девяносто семь, повернул налево и помчался вдоль стеллажей... Наверное, именно тогда он и произнес «еще чуть-чуть», потому что чувствовал, как его сознательное «я» стремится разорвать оковы сна... Но, не успев добраться до конца ряда, обнаружил, что снова лежит на своей кровати, упершись взглядом в полог.

— Но ты хотя бы пытаешься защитить свое сознание? — требовательно спросила Гермиона,

сверля Гарри взглядом. — Ты применяешь окклюменцию?

— Конечно, — ответил Гарри, стараясь, чтобы его голос звучал оскорбленно, однако избегая смотреть Гермионе в глаза. В действительности же ему не терпелось узнать, какое сокровище спрятано в комнате со стеклянными шариками, и поэтому он хотел, чтобы запретные сны продолжались.

Главная трудность на этом пути заключалась в том, что из-за усиленной подготовки к СОВ, до которых осталось уже меньше месяца, его голова к моменту отбоя бывала так напичкана информацией, что он подолгу лежал без сна, а когда наконец засыпал, его перегруженный мозг осаждали навязчивые картины, имеющие отношение только к экзаменам. Кроме того, он подозревал, что, стоит ему очутиться в коридоре перед черной дверью, как часть его сознания — та самая, что нередко говорит голосом Гермионы, — начинает терзаться чувством вины и ищет возможность разбудить его прежде, чем он достигнет цели своего путешествия.

— Знаешь, — сказал Рон, чьи уши до сих пор пылали огнем, — если Монтегю не придет в себя до матча Слизерина с Пуффендуем, у нас может

появиться шанс выиграть Кубок.

— Да, пожалуй, — сказал Гарри, обрадовавшись перемене темы.

— Я имею в виду, мы один раз выиграли, один проиграли. Если в следующую субботу Пуффендуйцы победят слизеринцев…

— Да, правильно, — сказал Гарри, потеряв нить разговора и уже не замечая, с чем он соглашается. Только что, демонстративно отвернувшись от него, по двору прошла Чжоу Чанг.

* * *

Заключительный матч сезона — Гриффиндор против Когтеврана — должен был состояться в последние майские выходные. Хотя Пуффендуйцам удалось-таки выиграть у Слизерина с минимальным перевесом, гриффиндорцы почти не надеялись на победу, в основном из-за обескураживающей игры Рона в прошлых матчах (конечно, ему никто об этом не напоминал). Однако сам он, похоже, был настроен оптимистически.

— Я ведь не могу выступить еще хуже, чем раньше, — мрачно сказал он Гарри и Гермионе за завтраком в день матча. — Стало быть, и терять нечего!

— Знаешь, — сказала Гермиона Гарри чуть позже, когда они шли на поле вместе с толпой возбужденных болельщиков, — по-моему, теперь, когда Фреда и Джорджа здесь нет, Рону будет немножко легче. Они никогда по-настоящему в него не верили.

Друзей нагнала Полумна Лавгуд — если глаза их не обманывали, у нее на шляпке сидел самый натуральный живой орел, который иногда принимался хлопать крыльями.

— Ах ты черт, совсем забыла! — сказала Гермиона, глядя, как Полумна с безмятежным видом шествует мимо группы слизеринцев, а те хихикают и показывают на нее пальцем. — Чжоу ведь тоже сегодня играет, правда?

Гарри, который этого не забыл, буркнул что-то утвердительное.

Они нашли места в предпоследнем ряду трибун. Стояла замечательная ясная погода — Рон не мог бы желать лучшего, и Гарри, вопреки всяким разумным соображениям, все же надеялся, что сегодня его друг не даст слизеринцам повода распевать издевательские куплеты.

Как всегда, комментаторскую кабинку занял Ли Джордан, который после ухода близнецов из школы ходил точно в воду опущенный. Когда

команды появились на поле, он стал называть игроков, хотя в голосе его не слышалось привычного оживления.

— Брэдли… Дэвис… Чанг… — говорил он.

Гарри увидел на поле Чжоу, чьи блестящие черные волосы чуть шевелились на легком ветерке, но вместо обычного сальто-мортале его желудок ограничился слабым трепыханием. Он уже не понимал, чего хочет от их отношений, — знал только, что ему до смерти надоело с ней препираться. Даже глядя, как она оживленно болтает с Роджером Дэвисом, готовясь оседлать метлу, Гарри почувствовал лишь едва ощутимый укол ревности.

— Итак, матч начался! — сказал Ли. — Дэвис немедленно завладел квоффлом… квоффл у капитана когтевранцев Дэвиса, он уворачивается от Джонсон, уходит от Белл, потом от Спиннет… он направляется прямо к воротам! Готовится к броску, и… и… — Ли громко выругался. — Счет открыт!

Гарри и Гермиона застонали вместе с остальными гриффиндорцами. Естественно, слизеринцы на противоположной трибуне тут же затянули свою отвратительную песню:

Квоффл Рон поймать не может,

Победить он нам поможет…

— Гарри, — раздался у Гарри над ухом чей-то сиплый голос. — Гермиона…

Он оглянулся и увидел между спинками сидений широченную бородатую физиономию Хагрида. Первокурсники и второкурсники в ряду, вдоль которого он только что протискивался, выглядели изрядно помятыми. По какой-то причине Хагрид скрючился вдвое, словно не хотел, чтобы его заметили, однако от этого было мало проку: он по-прежнему возвышался над всеми фута на четыре.

— Слушайте, — прошептал он, — вы не могли бы пойти со мной? Прямо сейчас. Пока все смотрят матч.

— Э-э… а подождать нельзя, Хагрид? — спросил Гарри. — Хотя бы до конца матча?

— Нет, — сказал Хагрид. — Нет, Гарри, это надо сейчас… пока все смотрят в другую сторону… пожалуйста, пойдем, а?

Из носа у Хагрида слабо сочилась кровь. Оба глаза были подбиты. После возвращения лесничего в школу Гарри ни разу не видел его так близко; Хагрид выглядел глубоко несчастным.

— Конечно, — не раздумывая ответил он. — Конечно пошли.

Они с Гермионой бочком выбрались в проход под недовольное ворчание учеников, которым пришлось встать, чтобы пропустить их. Те, мимо кого пробирался Хагрид, не жаловались — они только старались сделаться как можно меньше.

— Я вам ужасно благодарен, друзья, честное слово, — сказал Хагрид, когда они очутились на лестнице. Пока они спускались на лужайку, он то и дело тревожно озирался. — Надеюсь, она не заметит, что мы ушли.

— Ты это про Амбридж? — спросил Гарри. — Она ничего не заметит. Разве ты не видел — она усадила рядом с собой всю Инспекционную дружину? Наверное, боится скандала.

— Ну, если здесь малость поскандалят, это не повредит, — сказал Хагрид. Он остановился и выглянул из-за края трибуны, чтобы проверить, нет ли кого-нибудь на лужайке между ними и его хижиной. — Дайте только время…

— Что случилось, Хагрид? — сказала Гермиона, озабоченно глядя на него снизу вверх. Они уже спешили по траве к опушке Запретного леса.

— Погоди минутку, скоро увидишь, — сказал Хагрид, оглядываясь через плечо на стадион, откуда вдруг донесся громкий рев болельщиков. — Ого! Видать, забил кто?

— Наверное, Когтевран, — угрюмо сказал Гарри.

— Ну-ну… — рассеянно откликнулся Хагрид. — Вот и хорошо…

Он шел быстро, озираясь на каждом шагу, и им приходилось бежать вприпрыжку, чтобы поспеть за ним. У хижины Гермиона машинально свернула налево, к двери. Однако Хагрид двинулся прямиком под сень листвы на самом краю Леса и поднял арбалет, прислоненный к стволу дерева. Заметив, что ребята отстали, он обернулся.

— Нам туда, — сказал он, кивнув косматой головой в сторону чащи.

— В Лес? — озадаченно спросила Гермиона.

— Да, — ответил Хагрид. — Пойдем скорей, покуда нас не застукали!

Гарри с Гермионой обменялись взглядом и нырнули под прикрытие деревьев вслед за Хагридом — закинув арбалет за плечо, он уже размашисто шагал вперед в зеленоватом полумраке. Пустившись бегом, Гарри и Гермиона догнали его.

— Зачем тебе оружие, Хагрид? — спросил Гарри.

— На всякий случай, — отозвался Хагрид, пожимая массивными плечами.

— Когда ты водил нас смотреть на фестралов,

ты не брал с собой арбалета, — робко сказала Гермиона.

— Тогда мы не заходили так далеко, — сказал Хагрид. — Да и потом, это было до того, как Флоренц ушел из Лесу.

— При чем здесь Флоренц? — с любопытством спросила Гермиона.

— При том, что другие кентавры здорово на меня разозлились, вот при чем, — негромко сказал Хагрид, озираясь по сторонам. — Они и раньше-то не очень дружелюбные были, но мы с ними худо-бедно ладили. Жили они, конечно, сами по себе, но ежели мне надо было с ними словечком перемолвиться, всегда приходили. А теперь нет.

Он тяжело вздохнул.

— Флоренц сказал, они рассердились, потому что он согласился работать у Дамблдора, — объяснил Гарри. Он внимательно следил за лицом Хагрида и поэтому споткнулся о выступающий из земли корень.

— Да уж, — мрачно подтвердил Хагрид. — Рассердились — это еще мягко сказано. Озверели, это будет вернее. Кабы я не вмешался, они б его до смерти залягали…

— Они на него напали? — потрясенно спросила Гермиона.

— Ну да, — хрипло ответил Хагрид, проламываясь сквозь низко висящие ветви. — Полстада, не меньше, и каждый норовил его приложить…

— И ты остановил их? — Гарри был изумлен и восхищен. — В одиночку?

— Конечно. Не мог же я стоять и смотреть, как его убивают! — сказал Хагрид. — Хорошо еще, что мимо проходил… И между прочим, Флоренц мог бы про это вспомнить и не посылать мне всякие дурацкие предупреждения! — внезапно с жаром добавил он.

Гарри и Гермиона удивленно переглянулись, но насупившийся Хагрид не стал развивать эту тему.

— Как бы там ни было, — сказал он, дыша чуть тяжелей, чем обычно, — теперь у кентавров на меня зуб. Беда в том, что в Лесу их мнение больно много значит… они ж тут самые умные.

— Так это к ним ты нас ведешь, Хагрид? — спросила Гермиона. — К кентаврам?

— Нет-нет, — сказал Хагрид, отрицательно качая головой, — они тут ни при чем. Ну, то есть они могут осложнить дело, это-то да… но скоро ты увидишь, в чем вся штука.

После этого загадочного обещания он умолк и сразу опередил их. На каждый шаг Хагрида у его

спутников приходилось по три, так что им стоило немалого труда не отстать совсем.

Тропинка, по которой они шли, становилась все уже — деревья подступали к ней так близко, что дневной свет еле пробивался сквозь плотную листву. Вскоре поляна, где Хагрид показывал им фестралов, осталась далеко позади, но Гарри не беспокоился до тех пор, пока Хагрид вдруг не свернул с тропинки прямо в чащу: похоже было, что они держат путь в самое сердце Запретного леса.

— Хагрид! — сказал Гарри, с трудом пробираясь сквозь густой колючий кустарник, через который Хагрид с легкостью перешагнул, и очень живо вспоминая то, что случилось с ним в прошлый раз, когда он оставил тропинку в Запретном лесу. — Куда мы идем?

— Потерпи чуток, — сказал Хагрид, не оборачиваясь. — Давай, Гарри… тут бы надо держаться рядом друг с дружкой.

Держаться рядом с Хагридом было очень и очень непросто, особенно из-за веток и колючих кустов: лесничий обращал на них не больше внимания, чем на обыкновенную паутину, но Гарри и Гермиона часто запутывались в них так основательно, что им приходилось возиться по нескольку минут, высвобождая свои мантии.

Вскоре руки и ноги Гарри покрылись мелкими порезами и царапинами. Теперь они забрались в такую глушь, что Гарри различал в полумраке только огромный силуэт Хагрида, топающего впереди. Каждый звук в ватной лесной тишине казался угрожающим. Маленькие сучки ломались с громким треском, а любой едва слышный шорох в кустах, пусть даже производимый какой-нибудь безобидной пташкой, заставлял Гарри опасливо вглядываться в полутьму. Он вдруг сообразил, что никогда еще не заходил так далеко в Лес, не встретив ни единого живого существа, и это отсутствие живности показалось ему зловещим.

— Можно мы зажжем палочки, Хагрид? — тихонько спросила Гермиона.

— Валяйте, — шепнул Хагрид. — Честно говоря…

Внезапно он остановился и обернулся. Гермиона наткнулась на него и чуть не упала. Гарри вовремя поймал ее.

— Лучше постоим тут минутку, чтобы я мог… ну, растолковать вам, что к чему, — сказал Хагрид. — В смысле, пока мы еще не дошли до места.

— Ладно! — сказала Гермиона. Они с Гарри пробормотали *«Люмос!»*, и на концах их палочек

вспыхнули огоньки. Лицо Хагрида выступило из полутьмы в свете двух дрожащих лучей, и Гарри снова поразился тому, какое оно тревожное и грустное.

— Ну вот, — сказал Хагрид. — Понимаете… вся штука в том…

Он шумно вздохнул.

— В общем, очень может быть, что не сегодня завтра я вылечу с работы, — сказал он.

Гарри и Гермиона посмотрели друг на друга, затем снова на него.

— Но тебя ведь до сих пор не выгнали, — осторожно заметила Гермиона. — Так почему ты решил…

— Амбридж считает, это я пустил нюхлера к ней в кабинет.

— А разве это не ты? — невольно вырвалось у Гарри.

— Конечно нет! — с негодованием сказал Хагрид. — Просто если где замешаны волшебные существа, она сразу думает, что без меня дело не обошлось. Вы же знаете — с тех пор как я вернулся, она только и ждет повода, чтоб меня уволить. Я-то, понятно, уходить не хочу, но кабы не… кабы не особые обстоятельства, про которые я вам сейчас все растолкую, я бы лучше ушел сам

и не ждал, покуда меня выгонят на глазах у всей школы, как Трелони.

И Гарри, и Гермиона попытались было что-то возразить, но Хагрид отмахнулся от их протестов огромной ручищей.

— Все это не конец света — я и не в школе буду помогать Дамблдору и постараюсь, чтобы Ордену от меня была какая-никакая польза… А вас возьмет Граббли-Дерг… так что экзамены вы сдадите… — Его голос задрожал и сорвался. — Насчет меня не волнуйтесь, — поспешно сказал он, когда Гермиона потянулась к нему, чтобы похлопать его по руке. Выудив из жилета гигантский заляпанный носовой платок, он промокнул им глаза. — Слушайте, я б вам всего этого не рассказывал, кабы жизнь не заставила. Просто если я уйду… ну, я не могу уйти, никому не сказавшись… потому как я… мне нужна ваша помощь. И Рона тоже, если он не против.

— Конечно, мы тебе поможем, — немедленно сказал Гарри. — Что нам нужно сделать?

Хагрид громко шмыгнул носом и, не найдя слов, потрепал Гарри по плечу с такой силой, что тот еле устоял на ногах, привалившись к дереву.

— Я знал, что вы согласитесь, — пробубнил он в платок, — но я никогда… того… не забуду… ну

пошли, осталась самая малость… осторожно, тут крапива…

Они шли в молчании минут пятнадцать. Когда Гарри открыл рот, собираясь спросить, долго ли еще идти, Хагрид выбросил вбок правую руку, показывая, что надо остановиться.

— Тут полегче… — негромко сказал он. — Тихонечко-тихонечко…

Они прокрались вперед еще на несколько шагов, и Гарри увидел сквозь заросли огромный гладкий курган, высотой почти с Хагрида. Он с ужасом подумал, что это наверняка логово какого-нибудь гигантского животного. Все деревья около кургана были вырваны с корнем, и он возвышался на свободной лужайке, в окружении лежащих внавалку стволов и веток. Они образовали что-то вроде изгороди или баррикады, у которой и остановились Гарри, Гермиона и Хагрид.

— Спит, — прошептал Хагрид.

Гарри понял, что слышит какой-то приглушенный ритмичный рокот, словно неподалеку и впрямь работают чьи-то гигантские легкие. Он покосился на Гермиону, которая не отрываясь глядела на курган. Рот у нее был слегка приоткрыт, и она выглядела до смерти напуганной.

— Хагрид, — сказала она шепотом, едва слышным на фоне дыхания спящего существа, — кто это?

Ее вопрос показался Гарри странным. «Что это?» — вот вопрос, который он сам собирался задать.

— Ты же говорил нам, Хагрид… — сказала Гермиона, и Гарри заметил, что палочка у нее в руке дрожит. — Ты говорил, что они отказались прийти!

Гарри перевел взгляд с нее на Хагрида и обратно. Вдруг он все понял и, тихонько охнув от ужаса, снова посмотрел на курган.

Огромный земляной горб, на котором они с легкостью могли бы уместиться все втроем, мерно поднимался и опускался в такт глубокому, рокочущему дыханию. Это был вовсе не курган — это была чья-то спина!

— Ну да… он и не хотел приходить, — ответил Хагрид. В голосе его слышалось отчаяние. — Но я должен был привести его, Гермиона, должен!

— Но почему? — спросила Гермиона. — Ее голос звучал так, словно она готова была разреветься. — Почему… зачем… о господи, Хагрид!

— Я знал, что надо только подержать его тут, — сказал Хагрид, тоже едва не плача, — и маленько

научить, как себя вести... и тогда я смогу вытащить его на люди и доказать, что он совсем безобидный!

— Безобидный! — пронзительно воскликнула Гермиона, и Хагрид отчаянно зашикал на нее и замахал ручищами. Огромное существо на лужайке громко всхрапнуло и чуть повернулось во сне. — Так вот кто наставил тебе столько синяков! Вот откуда у тебя все эти раны!

— Он сам не знает своей силы! — убежденно сказал Хагрид. — И он постепенно учится, он уже не так часто дерется...

— Теперь понятно, почему ты добирался домой целых два месяца, — задумчиво произнесла Гермиона. — Ах, Хагрид, зачем ты привел его сюда, если он не хотел? Разве ему не лучше было бы жить со своим народом?

— Они все обижали его, Гермиона, потому что он такой маленький! — сказал Хагрид.

— Маленький? — переспросила Гермиона. — Это он-то маленький?

— Я не мог его бросить, Гермиона, — сказал Хагрид, и по его покрытому синяками лицу заструились слезы, теряясь в бороде. — Он... он мой брат!

Гермиона уставилась на него, и челюсть у нее

отвисла.

— Хагрид! — медленно сказал Гарри. — Когда ты говоришь «брат», это же не значит, что…

— Ну, то есть единоутробный, — уточнил Хагрид. — Оказывается, моя мамаша связалась с другим великаном, когда ушла от папы, и у нее родился Грохх…

— Грохх? — сказал Гарри.

— Ну да… во всяком случае, примерно так он произносит свое имя, — нервно сказал Хагрид. — Он не слишком хорошо говорит по-английски… я пытался его научить… в общем, она вроде как и его любила не больше, чем меня. Понимаешь, великанши гордятся, если произведут на свет хорошего крупного малыша, а он всегда был мелковат по ихним меркам… всего-то шестнадцать футов.

— Ну да, совсем крошечный! — сказала Гермиона с ноткой истерического сарказма. — Прямотаки микроскопический!

— Они все там его шпыняли… я просто не мог его бросить…

— Мадам Максим тоже хотела привести его сюда? — спросил Гарри.

— Она… ну, она понимала, что это для меня важно, — сказал Хагрид, ломая свои огромные

руки. — Но… но потом она от него малость устала, должен признать… так что мы расстались по дороге домой… правда, она обещала никому не говорить…

— Как тебе вообще удалось притащить его сюда так, чтобы никто не видел?

— Потому это и отняло столько времени, — сказал Хагрид. — Можно было двигаться только ночью и по дикой местности, ну и всякое такое. Конечно, когда он хочет идти, так за ним только поспевай, но он то и дело норовил повернуть обратно.

— Ах, Хагрид, Хагрид, ну почему ты его не отпустил! — сказала Гермиона, усевшись на вырванное из земли дерево и пряча лицо в ладони. — Как ты теперь думаешь управиться со свирепым великаном, который даже не хочет здесь оставаться?

— Ну, свирепый — это ты, пожалуй, через край хватила, — отозвался Хагрид. Он по-прежнему возбужденно ломал руки. — Я признаю, что он разок-другой угостил меня, когда был не в духе, но теперь он ведет себя лучше, гораздо лучше… он стал гораздо спокойнее…

— А зачем тогда все эти веревки? — спросил Гарри.

Лишь секунду назад он заметил, что к стволам самых больших из соседних деревьев привязаны толстенные веревки — они тянулись туда, где спиной к ним спал Грохх.

— Тебе приходится держать его связанным? — слабым голосом спросила Гермиона.

— Ну… вообще-то да, — ответил Хагрид, беспокойно глядя на нее. — Видишь ли, какая штука… я ведь уже говорил… он и в самом деле не понимает, какой он сильный.

Теперь Гарри сообразил, с чем связано подозрительное отсутствие в этой части Леса всякого зверья.

— Ладно, так чего ты хочешь от нас с Гарри и Роном? — с опаской спросила Гермиона.

— Чтобы вы за ним присмотрели, — хрипло сказал Хагрид. — Когда меня не будет.

Гарри с Гермионой обменялись обреченными взглядами, и Гарри стало не по себе: ведь он уже обещал Хагриду сделать все, что тот попросит!

— И как ты себе это представляешь? — осведомилась Гермиона.

— Кормить не надо, ничего такого! — торопливо сказал Хагрид. — Он сам себе добудет чего поесть, это ему легче легкого. Птицы там, олени, ну и так далее… Нет, ему нужна не еда, а компа-

ния, вот и все. Мне б только знать, что кто-то и дальше пытается ему помочь… учит его немножко, понимаете…

Ничего не ответив, Гарри снова повернулся посмотреть на чудовищную фигуру великана, спящего перед ними на лужайке. В отличие от Хагрида, который выглядел просто как очень большой человек, Грохх был сложен довольно непропорционально. То, что Гарри сначала принял за гигантский, поросший мохом валун слева от огромного земляного кургана, оказалось головой Грохха. По сравнению с телом она была гораздо крупнее, чем у людей, и почти абсолютно круглая; всю ее сплошь покрывали густые курчавые волосы цвета папоротника. Над головой исполина, которая, как у дяди Вернона, словно была посажена прямо на плечи без всякого признака шеи, виднелся краешек большого мясистого уха. Спина, прикрытая чем-то вроде грязного бурого балахона, кое-как сшитого из звериных шкур, была очень широкой: видно было, как грубые швы чуть не лопаются при каждом вдохе спящего великана. Ноги Грохх подобрал под себя. Гарри видел только его колоссальные подошвы: голые и грязные, они покоились на травянистой почве одна на другой, и каждая из

них была величиной с детские салазки.

— Ты хочешь, чтобы мы его учили, — бесцветным голосом сказал Гарри. Теперь он понял, что означало предупреждение Флоренца: «Его план не работает. Лучше ему оставить свои попытки». Конечно, другие существа, живущие в Запретном лесу, должны были знать о тщетных попытках Хагрида обучить Грохха английскому.

— Ну да! Даже если вы просто будете иногда по чуть-чуть с ним беседовать… — с надеждой сказал Хагрид. — Потому как я вот чего думаю: если он научится говорить с людьми, ему станет понятней, что на самом деле мы все его любим и хотим, чтоб он остался.

Гарри посмотрел на Гермиону, а она — на него сквозь раздвинутые пальцы рук, в которые спрятала лицо.

— Как поглядишь на это, кажется, что Норберт был не так уж плох, — сказал он, и она отпустила дрожащий смешок.

— Так, стало быть, вы согласны? — спросил Хагрид, который, похоже, не расслышал последних слов Гарри.

— Ну… — промямлил Гарри, уже связанный обещанием. — Мы попробуем, Хагрид.

— Я знал, что могу на тебя положиться, Гар-

ри, — сказал Хагрид. Его мокрое лицо просияло, и он снова принялся вытирать его платком. — Я не хочу отнимать у вас слишком много времени… понимаю — у вас экзамены и все такое… если бы вы могли выбираться сюда под мантией-невидимкой, скажем, раз в неделю, чтобы поболтать с ним немножко… Так я его разбужу — надо же вас познакомить!

— Позна… ой, нет! — вскакивая, сказала Гермиона. — Пожалуйста, Хагрид, не буди его — правда, нам ни к чему…

Но Хагрид уже перешагнул через огромный лежащий ствол и двинулся к Грохху. Подойдя к нему футов на десять, он поднял с земли длинную отломанную ветку, ободряюще улыбнулся через плечо Гарри и Гермионе, а потом сильно ткнул концом ветки в середину великаньей спины.

Грохх испустил рев, эхом прокатившийся по безмолвному Лесу. Птицы на верхушках деревьев с щебетом вспорхнули и разлетелись. Тем временем на глазах у Гарри и Гермионы великан подымался с земли — она задрожала, когда он оперся на нее чудовищной дланью, помогая себе встать на колени. Затем он повернул голову, чтобы разглядеть нарушителя своего покоя.

— Ну что, Грошик? — с наигранным весельем

сказал Хагрид, отступая назад и держа ветку наготове, чтобы в случае чего снова ткнуть ею Грохха. — Неплохо вздремнул, а?

Гарри и Гермиона отошли насколько могли, не выпуская гиганта из поля зрения. Грохх стал на колени между двумя деревьями, которые еще не успел вывороти ть. Они смотрели вверх на его невероятно огромное лицо, похожее на полную серую луну, маячащую в лесных сумерках. Казалось, будто человеческие черты нанесены на колоссальных размеров каменный шар. Нос у Грохха был короткий и бесформенный, в скошенном набок рту желтели корявые зубы, смахивающие на половинки кирпичей; глаза, маленькие для такого гиганта, были мутного зеленовато-коричневого цвета и еще не совсем разлепились со сна. Грохх поднял замурзанный кулак с костяшками величиной с крикетный мяч и свирепо протер их; потом, без предупреждения, вскочил на ноги с поразительной быстротой и проворством.

— Ай! — услышал Гарри позади себя панический возглас Гермионы.

Деревья, к которым были привязаны запястья и лодыжки Грохха, угрожающе заскрипели. Как и говорил Хагрид, в нем было добрых шестнадцать

футов росту. Подслеповато озираясь, Грохх протянул руку размером с пляжный зонтик, схватил с верхних веток большой сосны птичье гнездо, перевернул его и потряс с разочарованным ревом: птицы внутри не оказалось, только яйца градом посыпались на землю, и Хагрид, защищаясь от них, прикрыл голову руками.

— Послушай, Грошик, — крикнул Хагрид, с опаской косясь вверх, чтобы в случае чего укрыться от новой бомбардировки, — я тут привел своих друзей, хочу их с тобой познакомить. Помнишь, я тебе рассказывал? Помнишь, я говорил, что, может, отправлюсь в небольшое путешествие и попрошу их приглядеть за тобой, покуда меня не будет? Ты ведь помнишь это, Грошик?

Но Грохх лишь снова испустил низкий рев — казалось, он то ли не слушает Хагрида, то ли вообще принимает издаваемые им звуки не за человеческую речь, а за что-то другое. Ухватившись за верхушку одной из сосен, он принялся сгибать ее — очевидно, из чистого любопытства, чтобы посмотреть, далеко ли она отскочит, когда он ее отпустит.

— Эй-эй, Грошик, не надо! — закричал Хагрид. — Ты и эту тоже повалишь…

И действительно, Гарри уже видел, как треска-

ется земля вокруг корней дерева.

— У меня есть для тебя компания! — крикнул Хагрид. — Компания, понял? Погляди вниз, дубина ты здоровенная, я привел к тебе друзей!

— Не надо, Хагрид! — простонала Гермиона, но Хагрид уже снова поднял ветку и резко ткнул ею Грохха в колено.

Гигант отпустил сосну, которая угрожающе закачалась и осыпала Хагрида дождем иголок, и посмотрел вниз.

— Гляди, — сказал Хагрид, поспешно подбегая к ребятам, — это Гарри, Грошик! Гарри Поттер! Он, может, придет навестить тебя, когда меня не будет, понял?

Великан только сейчас заметил присутствие Гарри и Гермионы. Они с трепетом ждали, пока он опустит свою валуноподобную голову и вглядится в них подслеповатыми глазками.

— А это Гермиона, видишь? Гер… — Хагрид запнулся. Повернувшись к Гермионе, он спросил: — Ты не против, если он будет звать тебя Герми, а? Твое имя для него слишком трудное, он не запомнит…

— Да-да, конечно, — кое-как выдавила Гермиона.

— Это Герми, Грохх! Она тоже будет приходить,

и вообще! Разве это не здорово? А? Теперь у тебя двое дру… Н-н-не надо, Грошик!

Рука Грохха внезапно метнулась к Гермионе; Гарри схватил ее и толкнул за дерево, так что лапа Грохха чиркнула по стволу, сомкнувшись в кулак на пустом месте.

— ТЫ ПЛОХОЙ МАЛЬЧИК, ГРОШИК! — услыхали они вопль Хагрида, и Гермиона, дрожа и поскуливая от страха, прижалась за деревом к Гарри. — ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ! НЕЛЬЗЯ ХВАТА… АЙ!

Гарри высунул из-за ствола голову и обнаружил, что Хагрид лежит на спине, держась за нос. Грохх, очевидно утративший к нему интерес, распрямился и снова занялся сосной, пытаясь согнуть ее до предела.

— Ладно, — неразборчиво пробубнил Хагрид, вставая на ноги, — одной рукой он зажимал кровоточащий нос, а другой взялся за арбалет. — Хорошо… теперь всё… вы с ним познакомились… теперь он узнает вас, когда вы придете его навестить. Да… хорошо…

Он поднял глаза на Грохха, который сгибал сосну с выражением отрешенного удовольствия на своем лице-булыжнике; слышно было, как трещат выдираемые из земли корни.

— Ну, по-моему, на сегодня достаточно, — ска-

зал Хагрид. — Пожалуй что... э-э... пойдем-ка мы обратно, а?

Гарри с Гермионой кивнули. Хагрид опять закинул арбалет на плечо и, все еще зажимая нос, первым двинулся в чащу.

Некоторое время все молчали; никто не подал голоса даже тогда, когда их настиг отдаленный треск, означающий, что Грохх наконец повалил сосну. Лицо у Гермионы было бледное и сосредоточенное. В голове у Гарри царило смятение. Что случится, если кто-нибудь все же узнает, что Хагрид прячет Грохха в Запретном лесу? А он-то по глупости обещал, что они втроем, с Роном и Гермионой, будут продолжать абсолютно бессмысленные попытки Хагрида цивилизовать этого гиганта! Как Хагрид, при всей его феноменальной способности видеть в клыкастых монстрах безобидных милашек, умудрился внушить себе, что Грохха можно приучить жить с людьми?

— Стоп, — внезапно сказал Хагрид, когда Гарри и Гермиона продирались сквозь густые заросли спорыша. Вытащив из колчана у себя за плечом стрелу, он сунул ее в арбалет. Гарри с Гермионой подняли палочки — теперь, стоя на месте, они тоже услышали, как совсем рядом кто-то шелестит

ветками. — Вот незадача, — тихо сказал Хагрид.

— Хагрид! — раздался звучный мужской голос. — Кажется, мы предупреждали тебя, чтобы ты больше сюда не приходил?

Несколько секунд они смотрели, как в пятнистых зеленоватых сумерках к ним плывет обнаженный мужской торс; затем иллюзия развеялась, и они увидели, что этот торс прочно покоится на теле гнедого коня. У кентавра было надменное широкоскулое лицо и длинные черные волосы. Подобно Хагриду, он был вооружен: за его спиной висели большой лук и полный колчан стрел.

— Как дела, Магориан? — осторожно спросил Хагрид.

В гуще деревьев позади кентавра послышался шорох, и вслед за ним появились еще четверо или пятеро его собратьев. Гарри заметил среди них бородатого Бейна, которого встретил почти четыре года назад в ту самую ночь, когда познакомился с Флоренцем. Если Бейн и узнал Гарри, то не подал виду.

— Итак, — сказал он с нехорошей интонацией в голосе, сразу же поворачиваясь к Магориану, — по-моему, мы договорились, что нам следует сделать, если в нашем Лесу еще когда-нибудь

объявится этот человек?

— Стало быть, я для вас уже «этот человек», да? — кисло спросил Хагрид. — Только потому, что не дал вам совершить убийство?

— Не надо было тебе вмешиваться, Хагрид, — сказал Магориан. — У нас своя жизнь и свои законы, не такие, как ваши. Флоренц предал и обесчестил нас.

— Не понимаю, с чего вы это взяли, — нетерпеливо сказал Хагрид. — Он всего только помог Альбусу Дамблдору…

— Флоренц сделался рабом людей, — сказал серый кентавр с грубым, изрезанным морщинами лицом.

— Рабом! — язвительно повторил Хагрид. — Да он оказал Дамблдору честь, вот и…

— Он торгует нашим знанием и тайнами — выдает их людям, — спокойно сказал Магориан. — Такое унижение нельзя стерпеть.

— Дело ваше, — откликнулся Хагрид, пожимая плечами, — хотя мне лично сдается, что вы делаете большую ошибку…

— Как ты, человек, — сказал Бейн, — осмелился вернуться в наш Лес после того, как мы тебя предупредили?

— Вот что, послушайте-ка меня, — сердито

сказал Хагрид. — Я предпочел бы поменьше слышать про «наш» Лес, если не возражаете. Не вам решать, кому сюда приходить, а кому уходить…

— Но и не тебе, Хагрид, — живо ответил Магориан. — Сегодня я позволю тебе пройти, поскольку тебя сопровождают твои молодые…

— Они вовсе не его! — презрительно бросил Бейн. — Это ученики той школы, Магориан! Возможно, они уже кое-что извлекли из уроков негодяя Флоренца.

— Тем не менее, — холодно сказал Магориан, — убийство жеребят — тягчайшее из преступлений, и невиновных мы не трогаем. Сегодня, Хагрид, иди с миром. Но в дальнейшем держись от этих мест подальше. Ты предал дружбу кентавров, когда помог изменнику Флоренцу уйти от расплаты.

— Я не собираюсь держаться подальше от Леса из-за стада упрямых мулов вроде вас! — выпалил Хагрид.

— Хагрид, — сказала Гермиона высоким испуганным голосом, увидев, что Бейн и серый кентавр роют землю копытами. — Хагрид, пойдем! Пожалуйста!

Лесничий двинулся вперед, но его арбалет был по-прежнему поднят, а взгляд по-прежнему угро-

жающе прикован к Магориану.

— Мы знаем, что ты прячешь в Лесу, Хагрид! — крикнул им вслед Магориан, когда кентавры уже почти скрылись из виду. — И наше терпение не бесконечно!

Хагрид повернулся — казалось, он еле сдерживает себя, чтобы не кинуться обратно к Магориану.

— Придется вам потерпеть, пока он здесь, — он имеет на этот Лес не меньше прав, чем вы! — завопил он в ответ.

Гарри с Гермионой, вцепившись в кротовый жилет Хагрида, изо всех сил пытались удержать лесничего на месте. Все еще хмурясь, он посмотрел вниз, и гнев на его лице сменился легким удивлением: похоже, он и не заметил их отчаянных стараний.

— Успокойтесь, ребята, — сказал он, поворачиваясь, чтобы идти дальше, и они, тяжело дыша, побрели за ним. — Вот ведь упрямые мулы, верно?

— Хагрид, — с трудом выговорила Гермиона, обходя густые заросли крапивы, которые им уже пришлось штурмовать на пути сюда, — если кентавры не хотят, чтобы в Лесу появлялись люди, непонятно, как мы с Гарри сможем…

— Ты же слышала, что они сказали, — беззаботно отозвался Хагрид. — Они не трогают жеребят… то есть детей. Да и вообще, станем мы их слушаться!

— Не горюй, — шепнул Гарри удрученной Гермионе.

Наконец они снова выбрались на тропинку, и еще минут через десять заросли стали редеть, между деревьями заголубели просветы, а вдали снова послышались возбужденные крики и скандирование болельщиков.

— Что, еще один гол? — спросил Хагрид, останавливаясь под прикрытием деревьев, когда в поле зрения показался школьный стадион. — Или это матч кончился, как по-вашему?

— Не знаю, — несчастным голосом сказала Гермиона. Гарри заметил, что вид у нее довольно жалкий: в волосы набились прутики и листочки, мантия порвана в нескольких местах, а лицо и руки испещрены царапинами. Он понял, что и сам выглядит немногим лучше.

— А по-моему, кончился! — сказал Хагрид. Он все еще смотрел в сторону стадиона. — Видите — народ уже выходит… Если вы поспешите, можете смешаться с толпой, и никто не узнает, что вас там не было!

— Отличная идея, — сказал Гарри. — Ну… тогда пока, Хагрид.

— Я ему не верю, — сказала Гермиона, когда они отошли от Хагрида и он больше не мог их слышать. Голос еще плохо повиновался ей. — Я ему не верю. Правда, не верю!

— Успокойся, — сказал Гарри.

— Успокойся! — горячо воскликнула она. — Великан! Великан в Лесу! И мы подрядились давать ему уроки английского! Это, разумеется, при условии, что нам удастся миновать стадо кровожадных кентавров на пути туда и обратно! Я ему не верю!

— Пока нам ничего делать не надо! — попытался успокоить ее Гарри. Он говорил тихо, поскольку они только что присоединились к компании оживленно болтающих пуффендуйцев, которые направлялись обратно в замок. — Он не просил нас помогать до тех пор, пока его не выгонят. Может, этого и вовсе никогда не случится!

— Ох, Гарри, перестань, — сердито сказала Гермиона и остановилась как вкопанная. Тем, кто шел за ней, пришлось свернуть, чтобы избежать столкновения. — Его обязательно выгонят, и после всего, что мы сегодня видели, у кого повернется язык упрекнуть Амбридж?

Наступила пауза. Гарри с укором глядел на Гермиону, а ее глаза медленно наполнялись слезами.

— Ты так не думаешь, — тихо сказал Гарри.

— Ну… нет… наверное… нет, конечно, — сказала она, сердито вытирая глаза. — Но зачем ему так усложнять жизнь себе… и нам заодно?

— Не знаю…

Рональд Уизли — наш король,
Рональд Уизли — наш герой,
Перед кольцами стеной
Так всегда и стой…

— Как им не надоест петь эту дурацкую песню? — убитым голосом спросила Гермиона. — Мало они над ним издевались?

По зеленому склону к замку поднималась огромная толпа учеников, возвращающихся с матча.

— Пойдем поскорее, чтобы обогнать слизеринцев, — сказала Гермиона.

Квоффла Рональд не пропустит
И победы не упустит,
Вратарем наш Рон родился,
Гриффиндору пригодился.

— Гермиона… — неуверенно произнес Гарри.

Песня звучала все громче, но она исходила не от скопища слизеринцев, одетых в зеленое с серебром, а от красно-золотой массы, медленно движущейся к замку и несущей на своих многочисленных плечах чью-то одинокую фигуру.

Рональд Уизли — наш король,
Рональд Уизли — наш герой,
Перед кольцами стеной
Так всегда и стой…

— Не может быть… — тихо ахнула Гермиона.

— Может! — громко сказал Гарри.

— Гарри! Гермиона! — завопил Рон, махая серебряным Кубком. Он был вне себя от счастья. — Он наш! МЫ ПОБЕДИЛИ!

Они расплылись в улыбках, провожая его взглядом. У дверей замка образовалась пробка и Рона как следует приложили головой о притолоку, но никто, похоже, не собирался ставить его на ноги. Продолжая петь, болельщики протиснулись в вестибюль и исчезли из виду. Сияя, Гарри и Гермиона смотрели им вслед, пока не затихло последнее эхо от их куплетов. Потом они повернулись друг к дружке, и улыбки сошли с их лиц.

— Прибережем наши новости до завтра, лад-

но? — сказал Гарри.

— Хорошо, — устало согласилась Гермиона. — Я никуда не спешу.

Они взошли по лестнице вместе. У парадных дверей оба невольно обернулись и посмотрели на Запретный лес. Может быть, Гарри это только померещилось, но далеко-далеко над верхушками деревьев как будто поднялась в воздух маленькая стайка птиц — словно дерево, на котором они гнездились, кто-то с корнем вырвал из земли.

Глава 31

СОВ

Рон был так рад, что сумел помочь Гриффиндору выцарапать Кубок по квиддичу, что на следующий день не мог ни на чем сосредоточиться. Он снова и снова принимался обсуждать матч, и Гарри с Гермионой никак не удавалось улучить момент, чтобы заговорить о Гроххе. Правда, они не слишком старались начать этот разговор: ни Гарри, ни Гермионе не хотелось возвращать Рона с небес на землю таким жестоким образом. Поскольку день опять выдался ясный и теплый, они убедили Рона заняться подготовкой к экзаменам под березой на берегу озера: там было меньше посторонних ушей, чем в гриффиндорской гостиной. Сначала Рон не пришел в восторг от этой идеи — ему гораздо больше нравилось сидеть в башне, где его то и дело дружески хлопали по плечу, а порой и снова затягивали «Уизли — наш король», — однако через некоторое время согласился, что ему тоже полезно подышать свежим воздухом.

Они разложили учебники в тени березы и усе-

лись сами, в двадцатый раз слушая рассказ Рона о том, как вчера он взял свой первый мяч.

— Ну, то есть я ведь пропустил мяч от Дэвиса, так что полной уверенности в себе не было, но, не знаю уж почему, когда Брэдли полетел на меня — он и взялся-то неизвестно откуда, — я вдруг подумал: «Ты сможешь!» И у меня осталось не больше секунды, чтобы выбрать, куда кинуться, — понимаете, он вроде как метил в правое кольцо, ну, в смысле, для меня правое, а для него-то левое, — но мне будто внутренний голос подсказал, что он финтит, и я решил рискнуть и бросился влево — стало быть, от него вправо, — и… ну, вы видели, чем это кончилось, — скромно заключил он, без всякой необходимости взлохмачивая себе волосы и оглядываясь, чтобы убедиться, что ближайшие их соседи — кучка сплетничающих между собой третьекурсников с Пуффендуя — услышали его слова. — А минут через пять гляжу — на меня летит Чемберс… Что? — Рон оборвал себя на середине фразы, увидев выражение лица Гарри. — Чего ты ухмыляешься?

— Ничего, — быстро ответил Гарри и уткнулся носом в конспект по трансфигурации, пытаясь стереть с лица улыбку. Правда же заключалась в том, что секунду назад Рон очень ярко напом-

нил Гарри другого игрока в квиддич, который когда-то ерошил себе волосы под этим же самым деревом. — Просто радуюсь, что мы победили, вот и все.

— Да, — медленно сказал Рон, наслаждаясь звучанием этих слов, — *мы победили.* Ты заметил, какое лицо было у Чанг, когда Джинни схватила снитч прямо у нее под носом?

— Она, наверно, расплакалась, — горько сказал Гарри.

— Ага… правда, скорей от досады, чем от чего-нибудь еще… — Рон слегка нахмурился. — Но ты хоть видел, как она отшвырнула метлу, когда приземлилась?

— Ну… э-э… — протянул Гарри.

— Честно говоря… нет, Рон, — сказала Гермиона с тяжелым вздохом, откладывая книжку и устремляя на него извиняющийся взгляд. — Ты уж нас прости, но все, что мы с Гарри видели вчера на стадионе, — это первый гол Дэвиса.

Живописно растрепанные волосы Рона, казалось, поникли от разочарования.

— Вы не смотрели матч? — тихо сказал он, растерянно глядя на них. — Вы не видели ни одного моего броска?

— Ну… нет, — сказала Гермиона, примиритель-

но дотрагиваясь до его руки. — Но мы не хотели уходить со стадиона, Рон, — нам пришлось это сделать!

— Да ну? — спросил Рон. Его лицо угрожающе покраснело. — Это зачем же?

— Из-за Хагрида, — сказал Гарри. — Теперь мы знаем, почему он вечно ходит в синяках с тех пор, как вернулся от великанов. Он позвал нас с собой в Лес, и мы не могли отказать — он так уговаривал… В общем, слушай…

Весь рассказ занял у него пять минут, по прошествии которых негодование на лице Рона уступило место глубокому недоверию.

— Он привел одного из них с собой и спрятал в Лесу?

— Ага, — мрачно подтвердил Гарри.

— Да нет, — сказал Рон, словно, отрицая происшедшее, мог его изменить. — Нет, не может быть!

— И все-таки он это сделал, — твердо сказала Гермиона. — Грохх примерно шестнадцати футов ростом, любит выдирать с корнем двадцатифутовые сосны и знает меня, — она хмыкнула, — под именем Герми.

У Рона вырвался нервный смешок.

— И Хагрид хочет, чтобы мы…

— Научили его английскому, — закончил за него Гарри.

— Он сошел с ума, — сказал Рон почти благоговейным тоном.

— Да, — раздраженно подтвердила Гермиона, перевернув страницу «Ступенчатой трансфигурации» и хмуро разглядывая ряд диаграмм, иллюстрирующих превращение совы в театральный бинокль. — Я тоже начинаю так думать. Но, к несчастью, мы с Гарри обещали ему помочь.

— Что ж, придется вам нарушить свое обещание, только и всего, — твердо заявил Рон. — То есть я хочу сказать… у нас же экзамены на носу, и шансов, что мы не вылетим из школы, примерно вот столько. — Он сблизил большой и указательный пальцы, оставив между ними лишь узкую щелочку. — Да и вообще… помните Норберта? И Арагога? Мы хоть раз что-нибудь выиграли от знакомства с чудищами из числа Хагридовых приятелей?

— Ты прав, но вся беда в том, что… мы обещали, — жалким голосом сказала Гермиона.

Рон пригладил растрепанные волосы. Казалось, он серьезно задумался.

— Ну ладно, — вздохнул он. — Хагрида ведь еще не выгнали. А если уж он продержался так

долго, может, продержится и до конца семестра, и тогда нам не придется даже близко подходить к Грохху.

* * *

Окрестности замка сияли на солнце, как чисто вымытые; безоблачное небо улыбалось своему собственному отражению в искрящейся глади озера; по шелковым зеленым лужайкам изредка пробегала рябь от легкого ветерка. Наступил июнь, но для пятикурсников это означало одно: экзамены наконец придвинулись к ним вплотную.

Им больше не задавали ничего на дом; все уроки были посвящены повторению вопросов, которые, по мнению преподавателей, почти наверняка должны были встретиться им на экзаменах. В атмосфере лихорадочной, сосредоточенной подготовки Гарри забыл почти обо всем на свете, кроме СОВ, хотя порой, особенно на уроках зельеварения, гадал, удалось ли Люпину поговорить со Снеггом насчет продолжения занятий по окклюменции. Если и удалось, то Снегг, видимо, проигнорировал Люпина так же, как теперь игнорировал Гарри. Впрочем, Гарри это вполне устраивало: у него хватало забот и вол-

нений и без дополнительных уроков со Снеггом, да и Гермиона, к его облегчению, была в эти дни слишком занята для того, чтобы ругать его за пренебрежение советами Дамблдора; она ходила, постоянно бормоча что-то себе под нос, и вот уже который вечер не оставляла по углам одежду для эльфов.

Гермиона была не единственной, кто в преддверии СОВ начал вести себя странно. У Эрни Макмиллана появилась дурная привычка расспрашивать всех подряд о том, как они готовятся к экзаменам.

— Сколько часов в день у вас уходит на подготовку? — с маниакальным блеском в глазах спросил он у Гарри и Рона, когда они вместе шли на травологию.

— Не знаю, — сказал Рон. — Несколько.

— Больше восьми или меньше?

— Меньше, наверно, — ответил Рон, слегка встревоженный.

— У меня восемь, — выпятив грудь, сказал Эрни. — А то и все девять. Я еще по часу до завтрака каждый день выкраиваю. Восемь — это у меня средняя цифра. В удачный выходной могу и до десяти дотянуть. В понедельник у меня получилось девять с половиной. Во вторник не так хорошо

— всего семь с четвертью. Зато в среду…

Гарри был очень благодарен профессору Стебль за то, что в этот момент она пригласила их в оранжерею и Эрни пришлось замолчать.

Тем временем Драко Малфой нашел новый способ сеять панику.

— Разумеется, важно не то, сколько вы знаете, — громко поучал он Крэбба и Гойла перед уроком зельеварения за несколько дней до начала экзаменов. — Важно, *кого* вы знаете. Отец уже много лет на короткой ноге со старухой Гризельдой Марчбэнкс, председательницей Волшебной экзаменационной комиссии, — она и на званых ужинах у нас бывала, и вообще…

— Как по-вашему, это правда? — тревожно прошептала Гермиона Гарри и Рону.

— Если и так, мы все равно ничего не можем поделать, — угрюмо ответил Рон.

— Не думаю, что это правда, — спокойно произнес за их спинами Невилл Долгопупс. — Дело в том, что Гризельда Марчбэнкс дружит с моей бабушкой, и она никогда не упоминала о Малфоях.

— А какая она, Невилл? — тут же спросила Гермиона. — Строгая?

— Честно говоря, у них с бабушкой много общего, — подавленно признался Невилл.

— Ну, такое знакомство тебе уж во всяком случае не повредит, — ободряюще заметил Рон.

— Вряд ли от этого будет хоть какой-то прок, — еще более уныло сказал Невилл. — Бабушка все время твердит ей, что мне далеко до отца… да вы и сами видели, какая она, в больнице святого Мунго…

Невилл мрачно уставился в пол. Гарри, Рон и Гермиона обменялись взглядами, но не придумали, что ему ответить. В первый раз Невилл упомянул о своей встрече с ними в волшебной больнице.

Тем временем торговля из-под полы различными средствами, способствующими повышению концентрации, живости ума и внимательности, которая и раньше процветала среди пяти- и семикурсников, достигла своего апогея. Гарри и Рон сразу же соблазнились бутылью эликсира Баруффио для интеллектуального роста — ее предложил им шестикурсник с Когтеврана Эдди Кармайкл. Он уверял, что в прошлом году получил на СОВ «превосходно» по девяти предметам лишь благодаря эликсиру, и готов был расстаться с целой пинтой по смехотворной цене в двенадцать галеонов. Рон пообещал Гарри, что расплатится с ним за свою половину, как только

закончит Хогвартс и выйдет на работу, но прежде чем они ударили по рукам, Гермиона отняла у Кармайкла бутылку и вылила ее содержимое в унитаз.

— Гермиона! Мы же хотели это купить! — завопил Рон.

— Не будьте идиотами, — огрызнулась она. — Вы бы еще купили у Гарольда Дингла порошок из когтя дракона! И хватит об этом!

— У Дингла есть порошок из когтя дракона? — жадно спросил Рон.

— Уже нет, — ответила Гермиона. — Его я тоже конфисковала. Все эти штучки — чистое надувательство, понятно?

— Только не коготь дракона! — воскликнул Рон. — Это классная вещь, она так прочищает мозги, что ты потом несколько часов ходишь умный-преумный… Гермиона, дай мне щепоточку этого порошка, пожалуйста, он же не повредит…

— Может и повредить, — сдержанно откликнулась Гермиона. — Я его рассмотрела. На самом деле это сушеный помет докси.

После этого сообщения у Гарри с Роном пропала охота гоняться за мозговыми стимуляторами.

На следующем уроке трансфигурации они получили расписание экзаменов и ознакомились с

правилами их проведения.

— Как видите, — сказала профессор МакГонагалл, когда ученики переписали с доски даты и время всех экзаменов, — вы будете сдавать СОВ в течение двух недель. Утренние часы отведены под письменные работы, послеобеденные — под проверку практических навыков. Практический экзамен по астрономии, разумеется, будет проходить ночью.

Далее, я должна предупредить вас, что на ваши экзаменационные принадлежности наложены исключительно жесткие Антиобманные заклятия. Использование напоминалок, а также самоотвечающих перьев, накладных манжет-шпаргалок и самоправящихся чернил запрещено. К сожалению, практически ежегодно в школе находится, как минимум, один ученик, считающий, что ему по силам обвести Волшебную экзаменационную комиссию вокруг пальца. Могу только выразить надежду, что среди гриффиндорцев таковых не окажется. Наш новый… директор, — МакГонагалл произнесла это слово с тем же выражением, какое появлялось на лице тети Петуньи во время уборки квартиры, когда она сталкивалась с особенно упрямым пятном на ковре, — попросила деканов факультетов пре-

дупредить своих учеников, что мошенничество будет караться строжайшим образом — поскольку, как вы сами понимаете, ваши результаты могут бросить тень на новые порядки, установленные директором…

Профессор МакГонагалл едва заметно вздохнула. Гарри увидел, как затрепетали крылья ее точеного носа.

— Тем не менее у вас нет причин не показать все, на что вы способны. Вам необходимо думать о будущем.

— Можно спросить, профессор? — подняла руку Гермиона. — Когда станут известны наши результаты?

— В июле каждому из вас отправят сову с оценками, — сказала МакГонагалл.

— Прекрасно, — отчетливым шепотом произнес Дин Томас. — Значит, до каникул можно не трепать себе нервы.

Гарри представил, как через полтора месяца будет сидеть на Тисовой улице, дожидаясь своих оценок по СОВ. Что ж, подумал он, по крайней мере, одно письмо этим летом ему обеспечено.

Их первый экзамен, по теории заклинаний, был назначен на утро понедельника. В воскресенье после обеда Гарри согласился проверить Гер-

миону, но почти сразу же пожалел об этом: она страшно волновалась и то и дело выхватывала у него учебник, чтобы посмотреть, не допустила ли она в ответе каких-нибудь мелких ошибок. В конце концов Гарри сильно досталось по носу острым краем «Успехов заклинательных наук».

— Займись-ка ты этим сама, — твердо сказал он, возвращая ей книгу и вытирая заслезившиеся глаза.

Тем временем Рон, заткнув уши пальцами и беззвучно двигая губами, читал конспекты по заклинаниям за два года, Симус Финниган, лежа навзничь, повторял определение независимого заклинания, а Дин проверял его по «Общей теории заклинаний» для пятого курса. Парвати с Лавандой отрабатывали основные Заклинания движения, заставляя свои пеналы носиться наперегонки вдоль края стола.

За ужином накануне экзамена царила атмосфера легкой подавленности. Гарри и Рон почти не говорили, но ели с аппетитом, проголодавшись за целый день занятий. Однако Гермиона то и дело откладывала нож с вилкой и ныряла под стол, чтобы выудить из сумки книгу и проверить какой-нибудь факт или цифру. Рон уже собирался сказать ей, что надо нормально поесть, иначе она

не заснет, как вдруг вилка выскользнула из ее ослабевших пальцев и с громким звоном упала в тарелку.

— Держите меня, — пробормотала она, глядя в вестибюль. — Неужто это они? Экзаменаторы?

Гарри и Рон мгновенно повернулись на скамье и уставились в открытую дверь. В вестибюле стояла Амбридж, а рядом с ней — группа очень древних на вид магов и волшебниц. Гарри с удовольствием отметил, что Амбридж явно нервничает.

— Может, посмотрим поближе? — предложил Рон.

Гарри и Гермиона кивнули, и трое друзей поспешили к распахнутым дверям. Переступив порог, они замедлили шаг и чинно прошествовали мимо экзаменаторов. Гарри подумал, что крошечная сутулая ведунья с морщинистым, словно затянутым паутиной лицом и есть профессор Марчбэнкс; Амбридж обращалась к ней с большим почтением. Видимо, профессор Марчбэнкс была глуховата: она отвечала Амбридж очень громко, хотя их разделяло не больше двух шагов.

— Прекрасно, прекрасно добрались, мы приезжаем сюда уже далеко не в первый раз! — нетер-

пеливо сказала она. — Кстати, что-то я давненько не получала вестей от Дамблдора! — добавила она, оглядывая зал, точно надеялась, что бывший директор вот-вот появится из чулана для метел. — Где он сейчас, не знаете?

— Не имею понятия, — ответила Амбридж, бросая злобный взгляд на Гарри, Рона и Гермиону, которые застряли у подножия лестницы: Рон притворился, что завязывает распустившийся шнурок. — Но осмелюсь предположить, что Министерство магии вскоре его отыщет.

— Вряд ли! — гаркнула крошечная Марчбэнкс. — Разве только Дамблдор сам захочет, чтобы его отыскали! Уж я-то знаю… сама принимала у него ЖАБА по трансфигурации и заклинаниям… Что он вытворял своей палочкой — я такого в жизни не видела!

— М-м… да… — промямлила Амбридж. Гарри с Роном и Гермионой поднимались по мраморным ступеням, еле волоча ноги. — Позвольте проводить вас в учительскую. Вы ведь не откажетесь от чашечки чаю после такого путешествия?

Остаток вечера прошел довольно уныло. Все пытались что-то повторить в последнюю минуту, но проку от этого было немного. Гарри улегся в постель пораньше, но лежал без сна, как ему пока-

залось, не один час. Он вспоминал консультацию по выбору профессии и заявление разгневанной МакГонагалл о том, что она поможет ему стать мракоборцем, чего бы ей это ни стоило. Теперь, перед самыми экзаменами, он жалел, что не выразил более скромных намерений. Он понимал, что не ему одному нынче не спится, но никто из его товарищей не подавал голоса, и наконец мало-помалу все заснули.

Наутро, за завтраком, пятикурсники по-прежнему почти не разговаривали между собой. Парвати бормотала себе под нос заклинания, и солонка перед ней судорожно подергивалась. Гермиона перечитывала «Успехи заклинательных наук» с такой скоростью, что взгляд ее казался расплывшимся, а Невилл каждые полминуты ронял нож или вилку и опрокидывал вазочку с мармеладом.

Когда завтрак кончился, пяти- и семикурсники остались слоняться в вестибюле, а прочие ученики разошлись по аудиториям. Затем, в половине десятого, оставшихся начали класс за классом приглашать обратно в Большой зал, который стал в точности таким же, каким Гарри видел его в Омуте памяти, когда СОВ сдавали его отец, Сириус и Снегг: четыре факультетских стола убрали, за-

менив их множеством парт, обращенных к концу Зала, где находился стол для преподавателей. За ним стояла профессор МакГонагалл. Когда все расселись по местам и успокоились, она сказала: «Итак, начали» — и перевернула огромные песочные часы. Рядом с ними были разложены и расставлены запасные перья, баночки с чернилами и свитки пергамента.

Гарри с гулко бьющимся сердцем взял свой билет — Гермиона, сидевшая на три ряда правее его и на четыре парты ближе к преподавателям, уже строчила как сумасшедшая — и прочел первый вопрос: «а) приведите магическую формулу и б) опишите движения палочки, с помощью которых можно заставить предметы летать».

У Гарри в голове мелькнула смутная картина: дубинка, парящая высоко в воздухе и с треском обрушивающаяся на толстый череп тролля… Слабо улыбаясь, он склонился над пергаментом и начал писать.

— Ну что, все не так уж плохо, а? — беспокойно спросила Гермиона два часа спустя в вестибюле, все еще сжимая в руке свой экзаменационный билет. — Правда, я не уверена, что отдала должное Веселящим заклинаниям, — у меня просто времени не хватило… Вы упомянули про заклинание,

снимающее икоту? Я побоялась, что это будет уже чересчур… а на вопрос двадцать третий…

— Гермиона, — твердо сказал Рон, — что было, то прошло. Давай не будем отвечать на все вопросы по второму разу — лично мне вполне хватило и одного.

Пятикурсники пообедали вместе со всеми остальными (на время обеда факультетские столы вернули в Большой зал), а потом перешли в небольшую комнатку рядом с Большим залом, откуда их должны были пригласить на устный экзамен. Вскоре их начали вызывать маленькими группами в алфавитном порядке; те, кто дожидался своей очереди, вполголоса бормотали заклинания и отрабатывали движения палочкой, время от времени нечаянно угощая соседей тычком в глаз или в спину.

Прозвучало имя Гермионы. Трепеща, она покинула комнату вместе с Энтони Голдстейном, Грегори Гойлом и Дафной Гринглосс. Прошедшие экзамен не возвращались обратно, так что Гарри и Рон не знали, как проявила себя Гермиона.

— Да нечего за нее волноваться. Помнишь тест по заклинаниям, когда она набрала сто двенадцать процентов? — сказал Рон.

Через десять минут профессор Флитвик вы-

кликнул:

— Паркинсон, Пэнси! Патил, Падма! Патил, Парвати! Поттер, Гарри!

— Ни пуха ни пера, — тихо сказал Рон.

Гарри прошел в Большой зал, крепко, до дрожи сжимая в руке палочку.

— Профессор Тофти свободен, Поттер, — проскрипел Флитвик, стоящий сразу за дверью. Он показал Гарри на маленький столик в дальнем углу, за которым сидел, наверное, самый древний и самый лысый из всех экзаменаторов. Неподалеку от него Гарри увидел профессора Марчбэнкс — она принимала экзамен у Драко Малфоя.

— Так, значит, вы и есть Поттер? — спросил профессор Тофти. Он сверился с ведомостью и поглядел на приближающегося к нему Гарри поверх пенсне. — Тот самый знаменитый Поттер?

Краешком глаза Гарри отчетливо увидел, как Малфой бросил на него испепеляющий взгляд. Стакан, который он поднял в воздух Заклинанием левитации, упал на пол и разлетелся вдребезги. Гарри не смог подавить усмешку. Профессор Тофти ободряюще улыбнулся ему в ответ.

— Ну хорошо, — сказал он дребезжащим старческим голоском, — не надо нервничать. А теперь будьте так добры, возьмите эту подставку для

яйца и заставьте ее перекувырнуться несколько раз.

В целом Гарри, как ему показалось, выступил весьма неплохо. Заклинание левитации удалось ему определенно лучше, чем Малфою. Правда, он перепутал магические формулы роста и перемены цвета, так что крыса, которую ему велели сделать оранжевой, раздулась до размеров барсука. Хотя Гарри сам исправил свою ошибку, он порадовался тому, что рядом не было Гермионы, и после экзамена не стал сообщать ей об этом инциденте. Впрочем, он рассказал о нем Рону — сам Рон умудрился превратить тарелку в большой гриб и понятия не имел о том, как это у него получилось.

Вечером отдыхать было некогда: после ужина они сразу отправились в свою гостиную и взялись за подготовку к завтрашнему экзамену по трансфигурации. Когда Гарри наконец добрался до постели, голова у него шла кругом от сложных магических теорий и диаграмм.

Утром, на письменном экзамене, он позабыл определение Заговора обмена, но после обеда, пожалуй, отыгрался на устном. Во всяком случае, он сумел заставить свою игуану исчезнуть полностью, тогда как несчастная Ханна Аббот у

соседнего стола совсем потеряла голову и умудрилась превратить своего хорька в целую стаю фламинго — в результате экзамен прервали на десять минут, чтобы изловить всех птиц и вынести их из Зала.

В среду они сдали экзамен по травологии (если не считать легкого укуса зубастой герани, для Гарри все прошло сравнительно хорошо), а на четверг был назначен экзамен по защите от Темных искусств. Здесь Гарри в первый раз почувствовал, что ему не в чем себя упрекнуть. Он без труда ответил на все письменные вопросы, а на устном экзамене с особенным удовольствием применял все требуемые Щитовые чары на глазах у Амбридж, которая холодно наблюдала за ним от дверей.

— Браво, браво! — воскликнул профессор Тофти (в этот раз он снова экзаменовал Гарри), когда Гарри по его просьбе эффектно расправился с боггартом. — Великолепно! Что ж, полагаю, это все, Поттер… если только… — Он чуть подался вперед. — Я слышал от своего близкого друга Тиберия Огдена, что вы можете вызвать Патронуса… Не угодно ли продемонстрировать? Конечно, за дополнительные баллы…

Гарри поднял палочку, взглянул прямо на Ам-

бридж и представил себе, что ее увольняют.

— *Экспекто патронум!*

Из его палочки вырвался серебряный олень и проскакал по залу из конца в конец. Все экзаменаторы проводили его глазами, а когда он обратился в серебристую дымку, профессор Тофти восторженно зааплодировал своими жилистыми, узловатыми ручками.

— Прекрасно! — сказал он. — Очень хорошо, Поттер, можете идти!

У дверей, проходя мимо Амбридж, Гарри встретился с ней взглядом. В уголках ее широкого лягушачьего рта играла мерзкая усмешка, но Гарри это не задело. Если он хоть что-нибудь в чем-нибудь понимал (впрочем, на всякий случай он не собирался трезвонить о своем успехе), ему только что поставили «превосходно».

В пятницу у Гарри с Роном был выходной, а Гермиона сдавала древние руны. Поскольку впереди был еще целый уикенд, друзья решили отдохнуть от подготовки. Растянувшись и позевывая у распахнутого окна, из которого веял теплый летний ветерок, они играли в волшебные шахматы. Вдалеке, на опушке Леса, маячил Хагрид — он проводил урок у младшекурсников. Гарри попытался угадать, каких существ они изучают, и

решил, что единорогов, поскольку ребята стояли, слегка расступившись. Тут проем за портретом раскрылся, и в комнату шагнула Гермиона. Она была сильно не в духе.

— Как твои руны? — спросил Рон, зевая и потягиваясь.

— Я неправильно перевела «эхваз», — свирепо сказала Гермиона. — Это значит «товарищество», а не «защита». Я перепутала его с «эйхваз».

— Да ладно тебе, — лениво сказал Рон. — Это же только одна ошибка. Ты все равно получишь свою…

— Умолкни! — огрызнулась Гермиона. — Иногда от одной ошибки зависит судьба всего экзамена. И вдобавок, кто-то снова подсунул к Амбридж в кабинет нюхлера. Не пойму, как они умудрились справиться с новой дверью, но я только что проходила мимо и слышала, как она там орет, — можно было подумать, что он пытается откусить кусочек от ее ноги…

— Здорово, — хором сказали Гарри и Рон.

— Вовсе это не здорово! — горячо воскликнула Гермиона. — Вы что, забыли? Она считает, что это проделки Хагрида! А если она его выгонит, мы с вами наплачемся!

— У него сейчас урок. Она не сможет его обви-

нить, — сказал Гарри, махнув в сторону окна.

— Иногда меня поражает твоя наивность, Гарри. Ты правда думаешь, что ей нужны доказательства? — Гермиона явно не собиралась успокаиваться. Она решительно прошагала в спальню для девочек и с грохотом захлопнула за собой дверь.

— Милая девочка с чудесным характером, — пробормотал Рон, подталкивая свою королеву на поле, где стоял один из коней Гарри.

Гермиона ходила насупленная почти весь уикенд. Впрочем, Гарри с Роном некогда было обращать на это внимание: они потратили львиную долю субботы и воскресенья на подготовку к экзамену по зельеварению, назначенному на понедельник. От этого экзамена Гарри ждал самых больших неприятностей; он был уверен, что на нем придет конец его надеждам стать мракоборцем. И действительно, письменное задание оказалось довольно трудным, однако за вопрос об Оборотном зелье Гарри, похоже, набрал максимальное количество баллов: на втором курсе он принимал это запрещенное снадобье и потому сумел описать его действие во всех подробностях.

После обеда выяснилось, что Гарри зря так отчаянно боялся практического экзамена: когда рядом

не было Снегга, он чувствовал себя перед котлом гораздо свободнее. Невилл, сидевший совсем близко от Гарри, тоже выглядел намного веселее, чем на уроках зельеварения. Когда профессор Марчбэнкс сказала: «Пожалуйста, отойдите от котлов — ваше время истекло», Гарри закупорил бутылочку с образцом, почти уверенный в том, что по крайней мере не провалился.

— Осталось только четыре экзамена, — устало сказала Парвати Патил, когда они направлялись обратно в гриффиндорскую гостиную.

— Только! — язвительно отозвалась Гермиона. — У меня впереди нумерология, а труднее этого, наверное, ничего нет!

У всех хватило ума воздержаться от возражений, так что ей не удалось излить на них свой гнев и она ограничилась тем, что отчитала каких-то первокурсников за слишком громкое хихиканье в гостиной.

На вторник назначили экзамен по уходу за магическими существами. Гарри был полон решимости сдать его как можно лучше, чтобы не подставлять Хагрида под удар. Практические испытания проходили на зеленой поляне у опушки Запретного леса. Учеников попросили опознать нарла среди дюжины обыкновенных ежей (пра-

вильный метод состоял в том, чтобы предложить им всем по очереди молоко; нарлы, крайне подозрительные существа, чьи иглы обладают целым рядом волшебных свойств, обычно приходят от этого в бешенство, считая, что их пытаются отравить); показать, как нужно обращаться с лукотрусом; покормить и почистить огненного краба, избежав при этом серьезных ожогов, и, наконец, выбрать из множества продуктов те, что не принесут вреда больному единорогу.

Гарри видел, как Хагрид взволнованно наблюдает за ними из окошка своей хижины. Когда экзаменаторша Гарри, симпатичная пухленькая ведьмочка, улыбнулась ему и сообщила, что он может идти, Гарри украдкой показал Хагриду большой палец, а потом направился обратно к замку.

Письменный экзамен по астрономии в среду утром прошел без неприятных сюрпризов. Гарри не был уверен, что правильно назвал все спутники Юпитера, однако не сомневался, что населенных львами среди них нет. Практическая астрономия должна была начаться вечером, а послеобеденное время отвели под прорицания.

Даже по меркам самого Гарри, давно потерявшего надежду освоить эту науку, он выступил

из рук вон плохо. Ему легче было бы увидеть движущиеся картинки на пустом столе, чем в магическом кристалле, который упрямо оставался прозрачным; он совершенно растерялся во время гадания по чайному листу, заявив, что ему кажется, будто профессор Марчбэнкс вскоре встретит толстого, смуглокожего и насквозь промокшего незнакомца, и в довершение ко всему спутал линию ума с линией жизни на ее руке и сообщил ей, что она должна была умереть в прошлый вторник.

— Ну уж здесь-то мы обязаны были провалиться, — мрачно пробормотал Рон, когда они поднимались по мраморной лестнице. Только что он заметно поднял Гарри настроение рассказом о том, как подробно описал внешность безобразного мужчины с бородавкой на носу, появившегося в его магическом кристалле, а потом поднял глаза и обнаружил, что это было отражение его экзаменатора.

— Зря мы вообще выбрали этот идиотский предмет, — сказал Гарри.

— Что ж, зато теперь мы наконец сможем от него отказаться.

— Да, — согласился Гарри. — Не надо больше прикидываться, будто нас волнует, что про-

изойдет, если Юпитер с Ураном окончательно рассорятся.

— А я больше не стану переживать, если чайные листья у меня в чашке будут твердить: «Умри, Рон, умри!» — просто возьму да и выкину их в мусорное ведро, там им самое место.

Гарри рассмеялся, и как раз в этот момент их нагнала Гермиона. Он тут же оборвал смех, опасаясь разозлить ее.

— Ну, по-моему, нумерологию я сдала нормально, — сказала она, и оба друга вздохнули с облегчением. — Пожалуй, до ужина еще успеем быстренько просмотреть звездные карты…

В одиннадцать, поднявшись на верхушку Астрономической башни, они убедились, что ночь для наблюдений над звездами выдалась идеальная — тихая и безоблачная. Окрестности замка купались в серебристом лунном свете, воздух был прохладный, бодрящий. Они настроили телескопы и по команде профессора Марчбэнкс принялись заполнять пустые карты, которые им роздали.

Профессора Марчбэнкс и Тофти ходили среди них, наблюдая за тем, как они определяют точные координаты планет и звезд, видимых в телескоп. Тишину изредка нарушали только шелест карт,

случайный скрип телескопа, поправляемого на опоре, да царапанье по пергаменту многочисленных перьев. Прошло полчаса, потом час, и маленькие квадратики отраженного золотого света на земле внизу стали исчезать один за другим — это гасли окна в замке.

Однако когда Гарри закончил наносить на карту созвездие Ориона, парадные двери замка распахнулись прямо под парапетом, у которого он стоял, и на каменную лестницу и лужайку перед ней хлынул свет. Поправляя телескоп, Гарри взглянул вниз и, прежде чем двери снова закрылись и лужайка опять погрузилась во мрак, успел заметить на ярко освещенной траве чьи-то удлиненные тени — их было не то пять, не то шесть.

Гарри снова приник к окуляру и подстроил его — теперь он наблюдал Венеру. Посмотрев вниз, он приготовился нанести планету на карту, но что-то ему помешало; его перо замерло над пергаментом, он покосился вниз и увидел на лужайке с полдюжины движущихся фигур. Если бы они не двигались и лунный свет не серебрил им макушки, их нельзя было бы различить на фоне темной земли. Даже на таком расстоянии походка того, кто возглавлял шествие — его фигура была самой коротенькой, — показалась Гарри знакомой.

Гарри не мог понять, с чего это Амбридж вздумалось отправиться на прогулку после полуночи, да еще в компании пятерых неизвестных. Тут позади него кто-то кашлянул, и он вспомнил, что экзамен в самом разгаре. Он уже успел забыть координаты Венеры. Торопливо прижавшись глазом к телескопу, он снова нашел ее и снова собрался нанести на карту, как вдруг его слух, напрягшийся в ожидании необычных звуков, уловил вдалеке стук, эхом разнесшийся по пустынной территории школы, и сразу за ним — приглушенный лай собаки.

Он поднял взгляд; сердце его застучало, как молоток. В окнах у Хагрида горел свет, и на их фоне вырисовывались силуэты людей, пересекших лужайку. Открылась дверь, и он ясно увидел, как порог хижины перешагнули шесть четко очерченных фигур. Затем дверь снова закрылась, и наступила тишина.

У Гарри засвербило под ложечкой. Он хотел было обернуться и проверить, заметили ли что-нибудь Рон с Гермионой, однако в этот миг к нему подошла сзади профессор Марчбэнкс, и Гарри поспешно нагнулся над картой, украдкой поглядывая в сторону хижины Хагрида. Теперь он уже не поворачивался, боясь, что экзаменаторы

подумают, будто он подсматривает в чужие работы. Вошедшие в хижину люди время от времени мелькали в ее окнах, заслоняя свет.

Чувствуя, как профессор Марчбэнкс сверлит взглядом его затылок, Гарри снова прижался глазом к телескопу и уставился на луну, хотя определил ее положение не меньше часа тому назад, но как только Марчбэнкс двинулась дальше, из далекой хижины донесся рев, взмывший сквозь тьму к самой верхушке Астрономической башни. Несколько соседей Гарри вынырнули из-за своих телескопов и стали всматриваться во мрак в направлении хижины Хагрида.

Послышался суховатый кашель профессора Тофти.

— Пожалуйста, друзья мои, сосредоточьтесь, — мягко сказал он.

Большая часть учеников вернулась к телескопам. Гарри посмотрел налево: взгляд Гермионы был прикован к хижине Хагрида.

— Кхм… осталось двадцать минут, — напомнил профессор Тофти.

Гермиона подскочила и тут же согнулась над своей звездной картой; Гарри поглядел на свою и заметил, что по ошибке назвал Венеру Марсом. Он наклонился, чтобы исправить надпись.

Снизу что-то громко бабахнуло. Несколько человек дернулись от неожиданности и завопили «ай!», наткнувшись глазом на свои телескопы.

Дверь Хагрида распахнулась настежь, из хижины хлынул поток света, и они ясно увидели на пороге массивную фигуру хозяина — он ревел от ярости и потрясал кулаками, а шестеро человек вокруг, судя по тонким красным лучикам, которые они направляли в его сторону, пытались сразить его Оглушающим заклятием.

— Негодяи! — закричала Гермиона.

— Ну-ну, уважаемая! — возмутился профессор Тофти. — Вы на экзамене!

Но никто уже не обращал на звездные карты ни малейшего внимания. Лучи красного света все еще метались около хижины Хагрида, но почему-то словно отскакивали от него: он по-прежнему стоял, выпрямившись во весь рост, и по-прежнему, насколько мог судить Гарри, отбивался от нападавших. Крики и вопли разносились по всей территории школы, кто-то крикнул: «Будьте же благоразумны, Хагрид!»

— Черта с два, Долиш! Так просто вы меня не возьмете! — заревел Хагрид в ответ.

Гарри видел крошечный силуэт Клыка — он пытался защитить хозяина, бросаясь на окружив-

ших его волшебников, но вскоре в него угодило заклятие и он упал замертво. Испустив яростный вопль, Хагрид сгреб виновника в охапку и отшвырнул прочь; тот пролетел футов десять, грянулся оземь и больше не вставал. Гермиона ахнула, прижав руки ко рту; Гарри оглянулся на Рона и заметил, что он тоже испуган. До сих пор никто из них еще не видал Хагрида разозленным по-настоящему.

— Смотрите! — пискнула Парвати, опершись о парапет и указывая на парадные двери замка, которые снова открылись; на темную лужайку опять пролился свет, и к хижине лесничего устремилась еще одна высокая черная фигура.

— Это безобразие! — взволнованно воскликнул профессор Тофти. — Осталось всего шестнадцать минут!

Но ребята пропустили его оклик мимо ушей: они наблюдали за новым участником событий, со всех ног мчащимся к месту, где разгорелась битва.

— Как вы смеете! — крикнул этот человек на бегу. — КАК ВЫ СМЕЕТЕ!

— Это МакГонагалл! — прошептала Гермиона.

— Оставьте его в покое! Немедленно! — раздался в темноте голос МакГонагалл. — По какому

праву вы на него нападаете? Он не сделал ничего, что могло бы послужить…

Гермиона, Парвати и Лаванда дружно завизжали: люди у хижины послали навстречу декану их факультета не меньше четырех Оглушающих заклятий. На полпути между хижиной и замком красные лучи угодили в нее — на мгновение фигура МакГонагалл словно осветилась изнутри зловещим красным светом, потом ноги ее оторвались от земли, она упала навзничь и больше не шевелилась.

— Разорви меня горгулья! — воскликнул профессор Тофти, который, по-видимому, тоже успел совершенно забыть об экзамене. — Без всякого предупреждения! Это возмутительно!

— Трусы! — взревел Хагрид. Его слова были хорошо слышны на верхушке башни, и после этого возгласа в замке снова вспыхнуло несколько окон. — Жалкие трусы! Получайте! Вот вам!

— О боже! — ахнула Гермиона.

Хагрид угостил двух ближайших к нему противников мощными ударами; судя по тому, как они рухнули наземь, это был чистый нокаут. Гарри увидел, как Хагрид согнулся вдвое, и решил, что его наконец одолели с помощью заклятий. Но нет — в следующий миг Хагрид распрямился снова.

Теперь у него на спине чернело что-то похожее на тюк, и Гарри сообразил, что это бесчувственное тело Клыка.

— Взять его, взять! — вопила Амбридж, однако ее последний помощник явно не торопился свести знакомство с Хагридовыми кулаками — наоборот, он пятился так быстро, что споткнулся о лежащего без чувств товарища и упал. Хагрид развернулся и кинулся бежать с Клыком на плечах. Амбридж послала ему вслед еще одно Оглушающее заклятие, но промахнулась, и Хагрид, во всю мочь несущийся к далеким воротам, исчез во мраке.

Наступила тревожная тишина, которая длилась, наверное, целую минуту. Ошеломленные ученики не отрываясь смотрели вниз, во тьму. Потом раздался слабый голос профессора Тофти:

— Э-э… прошу, у вас еще пять минут.

Хотя Гарри заполнил всего две трети карты, он не мог дождаться конца экзамена. Когда назначенные пять минут истекли, они с Роном и Гермионой как попало нахлобучили на телескопы футляры и ринулись вниз по винтовой лесенке. Никто из учеников и не думал ложиться в постель — все они громко и возбужденно обсуждали у подножия лестницы те события,

свидетелями которых им довелось стать.

— Какая подлость! — воскликнула Гермиона. Она была так рассержена, что язык плохо ее слушался. — Напасть на Хагрида посреди ночи!

— Очевидно, на этот раз Амбридж хотела обойтись без сцен — помните Трелони? — глубокомысленно заметил Эрни Макмиллан, протискиваясь к ним сквозь толпу.

— А Хагрид-то, вот молодец! — сказал Рон, хотя вид у него был скорее обеспокоенный, чем восторженный. — Почему это от него отскакивали их заклятия?

— Наверное, великанья кровь помогла, — дрожащим голосом пояснила Гермиона. — Великанов вообще очень трудно оглушить заклятием, они как тролли, прямо непрошибаемые… но как же бедная МакГонагалл… четыре Оглушающих заклятия прямо в грудь, а она ведь уже далеко не девочка!

— Ужас, ужас, — поддакнул Эрни, солидно качая головой. — Ну ладно, я пошел спать. Всем пока!

Ребята вокруг них расходились, все еще оживленно обсуждая увиденное.

— По крайней мере, им не удалось засадить Хагрида в Азкабан, — сказал Рон. — Он небось к

Дамблдору отправился, как думаете?

— Да, наверно, — согласилась Гермиона. Казалось, она вот-вот заплачет. — Ах, как все ужасно! Я так надеялась, что Дамблдор скоро вернется, а вместо этого мы потеряли и Хагрида!

Они побрели обратно в гриффиндорскую гостиную и обнаружили, что там яблоку негде упасть. Шум у хижины лесничего разбудил несколько человек, а те подняли друзей. Симус с Дином, чуть опередившие Гарри, Рона и Гермиону, уже рассказывали о том, что они видели и слышали с верхушки Астрономической башни.

— Но с чего ей увольнять Хагрида? — покачав головой, спросила Анджелина Джонсон. — Это же не Трелони — в нынешнем году он преподавал гораздо лучше, чем обычно!

— Амбридж ненавидит полулюдей, — горько сказала Гермиона, усевшись в кресло. — Она давно пыталась выгнать Хагрида.

— А еще она думала, что это Хагрид запускает к ней в кабинет нюхлеров, — подала голос Кэти Белл.

— Ах ты, черт побери, — ругнулся Ли Джордан и тут же прикрыл рот рукой. — Это ведь я их ей подсовывал. Фред с Джорджем оставили мне несколько штук — ну, я и левитировал их через

окно.

— Она все равно бы его уволила, — сказал Дин. — Он был слишком дружен с Дамблдором.

— Что правда то правда, — сказал Гарри, опускаясь в кресло напротив Гермионы.

— Я очень надеюсь, что с профессором МакГонагалл все в порядке, — чуть не плача, сказала Лаванда.

— Ее принесли обратно в замок, мы видели из окошка спальни, — сказал Колин Криви. — Она не слишком хорошо выглядела.

— Мадам Помфри поставит ее на ноги, — твердо сказала Алисия Спиннет. — Она превосходный целитель.

Гостиная опустела только часам к четырем утра. У Гарри сна не было ни в одном глазу; он будто снова и снова видел, как убегает Хагрид; вспоминая об Амбридж, он так злился, что не мог придумать для нее достойной кары, хотя в предложении Рона бросить ее в яму, полную голодных соплохвостов, определенно было здоровое зерно. Он заснул, изобретая варианты ужасной мести, и встал с постели три часа спустя, отнюдь не чувствуя себя отдохнувшим.

Заключительный экзамен, по истории магии, был назначен на послеобеденное время. После

завтрака Гарри с удовольствием вернулся бы в постель, но ему нужно было еще раз повторить пройденное, и он, стиснув голову руками и изо всех сил стараясь не дремать, уселся у окошка в гостиной и принялся просматривать стопку занятых у Гермионы конспектов высотой в добрых три с половиной фута.

В два часа пополудни пятикурсники вошли в Большой зал и, заняв свои места, стали ждать разрешения перевернуть билеты. Гарри чувствовал, что вымотался до предела. Ему хотелось только одного — чтобы все это поскорее кончилось и он мог пойти и заснуть; а завтра они с Роном отправятся на стадион — он собирался опробовать новую метлу Рона — и будут наслаждаться драгоценной свободой…

— Пожалуйста, переверните билеты, — сказала профессор Марчбэнкс из-за преподавательского стола. — Итак, начали!

Гарри тупо уставился на первый вопрос. Лишь через несколько секунд он осознал, что не понимает ни слова. Где-то наверху, у края высокого окна, билась в стекло муха, и ее жужжание мешало сосредоточиться. Медленно, мучительно он наконец собрался с мыслями и начал писать ответ.

Оказалось, что ему очень трудно вспоминать имена; вдобавок он то и дело путал даты. Он вынужденно пропустил четвертый вопрос («Как вы считаете, положительным или отрицательным было влияние нового закона о волшебных палочках на гоблинские мятежи в восемнадцатом столетии?»), решив, что вернется к нему потом, если будет время. Он смело атаковал пятый вопрос («Как был нарушен Статут о секретности в 1749 году и какие меры были приняты, дабы предотвратить его дальнейшие нарушения?»), но не мог избавиться от подозрения, что позабыл несколько важных подробностей; его преследовало смутное ощущение, что в этой истории как-то замешаны вампиры.

Он с нетерпением ждал вопроса, на который сможет ответить наверняка, и его взгляд наткнулся на вопрос номер десять: «Опишите обстоятельства, которые привели к созданию Международной конфедерации магов, и объясните, почему колдуны Лихтенштейна отказались в нее вступать», — он читал об этом только сегодня утром!

Он стал писать, время от времени отрываясь от работы, чтобы взглянуть на большие песочные часы, стоявшие около профессора Марчбэнкс.

Он сидел прямо за Парвати Патил — ее длинные черные волосы лежали на спинке стула у него перед носом. Раза два-три он ловил себя на том, что пялится на крохотные золотистые блики, скользящие по ним, когда она слегка поворачивает голову, и ему приходилось как следует тряхнуть головой, чтобы избавиться от наваждения.

«Первым президентом Международной конфедерации магов стал Пьер Бонаккорд, но его избрание было оспорено волшебным сообществом Лихтенштейна, поскольку…»

Со всех сторон вокруг Гарри усердно скрипели перья — звук был такой, словно в Зале копошатся полчища крыс. Солнце жарило ему в затылок. Чем же этот Бонаккорд так насолил чародеям из Лихтенштейна? У Гарри было впечатление, что там не обошлось без троллей… Он снова бессмысленно уставился на волосы Парвати. Вот если бы он освоил легилименцию — что бы ему стоило проделать у нее в затылке окошко и подсмотреть, как именно троллям удалось посеять раздор между Пьером Бонаккордом и лихтенштейнскими колдунами!

Гарри закрыл глаза и уткнулся лицом в ладони, так что алое свечение на внутренней стороне век погасло, уступив место темноте и прохладе. Бон-

аккорд хотел запретить охоту на троллей и дать троллям права… но Лихтенштейну досаждало племя особенно злобных горных троллей… Ага, вспомнил!

Он открыл глаза — от ослепительной белизны пергамента на них навернулись слезы. Он медленно написал две строчки о троллях, затем просмотрел все, что успел сделать раньше. Пожалуй, в его работе не слишком много фактов и подробностей — а вот Гермиона наверняка развернулась и исписала на тему о Конфедерации не одну страницу…

Он снова закрыл глаза, пытаясь представить себе эти страницы, пытаясь вспомнить… Первый съезд Конфедерации состоялся во Франции — да, об этом он уже написал… Гоблины явились на заседание и были изгнаны… он написал и об этом… А из Лихтенштейна так никто и не приехал…

«Думай», — приказал он себе, закрыв лицо руками, а вокруг по-прежнему скрипели перья, строча бесконечные ответы, и песок в часах сыпался тонкой струйкой…

Он снова шел по прохладному темному коридору к Отделу тайн, шагал твердо и целеустремленно, иногда переключаясь на бег, уверенный, что уж теперь-то непременно достигнет цели

своего путешествия… Как обычно, черная дверь распахнулась перед ним, и он очутился в круглой комнате с многочисленными дверьми…

Вперед по каменному полу во вторую дверь… пляшущие на стенах и полу световые блики и это странное механическое тиканье, но разбираться нет времени, ему надо спешить…

Он миновал последние несколько шагов, отделявших его от третьей двери, и она распахнулась, как предыдущие…

И вновь он очутился в высоком, как собор, зале со стеллажами, на которых лежали стеклянные шарики… его сердце забилось очень быстро… сейчас он наконец попадет туда, куда нужно… Добравшись до ряда номер девяносто семь, он повернул налево и поспешил дальше по узкому проходу между стеллажами…

Но в самом конце прохода, на полу, была какая-то фигура — эта черная фигура корчилась, словно раненое животное. От испуга и волнения у Гарри сжалось сердце.

И вдруг из его собственных уст раздался голос — высокий, равнодушный, лишенный всякой человеческой теплоты.

— Возьми его и отдай мне… ну же, бери… я не могу до него дотронуться… зато ты можешь…

Черная фигура на полу шевельнулась. Гарри увидел, как перед его глазами появилась белая рука с длинными пальцами, сжимающая палочку, — это была его рука… И снова услышал холодный, высокий голос:

— *Круцио!*

Человек на полу закричал от боли, попытался встать, но сразу же, корчась, рухнул снова. Гарри смеялся. Он поднял палочку, исходящий из нее луч тоже поднялся, и человек на полу застонал, но остался недвижим.

— Лорд Волан-де-Морт ждет!

Очень медленно, опираясь на дрожащие руки, человек приподнял плечи и голову. Его худое лицо было залито кровью, искажено страданием, но на нем застыло выражение непокорства…

— Тебе придется убить меня, — прошептал Сириус.

— Рано или поздно — разумеется, — произнес холодный голос. — Но сначала ты дашь мне его, Блэк… Думаешь, тебе уже известно, что такое боль? Подумай еще… у нас впереди долгие часы, и никто не услышит твоего крика…

Но едва Волан-де-Морт вновь опустил палочку, как кто-то отчаянно закричал и боком рухнул из-за горячего стола на холодный каменный пол.

От падения Гарри проснулся, все еще крича, — его шрам невыносимо жгло, а вокруг вместо Отдела тайн внезапно опять выросли стены Большого зала.

Глава 32

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

— Я не хочу… не надо меня в больничное крыло… пожалуйста… — Гарри бормотал эти бессвязные слова, пытаясь освободиться от профессора Тофти, который только что вывел его в вестибюль и теперь смотрел на него с большой тревогой. Вокруг сразу собралась толпа любопытных. — Со мной… со мной все в порядке, сэр, — запинаясь, сказал Гарри и вытер со лба пот. — Честно… я просто заснул, и мне приснился кошмар…

— Нервное напряжение! — сочувственно произнес старый волшебник, похлопывая Гарри по плечу дрожащей рукой. — Бывает, молодой человек, бывает! Ну а теперь — глоток холодной воды, и вы, быть может, вернетесь в Большой зал? Экзамен подходит к концу, но вы, пожалуй, еще успеете закруглить ответ на последний вопрос…

— Да, — растерянно сказал Гарри. — То есть нет… Я уже… по-моему, я написал все, что мог…

— Ну ладно, ладно, — мягко сказал старый волшебник. — Я пойду заберу вашу работу, а вы идите-ка ложитесь в постель.

— Хорошо, сэр, — энергично кивнул Гарри. — Огромное вам спасибо!

Как только полы мантии старого чародея исчезли за дверью Большого зала, Гарри взбежал по мраморной лестнице, промчался по коридорам с такой скоростью, что портреты на стенах недовольно бормотали ему вслед, прыжками одолел еще одну лестницу и, наконец, ураганом ворвался в двери больничного крыла, заставив мадам Помфри — она как раз поднесла к открытому рту Монтегю ложку с какой-то ярко-синей жидкостью — вскрикнуть от испуга.

— Вы с ума сошли, Поттер!

— Мне необходимо увидеться с профессором МакГонагалл! — задыхаясь, выпалил Гарри. — Сейчас же! Это срочно!

— Ее здесь нет, Поттер, — грустно ответила мадам Помфри. — Сегодня утром ее отправили в больницу святого Мунго. Четыре Оглушающих заклятия прямо в грудь — и это в ее-то возрасте! Странно, что она вообще осталась жива…

— Ее… нет? — Это известие потрясло Гарри.

Прямо за дверью прозвенел звонок, и Гарри услышал привычный отдаленный топот учеников, выбегающих в коридоры на верхних и нижних этажах. Он смотрел на мадам Помфри,

не в силах тронуться с места. В нем волной поднимался ужас.

Итак, ему больше не с кем посоветоваться. Дамблдор покинул школу, Хагрид тоже, но он всегда рассчитывал на то, что профессор МакГонагалл будет рядом — пусть раздражительная и суровая, но такая уверенная, такая надежная…

— Неудивительно, что вы потрясены, Поттер, — сказала мадам Помфри с гримасой свирепого одобрения. — Попробовал бы хоть один из них одолеть Минерву МакГонагалл средь бела дня, встретившись с ней лицом к лицу! Трусость, вот что это такое… самая презренная трусость! Если бы я не волновалась за вас, учеников, я немедленно подала бы в отставку в знак протеста!

— Да, — безжизненно откликнулся Гарри.

Не глядя, он вышел в коридор, полный народу, и остановился — его то и дело толкали проходящие мимо ученики, но он не мог заставить себя сдвинуться с места. Паника ширилась в нем, как ядовитый газ, голова кружилась, и он совсем растерялся…

«Рон и Гермиона», — подсказал ему внутренний голос.

Он снова помчался по школе, расталкивая учеников, не обращая внимания на ругань. Он

сбежал на два этажа вниз и был уже на верхней площадке мраморной лестницы, когда увидел, что они спешат ему навстречу.

— Гарри! — воскликнула Гермиона, вне себя от испуга. — Что случилось? С тобой все в порядке? Ты не заболел?

— Где ты был? — требовательно спросил Рон.

— Пошли со мной, — быстро отозвался Гарри. — Пойдем, мне нужно вам кое-что сказать.

Он повел их по коридору второго этажа. Отыскав пустую классную комнату, он нырнул туда и, как только Рон с Гермионой переступили порог следом за ним, захлопнул дверь и привалился к ней спиной, глядя на них.

— Волан-де-Морт схватил Сириуса.

— Что?

— Откуда ты…

— Видел. Только что. Когда заснул на экзамене.

— Но… но где? Как? — Гермиона побелела от ужаса.

— Не знаю я как, — сказал Гарри. — Зато точно знаю где. В Отделе тайн есть комната со стеллажами, на которых лежат стеклянные шарики, и Волан-де-Морт с Сириусом сейчас в конце девяносто седьмого ряда… Он хочет заставить Сириуса взять оттуда что-то, очень ему нужное… Он пыта-

ет его… Говорит, что рано или поздно убьет!

Гарри заметил, что у него дрожат не только колени, но и голос. Он подошел к парте и сел на нее, стараясь успокоиться.

— Как нам туда попасть? — спросил он.

Наступила недолгая пауза. Потом Рон промямлил:

— К-куда?

— В Отдел тайн, чтобы спасти Сириуса! — громко сказал Гарри.

— Но… Гарри… — слабо пробормотал Рон.

— Что? *Что?*

Гарри не понимал, почему они оба смотрят на него так, словно он предлагает что-то немыслимое.

— Гарри, — в голосе Гермионы звучал испуг, — но как… как Волан-де-Морт сумел проникнуть в Отдел тайн незаметно для всех волшебников?

— Откуда я знаю? — прорычал Гарри. — Вопрос в том, как *нам* туда проникнуть!

— Но… сам посуди, Гарри. — Гермиона сделала шаг к нему. — Сейчас пять часов… в Министерстве магии полно сотрудников… разве Волан-де-Морт с Сириусом могли пробраться туда так, чтобы никто не видел? Гарри… ведь за их поимку назначена огромная награда… и, по-твоему, они могли

проникнуть в здание, битком набитое мракоборцами, и остаться незамеченными?

— Я не знаю, может, Волан-де-Морт воспользовался мантией-невидимкой или еще чем-нибудь! — закричал Гарри. — К тому же я сам много раз бывал в Отделе тайн и никогда не видел там ни одной живой души!

— Ты никогда там не бывал, Гарри, — тихо сказала Гермиона. — Все это тебе снилось, и только.

— Это не обычные сны! — крикнул Гарри прямо ей в лицо, поднявшись с места и в свою очередь делая шаг вперед. Ему хотелось схватить ее за плечи и как следует встряхнуть. — Как ты тогда объяснишь случай с отцом Рона? Откуда, по-твоему, я узнал, что произошло с ним?

— Тут он прав, — спокойно подтвердил Рон, глядя на Гермиону.

— Но это ведь… это почти невероятно! — в отчаянии воскликнула Гермиона. — Как, скажи на милость, Волан-де-Морт мог схватить Сириуса, если Сириус все время сидел на площади Гриммо?

— Наверное, Сириус не выдержал и решил, что, если он на минутку отлучится, большой беды не будет, — взволнованно сказал Рон. — Этот дом надоел ему хуже горькой редьки, вот он и…

— Но почему, — настойчиво сказала Герми-

она, — почему, объясните мне, пожалуйста, Волан-де-Морту понадобился именно Сириус? Почему он не может без него раздобыть свое оружие или что там ему нужно?

— Не знаю, на это могут быть тысячи причин! — завопил на нее Гарри. — Может, Волан-де-Морту приятно смотреть, как Сириус мучается…

— Послушайте-ка, я вот что подумал, — негромко сказал Рон. — Брат Сириуса был Пожирателем смерти, так?

А вдруг он поделился с Сириусом тайной, как добыть оружие?

— Да-да… потому-то Дамблдор и настаивал на том, чтобы держать Сириуса под замком! — сказал Гарри.

— Постойте! — воскликнула Гермиона. — Прошу прощения, но вы оба несете чепуху. У нас нет никаких доказательств, мы даже не уверены, действительно ли Волан-де-Морт с Сириусом находятся там…

— Гермиона! Гарри их *видел!* — рявкнул на нее Рон.

— Ну хорошо, — сказала она испуганно, но решительно. — Вы только не забывайте, что…

— Что?

— Ты… Я не критикую, Гарри! Но ты немнож-

ко… как бы это объяснить… тебе не кажется, что у тебя есть такой пунктик… что тебя вечно тянет кого-то спасать?

Он сердито уставился на нее.

— О чем это ты, а? Что значит «кого-то спасать»?

— Ну… ты… — Она стала запинаться еще сильнее, точно боясь высказать то, что у нее на уме. — Ну, например… вот хотя бы в прошлом году… в озере… на Турнире… ты же не должен был… от тебя не требовали, чтобы ты спасал сестренку Делакур… а ты немножко… увлекся, что ли…

Гарри захлестнуло горячей волной гнева: как ей не стыдно напоминать ему об этой ошибке?

— Я согласна, это было благородно с твоей стороны и все такое, — быстро сказала Гермиона. Выражение лица Гарри явно напугало ее до полусмерти. — Все решили, что ты настоящий…

— Очень любопытно, — сказал Гарри дрожащим голосом, — поскольку я отлично помню, как Рон заявил, что я напрасно потратил время, изображая из себя героя… Так, по-вашему, это называется? Вы думаете, я снова корчу из себя героя?

— Нет-нет-нет! — поспешно воскликнула Гермиона. — Я совсем не это имела в виду!

— Ну так говори, что ты имела в виду, потому что мы зря теряем время! — заорал Гарри.

— Я вот о чем… Волан-де-Морт знает тебя, Гарри! Он забрал Джинни в Тайную комнату, чтобы заманить тебя туда, — такие уловки в его духе, потому что он знает: ты обязательно придешь на помощь. И с Сириусом то же самое — вдруг он просто пытается заманить в Отдел тайн *тебя?*

— Неважно, так это или нет! МакГонагалл увезли в больницу святого Мунго, в Хогвартсе не осталось членов Ордена, которым можно было бы все рассказать, и, если мы не отправимся в Министерство сами, Сириус умрет!

— Но, Гарри… Что, если твой сон был… всего лишь сном?

Гарри взвыл от бессилия. Гермиона отступила от него на шаг с испуганным видом.

— Как ты не понимаешь! — закричал на нее Гарри. — Это не кошмары и не обычные сны! Зачем, по-твоему, я ходил на уроки окклюменции, почему Дамблдор хотел, чтобы я перестал видеть во сне эти вещи? Потому что они РЕАЛЬНЫ, Гермиона, — Сириуса схватили, я его видел! Он у Волан-де-Морта, и больше об этом никто не знает; стало быть, мы единственные, кто может его спасти, и, если ты не хочешь в этом участвовать, дело

твое, но я отправляюсь туда, понятно? И если мне не изменяет память, ты не жаловалась, что меня вечно тянет кого-то спасать, когда я спасал тебя от дементоров, да и ты тоже, — он повернулся к Рону, — ты тоже не жаловался, когда я спасал от василиска твою сестру…

— Я и сейчас не жалуюсь! — с жаром воскликнул Рон.

— Но ты сам только что сказал, Гарри, — с отчаянием в голосе возразила Гермиона, — Дамблдор хотел, чтобы ты научился изгонять эти вещи из своего сознания! Если бы ты как следует изучал окклюменцию, ты бы даже не увидел…

— Если ты думаешь, что я могу вести себя так, будто ничего не видел…

— И Сириус говорил тебе, что ты должен научиться защищать свое сознание и что нет ничего важнее этого!

— Ну, знаешь! Сейчас он наверняка сказал бы что-нибудь дру…

Дверь класса открылась. Рон и Гермиона мигом обернулись. Вошла Джинни — на лице у нее было написано любопытство, — а следом за ней Полумна. У Полумны, как обычно, был такой вид, словно она очутилась здесь по чистой случайности.

— Привет, — неуверенно сказала Джинни. —

Мы услышали голос Гарри. Что это ты кричал?

— Не твое дело, — грубо отрезал Гарри.

Джинни подняла брови.

— Я, кажется, не давала тебе повода разговаривать со мной в таком тоне, — холодно заметила она. — Я просто хотела спросить, не нужна ли тебе помощь.

— Нет, не нужна, — коротко ответил Гарри.

— что-то ты очень грубый сегодня, — безмятежно сказала Полумна.

Гарри выругался и отвернулся. Сейчас ему меньше всего на свете хотелось беседовать с Полумной Лавгуд.

— Постойте-ка, — вдруг сказала Гермиона. — Постойте… Гарри, они и вправду могут помочь.

Гарри с Роном воззрились на нее.

— Послушайте, — настойчиво сказала она. — Гарри, ведь нам нужно выяснить, действительно ли Сириуса сейчас нет в штаб-квартире!

— Я же тебе говорил: я видел…

— Пожалуйста, Гарри, прошу тебя! — в отчаянии воскликнула Гермиона. — Прошу тебя — давай убедимся, что Сириуса нет дома, прежде чем отправляться в Лондон! Если его и правда там нет, тогда, клянусь, я не стану больше тебе мешать. Я пойду с тобой и… и сделаю все, чтобы

его спасти!

— Сириуса УЖЕ пытают! — выкрикнул Гарри. — У нас нет времени!

— А если Волан-де-Морт нас обманывает? Нет, Гарри, мы обязаны это проверить!

— Как? — спросил Гарри. — Как, по-твоему, мы это проверим?

— Воспользуемся камином Амбридж еще раз и попробуем связаться с площадью Гриммо, — сказала Гермиона. У нее был такой вид, словно она сама в ужасе от своего предложения. — Надо снова отвлечь Амбридж, а Джинни с Полумной могут сыграть роль наблюдателей.

Еще плохо понимая, что происходит, Джинни тем не менее тут же кивнула в знак согласия, а Полумна спросила:

— Кого это вы называете Сириусом — уж не Коротышку ли Бордмана?

Ей никто не ответил.

— Ладно, — сердито бросил Гарри, обращаясь к Гермионе. — Если ты придумаешь способ сделать это побыстрее, я не против, а если нет, то я отправлюсь в Отдел тайн прямо сейчас.

— В Отдел тайн? — спросила Полумна с легким удивлением. — Но как ты собираешься туда попасть?

Гарри снова пропустил ее вопрос мимо ушей.

— Так, — нервно потирая руки, Гермиона принялась шагать взад и вперед по проходу между партами. — Так… хорошо… один из нас должен найти Амбридж и… и заманить ее куда-нибудь подальше. Ей можно сказать… ну, например, что Пивз опять задумал какую-нибудь пакость…

— Я пойду, — немедленно вызвался Рон. — Скажу ей, что Пивз громит класс трансфигурации — это за милю от ее кабинета. Вообще-то, если Пивз подвернется мне по дороге, я и вправду могу уговорить его этим заняться…

То, что Гермиона не возразила против идеи разгромить класс профессора МакГонагалл, свидетельствовало о крайней серьезности ситуации.

— Хорошо, — сказала она, наморщив лоб и продолжая шагать туда-сюда. — Теперь дальше: надо и учеников отвлечь от ее кабинета, иначе кто-нибудь из слизеринцев обязательно ей донесет.

— Мы с Полумной можем встать у обоих концов коридора и предупреждать всех, чтобы не ходили туда, потому что кто-то взорвал хлопушку с душильным газом, — живо сказала Джинни. Взглянув в лицо Гермионе, явно удивленной тем, как быстро Джинни придумала этот маневр,

она пояснила: — Фред и Джордж собирались это сделать, только не успели.

— Ладно, — сказала Гермиона. — Ну, а мы с тобой, Гарри, спрячемся под мантией-невидимкой и проберемся в кабинет, чтобы ты мог поговорить с Сириусом…

— Его там нет, Гермиона!

— Я имею в виду, чтобы проверить… проверить, там Сириус или нет. Я буду следить, чтобы тебя не поймали. По-моему, тебе не стоит лезть к Амбридж в одиночку: Ли уже доказал, что окно там слабое место, когда запускал туда нюхлеров.

Несмотря на все свое раздражение и нетерпение, Гарри был благодарен Гермионе за ее готовность пойти с ним в кабинет Амбридж: он понимал, что это проявление дружеской солидарности.

— Я… ладно, спасибо, — пробормотал он.

— Ну хорошо. Даже если нам все это удастся, мы вряд ли сможем рассчитывать больше чем на пять минут, — с облегчением сказала Гермиона, довольная тем, что Гарри принял ее план. — Туда в любой момент может нагрянуть Филч или кто-нибудь из этой мерзкой Инспекционной дружины.

— Пяти минут нам хватит, — сказал Гарри. —

Ну, пошли…

— Уже? — потрясенно спросила Гермиона.

— Конечно уже! — сердито сказал Гарри. — А что, ты предлагаешь сначала поужинать? Пойми ты, Сириуса пытают сейчас!

— Я… ну ладно, — с отчаянной решимостью сказала она. — Иди за мантией-невидимкой, встретимся у коридора, где кабинет Амбридж. Договорились?

Вместо ответа Гарри выскочил из класса и принялся прокладывать себе путь в густой толпе учеников. Двумя этажами выше он встретил Симуса с Дином — они радостно приветствовали его и сообщили, что в гостиной планируется празднество в честь окончания экзаменов, которое, скорее всего, затянется до утра. Гарри едва слышал, что они говорят. Он улизнул в дыру за портретом, пока они спорили, сколько бутылок сливочного пива надо купить у подпольных торговцев, и уже вылезал оттуда с мантией-невидимкой и ножом Сириуса в сумке, когда они наконец обнаружили его отсутствие.

— Может, пожертвуешь парочку галеонов, а, Гарри? Гарольд Дингл намекнул, что продаст нам немного огненного виски…

Но Гарри уже мчался обратно по коридору и

через несколько минут, одолев последнюю лестницу, снова очутился в обществе Рона, Гермионы, Джинни и Полумны, кучкой стоявших в назначенном месте.

— Есть, — задыхаясь, выпалил он. — Ну что, готовы?

— Готовы, — откликнулась Гермиона шепотом, чтобы не услышали шестикурсники, которые гурьбой шли мимо и громко болтали. — Итак, Рон, ты идешь и отвлекаешь Амбридж… Джинни, Полумна, пора очищать коридор… Мы с Гарри наденем мантию-невидимку и двинемся, когда путь будет свободен…

Рон зашагал вперед; его ярко-рыжие волосы виднелись в толпе, пока он пробирался в самый конец коридора. Не менее приметная голова Джинни мелькала среди учеников, наводнивших коридор с другой стороны от них, а рядом с ней спокойно плыла белая голова Полумны.

— Сюда, — прошептала Гермиона, взяв Гарри за руку, и увлекла его в нишу за уродливым бюстом средневекового волшебника на постаменте, что-то бормочущим себе под нос. — Ты… ты уверен, что хорошо себя чувствуешь, Гарри? Ты до сих пор очень бледный.

— Все в порядке, — бросил он, вытаскивая из

сумки мантию-невидимку. На самом деле шрам все еще причинял ему боль, хотя и далеко не такую сильную, как мысль о том, что Волан-де-Морт мог уже нанести Сириусу смертельный удар. Когда Темный Лорд карал Эйвери, шрам жгло гораздо сильнее… — Давай, — шепнул он и набросил мантию на них обоих. Они замерли, прислушиваясь к звукам снаружи и стараясь не обращать внимания на бюст, который все бубнил и бубнил по-латыни.

— Туда нельзя! — громко говорила Джинни столпившимся перед коридором ученикам. — Нет-нет, извините, вам придется идти в обход по вращающейся лестнице — кто-то только что напустил сюда душильного газа…

Они слышали, как недовольно ворчат ребята. Один из них угрюмо буркнул:

— что-то не вижу я никакого газа.

— Он же невидимый, — очень убедительно изобразив раздражение, ответила Джинни. — Но если тебе так уж хочется, пожалуйста, иди — следующему идиоту, который нам не поверит, можно будет показать твое бездыханное тело.

Толпа начала медленно редеть. Судя по тому, что новые ученики больше не подходили, весть о душильном газе распространилась сама собой.

Наконец, когда поблизости почти совсем никого не осталось, Гермиона сказала:

— По-моему, надо идти, Гарри. Лучше уже не будет.

Прикрытые мантией, они двинулись вперед. В дальнем конце коридора, спиной к ним, стояла Полумна. Когда они проходили мимо Джинни, Гермиона шепнула:

— Молодец… Не забудь про сигнал.

— Про какой еще сигнал? — тихо спросил Гарри, когда они приблизились к двери кабинета.

— Как только появится Амбридж, они должны громко запеть «Уизли — наш король», — ответила Гермиона.

Гарри вставил лезвие ножа Сириуса в щель между дверью и косяком, замок щелкнул, и дверь отворилась. Они вошли в кабинет.

Противные котята на тарелочках нежились в теплых лучах послеполуденного солнца, но если не считать этого, в комнате было тихо и пусто, как в прошлый раз. Гермиона испустила вздох облегчения.

— Я боялась, что после второго нюхлера она примет дополнительные меры предосторожности.

Они сняли мантию. Гермиона поспешила к

окну и встала сбоку, держа палочку наготове и бросая вниз, на школьную территорию, осторожные взгляды. Гарри прыгнул к камину, схватил горшочек с летучим порохом и кинул щепотку внутрь, вызвав к жизни языки изумрудного пламени. Потом быстро опустился на колени, сунул голову в танцующий огонь и крикнул:

— Площадь Гриммо, двенадцать!

Голова у него сразу закружилась, словно он только что слез с карусели в парке аттракционов, хотя колени по-прежнему надежно покоились на холодном полу кабинета. Он прикрыл глаза, чтобы их не запорошило золой, а когда головокружение прекратилось, снова открыл их и увидел перед собой длинную стылую кухню дома на площади Гриммо.

Здесь никого не было. Он ожидал этого, но не был готов к обжигающей волне панического ужаса, которая окатила его при виде безлюдной комнаты.

— Сириус! — крикнул он. — Сириус, где ты?

Его голос эхом прокатился по кухне, но больше никто ему не ответил — только справа от очага что-то слабо зашуршало.

— Кто это? — спросил он, почти уверенный, что там копошится обычная мышь.

В поле его зрения появился эльф-домовик Кикимер. Хотя обе руки у него были забинтованы — похоже, недавно ему сильно досталось, — он был чрезвычайно чем-то доволен.

— В очаге голова мальчишки Поттера, — сообщил Кикимер пустой кухне, украдкой кидая на Гарри взгляды, в которых сквозило какое-то странное торжество. — Зачем он сюда явился, интересно нам знать!

— Где Сириус, Кикимер? — требовательно спросил Гарри.

Домовик издал придушенный смешок.

— Хозяина нет дома, Гарри Поттер.

— Куда он пошел? *Куда он пошел, Кикимер?*

Кикимер только похихикивал.

— Предупреждаю тебя! — сказал Гарри, прекрасно понимая, что в своем теперешнем положении он едва ли сможет причинить Кикимеру какой бы то ни было вред. — А Люпин? А Грозный Глаз? Хоть кто-нибудь из них дома есть?

— Никого, кроме Кикимера! — ликующе воскликнул эльф и, отвернувшись от Гарри, стал медленно пробираться к двери в дальнем конце кухни. — Пожалуй, Кикимер сейчас пойдет поболтает с хозяйкой — да-да, у него давно не было такой возможности, хозяин его к ней не

подпускал…

— Куда ушел Сириус? — завопил Гарри ему вслед. — Кикимер! Он пошел в Отдел тайн?

Кикимер стал как вкопанный. В кухне было много стульев, и сквозь частокол их ножек Гарри видел только лысину эльфа.

— Хозяин не делится с Кикимером своими планами, — спокойно сказал он.

— Но ты ведь знаешь! — закричал Гарри. — Разве не так? Ты же знаешь, где он!

Наступила недолгая тишина, затем домовик усмехнулся еще громче, чем раньше.

— Хозяин не вернется из Отдела тайн! — торжествующе сказал он. — Кикимер с хозяйкой снова остались вдвоем!

И он торопливо скрылся за дверью, ведущей в коридор.

— Ах ты…

Но, не успев выругаться, Гарри ощутил страшную боль в макушке. Он вдохнул целое облако золы, закашлялся, почувствовал, как его куда-то тащат сквозь пламя, и вдруг с жуткой внезапностью увидел прямо перед собой широкую бледную физиономию профессора Амбридж — вытащив его из камина за волосы, она изо всех сил оттягивала ему голову назад, точно собира-

лась перерезать глотку.

— Ты думаешь, — прошептала она, еще сильнее оттягивая ему голову, так что перед его глазами замаячил потолок, — что после двух нюхлеров я позволю еще одному мерзкому маленькому крысенышу проникнуть ко мне в кабинет без моего ведома? Глупый мальчишка! Да после того, как сюда подкинули второго нюхлера, я наложила на дверь особое Сигнальное заклятие против воров! Забрать у него палочку, — пролаяла она кому-то, кого Гарри не видел, и во внутренний карман его мантии скользнула чужая рука. — И у нее тоже!

Гарри услышал возню у двери и понял, что у Гермионы тоже силой отняли палочку.

— Хотелось бы знать, что вы делаете в моем кабинете, — сказала Амбридж и тряхнула его за волосы так, что он едва не упал.

— Я… я хотел забрать свою «Молнию», — прохрипел Гарри.

— Лжец! — Она снова тряхнула его. — Ваша метла находится в подземелье под усиленной охраной, и вы это отлично знаете, Поттер. Вы стояли перед моим камином, засунув туда голову. С кем вы вели переговоры?

— Ни с кем… — сказал Гарри, пытаясь вырваться из ее рук. Он почувствовал, как несколько его

волос навсегда расстались с макушкой.

— Лжец! — выкрикнула Амбридж. Она оттолкнула его от себя, и он врезался в стол. Теперь он увидел, что Гермиону прижала к стене Милисента Булстрод. К подоконнику прислонился Малфой; ухмыляясь, он подбрасывал палочку Гарри в воздух и снова ловил ее.

Снаружи послышались быстрые шаги, и в комнату вошли несколько здоровенных слизеринцев. Они вели с собой Рона, Джинни, Полумну и, к удивлению Гарри, Невилла — Крэбб сжимал ему горло мертвой хваткой, рискуя задушить его в любую минуту. Во рту у пленников торчали кляпы.

— Всех изловили, — сказал Уоррингтон, грубо выталкивая Рона на середину комнаты. — А этот, — он ткнул в Невилла толстым пальцем, — хотел помешать мне поймать ее, — он указал на Джинни, которая пыталась лягнуть в ногу крупную девицу, державшую ее в охапке, — так что я и его прихватил.

— Замечательно, просто замечательно, — сказала Амбридж, глядя, как извивается Джинни. — Похоже, Хогвартс скоро освободится от всей семейки Уизли!

Малфой громко и угодливо рассмеялся. Ам-

бридж улыбнулась широкой самодовольной улыбкой, не спеша опустилась в кресло с цветастой обивкой и уставилась на пленников немигающим взглядом, точно жаба на клумбе.

— Итак, Поттер, — сказала она, — вы расставили вокруг моего кабинета своих наблюдателей и отправили ко мне этого клоуна (Малфой рассмеялся еще громче) с сообщением, что полтергейст безобразничает в классе трансфигурации, тогда как я прекрасно знала, что он занят совсем другим: мистер Филч только что сообщил мне, что он замазывает черной краской окуляры школьных телескопов. Таким образом, для вас было очень важно с кем-то поговорить. Может быть, с Альбусом Дамблдором? Или с этим полукровкой, Хагридом? Сомневаюсь, чтобы это была Минерва МакГонагалл: насколько я знаю, она еще не в состоянии ни с кем беседовать.

При этих словах Малфой и несколько членов Инспекционной дружины засмеялись опять. Гарри был так переполнен гневом и ненавистью, что его колотила дрожь.

— Не ваше дело, с кем я разговаривал, — огрызнулся он.

Дряблое лицо Амбридж слегка напряглось.

— Очень хорошо, — сказала она своим самым

угрожающим приторным голоском. — Очень хорошо, Поттер… я дала вам шанс признаться добровольно. Вы отказались. Мне остается только одно — принуждение… Дракo! Позовите сюда профессора Снегга.

Малфой спрятал палочку Гарри во внутренний карман мантии и вышел из кабинета с ухмылочкой, но Гарри едва это заметил. Он только что вспомнил одну вещь и поразился собственной тупости: как он мог об этом забыть? Он думал, что все члены Ордена, все, кто мог оказать ему помощь в спасении Сириуса, покинули школу, — но он ошибался. Один член Ордена Феникса по-прежнему находился в Хогвартсе, и этим человеком был Снегг.

В кабинете наступила тишина, лишь время от времени нарушаемая шумом борьбы и сопением слизеринцев, не дающих Рону и остальным вырваться из их объятий. Рон пытался освободиться от зажима Уоррингтона; у него была разбита губа, и кровь из нее капала на ковер Амбридж; Джинни до сих пор старалась наступить на ноги шестикурснице, которая крепко держала ее за обе руки; Невилл, чье лицо приобретало все более фиолетовый оттенок, трепыхался в лапищах Крэбба, а Гермиона тщетно пыталась стряхнуть с

себя Милисенту. Полумна, однако, смирно стояла рядом с притащившей ее слизеринкой и вяло смотрела в окно, точно ее одолевала невыносимая скука.

Гарри перевел взгляд обратно на Амбридж, которая пристально следила за ним. Когда в коридоре снова раздались шаги, он попытался придать своему лицу как можно более спокойное и равнодушное выражение. В комнату снова вошел Драко Малфой и придержал дверь перед Снеггом.

— Вы хотели меня видеть, директор? — спросил Снегг, с полнейшим бесстрастием озирая пары борющихся учеников.

— А, профессор Снегг! — воскликнула Амбридж, широко улыбаясь и снова вставая на ноги. — Да-да, мне нужен еще один пузырек с сывороткой правды, и чем скорее, тем лучше.

— Вы забрали у меня последний пузырек, чтобы допросить Поттера, — сказал Снегг, холодно глядя на нее сквозь свисающие ему на глаза сальные космы. — Не использовали же вы его весь целиком? Кажется, я говорил вам, что довольно трех капель.

Амбридж покраснела.

— Но вы ведь можете принести еще? — как

всегда в минуты раздражения, ее голос стал еще более сладким и приторным.

— Разумеется, — сказал Снегг, поджав губы. — Это снадобье должно настаиваться в течение всего лунного цикла, так что примерно через месяц вы сможете его получить.

— Через месяц? — взвизгнула Амбридж, раздуваясь по-жабьи. — Через *месяц*? Но он нужен мне сегодня, Снегг! Я только что обнаружила перед своим камином Поттера, который вел переговоры с неустановленным лицом или лицами!

— Неужели? — сказал Снегг, впервые проявляя слабый интерес к происходящему. Он повернулся и посмотрел на Гарри. — Что ж, это меня не удивляет. Поттер никогда не отличался дисциплинированностью.

Его холодные темные глаза так и сверлили Гарри, но тот встретил его взгляд не дрогнув — он изо всех сил старался сконцентрироваться на том, что видел во сне, заставить Снегга прочесть это у него в сознании, понять…

— Я хочу допросить его! — крикнула Амбридж, и Снегг вновь перевел взгляд с Гарри на ее дрожащее от злобы лицо. — Я хочу, чтобы вы снабдили меня средством, которое поможет мне выяснить правду!

— Я ведь уже сказал, что у меня больше нет запасов нужной вам сыворотки, — невозмутимо ответил Снегг. — Если вы не хотите отравить Поттера — кстати, уверяю вас, что я отнесся бы к подобному намерению с большим сочувствием, — то у меня нет возможности вам помочь. Беда только в том, что большинство ядов действует слишком быстро и практически не оставляет жертве времени на признания.

И Снегг снова посмотрел на Гарри, который уставился на него, мучительно пытаясь передать свои мысли без слов.

«Волан-де-Морт схватил Сириуса и держит его в Отделе тайн, — отчаянно повторял он про себя. — Волан-де-Морт схватил Сириуса…»

— Я назначаю вам испытательный срок! — завопила Амбридж, и Снегг снова перевел на нее взгляд, чуть приподняв брови. — Вы намеренно отказываете мне в содействии! Я ожидала иного — Люциус Малфой всегда отзывался о вас с крайним уважением! А теперь прочь из моего кабинета!

Снегг отвесил ей насмешливый поклон и повернулся к двери.

Гарри понял, что последний шанс поставить Орден в известность о случившемся сейчас поки-

нет кабинет вместе с профессором зельеварения.

— Бродяга у него в плену! — крикнул он. — Его держат там, где оно спрятано!

Снегг замер с поднятой рукой, уже готовый толкнуть дверь.

— Бродяга? — воскликнула Амбридж, жадно переводя взгляд с Гарри на Снегга. — Какой еще Бродяга? И *что* там спрятано? О чем это он, Снегг?

Снегг обернулся. Его лицо было непроницаемо. Гарри не мог понять, догадался ли он, в чем дело, но в присутствии Амбридж нельзя было говорить яснее.

— Понятия не имею, — холодно сказал Снегг. — Если я захочу послушать околесицу, я дам вам болтушки для молчунов, Поттер. Кстати, Крэбб, ослабьте немного хватку. Если вы задушите Долгопупса, начнется бесконечная бумажная канитель. К тому же мне придется упомянуть об этом в вашей характеристике, если вы когда-нибудь вздумаете устроиться на работу.

Он со стуком закрыл за собой дверь, оставив Гарри в еще большем смятении, чем прежде, — ведь Снегг был его последней надеждой. Он посмотрел на Амбридж, которая, похоже, чувствовала то же самое: ее грудь вздымалась от

бессильной ярости.

— Что ж, прекрасно, — сказала она и вынула палочку. — Прекрасно… мне не оставляют выбора… это больше, чем вопрос школьной дисциплины… это касается безопасности на уровне Министерства… да… да…

Она словно уговаривала себя на что-то решиться. Нервно переминаясь с ноги на ногу, она поглядывала на Гарри, похлопывала палочкой по ладони и тяжело отдувалась. Гарри вдруг с ужасом ощутил, как он беззащитен перед нею без своей собственной палочки.

— Вы вынуждаете меня, Поттер… я этого не хочу, — сказала Амбридж, все еще беспокойно топчась на месте. — Но иногда обстоятельства оправдывают применение… Я уверена, министр поймет, что у меня не было другого пути…

Малфой следил за ней с алчным нетерпением.

— Заклятие Круциатус развяжет тебе язык, — негромко сказала Амбридж.

— Нет! — воскликнула Гермиона. — Профессор Амбридж… это противозаконно!

Но Амбридж не обратила на нее внимания. На ее лице было написано отвратительное жадное возбуждение — такой Гарри ее еще не видел. Она подняла палочку.

— Министр не позволил бы вам нарушать закон, профессор Амбридж! — крикнула Гермиона.

— То, о чем Корнелиус не узнает, ему не повредит, — сказала Амбридж. Она слегка задыхалась, направляя палочку на разные части тела Гарри по очереди, явно выбирая самое уязвимое место. — Он ведь так и не узнал, что это я прошлым летом наслала на Поттера дементоров, но все равно был очень рад, когда ему представилась возможность его исключить.

— Так это были вы? — ахнул Гарри. — Вы натравили на меня дементоров?

— кто-то должен был действовать, — прошептала Амбридж, и ее палочка замерла, нацелившись Гарри прямо в лоб. — Они все твердили, что надо заставить тебя замолчать… как-нибудь тебя опорочить… но только я одна предприняла какие-то реальные шаги… правда, в тот раз ты выкрутился, Поттер! Но сегодня тебе это не удастся… нет, не удастся… — И, набрав в грудь воздуху, она воскликнула: — *Круци…*

— НЕТ! — сорвавшимся голосом крикнула Гермиона из-за плеча Милисенты Булстрод. — Нет… Гарри… нам придется сказать ей!

— Ни за что! — завопил Гарри, глядя на ту малую толику Гермионы, которая была доступна

взору.

— Нам все равно придется, Гарри, иначе она вырвет из тебя это, так какой же смысл…

И Гермиона тихо зарыдала, уткнувшись лицом в спину Милисенты. Та немедленно перестала вдавливать ее в стену и попыталась увернуться от нее с видом глубокого отвращения.

— Так-так-так! — с торжествующей миной сказала Амбридж. — Наконец-то мы услышим от нашей дотошной мисс Почемучки кое-какие ответы! Ну-ка, давайте, милая, давайте!

— Гей… мо… на… не-е! — промычал Рон сквозь кляп.

Джинни уставилась на Гермиону таким взглядом, как будто раньше никогда ее не видела. Все еще задыхающийся Невилл тоже не сводил с нее глаз. Однако Гарри заметил одну вещь: хотя Гермиона отчаянно рыдала, спрятав лицо в ладони, на ее щеках не было ни малейшего следа слез.

— Я… простите меня, все… — пробормотала Гермиона. — Но… я не могу этого выдержать…

— Правильно, правильно, девочка! — сказала Амбридж, хватая Гермиону за плечи. Она толкнула ее в освободившееся цветастое кресло и нависла над ней. — Ну? С кем Поттер сейчас связывался через камин?

— Он… — всхлипнула Гермиона, не отнимая рук от лица, — он пытался поговорить с профессором Дамблдором.

Рон застыл, широко раскрыв глаза; Джинни перестала лягать свою противницу-слизеринку и даже Полумна, кажется, слегка удивилась. К счастью, внимание Амбридж и ее любимцев было целиком сосредоточено на Гермионе и никто из них не заметил этих подозрительных признаков.

— С Дамблдором? — жадно переспросила Амбридж. — Так, значит, вам известно, где он?

— Нет… нет! — прорыдала Гермиона. — Мы проверяли «Дырявый котел» в Косом переулке, «Три метлы» и даже «Кабанью голову»…

— Безмозглая девчонка! Дамблдор не станет сидеть в трактире, когда за ним охотится все Министерство! — закричала Амбридж. Разочарование сквозило в каждой складке ее обрюзгшего лица.

— Но… но мы должны были сообщить ему очень важную вещь! — завывала Гермиона, все плотнее прижимая ладони к глазам, но Гарри понимал, что она не так уж страдает: ей просто нужно было скрыть отсутствие слез.

— Ах вот как? — спросила Амбридж с новым приливом воодушевления. — И что же вы хотели

ему сообщить?

— Мы… мы хотели сказать ему, что оно го… готово!

— Что готово? — настойчиво спросила Амбридж, хватая Гермиону за плечи и слегка встряхивая. — Что? Отвечай!

— Ору… оружие, — выдавила Гермиона.

— *Оружие?* — воскликнула Амбридж. От возбуждения глаза ее полезли на лоб. — Так вы планировали оказать сопротивление? Хотели использовать свое оружие против Министерства? Конечно, по наущению профессора Дамблдора?

— Д-да, — призналась Гермиона. — Но ему пришлось покинуть школу раньше, чем оно созрело, а т-теперь мы довели подготовку до конца и н-не можем найти его и с-с-сказать об этом!

— И что же это за оружие? — резко спросила Амбридж, по-прежнему крепко сжимая своими короткими пухлыми руками плечи Гермионы.

— Если честно, мы и с-с-сами не знаем, — сказала Гермиона, громко шмыгнув носом. — Мы просто д-д-делали то, что в-в-велел нам профессор Дамблдор!

Амбридж выпрямилась с ликующим видом.

— Отведи меня к этому оружию, — сказала она.

— Я не хочу показывать… им! — пронзительно

воскликнула Гермиона, косясь на членов Инспекционной дружины сквозь раздвинутые пальцы.

— Ты не в том положении, чтобы ставить условия, — сурово сказала Амбридж.

— Ладно, — снова заныла Гермиона. — Ладно… Пускай они его увидят — надеюсь, они применят его против вас! Это даже хорошо. Позовите побольше народу, чтобы они пошли и посмотрели! Т-тогда вы получите п-п-по заслугам, пускай вся школа у… узнает, где оно и как им пользоваться, и тогда, стоит вам кого-нибудь обидеть, как он в-вам от… отплатит!

Эти слова произвели на Амбридж сильнейшее впечатление: она быстро и подозрительно обвела взглядом своих прихвостней, и ее выпученные глаза задержались на Малфое, который слишком туго соображал и не успел согнать с лица гримасу алчности и нетерпения.

Амбридж поразмыслила над словами Гермионы еще чуть-чуть, а потом заговорила тоном, который, видимо, считала по-матерински ласковым:

— Хорошо, милочка, пусть это будем только ты и я… и Поттера тоже возьмем, правда? Ну, вставай.

— Профессор, — жадно сказал Малфой. — Про-

фессор Амбридж, по-моему, кто-нибудь из членов Дружины должен пойти с вами, чтобы присмотреть…

— Я высококвалифицированная служащая Министерства, Малфой! По-вашему, я одна не в силах справиться с двумя подростками без палочек? — резко спросила Амбридж. — В любом случае, я полагаю, что это оружие не следует показывать детям школьного возраста. Вы подождете здесь моего возвращения и позаботитесь о том, чтобы никто из этих, — она обвела рукой Рона, Джинни, Невилла и Полумну, — тем временем не сбежал.

— Хорошо, — угрюмо сказал Малфой. Вид у него был разочарованный.

— А вы двое пойдете впереди и будете показывать мне дорогу, — распорядилась Амбридж, направив палочку на Гарри с Гермионой. — Ну же, ведите!

Глава 33

ПОТАСОВКА И ПОБЕГ

Гарри понятия не имел, что замыслила Гермиона и есть ли у нее замысел вообще. Когда они вышли из кабинета и двинулись по коридору, он постарался отстать от нее ровно на полшага, потому что понимал: ни в коем случае нельзя возбуждать подозрений в том, что он не знает, куда они идут. Заговорить с ней он не решался: Амбридж шла за ними вплотную, так что все время слышно было ее неровное дыхание.

Вслед за Гермионой они спустились по лестнице и вошли в вестибюль. Из двустворчатой двери Большого зала, отдаваясь эхом, доносились веселые голоса и стук столовых приборов. Гарри показалось очень странным, что в каком-то десятке шагов от них люди с удовольствием ужинают, празднуют окончание экзаменов, забот ровно никаких…

Гермиона напрямик двинулась к дубовым входным дверям и сошла по каменным ступеням, овеваемая нежным вечерним ветерком. Солнце уже опускалось к вершинам деревьев Запретного

леса, и тени Гарри, целеустремленно шагающей Гермионы и семенящей следом Амбридж волнисто тянулись за ними по траве, как длинные черные мантии.

— Оно спрятано в хижине Хагрида? Да? — нетерпеливо спросила Амбридж, дыша Гарри в затылок.

— Разумеется, нет, — язвительно отозвалась Гермиона. — Хагрид мог бы неч***а***янно привести его в действие.

— Еще бы, — сказала Амбридж, чье возбуждение стремительно росло. — Наверняка бы привел, полукровка, безмозглая орясина!

Она засмеялась. Гарри с трудом подавил желание повернуться и схватить ее за горло. В мягком вечернем воздухе шрам болезненно пульсировал, но его еще не жгло каленым железом, как жгло бы, если бы Волан-де-Морт вступил в игру по-настоящему.

— Тогда… где же? — спросила Амбридж с ноткой неуверенности в голосе, поспешая за Гермионой, которая продолжала шагать в сторону Леса.

— Там, конечно, — ответила Гермиона, показывая на темные деревья. — Если прятать, то в таком месте, где ученики не могут обнаружить его случайно.

— Да, безусловно, — сказала Амбридж с некоторым беспокойством. — Само собой… Хорошо, хорошо… Держитесь оба впереди меня.

— Раз уж мы идем первыми, можно нам вашу волшебную палочку? — спросил Гарри.

— Полагаю, что нет, мистер Поттер, — сладким голосом проговорила Амбридж, ткнув его концом палочки в спину. — Боюсь, что Министерство ценит мою жизнь несколько выше, чем вашу.

Когда они оказались в прохладной лесной тени, Гарри попытался встретиться с Гермионой глазами: зайти в Лес без волшебных палочек значило, по его мнению, совершить поступок еще более опрометчивый, чем все их предыдущие в этот вечер. Но она только бросила презрительный взгляд на Амбридж и решительно углубилась в чащу, идя с такой быстротой, что Амбридж на своих коротких ногах едва поспевала.

— Нам еще далеко? — спросила Амбридж, чья мантия постоянно цеплялась за колючки.

— Далеко, — ответила Гермиона. — Оно очень хорошо спрятано.

Тревога Гарри нарастала. Гермиона выбрала не ту тропинку, по которой они ходили к Грохху, а ту, что три года назад привела его к логову чудовищного паука Арагога. Гермионы с ним тогда не

было, и она, скорее всею, не подозревала, какая опасность поджидает их теперь в конце пути.

— М-м… ты уверена, что это та дорога? — спросил он ее многозначительным тоном.

— Да, уверена, — ответила она стальным голосом, продираясь сквозь кусты с совершенно излишним, по его мнению, шумом. Сзади Амбридж споткнулась об упавшее деревце. Ни Гарри, ни Гермиона не остановились, чтобы помочь ей подняться. Не сбавляя шага, Гермиона обернулась и во весь голос крикнула через плечо:

— Чуть поглубже надо еще зайти!

— Гермиона, потише, — пробормотал Гарри, стараясь не отстать. — Мало ли кто здесь может услышать…

— Я и хочу, чтобы нас услышали, — тихо отозвалась Гермиона под громкий треск и шелест от ног спешащей вдогонку Амбридж. — Погоди, увидишь…

Так они шли еще довольно долго и наконец очутились в глухой чащобе, где сквозь плотный навес древесных крон не пробивалось почти никакого света. У Гарри возникло ощущение, которое он испытывал в Лесу и раньше, — что на него смотрят чьи-то невидимые глаза.

— Сколько еще идти? — раздался сзади серди-

тый голос Амбридж.

— Совсем немного осталось! — крикнула Гермиона, выходя на сырую мглистую поляну. — Каких-нибудь два шага…

В воздухе просвистела стрела и со зловещим стуком воткнулась в дерево чуть повыше ее головы. Вдруг все кругом наполнилось топотом копыт; Гарри почувствовал, что лесная подстилка дрожит; Амбридж, пискнув, вытолкнула его вперед наподобие щита.

Он вывернулся из ее рук и огляделся. Со всех сторон к ним приближались кентавры, их было десятков пять, их поднятые и натянутые луки были нацелены на Гарри, Гермиону и Амбридж. Медленно пятясь, все трое вышли на середину поляны. Охваченная ужасом Амбридж как-то странно, мелко похныкивала. Гарри скосил взгляд на Гермиону и увидел на ее лице торжествующую улыбку.

— Кто ты, человек? — прозвучал голос.

Гарри повернул голову налево. Выступив из кольца кентавров, к ним двигался гнедой Магориан с готовым к выстрелу, как и у других, луком. Справа Амбридж по-прежнему хныкала, ее волшебная палочка, направленная на приближающегося кентавра, ходила ходуном.

— Я спросил тебя, кто ты, — грубо повторил Магориан.

— Я Долорес Амбридж! — ответила Амбридж визгливым, насмерть перепуганным голосом. — Первый заместитель министра магии, директор и генеральный инспектор Хогвартса!

— Так ты из Министерства магии? — спросил Магориан. Многие из окружавших их кольцом кентавров беспокойно пошевелились.

— Именно! — провизжала Амбридж на еще более высокой ноте. — Поэтому думайте, что делаете! Согласно законам, установленным Отделом регулирования магических популяций и контроля над ними, любое нападение полукровок, подобных вам, на человека…

— Как ты нас назвала? — воскликнул черный, дикий на вид кентавр, в котором Гарри узнал Бейна. Со всех сторон зазвучал гневный ропот, тетивы луков натянулись туже.

— Не смейте их так называть! — разъяренно крикнула Гермиона, но Амбридж точно не слышала.

По-прежнему направляя на Магориана трясущуюся волшебную палочку, она продолжала:

— Закон пятнадцатый, статья «В» ясно указывает, что любое нападение со стороны магического

существа, которое квалифицируется как обладающее интеллектом, близким к человеческому, и считается вследствие этого способным отвечать за свои поступки…

— Близким к человеческому? — повторил Магориан, в то время как Бейн и некоторые другие, издавая свирепые возгласы, били копытами. — Для нас это великое оскорбление, человек! Наш интеллект, к счастью, намного превосходит ваш!

— Что вы делаете в нашем Лесу? — вскричал серый кентавр с грубым лицом, которого Гарри и Гермиона видели в Лесу в прошлый раз. — Зачем вы здесь?

— В *вашем* Лесу? — переспросила Амбридж, дрожа, казалось, уже не только от страха, но и от негодования. — Не забывайте: вы живете здесь только потому, что Министерство магии отвело вам определенные участки земли…

Стрела пролетела так близко от ее макушки, что задела полуседые волосы. Амбридж истошно завопила и вскинула руки к голове. Иные из кентавров одобрительно взревели, другие разразились резким хохотом, который отдался на сумеречной поляне эхом. Дикий, похожий на ржание смех, вид роющих землю копыт — все это могло навести ужас на кого угодно.

— Так чей же это Лес, человек? — прогремел Бейн.

— Мерзкие полукровки! — завопила Амбридж, все еще прижимая руки к голове. — Зверье! Неуправляемые животные!

— Молчите! — крикнула Гермиона, но было поздно.

Амбридж направила на Магориана волшебную палочку:

— *Инкарцеро!*

В воздухе, откуда ни возьмись, появились толстые канаты-змеи. Они туго опутали грудь и руки кентавра. С яростным ревом Магориан взвился на дыбы, пытаясь высвободиться; другие кентавры ринулись в атаку.

Гарри схватил Гермиону и повалил наземь. Лежа лицом вниз на траве, он испытал секунды ужаса, когда совсем рядом загрохотали копыта, но одни кентавры с воплями гнева перепрыгнули через них с Гермионой, другие проскакали рядом.

— Не сме-е-е-ейте! — услышал он крик Амбридж. — Не сме-е-е-ейте!.. Я первый заместитель… вы не имеете права… Отпустите меня, зверюги, слышите?.. Не-е-е-ет!

Гарри увидел красную вспышку и понял, что

она попыталась оглушить кого-то из кентавров заклятием; потом она отчаянно заорала. Чуть приподняв от земли голову, Гарри увидел, что Бейн обхватил ее сзади руками и поднял в воздух. Она извивалась и вопила от страха, ее волшебная палочка упала на землю, и Гарри мгновенно воспрял духом. Если бы дотянуться…

Но едва он шевельнул рукой, как на палочку опустилось копыто кентавра и она разломилась надвое.

— А ну! — рявкнул у него над ухом грубый голос, и толстая волосатая рука, опустившись с высоты, насильно поставила его на ноги. Так же поступили и с Гермионой. Глядя поверх разноцветных качающихся голов и спин кентавров, Гарри увидел, как Бейн уносит Амбридж в чащу. Ее неумолкающий крик слышался все слабей и слабей, пока наконец стук копыт не заглушил его вовсе.

— А этих? — спросил серый кентавр с грубым лицом, который держал Гермиону.

— Они еще юные, — медленно проговорил у Гарри за спиной мрачный голос. — Мы не трогаем жеребят.

— Они привели ее сюда, Ронан, — возразил кентавр, крепко схвативший Гарри. — И не такие

уж они юные… Этот скоро станет мужчиной.

Он с силой тряхнул Гарри, сграбастав его за шиворот мантии.

— Прошу вас, — чуть дыша, промолвила Гермиона, — пощадите нас, мы думаем о вас не так, как она, и мы не служим в Министерстве! Мы только потому сюда пришли, что хотели с вашей помощью от нее избавиться.

По лицу серого кентавра, державшего Гермиону, Гарри мигом понял, что, сказав это, она совершила ужасную ошибку. Яростно стукнув по земле задними копытами, кентавр вскинул голову и проревел:

— Ты видишь, Ронан? Они уже заражены высокомерием своего племени! Мы, оказывается, должны делать за вас грязную работу! Так, человеческая дочка? Мы должны быть вам слугами, отгонять ваших врагов, как послушные псы!

— Нет! — в ужасе пискнула Гермиона. — Прошу вас… Я вовсе не имела этого в виду! Я просто думала, что вы сможете… помочь…

Но этим она, судя по всему, только ухудшила дело.

— Мы не помогаем людям! — зло крикнул кентавр, сжимавший Гарри. Он сжал его еще крепче и привстал на дыбы, так что подошвы Гарри

мигом оторвались от земли. — Мы живем обособленно и гордимся этим. И мы не позволим вам уйти отсюда и похваляться тем, что мы плясали под вашу дудку!

— Мы не собираемся ничем таким похваляться! — воскликнул Гарри. — Мы понимаем, что вы не желаете делать то, чего мы от вас хотим…

Но никто его не слушал.

Бородатый кентавр из числа задних заорал:

— Они пришли сюда незваные, так пусть за это расплатятся!

Кентавры в ответ на его слова одобрительно зашумели. Один из них, мышастый, взревел:

— Куда женщину — туда и этих!

— Вы же сами сказали, что не трогаете невинных! — крикнула Гермиона, по щекам которой уже вовсю катились слезы. — Мы ничего плохого вам не сделали, не угрожали, не пользовались волшебными палочками, мы хотим только вернуться в школу, пожалуйста, отпустите…

— Мы не все такие, как предатель Флоренц, человеческая дочка! — вскричал серый кентавр под громкое одобрительное ржание сородичей. — Ты небось вообразила, что мы всего-навсего забавные говорящие лошадки? Мы, к твоему сведению, древний народ и не потерпим вторжений и

оскорблений со стороны волшебников! Мы не признаем ваших законов и не собираемся отдавать вам первенство, мы…

Но сполна узнать, кем считают себя кентавры, Гарри и Гермионе не довелось, ибо в этот самый миг на краю поляны раздался такой оглушительный треск, что все, кто на ней был — и двое школьников, и пять десятков кентавров, — оглянулись. Державшие Гарри руки разжались и потянулись к луку и стрелам, позволив ему снова встать на землю. Гермиону тоже отпустили, и Гарри метнулся к ней. А тем временем два толстых ствола зловеще раздвинулись, и в промежутке выросла чудовищная фигура великана Грохха.

Ближние к нему кентавры попятились, оттесняя тех, кто стоял позади. Поляна ощетинилась луками и готовыми взвиться стрелами, нацеленными вверх — на исполинское землистое лицо, которое грозно маячило из-под густого навеса крон. Скособоченный рот Грохха был тупо разинут, в сумерках тускло желтели его зубы-кирпичи, а мутные, болотного цвета глаза, щурясь, смотрели вниз, на мелкие существа у него под ногами. От обеих лодыжек тянулись обрывки толстой веревки.

Он открыл рот еще шире:

— Хаггер.

Гарри не понял, что это означает и на каком языке произнесено, но ему и не до того было: он смотрел на громадные ступни, почти равные в длину его туловищу. Гермиона крепко вцепилась ему в руку; кентавры же в полном молчании взирали снизу вверх на великана, чья огромная круглая голова поворачивалась из стороны в сторону, как будто он что-то обронил и хотел найти.

— *Хаггер!* — повторил он более требовательно.

— Уходи отсюда, великан! — крикнул Магориан. — Тебе нечего у нас делать!

Слова эти, судя по всему, не произвели на Грохха никакого впечатления. Он слегка наклонился (мышцы кентавров, державших натянутые луки, напряглись еще сильнее) и проревел:

— ХАГГЕР!

Кое-кому из кентавров явно стало не по себе. Гермиона, наоборот, испустила вздох надежды.

— Гарри! — шепнула она. — По-моему, он хочет сказать: «Хагрид»!

В этот самый миг Грохх их увидел — двух людей в море кентавров. Пристально глядя на них, он опустил голову еще чуть ниже. Гарри почувствовал, как Гермиона дрожит. Грохх опять широко открыл рот и утробным голосом пророкотал:

— Герми.

— Ты слышал? — воскликнула Гермиона, так крепко стиснув руку Гарри, что она начала неметь, и находясь, казалось, на грани обморока. — Он… он помнит!

— ГЕРМИ! — прорычал Грохх. — ГДЕ ХАГГЕР?

— Не знаю! — взвизгнула насмерть перепуганная Гермиона. — Мне очень жаль, Грохх, но я не знаю!

— ГРОХХ НАДО ХАГГЕР!

Могучая рука великана пошла вниз. Гермиона, крича во все горло, пробежала несколько шагов назад и упала. Гарри, не имея волшебной палочки, приготовился бить, лягать, кусать, царапать… Рука тем временем стремительно двинулась к нему и по пути сшибла с ног белоснежного кентавра.

Этого его сородичи стерпеть не смогли. Растопыренные пальцы Грохха почти уже коснулись Гарри, когда пять десятков стрел, устремившись вверх, утыкали необъятное лицо гиганта. Он завыл от боли и ярости, выпрямился и стал тереть исполинское лицо руками, ломая древки стрел и еще глубже загоняя в себя наконечники.

Он ревел и топал ножищами, кентавры бросились от него врассыпную, и Гарри, на которого

дождем посыпались крупные, размером с гальку, капли великаньей крови, рывком поставил Гермиону на ноги и ринулся с ней под деревья, сулившие укрытие. Там они оглянулись. Грохх, у которого текла по лицу кровь, вслепую водил в воздухе руками, пытаясь схватить хоть одного из кентавров, но те уже пустились в беспорядочное бегство и пропадали из виду среди деревьев по ту сторону поляны. Грохх испустил еще один яростный вопль и двинулся за ними следом, круша по пути дерево за деревом.

— Не-ет, — простонала Гермиона, которую била такая дрожь, что она бессильно опустилась на землю. — Ужас, ужас! Он же их всех мог убить!

— Меня, честно говоря, это мало волнует, — ожесточенно заявил Гарри.

Топот кентавров и треск от бредущего наобум великана становились все тише. Прислушиваясь, Гарри вдруг ощутил новую вспышку жестокой боли в шраме, и его захлестнул страх.

Сколько времени потрачено зря! Они еще дальше теперь от спасения Сириуса, чем в первый момент после сновидения на экзамене. Мало того что остался без волшебной палочки, еще и застрял с Гермионой посреди Запретного леса без всяких средств передвижения.

— Умный план, ничего не скажешь! — прошипел Гарри, выплескивая злость на Гермиону. — Умнее не придумаешь. Ну, и куда же мы отсюда?

— Надо возвращаться в замок, — беспомощно ответила Гермиона.

— К тому времени Сириус, может быть, уже будет мертв! — воскликнул Гарри, в сердцах пнув дерево. Вверху раздалось верещание на высокой ноте, и, подняв голову, он увидел разозленного лукотруса, который нацелился на него длинными пальцами-веточками.

— Без волшебных палочек все равно ничего не сделаешь, — безнадежно промолвила Гермиона и заставила себя подняться. — Кстати, Гарри, как ты думал добираться до Лондона?

— Мы вот тоже об этом сейчас размышляли, — произнес у нее за спиной знакомый голос.

Гарри и Гермиона безотчетно прижались друг к другу и уставились в темноту под деревьями.

Возник Рон, за ним торопливо шли Джинни, Невилл и Полумна. Вид у всех был довольно потрепанный: у Джинни на щеке красовалось несколько длинных царапин, у Невилла под правым глазом налился большой лиловый фонарь, у Рона губа кровоточила хуже прежнего. Но это не мешало им быть довольными собой.

— Ну так что, — сказал Рон, — какие идеи?

Он отвел рукой низко нависшую ветку и протянул Гарри его волшебную палочку.

— Как вы сумели удрать? — изумленно спросил Гарри, беря палочку.

— Пара-тройка Оглушающих заклятий, одно Разоружающее, а Невилл очень изящно применил Чары помех, — небрежно ответил Рон, вручая волшебную палочку и Гермионе. — Но кто действительно отличился — это Джинни. Наслала на Малфоя Летучемышиный сглаз, большие такие крылатые твари — всю морду ему облепили. Мы увидели в окно, что вы идете в Лес, и двинули за вами. Что вы сделали с Амбридж?

— Ее кентавры утащили, — сказал Гарри. — Их тут был целый табун.

— А вас оставили? — поразилась Джинни.

— Пришлось оставить, потому что за ними погнался Грохх, — объяснил Гарри.

— Кто такой Грохх? — поинтересовалась Полумна.

— Маленький братец Хагрида, — быстро ответил Рон. — Но об этом потом. Гарри, что ты выяснил через камин? Сам-Знаешь-Кто действительно схватил Сириуса?

— Да, — сказал Гарри, снова чувствуя колющую

боль в шраме. — Я уверен, что Сириус жив, но как туда добраться и ему помочь — не знаю.

Все испуганно притихли. Задача казалась неосуществимой.

— Придется нам полететь, — промолвила Полумна самым что ни на есть будничным тоном.

— Так, — раздраженно набросился на нее Гарри. — Во-первых, *нам*, если ты включаешь в это понятие себя, ничего делать не придется. Во-вторых, у всех, кроме Рона, метлы стережет тролль-охранник, поэтому…

— У меня есть метла! — возразила Джинни.

— Есть, но ты никуда не летишь, — сердито заявил Рон.

— Прошу прощения, но судьба Сириуса волнует меня не меньше, чем тебя! — воскликнула Джинни и сжала зубы так, что ее сходство с Фредом и Джорджем стало просто удивительным.

— Ты тоже… — начал Гарри, но Джинни яростно перебила его:

— Я на три года старше, чем ты был, когда дрался Сам-Знаешь-С-Кем за философский камень! Это я обезвредила сейчас Малфоя в кабинете Амбридж, это я напустила на него огромных летучих тварей…

— Да, но…

— В Отряде Дамблдора мы были вместе, — тихо сказал Невилл. — Разве не для того мы его создали, чтобы сражаться Сам-Знаешь-С-Кем? Вот мы в первый раз получили шанс сделать что-то по-настоящему. Или, по-твоему, ОД — это была игра?

— Нет… конечно, не игра… — нехотя согласился Гарри.

— Тогда нам всем надо отправляться, — бесхитростно рассудил Невилл. — Мы хотим помочь.

— Верно, — поддержала его Полумна с радостной улыбкой.

Гарри встретился взглядом с Роном. Он знал, что Рон думает в точности о том же: что если бы он мог решать, кому из членов ОД участвовать в спасении Сириуса, то он не взял бы с собой ни Джинни, ни Невилла, ни Полумну.

— Впрочем, это не имеет никакого значения, — уныло промолвил Гарри. — Все равно мы не знаем, как туда добираться…

— А я думала, это решено, — вмешалась Полумна. — Мы летим!

Было от чего прийти в бешенство.

— Так, послушай-ка меня, — сказал Рон, едва сдерживаясь. — Ты, может быть, и умеешь летать без метлы, но нам-то, остальным, где прикажешь взять крылья?

— Летать можно не только на метлах, — безмятежно возразила Полумна.

— А на чем еще? На мерзляках твоих козлорогих? — поинтересовался Рон.

— Морщерогие кизляки не летают, — сказала Полумна с достоинством, — а *вот эти* летают, и еще как, и Хагрид говорил, они запросто могут доставить тебя куда нужно.

Гарри резко обернулся. Между двумя деревьями, призрачно тараща белые глаза, стояли два фестрала. Они смотрели на перешептывающуюся группу так, будто понимали каждое слово.

— Точно! — воскликнул он и двинулся к ним. Вскинув головы, похожие на головы рептилий, они тряхнули длинными черными гривами. Гарри не мешкая протянул руку и погладил ближнего по отсвечивающей шее. Как это он раньше считал их уродливыми?

— Что, эти идиотские лошади? — неуверенно спросил Рон, уставившись в точку немного левей фестрала, которого гладил Гарри. — Которых не видишь, если при тебе кто-нибудь не отдал концы?

— Да, — ответил Гарри.

— Сколько?

— Всего два.

— А нам надо три, — сказала Гермиона, не совсем оправившаяся от потрясения, но уже полная решимости.

— Не три, а четыре, — сердито поправила ее Джинни.

— Мне кажется, нас тут шестеро, — спокойно промолвила, пересчитав всех, Полумна.

— Глупости! Мы не можем все полететь! — снова разъярился Гарри. — Так, вы трое, — он показал на Невилла, Джинни и Полумну, — вы в этом не участвуете, вы не…

Новые бурные протесты. Шрам ожгло еще раз, и больнее. Каждая секунда промедления могла стать решающей. Спорить было некогда.

— Ладно, как хотите, дело ваше, — коротко сказал Гарри. — Но если мы не найдем других фестралов, вы не сможете…

— Другие придут, не сомневайся, — заверила его Джинни, смотревшая, как и Рон, мимо.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что вы с Гермионой, к твоему сведению, заляпаны кровью, — невозмутимо объяснила она, — а мы знаем, что Хагрид приманивает фестралов сырым мясом. Вот из-за чего явились эти двое.

Гарри почувствовал, как что-то мягко тянет его

за мантию, и, опустив глаза, увидел, что ближний фестрал лижет его рукав, мокрый от крови Грохха.

— Отлично, — сказал он. Его осенило. — Мы с Роном садимся на этих и летим вперед, Гермиона остается с вами и приманивает других…

— Нетушки! — гневно возразила Гермиона.

— Никому не надо оставаться, — улыбнулась Полумна. — Смотрите, вон еще идут… от вас, наверно, пахнет на весь Лес…

Гарри оглянулся. Обходя деревья, к ним двигалось шесть-семь фестралов, не меньше. Огромные кожистые крылья были плотно прижаты к туловищам, глаза белели сквозь тьму. Все, новых доводов не найти.

— Хорошо, — сердито сказал он. — Выбирайте, садитесь, и поехали.

Глава 34

ОТДЕЛ ТАЙН

Гарри крепко взялся за гриву ближайшего фестрала, намотал ее на руку, потом встал на пенек и неуклюже вскарабкался на шелковистую лошадиную спину. Конь не возражал — он только повернул к нему голову, оскалил клыки и попытался снова полизать его мантию.

Оказалось, что можно упереться коленками в основания крыльев летучего коня — сидеть так было довольно удобно. Устроившись, Гарри оглянулся на товарищей. Невилл уже навалился животом на спину соседнего фестрала, но никак не мог перекинуть через нее свою коротенькую ногу. Полумна уселась на своего коня боком и спокойно расправляла мантию, словно такое путешествие было для нее самым обычным делом. Однако Рон, Гермиона и Джинни до сих пор не сдвинулись с места — они замерли, глядя в пространство с раскрытыми ртами.

— Ну? — спросил он.

— Как мы, по-твоему, на них сядем, — слабым голосом спросил Рон, — если их даже не видно?

— О, это совсем просто, — сказала Полумна, с готовностью соскальзывая со своего фестрала и направляясь к ним. — Идите сюда…

Она подвела ребят к другим фестралам, стоящим неподалеку, и по очереди помогла им взобраться на их спины и нащупать руками гривы, — при этом вид у всех троих был очень испуганный. Посоветовав им держаться крепче, Полумна вернулась обратно.

— Это безумие, — пробормотал Рон, осторожно проводя свободной рукой по шее своего коня. — Безумие… Эх, если б я мог его видеть…

— Наоборот, считай, что тебе повезло, — мрачно заметил Гарри. — Ну что, все готовы?

Пятеро друзей кивнули в ответ, и он увидел, как напряглись под мантиями их колени.

— Хорошо, тогда…

Он посмотрел вниз, на черную лоснящуюся голову своего фестрала, и сглотнул.

— Тогда в Министерство магии, ко входу для посетителей… в Лондон… — неуверенно сказал он. — Э-э… если вы знаете дорогу…

Несколько секунд фестрал под ним не шевелился. Затем его мощные крылья распахнулись, чуть не сбросив Гарри на землю, конь слегка присел и взмыл вверх так резко и круто, что Гарри

пришлось прижаться к нему всем телом, иначе он соскользнул бы назад с его костистого крупа. Закрыв глаза, он приник лицом к шелковой гриве, и они вырвались из-под лесного полога навстречу кроваво-красному закату.

Гарри казалось, что он никогда еще не передвигался так быстро. Фестрал пронесся над замком, почти не взмахивая крыльями; холодный ветер бил Гарри в лицо. Он обернулся, прищурившись, и увидел позади своих товарищей; все они пригнулись как можно ниже, уткнувшись в шеи своих фестралов, чтобы уберечься от ветра.

Миновали территорию школы, потом Хогсмид; Гарри видел, как скользят внизу горы и ущелья. В наступающих сумерках маленькими гроздьями зажглись огни деревень; затем внизу показалась извилистая дорога с одиноким автомобилем, пробирающимся среди холмов…

— Ну и чудеса! — донесся до него откуда-то сзади еле слышный крик Рона, и он подумал, как это, должно быть, странно — лететь в поднебесье без всяких видимых средств передвижения.

Сумерки сгущались; на ярко-фиолетовом, стремительно темнеющем небе загорелись крошечные серебряные звездочки. Теперь единственными ориентирами, по которым они могли

судить о скорости и высоте полета, были огни магловских городков. Крепко вцепившись в гриву коня, Гарри мысленно умолял его нестись еще быстрее. Сколько времени протекло с тех пор, как он увидел Сириуса на полу в Отделе тайн? Хватит ли у Сириуса сил, чтобы дождаться помощи? Правда, Гарри был убежден, что Сириус пока не умер и не сделал того, чего требовал от него Волан-де-Морт, — ведь при любом из этих исходов он сам наверняка почувствовал бы ярость или ликование Волан-де-Морта, а его шрам заболел бы так же сильно, как в ночь нападения на мистера Уизли.

Все дальше и дальше летели они в густеющей тьме; лицо Гарри застыло от холода, ноги, крепко сжимающие бока фестрала, онемели от напряжения, но он не отваживался переменить позу, боясь соскользнуть назад; уши его заложило от неумолчного воя воздушных потоков, а губы высохли и замерзли на пронизывающем ночном ветру. Он уже утратил всякое чувство расстояния и надеялся только на зверя под собой, а тот, по-прежнему едва шевеля крыльями, целеустремленно мчался вперед сквозь ночной мрак.

Только бы не опоздать…

Он еще жив, еще борется, я знаю…

Если Волан-де-Морт поймет, что Сириус не сдастся…

Я бы это почувствовал…

У Гарри подхватило кишки: фестрал вдруг круто пошел вниз, и Гарри даже сполз на дюйм-другой ближе к его шее. Наконец-то они спускаются… Ему померещилось, что сзади кто-то крикнул, и он быстро обернулся с риском для жизни, но не увидел ничего похожего на падающее тело… Наверное, их, как и его самого, просто испугала внезапная смена направления.

Желтые огоньки со всех сторон приближались, становясь все больше и круглее; уже можно было различить крыши домов, яркие фары автомобилей, похожие на светящиеся глаза насекомых, бледные желтые квадратики окон. Вдруг, совершенно неожиданно, на них понеслась мостовая; собрав последние силы, Гарри вцепился в гриву фестрала и съежился, ожидая удара, однако фестрал коснулся земли легко, как тень, и Гарри сразу соскользнул с его спины. Оглядевшись, он увидел переполненный мусорный бак, по-прежнему стоящий рядом с разбитой телефонной будкой, — в тусклом оранжевом свете фонарей и будка, и бак казались черными.

Рон приземлился неподалеку от него и тут же

мешком свалился со своего фестрала на мостовую.

— Чтоб я еще раз… — пробормотал он, с трудом вставая на ноги. Затем попытался было отойти от своего невидимого коня, но по ошибке наткнулся на его круп и чуть не упал снова. — Нет уж, спасибо… хуже этого я ничего…

Гермиона и Джинни опустились с небес по обе стороны от него; и та и другая спешились с чуть большим изяществом, чем Рон, но и они, очутившись на твердой земле, явно почувствовали облегчение. Невилл спрыгнул со своего коня, весь дрожа, зато Полумна соскользнула на мостовую без малейшего труда.

— Куда теперь? — спросила она у Гарри с вежливым любопытством, точно речь шла всего лишь об интересной экскурсии.

— Сюда. — Благодарно потрепав по холке своего фестрала, Гарри быстро прошел к покосившейся телефонной будке и открыл дверцу. — Скорее! — поторопил он друзей, увидев, что они медлят.

Рон и Джинни покорно забрались внутрь, за ними в будку втиснулись Гермиона с Невиллом и Полумной. Кинув прощальный взгляд на фестралов, которые принялись рыться в мусорном баке, ища съедобные отбросы, Гарри шагнул в будку

вслед за Полумной.

— Кто там ближе к аппарату? Наберите шесть, двадцать четыре, сорок два!

Вывернув руку, Рон с трудом дотянулся до диска. Когда он набрал последнюю цифру, в будке зазвучал прохладный женский голос:

— Добро пожаловать в Министерство магии. Назовите, пожалуйста, ваше имя и цель посещения.

— Гарри Поттер, Рон Уизли, Гермиона Грэйнджер, — скороговоркой произнес Гарри, — Джинни Уизли, Невилл Долгопупс, Полумна Лавгуд… Мы здесь, чтобы спасти человека, если только ваше Министерство не сделает этого раньше нас!

— Благодарю вас, — произнес прохладный женский голос. — Посетители, возьмите, пожалуйста, значки и прикрепите их к мантии спереди.

В углубление для возврата неиспользованных монет высыпалась горсть значков. Гермиона сгребла их и молча протянула Гарри через голову Джинни; он взглянул на верхний и прочел: *«Гарри Поттер, спасательная миссия»*.

— Уважаемые посетители, вам необходимо пройти досмотр и зарегистрировать ваши палочки у дежурного колдуна, чей пост находится в дальнем конце атриума.

— Хорошо! — громко сказал Гарри. Его шрам снова засаднило. — Теперь мы наконец можем войти?

Пол телефонной будки содрогнулся, и мостовая поплыла вверх мимо ее стеклянных стенок. Роющиеся в мусоре фестралы скрылись из виду; над головами шестерых друзей сомкнулась тьма, и с глухим скрежещущим звуком они канули в недра Министерства магии.

Вскоре на их ноги упал тонкий луч мягкого золотистого света и, расширяясь, пополз вверх. Гарри присел и, насколько позволяла теснота, взял свою палочку на изготовку, высматривая сквозь стекло, кто или что ждет их в атриуме. Однако зал, похоже, был абсолютно пуст. Сейчас освещение здесь было слабее, чем днем: в каминах вдоль стен не горел огонь, но когда лифт плавно остановился, Гарри увидел, что золотые символы по-прежнему совершают на переливчато-синем потолке сложные волнообразные движения.

— Министерство магии желает вам приятного вечера, — произнес женский голос.

Дверца телефонной будки распахнулась; Гарри, а за ним и Невилл с Полумной вывалились наружу. Тишину, царящую в атриуме, нарушал

только ровный шум воды в золотом фонтане — это журчали струи, изливающиеся в бассейн из палочек чародея и волшебницы, кончика стрелы кентавра, острия гоблинской шляпы и ушей эльфа-домовика.

— Пойдем, — тихо сказал Гарри, и все шестеро двинулись в конец зала. Гарри шагал впереди. Они миновали фонтан и подошли к столу, за которым когда-то сидел дежурный колдун, взвесивший палочку Гарри, а теперь было пусто.

Гарри встревожился: он был уверен, что здесь должен сидеть дежурный, уверен, что его отсутствие — зловещий знак, и это дурное предчувствие усилилось, когда они прошли через золотые ворота к лифтам. Он нажал ближайшую кнопку со стрелкой вниз, раздался лязг, и кабина появилась в поле их зрения почти мгновенно. С грохотом, отдавшимся эхом, разъехались золотые решетки, и ребята шагнули внутрь. Гарри ткнул пальцем в кнопку с цифрой девять, решетки с лязгом сомкнулись, и лифт, натужно гремя, пополз вниз. В первый раз, придя сюда с мистером Уизли, Гарри не заметил, сколько шума от этих лифтов; теперь он подумал, что шум наверняка перебудоражил всю охрану здания, но тут лифт остановился, прохладный женский голос сказал:

«Отдел тайн», и решетки разошлись в стороны. Они выбрались в коридор, где все было неподвижно — только легкий порыв ветерка, поднятого лифтом, колыхнул пламя ближайших факелов.

Гарри повернул к простой черной двери. На протяжении долгих месяцев он видел ее во сне — и вот наконец увидел наяву.

— Идем, — шепнул он и повел их по коридору. Прямо за ним шла Полумна, озираясь по сторонам с чуть приоткрытым ртом. — Погодите, — сказал Гарри, останавливаясь в нескольких шагах от двери. — Может… может, кому-нибудь из нас лучше побыть здесь… и в случае тревоги предупредить…

— И как же ты услышишь наш сигнал? — подняв брови, спросила Джинни. — К тому моменту ты можешь оказаться за милю отсюда.

— Мы пойдем с тобой, Гарри, — сказал Невилл.

— И нечего терять время, — твердо добавил Рон.

Гарри по-прежнему не хотел брать с собой всех, но ему не оставили выбора. Он снова обернулся к двери, пошел вперед, и, точно как во сне, она распахнулась перед ним и его товарищами.

Они очутились в просторной круглой комнате. Все здесь было черным, даже пол и потолок;

вокруг всей комнаты через равные интервалы были расположены одинаковые черные двери без ручек и табличек, а между ними горели синим пламенем свечи в канделябрах. Их холодный мерцающий свет, отражаясь на гладком мраморном полу, делал его похожим на темную воду под ногами.

— Кто-нибудь, закройте дверь, — тихо попросил Гарри.

Он пожалел об этом сразу же, как только Невилл выполнил его просьбу. Отрезав себя от освещенного факелами коридора, они на мгновение перестали видеть что бы то ни было, кроме трепещущих синих язычков пламени и их призрачных отражений на полу.

Во сне Гарри всегда уверенно пересекал комнату и входил в противоположную дверь. Но здесь дверей было не меньше дюжины. Пока он смотрел на них, пытаясь решить, какая ему нужна, раздался низкий рокочущий звук, и свечи на стенах поехали в сторону. Круглая комната вращалась.

Гермиона схватила Гарри за руку, видимо, испугавшись, что и пол у них под ногами начнет двигаться, но этого не произошло. Однако стены завертелись так быстро, что на несколько секунд

синие огоньки вокруг них слились в сплошные полосы наподобие неоновых ламп; затем, так же внезапно, рокот стих, и все снова замерло в неподвижности.

В глазах у Гарри все еще стояли синие полосы — больше он пока ничего не видел.

— Чего это она? — боязливо спросил Рон.

— Наверное, это для того, чтобы мы забыли, в какую из дверей вошли, — негромко сказала Джинни.

Гарри сразу понял, что она права. Теперь опознать выход было не легче, чем найти крохотного муравья на черном, как антрацит, полу. Мало того — туда, куда им нужно было попасть, тоже могла вести любая из дюжины одинаковых дверей вокруг.

— Как же мы выберемся? — с тревогой спросил Невилл.

— Пока что это неважно, — решительно сказал Гарри, мигая, чтобы избавиться от синих полос перед глазами, и сжимая палочку еще крепче, чем раньше. — Нам не понадобится уходить отсюда, пока мы не найдем Сириуса…

— Только не вздумай его звать! — взволнованно сказала Гермиона, но этот совет был абсолютно лишним: интуиция и так подсказывала Гарри,

что надо вести себя как можно тише.

— Куда теперь, Гарри? — спросил Рон.

— Я не… — начал Гарри. Потом сглотнул. — Во сне я проходил от лифта к двери в конце коридора и попадал в темную комнату — вот в эту самую, а потом в следующую, где вроде как… играют блики. Надо проверить несколько дверей, — поспешно добавил он. — Я узнаю нужную комнату, когда увижу ее. Пошли.

Вместе с друзьями, не отстающими от него ни на шаг, он направился к двери, которая теперь находилась прямо напротив. Положив левую руку на ее прохладную блестящую поверхность, он поднял палочку, чтобы его не застали врасплох, затем толкнул дверь.

Она легко распахнулась.

После полумрака, царившего в первой комнате, свет люстр, низко висящих на золотых цепях в этом длинном прямоугольном помещении, показался им очень ярким, хотя здесь не было тех танцующих, мерцающих бликов, которые Гарри видел во сне. Комната была практически пуста, если не считать нескольких столов и огромного стеклянного аквариума, который занимал самую ее середину, — наполненный темно-зеленой жидкостью, он был так велик, что все они свобод-

но могли бы в нем искупаться. Приглядевшись, они заметили, что в аквариуме лениво плавают какие-то жемчужно-белые комья.

— Что это за штуки? — прошептал Рон.

— Не знаю, — сказал Гарри.

— Может, рыбы? — предположила Джинни.

— Вододышащие личинки! — возбужденно сказала Полумна. — Папа говорил, что в Министерстве выращивают…

— Нет, — сказала Гермиона каким-то странным голосом. Она подошла к аквариуму и всмотрелась внутрь через стекло. — Это мозги.

— Мозги?

— Да… Интересно, что они с ними делают?

Гарри тоже подошел и стал рядом с ней. Действительно, теперь, когда он глядел на них с близкого расстояния, ошибки быть не могло. Зловеще поблескивая, они то выплывали из глубин зеленой жидкости, то снова скрывались из виду, похожие на скользкие головки цветной капусты.

— Пойдем отсюда, — сказал Гарри. — Это не та комната. Надо проверить другую дверь.

— Здесь тоже есть двери, — заметил Рон, обводя рукой стены. У Гарри упало сердце: какой же он огромный, этот Отдел тайн!

— Во сне я выходил из темной комнаты и сразу

попадал во вторую, — сказал он. — По-моему, надо вернуться и попробовать оттуда.

Они снова вернулись во тьму круглой комнаты; теперь вместо синих огненных полос перед глазами у Гарри плавали призрачные комья мозгов.

— Стойте! — вдруг сказала Гермиона, когда Полумна уже собиралась закрыть за собой дверь помещения с аквариумом. — *Флагрейт!*

Она взмахнула палочкой, и на двери появился огненный крест. Стоило двери закрыться за ними, как вновь раздался низкий рокочущий гул и стены снова начали быстро вращаться, однако теперь на фоне тусклых синих полос появилась широкая, яркая красно-золотая. Когда все опять затихло, огненный крест не потух — он по-прежнему указывал им, из какой двери они только что вышли.

— Молодец, — сказал Гарри. — Ладно, давайте проверим эту…

Он снова пересек комнату и толкнул противоположную дверь, держа палочку наготове; друзья последовали за ним.

Новая комната, прямоугольная и слабо освещенная, была больше последней, а пол ее спускался вниз ступенями, образуя огромную каменную яму футов двадцати в глубину. Они стояли на са-

мой верхней из этих крутых каменных ступеней, или скамей, амфитеатром идущих вокруг всей комнаты, — глядя на них, Гарри вспомнил зал заседаний, где его судил Визенгамот. Однако тут вместо стула с цепями на дне ямы возвышалась каменная платформа, а на ней — каменная же арка, покрытая трещинами, такая древняя и ветхая на вид, что непонятно было, как она еще не рассыпалась в пыль. Проем арки, стоящей на платформе без всяких дополнительных опор, был закрыт изорванным черным занавесом; несмотря на полную неподвижность холодного воздуха вокруг, этот занавес еле заметно колыхался, словно до него только что дотронулись.

— Кто здесь? — спросил Гарри, спрыгивая на следующую скамью. Никто ему не ответил, но занавес в арке по-прежнему зыбился, точно колеблемый легким ветерком.

— Осторожно! — шепнула Гермиона.

Гарри спустился по крутым уступам до самого дна каменной ямы и медленно двинулся к платформе. Его шаги сопровождало громкое эхо. Отсюда, снизу, островерхая каменная арка казалась гораздо выше. Занавес продолжал мягко колыхаться, словно сквозь него секунду назад кто-то прошел.

— Сириус? — снова подал голос Гарри. На этот раз он говорил тише, поскольку был совсем близко.

У него было очень странное чувство — будто по ту сторону занавеса, прямо за аркой, кто-то стоит. Сжав палочку как можно крепче, он стал боком пробираться вдоль платформы, но там никого не оказалось: он снова увидел изорванный черный занавес, только с другой стороны.

— Пойдем, — окликнула его Гермиона, спустившаяся до середины амфитеатра. — Тут что-то не так, Гарри. Лучше уйдем отсюда.

Вид у нее был испуганный — гораздо более испуганный, чем в предыдущей комнате, где плавали мозги, — но Гарри показалось, что в этой арке, несмотря на всю ее ветхость, есть своеобразное очарование. Она пробудила в нем любопытство: у него возникло сильное желание подняться на платформу и пройти сквозь эту мягко колышущуюся вуаль.

— Пойдем, Гарри, пожалуйста! — повторила Гермиона еще настойчивее.

— Сейчас, — сказал он, но не тронулся с места. Его ушей только что достигли странные звуки. Это был слабый шепот или ропот, словно по ту сторону занавеса тихо переговаривались какие-

то люди.

— Что вы говорите? — спросил он так громко, что его слова эхом прокатились по всему помещению.

— Никто ничего не говорил, Гарри! — сказала Гермиона, шагнув к нему.

— кто-то шепчет там, сзади, — сказал он, нахмурившись, и чуть отодвинулся от нее, не давая взять себя за руку. — Это ты, Рон?

— Я здесь, дружище, — отозвался Рон, появляясь сбоку от платформы.

— Неужели вы ничего не слышите? — удивленно спросил Гарри, поскольку тихий ропот усиливался; неожиданно для себя Гарри заметил, что уже стоит одной ногой на платформе.

— Я тоже их слышу, — сказала Полумна, подойдя к ним с другой стороны. Она не сводила глаз с колеблющегося занавеса. — Там, внутри, кто-то есть!

— Что значит «внутри»? — осведомилась Гермиона, спрыгивая с нижней скамьи. Она говорила гораздо более сердито, чем того требовала ситуация. — Там нет никакого «внутри» — это просто арка, туда никто не поместится. Хватит, Гарри, пойдем отсюда…

Она схватила его за локоть и потянула, но он

не послушался.

— Гарри, мы пришли сюда ради Сириуса! — сказала она высоким, напряженным голосом.

— Ради Сириуса… — повторил Гарри, как зачарованный глядя на волнующийся занавес. — Да-да…

что-то наконец встало на место у него в мозгу — Сириуса взяли в плен, его пытают, а он здесь таращится на эту арку…

Он отступил от платформы на несколько шагов и с трудом оторвал взгляд от занавеса.

— Пошли, — сказал он.

— О чем я тебе и… ну ладно, идем! — сказала Гермиона и первой начала взбираться по каменным ярусам. По другую сторону амфитеатра стояли Джинни с Невиллом — они тоже смотрели на занавес, как загипнотизированные. Без единого слова Гермиона взяла за руку Джинни, а Рон — Невилла; потом они решительно повели их по ступеням вниз и вместе с ними поднялись обратно к двери.

— Как по-твоему, что это за арка? — спросил Гарри у Гермионы, когда они вновь очутились в круглой темной комнате.

— Не знаю, но я уверена, что она опасна, — твердо сказала Гермиона, опять помечая дверь

огненным крестом.

Еще раз закружились и замерли стены. Гарри наугад выбрал третью дверь и толкнул ее. Она не поддалась.

— В чем дело? — спросила Гермиона.

— Здесь заперто, — ответил Гарри и налег на дверь всем своим весом, но безрезультатно.

— Стало быть, это она, да? — возбужденно сказал Рон, присоединяясь к Гарри и тоже пытаясь взломать дверь. — Точно она — иначе и быть не может!

— Отойди! — резко сказала Гермиона. Направив палочку на то место, где у обычной двери был бы замок, она сказала: — *Алохомора!*

Ничего не произошло.

— У меня же есть нож! — воскликнул Гарри. Вынув из мантии нож Сириуса, он вставил его в щель между дверью и стеной. Остальные нетерпеливо смотрели, как он проводит им по щели сверху донизу, вынимает его и снова толкает дверь плечом. Но она оказалась так же крепко заперта, как и вначале. Больше того — взглянув на нож, Гарри обнаружил, что его лезвие расплавилось.

— Ладно, эту дверь мы пропустим, — решительно сказала Гермиона.

— А что, если она-то нам и нужна? — спросил Рон, глядя на дверь со смешанным выражением опаски и страстного любопытства.

— Этого не может быть, ведь Гарри во сне всюду проходил свободно, — пояснила Гермиона, в очередной раз помечая дверь огненным крестом.

Гарри опустил бесполезную рукоятку загубленного ножа обратно в карман.

— Знаете, что там могут прятать? — жадно спросила Полумна, когда стены снова пришли в движение.

— Очевидно, какое-нибудь блеющее чудо, — пробормотала Гермиона себе под нос, и у Невилла вырвался короткий нервный смешок.

Стены замерли, и Гарри с растущим чувством отчаяния распахнул следующую дверь.

— Вот оно!

Он сразу узнал это место по танцующему, искрящемуся бриллиантовому свету. Когда глаза Гарри привыкли к блеску, он увидел, что со всех сторон на него смотрят циферблаты часов — большие и маленькие, стоячие и настенные, они висели между книжных полок и покоились на столах, расставленных вдоль всей комнаты, так что их деловое неумолимое тиканье наполняло ее, точно звуки шагов крохотной марширующей

армии. Танцующий, переливчатый свет исходил от высокого стеклянного сосуда куполообразной формы, стоявшего в дальнем конце комнаты.

— Сюда!

Теперь, когда они наконец оказались на верном пути, сердце у Гарри неистово колотилось; он быстро зашагал по узкому проходу между рядами столов, направляясь, как это было и во сне, прямо к источнику света — хрустальному сосуду высотой с него самого, который тоже покоился на столе и, казалось, был полон искристого, вихрящегося ветра.

— Ой, смотрите! — воскликнула Джинни, когда они приблизились к нему, и показала в самый центр хрустального сосуда.

Там, в искристом потоке, мерцало крошечное яйцо, сверкающее, как драгоценный камень. Постепенно всплывая, оно раскололось, и из него появился колибри, который вознесся на самый верх; но потом воздушные течения понесли птичку вниз, и ее перышки снова обвисли и стали мокрыми, а у самого дна сосуда она вновь исчезла в яйце.

— Не останавливайся! — резко сказал Гарри, потому что Джинни явно вознамерилась посмотреть, как яйцо опять превратится в птичку.

— Сам-то сколько проторчал у своей дурацкой арки! — огрызнулась она, но все же пошла за ним дальше, к единственной двери позади хрустального сосуда.

— Вот оно, — снова сказал Гарри. Сердце забилось так быстро и сильно, что его стук почти мешал ему говорить. — Нам сюда…

Он оглянулся на своих друзей — все они достали палочки и сделались серьезными и взволнованными. Он снова повернулся к двери и толкнул ее. Дверь открылась.

Они наконец нашли то, что искали, — зал, высокий, как в соборе, где не было ничего, кроме бесконечных стеллажей с маленькими, пыльными стеклянными шариками. Кое-где к полкам были прикреплены зажженные канделябры, и шарики тускло блестели в их лучах. Здесь, как и в круглой комнате, свечи тоже горели синим пламенем. В зале было очень холодно.

Гарри осторожно шагнул вперед и заглянул в один из сумрачных проходов между стеллажами. Он ничего не услышал и не заметил ни малейшего движения.

— Ты говорил, нам нужен девяносто седьмой, — прошептала Гермиона.

— Да, — шепнул в ответ Гарри и поглядел на

крайний стеллаж в ближнем ряду. Там, под канделябром с горящими синим огнем свечами, поблескивали серебряные цифры — тройка рядом с пятеркой.

— По-моему, надо идти вправо, — прошептала Гермиона, вглядываясь в полумрак. — Да… вон пятьдесят четвертый ряд…

— Держите палочки наготове, — тихо предупредил Гарри.

Они украдкой двинулись вперед, по дороге заглядывая в длинные проходы между рядами стеллажей, дальние концы которых тонули в кромешной тьме. Под каждым стеклянным шариком, лежащим на полке, был приклеен крохотный пожелтевший ярлычок. Некоторые шарики испускали зловещее красноватое сияние, другие были темны и безжизненны, как перегоревшие лампочки.

Они миновали восемьдесят четвертый ряд… потом восемьдесят пятый… Гарри прислушивался изо всех сил, стараясь уловить малейший шорох, но Сириусу могли заткнуть рот кляпом или он потерял сознание…

— *А может быть,* — сказал непрошеный голос в его сознании, — *он уже мертв…*

«Я бы это почувствовал, — сказал он себе. Те-

перь его сердце билось под самым горлом. — Я бы уже знал…»

— Девяносто семь! — прошептала Гермиона.

Они сбились в кучку у самого края ряда, пытаясь разглядеть что-нибудь в проходе за ним. Там никого не было.

— Он в дальнем конце, — сказал Гарри. Во рту у него вдруг слегка пересохло. — Отсюда разве увидишь…

И он повел их мимо высоченных стеллажей со стеклянными шариками — некоторые из этих шариков провожали их своим неярким сиянием…

— Он должен быть где-то здесь, — прошептал Гарри, каждую секунду ожидавший увидеть в темноте скорчившуюся на полу фигуру Сириуса. — Вот-вот дойдем… мы уже совсем близко…

— Гарри, — осторожно окликнула его Гермиона, но он не захотел ей отвечать. Во рту у него было совсем сухо.

— Кажется… где-то… здесь, — сказал он.

Они достигли конца ряда, тускло освещенного канделябром. Тут никого не было. Их окружала гулкая, пыльная тишина.

— А вдруг он… — хрипло прошептал Гарри, заглядывая в соседний проход. — Или, например… — Он торопливо шагнул к следующему.

— Гарри, — снова сказала Гермиона.

— Чего? — буркнул он.

— Я… я не думаю, что Сириус здесь.

Остальные молчали. Гарри не хотелось смотреть на них. Ему было тошно. Он не понимал, почему Сириуса здесь нет. Он должен быть здесь! Ведь именно это место Гарри видел во сне…

Он побежал вдоль рядов, заглядывая в каждый по очереди. Пусто… опять пусто… Он развернулся и побежал в другую сторону, мимо своих молчащих товарищей. Нигде не было ни следа Сириуса, не заметил он и признаков недавней борьбы.

— Гарри! — позвал Рон.

— Что?

Он не хотел слушать, что скажет Рон; не хотел слышать, как Рон скажет ему, что он глупец, или предложит вернуться обратно в Хогвартс, но он чувствовал, как жар заливает ему лицо, и сейчас с удовольствием шмыгнул бы в темноту и сидел там долго-долго, прежде чем подняться в залитый светом атриум и встретить обвиняющие взгляды друзей…

— Ты видел это? — спросил Рон.

— Что? — повторил Гарри, но на этот раз с жадным нетерпением — наверное, речь шла о знаке, говорящем, что Сириус был здесь, о ключе к раз-

гадке. Он подбежал к концу девяносто седьмого ряда, где маленькой кучкой стояли остальные, но увидел там только Рона, взгляд которого был прикован к одному из пыльных стеклянных шариков на полке.

— Ну? — мрачно спросил Гарри.

— Тут… тут твое имя, — сказал Рон.

Гарри придвинулся ближе. Рон указывал на маленький шарик, тускло светящийся изнутри и покрытый толстым слоем пыли — похоже, никто не трогал его уже много лет.

— Мое имя? — озадаченно переспросил Гарри.

Он сделал еще шаг вперед. Поскольку Рон был выше его ростом, Гарри пришлось вытянуть шею, чтобы прочесть надпись на пожелтевшем ярлычке, приклеенном к полке точно под стеклянным шариком. На нем тонким, почти неразборчивым почерком была написана дата — примерно шестнадцать лет тому назад, — а под ней стояло:

С. П. Т. — А П. В. Б. Д.
Темный Лорд и (?)Гарри Поттер

Гарри уставился на ярлычок.

— Что это значит? — спросил Рон. В голосе его звучала тревога. — Почему здесь стоит твое имя?

Он посмотрел на другие ярлычки, приклеенные

к той же полке.

— А меня тут нет, — недоуменно сказал он. — И никого из остальных тоже.

— Гарри! По-моему, тебе лучше его не трогать, — резко сказала Гермиона, когда он протянул к шарику руку.

— Почему? — спросил он. — Ведь это имеет ко мне отношение!

— Не надо, Гарри, — внезапно сказал Невилл. Гарри посмотрел на него. Круглое лицо Невилла слегка блестело от пота. Он выглядел так, словно нервы у него были уже на пределе.

— Но здесь мое имя, — сказал Гарри.

И, поддавшись безрассудному порыву, он сомкнул пальцы на пыльной поверхности шарика. Он думал, что она будет холодной, но это оказалось не так. Наоборот, впечатление было такое, будто шарик много часов пролежал на солнце, точно внутреннее свечение согревало его. Ожидая чего-то необычного и даже надеясь на то, что сейчас произойдет какое-нибудь эффектное, волнующее событие, которое сможет-таки оправдать их долгое и опасное путешествие, Гарри снял стеклянный шарик с полки и вгляделся в него.

Но ровным счетом ничего не произошло. Друзья обступили Гарри, наблюдая за тем, как он

счищает прилипшую к шарику пыль.

И тут, прямо за их спинами, раздался голос. кто-то сказал спокойно, чуть растягивая слова:

— Очень хорошо, Поттер. А теперь повернись, медленно и без глупостей, и отдай его мне.

Глава 35

ПО ТУ СТОРОНУ ЗАНАВЕСА

Черные силуэты, возникшие неизвестно откуда, обступили их слева и справа, отрезав все пути к бегству; глаза блестели сквозь прорези капюшонов, с десяток палочек с горящими кончиками были направлены прямо им в сердце. Джинни ахнула от ужаса.

— Дай его мне, Поттер, — с расстановкой повторил голос, и его обладатель, Люциус Малфой, протянул к Гарри руку ладонью вверх.

Внутри у Гарри все перевернулось. Они были в ловушке, и на каждого из них приходилось по двое противников.

— Ну же, Поттер, — снова сказал Малфой.

— Где Сириус? — спросил Гарри.

Несколько Пожирателей смерти рассмеялись. Затем грубый женский голос, принадлежащий одной из неясных фигур слева от Гарри, сказал с мрачным торжеством:

— Темному Лорду известно все!

— Все, — эхом откликнулся Малфой. — А теперь дай мне пророчество, Поттер!

— Я хочу знать, где Сириус!

— «Я хочу знать, где Сириус!» — передразнила его женщина слева.

Пожиратели смерти сузили свой круг, так что от Гарри с друзьями их отделяла всего какая-нибудь пара шагов. Свет их палочек слепил Гарри глаза.

— Вы схватили его, — сказал Гарри, подавляя волну паники, с которой боролся с тех пор, как они свернули в проход у девяносто седьмого ряда. — Он здесь, я знаю.

— Наса детоцка плоснулась напуганная и подумала, сто ее сон — плавда, — жутко прогнусавила женщина, издевательски подражая детскому выговору. Гарри почувствовал, как Рон рядом шевельнулся.

— Не надо, — тихо пробормотал Гарри. — Не сейчас…

Женщина, которая передразнивала его, хрипло расхохоталась.

— Слыхали? Нет, вы слыхали? Он еще дает указания другим детям, словно собирается драться с нами!

— Просто ты не знаешь Поттера так, как я, Беллатриса, — вкрадчиво сказал Малфой. — Он питает большую слабость ко всему героическому,

и Темному Лорду это отлично известно. А теперь дай мне пророчество, Поттер.

— Я знаю, что Сириус здесь, — сказал Гарри, хотя от страха ему сдавило грудь и он не мог даже вздохнуть как следует. — Я знаю, вы его схватили!

Опять несколько Пожирателей смерти рассмеялись, и женщина — громче всех.

— Пора бы тебе понять разницу между сном и явью, Поттер, — сказал Малфой. — Отдай мне пророчество, иначе мы пустим в ход палочки.

— Пожалуйста, — сказал Гарри, поднимая свою собственную палочку на уровень груди. Тут же по обе стороны от него взлетели в воздух еще пять палочек — Рона, Гермионы, Невилла, Джинни и Полумны. Клубок в животе у Гарри затянулся еще туже. Если Сириуса на самом деле здесь не было, он привел товарищей на верную смерть без всякой причины…

Но Пожиратели смерти медлили с нападением.

— Если ты отдашь мне пророчество, никто не пострадает, — холодно сказал Малфой.

Теперь настала очередь Гарри ответить смехом.

— Ну да, конечно! — сказал он. — Я дам вам

это… пророчество, да? И вы спокойно отпустите нас всех по домам — так, что ли?

Не успел он договорить, как Пожирательница смерти взвизгнула:

— *Акцио, проро…*

Гарри среагировал как раз вовремя — он крикнул *«Протего!»* прежде, чем она успела произнести заклинание до конца, и, хотя шарик едва не спрыгнул с его ладони, сумел удержать его.

— А он у нас шустрый, этот малютка Поттер, — сказала она. Ее безумные глаза блестели в прорезях капюшона. — Ну что ж, ладно — тогда…

— ПРЕКРАТИ НЕМЕДЛЕННО! — рявкнул на нее Люциус Малфой. — Если ты его разобьешь…

Мысли у Гарри понеслись галопом. Пожирателям смерти был нужен этот пыльный стеклянный шарик. Ему — нет. Он хотел только, чтобы все его друзья выбрались отсюда живыми, чтобы никому из них не пришлось заплатить ужасную цену за его глупость…

Женщина шагнула вперед, отделившись от своих собратьев, и стащила с головы капюшон. Азкабан иссушил лицо Беллатрисы Лестрейндж — оно стало худым и похожим на череп, но глаза ее сверкали лихорадочным, фанатическим блеском.

— Значит, будем сопротивляться? — спросила она. Ее грудь быстро поднималась и опускалась. — Прекрасно. Возьмите самую младшую, — приказала она Пожирателям смерти, которые стояли рядом. — Пусть посмотрит, как мы пытаем девчонку. Я сама этим займусь.

Гарри заметил, как его друзья теснее обступили Джинни. Он шагнул вбок, встав прямо перед ней и прижав пророчество к груди.

— Только попробуйте напасть на любого из нас, и оно разобьется, — сказал он Беллатрисе. — Не думаю, что ваш хозяин будет доволен, если вы вернетесь к нему с пустыми руками. Или я не прав?

Беллатриса не двинулась с места; не сводя с него глаз, она облизнула кончиком языка тонкие губы.

— Ну, — сказал Гарри, — так что же это за пророчество, объясните!

Он не мог придумать ничего лучшего, кроме как продолжать разговор. Рука Невилла была прижата к нему, и он чувствовал, как она дрожит; затылком он ощущал участившееся дыхание остальных. Он надеялся, что они не теряют зря времени и стараются найти выход из этого тупика, поскольку у него в голове было пусто.

— Что за пророчество? — повторила Беллатриса, и ухмылка сползла с ее лица. — Ты шутишь, Гарри Поттер.

— Вовсе нет, — сказал Гарри. Его взгляд перескакивал с одного Пожирателя смерти на другого, ища слабое звено, место, где они могли бы прорваться. — Зачем оно понадобилось Волан-де-Морту?

Несколько Пожирателей смерти испустили тихое шипение.

— Ты осмеливаешься называть его имя? — прошептала Беллатриса.

— А что? — отозвался Гарри. Он еще крепче сжал в руке стеклянный шарик, предвидя новую попытку отобрать его колдовством. — Да, мне совсем нетрудно называть его Волан…

— Замолчи! — взвизгнула Беллатриса. — Как ты смеешь произносить его имя своим нечестивым ртом, как смеешь ты осквернять его своим гадким языком полукровки, как…

— Разве вы не знаете, что он тоже полукровка? — дерзко спросил Гарри. У Гермионы, стоящей рядом, вырвался тихий стон. — Ваш Волан-де-Морт? Да, его мать была ведуньей, зато отец — маглом! Или он наврал вам, что он чистокровный волшебник?

— ОСТОЛБЕ…

— НЕТ!

Из палочки Беллатрисы Лестрейндж вырвался красный луч, но Малфой отклонил его, и заклятие угодило в полку слева от Гарри. Несколько стеклянных шариков разбилось.

Две фигуры, перламутрово-белые, как привидения, и текучие, как дым, поднялись из осколков стекла на полу и разом заговорили. Их голоса смешались друг с другом, и за криками Малфоя и Беллатрисы можно было различить лишь обрывки их речей.

— Когда наступит солнцестояние, придет новый… — сказала фигура старика с бородой.

— Не нападай! Мы должны получить пророчество!

— Он осмелился… как он смеет… — невпопад выкрикивала Беллатриса. — Паршивец… грязный полукровка…

— ПОДОЖДИ, КОГДА ПРОРОЧЕСТВО БУДЕТ У НАС! — взревел Малфой.

— И никто не придет после… — сказала фигура молодой женщины.

И обе фигуры, вырвавшиеся из разбитых шариков, растаяли в воздухе. От них и от их прежних убежищ не осталось ничего, кроме осколков

стекла на полу. Но они подали Гарри идею. Теперь надо было найти способ поделиться ею с другими.

— Вы еще не объяснили мне, что особенного в этом пророчестве, которое я, по-вашему, должен вам отдать, — сказал он в надежде выиграть время. Потом медленно передвинул ногу в сторону, пытаясь нащупать ею чью-нибудь еще.

— Не вздумай шутить с нами, Поттер, — сказал Малфой.

— Никаких шуток, — ответил Гарри, сосредоточив внимание на своей ноге и стараясь не потерять при этом нить разговора. Наткнувшись на чью-то туфлю, он придавил ее носком ботинка. Резкий вдох у самого его уха подсказал ему, что нога в туфле принадлежит Гермионе.

— Что? — шепнула она.

— Разве Дамблдор никогда не говорил тебе, что причина, по которой ты носишь шрам, спрятана в недрах Отдела тайн? — усмехнулся Малфой.

— Я… что? — вырвалось у Гарри. На мгновение он даже позабыл о своем плане. — При чем тут мой шрам?

— Что? — еще настойчивее шепнула сзади Гермиона.

— Так ты ничего не знаешь? — сказал Малфой

со злобным восторгом.

Пожиратели смерти засмеялись опять, и под прикрытием их смеха Гарри прошипел Гермионе, стараясь как можно меньше шевелить губами:

— Разбей стеллажи…

— Значит, Дамблдор никогда не говорил тебе? — повторил Малфой. — Что ж, это объясняет, почему ты не пришел раньше, Гарри Поттер, — Темный Лорд удивлялся, отчего…

— …когда я скажу «давай»…

— …ты не прибежал со всех ног, как только он показал тебе во сне место, где спрятана эта причина. Ему казалось, что естественное любопытство заставит тебя явиться сюда, чтобы узнать все в точности…

— Ах, вот как? — спросил Гарри. Он скорее чувствовал, чем слышал, как Гермиона у него за спиной передает другим его слова, и искал возможность продолжить разговор, чтобы отвлечь Пожирателей смерти. — Стало быть, он хотел, чтобы я пришел сюда и взял эту штуку? Зачем?

— Зачем? — В голосе Малфоя прозвучало недоверчивое изумление. — Да затем, Поттер, что взять пророчество из Отдела тайн могут только те, о ком в нем говорится. Темный Лорд выяснил это, когда посылал других выкрасть его, а у них

ничего не получалось.

— Но зачем он хотел выкрасть пророчество обо мне?

— О вас обоих, Поттер, о вас обоих… Ты никогда не задавал себе вопроса, почему Темный Лорд пытался убить тебя, когда ты был еще ребенком?

Гарри уставился в прорези капюшона, за которыми блестели серые глаза Малфоя. Не в этом ли пророчестве крылась причина гибели его родителей, причина, по которой на лбу у него остался шрам в виде молнии? Неужели он держит в руке ответ на все загадки?

— Значит, здесь уже давно хранилось чье-то пророчество о Волан-де-Морте и обо мне? — спокойно спросил он, глядя на Люциуса Малфоя и крепко сжимая в руке теплый стеклянный шарик. Размерами он едва ли превышал снитч, и поверхность его до сих пор была шероховатой от пыли. — И Волан-де-Морт заманил меня сюда, чтобы я взял его и отдал ему? Но почему он не мог прийти за ним сам?

— Сам? — пронзительно воскликнула Беллатриса под хриплый смех черных магов. — Ты предлагаешь Темному Лорду явиться в Министерство, где так любезно игнорируют его возвращение? Предлагаешь ему отдать себя в

руки мракоборцев, которые пока что убивают время на моего драгоценного кузена?

— Ага, так он заставляет вас делать за него грязную работу! — сказал Гарри. — Сначала он посылал сюда Стерджиса… потом Боуда…

— Очень хорошо, Поттер, очень… — медленно протянул Малфой. — Но Темный Лорд знает, что ты не ду…

— ДАВАЙ! — завопил Гарри.

Пять разных голосов позади него воскликнули: *«РЕДУКТО!»* Пять заклятий вылетели из палочек в пяти разных направлениях, и полки соседнего стеллажа, в который они угодили, разлетелись на куски; сотня стеклянных шариков взорвалась одновременно, и все огромное сооружение пошатнулось, а воздух сразу наполнился множеством молочно-белых фигур, и их голоса — эхо бог весть какого далекого прошлого — смешались со звоном бьющегося стекла и ломающегося дерева, когда щепки вместе с осколками дождем посыпались на пол…

— Бежим! — крикнул Гарри, видя, что стеллаж угрожающе накренился и с его верхних полок скатываются все новые шарики. Он схватил Гермиону за мантию и потащил вперед, прикрываясь другой рукой от града обломков и осколков,

которые сыпались сверху. Какой-то Пожиратель смерти метнулся к ним сквозь облако пыли, и Гарри сильно ударил его локтем в закрытое маской лицо; вокруг раздавались крики боли, кто-то визжал, полки с грохотом обрушивались друг на друга, и в этот шум вплетались обрывки речей провидцев, выпущенных на волю из своих шариков…

Гарри заметил, что путь перед ним свободен; Рон, Джинни и Полумна пронеслись мимо него, закрывая головы руками. что-то тяжелое ударилось ему в щеку, но он только пригнулся и добавил ходу; кто-то схватил его за плечо, и он услышал крик Гермионы: *«Остолбеней!»* Плечо тут же отпустили…

Они были в конце девяносто седьмого ряда; Гарри свернул направо и помчался к выходу изо всех сил. Прямо за собой он слышал чьи-то шаги и голос Гермионы, подгоняющей Невилла; прямо впереди маячила приоткрытая дверь — Гарри видел за ней переливчатый свет стеклянного сосуда. Он выскочил за порог, по-прежнему крепко сжимая в руке пророчество, и, дождавшись, пока следом выбегут его друзья, захлопнул за ними дверь…

— *Коллопортус!* — задыхаясь, выпалила Гер-

миона, и дверь со странным чавкающим звуком запечаталась наглухо.

— Где… где остальные? — еле вымолвил Гарри.

Он думал, что Рон, Полумна и Джинни опередили их, что они уже дожидаются их в этой комнате, но здесь никого не было.

— Наверное, они побежали не туда! — с ужасом прошептала Гермиона.

— Слушайте! — воскликнул Невилл.

Из-за двери, которую они только что запечатали, доносились шаги и крики. Гарри приложил к ней ухо и услышал, как Люциус Малфой взревел:

— Оставьте Нотта, оставьте его, слышите? Его раны — ничто для Темного Лорда по сравнению с утерей пророчества. Джагсон, вернись сюда, мы должны действовать организованно! Разобьемся на пары и будем искать — и не забывайте, с Поттером нужно обращаться осторожно, пока пророчество у него, а прочих можете убить, если понадобится… Беллатриса, Родольфус, вы идете налево; Крэбб с Рабастаном — направо; Джагсон с Долоховым — прямо вперед, в ту дверь; Макнейр и Эйвери, сюда; Руквуд, туда; Малсибер, со мной!

— Что будем делать? — спросила Гермиона у Гарри, дрожа с головы до ног.

— Во-первых, нечего нам стоять тут и ждать,

пока нас найдут! — сказал Гарри. — Надо убраться подальше от этой двери.

Они побежали, стараясь не шуметь, мимо сверкающего сосуда, где птичка все так же вылуплялась из крохотного яйца и снова возвращалась в него, к двери в круглую комнату. Они почти достигли цели, когда Гарри услышал тяжелый, мощный удар в дверь, которую заколдовала Гермиона.

— Отойди! — воскликнул грубый голос. — *Алохомора!*

Дверь распахнулась, но Гарри и Гермиона с Невиллом успели нырнуть под стол с часами. Через несколько секунд они увидели полы мантий — к ним быстрыми шагами приближались двое Пожирателей смерти.

— Наверное, убежали в холл, — сказал грубый голос.

— Проверь под столами, — посоветовал другой.

Гарри увидел, как сгибаются колени одного из преследователей; высунув из-под стола палочку, он громко крикнул:

— *ОСТОЛБЕНЕЙ!*

Красный луч ударил в ближайшего Пожирателя смерти — тот упал назад, на стоячие часы и свалил их на пол. Однако его напарник отпрыг-

нул в сторону, уклонившись от заклятия Гарри, и направил палочку на Гермиону, которая как раз выползала из своего убежища, чтобы получше прицелиться.

— *Авада…*

Гарри стремглав кинулся к нему и обхватил его за колени. Пожиратель смерти рухнул на пол, потеряв цель. Невилл перевернул стол, спеша на помощь, и, направив палочку на борющихся, истошно завопил:

— *ЭКСПЕЛЛИАРМУС!*

Обе палочки, и Гарри, и Пожирателя смерти, вылетели у них из рук и поплыли по воздуху обратно ко входу в Зал пророчеств; оба противника вскочили на ноги и ринулись за ними — Пожиратель смерти бежал первым, Гарри не отставал от него, — а Невилл помчался следом, в ужасе от того, что он натворил.

— Пропусти, Гарри! — закричал Невилл, которому не терпелось исправить свою ошибку.

Гарри метнулся вбок, а Невилл снова прицелился и выкрикнул:

— *ОСТОЛБЕНЕЙ!*

Красный луч пролетел в дюйме над плечом Пожирателя смерти и угодил в застекленный шкафчик на стене, наполненный часами самой

разнообразной формы; шкафчик грохнулся на землю и разбился — осколки брызнули во все стороны, — потом снова прыгнул на стену, целехонький, и снова упал и разбился…

Пожиратель смерти схватил свою палочку, которая лежала на полу рядом с переливающимся стеклянным сосудом. Гарри прыгнул под другой стол, когда Пожиратель смерти повернулся — его маска перекосилась, мешая ему видеть. Он сорвал ее свободной рукой и крикнул:

— *ОСТО…*

— *ОСТОЛБЕНЕЙ!* — взвизгнула Гермиона, которая только что догнала их. Луч красного света угодил Пожирателю смерти точно в грудь. Он замер, не успев опустить руку; палочка выпала из нее и со стуком покатилась по полу, а сам он повалился назад, прямо на стеклянный сосуд. Гарри ожидал услышать звук удара головой о твердое стекло и увидеть, как человек сползет на пол, но вместо этого голова упавшего прошла сквозь поверхность сосуда, полного сверкающего ветра, точно сквозь стенку мыльного пузыря, а сам он растянулся навзничь на столе и остался в таком положении.

— *Акцио, палочка!* — воскликнула Гермиона. Палочка Гарри прыгнула из темного угла ей в

руку, и она бросила ее хозяину.

— Спасибо, — сказал он. — А теперь давайте выбира…

— Смотрите! — В голосе Невилла звучал ужас. Он застыл, не сводя глаз с головы Пожирателя смерти, которая была погружена в стеклянный сосуд.

Всё трое снова подняли палочки, но так и не пустили их в ход: потрясенные, не в силах оторваться, они смотрели на то, что происходило с головой человека в сосуде.

Она на глазах съеживалась и лысела; черные волосы сначала укорачивались, а потом и вовсе пропали в черепе; щеки стали гладкими, а округлившаяся лысая голова покрылась легким пушком… и вот перед ними уже голова младенца, нелепо сидящая на толстой, мускулистой шее Пожирателя смерти, который барахтается на столе, пытаясь встать. Но пока они смотрели на это разинув рты, его голова вновь стала увеличиваться и приняла нормальные размеры; из подбородка и макушки полезли толстые черные волосы…

— Это Время, — сказала Гермиона с благоговейным страхом. — Время…

Пожиратель смерти потряс своей безобразной головой, пытаясь освободить ее, но не успел —

она снова стала уменьшаться, возвращая его в младенчество…

Из соседней комнаты донесся крик, потом треск и отчаянный вопль.

— Рон! — закричал Гарри, оторвавшись от созерцания чудовищной метаморфозы, происходящей у них на глазах. — Джинни! Полумна!

— Гарри! — взвизгнула Гермиона.

Пожиратель смерти наконец вытащил голову из сосуда. Вид у него был нелепый и жуткий — крохотная младенческая головка зашлась в плаче, а толстые руки беспорядочно молотили воздух во всех направлениях. Гарри еле увернулся от одного удара. Он тут же поднял палочку, но Гермиона неожиданно остановила его.

— Нельзя трогать ребенка!

Спорить было некогда: из Зала пророчеств доносились чьи-то торопливые шаги, и Гарри с опозданием понял, что его крики навели остальных Пожирателей смерти на их след.

— Бежим! — сказал он, и, бросив урода с детской головкой, который по-прежнему спотыкался и орал, они устремились к открытой двери в дальнем конце комнаты.

Они были уже на пол пути к ней, когда Гарри увидел в темной комнате впереди еще двоих По-

жирателей смерти, бегущих им навстречу. Резко свернув влево, он нырнул в какой-то маленький, пыльный, тесный чуланчик и, пропустив туда друзей, захлопнул за ними дверь.

— *Колло…* — начала было Гермиона, но не успела она закончить, как дверь распахнулась и в чулан ввалились двое Пожирателей смерти. Испустив ликующий вопль, оба крикнули:

— *ИМПЕДИМЕНТА!*

Двойное заклятие сшибло с ног и Гарри, и Невилла с Гермионой. Невилл перелетел через стол и исчез из виду; Гермиона врезалась в книжный шкаф, и на нее водопадом хлынули тяжелые тома. Гарри ударился затылком о каменную стену, из глаз у него посыпались искры, и на несколько мгновений он потерял способность действовать и соображать.

— МЫ ЕГО ВЗЯЛИ! — завопил Пожиратель смерти, оказавшийся ближе к Гарри. — ОН В ЧУ…

— *Силенцио!* — воскликнула Гермиона, и черный маг умолк. Через дыру в маске было видно, что он все еще шевелит губами, но теперь уже беззвучно. Второй Пожиратель смерти оттолкнул напарника в сторону.

— *Петрификус тоталус!* — выкрикнул Гарри, увидев поднимающуюся палочку. Пожирателю

смерти мгновенно свело руки и ноги; он ничком грохнулся на ковер, твердый как доска, и больше не двигался.

— Отлично, Га…

Но тут Пожиратель смерти, которого Гермиона поразила немотой, внезапно наискось взмахнул палочкой, и что-то похожее на язык пурпурного пламени полоснуло Гермиону по груди. Она тихонько, словно от удивления, вскрикнула, потом обмякла и рухнула на пол.

— ГЕРМИОНА!

Гарри упал на колени рядом с неподвижной Гермионой, и в этот момент Невилл, держа свою палочку перед собой, стал вылезать к ним из-под стола. Едва завидев нового врага, Пожиратель смерти сильно пнул его ногой — палочка Невилла сломалась пополам, а сам он получил удар ботинком в лицо. Взвыв от боли и зажав ладонью рот и нос, он пополз назад. Гарри резко повернулся, вскинув палочку, и увидел, что Пожиратель смерти сорвал маску и направил свое оружие прямо на него. Гарри вспомнил, что видел это узкое, бледное, кривое лицо в «Ежедневном пророке» — перед ним стоял Антонин Долохов, убийца Пруэттов.

Долохов ухмыльнулся. Свободной рукой он

указал на пророчество, с которым Гарри так и не расстался, потом на себя и на Гермиону. Хотя говорить он больше не мог, смысл его жестов был абсолютно ясен: отдай мне пророчество, иначе с тобой случится то же, что и с ней…

— Можно подумать, ты не убьешь нас всех, как только получишь его! — воскликнул Гарри. В мозгу у него, мешая сосредоточиться, лихорадочно билась одна мысль: его рука лежала на плече Гермионы, еще теплом, но он не осмеливался взглянуть на нее. «Только не умирай, пожалуйста, не умирай, это будет моя вина, если ты умрешь…»

— Посдушай бедя, Гарри, — свирепо сказал Невилл из-под стола, отнимая от лица руки — нос у него был, по-видимому, сломан, а губы и подбородок залиты кровью. — Дедай шдо хочешь, до де оддавай его!

Вдруг сзади послышался грохот, и Долохов бросил взгляд через плечо. В дверном проеме показался Пожиратель смерти с головой младенца — голова его по-прежнему заливалась плачем, а огромные кулаки молотили по чему ни попадя. Гарри не упустил своего шанса:

— ПЕТРИФИКУС ТОТАЛУС!

Заклятие попало в Долохова прежде, чем он

успел блокировать его, и он плашмя свалился на своего напарника — теперь оба были полностью парализованы. Пожиратель смерти с младенческой головой снова исчез из виду.

— Гермиона, — тут же взмолился Гарри, тряся ее за плечо, — очнись, Гермиона…

— Шдо од с дей сдедад? — спросил Невилл, вылезая из-под стола и становясь на колени по другую сторону от нее. Нос у него распухал на глазах, и оттуда все еще обильно струилась кровь.

— Не знаю…

Невилл схватил Гермиону за запястье.

— Пудьс есдь, Гарри, я уверед.

Гарри затопила такая мощная волна облегчения, что на миг у него даже закружилась голова.

— Она жива?

— Дубаю, да.

Наступила пауза. Гарри чутко прислушивался, но тишину нарушали только плач и неуверенные шаги младенцеголового Пожирателя смерти в соседней комнате.

— Невилл, выход недалеко, — прошептал Гарри. — Круглая комната совсем рядом… если бы тебе только успеть добраться туда и отыскать правильную дверь до того, как появятся новые Пожиратели смерти, тогда ты наверняка смог бы

дотащить Гермиону по коридору до лифта, а там нашел бы кого-нибудь… поднял бы тревогу…

— А шдо ды будешь дедать? — спросил Невилл, утирая кровь рукавом и хмурясь на Гарри.

— Попробую найти остальных, — сказал Гарри.

— Догда я доже буду их искадь, — твердо сказал Невилл.

— Но Гермиона…

— Ее бождо взядь с собой, — решительно ответил Невилл. — Я подесу ее — ды дерешься лучше бедя…

Он поднялся и, хмуро глядя на Гарри, взял Гермиону под локоть; тот помедлил, потом взял ее за другую руку и помог Невиллу взвалить бесчувственную девочку к себе на плечи.

— Подожди, — сказал Гарри. Он схватил с пола палочку Гермионы и протянул ее Невиллу. — Возьми, пригодится.

Невилл отшвырнул ногой обломки своей палочки, и они медленно двинулись к выходу.

— Бабушка бедя убьед, — хрипло сказал Невилл; кровь сочилась у него из носа на каждом слове. — Эдо быда сдарая бадочка отца.

Гарри высунул из двери голову и осторожно огляделся. Младенцеголовый Пожиратель смерти все так же ревел и натыкался на мебель,

опрокидывая напольные часы и переворачивая столы, а застекленный шкафчик — теперь Гарри догадался, что в нем хранятся Маховики времени, — продолжал падать, разбиваться и восстанавливаться на дальней стене.

— Он нас не заметит, — прошептал Гарри. — Пошли. Ты только не отставай…

Они выбрались из чулана и прокрались в темную комнату. Там не было ни души. Они прошли еще несколько шагов — Невилл слегка шатался под весом Гермионы, — и дверь в Комнату времени захлопнулась за ними, а стены опять начали вращаться. От недавнего удара по затылку у Гарри немного расстроилась координация движений; пошатываясь, он прикрыл глаза и не открывал их, пока стены не остановились. И тут сердце у него ушло в пятки: огненные кресты Гермионы исчезли с дверей.

— Так куда нам, по-тво…

Но прежде чем они успели принять решение, дверь справа от них распахнулась, и из нее вывалились три человека.

— Рон! — хрипло воскликнул Гарри и бросился к ним. — Джинни! Как вы…

— Гарри, — пробормотал Рон, слабо хихикая. Он покачнулся и схватил Гарри за мантию, пытаясь

сфокусировать на нем взгляд. — Ах, вот ты где… ха-ха-ха… смешной у тебя вид, Гарри… ты на себя не похож…

Лицо Рона покрывала мертвенная бледность, из уголка рта сочилось что-то темное. В следующую секунду колени у него подкосились, но он не разжал рук, и Гарри согнулся под его весом.

— Джинни! — испуганно сказал Гарри. — Что случилось?

Но Джинни лишь помотала головой и сползла по стене на пол, тяжело дыша и держась за лодыжку.

— По-моему, она сломала ногу. Я слышала хруст, — прошептала Полумна. Похоже, только ей одной и удалось остаться невредимой. — Их было четверо, и они загнали нас в какую-то темную комнату с планетами. Очень странное место — иногда мы просто парили в темноте…

— Гарри, мы видели Уран, совсем близко! — сказал Рон, все еще хихикая. — Понял, Гарри? Мы видели Уран… ха-ха-ха…

В уголке его рта надулся и лопнул кровавый пузырек.

— …в общем, один из них схватил Джинни за ногу, я применила Уменьшающее заклятие и залепила ему в лицо Плутоном, но…

Полумна беспомощно повела рукой в сторону Джинни, которая, часто дыша, сидела на полу с закрытыми глазами.

— А что с Роном? — тревожно спросил Гарри. Рон продолжал хихикать, крепко вцепившись в его мантию.

— Не знаю, чем они в него попали, — грустно сказала Полумна, — но он стал какой-то странный. Я еле привела его сюда.

— Гарри, — сказал Рон, притягивая его ухо поближе к своим губам и все еще слабо хихикая, — знаешь, кто эта девочка, Гарри? Это Полоум… Полоумная Лавгуд… ха-ха-ха…

— Нам надо выбраться отсюда, — твердо сказал Гарри. — Ты поможешь Джинни, Полумна?

— Да, — откликнулась Полумна, закладывая палочку за ухо. Потом она обняла Джинни за талию и стала поднимать на ноги.

— Лодыжка — ерунда, я и сама встану! — нетерпеливо сказала Джинни, но в следующий момент пошатнулась и едва не упала, схватившись за Полумну.

Гарри перекинул руку Рона через плечо и вспомнил, как много месяцев назад точно так же вел домой перепуганного до полусмерти Дадли. Потом оглянулся: вокруг было двенадцать

дверей, но лишь одна из них вела к выходу из Министерства…

Он поволок Рона к двери. До нее оставалось всего несколько шагов, когда другая, противоположная дверь распахнулась и в комнату ворвались трое Пожирателей смерти под предводительством Беллатрисы Лестрейндж.

— Попались! — взвизгнула она.

Сверкнули Оглушающие заклятия; Гарри проломился в ближайшую дверь, бесцеремонно сбросил Рона с плеча и нырнул обратно, чтобы помочь Невиллу с Гермионой; они едва успели перебраться за порог и захлопнуть дверь перед носом у Беллатрисы.

— *Коллопортус!* — воскликнул Гарри и услышал, как три тела ударились в дверь с той стороны.

— Ничего! — крикнул мужской голос. — Туда можно попасть и по-другому… МЫ ИХ ПОЙМАЛИ, ОНИ ЗДЕСЬ!

Гарри обернулся; они снова были в Комнате мозгов. Действительно, сюда вело множество дверей. Он слышал, как за стеной кто-то бежит со всех ног: Пожиратели смерти дождались подкрепления.

— Полумна… Невилл… помогите!

Все трое помчались вокруг комнаты, по дороге запечатывая двери; в спешке Гарри врезался в стол и перекатился через него.

— *Коллопортус!*

За стеной бухали шаги; время от времени кто-то бросался всем телом на очередную запечатанную дверь, так что она скрипела и ходила ходуном. Полумна с Невиллом запечатывали двери по другую сторону комнаты — и тут, добравшись почти до самого ее конца, Гарри услыхал крик Полумны:

— *Колло… а-а-а-а-а-а!*

Он мгновенно повернулся и увидел ее в воздухе: пятеро Пожирателей смерти ворвались в дверь, которую она не успела запечатать. Полумна упала на стол, проехала по нему и, рухнув на пол, осталась лежать без чувств.

— Хватайте Поттера! — завизжала Беллатриса и бросилась к Гарри. Он увернулся и побежал дальше: ему ничто не грозит, пока они боятся разбить пророчество…

— Эй! — Рон с трудом поднялся на ноги и, спотыкаясь, как пьяный, и хихикая, побрел к Гарри. — Эй, Гарри! Там, внутри, мозги — вот чудеса, а?

— Уйди с дороги, Рон, ложись на пол…

Но Рон уже направил палочку на аквариум.

— Честно, Гарри, там мозги… гляди… *акцио, мозг!*

Все, кто был в комнате, на мгновение застыли. Гарри, Джинни, Невилл и все пятеро Пожирателей смерти невольно повернулись к аквариуму, и тут из зеленой жидкости, точно рыба, выпрыгнул мозг — на секунду он повис в воздухе, а затем поплыл к Рону. На лету он вращался, и из него выползали ленты движущихся изображений — они разматывались, как рулоны кинопленки…

— Ха-ха-ха, Гарри, ты только посмотри… — сказал Рон, глядя, как из мозга вылезает его разноцветное содержимое. — Иди сюда, потрогай: вот чудеса…

— НЕ НАДО, РОН!

Гарри не знал, что случится, если Рон дотронется до мыслей, которые длинными щупальцами тянулись за мозгом, но был уверен, что ничего хорошего из этого не выйдет. Он метнулся вперед, но Рон уже поймал мозг обеими руками.

Едва коснувшись его кожи, щупальца мыслей стали обматываться вокруг кистей Рона, как веревки.

— Гарри, смотри-ка… нет… нет! Мне это не нравится! Эй, вы, перестаньте… стойте…

Но тонкие ленты уже обвивались вокруг его груди. Он принялся разрывать их, а мозг тем временем тесно приник к нему, словно осьминог.

— *Диффиндо!* — закричал Гарри в надежде разорвать щупальца, связывающие Рона у него на глазах, но заклинание не помогло. Рон упал, отчаянно стараясь освободиться от пут.

— Они его задушат, Гарри! — вскрикнула Джинни. Сломанная лодыжка мешала ей встать — и вдруг луч красного света, вырвавшийся из палочки какого-то Пожирателя смерти, ударил ей прямо в лицо. Она повалилась набок и замерла.

— *Осдопбедей!* — заорал Невилл, оборачиваясь и направляя палочку Гермионы на подступающих к нему Пожирателей смерти. — *Осдолбедей, осдопбедей!*

Но ничего не случилось.

Один из Пожирателей смерти метнул в Невилла ответным заклятием и промахнулся всего на дюйм-другой. Теперь Гарри и Невилл остались вдвоем против пятерых нападающих — двое из них выпускали из палочек стрелы серебряного света, которые летели мимо и разбивали штукатурку на стене за спинами ребят. Гарри пустился бежать, Беллатриса Лестрейндж — за ним; он высоко поднял пророчество над головой, думая

только о том, как отвлечь Пожирателей смерти от своих друзей.

Кажется, его замысел сработал: они погнались за ним, расшвыривая по дороге столы и стулья, но не осмеливаясь обстреливать его заклятиями из опасения повредить пророчество, и он проскочил в единственную дверь, оставшуюся открытой, — а именно в ту, откуда появились сами Пожиратели смерти, — горячо молясь про себя, чтобы Невилл вспомнил о Роне и нашел способ освободить его. Пробежав несколько шагов по новой комнате, он почувствовал, что пол ушел у него из-под ног…

Он полетел кувырком по крутым каменным ступеням, ударяясь о каждую из них по очереди, и грохнулся на спину с такой силой, что из него едва не вышибло дух. Он лежал в огромной яме, посреди которой возвышалась платформа с уже знакомой ему каменной аркой. Вся комната задрожала от хохота Пожирателей смерти. Подняв глаза, он увидел, как те пятеро, что были с ним вместе в Комнате мозгов, спускаются вниз, а из других дверей появляются все новые и тоже начинают прыгать со скамьи на скамью, приближаясь к нему. Гарри поднялся на ноги, хотя они слушались его так плохо, что он чуть не упал снова. Пророчество каким-то чудом уцелело.

Сжимая его в левой руке, а палочку — в правой, Гарри начал отступать; он непрерывно озирался, стараясь держать в поле зрения всех своих врагов. Вскоре он наткнулся на что-то твердое — это была платформа, на которой стояла арка. Не оборачиваясь, он залез на нее.

Все Пожиратели смерти остановились, глядя на него. Некоторые дышали так же тяжело, как и он. Один был весь в крови; Долохов, освобожденный от парализующего заклятия, ухмылялся, направив палочку прямо в лицо Гарри.

— Ты проиграл, Поттер, — негромко сказал Малфой, стягивая с лица маску. — А теперь будь хорошим мальчиком, отдай мне пророчество.

— От… отпустите остальных, тогда отдам! — в отчаянии выпалил Гарри.

Несколько Пожирателей смерти рассмеялись.

— Ты не в том положении, чтобы торговаться, Поттер, — сказал Малфой. Его бледное лицо порозовело от удовольствия. — Видишь ли, нас десять, а ты один… Или Дамблдор так и не научил тебя считать?

— Од де одид! — раздался наверху чей-то голос. — У дего еще есдь я!

Сердце у Гарри упало. Крепко сжимая в руке палочку Гермионы, Невилл спускался к нему по

каменным ступеням.

— Невилл… не надо… вернись к Рону…

— *Осдолбедей!* — снова завопил Невилл, направляя палочку на всех Пожирателей смерти по очереди. — О*сдолбедей! Осдол…*

Один из самых могучих Пожирателей смерти обхватил Невилла сзади, прижав его руки к бокам. Невилл задергался, тщетно пытаясь вырваться; другие Пожиратели смерти засмеялись.

— Это, кажется, Долгопупс? — ухмыльнулся Люциус Малфой. — Что ж, твоя бабка привыкла терять членов семьи, жертвующих собой во имя великой цели… твоя смерть не станет для нее такой уж неожиданностью.

— Долгопупс? — повторила Беллатриса, и на ее изможденном лице появилась отвратительная зловещая усмешка. — Я имела удовольствие пообщаться с твоими родителями, мальчик!

— Я здаю! — взревел Невилл и забился так неистово, что схвативший его Пожиратель смерти крикнул:

— Кто-нибудь, оглушите его!

— Нет-нет, — возразила Беллатриса. Ее словно охватило какое-то гнусное возбуждение; она перевела взгляд на Гарри, потом обратно на Невилла. — Нет, давайте лучше посмотрим, сколько

Долгопупс вытерпит, прежде чем сломается, как его родители… если, конечно, Поттер не захочет отдать нам пророчество.

— ДЕ ОДДАВАЙ ЕГО ИБ! — проревел Невилл. Он был совершенно вне себя и отчаянно лягался и изворачивался, а Беллатриса, подняв палочку, уже приближалась к нему и пленившему его Пожирателю смерти. — ДЕ ОДДАВАЙ ЕГО ИБ, ГАРРИ!

Беллатриса направила на него палочку:

— *Круцио!*

Невилл пронзительно закричал, подтянув колени к груди, так что ноги его на мгновение оторвались от земли. Пожиратель смерти отпустил его, и он рухнул на пол, дергаясь и визжа от боли.

— Это только цветочки! — сказала Беллатриса, отводя палочку. Крики Невилла оборвались, и теперь он просто лежал, рыдая, у ее ног. Она повернулась к Гарри. — Ну, Поттер, или отдавай нам пророчество, или смотри, как твой друг умирает в мучениях!

У Гарри не оставалось выбора. Он поднял руку с нагретым, почти горячим шариком и разжал ладонь. Малфой прыгнул вперед, чтобы взять его.

И вдруг высоко над ними распахнулась еще одна дверь, затем другая — и в комнату вбежали

еще пять человек. Это были Сириус, Люпин, Грозный Глаз, Тонкс и Кингсли.

Малфой обернулся и поднял палочку, но Тонкс уже послала Оглушающее заклятие прямо в него. Гарри не стал дожидаться и смотреть, попадет ли оно в цель; он сразу бросился с платформы вниз, чтобы не мешать. Пожирателей смерти ошеломило внезапное появление членов Ордена, которые, прыгая со ступени на ступень, принялись осыпать их заклятиями. В неразберихе ярких вспышек и падающих тел Гарри заметил отползающего в сторону Невилла. Он увернулся от очередного красного луча и кинулся на пол рядом с ним.

— Как ты? — крикнул он, и в ту же секунду прямо над их головами сверкнуло еще одно заклятие.

— Дичего, — отозвался Невилл, пытаясь встать на четвереньки.

— А Рон?

— Кажедся, дорбальдо — од все еще драдся с бозгоб, когда я уходид…

На полу перед ними взметнулся фонтанчик каменной крошки и появилась выбоина — Невилл еле успел отдернуть руку. Друзья быстро отползли от опасного места, и тут невесть откуда

к ним протянулась толстая рука, сгребла Гарри за шиворот и подняла вверх, так что носками он едва касался пола.

— Отдай мне его, — прорычал ему в ухо чей-то голос, — отдай мне пророчество…

Воротом Гарри так перехватило горло, что он не мог вздохнуть. Сквозь выступившие на глазах слезы он увидел Сириуса, который сражался с одним из Пожирателей смерти в нескольких шагах от него; Кингсли дрался сразу с двумя; Тонкс, остановившись на полпути ко дну каменной ямы, посылала лучи заклятий вниз, в Беллатрису — никто, казалось, не замечал, что Гарри умирает. Он направил палочку в бок невидимому врагу, но не в силах был произнести заклинание, а тот свободной рукой уже тянулся к кулаку, в котором Гарри сжимал пророчество…

— А-а-а!

Неизвестно откуда на них обрушился Невилл; он тоже не мог произнести слова заклятия и вместо этого с силой ткнул палочкой Гермионы в глазную прорезь капюшона, скрывающего лицо Пожирателя смерти. Взвыв от боли, тот мгновенно отпустил Гарри. Освободившись, Гарри мигом развернулся и выпалил:

— *Остолбеней!*

Пожиратель смерти свалился на пол, и его маска соскользнула; это был Макнейр, который когда-то едва не убил Клювокрыла. Один глаз у него заплыл и налился кровью.

— Спасибо! — крикнул Гарри, оттаскивая Невилла в сторону, чтобы освободить дорогу Сириусу и его сопернику, сражающимся так яростно, что их палочки превратились в сверкающие пятна. Потом Гарри почувствовал под ногой что-то круглое и твердое и едва не упал — сначала он испугался, что уронил пророчество, но потом увидел, как по полу, вращаясь, скользит волшебный глаз Грюма.

Его хозяин лежал на боку с окровавленной головой, а сразивший его колдун уже мчался на Гарри и Невилла — это был Долохов, с лицом, искаженным гримасой свирепого ликования.

— *Таранталлегра!* — завопил он, направив палочку на Невилла, и ноги мальчика немедленно пустились в сумасшедший пляс. Невилл потерял равновесие и вновь свалился на пол. — Ну, Поттер…

Он наискосок взмахнул палочкой, как тогда, когда ранил Гермиону, и в тот же миг Гарри воскликнул:

— *Протего!*

Гарри почувствовал, как его полоснуло по лицу словно тупым ножом; сила удара была такой, что он упал, споткнувшись о дергающиеся ноги Невилла, однако Щитовые чары спасли его от самого худшего.

Долохов снова поднял палочку:

— *Акцио, проро…*

Внезапно на него налетел Сириус и сшиб плечом на пол. Пророчество снова скользнуло к самым кончикам пальцев Гарри, но он сумел удержать его. Между Сириусом и Долоховым завязалась битва: их палочки мелькали, как шпаги, из них сыпались искры…

Долохов отвел назад палочку, готовясь применить то же заклятие, которым он поразил Гарри и Гермиону. Вскочив с пол а, Гарри выкрикнул:

— *Петрификус тоталус!*

Долохову вновь свело руки и ноги, и он, отвердев, грохнулся на спину.

— Отлично! — восхитился Сириус, нагибая Гарри голову, над которой тут же пронеслась парочка Оглушающих заклятий. — А теперь давай-ка беги отсю…

Они разом пригнулись — луч зеленого света чуть не угодил в Сириуса. Гарри увидел, как Тонкс по другую сторону комнаты упала посреди

амфитеатра; ее обмякшее тело стало сползать вниз по каменным ступеням, а торжествующая Беллатриса, развернувшись, кинулась в самую гущу схватки.

— Гарри! Бери пророчество, хватай Невилла и беги! — изо всей мочи закричал Сириус, бросаясь навстречу Беллатрисе.

Гарри не увидел, что произошло потом: перед его глазами вырос Кингсли, сражающийся с Руквудом, чье изрытое оспой лицо уже не закрывала маска. Еще один зеленый луч блеснул над головой Гарри, когда он метнулся к Невиллу…

— Можешь встать? — крикнул он в ухо товарищу, ноги которого все еще выделывали кренделя. — Обними меня за шею…

Гарри напряг мышцы, и Невилл подчинился, однако ноги по-прежнему не желали его слушаться, от них было мало проку. И вдруг, откуда ни возьмись, на них налетел человек. Оба рухнули назад — Невилл сучил ногами, как перевернутый жук, а Гарри вскинул вверх левую руку, чтобы не выпустить стеклянный шарик.

— Пророчество, Поттер! Дай его мне! — проревел у него над ухом голос Люциуса Малфоя, и Гарри почувствовал, как кончик палочки уперся ему в ребра, причиняя невыносимую боль.

— Нет… отпусти… Невилл, держи!

Гарри катнул шарик по полу в сторону Невилла, а тот, развернувшись на спине, поймал его и прижал к груди. Малфой направил палочку на Невилла, но Гарри ткнул своей через плечо и крикнул:

— *Импедимента!*

Заклинание отшвырнуло Малфоя прочь. Быстро поднявшись на ноги, Гарри оглянулся и увидел, что Малфой ударился спиной о платформу, на которую в пылу битвы вскочили Сириус и Беллатриса. Колдун снова нацелил палочку на Гарри с Невиллом, но, прежде чем он успел набрать в грудь воздуха, между ними вырос Люпин.

— Гарри, собирай остальных и БЕГИ!

Гарри сгреб Невилла за мантию у плеча и буквально втащил его на первый ряд каменных сидений. Невилл дрыгал ногами, не в силах принять вертикальное положение; Гарри снова напрягся и одолел еще один ряд…

Заклятие ударило в камень прямо у него под ногами; кусок скамьи отлетел, и Гарри опять съехал на предыдущую. Невилл свалился на землю, выписывая ногами что-то немыслимое, Гарри сунул пророчество ему в карман…

— Ну давай! — отчаянно завопил он, дергая

Невилла за мантию. — Хоть чуть-чуть обопрись на ноги…

Еще одно гигантское усилие — и мантия Невилла разорвалась по всему левому шву; маленький стеклянный шарик выкатился у него из кармана, и прежде чем кто-нибудь из них успел схватить его, подвернулся Невиллу под ногу. Пинок — и шарик, пролетев футов десять вправо, разбился о нижнюю ступень. Оба друга в ужасе уставились на место катастрофы и увидели, как в воздух поднялась перламутрово-белая фигура с неестественно увеличенными глазами — ее не заметил никто, кроме них. Гарри смотрел, как движутся ее губы, изрекая пророчество, но среди криков и шума битвы нельзя было расслышать ни слова. Договорив, фигура медленно растаяла в воздухе.

— Извиди бедя, Гарри! — Лицо Невилла было искажено мукой, а ноги по-прежнему дергались не переставая. — Я видовад, Гарри, я де хотед…

— Ладно! — крикнул Гарри. — Попробуй встать, надо уходить отсю…

— *Дабблдор!* — Мокрое от пота лицо Невилла вдруг преобразилось. Он смотрел куда-то за спину Гарри.

— Что?

— ДАББЛДОР!

Гарри обернулся вслед за взглядом Невилла. Прямо над ними, на пороге двери, ведущей в Комнату мозгов, стоял Альбус Дамблдор — палочка его была поднята, лицо побелело от гнева. Словно электрический ток пробежал по всему телу Гарри — *они спасены*!

Дамблдор пронесся по ступеням вниз, мимо Гарри и Невилла — теперь они больше не думали о побеге. Их школьный директор уже достиг нижнего яруса каменных сидений, когда ближайшие Пожиратели смерти заметили его и крикнули остальным, что он здесь. Один из них пустился бежать, карабкаясь по ступеням напротив, точно обезьяна. Дамблдор снял его оттуда заклятием без малейших усилий, будто невидимым арканом…

Только одна пара противников продолжала биться, не обращая внимания ни на что вокруг. На глазах у Гарри Сириус увернулся от красного луча, посланного Беллатрисой, — он смеялся над ней…

— Ну же, давай! Посмотрим, на что ты способна! — воскликнул он, и его голос раскатился эхом по огромной комнате.

Второй красный луч поразил его прямо в грудь.

Улыбка еще не сошла с его уст, но глаза расши-

рились от изумления.

Сам того не заметив, Гарри отпустил Невилла. Он снова спрыгнул ступенью ниже, вынимая палочку, и Дамблдор тоже обернулся к платформе.

Казалось, Сириусу понадобилась целая вечность, чтобы упасть: его тело выгнулось изящной дугой, прежде чем утонуть в рваном занавесе, закрывающем арку.

Гарри успел увидеть на изможденном, когда-то красивом лице своего крестного отца смесь страха и удивления — и в следующий миг он исчез в глубине древней арки. Занавес сильно колыхнулся, словно от внезапного порыва ветра, и сразу же успокоился опять.

Раздался торжествующий клич Беллатрисы Лестрейндж, но Гарри знал, что бояться нечего: Сириус просто упал, скрывшись за занавесом, он вот-вот появится с другой стороны арки…

Но Сириус не появлялся.

— СИРИУС! — закричал Гарри. — СИРИУС!

Он был уже на дне ямы и задыхался так, что болела грудь. Сириус должен быть совсем рядом, сейчас он, Гарри, вытащит его из-за занавеса…

Но не успел он вскочить на платформу, как Люпин обхватил его сзади и удержал.

— Ты ничего не можешь сделать, Гарри…

— Помогите ему, спасите его, он ведь только что был здесь…

— …слишком поздно, Гарри.

— Сейчас мы его вытащим… — Гарри яростно извивался, пытаясь вырваться, но с Люпином было не так-то легко сладить.

— Ты ничего не можешь сделать, Гарри… ничего… его уже не вернуть.

Глава 36

ЕДИНСТВЕННЫЙ, КОГО ОН ВСЕГДА БОЯЛСЯ

— Неправда! — закричал Гарри.

Он не мог в это поверить; он не хотел в это верить; и он сопротивлялся Люпину из последних сил. Люпин просто не понимает — там, за этим занавесом, прячутся люди, Гарри слышал, как они шепчутся, когда в первый раз побывал в этой комнате. Сириус спрятался, он всего лишь скрылся из виду…

— СИРИУС! — снова выкрикнул он. — СИРИУС!

— Он не сможет оттуда вернуться, Гарри. — Голос у Люпина сорвался. — Он не вернется, потому что он ме…

— ОН — НЕ — МЕРТВ! — взревел Гарри. — СИРИУС!

Вокруг них что-то происходило — какая-то бестолковая суета. Снова и снова вспыхивали заклятия, но для Гарри все это было полностью лишено смысла, он не обращал внимания на сверкающие совсем рядом лучи — ничто на свете не имело смысла, кроме одного: пусть Люпин прекратит делать вид, будто Сириус, который

сейчас стоит в двух шагах от них за этой старой занавеской, больше не появится оттуда. Нет — сейчас он выйдет, отбросит со лба свои темные волосы и снова ринется в схватку!

Люпин оттащил Гарри подальше от платформы. Гарри — его взгляд был все так же прикован к арке — начинал сердиться на Сириуса за то, что он заставляет их ждать…

Но каким-то краешком своего сознания, даже стараясь вырваться из рук Люпина, он уже понимал, что случилась беда — ведь никогда прежде Сириус не заставлял его ждать. Сириус рисковал всем и всегда, только бы увидеть Гарри, помочь ему… и если Сириус не появляется из этой арки теперь, когда Гарри зовет его так отчаянно, будто от крестного зависит его жизнь, это можно объяснить только одним: значит, он не способен вернуться… и он действительно…

Дамблдор собрал оставшихся Пожирателей смерти посреди комнаты — они были словно связаны невидимыми веревками. Грозный Глаз Грюм подполз к лежащей на полу Тонкс и пытался привести ее в чувство. За платформой все еще сверкали вспышки, оттуда доносились возгласы и хриплое дыхание — это Кингсли сменил Сириуса в поединке с Беллатрисой.

— Гарри!

Невилл потихоньку спустился по каменным ярусам туда, где стоял Гарри — он уже не сопротивлялся Люпину, но тот на всякий случай придерживал его за локоть.

— Гарри… Бде очедь жадь… — сказал Невилл. Его ноги до сих пор дергались сами по себе. — Этот чедовек… Сириус… од быд твой друг?

Гарри кивнул.

— Сейчас, — спокойно сказал Люпин и направил палочку на ноги Невилла. — *Финиша.* — Заклятие было снято; пляс прекратился, и ноги Невилла твердо стали на пол. — А теперь… теперь давайте найдем остальных. Где они, Невилл?

Люпин повернулся спиной к арке. Он был очень бледен и говорил так, точно каждое слово причиняло ему боль.

— Оди все таб, — сказал Невилл. — Да Рона напад бозг, до я дубаю, с диб все в порядке. А Гербиода без создадия, до пудьс есть…

Из-за платформы раздался громкий треск и вопль. Гарри увидел, как Кингсли с криком боли рухнул на пол; Беллатриса Лестрейндж тут же пустилась бежать. Дамблдор мгновенно повернулся и послал ей вслед заклятие, но она отклонила его; вот она уже на середине амфитеатра…

— Гарри, стой! — воскликнул Люпин, но Гарри воспользовался тем, что он ослабил хватку, и успел вырвать руку.

— ОНА УБИЛА СИРИУСА! — закричал Гарри. — ОНА УБИЛА ЕГО — А Я УБЬЮ ЕЕ!

И он быстро полез вверх по каменным ступеням — сзади что-то кричали, но он не обращал на это внимания. Полы мантии Беллатрисы скрылись за дверью, и он выскочил вслед за ней обратно в Комнату мозгов…

Она пустила в него заклятие через плечо. Аквариум с мозгами подскочил в воздух и опрокинулся. На Гарри хлынул вонючий зеленый раствор; мозги заскользили вокруг него и уже начали было выпускать длинные разноцветные щупальца, но он крикнул: *«Вингардиум левиоза!»*, и они разлетелись в стороны. Торопясь и оскальзываясь, он побежал к двери — перепрыгнул через Полумну, которая стонала на полу, миновал Джинни, слабо окликнувшую его по имени, потом Рона, тихо хихикающего, и Гермиону, которая по-прежнему лежала без сознания. Рванув на себя дверь, выходящую в круглую темную комнату, он увидел, как Беллатриса исчезла за противоположной дверью — там был коридор, ведущий обратно к лифтам.

Он кинулся туда, но она захлопнула за собой дверь, и стены уже начали вращаться. Опять вокруг исчезло все, кроме синих полос, прочерченных пламенем свечей.

— Где выход? — в отчаянии воскликнул он, когда низкий рокот стих и комната вновь застыла в неподвижности. — Как отсюда выбраться?

Комната точно ждала этого вопроса. Дверь прямо перед ним распахнулась, и за ней открылся нужный коридор — ярко освещенный факелами, он был совершенно безлюден. Гарри побежал снова…

Он слышал впереди громыхание лифта; прибавив скорости, он свернул за угол и ударил кулаком по кнопке вызова второй кабины. Та спустилась к нему с лязгом и звоном; решетки разъехались в стороны, Гарри ворвался внутрь и нажал кнопку с надписью «Атриум». Двери сомкнулись, и лифт тронулся…

Он выскочил наружу, не дожидаясь, пока решетки полностью разъедутся, и огляделся вокруг. Беллатриса была уже у телефонной будки в конце зала, но, обернувшись, увидела своего преследователя и метнула в него еще одно заклятие. Он нырнул за Фонтан Волшебного братства: пролетев мимо, заклятие угодило в огромные золотые

ворота в другом конце Атриума, и они загудели, как колокол. Шаги Беллатрисы смолкли. Он скрючился за статуями, прислушиваясь.

— Выходи, выходи, малютка Гарри! — пропела она тонким издевательским голоском, и ее слова отразились эхом от начищенного паркета. — Зачем же еще было бежать за мной? Я думала, ты хочешь отомстить за моего дорогого братца!

— Да, хочу! — крикнул Гарри, и с десяток его призрачных двойников вокруг всего зала повторили: *«Да, хочу! Да, хочу! Да, хочу!»*

— Так-так… Наверное, ты любил его, малютка Поттер?

Гарри захлестнула такая лютая ненависть, какой он не знал никогда прежде; стрелой вылетев из-за фонтана, он взревел:

— *Круцио!*

Беллатриса вскрикнула. Заклятие Гарри сбило ее с ног, но она не стала извиваться и корчиться от боли, как Невилл, — она мигом вновь вскочила на ноги, тяжело дыша и больше не смеясь. Гарри опять спрятался за золотым фонтаном. Ответным заклятием Беллатриса снесла голову благородному чародею, и та откатилась футов на двадцать, оставив на паркете глубокие царапины.

— Ты никогда раньше не применял непрости-

тельных заклятий, правда, мальчик? — крикнула она уже нормальным голосом, без сюсюканья. — Ты должен по-настоящему *хотеть*, чтобы они подействовали, Поттер! Надо *хотеть* причинить боль и получать от этого удовольствие, а праведный гнев — это для меня пустяки! Я покажу тебе, как это делается, ладно? Я преподам тебе урок…

Гарри обогнул фонтан сзади, когда она взвизгнула *«Круцио!»*, и ему пришлось снова быстро пригнуться; рука кентавра, сжимающая лук, с грохотом упала на пол неподалеку от золотой головы чародея.

— Тебе не победить меня, Поттер! — крикнула колдунья.

Он слышал, как она смещается вправо, чтобы поразить его заклятием, и попятился назад, прячась за ногами кентавра; его голова была на одном уровне с головой эльфа-домовика.

— Я была и остаюсь самой верной слугой Темного Лорда. Он обучал меня Темным искусствам, и мне ведомы заклятия такой мощи, что ты, жалкий мальчишка, никогда не сможешь со мной потягаться…

— *ОСТОЛБЕНЕЙ!* — закричал Гарри: он прокрался к гоблину, который продолжал лучезарно улыбаться обезглавленному чародею, и прице-

лился в спину Беллатрисе, пытавшейся заглянуть за фонтан. Она отреагировала так быстро, что он едва успел спрятаться.

— *Протего!*

Красный луч, его собственное Оглушающее заклятие, рикошетом отскочил в него. Гарри скрючился за фонтаном, и одно из золотых ушей гоблина полетело через весь зал.

— Я дам тебе шанс, Поттер! — крикнула Беллатриса. — Отдай мне пророчество! Выкати его ко мне по полу, и твоя жизнь спасена!

— Тогда тебе придется убить меня, потому что его больше нет! — откликнулся Гарри, и в то же мгновение его лоб пронзила боль: старый шрам вновь обожгло как огнем, и Гарри ощутил прилив ярости, абсолютно не связанной с его собственным гневом. — И он знает это! — Гарри рассмеялся безумным смехом, под стать Беллатрисе. — Твой закадычный дружок Волан-де-Морт знает, что оно разбилось! Вряд ли он похвалит тебя за это, как ты думаешь?

— Что? О чем ты говоришь? — взвизгнула она, и он впервые услышал в ее голосе страх.

— Пророчество разбилось, когда я пытался втащить Невилла наверх по ступеням! Как ты думаешь, что Волан-де-Морт скажет по этому

поводу?

Его шрам пылал… от боли на глаза навернулись слезы…

— ЛЖЕЦ! — завопила она, но за ее злобой угадывался ужас. — Оно у тебя, Поттер, и ты отдашь его мне! *Акцио, пророчество! АКЦИО, ПРОРОЧЕСТВО!*

Гарри рассмеялся снова, чтобы еще больше взбесить ее, и боль в шраме стала такой свирепой, что ему показалось, будто его череп вот-вот разлетится на куски. Он помахал пустой рукой над плечом одноухого гоблина и быстро спрятал ее обратно, когда она метнула в него еще один зеленый луч.

— Видишь, пусто! — крикнул он. — Ты ничего не получишь! Оно пропало, и никто не узнает, о чем оно было, так и передай своему боссу!

— Нет! — взвизгнула она. — Ты лжешь, это неправда! Я не виновата, хозяин… Не надо меня наказывать…

— Зря стараешься! — крикнул Гарри, зажмурясь от боли, которая стала совсем нестерпимой. — Он тебя не услышит!

— Неужели, Поттер? — сказал высокий холодный голос.

Гарри открыл глаза.

Высокий, худой, в черном капюшоне, жуткое

змеиное лицо, бледное и иссохшее, багровые глаза с щелочками зрачков… Лорд Волан-де-Морт стоял посреди зала, направив на него палочку, и Гарри застыл на месте, не в силах шелохнуться.

— Итак, ты разбил мое пророчество? — вкрадчиво спросил Волан-де-Морт, устремив на Гарри безжалостный взор своих красных глаз. — Нет, Белла, он не лжет… Я вижу правду, которая глядит на меня из его никчемного мозга… целые месяцы подготовки, столько усилий… и вы, Пожиратели смерти, позволили Гарри Поттеру снова расстроить мои планы…

— Простите меня, хозяин, я не знала! Я сражалась с анимагом Блэком! — зарыдала Беллатриса, бросаясь ниц у ног Волан-де-Морта, сделавшего несколько шагов вперед. — Вы же знаете, хозяин…

— Замолчи, Белла. — В голосе Волан-де-Морта послышалась угроза. — Через минуту я с тобой разберусь. Ты думаешь, я пробрался в Министерство магии, чтобы слушать твое дурацкое хныканье?

— Но, хозяин… он здесь… внизу…

Волан-де-Морт не обратил внимания на ее слова.

— Мне больше нечего сказать тебе, Поттер, —

спокойно промолвил он. — Ты мешал мне слишком часто и слишком долго. *АВАДА КЕДАВРА!*

У Гарри даже не хватило сил открыть рот, чтобы защититься; его голова была пуста, палочка безвольно повисла.

Но безголовая золотая статуя чародея из фонтана вдруг ожила — она спрыгнула со своего постамента и с грохотом приземлилась между Гарри и Волан-де-Мортом. Заклятие отскочило от ее груди, и статуя распростерла руки, защищая Гарри от нового нападения.

— Что… — воскликнул Волан-де-Морт, бешено озираясь. И тут у него вырвалось: — Дамблдор!

Гарри оглянулся; сердце его пустилось в галоп. Перед золотыми воротами стоял Дамблдор.

Волан-де-Морт поднял палочку, и еще один зеленый луч полетел в Дамблдора, но седовласый мудрец круто повернулся и исчез в вихре своей мантии. В следующую секунду он возник за спиной у Волан-де-Морта и взмахнул палочкой в направлении разбитого фонтана, вдохнув жизнь в оставшиеся статуи. Статуя волшебницы бросилась на Беллатрису — та кричала и тщетно поливала ее заклятиями, но волшебница схватила колдунью и прижала к полу. Тем временем гоблин и эльф-домовик побежали к каминам у

стены, а однорукий кентавр галопом поскакал к Волан-де-Морту, который тоже исчез и появился рядом с фонтаном. Безголовая статуя оттеснила Гарри в сторону, подальше от центра схватки; Дамблдор двинулся к Волан-де-Морту, а кентавр описывал круги вокруг них обоих.

— Глупо было приходить сюда сегодня, Том, — спокойно произнес Дамблдор. — Сейчас подоспеют мракоборцы…

— К этому времени меня здесь не будет, а ты будешь мертв! — рявкнул Волан-де-Морт. Он послал в Дамблдора очередное смертоносное заклятие, но промахнулся, и стол дежурного колдуна вспыхнул, как гора сухого хвороста.

Дамблдор сделал неуловимое движение палочкой; сила вырвавшегося из нее заклинания была так велика, что волосы у Гарри встали дыбом даже за спиной его золотого стража, и на сей раз, чтобы отразить чары, Волан-де-Морту пришлось сотворить из воздуха сверкающий серебряный щит. Заклинание, каким бы оно ни было, не нанесло щиту видимого ущерба — он лишь загудел, точно гонг, и от этого звука у Гарри мурашки поползли по коже.

— Ты не собираешься убивать меня, Дамблдор? — воскликнул Волан-де-Морт, и его красные

глаза над щитом насмешливо сощурились. — Считаешь себя выше такой жестокости?

— Мы оба знаем, что есть другие способы погубить человека, Том, — негромко отозвался Дамблдор, продолжая наступать на Волан-де-Морта, словно ничто на свете не могло испугать его, словно никакие вражеские усилия не могли остановить эту спокойную поступь. — Готов сознаться, что я не получил бы удовлетворения, попросту отняв у тебя жизнь…

— Нет ничего хуже смерти, Дамблдор! — прорычал Волан-де-Морт.

— Ты ошибаешься, — возразил Дамблдор, по-прежнему приближаясь к Волан-де-Морту; тон его был так небрежен, будто они собрались поболтать за кружечкой пива. Гарри было страшно смотреть, как он идет на врага, и не думая защищаться, — он хотел крикнуть, предостеречь седовласого волшебника, но безголовый страж оттеснял Гарри к стене, пресекая все его попытки вырваться на свободу. — Что ж, твоя неспособность понять, что в мире есть вещи, которые гораздо хуже смерти, всегда была твоей главной слабостью…

Еще один зеленый луч вырвался из-за серебряного щита. Теперь его принял на себя однорукий

кентавр, галопом проскакавший перед Дамблдором, — он тут же рассыпался на сотни кусков, но не успели они коснуться пола, как Дамблдор отвел палочку назад и взмахнул ею, точно хлыстом. Из ее кончика вылетел длинный, тонкий язык пламени и обвил Волан-де-Морта вместе со щитом. На мгновение Гарри показалось, что победа за Дамблдором, однако огненная веревка тут же обратилась в змею, которая сразу отпустила Волан-де-Морта и, яростно шипя, повернулась к Дамблдору.

Волан-де-Морт растаял в воздухе; змея поднялась с пола, готовая к броску…

Посреди зала блеснула вспышка, и в ту же секунду Волан-де-Морт появился снова — прямо над фонтаном, на постаменте, где совсем недавно возвышались пять статуй.

— Осторожно! — воскликнул Гарри.

Но одновременно с его криком новый зеленый луч полетел в Дамблдора из палочки Волан-де-Морта, и змея бросилась на него…

Перед Дамблдором порхнул Фоукс — открыв клюв, он проглотил зеленый луч целиком, вспыхнул и упал на пол, маленький, сморщенный и бездвижный. В тот же миг Дамблдор сделал палочкой длинный, плавный жест — и змея, чуть

было не вонзившая в него клыки, взлетела в воздух и растаяла струйкой черного дыма, а вода в фонтане поднялась и объяла Волан-де-Морта, словно заключив его в кокон из расплавленного стекла.

В течение нескольких секунд Волан-де-Морт — темная, неясная фигура с дрожащими расплывчатыми очертаниями — силился сбросить с себя эту удушающую массу…

Потом он исчез, и вода с шумом обрушилась обратно в бассейн — часть ее выплеснулась наружу, залив начищенный паркет.

— ХОЗЯИН! — вскрикнула Беллатриса.

Уверенный, что все кончилось, что Волан-де-Морт наконец бежал, Гарри хотел было выскочить из-за спины своего золотого стража, но Дамблдор осадил его громовым возгласом:

— Не двигайся, Гарри!

Впервые в голосе Дамблдора прозвучал страх. Гарри не понимал, что его напугало: в зале не осталось никого, кроме них двоих, рыдающей Беллатрисы, пригвожденной к полу статуей волшебницы, да птенца феникса, тихо трепыхающегося у фонтана…

И тут шрам Гарри взорвался дикой болью, и он понял, что погиб: это была невообразимая,

нестерпимая мука…

Он больше не стоял в зале — он был обвит кольцами существа с красными глазами, так крепко скован по рукам и ногам, что не знал, где кончается его тело и начинается тело этого существа, — они слились воедино, связанные болью, и пути к избавлению не было…

А потом существо заговорило устами Гарри — раздираемый мукой, он чувствовал, как открывается и закрывается его рот…

— *Убей меня, Дамблдор…*

Ослепленный и умирающий — каждая клеточка его тела взывала об освобождении, — Гарри вновь сделался орудием в чужих руках…

— *Если смерть — ничто, убей мальчика, Дамблдор!*

Только бы прекратилась эта боль, думал Гарри… пусть он убьет нас… решайся же, Дамблдор… смерть — ничто по сравнению с этим…

А еще — я снова увижу Сириуса…

И когда сердце Гарри переполнилось теплым чувством, кольца существа распустились, боль ушла; Гарри лежал на полу лицом вниз, без очков, дрожа так, словно под ним был лед, а не дерево…

А в зале перекатывалось эхо голосов, которых было гораздо больше, чем следовало… Гарри

открыл глаза и увидел свои очки у ног безголовой статуи, которая еще недавно охраняла его, а теперь лежала навзничь, растрескавшаяся и неподвижная. Надев очки, он приподнял голову и обнаружил длинный искривленный нос Дамблдора в нескольких дюймах от своего собственного.

— Как ты себя чувствуешь, Гарри?

— Н-нормально, — сказал Гарри; его так колотило, что он не в силах был держать голову прямо. — Да, я… где Волан-де-Морт, где… кто это здесь… что они…

В атриуме было полно народу; на полу отражались изумрудно-зеленые языки пламени, вспыхнувшего в каминах вдоль стены, и из них бесконечным потоком шли маги и волшебницы. Поднимаясь на ноги с помощью Дамблдора, Гарри увидел крохотные золотые фигурки эльфа-домовика и гоблина, ведущих под руки Корнелиуса Фаджа. Министр магии выглядел совершенно ошеломленным.

— Он был здесь! — воскликнул человек в алой мантии, с волосами, собранными в хвост. Он указывал на кучу золотых обломков по другую сторону зала — туда, где каких-нибудь пять минут назад лежала плененная Беллатриса. — Я видел

его, мистер Фадж! Клянусь, это был Вы-Знаете-Кто — он схватил женщину и трансгрессировал!

— Знаю, Уильямсон, знаю, я сам его видел… — промямлил Фадж. Под его мантией в полоску виднелась пижама, а задыхался он так, словно только что пробежал несколько миль. — Клянусь бородой Мерлина… здесь-здесь! В Министерстве магии!.. Да как же так… в это невозможно поверить… честное слово… да как это может быть!..

Тем временем Дамблдор закончил осматривать Гарри, видимо, сочтя его состояние удовлетворительным.

— Если вы соблаговолите спуститься в Комнату смерти, Корнелиус, — сказал он, делая шаг вперед, так что новоприбывшие впервые обратили на него внимание (некоторые из них подняли палочки, другие просто воззрились на него с удивлением, статуи эльфа и гоблина зааплодировали, а Фадж так подскочил от неожиданности, что едва не потерял шлепанцы), — вы найдете там несколько пленных Пожирателей смерти, связанных Антитрансгрессионным заклятием и ожидающих вашего решения относительно своей дальнейшей судьбы.

— Дамблдор! — воскликнул Фадж, оторопев от изумления. — Вы… здесь… Я… я…

Он обвел диким взглядом приведенных с собой мракоборцев, и стало яснее ясного, что с его губ вот-вот сорвется возглас: «Хватайте его!»

— Я готов сразиться с вашими людьми, Корнелиус, и вновь победить их! — прогремел Дамблдор. — Но несколько минут назад вы собственными глазами видели доказательство того, что весь последний год я говорил вам правду. Лорд Волан-де-Морт возродился, вы много месяцев гонялись не за тем человеком, и пора вам наконец внять голосу рассудка!

— Я… не… то есть… — пролепетал Фадж, озираясь точно в надежде, что ему подскажут, как действовать дальше. Но все молчали, и он был вынужден продолжать: — Ну хорошо… Долиш! Уильямсон! Идите в Отдел тайн и проверьте… А вы, Дамблдор, — вы должны рассказать мне во всех подробностях… Фонтан Волшебного братства… Да что здесь случилось? — плачущим голосом спросил он, глядя на золотые останки статуй волшебницы, чародея и кентавра.

— Мы обсудим это после того, как я отправлю Гарри обратно в Хогвартс, — сказал Дамблдор.

— Гарри… Гарри Поттера?

Фадж мигом повернулся и уставился на Гарри, по-прежнему стоящего рядом с поверженной

статуей, которая охраняла его во время поединка Дамблдора с Волан-де-Мортом.

— Он… здесь? — спросил Фадж. — Но почему… что это значит?

— Я все объясню, когда Гарри снова окажется в школе, — терпеливо повторил Дамблдор.

Он подошел к отбитой голове золотого чародея, откатившейся в сторону от фонтана, и, направив на нее палочку, тихо произнес: *«Портус»*. Голова налилась синим мерцанием и задрожала, стуча о паркет, а через несколько секунд снова потухла и застыла в неподвижности.

— Эй-эй, Дамблдор! — воскликнул Фадж, увидев, что Дамблдор поднял голову и направляется с ней обратно к Гарри. — У вас нет официального разрешения на этот портал! Вы не можете делать такие вещи прямо на глазах у министра магии — это… это…

Но тут Дамблдор величественно посмотрел на него поверх своих очков-половинок, и его голос тут же сорвался и затих.

— Вы отдадите приказ удалить из Хогвартса Долорес Амбридж, — произнес Дамблдор. — Вы прикажете своим мракоборцам прекратить преследование моего преподавателя по уходу за магическими существами, чтобы он мог

вернуться к работе. Сегодня вечером я уделю вам… — Дамблдор вынул из кармана часы с двенадцатью стрелками и внимательно поглядел на них, — полчаса, которых вполне хватит, чтобы обсудить происшедшее во всех его важнейших аспектах. После этого я должен буду вернуться в школу. Если вам и в дальнейшем понадобится моя помощь, я, разумеется, всегда буду рад оказать ее, не выезжая из Хогвартса. Можете писать мне туда на имя директора.

Фадж вытаращил глаза еще сильнее, чем раньше; челюсть у него отвисла, а круглое лицо под взлохмаченными седыми волосами залилось розовым румянцем.

— Я… вы…

Дамблдор повернулся к нему спиной.

— Берись за портал, Гарри.

Он протянул ему золотую голову статуи, и Гарри положил на нее руку. Ему было все равно, что произойдет дальше и куда он отправится.

— Увидимся через полчаса, — тихо сказал Дамблдор. — Раз… два… три!

Гарри словно подцепили крюком за живот — это ощущение было ему уже знакомо. Начищенный паркет ушел у него из-под ног — атриум и Фадж с Дамблдором исчезли, и его понесло

куда-то в вихре цвета и звука…

Глава 37

УТРАЧЕННОЕ ПРОРОЧЕСТВО

Ноги Гарри ударились обо что-то твердое; колени его подкосились, и голова золотого чародея упала на пол с глухим металлическим стуком. Он огляделся и увидел, что портал перенес его в кабинет Дамблдора.

Похоже, за время отсутствия директора вся обстановка кабинета вернула себе первоначальный вид. Хрупкие серебряные приборы снова очутились на столиках с веретенообразными ножками — они деловито жужжали и попыхивали. Портреты прежних директоров и директрис дремали на стенах, прислонившись головой кто к спинке кресла, а кто к боковой части рамы. Гарри выглянул в окно. Над горизонтом забрезжила светло-зеленая полоска — близился рассвет.

Неподвижность и тишина, лишь изредка нарушаемая сопением или случайным всхрапом какого-нибудь спящего портрета, были для него невыносимы. Если бы вещи вокруг отражали его внутреннее состояние, все картины кричали бы от боли. Тяжело дыша и стараясь ни о чем не

думать, он прошелся по тихому, прекрасному кабинету. Но мысли сами лезли в голову… от них не было спасения…

Это из-за него погиб Сириус — в его гибели был виноват только он, Гарри. Если бы он не оказался таким глупцом и не клюнул на приманку Волан-де-Морта, если бы он не был так убежден, что его сон правдив, если бы он прислушался к словам Гермионы и допустил хоть на мгновение, что Волан-де-Морт и впрямь решил сыграть на его привычке *изображать из себя героя*…

Это было невыносимо, он не мог думать об этом, не мог терпеть эту муку… Внутри него словно разверзлась страшная зияющая бездна, в которую он не хотел заглядывать, черная дыра там, где раньше был Сириус и куда он потом канул; Гарри не хотел оставаться наедине с этой жуткой молчаливой пустотой, он не мог этого вынести…

Вдруг с картины позади него донесся какой-то особенно громкий всхрап, и холодный голос сказал:

— А… Гарри Поттер…

Финеас Найджелус сладко зевнул и потянулся, устремив на Гарри проницательный взгляд прищуренных глаз.

— Что привело вас сюда в столь ранний час? —

наконец осведомился он. — Согласно правилам, доступ в этот кабинет запрещен всем, кроме законного директора. Или это Дамблдор прислал вас сюда? Постойте-ка, не говорите… — Он снова во весь рот зевнул. — Очередное поручение для моего никчемного праправнука?

Гарри молчал. Финеас Найджелус не знал, что Сириус погиб, но Гарри не мог сказать ему об этом. Сказать это вслух было все равно что признать случившееся окончательно и бесповоротно.

Еще несколько портретов зашевелились. Страх перед возможным допросом заставил Гарри пересечь комнату и взяться за дверную ручку.

Она не поворачивалась. Он был заперт.

— Надеюсь, — сказал дородный красноносый волшебник с портрета, висящего над директорским столом, — это означает, что Дамблдор скоро вновь окажется среди нас?

Гарри обернулся. Волшебник глядел на него с большим интересом. Гарри кивнул, потом снова подергал ручку у себя за спиной, но она не поддавалась.

— Прекрасно, — сказал волшебник. — Без него здесь было очень скучно… чрезвычайно скучно.

Он уселся поудобнее в своем кресле, похожем на трон, и благосклонно улыбнулся Гарри.

— Как вы наверняка знаете, Дамблдор о вас весьма высокого мнения, — добродушно сказал он. — Да-да. Считает вас исключительно достойным молодым человеком.

Чувство вины заворочалось в груди у Гарри, словно чудовищный, увесистый паразит. Гарри не мог этого вынести, он больше не мог оставаться собой… он никогда еще так остро не ощущал себя запертым внутри собственной головы и тела, никогда так сильно не хотел стать кем-нибудь другим, кем угодно…

В пустом камине вспыхнуло изумрудное пламя, и Гарри отскочил от дверей, глядя на вращающуюся в огне человеческую фигуру. Пока Дамблдор выбирался из камина, все остальные маги и волшебницы, изображенные на портретах, тоже очнулись ото сна. Послышались приветственные восклицания.

— Благодарю, — мягко сказал Дамблдор.

Не глядя на Гарри, он прошел к двери и, вынув из внутреннего кармана мантии крохотное, обезображенное, лишенное перьев птичье тельце, бережно опустил его на подносик с мягкой золой под золотым насестом, на котором обычно сидел взрослый Фоукс.

— Ну, Гарри, — сказал он наконец, отвора-

чиваясь от птенца феникса, — ты будешь рад услышать, что ночные события не нанесли серьезного ущерба здоровью твоих товарищей и все они скоро поправятся.

Гарри хотел сказать «хорошо», но не мог выдавить из себя ни звука. Ему казалось, что речь идет об ущербе, виновником которого был он сам, и хотя Дамблдор впервые за долгое время смотрел ему прямо в глаза и выражение его лица было скорее ласковым, чем укоризненным, Гарри не мог заставить себя смело встретить его взгляд.

— Мадам Помфри быстро поставит на ноги всех раненых, — сказал Дамблдор. — Возможно, Нимфадоре Тонкс придется провести некоторое время в больнице святого Мунго, однако, по всей видимости, дело кончится полным выздоровлением.

Гарри удовлетворился кивком, адресованным ковру, который становился светлее по мере того, как бледнело небо снаружи. Он был уверен, что все портреты жадно ловят каждое слово Дамблдора и гадают, где были он и Гарри и откуда взялись раненые.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, Гарри, — очень тихо произнес Дамблдор.

— Нет, не понимаете, — сказал Гарри неожиданно громким и сильным голосом. В нем взмет-

нулась безудержная ярость — Дамблдор *ничего* не понимал в его чувствах!

— Видите, Дамблдор? — насмешливо спросил Финеас Найджелус. — Никогда не пытайтесь понять учеников. Они этого не потерпят. Они предпочитают быть несчастными и непонятыми, упиваться жалостью к себе, валяться в собственном…

— Довольно, Финеас, — прервал его Дамблдор.

Гарри повернулся спиной к Дамблдору и упрямо уставился в окно. Вдалеке белел школьный стадион. Однажды Сириус появился там в облике лохматого черного пса, чтобы посмотреть на игру Гарри… Наверное, ему хотелось увидеть, так ли хорош Гарри, как хорош был в свое время Джеймс… Гарри его об этом не спрашивал…

— Не надо стыдиться своих чувств, Гарри, — снова послышался голос Дамблдора. — Наоборот… в том, что ты способен ощущать такую боль, заключена твоя величайшая сила.

Гарри чувствовал, как ярость жжет его изнутри, пылая в ужасной пустоте, наполняя его желанием покарать Дамблдора за это спокойствие и эти ненужные слова.

— Ах, вот как — моя величайшая сила? — Голос у Гарри дрожал, а сам он не отрываясь смотрел

на школьный стадион, уже не видя его. — Да вам-то… вы-то откуда знаете…

— Чего же я не знаю? — невозмутимо спросил Дамблдор.

Это было уже чересчур. Гарри обернулся, дрожа от ярости.

— Давайте не будем обсуждать, что я чувствую, договорились?

— Гарри, твои страдания доказывают, что ты остаешься человеком! Боль — удел человеческий…

—

ТОГДА — Я — НЕ ХОЧУ — БЫТЬ — ЧЕЛОВЕКОМ! — взревел Гарри и, схватив с ближайшего высокого столика хрупкий серебряный прибор, швырнул его через всю комнату — он ударился о стену и разлетелся на сотни крошечных кусочков. Несколько портретов вскрикнули то ли от гнева, то ли от испуга, а портрет Армандо Диппета обронил: «Ну и ну!» — Плевал я на вас! — закричал Гарри, хватая луноскоп и отправляя его в камин. — Я больше не могу, довольно, выпустите меня отсюда, надоело, мне теперь все равно…

Следующим ему под руку подвернулся столик, на котором минуту назад стоял серебряный прибор. Грянувшись об пол, он развалился, и его

длинные ножки покатились в разные стороны.

— Это пройдет, — сказал Дамблдор. Он не шелохнулся и не сделал ни малейшей попытки удержать Гарри от разгромления кабинета. Лицо у него было спокойное, чуть ли не отрешенное. — Да и сейчас тебе не все равно — настолько не все равно, что ты готов умереть, лишь бы перестать мучиться…

— НЕПРАВДА! — завопил Гарри так громко, что чуть не сорвал горло. Секунду-другую он боролся с собой: ему хотелось кинуться на Дамблдора и разбить его тоже, лишь бы не видеть больше этого спокойного старого лица, — встряхнуть его, сделать ему больно, чтобы он ощутил хотя бы малую толику того ужаса, который переполнял все его существо…

— Нет, правда, — сказал Дамблдор еще спокойнее. — Ты потерял мать, отца, а теперь еще и того, для кого был почти что родным сыном. Конечно, тебе не все равно.

— Откуда вам знать, что я чувствую! — закричал Гарри. — Вы… стоите тут… И вы еще…

Но слов не хватало, и даже если бы он перевернул вверх дном весь кабинет, это не принесло бы ему облегчения; он хотел убежать отсюда — бежать и бежать не оглядываясь, спрятаться

где-нибудь, чтобы не видеть этих ясных голубых глаз, этого ненавистного, спокойного лица в обрамлении серебристых волос. Он бросился к двери, снова схватил ручку и неистово затряс ее.

Но дверь не желала открываться.

Гарри снова обернулся к Дамблдору.

— Выпустите меня, — сказал он. Его била крупная дрожь.

— Нет, — просто ответил Дамблдор.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

— Выпустите меня, — снова повторил Гарри.

— Нет.

— Если вы не… если вы будете держать меня здесь… если не выпустите…

— Я отнюдь не против того, чтобы ты и дальше уничтожал мои вещи, — безмятежно сказал Дамблдор. — Пожалуй, их у меня слишком много.

Не сводя с Гарри взгляда, он обогнул стол и уселся в кресло.

— Выпустите меня. — Теперь голос Гарри звучал холодно и почти так же спокойно, как у Дамблдора.

— Не раньше, чем ты меня выслушаешь.

— По-вашему… думаете, я хочу… по-вашему, мне есть какое-то… ДА МНЕ ПЛЕВАТЬ, ЧТО ВЫ

СКАЖЕТЕ! — закричал Гарри. — Я ничего не хочу слушать!

— Придется, — твердо сказал Дамблдор. — Потому что ты и вполовину не так сердит на меня, как следовало бы. Если ты и впрямь на меня набросишься — а я чувствую, что ты уже недалек от этого, — мне хотелось бы сознавать, что я заслужил это в полной мере.

— О чем это вы го…

— В смерти Сириуса виноват я, — раздельно произнес Дамблдор. — Вернее, главным образом я — не стоит проявлять излишнее высокомерие и брать на себя всю ответственность целиком. Сириус был умным, отважным и энергичным человеком, а такие люди редко соглашаются сидеть дома, в теплом местечке, когда другим угрожает опасность. Тем не менее я хочу заявить тебе со всей ответственностью, что в твоем вчерашнем путешествии в Отдел тайн не было ни малейшей нужды. Если бы я был откровенен с тобой, Гарри — к сожалению, мне не хватило на это смелости, — ты уже давным-давно знал бы, что Волан-де-Морт может попытаться заманить тебя в Отдел тайн, и не попался бы вчера на его удочку. Тогда и Сириусу не пришлось бы отправляться туда за тобой. Вина за это лежит на мне, и

только на мне.

Рука Гарри по-прежнему сжимала дверную ручку, но он уже позабыл об этом. Он не сводил глаз с Дамблдора и, затаив дыхание, вслушивался в его слова, с трудом понимая их.

— Сядь, пожалуйста, — сказал Дамблдор. Это был не приказ, а просьба.

Гарри помешкал, затем медленно пересек комнату, замусоренную серебряными зубчиками и обломками дерева, и сел у стола напротив Дамблдора.

— Следует ли понимать это так, — раздался слева от Гарри неторопливый голос Финеаса Найджелуса, — что моего праправнука, последнего из Блэков, больше нет в живых?

— Да, Финеас, — ответил Дамблдор.

— Я в это не верю, — резко заявил тот.

Повернув голову, Гарри успел увидеть, как Финеас покинул свой портрет, и сообразил, что он отправился на площадь Гриммо. Наверное, он будет переходить из картины в картину, ища Сириуса по всему дому…

— Я должен с тобой объясниться, Гарри, — сказал Дамблдор. — Мои ошибки — ошибки старого человека. Ибо теперь я вижу: все, что я сделал и чего не сделал по отношению к тебе, несет

на себе явную печать недостатков, связанных с возрастом. Молодым не понять, как думают и чувствуют старики. Но старики виноваты, если они забывают, что значит быть молодым… а я в последнее время, похоже, стал это забывать…

Вставало солнце; его ослепительный оранжевый краешек уже появился над горами, и небо над ним было светлым и бесцветным. Солнечные лучи упали на Дамблдора — на его серебряные брови и бороду, на глубокие морщины, избороздившие его лицо.

— Пятнадцать лет назад, — промолвил Дамблдор, — впервые увидев шрам на твоем лбу, я догадался, что он может значить. Я увидел в этом шраме знак глубинной связи между тобой и Волан-де-Мортом.

— Вы уже говорили мне об этом, профессор, — прервал его Гарри. Он понимал, что ведет себя грубо, но ему было все равно. Теперь его вообще мало что волновало.

— Да, — виновато согласился Дамблдор. — Это, конечно, так, но, видишь ли… мне необходимо начать с твоего шрама. Ибо вскоре после того, как ты снова вернулся в волшебный мир, стало ясно, что я был прав и шрам предупреждает тебя о близости Волан-де-Морта или о том, что его

обуревает какое-то сильное чувство.

— Знаю, — устало сказал Гарри.

— И эта твоя способность — ощущать присутствие Волан-де-Морта, даже если он скрывается под чужой личиной, и знать, что он чувствует в минуты сильнейших переживаний, — становилась все более и более явной по мере того, как Волан-де-Морт набирал силы, вернувшись в свое собственное тело.

Гарри даже не дал себе труда кивнуть — все это он знал и так.

— С течением времени, — продолжал Дамблдор, — я начал опасаться, что Волан-де-Морт узнает о существовании этой связи между вами. И действительно — настала минута, когда ты так глубоко проник в его сознание и мысли, что он почувствовал твое присутствие. Я имею в виду ту ночь, когда ты стал свидетелем нападения на мистера Уизли.

— Да, Снегг говорил мне, — пробормотал Гарри.

— Профессор Снегг, Гарри, — спокойно поправил его Дамблдор. — Но разве ты не задавался вопросом, почему это объяснил тебе не я? Почему не я взялся учить тебя окклюменции? Почему я много месяцев избегал твоего взгляда?

Гарри поднял глаза. Дамблдор смотрел на него печально и устало.

— Да, — тихо признался Гарри. — Да, меня это удивляло.

— Видишь ли… я боялся, что недалек тот час, когда Волан-де-Морт попытается силой проникнуть в твое сознание, чтобы управлять твоими мыслями, и мне не хотелось лишний раз подталкивать его к этому. Я был уверен: если он поймет, что нас связывает — или когда-либо связывало — нечто большее, чем обычные отношения между учителем и учеником, он обязательно захочет использовать тебя, чтобы шпионить за мной. Я боялся, что он овладеет тобой, подчинит тебя себе. Думаю, я был прав, считая, что Волан-де-Морт попробует использовать тебя таким образом. В тех редких случаях, когда между нами возникал зрительный контакт, я замечал в глубине твоих глаз его призрачную тень…

Гарри вспомнил чувство, охватывавшее его в те мгновения, когда их взгляды встречались: словно дремлющая в нем змея поднимала голову, готовясь к броску.

— Как показала сегодняшняя ночь, Волан-де-Морт хотел овладеть тобой не ради того, чтобы погубить меня; он хотел погубить *тебя.* Он

внедрился в твое сознание на короткое время, рассчитывая, что я пожертвую тобой в надежде убить его. Как видишь, сохраняя дистанцию между нами, я пытался защитить тебя, Гарри. Ошибка старого человека…

Он глубоко вздохнул. Его слова почти не задевали Гарри — месяц-другой назад он выслушал бы их с огромным интересом, но теперь все это не имело смысла по сравнению с зияющей пустотой, образовавшейся в его душе после утраты Сириуса, — все это уже ничего не значило…

— Сириус сообщил мне, что в ту самую ночь, когда пострадал Артур Уизли, ты почувствовал, как в тебе пробуждается Волан-де-Морт. Я сразу понял, что мои худшие страхи оправдываются: Волан-де-Морт догадался, что тебя можно использовать. Чтобы обезопасить твое сознание от вторжений Волан-де Морта, я организовал уроки окклюменции у профессора Снегга.

Он сделал паузу. Гарри не отрываясь смотрел на полированную поверхность директорского стола. По ней медленно ползла граница солнечного света — вот ярко вспыхнула в его лучах серебряная чернильница с красивым алым пером… Гарри знал, что портреты вокруг не спят и внимательно слушают Дамблдора: порой до него

доносились шорох мантии или чье-нибудь тихое покашливание. Финеаса Найджелуса все еще не было на месте…

— Профессор Снегг обнаружил, — возобновил свой рассказ Дамблдор, — что тебе уже не первый месяц снится некая дверь в Отделе тайн. Разумеется, желание услышать касающееся его пророчество преследовало Волан-де-Морта с тех самых пор, как он вернул себе тело. Когда он представлял себе эту дверь, она возникала и в твоих снах, хотя ты и не понимал смысла происходящего. А потом ты увидел Руквуда, который до своего ареста работал в Отделе тайн; он сказал Волан-де-Морту то, о чем мы знали с самого начала, — что пророчества в Министерстве магии надежно защищены. Взять их с полки и не сойти при этом с ума могут только те, к кому они имеют прямое отношение. Таким образом, Волан-де-Морт должен был либо сам явиться в Министерство магии, рискуя наконец выдать себя, либо заставить тебя взять пророчество для него. Поэтому умение защищаться с помощью окклюменции стало тебе еще более необходимо.

— Но я так ничему и не научился, — пробормотал Гарри. Он сказал это вслух, надеясь хоть немного ослабить гнетущее чувство вины: навер-

ное, признание могло бы облегчить его тяжкое бремя. — Я не тренировался, мне было все равно — я мог бы избавиться от своих снов, Гермиона все время твердила мне, как это важно, и если бы я ее послушался, то никогда не увидел бы, куда надо идти, и тогда Сириус… тогда Сириус…

что-то творилось в душе у Гарри — он чувствовал, что должен оправдаться, объяснить…

— Я хотел проверить, правда ли он схватил Сириуса, — я залез в кабинет Амбридж, поговорил через камин с Кикимером, и он сказал, что Сириуса нет в доме, что он ушел!

— Кикимер солгал, — спокойно объяснил Дамблдор. — Ты не его хозяин, и за эту ложь ему даже не надо было себя наказывать. Кикимер хотел, чтобы ты отправился в Министерство магии.

— Так он… он нарочно послал меня туда?

— Да. Боюсь, что Кикимер уже много месяцев служил не только своему законному хозяину.

— Как это? — озадаченно спросил Гарри. — Ведь он ни разу за много лет не покидал площади Гриммо!

— Кикимер использовал свой шанс накануне Рождества, — пояснил Дамблдор. — Помнишь, как Сириус крикнул ему «вон»? Он поймал Сириуса на слове и воспринял это как приказ покинуть

дом. И отправился к единственному члену семьи Блэков, который еще внушал ему уважение, — а именно к кузине Блэка Нарциссе, сестре Беллатрисы и жене Люциуса Малфоя…

— Откуда вы все это знаете? — спросил Гарри. Сердце его забилось очень быстро. Голова закружилась. Он вспомнил, как удивлялся странному отсутствию Кикимера в рождественские праздники, вспомнил, как эльф снова нашелся на чердаке…

— Кикимер сам рассказал мне об этом вчера вечером, — ответил Дамблдор. — Услышав твое загадочное предостережение, профессор Снегг догадался, что во время обморока ты видел Сириуса в плену в Отделе тайн. Как и ты, он немедленно попытался войти с Сириусом в контакт — между прочим, у членов Ордена Феникса есть более надежные средства сообщения, чем камин в кабинете Долорес Амбридж… Профессор Снегг обнаружил, что Сириус, целый и невредимый, находится на площади Гриммо. Однако после того, как ты не вернулся из Запретного леса, куда вы пошли вместе с Амбридж, профессор Снегг забеспокоился. Ему стало ясно, что ты по-прежнему считаешь Сириуса пленником Волан-де-Морта, и он сразу же оповестил об этом нескольких членов

Ордена. — Дамблдор подавил тяжелый вздох и продолжал: — Когда он вышел на связь, в нашей штаб-квартире были Аластор Грюм, Нимфадора Тонкс, Кингсли Бруствер и Римус Люпин. Все они тотчас изъявили желание лететь к тебе на помощь. Профессор Снегг настоял на том, чтобы Сириус остался в штабе, — моего появления там ждали с минуты на минуту, и кто-нибудь должен был сообщить мне о последних событиях. Сам же профессор Снегг тем временем собирался поискать тебя в Запретном лесу.

Но Сириус не мог бросить тебя в беде. Он велел Кикимеру рассказать мне о происшедшем, а сам покинул дом вслед за остальными членами Ордена. Вскоре после этого на площади Гриммо появился я, и эльф, смеясь до колик, поведал мне, куда отправился Сириус.

— Значит, он смеялся? — глухо спросил Гарри.

— Да, смеялся, — подтвердил Дамблдор. — Дело в том, что Кикимер не мог выдать все наши секреты. Он не входит в число Хранителей Тайны Ордена, и Малфой не узнали от него ни точного адреса нашего штаба, ни наших планов на будущее — разглашать все это ему запрещено. Как любой эльф-домовик, он связан со своим хозяином волшебными узами и не может нарушить

его прямой приказ. Однако он все же сообщил Нарциссе сведения, весьма ценные для Волан-де-Морта, — Сириус не запретил ему говорить об этих вещах, потому что считал их слишком уж очевидными.

— Что вы имеете в виду? — спросил Гарри.

— Например, то, что у Сириуса не было никого на свете дороже тебя, — спокойно ответил Дамблдор. — А еще — что Сириус стал для тебя кем-то вроде отца и брата в одном лице. Конечно, Волан-де-Морт уже знал, что Сириус состоит в Ордене и что тебе известно, где он находится, но информация, полученная от Кикимера, помогла ему понять, что ради спасения Сириуса Блэка ты готов пойти на любой риск и преодолеть любые трудности.

Губы у Гарри онемели и плохо слушались.

— Значит… когда я вчера спросил Кикимера, дома Сириус или нет…

— Малфой — несомненно, по наущению Волан-де-Морта — велели ему найти способ скрыть от тебя факт присутствия Сириуса в доме после того, как он привидится тебе в Отделе тайн. Кикимера предупредили: если ты решишь проверить, дома ли Сириус, он должен притвориться, что хозяина нет. Вчера Кикимер поранил Клювокрыла, и в то

время, когда ты появился у них в очаге, Сириус лечил гиппогрифа наверху.

Гарри точно не хватало воздуха: он дышал быстро и прерывисто.

— И Кикимер рассказал вам об этом… и смеялся? — выдавил из себя он.

— Он не хотел мне говорить, — ответил Дамблдор, — но я сам неплохо владею легилименцией и умею распознавать ложь, так что я… как бы это сказать… убедил его открыть мне всю правду, после чего тоже поспешил в Отдел тайн.

— А Гермиона… — прошептал Гарри, и его холодные руки, лежащие на коленях, сами собой сжались в кулаки, — Гермиона еще уговаривала нас быть с ним поласковее…

— Она была совершенно права, Гарри, — сказал Дамблдор. — Когда мы сделали дом номер двенадцать на площади Гриммо своим штабом, я предупреждал Сириуса, что к Кикимеру следует относиться с мягкостью и уважением. Кроме того, я сказал ему, что Кикимер может быть для нас опасен. Не думаю, что Сириус принял мои слова всерьез: он никогда не считал Кикимера существом, чьи переживания могут быть столь же глубокими, как человеческие…

— Не смейте… обвинять его… Сириуса… в том,

что он… — У Гарри сперло дыхание и слова не выговаривались как следует, но улегшийся было гнев вспыхнул снова: Дамблдор не имеет права критиковать Сириуса! — Кикимер лгун… подлый обманщик… он заслужил…

— Кикимер таков, каким его сделали волшебники, Гарри, — сказал Дамблдор. — Да, он заслуживает жалости. Его существование было таким же беспросветным, как у твоего приятеля Добби. Кикимер не мог не повиноваться последнему уцелевшему представителю рода Блэков, однако он не был предан Сириусу по-настоящему. И сколь бы огромной ни была вина Кикимера, Сириус и пальцем не пошевелил, чтобы облегчить его участь…

— НЕ СМЕЙТЕ ОБВИНЯТЬ СИРИУСА! — свирепо выкрикнул Гарри.

Он уже снова вскочил на ноги, пылая яростью, — он был готов броситься на Дамблдора, который совсем не понимал Сириуса, не знал, каким он был храбрым, как много страдал…

— А как насчет Снегга? — выпалил Гарри. — О нем вы почему-то молчите! Когда я сказал ему, что Волан-де-Морт схватил Сириуса, он только ухмыльнулся с издевочкой, как обычно…

— Ты же знаешь, Гарри: Снегг вынужден был

притвориться перед Долорес Амбридж, что не принимает твоих слов всерьез, — твердо сказал Дамблдор. — И я ведь уже объяснил тебе, что он со всей возможной поспешностью передал Ордену то, что услышал от тебя. Именно он догадался, где нужно тебя искать, когда ты не вернулся из Запретного леса. И именно он дал профессору Амбридж поддельную сыворотку правды, когда она допрашивала тебя с целью выяснить местонахождение Сириуса.

Гарри пропустил эти доводы мимо ушей: проклиная Снегга, он чувствовал жестокое наслаждение, которое словно облегчало терзающее его чувство вины, и ему хотелось, чтобы Дамблдор согласился с ним.

— Снегг… Снегг издевался над Сириусом за то, что ему не разрешали выходить… обзывал его трусом…

— Сириус был достаточно взрослым и умным, чтобы не обращать внимания на пустые насмешки, — сказал Дамблдор.

— Снегг перестал давать мне уроки окклюменции! — огрызнулся Гарри. — Он вышвырнул меня из своего кабинета!

— Мне это известно, — веско сказал Дамблдор. — Еще раз повторю: я жалею, что не взялся

обучать тебя сам, хотя в ту пору я был уверен, что нет ничего опаснее, чем открывать твое сознание Волан-де-Морту в моем присутствии…

— Из-за Снегга все стало только хуже, после его уроков мой шрам всегда болел сильнее… — Гарри вспомнил, что говорил ему Рон, и слова полились из него безудержным потоком: — Почем вы знаете, что он не пытался помочь Волан-де-Морту, облегчить ему доступ в мое…

— Я доверяю Северусу Снеггу, — просто сказал Дамблдор. — Но я забыл — вот тебе еще одна ошибка старого человека, — что бывают раны, которые не способно залечить даже время: уж слишком они глубоки. Я думал, что профессор Снегг сумеет преодолеть свою ненависть к твоему отцу… но я ошибся.

— Но это вас не трогает, да? — выкрикнул Гарри, игнорируя осуждающие гримасы и неодобрительное бормотание портретов на стенах. — Значит, Снеггу можно ненавидеть моего отца, а Сириусу Кикимера — нельзя?

— Сириус не ненавидел Кикимера. Он считал его слугой, не достойным ни интереса, ни особенного внимания. Равнодушие и пренебрежение часто приносят гораздо больше вреда, чем открытая неприязнь… фонтан, который мы сегодня

разрушили, говорил неправду. Мы, волшебники, слишком долго унижали и оскорбляли своих собратьев, а теперь пожинаем плоды…

— ПО-ВАШЕМУ, СИРИУС ПОЛУЧИЛ ПО ЗАСЛУГАМ, ДА? — завопил Гарри.

— Я этого не говорил, и этого ты от меня никогда не услышишь, — невозмутимо возразил Дамблдор. — Сириус не был жесток — к эльфам вообще он относился вполне дружелюбно. А вот Кикимера не любил, потому что Кикимер был живым напоминанием о доме, который Сириус ненавидел всей душой.

— Да, ненавидел! — Голос у Гарри сорвался. Он повернулся спиной к Дамблдору и пошел сам не зная куда. Теперь комнату уже заливал яркий солнечный свет; глаза всех портретов были устремлены на Гарри, а он шагал, ничего не видя, не сознавая, что делает. — Вы держали его взаперти в доме, который он ненавидел, — вот почему вчера он не смог там остаться…

— Я пытался спасти Сириусу жизнь, — тихо ответил Дамблдор.

— Людям не нравится, когда их запирают! — свирепо бросил Гарри, оборачиваясь к нему. — Вы и со мной поступили так же — помните, прошлым летом?

Дамблдор опустил веки и закрыл лицо длинно-палыми руками. Но даже этот необычный жест, говорящий то ли о грусти, то ли о бесконечной усталости, то ли еще о чем-то неведомом, не смягчил Гарри. Наоборот, его еще больше взбесило то, что Дамблдор проявляет признаки слабости. Он не имел права быть слабым, когда Гарри хотелось рвать и метать, осыпая его упреками.

Через несколько секунд Дамблдор отнял от лица руки и посмотрел на Гарри сквозь свои очки-половинки.

— Пожалуйста, сядь, Гарри, — произнес он. — Пришло время сказать тебе то, что я должен был сказать пять лет назад. Сейчас ты узнаешь все. Я прошу у тебя только одного — немного терпения. Когда я закончу, буйствуй на здоровье… я не стану тебя останавливать, делай, что хочешь.

Некоторое время Гарри еще сверлил его взглядом, затем опять уселся на стул напротив Дамблдора и приготовился слушать.

Дамблдор поглядел в окно на залитые солнцем луга, потом снова на Гарри и начал:

— Пять лет назад ты, Гарри, прибыл в Хогвартс живым и здоровым, как я надеялся и рассчитывал. Впрочем… не совсем здоровым. Ты перенес много страданий. Я знал, что так будет, когда

оставлял тебя на пороге дома твоих дяди и тети. Знал, что обрекаю тебя на десять трудных, мучительных лет.

Он помедлил. Гарри молчал.

— Ты можешь спросить — и у тебя есть на то причины, — почему я так поступил. Почему было не отдать тебя на усыновление в какую-нибудь семью волшебников? Многие согласились бы на это с радостью и почли бы за счастье и большую честь воспитать тебя как сына.

Мой ответ таков: в первую очередь я хотел сохранить тебе жизнь. Пожалуй, я один знал, какая огромная опасность тебе угрожает. Волан-де-Морт был побежден несколько часов назад, но его сторонники — а многие из них почти так же ужасны, как их предводитель, — все еще оставались на свободе, свирепые, отчаянные и безжалостные. Вдобавок, принимая решение, я должен был учесть перспективы на будущее. Верил ли я в то, что Волан-де-Морт исчез навсегда? Нет; я не знал, десять, двадцать или пятьдесят лет пройдет до его возвращения, но был уверен, что рано или поздно он вернется, а еще, зная его как никто, был уверен, что он не успокоится, пока не убьет тебя.

Я знал, что познания Волан-де-Морта в области

черной магии более обширны, чем у любого другого из ныне живущих волшебников. Знал, что даже мои самые сложные и мощные защитные чары вряд ли уберегут тебя, если он вернет себе всю былую силу.

Но мне была ведома и слабость Волан-де-Морта. И я принял решение: тебя защитит древняя магия, о которой он знает, которую презирает и которую всегда прежде недооценивал — себе на горе. Я имею в виду, конечно, то, что твоя мать пожертвовала собой ради твоего спасения. Она дала тебе такую надежную защиту, какой он и представить себе не мог, и она по сей день тебя оберегает. Таким образом, я решил положиться на материнскую кровь. И я отнес тебя к ее сестре, поскольку других родственников у нее не осталось.

— Она меня не любит, — тут же вставил Гарри. — Ей наплевать…

— Но она приняла тебя, — прервал его Дамблдор. — Да, неохотно; да, скрепя сердце, с горечью и даже гневом, но приняла — и таким образом закрепила наложенные мною чары. Благодаря жертве твоей матери кровные узы сделались самой могучей защитой, какую я мог тебе дать.

— Я все-таки не…

— Пока ты называешь своим домом тот, где обитают кровные родственники твоей матери, Волан-де-Морт не причинит тебе вреда — он не может даже пальцем тебя тронуть. Он пролил ее кровь, но она по-прежнему живет в тебе и в ее сестре. Ее кровь стала твоей хранительницей. Пускай ты возвращаешься туда только раз в году, но покуда ты еще можешь называть это место домом, покуда ты принадлежишь ему, Волан-де-Морт ничего тебе не сделает. Твоя тетя знает об этом. Я все объяснил в письме, которое оставил у нее на крыльце рядом с тобой. Она знает, что, взяв тебя под свою крышу, сохраняла тебе жизнь на протяжении последних пятнадцати лет.

— Погодите, — сказал Гарри. — Погодите минутку.

Он выпрямился на стуле, в упор глядя на Дамблдора.

— Так это вы прислали ей Громовещатель. Вы велели ей не забывать… это был ваш голос…

— Я подумал, — Дамблдор слегка наклонил голову, — что ей стоит напомнить о договоре, который она скрепила, приняв тебя в семью. Я подозревал, что нападение дементора откроет ей глаза на опасности, связанные с содержанием в доме такого приемного сына.

— Так оно и вышло, — тихо подтвердил Гарри. — Вернее… больше всех разозлился дядя. Он хотел выкинуть меня на улицу, но тут пришел Громовещатель, и она… она сказала, что я должен остаться. — Он уткнулся взглядом в пол, потом добавил: — Но какое отношение это имеет к…

Он не мог заставить себя произнести имя Сириуса.

— Итак, пять лет назад, — снова заговорил Дамблдор, точно его и не прерывали, — ты прибыл в Хогвартс — может, и не такой счастливый и упитанный, каким я хотел бы тебя видеть, зато живой и более или менее здоровый. Ты был не изнеженным маленьким принцем, а самым обычным мальчишкой — чему, с учетом всех обстоятельств, можно было только радоваться. До сих пор все шло согласно моему плану.

А потом… впрочем, ты не хуже меня помнишь то, что произошло на первом году твоего обучения в Хогвартсе. Ты великолепно ответил на брошенный тебе вызов и очень скоро — гораздо скорее, чем я мог предвидеть, — очутился лицом к лицу с Волан-де-Мортом. И снова выжил. Мало того — ты отсрочил возвращение Волан-де-Морта во всей полноте его могущества. Это был подвиг, достойный взрослого мужчины. Не могу выра-

зить, как я тобой гордился.

Однако у моего замечательного плана был один недостаток, — продолжал Дамблдор. — Недостаток вполне очевидный — и уже тогда я понимал, что из-за него все может пойти насмарку. Тем не менее, сознавая, как важно, чтобы мой план увенчался успехом, я сказал себе, что не позволю этому недостатку его погубить. Я один мог предотвратить крах — следовательно, я один должен был проявить силу. И это стало моим первым испытанием, когда ты лежал в больничном крыле, ослабевший после схватки с Волан-де-Мортом.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — сказал Гарри.

— Помнишь, как ты спросил меня, почему Волан-де-Морт пытался убить тебя, когда ты был еще ребенком?

Гарри кивнул.

— Как, по-твоему, следовало мне тогда ответить?

Гарри взглянул в его голубые глаза и промолчал, но его сердце снова пустилось вскачь.

— Ты до сих пор не видишь недостатка в моем плане? Нет… наверное, нет. Что ж… Как тебе известно, тогда я решил не отвечать. Одиннадцать лет, сказал себе я, — это слишком рано для такой

откровенности. У меня раньше и в мыслях не было раскрыть секрет, когда тебе будет всего одиннадцать. Я боялся, что бремя этого знания станет для тебя невыносимым.

Но еще в ту пору мне следовало заметить кое-какие опасные симптомы. Я должен был спросить себя, почему меня так мало встревожило то, что ты уже задал мне вопрос, на который — я знал это — мне когда-нибудь придется дать ужасный ответ. Надо было признаться себе, что я чересчур радовался возможности промолчать хотя бы в тот день… Ты был еще молод, слишком молод.

Итак, начался второй год твоей учебы в Хогвартсе. И снова ты встретился с трудностями, которые по плечу не каждому взрослому волшебнику, и снова преодолел их с таким успехом, о каком я и не мечтал. Правда, ты не повторил своего вопроса о том, почему Волан-де-Морт оставил у тебя на лбу эту метку. Да, конечно, мы обсуждали твой шрам… мы подошли очень, очень близко к запретной теме. Почему я тогда не рассказал тебе все?

Что ж… мне казалось, что для такого разговора двенадцать — это, в конце концов, едва ли намного лучше одиннадцати. Я позволил тебе уйти — окровавленному, измученному, но счаст-

ливому — и, почувствовав слабый укол совести при мысли о том, что надо было во всем тебе признаться, легко и быстро успокоил сам себя. Ты был еще так молод, и я не мог найти в себе сил испортить день твоего торжества…

Теперь понимаешь, Гарри? Теперь ты видишь изъян в моем чудесном плане? Я угодил в ловушку, о которой знал заранее и которую обещал себе обойти — должен был обойти!

— Я не…

— Ты был слишком дорог мне, — просто сказал Дамблдор. — Твое счастье было для меня важнее, чем твое знание правды, твое душевное спокойствие — дороже моего плана, а твоя жизнь — ценнее тех жизней, которыми, возможно, пришлось бы расплатиться за провал этого плана. Иными словами, мое поведение было именно таким, какого Волан-де-Морт всегда ожидал от глупцов, способных любить.

Думаешь, я оправдываюсь? Да разве у любого другого на моем месте — а ведь ты и представить себе не можешь, как пристально я за тобой следил, — хватило бы духу причинить тебе новую боль в дополнение к уже перенесенным тобою страданиям? Какое мне было дело до безымянных, безликих людей и прочих созданий, которые

могли погибнуть в туманном будущем, если здесь и сейчас ты был жив, здоров и весел? Я никогда не мечтал о том, что у меня на руках окажется такое чудо.

Ты перешел на третий курс. Издалека я следил за тем, как ты учился отгонять дементоров, как встретил Сириуса, убедился в его невиновности и спас его от гибели. Надо ли было признаться тебе сразу после того, как ты с триумфом вырвал своего крестного отца из когтей Министерства? Теперь, когда тебе исполнилось тринадцать, мои доводы стали выглядеть менее убедительными. Пускай ты был молод, но свою исключительность ты уже доказал. Совесть не давала мне покоя, Гарри. Я знал, что время скоро придет…

Но в прошлом году ты выбрался из лабиринта, видел смерть Седрика Диггори и едва не погиб сам… а я опять ничего тебе не открыл, хотя знал, что теперь, после возвращения Волан-де-Морта, тянуть с этим больше нельзя. И вот сегодня ночью я понял, что ты давно уже созрел для знания, которое я утаивал от тебя так долго; сегодня ты доказал, что это бремя нужно было взвалить на тебя раньше. У меня есть единственное оправдание: я смотрел, как ты преодолеваешь такие испытания, с какими еще не сталкивался ни один

из учеников Хогвартса за всю его историю, и не мог заставить себя добавить к ним новое — самое тяжелое из всех.

Гарри ждал, но Дамблдор не торопился продолжать.

— Я все-таки не понимаю.

— Волан-де-Морт пытался убить тебя, когда ты был еще ребенком, из-за пророчества, сделанного незадолго до твоего рождения. Он знал об этом пророчестве, но ему была неизвестна его суть. Отправляясь в дом твоих родителей, чтобы убить тебя, он полагал, что выполняет предначертанное судьбой. Он обнаружил, что ошибался, когда направленное в тебя заклятие рикошетом ударило по нему самому. Вот почему после своего возвращения в тело и особенно после твоего удивительного побега от него в прошлом году он был одержим одной мыслью: узнать полное содержание пророчества. Это и есть оружие, которого он так упорно добивался с момента своего возвращения, — знание того, как погубить тебя.

Солнце поднялось совсем высоко; кабинет Дамблдора купался в его сиянии. Стеклянный ящик, где хранился меч Годрика Гриффиндора, отливал ярким молочно-белым светом, обломки приборов сверкали, точно дождевые капли, а птенец

феникса за спиной Гарри тихонько щебетал в своем гнезде из пепла.

— Пророчество разбито, — угрюмо сказал Гарри. — Я тащил Невилла вверх по скамьям в той комнате, где… где стоит арка, а у него порвалась мантия, и оно упало…

— То, что разбилось, было всего лишь записью пророчества из архивов Министерства магии. Само же пророчество было сделано в присутствии некоего лица, и это лицо имеет возможность досконально вспомнить все изреченное.

— Кто это был? — спросил Гарри, хотя уже знал ответ.

— Я, — подтвердил Дамблдор. — Это случилось шестнадцать лет назад, холодной промозглой ночью, в комнате над трактиром «Кабанья голова». Я пришел туда, чтобы познакомиться с кандидатом на должность преподавателя прорицаний, хотя в ту пору мне вообще не хотелось сохранять этот предмет в школьной программе. Однако вышеупомянутым кандидатом была праправнучка знаменитой, весьма одаренной провидицы, и я считал, что должен встретиться с нею хотя бы из простой вежливости. Меня ждало разочарование. Мне показалось, что у нее нет и следа тех способностей, которыми обладала ее прапрабабка. Я

сказал ей — надеюсь, вежливо, — что не считаю ее пригодной для занятия вакантной должности. И повернулся к двери.

Дамблдор поднялся на ноги и прошел мимо Гарри к черному шкафчику, стоящему около насеста Фоукса. Нагнувшись, он отодвинул защелку и достал изнутри неглубокую каменную чашу с высеченными по краям рунами — ту самую, в которой Гарри видел, как его отец издевался над Снеггом. Затем вернулся к столу, поставил на него Омут памяти и коснулся палочкой своего виска. Оттуда потянулись серебристые нити мыслей; Дамблдор извлек несколько прядок и опустил их в чашу, а потом глубоко вздохнул и легонько ткнул палочкой в серебристое содержимое Омута памяти.

Над чашей выросла фигура, закутанная в многочисленные шали; ее глаза за мощными линзами очков казались огромными. Не отрываясь от чаши, фигура начала медленно вращаться. Но когда Сивилла Трелони открыла рот, в кабинете раздался не ее обычный голос с таинственными, словно бы неземными интонациями, а грубый и хриплый — однажды Гарри уже слышал, как она говорит таким голосом.

— *Грядет тот, у кого хватит могущества*

победить Темного Лорда… рожденный теми, кто трижды бросал ему вызов, рожденный на исходе седьмого месяца… и Темный Лорд отметит его как равного себе, но не будет знать всей его силы… И один из них должен погибнуть от руки другого, ибо ни один не может жить спокойно, пока жив другой… тот, кто достаточно могуществен, чтобы победить Темного Лорда, родится на исходе седьмого месяца…

По-прежнему медленно вращаясь, фигура профессора Трелони погрузилась обратно в серебристую массу и пропала.

В кабинете воцарилась мертвая тишина. Ни Дамблдор, ни Гарри, ни портреты на стенах не проронили ни звука. Даже Фоукс и тот почему-то умолк.

— Профессор Дамблдор… — наконец очень тихо произнес Гарри, поскольку Дамблдор, так и не оторвавший взгляда от Омута памяти, похоже, с головой ушел в свои мысли. — Это… неужели… что это значит?

— Это значит, — сказал Дамблдор, — что единственный человек, способный окончательно победить Темного Лорда, родился в конце июля почти шестнадцать лет назад. И родители его к тому времени уже трижды бросали вызов Во-

лан-де-Морту.

У Гарри было такое чувство, словно его загнали в ловушку. Ему стало трудно дышать.

— То есть… это я?

Дамблдор вздохнул.

— Самое странное, Гарри, — мягко промолвил он, — что это можешь оказаться вовсе не ты. Пророчество Сивиллы подходит к двум мальчикам из волшебных семей — оба они родились в конце июля того года, у обоих родители были членами Ордена Феникса и трижды чудом избежали гибели от руки Волан-де-Морта. Один из этих мальчиков, конечно, ты. Другой — Невилл Долгопупс.

— Но тогда… тогда почему на пророчестве стояло мое имя, а не его?

— Ярлычок сменили, когда Волан-де-Морт напал на тебя, в то время еще младенца, — пояснил Дамблдор. — Хранитель Зала пророчеств решил, что Волан-де-Морт знал, кого Сивилла имела в виду, и поэтому пытался убить именно тебя.

— Так, может быть… может быть, это все-таки не я? — спросил Гарри.

— Боюсь, — Дамблдор выговаривал слова медленно, будто каждое из них требовало от него огромных усилий, — боюсь, что сомнений нет и

это все-таки ты.

— Но вы сказали… ведь Невилл тоже родился в конце июля… и его мама с папой…

— Ты забываешь следующую часть пророчества — ту, где дается последняя примета мальчика, способного победить Волан-де-Морта… Сам Волан-де-Морт *отметит его как равного себе.* И он это сделал, Гарри. Он выбрал тебя, а не Невилла. Он наделил тебя шрамом — этим благословением и проклятием одновременно.

— А вдруг он ошибся? — воскликнул Гарри. — Мог же он отметить не того, кого следовало!

— Он выбрал мальчика, которого считал для себя наиболее опасным, — сказал Дамблдор. — И заметь, не чистокровного волшебника — хотя на прочих, согласно его принципам, вообще не стоит обращать внимание, — но полукровку, как и он сам. Он распознал себя в тебе прежде, чем увидел тебя самого, а благодаря его неудачному покушению на твою жизнь ты обрел силы, которые впоследствии позволили тебе ускользнуть от него не один раз, а целых четыре — между прочим, такое не удавалось ни твоим родителям, ни Невилловым, да и вообще никому на свете.

— Зачем же он тогда это сделал? — Гарри не чувствовал своих рук и ног: их точно сковало

холодом. — Зачем он пытался меня убить в тот первый раз? Почему не подождал, пока мы с Невиллом подрастем? Тогда он увидел бы, кто из нас опаснее, и напал на него…

— Возможно, это было бы логичнее, — согласился Дамблдор, — но ты забываешь, что Волан-де-Морт знал лишь примерное содержание пророчества. «Кабанья голова», избранная Сивиллой за дешевизну, давно уже привлекала, мягко говоря, гораздо более разношерстную публику, нежели «Три метлы». Как убедились, на свою беду, вы с товарищами и как убедился той ночью я сам, в этой гостинице никогда нельзя быть уверенным, что тебя не подслушают. Конечно, отправляясь на встречу с Сивиллой Трелони, я не подозревал, что услышу там что-то ценное. Но мне — вернее, нам — повезло: тот, кто нас подслушивал, был обнаружен почти сразу, и его немедленно вытолкали оттуда взашей.

— Значит, он слышал только…

— Только начало, где говорится о том, что мальчик родится в июле у людей, трижды бросавших вызов Волан-де-Морту. Таким образом, он не мог предупредить хозяина, что задуманное им нападение связано с риском передать тебе часть своей силы и отметить тебя как равного себе. Во-

лан-де-Морту и в голову не пришло, что нападать на тебя опасно, что умнее было бы подождать и выяснить побольше. Согласно пророчеству он действительно *не знает всей твоей силы…*

— Но это неправда! — выдавил из себя Гарри. — У меня нет силы, о которой он не знает, и я не умею сражаться так, как он сегодня… я не могу входить в чужое тело и… и убивать людей…

— В Отделе тайн есть комнатка, которую всегда держат запертой, — сказал Дамблдор. — В ней хранится сила, одновременно более чудесная и более ужасная, чем смерть, чем человеческий разум, чем силы природы. Пожалуй, она еще и самая загадочная из всех сокровищ, что там хранятся. Именно этой силой ты обладаешь в достатке, а Волан-де-Морт, наоборот, вовсе ее лишен. Благодаря ей ты вчера отправился спасать Сириуса. Она же уберегла тебя от полного подчинения Волан-де-Морту, поскольку он не может пребывать в теле, где обитает столько силы, глубоко ему ненавистной. В конце концов оказалось неважным даже то, что ты так и не научился изолировать свое сознание. Имя этой спасительной силы — любовь.

Гарри закрыл глаза. Если бы он не полетел к Сириусу на выручку, Сириус бы не умер… Скорее

ради того, чтобы оттянуть минуту, когда тоска по Сириусу вновь захлестнет его целиком, Гарри спросил, не слишком интересуясь ответом:

— А конец пророчества? «Ни один не может жить спокойно…», как там дальше?

— «…пока жив другой», — закончил Дамблдор.

— И это значит, — сказал Гарри, словно выуживая слова из разверзшегося у него в душе глубокого колодца отчаяния, — это значит, что в конце концов один из нас вынужден будет… убить другого?

— Да, — ответил Дамблдор.

Наступила долгая пауза; никто не нарушал молчания. Где-то далеко за стенами кабинета раздавались еле слышные голоса — наверное, это первые ученики спускались в Большой зал на завтрак. Казалось невероятным, что на свете еще есть люди, которые по-прежнему хотят есть, смеются, не знают да и не хотят знать, что Сириус Блэк ушел навсегда. Гарри чудилось, что Сириус где-то за тысячу миль отсюда; даже теперь какой-то частичкой своего существа он продолжал верить, что, отдерни он ту завесу, — и Сириус встретил бы его за ней своим обычным смехом, похожим на собачий лай…

— По-моему, я задолжал тебе еще одно объяс-

нение, Гарри, — помедлив, сказал Дамблдор. — Возможно, ты удивлялся, отчего я никогда не выбирал тебя старостой. Честно признаться… я считал, что груз ответственности, который тебе приходится нести, и так чересчур велик.

Гарри поднял на него взгляд и увидел, как слеза, скользнувшая вниз по щеке Дамблдора, затерялась в его длинной серебряной бороде.

Глава 38

ВТОРАЯ ВОЙНА НАЧИНАЕТСЯ

ТОТ-КОГО-НЕЛЬЗЯ-НАЗЫВАТЬ ВЕРНУЛСЯ

В кратком заявлении, сделанном в пятницу вечером, министр магии Корнелиус Фадж подтвердил, что Тот-Кого-Нельзя-Называть вернулся в нашу страну и вновь принялся за старое.

— К моему величайшему сожалению, я вынужден сообщить, что чародей, называющий себя Лордом, — вы понимаете, кого я имею в виду, — возродился и снова находится среди нас, — сказал усталый и расстроенный министр окружившим его репортерам. — Почти столь же глубокое сожаление вызывает то, что азкабанские дементоры подняли мятеж и отказались в дальнейшем состоять на службе у Министерства. Мы полагаем, что в настоящее время дементоры подчиняются указаниям вышеупомянутого Лорда.

Мы призываем всех, кто нас услышит,

проявлять бдительность. Сейчас Министерство готовит к изданию справочник «Как защитить себя и семью: элементарные методы обороны»; в течение ближайшего месяца он будет бесплатно разослан всем волшебникам по домашнему адресу.

Заявление министра было встречено волшебным сообществом с тревогой и недоумением — ведь еще в прошлую среду представители Министерства уверяли нас, что «упорные слухи о том, что Вы-Знаете-Кто снова творит среди нас свои черные дела, не имеют под собой никакой почвы».

Подробности событий, заставивших чиновников столь резко изменить свое мнение, по-прежнему не ясны, однако можно утверждать, что в четверг вечером Тот-Кого-Нельзя-Называть и банда его ближайших приверженцев, известных как Пожиратели смерти, прорвались внутрь Министерства.

Альбус Дамблдор, восстановленный в должности директора Школы чародейства и волшебства «Хогвартс», а также на

посту Верховного чародея Визенгамота, пока никак не прокомментировал происшедшее. В течение всего прошлого года он настаивал на том, что Вы-Знаете-Кто, вопреки широко распространенному мнению, не мертв, а снова набирает сторонников, готовясь к очередной попытке захвата власти. Тем временем Мальчик, Который Выжил…

— А вот и ты, Гарри. Я знала, что они обязательно тебя помянут, — сказала Гермиона, взглянув на него поверх газеты.

Они находились в больничном крыле — Гарри сидел на краешке кровати Рона, и они оба слушали Гермиону, которая читала вслух передовицу из «Воскресного пророка». Джинни, чью лодыжку мадам Помфри залечила в одно мгновение, устроилась в изножье кровати Гермионы; Невилл, носу которого также вернули нормальную форму и размеры, занял стул между двумя кроватями, а Полумна, на минутку заглянувшая к друзьям с последним выпуском «Придиры», уже успела развернуть его перед собой вверх ногами и явно не слышала ни слова из того, что говорила Гермиона.

— Ну конечно, теперь он у них снова «Мальчик, Который Выжил», — мрачно заметил Рон. — Быстро же они забыли, как обзывали его выскочкой с мозгами набекрень!

На тумбочке у его кровати лежала огромная груда шоколадных лягушек; взяв оттуда целую горсть, он кинул несколько штук Гарри, Джинни и Невиллу, а потом сорвал зубами обертку со своей. На руках у него все еще краснели глубокие рубцы, оставленные щупальцами мозгов. Мадам Помфри объяснила ребятам, что раны, нанесенные мыслями, заживают дольше любых других, — впрочем, обильно смазывая шрамы Рона Летейским эликсиром доктора Летто, она сумела добиться заметного улучшения.

— Да, они отзываются о тебе прямо-таки восторженно, — заметила Гермиона, пробегая статью глазами. — «Одинокий голос правды… Этого мальчика считали неуравновешенным, но он ни разу не дрогнул под градом насмешек и клеветнических заявлений…» Гм… — Она нахмурилась. — Почему-то я нигде не вижу ни словечка о том, что эти насмешки и клеветнические заявления появлялись именно на страницах «Пророка»…

Она слегка поморщилась и приложила ладонь

к ребрам. Проклятие Долохова подействовало на нее не в полную силу, поскольку черный маг не успел произнести заклинание вслух, однако мадам Помфри, осмотрев Гермиону, заявила, что «здесь определенно есть над чем поработать». Каждый день Гермионе приходилось принимать с десяток целебных настоек, она быстро шла на поправку и с нетерпением ждала, когда же ей наконец разрешат покинуть больничное крыло.

— «Как рвался к вершинам власти Вы-Знаете-Кто» — страницы со второй по четвертую, «О чем умолчало Министерство» — страница пятая, «Почему никто не слушал Альбуса Дамблдора» — страницы с шестой по восьмую, эксклюзивное интервью с Гарри Поттером на странице девятой… Да уж, — Гермиона сложила газету и кинула ее на одеяло, — теперь им долго будет о чем писать… И вовсе оно не эксклюзивное, это интервью, — оно ведь было в «Придире» еще несколько месяцев назад…

— Папа им его продал, — рассеянно сказала Полумна, переворачивая страницу своего журнала. — И очень прилично на этом заработал, так что этим летом мы снаряжаем экспедицию на Скандинавский полуостров — посмотрим, удастся ли нам поймать хоть одного морщерогого

кизляка.

Секунду-другую Гермиона явно боролась с собой, потом ответила:

— Желаю удачи.

Джинни поймала взгляд Гарри и быстро отвернулась, пряча усмешку.

— Ну ладно. — Гермиона села прямее и опять поморщилась. — А что новенького в школе?

— Во-первых, Флитвик избавился от болота, которое сотворили Фред и Джордж, — начала Джинни. — Ему понадобилось на это около трех секунд. Правда, один крошечный кусочек под окном он уничтожать не стал и обнес его канатом…

— Зачем? — удивилась Гермиона.

— Он сказал, что это образцовое колдовство, — пожала плечами Джинни.

— По-моему, он решил оставить в школе что-то вроде памятника Фреду и Джорджу. — Рот у Рона был набит шоколадом, и слова звучали невнятно. — Это, между прочим, они прислали, — сообщил он Гарри, кивая на гору лягушек рядом с собой. — Похоже, их магазинчик приносит неплохой доход, а?

Гермиона неодобрительно покосилась на него и спросила:

— Значит, после возвращения Дамблдора все неприятности кончились?

— Да, — ответил Невилл. — Все снова идет своим чередом.

— Филч небось на седьмом небе от счастья? — поинтересовался Рон, прислоняя к кувшину с водой маленький портрет Дамблдора, извлеченный из обертки с лягушкой.

— Не сказала бы, — возразила Джинни. — По-моему, он чувствует себя просто ужасно… — Она понизила голос до шепота. — То и дело повторяет, что в Хогвартсе никогда не было такого замечательного директора, как Амбридж.

Все шестеро оглянулись. Профессор Амбридж лежала на кровати напротив, неподвижно уставившись в потолок. Чтобы вызволить ее, Дамблдор в одиночку отправился в лес к кентаврам; как ему удалось вернуться оттуда вместе с полуживой Амбридж, не получив даже царапины, никто не знал, а сама Амбридж ничего об этом не рассказывала. После возвращения в замок она, насколько знали ребята, еще не произнесла ни единого слова. Почему — не известно. Ее мышиного цвета волосы, обычно аккуратно уложенные, теперь были растрепаны и в них до сих пор виднелись мелкие прутики и листья, но

в остальном она выглядела вполне здоровой.

— Мадам Помфри говорит, что у нее нервное потрясение, — шепнула Гермиона.

— А я считаю, она просто дуется, — откликнулась Джинни.

— Во всяком случае, она подает признаки жизни, когда слышит вот это, — сказал Рон и тихонько поцокал языком.

Амбридж подскочила в кровати, с диким видом озираясь по сторонам.

— Что-нибудь не так, профессор Амбридж? — высунувшись из кабинета, окликнула ее мадам Помфри.

— Нет… нет, — пробормотала Амбридж, снова опускаясь на подушки. — Кажется, померещилось…

Гермиона и Джинни прыснули, зажав ладонями рты.

— Кстати, о кентаврах, — сказала Гермиона, немного придя в себя. — Кто теперь преподает прорицания? Флоренц остался у нас?

— По-моему, у него нет выбора, — ответил Гарри. — Другие кентавры уже не позволят ему вернуться.

— Может, они с Трелони будут преподавать вместе? — предположила Джинни.

— Но Дамблдор хочет избавиться от Трелони раз и навсегда, — заявил Рон, жуя четырнадцатую лягушку. — Спросите меня, так сам предмет дурацкий — и даже Флоренц его не спасет…

— Как можно так говорить! — возмутилась Гермиона. — Разве мы с вами не убедились в том, что истинные пророчества все же бывают?

Сердце у Гарри забилось сильнее. Он не раскрыл содержания пророчества из Отдела тайн ни Рону, ни Гермионе, да и вообще ни одной живой душе. Невилл сказал всем, что оно случайно разбилось в Комнате смерти, и пока Гарри ничего к этому не добавил. Он еще не был готов увидеть их лица после того, как они услышат, что ему придется стать либо жертвой, либо убийцей — третьего не дано…

— Жалко, что оно погибло, — тихо сказала Гермиона, покачав головой.

— Да уж, — согласился Рон. — Правда, Сами-Знаете-Кто тоже так и не узнал, что там было… Куда это ты собрался? — добавил он с удивлением и разочарованием, заметив, что Гарри поднялся с места.

— Э-э… к Хагриду, — отозвался Гарри. — Он только что вернулся, а я обещал зайти к нему повидаться и заодно рассказать, как вы себя

чувствуете.

— Ну, тогда ладно, — буркнул Рон, завистливо глядя из окна спальни на кусочек яркого голубого неба. — Эх, нам бы с тобой…

— Передай ему привет от нас! — крикнула Гермиона вслед уходящему Гарри. — И спроси, как поживает его… его маленький друг!

Гарри махнул рукой, показывая, что все слышал, и скрылся за дверью.

В замке стояла тишина, необычная даже для воскресенья. Очевидно, все школьники высыпали на залитые солнцем лужайки, радуясь окончанию экзаменов и перспективе провести последние несколько дней семестра в свое удовольствие — ведь теперь не надо было ни делать уроки, ни повторять пройденное. Гарри неторопливо брел по пустынному коридору, поглядывая в окна; он видел, как кто-то, оседлав метлу, отрабатывает над стадионом фигуры пилотажа, а кто-то купается в озере вместе с гигантским кальмаром…

Он никак не мог решить, что для него сейчас лучше — уединиться или побыть с людьми. Стоило ему очутиться в компании, как его тянуло уйти, а в одиночестве он сразу начинал скучать по товарищам. Пожалуй, подумал он,

ему и вправду стоит навестить Хагрида — ведь они еще ни разу толком не поговорили после его возвращения.

Едва Гарри спустился в вестибюль по мраморной лестнице, как из двери справа — Гарри знал, что она ведет в гостиную Слизерина, — показались Малфой с Крэббом и Гойлом. Гарри стал как вкопанный; замер и Малфой с друзьями. Тишину нарушали лишь крики, смех и всплески, долетающие сюда через распахнутые парадные двери.

Малфой огляделся — Гарри понял, что он проверяет, нет ли поблизости преподавателей, — потом снова повернулся к Гарри и тихо проговорил:

— Ты покойник, Поттер.

Гарри поднял брови.

— Странно, — заметил он. — А я думал, что покойники не ходят.

Таким злобным он Малфоя еще не видел; глядя на это бледное, остроносое лицо, искаженное яростью, он почувствовал своего рода отстраненное удовлетворение.

— Ты мне за все заплатишь. — Голос Малфоя был чуть громче шепота. — Я заставлю тебя заплатить за то, что ты сделал с моим отцом…

— Я в панике, — насмешливо отозвался Гарри. — Думаю, встреча с Волан-де-Мортом была

просто легкой разминкой по сравнению с тем, что приготовили для меня вы трое… В чем дело? — добавил он, заметив, что при звуке этого имени Малфой, Крэбб и Гойл застыли как громом пораженные. — Он же приятель твоего папаши! Неужто ты его боишься?

— Думаешь, ты крутой, Поттер. — Малфой двинулся к нему в сопровождении Крэбба и Гойла. — Ладно, дай только срок, и я с тобой разберусь. Тебе не удастся засадить моего отца в тюрьму…

— А по-моему, я уже засадил его туда, — откликнулся Гарри.

— Дементоры ушли из Азкабана, — спокойно заметил Малфой. — Ты и глазом не успеешь моргнуть, как отец с друзьями окажется на свободе.

— Да, наверное, — согласился Гарри. — Но по крайней мере все узнали, какие они мерзавцы…

Малфой сделал резкое движение, но Гарри опередил его — он выхватил свою палочку раньше, чем рука Малфоя нырнула в карман мантии.

— Поттер!

Под сводами вестибюля раскатилось громкое эхо. На лестнице, ведущей в подземелье, вырос Снегг, и Гарри мгновенно захлестнула лютая ненависть, которая не шла ни в какое сравнение

с его неприязнью к Малфою… Что бы там ни говорил Дамблдор, он никогда не простит Снегга… никогда…

— Что это вы делаете, Поттер? — холодно, как всегда, спросил Снегг, направляясь к ним.

— Пытаюсь решить, каким заклятием угостить Малфоя, сэр, — свирепо ответил Гарри.

Снегг пронзил его взглядом.

— Немедленно уберите палочку, — жестко сказал он. — Минус десять очков Грифф… — Он посмотрел на гигантские песочные часы у стены, и на губах у него появилась ядовитая усмешка. — Ах вот как — похоже, в гриффиндорских часах уже не осталось очков, которые можно было бы отнять. Что ж, Поттер, в таком случае нам придется просто…

— Добавить новые?

Профессор МакГонагалл только что взобралась в замок по парадной лестнице; в одной руке у нее был клетчатый саквояж, а в другой — трость, на которую она тяжело опиралась. Впрочем, судя по цвету лица, чувствовала она себя не так уж плохо.

— Профессор МакГонагалл! — Снегг шагнул вперед. — Я гляжу, вас уже выписали из больницы!

— Да, профессор Снегг, — подтвердила МакГонагалл, движением плеч освобождаясь от дорожного плаща. — Со мной абсолютно все в порядке. Эй, вы двое, — Крэбб! Гойл!

Она величественно поманила их к себе, и они неуклюже подошли, шаркая огромными ножищами.

— Вот, — профессор МакГонагалл ткнула саквояж в грудь Крэббу, а плащ — Гойлу. — Отнесите это, пожалуйста, в мой кабинет.

Они повернулись и потопали вверх по мраморной лестнице.

— Итак… — МакГонагалл перевела взгляд на песочные часы. — Я полагаю, что Поттер и его друзья заслужили по пятьдесят очков каждый — ведь благодаря им мир наконец признал, что Волан-де-Морт возродился! Как вы считаете, профессор?

— Что? — вырвалось у Снегга, хотя Гарри знал, что он прекрасно все слышал. — А… ну да… пожалуй…

— Значит, по пятьдесят очков Поттеру, обоим Уизли, Долгопупсу и мисс Грэйнджер, — сказала МакГонагалл, и в нижнюю половину гриффиндорских часов дождем посыпались рубины. — Ах да, и еще пятьдесят мисс Лавгуд, разумеется, —

добавила она, и в часы Когтеврана упала горсть сапфиров. — А теперь — вы, кажется, хотели отнять у Поттера десять очков, профессор Снегг? Минутку…

Несколько рубинов перепрыгнули в верхнюю половину, но внизу их по-прежнему осталась целая гора.

— Поттер, Малфой, думаю, в такой прекрасный день вам полезно подышать свежим воздухом, — бодро продолжала МакГонагалл.

Гарри не надо было повторять дважды: он сунул палочку обратно в карман мантии и тут же направился к парадной двери, не взглянув больше ни на Снегга, ни на Малфоя.

Жаркое солнце палило его своими лучами, пока он шел по лужайке к хижине Хагрида. Вокруг было полно учеников — растянувшись на траве, они загорали, болтали, читали «Воскресный пророк» и жевали сладости. Многие приветственно махали Гарри или окликали его, явно стараясь показать, что они согласны с «Ежедневным пророком» и тоже считают своего знаменитого однокашника чуть ли не героем. Гарри не вступал с ними в разговоры. Он не имел понятия о том, сколько из случившегося три дня назад им известно, но до сих пор ему удавалось уклоняться

от расспросов, и такое положение дел его вполне устраивало.

Постучав в хижину Хагрида, он решил было, что хозяина нет дома, но тут выскочивший из-за угла Клык едва не сшиб его на землю от радости. Оказывается, Хагрид собирал на огороде фасоль.

— Привет, привет, Гарри! — сияя, воскликнул он, когда Гарри приблизился к забору. — Пошли в дом, выпьем по кружечке сока из одуванчиков… Ну, что новенького? — продолжал он, когда они устроились за деревянным столом со стаканами ледяного сока в руках. — Да… э-э… чувствуешь-то себя как?

По тревоге, написанной на лице Хагрида, Гарри понял, что лесничего интересует отнюдь не физическое его состояние.

— Нормально, — быстро ответил Гарри. Он знал, что у Хагрида на уме, и боялся, что не вынесет разговора на эту тему. — Так где ты был?

— В горах прятался, — объяснил Хагрид. — В пещере там одной, как Сириус, когда…

Он осекся, громко откашлялся, поглядел на Гарри и сделал хороший глоток из стакана.

— В общем, вернулся вот, — слабо промямлил он.

— А ты… ты лучше выглядишь, — сказал Гарри,

твердо решивший говорить о чем угодно, только не о Сириусе.

— Чего? — Хагрид коснулся своей щеки огромной ладонью. — А, ну да… Так, это… Грошик нынче куда лучше себя ведет, даже сравнения никакого нет. Честно сказать, он здорово обрадовался, когда меня увидел. Славный, в общем-то, малый… Я тут подумываю, не найти ли ему подружку…

Услышь он такое раньше, Гарри немедленно попытался бы убедить Хагрида выкинуть из головы эту затею — перспектива появления в Лесу великанши, которая вполне могла оказаться еще более дикой и свирепой, чем Грохх, взволновала бы кого угодно, — однако сейчас он был просто не в силах спорить. Ему снова захотелось остаться в одиночестве, и, чтобы приблизить момент прощания, он залпом опорожнил половину своего стакана с соком.

— Теперь все знают, что ты говорил правду, — вдруг мягко сказал Хагрид. — Так же оно лучше, верно?

Гарри пожал плечами.

— Слушай… — Хагрид наклонился к нему через стол. — Я знал Сириуса дольше, чем ты… Он умер в бою — именно так он и хотел уйти…

— Он вообще не хотел уходить! — огрызнулся Гарри.

Хагрид понурил большую косматую голову.

— Наверно, ты прав, — тихо произнес он. — Но все-таки, Гарри… Он был не из тех, кто сидит дома, когда другие дерутся. Не побеги он к тебе на помощь, его бы потом совесть замучила…

Гарри вскочил на ноги.

— Мне надо в больничное крыло, навестить Рона с Гермионой, — машинально сказал он.

— А, — расстроенно откликнулся Хагрид. — Ну что ж… тогда ничего не поделаешь… сам-то не болей и заходи, ежели выкроишь минутку…

— Ладно… спасибо…

Гарри торопливо подошел к двери и распахнул ее; не успел Хагрид с ним попрощаться, как он уже шагал прочь по залитой солнцем лужайке. Его снова окликали со всех сторон. Он на мгновение закрыл глаза — ему хотелось, чтобы все вокруг исчезли, чтобы он остался один на всей территории школы…

Несколько дней назад — прежде чем экзамены подошли к концу и он увидел картину, внедренную в его сознание Волан-де-Мортом, — он отдал бы все на свете за то, чтобы волшебный мир поверил его словам, перестал сомневаться в

возвращении Волан-де-Морта и убедился, что он не лжец и не сумасшедший. Но теперь…

Он отошел в сторонку по берегу озера, сел на траву, спрятавшись от докучливых взглядов за густым кустарником, и задумался, глядя на сверкающую воду…

Может быть, одиночество прельщало его потому, что после разговора с Дамблдором он остро чувствовал свою изолированность. Словно невидимый барьер отрезал его от всего остального мира. Что ж, судьба давно наложила на него свою отметину, хотя раньше он и не знал, чем это в конечном счете ему грозит…

И все-таки, сидя здесь, у кромки воды, раздавленный бременем вины и измученный тоской по Сириусу, которую еще не успело смягчить время, он не замечал у себя в душе никакого особенного страха. Светило солнце, вокруг смеялись его однокашники, и хотя он ощущал себя таким далеким от них, точно принадлежал к другой расе, ему все же было очень трудно поверить, что когда-нибудь он должен будет убить — или пасть от руки убийцы…

Он долго сидел на берегу озера, глядя на воду, стараясь не думать о своем крестном отце и не вспоминать, что прямо напротив него, на том бе-

регу, Сириус однажды лишился чувств, пытаясь отразить атаку сотни дементоров…

Солнце уже село, когда он осознал, что замерз. Он поднялся и зашагал к замку, на ходу вытирая лицо рукавом.

* * *

За три дня до окончания семестра Рон с Гермионой вышли из больничного крыла совершенно здоровыми. Гермиона иногда пыталась заговорить о Сириусе, но стоило ей произнести его имя, как Рон сразу же начинал на нее шикать. Гарри по-прежнему не знал, хочется ему поддерживать разговоры о своем крестном или нет: его желания менялись в зависимости от настроения. Впрочем, в одном он был уверен: хотя сейчас ему и несладко, через несколько дней, очутившись в доме номер четыре на Тисовой улице, он будет страшно скучать по Хогвартсу. Правда, теперь он знал, почему должен возвращаться туда каждым летом, но это, как ни странно, совсем не помогало. Наоборот, перспектива возвращения домой никогда еще не внушала ему такого ужаса.

Профессор Амбридж покинула Хогвартс за день до конца семестра. Она выскользнула из больничного крыла во время ужина, рассчитывая,

очевидно, уехать незамеченной, но на свою беду встретила по дороге Пивза; тот не упустил последнего шанса выполнить прощальное пожелание Фреда и со злобным ликованием погнался за ней, осыпая ее ударами трости и носка, набитого мелом. Многие ученики выбежали в вестибюль посмотреть, как она удирает из замка, и деканы факультетов пытались их урезонить — впрочем, похоже, только для виду. И правда, после недолгих и неубедительных увещеваний профессор МакГонагалл вернулась обратно в учительскую и, усевшись в свое любимое кресло, довольно громко выразила сожаление по поводу того, что не может сама с улюлюканьем помчаться за Амбридж, поскольку одолжила Пивзу трость.

Наступил последний вечер учебного года; почти все ученики собрали чемоданы заранее и уже стекались в Большой зал на прощальный пир, но Гарри еще даже не начал укладываться.

— Да брось ты, завтра все сделаешь! — крикнул ему Рон с порога спальни. — Пошли, а то у меня живот к спине прилип!

— Сейчас… ты иди, я догоню…

Но когда дверь за Роном закрылась, Гарри не сделал ни малейшей попытки ускорить сборы. Меньше всего на свете ему хотелось сейчас сидеть

за праздничным столом. Он боялся, что Дамблдор упомянет о нем в своей речи. Ведь их директор не сможет обойти молчанием возвращение Волан-де-Морта — в конце концов, он говорил об этом еще в прошлом году…

Гарри вытащил с самого дна чемодана скомканные мантии, чтобы освободить место для сложенных, и вдруг заметил в уголке какую-то вещицу, небрежно обернутую бумагой. Он понятия не имел о том, откуда она тут взялась. Нагнувшись, он вытащил ее из-под кроссовок и повертел в руках.

Буквально через секунду-другую он все вспомнил. Эту штуку дал ему Сириус в прихожей дома номер двенадцать на площади Гриммо. «Обязательно воспользуйся, если я понадоблюсь. Договорились?»

Присев на кровать, Гарри развернул бумагу. Оттуда выпало маленькое прямоугольное зеркальце. Оно было грязноватое — наверно, очень старое. Гарри поднял его к лицу и увидел свое отражение.

Он перевернул зеркальце. На обратной стороне почерком Сириуса было нацарапано:

Это Сквозное зеркало — другая его по-

ловинка у меня. Если захочешь со мной поговорить, надо только сказать в него мое имя; тогда ты появишься в моем зеркале, а я в твоем. Мы с Джеймсом пользовались ими, когда нас оставляли после уроков в разных кабинетах.

У Гарри забилось сердце. Он помнил, как четыре года назад ему удалось увидеть в зеркале Еиналеж своих погибших родителей. А сейчас, сию минуту, он сможет поговорить с Сириусом — да-да, он знал это…

Он огляделся, проверяя, не осталось ли кого-нибудь в комнате, но она была совершенно пуста. Тогда он снова посмотрел в зеркальце, дрожащими руками поднял его перед собой и громко назвал имя Сириуса.

Поверхность зеркальца затуманилась от его дыхания. Он поднес драгоценный подарок еще ближе к себе — радостное предвкушение трепетало у него в груди, точно птица, — но глаза, с нетерпением смотревшие из туманной дымки, определенно были его собственными.

Он начисто вытер зеркальце рукавом и повторил в полный голос, так что в пустой комнате отчетливо прозвучал каждый слог:

— Сириус Блэк!

Никакого толку. Из зеркальца по-прежнему глядело на него все то же разочарованное лицо — его собственное…

«Когда Сириус исчез в арке, у него не было с собой парного зеркальца, — мелькнуло в голове у Гарри. — Вот почему оно не работает…»

Еще несколько мгновений он сидел неподвижно, затем швырнул зеркальце обратно в чемодан, и оно раскололось. Почти целую минуту — и как прекрасна была эта минута! — он верил, что вот-вот увидит Сириуса, снова поговорит с ним…

Разочарование жгло ему горло; он встал и принялся как попало наваливать вещи поверх разбитого зеркальца…

Но тут его поразила неожиданная мысль… это лучше, чем зеркальце… гораздо лучше… как же он раньше об этом не подумал? Почему не спросил?

Он выскочил из спальни и скатился по винтовой лестнице, стукаясь о стены, но даже не замечая этого; пересек безлюдную гостиную, вылез из портретного проема и со всех ног помчался по коридору, не обратив внимания на Полную Даму, крикнувшую ему вслед: «Пир сейчас начнется, но ты еще успеешь!»

Однако у Гарри не было никакого желания

идти на пир.

Ну почему в этом замке всегда полно привидений, когда они не нужны, зато теперь…

Он метался по лестницам и коридорам, не встречая ни души — ни живой, ни мертвой. Видимо, все уже сидели в Большом зале. Перед классом заклинаний он остановился, совсем запыхавшись и уныло думая о том, что придется ему, наверное, дожидаться окончания праздника…

Но как только последняя надежда Гарри потухла, он увидел его — полупрозрачный силуэт, мелькнувший в дальнем конце коридора.

— Эй… эй, Ник! НИК!

Из стены высунулась увенчанная роскошной шляпой с плюмажем, опасно качающаяся на плечах голова сэра Николаса де Мимси-Дельфингтона.

— Добрый вечер, — сказал он, улыбаясь Гарри и вытягивая из сплошного камня все свое тело целиком. — Значит, не только я один отстал от жизни? Впрочем, — он вздохнул, — для меня это имеет несколько иной смысл…

— Ник, могу я тебя кое о чем спросить?

По лицу Почти Безголового Ника скользнуло очень странное выражение; очевидно, чтобы дать себе время для раздумий, он засунул палец

за жесткий крахмальный воротник и принялся дергать его, будто бы поправляя. Он бросил это занятие лишь тогда, когда его частично отрубленная голова чуть было не оторвалась вовсе.

— Э… сейчас, Гарри? — в замешательстве сказал он. — А может быть, после пира?

— Нет… пожалуйста, Ник. Мне правда надо с тобой поговорить. Давай зайдем сюда.

Гарри открыл дверь ближайшего класса, и Почти Безголовый Ник вздохнул.

— Ну что ж, ладно, — сдался он. — Не могу сказать, что это для меня такая уж неожиданность…

Гарри придержал для него дверь, но Ник предпочел просочиться сквозь стену.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Гарри, закрыв дверь за собой.

— Я ждал, что ты будешь меня искать, — пояснил Ник, подплывая к окну. На луга вокруг замка уже опустились сумерки. — Это случается… когда люди кого-то теряют.

— Понятно. — Гарри явно не собирался отступать. — Ты был прав: я действительно искал тебя и нашел.

Ник молчал.

— Я вот о чем… — Гарри не думал, что ему будет так неловко начинать этот разговор. — Ты ведь…

умер, верно? Но ты еще здесь.

Ник вздохнул, не отводя взгляда от окна.

— Прав я или нет? — настойчиво продолжал Гарри. — Ты умер, но мы с тобой беседуем… ты можешь бродить по Хогвартсу, ну и так далее…

— Да, — тихо отозвался Ник, — я брожу и говорю. Ты прав.

— Значит, ты вернулся? Значит, люди иногда возвращаются, так? Из них получаются привидения, но они не исчезают совсем. Я прав? — с торжеством в голосе заключил он, но Ник по-прежнему ничего не отвечал.

Пауза затянулась; потом Почти Безголовый Ник нарушил молчание:

— Не каждый может стать привидением.

— То есть? — быстро спросил Гарри.

— Только… только волшебник.

— А! — Гарри чуть не рассмеялся от облегчения. — Ну, тогда все в порядке: человек, о котором я говорю, волшебник. Значит, он может вернуться, правильно?

Ник отвернулся от окна и скорбно посмотрел на Гарри.

— Он не вернется.

— Кто?

— Сириус Блэк, — ответил Ник.

— Но ты же вернулся! — сердито воскликнул Гарри. — Ты снова здесь, хоть и умер… ведь ты не исчез!

— Волшебники могут оставить на земле свой призрачный образ, и он будет бродить по тем местам, где они некогда ходили при жизни, — с болью в голосе проговорил Ник. — Но очень немногие волшебники избирают этот путь.

— Но почему? — спросил Гарри. — Все равно — это неважно… Сириус никогда не боялся стать исключением — он вернется, я знаю!

И так сильна была его убежденность, что Гарри даже повернул голову к двери: на секунду ему почудилось, что сейчас он увидит на пороге Сириуса — жемчужно-белого и прозрачного, но улыбающегося ему, как всегда.

— Он не вернется, — повторил Ник. — Он… пойдет дальше.

— Что значит «дальше»? — живо отозвался Гарри. — Куда? Послушай — что вообще происходит, когда умираешь? Куда попадает человек после смерти? Почему возвращаются не все? Почему этот замок не переполнен привидениями? Почему…

— Я не могу ответить, — признался Ник.

— Но ты же умер! — Гарри был вне себя. — Кому

еще отвечать, как не тебе!

— Я боялся смерти, — тихо сказал Ник. — И предпочел остаться. Иногда я думаю, не напрасно ли… понимаешь, сейчас я ни тут, ни там… Честно говоря, я сам — ни то ни се… — Он испустил грустный смешок. — Я ничего не знаю о тайнах смерти, Гарри, потому что выбрал убогую имитацию жизни. Наверное, какие-нибудь мудрецы изучают эту проблему в Отделе тайн…

— Не напоминай мне об этом месте! — яростно воскликнул Гарри.

— Прости, что не сумел тебе помочь, — мягко промолвил Ник. — А теперь… извини меня, пожалуйста… сегодня ведь пир…

И Гарри снова остался в одиночестве; невидящим взглядом он уперся в стену, сквозь которую только что просочился Почти Безголовый Ник.

Теперь, когда надежда увидеть Сириуса и снова поговорить с ним умерла, Гарри чувствовал себя так, словно потерял крестного отца во второй раз. Убитый горем, он медленно побрел обратно по пустому замку; ему казалось, что он навсегда потерял способность радоваться жизни.

Повернув за угол, он увидел в коридоре, ведущем к портрету Полной Дамы, чью-то фигуру. Присмотревшись, Гарри узнал Полумну — она

прикалывала к доске объявлений какую-то бумажку. Прятаться здесь было негде, она все равно слышала его шаги, да и сил хитрить у Гарри уже не осталось.

— Привет, — рассеянно сказала Полумна, на шаг отступив от доски и скользнув по нему взглядом.

— Почему ты не на празднике? — спросил Гарри.

— У меня почти все вещи куда-то пропали, — честно призналась Полумна. — Понимаешь, ребята берут их и прячут. Но сегодня последний вечер, надо собираться — вот я и вешаю объявления…

Она махнула на доску, где и впрямь висел список всех ее утерянных вещей с просьбой о возвращении.

Странное чувство всколыхнулось в душе у Гарри это был уже не гнев и не тоска, которая не отпускала его со дня смерти Сириуса. Лишь через несколько секунд он понял, что это за чувство — ему было жаль Полумну.

— Зачем они прячут твои вещи? — нахмурясь, спросил он.

— Ну… — Она пожала плечами. — Они ведь считают, что я немного странная, сам знаешь.

Кое-кто так и зовет меня — Полоумная Лавгуд.

Гарри посмотрел на нее, и его грудь болезненно стиснуло.

— Это не причина, чтобы отнимать вещи, — ровным голосом сказал он. — Хочешь, я помогу тебе их найти?

— Да нет, — улыбнулась она. — Они найдутся — в конце концов они всегда находятся. Просто я хотела уложить их сегодня. Кстати… а сам-то ты почему не на празднике?

Гарри пожал плечами.

— Неохота, и все.

— Знаешь, — Полумна пристально поглядела на него своими выпуклыми, как будто бы чуть затуманенными глазами, — по-моему, это неправда. Тот человек, которого убили Пожиратели смерти, был твой крестный отец, верно? Мне Джинни сказала.

Гарри коротко кивнул, но слова Полумны о Сириусе почему-то не вызвали у него досады. Он вдруг вспомнил, что она тоже видит фестралов.

— А ты… — начал он. — В смысле, кто… у тебя тоже кто-то умер?

— Да, — просто ответила Полумна. — Мама. Она была выдающаяся колдунья, но ей нравилось экспериментировать, и с одним заклятием вышла

беда. Мне тогда было всего девять.

— Извини, — пробормотал Гарри.

— Да, это был просто ужас, — сказала Полумна так спокойно, будто речь шла о погоде. — Мне до сих пор бывает очень грустно. Но у меня остался папа. Да и вообще, это ведь не значит, что мы с мамой больше никогда не увидимся, правда?

— Э-э… не значит? — озадаченно повторил Гарри.

Она покачала головой.

— Брось. Ты же сам их слышал — там, за занавесом.

— Ты имеешь в виду…

— Ну, в той комнате с аркой. Их просто не видно, вот и все. Но ты их слышал.

Они поглядели друг на друга. Полумна слегка улыбалась. Гарри не знал, что и думать: Полумна верила в такие фантастические вещи… однако он действительно слышал за тем занавесом голоса.

— Значит, ты честно не хочешь, чтобы я помог тебе разыскать то, что пропало? — спросил он.

— Да нет, — ответила Полумна. — Не надо. Пожалуй, я просто спущусь вниз и съем кусочек пудинга, а они пока сами найдутся… как оно всегда и бывает… ну, счастливых тебе каникул, Гарри.

— Спасибо. Тебе тоже.

Она пошла по коридору. Гарри смотрел ей вслед и чувствовал, что огромный камень у него на душе как будто стал немного легче.

* * *

Обратный путь из школы в «Хогвартс-экспрессе» ознаменовался сразу несколькими событиями. Во-первых, Малфой, Крэбб и Гойл, которые всю неделю дожидались случая нанести удар тайком от преподавателей, устроили Гарри засаду, когда он возвращался из туалета. Их замысел мог бы увенчаться успехом, однако они неосмотрительно выбрали для нападения место около купе, полного членов ОД, — те увидели сквозь стекло, что происходит, и все, как один, бросились Гарри на помощь. К тому времени, как Эрни Макмиллан, Ханна Аббот, Сьюзен Боунс, Джастин Финч-Флетчли, Энтони Голдстейн и Терри Бут использовали на них чуть ли не весь богатый арсенал заклятий, которым обучил их Гарри, Малфой, Крэбб и Гойл стали похожи на трех гигантских слизняков, втиснутых в школьную форму. Гарри с Эрни и Джастином взгромоздили их на багажную полку и оставили там истекать коричневой жижей.

— Честно говоря, мне не терпится увидеть, какое у мамаши Малфоя будет лицо, когда он сойдет с поезда, — с удовлетворением сказал Эрни, наблюдая, как слизеринец корчится наверху. Эрни так и не простил Малфою нескольких очков, вычтенных у Пуффендуя в те дни, когда в школе хозяйничала Инспекционная дружина.

— Зато мамаша Гойла наверняка обрадуется, — заметил Рон, пришедший на шум из своего купе. — По-моему, он сильно похорошел… Кстати, Гарри, только что подъехала тележка с едой — может, хочешь чего-нибудь?

Гарри поблагодарил остальных и, вернувшись вслед за Роном к себе, накупил целую кучу котловых кексов и тыквенных тартинок. Гермиона снова углубилась в чтение «Ежедневного пророка», Джинни решала кроссворд из «Придиры», а Невилл поглаживал свою *Мимбулус мимблетония,* которая заметно подросла за год и тихонько мурлыкала, когда до нее дотрагивались.

Гарри и Рон скоротали большую часть дороги за игрой в волшебные шахматы. Время от времени Гермиона зачитывала им вслух фразу-другую из «Пророка» — газета была битком набита статьями о том, как отогнать дементоров, рассказами о попытках Министерства выследить того или иного

Пожирателя смерти и истерическими письмами, где утверждалось, что Волан-де-Морт проходил мимо дома автора не далее как сегодня утром…

— Всерьез еще ничего не началось, — мрачно вздохнула Гермиона, просмотрев последнюю страницу. — Но ждать уже недолго…

— Эй, Гарри. — Рон тихонько кивнул на стеклянную дверь в коридор.

Гарри обернулся. По вагону шла Чжоу, а с ней — Мариэтта Эджком в вязаном шлеме. На мгновение взгляды Гарри и Чжоу встретились; она покраснела, но не остановилась. Гарри снова посмотрел на доску и успел увидеть, как конь Рона согнал с клетки одну из его пешек.

— А что… что между вами сейчас, а? — негромко спросил Рон.

— Да ничего, — честно ответил Гарри.

— Я… гм… слышала, что она встречается с кем-то другим, — осторожно сказала Гермиона.

Гарри с удивлением отметил, что это сообщение нимало его не тронуло. Желание нравиться Чжоу словно принадлежало прошлому, почти никак не связанному с настоящим, — впрочем, то же самое можно было сказать о многих желаниях, которые он испытывал до смерти Сириуса. В последний раз он видел своего крестного живым

всего неделю назад, но эта неделя точно растянулась на целые годы и соединяла два разных мира — в одном из них был Сириус, а в другом его не было…

— Ну и отлично, — с нажимом сказал Рон. — То есть она, конечно, симпатичная и все такое, но лучше бы тебе подцепить кого-нибудь повеселее.

— Со своим теперешним приятелем она, может, и веселая, — пожал плечами Гарри.

— А кто он, ее теперешний приятель? — спросил Рон у Гермионы, но ответила ему Джинни:

— Майкл Корнер.

— Майкл… но… — Рон уставился на нее, чуть не свернув себе шею. — Это же твой кадр!

— Был, — решительно заявила Джинни. — После того как Гриффиндор выиграл у Когтеврана в квиддич, он все время ходил надутый, и я дала ему отставку. Вот он и побежал утешать Чжоу. — Она задумчиво почесала нос кончиком пера, затем перевернула «Придиру» вверх ногами и стала проверять ответы. Рон был явно очень доволен.

— По мне, так он всегда малость смахивал на идиота, — сказал он, подталкивая свою королеву к дрожащей ладье Гарри. — Правильно сделала, сестренка. В следующий раз выбери кого-нибудь получше.

При этих словах он почему-то украдкой покосился на Гарри.

— Я уже выбрала Дина Томаса — одобряешь? — рассеянно откликнулась Джинни.

— Чего? — завопил Рон, опрокидывая доску. Живоглот кинулся за фигурами, а Букля с Сычом, сидевшие на верхней полке, сердито заухали и захлопали крыльями.

Когда поезд замедлил ход, приближаясь к вокзалу Кингс-Кросс, Гарри почувствовал, что ему будет невероятно трудно заставить себя выйти из вагона. У него даже мелькнула мысль, не отказаться ли от этого вовсе — взять да и просидеть на своем месте до первого сентября, а потом уехать обратно в Хогвартс. Но когда состав наконец остановился, Гарри покорно взял клетку с Буклей и приготовился тащить на платформу свой тяжелый чемодан.

По знаку контролера Гарри, Рон и Гермиона миновали волшебный барьер между девятой и десятой платформой, и тут оказалось, что по другую его сторону их ожидает сюрприз: встречать Гарри явились люди, которых ребята вовсе не рассчитывали тут увидеть.

Здесь был Грозный Глаз Грюм, облаченный в просторный дорожный плащ и сжимающий в

шишковатых пальцах длинную трость; в котелке, низко надвинутом на волшебный глаз, он выглядел отнюдь не менее устрашающе, чем с непокрытой головой. Рядом с ним стояла Тонкс в заплатанных джинсах и фиолетовой майке с эмблемой «Ведуний» — ее ярко-розовые волосы блестели на солнечном свету, льющемся сквозь грязную стеклянную крышу вокзала. Следующим был Люпин — бледное лицо, седоватые волосы, длинный потертый плащ, с грехом пополам прикрывающий старые штаны и джемпер. А возглавляли компанию мистер и миссис Уизли в своих лучших магловских нарядах и Фред с Джорджем, оба в новых с иголочки куртках из какого-то чешуйчатого ядовито-зеленого материала.

— Рон, Джинни! — Миссис Уизли поспешила крепко обнять своих детей. — Гарри, дорогой, ты тоже здесь! Ну как дела?

— Нормально, — соврал Гарри. Миссис Уизли наградила сердечным объятием и его. Поверх ее плеча Гарри видел, как Рон таращится на новые костюмы близнецов.

— Это еще что такое? — спросил он, кивая на них.

— Самая лучшая драконова кожа, братиш-

ка. — Фред слегка поддернул молнию. — Бизнес процветает, вот мы и решили себя побаловать.

— Привет, Гарри, — сказал Люпин, когда миссис Уизли отпустила его и повернулась к Гермионе.

— Здравствуйте, — отозвался Гарри. — Я и не ожидал… Что вы все тут делаете?

— Ну, — губы Люпина тронула легкая улыбка, — мы решили немножко поболтать с твоими дядей и тетей, прежде чем они увезут тебя домой.

— По-моему, не стоит, — тут же вырвалось у Гарри.

— А по-моему, стоит, — проворчал Грюм и, приволакивая ногу, подошел чуть ближе. — Это ведь они, правильно, Поттер?

Он ткнул большим пальцем через плечо; очевидно, его волшебный глаз следил за тем, что происходит сзади, прямо сквозь затылок и котелок. Заглянув к нему за спину, Гарри и вправду увидел всех троих Дурслей — они с явной опаской взирали на окружившую его делегацию.

— Ну вот, Гарри! — сказал мистер Уизли, отвернувшись от родителей Гермионы, которых он только что горячо приветствовал, и предоставив им по очереди обнимать дочь. — Приступим, пожалуй?

— Давай, Артур, — согласился Грюм.

Они первыми двинулись в сторону Дурслей, которые точно приросли к перрону. Гермиона мягко высвободилась из материнских объятий и пошла следом за остальными.

— Добрый день, — вежливо произнес мистер Уизли, останавливаясь прямо перед носом у дяди Вернона. — Наверное, вы меня помните? Мое имя Артур Уизли.

Поскольку два года назад мистер Уизли собственноручно разнес вздребезги всю обстановку Дурслевской гостиной, Гарри был бы очень удивлен, если бы дядя Вернон его забыл. И действительно, лицо дяди Вернона приобрело еще более густой кирпичный оттенок и он ответил мистеру Уизли свирепым взглядом, однако предпочел промолчать — возможно, еще и потому, что Дурслей было вдвое меньше, чем волшебников. Тетя Петунья выглядела одновременно смущенной и испуганной; ее глаза шныряли по сторонам, точно она боялась, что ее заметят в этом сомнительном обществе. Дадли же пытался казаться маленьким и незначительным, хотя такой подвиг был ему явно не под силу.

— Мы хотели бы потолковать с вами минутку насчет Гарри, — по-прежнему улыбаясь, продолжал мистер Уизли.

— Да, — рыкнул Грюм. — Насчет того, как вы с ним обращаетесь у себя дома.

Усы дяди Вернона встопорщились от гнева. Возможно, под влиянием полностью ошибочного впечатления, что котелок свидетельствует о некоем духовном родстве между его обладателем и им, Верноном Дурслем, он решил обратиться прямиком к Грюму:

— Я не знал, что мои домашние дела касаются вас!

— Если записать все, чего вы не знаете, Дурсль, получится целая библиотека, — прорычал Грюм.

— Все это неважно, — вмешалась Тонкс, чьи розовые волосы, похоже, возмущали тетю Петунью больше всего остального, вместе взятого: она даже закрыла глаза, чтобы их не видеть. — Суть в другом. Если мы узнаем, что вы плохо обращаетесь с Гарри…

— А мы обо всем узнаем, можете не сомневаться, — дружелюбно вставил Люпин.

— Да, — добавил мистер Уизли, — и даже если вы не позволите Гарри воспользоваться фелетоном…

— Телефоном, — прошептала Гермиона.

— Так вот, если мы хоть краем уха услышим, что Поттеру приходится несладко, вы нам за это

ответите, — заявил Грюм.

Дядя Вернон стал зловеще раздуваться. Видимо, его ярость перевесила даже страх перед этой бандой ненормальных.

— Вы мне угрожаете, сэр? — рявкнул он так громко, что несколько прохожих удивленно обернулись.

— Именно так, — ответил Грозный Глаз, очень довольный тем, что дядя Вернон так быстро ухватил самую суть дела.

— По-вашему, я похож на человека, которого можно запугать? — пролаял дядя Вернон.

— Ну… — протянул Грюм, сдвигая назад котелок и открывая свой дико вращающийся волшебный глаз. Дядя Вернон в ужасе отскочил назад и больно ударился о багажную тележку. — Думаю, что похожи, Дурсль. — Он повернулся к Гарри: — Итак, Поттер… когда мы тебе понадобимся, дай знать. Если от тебя не будет известий три дня кряду, кого-нибудь пришлем…

У тети Петуньи вырвался звук, напоминающий жалобное поскуливание. Вне всяких сомнений, она подумала о том, что скажут соседи, увидев подобных персонажей на ее садовой дорожке.

— Ну, бывай, Поттер. — Грюм на мгновение сжал плечо Гарри своей костлявой рукой.

— Береги себя, Гарри, — негромко сказал Люпин. — Не пропадай.

— Мы заберем тебя отсюда, как только сможем, — шепнула миссис Уизли, снова обнимая его.

— Скоро увидимся, дружище. — В голосе Рона звучала тревога. Они обменялись рукопожатием.

— Правда скоро, Гарри, — серьезно сказала Гермиона. — Обещаем.

Гарри кивнул. Он почему-то не находил слов, чтобы выразить, что это для него значит — видеть их всех здесь, рядом с собой. Он только улыбнулся, поднял ладонь в знак прощания и, повернувшись, первым зашагал из здания вокзала на залитую солнцем улицу, а дядя Вернон с тетей Петуньей и Дадли, не задержавшись ни на секунду, поспешили за ним.

Гарри Поттер и Принц-полукровка

Министерство магии терпит поражение за поражением в битвах с Волан-де-Мортом. Даже маглы страдают от второй войны — каждый день происходят катастрофы, причины которых никому не ведомы. Орден Феникса теряет в сражениях с Пожирателями смерти своих лучших волшебников.

Но и на войне жизнь продолжается. Гарри, Рон и Гермиона, как и все шестнадцатилетние, учатся, ходят на вечеринки и влюбляются. Однако опасность все

ближе и ближе. Несмотря на все усилия Дамблдора по защите школы, в Хогвартсе происходят очень странные события.

Омут памяти на этот раз откроет Гарри самую большую тайну Темного Лорда, и ради того, чтобы победить, Гарри вынужден пожертвовать самым дорогим…

Какую же сторону в этой войне примет загадочный Принц-полукровка?

Глава 1

ДРУГОЙ МИНИСТР

Приближалась полночь. Премьер-министр сидел у себя в кабинете в полном одиночестве и читал длинный меморандум. Строчки мелькали перед глазами, не задевая сознания. Премьер-министр ожидал звонка от президента одной далекой страны. Он раздумывал, когда же наконец позвонит этот злосчастный тип, и одновременно пытался отделаться от неприятных воспоминаний о необычайно долгой и утомительной неделе; ни на что другое в голове у него просто не оставалось места. Чем больше он старался сосредоточиться на печатной странице, которая лежала перед ним на столе, тем отчетливее видел перед собой злорадное лицо одного из своих политических противников. Не далее как сегодня противник этот, выступая в программе новостей, не только перечислил все ужасные происшествия минувшей недели (как будто кому-то требовалось об этом напоминать), но еще и подробно объяснил, почему в каждом из них виновато правительство.

У премьер-министра зачастил пульс от одной мысли об этих подлых и несправедливых обвинениях.

Интересно, каким это образом правительство могло помешать мосту обрушиться? Возмутительная нелепость — намекать, будто на строительство мостов тратится недостаточно средств. Мосту не было еще и десяти лет, лучшие эксперты теряются в догадках, отчего он вдруг разломился ровно посередине, отправив дюжину автомобилей на дно реки. И как только наглости хватило заявить, что причина двух зверских убийств, широко освещавшихся в средствах массовой информации, — нехватка полицейских? И что правительство обязано было каким-то образом предвидеть внезапный ураган, пронесшийся по нескольким графствам к юго-западу от Лондона, причинивший огромный ущерб и сопровождавшийся человеческими жертвами? И разве он, премьер-министр, виноват в том, что один из его заместителей, Герберт Чорли, именно на этой неделе начал вести себя так своеобразно, что ему теперь придется значительно больше времени проводить дома, с семьей?

«Страну охватило уныние», — закончил свою речь представитель оппозиции, почти не скры-

вая широкой довольной улыбки.

Увы, тут он сказал чистую правду. Премьер-министр и сам это почувствовал: люди выглядели непривычно подавленными. Даже погода стояла безрадостная. Промозглый туман в середине июля… Неправильно это. Ненормально.

Он перевернул страницу меморандума, увидел, как много еще осталось, и бросил безнадежные попытки вникнуть в содержание документа. Потянулся, закинув руки за голову, обвел тоскливым взором кабинет. Это была красивая комната с мраморным камином и высокими подъемными окнами напротив камина — сейчас они были плотно закрыты из-за не вовремя наступившего похолодания. Слегка вздрогнув, премьер-министр поднялся и подошел к окну, уставился на редкий туман, липнущий к стеклам. И тут он услышал, как кто-то негромко кашлянул у него за спиной.

Премьер-министр застыл, нос к носу со своим испуганным отражением в темном стекле. Звук был ему знаком. Он уже слышал раньше этот кашель. Очень медленно он повернулся лицом к пустой комнате.

— В чем дело? — спросил он, стараясь говорить с твердостью, которой на самом деле не ощущал.

На какое-то краткое мгновение премьер-министр позволил себе немыслимую надежду, что никто ему не ответит. Однако тут же послышался голос — бодрый, деловитый голос, который звучал так, словно зачитывал готовый текст по бумажке. Этот голос — как и ожидал премьер-министр с той минуты, когда раздался кашель, — принадлежал похожему на лягушку человечку в длинном серебристом парике, что был изображен на маленькой грязной картине маслом, висевшей в дальнем углу комнаты.

— Премьер-министру маглов. Срочно необходимо встретиться. Будьте добры ответить немедленно. С уважением, Фадж — Человечек на картине вопросительно посмотрел на премьер-министра.

— Э-э… — произнес премьер-министр. — Послушайте, сейчас не самое удачное время… Видите ли, я жду телефонного звонка… От президента…

— Звонок можно перенести, — сразу же отозвался портрет.

У премьер-министра упало сердце. Этого он и боялся.

— Но я так рассчитывал на этот разговор…

— Мы организуем, чтобы президент забыл позвонить. Он позвонит вам завтра вечером, — ска-

зал человечек. — Большая просьба немедленно ответить мистеру Фаджу. — Я… ох… ну хорошо, — сказал премьер-министр слабым голосом. — Да, я согласен встретиться с Фаджем.

Он поспешно вернулся к столу, на ходу поправляя галстук. Едва он успел снова сесть в кресло и придать своему лицу по возможности непринужденное выражение, будто ему все нипочем, как в пустом мраморном камине вспыхнуло зеленое пламя. Стараясь ничем не выдавать удивления и тревоги, премьер-министр наблюдал, как в пламени возник представительный господин, стремительно вращавшийся вокруг собственной оси, словно волчок. Секунда, другая — и вот уже он ступил на прекрасный антикварный ковер, стряхивая пепел с рукавов длинного плаща в полоску, держа в руке шляпу-котелок светло-зеленого цвета.

— А, премьер-министр, — сказал Корнелиус Фадж, подходя с протянутой рукой. — Рад снова видеть вас.

Премьер-министр, по совести, не мог сказать о себе того же и потому промолчал. Он вовсе не был рад видеть Фаджа, чьи редкие посещения, и сами по себе жутковатые, как правило, означали, что ему предстоит выслушать чрезвычайно

неприятные новости. К тому же на этот раз Фадж выглядел явно измотанным. Он осунулся, полысел и поседел, и лицо у него было какое-то помятое. Премьер-министру и раньше случалось видеть подобные перемены в облике иных политиков, и обычно это не предвещало ничего хорошего.

— Чем могу помочь? — спросил он, коротко пожав руку Фаджа и жестом предлагая ему самый жесткий из стульев, стоявших возле письменного стола.

— Даже не знаю, с чего начать, — пробормотал Фадж, пододвинул к себе стул и сел, положив зеленый котелок на колени. — Что за неделя, что за неделя…

— Так у вас тоже была трудная неделя? — натянуто поинтересовался премьер-министр, надеясь этим дать понять, что у него и так хватает забот и нет совершенно никакой необходимости получать добавку от Фаджа.

— Да, конечно. — Фадж устало протер глаза и мрачно посмотрел на собеседника. — У меня была точно такая же неделя, как и у вас, премьер-министр. Брокдейлский мост… Убийства Боунс и Вэнс… Не говоря уже о заварушке на юго-западе…

— Вы… э-э… я хотел сказать: так ваши люди… ваших людей тоже коснулись эти… эти события?

Фадж довольно сурово посмотрел на премьер-министра.

— Разумеется, — сказал он. — Вы же понимаете, что происходит?

— Я… — замялся премьер-министр.

Вот за такие штуки он и не любил посещения Фаджа. Все-таки он — премьер-министр; не очень-то приятно чувствовать себя двоечником, не выучившим урока. Но так уж повелось у них с Фаджем с самой первой встречи, а состоялась она в первый его вечер в должности премьер-министра. Он помнил это, как будто все случилось вчера, и знал, что воспоминание будет преследовать его до смертного часа.

Он стоял тогда один в том же самом кабинете и наслаждался триумфом, к которому шел столько лет, как вдруг за спиной раздалось тихое покашливание, точно так же, как сегодня. Он обернулся, и безобразный человечек на портрете заговорил с ним, объявив, что к нему сейчас явится для знакомства министр магии.

Естественно, он решил, что сошел с ума, не выдержав долгой и напряженной предвыборной кампании. Говорящий портрет привел его

в ужас, но это было ничто по сравнению с ощущениями, которые он испытал, когда из камина выскочил некто, назвавшийся волшебником, и пожал ему руку. Премьер-министр не вымолвил ни слова, пока Фадж любезно объяснял ему, что на свете до сих пор тайно живут волшебники и волшебницы, и заверял, что о них совершенно не нужно беспокоиться, поскольку Министерство магии полностью берет на себя ответственность за волшебное сообщество и строго следит, чтобы немагическое население ни в коем случае не прознало о его существовании. Фадж сказал, что это весьма трудная работа, охватывающая самые разнообразные вопросы от ограничений при полетах на метле до контроля численности популяции драконов (премьер-министр хорошо помнил, как при этих словах ухватился за край стола, чтобы не упасть). Затем Фадж отечески потрепал онемевшего премьер-министра по плечу.

— Ни о чем не тревожьтесь, — сказал он. — Скорее всего, вы меня больше никогда не увидите. Я побеспокою вас только в том случае, если на нашей стороне произойдет нечто действительно серьезное, нечто такое, что может повлиять на жизнь маглов… я хочу сказать — немагического населения. В остальное же время наш принцип:

живи и дай жить другим. Должен сказать, вы восприняли встречу со мной значительно лучше, чем ваш предшественник. Он пытался выбросить меня из окна, приняв за розыгрыш, подстроенный оппозицией.

Тут к премьер-министру наконец вернулся дар речи.

— Так, значит… вы не розыгрыш?

Это была его последняя, отчаянная надежда.

— Нет, — мягко сказал Фадж — К сожалению, нет. Вот, смотрите.

И он превратил чайную чашку премьер-министра в тушканчика.

— Но, — задохнулся премьер-министр, глядя, как тушканчик обгрызает уголок его будущей речи, — почему… почему никто мне не сказал…

— Министр магии показывается только действующему магловскому премьер-министру, — сказал Фадж, убирая за пазуху волшебную палочку. — Мы считаем, что так надежнее с точки зрения секретности.

— Но тогда, — жалобно проблеял премьер-министр, — почему прежний премьер не предупредил меня…

На это Фадж откровенно расхохотался:

— Дорогой мой премьер-министр, а разве вы

сами когда-нибудь кому-нибудь об этом расскажете?

Все еще продолжая посмеиваться, Фадж бросил в очаг щепотку какого-то порошка, шагнул в изумрудно-зеленое пламя и исчез, только фукнуло в камине. Премьер-министр стоял столбом, сознавая, что никогда, ни одной живой душе не отважится проронить хоть слово об этой встрече, потому что — кто ж ему поверит.

Он долго не мог оправиться от потрясения. Поначалу пытался убедить себя, что Фадж на самом деле всего лишь галлюцинация, вызванная недосыпом, накопившимся за время трудной предвыборной кампании. В тщетной попытке избавиться от любых напоминаний об этой неприятной встрече он подарил тушканчика племяннице, которая пришла от зверюшки в полный восторг, а затем приказал своему личному секретарю убрать из помещения портрет безобразного человечка, возвестившего о прибытии Фаджа. Но, к большому огорчению премьер-министра, удалить портрет оказалось невозможно. Его поочередно пытались снять со стены целый отряд плотников, несколько строительных рабочих, искусствовед и канцлер казначейства, но успеха не добились. В конце концов премьер-ми-

нистр махнул рукой и просто стал надеяться, что в течение оставшегося срока его пребывания в должности мерзкая штуковина будет хранить молчание и неподвижность. Порой он готов был поклясться, что видел краешком глаза, как обитатель картины зевает или почесывает нос, а один или два раза тот просто уходил из рамы, оставляя грязновато-коричневый холст совершенно пустым. Но премьер-министр приноровился пореже смотреть на картину, а в случае чего, твердо говорил себе, что это просто обман зрения.

Но вот три года назад, в очень похожий вечер, когда премьер-министр сидел один у себя в кабинете, портрет вновь объявил о посещении Фаджа, который тут же и выпрыгнул из камина, промокший насквозь и в состоянии полнейшей паники. Не успел премьер-министр поинтересоваться, чего ради он поливает водой ценный аксминстерский ковер, как Фадж понес дичайшую околесицу про тюрьму, о которой премьер-министр в жизни своей не слыхал, про человека по имени Серый Ус Блэк, про какой-то неведомый Хогвартс и про мальчика по имени Гарри Поттер. Все это ровно ничего не говорило премьер-министру.

— Я только сейчас из Азкабана, — пыхтел Фадж, стряхивая воду с полей своей шляпы-котелка

прямо к себе в карман. — Это, знаете ли, посреди Северного моря, полет весьма неприятный… Дементоры волнуются, — тут Фаджа передернуло, — у них никогда еще не случалось побегов. Словом, я вынужден обратиться к вам, премьер-министр. Известно, что Блэку уже случалось убивать маглов и, возможно, он планирует снова присоединиться к Сами-Знаете-Кому… Но вы ведь даже и Сами-Знаете-Кого не знаете! — Фадж безнадежно уставился на премьер-министра, затем сказал: — Ну ладно, ладно, садитесь, я уж вас проинформирую… Выпейте виски…

Премьер-министра слегка задело, что его в собственном кабинете приглашают присесть, да еще и угощают его же собственным виски, но тем не менее он сел. Фадж вытащил волшебную палочку, создал прямо из воздуха два больших бокала с янтарной жидкостью, сунул один в руку премьер-министру и пододвинул себе стул.

Фадж говорил больше часа. В какой-то момент он не пожелал произнести вслух некое имя и вместо этого написал его на бумажке, которую вложил в не занятую бокалом руку премьер-министра. Когда Фадж наконец собрался уходить, премьер-министр встал следом за ним.

— Так вы считаете, что… — Он прищурился,

вглядываясь в запись на клочке пергамента, который держал в левой руке, — что лорд Вол…

— Тот-Кого-Нельзя-Называть! — прорычал Фадж

— Прошу прощения… Вы считаете, Тот-Кого-Нельзя-Называть все еще жив?

— Как сказать… Дамблдор утверждает, что жив, — ответил Фадж, застегивая у горла свой полосатый плащ, — но мы его так и не нашли. Если вас интересует мое мнение, то, по-моему, он не опасен, пока у него нет сторонников, поэтому волноваться следует главным образом по поводу Блэка. Так вы опубликуете наше предупреждение? Отлично. Что ж, на-деюсь, мы с вами больше не увидимся, премьер-министр. Спокойной ночи!

Но они увиделись снова. Меньше года спустя встревоженный и сильно утомленный Фадж возник прямо посреди зала заседаний кабинета министров и уведомил премьер-министра о небольших беспорядках, имевших место на Чемпионате мира по квиддичу (или что-то в этом роде), причем в происходящее «оказались вовлечены» несколько маглов, но, по его словам, премьер-министру не о чем беспокоиться, появление Черной Метки — знака Сами-Знаете-Кого

— ровным счетом ничего не означает. Фадж абсолютно уверен, что это всего лишь единичный случай, и Управление по связям с маглами уже принимает необходимые меры по модификации памяти у пострадавших.

— Да, чуть не забыл, — прибавил Фадж под конец. — Мы собираемся ввезти из-за границы трех драконов и сфинкса для Турнира Трех Волшебников. Это вполне обычная практика, но Отдел регулирования магических популяций и контроля над ними, ссылаясь на существующие правила, требует поставить вас в известность о ввозе в нашу страну существ повышенной опасности.

— Я… Что? Драконы?! — завопил, брызгая слюной, премьер-министр.

— Да, три штуки, — подтвердил Фадж — И сфинкс. Ну, всего хорошего!

Премьер-министр безнадежно надеялся, что драконами и сфинксами дело и ограничится, но нет. Не прошло и двух лет, как Фадж снова появился из камина, на сей раз с известием о массовом побеге из Азкабана.

— Массовый побег? — севшим голосом переспросил премьер-министр.

— Не нужно волноваться, не нужно волновать-

ся! — прокричал Фадж, уже снова одной ногой в пламени. — Мы их мигом переловим! Это я уж так, чтоб вы были в курсе!

И не успел премьер-министр прокричать: «Эй, подождите минуточку!» — как Фадж уже скрылся, рассыпавшись дождем зеленых искр.

Что бы там ни говорили пресса и оппозиция, премьер-министр был вовсе не глуп. От него не ускользнуло, что, несмотря на все заверения Фаджа при той первой встрече, им приходится видеться довольно часто, причем Фадж с каждым разом появляется во все более растрепанных чувствах. Хотя премьер-министру отнюдь не доставляло удовольствия вспоминать о Фадже, он невольно опасался, что, когда министр магии (или, как он его про себя называл, Другой министр) появится снова, причина окажется еще более серьезной. А потому вид Фаджа, в очередной раз выходящего из камина, взлохмаченного, раздраженного и строго отчитывающего премьер-министра за то, что тот не может сам догадаться о цели его визита, стал достойным завершением исключительно тяжелой недели.

— Откуда же мне знать, что там у вас происходит в этом вашем, как его… волшебном сообществе? — огрызнулся премьер-министр. — На

мне, между прочим, руководство целой страной, и в настоящее время мне вполне хватает своих забот…

— У нас с вами одни и те же заботы, — перебил его Фадж — Брокдейлский мост обрушился не сам по себе. И ураган на самом деле — не ураган. И убийства совершены не маглами. И Герберта Чорли безопаснее будет изолировать от семьи. Сейчас мы готовимся перевезти его в клинику магических недугов и травм — больницу святого Мунго. Перевозить будем этой ночью.

— О чем вы?.. Боюсь, я не совсем… Что?! — взвыл премьер-министр.

Фадж сделал глубокий вдох:

— Премьер-министр, я должен с огромным сожалением сообщить вам, что он вернулся. Тот-Кого-Нельзя-Называть вернулся.

— Вернулся? Вы хотите сказать, он жив? То есть…

Премьер-министр спешно искал в памяти подробности кошмарного разговора трехлетней давности, когда Фадж рассказывал ему про волшебника, которого боялись больше всех других волшебников, который совершил тысячу ужасных преступлений, после чего загадочно исчез пятнадцать лет назад.

— Да-да, жив, — ответил Фадж. — Впрочем, не знаю… Можно ли назвать по-настоящему живым человека, которого нельзя убить? Я этого толком не понимаю, а Дамблдор не хочет ничего объяснять, но, во всяком случае, у него теперь есть тело, он ходит, говорит и убивает, так что, видимо, в рамках данного обсуждения можно считать: да, он жив.

Премьер-министр не знал, что на это сказать, но прочно въевшаяся привычка казаться прекрасно информированным по любому вопросу заставила его уцепиться за первую вспомнившуюся деталь того давнего разговора.

— А Серый Ус Блэк, он сейчас, э-э… с Тем-Кого-Нельзя-Называть?

— Блэк? Блэк? — рассеянно переспросил Фадж, очень быстро вертя в руках котелок. — Вы имеете в виду Сириуса Блэка? Нет, клянусь бородой Мерлина! Блэк погиб. Как выяснилось, мы… э-э… были не правы на его счет. Все-таки он был невиновен. И никогда не был в сговоре с Тем-Кого-Нельзя-Называть. Я хочу сказать, — прибавил он, словно оправдываясь, и еще быстрее завертел свой котелок, — все данные указывали… более пятидесяти очевидцев… во всяком случае, как я уже сказал, он умер. Собственно говоря, его убили. В здании

Министерства. Будет расследование…

К собственному удивлению, премьер-министр ощутил мимолетную жалость к Фаджу. Но ее тут же вытеснило теплое чувство самодовольства: пусть сам он не умеет материализоваться в каминах, зато на территории вверенных ему государственных учреждений убийств не было… по крайней мере пока.

Премьер-министр незаметно постучал по деревянной столешнице, а Фадж тем временем продолжал:

— Сейчас Блэк — дело десятое. Главное, что мы находимся в состоянии войны и необходимо принимать соответствующие меры.

— Война? — тревожно переспросил премьер-министр. — Не слишком ли сильно сказано?

— Тот-Кого-Нельзя-Называть снова встретился со своими сторонниками, которые вырвались из Азкабана в январе. — Фадж говорил все быстрее и быстрее и так яростно крутил свой котелок, что тот казался размытым светло-зеленым пятном. — Они больше не скрываются и творят невесть что. Брокдейлский мост — это его рук дело, премьер-министр, он угрожал массовым убийством маглов, если я не отойду в сторону, открыв ему дорогу…

— Боже ты мой, так это по вашей вине погибли люди, а мне приходится отвечать на вопросы о проржавевшей арматуре и коррозии опорных конструкций и не знаю уж о чем еще! — гневно воскликнул премьер-министр.

— По моей вине?! — вспыхнул Фадж — Хотите сказать, вы бы согласились уступить подобному шантажу?

— Может быть, и нет, — ответил премьер-министр, вставая и принимаясь расхаживать по комнате. — Однако я бы приложил все усилия, чтобы поймать шантажиста, прежде чем он совершит такое злодеяние!

— Вы думаете, я не прикладываю усилий? — с жаром воскликнул Фадж. — Все министерские мракоборцы до единого брошены на эту задачу, они до сих пор пытаются найти его и отловить его сообщников, но ведь речь идет об одном из самых могущественных чародеев всех времен, о чародее, которого почти три десятилетия никому не удавалось одолеть!

— Полагаю, сейчас вы мне скажете, что и ураган на юго-западе тоже он вызвал? — спросил премьер-министр, с каждым шагом все больше свирепея. Он был вне себя от мысли, что теперь ему известна причина этих ужасных бедствий, но

он не может открыть ее общественности; лучше уж пусть бы на самом деле правительство было во всем виновато, что ли!

— Это был не ураган, — проговорил Фадж несчастным голосом.

— Прошу прощения! — взревел премьер-министр, чуть ли не топая ногами. — Вывороченные с корнем деревья, сорванные с домов крыши, погнутые фонарные столбы, человеческие жертвы…

— Это сделали Пожиратели смерти, — сказал Фадж — Сторонники Того-Кого-Нельзя-Называть. И еще… мы подозреваем, что в деле участвовали великаны.

Премьер-министр остановился на всем ходу, как будто налетел на невидимую стену.

— Кто участвовал?! Фадж сделал гримасу:

— В прошлый раз он привлекал великанов, когда хотел совершить нечто особо эффектное. Сектор дезинформации работает круглосуточно, целые команды Стирателей памяти заняты модификацией памяти маглов, ставших свидетелями того, что произошло на самом деле. Отдел регулирования магических популяций и контроля над ними чуть ли не в полном составе носится по Сомерсету, но великанов так до сих пор и не

могут найти… Просто несчастье какое-то!

— Да что вы говорите! — в бешенстве рявкнул премьер-министр.

— Не стану скрывать, настроение в Министерстве подавленное, — сказал Фадж — А тут еще ко всему прочему мы лишились Амелии Боунс.

— Кого лишились?

— Амелии Боунс. Она руководила Отделом обеспечения магического правопорядка. Мы полагаем, что Тот-Кого-Нельзя-Называть, возможно, лично убил ее, поскольку она была необыкновенно одаренной волшебницей и, судя по всему, отчаянно сражалась.

Фадж кашлянул и с явным усилием прекратил наконец вертеть свою шляпу.

— Да ведь об этом убийстве писали в газетах, — сказал премьер-министр, ненадолго позабыв о своем гневе. — В наших газетах. Амелия Боунс… Там говорилось, что это была самая обыкновенная одинокая пожилая женщина. Если не ошибаюсь, убита с особой жестокостью. Эта история широко освещалась в средствах массовой информации. Расследование, знаете ли, зашло в тупик.

Фадж вздохнул:

— Еще бы оно не зашло в тупик! Убийство со-

вершено в комнате, запертой изнутри, так? А вот мы совершенно точно знаем, кто его совершил, только это не помогает нам изловить виновного. И еще Эммелина Вэнс — возможно, вы о ней не слышали…

— Как же, слышал! — сказал премьер-министр. Между прочим, это случилось недалеко отсюда, буквально за углом. Газеты порезвились вовсю: «Нарушение закона и порядка практически на заднем дворе у премьер-министра»…

— И как будто мало было всего этого, — сказал Фадж, не слушая, — повсюду кишмя кишат дементоры, нападают на людей направо и налево…

Когда-то, в более счастливые времена, премьер-министру эти слова показались бы бессмыслицей, но сейчас он стал мудрее.

— А я думал, дементоры стерегут заключенных в Азкабане? — спросил он осторожно.

— Стерегли, — устало ответил Фадж — Но теперь уже не стерегут. Они покинули свой пост и присоединились к Тому-Кого-Нельзя-Называть. Не стану скрывать, это был тяжелый удар.

— Но, — вымолвил премьер-министр, мало-помалу приходя в ужас, — не вы ли мне говорили, что эти существа отнимают у людей надежду и радость?

— Совершенно верно. И к тому же они размножаются. От этого и туман.

У премьер-министра подкосились ноги, и он рухнул в ближайшее кресло. Ему стало дурно от мысли, что какие-то невидимые существа рыщут по городам и весям, сея отчаяние и безнадежность среди его электората.

— Послушайте, Фадж, нужно что-то делать! Это ведь ваша обязанность как министра магии!

— Дорогой мой премьер-министр, неужели вы всерьез думаете, что после этих событий я все еще министр магии? Меня уже три дня как сняли с должности! В течение двух недель все волшебное сообщество с криками и воплями требовало моей отставки. За все время моей работы я ни разу не видел среди них такого единодушия! — сказал Фадж, отважно пытаясь улыбнуться.

Премьер-министр временно лишился дара речи. Хоть он и негодовал по поводу того, в какое положение его поставили, но все же невольно сочувствовал загнанному человеку, съежившемуся в кресле напротив.

— Очень жаль, — сказал он наконец. — Могу ли я чем-нибудь помочь?

— Вы очень добры, премьер-министр, но помочь ничем не можете. Сегодня меня прислали

сюда, чтобы ознакомить вас с последними событиями и представить вам моего преемника. Я полагал, что он уже должен быть здесь, но он, конечно, очень занят, столько всего…

Фадж оглянулся на портрет безобразного человечка в длинном завитом серебряном парике. Человечек ковырял в ухе гусиным пером.

Заметив, что Фадж на него смотрит, портрет проговорил:

— Он будет здесь с минуты на минуту. Заканчивает письмо Дамблдору.

— Желаю ему удачи, — сказал Фадж, в голосе которого впервые послышалась горечь. — Последние две недели я посылал письма Дамблдору по два раза в день, но он не пожелал и пальцем пошевелить. Если бы только он согласился повлиять на мальчишку, я, быть может, все еще был бы… Ну что ж, возможно, Скримджеру повезет больше.

Фадж погрузился в скорбное молчание, но тишину почти сразу же нарушил портрет, неожиданно заговоривший бодрым официальным тоном:

— Премьер-министру маглов. Просьба о встрече. Срочно. Будьте добры дать ответ немедленно. Руфус Скримджер, министр магии.

— Да-да, я согласен, — отозвался вконец замороченный премьер-министр и даже почти не вздрогнул, когда огонь в камине снова приобрел изумрудно-зеленый оттенок, ярко вспыхнул и среди языков пламени показался еще один вращающийся волшебник, которого через несколько секунд выбросило на антикварный ковер. Фадж поднялся на ноги, премьер-министр после минутной заминки сделал то же самое, наблюдая, как вновь прибывший выпрямляется, отряхивает длинную черную мантию и осматривается по сторонам.

В первый момент премьер-министру пришла в голову дурацкая мысль, что Руфус Скримджер очень похож на старого льва. В густой гриве рыжевато-каштановых волос и в кустистых бровях виднелись седые пряди, из-за очков в проволочной оправе смотрели пронзительные желтые глаза, а в движениях, хоть он и прихрамывал, сквозила своеобразная гибкая, размашистая грация. В этом человеке сразу чувствовались острый ум и твердый характер. «Можно понять, — подумал премьер-министр, — почему волшебное сообщество предпочло в эти опасные времена видеть своим предводителем Скримджера, а не Фаджа».

— Здравствуйте, как поживаете? — вежливо поздоровался премьер-министр, протягивая руку.

Скримджер коротко пожал ему руку, не переставая оглядывать комнату, затем извлек из-за пазухи волшебную палочку.

— Фадж все вам рассказал? — спросил он, подошел к двери и коснулся замочной скважины волшебной палочкой.

Премьер-министр услышал, как щелкнул замок.

— Э-э… да, — сказал премьер-министр. — И если вы не возражаете, я предпочел бы, чтобы дверь была открыта.

— А я предпочел бы, чтобы нам никто не мешал, — отрывисто ответил Скримджер. — И не подглядывал, — прибавил он, взмахом волшебной палочки задергивая занавеси на окнах. — Вот так. Ну что же, я занятой человек, так что перейдем сразу к делу. Прежде всего необходимо обсудить вопрос вашей безопасности.

Премьер-министр выпрямился во весь рост:

— Благодарю вас, я вполне доволен своей охраной…

— А мы — нет, — перебил его Скримджер. — Будет весьма неудачно для маглов, если их премьер-министр окажется под действием заклятия

Империус. Новый секретарь у вас в приемной…

— Я не уволю Кингсли Бруствера, если вы к этому клоните! — с жаром воскликнул премьер-министр. — Он прекрасный работник, успевает сделать вдвое больше остальных…

— Это потому, что он волшебник, — сказал Скримджер без тени улыбки. — Мракоборец высочайшей квалификации, приставлен к вам для охраны.

— Стоп, стоп, погодите-ка минуточку! — воскликнул премьер-министр. — Вы не можете ни с того ни с сего взять и внедрить своего человека в мое ведомство. Я сам решаю, кого брать на работу…

— Мне казалось, вы были довольны Брустве-ром? — холодно заметил Скримджер.

— Я-то доволен… То есть я был доволен.

— Значит, все в порядке? — сказал Скримджер.

— Я… Что ж, если он и дальше будет так же работать… э-э… тогда все хорошо, — неуклюже закончил премьер-министр, но Скримджер его уже не слушал.

— Теперь касательно вашего заместителя, Герберта Чорли, — продолжал он. — Того, который развлекал общественность, изображая утку.

— А что такое? — спросил премьер-министр.

— Очевидно, его поведение является следствием скверно выполненного заклятия Империус, — ответил Скримджер. — Он повредился в уме, но все же может быть опасен.

— Да он же только крякает! — слабым голосом возразил премьер-министр. — Достаточно как следует отдохнуть… Может быть, поменьше налегать на спиртное…

— Пока мы с вами здесь разговариваем, его осматривает бригада целителей из больницы святого Мунго. Он уже пытался задушить троих, — сообщил Скримджер. — Я считаю, что будет лучше, если мы временно изолируем его от общества маглов.

— Я… что ж… Надеюсь, он поправится? — с тревогой спросил премьер-министр.

Скримджер только пожал плечами — он уже направился к камину.

— Вот, пожалуй, и все, что я хотел сказать. Буду держать вас в курсе событий, премьер-министр, вернее, сам я, вероятно, буду слишком занят, чтобы посещать вас лично, в случае чего пришлю Фаджа. Он согласился остаться при мне в качестве консультанта.

Фадж попытался изобразить улыбку, но это у него не получилось — было похоже, как будто у

бывшего министра магии вдруг заболели зубы. Скримджер уже рылся в карманах в поисках таинственного порошка, от которого огонь в камине становился зеленым. Премьер-министр беспомощно смотрел на них, и тут у него наконец вырвались те слова, что он с таким трудом сдерживал весь этот вечер.

— Ради всего святого, вы же волшебники! Вы умеете колдовать! Вы же, наверное, можете справиться с чем угодно!

Скримджер медленно обернулся и взглянул на Фаджа с таким выражением, словно не верил своим ушам. Фадж на сей раз в самом деле выдавил улыбку и снисходительно пояснил:

— Видите ли, премьер-министр, все дело в том, что и наши противники тоже умеют колдовать.

После чего оба волшебника один за другим исчезли в изумрудно-зеленом пламени.

Глава 2

ПАУЧИЙ ТУПИК

За много миль от правительственного здания промозглый туман, липнувший к окнам премьер-министра, клубился над грязной речкой, вьющейся между заросшими, замусоренными берегами. Поблизости возвышалась громадная дымовая труба заброшенной фабрики, темная и зловещая. Здесь не было никаких звуков, лишь чуть слышно журчала темная вода, и никаких признаков жизни, только облезлая лисица рыскала по берегу в надежде отыскать среди высокой травы старые обертки от жареной рыбы с чипсами.

Но вот раздался тихий хлопок, и у самой воды возникла стройная фигура в плаще с капюшоном. Лисица замерла на месте, не сводя настороженного взгляда с этого странного явления. Фигура осмотрелась, как будто пытаясь сориентироваться, а затем быстрыми легкими шагами двинулась прочь, шелестя плащом по траве.

Послышался еще один хлопок, погромче, и материализовалась вторая фигура в плаще с

капюшоном.

— Стой!

Хриплый крик испугал лису, припавшую к земле среди сорняков. Она одним прыжком выскочила из укрытия и кинулась вверх по берегу. Блеснула зеленая вспышка, короткий взвизг — и мертвая лиса упала на землю.

Вторая фигура носком башмака перевернула убитое животное.

— Просто лисица, — пренебрежительно произнес женский голос из-под капюшона. — А я подумала — вдруг мракоборец… Цисси, подожди!

Но та, кого она преследовала, оглянувшись было при вспышке света, уже снова карабкалась по склону, откуда только что скатилась лисица.

— Цисси! Нарцисса! Послушай меня!

Вторая женщина догнала первую и схватила за руку. Первая вырвалась:

— Уходи, Белла!

— Ты должна меня выслушать!

— Слушала уже! Я приняла решение. Оставь меня в покое!

Женщина, которую звали Нарцисса, выбралась наконец наверх, туда, где ветхие перила отделяли реку от узенькой улочки, мощенной булыжником. Вторая женщина, Белла, не отставала от

нее ни на шаг. Они стояли рядом в темноте и смотрели через дорогу на унылые ряды полуразвалившихся кирпичных домов с тусклыми слепыми окнами.

— Он живет здесь? — спросила Белла с презрением. — Здесь? В этой магловской навозной куче? Должно быть, еще никто из наших сюда не…

Но Нарцисса не слушала; она проскользнула через дыру в ржавой ограде и бросилась бегом через дорогу.

— Цисси, подожди!

Белла рванулась за ней, взметнув полами плаща. Она успела увидеть, как Нарцисса, пробежав по переулку между домами, выскочила на параллельную улицу, практически ничем не отличавшуюся от первой. Многие фонари здесь были разбиты, две бегущие женщины попадали то в пятно света, то в густую тьму. Преследовательница настигла жертву, когда та снова попыталась свернуть за угол. На этот раз она крепко схватила свою добычу за локоть и развернула лицом к себе.

— Не делай этого, Цисси, ему нельзя доверять…

— Темный Лорд ему доверяет, правда?

— Темный Лорд… по-моему… ошибается, — выговорила, задыхаясь, Белла и оглянулась

— проверить, не слышал ли кто; глаза ее блеснули под капюшоном. — В любом случае нам было велено никому не рассказывать про его замысел. Это измена…

— Пусти, Белла! — прорычала Нарцисса и, выхватив из-под плаща волшебную палочку, угрожающе нацелила ее в лицо своей противнице.

Белла только засмеялась в ответ:

— Свою родную сестру, Цисси? Ты на это не способна!

— Я теперь на все способна! — выдохнула Нарцисса с истерическими нотками в голосе. Она рубанула волшебной палочкой, словно ножом, снова блеснула вспышка. Белла выпустила руку сестры, как будто обжегшись.

— Нарцисса!

Но Нарцисса уже бежала дальше. Потирая руку, преследовательница вновь кинулась в погоню, только теперь она старалась держаться на безопасном расстоянии. Они забирались все глубже в лабиринт нежилых кирпичных домов. Наконец Нарцисса выбежала в переулок под названием Паучий тупик; фабричная труба высилась над ним, словно кто-то огромный укоризненно грозил пальцем. Легкие шаги эхом отдавались на

булыжной мостовой. Женщина бежала мимо разбитых и заколоченных досками окон и наконец остановилась у последнего дома, где в первом этаже между занавесками пробивался слабый свет.

Она постучала в дверь. Тут подоспела Белла, ругаясь сквозь зубы. Сестры стояли и ждали, слегка запыхавшись, вдыхая запах грязной реки, который доносил до них ночной ветерок. Через несколько секунд в доме послышалось какое-то движение, и дверь чуть-чуть приоткрылась. Через щель на них смотрел человек; длинные черные волосы обрамляли желтовато-бледное лицо с черными глазами.

Нарцисса откинула с головы капюшон. Она была так бледна, что казалось, лицо ее светится в темноте. Струящиеся по спине длинные белокурые волосы придавали ей сходство с утопленницей.

— Нарцисса! — Человек открыл дверь пошире. Теперь свет падал и на ее сестру. — Какая приятная неожиданность!

— Северус, — проговорила она придушенным шепотом, — можно мне с тобой поговорить? Это очень срочно.

— Ну разумеется!

Он отступил в сторону, пропуская ее в дом.

Ее сестра вошла без приглашения, не снимая капюшона.

— Приветствую, Снегг, — коротко поздоровалась она.

— Приветствую, Беллатриса, — ответил он, чуть насмешливо искривив губы, и захлопнул за гостьями дверь.

Все трое оказались в крошечной темноватой гостиной, производившей впечатление не то тюремной камеры, не то палаты в клинике для умалишенных. Полки по стенам были сплошь уставлены книгами, большей частью в старинных коричневых или черных кожаных переплетах. Потертый диван, старое кресло и колченогий столик стояли тесной группой в лужице тусклого света от люстры со свечами, свисавшей с потолка. Помещение выглядело неухоженным, как будто здесь давно никто не жил.

Снегг жестом пригласил Нарциссу присесть на диван. Нарцисса сняла плащ, отбросила его в сторону, села и принялась внимательно разглядывать свои стиснутые на коленях руки, бледные и дрожащие. Беллатриса неторопливо опустила капюшон. Темноволосая, в отличие от белокурой сестры, с тяжелыми веками и выступающим подбородком, она не отрывала взгляда от Снегга,

стоя за спиной Нарциссы.

— Итак, что же я могу для вас сделать? — осведомился Снегг, усаживаясь в кресло напротив сестер.

— Мы… мы одни? — тихо спросила Нарцисса.

— Да, конечно. Впрочем, здесь еще Хвост, но ведь червяки не в счет?

Он указал волшебной палочкой на стену, уставленную книгами. С треском распахнулась потайная дверь, открывая на обозрение узкую лестницу и застывшего на ней низенького человечка.

— Как ты, вероятно, заметил, Хвост, у нас сегодня гости, — лениво проговорил Снегг.

Человечек втянул голову в плечи, спустился на оставшиеся несколько ступенек и вошел в комнату. У него были маленькие водянистые глазки, остренький носик и неприятная подобострастная улыбочка. Левой рукой он поглаживал правую, которая выглядела так, словно была затянута в блестящую серебряную перчатку.

— Нарцисса! — пискнул он. — И Беллатриса! Радость-то какая…

— Если угодно, Хвост принесет нам выпить, — сказал Снегг. — А потом вернется к себе в комнату.

Хвост вздрогнул, как будто Снегг швырнул в него чем-нибудь тяжелым.

— Я тебе не слуга! — пропищал он, стараясь не смотреть Снеггу в глаза.

— Разве? А мне казалось, Темный Лорд поместил тебя сюда, чтобы помогать мне.

— Да, помогать, а не подавать напитки и… и убирать за тобой!

— А я и не подозревал, что ты жаждешь более опасных заданий, Хвост, — ласково проговорил Снегг. — Это легко устроить. Я поговорю с Темным Лордом…

— Я сам могу с ним поговорить, если захочу!

— Разумеется, — осклабился Снегг. — А пока принеси-ка нам выпить. Скажем, того вина эльфовского производства.

Хвост потоптался на месте, словно намеревался еще спорить, но в конце концов повернулся и исчез за другой потайной дверью. Было слышно, как он хлопает дверцами буфета и звякает чем-то стеклянным. Через несколько секунд он вернулся и принес на подносе пыльную бутылку вина и три бокала. Все это он поставил на колченогий столик и шмыгнул на лестницу, захлопнув за собой дверь с книжными полками.

Снегг разлил по бокалам кроваво-красное вино,

два бокала вручил сестрам. Нарцисса пробормотала какие-то слова благодарности, Беллатриса ничего не сказала, продолжая враждебно рассматривать Снегга. Его это как будто нисколько не смущало; казалось, происходящее его скорее забавляет.

— За Темного Лорда! — Он поднял свой бокал и осушил одним глотком.

Сестры сделали то же самое. Снегг заново наполнил бокалы.

Пригубив вторую порцию, Нарцисса неожиданно выпалила:

— Северус, прости, что я так ворвалась к тебе, но мне было необходимо тебя видеть. Я думаю, никто, кроме тебя, не сможет мне помочь…

Снегг прервал ее, подняв руку, затем снова направил волшебную палочку на потайную дверь. Послышался громкий треск, писк и быстрый топот ног Хвоста, удирающего вверх по лестнице.

— Прошу меня извинить, — сказал Снегг. — Он в последнее время завел привычку подслушивать под дверью. Не представляю, зачем это ему… Так что ты говорила, Нарцисса?

Она судорожно вздохнула и начала снова.

— Северус, я знаю, я не должна была сюда приходить, мне было приказано никому не рас-

сказывать, но…

— Вот и придержала бы язык! — со злостью проворчала Беллатриса. — Особенно в таком обществе!

— В таком обществе? — сардонически переспросил Снегг. — Как я должен это понимать, Беллатриса?

— Так, что я не доверяю тебе, Снегг, и ты это прекрасно знаешь!

Нарцисса издала звук, похожий на сухой всхлип, и закрыла лицо руками. Снегг поставил свой бокал, откинулся в кресле, положив руки на подлокотники и улыбаясь прямо в насупленное лицо Беллатрисы.

— Я думаю, Нарцисса, нужно выслушать то, что Беллатриса рвется нам сказать, а то она, того и гляди, лопнет. Продолжай, Беллатриса, — пригласил Снегг. — Почему же это ты мне не доверяешь?

— Есть сотня причин! — громко ответила она и, выйдя из-за дивана, со стуком поставила бокал на стол. — Даже не знаю, с какой начать! Где ты был, когда Темный Лорд потерпел поражение? Почему не пытался разыскать его, когда он исчез? Чем ты занимался все эти годы, пока кормился подачками Дамблдора? Зачем ты помешал Тем-

ному Лорду добыть философский камень? Почему не вернулся сразу же, как только Темный Лорд обрел новое воплощение? Где ты был несколько недель назад, когда мы сражались за пророчество для Темного Лорда? И почему, Снегг, скажи, Гарри Поттер все еще жив, после того как пять лет находился в полной твоей власти?

Беллатриса умолкла, грудь ее вздымалась, щеки пылали. Нарцисса сидела не шевелясь, по-прежнему закрыв лицо руками.

Снегг улыбнулся:

— Прежде чем ответить… О да, Беллатриса, я тебе отвечу! Можешь передать мои слова всем, кто шепчется у меня за спиной и бегает к Темному Лорду с выдумками насчет моей якобы измены! Так вот, прежде чем ответить, позволь мне в свою очередь задать тебе один вопрос. Неужели ты в самом деле думаешь, что Темный Лорд не спрашивал меня обо всем этом? И неужели ты в самом деле не понимаешь, что, не будь я в состоянии дать удовлетворительные ответы, я сейчас не сидел бы здесь и не разговаривал с тобой?

Беллатриса замялась:

— Я знаю, он тебе верит, но…

— По-твоему, он ошибается? Или ты думаешь, я каким-то образом сумел его провести? Одурачить

Темного Лорда, величайшего из волшебников, самого искусного мастера легилименции во всем мире?

Беллатриса промолчала, но в ее поведении появилась легкая неуверенность. Снегг не настаивал на ответе. Он снова отхлебнул из бокала и продолжил:

— Ты спрашиваешь, где я был, когда Темный Лорд потерпел поражение. Я был там, где он приказал мне находиться — в Хогвартсе, школе чародейства и волшебства, поскольку мне было поручено шпионить за Альбусом Дамблдором. Полагаю, тебе известно, что я поступил на эту работу по приказанию Темного Лорда?

Беллатриса едва заметно кивнула и открыла было рот, но Снегг опередил ее:

— Ты спрашиваешь, почему я не пытался разыскать его, когда он исчез. По той же причине, по которой не пытались его искать Эйвери, Яксли, Кэрроу, Сивый, Люциус, — он сделал полупоклон в сторону Нарциссы, — и многие другие. Я был убежден, что он погиб. Хвастаться тут нечем, я был не прав, но что же делать… Если бы он не простил нас, на время утративших веру, у него осталось бы очень мало сторонников.

— У него осталась бы я! — страстно восклик-

нула Беллатриса. — Ради него я провела столько лет в Азкабане!

— В самом деле. Похвально, похвально, — скучающим тоном протянул Снегг. — Правда, от того, что ты сидела в тюрьме, пользы для него было мало, зато какой красивый жест…

— Жест! — выкрикнула она в бешенстве, становясь похожей на безумную. — Пока меня мучили дементоры, ты благополучно жил себе в Хогвартсе, изображая комнатную собачку Дамблдора!

— Не совсем так, — спокойно ответил Снегг. — Он, знаешь ли, так и не согласился доверить мне преподавание защиты от Темных искусств. Видимо, опасался, что это может… м-м… спровоцировать рецидив. Вдруг я соблазнюсь и вернусь на старую дорожку.

— Так вот какова была твоя жертва Темному Лорду: ты лишился возможности преподавать любимый предмет! — воскликнула Беллатриса с издевкой. — А почему ты оставался там все это время, Снегг? Продолжал шпионить за Дамблдором, хотя считал своего повелителя мертвым?

— Едва ли, — ответил Снегг, — хотя Темный Лорд был доволен, что я не покинул свой пост. За шестнадцать лет у меня накопилось изрядное количество сведений о Дамблдоре. Пожалуй,

это более ценный подарок к возвращению, чем нескончаемые воспоминания о том, как плохо было в Азкабане…

— Но ты остался, ты не ушел оттуда…

— Да, Беллатриса, я остался, — сказал Снегг, в первый раз за все время разговора начиная проявлять нетерпение. — У меня была приличная работа, и я предпочел ее отбыванию срока в Азкабане. Ты помнишь, тогда повсюду отлавливали Пожирателей смерти. Дамблдор защитил меня от тюрьмы, это было мне чрезвычайно удобно, и я этим воспользовался. Повторяю: у Темного Лорда нет возражений по поводу того, что я остался, так чем же ты недовольна? Далее, видимо, ты захочешь узнать, — продолжал Снегг, чуть повысив голос, поскольку Беллатриса явно порывалась возразить, — зачем я встал на пути Темного Лорда к философскому камню. На этот вопрос легко ответить. В то время он еще не знал, можно ли мне доверять. Он, как и ты, считал, что я из преданного Пожирателя смерти превратился в марионетку Дамблдора. Он тогда был в ужасном состоянии, очень ослаб, обитал в теле посредственного волшебника. Он не решился открыться бывшему союзнику, опасаясь, что этот союзник может выдать его Дамблдору или Министерству.

Я глубоко сожалею о том, что он не доверился мне. В этом случае он вернулся бы к власти тремя годами раньше. А так я видел только жадного недостойного Квиррелла, пытавшегося ук-расть философский камень, и, признаюсь, я сделал все, что было в моих силах, чтобы ему помешать.

Беллатриса скривила губы, словно только что проглотила горькое лекарство.

— Но ты не явился к нему, когда он вернулся, ты не примчался в ту же минуту, когда почувствовал, что Черная Метка жжет тебя…

— Верно. Я явился два часа спустя, по приказанию Дамблдора.

— По приказанию Дамблдора?! — возмущенно начала было Беллатриса.

— Ну, подумай хоть немного! — Снегг снова потерял терпение. — Подумай! Выждав два часа, всего лишь какие-то два часа, я добился того, что смог остаться в Хогвартсе в качестве шпиона! Я создал у Дамблдора впечатление, будто бы возвращаюсь к Темному Лорду исключительно по приказу, и благодаря этому получил возможность передавать нашему господину сведения о Дамблдоре и об Ордене Феникса! Пошевели мозгами, Беллатриса, — Черная Метка уже несколько месяцев как начала проступать все ярче. Я знал, что

он должен вот-вот вернуться, все Пожиратели смерти это знали! У меня было время обдумать свои действия, я вполне мог попросту сбежать, как Каркаров. Скажешь, нет?

В первый момент Темный Лорд был недоволен моим опозданием, но, уверяю тебя, его недовольство исчезло без следа, когда я объяснил, что по-прежнему верен ему, хотя Дамблдор и считает меня своим человеком. Да, Темный Лорд поначалу думал, что я покинул его навсегда, но это не так.

— А какая от тебя была польза? — фыркнула Беллатриса. — Какие такие ценные сведения мы от тебя получили?

— Я передаю свои сведения непосредственно Темному Лорду, — сказал Снегг. — Если он не считает нужным делиться с вами…

— Он делится со мною всем! — тут же ощетинилась Беллатриса. — Он говорит, что я самая верная, самая преданная…

— В самом деле? — В голосе Снегга прозвучал легчайший намек на сомнение. — Он в самом деле до сих пор так говорит, после того фиаско в Министерстве?

— Там не было моей вины! — вспыхнула Беллатриса. — В прошлом Темный Лорд не раз доверял

мне важнейшие… Если бы не Люциус…

— Не смей! Не сваливай вину на моего мужа! — сказала Нарцисса тихим голосом, полным смертельной злобы, вскинув голову и глядя на сестру.

— К чему теперь считаться, кто больше виноват, кто меньше, — вкрадчиво заметил Снегг. — Что сделано, того не воротишь.

— А ты, конечно, ни при чем! — гневно выкрикнула Беллатриса. — Ты опять отсутствовал, пока другие рисковали головой, верно, Снегг?

— Мне было приказано оставаться на месте, — сказал Снегг. — Может быть, ты не согласна с Темным Лордом? Может быть, ты считаешь, что Дамблдор не заметил бы меня в рядах Пожирателей смерти, вступивших в бой с Орденом Феникса? И еще… ты уж меня прости, но ты говоришь об опасности… Если не ошибаюсь, вашими противниками были шестеро подростков?

— Ты прекрасно знаешь, что вскоре к ним на помощь подоспела чуть ли не половина Ордена Феникса! — огрызнулась Беллатриса. — Кстати об Ордене… Ты по-прежнему утверждаешь, будто не можешь открыть нам, где находится их штаб-квартира?

— Я не вхожу в число Хранителей Тайны и не

могу никому назвать это место. Полагаю, тебе известно, как действует заклинание? Темному Лорду хватает той информации об Ордене, которую я в состоянии предоставить. Ты могла бы догадаться, что именно благодаря этим сведениям недавно удалось схватить и уничтожить Эммелину Вэнс. Они же помогли устранить Сириуса Блэка, хотя тут я должен отдать тебе должное — прикончила его ты.

Снегг наклонил голову, показывая, что пьет за ее здоровье. Но лицо Беллатрисы не смягчилось.

— Ты увиливаешь от моего последнего вопроса, Снегг. Гарри Поттер. Ты мог убить его в любую минуту за последние пять лет. Ты этого не сделал. Почему?

— Ты говорила на эту тему с Темным Лордом? — спросил ее Снегг.

— Он… Мы с ним в последнее время… Я спрашиваю тебя, Снегг!

— Если бы я убил Гарри Поттера, Темный Лорд не смог бы использовать его кровь для того, чтобы возродиться и обрести неуязвимость…

— Хочешь сказать, ты предвидел, что мальчишка ему понадобится! — воскликнула она с насмешкой.

— Я этого не утверждаю, я понятия не имел о

его планах. Я уже признался, что считал Темного Лорда мертвым. Я просто объясняю, почему его не огорчает, что, по крайней мере, в прошлом году Поттер был еще жив.

— А после этого почему ты оставил его в живых?

— Ты что, не поняла, о чем я сейчас говорил? Только покровительство Дамблдора спасало меня от Азкабана! Согласись, что убийство любимого ученика могло восстановить Дамблдора против меня. Но дело не только в этом. Позволь тебе напомнить, что, когда Поттер только поступил в Хогвартс, о нем ходило множество слухов; говорили, будто он и сам могущественный темный волшебник и оттого Темному Лорду не удалось его уничтожить. На самом деле многие из бывших сторонников Темного Лорда думали, что Поттер может стать нашим новым знаменем и все мы объединимся вокруг него. Не скрою, мне было любопытно и вовсе не хотелось убивать его, едва он переступит порог школы.

Разумеется, очень скоро мне стало ясно, что у него нет ровно никаких необыкновенных талантов. Несколько раз ему удавалось выкрутиться из крайне сложных ситуаций благодаря удачному сочетанию необъяснимого везения и помощи

талантливых друзей. Сам он — полнейшая посредственность, хотя заносчив и самодоволен, как и его покойный отец. Я сделал все, что мог, чтобы его вышвырнули из Хогвартса, где ему, на мой взгляд, совсем не место. Но убить или допустить, чтобы его убили на моих глазах?.. Было бы просто глупо идти на такой риск под самым носом у Дамблдора.

— И после всего этого мы должны поверить, что Дамблдор ни разу тебя не заподозрил? — спросила Беллатриса. — Он не догадывается, кому ты на самом деле служишь, он до сих пор полностью тебе доверяет?

— Я хорошо играл свою роль, — ответил Снегг. — К тому же ты забываешь основную слабость Дамблдора: он упорно верит в лучшее в людях. Я, вчерашний Пожиратель смерти, наплел ему красивую сказочку о своем глубочайшем раскаянии, когда поступал к нему на работу, и он принял меня с распростертыми объятиями. Впрочем, повторюсь, к преподаванию защиты от Темных искусств так и не подпустил. Дамблдор в свое время был великим волшебником. Да-да, был, — повторил Снегг, поскольку Беллатриса презрительно хмыкнула, — сам Темный Лорд это признаёт. Но я с удовольствием замечаю, что

Дамблдор стареет. Недавний поединок с Темным Лордом сильно его подкосил. По-видимому, он пере-нес тяжелую травму, реакция у него уже не та, что прежде. Но ни разу за все эти годы он не терял доверия к Северусу Снеггу, и потому я так ценен для Темного Лорда.

Беллатриса по-прежнему была недовольна, но, видимо, не знала, как еще подступиться к Снеггу. Снегг воспользовался ее молчанием и обратился ко второй сестре:

— Итак, ты пришла ко мне за помощью, Нарцисса?

Нарцисса подняла к нему глаза, полные отчаяния.

— Да, Северус. Я… Я думаю, кроме тебя, никто не может мне помочь. Мне больше не к кому обратиться. Люциус в тюрьме, и…

Она закрыла глаза, две крупные слезы скатились из-под век.

— Темный Лорд запретил мне говорить об этом, — продолжала Нарцисса, не открывая глаз. — Он хочет, чтобы никто не знал о его замысле. Это… огромная тайна. Но…

— Если он запретил, ты не должна ничего говорить, — быстро сказал Снегг. — Слово Темного Лорда — закон.

Нарцисса задохнулась, как будто он плеснул ей в лицо холодной водой. Беллатриса выглядела довольной — в первый раз с тех пор, как вошла в дом.

— Вот видишь! — с торжеством сказала она сестре. — Даже Снегг так считает. Велели тебе молчать — молчи!

Но тут Снегг встал с кресла и, подойдя к окошку, выглянул в щель между занавесками, окинул взглядом пустынную улицу и снова плотно задернул занавески. Затем, нахмурившись, повернулся к Нарциссе.

— Так сложилось, что я знаю об этом замысле, — сказал он тихо. — Я один из немногих, кому Темный Лорд открыл свой план. Но не будь эта тайна мне известна, Нарцисса, ты была бы виновна в измене.

— Я так и думала, что ты должен знать! — Нарцисса вздохнула свободнее. — Он так верит тебе, Северус…

— Тебе известен его план? — переспросила Беллатриса; мимолетное выражение довольства улетучилось, сменившись возмущением. — Известен тебе?

— Безусловно, — подтвердил Снегг. — Но какая помощь тебе нужна, Нарцисса? Если ты вообра-

зила, будто я смогу отговорить Темного Лорда, боюсь, тебя ждет разочарование.

— Северус, — прошептала она. По ее бледным щекам покатились слезы. — Мой сын… Мой единственный сын…

— Драко должен гордиться, — равнодушно сказала Беллатриса, — ему оказана великая честь. И, между прочим, одного у Драко не отнимешь — он не пытается уклониться от своего долга. По-моему, он рад возможности проявить себя, его захватывают перспективы…

Нарцисса заплакала навзрыд, не отрывая молящего взгляда от Снегга.

— Ему всего шестнадцать, он просто не понимает, что его ждет! Почему, Северус? Почему мой сын? Это слишком опасно! Это все месть за ошибку Люциуса, я знаю!

Снегг ничего не сказал. Он отвел глаза, как будто слезы Нарциссы были чем-то неприличным, но не мог притвориться, что не слышит ее.

— Поэтому он выбрал Драко, ведь правда? — настойчиво повторила она. — Чтобы наказать Люциуса?

— Если Драко добьется успеха, — сказал Снегг, по-прежнему глядя в сторону, — его ждет почет, какой и не снился другим.

— Но он не добьется успеха! — рыдала Нарцисса. — Куда ему, если сам Темный Лорд…

Беллатриса ахнула. Нарцисса заметно струсила.

— Я только хотела сказать… Никому еще не удавалось… Северус… пожалуйста… Драко так уважает тебя, ты всегда был его любимым учителем. Ты старый друг Люциуса… Я умоляю тебя! Ты особо приближенный советник Темного Лорда, тебе он доверяет как никому. Поговори с ним, убеди его.

— Темного Лорда невозможно убедить, и я не настолько глуп, чтобы пытаться, — ответил Снегг напрямик — Не стану скрывать, что Темный Лорд гневается на Люциуса. Люциусу было поручено руководство операцией, а он и сам попал в плен, и других подвел, да к тому же так и не сумел завладеть пророчеством. Да, Нарцисса, Темный Лорд разгневан, он в ярости!

— Значит, я права, он выбрал Драко из мести! — захлебывалась слезами Нарцисса. — Ему не нужно, чтобы Драко добился успеха, он хочет его гибели!

Снегг снова промолчал, и Нарцисса, как видно, потеряла последние остатки самообладания. Она вскочила, пошатываясь, подступила к Снеггу,

ухватилась за отвороты воротника его мантии. Приблизив лицо почти вплотную к его лицу, роняя слезы ему на грудь, она выдохнула:

— Ты сам мог бы сделать это. Ты мог бы сделать это вместо Драко, Северус. Тебе удалось бы, конечно, тебе бы удалось, и он наградил бы тебя превыше нас всех…

Снегг стиснул ее запястья и оторвал ее руки от своей мантии. Медленно проговорил, глядя сверху вниз в залитое слезами лицо:

— Я думаю, он намерен рано или поздно поручить это мне. Но ему угодно, чтобы сперва сделал попытку Драко. Видишь ли, в том маловероятном случае, если Драко добьется успеха, я смогу немного дольше оставаться в Хогвартсе, занимаясь своей полезной разведывательной деятельностью.

— Другими словами, ему все равно, пускай Драко убьют!

— Темный Лорд очень разгневан, — тихо повторил Снегг. — Он так и не услышал пророчества. Ты знаешь не хуже меня, Нарцисса, что он не склонен легко прощать.

Нарцисса рухнула к его ногам, она стонала и всхлипывала, скорчившись на полу.

— Мой единственный сын… мой единственный

сын…

— Ты должна гордиться! — безжалостно произнесла Беллатриса. — Будь у меня сыновья, я бы с радостью отдала их на службу Темному Лорду!

Нарцисса тихонько вскрикнула и в отчаянии принялась рвать свои длинные белокурые волосы. Снегг наклонился, подхватил ее под мышки, поднял на ноги и снова усадил на диван. Налил еще вина и вложил бокал ей в руку.

— Перестань, Нарцисса. Выпей. Послушай меня. Она притихла, сделала глоток, расплескивая вино на себя.

— Возможно… я мог бы помочь Драко.

Она резко выпрямилась с белым как бумага лицом и огромными глазами.

— Северус, ах, Северус, ты поможешь ему? Ты позаботишься о нем, присмотришь, чтобы с ним ничего не случилось?

— Я постараюсь.

Она отшвырнула бокал, который покатился по столу, соскользнула с дивана, бросилась на колени перед Снеггом, схватила его руку и прижала к губам.

— Если ты будешь рядом, если ты защитишь его… Северус, ты поклянешься мне в этом? Ты дашь Непреложный Обет?

— Непреложный Обет? — Лицо Снегга было совершенно непроницаемым, зато Беллатриса злорадно расхохоталась.

— Ты слышишь его, Нарцисса? О да, он постарается, можешь не сомневаться! Как всегда, пустые слова, обычные увертки! И все, конечно, по приказу Темного Лорда, о да!

Снегг не смотрел на Беллатрису. Взгляд его черных глаз был прикован к полным слез голубым глазам Нарциссы, все еще цеплявшейся за его руку.

— Конечно, Нарцисса, я принесу Непреложный Обет, — сказал он тихо. — Может быть, твоя сестра согласится скрепить его для нас.

Беллатриса раскрыла от удивления рот. Снегг опустился на колени лицом к лицу с Нарциссой.

Под изумленным взором Беллатрисы они взялись за руки — правой за правую.

— Тебе понадобится волшебная палочка, Беллатриса, — холодно проговорил Снегг.

Все еще не придя в себя от изумления, она достала волшебную палочку.

— И подойди чуть поближе, — сказал Снегг. Она шагнула вперед, встала к ним вплотную и коснулась волшебной палочкой их сплетенных рук. Нарцисса заговорила:

— Обещаешь ли ты, Северус, присматривать за моим сыном Драко, когда он попытается выполнить волю Темного Лорда?

— Обещаю, — сказал Снегг.

Тонкий сверкающий язык пламени вырвался из волшебной палочки, изогнулся, словно окружив их сцепленные руки докрасна раскаленной проволокой.

— Обещаешь ли ты всеми силами защищать его?

— Обещаю, — сказал Снегг.

Второй язык пламени вылетел из волшебной палочки и обвился вокруг первого, так что получилась тонкая сияющая цепь.

— А если понадобится… если станет ясно, что Драко не сумеет… — прошептала Нарцисса (рука Снегга дрогнула в ее руке, но он не отодвинулся), — обещаешь ли ты выполнить за него приказ Темного Лорда?

На мгновение наступила тишина. Беллатриса широко раскрытыми глазами смотрела на них, касаясь волшебной палочкой их сплетенных рук.

— Обещаю, — сказал Снегг.

Потрясенное лицо Беллатрисы осветила красная вспышка — третий язык пламени, вырвав-

шись из волшебной палочки, сплелся с первыми двумя, опутал крепко стиснутые руки Снегга и Нарциссы, словно веревка, словно огненная змея.

Глава 3

БУДЕТ — НЕ БУДЕТ

Гарри Поттер громко храпел. Он почти четыре часа просидел на стуле у окна своей комнаты, глядя на темнеющую улицу, и в конце концов уснул, прижавшись щекой к холодному оконному стеклу. Очки у него съехали набок, рот был широко раскрыт. Затуманившееся от его дыхания стекло искрилось в оранжевом свете уличного фонаря за окном. При искусственном освещении лицо его казалось призрачно-бледным под взлохмаченными черными волосами.

По всей комнате были раскиданы вещи вперемешку с мусором. Пол усыпан совиными перьями, яблочными огрызками и обертками от конфет, учебники кучей свалены на кровати вместе с мятыми мантиями, а в круге света от настольной лампы вольготно расположился целый ворох газет. Заголовок одной из них кричал:

ГАРРИ ПОТТЕР — ИЗБРАННЫЙ?

Не стихают слухи по поводу недавних беспорядков в Министерстве магии, во

время которых снова был замечен Тот-Кого-Нельзя-Называть.

— Ни о чем не спрашивайте, нам запрещено говорить об этом, — сказал вчера вечером у выхода из Министерства сильно взволнованный Стиратель памяти, пожелавший остаться неизвестным.

Однако высокопоставленные источники в Министерстве подтверждают, что в центре беспорядков оказался легендарный Зал пророчеств.

Хотя официальные представители Министерства до сих пор отказываются даже подтвердить, что такое место существует, значительная часть волшебного сообщества убеждена, что Пожиратели смерти, отбывающие ныне срок в Азкабане за незаконное вторжение и попытку ограбления, хотели похитить некое пророчество. Никто не знает, в чем суть пророчества, но многие полагают, что оно касается Гарри Поттера — единственного человека, насколько мы знаем, сумевшего выжить после Смертоносного заклятия и, как нам стало известно, присутствовавшего в Министерстве в ночь,

когда произошли беспорядки. Кое-кто даже именует Поттера «Избранным», полагая, что, согласно пророчеству, только он один способен избавить нас от Того-Кого-Нельзя-Называть.

Где сейчас находится пророчество, если оно на самом деле существует, неизвестно, однако

(продолжение на стр.2, ст.5)

Рядом лежала другая газета со статьей под заголовком:

СКРИМДЖЕР — ПРЕЕМНИК ФАДЖА

Большую часть первой полосы занимала крупная черно-белая фотография человека с львиной гривой густых волос и лицом, говорившим о жизни, полной тяжелых испытаний. Человек на фотографии махал рукой, указывая на потолок.

Руфус Скримджер, ранее возглавлявший Управление мракоборцев в Отделе обеспечения магического правопорядка, сменил Корнелиуса Фаджа на посту министра магии. Большинство волшебников горячо приветствовали это назначение,

несмотря на то что в первые же часы после вступления Скримджера в должность поползли слухи о разногласиях между новым министром и Альбусом Дамблдором, недавно восстановленным на посту Верховного чародея Визенгамота.

Представители Скримджера признают, что он встречался с Дамблдором немедленно по принятии высокой должности, но отказываются комментировать обсуждавшиеся при этом темы. Как известно, Альбус Дамблдор

(продолжение на стр.3, ст.2)

Слева валялась еще одна газета, сложенная так, что видна была статья, озаглавленная:

МИНИСТЕРСТВО ГАРАНТИРУЕТ БЕЗОПАСНОСТЬ УЧЕНИКОВ

Недавно назначенный министр магии Руфус Скримджер в своем сегодняшнем выступлении говорил об усиленных мерах безопасности, принятых Министерством для охраны учеников, возвращающихся этой осенью в Хогвартс, школу чародейства и волшебства.

— По вполне понятным причинам

Министерство не может познакомить общественность с подробностями новых планов усиленной охраны, — сказал министр, однако источник в Министерстве сообщает, что эти планы включают защитные чары и заклинания, сложную систему контрзаклятий и небольшой отряд мракоборцев, специально выделенный для охраны школы Хогвартс.

Судя по всему, большинство волшебников удовлетворены энергичными мерами Министерства по обеспечению безопасности учеников. Вот что сказала нам миссис Августа Долгопупс:

— Мой внук Невилл — один из близких друзей Гарри Поттера, между прочим, вместе с ним сражался с Пожирателями смерти в Министерстве в июне этого года и…

Остаток статьи заслоняла стоявшая на газете большая птичья клетка. В клетке сидела великолепная полярная сова. Ее янтарные глаза царственно обозревали комнату. Время от времени сова поворачивала голову, чтобы взглянуть на своего храпящего хозяина. Раз или два она

нетерпеливо прищелкнула клювом, но Гарри спал крепко и ничего не слышал.

Посреди комнаты стоял большущий чемодан с откинутой крышкой. Он словно только и ждал, когда его загрузят, но внутри было почти совсем пусто, если не считать небольшого количества грязного белья, конфет, старых пузырьков из-под чернил и сломанных перьев для письма; все это едва покрывало дно чемодана. Рядом на полу лежала роскошно оформленная фиолетовая брошюра:

> Издано по приказу Министерства магии
>
> КАК ЗАЩИТИТЬ СВОЙ ДОМ И СЕМЬЮ ОТ ТЕМНЫХ ИСКУССТВ
>
> В настоящее время волшебному сообществу угрожает организация, называющая себя Пожирателями смерти. Соблюдение несложных правил безопасности поможет вам защитить себя, свой дом и свою семью.
>
> 1. Старайтесь не выходить из дома в одиночку.
>
> 2. Будьте особенно осторожны в темное время суток. По возможности распреде-

ляйте свое время таким образом, чтобы завершить любые путешествия до наступления темноты.

3. Тщательно проверьте меры безопасности в своем доме, убедитесь, что все члены вашей семьи знакомы с экстренными приемами самообороны, такими, как Щитовые чары и Дезиллюминационное заклинание, а несовершеннолетние члены семьи владеют навыками парной трансгрессии.

4. Договоритесь об условных знаках с друзьями и родственниками, чтобы исключить возможность использования их облика Пожирателями смерти при помощи Оборотного зелья (см. стр.2).

5. Если у вас возникло впечатление, что кто-то из членов семьи, коллег, друзей или соседей ведет себя необычно, немедленно обратитесь в Группу обеспечения магического правопорядка. Возможно, вы столкнулись с человеком, находящимся под действием заклятия Империус (см. стр.4).

6. При появлении Черной Метки над жилым домом или любым другим стро-

ением НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ВХОДИТЕ ВНУТРЬ и немедленно обратитесь в Управление мракоборцев.

7. По неподтвержденным сведениям, существует возможность, что Пожиратели смерти используют инферналов (см. стр.10). При встрече с инферналом НЕМЕДЛЕННО сообщите об этом в Министерство.

Гарри что-то пробормотал во сне и чуть ниже съехал щекой по стеклу, так что очки сильнее сбились набок, но он так и не проснулся. Будильник, который он починил несколько лет назад, громко тикал на подоконнике, показывая без одной минуты одиннадцать. Рядом под расслабленной рукой Гарри лежал листок пергамента, исписанный тонким косым почерком. Гарри столько раз читал и перечитывал это письмо, пришедшее три дня назад, что оно сделалось совершенно плоским, хотя было доставлено в виде туго свернутого свитка.

Дорогой Гарри!

Если тебе удобно, я зайду за тобой в дом номер четыре по Тисовой улице в ближайшую пятницу в одиннадцать часов

вечера, чтобы сопроводить в «Нору», куда тебя приглашают провести остаток школьных каникул.

Если ты не против, я также был бы рад твоей помощи в одном деле, которым рассчитываю заняться по пути в «Нору». Подробнее объясню при встрече.

Большая просьба прислать ответ с той же совой. Надеюсь увидеться с тобой в пятницу.

Искренне твой, Альбус Дамблдор

Гарри выучил письмо наизусть, но все равно украдкой поглядывал на него каждые пять минут, начиная с семи часов вечера, когда он занял свой пост у окна, из которого открывался довольно приличный вид в обе стороны Тисовой улицы. Свое согласие Гарри сразу же отправил с совой, доставившей письмо, и теперь ему оставалось только ждать: придет, не придет.

Гарри так и не собрал вещи в дорогу. Такое везение казалось невероятным — чтобы его забрали от Дурслей всего лишь через две недели общения с милыми родственниками! Он не мог отделаться от чувства, что обязательно что-нибудь пойдет не так. То ли его ответ Дамблдору затеряется по

дороге, то ли Дамблдору не одно, так другое помешает за ним явиться, то ли окажется, что письмо вообще не от Дамблдора, что это или чья-то шутка, или вражеская ловушка. Если Гарри упакует вещи, а потом все придется опять распаковывать, он этого просто не выдержит. Он сделал только одно для подготовки к возможному путешествию: запер в клетку белоснежную сову Буклю.

Минутная стрелка будильника добралась до цифры двенадцать, и точно в этот момент за окном погас фонарь.

Гарри проснулся, как будто наступившая темнота была звонком будильника. Он торопливо поправил очки, отлепил щеку от окна и вместо этого прижался к стеклу носом, вглядываясь в ночь. По садовой дорожке к дому приближалась высокая фигура в длинном развевающемся плаще.

Гарри вскочил, словно его ударило током, и, опрокинув стул, принялся хватать вещи с пола и как попало швырять их в чемодан. В ту секунду, когда он метнул через всю комнату школьную мантию, две книги заклинаний и пачку чипсов, прозвенел дверной звонок.

На первом этаже в гостиной дядя Верной заорал:

— Кой черт тут трезвонит на ночь глядя?

Гарри застыл на месте с медным телескопом в одной руке и парой кроссовок в другой. Он совсем забыл предупредить Дурслей, что Дамблдор может прийти! Чуть не расхохотавшись, несмотря на со-стояние, близкое к панике, он перелез через чемодан, распахнул дверь своей комнаты и как раз успел услышать глубокий звучный голос:

— Добрый вечер. Вы, вероятно, мистер Дурсль. Полагаю, Гарри предупредил вас, что я приду за ним?

Гарри скатился по лестнице, прыгая через две ступеньки, и резко затормозил, немного не дойдя донизу, поскольку долгий опыт приучил его по возможности не приближаться к дядюшке на расстояние вытянутой руки. В дверях стоял высокий, худой человек с длинными, до пояса, серебряными волосами и бородой. Он был одет в длинный черный дорожный плащ и остроконечную шляпу, на крючковатом носу сидели очки-половинки. Вернон Дурсль с такими же густыми усами, как и у Дамблдора, только черными, одетый в красновато-коричневый домашний халат, уставился на гостя, словно не веря своим крошечным глазкам.

— Судя по вашему потрясенному виду, Гарри

не предупредил вас о моем приходе, — учтиво заметил Дамблдор. — Тем не менее давайте будем считать, что вы гостеприимно пригласили меня войти в дом. В эти трудные времена неразумно слишком долго задерживаться на пороге.

Он стремительно шагнул вперед и закрыл за собой входную дверь.

— Давненько я здесь не был, — сказал Дамблдор, глядя сверху вниз на дядю Вернона. — Смотрите-ка, ваши африканские лилии отлично цветут.

Вернон Дурсль упорно молчал. Гарри не сомневался, что дар речи вернется к нему, и очень скоро — пульсирующая жилка на виске дядюшки предупреждала об опасности, — но что-то в облике Дамблдора, как видно, временно угасило его боевой дух. Может быть, виной тому была явная, вопиющая волшебность всего его обличья, а может, дядя Верной просто почувствовал, что перед ним человек, которого очень трудно запугать.

— А, добрый вечер, Гарри, — сказал Дамблдор, взглянув на него сквозь полукружья очков с самым довольным выражением. — Отлично, отлично.

От этих слов дядя Вернон как будто проснулся. Очевидно, с его точки зрения, если человек способен при виде Гарри произнести «отлично», то

с этим человеком ни в коем случае невозможно договориться.

— Не хочу показаться невежливым… — начал он тоном, который прямо-таки дышал грубостью в каждом слоге.

— Однако, увы, отступления от вежливости случаются настолько часто, что это уже внушает тревогу, — серьезно закончил его фразу Дамблдор. — Лучше уж ничего не говорите, мой милый. Ага, это, должно быть, Петунья.

Дверь кухни отворилась, и за ней показалась тетушка Гарри в резиновых перчатках и халате, накинутом поверх ночной рубашки — очевидно, она, как всегда, протирала на сон грядущий все горизонтальные поверхности в кухне. Ее лошадиное лицо не выражало ничего, кроме сильнейшего потрясения.

— Альбус Дамблдор, — представился Дамблдор, поскольку дядя Вернон явно не собирался знакомить с ним жену. — Мы с вами, конечно, переписывались. — Гарри подумал, что это слишком сильно сказано, ведь Дамблдор всего лишь прислал однажды тете Петунье взрывающееся письмо, но тетя Петунья не стала спорить. — А это, должно быть, ваш сын Дадли?

Дадли только что выглянул из-за двери гости-

ной. Его большая белобрысая голова, торчащая из полосатого воротника пижамы, как будто висела в воздухе отдельно от тела, раскрыв рот от удивления и страха. Дамблдор выждал минуту или две — видимо, на случай, если кто-то из Дурслей пожелает что-нибудь сказать, но, поскольку все молчали, Дамблдор улыбнулся:

— Будем считать, что вы пригласили меня в гостиную?

Дадли шустро отскочил в сторону, когда Дамблдор проходил в дверь. Гарри одолел последние ступеньки, все еще сжимая в руках телескоп и кроссовки, и тоже вошел в гостиную. Дамблдор расположился в кресле у огня и осматривал комнату с выражением благожелательного интереса. Он выглядел здесь удивительно неуместно.

— А мы… мы разве не уходим отсюда, сэр? — с тревогой спросил Гарри.

— Да, безусловно, уходим, но прежде нам необходимо обсудить кое-какие вопросы, — сказал Дамблдор. — А я предпочел бы не делать этого посреди улицы. Придется нам самую малость злоупотребить гостеприимством твоих дяди и тети.

— Задержаться здесь собрались, вот как?

Вернон Дурсль вошел в гостиную, Петунья выглядывала у него из-за плеча, а позади нее

топтался Дадли.

— Да, — просто ответил Дамблдор, — немного задержусь.

Он так быстро взмахнул волшебной палочкой, что Гарри едва мог уловить ее движение. От этого взмаха диван рванулся вперед и подсек всех троих Дурслей под коленки, так что они кучей повалились на сиденье. Еще один взмах — и диван скакнул на свое обычное место.

— Давайте уж устроимся с удобством, — любезно промолвил Дамблдор.

Когда он убирал волшебную палочку в карман, Гарри заметил, что рука у него почернела и сморщилась, как будто обгорела.

— Сэр… Что у вас с рукой?

— Потом, Гарри, — сказал Дамблдор. — Сядь, пожалуйста.

Гарри сел в единственное свободное кресло, стараясь не смотреть на Дурслей, от изумления снова лишившихся дара речи.

— Я мог бы ожидать, что вы предложите мне что-нибудь выпить, — сказал Дамблдор дяде Вернону — но, судя по всему, такое предположение грешит излишним оптимизмом.

Еще одно легкое движение волшебной палочки — в воздухе появилась запыленная бутыль и пять

бокалов. Бутыль наклонилась и щедро плеснула в каждый из бокалов жидкости медового цвета, после чего бокалы поплыли по воздуху к сидящим в комнате людям. — Лучшая медовуха мадам Розмерты, выдержанная в дубовой бочке, — сказал Дамблдор и поднял бокал, салютуя Гарри.

Тот поймал в воздухе свой бокал и чуть-чуть отпил. Он никогда ничего подобного не пробовал, но ему страшно понравилось. Дурсли, испуганно переглянувшись, попытались проигнорировать свои бокалы, хотя это оказалось нелегко, так как бокалы мягко постукивали их по голове. У Гарри появилось сильное подозрение, что Дамблдор от души наслаждается происходящим.

— Итак, Гарри, — сказал ему Дамблдор, — возникла одна трудность, которую, я надеюсь, ты сможешь для нас разрешить. Говоря «для нас», я имею в виду Орден Феникса. Но прежде всего я должен сообщить, что неделю назад было обнаружено завещание Сириуса и что он все оставил тебе.

Дядя Вернон встрепенулся на диване, но Гарри на него не смотрел и ничего не придумал сказать, кроме:

— А, понятно.

— В целом, тут все очень просто, — продол-

жал Дамблдор. — К твоему банковскому счету в «Грин-готтсе» прибавится еще некоторое, довольно значительное, количество золота, а кроме того, к тебе переходит вся личная собственность Сириуса. Но одна часть наследства вызывает небольшие проблемы…

— Его крестный помер? — громко спросил дядя Вернон со своего дивана.

Дамблдор и Гарри дружно обернулись к нему. Бокал медовухи настойчиво толкался в висок дяди Вернона, тот попытался его отпихнуть.

— Помер, значит? Крестный его?

— Да, — сказал Дамблдор, не спрашивая Гарри, почему он не рассказал об этом Дурслям. — Наша проблема, — продолжал он, обращаясь к Гарри, как будто их и не перебивали, — состоит в том, что Сириус оставил тебе, среди прочего, дом номер две-надцать на площади Гриммо.

— Он получил в наследство целый дом? — жадно спросил дядя Вернон, сощурив крохотные глазки, но никто ему не ответил.

— Можете и дальше держать там свою штаб-квартиру, — сказал Гарри. — Мне все равно. Забирайте его, он мне не нужен.

Гарри хотелось никогда в жизни больше не входить в дом номер двенадцать на площади

Гриммо. Наверное, его теперь всегда будет преследовать образ Сириуса, мечущегося по темным пустым душным комнатам, запертого в стенах дома, откуда он всю жизнь так страстно мечтал вырваться.

— Ты очень щедр, — сказал Дамблдор. — Но нам пришлось временно освободить здание.

— Почему?

— Видишь ли, — сказал Дамблдор, как будто не замечая бормотания дяди Вернона, которого упорный бокал медовухи теперь уже довольно сильно постукивал по макушке, — согласно семейной традиции Блэков дом всегда переходил по прямой линии к очередному наследнику мужского пола, носящему фамилию Блэк. Сириус был последним в роду, поскольку его младший брат Регулус умер раньше него и ни у того, ни у другого не было детей. В завещании четко указано, что он хочет передать дом тебе, но тем не менее дом может быть каким-то образом заколдован, чтобы им мог владеть только чистокровный волшебник.

Гарри живо вспомнился вопящий, брызжущий слюной портрет злобной матушки Сириуса в прихожей дома номер двенадцать на площади Гриммо. Он сказал:

— Ну еще бы!

— Вот именно, — согласился Дамблдор. — И если дом действительно заколдован, право владения им, скорее всего, должно перейти к старшему из ныне живущих родственников Сириуса, то есть к его двоюродной сестре Беллатрисе Лестрейндж.

Гарри сам не заметил, как вскочил на ноги; телескоп и кроссовки, лежавшие у него на коленях, покатились по полу. Беллатриса Лестрейндж, убийца Сириуса, получит его дом?!

— Ни за что!

— Само собой, мы бы тоже предпочли, чтобы дом ей не достался, — спокойно сказал Дамблдор. — Ситуация складывается сложная. Мы не знаем, продолжают ли еще действовать наши заклинания, например, то, благодаря которому дом не может быть отмечен ни на каких картах и планах. В любой момент на порог может ступить Беллатриса и предъявить свои права. Естественно, мы не можем там собираться, пока положение не прояснилось.

— А как вы узнаете, перешел дом ко мне или нет?

— К счастью, — ответил Дамблдор, — существует простая проверка.

Он поставил пустой бокал на маленький сто-

лик рядом с креслом, но больше ничего не успел сделать, потому что дядя Вернон заорал:

— Да уберете вы от нас эти поганые штуковины?!

Гарри оглянулся: трое Дурслей, пригнувшись, закрывали головы руками, а бокалы подпрыгивали у них на макушках, расплескивая свое содержимое во все стороны.

— Ах, прошу прощения, — вежливо сказал Дамблдор и снова поднял волшебную палочку. Все три бокала исчезли. — Но, знаете, воспитанные люди их бы все-таки выпили.

Похоже было, что у дяди Вернона просились на язык сразу несколько весьма нелюбезных ответов, но он сдержался и молча откинулся на спинку дивана рядом с Дадли и тетей Петуньей, не сводя своих поросячьих глазок с волшебной палочки в руке Дамблдора.

— Понимаешь, — Дамблдор снова обратился к Гарри, как будто дядя Вернон не вмешивался в их разговор, — если завещание вступило в силу, тебе в наследство, кроме дома, достался еще и…

Он в пятый раз взмахнул волшебной палочкой. Раздался громкий треск, и на пушистом ковре Дурслей появился скрюченный эльф-домовик с вытянутым носом-рыльцем, громадными ушами

летучей мыши и большущими глазами в красных прожилках, одетый в какие-то засаленные тряпки. Тетя Петунья испустила леденящий душу вопль: на ее памяти в этом доме никогда не появлялось такой грязи. Дадли оторвал от пола большие розовые босые ноги, задрав их чуть ли не выше головы, как будто боялся, что непонятное существо может взбежать по пижамной штанине, а дядя Вернон заревел:

— Это еще что за чертовщина?

— Кикимер, — закончил фразу Дамблдор.

— Кикимер не хочет, Кикимер не будет, Кикимер не будет! — прохрипел домовик так же громко, как и дядя Вернон, заткнув уши и топая длинными корявыми ступнями. — Кикимер принадлежит мисс Беллатрисе, о да, Кикимер принадлежит Блэкам, Кикимер хочет к новой хозяйке, Кикимер не будет служить этому щенку Поттеру, не будет, не будет, не будет!

— Как видишь, Гарри, — громко сказал Дамблдор, заглушая хриплые крики Кикимера «не будет, не будет, не будет!», — как видишь, Кикимер не выражает особого желания перейти в твое владение.

— Да мне все равно, — снова сказал Гарри, с омерзением глядя на корчащегося, топающего

ногами эльфа-домовика. — Нужен он мне!

— Не будет, не будет, не будет, не будет…

— Ты предпочитаешь передать его Беллатрисе Лестрейндж? Зная, что он целый год провел в штаб-квартире Ордена Феникса?

— Не будет, не будет, не будет, не будет… Гарри уставился на Дамблдора. Он понимал, что Кикимеру нельзя позволить уйти к Беллатрисе Лестрейндж, но противно было даже думать о том, что этот урод может стать его имуществом.

— Прикажи ему что-нибудь, — подсказал Дамблдор. — Если он перешел в твою собственность, он будет тебя слушаться. Если не будет — нам придется придумать какой-нибудь другой способ не пустить его к законной владелице.

— Не будет, не будет, не будет, НЕ БУДЕТ! Голос Кикимера поднялся до визга. Гарри не мог придумать, что бы такое ему приказать, и ляпнул:

— Кикимер, замолчи!

На мгновение ему показалось, что Кикимер сейчас задохнется. Домовик схватился за горло, глаза у него выпучились, губы неистово шевелились. Несколько секунд он судорожно хватал ртом воздух, потом повалился ничком на ковер (тетя Петунья тихонько заскулила) и принялся колотить по полу руками и ногами в исступлен-

ной, но абсолютно беззвучной истерике.

— Что ж, это все упрощает, — жизнерадостно проговорил Дамблдор. — Похоже, Сириус знал, что делал. Ты — полноправный владелец дома номер двенадцать на площади Гриммо, а также Кикимера.

— А что, я должен все время держать его при себе? — спросил Гарри в ужасе, глядя, как Кикимер бьется в конвульсиях у его ног.

— Да нет, — ответил Дамблдор. — Если позволишь дать тебе совет, можно было бы отправить его в Хогвартс, пусть работает на кухне. Тогда другие домовые эльфы смогут за ним присматривать.

— Ага, — обрадовался Гарри, — ага, я так и сделаю. Э-э… Кикимер… отправляйся в Хогвартс, будешь работать там на кухне вместе с другими домовиками.

Кикимер, лежа на спине с задранными кверху руками и ногами, бросил на Гарри взгляд, полный глубочайшего отвращения, и исчез с громким треском, как и появился.

— Хорошо, — сказал Дамблдор. — Теперь еще вопрос с гиппогрифом Клювокрылом. После смерти Сириуса за ним ухаживал Хагрид, но теперь Клювокрыл твой, так что если ты хочешь распо-

рядиться им как-нибудь иначе…

— Нет, — ответил Гарри, не раздумывая, — пусть остается у Хагрида. Я думаю, Клювокрыл и сам бы этого хотел.

— Хагрид будет в восторге, — сказал Дамблдор с улыбкой. — Он так обрадовался, когда снова увидел Клювокрыла. Кстати, мы решили на всякий случай дать Клювокрылу новое имя. Он временно зовется Махаон, хотя, на мой взгляд, едва ли кто-нибудь в Министерстве способен догадаться, что это тот самый гиппогриф, которого они когда-то приговорили к смерти. Так, Гарри, твой чемодан уже собран?

— М-м…

— Не верил, что я на самом деле приду? — проницательно заметил Дамблдор.

— Я сейчас пойду, э-э… закончу собираться, — заторопился Гарри, подхватив с пола телескоп и кроссовки.

У него ушло чуть больше десяти минут на то, чтобы разыскать все необходимое. В конце концов он вытащил из-под кровати мантию-невидимку, завинтил крышечку чернильницы с меняющими цвет чернилами, запихал в чемодан котел и кое-как захлопнул крышку. Волоча одной рукой чемодан, в другой держа клетку с Буклей,

он снова спустился на первый этаж.

К его разочарованию, Дамблдора в прихожей не оказалось, а это значило, что придется еще раз вернуться в гостиную.

В гостиной никто не разговаривал. Дамблдор тихонько напевал себе под нос, чувствуя себя, по-видимому, вполне непринужденно, но в воздухе ощущалось напряжение, вязкое, словно остывший соус. Гарри сказал, не решаясь взглянуть на Дурслей:

— Профессор… я готов.

— Хорошо, — сказал Дамблдор. — Только еще одно, напоследок. — Он снова повернулся к Дурслям. — Как вы, без сомнения, знаете, через год Гарри станет совершеннолетним…

— Нет, — возразила тетя Петунья, раскрыв рот в первый раз со времени появления Дамблдора.

— Прошу прощения? — вежливо удивился Дамблдор.

— Нет, не станет. Он на месяц младше Дадли, а Дадли только через два года исполнится восемнадцать.

— Ах вот как, — любезно сказал Дамблдор, — но у волшебников совершеннолетие наступает в семнадцать лет.

— Нелепость, — пробормотал дядя Вернон, но

Дамблдор не обратил на него внимания.

— Как вы уже знаете, чародей по имени Волан-де-Морт вернулся в нашу страну. Волшебное сообщество находится в состоянии войны. Лорд Волан-де-Морт уже несколько раз пытался убить Гарри, и сейчас вашему племяннику грозит еще большая опасность, чем в тот день, пятнадцать лет назад, когда я оставил его на пороге вашего дома с письмом, в котором рассказывал об убийстве его родителей и выражал надежду, что вы позаботитесь о нем, как о своем родном ребенке.

Дамблдор помолчал, и хотя он не проявлял никаких внешних признаков гнева, а голос его оставался спокойным и ровным, Гарри почувствовал идущий от него холодок и заметил, что Дурсли на диване теснее прижались друг к другу.

— Вы не выполнили мою просьбу. Вы никогда не относились к Гарри как к сыну. От вас он не видел ничего, кроме пренебрежения, а часто и жестокости. Единственное, что радует — он, по крайней мере, был избавлен от того ужасного вреда, который вы нанесли несчастному мальчику, что сидит сейчас между вами.

Тетя Петунья и дядя Вернон инстинктивно оглянулись по сторонам, как будто рассчитывали

увидеть еще какого-то мальчика, кроме Дадли, стиснутого между ними.

— Мы… причинили вред Дадлику? Да что вы тут… — свирепо начал дядя Вернон, но Дамблдор поднял палец, призывая к молчанию, и тут же наступила тишина, как будто дядя Вернон разом онемел.

— Магия, которую я призвал пятнадцать лет назад, дает Гарри могущественную защиту, пока он может назвать ваш дом своим домом. Хотя он был здесь глубоко несчастен, хотя ему здесь не были рады, хотя с ним плохо обращались — по крайней мере, пусть и с неохотой, но вы приютили его под своей крышей. Действие магии прекратится, как только Гарри исполнится семнадцать лет, другими словами, когда он станет взрослым. Я прошу вас только об одном: позвольте Гарри еще один раз вернуться сюда в будущем году. Тогда защита продлится до его семнадцатилетия.

Дурсли молчали. Дадли слегка хмурился, как будто пытался сообразить, какой такой вред был ему причинен. Дядя Вернон словно чем-то подавился, зато тетя Петунья раскраснелась и выглядела странно взволнованной.

— Ну что же, Гарри… Нам пора, — сказал наконец Дамблдор, вставая и расправляя длинный

черный плащ. — До новой встречи, — сказал он Дурслям, которые, судя по всему, отнюдь не стремились увидеться с ним вновь. Дамблдор надел шляпу и стремительно вышел из комнаты.

— Пока, — торопливо сказал Гарри своим родственникам и побежал за Дамблдором; тот ждал его, стоя рядом с чемоданом, на котором была пристроена клетка с Буклей.

— Нам сейчас будет недосуг возиться с поклажей, — сказал Дамблдор и снова достал из-под плаща волшебную палочку. — Я отправлю твои вещи вперед, в «Нору». Но я хотел бы, чтобы ты взял с собой мантию-невидимку. Так, на всякий случай.

Гарри с некоторым трудом вытащил из чемодана мантию, стараясь, чтобы Дамблдор не заметил, какой чудовищный там беспорядок. Он затолкал мантию-невидимку во внутренний карман куртки, Дамблдор взмахнул волшебной палочкой — чемодан и клетка с Буклей исчезли. Дамблдор еще раз взмахнул палочкой — и входная дверь распахнулась в холодную мглистую тьму.

— А теперь, Гарри, выйдем в ночь и пустимся в погоню за коварной обольстительницей, имя которой — приключение!

Глава 4

ГОРАЦИЙ СЛИЗНОРТ

Последние несколько дней Гарри ни на минуту не переставал отчаянно надеяться, что Дамблдор на самом деле придет и заберет его, но теперь, когда он шел рядом с Дамблдором по Тисовой улице, ему вдруг стало неловко. Он никогда еще не разговаривал с Дамблдором вот так запросто, за пределами школы. Всегда между ними был директорский стол. К тому же в голову лезли воспоминания об их последней встрече, еще больше смущая Гарри, — в тот раз он страшно раскричался, не говоря уже о том, Что пытался расколошматить самые ценные приборы в кабинете Дамблдора.

Но Дамблдор вел себя как ни в чем не бывало.

— Держи волшебную палочку наготове, Гарри, — бодро посоветовал он.

— А я думал, мне нельзя колдовать, когда я не в школе, сэр.

— Если на нас нападут, — сказал Дамблдор, — разрешаю тебе применить любое контрзаклятие, какое придет в голову. Впрочем, не стоит волно-

ваться, не думаю, чтобы кто-нибудь стал нападать на тебя сегодня.

— Почему, сэр?

— Ты со мной, — просто ответил Дамблдор. Он неожиданно остановился на углу Тисовой улицы.

— Ты, конечно, еще не сдавал на права по трансгрессии? — спросил Дамблдор.

— Нет, — ответил Гарри. — Вроде для этого надо быть совершеннолетним?

— Верно, — сказал Дамблдор. — Значит, тебе нужно будет очень крепко держаться за мою руку. За левую, пожалуйста — как ты заметил, правая рука у меня сейчас не совсем здорова.

Гарри ухватился за протянутую руку Дамблдора.

— Очень хорошо, — сказал Дамблдор. — Ну, вперед.

Гарри почувствовал, что рука Дамблдора выскальзывает у него из пальцев, и вцепился в нее изо всех сил. В следующий миг в глазах у него потемнело, его сдавило со всех сторон сразу, он не мог вздохнуть — грудь как будто стиснули железные обручи, глаза словно вдавило внутрь черепа, барабанные перепонки прогибались, и вдруг…

Он жадно глотнул холодный ночной воздух

и открыл слезящиеся глаза. У него было такое чувство, будто его пропихнули через очень тугой резиновый шланг. Только через несколько секунд Гарри заметил, что Тисовая улица исчезла. Они с Дамблдором оказались на безлюдной деревенской площади, в центре которой стоял старый военный памятник и несколько скамеек. Гарри запоздало сообразил, что только что трансгрессировал в первый раз в жизни.

— Как ты? — заботливо спросил Дамблдор. — К этому ощущению нужно привыкнуть.

— Нормально, — ответил Гарри, потирая уши, которые, судя по всему, с большой неохотой покинули Тисовую улицу. — Но на метле все-таки лучше.

Дамблдор улыбнулся, плотнее стянул дорожный плащ у горла и сказал:

— Сюда.

Он быстрым шагом двинулся вперед, мимо пустого трактира и нескольких домов. Часы на деревенской церкви показывали около полуночи.

— Так скажи мне, Гарри, — проговорил Дамблдор. — Твой шрам… Он у тебя болел хоть раз?

Гарри машинально поднял руку ко лбу и потер отметину в виде молнии.

— Нет, — сказал он. — Я даже удивлялся, поче-

му это. Думал, он теперь все время будет огнем гореть, раз Волан-де-Морт снова набрал такую силу.

Гарри посмотрел на Дамблдора снизу вверх и увидел, что лицо у него довольное.

— А я, напротив, думал иначе, — сказал Дамблдор. — Лорд Волан-де-Морт наконец понял, что у тебя появилась опасная возможность проникать в его мысли и чувства. По-видимому, он закрылся от тебя при помощи окклюменции.

— Я-то не жалуюсь, — сказал Гарри. Ему стало намного легче жить без тревожных снов и внезапных соприкосновений с эмоциями Волан-де-Морта.

Они завернули за угол, миновали телефонную будку и автобусную остановку. Гарри снова искоса взглянул на Дамблдора.

— Профессор!

— Да, Гарри?

— Где мы сейчас?

— Мы с тобой, Гарри, находимся в очаровательной деревушке Бадли-Бэббертон.

— А что мы здесь делаем?

— Ах да, конечно, я же тебе не сказал, — проговорил Дамблдор. — Так вот, я уже потерял счет, сколько раз я произносил эту фразу за последние

годы, но у нас опять не хватает одного преподавателя. Мы здесь для того, чтобы уговорить одного моего бывшего коллегу нарушить свое уединение и вернуться в Хогвартс.

— А я чем тут могу помочь, сэр?

— О, я думаю, ты как-нибудь пригодишься, — туманно ответил Дамблдор. — Сейчас налево, Гарри.

Они свернули в узкую крутую улочку. Окна во всех домах были темными. Здесь тоже чувствовался странный, пробирающий до костей холод, который уже две недели как поселился на Тисовой улице. Гарри подумал о дементорах, оглянулся через плечо и покрепче сжал в кармане волшебную палочку.

— Профессор, а почему мы не могли просто трансгрессировать прямо в дом к вашему коллеге?

— Потому что это было бы так же невежливо, как выломать парадную дверь, — сказал Дамблдор. — Правила этикета требуют, чтобы мы давали возможность другим волшебникам не впустить нас в дом. Кроме того, жилища волшебников, как правило, магически защищены от нежелательной трансгрессии. К примеру, в Хогвартсе…

— Невозможно трансгрессировать в пределах замка и прилегающей территории, — быстро продекламировал Гарри. — Мне говорила Гермиона Грейнджер.

— И она совершенно права. Еще раз налево.

Церковные часы у них за спиной пробили полночь. Гарри было непонятно, почему Дамблдор не считает невежливым являться к своему бывшему коллеге в столь поздний час, но, раз уж разговор наладился, ему хотелось задать более важные вопросы.

— Сэр, я читал в «Ежедневном пророке», что Фаджа уволили…

— Верно, — ответил Дамблдор, сворачивая в переулок, круто поднимающийся в гору. — Как ты, несомненно, прочел там же, ему на смену назначен Руфус Скримджер, который прежде руководил Управлением мракоборцев.

— А он… Как вы думаете, он хороший министр? — спросил Гарри.

— Интересный вопрос, — промолвил Дамблдор. — Он, конечно, человек способный. Более решительная и сильная личность, чем Корнелиус.

— Да, но я имел в виду…

— Я понимаю, что ты имел в виду. Руфус — че-

ловек действия, большую часть своей жизни он провел, сражаясь с темными волшебниками, и потому не станет недооценивать лорда Волан-де-Морта.

Гарри ждал продолжения, но Дамблдор ничего не сказал о своих разногласиях со Скримджером, упоминавшихся в «Ежедневном пророке», а у Гарри не хватило духу расспрашивать дальше, поэтому он заговорил о другом.

— И еще, сэр… я читал про мадам Боунс…

— Да, — тихо ответил Дамблдор. — Ужасная потеря. Она была замечательная волшебница. По-моему, нам сюда… Ох!

Забывшись, он указал направление раненой рукой.

— Профессор, а что случилось с вашей…

— Некогда сейчас объяснять, — сказал Дамблдор. — Это такая захватывающая история, не хочется рассказывать ее наспех.

Он улыбнулся Гарри, и тот понял, что это был не выговор и что ему позволено спрашивать еще.

— Сэр, мне прислали с совой брошюру Министерства магии, насчет того, какие меры принимать на случай нападения Пожирателей смерти…

— Я тоже получил такую брошюру, — сказал

Дамблдор, продолжая улыбаться. — Ты нашел в ней что-нибудь полезное?

— Да не особенно.

— Я так и подумал. Ты, например, не спросил меня, какое мое любимое варенье, чтобы убедиться, что я в самом деле профессор Дамблдор, а не обманщик под его личиной.

— Я не… — Гарри запнулся, не зная, следует ли принимать всерьез упрек Дамблдора.

— На будущее имей в виду, Гарри, — малиновое… Хотя, конечно, будь я Пожирателем смерти, я бы заранее выяснил, какое варенье мне больше нравится.

— Понятно, — сказал Гарри. — Так вот, про эту брошюру. Там что-то говорилось о каких-то инферналах. Кто это такие? В брошюрке было не очень понятно.

— Это трупы, — спокойно ответил Дамблдор. — Мертвецы, которых заколдовал темный волшебник и заставил служить себе. Впрочем, инферналов давно уже никто не видел — с тех самых пор, как Волан-де-Морт в прошлый раз пришел к власти. Он-то, само собой, перебил достаточно народу, чтобы набрать целую армию инферналов. Вот, Гарри, мы пришли.

Они приближались к аккуратному каменному

домику, окруженному садом. Кошмарные инферналы не шли у Гарри из головы, он ничего не замечал вокруг, но возле калитки Дамблдор резко остановился, и Гарри чуть не налетел на него.

— Вот те на! Боже мой, боже мой, боже мой…

Гарри посмотрел вдоль ухоженной садовой дорожки, и у него сжалось сердце. Входная дверь висела на одной петле.

Дамблдор оглянулся по сторонам: улица была совершенно пустынна.

— Волшебную палочку на изготовку и следуй за мной, Гарри, — сказал он тихо.

Толкнув калитку, Дамблдор быстро и бесшумно двинулся по дорожке к дому. Гарри не отставал от него ни на шаг. Дамблдор медленно приоткрыл дверь, держа перед собой волшебную палочку.

— *Люмос!*

На острие волшебной палочки зажегся огонек, осветив тесную прихожую. Слева виднелась еще одна полуоткрытая дверь. Подняв над головой светящуюся волшебную палочку, Дамблдор вошел в гостиную, Гарри — за ним.

Перед ними открылась картина полного разгрома: прямо у их ног лежали разбитые напольные часы с треснувшим циферблатом; маятник валялся чуть в стороне, словно меч, выпавший из

руки воина; пианино рухнуло набок, рассыпав клавиши по всему полу; рядом поблескивали осколки оборвавшейся люстры; из распоротых диванных подушек высыпа-лись перья. Все было, словно пылью, усыпано мелкими осколками стекла и фарфора. Дамблдор поднял волшебную палочку повыше, ее свет упал на стены, забрызганные чем-то липким, темно-красным. Гарри тихо охнул, и Дамблдор оглянулся.

— Малоприятное зрелище, — печально заметил он. — Да, здесь произошло нечто ужасное.

Дамблдор осторожно прошел на середину комнаты, осматривая обломки у себя под ногами. Гарри шел за ним, озираясь по сторонам, немного страшась того, что могло обнаружиться за разломанным пианино или перевернутым диваном, но мертвого тела нигде не было видно.

— Может быть, они сражались, и… и его утащили силой, профессор? — предположил Гарри, стараясь не задумываться о том, какими должны были быть раны, чтобы брызги долетали до половины стены.

— Едва ли, — тихо ответил Дамблдор, заглядывая за опрокинутое мягкое кресло.

— Вы думаете, он…

— Все еще где-то здесь? Да.

И вдруг без всякого предупреждения Дамблдор нагнулся и ткнул волшебной палочкой в пухлое сиденье кресла.

— Ой-ой! — взвизгнуло кресло.

— Добрый вечер, Гораций, — сказал Дамблдор, выпрямляясь.

У Гарри отвисла челюсть. Там, где всего секунду назад лежало кресло, скорчился невероятно толстый лысый старик. Он потирал себе живот и обиженно косился на Дамблдора слезящимися глазками.

— Совсем не обязательно было тыкать с такой силой, — проворчал он, тяжело поднимаясь на ноги. — Больно ведь!

Свет от волшебной палочки искрился на его блестящей лысине, выпученных глазах, пышных серебристых усах, как у моржа, и полированных пуговицах темно-бордовой бархатной домашней куртки, надетой поверх сиреневой шелковой пижамы. Его макушка едва доставала Дамблдору до подбородка.

— Как ты догадался? — буркнул толстяк, распрямившись и все еще потирая живот. Он держался удивительно хладнокровно для человека, которого только что разоблачили, когда он прикидывался креслом.

— Мой дорогой Гораций, — усмехнулся Дамблдор, — если бы тебя на самом деле навестили Пожиратели смерти, над домом была бы Черная Метка.

Толстый волшебник хлопнул себя пухлой рукой по обширному лбу.

— Черная Метка, — пробормотал он. — Чувствовал ведь: что-то я упустил… Ну что ж! Все равно времени бы не хватило. Я и так едва успел навести последний лоск на свою обивку, когда ты вошел в комнату.

Он так тяжело вздохнул, что кончики моржовых усов затрепетали.

— Помочь тебе с уборкой? — вежливо предложил Дамблдор.

— Да, пожалуйста.

Они встали спиной к спине — высокий, худой и низенький, круглый волшебники — и одновременно плавно взмахнули волшебными палочками.

Мебель разлетелась по местам, осколки безделушек мгновенно собрались вместе, перья вернулись в подушки, порванные книги починились и расставились по полкам, масляные светильники взмыли в воздух, приземлились на столики по углам и снова зажглись, фотогра-

фии в блестящих серебряных рамках стайкой пронеслись через всю комнату и утвердились на письменном столе, целенькие и чистенькие, все дырки, трещины и прорехи закрылись, и обои на стенах очистились.

— Кстати, что это была за кровь? — громко поинтересовался Дамблдор, перекрывая звон восстановленных напольных часов.

— По стенам? Драконья! — прокричал волшебник по имени Гораций.

В ту же минуту люстра с оглушительным скрежетом и звяканьем снова привинтилась к потолку.

Пианино со стуком встало на место, и наступила тишина.

— Да, драконья, — повторил волшебник тоном легкой светской беседы. — Последний флакончик, а цены в последнее время взлетели до небес. Впрочем, ее еще можно будет использовать.

Он вперевалочку подошел к серванту, взял стоявший на нем стеклянный пузырек с густой жидкостью и посмотрел на просвет.

— Хм-м… Запылилась немножко.

Он снова поставил флакон на сервант и вздохнул. Тут его взгляд упал на Гарри.

— Ого! — Большие круглые глаза мгновенно

нацелились на лоб Гарри со шрамом в виде молнии. — Ого!

— Это, — представил Дамблдор, шагнув вперед, — Гарри Поттер. Гарри, это мой старинный друг и коллега, Гораций Слизнорт.

Слизнорт пронзительно взглянул на Дамблдора.

— Так вот как ты намеревался меня убедить, а? Ну так вот, Альбус, мой ответ: нет.

Он прошел мимо Гарри, отпихнув его с дороги с решительным лицом человека, пытающегося одолеть искушение.

— По крайней мере, выпить нам предложат? — спросил Дамблдор. — Ради старого знакомства?

Слизнорт заколебался.

— Ну хорошо, по глоточку, — сказал он неприветливо.

Дамблдор улыбнулся Гарри и подтолкнул его к креслу, очень похожему на то, которое только что так ловко изображал Слизнорт. Кресло стояло возле очага, где теперь Снова пылал огонь, а рядом ярко горела масляная лампа. Гарри сел с отчетливым впечатлением, что Дамблдору для чего-то нужно, чтобы он был на виду. И конечно, когда Слизнорт, возившийся с графинами и бокалами, снова обернулся лицом к комнате, взгляд

его немедленно упал на Гарри.

— Хмф, — произнес он и быстро отвел глаза, словно боялся, что они заболят. — Вот, прошу…

Он подал бокал Дамблдору, усевшемуся без приглашения, сунул поднос в руки Гарри, а сам погрузился в подушки починенного дивана и в неприязненное молчание. Ножки у него были такие коротенькие, что не доставали до полу.

— И как же ты поживаешь, Гораций? — спросил Дамблдор.

— Не очень хорошо, — сразу же ответил Слизнорт. — Легкие никуда не годятся. Хрипы. И к тому же ревматизм. Хожу с трудом. Что делать, возраст. Постарел я. Устал.

— Однако ты, должно быть, двигался довольно резво, чтобы подготовить нам такой любезный прием за столь короткое время, — заметил Дамблдор. — Вряд ли ты узнал о нашем приходе больше чем за три минуты.

В голосе Слизнорта прозвучали одновременно досада и гордость:

— Две. Я принимал ванну, не услышал, когда сработало заклинание от непрошеных гостей. Тем не менее, — прибавил он строго, будто спохватившись, — факт остается фактом: я старый человек, Альбус. Усталый старик, который зарабо-

тал себе право на спокойную жизнь и некоторые элементарные удобства.

«Вот уж что у него точно есть», — подумал Гарри, оглядывая комнату. Она была душная и слишком тесно заставленная, но никто не мог бы назвать ее недостаточно удобной. Здесь были мягкие кресла, скамеечки для ног, напитки и книги, коробки шоколадных конфет и пухлые диванные подушки. Если бы Гарри не знал, кто здесь живет, представил бы, что это богатая и капризная старая леди.

— Ты моложе меня, Гораций, — заметил Дамблдор.

— Так, может, тебе и самому стоит подумать о заслуженном отдыхе, — напрямик высказался Слизнорт. Его светлые, выпуклые, как крыжовник, глаза обратились к поврежденной руке Дамблдора. — Я смотрю, реакция уже не та.

— Ты совершенно прав, — спокойно ответил Дамблдор и поддернул рукав, открывая кончики обгорелых, почерневших пальцев. От этого зрелища у Гарри по спине побежали мурашки. — Я, безусловно, уже не так быстр, как раньше. Но, с другой стороны…

Он пожал плечами и развел руки в стороны, как бы говоря, что старость имеет свои преиму-

щества, и Гарри вдруг заметил на его здоровой руке кольцо, какого никогда прежде не видел у Дамблдора: большой, довольно грубо сделанный перстень из металла, по виду похожего на золото, с большим черным камнем, треснувшим посередине. Взгляд Слизнорта тоже на мгновение задержался на кольце, и Гарри увидел, как на его широком лбу появилась и тут же исчезла крохотная морщинка.

— Так как же, Гораций, все эти предосторожности на случай незваных гостей… От кого ты все-таки прячешься — от Пожирателей смерти или от меня? — спросил Дамблдор.

— Да зачем нужен Пожирателям смерти такой жалкий, измученный жизнью старикашка, как я? — воскликнул Слизнорт.

— Полагаю, для того, чтобы обратить твои весьма немалые таланты на запугивание, пытки и убийства, — ответил Дамблдор. — Или ты хочешь сказать, что они еще не приходили вербовать тебя?

Слизнорт со злостью посмотрел на Дамблдора, потом пробормотал:

— Я не дал им такой возможности. Я уже целый год в бегах. Не задерживаюсь на одном месте дольше недели. Перебираюсь из одного магловского

дома в другой… Владельцы этого жилья проводят отпуск на Канарах. Здесь очень приятно, жаль будет уезжать. Все до смешного просто, если знаешь как. Одно простенькое Замораживающее заклинаньице на эту нелепую сигнализацию от воров, которой маглы пользуются вместо вредноскопов, да позаботиться, чтобы соседи не заметили, когда будешь перевозить пианино.

— Ловко придумано, — сказал Дамблдор. — Только, пожалуй, немного утомительно для измученного старикашки, который ищет тишины и покоя. А вот если бы ты вернулся в Хогвартс…

— Только не говори мне, что в этой треклятой школе у меня будет спокойная жизнь! Не сотрясай понапрасну воздух, Альбус! Может быть, я и скрываюсь, однако до меня доходили разные слухи после того, как от вас ушла Долорес Амбридж! Если так у вас теперь обращаются с учителями…

— Профессор Амбридж не поладила с табуном кентавров, — сказал Дамблдор. — Вряд ли у тебя, Гораций, хватило бы ума явиться в Запретный лес и обозвать толпу разъяренных кентавров «мерзкими полукровками».

— Так вот, значит, как было дело! — воскликнул Слизнорт. — Что за идиотка! Она мне никогда не нравилась.

Гарри не сдержал смешок. Дамблдор и Слизнорт разом поглядели на него.

— Извините, — быстро сказал Гарри. — Просто мне она тоже не понравилась.

Дамблдор внезапно встал.

— Уже уходите? — обрадовался Слизнорт.

— Нет, я хотел воспользоваться здешним туалетом, если можно, — сказал Дамблдор.

— А, — сказал Слизнорт, явно разочарованный. — Вторая дверь налево по коридору.

Дамблдор вышел из комнаты. Дверь за ним закрылась, и наступила тишина. Через пару минут Слизнорт поднялся на ноги, явно не зная, чем себя занять. Он исподтишка взглянул на Гарри, затем подошел к камину и повернулся спиной к огню, грея свою обширную заднюю часть.

— Не воображай, будто я не знаю, зачем он тебя сюда притащил, — сказал Слизнорт ни с того ни с сего.

Гарри молча смотрел на него. Водянистые глазки Слизнорта вновь скользнули по шраму Гарри, на этот раз не оставив без внимания и все лицо.

— Ты очень похож на отца.

— Да, мне говорили, — сказал Гарри.

— Только не глаза. Глаза у тебя…

— Мамины, ага. — Гарри так часто это слышал,

что ему уже начало слегка надоедать.

— Хмф. Да, ну-ну. Безусловно, учителям не полагается заводить любимчиков, но она была одной из моих любимых учениц. Твоя мама, — пояснил Слизнорт в ответ на вопросительный взгляд Гарри, — Лили Эванс. Очень способная. И такая живая, веселая, знаешь ли. Прелестная девочка. Помню, я ей все говорил, что ей бы лучше было учиться на моем факультете. Она еще каждый раз так дерзко мне отвечала…

— А какой был ваш факультет?

— Я был деканом Слизерина, — сказал Слизнорт. — Ну, ну, ну, — поспешно прибавил он, заметив выражение лица Гарри, и погрозил ему пухлым пальцем, — только не надо ставить это мне в вину. Ты-то, надо думать, гриффиндорец, как и твоя мама? Да, такие особенности, как правило, передаются по наследству. Хоть и не всегда. Не слыхал про Сириуса Блэка? Должен был слышать, о нем уж года два постоянно пишут в газетах. Он недавно погиб…

Как будто невидимая рука скрутила внутренности Гарри.

— Так вот, они с твоим отцом были большие приятели, когда учились в школе. Все Блэки были на моем факультете, а Сириус оказался в Гриф-

финдоре! А жаль, он был талантливый мальчик. Позже у меня учился его брат, Регулус, но мне хотелось бы их всех собрать у себя.

Он говорил, словно азартный коллекционер, у которого на аукционе из-под носа увели редкий экспонат. Видимо, с головой уйдя в воспоминания, он отрешенно созерцал противоположную стену, рассеянно поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, чтобы спина равномерно прогревалась.

— Твоя-то мама была магловского происхождения. Я ушам своим не поверил, когда узнал об этом. Она так блестяще училась, я был уверен, что она из чистокровных волшебников.

— Моя лучшая подруга — из семьи маглов, — сказал Гарри, — и учится лучше всех на нашем курсе.

— Иногда это случается. Забавно, правда? — сказал Слизнорт.

— Не очень, — холодно ответил Гарри. Слизнорт удивленно посмотрел на него.

— Не думай, что я человек с предрассудками! — воскликнул он. — Нет, нет, нет! Я ведь только что сказал, что твоя мама была одной из моих самых любимых учениц за все эти годы! Был еще Дирк Крессвелл, на год младше нее, он теперь началь-

ник Управления по связям с гоблинами, тоже из магловской семьи, необычайно одаренный юноша и до сих пор снабжает меня из первых рук весьма ценными сведениями о том, что делается в банке «Гринготтс»!

Он пару раз приподнялся на цыпочки с самодовольной улыбкой и указал на блестящие рамки с фотографиями на комоде; на каждой фотографии виднелись несколько крошечных движущихся фигурок.

— Все это мои бывшие ученики, и все фотографии с подписями. Обрати внимание, вот это Варнава Кафф, главный редактор «Ежедневного пророка», он всегда интересуется моим мнением о последних новостях. А это — Амброзиус Флюм, владелец «Сладкого королевства», непременно присылает целую корзину сладостей на день рождения, и все по-тому, что я ему устроил знакомство с Цицероном Харкиссом, который первым взял его на работу! А в заднем ряду, если вытянешь шею, ты сможешь увидеть Гвеног Джонс — она, как всем известно, капитан команды «Холихедские гарпии». Многие удивляются, что я в дружеских отношениях с «Гарпиями» и в любой момент могу получить бесплатные билеты на их матч!

Эта мысль, по-видимому, привела его в отличное настроение.

— Все эти люди присылают вам разные вещи — значит, они знают, как вас можно найти? — спросил Гарри, невольно удивившись, как это Пожиратели смерти до сих пор не выследили Слизнорта, если корзины конфет, билеты на квиддич и гости, жаждущие совета, так легко находят к нему дорогу.

Улыбка исчезла с лица Слизнорта так же быстро, как брызги крови со стен его комнаты.

— Разумеется, нет, — сказал он, глядя на Гарри сверху вниз. — Я уже год ни с кем не общаюсь.

Похоже, он и сам поразился собственным словам. На мгновение вид у Слизнорта стал довольно-таки расстроенный. Потом он пожал плечами:

— Что делать… В такие времена благоразумные волшебники стараются не высовываться. Дамблдору хорошо говорить, но для меня сейчас поступить преподавателем в Хогвартс — все равно что публично объявить о своем союзе с Орденом Феникса! В Ордене, безусловно, прекрасные люди, отважные, благородные и так далее, но меня лично не устраи-вает их уровень смертности…

— Совсем необязательно вступать в Орден, чтобы преподавать в Хогвартсе, — сказал Гарри. Ему не до конца удалось сдержать насмешливую нотку в голосе; трудно было посочувствовать изнеженному Слизнорту когда ему вспомнилось, как Сириус жил в пещере и питался крысами. — Большинство учителей не состоят в Ордене, и никого из них пока не убили — ну, если только не считать Квиррелла, но ему так и надо, ведь он сотрудничал с Волан-де-Мортом.

Гарри был совершенно уверен, что Слизнорт — один из тех волшебников, кто не в состоянии спокойно слышать имя Волан-де-Морта, и действительно, Слизнорт весь передернулся и протестующе пискнул, но Гарри не стал обращать на это внимания.

— По-моему, в Хогвартсе гораздо безопаснее, чем в других местах, пока директор там Дамблдор. Говорят, он единственный волшебник, которого боялся Волан-де-Морт, правда? — продолжал свое Гарри.

Слизнорт отрешенно устремил взгляд в пространство. По-видимому, он обдумывал слова Гарри.

— Что ж, это верно, Тот-Кого-Нельзя-Называть никогда не стремился сразиться с Дамблдо-

ром, — неохотно пробормотал он. — И, пожалуй, вполне можно предположить, что, поскольку я не присоединился к Пожирателям смерти, Тот-Кого-Нельзя-Называть вряд ли числит меня среди своих друзей… А в этом случае, пожалуй, я и в самом деле был бы в большей безопасности поблизости от Альбуса… Не стану скрывать, смерть Амелии Боунс потрясла меня… Если уж она, при ее-то связях в Министерстве, при ее возможностях защиты…

Тут в комнату вернулся Дамблдор. Слизнорт вздрогнул, как будто совсем позабыл о его присутствии в доме.

— Ах, это ты, Альбус, — проговорил он. — Долго же ты, однако. Расстройство желудка?

— Нет, просто я читал магловские журналы, — сказал Дамблдор. — Обожаю схемы для вязания. Ну что ж, Гарри, мы с тобой уже достаточно долго злоупотребляем гостеприимством Горация, пора и честь знать.

Гарри с готовностью вскочил на ноги. Слизнорт слегка растерялся:

— Уже уходите?

— Да, уходим. Я всегда умел вовремя признать свое поражение.

— Поражение?

Слизнорт страшно разволновался. Он сцепил руки, завертел толстыми большими пальцами, заерзал, глядя, как Дамблдор закутывается в свой дорожный плащ, а Гарри застегивает молнию на куртке.

— Итак, очень жаль, что ты не хочешь работать у нас, Гораций, — сказал Дамблдор и помахал на прощание здоровой рукой. — В Хогвартсе были бы рады твоему возвращению. Если захочешь как-нибудь нас навестить, всегда будешь дорогим гостем, несмотря на повышенные меры безопасности…

— Да, да… спасибо за приглашение… вот и я говорю…

— Стало быть, до свидания!

— Пока, — сказал Гарри.

Они были уже у выхода на улицу, когда сзади послышался крик.

— Ну хорошо, хорошо, я согласен! Дамблдор обернулся. Запыхавшийся Слизнорт стоял в дверях гостиной.

— Ты согласен вернуться на работу?

— Да, да, — раздраженно ответил Слизнорт. — Я, должно быть, с ума сошел, но — да, я согласен.

— Чудесно! — просиял Дамблдор. — В таком случае, Гораций, до встречи первого сентября!

— Да уж, до встречи, — буркнул Слизнорт. Когда они шли по садовой дорожке, им вслед несся голос Горация:

— Но смотри, Дамблдор, я потребую прибавки! Дамблдор тихонько хмыкнул. Садовая калитка захлопнулась за ними, и они пустились в обратный путь вниз по темным переулкам среди клубящегося тумана.

— Молодец, Гарри, — сказал Дамблдор.

— Да я ничего не сделал, — удивился Гарри.

— Да нет, сделал. Ты показал Горацию, насколько для него выгодно вернуться в Хогвартс. Он тебе понравился?

— Ну-у…

Гарри и сам не знал, понравился ему Слизнорт или не понравился. Пожалуй, он довольно симпатичный, но какой-то уж очень самовлюбленный и еще, что бы он там ни говорил, слишком сильно удивляется, что девочка из семьи маглов может стать хорошей волшебницей.

Дамблдор избавил Гарри от необходимости высказать все это вслух.

— Гораций, — сказал он, — очень любит комфорт. А еще он любит собирать вокруг себя знаменитостей, преуспевающих и влиятельных людей. Ему нравится думать, что они прислу-

шиваются к нему. Он сам никогда не стремился восседать на троне, предпочитает занять место за его спинкой — там, знаешь ли, легче развернуться. В свое время в Хогвартсе он отбирал для себя любимчиков среди учеников — кого за ум, кого за честолюбие, кого за обаяние или талант, причем удивительно ловко определял именно тех, кто потом добился известности в той или иной области. Гораций даже основал своеобразный клуб своих любимчиков с самим собой во главе. Он знакомил их с нужными людьми, налаживал полезные контакты между членами клуба и всегда что-то с этого имел, будь то коробочка его любимых засахаренных ананасов или возможность порекомендовать своего человека на освободившуюся должность в Управлении по связям с гоблинами.

Гарри вдруг представилась необыкновенно яркая картинка: громадный раздувшийся паук плетет свою паутину и время от времени дергает за ниточки, подтягивая к себе поближе сочных и жирных мух.

— Я не для того все это тебе рассказываю, — продолжил Дамблдор, — чтобы восстановить тебя против Горация, или, как его теперь следует называть, профессора Слизнорта, а для того, чтобы

ты был настороже. Несомненно, он постарается и тебя включить в свою коллекцию. Ты, Гарри, стал бы у него самым ценным экспонатом: Мальчик, Который Выжил… Избранный — так тебя теперь называют. От этих слов Гарри пробрал холод, никак не связанный с окружающим туманом. Они напомнили ему то, что он услышал несколько недель назад — слова, которые для него имели особый, ужасный смысл:

«Ни один из них не может жить спокойно, пока жив другой…»

Дамблдор остановился, поравнявшись с церковью, мимо которой они проходили по дороге к Слизнорту.

— Дальше можно не идти. Держись за мою руку, Гарри.

На этот раз Гарри заранее приготовился к трансгрессии, но все же ощущение было не из приятных. Когда давление прекратилось и он снова смог вдохнуть, оказалось, что они с Дамблдором стоят на проселочной дороге, а впереди виднеется второе из его самых любимых строений на свете — «Нора». Мгновение леденящего ужаса прошло, у Гарри сразу стало легче на душе при виде этого дома. Там Рон… И миссис Уизли

— Гарри не знал человека, который готовил бы лучше, чем она…

— Если ты не возражаешь, Гарри, — сказал Дамблдор, входя в ворота, — я хотел бы еще кое о чем с тобой поговорить, прежде чем мы расстанемся. Зайдем сюда?

Дамблдор показал на полуразвалившийся каменный сарайчик, где Уизли хранили метлы. Слегка озадаченный, Гарри вошел за ним через скрипучую дверь в тесное помещение размером немного меньше обычного чулана. Дамблдор зажег огонек на конце волшебной палочки, так что получилось нечто вроде карманного фонарика, и улыбнулся Гарри, глядя на него сверху вниз.

— Надеюсь, ты простишь мне, что я упоминаю об этом, но я доволен и немного горжусь тем, как хорошо ты держишься после всего, что свалилось на тебя в Министерстве. С твоего позволения, я думаю, что Сириус гордился бы тобой.

Гарри сглотнул комок в горле, голос его куда-то подевался. Ну не мог он говорить о Сириусе. Невыносимо было слышать, как дядя Вернон спрашивает: «Его крестный помер?» — и еще хуже, когда Слизнорт мимоходом упомянул его имя.

— Очень горько, — тихо сказал Дамблдор, — что

вы с Сириусом так недолго были вместе. Жестокая случайность оборвала ваши отношения, а они могли стать долгими и счастливыми.

Гарри кивнул, пристально рассматривая паука, карабкавшегося по шляпе Дамблдора. Он чувствовал, что Дамблдор понимает. Может быть, даже догадывается, что, пока не пришло его письмо, Гарри почти все время лежал у себя на кровати, отказывался от еды и только смотрел в туманное окно, полное той холодной пустоты, которая у него теперь всегда ассоциировалась с дементорами.

— Просто тяжело, — сказал наконец Гарри чуть слышно, — знать, что он никогда больше мне не напишет.

У него вдруг защипало глаза, и он моргнул. Казалось глупостью признаться, но это было чуть ли не самое чудесное в его встрече с крестным — за пределами Хогвартса появился кто-то, кому небезразлично, что с ним происходит, кто ему почти как отец… А теперь уже никогда почтовая сова не принесет ему такого утешения…

— Сириус олицетворял для тебя многое из того, чего ты был прежде лишен, — мягко проговорил Дамблдор. — Естественно, что ты горюешь о нем…

— Но пока я торчал у Дурслей, — перебил Гарри более твердым голосом, — я понял, что нельзя отгородиться от всех… нельзя сломаться. Сириус бы этого не хотел, правда? И вообще жизнь слишком коротка… Вот, например, мадам Боунс или Эммелина Вэнс… Кто знает, может, следующим буду я, верно? Но если и так, — сказал он яростно и взглянул прямо в голубые глаза Дамблдора, блестевшие при свете волшебной палочки, — я уж постараюсь захватить с собой столько Пожирателей смерти, сколько смогу, и самого Волан-де-Морта тоже, если получится.

— Сказано истинным сыном твоих мамы и папы и истинным крестником Сириуса! — сказал Дамблдор, одобрительно хлопнув Гарри по спине. — Снимаю шляпу! Вернее, снял бы, если бы не боялся осыпать тебя пауками. А теперь, Гарри, на другую, но весьма близкую тему… Если я правильно понял, ты в последние две недели регулярно просматривал «Ежедневный пророк»?

— Да, — ответил Гарри. Сердце у него забилось чуть быстрее.

— В таком случае ты, вероятно, заметил, мягко говоря, утечку информации касательно твоих приключений в Зале пророчеств?

— Да, — повторил Гарри. — И теперь все знают,

что именно я…

— Нет, не знают, — прервал его Дамблдор. — Только два человека во всем мире знают целиком содержание пророчества, касающегося тебя и лорда Волан-де-Морта, и оба они стоят сейчас в этом вонючем, полном пауков сарае. Но действительно многие догадываются, и совершенно правильно догадываются, что Волан-де-Морт посылал своих Пожирателей смерти похитить некое пророчество и что в этом пророчестве шла речь о тебе.

Далее, полагаю, я не ошибусь, если предположу, что ты никому не рассказывал о том, что тебе известно содержание пророчества?

— Нет, — ответил Гарри.

— В целом, это мудрое решение, — сказал Дамблдор. — Впрочем, я думаю, ты мог бы сделать исключение для своих друзей, мистера Рональда Уизли и мисс Гермионы Грейнджер. Да, — подтвердил он, видя изумление Гарри, — я считаю, что им следует об этом знать. Ты оказываешь им плохую услугу, скрывая от них такую важную вещь.

— Я не хотел…

— Встревожить их и напугать? — спросил Дамблдор, глядя на Гарри поверх очков. — Или,

может быть, не хотел признаться, что ты сам встревожен и напуган? Твои друзья нужны тебе, Гарри. Как ты сам очень верно заметил, Сириус не хотел бы, чтобы ты отгородился от всех.

Гарри молчал, но Дамблдору как будто и не требовалось ответа. Он продолжал:

— И еще об одном, также близком предмете. Мне хотелось бы в этом году позаниматься с тобой индивидуально.

— Заниматься индивидуально — с вами? — повторил Гарри, от удивления позабыв свои мрачные мысли.

— Да. Думаю, настало время мне принять более активное участие в твоем обучении.

— А чему вы будете меня учить, сэр?

— О, всему понемножку, — беззаботно ответил Дамблдор.

Гарри ждал, затаив дыхание, но Дамблдор не стал вдаваться в подробности. Тогда Гарри задал другой вопрос, который его немного беспокоил:

— Если я буду заниматься с вами, значит, мне больше не нужно будет ходить на уроки окклюменции к Снеггу, да?

— К профессору Снеггу, Гарри… Нет, не нужно.

— Хорошо, — обрадовался Гарри, — а то у нас с ним получилось…

Он запнулся, не решаясь высказать то, что думал на самом деле.

— Думаю, слово «фиаско» подойдет здесь лучше всего, — сказал Дамблдор, кивая.

Гарри засмеялся.

— Значит, я теперь почти не буду встречаться с профессором Снеггом, — сказал он, — потому что он не даст мне продолжить курс зельеварения, если я не получу за экзамен отметку «превосходно», а я знаю, что не получу.

— Не спеши, совят по осени считают, — очень серьезно проговорил Дамблдор. — В данном случае, я думаю, подсчет совят состоится завтра, точнее, уже сегодня. А теперь еще два слова, Гарри, и мы с тобой расстанемся. Во-первых, с этой минуты всегда держи при себе мантию-невидимку. Даже когда будешь в Хогвартсе. Просто на всякий случай, ты меня понял?

Гарри кивнул.

— И последнее. Пока ты находишься здесь, Министерство магии будет охранять «Нору» по первому разряду. Эти меры связаны со значительными неудобствами для Артура и Молли — например, их почту перед доставкой будут проверять в Министерстве. Они не возражают, потому что беспокоятся о твоей безопасности. Ты

плохо их отблагодаришь, если станешь рисковать своей головой, пока гостишь в их доме.

— Я понимаю, — быстро сказал Гарри.

— Что ж, очень хорошо. — Дамблдор толкнул дверь сарая и вышел во двор. — Я вижу в кухне свет. Давай наконец дадим Молли возможность всласть поохать над тем, как ты исхудал.

Глава 5

СЛИШКОМ МНОГО ФЛЕГМЫ

Гарри и Дамблдор подошли к черному ходу «Норы», возле которого, как всегда, валялись в диком беспорядке старые резиновые сапоги и ржавые котлы. Было слышно, как в курятнике сонно квохчут куры. Дамблдор трижды постучал в дверь, и Гарри увидел какое-то движение за кухонным окном.

— Кто там? — тревожно спросили из-за двери. Гарри узнал голос миссис Уизли. — Назовитесь!

— Это я, Дамблдор, привел Гарри.

Дверь сразу же распахнулась. На пороге стояла миссис Уизли, невысокая, полненькая, в старом зеленом халатике.

— Гарри, милый! Господи, Альбус, как же ты меня напугал, ведь сказал не ждать вас раньше утра!

— Нам повезло, — улыбнулся Дамблдор, пропуская Гарри впереди себя в дом. — Слизнорта оказалось не так тяжело уговорить, как я ожидал. Это, конечно, заслуга Гарри. О, здравствуй, Нимфадора!

Гарри оглянулся и увидел, что миссис Уизли в кухне не одна, несмотря на поздний час. Молодая волшебница с бледным лицом в форме сердечка и мышиного цвета волосами сидела за столом, держа обеими руками кружку.

— Здравствуйте, профессор, — сказала она. — Здорово, Гарри.

— Привет, Тонкс!

Она показалась Гарри утомленной, прямо-таки больной, и улыбка у нее была какая-то вымученная. И весь ее облик был не такой эффектный, как всегда, без привычных ярко-розовых, наподобие жевательной резинки, волос.

— Мне, наверное, пора, — быстро сказала она, встала и принялась натягивать плащ. — Спасибо за чай и за сочувствие, Молли.

— Прошу вас, не беспокойтесь из-за меня, — учтиво произнес Дамблдор. — Я все равно не могу остаться. Мне необходимо обсудить кое-какие срочные вопросы с Руфусом Скримджером.

— Нет-нет, мне правда нужно идти, — сказала Тонкс, не глядя Дамблдору в глаза. — Спокойной ночи…

— Деточка, а ты приходи обедать в субботу или в воскресенье, Римус и Грозный Глаз тоже придут…

— Нет, Молли, никак не получится… Но все равно спасибо… Всем спокойной ночи…

Тонкс выскочила за дверь, протиснувшись мимо Гарри и Дамблдора. Отойдя на несколько шагов от порога, она повернулась на каблуке и растаяла в воздухе. Гарри заметил, что у миссис Уизли расстроенный вид.

— Итак, встретимся в Хогвартсе, Гарри, — сказал Дамблдор. — Береги себя. Молли, твой слуга.

Он отвесил поклон миссис Уизли, вышел во двор и исчез точно на том же месте, что и Тонкс. Миссис Уизли закрыла дверь, взяла Гарри за плечи, подвела поближе к лампе, стоявшей на столе, и внимательно осмотрела с головы до ног.

— Ты совсем как Рон, — вздохнула она. — Вас обоих точно сглазил кто на растяжение. Честное слово, Рон вырос на четыре дюйма с тех пор, как я в прошлый раз покупала ему школьную мантию. Ты голодный, Гарри?

— Да, — ответил Гарри, неожиданно поняв, что ему жутко хочется есть.

— Садись, милый, я тебе сейчас что-нибудь соображу.

Гарри сел. Тут же на колени к нему запрыгнул пушистый рыжий кот с приплюснутой мордой, свернулся клубком и замурлыкал.

— Значит, Гермиона тоже здесь? — обрадовался Гарри, почесывая Живоглота за ухом.

— О да, она появилась позавчера.

Миссис Уизли отрывисто постучала волшебной палочкой по большому чугунному горшку. Горшок с громким звоном вскочил на плиту и сразу начал кипеть и булькать.

— Сейчас-то все спят, мы тебя еще долго не ждали. Ну вот, угощайся.

Она снова коснулась палочкой чугунка, тот поднялся в воздух, подлетел к Гарри и накренился; миссис Уизли едва успела подставить миску под струю густого лукового супа, от которого валил пар.

— Хлебушка, милый?

— Спасибо, миссис Уизли.

Она махнула через плечо волшебной палочкой — батон хлеба и ножик плавно перелетели на стол. После того как батон нарезался, а чугунок с супом снова плюхнулся на плиту, миссис Уизли села за стол напротив Гарри.

— Значит, ты таки уговорил Горация Слизнорта вернуться на работу?

Гарри кивнул. Говорить он не мог — набрал полный рот горячего супа.

— Слизнорт был учителем еще у нас с Ар-

туром, — сказала миссис Уизли. — Он сто лет преподавал в Хогвартсе. Начал примерно в одно время с Дамблдором, по-моему. Как он тебе понравился?

Теперь у Гарри рот был набит хлебом. Он пожал плечами и неопределенно мотнул головой.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. — Миссис Уизли глубокомысленно закивала. — Конечно, он умеет быть обаятельным, когда хочет, но Артур всегда его недолюбливал. В Министерстве на каждом шагу его бывшие любимчики. Слизнорт — мастер проталкивать своих людей, но на Артура он не стал тратить времени — должно быть, считал, что это птица невысокого полета. Вот и видно, что Слизнорт тоже может ошибаться. Не знаю, успел ли Рон тебе написать, это случилось совсем недавно — Артур получил повышение!

Было совершенно ясно, что миссис Уизли с самого начала не терпелось рассказать об этом. Гарри проглотил обжигающий суп и прямо-таки почувствовал, как горло изнутри покрывается волдырями.

— Здорово! — задыхаясь, выговорил он.

— Спасибо тебе, дорогой, — лучезарно улыбнулась миссис Уизли. Видимо, она вообразила, будто у Гарри слезы на глазах оттого, что новость так

его растрогала. — Да, Руфус Скримджер в связи с последними событиями создал несколько новых отделов, и Артура назначили начальником Сектора выявления и конфискации поддельных защитных заклинаний и оберегов. Это очень ответственная работа, у него теперь под началом десять человек!

— А чем они там…

— Понимаешь, сейчас все так напуганы Сам-Знаешь-Кем, и вот то тут, то там предлагают на продажу всякую всячину, которая якобы может защитить от Сам-Знаешь-Кого и от Пожирателей смерти. Ну, ты и сам можешь представить: так называемые охранные зелья, которые на самом деле состоят из старой подливки с добавлением гноя бубонтюбера, инструкции к защитным заклятиям, от которых у творящего заклятие отваливаются уши… Чаще всего этим занимаются люди вроде Наземникуса Флетчера, которые не привыкли жить честным трудом и просто пользуются всеобщей паникой. Но иногда попадаются и очень нехорошие вещи. На днях Артур конфисковал коробку проклятых вредноскопов, их почти наверняка подсунул кто-то из Пожирателей смерти. Видишь, какая это важная работа, я ему все время повторяю: глупо жалеть о дурацкой

возне с какими-то свечами зажигания, тостерами и прочей магловской ерундой, — закончила свою речь миссис Уизли с таким строгим видом, как будто Гарри утверждал, что это вполне естественно — тосковать по свечам зажигания.

— Мистер Уизли еще не вернулся с работы? — спросил Гарри.

— Нет пока. Сказать по правде, он немного задерживается… Обещал быть дома около полуночи…

Она обернулась посмотреть на большие часы, пристроенные в неустойчивом равновесии на стопке выстиранных простынь в корзине для белья, стоявшей на другом конце стола. Гарри сразу узнал эти часы с девятью стрелками, на каждой из стрелок было написано имя кого-нибудь из семьи Уизли. Обычно часы висели на стене в гостиной, но, как видно, миссис Уизли завела привычку таскать их с собой по всему дому. Сейчас все стрелки указывали на смертельную опасность.

— Это с ними уже довольно давно, — сказала миссис Уизли деланно бодрым голосом, — с тех пор, как Сам-Знаешь-Кто снова объявился в открытую. Наверное, все теперь в смертельной опасности, не только мы… Правда, я не могу

проверить — ни у кого из наших знакомых нет таких часов. О!

Вскрикнув, она указала на циферблат. Стрелка мистера Уизли перескочила на деление в пути.

— Сейчас будет!

И точно, в следующее мгновение кто-то постучал в дверь. Миссис Уизли вскочила и бросилась открывать; взявшись за дверную ручку, она прижалась щекой к деревянной двери и тихонько окликнула:

— Артур, это ты?

— Да, — послышался усталый голос мистера Уизли. — Но будь на моем месте Пожиратель смерти, он сказал бы то же самое, дорогая. Задай условный вопрос.

— Ах, да что уж там…

— Молли!

— Ладно, ладно… Какая твоя главная мечта?

— Узнать, как у самолетов получается висеть в воздухе и не падать.

Миссис Уизли кивнула и повернула дверную ручку, но мистер Уизли, видимо, придерживал ее с другой стороны — дверь не открылась.

— Молли! Сначала я должен задать тебе вопрос.

— Артур, честное слово, что за глупость…

— Как ты любишь, чтобы я тебя называл наедине?

Даже при слабом свете настольной лампы было видно, что миссис Уизли густо покраснела. Гарри вдруг почувствовал, что у него горят уши, и принялся торопливо хлебать суп, стараясь погромче греметь ложкой.

— Моллипусенька, — чуть не плача от унижения, прошептала миссис Уизли в щелочку.

— Правильно, — сказал мистер Уизли. — Вот теперь можешь меня впустить.

Миссис Уизли открыла дверь. На пороге показался ее муж, худой, лысеющий рыжеволосый волшебник в очках в роговой оправе и длинном запыленном дорожном плаще.

— Все-таки я не понимаю, почему мы обязательно должны повторять всю эту чепуху каждый раз, когда ты возвращаешься домой? — сказала все еще розовая миссис Уизли, помогая мужу снять плащ. — Ведь если бы это какой-нибудь Пожиратель смерти притворился тобой, он вполне мог заранее силой вырвать у тебя пароль!

— Я знаю, дорогая, но процедура одобрена Министерством, и я должен подавать пример. Как вкусно пахнет! Луковый суп? — Мистер Уизли с надеждой обернулся к столу. — Гарри! Мы ждали

тебя только утром!

Они пожали друг другу руки, и мистер Уизли повалился в кресло рядом с Гарри. Миссис Уизли поставила перед ним полную миску супа.

— Спасибо, Молли. Тяжелая ночка выдалась. Какой-то идиот пустил в продажу метаморф-медали. Стоит повесить такую медаль на шею, и сможешь менять свою внешность по желанию. Сто тысяч обличий всего за десять галеонов!

— А на самом деле что происходит, если ее наденешь?

— Чаще всего человек просто приобретает неприятный оранжевый оттенок, но некоторые вдобавок еще и обрастают щупальцами. Как будто в больнице святого Мунго без того мало забот!

— Как раз такую штуку Фред и Джордж могли бы посчитать веселым розыгрышем, — нерешительно сказала миссис Уизли. — Ты уверен…

— Конечно, я уверен! — сказал мистер Уизли. — Мальчики не стали бы ничего подобного устраивать в такое время, когда отчаявшиеся люди ищут защиты!

— Так вот почему ты задержался, из-за этих метаморф-медалей?

— Нет, мы получили сведения об одном скверном случае сглаза с побочным действием в

Элефант-энд-Касле, но, к счастью, пока мы туда добрались, волшебники из Отдела обеспечения магического правопорядка уже справились с ситуацией.

Гарри зевнул, прикрывшись рукой, но миссис Уизли тотчас это заметила.

— В постель! — скомандовала она. — Я приготовила тебе комнату Фреда и Джорджа, располагайся.

— А они где?

— Они теперь в Косом переулке, у них маленькая квартирка над магазином волшебных фокусов и трюков, там и ночуют — так бойко идет торговля, — сказала миссис Уизли. — Хоть я сперва не очень одобряла эту затею с магазином, но, надо признаться, у них есть деловое чутье! Иди, милый, твой чемодан уже наверху.

— Спокойной ночи, мистер Уизли, — попрощался Гарри, вставая. Живоглот мягко спрыгнул у него с колен и, вихляя задом, вышел из комнаты.

— Спокойной ночи, Гарри, — сказал мистер Уизли.

Гарри заметил, что, выходя из кухни, миссис Уизли бросила взгляд на часы в корзине с бельем. Все стрелки снова дружно показывали на смертельную опасность.

Комната Фреда и Джорджа была на третьем этаже. Миссис Уизли махнула волшебной палочкой в сторону ночника на тумбочке у кровати, и он тут же зажегся, заливая комнату приятным мягким золотистым светом. На письменном столе у окошка стояла большая ваза с цветами, но их аромат не мог заглушить застоявшегося запаха, похожего на запах пороха. Значительная часть комнаты была заставлена запечатанными картонными коробками без всяких надписей или этикеток. Рядом с ними приткнулся чемодан Гарри. Видимо, комната временно использовалась как склад.

Букля при виде Гарри радостно заухала с верхушки большого платяного шкафа, затем снялась с места и вылетела в окно. Гарри понял, что она дожидалась его, прежде чем отправиться на охоту. Он пожелал миссис Уизли спокойной ночи, переоделся в пижаму и забрался в одну из двух кроватей. В наволочке прощупывалось что-то жесткое. Гарри по-шарил рукой и вытащил липучую красно-оранжевую конфету, в которой тут же узнал Блевальный батончик. Улыбаясь про себя, он повернулся на бок и мгновенно заснул.

Ему показалось, что прошло всего несколько секунд, как его разбудил звук пушечного выстрела

— это распахнулась дверь комнаты. Гарри рывком сел на постели и услышал, как отдернулись занавески на окнах. Ослепительный солнечный свет ударил ему в глаза. Прикрывшись ладонью, он другой рукой принялся вслепую нашаривать очки.

— В чем дело?

— А мы и не знали, что ты уже здесь! — послышался громкий веселый голос, и кто-то сильно стукнул его по затылку.

— Рон, не бей его! — воскликнул с укором девчачий голос.

Гарри нащупал наконец очки и нацепил их на нос, хотя из-за яркого света все равно толком не мог ничего разобрать. Прямо перед глазами расплывалась, мерцая, чья-то длинная тень; он моргнул, и перед ним сфокусировался Рон Уизли с широкой улыбкой на лице.

— Как жизнь?

— Лучше некуда! — сказал Гарри, потирая затылок, и снова плюхнулся на подушку. — А ты как?

— Ничего себе. — Рон придвинул картонную коробку и уселся на нее. — Ты когда приехал? Мама только сейчас нам сказала!

— В час ночи примерно.

— Как твои маглы? Нормально с тобой обра-

щались?

— Как всегда, — ответил Гарри. Тем временем Гермиона присела на краешек кровати. — Они со мной почти не разговаривают, но мне так даже больше нравится. Ты как, Гермиона?

— Я-то хорошо, — ответила Гермиона, придирчиво разглядывая Гарри, словно больного.

Гарри догадывался, что это означает, и, поскольку ему сейчас совершенно не хотелось говорить о смерти Сириуса или еще о каких-нибудь несчастьях, он сказал:

— Который час? Я пропустил завтрак?

— Не волнуйся, мама принесет тебе еду на подносе. Она считает, что у тебя недокормленный вид, — фыркнул Рон, закатив глаза. — Ну, рассказывай, что происходит?

— Да ничего особенного. Вы же знаете, я все это время просидел у дяди с тетей.

— Ты это брось! — сказал Рон. — Вы где-то были с Дамблдором!

— Ничего такого интересного. Просто Дамблдор хотел, чтобы я помог ему уговорить одного бывшего преподавателя снова выйти на работу. Его зовут Гораций Слизнорт.

— А-а, — разочарованно протянул Рон. — А мы то думали…

Гермиона предостерегающе взглянула на Рона, и он быстро поправился:

— Мы так и думали.

— Да ну? — усмехнулся Гарри.

— Ага. Ну, в смысле, Амбридж теперь ушла, значит, школе нужен новый преподаватель по защите от Темных искусств, правильно? Ну, и какой он из себя?

— Немножко похож на моржа, и еще он раньше был деканом Слизерина, — сказал Гарри. — В чем дело, Гермиона?

Она смотрела на него так, словно ожидала в любой момент появления каких-то непонятных симптомов, но тут же поспешила изобразить не очень правдоподобную улыбку.

— Что ты, ни в чем! М-м, так что, этот Слизнорт, по-твоему, хороший учитель?

— Не знаю, — ответил Гарри. — Вряд ли он может быть хуже Амбридж, как вы думаете?

— Я знаю, кто может быть хуже Амбридж, — послышался голос от двери. Младшая сестра Рона вошла в комнату, ссутулившись, с недовольным видом. — Привет, Гарри.

— Что с тобой? — спросил Рон.

— Всё она, — буркнула Джинни, шлепнувшись на кровать Гарри. — Я от нее скоро совсем спячу.

— Что она еще сделала? — сочувственно спросила Гермиона.

— Да просто не могу слышать, как она со мной разговаривает — как с трехлетней!

— Я тебя понимаю, — сказала Гермиона, понизив голос. — Она только о себе и думает.

Гарри страшно удивился, что Гермиона так говорит о миссис Уизли, и был вполне готов поддержать Рона, когда тот сказал со злостью:

— Слушайте, да оставьте вы ее в покое хоть на пять секунд!

— Да-да, правильно, заступайся за нее, — огрызнулась Джинни. — Всем известно, что ты на нее запал.

Такой комментарий по поводу отношения Рона к собственной матери звучал как-то уж слишком странно. Гарри начал догадываться, что он чего-то недопонимает.

— Вы о ком сейчас…

Но его вопрос получил ответ раньше, чем он успел произнести его до конца. Дверь снова распахнулась, и Гарри машинально рывком натянул одеяло до подбородка, так что Гермиона и Джинни свалились с кровати на пол.

В дверях стояла девушка такой невероятной красоты, что дух захватывало. Высокая, стройная,

гибкая, с длинными белокурыми волосами, она словно светилась чуть заметным серебристым сиянием. И вдобавок это чудное видение держало в руках тяжело нагруженный поднос с завтраком.

— 'Арри, — произнесла она с придыханием, — как давно мы не виделись!

Она поплыла к нему с подносом, и только тогда стало видно, что за нею семенит миссис Уизли и лицо у нее довольно сердитое.

— Совсем не нужно было хвататься за поднос, я как раз собиралась сама его отнести!

— Мне это ничуть не трудно. — Флер Делакур поставила поднос на колени Гарри, наклонилась и расцеловала его в обе щеки. Он почувствовал, как горит лицо в тех местах, где прикасались ее губы. — Я так мечтала снова увидеть его! Ты помнишь мою сест'гичку Габ'гиэль? Она без конца вспоминает 'Арри Поттера. Она будет рада увидеть тебя снова.

— А… она тоже здесь? — просипел Гарри.

— Нет, нет, глупый мальчик! — воскликнула Флер с серебристым смехом. — Я говорю п'го будущее лето, когда мы… но 'азве ты не знал?

Ее огромные голубые глаза еще больше расширились. Она с упреком посмотрела на миссис Уизли. Та ответила только:

— Мы пока не успели ему рассказать.

— Мы с Биллом решили пожениться!

— О, — тупо сказал Гарри. Он не мог не заметить, что миссис Уизли, Гермиона и Джинни подчеркнуто стараются не смотреть друг на друга. — Надо же. Э-э… Поздравляю!

Она склонилась над ним и снова его расцеловала.

— Билл сейчас очень занят, у него много работы, а я работаю в банке «Гринготтс» неполный рабочий день, чтобы совершенствовать мой англесский, поэтому он п'гивьез менья сюда на несколько дней — познакомиться с его родными. Мне было так п'гиятно узнать, что ты п'гиедешь — здесь совсем нечего делать, только кухня и куры! Ну, п'гиятного аппетита, Арри!

С этими словами она сделала изящный пируэт и словно по воздуху выплыла из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь.

Миссис Уизли издала какой-то неразборчивый звук, что-то вроде «Фу!».

— Мама ее ненавидит, — тихо сказала Джинни.

— При чем тут «ненавидит»? — сердитым шепотом возразила миссис Уизли. — Просто я считаю, что они поторопились с помолвкой, вот и все!

— Они уже целый год знакомы, — сказал Рон. Он таращился на закрытую дверь с несколько обалделым видом.

— Год — это не так уж много! Я понимаю, отчего так получилось. Все потому, что Сами-Знаете-Кто вернулся, теперь люди не знают, доживут ли до завтра, вот и принимают поспешные решения, которые при нормальной жизни следовало бы еще десять раз обдумать. Точно так же было, когда он в прошлый раз пришел к власти, молодые люди сплошь и рядом убегали из дому, женились без согласия родителей…

— Например, вы с папой, — ехидно ввернула Джинни.

— Ну, мы с папой были созданы друг для друга, так чего же нам было ждать? — отмахнулась миссис Уизли. — А Билл и Флер… Да что у них на самом деле общего? Билл простой, работящий парень, а она…

— Корова, — кивнула Джинни. — Но вообще-то Билл не такой уж простой. Он же Ликвидатор заклятий, он любит приключения, красивую жизнь… Наверное, поэтому и клюнул на эту Флегму.

Гарри и Гермиона засмеялись, а миссис Уизли строго одернула дочь:

— Перестань так ее называть, Джинни. Ладно, я, пожалуй, пойду. Кушай яишенку, Гарри, пока не остыла.

Она с озабоченным видом вышла из комнаты. Рон все еще был словно оглушенный; он осторожно потряс головой, как собака, вылезающая из воды.

Гарри спросил:

— Разве не привыкаешь, когда постоянно живешь с ней в одном доме?

— Вообще-то привыкаешь, — ответил Рон, — но когда она вдруг выскочит на тебя вот так, неожиданно…

— Жалкое зрелище, — со злостью сказала Гермиона, отодвинувшись от Рона подальше и скрестив руки на груди.

— Ты же не хочешь, чтобы она все время тут торчала? — изумленно спросила его Джинни. Рон только пожал плечами. — Все равно, спорим на что угодно, мама уж постарается все это прекратить.

— А что она может сделать? — спросил Гарри.

— Мама без конца приглашает Тонкс на обед. По-моему, она надеется, что Билл влюбится в Тонкс вместо этой… Я надеюсь, что так и будет. Тонкс гораздо симпатичнее.

— Ага, щас, — сказал Рон с сарказмом. — Слушайте, ни один нормальный парень даже не посмотрит на Тонкс, когда рядом Флер. Ну, то есть Тонкс, конечно, тоже ничего, когда не уродует себе нос и волосы, но…

— Да она в сто раз лучше Флегмы! — выпалила Джинни.

— И умнее, она ведь мракоборец! — поддержала ее Гермиона из угла.

— Флер совсем не глупая, не зря все-таки ее тогда взяли на Турнир Трех Волшебников, — сказал Гарри.

— И ты туда же! — с горечью воскликнула Гермиона.

— Наверное, ему нравится, как Флегма говорит «Арри», да? — презрительно спросила Джинни.

— Нет, — ответил Гарри, жалея, что вообще раскрыл рот. — Я просто говорю, что Флегма… тьфу ты, Флер…

— По-моему, Тонкс гораздо симпатичнее, — упрямо твердила Джинни. — По крайней мере, с ней весело.

— В последнее время она не очень-то веселая, — сказал Рон. — Как ни посмотришь на нее, она больше похожа на Плаксу Миртл.

— Так нечестно! — возмутилась Гермиона. —

Она еще не пришла в себя после того, что произошло… Ну, вы понимаете… Она ведь приходилась ему двоюродной племянницей!

Сердце у Гарри сжалось. Опять они про Сириуса! Он взял вилку и принялся запихивать в рот яичницу, надеясь, что это избавит его от участия в разговоре.

— Они с Сириусом почти и не знали друг друга, — сказал Рон. — Половину ее жизни Сириус просидел в Азкабане, а до этого их семьи совсем не общались…

— Не в этом дело, — сказала Гермиона. — Тонкс уверена, что он погиб по ее вине!

— Это еще почему? — не удержался Гарри.

— Ну, она же сражалась с Беллатрисой Лестрейндж, помните? По-моему, Тонкс думает, что, если бы она прикончила Беллатрису та не смогла бы убить Сириуса.

— Глупость какая, — пробормотал Рон.

— Обычное явление: тот, кто остался в живых, всегда чувствует себя виноватым, — сказала Гермиона. — Я знаю, Люпин пытался ее разговорить, но она все равно горюет. У нее даже начались проблемы с метаморфством!

— Чего, чего?

— Она больше не может изменять свою внеш-

ность, — объяснила Гермиона. — Видимо, ее волшебные способности пострадали от переживаний, что-то в таком духе.

— Я не знал, что так бывает, — сказал Гарри.

— Я тоже не знала, — отозвалась Гермиона. — Наверное, при сильной депрессии…

Дверь снова отворилась, и миссис Уизли просунула голову в комнату.

— Джинни, — шепотом позвала она, — спустись вниз, помоги мне приготовить обед.

— Я разговариваю с ребятами! — вскинулась Джинни.

— Сейчас же! — сказала миссис Уизли и исчезла.

— Она просто не хочет сидеть там наедине с Флегмой, — бросила Джинни сердито.

Она очень похоже передразнила Флер, перебросив за спину свои длинные рыжие волосы, и сделала пируэт, подняв руки над головой, словно балерина.

— Вы давайте тоже поскорее спускайтесь, — сказала она, уходя.

Гарри воспользовался паузой, чтобы доесть завтрак. Гермиона ходила по комнате, заглядывая в коробки Фреда и Джорджа и время от времени искоса посматривая в сторону Гарри. Рон взял с

тарелки Гарри гренок и принялся жевать, мечтательно глядя на дверь.

— Что это такое? — спросила вдруг Гермиона, подняв повыше какой-то предмет, похожий на маленький телескоп.

— Не знаю, — буркнул Рон, — но если это Фреда и Джорджа, то, скорее всего, они его еще не доработали, так что ты поосторожнее.

— Твоя мама сказала, что торговля у них идет хорошо, — заметил Гарри. — Говорит, у Фреда и Джорджа есть деловое чутье.

— Не то слово! — воскликнул Рон. — Они галеоны гребут лопатой! Так хочется увидеть их магазинчик! Мы еще не были в Косом переулке. Мама говорит, без папы нельзя, из-за безопасности, а он все время занят на работе, но, по рассказам, у них там классно.

— А насчет Перси что слышно? — спросил Гарри (третий по старшинству из братьев Уизли рассорился с семьей). — Он так и не общается с твоими родителями?

— Не-а, — ответил Рон.

— Но ведь он же теперь знает, что твой папа с самого начала был прав, раз Волан-де-Морт вернулся…

— Дамблдор говорит, люди легче прощают

чужую неправоту, чем правоту, — сказала Гермиона. — Я слышала, Рон, как он говорил это твоей маме.

— На него похоже, Дамблдор всегда говорит какие-нибудь сумасшедшие штуки, — проворчал Рон.

— Он будет в этом году заниматься со мной индивидуально, — обронил Гарри как бы между прочим.

Рон поперхнулся гренком. Гермиона ахнула.

— И ты молчал! — возмутился Рон.

— Я только сейчас вспомнил, — честно признался Гарри. — Он мне сказал вчера ночью, у вас в сарае, где метлы.

— Ни фига себе! Индивидуальные уроки с Дамблдором! — сказал потрясенный Рон. — Интересно, почему это он…

Рон вдруг умолк. Гарри заметил, как они переглянулись с Гермионой. Гарри положил нож и вилку, сердце у него вдруг заколотилось очень быстро, учитывая, что он сидел в кровати и не совершал никаких усилий. Дамблдор велел рассказать им… Почему бы не теперь? Гарри сказал, сосредоточенно рассматривая вилку, блестевшую в солнечных лучах:

— Я точно не знаю, почему он хочет давать мне

уроки, но, может быть, это из-за пророчества.

Рон и Гермиона молчали. Они словно оцепенели. Гарри продолжал, по-прежнему обращаясь к своей вилке:

— Ну, того самого, которое тогда хотели украсть из Министерства.

— Никто не знает, о чем там шла речь, — быстро проговорила Гермиона. — Оно же разбилось.

— Хотя в «Пророке» пишут… — начал Рон, но Гермиона шикнула на него.

— В «Пророке» правду пишут, — сказал Гарри, с огромным трудом заставив себя поднять глаза и посмотреть на своих друзей. У Гермионы вид был испуганный, а у Рона — изумленный. — В том стеклянном шаре, который разбился, была не единственная запись о пророчестве. Я его услышал все целиком в кабинете у Дамблдора, он сам слышал, как произ-носилось это пророчество, и поэтому мог рассказать мне. Там говорится… — Гарри сделал глубокий вдох, — вроде как я — тот человек, который должен прикончить Волан-де-Морта… Во всяком случае, там сказано, что ни один из нас не сможет жить спокойно, пока жив другой.

Все трое довольно долго смотрели друг на друга и молчали. Внезапно раздался громкий треск, и

Гермиона исчезла в облаке черного дыма.

— Гермиона! — заорали Гарри и Рон. Поднос из-под завтрака с грохотом свалился на пол.

Гермиона вынырнула из клубов дыма, сжимая в руке телескоп и со здоровенным лиловым синяком под глазом.

— Я его сдавила, а он… дал мне в глаз! — задохнулась она.

И правда, на конце телескопа болтался крошечный кулачок на пружине.

— Не переживай, — сказал Рон, с трудом сдерживая смех, — мама тебя мигом приведет в порядок, она здорово умеет исцелять мелкие травмы.

— Да ладно, это все сейчас неважно! — быстро сказала Гермиона. — Гарри, ох, Гарри… — Она снова присела к нему на край кровати. — Мы всё думали, как вернулись из Министерства… Мы не хотели тебе говорить, но из того, что тогда сказал Люциус Малфой, ну, что пророчество касается тебя и Волан-де-Морта, было ясно, что это что-то в таком духе… Ох, Гарри… — Она пристально посмотрела на него и прошептала: — Тебе страшно?

— Сейчас уже не очень, — ответил Гарри. — Когда я в первый раз это услышал, здорово

перетрусил… А сейчас у меня такое чувство, как будто я всегда знал, что рано или поздно должен буду встретиться с ним лицом к лицу.

— Когда мы узнали, что Дамблдор забрал тебя с собой, мы подумали — может быть, он что-то такое тебе расскажет или покажет, связанное с этим пророчеством, — взволнованно сказал Рон. — Выходит, мы угадали? Но если бы он думал, что у тебя нет шансов, вряд ли он захотел бы давать тебе уроки, правда? Не стал бы тратить зря время. Похоже, он считает, что ты можешь победить!

— А ведь верно! — сказала Гермиона. — Интересно, чему он будет тебя учить, Гарри? Наверное, какой-нибудь жутко сложной защитной магии… Мощные контрзаклятия… Противосглаз…

Гарри почти не слушал. По всему телу у него разливалось тепло, и солнечные лучи тут были ни при чем. Тугой комок в груди понемногу растаял. Он знал, что Рон и Гермиона стараются не показывать, насколько они на самом деле потрясены, но главное — они были здесь, рядом, они утешали его, а не шарахались, как от заразного, и этот простой факт так много для него значил, что не высказать словами.

— …и всевозможные маскирующие чары, —

закончила Гермиона. — Ну, по крайней мере ты знаешь хоть один предмет, которым будешь заниматься в будущем учебном году. Нам с Роном даже и это неизвестно. Интересно, когда нам пришлют результаты СОВ?

— Наверное, скоро, уже целый месяц прошел, — сказал Рон.

— Погодите! — Гарри вспомнил кое-что еще из вчерашнего разговора. — По-моему, Дамблдор говорил, что результаты СОВ должны прийти сегодня!

— Сегодня! — взвизгнула Гермиона. — Сегодня?! Да что же ты… Боже мой! Хоть бы сказал! — Она вскочила на ноги. — Пойду посмотрю, может, уже…

Но через десять минут, когда Гарри спустился на кухню, полностью одетый и с пустым подносом в руках, он увидел, что Гермиона в страшном волнении сидит за столом, а миссис Уизли хлопочет вокруг нее, стараясь ликвидировать синяк, делавший ее похожей на половину панды.

— Ну никак не сходит! — пожаловалась миссис Уизли, стоя над Гермионой с волшебной палочкой в одной руке и «Домашним справочником целителя» в другой. Справочник был открыт на странице «Синяки, порезы и ссадины». — Раньше

всегда по-могало. Ничего не понимаю!

— Шуточка в стиле Фреда и Джорджа, они небось нарочно эту гадость заговорили, чтобы синяк не сходил, — сказала Джинни.

— Но он должен сойти! — завопила Гермиона. — Я же не могу вечно ходить в таком виде!

— И не будешь, дорогая, успокойся, мы обязательно найдем какое-нибудь средство, — утешила ее миссис Уизли.

— Билл мне говориль, Фред и Жорж ошьень смешные! — сказала Флер с безоблачной улыбкой.

— О да, я просто задыхаюсь от смеха, — огрызнулась Гермиона. Она вскочила и забегала по кухне, ломая руки. — Миссис Уизли, вы точно уверены, что совы еще не прилетали?

— Да, дорогая, я бы заметила, — терпеливо ответила миссис Уизли. — Еще нет девяти часов, впереди масса времени…

— Знаю, я провалила древние руны, — лихорадочно бормотала Гермиона. — Я определенно сделала серьезную ошибку в переводе. А устный экзамен по защите от Темных искусств вообще сдавала через пень-колоду. Мне тогда казалось, что трансфигурация прошла более-менее нормально, но сейчас…

— Гермиона, заткнись, пожалуйста, не ты одна нервничаешь! — не выдержал Рон. — А когда получишь свои одиннадцать «превосходно»…

— Перестань, перестань, перестань! — замахала руками Гермиона в истерике. — Я знаю: я провалилась по всем предметам!

— А что будет с теми, кто провалится? — спросил Гарри, ни к кому в особенности не обращаясь, но ответила ему опять-таки Гермиона:

— Будем разговаривать с деканом своего факультета. Я спрашивала профессора МакГонагалл в конце прошлого года.

У Гарри засосало под ложечкой. Он пожалел, что так много съел за завтраком.

— У нас в Шармбатон, — свысока заметила Флер, — совсем д'угая система. Я думаю, она лучше. Мы сдаем экзамьены на шестом году обушения, не на пятом, и к'гоме того…

Слова Флер заглушил пронзительный вопль. Гермиона показывала пальцем в окно. На фоне синего неба виднелись три черные точки. Они быстро росли.

— Точно, это совы, — хрипло сказал Рон и вскочил с места, чтобы вместе с Гермионой припасть к окну.

— Три штуки, — сказал Гарри, встав рядом с

Гермионой с другой стороны.

— По одной на каждого, — прошептала она дрожащим голосом. — Ой, не могу… Ой, не могу… Ой, не могу…

Она изо всех сил ухватила Гарри и Рона за локти.

Совы летели прямо к «Норе» — три красивые неясыти, и, когда они пошли на снижение, стало видно, что каждая несет большой квадратный конверт.

— Ой, не могу! — пропищала Гермиона.

Миссис Уизли протиснулась мимо них к окну и отворила раму. Совы одна за другой спланировали в комнату и рядком приземлились на кухонном столе. Все три разом подняли правую лапку.

Гарри шагнул вперед. Послание, адресованное ему, было привязано к лапке средней совы. Он принялся отвязывать письмо неловкими пальцами. Слева от него Рон пытался отцепить конверт со своими результатами. Справа возилась Гермиона; у нее так дрожали руки, что вся сова тряслась.

В кухне стояла мертвая тишина. Наконец Гарри кое-как отвязал конверт, поскорее разорвал его и развернул пергамент, лежавший внутри.

СТАНДАРТЫ ОБУЧЕНИЯ ВОЛШЕБСТВУ
РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКЗАМЕНОВ

Проходные баллы:
превосходно (**П**)
выше ожидаемого (**В**)
удовлетворительно (**У**)

Непроходные баллы:
слабо (**С**)
отвратительно (**О**)
тролль (**Т**)

ГАРРИ ДЖЕЙМС ПОТТЕР ПОЛУЧИЛ СЛЕДУЮЩИЕ ОЦЕНКИ:
Астрономия……..У
Уход за магическими существами…В
Заклинания……..В
Защита от Темных искусств……..П
Прорицания……..С
Травология……..В
История магии……..О
Зелъеварение……В
Трансфигурация……В

Гарри несколько раз перечитал пергамент, и с каждым разом дыхание его постепенно выравнивалось. Все нормально; он всегда знал, что

завалит прорицания, а сдать историю магии у него просто не было возможности, поскольку он потерял сознание в середине экзамена, зато по всем остальным предметам он получил проходные баллы! Гарри провел пальцем по столбику оценок Трансфигурацию и травологию он сдал неплохо, и даже по зельеварению получил «выше ожидаемого»! А главное, ему поставили «превосходно» по защите от Темных искусств!

Он осмотрелся по сторонам. Гермиона сидела к нему спиной, низко опустив голову, зато Рон сиял от восторга.

— Провалился только по прорицаниям и по истории магии, да кому они нужны? — весело сказал он. — Давай показывай свои, махнемся.

Гарри проглядел оценки Рона: ни одной «превосходно» здесь не было.

— Так и знал, что ты будешь отличником по защите от Темных искусств, — сказал Рон, изо всех сил хлопнув Гарри по плечу. — Ну что, мы молодцы?

— Молодцы! — с гордостью воскликнула миссис Уизли и взъерошила Рону волосы. — По семь СОВ сдали, это больше, чем у Фреда и Джорджа вместе взятых!

— Гермиона! — осторожно позвала Джинни,

так как Гермиона по-прежнему не оборачивалась. — У тебя как?

— Н-неплохо, — ответила Гермиона слабым голосом.

— Да ну тебя! — Рон большими шагами подошел к ней и выхватил листок с результатами. — Ого! Десять «превосходно» и одна «выше ожидаемого» — по защите от Темных искусств. — Он посмотрел на нее не то насмешливо, не то с досадой. — Ты что, ни-как расстроилась?

Гермиона покачала головой, а Гарри засмеялся.

— Ну что, теперь идем на ЖАБА! — Рон улыбался до ушей. — Мам, там сосисок не осталось?

Гарри снова посмотрел на свои оценки. На лучшее он не мог и рассчитывать. Только чуть-чуть кольнуло сожаление… С мечтой поступить в мракоборцы было покончено. Он не получил необходимого высокого балла по зельеварению. Заранее знал, что не получит, и все-таки у него засосало под ложечкой, когда он еще раз взглянул на маленькую черную буковку «В».

Даже странно, если вспомнить: человек, который первым сказал Гарри, что из него вышел бы хороший мракоборец, на самом деле был переодетым Пожирателем смерти. Но эта мысль

почему-то захватила Гарри, и теперь он просто не мог придумать, чем еще ему хотелось бы заниматься в жизни. А уж после того, как он услышал пророчество, вообще стало казаться, что это его судьба. «Ни один из них не сможет жить спокойно, пока жив другой…» Наверное, было бы вполне в духе пророчества и к тому же оптимально в смысле шансов на выживание поступить на работу к этим высококвалифицированным волшебникам, чья профессиональная задача состояла в том, чтобы отыскать и убить Волан-де-Морта.

Глава 6

ЗИГЗАГ МАЛФОЯ

Следующие несколько недель Гарри прожил в «Норе», не выходя за пределы сада. Целыми днями играли в квиддич двое на двое (Гарри и Гермиона против Рона и Джинни; Гермиона играла ужасно, а Джинни — хорошо, так что в целом силы уравнивались), а по вечерам Гарри объедался тройными порциями всяческих вкусностей, которые готовила для него миссис Уизли.

Это были бы мирные, счастливые каникулы, если бы в «Ежедневном пророке» не появлялись чуть ли не каждый день сообщения о загадочных несчастных случаях, о пропавших без вести, а то и погибших волшебниках. Иногда Билл и мистер Уизли приносили новости еще раньше, чем они появлялись в газете. К большому огорчению миссис Уизли, шестнадцатый день рождения Гарри был омрачен зловещими рассказами Римуса Люпина, пришедшего на праздник изможденным и посуровевшим, с сединой в каштановых волосах; одежда у него была еще более рваная и заплатанная, чем обычно.

— Было еще два-три случая нападения дементоров, — сообщил он, пока миссис Уизли отрезала для него большой кусок именинного торта. — Игоря Каркарова нашли мертвым в какой-то хибарке далеко на севере. Над ней была оставлена Черная Метка. Честно говоря, меня удивляет, что он еще год прожил после того, как сбежал от Пожирателей смерти; Регулус, брат Сириуса, продержался всего несколько дней, если я правильно помню.

— Да-да, — сказала миссис Уизли, нахмурившись, — может быть, лучше поговорим о чем-нибудь дру…

— Слыхал про Флориана Фортескью, Римус? спросил Билл, которому Флер усердно подливала вина. — Того, что содержал…

— Кафе-мороженое в Косом переулке? — перебил Гарри, чувствуя неприятную пустоту внутри. — Он меня бесплатно угощал мороженым. Что с ним случилось?

— Его уволокли, судя по тому, в каком виде было заведение.

— Почему? — спросил Рон.

Миссис Уизли предостерегающе взглянула на Билла.

— Кто знает? Должно быть, чем-то их разозлил.

Хороший он был человек, Флориан.

— Кстати о Косом переулке, — заметил мистер Уизли. — Похоже, лавка Олливандера тоже того.

— Который делал волшебные палочки? — испуганно спросила Джинни.

— Он самый. Магазин стоит пустой. Никаких следов борьбы. Никто не знает, сам он ушел или его похитили.

— А волшебные палочки? Как же теперь без них?

— Придется обращаться к другим изготовителям, — ответил Люпин. — Но Олливандер был лучшим, и, если он перешел на другую сторону, для нас это не очень хорошо.

Назавтра после этого мрачноватого дня рождения прибыли письма из Хогвартса со списками учебной литературы. Гарри в письме ждал сюрприз: его назначили капитаном команды по квиддичу.

— Теперь у тебя равный статус со старостами! — радостно воскликнула Гермиона. — Ты сможешь пользоваться нашей ванной комнатой и так далее!

— Ого, я помню, у Чарли был такой, — сказал Рон, восхищенно рассматривая капитанский значок — Гарри, это классно, ты теперь мой ка-

питан… Если, конечно, примешь меня снова в команду, ха-ха!

— Что ж, видимо, больше уже нельзя тянуть с походом в Косой переулок, — вздохнула миссис Уизли, просматривая список учебников Рона. — Отправимся в субботу, если только папу опять не вызовут на службу. Без него я с места не сдвинусь.

— Мам, ну ты что, серьезно думаешь, что Сама-Знаешь-Кто прячется за книжными полками у «Флориш и Блоттс»? — захихикал Рон.

— А Фортескью и Олливандер, по-твоему, просто решили взять отпуск? — немедленно вспыхнула миссис Уизли. — Если правила безопасности кажутся тебе смешными, можешь остаться дома, я сама тебе все куплю!

— Нет, я пойду с вами, хочется посмотреть магазин Фреда и Джорджа! — поспешно отозвался Рон.

— В таком случае, придержите язык, молодой человек, пока я не решила, что вы еще не доросли, чтоб идти с нами! — отрезала миссис Уизли, схватила свои любимые часы, на которых все девять стрелок по-прежнему показывали смертельную опасность, и кое-как установила их на стопке только что выстиранных полотенец. — И

между прочим, к возвращению в Хогвартс это тоже относится!

Рон недоверчиво оглянулся на Гарри. Его мама тем временем подхватила в охапку бельевую корзину вместе с угрожающе покачивающимися часами и в гневе вылетела из комнаты.

— Фу-ты, уже и пошутить нельзя…

Но следующие несколько дней Рон был очень осторожен и не позволял себе шуточек по поводу Волан-де-Морта. Настало утро субботы, миссис Уизли больше не накидывалась на своих детей, хотя за завтраком держалась очень напряженно. Билл, который должен был остаться дома с Флер (к большой радости Гермионы и Джинни), протянул Гарри через стол туго набитый мешочек с деньгами.

— А мне? — сразу же потребовал Рон, широко раскрыв глаза.

— Балда, это же его собственные, — усмехнулся Билл. — Я их взял для тебя из сейфа, Гарри, а то сейчас у посетителей часов пять уходит на то, чтобы получить свое золото. Гоблины из соображений безопасности завинтили все гайки. Два дня назад у Арки Филпотта во время проверки на честность зонд застрял в… В общем, поверь мне, так будет намного проще.

— Спасибо, Билл, — сказал Гарри, пряча золото в карман.

— Он всьегда такой заботливый, — восхищенно промурлыкала Флер, поглаживая Билла по носу.

Джинни за спиной у Флер сделала вид, будто ее стошнило прямо в тарелку с кашей. Гарри поперхнулся кукурузными хлопьями, и Рону пришлось похлопать его по спине.

День выдался пасмурный. Когда они вышли из дома, натягивая плащи, во дворе их дожидалась спецмашина из Министерства. — Гарри однажды уже ездил на такой.

— Здорово, что папе снова их дают, — одобрил Рон, удобно развалившись на сиденье.

Машина мягко тронулась с места и покатила прочь от «Норы». Билл и Флер махали вслед из кухонного окна. Рон, Гарри, Гермиона и Джинни с комфортом разместились на широком заднем сиденье.

— Ты там не особо привыкай, это только из-за Гарри, — предупредил мистер Уизли через плечо.

Они с миссис Уизли сидели впереди, рядом с министерским шофером; переднее сиденье услужливо растянулось, превратившись в некое подобие двухместного диванчика. — Его теперь

охраняют по высшему разряду. И в «Дырявом котле» нас тоже встретит усиленная охрана.

Гарри промолчал; его совсем не привлекала перспектива ходить по магазинам в сопровождении батальона мракоборцев. Мантия-невидимка припрятана у него в сумке, и если этого достаточно для Дамблдора, должно быть достаточно и для Министерства, хотя, если подумать, вряд ли в Министерстве знают о его мантии.

— Приехали, — на удивление скоро объявил шофер, раскрыв рот в первый раз за время поездки, и остановил машину на Чаринг-Кросс-роуд, у входа в «Дырявый котел». — Я вас тут подожду Когда примерно вернетесь?

— Часа через два, я думаю, — сказал мистер Уизли. — А, прекрасно, он уже здесь!

Гарри вслед за мистером Уизли выглянул в окно, и сердце у него радостно забилось. Возле кабачка его не поджидал отряд мракоборцев, зато там виднелась громадная бородатая фигура Рубеуса Хагрида, хогвартского лесничего, в длинной бобровой шубе, расплывшегося в улыбке при виде Гарри и совершенно не замечающего изумленных взглядов проходящих мимо маглов.

— Гарри! — прогудел он и сгреб Гарри в сокрушительные объятия, едва тот вылез из

машины. — Клювокрыл… то есть я хотел сказать Махаон… Видел бы ты его, Гарри, он так радуется, что снова может полетать на свободе…

— Я рад, что ему хорошо, — ответил Гарри, улыбаясь до ушей и потирая ребра. — Мы и не знали, что «охрана» — это ты!

— Точно, совсем как в старые добрые времена, а? Понимаешь, министерские хотели прислать толпу мракоборцев, но Дамблдор сказал, что меня одного хватит, — гордо сообщил Хагрид, выпятив грудь и зацепив большими пальцами за карманы. — Ну, пошли, что ли. Молли, Артур — после вас!

Впервые на памяти Гарри в «Дырявом котле» было пусто. Только Том, морщинистый и беззубый хозяин кабачка, оставался на своем посту. Он с надеждой поднял взгляд, когда они вошли, но не успел сказать и слова, как Хагрид с важным видом произнес:

— Нам только пройти, Том, ты же понимаешь — хогвартское дело.

Том уныло кивнул и снова стал протирать стаканы. Гарри, Гермиона и четверо Уизли прошли через черный ход в холодный тесный дворик, где стояли мусорные баки. Хагрид поднял свой розовый зонтик и постучал по строго определенному

кирпичу в стене. Тут же перед ними открылся проем в виде арки, за которой виднелась извилистая, мощенная булыжником улочка. Пройдя сквозь арку, все остановились и осмотрелись.

Косой переулок изменился. Пестрые сверкающие витрины с выставленными в них книгами заклинаний, котлами и ингредиентами для волшебных зелий были наглухо заклеены плакатами Министерства магии. На большей части этих мрачных темно-фиолетовых плакатов были размещены движущиеся черно-белые фотографии известных Пожирателей смерти, скрывающихся от поимки. С витрины ближайшей аптеки кривила губы в презрительной усмешке Беллатриса Лестрейндж. Несколько окон были заколочены досками, в том числе витрина кафе-мороженого Флориана Фортескью. Зато по всей улице, как грибы после дождя, высыпали обшарпанного вида лотки и палатки. У ближайшего лотка возле входа в книжный магазин «Флориш и Блоттс» к полосатому тенту был приколот кусок картона с надписью:

Высокоэффективные амулеты против оборотней, дементоров и инферналов.

Тощенький волшебник бренчал связками

серебряных подвесок на цепочках, зазывая прохожих.

— Не желаете амулетик для девочки, сударыня? — окликнул он проходившую мимо миссис Уизли и масляно улыбнулся Джинни. — Защитить ее прелестную шейку!

— Был бы я сейчас на дежурстве… — проворчал мистер Уизли, сердито глядя на продавца амулетов.

— Да, милый, только не надо сейчас никого арестовывать, мы очень спешим, — сказала миссис Уизли, озабоченно просматривая список. — Наверное, для начала следует зайти к мадам Малкин, Гермионе нужна новая парадная мантия, а Рону школьная форма едва достает до щиколоток, и тебе, Гарри, тоже, верно, понадобится новая школьная мантия, ты так вырос… Идемте, все!

— Молли, какой смысл всем тащиться к мадам Малкин? — возразил мистер Уизли. — Пусть они трое идут с Хагридом, а мы пока пойдем во «Флориш и Блоттс», купим на всех учебники.

— Ну, не знаю, — нерешительно ответила миссис Уизли. Ей явно хотелось побыстрее закончить покупки, но не хватало духу выпустить из-под надзора часть своего стада. — Хагрид, как ты

думаешь?

— Не переживай, Молли, со мной не пропадут! — успокоил ее Хагрид, беззаботно махнув ручищей размером с крышку от мусорного бака. Миссис Уизли смотрела с сомнением, но все-таки согласилась разделить силы; сама она вместе с мужем и Джинни поспешила в книжный магазин «Флориш и Блоттс», а Гарри, Рон, Гермиона и Хагрид отправились к мадам Малкин.

Гарри заметил, что у многих прохожих был такой же затравленный, встревоженный вид, как и у миссис Уизли. Люди больше не останавливались поболтать друг с другом, держались тесными группами, торопливо делали покупки, не отвлекаясь от своей задачи, и явно старались не ходить по одному.

— Наверное, все вместе мы туда не влезем, — сказал Хагрид, остановившись у входа в заведение мадам Малкин и нагибаясь, чтобы заглянуть в окно. — Я лучше посторожу снаружи, идет?

Так что Гарри, Рон и Гермиона вошли в лавку втроем. На первый взгляд помещение казалось пустым, но не успела дверь за ними закрыться, как из-за стойки с парадными мантиями в синих и зеленых блестках донесся знакомый голос:

— Уже не ребенок, если ты случайно не заме-

тила, мама. Я прекрасно могу сам купить все, что мне нужно.

кто-то прищелкнул языком, и Гарри узнал голос мадам Малкин:

— Ну что ты, милый, твоя мама совершенно права, сейчас никому не стоит ходить в одиночку, и дело тут вовсе не в возрасте…

— Куда булавками тычете! Поосторожней, пожалуйста!

Из-за стойки показался мальчик-подросток с бледным лицом, заостренным подбородком и светлыми, почти белыми волосами, одетый в красивую темно-зеленую мантию, у которой подол и рукава были подколоты булавками. Он подошел к зеркалу и стал себя рассматривать; прошло с полминуты, пока он заметил отражение Гарри, Рона и Гермионы у себя за плечом. Его светло-серые глаза сощурились.

— Если тебя удивляет, мама, что это за вонь, так сюда только что вошла грязнокровка, — произнес Драко Малфой.

— Ну-ка, что за выражения у меня в магазине? — воскликнула мадам Малкин, выбегая из-за вешалки с сантиметром и волшебной палочкой в руках. — И попрошу не размахивать здесь волшебными палочками! — прибавила

она, взглянув в сторону двери, так как Гарри и Рон уже выхватили свои палочки и нацелили их на Малфоя.

Гермиона, стоявшая чуть позади, зашептала:

— Не надо, не связывайтесь, честное слово, не стоит он того…

— Ага, как будто вы посмеете колдовать, когда не в школе, — издевался Малфой. — Кто это тебе глаз подбил, Грейнджер? Я хочу послать ему цветы!

— Довольно! — резко одернула его мадам Малкин, оглядываясь в поисках поддержки. — Мадам… прошу вас…

Из-за вешалки неспешной походкой вышла Нарцисса Малфой.

— Уберите это немедленно! — холодно приказала она Гарри и Рону. — Если вы еще раз нападете на моего сына, я добьюсь, чтобы этот поступок стал последним в вашей жизни.

— Да ну? — сказал Гарри, отступая на шаг и глядя прямо в ухоженное надменное лицо, несмотря на бледность так похожее на лицо ее сестры. Гарри был теперь с ней одного роста. — А что вы сделаете — натравите на нас своих дружков, Пожирателей смерти?

Мадам Малкин взвизгнула и схватилась за

сердце:

— Как можно говорить такие вещи… рискованные обвинения… Да уберите, пожалуйста, волшебные палочки!

Но Гарри не опустил палочку. Нарцисса Малфой гадко улыбнулась:

— Я вижу, будучи любимчиком Дамблдора, ты воображаешь, что тебе все нипочем, Гарри Поттер. Но Дамблдор не всегда будет рядом, чтобы защитить тебя.

Гарри с насмешкой огляделся по сторонам.

— Ой, смотрите, его здесь нет! Чего же вы ждете, пользуйтесь случаем! Может, для вас подберут двухместную камеру в Азкабане, будете сидеть вместе со своим бездарным мужем!

Малфой сделал движение, как будто хотел кинуться на Гарри, но споткнулся, наступив на подол слишком длинной мантии. Рон громко захохотал.

— Не смей так разговаривать с моей мамой, Поттер! — прорычал Малфой.

— Ничего страшного, Драко. — Нарцисса удержала сына, положив ему на плечо руку с тонкими белыми пальцами. — Я думаю, Поттер встретится со своим обожаемым Сириусом раньше, чем я с Люциусом.

Гарри отвел назад волшебную палочку.

— Гарри, не надо! — взмолилась Гермиона, повиснув у него на руке. — Опомнись… тебе нельзя… у тебя будут такие неприятности…

Мадам Малкин, потоптавшись на месте, решила сделать вид, будто ничего не происходит — видимо, надеясь, что тогда ничего и не произойдет. Она наклонилась к Малфою, все еще злобно сверкавшему глазами в сторону Гарри.

— По-моему, левый рукав нужно еще немножечко укоротить, милый, дай-ка я сейчас…

— Ай! — заорал Малфой и вырвал руку. — Смотри, куда булавки втыкаешь, женщина! Мама, я, пожалуй, не возьму эти тряпки…

Он стащил мантию через голову и швырнул на пол к ногам мадам Малкин.

— Ты прав, Драко, — сказала Нарцисса, презрительно взглянув на Гермиону. — Когда я вижу, какое отребье здесь обслуживают… Пойдем лучше к «Твил-фитту и Таттингу».

С этими словами парочка гордо покинула магазин. Малфой по дороге к выходу постарался как можно сильнее задеть Рона плечом.

— Ну и ну! — воскликнула мадам Малкин, подняв с пола мантию и проводя над нею волшебной палочкой на манер пылесоса, чтобы счистить

пыль.

Она что-то расстроено бормотала все время, пока примеряла новые мантии Рону и Гарри, чуть было не продала Гермионе мужскую парадную мантию вместо женской и в конце концов выпроводила их из магазина с поклонами, явно радуясь, что наконец избавилась от сомнительных посетителей.

— Все купили? — бодро спросил Хагрид, когда они снова оказались рядом с ним.

— Вроде все, — ответил Гарри. — Ты видел Малфоев?

— Видел, — равнодушно ответил Хагрид. — Да ты не беспокойся, Гарри, не станут же они затевать безобразия на виду у всего Косого переулка.

Гарри, Рон и Гермиона переглянулись, но не успели они развеять иллюзии Хагрида, как появились мистер и миссис Уизли, а с ними Джинни, все с тяжелыми пачками книг в руках.

— Все в порядке? — спросила миссис Уизли. — Купили мантии? Очень хорошо, по дороге к Фреду и Джорджу можно будет еще заглянуть в аптеку и к Илопсу… Не отходите в сторону, держитесь поближе друг к другу.

Гарри и Рон не стали покупать никаких ингредиентов в аптеке, поскольку им больше не

полагалось изучать зельеварение, зато оба купили по большой коробке совиного корма для Букли и Сычика в Совариуме Илопса. Затем двинулись дальше в поисках магазина «Всевозможные волшебные вредилки», принадлежавшего Фреду и Джорджу причем миссис Уизли каждые две минуты поглядывала на часы.

— Времени у нас не так уж много, — говорила миссис Уизли. — Только заглянем, и сразу к машине. Должно быть, уже почти пришли. Дом девяносто два… девяносто четыре…

— Вот это да! — воскликнул Рон, остановившись как вкопанный.

Среди тусклых, залепленных министерскими плакатами витрин соседних магазинов лавочка Фреда и Джорджа била по глазам, словно фейерверк. Случайные прохожие долго еще оглядывались на их витрину, а кое-кто даже останавливался, словно зачарованный, не в силах отвести от нее глаз. Витрина слева от входа сверкала невероятным разнообразием товаров, которые подскакивали, вертелись, светились, прыгали и пищали. Даже больно было смотреть на эту пестроту. Витрину справа целиком закрывал гигантский плакат, темно-фиолетовый, как и плакаты от Министерства, но на нем пылали

гигантские ярко-желтые буквы:

Почему так всех волнует Тот-Кого-Нельзя-Называть?

Лучше пусть народ волнует Тот-Кто-Умеет-В-Кишках-Застревать!

Он хитер, он шустер! От него с давних пор

У всей страны запор!

Гарри засмеялся. Рядом с ним послышался приглушенный стон. Он оглянулся и увидел, что миссис Уизли, онемев, не сводит глаз с плаката. Губы у нее шевелились, беззвучно повторяя: «Он хитер, он шустер».

— Их же убьют в собственных постелях! — прошептала она.

— Не убьют! — заверил Рон, хохоча, как и Гарри. — Вот это блеск!

Они с Гарри первыми вошли в магазин, который был битком набит покупателями. Гарри не сразу смог пробиться к полкам. Он стал озираться по сторонам, рассматривать ящики и коробки, наваленные до потолка. Среди них были и Забастовочные завтраки, разработанные близнецами в их последний, так и не законченный учебный год в Хогвартсе. Гарри заметил, что самым боль-

шим спросом пользовались Кровопролитные конфеты — на полке осталась только одна помятая коробка. Стояли целые контейнеры шуточных волшебных палочек — самые дешевые при взмахе просто превращались в резиновых цыплят или в пару боксерских трусов, а самые дорогие модели колотили незадачливого пользователя по голове и по загривку. Лежали в коробках усовершенствованные перья для письма: самозаправляющиеся перья, перья с автоответчиком и перья со встроенной проверкой орфографии. В толпе наметился просвет, и Гарри протолкался к прилавку, где несколько восхищенных десятилеток разглядывали крошечного деревянного человечка, который мед-ленно поднимался по ступенькам к маленькой, но совсем как настоящей виселице. Все это было установлено на коробке с надписью: «Висельник многоразового использования. Если ты пишешь с ошибками, он закачается в петле!»

— «Патентованные чары — грезы наяву»…

Гермиона протиснулась к застекленному шкафчику у самого прилавка и принялась зачитывать вслух инструкцию на обратной стороне коробки, крышка которой была украшена цветным изображением молодого красавца и девушки,

приготовившейся лишиться чувств; оба персонажа находились на палубе пиратского корабля.

— «Одно простое заклинание, и вы погружаетесь в высококачественную, сверхреалистическую грезу наяву продолжительностью тридцать минут, что позволяет удобно уместить ее в стандартный школьный урок практически незаметно для сторонних наблюдателей (возможные побочные эффеты — отсутствующее выражение лица и незначительное слюнотечение). Не продается лицам до шестнадцати». Знаешь что, — сказала Гермиона, оглянувшись на Гарри, — на самом деле это потрясающий уровень магии!

— Ну, Гермиона, за это можешь получить один набор бесплатно, — раздался голос у них за спиной.

Перед ними, сияя улыбкой, появился Фред, одетый в пурпурную мантию, чудовищно сочетавшуюся с ярко-рыжими волосами.

— Как жизнь, Гарри? — Они пожали друг другу руки. — А что это у тебя с глазом, Гермиона?

— Ваш драчливый телескоп, — ответила она печально.

— Тьфу ты, я и забыл про них, — сказал Фред. — Вот, держи.

Он вытащил из кармана тюбик и протянул ей.

Гермиона осторожно отвинтила крышечку и выдавила чуть-чуть жирной желтой пасты.

— Намажь, и все, через час синяк сойдет, — сказал Фред. — Нам пришлось отыскать приличное средство от синяков, мы ведь почти всю продукцию испытываем на себе.

Гермиона явно нервничала.

— Она точно безопасная?

— Конечно, — успокоил ее Фред. — Пошли, Гарри, устроим тебе экскурсию.

Гарри оставил Гермиону смазывать синяк и пошел за Фредом в глубь магазина. Там он увидел стеллаж, где были выставлены карточные фокусы и фокусы с веревочкой.

— Это у маглов вместо волшебства! — весело пояснил Фред, указывая на фокусы. — Для чудиков вроде нашего папы, которые с ума сходят по разным магловским штучкам. Доходу от них немного, но спрос довольно устойчивый, удачная новинка… А вот и Джордж.

Второй близнец с жаром пожал руку Гарри.

— Осматриваешь достопримечательности? Пошли в другой зал, Гарри, там мы делаем действительно большие деньги. Эй, ты, еще что-нибудь сунешь в карман, заплатишь не только галеонами! — грозно прибавил он, обращаясь

к маленькому мальчику, который поспешно выдернул руку из контейнера с надписью: «Съедобные Черные Метки — всякого стошнит!»

Джордж отвел в сторону занавеску рядом с магловскими фокусами, и перед Гарри открылась другая комната, потемнее и попросторнее. Упаковки товаров на полках здесь были более сдержанных тонов.

— Мы только недавно начали выпускать более серьезные товары, — сообщил Фред. — Забавно это получилось…

— Ты не поверишь, как много народу, даже среди министерских работников, не умеют выполнить приличные Щитовые чары, — сказал Джордж — Они, правда, у тебя не учились, Гарри!

— Это точно… Ну вот, мы решили, что будет весело пустить в продажу Шляпы-щиты. Ну, типа, подначишь своего приятеля навести на тебя порчу, когда на тебе такая шляпа, и любуйся, какая у него будет физиономия после того, как его заклятие от тебя отскочит. И вдруг — хоп! Министерство заказывает пятьсот штук наших шляп для своих сотрудников! И до сих пор мы получаем массовые заказы.

— Так мы теперь расширяем ассортимент. Вы-

пускаем Плащи-щиты, Перчатки-щиты… — Ясное дело, от непростительных заклятий они не шибко помогут, но от мелких и средних заклинаний, разной там порчи и сглаза…

— А потом мы решили вообще углубиться в область защиты от Темных искусств, это же просто денежная жила! — азартно подхватил Джордж. — Классная штука! Вот, посмотри, Порошок мгновенной тьмы, импортируем из Перу. Очень удобно, если нужно срочно от кого-нибудь удрать.

— А наши Отвлекающие обманки прямо-таки улетают с полок, гляди. — Фред показал на ряды причудливых черных предметов, напоминающих по форме автомобильный клаксон. Они и в самом деле толкались, пытаясь спрыгнуть с полки и спрятаться. — Незаметно бросаешь на землю такую штуковину, она отбегает в сторонку и там издает громкие звуки — отличное отвлекающее средство в случае чего.

— Удобно, — восхитился Гарри.

— Держи, — сказал Джордж, поймав парочку обманок, и бросил их Гарри.

За занавеску заглянула молодая волшебница с коротко остриженными белокурыми волосами, она тоже была одета в форменную пурпурную

мантию.

— Там покупатель ищет шуточный котел, мистер Уизли и мистер Уизли, — сообщила волшебница.

Гарри было очень непривычно слышать, как Фреда и Джорджа называют «мистерами Уизли», но они реагировали, будто так и надо.

— Спасибо, Верити, иду, — быстро отозвался Джордж. — Гарри, ты себе выбирай что захочешь, ладно? За счет заведения.

— Я так не могу! — начал было возражать Гарри. Он уже вытащил мешочек с деньгами, чтобы расплатиться за Отвлекающие обманки.

— В этом магазине с тебя денег не возьмут, — твердо заявил Фред, отводя руку Гарри с золотом.

— Но…

— Ты дал нам начальный капитал, и мы это помним, — строго сказал Джордж. — Бери что хочешь, только не забывай рекламировать нашу лавочку, если кто спросит, откуда это у тебя.

Джордж ушел за занавеску обслуживать покупателей, а Фред повел Гарри в основной зал, где Гермиона и Джинни все еще разглядывали коробки с Патентованными грезами.

— Девчонки, вы еще не видали нашу спецпродукцию «Чудо-ведьма»? — осведомился

Фред. — Прошу за мной, дамы…

У окна они увидели целую выставку ядовито-розовых флакончиков, вокруг которых, возбужденно хихикая, собралась стайка девочек. Гермиона и Джинни опасливо попятились.

— Прошу, прошу! — гордо произнес Фред. — Только у нас — лучший выбор любовных напитков!

Джинни скептически изогнула бровь:

— А они действуют?

— Само собой! Продолжительность до двадцати четырех часов, срок действия зависит от веса мальчика…

— И степени привлекательности девочки, — закончил Джордж, неожиданно появляясь рядом с ними. — Но своей сестре мы их продавать не будем, — прибавил он, внезапно посуровев. — У нее, говорят, и без того штук пять поклонников.

— Не слушай Рона, он все врет, — хладнокровно ответила Джинни и, наклонившись над прилавком, сняла с полки маленькую розовую баночку.

А это что?

— Гарантированный десятисекундный прыщевыводитель, — сказал Фред. — Отлично действует также на волдыри и угри, но ты не отвлекайся от темы. Правда или нет, что ты сейчас встречаешь-

ся с парнем по имени Дин Томас?

— Да, встречаюсь. И когда мы с ним виделись в прошлый раз, он определенно был один, а не пятеро. Ой, а это кто такие?

Джинни показала на клетку, по дну которой с тоненьким писком перекатывались розовые и лиловые пушистые шарики.

— Карликовые пушистики, — ответил Джордж. — Это просто миниатюрные клубочки пуха, у нас их с руками отрывают, прямо не успеваем разводить. А что у тебя с Майклом Корнером?

— Я его бросила, он был жуткий зануда. — Джинни просунула палец между прутьями клетки, и карликовые пушистики мигом столпились вокруг него. — До чего же миленькие!

— Да, они лапочки, — снисходительно согласился Фред. — Но не слишком ли ты торопишься, меняешь парней, как перчатки?

Джинни повернулась к брату, уперев руки в бока. Ее грозное выражение вдруг так напомнило миссис Уизли, что Гарри даже удивился, как это Фред не струсил.

— Тебя это не касается! А ты, будь добр, — сердито прибавила она, обращаясь к Рону, который только что возник за плечом Джорджа, нагру-

женный покупками, — не рассказывай братцам сказки обо мне!

Фред пересчитал коробки у Рона в руках.

— Три галеона, девять сиклей и один кнат. Давай раскошеливайся!

— Я же твой брат!

— А это наши товары. Три галеона, девять сиклей. Кнат, так и быть, скостим.

— Но у меня нет трех галеонов девяти сиклей!

— Тогда клади все обратно и смотри разложи по местам, где что было!

Рон уронил несколько коробок, выругался и сделал неприличный жест в адрес Фреда, но, к несчастью, его заметила подошедшая как раз в этот момент миссис Уизли.

— Еще раз увижу такое, заколдую тебе руку, чтобы вообще не мог разжать кулак, — резко прикрикнула она.

— Мам, можно мне взять карликового пушистика? — подскочила к ней Джинни.

— Кого-кого? — настороженно переспросила миссис Уизли.

— Посмотри, какие хорошенькие…

Миссис Уизли пошла смотреть карликовых пушистиков, и перед Гарри, Роном и Гермионой на мгновение открылся ничем не заслоненный

вид из окна. По улице шагал Драко Малфой — один, без матери. Проходя мимо «Всевозможных волшебных вредилок», он оглянулся через плечо. В следующую секунду он дошел до края окна и скрылся из виду.

— Интересно, куда подевалась его мамочка? — протянул Гарри, нахмурившись.

— Похоже, он от нее удрал, — сказал Рон.

— С чего бы это? — удивилась Гермиона.

Гарри промолчал, он напряженно думал. Нарцисса Малфой так просто не выпустила бы драгоценного сыночка из поля зрения. Малфою нужно было очень постараться, чтобы ускользнуть из ее когтей. У Гарри, который хорошо знал Малфоя и терпеть его не мог, не было ни малейшего сомнения, что все это неспроста.

Он огляделся по сторонам. Миссис Уизли и Джинни склонились над карликовыми пушистиками. Мистер Уизли с восторгом рассматривал колоду крапленых магловских игральных карт. Фред и Джордж были заняты с покупателями. По ту сторону стекла Хагрид стоял к ним спиной, озирая улицу.

— Давайте сюда, быстро! — скомандовал Гарри, вытаскивая из сумки мантию-невидимку.

— Ох, ну я не знаю, Гарри… — Гермиона неуве-

ренно оглянулась на миссис Уизли.

— Давай! — сказал Рон.

Поколебавшись еще секунду, Гермиона нырнула под мантию к Гарри и Рону. Никто не заметил, как они исчезли, все были слишком увлечены изделиями Фреда и Джорджа. Гарри, Рон и Гермиона поскорее протиснулись к выходу, но, когда они выскочили на улицу, Малфоя уже не было видно, словно у него тоже была мантия-невидимка.

— Он шел в ту сторону, — как можно тише прошептал Гарри, чтобы не услышал Хагрид, что-то напевающий себе под нос. — За ним!

Они припустили по улице, глядя то направо, то налево, заглядывая в окна и двери магазинов, пока Гермиона не показала вперед:

— Вон он, кажется! Поворачивает за угол!

— Как же, как же, — прошептал Рон.

Малфой, оглядевшись по сторонам, юркнул в Лютный переулок.

— Скорее, а то уйдет, — прошипел Гарри, ускоряя шаг.

— У нас ноги видно! — встревожилась Гермиона.

Мантия хлопала у них вокруг щиколоток, прятаться под ней втроем в последнее время стало намного труднее.

— Плевать, — нетерпеливо отмахнулся Гарри. — Скорей!

Но Лютный переулок, отведенный под магазины Темных искусств, казался совершенно пустым. Друзья заглядывали во все окна, но в лавках не было видно покупателей. Гарри подумал, что в эти опасные и подозрительные времена никому не хочется выдавать себя, покупая предметы, связанные с Темными искусствами, — во всяком случае прилюдно.

Гермиона больно ущипнула его за руку.

— Ай!

— Ш-ш! Смотри! Вот куда он зашел! — шепнула она на ухо Гарри.

Они поравнялись с единственным из здешних магазинчиков, где Гарри однажды побывал. Это была лавка «Горбин и Бэрк», предлагавшая широкий ассортимент весьма зловещих предметов. Там, среди витрин с черепами и старинными бутылями, спиной к окну стоял Драко Малфой. Его наполовину заслонял тот самый здоровенный черный шкаф, в котором когда-то Гарри прятался от Малфоя с его папочкой. Малфой оживленно размахивал руками — видимо, что-то с увлечением говорил. Напротив Малфоя стоял владелец лавки, мистер Горбин, сутулый человечек с

маслянистыми волосами. У него было странное выражение лица — недовольное и в то же время испуганное.

— Вот бы услышать, о чем они говорят! — сказала Гермиона.

— Это можно! — взволнованно зашептал Рон. — Погодите-ка… Фу, черт!

Он выронил еще несколько коробок, которые так и остались у него в руках, и кое-как открыл самую большую.

— Смотрите — Удлинители ушей!

— Фантастика! — сказала Гермиона, глядя, как Рон разматывает длинные шнуры телесного цвета и подсовывает их под дверь. — Ой, хоть бы на дверь не было наложено Заклятие недосягаемости…

— Нет, там чисто! — радостно сообщил Рон. — Слушайте!

Все трое склонились над концами шнуров, из которых отчетливо раздался голос Малфоя, как будто включили радио.

— Вы знаете, как починить эту вещь?

— Возможно, — сказал Горбин. По его голосу ясно чувствовалось, что он не хочет брать на себя никаких обязательств. — Но для этого мне нужно ее осмотреть. Почему бы вам не доставить ее

сюда, в магазин?

— Не могу, — ответил Малфой. — Вещь должна оставаться на месте. Вы мне только скажите, что надо делать.

Гарри увидел, как Горбин нервно облизал губы.

— Заочно я могу сказать одно: работа эта трудная, может быть даже невыполнимая. Я ничего не могу гарантировать.

— Не можете? — переспросил Малфой, и Гарри, не глядя, по одному его тону понял, что он презрительно кривит губы. — Может быть, вот это придаст вам уверенности.

Он шагнул к Горбину и совсем скрылся за шкафом. Гарри, Рон и Гермиона переступили вбок, чтобы не терять его из виду но смогли разглядеть только Горбина. Вид у него был насмерть перепуганный.

— Скажешь хоть кому-нибудь, — произнес Малфой, — будешь жестоко наказан. Знаешь Фенрира Сивого? Он старый друг нашей семьи, будет заходить к тебе время от времени, проверять, занимаешься ли ты этой проблемой.

— Нет никакой необходимости…

— Это мне решать! — отрезал Малфой. — Ну, я пошел. И не забудь, береги вот это, мне потом

понадобится.

— Может быть, вы хотели бы забрать прямо сейчас?

— Нет, конечно, дурак, как я эту штуку потащу? Держи у себя, только не продавай никому.

— Ни в коем случае… сэр.

Горбин поклонился так же низко, как когда-то на глазах Гарри кланялся Люциусу Малфою.

— Никому ни слова, Горбин, в том числе и моей матери, ясно?

— Разумеется, разумеется, — забормотал Горбин, снова кланяясь.

Громко звякнул дверной колокольчик, и Малфой вышел из лавки, очень довольный собой. Он прошел так близко от Гарри, Рона и Гермионы, что мантия затрепетала, хлопая их по коленям. В магазинчике Горбин словно застыл на месте, его льстивая улыбка испарилась, вид у него был встревоженный.

— И что все это значило? — шепотом спросил Рон, сматывая Удлинители ушей.

— Не знаю, — ответил Гарри, напряженно размышляя. — Он хочет что-то починить… И что-то еще просил для него придержать… Вы не видели, на что он показывал, когда сказал «вот это»?

— Нет, он был за шкафом…

— Стойте здесь, мальчики, — прошептала Гермиона.

— А ты куда?

Но Гермиона уже выскользнула из-под мантии. Она погляделась в стеклянную витрину, поправила волосы и вошла в лавку. Снова звякнул колокольчик. Рон торопливо подсунул под дверь Удлинители ушей, один шнур протянул Гарри.

— Здравствуйте, ужасная погода сегодня, правда? — весело сказала Гермиона хозяину.

Горбин не ответил, только подозрительно покосился на нее. Жизнерадостно напевая, Гермиона прошлась перед выставленными в витринах предметами.

— Это ожерелье продается? — спросила она, остановившись у застекленного прилавка.

— Если у вас найдется полторы тысячи галеонов, — холодно ответил Горбин.

— Ой, нет… Это для меня дороговато. — Гермиона пошла дальше. — А этот… м-м… очаровательный череп?

— Шестнадцать галеонов.

— Значит, он продается? Вы его не… держите для кого-нибудь?

Горбин прищурился, внимательно глядя на нее. У Гарри появилось крайне неприятное ощуще-

ние, что владелец лавки отлично понимает, чего добивается Гермиона. По-видимому, Гермиона тоже поняла, что прокололась. Она вдруг решила пойти напролом.

— Видите ли, м-м… тот мальчик, который только что здесь был, Драко Малфой, он мой друг, я хотела купить ему подарок ко дню рождения, но если он уже что-то здесь заказал, я, конечно, не хочу подарить ему такую же вещь… ну, и вот…

По мнению Гарри, история была не ахти, и Горбин, видимо, думал так же.

— Прочь! — свирепо произнес он. — Вон отсюда!

Гермиона не стала дожидаться повторного приглашения и выскочила за дверь. Горбин шел за ней по пятам. Когда колокольчик прозвенел в очередной раз, Горбин захлопнул за Гермионой дверь и повесил на нее табличку «Закрыто».

— Что делать… — Рон набросил на Гермиону мантию-невидимку. — Попробовать стоило, но ты уж очень неприкрыто…

— Прекрасно, в следующий раз ты мне покажешь, как это делается, мастер маскировки! — огрызнулась она.

Рон и Гермиона препирались всю обратную дорогу к «Всевозможным волшебным вредилкам».

Там им пришлось умолкнуть, чтобы незаметно пробраться мимо встревоженных миссис Уизли и Хагрида — их отсутствие явно заметили. Оказавшись в магазине, Гарри сорвал с себя и друзей мантию-невидимку, затолкал ее в сумку, и все трое принялись уверять миссис Уизли, набросившуюся на них с упреками, будто они все это время пробыли в задней комнате — она, наверное, просто плохо искала.

Глава 7

КЛУБ СЛИЗНЕЙ

Большую часть оставшейся от каникул недели Гарри провел в раздумьях о том, что могло означать поведение Малфоя в Лютном переулке. Особенно его настораживало самодовольное выражение лица Малфоя, когда тот выходил из лавки. Так обрадовать Малфоя могла только какая-нибудь гадость. Но к некоторой досаде Гарри выяснилось, что Рон и Гермиона, в отличие от него, не слишком интересуются деятельностью Малфоя; во всяком случае, через несколько дней им надоело это обсуждать.

— Да, Гарри, я уже говорила: я согласна, что это довольно подозрительно, — с легким нетерпением сказала Гермиона. Она сидела на подоконнике в комнате Фреда и Джорджа, поставив ноги на одну из картонных коробок, и очень неохотно оторвалась от новенького учебника «Расширенный курс перевода древних рун». — Но мы же решили, что тут может быть много самых разных объяснений.

— Может, у него сломалась Рука Славы, — рас-

сеянно сказал Рон, пытаясь распрямить погнутые прутики в хвосте своей метлы. — Помнишь, у него была такая высохшая рука?

— А почему он сказал: «Не забудь, береги вот это»? — в сотый раз спросил Гарри. — Такое впечатление, что второй из пары испортившихся предметов был у Горбина, а Малфою были нужны оба.

— Ты так считаешь? — пробормотал Рон, соскребая грязь с рукоятки метлы.

— Ага, считаю, — подтвердил Гарри. Поскольку Рон и Гермиона не откликнулись, он добавил: — Отец Малфоя сидит в Азкабане. Думаете, Малфою не хочется отомстить?

Рон поднял голову и заморгал.

— Малфою, отомстить? Да что он может?

— Я же о том и говорю. Не знаю я, что он может! — вышел из себя Гарри. — Но он что-то задумал, и я считаю, что к этому нужно отнестись серьезно. У него отец — Пожиратель смерти, и…

Гарри замолчал, неподвижным взглядом уставившись в окно за спиной у Гермионы и раскрыв рот. Его поразила совершенно неожиданная мысль.

— Гарри? — встревожилась Гермиона. — Что случилось?

— У тебя что, шрам опять заболел? — испуганно спросил Рон.

— Он сам — Пожиратель смерти, — медленно проговорил Гарри. — Он стал Пожирателем смерти вместо своего отца!

Наступила пауза, а потом Рон покатился со смеху:

— Малфой? Ему всего шестнадцать лет, Гарри! Ты думаешь, Сам-Знаешь-Кто принял бы Малфоя в свои ряды?

— Это очень маловероятно, Гарри, — сказала Гермиона с осуждением в голосе. — С чего ты это взял?

— Помните, у мадам Малкин… Она к нему не притронулась, только хотела закатать повыше рукав, а он завопил и отдернул руку. Левую. У него там клеймо — Черная Метка.

Рон и Гермиона переглянулись.

— Ну… — протянул Рон, явно не убежденный.

— Я думаю, он просто хотел поскорее уйти оттуда, Гарри, — сказала Гермиона.

— Он что-то такое показал Горбину, а мы не видели, что это было, — упрямо стоял на своем Гарри. — И Горбин страшно испугался. Это была Метка, я знаю. Он показал Горбину, с кем тот имеет дело. После этого Горбин стал принимать

его всерьез, вы сами видели!

Рон и Гермиона снова переглянулись.

— Как-то я не уверена, Гарри…

— Нет, по-моему, вряд ли Сам-Знаешь-Кто принял бы к себе Малфоя…

Раздраженный, но по-прежнему уверенный в своей правоте, Гарри сгреб в охапку кучу грязных мантий для квиддича и вышел из комнаты; миссис Уизли постоянно уговаривала всех не тянуть со стиркой и упаковкой до последней минуты. На площадке Гарри столкнулся с Джинни, которая возвращалась к себе в комнату со стопкой свежевыстиранной одежды.

— Я бы на твоем месте не ходила сейчас на кухню, — предупредила она. — Там разливается Флегма.

— Постараюсь не поскользнуться, — улыбнулся Гарри.

И точно, когда он вошел на кухню, оказалось, что Флер сидит за кухонным столом и увлеченно расписывает планы своей свадьбы с Биллом, а миссис Уизли мрачно надзирает за тем, как чистится сама собой целая гора брюссельской капусты.

— Мы с Биллом уже почти решили, чтобы были только две подружки невесты. Джинни и

Габ'гиэль очень мило будут смот'геться вместе. Я думаю одеть их в бледно-золотое… Розовый будет ужасен п'ти цвете волос Джинни…

— Ах, Гарри! — громко сказала миссис Уизли, вклинившись в монолог Флер. — Вот хорошо, я как раз хотела тебе рассказать, как будет завтра организована ваша поездка в Хогвартс. Нам опять дадут машины из Министерства, а на вокзале нас встретят мракоборцы…

— Тонкс тоже будет? — спросил Гарри, отдавая миссис Уизли свои спортивные мантии.

— Нет, не думаю. Кажется, Артур говорил, что она дежурит где-то в другом месте.

— Она совсем запустила себя, эта Тонкс, — задумчиво пробормотала Флер, разглядывая свое ослепительное отражение на обратной стороне чайной ложечки. — Я считаю, это большая ошибка…

— Да-да, спасибо, — ядовито отозвалась миссис Уизли, снова перебив Флер на полуслове. — Ты уж поторопись, Гарри. Постарайтесь, если можно, упаковать чемоданы сегодня к вечеру, чтобы не было этой вечной суматохи в последнюю минуту.

И действительно, отъезд на следующее утро прошел непривычно гладко. Когда министерские

машины подкатили к крыльцу, все уже было готово: чемоданы сложены, Гермионин кот Живоглот надежно заперт в дорожную корзинку, Букля, Сычик Рона и Арнольд, новенький лиловый пушистик Джинни, рассажены по клеткам.

— О'ревуар, 'Арри, — сказала Флер грудным голосом и расцеловала его на прощание.

Рон тоже сунулся вперед, глядя на нее с надеждой, но Джинни подставила ногу, и Рон шмякнулся носом в пыль у ног Флер. Весь красный, разъяренный и перепачканный, он, не попрощавшись, поскорее забрался в машину.

На вокзале Кингс-Кросс их не ждал сияющий от радости Хагрид. Вместо этого двое угрюмых бородатых мракоборцев в темных магловских костюмах шагнули навстречу, как только машины остановились, и, молча пристроившись с боков, отконвоировали всю компанию в здание вокзала.

— Скорее, скорее через барьер, — торопила миссис Уизли, которую суровая деловитость мракоборцев заметно выбила из колеи. — Пусть Гарри идет вперед, а с ним…

Она вопросительно посмотрела на одного из мракоборцев. Тот коротко кивнул, крепко взял Гарри за руку выше локтя и подтолкнул к барьеру

между платформами девять и десять.

— Спасибо, я и сам дойду, — разозлился Гарри и вырвал руку.

Он толкнул багажную тележку прямо на сплошной барьер, не оглядываясь на своего безмолвного провожатого. Секунду спустя он стоял на платформе девять и три четверти, где уже разводил пары ярко-алый «Хогвартс-экспресс».

Еще через несколько секунд рядом с ним очутились Гермиона и четверо Уизли. Не дожидаясь разрешения своего сурового мракоборца, Гарри двинулся вперед по платформе, высматривая свободное купе и махнув рукой Рону и Гермионе, чтобы шли за ним.

— Мы не можем, Гарри, — смущенно сказала Гермиона. — Нам с Роном надо в вагон старост, а потом мы должны какое-то время следить за порядком в коридорах.

— Ах да, я забыл, — буркнул Гарри.

— Давайте-ка быстрее по вагонам, до отхода поезда осталось всего несколько минут, — сказала миссис Уизли, взглянув на часы. — Счастливого тебе учебного года, Рон…

— Мистер Уизли, можно вас на минуточку? — спросил Гарри под действием внезапного порыва.

— Конечно.

Мистер Уизли слегка удивился, но вслед за Гарри отошел на несколько шагов, туда, где их не было слышно остальным.

Гарри еще раньше все обдумал и пришел к заключению, что, если уж кому-то рассказывать о своих догадках, самый подходящий человек — мистер Уизли; во-первых, он работает в Министерстве и, значит, лучше кого-нибудь другого сможет организовать дальнейшее расследование, а во-вторых, от него меньше риска услышать гневную отповедь.

Гарри видел, что миссис Уизли и суровый мракоборец бросают на них издали подозрительные взгляды.

— Когда мы были в Косом переулке, — начал Гарри, но мистер Уизли, сделав гримасу, его перебил.

— Неужели я сейчас услышу правду о том, куда вы девались с Гермионой и Роном, когда якобы находились в задней комнате магазинчика Фреда и Джорджа?

— Откуда вы…

— Гарри, помилуй, ты разговариваешь с человеком, который вырастил Фреда и Джорджа!

— Э-э… Ну, да, мы не были в задней комнате.

— Очень хорошо. Поведай же мне самое худшее.

— Понимаете, мы следили за Драко Малфоем. Мы спрятались под моей мантией-невидимкой.

— У вас была для этого какая-то конкретная причина или просто вам так захотелось?

— Мне показалось, что Малфой что-то задумал, — объяснил Гарри, не обращая внимания на полунасмешливый, полунетерпеливый вид мистера Уизли. — Он удрал от своей матушки, и я хотел знать, зачем ему это понадобилось.

— Да, конечно, — вздохнул мистер Уизли. — И как, узнал?

— Он пошел в «Горбин и Бэрк», — сказал Гарри, — и стал там запугивать этого типа, Горбина. Требовал, чтобы тот помог ему что-то починить. И еще он хотел, чтобы Горбин сберег для него какую-то вещь. Было похоже, что эта вещь вроде той, которую нужно починить. Как будто это пара. И еще… — Гарри набрал побольше воздуху. — Еще одно. Мы видели, Малфой так и взвился, когда мадам Малкин хотела дотронуться до его левой руки. Я думаю, у него там Черная Метка. Я думаю, он стал Пожирателем смерти вместо своего отца.

Мистер Уизли заметно растерялся. Помолчав немного, он сказал:

— Гарри, я сомневаюсь, чтобы Сам-Знаешь-Кто позволил шестнадцатилетнему мальчику…

— А разве кто-нибудь на самом деле знает, что может и чего не может сделать Сами-Знаете-Кто? — рассердился Гарри. — Мистер Уизли, простите меня, но разве это не стоит расследовать? Если Малфой хочет что-то починить и для этого ему приходится угрожать и запугивать Горбина, так, наверное, это какая-нибудь Темная или опасная вещь, правда?

— Сказать по правде, Гарри, я в этом сомневаюсь, — медленно проговорил мистер Уизли. — Видишь ли, после ареста Люциуса Малфоя мы тщательно обыскали его дом и забрали все, что могло быть опасным.

— Наверное, вы что-нибудь пропустили, — упрямо сказал Гарри.

— Что ж, возможно, — произнес мистер Уизли, но Гарри видел, что мистер Уизли просто не хочет с ним спорить.

Позади них раздался свисток; почти все уже сели в поезд, двери в вагонах закрывались.

— Поторопись, — сказал мистер Уизли, а миссис Уизли закричала:

— Быстрее, Гарри!

Он бросился к вагону, мистер и миссис Уизли

помогли ему втащить чемодан.

— Скоро увидимся, ты приедешь к нам на Рождество, милый, мы уже договорились с Дамблдором! — крикнула миссис Уизли в окно, когда Гарри захлопнул за собой дверцу и поезд тронулся с места. — Ты уж, пожалуйста, береги себя, и…

Поезд начал набирать скорость.

— …и веди себя хорошо, и…

Она уже бежала трусцой по перрону.

— …не нарывайся на неприятности!

Гарри махал рукой, пока мистер и миссис Уизли не скрылись за поворотом. Тогда он обернулся посмотреть, куда делись остальные. Рон и Гермиона, видимо, сидели в спецвагоне вместе с другими старостами, зато Джинни болтала с подружками чуть дальше по коридору. Гарри направился в ту сторону, волоча за собой чемодан.

На него беззастенчиво таращились. Ученики, сидевшие в купе, мимо которых он проходил, прижимались носами к стеклам, чтобы рассмотреть его получше. Он ожидал, что в этом учебном году придется терпеть повышенный интерес к себе, после всех этих слухов об «Избранном», печатавшихся в «Ежедневном пророке», но ощущение было неприятное — как будто стоишь в ослепительно ярком свете прожекторов. Он

тронул Джинни за плечо:

— Пойдем поищем свободное купе?

— Не могу, Гарри, я обещала встретиться с Дином, — весело ответила Джинни. — Позже увидимся!

— Ладно, — сказал Гарри.

Ему почему-то было досадно смотреть, как она уходит, взметнув длинными рыжими волосами. За лето он так привык постоянно видеть ее рядом — совсем забыл, что в школе она очень мало общается с ним, Роном и Гермионой. Гарри моргнул и оглянулся: его окружила толпа восхищенных девочек.

— Привет, Гарри! — послышался за спиной знакомый голос.

— Невилл! — обрадовался Гарри и бросился, как к избавлению, к круглолицему мальчику, который проталкивался к нему навстречу.

— Здравствуй, Гарри, — сказала идущая за Невиллом девочка с длинными волосами и большими затуманенными глазами.

— Полумна, привет, как дела?

— Очень хорошо, спасибо, — сказала Полумна.

Она прижимала к груди журнал. Огромные буквы на обложке оповещали о том, что внутри журнала можно найти пару бесплатных спек-

трально-астральных очков.

— Я смотрю, «Придира» процветает? — спросил Гарри с некоторой нежностью к журналу, который в прошлом году напечатал его эксклюзивное интервью.

— О да, тиражи растут, — ответила довольная Полумна.

— Найдем себе места, — предложил Гарри, и все трое отправились дальше по вагонам, битком набитым учениками, молча смотревшими на них во все глаза.

Наконец они отыскали свободное купе, и Гарри поскорее бросился туда.

— Заодно и на нас смотрят, — сказал Невилл, указывая на себя и Полумну, — потому что мы с тобой!

— На вас смотрят, потому что вы тоже были в Министерстве, — возразил Гарри, забрасывая свой чемодан в багажную сетку. — Ты, наверное, читал, наше приключение так расписали в «Ежедневном пророке»…

— Да, я думал, бабушка рассердится, — ответил Невилл, — а она, наоборот, обрадовалась. Сказала, что я наконец становлюсь похожим на папу. Она мне купила новую волшебную палочку, вот, посмотри!

Он вытащил палочку и показал ее Гарри.

— Вишневое дерево и волос единорога, — сообщил он гордо. — Мы думаем, что это одна из последних палочек, которые продал Олливандер, — он исчез на следующий день… Ай, вернись сейчас же, Тревор!

Невилл полез под сиденье в погоне за своей жабой, в очередной раз попытавшейся вырваться на свободу.

— У нас в этом году будут занятия ОД, Гарри? — спросила Полумна, вынимая из журнала пару очков психоделической расцветки.

— Вроде незачем, ведь мы теперь избавились от Амбридж, — сказал Гарри, усаживаясь.

Невилл вылез из-под сиденья, по дороге стукнувшись головой. Вид у него был разочарованный.

— А мне нравилось в ОД! Я столькому у тебя научился!

— Мне тоже нравилось, — невозмутимо произнесла Полумна. — Как будто все мы были друзья.

Полумна часто говорила такое, после чего всем становилось неловко. Гарри внутренне поежился от смущения и жалости. Но он не успел ничего ответить — за дверью купе послышалась какая-то возня, несколько девочек с четвертого курса

хихикали и перешептывались, заглядывая в стекло.

— Спроси его!

— Нет, ты спроси!

— Я пойду!

Самая смелая из девочек, с темными глазами, выступающим подбородком и длинными черными волосами, открыла дверь и вошла.

— Привет, Гарри, я Ромильда. Ромильда Вейн, — сказала она громко и уверенно. — Хочешь, переходи в наше купе. Совсем необязательно тебе сидеть с этими, — прибавила она театральным шепотом, указывая на заднюю часть Невилла, которая снова торчала из-под сиденья, где он все еще пытался нашарить Тревора, и на Полумну успевшую надеть очки, которые делали ее похожей на очумевшую разноцветную сову.

— Это мои друзья, — холодно сказал Гарри.

— О! — воскликнула девочка, страшно удивившись. — Ну ладно.

Она удалилась, плотно закрыв за собой дверь.

— Люди считают, что у тебя должны быть крутые друзья, не такие, как мы, — сказала Полумна, снова продемонстрировав свою убийственную честность.

— Вы и сами крутые, — коротко ответил Гар-

ри. — Их-то небось не было тогда в Министерстве. Они не сражались рядом со мной.

— Это ты очень мило сказал, — просияла Полумна, поправила сползающие с носа спектрально-астральные очки и углубилась в чтение «Придиры».

— Ну, мы тоже не сражались с ним лицом к лицу, — сказал Невилл, выбираясь из-под сиденья с волосами, полными пыли и какого-то пуха. В руках у него сидел Тревор с выражением покорности судьбе. — Ты один сразился с ним. Послушал бы ты, как о тебе говорит моя бабушка. «У этого Гарри Поттера больше характера, чем во всем их Министерстве магии!» Она бы все отдала, только бы ты был ее внуком…

Гарри смущенно засмеялся и поскорее заговорил о результатах СОВ. Пока Невилл перечислял свои оценки и гадал, позволят ли ему заниматься трансфигурацией на уровне ЖАБА, если он получил всего только «удовлетворительно», Гарри, почти не слушая, смотрел на него.

Детство Невилла, так же как и детство Гарри, сломал Волан-де-Морт, но Невилл не подозревал, как близок он был к тому, чтобы поменяться судьбой с Гарри. Пророчество могло относиться к любому из них, но Волан-де-Морт по каким-то

неведомым причинам решил, что речь идет о Гарри.

Если бы Волан-де-Морт выбрал Невилла, сейчас Невилл сидел бы напротив Гарри со шрамом в форме молнии и с грузом пророчества на плечах… Или не сидел бы? Отдала бы мама Невилла жизнь за своего сына, как отдала ее Лили за жизнь Гарри? Конечно, отдала бы… Но что, если бы она оказалась не в силах заслонить своего сына от Волан-де-Морта? Что, тогда вообще не было бы никакого Избранного? Пустое сиденье там, где сейчас Невилл, и Гарри без всяких шрамов провожала бы на вокзал родная мама, а не мама Рона?

— Что с тобой, Гарри? Тебе нехорошо? — спросил Невилл.

Гарри вздрогнул:

— Извини… Я просто…

— Мозгошмыга словил? — сочувственно осведомилась Полумна, глядя на Гарри сквозь свои громадные радужные очки.

— Я… чего?

— Мозгошмыг. Они невидимые, летают в воздухе, забираются через ухо в голову и вызывают размягчение мозга, — объяснила Полумна. — Я сразу почувствовала, что один такой здесь носится.

Она принялась хлопать в ладоши, как будто ловила невидимую глазу моль. Гарри с Невиллом переглянулись и поскорее заговорили о квиддиче.

Погода за окнами поезда была такая же неровная, как и все лето. То они ехали через промозглый туман, то выскакивали на бледный, но ясный солнечный свет. Во время одного из таких просветов, когда солнце стояло почти прямо над головой, в купе наконец появились Рон и Гермиона.

— Скорее бы тележка с едой приехала, помираю с голоду! — воскликнул Рон, плюхнувшись на сиденье рядом с Гарри и потирая живот. — Привет, Невилл, привет, Полумна. Знаешь что? — прибавил он, обернувшись к Гарри. — Малфой не дежурит с другими старостами. Засел у себя в купе со слизеринцами, мы видели по дороге.

Гарри, заинтересовавшись, выпрямился на сиденье. Непохоже на Малфоя — упускать такую возможность продемонстрировать свою власть старосты, которой он вовсю злоупотреблял в прошлом учебном году.

— Что он сделал, когда увидел тебя?

— То же, что всегда, — ответил Рон равнодушно, изобразив неприличный жест. — Как-то на него непохоже, правда? Ну, то есть не это, — он повто-

рил жест, — а почему он не ходит по вагонам и не пугает первокурсников?

— Не знаю, — сказал Гарри, но голова у него заработала с бешеной скоростью. Похоже, у Малфоя на уме нечто поважнее, чем запугивание младших учеников.

— Может, ему больше нравилось состоять в Инспекционной дружине, — предположила Гермиона. — Может, после этого быть старостой кажется ему пресным.

— Не думаю, — сказал Гарри. — Я думаю, он… Но не успел Гарри развить свою мысль, как дверь купе снова отворилась и показалась запыхавшаяся третьекурсница.

— Мне велели передать это Невиллу Долгопупсу и Гарри Поттеру — пролепетала она, запинаясь, и густо покраснела, встретившись взглядом с Гарри. В руках у нее были два пергаментных свитка, перевязанных фиолетовыми ленточками.

Гарри и Невилл в недоумении взяли по свитку, и девочка, спотыкаясь, выбралась из купе.

— Что это? — спросил Рон, глядя, как Гарри разворачивает свиток.

— Приглашение, — сказал Гарри.

Гарри!

Я буду очень рад, если Вы разделите со мной обед в купе «Ц».

Искренне Ваш, профессор Г.Э.Ф. Слизнорт.

— Кто это — профессор Слизнорт? — спросил Невилл, озадаченно глядя на свое приглашение.

— Новый преподаватель, — ответил Гарри. — Ну что, наверное, придется пойти?

— А я-то зачем ему понадобился? — с тревогой спросил Невилл, как будто ожидал наказания.

— Понятия не имею, — ответил Гарри, хотя это была не совсем правда; впрочем, у Гарри не было доказательств, что его догадка верна. — Послушай, — прибавил он в порыве вдохновения, — давай накинем мантию-невидимку, тогда можно будет по дороге посмотреть, чем там занимается Малфой.

Впрочем, из этой затеи ничего не вышло. Коридоры были забиты народом, поджидавшим тележку с едой, в мантии-невидимке там никак нельзя было пробраться. Гарри с сожалением снова затолкал мантию в сумку, думая о том, как приятно быть невидимым — по крайней мере никто не таращится на тебя, раскрыв рот; кажется, на него теперь глазели даже больше, чем когда он

в прошлый раз шел по коридору. То и дело кто-нибудь высовывался из купе, чтобы насмотреться вволю. Единственным исключением оказалась Чжоу Чанг — она, наоборот, метнулась к себе в купе, едва завидев Гарри. Проходя мимо, он увидел через окошко, что она увлеченно о чем-то разговаривает со своей подружкой Мариэттой, у которой толстый слой косметики не вполне скрывал своеобразно расположенные прыщи, до сих пор красовавшиеся на лице. Злорадно улыбаясь про себя, Гарри двинулся дальше.

Добравшись до купе «Ц», Гарри с Невиллом сразу увидели, что не только они одни приглашены к Слизнорту, хотя, судя по тому, с каким энтузиазмом он их приветствовал, Гарри был самым желанным гостем.

— Гарри, мой мальчик! — воскликнул Слизнорт при виде него и вскочил на ноги, заполнив чуть ли не все купе громадным, затянутым в бархат животом. Его блестящая лысина и пышные серебристые усы сияли в солнечных лучах, как и золотые пуговицы на жилете. — Рад видеть, рад видеть! А вы, должно быть, мистер Долгопупс!

Невилл кивнул. По приглашающему знаку Слизнорта они уселись друг против друга на единственные оставшиеся места — у самой две-

ри. Гарри оглядел остальных гостей. Он узнал слизеринца с одного с ними курса, длинного черноволосого мальчишку с высокими скулами и раскосыми глазами. Были тут и двое незнакомых мальчиков с седьмого курса, а в уголке, затиснутая рядом со Слизнортом с таким видом, будто не вполне понимает, как она здесь оказалась, сидела Джинни.

— Ну-ка, вы здесь всех знаете? — спросил Слизнорт Гарри и Невилла. — Вот Блез Забини с вашего курса…

Забини ничем не показал, что узнает их, Гарри и Невилл ответили ему тем же — ученики Гриффиндора и Слизерина принципиально терпеть не могли друг друга.

— Это Кормак Маклагген — вы, быть может, встречались? Нет?

Маклагген, рослый парень с жесткими волосами, поднял руку в знак приветствия, Гарри и Невилл кивнули в ответ.

— А это Маркус Белби, не знаю, знакомы ли вы? Белби, худой и нервный, натянуто улыбнулся.

— А эта очаровательная юная леди говорит, что знает вас обоих! — закончил Слизнорт.

Джинни скорчила им рожицу из-за его спины.

— Ну вот и прекрасно! — с удовольствием про-

говорил Слизнорт. — Я смогу получше со всеми вами познакомиться. Берите салфетки. Обед из моих собственных припасов. Насколько я помню, в тележке по вагонам развозят главным образом лакричные волшебные палочки, это не для стариковского пищеварения… Кусочек фазана, Белби?

Белби вздрогнул и покорно взял здоровенный кусок — примерно с половину холодного фазана.

— Я сейчас как раз рассказывал Маркусу, что имел удовольствие учить его дядюшку Дамокла, — сообщил Слизнорт Невиллу и Гарри, одновременно пустив по кругу корзинку с булочками. — Это был выдающийся чародей, совершенно выдающийся, и орден Мерлина получил по заслугам. Вы часто видитесь с дядей, Маркус?

К несчастью, Маркус только что набил рот фазаном; торопясь ответить, он слишком резко глотнул, посинел и начал задыхаться.

— *Анапнео,* — спокойно произнес Слизнорт, направив волшебную палочку на Белби, дыхательные пути у которого сразу же прочистились.

— Н-не… не очень часто, — пропыхтел Белби со слезами на глазах.

— Ну конечно, он, вероятно, человек занятой, — сказал Слизнорт, вопросительно глядя на

Белби. — Едва ли он изобрел Волчье противоядие без долгой и тяжелой подготовительной работы!

— Да, наверное… — Белби, видимо, не решался откусить еще фазана, пока Слизнорт не закончил его допрашивать. — Он… Понимаете, они с моим папой не очень ладят, так что я о нем не так уж много знаю…

Он замялся и умолк Слизнорт одарил его холодной улыбкой и тут же повернулся к Маклаггену.

— А теперь о вас, Кормак, — сказал Слизнорт. — Я случайно знаю, что вы часто видитесь со своим дядей Тиверием. У него есть великолепная фотография, как вы с ним охотитесь на штырехвостов — в Норфолке, если не ошибаюсь?

— О да, это было классно! — выпалил Маклаггген. — С нами еще были Берти Хиггс и Руфус Скримджер… Ну, он тогда еще не был министром…

— Ах вот как, вы и Берти знаете, и Руфуса тоже? — заулыбался Слизнорт и принялся угощать всех пирожками на маленьком подносике, каким-то образом пропустив при этом Белби. — А скажите-ка мне…

Все было так, как и подозревал Гарри. Очевидно, сюда пригласили только тех, у кого имелись очень известные или влиятельные родственники

— естественно, кроме Джинни. После Маклаггена настала очередь Забини, и оказалось, что его мама — знаменитая красавица-колдунья (насколько понял Гарри, она выходила замуж семь раз, причем каждый из ее мужей погибал при загадочных обстоятельствах, и каждый оставил ей кучу золота). Следующим допросу подвергся Невилл; это были тяжелые десять минут, поскольку родители Невилла, прославленные мракоборцы, сошли с ума под пытками, когда их мучили Беллатриса Лестрейндж и еще парочка Пожирателей смерти. У Гарри осталось впечатление, что Слизнорт решил пока не делать окончательных выводов по поводу Невилла, а сперва выждать и посмотреть, проявятся ли у него родительские таланты.

— А теперь, — провозгласил Слизнорт, поворачиваясь всем корпусом на сиденье с видом конферансье, объявляющего гвоздь программы, — Гарри Поттер! С чего же начать? У меня ощущение, что при нашей встрече летом я лишь чуть-чуть копнул у самой поверхности!

С минуту он любовался Гарри, как будто это был особенно большой и вкусный кусок фазана, затем сказал:

— Вас теперь называют Избранным!

Гарри молчал. Белби, Маклагген и Забини

дружно уставились на него.

— Разумеется, — сказал Слизнорт, не сводя глаз с Гарри, — слухи ходят уже несколько лет… Я помню, как… хм… после той страшной ночи… Лили… Джеймс… а вы остались в живых… Говорили, что у вас, должно быть, какие-то невероятные способности…

Забини тихонько кашлянул, как бы выражая сомнение и насмешку. Из-за спины Слизнорта послышался сердитый голос:

— Ага, Забини, у тебя зато огромные способности… выпендриваться!

— Ах, батюшки мои! — благодушно усмехнулся Слизнорт, оглянувшись на Джинни, сверкавшую глазами в сторону Забини из-за выпирающего слизнортовского живота. — Берегитесь, Блез! Когда я проходил мимо купе этой юной леди, я видел, как она выполнила великолепнейший Летучемышиный сглаз! Я на вашем месте поостерегся бы вставать у нее на пути!

Забини ответил презрительным взглядом.

— Во всяком случае, — сказал Слизнорт, снова повернувшись к Гарри, — этим летом ходят такие слухи! Не знаешь, чему и верить, ведь у «Пророка», как известно, случаются ошибки, но при таком количестве очевидцев не приходится

сомневаться, что кое-какие беспорядки в Министерстве имели место, а вы были в самой гуще событий!

Гарри, не видя никакой возможности увильнуть от ответа, если только совсем уж нагло не соврать, кивнул, но по-прежнему ничего не сказал. Слизнорт лучезарно улыбнулся.

— Такая скромность, такая скромность, неудивительно, что Дамблдор так к вам привязан… Стало быть, вы действительно были там? Что касается подробностей… они так сенсационны… Просто не знаешь, чему и верить! К примеру, это легендарное пророчество…

— Мы не слышали никакого пророчества, — сказал Невилл, становясь пунцовым, как куст герани.

— Верно, — бросилась ему на помощь Джинни. — Мы с Невиллом тоже там были, все это чепуха насчет Избранного, обычные выдумки «Пророка».

— Вы оба тоже там были? — живо заинтересовался Слизнорт, переводя взгляд с Невилла на Джинни и обратно, но оба словно воды в рот набрали, не поддавались на его ободряющие улыбки. — Да… что ж… Конечно, «Пророк» частенько преувеличивает… — продолжил Слиз-

норт несколько разочарованным тоном. — Помню, дорогая Гвеног мне говорила… Я, разумеется, имею в виду Гвеног Джонс, капитана «Холихедских гарпий»…

Он пустился в долгие и запутанные воспоминания, но у Гарри осталось четкое ощущение, что Слизнорт с ним еще не закончил и что Невилл и Джинни его не убедили.

Время все тянулось, Слизнорт сыпал историями о разных знаменитых волшебниках, которых он обучал в Хогвартсе и которые были прямо-таки счастливы вступить, как он выразился, в Клуб Слизней. Гарри томился, ему хотелось уйти, но он не мог придумать, как сделать это вежливо. Наконец поезд выскочил из очередного долгого участка тумана на свет красного закатного солнца, и Слизнорт огляделся, мигая в полумраке.

— Боже праведный, уже темнеет! А я и не заметил, как зажглись лампы. Идите-ка все переодевайтесь в школьные мантии! Маклагген, непременно заходите ко мне, возьмите почитать ту книгу о штырехвостах. Гарри, Блез — просто так заходите, в любое время. Это и к вам относится, мисс, — обернулся он к Джинни с веселым огоньком в глазах. — Ну же, расходитесь, кыш!

Забини отпихнул Гарри и первым вышел в

полутемный коридор, бросив на Гарри злобный взгляд, который Гарри вернул ему с процентами. Сам он, а с ним Джинни и Невилл, как и Забини, направились в конец поезда.

— Я рад, что все это кончилось, — сказал Невилл, сверля глазами спину Забини. — Ты-то как там оказалась, Джинни?

— Он увидел, как я напустила сглаз на Захарию Смита, — ответила Джинни. — Помните того дурака из пуффендуйцев, он еще был у нас в ОД? Привязался с расспросами, что да что случилось в Министерстве, и так меня довел, я его и шарахнула… А тут входит Слизнорт. Я думала, назначит наказание, а он только восхитился — какой отличный сглаз, и пригласил на обед. Вот псих, да?

— Это лучше, чем приглашать человека только потому, что у него мама знаменитость, — сказал Гарри, хмуро глядя в затылок Забини. — Или дядюшка…

Он не договорил и умолк. Ему вдруг пришла в голову мысль, отчаянная, но способная принести отличные результаты… Через минуту Забини вернется в купе слизеринцев с шестого курса, туда, где сидит Малфой, в уверенности, что его никто не слышит, кроме друзей-слизеринцев… Если незаметно туда пробраться, кто знает, что

можно увидеть и услышать? Правда, времени осталось всего ничего, до станции Хогсмид не больше получаса пути, судя по безлюдным пейзажам за окном, но, раз никто не хочет принимать подозрения Гарри всерьез, надо самому потрудиться, чтобы раздобыть доказательства.

— Встретимся позже, — шепнул Гарри, вытащил мантию-невидимку и набросил ее на себя.

— А ты что будешь… — начал Невилл.

— Потом! — прошипел Гарри и помчался догонять Забини, стараясь ступать бесшумно, хотя его шагов все равно почти не было слышно за грохотом поезда.

В коридоре практически никого не осталось. Почти все разошлись по своим купе переодеться в школьные мантии и собрать вещи. Гарри старался держаться поближе к Забини, насколько это возможно было сделать, не касаясь его, и все-таки не успел проскользнуть за ним в купе. Забини уже начал закрывать дверь; Гарри быстро подставил ногу, не давая ей задвинуться до конца.

— Да что с ней такое? — разозлился Забини, дергая раздвижную дверь и каждый раз натыкаясь на невидимую ногу Гарри.

Гарри схватился за дверь и толкнул изо всех сил. Забини, все еще державшийся за ручку,

повалился на колени к Грегори Гойлу, началась свалка. Гарри под шумок шмыгнул в купе и, подтянувшись на руках, забрался на багажную полку. Очень удачно, что как раз в этот момент Гойл и Забини сцепились друг с другом, а остальные смотрели на них, — Гарри был совершенно уверен, что его ноги высунулись из-под мантии. На какое-то ужасное мгновение ему даже показалось, что Малфой провожает взглядом его кроссовку, взлетающую вверх, но тут Гойл захлопнул наконец дверь и спихнул с себя Забини. Растрепанный и недовольный Забини рухнул на сиденье, Винсент Крэбб вернулся к своим комиксам, а Малфой, посмеиваясь, улегся на два сиденья сразу, положив голову на колени Пэнси Паркинсон. Гарри на полке скрючился под мантией, подоткнув ее под себя со всех сторон, и стал смотреть, как Пэнси Паркинсон перебирает прилизанные белобрысые волосы Малфоя с такой самодовольной улыбкой, словно другие девчонки только и мечтали бы оказаться на ее месте. Качающаяся под потолком лампа ярко освещала эту сцену, Гарри свободно мог прочесть каждое слово в комиксах, которые читал Гойл прямо под ним.

— Ну что, Забини, — сказал Малфой, — что

нужно этому Слизнорту?

— Просто подыскивает людей со связями, — ответил Забини, все еще злобно косившийся в сторону Гойла. — Не сказать чтобы он так уж много их нашел.

Этот ответ, похоже, не понравился Малфою.

— Кого он еще позвал? — требовательно спросил он.

— Маклаггена из Гриффиндора, — сказал Забини.

— Ну да, у него дядя большая шишка в Министерстве, — сказал Малфой.

— Еще какого-то типа по фамилии Белби из Когтеврана…

— Вот еще, он такой придурок! — ввернула Пэнси.

— А еще Долгопупса, Поттера и малявку Уизли, — закончил Забини.

Малфой резко сел, сбросив руку Пэнси.

— Он пригласил Долгопупса?!

— Ну, наверное, пригласил, раз Долгопупс там оказался, — равнодушно ответил Забини.

— Да чем Долгопупс мог заинтересовать Слизнорта?

Забини пожал плечами.

— Поттер — понятно, драгоценный Поттер,

очевидно, Слизнорт хотел поглядеть на Избранного, — злобно усмехнулся Малфой, — но эта малявка Уизли! В ней-то что такого особенного?

— Многим мальчишкам она нравится, — сказала Пэнси, искоса наблюдая за реакцией Малфоя. — Даже ты считаешь ее хорошенькой, правда, Блез? А ведь мы все знаем, какой ты разборчивый!

— Да я бы побрезговал прикоснуться к такой предательнице, которая ни во что не ставит чистоту крови, будь она хоть раскрасавица, — холодно отозвался Забини.

Пэнси была очень довольна. Малфой снова улегся к ней на колени и позволил ей дальше гладить его волосы.

— В общем, вкусы Слизнорта оставляют желать лучшего. Может быть, он впал в старческий маразм.

А жаль, отец всегда говорил, что в свое время это был неплохой волшебник. Папа был у него любимчиком. Наверное, Слизнорт не знает, что я тоже еду этим поездом, не то бы он…

— Я бы на твоем месте не особо рассчитывал на приглашение, — сказал Забини. — Когда я только пришел, он спросил меня про папу Нотта. Вроде они старые друзья, но как услышал, что его аре-

стовали в Министерстве, не обрадовался и Нотта так и не пригласил, верно? По-моему, Слизнорта не привлекают Пожиратели смерти.

Малфой явно разозлился, но выдавил из себя исключительно невеселый смешок.

— Да кому вообще интересно, что его привлекает? Кто он, в сущности, такой? Просто дурацкий учителишка. — Малфой демонстративно зевнул. — Я о чем — может, в будущем году меня и в Хогвартсе-то не будет, так какая мне разница, как ко мне относится какой-то толстый старикан, обломок дряхлого прошлого?

— Как это — в будущем году тебя не будет в Хогвартсе? — возмутилась Пэнси и даже прекратила ухаживать за волосами Малфоя.

— Да так уж, кто знает, — ответил Малфой со слабым намеком на самодовольную улыбочку, — может быть, я… ну… пойду дальше, буду заниматься более важными вещами.

Скорчившись под мантией-невидимкой на багажной полке, Гарри почувствовал, как у него заколотилось сердце. Что скажут на это Рон и Гермиона? Крэбб и Гойл вытаращились на Малфоя, разинув рты; как видно, они не подозревали о его планах заняться более важными вещами. Даже Забини позволил любопытству отразиться

на своем красивом лице. Пэнси снова принялась медленно поглаживать Малфоя по волосам, вид у нее был ошеломленный.

— Ты говоришь… о нем?

Малфой пожал плечами:

— Мама хочет, чтобы я закончил школу, но я лично считаю, что это теперь не так уж важно. Ну, подумайте сами… когда Темный Лорд придет к власти, разве для него будет иметь значение, кто сколько сдал СОВ и какие у кого оценки по ЖАБА? Да нет, конечно… Он будет смотреть, кто как ему служил, кто больше был ему предан…

— И ты думаешь, что можешь как-то послужить ему? — с убийственной иронией поинтересовался Забини. — В шестнадцать лет, даже еще не закончив школу?

— Я же только что об этом говорил, нет? Может быть, для него не имеет значения, закончил я школу или не закончил. Может быть, для того, что он мне поручил, совсем не требуется свидетельства об образовании, — тихо сказал Малфой.

Крэбб и Гойл сидели с разинутыми ртами, словно горгульи. Пэнси смотрела на Малфоя чуть ли не со священным трепетом.

— Уже видно Хогвартс. — Малфой, явно наслаждаясь произведенным эффектом, показал в

темноту за окном. — Пора надевать мантии.

Гарри неотрывно смотрел на Малфоя и потому не заметил, как Гойл потянулся за своим чемоданом; чемодан, сползая с полки, больно стукнул Гарри в висок Он невольно охнул, и Малфой сразу посмотрел на багажную полку, задумчиво сдвинув брови.

Гарри не боялся Малфоя, но все-таки ему не хотелось быть застигнутым с мантией-невидимкой посреди компании недружелюбно настроенных слизеринцев. Со слезящимися глазами и гудящей от боли головой он вытащил волшебную палочку, стараясь, чтобы мантия при этом не сбилась, и стал ждать, затаив дыхание. К счастью, Малфой, видимо, решил, что ему послышалось. Он вместе с остальными натянул на себя мантию, запер чемодан, а когда поезд начал рывками замедлять ход, застегнул у горла новенький плотный дорожный плащ.

Гарри видел, как коридор понемногу наполняется народом, и тихо надеялся, что Рон и Гермиона вынесут на платформу его вещи. Сам он не мог сдвинуться с места, пока все не уйдут из купе. Наконец поезд дернулся в последний раз и остановился. Гойл открыл дверь и вышел, расталкивая толпу второкурсников. Крэбб и Забини

поспешили за ним.

— Ты иди, — сказал Малфой Пэнси Паркинсон, которая поджидала его, протянув руку, как будто надеялась, что они возьмутся за руки. — Мне тут нужно кое-что проверить.

Пэнси ушла. Теперь в купе остались только Гарри и Малфой. Ученики проходили мимо, один за другим спускались на темную платформу. Малфой подошел к двери и опустил шторки. Теперь из коридора не было видно, что происходит в купе. Потом он наклонился и снова отпер свой чемодан.

Гарри перегнулся через край багажной полки, сердце у него стучало все быстрее. Что такое Малфой хочет скрыть от Пэнси? Неужели Гарри сейчас увидит тот таинственный предмет, который так необходимо было починить?

— *Петрификус Тоталус!*

Без всякого предупреждения Малфой нацелил волшебную палочку на Гарри, и того мгновенно парализовало. Словно в замедленном кино он свалился с багажной полки и грохнулся на пол, так что все купе задрожало. Он лежал у ног Малфоя, мантия-невидимка распахнулась и почти вся оказалась под ним, так что он остался на виду, как был, с нелепо поджатыми ногами. Он не мог

пошевелиться, мог только смотреть, не мигая, на Малфоя, который широко улыбался.

— Так я и думал, — сказал Малфой, ликуя. — Я слышал, как Гойл задел тебя чемоданом. И мне показалось, я видел, как мелькнуло что-то белое, когда Забини вернулся… — Его взгляд задержался на кроссовках Гарри. — Это, наверное, ты держал дверь, когда Забини хотел ее закрыть? — Он задумчиво взглянул на Гарри. — Ничего особенно важного ты не услышал, Поттер. Но, раз уж ты мне попался…

И он с силой ударил Гарри ногой в лицо. Гарри почувствовал, как у него хрустнул нос, кровь брызнула фонтаном.

— Это тебе за моего отца… А теперь… Малфой вытащил из-под неподвижного тела Гар-ри мантию-невидимку и набросил на него.

— Вряд ли тебя найдут раньше, чем поезд вернется в Лондон, — тихо проговорил он. — Увидимся, Поттер… А может, и не увидимся.

И, не забыв по дороге наступить на пальцы Гарри, Малфой вышел из купе.

Глава 8

СНЕГГ ТОРЖЕСТВУЕТ

Гарри не мог пошевелить ни одним мускулом. Он лежал под мантией-невидимкой, чувствуя, как кровь хлещет из сломанного носа, горячая и мокрая, и заливает лицо. Из коридора доносились голоса и шаги. Первой мыслью Гарри было, что купе наверняка осмотрят, прежде чем поезд отправится в обратный путь. Но тут же пришло мучительное осознание: даже если кто-нибудь заглянет в купе, его не увидят и не услышат. Оставалась одна надежда, что кто-то случайно зайдет сюда и наступит на него.

Гарри никогда еще не чувствовал такой ненависти к Малфою, как сейчас, когда лежал на спине наподобие карикатурной черепахи, и кровь заливалась ему в открытый рот, вызывая тошноту. Надо же было вляпаться в такую дурацкую историю… Вот затихли последние шаги, ученики столпились на темной платформе, было слышно, как они там болтают и шумно передвигают чемоданы.

Рон и Гермиона решат, что он сошел с поезда,

не дожидаясь их. К тому времени, когда они доберутся до Хогвартса, займут места в Большом зале, несколько раз осмотрят гриффиндорский стол и наконец поймут, что Гарри здесь нет, он, несомненно, будет уже на полдороге к Лондону.

Он попытался издать какой-нибудь звук, хотя бы захрипеть, но не смог. Тогда он вспомнил, что некоторые волшебники, такие, как Дамблдор, умеют колдовать, не произнося заклинания вслух, попытался призвать к себе выпавшую из руки волшебную палочку, мысленно повторяя: «Акцио, волшебная палочка!» — но ничего не получилось.

Ему казалось, что он слышит шелест листьев на деревьях вокруг озера и далекое уханье совы, но никаких признаков того, что его ищут, не было. И уж тем более (он чуточку презирал себя за эту мысль) нигде не раздавалось панических голосов, спрашивающих, куда пропал Гарри Поттер. С растущей безнадежностью он представлял себе, как вереница карет, запряженных фестралами, приближается к школе, и взрывы приглушенного хохота доносятся из той кареты, где Малфой пересказывает своим дружкам-слизеринцам, как он избил Гарри.

Поезд дернулся, и Гарри перекатился на бок

Теперь он смотрел не в потолок, а на пыльную нижнюю сторону сиденья. Пол начал вибрировать — это ожил, взревев, паровоз. «Хогвартс-экспресс» отправлялся в обратный путь, и никто не знал, что Гарри остался в вагоне…

Вдруг он почувствовал, что мантия-невидимка слетела с него, и чей-то голос у него над головой сказал:

— Здорово, Гарри.

Сверкнула вспышка красного света, и к Гарри вернулась способность двигаться. Он приподнялся, упираясь в пол, сел, приняв более достойную позу, наспех вытер кровь с лица тыльной стороной ладони, поднял голову и увидел Тонкс. Она складывала мантию-невидимку, которую только что сорвала с него.

— Давай-ка двигать отсюда поскорее, — сказала она. Окна уже заволокло клубами дыма от паровоза, поезд тронулся. — Пошли, будем прыгать.

Гарри выскочил за ней в коридор. Тонкс распахнула вагонную дверь и спрыгнула на платформу, все быстрее скользившую мимо, — поезд набирал ход. Гарри тоже прыгнул, слегка покачнулся, приземляясь, но сразу выпрямился и успел увидеть, как сверкающий алый паровоз, разгоняясь все быстрее, исчезает за поворотом.

Прохладный ночной воздух приятно холодил разбитый нос. Тонкс смотрела на него; Гарри было неловко и страшно досадно, что она нашла его в таком идиотском виде. Метаморфиня молча протянула ему мантию-невидимку.

— Кто это сделал?

— Драко Малфой, — с горечью ответил Гарри. — Спасибо, что… В общем, спасибо.

— Не за что, — без улыбки сказала Тонкс. Насколько Гарри мог разглядеть в темноте, у нее были все те же мышиного цвета волосы и несчастное выражение лица, что и в ту ночь, когда он видел ее в «Норе». — Постой минутку спокойно, я поправлю тебе нос.

Эта идея Гарри не очень вдохновила. Он рассчитывал заглянуть в больничное крыло к мадам Помфри, которой больше доверял по части исцеляющих заклинаний, но говорить об этом ему показалось неудобно, так что он встал неподвижно и зажмурил глаза.

— *Эпискеи!* — произнесла Тонкс.

Носу Гарри вдруг стало очень жарко и тут же — очень холодно. Гарри поднял руку и осторожно пощупал нос. Вроде все было в порядке.

— Спасибо большое!

— Ты лучше накинь свою мантию, и пойдем к

школе, — сказала Тонкс, по-прежнему без улыбки.

Когда Гарри снова закутался в мантию, Тонкс взмахнула волшебной палочкой; из палочки вылетело огромное серебристое четвероногое существо и умчалось в ночь.

— Это был Патронус? — спросил Гарри. Он уже видел раньше, как Дамблдор передавал сообщения таким способом.

— Да, я хочу дать знать в замок, что ты со мной, чтобы они не беспокоились. Идем, не стоит тянуть.

Они зашагали по аллее, ведущей к школе.

— Как вы меня нашли?

— Я заметила, что ты не сходил с поезда, и я знала, что у тебя есть эта мантия. Подумала, что ты зачем-то спрятался. Увидела купе с задернутыми шторками, заглянула проверить.

— А что вы вообще здесь делаете? — спросил Гарри.

— Я теперь постоянно здесь дежурю, в Хогсмиде. Дополнительная охрана школы, — объяснила Тонкс.

— Только вы одна дежурите, или…

— Нет, еще Праудфут, Сэвидж и Долиш.

— Долиш — это тот мракоборец, которого Дам-

блдор оглушил в прошлом году?

— Он самый.

Они брели по темной, пустынной дороге, следуя за свежими следами от колес. Гарри покосился на Тонкс из-под мантии. В прошлом году она была такая любопытная (даже иногда чуточку надоедливая), постоянно смеялась, шутила. А теперь Тонкс казалась намного старше, сделалась более серьезной и целеустремленной. Неужели это все из-за того, что случилось в Министерстве? Гарри со смущением подумал, что Гермиона наверняка посоветовала бы ему как-то утешить Тонкс, поговорить о Сириусе, сказать, что она ни в чем не виновата, но он не мог себя заставить. Он вовсе не винил ее в смерти Сириуса, тут она была виновата не больше других (уж, во всяком случае, не больше самого Гарри), просто ему было тяжело разговаривать о Сириусе, и он всячески старался этого избегать. Так они и шли молча через холодную тьму. Длинный плащ Тонкс с шорохом волочился за ними по земле.

Раньше Гарри всегда проезжал здесь в карете, и сейчас в первый раз заметил, как далеко до школы от станции в Хогсмиде. Наконец он с облегчением увидел высокие каменные столбы по обе стороны ворот с фигурами крылатых вепрей

наверху. Он замерз, проголодался, и ему не терпелось поскорее расстаться с этой новой угрюмой Тонкс. Но когда он протянул руку и толкнул ворота, оказалось, что они заперты.

— *Алохомора!* — уверенно произнес он, направив волшебную палочку на висячий замок, но ничего не случилось.

— Здесь это не подействует, — сказала Тонкс. — Дамблдор лично заколдовал ворота.

Гарри огляделся.

— Я могу перелезть через ограду, — предложил он.

— Нет, не можешь, — скучным голосом ответила Тонкс. — На ограде тоже заклинания против несанкционированного вторжения. Этим летом меры безопасности усилили в сто раз.

— Ну, тогда, — сказал Гарри, которого начинало раздражать ее равнодушие, — мне, видимо, придется здесь заночевать.

— Вон кто-то за тобой идет, — сказала Тонкс. — Смотри.

Вдали, у подножия замка, показался раскачивающийся фонарь. На радостях Гарри даже подумал, что сможет без труда перетерпеть сиплые разглагольствования Филча на тему о том, как нехорошо опаздывать и как в доброе старое

время поддерживали дисциплину посредством регулярного использования тисков для больших пальцев. Только когда мерцающий желтый огонек был уже футах в десяти от них и Гарри стащил мантию-невидимку, чтобы его могли увидеть, он вдруг с отвращением узнал озаренные светом фонаря крючковатый нос и длинные сальные черные волосы Северуса Снегга.

— Ну-ну, — хмыкнул Снегг, извлекая волшебную палочку и прикасаясь ею к висячему замку, отчего цепи тут же разошлись в стороны и створки ворот со скрипом распахнулись. — Очень мило, что вы наконец-то соизволили явиться, Поттер, хотя вам, по-видимому представляется, что школьная мантия сильно повредит вашей красоте.

— Я не мог переодеться, у меня не было… — начал Гарри, но Снегг перебил его на полуслове.

— Нет необходимости ждать, Нимфадора. Со мной Поттер в полной… хм-м… безопасности.

— Я думала, что мое сообщение примет Хагрид, — сказала Тонкс, нахмурившись.

— Хагрид, как и Поттер, опоздал на пир по случаю начала учебного года, так что я получил сообщение вместо него. Кстати, — прибавил Снегг, отступая в сторону, чтобы Гарри мог прой-

ти в ворота, — любопытно было увидеть твоего нового Патронуса.

Он с грохотом захлопнул створки прямо перед ее носом и снова коснулся замка волшебной палочкой. Цепи, звякая, поползли на место.

— По-моему, прежний был лучше, — сказал Снегг с нескрываемым злорадством в голосе. — Новый слабоват.

Снегг повернулся, качнув фонарем, и Гарри на мгновение увидел потрясение и гнев на освещенном лице Тонкс. Потом ее снова скрыла тьма.

Гарри двинулся за Снеггом к школе.

— Спокойной ночи, — крикнул он через плечо. — Спасибо… Спасибо за все!

— Пока, Гарри.

Наверное, целую минуту Снегг ничего не говорил. Гарри чувствовал, как его захлестывают волны ненависти, такой сильной, что казалось невероятным, как это Снегг не замечает ее жара. Гарри терпеть не мог Снегга с самой первой их встречи, но окончательно и бесповоротно Снегг восстановил его против себя своим обращением с Сириусом. Что бы там ни говорил Дамблдор, у Гарри летом было время подумать, и он пришел к выводу, что Сириус в ночь своей гибели помчался в Министерство не в последнюю очередь из-за

ехидных намеков Снегга, якобы он, Сириус, сидит в безопасности и прячется, пока другие члены Ордена Феникса рискуют головой, сражаясь с Волан-де-Мортом. Гарри не желал расстаться с этой мыслью, потому что это позволяло обвинить Снегга, что было само по себе приятно, а кроме того, Гарри очень хорошо знал: если есть на свете человек, который не огорчился из-за смерти Сириуса, то именно этот человек идет сейчас рядом с ним в темноте.

— Думаю, следует оштрафовать Гриффиндор на пятьдесят очков за ваше опоздание, — сказал Снегг. — Плюс еще, скажем, двадцать очков за появление в магловской одежде. Я, пожалуй, не припомню другого такого случая, чтобы один из факультетов оказался с отрицательным количеством очков в первый же день учебного года — даже еще не успели приступить к десерту. По-моему, вы установили рекорд, Поттер.

Гарри показалось, что кипевшие в нем ярость и ненависть раскалились добела, но он скорее согласился бы вернуться в Лондон в обездвиженном виде, чем рассказать Снеггу отчего он опоздал.

— Надо думать, вы рассчитывали на эффектный выход? — продолжал издеваться Снегг. — И поскольку летающего автомобиля на сей раз под

рукой не оказалось, вы решили, что ворваться в Большой зал в самом разгаре праздника тоже будет достаточно драматично.

Гарри молчал, хотя у него было такое чувство, словно его сейчас разорвет на куски. Он знал, что Снегг для того и вызвался пойти за ним — ради этих нескольких минут, пока он может без свидетелей измываться и куражиться над Гарри.

Наконец они подошли к ступеням у входа в замок. Огромные дубовые двери распахнулись, пропуская их в просторный, вымощенный каменными плитами вестибюль, и стали слышны смех, разговоры, звон тарелок и бокалов из раскрытых дверей Большого зала. Гарри подумал, не надеть ли ему снова мантию-невидимку, чтобы незаметно добраться до своего места за длинным гриффиндорским столом (который, как нарочно, находился дальше других от входа).

Но Снегг как будто прочитал мысли Гарри. Он сказал:

— Без мантии. Пойдете у всех на виду — я уверен, именно этого вы и добивались.

Гарри повернулся и шагнул прямо в широко раскрытые двери — лишь бы подальше от Снегга. Большой зал с четырьмя длинными факультетскими столами и преподавательским столом на

возвышении был, как обычно, украшен парящими в воздухе свечами, в свете которых тарелки на столах сверкали и переливались. Но у Гарри все расплывалось в глазах, и он видел только какое-то неясное мерцание. Он шел так быстро, что успел миновать стол Пуффендуя, прежде чем на него начали оглядываться, а когда несколько человек вскочили на ноги, чтобы лучше видеть, он уже высмотрел Рона и Гермиону, рванулся вперед и втиснулся на скамью между ними.

— Где ты был? Ух ты, что это у тебя с лицом? — спросил Рон, выпучив на него глаза, как и ближайшие соседи по столу.

— А что с ним такое? — Гарри схватил ложку и прищурился, разглядывая свое искаженное отражение.

— Ты весь в крови! — ахнула Гермиона. — Повернись-ка сюда…

Она взмахнула волшебной палочкой, сказала: *«Тергео!»* — и засохшая кровь мигом втянулась в волшебную палочку.

— Спасибо, — сказал Гарри, ощупывая ставшее совершенно чистым лицо. — Как выглядит мой нос?

— Нормально, — ответила Гермиона с тревогой. — А как он должен выглядеть? Гарри, что

случилось, мы тут чуть не умерли со страху!

— Потом расскажу, — коротко ответил Гарри. Он заметил, что Джинни, Невилл, Дин и Симус насторожили уши, и даже Почти Безголовый Ник, призрак факультета Гриффиндор, подплыл поближе, чтобы послушать.

— Но… — сказала Гермиона.

— Не сейчас, Гермиона, — мрачным и многозначительным тоном произнес Гарри.

Он очень надеялся, что все вообразят, будто его задержали некие героические свершения, желательно с участием парочки Пожирателей смерти и дементора. Конечно, Малфой постарается растрепать правду кому только можно, но есть некоторая вероятность, что большинство гриффиндорцев его не услышат.

Он перегнулся через Рона, чтобы взять себе пару куриных ножек и горсть чипсов, но не успел — они исчезли, и вместо них появился десерт.

— Ты и распределение пропустил, — сообщила Гермиона. Рон тем временем потянулся к огромному шоколадному торту.

— Шляпа говорила что-нибудь интересное? — спросил Гарри, положив себе пирога с патокой.

— Да, в общем, то же, что и всегда… Советовала объединиться перед лицом врага и так далее.

— Дамблдор что-нибудь говорил про Волан-де-Морта?

— Нет пока, но он всегда произносит речь после окончания пира, правильно? Наверное, уже скоро.

— Снегг сказал, что Хагрид опоздал на пир…

— Ты видел Снегга? Где это? — спросил Рон, судорожно запихивая в рот куски шоколадного торта.

— Столкнулись по дороге, — уклончиво ответил Гарри.

— Хагрид опоздал всего на несколько минут, — сказала Гермиона. — Смотри, Гарри, он тебе машет.

Гарри поглядел в сторону преподавательского стола и широко улыбнулся Хагриду, который в самом деле махал ему рукой. Хагрид так и не научился вести себя с подобающей преподавателю солидностью, как, скажем, профессор МакГонагалл, декан факультета Гриффиндор, которая сидела сейчас рядом с ним, доставая ему макушкой чуть выше локтя, но пониже плеча, и неодобрительно косилась на столь бурное приветствие. Гарри удивился, заметив, что по другую сторону от Хагрида сидит профессор Трелони, преподавательница прорицаний — она редко

покидала свой кабинет на верхушке башни, и он еще ни разу не видел ее на пиру по случаю начала учебного года. Она была одета так же причудливо, как и всегда, вся в развевающихся шалях и сверкающих бусах, глаза казались невероятно огромными за стеклами очков. Гарри всегда считал ее обыкновенной мошенницей и страшно удивился, узнав в конце прошлого учебного года, что именно она произнесла пророчество, из-за которого лорд Волан-де-Морт убил родителей Гарри и пытался уничтожить его самого. После этого он и вовсе не стремился бывать в ее обществе. К счастью, в этом году ему уже не нужно было изучать прорицания. Ее взгляд, словно луч маяка, двинулся в сторону Гарри; он быстро отвернулся, и на глаза ему попался стол слизеринцев. Под оглушительный хохот и аплодисменты Драко Малфой демонстрировал с помощью пантомимы, как он разбивает кому-то нос. Гарри уткнулся взглядом в свою тарелку, где лежал кусок пирога с патокой. Внутри у него снова все кипело. Чего бы он только не отдал, чтобы сразиться с Малфоем один на один!..

— Так зачем тебя приглашал профессор Слизнорт? — спросила Гермиона.

— Хотел узнать, что на самом деле произошло

в Министерстве, — ответил Гарри.

— Все хотят! — фыркнула Гермиона. — В поезде нас без конца об этом спрашивали, да, Рон?

— Ага, — сказал Рон. — Все хотят узнать, правда ли, что ты Избранный…

— Об этом много говорят и среди призраков, — вмешался в разговор Почти Безголовый Ник, наклонив к Гарри не до конца отрубленную голову, так что она угрожающе закачалась над гофрированным воротником. — Меня считают в некотором роде авторитетом по Поттеру; наши дружеские отношения хорошо известны. Я, однако, заверил призрачное сообщество, что не намерен донимать тебя расспросами. «Гарри Поттер знает, что может доверять мне безоговорочно, — сказал я им. — Я скорее умру чем предам его доверие».

— Большое дело, ты ведь и так уже мертвый, — заметил Рон.

— Ты всегда тактичен, как затупившийся топор, — оскорбился Почти Безголовый Ник Он взмыл в воздух и полетел к дальнему концу гриффиндорского стола.

Тем временем за преподавательским столом Дамблдор поднялся на ноги. Разговоры и смех в зале почти мгновенно стихли.

— Самого доброго вам вечера! — Дамблдор с широкой улыбкой раскинул руки, как будто хотел обнять всю школу.

— Что у него с рукой? — охнула Гермиона.

Не она одна обратила на это внимание. Правая рука у Дамблдора была такая же почерневшая, безжизненная, как в ту ночь, когда он пришел забрать Гарри из дома Дурслей. По залу зашелестел шепоток. Дамблдор все правильно понял, но только улыбнулся и одернул фиолетовый с золотом рукав, прикрыв свое увечье.

— Не о чем беспокоиться, — сказал он беспечно. — А теперь… нашим новым ученикам — добро пожаловать, наших старых учеников — с возвращением! Вас ожидает еще один год обучения волшебству…

— Она у него такая была, когда я видел его летом, — зашептал Гарри на ухо Гермионе. — Только я думал, он ее уже вылечил… Или мадам Помфри могла ему помочь.

— Она как будто омертвела, — сказала Гермиона, болезненно поморщившись. — Некоторые травмы невозможно исцелить… Древние проклятия… А бывают еще яды, для которых не существует противоядий…

— …а школьный смотритель, мистер Филч,

просил меня объявить о категорическом запрете на любые шуточные товары, приобретенные в магазине под названием «Всевозможные волшебные вредилки».

Желающие играть в команде своего факультета по квиддичу, записывайтесь у деканов факультетов, как обычно. Кроме того, нам требуются новые комментаторы, желающие пусть также записываются у деканов.

В этом году мы рады представить вам нового преподавателя. Профессор Слизнорт (Слизнорт встал, сверкая лысиной в свете свечей, его обтянутый жилетом живот отбрасывал тень на весь стол) — мой бывший коллега, согласился снова преподавать у нас зельеварение.

— Зельеварение?

— Зельеварение?!

Слово эхом разнеслось по Большому залу. Ученики переспрашивали друг друга, сомневаясь, правильно ли они расслышали.

— Зельеварение? — хором повторили Рон и Гермиона, уставившись на Гарри. — А ты говорил…

— Тем временем профессор Снегг, — Дамблдор повысил голос, перекрывая ропот в зале, — возьмет на себя обязанности преподавателя по защите от Темных искусств.

— Нет! — сказал Гарри так громко, что сразу несколько голов повернулись к нему.

Ему было наплевать; вне себя от ярости, он смотрел на преподавательский стол. Как можно после всего, что было, позволить Снеггу преподавать защиту от Темных искусств? Ведь всем известно, что Дамблдор много лет не доверял ему эту работу!

— Гарри, ты же говорил, что Слизнорт будет вести защиту от Темных искусств! — сказала Гермиона.

— Я так думал! — отозвался Гарри, напряженно вспоминая, когда именно Дамблдор ему об этом сказал. Если подумать, Дамблдор и впрямь не говорил, какой предмет будет преподавать профессор Слизнорт.

Снегг, сидевший справа от Дамблдора, не встал, когда было произнесено его имя, только лениво приподнял руку в ответ на аплодисменты со стороны слизеринского стола, но Гарри был уверен, что разглядел торжествующее выражение на ненавистном лице.

— Одно хорошо, — сказал он с бешенством, — к концу года мы избавимся от Снегга.

— В смысле? — не понял Рон.

— Эта должность проклята. Никто еще не про-

держался на ней больше года… Квиррелл так и вообще погиб. Я лично буду держать скрещенные пальцы — может, еще кто помрет…

— Гарри! — укоризненно воскликнула шокированная Гермиона.

— Может, он просто в конце года вернется к своим волшебным зельям, — рассудительно заметил Рон. — Вдруг этот Слизнорт не захочет остаться надолго. Грюм вот не захотел.

Дамблдор прокашлялся. Не только Гарри, Рон и Гермиона отвлеклись на разговоры; по всему залу обсуждали поразительное известие о том, что Снегг наконец-то дождался исполнения своей заветной мечты. Словно не замечая, какую сенсационную новость он только что сообщил, Дамблдор ничего больше не сказал о перемещениях в штате преподавателей. Выждав, пока установится абсолютная тишина, он заговорил снова.

— Далее… Как известно всем присутствующим в этом зале, лорд Волан-де-Морт и его сторонники снова действуют в открытую и собирают силы.

При этих словах Дамблдора молчание сделалось натянутым, как струна. Гарри оглянулся на Малфоя. Малфой, не глядя на Дамблдора, удерживал в воздухе вилку при помощи волшебной

палочки, как будто речь директора школы не заслуживала его внимания.

— Мне хотелось бы всячески подчеркнуть, насколько опасна сложившаяся ситуация и насколько важно, чтобы каждый из нас заботился о безопасности Хогвартса. Магическая охрана замка за лето была усилена, у нас появились новые, более мощные средства защиты, но тем не менее все мы, и ученики, и преподаватели, должны быть крайне осторожны и не допускать ни малейшей беспечности. Поэтому я прошу вас, в целях безопасности соблюдайте все ограничения, о которых будут говорить вам учителя, пусть даже это покажется вам обременительным, и в особенности строго выполняйте правило о запрете ученикам выходить после отбоя из своих спален. Заклинаю вас — если заметите что-нибудь необычное или подозрительное в замке или за его пределами, немедленно сообщайте об этом кому-либо из преподавателей. Я верю и надеюсь, что вы будете постоянно помнить о своей безопасности и о безопасности других учеников.

Голубые глаза Дамблдора обвели взглядом зал, и он снова улыбнулся.

— Но сейчас вас ждут уютные, теплые постели, какие только можно пожелать, и главная ваша за-

дача на данный момент — хорошенько выспаться перед завтрашними уроками. А потому давайте скажем друг другу: «Спокойной ночи! Пока!»

Как всегда, с грохотом начали отодвигаться скамьи, сотни учеников потянулись из Большого зала по своим спальням. Гарри не спешил — ему совсем не хотелось идти в общей толпе, где на него будут таращиться все, кому не лень, да еще, чего доброго, оказаться рядом с Малфоем, дав ему возможность лишний раз разыграть в лицах историю со сломанным носом. Он притворился, будто завязывает шнурки на кроссовках, дожидаясь, пока основная масса гриффиндорцев уйдет из зала. Гермиона унеслась выполнять обязанности старосты — показывать дорогу новичкам, а Рон остался с Гарри.

— Что у тебя на самом деле было с носом? — спросил он, когда они наконец вышли из зала в самом хвосте толпы, где их никто не мог подслушать.

Гарри коротко рассказал. И вот доказательство, насколько сильна была их дружба, — Рон не стал смеяться.

— Я видел, как Малфой что-то такое изображал, связанное с носом, — произнес он мрачно.

— Да ну его, — со злостью ответил Гарри. —

Лучше послушай, о чем он болтал, пока не знал, что я там…

Гарри ожидал, что Рон будет потрясен его рассказом. Но Рон остался вполне равнодушен — исключительно из тупого упрямства, по мнению Гарри.

— Ладно тебе, Гарри, он просто хотел покрасоваться перед Паркинсон… Ну какое такое важное задание Сам-Знаешь-Кто мог ему поручить?

— Откуда ты знаешь, может, Волан-де-Морту нужен свой человек в Хогвартсе? Это был бы уже не первый раз…

— Не называл бы ты это имя вслух, Гарри, — послышался за спиной укоризненный голос. Гарри оглянулся и увидел Хагрида, качающего головой.

— Дамблдор произносит это имя, — упрямо сказал Гарри.

— Ну, так то Дамблдор, верно? — загадочно ответил Хагрид. — Отчего ж ты так опоздал, Гарри? Я за тебя беспокоился.

— Меня задержали в поезде, — сказал Гарри. — А ты почему опоздал?

— Навещал Грохха, — радостно ответил Хагрид. — Совсем забыл о времени. У него теперь новое жилье в горах. Дамблдор ему устроил — отличная большая пещера. Ему там лучше, чем в

Лесу. Мы с ним так хорошо поболтали.

— Правда?

Гарри старался не смотреть на Рона. Во время их последней встречи со сводным братцем Хагрида, свирепым великаном, вырывающим деревья с корнями, словарный запас Грохха состоял ровно из пяти слов, причем два из них он был не в состоянии произнести как следует.

— Да-а, он столькому научился, — сказал Хагрид с гордостью. — Вы просто не представляете. Вот еще малость подучу его и возьму к себе в помощники.

Рон громко фыркнул, но ухитрился сделать вид, что сильно чихнул. Они уже стояли у дубовых дверей замка.

— Ладно, до завтра, первый урок сразу после обеда. Приходите пораньше, поздороваетесь с Клювокры… то есть я хотел сказать — с Махаоном!

Весело помахав им рукой, он вышел во тьму.

Гарри и Рон уставились друг на друга. Гарри видел, что у Рона, как и у него самого, на душе кошки скребут.

— Ты как, будешь продолжать занятия по уходу за магическими существами?

Рон покачал головой:

— А ты?

Гарри тоже покачал головой.

— А Гермиона? — спросил Рон. — Она вроде тоже нет?

Гарри снова покачал головой. Ему не хотелось думать о том, что скажет Хагрид, когда узнает, что трое его любимых учеников отказались продолжать изучение его предмета.

Глава 9

ПРИНЦ-ПОЛУКРОВКА

На следующее утро Гарри и Рон встретились с Гермионой до завтрака в общей гостиной. Надеясь, что Гермиона поддержит его теорию, Гарри поторопился рассказать ей о том, что подслушал в «Хогвартс-экспрессе».

— Но он же явно просто выпендривался перед Паркинсон, правда? — встрял Рон, прежде чем Гермиона успела что-нибудь сказать.

— Ну-у — неуверенно протянула она, — не знаю… Вообще-то похоже на Малфоя — пытаться придать себе больше важности, чем есть на самом деле… Но выдумать такое…

— Вот именно, — сказал Гарри, но углубляться в детали не стал, потому что кое-кто в гостиной начал прислушиваться к разговору, не говоря уже о том, что многие таращили на него глаза и шептались украдкой.

— Воспитанные люди не показывают пальцем! — рявкнул Рон на крошечного первокурсника, вставая в очередь к выходу из гостиной.

Мальчишка, который шептался о Гарри со сво-

им приятелем, прикрывшись ладошкой, густо покраснел и со страху кубарем выкатился через портретный проем. Рон засмеялся с довольным видом.

— Хорошо быть шестикурсником! Да еще у нас в этом году будет свободное время. Целые уроки, когда можно просто сидеть и расслабляться.

— Это время нам дано для самостоятельных занятий, Рон! — сказала Гермиона, выбираясь вслед за ними в коридор.

— Только не сегодня, — возразил Рон. — Сегодня, я так думаю, у нас будет полная лафа.

— Стой! — Гермиона протянула руку и перехватила пробегавшего мимо четверокурсника, крепко сжимавшего в руке ядовито-зеленый диск. — Кусачие тарелки запрещены, дай сюда, — строго сказала она ему.

Мальчишка, насупившись, отдал ей рычащую тарелочку, проскочил под рукой Гермионы и умчался за своими друзьями. Рон подождал, пока он скроется из виду, и потянул к себе кусачую тарелку.

— Отлично, я всегда о такой мечтал! Возражения Гермионы заглушил громкий смех — Лаванда Браун, по-видимому, нашла выходку Рона чрезвычайно забавной. Она еще долго продолжала

хихикать, а пройдя мимо Рона, оглянулась через плечо. Рон весь надулся от самодовольства.

Потолок в Большом зале был безмятежно голубого цвета с легкими штрихами облачков, как и квадратики неба, видневшиеся в высоких окнах с частым переплетом. Заправляясь овсянкой и яичницей с беконом, Гарри и Рон рассказали Гермионе о вчерашнем разговоре с Хагридом, лишившем их Душевного покоя.

— Но он же не может всерьез думать, что мы станем продолжать курс ухода за магическими существами! — расстроилась Гермиона. — Я хочу сказать, разве мы хоть когда-нибудь… ну, вы понимаете… проявляли энтузиазм?

— То-то и оно, правильно? — сказал Рон, целиком заглатывая яичницу-глазунью. — Мы больше всех старались на уроках, потому что мы любим Хагрида. А он решил, что мы любим его дурацкий предмет. Как вы думаете, хоть кто-нибудь будет у него готовиться к ЖАБА?

Гарри и Гермиона не ответили — в этом не было нужды. Они прекрасно понимали, что никто из их однокурсников не захочет продолжать изучение ухода за магическими существами. Они не решались посмотреть на Хагрида, а когда десять минут спустя он поднялся из-за преподаватель-

ского стола и жизнерадостно помахал им рукой, трусливо заерзали в ответ.

После завтрака все остались на местах, дожидаясь, пока к ним подойдет профессор МакГонагалл. В этом году раздача персональных расписаний несколько усложнилась, так как профессор МакГонагалл должна была вначале удостовериться, что все получили нужное количество баллов за СОВ и могут продолжать занятия по выбранным предметам для подготовки к ЖАБА.

Гермиона мгновенно получила разрешение продолжать курс по заклинаниям, защите от Темных искусств, трансфигурации, травологии, нумерологии, древним рунам и зельеварению и тут же унеслась на первый урок древних рун. С Невиллом дело затянулось дольше. Его круглое лицо выражало тревогу, когда профессор МакГонагалл просматривала его заявку, сверяясь с результатами СОВ.

— Травология — прекрасно, — сказала она. — При оценке «превосходно» за экзамен профессор Стебль будет очень рада продолжить ваше обучение. По защите от Темных искусств у вас «выше ожидаемого» — можете продолжать курс. А вот с трансфигурацией у вас не все ладно. Мне очень жаль, Долгопупс, но оценка «удовлетворительно»

— маловато для занятий на уровне ЖАБА. Боюсь, вы просто не справитесь с объемом работы.

Невилл повесил голову. Профессор МакГонагалл внимательно взглянула на него сквозь прямоугольные стекла очков.

— Зачем вам, собственно, продолжать изучение трансфигурации? У меня не было впечатления, что этот предмет вам особенно нравится.

Невилл с несчастным видом пробормотал что-то вроде «бабушка хочет».

— Хмф, — фыркнула профессор МакГонагалл. — Пора бы уже вашей бабушке начать гордиться своим внуком, какой он есть, а не тем, каким он, по ее мнению, должен быть — особенно после того, что произошло в Министерстве.

Невилл весь порозовел и смущенно заморгал. Он никогда еще не слышал похвалы от профессора МакГонагалл.

— Сожалею, Долгопупс, но я не могу взять вас в класс подготовки к ЖАБА. Как я вижу, у вас «выше ожидаемого» по заклинаниям — почему не подготовиться к ЖАБА по этому предмету?

— Бабушка считает, что заклинания — для слабаков, — промямлил Невилл.

— Берите курс заклинаний, — сказала МакГонагалл, — а я черкну словечко Августе, напомню

ей, что если она в свое время провалила СОВ по заклинаниям… это еще не значит, что сам предмет никуда не годится.

Чуть заметно улыбнувшись при виде робкого восторга на лице Невилла, профессор МакГонагалл коснулась волшебной палочкой чистого бланка и вручила Невиллу уже заполненное расписание.

Затем профессор МакГонагалл повернулась к Парвати Патил. Та первым делом спросила, будет ли Флоренц, красавец-кентавр, и дальше преподавать прорицания.

— В этом году они с профессором Трелони поделят между собой курсы, — сказала профессор МакГонагалл с легким оттенком неодобрения в голосе; все знали, что она презирает прорицания как учебный предмет. — У шестого курса занятия будет вести профессор Трелони.

Отправляясь через несколько минут на урок прорицаний, Парвати выглядела несколько удрученной.

— Так, Поттер, Поттер… — проговорила профессор МакГонагалл, поворачиваясь к Гарри и заглядывая в свои записи. — Заклинания, защита от Темных искусств, травология, трансфигурация… Все очень хорошо. Должна сказать, Поттер,

я довольна вашей экзаменационной оценкой по трансфигурации, очень довольна. А почему вы не включили в заявку зельеварение? Вы, кажется, мечтали стать мракоборцем?

— Да, профессор, но вы сказали, что для этого нужно получить «превосходно» на экзамене.

— Так оно и было, когда зельеварение преподавал профессор Снегг. А профессор Слизнорт с удовольствием принимает для подготовки к ЖАБА учеников с оценкой «выше ожидаемого». Ну как, хотите продолжать курс зельеварения?

— Да, — сказал Гарри, — но я не купил учебники, ингредиенты и все остальное…

— Я уверена, что профессор Слизнорт сможет одолжить вам все необходимое, — сказала профессор МакГонагалл. — Прекрасно, Поттер, вот ваше расписание. Да, кстати, в команду Гриффиндора по квиддичу уже записались двенадцать человек. Я передам вам список чуть позже, вы сможете назначить отборочные испытания на удобное для вас время.

Через несколько минут Рон получил разрешение продолжать занятия по тем же предметам, что и Гарри, и оба они вышли из-за стола.

— Смотри, — ликовал Рон, изучая листок с расписанием, — у нас сейчас свободный урок, и

после перемены тоже… и еще один после обеда… вот это класс!

Они вернулись в гостиную, где не было никого, кроме полудюжины семикурсников и в том числе Кэти Белл, — она одна осталась из первоначального состава гриффиндорской команды, в которую Гарри вступил, когда учился на первом курсе.

— Я так и думала, что ты его получишь, молодец! — крикнула она через всю комнату, показывая на значок капитана на груди Гарри. — Скажешь, когда отборочные!

— Не говори ерунду, — сказал Гарри. — Зачем тебе пробоваться, я уже пять лет вижу, как ты играешь…

— Нет, так нельзя, — строго возразила она. — Откуда ты знаешь, может, на факультете есть игроки лучше меня. Самую хорошую команду можно развалить, если капитан держит игроков по старой памяти или набирает своих приятелей по знакомству.

Рон слегка смутился и принялся увлеченно играть с кусачей тарелкой, которую Гермиона отобрала у четверокурсника. Тарелка носилась по комнате, рыча и порываясь выдрать зубами клок гобелена. Желтые глаза Живоглота не отры-

вались от нее, он громко шипел всякий раз, как тарелка подлетала слишком близко.

Через час Рон и Гарри неохотно покинули залитую солнцем гостиную и отправились на урок защиты от Темных искусств четырьмя этажами ниже. Гермиона уже стояла под дверью вместе с другими учениками, с охапкой толстенных книг в руках и с довольно-таки очумелым видом.

— Нам столько назадавали по рунам, — сказала она с тревогой, когда Гарри и Рон подошли к ней. — Письменную работу на пятнадцать дюймов, два перевода, и еще все вот это нужно прочитать к среде!

— Кошмар, — зевнул Рон.

— Подожди, — обиженно огрызнулась она, — спорим, Снегг нам тоже кучу домашних заданий накидает!

Не успела она договорить, как дверь отворилась и из классной комнаты вышел Снегг — изжелта-бледное лицо, как всегда, обрамлено сальными черными волосами. Толпа перед дверью моментально затихла.

— В класс! — приказал Снегг.

Перешагнув порог, Гарри осмотрелся. На всем уже был виден отпечаток личности Снегга. В комнате было темнее, чем обычно, потому что

занавески на окнах были задернуты и класс освещался свечами. На стенах красовались новые картины, в основном изображавшие людей в мучениях, со страшными ранами или невероятно искаженными частями тела. Ученики рассаживались молча, нервно оглядываясь на зловещие картины.

— Я не велел вам достать учебники, — сказал Снегг, закрыв дверь и остановившись возле учительского стола.

Гермиона поспешно бросила свой экземпляр учебника «Лицом к лицу с безликим» обратно в сумку, а сумку затолкала под стул.

— Пока что просто послушайте меня. И попрошу не отвлекаться.

Его черные глаза прошлись по лицам учеников, задержавшись на лице Гарри на какую-то долю секунды дольше других.

— Насколько мне известно, за время учебы у вас сменилось пять преподавателей по этому предмету.

««Насколько мне известно…» Как будто ты не следил за ними, как коршун, в надежде, что станешь следующим, Снегг!» — со злостью подумал Гарри.

— Естественно, у каждого из этих препода-

вателей были свои задачи и свои методы. При таком бессистемном обучении меня удивляет, что многие из вас все-таки наскребли проходной балл на экзамене СОВ по данному предмету. Еще больше меня удивит, если все вы справитесь с объемом работы на уровне ЖАБА, значительно более углубленном и обширном.

Снегг двинулся вдоль стены в обход класса; теперь он говорил, понизив голос, и ученикам приходилось выворачивать шеи, чтобы видеть его.

— Темные искусства, — говорил Снегг, — многочисленны, разнообразны, изменчивы и вечны. Бороться с ними — все равно что сражаться с многоголовым чудовищем. Отрубишь одну голову — на ее месте тут же вырастает новая, еще более свирепая и коварная, чем прежде. Это битва с противником, непостоянным, неуловимым, вечно меняющим обличья, и уничтожить его невозможно.

Гарри уставился на Снегга. Одно дело — уважать Темные искусства как опасного врага, и совсем другое — говорить о них, как сейчас Снегг, чуть ли не с нежностью.

— Следовательно, ваша защита, — чуть громче продолжал Снегг, — должна быть такой же изоб-

ретательной и гибкой, как те Искусства, которые вы тщитесь одолеть. Эти картины, — он на ходу махнул рукой в их сторону, — дают довольно точное представление о том, что происходит с человеком, подвергшимся, к примеру, воздействию заклятия Круциатус (он указал на изображение волшебницы, скорчившейся и кричащей от боли), испытавшим поцелуй дементора (на картине волшебник бессильно привалился к стене, безучастно глядя прямо перед собой пустыми глазами) или спровоцировавшим нападение инфернала (кровавая каша на земле).

— Значит, инферналы действительно появились? — тоненьким голоском спросила Парвати Патил- Это уже точно известно, он их использует?

— В прошлом Темный Лорд использовал инферналов, — ответил Снегг, — а значит, имеет смысл исходить из предположения, что он может использовать их снова. Итак…

Он двинулся вдоль противоположной стены, возвращаясь к учительскому столу, и снова ученики, как завороженные, провожали его глазами. Темная мантия развевалась у него за спиной.

— …полагаю, вы абсолютно незнакомы с невербальными заклинаниями. В чем состоит

преимущество невербальных заклинаний?

Рука Гермионы взметнулась вверх. Снегг не торопясь оглядел класс, убедился, что выбора нет, и сказал отрывисто:

— Очень хорошо. Мисс Грейнджер!

— Противник не знает заранее, какое именно заклинание вы собираетесь осуществить, — сказала Гермиона. — Это дает вам крошечное преимущество во времени.

— Вы практически дословно повторили текст учебника «Стандартная книга заклинаний» для шестого курса, — пренебрежительно заметил Снегг (Малфой злорадно захихикал в дальнем углу), — но, по сути, ответ верен. Действительно, тот, кто овладеет умением колдовать, не выкрикивая во все горло заклинания, получает выигрыш во времени и возможность застать противника врасплох. Разумеется, это подвластно не всем волшебникам. Здесь важную роль играет способность сосредоточиться и сила духа, которой… — его злобный взгляд снова задержался на Гарри, — наделены далеко не все.

Гарри знал, что Снегг думает сейчас о прошлогодних уроках окклюменции, закончившихся полным провалом. Он не опустил глаз и продолжал свирепо смотреть на Снегга, пока тот не

отвернулся.

— Сейчас, — снова заговорил Снегг, — вы разделитесь на пары. Один партнер попытается без слов навести порчу на другого. Другой будет пытаться, также молча, отвести от себя порчу. Приступайте.

Снегг не знал, что Гарри в прошлом году обучил по крайней мере половину курса (всех участников ОД) выполнять Щитовые чары. Но никто из них раньше не пробовал делать это без слов. Естественно, многие стали жульничать — произносили заклинание не вслух, а шепотом. Само собой, через десять минут после начала урока Гермиона сумела без единого звука отразить направленное на нее Невиллом заклятие-подножку. «Любой нормальный учитель за такое достижение наградил бы Гриффиндор не меньше как двадцатью очками», — подумал Гарри с горечью, но Снегг как будто ничего не заметил. Пока ученики упражнялись, он расхаживал по классу, как всегда похожий на гигантского нетопыря. Около Гарри и Рона он остановился посмотреть, как они справляются с заданием.

Была очередь Рона насылать порчу на Гарри; Рон весь побагровел, крепко сжав губы, чтобы случайно не поддаться соблазну прошептать

заклинание. Гарри высоко поднял волшебную палочку, готовый в любой момент отразить заклятие, которого, похоже, ему не суждено было дождаться.

— Какое убожество, Уизли, — сказал Снегг, понаблюдав за ними некоторое время. — Дайте-ка я покажу, как это делается…

Он так быстро взмахнул волшебной палочкой, целясь в Гарри, что Гарри среагировал чисто машинально: напрочь позабыв о невербальных заклинаниях, он завопил:

— *Протего!*

Щитовые чары получились у него такими мощными, что Снегг отлетел назад и врезался в соседнюю парту. Весь класс оглянулся и теперь смотрел, как Снегг, злобно нахмурившись, поднимается на ноги.

— Вы помните, что мы сегодня занимаемся невербальными заклинаниями, Поттер?

— Да, — сдавленно ответил Гарри.

— Да, сэр.

— Совсем необязательно называть меня «сэр», профессор.

Слова вырвались прежде, чем Гарри понял, что он говорит. Несколько человек ахнули, в том числе и Гермиона. Зато Рон, Дин и Симус одобри-

тельно заулыбались за спиной у Снегга.

— Явитесь в субботу вечером ко мне в кабинет, — приказал Снегг. — Наглости, Поттер, я не потерплю ни от кого… даже и от Избранного.

— Это было классно, Гарри! — давился от смеха Рон, когда вскоре после этого они были отпущены на перемену и отошли на безопасное расстояние от кабинета.

— Не надо было тебе этого говорить, — проворчала Гермиона, хмуро взглянув на Рона. — Что тебя дернуло?

— Если ты заметила, он хотел наслать на меня порчу! — вскипел Гарри. — Мне этого хватило на уроках окклюменции! Почему он не найдет себе для разнообразия другого подопытного кролика? И вообще, как это Дамблдору пришло в голову отдать ему уроки по защите? Слышала, как он разливался о Темных искусствах? Он их просто обожает! Прямо такие они все изменчивые да многогранные…

— Знаешь, — сказала Гермиона, — а я как раз подумала, что он говорил совсем как ты.

— Как я?!

— Да, когда ты нам рассказывал, что это такое — сразиться с Волан-де-Мортом. Ты говорил, что тут мало просто заучить кучу заклинаний,

сказал: можно рассчитывать только на самого себя, на свои мозги, на свою храбрость… Так ведь примерно то же самое говорил и Снегг, верно? Что, по сути, главное — быть храбрым и быстро соображать.

Гарри был совершенно обезоружен тем, что она настолько ценит его слова, даже выучила их наизусть, словно «Общую теорию заклинаний», а потому не стал больше спорить.

— Гарри! Эй, Гарри!

Гарри оглянулся. Его догонял Джек Слоупер, один из прошлогодних загонщиков Гриффиндора, со свитком пергамента в руке.

— Это тебе, — пропыхтел Слоупер. — Слушай, говорят, ты теперь капитан команды. Когда отборочные испытания?

— Я еще не решил, — ответил Гарри, а про себя подумал, что Слоуперу сильно повезет, если он сумеет снова попасть в команду. — Я тебе скажу.

— Ну, ладно. Я надеялся, они будут в эти выходные…

Но Гарри уже не слушал: он узнал тонкий косой почерк Дамблдора на пергаменте. Бросив Слоупера на полуслове, он быстро пошел прочь вместе с Роном и Гермионой, на ходу разворачивая пергамент.

Дорогой Гарри!

Я хотел бы приступить к нашим индивидуальным занятиям в эту субботу. Приходи, пожалуйста, ко мне в кабинет в восемь часов вечера. Надеюсь, первый учебный день прошел хорошо.

Искренне твой, Альбус Дамблдор.

P.S. Я очень люблю кислотные леденцы.

— Он любит кислотные леденцы? — с недоумением переспросил Рон, прочитав записку через плечо Гарри.

— Это пароль для горгульи, которая охраняет его кабинет, — тихо объяснил Гарри. — Ха! Снегг не обрадуется… Я теперь не смогу явиться к нему после уроков!

Весь остаток перемены друзья гадали, чему Дамблдор будет обучать Гарри. Рон считал, что это, скорее всего, будут какие-нибудь потрясающе эффектные заклятия, неизвестные Пожирателям смерти. Гермиона сказала, что это запрещено законом и более вероятно, что Дамблдор хочет обучить его каким-то сверхсовершенным разновидностям защитной магии. После перемены она пошла на свою нумерологию, а Гарри и Рон вер-

нулись в гостиную и с большой неохотой взялись за домашнее задание Снегга. Оно оказалось таким трудным, что они не закончили его даже после обеда, когда к ним на следующий свободный урок присоединилась Гермиона (правда, с ее приходом дело пошло значительно бодрее). Только они одолели наконец эту работу, прозвенел звонок на сдвоенный урок зельеварения, и они бросились знакомой дорогой вниз, в подземелье, в классную комнату, где так долго царил Снегг.

Когда они подбежали к дверям класса, оказалось, что продолжать обучение на уровне ЖАБА решились не больше дюжины человек. Крэбб и Гойл, очевидно, не получили достаточно высокой оценки на СОВ, но четверо слизеринцев все-таки набрали нужное количество баллов, в том числе и Малфой. Еще в коридоре было четверо ребят из Когтеврана и один пуффендуец, Эрни Макмиллан. Гарри он нравился, несмотря на свою напыщенность.

— Гарри, — сказал Эрни с важным видом, протягивая ему руку, — я не имел возможности поговорить с тобой сегодня утром на защите от Темных искусств. На мой взгляд, урок был хороший, но, конечно, Щитовые чары — это старый трюк для нас, ветеранов ОД… Рон, Гермиона, как

поживаете?

Они успели только ответить «нормально», когда дверь классной комнаты открылась и показался сперва живот Слизнорта, а потом уж и он сам. Радостно улыбаясь из-под пышных, как у моржа, усов, он одного за другим пропускал учеников в класс, причем с особенным энтузиазмом приветствовал Гарри и Забини.

В подземелье непривычно клубился разноцветный пар и витали удивительные запахи. Гарри, Рон и Гермиона с интересом принюхивались, проходя мимо огромных котлов, в которых что-то кипело и булькало. Четверо слизеринцев уселись вместе за один стол, другой заняли четверо когтевранцев, а Гарри, Рону и Гермионе осталось сесть с Эрни. Они выбрали себе стол поближе к котлу с золотистой жидкостью, от которого шел самый заманчивый аромат. Гарри он напомнил одновременно пирог с патокой, запах дерева от рукоятки метлы и что-то цветочное — кажется, так пахло в «Норе». Он поймал себя на том, что дышит глубоко и медленно, и пар от зелья понемногу наполняет его до краев, словно чудесный напиток. Его охватило ощущение невероятного довольства; он улыбнулся Рону через стол, и Рон лениво улыбнулся в ответ.

— Ну-те-с, ну-те-с, — проговорил Слизнорт; очертания его массивной фигуры мерцали и расплывались в мареве многоцветного пара. — Все достали весы, наборы для приготовления зелья, и не забудьте учебники «Расширенный курс зельеварения»…

— Сэр! — Гарри поднял руку.

— Гарри, мой мальчик?

— У меня нет учебника, и весов, ничего нет… И у Рона тоже… Понимаете, мы не знали, что нам можно будет продолжить курс…

— Ах да, профессор МакГонагалл что-то упоминала… Не волнуйтесь, не волнуйтесь ни о чем, мой милый мальчик. Сегодня вы можете взять ингредиенты из моего шкафа, и какие-нибудь весы для вас найдутся, и еще имеется небольшой запас старых учебников, можете пользоваться первое время, а там напишете во «Флориш и Блоттс»…

Слизнорт порылся в шкафчике в углу, извлек два сильно потрепанных экземпляра «Расширенного курса зельеварения» Либациуса Бораго и вручил их Рону и Гарри вместе с двумя парами потускневших от времени весов.

— Ну-с, — Слизнорт снова встал у доски, выпятив и без того объемистую грудь, так что

пуговицы на жилете грозили оторваться, — я приготовил для вас несколько зелий — так, для интереса, знаете ли. Такого рода зелья вы должны будете уметь готовить к экзамену ЖАБА. Вы наверняка о них слышали, даже если пока еще ни разу не варили. Кто-нибудь может мне сказать, что это за зелье?

Он указал на котел рядом со столом слизеринцев. Гарри приподнялся со стула и увидел, что в котле кипит жидкость, с виду похожая на обыкновенную воду.

Гермиона отработанным движением подняла руку раньше всех, Слизнорт указал на нее.

— Это сыворотка правды, жидкость без цвета и запаха, которая вынуждает того, кто ее выпьет, говорить правду, — сказала Гермиона.

— Очень хорошо, очень хорошо! — одобрил Слизнорт. — А теперь… — Он указал на котел возле стола когтевранцев. — Это зелье также широко известно… В последнее время не раз упоминалось в министерских брошюрках… Кто знает?..

Гермиона снова быстрее всех подняла руку.

— Это Оборотное зелье, — сказала она.

Гарри тоже узнал густую, тягучую, медленно булькающую субстанцию цвета глины во втором котле, но он не обиделся на Гермиону за то, что

та ответила первой; в конце концов, именно она сумела изготовить это зелье, когда все они еще учились на втором курсе.

— Отлично, отлично! Ну, а это… Да, моя дорогая, — сказал Слизнорт, слегка ошарашенный активностью Гермионы, которая снова подняла руку.

— Это Амортенция!

— В самом деле. Как-то даже глупо спрашивать, — сказал потрясенный Слизнорт, — но вы, вероятно, знаете, как оно действует?

— Это самое мощное приворотное зелье в мире! — сказала Гермиона.

— Совершенно верно! Вы, видимо, узнали его по особому перламутровому блеску?

— И по тому, что пар завивается характерными спиралями, — с большим воодушевлением ответила Гермиона, — и еще оно пахнет для каждого по-своему, в зависимости от того, какие запахи нам нравятся, — например, я чувствую запах свежескошенной травы, и нового пергамента, и…

Тут она слегка порозовела и не закончила фразу.

— Позвольте узнать ваше имя, моя дорогая? — спросил Слизнорт, будто не замечая смущения Гермионы.

— Гермиона Грейнджер, сэр.

— Грейнджер… Грейнджер… Вы, случайно, не в родстве с Гектором Дагворт-Грейнджером, который основал Сугубо Экстраординарное Общество Зельеварителей?

— Нет, не думаю, сэр. Видите ли, я из семьи магглов.

Гарри заметил, как Малфой наклонился к Нотту и что-то зашептал ему на ухо; оба гадко засмеялись, но Слизнорт нимало не огорчился — напротив, он так и лучился улыбкой, переводя взгляд с Гермионы на Гарри, который сидел рядом с ней.

— Ага! «Моя лучшая подруга — из семьи магглов и учится лучше всех на нашем курсе»! Полагаю, это и есть та подруга, о которой ты говорил, Гарри?

— Да, сэр, — сказал Гарри.

— Очень хорошо, мисс Грейнджер, примите заслуженные двадцать очков в пользу Гриффиндора, — добродушно проговорил Слизнорт.

У Малфоя было такое же выражение, как в тот раз, когда Гермиона врезала ему по физиономии. Гермиона, сияя, повернулась к Гарри и зашептала:

— Ты правда сказал ему, что я лучшая на курсе?

Ой, Гарри!

— А что тут такого особенного? — непонятно почему насупился Рон. — Ты и есть лучшая, я бы тоже так ему сказал, если бы он меня спросил!

Гермиона улыбнулась, но приложила палец к губам, потому что Слизнорт опять начал что-то говорить. Рон выглядел несколько раздраженным.

— Разумеется, на самом деле Амортенция не создает любовь. Любовь невозможно ни сфабриковать, ни сымитировать. Нет, этот напиток просто вызывает сильное увлечение, вплоть до одержимости. Вероятно, это самое могущественное и опасное зелье из всех, что находятся сейчас в этой комнате. О да, — прибавил он, серьезно кивая недоверчиво ухмылявшимся Малфою и Нотту. — Вот поживете с мое, наберетесь жизненного опыта, тогда уже не станете недооценивать силу любовного наваждения… А теперь, — продолжил Слизнорт, — пора приступать к работе.

— Сэр, вы не сказали, что в этом котле. — Эрни Макмиллан указал на маленький черный котел, стоявший на учительском столе. В нем весело плескалась жидкость цвета расплавленного золота, большие капли подскакивали над поверхностью, точно золотые рыбки, но ничего не проливалось наружу.

— Ага, — снова сказал Слизнорт, и Гарри стало ясно, что он вовсе не забыл про это зелье, а просто дожидался вопроса для пущего эффекта. — Да. Это. Что ж, леди и джентльмены, это весьма любопытное зельице под названием «Феликс Фелицис». Насколько я понимаю, — с улыбкой повернулся он к Гермионе, которая громко ахнула, — вы знаете, как действует «Феликс Фелицис», мисс Грейнджер?

— Это везение в чистом виде! — взволнованно произнесла Гермиона. — Оно приносит удачу!

Все выпрямились на стульях. Гарри теперь было видно только прилизанный белобрысый затылок Малфоя, который наконец-то удостоил Слизнорта своим полным и безраздельным вниманием.

— Совершенно верно, еще десять очков Гриффиндору. Да, забавное это зелье, «Феликс Фелицис», — сказал Слизнорт. — Невероятно трудное в изготовлении, и, если процесс хоть немного нарушен, последствия могут быть катастрофическими. Но если зелье сварено правильно, вот как это, например, то все, за что вы ни возьметесь, будет вам удаваться… по крайней мере пока длится действие зелья.

— Почему же его не пьют постоянно, сэр? —

азартно спросил Терри Бут.

— Потому что при неумеренном употреблении оно вызывает головокружение, безрассудство и опасный избыток уверенности в себе, — пояснил Слизнорт. — Хорошенького понемножку, знаете ли… В больших дозах это зелье чрезвычайно токсично. Но изредка, по чуть-чуть…

— А вы когда-нибудь принимали его, сэр? — спросил Майкл Корнер с живым интересом.

— Дважды в своей жизни, — ответил Слизнорт. — Один раз, когда мне было двадцать четыре года, и еще раз — когда мне было пятьдесят семь. Две столовые ложки за завтраком. Два идеальных дня.

Он мечтательно устремил взор в пространство. «Актерствует он или нет, — подумал Гарри, — но выглядит это впечатляюще».

— И это зелье, — сказал Слизнорт, словно очнувшись, — будет наградой на нашем сегодняшнем Уроке. Наступила такая тишина, что бульканье зелий в котлах как будто стало в десять раз громче.

— Один малюсенький флакончик «Феликс Фелицис». — Слизнорт вынул из кармана миниатюрную стеклянную бутылочку и показал ее всему классу. — Доза рассчитана на двенадцать

часов удачи. От рассвета до заката вам будет везти во всех ваших начинаниях. Но я должен вас предупредить, что «Феликс Фелицис» запрещен к использованию на любых официальных состязаниях, таких, как спортивные соревнования, экзамены и выборы. Поэтому наш победитель должен будет использовать его только в обыкновенный день… и пусть этот день станет для него необыкновенным!

Так, — продолжил Слизнорт, внезапно переходя на деловитый тон, — что же нужно сделать, чтобы выиграть этот сказочный приз? Обратимся к странице десять «Расширенного курса зельеварения». У нас осталось немногим больше часа, и этого времени вам должно хватить на пристойную попытку сварить Напиток живой смерти. Я знаю, что до сих пор вы не приступали к таким сложным зельям, и потому не жду идеального результата. Во всяком случае, тот, кто добьется наилучших результатов, получит в награду этого маленького «Феликса». Начали!

Ученики дружно загремели котлами, кто-то уже со звоном ставил гирьки на весы, но никто не произносил ни слова. Сосредоточенную целеустремленность, царившую в классе, можно было, кажется, пощупать рукой. Гарри видел, как

Малфой лихорадочно листает «Расширенный курс зельеварения». Очевидно, Малфою совершенно необходим хоть один удачный день. Гарри поскорее склонился над потрепанным учебником, который одолжил ему Слизнорт.

К его большой досаде, оказалось, что предыдущий владелец учебника исписал все страницы вдоль и поперек, даже поля были сплошь заполнены какой-то писаниной. Гарри нагнулся пониже, кое-как расшифровал список ингредиентов (предыдущий владелец и здесь понаписал невесть чего, а кое-что, наоборот, вычеркнул). Затем он вскочил и бросился к шкафчику за необходимыми ингредиентами. На обратном пути он увидел, что Малфой со страшной скоростью шинкует корень валерианы.

Все то и дело оглядывались посмотреть, как идут дела у соседей. В этом было и преимущество, и неудобство уроков зельеварения — никто не мог скрыть свою работу от других. Через десять минут комнату заволокло голубоватым паром. Гермиона, как всегда, продвигалась быстрее всех. Ее зелье уже приобрело вид «однородной жидкости цвета черной смородины», идеальный для промежуточной стадии.

Гарри накрошил корешки и снова склонился

над книгой. Его ужасно раздражало, что приходится вычитывать инструкции, с трудом разбирая их под дурацкими каракулями предыдущего владельца, которому чем-то не угодила рекомендация мелко нарезать дремоносные бобы, и он вписал собственную инструкцию:

«Размять серебряным кинжалом, держа его плашмя, тогда лучше идет сок, чем при нарезании».

— Сэр, я думаю, вы знали моего дедушку, Абраксаса Малфоя?

Гарри оторвался от учебника: Слизнорт как раз проходил мимо стола слизеринцев.

— Да, — сказал Слизнорт, не глядя на Малфоя. — Меня очень огорчило известие о его смерти, но, разумеется, это нельзя назвать неожиданным — драконья оспа в его возрасте…

И пошел дальше. Гарри снова нагнулся над котлом, злорадно улыбаясь про себя. Ясное дело, Малфой рассчитывал, что с ним будут обращаться не хуже, чем с Гарри и Забини, а может, даже и лучше — он привык к этому у Снегга. Похоже, в борьбе за флакончик «Феликс Фелицис» Малфою придется рассчитывать исключительно на собственные та-ланты.

Дремоносный боб никак не хотел поддаваться.

Гарри повернулся к Гермионе:

— Можно одолжить у тебя серебряный ножик?

Она нетерпеливо кивнула, не отрывая взгляда от своего зелья — оно все еще было густо-лиловым, хотя, если верить книжке, должно было уже стать светло-сиреневым.

Гарри повернул плашмя лезвие ножа и надавил на боб. К его огромному удивлению, оттуда сразу же потек сок, да в таком количестве, что просто не верилось, как все это умещалось в сморщенной шкурке боба. Гарри торопливо вылил сок в котел и сам изумился, увидев, что зелье немедленно приобрело точно такой сиреневый оттенок, как было написано в книге.

Злость на прежнего владельца учебника испарилась без следа. Гарри внимательно всмотрелся в следующую строчку инструкции. Согласно учебнику, дальше нужно было помешивать зелье против часовой стрелки до тех пор, пока оно не станет прозрачным, как вода. А согласно уточненной версии предыдущего владельца, следовало после каждых семи помешиваний против часовой стрелки делать одно помешивание по часовой стрелке. Что, если прежний владелец и тут окажется прав?

Гарри принялся мешать против часовой стрел-

ки, а потом, затаив дыхание, один раз мешанул по часовой стрелке. Результат последовал незамедлительно. Зелье стало нежно-нежно-розовым.

— Как это у тебя получается? — спросила Гермиона, вся красная и растрепанная в клубах пара от своего котла. Ее зелье упорно сохраняло лиловую окраску.

— Надо один раз помешать по часовой стрелке…

— Да нет, в учебнике сказано — против! — огрызнулась она.

Гарри пожал плечами и продолжал делать по-своему. Семь раз против часовой стрелки… Один раз по часовой стрелке… Семь раз против часовой… Один раз по часовой…

На другом конце стола Рон сквозь зубы сыпал проклятиями — его зелье было похоже на жидкую лакрицу. Гарри посмотрел по сторонам. Насколько он мог разглядеть, больше ни у кого зелье не было таким светлым. Он ощутил невероятный подъем, чего с ним никогда еще не случалось в этом подземелье.

— Время вышло! — объявил Слизнорт. — Прошу всех прекратить помешивать!

Слизнорт медленно двинулся между столами, заглядывая в котлы. Он не делал никаких

комментариев, только иногда принюхивался или помешивал в котле. Наконец он добрался до стола, за которым сидели Гарри, Рон, Гермиона и Эрни. Печально улыбнулся при виде вещества, напоминающего деготь, в котле Рона. Прошел мимо темно-синей стряпни Эрни. Зелье Гермионы удостоилось одобрительного кивка. Тут Слизнорт увидел зелье Гарри, и на лице его выразилось недоверие, смешанное с восторгом.

— Безусловная победа! — воскликнул он на все подземелье. — Отлично, отлично, Гарри! Боже праведный, вижу, вы унаследовали талант своей матери. Лили была великой мастерицей по зельям! Ну, вот вам приз — один флакончик «Феликс Фелицис», как обещано, и смотрите используйте его с толком!

Гарри сунул крошечный пузырек с золотистой жидкостью во внутренний карман, испытывая странную смесь чувств: упоение при виде разъяренных слизеринцев и вину из-за разочарованного выражения на лице Гермионы. Рон был просто ошарашен.

— Как это ты ухитрился? — шепотом спросил он у Гарри, когда они вышли из подземелья.

— Повезло, наверное, — ответил Гарри, потому что рядом шел Малфой.

Но во время обеда, когда они устроились за гриффиндорским столом, Гарри все им рассказал. С каждым словом лицо Гермионы становилось все строже.

— Ты, наверное, считаешь, что я сжульничал? — закончил Гарри, расстроенный ее реакцией.

— Ну, ведь, строго говоря, нельзя сказать, что ты справился с заданием самостоятельно? — сказала она сдержанно.

— Он просто выполнял другие инструкции, только и всего, — сказал Рон. — Могло выйти ужас что, правильно? Но он рискнул, и риск оправдался. — Рон тяжело вздохнул. — Слизнорт мог бы дать этот учебник мне, так нет же. Мне достался тот, в котором никто ничего не записывал. Судя по виду пятьдесят второй страницы, на него кого-то стошнило, но не более того…

— Постойте-ка, — произнес чей-то голос над левым ухом Гарри, и вдруг на него повеяло тем самым ароматом, который померещился ему в подземелье у Слизнорта. Он оглянулся и увидел Джинни. — Я правильно расслышала? Ты выполняешь какие-то инструкции, написанные в книге неизвестно кем, Гарри?

Она была встревожена и сердита. Гарри сразу понял, о чем она думает.

— Это ничего, — успокоил он ее, понизив голос. — Совсем не то, что тогда, с дневником Реддла. Это просто старый учебник с чьими-то пометками.

— Но ты выполняешь то, что там написано?

— Всего-навсего попробовал несколько советов, записанных на полях. Честное слово, Джинни, тут ничего такого нет…

— Джинни права, — немедленно встрепенулась Гермиона. — Нужно проверить, нет ли тут какого подвоха. Я хочу сказать — какие-то подозрительные инструкции, кто их знает?

— Эй! — возмутился Гарри, когда она выдернула из его сумки «Расширенный курс зельеварения» и занесла над книгой волшебную палочку.

— *Специалис ревелио!* — произнесла она и резко ударила палочкой по обложке.

Ничего не случилось. Книга так и лежала, как была, грязная и потрепанная, с загнутыми уголками страниц.

— Закончила? — сварливо спросил Гарри. — Или еще подождешь? Глядишь, книжечка сделает сальто-мортале или пройдется для тебя колесом.

— Вроде все в порядке, — пробормотала Гермиона, все так же подозрительно глядя на книгу. — Похоже, это действительно учебник, и

ничего больше.

— Замечательно. Так я могу его взять? — Гарри схватил книгу со стола, но она выскользнула у него из рук, шлепнулась на пол и раскрылась.

Пока никто не смотрел, Гарри нырнул за книжкой и, поднимая ее, увидел, что на внутренней стороне обложки что-то нацарапано тем же мелким убористым почерком, что и ценные указания, позволившие ему выиграть флакончик «Феликс Фелицис», который был теперь надежно спрятан в спальне в чемодане, завернутый в запасную пару носков:

Эта книга является собственностью Принца-полукровки.

Глава 10

СЕМЕЙСТВО МРАКСОВ

Всю неделю Гарри на уроках зельеварения продолжал выполнять рекомендации Принца-полукровки, даже если они расходились с указаниями Либациуса Бораго. В результате после четвертого занятия Слизнорт был в неописуемом восторге от способностей Гарри и без конца повторял, что ему редко приходилось обучать такого талантливого ученика. Рон и Гермиона воспринимали все это более чем прохладно. Хотя Гарри готов был делиться с ними своим учебником, но Рон с трудом разбирал почерк прежнего владельца, а просить Гарри прочитать ему вслух не мог, это выглядело бы слишком подозрительно. Гермиона же продолжала неукоснительно следовать, как она выражалась, «официальным» инструкциям, вот только настроение у нее все больше портилось, поскольку результаты неизменно оказывались значительно хуже, чем у Принца.

Гарри иногда рассеянно задумывался о том, кто такой был этот Принц-полукровка. Из-за дикого количества домашних заданий не хватало вре-

мени прочитать «Расширенный курс» до конца, но он пролистал книгу и убедился, что Принц практически ни одной страницы не оставил без своих замечаний, причем не все они относились к приготовлению волшебного зелья. Местами попадалось что-то похожее на описание заклинаний, которые Принц явно придумал сам.

— Или сама, — раздраженно буркнула Гермиона, случайно услышав, как Гарри показывал эти заклинания Рону в гостиной под вечер субботы. — Может, это была девочка. По-моему, почерк скорее женский.

— Его зовут Принц-полукровка, — напомнил Гарри. — Ты знаешь много принцев-девочек?

Гермиона не нашлась что на это ответить. Она насупилась и рывком отодвинула от Рона свою домашнюю работу на тему «Принципы повторной материализации», которую Рон пытался прочесть вверх ногами.

Гарри посмотрел на часы и торопливо засунул в сумку потрепанный экземпляр «Расширенного курса зельеварения».

— Без пяти восемь, мне, наверное, пора, а то опоздаю к Дамблдору.

— О-о! — всполошилась Гермиона. — Удачи тебе! Мы не будем ложиться, дождемся тебя — хо-

чется узнать, чему он будет тебя учить!

— Надеюсь, все будет нормально, — сказал Рон. Они провожали Гарри взглядами, пока он не выбрался через портретную дверь.

Гарри шел по пустынным коридорам. Один раз ему пришлось срочно спрятаться за какую-то статую — из-за угла показалась профессор Трелони. Она что-то бормотала себе под нос, тасуя на ходу старую засаленную колоду карт, и тут же толковала их.

— Двойка пик — конфликт, — приговаривала она, проходя мимо того места, где прятался Гарри. — Семерка пик — дурной знак. Десятка пик — вооруженное столкновение. Валет пик — молодой брюнет, возможно, с недобрыми намерениями, враждебно настроенный по отношению к гадателю…

Вдруг она остановилась как вкопанная по другую сторону от статуи, за которой притаился Гарри.

— Ну, этого просто не может быть, — раздраженно проговорила она, и Гарри услышал, как она яростно тасует карты, направляясь прочь. После нее остался легкий запах кулинарного хереса.

Гарри выждал, пока она скроется из виду, и

побежал дальше. В конце концов он очутился в коридоре восьмого этажа, где у стены стояла одинокая горгулья.

— Кислотные леденцы, — сказал Гарри.

Горгулья отпрыгнула в сторону, стена за ней разошлась, и показалась движущаяся винтовая лестница. Гарри ступил на нее и начал плавно подниматься кругами к двери с медным молотком, которая вела в кабинет Дамблдора.

Гарри постучал в дверь.

— Войдите, — раздался голос Дамблдора.

— Добрый вечер, сэр, — сказал Гарри, входя в кабинет директора школы.

— А, добрый вечер, Гарри. Садись, — сказал с улыбкой Дамблдор. — Надеюсь, ты приятно провел первую неделю учебного года?

— Да, спасибо, сэр.

— Я смотрю, ты времени даром не терял — уже успел добиться, чтобы тебя оставили после уроков!

— Э-э… — смутился Гарри, но Дамблдор смотрел не слишком сурово.

— Я договорился с профессором Снеггом, что ты будешь отбывать наказание в следующую субботу.

— Понятно, — сказал Гарри.

Его сейчас занимали более важные вещи, чем наказание, назначенное Снеггом. Он исподтишка осматривался по сторонам, надеясь увидеть хоть какие-нибудь указания на то, что приготовил ему на сегодня Дамблдор. Круглый кабинет выглядел точно так же, как и всегда: хрупкие серебряные приборы тихонько жужжали и попыхивали на столиках с точеными ножками, портреты прежних директоров и директрис дремали в своих рамах, и Фоукс, великолепный феникс Дамблдора, сидел на жердочке у двери, с интересом поглядывая на Гарри блестящим глазом. Судя по всему, Дамблдор даже не расчистил место для тренировочных поединков.

— Итак, Гарри, — деловито заговорил Дамблдор, — тебе, конечно, любопытно узнать, чем я намерен заниматься с тобой во время этих… скажем, уроков, за отсутствием более подходящего слова?

— Да, сэр.

— Видишь ли, я решил: раз уж ты теперь знаешь, почему лорд Волан-де-Морт пытался убить тебя пятнадцать лет назад, пришло время поделиться с тобой кое-какой информацией.

Наступила пауза.

— В прошлом году вы говорили, что расскажете

мне все, — сказал Гарри, не сумев скрыть нотку упрека в голосе. — Сэр, — прибавил он.

— И я все рассказал, — благодушно ответствовал Дамблдор. — Я рассказал тебе все, что знаю. С этой минуты мы покидаем твердую почву фактов и отправляемся в путешествие по мглистым болотам памяти в чащобу дичайших догадок. Отныне, Гарри, я могу так же сокрушительно ошибаться, как ошибался Хамфри Белчер, полагавший, что пришла пора для сырного котла.

— Но вы думаете, что вы правы? — спросил Гарри.

— Естественно, я думаю, что прав, но, как тебе уже пришлось убедиться, у меня, как и у всех людей, случаются ошибки. Собственно говоря, поскольку я — ты уж меня прости — умнее большинства людей, то и ошибки мои соответственно оказываются намного более серьезными.

— Сэр, — осторожно спросил Гарри, — а то, что вы мне хотите рассказать, как-то связано с тем пророчеством? Это поможет мне… остаться в живых?

— Это очень тесно связано с пророчеством, — сказал Дамблдор будничным тоном, словно речь шла о погоде на завтра, — и я, безусловно, надеюсь, что это поможет тебе остаться в живых.

Дамблдор поднялся на ноги, обошел вокруг письменного стола, прошел мимо Гарри, который быстро повернулся в кресле, провожая Дамблдора взглядом. Дамблдор наклонился над шкафчиком у самой двери. Когда он выпрямился, в руках у него была знакомая широкая каменная чаша с вырезанными по краю таинственными знаками. Он поставил Омут памяти на стол перед Гарри.

— Тебя что-то беспокоит?

Гарри и впрямь смотрел на Омут памяти с изрядной тревогой. Опыт общения с этим загадочным устройством, позволяющим хранить и заново переживать мысли и воспоминания, был неизменно полезен, но не способствовал душевному покою. В прошлый раз, заглянув в его содержимое, Гарри увидел значительно больше, чем ему хотелось бы. Но Дамблдор улыбался.

— На этот раз ты погрузишься в Омут памяти вместе со мной… И, что еще более необычно, с моего разрешения.

— Куда мы отправимся, сэр?

— На прогулку по аллее воспоминаний Боба Огдена, — ответил Дамблдор, вынимая из кармана хрустальный флакон, в котором кружилось, завиваясь, серебристо-белое вещество.

— Кто это — Боб Огден?

— Он был сотрудником Группы обеспечения магического правопорядка, — сказал Дамблдор. — Он умер некоторое время назад, но не раньше, чем я разыскал его и убедил доверить мне эти воспоминания.

Сейчас мы с тобой будем сопровождать его при исполнении им служебных обязанностей. Встань, пожалуйста, сюда, Гарри…

Но Дамблдору никак не удавалось выдернуть пробку из хрустального флакона: раненая рука не слушалась его и, видимо, причиняла боль.

— Давайте… давайте я, сэр.

— Все в порядке, Гарри.

Дамблдор направил на флакон волшебную палочку, и пробка вылетела.

— Сэр… как вы повредили руку? — снова спросил Гарри, глядя на почерневшие пальцы со смесью отвращения и жалости.

— Сейчас не время для этой истории, Гарри. Пока еще нет. Нас ждет Боб Огден.

Дамблдор вытряхнул из флакона серебристо-белое вещество, и оно закружилось, мерцая, в Омуте памяти — не то жидкость, не то газ.

— После тебя, — сказал Дамблдор с приглашающим жестом.

Гарри склонился над чашей, сделал глубокий

вдох и окунул лицо в серебристую субстанцию. Он почувствовал, что пол уходит у него из-под ног; он падал, падал сквозь крутящуюся тьму, и вдруг оказалось, что он стоит, моргая от ослепительно яркого солнечно-го света. Не успели его глаза приноровиться к освещению, как рядом с ним приземлился Дамблдор.

Они оказались на проселочной дороге, вдоль дороги тянулись высокие густые живые изгороди, а вверху было летнее небо, ясное и синее, как незабудка. Футах в десяти от них стоял невысокий полный человек в очках с невероятно толстыми линзами, из-за которых его глазки казались крошечными, как у крота. Он читал надписи на деревянном указателе, торчавшем из колючих кустов ежевики слева от дороги. Гарри понял, что это, должно быть, и есть Огден. Кроме него, вокруг никого не было видно, и к тому же он был одет в странные и плохо сочетающиеся друг с другом вещи, как это часто бывает, когда неопытные волшебники пытаются выдавать себя за маглов; в данном случае наряд составляли гетры и сюртук, надетый поверх полосатого трико. Не успел Гарри подивиться этому затейливому костюму, как Огден бодрым шагом двинулся вперед.

Дамблдор и Гарри последовали за ним. Проходя

мимо указателя, Гарри бросил взгляд на две его стрелки. Одна указывала назад, туда, откуда они пришли, на ней была надпись: «Грейт-Хэнглтон, 5 миль».

Другая указывала в ту сторону, куда направлялся Огден, на ней значилось: «Литтл-Хэнглтон, 1 миля».

Какое-то время они шли, не видя ничего, кроме живых изгородей, огромного синего неба над головой да быстро шагающей фигуры в сюртуке далеко впереди. Затем дорога повернула влево и круто пошла под уклон, так что перед ними внезапно открылся вид на раскинувшуюся внизу долину. Гарри увидел деревушку, примостившуюся между двумя холмами, — несомненно, это и был Литтл-Хэнглтон. Можно было рассмотреть церковь и кладбище. По другую сторону долины на склоне холма возвышался красивый дом землевладельца, окруженный обширным бархатисто-зеленым газоном.

Огден затрусил рысцой вниз по склону. Дамблдор прибавил шаг, и Гарри оставалось бегом поспевать за ним. Он решил, что они направляются в Литтл-Хэнглтон, и как в ту ночь, когда они навещали Слизнорта, удивлялся, зачем было так долго тащиться к нему пешком. Но скоро он

понял свою ошибку — они шли вовсе не в деревню. Дорога свернула вправо, и, когда они вышли из-за поворота, сюртук Огдена мелькнул впереди, исчезая за кустами.

Дамблдор и Гарри вслед за ним свернули на узкий проселок, окаймленный еще более высокими и запущенными живыми изгородями. Тропинка была извилистая, каменистая, вся в рытвинах, она тоже шла под уклон и вела, по-видимому, к темной группе деревьев немного ниже по склону. Так и есть — вскоре дорога вышла к рощице, Дамблдор и Гарри остановились за спиной у Огдена, который тоже остановился и вытащил волшебную палочку.

На небе не было ни единого облачка, но старые деревья отбрасывали сплошную темную холодную тень, и Гарри не сразу различил среди тесно растущих стволов какое-то строение. Ему показался очень странным такой выбор места для жилья и то, что его обитатель не вырубил деревья, заслоняющие свет и вид на долину. Было непонятно, живет ли здесь кто-нибудь вообще. Стены хибарки заросли мхом, черепица осыпалась, и местами через дыры проглядывали стропила. Вокруг росла крапива, такая высокая, что доставала до крошечных окошек с грязными

стеклами. Гарри уже пришел к выводу, что здесь не могут жить люди, но тут одно из окон со стуком распахнулось, и из него показалась тонкая струйка дыма или пара, как будто внутри кто-то готовил еду.

Огден двинулся вперед бесшумно и, как показалось Гарри, настороженно. Вступив в густую тень деревьев, он снова остановился, не сводя глаз с двери домика, к которой была прибита мертвая змея.

Послышался шорох, треск, с ближайшего дерева спрыгнул человек, одетый в лохмотья, и приземлился прямо перед Огденом. Тот отскочил назад так быстро, что наступил на фалду сюртука и чуть было не потерял равновесие.

— *Вас сюда никто не звал.*

У стоявшего перед ними человека были густые волосы, такие грязные, что не было никакой возможности определить их цвет. Во рту не хватало нескольких зубов. Маленькие темные глазки косили в разные стороны. Это должно было казаться смешным, но смешным он не выглядел, выглядел страшным. Гарри не осуждал Огдена за то, что тот попятился еще на несколько шагов, прежде чем заговорить:

— Э-э… доброе утро. Я из Министерства ма-

гии…

— *Вас сюда никто не звал.*

— Э-э… прошу прощения… я вас не понимаю, — нервно проговорил Огден.

Гарри подумал, что Огден, должно быть, совсем тупой; по его, Гарри, мнению, незнакомец высказался вполне ясно, тем более что при этом он угрожающе размахивал волшебной палочкой в одной руке и окровавленным ножом в другой.

— Ты, Гарри, вероятно, понимаешь, что он говорит? — тихо спросил Дамблдор.

— Да, конечно, — озадаченно ответил Гарри. — А почему Огден его не…

Тут его взгляд снова упал на мертвую змею, прибитую к двери. Внезапно Гарри осенило:

— Он говорит на змеином языке?

— Молодец, — сказал Дамблдор с улыбкой и одобрительно кивнул.

Тем временем оборванец двинулся на Огдена, нацелив в него нож и волшебную палочку.

— Эй, послушайте… — начал Огден, но было поздно.

что-то громко хлопнуло, и Огден оказался на земле. Он зажимал ладонью нос, между пальцев сочилась мерзкая желтая жижа.

— Морфин! — послышался новый голос.

Из домика вышел пожилой человек, с такой силой захлопнув за собой дверь, что злосчастная дохлая змея закачалась туда-сюда. Этот человек ростом был ниже первого и сложен довольно странно. Очень широкие плечи и длинные руки в сочетании с блестящими карими глазами, жесткими короткими волосами и морщинистым лицом делали его похожим на старую, мощную обезьяну. Он остановился возле человека с ножом, который давился от хохота, глядя на Огдена, лежащего на земле.

— Из Министерства, значит? — сказал пожилой, посмотрев на Огдена сверху вниз.

— Совершенно верно! — ответил Огден сердито, утирая лицо. — А вы, как я понимаю, мистер Мракс?

— Точно, — ответил Мракс. — Получили по роже, так, что ли?

— Он меня ударил! — возмутился Огден.

— Надо было предупредить, — агрессивно откликнулся Мракс. — Это частное владение. Сами вламываетесь без приглашения, а потом удивляетесь, что мой сын пробует защищаться.

— От чего защищаться-то? — буркнул Огден, с трудом поднимаясь с земли.

— От посторонних. Любопытствующих. Маглов

и всякой разной дряни.

Огден направил волшебную палочку на свой собственный нос, из которого по-прежнему текло нечто похожее на желтый гной, и поток сразу же прекратился. Мистер Мракс обратился к Морфину, почти не разжимая губ:

— *Ступай в дом. Не спорь.*

На этот раз Гарри, предупрежденный заранее, узнал змеиный язык. Хоть он и понимал все, что говорилось, но в то же время различал странные шипящие и свистящие звуки, а Огден только их и мог слышать. Морфин, кажется, хотел возразить, но под грозным взглядом отца передумал, вперевалочку зашагал к хибарке и захлопнул за собой дверь, так что змея снова уныло закачалась из стороны в сторону.

— А я как раз приехал поговорить с вашим сыном, мистер Мракс, — сказал Огден, вытирая остатки гноя с сюртука. — Это ведь был Морфин, верно?

— Ну да, это был Морфин, — равнодушно ответил старик — Вы чистокровный волшебник? — спросил он вдруг с вызовом.

— При чем здесь это? — холодно ответил Огден, и Гарри почувствовал, что начинает его уважать.

Мракс, похоже, отнесся к этому иначе. Сощурив глаза, он уставился Огдену в лицо и пробормотал явно оскорбительным тоном:

— Если подумать, так я видал такие же носы у нас в деревне.

— Не сомневаюсь в этом, если ваш сын и там дает волю рукам, — сухо отозвался Огден. — Может быть, продолжим нашу беседу в доме?

— В доме?

— Да, мистер Мракс. Я уже сказал вам: я приехал поговорить с Морфином. Мы отправили вам сову…

— Нам тут совы ни к чему, — сказал Мракс. — Я никогда не читаю писем.

— В таком случае не жалуйтесь, что гости являются к вам без предупреждения, — дерзко ответил Огден. — Меня послали к вам по поводу серьезного нарушения магического правопорядка, которое было совершено здесь сегодня, рано утром…

— Ладно, ладно! — заорал Мракс. — Входите в дом, провались он совсем, входите и подавитесь!

В доме, как оказалось, были три крошечные комнаты. В две из них можно было пройти через главную комнату, служившую сразу и кухней, и гостиной. Морфин сидел в засаленном кресле

у очага, где дымились дрова, вертел в толстых пальцах живую гадюку и, обращаясь к ней, тихонько напевал на змеином языке:

Змейка, змейка, поиграем,
Пошипим-ка вместе.
Не то Морфин осерчает,
На двери подвесит.

В углу у открытого окна что-то зашуршало, и Гарри вдруг заметил, что в комнате есть еще один человек — девушка в рваном сером платье точно такого же цвета, что и грязная каменная стена у нее за спиной. Она стояла рядом с закопченной до черноты печкой, на которой что-то кипело в горшке, и передвигала какие-то жалкие горшки и сковородки на полке. У нее были тусклые, безжизненные волосы и некрасивое бледное лицо с грубыми чертами. Глаза у нее, как и у брата, косили в разные стороны. Девушка выглядела чуточку почище, чем двое мужчин, но Гарри подумал, что никогда в жизни не видел у человека такого обреченного взгляда.

— Моя дочь, Меропа, — неохотно буркнул Мракс в ответ на вопросительный взгляд Огдена.

— Доброе утро, — сказал Огден.

Она не ответила, испуганно глянула на отца и,

повернувшись ко всем спиной, снова принялась переставлять горшки на полке.

— Ну, мистер Мракс, — сказал Огден, — не будем ходить вокруг да около. У нас есть причины предполагать, что ваш сын Морфин этой ночью совершил волшебство в присутствии магла.

что-то оглушительно грохнуло — это Меропа уронила глиняный горшок.

— А ну подбери! — завопил на нее Мракс. — Правильно, хватай прямо лапами с пола, как последнее магловское отродье! Зачем у тебя волшебная палочка, бестолочь неповоротливая?

— Мистер Мракс, прошу вас! — воскликнул пораженный Огден.

Меропа, уже успевшая поднять горшок, пошла красными пятнами и снова выронила его, трясущейся рукой вытащила из кармана волшебную палочку, направила на горшок и чуть слышно скороговоркой пролепетала заклинание, от которого горшок полетел через всю комнату, ударился в противоположную стену и раскололся надвое.

Морфин залился безумным смехом, а Мракс завизжал:

— Почини его, дылда безмозглая, почини сейчас же!

Меропа, спотыкаясь, кинулась через всю комна-

ту к осколкам, но Огден опередил ее. Он взмахнул волшебной палочкой и твердым голосом произнес:

— *Репаро!*

Горшок мгновенно стал целым.

У Мракса был такой вид, словно он сейчас кинется на Огдена, но он удержался. Вместо этого он принялся издеваться над дочерью:

— Твое счастье, что подвернулся добрый дядя из Министерства! Может, я и совсем тебя сбуду с рук, может, он не побрезгует женушкой из сквибов поганых…

Ни на кого не глядя, не поблагодарив Огдена, Меропа подобрала горшок и дрожащими руками снова поставила на полку. Потом замерла, прижавшись спиной к стене между замызганным окном и печкой, как будто больше всего на свете ей сейчас хотелось пройти сквозь камень и исчезнуть.

— Мистер Мракс, — снова начал Огден, — как я уже сказал, цель моего визита…

— Я и с первого раза хорошо расслышал! — окрысился Мракс. — И что мне с этого? Морфин проучил вонючего магла, проучил за дело… Дальше-то что?

— Морфин нарушил закон волшебного сообще-

ства, — сурово ответил Огден.

— Морфин нарушил закон волшебного сообщества! — кривляясь, нараспев передразнил Мракс. Морфин снова зашелся хохотом. — Поучил маленько распоясавшегося магла, это что теперь, преступление?

— Да, — сказал Огден. — Боюсь, что так.

Он извлек из внутреннего кармана сюртука маленький свиток пергамента и развернул его.

— Это что, приговор? — спросил Мракс, злобно повысив голос.

— Это вызов в Министерство на слушание дела…

— Вызов? Вызов?! Да кто вы такой, чтобы вызывать куда-то там моего сына?

— Я начальник Группы обеспечения магического правопорядка, — сказал Огден.

— А мы, по-вашему, так, помои? — вскричал Мракс, наступая на Огдена и тыча ему в грудь палец с грязным желтым ногтем. — Мелкие шавки, чтобы бегать на задних лапках перед Министерством? Да знаешь ли ты, с кем разговариваешь, грязнокровка сопливая?

— Я полагал, что говорю с мистером Мраксом, — ответил Огден настороженно, но не сдавая позиций.

— Это точно! — загремел Мракс.

На мгновение Гарри почудилось, что Мракс делает неприличный жест, но потом он разглядел, что старик сует Огдену под нос безобразное кольцо с черным камнем, надетое у него на среднем пальце.

— Видели это? Видели? Знаете, что это такое? Знаете откуда? Несколько столетий хранилось в нашей семье, вот из какой древности мы ведем свой род, и все это время храним чистоту крови! На камне вырезан герб Певереллов! Знаете, сколько мне предлагали за эту вещицу?

— Понятия не имею, — ответил Огден, поморщившись, когда кольцо промелькнуло у него перед самыми глазами. — Все это к делу не относится, мистер Мракс. Ваш сын нарушил…

Мракс взвыл от ярости, бросился к дочери и схватил ее за горло. Гарри подумал было, что он хочет ее задушить, но старик потащил девушку к Огдену, держа за золотую цепочку, висевшую у нее на шее.

— Видели вот это? — заревел он, размахивая тяжелым золотым медальоном, в то время как Меропа задыхалась, ловя ртом воздух.

— Вижу, вижу! — поспешно ответил Огден.

— Эта вещь принадлежала Слизерину! — вы-

крикнул Мракс. — Салазару Слизерину! Мы — его единственные потомки из ныне живущих, что вы на это скажете, а?

— Мистер Мракс, ваша дочь! — воскликнул Огден в тревоге, но Мракс уже выпустил Меропу; она вернулась в свой угол, шатаясь, потирая шею и еле переводя дух.

— Вот! — с торжеством сказал Мракс, как будто только что неопровержимо доказал какую-то необыкновенно сложную мысль. — Не смейте разговаривать с нами, будто мы грязь у вас на башмаках! Незнамо сколько поколений чистокровных волшебников — вы-то небось такого о себе сказать не можете!

И он плюнул под ноги Огдену. Морфин опять захохотал. Меропа молчала, съежившись у окна, опустив голову, так что свисающие волосы закрывали лицо.

— Мистер Мракс, — упрямо повторил Огден, — боюсь, что ни ваши, ни мои предки не имеют никакого отношения к вопросу, о котором идет речь. Я здесь из-за Морфина; Морфина и магла, ставшего жертвой его хулиганской выходки этой ночью. По нашим сведениям, — он заглянул в пергамент, — Морфин осуществил по отношению к маглу наговор или заклинание, от которого тот

покрылся крайне болезненной сыпью.

Морфин захихикал.

— *Потише, мальчишка,* — прошипел Мракс на змеином языке, и Морфин примолк — Ну и что такого? — с вызовом спросил Мракс у Огдена. — Надо думать, вы этому маглу морду-то подчистили, да и память заодно…

— Дело совсем не в этом, мистер Мракс, — сказал Огден. — Произошло ничем не оправданное нападение на беззащитного…

— Вот я сразу так и почуял, что вы любитель маглов, — хмыкнул Мракс и снова плюнул на пол.

— Эти разговоры никуда не ведут, — решительно ответил Огден. — По поведению вашего сына ясно, что он нисколько не раскаивается в своих поступках. — Огден снова заглянул в свиток. — Морфин должен явиться четырнадцатого сентября на слушание по обвинению в колдовстве, осуществленном в присутствии магла, с причинением ущерба и неудобств вышеупомянутому маглу…

Огден прервал чтение. Через открытое окно до них донеслось звяканье сбруи, конский топот и громкие веселые голоса. По-видимому, дорога в деревню, петляя, проходила совсем близко от

рощицы, где стоял дом. Мракс застыл на месте, прислушиваясь, с расширенными глазами. Морфин зашипел и с кровожадным выражением повернулся на звук. Меропа подняла голову. Гарри увидел, что лицо у нее совершенно белое.

— Боже, просто смотреть больно на эту лачугу! — послышался звонкий женский голос; он звучал так отчетливо, как будто девушка стояла в комнате. — Неужели твой отец не может распорядиться, чтобы ее снесли, Том?

— Она нам не принадлежит, — ответил голос молодого человека. — На той стороне долины все наше, но этот дом принадлежит старому бездельнику по имени Мракс и его детям. Сын абсолютно ненормальный, послушала бы ты, что о нем рассказывают в деревне…

Девушка рассмеялась. Звяканье и топот становились все громче, все ближе. Морфин приподнялся, словно хотел выбраться из кресла.

— *Сиди на месте,* — предостерегающе произнес его отец на змеином языке.

— Том, — снова раздался голос девушки, на этот раз совсем рядом; очевидно, всадники приблизились к дому. — Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, там кто-то прибил к двери змею?

— Господи, так и есть! — воскликнул мужской

голос. — Это, должно быть, сын, я тебе говорил, что он не в себе. Не смотри туда, Сесилия, любимая.

Звон и топот снова начали стихать.

— *«Любимая»,* — прошептал Морфин на змеином языке, глядя на сестру. — *Слышишь, он назвал ее «любимая». Все равно он не будет твоим.*

Меропа побелела как полотно — Гарри был уверен, что она вот-вот упадет в обморок.

— *Что такое?* — сурово спросил Мракс, тоже на змеином языке, переводя взгляд с сына на дочь и обратно. — *Что ты сказал, Морфин?*

— *Она заглядывается на этого магла,* — прошипел Морфин, злобно уставившись на сестру, вид у которой теперь был испуганный. — *Вечно торчит в саду, когда он проезжает мимо, пялится на него через ограду, так, что ли? А нынче ночью…*

Меропа умоляюще замотала головой, но Морфин безжалостно продолжал:

— *Высунулась в окошко, все поджидала, когда он поедет домой, так, что ли?*

— *Высунулась в окошко посмотреть на магла?* — тихо переспросил Мракс.

Все трое как будто позабыли про Огдена, который смотрел на них озадаченно и раздраженно

— он ничего не мог разобрать в этих шипящих и скрежещущих звуках.

— *Это правда?* — страшным голосом спросил Мракс, делая шаг или два к насмерть перепуганной девушке. — *Моя дочь, чистокровная волшебница из потомков Салазара Слизерина по прямой линии, мечтает о мерзком грязном магле?*

Меропа отчаянно затрясла головой, вжимаясь в стену. Говорить она, похоже, не могла.

— *Ну да я его достал, отец!* — хрипло засмеялся Морфин. — *Подловил, когда он проезжал мимо. Не такой-то он был красавчик, как покрылся сыпью с ног до головы, а, Меропа?*

— *Ах ты, гнусная бездарь, сквиб несчастная, вонючая осквернителъница крови!* — заревел Мракс, окончательно потеряв контроль над собой, и схватил дочь за горло.

Гарри и Огден одновременно закричали:

— Не смейте!

Огден поднял волшебную палочку и выкрикнул:

— *Релашио!*

Мракса отбросило назад, он налетел на стул и шлепнулся навзничь. Разъяренный Морфин с ревом выскочил из кресла и кинулся на Огде-

на, размахивая своим окровавленным ножом и беспорядочно выстреливая заклятиями из волшебной палочки.

Огден бросился наутек. Дамблдор дал знак, что нужно следовать за ним, и Гарри подчинился. Крики Меропы долго еще звучали у него в ушах.

Огден как угорелый промчался по тропинке, прикрывая руками голову, и, выскочив на большую дорогу, врезался прямо в бок лоснящемуся гнедому коню, на котором ехал верхом очень красивый темноволосый молодой человек. И молодой человек, и девушка, ехавшая рядом с ним на серой кобыле, весело рассмеялись при виде Огдена, который отлетел от лошадиного бока и рысью побежал дальше, весь в пыли, с развевающимися фалдами сюртука.

— Достаточно, Гарри, — сказал Дамблдор.

Он взял Гарри за локоть и потянул. В следующий миг они взмыли в темноту, а потом снова приземлились в кабинете Дамблдора, где к этому времени наступили сумерки.

— Что стало с той девушкой из лачуги? — спросил Гарри, как только Дамблдор зажег еще несколько светильников при помощи волшебной палочки. — Меропа, или как там ее звали?

— О, она выжила, — ответил Дамблдор, уса-

живаясь за свой стол и жестом предлагая Гарри сесть напротив. — Огден трансгрессировал в Министерство и через пятнадцать минут вернулся с подкреплением. Морфин с отцом пытались оказать сопротивление, но их одолели, забрали из дома, и в конце концов они были осуждены Визенгамотом. За Морфином уже числилось несколько нападений на маглов, его присудили к трем годам в Азкабане. Марволо, который ранил Огдена и еще других сотрудников Министерства, получил шесть месяцев.

— Марволо? — ошеломленно переспросил Гарри.

— Правильно, — одобрительно улыбнулся Дамблдор. — Я рад видеть, что голова у тебя работает.

— Так этот старик…

— Дедушка Волан-де-Морта, да, — сказал Дамблдор. — Марволо, его сын Морфин и дочь Меропа были последними из старинной волшебной семьи Мраксов, известной своей неуравновешенностью и жестокостью, которые проявлялись из поколения в поколение благодаря большому количеству родственных браков. Недостаток здравого смысла в со-четании с привычкой к роскоши привели к тому, что золото семьи было

растрачено за несколько поколений до рождения Марволо. Сам он, как ты видел, жил в нищете и в грязи, обладая чрезвычайно скверным характером, фантастической гордыней и парой фамильных драгоценностей, к которым был привязан так же сильно, как к сыну, и значительно сильнее, чем к дочери.

— Выходит, Меропа… — Гарри подался вперед, не сводя глаз с Дамблдора. — Меропа… сэр, это значит, что она… мать Волан-де-Морта?

— Совершенно верно, — ответил Дамблдор. — А заодно мы с тобой мельком увидали и его отца. Не знаю, обратил ли ты внимание…

— Тот магл, на которого напал Морфин? Который был верхом на лошади?

— Очень хорошо, молодец, — радостно улыбнулся Дамблдор. — Да, это был Том Реддл Старший, красивый магл, который часто ездил верхом мимо домика Мраксов и к которому Меропа Мракс воспылала тайной страстью.

— Так они все-таки поженились? — недоверчиво спросил Гарри. Ему было сложно представить двух других людей, настолько мало подходящих друг другу.

— Я думаю, ты забываешь, — сказал Дамблдор, — что Меропа все-таки была чародейкой.

Скорее всего, пока ее тиранил и запугивал отец, магические способности Меропы не могли проявиться в полную силу. Но как только Марволо и Морфина упрятали в Азкабан, она впервые в жизни осталась одна, на свободе. Несомненно, тут-то ее способности и развернулись на просторе, и она начала строить планы, как вырваться из той беспросветной жизни, которую вела восемнадцать лет.

Подумай, какие способы могла найти Меропа, чтобы заставить Тома Реддла позабыть свою магловскую спутницу и влюбиться в колдунью?

— Заклятие Империус? — предположил Гарри. — Или приворотное зелье?

— Очень хорошо! Я лично склоняюсь к мысли, что она использовала приворотное зелье. Это должно было показаться ей более романтичным. Не так уж сложно было как-нибудь в жаркий день, когда Реддл в одиночестве проезжал мимо, предложить ему стакан воды. Как бы то ни было, через несколько месяцев после той сцены, которую мы с тобой сейчас наблюдали, жители деревни Литтл-Хэнглтон имели удовольствие стать свидетелями небывалого скандала. Можешь себе представить, сколько было разговоров, когда сын местного сквайра сбежал из дому с

Меропой, дочерью бродяги.

Но потрясение деревенских жителей не идет ни в какое сравнение с тем, что испытал Марволо, когда вернулся из Азкабана в полной уверенности, что его встретит преданная дочь и горячий обед на столе. Вместо этого он нашел в доме слой пыли толщиною в дюйм и прощальную записку от дочери.

Насколько мне удалось узнать, он никогда больше не произносил имени дочери, словно ее вовсе не существовало на свете. Возможно, пережитое потрясение ускорило его смерть, а может быть, он просто-напросто так и не научился готовить себе еду. Азкабан подкосил Марволо, и он не дожил до возвращения своего сына Морфина.

— А Меропа? Она… она ведь умерла, да? Вроде Волан-де-Морт вырос в сиротском приюте?

— Да, верно, — ответил Дамблдор. — Здесь нам снова приходится гадать, но я думаю, нетрудно вычислить, что случилось дальше. Дело в том, что через несколько месяцев после их бегства и тайного брака, Том Реддл объявился в родительском доме в Литтл-Хэнглтоне — один, без жены. В округе сплетничали, что он говорил, будто бы его «обманули» и «завлек-ли». На самом деле, я уверен, он имел в виду, что находился под дей-

ствием чар, а теперь эти чары с него сняты, хотя, конечно, он не решился сказать об этом прямо — боялся, как бы его не приняли за сумасшедшего. Жители деревни сделали вывод, что Меропа обманула Тома Реддла, сказав, будто ждет от него ребенка, и тем заставила его жениться на ней.

— Но у нее действительно был от него ребенок!

— Да, но только через год после их свадьбы. Том Реддл бросил ее, когда ребенок еще не родился.

— Что же у них случилось? — спросил Гарри. — Почему приворотное зелье перестало действовать?

— Это опять-таки сплошные догадки, — сказал Дамблдор, — но я думаю, Меропа, без памяти влюбенная в своего мужа, не могла больше держать его при себе с помощью волшебства и сознательно перестала давать ему зелье. Может быть, потеряв голову от страсти, она убедила себя, что теперь он по-настоящему полюбил ее. Может быть, надеялась, что он останется с ней ради ребенка. В обоих случаях она ошибалась. Он покинул ее, никогда больше с ней не виделся и не потрудился узнать, что стало его сыном.

Небо за окном было черное, как чернила, светильники в кабинете Дамблдора вспыхнули ярче

прежнего.

— Я думаю, хватит с нас на сегодня, Гарри, — сказал Дамблдор, помолчав минуту-другую.

— Да, сэр, — сказал Гарри. Он встал, но не ушел.

— Сэр… а это было важно, чтобы я узнал о прошлом Волан-де-Морта?

— Я думаю, очень важно, — ответил Дамблдор.

— А это… как-то связано с пророчеством?

— Связь самая прямая.

— Ясно, — сказал Гарри, слегка сбитый с толку, все-таки почувствовавший себя увереннее. Он повернулся к двери, но тут ему пришел в голову еще один вопрос, и он вернулся.

— Сэр, можно мне рассказать Рону и Гермионе все то, что вы мне говорили?

Дамблдор задумался на минутку, не сводя с него глаз, потом ответил:

— Да, думаю, мистер Уизли и мисс Грейнджер доказали, что им можно доверять. Но, пожалуйста, Гарри, попроси их больше никому не говорить об этом. Не нужно, чтобы стало широко известно, как много я знаю или подозреваю о тайнах Волан-де-Морта.

— Да, сэр. Я прослежу, чтобы никто, кроме Рона и Гермионы, не знал об этом. Спокойной ночи.

Он снова повернулся к выходу и был почти уже у самой двери, когда вдруг увидел, что на одном из столиков с точеными ножками, среди хрупких серебряных приборов лежит безобразное золотое кольцо с большим треснувшим черным камнем.

— Сэр, — сказал Гарри, уставившись на перстень, — это кольцо…

— Да, Гарри?

— Оно было у вас на пальце в ту ночь, когда мы ходили к профессору Слизнорту.

— Было, — подтвердил Дамблдор.

— Но ведь это… сэр, это же то самое кольцо, которое Марволо Мракс показывал Огдену?

Дамблдор наклонил голову:

— То самое.

— Но как же… Оно все время было у вас?

— Нет. Оно попало ко мне совсем недавно, — сказал Дамблдор. — Собственно говоря, за несколько дней до того, как я забрал тебя от дяди и тети.

— То есть примерно в то время, когда вы повредили себе руку, сэр?

— Да, Гарри, приблизительно в то время. Гарри запнулся, не решаясь продолжать. Дамблдор улыбался.

— Сэр, а что случилось…

— Время позднее, Гарри! Эту историю ты услышишь как-нибудь в другой раз. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сэр.

Глава 11

ГЕРМИОНА ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

Как и предсказывала Гермиона, свободные уроки оказались для шестикурсников не временем блаженного безделья, на что так надеялся Рон, а единственной возможностью худо-бедно справляться с чудовищным объемом работы, которая на них навалилась. Мало того что по всем предметам каждый день задавали столько, будто на завтра назначены экзамены, так еще и сами уроки стали намного труднее, чем прежде. Гарри не понимал и половины объяснений профессора МакГонагалл, и даже Гермионе раз или два пришлось ее переспрашивать. Неожиданно для всех и к огромному неудовольствию Гермионы самым успешным предметом для Гарри стало зельеварение, и все благодаря Принцу-полукровке.

Невербальных заклинаний требовали от них теперь не только на защите от Темных искусств, но и на заклинаниях, и на трансфигурации. Гарри часто, видел своих однокурсников в гриффиндорской гостиной или за столом в Большом зале посиневшими от натуги, как будто у них что-то

застряло в кишках, но он знал, что на самом деле они пытаются колдовать, не произнося заклинания вслух. Немного легче было на занятиях по травологии в теплицах; они теперь изучали значительно более опасные растения, но, по крайней мере, здесь можно было громко ругаться, если Ядовитая Тентакула неожиданно вцепится в тебя сзади.

Из-за громадного количества домашних заданий и многочасовых изнурительных тренировок по невербальным заклинаниям Гарри, Рон и Гермиона все никак не могли выкроить время, чтобы навестить Хагрида. Он совсем перестал появляться за преподавательским столом в Большом зале — зловещий признак, а когда они изредка сталкивались с ним в коридорах или на открытом воздухе, он загадочным образом ухитрялся не замечать их и не слышать, как они с ним здороваются.

— Надо сходить к нему, поговорить, — вздохнула Гермиона, глядя на большущее пустое кресло Хагрида за преподавательским столом.

Дело было за завтраком в следующую субботу.

— У нас сегодня утром отборочные испытания по квиддичу! — сказал Рон. — И еще нужно отрабатывать это несчастное заклинание Агваменти

для Флитвика! И вообще, о чем тут говорить? Как мы ему объясним, что ненавидим его дурацкий предмет?

— Мы его не ненавидим! — возмутилась Гермиона.

— Говори за себя. Я до сих пор не могу забыть соплохвостов, — сказал Рон мрачно. — Я тебе говорю, мы еще дешево отделались. Послушала бы ты, как он разливается насчет своего безмозглого братца — того и гляди, заставит учить Грохха завязывать шнурки на ботинках.

— Мне не нравится, что мы не видимся с Хагридом, — расстроенно сказала Гермиона.

— Пойдем к нему после квиддича, — пообещал Гарри. Он тоже скучал без Хагрида, хотя, как и Рон, считал, что без Грохха они прекрасно могут обойтись. — Но отборочные могут занять все утро, столько народу записалось! — Он немного нервничал перед своим первым выступлением в роли капитана команды. — Даже не знаю, с чего это квиддич стал таким популярным.

— Да ну тебя, Гарри, — с неожиданным раздражением ответила Гермиона. — Это не квиддич популярен, а ты! Никогда еще к тебе не было такого интереса, и, честно говоря, ты никогда еще не был настолько привлекательным!

Рон поперхнулся большим куском лососины. Гермиона бросила на него высокомерный взгляд и снова повернулась к Гарри.

— Теперь все знают, что ты все это время говорил правду, так? Волшебный мир вынужден был признать, что ты оказался прав насчет Волан-де-Морта, что он действительно вернулся и что ты на самом деле дважды сразился с ним за прошедшие два года и оба раза сумел спастись. А теперь ты еще и Избранный — ну разве непонятно, почему все тобой восхищаются?

Гарри вдруг показалось, что в Большом зале стало очень жарко, хотя потолок по-прежнему оставался пасмурным и ненастным.

— Ко всему прочему тебе еще пришлось пережить травлю Министерства, когда тебя пытались выставить ненормальным вруном. У тебя до сих пор остались отметины после того, как эта мерзкая колдунья заставляла тебя выписывать строчки собственной кровью, но ты все равно не отступился…

— У меня тоже до сих пор остались отметины после того, как те мозги в меня вцепились в Министерстве, вот, посмотри, — сказал Рон, закатывая рукава.

— …да еще ты за лето вырос чуть ли не на це-

лый фут, это тоже тебя не портит, — закончила Гермиона, не слушая, что говорит Рон.

— Я довольно-таки высокий, — ввернул Рон ни к селу ни к городу.

Тут прибыли почтовые совы. Они влетали в окна, разбрызгивая вокруг дождевые капли. Почти всем ученикам теперь доставляли больше писем, чем обычно: встревоженные родители хотели почаще получать известия от своих детей и, соответственно, сообщать им, что дома все хорошо. Гарри с начала учебного года не получил ни одного письма; единственный человек, регулярно ему писавший, умер. Гарри надеялся, что Люпин хоть пару раз ему напишет, но пока эти надежды не оправдались. Поэтому он очень удивился, увидев, что среди бурых и серых сов над столами кружит белоснежная Букля. Она приземлилась прямо перед Гарри с большим квадратным пакетом. В следующий миг второй точно такой же пакет шлепнулся на стол перед Роном, придавив собой крошечного, выбившегося из сил Сычика.

— Ха! — сказал Гарри, развернув пакет, в котором оказался новенький экземпляр «Расширенного курса зельеварения», только что от «Флориш и Блоттс».

— Вот хорошо, — обрадовалась Гермиона. —

Теперь ты сможешь вернуть ту исчирканную книжонку.

— С ума сошла? — возмутился Гарри. — Я ее не отдам! Слушай, я все продумал…

Он вытащил из сумки старый учебник, коснулся обложки волшебной палочкой и прошептал:

— *Диффиндо!*

Обложка отвалилась. Гарри проделал ту же операцию с новеньким учебником (Гермиона была потрясена таким вандализмом до глубины души). Затем Гарри поменял обложки, коснулся каждой из книг по очереди и сказал:

— *Репаро!*

И вот перед ним лежит экземпляр Принца, замаскированный под новый учебник, а рядом — свежий экземпляр от «Флориш и Блоттс», похожий на старую зачитанную книгу.

— Верну новый учебник. Слизнорту не на что жаловаться, он девять галеонов стоил.

Гермиона поджала губы с сердитым и осуждающим видом, но ее отвлекла третья сова, усевшаяся перед нею на стол со свежим номером «Ежедневного пророка». Гермиона быстро развернула газету и пробежала взглядом первую страницу.

— Есть знакомые покойники? — спросил Рон деланно небрежным тоном; он задавал этот во-

прос каждый раз, когда Гермиона раскрывала свою газету.

— Нет, но было еще несколько случаев нападения дементоров, — сообщила Гермиона. — И один человек арестован.

— Замечательно, а кто? — спросил Гарри, думая о Беллатрисе Лестрейндж.

— Стэн Шанпайк, — сказала Гермиона.

— Что? — изумился Гарри.

— «Стэнли Шанпайк, кондуктор популярного среди волшебников автобуса «Ночной рыцарь», арестован по подозрению в пособничестве Пожирателям смерти. Мистер Шанпайк, двадцати одного года, взят под стражу вчера поздно вечером в результате облавы на его дом в Клэпеме…»

— Стэн Шанпайк — Пожиратель смерти? — пробормотал Гарри, вспоминая прыщавого парнишку, с которым познакомился три года назад. — Чушь какая!

— Может, на него подействовали заклятием Империус? — предположил Рон. — Мало ли.

— Нет, непохоже, — сказала Гермиона, продолжая читать. — Тут сказано, что его арестовали, потому что кто-то слышал, как он в трактире говорил о тайных планах Пожирателей смерти. — Она растерянно посмотрела на друзей. — Если бы на

него действовало заклятие Империус, вряд ли он стал бы болтать об их планах, верно?

— По-моему, он просто старался придать себе важности, — сказал Рон. — Это не он трепался, что станет министром магии, когда хотел закадрить вейлу?

— Ага, он, — сказал Гарри. — Не понимаю, что эти министерские дурака валяют — принимать Стэна всерьез?

— Наверное, им очень хочется создать видимость бурной деятельности, — нахмурилась Гермиона. — Люди в панике. Вы знаете, что двойняшек Патил родители хотят забрать домой? А Элоизу Миджен уже забрали. Вчера вечером за ней явился отец.

— Чего! — Рон вытаращил глаза. — Да в Хогвартсе безопаснее, чем дома! У нас тут и мракоборцы, и всякие разные защитные чары, у нас Дамблдор!

— По-моему, он не всегда здесь, — очень тихо сказала Гермиона, покосившись поверх «Пророка» в сторону преподавательского стола. — Вы разве не замечали? На этой неделе его кресло стояло пустым не реже, чем у Хагрида.

Гарри и Рон посмотрели на стол преподавателей. В самом деле, директорское кресло

пустовало. Коли на то пошло, Гарри вообще не видел Дамблдора в школе со времени своего индивидуального урока на прошлой неделе.

— Я думаю, он что-то делает для Ордена, — сказала Гермиона, понизив голос. — То есть… Все очень серьезно, правда?

Гарри и Рон не ответили, но Гарри знал: все они думают об одном и том же. Вчера утром у них был ужасный случай — Ханну Эббот забрали с урока травологии, ей сообщили, что ее маму нашли мертвой. Больше они Ханну не видели.

Через пять минут, вылезая из-за гриффиндорского стола, чтобы отправиться на стадион, они прошли совсем близко от Лаванды Браун и Парвати Патил. После слов Гермионы о том, что родители двойняшек хотят забрать их из Хогвартса, Гарри не удивился, увидев, что подружки о чем-то перешептываются с расстроенным видом. Удивило его другое: когда Рон поравнялся с девочками, Парвати вдруг подтолкнула локтем Лаванду, та оглянулась и широко улыбнулась Рону. Рон мигнул, потом неуверенно улыбнулся в ответ. Он вдруг ни с того ни с сего расправил плечи и выпятил грудь. Гарри поборол искушение расхохотаться — ведь Рон не стал смеяться над ним, когда Малфой сломал ему нос. Зато

Гермиона держалась холодно и отстраненно, пока они шли к стадиону под мелким моросящим дождем, и отправилась на трибуну, не пожелав Рону удачи.

Как Гарри и ожидал, испытания заняли почти все утро. Явилась, кажется, половина факультета, от первокурсников, испуганно сжимавших в руках кошмарные школьные метлы-развалюхи, до семикурсников, возвышавшихся над всеми остальными и жутко крутых с виду. Одного из них, рослого парня с жесткими волосами, Гарри узнал по «Хогвартс-экспрессу».

— Мы встречались в поезде, в купе у старикашки Слиззи, — уверенно сказал парень, выйдя из толпы и пожимая руку Гарри. — Кормак Маклагген, вратарь.

— В прошлом году ты не пробовался? — спросил Гарри, мысленно отметив ширину плеч Маклаггена, и подумал, что тот, наверное, вполне способен загородить все три обруча, даже не двигаясь с места.

— Во время отборочных испытаний я лежал в больничном крыле, — сказал Маклагген, слегка рисуясь. — Съел на спор дюжину яиц докси.

— Ясно, — сказал Гарри. — Ну ладно… Подожди здесь, пожалуйста…

Он указал на передние ряды трибун, недалеко от того места, где сидела Гермиона. По лицу Маклаггена скользнула тень неудовольствия, и Гарри подумал, уж не ожидает ли Маклагген особого к себе отношения по случаю того, что оба они попали в любимчики к «старикашке Слиззи».

Гарри решил начать с элементарной проверки — попросил кандидатов разбиться на группы по десять человек и сделать круг над стадионом. Это было удачное решение: первая десятка состояла из первокурсников, и тут же стало яснее ясного, что раньше они вообще не летали. Только один мальчик сумел продержаться в воздухе дольше чем полминуты и при этом так удивился, что немедленно врезался в шест, на котором крепился обруч.

Вторую группу составили девочки, глупее которых Гарри никого в жизни не видел. Когда он подул в свисток, они даже не пытались взлететь, только покатились со смеху, цепляясь друг за друга. Среди них была и Ромильда Вейн. Когда Гарри велел им уйти с поля, они ничуть не огорчились, расселись на трибунах и принялись дразнить других участников.

Третья группа устроила свалку, не пролетев и половину круга. В четвертой группе почти никто

не принес с собой метлы. Пятая группа состояла из пуффендуйцев.

— Если здесь есть еще кто-нибудь с других факультетов, — заорал Гарри, начиная злиться всерьез, — уйдите сразу, пожалуйста!

Наступила тишина, потом двое мелких когтевранцев бегом кинулись с поля, давясь от хохота.

Через два часа, после множества жалоб и истерик, одной поломанной «Кометы-260» и нескольких выбитых зубов, Гарри отобрал в команду троих охотников: Кэти Белл, прекрасно выступившую на пробах, новую участницу по имени Демельза Робине, которая необыкновенно ловко уворачивалась от бладжеров, и Джинни Уизли — она летала быстрее всех, да еще и забила семнадцать голов. Гарри был доволен своим выбором, но успел докричаться до хрипоты, общаясь с обиженными претендентами, после чего ему пришлось точно так же сражаться с отвергнутыми загонщиками.

— Решение окончательное, а теперь освободите место для вратарей, не то я вас всех заколдую! — надрывался он.

Ни один из выбранных им загонщиков не мог сравниться с такими блестящими игроками,

как Фред и Джордж, но все-таки Гарри был более-менее доволен. Джимми Пикс, невысокий, коренастый третьекурсник, с такой силой заехал бладжером Гарри по затылку, что там вскочила шишка величиной с куриное яйцо, а Ричи Кут на вид был довольно хлипкий, зато бил метко. Теперь оба сидели на трибунах рядом с Кэти, Джинни и Демельзой и смотрели, как идет отбор последнего игрока в команде.

Гарри нарочно оставил вратарей под конец, надеясь, что к этому времени стадион опустеет и психологическое давление на участников будет поменьше. Но, к сожалению, все отвергнутые игроки остались на трибунах, да еще целая толпа народу, закончив завтракать, явилась посмотреть пробы, так что зрителей стало даже больше, чем было вначале. Каждого очередного вратаря, подлетающего к обручам, толпа встречала приветственными криками пополам с насмешками. Гарри покосился на Рона — у того и раньше были проблемы с нервами. Гарри надеялся, что после победы в финальном матче прошлого года это пройдет, но, как видно, не прошло: Рон был нежно-салатового цвета.

Никто из первых пяти кандидатов не сумел поймать больше двух мячей. К большому огор-

чению Гарри, Кормак Маклагген взял четыре пенальти из пяти. Но во время пятого пенальти он метнулся абсолютно не в ту сторону. Толпа захохотала и заулюлюкала. Маклагген вернулся на землю, скрежеща зубами от ярости.

Рон с обморочным видом оседлал свой «Чистомет-11».

— Удачи! — прокричал чей-то голос с трибуны. Гарри оглянулся, ожидая увидеть Гермиону но это оказалась Лаванда Браун. Она тут же закрыла лицо руками, и Гарри очень хотелось сделать то же самое, но он решил, что капитан не вправе трусить, и стал смотреть, как Рон проходит пробы.

Как выяснилось, Гарри беспокоился зря: Рон взял один, два, три, четыре, пять пенальти подряд! Страшно довольный, с трудом удерживаясь, чтобы не завопить на радостях вместе с толпой зрителей, Гарри повернулся к Маклаггену чтобы сказать ему. — мол, к сожалению, Рон его обошел, но тут красное от злости лицо Маклаггена возникло прямо у Гарри перед носом. Он попятился.

— Сестрица ему подыгрывала! — с угрозой заявил Маклагген. На виске у него пульсировала жилка, совсем как у дяди Вернона. — Она нарочно подала ему легкий мяч.

— Ерунда, — холодно ответил Гарри. — Как раз

этот мяч он чуть было не пропустил.

Маклагген приблизился вплотную к Гарри. Гарри на этот раз не отступил.

— Дай мне еще одну попытку.

— Нет, — сказал Гарри. — У тебя уже была попытка. Ты взял четыре мяча. Рон взял пять. Рон будет вратарем, он победил в честной борьбе. Уйди с дороги.

На мгновение ему показалось, что Маклагген сейчас его ударит, но тот ограничился злобной гримасой и затопал прочь, бурча себе под нос какие-то угрозы.

Гарри обернулся и увидел перед собой новую команду в полном составе, сияющую улыбками.

— Все молодцы, — просипел он сорванным голосом. — Здорово летали…

— Блестяще, Рон!

На сей раз это Гермиона примчалась на поле. Гарри видел, как Лаванда, слегка надувшись, уходит со стадиона под руку с Парвати. Рон был невероятно доволен собой и даже казался выше ростом, улыбаясь до ушей другим игрокам и Гермионе.

Гарри назначил первую полноценную тренировку на следующий четверг, после чего они с Роном и Гермионой попрощались с остальными и

отправились в гости к Хагриду. Дождик наконец перестал, бледное солнце пыталось пробиться сквозь тучи. Гарри почувствовал, что страшно проголодался. Он очень надеялся, что у Хагрида найдется чего-нибудь поесть.

— Я уже думал, что не поймаю тот последний мяч, — взахлеб рассказывал счастливый Рон. — У Демельзы такой хитрый удар, видели, крученый…

— Да, да, ты сыграл потрясающе, — сказала Гермиона с легкой усмешкой.

— Уж во всяком случае лучше, чем Маклагген, — отозвался Рон с довольным видом. — Видела, как он шарахнулся совсем не туда, куда нужно было, на последнем пенальти? Прямо как будто его кто оглоушил заклинанием Конфундус!

К большому удивлению Гарри, Гермиона вдруг густо покраснела. Рон ничего не заметил — слишком был занят, во всех подробностях смакуя остальные свои взятые мячи.

У хижины Хагрида был привязан Клювокрыл, громадный серый гиппогриф. Когда друзья подошли ближе, он защелкал острым как бритва клювом и повернул к ним огромную голову

— Ой, мамочки, — нервно сказала Гермиона. — Все-таки он немножко страшный, правда?

— Брось, ты же на нем верхом ездила, — улыбнулся Рон.

Гарри шагнул вперед и низко поклонился гиппогрифу глядя ему прямо в глаза и не мигая. Через несколько секунд Клювокрыл тоже нагнул голову в поклоне.

— Как жизнь? — тихо спросил у него Гарри, поглаживая перья на голове. — Скучаешь без него? Но ведь у Хагрида тебе неплохо, скажи?

— Эй! — послышался громкий голос.

Хагрид большими шагами вышел из-за угла. На нем был необъятный фартук в цветочек, в руках он держал мешок картошки. Здоровенный волкодав Клык бежал за ним по пятам; Клык оглушительно залаял и рванулся вперед.

— А ну-ка отойдите от него! Он вам сейчас пальцы пооткусает… А-а, это вы.

Клык прыгал вокруг Рона с Гермионой, пытаясь облизать им уши. Мгновение Хагрид стоял и смотрел на них, потом повернулся и ушел к себе в хижину, захлопнув за собой дверь.

— Ну вот… — горестно вздохнула Гермиона.

— Спокойно, — с мрачной решимостью произнес Гарри.

Он подошел к двери и громко постучал.

— Хагрид! Открой, надо поговорить! Ни звука

в ответ.

— Если не откроешь, мы разнесем дверь! — Гарри вытащил из кармана волшебную палочку.

— Гарри! — ужаснулась Гермиона. — Нельзя же так..

— Можно! — ответил Гарри. — Отойди-ка…

Но тут, как он и ожидал, дверь снова распахнулась. На пороге, сурово глядя на Гарри сверху вниз, стоял Хагрид, и выглядел он довольно устрашающе, несмотря на фартук в цветочек

— Я преподаватель! — загремел он. — Преподаватель, Поттер! Как ты смеешь грозиться, что выломаешь мне дверь?

— Простите, сэр, — сказал Гарри с нажимом на последнее слово и убрал волшебную палочку за пазуху.

Хагрид остолбенел.

— С каких это пор ты меня «сэром» называешь?

— С тех пор, как вы называете меня «Поттер».

— Ага, очень остроумно, — проворчал Хагрид. — Обхохочешься. Перехитрил меня и рад, да? Ладно уж, заходите, козявки неблагодарные…

Сердито бурча, он посторонился, пропуская их в дом. Гермиона шмыгнула в дверь следом за Гарри, вид у нее был испуганный.

— Ну? — буркнул Хагрид, когда Гарри, Рон и Гермиона уселись за громадный деревянный стол. Клык тут же положил морду на колени Гарри и обслюнявил ему мантию. — Чего пришли? Жалеете меня? Думаете, мне тут одиноко? Или что?

— Нет, — быстро ответил Гарри. — Просто хотели повидаться.

— Мы соскучились! — сказала Гермиона дрожащим голосом.

— Соскучились, вон оно что, — хмыкнул Хагрид. — Ага, как же.

Он принялся возиться у очага, пристроил на огне громадный медный чайник, не переставая ворчать себе под нос. Наконец он с грохотом поставил на стол три кружки вместимостью с ведро, до краев налитые чаем цвета красного дерева, и тарелку с печеньем. Гарри так проголодался, что не устрашился даже Хагридовой стряпни и сразу взял себе печеньице.

— Хагрид, — нерешительно начала Гермиона, когда лесничий тоже сел за стол и так яростно принялся чистить картошку, словно каждый клубень нанес ему личную обиду, — мы правда хотели продолжать занятия по уходу за магическими существами… Хагрид громко шмыгнул носом. Гарри показалось, что часть соплей попа-

ла на картошку, и он в душе порадовался, что они не останутся на обед.

— Правда! — настаивала Гермиона. — Просто мы никак не могли втиснуть эти уроки в свое расписание.

— Ага, как же, — снова хмыкнул Хагрид. Послышался странный хлюпающий звук, друзья в тревоге оглянулись. Гермиона тоненько взвизгнула, Рон вскочил с места и перебежал на другую сторону стола, подальше от угла, где стоял большой бочонок — они его сперва не заметили. В бочонке копошились какие-то червяки по футу длиной, белые и скользкие.

— Что это, Хагрид? — спросил Гарри, стараясь, чтобы в его голосе прозвучал интерес, а не омерзение, но печенье все-таки отложил.

— А, просто гигантские личинки.

— И кто из них вырастет? — спросил Рон со страхом.

— Никто из них не вырастет, — проворчал Хагрид. — Я их скормлю Арагогу.

И вдруг он разрыдался.

— Хагрид! — Гермиона бросилась к нему, обежав вокруг стола, чтобы не приближаться к бочонку с личинками. Она обняла вздрагивающие плечи Хагрида. — Что случилось?

— Он… он… — всхлипывал Хагрид. Слезы ручьями текли из его черных, как жуки, глаз. Он вытер лицо фартуком. — Он… Арагог… Кажись, он помирает… Все лето хворал и никак не пойдет на поправку… Прямо не знаю, что со мной будет, если он… если он… Мы с ним так долго были вместе…

Гермиона погладила Хагрида по плечу, явно не зная, что сказать. Гарри ее прекрасно понимал. Ему случалось видеть, как Хагрид приносит злобному маленькому дракончику плюшевого мишку, как он воркует над гигантскими скорпионами с жалом и присоской, как пытается вразумить своего сводного брата — свирепого великана, но непонятнее всего была эта его привязанность — гигантский говорящий паук Арагог, который обитал в самой глубине Запретного леса и от которого Гарри и Рон едва унесли ноги четыре года назад.

— Мы… мы можем чем-то помочь? — спросила Гермиона, как будто не замечая, что Рон строит отчаянные гримасы и судорожно мотает головой.

— Навряд ли, Гермиона, — захлебнулся Хагрид в напрасной попытке унять поток слез. — Ты понимаешь, родичи его… Детишки Арагоговы…

Они стали какие-то странные с тех пор, как он захворал… Беспокойные какие-то…

— Да, мы тоже с этим сталкивались, — еле слышно прошептал Рон.

— Сдается мне, сейчас никому, кроме меня, не стоит подходить близко к их колонии, — закончил Хагрид и громко высморкался в фартук — Но все равно, спасибо, что предложила, Гермиона… Это так много для меня значит…

После этого атмосфера заметно разрядилась. Хотя ни Гарри, ни Рон не проявляли горячего желания кормить громадного смертоносного паука гигантскими личинками, но Хагрид, видимо, додумал это за них и наконец-то снова стал самим собой.

— Я ж так и знал, что вам не впихнуть меня в свое расписание, — проворчал он, наливая им еще чаю. — Даже если бы вам всем выдали маховики времени…

— Теперь это невозможно, — сказала Гермиона. — Мы их все разбили, когда были летом в Министерстве. Об этом писали в «Ежедневном пророке».

— А, ну вот, — сказал Хагрид. — Никак вам было этого не успеть… Вы уж меня простите… Понимаете, просто я малость расстроился из-за Арагога…

Ну и подумал, может, профессор Граббли-Дерг вас лучше учила…

Тут все трое принялись категорически, хотя и не совсем искренне уверять Хагрида, что заменявшая его несколько раз профессор Граббли-Дерг преподает просто ужасно. В итоге Хагрид совсем повеселел и, когда стемнело, бодро помахал им на прощание.

— Умираю с голоду, — сказал Гарри, как только дверь за ними закрылась и все трое почти бегом заспешили к замку по безлюдным темным лужайкам. Он оставил попытки разгрызть печенье, когда услышал, как у него зловеще хрустнул один из коренных зубов. — А мне еще у Снегга сегодня отсиживать, пообедать толком не успею…

В вестибюле они увидели Кормака Маклаггена, который пытался войти в Большой зал. Вошел он только со второй попытки — в первый раз с разбегу налетел на притолоку. Рон злорадно расхохотался и вразвалочку двинулся следом за ним, но Гарри поймал Гермиону за локоть и потянул назад.

— Что тебе? — ощетинилась Гермиона.

— По-моему, — тихо сказал Гарри, — Маклаггена явно кто-то оглушил заклинанием Конфундус. А он стоял прямо против того места, где сидела

ты.

Гермиона залилась краской.

— Ну и ладно, я это сделала, — прошептала она. — А ты бы слышал, что он говорил про Рона и Джинни! И вообще у него мерзкий характер. Видел, как он реагировал, когда его не приняли? Тебе не нужен в команде такой скандалист.

— Наверное, не нужен, — сказал Гарри. — Но ведь это нечестно, Гермиона! Ты же ведь все-таки староста.

— Да ну тебя, — огрызнулась она, увидев довольную улыбку на лице Гарри.

— Что вы там копаетесь?

В дверях Большого зала показался Рон и подозрительно посмотрел на них.

— Ничего, — в один голос ответили Гарри и Гермиона и тоже побежали в Большой зал.

От запаха ростбифа у Гарри даже живот подвело, но не успели они сделать трех шагов к столу гриффиндорцев, как дорогу им загородил профессор Слизнорт.

— Гарри, Гарри, вас-то я и ищу! — добродушно прогудел он, подкручивая кончики своих моржовых усов и выпятив толстый живот. — Надеялся перехватить вас до обеда! Не хотите ли вместо этого прийти ко мне на ужин? Собирается неболь-

шая компания — так, несколько восходящих звезд. Будет Маклагген, Забини, очаровательная Мелинда Боббин — не знаю, знакомы ли вы с нею? Ее семья владеет обширной сетью аптек... И конечно, я очень надеюсь, что мисс Грейнджер тоже окажет мне честь своим присутствием, — закончил Слизнорт свою речь, слегка поклонившись Гермионе.

Можно было подумать, что Рона здесь вообще нет, Слизнорт ни разу не взглянул на него.

— Я не смогу прийти, профессор, — сразу же ответил Гарри. — Профессор Снегг оставил меня после уроков, мне надо к нему.

— Ах, батюшки мои! — воскликнул Слизнорт. Лицо его смешно вытянулось. — Подумать только, Гарри, а я так на вас рассчитывал! Ну что ж, я поговорю с Северусом, объясню ему ситуацию. Конечно, он согласится перенести наказание на другое время. Да-да, до встречи с вами обоими!

Он заспешил прочь из Зала.

— Не выйдет у него уговорить Снегга, — сказал Гарри, когда Слизнорт уже не мог его услышать. — Один раз Снегг согласился отложить наказание по просьбе Дамблдора, но ни для кого другого он этого не сделает.

— Ох, так жалко, что ты не можешь пойти, мне

совсем не хочется тащиться туда одной, — озабоченно проговорила Гермиона. Гарри понял, что ее пугает мысль о Маклаггене.

— Вряд ли ты там будешь одна. Джинни тоже небось пригласили, — буркнул Рон, которому, похоже, совсем не понравилось пренебрежительное обращение Слизнорта.

После обеда они отправились к себе, в башню Гриффиндора. В гостиной толпился народ — почти все уже успели пообедать, но Гарри, Рон и Гермиона все-таки нашли себе свободный стол и сели. Рон, пребывавший в дурном настроении после встречи со Слизнортом, скрестил руки на груди и вперил взор в потолок. Гермиона потянула к себе свежий номер «Ежедневного пророка», забытый кем-то на кресле.

— Что-нибудь новенькое? — спросил Гарри.

— Да не особенно… — Гермиона раскрыла газету и начала проглядывать внутренние страницы. — Ой, смотри, Рон, тут про твоего папу… С ним все в порядке! — торопливо прибавила она, поскольку Рон в страхе оглянулся. — Здесь просто сказано, что он побывал в доме Малфоев. «Насколько стало известно, вторичный обыск в резиденции Пожирателя смерти не принес ощутимых результатов. Артур Уизли из Сектора

выявления и конфискации поддельных защитных заклинаний и оберегов утверждает, что поводом к обыску стала информация, поступившая от частного лица».

— Ага, в смысле — от меня! — сказал Гарри. — Когда мы были на вокзале Кингс-Кросс, я ему рассказал про Малфоя и про то, что он хотел заставить Горбина починить какую-то штуковину. Ну, раз дома у них ничего такого нет, значит, он, наверное, привез это дело с собой в Хогвартс…

— Как же он смог бы это сделать, Гарри? — удивленно спросила Гермиона, отложив газету. — Нас всех обыскивали на входе, помнишь?

— Обыскивали? — растерялся Гарри. — Меня нет…

— Ах да, конечно, я забыла, ты же опоздал… Так вот, при входе в вестибюль Филч проверял нас Детектором лжи. Он тут же нашел бы любой Темный предмет. Я точно знаю, что у Крэбба конфисковали засушенную голову. Видишь, Малфой не смог бы пронести в замок никакой опасный артефакт!

На это как будто нечего было ответить. Некоторое время Гарри смотрел, как Джинни Уизли играет со своим пушистиком Арнольдом. Наконец он придумал, как обойти возражение

Гермионы.

— Значит, кто-то прислал ему эту штуку с совой, — сказал Гарри. — Мама или еще кто-нибудь.

— Сов тоже проверяют, — сказала Гермиона. — Филч предупредил нас об этом, когда тыкал своими детекторами всюду, куда только можно.

На этот раз Гарри окончательно стал в тупик Похоже, Малфой действительно никак не мог протащить в школу Темный или просто опасный артефакт. Гарри с надеждой посмотрел на Рона, который сидел, скрестив руки на груди и неотрывно глядя на Лаванду Браун.

— А ты как думаешь, мог Малфой каким-то образом обмануть…

— Да ну, Гарри, отстань. — Рон поморщился.

— Слушай, я не виноват, что Слизнорт пригласил нас с Гермионой на свою дурацкую вечеринку. Ты же сам знаешь: нам совсем не хочется туда идти! — вскипел Гарри.

— Ну, поскольку меня не приглашали ни на какие вечеринки, — сказал Рон, поднимаясь, — Я, пожалуй, пойду спать.

Громко топая, он скрылся за дверью, ведущей к спальням мальчиков, оставив Гарри и Гермиону смотреть ему вслед.

— Гарри! — окликнула новая охотница, Демельза Робине, внезапно появляясь у него за плечом. — Мне велели тебе передать…

— Кто велел? Профессор Слизнорт? — спросил Гарри, с надеждой оборачиваясь к ней.

— Нет, профессор Снегг, — ответила Демельза, и Гарри снова упал духом. — Он говорит, чтобы ты пришел к нему в кабинет сегодня в половине девятого, э-э… вне зависимости от того, на сколько вечеринок тебя приглашают. И еще он велел сказать, что ты должен будешь перебирать флоббер-червей, отделять протухших от хороших, для уроков зельеварения, и это… чтобы ты не приносил с собой защитные перчатки.

— Все ясно, — мрачно сказал Гарри. — Спасибо тебе большое, Демельза.

Глава 12

СЕРЕБРО И ОПАЛЫ

Куда пропадает Дамблдор и чем он занимается? В последующие недели Гарри всего два раза видел издали директора школы. Он теперь почти не появлялся в Большом зале, и Гарри был уверен, что Гермиона права — Дамблдора по нескольку дней подряд не бывает в школе. Может, он забыл, что собирался давать Гарри уроки? Дамблдор говорил, что эти уроки ведут к чему-то связанному с пророчеством. Гарри это очень поддерживало, как-то успокаивало, а теперь ему стало казаться, что о нем забыли.

В середине октября пришло время первого похода в Хогсмид. Гарри опасался, что эти прогулки могут запретить, учитывая немыслимо строгие меры безопасности, но оказалось, что поход все-таки состоится. Гарри очень обрадовался — всегда приятно хоть на несколько часов выбраться из замка.

В день похода был сильный ветер, хлестал дождь. Гарри проснулся ни свет ни заря и, чтобы убить время до завтрака, взялся за «Расширен-

ный курс зельеварения». Вообще говоря, у него не было привычки читать учебники, лежа в постели; как справедливо утверждал Рон, такое поведение просто неприлично для всякого, кроме Гермионы — ей можно, она уж так устроена. Но, по глубокому убеждению Гарри, книгу Принца-полукровки никак нельзя было приравнивать к другим учебникам. Чем больше Гарри ее изучал, тем больше находил в ней полезного — не только ценные подсказки и маленькие хитрости по части зельеварения, благодаря которым он приобрел такую блистательную репутацию у Слизнорта, но и весьма хитроумные заклятия и наговоры, записанные на полях и, судя по многочисленным поправкам, явно придуманные самим Принцем-полукровкой.

Гарри уже опробовал несколько самодельных заклинаний Принца. Одно из них заставляло со страшной скоростью расти ногти на ногах (как-то во время перемены Гарри испытал его на Крэббе, с весьма забавным результатом); от другого язык приклеивался к нёбу (это заклинание Гарри дважды применил к ничего не подозревающему Аргусу Филчу под общие аплодисменты); а самым полезным, наверное, было заклинание Оглохни — от него у всех находящихся поблизо-

сти начиналось непонятное жужжание в ушах, заглушающее все остальные звуки, что позволяло спокойно разговаривать на уроке, не боясь, что тебя подслушают. Только один человек не находил ничего веселого в этих заклинаниях. Гермиона по-прежнему не одобряла все эти штучки и напрочь отказывалась разговаривать, если Гарри применял к кому-нибудь из окружающих заклятие Оглохни.

Сидя в постели, Гарри повернул книгу боком, чтобы удобнее было разбирать мелко написанные пояснения к заклинанию, которое, видимо, стоило Принцу большого труда. Оно несколько раз зачеркивалось и переделывалось, но в конце концов в самом уголке страницы отыскался окончательный вариант:

Левикорпус (н-врбл)

Под стук дождя вперемешку со снегом по оконным стеклам и громкий храп Невилла Гарри разглядывал буковки в скобках. Н-врбл… Это, наверное, означает «невербальное». Гарри сомневался, что заклинание у него получится; он до сих пор еще не вполне освоил невербальное колдовство, и Снегг неукоснительно высказывал свои комментарии по этому поводу на каждом уроке по защите от Темных искусств. С другой стороны,

пока что учиться у Принца-полукровки Гарри удавалось значительно лучше, чем у Снегга.

Направив волшебную палочку в пространство и ни во что конкретно не целясь, Гарри сделал короткий резкий взмах и мысленно произнес: *«Левикорпус!»*

— А-а-а-а-а-а-а-а-а!

Сверкнула яркая вспышка, комната наполнилась голосами: всех разбудил дикий крик Рона. Гарри с перепугу уронил «Расширенный курс зельеварения». Рон повис в воздухе вниз головой, как будто невидимый крюк подцепил его за щиколотку.

— Ой, прости! — завопил Гарри, пока Дин и Симус покатывались со смеху, а Невилл, свалившийся с кровати, поднимался с пола. — Подожди минутку, я сейчас…

Он нашарил учебник зельеварения и в панике кинулся листать страницы. Наконец нашел нужное место и кое-как разобрал слово, неразборчиво нацарапанное под заклинанием. Молясь про себя, чтобы контрзаклятие подействовало, Гарри изо всех сил подумал: *«Либеракорпус!»*

Еще раз сверкнуло, и Рон мешком свалился на постель.

— Прости, — повторил Гарри дрожащим го-

лосом.

Дин и Симус снова заржали.

— Ты уж, пожалуйста, — приглушенно пробормотал Рон, — завтра лучше заведи будильник.

К тому времени как они оделись, натянув на себя по нескольку вязаных свитеров миссис Уизли, обмотавшись шарфами и прихватив плащи и перчатки, Рон немного пришел в себя и решил, что Гарри раскопал очень даже смешное заклинание; настолько смешное, что Рон тут же за завтраком рассказал всю историю Гермионе.

— И тут опять как полыхнет, и я снова шлепнулся на кровать! — радостно скалился Рон, накладывая себе на тарелку сосиски.

Гермиона, слушая его рассказ, ни разу не улыбнулась и теперь взглянула на Гарри с ледяным неодобрением.

— Это заклинание, случайно, не из твоего любимого учебника по зельеварению? — спросила она.

Гарри нахмурился:

— Сразу подозреваешь худшее?

— Да или нет?

— Ну… да, а что?

— Значит, ты вот так запросто решил попробовать незнакомое, неизвестно кем написанное от

руки заклинание и посмотреть, что получится?

— Какая разница, что оно написано от руки? — спросил Гарри, старательно обходя основное содержание вопроса.

— А такая, что это заклинание, скорее всего, не утверждено Министерством, — отрезала Гермиона. — А кроме того, — прибавила она, видя, что Рон и Гарри раздраженно переглядываются, — я начинаю думать, что этот ваш Принц — довольно сомнительная личность.

Гарри и Рон дружно напустились на нее.

— Это была шутка! — кричал Рон, вытряхивая из бутылочки кетчуп на сосиски. — Понимаешь ты, шутка, для смеху!

— Хороши шуточки — подвесить человека в воздухе кверху ногами! — покачала головой Гермиона. — Кто станет тратить время и силы на такие заклинания?

— Фред и Джордж, — пожал плечами Рон. — Это как раз в их вкусе. И, ну…

— Мой папа, — сказал Гарри. Он только сейчас вспомнил.

— Что? — спросили Рон и Гермиона в один голос.

— Мой папа использовал это заклинание, — сказал Гарри. — Я… Люпин мне рассказывал.

Последнее утверждение не было правдой. На самом деле Гарри сам видел, как его отец применял это заклинание к Снеггу только он так и не рассказал Рону и Гермионе о том своем погружении в Омут памяти. Но теперь его ошеломила потрясающая мысль: что, если Принц-полукровка — это…

— Может быть, твой папа и использовал его, Гарри, — сказала Гермиона, — но, безусловно, не он один. Если помнишь, мы все видели, как целая группа людей пустила в ход это заклинание. Они заставили несколько человек болтаться в воздухе, беспомощных, сонных…

Гарри так и уставился на нее. С ощущением, словно куда-то проваливается, он действительно вспомнил гнусную выходку Пожирателей смерти на Чемпионате мира по квиддичу. Рон пришел к нему на помощь.

— Это же совсем другое дело, — уверенно сказал он. — Они применяли это заклинание по-плохому. А Гарри и его папа просто шутили. Тебе не нравится Принц, Гермиона, — прибавил Рон, сурово указывая на нее сосиской, — потому что он лучше тебя знает зельеварение.

— При чем здесь это! — У Гермионы запылали щеки. — Просто я считаю, что это безответствен-

но — выполнять неизвестные заклинания, когда даже не знаешь их действия. И что вы все говорите — Принц, Принц, как будто это титул. Спорим, это просто глупое прозвище, и, по-моему, он очень несимпатичный тип!

— С чего ты взяла? — запальчиво возразил Гарри. — Если бы он был начинающим Пожирателем смерти, вряд ли стал бы хвалиться, что он — полукровка!

Не успев закончить фразу, Гарри сообразил, что его отец был чистокровным волшебником, но он отогнал эту мысль; об этом он подумает после…

— Не могут все Пожиратели смерти быть чистокровными, столько чистокровных волшебников-то не осталось, — упрямо сказала Гермиона. — Я думаю, большинство из них полукровки, только скрывают. Они ненавидят волшебников из семей маглов, а тебя и Рона, например, приняли бы с удовольствием.

— Меня ни за что на свете не взяли бы в Пожиратели смерти! — возмутился Рон, размахивая вилкой перед носом у Гермионы, так что кусок сосиски сорвался, улетел в сторону и стукнул Эрни Макмиллана по голове. — У меня же вся семья — предатели чистокровных! Для них это не лучше, чем семья маглов!

— Ага, и мне они обрадуются, как же, — сказал Гарри с сарказмом. — Мы с ними были бы лучшими друзьями, если б они не пытались меня прикончить.

Рон засмеялся, и даже Гермиона улыбнулась против воли. Тут их отвлекло появление Джинни.

— Эй, Гарри, мне велели передать тебе вот это. «Вот это» был свиток пергамента, на котором знакомым тонким косым почерком было написано имя Гарри.

— Спасибо, Джинни… Это следующий урок у Дамблдора! — сообщил Гарри Рону и Гермионе, развернув пергамент и быстро проглядев его. — В понедельник вечером! — На душе у него вдруг стало необыкновенно легко и весело. — Пойдешь с нами в Хогсмид, Джинни? — спросил он.

— Я иду с Дином. Может, там встретимся, — ответила она, помахала рукой и ушла.

У дубовых входных дверей, как всегда, стоял Филч и проверял по списку, кому разрешено пойти в Хогсмид. Сегодня этот процесс растянулся даже больше обычного, потому что Филч проверял и перепроверял каждого выходящего Детектором *лжи*.

— А какая разница, если кто-то и выносит

из школы Темные артефакты? — сказал Рон, с опаской поглядывая на длинный тонкий датчик — Главное, чтобы ничего такого не вносили внутрь!

За свою дерзость он получил несколько лишних тычков Детектором и все еще морщился, когда они вышли на улицу навстречу шквальному ветру со снегом и дождем.

Прогулка до Хогсмида оказалась малоприятной. Гарри обмотал лицо шарфом до самых глаз; та часть лица, которая осталась не прикрыта, быстро намокла и онемела от холода. По всей дороге в деревню виднелись ученики, сгибавшиеся под напором безжалостного ветра. Гарри несколько раз приходило в голову, не лучше ли было бы им сидеть сейчас в уютной теплой гостиной, а когда они наконец добрели до Хогсмида и обнаружили, что вход в магазин волшебных шуток «Зонко» заколочен досками, Гарри воспринял это как знак судьбы: веселья в Хогсмиде на сей раз не предвидится. Рон махнул рукой в толстой вязаной перчатке в сторону «Сладкого королевства»; к счастью, там было открыто. Гарри и Гермиона, спотыкаясь, ввалились вслед за Роном в переполненную кондитерскую.

— Слава богу, — передернулся Рон, когда они

окунулись в душистое тепло, пропитанное ароматом карамели.

— Гарри, мой мальчик! — громко произнес знакомый голос у них за спиной.

— Караул, — пробормотал Гарри.

Все трое обернулись и увидели перед собой профессора Слизнорта в громадной меховой шапке и таком же воротнике, с большим пакетом засахаренных ананасов в руках. Он занимал собой по крайней мере четверть магазина, никак не меньше.

— Гарри, вы уже три раза пропускали мои дружеские ужины! — сказал Слизнорт, добродушно тыча его пальцем в грудь. — Так не годится, мальчик мой! Я непременно хочу залучить вас к себе. Вот мисс Грейнджер нравятся мои вечеринки, не правда ли?

— Да, — промямлила Гермиона, — они, они очень…

— Так что же вы не приходите, Гарри? — требовательно спросил Слизнорт.

— Ну, у меня были тренировки по квиддичу, профессор, — сказал Гарри.

Он и в самом деле каждый раз назначал тренировки именно тогда, когда получал от Слизнорта приглашение, перевязанное фиолетовой лен-

точкой. Благодаря этому Рон не оставался в одиночестве, и они втроем с Джинни дружно веселились, представляя себе, как Гермиона томится на очередной вечеринке у Слизнорта в обществе Маклаггена и Забини.

— Что ж, теперь вы уж точно должны выиграть ближайший матч, после такой упорной подготовки! — сказал Слизнорт. — Но иногда нужно и отдыхать. Как насчет вечера понедельника, не будете же вы тренироваться в такую погоду…

— Не могу, профессор. Я… у меня… назначена на этот вечер встреча с профессором Дамблдором.

— Опять не повезло! — трагически воскликнул Слизнорт. — Ну, что ж… Однако уклоняться до бесконечности невозможно, Гарри!

И, с царственным видом помахав на прощание рукой, он вышел вперевалочку из магазина, уделив Рону не больше внимания, чем выставленным на витрине «Тараканьим усам».

— Невероятно — ты опять выкрутился! — сказала Гермиона, качая головой. — На самом деле там не так уж противно… Иногда даже бывает интересно… — Тут она заметила, с каким лицом на нее уставился Рон. — Ой, смотрите, здесь есть сахарные перья де-люкс — их хватает на несколько часов!

Радуясь, что Гермиона заговорила о другом, Гарри проявил неумеренный интерес к кондитерской новинке — сахарным перьям богатырского размера, но Рон по-прежнему смотрел на них волком и только пожал плечами, когда Гермиона спросила, куда он теперь хочет пойти.

— Пошли в «Три метлы», — предложил Гарри. — Там хоть тепло.

Они снова обмотались шарфами и вышли из кондитерской. После сахарного тепла в «Сладком королевстве» ветер резал как ножом. Народу на улице было немного. Никто не останавливался поболтать, все бегом бежали по своим делам. Исключение составляли двое мужчин у входа в «Три метлы». Один был очень высокий и худой. Прищурившись сквозь очки, Гарри узнал бармена из второго хогсмидского кабачка «Кабанья голова». Когда друзья подошли ближе, бармен плотно запахнул плащ и ушел, а его низенький собеседник остался, пристраивая поудобнее какую-то поклажу в руках. До него оставалось всего несколько шагов, когда Гарри вдруг узнал, кто это.

— Наземникус!

Приземистый кривоногий человечек с длинными растрепанными рыжими волосами вздрогнул с головы до пят и уронил древний чемодан. Че-

модан раскрылся, и на землю вывалилась куча разной рухляди, которой можно было заполнить витрину лавки старьевщика.

— А, Гарри, приветик, — сказал Наземникус Флетчер, весьма неубедительно изображая беззаботную радость. — Ну, не буду тебя задерживать.

И он принялся шарить по земле, подбирая выпавшие из чемодана вещи и явно стремясь поскорее убраться отсюда.

— Приторговываем помаленьку? — спросил Гарри, глядя, как Наземникус сгребает в охапку довольно-таки обшарпанные на вид предметы.

— А что делать, жить-то надо, — отозвался Наземникус. — Дай сюда!

Рон только что наклонился и поднял с земли серебряный кубок.

— Погодите-ка, — медленно проговорил Рон. — Я это где-то видел…

— Спасибо! — Наземникус вырвал кубок из рук Рона и затолкал в чемодан. — Ладно, до встречи… Ай!

Гарри прижал Наземникуса к стене трактира. Крепко держа его одной рукой за горло, он выхватил волшебную палочку.

— Гарри! — взвизгнула Гермиона.

— Ты украл этот кубок из дома Сириуса, —

сказал Гарри, почти уткнувшись носом в лицо Наземникусу и вдыхая неприятный застоявшийся запах табака и алкоголя. — На нем фамильный герб Блэков.

— Я… никогда… чего? — запыхтел Наземникус, постепенно становясь багровым.

— Ты что, явился туда в ту ночь, когда его убили, и ограбил дом? — прорычал Гарри.

— Нет… я…

— Отдай!

— Гарри, не надо! — вскрикнула Гермиона. Наземникус начал синеть.

что-то громко хлопнуло, и Гарри почувствовал, что его руки разжались, выпустив горло Наземникуса. Пыхтя и отдуваясь, Наземникус подобрал чемодан и — хлоп! — трансгрессировал в неизвестном направлении.

Гарри громко выругался и завертелся на месте, пытаясь разглядеть, куда исчез Наземникус.

— ВЕРНИСЬ, ВОРЮГА!

— Бесполезно, Гарри.

Рядом с ними возникла Тонкс. В ее мышиного цвета волосы набился мокрый снег.

— Наземникус, вероятно, сейчас уже в Лондоне. Нет смысла кричать.

— Он украл вещи Сириуса! Украл, понимаете!

— Да, да, — сказала Тонкс, которую, похоже, эта информация нисколько не взволновала, — но все-таки незачем стоять на холоде.

Она проводила их до входа в «Три метлы». Едва перешагнув порог, Гарри снова не выдержал:

— Он украл вещи Сириуса!

— Я все понимаю, Гарри, только не кричи, пожалуйста, на нас смотрят, — прошептала Гермиона. — Иди сядь. Я тебе что-нибудь принесу.

Через несколько минут она вернулась к столику с тремя бутылками сливочного пива. Гарри все еще кипел от злости.

— Неужели Орден не может справиться с Наземникусом? — спрашивал он друзей яростным шепотом. — Могли бы, по крайней мере, проследить, чтобы он не тащил из штаб-квартиры все, что плохо лежит!

— Ш-ш-ш! — в отчаянии взмолилась Гермиона, оглядываясь, не слышал ли кто.

Двое колдунов за соседним столиком с интересом поглядывали на Гарри, а неподалеку Забини со скучающим видом прислонился к колонне.

— Гарри, я бы на твоем месте тоже разозлилась, я понимаю, это ведь он твои вещи ворует…

Гарри поперхнулся сливочным пивом. Он совсем забыл, что дом номер двенадцать на пло-

щади Гриммо теперь принадлежит ему.

— Точно, это мои вещи! — сказал он. — Ясное дело, он мне не обрадовался! Ладно, я обязательно расскажу Дамблдору, что происходит, он один может повлиять на Наземникуса.

— Хорошая мысль, — шепотом одобрила Гермиона, очень довольная, что Гарри наконец немного успокоился. — Рон, ты что там высматриваешь?

— Ничего, — быстро ответил Рон, отводя глаза от стойки бара, но Гарри знал, что он пытался поймать взгляд хорошенькой пухленькой барменши, мадам Розмерты, к которой давно уже был неравнодушен.

— Как я понимаю, «ничего» пошла в кладовку за огненным виски, — ехидно заметила Гермиона.

Рон проигнорировал этот выпад и стал прихлебывать сливочное пиво в молчании, которое сам он, видимо, считал исполненным достоинства. Гарри думал о Сириусе — о том, что он все равно терпеть не мог все это фамильное серебро. Гермиона постукивала пальцами по столу, посматривая то на Рона, то на стойку бара.

Как только Гарри допил последние капли из своей бутылки, Гермиона сказала:

— Ну что, может, хватит на сегодня? Пошли обратно в школу.

Гарри и Рон кивнули. Прогулка вышла невеселая, а погода, чем дальше, тем становилась хуже. Снова они закутались в плащи и шарфы, натянули перчатки. Как раз в это время Кэти Белл с подружкой выходили из трактира. Трое друзей тоже вышли и двинулись за девочками по Главной улице. Шлепая по мерзлым лужам, Гарри вспомнил про Джинни. Они так и не встретили ее. Небось уютно устроилась со своим Дином в кафе мадам Паддифут, прибежище всех счастливых влюбленных парочек. Сдвинув брови, Гарри нагнул голову навстречу ветру и ледяному дождю и зашагал дальше.

Через некоторое время он начал замечать, что голоса Кэти Белл и ее подруги, которые доносил к нему ветер, становятся все громче и пронзительнее. Гарри прищурился, вглядываясь в неясные за дождем фигурки. Девочки спорили о каком-то предмете, который Кэти держала в руке.

— Тебя это не касается, Лианна! — донеслись до Гарри слова Кэти.

Они завернули за угол. Здесь мокрый снег летел еще гуще и совсем залепил очки Гарри. Он поднял руку в перчатке, чтобы протереть их, и как раз в этот момент Лианна сделала попытку выхватить у Кэти сверток; Кэти потянула к себе,

и сверток упал на землю.

В ту же секунду Кэти взмыла в воздух — не так, как Рон, смешно болтавшийся вниз головой, нет, очень грациозно, вытянув вверх руки, словно хотела полетать. И все-таки было в этом что-то очень странное, что-то неправильное, жуткое… Ветер бешено трепал ее волосы, но глаза Кэти были закрыты и лицо застыло без всякого выражения. Гарри, Рон, Гермиона и Лианна замерли на месте, не сводя с нее глаз.

Поднявшись на шесть футов над землей, Кэти вдруг ужасно закричала. Глаза ее распахнулись, но то, что она видела или чувствовала, очевидно, причиняло ей нестерпимую боль. Она кричала, не переставая. Лианна тоже закричала и стала дергать Кэти за щиколотки, пытаясь стащить ее вниз. Гарри, Рон и Гермиона бросились на помощь. Они дружно по-тянули Кэти за ноги, но тут она рухнула прямо на них. Гарри и Рон успели ее подхватить, но она так билась и корчилась, что они едва могли ее удержать. Тогда они опустили ее на землю. Кэти продолжала биться и кричать и явно никого не узнавала.

Гарри огляделся: вокруг не было ни души.

— Никуда не уходите! — заорал он, перекрикивая воющий ветер. — Я пойду позову на помощь!

Он бегом помчался к школе. Гарри никогда еще не видел, чтобы с человеком делалось такое, он просто не мог себе представить, отчего это случилось с Кэти. На повороте дороги он столкнулся с кем-то, похожим на огромного медведя, поднявшегося на задние лапы.

— Хагрид! — задохнулся Гарри, выпутавшись из живой изгороди, в которую он свалился.

— Гарри! — воскликнул Хагрид. Он был одет в свой громадный мохнатый тулуп из бобровых шкурок, в бровях и бороде запутались комья мокрого снега. — Я тут ходил навестить Грохха, он у меня такой умница, ты себе даже не…

— Хагрид, там одну девочку ранили, или прокляли, или я не знаю что…

— Что ты говоришь? — спросил Хагрид, наклоняясь, чтобы расслышать слова Гарри, которые заглушал разбушевавшийся ветер.

— Прокляли! — выкрикнул Гарри.

— Прокляли? Кого? Рона? Гермиону?

— Нет! Кэти Белл! Вон там…

Они побежали в сторону Хогсмида и очень скоро увидели маленькую группу возле Кэти, все еще кричавшей и корчившейся на земле. Рон, Гермиона и Лианна пытались ее успокоить.

— А ну отойдите! — крикнул Хагрид. — Дайте

я посмотрю!

— С ней что-то сделалось, — всхлипывала Лианна. — Я не понимаю, что это…

Секунду Хагрид смотрел на Кэти, потом, не говоря ни слова, наклонился, поднял ее на руки и бегом кинулся к замку. Через несколько мгновений душераздирающие крики Кэти затихли вдали, остался только вой ветра.

Гермиона подбежала к плачущей подружке Кэти и обняла ее.

— Ты Лианна, да? Девочка кивнула.

— Это произошло вот прямо так, ни с того ни с сего, или…

— Это случилось, когда пакет порвался, — всхлипнула Лианна, показывая валяющийся на земле промокший насквозь пакет из оберточной бумаги.

Бумага разодралась, сквозь дыру поблескивало что-то зеленоватое. Рон наклонился и потянулся к свертку, но Гарри перехватил его руку и оттащил Рона назад.

— Не трогай!

Гарри присел на корточки. Из разорванного пакета выглядывало старинное ожерелье с опалами.

— Я это видел раньше, — сказал Гарри, вни-

мательно рассматривая украшение. — Сто лет назад, в витрине у «Горбина и Бэрка». На этикетке было написано, что оно проклято. Наверное, Кэти к нему прикоснулась. — Он задрал голову и посмотрел на Лианну, которую била дрожь. — Откуда эта дрянь у Кэти?

— Да мы из-за этого и заспорили! Она пошла в туалет в «Трех метлах», вернулась с пакетом в руках, сказала, что это сюрприз для кого-то в Хогвартсе, а ее попросили передать. И говорила как-то странно… Господи, вот ужас-то, на ней, наверное, было заклятие Империус, а я и не сообразила!

Лианна снова затряслась от рыданий. Гермиона ласково погладила ее по плечу.

— Лианна, она не говорила, кто ей это дал?

— Нет… Не захотела сказать… А я ей сказала, что она дурочка и что не надо нести это в школу, а она не хотела меня слушать и… И я стала отнимать это у нее, и… и… и…

Рассказ Лианны перешел в жалобный вопль.

— Пошли в школу, — сказала Гермиона, по-прежнему обнимая Лианну. — Узнаем, как она. Пойдем…

Гарри поколебался, потом размотал шарф и, не обращая внимания на судорожный вздох Рона,

аккуратно обернул шарфом ожерелье и поднял с земли.

— Нужно будет показать его мадам Помфри, — сказал он.

Идя вместе с Роном позади Гермионы и Лианны, Гарри лихорадочно думал. Когда они добрались до ворот, он не сдержался и заговорил:

— Малфой знает про это ожерелье. Оно лежало в витрине у «Горбина и Бэрка» четыре года назад. Я тогда прятался от Малфоя с его папочкой и видел, как Малфой его разглядывал. Вот что он покупал в тот день, когда мы за ним следили! Он вспомнил про это ожерелье и пошел туда за ним!

— Н-не знаю, Гарри, — неуверенно ответил Рон. — Мало ли кто заходит к «Горбину и Бэрку»... И потом, та девчонка сказала, что Кэти кто-то его дал в женском туалете.

— Она сказала, что Кэти возвращалась из туалета, необязательно ей его дали прямо там...

— МакГонагалл! — предостерегающе произнес Рон.

Гарри поднял глаза. И правда, навстречу им с каменных ступеней у входа в Хогвартс сбежала профессор МакГонагалл, не обращая внимания на летящие хлопья мокрого снега.

— Хагрид говорит, вы четверо видели, что случилось с Кэти Белл… Прошу всех немедленно ко мне в кабинет. Что это у вас в руках, Поттер?

— Это та штука, которую она потрогала, — ответил Гарри.

— Боже милосердный! — ужаснулась профессор МакГонагалл, забирая у Гарри ожерелье.

— Нет, нет, Филч, они со мной! — прибавила она торопливо, поскольку Филч уже ковылял к ним через вестибюль с Детектором лжи на изготовку. — Отнесите это ожерелье профессору Снеггу как можно скорее, только смотрите не трогайте его! Ни в коем случае не разворачивайте шарф!

Гарри и остальные поднялись за профессором МакГонагалл в ее кабинет. Заляпанные мокрым снегом окна дребезжали под ударами ветра, в комнате было зябко, хотя в камине потрескивал огонь. Профессор МакГонагалл закрыла за собой дверь, обошла вокруг письменного стола и встала лицом к Гарри, Рону, Гермионе и продолжавшей безудержно всхлипывать Лианне.

— Итак, — отрывисто спросила она, — что произошло?

Запинаясь, то и дело останавливаясь и глотая слезы, Лианна рассказала, как Кэти пошла в туалет в «Трех метлах» и вернулась со свертком, на

котором не было никаких надписей, при этом вела себя странно, как они заспорили, нужно ли передавать неизвестные предметы неизвестно от кого, как начали тянуть сверток каждая к себе и бумага порвалась. Тут Лианна снова залилась слезами, и больше от нее ничего нельзя было добиться.

— Ну, хорошо, — довольно мягко сказала профессор МакГонагалл, — ступайте в больничное крыло, Лианна, попросите у мадам Помфри успокоительное.

Когда Лианна ушла, профессор МакГонагалл повернулась к Гарри, Рону и Гермионе.

— Что случилось, когда Кэти прикоснулась к ожерелью?

— Она поднялась в воздух, — сказал Гарри, прежде чем Рон и Гермиона успели заговорить. — А потом начала кричать и упала на землю. Простите, профессор, можно мне поговорить с профессором Дамблдором?

— Директора не будет в школе до понедельника, Гарри, — сказала профессор МакГонагалл, явно удивленная его просьбой.

— Не будет в школе? — возмутился Гарри.

— Да, Поттер, не будет! — резко ответила профессор МакГонагалл. — Но вы, конечно, можете и

мне изложить свои соображения по поводу этого ужасного происшествия!

Долю секунды Гарри молчал, не зная, на что решиться. Откровенничать с профессором МакГонагалл было трудно. Хотя Дамблдор во многих отношениях был пострашнее ее, он, как правило, с уважением относился к чужим теориям, какими бы безумными они ни были. Но ведь речь идет о жизни и смерти, сейчас не время переживать из-за того, что тебя могут высмеять.

— Я думаю, это Малфой дал Кэти ожерелье, профессор.

Рон, стоя рядом с ним, смущенно потер нос; по другую сторону Гермиона переступила с ноги на ногу, как будто ей хотелось отодвинуться от Гарри.

— Это очень серьезное обвинение, Поттер, — сказала профессор МакГонагалл после короткого молчания. — У вас есть доказательства?

— Нет, — сказал Гарри, — но…

Он рассказал о том, как Малфой у них на глазах заходил в лавку «Горбин и Бэрк» и как они подслушали его разговор с Горбином.

Когда он замолчал, профессор МакГонагалл посмотрела на него слегка озадаченно.

— Малфой принес что-то к «Горбину и Бэрку»

для починки?

— Нет, профессор, он только хотел, чтобы Горбин ему рассказал, как починить какую-то вещь. С собой у него этого не было. Но дело не в том. Главное, он тогда еще что-то купил, и я думаю, это было ожерелье…

— Ты видел у Малфоя в руках такой же пакет, когда он выходил из лавки?

— Нет, профессор, он велел Горбину хранить его у себя…

— Гарри, — перебила Гермиона, — Горбин ведь спросил, не хочет ли Малфой забрать эту вещь с собой, а Малфой ответил «нет»…

— Само собой, он не хотел к ней прикасаться! — сердито сказал Гарри.

— Вообще-то он сказал: «Как я эту штуку потащу?», — напомнила Гермиона.

— Ясное дело, он бы выглядел глупо, если бы шел по улице с ожерельем, — вмешался Рон.

— Ах, Рон, — нетерпеливо воскликнула Гермиона, — оно было бы завернуто, так что к нему не нужно было прикасаться, и вполне можно было спрятать его под плащом, никто бы ничего не заметил! Я думаю, то, что он приобрел у Горбина, было или шумным, или очень большим, так что его невозможно было пронести незаметно. И

потом, — продолжала она, повысив голос, чтобы Гарри не мог ее перебить, — я же спрашивала Горбина насчет ожерелья, помните? Когда заходила разузнать, что такое он должен хранить для Малфоя. И Горбин мне назвал цену, он не сказал, что ожерелье уже продано…

— Конечно, не сказал, он, наверное, сразу догадался, что тебе нужно. И вообще, Малфой мог позже послать кого-нибудь за ожерельем…

Гермиона вне себя открыла рот, чтобы возразить.

— Довольно! — сказала профессор МакГонагалл. — Поттер, я ценю, что вы рассказали мне все это, но мы не можем обвинить мистера Малфоя только на том основании, что он посетил магазин, где продавалось ожерелье. Там, вероятно, побывали еще сотни людей…

— Вот и я говорю, — пробормотал Рон себе под нос.

— …и, во всяком случае, в этом году введены настолько строгие меры безопасности, не думаю, что ожерелье могли пронести в школу без нашего ведома…

— Но…

— …и кроме того, — сказала профессор МакГонагалл, как бы подводя итог дискуссии, — мистера

Малфоя не было сегодня в Хогсмиде.

Гарри разинул рот, чувствуя себя так, будто из него выпустили весь воздух.

— Откуда вы знаете, профессор?

— Потому что он отбывал наказание у меня. Он уже два раза подряд не сдал мне домашнюю работу по трансфигурации. Одним словом, спасибо, что поделились со мной своими подозрениями, Поттер, — сказала она, шагнув к двери, — а сейчас мне нужно заглянуть в больничное крыло, узнать, как чувствует себя Кэти Белл. Всего хорошего.

Она открыла перед ними дверь. Делать нечего — все трое один за другим молча вышли в коридор.

Гарри злился на Рона с Гермионой за то, что они взяли сторону МакГонагалл, но не смог промолчать, когда они снова принялись обсуждать случившееся.

— Ну, как вы думаете, кому Кэти должна была передать ожерелье? — спросил Рон, когда они поднимались по лестнице в гриффиндорскую гостиную.

— Кто его знает, — сказала Гермиона. — Во всяком случае, этот человек чудом спасся. Открывая пакет, он наверняка прикоснулся бы к

ожерелью.

— Мало ли кому его могли послать, — сказал Гарри. — Дамблдору — Пожиратели смерти были бы еще как рады от него избавиться. Он у них, наверное, цель номер один. Или Слизнорту — Дамблдор считает, что Волан-де-Морт очень хотел переманить его к себе, они небось недовольны, что он пошел работать к Дамблдору. Или…

— Или тебе, — тревожно сказала Гермиона.

— Вот мне как раз нет, — сказал Гарри. — Я же шел за Кэти от самого трактира, что ей стоило повернуться и отдать мне эту штуку? Было бы гораздо логичнее сделать это подальше от Хогвартса, ведь Филч всех обыскивает на входе и выходе. Не понимаю, почему Малфой велел ей нести пакет в замок?

— Гарри, Малфоя не было в Хогсмиде! — Гермиона в раздражении даже топнула ногой.

— Значит, у него был сообщник, — сказал Гарри. — Крэбб или Гойл… А может, еще какой-нибудь Пожиратель смерти, у Малфоя теперь наверняка есть дружки почище Крэбба и Гойла, раз он и сам…

Рон и Гермиона переглянулись, как будто говоря: «Бесполезно с ним спорить».

— Лабардан! — решительно произнесла Гер-

миона, остановившись перед портретом Полной Дамы.

Портрет повернулся на петлях, открывая проход в гриффиндорскую гостиную. Там было полно народу и пахло отсыревшей одеждой, как видно, многие вернулись из Хогсмида пораньше из-за мерзкой погоды. Но не было слышно испуганных голосов, разговоров и предположений — очевидно, никто еще не знал о том, что случилось с Кэти.

— Если подумать, покушение было проведено не очень-то умно, — сказал Рон, мимоходом вытряхнув какого-то первокурсника из удобного кресла у огня и усевшись туда сам. — В итоге проклятие даже не попало в замок. Не слишком надежный способ.

— Ты прав, — согласилась Гермиона, ногой спихнув Рона с кресла и жестом предложив первокурснику снова занять свое место. — Совершенно непродуманная попытка.

— А с каких это пор Малфой у нас стал великим мыслителем? — спросил Гарри.

Рон и Гермиона промолчали.

Глава 13

НЕИЗВЕСТНЫЙ РЕДДЛ

На следующий день Кэти забрали в больницу святого Мунго. К этому времени известие о том, что она угодила под проклятие, разнеслось по всей школе, хотя подробностей никто не знал. Похоже, только Гарри, Рону, Гермионе и Лианне было известно, что целью покушения была не Кэти.

— Ну, и Малфой, конечно, знает, — сказал Гарри Рону и Гермионе, которые упорно держались новой методики — притворялись глухими всякий раз, как Гарри заводил речь о своей теории «Малфой — Пожиратель смерти».

Гарри беспокоило, успеет ли Дамблдор вернуться в школу к вечеру понедельника, но, поскольку урока никто не отменял, он явился к директорскому кабинету ровно в восемь часов, постучал, и его пригласили войти. Дамблдор сидел у себя за столом и выглядел необыкновенно усталым, рука у него была все такая же черная и обожженная, но он улыбнулся Гарри и жестом предложил ему сесть. Омут памяти уже стоял на столе, отбрасы-

вая на потолок серебряные блики.

— У вас тут хватало событий, пока меня не было, — сказал Дамблдор. — Насколько я понял, несчастный случай с Кэти произошел у тебя на глазах.

— Да, сэр. Как она?

— Все еще в тяжелом состоянии, хотя ей, можно сказать, повезло. По-видимому, она совсем чуть-чуть задела ожерелье, контакт произошел на очень маленьком участке кожи: у нее в перчатке была крошечная дырочка. Если бы она надела ожерелье или хотя бы взяла его в руки без перчаток, наступила бы смерть — скорее всего мгновенная. К счастью, профессор Снегг сумел остановить распространение проклятия…

— Почему он? — быстро спросил Гарри. — Почему не мадам Помфри?

— Что за дерзость! — раздался негромкий голос одного из портретов, и Финеас Найджелус Блэк, прапрадедушка Сириуса, поднял голову, которую прежде опустил на руки, притворяясь спящим. — Когда я был директором Хогвартса, ученикам не позволялось ставить под сомнение действия руководства.

— Да, благодарю, Финеас, — остановил его Дамблдор. — Гарри, профессор Снегг знает о Темных

искусствах намного больше, чем мадам Помфри. Во всяком случае, мне каждый час присылают из больницы отчет о состоянии Кэти, и есть надежда, что со временем она полностью поправится.

— А где вы были в эти выходные, сэр? — спросил Гарри, подавив настойчивое ощущение, что он искушает судьбу, — ощущение, которое, видимо, разделял и Финеас Найджелус, судя по тому, что он тихонько зашипел сквозь зубы.

— Я предпочел бы пока не говорить об этом, — сказал Дамблдор. — Но в свое время я тебе расскажу.

— Расскажете? — в изумлении повторил Гарри.

— Думаю, что да, — ответил Дамблдор, достал из-за пазухи очередной флакон с серебристыми воспоминаниями и откупорил его движением волшебной палочки.

— Сэр, — нерешительно начал Гарри, — я в Хогсмиде встретил Наземникуса…

— О да, я уже знаю, что Наземникус крайне непочтительно обошелся с твоим наследством, — сказал Дамблдор, нахмурившись. — После вашего разговора у входа в «Три метлы» он залег на дно; подозреваю, он боится встретиться со мной. Во всяком случае, можешь быть уверен, что ему

больше не удастся таскать вещи Сириуса.

— Этот шелудивый полукровка разворовывал наследие Блэков? — взъярился Финеас Найджелус и стремительно шагнул за раму — несомненно, отправился навестить другой свой портрет в доме номер двенадцать на площади Гриммо.

— Профессор, — заговорил Гарри после короткой паузы, — профессор МакГонагалл рассказывала вам, что я ей говорил после несчастного случая с Кэти? Насчет Драко Малфоя?

— Да, она рассказала мне о твоих подозрениях, — ответил Дамблдор.

— А вы…

— Я приму меры для тщательного расследования в связи со всеми, кто мог иметь отношение к происшествию с Кэти, — сказал Дамблдор. — Однако сейчас, Гарри, мы должны уделить внимание уроку.

Гарри почувствовал себя задетым. Если эти уроки так уж важны, почему между первым и вторым занятием такой большой промежуток? Но он не стал больше говорить о Малфое и молча смотрел, как Дамблдор выливает очередное воспоминание в Омут памяти и осторожно покачивает широкую каменную чашу, придерживая ее длинными пальцами.

— Ты, конечно, помнишь, что в предыдущий раз мы прервали повесть о прошлом лорда Волан-де-Морта в тот момент, когда красивый магл Том Реддл покинул свою волшебницу-жену Меропу и вернулся в фамильную усадьбу в Литтл-Хэнглтоне. Меропа осталась в Лондоне одна. Она ожидала ребенка, которому суждено было впоследствии сделаться лор-дом Волан-де-Мортом.

— Откуда вы знаете, что она была в Лондоне, сэр?

— Благодаря показаниям некоего Каракатака Бэрка, — ответил Дамблдор. — По странному стечению обстоятельств, он стал одним из основателей того самого магазина, где было продано ожерелье, о котором мы только что говорили.

Гарри и раньше приходилось видеть, как Дамблдор покачивает Омут памяти, словно золотоискатель на промывке золотого песка. Над серебристым водоворотом в каменной чаше поднялся, вращаясь, дряхлый старичок, сам серебристый, словно призрак, но намного плотнее. Клок волос, падающий на лоб, почти совсем закрывал глаза.

— Да, мы приобрели его при необычных обстоятельствах. Его принесла молоденькая чародейка незадолго до Рождества. Ах, как давно это было…

Она сказала, что ей очень нужны деньги, да это и так было видно. Вся в лохмотьях, и уже весьма… Словом, она ждала ребенка. Сказала, что медальон когда-то принадлежал Слизерину. Ну, такое нам постоянно приходится слышать. «Ах, эта вещь принадлежала Мерлину, это был его любимый чайничек»… Но я осмотрел медальон, на нем действительно был знак Слизерина, и несколько простых заклинаний позволили мне быстро убедиться в его подлинности. Разумеется, вещь была практически бесценная. Девушка, как видно, не представляла себе, сколько это может стоить. Отдала за десять галеонов, да еще была рада-радешенька. Наша лучшая сделка!

Дамблдор резко встряхнул чашу, и Карактак Бэрк снова канул в серебристый водоворот воспоминаний.

— Он дал ей всего десять галеонов? — с возмущением спросил Гарри.

— Карактак Бэрк никогда не отличался щедростью, — сказал Дамблдор. — Итак, мы знаем, что перед самым рождением ребенка Меропа была в Лондоне одна и, отчаянно нуждаясь в деньгах, продала единственную принадлежавшую ей ценную вещь — медальон, одну из двух семейных реликвий, которыми так дорожил ее отец

Марволо.

— Но она же умела колдовать! — нетерпеливо воскликнул Гарри. — Она могла наколдовать себе и еду, и все, что нужно!

— Может, и могла, — сказал Дамблдор. — Однако я убежден — это вновь одни догадки, но я уверен, что не ошибаюсь, — после того, как муж оставил ее, Меропа перестала пользоваться волшебством. Я думаю, она не хотела больше быть чародейкой. Возможно также, что неразделенная любовь и отчаяние лишили ее магических сил, это случается. Во всяком случае, как ты сейчас увидишь, Меропа не пожелала взяться за волшебную палочку даже ради спасения собственной жизни.

— Она не захотела жить даже ради сына? Дамблдор поднял брови:

— Уж не жалеешь ли ты лорда Волан-де-Морта?

— Нет, — быстро ответил Гарри, — но ведь у нее был выбор, правда? Не то что у моей мамы…

— У твоей мамы тоже был выбор, — мягко проговорил Дамблдор. — Да, Меропа Реддл предпочла смерть, несмотря на то что была нужна своему сыну, но не суди ее слишком строго, Гарри. Она ослабела от долгих страданий, да и никогда не об-

ладала мужеством твоей мамы. А теперь встань сюда, пожалуйста…

— Куда мы попадем? — спросил Гарри, встав рядом с Дамблдором у письменного стола.

— На этот раз, — ответил Дамблдор, — мы побываем в моем воспоминании. Я думаю, ты найдешь его достаточно подробным и в должной мере точным. Ты первый, Гарри…

Гарри наклонился над Омутом памяти, погрузил лицо в прохладную серебристую массу, и вот он снова падает в темноту… Через несколько секунд ноги его коснулись твердой земли, Гарри открыл глаза и увидел, что они с Дамблдором стоят на оживленной старинной лондонской улице.

— А вот и я, — бодро заметил Дамблдор, указывая на высокую фигуру, перебегающую через дорогу перед лошадью, тащившей тележку с молоком.

У молодого Дамблдора были длинные каштановые волосы и такая же борода. Оказавшись на их стороне улицы, он зашагал по тротуару. Прохожие с любопытством оглядывались на человека в темно-лиловом бархатном костюме причудливого покроя.

— Красивый костюм, сэр, — не удержался Гарри, но Дамблдор только усмехнулся, следуя за

самим собой.

Они старались не отставать от молодого Дамблдора и в конце концов, пройдя через чугунные ворота, оказались в пустом и голом дворике перед довольно унылым квадратным зданием, окруженным высокой решеткой. Молодой Дамблдор поднялся на крыльцо и стукнул в дверь. Через минуту дверь открыла неряшливая девица в фартуке.

— Добрый день. У меня назначена встреча с миссис Коул — если не ошибаюсь, она здесь начальница?

— О, — сказала девица, с изумлением оглядывая экзотическую фигуру Дамблдора. — М-м-минуточ-ку… Миссис Коул! — завопила она через плечо.

Чей-то голос издалека что-то прокричал в ответ. Девица снова повернулась к Дамблдору:

— Входите, она сейчас подойдет.

Дамблдор вошел в прихожую с полом, выложенным черной и белой плиткой. Все здесь было бедное, но безукоризненно чистое. Гарри и постаревший Дамблдор тоже вошли. Не успела за ними закрыться парадная дверь, как в прихожую торопливо вышла очень худая, явно захлопотавшаяся женщина. Ее лицо с резкими чертами

казалось не злым, скорее изнуренным от множества забот. На ходу она что-то говорила еще одной девице в фартуке:

— Йод отнеси Марте наверх, Билли Стаббс все время расчесывает себе болячки, а у Эрика Уолли все простыни измазаны гноем — только ветрянки нам не хватало! — произнесла она, ни к кому в особенности не обращаясь.

Тут ее взгляд упал на Дамблдора, и она остановилась как вкопанная, глядя на него с таким изумлением, словно к ней явился жираф.

— Добрый день, — поздоровался Дамблдор, протягивая руку.

Миссис Коул молча таращилась на него.

— Мое имя — Альбус Дамблдор. Я прислал вам письмо с просьбой о встрече, и вы были так добры, что пригласили меня посетить вас сегодня.

Миссис Коул заморгала. Видимо решив, что Дамблдор ей все-таки не мерещится, она сказала слабым голосом:

— Ах, да. В таком случае… в таком случае проходите, пожалуйста. Да.

Она провела Дамблдора в маленькую комнатку, не то гостиную, не то кабинет. Здесь было так же бедно, как и в прихожей, мебель стояла старая и разномастная. Начальница предложила

Дамблдору шаткий стул, а сама, заметно нервничая, уселась за письменный стол, заваленный всевозможными бумагами.

— Как я уже сообщил в письме, я пришел к вам, чтобы поговорить о будущем Тома Реддла, — сказал Дамблдор.

— Вы его родственник? — спросила миссис Коул.

— Нет, я учитель, — ответил Дамблдор. — Я хочу предложить Тому место в моей школе.

— И что это за школа?

— Она называется Хогвартс, — сказал Дамблдор.

— А почему вас интересует Том?

— Мы считаем, что у него есть качества, необходимые для учебы у нас.

— Хотите сказать, что он получит стипендию? Как это может быть? Он никуда не подавал заявок

— Видите ли, он записан в нашу школу с самого рождения.

— Кто его записал? Родители?

Безусловно, миссис Коул слишком хорошо соображала, и это осложняло беседу. По-видимому, Дамблдор был того же мнения — Гарри увидел, как он потихоньку вытащил из кармана вол-

шебную палочку и в то же время взял со стола совершенно чистый листок бумаги.

— Вот, — сказал Дамблдор и, взмахнув волшебной палочкой, передал бумагу миссис Коул. — Думаю, теперь вам все станет ясно.

Миссис Коул взглянула на листок. Глаза ее на мгновение расфокусировались и тут же снова пришли в норму.

— По-видимому, все в порядке, — сказала она успокоено, отдавая Дамблдору листок. Тут ее взгляд упал на бутылку джина и два стаканчика, которых еще несколько секунд назад здесь не было.

— Э-э… Позвольте предложить вам стаканчик джина? — спросила она с преувеличенной учтивостью.

Премного благодарен, — сказал Дамблдор, задушевно улыбаясь.

Очень скоро стало ясно, что миссис Коул отнюдь не новичок по части джинопития. Щедро плеснув в оба стакана, она одним махом прикончила свою порцию. Без всякого стеснения причмокнув губами, она впервые улыбнулась Дамблдору, и он не преминул воспользоваться благоприятным моментом.

— Не могли бы вы рассказать мне что-нибудь

о прошлом Тома Реддла? Кажется, он родился здесь, в приюте?

— Правильно, — сказала миссис Коул и налила себе еще джина. — Я это очень хорошо помню, потому что сама тогда первый год здесь работала. Был канун Нового года, холод стоял ужасный, шел снег, знаете ли. Кошмарная ночь. И тут эта девушка, ненамного старше меня, поднимается на крыльцо, а сама еле на ногах стоит. Да что уж там, не она первая, не она последняя. Впустили мы ее, и через час она уже родила ребеночка. А еще через час померла.

Миссис Коул важно кивнула и от души отхлебнула джина.

— Она говорила что-нибудь перед смертью? — спросил Дамблдор. — Например, об отце ребенка?

— Представьте себе, говорила, — ответила миссис Коул. Она явно начинала получать удовольствие от разговора со стаканом джина в руке и с таким благодарным слушателем. — Помню, она сказала мне: «Надеюсь, он будет похож на своего папу», — и, честно говоря, правильно она на это надеялась, потому что сама была совсем не красавица. А потом сказала, чтобы ему дали имя Том, в честь отца, и Марволо, в честь ее отца.

Странное имечко, верно? Мы уж подумали, не из цирка ли она, часом. А еще она сказала, что фамилия у мальчика должна быть Реддл. А там вскоре и скончалась, больше ни словечка не проронила.

Мы уж и назвали его так, как она просила, бедняжке это, видать, казалось очень важным, но ни Том, ни Марволо, ни другой какой Реддл так за ним и не явились. Вот он и остался в приюте и до сих пор здесь находится.

Миссис Коул как бы по рассеянности плеснула себе еще одну солидную дозу. На скулах у нее появились два ярко-розовых пятнышка. Она сказала:

— Мальчик-то со странностями.

— Да, — сказал Дамблдор, — я так и думал.

— И грудным младенцем тоже был странный. Знаете, почти никогда не плакал. А как подрос, стал… совсем чудным.

— В каком смысле? — спросил Дамблдор.

— Ну, он…

Но тут миссис Коул запнулась и бросила на Дамблдора поверх стакана с джином абсолютно ясный и твердый инквизиторский взгляд.

— Говорите, ему уже точно назначено место в вашей школе?

— Определенно, — сказал Дамблдор.

— И все, что я скажу, этого не изменит?

— Не изменит, — подтвердил Дамблдор.

— Вы в любом случае его заберете?

— В любом, — серьезно повторил Дамблдор. Она прищурилась, как будто прикидывая, можно ли ему доверять. Видимо, решила, что можно, и неожиданно выпалила:

— Он пугает других детей.

— Вы хотите сказать: он обижает их? Запугивает?

— Да, наверное, — чуть нахмурилась миссис Коул, — но его очень трудно поймать за руку. Были разные случаи… Очень нехорошие…

Дамблдор не стал ее расспрашивать, но Гарри видел, что он заинтересовался. Она снова сделала глоток, и щеки ее еще больше порозовели.

— Кролик Билли Стаббса… Том, конечно, сказал, что он этого не делал, да я и не представляю себе, как бы он мог забраться на стропила… но кролик ведь не сам повесился, правда?

— Едва ли, — тихо отозвался Дамблдор.

— Ума не приложу, хоть убейте, как он мог залезть на такую верхотуру. Я знаю одно — накануне они с Билли поспорили. А еще… — Миссис Коул снова отхлебнула джина, причем тонкая струйка потекла у нее по подбородку, — мы их,

знаете ли, раз в год вывозим на природу, в деревню или на побережье… Так вот, после того случая Эми Бенсон и Деннис Би-шоп были прямо на себя не похожи, да так и остались словно пришибленными, но сколько мы их ни расспрашивали, они сказали только, что ходили в пещеру с Томом Реддлом. Он клялся и божился, что они всего лишь осматривали окрестности, но что-то там все-таки произошло, я просто уверена! Ну, и еще были разные странности…

Она снова посмотрела на Дамблдора, и, хотя щеки ее пылали, взгляд был прямой и ясный.

— Я думаю, о нем здесь немногие будут скучать.

— Вы, конечно, понимаете, что мы не можем забрать его насовсем? — сказал Дамблдор. — По крайней мере, он должен будет возвращаться сюда на лето.

— Ладно уж, и на том спасибо. Все же лучше, чем хрясь по сопатке ржавой кочергой, — икнув, заметила миссис Коул. Она поднялась на ноги, и Гарри восхитился тем, как твердо она стоит на ногах, хотя уровень джина в бутылке понизился на две трети. — Вы, верно, хотите поговорить с ним?

— Очень хотел бы, — сказал Дамблдор и тоже

встал.

Миссис Коул провела его по коридору и вверх по каменной лестнице, на ходу выкрикивая указания и раздавая выговоры своим помощницам и воспитанникам. Сироты все были одеты в одинаковые тускло-серые курточки. Они выглядели вполне здоровыми, но, надо признаться, в этом унылом доме детям было совсем не место.

— Пришли, — объявила миссис Коул на второй лестничной площадке и остановилась у первой двери в длинном коридоре. Она постучала и вошла.

— Том, к тебе гости. Это мистер Дамбертон… прошу прощения, Дандербор. Он хочет тебе сказать… в общем, пускай сам и скажет.

Гарри и двое Дамблдоров вошли в комнату, и миссис Коул закрыла за ними дверь. В маленькой комнате почти не было мебели, только платяной шкаф и железная кровать. На кровати поверх серого одеяла сидел мальчик, вытянув ноги перед собой, и держал в руках книгу.

В лице Тома Реддла не было совершенно никакого сходства с Мраксами. Предсмертное желание Меропы сбылось: мальчик был уменьшенной копией красавца-отца. Высокий для своих одиннадцати лет, темноволосый и бледный, он чуть

прищурил глаза, оценивающе оглядывая экзотический наряд Дамблдора. Наступила минутная пауза.

— Здравствуй, Том, — сказал Дамблдор и шагнул вперед, протягивая руку.

Мальчик после короткого колебания пожал ему руку. Дамблдор пододвинул к кровати жесткий деревянный стул и сел. Стало похоже, как будто он пришел навестить больного.

— Я профессор Дамблдор.

— Профессор? — настороженно переспросил Реддл. — В смысле — доктор? Зачем вы пришли? Это она вас пригласила посмотреть меня?

Он кивнул на дверь, за которой только что скрылась миссис Коул.

— Нет-нет, — улыбнулся Дамблдор.

— Я вам не верю, — сказал Реддл. — Она хочет, чтобы вы меня осмотрели, да? Говорите правду!

Последние два слова он произнес так звучно и властно, что Гарри стало не по себе. Это прозвучало как приказ, причем чувствовалось, что Реддл уже много раз повторял его. Глаза Реддла расширились, он пристально смотрел на Дамблдора. Тот в ответ только продолжал приятно улыбаться. Через несколько секунд Реддл перестал сверлить Дамблдора взглядом, хотя смотрел

теперь еще более настороженно.

— Кто вы такой?

— Я уже сказал. Меня зовут профессор Дамблдор, я работаю в школе, которая называется Хогвартс. Я пришел предложить тебе учиться в моей школе — твоей новой школе, если ты захочешь туда поступить.

Реакция Реддла на эти слова была совершенно неожиданной. Он вскочил с кровати и шарахнулся от Дамблдора, глядя на него с яростью.

— Не обманете! Вы из сумасшедшего дома, да? «Профессор», ага, ну еще бы! Так вот, я никуда не поеду, понятно? Эту старую мымру саму надо отправить в психушку! Я ничего не сделал маленькой Эми Бенсон и Деннису Бишопу, спросите их, они вам то же самое скажут!

— Я не из сумасшедшего дома, — терпеливо сказал Дамблдор. — Я учитель. Если ты сядешь и успокоишься, я тебе расскажу о Хогвартсе. Конечно, никто тебя не заставит там учиться, если ты не захочешь…

— Пусть только попробуют! — скривил губы Реддл.

— Хогвартс, — продолжал Дамблдор, как будто не слышал последних слов Реддла, — это школа для детей с особыми способностями…

— Я не сумасшедший!

— Я знаю, что ты не сумасшедший. Хогвартс — не школа для сумасшедших. Это школа волшебства.

Стало очень тихо. Реддл застыл на месте. Лицо его ничего не выражало, но взгляд метался, перебегая с одного глаза Дамблдора на другой, как будто пытаясь поймать один из них на вранье.

— Волшебства? — повторил он шепотом.

— Совершенно верно, — сказал Дамблдор.

— Так это… это волшебство — то, что я умею делать?

— Что именно ты умеешь делать?

— Разное, — выдохнул Реддл. Его лицо залил румянец, начав от шеи и поднимаясь к впалым щекам. Он был как в лихорадке. — Могу передвигать вещи, не прикасаясь к ним. Могу заставить животных делать то, что я хочу, без всякой дрессировки. Если меня кто-нибудь разозлит, я могу сделать так, что с ним случится что-нибудь плохое. Могу сделать человеку больно, если захочу.

У него подгибались ноги. Спотыкаясь, он вернулся к кровати и снова сел, уставившись на свои руки, склонив голову, как будто в молитве.

— Я знал, что я не такой, как все, — прошептал он, обращаясь к собственным дрожащим паль-

цам. — Я знал, что я особенный. Я всегда знал, что что-то такое есть.

— Что ж, ты был абсолютно прав, — сказал Дамблдор. Он больше не улыбался и внимательно смотрел на Реддла. — Ты волшебник.

Реддл поднял голову. Лицо его преобразилось. Теперь на нем отражалась исступленная радость, но почему-то это его не красило; наоборот, красивые точеные черты стали как будто грубее, в выражении лица проступило что-то почти звериное.

— Вы тоже волшебник?

— Да.

— Докажите! — потребовал Реддл тем же властным тоном, каким только что приказал: «Говорите правду!»

Дамблдор поднял брови.

— Если, как я полагаю, ты согласен поступить в Хогвартс…

— Конечно, согласен!

— …то ты должен, обращаясь ко мне, называть меня «профессор» или «сэр».

На самое короткое мгновение лицо Реддла сделалось жестким, но он тут же сказал вежливым до неузнаваемости голосом:

— Простите, сэр. Я хотел сказать — пожалуйста,

профессор, не могли бы вы показать мне…

Гарри был уверен, что Дамблдор откажется, скажет Реддлу, что для практических демонстраций будет довольно времени в Хогвартсе, что они находятся в здании, где полно маглов, и следует соблюдать осторожность. Но, к его огромному удивлению, Дамблдор извлек из внутреннего кармана сюртука волшебную палочку, направил ее на потертый платяной шкаф, стоявший в углу, и небрежно взмахнул.

Шкаф загорелся.

Реддл вскочил на ноги. Гарри не мог его винить за протяжный крик ужаса и злобы; должно быть, все его имущество находилось в этом шкафу. Но в ту же секунду, как Реддл кинулся на Дамблдора, пламя погасло. Шкаф стоял нетронутый, без единой отметины.

Реддл уставился на шкаф, потом на Дамблдора, потом с жадным блеском в глазах указал на волшебную палочку.

— Когда я получу такую?

— Все в свое время, — сказал Дамблдор. — По-моему, из твоего шкафа что-то рвется наружу.

В самом деле, из шкафа доносилось какое-то дребезжание. В первый раз на лице Реддла промелькнул страх.

— Открой дверцу, — сказал Дамблдор.

Реддл, поколебавшись, пересек комнату и распахнул дверцу шкафа. Над отделением, где висело несколько поношенных костюмчиков, стояла на полке маленькая картонная коробка. Коробка гремела и подрагивала, как будто в ней колотились обезумевшие мыши.

— Достань ее, — сказал Дамблдор.

Реддл с явной опаской снял трясущуюся коробку с полки.

— В ней есть что-нибудь такое, чему не положено быть у тебя? — спросил Дамблдор.

Реддл посмотрел на Дамблдора долгим расчетливым взглядом.

— Да, наверное, есть, сэр, — сказал он наконец ничего не выражающим голосом.

— Открой, — сказал Дамблдор.

Реддл снял крышку и, не глядя, вытряхнул содержимое коробки на кровать. Гарри, ожидавший увидеть нечто потрясающее, увидел кучку самых обыденных предметов, в том числе игрушку йо-йо, серебряный наперсток и потускневшую губную гармонику. Освободившись из коробки, они мигом прекратили подскакивать и теперь неподвижно лежали на тонком одеяле.

— Ты вернешь их владельцам и извинишься, —

спокойно сказал Дамблдор, убирая волшебную палочку за пазуху. — Я узнаю, если ты этого не сделаешь. И имей в виду: в Хогвартсе воровства не терпят.

Реддл нисколько не смутился; он все так же холодно, оценивающе смотрел на Дамблдора. Наконец он сказал бесцветным голосом:

— Да, сэр.

— У нас в Хогвартсе, — продолжал Дамблдор, — учат не только пользоваться магией, но и держать ее под контролем. До сих пор ты — несомненно, по незнанию — применял свои способности такими методами, которым не обучают и которых не допускают в нашей школе. Ты не первый, кому случилось не в меру увлечься колдовством. Однако, к твоему сведению, из Хогвартса могут и исключить, а Министерство магии — да-да, есть такое Министерство — еще более сурово наказывает нарушителей. Каждый начинающий волшебник должен понять, что, вступая в наш мир, он обязуется соблюдать наши законы.

— Да, сэр, — повторил Реддл. Невозможно было угадать, что он думает. Все с тем же ничего не выражающим лицом он сложил горстку ворованных предметов обратно в коробку. Закончив, он повернулся к Дамблдору и сказал ему напрямик:

— У меня нет денег.

— Это легко исправить, — сказал Дамблдор и вынул из кармана кожаный мешочек с деньгами. — В Хогвартсе существует специальный фонд для учеников, которые не могут самостоятельно купить себе учебники и форменные мантии. Возможно, тебе придется покупать подержанные книги заклинаний, но…

— Где продаются книги заклинаний? — не дослушав, перебил его Реддл.

Он взял тяжелый мешочек с деньгами, не поблагодарив Дамблдора, и теперь рассматривал толстый золотой галеон.

— В Косом переулке, — сказал Дамблдор. — Я помогу тебе найти все, что нужно…

— Вы пойдете со мной? — спросил Реддл, подняв глаза от монеты.

— Безусловно, если ты…

— Не нужно, — сказал Реддл. — Я привык все делать сам, я постоянно хожу один по Лондону. Как попасть в этот ваш Косой переулок… сэр? — прибавил он, наткнувшись на взгляд Дамблдора.

Гарри думал, что Дамблдор будет настаивать на том, чтобы пойти с Реддлом, но он снова ошибся. Дамблдор вручил Реддлу конверт со списком необходимых вещей, объяснил, как добраться от

приюта до «Дырявого котла», затем сказал:

— Ты сможешь увидеть кабачок, хотя окружающие тебя маглы — то есть неволшебники — его видеть не могут. Спроси бармена Тома — легко запомнить, его зовут так же, как тебя…

Реддл беспокойно дернулся, как будто хотел согнать надоедливую муху.

— Тебе не нравится имя Том?

— Томов вокруг пруд пруди, — пробормотал Реддл. И вдруг, словно не смог удержаться, как будто вопрос вырвался у него помимо воли, спросил: — Мой отец был волшебником? Мне сказали, что его тоже звали Том Реддл.

— К сожалению, этого я не знаю, — мягко сказал Дамблдор.

— Моя мать никак не могла быть волшебницей, иначе она бы не умерла, — сказал Реддл, обращаясь скорее к себе самому, чем к Дамблдору. — Значит, это он. А после того, как я куплю все, что нужно, когда я должен явиться в этот Хогвартс?

— Все подробности изложены на втором листе пергамента в конверте, — сказал Дамблдор. — Ты должен выехать с вокзала Кингс-Кросс первого сентября. Там же вложен и билет на поезд.

Реддл кивнул. Дамблдор встал и снова протя-

нул руку. Пожимая ее, Реддл сказал:

— Я умею говорить со змеями. Я это заметил, когда мы ездили за город. Они сами приползают ко мне и шепчутся со мной. Это обычная вещь для волшебника?

Гарри сразу понял, что он нарочно приберегал самую странную свою способность под конец, для пущего эффекта.

— Нет, необычная, — сказал Дамблдор после секундной заминки, — но это встречается.

Он говорил небрежным тоном, но с интересом задержал взгляд на лице Реддла. Так они стояли, мужчина и мальчик, глядя друг на друга. Затем рукопожатие распалось. Дамблдор подошел к двери.

— До свидания, Том, до встречи в Хогвартсе.

— Думаю, достаточно, — произнес седовласый Дамблдор.

В следующий миг они с Гарри взмыли вверх, в темноту, и снова приземлились в сегодняшнем кабинете.

— Садись, — сказал Дамблдор, прочно вставая на пол рядом с Гарри.

Гарри подчинился; он весь еще был полон тем, что видел.

— Он поверил гораздо быстрее, чем я — ну, ко-

гда вы сказали ему, что он волшебник Я сначала не поверил Хагриду.

— Да, Реддл был вполне готов поверить, что он, как он выразился, «особенный», — сказал Дамблдор.

— А вы уже знали — тогда? — спросил Гарри.

— Знал ли я, что вижу перед собой самого опасного Темного волшебника всех времен? — спросил Дамблдор. — Нет, я и понятия не имел, что из него вырастет. Но он, безусловно, меня заинтриговал. Я вернулся в Хогвартс с намерением внимательно за ним приглядывать. Я сделал бы это в любом случае, поскольку он был одинок, без родных и друзей, но я почувствовал, что это необходимо не только ради него, но и ради других.

Как ты слышал, его способности были удивительно сильно развиты для такого юного возраста, а интереснее всего — и больше всего внушало опасений, — что он в какой-то мере уже научился управлять своими возможностями и пользовался ими сознательно. Как ты видел, это не были беспорядочные эксперименты, характерные для большинства начинающих волшебников; он уже использовал магию против окружающих, чтобы с ее помощью запугивать, наказывать, подчинять себе других людей. Истории о повешенном

кролике и о мальчике с девочкой, которых он заманил в пещеру, наводили на размышления… «Могу сделать человеку больно, если захочу»…

— А еще он понимал язык змей, — вставил Гарри.

— Да, действительно. Это редкая способность, ее обычно связывают с Темными искусствами, хотя, как мы знаем, среди великих и добрых волшебников тоже попадаются знатоки змеиного языка. На самом деле его способность разговаривать со змеями тревожила меня гораздо меньше, чем его явная склонность к жестокости, скрытности и тирранству.

Время, как всегда, перехитрило нас, — заметил Дамблдор, указывая на потемневшее небо за окном. — Но прежде чем мы расстанемся, я хочу обратить твое внимание на некоторые моменты той сцены, которую мы только что наблюдали, — они имеют самое прямое отношение к тому, что мы будем обсуждать на следующих уроках.

Во-первых, надеюсь, ты заметил, как реагировал Реддл на мои слова, что кто-то другой тоже носит его имя — Том?

Гарри кивнул.

— Он показал свое отвращение ко всему, что сближает его с другими людьми, делает его обык-

новенным. Уже тогда он стремился быть другим, отдельным от всех, быть знаменитостью. Как ты знаешь, всего через несколько лет после этого разговора он навсегда отказался от своего имени и придумал личину лорда Волан-де-Морта, за которой и прятался с тех пор.

Думаю, ты заметил также, что Том Реддл был абсолютно самодостаточен, не любил ни с кем откровенничать и, по-видимому, у него не было друзей. Ему не требовалась помощь, не нужен был спутник для путешествия в Косой переулок. Он предпочитал действовать в одиночку. Взрослый Волан-де-Морт остался таким же. Многие Пожиратели смерти утверждают, будто пользуются его доверием, приближены к нему и даже — что они понимают его. Они заблуждаются. У лорда Волан-де-Морта никогда не было друзей. Я думаю, ему не нужны друзья.

И последнее… Надеюсь, Гарри, ты еще не слишком сонный, чтобы внимательно слушать. В детстве Том Реддл любил собирать своего рода охотничьи трофеи. Ты видел коробку, которую он прятал у себя в комнате. В ней он хранил мелкие вещицы — если угодно, сувениры — на память о жертвах особо неприятных проявлений своей магии. Запомни эту особенность, несколько

напоминающую сорочьи повадки, — она будет очень важна для нас в дальнейшем… А теперь и в самом деле пришло время ложиться спать.

Гарри встал. По дороге к двери на глаза ему попался столик, на котором в прошлый раз лежало кольцо Марволо. Кольца там больше не было.

— Да, Гарри? — сказал Дамблдор, увидев, что Гарри остановился.

— Кольцо исчезло, — сказал Гарри, обернувшись. — Но я подумал, может, там будет лежать губная гармоника или еще что-нибудь…

Дамблдор лучезарно улыбнулся, глядя на него поверх своих очков-половинок.

— Тонко подмечено, Гарри, но губная гармоника была всего лишь губной гармоникой.

На этой загадочной ноте он махнул рукой, и Гарри понял, что ему пора уходить.

Глава 14

«ФЕЛИКС ФЕЛИЦИС»

На следующее утро первым уроком у Гарри была травология. За завтраком он ничего не говорил Рону и Гермионе о вчерашнем уроке у Дамблдора — боялся, что кто-нибудь услышит. Зато он все рассказал им по дороге к теплицам. Ветер, бушевавший все выходные, наконец-то утих, вернулся загадочный туман, и пришлось дольше обычного искать нужную теплицу.

— Ух ты, жуткое дело — Сам-Знаешь-Кто в детстве! — тихо сказал Рон. Трое друзей окружили узловатый пень растения цапень из семейства бешеных огурцов, которое проходили в этом полугодии, и принялись натягивать защитные перчатки. — Но все-таки непонятно, зачем Дамблдор тебе разные такие штуки показывает. То есть все это, конечно, очень интересно и так далее, но для чего это нужно?

— Не знаю, — ответил Гарри, вставляя в рот защитную пластинку для десен. — Он говорит, что эти Уроки очень важны и каким-то образом помогут мне выжить.

— А по-моему, возвращаться в прошлое ужасно интересно, просто дух захватывает, — азартно воскликнула Гермиона. — Вполне логично — как можно больше узнать о Волан-де-Морте. Как иначе ты найдешь его слабые места?

— Как прошла последняя вечеринка у Слизнорта? — спросил ее Гарри. Он говорил невнятно из-за пластинки.

— На самом деле там было довольно весело, — ответила Гермиона, нацепляя защитные очки. — То есть он, как обычно, нудно бубнил про своих знаменитых учеников, и к тому же он без ума от Маклаггена и от его высокопоставленных знакомых, зато угощал разными вкусностями и познакомил нас с Гвеног Джонс.

— Гвеног Джонс? — Глаза Рона расширились за стеклами защитных очков, которые он тоже успел надеть. — Та самая? Капитан «Холихедских гарпий»?

— Точно, — подтвердила Гермиона. — Мне лично она показалась немного зазнайкой, но…

— А ну-ка, прекратили разговоры! — строго сказала, подходя к ним, профессор Стебль. — Не отставайте, все давно приступили к работе. Невилл уже добыл первый огурец!

Друзья оглянулись. Ну, точно, Невилл сидел

с разбитой губой и глубокими царапинами на физиономии, сжимая в руках неприятно пульсирующий зеленый плод размером с грейпфрут.

— Да-да, профессор, сию минуту начинаем! — сказал Рон и прибавил вполголоса, как только профессор Стебль отвернулась: — Эх, Гарри, надо было применить твое заклятие «Оглохни!».

— Нет, не надо! — сразу же вскинулась Гермиона, как всегда страшно рассердившись при намеке на Принца-полукровку и его самодельные чары. — Ладно, хватит болтать. Давайте работать.

Она обреченно взглянула на Рона и Гарри; все трое сделали глубокий вдох и ринулись в атаку на корявый пень.

Пень моментально ожил: из него выметнулись длинные колючие побеги, со свистом рассекая воздух. Один запутался в волосах у Гермионы, Рон отхватил его секатором. Гарри изловчился перехватить два побега и связать их узлом. Среди шевелящихся, словно щупальца, ветвей открылось отверстие; Гермиона бесстрашно запустила туда руку, и края отверстия тут же сомкнулись, защемив ей локоть. Гарри и Рон, всем весом повиснув на ветках, раздвинули края дырки. Гермиона выдернула руку, сжимая в кулаке

раздутый огурец вроде того, что добыл Невилл. Колючие побеги сразу втянулись обратно, и вот перед ними снова стоит узловатый пень, с виду безобидный, как обыкновенный старый чурбан.

— Знаете что? Когда у меня будет собственный сад, я в нем такие сажать не стану, — объявил Рон, сдвинув защитные очки на лоб и утирая потное лицо.

— Дай сюда миску, — попросила Гермиона, держа пульсирующий плод на вытянутых руках.

Гарри подставил миску, и Гермиона с отвращением плюхнула туда огурец.

— Нечего привередничать! Выдавливайте сок, это лучше делать, пока плод совсем свежий! — крикнула с другого конца теплицы профессор Стебль.

— И вообще, — сказала Гермиона, продолжая разговор с того места, на котором он прервался, как будто им минуту назад и не грозил увечьем трухлявый пень, — Слизнорт устраивает прием по случаю Рождества, Гарри, и уж на этот раз ты не отвертишься, потому что он специально просил меня уточнить твое расписание, чтобы назначить вечеринку на тот день, когда ты наверняка сможешь прийти.

Гарри застонал. Рон, который в этот момент

пытался раздавить огурец в миске, нажимая на него обеими руками, сказал со злостью:

— Очередная вечеринка только для любимчиков Слизнорта, так?

— Да, только для членов Клуба Слизней, — сказала Гермиона.

Бешеный овощ выскользнул из-под рук Рона, ракетой взлетел вверх, ударился о стеклянную крышу теплицы и, отскочив, сбил с профессора Стебль старую заплатанную шляпу. Гарри бросился подбирать его, а вернувшись, услышал, как Гермиона говорит:

— Слушай, не я придумала такое название — Клуб Слизней…

— «Клуб Слизней», — повторил Рон, скривив губы в издевательской улыбке, совсем как Малфой. — Просто плакать хочется! Ну, надеюсь, вы приятно проведете время. Ты там попробуй закадрить Маклаггена, может, тогда Слизнорт объявит вас королем и королевой Слизней…

— Нам разрешается приводить с собой гостей, — сказала Гермиона, у которой отчего-то жарко запылали щеки. — Я думала позвать тебя, но если, по-твоему, это так уж глупо, не буду навязываться!

Гарри вдруг пожалел, что огурец не отлетел

еще дальше, лишь бы не сидеть сейчас рядом с этой парочкой. Воспользовавшись тем, что они не обращают на него внимания, он схватил миску с бешеным огурцом и принялся вскрывать его, прилагая массу усилий и производя как можно больше шума, но все-таки по-прежнему слышал каждое их слово.

— Ты хотела пригласить меня? — спросил Рон совершенно другим тоном.

— Да! — сердито ответила Гермиона. — Но раз тебе хочется, чтобы я закадрила Маклаггена…

Наступила пауза. Гарри сосредоточенно колотил совком упругий плод.

— Нет, мне этого совсем не хочется, — очень тихо сказал Рон.

Гарри промахнулся мимо огурца, попал совком по глиняной миске, и она раскололась.

— *Репаро,* — торопливо произнес он, ткнув черепки волшебной палочкой.

Черепки соединились, и миска снова стала целой. Громкий треск, похоже, напомнил Рону и Гермионе о том, что Гарри сидит рядом. Гермиона тут же засуетилась и кинулась листать справочник «Плотоядные деревья всего мира» в поисках правильного способа добычи сока из плодов цапня. У Рона вид был донельзя глупый,

но в то же время чрезвычай-но довольный.

— Дай сюда, Гарри, — затараторила Гермиона, — тут сказано, что его надо проткнуть чем-нибудь острым…

Гарри отдал ей миску с огурцом, а они с Роном еще раз надвинули на глаза защитные очки и по новой набросились на пень.

«Собственно говоря, удивляться особенно нечему», — думал Гарри, борясь с шипастым побегом, который так и норовил его удушить. У него было предчувствие, что рано или поздно это должно случиться. Вот только как отнестись к этому, он и сам не знал. Им с Чжоу теперь даже смотреть друг на друга неловко, не то что разговаривать. Что, если Рон и Гермиона заведут роман, а потом поссорятся? Выдержит ли это их дружба? Он вспомнил те несколько недель на третьем курсе, когда Рон не разговаривал с Гермионой, а Гарри изо всех сил пытался их помирить — приятного мало! А если даже они и не поссорятся, что тогда? Будут как Билл и Флер, а он при них — третий лишний?

— Ага, попался! — завопил Рон, вытаскивая из середины пня второй огурец.

Гермиона к этому времени справилась наконец с первым плодом, и в миске теперь копошились

извивающиеся семена, похожие на зеленых червяков.

О вечеринке у Слизнорта больше не вспоминали до самого конца урока. Следующие несколько дней Гарри внимательно наблюдал за своими друзьями, но Рон и Гермиона держались как обычно, разве что были друг с другом чуточку вежливее, чем всегда. Гарри решил, что ему остается только подождать и посмотреть, как они поведут себя на вечеринке под действием сливочного пива и интимного полумрака в кабинете Слизнорта. А пока у него были более неотложные заботы.

Кэти Белл все еще держали в больнице святого Мунго и выписывать пока не собирались, а значит, многообещающей команде гриффиндорцев, которую Гарри так старательно тренировал с самого сентября, не хватало одного охотника. Гарри все откладывал поиски замены для Кэти в надежде на ее возвращение, но матч против команды слизеринцев, первый матч сезона, неумолимо приближался, и в конце концов Гарри пришлось смириться с мыслью, что Кэти не успеет вернуться до игры.

Гарри чувствовал, что не вынесет еще одних полномасштабных отборочных испытаний. Со

стесненным сердцем (что не имело никакого отношения к квиддичу) он однажды после урока трансфигурации отвел в сторонку Дина Томаса. Класс уже почти опустел, только под потолком еще кружили несколько щебечущих желтеньких птичек — результат творчества Гермионы; никому, кроме нее, не удалось сотворить даже перышка.

— Тебя еще интересует возможность сыграть за охотника?

— Чего? А ну да, еще бы! — разволновался Дин.

У него за спиной Симус Финниган с кислым видом запихивал учебники в сумку. Гарри еще и потому не хотелось приглашать Дина на игру, что он знал — Симусу это не понравится. С другой стороны, нужно было в первую очередь думать о пользе для команды, а Дин на испытаниях летал лучше Симуса.

— Тогда считай, что ты в игре, — сказал Гарри. — Тренировка сегодня в семь.

— Понял, — сказал Дин. — Ура, Гарри! Ух ты, скорей расскажу Джинни!

Он вылетел из комнаты. Гарри и Симус остались вдвоем. Момент был неловкий, и им не стало легче оттого, что одна из Гермиониных канареек, пролетая, какнула Симусу на голову.

Не только Симус был недоволен выбором замены для Кэти. В гостиной гриффиндорцев многие ворчали, что Гарри взял в команду уже двух своих однокурсников. Гарри это не особенно беспокоило — за время учебы ему случалось слышать о себе кое-что и похуже, но все же такие разговоры сильно давили на психику. Матч со слизеринцами нужно было выиграть во что бы то ни стало. Гарри знал, что, если Гриффиндор выиграет, все тут же забудут свои критические настроения и будут готовы клясться, что всегда знали, какая у них великолепная команда. А вот если проиграет… Ну что же делать, невесело думал Гарри, ему приходилось слышать о себе кое-что и похуже…

В тот вечер Гарри не пришлось пожалеть о своем выборе: Дин отлично сработался с Джинни и Демельзой. Загонщики, Пикс и Кут, с каждой тренировкой играли все лучше и лучше. Единственной проблемой оставался Рон.

Гарри с самого начала знал, что Рон играет неровно, сильно нервничает и страдает от неуверенности в себе. К несчастью, в ожидании первой игры сезона у него проснулись все прежние страхи и заскоки. Пропустив для начала с полдюжины мячей, причем большинство из них забила Джинни, Рон стал играть в каком-то совершенно

безумном стиле и в конце концов заехал атакующей ворота Демельзе Робинс кулаком в лицо.

— Я нечаянно, прости, Демельза, прости меня, пожалуйста! — кричал Рон ей в спину, пока она зигзагами спускалась на землю, вся в крови. — Я просто…

— Распсиховался, — сердито закончила Джинни, приземляясь рядом с Демельзой и осматривая ее распухшую губу. — Придурок ты, Рон, посмотри, в каком она состоянии!

— Я сейчас поправлю!

Гарри приземлился рядом с девочками, нацелил волшебную палочку в лицо Демельзе и сказал:

— *Эпискеи!* А ты, Джинни, кончай обзывать Рона придурком, ты не капитан команды!

— Так ведь ты у нас очень занят, все никак не соберешься ему сказать, что он придурок, должен же кто-нибудь…

Гарри с неимоверным трудом удержался от смеха.

— Все по метлам, продолжаем!

В целом это была чуть ли не самая неудачная тренировка за все полугодие, но в преддверии матча Гарри считал, что честность — не лучшая политика.

— Отлично поработали, все молодцы! Я думаю, мы размажем слизеринцев по стенке! — воодушевил он игроков, и в результате охотники и загонщики ушли из раздевалки вполне довольные собой.

— Я играл, как мешок с драконьим навозом, — глухо сказал Рон, когда за Джинни закрылась дверь.

— Ничего подобного, — твердо ответил Гарри. — Ты лучший вратарь из всех, кого я видел на отборочных испытаниях. У тебя единственная проблема — нервы.

Он без устали подбадривал Рона всю дорогу до школы, и к тому времени, как они поднялись на третий этаж, Рон самую чуточку повеселел. Но когда Гарри отвел в сторону гобелен, чтобы, как обычно, подняться в башню Гриффиндора напрямик по потайной лестнице, они обнаружили перед собой Дина и Джинни, тесно обнявшихся и слившихся в неистовом поцелуе, как будто склеившись друг с другом.

Гарри показалось, что в животе у него заворочалось что-то громадное и чешуйчатое, раздирая когтями внутренности. Кровь горячей волной хлынула в мозг, все мысли угасли, осталось только дикое желание превратить Дина в студень.

Борясь с внезапно подступившим безумием, он словно издалека услышал голос Рона:

— Эй!

Дин и Джинни отскочили друг от друга и оглянулись.

— Что тебе? — спросила Джинни.

— Я не желаю, чтобы моя родная сестра лизалась с парнем прямо при всех!

— Между прочим, в коридоре было пусто, пока вы сюда не влезли! — сказала Джинни.

Дин выглядел смущенным. Он трусливо улыбнулся Гарри. Гарри не ответил на улыбку — новорожденное чудовище у него внутри с ревом требовало тут же на месте вышвырнуть Дина из команды.

— Э-э… пошли, Джинни, — пробормотал Дин, давай вернемся в гостиную…

— Ты иди, — ответила Джинни. — А я скажу пару ласковых слов моему дорогому братцу!

Дин ушел, явно радуясь возможности уклониться от скандала.

— Так, — сказала Джинни, отбросив с лица длинные рыжие волосы и гневно глядя на Рона, — давай-ка, Рон, договоримся раз и навсегда: тебя не касается, с кем я встречаюсь и чем я с ними занимаюсь…

— Нет, касается! — Рон разозлился не меньше нее. — Думаешь, мне хочется, чтобы в школе говорили, что у меня сестра…

— Кто? — завопила Джинни, выхватывая волшебную палочку. — Ну, говори — кто?

— Он ничего такого не хотел сказать, Джинни, — машинально встрял Гарри, хотя чудовище одобрительно зарычало, полностью поддерживая Рона.

— Нет, хотел! — сказала она, сверкнув глазами на Гарри. — Только потому, что сам ни разу в жизни ни с кем не целовался, потому что никто не станет с ним целоваться, кроме нашей тетушки Мюриэль…

— Да замолчи ты! — заорал Рон. Он был уже не красным, а бордовым.

— Не замолчу! — вне себя от злости кричала Джинни. — Я видела, как ты пялишься на Флегму, все надеешься на поцелуй в щечку, смотреть противно! Пошел бы да сам с кем-нибудь полизался, тогда хоть не будешь так переживать, что все остальные это делают!

Рон тоже выхватил волшебную палочку; Гарри быстро встал между ними.

— Много ты понимаешь! — вопил Рон, пытаясь прицелиться в Джинни из-под мышки у Гарри,

который заслонил от него Джинни, широко расставив руки. — Если я не занимаюсь этим на публике…

Джинни пронзительно захохотала и попыталась оттолкнуть Гарри в сторону.

— С кем же это ты целовался, со своим Сычиком? Или, может, у тебя под подушкой хранится фотография тетушки Мюриэль?

— Ах ты…

Струя оражневого света ударила из-под левой руки Гарри и чуть-чуть промахнулась мимо Джинни. Гарри прижал Рона к стене:

— Слушай, не дури…

— Гарри вот целовался с Чжоу Чанг! — выкрикнула Джинни, чуть не плача. — А Гермиона целовалась с Виктором Крамом! Один ты, Рон, ведешь себя так, будто целоваться — это какая-то гадость, а все потому, что опыта у тебя, как у двенадцатилетнего!

С этими словами она кинулась прочь. Гарри выпустил Рона; лицо у того было как у человека, готового совершить убийство. Они стояли, тяжело дыша, и тут из-за угла показалась Миссис Норрис, кошка смотрителя Филча. Ее появление разрядило атмосферу.

— Пошли отсюда, — сказал Гарри.

За углом уже раздавались шаркающие шаги школьного смотрителя.

Рон и Гарри бегом взбежали по лестнице и помчались по коридору восьмого этажа.

— Кыш с дороги! — рявкнул Рон на какую-то малявку.

Девочка подпрыгнула от испуга и выронила бутыль с жабьей икрой.

Гарри едва расслышал звон бьющегося стекла; он был совершенно сбит с толку, голова у него шла кругом. Наверное, что-то похожее чувствуешь, если в тебя ударит молния. «Это все потому, что она сестра Рона, — повторял он про себя. — Мне было неприятно видеть, как она целуется с Дином, потому что она сестра Рона…»

Но тут перед ним возникла непрошеная картина: тот же пустой коридор, только на этот раз не Дин, а он сам целует Джинни… Чудовище у него в груди замурлыкало… И тут Гарри представилось, как Рон отдергивает гобелен, выхватывает волшебную палочку и целится в него, выкрикивая что-то вроде: «Предатель»… «А еще друг называется».

— Ты думаешь, Гермиона правда целовалась с Крамом? — неожиданно спросил Рон, когда они уже подошли к Полной Даме.

Гарри виновато вздрогнул, с трудом прогнав образ коридора, куда никакой Рон не врывался и где они с Джинни были совершенно одни.

— Что? — очумело спросил он. — А… Ну-у…

Честнее всего было бы сказать «да», но Гарри не хотелось этого говорить. Впрочем, Рон, как видно, и сам догадался по его лицу.

— Лабардан, — угрюмо сказал он Полной Даме, и оба они забрались через проем в гостиную.

Больше они не говорили ни о Джинни, ни о Гермионе. Они вообще почти не разговаривали в тот вечер и улеглись в кровати молча, погруженные каждый в свои мысли.

Гарри долго лежал без сна, уставившись на полог над кроватью и пытаясь убедить самого себя, что испытывает к Джинни исключительно братские чувства. Они ведь все лето жили в одном доме, как брат и сестра, играли в квиддич, дразнили Рона, смеялись над Биллом и Флегмой. Он уже столько лет знает Джинни… Естественно, ему хочется ее защищать… Хочется Дина разодрать на мелкие кусочки за то, что целовался с ней… Нет, вот именно этому братскому чувству лучше не давать воли…

Рон громко всхрапнул.

«Она сестра Рона, — твердо сказал себе Гар-

ри. — Сестра Рона. Это запретная территория». Он ни за что на свете не поставит под угрозу свою дружбу с Роном. Гарри ткнул кулаком подушку, устраиваясь поудобнее, и стал ждать, пока придет сон, тем временем прилагая все силы, чтобы его мысли не вздумали приближаться к Джинни.

На следующее утро Гарри проснулся слегка обалдевшим после целой серии долгих и запутанных снов, в которых Рон гонялся за ним, размахивая битой для квиддича, но к полудню он уже готов был предпочесть эти сны реальности, где Рон, мало того что демонстративно не замечал Джинни и Дина, но еще и третировал с ледяным и надменным безразличием бедную Гермиону, которая страшно обиделась и никак не могла понять, в чем дело. К тому же Рон стал невероятно дерганым и чуть что кидался на людей почище какого-нибудь соплохвоста. Весь день прошел у Гарри в безуспешных попытках примирить Рона и Гермиону. В конце концов Гермиона в расстроенных чувствах удалилась в спальню для девочек Рон тоже отправился спать, обругав по дороге нескольких малолетних первокурсников за то, что они на него смотрели.

Гарри окончательно загрустил, видя, что за последующие дни свирепое настроение Рона ни-

сколько не улучшилось. Вдобавок Рон стал еще хуже играть в квиддич, а от этого еще больше злился, и в итоге на последней тренировке перед субботним матчем не смог взять ни одного мяча, зато так на всех орал, что довел Демельзу Робинс до слез.

— А ну заткнись, оставь ее в покое! — закричал на него Пикс, который был ростом примерно на треть меньше Рона — правда, в руках зато держал тяжелую биту.

— ХВАТИТ! — заорал Гарри.

Он заметил, с какой злостью Джинни смотрит на Рона, и, вспомнив ее репутацию непревзойденного мастера по Летучемышиному сглазу, примчался с другого конца стадиона, чтобы вмешаться, пока не дошло до беды.

— Пикс, уложи бладжеры в ящик. Демельза, успокойся, ты сегодня играла просто замечательно. Рон… — Он дождался, пока остальные игроки уйдут подальше, и только тогда закончил: — Ты мой лучший друг, но, если ты будешь так себя вести, мне придется выгнать тебя из команды.

На мгновение ему всерьез показалось, что Рон сейчас его ударит, но тут произошло кое-что похуже: Рон, сидя на метле, как-то обмяк, растеряв весь свой боевой пыл, и сказал:

— Я сам уйду. Я бездарный вратарь.

— Никакой ты не бездарный, и никуда ты не уйдешь! — яростно крикнул Гарри и сгреб Рона за ворот мантии. — Ты, когда в форме, любой самый трудный гол можешь взять, у тебя только с психикой проблемы!

— Хочешь сказать, что я псих?

— А может, и да!

Они злобно сверлили друг друга взглядами, потом Рон безнадежно покачал головой:

— Я знаю, у тебя уже нет времени искать другого вратаря, так что завтра я буду играть, но если мы проиграем, а мы точно проиграем, я ухожу из команды.

Что Гарри ему ни говорил, толку не было. За обедом Гарри продолжал всеми средствами внедрять в Рона уверенность, но Рон ничего не воспринимал. Ему было не до того — он дулся и рявкал на Гермиону. Вечером в гостиной Гарри возобновил свои попытки, но его заверения, якобы вся команда будет в страшном горе, если Рон их покинет, звучали несколько слабовато, учитывая, что вся команда сидела тут же в уголке, явно обсуждая Рона и бросая на него враждебные взгляды. Под конец Гарри опять позволил себе раскричаться в надежде вызвать у Рона хоть

какой-то отклик и, может быть, разбудить в нем спортивную злость, но этот метод тоже не подействовал; Рон поплелся в спальню все такой же унылый и обреченный.

Гарри снова долго лежал без сна в темноте. Ему очень не хотелось проиграть предстоящий матч. Это был его первый матч в должности капитана команды, а кроме того, он твердо решил побить Драко Малфоя в квиддич, раз уж не получается доказать свои подозрения против него. Но если Рон будет играть, как на последних тренировках, шансов на победу у них совсем мало…

Если бы можно было хоть как-нибудь добиться, чтобы Рон взял себя в руки… Чтобы он сыграл в полную силу своих возможностей… Хоть что-нибудь, чтобы ему выпал по-настоящему удачный день…

И тут Гарри осенило. Ответ пришел к нему в блеске внезапного озарения.

Завтрак на следующее утро, как всегда в день матча, проходил бурно. Как только кто-нибудь из гриффиндорской команды появлялся в Большом зале, слизеринцы начинали громко свистеть и улюлюкать. Гарри бросил взгляд на потолок и увидел ясное голубое небо — хороший знак.

Гриффиндорцы в красном с золотом встрети-

ли Гарри и Рона дружными приветственными криками. Гарри, улыбнувшись до ушей, помахал рукой. Рон через силу скривил лицо и покачал головой.

— Держись, Рон! — крикнула ему Лаванда. — Я знаю, ты сыграешь блестяще!

Рон не реагировал.

— Чаю? — предложил ему Гарри. — Кофе? Тыквенного сока?

— Все равно, — угрюмо ответил Рон и хмуро надкусил гренок.

Через несколько минут Гермиона остановилась возле них по дороге к своему месту — она так устала от постоянного хамства Рона, что завела привычку завтракать отдельно.

— Как настроение, мальчики? — осторожно поинтересовалась она, глядя Рону в затылок.

— Отличное, — сказал Гарри, пододвигая Рону стакан тыквенного сока. — Держи, Рон. Выпей.

Рон поднял стакан к губам, но тут вдруг Гермиона резко сказала:

— Рон, не пей!

Гарри и Рон оглянулись на нее.

— С чего это? — спросил Рон.

Гермиона смотрела на Гарри, словно не верила своим глазам.

— Ты что-то добавил в стакан!

— Что ты сказала? — спросил Гарри.

— Что слышал! Я видела, ты что-то подлил в сок. Пузырек и сейчас еще у тебя в руке!

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — буркнул Гарри и быстро сунул флакончик в карман.

— Рон, я тебя предупреждаю, не пей! — повторила Гермиона в тревоге, но Рон схватил свой стакан и залпом проглотил сок со словами:

— Нечего тут командовать, Гермиона!

Гермиона смотрела на них, потрясенная до глубины души. Наклонившись к уху Гарри, она зашипела.

— Тебя за такие дела надо бы исключить! Не ожидала от тебя, Гарри!

— Кто бы говорил, — шепнул он в ответ. — Давно ни к кому не применяла заклятие Конфундус?

Гермиона в гневе зашагала прочь. Гарри смотрел ей вслед без всякого сожаления. Гермиона никогда не понимала, какая важная вещь — квиддич. Гарри оглянулся на Рона — тот облизывал губы.

— Уже почти пора, — с блаженной улыбкой заметил Гарри.

Заиндевевшая трава похрустывала под ногами, когда они шли на стадион.

— Удачная сегодня погода, правда? — сказал Гарри.

— Ага, — отозвался Рон. Он был бледен и, похоже, его подташнивало.

Джинни и Демельза дожидались в раздевалке, уже одетые в спортивные мантии.

— Погодные условия идеальные, — сказала Джинни, не глядя на Рона. — Представьте себе, слизеринский охотник Вейзи вчера на тренировке получил бладжером по голове и теперь не может играть! А еще того лучше — Малфой тоже заболел!

— Что?! — Гарри круто повернулся, уставившись на нее. — Заболел? Что с ним такое?

— Понятия не имею, но для нас-то это здорово, — радостно ответила Джинни. — Вместо него выпустят Харпера, он на том же курсе, что и я, полный идиот.

Гарри рассеянно улыбнулся в ответ, но, натягивая через голову красную мантию, думал совсем не о квиддиче. Однажды Малфой уже притворялся, будто не может играть из-за травмы, но в тот раз он добился, чтобы матч перенесли на более удобное для слизеринцев время. Почему же теперь он согласился на замену? На самом деле болен или симулирует?

— Странно как-то, правда? — тихо спросил Гарри Рона. — То, что Малфой не играет?

— Я бы сказал, удачно, — слегка оживился Рон. — И Вейзи не будет, он у них лучший бомбардир. Я и не надеялся… Эй! — воскликнул он вдруг и замер, не натянув до конца вратарские перчатки и вытаращив глаза на Гарри.

— Что?

— Я… ты… — Рон понизил голос; вид у него был одновременно испуганный и взбудораженный. — Мой стакан… Тыквенный сок… Ты же… Не может быть?!

Гарри поднял брови, но сказал только:

— Обувайся живее, через пять минут начинаем.

Они вышли на поле под оглушительный рев трибун и свистки болельщиков команды противника. Одна половина стадиона была красной с золотом, другая — сплошь зеленое с серебром. Многие пуффендуйцы и когтевранцы тоже болели за ту или другую команду. Среди воплей и хлопков Гарри ясно различил рычание знаменитой шляпы Полумны Лавгуд в виде львиной головы.

Гарри подошел к судье матча, мадам Трюк. Она стояла на поле, готовая выпустить мячи из

ящика.

— Капитаны, пожмите друг другу руки, — сказала она, и пальцы Гарри хрустнули в мощной лапе Урхарта, нового капитана слизеринцев. — Все на метлы! По свистку… три… два… один…

Прозвучал свисток. Гарри и другие игроки с силой оттолкнулись от мерзлой земли и взвились в воздух.

Гарри кружил над стадионом, выискивая снитч, и заодно приглядывал за Харпером, который выписывал зигзаги далеко внизу. И вдруг раздался голос, настолько непохожий на привычный голос их бессменного комментатора, что это просто резало слух.

— Ну вот, игра началась, и я думаю, нас всех удивил состав комады, которую Поттер собрал в этом году. Многие считали, что Рональд Уизли не войдет в команду, учитывая его крайне неровные выступления в качестве вратаря в прошлом сезоне, но, конечно, тут сыграла свою роль давняя личная дружба с капитаном…

Слизеринская половина трибун встретила эти слова издевательскими выкриками и аплодисментами. Гарри вытянул шею, стараясь рассмотреть комментаторскую площадку. Там стоял высокий худой светловолосый мальчик

со вздернутым носом и говорил в магический рупор, когда-то принадлежавший Ли Джордану. Гарри узнал Захарию Смита, иг-рока из команды пуффендуйцев, который был ему глубоко несимпатичен.

— А вот и первая атака слизеринцев, Урхарт мчится через поле и…

У Гарри екнуло под ложечкой.

— Уизли берет мяч. Что ж, должно же ему когда-нибудь повезти…

— Это точно, Смит, должно, — пробормотал Гарри, усмехаясь про себя, и нырнул в гущу игроков, высматривая, не мелькнет ли где-нибудь неуловимый снитч.

Через полчаса после начала игры Гриффиндор вел в счете: шестьдесять — ноль. Рон несколько раз красиво брал голы, иногда дотягиваясь до мяча самыми кончиками пальцев, а Джинни забила четыре гола из шести. После этого Захария перестал громко спрашивать, не присутствуют ли брат и сестра Уизли в команде только благодаря своей дружбе с Поттером, зато теперь он взялся за Пикса и Кута.

— Разумеется, у Кута не самое подходящее телосложение для загонщика, — свысока заметил Захария, — как правило, у них мускулатура более

развита…

— Врежь ему бладжером! — крикнул Куту Гарри, пролетая мимо, но Кут, широко улыбаясь, направил очередной бладжер на Харпера, который только что разминулся с Гарри. Гарри с удовольствием услышал глухой удар, говоривший о том, что бладжер попал в цель.

Можно было подумать, что гриффиндорцы сегодня просто не могут сделать ни одной ошибки. Снова и снова они забивали, а на противоположной стороне поля Рон снова и снова легко и как будто без усилий брал мячи. Теперь и он начал улыбаться, а когда толпа встретила особенно эффектный его бросок хоровым исполнением любимой старой песенки «Рональд Уизли — наш король», он сделал вид, что дирижирует, зависнув в воздухе.

— Воображает о себе невесть что, — послышался ехидный голос, и Гарри чуть не свалился с метлы — Харпер сильно и явно умышленно его толкнул. — Твой дружок, предатель чистокровных…

Мадам Трюк в этот момент смотрела в другую сторону, а когда оглянулась на гневный рев гриффиндорских болельщиков, Харпер уже умчался. Гарри погнался за ним, горя желанием

дать сдачи.

— По-моему, Харпер из команды Слизерина заметил снитч! — сказал Захария Смит в мегафон. — Да, он определенно что-то увидел, пока Поттер хлопает ушами!

«Смит и в самом деле идиот», — подумал Гарри. Не видел, что ли, как они с Харпером столкнулись? Но тут же ему показалось, что он рушится с небес на землю — Смит был прав, а Гарри ошибался. Харпер не случайно понесся прочь, он углядел то, чего не заметил Гарри: высоко над ними яркой искоркой на фоне чистого голубого неба стремительно летел снитч.

Гарри наддал ходу. Ветер засвистел в ушах, заглушая комментарии Смита и вопли толпы на трибунах, но все-таки Харпер опережал его, а преимущество Гриффиндора составляло пока всего лишь сотню очков. Если Харпер успеет первым, Гриффиндор проиграет… Харперу оставалось до снитча каких-нибудь несколько футов, он уже протянул руку…

— Эй, Харпер! — заорал в отчаянии Гарри. — Сколько Малфой тебе заплатил, чтобы ты сыграл вместо него?

Он сам не знал, что его дернуло сказать так, но Харпер словно споткнулся в воздухе; снитч про-

скочил у него между пальцами, Гарри рванулся вперед и схватил крохотный крылатый мячик

— ЕСТЬ! — завопил Гарри.

Сделав разворот, он устремился к земле, держа снитч в высоко поднятой руке. Когда зрители осознали, что произошло, их рев почти заглушил финальный свисток.

— Джинни, ты куда? — крикнул Гарри, на которого набросилась с объятиями вся команда, не дав ему спуститься на землю.

Но Джинни пролетела мимо и с жутким треском врезалась в площадку комментатора. Под визг и хохот толпы команда гриффиндорцев приземлилась возле кучи досок, под которыми слабо барахтался Захария. Гарри слышал, как Джинни преспокойно объясняет разгневанной МакГонагалл:

— Извините, профессор, забыла затормозить.

Задыхаясь от смеха, Гарри вырвался из рук остальных игроков и крепко обнял Джинни, но сразу же отпустил. Стараясь не смотреть ей в глаза, он хлопнул по плечу ликующего Рона. Всякие внутренние распри были забыты, команда Гриффиндора ушла с поля в обнимку, радостно потрясая в воздухе кулаками и махая своим болельщикам.

В раздевалке царила приподнятая атмосфера.

— Будем праздновать в гостиной, Симус мне сказал! — вопил Дин, не находя себе места от избытка чувств. — Пошли, Джинни, Демельза!

Рон и Гарри задержались позже других. Они уже собирались уходить, когда в раздевалку вошла Гермиона. Она нервно теребила гриффиндорский шарф, вид у нее был расстроенный, но решительный.

— Гарри, мне нужно с тобой поговорить. — Она глубоко вздохнула. — Зря ты так поступил. Ты же слышал, что сказал Слизнорт, это незаконно.

— И что ты сделаешь — донесешь на нас? — с вызовом поинтересовался Рон.

— Ребята, вы о чем? — спросил Гарри, отвернувшись — вроде бы повесить мантию, — чтобы друзья не видели, как он улыбается.

— Ты прекрасно знаешь о чем! — пронзительно вскрикнула Гермиона. — Ты за завтраком добавил Рону в стакан зелье, приносящее удачу! «Феликс Фелицис»!

— Не-а, не добавлял, — сказал Гарри, повернувшись к ним лицом.

— Нет, ты добавил, Гарри, поэтому все и шло так замечательно, и у слизеринцев двое игроков заболели, и Рон брал все мячи!

— Ничего я туда не наливал! — сказал Гарри, улыбаясь во весь рот. Он сунул руку в карман и достал флакончик, который Гермиона видела у него утром. Флакончик был полон золотистой жидкости, и залитая воском пробка была нетронута. — Я хотел, чтобы Рон подумал, будто я так сделал, вот я и притворился, когда увидел, что ты подходишь. — Он по-смотрел на Рона. — Ты брал все мячи, потому что был уверен в своей удаче. А на самом деле ты все сделал сам!

Гарри снова спрятал флакончик в карман.

— На самом деле я пил простой тыквенный сок? — спросил ошеломленный Рон. — А как же хорошая погода… И Вейзи не смог играть… Ты правда не давал мне никакого зелья?

Гарри покачал головой. Рон смотрел на него, разинув рот, потом повернулся к Гермионе и передразнил:

— «Ты за завтраком добавил Рону в стакан «Феликс Фелицис», потому он и брал все мячи!» Видишь, я и без посторонней помощи умею брать мячи!

— Я не говорила, что не умеешь… Рон, ты же и сам думал, что выпил его!

Но Рон уже шагал к двери, вскинув метлу на плечо.

— Э-э… — сказал Гарри в наступившей тишине. Такого побочного эффекта он никак не ожидал. — Ну что, пойдем на праздник, что ли?

— Иди! — сказала Гермиона, смаргивая слезы. — Меня от Рона сейчас просто тошнит. Не понимаю, что я опять сделала не так…

И она тоже выскочила из раздевалки.

Гарри медленно побрел к замку. Из толпы его окликали, поздравляли, но он шел с ощущением ужасного провала; он был так уверен, что, если Рон выиграет матч, они с Гермионой сразу же помирятся. Он не представлял, как объяснить Гермионе, что она виновата только в том, что целовалась с Крамом, тем более что это было так давно.

Гарри не увидел Гермионы в гостиной. Когда он вошел, празднование было в самом разгаре. Его встретили новым взрывом приветствий и аплодисментов. Скоро Гарри обступила толпа гриффиндорцев, наперебой поздравлявших его. Гарри хотел пойти поискать Рона, но для этого нужно было сперва отвязаться от братьев Криви, требовавших немедленного подробного разбора сегодняшней игры, и от группы девчонок, неустанно хлопавших ресницами и громко смеявшихся самым несмешным его репликам.

Наконец он кое-как вырвался от Ромильды Вейн, которая весьма прозрачно намекала, что не прочь пойти с ним на рождественский вечер к Слизнорту. Пытаясь прошмыгнуть к столу с напитками, Гарри столкнулся с Джинни. На плече у нее сидел карликовый пушистик Арнольд, у ног с надеждой мяукал Живоглот.

— Ищешь Рона? — спросила она, злорадно усмехаясь. — Вон он, гнусный лицемер.

Гарри посмотрел, куда она показывала. В углу, на виду у всей комнаты, стояли Рон и Лаванда Браун. Они так плотно сплелись в объятиях, что трудно было сказать, где чьи руки.

— Он как будто съесть ее хочет, правда? — бесстрастно заметила Джинни. — Ну, наверное, ему нужно на ком-то отрабатывать технику. Хорошо сыграли сегодня, Гарри.

Она похлопала его по руке. У Гарри словно что-то перевернулось в животе, но она уже пошла к столу взять себе еще сливочного пива. Живоглот трусцой следовал за ней, не сводя желтых глаз с Арнольда.

Гарри отвернулся от Рона, явно не собиравшегося в ближайшее время выныривать на поверхность, и успел увидеть, как закрылся проем в стене. Со сжавшимся сердцем он заметил,

как в проеме метнулось и исчезло что-то очень похожее на непослушную гриву каштановых волос.

Гарри бросился вперед, вильнул в сторону, обходя Ромильду Вейн, и распахнул портрет Полной Дамы. В коридоре никого не было видно.

— Гермиона?

Он нашел ее в первой же незапертой классной комнате. Гермиона сидела на учительском столе, совсем одна, только над головой у нее кружила стайка щебечущих желтеньких птичек, которых она, по-видимому, только что создала прямо из воздуха. Гарри невольно восхитился тем, как четко она выполняет заклинания даже в такую минуту.

— А, привет, Гарри, — сказала она ломким голосом. — Я тут решила поупражняться.

— Ага… ну да… они… э-э… здорово у тебя получаются, — сказал Гарри.

Он не представлял, что можно ей сказать. Попытался сообразить, есть ли хоть малейшая возможность, что она не заметила Рона, просто ушла, потому что в гостиной слишком шумно отмечали победу, и тут она сказала неестественным тонким голосом:

— Рон, кажется, веселится вовсю там, на празд-

нике.

— Э-э… да? — сказал Гарри.

— Не притворяйся, будто не видел, — сказала Гермиона. — Он не очень-то и прячется, он…

Дверь у них за спиной с грохотом открылась. К ужасу Гарри, в класс вошел Рон, он со смехом тянул за руку Лаванду.

— О, — сказал он, остановившись на всем ходу при виде Гарри и Гермионы.

— Ой-ой! — сказала Лаванда и, хихикая, выскочила из комнаты. Дверь за ней захлопнулась.

Наступила жуткая, давящая тишина. Гермиона смотрела в упор на Рона. Рон старательно отводил от нее глаза, но сказал со странной смесью смущения и бравады:

— Привет, Гарри! А я все думал, куда ты запропастился.

Гермиона соскользнула со стола. Стайка золотистых птичек по-прежнему порхала у нее вокруг головы, словно странная оперенная модель Солнечной системы.

— Напрасно ты заставляешь Лаванду ждать в коридоре, — тихо проговорила Гермиона. — Девушка будет удивляться, куда это ты подевался.

Она медленно пошла к двери, держась очень прямо. Гарри покосился на Рона. Тот явно был

рад, что так дешево отделался.

— *Оппуньо!* — раздался истошный крик у самой двери.

Гарри стремительно обернулся и увидел, что Гермиона с безумным лицом направила волшебную палочку на Рона. Желтенькие птички ринулись к нему, словно толстенькие золотые пульки. Рон вскрикнул и закрыл лицо руками, но птички набросились на него, клевали и рвали коготками везде, где только могли достать.

— Отвяжитесь! — завопил он.

В последний раз бросив на него мстительный взгляд, Гермиона рванула дверь и скрылась за нею. Прежде чем дверь затворилась, Гарри показалось, что он слышит рыдания.

Глава 15

НЕПРЕЛОЖНЫЙ ОБЕТ

Снова за замерзшими окнами крутились снежные хлопья; быстро приближалось Рождество. Хагрид уже притащил, как всегда, в одиночку двенадцать рождественских елок для украшения Большого зала; гирлянды остролиста и серебряной мишуры обвили перила лестниц; в шлемах пустых доспехов горели негаснущие свечи, и в коридорах с равными промежутками развесили большие пучки омелы. Целые толпы девочек как бы случайно оказывались под этими пучками всякий раз, как Гарри проходил мимо, что приводило к возникновению заторов. К счастью, за время многочисленных ночных скитаний по замку Гарри досконально изучил все его тайные ходы и переходы и теперь, перемещаясь с урока на урок, без особого труда ухитрялся находить маршруты подальше от омелы.

Раньше Рон мог бы позавидовать такой популярности, но теперь он только покатывался со смеху, глядя на обходные маневры Гарри. Вообще-то новый Рон, смеющийся и подшучивающий,

нравился Гарри куда больше, чем тот мрачный, агрессивный тип, которого ему приходилось терпеть в течение нескольких недель, хотя это улучшение досталось ему дорогой ценой. Во-первых, Гарри теперь приходилось мириться с постоянным присутствием Лаванды Браун, а она, по всей видимости, считала, что каждая минута, когда она не целуется с Роном, прожита зря; и во-вторых, Гарри снова оказался в ситуации, когда двое его лучших друзей не разговаривают между собой и вряд ли когда-нибудь будут разговаривать.

Рон со следами ссадин и царапин на руках после нападения Гермиониных канареек занял оборонительную позицию и упорно продолжал считать себя обиженной стороной.

— Ей не на что жаловаться, — говорил он. — Она целовалась с Крамом. Ну а теперь пусть видит, что и со мной кому-то хочется целоваться. Мы живем в свободной стране. Я ничего плохого не сделал.

Гарри не отвечал, притворяясь, будто целиком захвачен книгой, которую им было велено прочитать к завтрашнему уроку заклинаний («В поисках квинтэссенции»). Твердо решив остаться другом и Рону, и Гермионе, Гарри вынужден был

большую часть времени не раскрывать рта.

— Я никогда ничего не обещал Гермионе, — нудил Рон. — То есть я, конечно, собирался пойти с ней на рождественский вечер к Слизнорту, но она же не говорила… так просто, по-дружески… я свободный человек…

Гарри перевернул страницу, чувствуя на себе взгляд Рона. Голос Рона перешел в невнятное бормотание, едва слышное за треском огня в камине, но Гарри показалось, что он различает знакомые слова «Крам» и «не на что жаловаться».

У Гермионы было очень плотное расписание, и нормально поговорить с ней Гарри мог только вечером, когда Рон все равно так тесно переплетался с Лавандой, что не замечал, чем в это время занят друг. Гермиона отказывалась находиться в гостиной, когда там был Рон, поэтому Гарри обычно приходил к ней в библиотеку, а следовательно, разговаривать приходилось шепотом.

— Он имеет полное право целоваться с кем пожелает, — говорила Гермиона, пока библиотекарша мадам Пине прохаживалась вдоль книжных полок у них за спиной. — Меня это совершенно не волнует.

Она подняла перо и с такой силой поставила точку над «і», что прорвала пергамент насквозь.

Гарри промолчал. Он подозревал, что скоро вовсе лишится голоса из-за недостатка практики. Низко нагнувшись над «Расширенным курсом зельеварения», он старательно выписывал основные сведения о Долголетних эликсирах, то и дело останавливаясь, чтобы разобрать ценные дополнения Принца-полукровки к тексту Либациуса Бораго.

— Между прочим, — сказала после короткой паузы Гермиона, — тебе нужно быть поосторожнее.

— В последний раз, — прошептал Гарри голосом, слегка осипшим за сорок пять минут молчания. — Я не собираюсь возвращать эту книгу. От Принца-полукровки я узнал больше, чем от Снегга и от профессора Слизнорта вместе взятых…

— Да я не о твоем дурацком Принце, так называемом, — зашипела Гермиона, бросая на книгу злобный взгляд, словно та ее чем-то обидела. — Я тут зашла в женский туалет, как раз перед тем, как идти в библиотеку, и там было человек десять девочек, в том числе эта Ромильда Вейн, и они обсуждали, как бы подсунуть тебе любовный напиток. Все они мечта-ют пойти с тобой к Слизнорту, и, похоже, все закупили у Фреда и

Джорджа приворотное зелье, а оно, к сожалению, скорее всего, действует…

— Что ж ты его не конфисковала? — возмутился Гарри.

Казалось невероятным, что мания к неукоснительному соблюдению правил вдруг покинула Гермиону именно в этот критический момент.

— Они же не взяли его с собой в туалет, — презрительно ответила Гермиона. — Они просто обсуждали вопросы тактики. Вряд ли даже у Принца-полукровки, — она снова бросила злобный взгляд на книгу, — найдется средство, нейтрализующее воздействие дюжины приворотных зелий одновременно. Я бы тебе посоветовала взять и пригласить кого-нибудь, тогда остальные поймут, что им рассчитывать не на что. Вечер-то завтра, они уже совсем озверели.

— Да мне никого не хочется приглашать, — промямлил Гарри.

Он все еще очень старался не думать о Джинни, хотя она постоянно возникала в его снах, причем делала такие вещи… Словом, Гарри от души радовался, что Рон не владеет навыками легилименции.

— В общем, будь осторожен и не пей что попало, а то Ромильда Вейн, по-моему, настроена

серьезно, — мрачно закончила Гермиона.

Она придвинула к себе длинный свиток пергамента с домашним заданием по нумерологии и снова принялась строчить. Гарри смотрел на нее, но думал совсем о другом.

— Слушай, — медленно проговорил он, — Филч вроде запретил приносить в школу товары из «Всевозможных волшебных вредилок»?

— А кто и когда обращал внимание на запреты Филча? — отозвалась Гермиона, не отрываясь от домашнего задания.

— Но я думал, что почтовых сов обыскивают. Как же эти девчонки протащили в школу любовные напитки?

— Фред и Джордж маскируют их под флаконы с Духами и зелье от кашля, — ответила Гермиона. — Это у них входит в стандартный набор услуг при выполнении заказов по совиной почте.

— Я смотрю, ты здорово в этом разбираешься. Гермиона глянула на него с такой же злостью, как только что — на «Расширенный курс зельеварения».

— Все это было написано на этикетках на обратной стороне пузырьков с зельями, которые они летом показывали нам с Джинни, — сказала она холодно. — Я, к твоему сведению, не подме-

шиваю людям зелье в стаканы… И не делаю вид, что подмешиваю, это ничем не лучше…

— Ладно, ладно, проехали, — быстро сказал Гарри. — Дело вот в чем — выходит, Филча можно обдурить? Девчонки сумели доставить в школу нечто запрещенное под видом чего-то другого! Так почему Малфой не мог протащить ожерелье?

— Ох, Гарри, только не начинай опять!

— Нет, ну послушай, почему нет? — настаивал Гарри.

— Да пойми ты, — вздохнула Гермиона, — Детекторы лжи улавливают заклинания, проклятия и маскирующие чары, правильно? Они настроены на обнаружение Темной магии и Темных артефактов. Они тут же уловили бы такое могущественное проклятие, какое было на ожерелье. Но они не будут реагировать на флакон с неправильной этикеткой… И вообще, приворотные зелья — это не Темная магия, они не опасны…

— Тебе легко говорить, — буркнул Гарри, думая о Ромильде Вейн.

— …тут уж сам Филч должен был сообразить, что перед ним не зелье от кашля, но он не очень хороший волшебник, сомневаюсь, что он способен отличить одно зелье от…

Гермиона умолкла на полуслове. Гарри тоже послышалось какое-то движение между темных стеллажей с книгами. Они замерли, и мгновением позднее из-за стеллажа показалось хищное лицо мадам Пинс, сильно смахивающей на стервятника. Свет лампы, которую она держала в руках, невыгодно подчеркивал ввалившиеся щеки, пергаментную кожу и длинный крючковатый нос.

— Библиотека закрыта, — сказала она. — Не забудьте поставить книги на место… Это еще что такое?! Ты испортил книгу, дрянной мальчишка?!

— Она не библиотечная, это моя книга! — Гарри едва успел схватить со стола «Расширенный курс», к которому уже протянулась когтистая рука библиотекарши.

— Безобразие! — зашипела она. — Варварство! Кощунство!

— Просто несколько записей в книге! — оправдывался Гарри, выдирая учебник из ее цепких пальцев.

У мадам Пинс был такой вид, словно с ней сейчас сделается припадок. Гермиона судорожно побросала вещи в сумку, схватила Гарри за руку выше локтя и поволокла его к выходу.

— Осторожней, а то она запретит тебе пользоваться библиотекой! Зачем ты вообще притащил сюда эту глупую книжонку?

— Гермиона, я не виноват, если у нее бзик! А может, она подслушала, как ты высказывалась насчет Филча? Мне всегда казалось, что между ними что-то есть…

— Ха-ха!

Наслаждаясь тем, что можно снова говорить нормальным голосом, Гарри и Гермиона возвращались по пустым, освещенным светильниками коридорам в гриффиндорскую гостиную, оживленно обсуждая, возможен ли тайный роман между Филчем и мадам Пинс.

— Елочные шарики! — назвал Гарри Полной Даме новый праздничный пароль.

— И тебе счастливого Рождества! — ответила Полная Дама с плутоватой улыбкой, пропуская их.

— Привет, Гарри! — сказала Ромильда Вейн, как только Гарри выбрался из проема в стене. — Хочешь «горной воды»?

Гермиона взглянула на него через плечо, словно хотела сказать: «Что я тебе говорила?»

— Нет, спасибо, — быстро ответил Гарри. — Я ее не очень люблю.

— Ну, тогда возьми вот это. — Ромильда сунула ему в руки коробку конфет. — «Шоколадные котелки», они наполнены огненным виски. Мне бабушка прислала, а я их не люблю.

— Ладно, большое спасибо, — сказал Гарри, не придумав ничего другого. — Э-э… я тут сейчас…

Он не закончил фразу и побежал за Гермионой.

— Я тебе говорила, — с удовольствием сказала Гермиона. — Пригласи кого-нибудь наконец, тогда они от тебя отцепятся, и ты сможешь…

Тут ее лицо застыло: она увидела Рона и Лаванду, которые сплелись в тесном объятии, сидя вдвоем в одном кресле.

— В общем, спокойной ночи, Гарри, — пробормотала Гермиона, хотя было всего семь часов вечера, и ушла в спальню девочек, не сказав больше ни слова.

Гарри улегся спать, утешая себя мыслью, что осталось пережить еще всего один учебный день, плюс вечеринку у Слизнорта, а потом они с Роном отправятся в «Нору». Теперь уже казалось невозможным, чтобы Рон и Гермиона помирились до начала каникул, но, может быть, в разлуке они немного остынут, подумают о своем поведении…

Однако надежды на это было мало, и стало еще

меньше на следующий день, после того, как Гарри высидел рядом с ними урок трансфигурации. Они только-только начали проходить невероятно трудную тему трансфигурации человека. Работая перед зеркалом, они должны были поменять себе цвет бровей. Гермиона бессердечно засмеялась, когда Рон с первой попытки ухитрился создать себе весьма эффектные закрученные кверху усы. Рон в ответ зло, но очень похоже изобразил, как Гермиона подпрыгивает на стуле, вытянув вверх руку, каждый раз, как профессор МакГонагалл задаст какой-нибудь вопрос. Лаванда и Парвати нашли его пародию необычайно смешной, а Гермиона снова чуть не расплакалась. Она выскочила из класса, едва прозвенел звонок, оставив половину своих вещей на столе. Гарри решил, что ей он сейчас нужнее, чем Рону, сгреб имущество Гермионы и пошел искать ее.

В конце концов он увидел, как она выходит из женского туалета в обществе Полумны Лавгуд, которая рассеянно гладила ее по спине.

— О, привет, Гарри, — сказала Полумна. — Ты знаешь, что у тебя одна бровь ярко-желтая?

— Привет, Полумна. Гермиона, ты забыла в классе…

Он протянул ей учебники.

— Ах, да, — сказала Гермиона сдавленным голосом, взяла свои книги и поскорее отвернулась, чтобы он не заметил, как она вытирает глаза пеналом. — Спасибо, Гарри. Ну, я пойду…

И быстро ушла, Гарри даже не успел сказать ей что-нибудь в утешение, хотя, честно говоря, он ничего подходящего и не мог придумать.

— Она немного расстроена, — сказала Полумна. — Я сначала подумала, что там Плакса Миртл, а оказалось, Гермиона. Она что-то говорила про этого Рона Уизли…

— Да, они поссорились, — сказал Гарри. Они вместе пошли по коридору.

— Он порой говорит очень смешные вещи, правда? — сказала Полумна. — Но иногда он бывает недобрым. Я это заметила в прошлом году.

— Да, наверное, — произнес Гарри. Полумна, как всегда, демонстрировала удивительную способность говорить неудобную правду. Гарри в жизни не встречал другого такого человека. — Ты как? Хорошо прошло полугодие?

— Да, неплохо, — ответила Полумна. — Немножко одиноко без ОД. Но Джинни ко мне хорошо относится. Она такая славная, недавно не позволила двум мальчишкам на общем уроке трансфигурации называть меня Полоумной…

— Хочешь пойти со мной на вечер к Слизнорту?

Эти слова вырвались у Гарри прежде, чем он успел их удержать; он слышал собственный голос как будто со стороны.

Полумна удивленно обратила к нему свои выпуклые глаза.

— На вечер к Слизнорту? С тобой?

— Ага, — сказал Гарри. — Туда полагается приходить с кем-нибудь, ну, и я подумал, может, ты захочешь… То есть… — Он постарался предельно ясно сформулировать свои намерения. — То есть просто по-дружески, понимаешь. Но если тебе не хочется…

Он уже отчасти надеялся, что она не согласится.

— О нет, мне будет очень приятно пойти с тобой по-дружески! — сказала Полумна с такой счастливой улыбкой, какой Гарри ни разу у нее не видел. — Меня никогда еще никуда не приглашали по-дружески! Это ты к вечеринке выкрасил себе бровь? Мне тоже так сделать?

— Нет, — твердо ответил Гарри. — Это я нечаянно, попрошу Гермиону поправить. Значит, встретимся в восемь в вестибюле.

— АГА! — раздался откуда-то с потолка пронзи-

тельный голос, и оба вздрогнули.

Они и не заметили, как прошли прямо под Пивзом, который висел вниз головой, зацепившись за люстру, и зловредно ухмылялся.

— Обормоттер Полоумную на праздник пригласил! Обормоттер в Полоумную влюбился! Обормоттер в Полоу-у-у-у-умную влюби-и-и-ился-я-я-я-я-я! — Он умчался, хихикая и выкрикивая: — Обормоттер в Полоумную влюбился!

— Приятно, когда никто не лезет в твою личную жизнь, — сказал Гарри.

И действительно, не успел он оглянуться, как всей школе было известно, что Гарри Поттер пригласил Полумну Лавгуд на вечеринку к Слизнорту.

— Ты мог пригласить любую! — поражался Рон за обедом. — Любую! А ты выбрал Полоумную Лавгуд?

— Не называй ее так, Рон! — резко сказала Джинни — она направлялась к своим друзьям и остановилась за спиной у Гарри. — Ты молодец, Гарри, что пригласил ее, она так счастлива!

И Джинни пошла дальше, туда, где сидел Дин. Гарри попытался порадоваться, что Джинни рада, что он пригласил Полумну, но это ему не вполне удалось. Гермиона сидела в одиноче-

стве на дальнем конце стола, ковыряя вилкой в тарелке. Гарри заметил, что Рон исподтишка посматривает на нее.

— Ты мог бы извиниться, — сказал Гарри напрямик.

— Ага, чтобы меня опять канарейки заклевали? — пробормотал Рон.

— Зачем ты ее передразнивал?

— А чего она смеялась над моими усами!

— Ну, и я смеялся, в жизни не видел такой дурацкой рожи.

Но Рон как будто не слышал: к столу подошли Лаванда и Парвати. Втиснувшись между Гарри и Роном, Лаванда обхватила Рона за шею.

— Привет, Гарри, — сказала Парвати.

Ей, как и ему, явно было слегка неловко. Да и скучновато рядом с другом или подружкой, которым ни до кого вокруг нет дела.

— Привет, — сказал Гарри. — Как ты? Все-таки остаешься в Хогвартсе? Я слышал, твои родители хотели тебя забрать.

— Я их временно отговорила, — сказала Парвати. — История с Кэти жутко их напугала, но с тех пор ничего такого страшного не было… Ой, привет, Гермиона!

Парвати принялась усиленно улыбаться. Долж-

но быть, ей было совестно, что она смеялась над Гермионой на трансфигурации. Гарри оглянулся и увидел, что Гермиона улыбается ей еще лучезарнее, если только это было возможно. Какие все-таки девчонки иногда бывают странные…

— Привет, Парвати! — сказала Гермиона, полностью игнорируя Рона и Лаванду. — Ты пойдешь сегодня на вечер к Слизнорту?

— Никто меня не пригласил, — печально ответила Парвати. — А мне так хотелось пойти. Там, наверное, будет просто замечательно… Ты ведь идешь, да?

— Да, я договорилась встретиться с Кормаком в восемь, и мы с ним…

Раздался такой звук, какой бывает, когда из засорившейся раковины выдергивают затычку, Рон вынырнул из объятий Лаванды. Гермиона как будто ничего не видела и не слышала.

— …мы с ним пойдем на вечеринку вместе.

— Кормак? — сказала Парвати. — Это который Кормак Маклагген?

— Ну да, — сладким голосом пропела Гермиона. — Который чуть было… — она подчеркнула эти два слова, — чуть было не стал вратарем команды Гриффиндора.

— Так ты теперь с ним встречаешься? — спро-

сила Парвати с жадным интересом.

— Ну да, а разве ты не знала? — сказала Гермиона и совершенно не по-гермионски захихикала.

— Нет! — ответила Парвати, страшно оживившись при таком волнующем известии. — Смотрика, ты у нас любишь игроков в квиддич! Сначала Крам, теперь Маклагген…

— Я люблю хороших игроков в квиддич, — поправила Гермиона все с той же нежной улыбкой. — Ну, пока! Мне нужно наряжаться к празднику…

Она ушла, а Лаванда и Парвати немедленно принялись шептаться, обсуждая потрясающую новость, причем припомнили все, что когда-либо слышали о Маклаггене, и все, что когда-либо придумывали о Гермионе. Рон сидел со странным пустым взглядом и ничего не говорил. Гарри, предоставленный самому себе, размышлял о том, до каких глубин способны опускаться девчонки ради мести.

Вечером, придя к восьми часам в вестибюль, Гарри увидел непривычную картину: в вестибюле прогуливалось полным-полно девочек, и все они с обидой смотрели, как он подходит к Полумне. На ней была серебристая мантия с блестками, вызывавшая дружное хихиканье

окружающих, но в целом выглядела она вполне мило. Гарри, во всяком случае, был рад уже и тому, что она не надела сегодня серьги-редиски, ожерелье из пробок от сливочного пива и спектрально-астральные очки.

— Привет, — сказал он. — Пошли, что ли?

— О, да! — радостно ответила она. — А где это будет?

— В кабинете у Слизнорта. — Гарри повел ее вверх по мраморной лестнице, оставив за спиной переглядывающихся и перешептывающихся зрительниц. — Слышала, на вечеринку должен прийти вампир?

— Руфус Скримджер? — спросила Полумна.

— Чего? — растерялся Гарри. — Ты говоришь про министра магии?

— Ну да, он вампир, — будничным тоном сказала Полумна. — Папа написал об этом длинную статью, когда Скримджер занял должность после Корнелиуса Фаджа, но ее не дали напечатать. Естественно, в Министерстве не хотят, чтобы об этом стало известно!

Гарри не ответил, он считал маловероятным, чтобы Руфус Скримджер был вампиром, но давно привык к тому, что Полумна повторяет самую дикую чушь за своим отцом, словно святую ис-

тину. Они уже подходили к кабинету Слизнорта, доносившиеся оттуда смех, музыка и громкие голоса становились громче с каждым шагом.

То ли кабинет был так построен, то ли Слизнорт применил какой-то хитрый магический трюк — во всяком случае, помещение изнутри было намного больше обычного преподавательского кабинета. Стены и потолок были затянуты изумрудной, алой и золотой тканью; создавалось впечатление, будто находишься в огромном шатре. В комнате толпился народ, было душно, и все заливал красный свет вычурной золотой лампы, свисавшей с потолка, в которой кружили настоящие живые феи, каждая — словно искорка яркого света. Из дальнего угла неслось громкое пение под аккомпанемент каких-то музыкальных инструментов, вроде мандолины. Облачко дыма висело над головами нескольких пре-старелых волшебников, занятых оживленной беседой. Эльфы-домовики с писком пробирались через чашу ног, почти незаметные под тяжелыми серебряными подносами с угощением, так что можно было подумать, будто по комнате передвигаются маленькие шустрые столики.

— Гарри, мой мальчик! — загудел Слизнорт, как только Гарри и Полумна протиснулись в

дверь. — Входите, входите, я тут кое с кем хочу вас познакомить!

На нем была остроконечная бархатная шляпа с кисточкой в тон бархатной же куртке. Ухватив Гарри за руку с такой силой, словно собирался куда-то трансгрессировать вместе с ним, Слизнорт решительно повлек его в самую гущу гостей; Гарри схватил за руку Полумну и потащил ее за собой.

— Гарри, познакомься, это Элдред Уорпл, мой бывший ученик, автор книги «Братья по крови: моя жизнь среди вампиров», и, конечно, его друг Сангвини.

Уорпл, маленький человечек в очках, стиснул руку Гарри и с энтузиазмом потряс; вампир Сангвини, высокий, истощенный, с темными кругами под глазами, едва кивнул. Вид у него был скучающий. Рядом толпилась стайка взволнованных девчонок, с любопытством его разглядывавших.

— Гарри Поттер, я в восторге, просто в восторге! — сказал Уорпл, близоруко всматриваясь в лицо Гарри. — Я как раз на днях говорил профессору Слизнорту: где же биография Гарри Поттера, которой мы все так ждем?

— Э-э… — сказал Гарри, — ждете?

— Какая скромность! Все, как и говорил Гора-

ций! — воскликнул Уорпл. — Нет, серьезно… — он вдруг перешел на деловой тон, — я сам был бы счастлив написать ее. Люди жаждут побольше узнать о вас, милый мальчик, просто жаждут! Если бы вы согласились дать мне несколько небольших интервью, скажем, по четыре или пять часов в один сеанс, так мы бы закончили книгу в два-три месяца. И все это при минимальной затрате усилий с вашей стороны, я вас уверяю… Сангвини, на место! — неожиданно рявкнул Уорпл: вампир с голодным блеском в глазах бочком подбирался к ближайшей группе девочек — Вот, возьми пирожок! — Уорпл схватил с подноса у проходившего мимо домовика пирожок, сунул его в руку Сангвини и снова повернулся к Гарри. — Мой дорогой мальчик, вы могли бы заработать столько золота, вы себе просто не представляете…

— Меня это не интересует, — решительно заявил Гарри. — Извините, я там вижу знакомую…

Он потащил Полумну за собой в толпу гостей, там и в самом деле только что мелькнула буйная каштановая грива и исчезла между двумя дамами, судя по всему, музыкантшами из группы «Ведуньи».

— Гермиона! Гермиона!

— Гарри! Слава богу, ты пришел! Привет, Полумна!

— Что с тобой? — спросил Гарри.

Вид у Гермионы был растерзанный, как будто она пробиралась через заросли дьявольских силков.

— Ох, еле вырвалась… То есть я хотела сказать, я только что рассталась с Кормаком, — сказала она и многозначительно прибавила в ответ на вопросительный взгляд Гарри: — Под омелой.

— Так тебе и надо! Нечего было его приглашать, — наставительно сказал Гарри.

— Я подумала, что на него Рон больше всего обозлится, — хладнокровно ответила Гермиона. — Сперва я хотела позвать Захарию Смита, но потом решила, что в целом…

— Ты хотела позвать Смита? — спросил Гарри с отвращением.

— Да, хотела, и уже начинаю жалеть, что передумала. Рядом с Маклаггеном Грохх — истинный джентльмен. Отойдем в сторонку, мы его издали увидим, если что, он такой здоровый…

Все трое пробрались на другую сторону комнаты, прихватив по дороге по кубку с медовухой, и слишком поздно заметили, что у стенки в одиночестве стоит профессор Трелони.

— Здравствуйте, — вежливо сказала ей Полумна.

— Добрый вечер, моя дорогая, — ответила профессор Трелони, не без труда сфокусировав взгляд на Полумне. Гарри снова почувствовал запах кулинарного хереса. — Давно вас не видно на уроках…

— В этом году у нас ведет занятия Флоренц, — сказала Полумна.

— Ах да, конечно, — сказала профессор Трелони, зло и пьяно хихикая. — Конек-горбунок, так я его про себя называю. Не правда ли, после того как я вернулась в школу, можно было ожидать, что профессор Дамблдор уволит эту лошадь? Но нет… Курсы поделили между нами… Откровенно говоря, это оскорбление! Да знаете ли вы…

Подвыпившая профессор Трелони, видимо, не узнавала Гарри. Пока она распиналась, на все корки ругая Флоренца, Гарри наклонился к Гермионе и тихо сказал:

— Давай выясним одну вещь. Ты собираешься сказать Рону, что подыграла ему на отборочном испытании?

Гермиона подняла брови:

— Неужели ты серьезно думаешь, что я способна на такую низость?

Гарри пристально посмотрел на нее:

— Гермиона, если уж ты смогла пойти на вечер с Маклаггеном…

— Это совсем другое дело, — сказала Гермиона с достоинством. — Я не намерена ничего рассказывать Рону о том, что, возможно, случилось, а может, и не случилось на отборочных испытаниях.

— Хорошо, — с чувством сказал Гарри. — А то если он опять расклеится и мы проиграем следующий матч…

— Квиддич! — сердито воскликнула Гермиона. — Вас что, вообще ничто не интересует, кроме квиддича? Кормак ни единого вопроса не задал обо мне самой, нет, он осчастливил меня исполнением саги «Сто бесподобных мячей, которые взял Кормак Мак-лагген», весь вечер, без перерыва… Ой, мамочки, он идет сюда!

Она метнулась прочь так стремительно, как будто трансгрессировала — только что была здесь и вот уже протиснулась между двумя полными, громко хохочущими колдуньями и исчезла.

— Не видел Гермиону? — спросил Маклагген, протолкавшись сквозь толпу.

— Нет, к сожалению, не видел, — ответил Гарри и быстро повернулся к Полумне, забыв на мгно-

вение, с кем она разговаривает.

— Гарри Поттер! — воскликнула профессор Трелони низким вибрирующим голосом. Она только сейчас его заметила.

— Здрасьте, — сказал Гарри без большого энтузиазма.

— Мой дорогой мальчик! — громко зашептала профессор Трелони. — Сколько слухов! Сколько сплетен! Избранный! Конечно, я давно уже знала… Знамения предвещали беду, Гарри… Но почему вы не продолжили курс прорицаний? Уж для вас-то этот предмет имеет первостепенное значение!

— Ах, Сивилла, каждый из нас считает свой предмет самым важным! — послышался громкий голос, и по другую сторону от профессора Трелони появился сильно раскрасневшийся Слизнорт, в бархатной шляпе набекрень, с бокалом медовухи в одной руке и громадным пирогом с мясом — в другой. — Но я еще не встречал другого такого прирожденного таланта по части зельеварения! — сказал Слизнорт, взирая на Гарри благожелательными, хотя и несколько воспаленными глазами. — Просто какой-то инстинкт — совсем как у его матушки! На моей памяти учеников с такими способностями раз-два и обчелся.

Я вам говорю, Сивилла, даже Северус…

И тут, к ужасу Гарри, Слизнорт протянул руку и невесть откуда подтащил к себе Снегга.

— Бросьте дуться, идите к нам, Северус! — Слизнорт жизнерадостно икнул. — Я тут рассказываю об исключительных способностях Гарри к зельеварению! Разумеется, нужно и вам отдать должное, ведь вы учили Гарри целых пять лет!

Попавшись в захват Слизнорта, который обнимал его за плечи, Снегг посмотрел на Гарри сверху вниз прищуренными черными глазами.

— Забавно, у меня как-то не было впечатления, что я хоть чему-нибудь сумел научить Поттера.

— В таком случае это у него от природы! — воскликнул Слизнорт. — Видели бы вы, что он сотворил у меня на самом первом уроке! Напиток живой смерти. Еще никто из учеников не добивался такого великолепного результата с первой же попытки. Я думаю, даже вы, Северус…

— Да неужели? — тихо сказал Северус, ввинчиваясь взглядом в глаза Гарри, которому стало сильно не по себе.

Вот уж чего ему совсем не было нужно, так это чтобы Снегг начал выискивать, откуда у него взялись блестящие способности к зельеварению.

— Напомните-ка мне, по каким еще предме-

там вы продолжаете занятия, Гарри? — спросил Слизнорт.

— Защита от Темных искусств, заклинания, трансфигурация, травология…

— Короче говоря, все предметы, необходимые Для того, чтобы сделаться мракоборцем, — сказал Снегг, чуть заметно скривив губы.

— Ну да, я этого хочу, — ответил Гарри с вызовом.

— Из вас получится выдающийся мракоборец! — прогудел Слизнорт.

— По-моему, тебе не следует становиться мракоборцем, Гарри, — неожиданно вмешалась Полумна. Все посмотрели на нее. — Мракоборцы участвуют в заговоре Гнилозубов; я думала, все об этом знают. Они стремятся подорвать Министерство магии изнутри при помощи Темной магии и болезни десен.

У Гарри от смеха медовуха попала в нос. Честное слово, стоило привести сюда Полумну хотя бы ради этой минуты! Кашляя и отплевываясь, весь обрызганный медовухой, он вдруг увидел такое, отчего настроение у него стало еще лучше: Аргус Филч за ухо тащил к ним Драко Малфоя.

— Профессор Слизнорт, — засипел Филч, тряся брылями, с маниакальным дисциплинарным

огнем в выпученных глазах, — я поймал этого ученика, когда он шнырял по коридору на одном из верхних этажей. Он утверждает, что приглашен на вашу вечеринку и только немного опоздал. Вы его приглашали?

Разъяренный Малфой вырвался из рук Филча.

— Ну ладно, меня не приглашали! — сердито выпалил он. — Я хотел пройти без приглашения, вы довольны?

— Нет, не доволен! — сказал Филч, хотя этому явно противоречило выражение его лица. — Уж теперь вы у меня получите! Разве директор не говорил, что в вечернее время шататься по коридорам запрещается, не говорил разве, а?

— Все нормально, Аргус, все нормально, — сказал Слизнорт, махнув рукой. — Сейчас, как-никак, Рождество, и это совсем не преступление, если кому-то хочется попасть на праздник. На один разочек забудем о наказаниях. Можете остаться, Драко.

Горькое разочарование Филча было абсолютно предсказуемым, но почему у Малфоя, подумал Гарри, почти такой же несчастный вид? И почему Снегг смотрит на Малфоя с таким гневом и — может ли это быть? — со страхом?

Но не успел Гарри разобраться в своих впечат-

лениях, как Филч уже поплелся прочь, шаркая ногами и бормоча что-то себе под нос. Малфой изобразил улыбку и стал благодарить Слизнорта за великодушие, а лицо Снегга снова сделалось абсолютно непроницаемым.

— Не за что, не за что, — отмахнулся от Малфоя Слизнорт. — В конце концов, я знавал вашего дедушку…

— Он всегда отзывался о вас с большим уважением, сэр, — поспешно ввернул Малфой. — Говорил, что не знает лучшего мастера зельеварения…

Гарри не мог отвести глаз от Малфоя. Его поразило не то, что Малфой подлизывается к преподавателю, эта картина была ему хорошо знакома по урокам Снегга. Удивило его то, что Малфой в самом деле выглядел больным. Гарри давно уже не случалось видеть Малфоя вблизи, и теперь он заметил, что под глазами у него залегли темные тени, а кожа приобрела явственно сероватый оттенок.

— Я хотел бы с вами поговорить, Драко, — внезапно сказал Снегг.

— Ну что вы, Северус. — Слизнорт снова икнул. — Сейчас Рождество, не будьте к нему слишком строги…

— Я — декан его факультета, мне решать, строгим с ним быть или не строгим, — отрезал Снегг. — Следуйте за мной, Драко.

Они вышли из кабинета. Снегг шагал впереди, Малфой за ним с недовольным видом. Гарри постоял с минуту в нерешительности, потом сказал Полумне:

— Я на минуточку… э-э… в туалет…

— Хорошо, — покладисто ответила она. Пробираясь к выходу, Гарри смутно слышал, как она рассказывает о заговоре Гнилозубов профессору Трелони, которую эта тема, по-видимому, живо заинтересовала.

В коридоре никого не было. Пара пустяков — вытащить из кармана мантию-невидимку и накинуть ее на себя. Труднее оказалось отыскать Малфоя и Снегга. Гарри побежал — его шаги заглушала музыка и громкая болтовня, доносившиеся из кабинета Слизнорта. Может быть, Снегг повел Малфоя в свой кабинет в подземелье?.. А может, в слизеринскую гостиную?.. На всякий случай Гарри прикладывал ухо к каждой двери, мимо которой пробегал, и вдруг, вздрогнув от радости, припал к замочной скважине последней классной комнаты в коридоре. Оттуда слышались голоса.

— Не имеете права допускать ошибки, Драко, потому что, если вас исключат из школы…

— Я тут ни при чем, ясно?

— Надеюсь, что вы говорите правду, поскольку все это было не только неумело, но и попросту глупо. Вас уже подозревают в соучастии.

— Кто меня подозревает? — сердито спросил Малфой. — В последний раз повторяю: я этого не делал, понятно? Наверное, у этой Белл есть враги, о которых никто не знает… Не надо на меня так смотреть! Я знаю, что вы делаете, я не такой тупой, только ничего у вас не выйдет! Я могу вам помешать!

Наступила пауза, потом Снегг тихо сказал:

— Ага… вижу, тетя Беллатриса учила вас окклюменции. Какие же мысли вы стараетесь скрыть от своего хозяина, Драко?

— От него я ничего не скрываю, я только не хочу, чтобы вы лезли не в свое дело!

Гарри плотнее прижался ухом к замочной скважине. С чего это Малфой так разговаривает со Снеггом, которого вроде всегда уважал, даже, можно сказать, Снегг ему нравился?

— Так вот почему вы избегаете меня с начала учебного года? Боитесь моего вмешательства? А понимаете ли вы, что если бы кто-нибудь другой

посмел не явиться ко мне в кабинет после того, как я несколько раз вызывал его…

— Ну, оставьте меня после уроков! Наябедничайте на меня Дамблдору! — с издевкой предложил Малфой.

Снова наступила тишина. Наконец Снегг сказал:

— Вы прекрасно знаете, что я не намерен делать ни того, ни другого.

— Ну, так и прекратите вызывать меня к себе в кабинет!

— Послушайте меня, — сказал Снегг так тихо, что Гарри пришлось изо всех сил притиснуть ухо к замочной скважине, чтобы расслышать его слова. — Я стараюсь помочь вам. Я обещал вашей матушке защитить вас. Я принес Непреложный Обет, Драко…

— Значит, придется вам его нарушить, потому что я не нуждаюсь в вашей помощи! Это мое задание, он поручил это мне, и я это сделаю. У меня есть план, и он сработает, просто получается немножко дольше, чем я рассчитывал!

— Что за план?

— Не ваше дело!

— Если вы расскажете мне, что вы собираетесь делать, я смогу помочь вам…

— Спасибо, мне уже помогают! Не думайте, я не один!

— Во всяком случае, вы были одни сегодня вечером, и это в высшей степени глупо — бродить по коридорам без провожатых и без дозорных, которые могли бы поднять тревогу. Элементарные ошибки…

— Я взял бы с собой Крэбба и Гойла, если бы вы не оставили их после уроков!

— Говорите тише! — словно выплюнул Снегг, поскольку Малфой, войдя в раж, повысил голос. — Если ваши приятели, Крэбб и Гойл, хотят в этом году все-таки сдать СОВ по защите от Темных искусств, они должны заниматься чуточку старательнее, чем в на-стоящее…

— Да кому это нужно? — процедил Малфой. — Защита от Темных искусств — это же все не на самом деле, сплошное притворство, правда? Как будто кому-то из нас нужно защищаться от Темных искусств!

— Это притворство, Драко, необходимо для нашего успеха! — возразил Снегг. — Где бы, по-вашему, я был все эти годы, если бы не умел притворяться? А теперь послушайте меня! Вы ведете себя неосмотрительно, бродите по коридорам ночью, позволяете себя поймать, а если вы

полагаетесь на таких помощничков, как Крэбб и Гойл…

— Не только на них! На моей стороне есть еще другие люди, получше!

— Так расскажите же мне о них, и я смогу…

— Знаю, чего вы добиваетесь! Хотите украсть у меня славу!

Снова пауза и холодный голос Снегга:

— Вы ведете себя как ребенок. Я понимаю, что вы расстроены арестом отца, но…

У Гарри было не больше секунды, чтобы убраться с дороги: он услышал за дверью шаги Малфоя и отскочил в сторону как раз в тот момент, когда дверь распахнулась. Малфой быстро зашагал по коридору, прошел мимо открытой двери в кабинет Слизнорта и скрылся за углом.

Почти не дыша, Гарри замер, как был, на корточках, и не смел пошевелиться, пока из классной комнаты не показался Снегг. С непроницаемым лицом Снегг вернулся на вечеринку. Гарри сидел на полу, укрытый мантией-невидимкой, и лихорадочно соображал.

Глава 16

ОЧЕНЬ ХОЛОДНОЕ РОЖДЕСТВО

— Так, значит, Снегг предлагал ему помощь? Он точно предлагал ему помощь?

— Спросишь еще раз, — ответил Гарри, — засуну тебе эту капусту…

— Я просто хочу проверить! — сказал Рон. Они стояли вдвоем на кухне «Норы» у раковины и чистили по поручению миссис Уизли гору брюссельской капусты. За окном медленно плыли снежинки.

— Да, Снегг предлагал ему помощь! Сказал, что обещал матери Малфоя защищать его, что принес Неотложную клятву или что-то в этом роде…

— Непреложный Обет? — ошеломленно переспросил Рон. — Да нет, не мог же он… Ты уверен?

— Да, уверен, — ответил Гарри. — А что это, собственно, значит?

— Ну Непреложный Обет нарушить невозможно…

— Это я, как ни странно, и сам уже понял. Но что происходит с тем, кто его нарушит?

— Он умирает, — просто ответил Рон. — Когда

мне было лет пять, Фред с Джорджем пытались заставить меня принести такой Обет. Я чуть было не принес, уже держался с Фредом за руки и все такое, но тут нас застукал папа. Он чуть с ума не сошел. — От этих воспоминаний у Рона даже заблестели глаза. — Единственный раз, когда я видел папу рассерженным еще почище мамы. Фред уверяет, что его левая ягодица так с того дня и не вернула себе прежней формы.

— Ладно, шут с ней, с левой ягодицей Фреда…

— Прошу прощения? — раздался голос Фреда, и в кухню вошли близнецы.

— У-у, Джордж, ты посмотри, чем они орудуют. Ножи и так далее. Подумать только.

— Вот стукнет мне через два с небольшим месяца семнадцать лет, — сварливо пробормотал Рон, — тогда и я смогу проделывать это с помощью волшебства.

— А до той поры, — заметил Джордж, присев на кухонный стол и подобрав под себя ноги, — мы сможем наслаждаться зрелищем правильного использования разных там… оп-па!

— Это все из-за тебя! — сердито выпалил Рон, посасывая обрезанный большой палец. — Ну погоди, исполнится мне семнадцать…

— И ты поразишь всех нас навыками вол-

шебника, которых от тебя никто никогда не ждал, — зевая, сказал Фред.

— Кстати, Рональд, насчет нежданных навыков! — воскликнул Джордж — Что это рассказывает Джинни насчет тебя и юной леди по имени — если, конечно, сведения наши верны — Лаванда Браун?

Рон порозовел и снова занялся капустой, но вид у него был не так чтобы очень недовольный.

— Не лезь не в свое дело!

— Какая блестящая отповедь, — сказал Фред. — Даже и представить себе не могу, откуда ты берешь такие сильные слова. Нет, мы хотели узнать лишь одно: как это случилось?

— Что именно?

— Может, она в аварию какую попала или еще что?

— О чем ты?

— О несчастье, из-за которого бедняжка впала в окончательное слабоумие. Эй, поаккуратнее!

Миссис Уизли появилась на кухне как раз вовремя, чтобы увидеть, как Рон метнул во Фреда капустный нож, а Фред легким взмахом волшебной палочки обратил его в бумажный самолетик.

— Рон! — гневно вскричала она. — Чтобы я

больше не видела, как ты кидаешься ножами!

— Да, мама, — ответил Рон. — Больше не увидишь, — шепотом прибавил он, снова поворачиваясь к капустной горе.

— Фред, Джордж, мне очень жаль, дорогие мои, но ближе к ночи появится Римус, так что Билла придется уложить в вашей комнате.

— Ничего страшного, — сказал Джордж.

— Ладно, поскольку Чарли не приедет, Гарри и Рону достается мансарда, и если Флер уложить с Джинни…

— Джинни ожидает волшебное Рождество, — пробормотал Фред.

— …то все разместятся с удобством. По крайней мере, девочки будут спать в кровати, — с некоторой неуверенностью в голосе закончила миссис Уизли.

— Значит, Перси нам своей мерзкой рожи точно не покажет? — спросил Фред.

Миссис Уизли отвернулась к двери и лишь потом ответила:

— Нет, он, насколько я знаю, занят в Министерстве.

— Или же он просто самая большая задница в мире, — сказал Фред, когда миссис Уизли покинула кухню. — Одно из двух. Ну ладно, Джордж,

пора двигаться.

— Куда это вы собрались? — спросил Рон. — Может, поможете нам с капустой? Вам-то палочки использовать разрешено, вот и избавили бы нас от нее!

— Нет, — серьезно ответил Фред, — не думаю, что мы вправе так поступить. Чистить капусту без помощи волшебства — занятие, которое способствует закалке характера, оно позволяет человеку понять, как трудна жизнь маглов и сквибов…

— И если ты хочешь, Рон, чтобы люди тебе помогали, — подхватил Джордж, запуская в младшего брата бумажным аэропланом, — не стоит метать в них ножи. Таков мой совет. А собрались мы в деревню, там в магазине канцелярских товаров работает очень красивая девушка, которой мои карточные фокусы кажутся просто чудесными… почти волшебными…

— Свиньи, — мрачно процедил Рон, глядя на пересекающих заснеженный двор братьев. — Им тут всех дел было секунд на десять, а тогда бы и мы могли с ними пойти.

— Только не я, — отозвался Гарри. — Я обещал Дамблдору, пока я здесь, далеко от дома не отходить.

— Ах да, — сказал Рон. Он очистил еще несколько кочешков, затем прибавил: — Ты собираешься рассказать Дамблдору о разговоре Снегга с Малфоем?

— Конечно, — ответил Гарри. — Я собираюсь рассказать о нем всем, кто может их остановить, а Дамблдор стоит у меня в этом списке первым. Я, пожалуй, и с твоим отцом еще раз поговорю.

— Жаль только, ты не слышал, что на самом деле задумал Малфой.

— А как я мог услышать? В том-то вся и штука, он отказался сообщить это Снеггу.

Секунду-другую оба молчали, потом Рон спросил:

— Ты, конечно, знаешь, что все они тебе скажут? Папа, Дамблдор и прочие? Они скажут, что Снегг вовсе не собирается помогать Малфою, а просто пытается выяснить, на что тот нацелился.

— Они его не слышали, — категоричным тоном ответил Гарри. — Так хорошо притворяться не может никто, даже Снегг.

— Ну да, это я просто так, к слову, — отозвался Рон.

Гарри, нахмурясь, повернулся к нему:

— Но ты-то считаешь, что я прав?

— Конечно! — торопливо ответил Рон. — Нет,

серьезно! Вот только они же все уверены, что Снегг помогает Ордену, ведь так?

Гарри промолчал. Он уже понял, что такие возражения, скорее всего, и выдвинут против его новых доказательств; он прямо-таки слышал слова Гермионы: «Ну ясно же, Гарри, он всего лишь притворялся, чтобы заставить Малфоя рассказать, что тот затеял…»

Впрочем, эти слова были всего лишь плодом его воображения поскольку возможности поведать Гермионе о подслушанном разговоре ему не представилось. Вечеринку у Слизнорта она покинула еще до его возвращения — так, во всяком случае, сказал Гарри разгневанный Маклагген, — когда же он добрался до общей гостиной, Гермиона уже легла спать. А на следующее утро перед отъездом в «Нору» он только успел пожелать ей счастливого Рождества да сказать, что после каникул сообщит очень важные новости. Полной уверенности в том, что Гермиона его услышала, у Гарри не было — все это время за его спиной, не прибегая к помощи слов, прощались Рон с Лавандой.

И все-таки одного не сможет отрицать даже Гермиона: Малфой явно задумал какую-то пакость, и Снеггу это известно, отчего Гарри считал, что имеет полное право повторять: «А что я вам

говорил?» — и уже сделал это несколько раз в разговоре с Роном.

До самого сочельника Гарри так и не смог побеседовать с мистером Уизли — тот теперь задерживался в Министерстве совсем допоздна. Этой ночью семейство Уизли и его гости расположились в гостиной, которую Джинни разукрасила до того, что каждому, кто здесь сидел, казалось, будто его самого опутали с ног до головы гирляндами из цветной бумаги. Только Фреду, Джорджу, Гарри и Рону и было известно, что ангел на верхушке рождественской елки — на самом деле садовый гном, цапнувший Фреда за лодыжку, когда тот дергал в огороде морковку для рождественского обеда. Обездвиженный заклинанием, выкрашенный в золотую краску, втиснутый в маленькую балетную пачку и украшенный приклеенными к спине крылышками, гном гневно взирал на всех, кто собрался в гостиной. Это был самый уродливый ангел, какого Гарри видел в своей жизни, с лысой, точно картофелина, головой и волосатыми ножками.

Предполагалось, что все будут слушать по радио рождественский концерт любимой певицы миссис Уизли, Селестины Уорлок, голос которой изливался из большого деревянного приемни-

ка. Флер, по-видимому находившая Селестину безумно скучной, так громко разговаривала в углу, что миссис Уизли то и дело наставляла свою волшебную палочку на регулятор громкости приемника, отчего голос певицы звучал все мощнее и мощнее. Под прикрытием особенно жизнерадостной песенки «Котел, полный крепкой, горячей любви» Фред и Джордж играли с Джинни во взрыв-кусачку. Рон украдкой погляды-вал на Флер с Биллом, словно надеясь обзавестись с их помощью полезными навыками. Римус Люпин, который выглядел еще более тощим и обтрепанным, чем прежде, сидел у камина, глядя на огонь и словно не слыша Селестины.

О, приди, помешай мое варево,
И, если все сделаешь правильно,
Ты получишь котел,
Полный крепкой, горячей любви.

— Мы танцевали под эту песню, когда нам было восемнадцать! — сообщила миссис Уизли, утирая вязаньем глаза. — Помнишь, Артур?

— М-м-м? — произнес мистер Уизли, снимавший, клюя носом, кожуру с мандарина. — А, да… прекрасная мелодия…

Он не без труда распрямился и взглянул на

сидевшего рядом с ним Гарри.

— Извини нас за это, — сказал он, поведя подбородком в сторону приемника, из которого неслись теперь голоса подпевавшего Селестине хора. — Скоро уже кончится.

— Ничего, не страшно, — улыбнувшись, ответил Гарри. — Много сейчас в Министерстве работы?

— Очень, — сказал мистер Уизли. — И ладно бы еще толк от нее был, а то ведь арестовали мы за последние месяцы троих, но я не уверен, что хотя бы один из них настоящий Пожиратель смерти. Только не передавай никому моих слов, Гарри, — торопливо добавил он, приобретая внезапно вид гораздо менее сонный.

— Неужели Стэн Шанпайк так до сих пор и сидит? — спросил Гарри.

— Боюсь, что сидит, — ответил мистер Уизли. — Я знаю, Дамблдор напрямую обращался к Скримджеру пытался заступиться за Стэна… Все, кто его допрашивал, согласны с тем, что Пожиратель смерти из него такой же, как из этого мандарина… Однако наверху стараются создать видимость хоть каких-то успехов, а «три ареста» выглядят гораздо лучше, чем «три неоправданных ареста с последующим освобождением»… Но

это опять-таки сведения совершенно секретные.

— Я не проболтаюсь, — пообещал Гарри.

Он поколебался немного, прикидывая, как подступиться к тому, что ему хотелось рассказать. Пока он собирался с мыслями, Селестина Уорлок запела балладу «Ты заклятием взял мое сердце».

— Мистер Уизли, вы помните наш разговор на вокзале, перед тем как мы отправились в школу?

— Я все проверил, Гарри, — тут же ответил мистер Уизли. — Обыскал дом Малфоев. И не нашел ничего, ни сломанного, ни целого, чему там находиться не следовало.

— Да, я знаю, читал про этот обыск в «Пророке»… Но я о другом… о чем-то более…

И он рассказал мистеру Уизли все, что услышал из разговора Снегга с Малфоем. Рассказывая, Гарри заметил, что Люпин слегка повернул голову в их сторону и вслушивается в каждое слово. Когда Гарри закончил, наступило молчание, только Селестина продолжала мурлыкать:

О, мое бедное сердце, где ты?
Надолго ль оставило ты меня?

— Тебе не приходило в голову, — сказал мистер Уизли, — что Снегг просто изображал…

— Изображал готовность помочь, чтобы вы-

ведать планы Малфоя? — быстро откликнулся Гарри. — Да, этих слов я от вас и ждал. Но как мы можем знать наверняка?

— Знать — это не наше дело, — неожиданно произнес Люпин. Он повернулся к огню спиной, и теперь взгляд его был устремлен, минуя мистера Уизли, на Гарри. — Это дело Дамблдора. Дамблдор доверяет Северусу, и этого всем нам должно хватать.

— Но, — возразил Гарри, — допустим, всего лишь допустим, что Дамблдор ошибся в Снегге…

— Это уже говорилось, и много раз. Все сводится к тому, доверяешь ты суждению Дамблдора или не доверяешь. Я доверяю, а потому доверяю и Снеггу.

— Но ведь и Дамблдор может ошибаться, — настаивал Гарри. — Он сам так говорит. А вы… — Он взглянул Люпину в глаза. — Если честно, вам нравится Снегг?

— Я не могу сказать, что он нравится мне или не нравится, — ответил Люпин. — Нет-нет, Гарри, я правду говорю, — добавил он, увидев появившееся на лице Гарри скептическое выражение. — Мы с ним никогда не были закадычными друзьями — все, что произошло между Джеймсом, Сириусом и Северусом, оставило слишком много горьких

чувств. Но я не забываю, что в тот год, когда я преподавал в Хогвартсе, Северус каждый месяц готовил для меня волчье противоядие и готовил замечательно — я не испытывал в полнолуние обычных страданий.

— Тем не менее он «случайно» проговорился, что вы оборотень, и вам пришлось покинуть школу! — гневно воскликнул Гарри.

Люпин пожал плечами:

— Да оно так или иначе выплыло бы наружу. Мы оба знали, что он метит на мое место, и все же Северус мог бы причинить мне куда больший вред, просто подмешав что-нибудь в противоядие. А он сохранил мне здоровье. И я ему благодарен.

— А может, он просто не решался подмешать что-нибудь в противоядие, зная, что Дамблдор не спускает с него глаз! — возразил Гарри.

— Тебе хочется ненавидеть его, Гарри, — со слабой улыбкой сказал Люпин. — И я тебя понимаю: Джеймс — твой отец, Сириус — крестный, ты унаследовал от них давнее предубеждение. Разумеется, ты должен рассказать Дамблдору то, что рассказал мне и Артуру, но только не жди, что он с тобой согласится. Не жди даже, что твой рассказ его удивит. Вполне возможно, что Северус

расспрашивал Драко по приказу Дамблдора.

…пусть ты разбил его на части,

Оно вернулось — это счастье!

Селестина завершила пение на очень долгой, высокой ноте, из приемника понеслись громкие овации, к которым с энтузиазмом присоединилась и миссис Уизли.

— А уже кончилось? — громко поинтересовалась Флер. — Слава'богу это такое ст'гашное…

— Ну что же, по стаканчику на ночь? — еще громче спросил мистер Уизли, вставая. — Кто желает яичного коктейля?

— Чем вы в последнее время занимались? — спросил Гарри у Люпина, когда мистер Уизли торопливо отправился за коктейлем, а все остальные, потянувшись, начали переговариваться друг с другом.

— О, сидел в подполье, — ответил Люпин. — Почти в буквальном смысле слова. Потому я и не писал, Гарри. Посылать тебе письма — значило бы выдать себя.

— О чем вы?

— Я жил среди моих собратьев, моей ровни, — сказал Люпин и, увидев непонимающий взгляд Гарри, прибавил: — Среди оборотней. Почти все

они встали на сторону Волан-де-Морта. Дамблдору требовался шпион, а я словно для того и создан.

В голосе его прозвучала горечь, возможно, Люпин и сам заметил ее, потому что, продолжая свой рассказ, улыбался уже с большей теплотой:

— Я не жалуюсь, работа необходимая, а кто выполнит ее лучше меня? Но завоевать их доверие было трудно. По мне ведь сразу видно, что я пытался жить среди волшебников, понимаешь? А они из нормального общества изгнаны, живут особняком, воруют, а иногда и убивают, чтобы прокормиться.

— Но чем им так нравится Волан-де-Морт?

— Они думают, что при его правлении их ждет лучшая жизнь, — ответил Люпин. — И спорить с этим, когда среди них Сивый, трудно…

— А кто такой Сивый?

— Ты не слышал о нем? — Пальцы Люпина дрогнули и сцепились на коленях. — Фенрир Сивый, пожалуй, самый лютый из живущих ныне оборотней. Цель своей жизни он видит в том, чтобы перекусать и заразить как можно больше людей, — хочет создать столько оборотней, что они смогут одолеть волшебников. Волан-де-Морт пообещал ему в обмен на службу любое

количество жертв. Сивый предпочитает детей… «Кусайте их юными, — говорит он, — растите вдали от родителей, в ненависти к нормальным волшебникам». Волан-де-Морт и прежде угрожал людям тем, что напустит Сивого на их сыновей и дочерей, и, как правило, эта угроза давала нужные результаты.

Люпин помолчал, затем прибавил:

— Сивый-то меня и покусал.

— Что? — изумленно переспросил Гарри. — Вы хотите сказать, когда… когда вы были ребенком?

— Да. Мой отец оскорбил его. Я очень долго не догадывался, кто из оборотней напал на меня, а Сивого даже жалел, думал, что он не способен владеть собой — ведь к тому времени я уже знал, что испытываешь, когда превращаешься в волка. Правда, к Сивому все это отношения не имеет. Незадолго до полнолуния он устраивается неподалеку от своих жертв, Достаточно близко, чтобы нанести быстрый удар. Он все обдумывает заранее. Вот это существо Волан-де-Морт и использует, чтобы править оборотнями. Не стану притворяться, мои доводы, доводы разума, почти не способны противостоять тому, о чем твердит Сивый: дескать, мы, оборотни, заслуживаем крови, мы обязаны мстить нормальным людям.

— Но ведь и вы нормальный! — с жаром воскликнул Гарри. — Просто у вас… трудности…

Люпин расхохотался:

— Как ты иногда напоминаешь мне Джеймса! Он тоже бывало говорил в компании, что у меня трудности «по мохнатой части». И люди оставались при впечатлении, будто я держу дома плохо воспитанного кролика.

Он принял от мистера Уизли стакан яичного коктейля, поблагодарил его, казалось даже, немного повеселел. Между тем Гарри ощущал прилив возбуждения — упоминание об отце напомнило ему, что он собирался расспросить Люпина еще кое о чем.

— Вам не случалось слышать, чтобы кого-нибудь называли «Принцем-полукровкой»?

— Полукровкой… как там?

— Принцем-полукровкой. — Гарри внимательно вглядывался в лицо Люпина, ища в нем признаки внезапно оживших воспоминаний.

— Среди волшебников нет принцев, — улыбаясь, сказал Люпин. — Это что же, титул, который ты намерен принять? Мне казалось, довольно будет и Избранного.

— Ко мне это никакого отношения не имеет! — гневно произнес Гарри. — Принц-полукровка

— волшебник, когда-то учившийся в Хогвартсе, просто мне в руки попал его старый учебник по зельям. И вся эта книга исписана заклинаниями, которые изобрел он сам. Одно из них — Леви-корпус…

— А, да, во время моей учебы в Хогвартсе оно было в большом ходу, — припомнил Люпин. — Когда я был на пятом курсе, никто несколько месяцев и шагу ступить не мог без того, чтобы не взлететь в воздух и не оказаться подвешенным за лодыжку.

— Папа им тоже пользовался, — сказал Гарри. — Я видел в Омуте памяти, как он подвесил Снегга.

Гарри постарался произнести это небрежным тоном, как брошенное вскользь замечание, не имеющее настоящей важности, но не был уверен, что ему это удалось, — улыбка Люпина стала уж слишком сочувственной.

— Да, — сказал Люпин, — впрочем, не он один. Я же говорю, это заклинание было очень популярным… Ты и сам знаешь, как они вдруг распространяются, а потом о них забывают.

— Но мне казалось, что его изобрели, когда вы учились в школе, — настаивал Гарри.

— Вовсе не обязательно, — сказал Люпин. — За-

клинания входят в моду и выходят из нее подобно всему остальному.

Он вгляделся в лицо Гарри, потом сказал негромко:

— Джеймс был чистокровным волшебником, Гарри, и могу тебя уверить, он никогда не просил, чтобы мы называли его «принцем».

Гарри, махнув рукой на притворство, спросил:

— Может быть, это был Сириус? Или вы?

— Ни в коем случае.

— Просто я думал… — Гарри уставился в огонь. — В общем, он очень помог мне на уроках зельеварения, Принц то есть.

— Насколько стара эта книга, Гарри?

— Не знаю, не проверял.

— Что ж, проверь, может быть, это поможет тебе выяснить, давно ли Принц учился в Хогвартсе, — сказал Люпин.

Вскоре после этого Флер затеяла изображать Селестину, поющую «Котел, полный крепкой, горячей любви», и все, заметив выражение, появившееся на лице миссис Уизли, восприняли его как сигнал, что пора расходиться по постелям. Гарри с Роном поднялись в мансарду, в спальню Рона, где Гарри ждала раскладушка.

Рон заснул почти сразу, а Гарри, прежде чем

лечь, порылся в чемодане и вытащил из него свой экземпляр «Расширенного курса зельеварения». Он полистал книгу в поисках года издания и наконец нашел его на одной из самых первых страниц. Книге было без малого пятьдесят лет. Ни его отец, ни друзья отца по Хогвартсу пятьдесят лет назад там еще не учились. Разочарованный, Гарри забросил книгу обратно в чемодан, выключил лампу, повертелся немного в постели, думая об оборотнях, Снегге, Стэне Шанпайке и Принце-полукровке, и, наконец, погрузился в тревожный сон, полный ползучих теней и воплей искусанных детей…

— Она наверняка пошутила…

Гарри, вздрогнув, проснулся и обнаружил в изножье своей постели туго набитый чулок. Он надел очки, огляделся: крошечное окно почти целиком залепило снегом, перед окошком, вытянувшись в струнку, сидел Рон и разглядывал что-то очень похожее на толстую золотую цепочку.

— Что это? — полюбопытствовал Гарри.

— Подарок Лаванды, — с отвращением ответил Рон. — Не думает же она, в самом деле, что я нацеплю такую…

Повнимательнее приглядевшись к подарку,

Гарри расхохотался. С цепочки свисали большие золотые буквы, из которых складывались слова «Мой любимый».

— Мило, — сказал он. — Классно. Тебе непременно надо будет надеть ее перед следующей встречей с Фредом и Джорджем.

— Если ты скажешь им хоть слово, — пригрозил Рон, убирая цепочку с глаз долой, под подушку, — я… я… я…

— Будешь всю жизнь заикаться при разговорах со мной? — ухмыльнулся Гарри. — Брось, ты же знаешь, что не скажу.

— Нет, но как ей в голову пришло, что мне может понравиться такая штука? — потрясенно глядя в пространство, воскликнул Рон.

— А ты попробуй напрячь память, — посоветовал Гарри. — Может, ты как-нибудь ненароком обмолвился, что хочешь показаться на люди со словами «мой любимый» на шее?

— Да ладно тебе… не так уж много мы и разговаривали, — сказал Рон. — Мы все больше…

— Целовались, — подсказал Гарри.

— В общем, да, — признал Рон. И, немного поколебавшись, спросил: — А что, Гермиона правда теперь с Маклаггеном встречается?

— Не знаю, — ответил Гарри. — У Слизнорта

они появились вместе, но, по-моему, что-то у них не заладилось.

Рон, немного повеселев, снова сунул руку в свой чулок с подарками.

Среди подарков, полученных Гарри, оказались связанный миссис Уизли свитер с вышитым на груди большим золотым снитчем, здоровенная коробка из магазина «Всевозможные волшебные вредилки» близнецов Уизли и слегка влажный, попахивающий плесенью сверток с наклейкой, на которой значилось: «Хозяину от Кикимера».

Гарри изумленно уставился на него.

— Как по-твоему, — спросил он Рона, — вскрывать это не опасно?

— Никакой опасности быть не может, всю нашу почту по-прежнему проверяют в Министерстве, — ответил Рон, хотя на сверток и сам он косился с подозрением.

— А я и не подумал подарить Кикимеру хоть что-нибудь! Слушай, а домовым эльфам принято делать подарки на Рождество? — спросил Гарри, осторожно ощупывая сверток

— Гермиона что-нибудь да подарила бы, — ответил Рон. — Давай все-таки сначала посмотрим, что там внутри, а уж потом ты начнешь терзаться муками совести.

Миг спустя Гарри с громким криком соскочил со своей раскладушки: в свертке лежал большой клубок червей.

— Замечательно, — сказал Рон и покатился со смеху. — Весьма продуманный подарок.

— Все лучше, чем твое ожерелье, — заметил Гарри, и Рон тотчас утих.

За рождественский стол все, кто был в доме, уселись в новых свитерах — все, кроме Флер (на которую миссис Уизли, по-видимому, тратить силы не пожелала) и самой миссис Уизли — ее украшало прекрасное золотое колье и новехонькая темно-синяя шляпа волшебницы, посверкивавшая камушками, сильно напоминавшими звездообразные бриллиантики.

— Это мне Фред с Джорджем подарили! Чудесно, правда?

— Видишь ли, мам, — грациозно поведя рукой по воздуху, сказал Джордж, — теперь, когда нам приходится собственноручно стирать носки, мы начинаем ценить тебя все больше и больше. Пастернака, Римус?

— Гарри, у тебя червяк в волосах, — весело сообщила Джинни и, перегнувшись через стол, сняла с его головы часть Кикимерова подарка; по шее Гарри побежали при этом мурашки, никакого

отношения к червякам не имевшие.

— Кошма'г какой! — театрально содрогнувшись, сказала Флер.

— Да, не правда ли? — подхватил Рон. — Соуса, Флер?

Спеша услужить ей, он с такой силой сдернул со стола соусник, что тот взвился в воздух. Билл взмахнул палочкой, и выплеснувшийся соус, помедлив в воздухе, смиренно вернулся на свое место.

— Ты сове'гшенно как эта Тонкс, — сказала Рону Флер, закончив осыпать Билла благодарными поцелуями. — Она тоже вечно 'гоняет…

— Я приглашала к нам на сегодня голубушку Тонкс, — сообщила миссис Уизли, с ненужной силой опуская на стол блюдо с морковью и одаряя Флер свирепым взглядом, — но она не появится. Ты с ней в последнее время не разговаривал, Римус?

— Нет, я вообще мало с кем виделся, — ответил Люпин. — Но ведь Тонкс есть у кого погостить — какие-нибудь родные, не так ли?

— Хм-м, — произнесла миссис Уизли. — Может быть. На самом-то деле мне показалось, что девочка надумала провести это Рождество в одиночестве.

Она смотрела на Люпина с досадой, словно в том, что невесткой ее станет Флер, а не Тонкс, виноват был лишь он один. Гарри, глядя на Флер, подносившую Биллу на своей вилке кусочек индейки, думал, что битва, которую ведет миссис Уизли, проиграна ею еще в самом начале. Этот разговор напомнил ему, что у него есть связанный с Тонкс вопрос, с которым лучше всего обратиться к Люпину, — он знал о Патронусах все.

— У Тонкс изменился Патронус, — сказал Гарри. — Во всяком случае, по словам Снегга. Я и не знал, что такое бывает. Почему они вообще меняются?

Люпин помолчал, жуя и проглатывая кусок индейки, потом неторопливо ответил:

— Случается иногда… сильное потрясение… всплеск чувств…

— Он такой крупный с виду, на четырех ногах, — начал Гарри, но тут его поразила внезапная мысль, и он понизил голос: — Постойте… А это не мог быть?..

— Артур! — воскликнула вдруг миссис Уизли. Она вскочила со стула, прижала к груди руки и уставилась в окно кухни. — Артур, там Перси!

— Что?

Миссис Уизли огляделась вокруг. Все мгновенно повернулись к окну, Джинни встала, чтобы получше все разглядеть. Действительно, по заснеженному двору вышагивал Перси Уизли, его очки в роговой оправе поблескивали на солнце. Впрочем, он был не один.

— Артур, он… он с министром!

И верно, по пятам за Перси шел, слегка прихрамывая, человек, которого Гарри видел в «Ежедневном пророке», — грива седеющих волос, черный, припорошенный снегом плащ. Прежде чем кто бы то ни было успел произнести хоть слово, прежде чем мистер и миссис Уизли смогли обменяться ошеломленными взглядами, задняя дверь отворилась и на пороге кухни возник Перси.

Последовал миг мучительного молчания. Затем Перси натужно промолвил:

— С Рождеством, матушка.

— О, Перси! — выдохнула миссис Уизли и бросилась сыну на грудь.

Руфус Скримджер замер в дверном проеме, опираясь на трость и с улыбкой наблюдая за трогательной сценой.

— Прошу простить мне это вторжение, — сказал он, когда сияющая миссис Уизли, вытирая

слезы, перевела взгляд на него. — Мы с Перси оказались неподалеку — дела, знаете ли, — и он не смог удержаться от того, чтобы заглянуть сюда, повидаться со всеми вами.

Однако никакого желания поприветствовать остальных родственников Перси не проявлял. Он стоял, словно аршин проглотив, и смотрел поверх голов всех присутствующих. Мистер Уизли, Фред и Джордж холодно уставились на него.

— Прошу вас, министр, входите, садитесь! — залепетала миссис Уизли, поправляя шляпу. — Кусочек индейки или пудинга… то есть я…

— Нет-нет, дорогая Молли, спасибо, — сказал Скримджер. Гарри сразу догадался, что ее имя он выяснил у Перси перед тем, как войти в дом. — Не хочу вам мешать, да меня бы и не было здесь, если бы Перси так не жаждал увидеться с вами…

— О, Перси! — со слезой в голосе произнесла миссис Уизли и потянулась к сыну с поцелуями.

— Мы всего лишь на пять минут, так что я, пожалуй, прогуляюсь по саду, чтобы не мешать вам и Перси. Нет-нет, угощать меня не надо! Ну-с, если кто-нибудь согласится показать мне этот очаровательный сад… А, вон тот молодой человек, кажется, все уже съел, может быть, он со мной и пройдется?

Атмосфера за столом ощутимо изменилась. Все переводили взгляды со Скримджера на Гарри и обратно. Попытка Скримджера притвориться, будто он не узнал Гарри, никого, похоже, не обманула, как никто не счел совершенно естественным и то, что именно Гарри выпала честь сопровождать министра по саду — тарелки Джинни, Фреда и Джорджа тоже были уже пусты.

— Да, разумеется, — сказал Гарри в наступившей тишине.

Он все прекрасно понял. Что бы ни рассказывал Скримджер о том, как они оказались неподалеку, да как Перси захотелось повидаться с семьей, истинная причина их появления состояла в том, что Скримджеру нужно было побеседовать с Гарри с глазу на глаз.

— Все в порядке, — сказал он, проходя мимо Люпина, уже наполовину привставшего со стула. — Все в порядке, — повторил он, когда мистер Уизли приоткрыл рот, собираясь что-то сказать.

— Превосходно! — Скримджер отступил в сторону, чтобы пропустить Гарри. — Мы просто пройдемся по саду, а потом отправимся дальше — Перси и я. Продолжайте вашу трапезу, прошу вас.

Гарри шел по двору к заросшему, покрытому

снегом саду семейства Уизли, Скримджер, легко прихрамывая, шагал вровень с ним. До недавнего времени, как было известно Гарри, он возглавлял Управление мракоборцев; человек крутой, видавший виды, Скримджер нисколько не походил на дородного Фаджа с его котелком.

— Очаровательно, — промолвил Скримджер, останавливаясь у садовой ограды и озирая заснеженное пространство сада с едва различимыми в нем растениями. — Очаровательно.

Гарри промолчал. Он ощущал на себе взгляд Скримджера.

— Мне давно уже хотелось познакомиться с вами, — сказал Скримджер. — Вам это известно?

— Нет, — чистосердечно ответил Гарри.

— Да-да, очень давно. Однако Дамблдор вас так оберегал, — продолжал Скримджер. — Что, разумеется, естественно — естественно после всего, что вам пришлось пережить… и особенно после событий в Министерстве…

Он замолчал, ожидая ответа, но Гарри не ответил, и Скримджер заговорил снова:

— Я искал возможности побеседовать с вами с того дня, как занял мой нынешний пост, но Дамблдор… впрочем, его можно понять… мне таковой не предоставил.

Гарри молчал, ожидая, что будет дальше.

— Какие только слухи о вас не ходят! — продолжал Скримджер. — Но, конечно, мы с вами понимаем все эти россказни полны домыслов… разговоры о пророчестве… о вашей избранности…

«Так, — подумал Гарри, — вот мы и подобрались к настоящей причине появления Скримджера».

— Я полагаю, Дамблдор обсуждал с вами все это?

Гарри замешкался, прикидывая, что лучше — соврать или не соврать. Он смотрел на маленькие, густо усеявшие клумбы следы гномов, на снежный покров, разворошенный там, где Фред изловил гнома, сидевшего теперь в балетной пачке на верхушке рождественской елки. И наконец решил сказать правду… вернее, часть ее.

— Да, мы об этом говорили.

— Говорили, говорили… — повторил Скримджер.

Краем глаза Гарри видел, что министр, сощурившись, вглядывается в него, и потому притворился, будто его страшно заинтересовал гном, только что высунувший голову из-под заледеневшего куста рододендрона.

— И что же сказал вам Дамблдор, Гарри?

— Простите, но это наше дело, — ответил Гарри.

Он старался говорить как можно более дружелюбно, тон Скримджера тоже был легким и дружеским, когда он сказал:

— О, конечно, конечно, тут вопрос взаимного доверия, я вовсе не хочу, чтобы вы разглашали… нет-нет… да и так ли уж важно, действительно вы Избранный или нет?

На то, чтобы обдумать эти слова, у Гарри ушло несколько секунд, наконец он ответил:

— Я не вполне понимаю, о чем идет речь, министр.

— Нет, разумеется, для вас это чрезвычайно важно, — с ухмылочкой сказал Скримджер. — Но для волшебного сообщества в целом… Тут ведь все зависит от восприятия, не так ли? От того, верят ли люди то, что это важно.

Гарри показалось, что он догадывался, пусть и смутно, о цели этого разговора, но помогать Скримджеру достичь ее ему нисколько не хотелось. Вылезший из-под рододендрона гном уже рылся в снегу, подбираясь в поисках червей к корням куста, и Гарри не отрывал от него взгляда.

— Понимаете, волшебники верят, что вы Избранный, — говорил Скримджер. — Они считают

вас настоящим героем, каковым вы, разумеется, и являетесь, Гарри, независимо от «избранности»! Сколько раз вы уже встречались лицом к лицу с Тем-Кого-Нельзя-Называть? Как бы там ни было, — не дожидаясь ответа, продолжил он, — суть в том, что для многих вы — символ надежды. Одна только мысль, что существует волшебник, способный, а возможно даже и предназначенный судьбой для того, чтобы уничтожить Того-Кого-Нельзя-Называть… Что ж, такая мысль воодушевляет людей. И я поневоле чувствую, что, осознав это, вы могли бы счесть… э-э… едва ли не своим долгом сотрудничество с Министерством, оказание ему всевозможной поддержки.

Гном исхитрился вцепиться в червя. Теперь он изо всех сил тянул бедолагу за хвост, норовя выдернуть его из промерзшей земли. Гарри молчал так долго, что Скримджер в конце концов произнес, переведя взгляд с него на гнома:

— Забавный народец, не правда ли? И все-таки, что вы мне ответите, Гарри?

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите, — медленно ответил Гарри. — «Сотрудничество с Министерством»… Что это значит?

— О, ничего столь уж обременительного, уве-

ряю вас, — сказал Скримджер. — Если бы вы смогли, к примеру, время от времени заглядывать в Министерство — так, чтобы вас видели входящим в него и выходящим, — это создало бы нужное нам впечатление. Ну и, разумеется, оказавшись там, вы получили бы прекрасную возможность побеседовать с Гавейном Робардсом, моим преемником в Управлении мракоборцев. Долорес Амбридж говорила мне, что вы мечтаете стать мракоборцем. Что ж, это очень легко устроить…

У Гарри заколoло под ложечкой от гнева: выходит, Долорес Амбридж по-прежнему работает в Министерстве, вот оно как?

— Попросту говоря, — сказал он, как бы стремясь уточнить несколько неясных моментов, — вам нужно создать впечатление, что я работаю на Министерство?

— Все были бы только рады узнать, что вы подключились к нашей работе. — Скримджер явно испытывал облегчение от того, что ему удалось так быстро поладить с Гарри. — Вы же понимаете, Избранный, важно внушить людям надежду, ощущение, что происходит нечто значительное, волнующее.

— Но если я начну мелькать в Министерстве, —

сказал Гарри, все еще ухитряясь сохранять дружеский тон, — не подумают ли люди, что я одобряю его деятельность?

— Ну, — Скримджер слегка нахмурился, — в общем, да, отчасти к этому мы и…

— Нет, думаю, так не пойдет, — приятно улыбаясь, сказал Гарри. — Видите ли, кое-что из того, что делает Министерство, мне совсем не нравится. Например, арест Стэна Шанпайка.

Несколько секунд Скримджер молчал, но выражение его лица изменилось мгновенно.

— Я и не ожидал, что вы нас поймете, — сказал он, с куда меньшим успехом, чем Гарри, скрывая свой гнев. — Времена настали опасные, и они вынуждают нас принимать определенные меры. Вам только шестнадцать лет…

— Дамблдору куда больше шестнадцати, но он тоже считает, что Стэна не следует держать в Азкабане, перебил его Гарри. — Вы сделали из Стэна козла отпущения, а из меня пытаетесь сделать талисман на счастье.

Долгое время они смотрели друг другу в глаза, сурово и холодно. В конце концов Скримджер уже без напускной теплоты сказал:

— Понятно. Вы предпочитаете, как и ваш кумир, Дамблдор, держаться от Министерства

подальше?

— Я не хочу, чтобы меня использовали, — ответил Гарри.

— Найдется немало людей, которые скажут, что приносить Министерству пользу — это ваш долг!

— Конечно, а другие скажут, что ваш долг — проверять, действительно ли те, кого вы сажаете в тюрьму, это Пожиратели смерти, — выйдя наконец из себя, сказал Гарри. — Вы поступаете точь-в-точь, как Барти Крауч. Вы и ваши люди так и не научились толково делать свое дело. А мы получаем либо Фаджа, который притворяется, будто все прекрасно, пока у него под носом убивают людей, либо вас, который сажает в тюрьму не тех, кого следует, и делает вид, что на вас работает Избранный!

— Так вы все же не Избранный? — осведомился Скримджер.

— По-моему, вы сказали, что это не важно, — с горьким смешком ответил Гарри. — Во всяком случае для вас.

— Мне не следовало так говорить, — торопливо проговорил Скримджер. — Это было бестактно…

— Отчего же? Всего лишь честно, — отозвался Гарри. — Одна из немногих искренних фраз, которые вы сказали. Вам все равно, жив я или

мертв, вам нужно, чтобы я помог уверить всех, будто вы побеждаете в войне с Волан-де-Мортом. Я не забыл, министр…

Он поднял повыше правую руку. На холодной коже светились белые шрамы, которые Долорес Амбридж заставила Гарри вырезать на своей плоти: «Я не должен лгать».

— Я как-то не припоминаю, чтобы вы поспешили защитить меня, когда я твердил всем, что Волан-де-Морт вернулся. В прошлом году Министерство вовсе не стремилось подружиться со мной.

Они постояли в молчании, таком же ледяном, как земля под их ногами. Гном, которому удалось наконец вытащить червя, с великим удовольствием посасывал его, прислонясь к нижним веткам рододендрона.

— Что там затеял Дамблдор? — отрывисто поинтересовался Скримджер. — Куда он исчезает, почему отлучается из Хогвартса?

— Понятия не имею, — ответил Гарри.

— А и имели бы, так мне бы не сказали, — заметил Скримджер, — ведь так?

— Нет, не сказал бы, — подтвердил Гарри.

— Ну что же, посмотрим, не удастся ли мне отыскать иные средства, чтобы выяснить это.

— Попробуйте, — безразлично сказал Гарри. — Впрочем, вы, похоже, умнее Фаджа, и думаю, его ошибки могли вас кое-чему научить. Он попытался вмешаться в дела Хогвартса. Возможно, вы заметили, что он больше уже не министр, а Дамблдор так и остался дирек-тором школы. Я бы на вашем месте его не трогал.

Наступило долгое молчание.

— Ну-с, для меня совершенно ясно, что он прекрасно потрудился над вами, — сказал наконец Скримджер, холодно взирая на Гарри сквозь очки в проволочной оправе. — Вы целиком и полностью человек Дамблдора, Гарри, так?

— Да, так, — ответил Гарри. — Рад, что мы это выяснили.

И, повернувшись к министру спиной, он направился к дому.

Глава 17

ПРОВАЛЫ В ПАМЯТИ

Через несколько дней после Нового года, под вечер, Гарри, Рон и Джинни выстроились у кухонного очага, собираясь вернуться в Хогвартс. Министерство организовало по Сети летучего пороха одностороннюю связь, позволявшую ученикам быстро и безопасно возвращаться в школу. Прощаться с ними, кроме миссис Уизли, было некому: мистер Уизли, Фред, Джордж, Билл и Флер ушли на работу. В миг расставания миссис Уизли залилась слезами. Все уже заметили, что в последнее время расплакаться ей почти ничего не стоило — с самого дня Рождества, когда Перси вылетел из дома в очках, заляпанных протертым пастернаком (достижение, которое приписывали себе одновременно Фред, Джордж и Джин-ни), она пускала слезу по любому поводу.

— Не плачь, мама, — сказала Джинни, поглаживая по спине орошавшую ей слезами плечо миссис Уизли. — Все хорошо…

— Да, за нас не волнуйся, — прибавил Рон, позволяя матери влепить ему в каждую щеку по

мокрому поцелую, — и из-за Перси тоже. Он такая задница, что без него даже лучше, правда?

Миссис Уизли, заключив в объятия Гарри, зарыдала еще сильнее.

— Обещай мне, что будешь осторожен… что не станешь лезть на рожон…

— Так я всегда осторожен, миссис Уизли, — сказал Гарри. — Вы же знаете, я люблю жизнь тихую, спокойную.

Миссис Уизли, усмехнувшись сквозь слезы, на шаг отступила от них.

— Ну ладно, будьте умницами. Вы все… Гарри вошел в изумрудное пламя и крикнул:

— Хогвартс!

Перед тем как пламя поглотило его, он успел еще в последний раз увидеть кухню и залитое слезами лицо миссис Уизли, потом его закружило все быстрее, быстрее, перед глазами замелькали жилища других волшебников, пропадавшие из виду прежде, чем он успевал приглядеться к ним, наконец вращение замедлилось, и вот он уже твердо стоит на ногах в камине кабинета, принадлежавшего профессору МакГонагалл. Когда Гарри выбрался из камина, она на миг оторвала взгляд от лежавших перед ней бумаг.

— Добрый вечер, Поттер. Постарайтесь не слиш-

ком засыпать пеплом ковер.

— Хорошо, профессор.

Пока Гарри поправлял на носу очки и приглаживал волосы, в камине возник, вращаясь, Рон. А после того как появилась и Джинни, все трое покинули кабинет МакГонагалл и направились к башне Гриффиндора. Шагая по коридору, Гарри поглядывал в окна; солнце уже опускалось к земле, покрытой снегом куда более глубоким, чем тот, что укутал садик Уизли. Гарри различил вдали Хагрида, кормившего перед своей хижиной Клювокрыла.

— Елочные шарики, — уверенно сказал Рон, когда они добрались до Полной Дамы. Дама была немного бледнее обычного и поморщилась от его громкого голоса.

— Нет, — сказала она.

— Что еще за «нет»?

— Пароль сменился, — ответила Полная Дама. — И не кричи, пожалуйста.

— Но нас здесь не было, откуда же нам…

— Гарри! Джинни!

К ним торопливо приближалась раскрасневшаяся Гермиона, в плаще, шляпе и перчатках.

— Я уже часа два как вернулась, выходила навестить Хагрида и Клю… то есть Махаона, —

переводя дыхание, сказала она. — Рождество хорошо провели?

— Да, — тут же ответил Рон, — столько всего случилось. Руфус Скрим…

— У меня для тебя кое-что есть, Гарри, — сказала Гермиона, не взглянув на Рона и словно даже не услышав его. — Да, постой-ка, пароль. Трезвенность.

— Вот именно, — отозвалась слабым голосом Полная Дама и повернулась, открыв дыру в портрете.

— Что это с ней? — спросил Гарри.

— Судя по виду перебрала на Рождество, — округлив глаза, ответила Гермиона и первой вошла в уже заполненную учениками общую гостиную. — Выхлебала со своей приятельницей Виолеттой все вино, какое смогла найти на картине с пьянствующими монахами, той, что в коридоре Заклинаний. Как бы там ни было…

Она порылась в кармане и вытащила пергаментный свиток, надписанный рукой Дамблдора.

— Отлично, — сказал Гарри, быстро развернув его и обнаружив, что очередной урок Дамблдора назначен на следующий вечер. — У меня найдется, что ему порассказать… и тебе тоже. Давай

сядем…

Но тут раздался громкий вопль: «Бон-Бон!» — и выскочившая невесть откуда Лаванда Браун бросилась в объятия Рона. Кое-кто из наблюдавших эту сцену захихикал; Гермиона, звонко хохотнув, сказала:

— Вон там свободный стол… Ты с нами, Джинни?

— Нет, спасибо, я обещала Дина встретить, — ответила Джинни, и Гарри невольно отметил, что в ее голосе нет особого энтузиазма. Оставив Рона с Лавандой в подобии вертикальной борцовской позиции, Гарри повел Гермиону к никем пока не занятому столу.

— Как провела Рождество?

— Да неплохо. — Она пожала плечами. — Ничего особенного. А как все прошло у Бон-Бона?

— Сейчас расскажу, — пообещал Гарри. — Послушай, Гермиона, ты не могла бы?..

— Нет, не могла бы, — отрезала она. — Даже и не проси.

— Я думал, может… ну, ты понимаешь, после Рождества…

— Это Полная Дама выдула бочку пятисотлетнего вина, Гарри, не я. Так какие важные новости ты мне хотел сообщить?

Она выглядела в эту минуту слишком разгневанной, чтобы препираться с ней, поэтому о Роне Гарри больше заговаривать не стал и пересказал ей подслушанный им разговор Малфоя со Снеггом.

Когда он закончил, Гермиона немного помолчала, размышляя, потом спросила:

— Ты не думаешь…

— Что, предлагая помощь, он притворялся, хотел обмануть Малфоя и выведать, чем тот занят?

— Ну в общем, да, — сказала Гермиона.

— Отец Рона и Люпин тоже так считают, — нехотя признал Гарри. — Но ведь из их разговора явно следует: Малфой что-то задумал, ты не можешь этого отрицать.

— Нет, не могу, — медленно отозвалась она.

— И действует он по приказу Волан-де-Морта, как я и говорил!

— м-м-м… а имя Волан-де-Морта кто-нибудь из них упоминал?

Гарри нахмурился, стараясь как следует все припомнить.

— Не уверен… Но Снегг точно произнес слова «твой хозяин», а кем еще может быть этот «хозяин»?

— Не знаю, — покусывая губу, сказала Гермио-

на. — Скажем, отцом Драко?

Она смотрела в другой конец комнаты, явно уйдя в свои мысли и даже не замечая щекочущую Рона Лаванду.

— А как Люпин?

— Да не очень, — ответил Гарри и рассказал ей о работе Люпина среди оборотней и о трудностях, с которыми он столкнулся. — Ты когда-нибудь слышала об этом Фенрире Сивом?

— Еще бы! — вскричала Гермиона, и в голосе ее прозвучал испуг. — И ты тоже слышал, Гарри!

— Где, на уроках истории магии? Ты же знаешь, я редко прислушиваюсь…

— Нет, не на уроках — Малфой грозил им Горбину! — воскликнула Гермиона. — Помнишь, в Лютном переулке? Сказал, что Сивый — старый друг их семьи, что он будет следить за успехами Горбина!

Гарри, разинув рот, уставился на нее:

— Совсем забыл! Но ведь это доказывает, что Малфой — Пожиратель смерти, иначе как бы он мог связаться с Сивым, да еще и командовать им?

— Да, очень подозрительно, — почти прошептала Гермиона. — Если только…

— Да брось ты, — раздраженно сказал Гарри, —

уж этого-то ты никак объяснить не сможешь!

— Ну… не исключено, что его слова были всего лишь пустой угрозой.

— Знаешь, ты просто невероятна, — покачивая головой, сказал Гарри. — Ладно, потом увидим, кто из нас прав… Тебе еще придется извиниться за свои слова, Гермиона, точь-в-точь как Министерству. Ах да, я, кроме всего прочего, и с Руфусом Скримджером поссорился…

Остаток вечера они провели, дружно костеря министра магии, ибо Гермиона, как и Рон, считала, что после всего пережитого Гарри в прошлом году по вине Министерства просить у него помощи — просто наглость с их стороны.

Новый семестр начался на следующее утро с приятного для шестикурсников сюрприза — кто-то приколол ночью к доске объявлений в гостиной большой лист, на котором значилось:

> УРОКИ ТРАНСГРЕССИИ
>
> Если вам уже исполнилось семнадцать лет или исполнится до 31 августа, вы вправе пройти двенадцатинедельный курс обучения трансгрессии, ко¬торый будет вести назначенный Министерством магии инструктор.

Желающих принять участие просим расписать¬ся ниже.

Плата за обучение: 12 галеонов.

Гарри с Роном присоединились к небольшой кучке тех, кто собрался у доски объявлений и поочередно расписывался внизу листа. Рон как раз вынимал перо, чтобы поставить свое имя под именем Гермионы, когда подобравшаяся к нему сзади Лаванда за-крыла Рону глаза ладонями и взвизгнула:

— Угадай кто, Бон-Бон!

Гарри, отвернувшись от них, увидел уходившую Гермиону и присоединился к ней, не желая оставаться рядом с Роном и Лавандой, но, к его удивлению, Рон нагнал их сразу за портретным проемом — уши его горели, лицо было сердитым. Гермиона, не произнеся ни слова, ускорила шаг и присоединилась к Невиллу.

— Так, значит, трансгрессия, — сказал Рон, и по тону его было совершенно ясно, что Гарри лучше о случившемся не упоминать. — Наверное, весело будет, а?

— Не знаю, — ответил Гарри. — Может, делая это сам, чувствуешь себя и получше, но когда меня брал с собой Дамблдор, я никакого удоволь-

ствия не получал.

— Да, я и забыл, ты же уже трансгрессировал. Хорошо бы пройти испытания с первого раза. — На лице у Рона появилось озабоченное выражение. — У Фреда с Джорджем это получилось.

— Зато Чарли провалился, верно?

— Чарли крупнее меня, — Рон свесил руки вдоль тела, совсем как горилла, — так что Фред с Джорджем на его счет особенно не прокатывались… Во всяком случае, при нем.

— А когда мы сможем пройти настоящие испытания?

— Когда нам стукнет семнадцать. Мне осталось только марта дождаться!

— Но в замке ты все равно трансгрессировать не сможешь.

— Ну и пусть. Зато все будут знать, что я могу трансгрессировать, если захочу.

Будущие занятия трансгрессией взволновали не только Рона. Все разговоры в этот день вращались вокруг предстоящих уроков, на возможность исчезать и появляться по собственному желанию возлагались большие надежды.

— Вот будет клево, когда мы сможем просто… — Симус прищелкнул пальцами, изображая исчезновение. — Мой кузен Фергюс делает это,

просто чтобы позлить меня, но ничего, он у меня дождется, я ему минуты покоя не дам!

Картины счастливого будущего так его увлекли, что он с излишним воодушевлением взмахнул волшебной палочкой и, вместо того чтобы соорудить фонтанчик чистой воды — такое задание получили они в тот день на уроке заклинаний, — создал струю, которая, как из брандспойта, ударила в потолок и окатила профессора Флитвика.

— А Гарри уже трансгрессировал, — сказал Рон сконфуженному Симусу после того, как профессор флитвик одним взмахом собственной палочки осушил себя и заставил Симуса несколько раз написать: «Я волшебник, а не бабуин с волшебной палочкой». — Дам… э-э… один человек брал его с собой. Ну, знаешь, парная трансгрессия.

— Ух ты! — прошептал Симус и вместе с Дином и Невиллом склонился к Гарри, чтобы услышать от него, что ощущает трансгрессирующий человек.

Шестикурсники до самого вечера приставали к Гарри с расспросами. Все они, похоже, испытывали скорее благоговейный восторг, чем страх, услышав, какие при этом ощущаешь неудобства. Когда часы показали без десяти восемь, Гарри все еще продолжал отвечать на дотошные вопросы

и, чтобы поспеть на урок к Дамблдору, вынужден был наврать, будто ему нужно вернуть книгу в библиотеку.

В кабинете Дамблдора горели все лампы, на портретах тихо похрапывали в своих рамах прежние директора школы, Омут памяти стоял в полной готовности на столе. Ладони Дамблдора лежали по сторонам Омута, правая по-прежнему была черна, точно обугленная. Казалось, она нисколько не поправилась, и Гарри в сотый раз подумал, что могло причинить такое увечье, но спрашивать не стал. Дамблдор сказал уже, что со временем он об этом узнает, а кроме того, Гарри хотелось обсудить с ним другую тему. Но прежде чем он успел заикнуться о Снегге и Малфое, Дамблдор спросил:

— Я слышал, ты встречался на Рождество с министром магии?

— Да, — ответил Гарри. — И он остался мной не очень доволен.

— Не очень, — вздохнул Дамблдор. — Впрочем, он недоволен и мной. Однако мы не вправе упиваться нашими неприятностями, мы должны продолжать борьбу.

Гарри усмехнулся:

— Он хотел, чтобы я внушил всем волшебни-

кам, будто Министерство отлично справляется со своей работой.

Дамблдор улыбнулся:

— Вообще говоря, это идея Фаджа. В последние дни на посту министра, когда он отчаянно цеплялся за власть, Фадж подумывал о встрече с тобой, надеялся, что ты окажешь ему поддержку.

— После всего, что Фадж натворил в прошлом году? — сердито спросил Гарри. — После Амбридж?

— Я говорил Корнелиусу, что шансов у него никаких, однако мысль эта уцелела и после того, как он лишился должности. Я увиделся со Скримджером всего через несколько часов после его назначения, и он потребовал, чтобы я устроил ему встречу с тобой.

— Так вот из-за чего вы поругались! — выпалил Гарри. — Я читал об этом в «Ежедневном пророке».

— И «Пророку» случается иногда сообщать правду, — сказал Дамблдор, — пусть даже ненароком. Да, поругались мы именно из-за этого. Похоже, Руфус нашел все-таки возможность загнать тебя в угол.

— Он обвинил меня в том, что я «целиком и полностью человек Дамблдора».

— Как грубо.

— А я ответил ему, что так оно и есть. Дамблдор хотел что-то сказать, но промолчал. За спиной Гарри негромко и музыкально вскрикнул Фоукс, феникс Дамблдора. К своему большому смущению, Гарри увидел вдруг, что в голубых глазах Дамблдора стоят слезы, и торопливо уткнулся взглядом в свои колени. Но когда Дамблдор заговорил, голос его звучал твердо:

— Я очень тронут, Гарри.

— Скримджер хотел узнать, куда вы отлучаетесь из Хогвартса, — сказал Гарри, все еще не отрывая глаз от колен.

— Да, ему очень хочется выведать это, — сказал Дамблдор, теперь уже весело, отчего Гарри решил, что может поднять на него взгляд. — Он даже пытался проследить за мной. В сущности, получилось довольно забавно. Он приставил ко мне Долиша. Это был недобрый поступок. Однажды мне уже пришлось оглушить Долиша заклятием, теперь я вынужден был проделать это еще раз, и с гораздо большим сожалением.

— Значит, они так и не знают, куда вы исчезаете? — спросил Гарри. В душе его вспыхнула было надежда проникнуть наконец в эту тайну, но Дамблдор лишь улыбнулся, глядя на него поверх

очков-половинок.

— Нет, не знают, да и тебе еще не время узнать об этом. Ладно, давай займемся делом, если, конечно, ты ничего больше не хочешь…

— Вообще-то хочу, сэр, — сказал Гарри. — Это касается Малфоя и Снегга.

— Профессора Снегга, Гарри.

— Да, сэр. Я подслушал их разговор на вечеринке у профессора Слизнорта… По правде говоря, я за ними следил…

Пока Гарри рассказывал, лицо Дамблдора оставалось бесстрастным. Когда же он закончил, Дамблдор несколько секунд помолчал, а затем произнес:

— Спасибо, что рассказал мне, Гарри, однако я советую тебе выбросить это из головы. Не думаю, что тут есть что-нибудь настолько уж важное.

— Настолько уж важное? — не поверив своим ушам, повторил Гарри. — Профессор, вы разве не поняли…

— Я наделен от природы редким умом и потому понял все, что ты мне сказал, — с легким раздражением ответил Дамблдор. — Ты мог бы даже предположить, что, возможно, я понял больше твоего. Повторяю: я рад, что ты доверился мне, однако знай, ты не сказал ничего, что могло бы

меня встревожить.

Гарри молча смотрел на Дамблдора, хоть внутри у него все кипело. Что происходит? Означает ли это, что Дамблдор и вправду велел Снеггу выведать замыслы Малфоя — и тогда все, что рассказал ему Гарри, он уже знает от Снегга? Или подозрения Гарри по-настоящему встревожили старого волшебника, и он лишь делает вид, что это не так?

— Сэр, — осведомился Гарри вежливо, как он надеялся, и спокойно, — вы по-прежнему доверяете…

— Мне хватило терпения уже ответить на этот вопрос однажды, — отозвался Дамблдор с интонацией, по которой было ясно, что терпение его подходит к концу. — И ответ мой остается прежним.

— Ну еще бы! — раздался язвительный голос — судя по всему, Финеас Найджелус лишь притворялся спящим. Дамблдор не обратил на него внимания.

— А теперь, Гарри, мне придется настоять на том, чтобы мы перешли к делу. Я должен обсудить с тобой очень серьезные вещи.

Гарри так и подмывало взбунтоваться. Интересно, что произойдет, если он откажется сменить

тему, если будет упорствовать в своих обвинениях против Малфоя? Дамблдор, словно прочитав его мысли, покачал головой:

— Ах, Гарри, как часто такое случается даже между лучшими друзьями! Каждый из нас уверен, будто может сказать что-то гораздо более важное, чем все, о чем думает другой!

— Я вовсе не считаю то, что вы собираетесь мне сказать, не важным, сэр, — глухо ответил Гарри.

— И ты совершенно прав, — оживленно заговорил Дамблдор. — Я хочу показать тебе сегодня еще два воспоминания. Я добыл их с огромным трудом, и второе из них, по-моему, важнее всего, что мне удалось собрать.

Гарри ничего не сказал; он все еще был сердит на то, как старый волшебник отнесся к его информации, но в дальнейших пререканиях смысла не видел.

— Итак, — звенящим голосом продолжал Дамблдор, — мы встретились сегодня, чтобы поговорить об истории Тома Реддла. На прошлом уроке мы оставили его накануне поступления в Хогвартс. Ты помнишь, как взволновался Реддл, услышав, что он волшебник, как отказался от моего общества при посещении Косого переулка, и помнишь, как я пре-достерег его, сказав, что в

школе с воровством придется покончить.

Так вот, в школе начался новый учебный год, а вместе с ним явился и Том Реддл, тихий мальчик, вставший в ожидании распределения в ряд с другими первокурсниками. Распределяющая шляпа, едва коснувшись головы Реддла, отправила его в Слизерин. — Дамблдор повел почерневшей рукой в сторону висевшей над ним полки, на которой покоилась древняя Распределяющая шляпа. — Как быстро Реддл узнал, что прославленный основатель этого факультета умел разговаривать со змеями, мне не известно, — возможно, в тот же вечер. Эта новость взволновала его и еще сильнее укрепила в нем ощущение собственной значимости.

Впрочем, если он и запугивал своих однокашников-слизеринцев или пытался поразить их, демонстрируя в общей гостиной способности змееуста, преподаватели ничего об этом не знали. Никаких признаков надменности или агрессивности он не проявлял. Преподаватели с первого дня относились к этому необычайно одаренному и красивому сироте с вниманием и сочувствием. Он казался вежливым, спокойным и жаждущим знаний. Почти на всех он производил очень приятное впечатление.

— А вы не рассказывали им, сэр, каким увидели его в сиротском приюте? — спросил Гарри.

— Нет, не рассказывал. Никакого раскаяния в нем заметно не было, но ведь существовала вероятность, что он сожалеет о своем прежнем поведении и надумал начать жизнь заново, с чистого листа. Вот я и решил дать ему такой шанс.

Дамблдор умолк и вопросительно посмотрел на Гарри, открывшего было рот, собираясь высказаться. Вот она, вечная склонность Дамблдора доверять людям, несмотря на множество доказательств того, что никакого доверия они не заслуживают! Но тут Гарри кое-что вспомнил…

— Но ведь по-настоящему вы ему не доверяли, сэр, правда? Он говорил мне… Реддл, явившийся из того дневника, сказал мне о вас: «Ему я никогда не нравился, как другим учителям».

— Скажем так: то, что ему можно доверять, я само собой разумеющимся не считал, — ответил Дамблдор. — Я решил не спускать с него глаз — и не спускал. Не стану притворяться, поначалу мои наблюдения многого мне не дали. Реддл был очень осторожен со мной, понимал, я в этом не сомневаюсь, что из-за возбуждения, охватившего его, когда он узнал о своей подлинной сущности, сказал мне несколько больше, чем

следовало. В дальнейшем он старался многого не рассказывать, однако того, что в минуту волнения сорвалось с его языка, взять обратно уже не мог. Как и того, что поведала мне миссис Коул. Впрочем, ему хватало ума не пытаться очаровать меня, как очаровал он многих моих коллег.

Переходя с курса на курс, он собрал вокруг себя компанию преданных друзей. Я называю их так потому, что не могу подобрать более точного слова, хотя ни к кому из них Реддл не был особенно привязан. От этих учеников веяло каким-то мрачным обаянием. Компания была пестрая — слабые мальчики, нуждавшиеся в защите, честолюбцы, стремившиеся к славе, и склонные к насилию люди, которым нужен был заводила, способный обучить их более изощренным формам жестокости. Иными словами, то были предшественники Пожирателей смерти и некоторые из них, покинув Хогвартс, как раз первыми Пожирателями смерти и стали.

Реддл держал их в ежовых рукавицах, так что ни в каких явных прегрешениях они замечены не были, хотя за семь проведенных ими в Хогвартсе лет случилось немало прескверных происшествий, которые, впрочем, надежно связать с ними не удалось. Самым серьезным стало открытие

Тайной комнаты, приведшее к смерти девочки. Как ты знаешь, в этом преступлении ошибочно обвинили Хагрида.

Мне не удалось собрать большого количества воспоминаний о том, каким Реддл был во время учебы в Хогвартсе, — продолжал Дамблдор, укладывая почерневшую ладонь на Омут памяти. — Лишь немногие из тех, кто знал его в ту пору, готовы были хоть что-то о нем рассказать, в большинстве своем они оказались слишком запуганными. Все, что я знаю, было получено мной уже после того, как он покинул Хогвартс, и потребовало кропотливой работы: нужно было найти людей, которых можно разговорить хотя бы хитростью, отыскать старые документы, опросить свидетелей — и маглов, и волшебников.

Те, кого мне удалось склонить к беседе, рассказали, что Реддл был одержим своей родословной. Да оно и понятно — Реддл вырос в сиротском приюте и, естественно, стремился узнать, как он туда попал. Он тщетно пытался найти какие-либо следы Тома Реддла Старшего — на щитах Зала Славы, в списках прежних старост школы, даже в книгах по истории волшебства. В конце концов ему пришлось смириться с мыслью, что его отец никогда в Хогвартсе не учился. Думаю, тогда-то он

и отказался от прежнего имени, выдумал лорда Волан-де-Морта и занялся исследованием материнской линии. Если ты помнишь, он считал, что его мать не могла быть волшебницей, поскольку она не устояла перед постыдной человеческой слабостью — перед смертью.

Реддл мог опереться на одно-единственное имя — Марволо. От приютского начальства он знал, что так звали отца его матери. После долгого изучения старых, посвященных родословным волшебников книг он выяснил, что у рода Слизерина существуют потомки. В шестнадцатилетнем возрасте, летом, он оставил сиротский приют, в который всегда воз-вращался на каникулы, и отправился на поиски своих родственников, Мраксов. А теперь, Гарри, если ты встанешь…

Дамблдор поднялся, и Гарри снова увидел в его руке хрустальный флакончик, заполненный взвихренной жемчужной жидкостью — субстанцией памяти.

— То, что мне удалось раздобыть этот экземпляр, большая удача, — сказал Дамблдор, выливая мерцающее содержимое флакончика в Омут памяти. — Ты и сам поймешь это, когда мы его испробуем. Ну что же, начали?

Гарри подступил к каменной чаше и послушно

нагнулся, окунув лицо в воспоминания; его охватило знакомое чувство падения в пустоту, затем в почти непроглядной темноте он опустился на каменный пол.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, где он, а тем временем и Дамблдор приземлился рядом с ним. В доме Мраксов было необычайно грязно — грязнее места Гарри еще никогда не видел. Потолок покрывала плотная паутина, пол — глубоко въевшаяся сажа; на столе вперемешку с кучей немытых мисок и плошек валялись заплесневелые и гниющие объедки. Единственный свет давала оплывшая свеча, стоявшая у ног мужчины, чьи волосы и борода отросли до такой длины, что ни глаз его, ни рта Гарри различить не сумел. Мужчина сидел, обмякнув, в кресле у очага, и на миг Гарри почудилось, что он мертв. Но тут кто-то громко постучал в дверь, мужчина дернулся, просыпаясь, и поднял правую руку с зажатой в ней волшебной палочкой и левую — с коротким ножом.

Дверь со скрипом отворилась. На пороге, держа перед собой старомодный фонарь, стоял подросток, которого Гарри мгновенно узнал: высокий, бледный, темноволосый и красивый — юный Волан-де-Морт.

Взгляд Волан-де-Морта медленно прошелся по лачуге и остановился на сидевшем в кресле мужчине. Несколько секунд они вглядывались друг в друга, затем мужчина, покачиваясь, поднялся на ноги, отчего по полу с дребезгом и звоном покатились стоявшие у кресла пустые бутылки.

— ТЫ! — взревел мужчина. — ТЫ!

И он, взмахнув ножом и волшебной палочкой, бросился на Реддла.

— *Стой!*

Реддл произнес это на змеином языке. Мужчина затормозил и врезался в стол — на пол посыпалась заросшая плесенью посуда. Повисло долгое молчание, гость и хозяин разглядывали друг друга. Нарушил молчание хозяин:

— *Ты говоришь на нем?*

— Да, я на нем говорю, — ответил Реддл. Он вступил в комнату, отпустив дверь, и та захлопнулась за ним. Гарри невольно восхитился — страха Реддл решительно не ведал. Лицо его выражало лишь отвращение и разочарование.

— Где Марволо? — спросил он.

— Помер, — ответил хозяин дома. — Помер много годков назад, а то как же?

Реддл нахмурился.

— *Кто же тогда ты?*

— Морфин, кто же еще?

— Сын Марволо? — Ясное дело, сын, а…

Морфин отбросил волосы с грязной физиономии, чтобы получше вглядеться в Реддла, и Гарри увидел на пальце его правой руки кольцо с черным камнем.

— А я тебя за магла принял, — прошептал Морфин. — Здорово ты на того магла смахиваешь.

— Какого магла? — резко спросил Реддл.

— Магла, в которого сестра моя втюрилась, он тут в большом доме при дороге живет, — сказал Морфин и неожиданно сплюнул на пол между собой и гостем. — Ты на него здорово похож. На Реддла. Только он теперь постарше будет, нет? Постарше тебя, коли присмотреться…

Вид у Морфина был слегка пьяноватый, его пошатывало, чтобы удержаться на ногах, он цеплялся за край стола.

— Он, понимаешь, вернулся, — глупо прибавил Морфин.

Волан-де-Морт пристально глядел на Морфина, словно пытаясь оценить, на что тот способен. Затем он придвинулся поближе к Морфину и спросил:

— Значит, Реддл вернулся?

— Ага, бросил ее, и правильно, гнида такая,

мужа ей подавай! — сказал Морфин и снова плюнул на пол. — Обобрала нас, понял, перед тем как сбежать! Где медальон-то, а, медальон Слизеринов, где он?

Волан-де-Морт не ответил. Морфин снова распалился, взмахнул ножом и закричал:

— *Осрамила нас, потаскушка! А ты-то кто таков, заявился сюда, с вопросами лезешь? Все уж кончилось, нет, что ли?.. Все кончилось…*

Он глянул в сторону, покачнулся, Волан-де-Морт шагнул вперед. И едва он это сделал, как наступила неестественная тьма, поглотившая и фонарь Волан-де-Морта, и свечу Морфина, поглотившая все…

Пальцы Дамблдора крепко стиснули локоть Гарри, и оба снова всплыли в настоящее. После непроглядного мрака мягкий, золотистый свет Дамблдорова кабинета показался Гарри ослепительным.

— И это все? — быстро спросил Гарри. — Почему стало темно, что случилось?

— Потому что начиная с этого мгновения Морфин ничего больше не помнил, — ответил Дамблдор, жестом предлагая Гарри вернуться в кресло. — Проснувшись на следующее утро, он обнаружил, что валяется на полу, совсем один. А

перстень Марволо исчез.

Тем временем по главной улице деревушки Литтл-Хэнглтон уже бежала служанка, крича, что в гостиной большого дома лежат три трупа: Том Реддл Старший, его мать и отец.

Власти маглов недоумевали. Насколько мне известно, они и до сих пор не знают, от чего умерли Реддлы, — заклятие Авада Кедавра, как правило, никаких следов не оставляет… Исключение сидит передо мной, — прибавил Дамблдор, кивком указав на шрам Гарри. — С другой стороны, в Министерстве мгновенно поняли, что убийство совершено волшебником. Кроме того, там знали, что всего через Долину от дома Реддлов проживает заклятый враг маглов, уже сидевший однажды в тюрьме за нападение на одного из убитых.

И потому Министерство вызвало Морфина. Допрашивать его, применять сыворотку правды или легилименцию не было никакой необходимости. Он сразу с гордостью признался в убийстве, сообщив подробности, которые мог знать лишь виновник этого преступления. Он рад, сказал Морфин, что перебил этих маглов, он много лет дожидался такой возможности. Морфин сдал свою волшебную палочку, и сразу стало ясно, что Реддлы убиты с ее помощью. Затем он, не оказав

сопротивления, позволил отправить себя в Азкабан. Только одно его и беспокоило — пропавший перстень отца. «Он убьет меня, — снова и снова повторял своим тюремщикам Морфин. — Убьет за то, что я потерял кольцо». Судя по всему, ничего другого он так никогда и не сказал. Морфин провел остаток дней в Азкабане, оплакивая утрату последнего наследия Марволо, и был похоронен вблизи тюрьмы, рядом с другими скончавшимися в ее стенах несчастными.

— Выходит, Волан-де-Морт похитил палочку Морфина и воспользовался ею? — спросил Гарри, выпрямляясь в кресле.

— Совершенно верно, — ответил Дамблдор. — Воспоминаний, которые могли бы подтвердить это, у меня нет, но, думаю, мы вправе считать, что так оно и было. Волан-де-Морт оглушил своего дядю заклинанием, забрал его волшебную палочку и пересек долину, направившись в «большой дом при дороге». Там он убил магла, который бросил его мать, да заодно уж и своих дедушку с бабушкой, тоже маглов, уничтожив последних представителей презренного рода Реддлов и отомстив отцу, который не желал его знать. Затем вернулся в лачугу Мраксов, произвел довольно сложную магическую процедуру, населившую

разум его дяди ложными воспоминаниями, бросил волшебную палочку Морфина рядом с ее лежавшим в беспамятстве владельцем, прикарманил древнее кольцо и удалился.

— А Морфин так никогда и не понял, что ни в чем не виноват?

— Никогда, — подтвердил Дамблдор. — Он, как я уже сказал, сделал признание, полное и хвастливое.

— Но настоящие-то воспоминания все время оставались при нем!

— Верно, но, чтобы вытащить их из него, требовалась трудоемкая и искусная легилименция, — сказал Дамблдор, — а кому пришло бы в голову лезть в сознание Морфина, уже признавшегося в преступлении? Впрочем, в последние недели его жизни мне удалось добиться свидания с ним, к тому времени я уже пытался выяснить как можно больше о прошлом Волан-де-Морта. Я хоть и с трудом, но извлек из него настоящие воспоминания, а увидев их, попытался добиться его освобождения из Азкабана. Однако прежде чем Министерство успело принять решение, Морфин умер.

— Но как же в Министерстве не догадались, что все это сделал с Морфином Волан-де-Морт? —

сердито спросил Гарри. — Он же был в то время несовершеннолетним, так? Я думал, в Министерстве умеют обнаруживать магические действия несовершеннолетних.

— Ты совершенно прав, магические действия они обнаруживать умеют, однако не тех, кто их совершает. Вспомни-ка, Министерство обвинило тебя в использовании заклинания левитации, которое на деле применил…

— Добби, — проворчал Гарри; несправедливость этого обвинения по-прежнему терзала его. — Выходит, если ты несовершеннолетний и используешь магию в доме волшебника или волшебницы, в Министерстве об этом не узнают?

— Сказать, кто именно совершил волшебство, они определенно не смогут, — ответил Дамблдор и чуть улыбнулся, увидев, каким негодующим стало лицо Гарри. — Министерство уверено в том, что родители — волшебники или волшебницы — заставляют своих отпрысков соблюдать порядок, пока дети находятся в стенах родного дома.

— Что за чушь! — выпалил Гарри. — И посмотрите, что из этого вышло, что получилось с Морфином!

— Согласен, — сказал Дамблдор. — Каким бы ни был Морфин, он не заслужил такой смерти

— в тюрьме, обвиненным в убийстве, которого не совершал. Однако час уже поздний, а я хочу, чтобы ты, прежде чем мы разойдемся, посмотрел еще одно воспоминание…

Дамблдор извлек из внутреннего кармана новый флакончик, и Гарри сразу примолк, вспомнив слова Дамблдора о том, что это воспоминание самое важное из всех, какие ему удалось собрать. Гарри отметил, что содержимое флакончика выливается в Омут памяти неохотно, как будто оно слегка загустело — может быть, и воспоминания скисают?

— Это не займет много времени, — сказал Дамблдор, опорожнив наконец флакон. — Ты и опомниться не успеешь, как мы вернемся назад. Ну что же, еще один нырок в Омут памяти…

И Гарри вновь провалился под серебристую поверхность, на этот раз приземлившись перед человеком, которого сразу узнал.

То был гораздо более молодой Гораций Слизнорт. Гарри так привык к его лысине, что вид густых, блестящих соломенных волос Слизнорта привел его в полное замешательство. Голова профессора казалась накрытой соломенной крышей, хотя на самой макушке уже красовалась блестящая проплешина размером с галеон. Усы

Слизнорта, не такие пышные, как теперь, отливали светлой рыжиной. И дороден он был не так, как Слизнорт, которого знал Гарри, хоть золотые пуговицы его богато вышитого жилета явно испытывали сильное напряжение. Маленькие ступни Слизнорта покоились на бархатном пуфике, он сидел, откинувшись на высокую спинку уютного кресла, одна его рука сжимала винный бокальчик, другая перебирала в коробке засахаренные дольки ананаса.

Когда рядом с ним возник Дамблдор, Гарри огляделся по сторонам и понял, что они очутились в кабинете Слизнорта. Вокруг хозяина кабинета расположилось с полдюжины подростков, сиденья у всех были пониже и пожестче, чем у Слизнорта. Реддла Гарри узнал сразу. Он был и красивее прочих мальчиков, и вид имел наиболее непринужденный. Правая рука Реддла привольно лежала на подлокотнике его кресла; Гарри с внезапным потрясением увидел на ней золотое кольцо с черным камнем — перстень Марволо: Реддл уже убил своего отца.

— Сэр, а правда ли, что профессор Вилкост уходит в отставку? — спросил Реддл.

— Том, Том, даже если бы я знал это, то был бы не вправе сказать вам, — ответил Слизнорт,

укоризненно поводя пальцем с прилипшими сахарными крошками. Впрочем, впечатление, оставленное этим выговором, было отчасти подпорчено тем, что профессор тут же и подмигнул. — Должен признаться, я был бы не прочь выяснить, откуда вы черпаете ваши сведения, юноша; вам известно больше, чем половине преподавателей.

Реддл улыбнулся, остальные мальчики рассмеялись, бросая на него восхищенные взгляды.

— Что до вашей сверхъестественной способности узнавать то, чего вам знать не положено, равно как и до осмотрительной лести, с коей вы обращаетесь к людям, от которых многое зависит… Кстати, спасибо за ананасы, вы совершенно правы, это мое любимое…

кто-то из мальчиков снова захихикал, но тут произошло нечто странное. Всю комнату вдруг заволокло плотным белым туманом, в котором Гарри ничего, кроме лица стоявшего рядом с ним Дамблдора, различить не мог. Затем в тумане грянул неестественно громкий голос Слизнорта:

— … и пойдете по дурной дорожке, юноша, попомните мои слова.

Туман развеялся так же внезапно, как появился, при этом никто о нем ни словом не обмолвился,

как будто ничего необычного и не случилось. Гарри в замешательстве оглядел кабинет, маленькие золотые часы, стоявшие на письменном столе Слизнорта, отзвенели одиннадцать.

— Батюшки мои, неужто так поздно? — удивился Слизнорт. — Вам лучше идти, юноши, а то наживете неприятности. Лестрейндж, я рассчитываю получить от вас завтра утром письменную работу, иначе мне придется оставить вас после уроков. То же относится и к вам, Эйвери.

Пока мальчики покидали кабинет, Слизнорт выбрался из кресла и перенес пустой бокал на письменный стол. Реддл, впрочем, уходить не спешил. Гарри видел, что мешкает он намеренно, желая остаться со Слизнортом наедине.

— Живее, Том, — сказал Слизнорт, обернувшись и обнаружив, что Реддл все еще здесь. — Вы же не хотите, чтобы вас в неположенное время застали вне спальни, вы все-таки староста…

— Сэр, я хотел спросить вас кое о чем.

— Так спрашивайте, мой мальчик, спрашивайте…

— Сэр, я хотел бы знать, что вам известно о… о крестражах?

И снова произошло то же самое: комнату наполнил густой туман, в котором Гарри не видел

ни Слизнорта, ни Реддла — лишь Дамблдора, безмятежно улыбавшегося, стоя с ним рядом. И снова, совсем как в прошлый раз, грянул голос Слизнорта:

— Я не знаю о крестражах ничего, а если бы и знал, вам не сказал бы! А теперь немедленно убирайтесь отсюда и постарайтесь, чтобы я от вас ничего о них больше не слышал!

— Ну вот и все, — спокойно сказал Дамблдор. — Пора возвращаться.

Секунду спустя ноги Гарри ударились об пол — он снова стоял на ковре перед столом Дамблдора.

— И только? — тупо спросил он.

Дамблдор говорил, что это важнейшее воспоминание, а Гарри не понимал, что в нем особенного. Да, конечно, туман и то, что никто его, судя по всему, не заметил, — все это странно, но больше вроде бы ничего и не произошло, разве что Реддл задал вопрос и не смог получить на него ответа.

— Как ты, вероятно, заметил, — сказал, усаживаясь за стол, Дамблдор, — эти воспоминания немного подправлены.

— Подправлены? — повторил, тоже усаживаясь, Гарри.

— Вне всяких сомнений, — подтвердил Дамбл-

дор. — Профессор Слизнорт успел поработать над собственной памятью.

— Но зачем?

— Думаю, причина в том, что он стыдится этих воспоминаний, — ответил Дамблдор. — Он постарался переделать свою память и, чтобы предстать в более выгодном свете, затер те ее участки, которые не хочет мне показывать. Проделано это, как ты мог заметить, довольно топорно, но оно и к лучшему, поскольку доказывает, что подлинные воспоминания все еще целы, они лишь прикрыты переделками. И потому я в первый раз даю тебе домашнее задание, Гарри. Ты должен уговорить профессора Слизнорта показать свои подлинные воспоминания — они, несомненно, станут для нас самым важным источником сведений.

Гарри смотрел на Дамблдора во все глаза.

— Но, простите, сэр, — сказал он, стараясь, чтобы голос его прозвучал как можно уважительнее, — зачем вам я? Вы же можете использовать легилименцию… или сыворотку правды…

— Профессор Слизнорт — волшебник весьма одаренный, он наверняка предвидел обе эти возможности, — сказал Дамблдор. — Его способности по части окклюменции намного превышают те, какими обладал несчастный Морфин Мракс. Я

бы очень удивился, если бы всякий раз, как я принуждал профессора пропустить меня в свою память, он не принимал бы средства против сыворотки правды.

Нет, думаю, было бы глупо пытаться силой вытянуть из профессора Слизнорта истину, это принесет больше вреда, чем пользы, к тому же я не хочу, чтобы он сбежал из Хогвартса. Однако у него, как и у всех нас, есть свои слабости, и я уверен, что ты единственный, кто может пробить его оборону. Нам совершенно необходимо проникнуть в его память, Гарри… А насколько это важно, мы сможем узнать, лишь ознакомившись с нею. И потому удачи тебе… и спокойной ночи.

Гарри, немного ошеломленный столь внезапным прощанием, вскочил из кресла.

— Спокойной ночи, сэр.

Закрывая за собой дверь кабинета, он ясно расслышал голос Финеаса Найджелуса:

— Не понимаю, почему у мальчика это может получиться лучше, чем у вас, Дамблдор?

— А я и не ждал, что вы это поймете, Финеас, — ответил Дамблдор, и Фоукс тут же вскрикнул еще раз, негромко и музыкально.

Глава 18

СЮРПРИЗЫ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

На следующий день Гарри рассказал о задании, полученном им от Дамблдора, Рону и Гермионе — правда по отдельности, поскольку Гермиона все еще соглашалась терпеть присутствие Рона только на срок, какой требовался, чтобы смерить его презрительным взглядом.

Рон был уверен, что никаких сложностей со Слизнортом у Гарри, скорее всего, не возникнет.

— Он же тебя любит, — говорил Рон за завтраком, помахивая вилкой с куском яичницы. — Разве он может тебе в чем-нибудь отказать? Только не своему маленькому принцу зельеварения. Просто задержись сегодня после урока и задай свой вопрос.

Гермиона, однако, придерживалась менее радужных взглядов.

— Если даже Дамблдор не сумел вытянуть из него правды о том, что произошло на самом деле, значит, Слизнорт решил ее утаить, — негромко сказала она, стоя во время перемены с Гарри посреди пустынного, заснеженного двора шко-

лы. — Крестражи… Крестражи… Ни разу о них не слышала…

— Не слышала?

Гарри почувствовал разочарование. Он надеялся что Гермиона поможет ему выяснить, что представляют собой эти крестражи.

— Наверное, тут какая-то особенно Темная магия, иначе зачем бы они понадобились Волан-де-Морту? Думаю, добыть эти сведения дело совсем не простое, Гарри. Будь поосторожнее, когда станешь разговаривать со Слизнортом, как следует продумай стратегию…

— Рон считает, что мне нужно просто остаться после урока зельеварения…

— А, ну раз Бон-Бон так считает, последуй его совету, — мгновенно ощетинившись, сказала Гермиона. — В конце концов, разве Бон-Бон когда-нибудь ошибался?

— Гермиона, может, ты все-таки…

— Нет! — гневно ответила она и стремительно удалилась, оставив Гарри в одиночестве, по колено в снегу.

В последнее время Гарри и без того чувствовал себя на уроках зельеварения неуютно, тем более что ему, Рону и Гермионе приходилось сидеть бок о бок, а сегодня она перетащила свой котел

на другой конец стола, поближе к Эрни, а Гарри с Роном просто не замечала.

— Ну, а ты чем провинился? — шепотом спросил Рон, но, прежде чем Гарри успел ответить, в класс вошел Слизнорт и призвал всех к тишине.

— Садитесь, садитесь, прошу вас! И побыстрее, сегодня у нас много работы! Третий закон Голпалотта… Кто может сказать мне?.. Ну, разумеется, мисс Гермиона!

Гермиона со страшной скоростью затараторила:

— Третий-закон-Голпалотта-гласит-что-противоядие-от-составного-зелья-не-сводится-к-набору-про-дивоядий-для-отдельных-его-компонентов.

— Точно! — просиял Слизнорт. — Десять очков гриффиндору! Итак, если мы примем третий закон Голпалотта за истину…

Принять третий закон Голпалотта за истину Гарри пришлось, поверив Слизнорту на слово, поскольку в самом законе он ровным счетом ничего не понял. Да и никто, кроме Гермионы, не уяснил, похоже, дальнейших слов Слизнорта.

— То отсюда следует, что при условии правильно проведенной идентификации ингредиентов зелья с помощью Чароискателя Эскарпина первая

наша задача состоит не в относительно простом выборе противоядий для этих ингредиентов, а в поиске той добавочной составляющей, которая алхимическим путем преобразует эти элементы…

Рон, полуоткрыв рот, сидел рядом с Гарри и машинально теребил свой новенький «Расширенный курс зельеварения». Он никак не мог привыкнуть к тому, что ему больше не приходится рассчитывать на помощь Гермионы, которая вытаскивала его из неприятностей всякий раз, когда он переставал понимать смысл происходящего.

— Итак, — закончил Слизнорт, — каждый из вас должен взять с моего стола по флакону. И до конца урока изготовить противоядие от того, что в этом флаконе находится. Удачи вам и не забывайте о защитных перчатках!

Прежде чем класс сообразил, что надо поторапливаться, Гермиона спрыгнула со своего табурета и проделала половину пути до учительского стола, а к тому времени, когда Гарри, Рон и Эрни вернулись по местам, успела вылить содержимое флакона в котел и уже разводила под ним огонь.

— Просто безобразие, Гарри, что сегодня Принц ничем тебе помочь не сможет, — весело сказала

она, распрямляясь. — Тут необходимо понимание основных принципов! Ни тебе простых путей, ни жульничества!

Гарри с досадой откупорил ярко-зеленое зелье, взятое со стола Слизнорта, вылил его в котел, запалил огонь. О том, что делать дальше, он не имел даже отдаленного представления. Он взглянул на Рона — тот успел уже повторить все, что проделал Гарри, и теперь стоял с довольно бестолковым видом.

— Ты уверен, что у Принца нет никаких подсказок? — шепотом спросил Рон у Гарри.

Гарри вытащил свой верный «Расширенный курс», открыл его на главе «Противоядия». Третий закон Голпалотта, слово в слово совпадающий с тем, что процитировала Гермиона, здесь имелся, но Принц не оставил ни одной записи, которая могла бы растолковать его значение. По-видимому, Принцу, как и Гермионе, понять этот закон не составило никакого труда.

— Пусто, — мрачно сообщил Гарри. Гермиона уже с энтузиазмом махала над котлом волшебной палочкой. К сожалению, повторить ее заклинание ни Гарри, ни Рон не могли — она до того уже навострилась в невербальных заклинаниях, что ей совсем не нужно было произносить их вслух.

Вот, правда, Эрни Макмиллан пробормотал, обращаясь к своему котлу: *«Спесиалис Ревелио!»* Прозвучало это впечатляюще, и Гарри с Роном поспешили сделать то же самое.

Гарри понадобилось всего пять минут, чтобы понять — его репутация лучшего на курсе мастера зельеварения рушится прямо на глазах. Слизнорт, совершавший первый обход подземной классной комнаты, с надеждой заглянул в его котел, намереваясь издать, по обыкновению, восторженное восклицание, но тут же поспешно отпрянул, закашлявшись от ударившего ему в нос запаха тухлых яиц. На лице Гермионы застыло довольное выражение — превосходство над ней, которое Гарри демонстрировал на каждом уроке зельеварения, давно уже выводило ее из себя. Теперь она разливала загадочным образом разделенные ею ингредиенты своей отравы по десяти хрустальным флакончикам. Чтобы не видеть этой досадной картины, Гарри уткнулся в учебник Принца-полукровки и с остервенением перелистнул несколько страниц.

И вот оно — написанное поперек длинного перечня противоядий:

Просто суй им в глотки безоар.

С секунду Гарри смотрел на эти слова. что-то

он слышал однажды о безоаровом камне, правда давно уже. Не Снегг ли упоминал о нем на самом первом уроке зельеварения? «Безоар — это камень, который извлекают из желудка козы и который является противоядием от большинства ядов».

Проблемы Голпалотта это, конечно, не решало, да и будь их преподавателем по-прежнему Снегг, Гарри на дальнейшее ни за что бы не отважился, но сейчас необходимы были отчаянные меры. Он поспешил к шкафу, в котором хранились ингредиенты, и начал рыться в нем, разгребая рога единорога и клубки сушеных трав, пока не нашел у самой стенки картонную коробочку с надписью: «Безоары».

Гарри открыл ее как раз в тот миг, когда Слизнорт произнес:

— Внимание, осталось две минуты!

В коробочке лежало с полдюжины сморщенных коричневых комочков, похожих скорее на высушенные козлиные почки, чем на настоящие камни. Схватив один, Гарри сунул коробку в шкаф и торопливо вернулся к своему котлу.

— Время… СТОП! — весело воскликнул Слизнорт. — Ну-те-с, посмотрим, что у вас получилось! Блейз, чем вы меня порадуете?

Слизнорт медленно обходил класс, осматривая различные противоядия. С заданием никто до конца так и не справился, — правда, Гермиона не оставляла попыток втиснуть в свой пузырек еще какие-то ингредиенты, прежде чем Слизнорт подойдет к ней. Рон сдался окончательно и только старался не вдыхать поднимавшийся над его котлом гнилостный пар. Гарри стоял, ожидая, зажав в потной ладони безоар.

Их стол оказался у Слизнорта последним. Он принюхался к зелью Эрни и, состроив гримасу, повернулся к Рону. У котла Рона он и вовсе задерживаться не стал — поспешно отскочил от него, едва сдержав рвотный позыв.

— Ну-с, Гарри, — сказал он, — что можете показать мне вы?

Гарри выставил перед собой ладонь с лежащим на ней безоаром.

Слизнорт разглядывал камень полных десять секунд. Гарри на миг показалось, что он сейчас раскричится. Но Слизнорт лишь откинул голову назад и захохотал.

— Ну и нахал же вы, юноша! — Он поднял безоар повыше, чтобы весь класс мог его видеть. — О, вы совершенное подобие вашей матушки… Что ж, тут вас винить не в чем — безоар, безусловно,

служит противоядием от всех этих зелий!

Гермиона, потная, с сажей на носу, побагровела. Ее наполовину готовое снадобье, содержавшее пятьдесят две составных части, включая и клок ее собственных волос, слегка побулькивало за спиной Слизнорта, который смотрел только на Гарри.

— И ты прямо так вот сам до безоара и додумался, а, Гарри? — сквозь стиснутые зубы спросила она.

— Для этого нужна душа истинного зельедельца! — не дав Гарри ответить, радостно объявил Слизнорт. — такой же была и его матушка. Лили обладала интуиивным чутьем на зельеварение, которое Гарри, несомненно, от нее унаследовал… Да, Гарри, да, если вас под рукой имеется безоар, это решает проблему. Хотя, поскольку он не помогает от всего на свете да и встречается довольно редко, умение составлять противоядия вам все же не повредит…

Единственным в классе, кто выглядел еще более обозленным, чем Гермиона, был Малфой. Он, как удовольствием отметил Гарри, ухитрился чем-то облиться и вид теперь имел такой, точно на него стошнило кошку. Но прежде чем хоть один из них успел возмутиться, что Гарри вновь

попал в первые ученики, не ударив для этого пальцем о палец, прозвенел звонок

— Урок окончен! — сказал Слизнорт. — Да, и еще десять очков Гриффиндору — за чистой воды нахальство!

И он, продолжая посмеиваться, вперевалку направился к своему столу.

Гарри медлил, с редкой для него неторопливостью собирая принадлежности в сумку. Ни Рон, ни Гермиона, уходя, не пожелали ему удачи — оба выглядели раздосадованными. В конце концов в классе остались только он и Слизнорт.

— Ну же, Гарри, вы опоздаете на следующий урок, — благодушно сказал Слизнорт, защелкивая золотые застежки портфеля из драконовой кожи.

— Сэр, я хотел спросить вас кое о чем, — начал Гарри, невольно напомнив себе самому Волан-де-Морта.

— Так спрашивайте, дорогой мой мальчик, спрашивайте…

— Сэр, я хотел бы знать, что вам известно о… о крестражах?

Слизнорт замер. Округлое лицо его словно бы ссохлось. Он облизал губы и хрипло переспросил:

— Что вы сказали?

— Я спросил, известно ли вам что-нибудь о крестражах, сэр. Понимаете…

— Это вас Дамблдор подослал, — прошептал Слизнорт.

Голос его полностью изменился. Никакого благодушия в нем больше не осталось, только потрясение и ужас. Он порылся в нагрудном кармане, вытащил носовой платок, промокнул покрывшийся испариной лоб.

— Дамблдор показывал вам те… те воспоминания, — сказал Слизнорт. — Ну? Показывал?

— Да, — ответил Гарри, мгновенно решивший, что сейчас лучше не лгать.

— Да, разумеется, — негромко повторил Слизнорт, все еще вытирая побелевшее лицо. — Разумеется… Что ж, если вы видели их, Гарри, то должны знать, что о крестражах мне ничего — ничего, — с силой повторил он, — не известно.

Схватив портфель и сунув в карман платок, Слизнорт засеменил к ведущим из подземелья дверям.

— Сэр, — в отчаянии окликнул его Гарри, — я просто думал, что вы можете помнить чуть больше…

— Думали? — отозвался Слизнорт. — Ну, зна-

чит, вы ошиблись. ОШИБЛИСЬ!

Он проревел это слово и, прежде чем Гарри успел сказать что-либо еще, захлопнул за собой дверь класса.

Ни Рон, ни Гермиона, которым Гарри пересказал этот столь неудачно сложившийся разговор, нисколько ему не посочувствовали. Гермиона все еще кипела из-за не стоившего Гарри никаких трудов триумфа. Рон же был возмущен тем, что Гарри, ничего не сказал ему о безоаре.

— Да ведь, если бы мы оба это проделали, получилась бы полная глупость! — огрызнулся Гарри. — Надо же мне было как-то подмазаться к нему, чтобы спросить потом о Волан-де-Морте… И пора бы уж научиться держать себя в руках! — сердито воскликнул он, увидев, как поморщился Рон при упоминании зловещего имени.

Разозленный неудачей и тем, как отнеслись к ней друзья, Гарри провел следующие несколько дней в размышлениях о том, что ему теперь делать со Слизнортом. И решил: пусть профессор считает до поры до времени, будто о крестражах Гарри забыл. Нужно внушить Слизнорту ощущение безопасности, а потом опять перейти в наступление.

Слизнорт, не слыша больше от Гарри никаких

вопросов, снова стал относиться к нему с прежней любовью и, судя по всему, выбросил неприятную тему из головы. Гарри ожидал приглашения на одну из его вечеринок, решив на этот раз пойти туда, даже если придется перенести тренировку по квиддичу. Увы, приглашения не последовало. Гарри расспросил Гермиону и Джинни: ни та, ни другая приглашений тоже не получали, да и никто иной, насколько им было известно. Гарри оставалось только гадать, означает ли это, что Слизнорт вовсе не так забывчив, как кажется, что он просто-напросто решил не давать Гарри лишней возможности лезть к нему с вопросами.

Тем временем выяснилось, что библиотека Хогвартса впервые на памяти Гермионы подвела ее. Гермиону это потрясло настолько, что она даже перестала злиться на Гарри за его фокус с безоаром.

— Ни одного объяснения насчет крестражей не нашла! — сказала она Гарри. — Ни одного! Я даже особую секцию обшарила, заглянула в самые жуткие книги, там такие кошмарные зелья описываются — и ничего! Вот только и отыскала в предисловии к «Волхованию всех презлейшему», послушай: «Что до крестажа, наипорочнейшего из всех волховских измышлений, мы о нем ни

говорить не станем, ни указаний никаких не дадим...» Зачем тогда о нем упоминать? — Она сердито захлопнула старинную книгу, и та завыла, как привидение. — Да заткнись ты! — рявкнула Гермиона, засовывая ее обратно в сумку.

Наступил февраль, снег вокруг школы растаял, его сменила холодная, безотрадная сырость. Лиловато-серые тучи низко нависали над замком, непрекращающийся ледяной дождь покрыл лужайки скользкой грязью. В результате первый урок трансгрессии для шестикурсников, назначенный на субботнее утро, чтобы им не пришлось пропускать обычных занятий, решено было провести не под открытым небом, а в Большом зале.

Гарри и Гермиона, придя в зал (Рон явился в обществе Лаванды), обнаружили, что столы из него исчезли. Дождь хлестал по высоким окнам, волшебный потолок смутно клубился над учениками, толпившимися перед деканами факультетов — профессорами МакГонагалл, Снегг, Флитвик, Стебль — и низеньким волшебником, который как раз и был, сообразил Гарри, присланным из Министерства инструктором трансгрессии. Инструктор отличался странной бесцветностью — прозрачные ресницы, тонкие волосы — и казался таким легоньким, точно од-

ного порыва ветра хватило бы, чтобы унести его куда подальше. Гарри подумал, не постоянные ли появления и исчезновения каким-то образом лишили его материальности, или такая хрупкость — просто идеальное качество для всякого, кому нравится исчезать прямо на ваших глазах?

— С добрым утром, — сказал министерский волшебник, когда все ученики собрались, а деканы призвали их соблюдать тишину. — Меня зовут Уилки Двукрест. Министерство прислало меня, чтобы я провел здесь следующие двенадцать недель в качестве инструктора трансгрессии. Надеюсь, за это время мне удастся подготовить вас к трансгрессионным испытаниям…

— Малфой, потише и повнимательнее! — рявкнула профессор МакГонагалл.

Все оглянулись. Малфой залился тусклой краской и с разгневанным видом отскочил от Крэбба, с которым он, похоже, шепотом переругивался. Гарри бросил быстрый взгляд на Снегга, тот тоже выглядел рассерженным, хотя, как сильно подозревал Гарри, не столько невоспитанностью Малфоя, сколько тем, что МакГонагалл сделала выговор одному из его подопечных.

— …после чего многие из вас будут к этим испытаниям готовы, — как ни в чем не бывало

продолжал Двукрест. — Вы, вероятно, знаете, что пользоваться трансгрессией в Хогвартсе невозможно. Чтобы дать вам попрактиковаться, директор школы снял соот-ветствующее заклинание, но исключительно в пределах Большого зала и только на один час. Помните, что заниматься трансгрессией вне этих стен вам не удастся и что попытки такого рода будут весьма неразумными. А теперь прошу всех встать так, чтобы перед вами осталось пять футов свободного пространства.

Началась толкотня, ученики разделялись, налетали друг на друга и громко требовали, чтобы им очистили место. Деканы переходили от ученика к ученику, расставляя их по местам и прекращая споры.

— Куда ты, Гарри? — требовательно спросила Гермиона.

Гарри не ответил. Он быстро прорезал толпу: миновал профессора Флитвика, который, визгливо покрикивая, пытался расставить нескольких когтевраннцев (каждый норовил оказаться впереди остальных), профессора Стебль, старавшуюся построить пуффендуйцев, и, наконец, обогнул Эрни Макмиллана и замер позади всех, за самой спиной Малфоя, вос-пользовавшегося всеобщей суматохой для того, чтобы возобновить

спор с Крэббом — тот с весьма строптивым видом стоял футах в пяти от него.

— Не знаю я, сколько еще, понял? — крикнул ему Малфой, не заметив замершего позади них Гарри. — Это займет больше времени, чем я думал.

Крэбб открыл рот, но Малфой, по-видимому, догадался, что он хочет сказать.

— Слушай, Крэбб, чем я занят, это вообще не твоего ума дело. Тебе с Гойлом следует просто исполнять приказ и стоять на страже!

— Когда я прошу друзей постоять на страже, то стараюсь объяснить им, чем намерен заняться, — достаточно громко для того, чтобы Малфой его услышал, сказал Гарри.

Малфой круто повернулся, рука его метнулась к волшебной палочке, но тут деканы грянули: «Тихо!» — и наступила тишина. Малфой нехотя отвернулся.

— Благодарю вас, — сказал Двукрест. — Итак… Он взмахнул волшебной палочкой. Тут же на полу перед каждым учеником появилось по старомодному деревянному обручу.

— Главное, о чем следует помнить при трансгрессии, это три «Н»! — сказал Двукрест. — Нацеленность. Настойчивость. Неспешность. Шаг

первый: сосредоточьте все ваши помыслы на нужной вам цели, — продолжал Двукрест. — В данном случае на внутренности вашего обруча. Прошу вас, сделайте это прямо сейчас.

Каждый поозирался тайком, проверяя, все ли его соседи глядят в середину обруча, после чего торопливо проделал то, что им велели. Гарри вперился взглядом в ограниченный его обручем кружок пыльного пола и постарался, как мог, изгнать из головы все прочие мысли. Задача оказалась решительно непосильной, поскольку он так и продолжал гадать, для каких это дел Малфою потребовались охранники.

— Шаг второй, — сказал Двукрест. — Соберите вашу настойчивость в кулак и направьте ее на то место, которое вы себе мысленно представили! И пусть стремление попасть в него разольется из вашего разума по всем клеточкам тела!

Гарри украдкой огляделся. Слева Эрни Макмиллан с напряжением уставился в середину своего обруча, лицо у него покраснело — казалось, будто он тужится, пытаясь снести яйцо величиной с квоффл. Гарри, подавив смешок, поспешил перевести взгляд на собственный обруч.

— Шаг третий, — воскликнул Двукрест, — выполняется только по моей команде: вы повора-

чиваетесь на месте, нащупывая путь в ничто, перемещаясь неспешно! Итак, по моей команде — раз…

Гарри снова огляделся — на лицах многих учеников появился испуг, большинство были явно смущены тем, что трансгрессировать их попросили так скоро.

— …два…

Гарри снова попытался сосредоточить все мысли на обруче. Он, правда, уже забыл, что обозначают эти три «Н».

— …ТРИ!

Гарри закружился на месте, потерял равновесие и чуть не упал. По всему залу учеников начало мотать из стороны в сторону; Невилл так и вовсе уже лежал на спине; Эрни Макмиллан, напротив, совершив некое подобие пируэта, приземлился внутри своего обруча и пришел в полный восторг, но тут же заметил, что Дин Томас, глядя на него, помирает со смеху.

— Пустяки, пустяки, — сухо сказал Двукрест, ничего другого он, похоже, и не ожидал. — Поправьте, пожалуйста, обручи и вернитесь на исходные позиции…

Вторая попытка оказалась не лучше первой. Третья тоже. Кое-что интересное произошло

лишь во время четвертой. Раздался мучительный вопль, все в ужасе обернулись и увидели, что Сьюзен Боунс из Пуффендуя покачивается в центре своего обруча, между тем как ее левая нога так и стоит футах в пяти сзади, на исходной позиции.

Деканы бросились к Сьюзен, послышался громкий хлопок, в воздух взвился клуб лилового дыма, а когда дым рассеялся, все увидели рыдающую Сьюзен — нога к ней вернулась, но выглядела Сьюзен до смерти перепуганной.

— Так называемый «расщеп», или отделение тех или иных частей тела, — бесстрастно сообщил Уилки Двукрест, — происходит при недостаточной настойчивости сознания. Вам следует оставаться неизменно нацеленными на нужное место и двигаться с неспешностью… Вот так.

Двукрест шагнул вперед, раскинул руки, изящно повернулся на месте и исчез в завихрениях своей мантии, тут же появившись у дальней стены зала.

— Помните о трех «Н», — сказал он, — и попробуйте еще раз… Один… два… три…

Однако и час спустя «расщеп» Сьюзен так и остался самым занимательным из всего урока.

Двукреста это не обескуражило. Застегивая на горле мантию, он сказал:

— До встречи в следующую субботу, и не забывайте: Нацеленность. Настойчивость. Неспешность.

После чего взмахнул палочкой, убирая обручи, и в сопровождении профессора МакГонагалл покинул Большой зал. Шестикурсники загомонили, все сразу, и тоже двинулись к вестибюлю.

— Ну, как ты? — спросил Рон, поспешивший присоединиться к Гарри. — Я вроде бы что-то почувствовал при последней попытке — такое покалывание в ногах.

— Наверное, тебе просто кроссовки маловаты, Бон-Бон, — произнес голос за их спинами, и мимо, самодовольно ухмыляясь, проследовала Гермиона.

— А я ничего не почувствовал, — словно не заметив ее, сказал Гарри. — Хотя меня сейчас не это волнует…

— Что значит «не это»? Разве ты не хочешь научиться трансгрессировать? — недоуменно спросил Рон.

— Вообще-то не так уж меня это и привлекает. Я предпочитаю летать, — ответил Гарри. Он оглянулся, пытаясь понять, где Малфой, а выйдя

в вестибюль, прибавил шагу. — Слушай, давай поторопимся, мне нужно кое-что проверить…

Озадаченный Рон чуть ли не бегом последовал за Гарри в башню Гриффиндора. На пятом этаже их задержал Пивз — он перекрыл дверь и объявил, что пропустит лишь тех, кто подпалит на себе штаны. Гарри с Роном попросту повернули назад и воспользовались одним из хорошо знакомых коротких путей. Через пять минут оба уже миновали проем в портрете.

— Так скажешь ты мне, в чем дело, или не скажешь? — спросил немного запыхавшийся Рон.

— Пойдем, пойдем, — отозвался Гарри, пересекая гостиную и направляясь к лестнице, ведущей к спальням мальчиков.

Как и надеялся Гарри, их спальня была пуста. Он открыл свой чемодан и начал рыться в нем, Рон нетерпеливо за ним наблюдал.

— Гарри…

— Малфой использует Крэбба и Гойла как сторожей. Он только что ругался из-за этого с Крэббом. И я хочу знать… Ага!

Он нашел, что искал, — сложенный квадратом чистый с виду кусок пергамента; развернув его, Гарри стукнул по пергаменту волшебной палочкой:

— Торжественно клянусь, что замышляю шалость и только шалость… в отличие от Малфоя.

На пергаменте сразу же появилась Карта Мародеров с подробным планом всех этажей, по которым двигались черные точки с именами обитателей замка.

— Помоги найти Малфоя, — попросил Гарри.

Он расстелил карту на своей кровати и вместе с Роном склонился над ней, отыскивая нужную точку.

— Вот! — примерно через минуту сказал Рон. — Он в общей гостиной Слизерина… а с ним Паркинсон, Забини, Крэбб и Гойл…

Гарри, взглянув на карту, ощутил разочарование, однако почти мгновенно справился с ним.

— Ладно, с этого дня буду за ним присматривать, — решительно заявил он. — И как только увижу, что он где-то прячется, выставив в охранение Крэбба и Гойла, тут же влезу в мантию-невидимку и выясню, чем он…

Гарри замолчал — распространяя сильный запах горелого тряпья, в спальню вошел Невилл и тут же полез в свой чемодан за целыми брюками.

Как ни хотелось Гарри изловить Малфоя, в следующие две недели удача ни разу ему не улыб-

нулась. Он то и дело справлялся с картой, иногда, чтобы взглянуть на нее, без нужды заскакивал на переменах в туалет, но ни в каких подозрительных местах Малфоя ни разу не увидел. Он замечал Крэбба и Гойла, в одиночку расхаживающих по замку — теперь они делали это чаще обычного, временами подолгу простаивая в пустынных коридорах, — но Малфоя не только не было рядом с ними, его вообще невозможно было найти в замке. Что и составляло самую большую загадку. Гарри подумывал, не покидает ли Малфой территорию замка, но совершенно не мог представить, как ему это удается, особенно при тех усиленных мерах безопасности, что были теперь приняты в Хогвартсе. Оставалось только предположить, что Малфой просто-напросто теряется из виду среди сотен ползающих по карте черных точек. А то, что прежде неразлучные Малфой, Крэбб и Гойл разгуливают поодиночке, так это случается с людьми, когда они взрослеют. «Рон с Гермионой, — сокрушенно думал Гарри, — живое тому доказательство».

Близился март, а в погоде особых перемен не замечалось, разве что она стала не только сырой, но и ветреной. К общей досаде, во всех гостиных появилось извещение, что следующая вылазка в

Хогсмид отменяется. Особенно разозлился Рон.

— Это же мой день рождения! — восклицал он. — Я так его ждал!

— Не такой уж и сюрприз, — сказал Гарри. — Особенно после того, что стряслось с Кэти.

Из больницы святого Мунго она все еще не возвратилась. Больше того, «Ежедневный пророк» сообщал о новых исчезновениях — среди пропавших было и несколько родственников тех, кто учился в Хогвартсе.

— И все, чего нам осталось ждать, это дурацкие уроки трансгрессии! — сварливо произнес Рон. — Веселенький получится день рождения…

Что касается трансгрессии, прошло уже три урока, а трудностей не убавилось, хотя число учеников, ухитрившихся расщепиться, и возросло. Многие начали терять веру в себя, проникаясь к Уилки Двукресту с его тремя «Н» недобрыми чувствами. За ним уже закрепилось несколько прозвищ, самыми пристойными из которых были «Недотыкомка» и «Навозная башка».

— С днем рождения, Рон! — сказал Гарри, когда Симус и Дин, шумно покинувшие спальню, направляясь на завтрак, разбудили их в первый день марта. — Держи подарок.

И он забросил на кровать Рона сверток, присо-

единившийся к горке других, доставленных, как сообразил Гарри, ночью домовыми эльфами.

— Здорово! — сонно откликнулся Рон.

Пока он надрывал оберточную бумагу, Гарри выбрался из постели, открыл чемодан и принялся копаться в нем в поисках Карты Мародеров, которую прятал туда после каждого использования. Он перерыл половину чемодана, прежде чем нашел ее под перекрученными носками, в одном из которых так и лежал пузырек с зельем удачи «Феликс Фелицис».

— Вот она, — пробормотал Гарри и, вернувшись с картой в постель, пристукнул по ней палочкой и негромко, чтобы не услышал Невилл, как раз проходивший мимо изножья его кровати, сказал: — Торжественно клянусь, что замышляю шалость и только шалость…

— Отлично! — восторженно воскликнул Рон, взмахнув парой подаренных Гарри вратарских перчаток.

— Да чего там, — рассеянно ответил Гарри, оглядывая спальню Слизерина, в которой стояла кровать Малфоя. — Ишь ты… а в постели-то его нет…

Рон не ответил. Он был слишком занят — разворачивал подарки, время от времени радостно

вскрикивая.

— Богатый в этом году улов! — объявил он, поднимая повыше золотые часы с вырезанными по их ободу странными символами и с крошечными движущимися звездами вместо стрелок. — Смотри, что подарили мне мама с папой. Ух ты, а через год меня еще и совершеннолетие ждет…

— Блеск, — пробормотал Гарри, бросая быстрый взгляд на часы и снова утыкаясь в карту. Где же Малфой? За слизеринским столом в Большом зале его среди завтракающих однокурсников нет… Поблизости от Снегга, сидящего у себя в кабинете, тоже… Ни в туалетах, ни в больничном крыле…

— Хочешь? — невнятно осведомился Рон, протягивая ему коробку «Шоколадных котелков».

— Нет, спасибо, — отрываясь от карты, ответил Гарри. — Знаешь, Малфой опять исчез.

— Куда это он запропастился? — Засовывая в рот второй «Шоколадный котелок», Рон выбрался из постели, чтобы одеться. — Слушай, если ты не поторопишься, придется заниматься трансгрессией на пустой желудок… Хотя, может, так оно и легче будет.

Рон задумчиво глянул на коробку с конфетами, пожал плечами и отправил в рот третью.

Гарри стукнул по карте волшебной палочкой,

пробормотал: «Славная вышла шалость», — хоть это и было неправдой, и, напряженно размышляя, начал одеваться. Какое-то объяснение периодических исчезновений Малфоя наверняка есть, просто ему никак не удается до этого объяснения додуматься. Лучший способ все выяснить — проследить за Малфоем, но даже при наличии мантии-невидимки практичным его назвать нельзя. Уроки, тренировки по квиддичу домашние задания, трансгрессия — не мог он целыми днями таскаться за Малфоем по школе и надеяться, что его отсутствие останется незамеченным.

— Готов? — спросил он Рона.

Гарри прошел уже половину пути до двери спальни, когда сообразил вдруг, что Рон не сдвинулся с места, но так и стоит, прислонясь к столбику кровати и глядя на залитое дождем окно, причем на лице Рона застыло странное, отсутствующее выражение.

— Рон! Завтракать!

— Я не голоден.

Гарри вытаращил глаза:

— Разве ты не сказал?..

— Да ладно, ладно, пойду, — вздохнул Рон, — но есть мне все равно не хочется.

Гарри с подозрением оглядел его.

— Конечно, ты же только что полкоробки «Шоколадных котелков» слопал.

— Не в этом дело. — Рон снова вздохнул. — Ты… ты не поймешь.

— Что верно, то верно, — все еще недоумевая, сказал Гарри и повернулся к двери.

— Гарри! — вдруг окликнул его Рон.

— Что?

— Гарри, я этого не вынесу!

— Чего не вынесешь? — Гарри понемногу охватывала настоящая тревога. Рон побледнел и вообще выглядел так, словно его, того и гляди, стошнит.

— Я все время думаю о ней! — хрипло сообщил Рон.

Гарри разинул рот. Вот уж чего он не ожидал, да и слышать определенно не хотел. Разумеется, они друзья, но если Рон начнет называть Лаванду «Лав-Лав», придется его осадить.

— А почему тебе это мешает позавтракать? — полюбопытствовал Гарри, стараясь придать происходящему хотя бы оттенок разумности.

— Я думаю, она даже не догадывается о моем существовании, — сказал Рон, в отчаянии взмахнув рукой.

— Еще как догадывается, — ответил оконча-

тельно сбитый с толку Гарри. — Вы же с ней все время обнимаетесь, разве нет?

Рон заморгал:

— О ком ты говоришь?

— А ты-то о ком говоришь? — допытывался Гарри, все острее ощущая, что разговор их утрачивает даже подобие осмысленности.

— О Ромильде Вейн, — негромко ответил Рон, и все лицо его осветилось, точно озаренное солнцем.

Они смотрели друг на друга почти целую минуту, прежде чем Гарри произнес:

— Это шутка такая, да? Ты шутишь.

— Я думаю… Гарри, по-моему, я люблю ее, — сдавленным голосом ответил Рон.

— Ладно. — Гарри подошел к Рону, чтобы получше вглядеться в его остекленевшие глаза и мертвенно-бледное лицо. — Ладно… повтори это еще раз, только лицо сделай серьезное.

— Я люблю ее, — чуть слышно повторил Рон. — Ты видел, какие у нее волосы, черные, блестящие, шелковые… А глаза? Эти большие темные глаза. И ее…

— Все это очень смешно и так далее, — нетерпеливо сказал Гарри, — однако кончай шутить, хорошо?

Он повернулся, собираясь покинуть спальню, и даже успел сделать два шага к двери, когда получил сокрушительный удар в правое ухо. Он пошатнулся, оглянулся назад. Рон опять заносил кулак, лицо его кривилось от гнева — миг, и он двинет Гарри еще раз.

Реакция Гарри была инстинктивной — его волшебная палочка выпорхнула из кармана, в голове словно само собой возникло заклинание Левикорпус!

Рон завопил, его ступни мгновенно взлетели вверх, и он беспомощно замер в воздухе вниз головой, со свисающей по сторонам от нее мантией.

— За что? — взревел Гарри.

— Ты оскорбил ее, Гарри! Ты сказал, что все это смешно! — закричал Рон; по мере того как кровь приливала к голове, лицо его приобретало багровый оттенок

— С ума сойти! — буркнул Гарри. — Да что на тебя…

Но тут на глаза ему попалась лежащая на кровати Рона открытая коробка, и истина обрушилась на Гарри с силой притопнувшей ноги тролля.

— Откуда взялись «Шоколадные котелки»?

— Мне их на день рождения подарили! —

гаркнул Рон, медленно вращаясь в попытках освободиться. — Я и тебе одну предлагал, помнишь?

— Ты подобрал коробку с пола, так?

— Ну и что, она просто с кровати свалилась. Отпусти меня!

— Она не свалилась с кровати, понял, тупица? Это мои конфеты, я выложил их из чемодана, когда искал Карту Мародеров. Мне их Ромильда Вейн на Рождество подарила, и они пропитаны приворотным зельем!

Однако до сознания Рона дошло, похоже, только одно слово.

— Ромильда? — повторил он. — Ты сказал, Ромильда? Гарри, так ты с ней знаком? Ты можешь меня представить?

Гарри смотрел на болтающегося в воздухе Рона, лицо которого озаряла великая надежда, и боролся с желанием расхохотаться. Какой-то части его — ближайшей к гудящему уху — очень нравилась мысль отпустить Рона и посмотреть, как тот будет ошалело носиться по школе, пока не кончится действие любовного напитка… Но с другой стороны, они как-никак друзья. Рон, когда набросился на него, был не в себе, и Гарри считал, что, позволив другу объявить всей школе о

своей вечной любви к Ромильде Вейн, он вполне заслужил бы еще одну оплеуху.

— Хорошо, я тебя представлю, — лихорадочно соображая, пообещал он. — Сейчас я спущу тебя вниз, идет?

Он позволил Рону брякнуться на пол (ухо все-таки болело, и сильно), но тот, улыбаясь, мигом поднялся на ноги.

— Она придет сегодня в кабинет Слизнорта, — уверенно сообщил Гарри, первым шагнув к двери.

— А зачем? — нагоняя его, обеспокоенно спросил Рон.

— Ну, она берет у него дополнительные уроки, — наобум ответил Гарри.

— Так, может, попросить, чтобы он их нам обоим давал? — с жаром воскликнул Рон.

— Роскошная мысль, — согласился Гарри.

У дыры в портрете их поджидала Лаванда — этого осложнения Гарри не предугадал.

— Опаздываешь, Бон-Бон. — Она надула губки. — Я принесла тебе подарок на…

— Отвали, — досадливо ответил Рон. — Гарри хочет познакомить меня с Ромильдой Вейн.

И, не сказав больше ни слова, полез в портрет. Гарри попытался придать лицу извиняющееся

выражение, но, по-видимому, оно получилось ехидным — когда Полная Дама закрывала за ними проход, Лаванда выглядела еще более обиженной.

Гарри немного тревожила мысль, что Слизнорт сидит сейчас за завтраком, однако едва он стукнул в дверь, как профессор открыл ее — с еще затуманенными сном глазами, в зеленом бархатном халате и подобранном в тон ему ночном колпаке.

— Гарри, — пробормотал он. — Какой ранний визит… По субботам я обыкновенно сплю допоздна.

— Простите, что побеспокоил, профессор, — почти шепотом сказал Гарри. Рон между тем привстал на цыпочки, стараясь заглянуть в кабинет Слизнорта, — но мой друг, Рон, по ошибке проглотил любовный напиток. Пожалуйста, не могли бы вы приготовить для него противоядие? Я бы отвел его к мадам Помфри, но никаких средств от того, чем торгуют во «Всевозможных волшебных вредилках» близнецов Уизли, в школе, скорее всего, нет и, ну вы понимаете… неприятные вопросы…

— Я думаю, Гарри, вы с вашим знанием зелий могли бы и сами приготовить для друга лекар-

ство, разве не так? — спросил Слизнорт.

— Э-э, — промямлил Гарри (Рон мешал ему думать, подпихивая локтем в ребра и проталкивая в кабинет), — видите ли, сэр, противоядия от приворотного зелья я еще никогда не готовил, а пока я с ним управлюсь, Рон может наделать больших глупостей…

К счастью, Рон выбрал именно этот момент, чтобы простонать:

— Ее не видно, Гарри. Он ее прячет?

— Срок годности у этого зелья не вышел? — поинтересовался Слизнорт, глядя теперь на Рона с профессиональным интересом. — Знаете, чем дольше их хранишь, тем крепче они становятся.

— Это многое объяснило бы, — пропыхтел Гарри, которому приходилось уже бороться с Роном, чтобы тот не сбил Слизнорта с ног. И на всякий случай прибавил: — У него сегодня день рождения, профессор.

— О, замечательно, ну-те-с, тогда входите, входите, — смилостивился Слизнорт. — Если в моем саквояже отыщется все необходимое, приготовить противоядие не составит никакого труда…

Рон ворвался в жарко натопленный, переполненный мебелью кабинет Слизнорта, споткнулся об украшенную кисточками скамейку для ног,

обхватил Гарри за шею, чтобы удержать равновесие, и пролепетал:

— Она не видела этого, нет?

— Она еще не пришла, — ответил Гарри, наблюдая за тем, как профессор, открыв саквояж со снадобьями, всыпает по щепотке того и сего в хрустальный флакончик.

— Вот и хорошо, — пылко промолвил Рон. — Как я выгляжу?

Очень красиво, — ласково сказал Слизнорт, вручая Рону стакан с прозрачной жидкостью. — А теперь выпейте — это средство тонизирует нервы, оно поможет вам сохранить спокойствие при ее появлении.

— Отлично, — нетерпеливо пробормотал Рон и залпом проглотил противоядие.

Гарри и Слизнорт наблюдали за ним. Мгновение Рон смотрел на них с лучезарной улыбкой. Затем, медленно-медленно, улыбка угасла, сменившись выражением крайнего ужаса.

— Ну что, опять в здравой памяти? — улыбнулся Гарри. Слизнорт хихикнул. — Огромное спасибо, профессор.

— Не о чем говорить, мой мальчик, не о чем говорить, — сказал Слизнорт, когда Рон с совершенно подавленным видом плюхнулся в

кресло. — Все, что ему требуется, это немного встряхнуться, — продолжал Слизнорт, уже суетясь у заставленного бутылками стола. — У меня есть сливочное пиво, вино, есть последняя бутылочка выдержанной в дубовой бочке медовухи… хм-м… Я хотел подарить ее на Рождество Дамблдору… Ну да ладно, — Слизнорт пожал плечами, — чего не имел, по тому не горюешь! Почему бы нам не откупорить ее и не отметить день рождения мистера Уизли? Ничто так не умеряет муки несостоявшейся любви, как изысканное вино…

Он снова фыркнул, и Гарри тоже усмехнулся. Впервые со времени катастрофической попытки вытянуть из Слизнорта его подлинные воспоминания Гарри оказался с ним почти наедине. Возможно, если удастся продержать профессора в благодушном настроении… если они как следуют накачаются выдержанной в дубе медовухой…

— Ну-те-с, — произнес Слизнорт, вручая ему и Рону по бокалу медовухи, и поднял повыше свой собственный. — За день вашего рождения, Ральф…

— Рон, — прошептал Гарри.

Но Рон, видимо, не услышав тоста, поднес бокал к губам и осушил его.

Миновала всего секунда, один лишь удар сердца, а Гарри уже понял — произошло что-то ужасное, хоть Слизнорт, судя по всему, этого и не заметил.

— …и пусть вам еще выпадет многое множество…

— Рон!

Рон уронил бокал, наполовину привстал из кресла, но рухнул обратно, руки и ноги его начали неукротимо подергиваться. На губах Рона выступила пена, глаза вылезли из орбит.

— Профессор! — взмолился Гарри. — Сделайте что-нибудь!

Но Слизнорта, по-видимому, парализовал ужас. Рон дергался и давился, кожа его приобретала синюшный оттенок

— Но… что… — лепетал Слизнорт.

Гарри перескочил через низкий столик, метнулся к так и оставленному Слизнортом открытым саквояжу со снадобьями и принялся выкидывать оттуда баночки и мешочки, а за его спиной комнату наполняли жуткие звуки булькающего дыхания Рона. И наконец нашел, что искал, — сморщенный, похожий на почку камушек, который Слизнорт забрал у него на уроке зельеварения.

Он подлетел к Рону, с трудом разжал ему челюсти и засунул безоар в рот друга. Страшная дрожь пробила Рона, он с силой глотнул воздух, а затем тело его обмякло и застыло.

Глава 19

ЭЛЬФИЙСКАЯ АГЕНТУРА

— Выходит, день рождения получился у Рона не из лучших? — спросил Фред.

Был уже вечер, в больничном крыле стояла тишина — окна занавешены, зажжены лампы. Только одна койка и была здесь занята — Роном. Гарри, Гермиона и Джинни сидели вокруг нее, они провели весь день, ожидая снаружи, у двойных дверей, пытаясь заглянуть в них всякий раз, как кто-то входил в палату или выходил из нее. Внутрь мадам Помфри впустила их лишь в восемь часов вечера. Фред с Джорджем появились минут десять спустя.

— Да, совсем не так надеялись мы вручить ему наш подарок, — хмуро сказал Джордж, пристраивая на шкафчик рядом с койкой Рона большой сверток.

— Что верно, то верно. Когда мы рисовали себе эту сцену, Рон был в ней живым-здоровым, — согласился Фред.

— Сидели себе в Хогсмиде, ждали случая удивить его… — продолжал Джордж.

— Вы были в Хогсмиде? — поднимая на них взгляд, спросила Джинни.

— Думали купить «Зонко», — мрачно ответил Фред. — Ну, знаешь, хогсмидский магазин волшебных шуток… Хотя какой теперь в этом смысл, если вас больше туда не отпускают по уикендам и покупать вы у нас все равно ничего не можете… Да что сейчас об этом говорить!

Он пододвинул свой стул поближе к Гарри, вгляделся в бледное лицо Рона.

— Как же все это произошло, Гарри?

Гарри пересказал ему историю, которую уже раз сто, как ему казалось, рассказывал Дамблдору, МакГонагалл, мадам Помфри, Гермионе и Джинни.

— Тут я засунул ему в рот безоар, дыхание выровнялось, Слизнорт побежал за помощью, появились МакГонагалл с мадам Помфри, они его сюда и притащили. Говорят, все обойдется. Мадам Помфри сказала, что Рону придется полежать здесь примерно неделю, настой руты попить…

— Господи, какое счастье, что ты вспомнил о безоаре, — негромко сказал Джордж.

— Счастье, что он там оказался, — отозвался Гарри, которого каждый раз пробирала дрожь при мысли о том, что могло бы случиться, не

найди он камушек.

Гермиона почти неслышно шмыгнула носом. Весь этот день она была необычайно тиха. Прилетев с белым лицом к больничному крылу и поймав Гарри, она потребовала, чтобы он рассказал ей о случившемся, но затем в нескончаемых разговорах Гарри и Джинни о том, как был отравлен Рон, почти не участвовала, просто стояла рядом с ними, испуганная, со стиснутыми зубами, пока их всех наконец не впустили в палату.

— Мама с папой знают? — спросил у Джинни Фред.

— Они его уже повидали, появились здесь час назад. Теперь сидят у Дамблдора, но скоро вернутся.

Все помолчали, глядя на Рона, забормотавшего что-то во сне.

— Выходит, яд был в вине? — негромко спросил Фред.

— Да, — сразу ответил Гарри. Он не мог думать ни о чем другом и рад был возможности обсудить все снова. — Слизнорт разлил его и…

— А он не мог подсыпать что-нибудь в бокал Рона — так чтобы ты не заметил?

— Наверное, мог, — ответил Гарри, — да только зачем Слизнорту травить Рона?

— Понятия не имею, — нахмурившись, сказал Фред. — Ты не думаешь, что он просто перепутал бокалы? А отравить собирался тебя?

— А Гарри Слизнорту зачем травить? — спросила Джинни.

— Не знаю, — сказал Фред, — но желающих отравить Гарри сейчас, наверное, немало, ведь так? Избранный и так далее.

— Ты думаешь, Слизнорт — Пожиратель смерти? — спросила Джинни.

— Все может быть, — мрачно ответил Фред.

— На него могли наложить заклятие Империус, — сказал Джордж.

— А может, он тут и вовсе ни при чем, — заметила Джинни. — Яд мог оказаться в бутылке, и тогда он, скорее всего, предназначался для самого Слизнорта.

— Да кому это нужно — Слизнорта убивать?

— Дамблдор считает, что Волан-де-Морт хотел привлечь Слизнорта на свою сторону, — проговорил Гарри. — До того как перебраться в Хогвартс, Слизнорт целый год скрывался. И… — Он подумал о воспоминаниях, которые Дамблдору так и не удалось вытянуть из Слизнорта, — и, может быть, Волан-де-Морт хочет убрать его с дороги, может быть, он думает, что Слизнорт способен оказаться

полезным Дамблдору.

— Но ты же сказал, что Слизнорт собирался подарить эту бутылку Дамблдору на Рождество, — Напомнила ему Джинни. — И значит, отравитель вполне мог нацелиться на Дамблдора.

— В таком случае отравитель плохо знает Слизнорта, — сказала Гермиона, впервые за несколько часов открывая рот; голос ее звучал так, словно она сильно простужена. — Всякий, кто знает его, знает и то, что такую вкуснятину он, скорее всего, оставит себе.

— Ер-ми-наа, — неожиданно прохрипел Рон. Все мгновенно умолкли, с тревогой глядя на него, однако Рон, неразборчиво побормотав, просто-напросто захрапел.

Дверь палаты распахнулась, заставив всех, кто сидел в ней, подпрыгнуть: к ним широким шагом приближался Хагрид — волосы спрыснуты дождем, полы длинной бобровой шубы хлопают его сзади по ногам, в руке арбалет. Хагрид оставлял за собой цепочку грязных следов, и каждый был размером с дельфина.

— Целый день в Лесу проторчал! — отдуваясь, сообщил он. — Арагогу хуже стало, я ему книжку читал. Потом, думаю, дай-ка все-таки пообедаю, тут профессор Стебль мне про Рона и сказала!

Как он?

— Неплохо, — ответил Гарри. — Говорят, все обойдется.

— Не больше шести посетителей одновременно! — выскакивая из своего кабинета, провозгласила мадам Помфри.

— Хагрид как раз шестой, — заметил Джордж.

— А… ну да… — сказала мадам Помфри, похоже, считавшая Хагрида — по причине его роста — за нескольких человек сразу. Чтобы скрыть замешательство, она торопливо вытащила волшебную палочку и устранила оставленные лесничим грязные следы.

Ну прям не верится, — хрипло сказал Хагрид, глядя на Рона и покачивая огромной косматой головой. — Не верится, и все тут… Вы только гляньте, лежит здесь… Кто ж это ему зла-то пожелал, а?

— Об этом у нас и шел сейчас разговор, — ответил Гарри. — Мы не знаем.

— Может, кто против гриффиндорской команды по квиддичу зуб отрастил? — встревоженно спросил Хагрид. — Сперва Кэти, нынче Рон…

— Не могу себе представить человека, которому пришло бы в голову перебить всю команду, — сказал Джордж.

— Вуд, если бы знал, что это сойдет ему с рук, точно мог укокошить всех слизеринцев до единого, — справедливости ради отметил Фред.

— Ну, насчет квиддича я не уверена, а вот связь между этими покушениями, по-моему, существует, тихо сказала Гермиона.

— Это какая же? — спросил Фред.

— Во-первых, оба предполагали смертельный исход, до которого дело не дошло только благодаря чистой случайности. А во-вторых, ни яд, ни ожерелье так и не попали к тому, для кого они предназначались. Конечно, — задумчиво прибавила Гермиона, — это делает тех, кто стоит за покушениями, еще более опасными. Им, судя по всему, безразлично, сколько людей они прикончат, пока не доберутся до своей настоящей жертвы.

Прежде чем кто-либо успел отреагировать на это зловещее заявление, двери опять распахнулись и в палату торопливо вошли мистер и миссис Уизли. При первом посещении Рона они успели только увериться, что он поправится, теперь же миссис Уизли подошла к Гарри и крепко обняла его. — Дамблдор рассказал нам про безоар, про то, ты спас Рона, — с трудом сдерживая рыдания, пролепетала она. — Ах, Гарри, ну что тут

скажешь?

Ты спас Джинни… спас Артура… а теперь спас и Рона…

— Да нет, я же не… — смущенно пробормотал Гарри.

— Если подумать, так половина нашей семьи обязана тебе жизнью, — придушенным голосом произнесла миссис Уизли. — Я могу сказать только одно: день, когда Рон надумал занять в «Хогвартс-экспрессе» одно купе с тобой, был счастливым для нас днем, Гарри.

Придумать ответ на эти слова Гарри не удалось, он почти обрадовался, когда мадам Помфри снова напомнила, что больше шести посетителей к Рону не допускается. Гарри и Гермиона сразу же встали, намереваясь уйти, да и Хагрид решил составить им компанию — пусть с Роном побудут родные.

— Страшное дело, — пророкотал в бороду лесничий, когда они втроем направились по коридору к мраморной лестнице. — Столько всякой новой охраны, а детишек все едино губят… Дамблдор прямо болен от беспокойства. Он об этом молчок, но я же вижу…

— У него никаких идей на этот счет нет, а, Хагрид? — с отчаянием в голосе спросила Гер-

миона.

— Идей у него штук сто, при его-то мозгах, — ответил преданный Хагрид. — Да только не знает он, кто эти бусы прислал, кто вино отравил, а то бы давно уж их переловил. Меня ведь что беспокоит, — он понизил голос и оглянулся (Гарри на всякий случай проверил, не затаился ли где-нибудь на потолке Пивз), — если тут на детишек охота пошла, так долго ли сам Хогвартс открытым останется? Опять как с Тайной комнатой, верно? Паника поднимется, родители станут детишек из школы забирать, а там и опомниться не успеешь, как попечители… — Хагрид умолк — мимо них невозмутимо проплыл призрак длинноволосой дамы, — а потом снова хрипло зашептал: — Как попечители начнут поговаривать, чтобы прикрыть нас насовсем.

— Неужели это возможно? — встревожилась Гермиона.

— А ты посмотри их глазами, — с горечью ответил Хагрид. — Посылать детишек в Хогвартс всегда было дело рискованное, так? Запираешь в одном месте сотни колдунов-недорослтков, так уж жди всяких несчастных случаев. Да только когда их поубивать норовят, это совсем другая история. Чего ж удивляться, что Дамблдор так

осерчал на Сне…

Хагрид замер на месте, и на лице его над спутанной черной бородой появилось знакомое виноватое выражение.

— Что? — быстро спросил Гарри. — Дамблдор рассердился на Снегга?

— Я так не говорил, — ответил Хагрид, но его испуганный вид выдавал беднягу с головой. — Ба, времени-то сколько, к полуночи, мне бы надо…

— Хагрид, почему Дамблдор рассердился на Снегга? — громко спросил Гарри.

— Чш-ш-ш! — нервно и сердито откликнулся Хагрид. — Не горлань так, Гарри, ты же не хочешь, чтобы меня с работы погнали? Хотя тебе, может, и все едино, тебя ж теперь уход за маги…

— Хочешь, чтобы я почувствовал себя виноватым? Ну так ничего у тебя не выйдет, — твердо сказал Гарри. — Что натворил Снегг?

— Да не знаю я, Гарри, мне вообще их слушать не полагалось! Вышел я вчера вечером из Леса, слышу, разговаривают… ну это, спорят. Я им на глаза попадаться не хотел и вроде как пошел себе потихоньку, старался не слушать, да только они… ну, в общем, горячились, а уши-то не заткнешь.

— И что? — поторопил Гарри виновато перебиравшего огромными ступнями Хагрида.

— Я просто слышал, как Снегг сказал: мол, Дамблдору много чего кажется само собой разумеющимся, а ему, Снеггу то есть, может, больше этого делать неохота…

— Делать что?

— Не знаю я, Гарри, вроде как Снеггу показалось, будто он малость перетрудился, вот и все. Да только Дамблдор ему прямо сказал, что он, дескать, сам вызвался, так что тут и толковать не о чем. Строго так сказал. А после добавил что-то насчет расследований, которые Снегг у себя в Слизерине ведет. Так тут же ничего странного и нет! — торопливо добавил Хагрид, увидев, как Гарри и Гермиона обменялись многозначительными взглядами. — Всем деканам велено было порасспросить своих насчет тех бус…

— Да, но ни с кем другим из них Дамблдор не ссорился, так? — сказал Гарри.

— Погоди. — Вконец смущенный Хагрид принялся вертеть в руках арбалет. Раздался громкий треск, арбалет разломился надвое. — Я знаю, что ты про Снегга думаешь, Гарри, да только не стоит видеть в этом больше, чем там есть.

— Осторожно! — коротко предупредила Гермиона.

Они обернулись как раз вовремя: на стене за

ними вырастала тень Аргуса Филча, а следом из-за угла появился и он сам, сгорбленный, лязгающий от радостного предвкушения зубами.

— Ага! — запыхтел он. — Час поздний, а вы не спите, насидитесь теперь в школе после уроков!

— А вот и нет, — оборвал его Хагрид. — Они же со мной.

— Мне-то какая разница? — вызывающе поинтересовался Филч.

— Я, черт дери, учитель, разве нет, сквиб ты ползучий! — мгновенно вспыхнув, рявкнул Хагрид.

Послышалось отвратительное шипение — это филч раздувался от гнева; тут же появилась Миссис Норрис и принялась тереться о его костлявые лодыжки.

— Топайте отсюда, — краем рта сказал Хагрид.

Дважды просить не пришлось — Гарри с Гермио-ной ударились в бегство, слушая эхом отдававшиеся за их спинами громкие голоса Хагрида и Филча. Когда они свернули к башне Гриффиндора, навстречу им попался Пивз, радостно летевший к источнику криков, хихикая и скандируя:

Если где повздорят люди,
Кликни Пивза — драка будет!

Полная Дама уже похрапывала и нисколько не обрадовалась, когда ее разбудили, но все же, поворчав, отступила в сторону, позволив Гермионе и Гарри протиснуться в благодать тихой, пустой гостиной. Судя по всему, о случившемся с Роном знали пока не многие. Гарри почувствовал облегчение — расспросов ему на сегодня уже хватило. Гермиона, пожелав Гарри спокойной ночи, направилась к спальням девочек. Он же остался в гостиной, сидел у камина, глядя на потухающие угли.

Итак, Дамблдор повздорил со Снеггом. Несмотря на все, что он сказал Гарри, несмотря на заявления, что Снеггу он доверяет полностью, Дамблдор, разговаривая со Снеггом, вышел из себя, решил, что тот прилагает недостаточно усилий, расследуя деятельность неких слизеринцев… Или только одного — Малфоя?

Может быть, Дамблдор сделал вид, будто подозрения Гарри кажутся ему пустыми, опасаясь, что Гарри наделает глупостей, попробует взять все в свои руки? Не исключено и другое — Дамблдор не хотел, чтобы Гарри отвлекался от их уроков, от попыток вытянуть из Слизнорта воспоминания. А возможно, не считал правильным делиться с шестнадца-тилетним своими подозрениями в

отношении подчиненного…

— Ну вот и ты, Поттер!

Гарри испуганно вскочил на ноги, держа наготове волшебную палочку. Он был совершенно уверен, что в гостиной нет ни души, и не ожидал, что из дальнего кресла поднимется кто-то огромный. Впрочем, вглядевшись попристальнее, он понял, что перед ним Маклагген.

— Я ждал твоего возвращения, — сказал Маклагген, не обращая внимания на палочку Гарри. — Заснул, наверное. Слушай, я видел утром, как Уизли волокли в больницу. Похоже, к назначенной на следующую неделю игре он не поправится.

Гарри потребовалось не одно мгновение, чтобы понять, о чем идет речь.

— А… ну да… квиддич, — протянул он, засовывая палочку за пояс джинсов и устало проводя рукой по волосам. — Да, к игре он может не поспеть.

— Ну тогда я смогу встать на ворота, правильно? — спросил Маклагген.

— Да, — ответил Гарри. — Да, пожалуй…

Возразить на это ему было нечего, в конце концов во время отборочных испытаний Маклагген показал второй результат.

— Отлично, — обрадовался Маклагген. — Так когда тренировка?

— Что? А, завтра вечером.

— Хорошо. Послушай, Поттер, нам стоило бы поговорить еще до нее. У меня есть кой-какие соображения насчет стратегии, может, ты сочтешь их полезными.

— Ладно, — без всякого энтузиазма согласился Гарри. — Только давай ты мне о них завтра расскажешь. Видишь ли… я что-то устал сегодня…

Назавтра по школе разлетелась новость об отравлении Рона, но шума, подобного тому, что поднялся после покушения на Кэти, она не наделала. Похоже, все сочли это несчастным случаем, к тому же во время отравления Рон находился в кабинете преподавателя зельеварения, противоядие получил сразу, а значит, не особенно и пострадал. На деле гриффиндорцев куда больше интересовала предстоящая игра с Пуффендуем, многим хотелось увидеть, как Захария Смит, игравший у пуффендуйцев охотником, будет наказан за высказывания, которые он позволил себе во время первого матча со слизеринцами.

Между тем Гарри квиддич интересовал как никогда мало. Мысли о Драко Малфое быстро превращались у него в подобие мании. Справляясь

при всякой возможности с Картой Мародеров, он время от времени делал по замку крюк, заглядывая туда, где находился Малфой, но ни за какими необычными занятиями застать его так и не смог. И при этом Малфой продолжал необъяснимым образом исчезать с карты.

Впрочем, времени на то, чтобы вплотную заняться этой загадкой, у Гарри не было — мешали тренировки, домашние задания, да еще то обстоятельство, что теперь, куда бы он ни направлялся, за ним неотступно следовали Кормак Маклагген и Лаванда Браун.

Кто из них досаждает ему сильнее, Гарри решить так и не смог. Маклагген постоянно намекал, что вратарь команды из него получится лучший, чем из Рона, и что Гарри, который теперь регулярно видит его в игре, наверняка и сам так думает. Мало того, Маклагген критиковал всех остальных игроков и приставал к Гарри с детальными планами тренировок, так что Гарри не раз уже пришлось напомнить ему, кто в команде капитан.

А Лаванда то и дело подкатывалась к нему с разговорами о Роне, и эти разговоры Гарри находил не менее утомительными, чем разглагольствования Маклаггена о квиддиче. Поначалу Лаванда

была страшно обижена, что никто не удосужился сообщить о том, что Рон попал в больницу («Я же все-таки его девушка!»), но затем решила простить Гарри забывчивость и провести с ним ряд задушевных бесед, посвященных чувствам Рона, — крайне тягостное испытание, без которого Гарри с большим удовольствием обошелся бы.

— Послушай, почему бы тебе не поговорить обо всем этом с Роном? — спросил ее Гарри после особенно долгих расспросов, охвативших собою все — от точных слов, сказанных Роном по поводу ее новой парадной мантии, до мнения Гарри о том, считает ли Рон свои отношения с Лавандой «серьезными».

— Я бы и поговорила, но всякий раз, как я к нему прихожу, он спит! — раздраженно сообщила Лаванда.

— Вот как? — Гарри был удивлен, поскольку сам он при каждом посещении больничного крыла заставал Рона бодрствующим: друг рьяно интересовался новостями о ссоре Дамблдора и Снегга, с одной стороны, и норовил произнести как можно больше бранных слов о Маклаггене, с другой.

— А Гермиона Грейнджер к нему все еще заглядывает? — внезапно поинтересовалась Лаванда.

— По-моему, да. Так ведь они же друзья, верно? — испытывая неловкость, ответил Гарри.

— Друзья, не смеши меня! — презрительно процедила Лаванда. — Когда Рон стал встречаться со мной, она с ним неделями не разговаривала! Теперь-то она, конечно, хочет с ним помириться, он же стал таким интересным…

— По-твоему, получить яд, значит стать интересным? — спросил Гарри. — Как бы там ни было, извини, я должен уйти — вон Маклагген идет, опять прицепится ко мне с разговорами о квиддиче. — И Гарри, бочком скользнув в притворявшуюся сплошной стеной дверь, коротким путем понесся на урок зельеварения, куда, к счастью, ни Лаванда, ни Маклагген последовать за ним не могли.

В то утро, на которое была назначена игра с Пуффендуем, Гарри заскочил по пути на поле в больничное крыло. Рон был вне себя — мадам Помфри не разрешила ему пойти посмотреть матч, считая, что это может его перевозбудить.

— Так что там Маклагген? В какой он форме? — спросил Рон, забыв, по-видимому, что уже дважды задавал этот вопрос.

— Я же тебе говорил, — ответил Гарри, — будь он хоть игроком мирового класса, я бы его в ко-

манде держать не стал. Он все время лезет ко всем с указаниями, считает, что, на какое место его ни поставь, он сыграет лучше любого из нас. Я просто жду не дождусь, когда смогу от него избавиться. Кстати, — прибавил Гарри, вставая и поднимая свою «Молнию», — ты не мог бы перестать притворяться спящим, когда к тебе приходит Лаванда? Она тоже меня, того и гляди, с ума сведет.

— Ладно, — сконфуженно выдавил Рон.

— Не хочешь с ней больше встречаться, так скажи ей об этом, — посоветовал Гарри.

— Хорошо… Только это не так-то просто, — сказал Рон. Он помолчал, затем небрежно осведомился: — А Гермиона сюда перед игрой не заглянет?

— Нет, она уже отправилась с Джинни на поле.

— Ну да, — немного помрачнев, сказал Рон. — Ладно, удачи. Надеюсь, ты разгромишь Маклаг… то есть Смита.

— Постараюсь, — сказал Гарри и закинул метлу на плечо. — Пока, увидимся после матча.

Он торопливо шел по пустым коридорам. В школе не было ни души — все либо уже сидели на стадионе, либо направлялись к нему. Гарри поглядывал в окна, мимо которых проходил, прикидывая, каков нынче ветер, и тут его вни-

мание привлек шум впереди. В сопровождении двух девочек к нему приближался Малфой. Обе девочки выглядели недовольными и надутыми.

Заметив Гарри, Малфой замер на месте, злорадно ухмыльнулся и снова двинулся вперед.

— Куда это ты собрался? — резко спросил Гарри.

— Ага, Поттер, жди, вот так сию минуту все тебе и расскажу, ведь это ж тебя касается! — ощерился Малфой. — Ты бы лучше поторопился, тебя там ждут, Избранный капитан, Мальчик, Который Всегда Побеждает или как там тебя теперь называют.

Одна из девочек захихикала. Гарри взглянул на нее, и она покраснела. Малфой, обогнув Гарри, тронулся дальше. Девочка и ее подруга засеменили следом, все трое свернули за угол и скрылись из виду.

Гарри стоял как вкопанный, глядя им вслед. Ну хоть вой от злости! До игры оставались считанные минуты, а тут ему подворачивается крадущийся куда-то по опустевшей школе Малфой — подворачивается лучшая до сей поры возможность выяснить, что он задумал. Проходили секунды, а Гарри так и стоял, оцепенев, не отрывая глаз от угла, за которым исчез Малфой…

— Где ты был? — сердито спросила Джинни, когда Гарри влетел в раздевалку. Вся команда уже переоделась, загонщики Кут и Пикс нервно постукивали себя битами по икрам.

— Малфоя встретил, — тихо ответил Гарри, натягивая через голову красную мантию.

— И что?

— Хотел узнать, что он и две девочки делают в замке, когда все остальные здесь…

— И этим необходимо было заниматься именно сейчас?

— Так я вроде и не занимаюсь, — огрызнулся Гарри. Он взял «Молнию» и поправил очки. — Ладно, пошли!

И, не сказав больше ни слова, он вышел на поле, встреченный оглушительными криками и улюлюканьем. Ветра почти не было, по небу плыли редкие облачка, время от времени ослепительно вспыхивало солнце.

— Условия сложные! — обращаясь к команде, бодро объявил Маклагген. — Кут, Пикс, вам следует заходить со стороны солнца, чтобы противник не замечал вашего приближения…

— Капитан команды я, Маклагген, хватит поучать игроков, — сердито прервал его Гарри. — Шел бы ты лучше к шестам!

Как только Маклагген удалился, Гарри повернулся к загонщикам.

— Постарайтесь подлетать со стороны солнца, — неохотно сказал он.

Гарри обменялся рукопожатием с капитаном пуффендуйской команды, а затем по свистку мадам Трюк оттолкнулся от земли, взлетел выше своих игроков и пронесся вдоль поля, отыскивая глазами снитч. Если поймать его пораньше, появится шанс вернуться в замок, добраться до Карты Мародеров и выяснить, чем занят Малфой…

— А вот и Смит с квоффлом, — отдаваясь эхом от земли, произнес мечтательный голос. — В прошлый раз, как вы знаете, он комментировал игру, и в него врезалась Джинни Уизли. Скорее всего, намеренно, во всяком случае, так это выглядело со стороны. Смит очень грубо отзывался о Гриффиндоре, думаю, теперь, играя против него, он об этом сожалеет. — О, смотрите-ка, Джинни отобрала у него квоффл, она мне нравится, очень хорошая…

Гарри глянул вниз, на помост комментатора. Кто мог, пребывая в здравом уме, поручить комментировать матч Полумне Лавгуд? Однако даже с такой высоты ошибиться было невозможно

— длинные, серовато-светлые волосы, ожерелье из пробок от сливочного пива… Сидевшая рядом с ней профессор МакГонагалл казалась слегка встревоженной — похоже, назначение Полумны на эту должность вызывало у нее серьезные сомнения.

— Но теперь квоффл забирает у Джинни игрок команды Пуффендуя, крупный такой, никак не могу вспомнить его имя… Быкинс… нет, Бугайни…

— Скоткинс! — громко сказала профессор МакГонагалл. Зрители захохотали.

Гарри оглядывался, выискивая снитч, но никаких признаков его не видел. Мгновение спустя Скоткинс забил гол. Маклагген, крикливо отчитывавший Джинни за то, что она упустила квоффл, в результате прозевал большой красный мяч, пронесшийся мимо его правого уха.

— Маклагген, займись своим делом и оставь игроков в покое! — взревел Гарри, сделав вираж и оказавшись лицом к лицу с вратарем.

— А ты бы мне пример показал! — крикнул в ответ красный, злой Маклагген.

— И вот Гарри Поттер ругается со своим вратарем, — безмятежно сообщила Полумна под радостные восклицания и гогот сидевших на

трибунах пуффендуйцев и слизеринцев. — Не думаю, что это сильно поможет ему отыскать снитч, хотя, возможно, тут перед нами просто хитроумная уловка…

Гневно выругавшись, Гарри крутнулся на месте и вновь облетел поле, обшаривая глазами небо в поисках крошечного крылатого золотого мячика.

Джинни и Демельза забили по голу каждая, дав и своим одетым в красное с золотом болельщикам повод для восторга. Затем Скоткинс закатил еще один, сравняв счет, но Полумна этого словно и не заметила. Прозаические мелочи вроде счета интересовали ее на редкость мало, она старалась привлечь внимание зрителей к таким любопытным вещам, как необычная форма облака или вероятность того, что Захария Смит, неспособный удержать квоффл дольше одной минуты, страдает заболеванием, которое она назвала Немочью неудачника.

— Счет семьдесят — сорок в пользу Пуффендуя! — рявкнула в рупор профессор МакГонагалл.

— Уже? — рассеянно удивилась Полумна. — О, посмотрите-ка! Вратарь Гриффиндора завладел битой одного из загонщиков.

Висевший в воздухе Гарри резко обернулся. И точно, Маклагген, по ведомым только ему причинам, выхватил у Пикса биту и теперь показывал ему, как следует отбивать бладжер, чтобы попасть им в уже приближавшегося Скоткинса.

— Отдай ему биту и вернись к шестам! — кидаясь к Маклаггену, завопил Гарри, но тот уже яростно замахнулся, целя битой по бладжеру — и послал его совсем не в том направлении.

Слепящая, тошнотворная боль… вспышка света… далекие крики… чувство падения в глубокий колодец…

В следующий миг Гарри обнаружил, что лежит в теплой и удобной постели и смотрит на лампу, отбрасывающую на темный потолок круг золотистого света. Он с трудом приподнял голову. Слева от него лежал кто-то очень знакомый — веснушчатый и рыжий.

— Рад, что ты заглянул ко мне, — с ухмылочкой сказал Рон.

Гарри заморгал, огляделся вокруг. Ну конечно, он в больнице. Небо за окном стало темно-синим, покрылось багровыми прожилками. С окончания матча прошло, наверное, уже несколько часов… И уже несколько часов как рухнула надежда припереть Малфоя к стенке. Голова казалась странно

тяжелой, Гарри поднял к ней руку и нащупал тюрбан из бинтов.

— Что со мной?

— Трещина в черепе, — ответила мадам Помфри, быстро приблизясь к нему и легким толчком заставив снова откинуться на подушки. — Ничего страшного, я ее быстро залатала, однако ночь вам придется провести здесь. В ближайшие несколько часов вы не должны перенапрягаться.

— Да не хочу я торчать здесь всю ночь, — сердито заявил Гарри, садясь и отбрасывая одеяло. — Мне нужно найти Маклаггена и отправить его на тот свет.

— Боюсь, как раз это и означает «перенапрягаться», — сообщила мадам Помфри, твердой на сей раз рукой возвращая Гарри в постель и угрожающе взмахивая волшебной палочкой. — Вы останетесь здесь, Поттер, пока я вас не выпишу, в противном случае, я вызову сюда директора школы.

И она скорым шагом удалилась в свой кабинет, а Гарри, гневно пыхтя, снова откинулся на подушки.

— Не знаешь, с каким счетом мы продулись? — сквозь зубы поинтересовался он у Рона.

— Знаю, а как же, — с извиняющейся интона-

цией ответил Рон. — Триста двадцать — шестьдесят.

— Блеск! — свирепея, воскликнул Гарри. — Просто блеск! Ну, попадись мне Маклагген в руки!

— Это еще кто кому попадется, — рассудительно заметил Рон. — Он же с тролля ростом. Я бы на твоем месте поискал у Принца хорошую порчу да напустил бы на него. И вообще, прежде чем ты отсюда выберешься, команда, скорее всего, сама с ним разберется, она, знаешь, тоже не слишком рада…

В голосе Рона звучало плохо скрываемое ликование, Гарри ясно понимал, что сокрушительный провал Маклаггена его только радует. Гарри лежал, глядя в потолок, на круг света, недавно залатанный череп не то чтобы болел, но, казалось, приобрел чрезмерную чувствительность.

— Я слышал отсюда комментарии, — дрогнувшим от веселья голосом сообщил Рон. — Надеюсь, Полумна теперь будет комментировать все игры… Немочь неудачника, это ж надо!

Гарри был еще слишком сердит для того, чтобы увидеть в случившемся какие-либо смешные стороны, и фырканье Рона вскоре затихло.

— Пока ты валялся без памяти, сюда забегала Джинни, — после долгой паузы сказал Рон, и

воображение Гарри тут же заработало в полную силу, нарисовав сцену, в которой Джинни, рыдая над его бесчувственным телом, признается в вечной любви к нему, а Рон их благословляет. — Она сказала, ты еле-еле поспел на игру. Что случилось? Отсюда-то ты довольно рано ушел.

— А… — ответил Гарри, и сцена, стоявшая перед его внутренним взором, съежилась до размеров точки. — Я встретил Малфоя, он крался куда-то с двумя девчонками, и вид у обеих был такой, словно они никуда с ним идти не хотят. Он уже второй матч по квиддичу пропускает. На прошлом его тоже не было, помнишь? — Гарри вздохнул. — Лучше бы я за ним проследил, все равно игра закончилась полным провалом…

— Не дури! — резко возразил Рон. — Не можешь же ты пропускать матч только ради того, чтобы следить за Малфоем, ты как-никак капитан!

— Мне нужно выяснить, что он задумал, — ответил Гарри. — И не говори, что у меня просто воображение разыгралось после его разговора со Снеггом…

— Я этого и не говорил никогда. — Рон приподнялся на локте и сердито взглянул на друга. — Но ведь не существует правила, что строить здесь какие-то козни может только один человек! Ты

малость помешался на Малфое, Гарри. Думать о том, чтобы пропустить матч ради слежки за ним…

— Я должен поймать его на месте преступления! — расстроенно сказал Гарри. — Сам подумай, ну куда он исчезает с Карты Мародеров?

— Да откуда мне знать! — ответил Рон.

Оба умолкли. Гарри, задумавшись, вглядывался в круг света на потолке…

Конечно, обладай он возможностями Руфуса Скримджера, он приставил бы к Малфою хвост, но, увы, команды мракоборцев в распоряжении Гарри не было. Он ненадолго задумался, не попробовать ли снова создать что-то вроде ОД, но при этом возникла бы одна проблема: всем придется пропускать уроки, а у большинства очень плотное расписание.

От койки Рона поплыл негромкий, раскатистый храп. Вскоре из своего кабинета показалась мадам Помфри, на этот раз облаченная в домашний халат. Притвориться спящим дело самое простое — Гарри повернулся на бок и стал слушать, как с каждым взмахом ее палочки на окнах сдвигаются шторы. Лампы потускнели, мадам Помфри вернулась в кабинет. Гарри услышал, как хлопнула дверь, и понял — она укладывается спать.

Это уже третий матч по квиддичу, размышлял в темноте Гарри, после которого он попадает в больницу. В прошлый раз он свалился с метлы из-за того, что вблизи поля появились дементоры, а еще раньше неумеха профессор Локонс вытянул из его руки все кости… самое мучительное увечье, какое Гарри когда-либо получал. Он вспомнил, какую испытывал боль, когда кости заново отрастали в течение одной ночи, и как эту боль не облегчил даже неожиданный гость, появившийся в самый разгар…

Гарри резко сел, сердце его гулко забилось, головная повязка съехала набок. Вот же оно, решение: возможность проследить за Малфоем существовала. Как мог он забыть, почему не додумался раньше?!

Вопрос, правда, в том, как его вызвать? Что для этого нужно сделать?

Негромко, неуверенно Гарри сказал в темноту:

— Кикимер?

Раздался гулкий хлопок, безмолвную палату наполнили звуки возни, попискивание. Рон, вскрикнув, проснулся.

— Что такое…

Испугавшись, что мадам Помфри, того и гляди, выскочит из своего кабинета, Гарри торопливо

направил на ее дверь волшебную палочку и пробормотал: «Оглохни!» А затем перебрался в изножье кровати, чтобы получше разглядеть происходящее.

Посреди палаты катались по полу два эльфа-домовика — один в мятом коричневом свитере и нескольких шерстяных шапках сразу, другой — в набедренной повязке из грязной старой тряпицы. Еще один громкий хлопок — и в воздухе над дерущимися эльфами появился полтергейст Пивз.

— От меня не укроешься, Потти! — возмущенно сообщил он и, ткнув пальцем в дерущихся, громко загоготал. — Ты посмотри на этих низких тварей, поцапались, а? И сразу друг дружку кускус да хряп-хряп…

— Кикимер не будет оскорблять Гарри Поттера в присутствии Добби, нет, не будет, иначе Добби Кикимеру сам рот заткнет! — тонким голоском воскликнул Добби.

— …да дерутся-царапаются! — радостно вопил Пивз, швыряясь в эльфов кусочками мела, чтобы пуще их раззадорить. — Бей, круши!

— Кикимер будет говорить про хозяина что захочет, о да, тоже мне, хозяин, мерзкий друг грязнокровок, о, что сказала бы бедная хозяйка Кикимера…

Что именно сказала бы бедная хозяйка Кикимера, узнать никому не довелось, поскольку именно в этот миг Добби засадил узловатым кулачком Кикимеру в рот, выбив ему половину зубов. Гарри и Рон, спрыгнув с коек, растащили домовиков, хоть те и не оставляли попыток врезать друг другу кулаком или ногой. Пивз еще и подзуживал их, кружа вокруг лампы и голося:

— Пальцы в нос ему втыкай, уши к черту отрывай…

Гарри нацелил на Пивза волшебную палочку и произнес: «Обезъяз!» Пивз схватился за горло и вымелся вон из палаты, делая непристойные жесты, но не произнося ни слова, поскольку язык его только что приклеился к нёбу.

— Неплохо, — одобрительно сказал Рон, поднимая Добби повыше, чтобы его дергающиеся конечности не смогли больше достать Кикимера. — Это что, еще одно заклинание Принца?

— Угу, — ответил Гарри и завел Кикимеру за спину одну из тощих ручонок. — Так вот, я запрещаю вам драться друг с другом! Тебе, Кикимер, запрещается драться с Добби. Добби, я понимаю, что не вправе тебе приказывать…

— Добби — свободный эльф-домовик, он подчиняется кому захочет, и Добби сделает все, что

скажет ему Гарри Поттер! — заявил Добби, по морщинистому лицу которого теперь катились, орошая свитер, слезы.

— Тогда ладно, — сказал Гарри, и они с Роном выпустили эльфов — оба рухнули на пол, но продолжать драку не стали.

— Хозяин звал меня? — прокаркал Кикимер, отвешивая поклон, но при этом награждая Гарри взглядом, в котором явственно читалось пожелание мучительной смерти.

— Звал-звал, — ответил Гарри и глянул в сторону кабинета мадам Помфри — убедиться, что заклинание «Оглохни!» все еще сохраняет силу. Никаких признаков того, что она услышала шум, он не заметил. — У меня есть для тебя задание.

— Кикимер сделает все, чего желает хозяин, — сказал Кикимер, поклонившись так низко, что губы его почти коснулись шишковатых пальцев ног, — потому как Кикимеру выбирать не приходится, но Кикимеру стыдно, что у него такой хозяин, да…

— Добби сам все сделает, Гарри Поттер! — пропищал Добби, и его большие, как теннисные мячики, глаза наполнились слезами. — Добби почтет за честь помочь Гарри Поттеру!

— Вообще-то говоря, пригодиться вы можете

оба, — сказал Гарри. — Значит, так, мне нужно, чтобы вы проследили за Драко Малфоем.

Не обращая внимания на Рона, лицо которого отразило смесь недоумения и досады, Гарри продолжил:

— Мне нужно знать, где он бывает, с кем встречается и что делает. Я хочу, чтобы вы следили за ним круглые сутки.

— Будет исполнено, Гарри Поттер! — воскликнул Добби, и глаза его взволнованно вспыхнули. — И если Добби сделает что не так, Добби бросится вниз с самой высокой башни!

— В этом нет никакой нужды, — поспешил заверить его Гарри.

— Хозяин желает, чтобы я следил за самым молодым Малфоем? — прохрипел Кикимер. — Хозяин желает, чтобы я шпионил за чистокровным внучатым племянником моей прежней хозяйки?

— Вот именно, — ответил Гарри. Тут он сообразил, что задание это сопряжено для него с определенным риском, и решил сразу же себя обезопасить. — И тебе запрещается предупреждать его об этом, Кикимер, или давать ему знать, чем ты занимаешься, да и вообще разговаривать с ним, или писать ему записки, или… или связываться с ним каким бы то ни было способом.

Ты понял?

Гарри ожидал ответа, и ему казалось, что он просто-таки видит, как Кикимер пытается отыскать лазейку в полученном приказе. Через секунду-другую Кикимер, к великому облегчению Гарри, отвесил ему еще один глубокий поклон и с горьким негодованием сообщил:

— Хозяин все предусмотрел, Кикимеру придется подчиниться ему, даже если Кикимер предпочел бы служить молодому Малфою, о да…

— Ну, значит, договорились, — сказал Гарри. — Будете докладывать мне регулярно, но появляйтесь, лишь убедившись, что рядом со мной нет посторонних. Рон с Гермионой не в счет. И не говорите никому, чем занимаетесь. Просто прилипните к Малфою, как пара мозольных пластырей.

Глава 20

ХОДАТАЙСТВО ЛОРДА ВОЛАН-ДЕ-МОРТА

Гарри с Роном покинули больницу рано утром в понедельник. Благодаря заботам мадам Помфри их здоровье полностью восстановилось, и теперь они могли насладиться благодатными последствиями отравления и трещины в черепе, лучшим из которых стало примирение Рона и Гермионы. Гермиона даже проводила их на завтрак, сообщив заодно новость о ссоре Джинни с Дином. Дремавшее в груди Гарри чудовище тотчас воспрянуло и с надеждой принюхалось к воздуху.

— Из-за чего они повздорили? — небрежно спросил Гарри, когда все трое повернули в коридор восьмого этажа, пустынный, если не считать маленькой девчушки, внимательно разглядывавшей гобелен с изображением троллей в балетных пачках. Завидев приближавшихся шестикурсников, девчушка, похоже, перепугалась и уронила на пол тяжелые бронзовые весы, которые держала в руках.

— Ничего-ничего! — утешила девочку поспе-

шившая ей на помощь Гермиона. — Держи… — Она пристукнула по обломкам весов волшебной палочкой и произнесла: — Репаро.

Девочка не поблагодарила ее, но так и осталась стоять как вкопанная, глядя им вслед. Рон, уходя, оглянулся.

— Что ни год, они становятся все меньше, — сказал он.

— Да шут с ней, — нетерпеливо отмахнулся Гарри. — Так из-за чего поссорились Джинни с Дином, а, Гермиона?

— Дин потешался над тем, как Маклагген залепил в тебя бладжером, — ответила она.

— Наверное, это и вправду было смешно, — рассудительно заметил Рон.

— Ничего там смешного не было! — горячо воскликнула Гермиона. — Выглядело все это просто ужасно, и, если бы Кут с Пиксом не поймали Гарри в воздухе, он мог очень сильно покалечиться!

— Но Джинни порывать из-за этого с Дином незачем. — Гарри по-прежнему старался говорить небрежным тоном. — Или они все же не порвали?

— Да нет, они… А тебя это почему интересует? — спросила Гермиона, внимательно вглядываясь в Гарри.

— Просто не хочу, чтобы в нашей команде по квиддичу опять все запуталось, — поспешил ответить он. Однако Гермиона продолжала смотреть на него с подозрением, так что, услышав донесшийся сзади возглас: «Гарри!», он облегченно вздохнул — теперь можно было повернуться к ней спиной.

— А, привет, Полумна.

— Я заходила в больничное крыло, хотела тебя повидать, — сообщила Полумна, копаясь в сумке. — Но там сказали, что ты уже выписан, а меня…

Она поочередно всучила Рону: предмет, похожий на крупную зеленую луковицу, большую пятнистую поганку и изрядное количество чего-то смахивающего на кошачий помет; наконец извлекла из сумки замызганный пергаментный свиток и протянула его Гарри.

— …а меня просили передать тебе это.

Гарри мгновенно признал в свитке приглашение на очередной урок Дамблдора.

— Сегодня вечером, — едва развернув свиток, сказал он Рону и Гермионе.

— Ты здорово комментировала последний матч! — похвалил Рон Полумну, уже забиравшую у него «луковицу», поганку и кошачий помет.

Полумна неуверенно улыбнулась.

— Шутишь, да? — сказала она. — Все говорят, что я была ужасна.

— Да нет, серьезно! — искренне воскликнул Рон. — Я и не припомню, чтобы комментарий доставил мне большее удовольствие! Кстати, а что это такое? — прибавил он, поднимая к глазам «луковицу».

— Это лирный корень, — ответила Полумна, запихивая в сумку поганку и кошачий помет. — Хочешь, возьми себе. У меня их несколько. Отлично отпугивают Пухлых Заглотов.

И она удалилась, оставив лирный корень в руке негромко посмеивающегося Рона.

— Знаете, а Полумна нравится мне все больше, — сказал он, когда они снова тронулись в путь к Большому залу. — Я понимаю, у нее не все дома, но что толку…

Он вдруг умолк. У подножия мраморной лестницы с грозным видом возвышалась Лаванда Браун.

— Привет, — нервно поздоровался Рон.

— Пойдем, — негромко сказал Гарри Гермионе, и оба ускорили шаг, но успели услышать слова Лаванды:

— Почему ты не сказал мне, что тебя сегодня

выписывают? И почему рядом с тобой оказалась она?

Когда Рон полчаса спустя появился за завтраком, выглядел он и надувшимся, и разозленным сразу, и хоть сел он рядом с Лавандой, Гарри не заметил чтобы за время, проведенное в Большом зале, эти двое обменялись хотя бы одним словом. Гермиона вела себя так, точно ничего не замечала, однако раз или два Гарри видел, как ее лицо озаряется беспричинной улыбкой. Весь этот день Гермиона пребывала в особенно приподнятом настроении, а вечером в гриффиндорской гостиной соблаговолила даже просмотреть (иными словами переписать) домашнюю работу Гарри по травологии, чем в последнее время напрочь отказывалась заниматься, зная, что Гарри позволит Рону все у него сдуть.

— Огромное спасибо, Гермиона. — Гарри, торопливо похлопав ее по спине, — он уже посмотрел на часы и обнаружил, что времени почти восемь. — Слушай, мне надо бежать, иначе я к Дамблдору опоздаю.

Она не ответила, просто с усталым видом вычеркнула несколько самых слабых из написанных им предложений. Гарри, ухмыляясь, проскочил сквозь проем в портрете и понесся к

кабинету директора школы. Торчавшая у винтовой лестницы горгулья отпрыгнула в сторону, едва услышав о шоколадных эклерах, и Гарри, перескакивая через ступеньки, взлетел наверх и стукнул в дверь. Часы в кабинете как раз начали отзванивать восемь.

— Войдите, — отозвался Дамблдор.

Гарри протянул руку, чтобы толкнуть дверь, но тут кто-то рывком открыл ее изнутри. За дверью стояла профессор Трелони.

— Ага! — вскричала она, театрально указав на Гарри, и, моргая, посмотрела на него сквозь толстые стекла очков. — Так вот причина, по которой вы, Дамблдор, столь бесцеремонно вышвыриваете меня из кабинета!

— Сивилла, дорогая, — с легким раздражением сказал Дамблдор, — о том, чтобы бесцеремонно вышвыривать тебя, и речи не идет, просто у нас с Гарри назначена встреча, и я действительно считаю, что дальнейшие разговоры по поводу…

— Очень хорошо, — с глубокой обидой объявила профессор Трелони. — Если вы не желаете изгнать отсюда этого узурпатора, эту клячу, значит, так тому и быть… Возможно, мне удастся найти школу, где лучше оценят мои дарования…

Она протиснулась мимо Гарри и исчезла, спу-

стившись по винтовой лестнице; слышно было, как она споткнулась на середине пути — Гарри догадался, что Трелони наступила на хвост одной из своих шалей.

— Закрой, пожалуйста, дверь, Гарри, и садись, — устало сказал Дамблдор.

Гарри подчинился, отметив, пока усаживался на свое обычное место перед столом Дамблдора, что между ними снова стоит Омут памяти, а рядом — еще два хрустальных флакончика, наполненных взвихренными воспоминаниями.

— Значит, профессор Трелони по-прежнему недовольна тем, что Флоренц преподает в школе? — спросил Гарри.

— Недовольна, — ответил Дамблдор. — Прорицания обернулись для меня куда большими, чем я предвидел, хлопотами, хоть сам я никогда этот предмет не изучал. Я не могу попросить Флоренца вернуться в Лес, для которого он стал изгоем, и не могу попро-сить Сивиллу Трелони покинуть школу. Между нами, она и представления не имеет об опасностях, которые поджидают ее за стенами замка. Она ведь не знает, что произнесла пророчество о тебе и Волан-де-Морте, а просвещать ее на этот счет было бы, на мой взгляд, неразумным.

Дамблдор тяжело вздохнул, потом сказал:

— Впрочем, мои сложности с преподавателями тебя не касаются. Нам нужно обсудить более важные темы. Но прежде всего, справился ли ты с заданием, которое я дал тебе на прошлом уроке?

— Ну… — вымолвил Гарри и замолчал. Уроки трансгрессии, квиддич, отравление Рона, его собственный треснувший череп и стремление выяснить, чем занят Драко Малфой, — за всеми заботами он почти забыл о воспоминании, которое Дамблдор попросил его вытянуть из Слизнорта. — Я как-то спросил об этом профессора Слизнорта после урока зельеварения, но он… э-э… мне отказал.

Наступило недолгое молчание.

— Понятно, — сказал наконец Дамблдор, глядя на Гарри поверх очков-половинок, отчего Гарри в который раз показалось, что его просвечивают рентгеном. — И ты считаешь, что сделал все посильное? Что использовал всю свою изобретательность? Что в стараниях раздобыть это воспоминание исчерпал все свое хитроумие?

— Ну… — не зная что ответить, промямлил Гарри. Единственная попытка получить от Слизнорта воспоминание вдруг показалась ему попросту жалкой. — В тот день, когда Рон по

ошибке проглотил приворотное зелье, я отвел его к профессору Слизнорту. И подумал тогда, что, если мне удастся привести профессора Слизнорта в благодушное настроение…

— Тебе это удалось? — перебил его Дамблдор.

— В общем-то, нет, сэр, потому что Рон отравился и…

— И это, естественно, заставило тебя забыть о любых попытках добыть воспоминание. Когда твой лучший друг в опасности, ничего другого я от тебя ожидать и не мог. Однако я был вправе надеяться, что, как только мистер Уизли пойдет на поправку, ты вернешься к выполнению задачи, которую я тебе поручил. Мне казалось, что я дал тебе ясно понять, как необходимо нам это воспоминание. Более того, я постарался внушить тебе, что оно для нас важнее всех остальных, что без него мы попусту потратим время.

Жаркое, жгучее ощущение стыда опалило затылок Гарри и растеклось по всему телу. Дамблдор не повышал голоса, он даже не сердился, но уж лучше бы он кричал — холодное разочарование старого волшебника казалось Гарри хуже всего на свете.

— Сэр, — почти со слезами в голосе сказал он, — дело не в том, что я не старался и вообще… Просто

у меня были другие… другие…

— Просто у тебя было другое на уме, — подсказал Дамблдор. — Я понимаю.

В кабинете снова повисло молчание, самое неуютное молчание, в какое Гарри случалось погружаться в присутствии Дамблдора. Оно длилось и длилось, нарушаемое лишь похрапыванием висящего над головой Дамблдора портрета Армандо Диппета. У Гарри было странное чувство, словно он стал меньше, немного усох с той минуты, как сюда вошел.

Когда сносить молчание стало уже не по силам, Гарри сказал:

— Профессор Дамблдор, мне правда очень жаль. Я должен был приложить больше усилий… понять, что вы не попросили бы меня об этом, не будь оно по-настоящему важным.

— Спасибо, что сказал это, Гарри, — негромко откликнулся Дамблдор. — Могу ли я надеяться, что в дальнейшем эта задача будет стоять у тебя на первом месте? Начиная с сегодняшнего вечера, наши с тобой встречи станут почти бессмысленными, если мы не получим воспоминаний Слизнорта.

— Я постараюсь, сэр, я добуду его, — горячо пообещал Гарри.

— Значит, больше об этом говорить не стоит, — Уже более добродушным тоном сказал Дамблдор, — а лучше заняться нашей историей — с того места, где мы остановились. Ты помнишь, где это было?

— Да, сэр, — мигом ответил Гарри. — Волан-де-Морт убил своего отца, деда и бабку, устроив все так, что подозрения пали на его дядю Морфина. Потом он вернулся в Хогвартс и спросил… — Гарри замялся, — спросил профессора Слизнорта о крестражах.

— Очень хорошо, — сказал Дамблдор. — Надеюсь, ты не забыл, как я на первом уроке говорил тебе, что нам придется прибегнуть к догадкам и домыслам?

— Да, сэр.

— До сих пор, — полагаю, тут ты со мной согласишься, — я демонстрировал тебе более или менее надежные источники сведений, на которых основывались мои умозаключения насчет жизни Волан-де-Морта до семнадцати лет.

Гарри кивнул.

— Однако теперь, — продолжал Дамблдор, — теперь все становится более запутанным и туманным. Если отыскать свидетельства, относящиеся к юному Реддлу, было нелегко, то найти

человека, готового поделиться воспоминаниями о мужчине по имени Волан-де-Морт, почти невозможно. Собственно говоря, я сомневаюсь, что, помимо меня, есть на свете хоть одна живая душа, способная дать нам полный отчет о том, как он жил после того, как покинул Хогвартс. Но у меня имеется пара последних воспоминаний, которыми я и хотел бы с тобой поделиться. — Дамблдор указал на поблескивающие вблизи Омута памяти хрустальные флакончики. — А потом я был бы рад услышать твое мнение о том, насколько правдоподобны сделанные мною выводы.

Мысль о том, что Дамблдор так высоко ценит его мнение, заставила Гарри еще сильнее устыдиться нерадивости, которую он проявил, пытаясь добыть воспоминания о крестражах, и, пока Дамблдор, поднеся первый флакончик к свету, вглядывался в него, Гарри виновато ерзал в кресле.

— Надеюсь, ты не устал погружаться в чужую память? Эти воспоминания особенно любопытны, именно эти два, — сказал Дамблдор. — Первое принадлежит совсем старенькому эльфу-домовику, служанке по имени Похлеба. Но прежде чем мы увидим то, что видела Похлеба, я вкратце перескажу тебе обстоятельства, при которых лорд

Волан-де-Морт покинул Хогвартс.

Седьмой курс он завершил с высшими, как ты и мог бы ожидать, оценками по каждому сданному им предмету. Все его однокурсники ломали головы над тем, какой вид деятельности им избрать, выйдя из Хогвартса. Том Реддл был старостой, лучшим учеником, лауреатом Специальной премии за заслуги перед школой, и все ожидали от него чего-то особенно блестящего. По моим сведениям, кое-кто из учителей, в их числе и профессор Слизнорт, думал, что он поступит в Министерство магии, и предлагал организовать необходимые для этого встречи, познакомить его с полезными людьми. Реддл на все отвечал отказом. И следующее, что узнали о нем преподаватели, — Волан-де-Морт устроился на работу в «Горбин и Бэрк».

— В «Горбин и Бэрк»? — ошеломленно переспросил Гарри.

— В «Горбин и Бэрк», — невозмутимо подтвердил Дамблдор. — Думаю, проникнув в память Похлебы, ты поймешь, чем привлек его этот магазин. Но это была не первая работа, которую выбрал Волан-де-Морт (в ту пору почти никто об этом не знал — я был одним из немногих, кому доверился тогдашний директор школы). Сначала

Волан-де-Морт обратился к профессору Диппету с вопросом, нельзя ли ему остаться преподавать в Хогвартсе.

— Он хотел остаться здесь? Но почему? — с еще большим изумлением спросил Гарри.

— Думаю, причин было несколько, хотя профессору Диппету он ни одной из них не назвал, — ответил Дамблдор. — Первая и главная состояла в том, что Волан-де-Морт привязался к школе сильнее, чем к любому живому существу. В Хогвартсе прошли его самые счастливые годы, школа была единственным местом, которое стало для него домом.

Услышав это, Гарри немного смутился — именно такие чувства и сам он питал к Хогвартсу.

— Во-вторых, наш замок — это оплот древней магии. Волан-де-Морт проник во множество его тайн, которые большинству выпускников нашей школы и не снились. Но он понимал, должно быть, что в замке еще остались нераскрытые тайны, кладези магии, из которых можно черпать и черпать.

И, в-третьих, став преподавателем, он получил бы влияние, огромную власть над юными волшебниками и чародеями. Возможно, эту идею он почерпнул у профессора Слизнорта, с кото-

рым у него сложились наилучшие отношения и который показал ему, каким влиянием может пользоваться преподаватель. Я и на миг не поверил бы, что Волан-де-Морт собирался провести в Хогвартсе весь остаток своих дней, думаю, однако, что он видел в школе еще и вербовочный пункт, место, в котором он сможет приступить к созданию своей армии.

— Но он этой работы не получил, сэр?

— Нет, не получил. Профессор Диппет сказал ему, что восемнадцать — возраст для учителя слишком незрелый, но предложил спустя несколько лет снова подать такое ходатайство, если у Реддла еще сохранится желание преподавать.

— А как отнеслись к этому вы, сэр? — поколебавшись, спросил Гарри.

— С огромной тревогой, — ответил Дамблдор. — Я отсоветовал Армандо брать его в преподаватели.

Я не стал приводить доводы, о которых рассказал тебе, поскольку профессор Диппет очень любил Волан-де-Морта и не сомневался в его честности. Просто я не хотел, чтобы лорд Волан-де-Морт вернулся в нашу школу, да еще и на пост, который дал бы ему власть.

— А какое место он хотел получить, сэр? Какой предмет преподавать?

Ответ почему-то стал ясным Гарри еще до того, как Дамблдор дал его.

— Защиту от Темных искусств. В то время ее преподавала престарелая дама, профессор Галатея Вилкост, проработавшая в Хогвартсе почти пятьдесят лет. Итак Волан-де-Морт поступил в «Горбин и Бэрк», и все обожавшие его преподаватели твердили в один голос, что это бессмысленное расточительство, что такому блестящему молодому волшебнику не место в какой-то там лавке. Впрочем, Волан-де-Морт не был простым продавцом. Вежливый, красивый, умный, он получил вскоре особую работу, из тех, что могут найтись только в таком заведении, как «Горбин и Бэрк». Этот магазин, как тебе известно, специализируется на продаже вещей, обладающих свойствами необычайными и мощными. Волан-де-Морта посылали к людям, которых нужно было уговорить расстаться с тем или иным сокровищем, уступить их владельцам магазина для последующей продажи, и по всем свидетельствам, он вел такие переговоры на редкость хорошо.

— Не сомневаюсь, — сказал, не сумев сдержать-

ся, Гарри.

— Вот именно, — слабо улыбнувшись, откликнулся Дамблдор. — А теперь пора послушать домового эльфа Похлебу состоявшую в прислугах у очень старой и очень богатой волшебницы по имени Хэпзиба Смит.

Дамблдор взмахнул волшебной палочкой, заставив пробку вылететь из флакона, и перелил бурлящую память в Омут, одновременно сказав:

— Сначала ты, Гарри.

Гарри встал и в который раз склонился над зыблющимся, серебристым содержимым каменной чаши, коснувшись лицом его поверхности. Он провалился в темную пустоту и скоро очутился в какой-то гостиной, прямо перед необъятно толстой старой дамой в замысловатом рыжем парике и поблескивающем розовом одеянии, которое придавало ей сходство с подтаявшим тортом-мороженым. Дама разглядывала себя в маленьком, усыпанном самоцветами зеркальце, нанося большой пуховкой румяна на свои и без того уже алые щеки, а самая крошечная и дряхлая из когда-либо виденных Гарри эльфов-домовиков зашнуровывала на ее мясистых ногах тесноватые атласные домашние туфли.

— Поторопись, Похлеба! — повелительно при-

крикнула Хэпзиба. — Этот юноша сказал, что придет в четыре, осталось всего несколько минут, а он никогда еще не опаздывал!

Похлеба распрямилась, дама отложила пуховку. Макушка эльфа едва доставала до подушек кресла, в котором восседала Хэпзиба; сухая, точно бумага, кожа старой служанки свисала с ее костей вместе с чистой холстиной, задрапированной на манер тоги.

— Как я выгляжу? — поинтересовалась Хэпзиба, поворачивая голову так и этак, чтобы под разными углами полюбоваться своим отражением в зеркале.

— Прелестно, мадам, — пропищала Похлеба.

Гарри оставалось только предположить, что обязанность врать сквозь стиснутые зубы, отвечая на этот вопрос, обозначена в контракте Похлебы, — на его взгляд, ничего прелестного в Хэпзибе не наблюдалось.

Звякнул дверной звонок, эльф и хозяйка дома подпрыгнули.

— Скорее, скорее, Похлеба, это он! — вскричала Хэпзиба.

Служанка суетливо засеменила из гостиной, загроможденной до того, что трудно было понять, как можно пройти по ней, не налетев по

крайней мере на дюжину предметов. Здесь теснились застекленные, наполненные лаковыми шкатулками шкафчики, большие шкафы были забиты книгами с тисненными золотом переплетами, полки уставлены земными и небесными глобусами, повсюду стояли бронзовые ящики с цветущими растениями — одним словом, гостиная походила на помесь лавки магических древностей с оранжереей.

Через пару минут служанка возвратилась, за нею следовал молодой человек, в котором Гарри без труда узнал Волан-де-Морта. Простой черный костюм, волосы отпущены чуть длиннее, чем в школе, впалые щеки — впрочем, ему все это шло, он стал еще красивее, чем прежде. Пройдя через битком набитую гостиную с легкостью, говорившей о том, что он не раз бывал здесь и прежде, молодой человек склонился над пухлой ладошкой Хэпзибы, коснувшись ее губами.

— Я принес вам цветы, — тихо сказал он, извлекая невесть откуда букет роз.

— Гадкий мальчик, к чему это! — визгливо воскликнула старая Хэпзиба, хотя Гарри заметил стоявшую на ближайшем к ней столике пустую вазу. — Балуете вы старуху, Том… Садитесь, садитесь… Но где же Похлеба? Ага…

В гостиную торопливо вернулась служанка, она притащила поднос с маленькими пирожными, который опустила близ локтя своей хозяйки.

— Угощайтесь, Том, — сказала Хэпзиба. — Я знаю, что вам нравятся мои пирожные. Ну, как вы? Побледнели. Вас в вашем магазине заставляют слишком много работать, я это сто раз говорила…

Волан-де-Морт деланно усмехнулся, Хэпзиба ответила ему жеманной улыбкой.

— Итак, под каким же предлогом вы навестили меня сегодня? — хлопая ресницами, осведомилась она.

— Мистер Бэрк хотел бы сделать вам выгодное предложение касательно доспехов гоблинской работы, — ответил Волан-де-Морт. — Он полагает, что пятьсот галеонов будут более чем справедливой…

— Нет-нет, не так быстро, иначе я подумаю, что вы приходите сюда только ради моих безделушек! — надула губки Хэпзиба.

— Мне приказывают являться сюда ради них, — тихо произнес Волан-де-Морт. — Я всего лишь бедный служащий, мадам, и вынужден делать то, что мне велят. Мистер Бэрк просил узнать…

— Ах-ах, мистер Бэрк, подумаешь! — взмахнув

ладошкой, сказала Хэпзиба. — Я могу показать вам такое, чего мистер Бэрк и не видел ни разу! Вы умеете хранить тайны, Том? Пообещайте не говорить мистеру Бэрку о том, что у меня есть. Он мне покоя не даст, если узнает, что я показала вам эти вещицы, а я их не продам ни мистеру Бэрку, ни кому другому! Но вы, Том, вы способны увидеть в этих вещах их историю, а не одни галеоны, которые за них можно выручить…

— Я буду рад увидеть все, что пожелает показать мне мисс Хэпзиба, — негромко сказал Волан-де-Морт, и Хэпзиба хихикнула, точно девица.

— Сейчас велю Похлебе принести их сюда… Похлеба, где ты? Я хочу показать мистеру Реддлу изысканнейшее из наших сокровищ… Впрочем, нет, принеси, раз уж идешь туда, оба…

— Прошу вас, мадам, — пропищала служанка, и Гарри увидел две стоящие одна на другой кожаные шкатулки, которые плыли по гостиной словно сами собой, хотя он понимал, что это крошечная Похлеба держит их на голове, пробираясь между столов, пуфиков и ножных скамеек.

— Вот, — радостно объявила Хэпзиба, принимая от эльфа шкатулки. Она и положила их себе на колени и приготовилась открыть верхнюю. — Думаю, вам это понравится, Том… О, если бы мои

родные узнали, что я показываю их вам! Все они только об одном и мечтают — как бы их присвоить поскорее!

Хэпзиба подняла крышку шкатулки. Гарри шагнул вперед, чтобы разглядеть ее содержимое, и увидел маленькую золотую чашу с двумя ручками тонкой работы.

— Вот интересно, знаете ли вы, что это такое, Том? Возьмите ее, рассмотрите получше! — прошептала Хэпзиба.

Волан-де-Морт протянул руку, взялся длинными пальцами за одну из ручек и извлек чашу из ее уютного шелкового гнездышка. Гарри показалось, что он заметил в темных глазах Волан-де-Морта какой-то красный проблеск Жадное выражение, застывшее на лице юноши, странно отражалось на физиономии Хэпзибы, даром что маленькие глазки ее смотрели не отрываясь лишь на красавца-гостя.

— Барсук, — пробормотал Волан-де-Морт, вглядываясь в гравировку на чаше. — Так она принадлежала?..

— Пенелопе Пуффендуй, как вам, умный вы мальчик, очень хорошо известно! — Хэпзиба, громко скрипнув корсетом, наклонилась и, подумать только, ущипнула его за впалую щеку. — Я

не говорила вам, что мы с ней состоим в дальнем родстве? Эта вещица передается в нашей семье из рук в руки уже многие годы. Красивая, правда? Считается, что в ней сокрыты самые разные силы, впрочем, досконально я это не проверяла, я просто храню ее у себя, в тишине и покое…

Она вытянула чашу из длинных пальцев Волан-де-Морта и аккуратно уложила обратно в шкатулку. Дама была слишком занята правильным ее размещением, чтобы заметить тень, скользнувшую по лицу молодого человека, когда у него отобрали чашу.

— Ну так, — радостно вымолвила Хэпзиба, — где Похлеба? А, ты здесь! Возьми это.

Служанка покорно приняла шкатулку с чашей, а Хэпзиба занялась другой шкатулкой, более плоской, оставшейся лежать у нее на коленях.

— Думаю, эта вещица понравится вам даже больше, Том, — прошептала она. — Наклонитесь немного, чтобы получше ее рассмотреть… Разумеется, Бэрк знает, что она у меня, я ее у него же и купила, и, смею сказать, он был бы рад снова заполучить эту вещь, когда меня не станет…

Старуха сдвинула изящную филигранную защелку, откинула крышку шкатулки. Внутри на малиновом бархате покоился тяжелый золотой

медальон.

На сей раз Волан-де-Морт протянул к шкатулке руку, не дожидаясь приглашения. Он взял медальон и поднял его к свету, разглядывая.

— Знак Слизерина, — тихо сказал он, вглядываясь в переливы света на богато изукрашенном, змеистом «S».

— Правильно! — воскликнула Хэпзиба. Вид Волан-де-Морта, зачарованно вглядывавшегося в медальон, доставлял ей, похоже, немалое наслаждение.

Я отдала бы за него руку или ногу, но не упустила бы, о нет, такое сокровище просто обязано находиться в моей коллекции. Бэрк, насколько я знаю, купил этот медальон у какой-то нищенки, укравшей его неведомо где, но понятия не имевшей о его подлинной ценности…

Теперь ошибиться было уже невозможно: при этих словах Хэпзибы глаза Волан-де-Морта полыхнули багрецом, и Гарри увидел, как побелели костяшки пальцев, сжимавших цепочку медальона.

— Бэрк наверняка заплатил ей гроши, а вещица попала ко мне… Красивая, правда? И опять-таки, какими только волшебными свойствами она не обладает, а я просто храню ее в тишине и покое,

вот и все…

Старая дама протянула руку к медальону. На миг Гарри показалось, что Волан-де-Морт не захочет отдать его, однако молодой человек позволил цепочке выскользнуть из его пальцев, и медальон вернулся на свое малиновое бархатное ложе.

— Ну что же, Том, дорогой, надеюсь, вам эти безделицы пришлись по вкусу!

Она взглянула гостю в лицо, и Гарри впервые увидел, как выцветает ее глуповатая улыбка.

— Вы хорошо себя чувствуете, дорогой?

— О да, — тихо ответил Волан-де-Морт. — Да, я чувствую себя превосходно…

— А мне показалось… Впрочем, это, надо полагать, игра света… — заметно нервничая, сказала Хэпзиба. Гарри понял, что и она углядела мгновенный красный проблеск в глазах Волан-де-Морта. — Похлеба, отнеси все назад и запри… с обычными заклинаниями…

— Пора уходить, Гарри, — негромко сказал Дамблдор, и, когда маленькая служанка, ковыляя, понесла шкатулки прочь из гостиной, оба они взлетели, пронзая забвение, вверх и вернулись в кабинет Дамблдора.

— Хэпзиба Смит скончалась через два дня после

этой сценки, — сказал Дамблдор, усаживаясь и указывая Гарри на кресло. — Министерство признало ее домовика Похлебу виновной в том, что она случайно поднесла хозяйке отравленное какао.

— Ну еще бы! — сердито воскликнул Гарри.

— Я понимаю, что у тебя на уме, — сказал Дамблдор. — Между этой смертью и смертью Реддлов, безусловно, имеется немалое сходство. В обоих случаях кто-то принимает на себя вину и превосходно помнит все обстоятельства смерти…

— Похлеба призналась?

— Она помнила, как насыпала в какао хозяйки что-то, оказавшееся не сахаром, а смертоносным, мало известным ядом, — ответил Дамблдор. — Было решено, что сделала она это не нарочно, а просто по причине старости и бестолковости…

— Волан-де-Морт изменил ее память, точно так же, как память Морфина!

— Да, я тоже пришел к такому выводу, — сказал Дамблдор. — И так же как в случае Морфина, Министерство с готовностью обвинило Похлебу…

— Потому что она домовый эльф, — сказал Гарри. Редко случалось ему проникаться большей симпатией к основанному Гермионой обществу Г.А.В.Н.Э.

— Совершенно верно, — согласился Дамблдор. — Она была стара, она призналась, что напутала с хозяйским питьем, а провести дальнейшее расследование никто в Министерстве не потрудился. Как и в случае Морфина, когда я отыскал Похлебу и проник в ее память, жить ей оставалось совсем недолго. Однако, кроме того, что Волан-де-Морт знал о чаше и медальоне, воспоминания старушки ничего не доказывают.

Ко времени осуждения Похлебы семейство Хэпзибы уже обнаружило пропажу двух ее величайших сокровищ. Чтобы окончательно удостовериться в этом, ее родичам потребовался немалый срок, поскольку у Хэпзибы было много тайников — она очень ревностно оберегала свою коллекцию. Но еще до того, как они убедились, что чаша и медальон исчезли, продавец из магазина «Горбин и Бэрк», тот самый молодой человек, который с таким постоянством навещал Хэпзибу и так ее очаровал, бросил работу и пропал. Куда он отправился, хозяева магазина не знали, его исчезновение удивило их не меньше, чем всех остальных. И больше никто Тома Реддла в течение очень долгого времени не видел и не слышал.

А теперь, Гарри, — сказал Дамблдор, — если ты

не против, я хотел бы обратить твое внимание на некоторые моменты этой истории. Волан-де-Морт совершил еще одно убийство. Не знаю, было ли оно самым первым со времени гибели Реддлов, но думаю, что было. На этот раз, как ты видел, он убил не из мести, но ради выгоды. Он пожелал завладеть двумя баснословными сокровищами, которые показала ему несчастная, одураченная им старуха. И точно так же, как он обворовывал детей в сиротском приюте, как завладел кольцом своего дяди Морфина, точно так же он скрылся теперь с чашей и медальоном Хэпзибы.

— Но это похоже на безумие… — нахмурясь, сказал Гарри. — Рискнуть всем, бросить работу, и все ради…

— Для тебя это, может быть, и безумие, но не для Волан-де-Морта, — ответил Дамблдор. — Надеюсь, в свое время ты поймешь, что значили для него эти вещи, однако, признай, не так уж трудно представить, что, по крайней мере, медальон он мог считать принадлежащим ему по праву.

— Медальон — наверное, — согласился Гарри, — но зачем было брать и чашу?

— Чаша принадлежала одной из основательниц Хогвартса, — сказал Дамблдор. — Думаю, Волан-де-Морт все еще стремился попасть в

школу и просто не устоял перед искушением присвоить вещь, которая так сильно пропитана ее историей. Правда, были и иные причины… Надеюсь, скоро мне удастся продемонстрировать их тебе. А теперь давай займемся самым последним (во всяком случае, до тех пор, пока ты не проникнешь в память профессора Слизнорта) из воспоминаний, которые я считал необходимым тебе показать. От воспоминаний Похлебы его отделяют десять лет, и мы можем только догадываться, чем занимался все эти годы лорд Волан-де-Морт…

Гарри снова поднялся из кресла, Дамблдор тем временем вылил в Омут памяти содержимое последнего флакона.

— Кому оно принадлежит? — спросил Гарри.

— Мне, — ответил Дамблдор.

Следом за Дамблдором Гарри нырнул в изменчивую серебристую гущу и приземлился в том же самом кабинете, который только что покинул. Здесь блаженно дремал на своем насесте Фоукс и сидел за столом Дамблдор, очень похожий на того, что стоял рядом с ним, только обе руки его были целыми, неповрежденными, а лицо чуть менее морщинистым. Лишь одно и отличало нынешний кабинет от того, каким он был в про-

шлом, — за окном плыли в темноте, оседая на внешний выступ, голубоватые снежинки.

Помолодевший Дамблдор, казалось, ждал кого-то. И точно, через несколько мгновений после их появления в дверь стукнули, и он сказал: «Войдите».

Гарри сдавленно ахнул. В комнату вошел Волан-де-Морт. Черты его были не теми, какие почти два года назад явились Гарри в большом каменном котле, в них было меньше змеиного, глаза пока еще не так сильно отливали багрецом, да и само лицо не превратилось в маску. И все же оно не было больше лицом красавца Тома Реддла. Это лицо казалось обо-жженным, черты утратили резкость, стали словно восковыми, перекошенными; белки глаз теперь уже навсегда налились кровью, хотя зрачки и не превратились пока в узкие щели, какими (как было известно Гарри) им предстояло стать. Длинная черная мантия окутывала Волан-Де-Морта, а лицо его было таким же белым как снег, поблескивавший у него на плечах.

Сидевший за столом Дамблдор не выказал никаких признаков удивления. По-видимому, визит этот был обговорен заранее.

— Добрый вечер, Том, — безмятежно сказал

Дамблдор. — Не желаете присесть?

— Спасибо, — ответил Волан-де-Морт, усаживаясь в указанное Дамблдором кресло, то самое, судя по его виду, которое только что освободил в настоящем Гарри. — Я слышал, вы стали директором школы, — прибавил он голосом чуть более высоким и холодным, чем прежде. — Достойный выбор.

— Рад, что вы его одобряете, — улыбнулся Дамблдор. — Могу я предложить вам вина?

— Буду лишь благодарен, — ответил Волан-де-Морт. — Я проделал немалый путь.

Дамблдор встал и подошел к застекленному шкафчику, где теперь хранил Омут памяти, — в то время в нем теснились бутылки. Вручив Волан-де-Морту бокал с вином, он наполнил другой для себя и вернулся в кресло за письменным столом.

— Итак, Том… чему обязан удовольствием? Волан-де-Морт ответил не сразу, для начала он просто отпил из бокала.

— Никто больше не называет меня Томом, — сказал он. — Теперь я известен под именем…

— Я знаю имя, под которым вы теперь известны, — приятно улыбнувшись, произнес Дамблдор. — Но для меня, боюсь, вы навсегда останетесь Томом Реддлом. Такова, увы, одна из

неудобных особенностей старых учителей, им никогда не удается окончательно забыть, с чего начинали их юные подопечные.

Он поднял бокал повыше, словно провозглашая тост в честь Волан-де-Морта, лицо которого осталось непроницаемым. Но Гарри чувствовал, что атмосфера в кабинете немного изменилась. Дамблдор не просто отказался использовать выбранное Волан-де-Мортом имя — он не позволил ему диктовать условия их встречи, и Гарри видел, что гость Дамблдора понял это.

— Меня удивляет, что вы остаетесь здесь так долго, — немного помолчав, сказал Волан-де-Морт. — Я всегда дивился тому, что такой волшебник, как вы, ни разу не пожелал покинуть эту школу.

— Что ж, — по-прежнему улыбаясь, ответил Дамблдор, — для такого волшебника, как я, нет ничего более важного, чем возможность передавать другим древнее мастерство, помогать оттачивать юные умы. Если память мне не изменяет, учительство когда-то представлялось привлекательным и вам.

— И все еще представляется, — сказал Волан-де-Морт. — Просто я не могу понять, почему вы, волшебник, к которому так часто обращается

за советами Министерство и которому дважды, насколько я знаю, предлагали занять пост министра…

— На деле таких предложений, если считать и самое последнее, было три, — сообщил Дамблдор. — Однако карьера министра никогда меня не привлекала. И это, я думаю, еще одна наша общая черта.

Волан-де-Морт, не улыбнувшись, склонил голову и снова приложился к бокалу с вином. Дамблдор не стал нарушать повисшего в кабинете молчания; с видом человека, предвкушающего нечто приятное, он ждал, когда заговорит Волан-де-Морт.

— Я возвратился, — сказал наконец тот, — немного позже, чем ожидал профессор Диппет… но тем не менее возвратился, чтобы снова ходатайствовать о предоставлении мне должности, для которой он счел меня когда-то слишком юным. Я пришел, чтобы получить у вас разрешение вернуться в замок и стать преподавателем. Думаю, вы должны знать, что с тех пор, как я покинул школу, я увидел и совершил многое. Я могу показать и рассказать вашим ученикам такое, чего они ни от какого другого волшебника не получат.

Прежде чем ответить, Дамблдор некоторое время смотрел на Волан-де-Морта поверх своего бокала.

— Да, я определенно знаю, что вы, с тех пор как покинули нас, увидели и совершили многое, — негромко произнес он. — Слухи о ваших достижениях, Том, добрались и до нашей старой школы. И мне было бы очень грустно, если бы они оказались хоть наполовину правдивыми.

Лицо Волан-де-Морта оставалось бесстрастным.

— Величие пробуждает зависть, — сказал он, — зависть рождает злобу, а злоба плодит ложь. Вы должны это знать, Дамблдор.

— Так вы именуете то, что делаете, «величием»? — мягко спросил Дамблдор.

— Разумеется, — ответил Волан-де-Морт, и в глазах его, казалось, вспыхнуло красное пламя. — Я экспериментировал, я раздвинул границы магии дальше, чем это когда-либо удавалось…

— Некоторых разновидностей магии, — негромко поправил его Дамблдор. — Некоторых. Что касается других, вы остаетесь… простите меня… прискорбно невежественным…

Волан-де-Морт впервые улыбнулся. То была натянутая, плотоядная, злобная ухмылка, и угрозы

в ней содержалось больше, чем в лютом взгляде.

— Это ваш давний довод, — мягко сказал он. — Ничто из увиденного мной в мире не подтверждает вашего знаменитого заявления, Дамблдор, что любовь-де намного сильнее моей разновидности магии.

— Возможно, вы не там искали его подтверждения, — предположил Дамблдор.

— Ну, а в таком случае, существует ли место лучше, чем Хогвартс, чтобы заново начать мои исследования? — сказал Волан-де-Морт. — Вы позволите мне вернуться? Позволите поделиться знаниями с вашими учениками? Я отдам себя и все мои дарования в ваше распоряжение. Стану вашим слугой. Дамблдор приподнял брови:

— А кем станут те, кто уже превратился в ваших слуг? Что произойдет с людьми, которые называют себя — так, во всяком случае, уверяют слухи — Пожирателями смерти?

Гарри ясно увидел: Волан-де-Морт не ожидал, что Дамблдору известно это название; глаза гостя вновь полыхнули красным, узкие ноздри раздулись.

— Мои друзья, — ответил он после мгновенной паузы, — обойдутся и без меня, я в этом уверен.

— Рад слышать, что вы называете их друзья-

ми, — сказал Дамблдор. — У меня создалось впечатление, что они, скорее, прислужники.

— Вы ошиблись, — заверил его Волан-де-Морт.

— Стало быть, если я загляну нынче ночью в «Кабанью голову», я не застану там целую компанию — Нотта, Розье, Мальсибера, Долохова, — ожидающую вас? И вправду, преданные друзья — проделать с вами неблизкий путь, да еще в такую снежную ночь, лишь для того, чтобы пожелать вам удачи в попытках добиться преподавательского места!

Сомневаться не приходилось — точность сведений Дамблдора о том, в чьем обществе он путешествует, понравилась Волан-де-Морту меньше всего остального, но он почти мгновенно овладел собой.

— Вы, как и всегда, всеведущи, Дамблдор.

— О нет, просто я дружу со здешним трактирщиком, — быстро ответил Дамблдор. — А теперь, Том… — Дамблдор опустил пустой бокал на стол и выпрямился в кресле, характерным жестом сведя вместе кончики пальцев, — …давайте-ка начистоту. Зачем вы явились сюда со своими приспешниками и просите о работе, которая, как мы оба знаем, вам не нужна?

Волан-де-Морт изобразил холодное недоуме-

ние:

— Не нужна? Напротив, Дамблдор, я очень хочу получить ее.

— О нет, вы хотите вернуться в Хогвартс, однако преподавать вам хочется ничуть не больше, чем в восемнадцать лет. Так чего же вы добиваетесь, Том? Почему бы вам просто не взять да и не попросить об этом?

Волан-де-Морт презрительно усмехнулся:

— Если вы не хотите дать мне эту работу…

— Разумеется, не хочу, — сказал Дамблдор. — И не думаю, что вы хотя бы на миг тешили себя надеждой, что я захочу этого. Тем не менее вы явились ко мне с просьбой, а это значит, что у вас должна быть какая-то цель.

Волан-де-Морт встал. Теперь он меньше чем когда-либо походил на Тома Реддла, лицо его словно набухло от гнева.

— Это ваше последнее слово?

— Последнее, — ответил, также вставая, Дамблдор.

— В таком случае нам больше не о чем говорить.

— Нет, не о чем, — согласился Дамблдор, и на его лице появилось выражение великой печали. — Время, когда я мог напугать вас вспыхнувшим

платяным шкафом или заставить расплатиться за ваши преступления, давно миновало, Том. Но я желал бы иметь такую возможность… желал бы…

С секунду Гарри готов был выкрикнуть бессмысленное предупреждение: он не сомневался, что рука Волан-де-Морта судорожно дернулась к карману, к волшебной палочке, но секунда эта прошла, Волан-Де-Морт повернулся, захлопнул за собой дверь и исчез.

Гарри почувствовал, как Дамблдор снова взял его за локоть, и миг спустя оба уже стояли почти на том же самом месте, вот только снега на закраине окна не было, да рука Дамблдора вновь почернела и помертвела.

— Зачем? — тотчас спросил Гарри, глядя Дамблдору в глаза. — Зачем он возвращался? Вы смогли это выяснить?

— Кое-какие соображения у меня имелись, — ответил Дамблдор, — но не более того.

— Какие же, сэр?

— Об этом я скажу тебе, когда ты раздобудешь воспоминания профессора Слизнорта, — ответил Дамблдор. — Когда ты получишь этот последний кусочек складной картинки, все, я надеюсь, прояснится… для нас обоих.

Гарри все еще сгорал от любопытства и не сразу стронулся с места, хоть Дамблдор подошел к двери и открыл ее.

— Что он хотел преподавать, сэр? Защиту от Темных искусств? Он так и не сказал…

— О, разумеется, защиту, — ответил Дамблдор. — Доказательством тому служат последствия нашей недолгой встречи. Видишь ли, с тех пор как я отказался предоставить это место лорду Волан-де-Морту, ни одному преподавателю защиты от Темных искусств продержаться у нас больше года не удавалось.

Глава 21

НЕПОСТИЖИМАЯ КОМНАТА

Всю следующую неделю Гарри ломал голову над тем, как уговорить Слизнорта поделиться своими подлинными воспоминаниями. Но ни одна блестящая мысль его так и не озарила, пришлось довольствоваться средством, к которому он в последнее время привык прибегать, когда был в замешательстве, — перелистывать учебник по зельеварению в надежде, что Принц мог написать на его полях что-нибудь полезное.

— Ничего ты там не найдешь, — твердо сказала ему поздним субботним вечером Гермиона.

— Не заводись, Гермиона, — отозвался Гарри. — Если бы не Принц, Рон не сидел бы сейчас с нами.

— Сидел бы, если бы ты на первом курсе повнимательнее слушал Снегга, — отмахнулась от него Гермиона.

Гарри не стал с ней спорить. Он только что наткнулся на заклинание (Сектумсемпра!), нацарапанное на полях поверх загадочных слов: «От врагов», и ощутил жгучее желание испытать его,

однако решил, что при Гермионе этого делать не стоит. Он украдкой загнул уголок страницы.

Они сидели у камина общей гостиной в окружении других еще не разошедшихся по постелям шестикурсников. Когда они вернулись сюда после ужина, на доске объявлений висело новое, взбудоражившее всех извещение, — в нем указывалась дата испытаний по трансгрессии. Те, кому уже исполнилось семнадцать или исполнится в день испытаний, двадцать первого апреля, могли записаться на дополнительные практические занятия, которые будут проводиться (под усиленной охраной) в Хогсмиде.

Рон, прочитав извещение, запаниковал: трансгрессировать он так пока и не научился и боялся, что не пройдет испытаний. Гермиона уже дважды управилась с трансгрессией и чувствовала себя немного увереннее, а Гарри, которому до семнадцатилетия оставалось еще четыре месяца, все равно проходить испытания не мог, готов он к ним или не готов.

— Ты-то хоть трансгрессировать умеешь! — пожаловался разнервничавшийся Рон. — Да и вообще тебе до июля беспокоиться не о чем.

— Я всего лишь раз это и проделал, — напомнил Гарри. На последнем занятии ему удалось

наконец исчезнуть и снова возникнуть внутри своего обруча.

Потратив кучу времени на волнения по поводу трансгрессии, Рон возился теперь с головоломной письменной работой для Снегга, которую Гарри с Гермионой уже дописали. Гарри, выразивший в своей работе несогласие со Снеггом по поводу лучшего метода борьбы с дементорами, не сомневался, что получит самую низкую оценку, но это его не волновало — сейчас важнее всего была память Слизнорта.

— Да говорю же я тебе, Гарри, на этот раз Принц ничем тебе не поможет! — на повышенных тонах произнесла Гермиона. — Заставить человека сделать что тебе хочется можно только одним способом — наложив на него заклятие Империус, а это незаконно…

— А то я не знаю, большое спасибо, — сказал, не оторвавшись от книги, Гарри. — Я потому и ищу что-нибудь еще. Дамблдор говорит, что сыворотка правды тут не годится, но ведь может же быть что-то другое, заклинание или зелье…

— Ты берешься за дело не с того конца, — сказала Гермиона. — Дамблдор уверен, что подобраться к его памяти способен только ты. А это значит, что ты можешь уломать Слизнорта,

как не может никто другой. Выходит, речь не о том, чтобы подсунуть ему какое-то зелье, с этим любой справится…

— Как правильно пишется «агрессивный»? — спросил Рон, с силой встряхивая перо и не отрывая взгляда от пергамента. — Не может же оно начинаться с У-Г-Е…

— Нет, не может, — сказала Гермиона и подтянула писанину Рона поближе к себе. — И «яростный» тоже не с «Ю-Р-И» начинается. Ты каким пером все это накалякал?

— Со встроенной проверкой орфографии, я его от Фреда с Джорджем получил… Только, похоже, чары в нем уже выдохлись…

— Да уж, — сказала Гермиона и ткнула пальцем в заголовок работы. — Потому что, во-первых, нас просили рассказать, как бороться с дементорами, а не с «дурындами», а во-вторых, я что-то не помню, чтобы ты сменил имя на Рундил Уозлик.

— Не может быть! — пролепетал Рон, с ужасом глядя на пергамент. — Только не говори, что мне придется все переписывать заново!

— Ладно, это мы поправим, — произнесла Гермиона, окончательно придвигая пергамент к себе и вытаскивая волшебную палочку.

— Я люблю тебя, Гермиона, — сказал Рон, об-

мякнув в кресле и устало потирая глаза.

Гермиона немного порозовела, но ответила всего лишь:

— Смотри, чтобы тебя Лаванда не услышала…

— Да уж постараюсь, — ответил Рон и прикрыл ладонями рот. — Хотя, может, и не стоит… может, она меня тогда бросит…

— Если ты хочешь с этим покончить, почему сам ее не бросишь? — спросил Гарри.

— Тебе-то кого-нибудь бросать приходилось, а? — поинтересовался Рон. — Вы с Чжоу просто-напросто…

— Просто расстались, ты прав, — сказал Гарри.

— Хорошо бы и у нас с Лавандой так же получилось, — уныло промолвил Рон, наблюдая, как Гермиона постукивает кончиком палочки по исковерканным им словам, отчего они сами собой принимают правильный вид. — Но только чем чаще я намекаю, что хочу покончить со всем, тем крепче она в меня вцепляется. Все равно что с гигантским кальмаром дело иметь.

— Ну вот, — минут двадцать спустя сказала Гермиона, возвращая Рону его труд.

— Миллион благодарностей! — воскликнул Рон. — Можно, я заключение твоим пером напишу?

Гарри, так пока ничего полезного в записях Принца-полукровки и не обнаружив, огляделся по сторонам. Симус только что удалился в спальню, кляня по дороге Снегга с его письменными заданиями, и теперь в гостиной оставались только они трое. Единственными звуками, которые здесь слышались, было потрескивание поленьев в камине да скрип пера Гермионы, которым Рон дописывал последний посвященный дементорам абзац. Гарри, позевывая, закрыл книгу и тут…

Хлоп.

Гермиона негромко взвизгнула, Рон залил всю свою работу чернилами, а Гарри воскликнул:

— Кикимер!

Эльф-домовик отвесил низкий поклон и сообщил, обращаясь к своим корявым ступням:

— Хозяин сказал, он желает регулярно получать доклады о том, чем занимается молодой Малфой, и потому Кикимер пришел, чтобы доложить…

Хлоп.

Рядом с Кикимером объявился Добби в криво сидящем на голове стеганом колпаке для чайника.

— Добби тоже способствовал, Гарри Поттер! — пропищал он, возмущенно поглядывая на Кикимера. — А Кикимеру надлежало сказать Добби,

что он идет повидать Гарри Поттера, дабы они могли представить общий доклад!

— Что все это значит? — спросила Гермиона, еще не оправившаяся от испуга, вызванного нежданным появлением эльфов. — Что происходит, Гарри?

Гарри поколебался, прежде чем ответить, поскольку ничего пока не говорил Гермионе о том, что приставил Кикимера с Добби к Малфою, — домовые эльфы всегда были для нее щекотливой темой.

— Ну… я попросил их присматривать за Малфоем, — сказал он.

— Днем и ночью, — прокаркал Кикимер.

— Добби уже неделю не спал, Гарри Поттер! — похвастался Добби и слегка покачнулся.

Гермиона возмутилась:

— Не спал, Добби? Но, Гарри, ты же не приказывал им вовсе не…

— Конечно, нет, — торопливо ответил Гарри. — Добби, ты вполне можешь спать, идет? И все-таки удалось вам хоть что-нибудь выяснить? — поспешил спросить он, опережая новое вмешательство Гермионы.

— Молодой Малфой вращается в обществе людей благородных, как то и приличествует его

чистой крови, — хрипло затараторил Кикимер. — Обличием он напоминает изысканные стати моей хозяйки, манеры же его…

— Драко Малфой — дурной мальчишка! — сердито пропищал Добби. — Дурной мальчишка, который… который…

Тут он затрясся от кисточки на чайном колпаке до носков ног и метнулся к камину, словно намереваясь прыгнуть в огонь; Гарри чего-то подобного и ожидал — он поймал домовика и крепко прижал к себе. Несколько секунд Добби бился в его руках, потом затих.

— Спасибо, Гарри Поттер, — пропыхтел он. — Добби все еще трудно говорить о прежних хозяевах нехорошие слова…

Гарри отпустил его. Добби поправил колпак и, обращаясь к Кикимеру, вызывающе заявил:

— Но Кикимер должен знать, что для домового эльфа Драко Малфой — плохой хозяин!

— Да-да, о том, как ты любишь Малфоя, нам слушать не интересно, — сказал Кикимеру Гарри. — Переходи-ка побыстрее к тому, чем он занимается.

Кикимер, выглядевший взбешенным, поклонился еще раз, затем сказал:

— Молодой Малфой питается в Большом зале,

спит в башенной спальне и посещает уроки по разнообразным…

— Добби, давай лучше ты, — перебивая Кикимера, сказал Гарри. — Посещал он какие-нибудь места, в которых ему бывать не следует?

— Гарри Поттер, сэр, — запищал Добби; огромные, точно шары, глаза его сияли, ловя отблески пламени. — Добби не заметил, чтобы мальчик Малфой нарушал какие-нибудь правила, но при этом он старается укрываться от чужих глаз. Он регулярно посещает восьмой этаж в обществе многих иных учеников, которые стоят на страже, когда он про-никает…

— В Выручай-комнату! — воскликнул Гарри и хлопнул себя по лбу «Расширенным курсом зельеварения». Рон и Гермиона смотрели на него во все глаза. — Так вот куда он ускользает! Вот где творит… что бы он там ни творил! Потому-то, поспорить готов, он и пропадает с карты. Если подумать, я же Выручай-комнаты ни разу на ней не видел!

— Может, Мародеры и не знали о существовании комнаты, — сказал Рон.

— Думаю, это часть ее магии, — сказала Гермиона. — Если тебе требуется, чтобы она была ненаносимой на карту, она такой и станет.

— Добби, тебе удалось пробраться в нее, посмотреть, что делает там Малфой? — нетерпеливо спросил Гарри.

— Нет, Гарри Поттер, это невозможно, — ответил Добби.

— Правильно, невозможно, — сразу согласился с ним Гарри. — Но Малфой сумел в прошлом году пролезть туда, в нашу штаб-квартиру, значит, и я смогу проникнуть в Выручай-комнату и последить за ним, дело нехитрое.

— А вот я так не думаю, Гарри, — медленно заговорила Гермиона. — Малфой тогда в точности знал, как мы использовали Выручай-комнату. Дура Мариэтта проболталась. Ему нужно было, чтобы комната стала штаб-квартирой ОД, вот она ею и стала. А ты не знаешь, чем становится Выручай-комната, когда в нее проникает Малфой, и попросить ее превратиться в то, что тебе не известно, не можешь.

— Что-нибудь придумаю, — отмахнулся от нее Гарри. — Блестящая работа, Добби.

— Кикимер тоже поработал неплохо, — дружелюбно сказала Гермиона, однако Кикимер вместо благодарности возвел большие, налитые кровью глаза к потолку и прохрипел:

— Грязнокровка обращается к Кикимеру, Кики-

мер сделает вид, что совсем оглох…

— Катись отсюда! — рявкнул Гарри, и Кикимер, отвесив последний низкий поклон, трансгрессировал. — А тебе, Добби, лучше пойти немного поспать.

— Благодарю, Гарри Поттер, сэр! — радостно пискнул Добби и тоже исчез.

— Ну что, неплохо? — едва эльфы покинули комнату, с энтузиазмом воскликнул Гарри, обращаясь к Рону с Гермионой. — Мы знаем, куда скрывается Малфой! И теперь припрем его к стенке!

— Да, здорово, — уныло подтвердил Рон, пытаясь отчистить пропитанный чернилами пергамент, совсем недавно бывший почти законченной письменной работой. Гермиона отобрала у Рона пергамент и принялась волшебной палочкой высасывать из него чернила.

— Интересно, что может значить «в обществе многих иных учеников»? — поинтересовалась она. — «Много» — это сколько? Ты ведь не думаешь, что он мог посвятить в свои дела целую кучу людей…

— Да, это странно, — нахмурился Гарри. — Я же слышал, как он говорил Крэббу: мол, то, чем он занимается, не его, Крэбба, дело. Но что же тогда

он говорит всем этим… всем этим…

Голос Гарри замер, он уставился в огонь.

— Господи, ну я и дурак, — тихо произнес он. — Все же ясно как день! В подземелье стоит здоровенная бочка… Он мог во время урока стянуть оттуда немного…

— Что стянуть? — спросил Рон.

— Оборотное зелье. Малфой украл немного Оборотного зелья, которое Слизнорт показывал нам на первом уроке зельеварения. И никакие «многие» ученики его не охраняют, просто Крэбб и Гойл, как обычно… Да, все сходится! — Гарри вскочил на ноги и начал расхаживать перед камином. — Оба достаточно тупы, чтобы делать то, что им велено, даже если Малфой не посвятил их в свои планы. Но он не хочет, чтобы кто-то заметил, как они торчат вблизи Выручай-комнаты, ну и заставляет дружков принимать Оборотное зелье, чтобы они выглядели другими людьми… Те две девчушки, которых я видел с ним во время матча, — ха! Крэбб и Гойл!

— Ты хочешь сказать, — проговорила Гермиона, — что девочка с весами, которые я починила…

— Конечно! — громко ответил Гарри. — Конечно! Малфой, наверное, сидел в это время в

комнате, вот она и… Постой, о ком я? Он уронил весы, чтобы предупредить Малфоя: не выходи, здесь чужие! И та девочка, что рассыпала жабью икру, — тоже! Мы столько раз мимо него проходили и ничего не заметили!

— Так он Крэбба с Гойлом в девиц превращает? — гоготнул Рон. — Ничего себе! Неудивительно, что видок у них в последнее время не самый счастливый… Странно, что они не послали его куда подальше…

— Куда же они его пошлют, если он им Черную Метку показал? — спросил Гарри.

— Хм-м… Черная Метка, которой мы даже не видели, — скептически заметила Гермиона, скатывая письменную работу Рона в свиток, пока с ней не случилось чего-нибудь еще, и вручая ее автору.

— Увидим, — уверенно сказал Гарри.

— Увидим, так увидим, — вставая и потягиваясь, согласилась Гермиона. — Но только, Гарри, пока ты не распалился окончательно… Я все же не думаю, что тебе удастся попасть в Выручай-комнату, не узнав предварительно, что там, внутри. И не думаю, — она забросила сумку за плечо, и лицо ее посерьезнело, — что ты вправе забывать о том, чем должен заниматься, — о

памяти Слизнорта. Спокойной ночи.

Гарри проводил ее недовольным взглядом. Как только за Гермионой закрылась ведущая к спальням девочек дверь, он повернулся к Рону:

— А ты что думаешь?

— Я думаю, как хорошо было бы уметь трансгрессировать наподобие домовиков, — ответил Рон, глядя в пол, где исчез Добби. — Тогда испытания были бы у меня в кармане.

В эту ночь Гарри спал плохо. Он пролежал без сна несколько, как ему показалось, часов, гадая о том, какое применение отыскал Малфой для Выручай-комнаты и что он, Гарри, увидит, попав в нее завтра. Что бы там ни твердила Гермиона, он не сомневался: если Малфою удалось пробраться в штаб-квартиру ОД, так и ему удастся пробраться в Малфоево… Чем оно может быть? Местом тайных встреч? Логовом? Хранилищем? Мастерской? Мозг Гарри лихорадочно работал, и, когда он наконец заснул, сновидения его были отрывистыми, тревожными, в них то и дело появлялся Малфой, преображавшийся в Слизнорта, который затем превращался в Снегга…

На следующее утро за завтраком Гарри никак не мог усидеть на месте от предвкушений. Уроку защиты от Темных искусств предшествовало

свободное время, и он решил потратить его на попытки проникнуть в Выручай-комнату. Гермиона продемонстрировала полное отсутствие интереса, когда он шепотом сообщил ей о своих планах. Гарри разозлился, ведь Гермиона могла бы ему здорово помочь, если бы захотела.

— Послушай! — вполголоса сказал он, наклоняясь к ней и кладя ладонь на свежий номер «Ежедневного пророка», который только что доставила почтовая сова. Гарри не хотел, чтобы Гермиона развернула газету и углубилась в нее. — Я вовсе не забыл о Слизнорте, просто у меня так и нет ключа к его памяти, а пока меня не осенило, почему бы не по-пытаться выяснить, что поделывает Малфой?

— Я тебе уже говорила, ты должен уломать Слизнорта, — ответила Гермиона. — Суть не в том, чтобы обхитрить или заколдовать его, иначе Дамблдор проделал бы это в одну секунду. Чем околачиваться около Выручай-комнаты, — она выдернула из-под руки Гарри «Ежедневного пророка» и развернула на первой странице, — ты бы лучше нашел Слизнорта и воззвал к лучшим сторонам его натуры.

— Кто-нибудь из знакомых?.. — спросил Рон у просматривавшей заголовки Гермионы.

— Да! — ответила она, отчего Рон и Гарри чуть не подавились. — Но ничего, он жив… Я о Наземникусе, его схватили и отправили в Азкабан! что-то такое насчет попытки ограбления, при которой он изображал инфернала… А вот еще, исчез какой-то Октавий Перчик… Ужас! Девятилетний мальчик арестован за попытку убить своих деда и бабку, предполагается, что он действовал под влиянием Империуса.

Завтрак они завершили в молчании. Гермиона сразу отправилась на урок древних рун, Рон — в гостиную, ему еще предстояло дописать заключение к работе о дементорах, а Гарри — в коридор восьмого этажа, к участку стены напротив гобелена, на котором Варнава Вздрюченный обучал троллей балетным па.

В первом же безлюдном коридоре Гарри набросил на себя мантию-невидимку впрочем, необходимости в этом не было, — добравшись до нужного места, он никого там не обнаружил. Гарри плохо себе представлял, проще ли попасть в Выручай-комнату, когда Малфой находится в ней или когда его там нет. Хорошо было уже и то, что никакой Крэбб или Гойл, изображающий одиннадцатилетнюю девочку, его первой попытке мешать не станет.

Он подошел к месту, где располагалась незримая дверь Выручай-комнаты, и закрыл глаза. Что следует сделать, он знал — набил на этом руку в прошлом году. Сосредоточившись изо всей мочи, он подумал: «Мне нужно увидеть, чем занимается здесь Малфой… Мне нужно увидеть, чем занимается здесь Малфой… Мне нужно увидеть, чем занимается здесь Малфой…»

Три раза он прошел мимо двери, затем с бьющимся от волнения сердцем открыл глаза и увидел перед собой все ту же голую стену, и только.

Он шагнул вперед, на пробу толкнул ее. Каменная стена не поддалась.

— Ладно, — вслух произнес Гарри. — Я что-то не так подумал.

Он поразмыслил с минуту и начал все заново: закрыл глаза и сосредоточился.

«Мне нужно увидеть место, которое втайне посещает Малфой… Мне нужно увидеть место, которое втайне посещает Малфой…»

Три раза пройдясь взад-вперед, Гарри с надеждой открыл глаза.

Двери не было.

— Чтоб тебя! — раздраженно сказал он стене. — Я же тебе ясно сказал…

Прежде чем снова начать прохаживаться, он напряженно подумал несколько минут: «Мне нужно, чтобы ты стала тем местом, каким становишься для Драко Малфоя…»

Завершив патрулирование, он открыл глаза не сразу — старательно вслушивался, как будто мог расслышать внезапное появление двери. Но не расслышал ничего, кроме далекого щебета птиц. И открыл глаза.

Двери не было и в помине.

Гарри выругался. кто-то вскрикнул. Он обернулся и увидел стайку удирающих за угол первокурсников, решивших, по-видимому, что напоролись на призрака-сквернослова.

Битый час Гарри перебирал все, какие только смог придумать, варианты фразы «Мне нужно увидеть, что делает в тебе Драко Малфой» и наконец поневоле признал, что Гермиона была права: Выручай-комната просто не желала ему открываться. Разочарованный, обозленный, он отправился на урок защиты от Темных искусств, на ходу стянув мантию-не-видимку и запихав ее в сумку.

— Опять опоздали, Поттер, — холодно произнес Снегг, когда Гарри торопливо вошел в освещенный свечами кабинет. — Минус десять очков

Гриффиндору.

Бросив на Снегга злой взгляд, Гарри уселся рядом с Роном; половина учеников еще оставалась на ногах, вытаскивали учебники, раскладывали принадлежности, не так уж сильно он опоздал.

— Прежде чем мы начнем, я хочу получить ваши письменные работы по дементорам, — сказал Снегг и небрежно взмахнул волшебной палочкой, отчего двадцать пять пергаментных свитков взвились в воздух и аккуратной стопкой улеглись на его стол. — И надеюсь, что они — ради вашего же блага — будут получше той чуши, которую вы сочинили на тему «Как противиться заклятию Империус». А теперь откройте учебники на странице… В чем дело, мистер Финниган?

— Сэр, — сказал Симус, — я все думаю, как можно отличить призрака от инфернала? Видите ли, в «Пророке» рассказывается про инфернала, который…

— Это был вовсе не инфернал, — скучающим тоном прервал его Снегг.

— Но, сэр, говорят, что…

— Если вы действительно прочитали статью, о которой толкуете, мистер Финниган, то должны знать, что так называемый инфернал был не кем иным, как зловонным воришкой по имени

Флетчер Наземникус.

— Я думал, Снегг и Наземникус на одной стороне, — обращаясь к Рону с Гермионой, пробормотал Гарри. — И что арест Наземникуса должен его огорчить…

— Видимо, Поттер может рассказать нам об этом много интересного, — неожиданно сказал Снегг, ткнув палочкой в конец класса; черные глаза его не отрывались от Гарри. — Давайте спросим у Поттера, как нам отличить призрака от инфернала.

— Э-э… ну… призраки, они просвечивают… — промямлил Гарри.

— Замечательно, — скривив рот, перебил его Снегг. — Что ж, как легко видеть, почти шесть лет магического образования потрачены на вас не впустую, Поттер. «Призраки, они просвечивают».

Пэнси Паркинсон визгливо хихикнула. И еще несколько учеников расплылись в глупых улыбках. Гарри набрал побольше воздуха в грудь и спокойно продолжил, хоть внутри у него все кипело:

— Да, призраки просвечивают, а инферналы — это мертвые тела. Поэтому они плотные…

— Все это мог бы рассказать нам и пятилетний ребенок, — издевательски заметил Снегг. —

Инфернал — это труп, возвращенный к жизни заклинаниями Темного волшебника. На самом деле он не живой, это лишь марионетка, которая исполняет приказы волшебника. А призрак, как, надеюсь, все вы уже знаете, есть отпечаток, оставленный на земле покинувшей ее душой… И он, как мудро заметил Поттер, просвечивает.

— То, что сказал Гарри, как раз и поможет нам отличить одного от другого! — произнес Рон. — Если мы столкнемся с кем-то из них в темном переулке, нам останется лишь присмотреться, плотный он или прозрачный. Мы же не станем спрашивать: «Извините, вы, случайно, не отпечаток покинувшей землю души?»

По классу прокатился смешок, но тут же стих от одного взгляда Снегга.

— И еще минус десять очков Гриффиндору — сказал он. — Ничего более умного от вас, Рональд Уизли, я и не ожидал. Вы мальчик настолько плотный, что не способны трансгрессировать себя на расстояние в полдюйма.

— Молчи! — прошептала Гермиона, хватая за руку Гарри, который в ярости открыл было рот. — Нет смысла, кончится тем, что он снова оставит тебя после уроков!

— Теперь откройте учебники на странице две-

сти тринадцатой, — самодовольно улыбнувшись, сказал Снегг, — и прочитайте первые два абзаца, посвященные заклятию Круциатус…

Весь урок Рон просидел необычайно тихо. Когда прозвенел звонок, Лаванда перехватила его и Гарри (Гермиона при ее приближении загадочным образом растаяла в воздухе) и принялась с жаром поносить Снегга за шуточку насчет трансгрессии, чем, похоже, только сильнее расстроила Рона. Чтобы избавиться от Лаванды, он вместе с Гарри зашел в туалет для мальчиков.

— Вообще-то Снегг прав, верно? — сказал Рон после того, как минуту-другую разглядывал себя в треснувшее зеркало. — Не знаю, стоит ли мне соваться на испытания. Ничего у меня не получается с трансгрессией.

— Ты можешь записаться на дополнительные занятия в Хогсмиде, посмотреть, что они тебе дадут, — рассудительно заметил Гарри. — Все интереснее, чем пытаться попасть в дурацкий обруч. А если не добьешься… ну знаешь… нужных результатов, так просто отложишь испытания и пройдешь их вместе со мной, после лет… Миртл, это все-таки мужской туалет!

В кабинке за их спинами поднялся из унитаза призрак девочки и поплыл по воздуху, таращась

на них сквозь белые круглые очки с толстыми стеклами.

— О, — хмуро произнес призрак, — это вы.

— А ты кого ожидала увидеть? — глядя на ее отражение в зеркале, спросил Рон.

— Никого, — грустно пощипывая подбородок, ответила Миртл. — Он сказал, что зайдет повидаться со мной, но ведь и ты обещал заглядывать ко мне… — Она смерила Гарри укоризненным взглядом. — А я тебя уж несколько месяцев не видела. Я теперь знаю, от мальчиков многого ждать не приходится.

— Мне казалось, что ты живешь в женском туалете, — сказал Гарри, который уже несколько лет старался обходить это место стороной.

— Живу, — подтвердила Миртл и обиженно пожала плечами. — Но это не значит, что я не могу бывать и в других местах. Помнишь, однажды я пришла в ванную, чтобы повидать тебя?

— Еще бы я этого не помнил! — ответил Гарри.

— А я-то думала, что понравилась ему, — жалобно продолжала Миртл. — Может, если вы уйдете отсюда, он возвратится… У нас так много общего… уверена, он это чувствует…

И Миртл с надеждой уставилась на дверь.

— Много общего, говоришь? — сказал явно

повеселевший Рон. — Это означает, что он тоже живет в канализационной трубе?

— Нет! — вызывающе ответила Миртл. — Это означает, что он тоже очень впечатлительный, что люди и с ним обходятся грубо. Он одинок, никто с ним не разговаривает, а он не стыдится показывать свои чувства и плакать!

— кто-то из мальчиков плакал здесь? — заинтересовался Гарри. — Маленький?

— Не твое дело! — отрезала Миртл, не сводя крошечных слезливых глазок с Рона, который улыбался уже во весь рот. — Я обещала никому о нем не рассказывать и унесу его тайну с собой…

— Не в могилу, надеюсь? — фыркнул Рон. — В сточную канаву — это еще куда ни шло…

Миртл взбешенно взвыла и нырнула назад, в унитаз, расплескав по полу воду. Столь удачный исход беседы с ней, похоже, вдохнул в Рона новые силы.

— Ты прав, — сказал он, забрасывая сумку за плечо. — Попрактикуюсь-ка я в Хогсмиде, а там уж решу, как мне быть с испытаниями.

Так что в следующий уикенд Рон присоединился к Гермионе и другим шестикурсникам — тем, кому ко времени испытаний, до которых оставалось всего две недели, уже будет семна-

дцать. Гарри не без зависти наблюдал, как они собираются в деревню; он соскучился по походам в нее, да и день стоял уж больно хороший, весенний, один из первых за долгое время ясных дней. Впрочем, Гарри решил в их отсутствие еще раз попробовать проникнуть в Выручай-комнату.

— Ты бы лучше в кабинет Слизнорта заглянул, — напомнила ему в вестибюле Гермиона, после того как он поделился с ней и Роном своими планами. — Попытался бы вытянуть из него нужные воспоминания.

— А то я не пытался! — огрызнулся Гарри, и это была чистая правда.

Всю последнюю неделю он задерживался после уроков зельеварения, надеясь загнать Слизнорта в угол, но профессор неизменно покидал подземелье с такой быстротой, что изловить его Гарри так ни разу и не удалось. Дважды он приходил и к кабинету Слизнорта, стучался в дверь, но ответа не получал, хотя при втором визите явственно расслышал, как быстро приглушили старый граммофон.

— Не хочет он со мной разговаривать, Гермиона! Он же понимает, что я пытаюсь еще раз застать его в одиночестве, и старается этого не допустить!

— Ну так продолжай попытки, что тебе еще остается?

Короткая очередь учеников, тянувшаяся к Филчу который привычно прощупывал их Детектором *лжи*, на несколько шагов продвинулась вперед, и Гарри не стал отвечать Гермионе, опасаясь, что его услышит смотритель. Он пожелал ей и Рону удачи, снова поднялся по мраморной лестнице, полный решимости — пусть Гермиона говорит, что хочет, — посвятить час-другой Выручай-комнате.

Как только вестибюль остался позади, Гарри вытащил из сумки Карту Мародеров и мантию-невидимку. А затем, став невидимым, пристукнул по карте, прошептал: «Торжественно клянусь, что замышляю шалость и только шалость» — и внимательно ее просмотрел.

Стояло воскресное утро, почти все ученики школы находились в своих гостиных — гриффиндорцы в одной башне, когтевранцы в другой, слизеринцы в подземельях, а пуффендуйцы в полуподвале близ кухонь. Кое-где попадались и одиночки, болтавшиеся по библиотеке или какому-нибудь коридору. Несколько человек толклись около замка, под открытым небом, а тут, в коридоре восьмого этажа, одиноко маячил

Грегори Гойл. Никаких признаков Выручай-комнаты на карте заметно не было, но Гарри это не заботило: если Гойл торчит рядом с ней на страже, комната открыта, ведомо это карте или нет. И Гарри помчался вверх по лестницам, притормозив лишь на углу нужного ему коридора, а уж от угла начал медленно-медленно подкрадываться к той же девчушке с тяжелыми бронзовыми весами в руках, которой добрая Гермиона помогла две недели назад. Подобравшись к ней сзади вплотную, он наклонился пониже и прошептал:

— Здравствуй… У-у, какая ты у нас хорошенькая!

Гойл, тоненько взвизгнув от ужаса, подбросил весы в воздух и понесся по коридору, пропав из виду задолго до того, как замерло эхо от грохнувшихся об пол весов. Гарри, расхохотавшись, повернулся, чтобы взглянуть на голую стену, за которой стоял, в чем он не сомневался, Драко Малфой. Догадавшись, что в коридоре толчется посторонний, Малфой наверняка затаился и не смеет выйти наружу. Пока Гарри пытался сообразить, с какими словами он еще не обращался к стене, его переполняло крайне приятное ощущение собственной власти.

Однако его надежды протянули не долго. Че-

рез полчаса он уже перепробовал все варианты просьбы показать ему, что поделывает Малфой, но дверь в стене так и не появилась. Гарри испытывал страшное разочарование — Малфой мог находиться всего в нескольких футах от него, а получить хоть малейший намек на то, чем он там занят, не было никакой возможности. Окончательно выйдя из себя, Гарри подскочил к стене и пнул ее ногой.

— УЙ!

Гарри показалось, что у него сломан палец, и пока он, вцепившись в одну ногу, подпрыгивал на другой, с него соскользнула мантия-невидимка.

— Гарри?

Он повернулся на одной ноге и полетел на пол. И, к полному своему изумлению увидел Тонкс, направлявшуюся к нему с таким видом, точно прогулки по этому коридору для нее — самое привычное дело.

— Что вы здесь делаете? — кое-как вставая, спросил он. И почему это Тонкс вечно застает его валяющимся на полу?

— Приходила повидать Дамблдора, — ответила Тонкс.

Гарри подумал, что выглядит она ужасно, совсем исхудавшая, с жидкими мышастыми

волосами.

— Так его кабинет не здесь, — сказал Гарри, — он на другом конце замка, за горгульей…

— Я знаю, — сказала Тонкс. — Его и там нет. Видимо, снова отлучился.

— Отлучился? — повторил Гарри, осторожно опуская на пол зашибленную ногу. — Послушайте, вы не знаете, где он пропадает?

— Нет, — ответила Тонкс.

— А зачем вы хотели его видеть?

— Да так, не важно, — сказала Тонкс, машинально теребя рукав мантии. — Просто подумала, вдруг он знает, что где произошло… До меня дошли слухи… людей калечат…

— Я знаю, об этом писали в газетах, — сказал Гарри. — Мальчишка пытался убить своих…

— «Пророк» нередко отстает от событий. — Тонкс, похоже, его не слушала. — Ты в последнее время ни от кого из Ордена писем не получал?

— Никто из Ордена мне больше не пишет, — ответил Гарри. — С тех пор как Сириус…

Тут он увидел, что глаза Тонкс наполняются слезами.

— Простите, — неуклюже пробормотал он. — Я ведь тоже по нему тоскую…

— Что? — словно не расслышав его, безучастно

спросила Тонкс. — Ну ладно… еще увидимся, Гарри…

Она резко повернулась и ушла по коридору, оставив Гарри смотреть ей в спину. Примерно через минуту он подобрал с пола мантию-невидимку и возобновил попытки пробиться в Выручай-комнату но уже без прежнего рвения. В конце концов урчание в желудке и мысль о том, что Рон с Гермионой скоро вернутся в замок обедать, заставили его отступиться и оставить коридор в распоряжении Малфоя, который, как хотелось верить Гарри, перетрусил и еще несколько часов не высунет из комнаты носа.

Рона и Гермиону он нашел в Большом зале, они уже наполовину управились с поданным сегодня пораньше обедом.

— А у меня получилось! Ну, почти, — увидев Гарри, возбужденно сообщил Рон. — Я должен был трансгрессировать к дверям кафе мадам Паддифут, да промазал немного и залетел к Писсаро. Но хоть с места сдвинулся!

— Отлично, — сказал Гарри. — А как ты, Гермиона?

— Она само совершенство! — не дав Гермионе ответить, выпалил Рон. — Неспешность, невразумительность и настырность… или как их там…

в чистом виде. Мы все потом заскочили в «Три метлы» отметить это дело, так слышал бы ты, как Двукрест ее нахваливал! Удивлюсь, если в ближайшие дни он не сделает ей предложение.

— Ладно, у тебя-то что? — не обращая на Рона внимания, спросила Гермиона. — Провел все это время у Выручай-комнаты?

— Угу, — ответил Гарри. — И догадайся, кого я там встретил? Тонкс!

— Тонкс? — в один голос повторили удивленные Рон и Гермиона.

— Да, она сказала, что приходила к Дамблдору…

— Если хочешь знать мое мнение, — заявил Рон, как только Гарри закончил рассказ о своем разговоре с Тонкс, — она маленько свихнулась. Перестала владеть собой после того, что произошло в Министерстве.

— Странно как-то, — сказала Гермиона; она была чем-то сильно встревожена. — Ей полагается школу охранять, так чего же она вдруг оставила пост, чтобы увидеться с Дамблдором, которого здесь к тому же и нет?

— Я тут подумал… — нерешительно начал Гарри; он ощущал странную неохоту говорить об этом, как никак это была территория скорее

Гермионы, чем его. — Тебе не кажется, что она могла… ну, понимаешь… могла любить Сириуса? Гермиона уставилась на него:

— С чего ты это взял?

— Не знаю, — пожал плечами Гарри. — Просто когда я упомянул о нем, она едва не расплакалась, и Патронус у нее теперь большой, четвероногий… Вот я и подумал, не стал ли им… как бы это сказать… ну, он.

— Так я об этом самом и говорю, — набивая рот картофельным пюре, произнес Рон. — Малость спятила. Собой не владеет. Женщины… — со знанием дела сказал он Гарри, — их так легко расстроить.

— И при всем при том, — мигом выйдя из оцепенения, заявила Гермиона, — сомневаюсь, что тебе удастся найти женщину, которая целых полчаса прохандрит только из-за того, что она рассказала анекдот про старую ведьму, Целителя и Мимбулус мимблетонию, а мадам Розмерта даже не улыбнулась.

И Рон надулся.

Глава 22

ПОСЛЕ ПОХОРОН

Над башнями замка уже возникали оконца синего неба, но настроения Гарри эти признаки приближения лета не подняли. Его преследовали неудачи — и в попытках выяснить, чем занят Малфой, и в стараниях завести со Слизнортом разговор, чтобы побудить его поделиться воспоминаниями, которые он держал под спудом вот уж десятки лет.

— В последний раз тебе говорю, забудь о Малфое, — твердо сказала Гермиона.

Они только что пообедали и сидели теперь втроем в солнечном углу замкового двора. И Гермиона, и Рон сжимали в руках брошюрку, изданную Министерством магии, «Трансгрессия — часто совершаемые ошибки и как их избежать». Сегодня после обеда обоим предстояло пройти испытания, однако до сей поры брошюрке так и не удалось успокоить их разгулявшиеся нервы. Из-за угла показалась какая-то девочка, Рон дернулся и тут же попытался спрятаться за Гермиону.

— Это не Лаванда, — устало сообщила она.

— А, хорошо, — облегченно вздохнул Рон.

— Гарри Поттер? — осведомилась девочка. — Меня просили передать вам вот это.

— Спасибо…

Гарри с упавшим сердцем принял от нее маленький пергаментный свиток. И едва девочка удалилась за пределы слышимости, сказал:

— Дамблдор говорил, что никаких уроков, пока я не разживусь воспоминаниями, не будет!

— Может быть, его интересуют твои успехи? — предположила Гермиона, пока Гарри разворачивал свиток. Но, развернув его, Гарри увидел не узкий косой почерк Дамблдора, а неопрятные каракули, разбирать которые было трудно еще и потому, что пергамент покрывали большие пятна расплывшихся чернил.

Дорогие Гарри, Рон и Гермиона!

Прошлой ночью помер Арагог. Гарри и Рон, вы были с ним знакомы и знаете, какой он был замечательный. Гермиона, я знаю, тебе он не нравился. Для меня было бы очень важно, если бы вы смогли сегодня попозже вечером улизнуть из школы и по-присутствовать на погребении. Я собираюсь похоронить его, когда станет темнеть, это время он любил больше всего. Я знаю, так поздно вам выходить не разрешают, но вы можете воспользоваться мантией. Не стал бы просить, да в одиночку мне этого не вынести.

Хагрид

— Взгляни, — сказал Гарри, протягивая послание Гермионе.

— Господи, — вздохнула Гермиона, быстро просмотрев его и передав Рону, лицо которого, пока он читал, становилось все более недоуменным.

— Он спятил! — возмутился Рон, закончив чтение. — Эта тварь предложила своим дружкам-приятелям сожрать меня и Гарри! Угощайтесь, дескать! А теперь Хагрид ждет, что мы придем поплакать над ее кошмарной волосатой тушей!

— Мало того, — подхватила Гермиона, — он

просит нас покинуть замок ночью, зная, что школа охраняется в миллион раз строже и если нас застукают, мы схлопочем большие неприятности.

— Раньше-то мы к нему ходили, — сказал Гарри.

— Но не по такому же поводу, — ответила Гермиона. — Мы рисковали, и сильно, чтобы выручить Хагрида, но, в конце-то концов, Арагог же умер. Если бы речь шла о его спасении…

— То я пошел бы туда с еще меньшей охотой, — решительно заявил Рон. — Ты не сталкивалась с ним, Гермиона. Поверь, мертвый он намного приятней живого.

Гарри снова взял записку вгляделся в покрывающие ее чернильные пятна. На пергамент явно градом сыпались слезы…

— Гарри, даже и не думай идти к нему, — сказала Гермиона. — Рисковать ради этого отсидкой в школе — полная бессмыслица.

Гарри вздохнул.

— Да знаю я, — сказал он. — Похоже, Хагриду придется хоронить Арагога без нас.

— Да, придется, — с облегчением сказала Гермиона. — Послушай, на зельеварении сегодня почти никого не будет, все же на испытания уйдут… Ты

бы попробовал еще разок уломать Слизнорта.

— Думаешь, в пятьдесят седьмой раз мне улыбнется удача? — с горечью спросил Гарри.

— Удача! — вдруг выпалил Рон. — Вот оно, Гарри, — запасись удачей!

— О чем ты?

— Да ведь у тебя есть зелье удачи!

— Рон, а точно! Ну точно же! — ошеломленно произнесла Гермиона.

Гарри уставился на друзей.

— «Феликс Фелицис»? — сказал он. — Ну, не знаю… Я приберегал его для…

— Это для чего же? — скептически поинтересовался Рон.

— Что может быть важнее этих воспоминаний, Гарри? — спросила Гермиона.

Гарри не ответил. В последнее время мысли о золотом флакончике раз за разом возникали на самом краешке его воображения. Неопределенные, смутные планы, в которых Джинни порывает с Дином, а Рон счастлив, что у сестры появился новый сердечный друг. Все это вызревало в глубинах его сознания, являясь Гарри лишь в сновидениях или в сумеречной зоне, лежащей между сном и пробуждением…

— Гарри? Ты еще здесь? — спросила Гермиона.

— Что? Да, конечно, — встряхнувшись, ответил он. — Ладно, если я не смогу разговорить сегодня Слизнорта, придется принять «Феликс Фелицис» и сделать еще одну попытку.

— Ну, значит, решено, — отрывисто произнесла Гермиона, встав и совершив грациозный пируэт. — Нацеленность… настойчивость… неспешность… — пробормотала она.

— Хватит тебе, — взмолился Рон, — и так уж с души воротит… Скорее прикрой меня!

— Да не Лаванда это! — нетерпеливо одернула его Гермиона. Во двор выходили еще две девочки, и Рон мгновенно нырнул ей за спину.

— Пронесло, — сказал Рон, выглядывая ради проверки из-за плеча Гермионы. — Да, видок у них не самый счастливый, верно?

— Так это же сестры Монтгомери. Какое уж тут счастье после того, что произошло с их младшим братом, — отозвалась Гермиона.

— Если честно, я уже запутался в том, что с чьими родственниками происходит, — сказал Рон.

— На их брата напал оборотень. По слухам, его мать отказалась помогать Пожирателям смерти. В общем, мальчику было всего пять лет и спасти его не удалось, умер в больнице святого Мунго.

— Умер? — в ужасе переспросил Гарри. — Но

ведь оборотни не убивают, они лишь обращают человека в себе подобного.

— Случается, и убивают, — сказал ставший вдруг непривычно серьезным Рон. — Я слышал, такое бывает, когда оборотень слишком уж распалится.

— Как звали того оборотня? — быстро спросил Гарри.

— Говорят, это был Фенрир Сивый, — ответила Гермиона.

— Я так и знал. Маньяк, которому нравится нападать на детей, — мне о нем Люпин говорил! — гневно произнес Гарри.

Гермиона смерила его суровым взглядом.

— Гарри, ты должен добыть это воспоминание, — сказала она. — С его помощью можно остановить Волан-де-Морта, так? А все эти ужасы творятся по его милости…

Над замком прозвенел звонок, испуганные Рон с Гермионой вскочили на ноги.

— Вы справитесь, — сказал обоим Гарри, когда они направились к вестибюлю, навстречу другим ученикам, которым предстояло сегодня пройти трансгрессионные испытания. — Удачи!

— Тебе тоже! — значительно ответила Гермиона, и Гарри зашагал в сторону подземелья.

Учеников на урок зельеварения явилось только трое: Гарри, Эрни и Драко Малфой.

— Все еще слишком юны для трансгрессии, не так ли? — добродушно осведомился Слизнорт. — Дожидаетесь семнадцатилетия?

Все покивали.

— Ну-те-с, — бодро продолжал Слизнорт, — раз уж нас так мало, давайте повеселимся. Состряпайте мне что-нибудь забавное.

— Замечательная мысль, сэр, — потирая ладони, льстиво отозвался Эрни.

Малфой даже не улыбнулся.

— Что значит «забавное»? — сварливо осведомился он.

— Ну, удивите меня, — беззаботно ответил Слизнорт.

Малфой недовольно раскрыл «Расширенный курс зельеварения». Всем своим видом он давал понять, что считает эти уроки пустой тратой времени. Наблюдая за ним поверх своего учебника, Гарри думал, что Малфой наверняка жалеет о том, что не сидит сейчас в Выручай-комнате.

Обман ли это воображения или Малфой тоже похудел, подобно Тонкс? Побледнел-то уж точно, и кожа его приобрела сероватый оттенок, скорее всего, потому, что ей в последнее время редко

случалось видеть дневной свет. Но никакого самодовольства, возбуждения, высокомерия в Малфое больше не наблюдалось — ни следа былой самоуверенности, с которой он открыто бахвалился в «Хогвартс-экспрессе» заданием, полученным от Волан-де-Морта. И вывод отсюда, по мнению Гарри, следовал только один: выполнение этого задания, в чем бы оно ни состояло, дается ему плохо.

Приободренный этими мыслями, Гарри полистал свой «Расширенный курс» и обнаружил основательно переделанный Принцем вариант Эйфорийного эликсира, не только отвечавший требованиям Слизнорта, но и способный (от этой мысли у Гарри подпрыгнуло сердце) привести его в такое приятное расположение духа, что он, глядишь, и поделится с Гарри воспоминаниями. Если, конечно, удастся уговорить его снять с эликсира пробу.

— Ну что ж, выглядит просто чудесно, — по прошествии полутора часов, хлопнув в ладоши, изрек Слизнорт и вгляделся в отливавшее солнечным светом содержимое котла Гарри. — Эйфория, насколько я понимаю? А что это за запах? М-м-м… вы добавили сюда побег перечной мяты, не так ли? Прием нешаблонный, но отмеченный

проблеском вдох-новения, Гарри. Он сможет уравновесить побочные эффекты вроде пения во все горло и потребности дергать каждого встречного за нос… Право же, мой мальчик, я никак не возьму в толк, где вы черпаете эти блестящие идеи… разве что…

Гарри ногой затолкал книгу Принца-полукровки поглубже в сумку.

— …разве что в вас говорят материнские гены!

— Может быть, — с облегчением подтвердил Гарри.

Эрни сидел с недовольной физиономией. Решив хоть раз превзойти Гарри, он с чрезмерной поспешностью состряпал снадобье собственного изобретения, а оно свернулось и теперь лежало на дне его котла наподобие лиловой клецки. Малфой уже с кислым видом укладывал сумку — Слизнорт объявил его Икотную микстуру всего только «сносной».

Зазвенел звонок, Эрни с Малфоем сразу ушли.

— Сэр, — начал Гарри, но Слизнорт тут же стал озираться и, увидев, что, кроме него и Гарри, в классе никого не осталось, быстро-быстро потопал к двери.

— Профессор… Профессор, вы не хотите попробовать мое зе… — в отчаянии закричал ему

вслед Гарри.

Но Слизнорт уже исчез. Гарри уныло опорожнил свой котел, собрал сумку и, покинув подземелье, медленно поднялся в гриффиндорскую гостиную.

Рон с Гермионой возвратились только под вечер.

— Гарри! — едва появившись из портретного проема, воскликнула Гермиона. — Гарри, я все сдала!

— Умница! — откликнулся Гарри. — А Рон?

— Он… Ну, в общем, провалился, — прошептала Гермиона. В гостиную, ссутулясь, вошел донельзя мрачный Рон. — На самом деле ему не повезло, ерунда совершенная, просто экзаменатор заметил, что он оставил позади половину брови… А как у тебя со Слизнортом?

— Радоваться нечему, — пробурчал Гарри, когда к ним приблизился Рон. — Не повезло тебе, дружок, ничего, сдашь в следующий раз. Вместе и сдадим.

— Там видно будет, — угрюмо сказал Рон. — Представляешь, половинка брови. Какая им разница!

— Я понимаю, — постаралась утешить его Гермиона, — придрался он к тебе, вот и все…

Большую часть ужина все трое ругательски ругали экзаменатора по трансгрессии, и, когда они направились в гриффиндорскую гостиную, попутно обсуждая неотвязную проблему Слизнорта и его памяти, Рон хоть немного повеселел.

— Так что, Гарри, собираешься ты использовать «Феликс Фелицис» или не собираешься? — требовательно спросил он.

— Наверное, придется, — ответил Гарри. — Не думаю, что мне понадобится весь флакон, там зелья на двенадцать часов, не всю же ночь это займет… Просто приму глоточек. Часов двух-трех мне за глаза хватит.

— После него так здорово себя чувствуешь, — ударился в воспоминания Рон. — Кажется, что просто не можешь хоть что-то сделать неправильно.

— Ты это о чем? — рассмеялась Гермиона. — Ты же его и не пробовал ни разу!

— Да, но я-то думал, что попробовал, ведь так? — ответил Рон тоном человека, который вынужден объяснять совершенно очевидные вещи. — Стало быть, разницы никакой не было…

Поскольку они всего минуту назад видели входившего в Большой зал Слизнорта и знали, что за ужином он любит засиживаться подолгу, все

трое помедлили немного в гостиной. План их состоял в том, что Гарри должен будет отправиться в кабинет Слизнорта ко времени возвращения туда профессора. Когда солнце коснулось верхушек деревьев в Запретном лесу, они решили, что нужный миг настал, и, убедившись, что Невилл, Дин и Симус не собираются покидать гостиную, проскользнули в спальню мальчиков.

Гарри вытащил со дна своего чемодана комок носков и извлек из него крошечный, поблескивающий флакончик.

— Ну, поехали, — сказал он, поднеся флакончик к губам и сделав тщательно отмеренный глоток.

— Что ты чувствуешь? — прошептала Гермиона. Гарри ответил не сразу. В него медленно, но верно начинало прокрадываться ощущение бесконечных возможностей, ему казалось, что он может справиться со всем на свете… А уж овладеть памятью Слизнорта вдруг представилось делом не только возможным, но и предельно простым.

Гарри вскочил на ноги, он улыбался, до краев наполненный уверенностью в себе.

— Великолепно, — сказал он. — Просто великолепно. Ладно, я пошел к Хагриду.

— Куда? — ошеломленно воскликнули в один

голос Рон с Гермионой.

— Постой, Гарри, тебе же нужно повидаться со Слизнортом, помнишь? — сказала Гермиона.

— Нет, — уверенно сказал он. — Я иду к Хагриду, это самое лучшее, я чувствую.

— Ты чувствуешь, что самое лучшее — заняться похоронами гигантского паука? — в совершенном недоумении спросил Рон.

— Ну да, — сказал Гарри, вытаскивая из сумки мантию-невидимку. — Я чувствую, что должен быть этой ночью там, понимаете?

— Нет, — хором ответили Рон с Гермионой, теперь уже явно обеспокоенные.

— Слушай, а это точно «Феликс Фелицис»? — поднимая флакончик к свету, озабоченно спросила Гермиона. — У тебя никаких больше флаконов нет, наполненных… ну, не знаю…

— Настоем невменяемости, — подсказал Рон, глядя, как Гарри набрасывает на плечи мантию.

Гарри захохотал, еще сильнее встревожив Гермиону и Рона.

— Поверьте мне, — сказал он, — я знаю, что делаю. По крайней мере… — он уверенно шагнул к двери, — «Феликс» знает.

Набросив мантию-невидимку на голову, он начал спускаться по лестнице, Рон с Гермионой

поспешили следом. Добравшись донизу, Гарри проскользнул в открытую дверь.

— Чем это ты с ней там занимался? — взвизгнула Лаванда Браун, глядя сквозь Гарри на Рона и Гермиону вышедших вместе из спален мальчиков. Гарри, метнувшись через гостиную, чтобы оторваться от них, услышал, как Рон залопотал что-то бессвязное.

Выбраться через портретный проем оказалось совсем просто — едва Гарри приблизился к нему, навстречу вылезли Джинни с Дином, и Гарри удалось проскользнуть между ними. При этом он ненароком задел Джинни.

— Не пихайся, пожалуйста, Дин, — раздраженно сказала она. — Вечно ты пихаешься, как будто я и без тебя не справлюсь…

Портрет мигом закрылся за Гарри, но он успел еще расслышать гневные возражения Дина, отчего ощущение приподнятости лишь возросло, и, широко шагая, Гарри двинулся по замку. Никакой необходимости красться не было, поскольку никто ему навстречу не попадался, правда, Гарри это ничуть не удивляло: сегодня вечером он был самым удачливым человеком в Хогвартсе.

Почему он решил, что самое правильное — это направиться к Хагриду. Гарри не имел ни малей-

шего представления. Все выглядело так, точно зелье удачи освещает перед ним путь на несколько шагов сразу. Конца пути Гарри не видел, какое отношение имеет к нему Слизнорт, не понимал, но был уверен, что это лучший из путей, ведущих в память профессора. Дойдя до вестибюля, Гарри обнаружил, что Филч забыл запереть входные двери. Гарри распахнул их и немного постоял, вдыхая ароматы свежего воздуха и трав, а потом сошел по ступеням в сумерки.

Уже на нижней ступеньке ему пришло в голову, что лучше всего пройти к Хагриду огородами. Дорога была не самой близкой, но Гарри точно знал, что должен исполнить эту прихоть. Он направился прямиком к огороду, где с удовольствием, но без особого удивления обнаружил профессора Слизнорта, который беседовал с профессором Стебль. Гарри затаился за невысокой каменной оградой, ощущая покой, воцарившийся в мире, и вслушиваясь в раз-говор двух профессоров.

— Благодарю вас за то, что потратили на меня столько времени, Помона, — учтиво говорил Слизнорт. — Большинство авторитетов сходятся на том, что они наиболее действенны, если их собирать в сумерки.

— О, я совершенно с ними согласна, — горячо

ответила профессор Стебль. — Вам этого будет достаточно?

— Более чем, более чем, — сказал Слизнорт. Гарри заметил у него в руке пучок каких-то листьев. — По нескольку листочков для каждого из моих третьекурсников, плюс небольшой запас на случай, если кто-нибудь их перетомит… Что ж, приятного вам вечера и еще раз большое спасибо!

Профессор Стебль направилась по темному саду к теплицам, а Слизнорт — прямиком туда, где стоял невидимый Гарри.

Охваченный мгновенным желанием показаться Слизнорту, Гарри размашисто стянул с себя мантию.

— Добрый вечер, профессор.

— Клянусь бородой Мерлина, до чего ж вы меня напугали! — сказал Слизнорт, опасливо замерев на месте. — Как вам удалось выбраться из замка?

— По-моему, Филч забыл запереть двери, — бодро сообщил Гарри и с удовольствием увидел, как помрачнел Слизнорт.

— Я на него жалобу подам. Этот господин, если хотите знать мое мнение, больше интересуется мусором, чем нашей безопасностью… Однако что вы-то здесь делаете, Гарри?

— Видите ли, сэр, тут такая история с Хагридом, — ответил Гарри, мгновенно сообразив, что самое верное сейчас — говорить правду. — Он страшно расстроен. Но только, профессор, вы никому не скажете? Я не хочу навлекать на него неприятности.

В Слизнорте явно проснулось любопытство.

— Ну, обещать я ничего не могу, — грубовато ответил он. — Но мне известно, что Дамблдор полностью доверяет Хагриду, и потому уверен, что ничего страшного он совершить не может.

— Так вот, у него был гигантский паук, Хагрид держал его много лет в Лесу. Паук умел разговаривать и так далее…

— До меня доходили слухи, что в Лесу водятся Акромантулы, — негромко сказал Слизнорт, оглядываясь на черную стену деревьев. — Выходит, это правда?

— Да, — подтвердил Гарри. — Но только этот паук, Арагог, — первый, какого Хагриду удалось приручить, — прошлой ночью умер. Хагрид так горюет. Он хочет, чтобы кто-нибудь поприсутствовал на похоронах, вот я и пообещал прийти.

— Трогательно, трогательно, — задумчиво произнес Слизнорт; его большие, печальные глаза теперь неотрывно смотрели на далекий свет,

горевший в хижине лесничего. — Между прочим, яд Акромантула очень ценен, особенно если это животное только что умерло и еще не иссохло… Конечно, я не стал бы вести себя бестактно, тем более что Хагрид расстроен, но если бы можно было раздобыть немного… Видите ли, добыть яд из живого Акромантула практически невозможно…

Казалось, Слизнорт разговаривает теперь больше с собой, чем с Гарри.

— Будет ужасно, если он так и пропадет, никому не доставшись. За пинту можно сто галеонов выручить, а жалованье мое, если честно, не так уж и велико…

Вот теперь Гарри совершенно ясно понял, что ему следует сделать.

— Вообще-то… — сказал он, весьма убедительно изображая нерешительность, — если бы вы согласились пойти со мной, профессор, Хагрид, наверное, был бы очень доволен. И Арагог получил бы настоящие проводы, понимаете?

— Конечно, — согласился Слизнорт, в глазах которого уже вспыхнуло неподдельное воодушевление. — Знаете что, Гарри, давайте прямо там и встретимся. Я прихвачу пару бутылочек, выпьем за здоровье бедного животного… ну, то есть не за здоровье, разумеется… Во всяком случае, прово-

дим его как следует, помянем после похорон. Ну и потом, мне надо бы галстук переменить, этот для такого случая слишком цветист.

Он поспешил в замок, а Гарри, очень довольный собой, направился к Хагриду.

— Входи, — прохрипел Хагрид, открыв дверь и увидев, как прямо перед ним появляется сбрасывающий мантию-невидимку Гарри.

— Рон с Гермионой прийти не смогли, — сказал Гарри, — но они тебе очень сочувствуют.

— Не… не важно… он был бы так тронут твоим приходом, Гарри…

Хагрид громко зарыдал. Он сделал себе траурную повязку, сильно походившую на пропитанную сапожной ваксой тряпицу, покрасневшие глаза его отекли и припухли. Гарри в знак утешения погладил Хагрида по локтю — достать выше ему все равно не удалось бы.

— Где мы его похороним? — спросил он. — В Лесу?

— Ну уж нет, — ответил Хагрид, утирая слезы полой рубашки. — После его смерти другие пауки меня к своим паутинам близко не подпустят. Оказывается, они меня только потому и не слопали, что он не велел! Представляешь, Гарри?

Честным ответом на этот вопрос было бы «да».

Гарри с содроганием вспомнил, как он вместе с Роном столкнулся с Акромантулами лицом к лицу, — оба отчетливо поняли тогда, что один только Арагог и мешает паукам сожрать Хагрида.

— Отродясь не знал в Лесу мест, куда мне дорога заказана! — покачивая головой, продолжал Хагрид. — Да, скажу я тебе, не легкая была работка — вытащить оттуда тело Арагога, они ж обычно покойников своих, того, съедают. Но только я хотел, чтоб у него были хорошие похороны, поминки чин по чину.

Он опять зарыдал, и Гарри опять принялся гладить его по локтю, говоря при этом (зелье, похоже, указывало, что именно так и следует поступить):

— По дороге сюда я повстречал профессора Слизнорта, Хагрид.

— Так ты неприятности нажил? — подняв на него озабоченный взгляд, спросил Хагрид. — Тебе ж не положено из замка по вечерам выходить, я знаю. Эх, моя вина…

— Нет-нет, он как услышал, куда я иду, сказал, что хотел бы тоже прийти, принести Арагогу последнюю дань уважения, — ответил Гарри. — По-моему он пошел переодеться во что-нибудь более подходящее, ну и прихватить несколько

бутылок вина, чтобы мы могли выпить в память Арагога.

— Да что ты? — Хагрид явно был и изумлен, и тронут. — Какой он хороший человек, опять же, и тебя не выдал. Я раньше с Горацием Слизнортом особых дел не имел… Значит, решил проститься со стариком Арагогом? Да, ему бы это понравилось, Арагогу то есть…

Гарри подумал про себя, что Арагогу больше всего понравилось бы в Слизнорте обилие съедобной плоти, но говорить он этого не стал, а просто отошел к заднему окну хижины, из которого открывался довольно устрашающий вид: огромный мертвый паук лежал на спине, ножищи искривились, переплелись.

— Значит, мы его здесь похороним, Хагрид, в твоем огороде?

— Прям за тыквенными грядками, так я надумал, сдавленным голосом ответил Хагрид. — Я уж и эту выкопал, как ее, могилку. Думал, скажем над ней несколько слов… счастливые воспоминания, ну, сам понимаешь…

Голос его дрогнул и надломился. В дверь постучали, Хагрид повернулся, открыл ее, одновременно сморкаясь в огромный, замызганный носовой платок. Через порог торопливо пере-

ступил Слизнорт — несколько бутылок в руках, уместно безрадостный черный шейный платок.

— Хагрид, — похоронным голосом произнес он, — примите мои глубочайшие соболезнования по случаю вашей утраты.

— Как это любезно с вашей стороны, — сказал Хагрид. — Премного вам благодарен. И что Гарри под арест не посадили, тоже спасибо.

— Мне бы такое и в голову не пришло, — заверил его Слизнорт. — Печальная ночь, печальная… А где же несчастное создание?

— Вон там, — дрогнувшим голосом ответил Хагрид. — Ну так, начнем что ли?

Все трое вышли в разбитый за хижиной огород. Бледная луна поблескивала в ветвях деревьев, ее свет, смешиваясь со светом из окошка хижины, озарял тело Арагога, лежавшее на краю огромной ямы рядом с холмом сырой земли высотой футов десять.

— Величественное зрелище, — заметил Слизнорт, подступая к голове паука. Восемь пустых молочно-белых глаз таращились в небо, два огромных неподвижных жвала тускло блестели в лунном свете. Когда Слизнорт склонился над ними, желая, видимо, получше рассмотреть гигантскую волосатую голову, Гарри почудилось,

что до него донеслось звяканье склянок.

— Не всякий может оценить их красоту, — сказал в спину Слизнорту Хагрид; он морщился, из уголков глаз капали слезы. — Вот уж не знал, что вам интересны существа вроде Арагога, Гораций.

— Интересны? Хагрид, дорогой, я просто преклоняюсь перед ними, — отступая от тела, сказал Слизнорт. Гарри увидел, как блеснул, исчезая под его мантией, один из пузырьков, впрочем, Хагрид, в который раз промокавший глаза, ничего не заметил. — Ну что ж, приступим к погребению?

Хагрид кивнул, шагнул вперед. Он поднял гигантского паука на руки и, оглушительно крякнув, перекатил его с них в темную яму. Паук с жутким хрустом ударился о ее дно. Хагрид снова расплакался.

— Да, вам сейчас нелегко, ведь вы знали его лучше, чем кто бы то ни было, — сказал Слизнорт и похлопал Хагрида по локтю, ибо, как и Гарри, выше достать не мог. — Вы позволите мне сказать несколько слов?

«Должно быть, — думал Гарри, — он выкачал из Арагога немало яда, и очень хорошего качества». Довольная улыбка никак не желала сойти с лица Слизнорта, он приблизился к краю могилы и произнес медленно и внушительно:

— Прощай, Арагог, царь арахнидов! Все, кто тебя знал, никогда не забудут твою долгую и преданную дружбу! И хоть тело твое истлеет, дух так и останется жить в тихих, окутанных паутиной уголках твоего родного Леса. И пусть твое многоглазое потомство процветает вовек, а люди, что дружили с тобой, да смогут утешиться и пережить эту утрату.

— Это… это было прекрасно! — взвыл Хагрид и, зарыдав пуще прежнего, повалился на кучу компоста.

— Ну будет, будет, — сказал Слизнорт и взмахнул волшебной палочкой — огромная груда земли поднялась в воздух и с глухим стуком упала на мертвого паука, образовав гладкий холмик. — Войдем в дом, выпьем. Поддержите его с другого бока, Гарри… вот так. Пойдемте, Хагрид… вы молодец…

Они сгрузили Хагрида в кресло у стола. Клык, угрюмо просидевший все похороны в своей корзине, теперь подошел к ним, мягко ступая, и, как обычно, положил тяжелую голову на колени Гарри. Слизнорт откупорил одну из принесенных им бутылок с вином.

— Я проверил их все на отсутствие яда, — заверил он Гарри, вылил содержимое бутылки в

одну из смахивающих на ведра кружек Хагрида и вручил ее хозяину. — После того, что стряслось с вашим бедным другом Рупертом, я заставил домовика перепробовать их все до единой!

Мысленным взором Гарри увидел выражение, которое появилось бы на лице Гермионы, услышь она о подобном обхождении с домовым эльфом, и решил никогда при ней об этом не упоминать.

— Это для Гарри, — сказал Слизнорт, поровну разливая вторую бутылку в две кружки, — а это мне. Ну-те-с, — он поднял свою кружку повыше, — за Арагога.

— За Арагога, — в один голос повторили Хагрид и Гарри.

И Слизнорт, и Хагрид основательно приложились к кружкам. Гарри же, чей путь по-прежнему озарял «Феликс Фелицис», знал, что пить не должен, и потому лишь притворился, будто сделал глоток, а после опустил кружку на стол.

— Знаете, он ведь у меня из яйца вылупился, — сумрачно начал Хагрид. — Такой махонький был. С собачку примерно, с пекинеса.

— Как мило, — сказал Слизнорт.

— В школе его держал, в чулане, пока…

Лицо Хагрида потемнело, и Гарри знал почему Том Реддл подстроил все так, что Хагрида обви-

нили в том, что он открыл Тайную комнату, и прогнали из школы. Слизнорт, похоже, Хагрида не слушал, он смотрел на потолок, с которого во множестве свисали медные кастрюли, а среди них — длинный моток шелковистых, ослепительно белых волос.

— Это, случаем, не волосы единорога, Хагрид?

— Ну да, — равнодушно откликнулся Хагрид. — Из хвостов ихних, они в Лесу за кусты зацепляются, их там полным-полно…

— Но, дорогой мой друг, известно ли вам, сколько они стоят?

— Да я из них повязки делаю, если какая тварь покалечится, — пожал плечами Хагрид. — Здорово помогает, такое, понимаете, сильное средство.

Слизнорт еще раз глотнул из кружки, теперь взгляд его обшаривал хижину с куда большим вниманием, отыскивая, насколько понимал Гарри, новые сокровища, которые можно было бы превратить в обильные запасы выдержанной в дубовых бочках медовухи, засахаренных ананасов и бархатных домашних курток. Затем он пополнил кружку Хагрида и свою собственную и принялся расспрашивать лесничего о существах, обитающих в Лесу, о том, как ему удается за всеми присматривать. Хагрид, на которого подейство-

вало и вино, и лестное любопытство Слизнорта, перестал вытирать глаза и разговорился, с удовольствием описав особенности разведения лукотрусов.

Тут «Феликс Фелицис» словно подпихнул Гарри в бок, и он заметил, что вино, принесенное Слизнортом, быстро убывает. До сих пор Гарри еще ни разу не удавалось применить заклинание Подзаправки, не произнеся его вслух, но сама мысль, что сегодня это у него не получится, была просто смехотворной. И точно — Гарри лишь ухмыльнулся, когда, незаметно для Слизнорта с Хагридом (которые теперь пересказывали друг другу байки о контрабанде драконьих яиц) наставив под столом волшебную палочку на пустеющие бутылки, увидел, что они тут же начали пополняться вином.

Через час с небольшим Хагрид со Слизнортом затеяли произносить пышные тосты — за Хогвартс, за Дамблдора, за эльфийское вино и за…

— За Гарри Поттера! — взревел Хагрид и осушил едва ли не четырнадцатую по счету кружку, залив вином и бороду.

— Правильно! — воскликнул Слизнорт, у которого уже начинал заплетаться язык — За Парри Гроттера, Избранного Юношу, Который… коро-

че, что-то в этом роде. — И тоже осушил свою кружку.

Хагрид вновь прослезился и заставил Слизнорта принять от него целый единорожий хвост. Слизнорт, упрятав хвост в карман, воскликнул:

— За дружбу! За щедрость! За волосы по десять галеонов штука!

А вскоре Хагрид со Слизнортом уже сидели бок о бок, обнявшись и распевая тягучую, грустную песню о кончине волшебника по имени Одо.

— Эх-х-х, до чего ж оно хорошо — молодым помереть, — пробормотал вдруг Хагрид, припадая к столу. Глаза его немного косили. Слизнорт между тем продолжал выводить припев. — И папа мой до срока, того… да и твои мама с папой, Гарри.

В уголках прищуренных глаз Хагрида снова накапливались крупные слезы, он вцепился в руку Гарри, потряс ее.

— Самые что ни на есть лучшие молодые волшебник с волшебницей, каких я знал… ужасное дело… ужасное…

Слизнорт жалобно пел:

И Одо-героя домой отнесли,
Туда, где резвился он в малые лета,
С ним шляпа навыворот рядом лежит,

И сломана палочка, грустно все это.

— Ужасное, — проворчал Хагрид; его косматая голова опустилась на сложенные поверх стола руки, перекатилась на сторону, и Хагрид, мгновенно уснув, громко захрапел.

— Виноват, — икнув, произнес Слизнорт. — Ну не могу я мелодию выдержать, хоть ты меня режь.

— Хагрид говорил не о вашем пении, — негромко сказал Гарри. — Он говорил о смерти моих родителей.

— О, — отозвался Слизнорт, одолевая потребность рыгнуть. — О, да. Это и вправду было ужасно. Ужасно… ужасно…

Походило на то, что ему никак не удается найти хоть какие-то слова, и потому он снова пополнил кружки, свою и Гарри.

— Вы, наверное, не помните этого, Гарри? — неуклюже поинтересовался он.

— Нет. Когда они погибли, мне был всего год, — ответил Гарри, глядя на пламя свечи, подрагивавшее от тяжелого храпа Хагрида. — Правда, с тех пор я немало об этом узнал. Папа умер первым. Вам это известно?

— Мне нет, — глухо ответил Слизнорт.

— Волан-де-Морт убил его, а потом переступил

через труп, подступая к маме, — сказал Гарри.

Слизнорт задрожал всем телом, но оторвать полный ужаса взгляд от лица Гарри был не в силах.

— Он велел маме убраться с дороги, — безжалостно продолжал Гарри. — Он сам говорил мне, что ей не было нужды умирать. Ему нужен был только я. Она могла бы спастись, убежать.

— О боже, — выдохнул Слизнорт. — Так она могла… она не должна была… какой кошмар…

— Да, кошмар, — произнес Гарри голосом, почти неотличимым от шепота. — И все же мама не сдвинулась с места. Папа был мертв, но она не хотела, чтобы погиб и я. Она умоляла Волан-де-Морта, но тот лишь расхохотался…

— Довольно! — воскликнул вдруг Слизнорт, поднимая перед собой трясущуюся ладонь. — Право же, дорогой мой мальчик, довольно. Я старый человек… я не хочу слышать… не хочу слышать…

— Я и забыл, — солгал Гарри, которого вел за собой «Феликс Фелицис». — Вы ведь любили ее, верно?

— Любил? — переспросил Слизнорт, и глаза его до краев наполнились слезами. — Я и вообразить себе не могу человека, который знал бы ее и не

любил. Такая храбрая, такая веселая… Ничего ужаснее…

— И тем не менее сыну ее вы не помогли, — сказал Гарри. — Она отдала мне свою жизнь, а вы не хотите отдать даже воспоминание.

Хижину наполнял раскатистый храп Хагрида. Гарри неотрывно смотрел в полные слез глаза Слизнорта. И казалось, что преподаватель зельеварения уже не способен был отвести взгляд в сторону.

— Не говорите так, — прошептал он. — Дело не в том… Если бы это вам помогло, то конечно же… Но ведь они никакой службы сослужить не могут.

— Могут, — громко и отчетливо произнес Гарри. — Дамблдору нужна информация. Мне нужна информация.

Он знал, что под его ногами твердая почва: «Феликс» сказал ему, что поутру Слизнорт ни единого слова из их разговора не вспомнит. Гарри чуть наклонился вперед, глядя Слизнорту прямо в глаза.

— Я — Избранный. Я должен убить его. И мне нужна ваша память.

Слизнорт побледнел сильнее, покрытый потом лоб его блестел.

— Вы — Избранный?

— Разумеется, — спокойно ответил Гарри.

— Но тогда, мой дорогой мальчик, вы просите очень о многом… Вы просите, по сути дела, чтобы я помог вам уничтожить…

— Разве вы не хотите избавиться от волшебника, убившего Лили Эванс?

— Гарри, Гарри, конечно, хочу, однако…

— Вы боитесь, что он узнает о том, как вы мне помогли?

Слизнорт не ответил, он выглядел перепуганным до смерти.

— Будьте таким же храбрым, как моя мама, профессор…

Слизнорт поднял пухлую ладонь, прижал дрожащие пальцы к губам — на какой-то миг он обрел сходство с младенцем-переростком.

— Мне нечем гордиться, — прошептал он сквозь пальцы. — Я стыжусь того… того, что показывает это воспоминание. Я думаю, что, может быть, причинил в тот день великий вред.

— Отдав мне воспоминание, вы перечеркнете все, что сделали, — сказал Гарри. — Это будет отважным и благородным поступком.

Хагрид подергался во сне и захрапел снова. Слизнорт и Гарри смотрели друг на друга поверх

оплывающей свечи. Молчание длилось долго, но «Феликс Фелицис» говорил Гарри, что прерывать его не следует, следует ждать.

Затем Слизнорт очень медленно погрузил руку в карман и извлек оттуда волшебную палочку. Он сунул другую руку под мантию, вытащил маленький пустой пузырек. Все еще глядя Гарри в глаза, Слизнорт коснулся кончиком палочки своего виска и отдернул ее, вытянув наружу длинную, прилипшую к палочке серебристую нить воспоминаний. Нить тянулась и тянулась, пока не оборвалась и не повисла, поблескивая серебром, на кончике палочки. Слизнорт опустил ее в пузырек, где нить сначала улеглась витками, а потом расширилась, взвихрившись, точно газ. Дрожащей рукой Слизнорт вставил в горлышко пузырька пробку и через стол протянул его Гарри.

— Большое спасибо, профессор.

— Вы достойный юноша, — отозвался профессор Слизнорт; слезы стекали по его толстым щекам в моржовые усы. — И у вас ее глаза… Я только прошу, не подумайте обо мне слишком плохо, когда увидите это.

И профессор тоже опустил голову на руки, и, глубоко вздохнув, заснул.

Глава 23

КРЕСТРАЖИ

Пробираясь назад, к замку, Гарри чувствовал, как начинает выдыхаться «Феликс Фелицис». Входные двери так и остались незапертыми, но на четвертом этаже ему попался навстречу Пивз, и Гарри едва успел улизнуть от него, нырнув в боковой проход, которым начинался один из коротких путей. Так что, добравшись наконец до портрета и сбросив мантию-невидимку, он нисколько не удивился, обнаружив Полную Даму в дурном расположении духа.

— Сколько сейчас, по-твоему, времени?

— Мне очень жаль, пришлось выйти по одному важному…

— К твоему сведению, в полночь сменился пароль, придется тебе отсыпаться в коридоре, понял?

— Вы шутите! — воскликнул Гарри. — С какой это стати его сменили в полночь?

— Да уж вот так, — ответила Полная Дама. — Не нравится, иди поговори с директором школы, это его идея — ужесточить меры безопасности.

— Фантастика, — с горечью сказал Гарри, оглядывая голые, твердые полы. — Ну полный блеск. Конечно, если бы Дамблдор был здесь, я бы с ним поговорил, ведь это же он хотел, чтобы я…

— А он здесь, — раздался голос за его спиной. — Профессор Дамблдор час назад возвратился в школу.

К Гарри подплывал по воздуху Почти Безголовый Ник, голова которого, как всегда, моталась из стороны в сторону поверх гофрированного воротника.

— Я слышал об этом от Кровавого Барона. Он видел, как Дамблдор появился, — сказал Ник. — Вид у него, по словам Барона, был довольно веселый, хотя, конечно, немножко усталый.

— Где он сейчас? — спросил Гарри, чувствуя, как радостно забилось его сердце.

— О, стенает и лязгает цепями в Астрономической башне, любимое его времяпрепровождение…

— Да не Кровавый Барон — Дамблдор!

— А, у себя в кабинете, — сказал Ник. — Барон вроде бы говорил, что он должен покончить с каким-то делом, прежде чем…

— Да, должен, — сказал Гарри. В груди его уже разгоралось волнение при мысли, что он вот-вот

сообщит Дамблдору о своей удаче. Он развернулся и снова припустился бегом, не обращая внимания на несшиеся ему вслед крики Полной Дамы:

— Вернись! Ладно уж, я соврала! Просто разозлилась, что ты меня разбудил! Пароль прежний: «Ленточный червь»!

Но Гарри летел по коридорам и уже через несколько минут сказал горгулье Дамблдора: «Шоколадные эклеры», и та отскочила, открыв Гарри путь к винтовой лестнице.

— Войдите, — ответил на стук Дамблдор. Голос его звучал устало.

Гарри толкнул дверь. Перед ним был кабинет Дамблдора, такой же, как и всегда, только черное небо за окнами было усыпано звездами.

— Силы благие, Гарри! — изумился Дамблдор. — Чему обязан столь поздним сюрпризом?

— Сэр, я добыл его! Получил от Слизнорта воспоминание!

Гарри вытащил стеклянный пузырек и показал его Дамблдору. Миг-другой директор школы казался ошеломленным. Потом лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Какая потрясающая новость, Гарри! Ах, молодец! Я знал, что ты с этим справишься!

По-видимому, напрочь забыв о позднем часе, Дамблдор торопливо обогнул стол, взял покалеченной рукой пузырек с воспоминаниями Слизнорта и отошел к шкафчику, в котором стоял Омут памяти.

— Вот теперь, — сказал он, перенеся каменную чашу на стол и вылив в нее содержимое пузырька, — теперь мы наконец-то все увидим. Скорее, Гарри!

Гарри послушно склонился над Омутом, почувствовал, как ступни его отрываются от пола… Он снова пролетел сквозь тьму и приземлился в кабинете Горация Слизнорта, каким тот был многие годы назад.

Сильно помолодевший Слизнорт с густыми, блестящими соломенными волосами и светло-рыжими усами снова сидел в уютном кресле с высокой спинкой, ноги его покоились на бархатном пуфике, в одной руке он держал винный бокальчик, другой перебирал в коробке засахаренные дольки ананаса. Вокруг сидело с полдюжины мальчиков и среди них Том Реддл, на пальце которого поблескивало золотое кольцо с черным камнем — перстень Марволо.

Дамблдор приземлился подле Гарри как раз в тот миг, когда Реддл спросил:

— Сэр, а правда ли, что профессор Вилкост уходит в отставку?

— Том, Том, если бы я и знал это, то был бы не вправе сказать вам, — ответил Слизнорт, укоризненно поводя покрытым сахарными крошками пальцем, хоть одновременно и подмигивая. — Должен признаться, я был бы не прочь выяснить, откуда вы черпаете ваши сведения, юноша; вам известно больше, чем половине преподавателей.

Реддл улыбнулся, остальные мальчики рассмеялись, бросая на него восхищенные взгляды.

— Что до вашей сверхъестественной способности узнавать то, чего вам знать не положено, равно как и до осмотрительной лести, с коей вы обращаетесь к людям, от которых многое зависит… Кстати, спасибо за ананасы, вы совершенно правы, это мое любимое…

Несколько мальчиков захихикали снова.

— …лакомство. С уверенностью предрекаю вам, что лет через двадцать вы подниметесь до поста министра магии. Через пятнадцать, если так и будете присылать мне ананасы. У меня в Министерстве великолепные связи.

Том Реддл лишь улыбнулся, остальные мальчики загоготали. Гарри отметил, что он, далеко не самый старший в их компании, тем не менее

почитается ими за главного.

— Не думаю, что политика — мое предназначение, сэр, — сказал Реддл, когда утих смех. — Прежде всего, мое происхождение не из тех, какое необходимо для подобной деятельности.

Двое мальчиков из его окружения обменялись самодовольными ухмылками. Гарри не сомневался, что обоим пришла в голову распространенная в их кругу шуточка, явно относящаяся к тому, о чем они знали или догадывались — к наличию у их предводителя прославленного предка.

— Глупости, — коротко отозвался Слизнорт, — яснее ясного, что вы, с вашими-то способностями, происходите из славного рода волшебников. Нет, вы далеко пойдете, Том, я в своих учениках никогда еще не ошибался.

Маленькие золотые часы, стоявшие на столе Слизнорта, отзвенели одиннадцать.

— Батюшки мои, неужто так поздно? — удивился Слизнорт. — Вам лучше идти, юноши, а то наживете неприятности. Лестрейндж, я рассчитываю получить от вас завтра утром письменную работу, иначе мне придется задержать вас в классе. То же относится и к вам, Эйвери.

Мальчики гуськом покидали комнату. Слизнорт выбрался из кресла и перенес пустой бокал

на письменный стол. Звук какого-то движения за его спиной заставил Слизнорта обернуться: посреди кабинета так и стоял Реддл.

— Живее, Том. Вы же не хотите, чтобы вас в неположенное время застали вне спальни, вы все-таки староста…

— Сэр, я хотел спросить вас кое о чем.

— Так спрашивайте, мой мальчик, спрашивайте…

— Сэр, я хотел бы знать, что вам известно о… о крестражах?

Слизнорт уставился на него, рассеянно поглаживая толстыми пальцами ножку бокала.

— Пишете самостоятельную работу по защите от Темных искусств, не так ли?

Гарри готов был поспорить, что Слизнорт отлично понимает — к учебе вопрос Реддла никакого отношения не имеет.

— Не совсем так, сэр, — ответил Реддл. — Я наткнулся на этот термин, читая кое-что, и не вполне его понял.

— Вам пришлось бы приложить изрядные усилия, Том, чтобы найти в Хогвартсе книгу, содержащую подробные сведения о крестражах. Это материя очень Темная, Темная по-настоящему, — сказал Слизнорт.

— Но вам-то, разумеется, известно о них все, сэр? Такой волшебник, как вы… Простите, возможно, вы не имеете права говорить об этом. Просто я понимаю, что если кто и способен о них рассказать, так это вы… Вот и решился спросить…

«Проделывает он это просто здорово! — думал Гарри. — Колебания, небрежный тон, в меру лести и ни единого перебора, ни в чем». Гарри обладал большим опытом выпытывания с помощью лести сведений у тех, кто не желал ими делиться, а потому не мог не признать в увиденном работу настоящего мастера. И готов был с уверенностью сказать, что в этой информации Реддл нуждается очень и очень, не исключено, что к разговору со Слизнортом он готовился не одну неделю.

— Ну что ж, — произнес Слизнорт, не глядя на Тома, но поигрывая ленточкой, украшавшей крышку коробки с засахаренными ананасами, — разумеется, если я предоставлю вам сведения общего характера — просто ради истолкования этого термина, — вреда никому не будет. Словом «крестраж» обозначается материальный объект, в который человек прячет часть своей души.

— Но я не совсем понимаю, как это можно сделать, сэр, — сказал Реддл.

Своим голосом он управлял очень умело, но Гарри чувствовал, что Реддл волнуется.

— Ну, видите ли, вы раскалываете свою душу, — сказал Слизнорт, — и прячете часть ее в объект, находящийся вне вашего тела. После этого, если на тело кто-либо нападет или даже уничтожит его, вы все равно умереть не можете, поскольку часть вашей души остается привязанной к земле, неповрежденной. Правда, существовать в подобной форме…

Слизнорт поморщился, а Гарри внезапно вспомнил слова, услышанные им почти два года назад:

«Я был вырван из тела, я стал меньше, чем дух, чем самое захудалое привидение… но все-таки я был жив».

— Немногие согласились бы на это, Том, очень немногие. Смерть могла бы казаться куда более предпочтительной.

Владевшая Реддлом жажда узнать как можно больше была теперь видна невооруженным глазом; на лице его появилось выражение алчности, он уже не мог скрывать свое вожделение.

— Но как же раскалывается душа?

— Что ж, — ответил, поежившись, Слизнорт, — вы должны понимать, что душа мыслится как

нечто неповрежденное, целостное. Расколоть ее — значит совершить противное природе насилие.

— Но как его совершить?

— Посредством злого деяния, высшего деяния зла. Убийства. Убийство разрывает душу. Волшебник, задумавший создать крестраж, использует это увечье к собственной выгоде: он заключает оторванную часть души…

— Заключает? Как?

— Для этого существует заклинание, только не спрашивайте меня о нем, я его не знаю! — ответил Слизнорт, встряхивая головой, точно старый слон, которого одолели москиты. — Разве я похож на человека, который опробовал его? На убийцу?

— Нет, сэр, разумеется, нет, — поспешно сказал Реддл. — Простите, я не хотел вас обидеть.

— Что вы, что вы, какие обиды, — хмуро откликнулся Слизнорт. — Интерес к подобным вещам естественен… Для волшебников определенного калибра эта сторона магии всегда была притягательной.

— Да, сэр, — сказал Реддл. — Я, правда, одного не понимаю… Мне просто любопытно, много ли проку от одного-единственного крестража? Не лучше ли, чтобы обрести побольше силы, разде-

лить душу на несколько частей? Ну, например, разве семь — не самое могучее магическое число и разве семь…

— Клянусь бородой Мерлина, Том! — возопил Слизнорт. — Семь! Неужели мысль об убийстве даже одного человека и без того недостаточно дурна? Да и в любом случае… разделить душу надвое — уже плохо, но разорвать ее на семь кусков!..

Теперь Слизнорт выглядел совсем растревоженным, он смотрел на Реддла так, словно никогда прежде его не видел, и Гарри понимал — Слизнорт сожалеет о том, что вообще ввязался в этот разговор.

— Разумеется, — пробормотал он, — наша беседа всего лишь гипотетична, не правда ли? Чисто научное…

— Да, сэр, конечно, — поспешно ответил Реддл.

— И все-таки, Том, сохраните сказанное мной в тайне, — ну то есть тему нашего разговора. То, что мы поболтали немного о крестражах, вряд ли кому понравится. Понимаете, в Хогвартсе эта тема под запретом. Особенно лютует на сей счет Дамблдор.

— Никому ни единого слова, сэр, — пообещал Реддл и покинул кабинет профессора, однако

Гарри удалось мельком увидеть его лицо, наполненное тем же безумным счастьем, какое отразилось на нем, когда Реддл впервые узнал, что он волшебник, счастьем, которое не оттеняло красоту его черт, но почему-то делало их менее человечными.

— Благодарю тебя, Гарри, — негромко сказал Дамблдор. — Нам пора…

Когда Гарри опустился на пол его кабинета, Дамблдор уже сидел за столом. Гарри тоже сел, ожидая слов Дамблдора.

— Я уже очень давно питал надежду заполучить это свидетельство, — начал Дамблдор. — Оно подтверждает мою теорию, говорит о том, что я прав, и о том, какой длинный путь нам еще предстоит пройти.

Гарри вдруг обнаружил, что портреты прежних директоров и директрис школы, висящие по стенам кабинета, не спят и внимательно слушают их разговор. А дородный и красноносый волшебник даже приставил к уху слуховую трубку.

— Я уверен, Гарри, — продолжал Дамблдор, — ты понимаешь значение того, что мы с тобой услышали. Уже в твоем возрасте, плюс-минус несколько месяцев, Том Реддл изо всех сил искал дорогу к бессмертию.

— Так вы думаете, что это ему удалось, сэр? — спросил Гарри. — Что он создал крестраж? Что потому и не погиб, когда напал на меня? Потому, что у него где-то надежно спрятан крестраж, кусочек его души?

— Кусочек, и может быть, не один, — ответил Дамблдор. — Ты же слышал Волан-де-Морта: его особенно интересовало мнение Горация о том, что происходит с волшебником, который создает больше одного крестража, с волшебником, которому так хочется избежать смерти, что он готов убивать множество раз, рвать и рвать свою душу, лишь бы сохранить ее во многих спрятанных по отдельности крестражах. Этих сведений он ни из каких книг почерпнуть не смог бы. Насколько мне известно — насколько, я в этом уверен, известно и Волан-де-Морту — ни один волшебник ни разу еще не разрывал свою душу более чем на два куска.

Дамблдор немного помолчал, собираясь с мыслями, затем сказал:

— Четыре года назад я получил верное, как мне представлялось, доказательство того, что Волан-де-Морт свою душу расколол.

— Где же? — спросил Гарри. — Как?

— Меня снабдил им ты, Гарри, — ответил Дам-

блдор. — Я говорю о дневнике Реддла, дававшем наставления о том, как открыть Тайную комнату.

— Не понимаю, сэр, — сказал Гарри.

— Видишь ли, хоть я и не присутствовал при возникновении Реддла из дневника, то, что ты описал мне, было явлением, наблюдать которое мне никогда еще не приходилось. Простое воспоминание начинает думать и действовать самостоятельно? Воспоминание высасывает жизнь из девочки, в руки которой оно попало? Нет, в той книжице обитало нечто куда более зловещее — часть души, я почти сразу уверовал в это. Дневник и был крестражем. Но отсюда следовало больше вопросов, чем ответов. И сильнее всего меня заинтриговало и встревожило то, что дневник был в такой же мере оружием, в какой и средством защиты.

— Я все равно не понимаю, — сказал Гарри.

— Он исполнял то, что крестражу и положено исполнять. Спрятанная в нем часть души сохранялась в безопасности и, несомненно, играла некую роль, уберегая ее обладателя от смерти. Но нельзя было сомневаться и в другом — Реддл действительно желал, чтобы его дневник прочитали и часть его души вселилась в другого человека и

овладела им. Это позволило бы снова выпустить на свободу чудище Слизерина.

— Он просто не хотел, чтобы его труды пропали даром, — сказал Гарри. — Хотел внушить всем, что он — наследник Слизерина, а по-другому он этого в то время доказать не мог.

— Совершенно справедливо, — кивнул Дамблдор. — Но неужели ты не понимаешь, Гарри, — если он хотел, чтобы дневник попал к будущему воспитаннику Хогвартса или вселился в этого воспитанника, значит, Волан-де-Морт был до странного равнодушен к участи драгоценного осколка своей души, скрытого в этом дневнике. Как объяснил профессор Слизнорт, весь смысл крестража в том, чтобы прятать и сохранять часть человеческого «я», а вовсе не в том, чтобы бросать ее кому-то под ноги, рискуя тем, что ее уничтожат. А так оно и случилось: тот фрагмент души погиб, ты сам позаботился об этом.

Беспечность, с которой Волан-де-Морт относился к своему крестражу, представлялась мне крайне зловещей. Она наводила на мысль, что он должен был или намеревался изготовить гораздо больше крестражей, чтобы утрата первого из них не стала пагубной. Верить в это мне не хотелось, но других осмысленных объяснений я не видел.

Затем, два года спустя, ты рассказал мне, что в ночь, когда Волан-де-Морт возродился, он обратился к Пожирателям смерти со словами, которые не только внушали ужас, но и многое объясняли: «Я, который дальше всех других прошел по стезе бессмертия». Именно так он и сказал. «Дальше всех других…» И я подумал, что знаю, в чем смысл этих слов, хоть Пожиратели смерти их и не поняли. Он говорил о своих крестражах, о многих крестражах, Гарри, которыми никакой другой волшебник никогда не обладал. И ведь все сходилось: с годами лорд Волан-де-Морт все больше утрачивал человеческий облик, и происходившие с ним превращения имели, как мне представлялось, только одно объяснение: увечность его души вышла далеко за пределы того, на что способно обычное зло.

— Выходит, убивая людей, он достиг того, что самого его убить невозможно? — спросил Гарри. — Но если ему так необходимо было бессмертие, почему он не изготовил философский камень или попросту его не украл?

— Мы ведь знаем, что пять лет назад именно это он и попытался сделать, — ответил Дамблдор. — Однако существует, я думаю, несколько причин, по которым философский камень привлекает

лорда Волан-де-Морта меньше, чем крестражи.

Животворящий эликсир действительно продлевает жизнь, но если тот, кто его принимает, стремится к бессмертию, он должен принимать эликсир постоянно, на протяжении вечности. А это означает, что Волан-де-Морт попал бы в полную зависимость от эликсира, и, если бы тот иссяк, или испортился, или если бы кто-то похитил камень, Волан-де-Морт просто умер бы, как любой другой человек И при этом, вспомни, он предпочитает действовать в одиночку. Думаю, даже мысль о какой бы то ни было зависимости, пусть и от эликсира, представлялась ему нестерпимой. Конечно, если бы это позволило избавиться от жуткой полужизни, на которую он был обречен после нападения на тебя, Волан-де-Морт готов был пить эликсир, но лишь для того, чтобы вновь обрести тело. В дальнейшем же он, я в этом не сомневаюсь, по-прежнему полагался бы на свои крестражи. Ничего другого ему, вернувшему себе человеческий облик, и не потребовалось бы. Пойми, он и без того уж бессмертен… или близок к бессмертию настолько, насколько это возможно для человека.

Но теперь, Гарри, когда ты раздобыл важнейшее воспоминание, мы подошли к тайне, которая

позволит уничтожить лорда Волан-де-Морта, так близко, как никто к ней еще не подходил. Ведь ты слышал его, Гарри: «Не лучше ли, чтобы обрести побольше силы, разделить душу на несколько частей? Разве семь — это не самое могучее магическое число?..» Разве семь это не самое могучее магическое число. Думаю, идея разделить душу на семь частей обладает для лорда Волан-де-Морта огромной притягательной силой.

— Так он создал семь крестражей? — в ужасе спросил Гарри, и несколько портретов на стенах также издали восклицания, полные гнева и страха. — Но он же мог разбросать их по всему свету — спрятать, зарыть, сделать невидимыми.

— Я рад, что ты понимаешь размеры стоящей перед нами задачи, — спокойно сказал Дамблдор. — Но только не семь, а шесть. Седьмая часть его души, какой бы изуродованной она ни была, обитает в воссозданном теле Волан-де-Морта. Та часть, что вела призрачное существование долгие годы его изгнания — без нее Волан-де-Морта и вовсе бы не было. Тому, кто пожелает его убить, этим седьмым обломком души придется заняться в последнюю очередь — обломком, который живет в его теле.

— Ладно, пусть шесть, — сказал Гарри с несколь-

ко меньшим, но все же отчаянием. — Как же мы сможем их найти?

— Ты забываешь — один из них ты уже уничтожил. А я уничтожил другой.

— Уничтожили? — воскликнул Гарри.

— Да, уничтожил, — ответил Дамблдор, поднимая почерневшую, словно обугленную руку. — Кольцо, Гарри. Кольцо Марволо. Оно было ограждено ужасным заклятием. Если бы не мое, прости за нескромность, профессиональное мастерство и не своевременные меры, принятые профессором Снеггом, когда я возвратился сюда, жутко израненный, я, может быть, и не рассказывал бы тебе сейчас все это. Но обугленная рука не кажется мне слишком высокой ценой за одну седьмую души Волан-де-Морта. Кольцо больше не крестраж.

— Но где вы его отыскали?

— Как тебе известно, я уже долгие годы трачу немало сил на то, чтобы по возможности больше узнать о прежней жизни Волан-де-Морта. Я много странствовал, посещал места, в которых он когда-то бывал. В развалинах дома Мраксов я и наткнулся на это кольцо. По-видимому, Волан-де-Морт, сумев запечатать в него часть своей души, носить его больше не пожелал. Он защитил его

множеством могучих заклятий и спрятал в лачуге, где некогда жили его предки (хоть Морфин и переселился под конец жизни в Азкабан), не подумав, однако, о том, что рано или поздно я могу навестить ее руины, или о том, что я буду держать ухо востро, отыскивая признаки магического тайника. Впрочем, особенно радоваться нам пока не стоит. Ты уничтожил дневник, я — кольцо, но, если наша теория о семичастной душе справедлива, остается еще четыре крестража.

— И обличие они могут иметь какое угодно, так? — сказал Гарри. — Старые консервные банки, пустые пузырьки из-под зелий…

— Ты вспомнил о порталах, Гарри, которые должны быть неприметными, чтобы не привлечь внимания. Но чтобы лорд Волан-де-Морт использовал для хранения своей драгоценной души консервные банки и пустые бутылки? Ты забываешь о том, что я тебе показал. Лорд Волан-де-Морт неравнодушен к трофеям и предпочитает вещи, обладающие яркой магической историей. Его гордыня, вера в собственное превосходство, его решимость добиться невиданного места в истории магии — все это наводит меня на мысль, что Волан-де-Морт должен выбирать свои крестражи с особой тщательностью, отдавая предпочтение

предметам, достойным всяческого уважения.

— Дневник таким уж особенным не был.

— Дневник, как сам ты сказал, служил доказательством того, что он — наследник Слизерина; уверен, Волан-де-Морт придавал ему огромное значение.

— Хорошо, так что же насчет других крестражей? — спросил Гарри. — Вам известно, сэр, что они из себя представляют?

— Я могу лишь догадываться, — ответил Дамблдор. — По причинам, которые я уже назвал, лорд Волан-де-Морт наверняка избирает вещи, не лишенные некоторого величия. Потому я и рылся в его прошлом, пытался найти свидетельства того, что вблизи от него исчезали произведения магического искусства.

— Медальон! — вскричал Гарри. — Чаша Пуффендуев!

— Да, — улыбнулся Дамблдор. — Готов поспорить — может быть, и не на вторую мою руку, но уж на пару пальцев точно, — что они-то и стали третьим и четвертым крестражами. С двумя оставшимися, если, конечно, он действительно создал их шесть, дело обстоит посложнее, но рискну высказать предположение, что, завладев вещами, связанными с Пуффендуем и Слизери-

ном, он занялся поисками ценностей, которые имеют отношение к Гриффиндору и Когтеврану. Четыре сокровища, принадлежавшие четырем основателям Хогвартса, должны (я в этом уверен) с великой силой притягивать к себе воображение Волан-де-Морта. Удалось ли ему похитить что-нибудь в Когтевране, я сказать не могу. А вот в совершенной сохранности единственной из известных реликвий Гриффиндора я уверен.

И Дамблдор указал почерневшим пальцем на стену за собой — туда, где покоился в стеклянном ящике осыпанный рубинами меч.

— Вы думаете, сэр, он потому и хотел вернуться в Хогвартс? — спросил Гарри. — Надеялся, что ему удастся найти здесь какую-то вещь еще одного основателя?

— Именно так я и думаю, — ответил Дамблдор. — Но, к сожалению, нам это ничего не дает, поскольку он вынужден был отступить, не получив (во всяком случае, я на это надеюсь) ни единого шанса обшарить школу. Приходится заключить, что выполнить свой план — завладеть ценностями четырех основателей — ему не удалось. Две у него имеются точно, третью он также мог отыскать — вот то, из чего мы будем пока исходить.

— Даже если он похитил что-нибудь в Когтевране или в Гриффиндоре, шестой крестраж все равно остается нам неизвестным, — произведя подсчеты на пальцах, сказал Гарри. — Или он все-таки отыскал и то и другое?

— Не думаю, — сказал Дамблдор. — Мне кажется, я знаю, что представляет собой шестой крестраж Интересно, что ты скажешь, если я признаюсь тебе, что мне давно уже не дает покоя появление той змеи, Нагайны?

— Змеи? — ошеломленно переспросил Гарри. — Разве животных можно использовать как крестражи?

— Ну, это не очень разумно, — сказал Дамблдор. — Доверить часть своей души существу, которое способно думать и самостоятельно передвигаться, — поступок, понятное дело, рискованный. Но если мои расчеты верны, Волан-де-Морту недоставало по крайней мере одного крестража из желанных шести, когда он явился в дом твоих родителей, собираясь убить тебя.

Похоже на то, что процесс создания крестражей он приберегал для смертей, имевших для него особое значение. А твоя, безусловно, такой и была. Он верил, что, убив тебя, сможет избавиться от опасности, которой грозило ему пророчество.

Верил, что станет неуязвимым. И я не сомневаюсь в том, что последний крестраж он намеревался создать сразу после твоей смерти.

Как мы знаем, он потерпел неудачу. По прошествии многих лет он воспользовался Нагайной для убийства старого магла, и при этом ему вполне могла прийти в голову мысль обратить ее в последний из своих крестражей. Змея — символ его родства со Слизерином, а это соответствует мистическим настроениям лорда Волан-де-Морта. Не стоит исключать возможность, что он привязан к ней настолько, насколько вообще может привязаться к чему бы то ни было, он старается держать ее под рукой и обладает над ней властью, необычной даже для змееуста.

— Хорошо, — сказал Гарри, — дневника больше нет, кольца тоже. Чаша, медальон и змея пока еще целы, и, кроме того, вы считаете, что может существовать крестраж, принадлежавший когда-то Когтеврану либо Гриффиндору.

— Замечательно краткое и точное изложение фактов, — склонив голову, сказал Дамблдор.

— Значит, вы по-прежнему ищете их, сэр? На эти поиски вы и отправляетесь, покидая школу?

— Верно, — сказал Дамблдор. — Я ищу их уже очень давно. Я думаю, близок к тому, чтобы найти

еще один. Появились кое-какие обнадеживающие знаки.

— Если вы найдете крестраж, — быстро сказал Гарри, — можно, я отправлюсь с вами и помогу вам его уничтожить?

С секунду Дамблдор внимательно вглядывался в Гарри, потом ответил:

— Да, полагаю, можно.

— Правда? — переспросил пораженный до глубины души Гарри.

— О да, — слабо улыбнувшись, сказал Дамблдор. — По-моему, ты это право заслужил.

Гарри воспрянул духом. До чего же приятно хоть раз не выслушивать слов об осторожности и защите. На висевших по стенам директоров и директрис решение Дамблдора произвело не столь радостное впечатление — Гарри увидел, что кое-кто из них покачивает головами, а Финеас Найджелус так и вовсе расфыркался.

— А скажите, сэр, когда крестраж гибнет, Волан-де-Морт узнает об этом? Он может это почувствовать? — не обращая внимания на портреты, спросил Гарри.

— Очень интересный вопрос. Я полагаю, что нет. Я полагаю, что Волан-де-Морт уже до того погряз во зле, а эти важнейшие его составляющие

так давно отделены от него, что он не чувствует их так, как чувствуем мы. Возможно, на пороге смерти он и осознает их утрату… Но ведь не знал же он, к примеру, что его дневник уничтожен, пока не добился всей правды от Люциуса Малфоя. Когда Волан-де-Морт обнаружил, что дневник изуродован и лишился всей своей мощи, он, как мне говорили, пришел в такую ярость, что на него страшно было смотреть.

— Но я думал, что это он велел Люциусу Малфою протащить дневник в Хогвартс.

— Да, велел, много лет назад, когда был уверен, что еще сможет создать другие крестражи. Люциусу Малфою полагалось дождаться прямого приказа Волан-де-Морта, однако приказа он не получил: отдав ему дневник, Волан-де-Морт вскоре исчез. Он думал, что Люциус будет старательно оберегать крестраж и ничего не посмеет с ним сделать, но он слишком полагался на страх Люциуса перед хозяином, который уж много лет как сгинул, а по мнению Люциуса, так и вовсе погиб. Разумеется, Люциус не знал, что на самом деле представляет собой дневник. Насколько я понимаю, Волан-де-Морт сказал ему, что дневник поможет вскрыть защищенную хитроумными заклинаниями Тайную комнату. Знай Люциус,

что у него в руках часть хозяйской души, он, безусловно, относился бы к дневнику с большим почтением. А так он решил осуществить давнишний замысел, но уже ради собственной выгоды. Подбросив дневник дочери Артура Уизли, Люциус надеялся одним махом и опозорить Артура, и добиться, чтобы меня вышвырнули из Хогвартса, и избавиться от вещи, которая могла его разоблачить. Бедный Люциус… При той ярости, которая гложет Волан-де-Морта, узнавшего, что он пожертвовал крестражем для достижения собственных целей, и поражении, которое он потерпел в прошлом году в Министерстве, я нисколько не удивлюсь, если он в глубине души радуется, что сидит сейчас в Азкабане.

Гарри немного помолчал, размышляя, потом спросил:

— Значит, если уничтожить все крестражи, Волан-де-Морта все-таки можно будет убить?

— Думаю, это так, — ответил Дамблдор. — Без своих крестражей он превратится в простого смертного с изуродованной, ссохшейся душой. Не забывай, однако, что, хоть душа его и повреждена настолько, что ее уже не поправишь, мозг и магическая сила Волан-де-Морта остаются нетронутыми. Чтобы убить волшебника, подобного

Волан-де-Морту, даже лишившегося крестражей, необходимы редкостное искусство и редкостное могущество.

— Но у меня ничего этого нет! — выпалил Гарри, не сумев вовремя остановиться.

— Вот именно, что есть, — сказал Дамблдор. — Ты обладаешь могуществом, которого у самого Волан-де-Морта никогда не было. Ты способен…

— Да знаю я! — нетерпеливо воскликнул Гарри. — Я способен любить!

И еле-еле удержался от того, чтобы прибавить: «Большое дело!»

— Да, Гарри, ты способен любить, — произнес Дамблдор, и по лицу его было видно: он в точности знает, что именно чуть было не ляпнул сейчас Гарри. — И это, если вспомнить все, что с тобой случилось, великая и знаменательная способность. Ты просто слишком юн, чтобы понять, насколько ты необычен, Гарри.

— Выходит, пророчество, говоря о силе, которой не будет знать Темный Лорд, подразумевает всего-навсего любовь? — спросил несколько обескураженный Гарри.

— Да, всего-навсего любовь, — ответил Дамблдор. — Но только не забывай о том, что сказанное в пророчестве лишь потому исполнено значения,

что им его наделил Волан-де-Морт. Я уже говорил тебе это в конце прошлого года. Волан-де-Морт выбрал тебя, потому что ты представляешь для него наибольшую опасность, а сделав это, сам же тебя в такого человека и превратил!

— Так ведь оно все к тому же и сводится…

— Нет, не сводится! — теперь уже нетерпеливо оборвал его Дамблдор. И, ткнув в Гарри почерневшим пальцем, сказал: — Ты придаешь пророчеству слишком большое значение!

— Простите, — залепетал Гарри, — простите, но вы же сами говорили, что пророчество означает…

— Если бы Волан-де-Морт ничего о пророчестве не узнал, могло бы оно сбыться? Значило бы хоть что-нибудь? Конечно нет! Ты думаешь, каждое предсказание, что хранится в Зале пророчеств, непременно сбывалось?

— Но ведь вы сами сказали мне в прошлом году, — возразил сбитый с толку Гарри, — что одному из нас придется убить другого…

— Гарри, Гарри, так ведь это лишь потому, что Волан-де-Морт совершил серьезнейшую ошибку, начав действовать, полагаясь на слова профессора Трелони! Если бы Волан-де-Морт не убил твоего отца, разве он поселил бы в твоей душе яростное

желание отомстить? Разумеется, нет! Если бы не вынудил твою мать умереть, спасая тебя, разве получил бы ты магическую защиту, преодолеть которую он не в силах? Разумеется, нет, Гарри! Ты понимаешь? Волан-де-Морт сам создал худшего своего врага, как делают и все остальные тираны! Ты хоть представляешь, до какой степени боятся тираны тех, кого они угнетают? Каждый из них сознает, что рано или поздно среди множества их жертв наверняка появится тот, кто восстанет против них и нанесет им ответный удар! И Волан-де-Морт ничем от них не отличается! Он вечно настороже, вечно высматривает того, кто бросит ему вызов. Он услышал о пророчестве и начал действовать, и в итоге не только сам подобрал себе врага, который способен прикончить его, но и снабдил этого врага смертоносным оружием!

— Но…

— Очень важно, чтобы ты понимал это, Гарри! — сказал Дамблдор, поднимаясь из кресла и начиная прохаживаться по кабинету взад и вперед. При каждом шаге полы его поблескивающей мантии взметались, легко шелестя. Гарри никогда еще не видел старого волшебника таким взволнованным. — Попытавшись убить тебя, Волан-де-Морт сам избрал удивительного человека,

сидящего сейчас передо мной, и сам дал ему средства для борьбы, которые позволят ему сделать свое дело! Это промах Волан-де-Морта. Он наделил тебя способностью проникать в его мысли, в его стремления и даже понимать змеиный язык, на котором он отдает приказы, и все-таки, Гарри, несмотря на полученную тобой привилегию, на умение постичь самую суть Волан-де-Мортова мира (а это дар, ради которого любой Пожиратель смерти убил бы не задумываясь), Темные искусства ни разу не показались тебе притягательными, ты ни на секунду не выказал желания стать одним из последователей Волан-де-Морта!

— Еще бы я его выказал! — гневно воскликнул Гарри. — Он же убил маму и папу!

— Коротко говоря, тебя защищает твоя способность любить! — громко произнес Дамблдор. — И это единственная защита, которая способна противостоять пожирающей Волан-де-Морта жажде власти! При всех выпавших тебе испытаниях, при всех страданиях сердце твое осталось чистым, таким же, каким было в одиннадцать лет, когда ты взглянул в зеркало, отразившее твои сокровеннейшие желания, и оно показало, что стремишься ты не к бессмертию, не к богатству, но лишь к тому, чтобы преградить путь лорду

Волан-де-Морту. Ты хоть понимаешь, Гарри, как мало на свете волшебников, которые могли бы увидеть в этом зеркале то, что увидел ты? Волан-де-Морту стоило бы уже тогда сообразить, кто ему противостоит, да он не сообразил!

Но теперь он знает это. Ты проникал в разум лорда Волан-де-Морта без всякого вреда для себя, а вот он не способен овладеть тобой, не испытывая при этом смертной муки, что он и обнаружил тогда, в Министерстве. Не думаю, что Волан-де-Морт понимает, в чем тут причина. Он до того спешил изуродовать свою душу, что ни разу не остановился, чтобы задуматься над тем, какой силой обладает душа незапятнанная и цельная.

— И тем не менее, сэр, — сказал Гарри, прилагая героические усилия, чтобы не выглядеть вздорным спорщиком, — разве все это не сводится к одному и тому же? Я должен попытаться убить его, иначе…

— Должен? — воскликнул Дамблдор. — Разумеется, должен! Но не потому, что так говорится в пророчестве! А потому, что ты, ты сам, не будешь ведать покоя, пока не предпримешь такую попытку! Мы оба знаем это! Вообрази, прошу тебя, только на миг вообрази, что ты никогда о пророчестве не слышал! Какие чувства ты питал

бы сейчас к Волан-де-Морту? Подумай!

Гарри смотрел на расхаживающего по кабинету Дамблдора и думал. Он думал о матери, об отце, о Сириусе. Думал о Седрике Диггори. Думал обо всех известных ему страшных деяниях лорда Волан-де-Морта. И ему казалось, что в груди его разгорается, доставая до горла, пламя.

— Я хочу, чтобы с ним было покончено, — негромко сказал он. — И хочу сделать это сам.

— Еще бы! — вскричал Дамблдор. — Ты понимаешь? Пророчество не означает, что ты обязан делать что бы то ни было! А вот лорда Волан-де-Морта пророчество заставило отметить тебя как равного себе… Иными словами, ты волен сам выбирать свой путь, волен повернуться к пророчеству спиной! А Волан-де-Морт так и будет руководствоваться пророчеством. Он по-прежнему будет охотиться за тобой, а отсюда с определенностью следует, что…

— Что одному из нас придется, в конце концов, убить другого! — подхватил Гарри.

И все же он наконец понял, что пытается втолковать ему Дамблдор. «Разницу, — думал Гарри, — между тем, что тебя выволакивают на арену, где ты должен лицом к лицу сразиться со смертью, и тем, что ты сам, с высоко подня-

той головой, выходишь на эту арену. Кое-кто, возможно, сказал бы, что выбор тут невелик, но Дамблдор знал, а теперь, — думал Гарри, ощущая прилив гордости, — знаю и я: в этой разнице вся суть и состоит»

Глава 24

СЕКТУМСЕМПРА

Измотанный, но довольный ночными трудами, Гарри на утреннем уроке заклинаний рассказал Гермионе и Рону обо всем, что случилось (предварительно наложив заклятие Оглохни на всех, кто сидел поблизости). Ловкость, с которой он вытянул воспоминания из Слизнорта, произвела на его друзей сильное впечатление, а когда Гарри поведал им о крестражах Волан-де-Морта и обещании Дамблдора взять его с собой, если удастся найти хоть один из них, друзья и вовсе разинули рты.

— Ну и ну! — воскликнул Рон, когда Гарри закончил, и, забыв о волшебной палочке, нацеленной в потолок, машинально взмахнул ею. — Вот это да! Ты и вправду собираешься отправиться с Дамблдором?.. И попытаешься уничтожить?.. Ну и ну!

— Рон, из-за тебя снег пошел, — страдальческим тоном произнесла Гермиона и, схватив его за запястье, направила палочку в сторону от потолка, с которого и вправду начали падать большие

белые хлопья. От внимания Гарри не ускользнул свирепый взгляд основательно покрасневших глаз, которым сидевшая за соседним столом Лаванда Браун смерила Гермиону, немедленно выпустившую руку Рона.

— Ах, да, — сказал Рон, с недоумением оглядывая свои плечи. — Прости… Глянь-ка, у всех такой вид, будто их жуткая перхоть одолела…

И он стряхнул с плеч Гермионы несколько снежинок Лаванда залилась слезами. Рон с безмерно виноватым выражением повернулся к ней спиной.

— Мы с ней порвали, — краешком рта сообщил он Гарри. — Вчера ночью. Когда она увидела, как я выхожу с Гермионой из спальни. Тебя-то она, понятное дело, видеть не могла, вот и решила, будто мы там были вдвоем.

— Ты ведь не особенно горюешь из-за того, что все наконец закончилось? — отозвался Гарри.

— Нет, — признался Рон. — Конечно, пока она на меня орала, приятного было мало, но мне хоть не пришлось самому объяснять ей, что между нами все кончено.

— Трусишка, — сказала Гермиона, выглядевшая, впрочем, очень довольной. — Хотя, должна сказать, прошлая ночь вообще была неудачной

для романтических отношений. Вон и Джинни с Дином тоже расплевались.

Гарри показалось, что, произнося это, Гермиона вперилась в него странно понимающим взглядом, но ведь не могла же она знать, что внутри у него все внезапно пустилось в пляс. Постаравшись, чтобы в лице его ничто не дрогнуло, а голос остался безразличным, он спросил:

— Это из-за чего же?

— Да ну, дурь полная. Джинни заявила, что Дин вечно норовит пропихнуть ее сквозь дыру в портрете, как будто сама она в нее пролезть не может. Правда, у них давно уже все шло вкривь и вкось.

Гарри глянул на сидевшего по другую сторону класса Дина. Вид у того был определенно несчастный.

— Тебя это, разумеется, ставит в неудобное положение, так?

— О чем ты? — поспешно спросил Гарри.

— О команде по квиддичу — ответила Гермиона. — Раз Джинни с Дином перестали разговаривать…

— А, ну да, — сказал Гарри.

— Флитвик, — остерегающе прошептал Рон.

К ним приближался своей прыгучей походкой крохотный преподаватель заклинаний, а меж-

ду тем из всех троих только Гермионе удалось превратить уксус в вино. Стоявшую перед ней склянку заполняла темно-красная жидкость, а в склянках Рона и Гарри плескалось нечто мутно-коричневое.

— Так-так, юноши, — неодобрительно пропищал профессор Флитвик — Поменьше бы разговоров да побольше внимания. Ну-ка, попробуйте еще разок, а я посмотрю…

Оба подняли волшебные палочки, поднатужились, сосредоточились и наставили их на склянки. Уксус Гарри превратился в лед, склянка Рона попросту взорвалась.

— М-да… задание на дом, — сказал, вылезая из-под стола и стряхивая со шляпы осколки стекла, профессор Флитвик. — Практиковаться.

Поскольку на этот день приходились после урока заклинаний редкие три свободных часа, все отправились в гостиную. У Рона, развязавшегося наконец с Лавандой, настроение было самое беззаботное, Гермиона тоже выглядела повеселевшей, хоть на вопрос, чего это она так разулыбалась, ответила только: «День нынче хороший». Никто из них, похоже, не замечал яростного сражения, бушевавшего в голове Гарри:

«Она сестра Рона. Так она же бросила Дина! Все равно она сестра Рона. А я его лучший друг! Тем хуже.

Если я сначала поговорю с ним… Он тебе в лоб даст. А если мне на это плевать? Он твой лучший друг!»

Гарри не заметил, как они прошли сквозь портретный проем в залитую солнцем гостиную, да и группка столпившихся там семикурсников зацепила лишь самый краешек его сознания. Но тут Гермиона воскликнула:

— Кэти! Вернулась! Ну, как ты?

Гарри пригляделся: действительно, Кэти Белл, на вид совершенно здоровая в окружении ликующих подруг.

— Все отлично! — радостно ответила Кэти. — Из больницы святого Мунго меня еще в понедельник выписали, провела несколько дней с мамой и папой, а сегодня утром приехала сюда. Гарри, Лианна только что рассказала мне про Маклаггена и последнюю игру…

— Ну что ж, ты вернулась, Рон в отличной форме, — сказал Гарри, — выходит, у нас есть все шансы расколотить Когтевран, а значит, мы все еще и на Кубок можем рассчитывать. Послушай, Кэти…

Он должен был выяснить все как можно быстрее, от снедавшего его любопытства Гарри на время забыл даже о Джинни. Подруги Кэти, по-видимому уже опаздывавшие на занятия трансфигурацией, торопливо собирали сумки, и Гарри, понизив голос, спросил:

— То ожерелье… Ты теперь вспомнила, кто тебе его дал?

— Нет, — сокрушенно покачав головой, сказала Кэти. — Меня уже все об этом спрашивали, но я никаких подробностей не помню. Последнее воспоминание — как я подхожу в «Трех метлах» к женскому туалету.

— Но в туалет ты точно зашла? — спросила Гермиона.

— Я помню, как толкнула дверь, — ответила Кэти. — Значит, тот, кто ударил меня Империусом, должен был стоять прямо за ней. А после этого в памяти пусто, не считая последних двух недель, когда я уже валялась в больнице святого Мунго. Слушайте, я побегу, не хочется, чтобы МакГонагалл в первый же день засадила меня писать строчки.

Она подхватила сумку с учебниками и пустилась вдогонку за подругами. Гарри, Рон и Гермиона уселись за стол у окна, размышляя над

тем, что рассказала им Кэти.

— Выходит, ожерелье должна была всучить Кэти женщина или девочка, — сказала Гермиона. — Кто еще мог оказаться в женском туалете?

— Или кто-то, принявший обличье женщины или девочки, — отозвался Гарри. — Не забывай, в Хогвартсе имеется целый котел Оборотного зелья. И мы знаем, что часть его кое-кто уже сперт…

Перед его мысленным взором прошествовала, пританцовывая, целая колонна перевоплотившихся в девочек Крэббов и Гойлов.

— Пожалуй, придется мне еще разок глотнуть «Феликса», — сказал Гарри, — и попробовать снова пролезть в Выручай-комнату.

— Ну и потратишь его совершенно впустую, — произнесла Гермиона, опуская на стол только что извлеченный из сумки «Словник чародея». — Удачи тебе только на то и хватит, чтобы дойти до комнаты. Со Слизнортом была совсем другая история, ты всегда мог убедить его, от тебя только одно и требовалось — слегка пришпорить обстоятельства. А прорваться сквозь мощное заклинание никакая удача тебе не поможет. Так что лучше не трать остаток зелья! Если отправишься с Дамблдором, тебе понадобится все везение, какое найдется… — Голос ее упал до шепота.

— А мы не можем сами его изготовить? — не слушая Гермиону спросил Рон. — Такую штуку не мешает и про запас иметь. Ты бы посмотрел в книге.

Гарри вытащил из сумки «Расширенный курс зельеварения», отыскал в нем «Феликс Фелицис».

— Ничего себе, составчик! — воскликнул он, пробежавшись глазами по списку ингредиентов. — Да и готовить его полгода придется, оно еще настаиваться должно.

— Вечная история, — буркнул Рон.

Гарри собрался уже отложить учебник, но тут заметил загнутый уголок страницы и, раскрыв на ней книгу, увидел заклинание Сектумсемпра с пометкой: «От врагов», которое попалось ему на глаза несколько недель назад. Он так до сих пор и не выяснил, как это заклинание действует, — главным образом, потому, что не хотел испытывать его в присутствии Гермионы. Впрочем, Гарри подумывал и о том, чтобы испробовать его на Маклаггене — как только удастся застать того врасплох.

Единственным, кому возвращение Кэти Белл никакой радости не доставило, оказался Дин Томас, поскольку необходимость в нем, как в

замене Кэти на месте охотника, отпала. Когда Гарри сообщил ему об этом, Дин принял удар стоически, лишь поворчал немного да пожал плечами, но, отходя от него, Гарри ясно слышал, как Дин и Симус возмущенно перешептываются за его спиной.

В следующие две недели тренировки по квиддичу проходили просто замечательно — таких на памяти Гарри, как капитана, еще не бывало. Игроки до того обрадовались избавлению от Маклаггена, так были довольны возвращением Кэти, что летали лучше, чем когда-либо прежде.

Джинни разрыв с Дином, похоже, нисколько не огорчил, напротив, она теперь стала настоящей душой команды. Джинни страшно веселила игроков, изображая, как Рон беспокойно подскакивает вверх-вниз перед шестами или как Гарри сердито дает Маклаггену указания, пока тот вышибает из него дух. Гарри, хохотавший вместе со всеми, был только счастлив тому, что у него имеется совершенно невинный повод подолгу не спускать с Джинни глаз. В итоге, поскольку выискивать снитч ему во время тренировок стало некогда, Гарри еще пару раз зашибли бладжером.

Сражение, бушевавшее в его голове, — Джинни или Рон? — так и не утихло. Временами ему ка-

залось, что Рон после пережитого им с Лавандой не станет особенно возражать, если попросить у него разрешения ухаживать за Джинни. Но тут Гарри вспоми-нал лицо Рона, увидевшего, как его сестра целуется с Дином, и проникался уверенностью в том, что, если он хотя бы коснется руки Джинни, Рон и это сочтет гнусным предательством.

И все же Гарри ничего не мог с собой поделать — он смеялся вместе с Джинни, возвращался с ней в замок после тренировок. Как ни мучила его совесть, он то и дело ловил себя на мысли о том, как можно было бы остаться с ней наедине: если бы Слизнорт снова устроил вечеринку, это было бы идеально, поскольку Рона туда не приглашали. К сожалению, Слизнорт, судя по всему, махнул на них рукой. Раз или два Гарри прикидывал, не попросить ли помощи у Гермионы, но приходил к заключению, что не сможет снести самодовольного выражения, которое непременно появится при этом на ее лице. Ему каза-лось, что порой, когда Гермионе случается заметить, как он смотрит на Джинни или хохочет над ее шутками, именно такое выражение на лице ее и возникает. А в довершение ко всему Гарри мучило беспокойство, что если он не назначит Джинни свидание так

очень скоро это сделает кто-то другой — по крайней мере, в том, что чрезмерная популярность Джинни не доведет ее до добра, он был с Роном полностью согласен.

Так или иначе, искушение глотнуть еще разок «Феликс Фелицис» донимало его с каждым днем все сильнее. Разве это не был именно тот случай, когда требовалось, по выражению Гермионы, «пришпорить обстоятельства»? Тихо проплывали душистые майские дни, но всякий раз, как Гарри встречался с Джинни, бок о бок с ним непременно торчал Рон. Гарри все ждал, когда же ему повезет, когда Рон вдруг возьмет да и поймет — ничто не сулит ему, Рону, большего счастья, чем любовь, соединившая его лучшего друга и сестру? Поймет и оставит их наедине друг с другом дольше, чем на несколько секунд. Однако до окончания последнего в сезоне матча по квиддичу надежд на это, судя по всему, не было никаких: Рон все время обсуждал с Гарри тактику игры и ни о чем другом не думал.

В этом отношении Рон был не одинок. Острый интерес к игре Гриффиндор — Когтевран обуял всю школу — игра определяла чемпиона этого года, назвать которого наверняка пока было невозможно. Если Гриффиндор побьет Когтевран

с преимуществом в триста очков (дело непростое, но, с другой стороны, Гарри никогда еще не видел, чтобы команда его летала так хорошо), то именно он и попадет в чемпионы. Если преимущество будет несколько меньшим, первым окажется Когтевран, а Гриффиндор — вторым; проиграв сотню очков, он займет третье место, за Пуффендуем, а проиграв больше сотни, — четвертое, и тут уж никто, думал Гарри, никто и никогда не позволит ему забыть, что именно он был капитаном Гриффиндора, когда тот впервые за двести лет съехал в самый низ турнирной таблицы.

Подготовка к решающему матчу обладала всеми характерными для такого события особенностями: ученики соперничающих факультетов пытались при каждой встрече с противниками посильнее их застращать. Стоило кому-то из игроков показаться в коридоре, как он тут же натыкался на компанию, во весь голос репетирующую оскорбительные для него куплеты. Выбор у игроков был невелик — либо идти себе с важным видом, снося подобные знаки внимания, либо прятаться между уроками в туалетах, где их от всего пережитого нередко выворачивало наизнанку. В сознании Гарри исход предстоящей игры запутанным образом связался с успехом или

неудачей его планов в отношении Джинни. Он не мог отогнать чувство, что, если Гриффиндор победит с преимуществом в три с лишним сотни очков, всеобщий восторг и шумная гулянка после игры смогут дать ему не меньше шансов, чем добрый глоток «Феликс Фелицис».

Впрочем, за всеми этими тревогами он не забывал о другой важной задаче — выяснить, чем занимается Малфой в Выручай-комнате. Гарри продолжал заглядывать в Карту Мародеров и, поскольку Малфоя на ней нередко не оказывалось, думал, что тот по-прежнему проводит кучу времени в комнате. И хотя Гарри понемногу утрачивал надежду на то, что ему удастся проникнуть в Выручай-комнату, всякий раз, проходя мимо нее, он предпринимал такую попытку. К сожалению, в какие бы слова ни облекал он свою просьбу, дверь в комнату упорно не появлялась.

В один из последних перед матчем дней Гарри пришлось отправиться на ужин в одиночестве. Рона опять затошнило, и он понесся в ближайший туалет, а Гермиона убежала, чтобы поговорить с профессором Вектор насчет ошибки, прокравшейся, как она полагала, в ее последнюю письменную работу по нумерологии. Скорее по привычке, чем по другой какой-то причине, Гар-

ри избрал окольный путь по коридору восьмого этажа, начав просматривать на ходу Карту Мародеров. В первые мгновения найти Малфоя ему не удалось, и Гарри решил, что он наверняка снова засел в Выручай-комнате, но тут же обнаружил крошечную точку, помеченную «Малфой», в мужском туалете на седьмом этаже, причем в компании не Крэбба или Гойла, а Плаксы Миртл.

Гарри на миг остановился, вглядываясь в эту немыслимую парочку, а двинувшись дальше, тут же врезался в стоявшие у стены рыцарские доспехи. Громовый лязг вырвал его из забытья, он поспешил убраться подальше, пока не явился Филч, торопливо спустился по мраморной лестнице на один этаж и понесся по коридору. Добежав до туалета, он прижался ухом к двери. Слышно ничего не было. Гарри тихо-тихо открыл дверь.

Спиной к нему стоял, вцепившись руками в раковину и склонив над ней светловолосую голову, Драко Малфой.

— Ну не надо… — раздался из кабинки проникновенный голосок Миртл. — Не надо… Расскажи мне, что тебя мучает… Я тебе помогу…

— Никто мне не поможет, — ответил, содрогаясь всем телом, Малфой. — Я не могу этого сделать… не могу… не получается… А если не

сделаю поскорее, он сказал, что убьет меня.

Гарри замер на месте от потрясения — он понял, что Малфой плачет, плачет по-настоящему, что по щекам его льются, стекая в грязную раковину, слезы. Малфой задыхался, давился слезами, но затем, после нового содрогания, поднял взгляд к растрескавшемуся зеркалу и увидел за своей спиной вытаращившего глаза Гарри.

Резко повернувшись, Малфой выхватил волшебную палочку. Гарри инстинктивно вытащил свою. Заклятие Малфоя промазало мимо Гарри на несколько дюймов, разбив лампу на стене. Гарри метнулся в сторону и, подумав: «Левикорпус!» — взмахнул палочкой, но Малфой блокировал заклинание и поднял палочку, собираясь выпалить собственное.

— Нет! Нет! Погодите! — взвизгнула Плакса Миртл, и по туалету разнеслось громкое эхо. — Стойте! СТОЙТЕ!

За спиной Гарри с громким «ба-бах!» взорвалась мусорная урна; Гарри выкрикнул заклятие Обезноживания, оно ударилось в стену прямо за ухом Малфоя, отлетело и разбило туалетный бачок, на котором сидела Плакса Миртл. Миртл громко взвизгнула, все вокруг мгновенно залила вода, Гарри поскользнулся и упал, а Малфой с ис-

каженным до неузнаваемости лицом закричал:

— *Круци…*

— *СЕКТУМСЕМПРА!* — бешено взмахнув палочкой, взревел с пола Гарри.

Кровь выплеснулась из лица и груди Малфоя, словно их рассекли удары невидимого меча. Малфоя качнуло назад, и он с громким плеском рухнул на покрытый водой пол, выронив палочку из обмякшей правой руки.

— Нет… — задохнулся Гарри. Оскальзываясь и шатаясь, он поднялся на ноги и бросился к Малфою, лицо которого уже покраснело, а белые ладони скребли залитую кровью грудь.

— Нет… я же не…

Гарри и сам не знал, что говорит; он упал на колени рядом с Малфоем, неудержимо сотрясавшимся в луже собственной крови.

Плакса Миртл истошно завопила:

— УБИЙСТВО! УБИЙСТВО В ТУАЛЕТЕ! УБИЙСТВО!

Сзади хлопнула дверь, Гарри в ужасе оглянулся: в туалет ворвался смертельно бледный Снегг. Грубо отпихнув Гарри, он тоже опустился на колени, вытащил волшебную палочку и прошелся ею по глубоким ранам, нанесенным заклятием Гарри, бормоча при этом похожие на какие-то

песнопения магические формулы. Кровь начала униматься, Снегг стер остатки ее с лица Малфоя и повторил заклинание. Раны стали затягиваться прямо на глазах.

Гарри, пораженный ужасом от того, что он натворил, наблюдал за Снеггом, едва сознавая, что и сам он весь пропитан кровью и водой. Где-то вверху рыдала с подвываниями Плакса Миртл. Снегг, произнеся заклятие в третий раз, поднял Малфоя на ноги.

— Вам нужно в больницу. Кое-какие шрамы, вероятно, останутся, но если немедленно воспользоваться бадьяном, возможно, удастся избежать даже этого. Пойдемте.

Он довел Малфоя до двери, но, подойдя к ней, остановился и сказал через плечо полным холодной ярости голосом:

— А вы, Поттер… вы ждите меня здесь.

Гарри и на миг не пришло в голову, что Снегга можно бы и ослушаться. Он медленно, подрагивая, поднялся на ноги, окинул взглядом пол. По его поверхности, точно багровые цветы, плавали пятна крови. У Гарри не было сил даже на то, чтобы угомонить Плаксу Миртл, которая продолжала завывать и рыдать, причем с удовольствием, становившимся все более очевидным.

Снегг вернулся через десять минут. Вошел в туалет, прикрыл за собой дверь.

— Уйди, — велел он Миртл, и она мгновенно скрылась в унитазе, оставив после себя звенящую тишину.

— Я не нарочно, — сразу сказал Гарри. Голос его эхом отозвался в холодном, залитом водой пространстве туалета. — Я не знал, как действует это заклинание.

Но Снегг оставил его слова без внимания.

— Похоже, я вас недооценивал, Поттер, — негромко сказал он. — Кто бы мог подумать, что вам известна столь Темная магия? Кто научил вас этому заклинанию?

— Я… прочитал о нем где-то.

— Где?

— Это была… библиотечная книга, — наобум выпалил Гарри. — Не помню, как она называлась.

— Лжец! — сказал Снегг.

У Гарри тут же пересохло в горле. Он понимал, что собирается проделать Снегг, и помнил, что ему никогда не удавалось этому помешать.

Туалет словно замерцал; Гарри постарался выбросить из головы все мысли, но, несмотря на отчаянные усилия, перед глазами у него неторо-

ливо поплыл «Расширенный курс зельеварения», принадлежавший Принцу-полукровке.

А потом он снова смотрел на Снегга, стоя посреди разгромленного, залитого водой туалета. Смотрел в черные глаза Снегга, надеясь, вопреки всему, что тот не проник в его страхи, однако…

— Принесите мне вашу школьную сумку, — спокойно потребовал Снегг. — И все ваши учебники. Все. Принесите сюда. Немедленно!

Спорить было бессмысленно. Гарри мгновенно повернулся к двери и, расплескивая воду, выскочил из туалета. Оказавшись в коридоре, он бегом понесся в башню Гриффиндора. Большая часть тех, кто попадался ему по пути, двигалась в противоположном направлении; все изумленно таращились на залитого водой и кровью шестикурсника, но Гарри пролетал мимо, не отвечая на вопросы.

Он был оглушен, как если бы любимый домашний зверек обратился вдруг в лютого зверя. О чем только думал Принц, переписывая в свою книгу подобное заклинание? И что произойдет, когда Снегг увидит ее? Расскажет ли он Слизнорту — мысль эта обожгла Гарри желудок, — каким образом Гарри добивался весь год таких успехов в зельеварении? Отберет ли, а то и уничтожит

книгу, которая столькому научила Гарри? Книгу, заменившую ему наставника и друга? Этого Гарри допустить не мог… он не мог…

— Где ты был? Почему такой мокрый? Это что, кровь?..

Рон стоял наверху лестницы, недоуменно вглядываясь в Гарри.

— Мне нужна твоя книга, — задыхаясь, ответил тот. — Учебник по зельеварению. Скорее… давай его сюда…

— А как же Принц-полу…

— Потом объясню!

Рон вытащил из сумки свой экземпляр «Расширенного курса», протянул его Гарри, и тот промчался мимо него в гостиную. Здесь он схватил свою сумку и, не обращая внимания на изумленные взгляды нескольких уже вернувшихся с ужина учеников, снова бросился к проему в портрете и побежал по коридору восьмого этажа.

У гобелена с танцующими троллями он затормозил, закрыл глаза и начал прохаживаться взад-вперед.

«Мне нужно место, чтобы спрятать мою книгу… Мне нужно место, чтобы спрятать мою книгу… Мне нужно место, чтобы спрятать мою книгу…»

Три раза он прошелся вдоль голой стены. А

когда открыл глаза, то наконец увидел дверь в Выручай-комнату. Гарри рывком растворил ее, влетел в комнату и закрыл за собой дверь.

И замер в изумлении. При всей его спешке, всей панике, всех опасениях, связанных с тем, что ожидало его в туалете, увиденное внушило ему благоговейный страх. Он находился в комнате величиною с большой собор, свет из высоких окон падал на город, окруженный высокими стенами, — сложены они были, как догадался Гарри, из вещей, которые прятали в Выручай-комнате многие поколения обитателей Хогвартса. Здесь были проулки и широкие улицы, уставленные шаткими грудами развалившейся мебели, которую убрали сюда для того, чтобы скрыть свидетельства неудавшихся попыток волшебства, или принесли жившие в замке эльфы-домовики. Здесь были тысячи и тысячи книг — вне всякого сомнения, запрещенных, либо исчерканных, либо украденных. Здесь были крылатые рогатки и кусачие тарелки, в некоторых еще теплилась жизнь, и они робко парили над грудами другого запретного хлама. Здесь были треснувшие пузырьки с загустевшими зельями, шляпы, драгоценные украшения, мантии, нечто смахивающее на драконьи панцири, закупоренные бутылки,

чье содержимое еще продолжало зловеще поблескивать, несколько ржавых мечей и тяжелый, заляпанный кровью топор.

Гарри торопливо зашагал по одному из проходов этой тайной сокровищницы. У огромного чучела тролля он повернул направо, пробежался немного, повернул налево у разломанного Исчезательного шкафа, в котором сгинул в прошлом году Монтегю, и остановился перед огромным буфетом, филенки которого пузырились, словно их облили кислотой. Гарри открыл одну из его скрипучих дверец; буфет уже использовали однажды как укрытие для какого-то давно скончавшегося существа — у скелета его было пять ног. Гарри сунул книгу Принца-полукровки за скелет и захлопнул дверцу. Мгновение он постоял, оглядывая кучи мусора; сердце гулко колотилось. Удастся ли ему снова найти буфет среди всего этого хлама? Сняв со стоявшего поблизости ящика оббитый бюст какого-то волшебника Гарри установил его на буфет и, чтобы сделать изваяние приметней, нахлобучил ему на голову старый, пыльный парик и потускневшую тиару. Затем со всей скоростью, на какую был способен, помчался по проходам между гор сокровенного сора — назад, к двери и в коридор, выскочив в который,

захлопнул за собой дверь, и та мгновенно вновь обратилась в ровный камень.

Гарри побежал прямиком к расположенному этажом ниже туалету, на бегу запихивая в сумку отобранный у Рона «Расширенный курс зельеварения». И через минуту уже стоял перед Снеггом, молча протянувшим руку за его сумкой. Гарри отдал ее, задыхаясь, ощущая в груди жгучую боль, и замер в ожидании.

Снегг вынимал книги одну за одной и просматривал их. Наконец в сумке осталась самая последняя — учебник по зельеварению, его Снегг изучил очень внимательно.

— Это ваш «Расширенный курс», Поттер?

— Да, — сказал все еще не отдышавшийся Гарри.

— И вы совершенно в этом уверены, не так ли?

— Да, — немного вызывающим тоном подтвердил Гарри.

— Вы купили его в магазине «Флориш и Блоттс»?

— Да, — твердо повторил Гарри.

— Тогда почему же, — поинтересовался Снегг, — на внутренней стороне обложки значится «Рундил Уозлик»?

Сердце Гарри замерло.

— А это у меня прозвище такое, — ответил он.

— Ваше прозвище, — повторил Снегг.

— Ага, так меня друзья называют, — подтвердил Гарри.

— Значение слова «прозвище» мне известно, — сказал Снегг.

Холодные черные глаза его снова сверлили Гарри, который старался в них не глядеть. «Изолируй свое сознание… изолируй свое сознание…» Он так и не научился по-настоящему делать это.

— Знаете, что я думаю, Поттер? — совсем тихо произнес Снегг. — Я думаю, что вы лжец, проходимец и заслуживаете того, чтобы до конца семестра проводить каждую субботу в школе, со мной. А что думаете вы, Поттер?

— Я… я не согласен с вами, сэр, — ответил Гарри, по-прежнему отказываясь глядеть Снеггу в глаза.

— Ну хорошо, посмотрим, что вы станете думать после того, как отбудете наказание, — сказал Снегг. — Суббота, десять утра, Поттер. У меня в кабинете.

— Но, сэр… — Гарри в отчаянии уставился на него. — Квиддич… финальная игра сезона…

— В десять, — прошептал Снегг, обнажая в улыбке желтые зубы. — Бедный Гриффиндор! Боюсь, в этом году его ждет четвертое место.

И без дальнейших слов он вышел из туалета. Гарри уставился в треснувшее зеркало, его тошнило, тошнило так сильно, как Рону наверняка никогда и не снилось.

— Я не стану повторять: «А что я тебе говорила?» — произнесла Гермиона час спустя в общей гостиной.

— Перестань, Гермиона, — сердито сказал Рон. Ужинать Гарри не пошел, не было аппетита. Он только что закончил рассказывать Рону, Гермионе и Джинни о случившемся, хотя особой нужды в этом не было. Новости разносятся быстро; судя по всему, Плакса Миртл взяла на себя труд обежать все туалеты замка и в каждом насплетничать; Пэнси Паркинсон успела навестить в больнице Малфоя и теперь обливала Гарри грязью, где только могла, а Снегг подробно рассказал обо всем преподавателям. Гарри уже пришлось один раз покинуть гостиную, чтобы провести крайне неприятные пятнадцать минут в обществе профессора МакГонагалл, которая объяснила, как ему повезло, что его не выгнали из школы, и выразила самое сердечное согласие с наказанием, наложенным Снеггом, — ежесубботней отсидкой в школе вплоть до окончания семестра.

— Говорила я тебе, что-то с твоим Принцем неладно, — упрямо продолжала Гермиона. — И была права, не так ли?

— Нет, не так, — возразил Гарри.

Ему было тошно и без нотаций Гермионы. Выражение, появившееся на лицах игроков его команды, когда он сообщил, что в субботу играть не сможет, стало для Гарри худшим наказанием. Сейчас он чувствовал на себе взгляд Джинни, но не решался встретиться с ней глазами, опасаясь увидеть в них разочарование или гнев. Он только что сказал Джинни, что в субботу ей придется играть за ловца, а Дин возвратится в команду, чтобы занять освобожденное ею место охотника. Возможно, если они победят, Джинни и Дин на радостях помирятся после игры. Эта мысль пронзила Гарри, как ледяной кинжал…

— Гарри, — сказала Гермиона, — как ты можешь по-прежнему защищать его книгу, когда это заклинание…

— Да отцепись ты от книги! — выпалил Гарри. — Ну, занес Принц в нее заклинание, ну и все! Он же не рекомендовал его использовать! Откуда мы знаем, может, он просто отметил то, что использовали против него!

— Я в это не верю, — сказала Гермиона. — Ты

просто оправдываешь…

— Я не оправдываю того, что сделал! — мгновенно откликнулся Гарри. — Я жалею, что сделал это и не из-за одной только дюжины отсидок. Ты прекрасно знаешь, я не воспользовался бы таким заклинанием даже против Малфоя, но и Принца винить не в чем, он же не написал: «Попробуйте, отличная штука» — он просто делал заметки для себя, не для кого-нибудь другого…

— Ты хочешь сказать, — произнесла Гермиона, — что собираешься вернуться назад и…

— И забрать книгу? Да, собираюсь, — с силой ответил Гарри. — Послушай, без Принца я никогда не получил бы «Феликс Фелицис». Не узнал бы, как спасти Рона от яда. Не смог бы…

— Обзавестись репутацией блестящего мастера зельеваренья, которой ты не заслужил, — ядовито добавила Гермиона.

— Угомонись, Гермиона! — сказала Джинни, и Гарри изумился, почувствовал такую благодарность, что даже поднял на нее взгляд. — Похоже, Малфой собирался применить непростительное заклятие, ну так радуйся, что у Гарри имелось в запасе кое-что почище.

— Конечно, я рада, что Гарри не был оглушен заклятием! — воскликнула явно уязвленная

Гермиона. — Но нельзя же называть заклинание Сектумсемпра «чистым», Джинни, посмотри сама, к чему оно привело! А уж если подумать о том, что оно сделало с вашими шансами на победу…

— Ой, только не делай вид, будто хоть что-нибудь в квиддиче понимаешь, — оборвала ее Джинни. — Сама потом стыда не оберешься!

Гарри с Роном смотрели на них во все глаза: Гермиона и Джинни, у которых всегда были прекрасные отношения, сидели теперь, сложив на груди руки и гневно глядя в разные стороны. Рон нервно взглянул на Гарри, потом схватил со стола первую попавшуюся книгу и спрятался за ней. Гарри же, хоть он и считал, что совсем этого не заслуживает, вдруг стало весело, даром что до самой ночи никто из них не обменялся больше ни словом.

Но долго веселиться ему не пришлось. Весь следующий день Гарри вынужден был сносить колкости слизеринцев, не говоря уж о недовольстве товарищей по Гриффиндору впавших в окончательное уныние из-за того, что капитан их команды ухитрился добиться отлучения от финального матча сезона. К субботнему утру Гарри, что бы он ни говорил Гермионе, готов был с радостью обменять весь «Феликс Фелицис»

в мире на возможность выйти вместе с Роном, Джинни и остальными на поле для квиддича. Почти с нестерпимым отчаянием откололся он от вытекающего под солнечный свет потока учеников — все со значками и флагами, в шапочках и шарфах своих команд, — спустился по каменным ступеням в подземелье и шел по нему, пока не утих шум далекой толпы, шел, сознавая, что ни слова комментария, ни единого крика, восторженного или горестного, он отсюда расслышать не сможет.

— А, Поттер, — произнес Снегг, когда Гарри, стукнув в дверь, вошел в неприятно знакомый кабинет, который Снегг, хоть он и преподавал теперь наверху, так и не освободил.

Освещен кабинет был, как и всегда, тускло, и все те же разноцветные банки со слизистыми мертвыми существами стояли по его стенам. Еще более зловеще выглядела груда оплетенных паутиной коробок, сваленных на столе, за которым явно предстояло си-деть Гарри, — от них так и веяло нудной, тяжелой и бессмысленной работой.

— Мистер Филч давно уж подыскивал помощника, который смог бы привести в порядок эти старые архивные дела, — ласково сказал Снегг. — В них содержатся записи о правонарушителях

Хогвартса и понесенных ими наказаниях. Нам хотелось бы, чтобы вы заново переписали карточки, на которых выцвели чернила, а также те, что погрызены мышами, и в алфавитном порядке разложили копии по коробкам. Магию использовать запрещается.

— Разумеется, профессор, — сказал Гарри, вложив в последнее слово столько презрения, сколько смог.

— Думаю, вы могли бы начать, — злорадно улыбаясь, продолжал Снегг, — с коробок от тысяча двенадцатой до тысяча пятьдесят шестой. Вы встретите в них знакомые имена, что сделает вашу работу еще более интересной. Вот, гляньте-ка…

Он театрально вытащил карточку из верхней коробки и прочитал вслух:

— «Джеймс Поттер и Сириус Блэки уличены в применении незаконных чар к Бертраму Обри. Голова Обри вдвое увеличилась в размере. Двойное задержание в школе». — Снегг глумливо оскалился. — Приятно, должно быть, думать, что вот они нас покинули, а хроника их великих деяний остается с нами.

Гарри почувствовал под ложечкой знакомое жжение. Прикусив язык, чтобы не сказать ничего

в ответ, он уселся перед коробками и потянул к себе первую.

Работа, как и предвидел Гарри, была бесполезной и нудной, перемежавшейся лишь (как это наверняка и было задумано Снеггом) еканьем в животе, которое возникало всякий раз, как Гарри натыкался на имена отца или Сириуса, обычно соединенные каким-нибудь пустяковым бесчинством; время от времени к ним присоединялись Римус Люпин с Питером Петтигрю. Копируя записи о всевозможных проступках и наказаниях, Гарри не переставал гадать о том, что творится снаружи, где уже должен был начаться матч, где Джинни играла ловцом против Чжоу.

Гарри снова и снова поглядывал в сторону тикавших на стене часов. Казалось, стрелки их движутся вдвое медленнее обычного — может быть, Снегг заколдовал их, чтобы они замедлили ход? Не мог же он просидеть здесь всего только полчаса… час… полтора…

Когда часы показали половину первого, в животе у Гарри заурчало. Снегг, не произнесший ни слова после того, как задал Гарри работу, поднял на него взгляд только в десять минут второго.

— Думаю, этого будет достаточно, — холодно сказал он. — Отметьте место, на котором вы оста-

новились. Продолжите в следующую субботу, в десять.

— Да, сэр.

Гарри наобум втиснул помятую карточку в коробку и поспешил к двери, пока Снегг не передумал. Он взлетел по каменным ступеням, прислушиваясь, не доносится ли с поля какой-либо шум, — нет, все тихо. Выходит, игра закончилась.

Гарри помедлил у заполненного народом Большого зала, потом помчался вверх по мраморной лестнице — побеждал ли Гриффиндор или проигрывал, у команды принято было праздновать либо горевать в своей гостиной.

— Quid agis?[1] — поинтересовался он на всякий случай у Полной Дамы, гадая, что его ожидает.

Понять что-либо по лицу Дамы, ответившей: «Сам увидишь» — было невозможно.

Она отступила в сторону, открывая Гарри дорогу.

Из-за спины Полной Дамы вырвался торжествующий рев. Едва увидев разинувшего рот Гарри, все, кто только был в гостиной, завопили; сразу несколько рук втянули его внутрь.

---

[1] Примечания: 1
Как дела? (*лат.*)

— Мы победили! — проорал Рон, который возник прямо перед ним, размахивая Кубком. — Победили! Четыреста пятьдесят против ста сорока! Победа!

Гарри огляделся: Джинни летела к нему, на ее сияющем лице застыло решительное выражение, она обвила Гарри руками. И он, ничего не успев подумать, забыв о том, что на них смотрят человек пятьдесят, не успев даже понять, что делает, поцеловал ее.

Прошло несколько долгих мгновений или, может быть, полчаса, а то и несколько солнечных дней, прежде чем они оторвались друг от друга. В гостиной стояла полная тишина. Но вот кто-то присвистнул, откуда-то донесся нервный смешок. Гарри, взглянув поверх головы Джинни, увидел Дина Томаса с треснувшим бокалом в руке, и Ромильду Вейн, которую, казалось, подмывало чем-нибудь в него запустить. Гермиона сияла улыбкой, однако взгляд Гарри искал Рона. И наконец отыскал: он еще сжимал Кубок, но выглядел так, точно его ахнули дубиной по голове. Долю секунды они смотрели друг другу в глаза, потом Рон слегка дернул головой, что Гарри истолковал как «Ну, раз уж без этого не обойтись…»

Существо, обитавшее в груди Гарри, торжеству-

ющe взревело, он перевел взгляд на Джинни, улыбнулся ей и молча повел рукой в сторону портрета. Обоим, безусловно, требовалась долгая прогулка по окрестностям замка — надо же было поговорить о прошедшей игре. Если они найдут для этого время.

Глава 25

ПОДСЛУШАННАЯ ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦА

Весть о том, что Гарри Поттер встречается с Джинни Уизли, произвела изрядный фурор — главным образом среди девочек, сам же Гарри в последующие несколько недель лишь дивился собственной новой, счастливой невосприимчивости к слухам. В конце концов, обнаружить, что о тебе болтают, потому что ты счастлив так, как очень давно уже счастлив не был, а не из-за твоей причастности к жутким, связанным с самой темной магией событиям, — перемена довольно приятная.

— Можно подумать, людям больше посплетничать не о чем, — сказала в один из вечеров Джинни, сидевшая на полу общей гостиной, прислонясь спиной к ногам Гарри и просматривая номер «Ежедневного пророка». — Три нападения дементоров за неделю, а у Ромильды Вейн только один вопрос ко мне и нашелся: правда ли, что у тебя на груди наколот гиппогриф?

Рон с Гермионой покатились со смеху. Гарри в их сторону даже не взглянул.

— И что ты ей ответила?

— Что у тебя там Венгерская хвосторога изображена, — ответила Джинни, неторопливо переворачивая газетную страницу. — Пусть считает, что ты настоящий мачо.

— Ну спасибо, — ухмыльнулся Гарри. — А Рона ты чем наградила?

— Карликовым пушистиком. Правда, я отказалась сказать, на каком месте он его наколол.

Рон недовольно нахмурился, Гермиона прыснула.

— Вы, знаете ли, не зарывайтесь, — сказал Рон, грозя Гарри и Джинни пальцем. — Если я вам чего разрешил, так я и передумать могу…

— Разрешил? — насмешливо переспросила Джинни. — С каких это пор мне требуются твои разрешения? И кстати, ты же сам говорил, что уж лучше Гарри, чем Майкл или Дин.

— Ну говорил, — нехотя согласился Рон. — Так это пока вы не начали целоваться да обниматься у всех на виду…

— Вот ведь ханжа паршивый! Вы-то с Лавандой не липли, что ли, друг к другу по всему замку, как пара угрей? — поинтересовалась Джинни.

Впрочем, с наступлением июня терпению Рона не пришлось подвергаться серьезным ис-

пытаниям, поскольку время, которое Гарри и Джинни проводили вместе, все сокращалось и сокращалось. У Джинни близился экзамен СОВ, и ей приходилось засиживаться над книгами до поздней ночи. В один такой вечер, когда Джинни ушла в библиотеку, а Гарри сидел у окна гостиной, предположительно дописывая домашнюю работу по травологии, а на деле вспоминая во всех подробностях особенно счастливый час, который он и Джинни скоротали в обеденное время у озера, к окну подошла и уселась между Гарри и Роном Гермиона. Решительное выражение лица ее ничего приятного не сулило.

— Нам нужно поговорить, Гарри.

— О чем это? — подозрительно спросил он. Не Далее как вчера Гермиона уже отчитывала его за то, что он отвлекает Джинни, которой следует готовиться к экзаменам.

— О так называемом Принце-полукровке.

— Ну вот, снова-здорово, — простонал Гарри. — И когда только ты это бросишь?

Вернуться за книгой в Выручай-комнату он так пока и не решился и на зельеварении соответственно не блистал (впрочем, Слизнорт, с одобрением относившийся к Джинни, шутливо объяснял это любовной горячкой). Гарри был

уверен, что Снегг не теряет надежды наложить лапы на книгу Принца, а потому решил, пока Снегг остается настороже, держать ее там, где она была.

— Когда ты меня выслушаешь, — твердо ответила Гермиона. — Так вот, я попыталась выяснить, кто мог бы обзавестись подобным хобби — изобретением Темных заклинаний…

— Да не было у него такого хобби…

— «У него»? А с чего ты взял, что это он?

— Слушай, мы это уже проходили, — рассердился Гарри. — Принц, Гермиона, Принц!

— Правильно! — отозвалась Гермиона, на щеках которой уже запылали красные пятна. Она вытащила из кармана старенький газетный лист и хлопнула им по столу перед Гарри. — Смотри! Взгляни на фотографию!

Гарри поднял крошащийся листок и уставился на пожелтевшую от дряхлости живую фотографию, Рон тоже склонился над ней. Фотография изображала костлявую девочку лет пятнадцати. Далеко не красавица — густые брови, длинное бледное лицо, — она выглядела одновременно и сварливой, и замкнутой. Подпись под фотографией гласила: «Эйлин Принц, капитан команды Хогвартса по игре в плюй-камни».

— И что? — спросил Гарри, просматривая сопровождавшую снимок заметку — довольно скучный отчет о соревнованиях между школами.

— Ее звали Эйлин Принц. Принц, Гарри.

Они уставились друг на друга, и Гарри наконец понял, что пытается втолковать ему Гермиона. Его разобрал смех.

— Исключено.

— Что?

— Ты думаешь, она и была полукровкой? Да ну тебя.

— А что такого? Гарри, в волшебном мире нет настоящих принцев! Это либо прозвище, выдуманный, присвоенный кем-то титул, либо фамилия, ведь так? Нет, ты послушай. Если, скажем, отец ее был волшебником по фамилии Принц, а мать происходила из маглов, то и получилось бы, что она «полукровка Принц»!

— Да, Гермиона, весьма изобретательно…

— Но ведь сходится! Может, она гордилась тем, что ее можно называть «полу-Принцем»!

— Послушай, Гермиона, я знаю, что это была не девочка. Просто знаю!

— Ты просто считаешь, что у девочки не хватило бы на все это ума, — сердито заявила Гермиона.

Гарри почувствовал себя уязвленным:

— Интересно, как бы я мог, проведя с тобой рядом пять лет, считать, что у девочек не хватает ума хоть на что-то? Я говорю о его слоге. И просто-напросто знаю, Принц был мужчиной, я чувствую это. А твоя девица никакого отношения к нему не имеет. Кстати, где ты ее откопала?

Ответ Гермионы был вполне предсказуемым:

— В библиотеке. Там есть подшивки старых «Пророков». Ладно, попробую выяснить об этой Эйлин Принц побольше, вдруг что и найду.

— Ну валяй, развлекайся, — раздраженно сказал Гарри.

— Непременно, — ответила Гермиона. — И первое, что я просмотрю, — выпалила она уже от портретной двери, — это списки старых обладателей награды за зельеварение.

Гарри некоторое время сердито смотрел ей вслед, а затем вернулся к созерцанию темнеющего неба.

— Да она просто не может смирится с тем, что ты обскакал ее по зельеварению, — снова утыкаясь в «Тысячу магических трав и грибов», сказал Рон.

— Ты-то не считаешь меня сумасшедшим из-за того, что я хочу вернуть себе книгу?

— Конечно, нет, — твердо ответил Рон. — Он

был гением, этот твой Принц. Без его подсказки насчет безоара… — он многозначительно провел себя пальцем по горлу, — я бы с тобой тут об этом не разговаривал. Я, разумеется, не считаю твой фокус с Малфоем таким уж отличным…

— Я тоже, — поспешно сказал Гарри.

— Но он же поправился, верно? Выздоровел, никто и глазом моргнуть не успел.

— Да, — согласился Гарри. Это была чистая правда, что не мешало ему испытывать легкие уколы совести. — Благодаря Снеггу…

— Тебе к нему опять в эту субботу тащиться? — спросил Рон.

— Угу, и в следующую, и в следующую за ней, — вздохнул Гарри. — А теперь он еще и намекает, что, если я не управлюсь со всеми коробками до конца семестра, мне придется возиться с ними и в новом учебном году.

Наказание, отбываемое в кабинете Снегга, досаждало Гарри даже сильнее прежнего, поскольку оно отнимало часть и без того ограниченного времени, которое он проводил с Джинни. А в последние дни он все чаще гадал, не понимает ли это и Снегг, взявший привычку задерживать его все дольше и дольше, отпуская при этом туманные намеки насчет погожих часов, которые

бедному Гарри приходится пропускать, лишаясь всех связанных с ними приятных возможностей.

От этих горестных размышлений Гарри оторвало появление Джимми Пикса, принесшего ему пергаментный свиток.

— Спасибо, Джимми. Ух ты, да это от Дамблдора! — взволнованно сообщил Гарри, разворачивая пергамент и просматривая его. — Хочет, чтобы я как можно скорее явился к нему в кабинет.

Они с Роном уставились друг на друга.

— Ничего себе, — прошептал Рон. — Ты не думаешь… Может, он нашел…

Выскочив из гостиной, Гарри во весь дух помчался по коридорам восьмого этажа. Навстречу ему попался лишь Пивз — спикировав на Гарри, полтергейст привычно обстрелял его кусочками мела и, загоготав, ловко увернулся от заклинания, которым Гарри в него пальнул. Как только Пивз удалился, в коридоре наступила тишина: до отбоя оставалось всего пятнадцать минут, и большинство учеников уже разбрелись по своим гостиным.

Внезапно до Гарри донесся вскрик, звук удара. Он остановился, прислушался.

— Да как… вы… смеете… ааааах!

Звуки эти летели из ближайшего коридора; с волшебной палочкой наготове Гарри бросился вперед и, свернув за угол, увидел распростертую на полу профессора Трелони — голову ее накрывали бесчисленные шали, рядом валялись бутылки с кулинарным хересом, одна из которых разбилась.

— Профессор…

Гарри подскочил к профессору, чтобы помочь ей подняться на ноги. Несколько нитей блестящих бус обвились вокруг ее очков. Громко икнув, профессор Трелони пригладила ладонью прическу и, держась за руку Гарри, встала.

— Что случилось, профессор?

— Очень интересный вопрос! — визгливо ответила она. — Я прогуливалась, размышляла о некоторых явившихся мне мрачных знамениях…

Гарри слушал ее вполуха. Он вдруг сообразил, где они: справа висит гобелен с танцующими троллями, слева — гладкая, глухая каменная стена, за которой кроется…

— Профессор, вы пытались войти в Выручай-комнату?

— …зловещих предзнаменованиях, которые я удостоилась… Что?

Глаза ее вдруг забегали.

— Выручай-комната, — повторил Гарри. — Вы пытались проникнуть в нее?

— Я… ну… вот уж не знала, что ученикам известно о…

— Не всем, — сказал Гарри. — Так что же случилось? Вы закричали… Мне показалось, что вам сделали больно.

— Я… э-э… — протянула профессор Трелони, настороженно закутываясь в шали и не сводя с Гарри увеличенных очками до огромных размеров глаз. — Я хотела… э… поместить в Выручай-комнату некоторые… м-м… личные вещи…

И она забормотала что-то о «гнусных наветах».

— Понимаю, — сказал Гарри, бросая взгляд на бутылки с хересом. — Но войти туда и спрятать их вам не удалось?

Ему это казалось странным — в конце концов, когда он пожелал спрятать книгу Принца-полукровки, комната открылась.

— Нет, войти-то я вошла, — ответила профессор Трелони, гневно взглянув на стену. — Но там уже кто-то был.

— кто-то… Кто? — резко спросил Гарри. — Кто был в комнате?

— Понятия не имею, — сказала профессор Тре-

лони, несколько ошарашенная тоном Гарри. — Я вошла в Выручай-комнату и услышала голос, чего за все годы, что я прячу… ну, то есть использую комнату, ни разу еще не случалось.

— Голос? И что он сказал?

— Да не знаю я, что он сказал, — ответила профессор Трелони. — Он… радостно вскрикнул.

— Радостно?

— Ликующе, — кивая, подтвердила профессор. Гарри уставился на нее.

— Голос был мужской или женский?

— Я бы сказала, мужской.

— И он звучал радостно?

— Даже счастливо, — усмехнулась профессор Трелони.

— Как будто что-то праздновал?

— Очень на то похоже.

— А потом?

— А потом я крикнула: «Кто здесь?»

— Разве вы не могли выяснить это, не спрашивая? — разочарованно осведомился Гарри.

— Внутреннее Око, — с достоинством сообщила профессор Трелони, разглаживая шали и поправляя многочисленные ожерелья, — устремлено на материи, весьма и весьма удаленные от прозаических радостных восклицаний.

— Понятно, — поспешно согласился Гарри; россказни о Внутреннем Оке профессора Трелони давно уж набили ему оскомину. — А на ваш вопрос голос ответил?

— Нет, не ответил, — сказала она. — Все вдруг почернело, и в следующий миг я обнаружила, что вылетаю вперед головой из Выручай-комнаты!

— И предвидеть этого вы никак не могли? — не удержавшись, поинтересовался Гарри.

— Нет, не могла, я же сказала, там было темно, как… — Она замолчала, подозрительно уставясь на Гарри.

— Думаю, вам лучше рассказать об этом профессору Дамблдору — сказал Гарри. — Ему следует знать, что Малфой празднует… то есть, что кто-то выкинул вас из Выручай-комнаты.

К его удивлению, профессор Трелони, услышав это предложение, надменно выпрямилась.

— Директор школы дал мне понять, что предпочел бы видеть меня пореже, — холодно сказала она. — А я не имею привычки навязывать свое общество тем, кто его не ценит. Если Дамблдор предпочитает игнорировать предостережения, которые сообщают ему карты…

Внезапно ее костлявые пальцы сомкнулись на запястье Гарри.

— Раз за разом, как бы я их ни раскидывала… — И профессор Трелони театрально выхватила из-под шалей игральную карту. — Башня молний, — прошептала она. — Несчастье. Бедствие. Все ближе и ближе…

— Понятно, — повторил Гарри. — И все-таки вам следует рассказать Дамблдору об этом голосе и о том, как все потемнело, а вас выбросили из Выручай-комнаты…

— Вы так считаете? — Профессор Трелони словно бы призадумалась, но Гарри видел, что она совсем не прочь поведать о своем маленьком приключении кому-либо еще.

— Я как раз направляюсь к нему, — сказал он. — У нас назначена встреча. Мы могли бы пойти вместе.

— Ну, в таком случае… — улыбнулась профессор Трелони. Она наклонилась, подобрала с пола бутылки и бесцеремонно засунула их в большую сине-белую вазу, стоявшую поблизости в нише.

— Мне так вас не хватает на моих уроках, Гарри, — томно произнесла профессор, едва они тронулись в путь. — Как прорицатель вы никогда особенно не блистали… но были таким превосходным объектом…

Гарри не ответил: положение объекта непре-

станных роковых предсказаний профессора Трелони давно уже стало ему ненавистным.

— Боюсь, — продолжала она, — что кляча, извините, кентавр, ничего в гадании на картах не смыслит. Я спросила у него, как прорицатель у прорицателя, не ощущает ли и он отдаленных вибраций близящейся катастрофы? Но он, похоже, нашел меня едва ли не смешной. Да, смешной!

Голос ее истерично возвысился, и Гарри ощутил мощное дуновение хереса — даром что бутылки с ним остались позади.

— Возможно, до этого коняги дошли разговоры о том, что я будто бы не унаследовала великого дара моей прапрабабушки. Эти слухи распускаются моими завистниками уже множество лет. Знаете, что я на них отвечаю, Гарри? Разве Дамблдор позволил бы мне преподавать в нашей великой школе, если бы все эти годы не питал ко мне такое доверие? Разве я не доказала ему, что чего-то стою?

Гарри пробормотал нечто невнятное.

— Хорошо помню мой первый разговор с Дамблдором, — глухим голосом продолжала профессор Трелони. — Разумеется, я произвела на него глубокое впечатление, очень глубокое. Я тогда

остановилась в «Кабаньей голове», кстати, не рекомендую, — клопы, мой мальчик, — но в ту пору я была стеснена в средствах. Он расспрашивал меня… Должна признаться, поначалу мне показалось, что к прорицанию, как к предмету, он расположен не очень благосклонно. Помню, У меня возникло такое странное чувство, я в тот день почти ничего не ела. Правда, потом…

И с этой минуты Гарри стал слушать профессора Трелони очень внимательно — он догадался, что произошло в тот день: она изрекла пророчество, которое изменило ход всей его жизни, пророчество о нем и Волан-де-Морте.

— …потом нас самым невоспитанным образом прервал Северус Снегг.

— Что?

— Да-да, за дверью поднялся какой-то шум, она распахнулась, и перед нами предстал тамошний неотесанный бармен, а с ним и Снегг. Снегг что-то мямлил, дескать, ошибся лестницей, хотя мне, должна вам сказать, сразу стало ясно, что его поймали, когда он подслушивал нашу беседу с Дамблдором. Видите ли, он сам желал в то время получить это место и, несомненно, надеялся таким способом раздобыть полезные сведения! После этого Дамблдор проникся куда большим

желанием взять меня на службу. Смею думать, Гарри, что объясняется это поразившим его контрастом между моими непритязательными манерами, моими неброскими дарованиями и бесцеремонностью молодого человека, который всюду сует свой нос и готов даже подслушивать у замочной скважины… Гарри, дорогой!

Она оглянулась, только тут заметив, что Гарри с ней рядом нет — он замер на месте и теперь их уже разделяло расстояние футов в десять.

— Гарри? — неуверенно повторила она.

Наверное, у него побелело лицо, отчего вид профессора Трелони и стал таким озабоченным и испуганным. Гарри словно врос в пол, он чувствовал, как сквозь него прокатываются одна за другой волны потрясения, смывавшие все, кроме сведений, которые от него так долго скрывали.

Это Снегг подслушал пророчество! Снегг сообщил о нем Волан-де-Морту! Снегг и Питер Петтигрю натравили Волан-де-Морта на Лили, Джеймса и их сына!

И ничто иное для Гарри сейчас значения не имело.

— Гарри? — повторила профессор Трелони. — Гарри, по-моему, мы собирались вместе повидать директора.

— Оставайтесь здесь, — онемелыми губами выговорил Гарри.

— Но, дорогой… Я же хотела рассказать ему, как на меня напали в Выручай…

— Оставайтесь здесь! — сердито повторил Гарри.

Он бегом миновал испуганную профессора Трелони и свернул в коридор Дамблдора, где стояла на своем посту одинокая горгулья. Гарри крикнул ей пароль, взлетел по винтовой лестнице, перескакивая по три ступеньки за раз. В дверь Дамблдора он не постучал, а забарабанил, и спокойный голос ответил: «Входите» — уже после того, как Гарри ворвался внутрь.

Фоукс озирался по сторонам, его яркие черные глаза ловили золотые отблески садившегося за окном солнца. Дамблдор стоял у окна, глядя на земли замка, в руках он держал длинный черный дорожный плащ.

— Ну что же, Гарри, я обещал взять тебя с собой. Мгновение-другое Гарри не мог понять, о чем идет речь, — разговор с Трелони вышиб из его головы все, что содержалось в ней прежде, а мозг, казалось, стал работать очень медленно.

— Взять… с собой…

— Разумеется, если ты этого хочешь.

— Если я…

Только тут Гарри вспомнил начальную причину, по которой ему так не терпелось попасть в кабинет Дамблдора.

— Так вы нашли его? Нашли крестраж?

— Думаю, да.

Гнев и негодование боролись в Гарри с потрясением и волнением, несколько мгновений он не мог вымолвить ни слова.

— Страх — дело естественное, — сказал Дамблдор.

— Я не боюсь! — тут же ответил Гарри, и это было правдой — уж чего он сейчас не ощущал, так это страха. — Какой из крестражей? Где он?

— Какой именно, наверняка не знаю, думаю, впрочем, что о змее можно пока забыть. Я уверен в одном: этот крестраж спрятан в пещере на берегу моря, за много миль отсюда, в пещере, которую я ищу уже очень давно. Это в ней Том Реддл до смерти запугал когда-то двух детей из своего приюта во время их ежегодного похода, помнишь?

— Да, — ответил Гарри. — Как она защищена?

— Не знаю. У меня есть догадки, но они могут быть совершенно неверными. — Дамблдор поколебался немного, затем сказал: — Гарри, я обещал взять тебя с собой и от обещания не отказываюсь,

однако я не исполнил бы своего долга, если бы не предупредил тебя: все это может оказаться чрезвычайно опасным.

— Я иду с вами, — ответил Гарри, почти не дав Дамблдору закончить. За последние несколько минут кипевший в нем гнев на Снегга и потребность совершить что-нибудь рискованное и опасное возросли десятикратно. По-видимому, эти чувства отразились на его лице — Дамблдор отступил от окна, пристально посмотрел на Гарри, и между серебристых бровей волшебника появилась легкая складка.

— Что с тобой случилось?

— Ничего, — торопливо солгал Гарри.

— Чем ты расстроен?

— Я не расстроен.

— Гарри, ты никогда не был так уж силен в окклюмен…

Последнее слово и стало искрой, от которой гнев Гарри вспыхнул, как пламя.

— Снегг! — выпалил он с такой силой, что за спиной его негромко заклекотал Фоукс. — Снегг, вот что со мной случилось! Это он донес Волан-де-Морту о пророчестве, которое подслушал, затаившись под дверью! Трелони мне все рассказала!

Лицо Дамблдора, окрашенное заходящим солнцем в кровавые тона, не дрогнуло, но Гарри почудилось, что оно побледнело. Молчание старого волшебника продлилось лишь миг, однако миг этот был очень долгим.

— Когда ты узнал об этом? — наконец спросил он.

— Только что! — ответил Гарри, ценой огромных усилий удерживаясь от крика. И тут же выяснилось, что владеть собой он больше не способен. — И ВЫ ПОЗВОЛИЛИ ЕМУ ПРЕПОДАВАТЬ В ШКОЛЕ! ЧЕЛОВЕКУ, КОТОРЫЙ НАТРАВИЛ ВОЛАНДЕ-МОРТА НА МАМУ И ПАПУ!

Тяжело дыша, точно в самый разгар драки, Гарри отвернулся от так и не шевельнувшего ни одним мускулом Дамблдора и принялся расхаживать по кабинету, потирая одной ладонью костяшки другой и прилагая все силы, какие у него остались, чтобы удержаться и не посбивать на пол то, что попадалось ему на глаза. Гарри хотелось бушевать, орать на Дамблдора, но хотелось также отправиться с ним в путь и уничтожить крестраж; хотелось заявить профессору, что поверить Снеггу мог только старый дурак, но при этом он боялся даже подумать о том, что, если ему не удастся справиться с гневом, Дамблдор

оставит его здесь…

— Гарри, — негромко произнес Дамблдор, — пожалуйста, выслушай меня.

Заставить себя прекратить метания по кабинету было так же трудно, как и удержаться от крика. Гарри застыл на месте, прикусил губу и взглянул в морщинистое лицо Дамблдора.

— Профессор Снегг совершил ужасную…

— Не говорите мне, что он совершил ошибку, сэр! Он подслушивал под дверью!

— Дай мне, пожалуйста, закончить. — Дамблдор дождался короткого кивка Гарри и продолжил: — Профессор Снегг совершил ужасную ошибку. В ночь когда он услышал первую половину пророчества профессора Трелони, он еще состоял на службе у Волан-де-Морта. Естественно, он поспешил уведомить об услышанном своего хозяина, к которому оно имело самое серьезное отношение. Но Северус не знал, да и не мог знать, на какого именно мальчика начнет охотиться Волан-де-Морт, как не знал и того, что родители этого мальчика, которых хозяин убьет во время своих губительных поисков, — люди, ему хорошо знакомые, что это твои отец и мать…

Гарри издал невеселый смешок.

— Он ненавидел отца, как ненавидел и Сириу-

са! Вы не заметили, профессор, что люди, которых Снегг ненавидит, рано или поздно погибают?

— Ты представления не имеешь, Гарри, как раскаивался профессор Снегг, когда узнал, каким образом Волан-де-Морт истолковал пророчество. Уверен, это величайшее из сожалений его жизни, именно поэтому он обратился…

— Но ведь он очень силен в окклюменции, не так ли, сэр? — произнес Гарри голосом, дрожавшим от одних лишь усилий сохранить его твердость. — И разве Волан-де-Морт не убежден, что Снегг на его стороне? Профессор, как можете вы быть уверены, что он — на вашей?

Дамблдор с мгновение помолчал, со стороны казалось, что он пытается прийти к какому-то решению. И наконец сказал:

— Я уверен. Я полностью доверяю Северусу Снеггу.

Несколько секунд Гарри тяжело отдувался, стараясь оставаться спокойным. Не получилось.

— А я не доверяю! — все так же громко заявил он. — Вот в эту минуту, у вас под носом, он затевает что-то с Драко Малфоем, а вы по-прежнему…

— Мы это уже обсуждали, Гарри, — посуровевшим тоном произнес Дамблдор. — И я свое мнение высказал.

— Вы покидаете сегодня школу и, готов поспорить, даже не думаете о том, что Снегг с Малфоем могут решиться…

— На что? — Дамблдор приподнял брови. — В чем, если быть точным, ты их подозреваешь?

— Я… они что-то задумали! — сжимая кулаки, ответил Гарри. — Профессор Трелони только что заходила в Выручай-комнату, собиралась припрятать там свои бутылки с хересом, она слышала, как Малфой радостно вскрикивает, как будто празднует что-то! Он пытался соорудить там что-то опасное, и, если хотите знать мое мнение, ему это удалось, а вы, того и гляди, оставите школу даже не…

— Довольно, — сказал Дамблдор. Сказал совершенно спокойно, однако Гарри мгновенно умолк — понял, что перешел некую незримую черту. — Ты полагаешь, что я хоть раз оставлял школу, не защитив ее на время моего отсутствия? Ни разу. Этой ночью, когда я уйду, здесь снова будет установлена дополнительная защита. Прошу тебя, Гарри, не думай, что я отношусь к безопасности своих учеников без должной серьезности.

— Да я и… — забормотал, немного сконфузясь, Гарри, но Дамблдор не дал ему договорить.

— И больше я на эту тему разговаривать не

хочу.

Гарри прикусил язык, опасаясь, что зашел слишком далеко, что лишил себя возможности сопровождать Дамблдора, но волшебник вдруг спросил:

— Так хочешь ты отправиться сегодня со мной? — Да, — мигом ответил Гарри.

— Очень хорошо. Тогда слушай. — И Дамблдор распрямился во весь свой рост. — Я беру тебя с собой на одном условии: ты будешь мгновенно, не задавая вопросов, выполнять любой мой приказ.

— Разумеется.

— Подумай, Гарри, до конца ли ты понял то, что я сказал. Ведь тебе придется следовать любому приказу, даже такому, как «беги», «прячься» или «возвращайся назад». Ты даешь мне слово?

— Я… да, конечно.

— Если я велю тебе спрятаться, ты это сделаешь? — Да.

— Если велю убежать, подчинишься? — Да.

— Если велю бросить меня, спасаться самому, ты сделаешь то, что я скажу?

— Я…

— Гарри?

Мгновение они смотрели друг другу в глаза.

— Да, сэр.

— Очень хорошо. В таком случае сходи, пожалуйста, за мантией-невидимкой, и через пять минут встретимся в вестибюле.

Дамблдор отвернулся, чтобы еще раз взглянуть в ставшее совсем огненным окно; рубиновое солнце уже горело над горизонтом. Гарри торопливо вышел из кабинета, спустился по винтовой лестнице. В голове его вдруг все прояснилось. Он знал, что ему следует сделать.

Когда он вернулся в гостиную, там сидели Рон с Гермионой.

— Чего хотел Дамблдор? — сразу спросила она. И с тревогой прибавила: — Гарри, с тобой все в порядке?

— Все, — отрывисто бросил он и, пробежав мимо них, взлетел по лестнице в спальню, где рывком распахнул свой чемодан и извлек из него Карту Мародеров и пару свернутых в шарик носков. Затем он быстро спустился в гостиную и притормозил около сидевших в ошеломлении Рона и Гермионы.

— У меня мало времени, — тяжело дыша, сказал Гарри. — Дамблдор велел прихватить мантию-невидимку. Послушайте…

Он коротко рассказал им, куда и зачем отправляется. Ни ахнувшая в ужасе Гермиона, ни

торопливые расспросы Рона не заставили его остановиться — в мелких деталях они разберутся и сами.

— Вы понимаете, что это значит? — закончил он свой стремительный рассказ. — Дамблдора здесь этой ночью не будет, так что Малфой еще раз попытается добиться своего. Нет, слушайте! — сердито прошипел он, увидев, что и Рон, и Гермиона хотят прервать его. — Я уверен, это Малфой праздновал что-то в Выручай-комнате. Вот. — Он сунул Гермионе в руки Карту Мародеров. — Вам придется следить за ним и за Снеггом тоже. Возьмите в помощники всех, кого сможете, из ОД. Гермиона, те галеоны, которыми мы пользовались для связи, еще работают? Дамблдор говорит, что поставит в школе дополнительную защиту, но в деле замешан Снегг, а он знает, что это за защита и как ее обойти. Правда, он не ждет, что вы будете приглядывать за ним.

— Гарри… — начала Гермиона, глаза которой округлились от страха.

— У меня нет времени на споры, — оборвал ее Гарри. — И вот это возьми. — Он вручил Рону носки.

— Спасибо, — сказал Рон. — А носки-то мне для чего понадобятся?

— Тебе понадобится то, что в них завернуто, «Феликс Фелицис». Разделите его между собой и дайте Джинни. Попрощайтесь с ней за меня. Мне пора, Дамблдор ждет…

— Нет! — сказала Гермиона, когда Рон с трепетом извлек из носков флакончик с золотистым зельем. — Нам он не нужен, возьми его ты — никто не знает с чем ты столкнешься.

— Со мной все обойдется, я буду с Дамблдором, — сказал Гарри. — Мне просто нужна уверенность, что у вас все хорошо… И не смотри на меня так, Гермиона. Ладно, до встречи.

Он торопливо покинул гостиную, проскочил сквозь портретный проем и помчался к вестибюлю.

Дамблдор ждал его за дубовыми дверьми. Услышав, как Гарри, с трудом переводя дыхание, выскочил на крыльцо, волшебник обернулся.

— Будь добр, надень мантию, — сказал он и, дождавшись, когда Гарри сделает это, добавил: — Очень хорошо. Пошли.

Дамблдор начал спускаться по каменным ступеням, его дорожный плащ чуть колыхался в тихом летнем воздухе. Гарри, укрытый мантией-невидимкой, поспешал за ним, все еще задыхаясь и морщась от колотья в боку.

— Но что скажут люди, увидев, что вы уходите, профессор? — спросил он, думая о Малфое со Снеггом.

— Скажут, что я отправился пропустить рюмочку в Хогсмиде, — легко ответил Дамблдор. — Я иногда навещаю Розмерту или в «Кабанью голову» заглядываю… Во всяком случае, так это выглядит. Самое милое дело, если хочешь скрыть свою настоящую цель.

Они шли в густеющих сумерках по дорожке. Воздух наполняли ароматы нагретой травы, озерной воды, горящих в хижине Хагрида поленьев. Трудно было поверить, глядя на них, что они отправляются на рискованное, страшное дело.

— Профессор, — негромко произнес Гарри, когда впереди показались ворота, к которым и вела дорожка, — нам придется трансгрессировать?

— Да, — ответил Дамблдор. — Ты ведь, я полагаю, уже умеешь?

— Умею, — подтвердил Гарри, — только у меня пока нет разрешения.

Лучше быть честным, решил Гарри, — а ну как он все испортит, промазав на сотню миль мимо нужного места?

— Не важно, — сказал Дамблдор. — Я смогу помочь тебе еще раз.

Оба вышли из ворот на сумрачную дорогу, ведущую в Хогсмид. Пока они шли по ней, быстро темнело, а когда добрались до Верхней улицы, наступила настоящая ночь. В окнах магазинов засветились огоньки. Приближаясь к «Трем метлам», Гарри и Дамблдор услышали чьи-то громкие крики.

— И чтоб духу твоего тут больше не было! — вопила мадам Розмерта, вышвыривая из дверей потрепанного волшебника. — О, здравствуйте, Альбус… поздновато гуляете.

— Добрый вечер, Розмерта, добрый вечер… Да вот, собрался в «Кабанью голову», вы уж не обижайтесь, просто там сегодня не так шумно, по-моему.

Минуту спустя они свернули в боковую улочку. Вывеска «Кабаньей головы» слегка потрескивала, хоть ветра не было и в помине. В отличие от «Трех метел» это заведение выглядело совершенно пустым.

— Входить необязательно, — озираясь, прошептал Дамблдор. — Главное, никто нас пока не видит… возьми меня за руку, Гарри. Да не жми ты так, я просто собираюсь задать тебе направление. Ну, на счет три: раз… два… три…

Гарри повернулся. И мгновенно почувствовал,

что его протягивают сквозь узкую резиновую трубку; дышать стало нечем, все тело сжало почти до невыносимости, но в миг, когда ему показалось, что он вот-вот задохнется, невидимые путы как будто лопнули, и он обнаружил, что стоит в прохладной тьме и впивает полными легкими свежий, соленый воздух.

Глава 26

ПЕЩЕРА

Гарри вдыхал запах соли, вслушивался в рокот волн; легкий, зябкий ветерок ерошил ему волосы, пока он глядел на освещенное луной море, в усыпанное звездами небо. Он стоял на высокой, темной скале, под ним бурлила и пенилась вода. Гарри оглянулся. За спиной его поднимался в небо отвесный обрыв, черный и безликий. Несколько больших каменных глыб, схожих с той, на которой стояли Гарри с Дамблдором, по-видимому, отломились когда-то от этой стены. Суровый, мрачный пейзаж — море и скалы — не оживляло ни дерево, ни полоска травы или песка.

— Что скажешь? — спросил Дамблдор. Казалось, его интересует мнение Гарри насчет того, подходит это место для пикника или не очень.

— Неужели сюда приводили детей из приюта? — спросил Гарри, которому трудно было представить ландшафт, в меньшей мере пригодный для однодневного похода.

— Ну, не сюда именно, — ответил Дамблдор. — Там, наверху, чуть в стороне от обрыва, стоит

деревушка. Насколько я понимаю, в нее и возили приютских сирот, чтобы они подышали морским воздухом и полюбовались волнами. Не думаю, что здесь побывал когда-нибудь хоть один человек, кроме Тома Реддла и его жертв. Никто из маглов не смог бы до-браться до этих скал по суше — для этого нужно быть превосходным скалолазом, — а с моря к обрыву не подойдешь, здешние воды слишком опасны. Насколько я понимаю, Реддл спустился сюда по обрыву — магия страхует лучше любых веревок. И привел с собой двух детей — скорее всего, для того, чтобы насладиться их страхом. Один только спуск должен был напугать ребятишек до смерти, ты не находишь?

Гарри поднял взгляд на обрыв и почувствовал, как по коже побежали мурашки.

— Но конечная его — и наша — цель лежит немного дальше. Пойдем.

Дамблдор кивком указал на самый край скалы, цепочка неровных выемок образовала здесь опоры для ног, позволявшие спуститься к валунам, что лежали, наполовину утопая в воде, у самой стены обрыва. Спуск был опасным, Дамблдор двигался медленно — мешала обгоревшая рука. От морской воды камни внизу были скользкими. Гарри ощущал холод соленых брызг, ударявших

ему в лицо.

— *Люмос,* — произнес Дамблдор, едва добравшись до ближайшего к обрыву валуна.

Тысячи крапин золотистого света заиграли на плескавшейся несколькими футами ниже его ног темной воде, озарив черную скальную стену.

— Видишь? — негромко спросил Дамблдор, поднимая повыше волшебную палочку. И Гарри увидел в обрыве расщелину с бурлящей в ней темной водой.

— Ты не против того, чтобы немного помокнуть?

— Нет, — сказал Гарри.

— Тогда снимай мантию-невидимку здесь она ни к чему, и давай окунемся.

И Дамблдор с неожиданной для седовласого волшебника живостью соскользнул с валуна, плюхнулся в воду и, держа в зубах волшебную палочку, образцовым брассом поплыл к темной трещине в скале. Гарри стянул мантию, сунул ее в карман и последовал за ним.

Вода оказалась ледяной; пропитавшаяся ею одежда липла к телу, норовя своим весом утянуть Гарри на дно. С силой дыша, отчего ноздри наполнялись едким запахом соли и водорослей, он плыл на мерцающий огонек, который уходил

теперь все дальше в скалу.

Расщелина вскоре завершилась темным туннелем, во время прилива, как понял Гарри, целиком заполнявшимся водой. Скользкие стены туннеля отстояли одна от другой самое большее на три фута, проплывавший мимо них свет волшебной палочки Дамблдора заставлял стены мерцать наподобие мокрого гудрона. Вскоре туннель повернул влево, и Гарри увидел, что он глубоко вдается в стену обрыва. Гарри плыл за Дамблдором, цепляя кончиками немеющих пальцев шершавый, мокрый камень.

И вот он увидел впереди выходящего из воды Дамблдора, его серебристые волосы и черный плащ поблескивали во мраке. Добравшись до этого места, Гарри ощутил под ногами ступеньки, ведшие к большой пещере. В промокшей одежде, с которой струями стекала вода, он поднялся по ним; воздух здесь был тих и студен, и Гарри пронизала неукротимая дрожь.

Дамблдор стоял в середине пещеры, высоко подняв волшебную палочку, и медленно поворачивался вокруг своей оси, оглядывая стены и потолок.

— Да, место то самое, — сказал он.

— Откуда вы знаете? — шепотом спросил Гар-

ри.

— Здесь совершалось волшебство, — просто ответил Дамблдор.

Гарри не взялся бы сказать, от чего он дрожит — от холода, который пробрал его до костей, или от ощущения, что здесь когда-то творились чары. Он продолжал наблюдать за Дамблдором, который так и вращался на месте, видимо вникая во что-то, чего Гарри видеть не мог.

— Это всего лишь простая прихожая, вестибюль, — спустя несколько мгновений сказал Дамблдор. — Нам необходимо проникнуть внутрь, и теперь путь нам преграждают препятствия, созданные лордом Волан-де-Мортом, а не природой.

Дамблдор приблизился к стене пещеры и начал поглаживать ее кончиками почерневших пальцев, бормоча слова на странном языке, которого Гарри не понимал. Дважды обошел Дамблдор пещеру по кругу, прикасаясь, где только мог, к грубому камню, по временам останавливаясь, водя по одному какому-то месту пальцами взад и вперед, пока наконец не остановился совсем, прижав ладонь к стене.

— Здесь, — сказал он. — Мы пройдем здесь. Правда, проход запечатан.

Гарри не стал спрашивать, как Дамблдор отыскал проход. Ему никогда еще не приходилось видеть, чтобы волшебник работал вот так, пользуясь одним только зрением и осязанием, но он знал, что дым и гром чаще свидетельствуют о неумелости, чем об опыте.

Дамблдор отступил от стены, направил на нее волшебную палочку. На миг поверхность стены украсилась очертанием арочного прохода, таким ослепительно белым, как будто в стене образовалась трещина, за которой сиял мощный свет.

— П-п-получилось! — дробно стуча зубами, выдавил Гарри, но, прежде чем слово это слетело с его губ, светящийся контур исчез, оставив после себя голую, сплошную, как прежде, стену. Дамблдор обернулся.

— Извини, совсем забыл, — сказал он и ткнул в Гарри палочкой — одежда его мгновенно стала сухой и теплой, точно ее высушили у пылающего очага.

— Спасибо, — от души поблагодарил Гарри, но Дамблдор уже отвернулся к стене.

Он не пытался больше использовать магию, просто стоял, внимательно вглядываясь в стену — так, словно на ней было написано что-то необычайно интересное. Гарри тоже стоял не

двигаясь — не хотел отвлекать Дамблдора.

Спустя полных две минуты Дамблдор негромко промолвил:

— Да быть того не может. Как грубо.

— Что такое, профессор?

— Похоже, — сказал Дамблдор, сунув здоровую руку под мантию и вытащив наружу короткий серебряный нож вроде того, каким Гарри резал ингредиенты для зелий, — нам придется заплатить за право прохода.

— Заплатить? — переспросил Гарри. — Вы должны что-то отдать этой двери?

— Да, — ответил Дамблдор. — Кровь, если я не слишком сильно ошибся.

— Кровь?

— Я же говорю — грубо, — с пренебрежением и даже разочарованием, словно Волан-де-Морт не дотянул до ожидаемого им уровня, сказал Дамблдор. — Идея, как ты уже, наверное, догадался, состоит в том, чтобы враг, проходя здесь, становился слабее. Лорд Волан-де-Морт в который раз оказался не способным понять, что существуют вещи и пострашнее физического увечья.

— Но все же, если можно обойтись без него… — сказал Гарри. Он натерпелся боли достаточно и не стремился испытать ее снова.

— Увы, иногда этого не избежать, — сказал Дамблдор, поднимая здоровую руку вверх и стряхивая рукав мантии с предплечья.

— Профессор! — протестующе воскликнул Гарри, бросаясь к Дамблдору, уже занесшему над рукой нож. — Давайте я, я же…

Он и сам не знал, что хочет сказать — моложе, крепче? Но Дамблдор лишь улыбнулся. Серебро блеснуло, ударила алая струя, стена оросилась темными, поблескивающими каплями.

— Ты очень добр, Гарри, — сказал Дамблдор, проводя концом своей палочки над глубоким порезом в руке. Порез мгновенно закрылся — так было и с ранами Малфоя, исцеленными Снеггом. — Однако твоя кровь намного дороже моей. О, похоже, наш фокус удался!

На стене вновь появился слепящий, серебристый контур арки, и на этот раз он не гаснул: орошенный кровью камень внутри него просто исчез, оставив проход, ведший, казалось, в непроглядную тьму.

— А вот тут я, пожалуй, пойду первым, — сказал Дамблдор и вступил в проход. Гарри шел вплотную за ним, торопливо посвечивая по сторонам собственной палочкой.

Зрелище им открылось жуткое: они стояли

на берегу черного озера, до того огромного, что другого берега Гарри разглядеть не удавалось; озеро находилось в очень высокой пещере, даже потолок ее терялся из виду. Вдалеке, быть может в самой середине озера, различался мглистый зеленоватый проблеск, отражавшийся в совершенно неподвижной воде. Только это зеленоватое свечение да свет двух волшебных палочек разгоняли бархатистый мрак, хотя испускаемые палочками лучи уходили в него совсем не так далеко, как мог бы ожидать Гарри. Мрак этот был почему-то плотнее обычного.

— Надо идти, — тихо сказал Дамблдор. — Только будь осторожен, не вступай в воду. Держись поближе ко мне.

И он пошел, огибая озеро, Гарри следовал за ним по пятам. Шаги их отзывались эхом, ударявшим в тянувшийся вдоль озера узкий каменный обод. Они шли и шли, и ничто вокруг не менялось: грубая стена пещеры — с одной стороны, бесконечный простор гладкой, зеркальной черноты с таинственным зеленоватым свечением в его середине — с другой. И само это место, и стоявшее в нем безмолвие казались Гарри гнетущим, высасывающим силы.

— Профессор, — в конце концов спросил он, —

вы думаете, крестраж где-то здесь?

— О да, — ответил Дамблдор. — Да, я в этом уверен. Вопрос только в том, как к нему подобраться.

— А мы не могли бы… не могли бы просто воспользоваться Манящими чарами? — поинтересовался Гарри. Он сознавал всю глупость своего вопроса, но уж больно ему хотелось — сильнее, чем он готов был признать, — как можно скорее выбраться отсюда.

— Разумеется, могли бы, — ответил Дамблдор и остановился — да так внезапно, что Гарри чуть не налетел на него. — Ну-ка, попробуй.

— Я?.. Ладно…

Гарри не ожидал такого предложения; он откашлялся и, взмахнув палочкой, громко сказал: — *Акцио крестраж!*

С грохотом, похожим на взрыв, что-то очень большое и белое вырвалось футах в двадцати от них из темной воды, и, прежде чем Гарри успел разглядеть его, это «что-то» исчезло снова — со страшным всплеском, оставившим на зеркальной глади озера сильную рябь. Гарри в ужасе отшатнулся, ударившись спиной о камень; когда он посмотрел на Дамблдора, сердце его так и ухало в груди.

— Что это было?

— Нечто, я полагаю, готовое помешать любым попыткам завладеть крестражем.

Гарри взглянул на воду. Поверхность озера вновь превратилась в блестящее черное стекло, рябь исчезла с неестественной быстротой, но сердце Гарри все равно продолжало колотиться.

— Вы думали, сэр, что именно это и произойдет?

— Я думал, что, если мы предпримем слишком очевидную попытку завладеть крестражем, что-нибудь непременно произойдет. Впрочем, мысль была совсем недурна, это самый простой способ выяснить, с чем мы имеем дело.

— Но мы ведь так и не узнали, что это было за существо, — сказал Гарри, не отрывавший глаз от зловеще спокойной воды.

— Что это за существа, хотел ты сказать, — поправил его Дамблдор. — Я сильно сомневаюсь, что там оно только одно. Пойдем дальше?

— Профессор!

— Да, Гарри?

— Вы полагаете, нам придется войти в озеро?

— Войти? Только если нам очень уж не повезет.

— А вы не думаете, что крестраж может нахо-

диться на дне?

— О нет… Я думаю, что крестраж находится в середине озера.

И Дамблдор указал на мутный зеленый свет вдалеке.

— Значит, чтобы добраться до него, мы должны пересечь озеро?

— Да, полагаю, должны.

Гарри примолк. В голове его уже теснилась толпа подводных чудищ, гигантских змей, демонов, водяных и русалок.

— Ага, — произнес Дамблдор и снова остановился — на сей раз Гарри и вправду налетел на него.

Мгновение он раскачивался у самой кромки воды но Дамблдор, ухватив его здоровой рукой за плечо, притянул Гарри к себе.

— Прости, мне следовало предупредить тебя. Будь добр, прижмись спиной к стене. Похоже, я нашел нужное место.

Гарри не понимал, о чем говорит Дамблдор. На его взгляд, этот клочок берега в точности походил на все прочие, но Дамблдор, видимо, обнаружил в нем что-то особенное. Теперь он принялся водить рукой не по каменной стене, а по воздуху, словно надеясь найти и ухватить что-то незримое.

— Ого! — немного погодя, радостно вскрикнул

он. Его пальцы сомкнулись в воздухе, но что в них было, Гарри разглядеть не мог. Дамблдор придвинулся поближе к воде; Гарри с беспокойством наблюдал за тем, как носки его украшенных пряжками туфель отыскивают опору на самом краешке каменного ободка. Не разжимая кулака, Дамблдор другой рукой поднял волшебную палочку и кончиком ее постучал по нему.

В пустом воздухе мгновенно возникла толстая, позеленевшая медная цепь, тянувшаяся из глубины к кулаку Дамблдора. Дамблдор постучал и по ней цепь заскользила сквозь кулак, совсем как змея. С лязгом, на который каменные стены отзывались звонким эхом, цепь кольцами укладывалась на землю, вытягивая что-то из черных глубин. У Гарри перехватило дыхание — поверхность воды пробил призрачный нос крошечной лодочки, испускавшей, подобно цепи, зеленоватый свет, и вот уже вся она, почти не возмущая воду, поплыла к берегу — туда, где стояли Гарри и Дамблдор.

— Как вы узнали, что она там? — изумленно спросил Гарри.

— Магия всегда оставляет следы, — ответил Дамблдор, когда лодка мягко ударилась о берег. — Порою очень приметные. Я сам обучал

Тома Реддла. И знаю его стиль.

— А… а плыть в ней безопасно?

— Думаю, безопасно. Волан-де-Морт — на случай, если ему захочется вдруг навестить или забрать свой крестраж, — должен был обзавестись средством, позволяющим пересечь озеро, не возбуждая ярости в существах, которых он поселил под водой.

— Значит, если мы поплывем на его лодке, эти подводные твари ничего нам не сделают?

— Наверное, рано или поздно они сообразят, что вовсе не лорд Волан-де-Морт, и с этим нам придется смириться. Однако пока нам ничего не грозит. Они же позволили поднять лодку со дна.

— Но почему? — спросил Гарри. Ему никак не удавалось отогнать одну картину: они плывут в лодке, берег скрывается из виду, и тут из воды поднимаются щупальца.

— Волан-де-Морт имел все основания считать, что никто, кроме действительно великого волшебника, не сможет отыскать лодку, — сказал Дамблдор. — Думаю, он готов был рискнуть тем (хотя, на его взгляд, это было почти невероятно), что кто-то найдет лодку, зная при этом, что впереди его ожидают и другие преграды, преодолеть которые способен один лишь Волан-де-Морт.

Скоро мы выясним, был ли он прав.

Гарри опустил взгляд на лодку. Она и вправду была очень мала.

— Как-то не похоже, что лодка рассчитана на двоих. Сможет она выдержать нас обоих? Мы не окажемся слишком тяжелыми?

Дамблдор хмыкнул:

— Волан-де-Морта заботил не вес, а объем магической силы, который пересекает озеро. Я думаю, что чары, наложенные на эту лодчонку, позволяют плыть в ней только одному волшебнику за раз.

— Но тогда…

— Ты вряд ли пойдешь в счет, Гарри: совершеннолетия ты еще не достиг, диплома не получил. Волан-де-Морт наверняка не ожидал, что какой-нибудь шестнадцатилетний юнец сумеет добраться до этого места, да и твои магические силы вряд ли будут замечены рядом с моими.

От этих слов Гарри пришел в полное уныние; вероятно, Дамблдор это понял, поскольку добавил:

— Ошибка Волан-де-Морта, Гарри, ошибка Волан-де-Морта… Зрелость становится глупой и забывчивой, когда начинает недооценивать юность… Ну, на этот раз ты первый и смотри не

прикасайся к воде.

Дамблдор отступил в сторону, и Гарри осторожно забрался в лодку. Следом и Дамблдор погрузился в нее, кольцами уложив на дно цепь. Обоим пришлось потесниться, толком усесться Гарри не смог, он скрючился, выставив колени за борт, и лодчонка тут же отплыла от берега. Только один звук разносился над озером — шелковистый шелест, с которым резал воду нос лодки; она шла без их помощи, словно невидимая веревка тянула ее к далекому свету. Скоро стены пещеры исчезли вдали; если бы не отсутствие волн, можно было подумать, что лодка плывет по морю.

Гарри опустил взгляд на черную, воду и увидел в ней отражение золотистого огонька, который искрился и посверкивал на конце его волшебной палочки. От носа лодки расходились по гладкой воде волны — канавки, прорезанные в темном зеркале…

И тут он заметил это, мраморно-белое, плавающее в нескольких дюймах под поверхностью озера.

— Профессор! — сказал он, и его испуганный голос громким эхом отразился от безмолвной воды.

— Что, Гарри?

— По-моему, я видел в воде руку — человеческую!

— Нисколько не сомневаюсь, — спокойно ответил Дамблдор.

Гарри вгляделся в воду, отыскивая исчезнувшую руку, и к горлу его подступила тошнота.

— Так эта тварь, которая выпрыгнула из воды, была…

Ответ Гарри получил еще до того, как Дамблдор успел его дать; свет от волшебной палочки скользнул по гладкому участку воды и показал ему на этот раз труп, лежавший лицом кверху несколькими дюймами ниже поверхности озера. Открытые глаза мертвеца застилала белизна, как будто их опутала паутина, волосы и одежда обвивали его подобно дыму.

— Там покойники! — воскликнул Гарри, его голос прозвучал намного выше обычного и был совсем не похож на его.

— Да, — безмятежно подтвердил Дамблдор, — но пока нам не о чем волноваться.

— Пока? — повторил Гарри, отрывая взгляд от воды, чтобы посмотреть на Дамблдора.

— Ну да, пока они мирно плавают под нами, — пояснил Дамблдор. — Трупов бояться нечего, Гарри, так же как и темноты. Разумеется, лорд

Волан-де-Морт, который втайне опасается и того и другого, со мной не согласится. Что лишний раз говорит о недостатке мудрости. Сталкиваясь со смертью и темнотой, мы страшимся лишь неизвестности и не более того.

На это Гарри ничего не ответил; спорить ему не хотелось, но мысль, что вокруг них и под ними плавают мертвецы, казалась ужасной; более того, он не верил, что мертвецы эти не представляют опасности.

— Один из воды все-таки выскочил, — сказал он, стараясь, чтобы голос его звучал так же спокойно и ровно, как у Дамблдора. — Когда я попробовал приманить крестраж, труп же из озера выпрыгнул.

— Да, — сказал Дамблдор. — Не сомневаюсь, как только мы завладеем крестражем, они такими мирными больше не будут. Но подобно многим созданиям, которые обитают в холоде и мраке, они боятся тепла и света, их мы и призовем на помощь, когда возникнет необходимость. Огонь, Гарри, — с улыбкой пояснил Дамблдор, увидев проступившее на лице мальчика недоумение.

— А, ну да… — сказал Гарри. Он обернулся, чтобы взглянуть на зеленоватый свет, к которому неотвратимо приближалась лодка. Он больше

не мог притворяться, будто ему не страшно. Огромное черное озеро кишело мертвецами. Казалось, прошло уже много часов с тех пор, как он повстречался с профессором Трелони, как отдал Гермионе и Рону «Феликс Фелицис»… И Гарри вдруг пожалел, что не простился с ними как следует, а Джинни так и вовсе не увидел.

— Почти приехали, — весело сообщил Дамблдор.

И верно, зеленоватое свечение наконец разрослось, и через несколько минут лодка встала, мягко уткнувшись во что-то, чего Гарри поначалу не разглядел, — лишь подняв палочку повыше, он увидел, что лодка достигла расположенного в середине озера каменного островка.

— Не касайся воды, — снова предупредил выбиравшегося из лодки Гарри старый волшебник.

Остров оказался не больше кабинета Дамблдора: крошечное пространство темного, плоского камня, на котором не было ничего, кроме источника зеленого света, ставшего вблизи гораздо более ярким. Гарри прищурился — в первую минуту он решил, что перед ним какая-то лампа, но затем увидел, что свет струится из стоящей на небольшом постаменте каменной чаши, немного напоминающей Омут памяти.

Дамблдор направился к ней, Гарри последовал за ним. Стоя бок о бок, они заглянули в чашу. Ее наполняла изумрудная жидкость, она-то и излучала свет.

— Что это? — негромко спросил Гарри.

— Точно не знаю, — ответил Дамблдор, — но неприятностей она нам сулит побольше, чем кровь и трупы.

Дамблдор поддернул рукав мантии, освобождая почерневшую руку, и потянулся кончиками обгоревших пальцев к поверхности зеленого зелья.

— Не надо, сэр, не трогайте!..

— А я и не могу, — слабо улыбнувшись, отозвался Дамблдор. — Видишь? Поднести пальцы ближе мне не удается. Попробуй сам.

Удивленный, Гарри опустил руку в чашу и попытался коснуться зелья. И наткнулся на незримый барьер, не подпускавший его к жидкости ближе чем на дюйм. Какие бы усилия он ни прилагал, его пальцы не встречали ничего, кроме воздуха, ставшего, казалось, твердым и негнущимся.

— Будь добр, отойди в сторонку, — сказал Дамблдор.

Он поднял волшебную палочку и, что-то беззвучно бормоча, произвел над поверхностью

зелья несколько сложных движений. Ничего не произошло, разве что зелье засветилось чуть ярче. Пока Дамблдор работал, Гарри хранил молчание, но, когда тот убрал палочку, решил, что может снова открыть рот.

— Вы думаете, сэр, что крестраж находится здесь?

— О да. — Дамблдор склонился, чтобы пристальнее вглядеться в чашу, и Гарри увидел на гладкой поверхности зелья перевернутое отражение его лица. — Вот только как до него добраться? Зелье не подпускает к себе руку, Заклятию исчезновения не поддается, раздвинуть, вычерпать или высосать его невозможно, трансфигурировать, зачаровать или заставить как-то еще изменить свою природу — тоже.

С почти отсутствующим видом Дамблдор поднял волшебную палочку повыше, разок крутнул ею в воздухе и поймал возникший из ничего хрустальный кубок.

— Остается заключить, что зелье это предназначено для питья.

— Что? — выдохнул Гарри. — О нет!

— Да, думаю, так и есть: только выпив его, я смогу опорожнить чашу и увидеть, что лежит на ее дне.

— Но что, если… если оно убьет вас?

— Сомневаюсь, чтобы все было задумано именно так, — мягко сказал Дамблдор. — Лорд Волан-де-Морт не стал бы убивать человека, сумевшего добраться до этого острова.

Гарри не поверил своим ушам. Это что же — еще одно проявление безумной склонности Дамблдора видеть во всем только хорошее?

— Сэр, — сказал Гарри, стараясь, чтобы голос его звучал рассудительно, — сэр, мы же о Волан-де-Морте…

— Прости, Гарри, мне следовало сказать: он не стал бы сразу убивать человека, сумевшего добраться до этого острова, — поправился Дамблдор. — Он пожелал бы оставить его в живых до тех пор, пока не выяснит, как этому человеку удалось проникнуть сюда, преодолеть все преграды, и, самое главное, почему он так стремился опорожнить чашу. Не забывай, лорд Волан-де-Морт уверен, что о крестражах никому, кроме него, не известно.

Гарри открыл было рот, но на сей раз Дамблдор поднял ладонь, требуя тишины, — чуть нахмурясь, он вглядывался в изумрудную жидкость и, видимо, напряженно что-то обдумывал.

— Да, несомненно, — наконец сказал он, — дей-

ствие этого зелья должно быть таким, чтобы помешать мне забрать крестраж. Оно может парализовать меня, заставить забыть, ради чего я сюда явился, причинить боль, которая меня оглушит, или еще каким-либо способом лишить меня сил и разума. Если это произойдет, Гарри, позаботься, чтобы я пил и дальше, пусть даже тебе придется вливать зелье в мой протестующий рот. Ты понял?

Взгляды их встретились над чашей, побледневшее лицо каждого освещалось ее странным зеленоватым свечением. Гарри не мог промолвить ни слова. Так, значит, его ради этого и позвали сюда — чтобы он силой поил Дамблдора зельем, которое может причинять невыносимую боль?

— Ты помнишь, — продолжал Дамблдор, — условие, на котором я взял тебя с собой?

Гарри поколебался, глядя в голубые глаза волшебника, в которых отражался зеленый свет чаши.

— Но что, если…

— Ты поклялся исполнить любой приказ, какой я тебе отдам, не так ли?

— Да, но…

— И я предупредил тебя, что место это может

оказаться очень опасным, верно?

— Да, — ответил Гарри, — однако…

— В таком случае, — Дамблдор встряхнул рукавом, возвращая его на место, и поднял повыше пустой кубок, — приказ мой ты получил.

— Но почему я не могу выпить это зелье вместо вас? — отчаянно спросил Гарри.

— Потому что я намного старше, намного умнее и представляю намного меньшую ценность, — ответил Дамблдор. — Раз и навсегда, Гарри, даешь ты мне слово сделать все, что в твоих силах, и заставить меня продолжать пить?

— А нельзя…

— Даешь или не даешь?

— Но…

— *Слово, Гарри!*

— Я… ладно, только…

Но Дамблдор, не слушая дальнейших возражений, уже опускал хрустальный кубок в зелье. Долю секунды Гарри надеялся, что и кубком зелья коснуться не удастся, однако хрусталь окунулся в жидкость как ни в чем не бывало, а когда кубок наполнился, Дамблдор поднес его к губам.

— Твое здоровье, Гарри.

И он осушил кубок. Вцепившись в края чаши с такой силой, что онемели кончики пальцев,

Гарри с ужасом смотрел на Дамблдора.

— Профессор? — тревожно спросил он, когда Дамблдор опустил пустой бокал. — Как вы себя чувствуете?

Дамблдор потряс головой, глаза его были закрыты. «Не начала ли уже боль мучить его?» — подумал Гарри. Не открывая глаз, Дамблдор опустил кубок в чашу, снова наполнил его и снова осушил.

В совершенном молчании Дамблдор выпил три полных кубка. Затем, выпив до половины четвертый, он покачнулся и повалился на чашу. Глаза его оставались закрытыми, дыхание стало тяжелым.

— Профессор Дамблдор! — сдавленным голосом позвал Гарри. — Вы меня слышите?

Дамблдор не ответил. Лицо его подергивалось, как у глубоко спящего человека, которому привиделся страшный сон. Пальцы, сжимавшие кубок, ослабли, еще миг — и зелье выплеснется из него. Гарри протянул руку к хрустальному бокалу, выпрямил его.

— Профессор, вы слышите меня? — повторил он так громко, что вопрос его эхом разлетелся по пещере.

Задыхаясь, старый волшебник сказал (Гарри не

узнал его голоса — таким испуганным Дамблдор никогда еще не был):

— Я не хочу… не заставляй меня…

Гарри смотрел на знакомое лицо, на крючковатый нос, на полукружия очков и не знал, что ему делать.

— …не могу… хочу остановиться… — жалобно простонал Дамблдор.

— Вы… вы не можете остановиться, профессор, — сказал Гарри. — Вы должны пить дальше, помните? Вы сами сказали мне это. Вот…

Испытывая ненависть к себе, отвращение к тому, что он делает, Гарри силой приблизил кубок к губам Дамблдора и наклонил его так, что волшебник проглотил оставшуюся жидкость.

— Нет… — взмолился Дамблдор, когда Гарри опустил кубок в чашу и снова наполнил его. — Я не хочу… не хочу… отпусти меня…

— Все хорошо, профессор, — сказал Гарри, рука его дрожала. — Все хорошо, я здесь…

— Прекрати, прекрати, — простонал Дамблдор.

— Да… да, сейчас все прекратится, — солгал Гарри и влил содержимое кубка в открытый рот Дамблдора.

Дамблдор закричал; крик его эхом пронесся по огромной пещере, над мертвой черной водой.

— Нет, нет, нет… нет… не могу… не могу, не заставляй меня, я не хочу…

— Все хорошо, профессор, все хорошо! — громко повторял Гарри, руки которого тряслись так, что ему стоило большого труда наполнить зельем шестой кубок, чаша между тем уже наполовину опустела. — С вами ничего не случится, вы в безопасности, все это вам только кажется… только кажется, клянусь. Ну-ка, выпейте это, выпейте.

И Дамблдор послушно выпил, как будто Гарри поднес ему противоядие, но, осушив кубок, рухнул на колени и задрожал всем телом.

— Это я виноват, я! — рыдая, воскликнул он. — Прошу тебя, прекрати, я понял, я был не прав, о, пожалуйста, только прекрати, и я никогда, никогда больше…

— Вот это все и прекратит, профессор, — надтреснувшим голосом пообещал Гарри, переливая в рот Дамблдора содержимое седьмого бокала.

Дамблдор прикрывал ладонями голову, как будто его обступали невидимые палачи; потом, отмахнувшись, едва не выбил из трясущихся рук Гарри заново наполненный кубок и простонал:

— Не мучай их, не мучай, прошу, прошу, это я виноват, мучай лучше меня…

— Вот, выпейте это, выпейте, вам станет лег-

че, — с отчаянием попросил Гарри, и Дамблдор вновь подчинился, открыл рот, хоть глаза его и оставались крепко зажмуренными, а сам он дрожал с головы до ног.

Но теперь, выпив зелье, он упал на землю и опять закричал, молотя руками по камню, пока Гарри наполнял девятый кубок.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, нет… только не это, не это, я сделаю все…

— Просто выпейте, профессор, просто выпейте…

Дамблдор припал к кубку, как умирающий от жажды ребенок, но, допив, завопил так, точно его сжигал изнутри огонь.

— Не надо больше, пожалуйста, не надо…

В десятый раз наполняя кубок, Гарри почувствовал, как хрусталь царапнул по дну чаши.

— Мы почти закончили, профессор, выпейте это, выпейте…

Он опустился на землю, поддержал Дамблдора за плечи, и тот вновь осушил кубок. Гарри мгновенно вскочил на ноги, и, пока он зачерпывал зелье, Дамблдор взвыл с еще большей, чем прежде, мукой:

— Я хочу умереть! Хочу умереть! Прекрати это, прекрати, я хочу умереть!

— Выпейте, профессор, выпейте… Дамблдор выпил и, едва сделав последний глоток, завопил:

— УБЕЙ МЕНЯ!

— Это… это последний! — задыхаясь, воскликнул Гарри. — Выпейте его… и все закончится… все закончится…

Дамблдор приник к хрусталю, выпил все до капли и, страшно захрипев, перекатился лицом вниз.

— Нет! — закричал Гарри.

Он уже встал, чтобы снова наполнить кубок, но вместо этого уронил его в чашу, бросился рядом с Дамблдором на колени и перевернул его на спину. Очки Дамблдора съехали набок, рот был разинут, глаза закрыты.

— Нет! — повторил Гарри, тряся Дамблдора за плечи. — Нет, вы не умерли, вы же сказали, что это не яд, очнитесь, очнитесь! Оживи! — выкрикнул он, направив палочку на грудь Дамблдора, — вспыхнул красный свет, но ничего больше не произошло. — Оживи! Ну пожалуйста, сэр!

Веки Дамблдора затрепетали; у Гарри дрогнуло сердце.

— Сэр, вы…

— Воды, — прохрипел Дамблдор.

— Воды, — выдохнул Гарри, — да…

Он вскочил, схватил валявшийся в чаше кубок, едва заметив лежавший под ним золотой медальон с перекрученной цепочкой.

— *Агуаменти!* — крикнул он, ткнув волшебной палочкой в кубок.

Кубок наполнился чистой водой; Гарри упал на колени, приподнял голову Дамблдора, поднес кубок к его губам — но кубок оказался пустым. Дамблдор застонал и начал задыхаться.

— Но я же сделал… постойте… *Агуаменти!* — еще раз воскликнул Гарри, указав палочкой на кубок.

В кубке опять на секунду замерцала чистая вода, но, как только Гарри поднес его к губам Дамблдора, вода снова исчезла.

— Сэр, я стараюсь, стараюсь! — отчаянно вскрикнул Гарри, хоть он и не верил, что Дамблдор слышит его, — волшебник перевалился на бок и дышал хрипло, с натугой, словно в агонии. — *Агуаменти! Агуаменти! АГУАМЕНТИ!*

Кубок наполнился и опустел снова. Дыхание Дамблдора ослабевало. В мозгу Гарри кружился вихрь панических мыслей, и внезапно его осенило, в чем состоит единственный способ добыть воду; он понял, что именно так все и было задумано Волан-де-Мортом…

Он бросился к краю островка и окунул кубок в озеро, наполнив его до краев ледяной водой, которая никуда не исчезла.

— Сэр, вот! — крикнул Гарри и, торопливо вернувшись к Дамблдору, неловко прижал кубок с водой к его лицу.

Ни на что больше он был уже не способен: свободную руку сковало холодом, но не от ледяной воды — скользкая белая ладонь вцепилась в его запястье, и кто-то медленно поволок Гарри по камню назад, к кромке воды. Поверхность озера утратила зеркальную гладкость, она вспенилась, и повсюду, куда ни взгляни, из темной воды поднимались белые головы и руки: мужчины, женщины и дети с ввалившимися, незрячими глазами приближались к островку — армия мертвецов, восставших из черных глубин.

— *Петрификус Тоталус!* — крикнул Гарри, пытаясь зацепиться за гладкий, влажный камень и тыча палочкой в инфернала, который держал его за руку.

Инфернал выпустил ее и с плеском рухнул в воду. Гарри с трудом поднялся на ноги, но все новые инферналы уже карабкались на остров, цеплялись костлявыми пальцами за гладкий камень, не сводя с Гарри пустых, матовых глаз;

пропитанные водой отрепья волоклись за ними, запавшие рты плотоядно щерились.

— *Петрификус Тоталус!* — снова завопил Гарри, отшатываясь и рассекая палочкой воздух, — шестеро или семеро инферналов попадали, однако все большее и большее их число подступало к нему. — *Остолбеней! Инкарцеро!*

Еще несколько инферналов запнулись, одного-двух опутали веревки, но те, что вылезли на остров следом за ними, просто переступали через упавшие тела. Продолжая размахивать палочкой, Гарри взвыл:

— *Сектумсемпра! СЕКТУМСЕМПРА!*

Заклинание рассекло мокрые лохмотья и ледяную кожу подступавших к Гарри трупов, но кровь из них не брызнула. Бесчувственные инферналы придвигались все ближе, со всех сторон к нему тянулись морщинистые руки. Отшатнувшись, Гарри почувствовал, как его обхватывают сзади тощие, бесплотные, холодные, точно смерть, ладони… Ступни мальчика оторвались от камня, инферналы подняли его, медленно и неотвратимо потащили к воде. Гарри понял: спасения не будет, он утонет и станет еще одним мертвым стражем осколка раздробленной души Воланде-Морта…

И тут из темноты вырвалось золотисто-багровое пламя, огненное кольцо окружило остров, и инферналы, так крепко державшие Гарри, замедлили ход; они спотыкались, не решаясь пройти сквозь пламя, чтобы достичь воды. Гарри мертвецы уронили; он ударился оземь, попытался подняться, поскользнулся, но все же кое-как встал, обдирая о камень руки, и, вскинув волшебную палочку, огляделся вокруг.

Дамблдор снова стоял. Он был так же бледен, как обступившие их инферналы, но превосходил любого из них ростом, и в глазах его плясали отблески огня. Он держал свою палочку высоко над головой, словно факел, и из ее кончика вырывалось пламя, которое, как огромное лассо, окружало всех, кто находился на острове, кольцом тепла.

Инферналы, натыкаясь один на другого, слепо метались в попытках спастись из огненного плена.

Дамблдор выгреб со дна каменной чаши медальон и сунул его под плащ. Не говоря ни слова, он жестом подозвал Гарри к себе. Испуганные языками пламени инферналы явно не сознавали, что их добыча покидает остров. Дамблдор провел Гарри к лодке, огненное кольцо двигалось вместе

с ними, и впавшие в полное замешательство инферналы тоже проводили их до самого края острова, а там облегченно скользнули в темную воду.

Гарри, которого била неукротимая дрожь, показалось на миг, что Дамблдор не сумеет забраться в лодку — старый волшебник пошатнулся, пытаясь войти в нее, все его силы уходили на то, чтобы поддерживать защитное кольцо огня. Гарри схватил его за руку, помог усесться. Когда оба втиснулись в лодку, она пустилась по черной воде в обратный путь, прочь от острова, все еще окруженная огненным кольцом. Казалось, что инферналы кишмя кишат под лодкой, но высунуться из воды не решаются.

— Сэр, — пролепетал Гарри, — сэр, я забыл… про огонь… они подступали ко мне, и я запаниковал.

— Что и понятно, — пробормотал Дамблдор. Обморочный голос его еще сильнее встревожил Гарри.

Лодка с негромким стуком ударилась носом о камень, Гарри выпрыгнул из нее и быстро обернулся, чтобы помочь Дамблдору. Едва Дамблдор ступил на берег, волшебная палочка выпала из его руки — огненное кольцо мгновенно исчезло, но инферналы так и не осмелились вылезти из

воды. Маленькая лодчонка затонула, лязгая и позванивая цепью, которая тоже снова скользнула в озеро. Дамблдор протяжно вздохнул и привалился к стене пещеры.

— Я ослаб… — произнес он.

— Не беспокойтесь, сэр, — сразу отозвался Гарри, испуганный крайней бледностью и измученным выражением Дамблдора. — Не беспокойтесь, я отведу вас назад… обопритесь на меня, сэр…

Гарри перебросил здоровую руку Дамблдора через свои плечи, приняв на себя большую часть его веса, и повел своего учителя вокруг озера.

— А защита была… в конечном счете… придумана неплохо, — еле слышно произнес Дамблдор. — В одиночку ее никто бы не одолел… Ты хорошо справился, Гарри, очень хорошо…

— Не надо сейчас ничего говорить, — отозвался Гарри; его пугала невнятность, с которой Дамблдор произносил слова, то, как он приволакивал ноги. — Поберегите силы, сэр, мы скоро выберемся отсюда.

— Проход снова будет закрыт… мой нож…

— Он не понадобится, я рассеку руку о камень, — сказал Гарри. — Вы только покажите мне где…

— Здесь…

Гарри вытер ободранную руку о камень, и арочный проход, получив кровавое приношение, мгновенно раскрылся. Они пересекли внешнюю пещеру, Гарри помог Дамблдору спуститься в заполнявшую расщелину ледяную морскую воду.

— Все будет хорошо, сэр, — снова и снова повторял Гарри, которого молчание Дамблдора страшило даже сильнее, чем звучавшая в его голосе слабость. — Мы почти добрались… Я сумею трансгрессировать нас обоих… не тревожьтесь…

— А я и не тревожусь, Гарри, — отозвался Дамблдор, чей голос, несмотря на студеную воду уже немного окреп. — Ты же рядом.

Глава 27

БАШНЯ МОЛНИЙ

Как только они снова оказались под звездным небом, Гарри помог Дамблдору забраться на верхушку ближайшего валуна и встать там на ноги. Дрожа от холода и сырости, поддерживая Дамблдора, Гарри изо всех сил сосредоточился на конечной цели — Хогсмиде. Он закрыл глаза, крепко стиснул руку Дамблдора и шагнул навстречу знакомому чувству страшного сжатия.

Еще до того, как он открыл глаза, Гарри понял, что все у него получилось: запах соли, морской ветерок исчезли. Они стояли, дрожа и роняя на землю капли, посреди темной Верхней улицы Хогсмида. На один страшный миг воображение Гарри нарисовало инферналов, подкрадывающихся к нему от магазинчиков, однако, проморгавшись, он ни-какого движения поблизости не обнаружил — все было тихо, почти полную тьму разгоняли лишь редкие уличные фонари да несколько горящих в верхних этажах окон.

— Мы справились, профессор! — не без труда прошептал Гарри и ощутил вдруг жгучий укол в

груди. — Справились! Мы добыли крестраж!

Дамблдор привалился к нему. На мгновение Гарри подумал, что это его неумелая трансгрессия лишила Дамблдора равновесия, но тут он увидел в свете далекого уличного фонаря лицо волшебника, покрытое испариной и бледное, как никогда.

— Как вы, сэр?

— Бывало и получше, — слабо ответил Дамблдор, у которого подергивались уголки губ. — Это зелье… очень нездоровое питье…

И, к ужасу Гарри, Дамблдор осел на землю.

— Сэр… все в порядке, сэр, вы поправитесь, не волнуйтесь…

Он отчаянно заозирался в поисках хоть какой-нибудь помощи, но улица была пустынна, так что придумать ему удалось лишь одно: необходимо каким угодно способом срочно доставить Дамблдора в больницу.

— Вам нужно попасть в школу, сэр… мадам Помфри…

— Нет, — сказал Дамблдор. — Мне нужен профессор Снегг… правда, не думаю, что… мне удастся сейчас далеко уйти…

— Конечно, сэр, послушайте, я постучусь в двери, найду дом, где вы сможете отдохнуть, а сам

сбегаю за мадам…

— Северус, — отчетливо произнес Дамблдор. — Мне нужен Северус…

— Ну хорошо, за Снеггом, но только мне придется оставить вас ненадолго, чтобы…

Однако прежде чем Гарри успел сделать хоть шаг, он услышал, как кто-то бегом приближается к ним. Сердце его затрепетало: их заметили, поняли, что они нуждаются в помощи, и, обернувшись, он увидел спешащую по улице мадам Розмерту в ворсистых домашних туфлях на высоком каблуке и шелковом, расшитом драконами халате.

— Я задергивала шторы в спальне и вдруг вижу — вы трансгрессируете! Слава богу, слава богу, я и придумать не могла, как мне… Но что с Альбусом?

Она остановилась, тяжело дыша, и широко раскрытыми глазами уставилась на Дамблдора.

— Он ранен, — ответил Гарри. — Мадам Розмерта, можно, он побудет в «Трех метлах», пока я сбегаю в школу за помощью?

— Вам нельзя отправляться туда в одиночку! Разве вы не поняли… не заметили?..

— Если вы поддержите его с другого бока, — не слушая мадам Розмерту продолжал Гарри, — думаю, нам удастся завести его внутрь…

— Что случилось? — неожиданно спросил Дамблдор. — что-то произошло, Розмерта?

— Чер… Черная Метка, Альбус.

И она указала в небо над Хогвартсом. Гарри, которого при этих словах окатил ужас, обернулся, вгляделся…

Да, вот он, висит в небе над школой: сверкающий зеленый череп со змеиным языком — знак, который оставляют Пожиратели смерти, когда уже вошли в дом… когда уже убили в нем кого-то…

— Когда она появилась? — спросил Дамблдор и, больно стиснув плечо Гарри, поднялся на ноги.

— По-моему, несколько минут назад. Когда я выпускала кошку, Метки еще не было, а как поднялась наверх…

— Нам нужно немедленно вернуться в замок, — сказал Дамблдор. — Розмерта, — старого волшебника слегка пошатывало, однако голова его, похоже, работала ясно, — потребуется транспорт — метлы…

— У меня стоит парочка за баром, — ответила мадам Розмерта. Вид у нее был испуганный до крайности. — Хотите, я сбегаю за ними и…

— Нет, Гарри справится.

Гарри быстро поднял волшебную палочку:

— *Акцио метлы Розмерты.*

Секунду спустя они услышали громкий удар — это распахнулась парадная дверь трактира и две метлы наперегонки пронеслись по улице, направляясь к Гарри, и остановились подле него, подрагивая.

— Розмерта, будьте добры, сообщите обо всем в Министерство, — сказал Дамблдор, оседлывая ту метлу, что стояла ближе к нему. — Не исключено, что в Хогвартсе никто еще беды не заметил… Гарри, надень мантию-невидимку.

Гарри вытащил из кармана мантию, набросил ее на себя и тоже уселся на метлу. Мадам Розмерта уже семенила к трактиру; Гарри с Дамблдором, резко оттолкнувшись от земли, взвились в воздух. Гарри поглядывал краем глаза на Дамблдора, готовый подхватить его, если он упадет, но вид Черной Метки, похоже, подействовал на волшебника, как бодрящее средство: он приник к метле, неотрывно глядя на Метку, длинные серебристые волосы и борода летели за ним по ночному воздуху. Гарри тоже смотрел на череп и чувствовал, как внутри у него, подобно отраве, закипает страх, сжимая легкие, выметая из головы все остальные тревоги.

Как долго они отсутствовали? Не выдохлось ли

уже зелье удачи, которое приняли Рон, Гермиона и Джинни? А если Черная Метка появилась над школой как раз потому, что погиб кто-то из них — или Невилл, или Полумна, или любой другой из ОД? И если так… это же он велел им патрулировать коридоры, он попросил их покинуть безопасные спальни… Выходит, он снова повинен в смерти кого-то из друзей?

Они летели во мраке над извилистой дорогой, которой шли недавно в деревню, и Гарри слышал сквозь посвистывание ночного воздуха в ушах, как Дамблдор снова бормочет что-то на неведомом языке. И, ощутив, как задрожала под ним метла, пролетая над стеной школы, Гарри понял, чем занят Дамблдор: чтобы как можно скорее попасть в замок, он снимает заклинания, которыми сам его окружил. Черная Метка поблескивала прямо над Астрономической башней, самой высокой в замке. Означало ли это, что именно в ней и постигла кого-то смерть?

Дамблдор уже пронесся над зубчатой стеной верхней площадки башни и теперь слезал с метлы. Опустившись рядом с ним, Гарри огляделся.

Вокруг было пусто. Дверь ведущей внутрь замка винтовой лестницы закрыта. Никаких признаков борьбы, сражения не на жизнь, а на

смерть, никаких тел.

— Что это значит? — спросил Гарри, поднимая взгляд к висящему над ними зеленому черепу с поблескивающим раздвоенным языком. — Это настоящая Метка? И кого-то действительно… профессор?

При тусклом зеленом свете от Метки Гарри увидел, как Дамблдор почерневшей рукой схватился за грудь.

— Иди разбуди Северуса, — слабо, но отчетливо выговорил Дамблдор. — Расскажи ему, что случилось, и приведи сюда. Больше ничего не предпринимай, мантию не снимай и ни с кем не заговаривай. Я подожду здесь.

— Но…

— Ты поклялся подчиняться мне, Гарри! Иди! Гарри бросился к двери винтовой лестницы, но, едва успев ухватиться за ее железное кольцо, услышал по другую сторону двери топот чьих-то бегущих ног. Он оглянулся на Дамблдора, и тот взмахом руки велел ему отойти в сторону. Гарри отступил от двери, одновременно вытаскивая волшебную палочку.

Дверь стремительно распахнулась, и кто-то выскочил из нее с криком:

— *Экспелпиармус!*

Все тело Гарри мгновенно застыло, окаменело, он ощутил, что приваливается к стене, как статуя, не в силах ни пошевелиться, ни произнести хоть слово. Он не мог взять в толк, почему это произошло, — Экспеллиармус все-таки не Замораживающее заклятие.

Но тут при свете Метки он увидел, как волшебная палочка Дамблдора улетает за стену башни, и понял: Дамблдор невербально обездвижил его, и секунда, потраченная на то, чтобы произнести заклятие, лишила старого волшебника возможности защищаться.

Стоя с совершенно белым лицом у стены, Дамблдор, однако же, никаких признаков страха или страдания не выказывал. Он просто вгляделся в человека, который его обезоружил, и сказал:

— Добрый вечер, Драко.

Малфой шагнул вперед, быстро осмотрелся, проверяя, нет ли здесь кого-нибудь, кроме него и Дамблдора. Взгляд его остановился на второй метле.

— Кто здесь еще?

— Вопрос, который мог бы задать вам и я. Или вы действуете в одиночку?

В зеленоватом свечении Метки Гарри увидел, что светлые глаза Малфоя снова смотрят на Дам-

блдора.

— Нет, — ответил Малфой. — Я получил подкрепление. Этой ночью в школу пришли Пожиратели смерти.

— Ну-ну — сказал Дамблдор таким тоном, точно Малфой показывает ему самостоятельную работу, на которую возлагает большие надежды. — А что, очень неплохо. Значит, вы нашли способ провести их сюда, не так ли?

— Да, — подтвердил Малфой, все еще тяжело дыша. — Прямо у вас под носом, а вы так ничего и не заметили!

— Изобретательно, — сказал Дамблдор. — И все же… простите меня… где они сейчас? Я что-то не вижу ваших помощников.

— Они схлестнулись кое с кем из вашей стражи. И сражаются внизу. Это ненадолго… я пошел вперед. Я… у меня есть здесь дело.

— Ну что же, в таком случае займитесь им, мой мальчик, — мягко сказал Дамблдор.

Наступило молчание. Гарри стоял, запертый, как в тюрьме, в своем невидимом, парализованном теле, глядя на Дамблдора с Малфоем, стараясь расслышать звуки далекой битвы с Пожирателями смерти. Замерший прямо перед ним Драко Малфой не предпринимал ничего, он

лишь смотрел на Дамблдора, который, как это ни удивительно, улыбнулся ему.

— Драко, Драко, ведь вы же не убийца.

— Откуда вы знаете? — мгновенно спросил Малфой.

И, видимо, тут же понял, как по-детски прозвучал этот вопрос, — Гарри увидел в зеленом свете, что Драко залился краской.

— Вы еще не знаете, на что я способен, — с чуть большей напористостью объявил Малфой, — не знаете, что я сделал!

— Да знаю, конечно, — снисходительно произнес Дамблдор. — Вы едва не убили Кэти Белл и Рональда Уизли. Вы весь этот год пытались — со все возраставшим безрассудством — прикончить меня. Простите, Драко, но это были слабые попытки… такие слабые, честно говоря, что я начал думать, вкладываете ли вы в них всю душу…

— Еще бы я не вкладывал! — яростно ответил Малфой. — Я целый год трудился над этим и сегодня…

Из глубин замка донесся приглушенный расстоянием вопль. Малфой замер и оглянулся назад.

— А там кто-то неплохо дерется, — тоном светской беседы отметил Дамблдор. — Так вы говорили…

Да, вы говорили, что вам удалось провести в мою школу Пожирателей смерти. Должен признаться, мне это представлялось невозможным… Как вы это проделали?

Однако Малфой промолчал, он все еще прислушивался к происходившему внизу и выглядел почти таким же парализованным, как Гарри.

— Возможно, вам придется самому сделать ваше дело, — высказал предположение Дамблдор. — Что, если моя стража преградила вашему подкреплению путь? Как вы, вероятно, уже поняли, в школе присутствуют этой ночью члены Ордена Феникса. Да, соб-ственно говоря, вам никакая помощь и не нужна… палочки у меня нет… и защититься мне нечем.

Малфой просто продолжал смотреть на него.

— Понятно, — добродушно произнес Дамблдор, увидев, что Малфой и не говорит ничего, и не шевелится. — Вы боитесь действовать, пока они не присоединятся к вам.

— Я не боюсь! — прорычал Малфой, так и не предпринимая, впрочем, никаких попыток повредить Дамблдору. — Это вам следует бояться!

— Чего же? Сомневаюсь, что вы убьете меня, Драко. Убийство — дело не простое, что бы ни думали на этот счет простаки… Но расскажите

же мне, пока мы поджидаем ваших друзей, как вам удалось протащить их сюда? Похоже, на то, чтобы найти нужный способ, у вас ушло немалое время.

Малфой выглядел теперь так, точно он боролся с желанием закричать… или с тошнотой. Он сглотнул, несколько раз глубоко вздохнул, не спуская с Дамблдора свирепого взгляда и не отводя направленной прямо ему в сердце волшебной палочки. И наконец, словно не сумев удержаться, сказал:

— Мне пришлось починить сломанный Исчезательный шкаф, которым никто уже много лет не пользовался. Тот, в котором год назад пропал Монтегю.

— А-а-а.

Вздох Дамблдора наполовину походил на стон. Он на мгновение закрыл глаза.

— Это умно… Их, по-моему, два?

— Второй стоит в «Горбине и Бэрке», — сказал Малфой, — и они соединены чем-то вроде прохода. Монтегю говорил мне, что когда он застрял в хогвартском, то оказался словно подвешенным неизвестно где, но иногда слышал, что происходит в школе, а иногда — что в магазине, как будто шкаф перемещался между ними, только самого

Монтегю никто услышать не мог… В конце концов ему удалось трансгрессировать оттуда, хоть испытаний он к тому времени еще не прошел. Он едва не погиб при этом. Все, кто слышал рассказ Монтегю, сочли его просто занятной байкой, только я один и понял, что он означает. Даже Горбин об этом не знал, один я понял, что, починив сломанный шкаф, проложу дорогу в Хогвартс.

— Очень хорошо, — пробормотал Дамблдор. — Итак, Пожиратели смерти смогли проникнуть из «Горбина и Бэрка» в школу, чтобы помочь вам… Умный план, весьма умный… и осуществленный, как вы сказали, прямо под моим носом…

— Да, — подтвердил Малфой; удивительно, но похвала Дамблдора, похоже, польстила ему, придала новые силы. — Да, вот именно!

— Однако было время, — продолжал Дамблдор, — когда вы сомневались, что сумеете починить шкаф, не так ли? И потому прибегли к грубым, плохо продуманным мерам — послали мне ожерелье, которое просто не могло не попасть в чужие руки… отравили медовуху, хотя шансов, что я когда-нибудь выпью ее, почти не существовало…

— Ну и что, вы-то все равно не поняли, чьих рук это дело, правильно? — насмешливо ощерился

Малфой.

Дамблдор немного сполз по стене вниз — по-видимому у него отказывали ноги, а Гарри тщетно боролся со сковавшим его заклятием.

— Вообще говоря, понял, — ответил Дамблдор. — Я был уверен, что ваших.

— Тогда почему же вы мне не помешали? — осведомился Малфой.

— Я пытался, Драко. Профессор Снегг присматривал за вами по моему приказанию…

— Он не ваше приказание исполнял, он пообещал моей матери…

— Ну, разумеется, так он вам и сказал, Драко, на деле же…

— Он двойной агент, старый вы дурак, и напрасно вы думаете, будто он работает на вас!

— Тут нам придется остаться каждому при своем мнении, Драко. Я, видите ли, доверяю профессору Снеггу…

— Ну так значит вы потеряли прежнюю хватку! усмехнулся Малфой. — Он предлагал мне любую помощь, хотел присвоить всю славу себе, хоть как-то во всем поучаствовать: «Чем вы занимаетесь? Вы подсунули ожерелье, это же глупо, вы могли все испортить…» Да только я не сказал ему, чем занимаюсь в Выручай-комнате, он проснется

завтра, а все уже кончено, он больше не любимчик Темного Лорда. В сравнении со мной, он обратится в ничто, в пустое место!

— Да, это приятно, — спокойно согласился Дамблдор. — Нам всем нравится получать благодарность за наши труды… И все-таки без помощника вы бы никак не обошлись… Вам нужен был кто-то в Хогсмиде, кто-то, способный подсунуть Кэти то… то… а-а-а…

Дамблдор снова закрыл глаза и покивал, словно его одолевала дремота.

— Ну конечно… Розмерта. И давно на ней лежит заклятие Империус?

— Что, дошло наконец? — издевательски ухмыльнулся Малфой.

Снизу долетел еще один вопль, прозвучавший громче прежнего. Малфой снова нервно оглянулся, потом уставился на Дамблдора, продолжавшего говорить:

— Итак, бедную Розмерту заставили спрятаться в туалете и всучить ожерелье первой попавшейся ученице Хогвартса, которая войдет туда в одиночку? А отравленная медовуха… Естественно, Розмерта могла добавить в нее яд, прежде чем послать бутылку Слизнорту, который собирался подарить ее мне на Рождество… Да, чистая рабо-

та… очень чистая… Бедный мистер Филч не стал бы, конечно, проверять бутылку, присланную Розмертой… Но скажите, как вы с ней сообщались? Я полагал, что все способы связи со школой у нас под наблюдением.

— Зачарованные монеты, — ответил Малфой. Казалось, он принуждал себя продолжать разговор; рука его, державшая палочку, ходила ходуном. — Одна была у меня, другая у нее, мы могли обмениваться сообщениями…

— Это не тот ли способ секретной связи, которым в прошлом году пользовалось общество, именовавшее себя «отрядом Дамблдора»? — спросил старый волшебник. Дамблдор говорил легко, непринужденно, но Гарри увидел, как, задавая вопрос, он сполз по стене еще на дюйм.

— Да, идею я взял у них, — криво улыбнувшись, сказал Малфой. — И мысль насчет яда тоже позаимствовал у грязнокровки Грейнджер — услышал в библиотеке, как она говорила, что зелья Филч распознавать не умеет, ну и…

— Будьте любезны, не используйте при мне это бранное слово, — попросил Дамблдор.

Малфой хрипло хохотнул:

— Я, того и гляди, убью вас, а вы переживаете из-за слова «грязнокровка»?

— Да, переживаю, — подтвердил Дамблдор, и Гарри увидел, как его ступни скользнули по полу от усилий, которые он прилагал, чтобы стоять прямо. — Ну, а насчет того, чтобы убить меня, Драко, — у вас уже имелось для этого немало долгих минут. Мы совершенно одни. Я беззащитен в большей мере, чем вам могло когда-либо примечтаться, и все-таки вы так ничего и не предприняли…

Губы Малфоя непроизвольно дернулись — как если б ему попала в рот какая-то гадость.

— Так вот, насчет сегодняшней ночи, — продолжал Дамблдор. — Я немного озадачен случившимся… Вы ведь как-то узнали, что я покинул школу? Хотя, разумеется, — ответил сам он на свой вопрос, — Розмерта видела, как я ухожу, и, не сомневаюсь, воспользовалась вашими замечательными монетами, чтобы сообщить вам об этом…

— Именно так, — сказал Малфой. — Правда, она сказала, что вы надумали выпить и скоро вернетесь…

— Что ж, выпить я действительно выпил… и вернулся… если это так можно назвать, — пробормотал Дамблдор. — Так вы решили расставить мне ловушку?

— Мы решили подвесить над башней Черную Метку, чтобы вы примчались сюда посмотреть, кого убили, — подтвердил Малфой. — И все сработало!

— Ну… и да, и нет… — сказал Дамблдор. — Ведь насколько я понял, никто пока не убит?

— кто-то погиб точно, — ответил Малфой голосом, ставшим вдруг на октаву выше. — Один из ваших… не знаю кто, там было темно… я переступил через тело… я должен был ждать вашего возвращения здесь, наверху, да только ваш феникс все время путался у меня под ногами.

— Да, это они умеют, — сказал Дамблдор.

Снова грохот и крики внизу, ставшие еще громче, чем прежде; похоже, сражение идет уже на винтовой лестнице, ведущей туда, где стояли Дамблдор, Малфой и Гарри, в невидимой груди которого неслышно бухало сердце. кто-то погиб… Малфой переступил через тело… но через чье?

— Так или иначе, времени у нас остается мало, — сказал Дамблдор, — поэтому давайте поговорим о ваших возможностях, Драко.

— Моих возможностях! — выпалил Малфой. — Я стою перед вами с волшебной палочкой и вот-вот убью вас…

— Мой милый мальчик, пора оставить при-

творство. Если бы вы собирались убить меня, то сделали бы это сразу, едва применив Обезоруживающее заклинание, а не стали бы медлить ради приятной беседы о путях и средствах.

— У меня нет выбора! — ответил Малфой, становясь вдруг таким же белым, как Дамблдор. — Я должен сделать это. Он убьет меня! Убьет всю мою семью!

— Сложность вашего положения мне понятна, — сказал Дамблдор. — Почему, как вы полагаете, я до сих пор не встретился с вами с глазу на глаз? Потому что знал: как только лорд Волан-де-Морт поймет, что я вас подозреваю, вы будете убиты.

Малфой, услышав это имя, поежился.

— Я не решался заговаривать с вами о задании, которое он вам дал, из опасений, что он использует против вас легилименцию, — продолжал Дамблдор. — Но теперь мы можем наконец поговорить начистоту. Вреда вы пока никакого не причинили, никого не покалечили, хотя то, что выбранные вами жертвы выжили, и можно отнести лишь за счет удачи… Я могу помочь вам, Драко.

— Нет, не можете, — ответил Малфой; палочка в его руке тряслась так, что страшно было смот-

реть. — И никто не может. Он сказал, что, если я не сделаю это, он убьет меня. У меня нет выбора.

— Перейдите на правую сторону, Драко, и мы сумеем укрыть вас так основательно, как вам и не снилось. Больше того, я могу послать сегодня членов Ордена Феникса к вашей матери, чтобы они укрыли и ее. Отцу вашему ничто сейчас в Азкабане не грозит, а когда придет время, мы защитим и его тоже… Переходите на правую сторону, Драко… вы же не убийца…

Малфой во все глаза смотрел на Дамблдора.

— Но я зашел слишком далеко… — медленно произнес он. — Они думали, что я погибну, пытаясь прикончить вас, а я здесь… вы в моих руках… палочка есть только у меня… вам остается рассчитывать лишь на мое милосердие…

— Нет, Драко, — негромко ответил Дамблдор. — Сейчас в счет идет мое милосердие, не ваше.

Малфой молчал. Рот его был приоткрыт, волшебная палочка по-прежнему дрожала. Гарри показалось, что она чуть-чуть опустилась…

Но тут на лестнице загремели шаги, и через секунду Малфоя оттолкнули в сторону четверо в черных мантиях, выскочившие из двери. Все еще парализованный, неспособный даже мигать, Гарри с ужасом смотрел на незнакомцев. Похоже,

Пожиратели смерти победили в шедшем внизу сражении.

Грузный колдун со странно перекошенным ртом одышливо захихикал.

— Дамблдора приперли к стенке! — сказал он и повернулся к приземистой женщине, судя по внешности, его сестре, и та алчно улыбнулась. — Дамблдор без волшебной палочки, Дамблдор в одиночестве! Отлично, Драко, отлично!

— Добрый вечер, Амикус, — спокойно произнес Дамблдор, словно приветствуя гостя, явившегося на чашку чая. — Вы и Алекто с собой привели… очаровательно…

Колдунья издала сердитый смешок.

— Что, думаете, шуточки помогут вам и на смертном одре? — глумливо поинтересовалась она.

— Шуточки? Нет-нет, это всего лишь проявление воспитанности, — ответил Дамблдор.

— Давай, действуй, — сказал незнакомец, стоявший к Гарри ближе других, — крупный, поджарый мужчина с всклокоченной седой шевелюрой и усами, черная мантия Пожирателя смерти была ему тесновата. Такого голоса, как у него, Гарри слышать еще не доводилось: не голос, а скрипучий лай. Гарри ощущал исходивший от

мужчины густой запах грязи, пота и, сомневаться не приходилось, крови. Пальцы его нечистых рук украшали длинные, желтые ногти.

— Это вы, Фенрир? — спросил Дамблдор.

— Я самый, — проскрежетал мужчина. — Что, рады нашей встрече, Дамблдор?

— Нет, этого я не сказал бы…

Фенрир Сивый улыбнулся, показав заостренные зубы. Кровь стекала по его подбородку, он медленно, непристойно облизывался.

— Вы же знаете, как я люблю малых деток, Дамблдор.

— Следует ли понимать это так, что вы нападаете теперь и не при полной луне? Весьма необычно… Ваш вкус к человеческой плоти раз в месяц удовлетворить уже невозможно?

— Совершенно верно, — подтвердил Сивый. — Вас это шокирует, Дамблдор? Пугает?

— Ну, не стану притворяться, некоторое отвращение мне это внушает, — ответил Дамблдор. — И, признаюсь, я немного удивлен тем, что Драко пригласил именно вас в школу, где проживают его друзья…

— Я его не приглашал, — прошептал Драко. На Сивого он не смотрел, да, похоже, и смотреть не хотел. — Я не знал, что он явится…

— Не мог же я упустить возможность побывать в Хогвартсе, Дамблдор, — проскрежетал Сивый. — Здесь столько еще не порванных глоток… Вкуснятина, вкуснятина…

И он, оскалясь на Дамблдора, поковырял желтым ногтем в передних зубах.

— А на десерт я мог бы пустить вас, Дамблдор.

— Нет! — резко осадил его четвертый Пожиратель смерти, колдун с тяжелым, жестоким лицом. — У нас приказ. Это должен сделать Драко. Давай, Драко, и побыстрее.

Однако решимости в Малфое явно поубавилось. Он с ужасом смотрел в лицо Дамблдора, побледневшее еще сильнее, опустившееся еще ниже, так сильно сполз старый волшебник по стене.

— По-моему, он и так не задержится на этом свете надолго! — сказал криворотый, и его сестра снова одышливо захихикала. — Посмотрите на него! Что с вами такое, Дамблдор?

— О, пониженная сопротивляемость организма, Амикус, замедление реакции, — ответил Дамблдор. — Короче, старость… когда-нибудь она, возможно, постигнет и вас… если вам повезет…

— Что такое, а? Что такое? — закричал обозлившийся вдруг Пожиратель смерти. — Вечно одно и то же, а, Дамби? Вы только болтаете и ничего

не делаете, ничего. Не понимаю, зачем Темному Лорду вообще понадобилось вас убивать! Ну же, Драко, займись им!

Но в этот миг с лестницы снова донеслись уже совсем громкие звуки схватки, и чей-то голос прокричал:

— Они перекрыли лестницу! *Редукто! РЕДУКТО!* Гарри воспрянул духом: выходит, эти четверо не уничтожили всех своих противников, но просто прорвались на вершину башни, оставив, судя по крикам, за собою барьер…

— Ну же, Драко, поторапливайся! — сердито воскликнул жестоколицый.

Однако рука Малфоя тряслась так сильно, что он не мог толком прицелиться.

— Давайте-ка я, — прорычал Сивый и шагнул к Дамблдору растопырив руки и оскалив зубы.

— Я же сказал — нет! — рявкнул жестоколицый; блеснул свет, и оборотня отбросило в сторону, он ударился о стену и застыл у нее, пошатываясь, гневно тараща глаза.

Сердце Гарри билось с такой силой, что он дивился — как это никто не слышит его, стоящего совсем рядом, лишенного заклинанием Дамблдора способности двигаться. Если бы только поднять руку, он смог бы ударить их заклятием

из-под мантии-невидимки…

— Действуй же, Драко, или отойди и дай сделать это одному из нас… — визгливо вскрикнула колдунья, но в этот миг дверь башни опять резко распахнулась и на пороге ее возник Снегг с волшебной палочкой в руке. Черные глаза его стремительно обежали всех, кто был здесь, от припавшего к стене Дамблдора до Пожирателей смерти, обозленного оборотня и Малфоя.

— У нас тут заминка, Северус, — сказал грузный Амикус, и взгляд, и волшебная палочка которого были неотрывно наставлены на Дамблдора. — Мальчишка, видать, не способен…

Однако имя Снегга произнес и другой голос, еле слышный.

— Северус…

Звук его ужаснул Гарри сильнее, чем все пережитое им за нынешний вечер. Впервые в голосе Дамблдора прозвучала мольба.

Снегг ничего не ответил, он сделал несколько шагов вперед, оттолкнув с дороги Малфоя. Трое Пожирателей смерти безмолвно отступили назад. Даже оборотень выглядел испуганным.

С мгновение Снегг вглядывался в Дамблдора, резкие черты его лица казались протравленными отвращением и ненавистью.

— Северус… прошу тебя…

Снегг, подняв палочку, направил ее на Дамблдора.

— *Авада Кедавра!*

Струя зеленого пламени вырвалась из волшебной палочки Снегга и ударила Дамблдора прямо в середину груди. Гарри завопил от ужаса, но вопль этот с губ его так и не слетел. Онемевший и неподвижный, он вынужден был смотреть, как Дамблдора подбросило в воздух, на долю секунды старый волшебник завис под сверкающим черепом, а потом, как тряпичная кукла, медленно перевалился спиной через стену башни и исчез.

Глава 28

БЕГСТВО ПРИНЦА-ПОЛУКРОВКИ

Гарри казалось, что и сам он летит, кувыркаясь в пустоте; этого не может быть… этого не может быть…

— Уходим, быстро, — сказал Снегг.

Он схватил Малфоя за шиворот и протолкнул его перед собой в дверь; Сивый и возбужденно пыхтевшие низкорослые брат с сестрой последовали за ними. Когда они скрылись из глаз, Гарри почувствовал вдруг, что снова способен двигаться; то, что держало его сейчас, как парализованного, у стены, было не волшебством, но ужасом и потрясением. Он сбросил мантию-невидимку, когда жестоколицый Пожиратель смерти, оставшийся на верхушке башни последним, уже входил в дверь.

— *Петрификус Тоталус!*

Пожиратель смерти нырнул вперед, будто его ударили в спину чем-то твердым, и повалился, точно восковая фигура, но еще до того, как он ударился об пол, Гарри перескочил через него и полетел по темной лестнице вниз.

Ужас раздирал ему сердце. Он должен найти Дамблдора и нагнать Снегга! Каким-то образом эти две задачи оказались связанными воедино… Он сумеет все исправить, если найдет их обоих… Дамблдор не мог умереть…

Проскочив последние десять ступеней винтовой лестницы, Гарри замер на месте и поднял над собой руку с волшебной палочкой: в тускло освещенном коридоре стояла густая пыль, половина потолка обвалилась в ходе так и продолжавшегося здесь сражения. Еще не успев понять, кто с кем бьется, Гарри услышал ненавистный голос, крикнувший: «Все кончено, уходим!» — и увидел Снегга, исчезающего за дальним поворотом коридора — по-видимому, ему и Малфою удалось проскочить поле боя, не понеся никакого ущерба. Гарри метнулся за ними, и в тот же миг из толпы сражающихся выскочил и бросился на него один из бойцов: то был оборотень, Сивый. Он обрушился на Гарри, прежде чем тот успел поднять палочку. Гарри упал на спину, грязные, нечесаные волосы накрыли ему лицо, нос и рот наполнились смрадом пота и крови, он ощутил на шее горячее, алчное дыхание…

— Петрификус Тоталус!

Гарри почувствовал, как Сивый обмяк на нем,

и, напрягая все силы, столкнул с себя оборотня и перекатился по полу, уворачиваясь от летящего к нему зеленого луча; затем вскочил и, пригнувшись, стремглав понесся в самую гущу битвы. Под ноги ему под-вернулось что-то вязкое, скользкое, Гарри запнулся — два тела лежали лицом вниз в луже крови, но выяснять, кто это, времени не было. Впереди полыхнули языками пламени пряди рыжих волос — это Джинни билась с грузным Пожирателем смерти, Амикусом, метавшим в нее заклятие за заклятием, от которых она ловко увертывалась. Амикус хихикал, игра явно доставляла ему удовольствие:

— *Круцио! Круцио!* Долго ты так не протанцуешь, красотка…

— *Остолбеней!* — рявкнул Гарри.

Заклинание ударило Амикуса в грудь — он взвизгнул от боли, как свинья, подлетел в воздух и, врезавшись в стену, сполз по ней и исчез из виду за Роном, профессором МакГонагалл и Люпином, каждый из которых бился со своим Пожирателем. За ними Гарри увидел Тонкс, дерущуюся с огромным светловолосым колдуном, который метал во все стороны заклинания, так что они, отражаясь рикошетом от стен, разлетались повсюду, — одно выщербило камень стены,

другое разбило ближайшее окно…

— Гарри, откуда ты взялся? — крикнула Джинни, но отвечать было некогда.

Пригнув пониже голову, Гарри что было сил помчался по коридору, едва не попав под просвистевшую над его головой струю пламени, которая, ударив в стену, осыпала всех сражающихся осколками камня. Снегг не должен уйти, он должен нагнать Снегга…

— Вот тебе! — крикнула профессор МакГонагалл, и Гарри краем глаза увидел, как Пожирательница смерти, Алекто, улепетывает по коридору, прикрывая голову руками, а следом поспешает ее брат. Гарри бросился за ними, но споткнулся и в следующий миг обнаружил, что лежит на чьих-то ногах, а, глянув назад, увидел прижатое к полу круглое, бледное лицо Невилла.

— Невилл, ты…

— Нормально, — пробормотал, держась за живот, Невилл. — Гарри… Снегг с Малфоем… они только что проскочили здесь…

— Знаю, я как раз за ними! — ответил Гарри, посылая с пола заклинание в огромного светловолосого Пожирателя смерти, создававшего большую часть хаоса. Получив удар в лицо, он взревел от боли, развернулся, пошатываясь, и с

громким топотом побежал за братом с сестрой.

Гарри поднялся с пола и помчал по коридору не обращая внимания на гром ударов за спиной, крики пытающихся остановить его друзей и немые призывы тех, кто был распростерт на полу и чья участь так и оставалась ему не ясной…

Он притормозил, чтобы свернуть за угол, покрытые кровью подошвы его кроссовок заскользили по полу. Снегг ушел далеко вперед, может быть, уже добрался до стоящего в Выручай-комнате Исчезательного шкафа… Или Орден успел перекрыть ее, чтобы Пожиратели смерти не смогли отступить тем же путем, каким пришли? Гарри бежал по коридору и не слышал ничего, кроме топота собственных ног и уханья сердца в груди, но вот он заметил на полу кровавый оттиск чьей-то ступни, значит, по меньшей мере один из удиравших Пожирателей смерти направлялся к парадной двери — возможно, Выручай-комната и вправду закрыта…

Едва он свернул за новый угол, как мимо него просвистело заклятие; Гарри нырнул под прикрытие рыцарских доспехов, и они мгновенно взорвались. Он увидел, как Пожиратели смерти, брат и сестра, сбегают по мраморной лестнице, и послал в них несколько заклинаний, но попал

лишь в висящий на лестничной площадке групповой портрет, отчего несколько волшебников в завитых париках с визгом разбежались по соседним полотнам. Перепрыгивая через остатки доспехов, Гарри услышал новые возгласы и крики — похоже, в замке начали просыпаться и другие его обитатели…

Он побежал коротким путем, надеясь перехватить брата с сестрой и подобраться поближе к Снеггу с Малфоем, которые наверняка уже выбрались из замка; не забыв перескочить отсутствующую посередке потайной лестницы ступеньку, Гарри вырвался из-под гобелена в коридор, заполненный недоумевающими, одетыми в пижамы пуффендуйцами.

— Гарри! Мы услышали шум, а тут еще какие-то разговоры про Черную Метку… — начал Эрни Макмиллан.

— С дороги! — рявкнул Гарри и, оттолкнув двух мальчиков, помчался к площадке мраморной лестницы, а там и вниз, по последним ее ступеням. Дубовые парадные двери были распахнуты настежь, на каменных плитах пола виднелись пятна крови, несколько насмерть перепуганных учеников стояли, прижавшись к стенам, один или двое еще прикрывали ладонями лица. Огромные

часы Гриффиндора были разбиты заклинанием, и рубины из них еще продолжали с дробным стуком осыпаться на каменные плиты…

Гарри проскочил вестибюль, выбежал в темный двор замка — вдалеке три еле различимые фигуры неслись по лужайке, направляясь к воротам, за которыми они могли трансгрессировать. Судя по очертаниям, это были светловолосый Пожиратель смерти и немного опережавшие его Снегг с Малфоем…

Холодный ночной воздух разрывал легкие бросившегося за ними вдогонку Гарри; он увидел вдали вспышку света, на миг выхватившую из темноты силуэты тех, кого он преследовал. Что там произошло, Гарри не понял, он продолжил бег — расстояние, отделявшее его от этих троих, было все еще слишком большим, чтобы как следует прицелиться в них заклинанием.

Новая вспышка, крики, ответные струи огня — Гарри понял: Хагрид выскочил из своей хижины и пытается остановить удирающих Пожирателей. И хоть каждый вдох и выдох, казалось, раздирал ему легкие в клочья, а грудь жгло, как огнем, он рванулся вперед еще быстрее, подгоняемый непрошеным голосом у него в голове: «Только не Хагрид… лишь бы не Хагрида тоже…»

что-то с силой ударило Гарри в затылок, и он упал, пропахав носом землю, так что из обеих ноздрей брызнула кровь. Еще перекатываясь на спину и держа наготове волшебную палочку, он понял, что, срезая путь, обогнал брата с сестрой, и теперь они оказались сзади…

— *Импедимента!* — завопил он, снова перекатываясь, вжимаясь в землю, и, о чудо, его заклинание попало в одного из колдунов, и тот повалился другому под ноги. Гарри вскочил и побежал дальше, за Снеггом…

Внезапно он увидел огромную фигуру Хагрида, освещенную вынырнувшим из туч узким месяцем; светловолосый Пожиратель смерти метал в лесничего заклятие за заклятием, но колоссальная сила Хагрида и крепкая кожа, которую он унаследовал от великанши-матери хорошо защищали его. Между тем Снегг с Малфоем так и продолжали бежать — скоро они выбегут за ворота и смогут трансгрессировать…

Гарри проскочил мимо Хагрида с его противником, нацелил палочку в спину Снегга и крикнул:

— *Остолбеней!*

Он промахнулся — струя красного света пронеслась над головой Снегга и тот, гаркнув: «Беги, Драко!» — повернулся к Гарри лицом; разделен-

ные двадцатью ярдами, они мгновение смотрели друг другу в лицо, а затем одновременно подняли палочки.

— *Кру…*

Однако Снегг отразил заклинание, сбив Гарри с ног, прежде чем тот успел произнести его. Гарри покатился по земле, вскочил, и тут огромный Пожиратель смерти рявкнул за его спиной:

— *Инсендио!*

Гарри услышал, как что-то взорвалось, и все вокруг залили отблески танцующего оранжевого пламени: это вспыхнула хижина Хагрида.

— Там же Клык, мерзкая ты… — взревел Хагрид.

— *Кру…* — снова выкрикнул Гарри, целясь в освещенную пляшущим светом фигуру впереди, но Снегг опять отразил заклинание; Гарри видел, как он насмешливо улыбается.

— Никаких непростительных заклятий, Поттер! — крикнул Снегг, перекрывая треск пламени, рев Хагрида и вой запертого в доме Клыка. — Тебе не хватит ни храбрости, ни умения…

— *Инкар…* — завопил Гарри, но Снегг почти ленивым взмахом руки отбил и это заклинание.

— Сражайся! — крикнул Гарри. — Сражайся, трусливый…

— Ты назвал меня трусом, Поттер? — прокричал Снегг. — Твой отец нападал на меня, только когда их было четверо против одного. Интересно, что бы ты сказал о нем?

— *Остол…*

— Опять отбито и будет отбиваться снова и снова, пока ты не научишься держать рот и разум закрытыми, Поттер! — ощерился Снегг. — Хватит! — крикнул он огромному Пожирателю, сражавшемуся за спиной Гарри. — Пора уходить, пока Министерство не обнаружило…

— *Импеди…*

Гарри еще не успел произнести заклинание, как его пронзила невыносимая боль; он упал на колени в траву, кто-то визжал; эта мука наверняка прикончит его; Снегг запытает его до смерти или до безумия…

— Нет! — взревел голос Снегга, и боль прекратилась так же мгновенно, как началась; Гарри лежал на темной траве, скорчившись, сжимая в руке волшебную палочку, задыхаясь, а где-то над ним Снегг кричал: — Вы что, забыли приказ? Поттер принадлежит Темному Лорду, мы должны оставить его! Уходим! Уходим!

Гарри почувствовал, как под его щекой задрожала земля, — это брат с сестрой, а с ними и

огромный Пожиратель смерти послушно побежали к воротам. Гарри издал нечленораздельный вопль гнева, в этот миг ему было все равно, останется он в живых или умрет; заставив себя встать, он слепо заковылял в сторону Снегга, которого ненавидел теперь так же сильно, как самого Волан-де-Морта…

— *Сектум…*

Снегг взмахнул палочкой, и заклятие опять ушло мимо цели, однако Гарри был уже в нескольких футах от своего врага и наконец увидел лицо Снегга очень ясно: на нем больше не было презрительной или глумливой улыбки — огонь озарял лицо, на котором остался один только гнев. Собрав в кулак всю свою способность к концентрации, Гарри подумал: «Леви…»

— Нет, Поттер! — завопил Снегг.

Послышалось громовое «БА-БАХ!», и Гарри спиной подлетел в воздух и снова с силой ударился о землю, на этот раз палочка выскочила из его руки. Он слышал вопли Хагрида и вой Клыка, а Снегг уже приблизился и стоял, глядя на него сверху вниз: лишившись волшебной палочки, Гарри стал таким же беззащитным, каким недавно был Дамблдор. Пламя пожара выхватило из темноты побелевшее, перекошенное ненавистью

лицо Снегга — с такой же ненавистью он посылал заклятие в Дамблдора.

— Ты посмел использовать против меня мои же заклинания, Поттер? Это я изобрел их — я, Принц-полукровка! А ты обратил мои изобретения против меня, совсем как твой гнусный отец, не так ли? Не думаю, что… Нет!

Гарри рванулся к палочке, но Снегг выпалил заклинание, и она отлетела на несколько футов во тьму и скрылась из глаз.

— Ну так убей меня! — задыхаясь, сказал Гарри; он не ощущал никакого страха — только гнев и презрение. — Убей, как убил его, трусливый…

— НЕ СМЕЙ! — взвизгнул Снегг, и лицо его внезапно стало безумным, нечеловеческим, как будто он испытывал такую же муку, как жалобно воющий пес, запертый в горящей хижине. — НЕ СМЕЙ НАЗЫВАТЬ МЕНЯ ТРУСОМ!

Он рассек палочкой воздух: словно раскаленный добела хлыст ударил Гарри по лицу, вдавив его в землю. Пятна света поплыли перед глазами, на миг ему показалось, что он никогда больше не сможет дышать, но тут же услышал вверху шелест крыльев, и что-то огромное заслонило собой звезды. Клювокрыл падал на Снегга, тот отшатнулся от нацеленных на него острых как бритвы

когтей. Гарри с усилием сел, от последнего удара о землю голова еще кружилась, и все-таки он разглядел бегущего что было сил Снегга и громадного Клювокрыла, который, хлопая крыльями, летел за ним с таким визгом, какого Гарри никогда еще от него не слышал…

Кое-как встав, Гарри огляделся вокруг в поисках волшебной палочки, собираясь снова устремиться за Снеггом, но, копошась пальцами в траве, отбрасывая мелкие веточки, он понимал: слишком поздно. Когда Гарри отыскал наконец палочку, то увидел лишь кружившего над воротами Клювокрыла: Снегг успел выскочить за пределы школы и транс-грессировать.

— Хагрид, — пробормотал, озираясь по сторонам, еще ослепленный Гарри. — ХАГРИД?

Он поплелся было к горящей хижине, но тут из пламени показалась гигантская фигура лесничего, несущего на спине Клыка. Вскрикнув от радости, Гарри упал на колени; все его тело содрогалось и болело, каждый вдох отдавался в груди острым уколом.

— Ты цел, Гарри? Цел? Скажи что-нибудь, Гарри…

Огромное волосатое лицо Хагрида плавало над Гарри, закрывая собой звезды. Он услышал запах

горелого дерева и подпаленной собачьей шерсти, протянул руку и нащупал успокоительно теплое, живое, дрожащее тело Клыка.

— Цел, — выдохнул он. — А ты?

— Да ну… меня так просто не возьмешь. Хагрид сунул ладони Гарри под мышки и поднял его с такой силой, что ступни мальчика на миг оторвались от земли. Он увидел струйку крови, стекающую по щеке Хагрида, глубокий, быстро набухающий порез над глазом.

— Нужно потушить твой дом, — сказал Гарри. Давай вместе. — *Агуаменти…*

— Вот ведь помнил же, что надо сказать что-то такое, — пробормотал Хагрид и, наставив на дом дымящийся розовый зонт, произнес: — *Агуаменти!*

Из кончика зонта ударила струя воды. Гарри поднял руку с палочкой, показавшейся ему свинцовой, тоже прошептал: «Агуаменти!» Они вдвоем поливали дом водой, пока не угас последний язычок огня.

— Ладно, не так уж оно и худо, — несколько минут спустя с надеждой пробормотал Хагрид, глядя на дымящиеся развалины. — Дамблдор тут все в момент поправит…

Звук этого имени отозвался в животе Гарри

жгучей болью. Ужас затоплял его посреди воцарившихся вокруг безмолвия и покоя.

— Хагрид…

— Перевязываю я лукотрусу лапки, вдруг слышу — идут, — сказал Хагрид, с грустью оглядывая остатки своей хижины. — Они ему все прутики опалили, бедняжке…

— Хагрид…

— Что случилось, Гарри? Как эти Пожиратели из замка удирали, я видел, но Снегг-то с ними какого рыжего дьявола делал? И куда он подевался — за ними погнался, что ли?

— Он… — Гарри кашлянул, от ужаса и дыма горло его совсем пересохло. — Он… там убийство, Хагрид…

— Убийство? — воскликнул Хагрид и уставился на Гарри. — Снегга убили? Ты о чем толкуешь-то, Гарри.

— Дамблдора, — сказал Гарри. — Снегг убил… Дамблдора.

Хагрид просто молча смотрел на него, та небольшая часть лица лесничего, какую не закрывали волосы, казалась пустой, непонимающей.

— Дамблдора что… а, Гарри?

— Он мертв. Снегг убил его…

— Не говори так, — грубо оборвал его Хагрид. —

Снегг убил Дамблдора — дурь какая, Гарри. Зачем ты так говоришь?

— Я видел, как это произошло.

— Да не мог ты этого видеть.

— Видел, Хагрид.

Хагрид потряс головой. Видно было, что он не верит, но сочувствует, — лесничий думал, что Гарри слишком сильно стукнули по голове, что у него путаются мысли, что он еще не оправился от чар…

— Там, наверное, вот что было: Дамблдор велел Снеггу пойти с этими, с Пожирателями, — уверенно произнес Хагрид. — Чтобы, значит, они его не изобличили. Слушай, давай-ка в школу потопаем. Пошли, Гарри…

Гарри не стал ни спорить, ни что-либо объяснять. Его все еще била неудержимая дрожь. Хагрид и сам все скоро узнает, слишком скоро… Приближаясь к замку, Гарри увидел: теперь в нем освещены многие окна, и ясно представил себе, что творится внутри — люди бродят по комнатам, рассказывают друг другу, что в замок проникли Пожиратели смерти, что над Хогвартсом висит Черная Метка и, значит, кто-то убит…

Парадные дубовые двери стояли настежь, из них лился свет на подъездную дорожку и лу-

жайку перед школой. Медленно, неуверенно, на ступеньки крыльца выходили ученики и преподаватели в ночных халатах, нервно оглядываясь в поисках каких-либо признаков скрывшихся в ночи Пожирателей смерти. Но глаза Гарри были прикованы к земле у подножия самой высокой из башен замка. Ему казалось, что он различает лежащую там на траве черную, бесформенную груду, хотя, на деле, он находился еще слишком далеко от башни, чтобы увидеть что-то. Но даже безмолвно глядя туда, где, как он думал, должно лежать тело Дамблдора, Гарри заметил, что уже многие идут в ту сторону.

— На что это все они смотрят? — поинтересовался Хагрид, когда он, Гарри и Клык, старавшийся держаться поближе к ногам хозяина, подошли к замку. — Что там лежит на траве? — резко спросил он, сворачивая к Астрономической башне, у подножия которой уже собралась небольшая толпа. — Ты видишь, Гарри? Прям около башни? Под самой Меткой… ах, чтоб тебя… думаешь, кого-то сбросили…

Хагрид умолк, видимо, мысль, пришедшая ему в голову, была слишком ужасной, чтобы ее выговорить. Гарри шел поодаль от Хагрида, чувствуя боль и жжение в лице и в ногах, там,

куда в последние полчаса ударяли самые разные заклятия. Он ощущал непонятную отрешенность, как будто от этой боли страдал кто-то другой, шагающий с ним рядом. По-настоящему реальным и неотвратимым было лишь страшное стеснение в его груди…

Как во сне, продвигались они с Хагридом через невнятно бормочущую толпу и наконец добрались до самого ее края, туда, где онемевшие от горя ученики и преподаватели оставили немного свободного места.

Гарри услышал, как Хагрид застонал от боли и потрясения, но не остановился; он медленно шел вперед, пока не достиг тела Дамблдора и не опустился перед ним на землю.

В то самое мгновение, как спало наложенное на него Дамблдором парализующее заклинание, Гарри понял: надежды нет, заклинание перестало действовать лишь потому, что умер тот, кто его наслал. И все же он не готов был к тому, чтобы увидеть, как величайший волшебник, какого он знал, лежит на земле изломанный, с раскинутыми руками…

Глаза Дамблдора были закрыты, и, если бы не странные углы, под которыми отходили от тела руки и ноги, он мог показаться спящим.

Гарри протянул руку, поправил съехавшие с крючковатого носа очки-половинки, стер рукавом вытекшую изо рта струйку крови. Потом вгляделся в старое, мудрое лицо, пытаясь до конца осознать огромную, непостижимую истину: никогда больше Дамблдор на заговорит с ним, никогда не сможет прийти ему на помощь…

В толпе за спиной Гарри негромко переговаривались люди. Прошло долгое время, прежде чем он заметил, что упирается коленями во что-то жесткое, и опустил на них взгляд.

Медальон, который им удалось похитить так много часов назад, выпал из кармана Дамблдора. По-видимому, от удара о землю он раскрылся. И хотя потрясение, ужас и печаль, охватившие Гарри, уже не могли стать сильнее, он, едва подняв медальон с земли, подумал: что-то не так…

Он повертел медальон в руках. Медальон был совсем не таким большим, как тот, который Гарри видел в Омуте памяти, поверхность его была гладкой, знак Слизерина, змеевидная «S», на нем отсутствовал. Более того, он не содержал в себе ничего, кроме сложенного клочка пергамента, плотно втиснутого туда, где полагалось находиться портрету.

Машинально, почти не думая о том, что делает,

Гарри вытащил пергамент, развернул его и при свете множества волшебных палочек, уже засветившихся за его спиной, прочитал:

Темному Лорду.

Я знаю, что умру задолго до того, как ты прочитаешь это, но хочу, чтобы ты знал — это я раскрыл твою тайну. Я похитил настоящий крестраж и намереваюсь уничтожить его, как только смогу. Я смотрю в лицо смерти с надеждой, что когда ты встретишь того, кто сравним с тобою по силе, ты уже снова обратишься в простого смертного.

Р.А.Б.

Что может означать это послание, Гарри не знал, да и не хотел знать. Важно было только одно: это не крестраж. Дамблдор понапрасну отдал все свои силы, выпив ужасное зелье. Гарри смял пергамент в руке, и в глазах его вскипели жгучие слезы, и в тот же миг за спиной его завыл Клык.

Глава 29

ПЛАЧ ФЕНИКСА

— Пошли, Гарри…

— Нет.

— Не надо тебе здесь оставаться, Гарри… пошли, пошли…

— Нет.

Он не хотел покидать Дамблдора, не хотел никуда уходить. Лежащая на его плече рука Хагрида подрагивала. Потом и еще один голос произнес:

— Гарри, пойдем.

Чья-то маленькая и теплая ладонь взяла его за руку и потянула вверх. Гарри подчинился ей почти бездумно. И только когда пробирался сквозь толпу, ничего не видя вокруг, вдруг понял по веявшему в воздухе аромату цветов, что это Джинни ведет его назад, в замок. Чьи-то неузнаваемые голоса звучали в его ушах, рыдания, крики и причитания разрывали ночь, но Гарри и Джинни все шли и шли, пока не поднялись по ступенькам в вестибюль. Краем глаза Гарри видел, что все всматриваются в него, удивленно перешептываются, и рубины Гриффиндора, точно капли крови,

поблескивают на полу, по которому они шли вдвоем, направляясь к мраморной лестнице.

— Пойдем в больничное крыло, — сказала Джинни.

— Я не ранен, — ответил Гарри.

— Это приказ МакГонагалл, — сказала Джинни. Все уже там, Рон, Гермиона, Люпин, все…

В груди Гарри вновь шевельнулся страх — он и забыл об оставленных им позади распростертых по полу неподвижных телах.

— Кто еще погиб, Джинни?

— Из наших — никто, не бойся.

— Но Черная Метка… Малфой сказал, что переступил через труп…

— Он переступил через Билла, но с ним все хорошо, Билл жив.

Однако что-то в ее голосе заставило Гарри понять — случилась беда.

— Ты уверена?

— Конечно, уверена… Он… немного изуродован, вот и все. На него напал Сивый. Мадам Помфри говорит, что он… он уже не будет выглядеть, как прежде… — Голос Джинни чуть дрогнул. — Мы просто не знаем, какими могут быть последствия, все-таки Сивый — оборотень, хоть он в эту ночь и не преображался.

— А другие… там были еще тела…

— Невилл лежит в палате, мадам Помфри считает, что он поправится полностью, ну еще профессору Флитвику досталось, но он тоже чувствует себя неплохо, слабость в ногах, вот и все. Он все требует, чтобы его отпустили посмотреть, как там его когтевранцы. А вот один из Пожирателей смерти убит, попал под смертоносное заклятие, которые расшвыривал повсюду тот огромный блондин. Гарри, если бы не твой «Феликс», думаю, нас всех перебили бы, а так все, похоже, летело мимо…

Они уже добрались до больничного крыла, Гарри, пинком распахнув дверь, увидел на койке у входа спящего Невилла. Рон, Гермиона, Полумна, Тонкс и Люпин стояли у другой койки, в дальнем конце палаты. Услышав скрип двери, все они обернулись. Гермиона подлетела к Гарри, обняла его, Люпин с встревоженным видом шагнул ему навстречу.

— С тобой все в порядке, Гарри?

— Да, все… Как Билл?

Никто ему не ответил. Гарри глянул поверх плеча Гермионы и увидел на подушке Билла неузнаваемое лицо, рассеченное и разодранное так страшно, что оно казалось гротескной мас-

кой. Мадам Помфри наносила на раны какую-то остро пахнущую зеленую мазь. Гарри вспомнил, с какой легкостью Снегг залечивал раны, причиненные Малфою заклинанием Сектумсемпра.

— Разве нельзя исцелить Билла какими-нибудь чарами? — спросил он у волшебницы.

— Чары тут не помогут, — ответила мадам Помфри. — Я перепробовала все, что знаю, но от укусов оборотня лекарства не существует.

— Но его же искусали не при полной луне, — сказал Рон, смотревший в лицо брата с таким выражением, как будто надеялся, что раны затянутся от одного его взгляда. — Сивый не преобразился, так что Билл не станет… настоящим…

И он неуверенно взглянул на Люпина.

— Нет, думаю, настоящим оборотнем Билл не станет, — сказал Люпин, — но отсюда не следует, что в кровь его не попала никакая зараза. Это зачарованные раны. Они вряд ли исцелятся полностью, и… и в Билле будет, возможно, проступать временами нечто волчье.

— Дамблдору наверняка известно, как можно помочь, — сказал Рон. — Где он? Билл сражался с этим маньяком по его приказу, Дамблдор в долгу перед ним, не может же он оставить его в таком состоянии…

— Рон… Дамблдор мертв, — произнесла Джинни.

— Нет! — взгляд Люпина переметнулся с Джинни на Гарри, словно в надежде, что Гарри опровергнет ее слова, однако тот промолчал, и Люпин рухнул на стоящий у койки Билла стул и спрятал лицо в ладонях. Никогда еще Гарри не видел, чтобы Люпин терял власть над собой, ему казалось, что он нечаянно вторгся во что-то очень личное, почти непристойное, и Гарри отвернулся и встретился глазами с Роном, подтвердив взглядом, что Джинни сказала правду.

— Как он умер? — прошептала Тонкс. — Что случилось?

— Его убил Снегг, — ответил Гарри. — Я был там и все видел. Мы прилетели на Астрономическую башню, потому что Метка висела именно над ней… Дамблдору было плохо, он очень ослаб, но, думаю, понял, что это ловушка, едва услышав, как кто-то бежит к нам по лестнице. Он обездвижил меня, я ничего не мог сделать, на мне была мантия-невидимка… и тут из двери выскочил Малфой и обезоружил его…

Гермиона закрыла ладонями рот, Рон застонал, у Полумны задрожали губы.

— Потом появились Пожиратели смерти… а за

ними Снегг… и Снегг убил его. Авада Кедавра… — Говорить дальше Гарри не смог.

Мадам Помфри залилась слезами. Никто не обратил на нее никакого внимания, только Джинни вдруг прошептала:

— Чш-ш! Слушайте!

Мадам Помфри, глотая слезы, прижала пальцы к губам, глаза ее расширились. Где-то в темноте запел феникс — такого пения Гарри не слышал ни разу: потрясающей красоты горестный плач. И Гарри почувствовал, как чувствовал, слушая феникса прежде, что музыка эта звучит у него внутри, не снаружи, то было его собственное горе, волшебным образом превратившееся в песню, которая отдавалась эхом, разносилась над просторами замка, лилась в его окна.

Как долго они молчали, вслушиваясь, сказать ни один из них не смог бы, как не смог бы и объяснить, почему, пока они слушали звучание собственной скорби, боль как будто стихала; однако всем показалось, что прошло немало времени, прежде чем больничная дверь снова отворилась и в палату вошла профессор МакГонагалл. Как и на всех остальных, на ней были видны следы недавней битвы — ссадины на лице, разодранная одежда.

— Молли с Артуром уже летят сюда, — сказала она, разрушив чары музыки; все встряхнулись, словно выходя из оцепенения, одни вновь обратили взгляды на Билла, другие вытирали глаза, третьи покачивали головами. — Что произошло, Гарри? По словам Хагрида, ты был с профессором Дамблдором, когда… когда это случилось. И он говорит, что профессор Снегг как-то причастен…

— Снегг убил Дамблдора, — ответил Гарри. Мгновение она молча смотрела на него, потом, ко всеобщему испугу, покачнулась; мадам Помфри, по-видимому уже совладавшая с собой, бросилась к ней, выхватила из воздуха кресло и подтолкнула его под МакГонагалл.

— Снегг, — опадая в кресло, слабо повторила МакГонагалл. — Мы все удивлялись… но он так доверял… всегда… Снегг… не могу поверить…

— Снегг как никто владел окклюменцией, — с непривычной хрипотцой в голосе произнес Люпин. — Мы все это знали.

— Но Дамблдор клялся, что он на нашей стороне! — прошептала Тонкс. — Я всегда думала, что Дамблдору известно о Снегге такое, чего не знаем мы…

— Он намекал, что у него есть веские причины доверять Снеггу — пробормотала профессор

МакГонагалл, вытирая уголки глаз клетчатым носовым платком. — Я хочу сказать… при таком прошлом Снегга… конечно, многих поражало… но Дамблдор недвусмысленно заявил мне, что раскаяние Снегга абсолютно искренне… и даже слова против него слышать не желал!

— Хотела бы я знать, что наговорил ему Снегг, чтобы убедить его в этом, — сказала Тонкс.

— Могу вам сказать, — произнес Гарри, и все повернулись к нему. — Снегг снабдил Волан-де-Морта сведениями, которые заставили его начать охоту на моих маму и папу. А потом Снегг уверил Дамблдора, будто не понимал, что делает, сказал, что сожалеет об этом, сожалеет об их смерти.

— И Дамблдор поверил ему? — ошеломленно спросил Люпин. — Поверил, что Снегг сожалеет о смерти Джеймса? Да Снегг ненавидел Джеймса…

— Он и маму мою ни в грош не ставил, — сказал Гарри, — она же была из маглов… «грязнокровка», так он ее называл…

Никто не спросил, как Гарри узнал об этом. Все выглядели придавленными страшным потрясением, все пытались переварить чудовищную правду.

— Это моя вина! — вдруг сказала профессор МакГонагалл, скручивая пальцами носовой платок.

Казалось, она никак не может собраться с мыслями. — Моя! Я послала нынче ночью Филиуса за Снеггом, послала, чтобы он пришел к нам на помощь! Если бы я не известила Снегга о том, что происходит, он мог и не присоединиться к Пожирателям смерти. Пока Филиус не сказал ему, что они здесь, Снегг вряд ли знал об этом.

— Ты ни в чем не виновата, Минерва, — твердо сказал Люпин. — Мы все нуждались в помощи и приходу Снегга только обрадовались…

— Значит, появившись на поле боя, он присоединился к Пожирателям смерти? — спросил Гарри, желавший узнать о двуличии и низости Снегга все, что можно. Ему совершенно необходимо было найти побольше причин для ненависти к Снеггу, для того, чтобы принести обет мщения.

— Что именно произошло, я точно не знаю, — взволнованно ответила профессор МакГонагалл. — Все так смешалось… Дамблдор сказал, что на несколько часов оставит школу и что нам нужно будет, просто на всякий случай, патрулировать коридоры… К нам должны были присоединиться Римус, Билл и Нимфадора… ну, мы и патрулировали. Казалось, все тихо. Каждый потайной ход, идущий из школы, был перекрыт. На все входы в замок наложены мощные заклина-

ния. Я и сейчас не знаю, как сумели Пожиратели смерти проникнуть…

— Я знаю, — снова вмешался Гарри и коротко рассказал о двух Исчезательных шкафах, о создаваемом ими волшебном коридоре. — Вот так они и прошли, через Выручай-комнату.

Почти невольно он взглянул на Рона, потом на Гермиону — оба выглядели совершенно пришибленными.

— Это я напортачил, Гарри, — уныло признал Рон. — Мы сделали, как ты велел: проверили Карту Мародеров, Малфоя на ней не увидели и решили, что он в Выручай-комнате. Я, Джинни и Невилл отправились следить за ней… но Малфой проскочил мимо нас…

— Он вышел из комнаты примерно через час после того, как мы начали наблюдение, — сказала Джинни. — Один, с этой кошмарной высушенной рукой…

— С Рукой Славы, — пояснил Рон. — Помнишь, той, что дает свет только тому, кто ее держит?

— В общем, — продолжила Джинни, — он, скорее всего, проверял, свободен ли путь, можно ли выпустить Пожирателей смерти, потому что, едва увидев нас, бросил что-то в воздух, и все тут же погрузилось в непроглядную тьму…

— Перуанский Порошок мгновенной тьмы, — горько промолвил Рон. — Фред с Джорджем… Я еще поговорю с ними о том, кому они продают свои товары.

— Чего мы только не перепробовали — Люмос, Инсендио, — сказала Джинни, — ничто эту тьму не брало. Нам осталось одно — на ощупь выбраться из коридора, при этом мы слышали, как кто-то пробежал мимо. Видимо, Малфой освещал себе дорогу Рукой и провел остальных. Заклинаниями мы пользоваться не решались, боялись попасть друг в друга, а когда добрались до освещенного коридора, их уже не было.

— К счастью, — хрипло сказал Люпин, — Рон, Джинни и Невилл почти сразу наткнулись на нас и рассказали о случившемся. Через несколько минут мы отыскали Пожирателей смерти, они направлялись к Астрономической башне. Малфой, скорее всего, не ожидал усиления стражи, да и порошок у него весь уже вышел. Началась драка, они бросились врассыпную, мы погнались за ними. Один из них, Гиббон, прорвался к лестнице на башню…

— Чтобы поставить Метку? — спросил Гарри.

— Наверное. Должно быть, они договорились обо всем еще в Выручай-комнате, — сказал Лю-

пин. — Правда, не думаю, что Гиббону так уж хотелось в одиночку дожидаться там Дамблдора, потому что он скоро спустился вниз, присоединился к сражению и попал под смертоносное заклятие, на волосок пролетевшее мимо меня.

— Значит, если Рон наблюдал за Выручай-комнатой вместе с Джинной и Невиллом, — обращаясь к Гермионе, сказал Гарри, — то вы…

— Да, дежурили у кабинета Снегга, — прошептала Гермиона, в глазах которой поблескивали слезы. — С Полумной. Проторчали там целую вечность, ничего не происходило, что творится наверху, мы не знали… Рон же взял Карту Мародеров с собой… а около полуночи в подземелье примчался профессор Флитвик. Он что-то кричал о Пожирателях смерти в замке, по-моему, нас с Полумной он даже не заметил, просто ворвался в кабинет Снегга, и мы услышали, как он говорит, что Снегг должен пойти с ним и помочь, потом какой-то громкий удар, а после Снегг выскочил из кабинета и увидел нас и… и…

— Что? — спросил Гарри.

— Я оказалась такой дурой, Гарри! — тоненько и тихо произнесла Гермиона. — Он сказал, что у профессора Флитвика обморок, велел нам зайти в кабинет, позаботиться о нем, пока… пока сам

он будет сражаться с Пожирателями смерти…

От стыда Гермиона закрыла лицо ладонями и рассказ свой продолжила сквозь пальцы, приглушенным голосом:

— Мы вбежали в кабинет — посмотреть, чем можно помочь профессору Флитвику он без сознания лежал на полу и… ох, теперь-то все так очевидно. Снегг, скорее всего, оглушил его, а мы этого не поняли, Гарри, не поняли и дали Снеггу уйти!

— Тут нет вашей вины, — решительно произнес Люпин. — Если бы вы, Гермиона, не подчинились Снеггу и преградили ему дорогу, он наверняка убил бы и тебя, и Полумну.

— То есть когда он поднялся наверх, — сказал Гарри, мысленно следя за тем, как Снегг, вытаскивая на ходу волшебную палочку, взбегает в развевающейся черной мантии по мраморной лестнице, — и добрался до места, где вы сражались…

— Нам приходилось туго, мы проигрывали, — негромко сказала Тонкс. — Гиббон был убит, но остальные Пожиратели смерти готовы были драться на смерть. Невилла ранили, Билла погрыз Сивый… было темно… повсюду летали заклятия… Малфой куда-то исчез, должно быть,

проскользнул мимо нас наверх, в башню… потом и другие Пожиратели смерти устремились за ним, и один из них перекрыл каким-то заклинанием лестницу за собой… Невилл бросился к ней, но его отбросило в воздух…

— Никому из нас прорваться не удалось, — сказал Рон, — а этот бугай, Пожиратель смерти, расшвыривал повсюду заклятия, они отскакивали от стен, чуть не ударяя в нас…

— И тогда появился Снегг, — перебила его Тонкс, — и он не…

— Я краем глаза заметила, как он бежит к нам, но тут огромный Пожиратель смерти снова метнул в меня заклятие, я пригнулась и потеряла Снегга из виду, — сказала Джинни.

— Я видел, как он проскочил через проклятый барьер, словно того и не было, — сказал Люпин. — Я попытался последовать за ним, но меня отбросило точно так же, как Невилла…

— Очевидно, он знал заклинание, которое нам не известно, — прошептала МакГонагалл. — В конце концов, он же преподавал защиту от Темных искусств… Я-то решила, будто он спешит нагнать ускользнувших в башню Пожирателей смерти…

— Он и спешил! — гневно сказал Гарри. — Но не

ради того, чтобы их остановить, а чтобы помочь им… и, готов поспорить, этот барьер пропускал только тех, у кого есть Черная Метка… Так что же произошло, когда он вернулся?

— Ну, как раз перед этим здоровенный Пожиратель смерти выпалил заклинанием, которое обрушило половину потолка, заодно развалив и барьер на лестнице, — сказал Люпин. — Мы все бросились к ней, во всяком случае, те, кто еще стоял на ногах, и, когда из облака пыли появились Снегг с мальчиком, никто из нас, естественно, не стал на них на-падать…

— Мы просто пропустили их, — глухо произнесла Тонкс, — вот и все. Решили, что за ними гонятся Пожиратели смерти, а в следующий миг Пожиратели вернулись вместе с Сивым, и снова началась драка. По-моему, я слышала, как Снегг крикнул что-то, но что — не разобрала…

— Он крикнул: «Все кончено», — сказал Гарри. — Он сделал то, что хотел сделать.

Все замолчали. Плач Фоукса еще разносился над землями замка. И пока музыка продолжала наполнять воздух, непрошеные, нежданные мысли прокрадывались в голову Гарри… Унесли ли уже тело Дамблдора от подножия башни? И как с ним поступят потом? Где найдет оно упокоение?

Гарри стиснул засунутые в карманы кулаки. И ощутил под костяшками правого холодный кусочек металла — лжекрестраж.

Двери больничного крыла резко распахнулись, заставив всех испуганно вздрогнуть: в палату торопливо вступили мистер и миссис Уизли, а следом за ними Флер с искаженным ужасом прекрасном лицом.

— Молли, Артур, — воскликнула профессор МакГонагалл, вскакивая и бросаясь им навстречу, — мне так жаль…

— Билл, — прошептала миссис Уизли, увидев изуродованное лицо сына, и метнулась мимо МакГонагалл к его кровати. — О, Билл!

Люпин и Тонкс торопливо встали и отступили в сторону, чтобы позволить мистеру и миссис Уизли приблизиться к Биллу. Миссис Уизли склонилась над сыном, коснулась губами его окровавленного лба.

— Вы сказали, что на него напал Сивый? — встревоженно спросил профессора МакГонагалл мистер Уизли. — Но ведь он не преобразился? Так что же это значит? Что будет с Биллом?

— Пока мы этого не знаем, — ответила профессор МакГонагалл, бросая беспомощный взгляд на Люпина.

— Какое-то заражение, вероятно, произойдет, Артур, — сказал Люпин. — Случай редкий, быть может, уникальный… Не ясно, как поведет себя Билл, когда очнется…

Миссис Уизли отобрала у мадам Помфри остро пахнущую мазь и начала сама покрывать ею раны Билла.

— А Дамблдор… — продолжал мистер Уизли. — Это правда, Минерва?.. Он действительно…

Профессор МакГонагалл кивнула, и в этот же миг Гарри, почувствовав какое-то движение стоявшей рядом с ним Джинни, взглянул на нее. Чуть сузившиеся глаза Джинни не отрывались от Флер, которая, замерев, вглядывалась в Билла.

— Дамблдор погиб, — прошептал мистер Уизли, но миссис Уизли могла сейчас думать только о сыне. Она заплакала, слезы ее падали на изуродованное лицо Билла.

— Конечно, какая разница, как он выглядит… это н-не так уж и важно… но он был таким красивым м-мальчиком… всегда таким красивым… и с-собирался жениться!

— А это еще что такое? — внезапно и громогласно осведомилась Флер. — Что значит — соби'гался?

Миссис Уизли повернула к ней залитое слеза-

ми, испуганное лицо.

— Ну… только то…

— Думаете, Билл не захочет тепе'ть взять меня в жены? — гневно спросила Флер. — Думаете, 'газ его покусали, так он меня и 'газлюбит?

— Нет, я совсем не об этом…

— И п'гавильно, потому что он захочет и еще как! — заявила Флер, распрямляясь во весь рост и отбрасывая за спину длинную гриву белокурых волос. — Чтобы помешать Биллу любить меня, т'гебуется кое-что пок'гуче какого-то обо'готня!

— Да, да, конечно, — торопливо подтвердила миссис Уизли, — просто я думала, может быть… раз он теперь… то как же…

— Вы думали, что я не захочу за него выйти? — гневно раздувая ноздри, спросила Флер. — Что меня инте'гесует одна его внешность? По-моему, моей к'гасоты вполне хватит на нас обоих! А все эти ш'гамы показывают только, как отважен мой муж! Пустите, я сама! — яростно воскликнула она, отталкивая миссис Уизли и вырывая из ее рук мазь.

Миссис Уизли отпрянула назад, к мужу, и с растерянным видом наблюдала, как Флер обрабатывает раны Билла. Все молчали; Гарри не решался даже пошевелиться. Подобно всем

остальным, он ожидал какого-то взрыва.

— У нашей тетушки Мюриэль, — произнесла после долгой паузы миссис Уизли, — есть редкой красоты диадема… гоблинской работы… Я не сомневаюсь, что уговорю ее одолжить эту диадему вам на венчание. Знаете, она так любит Билла, а диадема очень пойдет вашим волосам.

— Спасибо, — чопорно ответила Флер. — Уве'гена, это будет к'гасиво.

А через миг — Гарри не успел даже заметить, как это произошло, — две женщины уже плакали, обнимая друг дружку. Гарри был совершенно сбит с толку и, гадая, не сошел ли весь мир с ума, огляделся по сторонам: Рон выглядел таким же ошеломленным, как он, Джинни и Гермиона обменивались изумленными взглядами.

— Видишь! — произнес сдавленный голос. Тонкс гневно взирала на Люпина. — Она все равно хочет выйти за него, пусть даже он и искусан! Ей наплевать на это!

— Тут другое, — едва шевеля губами, ответил напрягшийся вдруг Люпин. — Билл полным оборотнем не станет. Это два совершенно разных…

— Да мне-то что, какое мне дело? — воскликнула Тонкс, хватая Люпина за отвороты мантии и встряхивая его. — Я миллион раз говорила тебе…

Вот тут-то значение нового Патронуса Тонкс, ее получивших мышиный окрас волос, причина, по которой она бросилась искать Дамблдора, едва услышав, что Сивый снова на кого-то напал, — все это стало вдруг для Гарри совершенно ясным: выходит, Тонкс была влюблена вовсе не в Сириуса…

— А я миллион раз говорил тебе, — произнес Люпин, стараясь не встречаться с Тонкс взглядом, — что я слишком стар для тебя, слишком беден… слишком опасен…

— Сколько раз я тебе повторяла, Римус, ты ведешь себя просто смешно, — объявила миссис Уизли через плечо Флер, которую она продолжала гладить по спине.

— Ничего не смешно, — не сдавался Люпин. — Тонкс заслуживает кого-то помоложе и поздоровее.

— Да ведь нужен-то ей ты, — сказала, слабо улыбнувшись, миссис Уизли. — И в конце концов, Римус, человек молодой и здоровый вовсе не обязательно навсегда таким и останется.

И она печально повела рукой в сторону лежавшего между ними Билла.

— Сейчас… сейчас не время говорить об этом, — сказал Люпин, горестно обводя взглядом палату,

но избегая при этом чьих бы то ни было глаз. — Дамблдор мертв…

— Дамблдор был бы счастливее всех, зная, что в мире прибавилось хоть немного любви, — резко сказала профессор МакГонагалл, и при этих словах больничная дверь распахнулась снова — вошел Хагрид.

Та малая часть его лица, которую не закрывали борода и волосы, была мокрой, припухшей; Хагрида сотрясали рыдания, в руке он сжимал огромный грязный носовой платок.

— Я… я все сделал, профессор, — прерывающимся голосом сообщил он. — П-перенес его. Профессор Стебль отправила детишек назад, по постелям. Профессор Флитвик еще лежит, но, говорит, что враз поправится. А профессор Слизнорт сказал, что сообщил в Министерство.

— Спасибо, Хагрид, — ответила профессор МакГонагалл, сразу же встав и обернувшись, чтобы окинуть взглядом тех, кто теснился у койки Билла. — Когда министерские появятся здесь, мне придется объясняться с министром. Хагрид, будь добр, скажи деканам — Слизерин может пока представлять Слизнорт, — что мне необходимо немедленно увидеться с ними в моем кабинете. Буду рада, если к ним присоединишься и ты.

Хагрид кивнул, повернулся и, шаркая, покинул палату. Профессор МакГонагалл взглянула на Гарри:

— Перед тем как встретиться с деканами, я хотела бы коротко переговорить с вами, Гарри. Если вы согласитесь пройти со мной…

Гарри встал, пробормотал, обращаясь к Рону, Гермионе и Джинни: «Я быстро» — и вслед за профессором МакГонагалл вышел из палаты. Коридоры были пусты, только один звук долетал сюда — плач феникса. Прошло несколько минут, прежде чем Гарри понял, что направляются они в кабинет не МакГонагалл, а Дамблдора, и еще несколько секунд по-требовалось ему, чтобы сообразить: ну конечно, она же заместитель директора школы… а теперь, по-видимому, и директор… так что комната, охраняемая горгульей, принадлежит ей…

Они молча поднялись по винтовой лестнице и вошли в круглый кабинет. Гарри не знал, чего ему ожидать: может, того, что кабинет будет задрапирован черной тканью или что он увидит лежащее в нем тело Дамблдора. На деле же все выглядело почти таким, как несколько часов назад, когда они с Дамблдором уходили отсюда: на тонконогих столиках жужжали и попыхива-

ли серебряные приборы, в стеклянном ящике поблескивал под светом луны меч Гриффиндора, и Распределяющая шляпа лежала на полке за письменным столом. Вот разве насест Фоукса опустел, феникс продолжал выпевать свой плач над просторами замка. Да в череде портретов прежних директоров и директрис Хогвартса появился новый: в золоченой раме над столом неподвижно застыл Дамблдор — полукружия очков на крючковатом носу, спокойный, ничем не встревоженный взгляд.

Коротко глянув на него, профессор МакГонагалл сделала странное движение, словно собирая в кулак всю свою волю, затем обогнула стол и обратила к Гарри напряженное, нахмуренное лицо.

— Гарри, — сказала она, — мне нужно знать, чем вы и профессор Дамблдор занимались сегодня вечером, когда покинули школу.

— Этого я вам сказать не могу, профессор, — ответил Гарри. Он ждал ее вопроса, и ответ у него был готов. Вот здесь, в этой самой комнате, Дамблдор сказал ему, что он не должен рассказывать об их уроках никому, кроме Рона и Гермионы.

— Гарри, это может быть очень важным, — сказала профессор МакГонагалл.

— Так оно и есть, — отозвался Гарри, — это очень важно, но он не хотел, чтобы я кому-то об этом рассказывал.

Профессор МакГонагалл пристально вглядывалась в него.

— Поттер (Гарри отметил это новое обращение), профессор Дамблдор умер, и вы должны понимать, что ситуация несколько изменилась…

— Я так не думаю, — сказал, пожимая плечами, Гарри. — Профессор Дамблдор никогда не говорил мне, что в случае его смерти я вправе не выполнять больше его приказаний.

— Но…

— Впрочем, существует кое-что, о чем вам лучше узнать до того, как здесь появятся люди из Министерства. Мадам Розмерта находится под заклятием Империус, это она помогала Малфою и Пожирателям смерти, это с ее помощью ожерелье и отравленная медовуха…

— Розмерта? — с недоверием переспросила профессор МакГонагалл. Но прежде чем она успела сказать еще хоть слово, в дверь постучали и в кабинет робко вошли профессора Стебль, Флитвик и Слизнорт, за которыми следовал Хагрид. Лесничий по-прежнему горько плакал, содрогаясь всем своим огромным телом.

— Снегг! — воскликнул Слизнорт, выглядевший совершенно разбитым — он был бледен и обильно потел. — Снегг! Я же учил его! Думал, что хорошо его знаю!

Однако ответить ему никто не успел — волшебник с землистым лицом и короткой черной челкой, только что вернувшийся в пустую раму под потолком, резким голосом сообщил:

— Минерва, министр будет здесь с минуты на минуту он только что трансгрессировал из Министерства.

— Спасибо, Эдвард, — сказала профессор МакГонагалл и торопливо повернулась к преподавателям. — Прежде чем он сюда доберется, я хочу поговорить с вами о случившемся в Хогвартсе, — быстро сказала она. — Лично я не убеждена, что в следующем году школа откроется снова. Смерть директора от руки одного из наших коллег — это ужасное пятно на истории Хогвартса. Ужасное.

— Я уверен, Дамблдор желал бы, чтобы школа продолжала работать, — сказала профессор Стебль. — По моему убеждению, если хотя бы один ученик захочет приехать сюда, школа должна остаться открытой для него.

— Да, но сохранится ли у нас после случившегося хотя бы один ученик? — произнес Слизнорт,

промокая шелковым носовым платком потеющий лоб. — Родители захотят держать детей дома, и я не стану винить их в этом. Сам я не думаю, что в Хогвартсе нам угрожает большая опасность, чем где-то еще, но от матерей подобных мыслей ожидать не приходится. Они пожелают иметь своих детей под боком, это так естественно.

— Согласна, — сказала профессор МакГонагалл. — В любом случае нельзя утверждать, что Дамблдор никогда и в мыслях не имел ситуации, в которой Хогвартс может закрыться. Когда распечатали Тайную комнату, он подумывал о закрытии школы, — а должна сказать, убийство профессора Дамблдора представляется мне куда более пугающим, чем мысль о чудовище Слизерина, которое продолжает обитать где-то в недрах замка…

— Нам следует проконсультироваться с попечителями, — пропищал профессор Флитвик; на его лбу красовалась большая ссадина, но в остальном обморок в кабинете Снегга, похоже, никакого ущерба ему не нанес. — Необходимо придерживаться установленных процедур. Нельзя принимать решение впопыхах.

— А ты, Хагрид, так ничего и не сказал, — обратилась профессор МакГонагалл к лесничему. —

Как ты считаешь, должен ли Хогвартс работать по-прежнему?

Хагрид, все это время молча проплакавший в свой гигантский платок, поднял на нее покрасневшие, опухшие глаза и прохрипел:

— Я не знаю, профессор… это пускай деканы решают, ну и директор…

— Профессор Дамблдор всегда ценил твое мнение, — ласково произнесла профессор МакГонагалл, — как ценю его и я.

— Ну, я-то останусь, — ответил Хагрид. В уголках его глаз продолжали собираться крупные слезы, стекавшие в косматую бороду. — Тут мой дом, был дом, с тринадцати лет… А если кто из детишек захочет, чтоб я их учил, так я и буду. Вот только… не знаю… Хогвартс без Дамблдора…

Он гулко сглотнул и снова спрятал лицо за носовым платком. Наступило молчание.

— Ну хорошо, — сказала профессор МакГонагалл, поглядывая в окно, чтобы не пропустить появления министра, — в таком случае я должна согласиться с Филиусом — нам следует проконсультироваться с попечителями, они и примут окончательное решение… Теперь о доставке учеников домой… По-видимому, с этим лучше поторопиться. Мы могли бы, если понадобится,

подготовить «Хогвартс-экспресс» уже к завтрашнему дню…

— А как же похороны Дамблдора? — спросил Гарри, впервые за время совещания открыв рот.

— Ну… — ответила профессор МакГонагалл отчасти утратившим прежнюю деловитость тоном. — Я… я знаю, Дамблдор хотел покоиться здесь, в Хогвартсе…

— Значит, так и должно быть, верно? — горячо воскликнул Гарри.

— Если Министерство сочтет это уместным, — сказала профессор МакГонагалл. — Никто из директоров и директрис Хогвартса не был еще…

— Да никто из них и не сделал столько для школы, — проворчал Хагрид.

— Хогвартс должен стать местом последнего упокоения Дамблдора, — заявил профессор Флитвик.

— Полностью согласна, — подхватила профессор Стебль.

— А в таком случае, — сказал Гарри, — нельзя отправлять учеников по домам, пока не закончатся похороны. Они захотят…

Последнее слово застряло у Гарри в горле, но профессор Стебль закончила за него:

— Попрощаться.

— Верно, — пропищал профессор Флитвик. — Очень верно! Наши ученики должны принести ему дань уважения, это будет очень уместно. А потом мы организуем их отправку по домам.

— Поддерживаю, — отрывисто заявила профессор Стебль.

— Я полагаю… да… — взволнованно произнес Слизнорт, и Хагрид тоже придушенно всхлипнул в знак согласия.

— Он уже здесь, — внезапно сказала профессор МакГонагалл, выглянув в окно. — Министр… и, по-моему, с целой делегацией…

— Могу я уйти, профессор? — тут же спросил Гарри.

Он не имел никакого желания ни видеться сегодня с Руфусом Скримджером, ни отвечать на его расспросы.

— Можете, — ответила профессор МакГонагалл, — только быстро.

Она подошла к двери, придержала ее, выпуская Гарри. Он торопливо спустился по винтовой лестнице и побежал пустыми коридорами; мантия-невидимка осталась на Астрономической башне, но это значения не имело: в коридорах не было никого, кто мог бы его увидеть, — даже Филча, Миссис Норрис или Пивза. Он так и не

встретил ни единой души, пока не свернул в проход, ведущий к гостиной Гриффиндора.

— Это правда? — прошептала Полная Дама, когда он приблизился к ней. — Неужели правда? Дамблдор — мертв?

— Да, — ответил Гарри.

Она застонала и, не дожидаясь пароля, отступила в сторону, пропуская Гарри.

Как он и думал, гостиная была набита битком. Когда он выбрался из портретного проема, все замолчали. Гарри увидел Дина и Симуса, сидевших прямо у входа в окружении других учеников: значит, спальня должна быть пустой или почти пустой. Не говоря ни слова, не встречаясь ни с кем взглядом, Гарри пересек гостиную и скрылся за ведущей к спальням мальчиков дверью.

Рон сидел на своей кровати, не раздевшись и поджидая его. Гарри опустился на свою, какое-то время оба просто смотрели друг на друга.

— Они там обсуждают закрытие школы, — сказал Гарри.

— Люпин говорил, что так и будет, — отозвался Рон.

Они еще помолчали.

— Так что? — очень тихо, словно боясь, что их может подслушать мебель спальни, спросил

Рон. — Нашел ты его? Раздобыл? Этот… крестраж?

Гарри покачал головой. Происшедшее на черном озере казалось ему теперь давним ночным кошмаром — неужели все так и было, лишь несколько часов назад?

— Не добыл? — спросил сразу приунывший Рон. — Его там не было?

— Нет, — сказал Гарри. — кто-то уже забрал крестраж, оставив взамен подделку.

— Уже забрал?..

Гарри молча вытащил из кармана медальон, открыл его, протянул Рону. Подробный рассказ может подождать… сегодня это значения не имеет… ничто не имеет значения, кроме конца — конца их бессмысленного приключения, конца жизни Дамблдора…

— Р.А.Б. — прошептал Рон, — а кто это?

— Не знаю, — ответил Гарри, откинувшись прямо в одежде на постель и безучастно уставившись в потолок. Никакого любопытства по поводу этого Р.А.Б. он не испытывал, он вообще сомневался, что сможет еще когда-нибудь ощутить любопытство. Так, лежа на постели, он вдруг осознал, что над замком стоит тишина. Пение Фоукса прервалось.

И Гарри понял, не зная, как и почему, что феникса больше не будет, что он навсегда покинул Хогвартс, точно так же, как покинул школу и Дамблдор, как покинул он этот мир… как покинул Гарри.

Глава 30

БЕЛАЯ ГРОБНИЦА

Все уроки были отменены, экзамены отложены. В следующие два дня родители кое-кого из учеников поспешили забрать их из Хогвартса: близнецы Патил покинули школу на следующий после смерти Дамблдора день, еще до завтрака; Захарию Смита увез из замка его надменный отец. С другой стороны, Симус Финниган напрочь отказался уехать с матерью домой, они долго и громко переругивались в вестибюле и в конце концов решили, что она останется в школе до похорон. Найти в Хогсмиде свободную постель ей оказалось трудновато — Симус сказал Гарри и Рону, что в деревню съезжаются волшебники и волшебницы, пожелавшие проститься с Дамблдором.

Среди учеников помладше, еще не видевших этого дива, немалое волнение вызвала белая с синим карета величиною с дом, запряженная дюжиной огромных крылатых коней с белыми гривами; она прилетела вечером накануне похорон и опустилась с небес на опушку Леса. Гарри

видел в окно, как по ее ступеням сошла огромная, красивая женщина с черными волосами и оливковой кожей — сошла и бросилась в ожидавшие ее объятия Хагрида. Тем временем в замке разместилась делегация чиновников Министерства во главе с самим министром магии. Гарри старательно уклонялся от встречи с любым из них, он не сомневался, что рано или поздно с него снова потребуют отчета о последней отлучке Дамблдора из Хогвартса.

Гарри, Рон, Гермиона и Джинни в эти дни почти не разлучались. Чудесная погода словно смеялась над ними. Гарри представлял себе, как все было бы, если бы Дамблдор не погиб и они проводили конец учебного года вместе — Джинни уже сдала бы экзамены, с домашними заданиями было бы покончено… Теперь же Гарри час за часом откладывал то, что обязан был сказать и сделать, — слишком трудно было отказаться от того, что стало для него главным источником утешения.

Дважды в день они навещали больницу: Невилла выписали, однако Билл так и оставался на попечении мадам Помфри. Шрамы его лучше не стали — Билл приобрел явственное сходство с Грозным Глазом Грюмом, хоть и сохранил, к сча-

стью, обе ноги и оба глаза; впрочем, внутренне он остался, судя по всему, прежним. Только одно в нем изменилось — Билл проникся любовью к непрожаренным бифштексам.

— Значит, и хо'гошо, что он на мне женится, — радостно щебетала Флер, взбивая подушки Билла, — я всегда гово'гила, б'гитанцы пе'геде'гживают мясо на плите.

— Похоже, мне придется просто смириться с тем, что он и вправду на ней женится, — вздохнула под вечер этого дня Джинни, сидя с Гарри, Роном и Гермионой у открытого окна гостиной Гриффиндора, глядя в окутывавшие замок сумерки.

— Не так уж она и плоха, — заметил Гарри. — Некрасивая, правда, — торопливо прибавил он, увидев, как поползли вверх брови Джинни; она неохотно улыбнулась в ответ.

— Ладно, если маме удастся это пережить, переживу и я.

— Что, еще кто-нибудь из знакомых помер? — спросил Рон у Гермионы, просматривавшей «Вечернего пророка».

Натужная грубость его тона заставила Гермиону поморщиться.

— Нет, — сердито ответила она и сложила газе-

ту. — Снегга ищут, но никаких результатов…

— Ну еще бы, — сказал Гарри, выходивший из себя всякий раз, как всплывала эта тема. — Чтобы найти Снегга, нужно сначала найти Волан-де-Морта, а поскольку они за все это время так и не смогли…

— Пойду-ка я спать, — зевнула Джинни. — Никак не высплюсь с тех пор, как… ладно… в общем, поспать не помешает.

Она поцеловала Гарри (Рон демонстративно отвернулся), помахала рукой брату и Гермионе и удалилась в сторону девичьих спален. Как только за ней закрылась дверь, Гермиона с самым что ни на есть гермионистым выражением лица склонилась к Гарри.

— Гарри, я этим утром кое-что откопала в библиотеке…

— Р.А.Б.? — вытягиваясь в струнку, спросил Гарри.

Он не испытывал больше чувств, так часто обуревавших его в прошлом — волнения, любопытства, жгучей жажды до конца разобраться в тайне; он просто понимал, что, прежде чем ему удастся хоть немного продвинуться вперед по темному, извилистому пути, на который они с Дамблдором вступили и который теперь он

должен будет пройти один, необходимо узнать всю правду о замененном подделкой крестраже. Крестражи еще таились где-то, их вполне могло быть четыре, и каждый требовалось найти и уничтожить, прежде чем появится хотя бы малая возможность покончить с Волан-де-Мортом. Гарри мысленно повторял их названия — так, словно само перечисление крестражей делало их достижимыми: «Медальон… чаша… змея… что-то принадлежавшее Гриффиндору или Когтеврану… Медальон… чаша… змея… что-то принадлежавшее Гриффиндору или Когтеврану…»

Эта мантра день и ночь пульсировала в сознании Гарри; его сны были наполнены чашами, медальонами и таинственными предметами, до которых он никак не мог дотянуться, хоть Дамблдор, стараясь помочь, и протягивал Гарри веревочную лестницу, — едва Гарри начинал взбираться по ней, лестница превращалась в змей…

Записку, лежавшую в медальоне, он показал Гермионе на следующее утро после гибели Дамблдора, и хоть ей не удалось сразу определить по инициалам малоизвестного волшебника из тех, о ком она когда-то читала, с той поры Гермиона бегала в библиотеку гораздо чаще любого учени-

ка, которому нужно было написать домашнюю работу.

— Нет, — удрученно ответила она. — Я старалась, Гарри, но так ничего и не нашла… Есть парочка довольно известных волшебников с подходящими инициалами — Розалинда Антигона Бочкис и Руперт «Ампутатор» Брукстэнтон, но они нам не подходят. Судя по записке, похититель крестража знал Волан-де-Морта, а ни малейших доказательств того, что Бочкис или Ампутатор когда-либо имели с ним дело, я не нашла… Нет, если честно, я говорю… ну, в общем, о Снегге.

Даже упоминание этого имени явно заставляло ее нервничать.

— И что? — горько осведомился Гарри, снова оседая в кресло.

— Ну, я вроде как была права в той истории с Принцем-полукровкой, — осторожно произнесла Гермиона.

— Тебе обязательно тыкать меня в это носом? Ты что, не понимаешь, какие чувства она у меня теперь вызывает?

— Нет, Гарри, я о другом! — торопливо воскликнула Гермиона и поозиралась вокруг, проверяя, не слышит ли их кто. — Права я была в том, что книга когда-то принадлежала Эйлин Принц. По-

нимаешь… она была матерью Снегга!

— А мне казалось, на нее и смотреть-то было противно, — сказал Рон. Гермиона оставила его без внимания.

— Я перерыла все остальные старые номера «Пророка» и наткнулась на крошечное объявление о том, что Эйлин Принц выходит замуж за человека по имени Тобиас Снегг, а несколько позже сообщалось, что она произвела на свет…

— …убийцу! — выпалил Гарри.

— Ну… да, — подтвердила Гермиона. — Так что отчасти я была права. Снегг мог гордиться тем, что он «наполовину Принц», понимаешь? Судя по напечатанному в «Пророке», Тобиас Снегг был маглом.

— Да, все сходится, — сказал Гарри. — Он разыгрывал чистокровного волшебника, чтобы втереться в компанию Люциуса Малфоя и прочих… совсем как Волан-де-Морт. У матери кровь чистая, отец — магл… оба стыдились родителей, старались внушить людям страх, пользуясь Темными искусствами, выдумали для себя звучные имена — лорд Волан-де-Морт, Принц-полукровка… Как же Дамблдор не догадался?..

Гарри замолчал, глядя в окно. Никак ему не удавалось отогнать от себя мысли о непрости-

тельном доверии, которое Дамблдор питал к Снеггу… хотя, как нечаянно напомнила ему Гермиона, и он, Гарри, ничуть не меньше доверял… Несмотря на то что нацарапанные на полях заклинания становились все страшнее, он отказывался плохо думать о мальчике, который был так умен, так сильно ему помогал…

Помогал… Сейчас мысль об этом была почти непереносимой…

— Я все-таки не понимаю, почему он не выдал тебя, никому не сказал, что ты используешь эту книгу? — произнес Рон. — Он должен был знать, откуда ты все берешь.

— А он и знал, — с горечью сказал Гарри. — Понял, когда я ударил Малфоя Сектумсемпрой. Никакая легилименция не потребовалась… А мог понять и раньше — по рассказам Слизнорта о моих блестящих успехах в зельеварении. Не стоило ему оставлять свой старый учебник в том шкафу, верно?

— Да, но почему он тебя не выдал?

— Думаю, не хотел, чтобы его как-то связали с этой книгой, — сказала Гермиона. — Услышь о ней Дамблдор, ему бы это очень не понравилось. И даже если бы Снегг сделал вид, что не имеет к ней отношения, Слизнорт мигом узнал бы его

почерк. Да и в любом случае — книга лежала в шкафу прежнего класса Снегга, а Дамблдор, готова поспорить, знал, что фамилия его матери Принц.

— Я должен был отдать книгу Дамблдору, — сказал Гарри. — Сколько раз он показывал мне, что Волан-де-Морт уже в школе был олицетворением зла, а я держал в руках доказательство, что и Снегг таков же…

— «Зло» слишком сильное слово, — негромко произнесла Гермиона.

— Ты же и твердила мне, что эта книга опасна!

— Я о другом, Гарри, ты чрезмерно винишь себя. Я считала, что у Принца отвратительное чувство юмора, но мне и в голову не приходило, что он — потенциальный убийца…

— Да и никто из нас не догадывался, что Снегг… ну, сам знаешь, — прибавил Рон.

Они замолчали, каждый ушел в свои мысли, но Гарри не сомневался, что друзья его, как и он, думают о завтрашнем утре, когда тело Дамблдора обретет последний покой. На погребении Гарри никогда еще не бывал — после гибели Сириуса не осталось тела, которое можно было похоронить. Он не знал, чего ему ожидать, и немного тревожился из-за того, что может увидеть и какие им

овладеют чувства. И гадал, сделают ли похороны смерть Дамблдора более реальной для него. Были минуты, когда ужас этой смерти грозил раздавить его, но их сменяли часы пустого оцепенения, в которые (даже несмотря на то, что никто в замке ни о чем другом не говорил) ему было трудно поверить, что Дамблдора действительно больше нет. Впрочем, Гарри не пытался, как это было после гибели Сириуса, найти какую-то мысленную лазейку, какой-то способ уверить себя, что Дамблдор может вернуться. Он лишь нащупывал в кармане цепочку поддельного крестража, который носил теперь с собой повсюду, — не в виде талисмана, а как напоминание о том, что ему еще осталось сделать.

Утром следующего дня Гарри встал пораньше, чтобы уложить вещи, — «Хогвартс-экспресс» уходил через час после похорон. Сойдя вниз, он нашел Большой зал притихшим. Все надели парадные мантии, голода никто не испытывал. Похожее на трон кресло, что стояло в середине преподавательского стола, профессор МакГонагалл оставила незанятым. Пустовало и кресло Хагрида: скорее всего, подумал Гарри, он не смог заставить себя явиться на завтрак. Зато в кресле Снегга бесцеремонно восседал Руфус Скримджер.

Гарри старался не встречаться с обшаривавшими зал желтыми глазами министра — он испытывал неприятное чувство, что Скримджер высматривает именно его. В свите министра Гарри заметил рыжие волосы и роговую оправу очков Перси Уизли. Рон ничем не показывал, что знает о присутствии брата, только вилкой в селедку тыкал с редкостным озлоблением.

За столом Слизерина негромко переговаривались Крэбб с Гойлом. При всей их массивности, в отсутствие сидящего между ними заводилы — высокого, бледного Малфоя — оба выглядели странно одинокими. О Малфое Гарри в эти дни почти не вспоминал. Но хоть все помыслы его и занимал Снегг, Гарри не забыл о страхе, прозвучавшем тогда, на башне, в голосе Малфоя, как не забыл и того, что перед самым появлением Пожирателей смерти Драко свою палочку опустил. Гарри не верил, что Малфой мог убить Дамблдора. Он, как и прежде, питал к Малфою неприязнь за его приверженность Темным искусствам, но к неприязни теперь примешивалась толика жалости. Гарри думал, где сейчас Малфой и что заставляет его делать Волан-де-Морт, угрожая убить и Драко, и его родителей?

Джинни прервала размышления Гарри, толк-

нув его локтем в бок. Профессор МакГонагалл встала из-за стола, и нестройное, скорбное перешептывание, наполнявшее зал, мгновенно стихло.

— Пора, — сказала профессор МакГонагалл. — Пожалуйста, выходите из замка следом за своими деканами. Гриффиндорцы, за мной.

Все покинули свои скамьи почти в полном молчании. Во главе колонны слизеринцев Гарри заметил Слизнорта, одетого в величественную изумрудно-зеленую мантию с серебряным шитьем. Да и профессора Стебль, декана Пуффендуя, он никогда еще не видел так чисто одетой: ни единого пятнышка не сидело на ее шляпе. В вестибюле они обнаружили мадам Пинс, стоявшую рядом с Филчем, — она в густой черной вуали до колен, он в стареньком черном костюме и галстуке, от которого веяло нафталином.

Выйдя из парадных дверей на каменное крыльцо, Гарри понял, что направляются они к озеру. Теплый свет солнца ласкал его лицо, пока все безмолвно следовали за профессором МакГонагалл туда, где были рядами расставлены сотни стульев. Посередине ряды разделял проход, а перед самым первым возвышался мраморный стол. День выдался самый что ни на есть прекрасный,

летний.

Половину стульев уже заняли люди самые необычайные — старые и молодые, кто в сильно поношенном, кто в щегольском платье. Большинства их Гарри не знал, но были среди них и знакомые, в том числе члены Ордена Феникса: Кингсли Бруствер, Грозный Глаз Грюм, Тонкс, чьи волосы чудесным образом превратились в ярко-розовые, Римус Люпин (он и она держались, кажется, за руки), мистер и миссис Уизли, Билл, которого осторожно поддерживала Флер, а сразу за ними Фред и Джордж в куртках из черной драконовой кожи. Здесь были и мадам Максим, занявшая сразу два с половиной стула, и Том, владелец «Дырявого котла», и соседка Гарри, сквиб Арабелла Фигг, и волосатый басист из волшебной группы «Ведуньи», и водитель автобуса «Ночной рыцарь» Эрни Прэнг, и мадам Малкин, торгующая в Косом переулке мантиями, и еще какие-то люди, которых Гарри знал только в лицо — бармен из «Кабаньей головы» или волшебница, возившая по «Хогвартс-экспрессу» тележку с закусками. Присутствовали и замковые привидения, едва различимые в ярком солнечном свете, увидеть их можно было, лишь когда они шевелились, нереально мерцая в сверкающем воздухе.

Гарри, Рон, Гермиона и Джинни уселись в конце одного из рядов, ближе к озеру. Люди перешептывались, отчего казалось, будто легкий ветерок ворошит траву, однако громче всего звучало пение птиц. Толпа продолжала разрастаться; Гарри заметил Невилла, помогавшего усесться Полумне, и почувствовал прилив нежности. Из всего ОД только эти двое и откликнулись в ночь смерти Дамблдора на призыв Гермионы, и Гарри знал почему: именно им ОД не хватало больше всего, только они, быть может, раз за разом проверяли свои монеты, надеясь, что отряд соберется снова…

Направляясь к передним рядам, мимо прошел Корнелиус Фадж — лицо жалкое, в руках его обычный зеленый котелок; следом Гарри увидел Риту Скитер и с отвращением отметил, что ее пальцы с красными ногтями привычно сжимают блокнот; а затем — Гарри даже вздрогнул от гнева — на глаза ему попалась Долорес Амбридж с притворно горестным выражением на жабьей физиономии, с черным бархатным бантиком на отливающих сталью кудряшках. Заметив кентавра Флоренца, застывшего, точно часовой, у кромки воды, она дернулась и поспешила занять место подальше от него.

Наконец расселись и преподаватели. Гарри увидел Скримджера, который с мрачным и достойным видом сидел в первом ряду рядом с профессором МакГонагалл, и подумал: так ли уж сожалеет министр да и все эти важные шишки о смерти Дамблдора? Но тут заиграла музыка, странная, неземная, и Гарри, забыв о неприязни к Скримджеру огляделся по сторонам, пытаясь понять, откуда она доносится. Не только он — многие беспокойно вертели головами, отыскивая источник музыки.

— Вон там, — шепнула ему на ухо Джинни.

И тогда он увидел их: в нескольких дюймах под поверхностью чистой, зеленоватой, просвеченной солнцем воды хор водяного народа, жутко похожего на инферналов, пел на странном, неведомом ему языке. Мертвенно-бледные лица певцов были подернуты рябью, вокруг плавали лиловые волосы. От музыки у Гарри волосы встали дыбом, однако неприятной она не была. Музыка ясно говорила об утрате и горе. И, глядя в нездешние лица певцов, Гарри понимал, что уж они-то, по крайней мере, о гибели Дамблдора горюют. Тут Джинни снова толкнула его локтем, и он оторвал от них взгляд.

По проходу между стульями медленно ше-

ствовал Хагрид. Лицо его блестело от слез, он безмолвно плакал, неся в руках, как сразу понял Гарри, тело Дамблдора, завернутое в темно-фиолетовый с золотыми звездами бархат. От этого зрелища горло Гарри сдавила острая боль; странная музыка и сознание того, что тело Дамблдора находится от него так близко, казалось, на миг лишили летний день всякого тепла. Рон побелел, выглядел потрясенным. На колени Джинни и Гермионы падали слезы.

Что происходит впереди, Гарри ясно не видел. Вроде бы Хагрид осторожно опустил тело на стол. Потом отступил в проход и трубно высморкался, заслужив несколько возмущенных взглядов, одним из которых, заметил Гарри, наградила Хагрида Долорес Амбридж Гарри знал, что Дамблдор на него не обиделся бы. Гарри ласково кивнул Хагриду, когда тот проходил мимо, возвращаясь назад, но глаза лесничего опухли настолько, что оставалось лишь удивляться, как он вообще что-нибудь видит перед собой. Гарри обернулся — взглянуть на задний ряд стульев, к которому направлялся Хагрид, — и понял, кто служит ему путеводным маяком: там сидел великан Грохх, облаченный в пиджак и брюки размером с большой шатер; он смиренно, почти по-человечески

склонил огромную, уродливую, похожую на валун голову. Когда Хагрид примостился рядом со сводным братом и Грохх похлопал его по голове, ножки стула под Хагридом провалились в землю. Гарри подавил на миг охватившее его желание рассмеяться. Тем временем музыка смолкла, и он обратил взгляд к мраморному столу.

Маленький человечек с клочковатыми волосами и в простой черной мантии поднялся на ноги и встал перед телом Дамблдора. Что он говорит, Гарри расслышать не мог. Лишь отдельные слова долетали к нему поверх сотен голов. «Благородство духа»… «интеллектуальный вклад»… «величие души»… — все это мало что значило для Гарри. К Дамблдору, которого знал он, слова эти почти никакого отношения не имели. Гарри вспомнил вдруг, как волшебник попросил однажды разрешения произнести несколько слов: «олух», «пузырь», «остаток», «уловка» — и снова с трудом подавил улыбку… Да что это с ним сегодня?

Слева донесся тихий плеск, и Гарри увидел, что водяной народ повысовывался из озера, чтобы тоже послушать прощальное слово. Он вспомнил, как Дамблдор два года назад присел у кромки воды, совсем рядом с местом, где сидел сейчас

Гарри, и по-русалочьи беседовал с предводительницей водяных. Интересно, где Дамблдор выучил их язык? Как много осталось такого, о чем он ни разу не спросил старого волшебника, как много не сказали они друг другу…

И тогда, без предупреждения, на него навалилась страшная правда, полная и неоспоримая: Дамблдор мертв, его больше нет… Гарри с такой силой стиснул холодный медальон, что поранил ладонь, но и это не остановило горячих слез, которые брызнули из его глаз. Он отвернулся от Джинни, от всех, и смотрел поверх озера на Лес; человечек у стола все еще лопотал, а Гарри заметил вдруг какое-то движение среди деревьев. Кентавры… Они тоже пришли проститься с Дамблдором. Из-под деревьев кентавры не вышли, но Гарри видел, как они тихо стоят, опустив луки и глядя на волшебников. И ему вспомнился его первый, похожий на ночной кошмар поход в Лес, первая встреча с существом, которым был тогда Волан-де-Морт, лицо этого существа и происшедший вскоре затем разговор с Дамблдором о том, что сражаться необходимо, даже потерпев поражение в борьбе. «Главное — сражаться, — сказал тогда Дамблдор, — снова и снова, только так можно остановить зло, пусть даже истребить

его до конца никогда не удастся…»

И, сидя здесь, под жарким солнцем, Гарри вдруг совершенно отчетливо увидел, что рядом с ним стоят люди, которым он был необходим: мать, отец, крестный и Дамблдор; каждый был полон решимости защитить его, однако теперь с этим покончено. Теперь он никому не позволит встать между ним и Волан-де-Мортом, пора проститься с иллюзией, от которой ему следовало отказаться еще годовалым, отбросить веру в то, что руки родителей способны оградить его от любой беды. От этого ночного кошмара пробуждения не будет, не будет утешительного шепота, уверяющего, что он в безопасности, что все это лишь плод его воображения. Последний и величайший из его защитников мертв, и теперь он одинок, как никогда прежде.

Человечек в черном наконец-то умолк и вернулся на свой стул. Гарри ожидал, что кто-то еще встанет у тела, кто-то еще, быть может, министр произнесет речь, но нет, никто не двинулся с места.

Потом вскрикнуло сразу несколько голосов. Яркое белое пламя полыхнуло, охватив тело Дамблдора и стол, на котором оно лежало. Языки пламени вздымались все выше и выше, заслоняя

собой тело. Белый дым винтом поднялся в небо, создавая очертания странных фигур. Сердце Гарри словно остановилось на миг, ему показалось, что он увидел радостно уносящегося в синеву феникса, но в следующую секунду огонь погас. Там, где он только что бился, стояла белая мраморная гробница, укрывшая в себе и тело Дамблдора, и стол, на котором оно покоилось.

Снова испуганные крики — целая туча стрел взвилась в воздух, но все они упали на землю, не долетев до толпы. То было, понял Гарри, последнее прощание кентавров: повернувшись к волшебникам спинами, они уже уходили в древесную прохладу. И подобно им, водяной народ тоже медленно опустился в зеленоватую воду и скрылся из глаз.

Гарри взглянул на Джинни, Рона и Гермиону: Рон морщился, словно ослепленный солнечным светом, лицо Гермионы блестело от слез, но Джинни больше не плакала. Она смотрела на Гарри таким же пронзительным, горящим взглядом, какой он увидел, когда Джинни обняла его после того, как гриффиндорцы выиграли в его отсутствие Кубок по квиддичу и Гарри осознал: в это мгновение они понимают друг друга до конца, и когда он скажет Джинни, что собирается

сделать, она не ответит: «Будь осторожен» или «Не делай этого», но примет его решение, потому что ничего другого от него и не ждет. И он наконец собрался с духом, чтобы сказать ей то, что был обязан сказать с той самой минуты, когда погиб Дамблдор.

— Джинни, послушай, — негромко произнес он под все нараставший шумок разговоров, которые уже заводили поднимавшиеся со стульев люди. — Я не могу быть рядом с тобой. Нам нельзя больше встречаться. Мы не можем быть вместе.

Она ответила со странной, кривой улыбкой:

— И все это по какой-то дурацкой, возвышенной причине, так?

— Последние несколько недель, проведенных с тобой, были… они словно принадлежали другой жизни, — сказал Гарри. — Но я не могу… мы не можем… есть вещи, которые я должен сделать один.

Она не заплакала, просто смотрела на него.

— Волан-де-Морт использует людей, которые дороги его врагам. Один раз он уже сделал из тебя приманку, и только потому, что ты сестра моего лучшего друга. Подумай, какая опасность будет грозить тебе, если все между нами останется по-прежнему. Он ведь узнает, он выяснит это.

И попытается добраться до меня, воспользовавшись тобой.

— А если мне все равно? — с силой спросила Джинни.

— Мне не все равно, — ответил Гарри. — Что, по-твоему, я чувствовал бы, если бы это были твои похороны… и по моей вине…

Джинни отвернулась, взглянула на озеро.

— Я никогда не переставала думать о тебе, — сказала она. — Просто не могла. Всегда надеялась… Гермиона твердила мне, что я должна жить собственной жизнью, может быть, встречаться с другими, что так я смогу почувствовать себя рядом с тобой более свободной, я ведь и рта в твоем присутствии открыть не могла, помнишь? Она считала, что, если я стану, ну хотя бы немножко, собой, то и ты будешь обращать на меня чуть больше внимания.

— Гермиона у нас умница, — попытавшись выдавить улыбку, сказал Гарри. — Как жаль, что я не подошел к тебе гораздо раньше. У нас было бы столько времени… месяцы… может быть, годы…

— Так ты же был занят, ты все спасал и спасал волшебный мир, — чуть усмехнувшись, отозвалась Джинни. — Ладно, не могу сказать, что ты меня удивил. Я знала, рано или поздно это про-

изойдет. Знала, что ты не будешь счастлив, пока не настигнешь Волан-де-Морта. Может быть, поэтому ты так мне и нравишься.

Слышать эти слова и думать о том, что, если он и дальше будет сидеть рядом с Джинни, от решимости его мало что останется, Гарри было не по силам. Он оглянулся — Рон уже обнимал Гермиону плакавшую на его плече, — слезы капали с конца ее длинного носа. Махнув Джинни на прощание, Гарри встал, повернулся спиной и к ней, и к гробнице Дамблдора и пошел вокруг озера. Двигаться все-таки легче, чем сидеть на месте, — точно так же, как лучше поскорее вступить на путь, ведущий к крестражам и смерти Волан-де-Морта, чем ждать, когда тебе представится такая возможность…

— Гарри!

Он обернулся. По берегу к нему торопливо приближался, припадая на трость и прихрамывая, Руфус Скримджер.

— Я надеялся, что смогу переговорить с вами… Вы не против, если мы немного пройдемся вместе?

— Нет, — безразлично ответил Гарри и двинулся дальше.

— Ужасная трагедия, Гарри, — негромко про-

изнес Скримджер. — Даже сказать вам не могу, как напугало меня известие о ней. Дамблдор был великим волшебником. Мы не во всем с ним сходились, вы это знаете, однако никто лучше меня не понимал…

— Чего вы хотите? — уныло спросил Гарри. Скримджера этот вопрос немного раздосадовал, но он быстро вернул своему лицу выражение скорбного понимания.

— Разумеется, вы подавлены, — сказал он. — Я же знаю, вас связывали с Дамблдором очень близкие отношения. Думаю, вы были самым любимым его учеником. Узы, которые соединяли вас…

— Чего вы хотите? — повторил Гарри и остановился.

Скримджер тоже остановился, оперся на трость и уставился на Гарри, теперь лицо его выражало лишь трезвую расчетливость.

— Говорят, когда он в ночь своей смерти покидал школу, вы были с ним?

— Кто говорит? — спросил Гарри.

— После гибели Дамблдора кто-то поразил на башне заклятием одного из Пожирателей смерти.

А кроме того, метел там было две. В Министер-

стве умеют считать, Гарри.

— Рад слышать об этом, — сказал Гарри. — Ну так вот, где я был с Дамблдором и чем мы там занимались, это мое дело. Он не хотел, чтобы об этом кто-либо знал.

— Подобную преданность можно только приветствовать, — сказал Скримджер, который, похоже, с трудом сдерживал раздражение, — но Дамблдор мертв, Гарри. Он нас покинул.

— Дамблдор покинет школу, только когда в ней не останется никого, кто ему предан, — невольно улыбнувшись, ответил Гарри.

— Дорогой мой, даже Дамблдору не по силам возвратиться из…

— Я и не говорю, что ему это по силам. А, ладно, вы все равно не поймете. Ну так вот, сказать вам мне нечего.

Скримджер поколебался, потом произнес тоном, который ему, надо полагать, представлялся деликатным:

— Министерство готово предложить вам любую защиту, Гарри. Я с удовольствием отдал бы в ваше распоряжение пару моих мракоборцев…

Гарри рассмеялся:

— Волан-де-Морт хочет убить меня, и никакие мракоборцы его не остановят. Поэтому благодарю

за предложение, но — спасибо, не надо.

— Стало быть, — теперь уже холодно осведомился Скримджер, — просьба, с которой я обратился к вам на Рождество…

— Какая просьба? А да — чтобы я рассказывал всем, как замечательно вы работаете, в обмен на…

— Это позволило бы укрепить моральный дух сообщества! — резко оборвал его Скримджер.

Гарри с секунду вглядывался в него.

— Стэна Шанпайка вы так и не выпустили?

Скримджер густо побагровел, обретя вдруг разительное сходство с дядей Верноном.

— Я вижу, вы…

— Целиком и полностью человек Дамблдора, — подсказал Гарри. — Совершенно верно.

Несколько мгновений Скримджер гневно взирал на него, затем развернулся и молча захромал обратно. Гарри увидел, что Перси и прочие чиновники из министерской делегации поджидают его, бросая нервные взгляды на рыдающих Хагрида и Грохха, которые так и остались сидеть на своих стульях. А к Гарри спешили Рон с Гермионой, уже разминувшиеся с топавшим в противоположном направлении Скримджером. Гарри повернулся и медленно пошел дальше, ожидая, когда друзья

нагонят его, что они наконец и сделали — в тени бука, под которым все трое нередко сиживали в более счастливые времена.

— Чего хотел Скримджер? — шепотом спросила Гермиона.

— Того же, что и на Рождество, — пожал плечами Гарри. — Получить от меня секретные сведения о Дамблдоре и обзавестись для Министерства новым рекламным мальчиком.

С секунду Рон, казалось, пытался справиться с обуревавшими его чувствами, а затем громко сказал Гер-мионе:

— Слушай, я сбегаю, дам Перси по морде!

— Нет, — твердо ответила она и ухватила его за руку.

— А мне бы так полегчало!

Гарри рассмеялся. Даже Гермиона слабо улыбнулась, но стоило ей взглянуть на замок, и лицо ее вновь потемнело.

— Как подумаешь, что мы сюда можем и не вернуться… — тихо сказала она. — Ну как можно закрыть Хогвартс?

— Глядишь, еще и не закроют, — отозвался Рон. — Дома не безопаснее, чем здесь, верно? Сейчас повсюду одно и то же. Я бы даже сказал, что в Хогвартсе лучше, в нем столько волшебни-

ков, способных его защитить. Ты как считаешь, Гарри?

— Я не вернусь в школу, даже если она откроется снова, — ответил Гарри.

Рон вытаращил глаза, а Гермиона лишь печально сказала:

— Я ждала от тебя этих слов. Но что ты собираешься делать?

— Загляну еще разок к Дурслям, так хотел Дамблдор, — ответил Гарри. — Но не надолго, после этого я покину их навсегда.

— И куда ты отправишься, если не в школу?

— Думаю вернуться в Годрикову Впадину, — негромко сказал Гарри. Мысль эта сидела у него в голове еще с той ночи, когда погиб Дамблдор. — Для меня все началось именно там. И мне все время кажется, что я должен в ней побывать. Да и могилы родителей навестить хочется.

— А потом? — спросил Рон.

— Потом займусь поисками оставшихся крестражей, — ответил Гарри, глядя на белую гробницу Дамблдора, отражавшуюся в воде по другую сторону озера. — Он хотел этого от меня, потому и рассказал мне о них все. Если Дамблдор был прав — а я в этом не сомневаюсь, — где-то еще спрятаны четыре крестража. Мне нужно найти их и

уничтожить, а после взяться за седьмой обломок души Волан-де-Морта, за тот, что сидит в его теле, потому что именно я должен его убить. И если по пути мне подвернется Северус Снегг, — прибавил он, — тем лучше для меня и хуже для него.

Наступило долгое молчание. Толпа уже почти рассеялась, последние из скорбящих, уходя, по широкой дуге огибали монументального Грохха, по-прежнему обнимавшего Хагрида, горестные стенания которого разносились эхом над озерной водой.

— Мы будем с тобой, Гарри, — сказал Рон. — Что?

— В доме твоих дяди с тетей, — сказал Рон. — И потом, куда бы ты ни отправился.

— Нет… — быстро возразил Гарри. На это он никак не рассчитывал, он хотел внушить друзьям, что собирается идти своим опаснейшим путем в одиночку.

— Ты говорил нам когда-то, — тихо промолвила Гермиона, — что у нас есть время отступиться, если мы того захотим. Мы этим временем не воспользовались, верно?

— Мы с тобой, что бы ни случилось, — сказал Рон. — Но только, дружок, прежде чем отправляться куда-то еще, даже в Годрикову Впадину,

тебе придется заглянуть к маме с папой.

— Зачем?

— Ты про свадьбу Билла и Флер, случаем, не забыл?

Гарри ошеломленно уставился на него — то, что на свете еще существуют такие нормальные вещи, как свадьба, казалось ему и невероятным, и чудесным.

— Да, уж ее-то мы пропустить не вправе, — сказал он.

Его ладонь машинально сомкнулась на ложном крестраже, но несмотря на все, несмотря на темный, извилистый путь, ожидавший его впереди, несмотря на последнюю встречу с Волан-де-Мортом, которая, знал Гарри, состоится наверняка — через месяц, год или десять лет, — при мысли о том, что ему еще предстоит провести с Роном и Гермионой последний счастливый и мирный день, на сердце у него полегчало.

Гарри Поттер и Дары смерти

О, род, недужный род!
Не заживает рана,
Не высыхает кровь!
О, горя нескончаемая боль!
О, злая тяжесть муки бесконечной!

Пусть дом ни от кого
Не ждет целебных зелий.
Он сам себя спасет
Кровавою враждой.
О том поют
Согласным хором боги преисподней.

Так внемлите мольбам, помогите беде,
Этим детям, о боги подземных глубин,

Ниспошлите им, боги, победу!

Эсхил. Жертва у гроба

Смерть пересекает наш мир подобно тому, как дружба пересекает моря, — друзья всегда живут один в другом. Ибо их потребность друг в друге, любовь и жизнь в ней всесущи. В этом божественном стекле они видят лица друг друга, и беседа их столь же вольна, сколь и чиста. Таково утешение дружбы, ибо хотя о них и можно сказать, что им предстоит умереть, все же их дружба и единение существуют, в наилучшем из смыслов, вечно, поскольку и то и другое бессмертно.

Уильям Пенн. Новые плоды одиночества[2]

[2] Примечания: 2
Перевод С. Апта.

Гарри Поттера ждет самое страшное испытание в жизни — смертельная схватка с Волан-де-Мортом. Ждать помощи не от кого — Гарри одинок как никогда.

Друзья и враги Гарри предстают в совершенно неожиданном свете.

Граница между Добром и Злом становится все призрачнее…

В седьмой, финальной книге, Джоан Кэтлин Ролинг раскрывает все магические тайны!

Глава 1

ВОЗВЫШЕНИЕ ТЕМНОГО ЛОРДА

Эти двое, появившись словно бы ниоткуда, пару секунд простояли в нескольких шагах друг против друга на узкой, освещенной луной тропе. Стояли не шевелясь, наставив один в грудь другого волшебные палочки, а затем, когда каждый понял, кто перед ним, убрали палочки под мантии и торопливо двинулись в одном направлении.

— Есть новости? — спросил тот, что был выше ростом.

— Самые лучшие, — ответил Северус Снегг.

Вдоль тропы шли слева низкие кусты дикой ежевики, а справа — высокая ухоженная живая изгородь. Длинные мантии мужчин колыхались, заплетаясь вокруг лодыжек.

— Я уж боялся, что опоздаю, — сказал Якслi, грубое лицо которого то освещалось светом луны, пробивавшимся между нависшими над тропой ветвями, то снова погружалось во тьму. — Дорога оказалась труднее, чем я ожидал. Впрочем, надеюсь, он будет доволен. Вы и вправду думаете, что

прием нас ожидает хороший?

Снегг кивнул, однако в подробности вдаваться не стал. Они повернули направо, на широкую подъездную дорожку, в которую уперлась тропа. Живая изгородь, повернувшая вместе с ними, вскоре оборвалась у высоких кованых ворот, преградивших двум мужчинам путь.

Однако они не замедлили шага: оба молча подняли в подобии приветствия левые руки и прошли сквозь темный, словно обратившийся перед ними в дымку тумана металл.

Теперь звуки их шагов заглушались тянувшимися по обеим сторонам дорожки густыми тисами. Справа послышалось какое-то шуршание. Якслі снова извлек из-под мантии палочку, повел ею над головой своего спутника, но источником шума оказался всего лишь белый павлин, величаво вышагивавший по тисовой изгороди.

— А он всегда умел недурно устраиваться, наш Люциус. Павлины… — фыркнул Якслі, пряча под мантию палочку.

В конце прямой дорожки вырос из темноты большой, красивый загородный дом с мерцавшим в ромбовидных окнах первого этажа светом. Где-то в темном парке журчал за тисовой изгородью фонтан. Гравий похрустывал под ногами

Снегга и Якслы, торопливо шагавших к парадным дверям, которые при их приближении распахнулись будто сами собой.

Почти весь каменный пол просторного, тускло освещенного и прекрасно убранного вестибюля покрывал толстый ковер. Снегг и Якслы пересекли его, провожаемые взглядами бледных людей, изображенных на висевших по стенам портретах. Двое мужчин на миг остановились, замявшись, у тяжелой деревянной двери, ведущей в следующую комнату, затем Снегг повернул бронзовую ручку.

Гостиную заполняли безмолвные люди, сидевшие вокруг длинного, пышно изукрашенного стола. Вся прочая мебель была бесцеремонно сдвинута к стенам. Освещало гостиную пламя, ревевшее в мраморном камине, над которым висело большое зеркало в резной золоченой оправе. Снегг и Якслы немного помедлили на пороге. Глаза их, постепенно привыкавшие к тусклому освещению, были прикованы к самой странной из особенностей этой комнаты: к безжизненному, судя по всему, человеческому телу, которое висело вниз головой над столом и медленно кружилось, словно на невидимой веревке, отражаясь и в зеркале, и в полированной поверхности стола.

Никто из сидевших за столом на тело не смотрел, кроме бледного юноши, расположившегося почти прямо под ним. Похоже, он не мог удержаться от того, чтобы примерно раз в минуту не бросить на него взгляд.

— Яксли, Снегг, — произнес высокий, звонкий голос того, кто сидел во главе стола. — Еще немного, и вы опоздали бы.

Сказавший это сидел перед самым камином, отчего двум вошедшим в гостиную мужчинам было поначалу трудно различить что-либо, кроме общего его силуэта. Однако по мере их приближения лицо его выступало из мрака — голое, змееподобное, с узкими прорезями вместо ноздрей и блестящими красными глазами с вертикалями зрачков. Бледен он был до того, что казался светящимся, точно жемчуг.

— Северус, сюда! — приказал Волан-де-Морт, указывая на кресло справа от себя. — Яксли — рядом с Долоховым.

Двое мужчин заняли названные им места. Большинство сидевших за столом провожали глазами Снегга — к нему первому и обратился Волан-де-Морт:

— Итак?

— Мой Лорд, Орден Феникса намеревается пере-

вести Гарри Поттера из нынешнего его укрытия в субботу, при наступлении вечера.

Это известие пробудило в сидевших вокруг стола интерес почти осязаемый: одни замерли, другие заерзали — и все не отрывали глаз от Снегга и Волан-де-Морта.

— В субботу… при наступлении вечера… — повторил Волан-де-Морт. Красные глаза его вглядывались в черные глаза Снегга с такой неистовой силой, что некоторые из смотревших на них предпочли отвести взгляды, опасаясь, похоже, обратиться под ее воздействием в пепел. Снегг, однако же, смотрел в лицо Волан-де-Морта спокойно, и спустя секунду-другую безгубый рот его господина искривился в подобии улыбки. — Хорошо. Очень хорошо. И сведения эти получены…

— Из источника, о котором мы с вами говорили, — сказал Снегг.

— Мой Лорд. — Якслi склонился над длинным столом, вглядываясь в Волан-де-Морта и Снегга. Все повернулись к нему. — Я слышал иное, мой Лорд.

Якслi замолк, ожидая ответа, однако Волан-де-Морт не произнес ни слова, и Якслi продолжил:

— Долиш, мракоборец, обмолвился мимоходом,

что Поттер не стронется с места до тридцатого, до вечера, который предшествует его семнадцатилетию.

Снегг улыбнулся:

— Мой источник сообщает, что существует несколько планов, направленных на то, чтобы сбить нас с толку. Полагаю, это один из них. На Долиша наверняка наложено заклятие Конфундус. И уже не впервые — давно известно, что он легко поддается этому заклятию.

— Уверяю вас, мой Лорд, Долиш говорил с полной уверенностью, — сказал Якcли.

— При таком заклятии это вполне естественно, — отозвался Снегг. — Уверяю вас, Якcли, Мракоборческий центр уже не имеет никакого отношения к защите Гарри Поттера. Орден считает, что в Министерстве полным-полно наших агентов.

— В кои-то веки и Орден оказался прав, а? — произнес сидевший неподалеку от Якcли коренастый мужчина и издал хриплый смешок, эхом раскатившийся вдоль стола.

Волан-де-Морт даже не усмехнулся. Он возвел взгляд к телу, медленно вращавшемуся над столом, и, казалось, погрузился в раздумья.

— Мой Лорд, — продолжал Якcли, — Долиш

уверен в том, что для перемещения мальчишки будут задействованы все силы мракоборцев…

Волан-де-Морт поднял большую белую ладонь, и Якси смолк — ему осталось лишь с обидой смотреть, как его хозяин снова обращается к Снеггу:

— Где они собираются спрятать мальчишку теперь?

— В доме одного из членов Ордена, — ответил Снегг. — Согласно моему источнику, это место ограждено всеми средствами защиты, какие имеются в распоряжении Ордена и Министерства. Думаю, мой Лорд, надежды взять его там у нас практически нет, если, конечно, Министерство не падет до следующей субботы. Это даст нам возможность найти дом и снять с него столько чар, что мы сможем прорваться внутрь.

— Ну-с, Якси, — Волан-де-Морт взглянул вдоль стола красными глазами, в которых причудливо играл горевший в камине огонь, — успеет ли Министерство пасть до следующей субботы?

И снова все повернулись к Якси. Тот расправил плечи:

— Мой Лорд, на этот счет у меня есть хорошие новости. Мне удалось, хоть и ценой огромных усилий, наложить заклятие Империус на Пия

Толстоватого.

У многих из тех, кто сидел вокруг Якси, округлились глаза, а его сосед, Долохов, мужчина с длинным, кривым лицом, хлопнул Якси по спине.

— Хорошее начало, — сказал Волан-де-Морт. — Однако Толстоватый — всего лишь один человек. Прежде чем я вступлю в игру, необходимо окружить Скримджера нашими людьми. Даже одна неудавшаяся попытка покушения на жизнь министра сильно отбросит меня назад.

— Да, мой Лорд, это верно, но вы же знаете, Толстоватый возглавляет Отдел обеспечения магического правопорядка и постоянно контактирует не только с министром, но и с главами всех прочих отделов Министерства. Я думаю, что теперь мы, получив контроль над чиновником столь высокого ранга, сможем подчинить себе и других, а они совместными усилиями свалят Скримджера.

— Если только нашего друга Пия не разоблачат до того, как он завербует всех остальных, — сказал Волан-де-Морт. — В любом случае вероятность того, что Министерство станет моим до следующей субботы, мала. И если мы не сможем достать мальчишку в его новом укрытии, придется сде-

лать это, когда он будет перебираться туда.

— Тут у нас имеется преимущество, мой Лорд, — заявил Якслi, решивший, похоже, любой ценой добиться хоть какой-нибудь похвалы. — В Отдел магического транспорта уже внедрено несколько наших агентов. Если Поттер трансгрессирует или попытается воспользоваться Сетью летучего пороха, мы узнаем об этом сразу.

— Он не сделает ни того ни другого, — сказал Снегг. — Орден остерегается любого вида транспорта, находящегося в ведении или под контролем Министерства, да и вообще не доверяет ничему, что хоть как-то с ним связано.

— Тем лучше, — сказал Волан-де-Морт. — Ему придется передвигаться в открытую. А значит, нам будет легче взять его. — И, снова подняв взгляд к медленно вращавшемуся телу, он продолжил: — Я займусь мальчишкой лично. Во всем, что связано с Гарри Поттером, допущено слишком много промахов. Некоторые из них были моими. Мальчишка жив благодаря скорее моим ошибкам, чем собственным победам.

Теперь те, кто сидел вокруг стола, вглядывались в Волан-де-Морта со страхом, поскольку каждый опасался услышать обращенные именно к нему обвинения в том, что Гарри Поттер все еще жив.

Однако Волан-де-Морт, казалось, разговаривал скорее с собой, чем с ними, по-прежнему глядя на безжизненное тело, висевшее над столом.

— Я был небрежен и потому позволял препятствовать мне удаче и случаю, которые способны срывать исполнение даже наилучших планов. Теперь я понимаю то, чего не понимал прежде. Я должен стать тем, кто убьет Гарри Поттера, и я им стану.

При этих словах (и, похоже, в ответ на них) внезапно раздался вопль — страшный, протяжный крик страдания и боли. Многие из сидевших за столом испуганно уставились в пол, поскольку звук этот исходил из-под их ног.

— Хвост, — сказал Волан-де-Морт все так же негромко и задумчиво, по-прежнему не отрывая взгляда от тела над столом, — разве я не говорил тебе, что наш пленник должен вести себя тихо?

— Да, м-мой Лорд, — выдохнул маленький человечек, сидевший в середине стола, съежившись в своем кресле так, что оно казалось на первый взгляд пустующим. Он сполз на пол и торопливо выскочил из комнаты, оставив за собой странное серебристое свечение.

— Как я уже сказал, — продолжал Волан-де-Морт, обводя взглядом застывшие лица своих

приспешников, — теперь мне многое стало ясно. Например, прежде чем я отправлюсь убивать Поттера, мне придется позаимствовать у одного из вас палочку.

На всех лицах отразилось только одно — ужас, как будто он объявил, что хочет позаимствовать чью-то руку.

— Добровольцы отсутствуют? — осведомился Волан-де-Морт. — Ну что же… Люциус, я не вижу причин, по которым тебе может в дальнейшем понадобиться твоя палочка.

Люциус Малфой поднял на него взгляд. Кожа Люциуса казалась в свете камина желтоватой, восковой, запавшие глаза его были обведены чернотой. Он хрипло переспросил:

— Мой Лорд?

— Твоя палочка, Люциус. Я хочу получить твою палочку.

— Я…

Малфой искоса взглянул на жену. Она, такая же бледная, как муж, смотрела прямо перед собой, длинные светлые волосы свисали ей на спину. Ее тонкие пальцы на краткий миг сжали под столом запястье Люциуса. Ощутив это прикосновение, Малфой сунул руку под мантию, вытащил палочку и протянул ее Волан-де-Морту, который поднес

палочку к своим красным глазам и внимательно осмотрел.

— Из чего она?

— Из вяза, мой Лорд, — прошептал Малфой.

— А внутри?

— Драконовая… сердечная жила дракона.

— Хорошо, — произнес Волан-де-Морт. Он достал собственную палочку, сравнил их длины.

Люциус Малфой произвел невольное движение — на долю секунды могло показаться, что он надеется получить от Волан-де-Морта его палочку в обмен на свою. Глаза Волан-де-Морта, заметившего это движение, злобно расширились.

— Отдать тебе мою палочку, Люциус? Мою палочку?

За столом кто-то хихикнул.

— Я вернул тебе свободу, Люциус. По-твоему, этого мало? Впрочем, я заметил, что и ты, и твои домочадцы в последнее время выглядите не очень счастливыми… Тебе что-то не нравится в том, что я присутствую в вашем доме, Люциус?

— Ничего, мой Лорд, совсем ничего!

— Какая ложь, Люциус…

Шипение, послышавшееся в негромком голосе Волан-де-Морта, казалось, продолжалось и после того, как его жесткий рот замер. Оно становилось

все громче, и один или двое волшебников не сумели подавить охватившую их дрожь — что-то тяжелое заскользило по полу под столом.

И вот в кресло Волан-де-Морта начала забираться огромная змея. Она поднималась и поднималась, представляясь бесконечной, пока наконец не улеглась Волан-де-Морту на плечи. Шея у нее была толщиной с бедро мужчины, глаза с вертикальными прорезями зрачков не мигали. Волан-де-Морт, не отрывая взгляда от Люциуса Малфоя, рассеянно погладил эту тварь длинными, тонкими пальцами.

— Почему это вы, Малфои, выглядите недовольными своей участью? Разве вы многие годы не твердили, что жаждете моего возвращения, моего прихода к власти?

— Разумеется, мой Лорд, — ответил Люциус Малфой. Рука, которой он отер пот со своей верхней губы, дрожала. — Мы жаждали этого — и жаждем сейчас.

Замершая слева от него супруга кивнула, странно и натужно, и перевела взгляд с лица Волан-де-Морта на змею. Справа от Люциуса его сын, Драко, то и дело поглядывавший на висевшее над ним безжизненное тело, бросил на Волан-де-Морта быстрый взгляд и отвел его в

сторону, боясь встретиться со своим господином глазами.

— Мой Лорд, — произнесла сдавленным от охвативших ее чувств голосом смуглая женщина, которая сидела чуть дальше от Волан-де-Морта, — то, что вы здесь, в нашем родовом поместье, честь для нас. Большей радости быть просто не может.

Она сидела рядом с сестрой, нисколько на нее не похожая, — ни темными волосами, ни тяжелыми веками, ни осанкой, ни манерами. Нарцисса сидела прямо и бесстрастно, между тем как Беллатриса склонялась над столом к Волан-де-Морту так, точно одних только слов было мало, чтобы выразить ее желание полнейшей близости к нему.

— Большей радости, — повторил Волан-де-Морт, немного склонив голову набок и вглядываясь в лицо Беллатрисы. — Из твоих уст, Беллатриса, такие слова значат немало.

Лицо ее залила краска, глаза наполнились слезами счастья.

— Мой Лорд знает, что я говорю чистую правду!

— Большей радости быть просто не может… Даже в сравнении со счастливым событием, ко-

торое, как я слышал, произошло на этой неделе в вашей семье?

Беллатриса, приоткрыв рот, уставилась на него в явном недоумении.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, мой Лорд.

— Я говорю о твоей племяннице, Беллатриса. И о вашей, Люциус и Нарцисса. Она ведь только что вышла замуж за оборотня, за Римуса Люпина. Вы, должно быть, очень гордитесь этим.

Все, кто сидел за столом, глумливо загоготали. Многие склонились друг к другу, обмениваясь насмешливыми взглядами, некоторые застучали по столу кулаками. Огромная змея, раздраженная этим шумом, открыла пасть и сердито зашипела, однако Пожиратели смерти ее не услышали — до того обрадовало их унижение, которому подверглись Беллатриса и Малфои. Лицо Беллатрисы, совсем недавно светившееся от счастья, пошло уродливыми багровыми пятнами.

— Она не племянница нам, мой Лорд! — воскликнула Беллатриса, перекрикивая веселый гам. — После того как наша сестра вышла замуж за грязнокровку, мы — Нарцисса и я — ни разу не виделись с ней. Ее отродье не имеет ни с кем из нас ничего общего, как и животное, за которое она выскочила замуж.

— А что скажешь ты, Драко? — спросил Волан-де-Морт, и хотя голос его был тих, он легко перекрыл улюлюканье и глумливый гогот. — Ты как — будешь нянчиться с ее щенками?

Веселый гомон усилился. Драко Малфой в ужасе взглянул на отца, уставившегося себе в колени, потом поймал взгляд матери. Та почти неприметно качнула головой и снова уставилась непроницаемым взглядом в стену напротив.

— Довольно, — проронил, поглаживая рассерженную змею, Волан-де-Морт. — Довольно.

И смех мгновенно стих.

— Многие из древнейших наших семейных древес со временем заболевают, — сказал он. Беллатриса, затаив дыхание, умоляюще смотрела на него. — Вам придется подрезать ваше, чтобы оно выздоровело, не так ли? Отсечь ветви, которые угрожают здоровью всего дерева.

— Да, мой Лорд, — прошептала Беллатриса, и глаза ее снова наполнились слезами благодарности. — При первой же возможности!

— Ты ее получишь, — сказал Волан-де-Морт. — И в вашей семье, и во всем мире… мы обязаны уничтожать пятнающую нас заразу, пока не останутся только те, в чьих жилах течет чистая кровь.

Волан-де-Морт поднял палочку Люциуса Малфоя, наставил ее на медленно вращавшуюся над столом фигуру, слегка повел палочкой. Фигура ожила, застонала и забилась, как будто пытаясь порвать незримые путы.

— Ты узнаешь нашу гостью, Северус? — осведомился Волан-де-Морт.

Снегг поднял взгляд к перевернутому лицу. И все Пожиратели смерти уставились вверх, на пленницу, словно получив наконец разрешение проявить любопытство. Как только лицо несчастной повернулось к огню, она произнесла надтреснутым, полным ужаса голосом:

— Северус! Помогите!

— Да, разумеется, — произнес Снегг, едва лицо ее снова медленно отворотилось в сторону.

— А ты, Драко? — спросил Волан-де-Морт, поглаживая не занятой палочкой рукой голову змеи.

Драко резко потряс головой. Теперь, когда женщина очнулась, он, казалось, не мог больше смотреть на нее.

— Ну да, ты же не ходил на ее уроки, — сказал Волан-де-Морт. — К сведению тех из вас, кто с ней незнаком, у нас гостит сегодня Чарити Бербидж, состоявшая до недавнего времени преподавательницей в школе чародейства и волшебства

Хогвартс.

Вдоль стола пронесся шумок одобрительного понимания. Полная, сутуловатая женщина с заостренными зубами захихикала:

— Да, профессор Бербидж сообщала детям чародеев и волшебников сведения о маглах… Объясняла, что они не так уж и сильно отличаются от нас…

Один из Пожирателей смерти плюнул на пол. Чарити Бербидж снова повернулась лицом к Снеггу:

— Северус… пожалуйста… пожалуйста…

— Молчать! — Волан-де-Морт снова взмахнул палочкой Малфоя, и Чарити умолкла, словно ей в рот засунули кляп. — Однако грязнить и развращать сознание детей чародеев профессору Бербидж было мало, поэтому на прошлой неделе она напечатала в «Ежедневном пророке» страстную статью, посвященную защите грязнокровок. Волшебники, говорит она, должны принять в свои объятия этих людишек, крадущих наши знания и нашу магию. Вырождение нашей чистой породы, уверяет профессор Бербидж, есть вещь самая желательная… она была бы лишь рада, если бы все мы спаривались с маглами… или же, вне всяких сомнений, с оборотнями…

На этот раз никто не засмеялся, ибо в голосе Волан-де-Морта звучали безошибочно узнаваемые гнев и презрение. Чарити Бербидж в третий раз повернулась лицом к Снеггу. Из глаз её струились, стекая на волосы, слезы. Снегг безразлично смотрел на ее лицо, снова отворачивавшееся от него.

— Авада Кедавра!

Полыхнул зеленый свет, осветив каждый угол гостиной.

Чарити рухнула на стол, ударившись о него с такой силой, что он затрясся и затрещал. Несколько Пожирателей смерти отпрянули, прижавшись к спинкам своих кресел. Драко и вовсе упал на пол.

— Кушать подано, Нагайна, — негромко произнес Воланде-Морт, и огромная змея соскользнула с его плеч на полированную поверхность стола.

Глава 2

ПАМЯТИ УСОПШЕГО

Кровь все текла и текла. Сжимая правую руку левой и негромко ругаясь, Гарри толкнул плечом дверь своей комнаты. И тут же услышал хруст раздавленного ногой фарфора: он наступил на стоявшую прямо перед дверью чашку давно остывшего чая.

— Какого…

Гарри оглянулся, но лестничная площадка дома номер четыре по Тисовой улице была пуста. Надо полагать, чашка чаю перед дверью отвечала представлениям Дадли о мине-ловушке. Держа кровоточащую руку над головой, Гарри сгреб другой рукой осколки фарфора и ссыпал их в стоявшую прямо за дверью, едва различимую в сумерках мусорную корзину. А потом протопал в ванную комнату, чтобы сунуть порезанный палец под кран.

Глупо, бессмысленно, обидно, что еще четыре дня нельзя колдовать… Впрочем, вряд ли он справился бы с порезом своими силами. Лечить раны он так и не научился, и это — если вспомнить о

его ближайших планах — серьезный пробел в полученном им магическом образовании. Поставив в уме галочку — надо бы выяснить у Гермионы, как это делается, — Гарри отодрал большой ком туалетной бумаги, протер им пол в коридоре, собрав столько пролитого чая, сколько смогла впитать бумага, а затем вернулся в спальню и захлопнул за собой дверь.

Это утро Гарри провел, опустошая свой школьный чемодан, — впервые с тех пор, как он уложил его шесть лет назад. В начальные годы учебы Гарри просто выгребал из него примерно три четверти содержимого, заменяя его новыми вещами и оставляя на дне разного рода мусор: старые гусиные перья, сушеные жучиные глаза, лишившиеся пары и ставшие маловатыми носки. Так вот, несколько минут назад Гарри сунул во всю эту муть правую руку и вдруг ощутил острую боль в безымянном пальце, а вытянув руку наружу, увидел, как из него течет, и течет сильно, кровь.

Дальше Гарри действовал с большей осторожностью. Опустившись на колени, он порылся на дне чемодана, нашел старый значок, на котором потускневшая надпись: «СЕДРИКА ПОДДЕРЖИМ — ОН НАСТОЯЩИЙ ЧЕМПИОН» — еще сменялась время от времени другой, столь же потускнев-

шей: «ГАРРИ ПОТТЕР, ТЫ СМЕРДЯК», потертый и потрескавшийся вредноскоп и золотой медальон со спрятанной в нем запиской от Р. А. Б., и наконец отыскал то, что рассадило ему палец. И сразу узнал его. Это был осколок — длиной в два дюйма — зачарованного зеркала, которое подарил ему покойный крестный отец, Сириус. Гарри отложил осколок в сторону, осторожно ощупал чемодан, Пытаясь отыскать еще какие-нибудь остатки этого подарка, однако, кроме стеклянной пыли, прилипшей к прочему сору и поблескивавшей, подобно песочку, ничего не нашел.

Гарри присел на корточки, осмотрел повредивший ему палец осколок, но, кроме отражения собственных ярких зеленых глаз, ничего в нем не увидел. Тогда он положил осколок поверх лежавшего на кровати утреннего номера «Ежедневного пророка» и попытался стряхнуть с себя вызванные находкой разбитого зеркала горестные воспоминания и печаль, занявшись остатками мусора, покрывавшего дно чемодана.

На разбор его ушел еще час. Гарри выбрасывал то, от чего никакой пользы уже точно не будет, складывал в две кучки вещи, которые еще могли, хотя бы теоретически, пригодиться. Школьная форма, костюм, в котором он выходил

на игру в квиддич, пергамент, перья и большая часть учебников грудой легли в углу комнаты, где им и предстояло остаться. Интересно, как поступят с ними дядя и тетка? Наверное, сбагрят куда-нибудь в самый темный час ночи, будто улики, свидетельствующие о некоем злодейском преступлении. Свою магловскую одежду, мантию-невидимку, набор для приготовления зелий, кое-какие книги, подаренный Хагридом альбом с фотографиями, пачку писем и волшебную палочку Гарри уложил в старый рюкзачок. В наружный карман его пошла Карта Мародеров и медальон с запиской от Р. А. Б. Это почетное место медальон получил не по причине его ценности, которой он, собственно говоря, и не обладал, но по причине цены, которую пришлось за него заплатить.

В итоге осталось разобраться лишь с объемистой кипой газет, лежавшей на столе рядом с белой совой Гарри, Буклей. Газет было ровно столько, сколько дней провел он этим летом на Тисовой улице.

Гарри поднялся с пола, потянулся, подошел к столу. Букля не шелохнулась. Он начал перебирать газеты, отбрасывая номер за номером на груду ненужного мусора. Сова спала или притворялась спящей — она сердилась на Гарри за то,

что в последнее время он выпускал ее из клетки лишь ненадолго.

Когда газет осталось совсем немного, Гарри начал перебирать их с несколько большим вниманием — ему нужен был номер, пришедший почти сразу после его приезда сюда, тот, на первой странице которого коротко сообщалось об отставке преподававшей в Хогвартсе магловедение Чарити Бербидж. И наконец он этот номер нашел. Открыв его на десятой странице, Гарри уселся за стол, чтобы перечитать статью, которую искал.

Элфиас Дож

ПАМЯТИ АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА

Я познакомился с Альбусом в одиннадцать лет, в первый наш хогвартсовский день. Приязнь, возникшая между нами, несомненно, объяснялась тем, что в школе мы оба ощущали себя чужаками. Я перед самым приездом туда переболел драконовой оспой, и, хотя был уже незаразен, моя рябая, зеленоватого оттенка физиономия популярности мне среди учеников отнюдь не прибавляла. Что касается Альбуса, он появился в Хогвартсе обремененным нежелательной известностью. Едва ли не за год до того отца Альбуса, Персиваля, посадили в тюрьму за жестокое, подробно описанное

в прессе нападение на трех молодых маглов.

Альбус никогда не пытался отрицать, что его отец (которому предстояло скончаться в Азкабане) повинен в этом преступлении. Напротив, когда я набрался храбрости и спросил его о случившемся, он сказал, что считает отца повинным в преступлении. Однако рассказывать что-либо об этом прискорбном инциденте Дамблдор отказывался, хоть многие и пытались втянуть его в такой разговор. Кое-кто склонен был восхвалять поступок его отца, полагая, что и Альбус тоже ненавидит маглов. Но они сильно заблуждались. Всякий, кто знал Альбуса, подтвердит, что он не питал к маглам даже малейшей неприязни. На самом деле из-за решительных выступлений в защиту прав маглов Альбус нажил в дальнейшем немало врагов.

Впрочем, прошло лишь несколько месяцев, и известность, приобретенная Альбусом, затмила известность его отца. К концу первого учебного года его уже называли не сыном маглоненавистника, но ни больше ни меньше как самым блестящим учеником, какого когда-либо видела наша школа. Те из нас, кому выпала честь стать его друзьями, приобрели очень многое, всего лишь наблюдая за ним, — не говоря уж о помощи

и поддержке, на которые он никогда не скупился. Много позже он признался мне, что даже тогда считал работу учителя величайшей радостью в жизни.

Альбус не только получал все почетные награды, какие были учреждены школой, очень скоро он вступил в деятельную переписку с самыми знаменитыми волшебниками того времени, включая прославленного алхимика Николаса Фламеля, известного историка Батильду Бэгшот и теоретика магии Адальберта Уоффлинга. Несколько написанных им статей были приняты к публикации такими научными журналами, как «Трансфигурация сегодня», «Проблемы чароведения» и «Практика зельеварения». Все полагали, что Дамблдора ожидает блестящая и стремительная карьера, единственный вызывавший споры вопрос состоял в том, когда именно он станет министром магии. В последующие годы часто ходили разговоры, что он вот-вот займет этот пост, однако подобного рода амбиций Дамблдор никогда не имел.

Через три года после нашего поступления в Хогвартс в школе появился и брат Альбуса, Аберфорт. Особым сходством они не отличались. Аберфорт не был большим книгочеем и,

в отличие от Альбуса, предпочитал разрешать разногласия не разумной беседой, а дуэлью. Было бы, однако, совершенно неверным полагать, как делали многие, что дружбы между братьями не существовало. Они ладили друг с другом в той мере, в какой это возможно для столь несхожих юношей. К тому же, если говорить со всей прямотой, жизнь в тени Альбуса была для Аберфорта испытанием не самым простым. Неизменное превосходство Альбуса даже для его друзей оборачивалось своего рода травмой, а уж для брата оно было тем более неприятным.

Выйдя из Хогвартса, мы с Альбусом собрались отправиться вместе в традиционное странствие по белому свету — посетить заграничных волшебников, понаблюдать за их работой, а уже после этого начать наши собственные карьеры. Однако нам помешала трагедия. Перед самым началом задуманного нами путешествия скончалась мать Альбуса, Кендра, оставив его главой и единственным кормильцем семьи. Я отложил свой отъезд на срок, достаточный для того, чтобы почтить память Кендры присутствием на ее похоронах, а затем отправился в странствие, теперь уже одиночное. О том, чтобы не получивший в наследство сколько-нибудь значительных средств

Альбус, на попечении которого остались к тому же младшие брат и сестра, сопровождал меня, теперь не могло быть и речи.

В ту пору мы с ним общались мало. Я писал Альбусу, рассказывая и, быть может, тем самым раня его, о приключениях, которые мне случилось пережить во время путешествия — начиная с чудесного спасения от греческих Химер и кончая экспериментами египетских алхимиков. Его же письма мало говорили мне о повседневной жизни Альбуса, бывшей, догадывался, угнетающе тусклой для такого блестящего волшебника. Поглощенный новыми впечатлениями, я уже в конце своего занявшего целый год странствия с ужасом узнал о новой происшедшей в семье Дамблдоров трагедии: о смерти Арианы, сестры Альбуса.

Ариана давно уже не отличалась особым здоровьем, однако кончина ее, наступившая спустя столь недолгое время после смерти матери, стала ударом, который оставил глубокий след в душах ее братьев. Все близкие к Альбусу люди — а я считаю себя одним из этих счастливцев — согласны в том, что смерть Арианы, в которой Альбус считал повинным себя (хотя, разумеется, никакой вины на нем не было), оставила на его личности

неизгладимый отпечаток.

Возвратившись домой, я встретился с молодым человеком, пережившим страдания, которые нечасто выпадают на долю и людям более зрелого возраста. Вдобавок к прочим его несчастьям, смерть Арианы вовсе не сблизила Альбуса и Аберфорта еще сильнее, но, напротив, привела к их отчуждению. (Со временем оно сгладилось, в последующие годы им удалось восстановить отношения, если и не самые близкие, то, по крайней мере, сердечные.) Однако с тех пор Альбус очень редко говорил и о своих родителях, и об Ариане, да и друзья его сознавали, что о них лучше не упоминать.

Найдется немало других перьев, которые опишут его последующие триумфы. Неизмеримым вкладом Дамблдора в сокровищницу магического знания (здесь довольно упомянуть об открытых им двенадцати способах применения крови дракона) будут пользоваться себе во благо еще поколения и поколения чародеев, как и мудрыми решениями, которые он принимал, исполняя обязанности Верховного чародея Визенгамота. Многие и по сей день считают, что в истории не было дуэли волшебников, способной сравниться с той, что состоялась в 1945 году между

Дамблдором и Грин-де-Вальдом. Те, кто был ее свидетелями, описывают ужас и благоговение, которые они испытывали, наблюдая за битвой этих несравненных чародеев. Победа Дамблдора и ее последствия для всего волшебного сообщества считаются поворотной точкой магической истории, сравнимой только с введением Международного статута о секретности или падением Того-Кого-Нелъзя-Называтъ.

Альбус Дамблдор никогда не был гордецом или тщеславцем, он умел находить нечто ценное в любом человеке, сколь бы незначительным или жалким тот ни казался, и я думаю, что утраты, которые он пережил в ранние годы, наделили его великой человечностью и способностью к состраданию. Я не стану даже и пытаться описать, до чего мне будет не хватать его дружбы, однако моя потеря — ничто в сравнении с той, которую понесло волшебное сообщество. Не приходится сомневаться в том, что Дамблдор был самым ярким и любимым из всех директоров Хогвартса. Он умер, как и жил: трудясь во имя общего блага, и до последнего своего часа сохранил способность протянуть руку помощи мальчишке, переболевшему драконовой оспой, — способность, которая была присуща ему еще в тот день, когда я впер-

вые встретил его.

Гарри дочитал некролог до конца, но так и продолжал вглядываться в сопровождавший его портрет. Дамблдор улыбался с него знакомой доброй улыбкой, однако его глаза, смотревшие поверх полукружий очков, казалось, просвечивали Гарри — даже глядя с газетной страницы — насквозь, и оттого печаль соединялась в юноше с ощущением униженности.

Он думал, будто хорошо знает Дамблдора, но уже при первом прочтении некролога вынужден был сказать себе, что не знает о нем почти ничего. Ни единого раза не попытался он представить себе, каким был Дамблдор в детстве или в юности. Дамблдор словно бы и родился таким, каким знал его Гарри, — почтенным старцем с гривой серебристых волос. Вообразить его подростком — это казалось столь же странным, как вообразить Гермиону дурой, а соплохвоста исполненным добродушия.

Гарри никогда и в голову не приходило расспрашивать Дамблдора о его прошлом. Конечно, такие расспросы представлялись ему, мальчишке, странными и даже дерзкими, но ведь все же знали о легендарной дуэли Дамблдора с Грин-де-Вальдом, а между тем Гарри и не по-

думал спросить старика ни о том, на что она походила, ни об иных его прославленных достижениях. Нет, они всегда разговаривали о Гарри — о прошлом Гарри, о будущем Гарри, о планах Гарри… И теперь ему казалось, несмотря на всю опасность и ненадежность его будущего, что он упустил невозвратимую возможность, ни разу не попросив Дамблдора побольше рассказать о себе — даже при том, что на единственный личный вопрос, какой он задал старику, тот, как подозревал Гарри, дал ответ далеко не искренний:

«Что вы видите, когда смотрите в зеркало?»

«Я? Я вижу себя, держащего в руке пару толстых шерстяных носков».

Проведя несколько минут в таких размышлениях, Гарри вырвал из «Пророка» некролог, аккуратно сложил его и засунул в первый том «Практического руководства по магической защите от Темных искусств». Потом он бросил газету в кучу мусора и обернулся, чтобы еще раз оглядеть комнату. Теперь она выглядела намного опрятнее. Единственный непорядок составлял в ней сегодняшний номер «Ежедневного пророка», лежавший вместе с осколком зеркала на кровати.

Гарри пересек комнату, сдвинул с газеты оско-

лок и развернул ее. Получив сегодня утром от почтовой совы свернутый в трубку номер, он лишь взглянул на украшавший первую страницу заголовок и отметил про себя, что о Волан-де-Морте в нем ничего не сказано. Гарри был уверен — Министерство старается не допустить распространения новостей о Волан-де-Морте и «Пророк» помогает ему в этом. И только теперь он обнаружил то, чего не заметил с первого взгляда.

Поперек нижней половины страницы над фотографией снятого на ходу Дамблдора шел заголовок поменьше:

ДАМБЛДОР. НАКОНЕЦ-ТО ВСЯ ПРАВДА?

На следующей неделе выйдет в свет шокирующий рассказ о небезупречном гении, которого многие считают величайшим волшебником его поколения. Срывая привычную всем маску невозмутимого сребробородого мудреца, Рита Скитер описывает его тяжелое детство, беспутную юность, пожизненную вражду далеко не с одним человеком и позорные тайны, которые Дамблдор унес с собой в могилу. ПОЧЕМУ человек, которому предлагали пост министра магии, предпочитал оставаться простым директором школы? КАКИМ было подлинное назначение секретной организации, известной под названием

«Орден Феникса»? КАК на самом-то деле встретил свой конец Дамблдор?

Ответы на эти и многие другие вопросы исследуются в новой сенсационной биографии «Жизнь и обманы Альбуса Дамблдора», написанной Ритой Скитер. Читайте на странице 13 эксклюзивное интервью, которое она дала Бетти Брейтуэйт.

Гарри рывком раскрыл газету, нашел тринадцатую страницу. Над интервью красовалось еще одно знакомое лицо — женщина с искусно завитыми светлыми волосами и в украшенных драгоценными камнями очках скалила зубы в якобы обворожительной улыбке и покачивала пальчиком перед собой. Гарри, стараясь не обращать внимания на это тошнотворное зрелище, приступил к чтению.

В жизни Рита Скитер человек куда более мягкий и обаятельный, чем думают те, кто знаком с вышедшими из-под ее пера прославленными своей резкостью портретами известных людей. Мы встретились с ней в прихожей ее уютного дома и отправились прямиком на кухню, где Рита угостила меня чаем, тортом и, разумеется, наисвежайшими слухами.

— Да, конечно, Дамблдор — это мечта биогра-

фа, — говорит Скитер. — Такая долгая, полная событий жизнь. Уверена, моя книга станет лишь первой из очень и очень многих.

Скитер определенно времени зря не теряла. Книга объемом в девятьсот страниц была закончена ею спустя всего четыре недели после загадочной кончины, постигшей Дамблдора в июне. Я спросила, как ей удалось поставить этот рекорд скорости?

— О когда проведешь в журналистике столько времени, сколько провела я, работа в сжатые сроки становится твоей второй натурой. Я знала, что волшебный мир жаждет получить полную историю его жизни, и просто хотела удовлетворить эту жажду первой.

Я упоминаю о недавних широко разрекламированных высказываниях пожизненного друга Альбуса Дамблдора специального консультанта Визенгамота Элфиаса Дожа, сказавшего: «В книге Скитер фактов меньше, чем на карточке от шоколадных лягушек».

Скитер, откинув назад голову, хохочет:

— Милейший Дожинька! Помню, я несколько лет назад брала у него, да благословят его небеса, интервью насчет прав водяного народа. Он уже тогда впал в полное детство. Похоже, ему

казалось, будто мы с ним сидим на дне Трубного озера, — он все просил меня остерегаться форелей.

И тем не менее выдвинутые Элфиасом Дожем обвинения в неточности отозвались эхом в волшебном сообществе. Действительно ли Скитер считает, что четырех коротких недель достаточно для создания полной картины долгой, удивительной жизни Дамблдора?

— О, моя дорогая, — широко улыбается Скитер, ласково похлопывая меня по ладони, — мы обе знаем, какое обилие сведений могут породить мешок галеонов, нежелание слышать слово «нет» и Прытко пишущее перо! К тому же из желающих рассказать о Дамблдоре позорную правду уже выстроилась целая очередь. Далеко не каждый, знаете ли, считает его таким уж чудом, он умудрялся наступать на любимые мозоли множеству важных людей. Что касается старого Дожинъки Дожа, ему лучше перестать витать в облаках, потому что я получила доступ к источнику информации, за который большинство журналистов отдало бы свои волшебные палочки, — к человеку, который никогда еще не высказывался публично, но был близок с Дамблдором в самый буйный и беспокойный период его молодости.

Из предварительной рекламы написанной Скитер биографии можно с уверенностью заключить, что она преподнесет немало шокирующих сюрпризов тем, кто считает, будто Дамблдор прожил безупречную жизнь.

— Какой из этих сюрпризов является самым сногсшибательным? — спрашиваю я.

— Бросьте, Бетти, я не собираюсь пересказывать основные моменты моей книги до того, как ее начнут раскупать! — смеется Скитер. — Однако могу пообещать, что всякого, кто продолжает верить, будто Дамблдор был чист и бел, как его борода, ожидает горестная утрата иллюзий! Довольно сказать следующее: никто из слышавших его яростные тирады против Вы-Знаете-Кого и не подозревает, что в молодости он сам баловался Темными искусствами! В поздние свои годы он призывал всех нас к терпимости, однако в молодости никакой широтой воззрений не отличался! Да, у Альбуса Дамблдора было на редкость темное прошлое, не говоря уж о его сомнительной семейке, правду о которой он столь усердно замалчивал.

Я спрашиваю у Скитер, имеет ли она в виду брата Дамблдора, Аберфорта, пятнадцать лет назад осужденного Визенгамотом за противозаконное

использование магии, что привело в то время к небольшому скандалу.

— О, Аберфорт — это всего лишь верхушка навозной кучи, — смеется Скитер. — Нет-нет, я говорю о вещах много худших, чем братец, любивший испытывать заклинания на козлах, худших даже, чем калечивший маглов отец. Их делишки Дамблдору скрыть не удалось, так как они оба были осуждены Визенгамотом. Нет, меня больше всего интересовали его мать с сестрой, и вот тут, стоило лишь немного копнуть, я обнаружила просто-напросто море мерзостей. Впрочем, дождитесь глав с девятой по двенадцатую, и вы узнаете все в подробностях. Сейчас же могу сказать лишь одно: нет ничего удивительного в том, что Дамблдор никогда не рассказывал, при каких обстоятельствах ему сломали нос.

Однако если оставить в стороне скелеты, таящиеся в семейных шкафах, может ли Скитер отрицать блестящие способности Дамблдора, которые позволили ему сделать немало магических открытий?

— Да, голова у него варила, — соглашается Скитер, — хотя в настоящее время многие задаются вопросом, действительно ли предполагаемые достижения Дамблдора следует приписывать ис-

ключительно его заслугам. В главе шестнадцатой я говорю о том, что, по словам Айвора Диллонсби, именно он открыл восемь способов использования крови дракона, но тут появился Дамблдор и «позаимствовал» его записи.

Но все же, решаюсь заметить я, значение некоторых достижений Дамблдора отрицать невозможно. Что может сказать Скитер о его знаменитой победе над Грин-де-Вальдом?

— О, хорошо, что вы вспомнили о Грин-де-Вальде, — с кокетливой улыбкой отвечает Скитер. — Боюсь, тех, кто простодушно верует в блестящую победу Дамблдора, ожидает новость, которую я сравнила бы со взрывом навозной бомбы. Вот уж действительно грязная история. Пока я могу сказать только, что сам факт проведения этой легендарной дуэли вызывает большие сомнения. Те, кто прочитает мою книгу, возможно, придут к заключению, что Грин-де-Вальд просто-напросто вытащил из кончика своей волшебной палочки белый носовой платок и мирно удалился!

Сообщать что-либо еще на эту интригующую тему Скитер отказывается, поэтому мы переходим к отношениям, которые, несомненно, вызовут у читателей наибольший интерес.

— О да, — говорит, живо кивая, Скитер, — я

посвятила целую главу отношениям Дамблдора и Поттера. Их называли нездоровыми, даже пагубными. Конечно, для того, чтобы узнать эту историю целиком, читателям придется купить мою книгу, однако нет никаких сомнений в том, что Дамблдор с самого начала питал к Поттеру нездоровый интерес. Пошел ли он мальчику на пользу? Что ж, поживем — увидим. Однако ни для кого не секрет, что отроческие годы Поттера были очень тяжелыми.

Я спрашиваю, поддерживает ли Скитер по-прежнему связь с Гарри Поттером, у которого она взяла в прошлом году знаменитое интервью: в их сенсационной беседе Поттер говорил исключительно о своей уверенности в том, что Сами-Знаете-Кто вернулся.

— Да, конечно, мы стали очень близки, — отвечает Скитер. — У бедняжки Поттера совсем мало настоящих друзей, а мы с ним встретились в один из самых трудных моментов его жизни — во время Турнира Трех Волшебников. Вероятно, только я одна из живущих сейчас людей и могу сказать, что знаю настоящего Гарри Поттера.

И это естественным образом приводит нас к многочисленным слухам, связанным с последними часами жизни Дамблдора. Верит ли Скитер в

то, что Поттер действительно присутствовал при его кончине?

— Ну, я не хочу говорить слишком многого — все это есть в книге, — однако существует свидетель, который был в то время в замке Хогвартс и видел Гарри Поттера, убегавшего с места происшествия через несколько секунд после того, как Дамблдор не то упал, не то спрыгнул, не то был сброшен с башни. Впоследствии Гарри Поттер дал показания против Северуса Снегга, человека, к которому он, как всем известно, питал вражду. Действительно ли все обстоит так, как выглядит на первый взгляд? Это должно решить сообщество волшебников — после того как оно прочитает мою книгу.

На этой интригующей ноте я и прощаюсь с писательницей. Не приходится сомневаться в том, что книга, вышедшая из-под пера Скитер, мгновенно станет бестселлером. Пока же многочисленным поклонникам Дамблдора остается с трепетом ожидать того, что им предстоит вскоре узнать о своем герое.

Гарри дочитал статью до конца, но продолжал тупо вглядываться в газетную страницу. Отвращение и гнев поднимались в нем, точно рвота. Наконец он смял газету в комок, изо всех сил

швырнул его в стену, и комок, отлетев, свалился в уже переполненную мусорную корзину.

Он начал слепо расхаживать по комнате, открывая пустые ящики, беря какую-то из сложенных стопками книг лишь затем, чтобы вернуть ее на место, едва сознавая, что делает. А в голове вертелись разрозненные фразы из интервью Риты: «…посвятила целую главу отношениям Дамблдора и Поттера… их называли нездоровыми и даже пагубными… в молодости он сам баловался Темными искусствами… я получила доступ к источнику информации, за который большинство журналистов отдало бы свои волшебные палочки».

— Ложь! — внезапно взревел Гарри и увидел в окно, как сосед, пытавшийся снова запустить умолкшую газонокосилку, нервно поднял взгляд кверху.

Гарри опустился на кровать — так резко, что осколок разбитого зеркала скакнул в сторону. Он взял осколок, повертел его в пальцах, думая и думая о Дамблдоре, о лжи, которой бесчестила его Рита…

Вспышка ярчайшей синевы. Гарри замер, его порезанный палец снова скользнул по неровному краю осколка. Почудилось, не иначе. Он

оглянулся через плечо, однако стена отливала тошнотворным персиковым цветом, который выбрала тетя Петунья. Там не было никакой синевы, способной отразиться в зеркале. Он снова заглянул в осколок зеркала, но снова увидел в нем лишь отражение собственных ярко-зеленых глаз.

Да, конечно, почудилось, другого объяснения быть не может. Почудилось, потому что он думал о своем мертвом Учителе. Если что-то и можно сказать наверняка, так только то, что он никогда больше не увидит пронизывающих его ярко-синих глаз Альбуса Дамблдора.

Глава 3

ДУРСЛИ ОТЪЕЗЖАЮТ

По дому пронеслось эхо от хлопка входной двери, а следом крик: «Эй, ты!»

За шестнадцать лет Гарри привык к подобной манере обращения и потому не сомневался, к кому относится этот призыв, но спешить с ответом на него не стал. Он все еще вглядывался в осколок зеркала, в котором увидел, как ему на долю секунды показалось, глаз Дамблдора. И только после того как дядя взревел: «ПАРЕНЬ!», Гарри медленно поднялся на ноги и направился к двери своей спальни, остановившись, впрочем, чтобы добавить осколок к уложенным в рюкзак вещам, которые он собирался взять с собой.

— А ты не торопишься! — прорычал Вернон Дурсль, когда Гарри появился на верху лестницы. — Спускайся, надо поговорить!

Гарри, глубоко засунув руки в карманы джинсов, сошел по ступеням лестницы.

В гостиной он обнаружил Дурслей в полном составе. Одеты они были подорожному: дядя Вернон в бежевую куртку на молнии, тетя Петунья в

аккуратненькое розово-оранжевое пальто, а Дадли — крупный, светловолосый и мускулистый двоюродный брат Гарри — в кожаный пиджак.

— Да? — спросил Гарри.

— Сядь! — приказал дядя Вернон. Гарри слегка приподнял брови. — Пожалуйста! — прибавил дядя Вернон, поморщившись, как если бы это слово оцарапало ему горло.

Гарри сел. Он полагал, что знает, чего ему следует ждать. Дядя принялся расхаживать взад и вперед по гостиной. Тетя Петунья и Дадли провожали его встревоженными взглядами. И наконец, сосредоточенно наморщив большое багровое лицо, дядя Вернон остановился перед Гарри и объявил:

— Я передумал.

— Какой сюрприз, — отозвался Гарри.

— Оставь этот тон… — визгливо начала тетя Петунья, но дядя Вернон махнул в ее сторону рукой, и она умолкла.

— Все это полная чушь, — произнес дядя Вернон, вглядываясь в Гарри маленькими, свинячьими глазками. — Не верю ни одному слову. Мы никуда не едем, остаемся.

Гарри смотрел на дядю, ощущая одновременно и раздражение, и веселье. За последние четыре

недели Вернон Дурсль передумывал каждые двадцать четыре часа и при этом всякий раз либо затаскивал вещи в машину, либо вытаскивал их из нее. Больше всего понравился Гарри тот случай, когда дядя Вернон, не знавший, что Дадли, в очередной раз укладывая чемодан, засунул в него свои гимнастические гири, попытался забросить его в багажник и рухнул на землю, ревя от боли и зверски ругаясь.

— По твоим словам, — произнес Вернон Дурсль, снова начиная расхаживать по гостиной, — нам — Петунье, Дадли и мне — грозит опасность со стороны… со стороны…

— Да, со стороны «одного из наших», — сказал Гарри.

— Ну так вот, я в это не верю, — повторил дядя Вернон, опять остановившись перед Гарри. — Я целую ночь пролежал без сна, все обдумал и понял: это заговор, ты хочешь завладеть домом.

— Домом? — переспросил Гарри. — Каким еще домом?

— Вот этим самым! — взвизгнул дядя Вернон, и на лбу его запульсировала вена. — Нашим домом! В здешнем районе цены на жилье бешено растут! Ты хочешь убрать нас отсюда, а после проделать какой-нибудь фокус-покус. Мы и опомниться

не успеем, а ты уже перепишешь дом на свое имя и…

— Вы спятили? — поинтересовался Гарри. — Заговор, чтобы завладеть домом? Вы действительно настолько глупы или просто притворяетесь?

— Да как ты смеешь! — запищала тетя Петунья, однако Вернон снова махнул ей рукой: похоже, пренебрежительное отношение к его личному достоинству представлялось ему пустяком в сравнении с опасностью, которую он обнаружил.

— На случай, если вы забыли, — сказал Гарри, — у меня уже есть дом, оставленный мне крестным отцом. С какой же стати я пожелал бы вашего? Из-за переполняющих его счастливых воспоминаний?

На сей раз Вернон промолчал.

«Похоже, — подумал Гарри, — этот аргумент показался дядюшке убедительным».

— Ты уверяешь, — сказал, снова начиная расхаживать, дядя Вернон, — что этот ваш лорд, как его там…

— Волан-де-Морт, — нетерпеливо подсказал Гарри, — мы обсуждали все это уже раз сто. И тут не мои уверения, тут факт. Дамблдор говорил вам об этом еще прошлым летом, и Кингсли с мистером Уизли…

Вернон Дурсль сердито втянул голову в плечи, и Гарри понял: дядя пытается отогнать воспоминания о нежданном визите двух взрослых волшебников, случившемся в один из первых дней летних каникул. Появление в их доме Кингсли Бруствера и Артура Уизли стало для Дурслей потрясением самого неприятного рода. Впрочем, Гарри готов был признать, что, поскольку мистер Уизли разнес когда-то в пух и прах половину их гостиной, трудно ожидать, чтобы новый его визит порадовал дядю Вернона.

— …Кингсли с мистером Уизли тоже вам все объяснили, — безжалостно продолжал Гарри. — Как только мне исполнится семнадцать лет, защитные чары, ограждающие этот дом, уничтожатся, и вы окажетесь в не меньшей опасности, чем я. Орден не сомневается в том, что Волан-де-Морт возьмется за вас — либо для того, чтобы постараться выпытать, где я, либо решив, что, если вы станете его заложниками, я приду и попытаюсь вас спасти.

Взгляды дяди Вернона и Гарри встретились. Юноша был уверен, что в этот миг оба они думают об одном. Затем дядя Вернон опять пустился в путь по гостиной, а Гарри возобновил уговоры:

— Вам необходимо спрятаться, и Орден готов в

этом помочь. Вам предлагают очень серьезную защиту, лучшую из существующих.

Дядя Вернон молчал, продолжая расхаживать взад-вперед. Снаружи солнце уже висело прямо над живой изгородью из бирючины. Газонокосилка соседа снова заглохла.

— Я полагал, у вас существует Министерство магии, так? — вдруг резко спросил Вернон Дурсль.

— Существует, — удивившись, ответил Гарри.

— Ну так почему же оно не может нас защитить? По-моему, мы, безобидные жертвы, повинные только в том, что дали приют человеку, на которого кто-то охотится, вправе рассчитывать на защиту правительства!

Гарри невольно рассмеялся. Как это типично для дяди — возлагать надежды на официальное учреждение, даже если оно относится к миру, который дядя ни во что не ставит и которому не доверяет.

— Вы же слышали, что говорили мистер Уизли и Кингсли, — ответил Гарри. — Мы думаем, что в Министерство проникли вражеские агенты.

Теперь дядя Вернон прохаживался вдоль камина, вздыхая так тяжело, что подрагивали его большие черные усы. Лицо дяди так и оставалось багровым от умственных усилий.

— Ну хорошо, — произнес он, в который раз останавливаясь перед Гарри. — Хорошо, допустим на минуту, что мы примем эту защиту. Но я все равно не понимаю, почему нас не может охранять этот ваш Кингсли.

Гарри еле удержался, чтобы не завести глаза к потолку. Этот вопрос он тоже слышал уже с полдесятка раз.

— Я же вам говорил, — стиснув зубы, ответил он. — Кингсли охраняет маг… вашего премьер-министра.

— Ну да, потому что он самый лучший! — подтвердил дядя Вернон и ткнул пальцем в темный экран телевизора. Дурсли заметили в выпуске новостей Кингсли, скромно шагавшего за посещавшим какую-то больницу магловским премьер-министром. И это плюс то обстоятельство, что Кингсли сноровисто носил одежду маглов, не говоря уж об успокоительных тонах его низкого, неторопливого голоса, заставляло Дурслей относиться к нему куда лучше, чем к любому другому волшебнику. Правда, они еще ни разу не видели его с любимой серьгой в ухе.

— Ну, в общем, он занят, — сказал Гарри. — Но Гестия Джонс и Дедалус Дингл более чем способны справиться с этой работой…

— Если бы они нам хоть документики какие показали… — начал дядя Вернон, однако терпение Гарри уже лопнуло. Вскочив на ноги, он подошел к дяде и теперь сам ткнул пальцем в пустой экран телевизора.

— Эти несчастные случаи — никакие не случаи: катастрофы, взрывы, крушения поездов и все, что еще произошло с того времени, когда вы в последний раз смотрели выпуск новостей. Люди исчезают и гибнут, и за всем стоит он, Волан-де-Морт. Я говорил вам множество раз: он убивает маглов просто ради забавы. Даже туманы — и их нагоняют дементоры, а если вы не помните, что они собой представляют, спросите у вашего сына!

Руки Дадли инстинктивно вздернулись вверх, чтобы прикрыть ладонями рот. Потом, сообразив, что на него смотрят и Гарри, и родители, Дадли медленно опустил ладони и спросил:

— А их… еще больше?

— Больше? — усмехнулся Гарри. — Ты имеешь в виду больше тех двух, что на тебя напали? Конечно, больше. Их сотни, может быть, теперь уже тысячи, они же питаются отчаянием и страхом…

— Ну ладно, ладно! — гаркнул Вернон Дурсль. — Ты убедил нас…

— Надеюсь, — сказал Гарри, — потому что, как только мне исполнится семнадцать, все они — Пожиратели смерти, дементоры, может быть, даже инферналы, а это трупы, околдованные Темным магом, — отыщут вас где угодно и набросятся всем скопом. И если вы хорошо помните последнюю вашу попытку справиться с магом, то, думаю, согласитесь с тем, что вам потребуется помощь.

Наступило недолгое молчание, в котором словно прозвучало далекое эхо треска вышибаемой Хагридом входной двери, долетевшее сюда сквозь прошедшие с того дня годы. Тетя Петунья не сводила глаз с Вернона, Дадли — с Гарри. Наконец дядя Вернон выпалил:

— А как же моя работа? А школа Дадли? Я что, должен бросить все на свете ради горстки болтающихся без дела волшебников?

— Вы так и не поняли? — воскликнул Гарри. — Они будут пытать вас и убьют, как убили моих родителей!

— Пап, — громко сказал Дадли. — Пап, я лучше к этим пойду, которые из Ордена.

— Дадли, — отозвался Гарри, — впервые за всю свою жизнь ты произнес нечто умное.

Он понял, что выиграл это сражение. Если Дад-

ли испуган настолько, что готов принять помощь Ордена, родители отправятся с ним: о расставании с Дидинькой и речи никакой идти не могло. И Гарри взглянул на дорожные часы, стоявшие на каминной полке.

— Они будут здесь минут через пять, — сказал он и, не услышав ни от кого из Дурслей ответа, вышел из гостиной. Будущее прощание — и, вероятно, навсегда — с тетей, дядей и двоюродным братом нисколько его не огорчало, однако некоторая неловкость словно бы оставалась висеть в воздухе. Что говорят при расставании люди, прожившие шестнадцать лет в прочной нелюбви друг к другу?

Вернувшись в свою спальню, Гарри бесцельно порылся в рюкзаке, затем просунул между прутьями клетки, в которой сидела Букля, несколько совиных орешков. Букля лакомством пренебрегла, и орешки со стуком упали на дно клетки.

— Мы уже скоро уедем, очень скоро, — сказал сове Гарри. — И тогда ты снова сможешь летать.

В дверь позвонили. Гарри поколебался немного, потом вышел из спальни и спустился вниз — ожидать, что Гестия и Дедалус справятся с Дурслями без его помощи, почти не приходилось.

— Гарри Поттер! — пропищал, как только он от-

крыл дверь, взволнованный голос, и маленький человечек в сиреневом цилиндре отвесил ему низкий поклон. — Большая честь, как и всегда!

— Спасибо, Дедалус, — сказал Гарри, коротко и смущенно улыбнувшись темноволосой Гестии. — Я очень благодарен вам за приход сюда… Они здесь, мои тетя, дядя и кузен…

— Приятного вам дня, родичи Гарри Поттера! — радостно произнес, вступив в гостиную, Дедалус.

Дурслям такое приветствие удовольствия явно не доставило, и Гарри испугался, что они, того и гляди, опять передумают. Дадли, увидев волшебника и колдунью, потеснее прижался к матери.

— Вижу, вы уже уложились и готовы отправиться в путь. Превосходно! План, как наверняка рассказал вам Гарри, прост, — сообщил Дедалус, извлекая из жилетного кармана огромные часы и вглядываясь в них. — Мы отправляемся в путь раньше Гарри. Поскольку пользоваться магией в вашем доме небезопасно — Гарри еще не достиг совершеннолетия, и такой поступок может дать Министерству повод для его ареста, — мы отъедем, ну, скажем, миль на десять, а затем трансгрессируем в безопасное место, которое для вас подобрали. Вы ведь, я полагаю, машину водить умеете? — учтиво осведомился он у дяди

Вернона.

— Умею ли я? Конечно, черт побери, умею! — выпалил дядя Вернон.

— Весьма разумно с вашей стороны, сэр, весьма. Лично меня все эти кнопки и рычаги совершенно сбивают с толку, — сказал Дедалус. Он явно полагал, что говорит Вернону Дурслю нечто лестное, а тот прямо на глазах, с каждым произносимым Дедалусом словом, терял доверие к так называемому плану.

— Даже рулить и того не умеет, — негромко пробормотал он, и усы его гневно встопорщились, но, к счастью, ни Дедалус, ни Гестия слов этих вроде бы не услышали.

— Вы, Гарри, — продолжал Дедалус, — подождете здесь вашу охрану. В наших приготовлениях кое-что изменилось…

— То есть? — тут же спросил Гарри. — Я думал, за мной явится Грозный Глаз и мы с ним вместе трансгрессируем.

— Нет, — сказала скупая на слова Гестия. — Грозный Глаз вам все объяснит.

Дурсли, которые слушали их разговор, но, судя по лицам, ничего в нем не понимали, разом подпрыгнули, услышав громкий голос, взвизгнувший: «Поторопись!» Гарри тоже заозирался,

однако тут же сообразил, что голос этот принадлежит карманным часам Дедалуса.

— Вы правы, график у нас очень плотный, — сказал Дедалус и, кивнув часам, вернул их в жилетный карман. — Мы хотим, чтобы ваше, Гарри, отбытие из дома совпало по времени с трансгрессией ваших родичей. Таким образом, защитные чары разрушатся в тот миг, когда все вы устремитесь к безопасности. — Он повернулся к Дурслям: — Итак, все уложено и все готовы к дороге?

Никто ему не ответил: дядя Вернон все еще с испугом таращил глаза на вздувшийся жилетный карман Дедалуса.

— Возможно, нам следует подождать в прихожей, Дедалус, — негромко сказала Гестия, явно считавшая, что с их стороны было бы бестактностью торчать в гостиной, пока Гарри и Дурсли будут любовно прощаться, проливая, быть может, обильные слезы.

— Не стоит, — столь же негромко произнес Гарри, однако дядя Вернон сделал дальнейшие объяснения ненужными, громогласно объявив:

— Ладно, парень, выходит — прощаемся.

Он протянул Гарри правую ладонь для рукопожатия, но в самый последний миг спасовал и

просто сжал ее в кулак и помахал им вверх-вниз, точно метроном.

— Ты готов, Дидди? — спросила тетя Петунья, суетливо проверяя замок своей сумочки, что избавляло ее от необходимости смотреть на Гарри.

Дадли не ответил, он просто стоял, слегка приоткрыв рот, — и вдруг показался Гарри немного похожим на великана Грохха.

— Ну так пошли, — сказал дядя Вернон.

Он почти уже дошел до двери гостиной, когда Дадли пробормотал:

— Не понимаю.

— Чего ты не понимаешь, миленький? — спросила, взглянув на сына, тетя Петунья.

Дадли поднял большую, как окорок, ладонь и указал ею на Гарри:

— А он чего с нами не едет?

Дядя Вернон и тетя Петунья словно вросли в пол — оба глядели на Дадли так, точно он объявил, что желает стать балериной.

— Что? — громко спросил дядя Вернон.

— Почему он не с нами тоже? — спросил Дадли.

— Ну, он… ему не хочется, — ответил дядя Вернон и, обратив на Гарри свирепый взгляд, добавил: — Ведь тебе же не хочется, так?

— Ни капельки, — ответил Гарри.

— Вот видишь, — сказал дядя Вернон Дадли. — Ладно, пошли, ехать пора.

Он вышел из гостиной, открыл входную дверь, но Дадли так и стоял на месте, да и тетя Петунья, сделав несколько неуверенных шагов, тоже остановилась.

— Теперь-то что? — рявкнул, снова появившись на пороге гостиной, дядя Вернон.

Походило на то, что Дадли старается как-то справиться с мыслями, слишком сложными для словесного выражения. После нескольких секунд мучительной внутренней борьбы бедняга наконец произнес:

— А куда же тогда он пойдет?

Тетя Петунья и дядя Вернон переглянулись. Ясно было, что Дадли их напугал. Молчание нарушила Гестия Джонс.

— Но… вам ведь известно, куда направляется ваш племянник? — озадаченно спросила она.

— Конечно известно, — ответил Вернон Дурсль. — К одному из ваших, правильно? Ладно, Дадли, садись в машину, ты же слышал, надо торопиться.

Вернон Дурсль снова дотопал до самой двери, но Дадли снова за ним не последовал.

— К одному из наших?

Гестия явно рассердилась. С этим Гарри уже сталкивался — волшебников и волшебниц ошеломляло отсутствие у его близких родственников какого-либо интереса к знаменитому Гарри Поттеру.

— Все в порядке, — заверил он Гестию. — Да, честно говоря, оно и не важно.

— Не важно? — опасно звонким голосом повторила Гестия. — Неужели эти люди не понимают, через что вам пришлось пройти? Какая опасность вам грозит? Не понимают, что вы занимаете уникальное положение, что вы — душа всей борьбы с Волан-де-Мортом?

— Э-ээ… нет, не понимают, — ответил Гарри. — На самом-то деле они думают, что я только место тут зря занимаю, но я уже привык к…

— Я не думаю, что ты зря занимаешь тут место.

Если бы Гарри не видел, как шевелятся губы Дадли, он не поверил бы своим ушам. И все равно он несколько секунд смотрел на Дадли, прежде чем уяснил, что эти слова действительно произнес его двоюродный брат. Не только произнес, но и сильно покраснел при этом. Гарри охватило и смущение, и изумление сразу.

— Ну… ээ-э… спасибо, Дадли.

Ему снова показалось, что Дадли борется с мыслями, слишком громоздкими для выражения, однако тот пробормотал:

— Ты спас мне жизнь.

— Вообще-то говоря, не жизнь, — ответил Гарри. — Дементоры забрали бы только твою душу.

Теперь он смотрел на двоюродного брата с удивлением. Ни в это лето, ни в прошлое они почти не разговаривали друг с другом, поскольку Гарри возвращался на Тисовую улицу ненадолго и большую часть времени проводил в своей комнате. Теперь же до него вдруг дошло, что чашка холодного чая, на которую он наступил нынче утром, была, пожалуй, вовсе не миной-ловушкой. И все же, чувствуя себя растроганным, Гарри испытывал немалое облегчение от того, что Дадли исчерпал все имевшиеся у него возможности выражения чувств. Открыв рот еще раз-другой и сделавшись совершенно багровым, Дадли замолчал.

Зато тетя Петунья вдруг разразилась слезами. Гестия Джонс даже наградила ее взглядом одобрения, которое, впрочем, сменилось гневом, когда тетя Петунья бросилась обнимать не Гарри, а Дадли.

— Т-такой миленький, Дадлик, — всхлипывала

она, прижимаясь к его могучей груди, — ттакой хороший ммальчик… сспасибо сказал…

— Да не сказал он никакого спасибо! — возмущенно воскликнула Гестия. — Он сказал всего-навсего, что не думает, будто Гарри зря занимал тут место.

— Да, но в устах Дадли это все равно что «люблю тебя», — произнес Гарри, разрывавшийся между раздражением и желанием расхохотаться — уж больно хороша была тетя Петунья, обнимавшая Дадли так, точно он минуту назад вынес Гарри из горящего дома.

— Мы едем или не едем? — рявкнул опять появившийся в двери гостиной дядя Вернон. — Тут кто-то насчет плотного графика говорил!

— Дада, едем, — ответил Дедалус Дингл, ошеломленно наблюдавший за всем происходившим, но теперь как будто очнувшийся. — Нам действительно пора. Гарри… — Он подступил к юноше и обеими ладонями сжал его ладонь. — Удачи. Надеюсь, мы еще встретимся. Как надеется на вас все волшебное сообщество.

— О, — отозвался Гарри, — ну да. Спасибо.

— Прощайте, Гарри, — сказала Гестия и тоже сжала его руку. — Наши мысли всегда будут с вами.

— Думаю, с ними все обойдется, — ответил Гарри, взглянув на тетю Петунью и Дадли.

— О, я уверен, в конце концов мы станем лучшими друзьями, — весело пообещал Дингл и, покидая гостиную, помахал цилиндром. Гестия последовала за ним.

Дадли мягко выбрался из объятий матери и подошел к Гарри, с трудом подавившему желание припугнуть его магией. Но тут Дадли протянул ему большую розовую ладонь.

— Господи, Дадли! — сказал Гарри, повышая голос, чтобы перекрыть им возобновившиеся рыдания тети Петуньи. — Тебя что, дементоры подменили?

— Не знаю, — ответил Дадли. — До встречи, Гарри.

— Да… — сказал Гарри, сжимая ладонь Дадли и тряся ее. — Может быть. Будь осторожен, Большой Дэ.

Дадли почти улыбнулся и вперевалку вышел из гостиной. Гарри услышал, как он тяжело ступает по гравию дорожки, потом хлопнула дверца машины.

Тетя Петунья, прижимавшая к лицу носовой платок, обернулась на этот звук. Похоже, она не ожидала того, что останется с Гарри наедине. То-

ропливо сунув платок в карман, она произнесла:

— Ну… всего хорошего, — и, не оглядываясь, пошла к двери.

— Всего хорошего, — сказал Гарри.

И тогда она остановилась, обернулась. На миг у Гарри возникло наистраннейшее чувство, будто она хочет что-то сказать ему: тетя Петунья смерила его непонятно робким взглядом и, казалось, совсем уж собралась открыть рот, однако затем чуть дернула головой и выбежала из комнаты, чтобы присоединиться к мужу и сыну.

Глава 4

СЕМЕРО ПОТТЕРОВ

Гарри бегом вернулся по лестнице в свою спальню, добравшись до ее окна, как раз когда машина Дурслей сворачивала с подъездной дорожки на улицу. Между сидевшими сзади тетей Петуньей и Дадли различался цилиндр Дедалуса. В конце Тисовой улицы машина повернула вправо, окна ее на миг ало вспыхнули, отражая заходящее солнце, и она скрылась из глаз.

Гарри взял клетку с Буклей, «Молнию», рюкзак, в последний раз обвел взглядом непривычно опрятную комнату, бочком спустился в прихожую и поставил клетку, метлу и рюкзак на пол у подножия лестницы. Уже начинало смеркаться, прихожую заполняли вечерние тени. Так странно было стоять посреди нее в тишине и знать, что он вот-вот покинет этот дом навсегда. Давным-давно, когда Дурсли отправлялись куда-нибудь развлекаться, оставляя его дома, часы одиночества воспринимались Гарри как редкий подарок. Задержавшись на кухне, только чтобы вытащить из холодильника что-нибудь вкусненькое, он

взбегал наверх поиграть на компьютере Дадли или включал телевизор и перебирал, сколько душа попросит, каналы. Теперь, вспоминая те времена, Гарри ощущал непонятную пустоту — словно то были воспоминания об утраченном младшем брате.

— Может, желаешь в последний раз полюбоваться домом? — спросил он у Букли, которая обиженно сидела в клетке, спрятав голову под крыло. — Больше мы сюда никогда не вернемся. Тебе не хочется припомнить все доброе, что здесь с тобой случилось? Посмотри, например, на этот коврик у двери. Какие воспоминания… Дадли вырвало здесь после того, как я спас его от дементоров. И представляешь, оказывается, он все-таки питал ко мне благодарность. А в прошлое лето в эту дверь вошел Дамблдор.

Ход мыслей Гарри на миг прервался, а Букля ничем не желала помочь в его восстановлении, она так и сидела, засунув голову под крыло. Гарри повернулся спиной к парадной двери.

— А вот здесь, Букля, — сказал он, открывая дверцу под лестницей, — здесь я спал! Мы с тобой были тогда еще не знакомы. Батюшки, я и забыл, какая она маленькая…

Он окинул взглядом груду обуви и зонтов,

вспомнив, как, просыпаясь каждое утро, видел над собой испод лестницы, украшенный обыкновенно одним, а то и двумя пауками. В те дни он ничего еще не ведал о своем истинном предназначении, не знал, как умерли его родители и почему вокруг него часто происходят всякие странные штуки. Однако он и теперь помнил сны, не дававшие ему покоя даже тогда: запутанные сны, в которых полыхали вспышки зеленого света, а однажды появился — дядя Вернон, услышав рассказ Гарри об этом, едва не разбил машину — летающий мотоцикл…

Внезапно где-то совсем рядом возник оглушающий рев. Гарри резко выпрямился и ударился макушкой о притолоку низкой двери. Помедлив, чтобы перебрать кое-какие из самых любимых дядюшкой Верноном ругательств, Гарри, держась рукой за голову, проковылял на кухню и вгляделся через окно в садик за домом.

Сумрак садика словно подернулся рябью, сам его воздух дрожал. Затем начали по одной появляться фигуры людей, снимавших с себя Дезиллюминационное заклинание. Центр этой композиции образовал Хагрид, сидевший в шлеме и защитных очках верхом на огромном мотоцикле с черной коляской. Окружавшие его

люди спешивались — главным образом с метел, лишь двое прибыли на скелетообразных лошадях с черными крыльями.

Рывком распахнув заднюю дверь, Гарри влетел в самую гущу этой компании. Раздался общий приветственный крик, Гермиона обняла Гарри, Рон похлопал его по спине, а Хагрид спросил:

— Порядок, Гарри? К отправке готов?

— Конечно, — ответил Гарри, улыбаясь всем сразу. — Но я не думал, что вас будет так много!

— План изменился, — пророкотал Грозный Глаз Грюм, прижимавший к себе два здоровенных, туго набитых рюкзака, и волшебное око его с головокружительной быстротой обшарило темнеющее небо, дом и сад. — Давайте уйдем в укрытие, а там уж и поговорим.

Гарри провел гостей на кухню, где они, болтая и смеясь, устроились на стульях, на блистающих чистотой рабочих столах тети Петуньи, прислонились к ее бытовым машинам, где не отыщешь ни единого пятнышка. Рон, высокий и тощий; Гермиона, заплетшая густые волосы в длинную косу; Фред и Джордж с их совершенно одинаковыми улыбками; покрытый жуткими шрамами длинноволосый Билл; лысеющий мистер Уизли с его добрым лицом и кривовато сидящими оч-

ками; Грозный Глаз, одноногий, израненный в битвах, с ярко-синим волшебным оком, неустанно крутившимся в глазнице; Тонкс, чьи короткие волосы отливали сегодня излюбленной ею яркой краснотой; Люпин, обзаведшийся новой сединой и новыми морщинами; тонкая и прекрасная Флер; Кингсли, лысый, чернокожий и широкоплечий; Хагрид с его буйной шевелюрой и бородой, стоявший пригнувшись, чтобы не зашибить голову о потолок; и Наземникус Флетчер — маленький, грязный, вечно пристыженный, с грустными, как у бассета, глазами и спутанными волосами. Гарри оглядывал своих гостей, и его сердце, казалось, расширялось и согревалось: он ощущал невероятную привязанность к ним — даже к Наземникусу, которого едва не придушил при последней их встрече.

— Кингсли, я думал, вы присматриваете за премьер-министром маглов? — окликнул он через кухню старого знакомого.

— Одну ночь как-нибудь обойдется и без меня, — ответил Кингсли. — Ты намного важнее.

— Ты уже слышал, Гарри? — Забравшаяся на стиральную машину Тонкс повертела в воздухе левой ладонью, на которой блеснуло кольцо.

— Вы поженились? — ахнул Гарри и перевел

взгляд с нее на Люпина.

— Мне жаль, что тебя не было с нами, Гарри. Впрочем, все прошло очень тихо.

— Как замечательно, поздрав…

— Ладно, ладно, у нас еще будет время обменяться последними новостями, — грянул, перекрикивая общий гомон, Грюм, и в кухне сразу стало тихо. Грюм опустил рюкзаки на пол и повернулся к Гарри. — Дедалус, полагаю, сказал тебе, что от плана А нам пришлось отказаться. Пий Толстоватый переметнулся на сторону врага, отчего у нас возникла серьезная проблема. Он добился в Министерстве решения, в силу которого подключение этого дома к Сети летучего пороха, установка здесь портала и даже любая попытка трансгрессии обратились в преступления, караемые тюремной отсидкой. Все это проделано во имя твоей безопасности, ради того, чтобы помешать Сам-Знаешь-Кому добраться до тебя. И все совершенно бессмысленно, поскольку ты и так уже надежно защищен заклятием, наложенным твоей матерью. На самом деле его усилия были направлены на то, чтобы не позволить тебе безопасно выбраться отсюда. Проблема вторая: ты несовершеннолетний, и, значит, на тебя все еще распространяется действие Надзора.

— Я не…

— Да Надзор же, Надзор! — нетерпеливо произнес Грозный Глаз. — Заклинание, которое отслеживает магические действия тех, кому еще нет семнадцати, позволяя Министерству ловить несовершеннолетних баловников! Если ты или кто-то находящийся рядом с тобой попытается произнести заклинание, способное вызволить тебя отсюда, Толстоватый сразу узнает об этом и Пожиратели смерти тоже.

— Ждать, пока снимут Надзор, мы не можем, поскольку в тот миг, когда тебе исполнится семнадцать, ты лишишься защиты, обеспеченной твоей матерью. Короче: Пий Толстоватый полагает, что окончательно загнал тебя в угол.

Гарри не мог не согласиться с неведомым ему Пием.

— И что мы будем делать?

— Воспользуемся тем транспортом, какой у нас остался, тем, который не отслеживается Надзором, потому что никаких заклинаний не требует: метлами, фестралами и мотоциклом Хагрида.

Гарри тут же увидел все изъяны этой схемы, однако говорить о них не стал, полагая, что это сделает сам Грозный Глаз.

— Так вот, чары, наложенные твоей матерью,

спадают при выполнении одного из двух условий: когда ты становишься совершеннолетним или когда перестаешь считать это место, — Грюм обвел рукой чистенькую кухню, — своим домом. Ты, твои дядя и тетя отправились этой ночью по разным путям, полностью сознавая, что вместе вам больше жить не придется, так?

Гарри кивнул.

— И стало быть, когда ты уйдешь отсюда сегодня, обратной дороги не будет, а чары спадут, едва ты окажешься вне поля их действия. Мы решили проделать это пораньше, поскольку иной выбор сводится к тому, чтобы дожидаться, когда Сам-Знаешь-Кто явится сюда и схватит тебя, как только тебе исполнится семнадцать. На нашей стороне одно обстоятельство: Сам-Знаешь-Кому не известно, что на новое место ты переберешься этой ночью. Мы скормили Министерству ложную информацию, там думают, что переезд назначен на тридцатое. Но мы имеем дело с Сам-Знаешь-Кем, поэтому полагаться только на расхождение в датах не можем. Он наверняка отправил пару Пожирателей смерти патрулировать небо в этом районе, просто на всякий случай. Поэтому мы подобрали дюжину домов и обеспечили их всевозможной защитой. Все они выглядят так, точно

могут стать твоим укрытием, и все так или иначе связаны с Орденом: мой дом, жилище Кингсли, дом Моллиной тетушки Мюриэль… В общем, идея тебе понятна.

— Да, — ответил Гарри не вполне искренне, поскольку все еще видел в этом плане зияющую прореху.

— Ты отправишься к родителям Тонкс, и, как только окажешься в пределах действия защитных заклинаний, наложенных на их дом, мы сможем перебросить тебя через портал в «Нору». Вопросы?

— М-м… да, — ответил Гарри. — Может быть, поначалу они и не будут знать, в какой из двенадцати надежных домов я направляюсь. Но разве это не станет очевидным, как только мы, — он быстро пересчитал присутствующих по головам, — четырнадцать человек, вылетим к родителям Тонкс?

— Ах да, — произнес Грюм, — о главном-то я и забыл. Четырнадцать человек к родителям Тонкс не полетят. В эту ночь небеса пересекут семеро Гарри Поттеров — каждый со своим сопровождающим, и каждый полетит в свой укрепленный дом.

И Грюм вытащил из-под плаща флягу с грязно-

ватой на вид жидкостью. Больше он мог ничего не объяснять — в чем состоит остаток плана, Гарри понял мгновенно.

— Нет! — воскликнул он так громко, что его голос наполнил звоном всю кухню. — Ни в коем случае!

— Я предупреждала, что так все и будет, — с легким намеком на самодовольство произнесла Гермиона.

— Если вы думаете, что я позволю шестерым людям рисковать жизнью…

— …да еще и впервые, — вставил Рон.

— Одно дело изображать меня…

— Думаешь, нам так уж этого хочется, Гарри? — серьезным тоном осведомился Фред. — Представь, вдруг что-нибудь заколодит и мы навсегда останемся тощими очкариками.

Гарри даже не улыбнулся.

— Без моего содействия вы этого сделать не сможете, вам понадобится несколько моих волос.

— Да, вот это наш план и погубит, — сказал Джордж. — Ясно же, что, если ты не станешь нам помогать, у нас не будет ни единого шанса получить от тебя хоть один волосок.

— Ага, тринадцать человек против молодца, которому и магией-то пользоваться запрещено

— какие уж тут шансы, — поддержал брата Фред.

— Смешно, — отозвался Гарри. — Очень забавно.

— Если придется применить силу, мы ее применим, — громыхнул Грюм, волшебное око которого теперь чуть подрагивало в глазнице, наставленное на Гарри. — Здесь все совершеннолетние, Поттер, и все готовы рискнуть.

Наземникус пожал плечами и сморщился; волшебное око выехало, чтобы взглянуть на него, едва ли не на висок Грюма.

— Хватит спорить. Время уходит. Мне требуется несколько твоих волосков, мальчик, и немедленно.

— Но это безумие, нет никакой необходимости…

— Необходимости! — прорычал Грюм. — Когда Сам-Знаешь-Кто совсем рядом и половина Министерства на его стороне? Поттер, если нам повезет, он проглотит нашу приманку и решит напасть на тебя тридцатого. Но он был бы полным идиотом, если бы не послал в дозор одного-двух Пожирателей смерти. Я именно так и поступил бы. Может, они и не способны добраться до тебя или до этого дома, пока держится заклинание твоей матери, однако оно вот-вот утратит силу,

а примерное местоположение дома они знают. Наш единственный шанс — использование двойников. Даже Сам-Знаешь-Кто не способен разделиться на семь частей.

Гарри встретился глазами с Гермионой и тут же отвел взгляд в сторону.

— Итак, Поттер, несколько волосков — будь любезен. Гарри взглянул на Рона, и тот состроил гримасу, говорившую: давай.

— Ну же! — рявкнул Грюм.

Ощущая на себе взгляды всех, кто находился на кухне, Гарри поднял руку к макушке, ухватил тонкую прядку волос и выдернул ее.

— Хорошо, — сказал Грюм и, хромая, приблизился к Гарри, попутно вытянув из фляги пробку. — А теперь, будь добр, брось их сюда.

Гарри уронил волосы в грязную жидкость. Едва они коснулись ее поверхности, как зелье вспенилось, покрылось парком и мгновенно очистилось, став ярко-золотистым.

— О, Гарри, ты с виду куда вкуснее, чем Крэбб с Гойлом, — сказала Гермиона, но тут же заметила, как приподнялись брови Рона, и, слегка покраснев, добавила: — Ну, ты же помнишь, Гойлово варево на сопли смахивало.

— Поддельные Поттеры, построиться! — ско-

мандовал Грюм.

Рон, Гермиона, Фред, Джордж и Флер выстроились в ряд перед сверкающей раковиной тети Петуньи.

— Одного не хватает, — сказал Люпин.

— Да тут он, — хрипло сообщил Хагрид и, сцапав Наземникуса за загривок, оторвал его от пола и поставил рядом с Флер, которая демонстративно сморщила носик и сменила место, встав между Фредом и Джорджем.

— Я же просил, меня бы лучше в защитники, — промямлил Наземникус.

— Молчать! — рявкнул Грюм. — Я тебе уже говорил, червяку бесхребетному, любой Пожиратель смерти, на которого мы напоремся, будет стараться схватить Поттера, а не убить его. Дамблдор всегда говорил: Сам-Знаешь-Кто намерен прикончить Поттера лично. Хуже всего придется защитникам, потому что их-то Пожиратели смерти постараются прикончить.

Услышанное, похоже, не сильно успокоило Наземникуса, но Грюм уже извлек из-под мантии шесть стопочек размером с подставку для яйца, раздал их стоявшим в строю и налил каждому по небольшой порции Оборотного зелья.

— Ну, теперь все разом…

Рон, Гермиона, Фред, Джордж, Флер и Наземникус проглотили зелье. Каждый из них, ощутив его в горле, ахнул и сморщился, и мгновенно лица их начали пузыриться, точно закипающий воск. Гермиона и Наземникус вытягивались, увеличиваясь в росте, Рон, Фред и Джордж уменьшались, волосы у всех темнели, а у Гермионы с Флер они словно втянулись внутрь черепов.

Грюм, не обращая на происходящее никакого внимания, развязывал принесенные им с собой рюкзаки, а когда выпрямился, перед ним уже стояли, пыхтя и отдуваясь, шестеро Гарри Поттеров.

Фред и Джордж повернулись друг к другу и одновременно произнесли:

— Ух ты, какие мы одинаковые!

— Ну, не знаю, — сказал Фред, изучив свое отражение в кастрюле, — По-моему, я все еще покрасивее.

— Фу, — произнесла оглядевшая себя в дверце микроволновки Флер. — Билл, не смот'ги на меня, я у'година.

— Для тех, кому одежда великовата, здесь найдутся размеры поменьше, — сообщил Грюм, указывая на первый рюкзак, — и наоборот. Да про очки не забудьте, шесть пар лежат в боковом кармане. А как переоденетесь, разберете то, что

лежит во втором рюкзаке.

Настоящему Гарри Поттеру казалось, что ничего более причудливого он в своей жизни не видел, а видеть ему приходилось вещи очень странные. Он наблюдал за тем, как шестеро его двойников роются, извлекая одежду, в рюкзаках, как они надевают очки, сбрасывают с себя то, во что они были одеты. Когда они начали с совершенной беззастенчивостью раздеваться, ему захотелось попросить, чтобы они проявили чуть больше уважения к его личным тайнам, однако выставлять напоказ его тело им явно было легче, чем свои собственные.

— Так и знал, что про татуировку Джинни наврала, — сказал Рон, оглядев свою голую грудь.

— Ну и зрение у тебя, Гарри, ужас какой-то, — сообщила, надевая очки, Гермиона.

Одевшись, поддельные Поттеры вытащили из второго рюкзака совиные клетки, в каждой из которых находилось чучело белой совы, и такие же, как у Гарри, рюкзачки.

— Хорошо, — произнес Грюм, когда перед ними выстроились семеро одинаково одетых и нагруженных очкастых Гарри. — Делимся на пары так: Наземникус отправляется со мной, на метле…

— Почему это я с тобой? — спросил стоявший

ближе других к двери поддельный Гарри.

— Потому что за тобой глаз да глаз нужен, — прорычал Грюм и, больше уже не сводя, в соответствии со сказанным, волшебного ока с Наземникуса, продолжал: — Артур и Фред…

— Я Джордж, — сказал тот из близнецов, на которого указал Грюм. — Неужели вы не можете различить нас, даже когда мы обращаемся в Гарри?

— Простите, Джордж…

— Да я пошутил, Вообще-то я Фред…

— Хватит дурака валять! — рявкнул Грюм. — Второй из вас — Джордж, Фред или кто вы там, — с Римусом. Мисс Делакур…

— Я повезу Флер на фестрале, — сказал Билл. — Она не любит метел.

Флер подошла к нему и встала рядом, глядя на Билла с сентиментальным, раболепным обожанием, которое, как от души надеялся Гарри, никогда больше на его лице не появится.

— Мисс Грейнджер с Кингсли, тоже на фестрале…

Гермиона обрадованно ответила на улыбку Кингсли — Гарри знал, что и она чувствует себя на метле неуверенно.

— Выходит, остаемся только мы с тобой, Рон! —

весело воскликнула Тонкс и, помахав ему рукой, сшибла со стола сушилку для чашек.

Рон выглядел далеко не таким довольным, как Гермиона.

— А мы с тобой, Гарри. Не против? — не без некоторой тревоги в голосе спросил Хагрид. — Покатим на мотоцикле, я, понимаешь, тяжеловат для метелок с фестралами. Правда, я и на мотоцикле кучу места занимаю, так что давай уж в коляску.

— Отлично, — сказал Гарри, опять-таки не вполне искренне.

— Мы думаем, что Пожиратели смерти ожидают увидеть тебя на метле, — пояснил Грюм, по-видимому, заметив недовольство Гарри. — У Снегга была куча времени, чтобы рассказать им про тебя все, о чем он прежде не упоминал. Поэтому, если мы наткнемся на Пожирателей, они, как мы полагаем, выберут одного из тех Поттеров, что хорошо сидят на метле. Ну ладно, — продолжал он, завязав рюкзак, в который была уложена одежда ложных Поттеров, и направившись с ним к задней двери. — До отправления осталось три минуты. Запирать дверь бессмысленно, Пожирателей смерти, когда они сюда заявятся, замок не остановит… Вперед…

Гарри торопливо прошел в прихожую, чтобы забрать свой рюкзачок, «Молнию» и Буклю, а затем присоединился в заднем саду ко всем прочим. Справа и слева от него подергивались в руках хозяев метлы, Кингсли уже подсаживал Гермиону на фестрала, Билл подсаживал Флер на другого. Хагрид, снова нацепивший очки, стоял у мотоцикла.

— Это он? Мотоцикл Сириуса?

— Он самый, — широко улыбаясь, ответил Хагрид. — Когда ты в последний раз катался на нем, Гарри, ты у меня в одной ладони помещался!

Усаживаясь в коляску, Гарри поневоле ощущал себя немного обиженным. Голова его оказалась на несколько футов ниже всех прочих: Рон ухмылялся, глядя на него, сидящего точно ребенок в игрушечном автомобиле. Гарри запихал метлу и рюкзак себе под ноги, втиснул клетку с Буклей между коленей. Неудобно было до ужаса.

— Артур малость поколдовал над этой штукой, — сказал Хагрид, совершенно не заметивший неудобства, которое испытывал Гарри. Он оседлал мотоцикл, слегка крякнувший и дюймов на пять ушедший в землю. — Тут теперь пара штучек есть, управляются прямо с руля. Вот эта — моя идея.

И он указал толстым пальцем на багровую кнопку по соседству со спидометром.

— Прошу вас, Хагрид, будьте осторожны, — сказал стоявший рядом с ними, придерживая метлу, мистер Уизли. — Я до сих пор не уверен в разумности этого средства, и, уж во всяком случае, прибегать к нему следует только в крайних случаях.

— Ну хорошо, — произнес Грюм. — Прошу всех приготовиться, мы должны стартовать точно в одно время, иначе наш отвлекающий маневр не сработает.

Все, вылетавшие на метлах, оседлали их.

— Держись крепче, Рон, — сказала Тонкс, и Гарри увидел, как Рон, бросив на Люпина виноватый косой взгляд, обхватил ее за талию.

Хагрид включил мотоциклетный мотор — тот взревел, точно дракон, коляска задрожала.

— Всем удачи! — крикнул Грюм. — Увидимся примерно через час в «Норе». На счет три. Раз… два… ТРИ.

Мотоцикл заревел еще громче. Гарри почувствовал, как коляска неприятно накренилась — он летел по воздуху, глаза немного слезились, волосы относило с лица назад. Вокруг него набирали высоту метлы, мимо промелькнул длинный

черный хвост фестрала. Ноги, зажатые в коляске рюкзаком и клеткой Букли, уже начинали побаливать и затекать. Неудобство, испытываемое им, было так велико, что он даже забыл бросить последний взгляд на дом номер четыре по Тисовой улице, а когда глянул за край коляски, уже не смог различить его среди прочих. Они поднимались в небо все выше и выше…

И тут, откуда ни возьмись, из пустоты появился уже окруживший их противник. По меньшей мере тридцать фигур в капюшонах висело в воздухе, образовав большое кольцо, в самую середину которого поднимались, ничего пока не замечая, члены Ордена…

Крики, вспышки зеленого огня со всех сторон. Хагрид заорал, и мотоцикл перевернулся. Гарри утратил всякое чувство ориентации: уличные огни над головой, вопли со всех сторон; он изо всех сил цеплялся за края коляски. Клетка с Буклей, «Молния» и его рюкзак выскальзывали из-под коленей…

— Нет… БУКЛЯ!

Метла унеслась, вращаясь, к земле, однако Гарри все же успел ухватить лямку рюкзака и крышку клетки, и тут мотоцикл рывком вернулся в правильное положение. Секундное облегчение,

а следом снова всполох зеленого пламени, и сова, хрипло вскрикнув, упала на дно клетки.

— Нет… НЕТ!

Мотоцикл, набирая скорость, несся вперед. Гарри мельком увидел Пожирателей смерти, бросившихся врассыпную, когда Хагрид прорывался сквозь их кольцо.

— Букля… Букля…

Но сова лежала на дне клетки, неподвижная и жалкая, как игрушка. Гарри еще не осознал случившегося, да и страх за остальных занимал в его душе первое место. Оглянувшись через плечо, он увидел движение массы людей, вспышки зеленого света, две уносившиеся вдаль метлы с парой седоков на каждой, однако кто эти седоки, уже не разобрал…

— Хагрид, мы должны вернуться назад! Вернуться! — крикнул он сквозь громовый рев двигателя, вытаскивая палочку, втискивая клетку с Буклей в пол кабины, отказываясь поверить, что сова убита. — Хагрид, РАЗВЕРНИСЬ!

— Моя работа — доставить тебя целым на место, Гарри! — взревел Хагрид и открыл до отказа дроссельный клапан.

— Стой! СТОЙ! — крикнул Гарри. Однако, обернувшись, он увидел две пролетавших мимо

его левого уха струи зеленого огня: четверка Пожирателей смерти оторвалась от кольца и преследовала их, паля в широкую спину Хагрида. Хагрид вильнул в сторону, но Пожиратели не отставали, выпуская по мотоциклу одно заклятие за другим, и Гарри, чтобы уклониться от них, пришлось осесть в коляске пониже. Повернувшись назад, он крикнул: «Отключись!», и из его палочки вырвалась красная молния, ушедшая в зазор между бросившимися в разные стороны Пожирателями смерти.

— Держись, Гарри, щас они у меня получат! — рычал Хагрид.

Гарри обернулся к нему как раз вовремя, для того чтобы увидеть, как толстый палец Хагрида врезается в зеленую кнопку около датчика расхода топлива.

Стена, плотная кирпичная стена вырвалась из выхлопной трубы. Изогнув шею, Гарри смотрел, как она разрастается в воздухе. Трое Пожирателей смерти сумели увернуться от нее, а вот четвертому повезло меньше: он исчез за стеной, а затем камнем полетел из-под нее вниз вместе с разломанной на куски метлой. Один из его товарищей замедлил ход, чтобы спасти падающего, однако Хагрид навалился на руль, мотоцикл прибавил

скорость, и вскоре стена и эти двое Пожирателей скрылись во мраке.

Новые Убивающие заклятия, выпущенные палочками двух продолжавших преследование Пожирателей смерти, просвистели мимо головы Гарри — Пожиратели целили в Хагрида. Гарри отвечал им Оглушающими заклятиями: струи красного и зеленого огня сталкивались в воздухе, рассыпаясь многоцветными искрами, и в голове Гарри мелькнула диковатая мысль о фейерверках и ничего не знающих о происходящем маглах внизу…

— Щас я им еще выдам, Гарри, держись! — крикнул Хагрид и ударил по второй кнопке.

На сей раз из выхлопной трубы вылетела огромная сеть, но Пожиратели смерти были к этому готовы. Они не только ушли в стороны, уклоняясь от нее, — к ним еще и присоединился их компаньон, отставший, чтобы спасти потерявшего сознание товарища. Он неожиданно выскочил из темноты, и теперь все трое гнались за мотоциклом, осыпая его заклятиями.

— Ну уж вот это точно сработает, держись крепче, Гарри! — заорал Хагрид и бухнул сразу всей ладонью по багровой кнопке у спидометра.

Из выхлопной трубы с ревом, который ни с

чем спутать невозможно, вырвался раскаленный до голубоватой белизны драконов огонь, и мотоцикл, словно пуля, рванулся вперед, сопровождаемый треском корежимого металла. Гарри увидел, как Пожиратели бросились врассыпную, спасаясь от смертоносной струи огня, и в тот же миг коляска угрожающе закачалась: могучее ускорение сокрушило металлический крепеж, соединявший ее с мотоциклом.

— Ничего, Гарри! — взревел Хагрид, которого прилив скорости уложил на сиденье почти навзничь. Теперь мотоцикл остался без управления, а от бешеного полета коляска продолжала выкручиваться и отламываться. — Я все починю, Гарри, не бойся! — грянул Хагрид и выхватил из кармана куртки розовый зонтик с цветочками.

— Хагрид! Не надо! Давай я!

— РЕПАРО!

Коляска с оглушительным грохотом оторвалась окончательно: сначала набранная мотоциклом скорость несла ее вместе с Гарри вперед, но вскоре она начала терять высоту.

Гарри в отчаянии ткнул в коляску палочкой и крикнул:

— Вингардиум левиоса!

Коляска стрельнула вверх, точно пробка из

бутылки, — неуправляемая, но все еще парящая в воздухе. На миг Гарри испытал облегчение, однако мимо уже проносились новые заклятия — троица Пожирателей смерти приближалась.

— Я иду, Гарри! — проорал из темноты Хагрид, но Гарри почувствовал, что коляска снова пошла вниз, и, пригнувшись, как только мог, наставил палочку на среднюю из приближавшихся фигур и крикнул:

— Импедимента!

Заклятие ударило среднего Пожирателя в грудь: на миг он повис в воздухе, нелепо раскинув руки, словно остановленный на лету незримым барьером, и один из его приспешников едва не столкнулся с ним.

Затем коляска начала падать уже всерьез, а заклятия уцелевших Пожирателей смерти стали сыпаться в такой близи от Гарри, что ему пришлось нырнуть вниз, за края коляски, и он, ударившись о сиденье, выбил зуб…

— Я иду, Гарри, иду!

Огромная рука ухватила Гарри за мантию и вырвала из падающей камнем коляски; он, успев подхватить рюкзак, вскарабкался на сиденье мотоцикла и оказался сидящим спина к спине с Хагридом. И пока мотоцикл набирал высоту, ухо-

дя от двух Пожирателей смерти, Гарри выплюнул кровь, нацелил палочку на падающую коляску и крикнул:

— Вспыхни!

Раздался взрыв, наполнивший Гарри страшной, выворачивавшей нутро болью за Буклю. Ближайшего к коляске Пожирателя сорвало с метлы, и он полетел вниз, быстро скрывшись из глаз; его спутник повалился на спину и тоже исчез.

— Прости, Гарри, прости, — постанывал Хагрид. — Не надо мне было самому за починку браться, теперь тебе сидеть негде…

— Не важно, ты, главное, лети! — крикнул себе за спину Гарри, увидев, что из мрака появилась еще пара Пожирателей смерти, нагонявшая мотоцикл.

Как только разделявшее их пространство опять начали пронизывать заклятия, Хагрид повел мотоцикл зигзагами. Гарри понимал, что снова воспользоваться кнопкой драконова огня Хагрид не решится — уж больно ненадежно сидел на мотоцикле его пассажир. Он посылал в преследователей одно Оглушающее заклятие за другим, едва-едва удерживая их на расстоянии. Потом выпалил Блокирующим и, когда ближайший Пожиратель вильнул, уклоняясь от заклятия в

сторону, с его головы соскользнул капюшон, и в красном свете еще одного Оглушающего заклятия Гарри увидел странно пустое лицо Стэна Шанпайка… Стэна…

— Экспеллиармус! — крикнул Гарри.

— Это он, он, настоящий! — Вопль, исходивший из-под капюшона второго Пожирателя смерти, донесся до Гарри даже сквозь рев мотоцикла, и в следующий миг оба преследователя сдали назад и пропали из глаз.

— Что там, Гарри? — взревел Хагрид. — Куда они подевались?

— Не знаю!

Гарри одолевал страх: Пожиратель крикнул «настоящий», но как он это понял? Гарри окинул взглядом пустую на вид тьму и ощутил таящуюся в ней опасность. Где они все? Покопошившись, он развернулся на сиденье лицом вперед и крепко вцепился в куртку Хагрида:

— Хагрид, пальни еще раз драконовым огнем, давай убираться отсюда!

— Тогда держись покрепче, Гарри!

Раздался оглушительный, хриплый рев, из выхлопной трубы вырвалось голубовато-белое пламя. Гарри почувствовал, что соскальзывает с отведенного ему краешка сиденья, Хагрида бро-

сило назад, на него, с такой силой, что великан едва смог удержать руль…

— Похоже, оторвались мы от них, Гарри. все-таки справились! — крикнул Хагрид.

Однако Гарри не был в этом убежден. Страх омывал его сердце, он поглядывал вправо и влево, отыскивая преследователей, уверенный, что те скоро появятся… Но почему же они отстали? У одного еще оставалась в руке палочка… «Это он, он, настоящий!..» Крик раздался сразу после того, как Гарри попытался обезоружить Стэна…

— Мы почти на месте, Гарри, почти добрались! — прокричал Хагрид.

И Гарри почувствовал, что мотоцикл пошел на снижение, хотя огни, горевшие на земле, еще казались далекими, как звезды.

Но тут шрам на его лбу словно вспыхнул — по обеим сторонам мотоцикла появились Пожиратели смерти, два пущенных сзади Убивающих заклятия прошли всего на миллиметр от головы Гарри…

И Гарри увидел его. Волан-де-Морт летел, точно дым по ветру, без метлы или фестрала, змеиное лицо его поблескивало во мраке, белые пальцы снова поднимали палочку…

Хагрид взвыл от страха и бросил мотоцикл в

вертикальное пике. Гарри, отчаянно цепляясь за жизнь, наугад метал вокруг себя, в завертевшуюся вихрем ночь, Оглушающие заклятия. Он увидел пролетевшее мимо тело и понял, что попал в кого-то, но тут же раздался удар, из двигателя посыпались искры, и мотоцикл, полностью лишившись управления, штопором понесся вниз…

Вокруг снова замелькали струи зеленого пламени. Гарри уже не понимал, где верх, где низ, шрам жгло и жгло, он был уверен, что в ближайшие секунды умрет. Примерно в футе от него появился верхом на метле некто в капюшоне, поднял в его сторону руку…

— НЕТ!

С этим яростным криком Хагрид прыгнул с мотоцикла на Пожирателя смерти, и Гарри с ужасом увидел, как оба они, Пожиратель и Хагрид, стремительно уносятся вниз — их общий вес оказался для метлы чрезмерным…

Едва сжимая падающий мотоцикл коленями, Гарри услышал крик Волан-де-Морта:

— Мой!

Все было кончено. Ни слух, ни зрение не позволяли понять, где сейчас Волан-де-Морт. Мелькнул еще один быстро убравшийся с его пути Пожиратель. Гарри услышал:

— Авада…

Поскольку боль в шраме заставила Гарри закрыть глаза, палочке его пришлось действовать самостоятельно. Гарри почувствовал, как она тянет его руку, точно большой магнит, увидел из-под полузакрытых век порыв золотистого огня, услышал треск и вопль гнева. Взвыл один из еще уцелевших Пожирателей смерти, Волан-де-Морт взвизгнул: «Нет!», а Гарри непонятным образом вдруг обнаружил прямо перед своим носом багровую кнопку. Он ударил по ней свободной от палочки рукой, мотоцикл выбросил в воздух струю пламени и с еще большей скоростью понесся к земле.

— Хагрид! — позвал Гарри, изо всех сил цепляясь за руль. — Хагрид! Акцио, Хагрид!

Скорость нарастала, земля тянула мотоцикл к себе. Руль торчал перед лицом Гарри, он не видел ничего, кроме становившихся все ближе и ближе огней: сейчас он врежется в землю, и с этим ничего уже поделать нельзя. Сзади послышался новый крик:

— Палочку, Селвин, дай твою палочку!

Гарри скорее почувствовал Волан-де-Морта, чем увидел его. Бросив взгляд в сторону, он обнаружил совсем рядом красные глаза и понял: это

последнее, что он видит в жизни. Волан-де-Морт готовился метнуть в него еще одно заклятие…

Но тут Волан-де-Морт исчез. Гарри глянул вниз, увидел распростертого на земле Хагрида и, чтобы не врезаться в него, потянул руль на себя и с оглушительным грохотом, от которого содрогнулась земля, влетел в илистый пруд.

Глава 5

ПАВШИЙ ВОИН

— Хагрид!

Гарри пытался выбраться из мешанины окружавших его обломков металла и обрывков кожи. Попробовал встать, однако руки его ушли дюймов на пять в илистую воду. Он не понимал, где Волан-де-Морт, и ожидал, что тот в любую секунду обрушится на него из темноты. что-то горячее и мокрое стекало по его подбородку и по лбу тоже. Он на четвереньках выполз из пруда и заковылял к месту, где лежала на земле огромная, темная масса — Хагрид.

— Хагрид! Хагрид, скажи что-нибудь…

Но темная масса даже не пошевелилась.

— Кто здесь? Это Поттер? Вы Гарри Поттер?

Этот мужской голос Гарри был незнаком. Следом послышался женский:

— Они разбились, Тед! Разбились в саду!

В голове у Гарри все поплыло.

— Хагрид, — тупо повторил он, и тут колени его подогнулись.

В следующий, как ему показалось, миг он об-

наружил, что лежит навзничь на чем-то вроде кушетки, что его ребра и правая рука горят. Выбитый зуб уже вырос заново. Шрам на лбу продолжал пульсировать.

— Хагрид!

Гарри открыл глаза и увидел, что лежит на софе в незнакомой ярко освещенной гостиной. Неподалеку от софы валялся на полу его рюкзак, мокрый и грязный. У софы стоял, обеспокоенно вглядываясь в Гарри, светловолосый мужчина с изрядным брюшком.

— С Хагридом все хорошо, сынок, — сказал этот мужчина, — за ним сейчас жена ухаживает. Как вы себя чувствуете? Ничего больше не сломано? Ребра, зуб и руку я починил. Кстати, я Тед, Тед Тонкс — отец Доры.

Гарри сел — слишком поспешно: свет вдруг потускнел, Гарри ощутил тошноту и головокружение.

— Волан-де-Морт…

— Вы все же полегче, — сказал Тед Тонкс и, положив на плечо Гарри ладонь, заставил его снова опуститься на подушки. — Вы только что здорово врезались в землю. И кстати, что произошло? Мотоцикл сломался? Артур Уизли опять перемудрил со своими магловскими изобретениями?

— Нет, — ответил Гарри, чувствуя, как шрам пульсирует, точно открытая рана. — Пожиратели смерти, их было много… Они гнались за нами…

— Пожиратели смерти? — резко переспросил Тед. — Что значит Пожиратели смерти? Я полагал, они не знали, что вы переезжаете сегодня, полагал…

— Они знали, — сказал Гарри.

Тед Тонкс взглянул на потолок, как будто надеялся увидеть небо за ним.

— Ну что же, зато и мы знаем, что наши защитные заклинания держатся, не так ли? Им к этому дому и на сто ярдов не подобраться — с любой стороны.

Теперь Гарри понял, почему исчез Волан-де-Морт. Это случилось там, где мотоцикл прошел через поставленный Орденом защитный барьер. Хотелось бы только надеяться, что барьер будет держаться и дальше. Он представил себе Волан-де-Морта, который как раз в эту минуту висит ярдах в ста над ними, пытаясь понять, как ему проникнуть сквозь то, что представлялось Гарри большим, прозрачным пузырем.

Гарри спустил с софы ноги, ему нужно было собственными глазами увидеть Хагрида, только тогда он поверит, что тот жив. Но едва Гарри

встал, дверь распахнулась, и в нее протиснулся Хагрид, прихрамывающий, с покрытым грязью и кровью лицом, но чудесным образом живой.

— Гарри!

Хагрид в два шага покрыл разделявшее их расстояние (свалив по пути два хрупких столика и фикус) и обнял Гарри так, что у того затрещали недавно починенные ребра.

— Мать честная, Гарри, как же ты выбрался-то? Я уж решил, нам обоим крышка.

— Да, и я тоже. Поверить не могу…

Гарри примолк, он только теперь заметил женщину, вошедшую в комнату следом за Хагридом.

— Вы! — крикнул он и сунул руки в карманы, однако там было пусто.

— Вот ваша палочка, сынок, — сказал Тед, пристукнув ею по руке Гарри. — Лежала рядом с вами, я ее подобрал. А кричите вы на мою жену.

— Ох, я… простите.

Пока миссис Тонкс пересекала комнату, ее сходство с сестрой, с Беллатрисой убывало: более светлые каштановые волосы, глаза побольше и подобрее. И тем не менее, после восклицания Гарри в ней проступила легкая надменность.

— Что с нашей дочерью? — спросила она. — Хагрид сказал, что вы попали в засаду. Где

Нимфадора?

— Не знаю, — ответил Гарри. — Мы оба не знаем, что произошло со всеми остальными.

Тед с женой обменялись взглядами. А Гарри, пока он смотрел на их лица, одолевали чувства страха и вины. Если кто-то из остальных погибнет, виноват в этом будет он и только он. Ведь это он согласился с их планом, дал свои волосы…

— Портал, — произнес Гарри, вдруг вспомнив все сразу. — Нам нужно вернуться в «Нору» и все выяснить, тогда мы сможем послать вам весточку или… или Тонкс пришлет ее, когда она…

— С Дорой все будет хорошо, Дромеда, — сказал Тед. — Она свое дело знает, она не раз попадала в переделки вместе с мракоборцами. Портал пока здесь, — обратился он к Гарри. — Если хотите воспользоваться им, у вас есть на это три минуты.

— Да, хотим, — сказал Гарри. Он подхватил рюкзак, забросил его на плечо. — Я…

Он смотрел на миссис Тонкс, ему хотелось попросить прощения за то, что он покидает ее такой напуганной, ведь именно на нем лежит страшная ответственность за случившееся. Однако слов, которые не казались бы ему самому пустыми и неискренними, Гарри найти не мог.

— Я скажу Тонкс… Доре, чтобы она связалась с

вами, когда… когда она… и спасибо, что залатали нас, спасибо за все. Я…

Покинув комнату и шагая за Тедом Тонксом по ведущему к спальне короткому коридору, Гарри испытывал облегчение. Хагрид вошел в спальню следом за ними, согнувшись, чтобы не зацепить головой дверную притолоку.

— Ну вот, сынок, это и есть портал. — Мистер Тонкс указал на маленькую, оправленную в серебро щетку для волос, лежавшую на туалетном столике.

— Спасибо, — сказал Гарри и протянул руку, чтобы погрузить в щетку палец и покинуть этот дом.

— Погоди, Гарри, — сказал, озираясь по сторонам, Хагрид. — А Букля-то где?

— Она… в нее попали, — ответил Гарри.

Мысль о случившемся снова обрушилась на него, Гарри ощутил такой стыд, что на глаза его навернулись слезы. Сова была его товарищем, единственной связью с волшебным миром в те дни, которые ему приходилось проводить у Дурслей.

Хагрид протянул здоровенную ладонь и похлопал Гарри по плечу, довольно болезненно.

— Не горюй, — хрипло сказал он. — Не горюй.

Она прожила замечательную, долгую жизнь…

— Хагрид! — предостерегающе произнес Тед Тонкс — щетка наливалась яркой синевой, времени на то, чтобы сунуть в нее палец, оставалось совсем мало.

что-то рвануло Гарри вблизи пупка, как будто незримый крючок и леска потянули его лицом вперед, в темноту, где он неуправляемо завертелся, не отрывая пальца от щетки, улетая вместе с Хагридом от мистера Тонкса. Пару секунд спустя ноги Гарри с силой врезались в твердую землю, и он упал на четвереньки посреди двора «Норы». Послышались чьи-то крики. Отбросив ненужную больше щетку, Гарри встал, покачнулся и увидел сбегающих по ступеням заднего крыльца миссис Уизли и Джинни. Тем временем и Хагрид, тоже упавший на землю, с трудом поднялся на ноги.

— Гарри? Ты настоящий Гарри? Что случилось? Где все остальные? — восклицала миссис Уизли.

— Как? Никто еще не вернулся? — выдохнул Гарри. Ответ был ясно написан на побледневшем лице миссис Уизли.

— Нас поджидали Пожиратели смерти, — сказал ей Гарри. — Мы были окружены уже на взлете — они знали о сегодняшней ночи. Что произошло с остальными, мне неизвестно. За нами гнались

четверо, мы могли только попытаться удрать от них. А потом за нас взялся Волан-де-Морт…

Он слышал в своем голосе нотку самооправдания, обращенную к миссис Уизли мольбу понять, почему он не знает, что случилось с ее сыновьями.

— Хвала небесам, вы целы, — сказала миссис Уизли, заключая Гарри в объятия, которых он, по его мнению, не заслуживал.

— А у тебя бренди не найдется, Молли? — спросил дрогнувшим голосом Хагрид. — Для медицинских целей, а?

Она могла бы прибегнуть к магии, но вместо этого торопливо пошла в покосившийся дом сама, и Гарри понял: миссис Уизли не хочет, чтобы кто-то видел ее лицо. Он повернулся к Джинни, и она ответила сразу на все незаданные им вопросы.

— Рон и Тонкс должны были вернуться первыми, но не успели к своему порталу, он возвратился без них, — сказала она, указав на валявшуюся неподалеку на земле ржавую масленку. — А вторыми вот с этим, — она ткнула пальцем в старые парусиновые туфли, — полагалось вернуться папе и Фреду. Ты и Хагрид были третьими. Джордж с Люпином, — она взглянула на часы, — если поспеют, появятся через минуту.

Миссис Уизли вернулась с бутылкой бренди, отдала ее Хагриду. Тот вытащил пробку и выпил все разом.

— Мам! — крикнула Джинни, указывая пальцем на место в двух шагах от нее.

В темноте разлился синий свет, пятно его становилось все больше и ярче, затем в нем появились, вращаясь, и тут же упали Люпин с Джорджем. Гарри мгновенно понял — что-то неладно: Люпин поддерживал потерявшего сознание Джорджа, лицо которого было залито кровью.

Гарри подбежал к ним, взялся за ноги Джорджа. Они с Люпином занесли Джорджа в дом, протащили через кухню в гостиную, уложили на софу. Когда на голову Джорджа упал свет, Джинни ахнула, а у Гарри свело желудок: Джордж лишился одного уха. Эта сторона его головы и шеи была залита еще не подсохшей, пугающе алой кровью.

Как только миссис Уизли склонилась над сыном, Люпин сцапал Гарри за локоть и бесцеремонно отволок его обратно на кухню, снаружи которой Хагрид еще боролся с дверью, не пропускавшей внутрь его огромную тушу.

— Эй! — гневно произнес Хагрид. — Отпусти его! Отпусти Гарри!

Люпин словно и не услышал.

— Какая тварь сидела в углу моего кабинета в Хогвартсе, когда Гарри Поттер впервые попал в него? — спросил он, слегка встряхнув Гарри. — Отвечай!

— Э-ээ… водяной черт в большой банке, так?

Люпин отпустил Гарри, прислонился к кухонному буфету.

— Что за фокусы? — прорычал Хагрид.

— Прости, Гарри, но я обязан был проверить, — сказал Люпин. — Нас предали. Волан-де-Морт знал, что мы вылетаем сегодня, а единственными, кто мог сказать ему об этом, были люди, непосредственно причастные к выполнению плана. Ты мог оказаться подставным лицом.

— А чё ж ты меня не проверяешь? — пропыхтел Хагрид, так пока и не справившийся с дверью.

— Ты же наполовину великан, — взглянув на Хагрида, ответил Люпин. — А Оборотное зелье действует только на людей.

— Никто из членов Ордена не сказал бы Волан-де-Морту, что мы переезжаем этой ночью, — произнес Гарри. Сама эта мысль страшила его, он не мог позволить себе проникнуться недоверием хотя бы к одному из них. — Волан-де-Морт нагнал меня лишь под самый конец пути, поначалу он не знал, который из Поттеров — я. Если бы его

посвятили в план, он с самого начала знал бы, что я лечу с Хагридом.

— Волан-де-Морт нагнал тебя? — резко переспросил Люпин. — И что произошло? Как ты уцелел?

Гарри коротко рассказал, как гнавшиеся за ними Пожиратели смерти, по-видимому, опознали в нем настоящего Поттера, как они прервали погоню — судя по всему, чтобы призвать Волан-де-Морта, появившегося совсем незадолго до того, как он и Хагрид достигли убежища — дома родителей Тонкс.

— Опознали? Но как? Чем ты себя выдал?

— Я… — Гарри попытался вспомнить происшедшее; весь ночной полет казался ему теперь неразборчивой смесью паники и замешательства. — Я увидел Стэна Шанпайка… Помните, он был кондуктором в «Ночном рыцаре»? И попытался разоружить его вместо… Ну, он же не понимал, что делает, верно? Его наверняка сковали Империусом.

Люпин пришел в ужас.

— Гарри, время разоружать их прошло! Эти твари пытаются схватить и убить тебя! Если ты не готов убивать их, так оглушай, по крайней мере.

— От нас было до земли ярдов пятьдесят! Стэн

действовал не по собственной воле, а оглуши я его, он бы упал и разбился, и это было бы все равно что применить Авада Кедавра! Экспеллиармус два года назад спас меня от Волан-де-Морта, — вызывающе ответил Гарри. Люпин напомнил ему глумливого Захарию Смита из Пуффендуя, который высмеял его за попытку обучить Отряд Дамблдора разоружать врагов.

— Конечно, Гарри, — с трудом удерживаясь от вспышки, сказал Люпин, — и множество Пожирателей смерти видело, что происходит. Извини, но в тот раз, под угрозой неминуемой смерти, твой ход был действительно весьма оригинальным. Повторять же его сегодня, на глазах у Пожирателей смерти, которые либо присутствовали при первом случае, либо слышали о нем, это было почти самоубийством!

— Вы считаете, что мне следовало убить Стэна Шанпайка? — сердито спросил Гарри.

— Разумеется, не считаю, — ответил Люпин, — однако любой Пожиратель смерти — да, если честно, просто любой человек — ожидал бы, что ты ответишь ударом на удар. Экспеллиармус — заклинание полезное, Гарри, но Пожиратели, похоже, считают его твоим фирменным приемом, и я тебя очень прошу, постарайся, чтобы оно

им не стало!

Гарри уже ощущал себя круглым дураком, но все-таки не сдавался.

— Я не стану убивать людей только за то, что им случилось преградить мне путь, — заявил он. — Этим пусть занимается Волан-де-Морт.

Ответа Люпина он не услышал — Хагрид, наконец пролезший в дверь, подошел к одному из стульев, сел, и стул тут же развалился. Не обращая внимания на его ругань, перемешанную с извинениями, Гарри спросил у Люпина:

— С Джорджем все обойдется?

При этом вопросе недовольство Люпина поступком Гарри словно испарилось.

— Думаю, да, хотя ухо, оторванное заклятием, восстановить невозможно…

Снаружи донесся громкий шум. Люпин метнулся к задней двери, и Гарри, перескочив через ноги Хагрида, тоже выскочил во двор.

На дворе появились двое. Гарри, еще подбегая к ним, понял, что это Гермиона, к которой уже вернулся ее обычный облик, и Кингсли — оба крепко держались за погнутые одежные плечики. Гермиона бросилась в объятия Гарри, а вот Кингсли никакого удовольствия при виде друзей не выказал. Гарри увидел поверх плеча Гермио-

ны, как он, подняв свою палочку, наставил ее в грудь Люпина.

— Какие самые последние слова услышали мы с тобой от Альбуса Дамблдора?

— «Гарри — главная наша надежда, доверяйте ему», — спокойно ответил Люпин.

Кингсли обратил палочку к Гарри, однако Люпин сказал:

— Это он, я проверил!

— Ладно, хорошо, — произнес Кингсли, пряча палочку под мантию. — Но ведь кто-то же нас предал! Они знали, знали о сегодняшней ночи!

— Похоже, что так, — ответил Люпин, — только не знали, судя по всему, что Поттеров будет семь.

— Утешение невеликое! — прорычал Кингсли. — Кто еще возвратился?

— Только Гарри, Хагрид, Джордж и я.

Гермиона, стараясь приглушить тихий стон, прикрыла рот ладонью.

— Что с вами произошло? — спросил у Кингсли Люпин.

— Пять преследователей, двое ранены, один, возможно, убит, — быстро отрапортовал Кингсли. — Кроме того, мы видели Сам-Знаешь-Кого, он присоединился к погоне на полпути, но очень скоро исчез. Римус, он умеет…

— Летать, — вставил Гарри. — Я тоже видел его, он напал на нас с Хагридом.

— Так вот почему он нас бросил — чтобы погнаться за вами! — воскликнул Кингсли. — А я-то понять не мог, куда он подевался. Но что заставило его сменить цель?

— Гарри слишком доброжелательно обошелся со Стэном Шанпайком, — пояснил Люпин.

— Стэном? — удивилась Гермиона. — Я думала, он в Азкабане.

Кингсли издал безрадостный смешок.

— Гермиона, там явно произошел массовый побег, о котором Министерство помалкивает. Когда я ударил заклятием в Трэверса, с него сорвало капюшон, а ведь его тоже считают сидящим в тюрьме. Но что было с тобой, Римус? Где Джордж?

— Лишился уха, — ответил Люпин.

— Лишился? — тонким голосом переспросила Гермиона.

— Снегг постарался, — сказал Люпин.

— Снегг? — вскрикнул Гарри. — Вы не говорили…

— Во время погони с него слетел капюшон. Да и Сектумсемпра всегда была любимым оружием Снегга. Я и хотел бы сказать, что отплатил ему той

же монетой, но у меня все силы уходили на то, чтобы удерживать Джорджа на метле, — после ранения он потерял очень много крови.

Все четверо замолчали, вглядываясь в небо. Никаких признаков движения в нем не было — звезды смотрели вниз, немигающие, равнодушные, не заслоняемые летящими друзьями. Где Рон? Где Фред и мистер Уизли? Где Билл, Флер, Тонкс, Грозный Глаз Грюм и Наземникус?

— Гарри, помоги! — хрипло позвал Хагрид из двери, в которой он снова застрял. Довольный тем, что для него нашлось дело, Гарри вытянул Хагрида наружу и прошел через пустую кухню в гостиную, где миссис Уизли и Джинни продолжали хлопотать вокруг Джорджа. Кровотечение миссис Уизли остановила, и в свете лампы Гарри увидел там, где прежде находилось ухо Джорджа, чистую, зияющую дыру.

— Как он?

Миссис Уизли, обернувшись, ответила:

— Заново отрастить ухо, отнятое черной магией, я не способна. Но могло быть гораздо хуже… Ведь он жив.

— Да, — отозвался Гарри. — Слава богу.

— Я слышала во дворе шум, — сказала Джинни. — Вернулся кто-то еще?

— Гермиона и Кингсли, — ответил Гарри.

— Слава богу, — прошептала Джинни. Они взглянули друг на друга. Гарри захотелось обнять ее, прижать к себе, ему не помешало бы и присутствие миссис Уизли, но прежде чем он успел поддаться порыву, с кухни донесся какой-то грохот.

— Я докажу мою подлинность, Кингсли, после того, как увижу сына, а теперь отойди, тебе же лучше будет!

Гарри никогда еще не слышал от мистера Уизли столь резких слов. Тот ворвался в гостиную — очки набок, лысинка блестит от пота. По пятам за ним следовал Фред. Оба были бледны, но невредимы.

— Артур! — всхлипнула миссис Уизли. — Слава богу!

— Как он?

Миссис Уизли опустилась рядом с Джорджем на колени. Впервые за все время знакомства с Фредом Гарри увидел, что тот не может вымолвить ни слова. Фред стоял за спинкой софы, смотрел на рану брата и, похоже, не мог поверить в увиденное.

Джордж, разбуженный, вероятно, появлением отца и брата, пошевелился.

— Как ты себя чувствуешь, Джордж? — прошептала миссис Уизли.

Пальцы Джорджа ощупали висок и дыру рядом с ним.

— Как слизняк, — пробормотал он.

— Что с ним? — хрипло спросил явно ужаснувшийся Фред. — У него задет мозг?

— Как слизняк, — повторил Джордж и, открыв глаза, взглянул на брата. — Сам же видишь… Слизняк. Улитка без раковины, Фред. Дошло?

Миссис Уизли зарыдала так, как никогда прежде не рыдала. Лицо Фреда залила краска.

— Ты безнадежен, — сказал он Джорджу. — Безнадежен! Из всего созданного миром богатства острот насчет уха ты ухитрился выбрать всего-навсего ушную раковину!

— Да ладно тебе, — сказал Джордж и улыбнулся обливающейся слезами матери. — Теперь ты хотя бы сможешь нас различать, мам. — И он огляделся вокруг. — Привет, Гарри! Ты ведь Гарри, так?

— Да, — ответил Гарри, подходя поближе к софе.

— Ну, по крайней мере, ты вернулся целым, — сказал Джордж. — А почему Рон с Биллом не теснятся у постели больного?

— Они еще не возвратились, Джордж, — отве-

тила миссис Уизли.

Улыбка Джорджа погасла. Гарри взглянул на Джинни и слегка повел подбородком, прося ее выйти с ним из гостиной. Когда они проходили через кухню, Джинни негромко сказала:

— Рон и Тонкс уже должны были вернуться. Дорога у них не длинная, тетя Мюриэль живет неподалеку отсюда.

Гарри промолчал. С первой минуты появления в «Норе» он старался не поддаваться страху, но теперь тот поглотил его и, казалось, ползал по коже, подрагивал в груди, перехватывал горло. Пока они спускались по ступенькам крыльца в темный двор, Джинни взяла его за руку.

Кингсли расхаживал по двору взад и вперед, поднимая при каждом развороте взгляд к небу. Гарри вспомнился дядя Вернон, вот так же расхаживавший по гостиной миллион лет назад. Хагрид, Гермиона и Люпин стояли плечом к плечу, молча глядя в небеса. Никто из них не обернулся, когда Гарри и Джинни присоединились к их безмолвному бдению.

Минуты как будто растягивались в года. Легчайшее дуновение ветра заставляло всех резко оборачиваться к кустам или к дереву в надежде, что это один из пропавших членов Ордена про-

бирается, целый и невредимый, сквозь листву…

И наконец прямо над их головами материализовалась и понеслась к земле метла…

— Это они! — пронзительно вскрикнула Гермиона. Тонкс приземлилась так лихо, что метлу занесло, и от нее полетели во все стороны камушки и земля.

— Римус! — закричала, спрыгивая с метлы, Тонкс и, пошатнувшись, бросилась в объятия Люпина. Лицо у него было застывшее, белое, казалось, он разучился говорить. Рон, покачиваясь, побежал к Гермионе и Гарри.

— Ты цела, — пробормотал он еще до того, как его обвили руки Гермионы.

— Я думала… думала…

— Я в порядке, — произнес Рон, гладя ее по спине. — Все хорошо.

— Рон великолепен, — горячо сообщила Тонкс, отрываясь от Люпина. — Просто молодец. Оглушил одного из Пожирателей, прямо в башку попал, а когда целишься с летящей метлы в движущуюся мишень…

— Правда? — спросила Гермиона, глядя в лицо Рона и все еще обвивая руками его шею.

— И ведь вечно этот удивленный тон, — сварливо проворчал, высвобождаясь, Рон. — Ну что,

все вернулись?

— Нет, — ответила Джинни, — мы все еще ждем Билла, Флер, Грозного Глаза и Наземникуса. Я пойду, Рон, скажу маме и папе, что с тобой все хорошо.

Она убежала в дом.

— Почему вы так задержались? Что случилось? — почти сердито спросил Люпин у Тонкс.

— Беллатриса, — ответила Тонкс. — Оказывается, я нужна ей не меньше, чем Гарри. Она очень старалась убить меня, Римус. Жаль, что я ее не достала. Я перед ней в долгу. А вот Родольфуса мы поувечили точно… Ну а потом добрались до Роновой тетушки Мюриэль, к отлету портала не поспели, а она развела такую суету…

На челюсти Люпина подрагивал мускул. Он кивнул, но сказать, похоже, ничего способен не был.

— А что приключилось с вами? — спросила Тонкс, поворачиваясь к Гарри, Гермионе и Кингсли.

Они рассказали ей о своих полетах, но затянувшееся отсутствие Билла, Флер, Грозного Глаза и Наземникуса продолжало все это время словно покрывать их души инеем, игнорировать ледяные уколы становилось труднее и труднее.

— Я должен вернуться на Даунингстрит, — сказал Кингсли, в последний раз окидывая взглядом небо. — Меня там уже час как ждут. Когда они возвратятся, дайте мне знать.

Люпин кивнул снова. Помахав всем на прощание, Кингсли направился к укрытым тьмой воротам. Гарри показалось, что он расслышал негромкий хлопок, с которым Кингсли трансгрессировал, едва выйдя за границу «Норы».

По ступенькам сбежали миссис и мистер Уизли, за ними поспешала Джинни. Родители обняли Рона, потом повернулись к Люпину и Тонкс.

— Спасибо за наших сыновей, — сказала миссис Уизли.

— Не говори глупостей, Молли, — мгновенно отозвалась Тонкс.

— Как Джордж? — спросил Люпин.

— А что с Джорджем? — звонко спросил Рон.

— Он потерял…

Но последние слова миссис Уизли потонули в общем крике: откуда ни возьмись в небе возник фестрал, вскоре приземлившийся в паре ярдов от них. Билл и Флер соскользнули с его спины, растрепанные ветром, но целые.

— Билл! Слава богу, слава богу…

Миссис Уизли бросилась к сыну, однако Билл

обнял ее, как будто не понимая, что делает, и, глядя в глаза отцу, сказал:

— Грозный Глаз мертв.

Никто не произнес ни слова, никто не шелохнулся. Гарри показалось, что внутри у него что-то обрывается, рушится, пробивая землю и покидая его навсегда.

— Он погиб на наших глазах, — сказал Билл, и Флер кивнула. В падавшем из окна кухни свете на ее щеках поблескивали дорожки слез. — Все произошло сразу после того, как мы прорвали кольцо. Грозный Глаз и Земник были совсем близко, они тоже летели на север. Волан-де-Морт — он, оказывается, умеет летать — зашел прямо на них. Земник запаниковал, я слышал, как он орет. Грозный Глаз попытался задержать его, однако он трансгрессировал. Заклятие Волан-де-Морта ударило Грюма прямо в лицо, он навзничь слетел с метлы, а мы ничего не могли сделать, ничего, у нас на хвосте висело с полдюжины… — Голос Билла надломился.

— Конечно, не могли, — сказал Люпин.

Они стояли, глядя друг на друга. Гарри никак не удавалось до конца осознать случившееся. Грозный Глаз погиб, этого не может быть… Грозный Глаз, такой крепкий, такой отважный, так

хорошо умевший бороться за свою жизнь…

Наконец все сообразили, хоть никто и не сказал об этом вслух, что дальнейшее ожидание во дворе бессмысленно, и молча пошли за миссис и мистером Уизли в «Нору», в гостиную дома, где смеялись, обмениваясь шуточками, Фред с Джорджем.

— что-то не так? — спросил Фред, увидев лица вошедших. — Что случилось? Кто?

— Грозный Глаз, — ответил мистер Уизли. — Убит.

Улыбки близнецов сменились выражением ужаса.

Никто, казалось, не понимал, что делать дальше. Тонкс тихо плакала в носовой платок: Гарри знал, она была близким другом Грозного Глаза, его любимицей, его протеже в Министерстве магии. Хагрид, усевшийся на пол в углу гостиной, где было больше всего свободного места, тоже промокал глаза носовым платком размером со скатерть.

Билл подошел к буфету, достал бутылку огненного виски, стаканы.

— Вот, — сказал он и взмахом палочки отправил по воздуху двенадцать наполненных стаканов тем, кто находился в гостиной, и высоко

поднял тринадцатый. — За Грозного Глаза.

— За Грозного Глаза, — повторили все и выпили.

— За Грозного Глаза, — запоздалым эхом отозвался, икнув, Хагрид.

Огненное виски обожгло Гарри горло. Казалось, оно снова распалило его чувства, отогнав немоту и ощущение нереальности происходящего, воспламенив в нем что-то вроде отваги.

— Стало быть, Наземникус сбежал? — сказал Люпин, одним махом осушив стакан.

Атмосфера изменилась мгновенно: все застыли, глядя на Люпина, одновременно и желая, казалось Гарри, чтобы он продолжал говорить, и немного страшась того, что могут услышать.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал Билл. — Я и сам размышлял об этом по пути сюда, ведь, похоже, нас ожидали, так? Однако Наземникус не мог предать нас. Пожиратели смерти не знали о семерых Гарри, наше появление сбило их с толку, и вспомни: этот надувательский трюк как раз Наземникус и придумал. Почему же он не рассказал им о самом главном? Думаю, Земник просто запаниковал, вот и все. Он с самого начала не хотел в этом участвовать, но Грозный Глаз заставил его. Сам-Знаешь-Кто летел прямо на

них, тут бы всякий ударился в панику.

— Сами-Знаете-Кто вел себя в точности так, как рассчитывал Грозный Глаз, — сказала, шмыгая носом, Тонкс. — Грюм говорил, что он решит, будто настоящего Гарри сопровождает самый крепкий, самый искусный из мракоборцев. Он и напал первым делом на Грюма, а когда Наземникус удрал, понял, что выбрал не тех, и взялся за Кингсли…

— Все это очень хо'гошо, — резко произнесла Флер, — но никак не объясняет, откуда они знали, что мы будем пе'гевозить 'Арри нынче ночью, так? кто-то п'гоболтался, назвал дату постороннему. Только это и может объяснить то, что они знали день и не знали под'гобностей плана.

И Флер, на прекрасном лице которой так и остались следы слез, обвела гостиную гневным взглядом, молча призывая любого желающего оспорить сказанное ею. Никто не возразил. Единственным, что нарушало тишину, была икота Хагрида, пробивавшаяся сквозь его носовой платок. Гарри взглянул на Хагрида, совсем недавно рисковавшего жизнью, чтобы спасти его, на Хагрида, которого он любил, которому верил, на Хагрида, у которого Волан-де-Морт обманом выманил важнейшие сведения в обмен на дра-

конье яйцо…

— Нет, — громко произнес Гарри, и все удивленно уставились на него — наверное, огненное виски придало его голосу новую силу. — Я хочу сказать… — продолжал Гарри, — если кто-то совершил ошибку, проговорился, я уверен, они сделали это неумышленно. Это не их вина, — повторил он опять-таки громче, чем говорил обычно. — Мы должны доверять друг другу. Я доверяю вам всем и не думаю, что кто-нибудь из вас способен продать меня Волан-де-Морту.

За этими словами снова последовало молчание. Все смотрели на Гарри, и он, почувствовав, что краснеет, отпил еще огненного виски, чтобы как-то справиться с этим. А проглатывая его, вспомнил, с какой язвительностью Грозный Глаз всегда отзывался о готовности Дамблдора доверять людям.

— Хорошо сказано, Гарри, — с неожиданной серьезностью сказал Фред.

— Да, слушайте, слушайте во все уши, — поддержал его Джордж и тут же покосился на Фреда, у которого чуть дернулся уголок рта.

Люпин всматривался в Гарри со странным, похожим на жалость выражением лица.

— Вы считаете меня дураком? — требовательно

спросил Гарри.

— Нет, — ответил Люпин, — я считаю, что ты похож на Джеймса, который видел в недоверии к друзьям вершину бесчестья.

Гарри понимал, на что намекает Люпин: на то, что отца предал друг, Питер Петтигрю. И Гарри охватил нелепый гнев. Ему хотелось затеять спор, однако Люпин отвернулся от него, опустил свой стакан на стол и обратился к Биллу:

— Есть одно дело. Я могу попросить Кингсли…

— Нет, — сразу ответил Билл, — я готов и пойду с тобой.

— Куда это? — в один голос спросили Тонкс и Флер.

— За телом Грозного Глаза, — ответил Люпин. — Его нужно забрать.

— А это не может… — начала миссис Уизли, с мольбой глядя на Билла.

— Подождать? — спросил Билл. — Не может, если ты не хочешь, чтобы Пожиратели смерти добрались до него первыми.

Снова наступило молчание. Люпин и Билл попрощались и ушли.

Оставшиеся расселись по креслам — все, кроме Гарри, так и продолжавшего стоять. Внезапность и окончательность смерти, казалось, поселились

в этой комнате, подобно привидениям.

— Я тоже должен уйти, — произнес Гарри. Десять пар глаз уставились на него.

— Не дури, Гарри, — сказала миссис Уизли. — О чем ты?

— Я не могу здесь оставаться. — Он потер лоб: шрам снова покалывало, так сильно он не болел вот уже больше года. — Пока я здесь, вы все в опасности, а я не хочу…

— Но это же глупо! — воскликнула миссис Уизли. — Весь смысл этой ночи состоял в том, чтобы доставить тебя сюда невредимым, и, благодарение небу, так и случилось. И потом, Флер согласилась выйти замуж здесь, а не во Франции, и мы уже все подготовили для того, чтобы каждый из нас мог остаться здесь и оберегать тебя…

Она не понимала, что от ее слов Гарри становится не лучше, а хуже.

— Если Волан-де-Морт узнает, что я здесь…

— Да как же он узнает? — спросила миссис Уизли.

— Существует дюжина домов, Гарри, в каждом из которых ты можешь сейчас находиться, — сказал мистер Уизли. — У него нет возможности выяснить, где ты скрываешься.

— Я не о себе беспокоюсь! — ответил Гарри.

— Мы знаем, — негромко произнес мистер Уизли, — но если ты уйдешь, все наши сегодняшние усилия обессмыслятся.

— Никуда ты не пойдешь, — пророкотал Хагрид. — Господи, Гарри, после всего, что ты пережил, чтобы добраться сюда?

— Да, и как же мое кровоточащее ухо? — спросил, приподнимаясь на подушках, Джордж. — Я уверен, что…

— Грозный Глаз не хотел бы…

— Я ЗНАЮ! — рявкнул Гарри.

Он чувствовал себя окруженным со всех сторон, подвергающимся шантажу. Неужели все думают, будто он не понимает, что они для него сделали, не понимают, что именно поэтому он и хочет уйти сейчас, прежде чем пострадает кто-то еще? В гостиной повисло долгое, неловкое молчание, в котором шрам Гарри продолжал пульсировать и дергаться от боли, точно его кололи иглами. Наконец молчание нарушила миссис Уизли.

— А где Букля, Гарри? — словно стараясь задобрить его, спросила она. — Мы бы посадили ее с Сычиком, покормили.

Внутренности Гарри точно стиснул огромный кулак. Он не мог сказать ей правду. И допил, избегая ответа, остатки виски.

— Вот погоди, все еще узнают, как ты опять его сделал, Гарри, — произнес Хагрид. — Мало того что удрал от него, так еще и отбился, когда он на тебя насел!

— Это не я, — без всякого выражения ответил Гарри. — Это моя палочка. Она все сделала сама.

После нескольких секунд молчания Гермиона негромко сказала:

— Но это же невозможно, Гарри. Ты, наверное, хочешь сказать, что совершил волшебство сам того не ведая, инстинктивно.

— Нет, — возразил Гарри. — Мотоцикл разваливался, где находится Волан-де-Морт, я понять не мог, однако палочка повернулась в моей руке, отыскала его и выпалила заклятием, да еще таким, какого я и не знал никогда. У меня золотистое пламя ни разу из палочки не вылетало.

— Бывает, — сказал мистер Уизли, — что, попадая в безвыходное положение, человек начинает творить чудеса, о которых и не мечтал. Совсем маленькие, ничему не обученные дети нередко проявляют…

— Все было не так, — сквозь сжатые зубы сказал Гарри. Шрам горел, Гарри испытывал гнев и разочарование, ему ненавистна была мысль о том, что все они воображают, будто он обладает

силой, сравнимой с силой Волан-де-Морта.

Все молчали. Гарри знал, что ему не поверили. Да и сам он, если говорить всерьез, никогда не слышал о волшебной палочке, самостоятельно занимающейся магией.

Шрам жгла боль, Гарри старался, как мог, не застонать. Пробормотав какие-то слова насчет свежего воздуха, он поставил стакан на стол и вышел из гостиной.

Когда он переходил темный двор, огромный скелетообразный фестрал поднял на него взгляд, пошуршал крыльями и снова вернулся к траве, которую подъедал. Гарри постоял у ведущей в огород калитки, глядя на чрезмерно разросшиеся растения, потирая лоб, в котором бухала боль, и думая о Дамблдоре.

Дамблдор ему поверил бы, в этом Гарри не сомневался. Дамблдор понял бы, как и почему палочка Гарри сработала независимо от хозяина, потому что у Дамблдора имелись ответы на любой вопрос. Он многое знал о палочках, ведь рассказал же он Гарри о странной связи, существующей между его, Гарри, палочкой и палочкой Волан-де-Морта… Однако Дамблдор, как и Грозный Глаз, как Сириус и родители Гарри, как его бедная сова — все они ушли, и теперь он

никогда уже не сможет поговорить с ними. Он ощутил, как горло его обжигает нечто, никакого отношения к огненному виски не имеющее…

И тут, совершенно неожиданно, боль в шраме усилилась, став невыносимой. А как только он стиснул ладонями лоб и закрыл глаза, в голове его завопил пронзительный голос:

— Ты сказал, что проблему решает использование другой палочки!

И перед внутренним взором Гарри возник истощенный старик в тряпье, лежащий на голом каменном полу, испускающий жуткие, протяжные вопли непереносимой муки…

— Нет! Нет! Умоляю вас, умоляю…

— Ты солгал лорду Волан-де-Морту, Олливандер!

— Нет… клянусь, нет…

— Ты хотел помочь Поттеру, помочь ему спастись от меня!

— Клянусь, это не так… я верил, что другая палочка сработает…

— Так объясни же мне, что произошло. Палочка Люциуса погибла!

— Я не могу понять… связь… существует только… между двумя вашими палочками…

— Лжешь!

— Пожалуйста… умоляю вас…

Гарри увидел, как поднялась держащая палочку белая рука, ощутил, как Волан-де-Морта окатила волна отвратительной злобы, увидел, как на полу забился в агонии слабый старик…

— Гарри!

Все завершилось так же быстро, как началось, — Гарри стоял в темноте, содрогаясь, вцепившись в огородную калитку, сердце его бешено билось, шрам все еще покалывало. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, — рядом с ним стоят Рон и Гермиона.

— Пойдем в дом, Гарри, — прошептала Гермиона. — Ведь ты же не уедешь, правда?

— Да, дружок, ты должен остаться, — сказал Рон и хлопнул Гарри по спине.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Гермиона, стоявшая к Гарри достаточно близко для того, чтобы видеть его лицо. — Вид у тебя ужасный!

— Ну… — дрожащим голосом ответил Гарри, — наверное, он все же лучше, чем у Олливандера…

Когда он закончил рассказ о том, что увидел, Рон выглядел испуганным, а Гермиона и вовсе охваченной ужасом.

— Но ведь это должно было прекратиться! Твой шрам… Предполагалось, что больше он этого

делать не будет! Не давай вашей связи установиться снова. Дамблдор хотел, чтобы ты закрыл для нее свое сознание!

Гарри не ответил, и она стиснула его руку.

— Гарри, он завладел Министерством, газетами и половиной волшебного мира! Не позволяй ему пробраться еще и в твою голову!

Глава 6

УПЫРЬ В ПИЖАМЕ

Потрясение, вызванное утратой Грозного Глаза, пронизывало дом во все последующие дни. Гарри все ждал, что он войдет, стуча деревянной ногой, в заднюю дверь дома, как входили в нее (и выходили) другие члены Ордена, приносившие новости. И чувствовал, что только настоящее дело способно умерить его горе и чувство вины, что он должен как можно быстрее отправиться на поиски оставшихся крестражей и уничтожить их.

— Ладно, но пока тебе не исполнится семнадцать, ты ничего с… — и Рон молча, одними губами выговорил «крестражами», — все равно сделать не сумеешь. Ты же под Надзором. А строить планы мы можем и здесь, как в любом другом месте, верно? Или, — он понизил голос до шепота, — ты думаешь, что тебе уже известно, где находятся самзнаешьчто?

— Нет, — признал Гарри.

— По-моему, Гермиона пытается кое-что выяснить, — сказал Рон. — Она говорит, что откладывала это до твоего появления здесь.

Они сидели за завтраком. Мистер Уизли и Билл только что отбыли на работу, миссис Уизли пошла наверх будить Гермиону и Джинни, а Флер отправилась принимать ванну.

— Надзор снимут тридцать первого, — сказал Гарри. — Значит, здесь мне осталось пробыть только четыре дня. Потом я смогу…

— Пять, — решительно поправил его Рон. — Мы должны остаться на свадьбу. Иначе они нас просто убьют.

«Они», как понял Гарри, означало Флер и миссис Уизли.

— Всего один лишний день, — сказал Рон, поняв, что Гарри вот-вот взбунтуется.

— Неужели они не понимают, насколько важно…

— Конечно, не понимают, — ответил Рон. — Они же ничего не знают. И кстати, раз уж зашла речь о свадьбе, мне нужно с тобой поговорить.

Рон глянул в сторону выходящей в прихожую двери, проверяя, не спустилась ли вниз миссис Уизли, и склонился поближе к Гарри.

— Мама попыталась выяснить у меня и у Гермионы, что к чему. Чем мы собираемся заняться. Теперь она возьмется за тебя, так что держись. Папа и Люпин тоже задавали вопросы, но когда

мы сказали, что Дамблдор велел тебе ничего никому, кроме нас, не говорить, они тут же отстали. Мама — другое дело. Она человек упорный.

Предсказание Рона сбылось уже через несколько часов. Незадолго до обеда миссис Уизли увела Гарри подальше от всех прочих, попросив его взглянуть на одинокий мужской носок, который, как она полагала, мог выпасть из его рюкзака. И, заведя Гарри в посудомойню при кухне, приступила к допросу.

— Рон с Гермионой, похоже, считают, что вам троим следует покинуть Хогвартс, — начала она легким и непринужденным тоном.

— А, — отозвался Гарри, — ну да. Мы уходим из школы.

В углу сам собой повернулся отжимной каток, выбросив из-под себя нечто, походившее на бывший жилет мистера Уизли.

— А можно мне спросить, почему вы решили прервать образование? — поинтересовалась миссис Уизли.

— Понимаете, Дамблдор поручил мне… одну вещь, — промямлил Гарри. — Рон и Гермиона знают о ней и хотят помочь.

— И что за «вещь»?

— Простите, я не могу…

— Знаешь, если честно, я думаю, мы с Артуром имеем право знать это. Уверена, что и мистер с миссис Грейнджер тоже! — заявила миссис Уизли.

Общей атаки «озабоченных родителей» Гарри опасался всерьез. И потому заставил себя взглянуть прямо в глаза миссис Уизли, поневоле отметив при этом, что цвет у них точь-в-точь такой же, как у Джинни. Но легче от этого не стало.

— Дамблдор не хотел, чтобы об этом знал кто-то еще, миссис Уизли. Простите. Рон и Гермиона помогать мне не обязаны. Они сами вызвались…

— Я все равно не понимаю, зачем уходить из школы! — оставив всякое притворство, выпалила она. — Вам и лет-то всего ничего. Ерунда какая-то. Если Дамблдору нужно было исполнить какое-то дело, так в его распоряжении имелся целый Орден! Ты, наверное, неправильно понял его, Гарри. Скорее всего, он сказал, что ему нужно что-то сделать, а ты решил, будто он требует этого от тебя…

— Нет, — ровным тоном ответил Гарри, — я понял все правильно. Сделать это могу только я.

Он вернул миссис Уизли, расшитый золотыми камышинами носок, принадлежность которого ему якобы надлежало установить.

— Не мой, — сказал он. — Я не болею за команду «Пэдмор Юнайтед».

— А, ну да, — отозвалась миссис Уизли, снова вдруг обретая, что несколько настораживало, свой обычный небрежный тон. — Могла бы и сама догадаться. Ладно, Гарри, раз уж мы все пока здесь, помоги нам в приготовлениях к свадьбе Билла и Флер, ладно? Столько еще всего осталось сделать.

— Нет… я… конечно, — промямлил обескураженный внезапной сменой темы Гарри.

— Какой ты все-таки милый, — сказала она и, улыбаясь, покинула посудомойню.

И, начиная с этой минуты, миссис Уизли принялась наваливать на Гарри, Рона и Гермиону столько связанных с приготовлениями к свадьбе дел, что времени подумать о чем бы то ни было у них просто не оставалось. Самое доброжелательное истолкование ее поведения состояло в том, что она пытается отвлечь их от мыслей о Грозном Глазе и ужасах их недавнего перелета. Однако, проведя два дня в безостановочной чистке ножей, подборе цветов для бантиков, ленточек и букетов, очистке сада и огорода от гномов и помощи миссис Уизли в изготовлении немыслимых количеств канапе, Гарри начал подозревать, что

она руководствуется совсем иными мотивами. Все, что она им поручала, казалось, удерживало его, Рона и Гермиону на расстоянии друг от друга. С той первой ночи, когда он рассказал друзьям, как Волан-де-Морт пытал Олливандера, у него не было ни единой возможности поговорить с ними наедине.

— По-моему, мама решила, — негромко сказала Джинни, когда на третий день пребывания Гарри в «Норе» они вдвоем накрывали стол к обеду, — что если она не даст вам сойтись и о чем-нибудь договориться, то сможет отсрочить ваш уход.

— И что, по ее мнению, будет дальше? — пробормотал Гарри. — кто-то другой убьет Волан-де-Морта, пока мы готовим пирожки с мясом?

Он произнес это не подумав и сразу увидел, как побелела Джинни.

— Так это правда? — спросила она. — Вот, значит, что ты задумал?

— Я… нет… я пошутил, — уклончиво ответил Гарри. Они смотрели друг другу в глаза, и в выражении лица Джинни читалось нечто большее, чем потрясение. И внезапно Гарри сообразил, что они остались наедине впервые с тех украденных у учебы часов, которые проводили вместе в укромных уголках школьного двора. Он не

сомневался, что и Джинни вспоминает сейчас об этих часах. И оба они нервно дернулись, когда дверь распахнулась и в нее вошли мистер Уизли, Кингсли и Билл.

Теперь за обедом к ним часто присоединялись другие члены Ордена — «Нора» заменила собой дом на площади Гриммо, превратившись в штаб-квартиру Ордена Феникса. Мистер Уизли объяснял это тем, что после смерти Дамблдора, их Хранителя Тайны, все, кому Дамблдор открыл местонахождение дома на площади Гриммо, стал исполнять должность Хранителя поочередно.

— Нас таких человек двадцать, а значит, и заклятие Доверия ослабевает соответственно. У Пожирателей смерти появилось в двадцать раз больше возможностей вытянуть из кого-нибудь эту тайну. Надеяться на дальнейшее ее сохранение уже нельзя.

— Да, но ведь Снегг, наверное, уже назвал ваш адрес Пожирателям, — сказал Гарри.

— Видишь ли, Грозный Глаз наложил на это место пару заклятий — на тот случай, если Снегг снова появится в нем. Мы надеемся, конечно, что они достаточно сильны для того, чтобы и не подпустить его близко, и связать ему язык, если он попытается что-либо сказать на этот счет, но

полной уверенности у нас нет. А использовать в качестве штаб-квартиры дом, защита которого стала настолько ненадежной, было бы просто безумием.

В этот вечер народа в кухню набилось столько, что орудовать вилкой и ножом стало непросто. Гарри сидел, притиснутый к Джинни, и то несказанное, что произошло между ними, вызывало у него желание оказаться от нее как можно дальше. Он так старался даже ненароком не задевать ее руку, что справиться с лежавшим перед ним цыпленком ему уже не удавалось.

— Есть что-нибудь новое о Грозном Глазе? — спросил он у Билла.

— Ничего, — ответил Билл.

Организовать похороны Грюма не удалось, поскольку Билл и Люпин так и не смогли отыскать его тело. Темнота и неразбериха сражения затрудняли поиски места, куда оно могло упасть.

— «Ежедневный пророк» ни словом не обмолвился ни о его смерти, ни о нахождении тела, — продолжал Билл. — Впрочем, это ничего не значит. В последнее время «Пророк» умалчивает о многом.

— А разбирательства по поводу незаконного использования мной магии при попытке спа-

стись от Пожирателей смерти Министерство все еще не назначило? — через стол спросил Гарри у мистера Уизли, и тот отрицательно покачал головой. — Это потому, что там понимают: у меня не было иного выбора, или они просто не хотят, чтобы я рассказал всем о Волан-де-Морте, который напал на меня?

— Думаю, последнее вернее. Скримджер не желает признавать ни того, что Волан-де-Морт также силен, как он, ни того, что из Азкабана совершен массовый побег.

— Ну да, зачем говорить обществу правду? — сказал Гарри и с такой силой сжал в ладони нож, что на ней отчетливо выступили белые шрамы, слагавшиеся в слова: «Я не должен лгать».

— Разве в Министерстве нет людей, готовых выступить против него? — гневно спросил Рон.

— Конечно, есть, Рон, однако многие просто боятся, — ответил мистер Уизли. — Боятся исчезнуть следующими, боятся, что следующему нападению подвергнутся их дети. Слухи ходят самые страшные. Я, к примеру, не верю, что хогвартский профессор магловедения просто ушла в отставку. Ее уже много недель как никто не видел. А тем временем Скримджер сидит весь день у себя в кабинете и помалкивает — остается только

надеяться, что он разрабатывает некий план.

Наступило молчание, позволившее миссис Уизли зачаровать пустые тарелки, дабы они убрались со стола, и подать яблочный пирог.

— Нам надо 'Гешить, как замаски'товать тебя, Арри, — сказала Флер, когда все принялись за сладкое. — На в'темя свадьбы, — прибавила она, увидев его недоумевающее лицо. — Конечно, Пожи'тателей сме'гти с'геди наших гостей не будет, но ведь после того, как они напьются шампанского, ничего га'гантитовать нельзя.

Из чего Гарри заключил, что Хагрид все еще состоит у нее на подозрении.

— Да, мысль хорошая, — согласилась миссис Уизли, которая сидела во главе стола и, нацепив на кончик носа очки, просматривала начертанный на очень длинном свитке пергамента список неотложных дел. — Скажи, Рон, ты в своей спальне уже прибрался?

— Да почему? — воскликнул Рон, плюхнув свою ложку на стол и гневно уставившись на мать. — Почему я должен прибираться в своей спальне? Нам с Гарри в ней и так хорошо!

— Через несколько дней, молодой человек, в этом доме состоится свадьба твоего брата…

— Он что, в моей спальне ее играть собирает-

ся? — гневно поинтересовался Рон. — Нет! Так какого же обвислого Мерлина…

— Не смей так разговаривать с матерью, — твердо произнес мистер Уизли, — и делай то, что тебе говорят.

Рон скорчил обоим своим родителям рожу, взял со стола ложку и вонзил ее в остатки яблочного пирога.

— Я могу помочь, я же там тоже намусорил, — сказал Рону Гарри, однако у миссис Уизли имелись на его счет собственные планы.

— Нет, Гарри, дорогой, я предпочла бы, чтобы ты помог Артуру привести в порядок курятник, а ты, Гермиона, застели, пожалуйста, постель для мсье и мадам Делакур, они приезжают послезавтра в одиннадцать утра.

Впрочем, поутру выяснилось, что курятник и так в порядке.

— Собственно… ээ-э… Молли говорить об этом не обязательно, — сказал мистер Уизли, преграждая Гарри дорогу, — но… ээ… видишь ли, Тед Тонкс прислал мне большую часть того, что осталось от мотоцикла Сириуса, и я, ээ, спрятал, вернее, так сказать, держу все это в курятнике. Фантастическая машина: выхлопная пурга, По-моему, это так называется, потрясающий аккумулятор, ну

и превосходная возможность выяснить наконец, как устроены тормоза. Я хочу попробовать снова собрать его, пока Молли не… ну то есть пока у меня есть свободное время.

Они вернулись в дом, миссис Уизли нигде видно не было, и Гарри проскользнул наверх, в мезонин, где находилась спальня Рона.

— Да идет у меня дело, идет! А, это ты, — с облегчением сказал Рон, увидев входящего Гарри. И Рон улегся на кровать, с которой явно только что вскочил. Беспорядок в комнате был ровно такой же, как неделю назад. Единственное нововведение составляла в ней Гермиона, сидевшая в самом дальнем углу, — у ног ее лежал с одной стороны пушистый рыжий кот Живоглот, а с другой две груды отсортированных книг, среди которых Гарри признал и несколько своих.

— Привет, Гарри, — сказала Гермиона, когда он опустился на свою раскладушку.

— А ты-то как выкрутилась?

— Да, видишь ли, матушка Рона забыла, что еще вчера попросила меня и Джинни перестелить все постели, — ответила Гермиона. После чего она бросила «Ворожбу по числам и словам» в одну груду, а «Взлет и падение Темных искусств» в другую.

— Мы тут насчет Грозного Глаза разговаривали, — сообщил Гарри Рон. — Я думаю, что он все-таки жив.

— Но Билл же видел, как в него ударило Убивающее заклятие, — сказал Гарри.

— Ну да, так ведь Билла в это время атаковали, — ответил Рон. — Приглядываться ему было особенно некогда.

— Даже если Убивающее заклятие в него не попало, Грозный Глаз все равно упал с высоты ярдов в триста, — сказала Гермиона, которая уже взвешивала на ладони справочник «Команды Британии и Ирландии по квиддичу».

— Он мог воспользоваться Щитовыми чарами…

— Флер говорила, что палочку из его руки вышибло, — сказал Гарри.

— Да нет, пожалуйста, если ты хочешь, чтобы он погиб… — сварливо произнес Рон и ради большего удобства принялся разминать подушку.

— Конечно, никто не хочет, чтобы он погиб! — сказала шокированная Гермиона. — То, что он погиб, ужасно! Но надо же оставаться реалистами!

Впервые Гарри представил себе тело Грозного Глаза — такое же изломанное, как тело

Дамблдора, но с волшебным оком, все еще продолжающим вращаться в глазнице. И ощутил приступ отвращения, смешанный со странным желанием рассмеяться.

— Скорее всего, Пожиратели смерти все за собой прибирают, потому его и не нашли, — рассудительно сказал Рон.

— Ага, — сказал Гарри, — как они прибрали Барри Крауча, обратили его в скелет и закопали в садике Хагрида. А Грюма, я думаю, трансфигурировали и набили…

— Хватит! — взвизгнула Гермиона.

Испуганный Гарри повернулся к ней как раз вовремя, чтобы увидеть, как она поливает слезами «Словник чародея».

— Ну что ты? — сказал Гарри, выбираясь из раскладушки. — Гермиона, я вовсе не хотел расстроить…

Однако Рон, под резкий скрип ржавых пружин вскочивший с кровати, подоспел к Гермионе первым. Обняв ее одной рукой, он выудил другой из кармана джинсов пугающего вида носовой платок, которым совсем недавно протирал духовку. А затем, торопливо вытащив волшебную палочку, наставил ее на эту тряпицу и произнес:

— Тергео!

Палочка отсосала с платка большую часть сальной грязи. Довольный собой, Рон вручил немного дымящийся платок Гермионе.

— О… спасибо, Рон… прости… — Она высморкалась и тихонько икнула. — Просто это так уж-ужасно, правда? С-сразу за Дамблдором… Я почему-то н-никогда не представляла себе Грозного Глаза умирающим, он был таким крепким!

— Да, я понимаю, — сказал Рон и обнял ее за плечи. — Но ты ведь знаешь, что сказал бы нам Грозный Глаз, будь он сейчас здесь?

— П-постоянная бдительность, — ответила, вытирая глаза, Гермиона.

— Вот именно, — кивнул Рон. — Он всегда говорил: учитесь на моем примере. И на этот раз он научил меня не верить трусливому мелкому проходимцу Наземникусу.

Гермиона слабо усмехнулась и наклонилась, чтобы взять еще две книги. Секунду спустя Рону пришлось сдернуть с ее плеч руку — Гермиона уронила ему на ступню «Чудовищную книгу о чудищах». Застежка книги не выдержала, и здоровенный том, сам собой раскрывшись, укусил Рона за лодыжку.

— Ой, прости, прости! — воскликнула Гермиона, а Гарри, стянув книгу со ступни Рона, снова

закрыл ее и защелкнул застежку.

— Слушай, а что ты собираешься делать со всеми этими книгами? — спросил Рон, прихрамывая отходя к кровати.

— Пытаюсь решить, — ответила Гермиона, — какие взять с собой, когда мы отправимся искать крестражи.

— А, ну конечно, — хлопнув себя по лбу, сказал Рон. — Я и забыл, что охотиться на Волан-де-Морта мы будем, разъезжая в передвижной библиотеке.

— Ха-ха, — произнесла Гермиона, глядя на лежавший на ее коленях «Словник чародея». — А вот интересно, руны нам переводить придется? Возможно… Эту я, пожалуй, прихвачу — на всякий случай.

Она бросила словник в ту из книжных груд, что была побольше, и подняла с пола «Историю Хогвартса».

— Послушайте, — начал Гарри. Он сидел, вытянувшись в струнку. Гермиона и Рон направили на него взгляды, в которых читалась знакомая смесь вызова и покорности судьбе. — Я знаю, после похорон Дамблдора вы сказали, что отправитесь со мной, — сказал Гарри.

— Ну готово, завел волынку, — выкатив глаза,

сообщил Гермионе Рон.

— Чего мы, собственно, и ожидали, — вздохнула она, снова опуская взгляд на книгу. — Знаешь, пожалуй, я и «Историю Хогвартса» возьму. Даже если мы туда не вернемся, мне будет не по себе без…

— Послушайте! — повторил Гарри.

— Нет, Гарри, это ты нас послушай, — отозвалась Гермиона. — Мы идем с тобой. Все уже решено месяцы тому назад, а вернее сказать, годы.

— Но…

— Заткнись, — посоветовал ему Рон.

— …вы уверены, что продумали все как следует? — настаивал Гарри.

— Ладно, давай посмотрим, — сказала Гермиона и не без злости швырнула «Тропою троллей» в груду отвергнутых книг. — Вещи я уложила несколько дней назад, так что мы готовы тронуться с места в любую минуту, и, к твоему сведению, для этого потребовались кое-какие довольно сложные магические манипуляции, не говоря уж о краже всех имевшихся у Грозного Глаза запасов Оборотного зелья, совершенной под самым носом матушки Рона. Кроме того, я изменила память своих родителей, и теперь они уверены, что зовут

их Венделлом и Моникой Уилкинс, а мечта всей их жизни состоит в том, чтобы перебраться на жительство в Австралию, что они уже и сделали. Теперь Волан-де-Морту будет труднее найти их и выспросить, где я или где ты, потому что я, к сожалению, кое-что им о тебе рассказала. Если я переживу поиски крестражей, то отыщу маму и папу и сниму свои заклинания. Если нет, что ж, думаю, чар, которые я навела, хватит, чтобы они жили в безопасности и довольстве. Венделл и Моника Уилкинс, видишь ли, даже не подозревают, что у них имеется дочь.

Глаза Гермионы опять наполнились слезами. Рон слез с кровати, снова обнял ее за плечи и, глядя на Гарри, неодобрительно покачал головой, словно укоряя его за отсутствие такта. Гарри не знал, что сказать, еще и потому, что Рон, обучающий кого-то тактичности, представлял собой зрелище до крайности необычное.

— Я… Гермиона, прости… я не…

— Не знал, что мы с Роном отлично понимаем, к чему может привести наш с тобой поход? Ну так мы понимаем. Рон, покажи Гарри то, что ты соорудил.

— Брось, он же только что поел, — сказал Рон.

— Ничего, пусть знает!

— Ну ладно. Пошли, Гарри. — Рон во второй раз снял руку с плеч Гермионы и потопал к двери. — Пошли.

— А в чем дело? — спросил Гарри, выходя следом за Роном на крошечную лестничную площадку.

— Десцендо! — пробормотал Рон, направив свою палочку на низкий потолок.

Прямо над их головами открылся люк, а к ногам соскользнула лестничка. Из квадратного отверстия в потолке понеслись жуткие звуки, словно там что-то всасывали, стеная, а с ними и неприятный запах вскрытой канализации.

— Это упырь ваш, что ли? — спросил Гарри, никогда не видевший вживе твари, которая временами нарушала тишину ночи.

— Он самый, — ответил Рон и полез по лестнице вверх. — Поднимайся, взгляни на него.

Гарри поднялся следом за Роном на миниатюрный чердак. Когда там оказались его голова и плечи, он увидел в паре шагов от себя существо, которое крепко спало в сумраке, широко раскрыв рот.

— Но он… он какой-то… Разве упыри носят пижамы?

— Нет, — ответил Рон. — Кроме того, они редко

бывают рыжими, да и прыщей у них обычно поменьше.

Гарри, испытывая легкое отвращение, разглядывал спящую тварь. Формой и размерами она походила на человека, и, когда глаза Гарри свыклись с сумраком, он понял, что на ней совершенно явно старая пижама Рона. А кроме того, Гарри был уверен, что упыри — это, как правило, существа слизистые и лысые, а никак уж не волосатые да и таких, как у этого, ярко-красных волдырей на физиономии у них тоже не бывает.

— Это я, понимаешь? — сообщил Рон.

— Нет, — ответил Гарри, — не понимаю.

— Я тебе в комнате все объясню, а то меня от этого запаха с души воротит, — сказал Рон. Они спустились по лесенке, которую Рон тут же вернул в потолок, и возвратились в комнату, к Гермионе, по-прежнему разбиравшей книги. — Когда мы уйдем, упырь слезет вниз и поселится здесь, в моей комнате, — сказал Рон. — Думаю, он этого ждет не дождется, хотя точно сказать трудно, потому что он только и умеет, что стонать да слюни пускать. Но когда говоришь ему об этой комнате, он все время кивает. В общем, он будет мной, но только больным обсыпным лишаем. Здорово, а?

Гарри просто смотрел на Рона, ничего не понимая.

— Да здорово, здорово! — заверил его Рон, явно разочарованный тем, что Гарри не усвоил всего блеска его замысла. — Ты пойми, когда мы трое не вернемся в Хогвартс, все решат, что Гермиона и я с тобой, так? А это значит, что Пожиратели смерти, надеясь выяснить, где ты есть, тут же займутся нашими родными.

— Со мной проще, — сказала Гермиона, — все будет выглядеть так, будто я уехала с мамой и папой. Сейчас многие полумаглы поговаривают о том, чтобы где-нибудь спрятаться.

— А спрятать всю мою семью мы не можем, это вызовет подозрения, и потом, у них же работа, — продолжал Рон. — Вот мы и распустим слух, что я не вернулся в школу потому, что серьезно заболел обсыпным лишаем. Если кто-нибудь сунется сюда с проверкой, мама с папой покажут им покрытого волдырями упыря, лежащего в моей постели. Обсыпной лишай — штука заразная, так что близко к нему никто подходить не станет. А что он говорить не умеет, тоже не беда — когда у человека грибы на языке растут, ему не до разговоров.

— А твои мама и папа с этим планом соглас-

ны? — спросил Гарри.

— Папа согласен. Он помогал Фреду и Джорджу переделывать упыря. А мама… ну ты же маму знаешь. Пока мы не уйдем, она с нашим уходом не смирится.

В комнате наступила тишина, нарушавшаяся только негромкими ударами, — это Гермиона продолжала разбрасывать книги по двум грудам. Рон сидел, наблюдая за ней, Гарри, не способный сказать ни слова, глядел то на него, то на нее. То, что они придумали для защиты своих родных, окончательно убедило его: друзья действительно отправятся с ним, хорошо сознавая, какой опасности подвергаются. Гарри хотелось сказать им, как это для него важно, но он не мог найти достаточно внушительных слов.

Потом в тишине послышались приглушенные звуки — это миссис Уизли кричала что-то четырьмя этажами ниже.

— Наверное, Джинни проглядела пылинку на каком-нибудь дурацком кольце для салфеток, — сказал Рон. — Не понимаю, с какой стати Делакуры приезжают к нам аж за два дня до свадьбы.

— Сестра Флер будет подружкой невесты, ей нужно отрепетировать свою роль, а одна она

приехать не может, слишком мала, — сказала Гермиона, с сомнением вглядываясь во «Встречи с вампирами».

— Боюсь, присутствие гостей мамины нервы не успокоит, — сказал Рон.

— Что нам действительно необходимо решить, — сказала Гермиона, без раздумий бросая в мусорную корзину «Теорию оборонной магии» и беря с пола «Обзор магического образования в Европе», — так это куда мы отсюда отправимся. Я знаю, ты говорил, Гарри, что хочешь сначала посетить Годрикову Впадину, и я тебя понимаю, однако… Ну, в общем… не следует ли нам первым делом заняться крестражами?

— Если бы мы знали, где они, я бы с тобой согласился, — ответил Гарри, не веривший, что Гермионе действительно понятно его желание вернуться в Годрикову Впадину. Гарри притягивали туда не только могилы родителей. У него появилось сильное, хоть и смутное чувство, что он найдет там ответы на многие вопросы. Возможно, оно объяснялось попросту тем, что именно в этом месте Гарри выжил, получив от Волан-де-Морта Убивающее заклятие, и теперь, когда ему предстояло повторить этот подвиг, его влекла туда надежда понять, как все случилось.

— А ты не думаешь, что Волан-де-Морт может держать в Годриковой Впадине дозорных? — спросила Гермиона. — Он ведь мог решить, что, получив полную свободу передвижения, ты вернешься туда, чтобы навестить могилы родителей.

Это Гарри в голову пока не приходило. Он попытался придумать доводы в пользу противного, но тут заговорил Рон, мысли которого, видимо, шли по другому пути.

— Этот Р. А. Б., — сказал он. — Ну, помнишь, тот, что похитил настоящий медальон?

Гермиона кивнула.

— В оставленной им записке сказано, что он собирается его уничтожить, верно?

Гарри подтянул к себе свой рюкзак и достал поддельный крестраж, в котором так и лежала записка от Р. А. Б.

— «Я похитил настоящий крестраж и намереваюсь уничтожить его, как только смогу», — прочитал Гарри.

— Ну вот, а что, если он его и впрямь уничтожил? — спросил Рон.

— Или она, — вставила Гермиона.

— Да кто угодно, — сказал Рон. — Тогда у нас будет одним делом меньше!

— Верно, но нам все равно придется искать настоящий медальон, ведь так? — сказала Гермиона. — Чтобы выяснить, уничтожен он или нет.

— И еще, когда мы доберемся до крестража, как мы его разрушим? — спросил Рон.

— Ну, — произнесла Гермиона, — на этот счет я кое-что почитала.

— Это где же? — удивился Гарри. — Я думал, книги, посвященные крестражам, в библиотеке отсутствуют.

— Отсутствуют, — подтвердила Гермиона и покраснела. — Дамблдор изъял их, однако он… он их не уничтожил.

Рон сел прямо и вытаращил глаза.

— Как, во имя штанов Мерлина, тебе удалось наложить лапы на книги о крестражах?

— Это… это не было воровством! — воскликнула Гермиона, переводя с Гарри на Рона почти отчаянный взгляд. — Они по-прежнему оставались библиотечными книгами, хоть Дамблдор и убрал их с полок. И потом, я уверена, если бы он действительно хотел, чтобы до них никто не добрался, то гораздо сильнее затруднил бы…

— Ближе к делу! — сказал Рон.

— В общем… это было довольно легко, — тонким голосом сообщила Гермиона. — Хватило

простых Манящих чар. Ну, вы знаете — акцио. И они… они вылетели из окна кабинета Дамблдора и приземлились в спальне для девочек.

— Но когда же ты это проделала? — спросил Гарри, с обожанием и неверием глядя на Гермиону.

— Сразу после… похорон Дамблдора, — ответила Гермиона голосом еще более тонким. — После того как мы договорились уйти из школы и заняться поисками крестражей. Я поднялась наверх собрать вещи, и… и мне пришло в голову, что, чем больше мы о них узнаем, тем легче нам будет… Я была там одна… ну и попробовала… и у меня получилось. Они влетели в открытое окно, и я… я уложила их в свой чемодан. — Гермиона сглотнула и сказала с мольбой в голосе: — Я не верю, что Дамблдор рассердился бы на меня. Мы же не собираемся использовать эти сведения для того, чтобы изготовить крестражи, правильно?

— Мы что, ругаем тебя? — поинтересовался Рон. — Так где они, эти книги?

Гермиона, порывшись в книжной груде, вытащила из нее объемистый том, переплетенный в поблекшую черную кожу. Выглядела Гермиона так, точно ее подташнивало, а книгу держала в руках опасливо, как будто та была неким совсем недавно скончавшимся существом.

— Вот в этой даны точные указания о том, как изготовить крестраж. «Тайны наитемнейшего искусства» — ужасная книга, по-настоящему ужасная, в ней столько злой магии! Интересно, когда Дамблдор убрал ее из библиотеки? Если только после того, как стал директором школы, готова поспорить, Волан-де-Морт вычитал все, что ему требовалось, именно из нее.

— Но тогда зачем же он выспрашивал у Слизнорта, как изготовить крестраж? — спросил Рон.

— К Слизнорту он обратился лишь для того, чтобы выяснить, что происходит с человеком, который разрывает свою душу на семь частей, — сказал Гарри. — Дамблдор был уверен — к тому времени Реддл уже знал, как изготовить крестраж. Думаю, ты права, Гермиона, вполне возможно, что из этой книги он все сведения и почерпнул.

— И чем больше я о них читала, — продолжала Гермиона, — тем более страшными они мне казались и тем меньше верилось, что он действительно сделал шесть крестражей. В книге содержится предостережение: разрывая свою душу, ты делаешь ее очень неустойчивой — а ведь речь идет всего об одном крестраже!

Гарри вспомнил слова Дамблдора о том, что

Волан-де-Морт продвигался за пределы того, на что способно «обычное зло».

— А какой-нибудь способ снова собрать себя воедино существует? — поинтересовался Рон.

— Да, — со слабой улыбкой ответила Гермиона, — однако при этом ты испытываешь невыносимую боль.

— Почему? — спросил Гарри. — И что нужно для этого сделать?

— Раскаяться, — ответила Гермиона. — Ты должен по-настоящему прочувствовать то, что натворил. Тут есть сноска на этот счет. по-видимому, мука раскаяния способна уничтожить человека. Я не могу представить себе, что Волан-де-Морт предпримет такую попытку. А ты можешь?

— Нет, — ответил за Гарри Рон. — И все же, говорится в этой книге хоть что-нибудь о том, как уничтожить крестраж?

— Да, — ответила Гермиона, переворачивая хрупкие страницы с таким видом, точно она вглядывалась в загнившие внутренности животного. — Книга предупреждает Темных колдунов, что чары, ограждающие крестражи, должны быть очень крепкими. Из прочитанного мной следует — то, что Гарри проделал с дневником Реддла,

было одним из немногих надежных способов уничтожения крестража.

— Это ты про удар клыком василиска? — спросил Гарри.

— А, ну тогда нам повезло, что у нас этих клыков навалом, — сказал Рон. — А я все гадал, к чему бы их приспособить.

— Использовать клык василиска вовсе не обязательно, — терпеливо пояснила Гермиона. — Просто требуется нечто настолько разрушительное, что после него крестраж не сможет восстановиться. От яда василиска спасает только одно средство, невероятно редкое…

— Слезы феникса, — кивнул Гарри.

— Точно, — подтвердила Гермиона. — Наша проблема в том, что таких же разрушительных веществ, как яд василиска, существует совсем немного и все они слишком опасны, чтобы таскать их с собой. Но как-то разрешить эту проблему нам придется, потому что рвать крестраж на части, разбивать его или дробить бессмысленно. Необходимо сделать все так, чтобы никакой магией восстановить его было невозможно.

— Ладно, — сказал Рон, — допустим, нам удастся разломать штуковину, в которой живет кусочек его души. Но почему он не может перебраться на

жительство куда-нибудь еще?

— Потому что крестраж — полная противоположность человеческого существа. — Гермиона, увидев, что Гарри и Рон запутались окончательно, торопливо продолжила: — Вот смотри, Рон, если я сейчас выхвачу меч и проткну им тебя насквозь, я же все равно не причиню твоей душе никакого вреда.

— И это станет для меня подлинным утешением, не сомневаюсь, — сообщил Рон.

Гарри засмеялся.

— На самом-то деле и станет! — сказала Гермиона. — Но я о другом. Что бы ни произошло с твоим телом, душу это не затронет, она выживет. А с крестражем все наоборот. Жизнь обитающего в крестраже обломка души зависит от его вместилища, его заколдованного тела. Без него этот обломок существовать не может.

— Дневник, когда я его проткнул, словно бы умер, — сказал Гарри, вспомнив чернила, вытекавшие, точно кровь, из пронзенных страниц, и визг, с которым исчезла часть души Волан-де-Морта.

— И как только ты уничтожил дневник, запертый в нем кусочек души существовать больше не смог. Джинни еще до тебя пыталась избавиться

от дневника, утопила его, а он вернулся назад и был как новенький.

— Погоди, — сказал Рон, наморщив лоб. — Кусочек души, сидевший в дневнике, полностью овладел Джинни, правильно? А это как же получается?

— Пока волшебное вместилище остается целым, скрытый в нем кусочек души может входить в тех, кто оказывается слишком близким к крестражу, и выходить из них. Я говорю не о том, кто долго держит крестраж в руках, — добавила она, прежде чем Рон успел открыть рот. — С прикосновениями это вообще никак не связано. Я имею в виду близость эмоциональную. Джинни вложила в дневник всю душу и стала невероятно уязвимой. И всякий, кто чересчур привязывается к крестражу или впадает в зависимость от него, наживает большие неприятности.

— Хотел бы я знать, как Дамблдор уничтожил перстень, — сказал Гарри. — И почему я его не спросил? Я никогда понастоящему… — Голос его пресекся. Он задумался обо всем, что следовало бы выспросить у Дамблдора, о том, как со времени смерти Учителя ему, Гарри, стало казаться, что при жизни Дамблдора он упустил столько возможностей узнать побольше… узнать обо всем…

Тишину нарушил сотрясший стены треск, дверь комнаты распахнулась. Гермиона, взвизгнув, уронила на пол «Тайны наитемнейшего искусства»; шмыгнувший под кровать Живоглот взволнованно зашипел; Рон вылетел из кровати, рассыпая обертки от шоколадных лягушек, и врезался головой в противоположную стену. Рука Гарри сама собой рванулась к волшебной палочке, но тут он сообразил, что перед ним всего лишь миссис Уизли с растрепанными волосами и искаженным гневом лицом.

— Сожалею, что помешала вашей уютной беседе, — подрагивающим голосом произнесла она. — Я не сомневаюсь, что все вы нуждаетесь в отдыхе… Но в моей комнате свалены свадебные подарки, их необходимо разобрать, а мне помнится, будто вы обещали с этим помочь.

— Ах да! — Перепуганная Гермиона вскочила так резко, что набросанные ею на пол книги разлетелись во все стороны. — Мы сейчас… простите…

И Гермиона, послав Рону и Гарри страдальческий взгляд, поспешила покинуть комнату, последовав за миссис Уизли.

— Живешь, как домовый эльф, — негромко пожаловался продолжавший потирать голову

Рон, когда они с Гарри направились в комнату его матери. — Только удовлетворения от работы не получаешь. Чем быстрее пройдет эта свадьба, тем счастливее я буду.

— Ага, — согласился Гарри, — после нее нам всего-то и дел останется, что крестражи разыскивать. А это настоящие каникулы, верно?

Рон рассмеялся, но, стоило ему увидеть кучу свадебных подарков, ожидавших их в комнате миссис Уизли, веселость его как рукой сняло.

Делакуры появились на следующее утро, в одиннадцать. К этому времени Гарри, Рон, Гермиона и Джинни никакой приязни к семейству Флер уже не испытывали, и потому Рон без всякой охоты поднялся к себе наверх, чтобы надеть одинаковые по цвету носки, а Гарри так же неохотно попытался пригладить свои вихры. Приведя себя в приемлемый вид, все они вышли на залитый солнечным светом двор, чтобы встретить гостей.

Таким опрятным Гарри этого двора еще не видел. Ржавые котлы и болотные сапоги, которыми обычно были уставлены ступеньки заднего крыльца, исчезли, их заменили два больших новых горшка с Трепетливыми кустиками. Никакого ветра не было, однако листочки кустиков лениво волновались, приятно рябя в глазах.

Кур заперли, двор подмели, а соседствующий с ним огород пропололи, проредили и вообще приукрасили, хотя Гарри, которому он нравился заросшим, находил его — по причине отсутствия привычной оравы дурашливых гномов — несколько пустоватым.

Гарри давно уже потерял счет числу ограждающих чар, наведенных на «Нору» Орденом и Министерством. Знал только, что теперь никто, перемещающийся в пространстве с помощью магии, попасть прямиком в этот двор не может. Поэтому мистер Уизли отправился встречать Делакуров на вершину соседнего холма — именно туда должен был доставить их портал. Первым знаком их приближения стал необычно высокий смех, исходивший, как вскоре выяснилось, от самого мистера Уизли, который мгновение спустя появился в воротах, нагруженный чемоданами и ведущий с собой красавицу блондинку в зеленой, как листва дерева, мантии — несомненную мать Флер.

— Матап! — воскликнула Флер, подбегая к воротам, чтобы обнять ее. — Рара!

Мсье Делакур привлекательностью отнюдь не отличался: он был на голову ниже супруги, до крайности округл, с маленькой, заостренной чер-

ной бородкой. Но вид имел весьма добродушный. Слегка подпрыгивая на обутых в сапоги с высокими каблуками ножках, он подлетел к миссис Уизли и дважды расцеловал ее в обе щеки, отчего она даже разрумянилась.

— Мы доставили вам столько хлопот, — звучным басом произнес он. — Фле'г гово'гит, что вы т'гудились не покладая 'гук.

— О, какие пустяки! — Миссис Уизли заливисто рассмеялась. — Разве это хлопоты?

Рон отвел душу, пнув ногой гнома, высунувшегося Из-за горшка с Трепетливыми кустиками.

— Милейшая леди! — воскликнул мсье Делакур, который так и продолжал, лучась улыбкой, держать ладонь миссис Уизли между своими. — Ско'гый союз наших семей мы считаем великой честью! Позвольте п'гедставить вам мою суп'гугу, Аполлин.

Мадам Делакур скользнула вперед и наклонилась, чтобы в свой черед расцеловать миссис Уизли.

— Enchantee, — произнесла она. — Ваш муж 'гассказывал нам такие забавные исто'гии!

Мистер Уизли расхохотался, совершенно как маньяк. Миссис Уизли одарила его взглядом, от которого он мгновенно умолк и приобрел выра-

жение человека, приближающегося к постели захворавшего близкого друга.

— Ну а с моей младшей доче'тью, Габ'гиэль, вы, 'газумеется, уже знакомы! — сказал мсье Делакур.

Габриэль представляла собой Флер в миниатюре; одиннадцатилетняя, с отливающими серебром светлыми волосами до талии, она ослепительно улыбнулась миссис Уизли и обняла ее, а затем, похлопывая ресницами, обратила сияющий взгляд на Гарри. Джинни громко кашлянула.

— Ну что же, входите, входите! — радостно произнесла миссис Уизли и повела Делакуров в дом, то и дело восклицая при этом: — Нет, прошу вас! После вас! Что вы, нисколько!

Как вскоре выяснилось, Делакуры были гостями очень милыми, готовыми оказать хозяевам любую посильную помощь. Они были всем довольны и стремились принять деятельное участие в приготовлениях к свадьбе. Мсье Делакур находил charmant все — от плана размещения гостей за столом до туфелек подружки невесты. Мадам Делакур владела превосходным набором хозяйственных заклинаний и мигом до блеска вычистила духовку; Габриэль повсюду следовала

за старшей сестрой, помогая ей, чем только могла, и тараторя на стремительном французском.

Недостаток «Норы» состоял в том, что на большое количество гостей дом этот рассчитан не был. Мистеру и миссис Уизли приходилось теперь спать в гостиной. Несмотря на громкие протесты мсье и мадам Делакур, они настояли на том, чтобы гости заняли их спальню. Габриэль и Флер проводили ночи в прежней комнате Перси, а Билл делил свою с приехавшим из Румынии Чарли, которому предстояло стать его шафером. Возможностей обговорить какие-либо планы у Гарри, Гермионы и Рона практически не осталось, и они из чистого отчаяния — лишь бы удрать из переполненного дома — вызвались кормить кур.

— И все равно она нас в покое не оставляет! — проворчал Рон, когда миссис Уизли сорвала их вторую попытку посовещаться, появившись во дворе с корзиной постиранного белья в руках.

— А, хорошо, кур вы уже покормили, — сказала она, подходя. — Вы их лучше заприте, перед тем как завтра появятся работники… разбить свадебный шатер, — пояснила она, останавливаясь, чтобы прислониться к курятнику. Выглядела миссис Уизли совершенно измотанной. — «Магическая материя Милламанта», очень хорошая

вещь. Их Билл приведет, работников… Тебе, Гарри, лучше, пока они будут здесь, из дома не выходить. Знаешь, при таком количестве раскиданных по всему дому защитных чар устраивать свадьбу очень трудно.

— Мне очень жаль, — смиренно произнес Гарри.

— Ой, ну что за глупости, милый, — сразу сказала миссис Уизли. — Я вовсе не имела в виду… в общем, твоя безопасность превыше всего! Я собиралась спросить у тебя, Гарри, как ты хочешь отпраздновать свой день рождения. Семнадцать лет, такая важная дата…

— Я хотел бы обойтись без всякой шумихи, — быстро ответил Гарри, сразу представив, сколько новых забот прибавит всем это празднование. — Нет, правда, миссис Уизли, хватит и обычного обеда. все-таки предсвадебный день…

— Ну, если ты так считаешь, милый. Я приглашу Римуса с Тонкс, хорошо? И как насчет Хагрида?

— Это было бы замечательно, — сказал Гарри. — Только прошу вас, не наваливайте на себя лишних хлопот.

— Ну что ты, что ты, какие тут хлопоты!

Довольно долгое время Миссис Уизли пристально вглядывалась в него, потом улыбнулась

немного печально и пошла по двору. Гарри смотрел, как она помахивает у бельевой веревки волшебной палочкой, как влажное белье поднимается из корзины и развешивается по местам, и вдруг ощутил сильнейший прилив раскаяния за все неудобства и страдания, которые он ей доставляет.

Глава 7

ЗАВЕЩАНИЕ АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА

Он шел по горной дороге в холодном синем сиянии утренней зари. Далеко внизу различался окутанный туманом призрак маленького городка. Не в нем ли живет человек, которого он ищет? Человек, в котором нуждается так сильно, что способен думать только о нем, человек, которому известен ответ, известно решение его проблемы…

— Эй, просыпайся.

Гарри открыл глаза. Он снова лежал на раскладушке посреди тусклой комнаты Рона. Сычик спал, засунув голову под крохотное крыло. Шрам на лбу Гарри покалывало.

— Ты бормотал во сне.

— Правда?

— Ага. «Грегорович». Ты все время повторял: «Грегорович».

Очков на Гарри не было, лицо Рона расплывалось перед ним.

— А кто этот Грегорович?

— Откуда мне знать? Это же ты называл его

имя.

Гарри потер лоб, размышляя. У него было смутное представление, что он слышал это имя прежде, но где — Гарри вспомнить не мог.

— Думаю, Волан-де-Морт ищет его.

— Бедняга, — с пылом произнес Рон.

Гарри сел, потирая шрам, еще не проснувшись окончательно. Он попытался точно припомнить свой сон, но в памяти всплыли лишь горизонт в горах да очертания городка в глубокой долине.

— Я думаю, он за границей.

— Кто? Грегорович?

— Волан-де-Морт. Думаю, он отправился за границу искать Грегоровича. На Британию это место не походило.

— Считаешь, ты снова заглянул в его сознание? — Теперь в голосе Рона звучала тревога.

— Сделай милость, не говори Гермионе, — сказал Гарри. — Хотя я не понимаю, как, по ее мнению, я могу справиться со своими снами.

Он смотрел на маленькую клетку Сычика, пытаясь понять, откуда ему известно это имя — Грегорович?

— По-моему, — медленно произнес Гарри, — он имеет какое-то отношение к квиддичу. Между ними есть некая связь, но я не могу… не могу ее

вспомнить.

— К квиддичу? — переспросил Рон. — А ты уверен, что думаешь не о Горговиче.

— О ком?

— Драгомир Горгович, охотник, два года назад перешел в команду «Пушки Педдл», получив баснословный гонорар. Держит рекорд сезона по числу бросков квоффла.

— Нет, — сказал Гарри. — О Горговиче я точно не думал.

— Я тоже стараюсь о нем не думать, — сказал Рон. — Ну, так или иначе, с днем рождения.

— Черт, действительно, а я и забыл! Мне же исполнилось семнадцать!

Гарри схватил лежавшую рядом с раскладушкой палочку, направил ее на заваленный невесть чем стол, на котором оставил очки, и произнес: «Акцио, очки!» И хотя до них было всего-то около фута, почему-то оказалось очень приятно смотреть, как они летят к нему по воздуху — то есть, пока очки не ткнули Гарри в глаз.

— Чистая работа, — фыркнул Рон.

Чтобы отпраздновать избавление от Надзора, Гарри пустил вещи Рона летать по комнате, от чего Сычик проснулся и взволнованно заметался по клетке. Он попытался также чародейным

образом завязать шнурки на своих кроссовках (и потом несколько минут распутывал получившиеся узлы) и, исключительно удовольствия ради, превратил оранжевые костюмы команды «Пушки Педдл», изображенной на висевшем в комнате Рона плакате, в синие.

— Ширинку я бы на твоем месте все же вручную застегивал, — посоветовал ему Рон и захихикал, увидев, как Гарри торопливо проверяет ее состояние. — Держи подарок. Только разверни его здесь, подальше от маминых глаз.

— Книга? — спросил Гарри, принимая прямоугольный сверток. — Некоторое отклонение от традиции, тебе не кажется?

— Это, знаешь ли, не просто книга, — ответил Рон. — Это чистое золото: «Двенадцать безотказных способов, позволяющих зачаровывать волшебниц». Тут все, что следует знать о женщинах. Будь она у меня в прошлом году, я бы точно знал, как избавиться от Лаванды и как поладить с… В общем, Фред с Джорджем дали мне экземпляр, и я много чему научился. Ты удивишься, но там не только о работе палочкой.

Спустившись в кухню, они обнаружили на столе горку ожидавших Гарри подарков. Билл и мсье Делакур доедали завтрак, миссис Уизли что-то

жарила на сковородке, разговаривая с ними.

— Артур просил поздравить тебя с семнадцатилетием, Гарри, — расплывшись в улыбке, сказала она. — Ему пришлось пораньше уехать на работу, но к обеду он вернется. Наш подарок вон он, на самом верху.

Гарри сел, взял квадратный сверток, на который она указала, развернул его. Внутри обнаружились часы, очень похожие на те, которые мистер и миссис Уизли подарили на семнадцатилетие Рону, — золотые, с кружащими по циферблату звездами вместо стрелок.

— Существует традиция — дарить волшебнику на совершеннолетие часы, — сказала от плиты миссис Уизли. — Боюсь, эти не такие новые, как у Рона, они принадлежали моему брату Фабиану, а он был не очень аккуратен с вещами, у них сзади небольшая вмятинка, но…

Продолжения речи миссис Уизли никто не услышал, потому что Гарри вскочил и обнял ее. Он постарался вложить в свое объятие все, о чем никогда ей не говорил, и, возможно, она его поняла, потому что, когда Гарри разжал руки, неуклюже потрепала его по щеке, а после не очень ловко взмахнула палочкой, вывалив из сковороды половину бекона на пол.

— С днем рождения, Гарри! — сказала Гермиона, влетая в кухню и укладывая свой подарок поверх остальных. — Подарок не богатый, но, надеюсь, тебе понравится. А ты ему что подарил? — спросила она у Рона, который, похоже, вопроса не услышал.

— Давай разверни Гермионин! — сказал он.

Гермиона купила ему новый вредноскоп. Другие свертки содержали волшебную бритву, поднесенную Биллом и Флер («О да, б'геет так гладко, что лучше не бывает, — заверил его мсье Делакур, — только нужно точно говорить ей, что вам т'гебуется, иначе можно не досчитаться волос…»), шоколад от Делакуров и огромную коробку новейших товаров компании «Всевозможные волшебные вредилки близнецов Уизли» от Фреда с Джорджем.

Гарри, Рон и Гермиона за столом засиживаться не стали, поскольку появление мадам Делакур, Флер и Габриэль сделали кухню несколько тесноватой.

— Я все это упакую, — весело сказала Гермиона, отбирая у Гарри подарки, когда они втроем начали подниматься по лестнице. — Я уж почти все уложила, осталось дождаться, когда из стирки вернутся твои трусы, Рон…

Сердитый лепет Рона заглушил скрип двери, открывшейся на площадке второго этажа.

— Гарри, ты не зайдешь ко мне на минутку?

Это была Джинни. Рон резко остановился, но Гермиона взяла его за локоть и потащила дальше, вверх по лестнице. Гарри, нервничая, вошел в комнату Джинни.

Он никогда еще здесь не бывал, в этой маленькой, но светлой комнате.

На одной ее стене висел большой плакат группы «Ведуньи», на другой — фотография Гвеног Джонс, капитана «Холихедских гарпий», женской команды по квиддичу. Письменный стол был расположен лицом к открытому окну, выходившему в фруктовый сад, в котором Гарри и Джинни когда-то играли двое на двое в квиддич против Рона и Гермионы, — теперь в нем был разбит большой, жемчужно-белый шатер. Венчавший шатер золотистый флаг колыхался вровень с окном Джинни.

Она взглянула Гарри прямо в лицо, набрала в грудь побольше воздуха и сказала.

— Поздравляю с семнадцатилетием.

— Ага… спасибо.

Джинни продолжала смотреть ему в лицо, однако Гарри затруднялся ответить ей тем же,

это было бы все равно что смотреть на источник слепящего света.

— Хороший у тебя вид, — пробормотал он, указав на окно.

На это Джинни отвечать не стала. И тут ее винить было не за что.

— Я не могла придумать, что тебе подарить, — сказала она.

— Да ты и не должна ничего…

Эти слова она тоже оставила без внимания.

— Не знала, что может оказаться полезным. что-то не очень большое, потому что иначе ты не сможешь взять его с собой.

Гарри решился взглянуть на нее. Слез на лице Джинни не было — одно из многих ее замечательных качеств состояло в том, что плакала она редко. Гарри иногда думал, что это наличие шести братьев закалило ее.

Джинни подступила к нему на шаг:

— И я подумала, нужно дать тебе что-то такое, что ты запомнил бы, понимаешь? Вдруг ты, занимаясь своими делами, встретишь какую-нибудь вейлу.

— Если честно, думаю, что возможностей встречаться с девушками у меня будет мало.

— Только эта надежда меня и утешает, — про-

шептала она и поцеловала его так, как никогда не целовала прежде, и Гарри ответил на поцелуй, погружаясь в блаженное забвение, которого никакое огненное виски дать не могло. Джинни обратилась в единственное, что было на свете настоящего, — ощущения от прикосновений к ней, одна рука на ее спине, другая на длинных, сладостно пахнущих волосах…

Где-то за ними со стуком раскрылась дверь, и они отскочили друг от друга.

— О, — язвительно произнес Рон. — Прошу прощения.

— Рон! — прямо за его спиной маячила немного запыхавшаяся Гермиона.

Наступило натянутое молчание, затем Джинни произнесла голосом безжизненным и тонким:

— Ну, в общем, с днем рождения, Гарри.

Уши Рона пылали, Гермиона явно нервничала. Гарри хотелось захлопнуть дверь у них перед носом, но ему казалось, что в миг, когда она распахнулась, в комнате потянуло холодом, и пережитое им ослепительное мгновение лопнуло, как мыльный пузырь. Казалось, вместе с Роном в комнату снова ворвались все причины, по которым он желал порвать с Джинни, держаться подальше от нее, а со счастливым пренебрежени-

ем ими было покончено.

Он хотел сказать что-нибудь и не знал что, взглянул на Джинни, но она повернулась к нему спиной. И Гарри подумал, что она наконец дала волю слезам. А утешать ее на глазах у Рона он не мог.

— Ну, еще увидимся, — сказал он и вышел вслед за своими друзьями из комнаты Джинни.

Рон с топотом спустился по лестнице, миновал заполненную людьми кухню, вышел во двор. Гарри не отставал от него, и испуганная Гермиона тоже семенила следом.

Достигнув пустой, недавно подстриженной лужайки, Рон круто повернулся к Гарри:

— Ты же бросил ее! И что ты делаешь теперь — мозги ей пудришь?

— Я не пудрю ей мозги, — ответил Гарри, и тут их наконец нагнала Гермиона.

— Рон…

Однако Рон поднял ладонь, заставив ее замолчать.

— Она разваливалась на куски, когда ты порвал с ней…

— Я тоже. И ты знаешь, почему я так поступил, — не потому, что мне захотелось.

— Да, но теперь ты милуешься с ней, и у нее

опять возникнут надежды…

— Джинни не дура, она знает, что это невозможно, не ждет, что мы поженимся или…

И едва он это сказал, как в голове его образовалась картина: Джинни, одетая в белое платье, венчается с высоким, безликим, но очень неприятным незнакомцем. Казалось, в один головокружительный миг Гарри понял все: ее будущее полно свободы и не обременено ничем, а у него… он видит впереди одного лишь Волан-де-Морта.

— Ты обжимаешься с ней при всяком удобном случае…

— Больше этого не случится, — резко сказал Гарри. День стоял безоблачный, однако ему казалось, что солнце уже село. — Тебя это устроит?

Рон выглядел наполовину возмущенным, наполовину робеющим, он покачался немного взад-вперед на каблуках, а потом сказал:

— Ну тогда ладно, в общем, как его… да.

До конца этого дня Джинни больше не пыталась встретиться с Гарри наедине и не давала понять — ни словом, ни жестом, — что у них случился в ее комнате не просто учтивый разговор. И все же появление Чарли принесло Гарри облегчение. Забавно было смотреть, как миссис Уизли силком усаживает Чарли в кресло, воздевает волшебную

палочку и объявляет, что сейчас она его наконец подстрижет по-человечески.

Поскольку вместив всех, кто должен был присутствовать на праздничном обеде в честь дня рождения Гарри — даже до появления Чарли, Люпина, Тонкс и Хагрида, — кухня «Норы» неминуемо треснула бы по швам, несколько столов вынесли в огород и поставили их там встык. Фред и Джордж развесили в воздухе над гостями множество пурпурных фонариков, украшенных большими числами «17». Благодаря уходу миссис Уизли рана Джорджа выглядела теперь опрятно и чисто, но Гарри так и не смог привыкнуть к темной дыре на том месте, где раньше было его ухо, даром что близнецы то и дело шутили по ее поводу.

Гермиона, выпустив из кончика своей палочки золотистые и пурпурные ленты, красиво развесила их по деревьям и кустам.

— Очень мило, — сказал Рон после того, как Гермиона в последний раз театрально взмахнула палочкой, обратив листья дикой яблони в золото. — У тебя и вправду хороший глаз на такие вещи.

— Спасибо, Рон, — отозвалась Гермиона с видом и польщенным, и смущенным сразу Гарри с

улыбкой отвернулся. У него появилось странное чувство, что, полистав на досуге «Двенадцать безотказных способов, позволяющих зачаровывать волшебниц», он непременно найдет главу о комплиментах. Гарри встретился взглядом с Джинни, улыбнулся ей, но тут же вспомнил о данном Рону обещании и поспешил завязать разговор с мсье Делакуром.

— С дороги, с дороги! — запела миссис Уизли, проходя в калитку с висевшим перед ней в воздухе гигантским, размером с мяч для пляжного волейбола, снитчем. Лишь пару секунд спустя Гарри сообразил, что это праздничный торт, который миссис Уизли, не рискнувшая нести его по неровной земле, держала волшебной палочкой на весу. Когда торт наконец утвердился посредине стола, Гарри сказал:

— Выглядит потрясающе, миссис Уизли.

— О, пустяки, милый, — ласково отозвалась она.

За ее спиной Рон поднял, глядя на Гарри; два больших пальца и произнес одними губами: «Молодец».

К семи часам собрались уже все гости. Фред с Джорджем, стоявшие на страже в конце лужайки, одного за другим приводили их в дом. Хагрид

облачился для такого случая в свой лучший и совершенно ужасный ворсистый коричневый костюм. Люпин, пожимая Гарри руку, улыбался, но выглядел, как почудилось Гарри, подавленным. Странно, Тонкс, появившаяся вместе с ним, просто лучилась радостью.

— С днем рождения, Гарри, — сказала Тонкс, крепко обнимая его.

— Семнадцать, это ж надо! — произнес Хагрид, принимая от Фреда бокал вина размером с ведерко. — Шесть лет прошло с тех пор, как мы встретились, Гарри, помнишь тот день?

— Смутно, — ответил, улыбнувшись великану, Гарри. — Это не ты, случайно, выломал тогда парадную дверь, наградил Дадли свиным хвостиком и объявил мне, что я волшебник?

— Ну, подробности я призабыл, — фыркнул Хагрид. — А как вы, Рон, Гермиона?

— Прекрасно, — ответила Гермиона, — а вы?

— Да неплохо. Дел позарез, у нас единорожки народились, как вернетесь, я вам их покажу… — Гарри старался не глядеть в сторону Рона и Гермионы, а Хагрид начал рыться по карманам. — Вот, Гарри, никак не мог скумекать, чего тебе подарить, а после вспомнил про эту штуку.

Он вытащил маленький, немного мохнатый,

затягивающийся сверху мешочек с длинным шнурком, позволявшим носить эту вещицу на шее.

— Ишачья кожа. В него чего ни засунь, никто, кроме хозяина, не достанет. Редкая вещь.

— Спасибо, Хагрид!

— А, пустяки, — сказал Хагрид и махнул ладонью размером с мусорный бак. — Смотри-ка, и Чарли тут! Вот кого люблю. Эй, Чарли!

Подошел, приглаживая ладонью жестоко укороченные волосы, Чарли. Он был ниже Рона — крепко сколоченный, с множеством оставленных ожогами и порезами отметин на мускулистых руках.

— Привет, Хагрид, как жизнь?

— Я уж лет сто все написать тебе собираюсь. Как там Норберт?

— Норберт? — рассмеялся Чарли. — Норвежский дракон? Теперь она зовется Норберта.

— Хо! Так она девчонка, что ли?

— Еще какая, — ответил Чарли.

— А как вы их отличаете? — спросила Гермиона.

— Драконихи обычно намного злее, — пояснил Чарли. Он оглянулся, понизил голос: — Папе стоило бы поторопиться. Мама начинает нерв-

ничать.

Все посмотрели в сторону миссис Уизли. Она пыталась вести беседу с мадам Делакур, но при этом то и дело поглядывала на ворота.

— Думаю, нужно начинать, не дожидаясь Артура, — спустя секунду-другую крикнула она, повернувшись к огороду. — Похоже, его задержали — о!

Все увидели ее одновременно — полоску света, пролетевшую над двором и опустившуюся на стол, где она обратилась в серебристого горностая, вставшего на задние лапки и сообщившего голосом мистера Уизли:

— Со мной министр магии.

Патронус растаял в воздухе, оставив семейство Флер изумленно вглядываться в место, на котором он исчез.

— Нам здесь делать нечего, — мгновенно сказал Люпин. — Прости, Гарри, объясню в другой раз…

Он обнял Тонкс за талию, потянул ее за собой; они дошли до забора, перелезли через него и исчезли из виду. Миссис Уизли выглядела ошеломленной:

— Министр… Но почему?.. Не понимаю…

Однако времени для разговоров об этом уже не было, секунду спустя у ворот возникли прямо из

воздуха мистер Уизли и Руфус Скримджер, мгновенно узнаваемый по гриве седоватых волос.

Вдвоем они пересекли двор, направляясь к огороду и залитым светом столам. Когда Скримджер вступил под свет фонариков, Гарри увидел, что министр выглядит намного старше, чем при последней их встрече, — он похудел, стал еще более мрачным.

— Прошу простить за вторжение, — сказал Скримджер, останавливаясь у стола. — И за то, что без приглашения явился на праздник. — На миг взгляд его остановился на гигантском снитче. — Долгих вам лет жизни.

— Спасибо, — отозвался Гарри.

— Мне необходимо поговорить с вами наедине, — продолжал Скримджер. — А также с мистером Рональдом Уизли и мисс Гермионой Грейнджер.

— С нами? — спросил удивленный Рон. — А мыто вам зачем?

— Об этом я скажу вам в месте более уединенном, — ответил Скримджер и повернулся к миссис Уизли. — Найдется здесь такое?

— Да, разумеется, — нервно ответила миссис Уизли. — Э-э… гостиная, вы можете воспользоваться ею.

— Отведите нас туда, — сказал Рону Скримджер. — Вам, Артур, сопровождать нас не обязательно.

Мистер и миссис Уизли обменялись встревоженными взглядами, Гарри, Рон и Гермиона встали. Они молча шли к дому, и Гарри понимал — двое его друзей думают то же, что он: Скримджер каким-то образом прознал, что они собираются покинуть Хогвартс.

Пока они, направляясь в гостиную «Норы», пересекали неприбранную кухню, Скримджер не произнес ни слова. Огород был залит мягким, золотистым вечерним светом, но в доме уже стемнело, и Гарри, когда они вошли в старенькую, уютную гостиную, повел палочкой в сторону масляных ламп. Скримджер опустился в продавленное кресло, которое обычно занимала миссис Уизли, предоставив Гарри, Рону и Гермионе тесниться бок о бок на софе. Как только они уселись, Скримджер сказал:

— У меня имеются вопросы ко всем троим, и, думаю, их лучше задавать с глазу на глаз. Я начну с Рональда, а вы двое, — он указал пальцем на Гарри и Гермиону, — можете подождать наверху.

— Никуда мы не пойдем, — ответил Гарри, и Гермиона с силой закивала. — Либо говорите со

всеми нами, либо ни с кем.

Скримджер смерил Гарри холодным оценивающим взглядом. Гарри показалось, что министр прикидывает, стоит ли обострять разговор с самого начала.

— Ну хорошо, со всеми так со всеми, — пожав плечами, сказал он и откашлялся. — Я прибыл сюда, как вам наверняка известно, в связи с завещанием Альбуса Дамблдора.

Гарри, Гермиона и Рон обменялись взглядами.

— Похоже, вы удивлены! Стало быть, вы не знали, что Дамблдор оставил вам кое-что?

— Н-нам всем? — спросил Рон. — Мне и Гермионе тоже?

— Да, каждому из…

Однако Гарри перебил его:

— Дамблдор погиб больше месяца назад. Почему потребовалось столько времени, чтобы отдать нам завещанное?

— Разве это не очевидно? — произнесла, не дав Скримджеру ответить, Гермиона. — Министерство проводило проверку того, что он нам оставил. — И, повернувшись к Скримджеру, она сказала дрогнувшим голосом: — Вы не имели на это никакого права!

— Прав у меня предостаточно, — отмахнулся от

нее Скримджер. — Закон об оправданной конфискации наделяет министра властью конфисковать завещанное…

— Этот закон принят для того, чтобы помешать чародеям передавать по наследству Темные артефакты, — сказала Гермиона. — А министр, накладывая арест на собственность усопшего, должен иметь серьезные доказательства незаконности ее составляющих! Вы хотите уверить меня, будто Дамблдор пытался передать нам нечто зловредное?

— Собираетесь делать карьеру в сфере обеспечения магического правопорядка, мисс Грейнджер? — осведомился Скримджер.

— Нет, не собираюсь, — резко ответила Гермиона. — Я еще надеюсь принести людям хоть какую-то пользу!

Рон засмеялся. Скримджер скользнул по нему глазами и отвел их в сторону, а Гарри сказал:

— Так почему вы все-таки решили отдать нам завещанное? Не сумели придумать предлога, который позволял бы и дальше удерживать его?

— Да нет, — мгновенно откликнулась Гермиона, — просто прошел тридцать один день. А удерживать какую-то вещь дольше, не имея доказательств ее опасности, они не могут. Верно?

— Вы могли бы сказать, что были близки с Дамблдором, Рональд? — спросил, игнорируя Гермиону, Скримджер. Рона его вопрос озадачил.

— Я? Нет… не совсем… это Гарри всегда…

Рон посмотрел на Гарри с Гермионой, и та взглядом приказала ему: «Умолкни!» — но сказанного было уже не вернуть. Скримджер приобрел вид человека, услышавшего именно то, что он ожидал, да и хотел услышать. И он вцепился в ответ Рона, как хищная птица в добычу.

— Если вы не были близки с Дамблдором, чем вы объясните тот факт, что он упомянул вас в своем завещании? Индивидуальных наследников там названо совсем немного. Наибольшая часть его собственности — библиотека, магические инструменты и иные личные принадлежности — оставлена Хогвартсу. Почему же он выделил вас, как вы полагаете?

— Я… не знаю, — промямлил Рон. — Я… когда я сказал, что мы не были близки… ну, то есть, я думаю, он хорошо ко мне относился…

— Не скромничай, Рон, — сказала Гермиона. — Дамблдор тебя очень любил.

А вот это уже было натяжкой, да еще и чрезмерной. Насколько знал Гарри, Рон и Дамблдор ни разу не встречались один на один, да и другие

их встречи можно было пересчитать по пальцам. Однако Скримджер, похоже, их уже не слушал. Он сунул руку под мантию и извлек оттуда мешочек — гораздо больше того, который Хагрид подарил Гарри. Вынув из мешочка пергаментный свиток, Скримджер развернул его и начал читать вслух:

— «Последняя воля Альбуса Персиваля Вулфрика Брайана Дамблдора»... да, вот здесь... «Рональду Билиусу Уизли я оставляю мой делюминатор в надежде, что, пользуясь им, он будет вспоминать обо мне».

Скримджер достал из мешочка вещицу, которую Гарри уже случалось видеть, — она походила на серебряную зажигалку, однако могла одним щелчком высасывать из любого помещения весь свет и возвращать его обратно. Скримджер наклонился вперед и протянул делюминатор Рону, тот ошеломленно взял его, повертел в пальцах.

— Это очень ценная вещь, — сказал Скримджер, не сводя с Рона глаз. — Может быть, даже уникальная. И определенно сконструированная и сделанная самим Дамблдором. Почему он оставил вам такую редкость?

Рон в совершенном недоумении покачал головой.

— У Дамблдора были тысячи учеников, не мень-

ше, — настаивал Скримджер. — И из всех них он упомянул в завещании только вас троих. Почему? И как вы намерены использовать делюминатор, мистер Уизли?

— Наверное, свет им буду гасить, — пробормотал Рон. — На что еще он может сгодиться?

по-видимому, и у Скримджера идей на этот счет не было. Несколько секунд он, прищурясь, вглядывался в Рона, а затем снова обратился к завещанию Дамблдора.

— «Мисс Гермионе Джин Грейнджер я оставляю свой экземпляр «Сказок барда Билля» в надежде, что она найдет их занимательными и поучительными».

На сей раз Скримджер извлек из мешочка небольшую книжку, такую же, казалось, древнюю, как лежащие наверху «Тайны наитемнейшего искусства». Ее покрытый пятнами переплет кое-где уже облупился. Гермиона молча приняла от Скримджера книжку, положила себе на колени и опустила на нее взгляд. Гарри увидел, что название книги начертано рунами, читать которые он так и не научился. И пока он в них вглядывался, на тисненые значки упало несколько слез.

— Как вы думаете, мисс Грейнджер, почему Дамблдор завещал вам эту книгу? — поинтересо-

вался Скримджер.

— Он… он знал, что я люблю читать, — сдавленным голосом ответила Гермиона, вытирая глаза рукавом.

— Но почему именно эту?

— Я не знаю. Наверное, он думал, что она мне понравится.

— Вы когда-либо обсуждали с Дамблдором шифры или иные средства передачи секретных сообщений?

— Нет, не обсуждала, — продолжая вытирать глаза, ответила Гермиона. — И если Министерство за тридцать один день не смогло обнаружить в книге тайный шифр, сомневаюсь, что это удастся мне.

Она подавила рыдание. Трое друзей сидели на софе, прижавшись друг к другу так плотно, что Рону с трудом удалось выпростать руку, чтобы обнять Гермиону за плечи. Скримджер снова уставился в завещание.

— «Гарри Джеймсу Поттеру, — начал он, и внутри у Гарри все сжалось от волнения, — я оставляю пойманный им в первом его хогвартском матче по квиддичу снитч, как напоминание о наградах, которые достаются упорством и мастерством».

Скримджер вынул из мешочка крошечный, раз-

мером с грецкий орех, золотой шарик, с довольно вяло трепетавшими серебряными крыльями, и Гарри поневоле ощутил себя обманутым в ожиданиях.

— Почему Дамблдор оставил вам снитч? — спросил Скримджер.

— Понятия не имею, — сказал Гарри. — По причинам, которые вы только что зачитали, я думаю… Как напоминание о том, чего можно достичь, если ты упорен и так далее.

— То есть вы полагаете, что это подарок чисто символический?

— Наверное, — ответил Гарри. — Каким же еще он может быть?

— Вопросы задаю я, — сказал Скримджер и пододвинул свое кресло поближе к софе.

Снаружи уже наступили настоящие сумерки, видневшийся в окнах гостиной шатер возносился над живой изгородью, как белый призрак.

— Я заметил, что торт, испеченный на день вашего рождения, имеет форму снитча, — сказал Скримджер, обращаясь к Гарри. — Почему?

Гермиона иронически хмыкнула.

— О, разумеется, торт не может быть всего лишь ссылкой на то, что Гарри — великий ловец, это было бы слишком просто, — сказала она. — В

его глазури наверняка скрыто послание от Дамблдора!

— Не думаю, что в глазури что-либо скрыто, — сказал Скримджер, — зато очень удобно скрывать маленькие предметы в снитче. Вы, разумеется, знаете почему?

Гарри пожал плечами. А вот Гермиона ответила (Гарри подумал, что привычка отвечать на вопросы въелась в нее так глубоко, что она просто ничего не может с собой поделать):

— Потому что снитчи обладают телесной памятью.

— Чем? — в один голос спросили Гарри и Рон — оба считали, что знания Гермионы о квиддиче близки к нулю.

— Правильно, — подтвердил Скримджер. — До того как снитч выпускают в игру, никто к нему голыми руками не прикасается, даже его изготовитель всегда работает в перчатках. Снитч несет на себе чары, благодаря которым он узнает первого притронувшегося к нему человека — на случай, если возникнут какие-то споры о том, кто его поймал. Этот снитч, — он поднял золотой шарик повыше, — помнит ваше прикосновение, Поттер. И я подумал, что Дамблдор, который, при всех его недостатках, был изумительным магом,

мог заколдовать снитч так, чтобы он открывался только для вас.

Теперь сердце Гарри билось намного быстрее. В правоте Скримджера он не сомневался. Как же ему извернуться и не притронуться к снитчу голыми руками на глазах у министра?

— Вы молчите, — продолжал Скримджер. — Возможно, вы уже знаете, что кроется в снитче?

— Нет, — ответил Гарри, продолжая гадать, как создать видимость прикосновения к снитчу, не трогая его. Если бы только он владел легилименцией, владел понастоящему, если бы мог прочесть мысли Гермионы — Гарри практически слышал, как они буйно мечутся в ее голове.

— Возьмите его, — негромко сказал Скримджер.

Гарри взглянул в желтые глаза министра и понял, что выбора нет — остается лишь подчиниться. Он протянул руку, и Скримджер медленно и осторожно опустил снитч ему на ладонь.

И ничего не произошло. Едва пальцы Гарри сомкнулись на снитче, усталые крылья встрепенулись и замерли. Скримджер, Рон и Гермиона продолжали жадно вглядываться в частично укрытый пальцами Гарри мячик, словно еще надеялись, что он превратится в нечто иное.

— Весьма драматично, — холодно произнес Гарри. Рон с Гермионой рассмеялись.

— Надеюсь, это все? — спросила Гермиона, приподнимаясь с софы.

— Не совсем, — ответил Скримджер, теперь уже разозлившийся понастоящему. — Дамблдор оставил вам еще одну вещь, Поттер.

— Какую? — спросил Гарри, и волнение разгорелось в нем с новой силой.

На сей раз Скримджер читать по завещанию не стал.

— Меч Годрика Гриффиндора, — ответил он. Гермиона и Рон замерли. Гарри огляделся в поисках инкрустированной рубинами рукояти, однако меча Скримджер из мешочка не доставал, да и в любом случае меч там не поместился бы.

— И где же он? — подозрительно спросил Гарри.

— К сожалению, — сообщил Скримджер, — Дамблдор не имел права распоряжаться этим мечом. Меч Годрика Гриффиндора — важная историческая реликвия и как таковая принадлежит…

— Он принадлежит Гарри! — горячо воскликнула Гермиона. — Меч сам выбрал его, Гарри нашел этот меч, получил его от Распределяющей шляпы…

— Согласно надежным историческим источникам, меч может являться любому достойному гриффиндорцу, — заявил Скримджер. — А это не позволяет обратить его в исключительную собственность мистера Поттера, что бы там ни решил Дамблдор.

И Скримджер, пристально вглядываясь в Гарри, почесал плохо выбритую щеку:

— Как вы думаете, почему…

— Дамблдор захотел отдать меч мне? — стараясь сдержать гнев, спросил Гарри. — Возможно, он полагал, что мы будем хорошо смотреться у меня на стене.

— Это не шутка, Поттер! — рявкнул Скримджер. — Может быть, Дамблдор верил в то, что лишь меч Годрика Гриффиндора способен поразить наследника Слизерина? Не хотел ли он отдать меч вам, Поттер, потому, что считал, как считают многие, что именно вам предназначено уничтожить Того-Кого-Нельзя-Называть?

— Интересная теория, — сказал Гарри. — А никто не пробовал пырнуть этим мечом Волан-де-Морта? Может быть, Министерству стоило бы выделить несколько человек для выполнения этой задачи, вместо того чтобы тратить время на разборку делюминаторов или старания

скрыть побег из Азкабана. Так вот, значит, чем вы занимались, министр, запершись в своем кабинете, — пытались вскрыть снитч? Люди гибнут, я сам едва не стал одним из них, Волан-де-Морт гнался за мной через три графства, он убил Грозного Глаза Грюма, а от Министерства никто не услышал об этом ни слова, не так ли? И вы все еще надеетесь, что мы станем вам помогать?

— Вы заходите слишком далеко! — закричал, вставая, Скримджер; Гарри тоже вскочил на ноги. Скримджер, прихрамывая, подступил к нему и с силой ткнул его в грудь своей палочкой, и она прожгла, точно зажженная сигарета, дыру на футболке Гарри.

— Ого! — вскрикнул Рон, тоже вскакивая и поднимая палочку, но Гарри остановил его:

— Нет! Ты же не хочешь дать ему повод для ареста всех нас?

— Не забывайте, что вы не в школе, понятно? — сказал Скримджер, тяжело дыша прямо в лицо Гарри. — Не забывайте, что я не Дамблдор, который прощал вам наглость и неподчинение. Вы можете носить свой шрам, как корону, Поттер, однако не вам, семнадцатилетнему мальчишке, указывать мне, как я должен исполнять свою работу! Пора бы вам научиться проявлять уваже-

ние к людям!

— Пора бы и вам заслужить его! — ответил Гарри. Пол дрогнул, с крыльца донеслись торопливые шаги, дверь гостиной распахнулась, и в нее влетели мистер и миссис Уизли.

— Мы… нам показалось, что мы слышали… — начал мистер Уизли, явно встревожившийся, увидев министра и Гарри стоящими буквально нос к носу.

— Разгоряченные голоса, — выдохнула миссис Уизли. Скримджер отступил от Гарри на пару шагов, мельком взглянул на проделанную им в футболке дырку. Похоже, он уже сожалел о том, что сорвался.

— Это… нет, ничего, — пророкотал министр. — Я… меня огорчает ваша позиция, — сказал он, еще раз прямо взглянув Гарри в глаза. — Вы, видимо, думаете, что Министерство не желает того, чего желаете вы… чего желал Дамблдор. Нам следовало бы работать плечом к плечу.

— Мне не нравятся ваши методы, министр, — сказал Гарри. — Вы не забыли?

И он во второй раз за время их встреч поднял вверх правый кулак и показал Скримджеру шрамы, белесо светившиеся, складываясь в слова: «Я не должен лгать». Лицо Скримджера окаменело.

Не сказав больше ни слова, он повернулся и, прихрамывая, покинул гостиную. Миссис Уизли поспешила за ним, Гарри слышно было, как она остановилась у задней двери. Примерно минуту спустя она крикнула:

— Ушел!

— Что ему было нужно? — оглядывая Гарри, Рона и Гермиону, спросил мистер Уизли, пока его жена торопливо возвращалась в гостиную.

— Отдать нам завещанное Дамблдором, — ответил Гарри. — Они только теперь рассекретили его завещание.

Несколько позже, в огороде, три отданных им Скримджером вещи, передаваемые из рук в руки, обошли столы по кругу. Каждый восторгался делюминатором и «Сказками барда Билля», высказывал сожаления о том, что Скримджер отказался отдать меч, но никто не смог предложить толкового объяснения того, что Дамблдор оставил Гарри старый снитч. Когда мистер Уизли уже в третий раз осматривал делюминатор, его жена робко сказала:

— Гарри, милый, все страшно проголодались, мы же не могли начать без тебя… может, я подам обед?

И после того как все торопливо насытились,

несколько раз прокричали хором: «С днем рождения!» — и проглотили торт, празднование завершилось. Хагрид, приглашенный на завтрашнюю свадьбу, но слишком большой, чтобы ночевать в и без того уже переполненной «Норе», отправился на соседнее поле — устраиваться на ночь в шатре.

— Встретимся наверху, — шепнул Гарри Гермионе, пока они помогали миссис Уизли приводить огород в обычный вид. — После того как все улягутся.

В мезонине, пока Рон изучал делюминатор, Гарри наполнял ишачий мешочек Хагрида — не золотом, но вещами, которые он ценил больше всех прочих, вещами, по-видимому бесценными, хоть они и сводились всего лишь к Карте Мародеров, осколку волшебного зеркала Сириуса и медальону Р. А. Б. Затянув мешочек и повесив его себе на шею, Гарри присел, держа в ладони старый снитч, наблюдая за его слабо трепещущими крыльями. Наконец Гермиона стукнула в дверь и на цыпочках вошла в комнату.

— Оглохни! — прошептала она, махнув палочкой в сторону лестницы.

— Ты вроде бы не одобряла это заклинание, — сказал Рон.

— Времена меняются, — ответила Гермиона. — Ну-ка покажи нам делюминатор.

Рон немедленно подчинился: держа делюминатор перед собой, щелкнул им, и единственная горевшая в комнате лампа тут же погасла.

— Дело в том, — прошептала в темноте Гермиона, — что такого же результата можно добиться с помощью перуанского порошка Мгновенной тьмы.

Послышался тихий щелчок, и на потолке снова загорелась, залив их светом, шаровидная лампа.

— Все равно вещь клевая, — словно оправдываясь, сказал Рон. — И все говорят, что ее сам Дамблдор изобрел!

— Я знаю, но не для того же он выделил тебя в завещании, чтобы помочь нам тушить свет!

— Думаешь, Дамблдор знал, что Министерство конфискует завещание и проверит все, что он нам оставил? — спросил Гарри.

— Наверняка, — ответила Гермиона. — Написать в завещании, зачем он нам их оставляет, Дамблдор не мог, но это не объясняет…

— Почему он не намекнул нам на это, пока был жив? — спросил Рон.

— Вот именно, — ответила Гермиона, перелистывая «Сказки барда Бидля». — Раз эти вещи

настолько важны, что он передал их нам под носом у Министерства, Дамблдор, наверное, мог дать нам знать, чем именно… если только не считал это очевидным.

— Ну, если считал, значит, ошибся, так? — сказал Рон. — Я всегда говорил, что у него не все дома. Блестящий маг и все прочее, но чокнутый. Оставить Гарри старый снитч — на черта он ему сдался?

— Понятия не имею, — сказала Гермиона. — Когда Скримджер заставил тебя взять его, Гарри, я была совершенно уверена — что-то произойдет.

— Ну да, — отозвался Гарри и, чувствуя, как учащается его пульс, поднял перед собой снитч. — Правда, особенно лезть из кожи на глазах у министра мне не стоило, верно?

— Что ты хочешь сказать? — спросила Гермиона.

— Это снитч, который я поймал в самом первом моем матче, — ответил Гарри. — Помнишь?

Гермиону вопрос поставил в тупик, зато Рон ахнул и начал отчаянно тыкать пальцем то в Гарри, то в снитч, пока наконец не совладал со своим голосом:

— Это же тот, который ты чуть не проглотил!

— Правильно, — сказал Гарри и — сердце его

забилось еще чаще — прижал снитч к губам.

Однако снитч так и не открылся. Разочарование и горечь вскипели в Гарри, он опустил золотой шарик, но тут вскрикнула Гермиона:

— Надпись! Посмотри, на нем появилась надпись!

От изумления и волнения Гарри едва не выронил снитч.

Гермиона была права. На гладкой золотой поверхности, где еще секунду назад не было ничего, появилась гравировка — четыре слова, написанные наклонным почерком, в котором Гарри узнал дамблдоровский:

Я открываюсь под конец.

Гарри едва успел прочитать их, как слова исчезли снова.

— «Я открываюсь под конец»... Что это может значить?

Гермиона и Рон недоуменно покачали головами.

— Я открываюсь под конец... под конец... я открываюсь под конец...

Однако сколько раз и с какими интонациями они ни повторяли эти слова, никакого смысла из них вытянуть не удалось.

— А тут еще меч, — сказал Рон, когда они на-

конец отказались от попыток проникнуть в пророческий смысл надписи на снитче. — Зачем ему понадобилось, чтобы меч был у Гарри?

— И почему он не мог мне об этом сказать? — негромко спросил Гарри. — Весь прошлый год меч висел во время наших разговоров на стене его кабинета! Если он хотел, чтобы меч оказался в моих руках, почему просто не отдал его?

Он чувствовал себя так, точно сидит на экзамене, глядя на вопрос, ответ на который должен знать, но голова у него варит туго и ни на какие понукания не отзывается. Может быть, он упустил что-то из тех долгих разговоров, которые вел с Дамблдором в прошлом году? И должен хорошо знать, что все это значит? Или Дамблдор просто надеялся, что он и сам все поймет?

— Да, а уж эта книга, — сказала Гермиона, — «Сказки барда Билля»... Я о них и не слышала никогда!

— Не слышала о сказках барда Бидля? — не поверил ей Рон. — Шутишь, что ли?

— Нет, не шучу, — удивленно ответила Гермиона. — А ты их знаешь?

— Еще бы я их не знал!

Гарри, забавляясь, смотрел на них. То, что Рон читал книгу, которой не читала Гермиона, было

обстоятельством попросту беспрецедентным. Рона, однако, ее удивление поразило.

— Ну брось! Все старинные детские сказки принято приписывать Бидлю, разве не так? «Фонтан феи Фортуны»… «Колдун и прыгливый горшок»… «Зайчиха Шутиха и ее пеньзубоскал»…

— Как-как? — Гермиона захихикала. — А это про что?

— Да ладно тебе, — ответил Рон, недоверчиво переводя взгляд с Гарри на Гермиону. — Уж про зайчиху Шутиху ты наверняка слышала…

— Рон, ты же отлично знаешь, мы с Гарри выросли среди маглов, — сказала Гермиона. — И когда мы были маленькими, никто нам этих сказок не рассказывал, нам рассказывали про «Белоснежку и семь гномов», про «Золушку»…

— Это болезнь такая? — спросил Рон.

— Выходит, это детские сказки? — спросила Гермиона, снова склоняясь над рунами.

— Ну да, — без особой уверенности подтвердил Рон. — То есть считается, что все старые сказки сочинил Бидль. А как они выглядят в оригинале, я не знаю.

— Но зачем Дамблдору понадобилось, чтобы я их прочитала?

Внизу что-то хрустнуло.

— Наверное, Чарли крадется куда-то, чтобы, пока мама спит, заново отрастить волосы, — нервно произнес Рон.

— Так или иначе, нам пора спать, — прошептала Гермиона. — А то будем ползать завтра как сонные мухи.

— Да уж, — согласился Рон. — Зверское тройное убийство, совершенное матерью жениха, может немного подпортить свадьбу. Свет я сам выключу.

И как только Гермиона вышла из комнаты, он щелкнул делюминатором.

Глава 8

СВАДЬБА

Назавтра в три часа пополудни Гарри, Рон, Фред и Джордж стояли у разбитого в фруктовом саду огромного белого шатра, ожидая появления свадебных гостей. Гарри принял приличную дозу Оборотного зелья и был теперь двойником рыжеголового мальчика-магла из соседней деревни Оттери-Сент-Кэчпоул — волосы его Фред позаимствовал с помощью Манящих чар. Идея состояла в том, чтобы обратить Гарри в «кузена Барни», а многочисленные Уизли должны были поддерживать эту легенду.

Все четверо держали в руках планы рассадки гостей, которые должны были помочь им разводить людей по нужным местам. Целая орда официантов в белых мантиях появилась часом раньше вместе с одетым в раззолоченные костюмы оркестром. Сейчас вся эта волшебная братия сидела неподалеку под деревом, Гарри видел, как над ними поднимается синеватый трубочный дымок.

За спиной Гарри находился вход в шатер, а

за входом открывались ряды и ряды хрупких золоченых стульев, стоявших по обеим сторонам пурпурной ковровой дорожки. Столбы, на которых держался шатер, были увиты белыми и золотистыми цветами. Точно над тем местом, где Биллу и Флер предстояло вскоре стать мужем и женой, Фред и Джордж разместили гигантскую связку золотистых же надувных шариков. Снаружи неторопливо порхали над травой и шпалерами бабочки и пролетали жуки, летний день был в самом разгаре. Гарри испытывал некоторое неудобство. Магл, которого он изображал, был немного полнее его, отчего парадная мантия Гарри казалась ему тесноватой и жаркой.

— Когда буду жениться я, — сказал Фред, оттягивая ворот своей мантии, — я подобной дури не допущу. Все вы оденетесь, как сочтете нужным, а на маму я наложу Цепенящее заклятие, и пусть лежит себе спокойно, пока все не закончится.

— Утром она была не так уж и плоха, — сказал Джордж. — Поплакала малость Из-за того, что Перси не будет, хотя кому он, спрашивается, нужен? О черт, началось, они уже здесь — глянь-ка.

На дальнем краю двора одна за другой стали появляться ярко расцвеченные фигуры. Прошло всего несколько минут, и из них образовалась

целая процессия, которая, извиваясь, двинулась по огороду в направлении шатра. На шляпках волшебниц колыхались экзотические цветы и подрагивали крыльями зачарованные птицы, на шейных платках волшебников посверкивали самоцветы; толпа их приближалась к шатру, и гул возбужденных разговоров все усиливался, заглушая жужжание жуков.

— Отлично, По-моему, я вижу нескольких кузинвейл, — сказал Джордж, вытягивая шею, чтобы приглядеться получше. — Надо бы помочь им разобраться в наших английских обычаях, вот я прямо сейчас этим и займусь…

Девушки захихикали и действительно позволили ему проводить их в шатер. Джорджу только и осталось, что заняться пожилыми волшебницами, Рон взял на себя заботы о престарелом министерском коллеге мистера Уизли Перкинсе. Что касается Гарри, на его попечении оказалась глуховатая пожилая супружеская чета.

— Приветик, — произнес, когда Гарри вышел из шатра, знакомый голос, и он увидел стоявших во главе очереди Тонкс и Люпина. Тонкс обратилась по случаю праздника в блондинку. — Артур сказал, что ты тот, у которого курчавые волосы.

Прости за вчерашнее, — шепотом прибавила она, когда Гарри вел их по проходу. — Министерство отрастило на оборотней здоровенный зуб, и мы решили, что наше присутствие никакого добра тебе не принесет.

— Все в порядке, я понимаю, — сказал Гарри, обращаясь больше к Люпину, чем к Тонкс.

Люпин коротко улыбнулся ему, но, когда он отвел взгляд в сторону, Гарри увидел, что лицо его снова стало несчастным. В чем дело, Гарри не понимал, однако задумываться над этим ему было некогда: Хагрид уже успел произвести некоторые разрушения. Неверно поняв указания Фреда, он уселся не на магическим способом расширенный и укрепленный стул, поставленный для него в заднем ряду, а на пять обычных, и теперь они напоминали горстку позолоченных спичек.

Пока мистер Уизли устранял повреждения, а Хагрид громогласно извинялся перед всеми, кто его слушал, Гарри поспешил обратно к входу в шатер и обнаружил там Рона, разговаривавшего с на редкость чудаковатым волшебником. Он был немного косоглаз, с белыми, сильно смахивающими на сахарную вату волосами до плеч, в шапочке с кистью, которая болталась перед самым кончиком его носа, и в желтой, цвета

яичного желтка, мантии, при одном взгляде на которую начинали слезиться глаза. На золотой цепи, облекавшей его шею, висела странная эмблема, похожая на треугольный глаз.

— Ксенофилиус Лавгуд, — сообщил он, протянув Гарри руку. — Мы с дочерью живем по соседству, за холмом. Как мило, что добрейшие Уизли пригласили нас. Впрочем, с моей Полумной вы, насколько мне известно, знакомы, — прибавил он, обращаясь к Рону.

— Да, — ответил Рон, — но где же она?

— Задержалась немного в вашем очаровательном огородике, чтобы поздороваться с гномами, они у вас там кишмя кишат, чудесно! Мало кто из чародеев понимает, сколь многое мы можем почерпнуть у мудрых маленьких гномов или, если называть их как должно, у Gernumbligardensi.

— У наших можно почерпнуть множество ругательств, — сказал Рон, — но, По-моему, они и сами почерпнули их у Фреда с Джорджем.

Он повел в шатер компанию чародеев, и тут появилась Полумна.

— Привет, Гарри! — сказала она.

— Э-ээ… меня зовут Барни, — ответил впавший в замешательство Гарри.

— О, так ты и имя переменил? — весело спро-

сила она.

— Но как ты меня узнала?..

— Да просто по выражению лица, — ответила Полумна.

Полумна, подобно отцу, облачилась в желтую мантию, к которой добавила воткнутый в волосы цветок подсолнечника. После того как глаза привыкали к яркости ее костюма, он начинал казаться вполне приятным. По крайней мере, на этот раз с ушей Полумны не свисали редиски.

Ксенофилиус, углубившийся в беседу со знакомым волшебником, этот обмен репликами между Полумной и Гарри прослушал. Попрощавшись с волшебником, он обернулся к дочери, и та, воздев один палец, сказала:

— Смотри, папочка, меня гном укусил!

— Чудесно! Слюна гномов благотворна до крайности! — сообщил мистер Лавгуд, хватаясь за палец дочери и оглядывая кровоточащие прокусы. — Полумна, любовь моя, если тебе захочется блеснуть сегодня своими талантами — вдруг тебя охватит желание пропеть оперную арию или почитать что-нибудь на русалочьем языке, — не противься ему! Это может оказаться даром Gernumbli!

Рон, как раз в это время проходивший мимо,

громко фыркнул.

— Рон может смеяться сколько угодно, — невозмутимо сказала Полумна, когда Гарри провожал ее и Ксенофилиуса к их местам, — но отец провел очень серьезные исследования магии Gernumbli.

— Вот как? — сказал Гарри, давно уже решивший для себя, что оспаривать странноватые воззрения Полумны или ее отца дело пустое. — А ты не хочешь перевязать чем-нибудь палец?

— О нет, все хорошо, — ответила Полумна, с мечтательным выражением посасывая укушенный палец и оглядывая Гарри с головы до ног. — А ты хорошо выглядишь. Я сказала папочке, что большинство гостей скорее всего придут в парадных мантиях, но он считает, что на свадьбу лучше всего облачаться в солнечные цвета — на счастье, понимаешь?

Она поплыла к отцу, и тут же объявился Рон со старенькой, цеплявшейся за его руку чародейкой. Крючковатый нос, глаза в красных ободках и розовая шляпка с перьями придавали ей сходство со сварливым фламинго.

— И волосы у тебя слишком длинны, Рональд, я тебя сначала за Джиневру приняла. Мерлинова борода, во что это вырядился Ксенофилиус Лавгуд? Вылитый омлет. А ты кто? — гаркнула она,

завидев Гарри.

— Ах, да, тетя Мюриэль, познакомьтесь, это кузен Барни.

— Еще один Уизли? Вы плодитесь, как гномы. А Гарри Поттер тут имеется? Я надеялась познакомиться с ним. Я думала, он ваш друг, Рональд, или вы всего-навсего хвастались?

— Нет… просто он не смог приехать…

— Хмм. Нашел предлог, чтобы увильнуть? Ну, значит, не такая он бестолочь, какой выглядит на газетных снимках. Я только что научила невесту, как ей лучше носить мою диадему! — крикнула она Гарри. — Гоблинская работа, знаете ли, хранилась в семье веками. Девочка она красивая, но все же француженка. Ну ладно, ладно, Рональд, найди для меня место получше, мне все-таки сто семь лет, я не могу долго стоять на ногах.

Рон, проходя мимо Гарри, сокрушенно взглянул на него и на какое-то время пропал. Когда он снова появился у входа, Гарри успел развести по местам с десяток гостей. Шатер уже почти заполнился, а очередь у входа наконец иссякла.

— Мюриэль — это какой-то кошмар, — сказал Рон, отирая рукавом лоб. — Раньше она к нам на каждое Рождество приезжала, но, слава богу, обиделась после того, как Фред с Джорджем прямо во

время обеда взорвали под ее креслом навозную бомбу. Папа твердит, что она вычеркнет их из завещания. Можно подумать, что их это волнует, — при их темпах они все равно станут самыми богатыми в нашей семье людьми. Ух ты! — прибавил он и заморгал, глядя на приближавшуюся Гермиону — Роскошно выглядишь!

— И ведь вечно этот удивленный тон, — произнесла Гермиона, но, однако же, улыбнулась. На ней было сиреневое развевающееся платье, туфли на высоком каблуке, гладко расчесанные волосы ее сияли. — Твоя двоюродная бабушка Мюриэль с тобой не согласилась бы. Я совсем недавно столкнулась с ней на верхнем этаже — она вручала Флер диадему. Увидев меня, она сказала: «Боже, это ведь магловка?» — а затем: «Плохая осанка и костлявые лодыжки».

— Не обращай внимания, она всем грубит, — сказал Рон.

— Вы о Мюриэль говорите? — спросил Джордж, вышедший с Фредом из шатра. — Да, мне она сказала, что у меня уши какие-то кривые. Старая сова. Жаль, дяди Билиуса больше нет, вот кто умел повеселиться на свадьбах.

— Это не тот, который повстречался с Гримом, а ровно через сутки умер? — поинтересовалась

Гермиона.

— Ну да, под конец у него появились кое-какие причуды, — признал Джордж.

— Зато до того, как помешаться, он был душой любого свадебного пира, — сказал Фред. — Выдувал целую бутылку огненного виски, а после выскакивал на танцевальный настил, подбирал подол мантии и начинал вытаскивать букеты из…

— Да, человек и вправду очаровательный, — признала Гермиона, пока Гарри сгибался от хохота в три погибели.

— А сам почему-то так и не женился, — сказал Рон.

— Вот этим ты меня удивил, — отозвалась Гермиона.

Им было так весело, что никто не заметил запоздавшего гостя — темноволосого молодого человека с большим кривым носом и густыми черными бровями, — пока он не протянул свое приглашение Рону и не сказал, уставясь на Гермиону:

— Прекрасно выглядишь.

— Виктор! — завопила она и уронила свою расшитую бисером сумочку, ударившуюся о землю с громким стуком, нисколько не отвечавшим ее

размерам. Торопливо подняв сумочку и покраснев, Гермиона сказала: — Я и не знала, что ты… господи… как приятно тебя видеть… Ну как ты?

Уши Рона в очередной раз заалели. Прочитав приглашение Крама с таким видом, точно он ни единому стоявшему там слову не верил, Рон спросил намного громче, чем следовало:

— Как это ты здесь оказался?

— Флер пригласила, — приподняв брови, ответил Крам.

Гарри, никакого зла на Крама не державший, пожал ему руку, а затем, решив, что лучше увести Виктора подальше от Рона, предложил проводить его до отведенного ему места.

— Твой друг мне, похоже, не обрадовался, — сказал Крам, когда они вошли в уже наполненный людьми шатер и, взглянув на рыжие кудри Гарри, добавил: — Или он родственник?

— Двоюродный брат, — пробормотал Гарри, однако Крам его, собственно говоря, уже не слушал.

Появление Крама вызвало определенный переполох, особенно среди кузинвейл: как-никак, Виктор был прославленным игроком в квиддич. Гости еще вытягивали шеи, чтобы получше разглядеть его, а в проходе уже появились торопливо

шагавшие Рон, Гермиона, Фред и Джордж.

— Время усаживаться, — сказал Гарри Фред, — не то о нас новобрачная споткнется.

Гарри, Рон и Гермиона заняли свои места — во втором ряду, прямо за Фредом и Джорджем. Гермиона казалась чуть-чуть порозовевшей, уши Рона по-прежнему алели.

Просидев несколько мгновений в молчании, он прошептал Гарри:

— Видал, какую идиотскую бородку он отрастил?

Гарри пробормотал нечто неразборчивое. Нагретый солнцем шатер наполнили трепетные предвкушения, негромкий говорок сидевших в нем людей время от времени перемежался вспышками возбужденного смеха. По проходу прошли, улыбаясь и кивая родственникам, мистер и миссис Уизли — последняя облачилась сегодня в новую аметистовую мантию и подобранную ей в тон шляпку.

Мгновение спустя в дальнем конце шатра возникли Билл и Чарли, оба в парадных мантиях и с большими белыми розами в бутоньерках; Фред залихватски присвистнул, заставив кузинвейл захихикать. Зазвучала исходящая, казалось, прямо из золотистых шаров музыка, и все смолкли.

— О-оо-оох! — выдохнула Гермиона, повернувшаяся на стуле, чтобы взглянуть на вход.

Общий вздох вырвался у всех гостей, когда в проходе появились мсье Делакур и Флер. Флер словно плыла, мсье Делакур подпрыгивал на ходу и радостно улыбался. На Флер было совсем простое белое платье, казалось, источавшее сильный серебристый свет. Как правило, рядом с ее сияющей красотой люди словно тускнели, сегодня же этот свет делал более прекрасными всех, на кого он падал. Джинни и Габриэль, обе в золотистых платьях, выглядели красивее обычного, а когда Флер приблизилась к Биллу, стало казаться, что он даже и не встречался никогда с Фенриром Сивым.

— Леди и джентльмены, — произнес певучий голос, и Гарри с легким потрясением увидел того же маленького, с клочьями волос на голове волшебника, что распоряжался на похоронах Дамблдора, — он стоял теперь перед Биллом и Флер, — мы собрались здесь ныне, чтобы отпраздновать союз двух верных сердец…

— Да моя диадема кого хочешь украсит, — звучным шепотом сообщила тетя Мюриэль. — Однако должна сказать, вырез у Джиневры уж больно низкий.

Джинни обернулась, улыбаясь, подмигнула Гарри и тут же снова уставилась перед собой. Мысли Гарри побрели куда-то вдаль от шатра, к послеполуденным часам, которые он проводил наедине с Джинни в укромных уголках школьного двора. Какими давними они казались теперь и слишком прекрасными, чтобы быть правдой, — сияющие часы, выкраденные из жизни какого-то нормального человека, у которого нет на лбу похожего на молнию шрама…

— Уильям Артур, берете ли вы Флер Изабелль?..

Сидевшие в первом ряду миссис Уизли и мадам Делакур негромко рыдали в кружевные тряпицы. Трубные звуки, донесшиеся из задних рядов, давали ясно понять, что и Хагрид извлек из кармана скатерку, заменявшую ему носовой платок. Гермиона, повернувшись к Гарри, светло улыбнулась ему, и ее глаза были полны слез.

— В таком случае я объявляю вас соединенными узами до скончания ваших дней.

Волшебник с клочкастой головой поднял над Биллом и Флер палочку, и серебристые звезды осыпали новобрачных словно дождем, спирально завиваясь вокруг их теперь приникших одно к другому тел. Фред и Джордж первыми захло-

пали в ладоши, золотистые шары над головами жениха и невесты лопнули, и из них вылетели и неспешно поплыли по воздуху райские птицы и золотые колокольца, вливая пение и перезвон в общий шум.

— Леди и джентльмены, — провозгласил клочковолосый маг, — прошу всех встать!

Все встали, тетушка Мюриэль громко пожаловалась на причиненное ей неудобство; клочковолосый взмахнул волшебной палочкой. Стулья, на которых сидели гости, грациозно взвились в воздух, матерчатые стены шатра исчезли — теперь все стояли под навесом, державшимся на золотистых столбах, и прекрасный, залитый солнечным светом сад обступил гостей со всех сторон вместе с лежащим за ним сельским пейзажем. А следом из центра шатра пролилось жидкое золото, образовав посверкивающий танцевальный настил, висевшие в воздухе стулья расставились вокруг маленьких, накрытых белыми скатертями столов, приплывших вместе со стульями на землю, а на сцену вышли музыканты в золотистых костюмах.

— Чистая работа, — одобрительно сказал Рон, когда повсюду вдруг засновали официанты с серебряными подносами, на которых стояли

бокалы с тыквенным соком, сливочным пивом и огненным виски или лежали груды пирожков и бутербродов.

— Надо пойти поздравить их, — сказала Гермиона, приподнимаясь на цыпочки, чтобы увидеть Билла и Флер, окруженных толпой уже поздравлявших их гостей.

— Успеем еще, — пожал плечами Рон, снимая с проплывавшего мимо подноса три бокала со сливочным пивом и вручая один Гарри. — Гермиона, держи, давай найдем столик… только не здесь! Подальше от Мюриэль…

Рон повел друзей через пустой танцевальный настил, поглядывая влево и вправо, — Гарри казалось, что он высматривает Крама. К тому времени, когда они добрались до другого конца шатра, большая часть столиков была уже занята, самым пустым оказался тот, за которым одиноко сидела Полумна.

— Ты не будешь возражать против нашей компании? — спросил Рон.

— Конечно нет! — радостно ответила она. — Папочка пошел к Биллу и Флер с нашим подарком.

— И что он собой представляет — пожизненный запас лирного корня? — поинтересовался Рон.

Гермиона попыталась лягнуть его под столом,

но попала в Гарри. От боли на глаза его навернулись слезы, и продолжения разговора он не услышал.

Заиграл оркестр. Билл и Флер вышли на танцевальный настил первыми, сорвав громовые аплодисменты, спустя недолгое время за ними последовали мистер Уизли с мадам Делакур и миссис Уизли с отцом Флер.

— Какая хорошая песня, — сказала Полумна, покачиваясь в такт вальсовому ритму, а через несколько секунд и она скользнула на танцевальный настил и закружилась на месте — одна, закрыв глаза и помахивая руками.

— Она великолепна, правда? — сказал Рон. — И всегда была хороша.

Однако улыбку его тут же точно ветром сдуло — на освобожденное Полумной место опустился Виктор Крам. Гермиона приятно взволновалась, впрочем, на сей раз Виктор комплиментов ей говорить не стал, а спросил, сердито нахмурясь:

— Кто этот человек в желтом?

— Ксенофилиус Лавгуд, отец нашей хорошей знакомой, — ответил Рон. Сварливый тон его свидетельствовал, что он не намерен подсмеиваться над Ксенофилиусом, пусть тот и дает для этого множество поводов. — Пойдем потанцуем, — рез-

ко предложил он Гермионе.

Недоумевающая, но и обрадованная Гермиона встала и вместе с Роном присоединилась к густевшей толпе танцующих.

— Они теперь вместе, что ли? — спросил сбитый с толку Крам.

— Да вроде того, — ответил Гарри.

— А ты кто?

— Барни Уизли.

Они обменялись рукопожатиями.

— Слушай, Барни, ты этого Лавгуда хорошо знаешь?

— Нет, только сегодня познакомился. А что?

Крам пристально вглядывался поверх своего бокала в Ксенофилиуса, который непринужденно беседовал с несколькими чародеями по другую сторону танцевального настила.

— Да то, — ответил он, — что, не будь он гостем Флер, я мигом вызвал бы его на дуэль за мерзкий знак, который он носит на груди.

— Знак? — переспросил Гарри и тоже вгляделся в Ксенофилиуса, на груди которого так и поблескивал странный треугольный глаз. — Но почему? Чем он нехорош?

— Грин-де-Вальдом он нехорош. Это знак Грин-де-Вальда.

— Грин-де-Вальд… Это темный маг, которого одолел Дамблдор?

— Точно.

Челюстные мышцы Крама походили вверх-вниз, как будто он что-то жевал, потом Виктор сказал:

— Грин-де-Вальд уничтожил многих, моего деда в том числе. Конечно, в вашей стране он никогда большой силой не обладал, говорили, что Грин-де-Вальд боится Дамблдора. И правильно говорили, если вспомнить, чем он кончил. Но вот это… — Крам ткнул пальцем в Ксенофилиуса. — Я этот знак сразу узнал, Грин-де-Вальд вырезал его на стене нашей школы, Дурмстранга, когда учился в ней. Среди наших нашлись идиоты, которые копировали его, изображали на своих учебниках, на одежде, хотели поразить окружающих, выделиться. В конце концов те из нас, у кого Грин-де-Вальд отнял членов семьи, научили их уму-разуму.

Крам угрожающе пристукнул по столу костяшками кулака и снова сердито вгляделся в Ксенофилиуса. Гарри был сбит с толку. То, что отец Полумны был приверженцем Темных искусств, казалось неправдоподобным до невероятия, к тому же никто больше в этом шатре не узнал

треугольного, напоминающего руну символа.

— А ты… ээ… совершенно уверен, что это знак Грин…

— Мне ошибиться трудно, — холодно ответил Крам. — Я несколько лет проходил мимо него каждый день, запомнил.

— Знаешь, не исключено, — сказал Гарри, — что Ксенофилиус на самом деле и не догадывается, что это такое. Лавгуды — люди довольно… необычные. Он мог где-то увидеть этот символ и принять его за поперечное сечение головы морщерогого кизляка или еще кого-нибудь.

— Сечение чего?

— Ну, я не знаю, что это за твари, но, похоже, он отправляется летом вместе с дочерью разыскивать их…

Толком объяснить, что представляют собой Полумна с отцом, ему не удалось, понял Гарри.

— Вон его дочь, — сказал он и указал на Полумну которая так и танцевала одна, крутя вокруг себя руками, точно она комаров разгоняла.

— Что это она делает? — спросил Крам.

— Скорее всего, пытается избавиться от мозгошмыга, — сказал опознавший симптомы Гарри.

Крам, похоже, не мог понять, смеется над ним Гарри или говорит всерьез. Он извлек из-под

мантии палочку и многозначительно постучал ею себя по бедру — из кончика палочки посыпались искры.

— Грегорович! — воскликнул Гарри. Крам испуганно вздрогнул, но Гарри слишком разволновался, чтобы обратить на это внимание: стоило ему увидеть палочку Крама, как он вспомнил Олливандера, тщательно изучавшего ее перед Турниром Трех Волшебников.

— А что такое? — подозрительно спросил Крам.

— Это же мастер, он делает волшебные палочки!

— Я знаю, — сказал Крам.

— И твою сделал! То-то у меня квиддич в голове вертелся…

Подозрения Крама явно усилились:

— Откуда ты знаешь, что мою палочку сделал Грегорович?

— Я… наверное, читал где-то, — ответил Гарри. — В… в спортивном журнале.

Эта торопливая импровизация Крама успокоила.

— Не знал, что спортивные журналы писали о моей палочке, — сказал он.

— Так… ээ… где сейчас Грегорович?

Крама его вопрос озадачил.

— Ушел на покой несколько лет назад. Я был одним из последних, кто купил палочку Грегоровича. Они самые лучшие — хотя я знаю, вы, британцы, ставите Олливандера выше всех других мастеров.

Гарри не ответил. Он сделал вид, что наблюдает, так же как Крам, за танцующими, а сам тем временем лихорадочно размышлял. Выходит, Волан-де-Морт пытается найти прославленного мастера, и долго отыскивать причину этого не нужно, — она состоит в том, что проделала палочка Гарри в ночь, когда Волан-де-Морт гнался за ним по небу. Остролист и перо феникса одолели палочку, позаимствованную у кого-то Волан-де-Мортом, а Олливандер этого не предвидел да и понять не смог. Может быть, Грегорович лучше разбирается в подобных делах? Может быть, он и вправду искуснее Олливандера и владеет секретами, которых Олливандер не знает?

— Очень красивая девушка, — сказал Крам, возвращая Гарри в свадебный шатер. Крам указывал на Джинни, которая только что присоединилась к Полумне. — Тоже твоя родственница?

— Да, — внезапно ощутив раздражение, сказал Гарри, — и у нее уже есть поклонник. Ревнивый

такой тип. Здоровенный. Его лучше не злить.

Крам хмыкнул.

— Какой смысл, — сказал он и, осушив свой бокал, встал Из-за столика, — быть всемирно известным игроком в квиддич, если всех красивых девушек уже разобрали?

Он отошел, а Гарри, получив у проходившего мимо официанта бутерброд, начал обходить танцевальный настил, на котором уже было не протолкнуться. Ему хотелось найти Рона, рассказать про Грегоровича, однако Рон танцевал с Гермионой в самой середке настила. Гарри прислонился к позолоченной колонне и начал, стараясь не злиться по поводу данного им Рону обещания, наблюдать за Джинни, которая танцевала теперь с другом Фреда и Джорджа, Ли Джорданом.

На свадьбах он еще никогда не бывал и потому не мог сказать, чем эти торжества волшебников отличаются от тех, что устраивают маглы, однако был совершенно уверен, что ни свадебного торта, увенчанного двумя действующими моделями фениксов, которые взлетают, когда его начинают резать, ни плывущих в толпе по воздуху бутылок шампанского у маглов не увидишь. Вечер переходил в ночь, и под навес начали залетать

мотыльки, кружившие вокруг плававших в воздухе золотистых фонариков, а веселье становилось все более буйным. Фред и Джордж давно уже удалились в темноту с двумя кузинами Флер, Чарли, Хагрид и какой-то коренастый чародей в лиловой круглой шляпе с загнутыми кверху полями распевали в углу песню «Одогерой».

Углубившись в толпу, чтобы избавиться от пьяного дядюшки Рона, — этот господин, похоже, никак не мог сообразить, сын ему Гарри или не сын, — он заметил одиноко сидевшего за столом старого волшебника. Ореол белых волос вокруг головы, придававших ему сходство с состарившимся одуванчиком, прикрывала сверху траченная молью феска. В нем ощущалось что-то смутно знакомое и, пошарив в памяти, Гарри вдруг сообразил, что это Элфиас Дож, член Ордена Феникса и автор некролога Дамблдора.

Гарри подошел к нему:

— Вы позволите мне присесть?

— Конечно, конечно, — ответил Дож, голос у него был высокий и слегка хрипловатый.

Гарри наклонился к волшебнику:

— Мистер Дож, я Гарри Поттер.

Дож ахнул:

— Мой дорогой мальчик! Артур сказал мне,

что вы здесь, в ином обличье… Я так рад, так польщен!

И Дож, трепеща от волнения и удовольствия, налил Гарри бокал шампанского.

— Я собирался написать вам, — зашептал он, — после того как Дамблдор… Такое потрясение… уверен, для вас тоже…

Маленькие глазки Дожа наполнились слезами.

— Я читал некролог, который вы написали для «Ежедневного пророка», — сказал Гарри. — Не думал, что вы так хорошо знали профессора Дамблдора.

— Не лучше, чем другие, — ответил Дож, промокая салфеткой глаза. — Конечно, я знал его дольше всех — если не считать Аберфорта, но Аберфорта почему-то никто в счет не берет.

— Кстати, о «Ежедневном пророке»… не знаю, видели ли вы, мистер Дож…

— О, прошу вас, дорогой мальчик, называйте меня просто Элфиасом.

— Не знаю, Элфиас, видели ли вы посвященное Дамблдору интервью с Ритой Скитер.

Лицо Дожа залила гневная краска.

— О да, Гарри, видел. Эта женщина, а вернее сказать, стервятница, буквально извела меня просьбами побеседовать с ней. К стыду моему,

должен признаться, что я ей в конце концов нагрубил, обозвал пронырливой пятнистой форелью, что породило, как вы, возможно, знаете, клеветнические утверждения касательно поразившего меня умственного расстройства.

— Так вот, — продолжал Гарри, — в интервью Рита Скитер намекнула, что в молодости профессор Дамблдор увлекался Темными искусствами.

— Не верьте ни единому слову! — мгновенно ответил Дож. — Ни единому, Гарри. Не позволяйте замарать вашу память об Альбусе Дамблдоре!

Гарри всматривался в серьезное, огорченное лицо Дожа и ощущал скорее разочарование, чем уверенность. Неужели Дож полагает, что все так легко, что можно просто предпочесть ничему не верить? Неужели он не понимает, что Гарри нужна уверенность, точное знание?

Возможно, Дож догадался, что чувствует Гарри, потому что заговорил быстро и озабоченно.

— Гарри, Рита Скитер ужасная…

Их прервало визгливое кудахтанье:

— Рита Скитер? Обожаю ее, читаю все, что она пишет!

Подняв глаза, Гарри и Дож обнаружили стоящую у их столика тетушку Мюриэль с покачивающимся на шляпе плюмажем и бокалом

шампанского в руке.

— Вы знаете, она ведь книгу про Дамблдора написала!

— Здравствуйте, Мюриэль, — сказал Дож. — Да, мы как раз беседовали о…

— Эй, вы! Давайте сюда ваш стул, мне сто семь лет!

Еще один рыжий кузен Уизли испуганно вскочил, и тетушка Мюриэль, с завидной силой развернув его стул к себе, уселась между Дожем и Гарри.

— Еще раз здравствуйте, Барри или как вас там, — сказала она Гарри. — Ну, так что вы тут говорили о Рите Скитер, Элфиас? Вам известно, что она написала биографию Дамблдора? Жду не дождусь, не забыть бы только заказать ее у «Флоуриша и Блотса»!

Услышав это, Дож посерьезнел и помрачнел, а между тем тетушка Мюриэль осушила свой бокал и щелкнула костлявыми пальцами проходившему мимо официанту, требуя замены. Затем она от души глотнула шампанского, рыгнула и произнесла:

— Ну, что вы надулись, как пара лягушачьих чучел? Прежде чем Альбус стал уважаемым, достопочтенным и прочая чушь, о нем ходили

очень интересные слухи!

— Злобные измышления плохо осведомленных людей, — сказал Дож, покраснев, как редиска.

— Это вы так говорите, Элфиас, — фыркнула тетушка Мюриэль. — Я заметила, как деликатно вы обошли в вашем некрологе все острые углы!

— Сожалею, что у вас создалось такое впечатление, — с еще большей холодностью произнес Дож.

— О, всем известно, что вы преклонялись перед Дамблдором. Смею сказать, даже если выяснится, что он-то и прикончил свою сестрицу-сквиба, вы все равно будете считать его святым!

— Мюриэль! — вскричал Дож.

В груди Гарри застроился холодок, никакого отношения к ледяному шампанскому не имевший.

— Что это значит? — спросил он у Мюриэль. — Откуда известно, что его сестра была сквибом? Я думал, она просто болела.

— Ну и напрасно думали, Барри! — объявила тетушка Мюриэль, явно довольная произведенным ею впечатлением. — Да и вообще, что вы об этом можете знать? Все происходило, мой дорогой, много лет назад, когда вас еще и в проекте не было, а даже те из нас, кто жили тогда, так никогда и не узнали, что там на самом деле приключилось.

Потому-то я и жду так книгу Скитер, уж больно не терпится узнать, что она раскопала. Дамблдор всегда помалкивал о своей сестре!

— Неправда! — прохрипел Дож. — Абсолютная неправда!

— Он никогда не говорил мне, что его сестра была сквибом, — сказал, не подумав, Гарри, по-прежнему ощущавший холодок в груди.

— А с чего бы он стал вам об этом рассказывать! — проскрипела Мюриэль и покачнулась на стуле, попытавшись сфокусировать взгляд на Гарри.

— Причина, по которой Альбус никогда не говорил об Ариане, — начал Элфиас сдавленным от переполнявших его чувств голосом, — на мой взгляд, совершенно ясна. Он был настолько подавлен смертью сестры…

— А почему ее никто никогда не видел, Элфиас? — проскрежетала Мюриэль. — Почему половина наших даже не знала о существовании Арианы, пока из дома не вынесли гроб, в котором ее похоронили? Где был ваш святой Альбус, пока Ариана сидела запертой в погребе? Блистал в Хогвартсе и ни разу не задумался о том, что творится в его доме!

— Что значит «запертой в погребе»? — спросил

Гарри. — Как это?

Вид у Дожа стал совсем несчастный. А тетушка Мюриэль хихикнула и ответила Гарри:

— Мамаша Дамблдора была жуткой бабой, попросту жуткой. Родилась от магла, хоть и притворялась, как я слышала, будто это не так…

— Ничего она не притворялась! Кендра была достойной женщиной, — жалко прошептал Дож, однако тетушка Мюриэль не обратила на него никакого внимания.

— Заносчивая, властная, из тех волшебниц, для которых родить сквиба хуже смерти…

— Ариана не была сквибом! — прохрипел Дож.

— Это вы так говорите, Элфиас, но объясните тогда, почему она не училась в Хогвартсе? — поинтересовалась тетушка Мюриэль. И снова повернулась к Гарри: — И в нашито дни о сквибах нередко помалкивают. Однако довести все до крайности, запереть девочку в доме и делать вид, будто ее и на свете-то не существует…

— Да говорю же я вам, все было не так! — воскликнул Дож, но тетушка Мюриэль катила себе дальше, как паровой каток, по-прежнему обращаясь лишь к Гарри.

— Сквибов, как правило, переводили в магловские школы, старались помочь им прижиться

среди маглов. В этом было намного больше доброты, чем в попытках найти для них место в волшебном сообществе, где они навсегда остались бы существами второго сорта. Но, естественно, Кендре Дамблдор и в голову не могло прийти отдать свою дочь в школу маглов…

— У Арианы было хрупкое здоровье, — с отчаянием произнес Дож. — Слишком хрупкое, чтобы позволить ей…

— Позволить ей выходить из дому? — фыркнула Мюриэль. — Между прочим, ее никогда не приводили в больницу святого Мунго и на дом целителя ни разу не вызывали!

— Право же, Мюриэль, ну как вы можете знать…

— К вашему сведению, Элфиас, мой кузен Ланселот работал в то время целителем в святом Мунго. Так вот, он под строжайшим секретом сообщил моей семье, что Ариану там и в глаза не видели. Что представлялось Ланселоту весьма и весьма подозрительным!

Казалось, Дож, того и гляди, расплачется. Тетушка Мюриэль, явно наслаждавшаяся собой, щелкнула пальцами, требуя еще шампанского. Ошеломленный Гарри вспоминал о том, как Дурсли когда-то запирали его, не выпускали из

дому, старались, чтобы он не попался никому на глаза, и все за одно-единственное преступление — за то, что он был волшебником. Неужели сестру Дамблдора поразила такая же участь, хоть и по причине совершенно обратной? Неужели ее держали под запором за то, что она не была волшебницей? И Дамблдор действительно предоставил ее этой участи, отправившись в Хогвартс, чтобы продемонстрировать всем свои блестящие дарования?

— Ну так вот, если бы Кендра не скончалась первой, — снова заговорила тетушка Мюриэль, — я сказала бы, что это она прикончила Ариану…

— Как вы можете, Мюриэль? — простонал Дож. — Чтобы мать убила свою дочь? Думайте, что говорите!

— Если упомянутая мать способна годами держать дочь под запором, почему бы и нет? — пожала плечами тетушка Мюриэль. — Однако, как я сказала, этого не случилось, поскольку Кендра умерла первой — отчего, так никто до конца и не понял…

— О, разумеется, ее убила Ариана, — сказал Дож, отважно силясь изобразить презрение. — Почему бы и нет?

— Да, Ариана могла предпринять отчаянную

попытку вырваться на свободу и убить Кендру в завязавшейся при этом драке, — сказала тетушка Мюриэль. — Можете покачивать головой сколько угодно, Элфиас. Вы же присутствовали на похоронах Арианы, не так ли?

— Да, присутствовал, — дрожащими губами ответил Дож. — И более печального события я не помню. Сердце Альбуса было разбито…

— Не только сердце. Разве Аберфорт не сломал ему нос прямо посреди заупокойной службы?

Если до сих пор Дож выглядел охваченным ужасом, то теперь оказалось, что это были сущие пустяки. Мюриэль с таким же успехом могла ударить его ножом в грудь. Она, громко захихикав, снова глотнула шампанского, да так, что оно потекло по ее подбородку.

— Откуда вы?.. — прокаркал Дож.

— Моя матушка дружила со старухой Батильдой Бэгшот, — радостно сообщила тетушка Мюриэль. — Батильда описала ей все в подробностях, а я подслушала у двери. Драка над гробом! По словам Батильды, Аберфорт заорал, что в смерти Арианы виноват только Альбус, и ударил его по лицу. И по ее же словам, Альбус даже не защищался, что само по себе достаточно странно. Случись у них дуэль, Альбус даже со связанными

сзади руками и мокрого места от Аберфорта не оставил бы.

Мюриэль опять приложилась к шампанскому. Восторг, в который приводил ее рассказ об этих старых скандалах, был нисколько не меньшим, чем ужас, который он вызывал у Дожа. Гарри не понимал, что ему думать, во что верить: он жаждал правды, а Дож только и знал, что мямлить о нездоровье Арианы. Гарри был не в силах поверить, что Дамблдор мог остаться безучастным к тому, что в его доме совершалась такая жестокость. И все-таки в этой истории, несомненно, присутствовало нечто странное.

— И вот что я вам еще скажу, — слегка икнув и оторвав от губ бокал, произнесла Мюриэль. — Думаю, это Батильда выболтала все Рите Скитер. Помните, Скитер намекала в интервью на важный источник, близкий к Дамблдорам? Видит бог, Батильда была там, пока тянулась вся история с Арианой, — она-то этот самый источник и есть!

— Батильда ни за что не стала бы разговаривать с Ритой Скитер, — прошептал Дож.

— Батильда Бэгшот? — спросил Гарри. — Автор «Истории магии»?

Это имя стояло на обложке одного из учебников Гарри, хотя, надо признать, и не того, какой он

читал с наибольшим вниманием.

— Да, — ответил Дож, хватаясь за его вопрос, как утопающий за спасательный круг. — Чрезвычайно одаренный историк магий и давний друг Альбуса.

— Теперь-то она, говорят, совсем из ума выжила, — радостно сообщила тетушка Мюриэль.

— Если так, тем более бесчестно поступила воспользовавшаяся ее состоянием Скитер, — сказал Дож, — а уж полагаться на рассказы Батильды и вовсе нельзя.

— Ну, существуют разные способы извлекать из памяти ее содержимое. Уверена, Рита Скитер владеет ими до тонкостей, — сказала тетушка Мюриэль. — И даже если Батильда напрочь рехнулась, у нее наверняка сохранились старые фотографии, а то и письма. Она знала Дамблдоров многие годы… так что, думаю, съездить к ней в Годрикову Впадину очень и очень стоило.

Гарри, как раз сделавший глоток сливочного пива, подавился им. Дож стучал по его спине, а Гарри не сводил заслезившихся глаз с тетушки Мюриэль. Совладав наконец с голосом, он спросил:

— Батильда Бэгшот живет в Годриковой Впадине?

— Да, и всегда там жила. Дамблдоры переехали в те места после того, как Персиваль сел в тюрьму, и она оказалась их соседкой.

— И Дамблдоры тоже жили в Годриковой Впадине?

— Ну, Барри, я же тебе только что об этом сказала, — брюзгливо ответила тетушка Мюриэль.

Гарри ощущал себя выжатым, опустошенным. Ни разу за шесть лет их знакомства Дамблдор не говорил, что оба они жили и оба потеряли родных в Годриковой Впадине. Почему? И далеко ли от могилы Лили и Джеймса до места, где похоронены мать и сестра Дамблдора? Если Дамблдор навещал их, быть может, он проходил и мимо могилы родителей Гарри? Но он никогда не говорил об этом Гарри… не потрудился сказать…

Почему это настолько важно, Гарри не смог бы объяснить даже себе самому, и все же он чувствовал — то, что Дамблдор молчал насчет общих для них мест и общего опыта, было равносильно лжи. Он смотрел перед собой, почти не сознавая того, что происходило вокруг, и не заметил выбравшейся из толпы Гермионы, пока она не уселась на соседний стул.

— Все, больше танцевать не могу, — пропыхтела она, стягивая с ног туфли и растирая

ступни. — Рон пошел сливочное пиво искать. Странно, я только что видела, как Виктор летит на всех парусах от отца Полумны, похоже, они повздорили… — Гермиона вгляделась в его лицо и понизила голос: — Гарри, у тебя все в порядке?

Он не знал, с чего начать, впрочем, начинать было поздно. Именно в этот миг нечто большое и серебристое пробило навес над танцевальным настилом. Грациозная, поблескивающая рысь мягко приземлилась прямо посреди толпы танцующих. Все лица обратились к ней, а люди, оказавшиеся к рыси ближе прочих, нелепо застыли, не завершив танцевальных па. А затем Патронус разинул пасть и громким, низким, тягучим голосом Кингсли Бруствера сообщил:

— Министерство пало. Скримджер убит. Они уже близко.

Глава 9

УКРЫТИЕ

Все казалось размытым, замедленным. Гарри и Гермиона вскочили на ноги, выхватили палочки. Многие только теперь сообразили, что произошло нечто странное, лица еще поворачивались к таявшей в воздухе серебряной рыси. Безмолвие холодными кругами расходилось от места, на котором приземлился Патронус. Потом кто-то закричал.

Гарри с Гермионой бросились в гущу запаниковавшей толпы. Гости разбегались во все стороны, многие трансгрессировали — чары, защищавшие «Нору», разрушились.

— Рон! — кричала Гермиона. — Рон, где ты?

Пока они проталкивались через танцевальный настил, Гарри заметил, как в толпе появляются фигуры в плащах и масках, потом увидел Люпина и Тонкс, поднявших над головой палочки, услышал, как оба крикнули: «Протего!» — и крик этот словно эхом отозвался отовсюду.

— Рон! Рон! — звала Гермиона, уже почти рыдая; охваченные ужасом гости толкали ее и Гарри

со всех сторон.

Гарри схватил ее за руку, чтобы их не отнесло друг от друга, и тут над их головами со свистом пронеслась вспышка света — было ли это защитное заклинание или что похуже, он не знал…

И наконец Рон возник прямо перед ними. Он поймал свободную руку Гермионы, и Гарри почувствовал, как она крутнулась на месте, но тут зрение и слух изменили ему, на него навалилась тьма, он ощущал лишь ладонь Гермионы и прорезал пространство и время, уносясь от «Норы», от слетающих с неба Пожирателей смерти, а может быть, и от самого Волан-де-Морта…

— Где мы? — спросил голос Рона.

Гарри открыл глаза. На миг ему показалось, что они все же остались на свадебном пиру — со всех сторон их окружали люди.

— На Тотнем-Кортроуд, — ответила задыхающаяся Гермиона. — Вы шагайте, просто шагайте, нам нужно найти место, где можно переодеться.

Гарри так и сделал. Под звездами, переливавшимися над их головами, они наполовину шли, наполовину бежали по широкой темной улице, полной ночных гуляк, обставленной с обеих сторон закрытыми на ночь магазинами. Мимо прогромыхал двухэтажный автобус, с крыши ко-

торого на них уставилась компания развеселых, недавно покинувших пивную кутил — Гарри и Рон так и остались в мантиях.

— Нам же не во что переодеться, Гермиона, — сказал Рон, когда какая-то молодая женщина, взглянув на него, разразилась пронзительным смехом.

— И почему я не додумался взять с собой мантию-невидимку? — произнес, мысленно ругая себя за глупость, Гарри. — Весь год таскал ее с собой и вот…

— Все в порядке, мантию я прихватила и одежду для вас тоже, — ответила Гермиона. — Просто старайтесь вести себя естественно, пока… Ага, вот это сгодится.

Она провела их по боковой улочке, потом в темный проулок.

— Мантию, говоришь, прихватила и одежду для нас… — сказал Гарри, вглядываясь в Гермиону, державшую в руках всего-навсего расшитую бисером сумочку, в которой она теперь рылась.

— Ну да, все здесь, — подтвердила Гермиона и, к полному изумлению Гарри и Рона, вытащила из сумочки две пары джинсов, хлопчатобумажную футболку, бордовые носки и серебристую мантию-невидимку.

— Но как, ад раскаленный…

— Заклятие Незримого расширения, — ответила Гермиона. — Штука сложная, но, похоже, я с ней справилась; во всяком случае, мне удалось втиснуть сюда все, что нам потребуется.

Она легко встряхнула непрочную на вид сумочку — послышался звук, какой издает контейнер, внутри которого перекатываются тяжелые предметы.

— Черт, это, наверное, книги, — сказала Гермиона, заглядывая внутрь, — а я-то их по темам раскладывала… ну ладно… Гарри, ты бы лучше надел мантию-невидимку Рон, переодевайся побыстрее!

— Когда же ты все это проделала? — спросил Гарри, пока Рон выбирался из мантии.

— Я же тебе говорила в «Норе», я несколько дней укладывала все нужное, знаешь, на случай, если придется быстро сматываться. И рюкзак твой сюда сегодня утром засунула, после того как ты переменил внешность… Как чувствовала…

— Знаешь, ты поразительна, — сказал Рон, протягивая ей свою свернутую в узел мантию.

— Спасибо, — со слабой улыбкой ответила Гермиона, заталкивая ее в сумочку. — Гарри, прошу тебя, надень же ты, наконец, мантию-

невидимку.

Гарри набросил мантию на плечи, натянул ее через голову и скрылся из глаз. Он только теперь начал понимать, что произошло.

— Другие… те, кто был на свадьбе…

— Мы не можем сейчас думать о других, — зашептала Гермиона. — Они приходили за тобой, Гарри. Если мы вернемся, мы подвергнем всех еще большей опасности.

— Она права, — сказал Рон, похоже, понявший, даже не видя лица Гарри, что тот собирается заспорить. — Там была большая часть Ордена, он обо всех позаботится.

Гарри кивнул, потом сообразил, что друзья видеть его не могут, и сказал:

— Да.

Однако он думал о Джинни, и едкий, как кислота, страх вскипал в его желудке.

— Пойдемте, не стоит стоять на месте, — сказала Гермиона. Они вернулись сначала в боковую улочку, потом на главную, по противоположному тротуару которой брела компания покачивавшихся и что-то распевавших мужчин.

— А интересно, почему именно Тотнем-Кортроуд? — спросил Гермиону Рон.

— Не знаю, просто само вскочило в голову, но я

уверена, в мире маглов мы в большей безопасности, они не ожидают, что мы окажемся здесь.

— Верно, — сказал, озираясь, Рон, — только не кажется ли тебе, что ты тут немного… бросаешься в глаза.

— А куда еще было податься? — спросила Гермиона и поморщилась — мужчины на другой стороне улицы начали посвистывать, глядя на нее. — Не могли же мы снять комнаты в «Дырявом котле», верно? О площади Гриммо и говорить нечего, туда может заявиться Снегг… Наверное, можно было бы попробовать дом моих родителей, но, боюсь, его могут проверить… Ой, хоть бы они заткнулись, наконец!

— Эй, дорогуша! — крикнул через улицу самый пьяный в компании мужчина. — Клюкнуть не желаешь? Бросай своего рыжего, мы тебе пинту поставим!

— Давайте где-нибудь посидим, — поспешно сказала Гермиона, увидев, как Рон открывает рот, чтобы крикнуть что-то через улицу в ответ. — Послушай, здесь это обычное дело, зайдем сюда!

Они вошли в маленькое захудалое ночное кафе. Пластмассовые столы покрывал легкий налет жира, но, по крайней мере, здесь было пусто. Гарри скользнул в кабинку первым, Рон сел рядом с

ним, лицом к Гермионе, которая расположилась спиной ко входу и потому нервничала, — она оглядывалась так часто, что казалось, будто у нее тик. Гарри не нравилось сидеть на месте, ходьба по улице создавала иллюзию хоть какого-то движения к цели. Укрытый мантией, он ощущал, как прекращается действие Оборотного зелья, — руки возвращались к обычной длине и форме. Он вытащил из кармана очки и надел их.

Помолчав минуту-другую, Рон сказал:

— А знаешь, ведь до «Дырявого котла» отсюда рукой подать — только Чарринг-Кросс перейти…

— Нельзя, Рон! — тут же ответила Гермиона.

— Да я не о том, чтобы в нем останавливаться, просто выяснили бы, что происходит.

— Мы знаем, что происходит! Волан-де-Морт захватил Министерство, что еще ты хочешь узнать?

— Ладно, ладно, уж и идеей поделиться нельзя!

Они погрузились в раздраженное молчание. Подошла жующая резинку официантка, Гермиона заказала два капуччино — Гарри оставался невидимым, заказывать что-то для него значило показаться чокнутыми. В кафе зашла пара крепко сколоченных работяг, они втиснулись в соседнюю кабинку. Гермиона понизила голос

до шепота:

— Думаю, нам нужно найти укромное место и трансгрессировать куда-нибудь в сельскую глушь. Оттуда мы сможем послать сообщение Ордену.

— Ты что же, сумеешь изготовить говорящего Патронуса? — спросил Рон.

— Я попрактиковалась немного, думаю, сумею, — ответила Гермиона.

— Ну, если мы не поставим их в трудное положение… хотя они, возможно, уже арестованы. Боже, какая гадость! — прибавил Рон, отхлебнув пенистый, сероватый кофе.

Официантка, подходившая, шаркая, чтобы принять заказ новых посетителей, услышала Рона и смерила его злым взглядом. Приглядевшись, Гарри увидел, как тот из двух работяг, что был повыше, очень крупный блондин, отмахнулся от нее. Официантка оскорбленно округлила глаза.

— Ладно, давайте двигаться, я эту жижу пить не хочу, — сказал Рон. — Магловские деньги у тебя есть, Гермиона? Надо же расплатиться.

— Да, перед тем как отправиться в «Нору», я сняла со своего счета в банке все сбережения. Вот только наверняка вся мелочь на дне оказалась, — вздохнула Гермиона, протягивая руку к сумочке.

Работяги произвели совершенно одинаковые движения, отмеченные Гарри машинально, — он просто выхватил палочку одновременно с ними. Рон, лишь спустя пару секунд сообразивший, что происходит, метнулся через стол и толкнул Гермиону, бросив ее боком на скамью. Сила испущенных Пожирателями смерти заклятий вдребезги разбила стенную плитку, которую еще мгновение назад заслоняла голова Рона, и в тот же миг Гарри, так и остававшийся невидимым, крикнул:

— Отключись!

Струя красного света ударила громадного светловолосого Пожирателя в лицо, и он, потеряв сознание, повалился набок. Его спутник, не понявший, откуда исходило заклятие, снова выпалил в Рона — из кончика его палочки вылетели поблескивающие черные веревки, опутавшие Рона с головы до ног. Официантка завизжала и отскочила к двери кафе, а Гарри метнул еще одно Оглушающее заклятие в связавшего Рона Пожирателя смерти со странно скрученным лицом, но промахнулся — заклятие, отразившись от витрины кафе, ударило в официантку, и та рухнула на пол у самой двери.

— Экспульсо! — взревел Пожиратель, и стол,

за которым стоял Гарри, бросило взрывом на стену, а сам Гарри почувствовал, как из его руки вылетает палочка и мантия-невидимка соскальзывает с него.

— Петрификус тоталус! — завопила непонятно откуда Гермиона, и Пожиратель смерти рухнул, будто статуя, лицом вперед, с треском сокрушив лбом кофейные чашки, а заодно и поверхность стола. Гермиона, которую била крупная дрожь, выбралась из-под скамьи и вытряхнула из волос осколки стеклянной пепельницы.

— Д-диффиндо, — произнесла она, наставив палочку на Рона, зарычавшего от боли, когда это заклинание распороло ему джинсы вместе с обтянутым ими коленом.

— Ой, прости, Рон, у меня руки трясутся! Диффиндо!

Рассеченные веревки упали к ногам Рона, и он встряхнул руками, чтобы снова их ощутить. Гарри поднял с пола свою палочку, перелез через обломки стола к лежавшему, распластавшись по скамье, светловолосому Пожирателю смерти.

— Мне следовало сразу узнать его. Он был в замке в ту ночь, когда погиб Дамблдор, — сказал Гарри. Потом он перевернул ногой второго Пожирателя, смуглого, чьи глаза сразу же заметались,

перебегая с Гарри на Рона и Гермиону.

— Долохов, — сказал Рон. — Я видел его физиономию на старом плакате с объявлением о розыске. А второй, По-моему, Торфинн Роули.

— Плевала я на их имена! — с ноткой истерики в голосе сказала Гермиона. — Как они нас нашли? И что нам теперь делать?

И от охватившей ее паники голова Гарри непонятным образом прояснилась.

— Запри дверь, — сказал он Гермионе. — А ты, Рон, погаси свет.

Он взглянул на парализованного Долохова, мысли быстро сменяли одна другую, а между тем щелкнул дверной замок, и Рон, использовав делюминатор, погрузил кафе во тьму. До Гарри донесся издалека голос пьянчуги, приставшего к Гермионе, на сей раз он выкликал какую-то другую женщину.

— Ну, и что мы с ними будем делать? — тихо прошептал в темноте Рон, а затем еще тише: — Убьем? Они бы нас убили. Сейчас они — легкая добыча.

Гермиона задрожала и отступила на шаг назад. Гарри покачал головой.

— Достаточно будет стереть у обоих память, — сказал он. — Это самое лучшее, так мы собьем

их со следа. Убив их, мы дадим ясно понять, что были здесь.

— Ты у нас главный, — с огромным облегчением произнес Рон. — Правда, заклинание Забвения я еще никогда не использовал.

— Я тоже, — отозвалась Гермиона, — но теорию знаю. Она глубоко вздохнула, успокаивая сознание, потом направила палочку на лоб Долохова и произнесла:

— Забудь!

Глаза Долохова тут же разъехались в стороны, подернувшись сонной дымкой.

— Блестяще! — сказал Гарри и хлопнул Гермиону по спине. — Займись вторым и официанткой, а мы с Роном пока все тут приберем.

— Приберем? — переспросил Рон, оглядывая наполовину разрушенное кафе. — Чего ради?

— Ты не думаешь, что, очнувшись в заведении, которое выглядит так, точно его недавно бомбили, они могут задуматься: а что же тут произошло?

— А, ну правильно…

Рон попытался вытянуть палочку из кармана, однако на это ушло некоторое время.

— Неудивительно, что я не смог сразу выхватить ее. Гермиона, ты уложила мои старые

джинсы, а они мне малы!

— Ах, простите, пожалуйста, — прошипела Гермиона, отволакивая официантку подальше от витрины, и Гарри услышал, как она бормочет рекомендации насчет того, куда Рон может засунуть свою палочку вместо кармана.

Приведя кафе в изначальное состояние, они затащили Пожирателей смерти в их прежнюю кабинку и усадили лицом друг к другу.

— И все же как они нас нашли? — спросила Гермиона, оглядывая двух неподвижных мужчин. — Как узнали, что мы здесь? — Она повернулась к Гарри: — Ты… ты не думаешь, что все еще находишься под Надзором, а, Гарри?

— Этого не может быть, — сказал Рон. — Надзор снимают, как только человеку исполняется семнадцать, таков закон. А на взрослого его наложить вообще невозможно.

— Это ты так считаешь, — отозвалась Гермиона. — Но что, если Пожиратели смерти нашли способ использовать его и для тех, кому уже семнадцать?

— Да, но Гарри за последние двадцать четыре часа ни к одному Пожирателю и близко не подходил. Кто же мог наложить на него заклятие Надзора?

Гермиона не ответила. Гарри чувствовал себя замаранным, запятнанным. Может быть, и вправду Пожиратели смерти именно так их и отыскали?

— Если я не могу использовать магию, значит, и вы не можете использовать ее рядом со мной без того, чтобы мы себя не обнаружили… — начал он.

— Расходиться не будем! — решительно заявила Гермиона.

— Нам требуется надежное укрытие, — сказал Рон. — Место, в котором мы сможем все обдумать.

— Площадь Гриммо, — произнес Гарри. Гермиона и Рон разинули рты.

— Не дури, Гарри, туда же вхож Снегг!

— Отец Рона сказал, что там против него наведены чары. Но даже если они уже не действуют, — сказал Гарри, не дав Гермионе возразить, — так и что с того? Клянусь, ничего приятнее встречи со Снеггом я и представить себе не могу.

— Но…

— Гермиона, из чего нам выбирать? Ничего лучшего у нас нет. Снегг — это один-единственный Пожиратель смерти. А если на мне лежит заклятие Надзора, вся их орава накинется на нас,

куда бы мы ни пошли.

Спорить она не стала, хотя, судя по ее виду, и могла бы. Пока Гермиона отпирала дверь кафе, Рон, щелкнув делюминатором, включил освещение. Затем по счету три, произнесенному Гарри, они освободили от заклинаний троицу своих жертв и, прежде чем те смогли хотя бы сонно пошевелиться, Гарри, Рон и Гермиона раскрутились на месте и исчезли в снова стиснувшей их тьме.

Несколько секунд спустя легкие Гарри благодарно расширились, он открыл глаза: все трое стояли посреди знакомой маленькой и убогой площади. Со всех сторон на них смотрели сверху вниз высокие обветшалые дома. Они увидели дом номер двенадцать, о котором им рассказал еще Дамблдор, Хранитель Тайны, и торопливо направились к нему, проверяя через каждые несколько ярдов, не следят ли за ними и не преследуют ли их. Все трое поднялись по каменным ступенькам, и Гарри пристукнул своей палочкой по двери. Послышалась череда металлических щелчков, потом звяканье дверной цепочки, потом дверь со скрипом растворилась, и они торопливо переступили порог.

Пока Гарри закрывал за ними дверь, загорелись, освещая пространство прихожей, старо-

модные газовые лампы. Все здесь было таким, каким запомнилось Гарри, — мрачноватым, затянутым паутиной, с торчащими из стен головами эльфов-домовиков, отбрасывающими на он-то странноватые тени. Длинная темная завеса укрывала портрет матери Сириуса. Единственную непривычную особенность составляла выполненная в форме ноги тролля подставка для зонтов, лежавшая на боку, как если бы ее только что снова своротила с места Тонкс.

— По-моему, тут кто-то уже побывал, — прошептала, указывая на нее, Гермиона.

— Ее могли уронить, когда Орден уходил отсюда, — пробормотал в ответ Рон.

— Ну так и где же наведенные против Снегга чары? — спросил Гарри.

— Может быть, они срабатывают только при его появлении? — предположил Рон.

Они стояли на коврике у двери, прижавшись к ней спиной, боясь углубиться в дом.

— Ладно, не век же нам здесь торчать, — сказала наконец Гермиона и шагнула вперед.

— Северус Снегг? — Громкий шепот Грозного Глаза Грюма донесся до них из мрака, заставив всех троих испуганно отпрянуть назад.

— Мы не Северус! — успел гаркнуть Гарри,

прежде чем что-то налетело на него из темноты, подобно дуновению холодного воздуха, заставив его язык завернуться назад и лишив Гарри возможности произнести хоть слово. Впрочем, прежде чем он успел засунуть палец в рот, чтобы расправить язык, тот развернулся сам собой.

Двое его друзей, по-видимому, испытали то же неприятное ощущение. Рон издавал такие звуки, будто его, того и гляди, вырвет, а Гермиона пролепетала:

— Это ннаверное и есть заклятие К-косноязычия, которое Грозный Глаз припас для Снегга.

Гарри осторожно шагнул вперед. В тени на другом конце вестибюля что-то зашебуршилось, и, прежде чем они успели обмолвиться хоть словом, с ковра поднялась какая-то фигура — высокая, пыльного цвета и жуткая. Гермиона взвизгнула, миссис Блэк, портьеры на портрете которой разъехались, тоже. А серая фигура уже наплывала на них, все ускоряясь и ускоряясь — с отлетающими назад волосами и бородой по пояс, с бесплотным пустым лицом, с пустыми глазницами, — до жути знакомая, страшно изменившаяся, она протянула изможденную руку и указала ею на Гарри.

— Нет! — крикнул он, подняв палочку, хотя никакие заклинания в голову ему не приходи-

ли. — Нет! Не мы! Мы тебя не убивали…

При слове «убивали» фигура взорвалась, обратившись в серое облако пыли. Кашляя, Гарри взглянул слезящимися глазами на Гермиону, сидевшую на корточках у двери, прикрыв голову руками, на Рона, который трясся с головы до ног и все же неловко похлопывал ее по плечу, говоря:

— Все ппутем… оно ппропало…

Пыль завивалась вокруг Гарри, точно клубы тумана, перенимая синеватый оттенок газового света, а миссис Блэк уже завела свое:

— Грязнокровки, чума болотная, стигматы бесчестья, позорище дома моих предков…

— ЦЫЦ! — рявкнул Гарри и ткнул в нее палочкой — портьеры встали на место, рассыпав красные искры и заставив миссис Блэк замолчать.

— Это… это… — проскулила Гермиона, когда Рон помог ей встать.

— Ну да, — ответил Гарри, — хоть и не настоящий, правда? Просто пугало для Снегга.

«Сработало ли оно, — гадал Гарри, — или Снегг просто отмахнулся от страшилища так же небрежно, как убил Дамблдора?»

Продолжая нервно подрагивать, он повел друзей по прихожей, наполовину ожидая, что на них

навалится какой-то новый кошмар, однако все было тихо — только мышь прошмыгнула вдруг вдоль плинтуса.

— Знаешь, я думаю, прежде чем идти дальше, лучше все же проверить, — прошептала Гермиона и, подняв палочку, произнесла:

— Гоменумревелио!

И ничего не произошло.

— Ну хорошо, пережила ты серьезное потрясение, — благодушно произнес Рон. — И чего ты этим достигла?

— Чего хотела, того и достигла! — сварливо ответила Гермиона. — Это заклинание позволяет обнаружить присутствие другого человека. Теперь я знаю, что, кроме нас, здесь никого нет!

— Кроме нас и пыльного пугала, — сказал Рон, взглянув на ковер, из которого восстал недавно труп.

— Ладно, пошли, — произнесла Гермиона, бросив испуганный взгляд туда же, и они поднялись по скрипучим ступенькам в гостиную на втором этаже.

Гермиона взмахнула палочкой, зажигая старые газовые лампы, потом, слегка подрагивая на сквозняке, присела на софу и крепко обняла себя руками. Рон подошел к окну, сдвинул на дюйм

тяжелую бархатную штору.

— Вроде никого не видно, — сообщил он. — Если Гарри еще под Надзором, они уже были бы здесь. В дом они, как я понимаю, войти не могут, однако… В чем дело, Гарри?

Гарри вскрикнул от боли — шрам снова обжег ему лоб, и что-то вроде отблеска яркого света на воде пронеслось перед глазами. Он увидел огромную тень, ощутил сотрясшую его тело ярость, бурную и краткую, как удар электрическим током.

— Ты что-то почувствовал? — спросил, подойдя к нему, Рон. — Ощутил его в нашем доме?

— Нет, я просто чувствую его ярость… он страшно злится…

— Это может быть и в «Норе», — громко сказал Рон. — Что еще? Ты что-нибудь видишь? Он налагает на кого-то заклятие?

— Нет, я ощущаю ярость — и только… не могу ничего сказать…

Гарри чувствовал себя загнанным в угол, запутавшимся, а тут еще Гермиона испуганным голосом спросила:

— Опять твой шрам? Но что происходит? Я думала, ваша связь прервалась!

— Да, на время, — пробормотал Гарри. Шрам

болел, мешая сосредоточиться. — Я… я думаю, связь открывается снова, когда он теряет власть над собой. Так было, когда…

— Значит, ты должен закрыть для него свой мозг! — резко сказала Гермиона. — Гарри, Дамблдор не хотел, чтобы ты пользовался этой связью, он хотел, чтобы ты перекрыл ее, для этого ты и учился окклюменции! Иначе Волан-де-Морт сможет населять твое сознание ложными образами, не забывай об этом…

— Да, спасибо, я помню, — сквозь стиснутые зубы ответил Гарри. Он и без Гермионы знал, что с помощью именно этой связи Волан-де-Морт когда-то заманил его в ловушку, что именно она стала причиной гибели Сириуса. Не стоило ему говорить друзьям о том, что он видел и чувствовал, это их только пугало, внушало мысль, что Волан-де-Морт уже заглядывает в ближайшее окно. Боль в шраме все нарастала, и Гарри боролся с ней, как борются с позывами рвоты.

Он повернулся к Рону и Гермионе спиной, притворившись, что вглядывается в украшающий стену старинный гобелен Блэков. И тут Гермиона взвизгнула. Гарри выхватил палочку, резко повернулся и увидел, как в окно гостиной влетает серебристый Патронус. Опустившись на

пол, Патронус обернулся горностаем и сообщил голосом Артура Уизли:

— Семья в безопасности, не отвечайте, за нами следят.

Патронус растаял в воздухе. Рон, издав звук, похожий сразу и на подвывание, и на стон, плюхнулся на софу. Гермиона присела рядом, взяла его за руку.

— С ними все хорошо, все хорошо! — зашептала она, и Рон, нервно усмехнувшись, обнял ее.

— Гарри, — сказал он поверх плеча Гермионы, — я…

— Все правильно, — сказал Гарри, которого уже подташнивало от боли, — это твоя семья, конечно, ты за нее тревожишься. Я бы чувствовал то же самое, — и он подумал о Джинни, — да я и чувствую то же самое.

Боль достигла высшей точки, лоб жгло также сильно, как совсем недавно у огорода «Норы». До Гарри словно из дальней дали донеслись слова Гермионы:

— Я не хочу оставаться одна. Давайте воспользуемся спальными мешками, их я тоже прихватила, и заночуем здесь.

Он услышал, как Рон соглашается с ней. Бороться с болью и дальше Гарри не мог, пора было ей

уступить.

— Я в ванную, — пробормотал он и вышел из гостиной, изо всех сил подавляя желание перейти на бег.

Гарри едва-едва успел добраться до ванной комнаты. Трясущимися руками заперев дверь на задвижку, он стиснул разрываемую мучительными ударами голову, упал на пол. Последовал новый взрыв боли, и Гарри почувствовал, как бешеная ярость — чужая — овладевает его душой, и увидел длинную комнату, освещаемую только горящим камином, огромного светловолосого Пожирателя смерти, визжащего и извивающегося на полу, и возвышающегося над ним человека более изящного сложения. Человек этот выставил перед собой палочку, и Гарри заговорил высоким, холодным, безжалостным ГОЛОСОМ:

— Подробнее, Роули, или ты хочешь, чтобы мы скормили тебя Нагайне? Лорд Волан-де-Морт не уверен, что готов простить и на этот раз… Ты вызвал меня сюда лишь для того, чтобы сказать, что Гарри Поттеру снова удалось улизнуть? Драко, дайка Роули еще раз вкусить нашего неудовольствия… Ну же, или ты сам узнаешь, каков я в гневе!

В камине упало разломившееся полено, взви-

лось пламя, свет пронесся по белому, полному ужаса заостренному лицу, и Гарри, словно вынырнув из глубокой воды, отрывисто задышал и открыл глаза.

Он лежал, раскинув руки, на черном мраморном полу, в нескольких дюймах от его лица маячил хвост одной из поддерживавших большую ванну серебряных змей. Гарри сел. Исхудавшее, помертвевшее лицо Малфоя словно отпечаталось изнутри на сетчатке его глаз. Гарри подташнивало от увиденного, от того, какое применение нашел ныне Волан-де-Морт для Драко.

В дверь резко стукнули, Гарри вздрогнул и тут же услышал звонкий голос Гермионы:

— Гарри, тебе зубная щетка не нужна? А то я принесла.

— Да, отлично, спасибо, — сказал он, постаравшись придать своему голосу обычное звучание, и встал с пола, чтобы открыть Гермионе дверь.

Глава 10

РАССКАЗ КИКИМЕРА

На следующее утро Гарри проснулся рано. Он лежал в спальном мешке на полу гостиной. Между плотными шторами виднелся кусочек неба — холодная, чистая синева разведенных чернил, какая возникает в промежутке между ночью и зарей. Тишину нарушало лишь медленное, глубокое дыхание Рона и Гермионы. Гарри взглянул на темные очертания друзей, лежавших рядом с ним на полу. Вчера Рон в приступе галантности настоял на том, чтобы Гермиона улеглась на снятые с софы подушки, и теперь ее силуэт возвышался над ним. Изогнутая рука Гермионы покоилась на полу, пальцы ее отделялись от пальцев Рона лишь несколькими дюймами. «Может, они заснули, держась за руки?» — подумал Гарри. И от этой мысли на него накатило ощущение одиночества.

Он смотрел на темный потолок, на затянутую паутиной люстру. Меньше двадцати четырех часов назад он стоял под солнцем у входа в шатер, ожидая появления свадебных гостей. Сейчас ему казалось, что с тех пор прошла целая жизнь. Что

с ним теперь будет? Он лежал и думал о крестражах, о пугающей, сложной миссии, оставленной ему Дамблдором… Дамблдор…

Горе, владевшее им со времени смерти Дамблдора, стало теперь иным. Обвинения, которые он услышал на свадьбе от Мюриэль, поселились в его сознании подобно больным существам, заразившим и память о волшебнике, которого он боготворил. Неужели Дамблдор мог спокойно позволить случиться тому, о чем говорила Мюриэль? Неужели он походил на Дадли, готового мириться с любым пренебрежением, с любыми оскорблениями, пока они не касаются его самого? Неужели он мог отвернуться от сестры, которую прятали от людей, держали в заточении?

Гарри думал о Годриковой Впадине, о ее могилах, ни разу не упомянутых Дамблдором, думал о загадочных вещах, завещанных Дамблдором им троим без каких-либо объяснений, и в душе его нарастала обида. Почему Дамблдор ничего ему не сказал? Да и так ли уж небезразличен был он Дамблдору? Или тот относился к нему всего лишь как к орудию, к мечу, который следует начищать и затачивать, но поверять ему что-либо вовсе не обязательно?

Он больше не мог лежать на полу гостиной,

перебирая горестные мысли. Охваченный отчаянным желанием сделать хоть что-нибудь, как-то отвлечься, Гарри выбрался из спального мешка, поднял с пола свою волшебную палочку и тихо вышел из гостиной. На лестничной площадке он шепнул: «Люмос» — и при свете палочки начал подниматься по ступеням.

На площадку третьего этажа выходила дверь спальни, в которой Гарри и Рон ночевали, когда были здесь в последний раз; Гарри заглянул в нее. Дверцы платяных шкафов стояли распахнутыми, белье с кровати кто-то содрал. Гарри вспомнил опрокинутую ногу тролля, которую видел вчера на первом этаже. кто-то обыскивал дом после того, как Орден его покинул. Снегг? Или, может быть, Наземникус, много чего уворовавший отсюда и до, и после смерти Сириуса? Взгляд Гарри прошелся по портрету, изображавшему некогда Финеаса Найджелуса Блэка, прапрадедушку Сириуса, — теперь на холсте остался лишь грязноватый фон. Очевидно, Финеас Найджелус предпочел провести эту ночь в кабинете директора Хогвартса.

Гарри снова стал подниматься вверх и добрался до самой верхней площадки, на которую выходили только две двери. На одной висела табличка

с именем: «Сириус». В спальне своего крестного отца Гарри никогда еще не был. Он толкнул дверь и поднял палочку повыше, чтобы она освещала по возможности большее пространство.

Комната эта была просторной и когда-то, должно быть, красивой. Большая кровать с резной деревянной спинкой в изголовье, высокое окно, задернутое длинными бархатными шторами, густо покрытая пылью люстра, из которой еще торчали огарки с восковыми сосульками. Тонкая пленка пыли покрывала картины на стенах и доску в изголовье кровати; паук растянул паутину между люстрой и верхушкой большого платяного шкафа, а войдя в спальню, Гарри услышал, как удирает потревоженная мышь.

Еще подростком Сириус понаклеил здесь такое количество плакатов и картинок, что они почти полностью закрыли серебристо-серый шелк, которым были обтянуты стены. Гарри оставалось лишь предположить, что родители Сириуса не сумели снять заклятие Вечного приклеивания, державшее все это на стенах, поскольку одобрить декоративные вкусы своего сына они определенно не могли. Похоже, Сириус из кожи вон лез, чтобы досадить родителям. Здесь было несколько больших, потускневших, красных с золотом зна-

мен Гриффиндора, подчеркивавших безразличие Сириуса к родственникам, каждый из которых закончил Слизерин. Было много фотографий магловских мотоциклов и (Гарри оставалось лишь позавидовать нахальству Сириуса) несколько плакатов, изображавших магловских девушек в купальниках. Ясно было, что это маглы, поскольку они оставались совершенно неподвижными, выцветшие улыбающиеся губы и глаза их словно примерзли к бумаге, составляя контраст единственной здесь магической фотографии — изображению четырех учеников Хогвартса, стоявших перед камерой, держась за руки и смеясь.

Гарри ощутил прилив удовольствия, узнав на ней отца, — его нерасчесанные темные волосы стояли, как и у Гарри, торчком, и он тоже носил очки. Рядом с ним возвышался небрежно-красивый Сириус, чуть надменное лицо его было много моложе и веселее того, какое помнил Гарри. Справа от Сириуса стоял едва доставáвший ему до плеча Петтигрю, полноватый, со слезящимися глазами, разрумянившийся от радости, вызванной тем, что его приняли в самую клевую из школьных компаний, в компанию таких обожаемых всеми бунтарей, как Джеймс и Сириус. Слева от Джеймса стоял Люпин, уже тогда выглядев-

ший каким-то потрепанным, но светившийся не менее радостным удивлением человека, неожиданно обнаружившего, что его любят и считают своим… Или Гарри это казалось, поскольку он уже знал, как все тогда было? Он попытался снять фотографию со стены, в конце концов она теперь принадлежала ему, ставшему наследником всего имущества Сириуса. Однако фотография с места не сдвинулась. Сириус не оставил родителям ни единой возможности что-либо изменить в его комнате.

Гарри окинул взглядом пол. Небо снаружи стало ярче: пробивавшийся в комнату луч света позволял хорошо разглядеть листки бумаги, книги и мелкие вещицы, разбросанные по ковру. Ясно было, что комнату Сириуса тоже обыскивали, хотя найденное в ней было, похоже, сочтено — по большей части, если не целиком, — не имеющим ценности. Несколько книг кто-то грубо встряхнул, отчего обложки их наполовину оторвались, а пожелтевшие страницы рассыпались по полу.

Гарри наклонился, поднял с пола несколько листков, всмотрелся в них. Один оказался страницей из старого издания «Истории магии» Батильды Бэгшот, другой — из руководства по

уходу за мотоциклом. Третий был исписан от руки и смят, Гарри разгладил его.

Дорогой Бродяга! Спасибо, огромное тебе спасибо за подарок на день рождения Гарри! Он все еще остается у мальчика самым любимым. Гарри всего только год, а он уже летает на твоей игрушечной метле и выглядит страшно собой довольным — прилагаю снимок, посмотри сам. Как ты знаешь, метелка поднимается над землей всего на два фута, но Гарри уже едва не прикончил кошку и расколотил кошмарную вазу, присланную на Рождество Петуньей (вот тут мне жаловаться не на что). Разумеется, Джеймс находит все это забавным, говорит, что мальчик станет великим игроком в квиддич. Нам пришлось убрать и упаковать все безделушки, и теперь мы не спускаем с него глаз, когда он летает по дому.

День рождения прошел очень тихо, в гости к нам заглянула лишь старая Батильда, которая всегда была к нам добра, а Гарри попросту обожает. Мы так жалели, что ты не смог появиться, но, конечно, Орден прежде всего, да к тому же Гарри еще не настолько вырос, чтобы понять, что это его день рождения. Джеймса начинает немного расстраивать необходимость сидеть здесь, будто

взаперти, он старается не показывать этого, но я же вижу. А тут еще Дамблдор никак не вернет его мантию-невидимку, и это лишает Джеймса возможности совершать хотя бы небольшие вылазки. Если ты сможешь нас навестить, это его очень обрадует. В прошлые выходные к нам заезжал Хвостик, По-моему, он чем-то подавлен, хотя, вероятно, все дело в новости насчет Маккиннонов. Я, услышав ее, целый вечер проплакала.

Батильда забегает к нам почти каждый день. Она очаровательная старушка, рассказывает о Дамблдоре совершенно поразительные вещи, не уверена, что он был бы доволен, узнав об этом! Не знаю, впрочем, можно ли им верить, потому что мне кажется невероятным, чтобы Дамблдор…

Руки и ноги Гарри точно онемели. Он стоял совершенно неподвижно, держа в ничего не чувствующих пальцах чудесный листок, а внутри у него происходило что-то вроде безмолвного извержения вулкана, выбрасывавшего смешанные в равных долях радость и горе. С трудом доковыляв до кровати, он сел.

Гарри прочитал письмо еще раз, но никакого нового смысла в нем не обнаружил и теперь пригляделся к почерку. Мама выводила «у» точь-в-точь как он. Гарри просмотрел все письмо — эта

буква везде была одинакова и каждый раз воспринималась как приветливый взмах руки Из-за прозрачной завесы. Письмо было невероятным сокровищем, доказательством того, что Лили Поттер жила, действительно жила на свете, что ее теплая рука скользила вот по этой странице, выводя чернилами вот эти буквы, эти слова, слова о нем, Гарри, ее сыне.

Нетерпеливо смахнув с глаз слезы, он перечитал письмо снова, вникая теперь в значение написанного Лили. Он как будто вслушивался в наполовину забытый голос.

У них была кошка… возможно, и она умерла, как родители, в Годриковой Впадине… или сбежала, когда ее некому стало кормить… Сириус купил ему первую в его жизни метлу… родители знали Батильду Бэгшот; может быть, их познакомил Дамблдор? «Дамблдор никак не вернет его мантию-невидимку»… А вот это немного странно…

Гарри прервал чтение, обдумывая слова матери. Зачем Дамблдор взял у Джеймса мантию-невидимку? Гарри ясно помнил, как Учитель годы тому назад сказал ему «Мне не нужна мантия-невидимка для того, чтобы стать невидимым». Возможно, она понадобилась кому-то из менее одаренных членов Ордена и Дамблдор просто

вызвался ее передать? Гарри стал читать дальше. «К нам заезжал Хвостик…» Петтигрю, предатель, казался чем-то «подавленным», только ли казался? Может быть, он уже знал, что в последний раз видит Джеймса и Лили живыми?

И наконец все та же Батильда, которая рассказывала о Дамблдоре поразительные вещи: «…кажется невероятным, чтобы Дамблдор…»

Чтобы Дамблдор — что? Впрочем, о Дамблдоре можно было порассказать много такого, что показалось бы невероятным, — к примеру, что он получил однажды низшую оценку на экзамене по трансфигурации, что он, подобно Аберфорту, испытывал заклинания на козлах…

Гарри встал, внимательно осмотрел пол — возможно, где-то лежит и конец письма? Он подбирал листок за листком, осматривал их. Не особенно церемонясь, совсем как тот, кто проводил здесь обыск, вытаскивал ящик за ящиком, перетряхивал книги, встав на стул, провел рукой по верху платяного шкафа, заглянул под кровать и под кресло.

Наконец, улегшись на пол, он обнаружил под комодом что-то вроде рваного клочка бумаги, а когда вытащил его, клочок оказался половинкой той самой фотографии, о которой писала Лили.

Черноволосый мальчик, громко хохоча, влетал в эту фотографию и вылетал из нее верхом на крошечной метле, а за ним гонялась пара ног, принадлежавших, по-видимому, Джеймсу. Гарри уложил фотографию в карман, где уже находилось письмо Лили, и продолжил поиски второго листка.

Однако еще через четверть часа он поневоле пришел к заключению, что окончание письма матери пропало. Просто ли потерялось оно за шестнадцать лет, прошедших со дня его написания, или листок забрал тот, кто обыскивал спальню? Гарри снова перечитал начало письма, пытаясь отыскать ключ к тому, что сделало его окончание ценным. Игрушечная метла вряд ли заинтересовала бы Пожирателей смерти. Единственную потенциальную ценность могла представлять информация о Дамблдоре. «...кажется невероятным, чтобы Дамблдор...» — что?

— Гарри! Гарри! Гарри!

— Я здесь! — крикнул он. — Что случилось?

На лестнице застучали шаги, и в спальню Сириуса влетела Гермиона.

— Мы проснулись, а где ты — неизвестно! — задыхаясь, сказала она и, повернувшись назад, крикнула: — Рон! Нашла!

Издали, с расстояния в несколько этажей, донесся сердитый голос Рона:

— Хорошо! Передай ему от меня, что он козел!

— Гарри, пожалуйста, не исчезай так, мы страшно перепугались! И вообще, зачем ты сюда забрался? — Она оглядела перевернутую вверх дном комнату. — Что ты тут делал?

— Посмотри, что я нашел.

Он протянул ей письмо матери. Гермиона взяла письмо, прочла. Гарри наблюдал за ней. Дойдя до конца страницы, она подняла на него глаза:

— Ох, Гарри…

— А еще вот это.

Он отдал ей разорванную фотографию, и Гермиона заулыбалась, наблюдая за мальчиком на метле.

— Я поискал окончание письма, — сказал Гарри, — но его здесь нет.

Гермиона огляделась вокруг:

— Это ты тут такой беспорядок учинил или до тебя кто-то постарался?

— кто-то уже обыскивал комнату, — сказал Гарри.

— Я так и подумала. В какую комнату я ни заглядывала, пока поднималась наверх, везде одно и то же. Как по-твоему, что тут искали?

— Если это был Снегг, сведения об Ордене.

— А ты не думаешь, что у него и так уже есть все необходимое, он же состоял в Ордене, верно?

— Ладно, — сказал Гарри, которому не терпелось обсудить его теорию, — тогда как насчет сведений о Дамблдоре? Они могли искать, к примеру, окончание этого письма. Батильда, которую упоминает мама, ты знаешь, кто она?

— Кто?

— Батильда Бэгшот, автор…

— «Истории магии», — явно заинтересовавшись, сказала Гермиона. — Так твои родители знали ее? Она была потрясающим историком.

— Она еще жива, — сказал Гарри, — и живет в Годриковой Впадине. Ронова тетушка Мюриэль рассказывала о ней на свадьбе. И семью Дамблдоров Батильда тоже знала. Интересно было бы побеседовать с ней, правда?

Улыбка Гермионы стала слишком уж понимающей, и Гарри это не понравилось. Он отобрал у нее письмо и фотографию, засунул их в мешочек, который висел у него на шее, просто чтобы не смотреть на нее и не выдать своих чувств.

— Я понимаю, почему тебе хочется поговорить с Батильдой о твоих маме и папе, да и о Дамблдоре тоже, — сказала Гермиона. — Но ведь в

поисках крестражей это нам ничем не поможет, так? — Он не ответил, и Гермиона торопливо продолжила: — Гарри, я знаю, тебе очень хочется отправиться в Годрикову Впадину, но я боюсь… боюсь легкости, с которой нашли нас вчера Пожиратели смерти. И поэтому сильнее, чем раньше, уверена — нам не следует появляться там, где похоронены твои родители. От тебя наверняка именно этого и ждут.

— Дело не только в родителях, — все еще стараясь не глядеть на нее, сказал Гарри. — На свадьбе Мюриэль много чего наговорила про Дамблдора. Я хочу узнать правду…

И он пересказал Гермионе все, что услышал от Мюриэль. Когда он закончил, Гермиона сказала:

— Я понимаю, конечно, почему тебя это расстраивает, Гарри…

— Не расстраивает, — ответил он. — Я просто хочу выяснить, правда это или…

— Гарри, ты действительно думаешь, что от злобной старухи вроде Мюриэль или от Риты Скитер можно услышать правду? Как ты можешь им верить? Ты же знал Дамблдора!

— Думал, что знаю, — пробормотал он.

— Но тебе же известно, сколько правды было во всем, что Рита писала о тебе. Дож прав. Как

ты можешь позволять этим людям марать твою память о Дамблдоре?

Гарри отвел взгляд в сторону, стараясь не выдать негодования, которое его охватило.

Все то же самое: выбор веры. А ему нужна истина. Почему все с таким упорством стараются не подпустить его к ней?

— Может, пойдем на кухню? — помолчав немного, предложила Гермиона. — Поищем что-нибудь на завтрак.

Гарри нехотя согласился, последовал за ней на площадку лестницы, прошел мимо второй выходившей сюда двери. Под незамеченной им в темноте маленькой табличкой на ней виднелись в краске глубокие царапины. Он остановился, чтобы прочитать написанное на табличке. Табличка выглядела эффектно, надпись на ней была аккуратно выведена от руки — такую мог повесить на дверь своей спальни Перси Уизли.

Не входить
без ясно выраженного разрешения
Регулуса Арктуруса Блэка

От волнения кожу Гарри словно закололо иголками, хоть он и не сразу понял, чем это волнение вызвано. Он перечитал надпись на табличке еще раз. Гермиона уже спустилась на один лестнич-

ный марш.

— Гермиона, — позвал он и сам удивился спокойствию своего голоса. — Вернись.

— В чем дело?

— Р. А. Б. По-моему, я его нашел.

Гермиона ахнула и бегом взлетела по лестнице.

— В письме твоей мамы? Но я не заметила…

Гарри покачал головой, ткнул пальцем в табличку. Гермиона прочитала надпись и вцепилась в руку Гарри с такой силой, что он поморщился от боли.

— Брат Сириуса? — прошептала она.

— Он был Пожирателем смерти, — сказал Гарри. — Сириус рассказывал мне о нем. Вступил в Пожиратели совсем молодым, потом перетрусил, хотел уйти — и они его убили.

— Все сходится! — выдохнула Гермиона. — Если он был Пожирателем, то имел доступ к Волан-де-Морту, а разочаровавшись, мог пожелать его падения!

Она выпустила руку Гарри, перегнулась через перила и крикнула:

— Рон! РОН! Поднимайся сюда, скорее!

Минуту спустя появился запыхавшийся, державший наготове палочку Рон.

— В чем дело? Опять больших пауков увидела? Дай позавтракать, а уж потом…

Нахмурив лоб, он прочитал табличку, на которую молча указала ему Гермиона.

— И что? Это ведь брат Сириуса, так? Регулус Арктурус… Регулус… Р. А. Б.! Медальон… Ты думаешь?..

— Надо выяснить, — сказал Гарри. Он толкнул дверь — она оказалась запертой.

Гермиона ткнула в дверную ручку палочкой и произнесла:

— Алохомора!

Раздался щелчок, и дверь отворилась.

Все трое переступили порог и заозирались по сторонам.

Спальня у Регулуса была меньше, чем у Сириуса, но также наводила на мысль о былом великолепии. Однако если Сириус старался показать свое отличие от всех прочих членов семьи, то Регулус норовил подчеркнуть противоположное. Изумрудно-серебристые цвета Слизерина встречались здесь на каждом шагу — на покрывале постели, на стенах и окнах. Над кроватью был старательно изображен родовой герб Блэков и их девиз: «Чистота крови навек». Под ним висели пожелтевшие вырезки из газет, склеенные

таким образом, чтобы получился коллаж, теперь уже сильно обветшавший. Гермиона пересекла комнату, чтобы разглядеть его.

— Все вырезки посвящены Волан-де-Морту, — сказала она. — Похоже, Регулус был его поклонником задолго до того, как вступил в Пожиратели.

Гермиона присела, подняв облачко пыли, на кровать, чтобы прочесть вырезки. А Гарри попалась на глаза обрамленная фотография, с которой улыбались и махали руками члены хогвартской команды по квиддичу. Он подошел к ней поближе и увидел на груди каждого игрока изображение змея: слизеринцы. В мальчике, сидевшем в середине первого ряда, мгновенно узнавался Регулус — темными волосами и немного надменным выражением лица он очень походил на брата, хоть был пониже и похудощавее Сириуса, да и красотой его не отличался.

— Он был ловцом, — сказал Гарри.

— Что? — рассеянно откликнулась полностью ушедшая в чтение Гермиона.

— Он сидит в середине первого ряда, а это место ловца… Ну ладно, не важно, — сказал Гарри, сообразив, что никто его не слушает: Рон стоял на четвереньках, заглядывая под платяной шкаф.

Гарри оглядел комнату в поисках возможных тайников, подошел к письменному столу. Однако и стол кто-то уже обыскал. Содержимое ящиков переворошили совсем недавно, стерев кое-где пыль. Ничего ценного в них не было: пожелтевшие гусиные перья, устаревшие, со следами неласкового обращения учебники и совсем недавно разбитый пузырек чернил, еще липкие остатки которых покрывали содержимое одного из ящиков.

— Есть способ попроще, — сказала Гермиона, увидев, как Гарри вытирает о джинсы измазанные чернилами пальцы. Она вскинула палочку и произнесла: — Акцио, медальон!

Однако ничего не произошло. Рон, перебиравший складки выцветших штор, разочарованно оглянулся:

— Вот так, значит. Его здесь нет.

— Может, и есть, только на него наложены контрзаклятия, — ответила Гермиона. — Ну, знаешь, чары, не позволяющие приманивать его посредством магии.

— Да, вроде тех, какие Волан-де-Морт наложил на чашу в пещере, — сказал Гарри, вспомнив, как ему не удалось приманить поддельный медальон.

— И как же мы его тогда найдем? — спросил Рон.

— Вручную, — ответила Гермиона.

— Роскошная мысль, — сообщил, выкатив глаза, Рон и снова занялся шторами.

В течение часа они обшаривали каждый дюйм спальни и в конце концов пришли к выводу, что медальона в ней нет.

Тем временем встало солнце, ослепительный свет его пробивался даже сквозь покрытые копотью окна.

— Вообще-то он может быть где угодно в доме, — словно ободряя Гарри и Рона, сказала Гермиона, когда все трое спускались по лестнице: чем в большее уныние они впадали, тем, казалось, большей решимости она преисполнялась. — Пытался он уничтожить его или не пытался, ему нужно было спрятать медальон от Волан-де-Морта, правильно? А помните, сколько жутких вещей нам пришлось выбросить, когда мы были здесь в последний раз? Часы, которые стреляли во всех арбалетными стрелами, старые мантии, пытавшиеся придушить Рона. Регулус мог разместить их здесь для защиты тайника, в котором лежал медальон, хотя мы еще не знали в то... в то...

Гарри с Роном обернулись к ней. Гермиона стояла, подняв одну ногу и вообще походя на человека, которого только что саданули заклятием Забвения — глаза ее явно утратили способность фокусироваться на чем бы то ни было.

— …в то время, — шепотом закончила она.

— Что с тобой? — поинтересовался Рон.

— Там был медальон.

— Что? — в один голос спросили Рон и Гарри.

— В шкафчике, который стоял в гостиной. И никто этот медальон открыть не смог. И мы… мы…

Гарри показалось, что из груди его прямиком в желудок рухнул кирпич. Он вспомнил: медальон передавался из рук в руки, и все пытались по очереди вскрыть его. А потом медальон бросили в мусорный мешок заодно с табакеркой, заполненной Бородавочным порошком, и музыкальной шкатулкой, вгонявшей всех в сон.

— Кикимер тогда умыкнул кучу разных вещей, — сказал Гарри. Это был их единственный шанс, единственная оставшаяся у них слабенькая надежда, и Гарри намеревался держаться за нее, пока ее силой не вырвут из его рук. — У него в кухонном чулане целый склад был. Пошли.

Он полетел, перепрыгивая ступеньки, вниз по лестнице, двое друзей с топотом мчались за

ним. Шума они наделали столько, что, проносясь через вестибюль, разбудили портрет матушки Сириуса.

— Мерзопакость! Грязнокровки! Отбросы общества! — завизжала она им вслед, но они уже ворвались в подвальную кухню и захлопнули за собой дверь.

Гарри пробежал через всю кухню, притормозил, заскользив по полу, перед дверью Кикимерова чуланчика, рывком открыл ее. Старые одеяла, на которых когда-то спал Кикимер, в этом грязном гнездышке все еще валялись, а вот спасенных Кикимером поблескивающих безделушек больше не было. Остался лишь древний экземпляр книги «Природная знать. Родословная волшебников». Не желая поверить глазам, Гарри схватил одеяла, встряхнул их. Наружу выпала и грустно покатилась по полу дохлая мышь. Рон, застонав, упал на кухонный стул, Гермиона зажмурилась.

— Еще не конец, — сказал Гарри и громко крикнул: — Кикимер!

Раздался звучный хлопок, и перед холодным очагом возник домовый эльф, которого Гарри с такой неохотой унаследовал от Сириуса: маленький, в половину человеческого роста, с висящей складками бледной кожей и такими же, как у ле-

тучей мыши, ушами, обильно поросшими белым волосом. Он был все в том же грязном тряпье, какое носил при первом их знакомстве, а презрительный взгляд, которым он наградил Гермиону, показывал, что переход к другому владельцу на его принципах нисколько не сказался.

— Хозяин, — квакнул Кикимер голосом бычьей лягушки и низко поклонился, бормоча себе в колени: — Снова в старом доме моей хозяйки вместе с осквернителем крови Уизли и грязнокровкой…

— Я запрещаю тебе называть кого бы то ни было «осквернителем крови» и «грязнокровкой»! — рявкнул Гарри. Кикимер с его носом-рыльцем и налитыми кровью глазами казался ему существом на редкость непривлекательным и до того, как он выдал Сириуса Волан-де-Морту. — Я собираюсь задать тебе вопрос, — продолжал Гарри, чье сердце при виде эльфа забилось быстрее, — и приказываю ответить на него правдиво. Ты понял?

— Да, хозяин, — ответил Кикимер и снова поклонился.

Гарри заметил, что губы эльфа беззвучно шевелятся, наверняка изрыгая оскорбления, которые вслух ему произносить запретили.

— Два года назад, — сказал Гарри, сердце кото-

рого колотилось уже о самые ребра, — в гостиной наверху был найден большой золотой медальон. Мы его выбросили. Ты после украл его?

На миг наступило молчание — Кикимер выпрямился и взглянул в лицо Гарри. А затем сказал:

— Да.

— Где он сейчас? — ликующе спросил Гарри. Лица Рона и Гермионы радостно просветлели.

Кикимер зажмурился, похоже, реакцию на следующее его слово видеть ему ничуть не хотелось.

— Пропал.

— Пропал? — повторил Гарри, чувствуя, как сникает весь его восторг. — Что значит «пропал»?

Эльф задрожал. И даже закачался.

— Кикимер, — свирепо произнес Гарри. — Приказываю тебе…

— Наземникус Флетчер, — проквакал, не открывая глаз, эльф. — Наземникус Флетчер украл все: картинки мисс Беллы и мисс Цисси, перчатки моей хозяйки, орден Мерлина первой степени, кубки с родовым гербом и… и… — Кикимер глотал воздух, его впалая грудь быстро поднималась и опускалась, потом он открыл глаза и издал леденящий кровь вопль: — …и медальон, меда-

льон хозяина Регулуса, Кикимер поступил дурно, Кикимер не выполнил приказа!

Гарри отреагировал инстинктивно: как только Кикимер бросился к стоявшей в решетке очага кочерге, Гарри прыгнул на него и прижал к поду. Визг Гермионы смешался с воплями эльфа, однако Гарри перекричал обоих:

— Кикимер, приказываю тебе хранить неподвижность!

Почувствовав, как эльф закоченел, Гарри встал на ноги. Кикимер так и остался лежать на полу, из его глаз лились слезы.

— Разреши ему подняться, Гарри, — прошептала Гермиона.

— Чтобы он сам себя кочергой лупцевал? — фыркнул Гарри и опустился рядом с эльфом на колени. — Нет уж. Хорошо, Кикимер, мне нужна правда: откуда ты знаешь, что медальон украл Наземникус Флетчер?

— Кикимер его видел! — просипел эльф — слезы, миновав нос, влились ему в рот, полный зеленоватых зубов. — Кикимер видел, как он выходил из чулана К-кикимера с руками, полными сокровищ Кикимера. Кикимер сказал гадкому вору «Перестань», — но Наземникус Флетчер засмеялся и уубежал…

— Ты сказал «медальон хозяина Регулуса». Почему? — спросил Гарри. — Откуда он взялся? Что собирался сделать с ним Регулус? Сядь, Кикимер, и расскажи мне все, что ты знаешь о медальоне и о том, что связывало с ним Регулуса!

Эльф сел, сжался в комок, опустил мокрое лицо между коленей и принялся раскачиваться взад и вперед. Когда он заговорил, голос его звучал приглушенно, но в тихой и гулкой кухне различался достаточно ясно.

— Хозяин Сириус сбежал, скатертью дорога, он был плохой мальчик, он разбил своим беззаконным беспутством сердце моей хозяйки. А хозяин Регулус был истинной гордостью семьи, знал свой долг перед именем Блэка, знал, в чем величие чистой крови. Много лет он беседовал с Темным Лордом, который собирался вывести волшебников из тени, чтобы они правили маглами и магловскими выродками. А когда ему исполнилось шестнадцать, хозяин Регулус присоединился к Темному Лорду. Он так гордился, так гордился, так счастлив был послужить… И однажды, через год после вступления в ряды, хозяин Регулус пришел на кухню, чтобы поговорить с Кикимером. И хозяин Регулус сказал… сказал… — Старый эльф начал раскачиваться намного быстрее. — Он

сказал, что Темному Лорду нужен эльф.

— Волан-де-Морту понадобился эльф? — переспросил Гарри и оглянулся на Рона с Гермионой, которые выглядели не менее озадаченными, чем он.

— О да, — простонал Кикимер. — И хозяин Регулус предложил ему Кикимера. Это высокая честь, сказал хозяин Регулус, честь для него и для Кикимера, который должен сделать все, что прикажет ему Темный Лорд, а потом вернуться домой.

Кикимер закачался совсем уж быстро, теперь дыхание его перебивалось рыданиями.

— И Кикимер отправился к Темному Лорду. Темный Лорд не сказал Кикимеру, что они станут делать, но взял Кикимера с собой в пещеру у моря. А за той пещерой была другая, гораздо больше, и в этой пещере было огромное черное озеро…

У Гарри поднялись волосы на загривке. Ему казалось, что квакающий голос Кикимера долетает до него через простор той темной воды. Дальнейшее он видел так ясно, словно сам присутствовал при всем, что там происходило.

— …и там была лодка…

Конечно, там была лодка; Гарри знал ее, крохотную, призрачно зеленую, заколдованную так, чтобы она могла нести к центру озера лишь од-

ного чародея и одну его жертву. Вот, значит, как Волан-де-Морт проверил средства защиты своего крестража — позаимствовав никому не нужное, бросовое существо, домового эльфа…

— На острове стояла чачаша, полная зелья. И Тетемный Лорд велел Кикимеру пить его… — Эльфа трясло с головы до ног. — Кикимер пил, и пока он пил, он видел страшное… Кикимер горел изнутри… Кикимер кричал, молил хозяина Регулуса спасти его, молил хозяйку Блэк, но Темный Лорд только смеялся… он заставил Кикимера выпить все зелье… и бросил в пустую чашу медальон… и опять наполнил ее зельем. А потом Темный Лорд уплыл, оставив Кикимера на острове…

Гарри видел все как наяву. Видел белое змеиное лицо Волан-де-Морта, исчезавшее во тьме, видел безжалостные красные глаза, не отрывавшиеся от сотрясаемого корчами эльфа, которому оставалось до смерти лишь несколько минут, потому что по истечении их он уступит безумной жажде, насылаемой жгучим зельем на своих жертв… Но дальше воображение Гарри идти отказывалось, он не понимал, как Кикимеру удалось спастись.

— Кикимер хотел воды, он подполз к берегу острова и пил из темного озера… и руки, мертвые руки, высунулись оттуда и утащили Кикимера

под воду…

— Как же ты выбрался? — спросил Гарри и нисколько не удивился, обнаружив, что задал этот вопрос шепотом.

Кикимер поднял уродливую голову и взглянул на Гарри большими, налитыми кровью глазами.

— Хозяин Регулус позвал Кикимера назад, — сказал он.

— Понятно, но как тебе удалось спастись от инферналов?

Кикимер, похоже, не понимал, о чем его спрашивают.

— Хозяин Регулус позвал Кикимера назад, — повторил он.

— Понятно, и все-таки…

— Это же очевидно, Гарри, — сказал Рон. — Он трансгрессировал.

— Но… в той пещере нельзя трансгрессировать, — сказал Гарри, — иначе бы Дамблдор…

— У эльфов своя магия, не такая, как у нас, правильно? — сказал Рон. — В Хогвартсе они трансгрессировали в любую сторону, а мы не могли.

Наступило молчание, Гарри переваривал услышанное. Как мог Волан-де-Морт совершить такую ошибку? И пока он думал об этом, Гермиона ле-

дяным тоном произнесла:

— Разумеется, Волан-де-Морт считал ниже своего достоинства вникать в особенности домовиков и на манер всякого чистокровки относился к ним, как к животным. Ему и в голову не пришло, что они могут обладать магией, о которой он ничего не знает.

— Высший закон домовика — приказ хозяина, — нараспев сообщил Кикимер. — Кикимеру велели идти домой, Кикимер пошел домой…

— Вот видишь, ты сделал, что тебе велели, ведь так? — ласково сказала Гермиона. — Значит, в невыполнении приказа ты не повинен!

Кикимер, раскачиваясь все с той же скоростью, потряс головой.

— Что произошло, когда ты вернулся? — спросил Гарри. — Какими словами ответил Регулус на твой рассказ о случившемся?

— Хозяин Регулус очень встревожился, очень, — заквакал Кикимер. — Хозяин Регулус велел Кикимеру спрятаться, из дома не выходить. А потом… это было немного позже… хозяин Регулус ночью пришел к чулану Кикимера, и хозяин Регулус был странный, не как обычно, в расстройстве ума, сказал бы Кикимер… и он попросил Кикимера отвести его в ту пещеру, в пещеру, где Кикимер

был с Темным Лордом…

И они отправились в путь. Гарри снова видел все совершенно ясно — испуганного старого эльфа и худого смуглого ловца, так похожего на Сириуса. Кикимер знал, как открыть потаенный вход в пещеру, знал, как поднять со дна крохотную лодчонку, и на этот раз к острову, на котором стояла чаша с ядом, с ним плыл его обожаемый Регулус.

— И он заставил тебя выпить зелье? — спросил охваченный отвращением Гарри.

Но Кикимер лишь покачал головой и заплакал. Гермиона прижала ладонь ко рту — похоже, она что-то поняла.

— Хохозяин Регулус достал из кармана медальон, такой же, как у Темного Лорда, — сказал Кикимер, слезы уже текли по обеим сторонам его рыльца. — И он велел Кикимеру взять его и, когда чаша опустеет, поменять медальоны…

Рыдания Кикимера обратились в подобие скрежета, Гарри приходилось напрягать слух, чтобы разобрать его слова.

— И он приказал… Кикимеру уйти… без него. И он велел Кикимеру… идти домой… и никогда не говорить хозяйке… что он сделал… но уничтожить… первый медальон. И он выпил…

все зелье… а Кикимер поменял медальоны… и смотрел, как хозяина Регулуса… утаскивали под воду… и…

— Ах, Кикимер! — простонала расплакавшаяся Гермиона. Она опустилась рядом с эльфом на колени, попыталась обнять его. Но он немедля вскочил на ноги и с нескрываемым отвращением отпрыгнул от нее.

— Грязнокровка коснулась Кикимера. Что сказала бы хозяйка?

— Я же велел тебе не называть ее «грязнокровкой»! — рявкнул Гарри, но эльф уже и сам наложил на себя взыскание: упал на пол и начал биться об него лбом.

— Останови его, останови! — закричала Гермиона. — Разве ты не видишь, как ему плохо? Они же обязаны подчиняться любому приказу!

— Кикимер, стой! Стой! — крикнул Гарри.

Эльф лежал на полу, задыхаясь и дрожа, вокруг его носа поблескивала зеленая слизь, на мертвенно-бледном лбу, которым он колотился об пол, набухали ссадины, налитые кровью глаза припухли, наполнились слезами. Ничего более жалостного Гарри еще не видел.

— Итак, ты принес медальон домой, — сказал он, ему было не до милосердия, требовалось

выяснить все до конца. — И попытался уничтожить его?

— Что ни делал Кикимер, он не смог даже царапину на нем оставить, — простонал эльф. — Кикимер перепробовал все-все, что знал, и ничего, ничего не помогало — так много могучих заклятий было наложено на крышку медальона. Кикимер был уверен: чтобы уничтожить медальон, нужно его открыть, а он не открывался… Кикимер наказал себя и попробовал еще раз, потом еще наказал и опять попробовал. Кикимер не смог выполнить приказ, Кикимер не уничтожил медальон! А его хозяйка сходила с ума от горя, потому что хозяин Регулус пропал, а Кикимер не мог рассказать ей, что случилось, нет, потому что хозяин Регулус велел ему не говорить никому в семье о том, что было в пещере…

Кикимер зарыдал так, что произносить связных слов больше уже не мог. По щекам смотревшей на него Гермионы текли слезы, однако притрагиваться к нему она больше не решалась. Даже Рон, к поклонникам Кикимера не принадлежавший, выглядел расстроенным. Гарри опустился на корточки, потряс головой, стараясь прояснить ее.

— Я не понимаю тебя, Кикимер, — в конце концов сказал он. — Волан-де-Морт пытался

убить тебя, Регулус умер, чтобы сокрушить Волан-де-Морта, и все-таки ты с радостью выдал ему Сириуса? С радостью отправился к Нарциссе и Беллатрисе и передал через них сведения Волан-де-Морту…

— Гарри, у Кикимера голова устроена по-другому, — сказала Гермиона, вытирая слезы тыльной стороной ладони. — Он раб. Эльфы-домовики привыкли к дурному, даже жестокому, обращению. В том, что сделал с Кикимером Волан-де-Морт, ничего такого уж необычного не было. А войны волшебников — что они значат для эльфов вроде Кикимера? Он предан людям, которые добры к нему, и миссис Блэк, наверное, была добра, а Регулус был добр определенно, вот он и служил им с полной охотой и разделял их верования. Я знаю, что ты хочешь сказать, — продолжала она, увидев, что Гарри собирается ей возразить, — что взгляды Регулуса изменились… Но, похоже, Кикимеру он об этом не сказал, так? И я, пожалуй, знаю почему. И Кикимер, и родные Регулуса чувствовали себя в большей безопасности, придерживаясь давних воззрений на чистоту крови. Вот Регулус и старался защитить их всех.

— Сириус…

— Сириус вел себя с Кикимером ужасно, Гарри,

и не смотри на меня так, ты знаешь, что это правда. Когда Сириус перебрался сюда, Кикимер уже провел в одиночестве долгое время и, наверное, изголодался по хоть какой-нибудь привязанности. Уверена, «мисс Цисси» и «мисс Белла» были очень милы с Кикимером, когда он оказался у них, вот он и услужил им, рассказав все, что они желали узнать. Я давно говорила: волшебникам еще придется заплатить за то, как они обращаются с домовиками. Что же, Волан-де-Морт заплатил… и Сириус тоже.

Гарри не стал с ней спорить. Глядя на Кикимера, рыдавшего на полу, он вдруг вспомнил слова, сказанные ему Дамблдором всего через несколько часов после смерти Сириуса: «Сириус… никогда не считал Кикимера существом, чьи переживания могут быть столь же глубокими, как человеческие…»

— Кикимер, — спустя некоторое время сказал Гарри, — когда тебе станет немного лучше, сядь… ээ… пожалуйста.

Прошло еще несколько минут, и наконец икота Кикимера стихла. Он сел и выпрямился, потирая глаза кулачками, совсем как маленький ребенок.

— Я хочу попросить тебя кое о чем, Кикимер, —

сказал Гарри.

В поисках помощи он взглянул на Гермиону: приказ Гарри хотел отдать мягко, но в то же время не притворяясь, будто это не приказ. Впрочем, его изменившийся тон, видимо, заслужил одобрение Гермионы — она поощряюще улыбнулась ему.

— Я хочу, Кикимер, чтобы ты отыскал Наземникуса Флетчера, пожалуйста. Нам нужно выяснить, где медальон… где медальон хозяина Регулуса. Это очень важно. Мы хотим закончить работу, которую начал хозяин Регулус, хотим… мм… сделать так, чтобы его смерть не была напрасной.

Кикимер опустил кулачки и уставился на Гарри.

— Найти Наземникуса Флетчера? — проквакал он.

— И доставить его сюда, на площадь Гриммо, — сказал Гарри. — Как тебе кажется, ты сможешь сделать это для нас?

Кикимер кивнул, поднялся на ноги, а на Гарри вдруг накатило вдохновение. Он вытащил из Хагридова мешочка поддельный крестраж, медальон, в котором Регулус оставил записку для Волан-де-Морта.

— Кикимер, я, ээ… хотел бы, чтобы ты взял эту вещь, — сказал он, вкладывая медальон в руку

эльфа. — Она принадлежала Регулусу, и, я уверен, он был бы рад, если бы ты владел ею, как знаком его благодарности за все, что ты…

— Перебор, дружок, — сказал Рон, когда эльф, взглянув на медальон, одурело и горестно взвыл и снова бросился на пол.

Почти полчаса ушло у них на то, чтобы успокоить Кикимера, до того потрясенного переходом наследия рода Блэков в его полную собственность, что он и на ногах-то стоять не мог. Когда Кикимер наконец обрел способность хоть как-то передвигаться, все трое проводили его к чуланчику, посмотрели, как он старательно прячет медальон среди грязных одеял, и заверили, что в его отсутствие у них не будет дела важнее, чем охрана этого сокровища. Он отвесил два глубоких поклона Гарри и Рону и даже как-то смешно дернулся в сторону Гермионы — возможно, то было попыткой уважительного прощального привета. А потом раздался обычный громкий хлопок: Кикимер трансгрессировал.

Глава 11

ВЗЯТКА

Гарри был уверен, что, раз уж Кикимеру удалось удрать из кишащего инферналами озера, поимка Наземникуса займет у него самое большее несколько часов, и он все утро прослонялся по дому, переполняясь радостными предвкушениями. Однако утром Кикимер не возвратился, и к полудню тоже. К ночи Гарри уже испытывал разочарование и тревогу, а ужин, состоявший в основном из заплесневелого хлеба, который Гермиона безуспешно пыталась трансфигурировать самыми разными способами, настроения его не улучшил.

Не вернулся Кикимер и на следующий день, и на последовавший за ним. Зато на площади объявились двое в мантиях, проторчавшие там всю ночь, таращась в сторону дома, видеть который они не могли.

— Как пить дать, Пожиратели смерти, — сказал Рон, глядя на них сквозь окна гостиной. — Как по-вашему, они знают, что мы здесь?

— Не думаю, — ответила Гермиона, хоть она и

выглядела испуганной. — Знали бы, так прислали бы за нами Снегга, разве нет?

— А тебе не кажется, что он уже побывал здесь и у него теперь язык связан заклятием Грюма? — спросил Рон.

— Да, пожалуй, — ответила Гермиона, — иначе он рассказал бы их шайке, как попасть внутрь. Скорее всего, они следят за этим местом на случай, если мы вдруг окажемся здесь. Они же знают, что дом принадлежит Гарри.

— Откуда бы это?.. — начал Гарри.

— Все завещания волшебников проверяются Министерством, забыл? Там известно, что Сириус оставил дом тебе.

Соседство с Пожирателями смерти лишь усилило в доме номер двенадцать зловещие настроения. Со времени появления Патронуса мистера Уизли из внешнего мира никаких вестей на площадь Гриммо не поступало, и напряжение начинало сказываться на всех. Рон, беспокойный и раздражительный, обзавелся неприятной привычкой играть с делюминатором, не вынимая его из кармана. Особенно сильно это действовало на нервы Гермионе, которая в ожидании Кикимера затеяла читать «Сказки барда Бидля», и потому то и дело гаснувший и загоравшийся свет ее ни-

сколько не радовал.

— Да перестань ты, наконец! — закричала она на третий вечер отсутствия Кикимера, когда из гостиной в очередной раз вытянуло весь свет.

— Извини, извини! — отозвался Рон и, щелкнув делюминатором, вернул свет обратно. — Это я машинально.

— Может, лучше найдешь себе какое-нибудь полезное занятие?

— Какое? Детские сказочки читать?

— Рон, эту книгу оставил мне Дамблдор…

— Ну а мне он оставил делюминатор, так, наверное, я должен им как-то пользоваться!

Неспособный и дальше выносить их пререкания, Гарри незаметно выскользнул из гостиной. Он направился вниз, на кухню, которую то и дело навещал, поскольку был уверен, что в нейто Кикимер, скорее всего, и объявится. Однако, добравшись до середины ведущего в вестибюль лестничного марша, он услышал негромкий удар по двери, а следом металлические щелчки и скрежет цепи.

Гарри показалось, что каждый его нерв натянулся до отказа. Он вытащил палочку, отступил в тень под отрубленными головами домовых эльфов и замер в ожидании. Дверь отворилась,

Гарри мельком увидел освещенную фонарями площадь. В вестибюль вошел и закрыл за собой дверь человек в мантии. Едва он сделал первый шаг, как голос Грюма спросил: «Северус Снегг?» Затем на другом конце вестибюля поднялся и, протягивая мертвую руку, полетел на незваного гостя пыльный призрак.

— Это не я убил тебя, Альбус, — негромко произнес вошедший.

Чары разрушились: пыльная фигура снова взорвалась, и узнать пришельца, заслоненного плотным серым облаком, стало невозможно.

Гарри направил в середину облака палочку:

— Не двигаться!

Он совсем забыл про портрет миссис Блэк: при звуке его голоса портьеры, скрывавшие ее, разъехались, и поднялся вопль:

— Грязнокровки и мерзость, запятнавшая честь моего дома…

За спиной Гарри сбежали по лестнице Рон с Гермионой и направили, как и он, палочки на неизвестного, который стоял внизу, подняв руки.

— Не стреляйте, это я, Римус!

— Хвала небесам, — слабо произнесла Гермиона и повела палочкой в сторону миссис Блэк — портьеры со стуком задернулись, наступила тишина.

Рон тоже опустил палочку, — но не Гарри.

— Покажись! — крикнул он.

Люпин вышел под свет ламп, продолжая держать руки над головой, точно он сдавался победителю.

— Я Римус Джон Люпин, оборотень, известный также под прозвищем Лунатик, один из четверых создателей Карты Мародеров, женатый на Нимфадоре, известной также как Тонкс, и это я научил тебя, Гарри, как создать Патронуса, принявшего затем облик оленя.

— Да, все в порядке, — сказал, опуская палочку, Гарри, — но надо же было проверить, верно?

— Как твой бывший преподаватель защиты от Темных искусств, не могу с тобой не согласиться, проверить было надо. А вот вам, Рон и Гермиона, не следовало так быстро отказываться от обороны.

Все трое сбежали к нему по лестнице. Люпин, завернутый в темную, плотную дорожную мантию, выглядел усталым, но видеть их был явно рад.

— Значит, от Северуса пока ни слуху ни духу? — спросил он.

— Нет, — ответил Гарри. — Что происходит? Все целы?

— Да, — сказал Люпин, — только за всеми следят. Да и тут, на площади, маячит парочка Пожирателей смерти.

— Мы знаем.

— Мне пришлось трансгрессировать точно на верхнюю ступеньку крыльца, к самой двери, иначе они бы меня засекли. Они не знают, что вы здесь, а то, уверен, их было бы больше. Пожиратели расставлены по всем местам, хоть как-то связанным с тобой, Гарри. Пойдем вниз, мне многое нужно вам рассказать, да и я хочу узнать, что с вами было после того, как вы покинули «Нору».

Они спустились в кухню, и Гермиона направила палочку на решетку очага. Немедля вспыхнул огонь, от которого темные каменные стены стали казаться уютными, а длинный деревянный стол заблестел. Люпин вытащил из-под мантии несколько бутылок сливочного пива, все сели.

— Я был тут рядом три дня назад, но мне пришлось стряхивать с хвоста Пожирателей смерти, — сказал Люпин. — Так вы направились со свадьбы прямо сюда?

— Нет, — ответил Гарри, — сюда мы направились после того, как столкнулись в кафе на Тотнем-Кортроуд с парой Пожирателей.

Люпин выплеснул большую часть своего сли-

вочного пива себе на грудь.

— Что?

Они рассказали ему о случившемся, и под конец их рассказа Люпин выглядел сильно напуганным.

— Но как им удалось отыскать вас с такой быстротой? Проследить того, кто трансгрессирует, невозможно, если только не вцепиться в него в последний момент.

— Однако и на то, что они просто гуляли по Тотнем-Кортроуд, не похоже, верно? — сказал Гарри.

— Мы вот подумали, — неуверенно произнесла Гермиона, — а вдруг на Гарри все еще распространяется Надзор?

— Это невозможно, — сказал Люпин, и Рон гордо выпятил грудь, а Гарри почувствовал огромное облегчение. — Помимо прочего, будь Гарри под Надзором, Пожиратели смерти точно знали бы, что он здесь. И все же я не понимаю, как им удалось проследить вас до Тотнем-Кортроуд. Меня это тревожит, очень тревожит.

Люпин был взволнован, но Гарри считал, что эта тема может и подождать.

— Расскажите, что произошло после нашего ухода. Папа Рона сообщил нам, что семья в безопасности, но больше мы ничего не знаем.

— В общем-то, нас спас Кингсли, — сказал Люпин. — Благодаря его предупреждению большинство гостей трансгрессировали еще до их появления.

— Кто это был, Пожиратели смерти или люди из Министерства? — перебила его Гермиона.

— Смешанная компания. Впрочем, по существу, разницы между ними теперь уже нет, — ответил Люпин. — Их прибыло около десятка, однако они не знали, Гарри, что и ты там. До Артура дошел слух, что Скримджера пытали, прежде чем убить, старались вызнать, где ты. Если это правда, он тебя не выдал.

Гарри взглянул на Рона и Гермиону — их лица выражали те же ужас и благодарность, какие ощущал он. Скримджера он никогда не любил, но если сказанное Люпином правда, последним деянием этого человека была попытка защитить его, Гарри.

— Пожиратели смерти обыскали «Нору» сверху донизу, увидели упыря, но подходить к нему близко не стали, а потом два часа допрашивали тех из нас, кто остался в доме. Они пытались выведать что-нибудь о тебе, Гарри, но, разумеется, никто, кроме членов Ордена, не знал, что ты был там. Одновременно с их появлением на свадеб-

ном пиру другие Пожиратели вломились во все, какие есть в стране, дома, связанные с Орденом. Никто не погиб, — опережая вопрос, быстро добавил Люпин, — но вели они себя грубо. Сожгли дом Дедалуса Дингла, однако его, как вы знаете, там не было. Ударили заклятием Круциатус по родителям Тонкс, опять-таки пытаясь выяснить, когда ты был у них в последний раз. Оба чувствуют себя хорошо — потрясены, конечно, но живы-здоровы.

— Выходит, Пожиратели смерти пробились сквозь все защитные чары? — спросил Гарри, вспомнив, как хорошо работали эти чары, когда он свалился с неба в парк родителей Тонкс.

— Пойми, Гарри, теперь на стороне Пожирателей смерти вся мощь Министерства, — сказал Люпин. — Они могут использовать самые жестокие заклятия, не опасаясь, что их разоблачат или арестуют. Им удалось пробить всю установленную нами защиту, и действуют они теперь совершенно открыто.

— Но хоть как-то применение пыток для того, чтобы выяснить, где Гарри, они объясняют? — звенящим голосом спросила Гермиона.

— Ну… — произнес Люпин. Он помялся, потом вытащил из-под мантии сложенный в несколько

раз номер «Ежедневного пророка». — Вот, — сказал он и через стол подтолкнул газету к Гарри, — ты все равно рано или поздно узнал бы. Это их предлог для охоты на тебя.

Гарри расправил газету на столе. Всю первую страницу занимала его огромная фотография. Заголовок над ней гласил:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ
ДЛЯ ДОПРОСА ОТНОСИТЕЛЬНО ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СМЕРТИ АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА

Рон с Гермионой гневно вскрикнули, но Гарри промолчал. Он оттолкнул от себя газету, читать статью ему не хотелось — и так было ясно, что в ней сказано. Никто, кроме людей, присутствовавших в миг смерти Дамблдора на вершине башни, не знал его настоящего убийцу, а Рита Скитер уже оповестила волшебное сообщество о том, что через несколько секунд после того, как Дамблдор упал с башни, Гарри видели убегавшим оттуда.

— Прости, Гарри, — сказал Люпин.

— Выходит, «Ежедневный пророк» тоже теперь в руках Пожирателей? — гневно спросила Гермиона.

Люпин кивнул.

— Но люди-то понимают, что происходит?

— Переворот прошел гладко и практически

бесшумно, — ответил Люпин. — По официальной версии Скримджер просто подал в отставку, его сменил Пий Толстоватый, а на нем лежит заклятие Империус.

— Но почему же сам Волан-де-Морт не объявил себя министром магии? — спросил Рон.

Люпин усмехнулся:

— А он в этом не нуждается, Рон. По существу, он и есть министр, только зачем ему сидеть в министерском кабинете? Его марионетка, Толстоватый, занимается всеми текущими делами, позволяя Волан-де-Морту свободно утверждать свою власть за пределами Министерства. Многие, естественно, разобрались в происходящем: в последние дни политика Министерства изменилась очень круто, пошли разговоры, что за этим стоит Волан-де-Морт. Но в том-то все и дело — только разговоры, да еще и шепотом. Никто не осмеливается говорить с другими откровенно, не знает, кому можно доверять, каждый боится раскрыть рот — вдруг его подозрения верны, а родные уже намечены в жертвы. Да, Волан-де-Морт ведет игру очень умную. Обнаружь он себя — и могло бы начаться восстание, а оставаясь в тени, он насаждает замешательство, неопределенность и страх.

— Крутое изменение в политике Министерства подразумевает, что теперь волшебному сообществу говорят, будто опасен не Волан-де-Морт, а я? — поинтересовался Гарри.

— Это, безусловно, часть целого, — ответил Люпин, — и ее следует признать мастерским ходом. Теперь, когда Дамблдор мертв, ты — Мальчик, Который Выжил — мог бы стать символом и опорой для любого сопротивления Воланде-Морту. А внушив всем, что ты приложил руку к смерти героя, Волан-де-Морт не только получил возможность назначить цену за твою голову, но и посеял сомнения и страх среди тех, кто мог бы тебя защитить. А тем временем Министерство начинает принимать меры против тех, кто рожден от маглов. — И Люпин ткнул пальцем в номер «Ежедневного пророка». — Посмотрите на второй странице.

Гермиона перевернула газетный лист с тем же отвращением, с каким листала «Тайны наитемнейшей магии».

— «Регистрация магловских выродков, — вслух прочитала она. — Министерство магии проводит расследование деятельности так называемых магловских выродков, имеющее целью выяснить, как им удалось овладеть магическими

секретами.

Недавние исследования, проведенные Отделом тайн, показали, что магическая сила может передаваться от человека к человеку только при рождении от истинного волшебника. Следовательно, так называемые магловские выродки, не имеющие магической родословной или не способные ее доказать, скорее всего, получили магическую силу посредством воровства либо насилия.

Министерство полно решимости искоренить этих захватчиков магической силы и потому предлагает каждому так называемому магловскому выродку явиться для собеседования в только что учрежденную Комиссию по учету магловских выродков».

— Люди такого не допустят, — заявил Рон.

— Уже допустили, — сказал Люпин. — Пока мы тут разговариваем, идут облавы на тех, кто родился от маглов.

— Но каким, интересно, образом они могли «уворовать» магические способности? — спросил Рон. — Это же духовная сила, ее нельзя украсть, иначе бы и сквибов никаких не было, ведь так?

— Согласен, — ответил Люпин. — И однако же если ты не можешь доказать, что с тобой состо-

ял в близком родстве по меньшей мере один волшебник, считается, что магическую силу ты получил незаконным путем и потому заслуживаешь наказания.

Рон взглянул на Гермиону и спросил:

— А если чистокровка или полукровка присягнут, что «магловский выродок» их родственник? Я мог бы заверить всех, что Гермиона — моя кузина…

Гермиона накрыла ладонью руку Рона, сжала ее:

— Спасибо, Рон, но я не могу допустить, чтобы ты…

— Да у тебя и выбора не будет, — яростно сказал Рон и тоже сжал ее руку. — Я помогу тебе заучить наизусть мое фамильное древо, и ты сможешь отвечать на любые вопросы о нем.

Гермиона слабо усмехнулась:

— Рон, мы же в бегах вместе с Гарри Поттером, главным находящимся в розыске преступником страны, По-моему, для нас все это не важно. Если мне удастся вернуться в школу, тогда другое дело. Кстати, а как Волан-де-Морт собирается поступить с Хогвартсом? — спросила она у Люпина.

— Учеба стала обязательной для любого юного волшебника и волшебницы, — ответил тот. —

Об этом объявили вчера. Серьезная перемена, раньше никого учиться не заставляли. Конечно, почти каждый чародей и чародейка Британии заканчивали Хогвартс, однако родители имели право обучать их и дома или посылать, если им так больше нравилось, за границу. А теперь все волшебники будут находиться под присмотром Волан-де-Морта с самого раннего возраста. Помимо прочего, это еще одна возможность устранять тех, кто рождается от маглов, поскольку ученики школы, прежде чем попасть в нее, будут получать сертификат о Статусе крови — то есть доказывать Министерству, что они происходят от волшебников.

Гарри ощущал отвращение и гнев — именно в этот миг одиннадцатилетние дети с восторгом роются в только что купленных учебниках по волшебству, не зная, что они никогда не увидят Хогвартса, а может быть, и своих родителей.

— Это… это… — выдавил он, пытаясь найти слова, способные выразить охватившие его ужас и гнев, однако Люпин негромко произнес:

— Я знаю. — Он как будто поколебался немного, а затем сказал: — Гарри, я пойму тебя, если ты ничего мне не ответишь, но у Ордена сложилось впечатление, что Дамблдор поручил тебе некую

миссию.

— Поручил, — ответил Гарри. — И Рон с Гермионой знают о ней и идут со мной.

— Ты можешь посвятить меня в подробности? — Гарри взглянул в его изрытое преждевременными морщинами лицо, обрамленное густыми, но уже поседевшими волосами, и пожалел о том, что может дать Люпину только один ответ.

— Не могу, Римус, простите. Если Дамблдор не сказал вам этого, значит, не вправе сказать и я.

— Я знал, что ты так и ответишь, — разочарованно произнес Люпин. — И все-таки я могу оказаться полезным вам. Ты знаешь, кто я и на что я способен. Я могу отправиться с вами и защищать вас. А говорить мне, что вы собираетесь сделать, не обязательно.

Гарри заколебался. Предложение было очень соблазнительным, хотя, как они смогут не посвятить в свою тайну Люпина, если он постоянно будет рядом, представить себе было трудно.

Зато Гермиона пришла в недоумение.

— А как же Тонкс? — спросила она.

— А что Тонкс? — сказал Люпин.

— Ну, — насупилась Гермиона, — вы ведь женаты. Как она отнесется к тому, что вы уйдете

с нами?

— Тонкс в полной безопасности, — ответил Люпин. — Она сейчас у своих родителей.

что-то непонятное чуялось в его тоне, почти холодное. Да и мысль о том, что Тонкс будет сидеть у родителей, тоже казалась странноватой, как-никак она состояла в Ордене и, насколько знал Гарри, предпочитала находиться в самой гуще событий.

— Римус, — неуверенно произнесла Гермиона, — у вас все в порядке… ну, вы понимаете… между вами и…

— Спасибо, все хорошо, — с подчеркнутой резкостью ответил Люпин. Гермиона порозовела. Повисла еще одна неловкая пауза, а затем Люпин сказал с видом человека, признающегося в чем-то ему неприятном: — Тонкс ждет ребенка.

— Ой, как здорово! — взвизгнула Гермиона.

— Великолепно! — с восторгом добавил Рон.

— Поздравляю, — сказал Гарри.

Люпин соорудил натужную улыбку, больше походившую на гримасу, затем сказал:

— Так вы принимаете мое предложение? Могут трое обратиться в четверых? Не думаю, что Дамблдор был бы недоволен, в конце концов, он сам выбрал меня, чтобы я преподавал вам способы

защиты от Темных искусств. И должен сказать, что, По-моему, нам придется столкнуться с такой магией, какой никто еще не видел и даже вообразить не мог.

Рон и Гермиона взглянули на Гарри.

— Просто… просто ответьте мне для полной ясности, — произнес тот. — Вы хотите оставить Тонкс у родителей и уйти с нами?

— Ей там ничто не грозит, родители позаботятся о ней, — ответил Люпин.

Окончательность принятого им решения, о которой свидетельствовал его тон, граничила с безразличием.

— Гарри, я уверен, Джеймс хотел бы, чтобы я был рядом с тобой.

— Что ж, — медленно ответил Гарри. — А вот я этого не хочу. И совершенно уверен, что отцу было бы интересно узнать, почему вы решили быть рядом со мной, а не со своим ребенком.

Люпин побелел. Казалось, температура в кухне упала градусов на десять. Рон оглядывал кухню с таким выражением, точно ему необходимо было запомнить ее в мельчайших подробностях, глаза Гермионы метались с Гарри на Люпина и обратно.

— Ты не понимаешь, — сказал Люпин.

— Так объясните, — ответил Гарри.

— Я совершил ошибку, женившись на Тонкс. Я сделал это вопреки моему рассудку и с тех пор страшно жалею об этом.

— Понятно, — сказал Гарри, — и потому вы собираетесь бросить ее с ребенком и сбежать с нами?

Люпин вскочил на ноги, стул его кувырком полетел назад. Он уставился на всех троих с такой лютостью, что Гарри впервые в жизни увидел проступившие за его человеческим лицом признаки волчьей натуры.

— Ты не понимаешь, что я сделал со своей женой и своим еще не родившимся ребенком! Я не должен был жениться на ней, я обратил ее в прокаженную! — Люпин лягнул перевернувшийся стул. — Ты всегда видел меня только среди членов Ордена или в Хогвартсе, под опекой Дамблдора! И не знаешь, как относится к тварям вроде меня волшебное сообщество! Узнав о моей болезни, со мной и разговаривать-то перестают! Ты понимаешь, что я натворил? Даже ее родные пришли от нашего брака в ужас. Да и какие родители захотели бы, чтобы их дочь вышла замуж за оборотня? А ребенок… ребенок… — И Люпин буквальным образом вцепился себе в волосы, сейчас он казал-

ся просто помешанным. — Подобные мне обычно не размножаются! Уверен, он родится таким же, как я. И как мне простить себя, передавшего свою болезнь ни в чем не повинному ребенку? А если он чудом и не пойдет в меня, лучше, в сотни раз лучше будет, если он вырастет без отца, которого ему придется стыдиться!

— Римус! — прошептала со слезами на глазах Гермиона. — Что вы говорите? Как может ребенок, любой ребенок стыдиться вас?

— Ну, не знаю, Гермиона, — сказал Гарри, — вот мне, например, за него стыдно.

Гарри и сам не понимал, что пробудило в нем такой гнев, но и он тоже вскочил на ноги. Люпин смотрел на него так, точно Гарри ударил его.

— Если новый режим считает мерзостью даже «магловских выродков», что же он сделает с полуоборотнем, отец которого состоял в Ордене? Мой отец погиб, пытаясь защитить мою мать и меня. Вы считаете, он согласился бы на то, чтобы вы бросили свое дитя и ушли с нами на поиски приключений?

— Как… как ты смеешь? — произнес Люпин. — Речь идет не о стремлении к опасности или славе… Как ты смеешь предполагать такую…

— Я предполагаю, что вы считаете себя отчаян-

ным сорвиголовой, — ответил Гарри. — И хотите занять место Сириуса.

— Гарри, перестань! — взмолилась Гермиона, но он не отвел гневного взгляда от дергавшегося лица Люпина.

— Я никогда не поверил бы, — сказал он, — что человек, научивший меня сражаться с дементорами, трус.

Люпин выхватил палочку с такой стремительностью, что Гарри не успел даже протянуть руку к собственной. Послышался громкий удар — Гарри почувствовал, что летит спиной вперед по воздуху, потом он врезался в стену кухни и сполз по ней на пол и только тогда увидел, как за дверью исчезает подол Люпиновой мантии.

— Римус, Римус, вернитесь! — крикнула Гермиона, однако Люпин не ответил. И миг спустя они услышали, как в вестибюле хлопнула дверь.

— Гарри, — простонала Гермиона, — как ты мог?

— Легко, — ответил Гарри. Он встал, на затылке, которым он врезался в стену, набухала шишка. И его все еще трясло от гнева. — Не смотри на меня так! — рявкнул он Гермионе.

— Сам на нее так не смотри! — прорычал Рон.

— Нет-нет, не надо ссориться! — произнесла,

вставая между ними, Гермиона.

— Тебе не следовало так разговаривать с Люпином, — сказал Гарри Рон.

— Он это заслужил, — ответил Гарри. Разрозненные образы мелькали в его мозгу: падающий, пробивая занавес, Сириус, повисшее в воздухе изломанное тело Дамблдора, вспышка зеленого огня и голос матери, молящий о милосердии…

— Родители, — сказал Гарри, — не должны бросать детей, если… если только их к этому не принуждают.

— Гарри… — вымолвила Гермиона и положила ему на плечо руку, утешая, но он стряхнул ее и отошел от Гермионы, глядя в разожженный ею огонь. когда-то давно он говорил вот из этого очага с Люпином. Он тогда усомнился в Джеймсе, и Люпин успокоил его. А теперь искаженное мукой белое лицо Люпина словно плыло перед ним в воздухе. И на Гарри навалились угрызения совести. Рон и Гермиона молчали, но Гарри знал, что они безмолвно переговариваются за его спиной.

Он повернулся к ним и увидел, как они поспешно оторвали взгляды друг от друга.

— Я понимаю, мне не следовало называть его трусом.

— Не следовало, — тут же подтвердил Рон.

— Однако именно так он себя и повел.

— И все равно… — произнесла Гермиона.

— Знаю, — сказал Гарри. — Но если это заставит его вернуться к Тонкс, значит, я все сделал правильно, так?

Он не смог скрыть мольбы, прозвучавшей в его голосе. Гермиона смотрела на него с сочувствием, Рон — неуверенно. Гарри уставился в пол, думая о своем отце. Одобрил бы Джеймс то, что он сказал Люпину, или рассердился бы на сына, так обошедшегося с его старым другом?

Безмолвие кухни казалось гудящим от только что разыгравшейся в ней сцены, от непроизносимых вслух укоров Рона и Гермионы. Принесенный Люпином номер «Ежедневного пророка» по-прежнему лежал на столе, с первой страницы смотрело в потолок лицо Гарри. Он подошел к столу, сел, наобум открыл газету и сделал вид, что читает. Ему не удавалось различить ни слова, сознание его заполняла стычка с Люпином. Гарри был уверен, что заслоненные газетной страницей Рон с Гермионой снова затеяли свой бессловесный разговор. Он с шумом перевернул страницу, и ему попалось на глаза имя Дамблдора. Прошла секунда-другая, прежде чем Гарри понял все значение изображавшей семейную группу

фотографии, под которой значилось: «Семья Дамблдоров. Слева направо: Альбус, Персиваль, держащий новорожденную Ариану, Кендра и Аберфорт».

Гарри вгляделся в фотографию. Отец Дамблдора, Персиваль, был человеком приятной наружности, глаза его поблескивали даже на этой выцветшей от старости фотографии. Малышка Ариана была не больше хлебного батона, да и отличительных черт у нее было мало. Угольно-черные волосы матери, Кендры, были стянуты на затылке в узел. Лицо ее казалось точеным, она была в закрытом шелковом платье. Гарри, всматриваясь в темные глаза, высокие скулы и прямой нос Кендры, почему-то вдруг вспомнил об американских индейцах. Альбус и Аберфорт были в одинаковых камзольчиках с кружевными воротниками и волосы носили одной длины — до плеч. Альбус явно был на несколько лет старше брата, но в остальном мальчики очень походили один на другого — снимок сделали еще до того, как Альбус начал носить очки, а нос его оказался сломанным. Вполне счастливая, обычная семья мирно улыбалась с газетной страницы. Однако поверх фотографии Гарри увидел заголовок:

ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ФРАГМЕНТ ИЗ ВЫХОДЯЩЕЙ

В СВЕТ

БИОГРАФИИ АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА

Автор Рита Скитер

Решив, что хуже ему все равно не будет, Гарри приступил к чтению:

После широко освещавшегося в прессе ареста Персиваля и его заключения в Азкабан гордая и надменная Кендра Дамблдор не могла и дальше сносить жизнь в Насыпном Нагорье. Поэтому она решила сменить место жительства и перебралась с семьей в Годрикову Впадину, деревню, которая прославилась впоследствии как место странного спасения Гарри Поттера от Сами-Знаете-Кого.

В Годриковой Впадине, как и в Насыпном Нагорье, проживало немало семей волшебников, но, поскольку Кендра никого из них не знала, она была избавлена от возбуждаемого преступлением мужа любопытства, с которым ей приходилось сталкиваться на прежнем месте. Она раз за разом наотрез отвергала попытки соседей подружиться с ней и вскоре добилась того, что ее семью оставили в покое.

— Захлопнула дверь перед моим носом, когда я напекла булочек и пошла к ним, чтобы поздравить с приездом, — говорит Батильда Бэгшот. — За первый год, который они тут прожили,

я только двух мальчиков и видела. Я не узнала бы о существовании дочери, если бы зимой, вскоре после их приезда, не собирала при луне заунывников и не увидела, как Кендра выводит Ариану на прогулку по заднему двору. Крепко держа девочку за руку, она дважды обошла с ней вокруг лужайки и увела в дом. Я не знала, что и думать.

Похоже, Кендра считала, что переезд в Годрикову Впадину дал ей прекрасную возможность раз и навсегда укрыть Ариану от посторонних глаз. Не исключено, что этот замысел вызревал у нее годами. Немаловажную роль играл и выбор времени. Ариане, когда она исчезла из общего поля зрения, едва исполнилось семь лет, а, по мнению специалистов, семь лет — это возраст, в котором проявляются магические способности, если, конечно, они у ребенка имеются. Поэтому представляется несомненным, что Кендра приняла решение скорее скрыть само существование дочери, чем страдать от позора, признав, что она породила на свет сквиба. Вдали от знавших Ариану друзей и соседей Кендре, разумеется, было легче навсегда заточить девочку в доме. С той поры людей, которые знали о существовании Арианы, можно было пересчитать по пальцам, и эти люди готовы были сохранять его в тайне. В

их число входили и двое ее братьев, отвечавших на неудобные вопросы так, как велела им мать: «Учиться в школе сестре не позволяет слабое здоровье».

Читайте на следующей неделе: Альбус Дамблдор в Хогвартсе — призы и претензии.

Гарри ошибся — от прочитанного ему стало хуже. Он снова взглянул на фотографию счастливой с виду семьи. Правда ли то, что он прочитал? И как это можно выяснить? Ему хотелось отправиться в Годрикову Впадину, пусть даже Батильда пребывает не в том состоянии, чтобы с ним разговаривать; хотелось посетить место, в котором и он, и Дамблдор лишились своих близких. Он уже опускал газету на стол, собираясь спросить, что думают об этом Рон с Гермионой, когда на кухне раздался, отозвавшись эхом, громкий хлопок.

Впервые за три дня Гарри напрочь забыл о Кикимере. Первое, что пришло ему в голову: вернулся Люпин, — и какую-то долю секунды он не мог понять, что за переплетение рук и ног вывалилось прямо из воздуха на пол рядом с его стулом. Он вскочил, но тут из этой кучи выпутался Кикимер и, поклонившись Гарри, проквакал:

— Кикимер доставил Наземникуса Флетчера, хозяин.

Наземникус, кое-как поднявшись с пола, вытащил палочку, однако Гермиона опередила его: — Экспеллиармус! — Палочка Наземникуса взвилась в воздух, и Гермиона поймала ее. Наземникус с обезумевшими глазами метнулся к лестнице, но Рон достойным регбиста приемом блокировал его, и Наземникус с глухим стуком рухнул на пол.

— Чего? — взвыл он, извиваясь в попытках высвободиться из крепких объятий Рона. — Чего я сделал-то? Натравили на меня поганого домовика. Что за дела? Я ни в чем не виноват, отпусти меня, отпусти, а то…

— Вы не в том положении, чтобы сыпать угрозами, — сказал Гарри.

Он отбросил газету в сторону, в несколько шагов пересек кухню и опустился на колени рядом с Наземникусом, который тотчас прекратил борьбу и с ужасом вытаращился на Гарри. Рон, отдуваясь, встал и теперь наблюдал за Гарри, нарочито наставившим палочку на нос Наземникуса. От того несло потом и табачным дымом, спутанные волосы его засалились, мантию покрывали пятна.

— Кикимер извиняется, что он так задержался с доставкой вора, хозяин, — заквакал эльф. — Флетчер умеет скрываться от поимки, у него много

укрытий и сообщников. И все-таки Кикимер загнал вора в угол.

— Ты замечательно поработал, Кикимер, — сказал Гарри, и эльф отвесил ему низкий поклон.

— Так вот, у нас есть к вам вопросы, — повернулся Гарри к Наземникусу, немедленно завопившему:

— Я перетрухал, понял? Я не хотел с ними идти. Не прими за обиду, друг, но помирать ради тебя мне неохота. А этот чертов Сам-Знаешь-Кто как полетит на меня, тут всякий смылся бы, я ж говорю, я не хотел в это лезть…

— К вашему сведению, никто больше не трансгрессировал, — сказала Гермиона.

— Так вы ж герои, черт вас задери, верно? А я самоубийцу отродясь не изображал…

— Нас не интересует, почему вы бросили Грюма, — сказал Гарри, сдвигая палочку к налитым кровью, с кожистыми мешочками глазам Наземникуса. — Мы и раньше знали, что вы мерзавец и полагаться на вас не следует.

— Ладно, тогда какого лысого вы на меня эльфа напустили? Или это опять насчет кубков? Так у меня ни одного не осталось, возвращать нечего…

— Кубки нас не интересуют, хотя они уже ближе к делу, — сказал Гарри. — Замолчите и

слушайте.

Как хорошо было отыскать хоть какое-то занятие, найти человека, из которого можно вытянуть пусть и малую, но часть правды. Кончик палочки Гарри был теперь так близок к переносице Наземникуса, что тому приходилось скашивать на нее глаза.

— Когда вы обчистили этот дом, утащив из него все ценное… — начал Гарри, однако Наземникус снова его перебил:

— Сириусу тутошний хлам был не нужен…

Послышался торопливый топоток, блеснула медь, затем раздался громкий удар, а следом крик боли — это Кикимер подскочил к Наземникусу и огрел его по голове сковородой.

— Угомоните вы этого гада, его в клетке надо держать! — завопил Наземникус и прикрылся руками — Кикимер снова занес над ним тяжелую сковороду.

— Кикимер, перестань! — крикнул Гарри.

Тонкие ручонки Кикимера подрагивали от тяжести сковороды, которую он по-прежнему держал наотлет.

— Может, еще разок, хозяин Гарри, а? На счастье?

Рон захохотал.

— Нам нужно, чтобы он оставался в трезвой памяти, Кикимер, но если будет артачиться — милости прошу, — ответил Гарри.

— Большое спасибо, хозяин, — сказал Кикимер и, поклонившись, отступил на пару шагов, не сводя, впрочем, с Наземникуса блеклых, полных ненависти глаз.

— Когда вы обчистили этот дом, утащив из него все ценное, — снова начал Гарри, — то забрали кое-что и из кухонного чулана. Там был медальон. — Во рту у Гарри вдруг пересохло, он почувствовал, что и Рон с Гермионой тоже застыли. — Что вы с ним сделали?

— А чего? — спросил Наземникус. — Он шибко ценный, что ли?

— Так он еще у вас! — воскликнула Гермиона.

— Нет, — отозвался проницательный Рон. — Он просто прикидывает, не стоило ли запросить за медальон побольше.

— Побольше? — повторил Наземникус. — Фиг бы я за него запросил побольше, я его вообще задаром отдал. Выбора не было.

— Что это значит? — спросил Гарри.

— Я толкал вещички в Косом переулке, а она подходит и спрашивает: есть, мол, у тебя лицензия, чтоб волшебными артефактами торговать.

Ищейка паршивая. Штрафануть меня хотела, да тут ей амулет на глаза попался, она и говорит, я, дескать, его заберу, а тебя отпущу, и считай, что тебе подфартило.

— Что это была за женщина? — спросил Гарри.

— А чума ее знает, карга какая-то из Министерства. — Наземникус на мгновение задумался, морща лоб. — Коротышка такая. С бантом на башке. — И, совсем помрачнев, добавил: — Жаба жабой.

Гарри выронил палочку — та стукнула Наземникуса по носу и выстрелила красными искрами, запалившими его брови.

— Агуаменти! — крикнула Гермиона, и из кончика ее палочки ударила струя воды, глотнув которой Наземникус подавился и начал отплевываться.

Подняв взгляд на друзей, Гарри увидел, что они потрясены не меньше, чем он. И почувствовал, как начал покалывать шрам на его правой руке.

Глава 12

МАГИЯ — СИЛА

Август тянулся к концу, запущенная трава, росшая квадратом посреди площади Гриммо, увядала под солнцем и наконец стала колкой и бурой. Обитателей дома номер двенадцать никто из живших по соседству не видел, как не видели они и самого этого дома. Поселившиеся на площади Гриммо маглы давно уже свыклись с прокравшейся в нумерацию здешних домов забавной ошибкой, вследствие которой дом номер одиннадцать соседствовал с домом номер тринадцать.

Правда, теперь площадь привлекала некоторое количество визитеров, по-видимому находивших эту ошибку весьма интригующей. Редкий день проходил без того, чтобы один или два человека не появлялись здесь с одной-единственной целью — прислониться к железным оградкам домов одиннадцать и тринадцать и поглазеть на их стык. Соглядатаи каждый день сменялись, хотя все они, похоже, питали неприязнь к нормальной человеческой одежде. Большая часть

проходивших мимо лондонцев давно уже привыкла к странным нарядам и внимания на этих людей не обращала, однако время от времени кто-нибудь все же оглядывался с недоумением — такая жара, а они в длинных плащах.

Необходимость нести эту вахту досмотрщикам, судя по всему, никакого удовольствия не доставляла. То и дело один из них взволнованно дергался вперед, словно углядев наконец что-то интересное, но тут же разочарованно выпрямлялся.

Первого сентября соглядатаев собралось на площади больше обычного. С полдюжины людей в длинных плащах стояли молча и настороженно, не сводя, как всегда, глаз с одиннадцатого и тринадцатого домов, однако то, чего они ожидали, видимо, так и не объявилось. Вечер принес с собой неожиданно холодный дождь, первый за несколько недель, и внезапно наступило одно из необъяснимых мгновений, в которые эти люди, казалось, замечали нечто интересное. Человек со странно скрученным лицом ткнул во что-то пальцем, его сосед, приземистый и очень бледный, рванулся вперед, но миг спустя все они, разочарованные и расстроенные, вернулись к прежней неподвижности.

В этот же самый миг в вестибюль дома номер двенадцать вошел Гарри. Трансгрессируя на верхнюю ступеньку крыльца, он едва не упал и сейчас думал, что Пожиратели смерти могли заметить мгновенный промельк его локтя. Закрыв и замкнув за собой парадную дверь, он стянул с себя мантию-невидимку, перебросил ее через руку, сжимавшую украденный им номер «Ежедневного пророка», и торопливо пошел вестибюлем к ведущей в подвал двери.

Его приветствовал обычный хриплый шепот: «Северус Снегг?», прохвативший Гарри холодным ветерком и на мгновение свернувший рулетом язык.

— Я тебя не убивал, — произнес, он, едва язык развернулся, и задержал дыхание, увидев, как взрывается пыльный морок. Пройдя до середины ведущей в кухню лестницы — подальше от ушей миссис Блэк и от облака пыли, — он крикнул: — У меня есть новости, которые вам не понравятся.

Кухня стала почти неузнаваемой. Каждая поверхность в ней словно светилась: кастрюли и сковородки были начищены до красноватого блеска, длинная деревянная столешница мерцала, на ней уже были расставлены к обеду бокалы и тарелки, отражавшие весело горящий огонь,

над которым висел котел с поднимавшимся над ним парком. Впрочем, самое решительное изменение претерпел бросившийся навстречу Гарри домовик — одеждой ему служило ныне белое, точно снег, полотенце, волосы на ушах были чисты и пушисты, как вата, по тощей груди постукивал медальон Регулуса.

— Будьте любезны, снимите обувь, хозяин Гарри, и помойте руки перед едой, — заквакал Кикимер, подхватывая мантию-невидимку и сгибаясь, чтобы повесить ее на стенной крючок, рядом с совсем недавно постиранными старомодными одеяниями.

— Что случилось? — опасливо спросил Рон. До этой минуты он и Гермиона склонялись над стопкой исписанных листков и нарисованных вручную карт, усеявших конец длинного стола, однако теперь вглядывались в Гарри, который, подойдя к ним, бросил поверх их пергаментов газету.

На них смотрел большой портрет крючконосого, черноволосого мужчины, заголовок под фотографией сообщал: «СЕВЕРУС СНЕГГ УТВЕРЖДЕН В ДОЛЖНОСТИ ДИРЕКТОРА ХОГВАРТСА».

— Не может быть! — воскликнули Рон с Гермионой.

Гермиона опомнилась быстрее, чем Рон. Она схватила газету и начала вслух читать сопровождающую снимок статью:

— «Северус Снегг, долгое время преподававший зельеварение в школе чародейства и волшебства Хогвартс, поставлен сегодня во главе этого древнего учебного заведения. Это назначение стало частью некоторых изменений в штатном составе школы. После отставки прежнего преподавателя магловедения ее пост заняла Алекто Кэрроу, между тем как брат Алекто, Амикус, стал профессором защиты от Темных искусств.

— Я рад возможности оказать поддержку наичистейшим традициям и ценностям нашего чародейства…» Состоящим в том, чтобы убивать людей и отрезать им уши, я так понимаю! — фыркнула Гермиона. — Снегг в директорах! Снегг в кабинете Дамблдора… Ну, Мерлиновы кальсоны! — вдруг завизжала она с такой силой, что Гарри и Рон подпрыгнули. Гермиона выскочила Из-за стола и полетела прочь из кухни, крикнув на бегу: — Сейчас вернусь!

— Мерлиновы кальсоны? — повторил позабавленный Рон. — Похоже, она чем-то расстроена.

Он подтянул к себе газету и дочитал посвященную Снеггу статью.

— Другие преподаватели этого не потерпят. Макгонагалл, Флитвик, Стебль — все они знают правду, знают, как умер Дамблдор. Они не примут Снегга в директора. А кто такие Кэрроу?

— Пожиратели смерти, — ответил Гарри. — Там дальше есть их портреты. Они были на башне, когда Снегг убил Дамблдора, так что теперь все старые друзья в сборе. К тому же, — с горечью произнес он, опускаясь на стул, — не думаю, что прочим профессорам есть из чего выбирать, они могут только остаться в школе. Если за Снеггом стоит Министерство и Волан-де-Морт, им придется либо остаться и преподавать, либо провести несколько лет в Азкабане — да и то при условии, что им повезет. Думаю, они не уйдут и попытаются хоть как-то защитить учеников.

Кикимер с большой супницей в руках торопливо приблизился к столу и, негромко посвистывая сквозь зубы, разлил суп по девственночистым тарелкам.

— Спасибо, Кикимер, — сказал Гарри, переворачивая газету, чтобы не видеть лица Снегга. — Ну что ж, по крайней мере, теперь мы точно знаем, где найти Снегга.

Он занялся супом. С тех пор как Кикимер получил медальон Регулуса, его кулинарные спо-

собности разительно улучшились: сегодняшний французский луковый суп был самым вкусным, какой когда-либо пробовал Гарри.

— У дома так и торчит целая компания Пожирателей смерти, — между двумя ложками сообщил он Рону. — Нынче их больше обычного. Похоже, они надеются, что мы выйдем из дома со школьными чемоданами и побежим на «Хогвартсэкспресс».

Рон взглянул на часы:

— Я о нем целый день вспоминал. Поезд ушел почти шесть часов назад. Мы могли бы сейчас ехать в нем, да вот не едем. Странное ощущение, правда?

Перед мысленным взором Гарри возник алый паровоз, тянущий среди поблескивающих полей и холмов переливчатую алую гусеницу вагонов, в одном из которых сидит он с Роном. Гарри не сомневался, что Джинни, Невилл и Полумна сидят сейчас бок о бок, быть может, недоумевая, куда подевались Рон с Гермионой, или разговаривая о том, как им лучше ставить палки в колеса новому режиму Снегга.

— Они едва не увидели, как я возвращаюсь, — сказал Гарри. — Я неудачно приземлился на верхней ступеньке, мантия немного соскольз-

нула.

— И со мной каждый раз то же самое. Ну вот и она, — прибавил Рон, вытянув шею, чтобы получше разглядеть вернувшуюся на кухню Гермиону. — И что-то притащила, клянусь трусами Мерлина.

— Я вдруг вспомнила про эту штуку, — пояснила запыхавшаяся Гермиона.

Она принесла большую картину в раме и теперь, опустив ее на пол, схватила стоявшую на посудном столе расшитую бисером сумочку. Открыв ее, Гермиона принялась запихивать в сумочку картину, определенно великоватую для такого маленького вместилища. Впрочем, через несколько секунд картина исчезла, как и многое другое, в объемистых глубинах сумочки.

— Финеас Найджелус, — пояснила Гермиона и бросила на стол сумочку, которая издала при этом ставший уже привычным громкий дребезг.

— Виноват? — сказал Рон, однако Гарри уже все понял. Живописное изображение Финеаса Найджелуса обладало способностью перепархивать из портрета, находившегося на площади Гриммо, в другой, висевший в кабинете директора Хогвартса, — круглой комнате, расположенной наверху башни, где сейчас, вне всяких сомнений,

сидел Снегг, с торжеством озиравший коллекцию серебряных магических инструментов Дамблдора, каменный Омут памяти, Распределяющую шляпу и, если только его не перенесли куда-то еще, меч Гриффиндора.

— Снегг может прислать сюда Финеаса Найджелуса, чтобы он осмотрел дом, — пояснила, усаживаясь за стол, Гермиона. — Пусть теперь попробует. Все, что увидит Финеас, — это нутро моей сумочки.

— Умно! — одобрительно сказал Рон.

— Спасибо, — улыбнулась Гермиона, пододвигая к себе тарелку с супом. — Ну, Гарри, что еще случилось сегодня?

— Да ничего, — ответил Гарри. — Семь часов проторчал у входа в Министерство. Ее так и не видел. Зато видел твоего папу, Рон. Выглядит хорошо.

Рон благодарно кивнул. Они решили, что пытаться заговорить с мистером Уизли, когда тот входит в Министерство или выходит оттуда, слишком опасно, поскольку его постоянно окружали другие чиновники. Однако и мельком увидеть его — это уже было утешением, хоть и выглядел он очень усталым и встревоженным.

— Папа всегда говорил, что большинство ми-

нистерских чиновников, чтобы добираться до работы, используют Сеть летучего пороха, — сказал Рон. — Поэтому мы Амбридж и не видим, она считает себя слишком важной персоной и пешком никогда не ходит.

— А как насчет той смешной старой волшебницы и коротышки в темно-синей мантии? — поинтересовалась Гермиона.

— А, ну да, того, что работает в магическом хозяйстве, — сказал Рон.

— Откуда ты знаешь, где он работает? — спросила, не донеся ложку до рта, Гермиона.

— По словам папы, все работники Отдела магического хозяйства носят темно-синие мантии.

— Ты нам об этом ни разу не говорил!

Гермиона опустила ложку в тарелку и подтянула к себе кипу записей и карт, которые они с Роном разглядывали, когда в кухню вошел Гарри.

— У нас тут ничего насчет темно-синих мантий не записано. Ничего! — сказала она, лихорадочно перебирая страницы.

— Да ну, велика разница.

— Велика, Рон! Если мы хотим проникнуть в Министерство, где наверняка сейчас высматривают посторонних, и не попасться при этом,

для нас важна любая мелочь! Мы об этом сто раз говорили. И какой смысл во всех наших разведочных вылазках, если ты даже не потрудился сказать нам…

— Черт возьми, Гермиона, ну забыл я какой-то пустяк…

— Ты что, не понимаешь, что для нас нет сейчас во всем мире места опаснее, чем Министерство ма…

— Думаю, надо идти туда завтра, — сказал Гарри.

Гермиона умолкла на полуслове, так и не закрыв рта.

Рон поперхнулся супом.

— Завтра? — переспросила Гермиона. — Ты серьезно, Гарри?

— Серьезно, — ответил он. — Мы уже месяц как толчемся у входа в Министерство, подготовиться лучше нам все равно не удастся. А чем дольше мы будем откладывать вылазку, тем дальше может уйти медальон. Не исключено, что Амбридж его уже выбросила, он же не открывается.

— Если только, — вставил Рон, — Амбридж все-таки не открыла медальон, и тогда он успел овладеть ею.

— Для нее это большой разницы не составит,

она и так злее некуда, — пожал плечами Гарри.

Гермиона, ушедшая в свои мысли, прикусила губу.

— Все самое важное мы знаем, — продолжал, обращаясь к ней, Гарри. — Знаем о запрете трансгрессии в Министерство и из него. Знаем, что теперь только самым важным чинам разрешено устанавливать связь их домов с Министерством по Сети летучего пороха, — Рон слышал, как на это жаловались двое невыразимцев. И примерно знаем, где находится кабинет Амбридж, поскольку уже ты слышала, как тот бородатый говорил своему приятелю…

— «Мне нужно на первый уровень, Долорес вызывает», — мгновенно процитировала Гермиона.

— Точно, — сказал Гарри. — Кроме того, нам известно, что при входе используются какие-то странные монеты, жетоны, я не знаю, что они собой представляют, однако видел, как та колдунья занимала их у подруги…

— Так у нас же нет ни одного…

— Если все пойдет по плану, будут, — спокойно ответил Гарри.

— Не знаю, Гарри, не знаю… столько всего может пойти наперекосяк, мы до того полагаемся на случай…

— Так оно все и останется, даже если мы потратим на подготовку еще три месяца, — сказал Гарри. — Пора действовать.

Гарри ясно видел по лицам Рона и Гермионы, что они испуганы, он и сам ни в чем не был уверен и все же не сомневался — настало время привести их план в действие.

Предыдущие четыре недели они провели, облачаясь по очереди в мантию-невидимку и патрулируя парадный вход Министерства, который Рону — благодаря мистеру Уизли — был известен сызмальства. Они сопровождали шедших на работу сотрудников Министерства, подслушивали их разговоры и выяснили, кто из них приходит всегда в одно и то же время, да еще и в одиночку. Иногда им удавалось спереть из чьего-нибудь кейса номер «Ежедневного пророка». И постепенно они составили примерные карты здания Министерства и заметки, стопка которых лежала сейчас перед Гермионой.

— Ну хорошо, — медленно выговорил Рон, — допустим, мы пойдем на дело завтра… Думаю, для этого хватит меня и Гарри.

— Ой, не начинай, ради бога, — вздохнула Гермиона. — По-моему, мы с тобой обо всем договорились.

— Мотаться у входа под мантией — это одно, Гермиона, а сейчас речь совсем о другом. — И Рон пристукнул пальцем по номеру «Ежедневного пророка» десятидневной давности. — Ты состоишь в Списке «магловских выродков», не явившихся на собеседование.

— А ты, предположительно, помираешь в «Норе» от обсыпного лишая! Уж если кому идти и не следует, так это Гарри, его голову оценили в десять тысяч галеонов…

— Ладно, я останусь здесь, — сказал Гарри. — Как покончите с Волан-де-Мортом, дайте мне знать, идет?

Рон и Гермиона покатились со смеху, и тут шрам на лбу Гарри снова пронзил его голову болью. Рука Гарри рванулась ко лбу — он увидел, как сузились глаза Гермионы, и постарался представить это движение попыткой отбросить упавшие на глаза волосы.

— Ну хорошо, — говорил Рон, — если мы идем все трое, трансгрессировать нам придется поодиночке. Под одной мантией-невидимкой нам уже не поместиться.

Шрам Гарри продолжал наливаться болью. Он встал. И к нему тут же подскочил Кикимер.

— Хозяин не доел суп. Может быть, хозяин

предпочитает вкусное тушеное мясо или торт с патокой, который хозяин так любит?

— Спасибо, Кикимер, мне просто нужно отлучиться на минуту… ээ… в ванную комнату.

Сознавая, что Гермиона не сводит с него подозрительного взгляда, Гарри торопливо поднялся по лестнице в вестибюль, потом на второй этаж, влетел в ванную и запер за собой дверь на задвижку. Покряхтывая от боли, он склонился над черной умывальной раковиной, над ее кранами в виде разинувших рот змей и закрыл глаза…

Он шел по сумеречной улице. По обеим сторонам от него поднимались высокие, словно пряничные, дома с деревянными фронтонами. Он подошел к одному из них, увидел, как его белая рука с длинными пальцами стучит в дверь. Его охватывало возбуждение…

Дверь растворилась, на пороге появилась смеющаяся женщина. Она взглянула в лицо Гарри, и ее веселость сменилась ужасом…

— Грегорович? — произнес он высоким, холодным голосом.

Женщина покачала головой, попыталась закрыть дверь, но белая рука твердо держала ее, не позволяя даже сдвинуть с места.

— Мне нужен Грегорович.

— Erwohnthiernicbtmehr! — тряхнув головой, крикнула женщина. — Он здесь не живет! Не живет! Я не знаю такого!

Оставив попытки закрыть дверь, она начала отступать в темную прихожую, и Гарри скользящей поступью последовал за ней, вытаскивая длинным пальцами палочку.

— Где он?

— Dasweipichnicht! Он съехал! Я ничего не знаю, не знаю!

Гарри поднял палочку. Женщина закричала. В прихожую выбежали двое детей. Женщина попыталась заслонить их руками. Вспышка зеленого света…

— Гарри! ГАРРИ!

Он открыл глаза, осел на пол. Гермиона снова заколотила в дверь.

— Гарри, открой!

Гарри понимал — он кричал что-то. Он встал, отпер дверь, Гермиона тут же влетела в нее, едва не упав, и подозрительно оглядела ванную. За ней вошел Рон, нервно потыкал в углы холодной ванной комнаты палочкой.

— Что ты здесь делал? — строго спросила Гермиона.

— А как по-твоему, что? — с вялой бравадой

поинтересовался Гарри.

— Ты так орал, точно тебе башку отрывают, — сообщил Рон.

— А, ну да… наверное, я задремал или…

— Гарри, пожалуйста, не делай из нас идиотов, — сказала Гермиона и с силой вздохнула. — Мы же знаем, что у тебя опять заболел шрам, ты побелел как полотно.

Гарри присел на край ванны.

— Ну хорошо. Я только что видел, как Волан-де-Морт убивает женщину. Сейчас он, наверное, уже убил всю ее семью. Без всякой нужды. Это как с Седриком, они просто подвернулись ему под руку…

— Ты же должен был прекратить это, Гарри! — воскликнула Гермиона, и голос ее гулко отразился от стен ванной комнаты. — Дамблдор хотел, чтобы ты прибегал к окклюменции. Он считал эту связь опасной — ею может воспользоваться Волан-де-Морт! Какой смысл смотреть, как он убивает и пытает людей, если ты не можешь помочь им?

— Так я узнаю, что он делает, — ответил Гарри.

— Значит, ты даже не пытаешься отключиться от него?

— Я не могу, Гермиона. Ты же знаешь, с ок-

клюменцией я не в ладах, мне так и не удалось по-настоящему освоить ее.

— Да ты и не старался никогда! — запальчиво сказала она. — Я не понимаю, Гарри, тебе, что же, нравится эта особая связь, отношения — не знаю что?..

Она примолкла, увидев взгляд, которым он смерил ее, вставая.

— Нравится? — негромко спросил он. — А тебе бы это понравилось?

— Мне… нет… Прости, Гарри, я не хотела…

— Я ненавижу и эту связь, и то, что ему удается вторгаться в меня, что я начинаю видеть его, когда он становится особенно опасным. И тем не менее я собираюсь использовать все это.

— Дамблдор…

— Забудь о Дамблдоре. Выбираю я и никто больше. А я хочу понять, зачем ему понадобился Грегорович.

— Кто?

— Заграничный мастер, изготовитель волшебных палочек, — ответил Гарри. — Это он сделал палочку Крама, и Крам считает его лучшим из всех.

— Но ты же говорил, что Волан-де-Морт держит где-то у себя Олливандера, — сказал Рон. — Если

у него уже есть один мастер, зачем ему второй?

— Возможно, он разделяет мнение Крама, считает, что Грегорович лучше. Или думает, что Грегорович сумеет объяснить ему, что сделала моя палочка, когда он гнался за мной. Олливандер этого сказать не смог.

Гарри взглянул в пыльное потрескавшееся зеркало и увидел, как Рон и Гермиона обменялись за его спиной многозначительными взглядами.

— Гарри, ты все время твердишь о том, что сделала твоя палочка, — произнесла Гермиона, — но ведь это сделал ты! Почему ты так упорно отказываешься признать силу, которой обладаешь?

— Потому что понимаю: никакой силы у меня нет! И у Волан-де-Морта тоже, Гермиона! Мы с ним оба знаем, что произошло!

Они гневно глядели друг на друга. Гарри понимал, что не убедил Гермиону, что она подыскивает возражения — и против того, что он говорит о своей палочке, и против его решения допустить Волан-де-Морта в свое сознание. К облегчению Гарри, в их спор вмешался Рон.

— Брось, — сказал он Гермионе. — Это его дело. Но если мы решили отправиться завтра в Министерство, так надо еще раз пройтись по всему плану.

Гермиона без всякой охоты — и Гарри, и Рон видели это — отказалась от дальнейших препирательств, хоть Гарри и понимал, что она снова примется за него при первой же возможности. Пока же они вернулись в подвальную кухню, где Кикимер уже выставил для них на стол и тушеное мясо, и пирог с патокой.

Спать они легли поздно ночью — после того как провели несколько часов, снова и снова обсуждая все подробности своего плана, пока не выучили его наизусть и не смогли слово в слово пересказать друг другу. Гарри, который спал теперь в комнате Сириуса, еще минут десять лежал, глядя при свете палочки на старую фотографию отца, Сириуса, Люпина и Петтигрю и шепотом повторяя себе весь план. Однако, погасив палочку, он снова начал думать не о блевальных батончиках, Оборотном зелье и темно-синих мантиях хозяйственного персонала, но о мастере Грегоровиче и о том, долго ли еще удастся ему прятаться от Волан-де-Морта.

— Выглядишь — хуже некуда, — сообщил в виде приветствия Рон, пришедший, чтобы разбудить Гарри.

— Это ненадолго, — зевнув, ответил тот. Гермиону они нашли внизу, на кухне. Она с несколько

маниакальным выражением, которое у Гарри ассоциировалось с пересдачей экзамена, сидела над поданными ей Кикимером кофе и горячими булочками.

— Мантии, — произнесла она, поприветствовав Рона и Гарри нервным кивком, и снова начала рыться в своей бисерной сумочке. — Оборотное зелье… мантия-невидимка… отвлекающие обманки… возьмите на всякий случай по паре штук… блевальные батончики, кровопролитные конфеты, Удлинители ушей…

Проглотив завтрак, они поднялись в вестибюль — Кикимер проводил всех троих поклонами и обещанием приготовить к их возвращению бифштексы и пирог с почками.

— Какой он все-таки милый, — любовно сказал Рон, — а я-то хотел отрезать ему голову и приколотить ее к стене.

На верхнюю ступеньку крыльца они вышли с особой осторожностью — на окутанной туманом площади так и торчали двое Пожирателей смерти с опухшими от бессонной ночи рожами. Гермиона трансгрессировала с Роном, потом вернулась за Гарри.

После обычного краткого полета в удушающей тьме Гарри оказался в узеньком проулке, где

должно было начаться выполнение первой части их плана. Если не считать двух мусорных баков, в проулке было пусто, первые сотрудники Министерства обычно появлялись здесь не раньше восьми утра.

— Ну, так, — взглянув на часы, сказала Гермиона, — она будет минут через пять. И когда я ее оглушу…

— Мы знаем, Гермиона, — твердо сказал Рон. — Только мне казалось, что открыть дверь мы собирались еще до того, как она покажется.

Гермиона ахнула:

— Чуть не забыла! Отойдите ка…

Она ткнула палочкой в запертую на висячий замок густо изрисованную дверь пожарного выхода, и дверь со скрежетом распахнулась. Темный коридор за ней вел, как они выяснили во время разведывательных вылазок, в пустой демонстрационный зал. Гермиона захлопнула дверь, чтобы та выглядела по-прежнему запертой.

— А теперь, — сказала она, повернувшись к стоявшим посреди проулка Рону и Гарри, — мы снова надеваем мантию-невидимку и…

— И ждем, — закончил Рон, набрасывая мантию на голову Гермионы, точно платок на клетку с попугайчиком, и выкатывая глаза на Гарри.

Через минуту с небольшим раздался тихий хлопок, и примерно в футе от них возникла трансгрессировавшая министерская волшебница. Маленькая, с развевающимися седыми волосами, она мелко-мелко заморгала от яркого света — солнце только что выглянуло Из-за тучи. Впрочем, наслаждаться неожиданным теплом ей пришлось недолго — беззвучно произнесенное Гермионой Оглушающее заклятие ударило ее в грудь, свалив на землю.

— Хорошая работа, Гермиона, — сказал, вылезая Из-за мусорного бака, Рон.

Гарри стянул с себя мантию-невидимку. Втроем они затащили маленькую волшебницу в темный, ведший за кулисы зала коридор. Гермиона выдернула у нее несколько волос, опустила их во фляжку с мутным Оборотным зельем, которую достала из бисерной сумочки. Рон тем временем обшаривал сумку чиновницы.

— Ее зовут Муфалда Хмелкирк, — сообщил он, прочитав карточку, которая обозначала их жертву как референта Сектора борьбы с неправомерным использованием магии. — Это тебе лучше взять, Гермиона, и жетоны тоже.

Рон вручил ей несколько найденных им в сумке золотых монет с тиснеными буквами ММ.

Гермиона выпила Оборотное зелье, уже обретшее приятный светло-лиловый цвет, и через секунду обратилась в вылитую Муфалду Хмелкирк. Пока она снимала с носа Муфалды очки и водружала их на свой, Гарри поглядывал на часы.

— Запаздываем, мистер Магическое Хозяйство появится здесь с секунды на секунду.

Они торопливо закрыли дверь, оставив за ней настоящую Муфалду. На этот раз под мантией-невидимкой укрылись Рон с Гарри, Гермиона осталась на виду. Через несколько секунд послышался новый хлопок, и появился маленький, смахивающий на хорька волшебник.

— О, здравствуйте, Муфалда.

— Здравствуйте, — вибрирующим голосом произнесла Гермиона. — Как вы себя сегодня чувствуете?

— По правде сказать, не очень, — ответил маленький волшебник, и впрямь выглядевший совершенно пришибленным.

Гермиона и он направились к главной улице, Гарри и Рон крались следом.

— Очень жаль, что вы нездоровы, — сказала Гермиона, перебив волшебника, уже приступившего к подробному рассказу о своих неурядицах;

нельзя было позволить ему добраться до улицы. — Вот, возьмите конфетку.

— Что? А, нет, спасибо…

— Но я настаиваю! — с напором заявила Гермиона и сунула ему под нос пакетик с батончиками. Маленький волшебник испуганно взял один.

Подействовала эта отрава мгновенно. Едва волшебник коснулся батончика языком, беднягу начало рвать так, что он даже не заметил, как Гермиона выдрала с его макушки клок волос.

— О господи! — сказала она, глядя, как несчастный поливает рвотой проулок. — По-моему, вам следует взять на сегодня отгул.

— Нет… нет! — сдавленно произнес он и испустил новую струю, не оставляя, однако ж, попыток добраться до улицы — даром что двигаться по прямой ему уже не удавалось. — Я должен… сегодня… должен…

— Но это просто глупо! — сказала встревоженная Гермиона. — Нельзя приходить на работу в таком состоянии. Думаю, вам лучше направиться к святому Мунго, пусть там выяснят, что с вами!

Сотрясаемый позывами, волшебник упал на четвереньки, но все еще пытался ползти к главной улице.

— В таком виде являться на работу нельзя! —

закричала Гермиона.

В конце концов волшебник с ней согласился. Цепляясь за испытывавшую отвращение Гермиону, он кое-как встал, повернулся на месте и исчез, оставив после себя лишь портфель, который Рон в последний миг вырвал из его руки, да летевшие по воздуху ошметки рвоты.

— Уф! — сказала Гермиона, приподнимая подол мантии, чтобы не замочить его в лужах блевотины. — все-таки было бы проще оглушить и его.

— Ну да, — отозвался Рон, вылезая с портфелем в руке из-под мантии-невидимки, — но я по-прежнему думаю, что гора бесчувственных тел привлекала бы к себе слишком большое внимание. А любит он свою работу, верно? Ну ладно, давай сюда волосы и зелье.

Через пару минут Рон стоял перед ними — такой же маленький, как приболевший волшебник, и столь же похожий на хорька. На нем была темно-синяя мантия, которую Рон обнаружил, сложенную, в портфеле.

— Странно, что сегодня он ее не надел, ведь так на работу рвался. Кстати, если верить бирке на спине мантии, мое имя Редж Кроткотт.

— Ну, теперь жди, — сказала Гермиона так и оставшемуся в мантии-невидимке Гарри. — Че-

рез пару минут принесем тебе волоски.

Ждать пришлось минут десять, однако Гарри, проведшему этот срок в залитом рвотой проулке, у двери, за которой лежала оглушенная Муфалда, он показался куда более долгим. Наконец Рон с Гермионой вернулись.

— Кто он, мы не знаем, — сказала Гермиона, протягивая Гарри несколько курчавых темных волосков, — но у него так пошла носом кровь, что его пришлось отправить домой. Погоди, он довольно рослый, тебе понадобится мантия побольше…

Она достала из сумочки несколько постиранных Кикимером старых мантий, и Гарри отошел в сторонку, чтобы принять зелье.

Когда болезненная трансформация завершилась, в нем оказалось больше шести футов роста, да и сложение, понял Гарри, взглянув на свои весьма мускулистые руки, он имел мощное. Мало того, он был бородат. Гарри спрятал под новую одежду очки и мантию-невидимку и присоединился к друзьям.

— Господи, страшный какой, — сказал Рон, окинув взглядом нависшего над ним Гарри.

— Держи жетон, — сказала Гермиона, — и пошли, уже почти девять.

Из проулка они вышли вместе. По тротуару двигалась масса людей, направляясь к ограде из черных металлических пик, возвышавшейся ярдах в пятидесяти отсюда, примыкая к двум лестничным маршам — один был обозначен буквой «М», другой буквой «Ж».

— Ладно, через минуту увидимся, — нервно сказала Гермиона и засеменила вниз по дамской лестнице. Гарри и Рон присоединились к множеству странновато одетых мужчин, спускавшихся в обычный на первый взгляд подземный общественный туалет с выложенными черной и белой плиткой стенами.

— С добрым утром, Редж! — окликнул Рона один чародей в темно-синей мантии, вставлявший золотой жетон в прорезь на двери кабинки. — Черт знает что, а? Заставлять нас добираться до работы подобным манером! Кого они надеются так засечь, Гарри Поттера?

И волшебник загоготал, довольный своим остроумием. Рон натужно хмыкнул.

— Да, — ответил он, — полная дурь, верно?

Он и Гарри вошли в смежные кабинки. Справа и слева от них слышались звуки сливаемой воды. Гарри присел на корточки, заглянул под не доходившую до пола перегородку — как раз вовремя,

чтобы увидеть, как две ноги в сапогах улезают в унитаз. А повернувшись налево, увидел ошалело моргающего Рона.

— Нам придется смывать себя в унитаз? — прошептал Рон.

— Похоже на то, — пробормотал в ответ Гарри, обнаружив при этом, что голос у него теперь низкий и сиплый.

Они встали. Ощущая себя полным идиотом, Гарри втиснул обе ноги в унитаз.

И сразу понял, что все делает правильно, — туфли, ноги и мантия остались совершенно сухими, хоть он и стоял в воде. Гарри протянул руку к цепочке, дернул, и в следующий миг, пролетев по короткому лотку, выкатился из камина Министерства магии.

Он неуклюже поднялся на ноги — тело его было непривычно большим. Огромный атриум казался более темным, чем тот, какой запомнился Гарри. Раньше в центре его бил золотой фонтан, отбрасывавший переливистые пятна света на полированный деревянный пол и на стены. Ныне над всем царила колоссальная статуя из черного камня. Выглядела она устрашающе — огромное изваяние колдуна и колдуньи, которые, сидя на украшенных резьбой тронах, взирали сверху

вниз на выкатывавшихся из каминов чиновников Министерства. На цоколе статуи были выбиты слова, состоявшие из букв высотой в фут каждая: МАГИЯ — СИЛА.

что-то больно ударило Гарри сзади по ногам — из камина за его спиной вылетел еще один чародей.

— Уйдите с дороги, вы что… О, извините, Ранкорн! Явно испугавшийся лысеющий волшебник поспешил смыться. по-видимому, Ранкорна, которого изображал Гарри, здесь побаивались.

— Пст! — услышал он и, обернувшись, увидел растрепанную маленькую ведьму и похожего на хорька служащего Отдела магического хозяйства, стоявших у статуи, подзывая его к себе. Гарри торопливо приблизился к ним.

— Нормально добрался? — шепотом спросила Гермиона.

— Нет, в сортире застрял, — ответил за Гарри Рон.

— Очень смешно… Жуть, правда? — сказала она вглядывавшемуся в статую Гарри. — Ты заметил, на чем они сидят?

Приглядевшись внимательнее, Гарри понял — то, что он принял за украшенные резьбой троны, было на самом деле курганами, сложенными из

человеческих тел: сотни и сотни голых мужчин, женщин и детей, все с туповатыми, уродливыми лицами, были переплетены и спрессованы так, чтобы выдерживать вес облаченных в красивые мантии колдунов.

— Маглы, — прошептала Гермиона. — На положенном им месте. Ладно, пошли.

Они присоединились к потоку волшебников и волшебниц, направлявшихся к золотым воротам в дальнем конце вестибюля. Все трое исподтишка оглядывались, но приметной фигуры Долорес Амбридж нигде не было видно. Пройдя через ворота, они оказались в зале поменьше, с очередями, тянувшимися к двадцати золотым решеткам, за которыми сновали лифты. Едва они успели встать в ближайшую, как послышался голос:

— Кроткотт!

Они обернулись, и у Гарри тут же свело судорогой желудок. К ним направлялся один из присутствовавших при гибели Дамблдора Пожирателей смерти. Министерские чиновники молча расступались перед ним, опуская глаза. Гарри чувствовал, как по ним прокатываются волны страха. Злое, немного звероподобное лицо этого человека странно не вязалось с его пышной, развевающейся мантией, обильно украшенной

золотым шитьем. кто-то в ожидающей лифтов толпе раболепно пискнул: «С добрым утром, Яксли!» Яксли никакого внимания на приветствие не обратил.

— Я направил в Отдел магического хозяйства запрос, Кроткотт. Нужно что-то делать с моим кабинетом, там по-прежнему идет дождь.

Рон огляделся вокруг, словно надеясь на чье-то вмешательство, однако все молчали.

— Дождь… в вашем кабинете? Это… это нехорошо, правда?

И Рон издал нервный смешок. Глаза Яксли расширились.

— Вам это кажется смешным, Кроткотт?

Двое волшебников выбрались из выстроившейся у входа в лифт очереди и торопливо удалились.

— Нет, — ответил Рон, — конечно, нет…

— Вы сознаете, что я направляюсь сейчас туда, где будут допрашивать вашу жену, Кроткотт? Собственно говоря, я сильно удивлен тем, что вы не сидите рядом с ней в очереди ожидающих допроса и не держите ее за руку. Уже списали ее со счетов, как безнадежную, а? Что ж, может, оно и разумно. В следующий раз постарайтесь жениться на чистокровке.

Гермиона тихо пискнула от ужаса. Якслиз взглянул на нее. Она неубедительно закашлялась и отвернулась.

— Я… я… — пролепетал Рон.

— И все же, если бы мою жену обвинили в грязнокровии, — хотя, разумеется, женщину, на которой я мог бы жениться, даже и заподозрить в такой мерзости было бы невозможно, — а главе Отдела обеспечения магического правопорядка требовалось бы срочное исполнение какой-то работы, я бы из кожи вон лез, Кроткотт, чтобы ее сделать. Вы меня поняли?

— Да, — прошептал Рон.

— Тогда займитесь ею, Кроткотт! И если через час мой кабинет не станет совершенно сухим, Статус крови вашей жены, возможно, вызовет сомнения даже более серьезные, чем сейчас.

Золотая решетка перед ними с грохотом открылась. Кивнув и неприятно улыбнувшись Гарри, который, надо полагать, не мог не одобрить его обращение с Кроткоттом, Якслиз направился к другому лифту. Гарри, Рон и Гермиона вошли в свой, однако больше за ними никто не последовал — как будто они обратились в прокаженных. Решетка с лязгом закрылась, лифт пошел вверх.

— И что мне теперь делать? — ошеломленно

спросил у друзей Рон. — Если я не справлюсь, мою жену… то есть жену Кроткотта…

— Мы пойдем с тобой, нам надо держаться вместе… — начал Гарри, но Рон отчаянно замотал головой.

— Ты спятил? У нас мало времени. Вы вдвоем ищите Амбридж, а я пойду разбираться с кабинетом Якcли, хотя, как прекратить дождь, я понятия не имею.

— Попробуй Фините инкантатум, — сразу ответила Гермиона. — Если дождь наведен заговором или заклятием, это поможет; если нет, значит, что-то неладно с Атмосферными чарами. С ними будет потруднее, поэтому наложи на время Империус, чтобы защитить его вещи…

— Еще разок и помедленнее, — попросил Рон, отчаянно роясь по карманам в поисках пера, но тут лифт, содрогаясь, остановился, и бесплотный женский голос сообщил: «Уровень четвертый. Отдел регулирования магических популяций и контроля над ними, включающий в себя подразделения зверей, существ и духов, Управление по связям с гоблинами и Консультационное бюро по борьбе с вредителями», — после чего решетка раздвинулась, впустив двух чародеев и несколько бледнолиловых бумажных самолетиков, которые

принялись порхать вокруг вделанной в потолок лифта лампы.

— С добрым утром, Альберт, — сказал, улыбнувшись Гарри, мужчина с кустистыми бакенбардами. Лифт снова со скрипом пошел вверх, мужчина оглянулся на Рона с Гермионой, которая лихорадочным шепотом инструктировала Рона, потом, плотоядно ухмыляясь, наклонился к Гарри и забормотал: — Дирк Крессвелл, а? Из Управления по связям с гоблинами? Отличная работа, Альберт! Теперь уж я точно получу его место!

Он подмигнул, Гарри улыбнулся в ответ, надеясь, что этого будет достаточно.

Лифт остановился, решетка разъехалась снова.

«Уровень второй. Отдел обеспечения магического правопорядка, включающий в себя Сектор борьбы с неправомерным использованием магии, штаб-квартиру мракоборцев и административные службы Визенгамота», — произнес голос бесплотной колдуньи.

Гермиона слегка подтолкнула Рона, и тот выскочил из лифта, а следом вышли и оба волшебника, оставив Гарри и Гермиону наедине. Как только золотая дверь затворилась, Гермиона быстро заговорила:

— Вообщет-о, Гарри, думаю, мне лучше было

пойти с ним. По-моему, он не знает, что делать, а если его застукают, вся наша затея…

«Уровень первый. Министр магии и вспомогательный персонал».

Половинки золотой решетки снова скользнули в стороны, и Гермиона негромко ахнула. Перед лифтом стояли четверо, двое из них о чем-то увлеченно беседовали: одним был длинноволосый волшебник в великолепной черной с золотом мантии, другой — прижимавшая к груди папку приземистая, похожая на жабу колдунья с бархатным бантом в коротких волосах.

Глава 13

КОМИССИЯ ПО УЧЕТУ МАГЛОВСКИХ ВЫРОДКОВ

— А, Муфалда! — воскликнула Амбридж, увидев Гермиону — Вас Трэверс послал, так?

— Д-да, — пропищала Гермиона.

— Очень хорошо. — И Амбридж повернулась к волшебнику в черном с золотом. — Стало быть, решено, министр. Если Муфалда возьмет на себя ведение протокола, мы сможем начать прямо сейчас. — Она взглянула на свою папку. — Сегодня у нас десять человек и среди них жена нашего сотрудника. Подумать только, даже здесь, в самом сердце Министерства!

Она вошла в лифт и встала рядом с Гермионой, за ней последовали двое волшебников, которые прислушивались к ее разговору с министром.

— Мы едем прямиком вниз, Муфалда, в зале суда найдется все, что вам потребуется. С добрым утром, Альберт, вы разве не выходите?

— Да, конечно, — низким голосом Ранкорна ответил Гарри.

Он вышел из лифта. Золотые решетки лязг-

нули, закрываясь за его спиной. Оглянувшись, Гарри увидел уплывавшее вниз встревоженное лицо Гермионы, рослых волшебников по обеим сторонам от нее и едва достающий ей до плеча бархатный бантик Амбридж.

— Что привело вас сюда, Ранкорн? — осведомился новый министр магии. Его длинные черные волосы и бороду пронизывало серебро, огромный, выпуклый лоб затенял мерцающие глаза. Гарри он напомнил выглядывающего из-под камня краба.

— Необходимость переговорить… — Гарри на долю секунды замялся, — с Артуром Уизли. Мне сказали, что он на первом уровне.

— Ага, — произнес Пий Толстоватый. — Так его уже застукали на контакте с Нежелательным лицом?

— Нет, — ответил Гарри, горло которого мгновенно пересохло. — Ничего подобного.

— Ну ладно, — сказал Толстоватый. — Это всего лишь вопрос времени. Если хотите знать мое мнение, осквернители крови ничем не лучше грязнокровок. Всего хорошего, Ранкорн.

— Всего хорошего, министр.

Гарри смотрел вслед Толстоватому, уходившему по плотному ковру коридора. Как только

министр скрылся из виду, Гарри вытащил из-под своего тяжелого черного одеяния мантию-невидимку, набросил ее на себя и пошел по коридору в противоположную сторону. Ранкорн был так высок, что Гарри приходилось сутулиться, чтобы укрыть его большие ступни.

От паники у него сосало под ложечкой. Он шел мимо поблескивавших деревянных дверей, на каждой из которых висела табличка с указанием имени и должности хозяина кабинета. Мощь Министерства, сложность его организации, его непроницаемость, казалось, наваливались на Гарри, и план, который он, Гермиона и Рон с таким усердием разрабатывали в последние четыре недели, начинал представляться ему до смешного ребяческим. Все их усилия были направлены на незаметное проникновение в Министерство, они и на миг не задумались о том, что будут делать, если им придется разделиться. А теперь Гермиона застряла в зале суда и наверняка проторчит там не один час, Рон пытался сотворить волшебство, которое ему не по силам, а между тем от результата его стараний зависит, по всей вероятности, свобода женщины. Что же до Гарри, то он слоняется по верхнему этажу, прекрасно зная, что его добыча только что ускользнула от

него, уехав на лифте вниз.

Гарри остановился, прислонился к стене и попытался придумать, что делать дальше. Безмолвие давило его — здесь не было ни суеты, ни разговоров, ни торопливых шагов; в устланных лиловыми коврами коридорах стояла такая тишина, точно на все это место наложили заклинание Оглохни!

«Где-то здесь должен находиться ее кабинет», — думал Гарри.

Вряд ли, конечно, Амбридж стала бы держать свои драгоценности в кабинете, но, с другой стороны, глупо было бы не обыскать его для полной уверенности. И Гарри снова пошел по коридору, встретив по пути лишь сосредоточенно хмурившегося чародея, который бормотал указания перу, плывшему перед ним по воздуху, исписывая листок пергамента.

Внимательно вглядываясь в имена на табличках, Гарри свернул за угол и, пройдя новый коридор до половины, оказался в просторном открытом холле, где за маленькими, расставленными в ряды столами, напоминавшими школьные, только лучше отполированные и ничем не исписанные, сидела дюжина волшебников и волшебниц. Гарри остановился, чтобы

понаблюдать за ними, ибо зрелище было попросту завораживающим. Все они в лад взмахивали и покручивали палочками, и квадратные листки цветной бумаги разлетались от них во все стороны, подобно маленьким розовым воздушным змеям. Спустя несколько секунд Гарри обнаружил, что в происходящем присутствует некий ритм, что в перемещениях листков отмечается строгий порядок, а еще через пару секунд понял, что он наблюдает за созданием брошюр: квадратные листки — это страницы, которые, будучи собранными, сложенными и магическим образом скрепленными, складываются за спиной каждого из сидящих здесь в аккуратные стопки.

Гарри осторожно подобрался поближе — впрочем, волшебники и волшебницы были настолько, увлечены своей работой, что вряд ли расслышали бы его приглушенные ковром шаги, — и вытащил уже готовую брошюру из стопки, выраставшей рядом с молодой колдуньей.

Засунув брошюру под мантию-невидимку, Гарри осмотрел ее. На розовой обложке стояло оттисненное золотом название:

ГРЯЗНОКРОВКИ

и чем они опасны для мирного чистокровного сообщества

Под названием была изображена красная роза с глуповато улыбающимся личиком в самой ее середке и удушающий розу зеленый сорняк с клыками и злобной рожей. Имя автора указано не было, однако, пока Гарри вглядывался в брошюрку, у него закололо в шрамах на кисти правой руки. А затем молодая колдунья, рядом с которой он стоял, подтвердила его догадку — спросила, продолжая помахивать палочкой:

— Кто-нибудь знает — старая ведьма весь день будет грязнокровок допрашивать?

— Поосторожнее, — сказал ее сосед и нервно заозирался по сторонам, отчего несколько его листков попадали на пол.

— А что, у нее не только глаз волшебный, но и уши тоже?

Колдунья взглянула в сторону выходящей в холл брошюровщиков сверкающей двери из красного дерева. Гарри тоже посмотрел на дверь и почувствовал, как ярость поднимает в нем свою змеиную голову. Точно в том месте, где на парадных дверях маглов обычно находится глазок, торчал из дерева ярко-синий глаз — до ужаса знакомый всякому, кто знал Аластора Грюма.

На долю секунды Гарри забыл, где он и чем занят. Забыл даже, что он невидим. Подойдя к

двери, он осмотрел глаз. Тот не двигался, но слепо взирал вверх, застыв навсегда. На табличке под ним значилось:

Долорес Амбридж: Вторая заместительница министра

Ниже посверкивала другая табличка, поновее:

Глава Комиссии по учету магловских выродков

Гарри оглянулся на брошюровщиков — на работе своей они, конечно, сосредоточены, однако вряд ли можно надеяться, что никто из них не заметит, как открывается дверь пустого кабинета. И Гарри вытащил из внутреннего кармана странную штуковину с волнующимися ножками и луковидной резиновой клизмочкой вместо тела. Затем, присев под мантией-невидимкой на корточки, он опустил отвлекающую обманку на пол.

Обманка шустро поползла между ногами волшебников и волшебниц. А через несколько мгновений, которые Гарри провел, держа ладонь на ручке двери, в углу комнаты что-то бабахнуло и оттуда повалил едкий черный дым. Сидевшая в первом ряду молодая колдунья взвизгнула, все повскакали, рассыпая розовые страницы, вглядываясь в источник учинившегося безобразия.

Гарри повернул ручку, проскочил в кабинет Амбридж и закрыл за собой дверь.

Ему показалось, что он шагнул назад во времени. Эта комната была точно такой же, как кабинет Амбридж в Хогвартсе: кружевные ткани, салфеточки и засушенные цветы покрывали здесь каждую плоскую поверхность. По стенам висели декоративные тарелочки, на которых красочно изображались котятки с повязанными на шею бантиками, резвящиеся, играющие и до тошноты миловидные. На письменном столе лежала яркая скатерть с цветочным узором. К глазу Грюма было приделано подобие подзорной трубы, позволявшей Амбридж шпионить за теми, кто работал по другую сторону ее двери. Гарри заглянул в трубу и увидел, что все они еще толкутся вокруг отвлекающей обманки. Он выломал трубу из двери, сорвал с нее волшебный глаз и сунул его в карман. А затем снова повернулся к кабинету, поднял палочку и негромко произнес:

— Акцио, медальон.

Ничего не произошло, да Гарри ничего и не ожидал — разумеется, Амбридж знает о защитных чарах и заклинаниях все, что следует знать. Он подошел к ее столу и начал вытягивать ящик за ящиком. Он увидел гусиные перья, блокноты,

колечко чудо-скотча; волшебные скрепки для бумаг, которые змеей поползли из ящика, — пришлось загонять их обратно; аляповатую, обклеенную кружевами коробочку, полную запасных клипсов и заколок для волос; однако никаких признаков медальона в ящике не было.

За столом возвышался картотечный шкафчик, Гарри принялся обыскивать и его. Как и шкафчики Филча в Хогвартсе, он был набит папками. И, только добравшись до дна самого верхнего ящика, Гарри увидел то, что заставило его на время отвлечься от поисков: папку с надписью «Уизли».

Он вытащил ее, открыл:

АРТУР УИЗЛИ

Статус крови: Чистокровка, но с неприемлемыми промагловскими наклонностями. Известный член Ордена Феникса.

Семья: Жена (чистокровная), семеро детей, двое младших учатся в Хогвартсе.

Примеч.: Младший сын в настоящее время дома, серьезно болен. Подтверждено инспекторами Министерства.

Статус
безопасности: СОСТОИТ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ. Все перемещения отслеживаются. Существует

значительная вероятность контакта с Нежелательным лицом № 1 (ранее останавливалось в доме Уизли).

— Нежелательное лицо номер один, — чуть слышно пробормотал Гарри и, вернув папку мистера Уизли на место, закрыл ящик. Ему казалось, что он знает, кто это «лицо». Выпрямившись и оглядев кабинет в поисках возможных тайников, он увидел приклеенный к стенке плакат, изображавший его самого, поперек груди шла яркая надпись: «НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ЛИЦО № 1». К плакату был прилеплен розовый листок с котеночком в углу. Подойдя поближе, Гарри прочитал на нем: «Подлежит уголовному наказанию».

Обозленный пуще прежнего, он продолжал рыться в вазах и корзинках с засохшими цветами — медальона в них не было, и это его нисколько не удивило. Гарри еще раз прошелся взглядом по кабинету, и внезапно сердце его словно пропустило один удар. Из маленького прямоугольного зеркальца, стоявшего на висевшей прямо за письменным столом книжной полке, на него взглянул Дамблдор.

Гарри бегом пересек кабинет, схватил зеркальце и тут же понял, что это никакое не зеркальце. Дамблдор мечтательно улыбался ему с глянцевой

обложки книги. Гарри не сразу заметил сделанную витиеватыми буквами надпись, шедшую дугой над шляпой Учителя. «Жизнь и обманы Альбуса Дамблдора» — как не заметил и маленьких букв на его груди, слагавшихся в слова: «Рита Скитер, автор бестселлера «Армандо Диппет: идеал или идиот?»»

Гарри открыл книгу на первой попавшейся странице и увидел большую фотографию, на которой двое юношей хохотали, обняв друг друга за плечи. Дамблдор, отпустивший волосы почти до поясницы, успел отрастить крохотную, тонкую бородку, напоминавшую столь обозлившую Рона бородку Крама. В юноше, безмолвно хохочущем рядом с Дамблдором, ощущалось какое-то отдающее безумием ликование. Его золотистые волосы спадали, завиваясь, до плеч. Может быть, это молодой Дож, подумал Гарри, однако прежде чем он успел взглянуть на подпись под снимком, дверь кабинета растворилась.

Если бы Толстоватый, входя в кабинет, не смотрел назад, Гарри, наверное, не успел бы укрыться под мантией-невидимкой. Успеть-то он успел, и все же ему показалось, что Толстоватый уловил какой-то промельк его движения, поскольку секунду-другую он оставался совершенно непо-

движным, с любопытством вглядываясь туда, где только что исчез Гарри. Затем, решив, по-видимому, что он увидел всего лишь, как Дамблдор почесывает нос, глядя с обложки книги, которую Гарри поспешно вернул на полку, Толстоватый подошел к письменному столу и направил палочку на гусиное перо, стоявшее наготове в чернильнице. Перо, выпрыгнув из нее, принялось писать предназначенную для Амбридж записку. Медленно, стараясь даже не дышать, Гарри выбрался из кабинета в холл.

Брошюровщики по-прежнему толпились вокруг отвлекающей обманки, еще продолжавшей слабо попыхивать, испуская вялый дымок. Торопливо проходя мимо них, Гарри услышал, как молодая колдунья сказала:

«Спорим, эта штука от экспериментаторов сбежала, они же такие олухи. Помните их ядовитую утку?»

Спеша к лифтам, Гарри перебирал оставшиеся у него возможности. Вероятности того, что медальон находится в Министерстве, никогда, собственно говоря, и не существовало, а выведать колдовским способом сведения о том, где он, у сидящей в переполненном людьми зале суда Амбридж никакой надежды не было. Теперь главное

— выбраться из Министерства, пока их не обнаружили, и совершить еще одну попытку в другой раз. Первым делом нужно было отыскать Рона, а потом придумать вместе с ним, как вытащить из зала суда Гермиону.

Лифт пришел пустым. Гарри заскочил в него и, когда тот поехал вниз, стянул с себя мантию-невидимку. К его великому облегчению, на втором уровне в лифт влетел мокрый до нитки и совершенно ошалевший Рон.

— Доброе утро, — пробормотал он, когда лифт, погромыхивая, отправился дальше.

— Рон, это я, Гарри!

— Гарри! Черт, я забыл, как ты выглядишь. А Гермиона-то где?

— Ей пришлось спуститься с Амбридж в зал суда, отвертеться она не смогла, ну и…

Прежде чем он успел закончить, лифт остановился снова, двери его отворились, и в него вошел мистер Уизли, а с ним пожилая волшебница с копной светлых волос, зачесанных вверх так, что они приобрели сходство с муравейником.

— Я понимаю, о чем вы говорите, Ваканда; и все же боюсь, что не смогу участвовать в…

Тут он заметил Гарри и примолк. Гарри очень странно было видеть неприязнь, с какой смотрел

на него мистер Уизли. Двери лифта закрылись, все четверо снова поехали вниз.

— А, Редж, здравствуйте, — сказал мистер Уизли, оглянувшись на звук стекавшей с Рона воды. — Это ведь вашу жену допрашивают сегодня? Э-э… Что с вами? Почему вы такой мокрый?

— Это у Якслы в кабинете дождь идет, — ответил Рон. Он смотрел в плечо мистера Уизли, и Гарри понимал: Рон боится, что отец узнает его, если они взглянут друг другу в глаза. — Я пытался остановить его, но не смог, ну и меня послали за Берни — Пиллсуортом, что ли, По-моему, они его так назвали….

— Да, в последнее время во многих кабинетах дождит, — сказал мистер Уизли. — А заклинание Метео реканто вы не пробовали? Блетчли оно помогло.

— Метео реканто? — пробормотал Рон. — Нет, не пробовал. Спасибо, па… простите, спасибо, Артур.

Двери лифта отворились, старая колдунья с муравейником на голове вышла, Рон метнулся следом за ней и исчез. Гарри тоже попытался выйти, но путь ему преградил уткнувшийся носом в какие-то документы Перси Уизли.

Лишь когда двери закрылись снова, Перси

обнаружил, что едет в лифте вместе с отцом. Увидев мистера Уизли, он побагровел и, едва лифт остановился, выскочил из него. Гарри попытался последовать за ним, но на этот раз его остановила рука мистера Уизли.

— Минутку, Ранкорн.

Двери снова закрылись, лифт, лязгая, поехал вниз, а мистер Уизли сказал:

— Я слышал, вы донесли на Дирка Крессвелла.

Гарри показалось, что гнев мистера Уизли вызван столько же этим обстоятельством, сколько и встречей с Перси. И он решил, что самое для него лучшее — изображать тупицу.

— Не понял, — сказал он.

— Не притворяйтесь, Ранкорн, — резко произнес мистер Уизли. — Вы разоблачили мага, подделавшего свою родословную, не так ли?

— Я… что я сделал? — спросил Гарри.

— Ну так вот, Дирк Крессвелл — волшебник, каким вы не станете, даже если вас на десять помножить, — негромко сказал мистер Уизли, когда лифт снова поехал вниз. — И если он выживет в Азкабане, вам придется отвечать перед ним, не говоря уж о его жене, сыновьях и родственниках…

— Артур, — перебил его Гарри, — вам известно,

что за вами следят?

— Это что — угроза, Ранкорн? — громко осведомился мистер Уизли.

— Нет, — ответил Гарри, — это факт! Они наблюдают за каждым вашим шагом…

Двери лифта открылись. Они добрались до атриума. Мистер Уизли смерил Гарри уничтожающим взглядом и вышел. Гарри не сдвинулся с места, он был потрясен. Лучше бы он изображал кого угодно другого, только не Ранкорна… Двери залязгали, закрываясь.

Гарри вытащил мантию-невидимку, снова надел ее. Нужно было освободить Гермиону, пока Рон еще возится с дождем. Когда двери лифта открылись снова, Гарри вышел в освещаемый факелами каменный проход, нисколько не похожий на оббитые деревом, устланные коврами коридоры, которые он видел наверху. Лифт, погромыхивая, уехал. Гарри не без опасливой дрожи смотрел на далекую черную дверь Отдела тайн.

Он пошел вперед — не к этой черной двери, к другой, находившейся в левой стене коридора. Она, как помнил Гарри, открывалась на он-то, которая вела к залам суда. Уже спускаясь по лестнице, Гарри мысленно перебирал имевшиеся у него возможности: в кармане еще лежала пара

отвлекающих обманок, но, может быть, самое лучшее — просто стукнуть в дверь, войти туда в виде Ранкорна и попросить Муфалду выйти для минутного разговора? С другой стороны, он не знал, достаточно ли важной для такого поступка персоной является Ранкорн, к тому же, если Гермиона не вернется, ее могут начать разыскивать по всему Министерству еще до того, как они уберутся отсюда…

Углубившись в эти мысли, он не сразу заметил неестественный холод, пронимавший его так, словно он спускался в туман. С каждым шагом становилось все холоднее — стужа уже добралась до горла, раздирала легкие. А следом пришло вкрадчивое чувство отчаяния и безнадежности, разраставшееся в его душе…

«Дементоры», — подумал он.

Спустившись по лестнице и повернув направо, Гарри увидел жуткую картину. Темный коридор, примыкавший к залу суда, наполняли высокие фигуры в темных плащах с капюшонами, полностью закрывавшими лица. Единственным, что слышалось здесь, было их прерывистое дыхание. Вызванные для допроса потомки маглов сидели на жестких деревянных скамьях, прижавшись друг к другу и дрожа. Большинство прятало лица

в ладонях — может быть, в инстинктивной попытке заслониться от алчущих губ дементоров. кто-то из них привел с собой родственников, другие пришли в одиночку. Дементоры прохаживались перед ними, и холод, безнадежность, отчаяние, царившие здесь, наваливались на Гарри, точно заклятие.

«Не поддавайся», — сказал себе Гарри. Он понимал, что, воспользовавшись Патронусом, мгновенно выдаст себя, и потому шел вперед, ступая как можно тише, и с каждым шагом разум его словно немел, однако Гарри заставлял себя думать о Гермионе и Роне, нуждавшихся в нем.

Каждая высокая, темная фигура, мимо которой он проходил, внушала ему ужас: скрытые под капюшонами безглазые лица поворачивались в его сторону. Гарри был уверен, что они чуют его, ощущают, быть может, присутствие человека, еще сохранившего какие-то надежды, какие-то жизненные силы…

А затем в этом студеном безмолвии вдруг распахнулась слева одна из дверей подземной темницы и по коридору эхом раскатился крик:

— Нет, нет, я полукровка, говорю же вам, полукровка! Отец был волшебником, правда, вот, посмотрите, Арки Олдертон, известный человек,

он конструировал метлы, посмотрите, не хватайте меня, уберите руки…

— Предупреждаю в последний раз, — послышался негромкий голос Амбридж, магически усиленный так, что он легко перекрывал отчаянный крик несчастного. — Будете сопротивляться, получите поцелуй дементора.

Крик мгновенно стих, сменившись сухими рыданиями.

— Уведите, — сказала Амбридж.

Из двери вышли двое дементоров, которые гноящимися, покрытыми струпьями руками держали за предплечья мужчину, по-видимому, лишившегося чувств. Они проплыли с ним по коридору и скоро скрылись в завивавшейся за ними тьме.

— Следующая — Мэри Кроткотт, — произнесла Амбридж.

Со скамьи поднялась маленькая дрожавшая с головы до ног женщина с темными, зачесанными назад и собранными на затылке в узел волосами, одетая в длинную, простенькую мантию. В лице ее не было ни кровинки. Гарри увидел, как она содрогнулась, проходя мимо дементоров.

Дальше Гарри действовал инстинктивно, не успев ничего обдумать. Он просто был не в силах

смотреть, как она одиноко входит в узилище, и потому, когда дверь начала закрываться, проскользнул следом за женщиной в зал суда.

Это был не тот зал, в котором его когда-то допрашивали по поводу неправомерного использования магии. Он был поменьше, хоть и с таким же высоким потолком. Оказавшись в нем, Гарри ощутил себя словно попавшим в глубокий колодец.

Дементоров хватало и здесь, они источали холод, стоя, подобно безликим часовым, в двух дальних от высокого судейского помоста углах зала. На помосте восседала отгороженная балюстрадой Амбридж с Якслиу по одну сторону от нее и Гермионой, такой же белой, как миссис Кроткотт, по другую. Вдоль помоста прохаживался серебристый, длинношерстный кот, защищавший, как сразу понял Гарри, судей от источаемой дементорами безнадежности: ее полагалось ощущать обвиняемым, а не обвинителям.

— Садитесь, — мягко и вкрадчиво произнесла Амбридж.

Миссис Кроткотт, спотыкаясь, приблизилась к одиноко стоявшему перед помостом жесткому креслу. Едва она села, как из подлокотников кресла с лязгом выскочили цепи, сковавшие ей руки.

— Вы — Мэри Элизабет Кроткотт? — спросила Амбридж.

Миссис Кроткотт кивнула, подрагивая.

— Жена Реджинальда Кроткотта, сотрудника Отдела магического хозяйства?

Миссис Кроткотт заплакала:

— Я не знаю, где он, он должен был прийти сюда, ко мне!

Амбридж не обратила на это никакого внимания.

— Мать Мэйси, Элли и Альфреда Кроткоттов?

Миссис Кроткотт зарыдала:

— Они так испуганы, боятся, что я не вернусь домой…

— Увольте, — презрительно произнес Якслі. — Отродья грязнокровок никаких симпатий нам не внушают.

Рыдания миссис Кроткотт заглушили шаги осторожно поднимавшегося на помост Гарри. Едва миновав патрулировавшего помост Патронусакота, он почувствовал, как изменилась температура: на помосте было тепло и уютно. Гарри не сомневался, что Патронус принадлежал Амбридж и светился он так ярко потому, что она была здесь счастлива, находилась в своей стихии, применяя извращенные законы, которые

сама же и помогала составить. Медленно, очень осторожно Гарри прошел вдоль края помоста за спины Амбридж, Якcли и Гермионы и присел на стоящий за ее спиной стул. Главное было — не напугать Гермиону. Он подумал, не ударить ли ему по Якcли и Амбридж заклинанием «Оглохни!», но сообразил, что даже произнесенное шепотом слово встревожит Гермиону. Но тут Амбридж повысила голос, обращаясь к миссис Кроткотт, и Гарри воспользовался этим.

— Я за твоей спиной, — прошептал он в ухо Гермионы.

Как Гарри и ожидал, она дернулась с такой силой, что едва не опрокинула пузырек с чернилами, которыми ей полагалось вести протокол допроса, однако и Амбридж, и Якcли сосредоточенно вглядывались в миссис Кроткотт и этого не заметили.

— Когда вы пришли в Министерство, миссис Кроткотт, у вас отобрали палочку, — говорила Амбридж. — Восемь и три четверти дюйма, вишневая, с начинкой из шерсти единорога. Вы узнаете ее по описанию?

Миссис Кроткотт кивнула, вытирая глаза рукавом.

— Не могли бы вы сообщить нам, у какого

волшебника или волшебницы вы отняли эту палочку?

— Ототняла? — снова заплакав, произнесла миссис Кроткотт. — Я не… я ни у кого ее не отнимала. Я кукупила эту палочку, когда мне было одиннадцать лет. Она… она… она выбрала меня.

И миссис Кроткотт расплакалась пуще прежнего.

Амбридж испустила негромкий девичий смешок, вызвавший у Гарри желание чем-нибудь ударить ее. Она склонилась над барьером, чтобы лучше видеть свою жертву, и что-то золотистое сверкнуло, свисая с ее шеи, — это был медальон.

Гермиона, тоже увидевшая его, негромко пискнула, однако Амбридж и Якслi с таким увлечением терзали свою жертву, что ко всему остальному оставались глухи.

— О нет, — произнесла Амбридж, — нет, миссис Кроткотт, не думаю. Палочки выбирают только волшебников или волшебниц. А вы не волшебница. У меня имеется заполненная вами анкета, которую мы вам посылали. Муфалда, будьте добры, подайте мне ее.

Амбридж протянула ладошку — в этот миг она до того походила на жабу, что Гарри даже удивился, не увидев перепонок между ее тупыми,

короткими пальцами. Руки Гермионы дрожали. Она порылась в кипе документов, лежавшей на соседнем стуле, и вытащила из этой кипы пачку пергаментов, помеченных именем миссис Кроткотт.

— Какой… какой красивый, Долорес, — пролепетала она, указывая на кулон, поблескивавший в рюшечках блузы Амбридж.

— Что? — резко отозвалась Амбридж. — А, да… семейная ценность. — Она погладила медальон, лежавший на ее обширной груди. — «С» означает «Селвин»… я же в родстве с Селвинами… Собственно, чистокровных семей, с которыми я не состою в родстве, не так уж и много. Чего, к сожалению, — повысив голос и перелистывая заполненную миссис Кроткотт анкету, продолжила она, — нельзя сказать о вас. Род деятельности родителей: зеленщики.

Якслi презрительно хохотнул. Под помостом так и прохаживался серебристый кот, дементоры стояли, ожидая приказаний, в углах зала.

От лжи, услышанной Гарри, кровь ударила ему в голову, заставив забыть об осторожности. Эта дрянь выдавала медальон, полученный ею в виде взятки от мелкого воришки, за доказательство чистоты собственной крови. Он поднял палочку,

даже не пытаясь укрыть ее под мантией-невидимкой, и рявкнул:

— Остолбеней!

Полыхнул красный свет, Амбридж обмякла, тюкнувшись лбом о край балюстрады, посвященные миссис Кроткотт документы посыпались на пол, прогуливавшийся под балюстрадой кот сгинул. Холодный воздух ударил в сидевших на помосте, точно порыв ветра. Озадаченный Якслi заозирался, пытаясь понять, что происходит, и увидел висящую в воздухе руку Гарри с направленной на него палочкой. Он попытался выхватить собственную, но не успел.

— Остолбеней!

Якслi кулем повалился на пол.

— Гарри!

— Гермиона, я не желаю сидеть и слушать, как она изображает…

— Миссис Кроткотт, Гарри!

Гарри развернулся, сбрасывая мантию-невидимку. Дементоры, покинув свои углы, скользили по залу к женщине, прикованной к креслу, — то ли потому, что исчез Патронус, то ли они почувствовали, что хозяева уже не способны ими управлять и теперь их ничто не сдерживает. Миссис Кроткотт дико закричала от страха, когда

слизистая, вся в струпьях рука схватила ее за подбородок и запрокинула ей голову назад.

— ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!

Серебристый олень вырвался из палочки Гарри и понесся к дементорам, и они отпрянули назад, снова слившись с тенями. Олень закружил по залу, заливая его светом, более мощным и теплым, чем тот, что исходил от кота.

— Возьми крестраж, — сказал Гарри Гермионе. Запихивая мантию-невидимку в мешочек на шее, он сбежал с помоста к миссис Кроткотт.

— Вы? — прошептала она, взглянув ему в лицо. — Но… но Редж сказал, что именно вы включили меня в список для допроса!

— Правда? — пробормотал Гарри и дернул за цепи, сковывавшие ее руки. — Ладно, считайте, что я передумал. Диффиндо!

Ничего не произошло.

— Гермиона, как избавить ее от цепей?

— Подожди, я занята…

— Гермиона, вокруг нас дементоры!

— Знаю, Гарри, но если эта дрянь очухается и увидит, что медальон исчез… нужно соорудить дубликат… Джеминио! Ну вот… это ее одурачит…

И Гермиона тоже сбежала с помоста.

— Так, посмотрим… Релассио!

Цепи с лязгом втянулись в подлокотники кресла. Миссис Кроткотт выглядела еще более испуганной, чем прежде.

— Не понимаю! — прошептала она.

— Вы пойдете с нами, — сказал Гарри, поднимая ее на ноги. — Отправляйтесь домой, берите детей и бегите, если придется, то и из страны. Измените внешность и бегите. Вы видели, что происходит, справедливого суда вы здесь не дождетесь.

— Гарри, — сказала Гермиона, — как же мы выберемся отсюда? За дверью полно дементоров.

— Патронусы, — ответил Гарри, указав палочкой на своего, и посверкивавший олень, замедлив бег, направился к двери. — И чем больше, тем лучше. Зови своего, Гермиона.

— Экспек… экспекто патронум, — произнесла Гермиона. Безрезультатно.

— Это единственное заклинание, которое дается ей не всегда, — сказал Гарри ошеломленной миссис Кроткотт. — К сожалению… Еще разок, Гермиона.

— Экспекто патронум!

Из палочки Гермионы вылетела и грациозно поплыла по воздуху к оленю серебристая выдра.

— Вперед, — сказал Гарри и повел Гермиону и миссис Кроткотт к выходу.

Когда Патронусы выплыли из зала суда; люди, сидевшие в очереди, испуганно закричали. Гарри огляделся: дементоры расступались в стороны, растворяясь во тьме, удирали от серебристых созданий.

— принято решение: всем вам следует разойтись по домам и скрыться вместе с вашими семьями, — произнес Гарри, глядя на родившихся от маглов людей, ослепленных светом Патронусов и все еще поеживавшихся. — Если сумеете, уезжайте за границу. Главное — держитесь подальше от Министерства. Таков… ээ… новый официальный курс. А теперь следуйте за Патронусами, и вы сможете уйти через атриум.

По каменным ступеням им удалось подняться без помех, но, когда все они уже подходили к лифтам, Гарри начали одолевать сомнения. Если он и Гермиона появятся в атриуме с плывущими рядом серебряными оленем и выдрой да еще и с двумя десятками людей, половина которых обвиняется в происхождении от маглов, ненужного внимания им не избежать. Однако, едва он успел прийти к этому неприятному выводу, подъехал лифт.

— Редж! — закричала миссис Кроткотт и бросилась Рону на грудь. — Ранкорн отпустил меня,

он напал на Амбридж и Яксли и велел всем нам бежать из страны. Я думаю, нам лучше послушаться его, Редж, я правда так думаю! Давай быстрее домой, возьмем детей и… Ты почему такой мокрый?

— От воды, — пробормотал, высвобождаясь из ее рук Рон. — Гарри, они знают, что в Министерство проникли посторонние. В двери кабинета Амбридж обнаружили какую-то дырку, думаю, у нас есть минут пять, а потом…

Гермиона обратила к Гарри до смерти перепуганное лицо, и ее Патронус с негромким хлопком исчез.

— Гарри, если нас здесь поймают…

— Будем действовать быстро, не поймают, — ответил Гарри и повернулся к безмолвным людям, стоявшим за его спиной. Все они, разинув рты, смотрели на него. — У кого из вас есть палочки?

Примерно половина подняла руки.

— Хорошо, те, у кого нет палочки, держитесь за тех, у кого она есть. Нужно торопиться, иначе нам помешают. Вперед.

Им удалось втиснуться в два лифта. Патронус Гарри стоял на часах, пока золотые решетки не захлопнулись и лифты не поехали вверх.

«Уровень восьмой, — произнес спокойный го-

лос колдуньи. — Атриум».

Едва выйдя из лифта, Гарри почувствовал неладное. Атриум был полон людей, переходивших от камина к камину, запечатывая их.

— Гарри! — запищала Гермиона. — Как же мы?..

— ПРЕКРАТИТЬ! — громыхнул Гарри мощным, наполнившим весь атриум голосом Ранкорна.

Люди, перекрывавшие камины, замерли.

— За мной, — прошептал он перепуганным отпрыскам маглов, и те стайкой двинулись за ним, подгоняемые сзади Роном и Гермионой.

— В чем дело, Альберт? — спросил лысоватый колдун — тот, что в начале дня вылетел следом за Гарри из камина. Вид у него был до крайности нервный.

— Эти люди должны уйти прежде, чем вы перекроете выходы, — сказал Гарри со всей доступной ему властностью.

Замершие при его приближении волшебники начали переглядываться.

— Нам велели запечатать все выходы и не позволять никому…

— Ты с кем собрался спорить? — взревел Гарри. — Хочешь, чтобы я занялся твоей родословной? Забыл о Дирке Крессвелле?

— Извини! — пролепетал, отступая назад, лысоватый. — Я не… я ничего, Альберт, я думал… думал, их вызвали на допрос и…

— Их кровь чиста, — заявил Гарри, и голос его громким эхом прокатился по атриуму. — Еще и почище, чем у многих из вас, я бы сказал. Пошли прочь! — грянул он, обращаясь к отпрыскам маглов, и те торопливо бросились к каминам и начали попарно исчезать в них. Министерские волшебники стали подходить поближе, у одних вид был растерянный, у других испуганный и обиженный. А затем…

— Мэри!

Миссис Кроткотт оглянулась. Из лифта только что выскочил настоящий Редж Кроткотт, уже не блюющий, но все еще бледный и слабый.

— Реред ж?

Она перевела взгляд с мужа на Рона, и тот громко выругался.

Лысоватый разинул рот и потешно закрутил головой, глядя то на одного Реджа Кроткотта, то на другого.

— Эй, что тут происходит? Что это значит?

— Перекрыть выход! ПЕРЕКРЫТЬ!

Якслi вырвался еще из одного лифта и понесся к группе, стоявшей у каминов, в которых исчезли

уже все отпрыски маглов, не считая миссис Кроткотт. Лысоватый колдун поднял палочку, и Гарри треснул его огромным кулаком по лбу, отправив в долгий полет по воздуху.

— Он помогал удирать магловским выродкам, Якслi! — крикнул Гарри.

Коллеги лысоватого зароптали, и Рон, воспользовавшись их замешательством, схватил миссис Кроткотт за руку, втянул ее в еще остававшийся открытым камин и исчез. Якслi, недоумевая, перевел взгляд с Гарри на пришибленного им колдуна, а настоящий Редж Кроткотт завопил:

— Моя жена! Кто был с моей женой? Что такое?

Гарри увидел, как Якслi снова поворачивается к нему, увидел, как его зверская физиономия озаряется пониманием происходящего.

— Вперед! — крикнул он Гермионе, хватая ее за руку. Они прыгнули в камин, и над головой Гарри пронеслось выпущенное Якслi заклятие. Несколько секунд их крутило так и этак, а затем оба вылетели из унитаза в кабинку. Гарри распахнул дверь. Около умывальников стоял Рон, держа за руку продолжавшую биться миссис Кроткотт.

— Редж, я не понимаю…

— Уходите, я не ваш муж, бегите домой!

Из кабинки за спиной Гарри донесся шум, он обернулся и увидел выскакивающего из толчка Якслi.

— УХОДИМ! — крикнул Гарри и, схватив Гермиону и Рона за руки, крутнулся на месте.

Темнота, ощущение стягивающихся пут, но что-то было не так. Рука Гермионы выскальзывала из ладони Гарри.

Ему казалось, что он вот-вот задохнется, дышать было нечем, он ничего не видел, единственным, что осталось на свете плотного, были рука Рона и пальцы Гермионы, неторопливо уплывавшие от него.

Потом он увидел дверь дома номер двенадцать на площади Гриммо, молоток в форме змеи, но не успел еще набрать воздуха в грудь, как послышался крик, полыхнуло лиловое пламя, ладонь Гермионы вдруг сжалась, точно тиски, и все потонуло во мраке.

Глава 14

ВОР

Гарри открыл глаза, и его тут же ослепили золото и зелень. Что с ним случилось, он не понимал и знал только одно — он лежит вроде бы на листве и каких-то веточках. Стараясь набрать воздуха в словно слипшиеся легкие, он поморгал и сообразил, что глаза ему слепит свет солнца, пробивающийся сквозь нависший высоко над ним покров листвы. Потом что-то задергалось совсем рядом с его лицом. Гарри перевернулся, с трудом поднялся на четвереньки, изготовясь к схватке с каким-нибудь маленьким, но свирепым зверьком, но вместо него увидел ступню Рона. Оглядевшись вокруг, он обнаружил и Гермиону, лежавшую среди деревьев.

Поначалу он решил, что это Запретный лес, и обрадовался (хоть и знал, как глупо и опасно приближаться к Хогвартсу), что сейчас можно будет прокрасться между деревьями к хижине Хагрида. Однако спустя секунду-другую Рон негромко застонал, и Гарри, подползая к нему, понял, что они вовсе не в Запретном лесу — деревья были

моложе, расставлены попросторнее, да и земля выглядела здесь почище.

Добравшись до Рона, он встретился с Гермионой, тоже передвигавшейся на четвереньках. Едва Гарри увидел Рона, все прочие мысли словно вымело из его головы. Весь левый бок друга заливала кровь, лицо на фоне покрытой листвой земли казалось серовато-белым.

Действие Оборотного зелья заканчивалось — Рон походил на нечто среднее между ним и Кроткоттом, волосы его понемногу рыжели, но лицо лишалось и тех немногих красок, какие в нем еще оставались.

— Что с ним?

— Расщепило, — ответила Гермиона, которая уже деловито ощупывала рукав Рона, больше всего остального пропитанный темной кровью.

Гарри с ужасом смотрел, как она раздирает на Роне рубашку. Расщепление всегда казалось ему чем-то потешным, но это… Когда Гермиона обнажила предплечье Рона, на котором отсутствовал немалый кусок плоти, словно отхваченный ножом, внутри у Гарри зашевелилось что-то очень неприятное.

— Гарри, быстро, в моей сумочке, бутылочка с наклейкой «Экстракт бадьяна»…

— В сумочке… а, ну да…

Гарри подбежал к месту, на котором приземлилась Гермиона, схватил крошечную бисерную сумочку, порылся в ней. Под руку подворачивалась всякая ненужная дребедень: кожаные корешки книг, шерстяные рукава джемперов, каблуки…

— Скорее!

Гарри подхватил с земли свою палочку, сунул ее в глубь сумочки:

— Акцио, бадьян!

Из сумочки вылетел коричневый пузырек. Гарри поймал его в воздухе и торопливо вернулся к Гермионе и Рону, веки которого приоткрылись, показав белизну глазных яблок.

— Он в обмороке, — сказала Гермиона, тоже совсем бледная. Она уже не походила на Муфалду, хотя в ее волосах кое-где еще проглядывала седина. — Вынь пробку, Гарри, у меня руки трясутся.

Гарри откупорил пузырек, отдал его Гермионе, и она уронила на кровоточащую рану три капли зелья. Взвился зеленоватый дымок, а когда он рассеялся, Гарри увидел, что кровь из раны идти перестала. Да и сама рана выглядела теперь так, точно она заживала вот уже несколько дней — ее затянула свежая кожа.

— Ничего себе, — сказал Гарри.

— Я боялась воспользоваться чем-то другим, — дрожащим голосом произнесла Гермиона. — Есть заклинания, которые могут исцелить его полностью, но я не решилась прибегнуть к ним — вдруг ошибусь и сделаю только хуже… а он и так потерял много крови…

— Как он поранился? И вообще… — Гарри потряс головой, чтобы прояснить ее, понять, что происходит. — Почему мы здесь? Я полагал, мы возвратимся на площадь Гриммо.

Гермиона тяжело вздохнула. Казалось, она, того и гляди, расплачется.

— Гарри, я думаю, что мы туда больше не вернемся.

— Что ты?

— Когда мы трансгрессировали, Якслi вцепился в меня, и я не смогла от него оторваться, он слишком силен. Он так и держался за меня, когда мы появились на площади Гриммо. А потом… В общем, я думаю, он увидел дверь, понял, что там мы и живем, и немного ослабил хватку. Мне удалось стряхнуть его и перебросить нас сюда.

— Так где же он? Постой… ты хочешь сказать, он на площади Гриммо? Но не мог же он попасть внутрь дома.

В глазах Гермионы заблестели невыплаканные слезы, она закивала:

— Думаю, мог, Гарри. Я… я заставила его отцепиться с помощью заклинания Отвратись, но он уже был в это время там, где действует заклятие Доверия. После смерти Дамблдора Хранителями Тайны стали мы, а я выдала ее Якслi, ведь так?

Притворяться смысла не имело — в том, что Гермиона права, Гарри не сомневался. И это было серьезным ударом. Если Якслi удалось проникнуть внутрь дома, вернуться на площадь Гриммо они не смогут. Уже сейчас он мог призвать в дом других Пожирателей смерти, и они трансгрессировали туда. Каким бы мрачным и гнетущим этот дом ни был, он давал им безопасное пристанище, к тому же и Кикимер стал теперь веселее и дружелюбнее. С сожалением, не имевшим никакого отношения к еде, Гарри представил себе, как домовик возится с тушеным мясом и пирогом с почками, которых ни Гарри, ни Рон, ни Гермиона попробовать так и не успели.

— Прости меня, Гарри, прости!

— Не говори глупостей, ты ни в чем не виновата! Если кто и виноват, так это я.

Гарри сунул руку в карман и вытащил глаз Грюма. Гермиона в ужасе отшатнулась.

— Амбридж вставила его в дверь своего кабинета, чтобы шпионить за работающими снаружи людьми. Я не смог оставить его там… вот так они и узнали, что кто-то пробрался в Министерство.

Ответить ему Гермиона не успела — Рон открыл глаза и застонал. Лицо его все еще оставалось серым и поблескивало от пота.

— Как ты? — шепнула Гермиона.

— Паршиво, — прохрипел Рон и сморщился, ощупывая покалеченную руку. — Где это мы?

— В лесу, рядом с которым проходил кубок мира по квиддичу — ответила Гермиона. — Мне нужно было какое-то закрытое, потайное место, и это…

— Первое, что пришло тебе в голову, — закончил за нее Гарри, оглянувшись на пустую, судя по всему, лесную прогалину. Он невольно вспомнил, что случилось, когда они в последний раз трансгрессировали на первое пришедшее Гермионе в голову место — Пожиратели смерти отыскали их там через несколько минут. Может, все дело в легилименции? И ищейки Волан-де-Морта уже знают, куда забросила их Гермиона на сей раз?

— Тебе не кажется, что нам лучше двигаться? — спросил Рон, и Гарри, взглянув ему в лицо, понял, что Рон подумал о том же самом.

— Не знаю.

Рон все еще выглядел слабым и еле живым. Он даже сесть не пытался, похоже, ему не хватало для этого сил. Куда уж тут двигаться?

— Давай пока останемся здесь, — сказал Гарри. Гермиона, обрадовавшись, вскочила на ноги.

— Ты куда? — спросил Рон.

— Если мы остаемся, нужно окружить нас защитными заклинаниями, — ответила она и, подняв повыше палочку, начала описывать вокруг Гарри и Рона большой круг, бормоча на ходу магические формулы. Гарри увидел, как зарябил вокруг них воздух, словно нагреваемый чарами Гермионы.

— Сальвио гексиа… Протего тоталум… Репелло маглетум… Оглохни… Достань палатку, Гарри.

— Палатку?

— Да из сумочки же!

— Из… а, ну да, — ответил Гарри.

На этот раз рыться в ней он не стал, а сразу воспользовался Манящими чарами. Появилась палатка — беспорядочная куча, состоящая из брезента, веревок и кольев. Гарри узнал ее — главным образом потому, что от нее попахивало кошками, — та самая, в которой они спали в ночь кубка мира по квиддичу.

— Разве она не Перкинсу принадлежит, пом-

нишь его, он из Министерства? — спросил Гарри, начиная выпутывать из этой кучи колышки.

— Да он вроде не стал просить, чтобы ее вернули, — сказала Гермиона, уже рисовавшая в воздухе какой-то сложный узор в виде восьмерок. — У него радикулит разыгрался, и папа Рона сказал, что я могу ее взять. Воздвигнись! — воскликнула она, ткнув палочкой в брезентовую кучу. В одно плавное движение палатка вспорхнула в воздух и с гулким ударом встала на землю, полностью собранная. Гарри испугался, когда колышки сами собой вырвались из его рук. — Кавеинимикум, — произнесла напоследок Гермиона, широким жестом обводя небеса. — Это все, на что я способна. По крайности, если они появятся, мы об этом узнаем. Не могу гарантировать, что это остановит Волан…

— Не называй его по имени! — резко прервал ее Рон. Гарри и Гермиона переглянулись.

— Прости, — сказал Рон и, застонав, приподнялся, чтобы посмотреть на них. — Мне почему-то кажется, что это имя отдает злыми чарами или еще чем. Давайте называть его Сами-Знаете-Кто, ладно?

— Дамблдор говорил, что бояться имени… — начал Гарри.

— Ты, может, и не заметил, но привычка называть Сам-Знаешь-Кого по имени не довела Дамблдора до добра, — с прежней резкостью выпалил Рон. — Надо просто… просто оказывать Сам-Знаешь-Кому хоть какое-то уважение.

— Уважение? — переспросил Гарри, но Гермиона бросила на него предостерегающий взгляд, полагая, по-видимому, что спорить с Роном, пока он так слаб, не стоит.

Гарри и Гермиона наполовину перенесли, наполовину отволокли Рона в палатку. Внутри все оказалось в точности таким, каким запомнилось Гарри: маленькая квартирка с ванной комнатой и крошечной кухней. Отпихнув в сторону кресло, он уложил Рона на нижнюю половину двухъярусной койки. Даже этого, отнюдь не дальнего перехода с одного места на другое хватило, чтобы Рон побелел, вытянувшись на матрасе, закрыл глаза и какое-то время промолчал.

— Я заварю чай, — шепотом сказала Гермиона и, вытянув из расшитой бисером сумочки чайник и чашки, направилась к кухоньке.

Горячий чай подействовал на Гарри примерно так же, как огненное виски в ту ночь, когда погиб Грозный Глаз, — он словно отогнал страх, еще трепетавший в груди Гарри. Спустя пару минут

Рон спросил:

— Как вы думаете, что случилось с Кроткоттами?

— Если им повезло — улизнули, — ответила Гермиона, согревая ладони о чашку. — Если мистеру Кроткотту хватило ума трансгрессировать вместе с женой, сейчас они, прихватив детей, покидают страну. Во всяком случае, Гарри посоветовал ей поступить именно так.

— Черт, надеюсь, они спасутся, — сказал Рон, снова откидываясь на подушки. Похоже, чай взбодрил и его, щеки Рона чуть-чуть порозовели. — Хотя, судя по тому, как все разговаривали со мной, пока я был Реджем Кроткоттом, особым умом он не блещет. Господи, надеюсь, им удалось смыться. Если они попадут по нашей милости в Азкабан…

Гарри взглянул на Гермиону, и вопрос, который он собирался задать — о том, не помешает ли миссис Кроткотт отсутствие палочки трансгрессировать вместе с мужем, — замер на его губах. Гермиона смотрела на озабоченного участью Кроткоттов Рона с нежностью, увидев которую, Гарри почувствовал себя так, точно он застал их целующимися.

— Ну хорошо, он у тебя? — спросил Гарри у

Гермионы, отчасти для того, чтобы напомнить ей о своем существовании.

— Он… какой он? — слегка вздрогнув, спросила она.

— Ради чего мы все это затеяли, как по-твоему? Медальон! Где он?

— Так вы его раздобыли? — воскликнул, приподымаясь на подушках, Рон. — Что же вы молчалито? Господи, хоть бы слово сказали!

— Ну, мы же улепетывали со всех ног от Пожирателей смерти, верно? — ответила Гермиона. — На, держи.

И Гермиона, вытащив из кармана мантии медальон, протянула его Рону.

Медальон был размером с куриное яйцо. Витиеватое, выложенное зелеными камушками «С» тускло посверкивало в рассеянном свете, пробивавшемся сквозь брезентовую крышу палатки.

— А никто не мог уничтожить его, после того как Кикимер выпустил медальон из рук? — с надеждой поинтересовался Рон. — Я хочу сказать, мы уверены, что крестраж еще тут?

— Думаю, да, — откликнулась Гермиона, взяв у него медальон и внимательно оглядев. — Если бы крестраж уничтожали с помощью магии, наверняка остались бы какие-то следы.

Она передала медальон Гарри, и тот тоже повертел его в пальцах. Украшение выглядело совершенным, безупречно чистым. Гарри вспомнил покалеченные остатки дневника, камень на перстне, треснувший, когда Дамблдор уничтожил скрытый в нем крестраж.

— Полагаю, Кикимер прав, — сказал Гарри. — Нам придется выяснить, как открыть медальон, только тогда мы и сможем уничтожить крестраж.

И пока он произносил эти слова, его словно ударило понимание того, что скрыто за маленькой золотой дверцей. Даже после стольких усилий, потраченных на то, чтобы получить медальон, Гарри испытывал неистовое желание забросить его как можно дальше. Овладев собой, он попытался открыть медальон пальцами, потом произнес заклинание, с помощью которого Гермиона отперла дверь комнаты Регулуса. Ничего не получилось. Он передал медальон Рону, Рон — Гермионе, каждый из них попробовал вскрыть его, но безуспешно.

— Но ты ведь чувствуешь его? — негромко спросил Рон, сжав медальон в кулаке.

— О чем ты?

Рон возвратил медальон Гарри. Через миг-

другой Гарри показалось, что он понял, о чем говорил Рон. Создавалось ли это ощущение кровью, пульсировавшей в его венах, или что-то действительно билось, точно крохотное сердце, внутри медальона?

— Так что мы с ним будем делать? — спросила Гермиона.

— Хранить, пока не поймем, как его уничтожить, — ответил Гарри и без особой охоты повесил медальон себе на шею, укрыв его под мантией на груди, рядом с мешочком Хагрида. — Думаю, — вставая и потягиваясь, произнес он, — каждый из нас будет по очереди надевать его и сторожить с ним палатку. И надо что-то сообразить насчет еды. Нет уж, ты оставайся пока здесь, — сказал он Рону, попытавшемуся сесть и тут же неприятно позеленевшему.

Они поставили на стол в палатке вредноскоп, который Гермиона подарила Гарри на день рождения, и до конца дня Гарри с Гермионой поочередно выполняли обязанности часового. Впрочем, весь день вредноскоп сохранял безмолвие и неподвижность. То ли благодаря наложенным Гермионой защитным заклинаниям и Маглоотталкивающим чарам, то ли потому, что люди не часто решались забредать сюда, эта

часть леса оставалась словно нежилой, только случайные птицы да белки изредка появлялись в ней. Вечер никаких изменений не принес. В десять часов Гарри запалил свою палочку и, сменив на посту у палатки Гермиону, стал вглядываться в пустынный пейзаж, оживляемый лишь летучими мышами, проносившимися над ним по единственному куску звездного неба, какой был виден с защищенной чарами прогалины.

Гарри испытывал голод и легкое головокружение. Никакой еды Гермиона в свою волшебную сумочку укладывать не стала, поскольку думала, что к ночи они вернутся на площадь Гриммо, и потому за день все трое ничего не ели, если не считать грибов, которые Гермиона собрала под ближайшими деревьями и сварила в жестяном котелке. Рон, пожевав их немного, отодвинул от себя тарелку с таким видом, точно его затошнило, да и Гарри доел свою порцию с трудом и лишь потому что не хотел обижать Гермиону.

Лесную тишину нарушали только разрозненные звуки, похожие на хруст сучьев. Гарри думал, что звуки эти создаются скорее животными, чем людьми, но продолжал держать палочку наготове. В животе посасывало и от недостатка еды, и от непонятного беспокойства.

Прежде Гарри думал, что, когда им удастся завладеть крестражем, его охватит великий подъем, однако этого почему-то не произошло. Глядя в темноту, лишь крошечная часть которой освещалась его палочкой, он ощущал только тревогу при мысли о том, что с ними будет дальше. Все выглядело так, будто он неделями, месяцами, а может быть, и годами во весь опор несся вот к этой минуте, а теперь вдруг резко остановился, слетев с дороги. Где-то таились и другие крестражи, но где — об этом Гарри не имел ни малейшего представления. Он не знал даже, что они собой представляют. И пока терялся в догадках, как уничтожить тот единственный, какой им удалось отыскать, — крестраж, прижимавшийся сейчас к его голой груди. Странно, но он не перенимал у тела Гарри тепла, а оставался таким холодным, точно его сию минуту вытащили из ледяной воды. Время от времени Гарри думал — или ему только мерещилось, — что он различает еле слышное сердцебиение, идущее вразнобой с ударами его собственного сердца.

Безликие дурные предчувствия закрадывались в его душу, пока он сидел в темноте. Гарри пытался не поддаваться им, отгонять их прочь, но они неумолимо возвращались. «Ибо ни один не

может жить спокойно, пока жив другой». За его спиной в палатке негромко беседовали Рон и Гермиона. Они могли бы и бросить все это, если бы захотели. Он не мог. И Гарри казалось, что, пока он сидит здесь, стараясь совладать со своим страхом и усталостью, крестраж на его груди тикает, отсчитывая время, которое у него осталось… «Идиотская мысль, — сказал он себе, — не надо так думать».

Шрам снова покалывало. Гарри решил, что это происходит Из-за его размышлений, и попытался направить мысли по другому пути. Он задумался о бедном Кикимере, который ожидал их возвращения домой, а получил взамен Якcли. Будет ли эльф хранить молчание или расскажет Пожирателю смерти все, что знает? Гарри хотелось верить, что за последний месяц Кикимер стал относиться к нему совсем иначе, что теперь домовик предан ему, но ведь нельзя предугадать того, что с ним может случиться. А вдруг Пожиратели смерти подвергнут эльфа пыткам? Тошнотворные картины зароились в голове Гарри, и он постарался отогнать их. Они с Гермионой уже решили, что Кикимера сюда вызывать не следует, — за ним может увязаться кто-то из Министерства. Невозможно рассчиты-

вать на то, что трансгрессия эльфов свободна от изъяна, который привел на площадь Гриммо Яксли, ухватившегося за краешек рукава Гермионы.

Шрам уже жгло, и сильно. Гарри думал о том, как многого они не знают. Люпин был прав насчет магии, которой никто еще не видел и даже вообразить не мог. Почему Дамблдор не рассказал ему больше? Может быть, он думал, что времени на это еще хватит, что он проживет годы, а то и столетия, как его друг Николас Фламель? Если так, он ошибся… Снегг принял свои меры… Снегг, затаившаяся змея, которая нанесла удар на вершине башни…

И Дамблдор падал… падал…

— Отдай мне это, Грегорович.

Голос Гарри был высок, отчетлив и холоден, длинными белыми пальцами он держал перед собой палочку. Человек, на которого она была направлена, висел вверх ногами в воздухе, хотя веревок, которые могли бы удерживать его, не было. Он чуть покачивался, связанный незримыми, страшными путами, руки его плотно обнимали тело, лицо, искаженное ужасом, красное от прилившей к голове крови, находилось на одном уровне с лицом Гарри. У висящего были совершенно белые волосы и косматая борода

Деда Мороза.

— У меня больше нет этого, нет! Украдено много лет назад!

— Не лги Волан-де-Морту, Грегорович. Ложь он распознает сразу. Всегда распознавал.

Зрачки висящего расширились, увеличенные страхом, казалось, они вздувались, разрастаясь и разрастаясь, пока наконец их чернота не поглотила Гарри целиком…

Теперь он бежал по темному коридору за тучным, низеньким Грегоровичем, державшим над собой фонарь. Грегорович ворвался в комнату, к которой вел коридор, и фонарь осветил ее: похоже, тут находилась мастерская. В лужице света поплыли деревянные стружки, золото, а на подоконнике сидел на корточках молодой человек с золотистыми волосами, похожий на огромную птицу. За ту долю секунды, в какую на него падал свет, Гарри увидел на его красивом лице ликующее выражение, а затем незваный гость пальнул из своей палочки Оглушающим заклятием и, захохотав, аккуратно спрыгнул с подоконника спиной назад.

Гарри пронесся вспять по широким, словно туннели, зрачкам Грегоровича и снова увидел его полное ужаса лицо.

— Кто этот вор, Грегорович? — спросил высокий, холодный голос.

— Я не знаю, никогда не знал… молодой человек… Нет! Прошу вас! ПРОШУ!

Крик длился и длился, а затем полыхнул зеленый свет…

— Гарри!

Он открыл глаза, задыхающийся, с бьющейся во лбу болью. Сознание Гарри потерял, сидя у палатки, и, соскользнув вбок по брезентовой стенке, лежал теперь на земле. Над собой он увидел Гермиону, ее всклокоченные волосы заслоняли крошечный кусочек неба, различавшийся отсюда среди высоких, темных ветвей.

— Сон приснился, — сказал он, быстро садясь и стараясь придать своим глазам, встретившимся с горящими глазами Гермионы, невинное выражение. — Похоже, я задремал, извини.

— Я же знаю, это опять твой шрам! У тебя на лице все написано! Ты снова заглядывал в мозг Волан…

— Не произноси его имени! — сердито крикнул из палатки Рон.

— Хорошо, — резко откликнулась Гермиона, — тогда в мозг Сам-Знаешъ-Кого!

— Я не хотел этого! — сказал Гарри. — Мне при-

снился сон! Ты своими снами управлять умеешь, а, Гермиона?

— Если бы ты научился пользоваться окклюменцией…

Однако Гарри ее выговоры не интересовали, ему хотелось обсудить с друзьями увиденное.

— Он нашел Грегоровича, Гермиона, и, По-моему, убил его, но перед этим вошел в его сознание, и я увидел…

— Думаю, если ты настолько устал, что сидя спишь, на посту лучше побыть мне, — холодно сказала Гермиона.

— Нет, ты же совсем измотана. Иди полежи.

Гермиона с непреклонным видом отвела в сторону дверной клапан палатки. Гарри, рассерженный, но не желающий ссориться с ней, скользнул внутрь.

С нижней койки на него смотрело все еще бледное лицо Рона. Гарри забрался на верхнюю, лег и уставился в брезентовый потолок. Через несколько секунд Рон заговорил — тихо, чтобы не услышала сидящая у входа Гермиона.

— Так что поделывает Сам-Знаешь-Кто?

Гарри прищурился, стараясь припомнить каждую деталь, потом прошептал в темноте:

— Он нашел Грегоровича. Связал его и начал

пытать.

— Но как же Грегорович может изготовить ему новую палочку, если он связан?

— Не знаю… странно, правда?

Гарри закрыл глаза, вдумываясь в то, что он увидел и услышал.

И чем больше подробностей он вспоминал, тем меньше смысла оставалось во всем происшедшем. Волан-де-Морт ничего не сказал о палочке Гарри, ничего о сердцевинах-двойниках, не попросил Грегоровича изготовить новую волшебную палочку, которая была бы мощнее палочки Гарри…

— Он хотел получить что-то от Грегоровича, — не открывая глаз, произнес Гарри. — Просил отдать это, но Грегорович сказал, что его украли… а потом… потом…

Гарри вспомнил, как он — как Волан-де-Морт, — казалось, прорвался сквозь глаза Грегоровича к его воспоминаниям.

— Он прочитал сознание Грегоровича, и я увидел сидевшего на подоконнике молодого парня, который запустил в Грегоровича заклинанием и скрылся. Он и украл то, за чем охотится Сам-Знаешь-Кто. И я… По-моему, я где-то видел его…

Гарри очень хотелось еще раз вглядеться в

смеющееся лицо юноши. Кража, по словам Грегоровича, произошла много лет назад. Почему же лицо молодого вора показалось ему знакомым?

Шум окрестного леса в палатку почти не проникал, Гарри слышал лишь дыхание Рона. Помолчав немного, тот прошептал:

— Ты не разглядел, что было у вора в руках?

— Нет. Должно быть, это какая-то маленькая вещь.

— Гарри! — Деревянная койка Рона скрипнула, он сменил позу. — Гарри, может быть, Сам-Знаешь-Кто ищет вещь, которую ему удастся превратить в крестраж?

— Не знаю, — медленно ответил Гарри. — Возможно. Но разве для него не опасно создавать еще один? Помнишь, Гермиона говорила, что он и так уже перенапряг свою душу до предела?

— Да, но он-то об этом может и не знать.

— Да… может, — сказал Гарри.

Он был уверен: Волан-де-Морт пытается как-то обойти стороной проблему сердцевин-двойников, уверен, что тот надеялся получить решение от старого мастера… и все же убил его, не задав ни единого вопроса о секретах волшебных палочек.

Так что же искал Волан-де-Морт? И почему, имея в своем распоряжении всю мощь Министер-

ства магии и волшебного сообщества, он забрался так далеко в погоне за тем, что принадлежало некогда Грегоровичу и было украдено у него неведомым вором?

Гарри все еще видел перед собой обрамленное светлыми волосами молодое лицо, его веселое, необузданное выражение — такое появлялось на физиономиях торжествующих Фреда и Джорджа, когда им удавалось кого-нибудь облапошить. Вор вылетел из окна, точно птица, и ведь Гарри наверняка видел его раньше, вот только не мог припомнить где.

Теперь Грегорович мертв и опасность грозит веселому вору — именно вокруг него вертелись мысли Гарри, когда на нижней койке начал похрапывать Рон да и сам Гарри медленно погрузился в сон.

Глава 15

МЕСТЬ ГОБЛИНА

На следующее утро — рано, друзья еще спали — Гарри вышел из палатки, чтобы найти в окрестном лесу самое старое, узловатое и полное жизни дерево, какое только удастся. Отыскав его, Гарри закопал под ним глаз Грюма, пометив место крестиком, который начертил палочкой на коре. Не бог весть что, однако Гарри чувствовал, что Грозный Глаз наверняка предпочел бы это необходимости торчать в двери Долорес Амбридж. Потом он вернулся в палатку, подождал, пока проснутся друзья, и они втроем обсудили, что им делать дальше.

Гарри и Гермиона считали, что слишком задерживаться здесь не стоит, и Рон согласился с ними при условии, что следующее перемещение доставит их поближе к сэндвичу с беконом. Гермиона сняла заклинания, которыми окружила палатку, а Гарри с Роном уничтожили все следы и вмятины в земле, способные показать, что они здесь побывали. Покончив с этим, все трое трансгрессировали в предместье небольшого

рыночного городка.

Как только они поставили в рощице палатку и окружили ее новым набором защитных заклинаний, Гарри набросил на себя мантию-невидимку и отправился на поиски пищи. Но все пошло не так, как было задумано. Едва он успел войти в городок, как неестественный холод и опускавшийся с внезапно потемневшего неба туман заставили его замереть на месте.

— Но ты же умеешь делать отличного Патронуса! — протестующе воскликнул Рон, когда Гарри, запыхавшись, вернулся в палатку с пустыми руками и выговорил всего одно слово: «Дементоры».

— Я не смог… сделать его, — тяжело дыша и прижимая руку к сильно колющему боку, ответил Гарри. — Не… получилось.

При виде испуганных, разочарованных лиц друзей Гарри стало стыдно. Только что пережитое им было похоже на кошмар. Он видел, как вдали выскальзывают из тумана дементоры, и, пока парализующий холод наполнял его легкие, а в ушах звучали далекие крики, все лучше понимал, что защититься ему нечем. Гарри потребовалось напрячь всю волю, чтобы сдвинуться с места и побежать, оставив безглазых дементоров сколь-

зить среди маглов, которые, может, и не способны были их видеть, но уж безнадежность, источаемую ими всюду, где они появлялись, чувствовали наверняка.

— Выходит, никакой еды у нас так и нет.

— Заткнись, Рон! — рявкнула Гермиона. — Что произошло, Гарри? Как по-твоему, почему ты не смог создать Патронуса? Вчера же у тебя все прекрасно получалось.

— Не знаю.

Гарри, в котором с каждым мгновением нарастала растерянность, опустился в одно из старых кресел Перкинса. Он боялся, что в нем что-то разладилось. Вчерашний день казался далеким прошлым. Сегодня он словно опять обратился в того тринадцатилетнего мальчика, что когда-то единственный из всех упал в обморок в «Хогвартс-экспрессе».

Рон пнул его кресло ногой.

— Что? — прорычал он, глядя на Гермиону — Я есть хочу! Я чуть не половину крови потерял, а получил с тех пор всего-навсего пару поганок!

— Ну так иди и пробивайся сквозь ораву дементоров, — отозвался уязвленный Гарри.

— Ты, может, не заметил, у меня рука на перевязи!

— Очень удобно.

— И что это должно оз…

— Ну конечно! — вскрикнула Гермиона и хлопнула себя по лбу, отчего оба они испуганно смолкли. — Гарри, давай сюда медальон! Ну! — Не получив от Гарри никакой ответной реакции, она нетерпеливо щелкнула пальцами. — Крестраж, Гарри, он же все еще на тебе!

Гермиона протянула к нему обе руки, и Гарри снял с себя через голову золотую цепочку. Едва медальон отделился от его кожи, как Гарри почувствовал свободу и странную легкость. До этой секунды он даже не замечал, что весь покрыт потом, что какая-то тяжесть давит ему на живот-вот только теперь, когда оба эти ощущения сгинули, и заметил.

— Легче? — спросила Гермиона.

— О да, на сто тонн!

— Гарри, — присев перед ним на корточки, спросила она голосом, каким говорят, навещая в больнице смертельно больного человека, — тебе не кажется, что он овладел тобой?

— Что? Нет! — отмахнувшись от нее, ответил Гарри. — Я же помню все, что мы сделали, с тех пор как я его ношу. А если бы он мной овладел, я бы не помнил, что делаю, так? Джинни гово-

рила, что иногда она вообще ничего вспомнить не могла.

— Хм, — промолвила Гермиона, опуская глаза на тяжелый медальон. — Ладно, но, может, нам не стоит носить его. Пусть лежит в палатке.

— Нельзя допускать, чтобы крестраж валялся где ни попадя, — решительно заявил Гарри. — Если мы его потеряем, если его украдут…

— Ну хорошо, хорошо, — согласилась Гермиона, надевая медальон на шею и пряча под платье. — Только давайте носить его по очереди, чтобы подолгу он ни на ком не задерживался.

— Замечательно, — раздраженно произнес Рон, — ладно, раз с этим мы разобрались, может, попробуем разжиться какой-нибудь едой?

— Давай, только искать ее придется в другом месте, — сказала Гермиона, искоса глянув на Гарри. — Оставаться здесь, когда вокруг шныряют дементоры, не стрит.

В конце концов они решили остановиться на ночь посреди широкого поля, примыкавшего к одинокой ферме, на которой им удалось раздобыть яйца и хлеб.

— Это же не воровство, правда? — озабоченно спросила Гермиона, когда они уже уплетали тосты с омлетом. — Я ведь оставила деньги под

клеткой для кур.

Рон, только что набивший полный рот, вытаращил глаза и сказал:

— Эрмина, ты шишком мномо болнуешься, жашлабшя!

И действительно, оказалось, что, досыта наевшись, расслабиться ничего не стоит, — ссора Из-за дементоров была со смехом забыта, и Гарри, повеселевший и даже исполнившийся надежд, вызвался нести ночную вахту первым.

Это было их первое знакомство с тем фактом, что полный желудок равен хорошему настроению, а пустой — унынию и ссорам. Гарри, которому у Дурслей временами приходилось едва ли не голодать, был подвержен таким перепадам настроения меньше других. Гермиона в те вечера, когда им приходилось довольствоваться лишь ягодами да заплесневелым печеньем, тоже вела себя достаточно прилично, разве что становилась немного вспыльчивее или погружалась в мрачное молчание. Рона же, который благодаря матери и домовым эльфам Хогвартса всю жизнь получал наивкуснейшую еду три раза в день, голод обращал в человека неразумного и вздорного. А если при этом еще и наступал его черед носить крестраж, он становился попросту неприятным.

— Ну и куда теперь? — таков был его постоянный припев. Собственных идей он, судя по всему, не имел и ожидал, что, пока он будет мрачно скорбеть по поводу скудости их рациона, Гарри с Гермионой соорудят какой-нибудь план. Они проводили бесплодные часы, решая, где следует искать другие крестражи и как уничтожить тот единственный, что у них имеется. Разговоры начинали все в большей мере ходить по кругу, поскольку новую информацию получить им было неоткуда.

Дамблдор считал — и говорил об этом Гарри, — что Волан-де-Морт спрятал крестражи в местах, чем-то для него важных, и Гарри с Гермионой перебирали, словно читая скучную молитву, те места, в которых он жил и которые навещал. Сиротский приют, где он родился и вырос, Хогвартс, где учился, магазин «Горбин и Бэркес», где работал по окончании школы, и Албания, где провел годы изгнания, — вот это и составляло основу для их рассуждений.

— Ага, поехали в Албанию. Страна маленькая, мы ее за полдня обшарим, — саркастически предложил как-то Рон.

— Там может ничего не оказаться. Он еще до изгнания изготовил пять крестражей, а Дамблдор

был уверен, что пятый — это змея, — ответила Гермиона. — Змея не в Албании, это мы знаем, она обычно состоит при Вол…

— Я же просил тебя не говорить так, разве пет?

— Хорошо! Змея обычно состоит при Сам-Знаешъ-Ком, доволен?

— Не так чтобы очень.

— Я не представляю себе, как бы он мог спрятать что-нибудь в «Горбине и Бэркесе», — сказал Гарри, уже много раз приводивший этот довод и сейчас повторивший его просто ради того, чтобы нарушить неприятное молчание. — И Горбин, и Бэркес были знатоками Темных объектов, они узнали бы крестраж с первого взгляда.

Рон демонстративно зевнул. Подавив острое желание запустить в него чем-нибудь, Гарри продолжал:

— И все же, По-моему, он мог спрятать что-то в Хогвартсе.

Гермиона вздохнула:

— Но Дамблдор нашел бы спрятанное, Гарри!

Гарри снова прибегнул к доводу, которым обычно подкреплял эту теорию:

— Дамблдор сам сказал мне, что никогда и не думал, будто знает все тайны Хогвартса. Говорю вам, если и существует место, которое важно

для Вол…

— Ойй-й!

— Ладно, для САМИ-ЗНАЕТЕ-КОГО! — крикнул доведенный до бешенства Гарри. — Если и существует место, которое важно для Сами-Знаете-Кого, так это Хогвартс.

— Да брось ты, — скривился Рон. — Это школа-то?

— Да, его школа! Первый его настоящий дом, место, в котором он понял, что отличается от других, а для него это самое главное. И даже после того, как он покинул…

— Мы тут о Сами-Знаете-Ком говорим, так? Не о тебе? — осведомился Рон. Он все подергивал цепочку висевшего на его шее крестража, и Гарри вдруг захотелось придушить его этой цепочкой.

— Ты говорил, что после окончания школы Сам-Знаешь-Кто просил Дамблдора дать ему в ней работу, — сказала Гермиона.

— Просил, — подтвердил Гарри.

— А Дамблдор думал, что он хочет вернуться в школу только для того, чтобы попытаться найти что-то, возможно, еще одну вещь, которая принадлежала одному из основателей, и сделать из нее новый крестраж, так?

— Так, — сказал Гарри.

— Однако работы он не получил, правильно? — продолжала Гермиона. — Значит, возможности отыскать эту вещь и спрятать ее в школе у него не было.

— Ну хорошо, ладно, — сказал, признавая свое поражение, Гарри. — Забудем о Хогвартсе.

Так ничего больше и не придумав, они отправились в Лондон и под прикрытием мантии-невидимки попытались отыскать сиротский приют, в котором воспитывался Волан-де-Морт. Гермиона пробралась в библиотеку и, порывшись в документах, которые там хранились, выяснила, что здание приюта уже много лет как снесено. Они навестили место, где стоял приют, и обнаружили, что его занимает теперь набитая офисами башня.

— Может, попробуем в фундаменте покопаться? — неуверенно предложила Гермиона.

— Здесь он крестраж прятать не стал бы, — ответил Гарри.

Он с самого начала понимал, что сиротский приют был местом, которого Волан-де-Морт решительно избегал. Он никогда не стал бы укрывать там часть своей души. Дамблдор убедил Гарри в том, что Волан-де-Морт ищет в качестве укрытия места, овеянные величием и тайнами,

а этот унылый, серый уголок Лондона был так далек от Хогвартса, Министерства или «Гринготтса», банка волшебников с его золотыми дверьми и мраморными полами, как только можно вообразить.

Не имея новых идей, они продолжали скитаться по сельским краям, безопасности ради каждый вечер разбивая палатку на новом месте. А каждое утро уничтожали все следы своей стоянки и отправлялись на поиски нового уединенного, безлюдного уголка, трансгрессируя в новые леса, в темные расщелины скал, на лиловые болота, поросшие можжевельником горные склоны, в укрытые от глаз пещеры с усеянными галькой полами. Примерно каждые двенадцать часов один из них вручал медальон другому, словно играя в замедленную игру «передай конверт», победитель которой получал очередные двенадцать часов усиленного страха и тревоги.

Время от времени у Гарри начинал покалывать шрам. Чаще всего это случалось, когда наступал его черед носить крестраж. И скрыть боль ему удавалось далеко не всегда.

— Что? Что ты видел? — спрашивал Рон, замечая, как морщится Гарри.

— Лицо, — каждый раз негромко отвечал Гар-

ри. — Все то же лицо. Вора, который обокрал Грегоровича.

И Рон отворачивался, даже не пытаясь скрыть разочарование. Гарри понимал, что Рон надеется услышать новости о родных или о других членах Ордена Феникса, но в конце концов он, Гарри, не был телевизором, он мог видеть лишь то, о чем думает в эту минуту Волан-де-Морт, а не настраиваться на что-либо по собственному желанию. по-видимому, из головы Волан-де-Морта не шел неведомый юноша с веселым лицом, об имени и местонахождении которого, в этом Гарри был уверен, Волан-де-Морт знает не больше чем он сам. И по мере того как шрам продолжал жечь ему лоб, а в памяти всплывал, дразня его, светловолосый юноша, Гарри научился скрывать любые признаки боли и недомогания, поскольку у друзей упоминание о воре ничего, кроме нетерпеливого неудовольствия, не вызывало. И винить их за это было нельзя — они отчаянно нуждались хоть к какой-то ведшей к крестражам нити.

Дни тянулись, обращаясь в недели, и Гарри начал подозревать, что Рон и Гермиона ведут за его спиной разговоры — о нем. Несколько раз они резко умолкали при его появлении в палатке, а дважды он, завидев их издалека стоящими голо-

ва к голове, подходил к ним, и в обоих случаях, стоило ему приблизиться, разговор немедленно прерывался, и они тут же делали вид, будто собирают хворост или набирают про запас воду.

И Гарри невольно задумывался о том, не решили ли они отправиться с ним в это казавшееся ныне бессмысленным и беспорядочным путешествие только потому, что считали, будто у него есть тайный план, который они со временем узнают. Рон не пытался скрывать своего дурного настроения, да и Гермиона, как начинал опасаться Гарри, была недовольна им, считая его мало на что способным руководителем. Он впадал в отчаяние, пытаясь придумать, где еще можно поискать крестражи, но, кроме Хогвартса, ему в голову ничего не приходило, а поскольку ни Рон, ни Гермиона Хогвартс всерьез не воспринимали, Гарри перестал упоминать и о нем.

Осень катилась по сельским краям, которые они пересекали во всех направлениях, и теперь им все чаще приходилось ставить палатку на куче палой, подтлевшей листвы. Естественные туманы прибавились к тем, что насылались дементорами, дождь и ветер не сделали жизнь более приятной. И даже то, что Гермиона научилась отыскивать грибы посъедобнее, нисколько

не искупало их продолжавшейся изоляции от мира, отсутствия человеческого общества и полного неведения о том, как разворачивается война с Волан-де-Мортом.

— Моя мама, — сообщил Рон как-то вечером, когда они сидели в Уэльсе на берегу реки, — умеет доставать вкусную еду прямо из воздуха.

Он мрачно потыкал вилкой в лежавшие на тарелке обгоревшие, серые куски рыбы. Гарри машинально взглянул на шею Рона и увидел то, что и ожидал увидеть — поблескивающую золотую цепочку крестража. Ему удалось совладать с желанием обругать Рона, он знал, что завтра, когда Рон снимет с себя крестраж, настроение его пусть немного, но все же улучшится.

— Доставать еду из воздуха не может никто, в том числе и твоя мама, — ответила Гермиона. — Еда — это одно из пяти принципиальных исключений из закона элементарных трансфигураций Гэмпа…

— Ой, говори на человеческом языке, ладно? — перебил ее Рон, вытягивая из промежутка между зубами рыбью кость.

— Сделать еду из ничего невозможно! Ее можно приманить, если ты знаешь, где она находится, можно трансформировать, можно увеличить ее

в объеме, когда она у тебя уже есть…

— Ну, вот это я увеличивать в объеме не хочу, и без того гадость жуткая, — вставил Рон.

— Гарри поймал эту рыбу, я постаралась приготовить ее, как могла! Почему-то с едой всегда приходится возиться мне — надо думать, по той причине, что я женщина!

— Да нет, по той, что ты у нас главный маг! — выпалил Рон.

Гермиона вскочила, и с ее тарелки соскользнул на землю кусочек жареной щуки.

— Завтра, Рон, еду будешь готовить ты. Отыщи все нужное для этого, произнеси необходимые заклинания и сооруди что-нибудь такое, что можно будет положить в рот. А я буду сидеть рядом, корчить рожи и стонать, вот тогда ты увидишь, как…

— Умолкните! — произнес Гарри, вскакивая на ноги и поднимая ладони. — Сию же минуту!

Гермиона разозлилась еще пуще:

— Как ты можешь заступаться за него! Он ни разу даже не попытался приготовить хоть…

— Гермиона, помолчи, По-моему, я слышу чьи-то голоса!

Гарри вслушивался, не опуская поднятых рук. Да, действительно, сквозь шорохи и плеск реки

пробивался какой-то разговор. Он оглянулся на вредноскоп. Прибор ничего опасного не показывал.

— Ты ведь прикрыла нас заклинанием Оглохни, так? — прошептал он Гермионе.

— Я прикрыла нас всем, чем могла, — прошептала она в ответ. — Оглохни, Маглоотталкивающим, Дезиллюминационным, всем. Ни услышать, ни увидеть нас они, кем бы они ни были, не смогут.

кто-то шел, тяжело волоча ноги по земле, потом послышался грохот выворачиваемых камней и треск сучьев. Было ясно, что по лесистому склону, у подножия которого на узком берегу стояла их палатка, спускается несколько человек. Все трое замерли, держа наготове палочки. Заклинаний, которыми они себя окружили, должно было хватить (тем более сейчас, почти в полной тьме) для того, чтобы оградить их от маглов и обычных волшебников и волшебниц. Если же здесь появились Пожиратели смерти, тогда, возможно, их оборонительным укреплениям придется впервые пройти проверку на противодействие Темной магии.

Компания вышла на берег, разговор стал более громким, но оставался по-прежнему неразборчивым. Гарри прикинул — до нее было футов

двадцать, не больше, точнее определить расстояние порожистая река не позволяла. Гермиона, схватив бисерную сумочку, порылась в ней, вытащила три Удлинителя ушей и выдала по одному Рону и Гарри. Все торопливо вставили розоватые провода в уши и выбросили другие их концы из входа в палатку.

Спустя пару секунд Гарри услышал усталый мужской голос.

— Здесь должны водиться лососи. Или вы думаете, что для них еще не время? Акцио, лосось!

Послышалось несколько отчетливых всплесков, потом шлепок, с каким крупная рыба ударяется о человеческое тело. кто-то громко крякнул. Гарри просунул конец Удлинителя поглубже в ухо: теперь сквозь рокот реки пробивалось уже несколько голосов, но говорили они не на английском и ни на каком другом когда-либо слышанном им человеческом языке. Этот язык был груб и немелодичен, с бряцающими горловыми звуками, и разговаривали на нем, похоже, двое, один голос был пониже и помедленнее другого.

По другую сторону брезента заплясал огонь, большие тени замелькали между костром и палаткой. По воздуху поплыл аппетитнейший запах поджариваемого лосося. Потом задребез-

жали тарелки, ножи, вилки, и снова раздался мужской голос:

— Ну вот, Крюкохват, Кровняк, держите.

— Гоблины! — чуть слышно шепнула на ухо Гарри Гермиона, и он кивнул.

— Спасибо, — по-английски ответили гоблины.

— Выходит, вы трое в бегах. И давно? — спросил новый, мягкий и приятный голос, показавшийся Гарри смутно знакомым. Он тут же представил себе мужчину с округлым животиком и румяным лицом.

— Недель шесть… семь… уже не помню, — ответил усталый мужской голос. — В первую пару недель я повстречал Крюкохвата, а дня через два к нам присоединился Кровняк. В компании бродить как-то приятнее. — Наступила пауза, только ножи скребли по тарелкам да кружки поднимались с земли и опускались на нее. Потом тот же голос спросил: — А вы-то почему ушли, Тед?

— Я знал, что за мной придут, — ответил мягкий голос Теда, и Гарри вдруг понял, кто это, — отец Тонкс. — Услышал на прошлой неделе, что в наших краях появились Пожиратели смерти, и решил, что лучше от них сбежать. Регистрироваться в качестве магловского выродка я, видите ли, не желаю в принципе, так что мне ясно было

— тут вопрос времени, рано или поздно уходить придется. С женой ничего не случится, у нее кровь чистая. Ну а потом я встретил в этих местах Дина. Когда это было, сынок, пару дней назад?

— Да, — ответил еще один голос, и Гарри, Рон и Гермиона, безмолвные, но взволнованные, обменялись взглядами, поскольку узнали голос своего гриффиндорского однокашника Дина Томаса.

— Так ты тоже родился от магла? — спросил первый мужской голос.

— Точно сказать не могу, — ответил Дин. — Отец ушел от матери, когда я был совсем маленьким. А доказательств того, что он был волшебником, у меня нет.

какое-то время все молчали, слышно было только, как они жуют, потом снова заговорил Тед:

— Должен вам сказать, Дирк, я удивлен, что встретил вас здесь. Приятно, но удивлен. Поговаривали, будто вас схватили.

— А меня и схватили, — ответил Дирк. — Я уже был на полпути к Азкабану, но мне удалось бежать. Оглушил Долиша, позаимствовал его метлу. Это оказалось легче, чем вы думаете, По-моему, он просто был не в себе. Может, его кто-то Конфундусом стукнул, не знаю. Если так, готов крепко пожать руку любому волшебнику или

волшебнице, сделавшим это. Не исключено, что они спасли мне жизнь.

Наступила новая пауза, заполнявшаяся лишь потрескиванием костра и шелестом реки. Потом Тед сказал:

— А как оказались здесь вы двое? У меня… ээ… создалось впечатление, что гоблины, вообще говоря, приняли сторону Сами-Знаете-Кого.

— Неправильное впечатление, — ответил тот из гоблинов, голос у которого был повыше. — Мы ничьей стороны не принимаем. Волшебники воюют — это их дело.

— Так почему же вы в таком случае скрываетесь?

— Я — из благоразумной предосторожности, — ответил гоблин побасовитее. — Отказался выполнить просьбу, которая представилась мне чрезмерно наглой, и понял, что моя безопасность под угрозой.

— А о чем вас попросили? — поинтересовался Тед.

— Об исполнении обязанностей, лежащих ниже достоинства моего народа, — ответил гоблин, и голос его при этом стал более грубым и меньше похожим на человеческий. — Я им все-таки не домовый эльф.

— А что вы, Крюкохват?

— Да примерно то же, — ответил голос более высокий. — Мой народ уже не контролирует «Гринготтс» целиком и полностью. А иметь в хозяевах волшебника я не желаю.

Он прибавил что-то на гобблдуке, и Кровняк рассмеялся.

— Что вас рассмешило? — спросил Дин.

— Он сказал, что существуют вещи, которые волшебникам невдомек, — ответил Дирк.

Наступило недолгое молчание.

— Не понял, — сказал Дин.

— Я немного отомстил им, когда уходил, — сказал на человеческом языке Крюкохват.

— Правильный человек… виноват… гоблин, — торопливо поправился Тед. — Надеюсь, вы заперли кого-то из Пожирателей смерти в один из особо надежных сейфов?

— Если бы я это сделал, его оттуда никакой меч наружу не вывел бы, — ответил Крюкохват. Кровняк расхохотался снова, и даже Дирк испустил сухой смешок.

— И все же мы с Дином так ничего и не поняли, — сказал Тед.

— Вот и Северус Снегг тоже. Правда, он об этом не догадывается, — ответил Крюкохват, и оба

гоблина злорадно расхохотались.

Гарри уже еле решался дышать от волнения, он и Гермиона переглядывались, изо всех сил вслушиваясь в разговор.

— Так вы не слышали об этой истории, Тед? — спросил Дирк. — О детях, которые пытались стащить меч Гриффиндора из кабинета Снегга в Хогвартсе?

Гарри словно током ударило. Он замер на месте, и теперь каждая жилка его тела точно позванивала.

— Ни слова, — ответил Тед. — «Пророк» об этом ничего не писал, так?

— Да уж навряд ли, — ответил Дирк. — Мне все рассказал Крюкохват, а он услышал об этом от Билла Уизли, который работает в банке. Среди детишек, пытавшихся спереть меч, была младшая сестра Билла.

Гарри взглянул на Гермиону и Рона — оба цеплялись за свои Удлинители ушей, как утопающий за соломинку.

— Она и еще двое ее друзей пробрались в кабинет Снегга и разбили стеклянный ящик, в котором, судя по всему, держали меч. Снегг застукал их, когда они уже тащили меч вниз по лестнице.

— Ах, благослови их Бог, — произнес Тед. — Они что же, собирались пронзить мечом Сами-Знаете-Кого? Или Снегга?

— Ну, что бы они там ни задумали, Снегг решил, что держать меч на прежнем месте небезопасно, — сказал Дирк. — И через пару дней — думаю, он разрешения ждал от Сами-Знаете-Кого — отправил меч на хранение в Лондон, в «Гринготтс».

Гоблины снова расхохотались.

— Я все-таки не понимаю, что тут смешного, — сказал Тед.

— Это подделка, — проскрежетал Крюкохват.

— Меч Гриффиндора?

— Он самый. Это копия. Правду сказать, копия великолепная, но сделана волшебником. Настоящий меч много веков назад сковали гоблины, он обладает свойствами, присущими лишь оружию гоблинской работы. Где сейчас подлинный меч Гриффиндора, я не знаю, но только не в сейфе банка «Гринготтс».

— Вот теперь я понял, — произнес Тед. — А Пожирателям смерти вы об этом сказать не потрудились?

— Не видел причин обременять их этой информацией, — чопорно сообщил Крюкохват, и

теперь уже Тед с Дином расхохотались вместе с Кровняком.

В палатке Гарри закрыл глаза, молясь, чтобы кто-нибудь задал вопрос, ответ на который он жаждал услышать, и спустя минуту, показавшуюся ему не одной, а десятью, Дин исполнил его желание — ведь Дин (внезапно вспомнил Гарри) тоже когда-то ухаживал за Джинни.

— А что сделали с Джинни и другими? Теми, кто пытался украсть меч?

— О, их наказали, и очень жестоко, — безразлично произнес Крюкохват.

— Но они хоть целы? — сразу спросил Тед. — Уизли вовсе не нужно, чтобы покалечили еще одного их ребенка.

— Увечить их, сколько я знаю, не стали, — ответил Крюкохват.

— Ну, будем считать, что им повезло, — заметил Тед. — При послужном списке Снегга можно только радоваться, что они еще живы.

— Так вы верите в эту историю, Тед? — поинтересовался Дирк. — Верите, что Снегг убил Дамблдора?

— Конечно, верю, — ответил Тед, — А вы хотите сказать, что верите россказням о причастности к этой смерти Поттера?

— В наши дни трудно понять, чему можно верить, — пробормотал Дирк.

— Я знаю Гарри Поттера, — сказал Дин, — и считаю его замечательным человеком — Избранным, называйте как хотите.

— Да, сынок, очень многие верят, что таков он и есть, — сказал Дирк, — и я в том числе. Но где он? Судя по всему, сбежал. Тебе не кажется, что если бы он знал что-то, чего не знаем мы, или обладал какими-то особыми способностями, то был бы сейчас здесь, — сражался, сколачивал сопротивление, а не прятался неведомо где.

Ну и сам знаешь, «Пророк» выдвинул против него очень серьезные обвинения…

— «Пророк»? — презрительно фыркнул Тед. — Если вы читаете эту гнусную газетенку, Дирк, то вполне заслуживаете того, чтобы вам врали. Хотите получить факты, обратитесь к «Придире».

Внезапно раздался взрыв давящегося кашля и чуть ли не рвоты плюс гулкие удары по спине — судя по всему, Дирк подавился рыбной костью. Наконец он произнес, отдуваясь:

— К «Придире»? Листку для душевнобольных, который издает Ксено Лавгуд?

— Теперь уже не для душевнобольных, — ответил Тед. — Вам стоило бы в него заглянуть.

Ксенофилиус сообщает факты, которые игнорирует «Пророк», а об этих его морщерогих кизляках в последнем номере вообще нет ни слова. Долго ли ему это будет сходить с рук, я не знаю, но на первой странице каждого номера Ксено твердит, что всякий, кто настроен против Сами-Знаете-Кого, должен считать помощь Гарри Поттеру первейшей своей задачей.

— Трудновато помогать мальчишке, который исчез с лица земли, — сказал Дирк.

— Знаете, то, что его до сих пор не схватили, уже достижение, и не малое, — сказал Тед. — Я, конечно, рад был бы услышать о нем. Но ведь и мы пытаемся сделать то же, что он, сохранить свободу, верно?

— Да, тут вы меня подловили, — неторопливо ответил Дирк. — Целое Министерство, все его осведомители ищут мальчишку, остается только дивиться, что его до сих пор не сцапали. Хотя, как знать, может, и сцапали уже, и убили, а сообщать об этом не стали.

— Ох, Дирк, не надо так говорить, — пробормотал Тед.

Наступило долгое молчание, заполнявшееся скрежетанием ножей и вилок по тарелкам. Когда разговор возобновился, то пошел уже о том, стоит

ли им заночевать на берегу или лучше вернуться в лес. Решив, что под деревьями укрываться лучше, они затушили костер, полезли вверх по склону и вскоре голоса их стихли вдали.

Гарри, Рон и Гермиона смотали Удлинители ушей. Гарри, которому так трудно было хранить молчание, пока они подслушивали разговор, обнаружил теперь, что не способен сказать ничего, кроме:

— Джинни… меч…

— Знаю! — ответила Гермиона.

Она снова схватила бисерную сумочку, и на этот раз засунула в нее руку по самую подмышку.

— Ну-ка… Ну-ка… — повторяла она сквозь стиснутые зубы, вытягивая что-то с самого дна.

Наружу начала медленно выползать богатая рама портрета. Гарри поспешил на помощь, и, как только они вытащили наружу пустой портрет Финеаса Найджелуса, Гермиона направила на него палочку, готовая в любой миг произнести заклинание.

— Если кто-то подменил настоящий меч поддельным прямо в кабинете Дамблдора, — отдуваясь, сказала Гермиона, едва они прислонили портрет к стене палатки, — Финеас Найджелус мог все видеть, его портрет висит прямо над стек-

лянным ящиком.

— Если только он в это время не дрых, — отозвался Гарри, но тем не менее затаил дыхание, когда Гермиона опустилась перед пустым холстом на колени, наставила палочку в самую его середку, откашлялась и произнесла:

— Э-э… Финеас! Финеас Найджелус!

Ничего не произошло.

— Финеас Найджелус! — повторила Гермиона. — Профессор Блэк! Прошу вас, поговорите с нами. Пожалуйста!

— «Пожалуйста» всегда помогает, — произнес холодный, язвительный голос, и в раму портрета скользнул Финеас Найджелус.

Едва увидев его, Гермиона воскликнула:

— Затмись!

Умные темные глаза Финеаса Найджелуса тут же закрыла черная повязка, отчего он врезался лбом в раму и вскрикнул от боли.

— Что… как вы смеете… что вы…

— Мне очень жаль, профессор Блэк, — сказала Гермиона, — но это необходимая предосторожность.

— Немедленно уберите это безобразное добавление! Уберите, говорю! Вы портите великое произведение искусства! Где я? Что происходит?

— Где вы, не суть важно, — ответил Гарри, и Финеас Найджелус немедля замер, прекратив попытки содрать с себя писанную маслом повязку.

— Уж не голос ли это неуловимого мистера Поттера?

— Вполне возможно, — ответил Гарри, понимая, что такой ответ пробудит в Финеасе Найджелусе любопытство. — У нас есть к вам пара вопросов о мече Гриффиндора.

— А, — отозвался Финеас Найджелус, вертя головой и стараясь хоть краем глаза увидеть Гарри, — ну да. Глупая девчонка повела себя чрезвычайно неразумно.

— Не смейте так говорить о моей сестре! — грубо рявкнул Рон.

Финеас Найджелус надменно приподнял брови.

— Кто здесь с вами? — спросил он, поворачивая голову из стороны в сторону. — Мне не нравится этот тон! Девчонка и ее друзья вели себя до крайности безрассудно. Попытаться обокрасть директора школы!

— Это не было кражей, — сказал Гарри. — Меч не принадлежит Снеггу.

— Он принадлежит школе, которую возглавляет профессор Снегг, — заявил Финеас Найджелус. —

А какими правами на него обладает девчонка Уизли? Она заслужила полученное ею наказание, равно как и идиот Долгопупс с придурковатой Лавгуд.

— Невилл не идиот, а Полумна не придурковатая! — воскликнула Гермиона.

— Где я? — спросил Финеас Найджелус и опять попытался содрать повязку. — Куда вы меня затащили? Зачем унесли из дома моих предков?

— Не важно! Какому наказанию Снегг подверг Джинни, Невилла и Полумну? — требовательно спросил Гарри.

— Профессор Снегг отправил их на исправительные работы в Запретный лес, к этому олуху Хагриду.

— Хагрид не олух! — снова и уже визгливо вскрикнула Гермиона.

— Снегг мог счесть это наказанием, — негромко сказал Гарри, — но Джинни, Невилл и Полумна, скорее всего, от души смеются над ним вместе с Хагридом. Запретный лес, подумаешь… они видали места и похуже Запретного леса.

Он испытывал облегчение, поскольку успел уже напридумывать всяких ужасов, самым меньшим из которых было заклятие Круциатус.

— Что мы действительно хотели бы узнать,

профессор Блэк, — начала Гермиона, — так это… мм-м… извлекался ли меч из ящика прежде. Может быть, его уносили, чтобы почистить или еще куда-то?

Финеас Найджелус помолчал, снова попытался освободить глаза, а потом хихикнул.

— Отродье маглов, — сказал он. — Оружие гоблинской работы не требует чистки, недотепа вы этакая. Серебро гоблинов отталкивает любую земную грязь, принимая в себя лишь то, что его закаляет.

— Не надо называть Гермиону недотепой, — сказал Гарри.

— Я устал от возражений, — сообщил Финеас Найджелус. — Может быть, мне уже пора вернуться в директорский кабинет?

Он на ощупь двинулся по портрету, пытаясь отыскать край рамы, чтобы покинуть холст и возвратиться в Хогвартс. И тут Гарри ощутил внезапный прилив вдохновения.

— Дамблдор! Вы не могли бы привести сюда Дамблдора?

— Прошу прощения? — удивился Финеас Найджелус.

— Там же висит портрет профессора Дамблдора. Вы не могли бы привести профессора сюда, в

ваш портрет?

Финеас Найджелус повернулся на голос Гарри:

— Похоже, невежество присуще не только отпрыскам маглов, Поттер. Те, кто изображен на портретах Хогвартса, могут беседовать друг с другом, однако они не способны перемещаться за пределами замка. То есть способны, но лишь для того, чтобы навестить другой свой портрет, висящий где-то еще. Дамблдор не может прийти сюда вместе со мной, а после всего, что я от вас натерпелся, я и сам сюда возвращаться не стану, будьте уверены!

Гарри, немного павший духом, наблюдал за Финеасом, возобновившим попытки покинуть раму.

— Профессор Блэк, — произнесла Гермиона, — а не могли бы вы сказать нам, пожалуйста, когда меч в последний раз вынимали из ящика? Я имею в виду, до того, как его забрала Джинни.

Финеас нетерпеливо всхрапнул.

— Сколько я помню, в последний раз меч Гриффиндора покидал при мне ящик, когда профессор Дамблдор вскрывал с его помощью некий перстень.

Гермиона стремительно повернулась к Гарри. Но говорить что-либо в присутствии Финеаса

Найджелуса, сумевшего наконец нащупать выход, они не решились.

— Ну что же, спокойной вам ночи, — не без желчности произнес он и начал выбираться из портрета. Когда на виду остались лишь поля его шляпы, Гарри вдруг крикнул:

— Постойте! А Снеггу вы об этом говорили?

Финеас Найджелус просунул украшенное повязкой лицо обратно в картину:

— Профессору Снеггу хватает важных предметов для размышлений и без многочисленных причуд Альбуса Дамблдора. Всего хорошего, Поттер!

И он исчез окончательно, оставив после себя лишь грязноватый холст.

— Гарри! — вскрикнула Гермиона.

— Я понял! — крикнул в ответ Гарри и, не сдержавшись, пронзил кулаком воздух. Они получили гораздо больше того, на что он смел рассчитывать. Он начал мерить палатку шагами, чувствуя, что может сейчас пробежать целую милю, даже ощущение голода и то покинуло его. Гермиона запихала портрет Финеаса Найджелуса обратно в сумочку и, застегнув ее, отодвинула в сторону и подняла к Гарри сияющее лицо.

— Меч способен уничтожать крестражи! Ору-

жие гоблинской работы принимает в себя лишь то, что его закаляет. Гарри, этот меч пропитан ядом василиска!

— И Дамблдор не отдал мне меч, потому что еще нуждался в нем, собирался уничтожить им медальон…

— …и, наверное, понял, что, если он завещает меч тебе, они его не отдадут…

— …и сделал копию…

— …и поместил подделку в стеклянный ящик…

— …а настоящий спрятал… Где?

Они уставились друг на друга. Гарри чувствовал, что ответ незримо висит где-то прямо над ними, совсем близко. Почему Дамблдор не сказал ему? Или все же сказал, а Гарри просто не понял?

— Думай! — прошептала Гермиона. — Думай. Где он мог оставить меч?

— Только не в Хогвартсе, — ответил Гарри, возобновляя ходьбу.

— Где-нибудь в Хогсмиде? — предположила Гермиона.

— В Визжащей хижине? — сказал Гарри. — Туда теперь никто не заглядывает.

— Да, но Снегг умеет входить в нее, Дамблдор не стал бы так рисковать.

— Дамблдор доверял Снеггу, — напомнил ей Гарри.

— Не настолько, чтобы сказать ему о подмене меча, — ответила Гермиона.

— Да, ты права, — согласился Гарри и даже обрадовался при мысли о том, что доверие Дамблдора к Снеггу все же было хоть и немного, но ограниченным. — Ладно, допустим, он спрятал меч вдали от Хогсмида, — но где? А что думаешь ты, Рон? Рон?

Гарри оглянулся. На один озадачивший его миг ему показалось, что Рон покинул палатку, но тут он увидел каменное лицо Рона, лежавшего на нижней койке.

— О, и обо мне наконец вспомнили, — сказал Рон.

— Что?

Рон, не отрывая взгляда от донышка верхней койки, всхрапнул:

— Продолжайте, продолжайте. Не позволяйте мне портить ваш праздник.

Гарри недоуменно взглянул на Гермиону, рассчитывая на ее помощь, но она, озадаченная, по-видимому, не меньше его, лишь покачала головой.

— В чем проблема-то? — спросил Гарри.

— Проблема? Никакой проблемы нет, — ответил Рон, по-прежнему отказывавшийся смотреть на Гарри. — Во всяком случае, если верить тебе.

По брезенту над их головами ударило несколько капель. Начинался дождь.

— Ладно, значит, проблема имеется у тебя, — сказал Гарри. — Ну так давай, высказывайся.

Рон сбросил с койки длинные ноги и сел. Лицо его было теперь озлобленным, он почти не походил на себя.

— Хорошо. Выскажусь. Только не жди, что я буду скакать по палатке, радуясь еще какой-то обнаруженной вами дряни. Лучше добавь ее к списку вещей, о которых ты ничего не знаешь.

— Не знаю? — переспросил Гарри. — Я не знаю?

Плюх, плюх, плюх — дождь становился все гуще, барабанил по покрытому листьями берегу, по реке, что-то тараторившей в темноте. Страх погасил ликование Гарри. Рон говорил в точности то, что, как подозревал Гарри, должен был думать.

— Как-то не похоже, что я переживаю здесь лучшие дни моей жизни, — продолжал Рон. — Сам понимаешь, рука искалечена, жрать нечего и задница каждую ночь отмерзает. Я надеялся, видишь ли, что, пробегав столько недель с высу-

нутым языком, мы хоть чего-то достигнем.

— Рон, — произнесла Гермиона, но так тихо, что он сделал вид, будто не услышал ее сквозь лупивший по брезенту дождь.

— Мне казалось, ты знаешь, на что идешь, — сказал Гарри.

— Да, мне тоже.

— Так что же именно не отвечает твоим ожиданиям? — спросил Гарри. Теперь на помощь ему приходил гнев. — Ты полагал, что мы будем останавливаться в пятизвездных отелях? Находить каждый день по крестражу? Думал, что на Рождество уже вернешься к мамочке?

— Мы думали, ты знаешь, что делаешь! — крикнул Рон, вскакивая, и эти слова словно пронзили Гарри раскаленными ножами. — Думали, Дамблдор тебе объяснил, что нужно делать! Мы думали, у тебя есть настоящий план!

— Рон! — снова произнесла Гермиона, на этот раз перекрыв голосом шум дождя, но Рон и тут не обратил на нее никакого внимания.

— Ну, прости, что подвел тебя, — ответил Гарри. Голос его был совершенно спокойным, хоть на него и навалилось ощущение пустоты, собственной никчемности. — Я с самого начала был откровенен с вами, рассказывал все, что услышал

от Дамблдора. И ты, возможно, заметил — один крестраж мы нашли…

— Ага, и сейчас близки к тому, чтобы избавиться от него, примерно так же, как ко всем остальным. Иными словами, и рядом со всем этим не стояли!

— Сними медальон, Рон, — непривычно тонким голосом попросила Гермиона. — Пожалуйста, сними. Ты не говорил бы так, если бы не проносил его весь день.

— Да нет, говорил бы, — сказал Гарри, не желавший подыскивать для Рона оправдания. — по-твоему, я не замечал, как вы шепчетесь за моей спиной? Не догадывался, что именно так вы и думаете?

— Гарри, мы не…

— Не ври! — обрушился на нее Рон. — Ты говорила то же самое, говорила, что разочарована, что думала, будто у нас есть за что ухватиться, кроме…

— Я не так это говорила, Гарри, не так! — закричала она.

Дождь молотил в брезент, по щекам Гермионы текли слезы, восторг, который они испытывали несколько минут назад, исчез, как будто его и не было никогда, сгинул, подобно фейерверку, ко-

торый вспыхивает и гаснет, оставляя после себя темноту, сырость, холод. Где спрятан меч Гриффиндора, они не знали, да и кто они, собственно, такие — трое живущих в палатке подростков, единственное достижение которых сводится к тому, что они пока еще не мертвы.

— Так почему же ты все еще здесь? — спросил Гарри у Рона.

— Хоть убей, не знаю, — ответил Рон.

— Тогда уходи, — сказал Гарри.

— Может, и уйду! — крикнул Рон и подступил на несколько шагов к не двинувшемуся с места Гарри. — Ты слышал, что они говорили о моей сестре? Но тебе на это чихать с высокой елки, верно? Подумаешь, Запретный лес! Гарри Видавшему-Вещи-Похуже Поттеру плевать, что с ней там происходит. Ну а мне не плевать ни на гигантских пауков, ни на умалишенных…

— Я сказал только, что она там не одна, что с ними Хагрид…

— Дада, я уже понял, тебе плевать! А как насчет остальной моей семьи? «Уизли вовсе не нужно, чтобы покалечили еще одного их ребенка» — это ты слышал?

— Да, и…

— Не интересуюсь и ими, так?

— Рон, — вставая между ними, сказала Гермиона, — это же не значит, что произошло что-то еще — такое, о чем мы не знаем. Подумай: Билл уже весь в шрамах, многие наверняка видели, как Джорджу оторвало ухо, ты, как считается, лежишь при смерти, я уверена, только об этом он и говорил…

— Ах, ты уверена? Ну отлично, тогда и я за них волноваться не буду. Вам двоим хорошо, вы своих родителей надежно попрятали…

— Мои родители мертвы! — взревел Гарри.

— А мои, может быть, в одном шаге от этого! — завизжал Рон.

— Так УХОДИ! — крикнул Гарри. — Возвращайся к ним, притворись, что вылечился от обсыпного лишая, мамочка накормит тебя и…

Рон сделал неожиданное движение. Гарри отреагировал мгновенно, но, прежде чем палочки вылетели из их карманов, Гермиона подняла свою.

— Протего! — крикнула она, и невидимый щит отделил ее с Гарри от Рона — мощь заклинания заставила всех троих отпрянуть на несколько шагов. Разъяренные Гарри и Рон вглядывались друг в друга сквозь прозрачный барьер, и казалось, будто каждый впервые ясно увидел другого. Не-

нависть к Рону разъедала Гарри, как ржа: что-то, соединявшее их, было разрушено навсегда.

— Оставь крестраж, — сказал Гарри.

Рон через голову сорвал с шеи цепочку и швырнул медальон в ближайшее кресло. А потом взглянул на Гермиону:

— Что будешь делать?

— О чем ты?

— Ты остаешься — или как?

— Я… — страдальчески произнесла Гермиона. — Да… да, остаюсь. Рон, мы обещали пойти с Гарри, обещали помочь…

— Я понял. Ты выбираешь его.

— Нет, Рон… прошу тебя… не уходи, не уходи!

Однако Гермионе помешали ее же Щитовые чары, а когда она сняла их, Рон уже выскочил в темноту. Гарри стоял неподвижно, молча, слушая, как она рыдает, выкликая среди деревьев имя Рона.

Через несколько минут Гермиона вернулась с мокрыми, липнувшими к лицу волосами.

— Он уу-ушел! Трансгрессировал!

Она рухнула в кресло, сжалась в комок и заплакала. Гарри охватило странное оцепенение. Он наклонился, поднял крестраж, повесил его себе на шею. Стянул с койки Рона одеяла, на-

крыл ими Гермиону. А потом забрался на свою и, вслушиваясь в стук дождя, уставился в темную брезентовую крышу.

Глава 16

ГОДРИКОВА ВПАДИНА

Проснувшись на следующее утро, Гарри не сразу вспомнил, что случилось вчера. Потом в нем шевельнулась детская надежда, что все это ему приснилось, что Рон по-прежнему здесь и никуда не уходил. Но, повернув голову на подушке, он увидел пустую койку Рона. Она притягивала взгляд, словно мертвое тело. Гарри соскочил со своей койки, стараясь не смотреть на Ронову постель.

Гермиона уже возилась на кухне. Когда Гарри вошел, она не пожелала ему доброго утра и поскорее отвернулась.

«Ушел, — повторял про себя Гарри. — Ушел. — Умываясь и одеваясь, он думал об одном и том же, как будто можно было свыкнуться с этим. — Ушел и не вернется».

В этом заключалась простая, неприкрашенная правда, потому что, стоит им покинуть стоянку, и защитные заклинания не позволят Рону их найти.

Они позавтракали в молчании. У Гермионы

глаза опухли и покраснели: похоже, она всю ночь не спала. Когда собирали вещи, Гермиона копалась дольше обычного. Гарри понимал, почему она тянет время; несколько раз Гермиона вскидывала голову и прислушивалась — наверное, за шумом дождя ей мерещились шаги, но между деревьями не мелькали рыжие лохмы. Гарри всякий раз оглядывался следом за ней, ведь он и сам невольно на что-то надеялся, но каждый раз ничего не видел, кроме поливаемого дождем леса, и внутри у него взрывался очередной заряд злости. В ушах звучали слова Рона: «Мы думали, ты знаешь, что делаешь!», и Гарри с тяжелым сердцем продолжал упаковывать вещи.

Рядом с ними быстро прибывала мутная вода, и река грозила выйти из берегов. Они и так на целый час против обычного задержали свое отбытие. Наконец Гермиона, в третий раз уложив заново расшитую бисером сумочку, не смогла больше выдумать никакого предлога оставаться на месте. Они с Гарри взялись за руки и, переместившись, оказались на поросшем вереском склоне холма, где гулял на просторе ветер.

Гермиона сразу выпустила руку Гарри и пошла прочь. Отойдя на несколько шагов, она села на большой камень и уткнулась лицом в колени,

вздрагивая всем телом, — Гарри знал, что она плачет. Надо бы, наверное, подойти к ней, утешить, но Гарри стоял как прикованный. Внутри у него словно все смерзлось; он снова видел перед собой презрительное лицо Рона. Он большими шагами двинулся по кругу, в центре которого убивалась Гермиона, — Гарри наводил защитные заклинания, какие обычно устанавливала она.

Следующие несколько дней они вообще не говорили о Роне. Гарри твердо решил, что никогда в жизни не произнесет больше его имени, а Гермиона как будто понимала, что заговаривать об этом бесполезно, хотя по ночам, когда она думала, что он уснул, Гарри слышал, как она всхлипывает. Сам он завел привычку вытаскивать потихоньку Карту Мародеров и рассматривать ее при свете волшебной палочки. Гарри ждал, когда в коридорах Хогвартса снова появится точка с именем Рона — это будет доказательством, что он благополучно вернулся в уютный замок под защитой своего чистокровного происхождения. Однако Рон не появлялся на Карте, и скоро уже Гарри доставал ее только ради того, чтобы смотреть на имя Джинни в спальне для девочек. Вдруг она почувствует сквозь сон силу его взгляда, вдруг каким-то образом догадается, что он думает о ней

и надеется, что у нее все хорошо.

Днем они усердно пытались определить, где сейчас находится меч Гриффиндора, однако чем больше обсуждали, куда Дамблдор мог его запрятать, тем безнадежнее казались все эти разговоры. Гарри, сколько ни ломал голову, не мог вспомнить, чтобы Дамблдор хоть раз упоминал о возможном тайнике. Бывали минуты, когда Гарри и сам не знал, на кого злится больше — на Рона или на Дамблдора. «Мы думали, ты знаешь, что делаешь… Думали, Дамблдор тебе объяснил, что нужно делать… Мы думали, у тебя есть настоящий план!»

Невозможно скрывать от самого себя: Рон был прав — Дамблдор оставил его буквально с пустыми руками. Ну, отыскали они один крестраж, так и тот уничтожить не могут, а остальные крестражи по-прежнему совершенно недоступны. Отчаяние грозило захлестнуть его с головой. Гарри поражался, как у него хватило самонадеянности потащить с собой друзей в это бессмысленное путешествие неведомо куда. Он ничего не знал, ни о чем не имел ни малейшего представления и каждую минуту мучительно ждал, что Гермиона тоже скажет: с нее хватит, — и соберется уходить.

По вечерам они почти не разговаривали. Гермиона вынимала из сумочки портрет Финеаса Найджелуса и устанавливала его на стуле, прислонив к спинке, как будто он мог заполнить пустоту, образовавшуюся после ухода Рона. Несмотря на свои прежние громогласные уверения, что он никогда больше к ним не явится, Финеас Найджелус удостаивал их посещением каждые несколько дней с завязанными глазами — должно быть, не мог удержаться, рассчитывая хоть что-нибудь выведать. Гарри был ему даже рад: все-таки какое-никакое общество, даром что ехидное и зловредное. Они жадно ловили любые новости о том, что делается в Хогвартсе, хотя Финеас Найджелус был далеко не идеальным источником информации. Он искренне почитал Снегга — первого директора-слизеринца со времен самого Финеаса, поэтому Гарри с Гермионой приходилось следить за собой; при всяком критическом отзыве о Снегге или дерзком вопросе по его поводу Найджелус немедленно покидал картину.

Тем не менее кое-какие обрывки удавалось узнать. Снегг, как выяснилось, постоянно сталкивался с глухим сопротивлением части учеников. Джинни запретили прогулки в Хогсмид. Снегг

возобновил старый указ Амбридж о запрете собираться вместе трем и более ученикам и об обязательной регистрации ученических организаций.

Из всего этого Гарри заключил, что Джинни, а с нею, возможно, и Полумна с Невиллом стараются возродить Отряд Дамблдора. Ему отчаянно, до ноющей боли в животе захотелось увидеть Джинни, но заодно с ней снова вспомнился Рон, потом Дамблдор и сам Хогвартс, по которому Гарри тосковал почти так же сильно, как по своей бывшей подружке. Пока Финеас рассказывал о выкрутасах Снегга, Гарри на секунду поддался безумию и подумал: не вернуться ли ему спокойно в школу, вместе со всеми сопротивляться Снеггову режиму, а тем временем у него будет еда, мягкая постель, и пускай другие все решают за него — в ту минуту это казалось самым желанным на свете. Однако после он вспомнил, что объявлен Нежелательным лицом номер один, что за его голову назначена награда в десять тысяч галеонов и соваться сейчас в Хогвартс было бы так же неосторожно, как явиться прямиком в Министерство магии. Финеас Найджелус невольно подчеркивал опасность, то и дело ненавязчиво пытаясь выяснить, где сейчас находятся Гарри и

Гермиона. Каждый раз, как он это делал, Гермиона бесцеремонно заталкивала его в расшитую бисером сумочку, после чего Финеас неизменно пропадал на несколько дней.

Погода портилась, становилось все холоднее. Гарри и Гермиона не решались подолгу оставаться на одном месте, поэтому из южной части Англии, где разве что по ночам слегка подмораживало, им пришлось переместиться в другие районы. То их забрасывало в горы, где хлестали дожди вперемешку со снегом, то на болота, где палатку залило ледяной водой, то на крохотный островок посреди шотландского горного озера, где их за ночь засыпало снегом чуть ли не по самую крышу.

В окнах домов уже мигали огоньками рождественские елки, и наконец наступил вечер, когда Гарри снова отважился заговорить о единственном, на его взгляд, оставшемся направлении поисков. Они только что закончили необычно вкусный ужин: Гермиона в мантии-невидимке навестила ближайший супермаркет (причем добросовестно положила деньги в кассу), и Гарри надеялся, что она станет более сговорчивой, наевшись спагетти болоньезе и консервированных груш. Кроме того, он предусмотрительно пред-

ложил на пару часов отдохнуть от крестража, который висел теперь на спинке кровати.

— Гермиона?

— М-м?

Она устроилась в продавленном кресле со «Сказками барда Бидля» в руках. Гарри не мог себе представить, что еще можно выжать из несчастной книжонки, не такой уж, кстати, и толстой, но Гермиона, как видно, все пыталась что-то расшифровать — рядом с ней на ручке кресла лежал раскрытый «Словник чародея».

Гарри кашлянул. Точно так же он чувствовал себя несколько лет назад, когда собирался с духом, чтобы спросить профессора Макгонагалл, можно ли ему пойти в Хогсмид, хотя Дурсли так и не согласились подписать для него разрешение.

— Гермиона, я тут подумал…

— Гарри, ты можешь мне помочь?

Она явно его не слышала. Гермиона наклонилась вперед и протянула ему книгу.

— Посмотри вот на этот символ. — Она ткнула пальцем в страницу. Вверху располагался, должно быть, заголовок очередной сказки (хотя у Гарри не было полной уверенности, поскольку он не умел читать руны), а над ним было изображено нечто вроде треугольного глаза, зрачок

которого пересекала вертикальная черта.

— Гермиона, я же не изучал древние руны.

— Знаю, но это не руна, и в «Словнике» ее нет. Я думала, это просто глаз нарисован, а теперь что-то сомневаюсь. Смотри: знак выполнен чернилами, кто-то его нарисовал в уже готовой книжке. Вспомни, ты никогда не видел его раньше?

— Да нет… Нет, погоди-ка! — Гарри присмотрелся поближе. — Это вроде тот самый символ, который был на шее у отца Полумны?

— Вот и я то же самое подумала!

— Значит, это знак Грин-де-Вальда. Гермиона уставилась на него, разинув рот.

— Что?!

— Мне Крам рассказывал…

Гарри пересказал свой разговор с Виктором Крамом на свадьбе Билла и Флер. Гермиона была потрясена.

— Символ Грин-де-Вальда?

Она переводила взгляд с Гарри на загадочный знак и обратно.

— Не слышала, чтобы у Грин-де-Вальда был какой-то особый символ. Ни в одной книге об этом не упоминается.

— Ну, я же говорю, Крам сказал, что такой же знак вырезан на стене в Дурмстранге и что оста-

вил его там Грин-де-Вальд.

Гермиона, нахмурившись, откинулась на спинку кресла:

— Очень странно… Если это — символ темной магии, что он делает в детской книге сказок?

— Да, загадка, — согласился Гарри. — Казалось бы, Скримджер должен был его заметить. Министр обязан разбираться во всяких темных делах.

— Знаю… Может, он тоже подумал, что это просто глаз? У всех других сказок есть такие маленькие картиночки над заголовком.

Она умолкла, сосредоточенно разглядывая непонятный знак. Гарри сделал еще одну попытку.

— Гермиона!

— М-м?

— Я тут подумал… Я хочу побывать в Годриковой Впадине.

Гермиона посмотрела на него как-то отрешенно, наверное, все еще размышляя о таинственном символе из книги.

— Да, — произнесла она. — Да, я тоже об этом думала. Я тоже так считаю.

— Ты хоть слышала, что я сказал?

— Конечно. Ты хочешь побывать в Годриковой

Впадине. Я согласна с тобой. В смысле, я тоже не представляю, где еще он может быть. Это рискованно, однако чем больше я думаю, тем более вероятным мне кажется, что он там.

— Э-э… кто — он? — удивился Гарри.

Гермиона посмотрела на него с не меньшим недоумением.

— Да меч, конечно! Дамблдор наверняка знал, что ты захочешь туда вернуться, и потом, все-таки Годрик Гриффиндор там родился…

— Правда? Гриффиндор родился в Годриковой Впадине?

— Гарри, ты вообще хоть раз открывал «Историю магии»?

— Э-ээ… — ответил он, улыбаясь, кажется, в первый раз за несколько месяцев; лицевые мышцы уже отвыкли от такого выражения. — Может, и открывал разок, когда покупал… но не больше того.

— Ну, знаешь, мог бы и догадаться, раз деревня названа его именем, — отрезала Гермиона совсем прежним тоном. Гарри уже ждал, что она сейчас отправит его в библиотеку. — Вот подожди, в «Истории магии» об этом кое-что рассказывается…

Она принялась копаться в бисерной сумочке

и наконец извлекла оттуда старый школьный учебник — «Историю магии» Батильды Бэгшот — и отыскала нужную страницу.

— «После принятия в 1689 году Статута о секретности волшебники перешли на скрытный образ жизни. Внутри существующих поселений естественным путем возникали маленькие магические сообщества. В небольших деревушках зачастую селились по нескольку волшебных семей, поддерживая и защищая друг друга. Широко известны такие поселения, как Тинворт в Корнуолле, Аппер-Фледжли в Йоркшире и Оттери-Сент-Кэчпоул на южном побережье Англии, где волшебники жили бок о бок с маглами, проявлявшими терпимость, или же подвергнутыми заклятию Конфундус. Среди таких полумагических поселений, вероятно, больше всего прославилась Годрикова Впадина в одном из юго-западных графств. Здесь родился великий волшебник Годрик Гриффиндор, и здесь же маг и кузнец Боумен Райт выковал первый золотой снитч. На местном кладбище можно увидеть множество старинных магических фамилий; несомненно, именно этим объясняется обилие рассказов о привидениях, уже много столетий обитающих поблизости от маленькой церквушки».

Ты и твои родители не упомянуты, — сказала Гермиона, захлопывая книгу, — потому что профессор Бэгшот рассматривает только период до конца девятнадцатого века, но ты же видишь? Годрикова Впадина, Годрик Гриффиндор, меч Гриффиндора… Наверное, Дамблдор ожидал, что ты догадаешься?

— Ага…

Гарри не хотелось признаваться, что, предлагая отправиться в Годрикову Впадину, он и думать не думал о мече. Его тянуло туда совсем другое: могилы родителей, дом, где он чудом спасся от смерти, и Батильда Бэгшот.

В конце концов он спросил:

— Помнишь, что говорила Мюриэль?

— Кто?

— Ну, эта… — Гарри запнулся, ему не хотелось упоминать Рона. — Двоюродная бабушка Джинни. Которая сказала, что у тебя костлявые лодыжки.

— А-а, — отозвалась Гермиона.

Момент был щекотливый. Гарри знал, что она почуяла отзвук имени Рона, и торопливо продолжил:

— Мюриэль сказала, что Батильда Бэгшот и сейчас еще живет в Годриковой Впадине.

— Батильда Бэгшот… — пробормотала Гермиона, водя пальцем по рельефно исполненному имени Батильды на обложке «Истории магии». — Ну что ж, пожалуй…

Она внезапно ахнула, да так, что у Гарри все внутри оборвалось; он выхватил волшебную палочку и обернулся, готовый увидеть, как из-под входного клапана высовывается чья-то рука, но там ничего не было.

— Что? — спросил он, наполовину испуганно, наполовину с облегчением. — Ты больше так не делай! Я уж думал, к нам в палатку лезут Пожиратели смерти, не иначе…

— Гарри, а что, если меч у Батильды?! Что, если Дамблдор отдал его ей на хранение?

Гарри задумался. Батильда сейчас, должно быть, уже очень старая и, если верить Мюриэль, «выжила из ума».

Неужели Дамблдор доверил бы ей волшебный меч? А если так, то не слишком ли он полагался на случайности? Ведь Дамблдор не сказал Гарри, что заменил меч подделкой, и ни словом не обмолвился о своей дружбе с Батильдой. Впрочем, момент был не самый подходящий, чтобы подвергать сомнениям теорию Гермионы, которая так неожиданно совпала с заветным желанием

Гарри.

— Ага, мог и отдать! Ну что, двинем в Годрикову Впадину?

— Да, только нужно все как следует продумать.

Гермиона расправила плечи. Было видно, что перспектива снова действовать по плану воодушевила ее не меньше, чем Гарри.

— Первым делом нужно потренироваться, чтобы трансгрессировать вместе под мантией-невидимкой, и, пожалуй, стоило бы отработать Дезиллюминационное заклинание, или уж не мелочиться и сразу воспользоваться оборотным зельем, как ты считаешь? Тогда нужно раздобыть чьи-нибудь волосы. Знаешь, Гарри, наверное, так мы и сделаем, вернее будет…

Гарри не перебивал, кивал головой и соглашался, но мысли его были далеко. Он испытывал душевный подъем, в первый раз с тех пор, как узнал, что меч, хранящийся в «Гринготтсе», — подделка.

Скоро он вернется домой, туда, где когда-то жила его семья. Если бы не Волан-де-Морт, он рос бы в Годриковой Впадине, приезжал бы туда на каникулы, приглашал друзей погостить… У него могли быть братья и сестры… Праздничный пирог ему на семнадцатилетие испекла бы мама, а

не кто-то другой… Жизнь, которую отняли у него, никогда не казалась такой реальной, как сейчас, когда он собирался увидеть место, где лишился всего этого. Вечером, когда Гермиона легла спать, Гарри тихонько вытащил из расшитой бисером сумочки свой рюкзак, а из рюкзака — альбом с фотографиями, подаренный ему Хагридом много лет назад. Он уже несколько месяцев не смотрел на старые фотографии, с которых улыбались и махали ему папа и мама. Больше у Гарри ничего от них не осталось.

Гарри был бы рад назавтра же помчаться в Годрикову Впадину, однако Гермиона решила иначе. Она не сомневалась, что Волан-де-Морт рассчитывает на возвращение Гарри к месту гибели его родителей, и настаивала на тщательной маскировке. Целую неделю они отрабатывали трансгрессию с мантией-невидимкой, тайком добыли волосы у двоих ничего не подозревающих маглов, совершавших рождественские покупки, и только тогда Гермиона согласилась отправиться в путь.

Они собирались явиться в Годрикову Впадину под покровом темноты, поэтому приняли Оборотное зелье, когда уже смеркалось. Гарри превратился в лысоватого пожилого магла, а

Гермиона — в его худенькую, похожую на мышку жену. Бисерную сумочку со всеми их пожитками (кроме крестража, висевшего у Гарри на шее) Гермиона засунула во внутренний карман пальто, застегнутого на все пуговицы. Гарри накинул на них обоих мантию-невидимку, и они провалились в знакомую удушливую тьму.

Чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, Гарри открыл глаза. Они с Гермионой стояли, держась за руки, посреди заснеженной дороги. В темно-синем небе слабо мерцали первые звезды. По сторонам узенькой улочки виднелись домики, украшенные к Рождеству. Чуть впереди золотистый свет уличных фонарей указывал центральную площадь деревушки.

— Сколько снега! — прошептала Гермиона под мантией. — Как же мы не подумали? Столько старались, наводили маскировку, а теперь за нами останутся следы! Придется заметать. Я этим займусь, ты иди первым.

Гарри совсем не улыбалось вступить в деревню на манер лошади из пантомимы, стараясь не высунуться из-под мантии и одновременно уничтожая следы. — Давай снимем мантию, — предложил он.

Гермиона перепугалась, но Гарри сказал:

— Да ладно тебе, мы все равно на себя непохожи, и кто нас тут вообще увидит? Никого же нет!

Он затолкал мантию за пазуху, и они пошли вперед. Морозный воздух обжигал лицо. Любой из коттеджей, мимо которых они проходили, мог оказаться тем самым, где когда-то жили Джеймс и Лили, а может быть, сейчас жила Батильда. Гарри разглядывал парадные двери, засыпанные снегом крыши и крылечки и пытался понять, помнит ли он их, зная в глубине души, что это невозможно, ведь ему едва исполнился год, когда его забрали отсюда. Он даже не был уверен, можно ли еще увидеть их прежний дом. Гарри не знал, что происходит после смерти людей, на которых было наложено заклятие Доверия. Вдруг улочка свернула влево, и перед Гарри с Гермионой открылась уютная деревенская площадь.

Вся она была увешана гирляндами разноцветных фонариков, посередине высился обелиск, его частично заслоняла покачивавшаяся на ветру рождественская ель. Рядом виднелись несколько магазинчиков, почта и паб; на дальней стороне площади драгоценными каменьями сияли цветные витражи в окнах маленькой церкви.

Ноги скользили на плотно утоптанном за день снегу. Через площадь спешили во всех направле-

ниях жители деревни, мелькая в свете уличных фонарей. Когда открывалась дверь паба, оттуда доносились музыка и смех; из церквушки послышался рождественский хорал.

— Гарри, а ведь сегодня сочельник! — воскликнула Гермиона.

— Разве?

Гарри давно потерял счет времени. Они уже несколько недель не видели газет.

— Точно, сочельник, — сказала Гермиона, не отрывая взгляда от церкви. — Они… они, наверное, там, да? Твои мама и папа… Вон кладбище, за церковью.

Гарри охватило чувство, скорее похожее на страх. Оказавшись так близко к цели, он уже не знал, хочет ли в самом деле увидеть их могилы. Гермиона, видно, почувствовала, что с ним происходит, — она схватила его за руку и потянула вперед, в первый раз взяв на себя инициативу. Посреди площади она вдруг остановилась.

— Гарри, смотри!

Гермиона показывала на обелиск. Стоило им приблизиться, как он преобразился. Вместо стелы с множеством имен перед ними возникла скульптура. Трое людей: взлохмаченный мужчина в очках, женщина с длинными волосами и

младенец у нее на руках. На головах у всех троих белыми пушистыми шапками лежал снег.

Гарри подошел вплотную, вглядываясь в лица родителей. Он и представить себе не мог, что им поставлен памятник… Так странно было видеть самого себя в виде каменного изваяния. Счастливый, веселый малыш без шрама на лбу…

— Пошли, — буркнул Гарри, насмотревшись, и они снова повернули к церкви.

Переходя через дорогу, Гарри оглянулся через плечо — статуи опять превратились в обелиск.

Ближе к церкви пение слышалось громче. У Гарри перехватило горло, ему так ярко вспомнился Хогвартс: Пивз, распевающий похабные песенки на мотив хоралов, прячась в пустых доспехах, двенадцать рождественских елей в Большом зале, Дамблдор в шляпе с цветами, которую он достал из хлопушки, Рон в свитере ручной вязки…

На кладбище вела узенькая калитка. Гермиона как можно тише отворила ее, и они с Гарри протиснулись внутрь. По обе стороны скользкой дорожки перед входом в церковь лежали сугробы нетронутого снега. Гарри и Гермиона обошли здание кругом, оставляя за собой глубокие борозды и стараясь держаться в тени под ярко освещен-

ными окнами.

За церковью тянулись ряды надгробий, укрытых голубоватым снежным одеялом в крапинках алых, золотых и зеленых искр от озаренных витражей. Гарри подошел к ближайшей могиле, стискивая волшебную палочку в кармане куртки.

— Смотри, здесь какой-то Аббот — может быть, дальний родственник Ханны!

— Тише ты! — шикнула Гермиона.

Они побрели дальше среди могил, увязая в снегу, нагибаясь, чтобы рассмотреть надписи на старых надгробиях, то и дело всматриваясь в темноту — не следит ли кто за ними.

— Гарри, сюда!

Гермиона отстала от него на два ряда; проваливаясь в снег, Гарри вернулся к ней. Сердце тяжело бухало в груди.

— Они?

— Нет, но ты посмотри!

Она показывала на темный надгробный камень. Гарри наклонился и разглядел на мерзлом, в пятнах лишайника граните надпись «Кендра Дамблдор», даты рождения и смерти, а чуть пониже «и ее дочь Ариана». Еще на камне было выбито изречение из Библии: «Где сокровище

ваше, там будет и сердце ваше».

Значит, Рита Скитер и Мюриэль не совсем переврали факты. Дамблдоры действительно жили здесь, а некоторые и умирали.

Увидеть могилу своими глазами было хуже, чем просто услышать обо всем. Гарри невольно подумал, что у них обоих с Дамблдором глубокие корни на этом кладбище, а ведь Дамблдор и не подумал рассказать ему об этом. Они могли вместе навещать могилы своих родных. Ему вдруг представилось, как они с Дамблдором приходят сюда вдвоем. Как это объединило бы их, как важно было бы для Гарри! Но для Дамблдора, как видно, ровно ничего не значило, что близкие им люди лежат на одном и том же кладбище, — так, пустячное совпадение, никак не связанное с задачей, которую он предназначил Поттеру.

Гермиона наблюдала за Гарри, и он был рад, что его лицо оказалось в тени. Он еще раз прочел надпись на надгробии: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Он не мог понять, что означают эти слова. Наверное, их выбирал сам Дамблдор, оставшийся главой семьи после смерти матери.

— А он точно не говорил… — начала Гермиона.

— Нет, — отрезал Гарри. — Давай искать даль-

ше.

Он отвернулся, жалея, что увидел этот камень; неприятно было замутнять обидой минуту высокого волнения. Почти сразу Гермиона снова позвала из темноты:

— Сюда! Ой, нет, прости. Мне показалось, что тут написано «Поттер».

Она смахнула снег с потрескавшегося замшелого камня, присмотрелась, нахмурив брови.

— Гарри, подойди-ка на минуточку.

Он не хотел опять отвлекаться и полез по снегу крайне недовольный.

— Что?

— Гляди!

Могила была очень старая, запущенная, Гарри с трудом разобрал имя. Гермиона указала на символ, выбитый чуть ниже.

— Гарри, это тот знак из книги!

Гарри вгляделся: изображение сильно стерлось, имя почти не читается, но вроде там действительно что-то вроде треугольника.

— Ну да… может быть…

Гермиона зажгла огонек на конце волшебной палочки и осветила имя на надгробии.

— Тут написано Иг… Игнотус, кажется.

— Я пойду поищу родителей, ладно? — сказал

Гарри не без яда и двинулся дальше; а Гермиона так и осталась стоять, согнувшись над заброшенной могилой.

То и дело ему попадались знакомые по Хогвартсу фамилии вроде Аббот. Иногда рядом оказывались несколько поколений одной и той же семьи — судя по датам, можно было предположить, что тот или иной род прервался или переехал из Годриковой Впадины. Гарри уходил все дальше среди могил и каждый раз, приближаясь к очередному надгробию, замирал от волнения и ожидания.

Темнота и тишина вдруг словно сделались глубже. Гарри огляделся, невольно подумав о дементорах, но тут же сообразил, что пение в церкви смолкло, болтовня прихожан затихает вдали, на деревенской площади. кто-то погасил огни в храме.

В третий раз из темноты донесся звонкий голос Гермионы:

— Гарри, они здесь… совсем рядом.

Гарри понял по интонации, что на этот раз там его папа и мама. Он пошел на голос, чувствуя, что какая-то тяжесть сдавила грудь. Такое же чувство было у него, когда умер Дамблдор, — горе физически тяжелым грузом придавило сердце и легкие.

Могила оказалась всего через два ряда от Кендры и Арианы. Надгробие было из белого мрамора, как и у Дамблдоров, оно словно светилось в темноте, так что читать было легко. Гарри не пришлось опускаться на колени, ни даже наклоняться, чтобы прочесть выбитые в камне слова.

Джеймс Поттер. 27 марта I960 года — 31 октября 1981 года

Лили Поттер. 30 января I960 года — 31 октября 1981 года

Последний же враг истребится — смерть.

Гарри читал медленно, словно у него больше не будет возможности понять смысл надписи. Последние слова он произнес вслух.

— «Последний же враг истребится — смерть»… — Жуткая мысль вдруг обдала его холодом. — Это ведь лозунг Пожирателей смерти! Почему он здесь?

— Тут совсем не тот смысл, что у Пожирателей смерти, Гарри, — мягко сказала Гермиона. — Имеется в виду… ну, ты знаешь… жизнь после смерти.

«Но они не живые, — подумал Гарри. — Их нет!» Пустые слова не могут изменить того, что бренные останки его родителей лежат здесь, под снегом и камнем, ничего не ведающие, ко

всему равнодушные. Вдруг полились слезы, он не успел их удержать; горячие, обжигающие, они мгновенно замерзали на щеках и не было смысла вытирать их. Пусть текут, что толку притворяться? Гарри стиснул губы, уставившись на снег, скрывающий место последнего упокоения Лили и Джеймса. Теперь от них остались только кости или вовсе прах, они не знают и не волнуются о том, что их живой сын стоит здесь, так близко, и его сердце все еще бьется благодаря их самопожертвованию, хотя он уже готов пожалеть, что не спит вместе с ними под занесенной снегом землей.

Гермиона взяла его руку и крепко сжала. Он не мог на нее смотреть, только сжал ей руку в ответ и судорожно глотнул ночной воздух, изо всех сил стараясь снова овладеть собой. Нужно было что-нибудь им принести, как же это он не подумал, а тут, на кладбище, кругом только голые, замерзшие ветки. Но Гермиона повела волшебной палочкой, и перед ними расцвел венок рождественских роз. Гарри подхватил его и положил на могилу.

Как только выпрямился, сразу захотелось уйти; он ни минуты больше не мог здесь выдержать. Гарри положил руку Гермионе на плечи, а она об-

хватила его за талию, и оба молча пошли прочь, по глубокому снегу, мимо матери Дамблдора и его сестры, мимо темной и тихой церкви к узенькой, невидимой вдали калитке.

Глава 17

СЕКРЕТ БАТИЛЬДЫ

— Гарри, стой!

— В чем дело?

Они только что поравнялись с могилой неведомого Аббота.

— Там кто-то есть! кто-то на нас смотрит, я чувствую. Вон там, где кусты.

Они застыли на месте, держась друг за друга и всматриваясь в плотную черноту, окаймляющую кладбище. Гарри ничего не мог разглядеть.

— Ты уверена?

— Я видела, там что-то шевелилось, слово даю… Она высвободила руку с волшебной палочкой.

— Мы же вроде маглы, — напомнил ей Гарри.

— Ага, маглы, которые только что положили цветы на могилу твоих родителей! Гарри, там точно кто-то есть.

Гарри вспомнил «Историю магии» — считается, что на кладбище обитают привидения. Что, если… Но тут он услышал шорох и увидел, как с потревоженной ветки куста осыпается снег. Призраки не могут передвигать снег.

— Кошка, — решил Гарри, подождав еще пару секунд, — или птица. Будь там Пожиратель смерти, мы были бы уже мертвы. Все равно пошли отсюда и давай наденем мантию-невидимку.

Уходя с кладбища, они постоянно оглядывались. Гарри на самом деле чувствовал себя совсем не так оптимистично, как старался показать Гермионе, и был очень рад наконец добраться до калитки и ступить на скользкую мостовую. Они опять накинули на себя мантию. В пабе толпилось еще больше народу, чем раньше; там дружно распевали тот же самый хорал, который звучал в церкви. Гарри подумал было, не укрыться ли им в пабе, но не успел ничего сказать, как Гермиона прошептала: «Сюда», — и потянула его в темную улочку, ведущую к окраине деревни в направлении, противоположном тому, откуда они прибыли. Уже было видно, где кончаются дома и дорога выходит на открытое место. Гарри с Гермионой прибавили шагу. В окнах домов сверкали разноцветные огни, на занавесках виднелись силуэты рождественских елок.

— Как нам найти дом Батильды? — спросила Гермиона. Она чуть-чуть дрожала и все время оглядывалась через плечо. — Гарри, ты как думаешь? Гарри!

Она дернула его за рукав, но Гарри не слушал. Он не мог отвести взгляда от темной массы в самом конце ряда домов. Вдруг он рванулся вперед, волоча за собой Гермиону; она то и дело поскальзывалась на льду.

— Гарри…

— Смотри… Гермиона, смотри!

— Я ничего не… Ой!

Очевидно, заклятие Доверия умерло вместе с Джеймсом и Лили. Живая изгородь успела здорово разрастись за шестнадцать лет, прошедших с того дня, когда Хагрид забрал маленького Гарри из развалин, что лежали среди высокой, по пояс, травы. Большая часть коттеджа устояла, хоть и была сплошь оплетена плющом и покрыта снегом, но правую часть верхнего этажа снесло начисто; Гарри был уверен, что именно там ударило отраженное заклятие. Они с Гермионой стояли у калитки и смотрели, запрокинув головы, на разрушенный дом, который когда-то, наверное, не отличался от соседних коттеджей.

— Не понимаю, почему его не отстроили заново? — шепнула Гермиона.

— Может, его нельзя отстроить? — ответил Гарри. — Может, это как раны, нанесенные темной магией, их ведь нельзя исцелить.

Он высунул руку из-под мантии-невидимки и взялся за ржавую, запорошенную снегом калитку — не для того, чтобы открыть, а просто чтобы коснуться хоть части этого дома.

— Ты же не пойдешь внутрь? По-моему, это опасно, он может… Ой, Гарри, смотри!

Должно быть, прикосновение Гарри привело в действие чары. Над калиткой возникла вывеска, поднявшись из зарослей крапивы и сорной травы, словно странный быстрорастущий цветок. Золотые буквы на деревянной доске гласили:

Здесь в ночь на 31 октября 1981 года
были убиты Лили и Джеймс Поттер.
Их сын Гарри стал единственным волшебником в мире,
пережившим Убивающее заклятие.
Этот дом, невидимый для маглов, был оставлен
в неприкосновенности как памятник Поттерам
и в напоминание о злой силе,
разбившей их семью.

Вокруг аккуратно выведенных строчек доска была сплошь исписана. Здесь приложили руку множество волшебников и волшебниц, приходивших почтить место, где избежал смерти

Мальчик, Который Выжил. кто-то просто расписался вечными чернилами, кто-то вырезал в деревянной доске свои инициалы, многие оставили целые послания. Более свежие выделялись на фоне наслоений магических граффити, скопившихся за шестнадцать лет, а содержание было у всех примерно одно и тоже.

«Удачи тебе, Гарри, где бы ты ни был!», «Если ты читаешь это, Гарри, мы с тобой!», «Да здравствует Гарри Поттер!».

— Свинство — портить вывеску! — возмутилась Гермиона.

Но Гарри так и сиял.

— Это же здорово! Мне нравится, что они так написали. Я…

Он резко умолк. К ним приближалась, ковыляя, тепло укутанная фигура. Она выделялась четким силуэтом в отсветах фонарей с центральной площади деревни. Похоже было, что это женщина, хотя судить было трудно. Она двигалась медленно — возможно, боялась поскользнуться на утоптанном снегу. Сгорбленная спина, грузное тело, шаркающая походка — все говорило о глубокой старости. Гарри и Гермиона молча стояли, наблюдая, как она подходит ближе. Гарри ждал, что старуха свернет к какому-нибудь

коттеджу, однако в глубине души инстинктивно чувствовал, что она этого не сделает. Старуха остановилась за несколько шагов от них и застыла столбом посреди дороги.

Гермиона могла бы и не щипать Гарри за руку, он и так понимал, что старуха вряд ли из маглов. Она смотрела прямо на дом, невидимый для всех, кроме волшебников. Пусть даже она волшебница, все равно довольно странно выходить из дому морозной зимней ночью только ради того, чтобы полюбоваться на развалины. Между тем их с Гермионой видеть она не могла, по всем законам нормальной магии. И все же у Гарри было необъяснимое чувство, что она точно знает, где они. Только эта тревожная мысль мелькнула у него в мозгу, старуха подняла руку в перчатке и поманила его.

Гермиона теснее прижалась к нему под мантией:

— Откуда она знает?

Гарри покачал головой. Старуха поманила снова, с удвоенной энергией. Гарри мог бы придумать множество причин, почему откликаться не следует, но подозрения по поводу того, кто такая эта старуха, становились сильнее с каждой секундой, пока они стояли друг против друга

посреди пустынной улицы.

Неужели она их дожидалась все эти долгие месяцы? Неужели Дамблдор велел ей ждать, предупредив, что Гарри обязательно придет? Может, это она и пряталась в тени кустов на кладбище, а потом пришла за ними сюда? Даже то, что она почуяла его под мантией-невидимкой, говорит о способностях вроде Дамблдоровых. Раньше Гарри никогда с таким не сталкивался.

Наконец Гарри заговорил — Гермиона даже подпрыгнула от неожиданности.

— Вы Батильда?

Закутанная фигура кивнула и снова поманила пальцем.

Гарри и Гермиона переглянулись под мантией. Гарри вопросительно поднял брови, Гермиона тревожно кивнула.

Они сделали шаг, и старуха тут же заковыляла прочь, туда, откуда они пришли. Миновав несколько домов, она свернула в калитку. Гарри и Гермиона прошли следом за ней через сад, почти такой же заросший, как и тот, на который они только что смотрели. Повозившись с ключом, старуха открыла дверь и отступила, пропуская их вперед.

От нее скверно пахло, а может, это от дома. Гар-

ри сморщил нос, боком протискиваясь в дверь и стягивая мантию-невидимку. Оказавшись рядом со старухой, он заметил, какая она низенькая; согнутая от старости, она была ему по грудь. Старуха закрыла за ними дверь — синеватые костяшки пальцев резко выделялись на фоне осыпающейся краски — и уставилась Гарри в лицо. Глаза ее, затянутые бельмами, прятались в складках полупрозрачной кожи, лицо было все в красных прожилках сосудов и старческих пигментных пятнах. Непонятно, могла ли она что-нибудь вообще видеть, а если и могла, то разве что лысеющего магла, чью украденную личину носил сегодня Гарри.

Старуха размотала побитую молью черную шаль, открыв реденькие белые волосы, сквозь которые просвечивала кожа. Запах старости; пыли и немытого тряпья стал еще сильнее.

— Батильда? — повторил Гарри.

Она опять кивнула. Гарри вдруг почувствовал, как ожил медальон у него на груди, сквозь холодное золото ощущался пульс. Может быть, то, что скрывается внутри, почуяло угрозу?

Батильда, волоча ноги, прошла мимо них, толкнув по дороге Гермиону, как будто не видела ее, и скрылась в комнате — надо полагать, гостиной.

— Гарри, что-то я сомневаюсь, — зашептала Гермиона.

— Смотри, какая она мелкая. Если что, мы с ней уж как-нибудь справимся, — ответил Гарри. — Слушай, я тебе не говорил, она немного не в себе. Мюриэль сказала, что она выжила из ума.

— Иди сюда! — позвала Батильда Из-за двери. Гермиона дернулась и схватила Гарри за руку.

— Все нормально, — успокоил он ее и первым вошел в гостиную.

Батильда ковыляла по комнате, зажигая свечи, но все-таки здесь было очень темно, не говоря уже о том, что безумно грязно. Под ногами скрипел толстый слой пыли, а нос Гарри различил, кроме запаха затхлости и плесени, нечто гораздо худшее, вроде протухшего мяса. Да когда же в последний раз к Батильде кто-нибудь заглядывал поинтересоваться, не нужна ли ей помощь? Она, кажется, напрочь забыла, что владеет магией, — свечи зажигала неуклюже, одной рукой, рискуя поджечь обвисшую кружевную манжету.

— Давайте я, — предложил Гарри, отбирая у нее спички.

Батильда молча смотрела, как он зажигает свечные огарки, расставленные на блюдечках по всей комнате, на шатких стопках книг и на

чайных столиках среди растрескавшихся плесневелых чашек.

Последнюю свечку Гарри обнаружил на пузатом комодике, где теснились фотографии. Вспыхнул огонек, отражение заплясало в пыльных стеклах и на потускневших серебряных рамках. Изображения на снимках чуть заметно зашевелились. Пока Батильда возилась с дровами у очага, Гарри прошептал:

— Тергео!

Пыль с фотографий исчезла, и сразу стало видно, что с полдюжины самых больших и вычурных рамок пусты. Интересно, кто вынул фотографии — сама Батильда или кто-нибудь другой? Тут Гарри бросился в глаза один снимок, стоявший сзади. Он схватил фотографию.

Из рамки на Гарри смотрел, лениво улыбаясь, веселый вор с золотыми волосами, сидевший когда-то на корточках на подоконнике в мастерской Грегоровича. И тут Гарри вспомнил, где он видел это лицо, — в книге «Жизнь и обманы Альбуса Дамблдора», рука об руку с молодым Дамблдором. Там же, наверное, и все остальные фотографии, Рита Скитер их прибрала.

— Миссис… мисс Бэгшот! — окликнул Гарри слегка дрожащим голосом. — Кто это?

Батильда стояла посреди комнаты и смотрела, как Гермиона разводит огонь в очаге.

— Мисс Бэгшот? — повторил Гарри, подходя к ней с фотографией.

В камине вспыхнуло пламя. Батильда оглянулась на голос, и крестраж забился чаще у Гарри на груди.

— Кто этот человек? — спросил Гарри, сунув фотографию ей под нос.

Старуха молча воззрилась на снимок, потом на Гарри.

— Вы знаете, кто это? — повторил он очень громко и раздельно. — Этот человек? Вы его знаете? Как его зовут?

Батильда тупо смотрела на Гарри. Он почувствовал глухое отчаяние. И как это Рита сумела ее разговорить?

— Кто этот человек? — громко повторил он.

— Гарри, что ты делаешь? — спросила Гермиона.

— Тут на фотографии тот самый вор, ну, который украл что-то из мастерской Грегоровича! Пожалуйста, вспомните! — взмолился он. — Кто это?

Старуха все так же молча смотрела на него.

— Зачем вы позвали нас, миссис… мисс Бэг-

шот? — спросила Гермиона, тоже повысив голос. — Вы что-то хотели нам рассказать?

Батильда словно и не слышала Гермиону Она, шаркая, подступила к Гарри и движением головы указала на дверь.

— Вы хотите, чтобы мы ушли? — спроси Гарри. Она повторила свой жест, однако на этот раз ткнула пальцем сперва в него, потом в себя, потом в потолок.

— А, понял… Гермиона, По-моему, она хочет, чтобы я поднялся с ней наверх.

— Ладно, пошли, — сказала Гермиона.

Но стоило Гермионе двинуться с места, Батильда на удивление энергично затрясла головой и снова указала на себя и на Гарри.

— Она хочет, чтобы я пошел с ней один.

— Почему это? — резко спросила Гермиона. Ее голос звонко разнесся по освещенной свечами комнате. Старуха качнула головой от громкого звука.

— Может, Дамблдор не велел ей давать меч никому, кроме меня?

— Ты думаешь, она на самом деле знает, кто ты?

— Да, — ответил Гарри, глядя сверху вниз в обращенные к нему белые глаза. — Думаю, знает.

— Ну хорошо, только возвращайся поскорее, Гарри.

— Ведите, — сказал Гарри Батильде.

Она как будто поняла, во всяком случае, заковыляла к двери. Гарри оглянулся и ободряюще улыбнулся Гермионе, хоть и не был уверен, что она это видела. Она стояла, обхватив себя руками, посреди озаренного свечами запустения и не отрывала взгляда от книжного шкафа. Выходя из комнаты, Гарри незаметно сунул за пазуху фотографию незнакомого вора в серебряной рамке.

Лестница была крутая и узкая, Гарри посетило искушение подпереть руками мощный зад Батильды, нависавший у него над головой, чтобы она ненароком не рухнула на него. Медленно, с хрипом дыша, старуха взобралась по ступенькам, на площадке свернула направо и провела Гарри в спальню с низким потолком.

Здесь было черно, хоть глаз выколи, и пахло совсем ужасно. Гарри разглядел выступающий из-под кровати ночной горшок, но тут Батильда закрыла дверь, и комната погрузилась в непроглядный мрак.

— Люмос! — произнес Гарри. Волшебная палочка засветилась, и Гарри вздрогнул: за короткие мгновения темноты старуха успела подойти к

нему вплотную, а он ничего не услышал.

— Ты Поттер? — прошептала она. — Да.

Она кивнула, медленно и торжественно. Крестраж на груди у Гарри бился часто-часто, чаще, чем его собственное сердце. Ощущение было неприятное, тревожащее.

— У вас есть что-нибудь для меня? — спросил Гарри, но старуху, похоже, отвлекал огонек на конце волшебной палочки. — У вас есть что-нибудь для меня? — повторил Гарри.

Тогда старуха закрыла глаза, и тут случилось сразу много разных вещей. Шрам кольнуло болью, крестраж забился с такой силой, что приподнял свитер. Темная, душная комната на мгновение словно растаяла, Гарри ощутил вспышку дикой радости и высоким, холодным голосом проговорил: «Взять его!»

Гарри шатнуло. Тесная, вонючая комната снова сомкнулась вокруг него; он не мог понять, что с ним было.

— У вас есть что-нибудь для меня? — спросил он в третий раз, еще громче.

— Там, — шепнула она, указывая в угол.

Гарри поднял волшебную палочку и увидел смутные очертания захламленного туалетного столика возле окна.

На этот раз Батильда не захотела его вести. Гарри протиснулся между нею и разобранной постелью, высоко подняв волшебную палочку и стараясь не упускать старуху из виду.

— Что это? — спросил он, добравшись до столика, на котором было навалено какое-то вонючее тряпье.

— Там, — сказала Батильда, указывая на бесформенную груду.

Гарри на мгновение отвел глаза, отыскивая взглядом украшенную рубинами рукоять меча. Старуха сделала какое-то стремительное движение, Гарри уловил это краем глаза, испуганно обернулся и застыл от ужаса: дряхлое тело осело на пол, а из ворота платья, где только что была шея старухи, выползала громадная змея.

Змея ударила в ту секунду, когда он взмахнул волшебной палочкой. Палочка выскочила из ужаленной руки, крутясь, взлетела к самому потолку и погасла. Сильный удар хвостом в солнечное сплетение вышибу Гарри весь воздух из легких, он повалился на туалетный столик, прямо в кучу грязных тряпок…

Он откатился и грохнулся на пол, едва увернувшись от огромного хвоста, который обрушился на столик в том месте, где секунду назад был Гарри.

Его осыпало дождем осколков. С первого этажа донесся голос Гермионы:

— Гарри!

Он не мог ей ответить — не хватало воздуха. Тяжелая гладкая масса навалилась на него и придавила. Гарри чувствовал, как змея скользит по нему, мощная, мускулистая…

— Нет! — выдохнул он.

— Да, — прошелестел голос. — Да… держжжу… я тебя держжжуу…

— Акцио… Акцио, волшебная палочка!

Ничего не получалось, а он не мог освободить руки, которыми отталкивал змею, обернувшуюся кольцом вокруг него, выжимавшую из него дух с такой силой, что крестраж вдавился в тело, — кружок льда, пульсирующий собственной отдельной жизнью так близко к обезумевшему от страха сердцу, а разум затопила волна холодного белого света. Все мысли куда-то пропали, дыхание прервалось, в потоках ослепительного света потонули чьи-то далекие шаги и весь мир…

Металлическое сердце стучало у него на груди, он летел, летел на крыльях своего триумфа, не нуждаясь ни в метле, ни в фестралах…

Гарри вдруг очнулся в кисло пахнущей тьме. Нагайна отпустила его. Он вскочил и увидел

силуэт змеи на фоне освещенной лестничной площадки. Змея метнулась вперед, Гермиона с криком отскочила; отраженное заклятие ударило в занавешенное окно, и стекло разлетелось вдребезги. В комнату хлынул морозный воздух. Гарри пригнулся, уклоняясь от нового ливня осколков, под ногу ему попало что-то вроде карандаша… волшебная палочка!

Гарри схватил ее, но змея уже вползала в комнату, молотя своим страшным хвостом. Гермионы не было видно, и Гарри подумал было самое худшее, и тут раздался громкий треск, мелькнула красная вспышка, змея взметнулась в воздух, задев Гарри по лицу. Одно за другим разворачивались тяжелые кольца — вверх, вверх, к самому потолку. Гарри взмахнул волшебной палочкой, и вдруг шрам пронзило болью такой силы, какой не было уже несколько лет.

— Он близко! Гермиона, он сейчас будет здесь!

Одновременно с криком Гарри змея, бешено шипя, плюхнулась на пол. Обрушились какие-то полки, на Гарри посыпались осколки фарфора, он перепрыгнул через кровать и схватил темную фигуру, в которой узнал Гермиону. Она вскрикнула от боли, когда он потащил ее назад, через кровать. Змея вновь подняла голову, но Гарри знал, что

близится нечто похуже змеи. Может быть, он уже у дверей; голова готова была лопнуть от боли…

Змея метнулась вперед в то самое мгновение, когда Гарри бросился к двери, таща за собой Гермиону. Гермиона крикнула на змею:

— Вспыхни!

Заклятие разнесло в пыль зеркальную створку платяного шкафа и заметалось по комнате, отскакивая от стен и потолка; Гарри опалило тыльную сторону руки. Осколок стекла рассек ему щеку, когда Гарри, волоча за собой Гермиону, прыгнул с кровати на туалетный столик, а оттуда через разбитое окно — в пустоту. Вопль Гермионы зазвенел в ночи, они перекувырнулись в воздухе…

А потом его шрам словно взорвался, и он был Волан-де-Мортом, он промчался через зловонную спальню и вцепился в подоконник длинными белыми пальцами. У него на глазах лысенький мужичок и щуплая тетка перекувырнулись и растаяли в воздухе, и он закричал от ярости, и крик его смешался с визгом девчонки, отдаваясь далеко среди темных садов, перебивая колокола, славившие Рождество…

Его крик был криком Гарри, его боль была болью Гарри… чтобы это случилось именно здесь, там же, где и прежде… в двух шагах от того, дру-

гого дома, где он вплотную приблизился к тому, чтобы познать, что значит смерть… смерть… такая чудовищная боль… вырван из собственного тела… но если у него нет тела, почему так ужасно болит голова… если он умер, отчего же ему так тошно, разве боль не кончается со смертью, разве она не уходит…

Дождливая ветреная ночь. Двое детей, наряженных тыквами, семенят через площадь, витрины разукрашены бумажными пауками — пошлые ухищрения маглов, копирующих мир, в который они не верят… Он скользит над землей, переполненный привычным ощущением силы, цели и правоты. Не гнев — это для слабых духом… торжество — о да… он долго надеялся и ждал этой минуты…

— Красивый у вас костюм, мистер!

Он видел, как улыбка сползает с лица мальчишки, стоило тому заглянуть под капюшон, как страх затуманивает размалеванное личико. Ребенок бросился наутек… Он нащупал волшебную палочку под мантией… Одно небрежное движение — и сопляк никогда уже не добежит к своей мамочке… но это лишнее, совершенно лишнее…

Он скользнул в другую улицу, где темнее, и вот наконец перед ним цель его путешествия.

Заклинание Доверия разбито, хоть они об этом пока еще не знают… Он движется почти бесшумно, только мертвые листья шуршат на мостовой, заглядывает через темную живую изгородь…

Шторы не задернуты, и ему прекрасно видно, как они сидят в своей маленькой гостиной. Черноволосый мужчина в очках пускает клубы разноцветного дыма из волшебной палочки, чтобы позабавить черноволосого малыша в синей пижамке. Малыш хохочет и ловит ручками дым…

Открывается дверь, и входит женщина. Длинные темно-рыжие волосы падают ей налицо. Ему не слышно, что она говорит. Отец подхватывает сына на руки и передает матери, бросает волшебную палочку на диван, зевает и потягивается…

Калитка чуть скрипнула, когда он ее открывал, но Джеймс Поттер не услышал. Белая рука выхватила из-под плаща волшебную палочку, направила ее на дверь, и та послушно открылась.

Когда он уже шагнул через порог, в прихожую выскочил Джеймс. Все было до того просто, чересчур просто, этот глупец даже не успел подобрать свою волшебную палочку..

— Лили, хватай Гарри и беги! Беги! Быстрее! Я задержу его…

Задержать его с пустыми руками! Он смеялся, произнося заклинание…

— Авада Кедавра!

Зеленая вспышка наполнила тесный коридорчик, осветила детскую коляску у стены, превратила столбики перил в сверкающие молнии… Джеймс Поттер рухнул, совеем как марионетка, у которой перерезали ниточки…

Он слышал ее крики на верхнем этаже. Она в ловушке, но если будет разумно себя вести, опасаться ей нечего… Он поднимался по лестнице, посмеиваясь про себя над ее слабыми попытками загородить дверь… У нее тоже не было при себе волшебной палочки… Как они глупы, доверчивые дураки, разве можно полагаться на верность друзей, разве можно хоть на мгновение выпускать оружие из рук…

Он распахнул дверь, одним движением волшебной палочки отодвинув в сторону стул и наспех наваленные коробки… Она стояла посередине комнаты, держа ребенка на руках. Увидев его, она опустила малыша в кроватку и заслонила собой, раскинув руки, как будто это могло помочь, как будто она надеялась, что, если ребенка не будет видно, ее выберут вместо него…

— Только не Гарри, пожалуйста, не надо!

— Отойди прочь, глупая девчонка… Прочь…

— Пожалуйста, только не Гарри… Убейте лучше меня, меня…

— В последний раз предупреждаю…

— Пожалуйста, только не Гарри, пощадите… Только не Гарри! Только не Гарри! Пожалуйста, я сделаю все, что угодно…

— Отойди… Отойди, девчонка…

Он мог бы просто отшвырнуть ее с дороги, однако счел благоразумным покончить со всей семейкой разом…

Вспыхнул зеленый свет, и она упала точно так же, как и ее муж. За все это время ребенок ни разу не запищал. Он уже умел стоять, ухватившись за прутья кроватки, и с веселым любопытством смотрел в лицо чужаку — может быть, думал, что это его отец прячется под плащом и сейчас покажет еще красивые огоньки, а мама со смехом выглянет откуда-нибудь из-за шкафа…

Он тщательно прицелился, наведя волшебную палочку мальчишке прямо в лицо; он хотел увидеть, как это произойдет, своими глазами наблюдать уничтожение необъяснимой угрозы. Ребенок заплакал — похоже, понял, что перед ним не Джеймс. Плач был неприятен, еще в приюте он не переносил детского нытья.

— Авада Кедавра!

И тогда он был сокрушен. Он был ничто, ничего не осталось, кроме боли и ужаса, он должен был скрыться, спрятаться, только не здесь, в руинах разрушенного дома, где надрывался от плача испуганный ребенок, а далеко, очень далеко отсюда…

— Нет, — простонал он.

Змея шуршала по грязному, замусоренному полу, и он убил мальчишку, и все же он сам был этим мальчишкой…

— Нет…

А теперь он стоит у разбитого окна в доме старой Батильды, захваченный воспоминаниями о своей великой потере, и у ног его скользит по битому стеклу и фарфору огромная змея… Он смотрит вниз и видит… нечто невероятное…

— Нет…

— Гарри, все хорошо, все в порядке!

Он наклоняется и поднимает разбитую фотографию. Вот он, вор, неведомый воришка, которого он столько времени ищет…

— Нет… Я уронил ее… Уронил…

— Гарри, все хорошо. Очнись, Гарри!

Это он — Гарри. Гарри, не Волан-де-Морт. А то, что здесь шуршит, — не змея. Он открыл глаза.

— Гарри, — прошептала Гермиона. — Ты как… нормально?

— Да, — соврал он.

Он был в палатке, лежал на нижней койке под грудой одеял. По тишине и особому холодному блеклому свету, падавшему сквозь матерчатую крышу, чувствовалось, что скоро рассвет. Гарри был весь в поту, даже простыни и одеяла намокли.

— Мы удрали.

— Да, — сказала Гермиона. — Пришлось задействовать заклинание Левитации, чтобы уложить тебя на койку, я никак не могла тебя втащить. Ты был… Ну, в общем, ты был немного не того…

Под ее карими глазами залегли фиолетовые тени. В руке у Гермионы Гарри заметил губку — она обтирала ему лицо.

— Плохо тебе было, — заключила она. — Совсем плохо.

— Давно мы оттуда смотались?

— Несколько часов прошло. Уже почти утро.

— А я, значит, был… без сознания, что ли?

— Да не то чтобы, — замялась Гермиона. — Ты кричал, и стонал, и… и вообще, — закончила она таким тоном, что Гарри стало совсем не по себе.

Что он тут вытворял? Выкрикивал заклятия,

как Воланде-Морт? Плакал, как младенец?

— Я еле сняла с тебя крестраж, — сказала Гермиона, явно стремясь переменить тему. — Он прямо-таки прилип к твоей груди. Там даже отметина осталась. Ты прости, мне пришлось применить заклинание ножниц, иначе не получалось его оторвать. Еще и змея тебя укусила, но ранку я промыла, обработала бадьяном…

Гарри стащил промокшую от пота футболку, бросил ее на пол и осмотрел себя. Чуть повыше сердца виднелся багровый овальный ожог от медальона. На запястье он разглядел подживающие ранки от змеиных зубов.

— А куда ты положила крестраж?

— К себе в сумку. Пусть он лучше пока там полежит. Гарри откинулся на подушки и посмотрел в ее осунувшееся, посеревшее лицо.

— Не надо было нам лезть в Годрикову Впадину. Это все я виноват, Гермиона, прости.

— Ты не виноват; я тоже хотела там побывать. Я вправду думала, что Дамблдор там оставил для тебя меч.

— Угу… Видно, мы ошиблись.

— Что там было, Гарри? Что произошло, когда она отвела тебя наверх? Змея пряталась на втором этаже? Выскочила, убила ее и напала на

тебя, да?

— Нет, — ответил Гарри. — Она и была змеей… Вернее, змея была ею… С самого начала.

— Ч-что?

Гарри закрыл глаза. Он все еще чувствовал запах Батильдиного дома, от этого все случившееся казалось ужасно ярким и реальным.

— Наверное, Батильда уже довольно давно умерла. А змея… была у нее внутри. Ее оставил в Годриковой Впадине Сама-Знаешь-Кто, чтобы караулила. Ты была права: он знал, что я туда вернусь.

— Змея была внутри Батильды?

Гарри снова открыл глаза: у Гермионы было такое выражение, как будто ее сейчас стошнит.

— Люпин говорил, что мы столкнемся с магией, которую и представить себе не могли, — пробормотал Гарри. — Она не хотела разговаривать при тебе, потому что говорила-то она на змеином языке, все время говорила на змеином, а я и не заметил, я же ее понимал. Как только мы поднялись наверх, змея известила Сама-Знаешь-Кого, я все слышал мысленно, я почувствовал, как он обрадовался и велел меня схватить… а потом…

Гарри вспомнил, как змея выползала из шеи Батильды. Не обязательно Гермионе знать все

подробности.

— ...она преобразилась, обернулась змеей и бросилась на меня. — Он посмотрел на следы от зубов. — Ей не было приказано убить меня, только задержать, пока не явится Сама-Знаешь-Кто.

Если бы только он сумел уничтожить змею, все было бы не напрасно... С тоской на сердце он сел и откинул одеяла.

— Нет, Гарри, тебе же, наверное, надо отдыхать!

— Это тебе надо выспаться. Не обижайся, но вид у тебя кошмарный. А я уже в норме, могу подежурить. Где моя волшебная палочка?

Гермиона молча смотрела на него.

— Где моя палочка, Гермиона?

Она закусила губы, глаза ее наполнились слезами.

— Гарри...

— Где моя волшебная палочка?

Она наклонилась, подняла что-то с пола и показала ему.

Палочка из остролиста переломилась надвое, только стержень от пера феникса удерживал обе половинки вместе. Гарри взял палочку в руки, словно это было живое раненое существо. Он не мог собраться с мыслями, все терялось в тумане

страха и неуверенности.

Гарри протянул палочку Гермионе:

— Почини ее! Пожалуйста!

— Гарри, вряд ли я… когда она вот так сломалась…

— Пожалуйста, хоть попробуй, Гермиона!

— Р… репаро!

Отломанная половина приросла на место. Гарри взмахнул палочкой.

— Люмос!

Вылетели несколько искорок и сразу потухли. Гарри прицелился в Гермиону:

— Экспеллиармус!

Волшебная палочка Гермионы, слабо дернувшись, осталась у нее в руке. Палочка Гарри не выдержала ничтожного магического усилия и снова переломилась пополам. Гарри смотрел на нее с ужасом. У него не укладывалось в голове то, что было перед глазами. Волшебная палочка столько с ним пережила…

— Гарри, — прошептала Гермиона еле слышно, — прости, пожалуйста… Боюсь, что это я ее… Понимаешь, когда мы убегали, змея кинулась на нас, я швырнула в нее Взрывающим заклятием, а оно отскочило и… и, наверное, зацепило…

— Ты же не нарочно, — машинально ответил

Гарри. Он чувствовал себя совершенно опустошенным, раздавленным. — Ничего… что-нибудь придумаем.

— Гарри, вряд ли ее можно починить, — со слезами проговорила Гермиона. — Помнишь… помнишь, у Рона сломалась волшебная палочка? Когда вы разбились на машине? Ее так и не смогли исправить, в конце концов пришлось покупать новую.

Гарри вспомнил Олливандера в плену у Волан-де-Морта, вспомнил убитого Грегоровича. Где же он возьмет новую волшебную палочку?

— Ладно, — сказал он фальшиво-бодрым голосом. — Пока что буду одалживать твою. На время дежурства.

Гермиона, заливаясь слезами, протянула ему свою волшебную палочку. Она так и осталась сидеть у его постели, а Гарри выбрался наружу, больше всего на свете мечтая оказаться как можно дальше от нее.

Глава 18

«ЖИЗНЬ И ОБМАНЫ АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА»

Всходило солнце, над головой раскинулось огромное выцветшее небо во всей своей чистоте и беспредельности, равнодушное к Гарри и его страданиям. Он сел у входа в палатку и глубоко вдохнул умытый воздух. Просто быть живым, смотреть, как солнце поднимается над блистающими снежными холмами, — это же величайшее сокровище на земле, но Гарри сейчас был неспособен его оценить. Все в нем онемело от сознания страшной беды — потери волшебной палочки. Перед ним лежала укутанная снегом долина, в сверкающей тишине разносился далекий колокольный звон.

Гарри, сам того не замечая, впился пальцами в собственные руки, как будто старался победить физическую боль. Он несчитанное множество раз проливал свою кровь, однажды лишился всех костей в правой руке, и нынешнее путешествие оставило шрамы у него на груди и на запястье вдобавок к тем, что уже были на руке и на лбу, но никогда еще он не чувствовал себя настоль-

ко беспомощным, голым и беззащитным, как теперь, словно у него отобрали большую часть магической силы. Он совершенно точно знал, что ответила бы Гермиона, расскажи он ей об этом: волшебная палочка может не больше того, что умеет сам волшебник. Только она ошибается, она ведь не видела, как волшебная палочка Гарри сама собой повернулась, точно стрелка компаса, и выстрелила во врага струей золотого огня. Теперь его больше не защищает родство двух волшебных палочек. Раньше он сам не понимал, как сильно полагался на эту защиту.

Гарри вытащил из кармана половинки волшебной палочки и, не глядя, сунул их в мешочек Хагрида, висевший у него на шее. Мешочек был уже битком набит разными бесполезными обломками. Гарри нащупал сквозь ишачью кожу свой старый снитч и чуть было не поддался искушению выбросить его вон. Упрямо хранящий свою тайну, бесполезный, никчемный, как и все, что оставил ему Дамблдор…

Злость на Дамблдора вдруг нахлынула на Гарри потоком раскаленной лавы, обжигая все внутри, сметая все прочие чувства. Они с отчаяния уговорили самих себя, будто в Годриковой Впадине найдутся ответы на все вопросы, вообразили,

будто обязаны явиться туда по некоему тайному плану Дамблдора, но не было на самом деле ни карты, ни плана. Дамблдор предоставил им тыкаться вслепую в темноте, в одиночку сражаться с неведомыми и небывалыми ужасами, ничего не объяснил, никогда ничего не давал бескорыстно. Меча как не было, так и нет, а теперь еще нет и волшебной палочки. И фотографию вора Гарри уронил, по ней Волан-де-Морт без труда выяснит, кто это такой… Теперь Волан-де-Морт знает все, что ему нужно…

— Гарри! — Гермиона подходила нерешительно, как будто боялась, что он ее заколдует ее же собственной волшебной палочкой. Вся заплаканная, она присела рядом с ним на корточки, держа дрожащими руками две чашки с чаем и еще что-то объемистое зажав под мышкой.

— Спасибо, — буркнул Гарри, принимая чашку.

— Можно с тобой поговорить?

— Да, — ответил Гарри, чтобы не обижать ее.

— Помнишь, ты хотел узнать, что за человек был на фотографии? Так вот, у меня тут книга…

Она робко положила ему на колени «Жизнь и обманы Альбуса Дамблдора» — новенький, идеально чистый экземпляр.

— Как? Откуда?

— Валялась в доме у Батильды… Из нее торчала вот эта записка.

Гермиона прочла вслух несколько строк, набросанных ядовито-зелеными чернилами:

— «Дорогая Батти, спасибо за помощь. Дарю экземпляр книги, надеюсь, тебе понравится. Ты все мне открыла, хотя, быть может, не помнишь об этом. Рита». Я думаю, книгу принесли, когда настоящая Батильда была еще жива, только, наверное, читать уже не могла.

— Да, наверное.

Гарри с каким-то злорадством посмотрел в лицо Дамблдора: теперь он узнает все то, что Дамблдор не считал нужным ему рассказывать, а тот не сможет ему помешать.

— Ты все еще сердишься на меня? — спросила Гермиона.

Из глаз у нее снова текли слезы; Гарри понял, что его злость, должно быть, отразилась на лице.

— Нет, — тихо сказал он. — Нет, Гермиона, я знаю, что это вышло нечаянно. Ты замечательная, ты нас вытащила оттуда живыми. Если бы не ты, я бы сейчас уже был мертв.

Она улыбнулась сквозь слезы. Гарри постарался ответить на ее улыбку, а потом уткнулся в

книгу. Обложка плохо гнулась — очевидно, книгу еще ни разу не открывали. Гарри перелистал страницы, отыскивая фотографии. Та, которую он искал, попалась почти сразу — молодой Дамблдор и его красивый приятель дружно хохотали над какой-то давно забытой шуткой. Гарри перевел взгляд на подпись: «Альбус Дамблдор вскоре после смерти матери, со своим другом Геллертом Грин-де-Вальдом».

Когда Гарри прочел последнее слово, у него отвисла челюсть. Несколько долгих секунд он изумленно таращился на страницу. Грин-де-Вальд. Друг Дамблдора! Гарри покосился на Гермиону. Она тоже смотрела не отрываясь на напечатанное имя, как будто не верила своим глазам. Потом очень медленно оглянулась на Гарри.

— Грин-де-Вальд?!

Пропустив остальные фотографии, Гарри принялся листать ближайшие страницы — не мелькнет ли еще раз роковое имя. Скоро он отыскал его и начал жадно читать, но быстро запутался. Чтобы хоть как-то понять смысл, нужно было вернуться назад, и в итоге он оказался в начале главы под названием: «Общее благо». Они с Гермионой вместе стали читать.

«На пороге восемнадцатилетия Дамблдор покинул Хогвартс в расцвете славы. Староста школы, лучший ученик, лауреат Премии Варнавы Финкли за выдающиеся успехи в наведении заклятий, представитель британской молодежи в Визенгамоте, удостоенный Золотой медали за эпохальное выступление на Международной алхимической конференции в Каире, Дамблдор планировал для завершения образования предпринять кругосветное путешествие совместно с Элфиасом Дожем по прозвищу Вонючка, своим недалеким, но преданным приспешником в школьные годы.

Молодые люди остановились в лондонском «Дырявом котле», намереваясь на следующее утро отправиться в Грецию, но внезапно Дамблдор получил с совиной почтой известие о смерти своей матери. Вонючка Дож, не пожелавший беседовать с автором этой книги, поделился с читающей публикой своей сентиментальной версией дальнейших событий. Он преподносит смерть Кендры как трагедию, а решение Дамблдора об отказе от путешествия как благородное самопожертвование.

И действительно, Дамблдор сразу же вернулся в Годрикову Впадину якобы для того, чтобы заботиться о младших брате и сестре. Но какова на

самом деле была его забота?

— Он был просто больной на голову, этот Аберфорт, — вспоминает Энид Смик; ее семья жила в то время на окраине Годриковой Впадины. — Никакого сладу с ним не было. Надо бы, конечно, его пожалеть, все-таки сиротка, да только он вечно бросался в меня козьими какашками, а сам хохочет-заливается. По-моему, Альбус не шибко-то за него переживал, хотя я, почитай, и не видала их вместе.

Чем же занимался Альбус, если не присматривал за буйным младшим братиком? Надо полагать, по большей части следил, чтобы сестра не вырвалась из-под надзора. Хотя прежняя тюремщица скончалась, в жизни несчастной Арианы Дамблдор не наступило перемены к лучшему. За пределами семьи почти никто не подозревал о ее существовании, кроме разве что немногих доверчивых друзей вроде Вонючки Дожа, кто готов был проглотить историю о ее «слабом здоровье».

Еще одним таким доверчивым другом семьи оказалась Батильда Бэгшот, автор широко известных научных трудов по истории магии, много лет прожившая в Годриковой Впадине. Разумеется, Кендра отвергла первые попытки Батильды

наладить добрососедские отношения, однако несколько лет спустя писательница прислала сову Альбусу в Хогвартс, находясь под впечатлением от его статьи о межвидовых превращениях в журнале «Трансфигурация сегодня». Завязалась переписка, которая привела к более близкому знакомству со всей семьей Дамблдоров. Ко времени своей смерти Кендра из всей деревни соглашалась поддерживать общение с одной только Батильдой.

К несчастью, блестящий ум Батильды под конец жизни заметно притупился. «Огонь горит, но в котле пусто», — сказал мне о ней Айвор Диллонсби, или, если воспользоваться более приземленным выражением Энид Смик, «совсем свихнулась бедная старушка». Тем не менее проверенные долгим опытом журналистские приемы позволили мне извлечь крупицы реальных фактов, на основе которых и удалось воссоздать всю эту скандальную историю.

Батильда, как и вся магическая общественность, объясняет преждевременную кончину Кендры неправильно сработавшим заклинанием — это же объяснение приводили позднее Альбус и Аберфорт. Кроме того, Батильда, как попугай, повторяет утверждения родных о слабом здоро-

вье Арианы. И все же я не зря потратила усилия, добывая сыворотку правды! Батильда Бэгшот — единственная, кому известна тщательно охраняемая тайна Альбуса Дамблдора, и сейчас об этом впервые узнает читающая публика. Мое открытие ставит под сомнение столь любимый поклонниками образ Альбуса Дамблдора — непримиримого противника Темных искусств, борца за права маглов и прекрасного семьянина.

В то самое лето, когда Альбус вернулся в Годрикову Впадину главой осиротевшей семьи, к Батильде приехал погостить внучатый племянник — Геллерт Грин-де-Вальд.

Имя Грин-де-Вальда пользуется заслуженной известностью: в списке самых опасных волшебников всех времен и народов он уступает только Сами-Знаете-Кому, явившемуся поколение спустя, чтобы потеснить его с первого места. Впрочем, террор Грин-де-Вальда не затронул Британию, и потому подробности его прихода к власти здесь мало кому известны.

Грин-де-Вальд получил образование в Дурмстранге — эта школа славится своей терпимостью в отношении Темных искусств. Он рано проявил блестящие способности, так же как и Дамблдор. Однако вместо того чтобы направить эти способ-

ности на получение премий и наград, Геллерт Грин-де-Вальд избрал для себя иные цели. Даже руководство Дурмстранга не могло смотреть сквозь пальцы на его рискованные эксперименты, и в шестнадцать лет Геллерт Грин-де-Вальд был исключен из школы и уехал.

До недавнего времени было известно только, что Грин-де-Вальд «несколько месяцев провел за границей», но теперь мы можем объявить открыто: Геллерт отправился навестить двоюродную бабушку, проживавшую в Годриковой Впадине, и там, как это ни поразительно, у него возникла крепкая дружба не с кем иным, как с Альбусом Дамблдором.

— По-моему, он был чудесным мальчиком, что бы там ни случилось после, — откровенничает Батильда. — Естественно, я познакомила его с бедным Альбусом, которому так не хватало общества сверстников. Мальчики сразу подружились.

Что верно, то верно! Батильда показала мне сохранившееся у нее письмо, которое однажды глухой ночью Альбус Дамблдор прислал Геллерту Грин-де-Вальду.

— Да, хоть они и проводили целые дни за разговорами — им было о чем порассуждать, они ведь оба такие умницы! — я частенько слышала

по ночам, как сова стучится клювом к Геллерту в окошко, приносит записочку от Альбуса. Ему не терпелось поделиться новыми идеями.

И что же это были за идеи? Они способны глубоко шокировать пламенных сторонников Альбуса Дамблдора. Вот перед вами мысли семнадцатилетнего героя, изложенные в письме к его новому лучшему другу (факсимиле письма можно увидеть на странице 463):

Геллерт! Твой тезис о том, что правление волшебников ПОЙДЕТ НА ПОЛЬЗУ САМИМ МАГЛАМ, намой взгляд, является решающим. Действительно, нам дана огромная власть, и, действительно, власть эта дает нам право на господство, но она же налагает и огромную ответственность по отношению к тем, над кем мы будем властвовать. Это необходимо особо подчеркнуть, здесь краеугольный камень всех наших построений. В этом будет наш главный аргумент в спорах с противниками — а противники у нас, безусловно, появятся. Мы возьмем в свои руки власть РАДИ ОБЩЕГО БЛАГА, а отсюда следует, что в случае сопротивления мы должны применять силу только лишь в пределах самого необходимого и не больше. (Тут и была главная твоя ошибка в Дурмстранге! Но это и к лучшему, ведь если бы тебя не исключили, мы

бы с тобой не встретились.)

Альбус

Пусть это письмо удивит и ужаснет легионы поклонников, но оно ясно доказывает, что Альбус Дамблдор в свое время мечтал ниспровергнуть Международный статут о секретности и утвердить власть волшебников над маглами. Какой удар для всех, кто превозносил Дамблдора как великого защитника маглов и лиц магловского происхождения! Красивые речи о правах маглов становятся пустыми словами в свете новых разоблачительных данных. И в каком недостойном виде предстает сам Альбус Дамблдор, строящий планы мирового господства в то время, когда ему следовало бы оплакивать умершую мать и заботиться о судьбе сестры!

Несомненно, найдутся желающие во что бы то ни стало помочь Дамблдору удержаться на треснувшем пьедестале. Они станут лепетать, что он, дескать, все же не привел свои планы в исполнение — должно быть, он одумался, изменил взгляды… Однако истина куда непригляднее.

Не прошло и двух месяцев, как великие друзья Дамблдор и Грин-де-Вальд расстались и не встречались вновь до своего легендарного поединка (подробнее об этом см. гл… 22). В чем причина

внезапного разрыва? В самом ли деле Дамблдор одумался и объявил Грин-де-Вальду, что не желает более принимать участия в его замыслах? Увы, ничего подобного.

— Полагаю, это случилось Из-за смерти бедняжки Арианы, — говорит Батильда. — Ужасное несчастье потрясло нас всех. Геллерт был у них, когда это произошло, и прибежал ко мне просто-таки сам не свой. Сказал, что завтра же возвращается домой. Страшно расстроился. Я организовала для него портал, и больше мы с ним не виделись. Альбуса смерть Арианы совсем пришибла. Братья потеряли всех своих родных, остались одни на свете. Неудивительно, что порой они срывались. Аберфорт обвинял Альбуса, будто тот виноват в случившемся, — вы знаете, так бывает с людьми в тяжелые минуты. Да Аберфорт и всегда был с сумасшедшинкой, бедный мальчик. И все-таки сломать нос родному брату прямо на похоронах — это уже выходит за всякие рамки! Кендра не пережила бы, если бы увидела, как ее сыновья дерутся возле мертвого тела ее дочери. Жаль, Геллерт не смог остаться на похороны… Хоть поддержал бы Альбуса…

Кошмарная потасовка у гроба, о которой знают лишь немногие присутствовавшие на похоронах

Арианы Дамблдор, вызывает ряд вопросов. Почему Аберфорт Дамблдор винил Альбуса в смерти сестры? Был ли это нервный срыв убитого горем молодого человека, как уверяет Батильда, или для его выходки имелись реальные основания? Грин-де-Вальд, исключенный из Дурмстранга за нападения на других учеников, едва не повлекшие за собой человеческие жертвы, бежит из страны всего через несколько часов после гибели девушки, причем Альбус (возможно, под действием стыда или страха) в дальнейшем уклоняется от встречи с ним до тех пор, пока его не вынуждает к этому давление магической общественности.

Насколько известно, ни Дамблдор, ни Грин-де-Вальд никогда не упоминали о своей недолгой юношеской дружбе, однако нет сомнений, что Дамблдор пять лет всеми способами избегал прямого столкновения с Геллертом Грин-де-Вальдом, несмотря на продолжавшиеся все это время исчезновения, несчастные случаи и прочие бедствия. Что ему мешало — остатки прежних дружеских чувств или страх разоблачения? Быть может, Альбус Дамблдор скрепя сердце отправился на битву с человеком, которым в юности восхищался?

И как все-таки умерла таинственная Ариана?

Пострадала случайно в ходе некоего Темного ритуала? Узнала нечто такое, чего ей знать не полагалось, о планах захвата власти, которые строили двое друзей? Неужто Ариана Дамблдор оказалась первой жертвой, погибшей «ради общего блага»?»

Здесь заканчивалась глава. Гарри поднял голову. Гермиона дочитала страницу раньше него. Она выдернула книгу из рук Гарри, явно испуганная выражением его лица, и захлопнула не глядя, словно прятала что-то непристойное.

— Гарри…

Он молча покачал головой. У него как будто сломалась какая-то внутренняя опора. Точно так же было, когда ушел Рон.

Он верил Дамблдору, считал его воплощением добра и мудрости, а теперь все это рассыпалось прахом. Сколько еще можно потерять? Рон, Дамблдор, волшебная палочка с пером феникса…

— Гарри! — Гермиона словно подслушала его мысли. — Гарри, что я тебе скажу. Конечно, это… не очень приятное чтение…

— Да уж, не то слово.

— Но ты не забывай, Гарри, это все пишет Рита Скитер.

— Ты ведь прочла его письмо к Грин-де-Валь-

ду?

— Я… Да, прочла. — Она запнулась, с несчастным видом баюкая чашку чая в замерзших ладонях. — Наверное, это хуже всего. Батильда считала, что у них были одни только разговоры, но «Ради общего блага»? — это же был лозунг Грин-де-Вальда, которым он оправдывал все свои зверства. А тут… Получается, Дамблдор и навел его на мысль. Говорят, даже над входом в Нурменгард была надпись: «Ради общего блага».

— Что это — Нурменгард?

— Тюрьма, которую Грин-де-Вальд построил для своих противников, а в конце концов сам в нее сел, когда Дамблдор его победил. И все равно ужасно думать, что идеи Дамблдора помогли Грин-де-Вальду прийти к власти. С другой стороны, даже Рита Скитер признает, что они были знакомы не больше нескольких месяцев, причем оба тогда были совсем молодые и…

— Я так и знал, что ты это скажешь, — бросил Гарри. Он старался не срывать на ней злость, но трудно было справиться с голосом. — Так и знал, что ты скажешь: «Они были совсем молодые». Им было столько, сколько нам сейчас! Мы с тобой рискуем жизнью, сражаясь против Темных искусств, а он в нашем возрасте обнимался со

своим лучшим другом и строил планы, как бы захватить власть над маглами!

У Гарри больше не было сил сдерживаться, он вскочил и заходил кругами, чтобы хоть немного успокоиться.

— Я его идеи не защищаю, — сказала Гермиона. — Всякое там «право на господство» — все это просто чушь, та же самая «Магия — сила». Но, Гарри, у него только что умерла мать, он был так одинок…

— Одинок? Он не был одинок! У него был брат, а еще сестра-сквиб, он ее держал взаперти…

— Вот этому я не верю, — твердо сказала Гермиона и тоже встала. — Не знаю, что с ней было не так, но я не думаю, что она была сквибом. Дамблдор, каким мы его знали, никогда бы не допустил….

— Дамблдор, каким мы его знали, не рвался к господству над маглами! — заорал Гарри, так что несколько черных дроздов сорвались с деревьев и с криками закружились в пасмурном небе над вершиной холма.

— Он изменился, Гарри, я тебе говорю! Просто изменился, и все! Может, в семнадцать лет он и верил в эту ерунду, но вся остальная его жизнь была посвящена борьбе против Темных

искусств! Именно он, и никто другой, остановил Грин-де-Вальда, он всегда голосовал за защиту маглов, за права волшебников из семей маглов, он с самого начала сражался Сам-Знаешьс-Кем и погиб в бою!

Книга Риты Скитер лежала на земле между ними, и Дамблдор на обложке печально улыбался обоим.

— Гарри, прости, но, По-моему, ты злишься, потому что Дамблдор сам тебе об этом не рассказал!

— Может, и так! — рявкнул Гарри и обхватил голову руками, то ли чтобы сдержать свою ярость, то ли защищаясь от обрушившегося на него разочарования. — Подумай сама, чего он от меня все время требовал, Гермиона! Рискни жизнью, Гарри! И еще разок! И опять, и снова! И не жди никаких объяснений, ты должен слепо мне верить. Поверь, я знаю, что делаю, поверь, хоть я тебе не доверяю! Ни разу он не сказал всей правды! Ни одного раза!

Голос Гарри сорвался. Они стояли друг против друга посреди белой пустоты, и Гарри казалось, что они ничтожны, словно букашки, под этим бесконечным небом.

— Он любил тебя, — прошептала Гермиона. —

Любил, я знаю.

Гарри уронил руки.

— Не знаю, Гермиона, кого он любил, только не меня. Это не любовь, если он бросил меня в такой жуткой каше. Черт, да он с Геллертом Грин-де-Вальдом был откровеннее, чем со мной!

Гарри подобрал упавшую в снег волшебную палочку Гермионы и снова сел у входа в палатку.

— Спасибо за чай. Я додежурю свою смену, а ты иди в тепло.

Гермиона поняла, что ее прогоняют. Она подобрала книгу и ушла в палатку, но, проходя, легко провела рукой по его макушке. Гарри закрыл глаза. Он ненавидел себя за то, что ему так хочется, чтобы ее слова были правдой, чтобы Дамблдору в самом деле было на него не совсем наплевать.

Глава 19

СЕРЕБРЯНАЯ ЛАНЬ

Когда Гермиона пришла сменить его в полночь, шел снег. Гарри снились путаные, тревожные сны, в них то и дело вползала Нагайна, то сквозь гигантский перстень с треснувшим камнем, то сквозь венок из рождественских роз. Гарри в страхе просыпался с ощущением, что кто-то зовет его издали; в шуме ветра, трепавшего палатку, ему мерещились шаги и голоса.

Наконец он встал, еще затемно, и вышел к Гермионе. Она сидела, сгорбившись, у входа в палатку и читала «Историю магии» при свете волшебной палочки. Снег падал густыми хлопьями, и Гермиона очень обрадовалась, когда Гарри предложил пораньше собрать вещи и двигаться дальше.

— Поищем не такое ветреное место, — согласилась она, вся дрожа и натягивая свитер поверх пижамы. — Мне все время кажется, что вокруг кто-то ходит. Я даже вроде видела кого-то раз или два.

Гарри замер, не закончив натягивать джемпер,

и посмотрел на безмолвный и неподвижный вредноскоп на столе.

— Наверное, показалось, — нервно проговорила Гермиона. — Снег в темноте, обман зрения… Но все-таки, может, лучше трансгрессируем под мантией-невидимкой, на всякий случай?

Полчаса спустя палатка была свернута и упакована, Гарри надел на шею крестраж, Гермиона сжала в руке расшитую бисером сумочку, и они трансгрессировали. Навалилась привычная давящая темнота, заснеженный склон холма ушел у Гарри из-под ног, а потом он довольно жестко приземлился на мерзлую почву, покрытую опавшими листьями.

— Где мы?

Гарри разглядывал окружившую их чащу, а Гермиона раскрыла сумочку и принялась вытаскивать оттуда палаточный шест.

— Королевский лес Дин, — ответила она. — Мы сюда однажды ходили в поход с мамой и папой.

Здесь на ветвях деревьев тоже лежал снег и было жутко холодно, но хоть ветер не так буйствовал. Гарри и Гермиона почти весь день просидели в палатке. Для тепла жались поближе к весьма полезному в хозяйстве синему пламени, которое мастерски создавала Гермиона; его можно было

брать в руки и переносить с места на место в стеклянной банке. У Гарри было такое чувство, как будто он выздоравливает после недолгой, но тяжелой болезни. Это впечатление еще усиливалось от постоянных забот Гермионы, Ближе к вечеру опять повалил снег, даже их укромную полянку покрыла белая пороша.

После двух практически бессонных ночей все чувства Гарри болезненно обострились. После встречи в Годриковой Впадине Волан-де-Морт стал казаться как-то ближе и страшнее. Когда стемнело, Гермиона предложила посторожить, но Гарри отказался и посоветовал, чтобы она ложилась спать.

Гарри подтащил ко входу в палатку старую диванную подушку и уселся. Он натянул на себя все свои свитера и все равно дрожал от холода. Тьма сгущалась час за часом и стала наконец совсем непроглядной. Гарри уже собрался достать Карту Мародеров и посмотреть, как поживает точка с именем Джинни, но вспомнил, что сейчас рождественские каникулы и она наверняка вернулась домой, в «Нору».

В огромном лесу каждый шорох усиливался во много раз. Конечно, всякий лес полон разной мелкой живности. Нет бы им всем сидеть тихо, чтобы

можно было сразу отличить враждебные шаги от их безвредной возни. Гарри вспомнил тот давний шорох плаща по мостовой, среди сухих листьев, и ему тут же показалось, что он слышит его теперь. Он мысленно встряхнулся, отгоняя наваждение. Защитные заклинания исправно работают уже несколько недель, с чего бы они вдруг подвели? И все же ему никак не удавалось избавиться от ощущения, как будто сегодня что-то изменилось.

Несколько раз он вскидывал голову, чувствуя, как затекла шея оттого, что он задремал в неудобной позе, привалившись к стенке палатки. Вокруг стояла такая глубокая бархатная чернота, словно он застрял в перемещении, не закончив трансгрессию. Гарри поднес к лицу руку, пытаясь разглядеть свои пальцы; тут оно и случилось.

Прямо перед ним сверкнул между деревьями яркий серебристый свет. Он двигался совершенно беззвучно, словно плыл по направлению к палатке.

Гарри вскочил и поднял вверх волшебную палочку Гермионы. Крик застрял у него в горле. Свет становился все ярче, деревья на его фоне выделялись черными силуэтами, Гарри прищурился, вглядываясь…

То, что светилось среди деревьев, выступило

на поляну. Это была серебристо-белая лань, мерцающая ослепительным лунным сиянием. Ее копытца ступали грациозно и по-прежнему бесшумно и не оставляли следов на свежевыпавшем снегу. Она подошла к Гарри, высоко держа изящную головку с большими глазами и длинными ресницами.

Гарри смотрел во все глаза. Его поражало даже не само появление этого странного существа, а то, что лань кажется такой знакомой: Он как будто ждал ее, только забыл, что они договорились о встрече, а теперь вдруг вспомнил. Ему уже не хотелось звать Гермиону. Он голову готов был прозакладывать, что чудесная лань пришла к нему и ни к кому другому.

Несколько долгих мгновений они смотрели друг на друга, а потом она повернулась и двинулась прочь.

— Постой! — сказал Гарри охрипшим от долгого молчания голосом. — Не уходи!

Лань углубилась в чащу, и скоро толстые черные стволы почти совсем заслонили ее сияние. Ровно одну секунду Гарри колебался, весь дрожа. Осторожность шептала: это Обман, ловушка, западня, но всепобеждающий инстинкт говорил: здесь нет темной магии. Гарри кинулся

вдогонку.

Снег скрипел у него под ногами, но движения лани были беззвучны, потому что она вся состояла из чистого света. Она уводила его все дальше, в глубь леса. Гарри торопился, он был уверен, что когда она наконец остановится, то позволит ему подойти, и заговорит с ним, и расскажет обо всем, что ему так нужно знать.

Наконец лань остановилась и повернула к нему свою прекрасную голову. Гарри побежал. Вопрос уже вертелся на языке, но стоило ему открыть рот, как она исчезла. Темнота разом поглотила ее, но сияющий отпечаток всё еще горел у него перед глазами, словно выжженный на сетчатке, мешая смотреть. Когда Гарри зажмурился, образ только сделался ярче. Гарри стало жутко; пока лань была здесь, он чувствовал себя в безопасности.

— Люмос! — прошептал он. На конце волшебной палочки зажегся свет. Образ серебряной лани постелено тускнел. Гарри стоял, моргая, и прислушивался к лесным шорохам, потрескиванию сучьев, тихому шуршанию снега. Что, если на него сейчас нападут? Неужели она нарочно заманила его? Там действительно кто-то стоит на самом краю освещенного круга или ему это кажется со страху?

Он поднял палочку над головой. Никто на него не бросался, не ударил Из-за деревьев зеленый луч. Зачем же она привела его сюда?

В свете волшебной палочки что-то блеснуло, Гарри круто обернулся, но увидел всего лишь замерзшее озерцо. Черный потрескавшийся лед заблестел, когда Гарри поднял палочку повыше, чтобы лучше его рассмотреть. Он осторожно подобрался к берегу. Поверхность льда отразила его искаженную тень, луч света от волшебной палочки, а в глубине под толстой мутно-серой коркой блестело что-то еще… Похоже на большой серебряный крест…

Сердце Гарри подпрыгнуло и застряло в горле. Он упал на колени в снег, поднес волшебную палочку к самому льду. Густо-красный отблеск… Это же меч, и рукоять украшена рубинами… На дне лесного озерца лежал меч Гриффиндора.

Гарри смотрел на него затаив дыхание. Как это может быть? Откуда здесь, в глухом лесу, совсем рядом с их палаткой взялся этот меч? Какая-то неведомая магия заставила Гермиону устроить стоянку именно на этом месте или серебряная лань, которую он сначала принял за Патронуса, на самом деле что-то вроде хранительницы озера? Или меч поместили в озеро уже после

того, как они здесь появились? А тогда где сейчас человек, который это сделал? Гарри снова нацелил волшебную палочку на кусты и деревья, высматривая между ними очертания человеческой фигуры или блеск глаз, но никого не увидел. Остатки страха только подстегивали его ликование, когда он снова наклонился над заледенелым озерцом, на дне которого покоился меч.

Гарри указал волшебной палочкой на серебристый контур и проговорил вполголоса:

— Акцио, меч!

Меч не шелохнулся, да Гарри этого и не ожидал. Будь все так легко, меч просто оставили бы лежать на земле, а не в глубине замерзшего озерца. Гарри обошел круглое ледяное окошко, усиленно вспоминая, как в прошлый раз меч оказался у него. Он тогда был в ужасной опасности и попросил о помощи.

— Помоги! — прошептал Гарри, однако меч остался неподвижен.

Гарри снова двинулся вокруг озерца. Что же такое сказал тогда Дамблдор? «Вынуть меч из Шляпы может только истинный гриффиндорец». А какие качества отличают истинного гриффиндорца? Тоненький голосок в голове у Гарри ответил словами из песни Распределяющей шля-

пы: «Быть может, вас ждет Гриффиндор, славный тем, что учатся там храбрецы. Сердца их отваги и силы полны, к тому ж благородны они».

Гарри остановился и тяжело вздохнул, пар от его дыхания быстро рассеялся в морозном воздухе. Теперь он знал, что нужно делать. Если честно, он опасался этого с той минуты, как увидел меч подо льдом.

Он снова оглянулся по сторонам, хоть и был уже уверен, что никто на него нападать не собирается. Если бы среди деревьев таились враги, у них было больше чем достаточно возможностей прикончить Гарри, пока он бродил в одиночестве по берегу. Нет, он просто оттягивал неприятный момент, поскольку предстоящее дело отнюдь его не радовало.

Гарри начал стаскивать с себя одежду, путаясь в многочисленных свитерах. Не совсем понятно, при чем тут благородство, мелькнула едкая мысль, разве только считать благородным поступком, что он не заставил Гермиону лезть в озеро вместо него.

Вдалеке заухала сова, и у Гарри сжалось сердце — он вспомнил Буклю. Его колотило от холода, зубы стучали, но он упорно продолжал раздеваться, пока не остался в одних трусах стоять босиком

на снегу. Положив на кучку одежды мешочек с обломками волшебной палочки, маминым письмом, осколком зеркала и старым снитчем, Гарри взмахнул палочкой Гермионы, направив ее на лед.

— Диффиндо!

Ледяная корка лопнула с треском, похожим на выстрел, куски льда закачались на темной воде. Насколько Гарри мог судить, здесь было неглубоко, но, чтобы достать меч, нужно было окунуться с головой.

Если стоять на берегу и раздумывать, задача не станет проще и вода в озере не согреется. Гарри шагнул к кромке воды, положил на землю светящуюся палочку Гермионы и, не давая себе времени подумать о том, как ему сейчас будет холодно, прыгнул.

Каждая клеточка его тела громко протестовала, воздух в легких словно смерзся в твердый ком, как только Гарри погрузился по плечи в ледяную воду. Его так трясло, что невозможно было вздохнуть, а по воде к берегам озерца побежали мелкие волны. Гарри нащупал меч онемевшей ногой, чтобы не пришлось нырять два раза.

Он невольно тянул с погружением, задыхаясь и дрожа, пока в конце концов не сказал себе, что

деваться все равно некуда, собрал последние остатки мужества и нырнул.

Холод был убийственный. Вода обжигала, как огонь. Кажется, даже мозги замерзли напрочь. Раздвигая руками темную воду, Гарри потянулся к мечу. Пальцы сомкнулись на рукоятке.

Он потащил меч наверх, и вдруг что-то туго сдавило шею. Гарри подумал было, что это водоросли, хотя ничего такого ему не попалось, пока он нырял. Он пошарил рукой и понял, что водоросли тут ни при чем, а душит его цепочка от крестража.

Гарри забился, порываясь к поверхности, но только врезался в каменистую стенку берега под водой. Он задыхался, корчился, дергал цепочку застывшими пальцами, в голове взрывались разноцветные огни, он ничего не мог сделать, оставалось только утонуть, и руки, обхватившие его поперек туловища, были, конечно, руками Смерти…

Очнулся он, лежа ничком на снегу, давясь и отплевываясь, окоченевший, как никогда в жизни. Рядом с ним кто-то еще пыхтел и кашлял, бродя по берегу неверными шагами. Гермиона опять пришла на помощь, как тогда, со змеей… Нет, на нее что-то непохоже — слишком хриплый

кашель, слишком тяжелые шаги…

У Гарри не было сил поднять голову и посмотреть на своего спасителя. Он мог только дотянуться трясущейся рукой до горла и нащупать место, где медальон врезался в тело. Медальон исчез — кто-то перерезал цепочку.

Тут над головой у него раздался задыхающийся голос:

— Ты… это… совсем спятил?

Только потрясение от звука этого голоса придало Гарри сил вскочить на ноги. Он дрожал всем телом и пошатывался, а перед ним стоял Рон, полностью одетый, но промокший до нитки, с прилипшими к лицу волосами, держа в одной руке меч Гриффиндора, а в другой — крестраж, болтающийся на оборванной цепочке.

— Какого черта ты не снял эту пакость, раньше чем соваться в воду? — пропыхтел Рон, размахивая крестражем, который покачивался взад-вперед, как на сеансе гипноза.

Гарри не ответил — слова не шли. Серебряная лань — ничто, полнейшее ничто по сравнению с тем, что Рон вернулся. Гарри никак не мог в это поверить. Трясясь от холода, он подобрал барахло, валявшееся на берегу озера, и стал одеваться. Натягивая на себя один свитер за другим,

Гарри каждый раз ожидал, что Рон исчезнет, пока он не может его видеть, но тот всякий раз оказывался на месте. Он тоже нырнул в озерцо, он спас Гарри.

— Этто был тты? — спросил наконец Гарри все еще придушенным голосом и стуча зубами.

— Ага, — сказал Рон с довольно смущенным видом.

— Т-ты наколдовал эту лань?

— Чего? Да нет, конечно! Я думал, она твоя.

— Мой Патронус — олень.

— Ах, да, То-то мне показалось, что она немножко другая. Безрогая.

Гарри снова повесил Хагридов мешочек на шею, напялил последний свитер, наклонился подобрать волшебную палочку Гермионы и опять повернулся к Рону:

— Откуда ты взялся?

Рон, как видно, надеялся, что об этом речь зайдет позже, а может, и вообще не зайдет.

— Ну, ты понимаешь… Я… Я вернулся. Если… — Он прокашлялся. — Ну, ты знаешь. Если вы меня примете.

Наступило молчание. При воспоминании о том, как Рон ушел, между ними как будто выросла стена. Но сейчас-то он здесь. Он вернулся. Он

только что спас Гарри жизнь.

Рон смотрел на свои руки, словно удивляясь, что держит какие-то вещи.

— А, да, я его вытащил, — сообщил он очевидное, показывая Гарри меч. — Ты ведь за ним полез, так?

— Ага, — сказал Гарри. — Только я не пойму, как ты-то здесь оказался? Как ты нас нашел?

— Долго рассказывать, — буркнул Рон. — Я вас давно уже ищу. Лес такой здоровенный. Я уж думал, придется заночевать под деревом, и тут вижу — олень, и ты за ним.

— Ты больше никого не видел?

— Нет, — сказал Рон. — Я…

Он запнулся, глядя на два дерева чуть в стороне, растущие почти вплотную друг к другу.

— Мне вроде показалось, что там что-то шевелится, но я торопился, потому что ты нырнул и с концами, я не мог особо там разглядывать… Эй!

Гарри уже сорвался с места и бежал туда, куда указал Рон. Два дуба росли совсем рядышком, между стволами оставался небольшой просвет, как раз на уровне глаз — идеально, чтобы все видеть, а самому оставаться невидимым. Правда, снега у корней не было и следов тоже. Гарри вернулся к Рону, все еще державшему в руках меч

и крестраж.

— Что-нибудь нашел? — спросил Рон.

— Нет, — ответил Гарри.

— А как меч попал в озеро?

— Его положил тот, кто прислал Патронуса.

Оба посмотрели на серебряный меч. Украшенная рубинами рукоять поблескивала при свете Гермионiной волшебной палочки.

— Думаешь, настоящий? — спросил Рон.

— Проверить можно только одним способом, правильно? — сказал Гарри.

Крестраж по-прежнему раскачивался на цепочке. Медальон чуть-чуть подергивался. Гарри знал, что обитающая в нем тварь волнуется. Она почуяла угрозу и попыталась убить Гарри, лишь бы он не завладел мечом. Что тут долго рассусоливать, надо уничтожить медальон раз и навсегда. Гарри огляделся, высоко подняв волшебную палочку Гермионы, и увидел подходящее место — плоский камень, лежавший на земле в тени платана.

— Иди сюда!

Гарри первым подошел к камню, смахнул с него снег и протянул руку за крестражем. Рон протянул сначала меч, но Гарри покачал головой:

— Давай ты.

— Я? — изумился Рон. — Почему?

— Ты достал меч из озера — значит, он твой.

Гарри не пытался играть в великодушие. Как перед этим он почувствовал, что лани можно доверять, так и теперь он точно знал, что мечом должен орудовать Рон. Это будет правильно. Хоть этому Дамблдор его научил — что бывает особая, неуловимая магия, которая связывает между собой вещи и поступки.

— Я его открою, — объяснил Гарри, — а ты шарахнешь мечом. Сразу, понял? Потому что эта дрянь будет отбиваться. Тот кусочек Реддла, что жил в дневнике, меня чуть не прикончил.

— А как ты его откроешь? — испуганно спросил Рон.

— Попрошу на змеином языке, — сказал Гарри.

Ответ пришел как будто сам собой, словно Гарри давно уже его знал в глубине души и только теперь понял, — может быть, помогла встреча с Нагайной. Он посмотрел на изогнутую букву «S», выложенную из сверкающих зеленых камушков; нетрудно было себе представить, что это крошечная змейка свернулась на холодном камне.

— Стой! — крикнул Рон. — Не открывай, серьезно!

— Почему? — спросил Гарри. — Отделаемся от этой мерзости, она мне уже поперек горла…

— Гарри, я не могу. Правда, давай лучше ты…

— Да почему?

— Потому что эта штука плохо на меня действует! — выпалил Рон и попятился от камня, на котором лежал медальон. — Я с ней не справляюсь! Гарри, я не оправдываюсь, она действительно на меня сильнее действует, чем на вас с Гермионой. У меня от нее всякие дрянные мысли лезут в голову. Вроде я и раньше о том же думал, но от нее все становится еще гаже. Не могу объяснить, а как сниму эту штуковину — вроде и в голове проясняется, а потом как опять надену… Не могу я, Гарри!

Он отступил еще дальше, волоча за собой меч и мотая головой.

— Можешь, — сказал Гарри. — Можешь! Ты же достал меч — значит, ты и должен ее разрубить. Ну я тебя прошу, разделайся с ней, Рон!

Звук собственного имени словно пришпорил Рона. Он вздохнул и, громко сопя, опять подошел к камню.

— Скажи, когда будет пора, — сипло попросил он.

— На счет три, — сказал Гарри.

Он уставился на медальон, сощурив глаза и мысленно представляя змею на месте буквы «S».

То, что обитало в медальоне, задрыгалось, точно пойманный таракан. Его даже можно было пожалеть, вот только ссадина от цепочки еще горела на шее Гарри.

— Раз… два… три… Откройся!

Последнее слово прозвучало рычащим шипением, и золотые створки, щелкнув, раскрылись. За стеклышками, вправленными в створки, блестели живые глаза — два красивых темных глаза, какие были, наверное, у Тома Реддла до того, как они стали красными, с вертикальным зрачком.

— Бей, — сказал Гарри, придерживая раскрытый медальон на камне.

Рон дрожащими руками поднял меч. Кончик меча завис над бешено вращавшимися глазами. Гарри крепче ухватил медальон — он уже приготовился увидеть, как Из-за разбитых стекол брызнет кровь.

Вдруг из крестража раздался голос:

— Я видел твое сердце, и оно — мое!

— Не слушай его! — прохрипел Гарри. — Бей!

— Я видел твои сны, Рональд Уизли, я видел твои страхи. То, о чем ты мечтаешь, может сбыться, но и то, чего ты боишься, может сбыться тоже…

— Бей! — заорал Гарри.

Его голос эхом прокатился между деревьями. Клинок задрожал — Рон не мог оторвать взгляда от глаз Реддла.

— Нелюбимый сын у матери, которая всегда мечтала о дочери… И девушку не сумел удержать, она предпочла твоего друга… Вечно на вторых ролях, вечно в тени…

— Рон, бей скорее! — рявкнул Гарри, чувствуя, как содрогается медальон под его руками, и пугаясь того, что может случиться. Рон еще выше занес меч, и тут глаза Реддла вспыхнули красным.

Из глаз в окошечках медальона выступили нелепыми пузырями две причудливо искаженные головы — Гарри и Гермионы.

Рон вскрикнул от неожиданности и попятился. Фигуры продолжали расти, поднимаясь над медальоном — по плечи, потом по пояс, потом по щиколотку, и вот они уже стоят, покачиваясь, словно деревья с одним общим корнем, над настоящим Гарри и Роном. Медальон раскалился добела, Гарри отдернул руки.

— Рон! — крикнул он, но призрачный Гарри уже говорил голосом Волан-де-Морта, а Рон, как зачарованный, смотрел ему в лицо.

— Зачем ты вернулся? Нам было лучше без

тебя, мы были счастливы, мы радовались, что ты ушел… Мы смеялись над твоей глупостью, над твоей трусостью, над твоим самомнением…

— Самомнением! — подхватила призрачная Гермиона.

Она была гораздо красивее настоящей, но она наводила страх, раскачиваясь и насмехаясь над Роном, который смотрел на нее с ужасом и все-таки не мог отвести глаз, бессильно опустив руки с мечом.

— Кому ты нужен, когда рядом Гарри Поттер? Что ты сделал в своей жизни, чтобы, сравниться с Избранным? Кто ты такой против Мальчика, Который Выжил?

— Бей, Рон, бей! — кричал Гарри, но Рон стоял неподвижно, широко раскрыв глаза, в которых отражались призрачные Гарри с Гермионой. Их волосы развевались языками пламени, глаза горели красным, голоса звучали зловещим дуэтом.

— Твоя мама хотела, чтобы я был ее родным сыном, — глумился фальшивый Гарри, — она сама так говорила, она бы рада была променять тебя на меня…

— Его бы всякая предпочла, ни одна женщина тебя не выберет! Ты ничтожество рядом с ним, — проворковала призрачная Гермиона и, как змея,

обвилась вокруг призрачного Гарри, сжимая его в объятиях. Их губы встретились.

Рон смотрел на них с мукой в лице. Он высоко поднял меч дрожащими руками.

— Давай, Рон! — завопил Гарри.

Рон глянул на него, и Гарри почудился красный отблеск в его глазах.

— Рон!

Сверкнул меч, Гарри шарахнулся в сторону, послышался звон металла, потом протяжный вопль. Гарри стремительно обернулся, поскальзываясь на снегу и держа наготове волшебную палочку, но сражаться было не с кем.

Их с Гермионой чудовищные копии исчезли без следа. Рон стоял с мечом в опущенной руке, а перед ним на камне лежали обломки разбитого медальона.

Гарри медленно подошел к нему, не зная, что нужно сказать или сделать. Рон тяжело дышал. Глаза у него снова были нормальные, голубые, а не красные, только мокрые от слез.

Гарри нагнулся, притворившись, что ничего не заметил, и поднял разрубленный крестраж. Рон разбил стекло в обоих окошках — глаза Реддла исчезли, а запятнанная шелковая подкладка слегка дымилась. Тварь, что жила в крестраже, сгинула.

Звякнул меч — Рон уронил его и рухнул на колени, схватившись за голову. Он весь дрожал, только не от холода. Гарри сунул сломанный медальон в карман, встал на колени возле Рона и осторожно положил руку ему на плечо.

— Когда ты ушел, — очень тихо заговорил он, радуясь, что лица Рона не видно, — она плакала целую неделю.

Может, и дольше, но так, чтобы я не видел. Мы целыми вечерами вообще не разговаривали. Без тебя…

Он не смог закончить фразу. Только теперь, когда Рон вернулся, Гарри по-настоящему понял, чего им стоило его отсутствие.

— Она мне как сестра, — продолжал Гарри. — Я люблю ее как сестру, и она, я думаю, так же ко мне относится. И всегда так было. Я думал, ты знаешь.

Рон не ответил. Он отвернулся от Гарри и шумно высморкался в рукав. Гарри встал и отошел туда, где валялся громадный рюкзак Рона, который тот бросил, когда бежал вытаскивать Гарри из воды. Гарри взвалил рюкзак на спину и вернулся к Рону. Тот поднялся на ноги с красными глазами, но вполне владея собой.

— Извини, — сказал он севшим голосом. — Я

жалею, что ушел. Знаю, я поступил как…

Он огляделся, будто надеялся, что из темноты к нему прилетит достаточно ругательное слово.

— Ты сегодня вроде как все это наверстал, — сказал Гарри. — Вытащил меч. Прикончил крестраж. Мне жизнь спас.

— Звучит куда круче, чем все было на самом деле, — пробормотал Рон.

— А оно всегда звучит куда круче, чем было на самом деле, — сказал Гарри. — Я тебе уже много лёт об этом талдычу.

Они одновременно шагнули друг другу навстречу и обнялись. Под руками Гарри захлюпала водой промокшая куртка Рона.

— Теперь бы еще найти палатку, — заметил Гарри, когда они отступили друг от друга.

Но палатка отыскалась без труда. Гарри казалось, что он долго бежал по лесу за серебряной ланью, а обратная дорога вдвоем вышла на удивление короткой. Гарри не терпелось разбудить Гермиону. С бьющимся сердцем он нырнул в палатку. Рон топтался позади.

После озера и заснеженного леса здесь было упоительно тепло. Уютно светились синенькие язычки волшебного огня в миске на полу. Гермиона крепко спала, свернувшись в клубочек под

одеялом, и не проснулась, пока Гарри не позвал ее несколько раз по имени.

— Гермиона!

Она пошевелилась, потом резко села, откидывая волосы с лица.

— Гарри? Что случилось? Ты цел?

— Все в порядке, все отлично. Даже замечательно. Тут к нам кое-кто пришел…

— Ты о чем это? Кто?..

Она увидела Рона — он стоял с мечом в руке, и вода капала с него на потертый ковер. Гарри отступил в темный угол, стряхнул с себя Ронов рюкзак и постарался стать по возможности незаметным.

Гермиона выскользнула из кровати и, двигаясь как во сне, шагнула к Рону, не сводя глаз с его бледного лица. Она остановилась перед ним, приоткрыв губы и широко распахнув глаза. Рон слабо, с надеждой улыбнулся и протянул к ней руки.

Гермиона кинулась на него и принялась колотить по чем попало.

— Ай, Гермиона, ой! Ты чего? А-а!

— Рональд… Уизли… ты… последняя… задница! — Каждое слово сопровождалось ударом. Рон пятился, прикрывая голову, Гермиона наступала

на него.

— Приполз… обратно… столько… времени… собирался… где моя волшебная палочка?!!!

Похоже, она была готова вырвать палочку из рук Гарри. Он отреагировал на чистом инстинкте.

— Протего!

Между Роном и Гермионой возник невидимый щит. Гермиону отбросило на пол. Она выплюнула попавшие в рот волосы и снова вскочила.

— Гермиона! — крикнул Гарри. — Успокойся…

— Не успокоюсь! — завизжала она.

Гарри никогда еще не видел ее в таком состоянии. Она была прямо как безумная.

— Отдай мою волшебную палочку! Дай сюда, я сказала!!!

— Гермиона, остановись…

— Нечего тут командовать, Гарри Поттер! — крикнула она. — Не смей мне указывать! Отдай сейчас же! А ты!!!

Она обвиняюще ткнула пальцем в сторону Рона, словно проклиная. Гарри не мог винить Рона за то, что тот отступил на несколько шагов.

— Я бежала за тобой! Я тебя звала! Я умоляла тебя вернуться!

— Знаю, — пробормотал Рон. — Гермиона, про-

сти. Я правда жалею, что ушел…

— Ах, жалеешь!

Гермиона пронзительно расхохоталась. Рон беспомощно посмотрел на Гарри, но тот только растерянно развел руками.

— Столько времени шлялся неизвестно где, а теперь явился и воображаешь, что достаточно будет сказать: ты, мол, жалеешь, — и все будет в порядке?!

— А что еще я могу сказать? — заорал Рон. «Хорошо, что он хоть как-то пытается постоять за себя», — подумал Гарри.

— Даже не знаю! — с жутким сарказмом ответила Гермиона. — Ты уж подумай, Рон, напряги извилины — на это много времени не надо, их всего-то две с половиной…

— Гермиона, — встрял Гарри, не вынеся такого низкого приема, — он меня спас…

— А мне плевать! — завопила Гермиона. — Меня не волнует, что он там совершил! Столько времени прошло, мы могли десять раз погибнуть, а ему и горя мало…

— Я знал, что вы не погибли! — рявкнул Рон, впервые перекричав ее и подскочив к самому щиту. — Про Гарри без конца пишут в «Пророке», и по радио говорят, и везде вас ищут, прямо с

ума все посходили, я бы сразу услышал, если бы вас поймали, вы даже не знаете, каково мне пришлось…

— Тебе пришлось?

Голос у Гермионы все повышался, еще чуть-чуть — и его смогли бы воспринимать только летучие мыши. От возмущения у нее не хватило слов, и Рон тут же этим воспользовался.

— Я, как только трансгрессировал, сразу и пожалел, я бы вернулся в ту же минуту, только наскочил на егерей, понимаешь, Гермиона, и они меня загребли!

— На кого наскочил? — спросил Гарри.

Гермиона бросилась в кресло и так решительно скрестила руки и ноги, как будто собиралась просидеть в этой позе несколько лет.

— На егерей, — повторил Рон. — Они теперь повсюду шастают, целыми бандами, зарабатывают золотишко тем, что ловят лиц магловского происхождения и предателей чистокровных. Министерство за каждого дает награду. Я был один, а по возрасту вроде школьник, вот они и обрадовались — решили, я из семьи маглов и скрываюсь.

— Что ты им сказал?

— Сказал, что я — Стэн Шанпайк. Первое, что

пришло в голову.

— И они поверили?

— Они умом-то не особо блистали. Один по виду вообще частично тролль, и по запаху тоже…

Рон покосился на Гермиону, явно надеясь, что она оценит юмор и смягчится, но Гермиона по-прежнему сидела с каменным лицом, прочно сплетя руки.

— В общем, они там заспорили, Стэн я или нет. Довольно жалкие типы, если честно, только их было пятеро, а я один, и палочку они отобрали. Потом двое сцепились, остальные отвлеклись, я одного, который меня держал, укусил в живот и выдернул волшебную палочку. Обезоружил того, который держал мою, и трансгрессировал. Вышло не очень удачно, у меня опять случился расщеп… — Рон показал правую руку — на двух пальцах не хватало ногтей. Гермиона холодно подняла брови. — И потом, я оказался за несколько миль от вас. Пока добрался по берегу до места ночевки… вас уже там не было.

— Боже, какая захватывающая история, — надменно сказала Гермиона. Она всегда говорила таким тоном, когда хотела обидеть. — Бедненький, как ты натерпелся! А мы с тобой, Гарри, что делали? Побывали в Годриковой Впадине, и что

же там такое было, даже и не припомню… Ах да, Сам-Знаешь-Чья змея на нас набросилась, мало что не убила, а потом и Сам-Знаешь-Кто появился, мы с ним разминулись буквально на секунду…

— Что? — спросил Рон, потрясенно глядя то на нее, то на Гарри, но Гермиона не удостоила его вниманием.

— Вообрази, Гарри, он лишился двух ноготочков! Вот это настоящее страдание, я понимаю…

— Гермиона, — тихо сказал Гарри, — Рон спас мне жизнь.

Она словно не слышала.

— Одно только мне хотелось бы знать, — проговорила она, уставившись в точку над головой Рона. — Как ты нашел нас сегодня? Это очень важно. Если мы это поймем, сможем в дальнейшем обезопасить себя от непрошеных гостей.

Рон угрюмо посмотрел на нее и вытащил из кармана джинсов какую-то серебряную вещицу.

— Вот этим.

Гермионе пришлось перевести взгляд на Рона, чтобы разглядеть, что он показывает.

— Делюминатор? — спросила она, от удивления забыв держаться холодно и неприступно.

— Он, оказывается, не просто свет включает и выключает, — объяснил Рон. — Не знаю, как он

устроен и почему это случилось именно в тот момент, а не раньше — я ведь все это время хотел вернуться. В общем, я слушал радио утром на Рождество и вдруг услышал… тебя.

Он смотрел прямо на Гермиону.

— Ты услышал меня по радио? — недоверчиво переспросила она.

— Нет, из кармана. Твой голос шел из этой штуки. — Он снова поднял вверх делюминатор.

— И что же я сказала? — В голосе Гермионы скептицизм боролся с любопытством..

— Сказала мое имя — Рон. И еще… что-то про волшебную палочку.

Гермиона жарко покраснела. Гарри вспомнил, что в рождественское утро имя Рона прозвучало между ними впервые с того дня, когда он ушел. Гермиона произнесла его, когда пыталась починить волшебную палочку Гарри.

— Ну вот, я его вынул, — продолжал Рон, глядя на делюминатор, — и вроде он выглядел как всегда, но я же точно слышал твой голос. Так что я щелкнул. В комнате свет погас, но зато появился другой, прямо за окном.

Рон ткнул пальцем перед собой, как будто видел что-то такое, чего Гарри и Гермиона видеть не могли.

— Это был как будто пульсирующий шар света, синеватый такой, вроде того, что бывает вокруг портала, знаете?

— Ага, — в один голос машинально ответили Гарри с Гермионой.

— Я понял, что это мне и надо, — сказал Рон. — Похватал барахло, нацепил рюкзак и пошел в сад. Шарик света меня дожидался, а как я вышел, он полетел вперед, так это подпрыгивая, а я двинулся за ним. Он привел меня за сарай, а потом… ну, переместился в меня.

— Это как? — спросил Гарри, решив, что неправильно расслышал.

— Он вроде как подплыл ко мне, — Рон показал пальцем точку поблизости от сердца, — вот сюда, а потом как будто провалился внутрь. Я его чувствовал, он такой горячий. Я сразу сообразил, что надо делать. Понятно было, что он вынесет меня, куда нужно. Я трансгрессировал и попал на какой-то холм. Там лежал снег…

— Мы там были! — подхватил Гарри. — Две ночи там провели, и на вторую ночь мне все казалось, что кто-то ходит и зовет меня в темноте.

— Ага, это, наверное, был я, — сказал Рон. — Ваши защитные заклинания здорово работают — я вас так и не смог увидеть и услышать тоже, но я

был уверен, что вы где-то рядом, так что в итоге вытащил спальник и стал ждать, пока вы появитесь. Думал, увижу, когда вы будете складывать палатку.

— Да нет, — сказала Гермиона, — в тот раз мы трансгрессировали под мантией-невидимкой, для перестраховки. И отправились очень рано, потому что, как Гарри сказал, слышали, будто кто-то бродит вокруг.

— Ну вот, а я целый день просидел на холме, — продолжал Рон. — Все ждал, что вы покажетесь. А когда стало темнеть, я понял, что упустил вас, и опять щелкнул делюминатором, синий свет вошел в меня, я трансгрессировал и оказался здесь, в лесу. Ну, вас опять не было видно, оставалось только надеяться, что кто-то из вас объявится… Гарри и объявился. То есть сначала-то я увидел серебряную лань…

— Что ты увидел? — резким тоном переспросила Гермиона.

Они стали рассказывать ей о том, что случилось. Гермиона хмурилась, переводила взгляд с одного на другого и слушала так сосредоточенно, что забыла держать скрещенными руки и ноги.

— Это явно был чей-то Патронус! — воскликнула она. — Ты так и не видел, кто ее создал? Вообще

никого не видел? И лань привела тебя к мечу? Даже не верится! А потом что было?

Рон рассказал, как увидел, что Гарри прыгнул в озерцо, стал ждать, когда он вынырнет, потом сообразил, что что-то не так, бросился в воду и вытащил Гарри, а потом нырнул еще раз, за мечом. Дойдя до того, как открылся медальон, Рон замялся, и Гарри закончил за него:

— И тогда Рон как даст по нему мечом!

— И он… уничтожился? И все? — прошептала Гермиона.

— Ну… Он здорово орал, — ответил Гарри, покосившись на Рона. — Вот.

Он бросил ей на колени бывший крестраж. Гермиона опасливо взяла медальон и осмотрела разбитые окошечки.

Гарри наконец решился убрать щит и повернулся к Рону:

— Когда ты удирал от егерей, у тебя вроде образовалась лишняя волшебная палочка?

— Что? — отозвался Рон, глядя на Гермиону, рассматривавшую медальон. — А, ну да.

Он расстегнул пряжку на кармане рюкзака и вытащил короткую палочку из темного дерева.

— Вот, я подумал, что невредно будет иметь запасную.

— Как ты был прав! — сказал Гарри, протягивая руку. — Моя сломалась.

— Серьезно? — сказал Рон, но тут Гермиона поднялась на ноги, и он испуганно съежился.

Гермиона спрятала обезвреженный крестраж в расшитую бисером сумочку, забралась в кровать и молча укрылась одеялом.

Рон передал Гарри новую палочку.

— Кажется, обошлось, — пробормотал Гарри.

— Угу, — согласился Рон. — Могло быть и хуже. Помнишь, как она на меня птичек натравила?

— Я и сейчас еще не исключаю такой возможности, — раздался из-под одеяла приглушенный голос Гермионы, но Гарри видел, что Рон потихоньку улыбается, вытаскивая из рюкзака свою бордовую пижаму.

Глава 20

КСЕНОФИЛИУС ЛАВГУД

Гарри не ожидал, что гнев Гермионы утихнет за одну ночь, и потому нисколько не удивился, что на следующее утро она общалась с ними обоими в основном посредством демонстративного молчания и зловещих взглядов. Рон при ней держался неестественно скорбно, как бы в знак глубокого раскаяния. Пока они втроем сидели в палатке, Гарри чувствовал себя единственным бестактно бодрым гостем на небогатых похоронах. Зато когда они вдвоем отправлялись за водой или за грибами, Рон начинал беззастенчиво радоваться жизни.

— кто-то нам помогает! — повторял он. — кто-то прислал ту серебряную лань. У нас есть союзник. С одним крестражем разделались, дружище!

Воодушевившись победой над медальоном, они принялись вычислять, где могут находиться другие крестражи. Хоть они уже сто раз все это обсуждали, Гарри был полон оптимизма. За первой удачей наверняка последуют другие! Мрачный вид Гермионы не мог испортить ему настроения.

Внезапный поворот к лучшему, таинственная лань, обретенный меч Гриффиндора, а главное — возвращение Рона… Гарри был так счастлив, что с трудом сохранял серьезное выражение лица…

Во второй половине дня Рон и Гарри снова удрали от свирепой Гермионы, якобы искать среди голых кустов мифическую ежевику, и продолжили обмен новостями. Гарри наконец-то рассказал Рону об их с Гермионой странствиях, включая все подробности событий в Годриковой Впадине, а Рон теперь излагал Гарри известия из внешнего мира. Он рассказал, как отчаявшиеся волшебники из семей маглов скрываются от Министерства, потом спросил:

— А откуда ты узнал о Табу?

— О чем, о чем?

— Вы с Гермионой наконец-то перестали называть Сами-Знаете-Кого по имени!

— Ну да, просто поддались дурной привычке, — сказал Гарри. — Но я спокойно могу его называть и В…

— Молчи! — заорал Рон так, что Гарри свалился в колючие кусты, а Гермиона, сидевшая с книгой у входа в палатку, сердито посмотрела на них издали.

— Извини, — сказал Рон, вытаскивая Гарри

из ежевичного куста, — только его имя теперь заколдовано, они через него выслеживают людей! Если произнесешь его имя, все защитные заклятия разрушаются. Оно вызывает типа магические помехи. Так нас и отловили тогда, на Тотнем-Кортроуд!

— Из-за того, что мы произнесли его имя?

— Ну да! Вообще-то логично. Надо признать, они не дураки. Это имя не боялись произносить только самые сильные его противники, вроде Дамблдора, а с тех пор, как на него установили Табу, всякого, кто так говорит, можно легко отследить. Простой и удобный способ выявить всех членов Ордена! Кингсли вот чуть не поймали…

— Серьезно?

— Ага, Билл рассказывал. Пожиратели смерти навалились на него целой толпой, но он ушел и теперь в бегах, вроде как мы. — Рон задумчиво почесал подбородок волшебной палочкой. — Слушай, может, это Кингсли прислал тебе лань?

— У него Патронус в виде рыси. Мы же видели на свадьбе, помнишь?

Они двинулись вдоль кустов, подальше от палатки и Гермионы.

— Гарри… а как ты думаешь, вдруг это Дамблдор?

— Что — Дамблдор?

Рон слегка замялся, но все-таки выговорил, понизив голос:

— Дамблдор… эта лань? Я в том смысле… — Рон краешком глаза наблюдал за Гарри. — Он последним держал в руках настоящий меч, правда?

Гарри не поднял Рона на смех, потому что очень хорошо понимал, какая тоска прячется за этим вопросом. Никакими словами не описать, насколько было бы легче жить, думая, что Дамблдор каким-то образом вернулся и оберегает их.

Гарри покачал головой:

— Дамблдор умер. Это случилось у меня на глазах. Его больше нет. И потом, его Патронус — феникс, а не лань.

— Ну все-таки… Патронусы иногда меняются, — не отступал Рон. — У Тонкс изменился Патронус, нет?

— Если Дамблдор жив, почему он не показывается? Взял бы и просто передал нам меч.

— Я откуда знаю? — огрызнулся Рон. — Потому же, почему он тебе его не передал, пока был жив. Почему оставил тебе в наследство старый снитч, а Гермионе — детскую книжку.

— Так почему? — Гарри круто повернулся к Рону. Ему до смерти хотелось услышать ответ.

— Не знаю… — протянул Рон. — Я, когда злился, думал иногда — он просто насмехается, а может, нарочно усложняет нам задачу. Только теперь я так не думаю. Он знал, что делал, когда оставил мне делюминатор — скажешь, нет? Он… — Уши Рона запылали, он, вдруг ужасно заинтересовался пучком травы у себя под ногами и принялся ковырять его носком ботинка. — Он, наверное, знал, что я вас брошу.

— Нет, — поправил Гарри, — он знал, что ты обязательно вернешься.

Рон посмотрел на него благодарно и смущенно. Гарри поторопился сменить тему:

— Кстати, ты слышал, какую книгу о нем настрочила Рита Скитер?

— А, да, — кивнул Рон, — все о ней говорят. Дамблдор дружил с Грин-де-Вальдом — большая была бы новость, если бы не все эти дела. А так — просто небольшой плевок в лицо общественности: оказывается, он не такой безупречный, как все считали. А По-моему, ничего тут нет такого ужасного. Он тогда был совсем молодой…

— Как мы, — сказал Гарри.

Точно так же он ответил раньше Гермионе, и что-то, вероятно, было в его лице, отчего Рону не захотелось продолжать разговор.

На кусте висела замерзшая паутина, в центре ее сидел паук. Гарри прицелился волшебной палочкой, которую дал ему Рон, а позднее Гермиона милостиво согласилась осмотреть и пришла к выводу, что палочка сделана из терновника.

— Энгоргио!

Паук слегка дернулся и подпрыгнул в своей паутине. Гарри попробовал опять. На этот раз паук чуть-чуть увеличился.

— Прекрати! — занервничал Рон. — Ну извини, что я сказал — Дамблдор был молодой…

Гарри и забыл, что Рон не переносит пауков.

— Прошу прощения… Редукто!

Паук не стал меньше. Гарри посмотрел на терновую палочку. Он успел испробовать с ней несколько простеньких заклинаний, и все они выходили хуже, чем с волшебной палочкой из пера феникса. Новая палочка казалась агрессивно непривычной, как будто ему пришили чужую руку.

— Просто надо поупражняться, — сказала Гермиона. Она неслышно подошла сзади и наблюдала за попытками Гарри увеличить, а потом уменьшить паука.

— Тут самое главное, — уверенность!

Гарри понимал, почему ей так хочется, что-

бы с новой палочкой все оказалось в порядке: Гермиона все еще чувствовала себя виноватой, что испортила прежнюю. Он промолчал, хотя ответ напрашивался сам собой — пусть она тогда отдаст ему свою, а себе оставит замечательную терновую. Гарри удержался, чтобы не заводить лишних ссор. Ему страшно хотелось, чтобы все они наконец помирились, но, когда Рон рискнул улыбнуться Гермионе, она тут же отошла прочь и снова уткнулась в книгу.

Когда стемнело, все вернулись в палатку, и Гарри взялся дежурить первым. Сидя у входа, он старался с помощью терновой палочки заставить левитировать мелкие камушки, но магия по-прежнему не слушалась. Гермиона лежала у себя на койке и читала, а Рон сперва все косился на нее, потом достал из рюкзака маленький деревянный радиоприемник и принялся крутить ручки.

— Есть тут одна программа, — вполголоса объяснил он Гарри, — по ней рассказывают настоящие новости. Все остальные станции переметнулись Сам-Знаешьк-Кому и все повторяют за Министерством, а эти… Вот подожди, сам услышишь, это классно. Только они не каждую ночь выходят в эфир, им приходится все время перемещаться, и еще, чтобы подключиться к ним,

нужен пароль, а я как раз пропустил прошлую передачу…

Он легонько стукнул по приемнику волшебной палочкой, наугад бормоча себе под нос какие-то слова. При этом он исподтишка поглядывал на Гермиону явно опасаясь, как бы она опять на него не налетела, но Гермиона старательно делала вид, будто его здесь нет. Так прошло минут десять. Рон бормотал и стучал палочкой, Гермиона перелистывала страницы, а Гарри упражнялся со своим новым приобретением.

Наконец Гермиона встала. Рон сразу перестал стучать.

— Если тебе мешает, я не буду! — торопливо заверил он.

Гермиона не снизошла до того, чтобы ответить. Она подошла к Гарри.

— Нам надо поговорить.

Он посмотрел на книгу, которую Гермиона держала в руке: «Жизнь и обманы Альбуса Дамблдора».

— Ну что? — спросил он неохотно.

У него мелькнула мысль: вдруг там есть глава, посвященная ему? Гарри не чувствовал в себе сил знакомиться с тем, как Рита излагает свою версию его отношений с Дамблдором. Однако

Гермиона сказала совсем не то, что он ожидал.

— Я хочу повидаться с Ксенофилиусом Лавгудом. Гарри вытаращил глаза.

— Что-что?

— Ксенофилиус Лавгуд, папа Полумны. Я хочу с ним поговорить!

— А… зачем?

Гермиона сделала глубокий вдох, как будто готовилась к прыжку, и выпалила:

— Да все этот знак из «Сказок». Вот, смотри!

Она сунула Гарри под нос «Жизнь и обманы Альбуса Дамблдора», раскрытую на странице с копией письма Грин-де-Вальду, написанного таким знакомым, летящим косым почерком Дамблдора. Гарри было тошно видеть перед собой окончательное доказательство, что письмо — не выдумка Риты Скитер, что Дамблдор в самом деле написал эти слова.

— Подпись, — подсказала Гермиона. — Посмотри на подпись!

Гарри посмотрел. Сперва он не понял, в чем дело, но потом пригляделся, поднеся к книге светящуюся волшебную палочку, и увидел, что Дамблдор вместо буквы «А» в слове «Альбус» нарисовал крошечный треугольный значок, такой же, как в сборнике сказок.

— Э-ээ… вы о чем? — заикнулся было Рон, но Гермиона испепелила его взглядом и снова повернулась к Гарри.

— Все время этот знак всплывает, понимаешь? Конечно, Виктор Крам говорил, что это символ Грин-де-Вальда, но мы же его видели на той старой могиле в Годриковой Впадине, а даты на ней намного раньше Грин-де-Вальда! И теперь еще это письмо. Ну, Дамблдора или Грин-де-Вальда мы не можем спросить, что это значит, — я даже не знаю, жив еще Грин-де-Вальд или нет, — зато можно спросить мистера Лавгуда! Он тогда пришел на свадьбу с этим символом на шее. Я уверена, Гарри, что это очень важно!

Гарри ответил не сразу. Он посмотрел на исполненную азарта Гермиону, потом в темноту за палаткой и глубоко задумался. Наконец он сказал:

— Не надо нам еще одной Годриковой Впадины. Мы тогда убедили друг друга, будто нам туда очень нужно, и что вышло?

— Но он же все время нам попадается, Гарри! Дамблдор завещал мне «Сказки барда Бидля», так откуда ты знаешь, что не ради этого знака?

— Ну вот, опять все сначала! — Гарри вдруг вышел из себя. — Мы все время уговариваем сами

себя, что Дамблдор оставил нам какие-то тайные указания, намеки…

— Делюминатор здорово пригодился, — подал голос молчавший до этого Рон. — По-моему, Гермиона права. Я думаю, надо навестить этого Лавгуда.

Гарри мрачно глянул на него. Он был совершенно уверен, что Рон просто подлизывается к Гермионе, а глубокий смысл треугольного значка его нисколько не волнует.

— И тут не то же самое, что в Годриковой Впадине, — прибавил Рон. — Лавгуды на нашей стороне. «Придира» с самого начала был за тебя, он постоянно всех призывает помогать тебе!

— Я уверена, что это важно! — твердила Гермиона.

— А вы не думаете, что, если бы это было так важно, Дамблдор сам бы мне все рассказал, пока был жив?

— Может, это что-то такое, что ты обязательно должен узнать сам, — предположила Гермиона, явно хватаясь за соломинку.

— Вотвот, — льстиво поддакнул Рон. — Все логично!

— Совсем не логично, — огрызнулась Гермиона, — но все равно я считаю, что мы должны

поговорить с мистером Лавгудом. Символ, который связывает Дамблдора, Грин-де-Вальда и Годрикову Впадину… Да мы просто обязаны все о нем выяснить!

— А давайте проголосуем, — подал идею Рон. — Кто за то, чтобы навестить Лавгуда…

Он вскинул руку даже раньше Гермионы. Ее губы подозрительно дрогнули. Она тоже подняла руку.

— Извини, Гарри, ты в меньшинстве, — объявил Рон и хлопнул друга по спине.

— Ладно, — сдался Гарри, не зная, смеяться ему или злиться. — Только давайте после Лавгуда поищем еще крестражей, идет? Где они хоть живут, эти Лавгуды? Кто-нибудь знает?

— Да недалеко от нас, — ответил Рон. — Точно не знаю, но мама с папой, когда о них говорят, всегда показывают в сторону холмов. Мы их легко найдем.

Когда Гермиона вернулась к себе на койку, Гарри тихонько сказал Рону:

— Ты просто перед ней выслуживаешься, и больше ничего.

— В любви и на войне все средства хороши, — бодро ответил Рон. — А у нас тут и то и другое. Гляди веселей! Сейчас каникулы, Полумна на-

верняка дома!

На следующее утро, переместившись, они оказались на продуваемом всеми ветрами склоне холма. Оттуда открывался прекрасный вид на деревушку Оттери-Сент-Кэчпоул. С высоты домики казались игрушечными. Косые лучи солнца падали на землю в разрывы облаков. Заслоняя глаза руками, друзья смотрели в сторону «Норы», но смогли разглядеть только живые изгороди и деревья в саду, защищавшие нелепый домик семьи Уизли от взглядов любопытствующих маглов.

— Странное ощущение — совсем рядом, а зайти нельзя, — сказал Рон.

— Вряд ли ты успел соскучиться. Ты ведь был здесь на Рождество, — холодно промолвила Гермиона.

— Не был! — возмутился Рон. — Ты что, думаешь, я бы явился к ним и сообщил, что бросил вас в лесу? Ага, Фред и Джордж меня бы за это по головке погладили. А уж Джинни бы как меня поняла!

— Где же тогда ты был? — удивилась Гермиона.

— У Билла и Флер, в их новом доме. Коттедж «Ракушка». Билл всегда со мной нормально обращался. Он, конечно, не пришел в восторг, когда

услышал, что я наворотил, но жилы тянуть не стал. Он видел, что я всерьез об этом жалею. А больше никто из наших не знал, что я у него. Билл сказал маме, что они с Флер не поедут в «Нору», хотят провести Рождество наедине — типа, первый праздник после свадьбы и так далее. Флер вроде была не против. Она терпеть не может Селестину Уорлок.

Рон повернулся спиной к «Норе».

— Пошли поищем вон там. — И он решительно двинулся к перевалу.

Они бродили по холмам несколько часов. Гермиона потребовала, чтобы Гарри прятался под мантией-невидимкой. Невысокие холмы оказались необитаемыми, если не считать маленького коттеджа, жителей которого нигде не было видно.

— Может, это их дом, а они уехали на Рождество, как вы думаете? — спросила Гермиона, заглядывая через окно в чистенькую кухоньку с геранью на подоконнике.

Рон громко фыркнул:

— Я думаю, если бы тут жили Лавгуды, это было бы заметно. Пошли теперь вон к тем холмам.

Они трансгрессировали на несколько миль к северу. Ветер мгновенно принялся трепать воло-

сы и одежду.

— Ага! — завопил Рон. Он показывал на вершину ближайшего холма. На фоне неба вырисовывался очень странный дом — громадный черный цилиндр, над которым средь бела дня висела призрачная луна.

— Это точно дом Полумны, кто еще будет жить в такой жуткой конструкции? Похоже на гигантскую ладью!

— По-моему, на лодку совсем не похоже, — возразила Гермиона, сурово разглядывая башню.

— Я имел в виду шахматную ладью, — объяснил Рон. — Ты ее называешь «тура».

Рон как самый длинноногий первым добрался до вершины. Когда Гарри с Гермионой догнали его, пыхтя и держась за сердце, то увидели, что Рон ухмыляется во весь рот.

— Это точно их дом. Вы гляньте!

Возле покосившейся калитки были прибиты три самодельные таблички. На первой была надпись: «Кс. Лавгуд, главный редактор журнала «Придира», на второй: «Омела на ваш выбор», на третьей: «Не наступайте на сливыцеппелины!».

Калитка скрипнула, открываясь. Дорожка, зигзагами ведущая к дому, вся заросла самыми причудливыми растениями, включая куст,

увешанный оранжевыми плодами в форме редисок, — Полумна часто носила их в ушах вместо серег. Гарри заметил растение, похожее на цапень, и постарался обойти его как можно дальше. У входной двери стояли, как часовые, две старые яблони, согнувшиеся от ветра, без единого листочка, зато на их ветвях висели ярко-красные яблочки размером с вишню и лохматые клубки омелы в бусинках белых ягод. С одной ветки на гостей смотрела маленькая сова с приплюснутой ястребиной головкой.

— Ты, Гарри, наверное, сними мантию-невидимку, — сказала Гермиона. — Мистер Лавгуд стремится помогать тебе, а не нам.

Гарри стащил с себя мантию и отдал Гермионе, та сунула ее в бисерную сумочку. Потом Гермиона трижды стукнула дверным молотком в форме орла по массивной черной двери, утыканной железными гвоздями.

Не прошло и десяти секунд, как дверь отворилась. На пороге стоял Ксенофилиус Лавгуд, босой, в одеянии, похожем на замызганную ночную рубашку. Его длинные седые волосы, напоминающие сладкую вату, были нечесаны и, похоже, давно не мыты. По сравнению с этой картиной на свадьбе у Билла и Флер Ксенофилиус был пря-

мо-таки элегантен.

— Что такое? Кто вы? Что вам нужно? — закричал он пронзительным, сварливым голосом, глядя сначала на Гермиону, потом на Рона и, наконец, на Гарри. Тут его рот раскрылся, образовав идеально ровную букву «О».

— Здравствуйте, мистер Лавгуд, — сказал Гарри, протягивая руку. — Я — Гарри. Гарри Поттер.

Ксенофилиус не пожал протянутую руку, хотя тот его глаз, что не косил к носу, уставился прямо на шрам у Гарри на лбу.

— Можно, мы войдем? — спросил Гарри. — Нам нужно вас кое о чем спросить.

— Я… думаю, лучше не стоит, — прошептал Ксенофилиус. Он судорожно сглотнул и окинул быстрым взглядом сад. — Это несколько неожиданно… Право… Я… боюсь, что… В самом деле, лучше не надо…

— Мы ненадолго, — сказал Гарри, слегка разочарованный таким прохладным приемом.

— Я… Ну что ж, входите, только быстро. Быстро! Едва они успели переступить порог, мистер Лавгуд захлопнул за ними дверь. Они оказались в самой удивительной кухне на свете. Она была совершенно круглой, как будто они стояли внутри гигантской солонки. Все в комнате было

изогнутым по форме стен: плита, рукомойник, шкафы с посудой — и все расписано птицами, цветами и насекомыми ярких, чистых оттенков. Гарри подумал, что тут чувствуется стиль Полумны; эффект в замкнутом пространстве получился довольно таки ошеломляющий.

Чугунная винтовая лестница в центре комнаты вела на верхние этажи. Над головой что-то громко лязгало и громыхало. Что же такое там делает Полумна?

— Поднимемся наверх, — пригласил мистер Лавгуд. Держась по-прежнему скованно, он первым начал подниматься по лестнице.

Комната этажом выше оказалась одновременно гостиной и мастерской, а захламлена она была еще сильнее, чем кухня. чем-то она напоминала Выручайкомнату в тот незабвенный день, когда та превратилась в громадный лабиринт скопившихся за долгие столетия припрятанных вещей, только эта была поменьше размером и круглая. Повсюду лежали высоченные стопки разных бумаг и книг. С потолка свисали искусно сделанные модельки самых невероятных существ, и все они хлопали крыльями и щелкали челюстями.

Полумны здесь не было, а гремела, как выяснилось, загадочная деревянная штуковина с

магически вращающимися штырьками и колесиками. Она была похожа на какую-то странную помесь верстака и старого шкафа. Присмотревшись, Гарри понял, что это старомодный печатный станок — из него непрерывным потоком лезли «Придиры».

— Прошу прощения, — сказал Ксенофилиус, выдернул из-под мгновенно развалившейся груды книг неопрятную скатерть и накрыл ею станок. Грохот и лязг стали чуточку глуше. Мистер Лавгуд повернулся к Гарри. — Зачем вы сюда пришли?

Гарри не успел ответить — Гермиона вдруг вскрикнула:

— Мистер Лавгуд, что это у вас?

Она показывала пальцем на большущий серый закрученный винтом рог, немного похожий на рог единорога. Он был прибит к стене и выдавался в комнату чуть ли не на целый метр.

— Это рог морщерогого кизляка, — сказал Ксенофилиус.

— Ничего подобного! — сказала Гермиона.

— Гермиона, — зашептал, сконфузившись, Гарри, — сейчас не время…

— Гарри, это же рог взрывопотама! Класс «В» по списку запрещенных к продаже материалов, его категорически нельзя держать в доме!

— Откуда Ты взяла, что это рог взрывопотама? — спросил Рон, бочком отходя в сторону, насколько это позволял царивший в комнате беспорядок.

— Он описан в книге «Фантастические звери и места их обитания». Мистер Лавгуд, его нужно немедленно отсюда убрать! Разве вы не знаете, что он взрывается от малейшего прикосновения?

— Морщерогие кизляки, — завел Ксенофилиус с выражением ослиного упрямства на лице, — это чрезвычайно пугливые и в высшей степени волшебные существа, а их рог…

— Мистер Лавгуд, я же вижу по бороздкам у основания — это рог взрывопотама, он невероятно опасен… Даже не понимаю, откуда вы его взяли…

— Купил, — авторитетным тоном ответил Ксенофилиус. — Две недели назад, у очаровательного молодого волшебника, который знает, что я интересуюсь этими чудесными животными — кизляками. Рождественский сюрприз для моей Полумны. Так зачем вы все-таки ко мне пришли, мистер Поттер?

— Нам нужна помощь, — ответил Гарри, не дав Гермионе снова открыть рот.

— А! — сказал Ксенофилиус — Помощь. Хмм… — Его здоровый глаз опять обратился к шраму Гарри. Он казался одновременно испуганным и словно завороженным. — Даа… Видите ли… Помогать Гарри Поттеру… небезопасно…

— Вы же все время пишете в своем журнале, что наш первейший долг — помогать Гарри Поттеру! — вмешался Рон.

Ксенофилиус покосился на печатный станок, который гудел и звякал под скатертью.

— Ну да, ну да, мне случалось высказывать подобные взгляды. Однако…

— по-вашему, это относится ко всем, кроме вас? — спросил Рон.

Ксенофилиус не ответил. Он то и дело мучительно сглатывал, глаза у него бегали. Гарри показалось, что в нем происходит жестокая внутренняя борьба.

— А где Полумна? — спросила вдруг Гермиона. — Пусть она скажет свое мнение.

Ксенофилиус поперхнулся, потом как будто взял себя в руки и произнес дрожащим голосом, еле слышным за шумом печатного станка:

— Полумна пошла на ручей, наловить пресноводных заглотов. Она… Она будет вам рада. Я пойду позову ее… А потом, так и быть, помогу

вам.

Он шмыгнул вниз по лестнице. Друзья услышали, как внизу открылась и закрылась дверь. Они переглянулись.

— Шпендрик трусливый, — высказался Рон. — Полумна в десять раз храбрее его!

— Он, наверное, беспокоится, что с ними будет, если Пожиратели смерти узнают, что я сюда приходил, — сказал Гарри.

— А По-моему, Рон прав! — объявила Гермиона. — Мерзкий лицемерный старикашка, всех уговаривает тебе помогать, а сам увиливает. И, ради всего святого, держитесь подальше от этого рога!

Гарри подошел к дальнему окну. Оттуда было видно ручей — узкую блестящую ленту далеко внизу, у подножия холма. Башня была страшно высокая. Мимо окна пролетела птица. Гарри посмотрел в сторону «Норы», невидимой за длинной грядой холмов. Там Джинни… Они еще ни разу не были так близко друг к другу со дня свадьбы Билла и Флер, только Джинни не подозревает, что он здесь и думает о ней. Наверное, нужно этому радоваться, ведь всякий, кто приближается к нему, оказывается в опасности. Поведение Ксенофилиуса — только лишнее тому свидетельство.

Гарри отвернулся от окна, и тут на глаза ему попался еще один специфический предмет, стоявший среди прочего хлама на изогнутом серванте. Это был каменный бюст прекрасной, но строгой с виду волшебницы в необыкновенном головном уборе. По бокам торчали изогнутые золотые штуковины, напоминавшие слуховые рожки. Через темя шла кожаная полоска с укрепленными на ней сверкающими синими крылышками, лоб охватывал другой ремешок, к которому была прицеплена оранжевая редиска.

— Эй, посмотрите на это! — позвал Гарри.

— Потрясающе, — хмыкнул Рон, — Как еще он не надел эту штуку на свадьбу…

Внизу хлопнула дверь, и через минуту Ксенофилиус взобрался по винтовой лестнице. Его тощие ноги были теперь обуты в резиновые сапоги, а в руках он держал поднос с разнокалиберными чашками и чайником, от которого шел пар.

— А-а, вы заметили мое любимое изобретение!

Он сунул поднос в руки Гермионе и остановился рядом с Гарри перед статуей.

— Я считаю, что весьма удачно выбрал образец — голову прекрасной Кандиды Когтевран. «Ума палата дороже злата»! — Он указал на слуховые рожки. — Это сифоны для мозгошмыгов, чтобы

ничто не отвлекало мыслителя от раздумий. Это, — он обвел рукой крошечные крылышки, — пропеллер австралийской веретенницы, для возвышенного образа мыслей, а это, — он ткнул пальцем в оранжевую редиску, — сливацеппелин, для обострения восприимчивости ко всему новому и необычному.

Ксенофилиус вернулся к чайному подносу, который Гермиона кое-как уместила на одном из заваленных всякой всячиной столиков.

— Позвольте вам предложить настой лирного корня? Домашнего изготовления!

Разливая по чашкам густо-фиолетовый, цвета свекольного сока, напиток, Ксенофилиус прибавил:

— Полумна там, у Нижнего моста. Очень обрадовалась, что вы нас навестили. Скоро придет, она уже наловила порядочно заглотов, должно хватить на уху для всех нас. Садитесь, пожалуйста, берите сахар. — Итак, — он снял с кресла шаткую стопку бумаг, сел и скрестил ноги в резиновых сапогах, — чем я могу вам помочь, мистер Поттер?

— Понимаете, — начал Гарри и оглянулся на Гермиону; она ободряюще кивнула. — Это насчет символа, который был у вас на шее на свадьбе

Билла и Флер. Мистер Лавгуд, мы хотели спросить, что он означает?

Ксенофилиус поднял брови:

— Вы имеете в виду знак Даров Смерти?

Глава 21

СКАЗКА О ТРЕХ БРАТЬЯХ

Гарри обернулся к Рону и Гермионе. Они, по-видимому, тоже не поняли то, что сказал Ксенофилиус.

— Дары Смерти?

— Совершенно верно, — подтвердил мистер Лавгуд. — Вы о них не слыхали? Это меня не удивляет. Очень, очень немногие волшебники в них верят, чему подтверждением — тот твердолобый юноша на свадьбе вашего брата, — он поклонился Рону, — который набросился на меня, приняв этот знак за символ известного темного волшебника. Какое невежество! В Дарах Смерти нет ничего темного — по крайней мере в том смысле, какой обычно вкладывают в это слово. Те, кто верит в Дары, носят этот знак, чтобы по нему узнавать единомышленников и помогать друг другу в Поисках.

Он бросил в чашку с настоем лирного корня несколько кусочков сахару и размешал.

— Простите, — сказал Гарри, — я так ничего и не понял.

Он из вежливости отхлебнул настой и чуть не задохнулся — это была жуткая гадость, что-то вроде разжиженного драже «Берти Боттс» со вкусом соплей.

— Видите ли, те, кто верят, разыскивают Дары Смерти, — объяснил мистер Лавгуд и причмокнул губами, явно наслаждаясь вкусом настоя.

— А что это такое — Дары Смерти? — спросила Гермиона.

Ксенофилиус отставил в сторону пустую чашку:

— Я полагаю, вы все читали «Сказку о трех братьях»?

— Нет, — сказал Гарри.

— Да, — сказали Рон и Гермиона: Ксенофилиус торжественно кивнул:

— С этой сказки все и началось, мистер Поттер. Где-то у меня она была…

Он рассеянно оглядел горы книг и пергаментов, но тут Гермиона сказала:

— Мистер Лавгуд, у меня с собой есть экземпляр. — Она вытащила из сумочки «Сказки барда Бидля».

— Оригинал? — вскинулся Ксенофилиус. Гермиона кивнула. — В таком случае, может быть, вы прочитаете нам ее вслух? Тогда всем сразу

станет ясно, о чем речь.

— Ну… хорошо, — неуверенно согласилась Гермиона.

Она раскрыла книгу, и Гарри увидел наверху страницы тот самый символ. Гермиона кашлянула и начала читать.

— «Жили-были трое братьев, и вот однажды отправились они путешествовать. Шли они в сумерках дальней дорогой…»

— А нам мама всегда говорила — в полночь, — перебил Рон.

Он устроился слушать с удобством, развалившись в кресле, вытянув ноги и закинув руки за голову. Гермиона раздраженно взглянула на него.

— Извини, просто «в полночь» как-то страшнее! — сказал Рон.

— Ага, нам в жизни как раз страхов не хватает, — не удержался Гарри и тут же, спохватившись, оглянулся на Ксенофилиуса, но тот как будто не особенно прислушивался, стоя у окна и глядя в небо. — Читай дальше, Гермиона!

— «…и пришли к реке. Была она глубокая — вброд не перейти, и такая быстрая, что вплавь не перебраться. Но братья были сведущи в магических искусствах. Взмахнули они волшебными

палочками — и вырос над рекою мост. Братья были уже на середине моста, как вдруг смотрят — стоит у них на пути кто-то, закутанный в плащ.

И Смерть заговорила с ними…»

— Извини, — перебил Гарри. — С ними заговорила Смерть?

— Это же сказка!

— А, понятно, извини. Давай дальше.

— «И Смерть заговорила с ними. Она очень рассердилась, что три жертвы ускользнули от нее, ведь обычно путники тонули в реке. Но Смерть была хитра. Она притворилась, будто восхищена мастерством троих братьев, и предложила каждому выбрать себе награду за то, что они ее перехитрили.

И вот старший брат, человек воинственный, попросил волшебную палочку, самую могущественную на свете, чтобы ее хозяин всегда побеждал в поединке. Такая волшебная палочка достойна человека, одолевшего саму Смерть! Тогда Смерть отломила ветку с куста бузины, что рос неподалеку, сделала из нее волшебную палочку и дала ее старшему брату.

Второй брат был гордец. Он захотел еще больше унизить Смерть и потребовал у нее силу вызывать умерших. Смерть подняла камешек, что

лежал на берегу, и дала его среднему брату. Этот камень, сказала она, владеет силой возвращать мертвых.

Спросила Смерть младшего брата, чего он желает. Младший был самый скромный и самый мудрый из троих и не доверял он Смерти, а потому попросил дать ему такую вещь, чтобы он смог уйти оттуда и Смерть не догнала бы его. Недовольна была Смерть, но ничего не поделаешь — отдала ему свою мантию-невидимку».

— У Смерти есть мантия-невидимка? — снова перебил Гарри.

— Чтобы подкрадываться к людям незаметно, — объяснил Рон. — Иногда ей надоедает гоняться за ними, вопя и размахивая руками… Извини, Гермиона.

— «Тогда отступила Смерть и пропустила троих братьев через мост. Пошли они дальше своею дорогой, и всё толковали промеж собой об этом приключении да восхищались чудесными вещицами, что подарила им Смерть.

Долго ли, коротко ли, разошлись братья каждый в свою сторону.

Первый брат странствовал неделю, а может, больше, и пришел в одну далекую деревню. Отыскал он там волшебника, с которым был в ссоре.

Вышел у них поединок, и, ясное дело, победил старший брат — да и как могло быть иначе, когда у него в руках Бузинная палочка? Противник остался лежать мертвым на земле, а старший брат пошел на постоялый двор и там давай хвастаться, какую чудо-палочку он добыл у самой Смерти, — с нею никто не победит его в бою.

В ту же ночь один волшебник пробрался к старшему брату, когда он лежал и храпел, пьяный вдрызг, на своей постели. Вор унес волшебную палочку, а заодно перерезал старшему брату горло.

Так Смерть забрала первого брата.

Тем временем средний брат вернулся к себе домой, а жил он один-одинешенек. Взял он Камень, что мог вызывать мертвых, и три раза повернул в руке. Что за чудо — стоит перед ним девушка, на которой он мечтал жениться, да только умерла она раннею смертью.

Но была она печальна и холодна, словно какая-то занавесь отделяла ее от среднего брата. Хоть она и вернулась в подлунный мир, не было ей здесь места и горько страдала она. В конце концов средний брат сошел с ума от безнадежной тоски и убил себя, чтобы только быть вместе с любимой.

Так Смерть забрала и второго брата.

Третьего же брата искала Смерть много лет,

да так и не нашла. А когда младший брат состарился, то сам снял мантию-невидимку и отдал ее своему сыну Встретил он Смерть как давнего друга, и своей охотой с нею пошел, и как равные ушли они из этого мира».

Гермиона закрыла книгу.

С полминуты Ксенофилиус как будто не замечал, что она закончила чтение, потом встрепенулся, оторвал взгляд от окна и сказал:

— Ну вот.

— Простите? — переспросил Гарри.

— Вот это и есть Дары Смерти, — ответил Ксенофилиус.

Он выудил из кучи всякого хлама гусиное перо и вытянул обрывок пергамента, засунутый между книгами.

— Бузинная палочка. — Ксенофилиус провел на пергаменте вертикальную черту. — Воскрешающий камень. — Он изобразил поверх черточки круг. — мантия-невидимка. — Он заключил черту и круг в треугольник.

Получился тот самый знак, что не давал покоя Гермионе.

— Все вместе — Дары Смерти, — объяснил мистер Лавгуд.

— Но в сказке даже нет таких слов — Дары

Смерти! — воскликнула Гермиона.

— Конечно, нет, — согласился Ксенофилиус с дико раздражающим самодовольством. — Это детская сказка, ее рассказывают для забавы, а не для наставления. Но люди понимающие знают, что легенда эта очень древняя и в ней идет речь о трех волшебных предметах, трех Дарах, обладатель которых победит саму Смерть.

Наступила пауза. Ксенофилиус опять выглянул в окно. Солнце уже спустилось к самому горизонту.

— Должно быть, Полумна уже наловила достаточно заглотов, — тихо проговорил он.

Рон сказал:

— Вы говорите: «победит Смерть», это в смысле…

— Победит. — Ксенофилиус небрежно махнул рукой. — Одолеет. Истребит. Ниспровергнет. Называйте как угодно.

— Получается… — Гермиона запнулась, явно стараясь, чтобы ее голос звучал не слишком скептически, — Вы верите, что эти волшебные предметы — эти Дары — существуют на самом деле?

Ксенофилиус снова поднял брови:

— Разумеется!

— Но ведь это… — Гермиона уже с трудом держала себя в руках. — Мистер Лавгуд, как же вы можете верить в такую…

— Полумна рассказывала мне о вас, юная леди, — повернулся к ней Ксенофилиус. — Насколько я понимаю, вы не лишены интеллекта, но страдаете крайней узостью мышления. Зашоренность ограничивает ваш кругозор.

— Ты бы примерила эту шапочку, Гермиона, — предложил Рон, давясь от смеха и кивая на дурацкую сбрую с крылышками.

— Мистер Лавгуд, — опять заговорила Гермиона, — как всем известно, мантии-невидимки существуют. Они очень редки, но они есть. Однако…

— Нет-нет, мисс Грейнджер, третий Дар Смерти — не простая мантия-невидимка! То есть это не обычная дорожная мантия, насыщенная дезиллюминационными чарами или заговоренная для отвода глаз, — поначалу она успешно скрывает своего владельца, но с годами чары истощаются и мантия мутнеет. Нет, тут речь идет об истинном чуде — Мантии, которая делает своего хозяина абсолютно невидимым на неограниченное время, причем его невозможно обнаружить никакими заклинаниями! Много вам таких попадалось,

мисс Грейнджер?

Гермиона открыла рот и тут же опять закрыла, совсем смешавшись. Все трое переглянулись. Гарри понял, что они думают об одном и том же. Именно такая Мантия была при них в эту самую минуту.

— Вот видите! — сказал Ксенофилиус, как будто только что сразил их неопровержимым аргументом. — Никто из вас не встречал подобной вещи. Ее владелец был бы невероятно богат, не правда ли?

Он еще раз выглянул в окно. Вечернее небо чуть заметно порозовело.

— Ладно, — растерянно проговорила Гермиона. — Предположим, что Мантия существует. А как же Камень, мистер Лавгуд? Как вы его назвали — Воскрешающий камень?

— И что вас интересует?

— Такого не может быть!

— Докажите, — сказал Ксенофилиус. Гермиона чуть не задохнулась от возмущения:

— Это же… Простите, мистер Лавгуд, но это просто смешно! Как я могу доказать, что Камня не существует? Может, мне собрать все камни на свете, перебрать по одному и проверить? Так можно договориться до того, что вообще все

возможно, если никто не доказал, что этого не существует!

— Вот именно, — сказал Ксенофилиус. — Приятно видеть, что вы наконец-то впустили в свое сознание более широкий взгляд на вещи.

— А Бузинная палочка, — быстро спросил Гарри, не давая Гермионе времени ответить, — вы считаете, она тоже существует?

— О, тому есть много свидетельств! — воскликнул Ксенофилиус. — Судьбу Бузинной палочки легче всего проследить благодаря своеобразному способу, каким она переходит от одного владельца к другому.

— А как она переходит? — спросил Гарри.

— Новый хозяин Бузинной палочки должен силой отнять ее у прежнего владельца, — ответил Ксенофилиус. — Вы, конечно, слышали о том, как Эгберт Эгоист в смертном бою добыл Бузинную палочку у Эмерика Отъявленного? Также о том, как Годелот скончался в собственном подвале после того, как у него забрал эту Палочку родной сын Геревард? О злодее Локсии, забравшем ее у Варнавы Деверилла, которого он убил? По страницам истории волшебного мира тянется кровавый след Бузинной палочки!

Гарри покосился на Гермиону Она хмуро уста-

вилась на Ксенофилиуса, однако возражать не пыталась.

— И где, по-вашему, сейчас Бузинная палочка? — спросил Рон.

— Увы, кто знает? — отозвался Ксенофилиус, глядя в окно. — Кто знает, где сокрыта Бузинная палочка? След прерывается на Аркусе и Ливии. Кто может сказать, который из них на самом деле победил Локсия и забрал Бузинную палочку? И кем он был, в свою очередь, побежден? Об этом, увы, история умалчивает.

Наступила пауза. Наконец Гермиона спросила довольно натянуто:

— Мистер Лавгуд, а семья Певереллов имеет какое-нибудь отношение к Дарам Смерти?

Ксенофилиус как будто растерялся, а у Гарри в голове шевельнулось какое-то воспоминание. Певерелл… он уже слышал раньше эту фамилию…

— Так что же вы мне голову морочили, барышня! — Ксенофилиус выпрямился в кресле, выпучив глаза на Гермиону. — Я думал, вы ничего не знаете о Поиске! Многие искатели убеждены, что семья Певереллов имеет самое что ни на есть прямое отношение к Дарам Смерти!

— Кто это — Певереллы? — спросил Рон.

— Это имя было написано на надгробном камне

в Годриковой Впадине, и там был знак! — Гермиона не сводила глаз с мистера Лавгуда. — Там был похоронен Игнотус Певерелл.

— Именно, именно! — откликнулся Ксенофилиус, наставительно подняв кверху палец. — Знак Даров Смерти на могиле Игнотуса и есть решающее доказательство!

— Доказательство чего? — спросил Рон.

— Того, что три брата из сказки на самом деле — трое братьев Певереллов: Антиох, Кадм и Игнотус! Они и были первыми владельцами Даров.

Ксенофилиус в очередной раз выглянул в окно, встал, забрал поднос и направился к лестнице.

— Останетесь пообедать? — крикнул он, спускаясь. — У нас все спрашивают рецепт ухи из пресноводных заглотов!

— Чтобы представить его в Отделение ядов в больнице святого Мунго, — тихонько пробормотал Рон.

Гарри подождал, пока не стало слышно, как мистер Лавгуд возится на кухне, и только тогда спросил Гермиону:

— Что скажешь?

— Ох, Гарри, это же полная чепуха! Символ наверняка означает что-то совсем другое. Только время зря потеряли.

— Ну так это же человек, который подарил миру морщерогих кизляков! — хмыкнул Рон.

— Ты тоже ему не веришь? — спросил Гарри.

— Нет, конечно. Самая обычная сказочка с моралью, разве нет? «Не нарывайся на неприятности, не хвастайся, не лезь в драки, не суйся, куда не просят. Всяк сверчок знай свой шесток, сиди тише воды, ниже травы, и все будет хорошо». Может, отсюда и пошло это суеверие, якобы бузинные палочки приносят несчастье.

— Это ты о чем?

— Типичный предрассудок. «Родилась в мае — выйдешь замуж за магла». «В сумерки наколдовано — к полночи развеется». «Палочка из бузины доведет до беды». У мамы полно таких присказок. Да вы, наверное, сто раз слышали.

— Мы с Гарри выросли среди маглов, — напомнила Гермиона. — У них совсем другие суеверия.

Она тяжело вздохнула — из кухни повеяло чем-то на редкость вонючим. Одно хорошо: разозлившись на мистера Лавгуда, она забыла наконец, что гневается на Рона.

— Я думаю, ты прав, — сказала она Рону. — Это обыкновенная сказка с моралью. Совершенно очевидно, какой из Даров нужно выбрать…

Дальше все трое заговорили одновременно.

— Мантию, — сказала Гермиона.

— Палочку, — сказал Рон.

— Камень, — сказал Гарри.

Они ошарашенно уставились друг на друга.

— Ясно, что по идее нужно выбрать Мантию, — сказал Рон Гермионе, — только с такой палочкой никакая невидимость не нужна. Палочка, с которой невозможно проиграть, подумай сама, Гермиона!

— мантия-невидимка у нас уже есть, — сказал Гарри.

— И она нас очень здорово выручала, если помните! — воскликнула Гермиона. — А от Палочки этой одни только неприятности…

— Просто орать про нее не надо на всех углах, — возразил Рон. — Только полный придурок станет бегать, махать ею над головой и вопить: «Смотрите, у меня непобедимая палочка, а ну суньтесь, если вы такие крутые!» Если помалкивать о ней…

— А получится ли помалкивать? — с сомнением спросила Гермиона. — Знаете, в одном Ксенофилиус оказался прав: веками ходят легенды о сверх могущественных волшебных палочках.

— Серьезно? — удивился Гарри.

Гермиона сердито уставилась на него. Это вы-

ражение лица было им так знакомо, что Гарри и Рон растроганно улыбнулись друг другу.

— Смертоносная палочка, или Жезл судьбы, — они возникают под разными именами на протяжении столетий, как правило, в руках какого-нибудь темного волшебника, который ими хвастается направо и налево. Профессор Бинс упоминал некоторые из них, но… А, да все это ерунда. Волшебная палочка может не больше того, на что способен ее владелец. Просто некоторые волшебники обожают хвастаться, что их волшебная палочка длиннее и лучше, чем у других.

— А откуда известно, что все эти Смертоносные палочки и Жезлы судьбы на самом деле не одна и та же волшебная палочка? — спросил Гарри. — Просто в разные эпохи ее называли по-разному.

— А на самом деле это, значит, и есть Бузинная палочка Смерти? — уточнил Рон.

Гарри засмеялся. Ему вдруг пришла в голову дикая мысль… Нет, это чушь. Его волшебная палочка была не из бузины, а из остролиста, и сделал ее Олливандер, пусть она и вела себя странно в ту ночь, когда Волан-де-Морт гнался за ним по небу. И разве могла она сломаться, если была непобедимой?

— А почему ты выбрал бы Камень? — поинте-

ресовался Рон.

— Если бы можно было вызывать мертвых, мы могли бы вернуть Сириуса… Грозного Глаза… Дамблдора… Моих родителей…

Рон и Гермиона не засмеялись.

— Только если верить этому барду, они сами не захотят вернуться, так? — сказал Гарри, думая о сказке, которую они сейчас услышали. — Вообще-то, По-моему, не так много сказок о Камне, вызывающем умерших, да, Гермиона?

— Да, — грустно подтвердила она. — Я думаю, только мистер Лавгуд способен всерьёз вообразить, что это возможно. Скорее всего, Бидль взял за основу идею философского камня — тот дарует бессмертие, а этот воскрешает мертвых.

Вонь из кухни стала заметно сильнее. Пахло горелыми трусами. Гарри сомневался, хватит ли у них сил из вежливости съесть Ксенофилиусову стряпню.

— А Мантия? — медленно проговорил Рон. — Знаете, тут он прав. Я так привык к мантии Гарри, даже не задумывался, какая она замечательная. А ведь я никогда о другой такой не слышал. Она действует безотказно. Нас ни разу никто под ней не увидел.

— Естественно, Рон, она же невидимка!

— Нет, но он правду говорил про другие мантии-невидимки, хотя их тоже не на кнат ведро, между прочим! Мне как-то в голову не приходило, только сейчас сообразил: я много раз слышал о том, что со временем чары на них изнашиваются, а от заклятии они рвутся и на них остаются дыры. Мантия Гарри не такая уж новая, она раньше была у его папы, а работает… идеально!

— Допустим, Рон, но вот Камень…

Пока друзья шепотом препирались, Гарри бродил по комнате, не слишком прислушиваясь. Он подошел к лестнице, рассеянно посмотрел вверх и обалдел. С потолка комнаты следующего этажа на него смотрело его собственное лицо.

Придя в себя, он понял, что это не зеркало, а роспись. Гарри стало любопытно, и он полез вверх по лестнице.

— Гарри, ты что? Нельзя же без приглашения!

Но Гарри уже добрался до верхнего этажа.

Потолок в комнате Полумны украшали пять замечательно выписанных лиц: Гарри, Рон, Гермиона, Джинни и Невилл. В отличие от хогвартских портретов, они не двигались, но все же какая-то магия в них была. Гарри показалось, что они дышат. Среди портретов, объединяя их в единое целое, вилась тонкая золотая цепочка, но,

приглядевшись, Гарри понял, что на самом деле это тысячи раз повторенное золотыми чернилами слово: друзья… друзья… друзья…

Он почувствовал огромную нежность к Полумне. Оглядевшись, он увидел на столике у кровати фотографию: маленькая Полумна и рядом женщина, очень похожая на нее. Они стояли, обнявшись. Полумна на снимке выглядела куда более ухоженной, чем в жизни. Фотография была покрыта слоем пыли. Это показалось Гарри странным. Он осмотрелся внимательнее.

что-то в комнате явно было не так. Светло-голубой ковер тоже был весь пыльный. В шкафу с распахнутыми дверцами не висела одежда, кровать выглядела холодной и неуютной, как будто в ней давно не спали. Поперек ближайшего окна на фоне кроваво-красного неба протянулась паутина.

Гарри сломя голову кинулся вниз по лестнице.

— Что случилось? — спросила Гермиона.

Гарри не успел ответить — из кухни показался Ксенофилиус, держа поднос, уставленный суповыми тарелками.

— Мистер Лавгуд, — крикнул Гарри, — где Полумна?

— Прошу прощения?

— Где Полумна?

Ксенофилиус застыл на верхней ступеньке.

— Я… я вам уже говорил. Она у ручья, возле Нижнего моста, ловит заглотов.

— А почему тогда вы накрыли поднос всего на четверых?

Ксенофилиус пытался заговорить и не мог. В комнате слышался только мерный стук печатного станка и тихий звон тарелок на подносе — у Ксенофилиуса дрожали руки.

— По-моему, Полумны давно здесь не было, — сказал Гарри. — Ее одежды не видно, кровать не застелена. Где она? И почему вы все время смотрите в окно?

Поднос выпал у Ксенофилиуса из рук. Тарелки запрыгали по полу, разбиваясь на куски. Гарри, Рон и Гермиона выхватили волшебные палочки. Ксенофилиус замер, не дотянувшись рукой до кармана. В этот миг печатный станок громко задребезжал, и из-под скатерти лавиной хлынули «Придиры». Станок перестал греметь. В комнате наконец-то наступила тишина.

Гермиона нагнулась и подобрала с пола журнал, не отводя волшебной палочки от мистера Лавгуда.

— Гарри, смотри!

Он подошел к ней, перешагивая через нагромождения журналов. На обложке он увидел свою фотографию крупным планом, а поперек нее слова «Нежелательное лицо № 1» и объявление о награде.

— Видно, «Придира» поменял курс? — холодно спросил Гарри. Он стремительно соображал. — Так зачем вы выходили в сад, мистер Лавгуд? Отправить сову в Министерство?

Ксенофилиус облизал губы.

— Мою Полумну забрали, — прошептал он. — Из-за моих статей. Полумну забрали, и я не знаю, где она, что с ней сделали. Но, может быть, они ее отпустят, если я… если я…

— Сдадите им Гарри? — закончила за него Гермиона.

— Не выйдет, — отрезал Рон. — Уходим! Освободите дорогу!

На Ксенофилиуса страшно было смотреть: он словно постарел на сотню лет, губы растянулись в ужасной усмешке.

— Они будут здесь с минуты на минуту. Я должен спасти Полумну. Я не могу ее потерять! Вы никуда не уйдете.

Он раскинул руки, загораживая лестницу, и Гарри вдруг представилась мама, точно так же

заслонившая собой детскую кроватку.

— Мы не хотим с вами драться, — сказал он. — Отойдите, мистер Лавгуд.

— ГАРРИ!!! — вскрикнула Гермиона.

За окном промелькнули несколько человек верхом на метлах. Как только трое друзей отвернулись, Ксенофилиус выхватил волшебную палочку. Гарри вовремя понял свою ошибку и прыгнул в сторону оттолкнув Рона и Гермиону. Оглушающее заклятие Ксенофилиуса пролетело через всю комнату и задело рог взрывопотама.

Раздался чудовищный взрыв. Комната содрогнулась от грохота, посыпались щепки, бумажки и всякий мусор, поднялась густая белая пыль. Гарри подбросило в воздух, потом основательно приложило об пол. Он ничего не видел, только прикрывал голову руками от падающих обломков. Закричала Гермиона, что-то завопил Рон, жутко загромыхало железо — видно, Ксенофилиус не удержался на ногах и покатился вниз по винтовой лестнице.

Заваленный мусором и обломками, Гарри попытался встать. От пыли было не продохнуть и почти ничего не видно вокруг. Часть потолка обрушилась, в дыре торчали ножки кровати. На полу рядом с Гарри валялся бюст Кандиды

Когтевран с отбитой щекой, в воздухе летали обрывки пергамента, а печатный станок опрокинулся набок и застрял поперек лестницы, ведущей в кухню. Рядом с Гарри зашевелилась белая фигура — Гермиона, покрытая пылью и похожая на еще одну статую, прижала палец к губам.

Внизу со стуком распахнулась дверь.

— Я говорил вам, Трэверс, что спешить некуда? — послышался грубый голос. — Говорил я, что этот псих, как обычно, бредит?

Раздался громкий треск, и Ксенофилиус вскрикнул от боли.

— Нет… нет… наверху… Поттер!

— Я тебя предупреждал на той неделе, Лавгуд, что мы больше не будем сюда мотаться по ложным вызовам! Не забыл еще прошлую неделю? Как ты пытался всучить нам за свою дочурку какое-то идиотское устройство для головы? А на позапрошлой… — Снова треск, снова вскрик. — Размечтался, что получишь ее, если сумеешь нам доказать, что на свете существуют морще… (треск) рогие… (треск) кизляки!

— Нет! Нет! Умоляю! — захлебывался рыданиями Ксенофилиус. — Там правда Поттер! Правда!

— А теперь, оказывается, ты задумал нас взо-

рвать! — проревел Пожиратель смерти.

Последовала целая очередь магических ударов, перемежавшихся жалобными криками Ксенофилиуса.

— Селвин, По-моему, тут сейчас все рухнет, — спокойно заметил другой голос, эхом отдавшись от искореженных ступеней. — Лестница засыпана. Попробуем расчистить? Как бы дом не обвалился.

— Ты, *лживая* мразь! — крикнул волшебник по имени Селвин. — Ты небось в глаза не видел никакого Поттера! Вздумал заманить нас и прикончить? Думаешь, за такие штучки тебе вернут твою девчонку?

— Я клянусь… клянусь чем хотите — Поттер наверху!

— Гоменум ревелио! — произнес второй голос у подножия лестницы.

Гарри услышал, как ахнула Гермиона, и почувствовал, будто что-то пролетело над головой; на миг его накрыла тень.

— Селвин, там и впрямь кто-то есть, — резким тоном произнес второй волшебник.

— Это Поттер, я же говорю, это Поттер! — всхлипывал Ксенофилиус. — Пожалуйста, отдайте мне Полумну, только отдайте Полумну…

— Получишь свою малявку, Лавгуд, — ответил Селвин, — если поднимешься сейчас наверх и приведешь мне Гарри Поттера. Но смотри, если это засада и там нас поджидает твой сообщник — не знаю, останется ли от твоей девчонки хоть кусочек, чтобы ты мог его похоронить.

У Ксенофилиуса вырвался протяжный крик, полный страха и отчаяния. Потом на лестнице послышались скрип и скрежет — это Ксенофилиус разгребал завалы.

— Пошли, — шепнул Гарри. — Надо уносить ноги.

Он начал выкапываться из-под обломков под прикрытием возни Ксенофилиуса на лестнице. Рона засыпало сильнее всех. Гарри и Гермиона как можно тише подобрались к нему через груды мусора и попробовали сдвинуть тяжелый комод, придавивший ему ноги. Пока Ксенофилиус пробивался все ближе к ним, Гермиона исхитрилась освободить Рона, применив заклинание Левитации.

— Отлично, — выдохнула Гермиона.

Лежавший поперек лестницы печатный станок затрясся. Ксенофилиусу оставалось одолеть всего несколько ступенек. Гермиона была все еще белая от пыли.

— Гарри, ты мне доверяешь? Гарри кивнул.

— Хорошо, — шепнула Гермиона, — тогда дай мне мантию-невидимку. Под ней пойдет Рон.

— А как же Гарри…

— Рон, не спорь! Гарри, держи меня крепче за руку. Рон, хватайся за плечо.

Гарри протянул ей левую руку. Рон исчез под мантией. Печатный станок задрожал сильнее — Ксенофилиус пытался приподнять его при помощи заклинания Левитации. Гарри не мог понять, чего дожидается Гермиона.

Она прошептала:

— Держитесь крепче… Вот сейчас…

Над сервантом показалось белое как бумага лицо Ксенофилиуса.

— Обливиэйт! — крикнула Гермиона, прицелившись ему в лицо волшебной палочкой, потом направила палочку в пол: — Депримо!

Она пробила здоровенную дыру в полу гостиной. Все трое камнем полетели вниз. Гарри мертвой хваткой вцепился в руку Гермионы. Внизу раздался крик, и Гарри на мгновение увидел двоих людей, разбегающихся в стороны, в то время как сверху на них валилась поломанная мебель и куски камня. Гермиона перекувырнулась в воздухе, и под грохот рушащегося дома

Гарри утащило в темноту.

Глава 22

ДАРЫ СМЕРТИ

Гарри упал, задыхаясь, на траву, и сразу вскочил на ноги. Солнце только что зашло; они приземлились на краю какого-то поля. Гермиона уже бегала по кругу, размахивая волшебной палочкой.

— Протего тоталум… Салъвио гексиа…

— Подлый предатель! — пропыхтел Рон, вылезая из-под мантии-невидимки и перебрасывая ее Гарри. — Гермиона, ты гений, просто гений! До сих пор не верю, что мы оттуда выскочили!

— Каве инимикум… Я же говорила, что это рог взрывопотама! Я ему говорила! И вот его дом развалился.

— Так ему и надо, — буркнул Рон, рассматривая порванные джинсы и ссадины на ногах. — Как вы думаете, что с ним теперь сделают?

— Ох, надеюсь, они его не убьют! — застонала Гермиона. — Я потому и хотела, чтобы Пожиратели смерти успели увидеть Гарри — пусть знают, что Ксенофилиус их не обманывал!

— А меня почему спрятала? — спросил Рон.

— Ты же, считается, лежишь дома и болеешь обсыпным лишаем! Полумну схватили, потому что ее отец печатал в своем журнале статьи в защиту Гарри. Как ты думаешь, что будет с твоими родными, если тебя увидят с ним?

— А как же твои мама и папа?

— Они в Австралии. С ними ничего не должно случиться, они вообще ничего не знают.

— Ты гений, — повторил Рон, глядя на нее с благоговением.

— Это точно, Гермиона, — с жаром поддержал его Гарри. — Не знаю, что бы мы без тебя делали.

Гермиона просияла улыбкой, но сразу же снова стала серьезной.

— А как же Полумна?

— Ну, если они сказали правду и она еще жива… — начал Рон.

— Замолчи, замолчи! — вскрикнула Гермиона. — Она не могла погибнуть, не могла!

— Тогда она, наверное, в Азкабане, — предположил Рон. — Выживет ли она там — это другой вопрос. Многие не выдерживают…

— Полумна выдержит, — сказал Гарри. Он просто не мог допустить иного исхода. — Она гораздо крепче, чем кажется. Небось просвещает сейчас товарищей по камере насчет нарглов и

мозгошмыгов.

— Надеюсь, что так, — вздохнула Гермиона и провела рукой по глазам. — Мне было бы ужасно жалко Ксенофилиуса, если бы…

— Если бы он не выдал нас Пожирателям смерти, ага, — сказал Рон.

Они поставили палатку, забились внутрь, и Рон заварил на всех чай. После того как они едва спаслись, холодная и душная палатка казалась уютной, родной и надежной.

какое-то время все молчали, потом Гермиона воскликнула:

— И зачем только мы туда сунулись? Гарри, ты был прав: получилось, как в Годриковой Впадине, бездарная потеря времени и ничего больше! Дары Смерти… Чушь какая… Хотя Вообщет-о… — ей пришла в голову новая мысль, — может, Ксенофилиус все это сам выдумал? Не верит он ни в какие Дары, просто хотел нас задержать, пока не явятся Пожиратели смерти!

— Непохоже, — возразил Рон. — Между прочим, в состоянии стресса не так легко что-нибудь придумать. Вот я, когда меня поймали егеря, назвался Стэном Шанпайком, потому что о нем хоть что-то знал. Притвориться другим человеком проще, чем выдумать совсем новую личность. У папаши

Лавгуда тоже был стресс, когда он старался нас задержать. Я думаю, он сказал правду — ну, по крайней мере, он сам верил, что это правда.

— По-моему, это несущественно, — сказала Гермиона. — Даже если он не врал, все равно я такой ужасной чепухи в жизни не слышала.

— Погоди, — сказал Рон. — Тайную комнату тоже считали выдумкой, так?

— Да не может этого быть, и все тут! Даров Смерти не существует!

— Ты все время это повторяешь, — сказал Рон, — а ведь один из них точно существует — мантия-невидимка.

— «Сказка о трех братьях» — это просто легенда, — твердо заявила Гермиона. — По сути, это история о страхе человека перед смертью. Если бы можно было выжить, просто спрятавшись под мантией-невидимкой, так у нас уже есть все, что надо!

— Ну, не знаю. По-моему, непобедимая волшебная палочка нам бы тоже не помешала, — проворчал Гарри, вертевший в руках нелюбимую палочку из терновника.

— Нет такой палочки, Гарри!

— Ты сама сказала, что таких палочек полным-полно — и Смертоносная палочка, и этот,

как его…

— Ладно, даже если вообразить, что Бузинная палочка существует взаправду, что тогда скажешь про Воскрешающий камень? — Гермиона пальцами изобразила кавычки вокруг названия камня, и тон ее исходил сарказмом. — Никакая магия не способна воскрешать мертвых, и ничего тут не поделаешь!

— Когда моя палочка столкнулась с палочкой Сами-Знаете-Кого, появились мои мама и папа… и Седрик…

— Так ведь они на самом деле не вернулись из мертвых! — сказала Гермиона. — Это были вроде как… бледные подобия, это совсем не то же самое, что воскреснуть понастоящему.

— Ну, и в сказке девушка тоже не воскресла понастоящему. Там сказано, что для умерших нет места в подлунном мире. Но все-таки второй брат мог видеть ее и говорить с ней… Они даже жили вместе какое-то время…

Гарри заметил в глазах Гермионы довольно странное выражение — сочувствие и еще что-то трудноопределимое. Она покосилась на Рона, и Гарри вдруг понял, что это — страх. Он напугал ее своими разговорами о жизни с покойниками.

— А этот тип, Певерелл, который похоронен

в Годриковой Впадине, — быстро сказал он, стараясь рассуждать как человек со здоровой психикой, — ты о нем и правда ничего не знаешь?

— Нет, — ответила Гермиона, явно обрадовавшись перемене разговора. — Я проверила. Будь он знаменитостью, наверняка о нем было бы где-нибудь сказано. Я нашла только одно упоминание фамилии «Певерелл» — в книге «Природная знать. Родословная волшебников». Я ее взяла почитать у Кикимера, — объяснила она, заметив, что Рон поднял брови. — Там перечислены чистокровные волшебники, чей род к нашему времени прервался по мужской линии. Как я поняла, с семьей Певерелл это случилось с одной из первых.

— Как это — прервался по мужской линии? — переспросил Рон.

— Это значит, что фамилию этой семьи уже никто не носит, — объяснила Гермиона, — хотя вполне могут быть потомки по женской линии, просто фамилия у них уже другая.

И тут Гарри осенило. Он понял, что шевельнулось у него в памяти, когда он услышал фамилию «Певерелл»: неопрятный старик тычет безобразное кольцо под нос чиновнику из Министерства. Гарри крикнул вслух:

— Марволо Мраке!

— Что-что? — дружно спросили Рон и Гермиона.

— Марволо Мраке! Дедушка Сами-Знаете-Кого! В Омуте памяти, у Дамблдора! Марволо Мраке говорил, что он потомок Певереллов!

Рон и Гермиона по-прежнему ничего не понимали.

— Перстень, перстень, который превратился в крестраж! Марволо Мраке говорил, что на нем герб Певереллов! Я видел, как он им размахивал перед лицом того деятеля из Министерства, он ему это кольцо чуть в нос не засунул!

— Герб Певереллов? — насторожилась Гермиона. — Ты его хорошо разглядел?

— Не очень, — ответил Гарри. — Вроде там ничего такого особенного и не было — так, несколько черточек. Я вблизи-то его видел, уже когда он был треснутый.

Глаза Гермионы внезапно расширились — до нее дошло. Рон ошеломленно смотрел на них с Гарри.

— Ух ты… Думаете, это опять тот же знак? Символ Даров Смерти?

— А почему нет? — взволнованно ответил Гарри. — Марволо Мраке был необразованный

старикашка, жил в свинарнике и ничем не интересовался, кроме своей родословной. Если кольцо передавали из поколения в поколение, он мог и не знать, что это на самом деле такое. В его доме не было книг, и можете мне поверить, он не читал сказки вслух своим детям. Ему приятно было думать, что рисунок в перстне — это герб, потому что, с его точки зрения, быть чистокровным — все равно что быть королем.

— Да… Все это очень интересно, — осторожно сказала Гермиона, — и все-таки, Гарри, если ты считаешь, что я подумала…

— А почему нет? Почему нет? — закричал Гарри. — В перстне ведь камень, правильно? — Он взглянул на Рона, надеясь на его поддержку, — Что, если это и есть Воскрешающий камень?

Рон даже рот раскрыл.

— Ух ты… А разве он может работать, если Дамблдор его разбил?

— Работать? Работать?! Рон, да он никогда не работал! Нет никакого Воскрешающего камня! — Гермиона вскочила на ноги, окончательно выйдя из себя. — Гарри, ты все на свете стараешься подогнать под эту историю о Дарах Смерти…

— Подогнать? — повторил Гарри. — Так если все само сходится! Я знаю, что на камне в перстне

был знак Даров Смерти! А Мраке говорил, что получил его по наследству от Певереллов!

— Только что ты говорил, что не разглядел перстень как следует!

Рон спросил:

— Гарри, а как ты думаешь, где сейчас перстень? Когда Дамблдор его разбил, что он с ним потом сделал?

Но им с Гермионой было не угнаться за воображением Гарри.

Три волшебных предмета, или Дара, которые, соединившись вместе, помогут своему владельцу победить Смерть… Победить… Одолеть… Ниспровергнуть… Последний же враг истребится — Смерть…

Он уже видел самого себя, владеющего тремя Дарами, лицом к лицу с Волан-де-Мортом, чьи крестражи не шли ни в какое сравнение… Ни один из них не может жить спокойно, пока жив другой… Может, это и есть ответ? Дары против крестражей? все-таки есть возможность, что он победит? Если у него будут все три Дара, может быть, они его защитят?

— Гарри!

Он почти не слышал Гермиону. Он вытащил мантию-невидимку и пропустил ее сквозь паль-

цы. Ткань была текучая, как вода, и легкая, как воздух. За семь лет жизни в мире волшебников Гарри ни разу не встречал ничего подобного. Именно такая, как говорил Ксенофилиус: мантия, которая делает своего хозяина абсолютно невидимым на неограниченное время, причем его невозможно обнаружить никакими заклинаниями…

Вдруг Гарри ахнул:

— В ту ночь, когда погибли мои родители, мантия была у Дамблдора!

Гарри чувствовал, что у него горят щеки и голос дрожит, но ему было все равно.

— Мама говорила в письме Сириусу, что Дамблдор взял мантию на время! Так вот в чем дело! Он хотел ее изучить, он тоже думал, что это — третий Дар! Игнотус Певерелл похоронен в Годриковой Впадине… — Гарри слепо заходил по палатке. Перед ним открывались невероятные истины. — Он — мой предок! Я — потомок третьего брата! Все сходится!

Эта уверенность придавала ему сил, как будто мысль о волшебных Дарах сама по себе была защитой. Он счастливо повернулся к друзьям.

— Гарри, — снова сказала Гермиона, но ему было не до нее; он развязывал дрожащими паль-

цами тесемки Хагридова мешочка, висевшего на шее.

— Читай!

Гарри протянул Гермионе письмо своей мамы.

— Читай! Гермиона, Дамблдор взял мантию-невидимку! Зачем еще она ему понадобилась? Он умел накладывать дезиллюминационное заклинание такой силы, что становился невидимым без всякой мантии!

что-то блестящее упало на пол и закатилось под стул — доставая письмо из мешочка, Гарри нечаянно зацепил снитч. Он наклонился подобрать крылатый мячик, и вдруг на него обрушилось новое озарение. Гарри заорал от потрясения и восторга:

— Он здесь! Дамблдор оставил мне перстень! Он здесь, в снитче!

— Думаешь?

Гарри не мог понять, почему Рон так ошарашен. Для Гарри все было яснее ясного. Все одно к одному… Мантия — третий Дар, и как только он выяснит, как открывается снитч, у него будет второй, останется только отыскать первый Дар, Бузинную палочку, и тогда…

Вдруг словно занавес упал над ярко освещенной сценой — волнение и радостная надежда

разом погасли, и Гарри остался один в темноте. Восхитительные чары развеялись.

— Он ее ищет… — Перемена в его голосе еще больше напугала Рона и Гермиону. — Сами-Знаете-Кто ищет Бузинную палочку.

Гарри повернулся спиной к их вытянувшимся, недоверчивым лицам. Он знал, что это правда. Все сходится! Волан-де-Морт вовсе не ищет новую волшебную палочку — он ищет очень даже старую волшебную палочку. Гарри подошел ко входу в палатку и, позабыв про Рона и Гермиону, уставился в ночь…

Волан-де-Морт рос в магловском приюте для сирот. Некому было рассказать ему сказку о трех братьях, точно так же как и Гарри. А взрослые волшебники большей частью не верят в Дары Смерти. Так откуда Волан-де-Морту об этом знать?

Гарри смотрел в темноту… Если бы Волан-де-Морту было известно о Дарах Смерти, он наверняка захотел бы их получить — еще бы, три волшебных предмета, хозяин которых может победить Смерть! Знай он о Дарах Смерти, ему бы и крестражи не понадобились. Уже то, что он превратил в крестраж один из Даров, показывает — он не знает эту последнюю великую волшеб-

ную тайну.

А значит, Волан-де-Морт разыскивает Бузинную палочку, не понимая всей ее силы… Он понятия не имеет, что всего Даров три… Просто Бузинную палочку не очень-то скроешь, поэтому о ней многим известно… По страницам истории волшебного мира тянется кровавый след Бузинной палочки…

Гарри поднял глаза к облачному небу. Из-за плывущих по нему дымно-серых и серебряных завитков выглядывала белая луна. Голова у Гарри кружилась от нахлынувших на него открытий.

Он вернулся в палатку и удивился, увидев, что Рон и Гермиона так и стоят на том месте, где он их оставил. Гермиона все еще держала в руках письмо Лили, Рон выглядел слегка встревоженным. Понимают ли они, какой огромный путь он проделал всего за несколько минут?

— Теперь все ясно, — сказал Гарри, стараясь разделить с ними сияние собственной изумленной уверенности. — Это все объясняет. Дары Смерти существуют на самом деле, и у меня есть один из них… Может быть, даже два… — Он поднял повыше снитч. — А Сами-Знаете-Кто охотится за третьим, только он не понимает… Он думает, что это просто очень сильная волшебная палочка…

— Гарри… — Гермиона подошла к нему и отдала письмо Лили. — Прости, но, По-моему, ты глубоко ошибаешься.

— Да как ты не понимаешь? Все Же сходится!

— Ничего подобного, — сказала Гермиона. — Совсем не сходится. Гарри, ты просто увлекся. Ну пожалуйста! — воскликнула она, когда он хотел заговорить. — Пожалуйста, ответь мне только на один вопрос. Если Дары Смерти действительно существуют и Дамблдор о них знал, если он знал, что человек, собравший у себя все три Дара, победит Смерть, почему он тебе об этом не сказал? Почему?

Ответ у Гарри был уже готов.

— Ты же это и сказала, Гермиона! Потому что это обязательно нужно узнать самому! Так устроен Поиск!

— Я просто так сказала, лишь бы уговорить тебя пойти к Лавгуду! — потеряв терпение, закричала Гермиона. — На самом деле я ничего такого не думала!

Гарри ее слова не смутили.

— Дамблдор все время устраивал так, чтобы я доходил до всего своим умом. Он давал мне возможность попробовать свои силы, не мешал рисковать. Это в его стиле.

— Гарри, тут уже не игра, все всерьез! Все понастоящему! Дамблдор оставил тебе четкую задачу — найти и уничтожить крестражи! Этот символ ничего не значит, забудь о Дарах Смерти, мы не можем позволить себе отвлекаться…

Гарри ее почти не слушал. Он вертел в руках снитч, втайне надеясь, что тот откроется и все увидят Воскрешающий камень. Тогда Гермиона поймет, что он прав.

Она бросилась за помощью к Рону.

— Ты ведь во все это не веришь? Гарри тоже поднял голову. Рон замялся.

— Не знаю… Ну, то есть… Вроде и правда, сходится… Но если посмотреть на все в целом… — Он набрал побольше воздуху. — Я думаю, Гарри, все-таки наше дело — избавиться от крестражей. Это нам поручил Дамблдор. Наверное… лучше не заморачиваться с этими Дарами Смерти.

— Спасибо, Рон, — сказала Гермиона. — Я первая подежурю.

Она прошагала мимо Гарри и уселась у входа в палатку, как бы поставив в разговоре жирную точку.

В ту ночь Гарри почти не спал. Мысль о Дарах Смерти захватила его, он никак не мог успокоиться, в голове крутилось все одно и то же. Палочка,

Камень и Мантия — если бы все они оказались у него…

Я открываюсь под конец… Что значит — под конец? Почему нельзя получить Камень прямо сейчас? Будь у него Камень, он мог бы прямо спросить обо всем Дамблдора… Гарри что-то шептал снитчу в темноте, перепробовал всевозможные слова, даже на змеином языке, но золотой шарик упрямо не хотел открываться.

А Палочка, Бузинная палочка? Где она спрятана? Где ее ищет Волан-де-Морт? Гарри хотелось, чтобы шрам заболел и показал ему мысли Волан-де-Морта. Впервые они с Волан-де-Мортом стремятся к одному и тому же. Гермиона, конечно, такую идею не одобрит. Ксенофилиус был по-своему прав, когда говорил, что у нее зашоренное сознание. На самом деле ее просто пугает мысль о Дарах Смерти, особенно о Воскрешающем камне… И Гарри снова поднес к губам снитч, целовал его, только что не проглотил, но холодный металл не поддавался…

Ближе к рассвету Гарри вдруг вспомнил Полумну. Она сейчас совсем одна, в камере в Азкабане, среди дементоров. Гарри стало стыдно. Замечтался о Дарах Смерти и совсем о ней забыл! Вот бы ее вытащить, но с таким количеством демен-

торов им не справиться. Кстати, он ведь еще не пробовал создавать Патронуса палочкой из терновника… Надо будет поэкспериментировать.

Если бы можно было раздобыть палочку получше… И снова его захлестнуло желание завладеть Бузинной палочкой — смертоносной, непобедимой…

Утром они свернули палатку и двинулись дальше под унылым моросящим дождем. Дождик упорно преследовал их до самого побережья. Там они установили палатку и остались на целую неделю, перемещаясь среди промокших насквозь пейзажей, которые наводили на Гарри беспросветную тоску. Он ни о чем не мог думать, кроме Даров Смерти. Внутри него как будто горело пламя, которое ничто не могло погасить — ни откровенное неверие Гермионы, ни сомнения Рона. И в то же время чем сильнее разгоралось стремление к Дарам, тем больше из него уходила радость. Он винил в этом Рона и Гермиону — их равнодушие действовало так же угнетающе, как неотступный дождь, однако его уверенность ничто не могло поколебать. Вера в Дары и жажда их до того захватили Гарри, что как будто отделили его от Рона и Гермионы, с их бзиком насчет крестражей.

— Бзиком? — тихо и яростно повторила Гермиона, когда Гарри однажды вечером неосторожно обронил это слово, потому что Гермиона в очередной раз допекла его упреками за недостаток рвения в поисках оставшихся крестражей. — Гарри, это не у нас бзик, а у кого-то другого! Мы только стараемся выполнить волю Дамблдора!

Но Гарри остался глух ко всем укорам. Сам Дамблдор оставил Гермионе знак, чтобы она его расшифровала, и он же, по глубокому убеждению Гарри, оставил ему Воскрешающий камень, спрятанный в золотом снитче. Ни один из них не может жить спокойно, пока жив другой… Победить смерть… Ну почему Рон с Гермионой не понимают?

— «Последний же враг истребится — смерть», — спокойно процитировал Гарри.

— Я думала, мы боремся против Сам-Знаешь-Кого? — возразила Гермиона, и Гарри махнул на нее рукой.

Даже тайна серебряной лани, которую без конца обсуждали Гермиона и Рон, больше не казалась Гарри слишком важной. Так, любопытная интермедия, не более того. Единственное, что волновало его, кроме Даров Смерти, — вновь начавшееся покалывание в шраме, которое он

скрывал от друзей. Гарри прятался от них, когда это случалось, но видения его разочаровали. Они стали нечеткими, размытыми, словно бы не в фокусе. Гарри с трудом разобрал неясные очертания какого-то предмета, похожего на череп, и еще гору, но не материальную, вроде тени. Гарри привык к отчетливым, как сама реальность, картинкам, и перемена сбивала его с толку. Он опасался, не ослабела ли связь между ним и Волан-де-Мортом — связь, которой он боялся и в то же время дорожил, что бы он там ни говорил Гермионе. Иногда Гарри начинал подозревать, что качество видений ухудшилось Из-за гибели его волшебной палочки, как будто палочка из терновника была виновата, что он больше не может заглядывать в мысли Волан-де-Морта.

Тянулись одна за другой недели, и Гарри, при всей своей погруженности в себя, невольно замечал, что Рон все больше и больше берет на себя командование. Может, ему хотелось как-то возместить то, что он их тогда бросил, а может, отрешенность Гарри пробудила в нем способности лидера; во всяком случае, теперь именно Рон тормошил и подбадривал остальных.

— Осталось три крестража, — повторял он. — Ну давайте составим план действий! Где мы еще

не искали? Сиротский приют…

Косой переулок, Хогвартс, усадьба Реддлов, «Горбин и Бэркес», Албания — Рон с Гермионой снова и снова перебирали все места, где жил или работал Том Реддл, где он бывал и где его убивали. Гарри соглашался участвовать в этих обсуждениях, только чтобы Гермиона перестала его донимать. Он был бы рад сидеть один в уголке и подсматривать мысли Волан-де-Морта — может, удастся вызнать что-нибудь новое про Бузинную палочку, но Рон изобретал самые невероятные тайники, которые необходимо проверить. Гарри был уверен, что он делает это, лишь бы не давать им засиживаться на одном месте.

— Мало ли что! — твердил Рон свой вечный припев. — Аппер-Фледжли — волшебная деревня, он мог там на время поселиться. Давайте там поразведаем.

Во время частых вылазок на волшебные территории друзьям случалось видеть издали егерей.

— Некоторые из них ничуть не лучше Пожирателей смерти, — говорил Рон. — Те, что меня тогда схватили, были довольно жалкие типы, но Билл считает, что среди них попадаются по-настоящему опасные. В «Поттеровском дозоре» сообщали…

— В чем? — спросил Гарри.

— В «Поттеровском дозоре». Я разве не говорил, что передача так называется? Ну, которая по радио, я ее все время пытаюсь поймать. Чуть ли не единственная станция, которая рассказывает правду о том, что делается в мире. Все программы подпевают Сами-Знаете-Кому только не «Поттеровский дозор». Я так хочу чтобы вы тоже послушали, но на нее ужасно трудно настроиться…

Рон целыми вечерами отбивал разнообразные ритмы волшебной палочкой по радиоприемнику и крутил ручки. Иногда до них долетали обрывки советов о том, как лечить драконью оспу, а однажды — несколько строчек из песни «Котел, полный крепкой, горячей любви». Рон тихонько бормотал всевозможные слова, пытаясь подобрать пароль.

— Обычно они выбирают что-нибудь связанное с Орденом, — объяснил он. — Билл здорово их угадывает. Я наверняка рано или поздно попаду…

Только в марте Рону наконец улыбнулась удача. Гарри дежурил, сидя у входа в палатку и тупо разглядывая пробившиеся из-под земли гроздевые гиацинты, и вдруг Рон взволнованно закричал:

— Поймал, поймал! Пароль «Альбус»! Гарри, давай сюда!

Впервые за все это время Гарри заинтересовался чем-то, помимо Даров Смерти. Он бросился в палатку. Рон и Гермиона стояли на коленях, склонившись над крошечным приемником, откуда доносился очень знакомый голос.

«Просим прощения за временное отсутствие в эфире. Это было связано с участившимися визитами в наши края очаровательных Пожирателей смерти…»

— Это же Ли Джордан! — воскликнула Гермиона. Рон так и сиял.

— Ага! Скажи, круто?

«Теперь мы нашли для себя новое укрытие, — говорил Ли, — и я рад представить вам двух постоянных участников нашей передачи. Добрый вечер, ребята!»

«Привет».

«Добрый вечер, Бруно».

— Бруно — это Ли, — объяснил Рон. — У них у всех клички, но догадаться нетрудно…

— Ш-ш! — сказала Гермиона.

«Однако прежде чем мы послушаем Ромула и Равелина, — продолжал Ли, — позвольте на минутку отвлечься, чтобы сообщить о потерях,

которые не считают нужным освещать в программе новостей Волшебного радиовещания и в «Ежедневном пророке». К огромному сожалению, мы должны сообщить нашим слушателям о гибели Теда Тонкса и Дирка Крессвелла».

У Гарри что-то болезненно сжалось в животе. Они с Гермионой и Роном в ужасе уставились друг на друга.

«Также был убит гоблин по имени Кровняк. Предположительно, путешествовавшие вместе с Тонксом, Крессвеллом и Кровняком волшебник из семьи маглов Дин Томас и еще один гоблин спаслись. Если Дин нас сейчас слышит или если у кого-нибудь есть о нем известия, его родители и сестры будут рады любым новостям.

Между тем в Гэддли найдены мертвыми в своем доме семья маглов из пяти человек. По утверждению магловских властей, причиной смерти стала утечка газа, но члены Ордена Феникса сообщают мне, что истинная причина — Убивающее заклятие. Еще один пример, подтверждающий то, что давно уже стало общеизвестным: убийство маглов стало при новым режиме одним из способов проведения досуга.

И наконец, мы с сожалением сообщаем радиослушателям, что в Годриковой Впадине

обнаружены останки Батильды Бэгшот. Судя по их состоянию, Батильда умерла несколько месяцев назад. Орден Феникса сообщает, что на ее теле обнаружены явные признаки применения темной магии.

Дорогие радиослушатели, я приглашаю вас вместе с нами провести минуту молчания в память Теда Тонкса, Дирка Крессвелла, Батильды Бэгшот, Кровняка и неизвестных маглов, убитых Пожирателями смерти».

Наступила тишина. Гарри, Рон и Гермиона молчали. Гарри рвался слушать еще и в то же время боялся того, что может услышать. Впервые за долгое время у него появилась связь с внешним миром.

«Спасибо, — сказал голос Ли Джордана. — А теперь я обращаюсь к нашему постоянному участнику Равелину за последними новостями о том, как новый порядок в волшебном мире отражается на жизни маглов».

«Спасибо, Бруно», — произнес голос, который невозможно было не узнать, — низкий, неторопливый, от него сразу становилось спокойнее на душе.

— Кингсли! — завопил Рон.

— Мы поняли! — шикнула на него Гермиона.

«Маглы по-прежнему не подозревают, в чем причина их несчастий. Количество пострадавших не становится меньше, — говорил Кингсли Брустер. — Однако внушает надежду то, что нередки случаи, когда волшебники и волшебницы, рискуя собственной жизнью, защищают своих друзеймаглов и просто соседей, часто даже без ведома самих маглов. Я хотел бы призвать наших слушателей следовать их примеру. Хотя бы обеспечьте защитными чарами жилища маглов на своей улице. Такие несложные меры могут спасти множество жизней».

«Равелин, а что ты скажешь тем радиослушателям, по мнению которых в наши опасные времена нужно следовать принципу «волшебники — прежде всего»?» — спросил Ли.

«Скажу, что от принципа «волшебники — прежде всего» один шаг до принципа «чистокровные — прежде всего», а там и просто «Пожиратели смерти», — ответил Кингсли. — Все мы люди, верно? Каждая человеческая жизнь бесценна».

«Отлично сказано, Равелин! Если мы все-таки выкарабкаемся из этой заварушки, я буду голосовать за тебя на выборах министра магии. А теперь послушаем Ромула в нашей постоянной рубрике «Друзья Поттера»».

«Спасибо, Бруно», — послышался другой знакомый голос.

Рон открыл было рот, но Гермиона его опередила:

— Мы поняли, что это Люпин!

«Ромул, ты по-прежнему утверждаешь, как и в каждое свое появление на нашей передаче, что Гарри Поттер до сих пор жив?»

«Да, — твердо ответил Люпин. — Я ни на минуту не сомневаюсь, что о его гибели Пожиратели смерти кричали бы на всех углах. Они не упустили бы такой случай подорвать боевой дух противников нового режима. Мальчик, Который Выжил воплощает все то, за что мы сражаемся: торжество добра, силу чистой души, необходимость продолжать сопротивление».

Гарри почувствовал, как в нем поднимается благодарность, смешанная со стыдом. Значит, Люпин простил ему все те ужасные вещи, что он тогда наговорил?

«Ромул, а что бы ты сказал Гарри, если бы знал, что он сейчас нас слушает?»

«Я сказал бы, что все мы мысленно с ним, — ответил Люпин и добавил после короткого колебания: — И еще я сказал бы ему: всегда следуй своему инстинкту, он почти никогда не

ошибается».

Гарри посмотрел на Гермиону: у нее в глазах стояли слезы.

— Почти никогда не ошибается, — прошептала она.

— О, я разве вам не говорил? — удивился Рон. — Билл рассказывал, что Люпин вернулся к Тонкс! И она, говорит, уже такая круглая…

«И, как всегда, новости о друзьях Поттера, пострадавших за свои убеждения?» — спросил Люпина Ли Джордан.

«Наши постоянные слушатели уже знают об арестах нескольких наиболее заметных сторонников Гарри Поттера. Среди них — бывший главный редактор журнала «Придира» Ксенофилиус Лавгуд…»

— Хотя бы живой, — пробормотал Рон.

«Также за последние часы стало известно, что Рубеус Хагрид… — Все трое ахнули и чуть не пропустили конец предложения. — …известный многим хогвартский лесничий, едва не был арестован на территории школы, где он, по слухам, организовал вечеринку в поддержку Гарри Поттера. Тем не менее захватить Хагрида не смогли. Насколько нам известно, теперь он в бегах».

«Надо думать, спасаться от Пожирателей смер-

ти намного сподручнее, если у тебя есть сводный братик в шестнадцать футов ростом?» — ввернул Ли.

«Это, безусловно, большое преимущество, — очень серьезно согласился Люпин. — Хотелось бы только добавить, что, хотя все сотрудники «Поттеровского дозора» восхищены отвагой Хагрида, мы настоятельно советуем сторонникам Гарри Поттера воздержаться от подобных мероприятий. Устраивать вечеринки в поддержку Гарри Поттера — не самая разумная линия поведения в настоящий момент».

«В самом деле, Ромул, — согласился Ли Джордан. — Поэтому мы предлагаем вам, дорогие радиослушатели, выражать свою верность парню со шрамом в виде молнии, продолжая слушать нашу передачу! А теперь перейдем к новостям о волшебнике, столь же неуловимом, как и Гарри Поттер. Мы обычно называем его Главным Пожирателем смерти, и сейчас с нами поделится своими взглядами на некоторые безумные слухи по его поводу наш новый корреспондент Грызун!»

«Грызун?!» — послышался еще один знакомый голос.

Гарри, Рон и Гермиона хором воскликнули:

— Фред!

— Нет… Кажется, Джордж.

— По-моему, все-таки Фред, — сказал Рон, подавшись ближе к приемнику.

Тем временем близнец — который бы он ни был — возмущенно произнес:

«Я не желаю быть Грызуном! Я сказал, что буду Рапирой!»

«Ну хорошо, Рапира, ты можешь прокомментировать для нас разнообразные истории, которые рассказывают о Главном Пожирателе смерти?»

«Да, конечно, Бруно, — сказал Фред. — Как известно нашим радиослушателям — если они не прячутся от жизни на дне садового пруда или где-нибудь вроде этого, — Сами-Знаете-Кто предпочитает оставаться в тени и тем успешно создает панику среди населения. Правда, если верить всем слухам о его появлениях, выходит, что по нашей стране разгуливают не меньше девятнадцати штук Сами-Знаете-Кого».

«Это его вполне устраивает, — сказал Кингсли. — Атмосфера тайны наводит куда больший ужас, чем открытые появления».

«Согласен, — ответил Фред. — А потому, народ, давайтека немножко поспокойнее. Все и так довольно скверно, ни к чему еще придумывать

разные страхи. Например, эта новая идея, якобы Сами-Знаете-Кто умеет убивать взглядом. Дорогие мои, это василиск! Простая проверка: посмотрите, есть ли ноги у существа, которое сверлит вас взглядом. Если есть — можете смело смотреть ему в глаза, хотя, если вы и вправду столкнулись Сами-Знаетес-Кем, это, возможно, окажется последним, что вы увидите в своей жизни».

Гарри хохотал впервые за много недель; он чувствовал, как отпускает напряжение.

«А слухи о том, что его несколько раз видели за границей?» — спросил Ли Джордан.

«Кому не захочется устроить себе небольшой отдых от трудов праведных? — отозвался Фред. — Главное, люди, не поддавайтесь ложному чувству безопасности: он, мол, далеко, и все в порядке. Может, он и далеко, но не надо забывать, что он умеет перемещаться быстрее, чем Северус Снегг от шампуня, так что избегайте ненужного риска. В жизни не думал, что могу сказать такое, и все-таки: безопасность прежде всего!»

«Спасибо тебе за эти мудрые слова, Рапира, — сказал Ли. — Дорогие радиослушатели, вот и подошел к концу очередной выпуск «Поттеровского дозора». Мы не знаем, когда удастся

снова выйти в эфир, но не сомневайтесь — мы обязательно вернемся. Крутите ручки! Пароль следующего выпуска: «Грозный Глаз». Берегите друг друга! Не теряйте веры! Спокойной ночи».

Ручка настройки завертелась, огоньки на шкале погасли. Гарри, Рон и Гермиона улыбались во весь рот. Голоса друзей подействовали на них, как какой-то невероятный тоник. Гарри уже так привык скрываться и прятаться — он почти совсем забыл, что, кроме него, другие люди тоже борются против Волан-де-Морта. Он как будто очнулся от долгого сна.

— Хорошо, а? — радостно спросил Рон.

— Потрясающе, — ответил Гарри.

— Они такие молодцы, — восхищенно вздохнула Гермиона. — Если их поймают…

— Ты же слышала — они все время перемещаются, — сказал Рон. — Как мы.

— Нет, вы слышали, что сказал Фред? — азартно спросил Гарри. Как только передача закончилась, он мысленно вернулся к всепоглощающей теме. — Он за границей! Он все еще ищет Палочку! Я так и знал!

— Гарри…

— Да ну тебя, Гермиона, почему ты такая упрямая? Признай наконец, что Волан…

— ГАРРИ, НЕ НАДО!

— …де-Морт охотится за Бузинной палочкой!

— На его имени Табу! — заорал Рон, вскакивая, и тут же снаружи палатки раздался оглушительный хлопок.

— Гарри, я тебе говорил! Нельзя произносить его имя! Скорее, надо восстановить защитные заклинания… так они и находят…

Рон умолк, и Гарри понял почему. Вредноскоп на столе засветился и начал вращаться. Все ближе слышались голоса — грубые, возбужденные. Рон выхватил из кармана делюминатор и щелкнул: в палатке погас свет.

— Руки вверх, выходи по одному! — раздался из темноты скрежещущий голос. — Мы знаем, что вы там! На вас нацелено полдюжины волшебных палочек. Колдуем без предупреждения!

Глава 23

В ПОМЕСТЬЕ МАЛФОЕВ

Гарри оглянулся — его друзья были теперь просто силуэтами в темноте. Он увидел, как Гермиона нацелила волшебную палочку — не на вход в палатку, а ему в лицо. Раздался тихий хлопок, полыхнул свет, и Гарри рухнул на пол, скрючившись от боли. Ничего не видя, он только чувствовал, как распухает под ладонями лицо. Совсем рядом протопали тяжелые шаги.

— Встать, отродье!

чьи-то руки грубо подняли Гарри. Не успел он опомниться, как кто-то обшарил его карманы и забрал палочку из терновника. Гарри держался за лицо, изнемогая от боли. Лицо раздуло, так что кожа туго натянулась, как будто от какой-нибудь жуткой аллергии. От глаз остались щелочки, видеть ими было почти невозможно. Очки свалились, когда Гарри выволакивали из палатки. Он мог только различить размытые очертания четырех или пяти человек, которые тащили из палатки Рона и Гермиону. — Пустите ее! Пустите! — орал Рон.

Раздался отчетливый звук удара сжатым кулаком. Рон охнул, а Гермиона закричала:

— Нет! Не трогайте его! Не надо!

— Твой дружок еще не то получит, если я найду его в списке, — сказал знакомый до дрожи скрежещущий голос. — Чудная девочка… Лакомый кусочек… Обожаю такую мягкую кожу… У Гарри все внутри перевернулось. Он узнал этот голос: Фенрир Сивый, оборотень, которому дозволили носить мантию Пожирателя смерти за его беспощадную свирепость.

— Обыщите палатку! — приказал другой голос.

Гарри швырнули на землю, лицом вниз. Раздался глухой стук — рядом бросили Рона. Слышались шаги и грохот — незнакомцы обшаривали палатку, опрокидывая стулья.

— Так, посмотрим, кто нам попался, — злорадно произнес над головой Фенрир.

Гарри перевернули на спину. Луч света от волшебной палочки упал на его лицо. Сивый расхохотался:

— Ну, этого надо будет запивать сливочным пивом, не то в глотке застрянет! Что с тобой такое, рожа?

Гарри не ответил.

— Я сказал, — повторил Сивый, и Гарри получил

удар под дых, от которого сложился пополам, — что с тобой такое?

— Ужалили, — просипел Гарри.

— Ага, похоже на то, — сказал второй голос.

— Фамилия? — прорычал Фенрир.

— Дадли, — ответил Гарри.

— Полное имя?

— Вернон… Вернон Дадли.

— Проверь по списку, Струпьяр, — велел Сивый. Гарри услышал, как он подошел к Рону.

— А ты кто таков, рыжий?

— Стэн Шанпайк, — ответил Рон.

— Черта с два, — сказал человек по имени Струпьяр. — Стэна Шанпайка мы знаем, он нам как-то подкидывал работенку.

Снова звук удара.

— Бедя зобут Барди, — выговорил Рон. По звуку было слышно, что у него полон рот крови. — Барди Уизли.

— Уизли? — повторил Сивый. — Стало быть, ты в родстве с осквернителями крови, даже если сам не грязнокровка. Ну, и на закуску — твоя хорошенькая подружка…

От его плотоядной интонации у Гарри мурашки поползли по коже.

— Полегче, Сивый, — предостерег Струпьяр под

мерзкие смешки своих приятелей.

— Да я не собираюсь сразу ее кусать. Сперва посмотрим, может, она пошустрее вспомнит свое имя, чем этот Барни. Ты кто, деточка?

— Пенелопа Кристал, — Голос Гермионы звучал испуганно, но очень искренне.

— Статус крови?

— Полукровка, — ответила Гермиона.

— Легко проверить, — заметил Струпьяр. — Только все они вроде школьники по возрасту.

— Мы бдосили шголу, — прогнусавил Рон.

— Бросили, вот оно как, рыжий? — отозвался Струпьяр. — Отправились в поход с палаткой? И так это для смеха решили произнести имя Темного Лорда?

— Не двя смеха, — сказал Рон. — Недяянно.

— Нечаянно? — вокруг опять заржали.

— Ты знаешь, Уизли, кто любит трепать имя Темного Лорда? — прорычал Фенрир. — Орден Феникса! Тебе это название о чем-нибудь говорит?

— Нед.

— Они, понимаешь, не проявляли должного уважения к Темному Лорду, поэтому на его имя наложили заклятие Табу. С его помощью выследили несколько членов Ордена. Ладно, посмотрим. Свяжите их вместе с теми двумя!

кто-то схватил Гарри за волосы и вздернул на ноги. Его протащили несколько шагов, толкнули, так что он с размаху сел на землю, и начали привязывать к кому-то спиной к спине. Он все еще почти ничего не видел сквозь щелочки заплывших глаз. Когда те, кто связывал пленников, наконец отошли, Гарри прошептал:

— У кого-нибудь осталась волшебная палочка?

— Нет, — ответили справа и слева от него Рон и Гермиона.

— Это все я виноват. Назвал имя сдуру… Простите меня.

— Гарри?

Новый голос, но тоже знакомый, прямо за спиной у Гарри. Говорил человек, привязанный слева от Гермионы.

— Дин?!

— Точно, ты! Если они поймут, кого зацапали… Это егеря, они просто ловят тех, кто скрывается от Министерства, и сдают за деньги…

— Неплохой улов за одну ночь! — заметил Сивый. Мимо Гарри прошагала пара подбитых гвоздями сапог, из палатки снова донеслись треск и грохот.

— Грязнокровка, беглый гоблин и трое скрывающихся от закона! Ты уже проверил имена по

списку, Струпьяр?

— Угу. Тут нет никакого Вернона Дадли, Сивый.

— Интересно, — отозвался Фенрир. — Очень интересно.

Он присел на корточки рядом с Гарри, и тот увидел через просвет между опухшими веками серые космы и острые грязно-бурые зубы во рту с запекшимися в уголках болячками. От Сивого воняло точно так же, как тогда, на вершине башни, где умер Дамблдор: грязью, потом и кровью.

— Тебя, значит, не разыскивают, Вернон? А может, ты в списке под другим именем? На каком факультете ты учился в Хогвартсе?

— Слизерин, — на автомате ответил Гарри.

— Смехота! Почему-то они все думают, что мы страх как хотим это услышать, — хмыкнул в темноте Струпьяр. — И ни один не может сказать, где у них общая комната.

— В подземелье, — четко отрапортовал Гарри. — Вход через стену. Там черепа и всякое такое. Подземелье прямо под озером, поэтому свет такой зеленоватый.

Последовала короткая пауза.

— Ну-ну. Похоже, мы и впрямь поймали слизеринчика, — протянул Струпьяр. — Повезло тебе,

Вернон. Слизеринцев-полукровок не так уж и много. Кто твой отец?

— Он работает в Министерстве, — соврал Гарри. Он понимал, что при ближайшем рассмотрении его легенда развалится; с другой стороны, она все равно рухнет, как только заклинание Гермионы истощится и его лицо снова примет нормальный вид. — Отдел магических происшествий и катастроф.

— Знаешь что, Сивый, — сказал Струпьяр, — помнится, там и правда был какой-то Дадли…

Гарри затаил дыхание. Неужели повезло и они все-таки прорвутся?

— Ну-ну, — отозвался Фенрир, и Гарри послышались в его голосе опасливые нотки.

Сивому явно было неуютно от мысли, что они по ошибке схватили и связали сына министерского чиновника. Сердце Гарри отчаянно колотилось под веревками, стягивающими ребра, он бы не удивился, если бы Фенрир это увидел.

— Если ты правду говоришь, рожа, тебе нечего бояться. Прогуляешься до Министерства, и все дела. Твой папашка нас еще наградит за то, что подобрали тебя.

У Гарри пересохло во рту.

— А может, вы нас просто отпустите?

— Эй! — крикнул кто-то из палатки. — ПоСмотри-ка, Сивый, что тут есть!

Перед ними вырос темный силуэт, и Гарри увидел, как блеснуло серебро при свете волшебных палочек. Они нашли меч Гриффиндора!

— Оччень симпатично, — восхитился Фенрир, приняв меч из рук, приятеля. — Очень и очень. Гоблинской работы штучка. Откуда это у вас?

— Это папин, — соврал Гарри, изо всех хил надеясь, что Фенрир в темноте не разглядит имя на клинке. — Мы его одолжили хворост рубить для костра…

— Постой-ка, Сивый! Глянь вот здесь, в «Пророке»…

Едва Струпьяр это сказал, шрам Гарри взорвался болью на туго натянутой коже. Он вдруг увидел, куда яснее всего окружающего, громадную мрачную крепость, черную и зловещую. Мысли Волан-де-Морта были острее бритвы: он скользил по воздуху к огромному зданию, упиваясь близостью цели.

Так близко… Уже совсем рядом… Страшным усилием воли Гарри закрыл свой разум от мыслей Волан-де-Морта, заставив себя вернуться к реальности, где он сидел в темноте, привязанный к Рону, Гермионе, Дину и Крюкохвату, и слушал,

как Фенрир Сивый разговаривает со Струпьяром.

— «Гермиона Грейнджер, — читал Струпьяр, — грязнокровка, путешествующая с Гарри Поттером…»

Шрам жгло как огнем, но Гарри не давал себе уплыть в сознание Волан-де-Морта. Он слышал, как скрипнули сапоги Фенрира, — тот присел на корточки перед Гермионой.

— Знаешь что, девчушечка? Эта фотография чертовски похожа на тебя.

— Нет! Это не я!

Панический писк Гермионы был равносилен признанию.

— «Путешествующая с Гарри Поттером», — негромко проговорил Сивый.

Наступила мертвая тишина. Шрам терзала мучительная боль, но Гарри изо всех сил сопротивлялся мыслям Волан-де-Морта. Никогда еще для него не было так важно оставаться в полном сознании.

— А ведь это многое меняет, — прошептал Фенрир. Все молчали. Гарри чувствовал, как застыли егеря, как дрожит вплотную к нему рука Гермионы. Фенрир встал, шагнул к Гарри и снова присел на корточки, всматриваясь в его раздувшееся лицо.

— Что это у тебя на лбу, Вернон? — вкрадчиво спросил Сивый, дыша прямо в ноздри Гарри, и ткнул грязным пальцем в натянутый до предела шрам.

— Не трогай! — заорал Гарри. Он не мог сдержаться, его даже затошнило от боли.

— Ты вроде носишь очки, Поттер? — выдохнул Фенрир.

— Я нашел очки! — завопил кто-то в задних рядах. — Там были очки, в палатке! Погоди, Сивый…

Через пару секунд очки насадили Гарри на нос. Егеря обступили его, разглядывая.

— Он и есть! — проскрежетал Фенрир. — Мы поймали Поттера!

Егеря расступились, потрясенные. Гарри не мог придумать, что бы такое сказать — он все еще боролся, чтобы остаться в своей раскалывающейся от боли голове. На краю сознания мелькали обрывочные видения…

…он скользит у высоких черных стен…

Нет, он Гарри, связанный и безоружный, в ужасной опасности…

…поднимает взгляд выше, выше, к верхнему окну самой высокой башни…

Он Гарри, и егеря вполголоса решают его судь-

бу… …пора лететь…

— В Министерство?

— Да провались оно, это Министерство, — прорычал Сивый. — Всю славу себе загребут, а нас побоку. Отведем его прямо к Сами-Знаете-Кому.

— Ты что, вызовешь его? Сюда?! — перепугался Струпьяр.

— Нет, — рыкнул Сивый. — У меня же нет… Говорят, у него база в поместье Малфоев. Туда и отведем мальчишку.

Гарри догадывался, почему Сивый не может вызвать Волан-де-Морта. Хоть оборотню и позволяли носить мантию Пожирателя смерти, пока были нужны его услуги, Черной Меткой клеймили только ближний круг Воланде-Морта. Этой чести Фенрир не был удостоен.

Шрам снова полоснуло болью.

…он поднимался в ночь, прямо к окну на вершине башни…

— Точно уверен, что это он? А то, если вдруг осечка, нам конец…

— Кто здесь главный? — загремел Фенрир, торопясь отыграться за свою неполноценность. — Я сказал — Поттер, значит, Поттер, и волшебная палочка при нем, это двести тысяч галеонов! А если у вас кишка тонка, так я вас с собой не тащу

— мне больше достанется. Если повезет, еще и девчонку мне откинут.

…окно — узкая прорезь в черном камне. Взрослому человеку не пролезть… Истощенный узник скорчился под тонким одеялом… Умер или спит?..

— Ладно! — решился Струпьяр. — Мы с тобой. А остальных куда, Сивый?

— С собой прихватим. Двое грязнокровок — уже десять галеонов. И меч давайте. Если там рубины, это тоже целое богатство.

Пленников грубо подняли на ноги. Гарри слышал частое испуганное дыхание Гермионы.

— Держите их, да покрепче, а я возьму Поттера! Сивый сгреб в кулак волосы на макушке Гарри, царапая кожу длинными желтыми ногтями.

— На счет «три»! Раз… два… три!

Егеря трансгрессировали вместе с пленниками. Гарри дернулся было, пытаясь стряхнуть руку Сивого, но это было совершенно бесполезно. Он был зажат между Роном и Гермионой и все равно не смог бы отделиться от группы. Грудь сдавило, а шрам заболел еще сильнее…

…он змеей протиснулся в узкое окно и легко, словно клуб дыма, опустился на пол в тесной комнате, похожей на тюремную камеру…

Пленники повалились друг на друга, приземляясь на загородной аллее. Гарри глазами-щелочками разглядел чугунные ворота, а за ними — что-то вроде подъездной дорожки. Он перевел дух. все-таки худшего пока не случилось: Волан-де-Морта здесь нет. Это Гарри знал точно благодаря видению, которое всеми силами старался отогнать. Волан-де-Морт в какой-то странной крепости, наверху высокой башни. Много ли времени ему нужно, чтобы перенестись оттуда, как только он узнает, что Гарри пойман, — это уже совсем другое дело…

Один из егерей подошел к воротам и потряс решетку.

— Как нам войти? Тут заперто, Сивый! Я никак… Тьфу, черт!

Он в страхе отдернул руки. Абстрактные завитки чугунной решетки зашевелились, складываясь в свирепую морду, которая лязгающим голосом пролаяла:

— Цель посещения?

— Мы Поттера поймали! — победно проревел Сивый. — Мы поймали Гарри Поттера!

Створки ворот распахнулись.

— Пошли! — скомандовал Сивый своим людям.

Пленников втолкнули в ворота и погнали по дорожке между живыми изгородями, приглушающими шаги. Гарри увидел вверху призрачно-белый силуэт и понял, что это павлин-альбинос. Гарри споткнулся, и Фенрир снова вздернул его на ноги. Гарри ковылял боком, стараясь попадать в такт с другими пленниками. Он закрыл опухшие глаза и на мгновение поддался боли — ему хотелось проверить, знает ли Волан-де-Морт, что его схватили…

…костлявая фигура под одеялом пошевелилась, повернулась набок. На лице, напоминающем череп, открылись глаза. Еле живой узник приподнялся и сел. Ввалившиеся глаза обратились к Волан-де-Морту. Узник улыбнулся. У него почти не осталось зубов.

— все-таки пришел. Я думал, что ты придешь… когда-нибудь. Зря старался. У меня ее никогда не было.

— Ложь!

Гнев Волан-де-Морта вспыхнул у Гарри в мозгу, голова чуть не лопнула от боли. Он рывком вернул сознание в собственное тело, цепляясь за реальность. Пленников втолкнули на крыльцо.

Из приоткрывшейся двери на них упал луч света.

— В чем дело? — осведомился холодный женский голос.

— Мы пришли к Тому-Кого-Нельзя-Называть! — проскрежетал Фенрир.

— Кто вы?

— Меня-то вы знаете! — В голосе оборотня звучала обида. — Я — Фенрир Сивый! Мы поймали Гарри Поттера!

Сивый вытащил Гарри на свет, отчего другим пленникам пришлось, перебирая ногами, сдвинуться по кругу.

— Он, видите ли, маленько опух, сударыня, но это точно он! — вмешался Струпьяр. — Вы посмотрите получше, видите шрам? А на девчонку гляньте! Та самая грязнокровка, что вместе с ним путешествует, мэм! Он это, ясен цапень, и волшебную палочку мы прихватили. Вот, сударыня…

Нарцисса Малфой вгляделась в раздутое лицо Гарри. Струпьяр подал ей волшебную палочку из терновника. Она подняла брови.

— Ведите их в дом! — приказала Нарцисса.

Пленников пинками погнали вверх по широким ступеням и втолкнули в просторную прихожую с портретами по стенам.

— Следуйте за мной! Мой сын Драко приехал из школы на Пасхальные каникулы. Если это Гарри

Поттер, он его узнает.

После ночной темноты в гостиной было ослепительно светло. Даже с почти закрытыми глазами Гарри видел, что комната огромна. С потолка свисала хрустальная люстра, на темно-фиолетовых стенах висели еще портреты. Из кресел у резного мраморного камина поднялись два человека.

— Что такое?

Знакомый, лениво растягивающий слова голос Люциуса Малфоя резал слух. Гарри стало по-настоящему страшно — он не видел пути к спасению. Страх помогал отгородиться от мыслей Волан-де-Морта, хоть шрам все еще горел.

— Они говорят, что поймали Поттера, — произнес холодный голос Нарциссы. — Драко, подойди.

Гарри не смел прямо посмотреть на Драко. Краем глаза он видел высокую, чуть выше себя, фигуру, бледное лицо с заостренным подбородком — размытое пятно в обрамлении светлых, почти белых волос.

Сивый подтолкнул пленников, так что Гарри оказался прямо под люстрой.

— Ну, что скажете? — проскрежетал оборотень. Прямо против Гарри висело над камином огромное зеркало в резной золоченой раме. Он увидел

свое отражение — впервые с тех пор, как они покинули дом на площади Гриммо.

Лицо у Гарри раздулось до невероятных размеров. Оно было розовым и блестело. Заклинание Гермионы исказило каждую черточку. Черные волосы доставали до плеч, на подбородке лежала темная тень. Не знай Гарри, что это он здесь стоит, сам бы удивился: кто это, надел его очки? Он решил хранить молчание, думая, что голос наверняка его выдаст, и все-таки старался не смотреть в глаза подошедшему Драко.

— Ну что, Драко? — с жадным интересом спросил Люциус Малфой. — Это он? Это Гарри Поттер?

— Н-не знаю… Не уверен, — ответил Драко. Он старался держаться как можно дальше от Сивого и явно боялся посмотреть на Гарри, точно также как Гарри боялся посмотреть на него.

— Да ты погляди хорошенько! Подойди к нему поближе!

Гарри никогда не слышал такого волнения в голосе Люциуса.

— Драко, если мы передадим Поттера в руки Темного Лорда, нам все прос…

— Давайтека не будем забывать, кто его поймал на самом деле, а, мистер Малфой? — с угрозой

проговорил Фенрир.

— Конечно-конечно! — нетерпеливо отозвался Люциус.

Он сам приблизился к Гарри, так что тот, хоть и заплывшими глазами, во всех подробностях мог разглядеть обычно такое равнодушное бледное лицо. Гарри смотрел Из-за раздувшейся маски своего лица, как Из-за тюремной решетки.

— Что вы с ним сделали? — спросил Фенрира старший Малфой. — Почему он в таком состоянии?

— Это не мы!

— На мой взгляд, похоже на Жалящее заклинание, — объявил Люциус.

Серые глаза внимательно осмотрели лоб Гарри.

— Здесь что-то виднеется, — прошептал он. — Может быть, и шрам, только туго натянутый… Драко, иди сюда, посмотри как следует! Как ты считаешь?

Теперь лицо Драко тоже оказалось прямо перед Гарри. Они с отцом были удивительно похожи, только старший Малфой был вне себя от волнения, в то время как Драко смотрел на Гарри неохотно и даже, кажется, со страхом.

— Не знаю я, — пробормотал он и отошел к

Нарциссе, стоявшей у камина:

— Мы должны знать наверняка, Люциус! — крикнула она мужу холодным, ясным голосом. — Нужно совершенно точно убедиться, что это Поттер, прежде чем вызывать Темного Лорда… Эти люди сказали, что взяли его волшебную палочку, — прибавила она, разглядывая палочку из терновника, — однако она совсем не подходит под описание Олливандера. Если тут ошибка и мы зря побеспокоим Темного Лорда… Помнишь, что он сделал с Долоховым и Роулом?

— А грязнокровка? — прорычал Фенрир.

Гарри чуть не упал — егеря повернули связанных пленников так, чтобы на свет вышла Гермиона.

— Постойте, — резким тоном произнесла Нарцисса. — Да! Она была с Поттером в ателье у мадам Малкин! Я видела фотографию в «Пророке»! Смотри, Драко, это Грейнджер?

— Не знаю… Может быть… Вроде да…

— А это — мальчишка Уизли! — вскричал Малфойстарший, остановившись напротив Рона. — Это они, друзья Поттера! Драко, взгляни, это действительно сын Артура Уизли, как его там?..

— Вроде да, — не оборачиваясь, повторил Драко. — Может, и он.

За спиной у Гарри открылась дверь. Послышался женский голос, при звуке которого Гарри окончательно перепугался.

— Что здесь происходит? В чем дело, Цисси?

Беллатриса Лестрейндж медленно обошла пленников кругом и остановилась справа от Гарри, глядя на Гермиону из-под тяжелых век.

— Это же та самая грязнокровка! — вполголоса проговорила она. — Это Грейнджер?

— Да, да, Грейнджер! — откликнулся Люциус. — А рядом с ней, похоже, Поттер! Поттер и его друзья попались наконец-то!

— Поттер? — взвизгнула Беллатриса и попятилась, чтобы лучше рассмотреть Гарри. — Ты уверен? Так нужно поскорее известить Темного Лорда!

Она засучила левый рукав. Гарри увидел выжженную на коже Черную Метку и понял, что сейчас Беллатриса коснется ее и вызовет своего обожаемого повелителя…

— Я сам собирался призвать его! — Люциус перехватил запястье Беллатрисы, не давая ей коснуться Метки. — Я вызову его, Белла! Поттера привели в мой дом, и потому мое право…

— Твое право! — фыркнула Беллатриса, пытаясь вырвать руку. — Ты потерял все права, когда

лишился волшебной палочки, Люциус! Как ты смеешь! Не трогай меня!

— Ты здесь ни при чем, не ты поймала мальчишку…

— С вашего разрешения, мистер Малфой, — вмешался Сивый, — Поттера поймали мы, так что нам и получать золото…

— Золото! — расхохоталась Беллатриса, продолжая вырываться и свободной рукой нащупывая в кармане волшебную палочку. — Забирайте свое золото, жалкие стервятники, на что оно мне? Мне дорога милость моего… моего…

Она вдруг застыла, устремив взгляд темных глаз на что-то, чего Гарри не мог видеть. Люциус взликовал, выпустил ее руку и рванул кверху свой собственный рукав…

— Остановись! — пронзительно крикнула Беллатриса. — Не прикасайся! Если Темный Лорд появится сейчас, мы все погибли!

Люциус замер, держа палец над Черной Меткой. Беллатриса отошла в сторону и пропала из поля зрения Гарри. Он услышал ее голос:

— Что это такое?

— Меч, — буркнул кто-то из егерей.

— Дайте мне!

— Он не ваш, миссис, он мой! Я его нашел.

Раздался треск, и полыхнуло красным — Гарри понял, что Беллатриса вывела егеря из строя Оглушающим заклятием. Его товарищи возмущенно загомонили. Струпьяр выхватил волшебную палочку.

— Это что еще за игры, дамочка?

— Остолбеней! — завизжала она. — Остолбеней! Силы были явно неравны, даже с четырьмя егерями против нее одной. Гарри знал, что Беллатриса обладает огромным магическим мастерством при полном отсутствии совести. Ее противники так и упали, где стояли, за исключением одного Сивого; он рухнул на колени, вытянув вперед руки. Краем глаза Гарри видел, как Беллатриса подскочила к оборотню, сжимая в руке меч Гриффиндора. Лицо ее залила восковая бледность.

— Где вы взяли этот меч? — прошипела она, вырвав волшебную палочку из обмякшей руки Фенрира.

— Как ты смеешь? — зарычал он в ответ. Только губами он и мог шевелить, злобно глядя на нее снизу вверх и оскалив острые зубы. — Отпусти меня, женщина!

— Где вы нашли меч? — повторила она, тыча клинок ему в лицо. — Снегг отправил его на хранение в мой сейф в Гринготтс!

— Он был у них в палатке, — прохрипел Фенрир. — Отпусти меня, я сказал!

Беллатриса взмахнула волшебной палочкой. Оборотень одним прыжком вскочил на ноги, но приблизиться к ней не решился. Он зашел за кресло и вцепился кривыми ногтями в спинку.

— Драко, убери отсюда этот сброд, — приказала Беллатриса, указывая на лежащих без сознания людей. — Если самому их прикончить характера не хватает, оставь их во дворе, я потом займусь.

— Не смей так разговаривать с Драко! — вспыхнула Нарцисса, но Беллатриса прикрикнула на нее:

— Помолчи, Цисси! Положение серьезнее, чем ты думаешь!

Слегка задыхаясь, она осматривала меч, приглядывалась к рукоятке, потом обернулась к притихшим пленникам.

— Если это в самом деле Поттер, нужно позаботиться, чтобы ему не причинили вреда, — пробормотала она как будто самой себе. — Темный Лорд желает сам разделаться с Поттером… Но если он узнает… Я должна… Должна знать! — Она снова повернулась к сестре. — Пусть пленников запрут в подвале, а я пока подумаю, что нам делать.

— Нечего распоряжаться в моем доме, Белла!

— Выполняй! Ты даже не представляешь, какая опасность нам грозит! — завизжала Беллатриса.

Она словно обезумела от страха, тонкая огненная струйка вырвалась из ее волшебной палочки и прожгла дыру в ковре.

Нарцисса после короткого колебания приказала оборотню:

— Отведите пленников в подвал, Фенрир.

— Постойте! — вмешалась Беллатриса. — Всех, кроме… Кроме грязнокровки.

Сивый радостно хмыкнул.

— Нет! — закричал Рон. — Лучше меня, меня оставьте! Беллатриса ударила его по лицу так, что зазвенело по комнате.

— Если она умрет во время допроса, тебя возьму следующим, — пообещала волшебница. — Для меня предатели чистокровных немногим лучше грязнокровок. Отведи их в подвал, Сивый, и запри хорошенько, но зубы пока не распускай.

Она швырнула оборотню его волшебную палочку и достала из складок мантии серебряный кинжал. Перерезав веревку, Беллатриса отделила Гермиону от других пленников и за волосы вытащила на середину комнаты. Сивый тем временем погнал оставшихся четверых к дальней двери, потом по темному коридору. Он выставил

перед собой волшебную палочку, и невидимому магическому давлению невозможно было противиться.

— Надеюсь, она мне оставит от девчонки хоть шматочек! — размечтался Фенрир, подгоняя пленников. — Ну хоть пару разочков укусить мне обломится, а, рыжий?

Гарри чувствовал, как Рона трясет. Пленники спустились по крутой лестнице, рискуя в любой момент свалиться и сломать себе шею, — ведь они были по-прежнему связаны спиной к спине. Внизу оказалась тяжелая дверь. Сивый отпер ее, коснувшись волшебной палочкой, втолкнул пленников в сырую затхлую комнату и удалился, оставив их в полной темноте. Еще не замер звук захлопнувшейся двери, когда прямо над ними раздался ужасный протяжный крик.

— ГЕРМИОНА! — заорал Рон, дергаясь в общей связке, так что Гарри пошатнулся и еле устоял на ногах. — ГЕРМИОНА!

— Тише! — сказал Гарри. — Рон, заткнись, нужно придумать, как нам…

— ГЕРМИОНА! ГЕРМИОНА!

— Кончай орать, нужно составить план… Как-то развязать веревки…

— Гарри? — послышался шепот в темноте. —

Рон? Это вы?

Рон замолчал. Рядом зашуршало. Гарри увидел, что к нему приближается какая-то тень.

— Гарри? Рон?

— Полумна?!

— Да, это я! Ох, нет, я так не хотела, чтобы вас поймали!

— Полумна, ты можешь нам помочь вылезти из веревок? — спросил Гарри.

— Да, наверное… Здесь есть один старый гвоздь, мы им пользуемся, когда нужно что-нибудь разорвать… Сейчас, сейчас…

Наверху опять закричала Гермиона. Было слышно, что Беллатриса тоже кричит, только слов не удавалось разобрать, потому что Рон снова заорал:

— ГЕРМИОНА! ГЕРМИОНА!

— Мистер Олливандер? — услышал Гарри голос Полумны. — Мистер Олливандер, гвоздик у вас? Подвиньтесь, пожалуйста, немножко… Он, кажется, был около кувшина…

Вскоре она вернулась.

— Стойте спокойно, — попросила она.

Гарри почувствовал, как она ковыряет гвоздем толстую веревку, стараясь ослабить туго затянутые узлы. Сверху донесся голос Беллатрисы:

— Спрашиваю еще раз: где вы взяли меч? Где?!

— Нашли… Мы его нашли… Пожалуйста, не надо! Гермиона снова закричала. Рон рванулся, ржавый гвоздь выскользнул из пальцев Полумны и упал на запястье Гарри.

— Рон, стой, пожалуйста, тихо! — прошептала Полумна. — Я же ничего не вижу…

— В кармане! — сказал Рон. — У меня в кармане делюминатор, в нем полно света!

Через несколько секунд послышался щелчок. Из делюминатора вылетели сияющие шары света, которые он собрал в палатке. Не имея возможности вернуться в свои лампы, они просто повисли в воздухе, словно маленькие солнышки, озаряя весь подвал. Гарри увидел Полумну — одни глаза на белом лице — и недвижную фигуру мастера Олливандера, сжавшегося в комочек на полу у дальней стены. Вывернув шею, Гарри увидел наконец других пленников — Дина и Крюкохвата. Гоблин почти без чувств висел на веревках, которыми был привязан к людям.

— Ой, спасибо, Рон, так гораздо удобнее! — обрадовалась Полумна и с новой силой принялась за узлы. — Здравствуй, Дин!

Наверху снова зазвучал голос Беллатрисы.

— Ты лжешь, паршивая грязнокровка! Вы

забрались в мой сейф в банке! Правду, говори правду!

Еще один ужасный вопль…

— ГЕРМИОНА!

— Что еще вы взяли? Что еще вы там взяли? Говори правду, не то, клянусь, я тебя зарежу вот этим кинжалом!

— Готово!

Веревки упали. Гарри повернулся, растирая запястья, и увидел, что Рон бегает по комнате, запрокинув голову к низкому потолку, в надежде отыскать люк. Дин, весь в крови, лицо в синяках, сказал Полумне: «Спасибо», — и остался стоять, сильно дрожа, а Крюкохват в полуобморочном состоянии осел на пол. На его смуглом лице виднелись багровые рубцы.

Рон попытался трансгрессировать без помощи волшебной палочки.

— Отсюда никак не выбраться, Рон, — сказала Полумна, наблюдавшая за его усилиями. — Я тоже пробовала. Мистер Олливандер здесь давно, он уже все перепробовал.

Снова закричала Гермиона, ее крики резали Гарри, как ножом. Не замечая ноющей боли в шраме, он тоже стал бегать по подвалу, ощупывая стены, хоть и знал в глубине души, что это

бесполезно.

— Что еще вы там взяли, что еще? ОТВЕЧАЙ! КРУЦИО!

Крики Гермионы эхом отдавались от стен. Рон, всхлипывая, заколотил по стене кулаками. Гарри в отчаянии сорвал с шеи мешочек Хагрида и стал шарить в нем. Он вытащил снитч и встряхнул, сам не зная, на что надеется, но ничего не случилось. Он взмахнул сломанной волшебной палочкой с пером феникса — ни искры магии. Осколок зеркала, сверкнув, упал на пол — и Гарри увидел блеск ярчайшего голубого…

Из зеркала на него смотрел глаз Дамблдора.

— Помогите! — закричал ему Гарри, словно обезумев. — Мы в подвале, в доме Малфоев, помогите нам!

Глаз мигнул и исчез.

Гарри не мог даже сказать с уверенностью, что ему не померещилось. Он наклонял осколок то в одну сторону, то в другую, но там ничего не отражалось, кроме стен и потолка, а наверху Гермиона закричала еще ужаснее, и Рон опять заорал во все горло:

— ГЕРМИОНА! ГЕРМИОНА!

— Как вы забрались в мой сейф? — визжала Беллатриса. — Вам помог этот мерзкий гоблин?

— Мы с ним только сегодня встретились! — рыдала Гермиона. — Не забирались мы в ваш сейф… Этот меч — не настоящий! Подделка, просто подделка!

— Подделка? — хрипло каркнула Беллатриса. — Очень правдоподобно!

— Это легко проверить! — послышался вдруг голос Люциуса. — Драко, приведи гоблина. Он скажет, настоящий этот меч или нет.

Гарри кинулся к Крюкохвату, скорчившемуся на полу.

— Крюкохват, — прошептал он в заостренное ухо гоблина, — пожалуйста, скажи им, что это подделка! Нельзя, чтобы они узнали, что меч настоящий…

На лестнице прозвучали торопливые шаги, и в следующую секунду за дверью раздался дрожащий голос Драко:

— Отойдите к стене! Без глупостей, или я вас убью!

Все послушно отступили к стене. Как только заскрипел замок, Рон щелкнул делюминатором, и огни убрались к нему в карман. В подвале снова стало темно.

Распахнулась дверь. Держа перед собой волшебную палочку, появился Малфой, бледный и

решительный. Он схватил маленького гоблина за руку и, пятясь задом, выволок его наружу. Дверь захлопнулась, и в то же самое мгновение посреди подвала раздался громкий треск.

Рон щелкнул делюминатором. Три световых шара взмыли под потолок, и все увидели домового эльфа Добби.

— ДОБ…

Гарри ударил Рона по руке, чтобы прекратил орать. Рон оглянулся на него, в ужасе от своего промаха. Над головой проскрипели шаги: Драко подвел Крюкохвата к Беллатрисе.

Добби вовсю таращил глаза, похожие на теннисные мячики, и дрожал от пяток до кончиков заостренных ушей. Оказавшись в доме своих бывших хозяев, он был сам не свой от страха.

— Гарри Поттер! — пропищал он тоненьким голоском. — Добби пришел спасти вас!

— А откуда ты…

Страшный крик заглушил слова Гарри — наверху опять мучили Гермиону Гарри оставил ненужные вопросы, сосредоточившись на главном.

— Ты можешь трансгрессировать отсюда? — спросил он Добби.

Тот кивнул, хлопая ушами.

— И забрать с собой людей? Добби опять кивнул.

— Хорошо! Добби, возьми, пожалуйста, Полумну Дина и мистера Олливандера и перенеси их… перенеси их… Куда бы их перенести?

— К Биллу и Флер, — подсказал Рон. — Коттедж «Ракушка» на окраине Тинворта!

Домовик кивнул в третий раз.

— А потом возвращайся! — сказал Гарри. — Сможешь?

— Конечно, Гарри Поттер! — прошептал Добби. Домовик подбежал к мистеру Олливандеру, который, похоже, плохо сознавал, что происходит. Добби взял его за руку, свободную руку протянул Полумне и Дину. Те не шелохнулись.

— Гарри, мы хотим помочь тебе! — шепнула Полумна.

— Не можем же мы тебя здесь бросить, — сказал Дин.

— Давайте живее! Встретимся у Билла и Флер.

Пока Гарри говорил, его шрам вдруг заболел хуже прежнего. На несколько секунд перед ним вместо мистера Олливандера появился совсем другой старик. Он был такой же худой и смеялся презрительным смехом.

— Так убей же меня, Волан-де-Морт! Я с радо-

стью встречу смерть. Да только моя смерть не поможет тебе отыскать то, что ты ищешь… Ты многого не понимаешь… Очень многого…

Гарри чувствовал гнев Волан-де-Морта, но Гермиона закричала снова, и он отшвырнул от себя все постороннее и вернулся в подвал, к ужасной действительности.

— Давайте, давайте, — торопил он Полумну и Дина. — Отправляйтесь! Мы сразу за вами.

Полумна и Дин ухватились за пальцы домовика. Раздался громкий треск — Добби, Полумна, Дин и Олливандер исчезли.

— Что это? — вскрикнул наверху Люциус Малфой. — Вы слышали? Что там за шум в подвале?

Гарри и Рон замерли, уставившись друг на друга.

— Драко… Нет, позови Хвоста! Пускай сходит проверит.

Прозвучали шаги, потом наверху все стихло. В гостиной прислушивались, не донесется ли еще какой-нибудь звук из подвала.

— Надо будет на него навалиться, — прошептал Гарри на ухо Рону.

Другого выхода не оставалось: как только заметят, что трое пленников сбежали, им конец.

— Оставь свет, — прибавил Гарри.

кто-то спускался по лестнице. Они прижались к стене слева и справа от двери.

— Отойдите! — раздался голос Хвоста. — Я вхожу! Дверь открылась. Долю секунды Хвост остолбенело таращился на пустой подвал, озаренный ярким светом трех миниатюрных солнышек. Гарри и Рон бросились на него. Рон поймал руку с волшебной палочкой и рванул ее вверх. Гарри зажал Хвосту рот. Они молча боролись, из волшебной палочки посыпались искры, пальцы серебряной руки сомкнулись у Гарри на горле.

— Что там, Хвост? — крикнул сверху Люциус Малфой.

— Ничего! — проорал в ответ Рон, довольно похоже подражая сиплому голосу Хвоста. — Все в порядке!

Гарри задыхался.

— Хочешь меня убить? — еле выговорил он, безуспешно пытаясь оторвать от себя металлические пальцы. — Я тебе жизнь спас! Ты у меня в долгу, Хвост!

Хватка серебряной руки неожиданно ослабла. Гарри, изумившись, вырвался. Он все еще зажимал Хвосту рот. Водянистые глазки похожего на крысу человечка испуганно выпучились — он, казалось, не меньше Гарри удивился внезапному

милосердию собственной руки и еще энергичнее начал вырываться, словно желая загладить минутную слабость.

— А это давайте-ка сюда, — пробормотал Рон, выдирая из другой руки Хвоста волшебную палочку.

Безоружный, беспомощный Петтигрю таращил глаза с расширенными от ужаса зрачками. Его взгляд был направлен не в лицо Гарри, а куда-то в сторону. Пальцы серебряной руки неумолимо приближались к его собственному горлу.

— Нет…

Гарри, не задумываясь, перехватил металлическую руку, но остановить ее не было никакой возможности. Серебряное оружие, подаренное Волан-де-Мортом самому трусливому и никчемному из его слуг, обратилось против своего владельца. Петтигрю настигла расплата за мимолетное колебание. Мгновение жалости сгубило его: он задыхался на глазах у двоих друзей.

— Нет!

Рон тоже выпустил Хвоста и вместе с Гарри вцепился в серебряные пальцы, однако все было бесполезно. Петтигрю уже посинел.

— Релашио! — сказал Рон, направив волшебную палочку на металлическую руку, но

безрезультатно.

Петтигрю упал на колени, и в ту же секунду наверху дико закричала Гермиона. Глаза Хвоста закатились, он в последний раз судорожно дёрнулся и затих.

Гарри и Рон переглянулись и, оставив мертвое тело Петтигрю валяться на полу, бросились вверх по лестнице. Прокравшись по коридору, они добрались до приоткрытой двери в гостиную. Отсюда было хорошо видно Беллатрису — она смотрела сверху вниз на Крюкохвата, державшего в длиннопалых руках меч Гриффиндора. Гермиона, не шевелясь, лежала у ног Беллатрисы.

— Ну? — спросила Крюкохвата Беллатриса. — Настоящий этот меч или нет?

Гарри затаил дыхание, стараясь не замечать ноющей боли в шраме.

— Нет, — сказал Крюкохват, — Подделка.

— Ты уверен? — задохнулась Беллатриса. — Совершенно уверен?

— Да, — ответил гоблин.

Беллатриса вздохнула с облегчением и заметно расслабилась.

— Хорошо!

Небрежным взмахом волшебной палочки она

хлестнула гоблина по лицу, так что на нем мгновенно вспух новый рубец, и Крюкохват с криком рухнул к ее ногам. Беллатриса пинком оттолкнула его в сторону.

— А теперь, — победно звенящим голосом провозгласила она, — вызовем Темного Лорда!

Беллатриса отвернула рукав и коснулась Черной Метки.

Сразу же шрам Гарри снова полоснуло болью. Реальность исчезла, он был Волан-де-Мортом, и истощенный волшебник насмехался над ним, хохоча во весь беззубый рот. Неожиданный вызов привел его в ярость. Он же предупреждал, он запретил им вызывать его по пустякам! Если они опять ошиблись, вообразив, будто поймали Поттера…

— Так убей же меня! — издевался старик. — Ты никогда не победишь, ты не можешь победить! Та волшебная палочка никогда не будет твоей…

Злоба Волан-де-Морта перехлестнула через край. Вспышка зеленого света озарила тюремную камеру, хрупкое дряхлое тело подбросило в воздух и снова швырнуло на жесткую кровать бездыханным. Волан-де-Морт отвернулся к окну, едва сдерживая свою ярость. Если его побеспокоили напрасно, они получат по заслугам…

— Полагаю, — раздался голос Беллатрисы, — грязнокровка нам больше не нужна. Забирай ее, Сивый, если хочешь.

— НЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕТ!

Рон ворвался в гостиную. Беллатриса оглянулась в изумлении, навела волшебную палочку на Рона…

— Экспеллиармус! — проревел он, прицелившись в Беллатрису волшебной палочкой Хвоста.

Палочка вырвалась из рук волшебницы и отлетела прямо в руки Гарри — он вбежал в комнату вслед за Роном. Люциус, Нарцисса, Драко и Сивый обернулись разом, Гарри крикнул: «Остолбеней!» — и Люциус повалился прямо в камин. Заклятия Драко, Нарциссы и Фенрира огненными струями чиркнули мимо Гарри, он бросился на пол и откатился за диван.

— СТОЯТЬ, ИЛИ ОНА УМРЕТ!

Гарри, задыхаясь, выглянул Из-за дивана. Беллатриса держала на весу Гермиону которая, похоже, была без сознания. Волшебница приставила к ее горлу серебряный кинжал.

— Бросайте волшебные палочки, — прошептала она. — Бросайте, или мы сейчас увидим, насколько у нее грязная кровь!

Рон окаменел, сжимая в кулаке палочку Петтиг-

рю. Гарри выпрямился с палочкой Беллатрисы в руке.

— Я сказала: бросайте! — провизжала Беллатриса, крепче прижимая лезвие кинжала к горлу Гермионы.

На коже выступили капельки крови.

— Ладно! — крикнул Гарри и швырнул на пол волшебную палочку Беллатрисы.

Рон сделал то же самое с палочкой Хвоста. Оба подняли руки.

— Молодцы! — злорадно улыбнулась Беллатриса. — Драко, подними палочки! Темный Лорд скоро будет здесь, Гарри Поттер! Близится твоя смерть!

Гарри и сам это понимал. Шрам разрывала боль. Гарри чувствовал, как Волан-де-Морт летит по небу, где-то очень далеко, над темным бурным морем. Скоро он будет достаточно близко, чтобы трансгрессировать. Выхода Гарри не видел.

— А пока, — негромко проговорила Беллатриса, глядя, как Драко подбирает с пола волшебные палочки, — я думаю, Цисси, нужно заново связать этих маленьких героев, а Сивый пусть позаботится о мисс Грязнокровке. Я уверена, Сивый, Темный Лорд не пожалеет для тебя девчонки после того, что ты сделал для него этой ночью.

При последних словах над головой послышалось какое-то странное дребезжание. Все посмотрели вверх. Громадная хрустальная люстра дрожала всеми своими подвесками. Вдруг она оборвалась и полетела вниз. Беллатриса стояла прямо под ней; волшебница едва успела отскочить, уронив Гермиону. Люстра грохнулась об пол грудой цепей и хрусталя, накрыв Гермиону и гоблина, который так и не выпустил из рук меч Гриффиндора. Во все стороны брызнули сверкающие осколки; Драко согнулся пополам, прижимая ладони к окровавленному лицу.

Рон бросился вытаскивать Гермиону из-под обломков, а Гарри решил рискнуть — он перепрыгнул через кресло и вырвал три волшебные палочки из руки Драко. Нацелил все три на Сивого и крикнул:

— Остолбеней!

Тройное заклинание вышло таким мощным, что оборотня оторвало от земли, подбросило к самому потолку и с треском швырнуло на пол.

Нарцисса оттащила Драко в сторонку, подальше от беды, а Беллатриса вскочила на ноги, с развевающимися волосами, размахивая серебряным кинжалом. Нарцисса нацелилась волшебной палочкой на дверь.

— Добби! — вскрикнула она. Даже Беллатриса оцепенела. — Ты! Это ты обрушил люстру?

Крошечный домовик рысцой вбежал в комнату, наставив трясущийся палец на свою бывшую хозяйку.

— Не тронь Гарри Поттера! — пропищал он.

— Убей его, Цисси! — завопила Беллатриса, но тут опять раздался треск, и палочка Нарциссы, вылетев у нее из рук, приземлилась у дальней стены.

— Ах ты, дрянная мартышка! — зашлась криком Беллатриса. — Как ты смеешь отнимать палочку у волшебницы? Как смеешь не слушаться хозяев?

— У Добби нет хозяев! — пропищал он в ответ. — Добби — свободный домовик, и он пришел спасти Гарри Поттера и его друзей!

От боли в шраме Гарри почти ослеп. Он смутно сознавал, что у них осталось всего несколько секунд до появления Волан-де-Морта.

— Рон, держи — и ходу! — рявкнул он, бросая Рону одну из волшебных палочек.

Потом он нагнулся и выволок из-под люстры Крюкохвата. Взвалив на плечо стонущего гоблина, все еще сжимавшего меч мертвой хваткой, он схватил Добби за руку и повернулся на месте,

чтобы трансгрессировать.

Уже погружаясь в темноту, он в последний раз увидел перед собой гостиную: бледных, застывших Нарциссу и Драко, рыжий сполох шевелюры Рона и размытый серебряный блеск — кинжал Беллатрисы летел через всю комнату прямо в исчезающего Гарри…

К Биллу и Флер… Коттедж «Ракушка»… К Биллу и Флер…

Его утащило в неизвестность. Гарри мог только повторять про себя место назначения, надеясь, что этого хватит, чтобы не промахнуться. От боли во лбу голова разваливалась на куски, гоблин тяжелым грузом давил на плечи, меч Гриффиндора колотился о спину. Рука Добби дернулась в его руке, Гарри подумал, что домовик пытается направить их к нужному месту, и чуть-чуть сжал его пальцы, давая понять, что готов следовать за ним…

И тут они почувствовали под ногами твердую землю, а в воздухе — запах соли. Гарри упал на колени, выпустил руку Добби и постарался как можно мягче опустить на землю Крюкохвата.

— Ты как, ничего? — спросил он, видя, что гоблин пошевелился, но Крюкохват только что-то невнятно проскулил в ответ.

Гарри осмотрелся, щурясь в темноте. Ему показалось, что невдалеке под звездным небом виднеется домик, а рядом с ним движутся какие-то люди.

— Добби, это коттедж «Ракушка»? — спросил он шепотом, стискивая две волшебные палочки, захваченные в доме Малфоев, готовый драться, если понадобится. — Мы попали, куда нужно? Добби? — Гарри огляделся. Крошечный домовик стоял в нескольких шагах от него. — Добби!

Домовик покачнулся, и звезды отразились в его огромных блестящих глазах. Они с Гарри одновременно перевели взгляд на серебряную рукоятку кинжала, торчавшего в тяжело вздымающейся груди Добби.

— Добби… нет… ПОМОГИТЕ! — заорал Гарри, обернувшись к дому и суетившимся возле него людям. — ПОМОГИТЕ!

Он не знал, волшебники там или маглы, друзья или враги, все это было неважно. Значение имело только темное пятно, расползавшееся на груди Добби, и то, что он умоляюще протянул к Гарри руки. Гарри подхватил его и уложил на бок на траву.

— Добби, не надо, только не умирай, только не умирай…

Глаза домовика встретили его взгляд, губы задрожали, с усилием складывая слова:

— Гарри… Поттер…

А потом домовик дернулся и затих. В его неподвижных, словно стеклянные шарики, глазах искрился свет звезд, которых он уже не мог увидеть.

Глава 24

МАСТЕР ВОЛШЕБНЫХ ПАЛОЧЕК

Гарри словно опять провалился в свой старый кошмар: опять он стоит на коленях возле мертвого тела Дамблдора у подножия самой высокой башни Хогвартса; но на самом деле перед ним на траве лежало крошечное тельце, пронзенное серебряным кинжалом Беллатрисы. Он все повторял: «Добби… Добби…» — хотя и знал, что домовик уже ушел туда, где его нельзя позвать.

Через минуту или две Гарри понял, что все-таки прибыл куда хотел, потому что рядом оказались Билл и Флер, Дин и Полумна. Они толпились вокруг него, а он стоял на коленях над телом домового эльфа.

— Гермиона? — вдруг сказал Гарри. — Где она? Билл ответил:

— Рон отвел ее в дом. С ней все будет хорошо.

Гарри снова посмотрел на домовика, осторожно вытянул острый кинжал из его тела, потом стащил куртку и укутал ею Добби, как одеялом.

Где-то близко билось о камни море. Гарри слушал, как оно шумит, пока остальные пере-

говаривались, обсуждали какие-то никому не нужные проблемы, что-то решали. Дин унес в дом раненого Крюкохвата, Флер побежала с ними. Билл завел речь о том, что нужно бы похоронить домового. Гарри соглашался, толком не понимая, что говорит. Он все смотрел на крошечное мертвое тельце, шрам дергало болью, и какой-то частью сознания Гарри, словно в перевернутую подзорную трубу, видел, как Волан-де-Морт наказывает тех, кто остался в доме Малфоев. Ярость Темного Лорда была ужасна, и все-таки рядом с его горем она словно бы уменьшилась — отголоски далекой грозы долетали до Гарри будто через огромный безмолвный океан.

— Я хочу похоронить Добби как следует, — это были первые слова, которые Гарри произнес в полном сознании. — Без волшебства. У вас найдется лопата?

Прошло совсем немного времени, и вот уже он копает могилу там, где указал ему Билл, — на краю сада, среди кустов. Гарри рыл с каким-то остервенением, наслаждаясь тяжелой физической работой, упиваясь ее немагичностью. Каждая капля пота и каждая мозоль на ладонях словно были подарком домовику, который их всех спас.

Шрам горел, но теперь боль подчинялась Гарри. Он чувствовал ее как бы со стороны. Он наконец научился контролировать эту связь, научился закрывать свой разум от Волан-де-Морта, чего так добивался Дамблдор, заставляя его ходить на занятия к Снеггу. Точно так же как Волан-де-Морт не смог вселиться в Гарри, когда он был переполнен горем после смерти Сириуса, так и теперь его мысли не могли проникнуть в сознание Гарри, пока он горевал о Добби. Похоже, горе способно отогнать Волан-де-Морта… Хотя Дамблдор, наверное, сказал бы — любовь…

Гарри рыл и рыл, все глубже вгрызаясь в мерзлую землю. Он топил горе в поту, отказываясь обращать внимание на боль в шраме. В темноте, где слышны были только шум моря и собственное хриплое дыхание, к нему понемногу возвращалось все то, что произошло в доме Малфоев. Гарри вспоминал, что там говорилось, и мало-помалу на него снизошло понимание…

Равномерные взмахи лопаты попадали в такт его мыслям. Дары… Крестражи… Дары… Крестражи… Но теперь его уже не жгла та странная, неистовая жажда. Горе и страх прогнали ее прочь. Гарри пришел в чувство, как будто от пощечины.

Он все глубже погружался в свежевырытую могилу. Гарри знал, где побывал сегодня Волан-де-Морт и кого он убил в самой высокой камере Нурменгарда; знал, почему он это сделал…

Он вспоминал Хвоста, погибшего Из-за одного малюсенького проблеска милосердия… Дамблдор и это предвидел. Сколько еще предвидел Дамблдор?

Гарри потерял счет времени. Он знал только, что вокруг чуть-чуть посветлело, когда к нему подошли Рон и Дин.

— Как Гермиона?

— Лучше, — сказал Рон. — Флер за ней ухаживает.

Гарри уже приготовился огрызнуться, когда они станут приставать к нему с вопросами, почему он не создал отличную аккуратную могилу с помощью волшебной палочки, но огрызаться не понадобилось. Они молча спрыгнули к нему, каждый со своей лопатой, и все трое работали вместе, пока могила не показалась им достаточно глубокой.

Гарри поуютнее закутал домовика в свою куртку. Рон сел на край могилы, разулся и надел свои носки на босые ноги домового. Дин отдал свою вязаную шапку, и Гарри осторожно надел ее на

голову Добби, натянув на уши, напоминающие крылья летучей мыши.

— Надо закрыть ему глаза.

Гарри не слышал, как они подошли из темноты — Билл в дорожном плаще, Флер в длинном белом фартуке, из кармана которого торчал пузырек — Гарри узнал «Костерост». Гермиона куталась в одолженный у Флер халат, она была очень бледная и нетвердо держалась на ногах. Когда она подошла, Рон обнял ее за плечи. Полумна в куртке Флер присела на корточки и, нежно коснувшись век домового, закрыла остекленевшие глаза.

— Вот, — тихо сказала она, — теперь он как будто спит.

Гарри опустил домовика в могилу, устроил поудобнее руки и ноги, словно Добби отдыхает. Потом вылез наверх и в последний раз посмотрел на маленькое тельце. Он не позволил себе плакать. Ему вспомнились похороны Дамблдора — ряды золоченых стульев, министр магии в первом ряду, перечисление заслуг Дамблдора, пышная гробница из белого мрамора. Добби заслужил не меньший почет, а его положили в наскоро вырытую яму среди кустов.

— По-моему, нужно что-нибудь сказать, — подала голос Полумна. — Я первая, хорошо?

Под взглядами всех стоявших вокруг она встала в изножье могилы и обратилась к мертвому домовику:

— Спасибо тебе большое, Добби, за то, что ты спас меня из подвала. Ужасно несправедливо, что тебе пришлось умереть, когда ты такой хороший и храбрый. Я всегда буду помнить то, что ты сделал для меня. Надеюсь, что сейчас ты счастлив.

Она выжидающе оглянулась на Рона. Рон прокашлялся и хрипло сказал:

— Да… Спасибо, Добби…

— Спасибо, — пробормотал Дин. Гарри проглотил комок в горле.

— Прощай, Добби, — прошептал он.

Больше он ничего не сумел выдавить, но ведь Полумна все уже сказала за него.

Билл взмахнул волшебной палочкой — кучка земли возле могилы поднялась в воздух и плавно опустилась, образовав небольшой красноватый холмик.

— Ничего, если я немножко тут постою? — спросил Гарри.

Они пробормотали что-то неразборчивое, кто-то хлопнул Гарри по спине, и все двинулись к дому, оставив Гарри одного около могилы.

Он огляделся. Клумбы были выложены по краю

красивыми гладкими белыми камнями, обточенными морем. Гарри выбрал один, побольше, и уложил его, словно подушку, в том месте, где сейчас была голова домовика. Потом сунул руку в карман за волшебной палочкой.

Их оказалось две. Он и забыл, и сейчас не мог сказать, чьи это палочки, помнил только, что вырвал их у кого-то. Гарри выбрал ту, что покороче — она почему-то показалась симпатичнее на ощупь, — и направил ее на камень.

Следуя его шепоту, на камне медленно проступили слова. Гарри знал, что Гермиона начертила бы их гораздо красивее и, наверное, быстрее, но ему хотелось сделать это самому, так же как он копал могилу. Когда Гарри снова выпрямился, на камне была вырезана надпись:

Здесь лежит Добби, свободный домовик.

Еще несколько секунд Гарри смотрел на свою работу, потом пошел прочь. Шрам чуть-чуть покалывало, а голову переполняли мысли, что пришли, когда он рыл могилу, и обрели форму в темноте — ужасные и завораживающие.

Когда он вошел в дом, все сидели в гостиной и слушали, что говорит Билл. Комната была очень хорошенькая, в светлых тонах, в камине ярко горел огонь. Гарри не хотелось пачкать ковер

землей, поэтому он остался стоять у двери.

— Удачно, что Джинни приехала домой на каникулы. Будь она в Хогвартсе, ее могли схватить раньше, чем мы успеем к ней добраться. А так она тоже в безопасности.

Билл оглянулся и заметил Гарри.

— Я всех забрал из «Норы», — объяснил он. — Переправил их к тете Мюриэль. Раз Пожиратели смерти узнали, что Рон с тобой, к ним наверняка явятся… Да не извиняйся ты, — прибавил он, заметив, какое у Гарри стало лицо. — Это все равно рано или поздно случилось бы, папа давно нас предупреждал. Наша семья — самые отъявленные осквернители чистоты крови.

— А чем их защитили? — спросил Гарри.

— Заклятием Доверия. Хранитель Тайны — папа. На нашем коттедже такое же заклятие, а я Хранитель Тайны. На работу нам, конечно, уже нельзя, но это теперь не так уж важно. Олливандера и Крюкохвата тоже переправим к тете Мюриэль, как только они чуть-чуть придут в себя. У нее места хватает, а у нас тесновато. Ноги у Крюкохвата уже заживают, Флер напоила его «Костеростом». Через час, наверное, можно будет их обоих…

— Нет, — сказал Гарри.

Билл удивленно взглянул на него.

— Они оба мне нужны. Я хочу с ними поговорить. Это очень важно.

Гарри услышал в своем голосе неожиданную властность, ту уверенность в своей цели, что пришла к нему, пока он копал могилу для Добби. На него смотрели недоуменные лица.

— Я пойду умоюсь, — сказал Гарри Биллу, глядя на свои руки, измазанные землей и кровью Добби. — А потом мне надо поговорить с ними, срочно.

Он вошел в маленькую кухоньку, к умывальнику у окна, выходящего на море. Над горизонтом разгорался рассвет, перламутрово-розовый и золотистый. Гарри стал умываться, одновременно продолжая цепочку мыслей, начатую в темном саду.

Добби уже не сможет рассказать, кто отправил его к ним в подвал, но Гарри точно знал, что он видел. Ярко-голубой глаз выглянул из осколка зеркальца, и помощь пришла. В Хогвартсе тот, кто просит помощи, всегда ее получает.

Гарри вытер руки, не замечая красоты за окном, не прислушиваясь к разговору в гостиной. Глядя на океан, он чувствовал, что как никогда близко подошел к самой сути происходящего.

Шрам все еще покалывало, и Гарри знал, что Волан-де-Морт тоже приближается к цели. Гарри понимал — и в то же время не понимал. Чутье подсказывало одно, разум говорил совсем другое. Дамблдор в его воображении улыбался, сложив вместе кончики пальцев, как будто в молитве.

Ты оставил Рону делюминатор… Ты понимал его… и дал ему возможность вернуться.

Ты и Хвоста понимал… Ты знал, что в глубине души он все-таки жалеет…

Если ты так хорошо их знал… Что ты знал обо мне, Дамблдор?

Неужели так нужно — чтобы я знал о Дарах, но не искал их? Ты представлял себе, как это будет трудно? Потому всячески усложнял задачу? Чтобы я успел до этого додуматься?

Гарри замер на месте, застывшим взглядом уставившись вдаль, где поднимался Из-за горизонта ослепительный золотой ободок. Потом взглянул на свои чистые руки и удивился, что все еще держит полотенце. Отложил его в сторону и снова вернулся в прихожую. Шрам вдруг резанула боль, и в голове промелькнул — стремительно, словно отражение стрекозы на поверхности пруда — силуэт хорошо знакомого здания.

У подножия лестницы стояли Билл и Флер.

— Мне нужно поговорить с Крюкохватом и Олливандером, — сказал Гарри.

— Нет, — сказала Флер. — П'гидется подождать, Арри. Они больны, измучены…

— Мне очень жаль, — без нажима ответил Гарри, — но я не могу ждать. Я должен поговорить с ними сейчас. Наедине… с каждым по отдельности. Это срочно.

— Проклятье, Гарри, что происходит? — не выдержал Билл. — Ты являешься к нам с мертвым домовиком и полуобморочным гоблином, у Гермионы такой вид, как будто ее пытали, а Рон наотрез отказывается что-нибудь рассказывать…

— Мы не можем рассказать, чем мы заняты, — напрямик объявил Гарри. — Ты из Ордена, Билл, ты знаешь, что Дамблдор завещал нам дело и велел никому больше об этом не рассказывать.

Флер что-то нетерпеливо пробормотала, но Билл не смотрел на нее, он смотрел на Гарри. Трудно было понять выражение его изуродованного шрамами лица. Наконец Билл сказал:

— Хорошо. С кем ты хочешь говорить первым?

Гарри заколебался. Он знал, как много зависит от его решения. Времени почти не осталось, нужно выбирать. Дары или крестражи?

— С Крюкохватом, — сказал Гарри. — Сначала я

поговорю с Крюкохватом.

Сердце у него стучало, как будто он только что бежал стометровку и при этом одолел невероятно сложный барьер.

— Тогда за мной, — сказал Билл и первым пошел вверх по лестнице.

Поднявшись на несколько ступенек, Гарри оглянулся.

— Вы мне тоже нужны! — крикнул он Рону и Гермионе, державшимся в тени у двери в гостиную.

Они вышли на свет, как будто с облегчением.

— Ты как? — спросил Гарри Гермиону — Ты вообще замечательная — придумала такую складную историю, когда эта ведьма тебя мучила…

Гермиона бледно улыбнулась. Рон крепче обхватил ее за плечи.

— Что теперь, Гарри? — спросил он..

— Увидите. Идем.

Билл провел Гарри, Рона и Гермиону на второй этаж. На тесную лестничную площадку выходило три двери.

— Сюда.

Билл открыл дверь своей с Флер комнаты. За окном тоже было море, оно все искрилось золотом в лучах восхода. Гарри остановился у окна,

повернувшись спиной к невероятному пейзажу, и скрестил руки на груди. Шрам покалывало. Гермиона устроилась за туалетным столиком, Рон присел на ручку ее кресла.

Снова появился Билл, неся на руках маленького гоблина. Он уложил Крюкохвата на постель, тот что-то буркнул в виде благодарности, и Билл ушел, закрыв за собой дверь.

— Простите, что пришлось вас вытащить из кровати, — сказал Гарри. — Как ваши ноги?

— Болят, — ответил гоблин. — Но заживают.

Он все еще сжимал в руках меч Гриффиндора, и выражение лица у него было странное: наполовину задиристое, наполовину любопытное. Гарри рассматривал гоблина: изжелта-бледная кожа, длинные тонкие пальцы, черные глаза. Флер сняла с него башмаки: длинные ступни были грязными. Он был ненамного крупнее домовика, а вытянутая кверху голова была заметно больше, чем у человека.

— Вы, наверное, не помните… — начал Гарри.

— Что именно я сопровождал вас к вашему банковскому сейфу, когда вы впервые посетили «Гринготтс»? — договорил за него Крюкохват. — Я помню, Гарри Поттер. Вы очень знамениты, даже среди гоблинов.

Гарри и гоблин оценивающе присматривались друг к другу. Шрам у Гарри все еще болел. Ему не терпелось поскорее отделаться от разговора с Крюкохватом, и в то же время он боялся сделать неверный шаг. Пока Гарри придумывал, с чего начать, гоблин нарушил молчание.

— Вы похоронили домовика, — сказал он неожиданно резко. — Я видел в окно, из соседней спальни.

— Да, — сказал Гарри. Крюкохват наблюдал за ним раскосыми черными глазами.

— Вы — необычный волшебник, Гарри Поттер.

— Почему? — спросил Гарри, бессознательно потирая шрам.

— Вы вырыли могилу.

— Ну и что?

Крюкохват не ответил. Гарри решил, что гоблин его презирает, — копал могилу вручную, словно магл! Впрочем, его мало волновало одобрение Крюкохвата. Он наконец собрался с духом.

— Крюкохват, я должен спросить…

— Также вы спасли гоблина.

— Что?

— Вы перенесли меня сюда. Спасли от смерти.

— Надеюсь, вы не против? — теряя терпение, спросил Гарри.

— Нет, не против, Гарри Поттер, — ответил Крюкохват, закручивая на палец тощую черную бородку, — но вы крайне необычный волшебник.

— Вот и ладно, — сказал Гарри. — Так я говорю, мне нужна помощь, Крюкохват, и вы можете мне помочь.

Гоблин никак не отозвался на этот призыв, только хмурился на Гарри, как будто видел перед собой какую-то диковинку.

— Мне нужно проникнуть в банковский сейф в «Гринготтсе».

Гарри хотел подойти к делу постепенно, но в шраме опять стрельнуло, и слова вырвались сами собой. Снова перед глазами возникли очертания Хогвартса, и Гарри отогнал видение. Разговор с Крюкохватом сейчас важнее.

Рон и Гермиона смотрели на Гарри, как на сумасшедшего.

— Гарри… — начала было Гермиона, однако ее прервал Крюкохват.

— Проникнуть в сейф в «Гринготтсе»? — Гоблин чуть поморщился, устраиваясь поудобнее на кровати. — Невозможно!

— Возможно, — тут же возразил Рон. — Были случаи, когда проникали.

— Вотвот, — подхватил Гарри. — В тот день, когда мы с вами познакомились, Крюкохват. Мой день рождения, семь лет назад.

— Тот сейф был уже пуст, — огрызнулся гоблин. — Он не так строго охранялся.

Гарри понял, что Крюкохват, хоть и не работает больше в банке «Гринготтс», все еще болеет за него душой.

— А тот сейф, куда нам нужно попасть, — не пустой, и охраняют его, наверное, будь здоров, — сказал Гарри. — Это сейф Лестрейнджей.

Рон и Гермиона переглянулись. Будет время все им объяснить после того, как Крюкохват даст ответ.

— Без шансов, — твердо сказал гоблин. — Абсолютно исключено. «Если пришел за чужим ты сюда»…

— «Отсюда тебе не уйти никогда» — я помню, — сказал Гарри. — Только я не за богатствами туда собираюсь. Мне нужен этот сейф не ради выгоды — можете вы мне поверить?

Гоблин искоса посмотрел на Гарри. Молниевидный шрам снова дергало болью, но Гарри не обращал на это внимания — он отказывался признавать эту боль и отвечать на ее приглашение.

— Если есть на свете волшебник, которому я

мог бы поверить, что он не ищет для себя выгоды, то это вы, Гарри Поттер, — произнес наконец Крюкохват. — Гоблины и домовые эльфы не привыкли к тому, чтобы им оказывали уважение, как это сделали вы нынче ночью. Мы не привыкли к такому от носящих волшебные палочки.

— Носящих волшебные палочки… — повторил Гарри. Эти слова произвели на него странное впечатление.

Шрам снова полоснула боль — Волан-де-Морт обратился мыслями к северу. Гарри жгло нетерпение поскорее расспросить Олливандера, лежавшего в соседней комнате. Гоблин тихо проговорил:

— Волшебники и гоблины давно уже спорят о праве носить волшебную палочку.

— Так ведь гоблины умеют колдовать без всяких палочек, — заметил Рон.

— Неважно! Волшебники не желают делиться тайными знаниями о волшебных палочках с другими магическими народами. Они препятствуют нам развивать свои возможности!

— Гоблины тоже ни с кем не делятся секретами своей магии, — сказал Рон. — Вы никому не рассказываете, как вы делаете мечи и доспехи. Гоблины умеют обрабатывать металлы, как вол-

шебникам никогда не…

— Это все сейчас несущественно, — поспешно сказал Гарри, заметив, что лицо Крюкохвата побагровело. — Речь идет не о спорах волшебников с гоблинами и другими магическими существами…

— Да нет, как раз об этом! — неприятно засмеялся Крюкохват. — Чем больше власти забирает себе Темный Лорд, тем больше ваш народ притесняет моих сородичей! В банке «Гринготтс» заправляют волшебники, домовиков истребляют, а кто из носящих волшебные палочки протестует против этого?

— Мы! — сказала Гермиона. Она сидела очень прямо, глаза ее сверкали. — Мы протестуем! За мной, например, охотятся, как за любым гоблином или домовиком. Ведь я грязнокровка!

— Не называй себя так! — крикнул Рон.

— А почему? — возразила Гермиона. — Да, я грязнокровка и горжусь этим! При новом порядке мне живется ничуть не лучше, чем вам, Крюкохват! Меня, а не кого-нибудь другого выбрали для допроса с пытками там, у Малфоев!

Она отогнула ворот халата, так что стало видно красную полосу пореза от кинжала Беллатрисы.

— А вы знаете, что это Гарри освободил Добби

от рабства? — спросила Гермиона. — Знаете, что мы уже много лет боремся за освобождение домовых эльфов? — Рон смущенно заерзал на ручке кресла. — Мы не меньше вашего стремимся свергнуть Сами-Знаете-Кого!

Гоблин воззрился на Гермиону с таким же любопытством, как перед тем на Гарри, и вдруг спросил:

— Что вам нужно в сейфе Лестрейнджей? Меч, который хранится там, — подделка. Настоящий — вот. — Он обвел взглядом троих друзей. — Я думаю, вы это и сами знаете. Вы просили меня солгать о нем.

— Но ведь в сейфе не только меч? — спросил вместо ответа Гарри. — Вы не видели, что там еще хранится?

Сердце у него забилось еще сильнее. Гарри всеми силами отгораживался от боли в шраме.

Гоблин опять принялся накручивать бородку на палец.

— Правила «Гринготтса» не позволяют обсуждать содержимое банковских сейфов. Мы — хранители несметных сокровищ и обязаны оберегать то, что нам доверено, тем более что немалая часть этих драгоценностей создана нашими руками.

Гоблин погладил меч. Взгляд его черных глаз перешел с Гарри на Гермиону, потом на Рона и опять на Гарри.

— Вы так молоды, — сказал он наконец, — а сражаетесь против стольких врагов.

— Вы поможете нам? — спросил Гарри. — Без вашей помощи у нас нет никакой надежды проникнуть в сейф. Вы — наш единственный шанс.

— Я… подумаю, — произнес Крюкохват, словно испытывая их терпение.

— Но… — сердито начал Рон.

Гермиона ткнула его локтем под ребра, и он замолчал.

— Спасибо, — сказал Гарри.

Гоблин в ответ наклонил громадную голову, потом согнул коротенькие ножки, снова разогнул и демонстративно разлегся на кровати Билла и Флер.

— Кажется, действие «Костероста» завершается. Я наконец-то смогу поспать. Вы уж меня извините…

— Да, конечно!

Выходя из комнаты, Гарри прихватил с собой меч Гриффиндора, лежавший под боком у Крюкохвата. Гоблин не стал возражать, но Гарри показалось, что в раскосых черных глазах мельк-

нула досада.

— Мелкий пакостник, — прошептал Рон, как только за ними закрылась дверь. — Он просто куражится над нами!

— Гарри, — также шепотом заговорила Гермиона, оттаскивая друзей от двери на темную лестничную площадку, — ты имеешь в виду то, о чем я подумала? Считаешь, у Лестрейнджей в сейфе — крестраж?

— Да, — ответил Гарри. — Видели, как перепугалась Беллатриса, когда подумала, что мы туда залезли? А почему? Что еще мы могли там взять? Она до смерти боялась, как бы Сами-Знаете-Кто не узнал.

— Так мы вроде искали в местах, связанных Сами-Знаетес-Кем, — озадаченно проговорил Рон. — Разве он когда-нибудь бывал в сейфе Лестрейнджей?

— Я даже не знаю, был ли он когда-нибудь в банке «Гринготтс», — ответил Гарри. — В молодости он не хранил там золото, потому что никто не оставил ему наследства, а снаружи должен был его увидеть в первый же раз, как оказался в Косом переулке.

В шраме пульсировала боль, но Гарри старался не отвлекаться на нее. Он хотел, чтобы Рон и

Гермиона как следует все поняли насчет «Гринготтса» прежде, чем они пойдут разговаривать с Олливандером.

— Он, наверное, страшно завидовал тем, у кого есть ключик от сейфа в банке «Гринготтс». Считал это знаком принадлежности к волшебному миру. Не забывайте, как он доверял Беллатрисе и ее мужу, — они были его самыми преданными слугами еще до падения, они разыскивали его, когда он исчез. Я слышал, он так сказал в ту ночь, когда вернулся.

Гарри потер лоб:

— все-таки вряд ли он рассказал Беллатрисе, что это крестраж. Он ведь и Люциусу Малфою не говорил правды про дневник. Наверное, просто велел ей положить в сейф нечто необычайно ценное. Как мне говорил Хагрид: если хочешь что-нибудь спрятать, то «Гринготтс» — самое надежное место в мире, кроме, может быть, Хогвартса.

Когда Гарри замолчал, Рон потряс головой:

— Здорово ты его понимаешь!

— Частично, — ответил Гарри. — Если бы я еще Дамблдора так же хорошо понимал… Ну ладно, это мы посмотрим. А теперь пошли к Олливандеру.

Рон и Гермиона были слегка ошарашены, но речь Гарри явно произвела на них впечатление. Все вместе они подошли к двери напротив и постучались. В ответ раздалось еле слышное «Войдите!».

Мастер волшебных палочек лежал на двуспальной кровати, с той стороны, что дальше от окна. Его продержали в подвале больше года и по крайней мере один раз пытали. Он страшно исхудал, кости лица выпирали из-под желтоватой кожи. Большие серебристые глаза ввалились. Руки, лежавшие поверх одеяла, могли бы принадлежать скелету.

Гарри присел на свободную половину кровати, рядом сели Рон с Гермионой. Отсюда не было видно восходящего солнца: окно выходило в сад, с видом на утесы и свежую могилу.

— Мистер Олливандер, простите, что мы вас побеспокоили, — начал Гарри.

— Мой милый мальчик, — слабым голосом отвечал Олливандер, — ты спас нас всех. Я уж думал, мы умрем в этом подвале… Не знаю, как тебя и благодарить.

— Мы были только рады это сделать.

Шрам дергало болью. Гарри был уверен, что уже не успевает опередить Волан-де-Морта и

не сможет ему помешать добраться до цели. В нем шевельнулся страх… Но он уже сделал свой выбор, когда решил говорить сначала с Крюкохватом. Притворяясь спокойным, Гарри нащупал на шее мешочек Хагрида и вынул из него сломанную пополам волшебную палочку.

— Мистер Олливандер, мне нужна помощь.

— Все, что угодно! Все, что угодно! — чуть слышно ответил мастер.

— Вы можете это починить? Ее вообще можно починить?

Олливандер протянул дрожащую руку. Гарри положил ему на ладонь соединенные хрупкой перемычкой половинки волшебной палочки.

— Остролист и перо феникса, — проговорил Олливандер срывающимся голосом, — Одиннадцать дюймов. Тонкая и гибкая…

— Да, — сказал Гарри. — Так вы можете?..

— Нет, — прошептал Олливандер. — Мне очень, очень жаль, но я не знаю средства починить волшебную палочку, получившую настолько серьезные повреждения.

Гарри заранее приготовился услышать такой ответ, и все-таки это был тяжелый удар. Он забрал половинки палочки и снова спрятал их в мешочек. Олливандер смотрел на мешочек, где

исчезла сломанная палочка, и отвел взгляд, только когда Гарри вынул из кармана две волшебные палочки, захваченные у Малфоев.

— Вы можете определить, чьи они?

Мастер взял первую палочку и поднес ее к самым глазам. Повертел узловатыми пальцами, чуть согнул.

— Грецкий орех и сердечная жила дракона, — проговорил он. — Двенадцать и три четверти дюйма. Прочная, жесткая. Эта палочка принадлежала Беллатрисе Лестрейндж.

— А эта?

Олливандер так же внимательно осмотрел вторую палочку.

— Боярышник и волос единорога. Ровно десять дюймов. Умеренной упругости. Это была палочка Драко Малфоя.

— Была? — повторил Гарри. — Она же и сейчас его?

— Не думаю. Если вы взяли ее с бою…

— Ну да.

— Скорее всего, она теперь ваша. Разумеется, тут имеет значение, как именно волшебная палочка перешла из рук в руки. Многое зависит и от самой палочки. Но в целом волшебная палочка, взятая в бою, честно служит новому владельцу.

В комнате было очень тихо, только вдалеке плескалось море.

— Вы так говорите о волшебных палочках, как будто они живые, — сказал Гарри. — Как будто они чувствуют, сами что-то решают.

— Волшебная палочка выбирает себе волшебника, — сказал Олливандер. — Те, кто изучает волшебные палочки, всегда знали об этом.

— И все-таки можно пользоваться волшебной палочкой, которая тебя не выбирала? — спросил Гарри.

— О да, если вы настоящий волшебник, то можете направлять свою магию практически через любой инструмент. Однако самые лучшие результаты достигаются в тех случаях, когда между палочкой и волшебником существует духовное родство. Эти взаимоотношения очень сложны. Вначале взаимное притяжение, потом совместный опыт… Палочка учится у волшебника, волшебник — у палочки.

Волны разбивались о берег и снова откатывались назад — печальный звук.

— Я отобрал эту палочку у Драко Малфоя, — сказал Гарри. — Будет она меня слушаться?

— Полагаю, да. Принадлежностью волшебной палочки управляют сложнейшие законы, но,

как правило, палочка побежденного покоряется новому хозяину.

— А мне, значит, можно пользоваться этой? — Рон вытащил из кармана и протянул Олливандеру палочку Хвоста.

— Каштан и сердечная жила дракона, девять дюймов с четвертью. Хрупкая. Меня заставили сделать ее вскоре после того, как похитили, — для Питера Петтигрю. Да, если вы взяли ее с бою, она будет слушаться вас охотней, чем любая другая палочка.

— Это со всеми палочками так? — спросил Гарри.

— Думаю, да, — ответил Олливандер, глядя на Гарри выпуклыми глазами. — Вы задаете глубокие вопросы, мистер Поттер. Наука о волшебных палочках — весьма сложная отрасль магии, полная тайн и загадок.

— Выходит, не обязательно убивать прежнего хозяина, чтобы завладеть волшебной палочкой? — спросил Гарри.

Олливандер поперхнулся:

— Убивать прежнего хозяина? Что вы, я бы не сказал, что это обязательно.

— Существуют легенды, — проговорил Гарри; сердце у него забилось сильнее, и шрам сразу

отозвался болью. Гарри не сомневался, что Волан-де-Морт приступил к выполнению своего плана. — Легенды о волшебной палочке — или нескольких палочках, — которые переходили от одного хозяина к другому посредством убийства.

Олливандер побледнел. Его лицо казалось тускло-серым на фоне белоснежной наволочки, огромные глаза в кровавых прожилках выпучились, как будто от страха.

— Я думаю, всего одна палочка, — прошептал он.

— И Сами-Знаете-Кто интересуется этой палочкой, так? — спросил Гарри.

— Я… как вы узнали? — прохрипел Олливандер, с мольбой оглядываясь на Рона и Гермиону.

— Он хотел, чтобы вы научили его, как преодолеть связь между нашими волшебными палочками, — сказал Гарри.

Олливандер пришел в ужас.

— Он мучил меня, поймите! Заклятие Круциатус! Я… я не мог не рассказать ему, о чем знал… вернее, догадывался…

— Я понимаю, — сказал Гарри. — Вы рассказали ему о перьях-близнецах? Посоветовали просто-напросто одолжить чужую волшебную палочку?

Олливандер медленно кивнул, потрясенный

осведомленностью Гарри.

— Только это не сработало, — продолжал Гарри. — Моя палочка все равно победила ту, одолженную. Вы можете объяснить, почему так вышло?

Олливандер покачал головой — так же медленно, как только что кивал.

— Я… никогда не слышал ни о чем подобном. В ту ночь ваша палочка совершила нечто беспрецедентное. Связь двух сердцевин — редчайшее явление, а уж почему ваша волшебная палочка переломила чужую, взятую на время, я просто не могу себе представить…

— Мы сейчас говорили о другой палочке — той, что переходит из рук в руки посредством убийства. Когда Сами-Знаете-Кто понял, что моя волшебная палочка ведет себя странно, он опять пришел к вам и спросил про ту самую, другую, правильно?

— Откуда вы знаете?

Гарри не ответил.

— Да, он спросил, — прошептал Олливандер. — Он требовал рассказать все, что я знаю о волшебной палочке, которую именуют то Смертоносной, то Жезлом Судьбы или же Бузинной палочкой.

Гарри покосился на Гермиону Она была потрясена до глубины души.

— Темный Лорд, — испуганным шепотом продолжал Олливандер, — всегда был доволен палочкой, которую я для него сделал — тис и перо феникса, тринадцать с половиной дюймов, — пока не узнал о родстве двух сердцевин. Теперь он ищет себе другую палочку, более могущественную, считая это единственным способом победить вас.

— Очень скоро он узнает, что моя палочка безнадежно сломана, — тихо сказал Гарри. — А может быть, уже знает.

— Нет! — вскрикнула Гермиона. — Откуда он может это узнать, Гарри?

— «Приори инкантатем», — ответил Гарри. — Твоя палочка, Гермиона, и палочка из терновника остались у Малфоев. Если они их как следует осмотрят и заставят воспроизвести свои последние заклинания, то поймут, что твоя палочка разбила мою, увидят, как ты пыталась ее починить и у тебя ничего не получилось. Они поймут, что я потому и пользовался палочкой из терновника.

Гермиона, к которой только-только вернулся румянец после сегодняшних испытаний, опять

побелела. Рон взглянул на Гарри с упреком.

— Давайте пока не будем об этом…

Но Рона перебил мистер Олливандер:

— Темный Лорд не только Из-за вас ищет Бузинную палочку, мистер Поттер. Он стремится завладеть ею, считая, что она сделает его поистине непобедимым.

— А это правда?

— Владелец Бузинной палочки должен постоянно опасаться нападения, — сказал мистер Олливандер. — Однако нельзя не признаться, идея о Темном Лорде, владеющем Бузинной палочкой, впечатляет.

Гарри вдруг вспомнил, как при первой встрече долго не мог понять, нравится ли ему мистер Олливандер. Даже и теперь, после долгого плена и пыток, мысль о Темном Лорде, завладевшем Бузинной палочкой, похоже, не столько отталкивала его, сколько восхищала.

— Так вы думаете, эта палочка существует на самом деле, мистер Олливандер? — спросила Гермиона.

— О да! — ответил мистер Олливандер. — Вполне возможно проследить ее судьбу. Есть, безусловно, пробелы, значительные промежутки времени, когда она терялась или же ее скрывали,

но всякий раз она снова выходила на свет. Есть характерные признаки, по которым человек сведущий всегда может ее опознать. И я, и другие исследователи изучали письменные источники, некоторые из которых с трудом поддаются толкованию, но подлинность их несомненна.

— А вы… не думаете, что это просто сказки или мифы? — с надеждой спросила Гермиона.

— Нет, — ответил Олливандер. — Не знаю, впрочем, является ли убийство предыдущего владельца обязательным условием. У этой палочки кровавая история, но, возможно, это объясняется обычной человеческой алчностью. Волшебная палочка такой невероятной мощи опасна, попади она в недостойные руки, и в то же время бесконечно привлекательна для всякого, кто интересуется свойствами волшебных палочек.

Гарри сказал:

— Мистер Олливандер, вы ведь сказали Сами-Знаете-Кому, что Бузинная палочка сейчас у Грегоровича?

Олливандер побледнел еще сильнее, хотя сильнее было уже некуда. Он стал похож на привидение.

— Откуда же вы… откуда…

— Неважно, откуда я узнал, — ответил Гарри,

зажмурившись, — шрам снова жгло как огнем, и на секунду он увидел главную улицу Хогсмида: там было еще темно, ведь Хогсмид расположен намного дальше к северу. — Вы сказали Сами-Знаете-Кому, что она у Грегоровича?

— Ходили такие слухи, — прошептал Олливандер. — Много лет назад, вас тогда еще и на свете не было. По-моему, Грегорович сам их распускал. Вы же понимаете, это очень полезно для бизнеса, если заказчики будут думать, что мастер изучает Бузинную палочку и может воспроизвести ее свойства!

— Да, понятно, — сказал Гарри и встал. — Мистер Олливандер, еще один последний вопрос, а потом мы оставим вас в покое. Что вы знаете о Дарах Смерти?

— О… о чем? — переспросил Олливандер в полном недоумении.

— О Дарах Смерти.

— Боюсь, я вас не понимаю. Это как-то связано с волшебными палочками?

Гарри посмотрел в его исхудалое лицо и понял, что Олливандер не притворяется, — он действительно ничего не знает о Дарах.

— Спасибо, — сказал Гарри. — Спасибо вам большое. Теперь мы уходим, а вы отдыхайте.

Олливандер жалобно посмотрел на него:

— Он пытал меня… Заклятие Круциатус… Вы не можете себе представить…

— Еще как могу, — сказал Гарри. — Постарайтесь отдохнуть, и спасибо за все, что вы нам рассказали.

Гарри сбежал по лестнице на первый этаж, Рон и Гермиона спустились следом. В кухне сидели Билл, Флер, Полумна и Дин, перед ними стояли чашки с чаем. Все они встрепенулись, увидев в дверях Гарри, но он только кивнул на ходу и вышел в сад, Рон и Гермиона — за ним.

Впереди виднелся красноватый холмик, под которым лежал Добби. Гарри подошел к нему, чувствуя, как нарастает боль. Бороться с ней стало ужасно трудно, но Гарри знал, что осталось потерпеть совсем немного. Скоро он уступит видениям, которые настойчиво рвутся в его разум, — нужно убедиться, что его теория верна. Еще только одно усилие, чтобы объяснить все Рону и Гермионе.

— Бузинная палочка была у Грегоровича очень давно, — сказал Гарри. — Я видел, как Сами-Знаете-Кто искал его. Когда он его нашел, оказалось, что у Грегоровича палочки больше нет; у него ее украл Грин-де-Вальд. Как Грин-де-Вальд узнал,

где палочка, понятия не имею, но если у Грегоровича хватило ума самому распускать об этом слухи, тогда все понятно.

Волан-де-Морт достиг ворот Хогвартса. Гарри видел, как он стоит в предрассветных сумерках, а по дороге от замка спешит ему навстречу человек с раскачивающимся фонарем в руке.

Грин-де-Вальд пришел к власти, используя Бузинную палочку. А когда он был на вершине своего могущества, Дамблдор понял, что никто другой не сможет его остановить, вызвал Грин-де-Вальда на поединок и победил. И тогда он забрал Бузинную палочку.

— Бузинная палочка была у Дамблдора? — изумился Рон. — А сейчас-то она где?

— В Хогвартсе, — ответил Гарри, из последних сил удерживаясь в реальности, на краю прибрежных утесов рядом с Роном и Гермионой.

— Тогда бежим! — всполошился Рон. — Гарри, бежим, заберем ее, пока он туда не явился!

— Поздно. — Гарри не удержался и схватился за голову, борясь с наплывающими видениями. — Ему известно, где палочка. Он уже там.

— Гарри! — в ярости заорал Рон. — Давно ты об этом знаешь? Зачем мы время теряли? Почему ты сначала пошел разговаривать с Крюкохватом?

Мы бы успели! Может, еще успеем…

— Нет. — Гарри упал на колени в траву. — Гермиона права: Дамблдор не хотел, чтобы я гонялся за этой палочкой. Он хотел, чтобы я уничтожил крестражи.

— Непобедимая палочка, Гарри! — застонал Рон.

— Я не должен… Мое дело — крестражи…

Вокруг стало темно и прохладно; солнце только-только выглянуло Из-за горизонта, когда он заскользил рядом со Снеггом вверх по склону, к берегу озера.

— Я буду сразу вслед за вами, — произнес он высоким холодным голосом. — А пока оставьте меня.

Снегг поклонился и зашагал к замку. Черный плащ развевался у него за спиной. Гарри замедлил шаги, выжидая, пока Снегг скроется вдали. Ни Снегг и никто другой не должен видеть, куда он направляется. Впрочем, в окнах школы не светились огни, а скрываться он умел как никто… В одну секунду он набросил на себя Дезиллюминационные чары, которые скрыли его от всех, даже от собственного взгляда.

Он шел по берегу озера, наслаждаясь очертаниями возлюбленного замка — первого своего

царства, принадлежащего ему по праву рождения…

И вот она — стоит на берегу, отражаясь в темной воде. Белая мраморная гробница, ненужное пятно в таком знакомом пейзаже. Вновь его охватила еле сдерживаемая эйфория, голову кружило ощущение разрушительной мощи. Он взмахнул своей старой тисовой палочкой. Именно ей и подобает совершить это последнее великое деяние!

Гробница разом раскололась от изножья до изголовья. Закутанная в саван фигура была такой же, как при жизни, худой и длинной. Он снова взмахнул волшебной палочкой.

Гробовые пелены соскользнули. Мертвое лицо было бледно до прозрачности, иссохшее, но почти нетронутое тлением. Очки оставили на кривоватом носу — что за насмешка! Руки Дамблдора были сложены на груди, а в руках была она — похороненная вместе с ним.

Неужто старый дурень вообразил, будто мрамор и смерть защитят его волшебную палочку? Рассчитывал; что Темный Лорд не посмеет разграбить его гробницу? Белая рука, подобно пауку, нырнула вперед и схватила добычу. Дождь искр осыпал мертвое тело прежнего владельца — волшебная палочка была готова служить новому

хозяину.

Глава 25

КОТТЕДЖ «РАКУШКА»

Коттедж Билла и Флер стоял на отшибе, на самом краю прибрежных утесов. Белые оштукатуренные стены были украшены морскими раковинами. Безлюдное место и очень красивое. И в доме, и в саду постоянно был слышен шум моря, точно сонное дыхание какого-то огромного существа. За несколько дней, проведенных здесь, Гарри то и дело под разными предлогами удирал из перенаселенного домика и смотрел с утесов на просторное небо и огромное пустынное море, подставив лицо холодному соленому ветру.

Гарри до сих пор пугала огромность собственного решения — отказаться от борьбы с Воланде-Мортом за Бузинную палочку. Никогда еще он не выбирал бездействие. Гарри переполняли сомнения, а Рон не упускал случая выразить эти сомнения вслух.

— А если Дамблдор хотел, чтобы мы вовремя расшифровали знак и успели забрать палочку? Что, если это и была проверка, достоин ли ты владеть Дарами Смерти? Гарри, если это на са-

мом деле Бузинная палочка, как же мы теперь справимся Сам-Знаешьс-Кем?

Ответа у Гарри не было. Временами он начинал думать, что просто подвинулся умом, позволив Волан-де-Морту без помех взломать гробницу. Он даже толком не мог объяснить, почему так решил. Каждый раз, когда Гарри пытался восстановить цепь рассуждений, которая привела его к этому выбору, они казались все слабее.

Что самое странное, поддержка Гермионы выбивала его из колеи не меньше, чем сетования Рона. Вынужденная признать существование Бузинной палочки, она теперь твердила, что это предмет злой магии, что способ, каким ее получил Волан-де-Морт, отвратителен и даже думать об этом невозможно.

— Ты ни за что не сделал бы так, Гарри, — повторяла она без конца. — Ты не смог бы разрушить гробницу Дамблдора!

Но почтение к мертвому телу значило для Гарри гораздо меньше, чем страх, что он неправильно разгадал планы, составленные Дамблдором при жизни. Он по-прежнему блуждал в темноте. Гарри выбрал свой путь, однако постоянно оглядывался назад, гадая, верно ли прочитал знаки. Вдруг нужно было выбрать другую дорогу?

Временами на него снова накатывала злость на Дамблдора — словно волны, хлещущие по основанию утесов. Почему он не объяснил все как следует, пока был жив?

— А он точно умер? — спросил Рон через три дня после их появления в коттедже.

Они с Гермионой отыскали Гарри в саду. Он стоял и смотрел через ограду, отделяющую сад от утесов, и почти пожалел, что друзья его нашли, — у него не было ни малейшего желания снова ввязываться в спор.

— Да, Рон, умер, давай не будем опять все это пережевывать!

— Прими во внимание факты, Гермиона, — сказал Рон поверх головы Гарри, упорно смотревшего в даль. — Серебряная лань. Меч Гриффиндора. Гарри видел глаз в зеркальце…

— Гарри признал, что глаз ему мог и померещиться! Правда, Гарри?

— Мог, — ответил Гарри, не оглядываясь.

— Но ты ведь не думаешь, что он тебе примерещился? — спросил Рон.

— Нет, не думаю, — ответил Гарри.

— Вот видишь! — воскликнул Рон, пока Гермиона не успела еще что-нибудь возразить. — Если это не был Дамблдор, откуда Добби узнал, что мы

там, в подвале, а, Гермиона?

— Не знаю… А как, по-твоему, Дамблдор мог его отправить к нам, если сам лежал в гробнице в Хогвартсе?

— Ну, мало ли… Может, явился в виде привидения!

— Дамблдор не стал бы привидением, — сказал Гарри. В последнее время он мало что мог сказать с уверенностью о Дамблдоре, но уж это знал точно. — Он бы пошел дальше.

— Что значит — «дальше»? — удивился Рон.

Гарри не успел ответить — у них за спиной раздался голос:

— 'Арри? — К ним подошла Флер. Ее длинные серебристые волосы развевались на ветру. — Арри, Крюкохват хочет с тобой погово'ить. Он в маленькой спальне — гово'гит, что не хочет, чтобы вас подслушали.

Ей явно не нравилось быть у гоблина на побегушках. Передав поручение, она раздраженно повернулась и ушла в дом.

Как и сказала Флер, Крюкохват ждал их в самой малюсенькой из трех спален — той, где ночевали Полумна и Гермиона. Гоблин задернул красные ситцевые занавески, отгородившись от ярко-синего, пестрящего облаками неба. В комнате стоял

огненный полумрак, резко отличаясь от обычной светлой и воздушной атмосферы коттеджа.

— Я принял решение, Гарри Поттер, — провозгласил гоблин. Он сидел, скрестив ноги, в низеньком кресле и барабанил пальцами по подлокотнику. — Хоть гоблины в банке «Гринготтс» сочтут это подлой изменой, я готов вам помочь…

— Вот здорово! — обрадовался Гарри. — Спасибо, Крюкохват, мы вам очень…

— …за соответствующую плату, — закончил гоблин. Гарри слегка растерялся:

— А сколько вы хотите? У меня есть золото…

— Нет, — сказал Крюкохват. — Золото и у меня есть. — Его черные глазки без белков засверкали. — Я хочу получить меч. Меч Годрика Гриффиндора.

Гарри упал духом.

— Это мы не можем отдать, — сказал он. — Извините.

— В таком случае, — вкрадчиво произнес гоблин, — у нас проблема.

— Мы можем вам еще что-нибудь дать, — вмешался Рон. — У Лестрейнджей в сейфе наверняка куча всякого добра. Когда мы туда залезем, вы можете выбрать себе, что захотите.

Это он сказал зря. Крюкохват покраснел от

злости.

— Мальчик, я не вор! Мне чужие сокровища не нужны!

— Так ведь меч-то — наш…

— Не ваш, — возразил гоблин.

— Мы — гриффиндорцы, а это — меч Годрика Гриффиндора…

— А чьим он был до Гриффиндора? — спросил гоблин, выпрямляясь в кресле.

— Ничьим, — ответил Рон. — Его же для Гриффиндора сделали!

— Нет! — вскричал гоблин, весь ощетинившись и наставив на Рона длинный указательный палец. — Вечное высокомерие волшебников! Меч принадлежал Рагнуку Первому и был отнят у него Годриком Гриффиндором! Это утраченная драгоценность, шедевр гоблинского мастерства! Он должен принадлежать гоблинам! Такова цена моей помощи, а не хотите — как хотите.

Глаза Крюкохвата горели злобой. Гарри сказал, покосившись на Рона с Гермионой:

— Нам нужно посоветоваться. Можно, мы выйдем на пару минут?

Гоблин кивнул с весьма кислым видом.

В пустой гостиной на первом этаже Гарри подошел к камину, сдвинув брови и ломая голову, что

теперь делать. У него за спиной Рон воскликнул:

— Да он просто издевается! Нельзя отдавать ему меч.

— А это правда? — спросил Гарри Гермиону. — Гриффиндор действительно украл меч?

— Не знаю, — убитым тоном ответила она. — Волшебная история часто умалчивает о том, какой ущерб волшебники причинили тому или другому магическому народу… Во всяком случае, я никогда не слышала, чтобы Гриффиндор получил свой меч нечестным путем.

— Очередная гоблинская байка, — отмахнулся Рон. — Они постоянно рассказывают, как волшебники их обижают. Надо еще радоваться, что он не потребовал какую-нибудь из наших волшебных палочек!

— У гоблинов есть причины недолюбливать волшебников, Рон, — сказала Гермиона. — В прошлом с ними часто обходились невероятно жестоко.

— Ну, гоблины и сами не такие уж белые и пушистые, — упорствовал Рон. — Знаешь, сколько наших они убили? И между прочим, не брезгуют грязными приемчиками!

— Вряд ли имеет смысл заводить сейчас дискуссию с Крюкохватом о том, чей народ подлее и

больше зверствует, как ты думаешь?

Наступила пауза. Все старались придумать выход из тупика. Гарри смотрел в окно на могилу Добби. Полумна устанавливала возле камня букет розмарина в стеклянной банке.

— Ладно, — сказал Рон, и Гарри повернулся к нему. — Давайте так: мы скажем Крюкохвату, что расплатимся с ним, когда войдем в сейф, а до этого, мол, меч нам нужен. Там ведь лежит поддельный, правильно? Мы его подменим и отдадим Крюкохвату копию.

— Рон, да он их отличает лучше нас! — воскликнула Гермиона. — Он первый и заметил подделку!

— А мы сделаем ноги, пока он не разобрался… Рон увял под взглядом Гермионы.

— Это низость, — тихо сказала она. — Попросить его о помощи, а потом обмануть? И ты еще удивляешься, что гоблины не любят волшебников?

Уши Рона пылали.

— Ладно, ладно! Просто я ничего другого не могу придумать. А ты что посоветуешь?

— Нужно предложить ему что-нибудь другое, не менее ценное.

— Какая ты умная! Пойду принесу еще один

мечик древней гоблинской работы, а ты заверни его покрасивее.

Они снова замолчали. Гарри был совершенно уверен, что гоблин не примет другой платы, даже будь у них что-нибудь достаточно ценное, чтобы ему предложить. Но и без меча им никак, это единственное оружие против крестражей.

Гарри закрыл глаза, слушая, как шумит море. Неприятно было думать, что Гриффиндор, возможно, украл меч. Гарри всегда гордился тем, что он гриффиндорец. Гриффиндор защищал тех, кто родился в семьях маглов, он противостоял Слизерину, помешанному на чистоте крови…

— Может быть, он и врет, — сказал Гарри, открывая глаза. — В смысле, Крюкохват. Может быть, Гриффиндор ни у кого не отнимал меч. Откуда мы знаем, что гоблин говорит правду?

— А какая разница? — спросила Гермиона.

— Разница в том, что я по этому поводу чувствую. — Гарри сделал глубокий вдох. — Скажем ему, что отдадим меч после того, как он проведет нас в сейф, только не сообщим, когда именно мы это сделаем.

По лицу Рона медленно расползлась улыбка. Гермиона, наоборот, встревожилась.

— Гарри, нельзя же так…

— Так мы его правда отдадим, — сказал Гарри, — когда уничтожим все крестражи. Я сам прослежу за тем, чтобы Крюкохват его получил. Я не собираюсь никого обманывать.

— Да ведь на это могут уйти годы! — вскрикнула Гермиона.

— Знаю, но он-то не знает. все-таки это не вранье… по сути.

Гарри смотрел Гермионе в глаза — пристыженно и в то же время с вызовом. Он вспомнил слова, начертанные над входом в Нурменгард: «Ради общего блага». Гарри отогнал эту мысль. Разве у них есть выбор?

— Не нравится мне это, — сказала Гермиона.

— Мне тоже, — признался Гарри.

— А По-моему, гениально! — воскликнул Рон и встал. — Пошли, скажем ему.

Они вернулись в маленькую спальню. Гарри высказал свое предложение, тщательно сформулировав его так, чтобы обойти вопрос о времени передачи меча. Пока он говорил, Гермиона хмуро разглядывала пол, и Гарри боялся, как бы это их не выдало. Но Крюкохват смотрел только на него одного.

— Вы даете слово, Гарри Поттер, что отдадите мне меч Гриффиндора, если я вам помогу?

— Да, — сказал Гарри.

— В таком случае, пожмем друг другу руки. — Гоблин протянул руку.

Гарри пожал ее, пытаясь понять, улавливают ли эти черные глаза неуверенность в его собственном взгляде. Затем Крюкохват выпустил его руку и хлопнул в ладоши:

— Итак, приступим!

Повторялась история с подготовкой вторжения в Министерство. Они работали в маленькой спальне — по требованию Крюкохвата здесь царил полумрак.

— Я всего однажды побывал в сейфе Лестрейнджей, — сообщил Крюкохват. — В тот раз мне было поручено поместить туда поддельный меч. Это отделение — одно из самых древних. Старейшие семьи волшебников хранят свои сокровища на очень глубоком уровне, там самые большие сейфы и самая лучшая защита…

Они часами просиживали в этой крошечной, похожей на чулан комнатке. Дни складывались в недели. Стоило решить одну проблему, как возникала другая. Не в последнюю очередь их тревожило, что запас Оборотного зелья почти закончился.

— Тут только на одного, — сказала Гермиона,

рассматривая против света пузырек с густым, тягучим зельем, похожим на жидкую грязь.

— Этого хватит, — решил Гарри, изучая нарисованный Крюкохватом план залегающих в глубине коридоров.

Другие обитатели коттеджа «Ракушка» не могли не заметить, что рядом с ними что-то затевается, поскольку Гарри, Рон и Гермиона целыми днями сидели, запершись, и выходили только, чтобы поесть. Никто ни о чем не спрашивал, хотя Гарри не раз ловил на себе обеспокоенный взгляд Билла.

Чем больше времени они проводили вчетвером, тем яснее Гарри понимал, что гоблин ему не нравится. Крюкохват оказался неожиданно кровожадным, его веселила мысль о том, чтобы причинять боль низшим созданиям, и страшно радовала идея, что им, возможно, придется ранить кого-нибудь из волшебников, прорываясь к сейфу Лестрейнджей. Гарри чувствовал, что Рону и Гермионе это тоже противно, хоть они и не обсуждали Крюкохвата между собой: гоблин был им нужен.

Крюкохват весьма неохотно соглашался есть вместе со всеми. Даже когда ноги у него окончательно зажили, он по-прежнему требовал, чтобы

еду приносили ему в комнату на подносе, как и все еще хворавшему Олливандеру. В конце концов Флер взбунтовалась, и Билл, поднявшись наверх, объяснил гоблину, что так не пойдет. После этого Крюкохват стал выходить со всеми к столу, хоть и отказывался от общей еды, требуя сырого мяса, кореньев и разнообразных грибов.

Гарри чувствовал себя виноватым; в конце концов, именно он добился, чтобы гоблина оставили в коттедже «Ракушка», Из-за него семья Уизли вынуждена скрываться, а Билл, Джордж, Фред и мистер Уизли не могут работать.

— Мне ужасно совестно, — сказал он как-то Флер ветреным апрельским вечером, когда помогал ей готовить обед. — Я не хотел, чтобы все это на вас свалилось.

Флер как раз запускала в работу несколько ножей — резать бифштексы для Крюкохвата и Билла (Билл после своей встречи с Фенриром предпочитал мясо с кровью). Когда ножи бодро застучали по разделочной доске, Флер повернулась к Гарри, лицо ее, в последнее время часто довольно раздраженное, смягчилось.

— 'Арри, ты спас мою сест'гу, я не забыла!

Строго говоря, Гарри ее не спас, ведь жизни Габриэль на самом деле ничто не угрожало, но он

решил не уточнять.

— К тому же, — Флер направила волшебную палочку на кастрюльку с соусом, который тут же закипел и забулькал, — мисте'г Олливанде'г сегодня вече'том пе'геби'гается к Мю'гиэль, и станет полегче. Гоблин, — она слегка поморщилась, заговорив о нем, — пе'геедет на пе'гвый этаж, а вы с Дином и 'Гоном сможете занять его комнату.

— Нам и в гостиной хорошо, — быстро сказал Гарри.

Он знал, что Крюкохват не обрадуется, если его попросят спать на диване, а для них важнее всего, чтобы гоблин был доволен.

Флер пыталась настаивать, но Гарри добавил:

— Мы с Роном и Гермионой тоже недолго здесь задержимся.

— Что значит — недолго? — нахмурилась Флер, застыв над кастрюлькой с волшебной палочкой в руке. — Не надо вам никуда уходить, вы здесь в безопасности!

Она вдруг стала страшно похожа на миссис Уизли.

К счастью, тут отворилась задняя дверь и вошли Полумна и Дин с намокшими от дождя волосами и охапками плавника в руках.

— И крошечные ушки, — тараторила Полум-

на, — папа говорит, как у бегемота, только фиолетовые и мохнатые. А если хочешь их позвать, надо напевать какую-нибудь мелодию, только не очень быструю, лучше всего — вальс…

Дин, слегка смущенный, пожал плечами, взглянув на Гарри. Они с Полумной понесли топливо в гостиную, совмещенную со столовой, — там Рон и Гермиона накрывали на стол. Гарри воспользовался случаем, схватил два кувшина с тыквенным соком и побежал за ними, улизнув от неудобных расспросов.

— …а если ты как-нибудь нас навестишь, я покажу тебе рог. Папа мне о нем писал, только я его еще не видела, потому что Пожиратели смерти сняли меня с хогвартского экспресса и я так и не попала домой на Рождество, — сказала Полумна, помогая Дину укладывать топливо в камине.

— Полумна, мы же тебе рассказывали, — крикнула через всю комнату Гермиона. — Рог взорвался. Это был рог взрывопотама, а никакого не морщерогого кизляка…

— Нет, это был определенно рог кизляка, — безмятежно отозвалась Полумна. — Папа подробно его описал. Наверное, он уже восстановился, они ведь замечательно умеют самоисцеляться.

Гермиона только головой покачала, продолжая

раскладывать вилки.

Билл привел мистера Олливандера. Мастер волшебных палочек все еще был очень слаб и цеплялся за руку Билла, который поддерживал его и нес большой чемодан.

Полумна подошла к старику:

— Мне будет вас очень не хватать!

— И мне вас тоже, моя дорогая, — ответил Олливандер, погладив ее по плечу. — Вы были мне огромным утешением в том ужасном месте.

Флер расцеловала его в обе щеки:

— Почту за честь, — отвечал Олливандер с легким поклоном. — Это самое меньшее, что я могу сделать в благодарность за вашу доброту и гостеприимство.

Флер принесла потертый бархатный футляр и открыла, показывая мистеру Олливандеру. Диадема засверкала при свете низко висящей люстры.

— Бриллианты и лунные камни, — определил Крюкохват, который успел незаметно, бочком пробраться в комнату. — Гоблинская работа, если не ошибаюсь?

— Оплачена волшебниками, — негромко ответил Билл.

Гоблин глянул на него вызывающе и в то же

время трусливо.

Ветер бушевал вокруг коттеджа, когда Билл с мистером Олливандером скрылись в ночи. Остальные уселись за стол, еле втиснувшись локоть к локтю, и принялись за еду. В камине потрескивал огонь. Гарри заметил, что Флер только ковыряет вилкой в тарелке и поминутно смотрит в окно. Впрочем, Билл вернулся еще до конца ужина. Ветер растрепал его длинные волосы.

— Все хорошо, — сказал он. — Олливандера устроили на новом месте. Мама и папа передают привет, Джинни тоже. Фред и Джордж довели Мюриэль до истерики — они продолжают рассылку заказов совиной почтой из ее гостиной. По крайней мере, тетушка очень обрадовалась диадеме — говорит, она думала, что мы ее украли.

— Ах, она п'госто п'гелесть, эта твоя тетушка, — сердито ответила Флер, взмахом волшебной палочки заставляя грязные тарелки подняться в воздух и сложиться в стопку. Потом подхватила всю стопку и прошествовала на кухню.

— Папа тоже сделал диадему, — заявила Полумна. — Вернее, венец.

Рон ухмыльнулся, переглянувшись с Гарри. Гарри понял, что он вспоминает кошмарный головной убор, который они видели у Ксенофи-

лиуса.

— Да, он хочет воссоздать утерянную диадему Кандиды Когтевран. Он уже вычислил большинство составных частей. Пропеллер австралийской веретенницы особенно пришелся к месту…

Раздался громкий стук в парадную дверь. Все головы повернулись в ту сторону. Из кухни прибежала испуганная Флер. Билл вскочил на ноги, направив волшебную палочку на дверь, Гарри, Рон и Гермиона сделали то же самое. Крюкохват тихонько нырнул под стол.

— Кто там? — крикнул Билл.

— Я, Римус Люпин! — донеслось Из-за двери под завывания ветра.

У Гарри сжалось сердце: что еще случилось?

— Я оборотень, женат на Нимфадоре Тонкс, адрес коттеджа «Ракушка» назвал мне ты, Хранитель Тайны, и пригласил приходить в экстренных случаях!

— Люпин! — Билл подбежал к двери и рывком распахнул ее.

Люпин ввалился в прихожую — весь белый, в дорожном плаще, седые волосы встрепаны ветром. Он выпрямился, оглядел комнату, проверяя, кто здесь есть, и громко крикнул:

— У нас мальчик! Мы назвали его Тедом, в честь

Дориного отца!

Гермиона восторженно завизжала.

— Что?! Тонкс! У вас родился ребенок?

— Да, да, родился! — заорал Люпин.

Все принялись ахать, восхищаться и радоваться. Гермиона и Флер пищали:

— Поздравляем! Рон сказал:

— Ух ты, ребенок! — как будто в жизни не слыхал о такой штуке.

— Да, да! Мальчик! — повторял Люпин, словно оглушенный собственным счастьем.

Он обошел вокруг стола и крепко обнял Гарри, точно и не было той сцены в подвальном этаже дома на площади Гриммо.

— Будешь крестным отцом? — спросил он, выпустив Гарри из объятий.

— Я? — поперхнулся Гарри.

— Ты, конечно, кто же еще? Дора тоже так считает.

— Я… ага… ух ты…

Гарри был сражен, ошарашен и дико счастлив. Билл принес бутылку вина, и Флер стала уговаривать Люпина посидеть с ними.

— Я ненадолго, мне нужно домой, — сияя, говорил Люпин. Он помолодел на несколько лет. — Спасибо! Спасибо, Билл.

Билл разлил вино. Все встали и подняли бокалы. Люпин сказал тост:

— За Тедди Римуса Люпина, будущего великого волшебника!

— На кого он похож? — спросила Флер.

— По-моему, на Дору, но она говорит, что на меня. Почти лысенький. Родился он с черными волосиками, но я клянусь, через час они уже были рыжими! К моему возвращению, наверное, станет блондином. Андромеда говорит, что у Тонкс волосы начали менять цвет с первого дня жизни. — Люпин осушил бокал, — Ну хорошо, еще только один, — добавил он, когда Билл подошел налить ему еще.

Ветер ревел за окнами маленького коттеджа, в камине плясал огонь, Билл откупорил еще одну бутылку. Известие Люпина заставило их забыть, что они в осаде. Новая жизнь — потрясающее событие! Одного только гоблина не захватила общая праздничная атмосфера. Он вскоре убрался к себе в спальню, которую теперь занимал единолично. Гарри подумал было, что никто, кроме него, этого не заметил, но потом поймал взгляд Билла, направленный вслед уходящему Крюкохвату.

— Нет-нет! Мне правда нужно идти!

Люпин решительно отказался от очередного бокала, встал на ноги и расправил дорожный плащ.

— До свидания, до свидания! На днях постараюсь забежать, покажу фотографии… Все будут страшно рады узнать о вас новости…

Он запахнул плащ и распрощался, обняв по очереди всех женщин и пожав руку мужчинам, а потом, все так же сияя, канул в ночь.

— Крестный отец, Гарри! — воскликнул Билл, когда они вернулись на кухню, помогая убирать со стола. — Вот это честь! Поздравляю!

Гарри поставил на стол пустые бокалы. Билл прикрыл дверь, отрезав веселые голоса, — после ухода Люпина все еще продолжали праздновать.

— Вообще-то я хотел с тобой поговорить с глазу на глаз. Нелегко поймать момент, если в доме толпится столько народу. — Билл запнулся. — Гарри, вы планируете какие-то совместные дела с Крюкохватом.

Это был не вопрос, а утверждение, и Гарри не стал ничего отрицать, просто молча смотрел на Билла и ждал, что будет дальше.

— Я хорошо знаю гоблинов, — сказал Билл. — Я работаю в банке «Гринготтс» с тех пор, как закончил Хогвартс. Если возможна дружба между

волшебниками и гоблинами, то у меня есть друзья-гоблины — по крайней мере, есть знакомые гоблины, которые мне симпатичны. — Билл снова замялся. — Гарри, что тебе нужно от Крюкохвата и что ты пообещал ему взамен?

— Этого я не могу тебе сказать, Билл, — ответил Гарри. — Извини.

Флер попыталась протиснуться в дверь с остатками пустых бокалов в руках.

— Подожди минутку, — сказал ей Билл.

Она попятилась, и Билл плотно прикрыл дверь.

— Тогда я вот что скажу, — продолжил он. — Если ты заключил с Крюкохватом сделку и особенно если речь идет о сокровищах, будь предельно осторожен. У гоблинов свои понятия о собственности и оплате — совсем не такие, как у людей.

Гарри стало не по себе, как будто внутри у него шевельнулась крошечная змея.

— Это как?

— Наши народы очень разные. У волшебников с гоблинами сложные отношения — да ты это и так знаешь из истории магии. За много веков, конечно, случалось всякое, и не только со стороны гоблинов. Я не говорю, что волшебников совсем не в чем упрекнуть, но многие гоблины — и не

в последнюю очередь те, что работают в банке «Гринготтс» — считают, что по части золота и драгоценностей волшебникам нельзя доверять, потому что они не уважают гоблинское право собственности.

— Я уважаю… — начал Гарри, но Билл покачал головой:

— Ты не понимаешь, Гарри. Это невозможно понять, пока не поработаешь с гоблинами бок о бок. С точки зрения гоблина, истинный полноправный хозяин каждой вещи — тот, кто ее создал, а не покупатель. Они считают, что любой предмет гоблинской работы по праву принадлежит им.

— А если его купили…

— С их точки зрения, человек, заплативший деньги, как бы взял эту вещь напрокат. Они не принимают идею передачи гоблинских изделий по наследству от волшебника к волшебнику. Видел, какими глазами Крюкохват смотрел на диадему? Наверняка он считает, что ее следовало вернуть гоблинам после смерти первого владельца. Для них наш обычай получать по наследству изделия гоблинской работы — просто-напросто кража.

Гарри стало совсем нехорошо. Неужели Билл угадал больше, чем показывает?

— Я только об одном тебя прошу, — сказал Билл, взявшись за ручку двери, — будь очень осторожен с обещаниями. Ограбить «Гринготтс» — и то не так опасно, как нарушить слово, данное гоблину.

— Ладно, — сказал Гарри ему в спину. — Спасибо. Я учту.

Когда он выходил из кухни, ему в голову пришла довольно зловещая мысль — несомненно, порожденная вином: похоже, он станет для Тедди Люпина таким же безответственным крестным, каким был для него Сириус.

Глава 26

«ГРИНГОТТС»

Все планы были составлены, приготовления закончены. В крохотной спальне стоял на каминной полке стеклянный флакончик, а в нем свернулся одинокий жесткий черный волос, снятый Гермионой со свитера, который был на ней в доме Малфоев.

— И еще у тебя будет ее волшебная палочка. — Гарри кивнул в сторону палочки из грецкого ореха. — Должно получиться убедительно.

Гермиона взяла палочку в руки с таким видом, словно боялась, что та ее укусит.

— Ненавижу эту штуковину, — тихо сказала она. — Ух как ненавижу! Она не ложится в руку и не слушается совсем. Как будто часть ее самой…

Гарри сразу вспомнил, как Гермиона отмахивалась, когда он жаловался, что палочка из терновника не хочет ему служить, и советовала побольше упражняться. все-таки он удержался и не стал ей напоминать об этом — назавтра им предстояло ограбить банк, не стоило зря нервировать Гермиону.

— Зато это поможет тебе вжиться в образ! — утешил Рон. — Подумай о том, что в свое время творила эта палочка!

— В том-то и дело! — воскликнула Гермиона. — Эта волшебная палочка мучила маму и папу Невилла и еще невесть сколько других людей. Она убила Сириуса!

Об этом Гарри не подумал. Его посетило свирепое желание сломать эту палочку, разрубить ее мечом Гриффиндора — тот как раз стоял рядом, прислоненный к стене.

— Мне так не хватает моей палочки, — пожаловалась Гермиона. — Вот бы мистер Олливандер сделал и мне новую!

В то утро мистер Олливандер прислал Полумне новую волшебную палочку. Сейчас она испытывала подарок на заднем дворе, в лучах заходящего солнца. Дин мрачно наблюдал за нею — его волшебную палочку отобрали егеря.

Гарри посмотрел на палочку из боярышника, принадлежавшую когда-то Драко Малфою. К его приятному удивлению, эта палочка слушалась его не хуже, чем Гермионина. Он вспомнил объяснения мистера Олливандера и догадался, почему у Гермионы такие сложности, — она не отвоевала ореховую палочку в бою с Беллатрисой.

Открылась дверь, и вошел Крюкохват. Гарри инстинктивно схватился за рукоять и подтянул меч поближе к себе, но тут же пожалел об этом: гоблин явно все заметил. Гарри сказал, стараясь замять неловкий момент:

— Мы тут решили еще раз все перепроверить, Крюкохват. Мы сказали Биллу и Флер, что уходим завтра утром и чтобы они не вставали нас проводить.

Об этом они просили особенно настойчиво, поскольку Гермионе предстояло перед уходом преобразиться в Беллатрису, а Биллу и Флер совсем ни к чему было знать такие подробности. Кроме того, друзья предупредили, что не намерены возвращаться. Старую палатку Перкинса они потеряли в ту ночь, когда попались егерям, и Билл одолжил им свою. Сейчас она была уложена в расшитую бисером сумочку Гермионы, которую та, к огромному восхищению Гарри, спасла от егерей очень простым способом: запихала в носок.

Гарри знал, что будет скучать по Биллу, Флер, Полумне и Дину, не говоря уже о домашнем уюте, в котором они нежились несколько недель, и все-таки ему не терпелось проститься с коттеджем «Ракушка». Надоело без конца проверять, не слышит ли их кто, надоело торчать в тесной

полутемной спальне, а больше всего ему обрыдло общество Крюкохвата. Как отделаться от гоблина, не отдавая ему меч, оставалось неразрешимой проблемой. Гарри, Рон и Гермиона не могли толком ни о чем договориться, потому что Крюкохват почти никогда не оставлял их одних больше чем на пять минут. Не успеешь оглянуться — а уже в дверную щель просовываются его длинные пальцы.

— Моей бы маме у него поучиться, — ворчал Рон. Гермиона так пылко осуждала замысел Гарри, что он отчаялся добиться от нее помощи. Рон в те редкие минуты, когда Крюкохват оставлял их в покое, не мог придумать ничего лучшего, чем:

— Хватаем меч и сваливаем по-быстрому.

Гарри плохо спал в ту ночь. Лежа без сна в предутренние часы, он вспоминал, как чувствовал себя накануне налета на Министерство магии. Тогда он был полон решимости, даже какого-то упоения, а сейчас его грызли сомнения и тревога. Ему все казалось, что что-нибудь пойдет не так. Он твердил себе, что план отработан до мелочей, что Крюкохват знает, с чем им придется столкнуться, что все возможные осложнения предусмотрены — и все равно у него душа была не на месте. Раз или два Гарри слышал, как Рон

ворочается в постели — видно, тоже не спит, но в гостиной они ночевали втроем с Дином, так что поговорить не было возможности.

наконец-то пробило шесть часов. Рон и Гарри вылезли из спальных мешков, оделись впотьмах и тихонько выбрались в сад, где они договорились встретиться с Гермионой и Крюкохватом. Было по-утреннему холодно, хоть и безветренно, по майскому времени. Над головой еще мерцали бледные звезды, шумело море, накатываясь на утесы, — Гарри знал, что ему будет не хватать этого звука.

На могиле Добби пробивались из земли крошечные зеленые росточки. Через год холмик будет сплошь покрыт цветами. Белый камень с именем домовика уже казался обветренным, словно лежал здесь Давным-давно. Гарри понимал, что они вряд ли могли найти для Добби более красивое место, и все-таки ужасно грустно было оставлять его здесь. Стоя у могилы, Гарри в который раз ломал голову: откуда домовик узнал, что их нужно спасать? Он рассеянно дотронулся до мешочка на шее и нащупал осколок зеркала. Гарри был уверен, что видел в нем глаз Дамблдора! Тут в доме открылась дверь, и он обернулся.

Через лужайку к ним стремительно шагала

Беллатриса Лестрейндж в сопровождении Крюкохвата. На ходу она засовывала крохотную сумочку во внутренний карман старой мантии, которую они прихватили с площади Гриммо. Гарри отлично знал, что это Гермиона, и все-таки не мог сдержать дрожь омерзения. Она была выше него. Длинные черные волосы струились по спине, глаза с тяжелыми веками презрительно уставились в лицо Гарри, но стоило ей заговорить, и Гарри сразу услышал Гермиону в низком голосе Беллатрисы Лестрейндж.

— Она на вкус такая противная, хуже лирного корня! Так, Рон, иди сюда, я тебя обработаю…

— Ладно, только не забудь, я не хочу слишком длинную бороду…

— Господи боже, нашел время думать о красоте!

— При чем здесь красота? Она мешает! А нос сделай покороче — мне понравилось, как было в прошлый раз.

Гермиона вздохнула и принялась за работу, что-то ворча себе под нос. Нужно было полностью изменить Рону внешность в расчете на то, что его защитит зловещая аура Беллатрисы. Гарри и Крюкохват по плану должны были прятаться под мантией-невидимкой.

— Ну вот, — сказала Гермиона. — Как смотрится, Гарри?

Под маскировкой едва можно было различить привычные черты Рона, да и то только потому, что Гарри хорошо его знал. Волосы Рона стали длинными и волнистыми, появились густые каштановые усы и борода, веснушки исчезли, нос стал коротким и широким, брови — густыми и насупленными.

— Не в моем вкусе, а так — сойдет, — вынес вердикт Гарри. — Ну что, отправляемся?

Трое друзей оглянулись на коттедж «Ракушка», темный и тихий под угасающими звездами, потом повернулись и зашагали к калитке, за которой прекращалось действие заклинания Доверия и можно было трансгрессировать.

Как только вышли за ограду, Крюкохват заговорил:

— Мне пора залезать, правильно, Гарри Поттер? Гарри нагнулся, и гоблин вскарабкался ему на плечи, обхватив руками за шею. Он был не тяжелый, но Гарри было неприятно чувствовать его у себя на спине, тем более что хватка у гоблина оказалась неожиданно цепкая. Гермиона вытащила из сумочки мантию-невидимку и набросила на них.

— Идеально! — сказала она, наклоняясь, чтобы проверить, надежно ли укрыты ноги Гарри. — Ничего не видно. Пошли!

Гарри повернулся на месте, с Крюкохватом на плечах. Он изо всех сил сосредоточился мыслями на «Дырявом котле» — кабачке, откуда открывался ход в Косой переулок. Гоблин еще крепче стиснул ему горло, вокруг сомкнулась удушливая тьма, а в следующую секунду Гарри почувствовал под ногами мостовую. Он открыл глаза. Они стояли на Чаринг-Кроссроуд, мимо брели по-утреннему унылые маглы, не подозревая о существовании крохотного кабачка.

В общем зале «Дырявого котла» было почти совсем пусто. Том, сутулый и беззубый владелец таверны, протирал стаканы за стойкой; парочка магов о чем-то шепталась в углу и при появлении Гермионы отодвинулась в тень.

— Мадам Лестрейндж, — пробормотал Том и подобострастно поклонился-Гермионе.

— Доброе утро, — поздоровалась Гермиона. Том проводил ее изумленным взглядом.

Гарри, скрючившись под мантией с гоблином на спине, догнал Гермиону во дворе и зашептал ей в ухо:

— Слишком вежливо! Ты должна разговари-

вать свысока, как будто вокруг одно отребье.

— Ладно, поняла!

Гермиона вытащила из-под мантии волшебную палочку Беллатрисы и коснулась ничем не примечательного с виду кирпича в стене, ограживающей задний двор таверны. Тут же все кирпичи пришли в движение, в стене открылся проем, он становился все шире, и в конце концов образовалась арка, выходящая на узкую, мощенную булыжником улочку — Косой переулок.

Здесь было тихо, магазины едва только начали открываться, и покупатели еще не появились. Извилистая улочка сильно изменилась, в ней трудно было узнать оживленный шумный переулок, где Гарри когда-то делал покупки перед поступлением в Хогвартс. По сравнению с прошлым годом еще больше магазинов стояло с заколоченными окнами, зато открылись несколько новых заведений, специализирующихся на Темных искусствах. С плакатов, расклеенных над витринами, на Гарри смотрело его собственное изображение с надписью: «Нежелательное лицо № 1».

У дверей магазинов сидели какие-то оборванцы. Они жалобными, ноющими голосами окликали редких прохожих, выпрашивая золото

и уверяя, что они на самом деле волшебники. У одного глаз был завязан окровавленной тряпкой.

Едва попрошайки заметили Гермиону, их как ветром сдуло. Они разбегались в разные стороны, натягивая пониже капюшоны. Гермиона смотрела на них с любопытством, но тут дорогу ей загородил, пошатываясь, человек с окровавленной повязкой.

— Мои дети! — закричал он, тыча в нее пальцем. — Где мои дети? Что он с ними сделал? Ты знаешь, ты-то уж наверняка знаешь!

— Я? Я… послушайте… — заикалась Гермиона.

Человек бросился на нее, порываясь вцепиться в горло. Раздался треск, полыхнуло красным, и неизвестный без сознания упал на землю. Рон держал в вытянутой руке волшебную палочку, и даже сквозь бороду было видно, как он ошарашен. Из всех окон выглядывали любопытные лица, а несколько солидного вида прохожих, подобрав мантии, кинулись рысцой в противоположную от места происшествия сторону.

Вряд ли можно было более эффектно обставить их появление в Косом переулке. Гарри подумал: не лучше ли сейчас удрать и разработать какой-нибудь другой план. Только они не успели даже посоветоваться — сзади кто-то воскликнул:

— Это вы, мадам Лестрейндж!

Гарри круто обернулся, Крюкохват изо всех сил ухватился за его шею. К ним приближался высокий худой волшебник с пышной гривой седых волос и длинным острым носом.

— Это Трэверс, — прошипел гоблин на ухо Гарри.

Гарри не мог сразу вспомнить, кто такой Трэверс. Гермиона тем временем выпрямилась в полный рост и сказала как могла презрительнее:

— А вам что нужно?

Трэверс остановился на всем ходу, заметно обидевшись.

— Он тоже Пожиратель смерти! — задохнулся Крюкохват.

Гарри подскочил к Гермионе и шепотом передал ей эту информацию.

— Я всего лишь хотел поздороваться, — холодно произнес Трэверс, — но если мое общество вам неприятно. Теперь Гарри узнал его голос: Трэверс был одним из двух Пожирателей смерти, приходивших за ним в дом Ксенофилиуса.

— Нет, что вы, что вы, Трэверс! — быстро поправилась Гермиона. — Как поживаете?

— Признаюсь, Беллатриса, я удивлен, что вы уже появляетесь на людях.

— В самом деле? Почему? — спросила Гермиона. Трэверс кашлянул.

— Я слышал, что обитателям поместья Малфоев не позволено выходить из дома со времени… хмм… побега.

Гарри мысленно заклинал Гермиону не терять головы. Если это правда…

— Темный Лорд прощает тех, кто верно и преданно служил ему в прошлом, — изрекла Гермиона, великолепно копируя надменную манеру Беллатрисы. — Возможно, о вас, Трэверс, у него составилось не столь хорошее мнение…

Пожиратель смерти явно был задет, но зато и подозрительности у него поубавилось. Он посмотрел на бесчувственного человека, которого оглушил Рон.

— Чем это отродье оскорбило вас?

— Неважно, больше это не повторится, — равнодушно ответила Гермиона.

— Эти Лишенные палочек бывают иногда до крайности докучливы, — сказал Трэверс. — Пока они просто клянчат милостыню, еще бы ничего, но одна, вообразите, осмелилась приставать ко мне с просьбами замолвить за нее словечко в Министерстве! «Я волшебница, сэр, я волшебница, позвольте я докажу», — пропищал он, передраз-

нивая просительницу. — Как будто я дал бы ей в руки свою волшебную палочку! Кстати, чьей палочкой вы сейчас пользуетесь, Беллатриса? — с любопытством спросил Трэверс. — Я слышал, что ваша…

— Моя палочка при мне, — спокойно ответила Гермиона, показывая палочку Беллатрисы. — Не знаю, где вы набрались этих слухов, Трэверс, но они далеки от действительности.

Трэверс, растерявшись, повернулся к Рону:

— Кто ваш друг? Я его не узнаю.

— Это Драгомир Деспард, — ответила Гермиона. Они заранее решили, что безопаснее всего будет выдавать Рона за иностранного волшебника. — Он почти не говорит по-английски, но всецело сочувствует целям Темного Лорда. Он специально приехал из Трансильвании познакомиться с нашим новым режимом.

— Что вы говорите? Добрый день, Драгомир!

— Брыйднь, — буркнул Рон, протягивая руку. Трэверс подал ему два пальца, он как будто боялся запачкаться, пожимая руку Рона.

— Что же привело сюда вас и… хмм… вашего сочувствующего друга в столь ранний час?

— Мне нужно в «Гринготтс», — ответила Гермиона.

— Увы, мне тоже! — воскликнул Трэверс. — Золото, презренное золото! Без него не прожить, хотя, признаюсь, меня огорчает необходимость вести дела с нашими длиннопалыми друзьями.

Гарри почувствовал, как руки Крюкохвата на мгновение впились ему в глотку.

— Что ж, идемте? — сказал Трэверс, пропуская Гермиону вперед.

Ничего не оставалось, как идти с ним туда, где над мелкими лавчонками возвышалось белоснежное здание банка «Гринготтс». Рон плелся рядом с Гермионой и Трэверсом, Гарри и Крюкохват кое-как поспевали за ними.

Вот уж без чего они вполне могли бы обойтись, так это без бдительного Пожирателя смерти! Мало того — пока Трэверс держался возле мнимой Беллатрисы, у Гарри не было никакой возможности перемолвиться словом с Гермионой и Роном. Скоро они уже стояли на мраморных ступенях перед высокими бронзовыми дверями. Как и предупреждал Крюкохват, вместо гоблинов в форменном наряде по бокам от двери стояли теперь Двое волшебников, и каждый держал наготове длинный тонкий золотой стержень.

— А, Детекторы *лжи*! — театрально вздохнул Трэверс. — Как это примитивно… Но ведь дей-

ственно!

Он первым поднялся по ступенькам, кивнув сперва одному волшебнику, потом другому. Те стали водить датчиками по его телу.

Гарри знал, что Детекторы распознают любые маскирующие заклинания и скрытые магические предметы. У него оставались считанные секунды. Гарри нацелил волшебную палочку Драко Малфоя на каждого из охранников по очереди и два раза прошептал:

— Конфундо!

Трэверс вглядывался во внутренний зал и не заметил, как охранники чуть-чуть вздрогнули, настигнутые заклинанием.

Гермиона поднялась по ступеням, взметнув длинные черные волосы.

— Одну минутку, сударыня, — сказал охранник, поднимая Детектор.

— Вы же только что меня проверили! — произнесла Гермиона властным, высокомерным голосом Беллатрисы.

Трэверс оглянулся, вопросительно подняв брови. Охранник был совсем сбит с толку. Он уставился на тонкий золотой Детектор, потом на своего напарника. Тот сказал немного невнятно:

— Да, Мариус, ты только что их всех проверил.

Гермиона проплыла в двери, Рон не отставал от нее, Гарри с Крюкохватом, невидимые, рысили следом. На пороге Гарри оглянулся — волшебники дружно чесали в затылках.

Перед следующей, серебряной дверью стояли два гоблина, а наверху были начертаны стихи — предостережение для возможных воров. Гарри вдруг пронзило воспоминание: он стоит на этом самом месте в день, когда ему исполнилось одиннадцать, свой самый чудесный день рождения, и Хагрид произносит: «Я ж тебе говорил, надо быть сумасшедшим, чтобы попытаться ограбить этот банк». Тогда «Гринготтс» казался ему какой-то пещерой чудес, зачарованным хранилищем золотого клада, хозяином которого Гарри неожиданно оказался. Ему и в голову не могло прийти, что когда-нибудь он вернется сюда грабителем… Но они уже вошли в просторный мраморный зал.

За длинным прилавком сидели на высоких табуретках гоблины, обслуживая ранних посетителей. Гермиона, Рон и Трэверс направились к старому гоблину, который был занят тем, что рассматривал толстую золотую монету, вставив в глаз увеличительное стекло. Гермиона притворилась, что объясняет Рону различные детали, и пропустила Трэверса вперед.

Гоблин отбросил монету и сказал в пространство: «Лепрекон!» — после чего поздоровался с Трэверсом. Тот вручил ему крошечный золотой ключик. Гоблин осмотрел ключик и вернул его владельцу.

Гермиона шагнула к прилавку.

— Мадам Лестрейндж! — изумился гоблин. — Надо же! Чем могу служить?

— Я хочу посетить свой сейф, — сказала Гермиона.

Старый гоблин отшатнулся. Гарри огляделся по сторонам. Мало того что Трэверс задержался у прилавка, прислушиваясь к их разговору, еще и другие гоблины отвлеклись от работы и таращились на Гермиону.

— Чем можете подтвердить свою личность? — спросил гоблин.

— Подтвердить? У меня никогда раньше не требовали подтвердить свою личность! — возмутилась Гермиона.

— Они знают! — зашептал Крюкохват на ухо Гарри. — Должно быть, их предупредили, что возможен обман!

— Достаточно будет предъявить волшебную палочку, сударыня, — сказал гоблин и протянул чуть дрожащую руку.

Гарри озарило: гоблины в «Гринготтсе» знают, что палочка Беллатрисы украдена!

— Скорее, скорее! — шипел ему в ухо Крюкохват. — Заклятие Империус!

Гарри взмахнул под мантией палочкой из боярышника, нацелил ее на старого гоблина и впервые в жизни прошептал:

— Империо!

Словно горячая волна, зародившись в мозгу, прошла по его руке, по сухожилиям и кровеносным сосудам прямо в волшебную палочку.

Гоблин взял палочку Беллатрисы, внимательно осмотрел и произнес:

— Ага, у вас новая волшебная палочка, мадам Лестрейндж!

— Что? — удивилась Гермиона. — Нет-нет, это моя…

— Новая палочка? — Трэверс подошел ближе. Другие гоблины продолжали наблюдать. — Как же это? У какого мастера вы ее заказывали?

Гарри действовал не раздумывая: он направил палочку на Трэверса и еще раз прошептал:

— Империо!

— Ах да, вижу, — сказал Трэверс, глядя прямо на палочку Беллатрисы., — Очень красивая. И хорошо работает? Я всегда замечал, что новую

волшебную палочку требуется для начала объездить, а вы как считаете?

Гермиона совершенно растерялась от всех этих странностей, но, к счастью, промолчала.

Старый гоблин за прилавком хлопнул в ладоши, и появился другой гоблин, помладше.

— Мне понадобятся Звякалки, — сказал старший гоблин.

Молодой умчался и через минуту прибежал обратно с кожаным мешком, в котором лязгало что-то металлическое. Он передал мешок старшему.

— Хорошо, хорошо! Следуйте за мной, мадам Лестрейндж!

Старый гоблин спрыгнул с табуретки, и его стало не видно за прилавком.

— Я провожу вас к вашему сейфу.

Он показался сбоку прилавка и бодро потрусил к ним, гремя мешком. Трэверс стоял неподвижно, разинув рот. Рон озадаченно смотрел на него, привлекая тем самым общее внимание.

— Погодите… Богрод!

Еще один гоблин выскочил Из-за прилавка.

— У нас инструкции, — проговорил он, кланяясь Гермионе. — Простите, мадам Лестрейндж, но нам даны особые указания насчет сейфа Ле-

стрейнджей.

Он что-то тревожно зашептал на ухо Богроду, но старый гоблин, связанный заклятием Империус, только отмахнулся.

— Я знаю об особых указаниях. Мадам Лестрейндж желает посетить свой сейф. Старинное семейство… Давние клиенты… Сюда, пожалуйста…

Продолжая громыхать мешком, он засеменил к одной из многочисленных дверей, выходивших в зал. Гарри посмотрел на Трэверса. Тот так и стоял на месте с бессмысленным выражением. Гарри решился — взмахнув волшебной палочкой, он заставил Трэверса идти с ними. Пожиратель смерти покорно побрел за всей компанией в открывшийся за дверью коридор, грубо вырубленный в скале и освещенный пылающими факелами.

Как только дверь за ними захлопнулась, Гарри сбросил мантию-невидимку.

— Дело плохо, они нас подозревают!

Крюкохват спрыгнул у него со спины. Трэверс и Богрод нисколько не удивились неожиданному появлению Гарри Поттера.

— Они под заклятием Империус, — объяснил Гарри Рону и Гермионе, которые никак не могли понять, почему те стоят столбом, тупо уставив-

шись прямо перед собой. — Не знаю только, достаточно ли прочно я их заколдовал…

Промелькнуло еще одно воспоминание: как он впервые попытался применить непростительное заклятие и настоящая Беллатриса Лестрейндж кричала ему: «Ты должен по-настоящему хотеть, чтобы они подействовали, Поттер!»

Рон спросил:

— Что будем делать? Удираем, пока еще можно?

— Если еще можно.

Гермиона оглянулась; никто не знал, что сейчас происходит за дверью, в главном зале.

— Раз уж мы здесь, идем дальше, — решил Гарри.

— Хорошо! — сказал Крюкохват. — Значит, так, нам нужен Богрод, чтобы управлять тележкой, — у меня уже нет на это полномочий. А волшебнику места не хватит.

Гарри направил на Трэверса волшебную палочку:

— Империо!

Волшебник повернулся и довольно резво двинулся прочь по темному коридору.

— Куда ты его отправил?

— Прятаться, — ответил Гарри и махнул вол-

шебной палочкой в сторону Богрода.

Старый гоблин свистнул, и тут же из темноты, громыхая по рельсам, подкатила тележка. Все забрались в нее — Богрод впереди с Крюкохватом, Гарри, Рон и Гермиона втиснулись сзади. Гарри чудилось, что из главного зала доносятся крики.

Тележка дернулась и покатилась вперед, набирая скорость. Они проехали мимо Трэверса, пытавшегося забиться в трещину в стене. Дальше начался лабиринт запутанных ходов, которые вели все время вниз. За грохотом тележки ничего не было слышно. Ветер трепал волосы Гарри, мимо пролетали сталактиты, тележка мчалась куда-то в глубь земли. Гарри все время оглядывался. Они ужасно наследили. Чем больше Гарри думал об этом, тем глупее казалась ему идея замаскировать Гермиону под Беллатрису, да еще и взять с собой Беллатрисину палочку, когда Пожирателям смерти отлично известно, кто ее украл…

Гарри никогда раньше не забирался так глубоко в «Гринготтс». Тележка, не сбавляя хода, завернула за угол, и перед ними возник водопад, обрушивавшийся прямо на рельсы.

Крюкохват закричал: «Нет!» — но затормозить они уже не успевали. Тележка на полной скорости пронеслась под водопадом. Вода заливалась

Гарри в рот и в глаза, было нечем дышать. Тележка перевернулась, и все посыпались на рельсы. Гарри слышал, как тележка разбилась на куски о стену туннеля, что-то кричала Гермиона, Гарри невесомо заскользил по воздуху и плавно приземлился на каменный пол.

— Амортизирующие чары, — отплевываясь, объяснила Гермиона.

Рон помог ей подняться, и Гарри с ужасом увидел, что она больше не Беллатриса. Гермиона, мокрая насквозь, стояла перед ними в собственном обличье; мантия сразу стала ей велика. Рон тоже снова был рыжим и безбородым. Они посмотрели друг на друга, поняли все и кинулись ощупывать свои лица.

— «Гибель воров»! — прокряхтел Крюкохват, поднимаясь на ноги и оглядываясь на водопад. Гарри уже догадался, что это не простая вода. — Он смывает любые чары и магическую маскировку. В «Гринготтсе» ждали, что мы попробуем сюда проникнуть, и заранее приняли меры!

Гарри увидел, как Гермиона проверила, на месте ли бисерная сумочка, и сам торопливо сунул руку под куртку — мантия-невидимка никуда не делась. Богрод недоуменно мотал головой: должно быть, вода смыла с него заклятие Империус.

— Он нам нужен, — повторил Крюкохват. — Без гринготтского гоблина не войти в охраняемый сейф. И Звякалки тоже необходимы!

— Империо! — в который раз повторил Гарри.

Его голос гулко прозвучал среди каменных стен. Он опять почувствовал, как волна его воли прокатилась от мозга по руке в волшебную палочку. Богрод покорился заклятию. Озадаченное выражение на лице старого гоблина сменилось вежливым равнодушием. Рон подобрал мешок с загадочными инструментами.

— Рон, По-моему, кто-то идет! — сказала Гермиона. Она протянула палочку Беллатрисы к водопаду и выкрикнула:

— Протего!

Магический щит пронесся по коридору, расплескав поток заколдованной воды.

— Здорово придумано! — восхитился Гарри. — Крюкохват, идем дальше!

Все побежали за гоблином. Богрод едва поспевал за ними, пыхтя, словно старый пес.

— А выбираться как? — спросил Рон.

— Об этом будем волноваться потом. — Гарри прислушался. Ему казалось, что поблизости что-то лязгает. — Далеко еще, Крюкохват?

— Недалеко, Гарри Поттер, недалеко…

Они свернули за угол и увидели то, что готовились увидеть, — и все-таки зрелище застало их врасплох.

Дорогу к четырем или пяти сейфам загораживал прикованный цепями громадный дракон. От долгого пребывания под землей чешуя чудовища стала бледной и шелушилась, глаза были молочно-розового цвета. К тяжелым железным браслетам на задних лапах дракона крепились цепи, приделанные к вбитым в скальную породу кольям. Огромные шипастые крылья были тесно прижаты к туловищу, в развернутом виде они заполнили бы весь подземный зал. Дракон повернул к пришедшим безобразную голову, заревел так, что задрожали каменные стены, и, разинув пасть, выпустил струю огня, Друзья отбежали за угол.

— Он почти ослеп, — пропыхтел Крюкохват, — но от этого только сделался еще злее. Однако у нас есть средство с ним справиться. Он знает, что бывает, когда появляются Звякалки. Давайте их сюда.

Рон передал гоблину мешок, и Крюкохват вытащил оттуда целую кучу мелких металлических инструментов, которые при встряхивании издавали громкий звон, точно крошечные молоточки

били по наковальням. Крюкохват раздал всем по такой штуке. Богрод послушно взял свою.

— Вы знаете, что надо делать, — сказал Крюкохват. — Он привык, что за шумом следует боль. Он отойдет в сторону, а Богрод пусть приложит ладонь к двери сейфа.

Они осторожно выглянули Из-за угла и двинулись вперед, гремя Звякалками. Шум отдавался от скалистых стен, усилившись до того, что у Гарри в голове все гудело. Дракон опять хрипло заревел и попятился. Гарри видел, что он весь дрожит мелкой дрожью. Подойдя ближе, Гарри разглядел у него на морде жуткие шрамы и понял, что дракона приучали бояться Звякалок при помощи раскаленных мечей.

— Заставьте его приложить ладонь к двери! — крикнул Крюкохват.

Гарри направил палочку на Богрода. Старый гоблин подчинился, приложил руку к деревянной панели, и дверь сейфа растаяла в воздухе. Перед ними открылось нечто вроде пещеры, забитое от пола до потолка. Там громоздились золотые монеты и кубки, серебряные доспехи, шкуры неведомых животных — одни в колючках, другие с обвисшими крыльями, — драгоценные сосуды с зельями, череп в короне.

— Ищите, быстро! — сказал Гарри, и все бросились в пещеру.

Гарри подробно описал Рону и Гермионе чашу Пенелопы Пуффендуй, но если в сейфе хранился какой-то другой, неизвестный ему крестраж, никто и понятия не имел, как он может выглядеть. Впрочем, Гарри едва успел осмотреться — позади глухо звякнуло, дверь вернулась на место и запечатала их в сейфе, в полной темноте. Рон вскрикнул от неожиданности.

— Ничего страшного, Богрод потом нас выпустит! — успокоил всех Крюкохват. — Засветите, что ли, свои волшебные палочки. И поторопитесь, времени очень мало!

— Люмос!

Гарри повел вокруг светящейся волшебной палочкой. В луче засверкали драгоценные камни — Гарри узнал поддельный меч Гриффиндора, лежавший на полке в куче каких-то цепей. Рон и Гермиона тоже засветили волшебные палочки и рассматривали груды сокровищ.

— Гарри, может, вот это? А-аа-аа!

Гермиона закричала от боли. Гарри посветил в ту сторону и увидел, как у нее из рук выпал украшенный драгоценностями кубок. Ударившись об пол, он рассыпался целым дождем кубков. В один

миг десятки одинаковых кубков раскатились по всей пещере, настоящий уже невозможно было отличить.

— Я обожглась! — простонала Гермиона, дуя на пальцы.

— Заклятия Умножения и Пылающей руки! — воскликнул Крюкохват. — Все, до чего вы дотронетесь, будет обжигать вас и умножаться, но копии ничего не стоят, а если их станет слишком много, нас просто задавит тяжестью золота!

— Так, ничего не трогаем! — отчаянно крикнул Гарри, но в этот самый миг Рон подпрыгнул на месте — подошва его ботинка прогорела насквозь, коснувшись раскаленного металла.

— Стой, не двигайся! — Гермиона схватила Рона за руку.

— Только смотрим! — сказал Гарри. — Помните: чаша золотая, довольно маленькая, с двумя ручками, на ней выгравирован барсук. Если не найдется, ищите что-нибудь со знаком Когтеврана — орлом…

Они осторожно поворачивались вокруг своей оси, освещая все углы и закоулки, но совсем ничего не задеть было невозможно. От прикосновения Гарри посыпались поддельные галеоны, пополнив груду кубков на полу. Теперь в пещере

буквально некуда было ступить, от раскаленного золота веяло жаром, как из кузнечной печи. Свет волшебной Палочки скользил по щитам и шлемам гоблинской работы, наваленным на полках до самого потолка. Гарри поднимал палочку все выше, и вдруг луч выхватил из темноты предмет, при виде которого у Гарри замерло сердце и рука задрожала.

— Вон она — там, наверху!

Рон и Гермиона посветили туда же. В тройном луче искрилась маленькая золотая чаша, принадлежавшая когда-то Пенелопе Пуффендуй и перешедшая по наследству Хэпзибе Смит, у которой ее украл Том Реддл.

— А как мы ее достанем, если ничего трогать нельзя? — поинтересовался Рон.

— Акцио, чаша! — крикнула Гермиона — с горя, как видно, забыв, о чем их предупреждал Крюкохват.

— Бесполезно, не подействует! — проворчал гоблин.

— Что же тогда делать? — сердито спросил Гарри. — Если хотите получить меч, Крюкохват, помогите нам… Стойте! А мечом можно прикасаться? Гермиона, дай мне его!

Гермиона пошарила в складках мантии, выта-

щила расшитую бисером сумочку и, покопавшись в ней, достала блистающий меч. Гарри схватил усыпанную рубинами рукоять и коснулся клинком ближайшего серебряного кувшина. Кувшин не размножился.

— Если подцепить мечом за ручку… Только как я туда доберусь?

Даже Рон, самый высокий из них, не смог дотянуться до полки. От заколдованных сокровищ расходились волны жара, у Гарри по лицу и спине катился пот. Он мучительно пытался придумать, как добраться до чаши, и тут за дверью взревел дракон и загрохотали Звякалки.

Вот теперь они по-настоящему попались: выйти из сейфа можно было только через дверь, а там, судя по всему, собралась целая орда гоблинов. Гарри увидел ужас на лицах Рона и Гермионы. Лязганье зазвучало громче.

Гарри сказал:

— Гермиона, мне обязательно нужно добраться до верхней полки…

Она взмахнула волшебной палочкой и прошептала:

— Левикорпус!

Гарри вздернуло в воздух за лодыжку. Взлетая, он ударился о какие-то латы, их раскаленные до-

бела копии тут же посыпались на пол. В пещере и так уже было тесно; Рон, Гермиона и двое гоблинов отскочили, вопя от боли и налетая на другие предметы, которые тоже начали множиться. Злосчастные взломщики кричали и барахтались в прибывающей лавине раскаленных сокровищ. Гарри подцепил клинком ручку чаши.

— Империус! — взвизгнула Гермиона в отчаянной попытке защитить себя, Рона и гоблинов от обжигающего металла.

Новый крик, еще ужаснее прежних, отвлек внимание Гарри. Он оглянулся — Рон и Гермиона еще стояли по пояс в сокровищах, держа за руки Богрода, а Крюкохвата уже засыпало с головой, торчали только кончики длинных пальцев.

Гарри вцепился в эти пальцы и рванул. Обожженный гоблин с воем показался из-под завала.

— Либеракорпус! — заорал Гарри.

Они с Крюкохватом грохнулись на растущую гору сокровищ, и меч вылетел из руки Гарри.

— Держи! — завопил Гарри, еле выдерживая боль от ожогов и тяжесть Крюкохвата, который снова полез к нему на плечи, спасаясь от раскаленного металла. — Где меч? На нем чаша!

Звяканье за дверью стало уже оглушительным.

Поздно, слишком поздно…

— Есть!

Крюкохват первым заметил меч и прыгнул. В эту секунду Гарри понял, что гоблин с самого начала не верил, что они сдержат слово. Ухватив Гарри одной рукой за волосы, чтобы не свалиться в бурное море обжигающего золота, Крюкохват поймал рукоять и поднял меч высоко над головой Гарри.

Золотая чаша сорвалась с клинка и взлетела в воздух. Гарри с гоблином на плечах нырнул за ней и успел-таки схватить. Она обожгла ему руки до мяса, но Гарри не выпустил ее, хотя сверху на него посыпались бесчисленные сверкающие чаши. Дверь сейфа распахнулась, лавина пышущего жаром золота и серебра вынесла Гарри, Рона и Гермиону во внешнюю пещеру.

Почти не чувствуя боли от ожогов, Гарри сунул чашу в карман и потянулся за мечом, но Крюкохвата уже и след простыл. Гоблин при первой возможности соскочил со спины Гарри и кинулся удирать, размахивая клинком и вопя: «Караул! Грабят! Караул!» Он мигом скрылся в толпе своих соплеменников, которые были все до одного вооружены кинжалами и поверили ему без колебаний.

Оскальзываясь на раскаленном металле, Гарри поднялся на ноги и понял, что нужно прорываться.

— Остолбеней! — прокричал он.

Рон и Гермиона подхватили. Струи красного огня полетели в толпу. Несколько гоблинов повалились на пол, зато другие хлынули вперед. Из-за угла выбежали несколько волшебников.

Прикованный дракон взревел, и над головами гоблинов прошелся огненный вихрь. Волшебники, пригибаясь, умчались, откуда пришли. Гарри охватило вдохновение, а может, безумие. Он направил волшебную палочку на железные ножные кандалы огромного зверя:

— Релашио!

Кандалы со стуком упали.

— За мной! — Гарри бросился к слепому дракону, на бегу посылая Оглушающие заклятия в толпу гоблинов.

— Гарри, Гарри, что ты делаешь? — кричала Гермиона.

— Давайте, залезайте, скорее!

Дракон еще не понял, что наконец-то свободен. Гарри наступил на сгиб его задней лапы и, подтянувшись, забросил себя на спину зверя. Чешуя была тверже стали, дракон, кажется, его даже не

почувствовал. Гермиона вскарабкалась следом за Гарри. За ней залез Рон. Еще секунда — и до дракона дошло, что он больше не привязан.

Он с ревом поднялся на дыбы. Гарри изо всех сил уперся коленями, цепляясь за неровную чешую. Развернулись крылья, сшибая визжащих гоблинов, точно кегли. Дракон взмыл в воздух. Гарри, Рон и Гермиона распластались у него на спине, чтобы не задеть о потолок. Дракон метнулся к выходу в туннель. Гоблины с воплями швыряли в него кинжалы, но оружие отскакивало от бронированных боков.

— Не пролезем, он слишком большой! — закричала Гермиона, и тут дракон распахнул пасть и снова дохнул огнем, круша стены и потолок туннеля.

Дракон всей своей мощью протискивался в дыру. Гарри зажмурился от жара и пыли. Он чуть не оглох от грохота камней и рева дракона и только цеплялся из последних сил, каждую секунду ожидая, что сейчас свалится на пол. Вдруг он услышал голос Гермионы:

— Дефодио!

Гермиона помогала зверю расширять отверстие туннеля.

Дракон рвался вверх, к свежему воздуху, прочь

от вопящих и лязгающих гоблинов. Гарри и Рон стали помогать Гермионе, разбивая потолок на куски заклинаниями Долота.

Они миновали подземное озеро, и громадный рычащий зверь словно почуял впереди свободу. Он замолотил шипастым хвостом, сзади рушились гигантские сталактиты, крики гоблинов и лязг металла затихали вдали. Дракон расчищал себе дорогу огнем…

Наконец соединенными усилиями заклинаний и драконьей мощи они проломились из туннеля в мраморный зал. Люди и гоблины шарахнулись в разные стороны. Здесь дракон смог как следует расправить крылья. Он повернул рогатую голову ко входу, на запах свежего воздуха, и взлетел. Неся на спине Гарри, Рона и Гермиону, он сорвал с петель металлические двери, вывалился в Косой переулок и поднялся в небо.

Глава 27

ПОСЛЕДНИЙ ТАЙНИК

Управлять драконом было невозможно. Он не видел, куда летит, и Гарри понимал, что, если дракон вдруг перекувырнется в воздухе, им не удержаться на его широкой спине. И все-таки Гарри был ему бесконечно благодарен за чудесное спасение.

Дракон взлетал все выше. Лондон расстилался внизу, словно серо-зеленая карта. Гарри припал к шее зверя, цепляясь за твердые, как металл, чешуи. Ветер приятно холодил обожженную кожу, крылья дракона размеренно бились позади, как лопасти ветряной мельницы. Рон ругался во все горло, то ли от восторга, то ли от страха, а Гермиона тихонько всхлипывала.

Минут через пять Гарри перестал бояться, что дракон их сбросит. Зверю, похоже, хотелось только одного — убраться подальше от своей подземной тюрьмы. Правда, оставался вопрос: как им спуститься на землю? Гарри понятия не имел, как долго могут драконы держаться в воздухе и каким образом этот слепой дракон будет

выбирать удобное место для посадки. Гарри оглядывался по сторонам, ему мерещилось, что шрам опять покалывает.

Сколько времени пройдет, пока Волан-де-Морту станет известно, что они взломали сейф Лестрейнджей? Скоро, наверное, гринготтские гоблины известят Беллатрису. А когда выяснится, что пропала именно золотая чаша, Волан-де-Морт поймет наконец, что они охотятся за крестражами…

Дракону, как видно, хотелось туда, где похолоднее и посвежее. Он поднимался вверх, вокруг заклубились промозглые облака, и Гарри уже не различал крошечные точки автомобилей на шоссе, ведущих из столицы. Они летели над сельской местностью в зеленых и коричневых заплатках, над реками и дорогами, которые вились внизу то блестящими, то матовыми лентами. Они летели на север.

— Как вы думаете, чего он ищет? — прокричал Рон.

— Без понятия! — крикнул Гарри в ответ.

Руки у него закоченели от холода, но он не решался ослабить хватку. Уже какое-то время назад ему пришло в голову: а что они станут делать, если внизу покажется побережье и дракон

направится в открытое море? Гарри замерз, руки и ноги онемели. Ко всему прочему, он ужасно проголодался и умирал от жажды. Интересно, а когда дракон в последний раз ел? Надо думать, ему скоро захочется подкрепиться. А если он вдруг заметит, что на спине у него сидят трое вполне съедобных человечков?

Небо стало густо синим, цвета индиго. Солнце опускалось ниже, а дракон все летел и летел. Внизу проплывали большие и малые города, громадная тень скользила по земле, словно темная туча. У Гарри все болело, он с трудом цеплялся за чешую.

— Мне показалось или мы снижаемся? — крикнул Рон после довольно долгой паузы.

Гарри посмотрел вниз и увидел темно-зеленые склоны гор и озера, отливающие медью в лучах заката. Пейзаж как будто приблизился и стал более подробным. Возможно, дракон понял по блеску, что здесь есть вода.

Он снижался, описывая широкие круги. Похоже, дракон нацелился на одно из озер поменьше.

Гарри крикнул:

— Прыгайте, когда я скажу! Прямо в воду, пока он нас не заметил!

Друзья согласились; голос Гермионы прозвучал

довольно слабо. Гарри уже видел в воде искаженное рябью отражение огромного желтоватого брюха.

— ПРЫГАЙ!

Гарри сполз по чешуйчатому боку и полетел, ногами вперед, прямо в озеро. Прыгать оказалось выше, чем он рассчитывал. Гарри сильно ударился о воду и камнем ушел в глубину ледяного, зеленого, заросшего тростниками мира. Он оттолкнулся ногами, вынырнул, задыхаясь, и увидел круги, расходящиеся в том месте, где упали Рон и Гермиона. Дракон как будто ничего не заметил. Он был уже футах в пятидесяти от них — летел на бреющем полете, зачерпывая воду пастью. Когда Рон и Гермиона, пыхтя и отплевываясь, показались на поверхности, дракон взвился вверх и полетел дальше, тяжело взмахивая крыльями. В конце концов он приземлился на противоположном берегу озера.

Гарри, Рон и Гермиона направились к ближнему берегу. Озеро было неглубоким, приходилось не столько плыть, сколько продираться через ил и тростники. Наконец мокрые, запыхавшиеся, измученные, они повалились на скользкую траву.

Гермиона заходилась кашлем и вся дрожала. Гарри сейчас с удовольствием лег бы и заснул,

но он заставил себя встать, вытащил волшебную палочку и начал наводить все положенные защитные заклинания.

Закончив, он подошел к Рону и Гермионе. Гарри в первый раз после бегства из банка хорошенько их рассмотрел. Лица и руки у обоих были в ярко-красных ожогах и волдырях, одежда местами прогорела насквозь. Они морщились, смазывая многочисленные раны снадобьем из бадьяна. Гермиона протянула Гарри пузырек с лекарством и достала из сумочки три бутылки тыквенного сока и чистую сухую одежду — все это она захватила из коттеджа «Ракушка». Они переоделись и дружно принялись за сок.

— Ну что, — подвел итоги Рон, глядя, как восстанавливается кожа на руках, — в плюсе у нас — крестраж. В минусе…

— Остались без меча, — сквозь зубы закончил за него Гарри, капая бадьяном на ожог сквозь дыру в джинсах.

— Остались без меча, — повторил Рон. — Ух, и хитрый поганец…

Гарри вытащил крестраж из кармана сброшенной мокрой куртки и поставил перед собой на траву. Сверкающая на солнце чаша притягивала взгляд. Все трое сидели и смотрели на нее, при-

хлебывая тыквенный сок.

— По крайней мере, на шею это не повесишь, — заметил Рон, утирая рот тыльной стороной ладони.

Гермиона взглянула через озеро. Дракон все еще пил воду на дальнем берегу.

— Как вы думаете, с ним все будет хорошо? — спросила она.

— Ты прямо как Хагрид! — фыркнул Рон. — Это же дракон, Гермиона! Уж как-нибудь он о себе позаботится. Ты лучше о нас беспокойся.

— А что?

— Не знаю даже, как тебе сказать, — отозвался Рон. — Понимаешь, кто-нибудь мог заметить, что мы ограбили «Гринготтс»!

Все трое покатились со смеху и никак не могли остановиться. У Гарри ныли ребра, голова кружилась от голода, но он лежал на траве под пламенеющим закатным небом и хохотал, пока в горле не заболело.

— А все-таки, что нам делать? — спросила, проикавшись, Гермиона. — Он ведь теперь понял. Сами-Знаете-Кто наверняка понял, что мы знаем о крестражах!

— Может, они побоятся ему рассказывать? — с надеждой сказал Рон. — Отговорятся как-ни-

будь…

Небо, запах озерной воды, звук голоса Рона — все исчезло. Боль полоснула Гарри голову, словно удар меча. Он стоял в слабо освещенной комнате, напротив застыли полукругом волшебники, а на полу у ног скорчилась жалкая, дрожащая фигурка.

— Что ты сказал? — Голос был высокий и холодный, а внутри бушевали ярость и страх. То единственное, чего он боялся… Да может ли это быть? Он не понимал, как такое могло случиться.

Гоблин трясся, не в силах посмотреть в его багровые глаза.

— Повтори! — прошептал Волан-де-Морт. — Повтори!

— М-мой господин, — залепетал гоблин, запинаясь и тараща черные глаза, полные ужаса. — М-мой господин… мы сттарались осстановить обобманщиков… они… ограбили… сейф… Лестрейнджей…

— Обманщики? Какие обманщики? Я полагал, что в «Гринготтсе» умеют разоблачить любой обман! Кто это был?

— Это были… это были… ммальчишка П-поттер и двое… двое сообщников…

— И что они взяли? — Голос сделался пронзительным. Его охватил ледяной страх. — Что они взяли?! Говори!

— М-маленькую… золотую ччашу… ммой господин…

Он словно со стороны услышал свой бешеный крик — крик неверия и ярости. Он обезумел от злобы — неправда, не может быть, никто не знал об этом! Как мог мальчишка открыть его тайну?

Бузинная палочка хлестнула воздух. Комнату озарила вспышка зеленого света. Стоявший на коленях гоблин повалился на бок — мертвый. Волшебники в страхе кинулись кто куда. Беллатриса и Люциус Малфой расшвыривали всех, прорываясь к двери. Снова и снова взлетала Бузинная палочка, и те, кто не успел убежать, были убиты, все до одного, за эту ужасную новость, за известие о золотой чаше…

Он метался взад и вперед среди мертвецов. Перед ним проходили видения: его бесценные сокровища, его хранители, якоря, которыми он держался за бессмертие. Дневник уничтожен, чаша украдена. Что, если… Что, если мальчишка знает об остальных? Неужели он знает, неужели он действует, неужели он уже обнаружил другие? Уж не кроется ли за этим Дамблдор? Дамблдор,

который всегда его подозревал, который умер по его приказу, чья палочка была теперь его, все-таки дотянулся из забвения — через мальчишку…

Но если бы мальчишка уничтожил один из крестражей, он, лорд Волан-де-Морт, несомненно, узнал бы об этом! Он, величайший среди волшебников, он, самый могущественный из всех, он, убивший Дамблдора и множество других никчемных, безымянных людишек, как он мог не заметить, если его самого, любимого и несравненного, кто-то ранил, изувечил?

Правда, когда погибал дневник, он ничего не почувствовал. Он объяснял это тем, что был тогда лишен тела — меньше чем призрак… Нет, остальные крестражи в безопасности… Их никто не касался…

И все же он должен проверить, должен убедиться… Он пинком отшвырнул с дороги труп гоблина. В его воспаленном мозгу роились образы: озеро, лачуга, Хогвартс…

Ярость его немного поутихла. Откуда мальчишке знать, что он спрятал перстень в лачуге Мраксов? Никто не подозревает о его родстве с ними, он скрыл все следы, никто не связал его с убийствами. Кольцо, безусловно, в безопасности.

А откуда знать мальчишке или кому угодно

другому о том, что хранится в пещере? Кто мог бы преодолеть ее защиту? Нелепо даже думать, что медальон могли похитить!

Что касается школы… Только он один знает, где в Хогвартсе спрятан крестраж, ведь только он один сумел проникнуть в самые глубокие тайны замка…

К тому же есть еще Нагайна. Теперь она всегда должна быть при нем. Нельзя больше посылать ее с поручениями, пусть остается под его защитой…

Но для полной уверенности нужно посетить каждый из тайников, удвоить защитные чары… И сделать это он должен один — так же как добывал Бузинную палочку.

Какой из тайников проверить первым? Которому угрожает наибольшая опасность? В нем шевельнулся застарелый страх. Дамблдор знал его второе имя… Дамблдор мог догадаться о его родстве с Мраксами… Их брошенный дом, пожалуй, самое ненадежное убежище. Туда нужно наведаться прежде всего…

Озеро? Нет, невозможно! Впрочем, есть малая доля вероятности, что Дамблдор разнюхал в приюте кое-какие его прошлые грешки.

И наконец, Хогвартс… Но тот крестраж в безопасности, Поттер не может незамеченным

появиться в Хогсмиде. А все-таки имеет смысл предупредить Снегга, что мальчишка может попытаться вновь проникнуть в замок… Разумеется, было бы глупо открыть Снеггу причину. Довериться Беллатрисе и Малфою было серьезной ошибкой. Они глупы и легкомысленны, на них ни в коем случае нельзя было полагаться.

Стало быть, прежде всего он побывает в лачуге Мраксов и Нагайну возьмет с собой. Теперь уж он с ней не расстанется…

Он вышел из комнаты, пересек просторную прихожую и вступил в темный сад, где плескал фонтан. Он позвал на змеином языке, и Нагайна приползла к нему, тенью скользнув по траве…

Гарри распахнул глаза, рывком возвращаясь в настоящее. Он лежал на берегу озера, в небе низко стояло заходящее солнце. Рон и Гермиона смотрели на Гарри. Судя по их встревоженным лицам и по дергающей боли в шраме, его внезапная отлучка в сознание Волан-де-Морта не прошла незамеченной. Гарри сел, дрожа, и смутно удивился, что все еще мокрый до костей. Перед ним на траве валялась чаша, такая безобидная с виду. темно-синяя вода в озере искрилась золотом в лучах заходящего солнца.

— Он знает. — Собственный голос показался

ему чужим и странно тихим после пронзительных криков Волан-де-Морта. — Он знает и решил проверить остальные крестражи, а последний из них, — Гарри был уже на ногах, — находится в Хогвартсе. Я знал, я так и знал!

— Что?

Рон таращил глаза, перепуганная Гермиона привстала на колени.

— Что ты видел? Откуда ты знаешь?

— Я видел, как он узнал про чашу. Я… я был в его голове, а он… — Гарри вспомнил об убийствах. — Он здорово разозлился и струсил к тому же, он не может понять, откуда мы узнали, и теперь он собрался проверить, целы ли другие крестражи, и в первую очередь — перстень. Он думает, что хогвартский тайник — самый надежный, потому что там Снегг и очень трудно пробраться туда незаметно. Я думаю, его он проверит последним, но все равно он может туда явиться уже через несколько часов…

— А ты видел, где этот хогвартский тайник? — спросил Рон, тоже вскакивая на ноги.

— Нет, он сосредоточился на том, чтобы предупредить Снегга, и не думал, в каком точно месте…

— Стойте, стойте! — вскрикнула Гермиона,

увидев, что Рон подхватил крестраж, а Гарри вытащил мантию-невидимку — Нельзя же вот так сразу, нужно составить план…

— Нужно туда попасть как можно скорее, — твердо сказал Гарри.

Он так надеялся выспаться! Просто мечтал о том, как они заберутся в новую палатку, но теперь было не до того.

— Ты представляешь себе, что он сделает, когда поймет, что перстень и медальон пропали? Вдруг он захочет перепрятать хогвартский крестраж? Решит, что там все-таки недостаточно надежно!

— А как же мы туда попадем?

— Сначала переместимся в Хогсмид, — ответил Гарри, — а там что-нибудь придумаем. Нужно посмотреть, какая вокруг школы защита. Давай под мантию, Гермиона! На этот раз будем держаться все вместе.

— Не поместимся…

— Там уже темно, никто наши ноги не заметит.

Над черной водой захлопали огромные крылья — дракон наконец напился и взлетел. Трое друзей бросили свои приготовления и провожали взглядом черный силуэт на фоне быстро темнеющего неба, пока он не пропал за ближайшей горой.

Гермиона встала между Гарри и Роном. Гарри как мог натянул на всех троих мантию, и они все разом повернулись на месте, проваливаясь в давящую тьму.

Глава 28

ПРОПАВШЕЕ ЗЕРКАЛО

Ноги Гарри коснулись дороги. Он увидел до боли знакомую Главную улицу в Хогсмиде: темные витрины магазинов, черные силуэты гор за деревней, а впереди — поворот дороги, ведущей в Хогвартс. Из окон «Трех метел» пробивался свет. Сердце Гарри болезненно сжалось: он вспомнил с мучительной точностью, как приземлился здесь почти год назад, поддерживая безнадежно слабеющего Дамблдора — все это промелькнуло перед ним за один миг приземления, — и тут, не успел он выпустить руки Рона и Гермионы…

Воздух разорвал вопль, похожий на тот, что издал Волан-де-Морт, когда понял, что чаша похищена. Каждая жилка у Гарри затрепетала. Он мгновенно понял, что вопль этот вызван их появлением. Он переглянулся с друзьями под мантией, и в ту же минуту дверь «Трех метел» распахнулась, выплеснув на улицу с десяток Пожирателей смерти в плащах с капюшонами и с волшебными палочками наготове.

Рон поднял палочку. Гарри успел перехватить

его руку. Врагов слишком много для Оглушающего заклятия, а попытка сразу выдала бы их. Один из Пожирателей смерти взмахнул палочкой, и вопль прекратился. Лишь эхо продолжало отзываться в дальних горах.

— Акцио, мантия! — проревел Пожиратель.

Гарри крепко вцепился в ее складки, однако мантия и не пыталась ускользнуть: Манящие чары на нее не действовали.

— Что, без покрышки нынче, а, Поттер? — выкрикнул тот, что пробовал чары, и продолжил, обращаясь к своим товарищам: — Вперед! Он где-то здесь.

Шестеро Пожирателей смерти бежали прямо на них: Гарри, Рон и Гермиона поспешно отступили в ближайший переулок, и преследователи пронеслись в двух шагах от них. Трое друзей ждали в темноте, прислушиваясь к топоту то приближающихся, то удаляющихся ног, жмурясь от лучей света, пронизывавших переулок, пока Пожиратели смерти обшаривали его лучами волшебных палочек.

— Бежим отсюда! — прошептала Гермиона. — Трансгрессируем сию минуту!

— Отличная мысль, — сказал Рон.

Не успел Гарри ответить, как раздался возглас

одного из Пожирателей смерти:

— Мы знаем, что ты здесь, Поттер, сбежать тебе не удастся! Мы тебя найдем!

— Они подготовились к нашему приходу, — прошептал Гарри. — Установили специальные чары, оповестившие, что мы здесь. Я думаю, они позаботились и о том, чтобы мы отсюда не ушли.

— Как насчет дементоров? — спросил другой Пожиратель. — Давайте выпустим их, они мигом отыщут мальчишку!

— Темный Лорд хочет убить мальчишку своими руками…

— Так дементоры его и не убьют! Темному Лорду нужна жизнь Поттера, а не его душа. А убить его будет только легче после поцелуя!

Раздался гул одобрения. Гарри похолодел: чтобы отразить дементоров, нужно вызвать Патронусов, а это выдаст их в туже секунду.

— Надо попытаться трансгрессировать, Гарри! — шепнула Гермиона.

Но в ту же минуту Гарри почувствовал стелющийся по улице неестественный холод. Вдруг стало совсем темно, и даже звезды погасли. В сгустившемся мраке Гарри почувствовал, как Гермиона ухватилась за его руку. Вместе они обернулись.

Воздух, через который им предстояло лететь, словно загустел. Трансгрессировать было невозможно. Пожиратели смерти хорошо рассчитали свои чары. Холод все сильнее пронизывал Гарри. Вместе с Роном и Гермионой он вернулся в переулок, крадясь вдоль стены, стараясь не издать ни звука. И вот Из-за угла показались бесшумно скользящие дементоры, не меньше дюжины; их было видно потому, что их чернота была гуще окружающей тьмы. За их спинами развевались черные мантии, виднелись покрытые гнойными струпьями руки. Чуют ли они страх вблизи от себя? Гарри был уверен, что да: теперь они двигались быстрее, шумно втягивая воздух — как он ненавидел эти звуки! — вынюхивая страх, надвигаясь…

Он поднял волшебную палочку: поцелуй дементора его не коснется, что бы там ни было потом! Гарри думал о Роне и Гермионе, когда шептал:

— Экспекто патронум!

Серебряный олень вырвался из его палочки и взмыл в воздух. Дементоры бросились врассыпную, а откуда-то из мрака раздался торжествующий вопль:

— Это он, вон там, там, я видел его Патронуса, это олень!

Дементоры отступили, в небе снова загорелись звезды, а шаги Пожирателей смерти стали громче. Гарри в панике не знал, на что решиться, как вдруг позади громыхнул засов, одна из дверей на левой стороне переулка отворилась, и грубый голос сказал:

— Поттер, сюда, скорее!

Гарри без колебаний повиновался. Втроем они протиснулись в приоткрытую дверь.

— Идите наверх, мантию не снимать, тихо! — проговорил высокий человек, проходя мимо них на улицу и захлопывая за собой дверь.

Гарри не сразу сообразил, куда они попали, но сейчас, в тусклом свете единственной свечи, разглядел неопрятный, засыпанный опилками зал в «Кабаньей голове». Ребята бросились за стойку, ко второй двери, за которой вела наверх скрипучая деревянная лестница. Со всех ног взбежав по ней, они оказались в гостиной с потертым ковром и камином, над которым висела большая картина маслом — портрет светловолосой девочки, глядевшей в пространство рассеянными ласковыми глазами.

Снизу, с улицы, послышались громкие голоса. Не снимая мантии-невидимки, они подползли к запыленному окну и поглядели вниз. Их спаси-

тель, в котором Гарри узнал теперь владельца «Кабаньей головы», был единственной фигурой без капюшона.

— И что? — выкрикивал он в одно из закрытых капюшонами лиц. — И что? Вы посылаете дементоров в мой переулок. Я и еще раз Патронуса на них напущу! Я не потерплю их рядом с собой, слышите? Не потерплю!

— Это был не твой Патронус! — ответил Пожиратель смерти. — Это был олень — Патронус Поттера!

— Олень! — проревел трактирщик, доставая волшебную палочку. — Олень, как же, кретин ты этакий. Экспекто патронум!

Из палочки вырвалось что-то огромное и рогатое, сломя голову пронеслось по направлению к Главной улице и скрылось из виду.

— Нет, тот был другой… — проговорил Пожиратель смерти неуверенно.

— кто-то нарушил комендантский час, ты ведь слышал, какой поднялся вой, — сказал один из его товарищей, обращаясь к трактирщику. — кто-то вышел на улицу, несмотря на запрет…

— Если мне нужно выпустить на улицу кошку, я ее выпущу, и плевать мне на ваш комендантский час.

— Так это ты запустил Воющие чары?..

— А если и я? Вы отправите меня в Азкабан? Казните за то, что я высунул нос Из-за собственной двери? Давайте, приступайте, раз вам так неймется. Я только надеюсь ради вашего же блага, что вы еще не похватались за свои Черные Метки и не вызвали его. Ему не понравится, что его гоняют туда-сюда ради меня и моей старой кошки, а, как вы думаете?

— За нас не беспокойся! — сказал один из Пожирателей смерти. — Побеспокойся лучше о себе, нарушитель комендантского часа!

— И где же вы станете сбывать свои зелья и отравы, если мой трактир закроется? Что станется с вашим приработком?

— Ты нам угрожаешь?

— Я держу язык за зубами, поэтому вы сюда и приходите, правда?

— А все-таки я видел Патронусаоленя! — громко заявил первый Пожиратель смерти.

— Оленя? — просипел трактирщик. — Это козел, кретин!

— Ладно, мы обознались, — сказал второй Пожиратель смерти. — Попробуй только еще раз нарушить комендантский час — уж тогда ты так легко не отделаешься!

И Пожиратели смерти зашагали обратно к Главной улице. Гермиона даже застонала от облегчения, выбралась из-под мантии и села на колченогий стул. Гарри поплотнее задернул занавески и сбросил мантию с себя и Рона. Они слышали, как трактирщик внизу задвигает засов, потом ступеньки заскрипели под его шагами.

Гарри вдруг бросился в глаза предмет на каминной полке: маленькое прямоугольное зеркало, стоявшее прямо под портретом девочки.

Трактирщик вошел в комнату.

— Идиоты безмозглые! — сказал он сердито, переводя взгляд с одного на другого. — Зачем вас сюда принесло?

— Спасибо, — ответил Гарри. — Нет слов, чтобы выразить нашу благодарность. Вы спасли нам жизнь.

Трактирщик фыркнул. Гарри подошел к нему, глядя прямо в лицо и стараясь мысленно отвлечься от длинных спутанных седых волос и бороды. Очки. Глаза за помутневшими линзами светились пронзительной, яркой синевой.

— Это ваш глаз я видел в зеркале.

В комнате стало тихо. Гарри и трактирщик глядели друг на друга.

— Вы послали Добби.

Трактирщик кивнул и поискал глазами эльфа.

— Я думал, он с вами. Где вы его оставили?

— Он погиб, — сказал Гарри. — Беллатриса Лестрейндж убила его.

Ни одна черточка не двинулась в лице трактирщика. Несколько мгновений он молчал, потом проговорил:

— Жаль. Мне нравился этот эльф.

Он отвернулся и стал зажигать лампы взмахами волшебной палочки, не глядя на своих гостей.

— Вы — Аберфорт, — произнес Гарри ему в спину. Трактирщик не ответил. Нагнувшись, он зажигал огонь в камине.

— Откуда это у вас? — спросил Гарри, подходя к зеркалу Сириуса, двойнику того, что он разбил два года назад.

— Купил у Наземникуса с год назад, — ответил Аберфорт. — Альбус объяснил мне, что это такое. Я старался приглядывать за вами.

Рон ахнул.

— Серебряная лань! — взволнованно воскликнул он. — Это тоже были вы?

— О чем ты говоришь? — спросил Аберфорт.

— кто-то послал нам Патронусалань.

— С такими мозгами тебе только в Пожиратели

смерти идти, сынок. Ты что, не видел пять минут назад, что мой Патронус — козел?

— М-м… — произнес Рон. — Да… Очень есть хочется, — добавил он обиженно, и в животе у него страшно заурчало.

— Еда у меня есть, — сказал Аберфорт и вышел из комнаты, чтобы минуту спустя вернуться с буханкой хлеба, сыром и оловянным кувшином медовухи. Все это он расставил на столике у камина. Оголодавшие ребята набросились на еду, и некоторое время слышно было только потрескивание дров в камине, звон кубков и звук жующих челюстей.

— Ну что ж, — сказал Аберфорт, когда все наелись и Гарри с Роном сонно откинулись на спинки стульев. — Теперь надо подумать, как вам лучше выбраться отсюда. Ночью это сделать невозможно — вы сами слышали, что происходит, если кто-то высовывается на улицу с наступлением темноты: включены Воющие чары, так что эти ребята вас схамкают, как лукотрусы — яйца докси. Боюсь, что второй раз выдать оленя за козла мне не удастся. Дождитесь рассвета, когда снимут комендантский час, и тогда вы сможете потихоньку уйти под мантией. Поскорее выбирайтесь из Хогсмида, идите наверх, в горы

— оттуда вы сможете трансгрессировать. Авось и Хагрида встретите — он прячется там в пещере вместе с Гроххом с того самого дня, как его пытались арестовать.

— Мы не собираемся уходить, — сказал Гарри. — Нам нужно проникнуть в Хогвартс.

— Не дури, парень, — откликнулся Аберфорт.

— Мы должны это сделать, — пояснил Гарри.

— Если вы что и должны, — Аберфорт наклонился вперед на своем стуле, — так это драпать отсюда как можно дальше.

— Вы не понимаете. Времени уже нет. Нам нужно проникнуть в замок. Дамблдор, то есть ваш брат, хотел, чтобы мы…

Отблеск пламени на мгновение заслепил мутные линзы в очках Аберфорта, они полыхнули яркой непроницаемой белизной, и Гарри вспомнил незрячие глаза гигантского паука Арагога.

— Мой брат Альбус много чего хотел, — сказал Аберфорт, — и, как правило, люди страдали ради исполнения его великих задач. Держись подальше от этой школы, Поттер, а по возможности и вовсе уезжай из страны. Забудь моего брата и его умные планы. Он ушел туда, где ему уже ничто не причинит огорчений, и ты ему ничего не должен.

— Вы не понимаете, — повторил Гарри.

— Да? — спокойно переспросил Аберфорт. — Ты думаешь, я не понимал родного брата? Думаешь, ты знал Альбуса лучше, чем я?

— Вовсе нет, — сказал Гарри. Мозг его работал с трудом от усталости и от обильной еды и вина. — Просто… он поручил мне одно дело.

— Да неужели? — откликнулся Аберфорт. — Хорошее дело, надеюсь? Приятное? Легкое? Такое, что его можно поручить еще не кончившим школу волшебства детишкам и они с ним справятся, не надрываясь?

Рон мрачновато хмыкнул. Гермионе было явно не по себе.

— Я… Нет, оно не легкое, — сказал Гарри. — Но я должен…

— «Должен»? Почему «должен»? Его ведь нет в живых, так? — резко произнес Аберфорт. — Бросай это, парень, пока и с тобой не случилось того же! Спасайся!

— Не могу.

— Почему?

— Я… — Гарри растерялся. Объяснить он не мог, поэтому перешел в наступление. — Но вы ведь и сами участвуете в борьбе, вы — член Ордена Феникса…

— Я им был, — ответил Аберфорт. — Ордена Феникса больше нет. Сам-Знаешь-Кто победил, борьба окончена, а кто говорит иначе — сам себя обманывает. Тебе здесь покоя не будет, Поттер, ему слишком хочется до тебя добраться. Поэтому уезжай за границу, спрячься, спасайся! И этих двоих лучше возьми с собой. — Он указал большим пальцем на Рона и Гермиону. — Они не будут здесь в безопасности до самой смерти, ведь теперь все знают, что они работали с тобой…

— Я не могу, — сказал Гарри. — У меня здесь дело…

— Поручи его кому-нибудь другому!

— Не могу. Это могу сделать только я, Дамблдор объяснил…

— Вот как? Он действительно объяснил тебе все, он был честен с тобой?

Гарри всем сердцем хотел ответить «да», но почему-то это простое слово не желало сходить с его губ. Аберфорт, похоже, угадал его мысли.

— Я хорошо знал своего брата, Поттер. Он научился скрывать и утаивать еще на руках нашей матери. Утайки и ложь — мы выросли на этом, и Альбус… у него был природный талант.

Глаза старика скользнули к картине над каминной полкой. Гарри заметил теперь, что это

единственный портрет в комнате. Ни фотографии Альбуса, ни еще чьей-нибудь здесь не было.

— Мистер Дамблдор, — робко спросила Гермиона, — это ваша сестра? Ариана?

— Да, — отрезал Аберфорт. — Вы, видно, начитались Риты Скитер, мисс?

Даже в красноватых отблесках огня видно было, как залилась краской Гермиона.

— Мы слышали о ней от Элфиаса Дожа, — сказал Гарри, пытаясь выгородить подругу.

— Старый дурак! — буркнул Аберфорт, прихлебывая медовуху. — Всерьез верил, что мой братец весь так и лучился светом! Что ж, он не один такой, вот и вы трое в это верили, судя по всему.

Гарри молчал. Ему не хотелось выказывать сомнения и неуверенность, терзавшие его в последние месяцы по поводу Дамблдора. Свой выбор он сделал, когда копал могилу для Добби. Он решил идти дальше по извилистой, опасной тропе, указанной Альбусом Дамблдором, смириться с тем, что ему сказали не все, что он хотел знать, решил не проверять, а просто верить. Ему не нужны были новые сомнения, он не желал слышать ничего, что могло отвлечь его от цели. Он встретил взгляд Аберфорта, так разительно сходный с взглядом его брата: ярко-синие глаза

словно рентгеновскими лучами пронизывали собеседника, и Гарри казалось, что Аберфорт читает его мысли и презирает за них.

— Профессор Дамблдор очень любил Гарри, — тихо сказала Гермиона.

— Вот как? — откликнулся Аберфорт. — Забавно, большинство из тех, кого мой брат очень любил, кончили хуже, чем если бы ему вовсе не было до них дела.

— Что вы хотите этим сказать? — выдохнула Гермиона.

— Не обращайте внимания, — ответил Аберфорт.

— Но вы говорите очень серьезные вещи! — не отступала Гермиона. — Вы имеете в виду вашу сестру?

Аберфорт уставился на нее. Несколько секунд губы его шевелились, словно он пережевывал слова, которые хотел проглотить. Потом он заговорил:

— Когда моей сестре было шесть лет, на нее напали трое магловских мальчишек. Они увидели, как она колдует — подглядели через садовую изгородь. Она ведь была ребенком и не умела еще это контролировать — ни один волшебник в этом возрасте не умеет. То, что они увидели, их,

надо думать, испугало. Они перебрались через изгородь, а когда она не смогла показать им, в чем тут фокус, маленько увлеклись, пытаясь заставить маленькую ведьму прекратить свои странные дела.

Глаза Гермионы расширились. По виду Рона похоже было, что его мутит. Аберфорт поднялся во весь рост, высокий, как и Альбус. Он стал вдруг страшен в своей ярости и безысходной боли.

— То, что они сделали, сломало ее: она никогда уже не оправилась. Она не хотела пользоваться волшебством, но не могла от него избавиться. Оно повернулось внутрь и сводило ее с ума, порой вырываясь помимо ее воли. Тогда она бывала странной… и опасной. Но по большей части она была ласковой, испуганной и покорной.

Мой отец погнался за подонками, погубившими Ариану, и наказал их. Его заточили в Азкабан. Он так и не признался, что заставило его пойти на это, — ведь если бы Министерство узнало, что сталось с Арианой, ее бы навсегда заперли в больнице святого Мунго. В ней увидели бы серьезную угрозу для Международного статута о секретности, поскольку она не владела собой и волшебство невольно вырывалось из нее, когда она не могла больше сдерживаться.

Нам нужно было спасать и укрывать ее. Мы переехали и распустили слух, что она больна. Мама ходила за ней и старалась, чтобы девочке жилось хорошо и спокойно.

Меня Ариана любила больше всех. — При этих словах за морщинами и клочковатой бородой Аберфорта вдруг проступил чумазый подросток. — Не Альбуса — он, когда бывал дома, вечно сидел у себя в комнате, обложившись книгами и наградными дипломами и поддерживая переписку с «самыми знаменитыми волшебниками того времени». — Аберфорт фыркнул. — Ему некогда было с ней возиться. А я был ее любимцем. Я мог уговорить ее поесть, когда у мамы это не получалось. Я умел успокоить ее, когда на нее находили приступы ярости, а в спокойном состоянии она помогала мне кормить коз.

А потом, когда ей было четырнадцать… понимаете, меня не было дома. Будь я дома, я бы ее успокоил. На нее накатил очередной приступ ярости, а мама была уже не так молода, и… это был несчастный случай. Ариана сделала это не нарочно. Но мама погибла.

Гарри испытывал мучительную смесь жалости и отвращения. Он не хотел больше ничего слышать, но Аберфорт продолжал рассказывать.

Гарри спросил себя, когда старик в последний раз говорил об этом, и говорил ли он об этом вообще когда-нибудь.

— Так Альбусу не удалось отправиться в кругосветное путешествие с Элфиасом Дожем. Они вместе приехали на мамины похороны, а потом Дож уехал, а Альбус остался дома главой семьи. Ха! — Аберфорт сплюнул в огонь. — Я бы за ней присмотрел, я ему так и сказал, наплевать мне на школу, я бы остался дома и справился со всем. Но он заявил, что я должен закончить образование, а он займет место матери. Конечно, это было крупное понижение для нашего вундеркинда — присматривать за полусумасшедшей сестрицей, которая, того гляди, разнесет весь дом, и наград за это не предусмотрено. Но месяц-другой он справлялся… пока не появился тот. — Лицо Аберфорта стало теперь по-настоящему страшным. — Гриндевальд. наконец-то мой брат встретил равного собеседника, такого же блестяще одаренного, как он сам. И уход за Арианой отошел на второй план, пока они строили планы нового Ордена волшебников, искали Дары Смерти и занимались прочими интересными вещами. Великие планы во благо всех волшебников! А что при этом недосмотрели за одной девчушкой, так что с того, раз

Альбус трудился во имя общего блага?

Спустя несколько недель мне это надоело. Мне уже пора было возвращаться в Хогвартс, и тогда я сказал им, тому и другому, прямо в лицо, вот как сейчас тебе. — Аберфорт взглянул на Гарри, и сейчас очень легко было увидеть в старике взъерошенного, злого подростка, бросавшего вызов старшему брату. — Я сказал им: кончайте все это. Вы не можете увозить ее из дома, она не в том состоянии; вы не можете тащить ее за собой, куда бы вы там ни собрались, чтобы произносить умные речи и вербовать себе сторонников. Ему это не понравилось. — Отблеск огня отразился от линз Аберфорта, и они снова полыхнули белой слепой вспышкой. — Грин-де-Вальду это совсем не понравилось. Он рассердился. Он сказал мне, что я глупый мальчишка, пытающийся встать на пути у него и у моего блистательного брата… Неужели я не понимаю, что мою бедную сестру не придется больше прятать, когда они изменят мир, выведут волшебников из подполья и укажут маглам их настоящее место?

Потом он сказал еще кое-что… и я выхватил свою палочку, а он — свою, и вот лучший друг моего брата применил ко мне заклятие Круциатус. Альбус попытался его остановить, мы

все трое стали сражаться, и от вспышек огня и громовых ударов Ариана совсем обезумела, она не могла этого выносить… — Краска сбежала с лица Аберфорта, как будто его смертельно ранили. — Она, наверное, хотела помочь, но сама не понимала, что делает. И я не знаю, кто из нас это был, это мог быть любой из троих — она вдруг упала мертвой.

Голос его оборвался на последнем слове, и он опустился на ближайший стул. Лицо Гермионы было мокро от слез, а Рон побледнел почти так же, как сам Аберфорт. Гарри испытывал только отвращение: он хотел бы никогда не слышать этого, выкинуть это из головы.

— Мне так… так жаль, — прошептала Гермиона.

— Ее не стало, — прохрипел Аберфорт. — Навсегда. — Он утер нос рукавом и откашлялся. — Конечно, Грин-де-Вальд поспешил смыться. За ним уже тянулся кой-какой след из его родных мест, и он не хотел, чтобы на него повесили еще Ариану. А Альбус получил свободу, так ведь? Свободу от сестры, висевшей камнем у него на шее, свободу стать величайшим волшебником во всем…

— Он никогда уже не получил свободы, — сказал Гарри.

— Как ты сказал? — переспросил Аберфорт.

— Никогда, — продолжал Гарри. — В ту ночь, когда ваш брат погиб, он выпил зелье, лишающее разума. И стал стонать, споря с кем-то, кого не было рядом. Не тронь их, прошу тебя… Ударь лучше в меня.

Рон и Гермиона глядели на Гарри во все глаза. Он никогда не вдавался в подробности того, что произошло на острове посреди озера. Случившееся с ним и Дамблдором по возвращении в Хогвартс полностью затмило все предшествовавшие события.

— Ему казалось, что он снова там с вами и Грин-де-Вальдом, я знаю. — Гарри вновь слышал мольбы и рыдания Дамблдора. — Ему казалось, что перед ним Грин-де-Вальд, разящий вас и Ариану… Это была для него пытка. Если бы вы видели его тогда, вы не говорили бы, что он освободился.

Аберфорт сосредоточенно рассматривал свои узловатые руки с набухшими венами. После долгой паузы он произнес:

— Откуда ты знаешь, Поттер, что мой брат не заботился больше об общем благе, чем о тебе? Откуда ты знаешь, что он не считал возможным пренебречь и тобой, как нашей сестренкой?

Сердце Гарри словно пронзила ледяная игла.

— Не думаю. Дамблдор любил Гарри, — сказала Гермиона.

— Тогда почему он не приказал ему скрыться? — выпалил Аберфорт. — Почему не сказал: спасайся? Вот что надо делать, чтобы выжить.

— Потому что, — ответил Гарри, опережая Гермиону, — иногда действительно нужно думать не только о своем спасении! Иногда нужно думать об общем благе! Мы на войне!

— Тебе семнадцать лет, парень!

— Я совершеннолетний, и я буду бороться дальше, даже если вы уже сдались.

— Кто тебе сказал, что я сдался?

— «Ордена Феникса больше нет», — повторил Гарри. — «Сам-Знаешь-Кто победил, борьба окончена, а кто говорит иначе — сам себя обманывает».

— Я не говорю, что мне это нравится, но это правда!

— Нет, это неправда, — сказал Гарри. — Ваш брат знал, как покончить Сами-Знаетес-Кем, и передал мне это знание. Я буду бороться дальше, пока не одержу победу или не погибну. Не думайте, что я не знаю, чем это может кончиться. Я много лет это знаю.

Он ждал, что Аберфорт станет насмехаться или спорить, но тот молчал, сердито глядя из-под насупленных бровей.

— Нам нужно проникнуть в Хогвартс, — повторил Гарри. — Если вы не можете нам помочь, на рассвете мы уйдем и попробуем отыскать дорогу сами. Если вы можете помочь — что ж, самое время сказать об этом.

Аберфорт сидел все так же неподвижно, сверля Гарри глазами, так невероятно похожими на глаза его брата. Наконец он откашлялся, встал, обошел вокруг стола и остановился у портрета Арианы.

— Ты знаешь, что делать, — сказал он.

Она улыбнулась, повернулась и пошла прочь — не так, как это обычно делали люди на портретах, выходя сбоку из рамы, а назад, словно бы по длинному туннелю, уводившему за ее спиной в глубь картины. Они глядели вслед удаляющейся хрупкой фигурке, пока она не скрылась во мраке.

— М-м… что… — начал было Рон.

— Путь в замок сейчас только один, — сказал Аберфорт. — Вы, наверное, знаете, что они закрыли все старые тайные ходы с обоих концов, поставили дементоров по всему периметру стен и регулярно патрулируют внутри школы. Никогда

еще Хогвартс не окружали такой охраной. Как вы собираетесь действовать, когда директором там — Снегг, а его заместители — Кэрроу… Ладно, это уж ваше дело. Ты ведь сказал, что готов к смерти.

— Но что… — Гермиона взглянула на портрет Арианы.

В конце уходящего в картину туннеля появилась маленькая белая точка, и вот уже Ариана движется обратно к ним, увеличиваясь по мере приближения. Но теперь она была не одна — с ней шел еще кто-то, выше ее ростом, прихрамывая и явно волнуясь. Гарри никогда не видел у него таких длинных волос. Лицо его было изранено, изорванная одежда висела клочьями. Обе фигуры становились все больше, так что в раму помещались уже только лица и плечи. И тут картина распахнулась, словно дверца в стене, и за ней открылся настоящий туннель. Оттуда выбрался обросший, израненный и оборванный настоящий Невилл Долгопупс и с воплем восторга бросился к Гарри:

— Я знал, что ты придешь! Я знал, Гарри!

Глава 29

ИСЧЕЗНУВШАЯ ДИАДЕМА

— Невилл… Как… Откуда…

Но Невилл уже заметил Рона и Гермиону и с радостными возгласами бросился их обнимать. Чем дольше Гарри смотрел на Невилла, тем больше ужасался его виду: один глаз заплыл лилово-желтым синяком, лицо было испещрено шрамами, и каждая деталь в его внешности указывала на постоянные невзгоды и лишения. И все же его измочаленное лицо сияло от счастья, когда он наконец выпустил из объятий Гермиону и повторил:

— Я знал, что ты придешь. Все время твердил Симусу: надо только подождать!

— Невилл, что с тобой было?

— Что? Это? — Невилл небрежно отмахнулся. — Да это ерунда! Симус выглядит гораздо хуже. Вы увидите. Ну что, пошли? Да, — он повернулся к Аберфорту, — Аб, к нам тут, наверное, еще пара-тройка подвалит.

— пара-тройка? — мрачно повторил Аберфорт. — Что значит пара-тройка, Долгопупс?

Здесь комендантский час и Воющие чары над всей деревней!

— Я знаю, поэтому они трансгрессируют прямо к вам в трактир, — отозвался Невилл. — Посылайте их сразу в туннель, ладно? Большое спасибо.

Невилл подал руку Гермионе и помог ей взобраться на камин, а оттуда в туннель. За ней последовал Рон, а за ним Невилл. Гарри повернулся к Аберфорту:

— Не знаю, как вас благодарить. Вы дважды спасли нам жизнь.

— Вот и будь поосторожнее впредь, — угрюмо фыркнул Аберфорт. — Третий раз у меня может и не получиться.

Гарри вскарабкался на камин и в отверстие за портретом Арианы. С другой стороны были гладкие каменные ступени. Похоже, проход находился здесь уже много лет. Со стен свисали медные лампы, земляной пол был плотно утоптан. Они шли, а за ними по стенам скользили, колеблясь, их тени.

— И как давно он существует, этот проход? — спросил Рон. — Его ведь нет на Карте Мародеров, правда, Гарри? Я думал, есть только семь тайных путей в школу и из школы.

— Они опечатали их все перед началом учеб-

ного года, — сказал Невилл. — Теперь через них не пройдешь — вход защищен заклятиями, а на выходе поджидают Пожиратели смерти и дементоры. — Он пошел спиной вперед, глядя на них, сияя, впитывая долгожданные лица. — Не думайте обо всей этой ерунде… А правда, что вы прорвались в «Гринготтс»? И сбежали оттуда на драконе? Все это знают, только и разговору что об этом. Кэрроу избил Терри Бута, потому что Терри кричал об этом в Большом зале за обедом.

— Да, все это правда, — сказал Гарри. Невилл ликующе засмеялся.

— А что вы сделали с драконом?

— Отпустили на волю, — сказал Рон. — Гермиона, правда, хотела оставить его себе вместо котенка…

— Не надо преувеличивать, Рон…

— Что вы делали все это время? Говорят, будто вы просто скрывались, но я так не думаю, Гарри. Я думаю, у вас есть план.

— Ты прав, — сказал Гарри. — Но расскажи лучше о Хогвартсе, Невилл, мы же ничего не знаем.

— Хогвартс… Знаете, на Хогвартс тут теперь совсем не похоже. — Улыбка гасла на лице Невилла, пока он произносил эти слова. — Вы слыхали о Кэрроу?

— Это те двое Пожирателей смерти, которые теперь тут преподают?

— Они не только преподают, — сказал Невилл. — Они отвечают за дисциплину. Большие любители наказывать, эти Кэрроу.

— Вроде Амбридж?

— Ну, Амбридж рядом с ними — кроткая овечка. Все остальные учителя должны доносить Кэрроу о каждом нашем проступке. Однако они этого не делают, если есть хоть малейшая возможность. Похоже, они ненавидят их также сильно, как мы. Эта скотина Амикус преподает то, что раньше было защитой от Темных искусств. Правда, теперь это Темные искусства в чистом виде. От нас требуют тренировать заклятие Круциатус на тех, кто оставлен после уроков за провинность…

— Что?!

Голоса Гарри, Рона и Гермионы в унисон прокатились по туннелю.

— Даа, — протянул Невилл. — Так я и получил вот эту отметину. — Он показал на особенно глубокий порез на щеке. — Я отказался это делать. Зато Крэббу и Гойлу очень нравится — наконец и они хоть в чем-то первые! Алекто, сестра Амикуса, преподает магловедение — это теперь обязательный предмет для всех. Все мы должны

слушать, что маглы — вроде животных, тупые, грязные, и как они своим коварством загнали волшебников в подполье, и что нормальный порядок скоро будет восстановлен. Вот это, — он показал на другую вмятину на лице, — я получил за то, что спросил, сколько магловской крови в ней и в ее братце.

— Черт подери, Невилл! — воскликнул Рон. — Неужто нельзя было придержать язык за зубами?

— Ты бы слышал, как она говорит, — отозвался Невилл. — Ты бы тоже не выдержал. И потом, когда им противоречишь, — это полезно. Это во всех вселяет надежду. Я это заметил, когда ты так поступал, Гарри.

— Но они же сделали из тебя заточку для ножей! — возразил Рон, слегка вздрогнув, когда они проходили под лампой, ярко высветившей увечья Невилла.

Невилл дернул плечом.

— Плевать. Они сами не рвутся разбазаривать чистую кровь, поэтому пытают нас помаленьку, если мы вякаем, но убивать не убивают.

Гарри не знал, что хуже — страшные вещи, о которых говорил Невилл, или будничный тон, которым он о них рассказывал.

— Настоящая опасность грозит лишь тем, чьи друзья и родные за пределами замка доставляют новой власти неприятности. Этих берут в заложники. Старик Ксено Лавгуд слишком много себе позволял в своем «Придире», и Полумну сняли прямо с поезда, когда она ехала на рождественские каникулы.

— С ней все в порядке, Невилл, мы ее видели…

— Я знаю, она сумела прислать мне весточку.

Он достал из кармана золотую монету, и Гарри сразу опознал один из тех фальшивых галеонов, которыми пользовался Отряд Дамблдора, чтобы передавать сообщения.

— Потрясающая штука, — сказал Невилл, радостно улыбаясь Гермионе. — Кэрроу так и не просекли, как мы сообщаемся друг с другом, — они на этом чуть ума не решились. Мы вылезали по ночам и делали надписи на стенах: «Отряд Дамблдора: мобилизация продолжается», и всякое такое. То-то Снегг злился.

— Вылезали? — Гарри обратил внимание на прошедшее время.

— Ну, со временем это стало труднее, — пояснил Невилл. — На Рождество мы остались без Полумны, после Пасхи не вернулась Джинни, а зачинщиками-то были как раз мы трое. Кэр-

роу, похоже, догадались, что без меня тут не обошлось, и круто за меня взялись. А тут еще Майкла Корнера поймали, когда он освобождал первокурсников, которых они заковали в цепи. Его пытали очень жестоко. Это отпугнуло народ.

— Еще бы, — пробормотал Рон. Проход постепенно пошел вверх.

— Не мог же я просить людей пройти через то, что вытерпел Майкл, — так что эти забавы мы бросили. Но мы продолжали борьбу, вели подпольную работу… ещё пару недель назад. И тогда они, видать, решили, что есть только один способ меня остановить, и пришли за бабушкой.

— Они — что? — хором спросили Гарри, Рон и Гермиона.

— Да. — Невилл слегка запыхался, потому что туннель поднимался теперь круто вверх. — Ну, ход их мыслей легко понять. Похищать детей, чтобы родители вели себя смирно, оказалось очень действенно, так что они довольно быстро догадались, что можно и наоборот. Но дело в том, — Невилл обернулся к ним, и Гарри с удивлением обнаружил ухмылку на его лице, — что с бабушкой они маленько просчитались. Старушка-волшебница, живет одна… они, видно, решили, что тут особого могущества не нужно.

Ну и… — Невилл рассмеялся. — Долиш до сих пор в больнице святого Мунго, а бабушка сбежала. Она прислала мне письмо, — он хлопнул себя по нагрудному карману, — о том, что гордится мною, что я настоящий сын своих родителей и так держать!

— Здорово, — сказал Рон.

— Ага, — весело отозвался Невилл. — Но только когда они осознали, что узды на меня теперь нет, они решили, что Хогвартс может обойтись и без меня. Уж не знаю, собирались они отправить меня в Азкабан или просто убить, только я понял, что пора сматывать удочки.

— Но, — сказал Рон, совершенно сбитый с толку, — разве мы идем сейчас не прямо в Хогвартс?

— Ну конечно, — сказал Невилл. — Сейчас увидишь. Мы уже почти пришли.

Они повернули за угол и оказались у выхода из туннеля. Несколько ступенек вели к двери, точно такой же, как за портретом Арианы. Невилл распахнул ее и вышел наружу. Поднимаясь вслед за ним, Гарри услышал, как Невилл кричит кому-то:

— Глядите, кто пришел! Я же вам говорил!

Гарри ступил в помещение, открывавшееся за дверью, и навстречу ему поднялись ликующие

голоса:

— ГАРРИ!

— Это Поттер, ПОТТЕР!

— Рон!

— Гермиона!

Перед его глазами замелькали, смешиваясь, цветастые гобелены, лампы и множество лиц. В следующую минуту его, Рона и Гермиону обступили, обнимая, хлопая по спине, ероша волосы, пожимая руки, человек двадцать, не меньше. Казалось, они только что выиграли чемпионат по квиддичу.

— Эй, ребята, уймитесь! — крикнул Невилл, и толпа отхлынула, давая Гарри возможность осмотреться.

Комната показалась ему совсем незнакомой. Она была огромная и напоминала какой-то необычайно роскошный шалаш или невероятных размеров пароходную каюту. Разноцветные гамаки свисали с потолка и навесной галереи, вившейся вдоль сплошных, без окон, стен, обшитых темными деревянными панелями и украшенных яркими гобеленами. Гарри увидел золотого льва на алом фоне — герб Гриффиндора, черного барсука Пуффендуя, вышитого на желтом, и бронзового орла Когтеврана на лазоревой

ткани. Не видно было лишь серебра и зелени Слизерина. Здесь были битком набитые книжные полки, несколько метел, прислоненных к стене, а в углу — большой радиоприемник в деревянном корпусе.

— Где мы?

— В Выручайкомнате, конечно! — сказал Невилл. — На этот раз она превзошла самое себя, правда? Кэрроу сидели у меня на хвосте, и я понял, что спасение только в одном. Я ухитрился пройти в эту дверь, и смотри, что я тут обнаружил! Конечно, когда я вошел, она была не такая, намного меньше, всего с одним гамаком и одним гобеленом с гербом Гриффиндора. Но по мере того как прибывали новые члены Отряда Дамблдора, она становилась все просторнее.

— И Кэрроу не могут сюда войти? — Гарри оглянулся в поисках двери.

— Нет, — ответил Симус Финниган, которого Гарри не узнал, пока тот не заговорил: его разбитое лицо совсем заплыло. — Это настоящее укрытие: пока хоть один из нас находится внутри, они не могут нас достать, дверь не откроется. Все благодаря Невиллу. Он действительно понимает эту комнату. Здесь ведь нужно попросить в точности то, что тебе нужно, например: «Хочу,

чтобы никто из тех, кто поддерживает Кэрроу, не смог сюда войти» — и она сделает, как ты просил. Главное — не оставить никакой лазейки! Невилл молодец!

— Тут никакой особой хитрости нет, — сказал Невилл скромно. — Я пробыл здесь дня полтора, страшно проголодался и пожелал себе добыть откуда-нибудь еды — и тут открылся проход в «Кабанью голову». Я пошел по нему и оказался у Аберфорта. Он снабжает нас провизией, потому что это единственное, чего комната по каким-то причинам не делает.

— Потому что еда — одно из пяти исключений к закону Гэмпа об элементарных трансфигурациях, — заявил Рон, к всеобщему изумлению.

— Так что мы прячемся здесь уже около двух недель, — сказал Симус. — И если нам нужны новые гамаки, они тут же оказываются на месте, а еще вдруг образовался отменный туалет с душем, когда появились девчонки…

— И очень захотели помыться, ты только подумай! — подхватила Лаванда Браун, которую Гарри до сих пор не заметил.

Приглядевшись получше, он увидел много знакомых лиц. Тут были близнецы Патил, Терри Бут, Эрни Макмиллан, Энтони Голдстейн и Майкл

Корнер.

— Ну, расскажите же нам, что с вами было, — сказал Эрни. — Каких только не ходило слухов! Мы старались следить за вами, слушая «Поттеровский дозор». — Он показал на приемник. — Так вы не врывались в «Гринготтс»?

— Врывались! — выкрикнул Невилл. — И про дракона все правда!

Раздались громовые аплодисменты и вопли «ура!». Рон поклонился.

— А что вам там понадобилось? — с любопытством спросил Симус.

Ни один из троих не успел ответить вопросом на вопрос, как шрам Гарри пронзила страшная жгучая боль. Гарри поспешно повернулся спиной к веселым заинтересованным лицам вокруг, Выручайкомната исчезла, и вот он стоит в каменной развалине, потрескавшиеся плиты пола у его ног раздвинуты, у разверстой дыры валяется извлеченная из земли пустая золотая шкатулка с откинутой крышкой, и яростный вопль Волан-де-Морта отдается в его раскалывающейся голове.

Огромным усилием он вырвался из мыслей Волан-де-Морта и вернулся обратно, в Выручайкомнату, где стоял, пошатываясь, обливаясь потом, опираясь на подоспевшего на помощь

Рона.

— Тебе нехорошо, Гарри? — донесся до него голос Невилла. — Хочешь присесть? Ты, наверное, устал, да?

— Нет, — ответил Гарри.

Он посмотрел на Рона и Гермиону, пытаясь без слов сообщить им, что Волан-де-Морт только что обнаружил пропажу очередного крестража. Времени оставалось немного. Если Волан-де-Морт решит теперь отправиться в Хогвартс, то их шанс упущен.

— Мы должны идти дальше, — сказал он и понял по выражению их лиц, что друзья обо всем догадались.

— А что мы будем делать, Гарри? — спросил Симус. — В чем твой план?

— План? — машинально повторил Гарри.

Он напрягал сейчас всю силу воли, чтобы не поддаться снова ярости Волан-де-Морта: шрам на лбу по-прежнему жгло.

— В общем, у нас — у меня, Рона и Гермионы — есть одно дело, поэтому нам пора уходить отсюда.

Теперь никто не смеялся и не кричал «ура!». Невилл выглядел сбитым с толку.

— Что значит «уходить отсюда»?

— Мы вернулись не за тем, чтобы остаться здесь. — Гарри потирал свой шрам, пытаясь смягчить боль. — У нас есть важное дело…

— Какое?

— Я… я не могу вам сказать.

Раздался глухой ропот. Невилл сдвинул брови.

— Почему ты не можешь нам сказать? Речь ведь идет о борьбе с Сам-Знаешь-Кем, правда?

— Ну да…

— Тогда мы тебе поможем.

Остальные члены Отряда Дамблдора закивали, одни с энтузиазмом, другие с торжественной важностью. Несколько человек вскочили со стульев, демонстрируя готовность к немедленному действию.

— Вы не понимаете. — Похоже, за последние несколько часов Гарри слишком часто приходилось повторять эту фразу. — Мы… мы не можем сказать вам. Мы должны исполнить это… одни.

— Почему? — спросил Невилл.

— Потому что…

Гарри так хотелось скорее броситься на поиски крестража или хотя бы обсудить наедине с Роном и Гермионой, откуда начинать поиски, что он никак не мог сосредоточиться. Шрам у него все еще горел.

— Дамблдор поручил нам троим одно дело, — сказал он осторожно. — И не велел рассказывать… Он поручил его именно нам, нам троим.

— Мы — Отряд Дамблдора, — ответил Невилл. — Мы все время держались вместе, сохраняли наш Отряд, пока вы трое где-то скитались.

— Не то чтобы это была увеселительная прогулка, приятель, — откликнулся Рон.

— Я ничего такого и не говорю, но мне непонятно, почему вы нам не доверяете. Каждый находящийся в этой комнате боролся и оказался здесь потому, что его преследовали Кэрроу Каждый из нас доказал на деле свою верность Дамблдору — верность тебе, Гарри.

— Подумай, — начал Гарри, сам не зная, что собирается сказать, но это оказалось не важно: дверь туннеля за его спиной распахнулась.

— Мы получили твое письмо, Невилл! Привет всей троице, я так и думала, что вы здесь!

Это были Полумна и Дин. Симус вскрикнул от радости и бросился обнимать своего лучшего друга.

— Всем привет, ребята! — весело сказала Полумна. — Как же здорово вернуться домой!

— Полумна, — встревоженно спросил Гарри, — что ты здесь делаешь? Как ты…

— Я послал за ней. — Невилл высоко поднял фальшивый галеон. — Я обещал ей и Джинни, что извещу их, если вы появитесь. Мы все думали, что ваше возвращение будет означать революцию. Что тогда мы сбросим Снегга и Кэрроу.

— Конечно, именно это оно и означает, — сияя, сказала Полумна. — Правда, Гарри? Теперь-то мы их выбьем из Хогвартса?

— Послушайте… — В Гарри нарастала паника. — Мне очень жаль, но мы вернулись не за этим. Нам нужно сделать одно дело, а потом…

— Вы собираетесь бросить нас в этом дерьме? — спросил Майкл Корнер.

— Нет! — воскликнул Рон. — То, что мы хотим сделать, пойдет, в конце концов, на пользу всем, ведь это затем, чтобы избавиться от Сами-Знаете-Кого…

— Тогда возьмите нас в помощь! — сердито крикнул Невилл. — Мы тоже хотим в этом участвовать!

Гарри обернулся на новый шум у них за спиной. Сердце его упало: теперь из отверстия в стене появилась Джинни, а за ней — Фред, Джордж и Ли Джордан. Джинни приветствовала Гарри сияющей улыбкой. Он уже забыл, а может быть, никогда раньше не замечал как следует, до чего

она красива, и никогда не был меньше рад ее видеть.

— Аберфорт уже начинает сердиться. — Фред помахал рукой, отвечая на приветственные возгласы. — Он хотел соснуть, а тут его трактир превратили в вокзал.

У Гарри отвисла челюсть. Сразу за Ли Джорданом в отверстии появилась Чжоу Чанг, его бывшая подружка, и улыбнулась ему.

— Я получила известие, — сказала она, показывая свой фальшивый галеон, прошла и села рядом с Майклом Корнером.

— Так в чем ваш план, Гарри? — спросил Джордж.

— Да нет никакого плана, — ответил Гарри, совершенно сбитый с толку внезапным появлением всех этих людей и неспособный соображать Из-за жгучей боли в шраме.

— То есть мы будем составлять его по ходу? О, это я люблю! — сказал Фред.

— Послушай, прекрати это все! — крикнул Гарри Невиллу. — Зачем ты всех их сюда созвал? Это же безумие…

— Мы ведь на войне, правда? — Дин достал свой фальшивый галеон. — Пришло известие, что Гарри вернулся и мы готовимся к бою! Мне

бы, конечно, волшебную палочку…

— У тебя нет палочки. — удивился Симус. Рон вдруг обернулся к Гарри:

— Почему они не могут помочь?

— Что?

— Они могут нам помочь. — Он понизил голос и сказал так тихо, что слышать его могла только стоявшая между ними Гермиона: — Мы ведь не знаем, где он. Нам нужно найти его побыстрее. Необязательно говорить всем, что это крестраж.

Гарри перевел взгляд с Рона на Гермиону, которая шепнула совсем тихо:

— Я думаю, Рон прав. Мы ведь даже не знаем, что мы ищем, нам нужна помощь. — И, видя, что Гарри все еще не убежден, добавила: — Ты не должен все делать в одиночку, Гарри.

Гарри напряженно думал, хотя шрам по-прежнему щипало, а голова раскалывалась. Дамблдор просил его не говорить о крестражах никому, кроме Рона и Гермионы. Утайки и ложь — мы выросли на этом, и Альбус… у него был природный талант… Уж не превращается ли он в Дамблдора, и после смерти хранящего свои тайны прижатыми к груди, страшащегося довериться людям? Но вот Снеггу Дамблдор доверял, и к чему это привело? К убийству на вершине самой высокой

из башен замка…

— Ладно, — спокойно сказал он Рону и Гермионе. — Хорошо, — обратился Гарри к собравшимся в комнате, и тут же наступила полная тишина. Фред и Джордж, развлекавшие шуточками тех, кто сидел поблизости, замолкли на полуслове, и все уставились на него с взволнованной готовностью. — Нам нужно найти одну вещь, — сказал Гарри. — Одну вещь… которая поможет нам одержать победу над Сами-Знаете-Кем. Она находится здесь, в Хогвартсе, но мы не знаем где. Возможно, она принадлежала Кандиде Когтевран. Слышал кто-нибудь о подобном предмете? Например, о вещи, отмеченной ее орлом?

Он с надеждой посмотрел на маленькую группу когтевранцев: Падму, Майкла, Терри и Чжоу, однако ответила ему Полумна, присевшая к Джинни на подлокотник кресла.

— Ну, есть ведь ее потерянная диадема. Я рассказывала тебе о ней, Гарри, помнишь? Исчезнувшая диадема Кандиды Когтевран. Мой отец пытался создать ее копию.

— Да, Полумна, но исчезнувшая диадема, — сказал Майкл Корнер, закатывая глаза, — она именно что исчезла. Вот в чем загвоздка.

— Когда она исчезла? — спросил Гарри.

— Говорят, много веков назад, — откликнулась Чжоу, и сердце у Гарри упало. — Профессор Флитвик рассказывал, что она исчезла вместе с самой Кандидой. Диадему искали, но, — она обратилась к остальным когтевранцам, — никаких следов обнаружить не удалось. Или я ошибаюсь?

Все покачали головами.

— Простите, а что вообще такое «диадема»? — спросил Рон.

— что-то вроде венца или короны, — ответил Терри Бут. — Говорят, что диадема Кандиды Когтевран обладала магическими свойствами — она придавала ума тому, кто ее наденет.

— Да. Сифоны для мозгошмыгов, которые мой отец… Но Гарри не дал Полумне договорить.

— И никто из вас никогда не видел ничего, что было бы на нее похоже?

Все снова покачали головами. Гарри взглянул на Рона и Гермиону и увидел в их глазах отражение собственной растерянности. Вещь, исчезнувшая так давно и, судя по всему, бесследно, вряд ли могла быть крестражем, спрятанным в замке… Но не успел он сформулировать следующий вопрос, как снова раздался голос Чжоу:

— Гарри, если хочешь посмотреть, как эта штука должна была выглядеть, я могу отвести тебя

в нашу общую гостиную и показать. Там у нас статуя Кандиды с этой диадемой на голове.

Гарри снова почувствовал боль в шраме. На мгновение Выручайкомната расплылась у него перед глазами, и он увидел черную землю далеко внизу и почувствовал вокруг плеч кольца огромной змеи. Волан-де-Морт снова летел куда-то, то ли к подземному озеру, то ли сюда, к замку — этого Гарри не мог сказать. Но в любом случае времени оставалось немного.

— Он в пути, — спокойно сказал Гарри Рону и Гермионе. Потом перевел глаза на Чжоу и снова на них. — Слушайте, я понимаю, что толку от этого немного, и все же я пойду и взгляну на статую, чтобы знать хотя бы, как эта диадема выглядит. Ждите меня здесь и берегите… вы знаете… ту вещь.

Чжоу поднялась, чтобы идти, но тут Джинни резко сказала:

— Нет, вот Полумна может проводить Гарри. Правда, Полумна?

— С удовольствием! — радостно откликнулась Полумна, и Чжоу опустилась обратно в кресло. Вид у нее был расстроенный.

— Как нам выйти из комнаты? — спросил Гарри Невилла.

— Сюда. — Он подвел Гарри и Полумну к углу, где из небольшого чулана открывался выход на крутую лестницу. — Выход оказывается каждый раз в другом месте, поэтому они и не могут его найти, — пояснил Невилл. — Плохо только, что мы никогда не знаем, где очутимся, когда выйдем. Осторожнее, Гарри, по ночам коридоры патрулируют.

— Ничего, — сказал Гарри. — До скорого, Невилл. Они с Полумной быстро зашагали по лестнице — длинной, освещенной факелами и делающей резкие повороты в самых неожиданных местах. Наконец перед ними выросла сплошная стена.

— Залезай сюда, — сказал Гарри Полумне. Он достал мантию-невидимку и набросил ее на них обоих. Потом легонько толкнул стену.

Она раздвинулась от его прикосновения, и они выскользнули наружу. Гарри оглянулся и увидел, что стена мгновенно сомкнулась обратно. Они стояли в темном коридоре. Гарри порылся в мешочке, висевшем у него на шее, и вытащил Карту Мародеров. Держа ее у самого носа, он определил, где они находятся.

— Мы на пятом этаже, — прошептал он, глядя на удаляющуюся фигуру Филча в следующем

отсеке коридора. — Пойдем, нам сюда.

Они двинулись по коридору.

Гарри не раз случалось красться по замку среди ночи, но никогда еще у него так бешено не колотилось сердце, никогда еще не было так важно добраться до цели незамеченным. Они с Полумной шли, сверяясь с Картой Мародеров в каждом сколько-нибудь освещенном месте, по квадратам лунного света на полу, мимо доспехов, чьи шлемы позвякивали от их тихих шагов, проскальзывали в повороты, за которыми могло ожидать что угодно; дважды им пришлось остановиться, чтобы дать дорогу призраку, не привлекая его внимания. Гарри каждую минуту ожидал неприятной встречи, больше всего он боялся наткнуться на Пивза и все время прислушивался, пытаясь уловить первые сигналы, предваряющие появление полтергейста.

— Сюда, Гарри, — чуть слышно выдохнула Полумна, беря его за рукав и подталкивая к винтовой лестнице.

Они стали подниматься по головокружительной спирали. Гарри никогда раньше не приходилось здесь бывать. Наконец они добрались до двери. На ней не было ни ручки, ни замочной скважины: сплошное полотно из старинного

дерева и бронзовый молоток в форме орла.

Полумна протянула бледную руку, казавшуюся в полумраке призраком, отдельным от тела, и один раз стукнула по двери. Этот тихий стук прозвучал в ушах Гарри пушечным выстрелом. Клюв орла открылся, но вместо птичьего клекота оттуда раздался нежный мелодичный голос:

— Что было раньше, феникс или огонь?

— М-м… Как ты думаешь, Гарри? — спросила Полумна.

— Что? Разве тут нужен не просто пароль?

— Нет, — отозвалась Полумна. — Нужно ответить на вопрос.

— А если ответишь неправильно?

— Что ж, тогда придется подождать кого-нибудь, кто сумеет ответить правильно, — сказала Полумна. — Так вот и учишься, понимаешь?

— М-мда… Беда в том, что нам сейчас некогда дожидаться других, Полумна.

— Я понимаю, — серьезно ответила Полумна. — Думаю, ответ такой: круг не имеет начала.

— Верное рассуждение, — сказал голос, и дверь распахнулась.

Общая гостиная Когтеврана оказалась большой круглой комнатой, полной воздуха, Гарри никогда не видел в Хогвартсе такого просторного

помещения. Стены прорезывали изящные арочные окна с шелковыми занавесями, переливавшимися синевой и бронзой. Днем когтевранцам, должно быть, открывается отсюда чудесный вид на окружающие горы. Куполообразный потолок был расписан звездами, такими же, как на ультрамариновом полу. Здесь были столы, кресла, книжные шкафы, а в нише напротив входа стояла статуя из белого мрамора.

Гарри узнал Кандиду Когтевран по гипсовому слепку, который видел дома у Полумны. Статуя стояла у двери, которая вела, вероятно, к спальням этажом выше. Он зашагал прямо к мраморной женщине, глядевшей на него с загадочной полуулыбкой; в ее красоте было что-то слегка пугающее. Голову статуи венчало воспроизведенное в мраморе изящное украшение, напомнившее ему диадему, которая была на Флер в день ее свадьбы. На нем что-то было выгравировано мелкими буквами. Гарри сбросил мантию-невидимку и взобрался на постамент, чтобы прочесть надпись.

Ума палата дороже злата.

— Так что ты, похоже, беднее последнего нищего, дурак безмозглый, — насмешливо прокаркал хрипловатый голос.

Гарри резко повернулся, сорвался с постамента и упал на пол. Над ним выросла сутулая фигура Алекто Кэрроу, и, прежде чем Гарри успел направить на нее волшебную палочку, Алекто прижала мясистый палец к черепу и змее, выжженным на ее запястье.

Глава 30

СЕВЕРУСА СНЕГГА СМЕШАЮТ С ДОЛЖНОСТИ

В то мгновение, когда ее палец коснулся Метки, Гарри почувствовал страшное жжение в шраме, украшенная звездами комната исчезла из его глаз, и вот он уже стоит на каменистой площадке под нависшим утесом, море плещется у его ног, а в сердце разливается торжество — они поймали мальчишку.

Громкий хлопок вернул Гарри к действительности. Сбитый с толку, он поднял палочку, но стоявшая над ним волшебница уже падала лицом вперед. Она так тяжело ударилась об пол, что стекла в книжных шкафах зазвенели.

— Раньше я применяла Оглушающее заклятие только на тренировках в ОД, — раздался удивленный голос Полумны. — Не ожидала такого шума.

И правда, потолок над их головами затрясся. За дверью, ведущей в спальни, послышался торопливый топот множества ног: заклятие Полумны разбудило спавших наверху когтевранцев.

— Полумна, где ты? Мне нужно спрятаться под мантию! Из ниоткуда на полу появились ноги. Он

метнулся туда, и не успела Полумна набросить мантию на них обоих, как дверь распахнулась и в гостиную устремилась толпа перепуганных когтевранцев в пижамах. При виде бесчувственной Алекто на полу раздались охи и возгласы удивления. Потом ученики медленно подошли ближе — как к дикому зверю, который может в любой момент проснуться и наброситься на них. Наконец какой-то храбрый первокурсник подбежал к Алекто и ткнул в спину ногой.

— По-моему, она мертвая! — радостно закричал он.

— Нет, ты только посмотри! — весело зашептала Полумна, глядя на толпящихся вокруг Алекто когтевранцев. — Они рады!

— М-да… здорово…

Гарри закрыл глаза и, ощутив, как пульсирует шрам на лбу, решил снова погрузиться в мысли Волан-де-Морта… Тот двигался по туннелю в первую пещеру… решил убедиться, что медальон на месте, прежде чем явиться сюда… Но много времени это у него не займет…

В дверь гостиной постучали, и когтевранцы застыли на месте. До Гарри донесся мелодичный голос, звучавший из дверного молотка:

— Куда деваются исчезнувшие предметы?

— Почем я знаю? Заткнись! — рявкнул грубый голос, и Гарри узнал второго Кэрроу, Амикуса. — Алекто! Алекто! Ты здесь? Ты его поймала? Открой!

Когтевранцы в ужасе перешептывались. Потом раздалась, без всякого предупреждения, целая очередь громких хлопков, как будто кто-то стрелял по двери из ружья.

— АЛЕКТО! Если он явится, а Поттера у нас нет… Ты что, хочешь, чтобы с нами случилось то же, что с Малфоями? ОТКЛИКНИСЬ! — завыл Амикус, тряся дверь изо всех сил, однако она не поддавалась. Все когтевранцы отступили назад, а самые трусливые начали взбираться обратно по лестнице в свои спальни. Гарри уже подумывал распахнуть дверь и оглушить Амикуса заклятием, пока Пожиратели смерти не предприняли еще чего-нибудь, как вдруг раздался другой, хорошо знакомый голос.

— Чем вы занимаетесь, позвольте вас спросить, профессор Кэрроу?

— Пытаюсь открыть треклятую дверь! — завопил Амикус. — Сходите за Флитвиком! Пусть немедленно откроет!

— Но разве там нет вашей сестры? — спросила профессор Макгонагалл. — Разве профессор

Флитвик не пропустил ее туда сегодня вечером по вашей настоятельной просьбе? Может быть, она могла бы открыть вам дверь? Тогда не пришлось бы будить среди ночи половину замка!

— Да не отзывается она, старая ты хрычовка! А ну давай сама открывай! Живо, кому говорят!

— Пожалуйста, если вам угодно, — произнесла профессор Макгонагалл убийственно холодным тоном.

Раздался мягкий удар дверного молотка, и мелодичный голос снова спросил:

— Куда деваются исчезнувшие предметы?

— В небытие, то есть во всё, — ответила профессор Макгонагалл.

— Изящная формулировка, — откликнулся орлиный клюв, и дверь распахнулась.

Немногие когтевранцы, еще остававшиеся в гостиной, завидев на пороге размахивающего палочкой Амикуса, со всех ног бросились к лестнице. Сгорбленный, как и его сестра, с рыхлым бледным лицом и маленькими глазками, он мигом увидел распростертое на полу неподвижное тело Алекто и издал вопль страха и ярости.

— Что натворили эти щенки? — завопил он. — Я буду пытать их всех Круциатусом, пока они не признаются, кто это сделал… А что скажет Тем-

ный Лорд? — взвизгнул он, ударяя себя кулаком по лбу. — Поттера мы не поймали, а эти свиньи убили Алекто и смылись!

— Ваша сестра всего лишь под действием Оглушающего заклятия, — с раздражением сказала профессор Макгонагалл, склонившаяся над Алекто. — С ней все будет в порядке.

— Не будет, разрази тебя гром! — рявкнул Амикус. — Ничего с ней не будет в порядке, когда сюда явится Темный Лорд! Она вызвала его, я знаю, я чувствовал жжение в Метке, и теперь он думает, что мы поймали Поттера!

— Поймали Поттера? — резко переспросила профессор Макгонагалл. — Что значит «поймали Поттера»?

— Он сказал нам, что Поттер, возможно, попытается проникнуть в башню Когтеврана, и велел вызвать его, если мы поймаем мальчишку!

— Зачем Поттеру проникать в башню Когтеврана? Он на моем факультете!

В ее голосе звучала, помимо раздражения и недоверия, и еле уловимая нота гордости, и Гарри почувствовал, что его просто распирает от нежности к Минерве Макгонагалл.

— Нам сказано, могёт такое быть, что он сюда припрется! — ответил Кэрроу. — Я почем знаю!

Профессор Макгонагалл выпрямилась и обвела комнату своими блестящими глазами. Дважды они скользнули прямо по тому месту, где стояли Гарри и Полумна.

— Мы можем свалить это дело на детей, — сказал Амикус, и его туповатое лицо вдруг приобрело хитрое выражение. — Ага, так мы и сделаем. Скажем, на Алекто напала здешняя детвора, — он посмотрел на звездчатый потолок, над которым располагались спальни, — и заставила ее тронуть Метку, поэтому вышла ложная тревога… И пусть он с ними разбирается. Парой ребят больше или меньше — какая разница?

— Всего лишь разница между правдой и ложью, отвагой и трусостью, — сказала профессор Макгонагалл, бледнея. — В общем, как раз та разница, которой вам с вашей сестрой не понять. Но есть одна вещь, которую вам понять придется. Вам не удастся сваливать свои вечные глупости на учеников Хогвартса. Я вам этого не позволю!

— Чего-чего?

Амикус подошел угрожающе близко к профессору Макгонагалл и придвинул свою поросячью морду вплотную к ее лицу. Она не отодвинулась и только смотрела на него сверху вниз с таким выражением, как будто обнаружила какую-то

гадость, прилипшую к стульчаку в уборной.

— А никто вашего позволения не спрашивает, Минерва Макгонагалл! Ваше времечко прошло. Теперь мы тут распоряжаемся, и вы меня прикроете, или вам придется дорого за это заплатить!

И он плюнул ей в лицо.

Гарри скинул мантию, поднял волшебную палочку и сказал:

— А вот это вы зря!

Амикус обернулся, как ужаленный, и Гарри выкрикнул:

— Круцио!

Пожирателя смерти подбросило вверх. Он барахтался в воздухе, как утопающий, корчась и воя от боли, а потом с грохотом и звоном разбитого стекла врезался в книжный шкаф и замертво шлепнулся на пол.

— Теперь я понимаю, что имела в виду Беллатриса, — сказал Гарри, чувствуя, как гудит кровь в висках. — Тут важно действительно захотеть.

— Поттер! — прошептала профессор Макгонагалл, хватаясь за сердце. — Поттер… вы… здесь! Но как… — Она тщетно пыталась взять себя в руки. — Поттер, но это же глупо!

— Он плюнул на вас, — ответил Гарри.

— Поттер, я… это было очень… очень рыцар-

ственно с вашей стороны… Но неужели вы не понимаете…

— Понимаю, — заверил ее Гарри. Страх Минервы почему-то придал ему сил. — Профессор Макгонагалл, сюда движется Волан-де-Морт.

— Его теперь можно называть по имени? — заинтересованно спросила Полумна, сбрасывая мантию-невидимку.

При виде второй изгнанницы профессор Макгонагалл не выдержала, отступила на несколько шагов и упала в ближайшее кресло, вцепившись рукой в воротник своего старого клетчатого халата.

— Думаю, теперь уже все равно, как его называть, — ответил Гарри Полумне. — Он знает, где я.

Отдаленной частью мозга, той, что была связана с яростно пылающим шрамом, он увидел, как Волан-де-Морт быстро правит призрачно зеленую лодку по темному озеру… Вот он уже причаливает к острову, где стоит каменная чаша…

— Вам нужно бежать, — прошептала профессор Макгонагалл. — Скорее, Поттер, не медлите!

— Не могу, — ответил Гарри. — Я должен сделать одну вещь. Профессор, вы не знаете, где находится диадема Кандиды Когтевран?

— Д-диадема Кандиды Когтевран? Нет, конечно, она же исчезла много веков назад. — Макгонагалл выпрямилась в кресле. — Поттер, но это же безумие, чистое безумие, что вы явились в замок…

— Нельзя было иначе, — сказал Гарри. — Профессор, я должен найти здесь одну спрятанную вещь, и очень может быть, что это та самая диадема. Нельзя ли мне поговорить с профессором Флитвиком…

Раздался шум и звон стекла: Амикус начал приходить в себя. Прежде чем Гарри и Полумна успели что-нибудь предпринять, профессор Макгонагалл вскочила с кресла, направила свою палочку на пошатывающегося Пожирателя смерти, и произнесла:

— Империо!

Амикус встал на ноги, шагнул к лежащей без чувств сестре, взял у нее из рук волшебную палочку и, подойдя к профессору Макгонагалл, послушно протянул ей сестрину палочку вместе со своей собственной, после чего улегся на пол рядом с Алекто. Профессор Макгонагалл снова подняла палочку в воздухе возник моток блестящей серебряной веревки и стал кольцами обвивать обоих Кэрроу накрепко привязывая их

друг к другу.

— Поттер, — обернулась к нему профессор Макгонагалл, тут же позабыв о лежащих на полу Кэрроу, — если Тот-Кого-Нельзя-Называть действительно знает, где вы…

При этих словах ярость, подобная физической боли, заполыхала в Гарри, воспламенив его шрам, и мгновение он смотрел в каменную чашу со ставшим прозрачным зельем и видел, что на дне ее нет золотого медальона…

— Поттер, что с тобой? — спросил чей-то голос, и Гарри вернулся обратно: оказывается, он вцепился в плечо Полумны, чтобы удержаться на ногах.

— Время уходит, Волан-де-Морт приближается. Профессор, я действую по приказу Дамблдора, я должен найти то, что он поручил мне найти: Но мы должны эвакуировать учеников Хогвартса, пока я веду свои поиски в замке. Волан-де-Морт ищет именно меня, но не остановится перед тем, чтобы убить всякого, кто встретится ему на пути, особенно сейчас… «Сейчас, когда он знает, что я уничтожаю крестражи», — закончил он про себя.

— Вы действуете по приказу Дамблдора? — повторила Минерва Макгонагалл с изумлением и выпрямилась во весь рост. — Мы не допустим

в школу Того-Кого-Нельзя-Называть, пока вы ищете это… эту вещь.

— Разве это в ваших силах?

— Думаю, что да, — сухо ответила профессор Макгонагалл. — Видите ли, ваши преподаватели неплохо владеют волшебством. Я думаю, что, если все мы очень постараемся, наших соединенных усилий хватит, чтобы задержать его на некоторое время. Конечно, нужно что-то сделать с профессором Снеггом…

— Позвольте…

— И если Хогвартс переходит на осадное положение, а у наших ворот — Темный Лорд, следует эвакуировать как можно больше невинных людей. Поскольку Сеть летучего пороха под наблюдением, а трансгрессия на территории замка невозможна…

— Выход есть, — поспешно сказал Гарри и рассказал о проходе, ведущем в «Кабанью голову».

— Поттер, речь идет о сотнях учеников…

— Я знаю, профессор, но если Волан-де-Морт и Пожиратели смерти сосредоточатся на границах школы, им будет не до тех, кто трансгрессирует из «Кабаньей головы».

— Пожалуй, в этом что-то есть, — согласилась она и снова направила палочку на Кэрроу.

Серебряная сеть опустилась на связанные тела, оплела их и подняла в воздух, где они зависли под сине-золотым потолком, точно два уродливых морских чудища.

— Пойдемте. Нужно предупредить остальных деканов. Вам лучше снова надеть мантию.

Она шагнула к двери, на ходу поднимая палочку. От ее мановения возникли три серебряные кошки с очковой раскраской вокруг глаз. Патронусы наполнили мрак винтовой лестницы серебристым светом. Профессор Макгонагалл, Гарри и Полумна стали быстро спускаться вслед за ними.

Они бежали по коридорам, и Патронусы один за другим покидали их. Клетчатый халат профессора Макгонагалл шуршал по полу, а Гарри и Полумна трусили за ней, скрытые мантией.

Они спустились еще на два этажа, когда услышали звук других, спокойных шагов. Гарри, которому по-прежнему не давал покоя шрам, услышал их первым. Он полез было в мешочек на шее за Картой. Мародеров, но не успел ее вытащить, как и Макгонагалл заметила, что они не одни. Она остановилась, взяла волшебную палочку на изготовку и спросила: — Кто здесь?

— Я, — ответил низкий голос.

Из-за стоявших в коридоре рыцарских доспехов вышел Северус Снегг.

При виде его в Гарри вскипела ненависть. За тяжестью преступлений Снегга он забыл подробности его внешности: эти жирные черные волосы, патлами свисающие по сторонам худого лица, мертвый, холодный взгляд черных глаз. Он был не в пижаме, а в обычной своей черной мантии и тоже держал палочку на изготовку.

— Где Кэрроу? — спокойно спросил он.

— Я думаю, там, где вы велели им быть, Северус, — ответила профессор Макгонагалл.

Снегг подошел ближе, обшаривая взглядом воздух позади и вокруг профессора Макгонагалл, как будто знал, что Гарри здесь. Гарри тоже вскинул палочку, готовясь к борьбе.

— Я полагал, — сказал Снегг, — что Алекто захватила человека, незаконно проникшего на нашу территорию.

— Вот как? — удивилась профессор Макгонагалл. — На каком же основании вы так полагали?

Снегг слегка согнул левую руку, на которой возле локтя была выжжена Черная Метка.

— Ах да, конечно! — фыркнула профессор Макгонагалл. — У вас, Пожирателей смерти, свои

особые каналы связи — как я могла забыть!

Снегг сделал вид, что не слышит. Он все еще пристально всматривался в воздух вокруг нее и постепенно подступал ближе, как будто сам не замечая, что делает.

— Я не знал, что сегодня ваша очередь патрулировать коридоры, Минерва.

— У вас есть возражения?

— Мне хотелось бы знать, что подняло вас с постели в столь поздний час.

— Мне послышался подозрительный шум.

— Вот как? Но здесь вроде бы совсем тихо. — Снегг взглянул ей прямо в глаза. — Минерва, вы видели Гарри Поттера? Если да, то я вынужден настаивать…

Профессор Макгонагалл сделала молниеносный выпад — Гарри никогда бы не поверил, что она способна на такое. Ее волшебная палочка рассекла воздух, и мгновение Гарри ожидал, что Снегг сейчас упадет замертво. Однако его Щитовые чары сработали так стремительно, что Макгонагалл слегка покачнулась. Она направила палочку на факел на стене, и он вылетел из подставки. Гарри, собиравшемуся наслать на Снегга заклятие, пришлось оттащить в сторону Полумну чтобы на нее не упало пламя, тут же превратив-

шееся в огненное кольцо, которое заполонило коридор и полетело на Снегга, точно лассо…

Теперь это был уже не огонь, а огромная черная змея, Макгонагалл превратила ее в столб дыма, который в мгновение ока сгустился и обернулся роем разящих кинжалов. Снегга спасло от них лишь то, что он укрылся за стоявшими тут же доспехами, и кинжалы со звоном вонзились один за другим в нагрудные латы…

— Минерва! — произнес визгливый голос. Обернувшись — и по-прежнему заслоняя Полумну от мечущихся по коридору заклятий, — Гарри увидел профессоров Флитвика и Стебль, бегущих к ним в пижамах, и толстяка Слизнорта, переваливающегося в их кильватере.

— Нет! — взвизгнул Флитвик, поднимая волшебную палочку. — Больше вы в Хогвартсе никого не убьете!

Заклятие Флитвика ударилось в доспехи, которые Снегг сделал своим прикрытием. Они с грохотом ожили. Снегг вырвался из сокрушительных железных объятий и послал доспехи влет на своих противников. Гарри с Полумной едва успели отскочить, когда они врезались в стену и разбились на куски. Когда Гарри снова поднял глаза, Снегг уже спасался бегством, а Макгона-

галл, Флитвик и Стебль дружно метали ему вслед молнии. Снегг влетел в дверь классной комнаты, и в следующее мгновение Гарри услышал крик Макгонагалл:

— Трус! ТРУС!

— Что там такое? Что случилось? — волновалась Полумна.

Гарри помог ей подняться на ноги, и они помчались по коридору, волоча за собой мантию-невидимку Забежав в пустой класс, они обнаружили профессоров Макгонагалл, Флитвика и Стебль стоящими у разбитого окна.

— Он выпрыгнул! — сказала профессор Макгонагалл Гарри с Полумной.

— Вы хотите сказать, что он мертв? — Гарри рванулся к окну, не обращая внимания на потрясенные восклицания, вырвавшиеся у Флитвика и Стебль при его внезапном появлении.

— Нет, куда там, — с горечью сказала Макгонагалл. — В отличие от Дамблдора, он имел при себе волшебную палочку… ну и выучился, видать, кой-каким штукам от своего хозяина.

Гарри пронизала дрожь ужаса: он увидел вдали огромную, похожую на летучую мышь фигуру, летевшую сквозь тьму к наружным стенам замка.

За их спинами раздались тяжелые шаги и

одышливое дыхание: Слизнорт наконец догнал остальных.

— Гарри! — воскликнул он, потирая широченную грудь под изумрудной пижамой. — Мальчик мой дорогой… Какой сюрприз… Минерва, объясни, пожалуйста… Северус… что…

— Наш директор взял кратковременный отпуск, — сказала профессор Макгонагалл, указывая на дыру в оконном стекле, имевшую очертания Снегга.

— Профессор! — закричал Гарри, прижимая руки ко лбу. Он видел под собой озеро, полное инферналов, чувствовал, как призрачная зеленая лодка утыкается носом в подземный берег и из нее выходит Волан-де-Морт, жаждущий убийства. — Профессор, нужно срочно забаррикадировать школу, он летит сюда!

— Отлично! Сюда летит Тот-Кого-Нельзя-Называть! — сообщила Макгонагалл остальным преподавателям. Стебль и Флитвик ахнули. Слизнорт издал тихий стон. — Поттеру нужно кое-что сделать в замке по приказу Дамблдора. Мы должны пустить в ход все доступные нам способы защиты, пока Поттер будет выполнять задание.

— Вы, конечно, понимаете, что никакие наши усилия не способны отражать Сами-Знаете-Кого

до бесконечности? — пропищал Флитвик.

— Однако задержать его мы можем, — откликнулась профессор Стебль.

— Спасибо, Помона, — сказала профессор Макгонагалл, и волшебницы обменялись мрачнопонимающим взглядом. — Я предлагаю установить сперва базовую защиту по нашим границам, затем собрать каждому своих учеников и встретиться в Большом зале. Большинство из них нужно будет эвакуировать, но если среди совершеннолетних найдутся такие, что захотят остаться и бороться вместе с нами, им, я полагаю, не следует чинить препятствий.

И она удалилась быстрым шагом, бормоча:

— Тентакула. Дьявольские силки. Дремоносные бобы… Да, посмотрю я, как Пожиратели смерти с ними справятся.

— Я могу действовать прямо отсюда, — сказал Флитвик и направил волшебную палочку на разбитое окно, хотя Из-за малого роста вряд ли мог что-нибудь через него увидеть. Он принялся бормотать сложнейшие заклинания, и до Гарри донесся странный порывистый шум, как будто Флитвик выпустил вихри разгуливать по территории замка.

— Профессор, — сказал Гарри, подходя к малень-

кому преподавателю заклинаний, — профессор, простите, что прерываю вас, но это очень важно. Вы не знаете, где находится диадема Кандиды Когтевран?

— Протего хоррибилис… Диадема Кандиды Когтевран? — визгливо пропищал Флитвик. — Конечно, прибавка ума никогда не помешает, Поттер, но боюсь, что в этой ситуации толку от нее будет не много!

— Я просто спросил… Вы не знаете, где она? Вы ее когда-нибудь видели?

— Видел? Никто из ныне живущих ее не видел! Она же исчезла в незапамятные времена, мальчик мой!

Гарри почувствовал смесь отчаянного разочарования и паники. А что же тогда крестраж?

— Мы встретимся с вами и вашими когтевранцами в Большом зале, Филиус! — сказала профессор Макгонагалл, жестом приглашая Гарри и Полумну следовать за собой.

Они были уже у двери, когда Слизнорт разразился речью.

— Честное слово, — выдохнул он, весь бледный и потный, и его моржовые усы задрожали, — ну и суматоха! Не уверен, Минерва, что это разумно. Он уж сумеет проложить себе путь в школу, не

сомневайтесь, и все, кто пытался его задержать, окажутся в ужаснейшей опасности…

— Я ожидаю вас и ваших слизеринцев в Большом зале через двадцать минут, — сказала профессор Макгонагалл. — Если вы хотите эвакуироваться вместе с учениками, мы вас не задерживаем. Но при любой попытке саботировать наше сопротивление или поднять на нас оружие внутри замка мы, Гораций, будем сражаться с вами не на жизнь, а на смерть.

— Минерва! — в ужасе ахнул он.

— Факультету Слизерин пора определиться, на чьей он стороне, — отрезала профессор Макгонагалл. — Отправляйтесь будить ваших учеников, Гораций.

Гарри не слышал, что там дальше фыркал возмущенный Слизнорт: они с Полумной побежали за профессором Макгонагалл. Она остановилась посреди коридора и подняла волшебную палочку:

— Пиертотум… О боже мой, Филч, только не сейчас. — Старый смотритель на всех парах ковылял по коридору с криками:

— Ученики не в постелях! Ученики в коридорах!

— Потому что им так велено, идиот безмозг-

лый! — рявкнула Макгонагалл. — Идите сделайте, наконец, что-нибудь полезное! Найдите Пивза!

— П-пивза? — пролепетал Филч, как будто впервые слышал это имя.

— Да, Пивза, болван, Пивза! Как будто вы не жалуетесь на него непрерывно уже четверть века! Приведите его сию минуту!

Филч явно подумал, что профессор Макгонагалл сошла с ума, однако послушно захромал прочь, опустив голову и что-то тихо бормоча.

— А теперь — Пиертотумлокомотор! — крикнула профессор Макгонагалл.

По всему коридору статуи и доспехи соскочили со своих постаментов. По стуку и треску над головой и под ногами Гарри понял, что то же самое происходит на всех этажах замка.

— Хогвартс в опасности! — воскликнула профессор Макгонагалл. — Охраняйте границы, защищайте нас, выполняйте свой долг перед школой!

С громом и скрежетом толпа движущихся статуй прошествовала мимо Гарри. Некоторые были меньше, некоторые больше натуральной величины. Среди них были и животные, а лязгающие доспехи потрясали мечами и размахивали медными шарами на цепях.

— А теперь, Поттер, — сказала Макгонагалл, — вам и мисс Лавгуд стоит сходить за вашими друзьями и привести их в Большой зал. А я пойду подниму остальных гриффиндорцев.

Они расстались на ближайшей лестничной площадке, и Гарри с Полумной побежали к тайному входу в Выручайкомнату. По дороге им попадались толпы школьников, по большей части в дорожных мантиях поверх пижам; учителя и старосты вели их в Большой зал.

— Это был Поттер!

— Гарри Поттер!

— Это был он, честное слово, я его видел!

Но Гарри не оборачивался. Наконец они добрались до Выручайкомнаты. Гарри прислонился к волшебной стене, и она открылась, пропуская их. Гарри с Полумной быстро спустились по крутым ступеням.

— Чт…

Гарри остолбенел, увидев, что творилось в Выручайкомнате. Она была битком набита — народу оказалось намного больше, чем когда он отсюда уходил. На него смотрели Кингсли и Люпин, Оливер Вуд, Кэти Белл, Анджелина Джонсон и Алисия Спиннет, Билл и Флер, мистер и миссис Уизли.

— Что там происходит, Гарри? — Люпин встре-

тил его у подножия лестницы.

— Волан-де-Морт летит сюда, преподаватели баррикадируют школу… Снегг сбежал… Что вы все здесь делаете? Как вы узнали?

— Мы разослали весть всем членам Отряда Дамблдора, — объяснил Фред. — Кто же согласится упустить такое развлечение, Гарри? А ОД известил Орден Феникса, и все покатилось, как снежный ком.

— С чего начнем, Гарри? — окликнул его Джордж. — Что происходит?

— Идет эвакуация несовершеннолетних, и всех ждут в Большом зале на организационное собрание, — сказал Гарри. — Война началась.

Поднялась суматоха. Все бросились к ступенькам. Гарри вжался в стену и смотрел, как они пробегают мимо него, торопясь в главное здание: члены Ордена Феникса и Отряда Дамблдора и игроки бывшей команды Гарри по квиддичу, все с палочками на изготовку.

— Идем, Полумна, — позвал на ходу Дин, протягивая свободную руку. Полумна ухватилась за нее и поспешила за Дином к ступенькам.

Толпа редела. В Выручайкомнате осталось всего несколько человек, и Гарри подошел к ним. Миссис Уизли бранилась с Джинни. Вокруг стоя-

ли Люпин, Фред, Джордж, Билл и Флер.

— Ты несовершеннолетняя! — кричала миссис Уизли на дочь. — Я не разрешаю! Мальчики — ладно, но ты… ты должна вернуться домой.

— Не пойду! — Джинни вырвалась из рук матери, волосы у нее растрепались. — Я — член Отряда Дамблдора!

— Шайка подростков!

— Эта шайка подростков собирается сразиться с ним, а больше на это пока никто не решился! — сказал Фред.

— Ей шестнадцать лет! — кричала миссис Уизли. — Она еще маленькая! О чем вы думали, когда брали ее с собой…

Вид у Фреда и Джорджа был слегка смущенный.

— Мама права, Джинни, — мягко сказал Билл. — Тебе нельзя здесь оставаться. Всех несовершеннолетних эвакуируют, и это правильно.

— Не могу я пойти домой! — Слезы ярости хлынули из глаз Джинни. — Вся моя семья здесь. Я не могу сидеть там одна, не зная… — Она впервые подняла глаза на Гарри и умоляюще посмотрела на него, но он покачал головой, и Джинни обиженно отвернулась. — Хорошо, — сказала она, глядя на отверстие туннеля, ведущего в «Кабанью

голову». — Что ж, тогда до свидания всем и…

Послышалось шарканье ног и глухой стук: еще кто-то выбирался из туннеля, споткнулся на ступеньках и упал. кое-как поднявшись, новоприбывший плюхнулся на ближайший стул, посмотрел вокруг сквозь съехавшие очки в роговой оправе и спросил:

— Я опоздал? Уже началось? Я только что узнал, поэтому…

Перси смолк. Очевидно, он не ожидал, что попадет сразу на семейное собрание. На некоторое время все остолбенели. Наконец Флер повернулась к Люпину и с мужеством отчаяния попыталась нарушить неловкое молчание:

— Как поживает малыш Тедди?

Люпин удивленно посмотрел на нее. Молчание семейства Уизли сгущалось, превращаясь в прочный лед.

— Он… хорошо, спасибо! — громко сказал Люпин. — Тонкс сейчас с ним — у матери.

Перси и остальные Уизли продолжали неподвижно смотреть друг на друга.

— У меня есть фотография! — закричал Люпин, доставая из кармана карточку и протягивая ее Флер и Гарри; они увидели малыша с пучком ярко-бирюзовых волос, машущего толстыми

кулачками.

— Я был дураком! — воскликнул Перси так громко, что Люпин чуть не выронил фотографию. — Я был полным идиотом, самодовольным кретином, я был…

— Обожающим Министерство, предавшим свою семью, жадным до власти дебилом, — закончил Фред.

Перси тяжело вздохнул:

— Да, так и есть.

— Что ж, зато честнее некуда, — сказал Фред, протягивая руку Перси.

Миссис Уизли разрыдалась. Она бросилась вперед, оттолкнула Фреда и так крепко обняла Перси, что тот чуть не задохнулся. Перси поглаживал ее по спине, глядя на отца.

— Папа, прости!

Мистер Уизли быстро сморгнул и тоже поспешил обнять сына.

— Что же заставило тебя одуматься, Перси? — поинтересовался Джордж.

— Это началось уже давно, — сказал Перси, утирая глаза под очками полой своей дорожной мантии. — Но мне нужно было как-то выбраться, а в Министерстве это не просто, они только и делают, что отправляют предателей в тюрьму.

Мне удалось установить связь с Аберфортом, и десять минут назад он мне передал, что Хогвартс готовится вступить в борьбу. Вот я и явился.

— Разумеется, все мы надеемся, что наши старосты возьмут на себя руководство в такое трудное время, как сейчас! — сказал Джордж, очень похоже передразнивая витиеватую манеру Перси. — Что ж, пошли скорее наверх сражаться, а то всех стоящих Пожирателей смерти разберут.

— Так вы теперь моя невестка? — Перси на ходу пожал руку Флер, торопливо шагая к ступенькам вместе с Биллом, Фредом и Джорджем.

— Джинни! — рявкнула миссис Уизли.

Джинни попыталась под шумок семейного примирения проскользнуть наверх вместе со всеми.

— Молли, у меня есть предложение, — сказал Люпин. — Пусть Джинни останется здесь. Тогда она будет вместе с нами и в то же время не в самой гуще схватки.

— Я…

— Отличная идея, — твердо сказал мистер Уизли. — Джинни, ты остаешься в этой комнате, слышишь?

Джинни, похоже, была не в восторге, но под непривычно суровым взглядом отца послушно кивнула. Мистер и миссис Уизли вместе с Люпи-

ном тоже отправились к лестнице.

— Где Рон? — спросил Гарри. — И Гермиона?

— Наверное, они уже в Большом зале, — бросил через плечо мистер Уизли.

— Я не видел, чтобы они проходили мимо меня, — ответил Гарри.

— Они что-то говорили о Туалете, — сказала Джинни. — Вскоре после твоего ухода.

— О туалете?

Гарри прошел через комнату к открытой двери и заглянул в туалет за ней. Там никого не было.

— Ты уверена, что они говорили о ту…

Но тут его шрам пронзила нестерпимая боль, и Выручайкомната исчезла: он смотрел сквозь высокие кованые ворота с крылатыми вепрями на столбах на темную территорию, за которой пылал огнями замок. Нагайна обвивалась вокруг его плеч. Им владела холодная, жестокая сосредоточенность — предвестница убийства.

Глава 31

БИТВА ЗА ХОГВАРТС

Волшебный потолок Большого зала темнел, усыпанный звездами. Под ним за четырьмя длинными столами факультетов сидели растрепанные школьники — кто в дорожной мантии, кто в халате. Среди них мелькали жемчужно-белые фигуры школьных призраков. Все глаза, живые и мертвые, были устремлены на профессора Макгонагалл, выступавшую с возвышения в центре Зала. Позади нее стояли остальные учителя, в том числе и белокурый кентавр Флоренц, а также члены Ордена Феникса, прибывшие для битвы.

— Эвакуацией будут руководить мистер Филч и мадам Помфри. Старосты, по моему сигналу вы организуете свои факультеты и в порядке доставите порученные вам группы к месту эвакуации.

Многие ученики сидели в полном оцепенении. Однако пока Гарри пробирался вдоль стены, высматривая за столом Гриффиндора Рона и Гермиону за столом Пуффендуя поднялся Эрни Макмиллан и громко спросил:

— А если мы хотим остаться и принять участие в битве?

Раздались бурные аплодисменты.

— Совершеннолетним можно остаться, — сказала профессор Макгонагалл.

— А как быть с нашими вещами? — спросила какая-то девочка за столом Когтеврана. — С чемоданами, с совами?

— У нас нет времени паковать имущество, — ответила профессор Макгонагалл. — Наша задача — в целости эвакуировать отсюда вас самих.

— Где профессор Снегг? — выкрикнула девочка за столом Слизерина.

— Он, простите за вульгарное выражение, сделал ноги, — ответила профессор Макгонагалл, и за столами Гриффиндора, Пуффендуя и Когтеврана раздался дружный громкий смех.

Гарри шел по Залу вдоль гриффиндорского стола и искал глазами Рона и Гермиону. Все головы поворачивались ему вслед, и до него доносился сзади громкий шепот.

— Мы уже установили вокруг замка защитные заклинания, — говорила профессор Макгонагалл, — но вряд ли они продержатся долго, если мы не примем дополнительных мер. Поэтому прошу вас двигаться быстро и организованно и

слушаться старост…

Ее последние слова потонули в раскатах другого голоса, разнесшегося по Большому залу. Голос был высокий, холодный и ясный. Невозможно было определить, откуда он исходит: казалось, говорят сами стены. Как чудовище, которым он некогда повелевал, этот голос, возможно, дремал в стенах веками:

— Я знаю, что вы готовитесь к битве.

Из-за столов раздались испуганные вскрики, школьники в ужасе прижимались друг к другу и затравленно озирались, пытаясь понять, откуда доносится голос.

— Ваши усилия тщетны. Вы не можете противостоять мне. Я не хочу вас убивать. Я с большим уважением отношусь к преподавателям Хогвартса. Я не хочу проливать чистую кровь волшебников.

В Зале царила теперь полная тишина, та тишина, что давит на барабанные перепонки и распирает стены.

— Отдайте мне Гарри Поттера, — сказал голос Волан-де-Морта, — и никто из вас не пострадает. Отдайте мне Гарри Поттера, и я оставлю школу в неприкосновенности. Отдайте мне Гарри Поттера, и вы получите награду. Даю вам на раздумье

время до полуночи.

И снова Зал погрузился в тишину. Все головы повернулись, все глаза обратились на Гарри, приковав его к месту тысячей невидимых лучей. Потом Из-за стола Слизерина кто-то поднялся. Он узнал Пэнси Паркинсон. Она замахала руками, крича:

— Да он же здесь! Поттер здесь! Хватайте его!

Гарри не успел произнести и слова, как началось общее движение. Гриффиндорцы перед ним вскочили и, как один, повернулись — но не к Гарри, а к слизеринцам. За ними поднялись пуффендуйцы, и почти в ту же минуту когтевранцы. Все они стояли спиной к Гарри, глядя не на него, а на Пэнси, и он, пораженный и благодарный, увидел, как взвиваются волшебные палочки, извлекаемые из-под мантий и из рукавов.

— Благодарю вас, мисс Паркинсон, — сказала профессор Макгонагалл ровным голосом. — Вы первая покинете этот зал в сопровождении мистера Филча. За вами пойдут остальные ученики вашего факультета.

Гарри услышал шум отодвигаемых скамеек, а затем топот слизеринцев, толпой выходящих в дверь на другой стороне зала.

— Когтевранцы, ваша очередь! — крикнула

профессор Макгонагалл.

Постепенно пустели скамьи у всех четырех столов. За столом Слизерина не осталось никого, но несколько старших когтевранцев продолжали сидеть, когда их товарищи отправились на выход. Еще больше осталось пуффендуйцев, а за столом Гриффиндора по-прежнему сидела половина факультета, так что профессору Макгонагалл пришлось сойти с возвышения и лично выставлять из зала несовершеннолетних.

— Криви, речи быть не может, уходите! И вы, Пике! Гарри торопливо подошел к Уизли, сидевшим вместе за столом Гриффиндора.

— Где Рон и Гермиона?

— Ты их не нашел… — начал мистер Уизли встревоженно.

Но ему пришлось прерваться на полуслове, потому что Кингсли поднялся на возвышение и обратился к оставшимся в зале:

— До полуночи всего полчаса, поэтому нужно действовать быстро! Преподаватели Хогвартса и Орден Феникса согласовали план битвы Профессора Флитвик, Стебль и Макгонагалл поведут группы бойцов на три самые высокие башни: Когтеврана, Астрономическую и Гриффиндора — оттуда открывается прекрасный обзор,

отличная позиция для применения заклятий. Тем временем Римус, — он указал на Люпина, — Артур, — он махнул в сторону мистера Уизли, сидевшего за столом Гриффиндора, — и я поведем свои группы на территорию вокруг замка. Нам нужны люди, которые организуют оборону проходов в школу…

— Это, похоже, работка для нас, — сказал Фред, показывая на себя и Джорджа, и Кингсли кивнул в знак согласия.

— Прекрасно, все предводители в сборе, давайте разделим наше войско.

— Поттер, — сказала профессор Макгонагалл, торопливо подходя к нему, пока ученики, хлынувшие к возвышению, получали назначения и инструкции. — Вы ведь, кажется, искали что-то?

— Что? Да! — сказал Гарри. — Да, конечно!

Он почти забыл о крестраже, забыл, что битва будет дана для того, чтобы он мог его отыскать. Необъяснимое исчезновение Рона и Гермионы на время оттеснило все другие мысли.

— Так идите, Поттер! За дело!

— Да, я иду…

Выбегая из Большого зала в вестибюль, где толпились эвакуируемые ученики, он спиной чувствовал провожавшие его взгляды. Гар-

ри позволил движению толпы увлечь себя по мраморной лестнице, но, дойдя до площадки, рванулся прочь по пустынному коридору. Панический страх не давал ему сосредоточиться. Он пытался успокоиться, сосредоточиться на поисках крестража, но мысли бились в голове бесцельно и бестолково, как осы в стеклянной банке. Похоже, без помощи Рона и Гермионы он не способен был в них разобраться. Гарри замедлил шаги, остановился посреди пустого коридора и, присев на опустевший постамент какой-то ушедшей на битву статуи, достал из мешочка на шее Карту Мародеров. Он не нашел на ней имен Рона и Гермионы; плотные ряды точек, двигавшихся сейчас к Выручайкомнате, могли, казалось ему, заслонить друзей. Он убрал Карту, прижал ладони к лицу и закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями…

Волан-де-Морт думал, что я отправлюсь в башню Когтеврана.

Вот оно: несомненный факт, точка отсчета. Волан-де-Морт велел Алекто дожидаться в общей гостиной Когтеврана, и этому могло быть только одно объяснение: Волан-де-Морт опасался, что Гарри уже известно о связи крестража с этим факультетом.

Однако другого предмета, связанного с Когтевраном, кроме исчезнувшей диадемы, похоже, нет… Может ли диадема быть крестражем? Возможно ли, что Волан-де-Морт, слизеринец, отыскал диадему, которую не могли найти столько поколений когтевранцев? Кто мог указать ему ее местонахождение, если никто из ныне живущих ее не видел?

Никто из ныне живущих…

Глаза Гарри широко открылись под прижатыми пальцами. Он вскочил с постамента и вихрем помчался обратно за последней своей надеждой. Звук сотен шагов, направлявшихся к Выручай-комнате, зазвучал громче — Гарри снова был неподалеку от мраморной лестницы. Старосты выкрикивали инструкции, стараясь не упускать из виду учеников своего факультета. Было много суматохи и толкотни. Гарри увидел Захарию Смита, расталкивавшего первокурсников, чтобы попасть к голове очереди. Многие младшие ученики плакали, а старшие отчаянно звали друзей, братьев и сестер..!

Гарри увидел жемчужно-белую фигуру, двигавшуюся через вестибюль внизу, и крикнул во всю мочь, перекрывая шум:

— Ник! НИК! Мне нужно с тобой поговорить!

Он протиснулся через толпу школьников и наконец добрался до площадки, где стоял, поджидая его, Почти Безголовый Ник, привидение башни Гриффиндора.

— Гарри! Милый мой мальчик!

Ник радостно взял руки Гарри в свои. Гарри показалось, что его кисти окунули в ледяную воду.

— Ник, ты должен мне помочь. Кто у нас привидение башни Когтеврана?

Почти Безголовый Ник посмотрел на него с удивлением и легкой обидой.

— Серая Дама, конечно; но если тебе нужны услуги призрака…

— Мне нужна именно она. Ты знаешь, где ее искать?

— Надо посмотреть…

Голова Ника закачалась на воротнике, он крутил ею туда-сюда, вглядываясь в толпу школьников.

— Вон она, Гарри, вон та молодая женщина с длинными волосами.

Гарри проследил глазами за прозрачным пальцем Ника и увидел высокую призрачную фигуру, которая, почувствовав, что на нее глядят, приподняла брови и удалилась сквозь сплошную стену.

Гарри помчался за ней. Вбежав в коридор, куда

она просочилась, он увидел Серую Даму на другом конце; она все также тихо скользила прочь.

— Эй… подождите… не уходите!

Привидение остановилось, паря над полом. Гарри подумал, что она, наверное, была красавицей со своими волосами до пояса и развевающейся до самой земли мантией, но вид у нее был высокомерный и неприступный. Подойдя ближе, он узнал привидение, которое не раз встречал в коридорах, но никогда с ним не разговаривал.

— Вы — Серая Дама? Она молча кивнула.

— Привидение башни Когтеврана?

— Верно.

Тон у нее был не слишком ободряющий.

— Прошу вас… мне нужна ваша помощь. Расскажите мне все, что знаете об исчезнувшей диадеме.

Ее губы искривились в холодной улыбке.

— Боюсь, — сказала она, поворачиваясь, чтобы уйти, — что ничем не могу вам помочь.

— ПОДОЖДИТЕ!

Гарри не собирался кричать, но не мог больше сдерживать раздражение и панику. Когда Серая Дама остановилась перед ним, он взглянул на часы — было без четверти двенадцать.

— Это очень срочно, — горячо заговорил он. —

Если диадема в Хогвартсе, я должен найти ее, и как можно быстрее.

— Вы не первый школьник, возмечтавший о диадеме, — презрительно откликнулась Серая Дама. — Уже много поколений здешних учеников не дают мне покоя…

— Речь не о том, чтобы получить оценки получше! — закричал на нее Гарри. — Речь о Волан-де-Морте, о том, чтобы его победить. Или вы в этом не заинтересованы?

Она не могла покраснеть, однако ее прозрачные щеки слегка помутнели, а голос зазвучал сердито:

— Разумеется, я… как вы посмели предположить…

— Тогда помогите мне.

Вся ее самоуверенность исчезла.

— Дело не… не в том… — пробормотало привидение. — Диадема моей матери…

— Вашей матери?

Серая Дама, похоже, сердилась на себя за откровенность.

— При жизни, — сказала она холодно, — я была Еленой Когтевран.

— Вы ее дочь? Тогда вы должны знать, что случилось с диадемой!

— Диадема придает ума, — ответило привидение, явно пытаясь набраться храбрости. — Не думаю, чтобы она была вам очень полезна в борьбе с волшебником, который называет себя Властелином…

— Я же сказал вам: я не собираюсь ее носить! — горячо заговорил Гарри. — Сейчас нет времени для объяснений, но если вам дорог Хогвартс, если вы хотите увидеть, как покончат с Волан-де-Мортом, вы должны сказать мне все, что знаете об этой диадеме!

Серая Дама замерла в воздухе, глядя на него, и на Гарри нахлынуло чувство безнадежности. Если бы она что-то знала, то, уж конечно, рассказала бы об этом Флитвику или Дамблдору, которые, надо думать, задавали ей этот вопрос. Он покачал головой и уже готов был уйти, как вдруг она тихо сказала:

— Я украла диадему у матери.

— Вы… что вы сделали?

— Я украла диадему, — шепотом повторила Елена Когтевран. — Я хотела стать умнее матери, значительнее, чем она. Я сбежала с диадемой.

Гарри не знал и не спрашивал, чем заслужил ее доверие. Он просто слушал, а она продолжала:

— Говорят, моя мать отказывалась признать,

что диадема исчезла, и уверяла всех, что она по-прежнему у нее. Она скрыла свою потерю и мое страшное предательство даже от остальных основателей Хогвартса. А потом моя мать заболела… смертельно заболела. Хотя я ее предала, она очень хотела еще раз увидеться со мной. Она послала на поиски человека, который долго был в меня влюблен, хотя я отвергала его ухаживания. Мать знала, что он не успокоится, пока не выполнит поручение.

Гарри ждал. Серая Дама глубоко вздохнула и откинула голову.

— Он выследил меня в лесу, где я скрывалась. Когда я отказалась вернуться с ним, он пришел в ярость. У Барона всегда был бешеный темперамент. В ярости от моего отказа, ревнуя к моей свободе, он ударил меня кинжалом.

— Барон? Тот самый?..

— Да, Кровавый Барон, — сказала Серая Дама и слегка раздвинула мантию, показав темную рану на своей белой груди. — Когда он увидел, что натворил, его обуяло раскаяние. Он схватил оружие, лишившее меня жизни, и нанес себе смертельный удар. И сейчас, столько веков спустя, он носит на себе цепи в знак покаяния… И поделом, — добавила она горько.

— А… а диадема?

— Она осталась там, где я ее спрятала, заслышав приближение Барона. В дупле старого дерева.

— В дупле старого дерева? — переспросил Гарри. — Какого дерева? Где это было?

— В лесах Албании. В безлюдном месте, где, как я надеялась, мать меня не найдет.

— В Албании, — повторил Гарри.

За путаницей стал чудесным образом проглядывать смысл. Теперь Гарри понимал, почему она рассказала ему то, что не захотела открыть Дамблдору и Флитвику.

— Вы уже однажды рассказывали эту историю, правда? Другому школьнику?

Она прикрыла глаза и кивнула.

— Я… понятия не имела… он был так… любезен. Казалось, он понимает меня… сочувствует…

«Да, — подумал Гарри, — Том Реддл, конечно, понимал желание Елены Когтевран завладеть сокровищем, на которое у нее не было права».

— Что ж, вы не первая, у кого Реддл выманил принадлежащие им вещи, — пробормотал Гарри. — Он умел быть обаятельным, когда хотел…

Значит, Волан-де-Морту удалось выведать у Серой Дамы, где находится исчезнувшая диадема. И он отправился в этот далекий лес и забрал

сокровище из тайника; наверное, он сделал это сразу по окончании Хогвартса, прежде чем начать работать у «Горбина и Бэркеса».

И не эти ли безлюдные албанские леса стали отличным укрытием, когда спустя немало времени Волан-де-Морту понадобилось место, где он мог бы залечь на дно, никем не тревожимый, на десять долгих лет?

Но диадема, превращенная в драгоценный крестраж, уже не могла оставаться в каком-то дупле… Нет, диадема была тайно возвращена на свою подлинную родину. Наверное, Волан-де-Морт принес ее сюда…

— В ту ночь, когда он явился просить места! — Гарри закончил свою мысль вслух.

— Что вы сказали?

— Он спрятал диадему здесь, в замке, в ту ночь, когда приходил к Дамблдору просить место преподавателя! — сказал Гарри. Произнеся это вслух, он вдруг все понял. — Видимо, он спрятал диадему, когда поднимался к Дамблдору… или спускался от него! Конечно, попытаться получить место тоже стоило, а ведь мог еще представиться шанс стащить меч Гриффиндора… Спасибо вам, спасибо!

Гарри оставил призрак парить в воздухе с

выражением крайнего недоумения. По дороге обратно в вестибюль он снова взглянул на часы. До полуночи оставалось пять минут, и хотя он знал теперь, что представляет из себя последний крестраж, он понятия не имел, где он может быть…

Многие поколения школьников тщетно искали диадему. Это наводило на мысль, что вряд ли она находится в башне Когтеврана. Но где же тогда? Какой тайник мог найти Том Реддл в Хогвартсе, чтобы надеяться на вечную ее сохранность?

Погруженный в безнадежные раздумья, Гарри свернул за угол, но не успел пройти по очередному коридору и нескольких шагов, как слева от него с оглушительным звоном разбилось окно. Гарри едва успел отскочить в сторону — в оконный проем влетело огромное тело, врезавшись в противоположную стену. что-то большое и мохнатое, скуля, отделилось от новоприбывшего и бросилось к Гарри.

— Хагрид! — завопил Гарри, уворачиваясь от собачьих нежностей Клыка. — Какого…

Огромная бородатая фигура наконец поднялась на ноги.

— Гарри, ты здеся! Ты здеся!

Хагрид нагнулся, быстро обнял Гарри, так что у того захрустели ребра, и бросился обратно к

разбитому окну.

— Молодец, Грошик! — крикнул он в проем. — Я сейчас к тебе спущусь, будь умницей!

Через голову Хагрида Гарри увидел в темноте за окном отдаленные вспышки и услышал странный, воющий звук. Он взглянул на часы: полночь. Битва началась.

— Батюшки-светы, Гарри, — ахнул Хагрид. — Это оно, а? Началась заварушка?

— Хагрид, откуда ты взялся?

— Мы услыхали Сам-Знаешь-Кого из нашей пещеры, — мрачно ответил Хагрид. — Во голосок-то, а? До полночи, мол, жду, а потом гоните мне Поттера. Я понял, что ты, стало быть, туточки, понял, какие дела творятся. Отвяжись, Клык. Ну мы и пришли тебе подсобить — с Грошиком и с Клыком. Прорвались сквозь границу лесом, Грошик нас тащил, меня и Клыка. Я сказал ему, что мне надо в замок, вот он и запустил меня в окно, дай ему Бог здоровья. Не совсем то, что я хотел, ну да… А где же Рон и Гермиона?

— Хороший вопрос, — сказал Гарри. — Пойдем. Вместе они торопливо зашагали по проходу, за ними трусил Клык. Гарри слышал движение во всех коридорах: топот бегущих ног, крики, в потемневших окнах отражались все новые

вспышки на территории замка.

— Куда мы идем? — спросил запыхавшийся Хагрид, тяжело ступая вслед за Гарри по стонущим половицам.

— Не знаю точно, — ответил Гарри, снова сворачивая куда-то наудачу. — Но Рон и Гермиона должны быть где-то тут.

В конце коридора уже лежали первые жертвы начавшейся битвы — двух каменных горгулий, обычно охранявших вход в учительскую, раскололо на куски заклятием, влетевшим в другое разбитое окно. Их останки слабо шевелились на полу. Когда Гарри склонился над одной из отвалившихся голов, она слабо произнесла:

— Не обращайте на меня внимания… Я буду просто лежать тут и крошиться…

Ее уродливое каменное лицо вдруг напомнило Гарри виденный в доме Ксенофилиуса мраморный бюст Кандиды с ее нелепым головным убором, а потом статую в башне Когтеврана с каменной диадемой на беломраморных кудрях…

Дойдя до конца коридора, он вспомнил еще одно каменное изваяние: уродливого колдуна, которому сам Гарри нахлобучил на голову парик и старую помятую корону. У Гарри вдруг зашумело в ушах, как от огненного виски, и он чуть

не споткнулся.

Теперь он знал, где дожидается его последний крестраж…

Том Реддл, не доверявший никому и действовавший всегда в одиночку, имел наглость думать, что он и только он один проник в глубочайшие тайны Хогвартского замка. Конечно, такие примерные ученики, как Дамблдор и Флитвик, никогда не заходили в это место, но он-то, Гарри, не всегда держался проторенных путей во время своей учебы в школе. наконец-то нашелся секрет, известный ему и Волан-де-Морту, о котором даже не подозревал Дамблдор!

Его спугнула профессор Стебль, прошедшая мимо в сопровождении Невилла и дюжины других учеников, все в наушниках-заглушках и с большими цветочными горшками в руках.

— Мандрагоры! — крикнул Невилл через плечо, пробегая мимо Гарри. — Мы будем бросать их через стены — посмотрим, как это понравится приспешникам Волан-де-Морта.

Гарри знал теперь, куда идет. Он ускорил шаги, а за ним припустились Хагрид и Клык. Они шли мимо длинного ряда портретов и видели, как изображения — волшебники и волшебницы в кружевных воротниках и камзолах, доспехах и

мантиях — сходили со своих мест и перебирались в рамы друг к другу, выкрикивая новости о происходившем в других частях замка. Гарри с Хагридом добрались уже до конца коридора, когда внезапно весь замок содрогнулся. Глядя, как слетает со своего постамента огромная ваза, Гарри понял, что над Хогвартсом сгустились чары более страшные, чем те, которыми владели его преподаватели и Орден Феникса.

— Не бойся, Клык, не бойся! — уговаривал Хагрид, но огромный пес пустился наутек от осколков фарфора, разлетавшихся по воздуху, как шрапнель, и Хагрид бросился вдогонку за перепуганной собакой, оставив Гарри в одиночестве.

Гарри побрел по сотрясающимся переходам, держа палочку наготове. В одном из коридоров позади него перебегал от портрета к портрету маленький нарисованный рыцарь, сэр Кэдоган, бряцая доспехами; он подбадривал остальных воинственными криками, а за ним трусил рысцой его жирный пони.

— Мошенники, негодяи, псы, подлое отродье! Задай им, Гарри Поттер, гони их всех!

Гарри поспешно повернул за угол и увидел там Фреда с маленькой группой школьников — он узнал Ли Джордана и Ханну Аббот; они стояли у

другого опустевшего постамента, чья статуя раньше заслоняла тайный проход. Держа палочки наготове, ребята приложили уши к замаскированному отверстию.

— Веселая ночка! — крикнул Фред, когда замок вновь сотрясся, и Гарри промчался мимо, подстегиваемый смесью ужаса и восторга. Он влетел в следующий коридор и увидел мечущихся по нему сов. Миссис Норрис отчаянно мяукала и пыталась ударить их лапами, видимо желая загнать на место…

— Поттер!

Дорогу ему преградил Аберфорт Дамблдор с палочкой на изготовку.

— Через мой трактир сигают сотни детишек, Поттер!

— Я знаю, мы эвакуируем их, — сказал Гарри. — Волан-де-Морт…

— Напал на школу, потому что они отказались тебя выдать, ну да, — сказал Аберфорт. — Я не глухой, весь Хогсмид слышал его голос. Неужели никому из вас не пришло в голову оставить несколько слизеринцев заложниками? Вы отправили в безопасное место потомство Пожирателей смерти. Разве не умнее было оставить их здесь?

— Волан-де-Морта это не остановило бы, —

сказал Гарри. — И ваш брат никогда бы так не поступил.

Аберфорт фыркнул, повернулся и пошел в другую сторону.

Ваш брат никогда бы так не поступил… Что ж, это была правда. Дамблдор, столько лет защищавший Снегга, ни за что бы не согласился использовать учеников как живое прикрытие…

Наконец Гарри свернул в последний коридор и издал вопль облегчения и ярости: перед ним стояли Рон и Гермиона и оба держали в охапке что-то желтое, большое, изогнутое и грязное. Под мышкой у Рона торчала метла.

— Где вас только носило? — закричал Гарри.

— Тайная комната, — ответил Рон.

— Какая… комната? — Гарри резко затормозил перед ними.

— Это Рон, это его идея! — захлебываясь, рассказывала Гермиона. — Полный блеск, правда? Когда ты ушел, я спросила Рона, а если мы найдем следующую штуку, как мы с ней покончим? Мы ведь до сих пор ничего не сделали с чашей. И тут его осенило! Василиск!

— При чем тут…

— что-то, способное уничтожить крестраж, — просто сказал Рон.

Гарри снова взглянул на странные предметы, которые держали Рон и Гермиона: большие, изогнутые клыки, вырванные, как он теперь понимал, из головы мертвого василиска.

— Но как вы туда проникли? — спросил он, переводя глаза с клыков на Рона. — Ведь для этого нужно говорить по-змеиному!

— Он и говорил! — прошептала Гермиона. — Покажи ему, Рон!

Рон издал странное приглушенное шипение.

— Я ведь слышал, как ты открывал медальон, — сказал он Гарри извиняющимся тоном. — У меня получилось не с первого раза, но, — он смущенно пожал плечами, — в конце концов мы туда вошли.

— Он был просто великолепен! — сказала Гермиона. — Великолепен!

— Так вы… — Гарри из всех сил старался понять. — Вы…

— Мы уничтожили очередной крестраж. — Рон достал из-под куртки искореженные остатки чаши Пуффендуя. — Гермиона разбила ее клыком василиска. Я решил, что должен уступить ей, — у нее еще не было случая получить это удовольствие.

— Ты гений! — закричал Гарри.

— Ерунда, — сказал Рон, хотя выглядел очень довольным собой. — А у тебя что новенького?

В это время наверху раздался взрыв. С потолка посыпалась пыль. Вся троица посмотрела наверх и услышала отдаленный крик.

— Я знаю, как выглядит диадема, и я знаю, где она, — быстро проговорил Гарри. — Он спрятал ее там же, где я когда-то спрятал свой старый учебник по зельеварению, там, где все веками прятали всякий хлам. Он думал, что, кроме него, ее никто там не найдет. Пошли.

Стены снова задрожали. Он повел Рона и Гермиону через замаскированный вход на лестницу— А, Поттер, — решительно произнесла она, как будто ожидала его появления. — Расскажите нам, что происходит.

— Все целы? — хором спросили Джинни и Тонкс.

— Вроде да, — ответил Гарри. — Остались еще люди в проходе в «Кабанью голову»?

Он знал, что комната не может изменяться, пока в ней остаются люди.

— Я прошла по нему последняя, — сказала миссис Долгопупс, — и запечатала вход, потому что, мне кажется, сейчас небезопасно оставлять его открытым. Аберфорт покинул свой трактир. Ты

видел моего внука?

— Он сражается, — ответил Гарри.

— Разумеется, — гордо сказала старая леди. — Простите, я должна идти к нему на помощь. — И она с поразительной быстротой зашагала к ступенькам.

Гарри взглянул на Тонкс:

— А я думал, вы у матери с малышом Тедди.

— Я не могла вынести неизвестность… — У Тонкс был подавленный вид. — Ты не видел Римуса?

— Он собирался вести группу бойцов на территорию замка…

Тонкс без дальних слов бросилась вон.

— Джинни, — сказал Гарри. — Прости, но нам придется попросить и тебя выйти. Совсем ненадолго. Потом можешь заходить обратно.

Джинни, судя по всему, страшно обрадовалась, что ее выпускают из укрытия.

— Потом ты должна будешь вернуться в Выручайкомнату! — крикнул он ей вслед, пока она бежала по ступенькам вслед за Тонкс. — Ты должна будешь зайти обратно!

— Погоди минуту, — резко сказал Рон. — Мы кое-кого забыли!

— Кого? — спросила Гермиона.

— эльфов-домовиков, они ведь все внизу, в кухне, так?

— Ты думаешь, нам стоит поднять их на борьбу? — спросил Гарри.

— Нет, — сказал Рон серьезно. — Я думаю, что мы должны предложить им эвакуацию. Мы ведь не хотим, чтобы повторилась история с Добби? Мы не имеем права заставлять их гибнуть за нас…

Раздался грохот — это Гермиона выронила клыки василиска. Подбежав к Рону, она закинула руки вокруг его шеи и поцеловала прямо в губы. Рон бросил на пол клыки и зажатую под мышкой метлу и ответил на ее объятие с такой горячностью, что даже оторвал Гермиону от пола.

— Нашли время! — негромко сказал Гарри. Никакой реакции: Рон и Гермиона только крепче прижались друг к другу. — Эй, — сказал Гарри уже громче, — Мы ведь на войне!

Рон и Гермиона оторвались друг от друга, не размыкая объятий.

— Я знаю, друг. — Рон выглядел так, будто его только что ударили по затылку бладжером. — Поэтому сейчас или никогда, понимаешь?

— Хорошо-хорошо, а как же быть с крестражем? — крикнул Гарри. — Вы не могли бы…

немного подождать, пока мы не отыщем диадему?

— Да… ты прав… прости, — сказал Рон.

Они с Гермионой стали подбирать клыки василиска, оба залившись густым румянцем.

Когда они втроем вышли в коридор, стало ясно, что за несколько минут, проведенных ими в Выручайкомнате, положение значительно ухудшилось: стены и потолок ходили ходуном, воздух был наполнен пылью, а в окнах мелькали красные и зеленые вспышки, долетавшие до подножия замка. Он понял, что Пожиратели смерти вот-вот будут здесь. Внизу Гарри увидел великана Грохха, петлявшего по территории, громко крича и размахивая чем-то вроде каменной горгульи, сорванной с крыши.

— Будем надеяться, что он наступил на кого-то из них! — сказал Рон, услышав неподалеку крик.

— Если только это не кто-нибудь из наших, — раздался голос у них за спиной.

Гарри обернулся и увидел Джинни и Тонкс, направивших палочки на соседнее окно, стекла которого были выбиты. Джинни как раз метко пустила заклятие в толпившихся внизу Пожирателей.

— Молодец! — крикнул кто-то, пробираясь к

ним сквозь тучи поднятой пыли. Гарри узнал Аберфорта, его седые волосы развевались; он вел по коридору группу школьников. — Похоже, они сейчас проломят северную стену — они привели с собой великанов!

— Вы не видели Римуса? — крикнула ему вслед Тонкс.

— Он сражался с Долоховым, — ответил Аберфорт. — А с тех пор я его не видел.

— Тонкс, — сказала Джинни, — с ним все в порядке, вот увидишь.

Но Тонкс уже бежала сквозь пыльную мглу вслед за Аберфортом.

Джинни растерянно повернулась к Гарри, Рону и Гермионе.

— Все будет хорошо, — сказал Гарри, хотя и понимал, что это пустые слова. — Джинни, мы сейчас вернемся — побудь тут в уголке, никуда не ходи… Пошли, — обратился он к Рону и Гермионе. И они побежали обратно к той стене, за которой Выручайкомната дожидалась новых просьб.

«Мне нужно место, где все спрятано», — взмолился Гарри про себя, и, когда они пробегали мимо в третий раз, в стене появилась дверь.

Едва они переступили порог и закрыли за собой дверь, шум битвы смолк: их обступила полная

тишина. Они оказались в помещении размером с большой собор и похожем на город. Его башни состояли из предметов, спрятанных здесь тысячами давно покинувших Хогвартс школьников.

— Неужели он не понял, что сюда может войти любой? — спросил Рон. Его голос гулко разнесся под сводами.

— Он думал, что он один такой, — ответил Гарри. — Ему просто не повезло, что и мне в свое время нужно было кое-что спрятать… Сюда, — добавил он. — Я думаю, он там…

Он прошел мимо чучела тролля и Исчезательного шкафа, который Драко Малфой починил в прошлом году с такими печальными последствиями, и заколебался, обводя глазами проходы между грудами хлама. Он не мог вспомнить, куда теперь идти…

— Акцио, диадема! — в отчаянии воскликнула Гермиона, но ничего не произошло.

Похоже, Выручайкомната, как и подвалы «Гринготтса», не выдавала так легко вверенные ей предметы.

— Давайте разойдемся, — предложил Гарри. — Ищите каменный бюст старика в парике и короне! Он стоял на буфете, это должно быть где-то поблизости…

Они двинулись по проходам. Гарри слышал, как раздаются шаги его друзей за грудами бутылок, шляп, коробок, стульев, книг, оружия, метл, бит для квиддича…

— Где-то здесь, — бормотал Гарри себе под нос. — Где-то… где-то…

Он углублялся все дальше в лабиринт, ища предметы, которые видел в свое предыдущее посещение. Кровь загудела у него в ушах, сердце дрогнуло: вот он, справа — потрепанный старинный буфет, в который он спрятал когда-то свой старый учебник по зельеварению. Наверху стоял щербатый каменный бюст волшебника в пыльном обтрепанном парике и чем-то вроде потускневшей старинной короны.

Он вытянул руку, не дойдя еще десяти шагов, как вдруг за его спиной раздался голос:

— Поттер, стой!

Он резко затормозил и обернулся. За его спиной стояли плечом к плечу Крэбб и Гойл, наставив на него волшебные палочки. А потом в узкий просвет между их глумливыми рожами он увидел Драко Малфоя.

— У тебя в руках моя палочка, Поттер! — Малфой наставил на него свою через щель между Крэббом и Гойлом.

— Нет, уже не твоя, — ответил Гарри, крепче сжимая палочку из боярышника. — Я получил ее в честном бою, Малфой. А кто одолжил тебе эту?

— Моя мать, — ответил Малфой.

Гарри рассмеялся, хотя ситуация была не из веселых. Рон и Гермиона словно пропали куда-то. Похоже, в поисках диадемы они ушли за пределы слышимости.

— А что это вы трое не с Волан-де-Мортом? — спросил Гарри.

— Хотим получить награду, — ответил Крэбб. У него был удивительно нежный голос для такого огромного тела. Гарри вообще, кажется, не случалось прежде слышать, чтобы он открывал рот. Крэбб блаженно улыбался, как маленький ребенок, которому пообещали мешок конфет. — Мы остались тут, Поттер. Решили не эвакуироваться. Решили доставить тебя к нему.

— Отличный план! — сказал Гарри с насмешливым восхищением.

Он не мог поверить, что Малфой, Крэбб и Гойл задержат его в двух шагах от цели. Медленно, спиной, он стал отступать к каменному бюсту со съехавшим на бок крестражем. Успеть бы схватить его прежде, чем начнется борьба…

— А как вы сюда попали? — поинтересовался

он, чтобы отвлечь их.

— Я весь прошлый год только что не ночевал в Комнате Спрятанных Вещей, — откликнулся Малфой ломким голосом. — Я знаю, как сюда попасть.

— Мы прятались в коридоре снаружи, — хрюкнул Гойл. — Мы теперь умеем выполнять Маскирующие чары. А тут ты выскочил Из-за угла прямо перед нами, — его лицо расплылось в тупой ухмылке, — и бормочешь, что тебе нужна диадама. Что еще за диадама?

— Гарри? — раздался голос Рона Из-за стены справа от Гарри. — С кем это ты там разговариваешь?

Крэбб сделал быстрый выпад волшебной палочкой в сторону высоченной стены из старой мебели, помятых чемоданов, книг, одежды и всякой не поддающейся опознанию рухляди и крикнул:

— Десцендо!

Стена задрожала и обрушилась в соседний проход, где стоял Рон.

— Рон! — завопил Гарри, и тут где-то вдали раздался вскрик Гермионы. Гарри увидел, как лавина предметов катится на пол с другой стороны от полуразрушенной стены. Он направил

палочку на ее остатки, крикнул: — Финише! — и лавина остановилась.

— Нет! — крикнул Малфой, перехватывая руку Крэбба, собиравшегося повторить заклятие. — Если ты обрушишь комнату, мы уже не найдем под обломками эту диадему!

— Ну и что? — сказал Крэбб, вырываясь. — Темный Лорд просил Поттера, а не диадему!

— Поттер пришел сюда за ней, — сказал Малфой с плохо скрытой досадой на тупость своих товарищей. — А это должно означать…

— Должно означать? — набросился Крэбб на Малфоя с откровенной яростью. — Кого тут интересуют твои рассуждения? Я не собираюсь больше выслушивать от тебя приказы, Драко. Ты и твой папаша — конченые люди.

— Гарри! — снова крикнул Рон Из-за стены хлама. — Что происходит?

— Гарри! — передразнил Крэбб. — Что происходит… Нет, Поттер! Круцио!

Гарри протянул руку за короной. Заклятие Крэбба не попало в него, а ударилось в каменный бюст, подлетевший в воздух. Диадема соскользнула с его верхушки и скрылась из глаз в нагромождений рухляди внизу.

— Прекрати! — закричал Малфой на Крэбба,

и крик его разнесся по всему огромному помещению. — Темный Лорд хочет получить его живым…

— А что, я убиваю его, что ли? — рявкнул Крэбб, сбрасывая удерживающую руку Малфоя. — Хотя, если получится, я его все же убью. Темный Лорд так или иначе хочет его смерти, так не все ли равно?..

Совсем рядом с Гарри полыхнуло алое пламя: позади них Из-за угла выбежала Гермиона и метнула Оглушающее заклятие прямо в голову Крэбба. Она не попала только потому, что Малфой успел оттолкнуть Крэбба в сторону.

— Грязнокровка! Авада Кедавра!

Гарри увидел, как Гермиона пригнулась, уворачиваясь, и бешенство на Крэбба, покусившегося на убийство, затмило в нем все другие чувства и мысли. Он выстрелил Оглушающим заклятием в Крэбба, который, отскочив, выбил волшебную палочку из рук Малфоя. Она тут же исчезла из глаз в груде поломанной мебели и коробок.

— Не убивайте его! НЕ УБИВАЙТЕ ЕГО! — крикнул Малфой Крэббу и Гойлу, нацелившим палочки на Гарри. Гарри сумел воспользоваться их секундным колебанием.

— Экспеллиармус!

Палочка Гойла вырвалась из рук хозяина и исчезла в завалах за его спиной. Гойл бестолково затоптался на месте, пытаясь отыскать ее. Малфой увернулся от второго Оглушающего заклятия Гермионы, а Рон, внезапно появившийся в конце прохода, пальнул в Крэбба полновесным Заклятием окаменения, но немного промахнулся.

Крэбб круто обернулся и снова выкрикнул:

— Авада Кедавра!

Рон пригнулся, уклоняясь от струи зеленого пламени. Малфой, оставшийся без палочки, спрятался за трехногим гардеробом, и тут на них налетела Гермиона, на ходу поразив Гойла Оглушающим заклятием.

— Она где-то здесь! — крикнул ей Гарри, показывая на кучу хлама, в которую упала диадема. — Поищи, а я пока помогу Ро…

— ГАРРИ! — крикнула она.

За его спиной раздался звук, напоминающий шум прибоя. Он обернулся и увидел, что Рон и Крэбб со всех ног бегут к ним по проходу.

— А горяченького не хочешь, тварь? — проревел Крэбб, подбегая.

Но, похоже, он потерял контроль над своими чарами. Огромные языки пламени гнались за ними, облизывая по краям завалы рухляди, рас-

сыпавшиеся сажей.

— Агуаменти! — заорал Гарри, но струя воды, хлынувшая с конца его волшебной палочки, тут же испарилась.

— БЕЖИМ!

Малфой подхватил оглушенного заклятием Гойла и потащил за собой. Крэбб опередил их всех. Вид у него был до смерти испуганный. Гарри, Рон и Гермиона бежали за ним, а по пятам гнался огонь. Это был не простой огонь. Крэбб применил заклятие, неизвестное Гарри: когда они свернули за угол, языки пламени припустили за ними, как одушевленные, мыслящие, стремящиеся убить их существа. Огонь стал принимать разнообразные формы, превратившись в гигантскую стаю огненных зверей: пылающие змеи, химеры и драконы взмывали ввысь, опускались и снова подымались, и вековые завалы, питавшие их, падали в клыкастые пасти, взлетали вверх под ударами когтистых лап и исчезали в огненной преисподней.

Малфой, Крэбб и Гойл скрылись из виду. Гарри, Рон и Гермиона замерли на месте. Огненные чудища теснили их, придвигаясь все ближе и ближе, выставив рога и когти и колотя хвостами; жар окружил друзей прочной стеной.

— Что делать? — крикнула Гермиона через гудение пламени. — Что нам делать?

— Держи!

Гарри выхватил из ближайшей кучи хлама две тяжелые метлы и бросил одну Рону. Тот оседлал ее и посадил позади себя Гермиону. Гарри сел на вторую, и, с силой оттолкнувшись ногами, они взмыли в воздух; пламя лязгало страшной огненной пастью, совсем немного не дотягиваясь до них. Дым и жар были невыносимы. Под ними заклятый огонь пожирал контрабанду, спрятанную от бдительных глаз поколениями школьников, бесчисленные последствия запрещенных экспериментов, тайны множества душ, искавших здесь укрытия. Как ни вглядывался Гарри, Малфоя, Крэбба и Гойла нигде видно не было. Гарри спустился так низко, как позволяли разверстые пасти огненных чудищ, но не обнаружил ничего, кроме бушующего повсюду пламени. Какая страшная смерть… он этого не хотел…

— Гарри, давай на выход, на выход! — крикнул Рон, хотя найти дверь в густом черном дыму было невозможно.

И тут до Гарри сквозь гудение и треск огромного пожара донесся тихий, жалобный стон.

— Это слишком опасно! — закричал ему Рон, но

Гарри уже развернулся в воздухе. Очки немного защищали его глаза от едкого дыма, и он нырнул в огненную бурю внизу, пытаясь разглядеть что-нибудь живое, не почерневшее от пламени…

И он их увидел: Малфой, стоя на хрупкой пирамиде обугленных столов, держал в объятиях потерявшего сознание Гойла. Гарри нырнул вниз. Малфой увидел его и протянул руку, но, схватив ее, Гарри сразу понял, что это бесполезно: Гойл был слишком тяжел, и мокрая от пота рука Малфоя мгновенно выскользнула из ладони Гарри.

— ЕСЛИ МЫ ПОГИБНЕМ ИЗ-ЗА НИХ, Я УБЬЮ ТЕБЯ, ГАРРИ! — раздался рядом голос Рона. Огромная пылающая химера прыгнула на них, но Рон и Гермиона уже втащили Гойла на свою метлу и взмыли вверх, а Малфой вскарабкался позади Гарри.

— Дверь! Скорее к двери! — простонал Малфой в ухо Гарри.

Гарри рванул метлу ввысь, вслед за Роном, Гермионой и Гойлом, тяжелый густой дым не давал вздохнуть. Вокруг них взлетали в воздух последние предметы, еще не пожранные огнем, как будто чудища заклятого пламени, ликуя, подбрасывали их: чаши и щиты, блестящее ожерелье и старую потускневшую диадему…

— Что ты делаешь? Что ты делаешь, дверь там! — крикнул Малфой, но Гарри резко развернулся и пошел на снижение. Диадема медленно падала, крутясь и поблескивая, в широко раскрытую змеиную пасть, однако он успел подхватить ее, надеть себе на запястье…

Змея кинулась на него, но он увернулся, направил метлу вверх и рванулся туда, где надеялся найти открытую дверь. Рон, Гермиона и Гойл скрылись из виду, а Малфой вцепился так крепко, что Гарри было больно. Наконец Гарри увидел сквозь дым прямоугольную полосу на стене и послал метлу прямо туда. Спустя мгновение его легкие наполнил чистый воздух, и они с Малфоем врезались в стену коридора.

Малфой свалился с метлы и лежал ничком, задыхаясь и кашляя до рвоты. Гарри перекатился на спину и сел. Дверь в Выручайкомнату исчезла, на полу сидели, тяжело дыша, Рон и Гермиона, а рядом с ними Гойл, по-прежнему без сознания.

— К-крэбб, — выдавил Малфой, когда смог наконец говорить. — К-крэбб…

— Его больше нет, — жестко сказал Рон. Наступила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием и кашлем.

Потом замок сотрясся от страшного грохота,

и длинная кавалькада прозрачных всадников галопом промчалась мимо, их зажатые под мышкой головы издавали кровожадные клики. Гарри вскочил на ноги, провожая глазами Клуб обезглавленных охотников, и осмотрелся. Вокруг по-прежнему шла битва. Слышались крики — и это был не только боевой клич отступающих призраков. Страх затопил Гарри ледяной волной!

— Где Джинни? — резко спросил он. — Она была здесь. Мы ей велели возвращаться в Выручайкомнату.

— Ты что, думаешь, Выручайкомната кому-нибудь откроется после такого пожара?. — спросил Рон, однако тоже вскочил, потирая грудь и обводя глазами коридор. — Может, разойдемся в разные стороны и поищем?

— Нет, — сказала Гермиона, тоже поднимаясь. Малфой и Гойл беспомощно лежали на полу; ни у того ни у другого не было волшебной палочки. — Давайте держаться вместе. По-моему, надо пойти… Гарри, что это у тебя на руке?

— Что? Ах да…

Он снял диадему с запястья и поднес к глазам. Она была все еще горячая, почерневшая от копоти, но, вглядевшись, Гарри разобрал выгравированные по ободку мелкие буквы: ума палата

дороже злата.

Из диадемы сочилась жидкость, похожая на кровь, темная и липкая. И вдруг Гарри почувствовал, как металлический ободок задрожал в его руках и распался на куски. В ту же минуту до него донесся отдаленный, еле слышный крик боли, раздававшийся не с территории замка, а из предмета, который он держал в руках.

— Видимо, это было адское пламя, — сказала Гермиона, глядя на осколки диадемы.

— Что?

— Адское пламя — заклятый огонь, одно из тех веществ, которые уничтожают крестражи. Но я бы никогда, ни за что не решилась им воспользоваться, потому что он невероятно опасен. Откуда Крэбб знал, как…

— Видать, научился у Кэрроу, — мрачно сказал Гарри.

— Жаль, что он, видать, плохо слушал, когда они объясняли, как его остановить, — заметил Рон, у которого, как и у Гермионы, волосы обгорели, а лицо было покрыто копотью. — Если бы он не пытался нас убить, я был бы очень огорчен его смертью.

— Ребята, вы что, не понимаете? — прошептала Гермиона. — Значит, нам только осталось

добраться до змеи…

Но ее прервали шум борьбы, вопли и стоны, наполнившие коридор. Гарри оглянулся, и сердце у него упало: Пожиратели смерти ворвались в Хогвартс. В проходе возникли Фред и Перси, мечущие заклятия в противника в масках и капюшонах.

Гарри, Рон и Гермиона бросились на помощь. Вспышки заклятий летали во всех направлениях, и наконец тот, что сражался с Перси, резко отступил. Капюшон соскользнул с него, открывая высокий лоб и волосы с проседью…

— Добрый день, господин министр! — крикнул Перси, ловко метнув в Толстоватого заклятие. Министр выронил волшебную палочку и схватился за воротник, явно борясь с дурнотой. — Я не говорил вам, что подаю в отставку?

— Перси, да ты, никак, шутишь! — воскликнул Фред.

Пожиратель смерти, с которым он дрался, рухнул под тяжестью трех Оглушающих заклятий, выпущенных одновременно с разных сторон. Толстоватый упал на пол, весь покрывшись тонкими шипами, похоже, он на глазах превращался во что-то вроде морского ежа. Фред с восторгом посмотрел на Перси.

— Ты и правда шутишь, Перси… По-моему, я не слышал от тебя шуток с тех пор, как…

Раздался взрыв. Все они в этот момент стояли рядом: Гарри, Рон, Гермиона, Фред, Перси и двое Пожирателей смерти у их ног, пораженных один Оглушающим, другой Трансфигурирующим заклятием. И в тот самый миг, когда непосредственная опасность отступила, мир вдруг распался на куски. Гарри почувствовал, что летит по воздуху; все, что он мог сделать, — это крепче вцепиться в тоненькую деревянную палочку, свое единственное оружие, и закрыть голову руками. Он слышал крики и вопли своих товарищей, но не знал, что с ними случилось.

А потом мир превратился в боль и полумрак. Он лежал, полузасыпанный щебенкой, в развалинах коридора. Холодный воздух подсказывал, что стену замка с этой стороны разнесло вдребезги, а липкая горячая струя, сбегавшая по щеке, — что он ранен. Потом он услышал страшный крик, от которого внутри у него все оборвалось, — крик боли, какую не могли вызвать ни пламя, ни заклятие, и он поднялся, шатаясь, охваченный ужасом, какого еще не испытывал в этот день, а может быть, и никогда в жизни…

Гермиона тоже поднялась на ноги среди раз-

валин, а у того места, где стена обрушилась, виднелись три копны рыжих волос. Гарри взял Гермиону за руку, и они, пошатываясь и спотыкаясь, стали карабкаться через завалы камня и дерева.

— Нет! Нет! Нет! — кричал чей-то голос. — Нет! Фред! Нет!

Перси тряс брата за плечи, Рон стоял на коленях позади них, а Фред глядел перед собой неподвижными невидящими глазами, и на его губах еще витал призрак его отзвучавшего смеха.

Глава 32

БУЗИННАЯ ПАЛОЧКА

Мир кончился — так почему же битва не прекратилась, замок не застыл в молчаливом ужасе, все бойцы не сложили оружие? Гарри потерял контроль над своими мыслями, парившими в странной невесомости, не в силах понять невозможное — ведь Фред Уизли не мог быть мертв, чтобы ни говорили Гарри глаза и уши…

И тут в дыру в стене, проделанную взрывом, гулко шлепнулось чье-то тело, и из мрака в них полетели заклятия, врезаясь в стену за их головами.

— Ложись! — крикнул Гарри. Они с Роном с двух сторон схватили за руки Гермиону и потянули на пол, а Перси так и лежал, закрывая собой тело Фреда, защищая его от новых повреждений.

— Перси, пошли, надо уходить отсюда! — крикнул Гарри.

Перси покачал головой.

— Перси!

На копоти, покрывавшей лицо Рона, Гарри увидел светлые дорожки слез. Рон схватил старшего

брата за плечи и потянул, но Перси не тронулся с места.

— Перси, ты ему уже ничем не поможешь! Надо идти… Гермиона вскрикнула. Гарри обернулся — и уже ни о чем не спрашивал. Через дыру в стене лез огромный паук, размером с небольшой автомобиль. Это вступило в битву потомство Арагога.

Рон и Гарри заговорили в один голос. Их чары сплелись в воздухе, чудовище отпрянуло, страшно дергая омерзительными ногами, и пропало в мраке.

— Он привел друзей! — крикнул Гарри остальным, выглядывая через дыру на стену замка: по ней карабкалось множество гигантских пауков, бежавших из Запретного леса, куда, видимо, прорвались Пожиратели смерти. Гарри пальнул Оглушающим заклятием в переднее чудовище, и оно свалилось на своих товарищей; пауки скатились по стене вниз и исчезли из виду. Над самой головой Гарри просвистело еще несколько заклятий, растрепав ему волосы. — Пошли, СКОРЕЕ!

Толкнув вперед Гермиону с Роном, Гарри наклонился к телу Фреда и взял его под мышки. Перси, поняв намерения Гарри, разжал судорожную хватку на теле брата и стал помогать. Пригибаясь до самого пола, чтобы уклониться от летевших

из двора замка заклятий, они оттащили Фреда с дороги.

— Сюда, — сказал Гарри, и они положили его в нишу, где прежде стояли доспехи. Гарри не мог заставить себя смотреть на Фреда ни мгновения дольше, чем необходимо. Убедившись, что тело хорошо спрятано, он помчался за Роном и Гермионой. Малфой и Гойл куда-то пропали, но в конце коридора, сквозь пелену пыли, завалы осыпавшейся кладки, осколки стекла из разбитых окон, он увидел бегающие взад-вперед фигуры — друзей или врагов, отсюда было не разобрать. Повернув за угол, Перси взревел:

— РУКВУД! — и помчался за высоким человеком, гнавшимся за горсткой школьников.

— Гарри, сюда! — крикнула Гермиона.

Она потащила Рона за гобелен. Рон и Гермиона как будто сплелись вместе, и на один безумный миг Гарри показалось, что они снова обнимаются. В следующую минуту он понял, что Гермиона пытается удержать Рона, не дать ему броситься вслед за Перси.

— Послушай, ПОСЛУШАЙ МЕНЯ, РОН!

— Я хочу в битву… хочу убивать Пожирателей смерти… — Его искаженное лицо было покрыто пылью и копотью, он весь дрожал от ярости и

горя.

— Рон, мы единственные, кто может покончить с ним! Рон, прошу тебя… Рон, нам нужна змея, мы должны убить змею! — твердила Гермиона.

Гарри понимал чувства Рона. Гоняться за очередным крестражем казалось мало для возмущенного чувства мести. Ему тоже хотелось броситься в битву, отомстить убийцам Фреда и отыскать остальных Уизли, а главное, убедиться, что Джинни… Нет, нельзя об этом думать…

— Мы будем сражаться! — сказала Гермиона. — А как иначе мы доберемся до змеи! Но давайте не забывать, зачем мы здесь! Только мы можем ее прикончить!

Она тоже плакала, утирая лицо рваным, измазанным копотью рукавом, потом сделала несколько глубоких вдохов, чтобы остановить рыдания, и, не выпуская Рона, повернулась к Гарри:

— Ты должен узнать, где сейчас Волан-де-Морт — змея ведь с ним, верно? Давай, Гарри, загляни в его мысли!

Почему это было так легко? Потому что шрам горел уже много часов, страстно желая показать ему мысли Волан-де-Морта? Подчиняясь приказу Гермионы, он закрыл глаза; взрывы и вопли,

весь нестройный шум битвы мгновенно стих и отодвинулся, как будто он находился очень далеко отсюда…

Он стоял посреди заброшенной, но странно знакомой комнаты с облупившимися обоями и заколоченными окнами. Грохот сражения доносился сюда приглушенно, как бы издалека. В единственном не зашитом досками окне мелькали огненные вспышки со стороны замка, но в самой комнате было темно, ее освещала лишь тусклая масляная лампа.

Он крутил между пальцев волшебную палочку, глядя на нее невидящими глазами. Мыслями он был в замке, в той единственной, тайной комнате, известной лишь ему одному, в укрытии, которое могли обнаружить лишь ум, отвага и изобретательность… Он был уверен, что мальчишка не найдет диадему… хотя выкормыш Дамблдора зашел куда дальше, чем он ожидал… слишком далеко…

— Повелитель! — произнес тоскливый хриплый голос.

Он обернулся: в самом темном углу сидел Люциус Малфой, в лохмотьях, со страшными следами наказания за последний побег мальчишки. Один глаз у него заплыл и не открывался.

— Повелитель! Умоляю… Мой сын…

— Если твой сын погиб, я в этом не виноват, Люциус. Он не явился ко мне с другими слизеринцами. Может быть, он переметнулся к Гарри Поттеру?

— Нет… никогда в жизни… — прошептал Малфой.

— Да, для тебя было бы лучше, если это не так.

— А вы… вы не боитесь, повелитель, что Поттер может погибнуть не от вашей руки? — Голос Малфоя дрожал. — Может быть… простите меня… может быть, стоило бы остановить битву… чтобы вы наведались в замок и отыскали его сасами?

— Не пытайся обманывать меня, Люциус. Ты хочешь остановить битву, чтобы узнать, что там с твоим сыном. А мне нет нужды искать Поттера. Еще до рассвета он сам явится сюда ко мне.

Волан-де-Морт снова опустил глаза на волшебную палочку, которую вертел в руках. что-то в ней ему не нравилось. А когда лорду Волан-де-Морту что-то не нравилось, он немедленно принимал меры…

— Пойди приведи Снегга.

— Снегга, пповелитель?

— Снегга. Сию минуту. Он мне нужен. Я хочу, чтобы он… кое-что для меня сделал. Иди.

Напуганный Малфой побрел прочь из комнаты, спотыкаясь в полумраке. Волан-де-Морт по-прежнему стоял неподвижно и крутил между пальцев палочку, неотрывно глядя на нее.

— Другого способа нет, Нагайна, — прошептал он, оборачиваясь.

В воздухе парила огромная змея, свернувшись изящными кольцами в особом волшебном пространстве, которое он для нее создал, — прозрачном шаре, напоминавшем то ли сияющую клетку, то ли аквариум.

Гарри сделал глубокий вдох и открыл глаза. И в ту же секунду слух его снова заполонили скрежет, крики, удары и взрывы.

— Он в Визжащей хижине. Змея с ним. Он окружил ее магической защитой. Он только что послал Люциуса Малфоя за Снеггом.

— Волан-де-Морт отсиживается в Визжащей хижине? — возмущенно спросила Гермиона. — Он даже… даже не участвует в битве?

— Он считает, что ему не за чем участвовать в битве, — ответил Гарри. — Он ждет, что я сам приду к нему.

— Почему?

— Он знает, что я охочусь за крестражами. Нагайну он держит у себя — значит, мне придется

прийти к нему чтобы до нее добраться…

— Вот именно, — сказал Рон, расправляя плечи. — Значит, тебе нельзя туда идти, потому что он только того и дожидается. Ты останешься здесь и позаботишься о Гермионе, а я пойду и добуду ее…

Гарри оборвал Рона:

— Вы оба остаетесь здесь, а я спрячусь под мантию и вернусь, как только…

— Нет, — сказала Гермиона. — Будет гораздо лучше, если мантию надену я, и…

— И думать не смей! — рявкнул на нее Рон.

— Рон, я не хуже вас могу… — завела было Гермиона, но тут кто-то оборвал гобелен, за которым они стояли.

— ПОТТЕР!

Перед ними стояли двое Пожирателей смерти в масках. Но не успели они поднять волшебные палочки, Гермиона воскликнула:

— Глиссео!

Ступени под ногами у Гарри, Рона и Гермионы превратились в покатую горку, и они заскользили по ней вниз, не имея возможности затормозить, зато так быстро, что Оглушающие заклятия Пожирателей смерти пролетели высоко над их головами. Они проскочили сквозь гобелен

у входа на нижний этаж и влетели в коридор, ударившись о противоположную стену.

— Дуро! — крикнула Гермиона, направив волшебную палочку на гобелен. Ткань с громким противным хрустом обратилась в камень, и гнавшиеся за ними Пожиратели смерти со всего размаху налетели на неожиданное препятствие.

— Назад! — крикнул Рон, и все трое вжались в стену. Мимо них по коридору промчалась толпа оживших парт, подгоняемых бегущей Макгонагалл. Она, похоже, не заметила ребят. Волосы у нее растрепались, на щеке зияла рана. Из-за угла донесся ее голос:

— ПЛИ!

— Гарри, надевай мантию, — сказала Гермиона. — Не обращай на нас внимания.

Но он набросил ее на всех троих. Правда, так она не доставала до земли, но Гарри подумал, что в густой пыли, окутавшей здание, среди падающих камней и вспышек заклятий вряд ли кто заметит их торчащие ноги.

Они сбежали вниз еще на этаж и попали в коридор, где шли ожесточенные поединки. Портреты по обеим сторонам были битком набиты нарисованными фигурами, громко подбадривавшими защитников Хогвартса. Пожиратели смерти в

масках и без масок сражались с преподавателями и школьниками. Дин, видимо, сумел раздобыть себе палочку, и теперь бился с Долоховым, а Парвати — с Трэверсом. Гарри, Рон и Гермиона одновременно подняли палочки, готовясь ударить, но противники кружились и перемещались так быстро, что заклятие легко могло попасть в кого-нибудь из своих. Пока они стояли, прижавшись друг к другу и ожидая возможности вмешаться, над их головами раздалось громкое «ую-ю!». Гарри поднял глаза и увидел летящего под потолком Пивза. Полтергейст сбрасывал плоды цапня на головы Пожирателям смерти, и в их волосах начинали копошиться, сползая к шее, извивающие зеленые отростки, похожие на жирных червей.

Чпок!

Пригоршня цапней упала на мантию над головой Рона. Склизкие зеленые корешки неправдоподобно зависли в воздухе.

— Здесь невидимка! — закричал Пожиратель смерти с закрытым маской лицом, указывая на странное зрелище.

Дин воспользовался тем, что противник на секунду отвлекся, и ударил его Оглушающим заклятием. Долохов попытался отомстить за товарища, но Парвати запустила в него Нётрификус

тоталус.

— БЕЖИМ! — крикнул Гарри, и они с Роном и Гермионой, крепко вцепившись в мантию, пригибаясь, оскальзываясь в лужицах цапневого сока, побежали сквозь гущу сражающихся по мраморной лестнице в вестибюль.

— Я — Драко Малфой, я Драко, я на вашей стороне!

Драко наверху лестницы молил пощады у черной фигуры в маске. Гарри, пробегая мимо, ударил в Пожирателя смерти Оглушающим заклятием. Малфой оглянулся в поисках своего спасителя, и тут Рон наподдал ему из-под мантии. Малфой упал на Пожирателя смерти и с ошарашенным видом утер кровь с разбитой губы.

— Мы второй раз за ночь спасли тебе жизнь, подонок двуличный! — рявкнул Рон.

Повсюду, на лестницах и в вестибюле, шли поединки. Пожиратели смерти заполонили все здание. Вот у входной двери Якcли сражается с Флитвиком, а прямо за ними Пожиратель смерти в маске дерется с Кингсли. Школьники разбегались кто куда, многие несли или волокли за собой раненых друзей. Гарри послал Оглушающее заклятие в Пожирателя с закрытым маской лицом, но промахнулся и чуть не угодил в Невилла, кото-

рый внезапно возник из ниоткуда, разбрасывая пригоршнями ядовитую тентакулу; растение тут же зацепилось за ближайшего Пожирателя смерти и принялось обвивать его своими усиками.

Гарри, Рон и Гермиона бежали вниз по мраморной лестнице. Слева раздался звон бьющегося стекла, и часы Слизерина, отмечавшие очки факультета, рассыпали по всему полу свои изумруды, на которых тут же стали оскальзываться и падать бегущие мимо. Когда друзья вбежали в вестибюль, с верхней галереи упали два тела. Неясная серая тень, которую Гарри принял за животное, пронеслась по залу на четырех ногах, готовясь вонзить зубы в одного из упавших.

— НЕТ! — взвизгнула Гермиона, и оглушительный хлопок ее волшебной палочки отбросил Фенрира Сивого от слабо шевелящегося тела Лаванды Браун. Он ударился о мраморные перила и попытался подняться на ноги. Но тут на голову ему упал с яркой вспышкой и громким треском хрустальный шар. Фенрир грохнулся об пол и больше не шевелился.

— У меня еще есть! — кричала профессор Трелони с вершины мраморной лестницы. — Сколько хотите! Вот…

Как подавальщик мячей на теннисе, она из-

влекла из сумки еще одну огромную хрустальную сферу и пустила ее через зал в окно. В ту же минуту тяжелые деревянные двери распахнулись, и в вестибюль ворвались гигантские пауки.

Раздались крики ужаса. Сражающиеся — как Пожиратели смерти, так и защитники Хогвартса — бросились врассыпную, и в надвигающихся чудовищ полетели красные и зеленые вспышки, пауки дергались и вставали на дыбы, устрашающие, как никогда.

— Как будем выбираться? — крикнул Рон сквозь общий визг и вой, но не успели Гарри и Гермиона ответить, как их откинуло в сторону: вниз по лестнице мчался Хагрид, меча молнии из своего цветастого розового зонтика.

— Не трогайте их, не трогайте! — кричал он.

— НЕТ, ХАГРИД!

Гарри забыл обо всем на свете: он выскочил из-под мантии и помчался, согнувшись в три погибели, уворачиваясь от мечущихся по вестибюлю заклятий.

— ХАГРИД, ВЕРНИСЬ!

Но он не успел пробежать и половины пути, как Хагрид исчез среди пауков; мерзкая масса закопошилась, повернулась и стала быстро отступать под натиском заклятий, унося в своей

гуще Хагрида.

— ХАГРИД!

Гарри слышал голос, зовущий его по имени, но не оглянулся посмотреть, друг это или враг. Он сбежал по ступеням крыльца на темную территорию, по которой пауки уносили свою добычу, но разглядеть Хагрида так и не смог.

— ХАГРИД!

Гарри показалось, что он видит огромную руку, машущую из середины паучьей стаи. Он рванулся вслед, но дорогу ему преградила, колоссальная нога, вдруг опустившаяся из темноты, так что земля качнулась у Гарри под ногами. Гарри поднял глаза: над ним стоял великан футов двадцати ростом. Его голова скрывалась во мраке, видны были только похожие на деревья волосатые голени, на которые падал свет из дверей замка. Внезапно он с силой ткнул огромным кулаком в окно верхнего этажа.

На Гарри градом посыпались осколки, так что ему пришлось отскочить обратно на крыльцо.

— О господи! — взвизгнула Гермиона. Они с Роном метнулись к Гарри и посмотрели вверх, на окно, через которое великан пытался достать находящихся внутри людей.

— СТОЙ! — Рон перехватил руку Гермионы,

поднявшей волшебную палочку. — Если ты его оглушишь, он завалит ползамка…

— ХАГГИ?

Из-за угла замка появился Грохх. Гарри впервые заметил, что для великана Грохх был маленького роста. Колоссальное чудище, крушившее окна, обернулось и взревело. Каменное крыльцо задрожало, когда великан шагнул к своему мелкому сородичу. Перекошенный рот Грохха широко открылся, обнажая желтые зубы размером с мелкий кирпич, и они кинулись друг на друга с воем, как два свирепых льва.

— БЕЖИМ! — проревел Гарри.

Темнота полнилась чудовищными звуками великаньей борьбы — криками и ударами. Гарри схватил Гермиону за руку и мигом слетел с крыльца во двор. Рон прикрывал тыл. Гарри не оставлял надежду отыскать и спасти Хагрида. Он бежал так быстро, что они были уже на полпути к Заветному лесу, когда возникло новое препятствие.

Воздух вокруг них внезапно смерзся. У Гарри перехватило дыхание. Из темноты появились тени, движущиеся фигуры темнее самого мрака, с капюшонами; на головах; шумно дыша, они огромной волной надвигались на замок…

Рон и Гермиона встали вплотную к Гарри, шум борьбы за их спиной вдруг замер, смолк, растворился, потому что ночную тьму густо окутала тишина, какую создают только дементоры.

— Давай, Гарри! — донесся словно издалека голос Гермионы. — Патронусы! Гарри, ну давай же!

Он поднял палочку, но в тот же миг его охватила тупая безнадежность: Фреда больше нет, Хагрид наверняка умирает или уже умер, а о скольких погибших он еще не знает. Ему казалось, будто душа уже покинула его тело…

— ГАРРИ, ЖИВЕЕ! — крикнула Гермиона.

Сотня дементоров надвигалась на них, плавно скользя по воздуху, чуя отчаяние Гарри, обещавшее им славный пир…

Он увидел, как поднялся ввысь серебряный терьер Рона, слабо замерцал и погас. Выдра Гермионы на мгновение закачалась в воздухе и растаяла. У самого Гарри волшебная палочка задрожала в руках, и он почти обрадовался надвигающемуся забытью, обещанию небытия, бесчувствия.

И вдруг над головами Гарри, Рона и Гермионы пролетели серебряный заяц, кабан и лис. Дементоры отступили при их появлении. Из темноты возникли три новые фигуры и остановились с

вытянутыми палочками, продолжая посылать своих Патронусов. Это были Полумна, Эрни и Симус.

— Все в порядке, — ободряюще сказала Полумна, как будто они просто собрались в Выручай-комнате поупражняться в защите от Темных искусств. — Все в порядке, Гарри… Давайка подумай о чем-нибудь приятном…

— О чем-нибудь приятном? — хрипло повторил он.

— Мы еще здесь, — прошептала она. — Битва продолжается. Ну давай же…

Мелькнула серебряная искра, потом волна света, и наконец с трудом, какого это ему еще никогда не стоило, Гарри выпустил из своей палочки оленя. Тот резво скакнул вперед, и дементоры в самом деле обратились в бегство. И ночь снова стала теплой, а звуки битвы вокруг — громкими.

— Не знаю, как вас благодарить, — дрожащим голосом сказал Рон, поворачиваясь к Полумне, Эрни и Симусу. — Вы спасли нам…

Раздался грохот, земля сотряслась у них под ногами: со стороны Леса шел, размахивая дубиной, еще один великан, выше всех прежних.

— БЕЖИМ! — снова крикнул Гарри, но никто не

дожидался его указаний: все уже бросились врассыпную, и как раз вовремя — мгновением позже нога чудовища опустилась как раз на то место, где они только что стояли. Гарри оглянулся: Рон и Гермиона бежали за ним, а трое остальных снова исчезли в гуще сражения.

— Надо спрятаться куда-то, где он нас не достанет! — завопил Рон, когда великан снова махнул дубиной и заревел так, что гулкое эхо прокатилось по всей территории, где красные и зеленые вспышки поминутно прорезывали ночной мрак.

— Гремучая ива! — отозвался Гарри. — Побежали!

Тем временем ему как-то удалось отгородить в мозгу уголок и наглухо замуровать там все мысли, которых сейчас нельзя было себе позволить: о Фреде и Хагриде, о смертном страхе за всех, кого он любил, разбросанных сейчас по этажам замка и его насквозь простреливаемой территории — все это подождет, потому что сейчас им надо бежать, добраться до змеи и до Волан-де-Морта, потому что, как сказала Гермиона, нет другого способа покончить с этим…

Он несся вперед, чувствуя, что может сейчас обогнать саму смерть, не обращая внимания на вспышки огня, прорезывающие окружающую

тьму, на шум озера, гудевшего, точно море, на странный скрип деревьев Запретного леса при полном безветрии; он бежал по земле, которая, казалось, сама участвует в битве, бежал так быстро, как никогда в жизни, и первым увидел огромное дерево, иву, оборонявшую гибкими, похожими на хлысты ветвями тайну, скрытую у ее корней.

Задыхаясь, Гарри остановился, уворачиваясь от хлещущих веток и вглядываясь в темноте в толстый ствол в поисках того единственного нароста, на который нужно надавить, чтобы парализовать извивающееся дерево. Рон и Гермиона подбежали к нему. Гермиона так запыхалась, что не могла говорить.

— А… как мы… дотуда дотянемся? — выдохнул Рон. — Я вижу этот нарост… Живоглота бы сюда…

— Живоглота? — с трудом прохрипела согнувшаяся пополам Гермиона, держась за сердце. — Ты вообще волшебник или как?

— Да… правда…

Рон огляделся, потом направил палочку на лежавший на земле прутик и произнес:

— Вингардиумлевиоза!

Прутик взлетел с земли и закружился в воздухе,

словно подхваченный порывом ветра, а потом нацелился прямо в ствол сквозь хлещущие ветви. Он ударил по наросту у самых корней, и корчащееся дерево мгновенно застыло.

— Отлично! — выдохнула Гермиона.

— Погодите.

На какое-то мгновение, прислушиваясь к треску и грохоту битвы, Гарри заколебался. Волан-де-Морт хотел, чтобы он это сделал, хотел, чтобы он пришел… Что, если он ведет Рона и Гермиону в ловушку?

Но тут перед ним снова встала простая и жестокая реальность: их следующий шаг — убить змею, Волан-де-Морт носит змею с собой, и Волан-де-Морт ждет их в конце туннеля…

— Гарри, мы за тобой, заходи! — Рон толкнул его вперед.

Гарри нырнул в подземный ход, скрытый у корней дерева. Протиснуться в него стало куда труднее, чем когда они были здесь в последний раз. Потолок был низкий: четыре года назад они сгибались пополам, а теперь приходилось двигаться ползком. Гарри полз впереди, освещая путь волшебной палочкой и на каждом шагу ожидая препятствий, но их не было. Они двигались молча. Гарри не сводил глаз со слабого, дрожащего

огонька на конце зажатой в кулаке палочки.

Наконец туннель пошел вверх, и Гарри увидел впереди полоску света. Гермиона потянула его за щиколотку.

— Мантия! — прошептала она. — Надень мантию!

Он протянул назад свободную руку, и Гермиона вложила в нее скользкий тряпичный сверток. Гарри с трудом развернул его над собой, прошептал: «Нокс!» — гася свечение палочки, и пополз дальше на четвереньках, стараясь не производить ни малейшего шума, напрягая все чувства, каждую секунду ожидая, что его обнаружат, что раздастся ясный холодный голос и полыхнет зеленая вспышка.

И тут прямо перед собой он услышал голоса из хижины, чуть приглушенные от того, что вход в туннель был заставлен чем-то вроде старого ящика. Боясь вздохнуть, Гарри подполз прямо к входу и заглянул в узкую щелку между ящиком и стеной.

В комнате было полутемно, но он сразу увидел Нагайну, свернувшуюся кольцами в сверкающем волшебном шаре, парящем в воздухе без всякой поддержки. Еще ему был виден угол стола и бледная рука с длинными пальцами, поигрывающая

волшебной палочкой. Тут раздался голос Снегга, и Гарри вздрогнул: Снегг стоял в шаге от ящика, за которым он притаился.

— Повелитель, их сопротивление сломлено…

— Без твоей помощи, — отозвался Волан-де-Морт высоким, ясным голосом. — Ты, Северус, искусный волшебник, но не думаю, что сейчас ты нам особо нужен… Мы почти у цели… почти.

— Позвольте, я найду вам мальчишку. Позвольте мне доставить вам Гарри Поттера. Я знаю, как его найти. Прошу вас.

Снегг прошел мимо щели, и Гарри слегка отпрянул, не спуская глаз с Нагайны. Он спрашивал себя, какими чарами можно разбить сверкающую защитную сферу, но не мог ничего придумать. Одна неудачная попытка — и все пропало…

Волан-де-Морт встал. Теперь Гарри видно было его плоское змеиное лицо, красные глаза, бледность, матово светившуюся в полумраке.

— Я в затруднении, Северус, — мягко сказал Волан-де-Морт.

— В чем дело, повелитель? — откликнулся Снегг. Волан-де-Морт поднял Бузинную палочку изящным отточенным движением дирижера.

— Почему она не слушается меня, Северус?

В тишине Гарри послышался тихий шип змеи,

свивавшей и развивавшей кольца. А может быть, это медленно угасал в воздухе свистящий вздох Волан-де-Морта?

— Поповелитель? — недоуменно спросил Снегг. — Я не понимаю. Вы совершали этой палочкой непревзойденные чудеса волшебства.

— Нет, — ответил Волан-де-Морт. — Я совершал этой палочкой обычное для меня волшебство. Я — непревзойденный волшебник, но эта палочка… нет. Она не оправдала моих ожиданий. Я не заметил никакой разницы между этой палочкой и той, что я приобрел у Олливандера много лет назад.

Темный Лорд говорил задумчиво и спокойно, но Гарри ощутил горячую пульсацию в шраме. Голова начала болеть, и он почувствовал, как подымается сдерживаемая ярость в душе Волан-де-Морта.

— Никакой разницы, — повторил Волан-де-Морт.

Снегг молчал. Гарри не видно было его лица. Наверное, он чует опасность, подыскивает нужные слова, надеется успокоить своего хозяина.

Волан-де-Морт зашагал по комнате. На несколько секунд Гарри потерял его из виду и слышал только тот же размеренный голос. Однако внутри

Гарри ощущал боль и ярость.

— Я думал долго и напряженно, Северус… Ты знаешь, почему я отозвал тебя из битвы?

На мгновение перед Гарри мелькнул профиль Снегга: тот неподвижно смотрел на змею в заколдованном шаре.

— Нет, повелитель, не знаю, но умоляю вас: позвольте мне туда вернуться. Позвольте мне отыскать Поттера.

— Ты говоришь совсем как Люциус. Вы оба не понимаете Поттера — в отличие от меня. Его не нужно искать. Поттер сам придет ко мне. Я знаю его слабость, его, так сказать, врожденный дефект. Он не сможет смотреть, как другие сражаются и гибнут, зная, что все это из-за него. Он захочет прекратить это любой ценой. Он придет.

— Но, повелитель, его может случайно убить кто-нибудь другой…

— Я дал Пожирателям смерти совершенно ясные указания. Схватить Поттера. Убивать его друзей — чем больше, тем лучше, — но только не его самого. Однако я хотел поговорить о тебе, Северус, а не о Гарри Поттере. Ты был мне очень полезен. Очень.

— Повелитель знает, что услужить ему — мое единственное стремление. Но позвольте мне пой-

ти и отыскать мальчишку, повелитель. Я уверен, что сумею…

— Я уже сказал: нет! — Гарри увидел красный отблеск в глазах Волан-де-Морта, когда тот обернулся. Мантия Темного Лорда шуршала, как подползающая змея, а его раздражение отзывалось жжением в шраме Гарри. — Сейчас меня волнует другое, Северус: что произойдет, когда я наконец встречусь с мальчишкой?

— Но какие тут могут быть вопросы, повелитель, ведь вы…

— Тут есть вопрос, Северус. Есть. Волан-де-Морт остановился, и Гарри снова видел его целиком. Темный Лорд поигрывал Бузинной палочкой в белых пальцах, неотрывно глядя на Снегга.

— Почему обе палочки, которые у меня были, отказались служить, когда я направил их на Гарри Поттера?

— Я… я не знаю ответа на этот вопрос, повелитель.

— Правда?

Ярость Волан-де-Морта пылающим гвоздем вонзилась в мозг Гарри. Он вцепился зубами в свой кулак, чтобы не закричать от боли. Гарри закрыл глаза, и вдруг стал Волан-де-Мортом, глядящим в бледное лицо Снегга.

— Моя тисовая палочка, Северус, исполняла все мои приказы, кроме одного, — убить Гарри Поттера. Она дважды не смогла этого сделать. Олливандер под пыткой рассказал мне об одинаковой сердцевине, сказал, чтобы я взял другую палочку. Я так и сделал, но палочка Люциуса раскололась при встрече с Гарри Поттером.

— Я… я не знаю, как объяснить это, повелитель.

Снегг не смотрел на Волан-де-Морта. Его темные глаза были по-прежнему прикованы к змее, свернувшейся в магическом шаре.

— Я нашел третью палочку, Северус. Бузинную палочку, Смертоносную палочку, Жезл Смерти. Я забрал ее у прежнего хозяина. Я забрал ее из гробницы Альбуса Дамблдора.

Теперь Снегг смотрел в глаза Волан-де-Морту, а лицо его застыло, как посмертная маска. Оно было мраморно-белым и таким неподвижным, что Гарри вздрогнул, услышав звук его голоса: казалось невероятным, что за этими невидящими глазами теплится жизнь. — Повелитель, позвольте мне привести мальчишку…

— Я просидел здесь всю эту долгую ночь перед самой победой, — почти шепотом произнес Волан-де-Морт, — неотрывно думая о том, почему

Бузинная палочка отказывается выполнять то, для чего она предназначена, отказывается сделать то, что она должна, по легенде, сделать для своего законного владельца… и мне кажется, я нашел ответ.

Снегг молчал.

— Может быть, ты уже догадался? Ты ведь Вообще-то умный человек, Северус. Ты был мне хорошим и верным слугой, и я сожалею о том, что сейчас произойдет.

— Повелитель…

— Бузинная палочка не повинуется мне по-настоящему, Северус, потому что я не законный ее владелец. Бузинная палочка принадлежит тому волшебнику, который убил ее предыдущего хозяина. Ты убил Альбуса Дамблдора. Пока ты жив, Бузинная палочка не может по-настоящему принадлежать мне.

— Повелитель! — воскликнул Снегг, подымая свою палочку.

— Иначе быть не может, — сказал Волан-де-Морт. — Я должен получить власть над этой палочкой, Северус. Власть над палочкой — а значит, и власть над Гарри Поттером.

И Волан-де-Морт взмахнул Бузинной палочкой. Ничего не произошло, и на какое-то мгновение

Снегг, наверное, подумал, что он помилован. Но тут намерение Волан-де-Морта прояснилось. Шар со змеей закружился в воздухе, и не успел Снегг даже вскрикнуть, как его голова и плечи оказались внутри сверкающей сферы, а Волан-де-Морт сказал на змеином языке:

— Убей!

Раздался страшный крик. Гарри видел, как последняя краска сбежала с лица Снегга, как расширились его глаза, как зубы змеи вонзились ему в шею, как он судорожно рванулся, пытаясь сбросить шар, как подогнулись его колени и он опустился на пол.

— Жаль, — холодно сказал Волан-де-Морт.

И отвернулся. В нем не было ни печали, ни раскаяния. Пора было уходить из этой хижины и заняться делом — теперь, когда волшебная палочка действительно ему повинуется. Он навел ее на блестящий шар со змеей, и тот взмыл вверх, оторвавшись от Снегга, который боком завалился на пол; из раны на шее хлестала кровь. Волан-де-Морт вышел из комнаты, не оглянувшись, и змея в своем защитном шаре поплыла по воздуху вслед за ним.

Гарри, вернувшийся в туннель и в собственный разум, открыл глаза. Оказывается, он в кровь

искусал себе костяшки пальцев, удерживая крик. Теперь он смотрел в узкую щель между ящиком и стеной и видел подрагивающую на полу ногу в черном ботинке.

— Гарри! — прошептала за его спиной Гермиона, но он уже навел палочку на ящик, загораживавший проход. Ящик приподнялся над полом и тихо отплыл в сторону. Гарри собрал все свое мужество и заставил себя войти в хижину.

Приближаясь к умирающему, он сам не знал, зачем делает это. Он сам не знал, что чувствует, глядя на белое как полотно лицо Снегга и его пальцы, пытающиеся зажать кровавую рану на шее. Гарри снял мантию-невидимку и смотрел сверху вниз на ненавистного ему человека. Расширенные черные глаза Снегга остановились на Гарри, и он попытался что-то сказать. Гарри нагнулся к нему. Снегг схватил его за край одежды и притянул ближе.

Из его горла вырвался страшный булькающий звук:

— Собери… собери…

Из Снегга текла не только кровь. Серебристо-голубое вещество, не газ и не жидкость, хлынуло из его рта, ушей и глаз. Гарри понял, что это такое, но не знал, что делать…

Гермиона вложила в его дрожащую руку наколдованный из воздуха флакон. Мановением палочки Гарри направил серебристое вещество в его горлышко. Когда флакон наполнился до краев, а в жилах Снегга не осталось, похоже, ни капли крови, его судорожная хватка ослабела.

— Взгляни… на… меня… — прошептал он. Зеленые глаза встретились с черными, но мгновение спустя в глубине черных что-то погасло, взгляд их стал пустым и неподвижным. Рука, державшая одежду Гарри, упала на пол, и больше Снегг не шевелился.

Глава 33

ИСТОРИЯ ПРИНЦА

Гарри все еще стоял на коленях возле Снегга, просто глядя на него, как вдруг совсем рядом зазвучал высокий холодный голос, Гарри вскочил на ноги, крепко сжимая в руках флакон, уверенный, что это Волан-де-Морт вернулся в хижину.

Голос Волан-де-Морта разносился от стен и пола, и Гарри наконец понял, что Темный Лорд обращается к Хогвартсу и его окрестностям, чтобы и обитатели Хогсмида, и уцелевшие защитники замка слышали его так ясно, будто он стоит рядом с ними, дыша им в спину, готовясь нанести смертельный удар.

— Вы храбро сражались, — говорил этот голос. — Лорд Волан-де-Морт умеет ценить мужество. Однако вы понесли тяжелые потери. Если вы будете и дальше сопротивляться мне, вы все погибнете один за другим. Я этого не хочу. Каждая пролитая капля волшебной крови — утрата и расточительство. Лорд Волан-де-Морт милостив. Я приказываю своим войскам немедленно отступить. Я даю вам час. Достойно проститесь с

вашими мертвецами. Окажите помощь вашим раненым.

А теперь я обращаюсь прямо к тебе, Гарри Поттер. Ты позволил друзьям умирать за тебя, вместо того чтобы встретиться со мной лицом к лицу. Весь этот час я буду ждать тебя в Запретном лесу. Если по истечении часа ты не явишься ко мне и не отдашься в мои руки, битва начнется снова. На этот раз я сам выйду в бой, Гарри Поттер, и отыщу тебя, и накажу всех до единого — мужчин, женщин и детей, — кто помогал тебе скрываться от меня. Итак, один час.

Рон и Гермиона яростно замотали головами, глядя на Гарри.

— Не слушай его, — сказал Рон.

— Все обойдется, — горячо заговорила Гермиона. — Давайте… давайте вернемся в замок. Раз он отправился в Лес, нам нужно придумать новый план.

Она покосилась на тело Снегга и торопливо нырнула обратно в туннель. Рон последовал за ней. Гарри подобрал мантию-невидимку и снова посмотрел на Снегга. Он сам не понимал своих чувств, за исключением ужаса от того, как и с какой целью Снегг был убит…

В полном молчании они ползли обратно по

туннелю. Интересно, думал Гарри, отдаются ли слова Волан-де-Морта непрерывным эхом в головах Рона и Гермионы, как в его собственной?

Ты позволил друзьям умирать за тебя, вместо того чтобы встретиться со мной лицом к лицу. Весь этот час я буду ждать тебя в Запретном лесу… Один час…

Лужайка перед замком была как будто усеяна небольшими свертками. До рассвета не могло оставаться больше часа, однако тьма стояла кромешная. Гарри, Рон и Гермиона бежали к каменным ступеням. На дороге валялся одинокий башмак размером с небольшую лодку — и больше никаких следов Грохха иди его противника.

В замке было неестественно тихо. Ни огненных вспышек, ни выстрелов, ни стонов, ни криков. На каменном полу в опустевшем вестибюле виднелись пятна крови. Изумруды раскатились по всей комнате вперемешку с осколками мрамора и щепками. Часть перил была снесена.

— Где же все? — прошептала Гермиона.

Они двинулись к Большому залу. Рон шел впереди. Гарри застыл в дверях.

Столы факультетов исчезли. Зал был полон людей. Выжившие стояли группами, обнимая друг друга. Раненых перевязывала на возвышении

мадам Помфри с группой помощников. Среди раненых был и Флоренц.

На боку у него зияла рана, он лежал, не в силах держаться на ногах.

Мертвые лежали в ряд посередине Зала. Тела Фреда было не видно, потому что вокруг него собралась вся семья. Джордж стоял на коленях у изголовья, миссис Уизли лежала у Фреда на груди, сотрясаясь от рыданий. Мистер Уизли гладил ее по голове, и по его щекам градом катились слезы.

Не сказав Гарри ни слова, Рон и Гермиона отошли от него. Гарри видел, как Гермиона подошла к Джинни, стоявшей тут же с опухшим, пятнистым лицом, и обняла ее. Рон направился к Биллу, Флер и Перси. Перси обнял его за плечи. Когда Джинни и Гермиона передвинулись ближе к остальным, Гарри стали видны тела, лежащие рядом с Фредом. Это были Римус и Тонкс, бледные, спокойные и умиротворенные, словно спящие под темным магическим потолком.

Большой зал поплыл перед глазами, уменьшился, съежился… Гарри, пошатываясь, отступил от входа. Он не мог вздохнуть. У него не было сил взглянуть на другие тела, узнать, кто еще погиб за него. Он не мог подойти к Уизли, не мог смотреть

им в глаза — ведь если бы он сразу отправился к Волан-де-Морту Фред бы не погиб…

Он повернулся и помчался вверх по мраморной лестнице. Люпин и Тонкс… Как бы ему хотелось лишиться чувств… Если бы он мог вырвать свое сердце, все свои внутренности, все, что заходилось рыданиями у него внутри…

Замок был совершенно пуст. Видимо, даже привидения отправились в Большой зал оплакивать погибших. Гарри бежал, не останавливаясь, сжимая хрустальный флакон с последними мыслями Снегга, и замедлил шаг только у каменной горгульи, охранявшей вход в кабинет директора.

— Пароль?

— Дамблдор, — машинально сказал Гарри, просто потому что стремился увидеть именно его. К его изумлению, горгулья отодвинулась, и за ней открылась винтовая лестница.

Но, вбежав в круглый кабинет, Гарри обнаружил, что все изменилось. Портреты, висевшие по стенам, опустели. Ни один директор или директриса не дожидался его тут. Похоже, все они отправились непосредственно наблюдать за событиями, переходя из рамы в раму по длинным рядам портретов, развешанных по всему замку.

Гарри с тоской посмотрел на пустую раму

портрета Дамблдора, висевшую прямо за директорским креслом, и повернулся к ней спиной. Омут памяти стоял на своем обычном месте. Гарри поставил его на письменный стол и вылил воспоминания Снегга в глубокий сосуд с рунами по ободку. Погрузиться в чужую память — какое это будет облегчение… даже то, что осталось от Снегга, не может быть хуже его собственных мыслей. Воспоминания закружились странным серебристо-белым водоворотом, и Гарри без колебаний, с полной, беззаветной готовностью, как будто это могло облегчить терзавшее его горе, погрузил голову в каменный сосуд.

Он оказался на ярком солнце, и земля под его ногами была теплой. Распрямившись, он увидел, что стоит на почти пустой детской площадке. Вдали на горизонте виднелась одинокая труба. Две девочки качались на качелях, а из-за кустов за ними наблюдал худенький мальчик. Его черные волосы были давно не стрижены, а одежду как будто нарочно подбирали не по размеру джинсы были коротки, зато широченная потрепанная куртка сгодилась бы взрослому мужчине; рубашка под ней была чудная, с чем-то вроде жабо.

Гарри подошел к мальчику поближе. Снеггу было на вид лет девять-десять — бледный жили-

стый заморыш. Он жадными глазами смотрел на младшую из девочек, которая раскачивалась все выше — выше, чем сестра.

— Лили, перестань! — крикнула старшая.

Но девочка пустила качели на полную высоту, и оттуда взлетела в воздух — взлетела совершенно буквально, взмыла в небо с громким хохотом, а потом, вместо того чтобы упасть на шершавый асфальт, спланировала по воздуху, как акробатка. Она парила в воздухе невероятно долго и приземлилась невероятно легко.

— Мама не разрешила тебе так делать! — Петунья затормозила свои качели, со скрипом проведя по асфальту подошвами сандалий, и соскочила вниз, руки в боки. — Мама ведь говорила тебе, что так нельзя, Лили!

— Но ведь ничего не случилось, — рассмеялась в ответ Лили. — Тунья, гляди. Смотри, как я умею!

Петунья огляделась. На площадке никого не было, кроме них и Снегга, но о нем девочки не знали. Лили сорвала увядший цветок с куста, за которым прятался Снегг. Петунья медленно двинулась к ней, явно разрываясь между любопытством и неодобрением. Лили подождала, пока сестра подойдет поближе, чтобы ясно все

видеть, и раскрыла ладонь. Цветок лежал на ней, открывая и закрывая лепестки, как странная многогубая устрица.

— Прекрати! — взвизгнула Петунья.

— Тебе же от этого не больно! — откликнулась Лили, однако сомкнула ладонь и бросила цветок на землю.

— Так нельзя, — сказала Петунья, но глаза ее продолжали следить за упавшим на землю цветком. — Как ты это делаешь? — спросила она с явной завистью в голосе.

— Все понятно, правда? — Снегг не мог больше сдерживаться и выскочил из-за кустов. Петунья завизжала и бросилась назад к качелям, а Лили, хотя явно испугалась, не тронулась с места. Снегг, видимо, пожалел о своем чересчур внезапном появлении. Он глядел на Лили, и его худые щеки заливались тусклым румянцем.

— Что понятно? — спросила Лили.

Снегг был явно взволнован. Бросив взгляд на Петунью, стоявшую довольно далеко, за качелями, он понизил голос и сказал:

— Я знаю, кто ты.

— В смысле?

— Ты… ты колдунья, — прошептал Снегг. Девочка, похоже, обиделась.

— Обзываться нехорошо!

Она гордо задрала нос, повернулась и пошла прочь, к сестре.

— Да нет же! — крикнул Снегг ей вслед. Он весь раскраснелся, и Гарри удивило, почему он не снимет свою дурацкую широкую куртку, — наверное, стеснялся рубашки с оборочками. Он пошлепал за девочками, похожий на неуклюжую летучую мышь и на самого себя много лет спустя.

Сестры смотрели на него с дружным неодобрением, вцепившись каждая в свои качели, как будто это был «домик» в игре в пятнашки.

— Ты правда колдунья, — сказал Снегг Лили. — Правда. Я давно за тобой наблюдаю. Но ничего плохого в этом нет. Моя мама тоже колдунья, а сам я — волшебник.

Петунья обдала его раскатами смеха, как холодной водой.

— Волшебник! — взвизгнула она, окончательно оправившись от шока, вызванного его внезапным появлением. — Я знаю, кто ты. Ты сын этих Снеггов. Они живут у реки, в Паучьем тупике, — сказала она Лили, и по ее тону ясно было, что этот адрес — плохая рекомендация в ее глазах. — А зачем ты за нами шпионил?

— Я не шпионил! — сказал Снегг, стоя на

солнцепеке, весь красный, лохматый и несчастный. — Уж за тобой-то я точно не стал бы шпионить, — добавил он презрительно. — Ты — магл.

Хотя Петунья не могла знать, что означает это слово, тон Снегга говорил сам за себя.

— Пошли, Лили, мы уходим! — резко бросила она. Лили тут же повиновалась. Уходя, она пристально взглянула на Снегга. Он стоял и смотрел, как они выходят за ограду площадки. Гарри, единственный, кто наблюдал сейчас за ним, почувствовал его горькое разочарование и понял, что Снегг давно готовился к этому разговору и что все вышло совсем не так…

Сцена переменилась, и, не успев оглянуться, Гарри оказался в другом месте. Он был в маленькой роще. Ручей блестел на солнце, извиваясь между деревьями. Их кроны давали прохладную зеленую, сень. Двое детей сидели рядышком на траве. На этот раз Снегг снял куртку, в сумраке рощи его странная рубашка не так бросалась в глаза. — И если ты занимаешься волшебством вне школы, Министерство тебя накажет — пришлет письмо.

— Но я же занималась волшебством вне школы!

— Нам можно. У нас еще нет волшебных пало-

чек. Детьми они не интересуются — мы все равно ничего не можем с этим поделать. Но когда тебе исполняется одиннадцать, — он многозначительно кивнул, — и ты начинаешь учиться, тут уже надо быть осторожным.

Они помолчали. Лили подняла прутик и крутила им в воздухе. Гарри понял, что она воображает, как с его кончика сыплется сноп искр. Потом она бросила прутик, повернулась к мальчику и сказала:

— Скажи, это все правда? Ты не шутишь? Петунья говорит, что ты мне врешь и что никакого Хогвартса нет. Он правда есть?

— Для нас он есть, — ответил Снегг, — а для нее нет. Но мы с тобой получим по письму.

— Правда? — прошептала Лили.

— Да, — сказал Снегг, и, несмотря на безобразную прическу и нелепую одежду, он сейчас производил сильное впечатление — странная фигурка, исполненная уверенности в своем предназначении.

— И письмо правда принесет сова? — тихо спросила Лили.

— Обычно их приносят совы, — сказал Снегг. — Но ты — из семьи маглов, поэтому из школы пришлют кого-нибудь поговорить с твоими ро-

дителями.

— А это важно, что я из семьи маглов?

Снегг колебался. Его черные глаза, горевшие в зеленоватом сумраке, скользнули по бледному личику, по темно-рыжим волосам.

— Нет, — сказал он. — Совсем не важно.

— Это хорошо, — с облегчением сказала Лили. Видно было, что это ее беспокоило.

— В тебе прорва волшебства, — сказал Снегг. — Я видел. Я все время за тобой наблюдал…

Голос его прервался. Лили не слушала его, она растянулась на траве и смотрела на полог листьев над головой. Снегг глядел на нее так же завороженно, как на детской площадке.

— Как у тебя дома дела? — спросила Лили. Он слегка нахмурился:

— Нормально.

— Они уже не ругаются?

— Еще как ругаются! — Снегг сорвал пригоршню листьев и стал раздирать их на кусочки, явно не замечая, что делает. — Но осталось совсем недолго, и я уеду.

— Твой отец не любит волшебства?

— Он ничего особенно не любит, — отозвался Снегг.

— Северус… Снегг улыбнулся, когда она произ-

несла его имя:

— А?

— Расскажи мне еще раз про дементоров.

— Зачем тебе?

— Если я буду заниматься волшебством вне школы…

— Никто не отдаст тебя за это дементорам! Дементоры — это для настоящих преступников. Они охраняют тюрьму для волшебников, Азкабан. Но тебе совершенно не за чем попадать в Азкабан, ты слишком…

Он снова покраснел и сорвал еще несколько листьев. Тут за его спиной раздался хруст, и он обернулся. Петунья, прятавшаяся за деревом, неловко переступила с ноги на ногу.

— Тунья! — сказала Лили с радостным удивлением в голосе. Но Снегг вскочил.

— И кто из нас шпионит? — закричал он. — Чего тебе тут надо?

Петунья потеряла дар речи от страха, что ее обнаружили. Гарри видел, что она изо всех сил старается придумать что-нибудь пообиднее.

— Что это на тебе надето, а? — спросила она, показывая пальцем на рубашку Снегга. — Мамина блузка?

Раздался треск: над головой Петуньи обломился

толстый сук. Лили вскрикнула: сук ударил Петунью по плечу. Она качнулась назад и залилась слезами.

— Тунья! — Лили набросилась на Снегга: — Это ты сделал?

— Нет! — Вид у него был одновременно выбывающий и испуганный.

— Это ты! — Она отшатнулась от него. — Ты! Ты сделал ей больно!

— Нет, это не я!

Но Лили не поверила этой лжи. Она бросила на него последний укоризненный взгляд и побежала вслед за сестрой. А Снегг остался стоять с несчастным и смущенным видом…

Сцена снова сменилась. Гарри огляделся вокруг: он был на платформе девять и три четверти, неподалеку стоял Снегг, слегка сутулясь, а рядом — худая, бледная женщина с кислым выражением лица, очень похожая на него. Глаза Снегга были устремлены на семью из четырех человек тут же на платформе. Две девочки стояли чуть поодаль от родителей. Лили, похоже, пыталась в чем-то убедить сестру. Гарри подошел поближе и прислушался.

— Тунья, не сердись, прости меня, пожалуйста! Послушай… — Она взяла сестру за руку и не

выпускала, хотя Петунья пыталась вырваться. — Может быть, когда я там окажусь… нет, послушай, Тунья! Может быть, когда я там окажусь, я смогу пойти к профессору Дамблдору и уговорить его изменить решение!

— Я не хочу туда! — отчеканила Петунья и вырвала руку — С чего ты взяла, что я хочу ехать в какой-то дурацкий замок и учиться на… на…

Ее глаза скользнули по платформе, по кошкам, мяучащим на руках владельцев, по совам в клетках, бьющим крыльями и уханьем приветствующим друг друга, по школьникам, некоторые из которых уже надели длинные черные одежды, грузившим чемоданы на ярко-красный паровоз и приветствующим друг друга радостными возгласами после долгой летней разлуки.

— Думаешь, я хочу стать… уродкой?

Глаза Лили наполнились слезами.

— Я не уродка, — ответила она. — Это ужасное слово!

— Туда-то ты и едешь, — с наслаждением повторила Петунья. — В спецшколу для уродов. Ты и этот снегговский мальчишка… вы оба натуральные уроды. Хорошо, что вас будут держать отдельно от нормальных людей. Это делается для нашей безопасности.

Лили взглянула на родителей, внимательно оглядывавших платформу с видом самого сердечного удовольствия. Потом перевела глаза обратно на сестру и сказала тихо и ЗЛО:

— Вряд ли ты думала, что это школа для уродов, когда писала директору и клянчила, чтобы тебя приняли.

Петунья покраснела до ушей:

— Клянчила? Я не клянчила!

— Я видела его ответ — очень милый.

— Кто тебе разрешил читать… — прошептала Петунья. — Это мое личное… Как ты могла?..

Лили выдала себя, взглянув в сторону Снегга, стоявшего неподалеку. Петунья ахнула.

— Так вот кто нашел мое письмо! Ты рылась в моей комнате вместе с этим мальчишкой!

— Нет, мы не рылись… — Лили перешла на оборонительную позицию. — Северус увидел конверт и не поверил, что магл мог завязать переписку с Хогвартсом, вот и все! Он сказал, что, видимо, на почте тайно работают волшебники, которые…

— Волшебники, видимо, суют свой нос во все! — Петунья побледнела теперь так же сильно, как перед этим вспыхнула. — Уродка! — бросила она в лицо сестре и метнулась к родителям…

Сцена снова переменилась. Снегг шел торопливым шагом по коридору «Хогвартсэкспресса», мчавшегося через сельский ландшафт. Он уже переоделся в школьное платье, наверное, воспользовался первой же возможностью отделаться от своей уродливой магловской одежды. Снегг остановился перед купе, где болтали между собой несколько шумных мальчишек. В уголке у окна сидела Лили, прижав лицо к оконному стеклу.

Снегг проскользнул в купе и сел напротив. Она взглянула на него и снова отвернулась К окну. Она плакала.

— Я с тобой не разговариваю, — сказала она сдавленным голосом.

— Почему?

— Тунья меня ненавидит. За то, что мы прочли письмо от Дамблдора.

— И что?

Она посмотрела на него с глубоким отвращением:

— А то, что она моя сестра!

— Она всего лишь… — Снегг вовремя остановился. Лили, занятая тем, как бы незаметно утереть слезы с глаз, его не услышала. — Но мы ведь едем! — Он не мог скрыть ликования в голосе. — Мы едем в Хогвартс!

Она кивнула сквозь слезы и невольно улыбнулась.

— Тебе лучше поступать в Слизерин, — сказал Снегг, ободренный этим проблеском.

— В Слизерин?

Один из мальчиков, сидевших в купе, который до сих пор не обращал на Лили и Снегга никакого внимания, теперь уставился на них. Гарри, до этого не замечавший никого, кроме пары у окна, узнал своего отца: худенький, черноволосый, как и Снегг, но совсем другой. По каким-то неуловимым признакам было сразу видно, что об этом мальчике заботятся, его любят и носят на руках — так же как по Снеггу было заметно, что с ним все обстоит наоборот.

— Кто это тут хочет в Слизерин? Да я бы сразу из школы ушел, а ты? — спросил Джеймс мальчика, сидевшего напротив. Гарри вздрогнул, узнав в нем Сириуса. Тот не улыбнулся.

— Вся моя семья училась в Слизерине, — сказал он.

— Елкипалки! — воскликнул Джеймс. — А ты мне показался таким приличным человеком!

Сириус усмехнулся:

— Возможно, я нарушу семейную традицию. А ты куда собираешься, если тебе позволят вы-

бирать?

Джеймс поднял невидимый меч.

— Гриффиндор, славный тем, что учатся там храбрецы. Как мой отец.

Снегг презрительно фыркнул. Джеймс обернулся к нему:

— Тебе это не нравится?

— Да нет, почему? — ответил Снегг, хотя его фырканье было недвусмысленным ответом. — Если кто предпочитает быть храбрецом, чем умником…

— А ты-то куда пойдешь, если ты ни то, ни другое? — вмешался Сириус.

Джеймс расхохотался. Лили сидела прямо, вся красная, и переводила неприязненный взгляд с Джеймса на Сириуса.

— Северус, пойдем поищем другое купе.

— Оооо…

Джеймс и Сириус передразнили ее высокомерный тон. Джеймс попытался поставить Снеггу подножку.

— До скорого, Нюниус! — раздалось из купе, когда дверь захлопывалась.

И сцена снова переменилась…

Гарри стоял за спиной Снегга перед освещенными множеством свечей столами факультетов,

глядя на длинные ряды взволнованных лиц. Профессор Макгонагалл произнесла:

— Эванс, Лили!

Он видел, как его мать на дрожащих ногах вышла вперед и села на расшатанный табурет. Профессор Макгонагалл надела ей на голову Распределяющую шляпу. Едва коснувшись темно-рыжих волос, Шляпа провозгласила:

— Гриффиндор!

Гарри слышал, как у Снегга вырвался тихий стон. Лили сняла Шляпу, протянула ее профессору Макгонагалл и заспешила к весело аплодирующим гриффиндорцам. Проходя мимо, она с грустной улыбкой оглянулась на Снегга. Гарри видел, как Сириус подвинулся, давая ей место на скамье. Она взглянула на него, узнала соседа по купе и решительно повернулась к нему спиной.

Перекличка продолжалась. Гарри видел, как Люпин, Петтигрю и его отец присоединились к Лили и Сириусу за столом Гриффиндора. Наконец, когда ожидающих распределения оставалась лишь небольшая кучка, профессор Макгонагалл произнесла фамилию Снегга.

Гарри вместе с ним пошел к табурету и смотрел, как он надевает шляпу.

— Слизерин! — объявила Шляпа.

И Северус Снегг отправился на другую сторону Большого зала, прочь от Лили, к приветствующим его слизеринцам. Люциус Малфой со сверкающим значком старосты на груди похлопал его по спине и усадил рядом с собой…

Сцена переменилась…

Лили и Снегг шли по двору замка, горячо споря о чем-то. Гарри заспешил к ним, чтобы послушать. Подойдя ближе, он заметил, насколько выше они стали. Видимо, с распределения прошло несколько лет.

— Я-то думал, мы друзья, — говорил Снегг. — Лучшие друзья.

— Мы и есть друзья, Сев, но мне не нравятся люди, с которыми ты связался. Прости, но я не выношу Эйвери и Мальсибера. Малъсибер! Ну что ты в нем нашел, Сев? Он же подонок! Ты знаешь, что он на днях пытался сделать с Мэри Макдональд?

Лили остановилась у колонны и прислонилась к ней, глядя в худое, бледное лицо.

— Да ерунда это, — сказал Снегг. — Он хотел просто посмеяться, и все..

— Это Темная магия, и если ты считаешь, что это смешно…

— Ну а то, чем занимаются Поттер и его друж-

ки? — спросил Снегг. Щеки у него порозовели при этих словах, он был не в силах сдержать досаду.

— При чем тут Поттер? — сказала Лили.

— Они где-то шляются по ночам. И с Люпином этим что-то странное творится. Куда это он постоянно уходит?

— Он болен, — ответила Лили. — Говорят, он очень болен.

— Ага, заболевает каждый месяц в день полнолуния?

— Я знаю твою теорию, — холодно откликнулась Лили. — Но почему это тебя так волнует? Тебе-то какое дело, чем они занимаются по ночам?

— Я просто хочу показать тебе, что не такие уж они замечательные, какими их, похоже, все считают.

Лили покраснела под его настойчивым взглядом.

— По крайней мере они не применяют Темную магию. — Лили понизила голос. — А ты просто неблагодарный. Я знаю, что случилось прошлой ночью. Ты полез в тот туннель под Гремучей ивой, и Джеймс Поттер спас тебя от того, что там подстерегало…

Лицо Снегга исказилось, теперь он захлебывал-

ся словами:

— Спас? Спас? Думаешь, он разыгрывал героя? Он спасал свою шею и своих друзей! Ты ведь не… Я… Я тебе не позволю…

— Не позволишь? Мне?

Ярко-зеленые глаза Лили сузились. Снегг мгновенно сбавил тон.

— Я не то хотел сказать… Просто я не желаю, чтобы тебя дурачили… Он за тобой увивается, Джеймс Поттер за тобой увивается! — Похоже, эти слова вырвались у Снегга помимо его воли. — А он вовсе не то… что все думают… чемпион по квиддичу… — Обида и неприязнь рвались из Снегга сбивчивыми словами, и Лили все выше и выше подымала брови.

— Я знаю, что Джеймс Поттер — безмозглый задавака, — прервала она Снегга. — Можешь не трудиться мне это объяснять. Но юмор Мальсибера и Эйвери — это безобразие. Безобразие, Сев. Не понимаю, как ты можешь с ними дружить!

Гарри показалось, что выпадов Лили против Мальсибера и Эйвери Снегг уже просто не слышал. Стоило ей отозваться пренебрежительно о Джеймсе Поттере, его напряжение как рукой сняло, и теперь он шагал рядом с ней совсем другим, упругим шагом…

И эта сцена исчезла…

Гарри снова смотрел, как Снегг выходит из Большого зала, сдав СОВ по защите от Темных искусств, бредет прочь от замка и случайно оказывается рядом с местом, где сидят под буком Джеймс, Сириус, Люпин и Петтигрю. Но на этот раз Гарри не стал подходить ближе. Он и так знал, что произошло после того, как Джеймс заклинанием поднял Северуса в воздух и насмеялся над ним; он знал, кто что сказал и сделал, и ему не хотелось слышать все это снова. Он видел, как к группе приблизилась Лили и бросилась на защиту Снегга. И слышал издали, как Снегг, вне себя от унижения и ярости, бросил ей непоправимое СЛОВО:

— Грязнокровка! Сцена переменилась…

— Прости меня.

— Отвяжись.

— Прости меня!

— Можешь не трудиться.

Это было ночью. Лили в халатике стояла, обхватив себя руками, перед портретом Полной Дамы у входа в башню Гриффиндора.

— Я пришла только потому, что Мэри сказала, будто ты грозишься проторчать здесь всю ночь…

— Да. Я бы так и сделал. Я вовсе не хотел обзы-

вать тебя грязнокровкой, это у меня просто…

— Сорвалось с языка? — В голосе Лили не было жалости. — Слишком поздно. Я много лет находила тебе оправдания. Никто из моих друзей не понимает, почему я вообще с тобой разговариваю. Ты и твои дружки — Пожиратели смерти… Ага, ты этого даже не отрицаешь. Ты даже не отрицаешь, что сам собираешься стать таким же. Тебе не терпится присоединиться к Сам-Знаешь-Кому, да?

Он открыл было рот, но так ничего и не сказал.

— Я больше не могу закрывать глаза. Ты выбрал свою дорогу, я — свою.

— Нет… послушай, я не хотел…

— Обзывать меня грязнокровкой? Но ведь всех, кто родом из таких семей, ты именно так и зовешь, Северус. Почему же я должна быть исключением?

Он пытался что-то объяснить, но Лили бросила на него презрительный взгляд, повернулась и скрылась в проходе за портретом…

Вход в башню Гриффиндора исчез, а новая сцена появилась не сразу. Гарри словно летел сквозь сменяющиеся цвета и формы, пока мир вокруг него вновь не принял ясные очертания. Он стоял в темноте на пустынной, холодной вершине

холма, и ветер свистел в голых ветвях деревьев. Взрослый Снегг тяжело дышал и беспокойно крутился на месте, крепко сжимая волшебную палочку, явно в ожидании чего-то или кого-то. Страх Снегга передался Гарри, хотя он знал, что бояться ему нечего, и он поглядел через плечо, пытаясь догадаться, чего ждет здесь Снегг…

В воздухе мелькнула ослепительная вспышка белого света. Гарри подумал, что это молния, но Снегг упал на колени, и палочка вылетела у него из рук.

— Не убивайте меня!

— Я и не собирался. Дамблдор появился внезапно — шум ветра заглушил звук трансгрессии. Он стоял перед Снеггом в развевающейся мантии. Его лицо было освещено снизу светом волшебной палочки.

— Итак, Северус, что за весть шлет мне лорд Волан-де-Морт?

— Нет… никакой вести… Я пришел по собственному почину! — Снегг заламывал руки. Черные волосы развевались на ветру вокруг его головы, и вид у него был немного безумный. — Я пришел с предостережением… нет, с просьбой… пожалуйста…

Дамблдор взмахнул палочкой. Листья по-преж-

нему летели по ветру, но там, где стояли они со Снеггом, стало совсем тихо.

— Какая же просьба ко мне может быть у Пожирателя смерти?

— Пророчество… предсказание Трелони…

— Ах да, — откликнулся Дамблдор. — И что из этого вы доложили лорду Волан-де-Морту?

— Все… все, что слышал! — ответил Снегг. — И поэтому… из-за этого… он думает, что пророчество относится к Лили Эванс!

— В пророчестве ничего не сказано о женщине, — сказал Дамблдор. — Речь там шла о мальчике, который родился в конце июля…

— Вы понимаете, о чем я говорю! Он думает, что речь идет о ее сыне… Он собирается отправиться к ней… убить их всех…

— Если она так много для вас значит, — сказал Дамблдор, — то лорд Волан-де-Морт, несомненно, пощадит ее. Разве не могли вы попросить его пощадить мать в обмен на сына?

— Я… я просил…

— Вы мне отвратительны, — сказал Дамблдор. Гарри никогда не слышал такого презрения в его голосе. Снегг слегка отпрянул. — Значит, вам плевать, что ее муж и сын погибнут? Пусть гибнут, лишь бы вы получили то, что хотите?

Снегг молчал, не спуская глаз с Дамблдора.

— Ну так спрячьте их всех, — прохрипел он. — Спасите ее… их. Прошу вас.

— А что я получу взамен, Северус?

— Взамен? — Снегг ошеломленно глядел на Дамблдора, и какое-то мгновение Гарри ожидал, что он будет спорить, однако после недолгого молчания Снегг сказал: — Все что угодно.

Вершина холма исчезла, и Гарри оказался в кабинете Дамблдора. В нем раздавались странные звуки, похожие на вой раненого животного. Снегг скорчился в кресле, подавшись вперед, а Дамблдор с мрачным видом стоял над ним. Спустя мгновение Снегг поднял лицо. Казалось, он прожил сто очень несчастливых лет с тех пор, как стоял на вершине холма.

— Я думал… вы… спасете ее…

— Они с Джеймсом доверились не тому человеку, — сказал Дамблдор. — Как и вы, Северус. Вы ведь тоже надеялись, что лорд Волан-де-Морт ее пощадит?

Снегг задыхался.

— Ее сын выжил.

Снегг мотнул головой, словно отгоняя назойливую муху.

— Ее сын жив. У него ее глаза, такие же точно.

Вы ведь помните глаза Лили Эванс?

— ПРЕКРАТИТЕ! — выкрикнул Снегг. — Умерла… навсегда…

— Вас мучает совесть, Северус?

— Лучше бы… лучше бы умер…

— И какая от этого была бы польза? — холодно спросил Дамблдор. — Если вы любили Лили Эванс, если вы действительно любили ее, то ваш дальнейший путь ясен.

Глаза Снегга были затуманены болью, и слова Дамблдора дошли до него не сразу.

— Что… что вы хотите этим сказать?

— Вы знаете, как и почему она погибла. Сделайте так, чтобы это было не зря. Помогите мне защитить сына Лили.

— Ему не нужна защита. Темный Лорд ушел…

— Темный Лорд вернется, и тогда Гарри Поттер окажется в страшной опасности.

Наступило долгое молчание. Снегг постепенно брал себя в руки, его дыхание стало ровнее. Наконец он произнес:

— Хорошо. Ладно. Но только — ни слова никому, Дамблдор! Это должно остаться между нами. Поклянитесь! Я не вынесу… тем более сын Поттера… Дайте мне слово!

— Дать слово, Северус, что я никому никогда не

расскажу о самом лучшем, что в вас есть? — Дамблдор вздохнул, глядя в злое, измученное лицо Снегга. — Ну, если вы настаиваете…

Кабинет исчез, но тут же снова вернулся.

Снегг ходил взад-вперед перед столом Дамблдора.

— Бездарный, самовлюбленный, как и его отец, любитель нарушать правила, жадный до славы и внимания, нахальный…

— Вы видите то, что хотите видеть, Северус, — ответил Дамблдор, не отрывая глаз от журнала «Трансфигурация сегодня». — Другие преподаватели говорят, что мальчик скромен, приятен в обращении и не лишен дарований. Лично мне он кажется симпатичным ребенком. — Дамблдор перевернул страницу и сказал, не подымая глаз: — Приглядывайте за Квирреллом, ладно?

Снова радужный водоворот, и вот краски померкли, и Снегг с Дамблдором стоят немного в сторонке в вестибюле Хогвартса, а мимо них расходятся по своим спальням последние участники Святочного бала.

— Так что же? — тихо спросил Дамблдор.

— Метка Каркарова тоже потемнела. Он в панике, опасается возмездия. Вы ведь знаете, какую помощь он оказал Министерству после

падения Темного Лорда. — Снегг посмотрел сбоку на профиль Дамблдора с кривоватым носом. — Каркаров собирается бежать, если почувствует жжение в Метке.

— Вот как? — мягко сказал Дамблдор. Мимо шли, хихикая, Флер Делакур и Роджер Дэвис. — А вам не хочется к нему присоединиться?

— Нет. — Снегг проводил глазами удаляющихся Роджера и Флер. — Я не такой трус.

— Нет, — согласился Дамблдор. — Вы несравненно храбрее Игоря Каркарова. Вы знаете, я иногда думаю, что мы проводим распределение слишком рано…

И пошел прочь, не глядя на онемевшего Снегга…

И вот Гарри снова стоит в директорском кабинете. Ночь. Дамблдор в своем высоком кресле за письменным столом завалился на бок. Похоже, он в полубессознательном состоянии. Его правая рука, почерневшая и обугленная, бессильно повисла. Снегг бормочет заклинания, направляя палочку на запястье Дамблдора, а левой рукой вливает ему в горло густой золотой напиток. Спустя несколько мгновений веки Дамблдора дрогнули и приоткрылись.

— Зачем? — сказал Снегг без всяких преди-

словий. — Зачем вы надели это кольцо? На него наложено заклятие, вы не могли этого не знать… Зачем вам вообще понадобилось его трогать?

Кольцо Марволо Мракса лежало на столе перед Дамблдором. Оно было разбито. Рядом лежал меч Гриффиндора.

Дамблдор поморщился:

— Я… сделал глупость. Не устоял перед искушением…

— Каким искушением? Дамблдор не ответил.

— Чудо, что вам удалось вернуться сюда! — В голосе Снегга звучало бешенство. — На это кольцо наложено заклятие исключительной силы. Самое большее, на что мы можем надеяться, — это ограничить его действие одним участком. Пока мне удалось запереть его в одну руку.

Дамблдор приподнял свою почерневшую, ни на что уже не годную руку и осмотрел ее с таким выражением, как будто ему показали любопытнейший экспонат.

— Вы отлично справились, Северус. Сколько мне осталось, как вы думаете?

Дамблдор говорил обычным тоном, как будто спрашивал прогноз погоды. После недолгого колебания Снегг ответил:

— Не могу сказать. Может быть, год. Сдержать

такие чары навсегда невозможно. Постепенно они начнут распространяться, это из тех заклятий, которые со временем только усиливаются.

Дамблдор улыбнулся. Похоже, его не очень взволновало, что жить ему остается меньше года.

— Как мне повезло, как невероятно повезло, что у меня есть вы, Северус.

— Если б только вы позвали меня чуть раньше, я, возможно, мог бы сделать больше, выиграть для вас больше времени, — с болью сказал Снегг. Он посмотрел на разбитое кольцо и на меч. — Вы что, думали, что, разбив кольцо, вы разобьете чары?

— что-то в этом духе… Я, видимо, был просто не в себе… — сказал Дамблдор, с усилием выпрямляясь в кресле. — Ну что ж, это сильно упрощает дело.

Снегг посмотрел на него в полном недоумении. Дамблдор улыбнулся:

— Я имею в виду тот план, который выстроил вокруг меня лорд Волан-де-Морт. План заставить этого бедного мальчика, Малфоя, убить меня.

Снегг опустился в кресло, где так часто сидел сам Гарри, напротив стола Дамблдора. Гарри понял, что он хотел сказать еще что-то о заклятой

руке Дамблдора, но тот приподнял ее, вежливо отказываясь продолжать разговор на эту тему. Снегг сказал хмуро:

— Темный Лорд и не ждет, что Драко добьется успеха. Это просто наказание за недавние промахи Люциуса. Медленная пытка для родителей Драко, вынужденных наблюдать его провал и наказание.

— Короче говоря, мальчику вынесен смертный приговор, как, разумеется, и мне, — сказал Дамблдор. — Ну а естественный преемник по этому заданию, после провала Драко, будете вы, если я правильно понимаю?

Настала короткая пауза.

— Да, таков, я думаю, план Темного Лорда.

— Лорд Волан-де-Морт полагает, следовательно, что в ближайшем будущем ему больше не нужен будет соглядатай в Хогвартсе?

— Да, он думает, что школа скоро будет в его руках.

— А если она и правда окажется в его руках, — сказал Дамблдор таким тоном, как будто речь шла о чем-то постороннем, — вы даете мне слово сделать все, что в ваших силах, чтобы защитить учеников Хогвартса?

Снегг медленно кивнул.

— Отлично. Теперь вот что. Ваша главная задача сейчас — выяснить, что собирается делать Драко. Напуганный пятнадцатилетний мальчишка опасен и для самого себя, и для окружающих. Предложите ему помощь и руководство, он их, наверное, примет — вы ему очень нравитесь…

— Уже гораздо меньше, с тех пор как его отец вышел из фавора. Драко осуждает меня, он думает, что я занял место Люциуса.

— И все-таки попробуйте. Я беспокоюсь не столько за себя, сколько за случайных жертв — мало ли какие планы придут мальчику в голову. Но в конечном счете есть только одно средство, чтобы спасти его от гнева лорда Волан-де-Морта.

Снегг поднял брови и спросил саркастически:

— Вы намерены позволить ему вас убить?

— Нет, конечно. Меня должны убить вы. Наступило долгое молчание. В тишине раздавался лишь странный щелкающий звук: феникс Фоукс клевал скорлупу каракатицы.

— Вы хотите, чтобы я сделал это прямо сейчас? — ироническим тоном спросил Снегг. — Или дать еще несколько минут, чтобы составить эпитафию?

— Нет-нет, это не так срочно, — ответил Дамблдор, улыбаясь. — Я полагаю, случай представится

в свое время. С учетом того, что произошло сегодня, — он показал на свою обугленную руку, — можно не сомневаться, что это произойдет в течение года.

— Если вы не против умереть, — резко сказал Снегг, — почему бы не предоставить это Драко?

— Душа мальчика еще не настолько повреждена, — сказал Дамблдор. — Я бы не хотел, чтобы она раскололась из-за меня.

— А моя душа, Дамблдор? Моя?

— Только вам известно, потерпит ли ваша душа ущерб от того, что вы поможете старику избавиться от боли и унижения, — ответил Дамблдор. — Я прошу вас об этой великой услуге, Северус, потому что моя смерть, — такое же решенное дело, как то, что «Пушки Педдл» займут в этом сезоне последнее место в лиге. Признаюсь, я предпочел бы быстрый, безболезненный конец долгим мукам, которые мне предстоят, если будет задействован, например, Сивый. Я слышал, Волан-де-Морт его завербовал? Или наша милая Беллатриса, которая любит поиграть с мышкой, прежде чем ее съесть.

Он говорил легким тоном, но его синие глаза пронизывали Снегга насквозь, как нередко пронизывали и Гарри, словно душа собеседника

была видна ему как на ладони. И Снегг снова коротко кивнул.

На лице Дамблдора выразилось удовлетворение.

— Спасибо, Северус…

Кабинет исчез. Теперь Снегг и Дамблдор прогуливались в сумерках по опустевшей территории замка.

— Чем вы занимаетесь каждый вечер, запираясь с Поттером? — внезапно спросил Снегг. Дамблдор устало посмотрел на него:

— Почему вас это интересует? Надеюсь, Северус, вы не хотите прибавить ему сидения после уроков? Мальчик, По-моему, скоро будет проводить взаперти больше времени, чем на свободе.

— Он — вылитый отец…

— На вид — может быть, но в глубине сердца он гораздо больше похож на свою мать. Я провожу с Гарри много времени, потому что есть вещи, которые мне нужно с ним обсудить, кое-какая информация, которую я должен ему передать, пока не поздно.

— Информация, — повторил Снегг. — Ему вы доверяете… а мне нет.

— Дело не в доверии. Как мы оба знаем, время мое ограничено. Мальчик должен — это крайне

важно — получить от меня достаточно информации, чтобы выполнить свою задачу.

— А почему мне нельзя получить туже информацию?

— Я предпочитаю не складывать все мои тайны в одну корзину — тем более в корзину, которая большую часть времени болтается на руке лорда Волан-де-Морта.

— Но я делаю это по вашему распоряжению!

— Да, и делаете непревзойденно. Не думайте, Северус, что я недооцениваю постоянную опасность, которой вы себя подвергаете. Поставлять Волан-де-Морту информацию, которая кажется ему ценной, и при этом скрывать самое главное — такую работу я не мог бы поручить никому, кроме вас.

— И все же вы куда больше доверяете мальчишке, неспособному к окклюменции, посредственному волшебнику, и к тому же имеющему прямую связь с мыслями Темного Лорда!

— Волан-де-Морт боится этой связи, — сказал Дамблдор. — Не так давно он попробовал — так, слегка, — что значит для него по-настоящему проникнуть в мысли Гарри. Это была такая боль, что подобной он не испытывал никогда в жизни. Он не станет больше пытаться завладеть Гарри, я

уверен. По крайней мере таким способом.

— Не понимаю.

— Искалеченная душа лорда Волан-де-Морта не может вынести соприкосновения с такой душой, как у Гарри. Она чувствует себя, как язык, лизнувший ледяное железо, как живая плоть в огне…

— Души? Мы ведь говорили о мыслях!

— В случае Гарри и лорда Волан-де-Морта это одно и тоже.

Дамблдор посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что они одни.

Они дошли почти до Запретного леса, и, похоже, рядом действительно никого не было.

— После того как вы убьете меня, Северус…

— Вы отказываетесь быть со мной откровенным и тем не менее ожидаете от меня этой маленькой услуги! — проворчал Снегг. Его худое лицо выражало сейчас настоящую злость. — Как многое для вас разумеется само собой, Дамблдор! А что, если я передумал?

— Вы дали мне слово, Северус. Раз уж мы заговорили об услугах, которых я от вас жду, — вы ведь, помнится, согласились приглядеть за нашим юным другом из Слизерина?

Снегг посмотрел на него сердито, с вызовом. Дамблдор вздохнул:

— Северус, приходите сегодня вечером, к одиннадцати, в мой кабинет — и вы больше не будете жаловаться, что я вам не доверяю…

И вот они снова в кабинете Дамблдора. За окнами темно. Фоукс ведет себя тихо, и Снегг тоже сидит молча и неподвижно, а Дамблдор ходит по кабинету и говорит:

— Гарри не должен знать, до самого последнего момента, до тех пор, пока не будет необходимо, а то разве хватит у него сил сделать то, что он должен сделать?

— А что он должен сделать?

— Это наш с Гарри секрет. А теперь слушайте внимательно, Северус. Настанет время — после моей смерти — не спорьте, не перебивайте меня! Настанет время, когда лорд Волан-де-Морт начнет опасаться за жизнь своей змеи.

— Нагайны? — удивленно переспросил Снегг.

— Именно. Настанет время, когда лорд Волан-де-Морт перестанет посылать змею выполнять свои приказы, а станет держать в безопасности рядом с собой, окружив магической защитой. Вот тогда, — я думаю, можно будет сказать Гарри.

— Сказать Гарри что?

Дамблдор набрал в грудь воздуха и закрыл глаза.

— Сказать ему, что в ту ночь, когда Лили поставила между ними свою жизнь, словно щит, Убивающее заклятие отлетело назад, ударив в лорда Волан-де-Морта, и осколок его души, оторвавшись от целого, проскользнул в единственное живое существо, уцелевшее в рушащемся здании. Часть лорда Волан-де-Морта живет в Гарри, и именно она дает мальчику способность говорить со змеями и ту связь с мыслями лорда Волан-де-Морта, которую он сам не понимает. И пока этот осколок души, о котором и сам Волан-де-Морт не догадывается, живет в Гарри, под его защитой, Волан-де-Морт не может умереть.

Гарри казалось, что он смотрит на собеседников из конца длинного туннеля — они были очень далеко от него, и их голоса странно отдавались в его ушах.

— Значит, мальчик… мальчик должен умереть? — спросил Снегг очень спокойным голосом.

— И убить его должен сам Волан-де-Морт, Северус. Это самое важное.

Опять настало долгое молчание. Потом Снегг сказал:

— Все эти годы… я думал… что мы оберегаем его ради нее. Ради Лили.

— Мы оберегали его, потому что было очень важно обучить сто, вырастить, дать ему испробовать свою силу. — Дамблдор по-прежнему не поднимал плотно сомкнутых век. — Тем временем связь между ними все крепнет, болезненно разрастается. Порой мне кажется, что Гарри сам это подозревает. Если я не ошибся в нем, он устроит все так, что, когда он выйдет навстречу своей смерти, это будет означать настоящий конец Волан-де-Морта.

Дамблдор открыл глаза. Снегг смотрел на него с ужасом:

— Так вы сохраняли ему жизнь, чтобы он мог погибнуть в нужный момент?

— Вас это шокирует, Северус? Сколько людей, мужчин и женщин, погибло на ваших глазах?

— В последнее время — только те, кого я не мог спасти. — Снегг поднялся. — Вы меня использовали.

— То есть?

— Я шпионил ради вас, лгал ради вас, подвергал себя смертельной опасности ради вас. И думал, что делаю все это для того, чтобы сохранить жизнь сыну Лили. А теперь вы говорите мне, что растили его как свинью для убоя…

— Это прямо-таки трогательно, Северус, — се-

рьезно сказал Дамблдор. — Уж не привязались ли вы, в конце концов, к мальчику?

— К мальчику? — выкрикнул Снегг. — Экспекто патронум!

Из кончика его палочки вырвалась серебряная лань, спрыгнула на пол, одним прыжком пересекла кабинет и вылетела в раскрытое окно. Дамблдор смотрел ей вслед. Когда серебряное свечение погасло, он обернулся к Снеггу, и глаза его были полны слез.

— Через столько лет?

— Всегда, — ответил Снегг.

И сцена снова переменилась. Гарри увидел, как Снегг разговаривает с портретом Дамблдора, висящим над письменным столом.

— Вы назовете Волан-де-Морту правильный день отъезда Гарри из дома его родственников, — говорил Дамблдор. — Если вы этого не сделаете, это вызовет подозрения, потому что Волан-де-Морт считает вас прекрасно информированным. Но при этом проведите идею двойников — я думаю, это обеспечит безопасность Гарри. Попытайтесь применить Конфундус к Наземникусу Флетчеру. И прощу вас, Северус, если вас заставят участвовать в ловле, играйте свою роль убедительно… Я очень надеюсь, что вы еще долго не

выйдете из доверия у лорда Волан-де-Морта, иначе Хогвартс останется на растерзание Кэрроу…

Теперь Снегг сидел с Наземникусом в каком-то незнакомом трактире. Они беседовали, сдвинув головы. Лицо Наземникуса было странно пустым, Снегг сосредоточенно хмурился.

— Ты посоветуешь Ордену Феникса, — шептал Снегг, — использовать двойников. Оборотное зелье. Неразличимые Поттеры. Это единственный способ. Забудь, что это я тебе подсказал. Скажи им, что это твоя собственная идея. Понял?

— Понял, — пробормотал Наземникус, рассеянно глядя вдаль…

Теперь Гарри летел рядом со Снеггом на метле сквозь ясную темную ночь. Рядом летели другие Пожиратели смерти в капюшонах, а впереди мчались Люпин и Гарри, который на самом деле был Джорджем… Один из Пожирателей смерти обогнал Снегга и поднял волшебную палочку, целясь прямо в спину Люпина…

— Сектумсемпра! — выкрикнул Снегг.

Но заклятие промахнулось — вместо держащей палочку руки Пожирателя смерти оно попало в Джорджа…

Следующая сцена: Снегг стоит на коленях в бывшей спальне Сириуса. Слезы стекают по его

крючковатому носу: он читает старое письмо Лили. На втором листе — всего лишь несколько слов:

…мог дружить с Геллертом Грин-де-Вальдом. Я лично думаю, что Батильда просто помешалась! С любовью,

Лили

Снегг взял листок с подписью Лили и ее любовью и спрятал себе под мантию. Потом он разорвал надвое фотографию, которую держал в руках, оставив себе смеющуюся Лили и отбросив другую половинку с Джеймсом и Гарри на пол, под комод…

И вот Снегг снова стоит в директорском кабинете, а Финеас Найджелус торопливо возвращается в свой портрет.

— Директор! Они разбили палатку в лесу Дин! Грязнокровка…

— Я не желаю слышать это слово!

— В общем, эта Грейнджер назвала местность, когда открывала сумку, я слышал!

— Прекрасно. Очень хорошо! — воскликнул Дамблдор с портрета за директорским креслом. — Теперь берите меч, Северус! Не забывайте, что он дается лишь отважному и в крайней нужде и Гарри не должен знать, что даете его вы! Если

Волан-де-Морт прочтет мысли Гарри и увидит, что вы действуете в пользу мальчика…

— Знаю, — коротко сказал Снегг. Он подошел к портрету Дамблдора и потянул за него. Портрет выдвинулся из стены, открывая тайник. Снегг достал меч Гриффиндора. — И вы по-прежнему не хотите сказать мне, почему Гарри непременно должен получить меч? — спросил Снегг, надевая дорожную мантию.

— Пожалуй, нет, — ответил портрет Дамблдора. — Он сам разберется, что с ним делать. Будьте очень осторожны, Северус, боюсь, они вас могут плохо встретить после истории с Джорджем Уизли… Снегг обернулся с порога.

— Не беспокойтесь, Дамблдор, — сказал он холодно. — У меня есть план…

И вышел из комнаты. Гарри вынырнул из Омута памяти и оказался на ковре в том же кабинете: казалось, Снегг только что прикрыл за собой дверь.

Глава 34

СНОВА В ЛЕСУ

Вот она наконец, правда. Уткнувшись лицом в пыльный ковер кабинета, где он недавно прилежно учился тому, что считал секретами победы, Гарри наконец понял, что ему не предназначено остаться в живых. Его задачей было спокойно идти в широко раскрытые объятия смерти. По дороге он должен был разрушать последние связи Волан-де-Морта с жизнью, чтобы, когда их пути снова пересекутся и Гарри не поднимет палочку на свою защиту, конец наступил немедленно, и задача, которая осталась невыполненной в Годриковой Впадине, была наконец завершена: ни один из них не останется в живых, ни того ни другого больше не будет на свете.

Он чувствовал, как бешено бьется о ребра сердце. Как странно, что под действием смертного страха оно колотится все сильнее, мужественно поддерживая жизнь. Но все же ему придется остановиться, и очень скоро. Его удары сочтены. Сколько останется времени, после того, как он, Гарри, встанет и последний раз пройдет через

замок на территорию, а оттуда в Запретный лес?

Волна ужаса накрыла Гарри, лежавшего на полу под эту траурную барабанную дробь в груди. Интересно, умирать — больно? Сколько раз он был на волосок от смерти, ускользал от нее — и ни разу не думал при этом о ней самой. Воля к жизни была в нем всегда намного сильнее страха смерти. Однако ему и в голову не приходило уклониться, сбежать от Волан-де-Морта. Все было кончено, он это знал, и несделанным оставалось только само это дело: смерть.

Ах, если бы ему дано было погибнуть в ту летнюю ночь, когда он в последний раз вышел из дома номер четыре по Тисовой улице и благородная палочка с пером феникса спасла ему жизнь! Если бы ему дано было умереть, как Букля, мгновенно, не успев даже понять, что происходит! Или броситься навстречу Убивающему заклятию, спасая близкого человека… Он завидовал сейчас даже смерти своих родителей. Ему потребуется мужество другого рода — он должен хладнокровно шагать навстречу собственному уничтожению. Гарри почувствовал, что пальцы у него слегка дрожат, и попытался унять их, хотя увидеть его здесь никто не мог: все портреты были пусты.

Он стал медленно подниматься, сел и сразу почувствовал себя живым как никогда, с небывалой силой ощутил собственное живое тело. Почему он не замечал прежде, какое это чудо: мозг, мускулы, колотящееся в груди сердце? И от всего этого ничего не останется… по крайней мере, ничто из этого не останется с ним. Он дышал глубоко и медленно, рот и горло были совершенно сухие, но и глаза тоже.

Предательство Дамблдора — почти пустяк. Конечно, его план был шире. Гарри был просто слишком глуп, чтобы это осознать, но теперь все стало ясно. Он ни разу не усомнился в собственном предположении, что Дамблдор не хочет его смерти. Теперь он понял, что жизни ему было отведено столько, сколько требовалось на уничтожение всех крестражей. Дамблдор поручил ему уничтожать их, и он послушно разрубал нити, связывающие с жизнью не только Волан-де-Морта, но и его самого! Какой четкий, изящный план — не губить лишних жизней, а поручить опасную задачу мальчику, все равно обреченному на заклание, чья смерть будет не потерей, а очередным ударом по Волан-де-Морту.

Дамблдор знал и то, что Гарри не станет уклоняться, что он пойдет до конца, несмотря на то,

что это его конец. Ради этого директор и взял на себя труд познакомиться с мальчиком поближе. Дамблдор знал не хуже Волан-де-Морта, что Гарри не позволит другим умирать за себя, когда узнает, что в его власти это прекратить. Образы Фреда, Люпина и Тонкс, лежавших мертвыми в Большом зале, снова возникли перед его внутренним взором, и на мгновение у него перехватило дыхание: смерть нетерпелива…

Но Дамблдор его переоценил. Гарри не выполнил свою задачу — змея еще жива. Еще один крестраж будет привязывать Волан-де-Морта к земле, даже после гибели Гарри. Конечно, он сильно облегчил задачу своему преемнику. Гарри задумался, кто мог бы это сделать… Рон и Гермиона, конечно, знают, что нужно… Поэтому Дамблдор и велел ему посвятить своих друзей в тайну… чтобы, если он слишком рано встретит свою истинную судьбу, было кому продолжить его дело…

Все эти мысли ложились, как ледяные узоры на оконное стекло, на твердую поверхность неопровержимой истины: он должен умереть. Я должен умереть. Это должно прекратиться.

Рон и Гермиона казались ему сейчас страшно далекими, как будто они находились в какой-то

заморской стране. Ему казалось, что он расстался с ними Давным-давно. Никаких прощаний и объяснений, это он решил твердо. В этот путь они не могут отправиться вместе, а их попытки его удержать означали бы трату драгоценного времени. Он взглянул на помятые золотые часы, подаренные ему на семнадцатилетие. Прошла уже почти половина часа, отведенного ему Волан-де-Мортом.

Гарри встал. Сердце колотилось о ребра, как обезумевшая птица. Наверное, оно знало, что времени осталось мало, и хотело наверстать удары за целую жизнь. Не оглянувшись, он закрыл за собой дверь кабинета.

Замок был пуст. Идя по нему в одиночестве, он чувствовал себя призраком, словно он уже умер. Рамы портретов по-прежнему были пусты. Повсюду царила призрачная тишина, как будто все дыхание жизни, еще оставшееся здесь, стеклось в Большой зал, где выжившие оплакивали своих мертвецов.

Гарри набросил мантию-невидимку и пошел вниз, и вскоре он уже спускался по мраморной лестнице в вестибюль. Может быть, какая-то частичка его души хотела, чтобы его заметили, увидели, остановили, но мантия-невидимка

была, как всегда, непроницаема, и он беспрепятственно вышел на крыльцо.

И тут на него чуть не налетел Невилл. Вдвоем с кем-то еще он вносил в замок мертвое тело. Гарри вгляделся, и ему чуть не стало дурно: Колин Криви, несовершеннолетний, видимо, пробрался обратно, как это сделали Малфой, Крэбб и Гойл. Умерший казался совсем маленьким.

— Знаешь что, Невилл? Я его и один донесу, — сказал Оливер Вуд. Он поднял Колина на плечо захватом пожарного и понес в Большой зал.

Невилл на мгновение прислонился к дверному косяку и утер лоб тыльной стороной ладони. Вид у него был сейчас, как у старика. Передохнув минуту, он двинулся по ступенькам обратно в темноту — отыскивать других павших.

Гарри оглянулся на Большой зал. Там толпились люди, утешая друг друга, подавая воду, стоя на коленях перед мертвыми, но никого из тех, кто был ему дорог, Гарри не увидел. Ни Гермионы, ни Рона, Джинни или еще кого-нибудь из Уизли, ни Полумны. Ему казалось, что он отдал бы все время, которое у него еще оставалось, за возможность взглянуть на них в последний раз. Но смог ли бы он тогда оторваться? Нет, так даже лучше.

Он спустился с крыльца в темноту. Было око-

ло четырех часов утра, и во дворе замка стояла мертвая тишина. Казалось, трава и деревья, затаив дыхание, ждали, сумеет ли он выполнить свой долг.

Гарри подошел к Невиллу, склонившемуся над очередным телом:

— Невилл…

— Господи, Гарри, у меня чуть сердце не выскочило! Гарри скинул мантию-невидимку. У него внезапно возникла идея — он ведь хотел быть совершенно уверен…

— Куда это ты собрался один? — подозрительно спросил Невилл.

— Так нужно по плану, — ответил Гарри. — Я должен кое-что сделать. Послушай, Невилл…

— Гарри! — Невилл вдруг испугался. — Гарри, ты ведь не собираешься сдаваться?

— Нет, — с легкостью солгал Гарри. — Нет, конечно… Я иду не за этим. Но мне придется пока отлучиться. Невилл, ты знаешь змею Волан-де-Морта? У него есть огромная змея… он зовет ее Нагайна…

— Да, я слыхал… и что?

— Ее нужно убить. Рон и Гермиона знают об этом, но если вдруг…

Ужас этого предположения на мгновение сда-

вил ему горло, лишив дара речи. Но Гарри взял себя в руки: это слишком важно, нужно делать, как Дамблдор, сохранять трезвую голову, оставить дублеров, тех, кто сможет продолжить его дело. Дамблдор знал, умирая, что оставляет троих, посвященных в тайну крестражей. Теперь Невилл займет место Гарри, и посвященных попрежнему останется трое.

— Если вдруг они… не смогут… а тебе представится случай…

— Убить змею?

— Убить змею, — повторил Гарри.

— Ладно, Гарри. Сам-то ты как?

— Нормально. Спасибо, Невилл.

Гарри двинулся дальше, но Невилл схватил его за руку:

— Мы все будем сражаться дальше, Гарри, понимаешь?

— Да, я…

Он задохнулся, не в силах закончить фразу. Похоже, Невилла это не удивило. Он похлопал Гарри по плечу, выпустил его руку и пошел дальше отыскивать тела.

Гарри снова накинул мантию и зашагал быстрее. Неподалеку мелькнул еще силуэт, склоненный над другой фигурой, лежащей на земле. Он

был в шаге от них, когда понял, что это Джинни.

Она нагнулась над девочкой, с плачем звавшей маму.

— Ничего, — говорила Джинни, — все хорошо. Мы сейчас отнесем тебя в замок.

— Я хочу домой, — прошептала девочка. — Я не хочу больше сражаться.

— Я понимаю, — сказала Джинни, и голос ее пресекся. — Все будет хорошо.

У Гарри мороз пробежал по коже. Ему хотелось кричать, хотелось, чтобы Джинни знала, что он здесь, чтобы она знала, куда он идет. Ему хотелось, чтобы его остановили, потащили прочь, отослали домой…

Но он и так дома. Хогвартс был его первым и лучшим домом. Он, Волан-де-Морт и Снегг, все эти мальчики, лишенные семьи, обрели здесь родной дом…

Джинни опустилась на колени возле раненой девочки и взяла ее за руку. Огромным усилием воли Гарри заставил себя идти дальше. Ему показалось, что Джинни обернулась, когда он проходил; ему хотелось знать, почувствовала ли она его присутствие, но он не произнес ни слова и не обернулся.

В темноте проступила хижина Хагрида. В окнах

не было света, Клык не скребся у двери, приветствуя проходящих громким лаем. Вечера в гостях у Хагрида, блеск медного чайника на плите, печенье и великанья еда, огромное бородатое лицо, Рон, изрыгающий слизняков, Гермиона, помогающая спасти Норберта…

Гарри двинулся дальше, дошел до опушки Леса и остановился.

Между деревьев скользили дементоры. Он чувствовал исходящий от них холод и не был уверен, что сумеет пройти сквозь него невредимым. Вызвать Патронуса у него не было сил. Он больше не мог удерживать дрожь. Это все же не просто — умереть. Каждый вздох, запах травы, прохладный воздух, овевающий лицо, — какие сокровища! Подумать только, что у людей в запасе годы и годы, время, которое некуда девать, так много времени, что оно порой тянется слишком медленно, а он цепляется за каждую секунду. Он чувствовал, что не в силах идти дальше, и в то же время знал, что должен. Долгая игра окончилась, снитч пойман, пора покидать поле…

Снитч… Гарри порылся негнущимися пальцами в мешочке на шее и достал его оттуда.

Я открываюсь под конец.

Он глядел на снитч, дыша тяжело и быстро.

Теперь, когда ему хотелось, чтобы время шло как можно медленнее, оно, похоже, набрало скорость. Понимание пришло мгновенно, словно в обход мысли. Вот он, конец. Время настало.

Он прижал золотой шар к губам и прошептал:

— Я скоро умру.

Металлическая оболочка раскрылась. Гарри опустил дрожащую руку, вытащил из-под мантии палочку Драко и сказал:

— Люмос!

Черный камень с зубчатым разломом посередине засел в обеих половинках снитча. Воскрешающий камень треснул по вертикальной линии, изображавшей Бузинную палочку. Треугольник и круг — символы Мантии и Камня — остались нетронутыми.

И вновь Гарри все понял, не размышляя. Дело не в том, чтобы вернуть их, — ведь он скоро к ним присоединится. Это не он их звал — они звали его.

Он закрыл глаза и трижды повернул камень на ладони.

Гарри знал, что волшебство подействовало, потому что слышал тихие шорохи, шаги легких ног по глинистой, усыпанной хворостом опушке Запретного леса. Гарри открыл глаза и посмотрел

кругом.

Они были не призраками и не живой плотью — это было видно. Больше всего они были похожи на Реддла, вышедшего из дневника в те давние дни, — этот Реддл был памятью, ставшей почти осязаемой. Они спешили к нему, не столь вещественные, как живые тела, но гораздо ощутимее, чем призраки, — все с одинаковой приветливой улыбкой.

Джеймс был такого же роста, как Гарри. На нем была та же одежда, что в день смерти; непокорные волосы взъерошены, очки немного на сторону, как у мистера Уизли.

Сириус, высокий и красивый, был сейчас намного моложе, чем Гарри видел его в жизни. Он шагал с непринужденным изяществом, руки в карманы, слегка улыбаясь.

Люпин тоже казался моложе, совсем не таким потрепанным, и его волосы были темнее и гуще. Он был явно рад оказаться в знакомых местах, где так много бродил в юности.

Улыбка Лили сияла ярче, чем у всех остальных. Подойдя к нему, она откинула свои длинные волосы, а ее зеленые глаза, так похожие на его собственные, впивались в его лицо с такой жадностью, будто вовек не смогут на него наглядеться.

— Ты был таким молодцом!

Гарри не мог вымолвить ни слова. Он любовался ею и думал, что хотел бы вечно стоять, не сводя с нее глаз, и больше ему ничего не нужно.

— Ты почти у цели, — сказал Джеймс. — Осталось чуть-чуть. Мы… мы так гордимся тобой!

— Это больно?

Ребяческий вопрос сорвался с уст Гарри прежде, чем он успел подумать.

— Умирать? Нет, нисколько, — ответил Сириус. — Быстрее и легче, чем засыпать.

— Тем более что он хочет побыстрее. Он мечтает покончить с этим, — сказал Люпин.

— Я не хотел, чтобы вы умирали, — сказал Гарри. Эти слова вырвались у него помимо воли. — Никто из вас. Мне так жаль…

Он обращался прежде всего к Люпину, умоляющим тоном.

— …когда у вас только что родился сын… Римус, мне так жаль…

— Мне тоже, — ответил Люпин. — Жаль, что я с ним так и не познакомлюсь… Но он узнает, за что я погиб, и, надеюсь, поймет. Я старался сделать более счастливым мир, в котором ему предстоит жить.

Прохладный ветерок, веявший, казалось, из са-

мой чащи Леса, растрепал волосы на лбу у Гарри. Он понимал, что они не скажут ему «пора!» — он должен сам принять решение.

— Вы будете со мной?

— До самого конца, — сказал Джеймс.

— И они вас не увидят? — спросил Гарри.

— Мы — часть тебя, — ответил Сириус. — И видны только тебе.

Гарри взглянул на мать.

— Не отходи от меня, — сказал он тихо.

И пошел дальше. Холод, исходящий от дементоров, не причинил ему вреда. Он прошел сквозь него со своими спутниками, заменившими ему Патронуса. Вместе они пробирались между тесно стоящих старых деревьев с переплетенными кронами и шершавыми кряжистыми корнями, выпиравшими из земли. В темноте Гарри плотно запахнул мантию, и все дальше углублялся в Лес, не зная в точности, где искать Волан-де-Морта, но не сомневаясь, что он его найдет. Рядом с ним почти бесшумно скользили Джеймс, Сириус, Люпин и Лили, и их присутствие было его отвагой, его способностью переставлять ноги, шагая все дальше и дальше.

Ему казалось, что ум и тело у него странно разъединены: руки и ноги двигались, не полу-

чая сознательных указаний, как будто в теле, которое ему вскоре предстояло покинуть, он был пассажиром, а не водителем. Мертвые, шедшие вместе с ним через Лес, были для него сейчас куда реальнее, чем живые, оставшиеся в замке. А Рон, Гермиона, Джинни и все остальные казались ему призраками сейчас, когда он брел, спотыкаясь, навстречу своему концу, навстречу Волан-де-Морту…

Глухой стук и шепот: кто-то еще пробирался рядом. Гарри замер под мантией, вглядываясь в темноту и прислушиваясь. Его мать и отец, Люпин и Сириус замерли вместе с ним.

— Здесь кто-то есть, — раздался где-то рядом грубый голос. — В мантии-невидимке. А вдруг это…

От соседнего дерева отделились две фигуры. Гарри узнал Якcли и Долохова: они всматривались сквозь тьму как раз туда, где стояли Гарри, его родители, Сириус и Люпин, и явно ничего не видели.

— Я точно кого-то слышал, — сказал Якcли. — Может, зверь какой, а?

— Этот остолоп Хагрид кого только тут не держал, — ответил Долохов, поозиравшись по сторонам.

Якслi посмотрел на часы:

— Время почти вышло. У Поттера был час. Он не придет.

— А он был уверен, что мальчишка придет. То-то рассердится.

— Вернемся лучше, — сказал Якслi. — Узнаем, какие дальнейшие планы.

Повернувшись, они с Долоховым зашагали обратно в глубь Леса. Гарри пошел следом, поняв, что они выведут его как раз туда, куда надо. Он поглядел через плечо, и мать улыбнулась ему, а отец ободряюще кивнул.

Не прошло и нескольких минут, как Гарри увидел впереди свет. Якслi и Долохов вышли на поляну, в которой Гарри узнал прежнее обиталище чудовища Арагога. Остатки огромной паутины все еще болтались на деревьях, но страшный рой его потомства ушел с Пожирателями смерти сражаться на их стороне.

Посреди поляны горел костер. В его дрожащем свете видна была группа глухо молчащих, настороженных Пожирателей смерти. Некоторые и здесь не снимали масок и капюшонов, лица других были открыты. Чуть поодаль сидели два великана, отбрасывая на поляну огромные тени; их жестокие, грубо вытесанные лица были

похожи на скалы. Гарри увидел Фенрира: он, поеживаясь, грыз свои длинные ногти. Высокий, белокурый Роул покусывал кровоточащую губу. Люциус Малфой выглядел запуганным и сломленным, в запавших глазах Нарциссы читались недобрые предчувствия.

Все взгляды были обращены на Волан-де-Морта. Он стоял с опущенной головой, держа в белых пальцах Бузинную палочку. Казалось, он молится или считает про себя, и Гарри, замершему на краю поляны, вдруг пришла нелепая мысль: так считает водящий, когда играют в прятки. Над его головой, свивая и развивая кольца, парила огромная змея Нагайна в сияющей зачарованной сфере, похожей на чудовищный нимб.

Долохов и Якслi вступили в круг, и Волан-де-Морт поднял глаза.

— Его нигде нет, повелитель, — сказал Долохов.

Ни одна черта не дрогнула в лице Волан-де-Морта. В отблесках костра его красные глаза казались горящими угольями. Он медленно крутил в длинных пальцах Бузинную палочку.

— Повелитель… — Это заговорила Беллатриса. Она сидела рядом с Волан-де-Мортом, растрепанная, с исцарапанным лицом, но целая и

невредимая.

Волан-де-Морт поднял руку, останавливая ее, и она не договорила; глядя на него с почтительным обожанием.

— Я думал, он придет, — сказал Волан-де-Морт своим высоким, ясным голосом, устремив взгляд в пламя костра. — Я ожидал его прихода.

Все молчали. Казалось, они испуганы не меньше Гарри, чье сердце колотилось о ребра с такой силой, словно стремилось вырваться из тела, которым он собирался пожертвовать. Вспотевшими ладонями Гарри стащил с себя мантию-невидимку и затолкал под одежду вместе с волшебной палочкой, чтобы не было соблазна бороться.

— Я, видимо… ошибся, — сказал Волан-де-Морт.

— Нет, не ошиблись.

Гарри произнес это громко, как только мог, собрав все оставшиеся силы: он не хотел, чтобы в его голосе был слышен страх. Воскрешающий камень выскользнул из его онемевших пальцев, и, делая шаг вперед, к костру, он видел краем глаза, как тают в воздухе его родители, Сириус и Люпин. В эту минуту ему не важен был никто, кроме Волан-де-Морта. Их было сейчас здесь только двое.

Эта иллюзия рассеялась также быстро, как появилась. Великаны зарычали, Пожиратели смерти вскочили на ноги, раздались крики, ахи и даже смех. Волан-де-Морт стоял неподвижно, но его красные глаза были устремлены на подходившего Гарри, отделенного от него лишь пламенем костра.

И тут раздался голос:

— Нет, Гарри! Нет!

Он обернулся. Хагрида, связанного по рукам и ногам, прикрутили веревками к соседнему дереву. Его огромное тело судорожно билось в безнадежных попытках освободиться, раскачивая макушку кроны.

— НЕТ! НЕТ! ГАРРИ, ЧЕГО ТЫ…

— МОЛЧАТЬ! — рявкнул Роул. Взмах его палочки — и Хагрид смолк.

Беллатриса вскочила, переводя горящий взгляд с Воланде-Морта на Гарри. Грудь ее высоко вздымалась. Все застыли, шевелились лишь языки пламени да змея, свивавшая и развивавшая свои кольца в сияющей сфере за головой Волан-де-Морта.

Гарри ощутил на груди под рубашкой свою волшебную палочку, но не сделал попытки ее достать. Он знал, что Нагайна окружена мощной

защитой, и, наставь он на нее палочку, десятки заклятий полетят в него прежде, чем он успеет сказать хоть слово. Волан-де-Морт и

Гарри неподвижно глядели друг на друга, потом Волан-де-Морт чуть склонил голову набок, рассматривая стоявшего перед ним мальчика, и странная безрадостная улыбка искривила его тонкие губы.

— Гарри Поттер, — сказал он мягко. Его голос сливался с шипением огня. — Мальчик, Который Выжил.

Пожиратели смерти не шевелились. Они ждали. Все вокруг замерло в ожидании. Хагрид бился в своих путах, Беллатриса тяжело дышала, а Гарри вдруг ни с того ни с сего вспомнил Джинни, ее сияющие глаза, вкус ее губ…

Волан-де-Морт поднял палочку. Голова его была по-прежнему склонена набок, как у мальчишки, с любопытством ждущего, что будет дальше. Гарри взглянул в красные глаза, желая лишь одного: чтобы все произошло прямо сейчас, пока он еще стоит ровно, пока не утратил власти над собой, не выдал своего страха…

Он увидел шевеление тонких губ, вспышку зеленого пламени — и все исчезло.

Глава 35

КИНГС-КРОСС

Он лежал ничком, прислушиваясь к тишине. Совершенно один. Никто не наблюдал за ним. Здесь никого не было. Гарри был не вполне уверен, что он сам здесь есть.

Прошло довольно много времени — а может быть, никакого времени не проходило, — и ему пришло в голову, что он существует, что он не просто бестелесная мысль, потому что он лежит, определенно лежит на чем-то. Следовательно, у него есть чувство осязания, и к тому же существует поверхность, на которой он лежит.

Придя к этому выводу, Гарри почти тут же осознал и тот факт, что он лежит обнаженным. Поскольку он был уверен, что никого больше здесь нет, это его не смутило, но слегка заинтриговало. Он спросил себя, не сохранилось ли у него и зрение, раз есть осязание. Открывая глаза, он понял, что они по-прежнему при нем.

Он лежал в светлом тумане — правда, подобного тумана он никогда прежде не видел. Пространство вокруг не было затянуто облачной

дымкой. Скорее, облачная дымка еще не оформилась в пространство. Поверхность, на которой он лежал, казалась белой, ни холодной, ни теплой — просто нечто плоское, пустое, на чем можно находиться.

Гарри сел. Тело его было, похоже, невредимо. Он ощупал лицо. Очки исчезли.

И тут сквозь окружающую бесформенность донесся звук: тихие, глухие удары, как будто что-то хлопало, билось, корчилось. Звук был жалобный, но какой-то слегка непристойный. У Гарри возникло неприятное чувство, будто он подслушивает что-то тайное, стыдное.

Ему вдруг захотелось оказаться одетым.

Не успел он пожелать этого, как рядом с ним появилась одежда. Он взял ее и надел. Одежда была мягкая, чистая и теплая. Поразительно, как это она появилась в тот самый миг, когда он подумал о ней…

Гарри встал и огляделся. Может быть, он в какой-то огромной Выручайкомнате? Чем дольше он приглядывался, тем больше видел. Высоко вверху поблескивал на солнце большой стеклянный купол. Может быть, это дворец? Все было тихо и спокойно, не считая этого стука и шебуршания где-то совсем рядом, в тумане…

Гарри медленно обернулся. Окружающее пространство, казалось, обретает форму у него на глазах. Просторное помещение, светлое и чистое, зал, намного превосходящий размерами Большой зал Хогвартса, с прозрачным стеклянным куполом вместо крыши. И совсем пустое. Он был здесь совсем один, кроме…

Гарри отшатнулся. Теперь он увидел источник шума. На полу сжалось в комок существо, похожее на маленького голого ребенка, но с грубой, шершавой, как будто ободранной кожей; дрожа, оно лежало под стулом, куда его затолкали, как ненужную вещь, чтобы убрать с глаз долой, и тяжело дышало.

Гарри боялся его. Существо было маленькое, хрупкое, израненное, и все же Гарри не хотелось подходить к нему ближе. Тем не менее он стал медленно двигаться к стулу, готовый отскочить в любую секунду. Вскоре он мог бы уже протянуть руку и дотронуться до ужасного создания, однако не было сил заставить себя сделать это. Он чувствовал себя трусом. Существо нуждалось в утешении, но Гарри испытывал непреодолимое отвращение.

— Ты не можешь ему помочь.

Он резко обернулся. К нему шел Альбус Дамбл-

дор, высокий, стремительный, в развевающихся темно-синих одеждах.

— Гарри! — Дамблдор распростер объятия. Обе руки у него были целы — белые, без всяких повреждений. — Ты чудный мальчик! Ты храбрый, очень храбрый мужчина! Пойдем.

Гарри, как оглушенный, пошел за Дамблдором, уводившим его прочь от хнычущего ободранного ребенка, к двум креслам — Гарри не видел их раньше, — стоявшим поодаль под тем же высоким сияющим куполом. Дамблдор сел в одно из них, Гарри упал в другое, не сводя глаз с бывшего директора Хогвартса. Длинные серебряные волосы и борода, проницательные синие глаза за очками-половинками, кривоватый нос — точно таким он его помнил. И все же…

— Но вы же умерли, — сказал Гарри.

— Несомненно, — деловито подтвердил Дамблдор.

— Значит… значит, я тоже умер?

— Гм… — Дамблдор улыбался все шире. — Да, в этом, конечно, весь вопрос… В общем и целом, милый мой мальчик, мне кажется, что нет.

Они смотрели друг на друга. Старик улыбался все той же сияющей улыбкой.

— Нет? — переспросил Гарри.

— Нет, — сказал Дамблдор.

— Но… — Гарри невольно поднес руку к шраму на лбу. Похоже, его там не было. — Но ведь я должен был умереть — я не защищался! Я хотел, чтобы он меня убил.

— Вот это-то, — сказал Дамблдор, — видимо, все и изменило.

Дамблдор лучился счастьем, как светом, как огнем. Гарри никогда не видел человека так явно, так ощутимо счастливого.

— Объясните, — попросил Гарри.

— Но ведь ты уже понял, — сказал Дамблдор, складывая ладони с вытянутыми пальцами.

— Я дал ему убить себя, — сказал Гарри. — Так ведь?

— Да. — Дамблдор утвердительно кивнул. — Дальше!

— Значит, та часть его души, что была во мне… Дамблдор кивнул с еще большей горячностью, ободряюще улыбаясь.

— …погибла?

— Несомненно! — сказал Дамблдор. — Да, он ее уничтожил. Твоя душа теперь полностью и безраздельно принадлежит тебе, Гарри.

— Но тогда… — Гарри взглянул через плечо на крошечное искалеченное существо под стулом.

— Что это, профессор?

— Этому ни ты, ни я не можем помочь, — ответил Дамблдор.

— Но ведь если Волан-де-Морт применил Убивающее заклятие, — снова начал Гарри, — и на этот раз никто не погиб вместо меня, как же я могу быть жив?

— Я думаю, ты понимаешь, — сказал Дамблдор. — Вернись мысленно назад. Вспомни, что он сделал по своему невежеству, алчности и жестокости.

Гарри задумался, обводя глазами окружающее пространство. Если это и впрямь дворец, то какой-то странный, с рядами кресел, с рельсами там и сям — и при этом здесь не было никого, кроме его самого, Дамблдора и корчащегося существа под стулом. А потом ответ пришел сам, без малейшего усилия.

— Он взял мою кровь, — сказал Гарри.

— Именно! — ответил Дамблдор. — Он взял твою кровь и восстановил с ее помощью свое тело! Твоя кровь в его жилах, Гарри, Защитные чары Лили внутри вас обоих! Он вынудил тебя жить, пока жив он сам!

— Я жив… пока жив он сам? Но я-то думал… что все как раз наоборот! Я думал, мы оба должны

умереть. Или это одно и то же?

Тут его внимание отвлекли стоны и судороги несчастного существа под стулом, и он снова покосился на него.

— Вы уверены, что мы ничего не можем сделать?

— Здесь ничем не поможешь.

— Тогда объясните… еще, — сказал Гарри. Дамблдор улыбнулся:

— Ты был седьмым крестражем, Гарри, крестражем, который он создал невольно. Волан-де-Морт сделал свою душу до того хрупкой, что она разбилась вдребезги, когда он совершал эти несказанные злодейства — убийство твоих родителей, покушение на убийство ребенка. И он унес из вашего дома даже меньше, чем сам он думал. Он оставил там не только свое тело. Он оставил часть самого себя в тебе, намеченной жертве, которая выжила против всякого ожидания.

А его знания, Гарри, отличались ужасающей неполнотой! Волан-де-Морт не дал себе труда понять то, что не представляло для него ценности. О домовых эльфах, детских сказках, любви, верности и невинности Волан-де-Морт не имеет ни малейшего понятия. Ни малейшего! А что все это обладает силой, превосходящей его собственную,

силой, недоступной никакому волшебству, — эту истину он проглядел.

Он взял твою кровь, полагая, что она придаст ему сил. Он принял в свое тело крошечную часть тех чар, которыми защитила тебя мать, умирая за тебя. Его тело хранит ее самопожертвование, и пока эти чары живы, жив ты и жива последняя надежда Волан-де-Морта на спасение.

Дамблдор улыбнулся Гарри. Гарри уставился на него:

— И вы это знали? Знали все это время?

— Я только догадывался. Но мои догадки, как правило, подтверждаются, — весело сказал Дамблдор.

Они сидели молча, наверное, довольно долго, а существо у них за спиной продолжало скулить и трястись.

— Вот еще что, — сказал Гарри. — Еще один вопрос. Почему моя палочка сломала ту палочку, которая была у него?

— Этого я точно не знаю.

— Тогда догадайтесь! — попросил Гарри. Дамблдор рассмеялся:

— Ты должен понимать, Гарри, что ты и лорд Волан-де-Морт побывали вместе в дотоле неведомых областях магии. Но случилось, я думаю, вот

что: прецедентов этому не бывало, и, конечно, ни один изготовитель волшебных палочек не мог ни предсказать, ни объяснить этого Волан-де-Морту…

Волан-де-Морт, как ты теперь знаешь, сам того не желая, вдвойне упрочил связь между вами, возвратившись в человеческий образ. Часть его души по-прежнему находилась внутри твоей, а, желая придать себе сил, он принял в себя частицу самопожертвования твоей матери. Если бы он хоть немного понимал настоящую страшную силу этих чар, он бы, конечно, никогда не посмел и притронуться к твоей крови… Но если бы он мог понять эту силу, он не был бы лордом Волан-де-Мортом и, вероятно, был бы вовсе не способен на убийство.

И вот, связанный с тобой двойной связью, соединивший ваши судьбы так прочно, как еще никогда в истории не были связаны между собой двое волшебников, Волан-де-Морт нападает на тебя с помощью палочки, имевшей ту же сердцевину, что и твоя. И тут, как мы знаем, произошло нечто очень странное. Сердцевины отреагировали друг на друга совершенно неожиданным для лорда Волан-де-Морта образом, при том что он и не подозревал, что ваши палочки — близнецы.

В ту ночь он испугался больше, чем ты, Гарри. Ты ждал смерти со смирением, и даже с готовностью. На это Волан-де-Морт никогда не был способен. Твоя отвага победила, твоя палочка оказалась сильнее, чем его. При этом между двумя волшебными палочками произошло нечто, перекликающееся с отношениями их хозяев.

Я думаю, твоя палочка впитала в ту ночь часть силы и свойств палочки Волан-де-Морта, то есть в ней появилась как бы крошечная частица самого Волан-де-Морта. И потому твоя палочка узнала его, когда он тебя преследовал, узнала человека, который был одновременно родней и смертельным врагом, и выпалила в него его собственным волшебством, волшебством такой силы, какой никогда не было в палочке Люциуса. Ведь в твоей палочке была заключена сила твоей невероятной отваги и сила смертоносных умений Волан-де-Морта. Что же могла противопоставить этому бедная палочка Люциуса Малфоя?

— Но если моя палочка обладает такой силой, как же Гермионе удалось ее сломать? — спросил Гарри.

— Мой мальчик, все ее поразительные качества были направлены только на лорда Волан-де-Морта, так неразумно игравшего с глубочайшими

тайнами волшебства. Только против него палочка обладала сверхъестественной силой. В остальном же это была самая обыкновенная волшебная палочка… но, несомненно, очень хорошая, — доброжелательно закончил Дамблдор.

Гарри долго сидел в задумчивости — а может быть, прошло лишь несколько секунд. Такие вещи, как время, здесь очень трудно было уловить.

— Он убил меня вашей палочкой.

— Он не смог убить тебя моей палочкой, — поправил Дамблдор. — Мы ведь, кажется, согласились, что ты не умер… Хотя, конечно, — добавил он, словно опасаясь быть невежливым, — я не хочу преуменьшать твоих страданий: они были, несомненно, велики.

— Сейчас я чувствую себя отлично. — Гарри поглядел на свои безупречно чистые руки. — А где мы находимся?

— Да, я как раз хотел спросить тебя об этом, — ответил Дамблдор, озираясь. — Как ты думаешь, где мы?

Пока Дамблдор не спросил, Гарри этого не знал. Теперь, однако, оказалось, что ответ у него готов.

— Похоже, — медленно произнес он, — на вокзал Кингс-Кросс. Только намного чище, и пустой, и поездов вроде тоже нет.

— Вокзал Кингс-Кросс! — Дамблдор расхохотался. — Бог ты мой, неужели?

— А вы как думаете, где мы? — спросил Гарри немного обиженно.

— Понятия не имею, мой мальчик. Это, как говорится, вопрос к тебе.

Гарри совершенно ничего не понял. Дамблдор может с ума свести! Он посмотрел на него и вспомнил еще одну вещь, гораздо более важную, чем их нынешнее местонахождение.

— Дары Смерти, — произнес он и с удовлетворением увидел, как улыбка исчезает с лица Дамблдора.

— Дада, — ответил директор. Вид у него был слегка обеспокоенный.

— И что же?

Впервые за все время, что Гарри знал Дамблдора, тот утратил свой обычный вид величавого старца. какое-то мгновение он выглядел мальчишкой, которого поймали на нехорошей проделке.

— Ты можешь меня простить? — спросил он. — Сумеешь ли ты простить меня за то, что я не доверял тебе? Скрывал от тебя? Гарри, я ведь просто боялся, что ты оступишься там же, где и я. Я опасался, что ты повторишь мои ошибки. Я умо-

ляю тебя о прощении, Гарри. Ведь я уже довольно давно понял, что ты намного лучше меня.

— О чем вы говорите? — спросил Гарри, пораженный тоном Дамблдора и слезами, внезапно выступившими у него на глазах.

— Дары, эти Дары, — пробормотал Дамблдор. — Греза отчаявшегося человека!

— Но ведь они существуют на самом деле!

— Они существуют, они опасны, они — приманка для глупцов, — сказал Дамблдор. — И я был одним из таких глупцов. Но ты-то понял, правда? От тебя у меня больше нет секретов. Ты понял.

— Что я понял?

Дамблдор всем корпусом повернулся к Гарри, в его сверкающих синих глазах стояли слезы.

— Повелитель смерти, Гарри, повелитель смерти! Чем я, в конечном счете, был лучше Волан-де-Морта?

— Вы всем были лучше, — ответил Гарри. — Как вы можете такое спрашивать? Вы никогда не убивали, если этого можно было избежать!

— Это правда, — сказал Дамблдор тоном ребенка, ищущего утешения. — Но и я искал способ победить смерть, Гарри.

— Но не так, как Волан-де-Морт, — сказал Гарри. Он так долго сердился на Дамблдора — и как

странно было сидеть теперь рядом с ним под этим высоким куполом и защищать старика от него самого. — Дары, а не крестражи.

— Дары, — пробормотал Дамблдор. — А не крестражи. Вот именно.

Наступило молчание. Существо у них за спиной продолжало скулить, но на этот раз Гарри не обернулся.

— Грин-де-Вальд тоже их искал? — спросил он. Дамблдор на мгновение прикрыл глаза и кивнул.

— Из-за этого нас и потянуло друг к другу, — тихо сказал он. — Двое умных, заносчивых мальчишек, одержимых одной и той же страстью. В Годрикову Впадину он пришел, как ты, я думаю, догадался, из-за могилы Игнотуса Певерелла. Он хотел обыскать место, где умер третий из братьев.

— Так это правда? — спросил Гарри. — Все — правда? Братья Певерелл…

— Это три брата из сказки, — сказал Дамблдор, кивая. — Да, я уверен, что это так. Что они встретились со Смертью на пустынной дороге… Мне скорее думается, что братья Певерелл были просто высокоодаренными, опасными волшебниками и сумели создать эти сильнодей-

ствующие предметы. А история, будто это Дары самой Смерти, По-моему, просто легенда, какие всегда складываются вокруг подобных творений. Мантия, как тебе известно, веками передавалась из поколения в поколение, от отца к сыну, от матери к дочери, вплоть до последнего живущего ныне потомка Игнотуса, который, как и сам Игнотус, родился в Годриковой Впадине.

Дамблдор с улыбкой посмотрел на Гарри.

— Это я?

— Ты. Я думаю, ты уже догадался, почему мантия была у меня в ту ночь, когда погибли твои родители. Джеймс показал мне ее за несколько дней до этого. Стало понятно, как ему удавались разные проказы в школе, на которых его не могли изловить! Увидев ее, я не поверил своим глазам и попросил Джеймса одолжить мне ненадолго, чтобы изучить получше. К тому времени я давно уже отказался от мысли воссоединить Дары Смерти, однако не мог удержаться, не мог устоять перед искушением рассмотреть мантию поближе… Я никогда не видел ничего подобного этой мантии — невероятно древняя, совершенная во всех отношениях… и вот твой отец погиб, а я остался единственным обладателем двух Даров Смерти.

Дамблдор говорил с невыносимой горечью.

— Мантия все равно бы их не спасла, — поспешно сказал Гарри. — Волан-де-Морт знал, где скрываются мама и папа. Мантия не защитила бы их от заклятий.

— Это верно, — сказал Дамблдор. — Верно.

Гарри ждал продолжения, но Дамблдор молчал. Гарри поторопил его:

— Значит, когда вы увидели мантию, вы уже перестали искать Дары?

— Перестал, конечно, — чуть слышно сказал Дамблдор. Похоже, ему стоило больших усилий взглянуть Гарри в глаза. — Ты ведь знаешь, что произошло. И все же ты не можешь презирать меня сильнее, чем я сам себя презираю.

— Но я вас не презираю…

— А должен бы. — Дамблдор набрал в грудь побольше воздуху. — Ты ведь знаешь тайну болезни моей сестры, что сделали с ней эти маглы, во что она превратилась. Ты знаешь, как мой бедный отец отомстил им, и поплатился за это смертью в Азкабане. Ты знаешь, что моя мать отдала свою жизнь ради больной Арианы. Меня это бесило, Гарри. — Дамблдор сказал это жестко, холодно. Теперь его взгляд был направлен в пространство над головой Гарри. — Я был одаренным, выдающимся юношей. Мне хотелось свободы.

Я хотел блистать. Хотел славы. Не пойми меня неправильно. — Боль исказила его лицо, и он снова выглядел древним старцем. — Я их любил. Я любил родителей, любил брата и сестру, но я был эгоистичен, куда эгоистичнее, чем такой лишенный эгоизма человек, как ты, Гарри, может себе вообразить. Поэтому, когда мать умерла и на мне повисла ответственность за больную сестру и непослушного брата, я вернулся к себе в деревню злой и несчастный. Мне казалось, что меня поймали в ловушку, моя жизнь загублена! И тут, конечно, появился он… — Дамблдор снова глядел прямо в глаза Гарри. — Грин-де-Вальд. Ты не можешь себе представить, Гарри, как захватили, как воспламенили меня его идеи. Заставить маглов подчиниться. Торжество волшебников. Мы с Грин-де-Вальдом — блистательные юные вожди революции. Конечно, кое-какие сомнения у меня были. Но я успокаивал свою совесть пустыми словами. Ведь все это будет делаться во имя общего блага, и всякий причиненный ущерб возместите сторицей. Понимал ли я в глубине души, кто такой Геллерт Грин-де-Вальд? Думаю, что да, но закрывал на это глаза. Если бы наши планы осуществились, исполнились бы все мои мечты.

Все наши замыслы были основаны на Дарах

Смерти! Как они завораживали его, завораживали нас обоих! Непобедимая волшебная палочка — оружие, которое приведет нас к власти! Воскрешающий камень — для него, хоть я и делал вид, что ничего не понимаю, это означало армию инферналов! А для меня, признаюсь тебе, — возвращение моих родителей, которые сняли бы груз ответственности с моих плеч.

А мантия… О мантии мы почему-то почти не говорили, Гарри. Мы оба неплохо умели становиться невидимыми и без мантии, чья подлинная волшебная сила, конечно, в том, что она способна укрывать и защищать не одного своего владельца, но и тех, кто с ним. Я думал, что, если мы ее найдем, она может пригодиться, чтобы прятать Ариану, но в целом мантия интересовала нас только потому, что дополняла набор, ведь в сказке говорилось, что настоящим Повелителем смерти — то есть, как мы это тогда понимали, непобедимым — будет тот человек, который соберет у себя все три предмета.

Непобедимые повелители смерти, Грин-де-Вальд и Дамблдор! Два месяца безумия, жестоких грез и пренебрежения братом и сестрой, оставленными на мое попечение.

А потом… Ты знаешь, что произошло потом.

Действительность ворвалась ко мне в облике моего грубого, неотесанного и несравненно лучшего брата. Я не желал слушать правду, которую он выкрикивал мне в лицо. Я не желал слышать, что не могу отправиться на поиски Даров Смерти, волоча за собой больную, неуправляемую сестру. Спор перешел в сражение. Грин-де-Вальд вышел из себя. То, что я всегда в нем чувствовал, но старался не замечать, вдруг чудовищным образом вышло наружу. И вот Ариана… которую наша мать так долго, такой ценой укрывала и берегла… лежала на полу мертвая.

Дамблдор судорожно вздохнул и по-настоящему заплакал.

Гарри протянул руку и с радостью обнаружил, что может коснуться его. Он крепко сжал руку Дамблдора, и тот постепенно овладел собой.

— Грин-де-Вальд сбежал, как мог бы предвидеть всякий, кроме меня. Он исчез со своими планами захвата власти и пыток для маглов, с мечтами о Дарах Смерти, мечтами, в которых я поддерживал его и помогал ему. Он сбежал, а я остался хоронить сестру и жить дальше со своей виной и горем, расплатой за мое постыдное поведение… Прошли годы. О нем ходили разные слухи. Говорили, что он добыл себе волшебную

палочку необыкновенной силы. Мне тем временем предлагали пост министра магии, причем неоднократно. Я, конечно, отказывался. Я-то знал, что меня нельзя наделять властью.

— Но вы были бы лучше, намного лучше, чем Фадж и Скримджер! — выпалил Гарри.

— Ты так думаешь? — медленно произнес Дамблдор. — Я в этом не уверен. Еще юношей я показал, что власть — моя слабость и мое искушение. Это может показаться странным, Гарри, но, может быть, для власти лучше всего приспособлены те, кто никогда к ней не стремился. Такие, как ты, принимающие руководство, потому что им его поручили, надевающие генеральский мундир по необходимости, а потом с удивлением обнаруживающие, что он сидит на них неплохо… Мне лучше было оставаться в Хогвартсе. Мне кажется, я был неплохим учителем…

— Вы были лучшим из учителей!

— Ты очень добр, Гарри. Но пока я занимался обучением юных волшебников, Грин-де-Вальд собирал армию. Говорят, что он боялся меня. Возможно, так оно и было, но думаю, что я боялся его больше. Нет, не смерти, — ответил Дамблдор на вопросительный взгляд Гарри. — Не того, что он мог со мной сделать как волшебник. Я знал, что

наши силы равны, а может быть, я даже немного искуснее. Я боялся правды. Понимаешь, я так и не знал, кто же из нас в ту страшную ночь выпустил заклятие, убившее мою сестру. Можешь назвать меня трусом — ты будешь прав. Гарри, больше всего на свете я боялся узнать, что это я убил ее — не только своей заносчивостью и глупостью, но и прямо, ударом, унесшим ее жизнь… Я думаю, Грин-де-Вальд это понимал, понимал, чего я боюсь. Я откладывал встречу с ним до тех пор, пока уклоняться не стало позором. Люди гибли, он неудержимо наступал, и я должен был сделать наконец то, что в моих силах. Что было дальше, ты знаешь. Я выиграл поединок. Волшебная палочка досталась мне.

И снова настало молчание. Гарри не спросил, выяснил ли Дамблдор, кто убил Ариану. Он не хотел этого знать, а еще меньше ему хотелось вынуждать Дамблдора говорить об этом. Теперь-то ему было известно, что увидел бы Дамблдор, если бы взглянул в зеркало Еиналеж, и почему он так хорошо понимал очарование, которое зеркало имело для Гарри.

Они долго сидели в молчании, и поскуливание у них за спиной уже почти не беспокоило Гарри.

Потом Гарри сказал:

— Грин-де-Вальд пытался отвлечь Волан-де-Морта от поисков палочки. Он солгал, будто у него никогда ее не было.

Дамблдор кивнул, глядя в пол. Слезы все еще поблескивали на его крючковатом носу.

— Говорят, в последние годы в своей одиночной камере в Нурменгарде он выказывал раскаяние. Надеюсь, что это правда. Мне хочется верить, что он почувствовал ужас и постыдность своих деяний. Может быть, эта ложь Волан-де-Морту была попыткой искупления… попыткой помешать Волан-де-Морту завладеть Дарами…

— И осквернить вашу гробницу? — предположил Гарри.

Дамблдор прикрыл глаза.

После недолгого молчания Гарри сказал:

— Вы попытались использовать Воскрешающий камень. Дамблдор кивнул:

— Когда через столько лет я нашел в покинутом доме Мраксов тот из Даров, который мне больше всего хотелось заполучить (хотя в юности я мечтал о нем по совсем другим причинам), я просто потерял голову, Гарри. Я забыл, что теперь это крестраж, что на кольцо, несомненно, наложено заклятие. Я просто взял его и надел на палец. какое-то мгновение я воображал, что сейчас увижу

Ариану, мать, отца и смогу наконец попросить у них прощения… Я был таким глупцом, Гарри! За столько лет я ничему не научился. Я был недостоин соединить у себя Дары Смерти. Я доказывал это уже не раз, и это было последнее доказательство.

— Почему? — спросил Гарри. — Это же естественно! Вам хотелось их увидеть. Что тут плохого?

— Наверное, один человек из миллиона способен соединить у себя Дары Смерти, Гарри. Я годился лишь на то, чтобы обладать самым низшим из них, самым простым, я годился на то, чтобы обладать Бузинной палочкой, и не хвастать этим, и не убивать с ее помощью. Мне было позволено владеть и пользоваться ею, потому что я взял ее не ради выгоды, а для того, чтобы спасти от нее других. Зато мантию я взял из пустого любопытства, и поэтому она никогда не служила мне так, как служила тебе, своему настоящему хозяину. А камнем я воспользовался, пытаясь вызвать к себе тех, кто давно покоится в мире, а не для того, чтобы справиться с назначенным мне самопожертвованием, как это сделал ты. Ты действительно достоин владеть Дарами Смерти.

Дамблдор погладил руку Гарри. Гарри поднял на старика глаза и улыбнулся. А что ему было

делать? Разве мог он теперь сердиться на Дамблдора? — Но зачем было устраивать все так сложно?

Дамблдор смущенно улыбнулся:

— Признаться, я надеялся, что мисс Грейнджер будет сдерживать тебя, Гарри. Я боялся, что твоя горячая голова возобладает над добрым сердцем. Я боялся, что, если просто рассказать тебе всю правду об этих искусительных предметах, ты можешь завладеть Дарами Смерти, как я, — в недолжное время, по недолжной причине. Я хотел, чтобы, когда они достанутся тебе, они были действительно твоими. Ты — настоящий Повелитель смерти, потому что настоящий повелитель не убегает от нее. Он сознает, что должен умереть, и понимает, что в жизни есть вещи намного худшие, чем смерть.

— А Волан-де-Морт так никогда и не узнал о Дарах Смерти?

— Думаю, что нет. Ведь он не узнал Воскрешающий камень, когда превращал его в крестраж. Но даже узнай он о них, Гарри, я сомневаюсь, что его заинтересовало бы что-нибудь, кроме палочки. Он подумал бы, что не нуждается в мантии-невидимке, а что до камня, кого он стал бы возвращать из царства мертвых? Он боится мертвых. Он ведь

никого не любит.

— Но вы знали, что он погонится за Бузинной палочкой?

— Я был уверен, что он попытается ее раздобыть, после того как твоя палочка на кладбище Литтл-Хэнглтона одержала победу над его. Сперва он испугался, что ты одолел его превосходящей силой волшебства. Но, похитив Олливандера, он узнал о сердцевинахблизнецах.

Ему показалось, что это все объясняет. Однако одолженная им чужая палочка снова не смогла справиться с твоей! Тогда Волан-де-Морт — вместо того чтобы спросить себя, что в тебе есть такого, от чего твоя палочка обретает непобедимую силу, каким недоступным ему даром ты обладаешь, — разумеется, отправился на поиски волшебной палочки, перед которой якобы не устоит никакая другая. Бузинная палочка стала для него наваждением не меньшим, чем ты сам. Он убежден, что Бузинная палочка избавит его от нынешней слабости и сделает его по-настоящему непобедимым. Бедняга Северус…

— Когда вы со Снеггом планировали вашу смерть, вы хотели, чтобы Бузинная палочка досталась ему?

— Да, именно так, — ответил Дамблдор. — Но

получилось не по моему.

— Да, — сказал Гарри. — Это у вас не получилось. Существо за их спинами скулило и ныло. Гарри и Дамблдор дольше прежнего сидели в молчании. И в эти долгие минуты до Гарри медленно, как мягко падающий снег, доходило осознание следующего шага.

— А теперь я должен вернуться, да?

— Как хочешь.

— У меня есть выбор?

— Конечно, — улыбнулся Дамблдор. — Мы ведь на вокзале Кингс-Кросс, говоришь? Я думаю, если ты решишь не возвращаться, ты сумеешь… так сказать… сесть в поезд.

— И куда он меня повезет?

— Вперед, — просто сказал Дамблдор. Снова молчание.

— Бузинная палочка у Волан-де-Морта.

— Да. Бузинная палочка досталась Волан-де-Морту.

— Но вы хотите, чтобы я вернулся?

— Я думаю, — сказал Дамблдор, — что, если ты вернешься, есть шанс, что с ним будет покончено навсегда. Обещать я не могу. Я только знаю, Гарри, что возвращения сюда тебе нужно бояться куда меньше, чем ему.

Гарри снова взглянул на ободранное существо, дрожащее и задыхающееся в полумраке под стулом.

— Не жалей умерших, Гарри. Жалей живых, и в особенности тех, кто живет без любви. Твое возвращение, может быть, послужит тому, чтобы стало меньше искалеченных душ, меньше разбитых семей. Если это кажется тебе достойной целью, то сейчас нам пора проститься.

Гарри со вздохом кивнул. Конечно, уйти отсюда не так трудно, как отправиться на смерть в Запретный лес, но все же здесь было тепло, светло и уютно, а впереди его ждали, он знал это, боль и новые потери. Он встал, Дамблдор тоже поднялся, и они долго глядели друг другу в лицо.

— Скажите мне напоследок, — сказал Гарри, — это все правда? Или это происходит у меня в голове?

Дамблдор улыбнулся ему сияющей улыбкой, и голос его прозвучал в ушах Гарри громко и отчетливо, хотя светлый туман уже окутывал фигуру старика, размывая очертания.

— Конечно, это происходит у тебя в голове, Гарри, но кто сказал тебе, что поэтому оно не должно быть правдой?

Глава 36

ИЗЪЯН В ПЛАНЕ

Он снова лежал на земле ничком. Ноздри наполнял запах леса. Он чувствовал под щекой холодную твердую землю, а дужка очков, съехавших набок, впивалась ему в висок. Все тело у него болело, а то место, куда ударило Убивающее заклятие, саднило, как ушиб от удара кастетом. Он лежал, не шевелясь, прямо там, где упал; левая рука вывернулась под неестественным углом, рот раскрыт.

Он ожидал услышать крики восторга и торжества по случаю своей смерти, но вместо этого слышались торопливые шаги, перешептывания и встревоженный ропот.

— Повелитель… мой повелитель…

Голос Беллатрисы звучал так, будто она обращалась к возлюбленному. Открыть глаза Гарри не смел и пытался оценить положение с помощью всех остальных чувств. Он знал, что волшебная палочка по-прежнему у него под одеждой, потому что чувствовал ее между грудной клеткой и землей. Ощущение тонкой подушки под животом

подсказывало, что и мантия-невидимка тоже с ним, скрытая от посторонних глаз.

— Мой повелитель…

— Довольно, — сказал голос Волан-де-Морта. Снова шаги: несколько человек отступают из одного и того же места. Отчаявшись понять, что происходит и почему, Гарри чуть-чуть приоткрыл глаза.

Волан-де-Морт, судя по всему, подымался на ноги. Несколько Пожирателей смерти бежали от него прочь, присоединяясь к толпе, окаймлявшей поляну. Только Беллатриса не ушла, а по-прежнему стояла на коленях рядом с Темным Лордом.

Гарри снова закрыл глаза, обдумывая то, что увидел. Пожиратели смерти, видимо, столпились вокруг упавшего Волан-де-Морта. Когда он ударил Гарри Убивающим заклятием, что-то произошло. Может быть, Волан-де-Морт тоже упал замертво? Похоже на то. Они оба лежали некоторое время без сознания, а теперь оба вернулись…

— Повелитель, позвольте мне…

— Я не нуждаюсь в поддержке, — холодно сказал Воланде-Морт, и Гарри, даже не видя, ясно представил себе, как Беллатриса отдергивает протянутую на помощь руку. — Мальчишка… мертв?

На поляне воцарилась полная тишина. Никто не приблизился к Гарри, но он чувствовал, как все они пристально смотрят на него, словно вдавливая взглядами в землю; Гарри боялся, что у него дернется палец или веко.

— Ты, — раздался голос Волан-де-Морта, а за ним щелчок и вскрик боли. — Осмотри его. Доложи мне, мертв он или нет.

Гарри не знал, кого послали его освидетельствовать. Ему ничего не оставалось, как лежать неподвижно, с предательски колотящимся сердцем, и ждать осмотра; и все же, как ни слабо было это утешение, он отметил, что Волан-де-Морт боится приблизиться к нему, Волан-де-Морт подозревает, что не все получилось по его плану.

Лица Гарри коснулись руки — неожиданно мягкие; они приподняли ему веко, потом скользнули под рубашку, отыскивая сердце. Он слышал частое дыхание женщины, ее длинные волосы щекотали ему лицо. Он знал, что она слышит упорное биение жизни о его ребра.

— Драко жив? Он в замке?

Еле слышный шепот в дюйме от его уха. Длинные волосы спустились ему на лицо, закрывая его от Посторонних взглядов.

— Да, — выдохнул он.

Он почувствовал, как сжалась рука на его груди. Ее ногти впились ему в кожу. Потом рука убралась. Женщина выпрямилась.

— Он мертв! — громко объявила Нарцисса Малфой. Вот теперь они зашумели, издавая восторженные крики, затопали ногами, и Гарри видел сквозь опущенные веки, как взлетали в воздух торжественным салютом красные и серебряные вспышки.

Гарри, по-прежнему притворявшийся мертвым, понял, в чем дело. Нарцисса знала, что только в составе штурмующей армии она сможет попасть в замок на поиски сына. Ей было теперь все равно, победил Волан-де-Морт или нет.

— Вы видели? — Голос Волан-де-Морта перекрыл шум толпы. — Гарри Поттер пал от моей руки, и отныне на земле нет человека, представляющего для меня угрозу! Глядите! Круцио!

Гарри ожидал этого. Он знал, что его тело не оставят неосквернённым в Запретном лесу. Над ним будут издеваться, чтобы доказать победу Волан-де-Морта. Гарри подбросило в воздух, и он собрал всю свою волю, чтобы не дать телу напрячься, но боль, которой он ждал, так и не пришла. Его подкинули второй раз, потом третий. Очки слетели с него, волшебная палочка под

одеждой перекатилась на бок, но он не шевельнул ни одним мускулом, вися, как тряпичная кукла. Когда он упал на землю в третий раз, поляна огласилась веселыми криками и взрывами хохота.

— А теперь, — сказал Волан-де-Морт, — мы отправимся в замок и продемонстрируем им, что осталось от их героя. Кто потащит тело? Нет… Подождите…

Раздался новый взрыв хохота, а потом Гарри почувствовал, что земля под ним задрожала.

— Ты понесешь его, — сказал Волан-де-Морт. — Он будет хорошо смотреться у тебя на руках, да и видно издалека. Ну, подбирай своего маленького дружка, Хагрид. И наденьте на него очки — мальчишка должен быть узнаваем для всех.

кто-то напялил на Гарри очки, нарочно прихлопнув посильнее, зато огромные руки, поднявшие его в воздух, действовали удивительно нежно. Гарри чувствовал, как дрожат от рыданий плечи Хагрида, крупные слезы шлепнулись ему на плечи, когда лесничий приподнял его на руках… а Гарри не смел ни жестом, ни словом дать Хагриду понять, что еще не все потеряно.

— Вперед! — скомандовал Волан-де-Морт, и Хагрид зашагал через Лес, круша на своем пути

тесно стоящие деревья. Ветки сыпались на волосы и одежду Гарри, но он лежал неподвижно, с открытым ртом, закрыв глаза, и в темноте никто — ни теснящиеся вокруг Пожиратели смерти, ни рыдающий Хагрид — не заметил, как бьется жилка на обнаженной шее Гарри Поттера…

Два великана шли позади Пожирателей смерти. Гарри слышал, как трещат и падают деревья на их пути. Они подняли такой шум, что птицы с криком взвились в небо, и даже ликующие крики Пожирателей смерти потонули в треске и топоте. Торжествующая процессия направлялась к опушке, и вскоре по проблескам света над закрытыми веками Гарри понял, что Лес становится реже.

— БЕЙН! — Неожиданный рык Хагрида чуть не заставил Гарри открыть глаза. — Ну что, довольнехоньки таперича, что не пошли драться, трусливое стадо? Довольны, что Гарри Поттера уу-убили?..

Хагрид не мог продолжать, снова залившись слезами. Интересно, сколько кентавров наблюдают сейчас за их шествием? Гарри не решался приоткрыть глаза и посмотреть. Пожиратели смерти, оставив кентавров позади, оборачивались и выкрикивали грубые ругательства. Вскоре Гарри почувствовал свежее дуновение ветра и

понял, что они вышли на опушку.

— Стой!

Он подумал было, что Хагрида принуждают исполнить команду, потому что исполин слегка качнулся. Но тут Гарри ощутил пронизывающий холод и услышал хриплое дыхание дементоров, патрулировавших край Леса. Сейчас они ему ничего не смогут сделать. Пылавшее в Гарри сознание, что он жив, служило ему талисманом, как будто отцовский серебряный олень стоял на часах в его сердце.

кто-то прошел совсем рядом с Гарри, и он понял, что это был сам Волан-де-Морт, потому что спустя мгновение услышал усиленный магией голос, разносившийся далеко вокруг, круша барабанные перепонки Гарри.

— Гарри Поттер мертв. Он был убит при попытке к бегству. Он пытался спасти свою жизнь, пока вы тут погибали за него. Мы принесли вам его тело, чтобы вы убедились, что ваш герой мертв. Битва выиграна. Вы потеряли половину бойцов. Мои Пожиратели смерти превосходят вас числом, а Мальчика, Который Выжил больше нет. Воевать дальше не имеет смысла. Всякий, кто продолжит сопротивление, будь то мужчина, женщина или ребенок, будет убит, и то же случится с членами

его семьи. Выходите из замка, преклоните предо мной колени, и я пощажу вас. Ваши родители и дети, ваши братья и сестры будут жить, все будет прощено, и вместе мы приступим к строительству нового мира.

Из замка не доносилось ни звука. Волан-де-Морт стоял так близко к Гарри, что тот не решался приоткрыть глаза.

— За мной, — сказал Волан-де-Морт, и Гарри слышал, как он шагнул вперед.

Хагриду пришлось следовать за ним. Теперь Гарри чуть приоткрыл глаза и увидел, что Волан-де-Морт идет впереди с Нагайной на плечах, вокруг змеи не было теперь зачарованной сферы. Но Гарри не мог достать палочку из-под одежды, потому что с обеих сторон от него шагали в постепенно светлеющем мраке Пожиратели смерти…

— Гарри, — всхлипывал Хагрид. — Гарри… Гарри… Гарри снова плотно закрыл глаза. Он понял, что они приближаются к замку, и пытался различить сквозь топот и крики Пожирателей смерти хоть какой-нибудь звук со стороны Хогвартса.

— Стой!

Пожиратели смерти остановились. Гарри слышал, как они выстраиваются в шеренгу напротив распахнутых дверей школы. Даже сквозь за-

крытые веки он видел розовые отблески — свет, падавший из вестибюля. Он ждал. Сейчас те, ради кого он хотел умереть, увидят его мертвым на руках у Хагрида.

— НЕТ!

Этот крик был потрясением — ведь Гарри и во сне не могло присниться, что профессор Макгонагалл способна издавать такие звуки. Он услышал рядом женский смех и понял, что Беллатриса наслаждается отчаянием Макгонагалл. Он снова чуть приоткрыл глаза и увидел, как дверной проем наполняется людьми, как выходят на крыльцо уцелевшие защитники замка, чтобы встретить победителей и своими глазами убедиться в гибели Гарри. Чуть впереди он увидел Волан-де-Морта, поглаживавшего Нагайну по голове длинным белым пальцем. Он снова закрыл глаза.

— Нет!

— Нет!

— Гарри! ГАРРИ!

Голоса Рона, Гермионы и Джинни — это еще хуже, чем вопль Макгонагалл. Гарри хотелось сейчас только одного — откликнуться, но он заставил себя лежать неподвижно. Их крики послужили сигналом, теперь вся толпа уцелевших

вопила, выкрикивая проклятия Пожирателям смерти, пока…

— МОЛЧАТЬ! — крикнул Волан-де-Морт. Раздался хлопок, мелькнула яркая вспышка — и все смолкло. — Игра окончена. Клади его сюда, Хагрид, к моим ногам — здесь ему место!

Гарри почувствовал, как его опускают на траву.

— Видите? — сказал Волан-де-Морт. Гарри слышал, как он ходит взад-вперед позади его лежащего тела. — Гарри Поттер мертв! Поняли вы теперь, что вас обманули? Он был всего лишь мальчишкой, требовавшим от других, чтобы они жертвовали жизнью ради него!

— Он уже столько раз тебя бил! — выкрикнул Рон, и чары развеялись. Защитники Хогвартса снова зашумели и закричали, но тут второй, более мощный хлопок заглушил их голоса.

— Он был убит при попытке сбежать с территории замка, — сказал Волан-де-Морт, явно наслаждаясь этой ложью. — Убит при попытке спасти свою жизнь…

Но тут речь Волан-де-Морта оборвалась. Гарри услышал звуки борьбы, крик, потом еще один хлопок, вспышку и вскрик боли. Он чуть приоткрыл глаза. кто-то вырвался из толпы и выстрелил

в Волан-де-Морта. Гарри видел падающую на землю фигуру, искры Разоружающего заклятия и Волан-де-Морта, со смехом бросающего в сторону палочку своего обидчика.

— И кто же это? — спросил он своим мягким змеиным голосом. — Кто сам вызвался продемонстрировать, что бывает, когда пытаешься продолжать проигранную битву?

Беллатриса залилась счастливым смехом:

— Это Невилл Долгопупс, повелитель! Мальчишка, который доставлял Кэрроу столько неприятностей! Сын мракоборцев, помните?

— Ах, да, припоминаю. — Волан-де-Морт взглянул сверху вниз на Невилла, безоружного, без всякой защиты, отчаянно пытавшегося подняться на ноги на нейтральной полосе между защитниками замка и Пожирателями смерти. — Но ты ведь чистой крови, мой храбрый мальчик? — обратился он к Невиллу, который стоял теперь к нему лицом, сжав в кулаки пустые руки.

— А если и так — что из этого? — громко ответил Невилл.

— Ты проявил отвагу и мужество, и в твоих жилах течет благородная кровь. Ты будешь отменным Пожирателем смерти. Нам нужны такие, как ты, Невилл Долгопупс!

— Скорее в аду станет холодно, чем я к вам перейду! — сказал Невилл. — Отряд Дамблдора! — выкрикнул он, и толпа ответила шумом, которого не могли сдержать даже Заглушающие чары Волан-де-Морта.

— Что ж, — сказал Волан-де-Морт ласково, и Гарри почувствовал, что в этом шелковом голосе больше угрозы, чем в самом мощном заклятии. — Раз таков твой выбор, Долгопупс, вернемся к первоначальному плану. На твою голову, — негромко добавил он, — пусть падет.

Сквозь щелочки приоткрытых глаз Гарри увидел мановение руки Волан-де-Морта. В следующую секунду из разбитого окна замка вылетело что-то, похожее на уродливую птицу, и приземлилось в полумраке на ладонь Волан-де-Морту. Он приподнял пахнущий плесенью предмет за острый конец и встряхнул. И вот она закачалась у всех на глазах, пустая и потрепанная — Распределяющая шляпа.

— В школе Хогвартс больше не будет распределения, — объявил Волан-де-Морт. — Факультеты отменяются. Эмблема, герб и цвета моего благородного предка, Салазара Слизерина, отныне обязательны для всех, понятно, Невилл Долгопупс?

Он направил палочку на Невилла, и тот застыл, словно окаменев. Волан-де-Морт нахлобучил на него шляпу, так что она закрыла Невиллу глаза. В толпе стоящих перед замком началось движение, и Пожиратели смерти, как один, вскинули палочки, не давая защитникам Хогвартса пошевелиться.

— Невилл сейчас наглядно покажет вам, что будет со всяким, у кого достанет глупости мне сопротивляться, — сказал Волан-де-Морт.

Взмах его палочки — и Распределяющая шляпа вспыхнула ярким пламенем.

Страшный крик разорвал предрассветный полумрак — Невилл горел, прикованный к месту, неспособный шевельнуть ни рукой, ни ногой. Гарри не мог этого вынести: нужно действовать…

И тут случилось сразу несколько вещей. С отдаленной границы школы послышался шум, как будто сотни людей перебирались через не видные отсюда стены и рвались к замку с громкими воинственными кликами. В ту же минуту из-за угла замка показался запыхавшийся Грохх с воплем: «ХАГГИ!» В ответ ему раздался рык великанов Волан-де-Морта: они ринулись на Грохха, как боевые слоны, и земля затряслась

под их топотом. Потом раздалось цоканье копыт, звук натягиваемой тетивы — и на Пожирателей смерти внезапно обрушился град стрел. Люди Волан-де-Морта закричали от неожиданности, ломая строй. Гарри вытащил из-под одежды мантию-невидимку, набросил ее на себя, вскочил на ноги — и вдруг Невилл тоже стал двигаться.

Быстрым, еле уловимым движением Невилл освободился от Цепенящего заклятия, пылающая шляпа слетела с его головы, и он вытянул из нее что-то серебряное, со сверкающей рубинами рукояткой.

Удар серебряного лезвия не был слышен за шумом надвигающейся толпы, ревом дерущихся великанов, стуком копыт бросившихся в схватку кентавров — и все же все глаза обратились на блеснувший меч. Одним ударом Невилл снес голову огромной змее. Голова подлетела высоко в воздух, сверкнув в лучах света, лившегося из вестибюля. Рот Волан-де-Морта раскрылся в яростном крике, которого никто не услышал, и тело змеи с глухим стуком упало на землю к его ногам.

Гарри, скрытый под мантией-невидимкой, опустил Щитовые чары между Невиллом и Волан-де-Мортом, прежде чем Темный Лорд успел

поднять волшебную палочку И тут все крики, шум, удары и топот перекрыл вопль Хагрида.

— ГАРРИ! — кричал он. — ГАРРИ! ГДЕ ГАРРИ?

Начался хаос. Стрелы кентавров рассеивали Пожирателей смерти, все, кто мог, бежали от топчущих вслепую великаньих ног, и все ближе и ближе громыхало подкрепление, явившееся неизвестно откуда: Гарри увидел огромных крылатых чудищ, парящих над головами великанов Волан-де-Морта. Фестралы и гиппогриф Клювокрыл выцарапывали великанам глаза, а Грохх мутузил их кулаками. Волшебникам — как защитникам Хогвартса, так и Пожирателям смерти — пришлось отступить обратно в замок. Гарри метал заклятия и чары во всех Пожирателей смерти подряд. Они падали, не понимая, откуда пришел удар, а их тела топтала отступающая толпа.

Гарри, все еще скрытый под мантией-невидимкой, протолкался в вестибюль в поисках Волан-де-Морта. Он увидел Темного Лорда на другом конце помещения: отступая в Большой зал, тот направо и налево метал заклятия из волшебной палочки, продолжая в то же время раздавать приказания своим сторонникам. Гарри снова применил Щитовые чары, и намеченные

Воланде-Мортом жертвы, Симус Финниган и Ханна Аббот, прорвались мимо него в Большой зал, где уже разгоралось сражение.

Все больше и больше людей взбегало по ступеням крыльца. Гарри увидел, как Чарли Уизли обгоняет Горация Слизнорта, на котором по-прежнему была изумрудного цвета пижама. Они, похоже, шли во главе целого отряда друзей и родных тех учеников Хогвартса, которые остались защищать школу, а за ними двигались лавочники и домовладельцы Хогсмида. Кентавры Бейн, Ронан и Магориан, громко стуча копытами, ворвались в вестибюль — и тут за спиной у Гарри сорвалась с петель дверь, ведущая к кухням.

Эльфы-домовики Хогвартса толпой хлынули в вестибюль, громко крича и размахивая ножами и топорами для мяса. Ими предводительствовал Кикимер с медальоном Регулуса Блэка на груди, и его квакающий голос перекрывал даже царивший здесь шум:

— Все на битву! На битву! На битву за моего хозяина, надежду и оплот эльфов-домовиков! Бей Темного Лорда во имя отважного Регулуса! На битву!

С горящими злобой личиками они рубили топорами и кололи ножами икры и щиколотки

Пожирателей смерти. Куда ни глянь, Пожиратели смерти отступали, подавленные численным превосходством противника, сражаемые несущимися отовсюду заклятиями, стрелами из луков кентавров, корчась от втыкающихся в ноги ножей, напрасно пытаясь бежать под натиском все прибывающей толпы.

И все же битва еще не кончилась. Гарри, продираясь между сражающимися и пленными, прорвался наконец в Большой зал.

Волан-де-Морта он увидел в самой гуще схватки. Тот в ярости крушил все, что попадалось ему на пути. Гарри не мог прямо подступиться к нему и с трудом прокладывал себе путь под мантией-невидимкой. В Большом зале стало совсем тесно — все, кто еще мог держаться на ногах, рвались внутрь.

Гарри видел, как Джордж и Ли Джордан повалили на пол Якcли, как Долохов пал от руки Флитвика, как Хагрид швырнул через всю комнату Уолдена Макнейра и тот врезался в противоположную стену и мешком упал на пол. Он видел, как Рон и Невилл сбили с ног Фенрира Сивого, как Аберфорт ударил Оглушающим заклятием Руквуда, как Артур и Перси одолели Толстоватого, а Люциус и Нарцисса Малфой, даже не пытаясь

сражаться, бежали сквозь толпу, выкрикивая имя своего сына.

Волан-де-Морт сражался разом с Макгонагалл, Слизнортом и Кингсли. С холодной ненавистью он смотрел, как они, пригибаясь, мечутся вокруг него и никак не могут нанести решающий удар…

Беллатриса продолжала борьбу в нескольких шагах от Волан-де-Морта. Как и ее повелитель, она в одиночку сражалась с тремя за раз: Гермиона, Джинни и Полумна напрягали все силы, но не могли одолеть Беллатрису. Гарри совсем потерял голову, увидев, как Убивающее заклятие просвистело в дюйме от Джинни, так что она чудом осталась жива.

Гарри сменил направление — вместо Волан-де-Морта он бросился к Беллатрисе. Но не успел он пробежать и нескольких шагов, его отбросило в сторону.

— НЕ ТРОНЬ МОЮ ДОЧЬ, МЕРЗАВКА!

Миссис Уизли на бегу сбрасывала мантию, освобождая руки. Беллатриса резко повернулась — и расхохоталась при виде новой противницы.

— С ДОРОГИ! — крикнула миссис Уизли трем девушкам, выхватила палочку и бросилась в бой. С ужасом и восторгом Гарри смотрел, как хлещет и крутится волшебная палочка в руках Молли

Уизли и как исчезает улыбка с лица Беллатрисы Лестрейндж, превращаясь в злобную гримасу. Потоки пламени лились с обеих палочек, пол под ногами волшебниц раскалился и покрылся трещинами; обе дрались не на жизнь, а на смерть.

— Нет! — крикнула миссис Уизли бросившимся ей на помощь школьникам. — Уйдите! Прочь отсюда! Она моя!

Сотни зрителей стояли теперь вдоль стен, наблюдая за двумя сражающимися группами: Волан-де-Мортом и его тремя противниками и Беллатрисой и Молли. Гарри, невидимый под мантией, замер, не зная, в какую сторону кинуться, разрываясь между стремлением атаковать Темного Лорда и потребностью защитить миссис Уизли и к тому же боясь попасть в невинного.

— Что станется с твоими детьми, когда я тебя убью? — дразнила Беллатриса, безумная, как и ее повелитель, уворачиваясь от пляшущих вокруг нее заклятий Молли. — Когда мамочка отправится вслед за Фреддичкой?

— Ты больше никогда не тронешь наших детей! — выкрикнула миссис Уизли.

Беллатриса засмеялась исступленным смехом — точно такой Гарри слышал от ее кузена Сириуса за миг перед тем, как тот упал вперед спиной

сквозь занавес… И вдруг Гарри понял, что сейчас произойдет, еще раньше, чем это случилось.

Заклятие Молли пронеслось под вытянутой рукой Беллатрисы и ударило ее в грудь, прямо над сердцем.

Злорадная улыбка замерла на губах Беллатрисы, глаза словно выкатились из орбит. Еще мгновение она понимала, что случилось, а потом медленно опрокинулась навзничь, и толпа зрителей зашумела, а Волан-де-Морт вскрикнул.

Гарри казалось, что он видит все в замедленной съемке: Макгонагалл, Кингсли и Слизнорт отлетели прочь, вертясь в воздухе, как сухие листья. Ярость Волан-де-Морта при виде гибели последней, лучшей его сторонницы взорвалась с силой многотонной бомбы. Волан-де-Морт поднял палочку и направил ее на Молли Уизли.

— Протего! — крикнул Гарри.

Щитовые чары разделили Большой зал пополам. Воланде-Морт оглянулся в поисках пославшего их, и Гарри наконец сбросил с себя мантию-невидимку.

Вопль изумления, приветственные возгласы, крики с обеих сторон: «Гарри!» и «ОН ЖИВ!» — стихли почти мгновенно. Толпа испугалась. Внезапно наступила полная тишина. Волан-де-Морт

и Гарри, встретившись взглядом, одновременно начали двигаться по кругу.

— Пусть никто не пытается мне помочь, — громко сказал Гарри. В мертвом молчании его слова раскатились по Залу, как трубный глас. — Так нужно. Нужно, чтобы это сделал я.

Волан-де-Морт зашипел, расширив красные глаза:

— Поттер, конечно, шутит. Это ведь совсем не в его стиле. Кто сегодня послужит тебе щитом, а, Поттер?

— Никто, — просто ответил Гарри. — Крестражей больше нет. Остались только я и ты. Ни один из нас не может жить, пока жив другой, и один из нас должен уйти навсегда…

— Один из нас? — насмешливо повторил Волан-де-Морт. Все его тело напряглось, взгляд красных глаз стал неподвижным — змея перед броском. — Ты ведь понимаешь, что это будешь ты, Мальчик, Который Выжил благодаря случайности и козням Дамблдора?

— Ты думаешь, когда моя мать погибла, спасая меня, это была случайность? — спросил Гарри. Оба они по-прежнему двигались боком, по идеальной окружности, сохраняя равное расстояние друг от друга. Гарри видел сейчас только одно

лицо — Волан-де-Морта. — Ты думаешь, случайность, что я решился сразиться с тобой тогда на кладбище? Случайность, что минувшей ночью я не стал защищаться и все же остался жив и снова вернулся в битву?

— Случайность! — крикнул Волан-де-Морт, однако все еще не наносил удара. Толпа зрителей застыла, словно окаменев, и казалось, что среди сотен людей, заполнивших Большой зал, дышат только эти двое. — Случайность, везение и то, что ты увиливал и прятался за спинами тех, кто лучше тебя — мужчин и женщин, — позволяя мне убивать их вместо тебя!

— Сегодня ты никого больше не убьешь, — сказал Гарри, пока они продолжали кружить по Залу, глядя друг другу в глаза. — Ты никогда больше не сможешь никого из них убить. Понял? Я готов был умереть, чтобы ты прекратил мучить этих людей…

— Однако не умер!

— Я был готов, и этого оказалось достаточно. Я сделал то же, что моя мать. Они защищены от тебя. Разве ты не заметил, как легко они сбрасывают твои заклятия? Ты не можешь их мучить. Ты не можешь до них добраться. Не пора ли тебе учиться на ошибках, а, Реддл?

— Ты посмел…

— Да, я посмел, — ответил Гарри. — Я знаю многое, чего ты не знаешь, Том Реддл. Много очень важных вещей, тебе неизвестных. Хочешь, я расскажу тебе часть из них, пока ты не сделал новую большую ошибку?

Волан-де-Морт ничего не ответил, продолжая скользить по кругу. Гарри понял, что на время его противник заворожен, выведен из строя; даже призрачная возможность, что Гарри и в самом деле знает последнюю тайну, удерживала его от удара…

— Что, опять любовь? — сказал Волан-де-Морт с насмешливым выражением на змеином лице. — Любовь, вечная присказка Дамблдора: он утверждал, что она побеждает смерть. Хотя любовь не помешала ему сверзиться с башни и разбиться, как восковая кукла. Любовь не помешала мне раздавить твою грязнокровку-мать, как таракана, Поттер, и, похоже, никто здесь не пылает к тебе такой любовью, чтобы броситься вперед и принять на себя мое заклятие. Так что же помешает тебе погибнуть, когда я ударю?

— Только одно, — сказал Гарри. Они продолжали кружить друг за другом, и лишь последняя тайна не давала им сойтись в схватке.

— Если не любовь должна спасти тебя на этот раз, — сказал Волан-де-Морт, — то, значит, ты думаешь, что владеешь волшебством, которое мне недоступно, или обладаешь более мощным оружием?

— И то и другое, — сказал Гарри и увидел панический страх, мелькнувший на змеином лице, хотя оно тут же приняло прежнее выражение.

Волан-де-Морт рассмеялся; его смех звучал страшнее, чем крик. Холодный и безумный, он эхом разнесся по замершему залу.

— И ты думаешь, что знаешь неизвестное мне волшебство? — сказал он. — Неизвестное мне, лорду Волан-де-Морту, владеющему такими чарами, какие Дамблдору и не снились?

— Сниться они ему снились, — сказал Гарри, — но только он знал больше тебя, он знал достаточно, чтобы не делать того, что сделал ты.

— Ты хочешь сказать, что он был слаб! — воскликнул Волан-де-Морт. — Слишком слаб, чтобы дерзнуть, слишком слаб, чтобы протянуть руку за тем, что могло бы принадлежать ему, но достанется мне!

— Нет, он был просто умнее тебя, — ответил Гарри. — Он был лучшим волшебником, чем ты, и лучшим человеком.

— Я подстроил гибель Альбуса Дамблдора!

— Это тебе так казалось, — сказал Гарри. — Но ты ошибался.

— Дамблдор мертв! — Волан-де-Морт швырнул эти слова в лицо Гарри, словно надеясь причинить ему невыносимую боль. — Его тело разлагается в мраморной гробнице здесь, возле замка, я видел его, Поттер, — для него нет возврата.

— Да, Дамблдор мертв, — спокойно откликнулся Гарри. — Но не ты убил его. Он сам выбрал свою смерть, выбрал ее за много месяцев до того, как это случилось, обговорил во всех деталях с человеком, которого ты считал своим слугой.

— Это что еще за ребяческие россказни? — спросил Волан-де-Морт, однако по-прежнему не наносил удара и не сводил с лица Гарри своих красных глаз.

— Северус Снегг служил не тебе, — сказал Гарри, — Он был на стороне Дамблдора с той самой минуты, как ты стал преследовать мою мать. А ты так ничего и не заметил, потому что это как раз то, чего ты не понимаешь. Ты видел когда-нибудь, как Снегг вызывает Патронуса?

Волан-де-Морт не ответил. Они кружили друг за другом, как волки, собирающиеся вцепиться

друг другу в глотку.

— Патронус Снегга — лань, — сказал Гарри, — как у моей матери, потому что он любил ее всю жизнь, с самого детства. Ты мог бы догадаться. — Гарри увидел, как затрепетали ноздри Волан-де-Морта. — Разве он не просил тебя пощадить ее?

— Он хотел ее, вот и все, — насмешливо сказал Волан-де-Морт. — Когда ее не стало, он согласился со мной, что есть и другие женщины, притом чистокровные, более достойные его…

— Разумеется, он с тобой согласился, — ответил Гарри. — Но он стал шпионом Дамблдора с той минуты, как ты начал ей угрожать, и с тех пор неустанно работал против тебя! Дамблдор был уже при смерти, когда Снегг прикончил его.

— Какая разница! — выкрикнул Волан-де-Морт, до этого жадно впивавший каждое слово, и разразился раскатами безумного хохота. — Какая разница, служил Снегг мне или Дамблдору, или какие палки эти людишки пытались ставить мне в колеса! Я раздавил их, как раздавил твою мать, эту пресловутую великую любовь Снегга. О, здесь все было не зря, Поттер, просто ты этого не понимаешь! Дамблдор пытался не подпустить меня к Бузинной палочке! Он хотел, чтобы ее

настоящим хозяином стал Снегг! Но я опередил тебя, малыш, — я добрался до палочки раньше, чем ты успел ею завладеть. Я все понял раньше тебя. Три часа назад я убил Северуса Снегга, и теперь Бузинная палочка, Жезл Смерти, Смертоносная палочка по праву принадлежит мне! План Дамблдора не удался, Гарри Поттер!

— Да, не удался, — сказал Гарри. — Ты прав. Но прежде чем ты попытаешься меня убить, я призываю тебя подумать о том, что ты сделал… Подумай и попытайся почувствовать хоть немного раскаяния, Реддл…

— О чем это ты?

Ничто из того, что говорил ему Гарри — ни разоблаченные тайны, ни насмешки, — не поражало Волан-де-Морта так, как эти слова. Гарри увидел, как его зрачки сузились в тонкие щелочки, как побелела кожа вокруг глаз.

— Это твой последний шанс, — сказал Гарри. — Все, что тебе остается… Я видел, во что ты иначе превратишься… будь мужчиной… попытайся… попытайся раскаяться…

— Ты посмел… — снова сказал Волан-де-Морт.

— Да, я посмел, — сказал Гарри. — Потому что провал последнего плана Дамблдора ударил вовсе не по мне. Он ударил по тебе, Реддл.

Рука Волан-де-Морта, сжимавшая Бузинную палочку, задрожала. Гарри крепче вцепился в палочку Драко. Он понимал, что остается лишь несколько мгновений.

— Эта палочка по-прежнему не слушается тебя, потому что ты убил не того человека. Северус Снегг никогда не был настоящим хозяином Бузинной палочки. Он никогда не одерживал победы над Дамблдором.

— Он убил…

— Ты слушаешь, что я говорю? Снегг не побеждал Дамблдора! Смерть Дамблдора была обговорена между ними! Дамблдор хотел умереть непобежденным, подлинным хозяином Бузинной палочки! Если бы все получилось по его плану, сила палочки умерла бы вместе с ним, потому что никто не отнял ее у него!

— Раз так, Поттер, Дамблдор все равно что сам отдал мне палочку! — Голос Волан-де-Морта дрожал от злобной радости. — Я похитил палочку из гробницы ее последнего хозяина! Против его желания! Сила палочки принадлежит мне!

— Нет, Реддл, она тебе не принадлежит. Обладать палочкой недостаточно! От того, что ты держишь ее в руках и отдаешь ей приказы, она не становится по-настоящему твоей. Разве ты

не слышал, что сказал тебе Олливандер? Палочка выбирает волшебника… Бузинная палочка еще до смерти Дамблдора признала своего нового хозяина в человеке, который и не думал завладевать ею. Новый хозяин забрал палочку у Дамблдора против его воли, так и не поняв, что он сделал, и самая опасная волшебная палочка на свете признала его власть над собой…

Грудь Волан-де-Морта тяжело вздымалась, и Гарри чувствовал, как зреет заклятие, как оно растет внутри палочки, направленной ему в лицо.

— Настоящим хозяином Бузинной палочки был Драко Малфой.

На мгновение в глазах Волан-де-Морта мелькнул слепой ужас — и исчез.

— Но если и так, — сказал он мягко. — Даже если ты прав, Поттер, что это меняет для нас с тобой? Палочки с пером феникса у тебя уже нет. Наш поединок решит чистое умение… А убив тебя, я смогу заняться Драко Малфоем…

— Ты опоздал, — сказал Гарри. — Ты упустил свой шанс. Я тебя опередил. Много недель назад я победил Драко и отобрал у него волшебную палочку. — Гарри помахал палочкой из боярышника и почувствовал, что глаза всех присутствовавших в Большом зале устремлены на нее. — Так что

теперь, — прошептал Гарри, — все сводится к одному: знает ли Бузинная палочка у тебя в руках, что на ее последнего хозяина наслали Разоружающее заклятие. Потому что если она это знает, то… я — настоящий хозяин Бузинной палочки.

Красно-золотое сияние внезапно разлилось по зачарованному потолку над их головами: это ослепительный краешек восходящего солнца проник в Большой зал через восточное окно. Свет ударил им в глаза одновременно, так что лицо Волан-де-Морта вдруг превратилось в пылающее пятно. Гарри услышал крик высокого голоса и тоже выкрикнул в небо всю свою надежду, взмахнув палочкой Драко.

— Авада Кедавра!

— Экспеллиармус!

Хлопок был подобен пушечному выстрелу. Золотое пламя взвилось в самом центре круга, по которому они двигались, — это столкнулись их заклятия. Гарри видел, как зеленая вспышка Волан-де-Морта слилась с его собственной и как Бузинная палочка взмыла ввысь, чернея на фоне рассвета, закружилась под зачарованным потолком, точно голова Нагайны, и пронеслась по воздуху к хозяину, которого не пожелала убивать, чтобы полностью подчиниться его власти. Гарри,

тренированный ловец, поймал ее свободной рукой — и в ту же минуту Волан-де-Морт упал навзничь, раскинув руки, и узкие зрачки его красных глаз закатились. На полу лежали смертные останки Тома Реддла — слабое, сморщенное тело, безоружные белые руки, пустое, отсутствующее выражение на змеином лице. Волан-де-Морт погиб, убитый собственным обратившимся вспять заклятием, а Гарри стоял с двумя волшебными палочками в руке и глядел на опустевшую оболочку своего врага.

какое-то мгновение вокруг еще стояла тишина. Потом зал очнулся и взорвался шумом, криками, восклицаниями и стонами. Ослепительное солнце залило окна, все рванулись к Гарри, и первыми к нему подбежали Рон и Гермиона; это их руки обвивали его, их громкие голоса наполняли звоном уши. Потом рядом возникли Джинни, Невилл и Полумна, а потом все семейство Уизли, Хагрид, Кингсли, Макгонагалл, Флитвик, Стебль — Гарри не мог разобрать ни слова из того, что все разом кричали ему, не мог понять, чьи руки обнимают, тянут, толкают его; сотни людей теснились к нему, желая прикоснуться к Мальчику, Который Выжил, благодаря которому все наконец кончилось…

Солнце стояло прямо над Хогвартсом, и Большой зал был полон жизни и света. Без Гарри не могли обойтись ни восторги, ни горе, ни празднование, ни траур. Все хотели, чтобы их лидер и знамя спаситель и вождь был сейчас с ними; похоже, никому не приходило в голову, что он страшно устал и что ему страстно хотелось сейчас побыть лишь с несколькими близкими. Он должен был говорить с родственниками погибших, пожимать их руки, глядеть на их слезы, принимать их благодарности, он должен был выслушивать поступавшие целое утро новости о том, что по всей стране люди, пораженные заклятием Империус, пришли в себя, что Пожиратели смерти бежали или были арестованы, что невинно осужденных сию минуту отпустили из Азкабана и что Кингсли Бруствер назначен временно исполняющим обязанности министра магии…

Тело Волан-де-Морта вынесли из Большого зала и положили в другом помещении, подальше от останков Фреда, Тонкс, Люпина, Колина Криви и еще пятидесяти человек, погибших в борьбе с ним. Макгонагалл вернула на место столы факультетов, но сейчас все сидели как попало, за столами смешались преподаватели и ученики,

призраки и родители, кентавры и Эльфы-домовики. Выздоравливающий Флоренц лежал в углу, а Грохх просовывал огромную физиономию в разбитое окно, и ему бросали еду в смеющийся рот. Наконец совершенно измученный, выжатый как лимон, Гарри оказался на скамье рядом с Полумной.

— На твоем месте я бы мечтала сейчас о тишине и покое, — заметила она.

— Я и мечтаю, — ответил Гарри.

— Я их отвлеку, — сказала Полумна. — А ты надевай свою мантию. — И не успел он и слова сказать, она уже кричала, показывая в окно: — Ой, смотрите, морщерогий кизляк!

Все сидевшие поблизости оглянулись, а Гарри набросил мантию-невидимку и поднялся со скамьи.

Теперь он мог беспрепятственно передвигаться по залу. Джинни сидела за два стола от него, положив голову на плечо матери. С ней он успеет поговорить потом: у них будут часы, дни, а может быть, и целые годы на разговоры. Затем он увидел Невилла. Меч Гриффиндора лежал рядом с его тарелкой, и целый рой восторженных поклонников не спускал с него глаз, пока он ел: Идя по проходу между столами, он заметил троих

Малфоев, жавшихся друг к другу, словно сомневаясь, позволено ли им тут находиться, но никто не обращал на них ни малейшего внимания. Повсюду Гарри видел воссоединившиеся семьи и наконец отыскал тех двоих, что были так нужны ему сейчас.

— Это я, — тихо сказал он, наклонившись к ним. — Пойдемте со мной?

Рон и Гермиона тут же поднялись и вместе с ним вышли из Большого зала. Мраморная лестница была полуразрушена, часть перил обвалилась, повсюду виднелись пятна крови и осыпавшаяся штукатурка.

Где-то в глубине коридоров раздавался голос Пивза, распевавшего победный гимн собственного сочинения:

Наш маленький Поттер
Умело расставил Волану капкан,
А мы их побили —
Поднимем за наше здоровье стакан!

— Да, начинаешь чувствовать масштаб трагедии, — заметил Рон, открывая какую-то дверь и пропуская Гарри и Гермиону.

«Сейчас я почувствую счастье», — думал Гарри. Однако усталость затмевала другие чувства, и только боль от утраты Фреда, Люпина и Тонкс

пронзала его на каждой ступеньке, как входящий в тело нож. Сильнее же всего он чувствовал колоссальное облегчение и желание спать. Но прежде нужно было объяснить все Рону и Гермионе — они так долго были его верными соратниками и заслужили полную правду. Он подробно рассказал им все, что видел в Омуте памяти и что случилось в Запретном лесу. Рон и Гермиона еще не успели выразить свое потрясение и изумление, как они уже дошли до места, куда, не сговариваясь, дружно направлялись.

Горгулья, охранявшая вход в директорский кабинет, была теперь сдвинута в сторону; она стояла, скривившись набок, и вид у нее был оглушенный.

«Интересно, — подумал Гарри, — она еще способна разбирать пароли?»

— Можно нам пройти? — спросил он горгулью.

— Пожалуйста, — буркнула статуя.

Они протиснулись мимо нее на каменную винтовую он-то, медленно двигавшуюся вверх, как эскалатор. Добравшись до верхней площадки, Гарри толкнул входную дверь.

Он скользнул быстрым взглядом по каменному Омуту памяти, так и стоявшему на столе, где он его оставил, и вскрикнул от внезапного оглуши-

тельного грохота, мгновенно вообразив заклятия, возвращение Пожирателей смерти, возрождение Волан-де-Морта…

Но это были аплодисменты. Директора и директрисы Хогвартса, глядевшие со стен, приветствовали его дружной овацией. Они махали шляпами, а иногда и париками, через рамы пожимали друг другу руки, а то и пускались в пляс. Дайлис Дервент громко всхлипывала, Декстер Фортескью приветственно размахивал слуховой трубкой, а Финеас Найджелус взывал своим тонким высоким голосом:

— Заметьте, что и факультет Слизерин сыграл положительную роль! Наш вклад не должен быть забыт!

Но Гарри глядел лишь на того, кто стоял в самой большой раме прямо над директорским креслом. Слезы текли из-под очков-половинок на длинную седую бороду. Гордость и благодарность, выраженные в них, проливались бальзамом в душу Гарри, как песня феникса.

Наконец Гарри поднял руку и портреты почтительно притихли, улыбаясь, утирая глаза и выжидательно глядя на него. Однако он обращался только к Дамблдору, подбирая слова с величайшей тщательностью. Несмотря на уста-

лость и туман перед глазами, он должен сделать это последнее усилие, должен в последний раз спросить совета.

— То, что было спрятано в снитче, — начал он, — я выронил в Запретном лесу. Я не запомнил места и не собираюсь отправляться на поиски. Вы согласны со мной?

— Согласен, мой мальчик, — сказал Дамблдор. Остальные портреты глядели на них с недоумением и любопытством. — Это мудрое и мужественное решение, но иного я от тебя и не ожидал. Знает ли кто-нибудь, где ты его выронил?

— Никто, — ответил Гарри, и Дамблдор удовлетворенно кивнул.

— Но я сохраню дар Игнотуса, — сказал Гарри. Дамблдор просиял:

— Конечно, Гарри, он навсегда принадлежит тебе, пока ты не передашь его своим потомкам.

— Остается вот это.

Гарри поднял Бузинную палочку. Рон и Гермиона глядели на нее с благоговением. Даже сквозь дурманящую усталость Гарри заметил этот взгляд, и он ему не понравился.

— Мне она не нужна, — сказал Гарри.

— Что? — громко произнес Рон. — Ты с ума сошел?

— Я знаю, она многое может, — устало сказал Гарри, — но мне больше нравилась моя. Так что…

Он порылся в мешочке, висевшем у него на шее, и достал оттуда две половинки остролистовой палочки, все еще соединенные пером феникса. Гермиона сказала, что починить палочку нельзя, повреждение слишком серьезно. Он знал одно: если и это не поможет, значит, не поможет уже ничто.

Он положил обломки на директорский стол, коснулся их кончиком Бузинной палочки и произнес:

— Репаро!

И его палочка срослась, из ее кончика полетели красные искры. Гарри понял, что его замысел удался. Он взял палочку из остролиста с пером феникса и почувствовал неожиданное тепло в пальцах, как будто палочка и его рука радовались встрече.

— Я положу Бузинную палочку, — сказал он Дамблдору, наблюдавшему за ним с безграничной любовью и восхищением, — туда, откуда она была взята. Пусть она остается там. Если я умру своей смертью, как Игнотус, то она лишится своей силы, правда? Ее предыдущий хозяин не

потерпит поражения. И ее могуществу придет конец.

Дамблдор кивнул. Они улыбнулись друг другу.

— Ты уверен? — спросил Рон. Он глядел на Бузинную палочку, и в его голосе слышался слабый отголосок подавленного желания.

— Я думаю, Гарри прав, — тихо сказала Гермиона.

— От этой палочки больше тревог, чем толку, — сказал Гарри. — А я, честно говоря, — он отвернулся от портретов и думал сейчас только о кровати с пологом, ждавшей его в башне Гриффиндора, и о том, сможет ли Кикимер принести ему туда бутербродов, — сыт тревогами до конца жизни.

Девятнадцать лет спустя

Осень в этом году настала как-то внезапно. Утро первого сентября было золотым и похрустывающим, как яблоко. Когда маленькая семья пробиралась по шумной дороге к огромному дымному вокзалу, выхлопы машин и дыхание прохожих блестели в холодном воздухе, как нити паутины. Родители толкали перед собой по нагруженной тележке с громыхающей поверх остальных вещей большой клеткой. Совы в клетках возмущенно ухали. Рыжеволосая девочка,

чуть не плача, плелась позади братьев, крепко вцепившись в отцовскую руку.

— Погоди, осталось недолго, скоро и ты поедешь, — сказал ей Гарри.

— Два года, — всхлипнула Лили. — А я хочу сейчас!

Пассажиры с любопытством глазели на сов, пока семейство двигалось к разделительному барьеру между девятой и десятой платформой. Сквозь окружающий шум до Гарри донесся голос Альбуса — его сыновья продолжали спор, начатый в машине.

— Не буду! Не буду я в Слизерине!

— Джеймс, прекрати! — сказала Джинни.

— Да я только сказал, что он может попасть в Слизерин. — Джеймс улыбнулся младшему брату. — Что тут такого? Он правда может попасть в Сли…

Но мать бросила на него такой взгляд, что Джеймс замолчал. Пятеро Поттеров подошли к барьеру. Самодовольно покосившись через плечо на младшего брата, Джеймс взял у матери тележку и побежал вперед. Спустя мгновение он исчез из виду.

— Вы мне будете писать? — тут же спросил Альбус родителей, пользуясь отсутствием стар-

шего брата.

— Каждый день — хочешь? — спросила Джинни.

— Нет, каждый день не надо, — поспешно сказал Альбус. — Джеймс говорит, что большинство ребят получают письма из дома примерно раз в месяц.

— В прошлом году мы писали Джеймсу три раза в неделю, — сказала Джинни.

— Ты, пожалуйста, не верь всему, что он наговорит тебе о Хогвартсе, — добавил Гарри. — Твой братец любит шутить.

Все вместе они толкали вперед вторую тележку, набирая скорость. У самого барьера Альбус вздрогнул, но столкновения не произошло. Семья просто вдруг оказалась на платформе девять и три четверти, окутанной густыми клубами белого пара от ярко-алого «Хогвартсэкспресса». Повсюду в тумане виднелись неясные фигуры, и Джеймс уже исчез среди них.

— Где они? — с тревогой спросил Альбус, глядя на туманные очертания, мимо которых они проходили.

— Мы их найдем, — успокоила его Джинни.

Но разобрать лица в густом дыму было трудно. Голоса, чьих обладателей было не видно, звучали

неестественно громко. Гарри показалось, что он слышит голос Перси, во всю глотку рассуждающего о правилах полета на метлах, и он был рад, что в тумане не обязательно останавливаться и здороваться…

— Ал, вот они, По-моему, — вдруг сказала Джинни.

Из тумана возникла группа людей, стоящих у последнего вагона. Лишь подойдя совсем близко, Гарри, Джинни, Лили и Альбус смогли ясно увидеть их лица.

— Привет! — сказал Альбус с огромным облегчением в голосе.

Роза, уже переодетая в новехонькую с иголочки форму Хогвартса, встретила его сияющей улыбкой.

— Ну что, припарковался нормально? — спросил Рон Гарри. — Я — да. Гермиона не могла поверить, что я сдам на магловские права. Она думала, что мне придется применить Конфундус к инструктору.

— Неправда, — сказала Гермиона. — Я в тебе нисколько не сомневалась.

— Вообще-то я действительно применил к нему Конфундус, — шепотом сказал Рон Гарри, когда они вместе поднимали в вагон чемодан и сову

Альбуса. — Я просто забыл, что надо смотреть в боковое зеркало — по правде говоря, я могу с тем же успехом применить заклятие Сверхчувствительности.

Вернувшись на платформу, они застали Лили и Хьюго, младшего брата Розы, за оживленным спором о том, в какой факультет их распределят, когда они наконец поедут в Хогвартс.

— Если ты попадешь не в Гриффиндор, мы лишим тебя наследства, — сказал Рон. — Так что делай свой свободный выбор.

— Рон!

Лили и Хьюго засмеялись, а Альбус и Роза сохраняли торжественную серьезность.

— Он просто шутит, — хором сказали Гермиона и Джинни, но Рон уже не слушал. Поймав взгляд Гарри, он кивком указал на три фигуры ярдах в пятидесяти от них. Пар в эту минуту рассеялся, и маленькую группу было отчетливо видно.

— Смотри, кто там стоит!

Это был Драко Малфой с женой и сыном, в наглухо застегнутом черном пальто. Надо лбом у него уже появились залысины, и от этого вытянутый подбородок казался еще длиннее. Сын был похож на отца не меньше, чем Альбус на Гарри. Драко заметил смотрящих на него Гарри,

Рона, Гермиону и Джинни, коротко кивнул им и отвернулся.

— А это, стало быть, маленький Скорпиус, — полушепотом сказал Рон. — Ты должна одерживать над ним верх на каждом экзамене, Роза. Слава богу, умом ты пошла в маму!

— Рон, прошу тебя, — сказала Гермиона полушутливо-полусерьезно. — Дети еще и в школу-то не пошли, а ты уже натравливаешь их друг на друга!

— Ты права, дорогая, — ответил Рон, однако удержаться не мог. — Но ты все-таки не дружи с ним очень-то, Роза. Дедушка Уизли не простит тебе, если ты выйдешь замуж за чистокровку!

— Привет!

Это вернулся Джеймс. Он уже отделался от чемодана, совы и тележки и явно горел желанием сообщить новость.

— Там Тедди, — запыхавшийся Джеймс показывал через плечо назад, в густые клубы дыма. — Я его только что видел! Знаете, что он делает? Целуется с Мари-Виктуар! — Мальчик был явно разочарован сдержанной реакцией взрослых. — Наш Тедди! ТеддиЛюпин! Целуется с нашей Мари-Виктуар! Нашей двоюродной сестрой! Я спросил Тедди, что он тут делает…

— Ты им помешал? — сказала Джинни. — Ох, Джеймс, до чего же ты похож на Рона!

— …а он сказал, что пришел ее проводить! А потом сказал, чтобы я катился отсюда! Он с ней целовался! — добавил Джеймс, словно опасаясь, что его не поняли.

— Вот будет здорово, если они поженятся, — восторженно прошептала Лили. — Тогда Тедди правда будет членом нашей семьи.

— Он и так обедает у нас четыре раза в неделю, — заметил Гарри. — Почему бы нам просто не пригласить его жить у нас, и дело с концом?

— Да! — с энтузиазмом откликнулся Джеймс. — Я не против жить с Алом в одной комнате, а мою можно отдать Тедди.

— Нет, — твердо сказал Гарри. — Вы с Алом не будете жить в одной комнате, пока я не решу, что дом пора сносить. — Он взглянул на помятые старые часы, принадлежавшие когда-то Фабиану Пруэтту. — Почти одиннадцать. Вам пора заходить в вагон.

— Не забудь поцеловать от нас Невилла, — сказала Джинни Джеймсу, обнимая его.

— Мама! Я не могу поцеловать профессора!

— Но ты ведь знаком с Невиллом… — Джеймс закатил глаза.

— Так то дома, а в школе он профессор Долгопупс! Представляешь, я приду на зельеварение и скажу… — Покачивая головой над материнской глупостью, он дал выход своим чувствам, пихнув Альбуса. — Ал, пока! Берегись, не просмотри фестралов!

— Но они же невидимые? Ты говорил, что они невидимые!

Джеймс в ответ только рассмеялся, подставил щеку под поцелуй матери, на бегу обнял отца и вскочил в быстро заполняющийся вагон. Они увидели, как он помахал им из окна и побежал по коридору отыскивать друзей.

— Фестралов нечего бояться, — сказал Гарри Альбусу. — Они очень добрые и совсем не страшные. И потом, вас повезут до школы не в каретах, а на лодках.

Джинни поцеловала Альбуса на прощание:

— Пока, до Рождества!

— Пока, Ал, — сказал Гарри, обнимая сына. — Не забудь, что Хагрид пригласил тебя на чай в пятницу. Не ругайся с Пивзом. Не затевай поединков, пока не научишься сражаться. И не давай Джеймсу тебя морочить.

— А если меня распределят в Слизерин?

Это было сказано тихим шепотом, чтобы не

слышал никто, кроме отца. Гарри знал, что только миг разлуки мог вырвать у Альбуса этот вопрос, выдававший неподдельный и глубокий страх.

Гарри присел на корточки, и лицо Альбуса оказалось чуть выше его головы. Из трех детей только Альбус унаследовал глаза Лили.

— Альбус Северус, — сказал Гарри тихо, так что слышать их могла только Джинни, а у нее хватило такта увлеченно махать в этот момент глядевшей из поезда Розе, — тебя назвали в честь двух директоров Хогвартса. Один из них был выпускником Слизерина, и он был, пожалуй, самым храбрым человеком, которого я знал.

— Но если…

— Значит, факультет Слизерин приобретет отличного ученика, правда? Для нас это не важно, Ал. Но если это важно для тебя, ты сможешь выбирать между Гриффиндором и Слизерином. Распределяющая шляпа учтет твое желание.

— Правда?

— Мое она учла, — сказал Гарри.

Он никогда раньше не рассказывал об этом своим детям, и увидел изумление на лице Альбуса. Но в этот момент по всему алому поезду уже захлопали двери, смутные фигуры родителей толпой устремились вперед с прощальными

поцелуями и последними наставлениями. Альбус вскочил в вагон, и Джинни закрыла за ним дверь. Из ближайших к ним окон высовывались школьники. Множество лиц, как в поезде, так и на платформе, было обращено на Гарри.

— Чего они все смотрят? — спросил Альбус, протискивая голову в окно рядом с Розой и оглядывая соседей.

— Не беспокойся, — сказал Рон. — Это все из-за меня. Я страшно знаменит.

Альбус, Роза, Хьюго и Лили рассмеялись. Поезд тронулся, и Гарри пошел рядом с ним по платформе, глядя на худенькое, горящее от возбуждения лицо сына. Гарри махал вслед и улыбался, хотя вид поезда, уносящего вдаль его дитя, наполнял сердце грустью…

— С ним все будет в порядке, — тихо сказала Джинни. Взглянув на нее, Гарри рассеянно опустил руку и прикоснулся к шраму на лбу.

— Конечно.

Шрам не болел уже девятнадцать лет. Все было хорошо.

